THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
425527
ASTOR, LENOX AND TILDEN FOUNDATIONS

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры [illegible] [illegible]!“
Отвѣтъ [illegible]

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 1 ДЕКАБРЬ 1900 года. № 1

НАСУЩНЫЯ ЗАДАЧИ НАШЕГО ДВИЖЕНІЯ.

Русская соц.-демократія не разъ уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партіи должно быть ниспроверженіе самодержавія, завоеваніе политической свободы. Это заявляли больше 15 лѣтъ тому назадъ представители русской соц.-демократіи, члены группы „Осв. Труда“, это заявили два съ половиной года тому назадъ и представители русскихъ соц.-демократическихъ организацій, образовавшіе весной 1898 года Россійскую Соціаль-демократическую Рабочую Партію. Но не смотря на эти неоднократныя заявленія, вопросъ о политическихъ задачахъ соціаль-демократіи въ Россіи снова выступаетъ на очередь въ настоящее время. Многіе представители нашего движенія выражаютъ сомнѣніе въ правильности указаннаго рѣшенія вопроса. Говорятъ, что преобладающее значеніе имѣетъ экономическая борьба, отодвигаютъ на второй планъ политическія задачи пролетаріата, съуживаютъ и ограничиваютъ эти задачи, заявляютъ даже, что разговоры объ образованіи самостоятельной рабочей партіи въ Россіи просто повтореніе чужихъ словъ, что рабочимъ надо вести одну экономическую борьбу, предоставивъ политику интеллигентамъ въ союзѣ съ либералами. Это послѣднее заявленіе новаго символа вѣры (пресловутое *Credo*) сводится уже прямо къ признанію русскаго пролетаріата несовершеннолѣтнимъ и къ полному отрицанію соціаль-демократической программы. А „Рабочая Мысль“ (особенно въ отдѣльномъ Приложеніи) высказалась въ сущности въ томъ же смыслѣ. Русская соціаль-демократія переживаетъ періодъ колебаній, періодъ сомнѣній, доходящихъ до самоотрицанія. Съ одной стороны, рабочее движеніе отрывается отъ соціализма; рабочимъ помогаютъ вести экономическую борьбу, но имъ вовсе не разъясняютъ соціалистическихъ цѣлей и политическихъ задачъ всего движенія въ цѣломъ. Съ другой стороны, соціализмъ отрывается отъ рабочаго движенія: русскіе соціалисты опять начинаютъ все больше и больше говорить о томъ, что борьбу съ правительствомъ должна вести одними своими силами интеллигенція, ибо рабочіе ограничиваются лишь экономической борьбой.

Трояхаго рода обстоятельства подготовили, по нашему мнѣнію, почву для этихъ печальныхъ явленій. Во-первыхъ въ началѣ своей дѣятельности русскіе соціальдемократы ограничились одной кружковой пропагандистской работой. Перейдя къ агитаціи въ массахъ, мы не всегда могли удержаться отъ того, чтобы не впасть въ другую крайность. Во-первыхъ, въ началѣ своей дѣятельности намъ приходилось очень часто отстаивать свое право на существованіе въ борьбѣ съ народовольцами, которые понимали подъ „политикой“ дѣятельность, оторванную отъ рабочаго движенія, которые съуживали политику, до одной только заговорщицкой борьбы. Отвергая такую политику, соціаль-демократы впадали въ крайность, отодвигая на второй планъ политику вообще. Въ-третьихъ, разрозненно дѣйствуя въ мѣстныхъ мелкихъ рабочихъ кружкахъ, соціаль-демократы недостаточно обращали вниманіе на необходимость организаціи революціонной партіи, объединяющей всю дѣятельность мѣстныхъ группъ и дающей возможность правильно поставить революціонную работу. А преобладаніе разрозненной работы естественно связано съ преобладаніемъ экономической борьбы.

Всѣ указанныя обстоятельства породили увлеченіе одной стороной движенія. „Экономическое“ направленіе, (поскольку тутъ можно говорить о „направленіи“) создало попытки возвести эту узость въ особую теорію, попытки воспользоваться для этой цѣли модной бернштейніадой, модной „критики марксизма“, проводящей старыя буржуазныя идеи подъ новымъ флагомъ. Лишь эти попытки породили опасность ослабленія связи между русскимъ рабочимъ движеніемъ и русской соціаль-демократіей, какъ передовымъ борцомъ за политическую свободу. И самая насущная задача нашего движенія состоитъ въ укрѣпленіи этой связи.

Соціаль-демократія есть соединеніе рабочаго движенія съ соціализмомъ, ея задача — не пассивное служеніе рабочему движенію на каждой его отдѣльной стадіи, а представительство интересовъ всего движенія въ цѣломъ, указаніе этому движенію его конечной цѣли, его политическихъ задачъ, охрана его политической и идейной самостоятельности. Оторванное отъ соціальдемократіи, рабочее движеніе мельчаетъ и необходимо впадаетъ въ буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочій классъ теряетъ свою политическую самостоятельность, становится хвостомъ другихъ партій, измѣняетъ великому завѣту: „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Во всѣхъ странахъ былъ такой періодъ, когда рабочее движеніе и соціализмъ существовали отдѣльно другъ отъ друга и шли особой дорогой, — и во всѣхъ странахъ такая оторванность приводила къ слабости соціализма и рабочаго движенія; во всѣхъ странахъ только соединеніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ создавало прочную основу и для того и для другого. Но въ каждой странѣ это соединеніе соціализма съ рабочимъ движеніемъ вырабатывалось исторически, вырабатывалось особымъ путемъ, въ зависимости отъ условій мѣста и времени. Въ Россіи необходимость соединенія соціализма и рабочаго движенія теоретически провозглашена уже давно, — но практически это соединеніе вырабатывается лишь въ настоящее время. Процессъ этой выработки есть очень трудный процессъ, и нѣтъ ничего особенно удивительнаго въ томъ что онъ сопровождается разными колебаніями и сомнѣніями.

Какой-же урокъ вытекаетъ для насъ изъ прошлаго?

Исторія всего русскаго соціализма привела къ тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба противъ самодержавнаго правительства, завоеваніе политической свободы; наше соціалистическое движеніе концентрировалось, такъ сказать, на борьбѣ съ самодержавіемъ. Съ другой стороны, исторія показала, что въ Россіи оторванность соціалистической мысли отъ передовыхъ представителей трудящихся классовъ гораздо больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что при такой оторванности русское революціонное движеніе осуждено на безсиліе. Отсюда сама собою вытекаетъ та задача, которую призвана осуществить русская соціаль-демократія: внѣдрить соціалистическія идеи и политическое самосознаніе въ массу пролетаріата и организовать революціонную партію, неразрывно связанную съ стихійнымъ рабочимъ движеніемъ. Много уже сдѣлано въ этомъ отношеніи русской соціаль-демократіей; но еще больше остается сдѣлать. Съ ростомъ движенія поприще дѣятельности для соціаль-демократіи становится все шире, работа все разностороннѣе все большее число дѣятелей движенія сосредоточиваетъ свои силы на осуществленіи различныхъ частныхъ задачъ, которыя выдвигаются повседнѣвными нуждами пропаганды и агитаціи. Это явленіе совершенно законное и неизбѣжное, но оно заставляетъ обращать особое вниманіе на то, чтобы частныя задачи дѣятельности и отдѣльные пріемы борьбы не возводились въ нѣчто самодовлѣющее, чтобы подготовительная работа не возводилась на степень главной и единственной работы.

Содѣйствовать политическому развитію и политической организаціи рабочаго класса — наша главная и основная задача. Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не подчиняетъ ей всѣхъ частныхъ задачъ и отдѣльныхъ пріемовъ борьбы, тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движенію. Отодвигаютъ же ее, во-первыхъ тѣ кто зоветъ революціонеровъ на борьбу съ правительствомъ силами отдѣльныхъ заговорщическихъ кружковъ, оторванныхъ отъ рабочаго движенія, во-вторыхъ, тѣ, кто съуживаетъ содержаніе и размахъ политической пропаганды, агитаціи и организаціи, кто считаетъ возможнымъ и умѣстнымъ угощать рабочихъ „политикой“ только въ исключительные моменты ихъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ, кто слишкомъ заботливо размѣниваетъ политическую борьбу противъ самодержавіе на требованіе отдѣльныхъ уступокъ отъ самодержавія и недостаточно заботится о томъ, чтобы эти требованія отдѣльныхъ уступокъ возвести въ систематическую и безповоротную борьбу революціонной партіи противъ самодержавія.

„Организуйтесь!“, повторяетъ рабочимъ на разные лады газета „Рабочая Мысль“, повторяютъ всѣ сторонники „экономическаго“ направленія. И мы, конечно, всецѣло присоединяемся къ этому кличу, но мы непремѣнно добавимъ къ нему: организуйтесь не только въ общества взаимопомощи, стачечныя кассы и рабочіе кружки, организуйтесь также и въ политическую партію, организуйтесь для рѣшительной борьбы противъ самодержавнаго правительства и противъ всего капиталистическаго общества. Безъ такой организаціи пролетаріатъ не способенъ подняться до сознательной классовой борьбы, безъ такой организаціи рабочее движеніе осуждено на безсиліе, и одними только кассами, кружками и обществами взаимопомощи рабочему классу никогда не удастся исполнить лежащую на немъ историческую задачу: освободить себя и весь русскій народъ отъ его политическаго и экономическаго рабства. Ни одинъ классъ въ исторіи не достигалъ господства, если онъ не выдвигалъ своихъ политическихъ вождей, своихъ передовыхъ представителей, способныхъ организовать движеніе и руководить имъ. И русскій рабочій классъ показалъ уже, что онъ способенъ выдвигать такихъ людей: широко разлившаяся борьба русскихъ рабочихъ за 5-6 лѣтъ показала, какая масса революціонныхъ силъ таится въ рабочемъ классѣ, какъ самыя отчаянныя правительственныя преслѣдованія не уменьшаютъ, а увеличиваютъ число рабочихъ, рвущихся къ соціализму, къ политическому сознанію и къ политической борьбѣ. Съѣздъ нашихъ товарищей въ 1898 г. вѣрно поставилъ задачу, а не повторилъ чужія слова, не выразилъ одно только увлеченіе „интеллигентовъ“... И мы рѣшительно должны взяться за выполненіе этихъ задачъ, поставивъ на очередь вопросъ о программѣ, организаціи и тактикѣ партіи. Какъ мы смотримъ на основныя положенія нашей программы, мы уже сказали, а подробно развивать эти положенія, здѣсь, конечно, не мѣсто. Вопросамъ организаціоннымъ мы намѣрены посвятить рядъ статей въ ближайшихъ номерахъ. Это одни изъ самыхъ больныхъ нашихъ вопросовъ. Мы сильно отстали въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дѣятелей русскаго революціоннаго движенія; надо прямо признать этотъ недочетъ и направить свои силы на выработку болѣе конспиративной постановки дѣла, на систематическую пропаганду правилъ веденія дѣла, пріемовъ надуванія жандармовъ и обхода сѣтей полиціи. Надо подготовлять людей, посвящающихъ революціи не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь, надо подготовлять организацію, настолько крупную, чтобы въ ней можно было провести строгое раздѣленіе труда между различными видами нашей работы. Что касается, наконецъ, до вопросовъ тактики, то мы ограничимся здѣсь слѣдующимъ: соціаль-демократія не связываетъ себѣ рукъ, не съуживаетъ своей дѣятельности однимъ какимъ нибудь заранѣе придуманнымъ планомъ или пріемомъ политической борьбы, — она признаетъ всѣ средства борьбы, лишь бы они соотвѣтствовали наличнымъ силамъ партіи и давали возможность достигать наибольшихъ результатовъ, достижимыхъ при данныхъ условіяхъ. При крѣпкой организованной партіи отдѣльная стачка можетъ превратиться въ политическую демонстрацію, въ политическую побѣду надъ правительствомъ. При крѣпкой организованной партіи возстаніе въ отдѣльной мѣстности можетъ разростись въ побѣдоносную революцію. Мы должны помнить, что борьба съ правительствомъ за отдѣльныя требованія, отвоеваніе отдѣльныхъ уступокъ, это — только мелкія стычки съ непріятелемъ, это — небольшія схватки на форпостахъ, а рѣшительная схватка еще впереди. Передъ нами стоитъ во всей своей силѣ непріятельская крѣпость, изъ которой осыпаютъ насъ тучи ядеръ и пуль, уносящіе лучшихъ борцовъ. Мы должны взять эту крѣпость, и мы возьмемъ ее, если всѣ силы пробуждающагося пролетаріата соединимъ со всѣми силами русскихъ революціонеровъ въ одну партію, къ которой потянется все, что есть въ Россіи живого и честнаго. И только тогда исполнится великое пророчество русскаго рабочаго-революціонера, Петра Алексѣева: „подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!“

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

родился 29-го марта 1826 г., умеръ 7-го августа 1900 г.

Со смертью старѣйшаго вождя германской соціаль-демократіи революціонный пролетаріатъ всего міра лишился одного изъ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ и неутомимыхъ борцовъ и руководителей. Не даромъ вѣсть о его внезапной кончинѣ, какъ громомъ поразила передовыхъ рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но и изъ другихъ странъ Европы, да не одной лишь Европы, а и Америки, Австраліи, и даже изъ южной Африки, Японіи посланы были сочувственныя телеграммы, съ выраженіемъ глубокой скорби о незамѣнимой утратѣ, понесенной международной соціаль-демократіей. Похороны Либкнехта приняли характеръ и размѣры величественной манифестаціи, въ которой приняли участіе сотни тысячъ, быть можетъ, около милліона нѣмецкихъ рабочихъ и представителей рабочихъ партій Англіи, Франціи, Австріи, Венгріи, Бельгіи, Даніи и разныхъ другихъ странъ. По единодушнымъ заявленіямъ всѣхъ добросовѣстныхъ газетныхъ корреспондентовъ, видѣвшихъ эту манифестацію, такихъ грандіозныхъ похоронъ не удостоивался еще ни одинъ король, ни одинъ императоръ.

Всеобщія глубокія симпатіи борющагося пролетаріата всего міра къ Либкнехту, съ такой силой и искренностью выразившіяся по случаю его кончины, пріобрѣтены были имъ многолѣтней службой дѣлу освобожденія рабочаго класса, неутомимыми усиліями его на пользу умственнаго и политическаго возвышенія эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ рабочихъ массъ. Представить полную и разностороннюю оцѣнку его заслугъ передъ международнымъ пролетаріатомъ, — значитъ дать подробное описаніе его жизни и дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, т. е. приблизительно за сорокъ лѣтъ. Но начало его общественной дѣятельности относится къ революціи 1848 г., а выработка его убѣжденій и идеаловъ, на служеніе которымъ онъ отдалъ свои способности, начались еще раньше, въ тѣ времена, когда въ Германіи, какъ теперь въ Россіи, не только рабочіе, но и буржуазные классы, въ особенности образованные ихъ слои, терпѣли отъ правительственнаго произвола и устарѣлыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Исторія жизни и дѣятельности Либкнехта тѣснѣйшимъ образомъ связана, поэтому, съ исторіей Германіи, а косвенно съ важнѣйшими моментами и событіями въ исторіи Европы, за періодъ болѣе продолжительный, чѣмъ полстолѣтіе. Для того, чтобы представить біографію Либкнехта въ такихъ широкихъ рамкахъ, надобно написать объемистую книгу. Здѣсь же мы ограничимся только сообщеніемъ нѣсколькихъ фактовъ изъ его, полной неутомимой дѣятельности и борьбы жизни, и, главнымъ образомъ, изъ того періода ея, въ теченіи котораго онъ воспитался и подготовился къ роли вождя германскихъ рабочихъ.

* * *

По своему рожденію и воспитанію, Либкнехтъ принадлежитъ къ буржуазіи и именно къ тѣмъ ея слоямъ, которые у насъ извѣстны подъ названіемъ „интеллигенціи“. Какъ я уже сказалъ, въ Германіи господствовало монархическое и полицейское самовластіе, отъ котораго больше всего страдали, конечно, низшіе городскіе классы да деревенскія массы, находившіяся сверхъ того, подъ гнетомъ помѣщиковъ; но терпѣли также и буржуазные классы, — торговцы, фабриканты, а въ особенности образованные ихъ слои, врачи, адвокаты, учителя, профессора и учащаяся, по преимуществу, университетская молодежь. Вслѣдствіе этого, буржуазія вообще, а интеллигенція въ особенности, проникнута была духомъ недовольства и опозиціи. Наиболѣе благородныя натуры и горячія головы изъ интеллигенціи проникнуты были сочувствіемъ къ народнымъ страданіямъ, мечтали о такихъ общественныхъ порядкахъ, при которыхъ не было бы мѣста неравенству и несправедливости и старались даже распространять свои революціонныя и соціалистическія идеи среди рабочихъ. Внутри самой Германіи пропаганда эта велась, конечно, тайно, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній. Но нѣмецкіе рабочіе, главнымъ образомъ, молодые подмастерья, имѣли тогда обыкновеніе перекочевывать изъ одного города въ другой и даже изъ одной страны въ другую. Благодаря этому обстоятельству, нѣмецкихъ рабочихъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ можно было встрѣтить сотнями не только въ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, сосѣднихъ съ Германіей странахъ, но даже въ Англіи. Во всѣхъ этихъ государствахъ уже до революціи 1848 г. были конституціонные порядки, дававшіе рабочимъ большій или меньшій просторъ для саморазвитія и самодѣятельности. Туда направили свои главныя усилія тѣ изъ нѣмецкихъ соціалистовъ и революціонеровъ, которые стремились вызвать среди рабочихъ сознательное недовольство существующими порядками. Свободныя политическія учрежденія и антиправительственная и соціалистическая агитація туземныхъ оппозиціонныхъ партій и рабочихъ союзовъ въ названныхъ странахъ, конечно, въ свою очередь, сильно способствовали умственному и политическому пробужденію нѣмецкихъ пролетаріевъ, на время или на долго водворявшихся тамъ. Результатомъ этого двойного воздѣйствія на нихъ было то, что Швейцарія, напр., уже въ 40-хъ годахъ покрылась сѣтью нѣмецкихъ рабочихъ обществъ. Союзъ коммунистовъ, образовавшійся въ Лондонѣ и издавшій, какъ извѣстно, знаменитый „Манифестъ Коммунистической Партіи“, написанный Марксомъ и Энгельсомъ, также состоялъ, главнымъ образомъ, изъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Либкнехтъ еще на гимназической скамьѣ началъ проникаться революціонными идеями и стремленіями передовой интеллигенціи. Въ гимназіи онъ уже зачитывается сочиненіями великаго соціалиста Сенъ-Симона. 16-ти лѣтнимъ мальчикомъ онъ поступилъ въ университетъ, получивъ на выпускномъ гимназическомъ экзаменѣ высшія отмѣтки. Но при своемъ „строптивомъ“ нравѣ и „неблагонамѣренномъ“ образѣ мыслей, яснѣе говоря, со своимъ горячимъ независимымъ характеромъ и республиканскими убѣжденіями, онъ не могъ ужиться съ университетскими порядками. Да и не зачѣмъ ему было добиваться диплома, такъ какъ онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что съ его соціалистическими идеалами и антиправительственными, чисто республиканскими стремленіями, не совмѣстима не только государственная служба, но и профессорская должность, къ которой онъ сначала собирался готовиться. Придя къ такому заключенію, юный Либкнехтъ (ему былъ 21 годъ) бросаетъ университетъ, отправляется въ свободную Швейцарію и водворяется въ Цюрихѣ, гдѣ для заработка поступаетъ учителемъ въ дѣтскую школу. И вмѣсто лекцій университетскихъ, онъ прилежно посѣщаетъ въ Цюрихѣ нѣмецкое рабочее общество, но не затѣмъ, чтобы поучать членовъ этого общества, а наоборотъ, чтобы самому у нихъ „учиться“, чтобы въ частныхъ бесѣдахъ съ ними знакомиться съ положеніемъ, нуждами, потребностями и стремленіями нѣмецкаго пролетаріата. Въ этотъ періодъ его жизни — это было въ 1847 г. — на почвѣ бесѣдъ съ рабочими въ цюрихскомъ рабочемъ союзѣ началось сближеніе будущаго вождя пролетаріата съ развитыми, болѣе или менѣе сознательными кругами рабочаго класса; здѣсь онъ впервые началъ проникаться интересами послѣдняго и горячимъ стремленіемъ способствовать его умственному и политическому возвышенію.

Очень недолго однако продолжалось мирное пребываніе Либкнехта въ Цюрихѣ. Давно накоплявшееся недовольство французскаго народа правленіемъ Людовика Филиппа, который сообща съ парламентомъ покровительствовалъ денежнымъ королямъ и вообще богачамъ насчетъ рабочихъ массъ и въ ущербъ другимъ классамъ, разразилось въ февралѣ 1848 г. возстаніемъ рабочихъ и низшихъ слоевъ буржуазіи въ Парижѣ. Какъ только до Либкнехта дошла вѣсть о начавшейся въ столицѣ Франціи великой битвѣ между трудящимися массами и ихъ эксплуататорами, онъ отправился въ Парижъ, чтобы принять въ ней личное участіе. Но скоро революціонная война распростравилась почти по всей Европѣ и остановилась только на границѣ полуварварской тогда Россіи, которая благодаря невѣжеству и рабскому положенію народа, своему „Богомъ помазанному" царю, могла играть роль спасительнаго оплота для всѣхъ реакціонныхъ правительствъ Европы противъ грозившей имъ гибели общеевропейской революціи. Уже въ мартѣ вся Германія охвачена была пламенемъ революціи, — повсюду, начиная съ самыхъ мелкихъ ея государствъ и кончая самымъ крупнымъ изъ нихъ, Пруссіей, народъ волновался, строилъ баррикады и съ оружіемъ въ рукахъ возставалъ противъ властителей. Либкнехтъ, разумѣется, поспѣшилъ на родину, чтобы вступить въ ряды сражающихся за народную свободу. Захваченный въ Баденскомъ герцогствѣ, во главѣ своего отряда, правительственными войсками, онъ только благодаря счастливой случайности не былъ разстрѣлянъ. Его продержали, однако, въ заточеніи девять мѣсяцевъ, ему все еще грозила смертная казнь; но за два дня до суда въ Баденскомъ герцогствѣ, гдѣ Либкнехтъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, вновь вспыхнуло народное возстаніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и войска перешли на сторону народа. Самъ герцогъ бѣжалъ, и не удивительно, что прокуроръ и судьи не осмѣлились въ такое время осудить отважнаго юношу, рискнувшаго своей головой на защиту, съ оружіемъ въ рукахъ, свободы и правъ народа противъ вѣковыхъ угнетателей его. Но едва только Либкнехтъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ тотчасъ же присоединился къ революціонной арміи, противъ которой выступили соединенныя силы реакціонныхъ правительствъ Германіи, съ прусскимъ во главѣ, чтобы нанести рѣшительное и окончательное пораженіе защитникамъ народной свободы. Дѣйствительно, армія борцовъ за свободу и равноправіе окончательно разбита и уничтожена была прусскими войсками, а уцѣлѣвшимъ остаткамъ ея ничего другого не оставалось, какъ спасаться бѣгствомъ за границу, въ свободныя страны. Либкнехту удалось бѣжать въ Швейцарію.

Поселившись въ Женевѣ, онъ поступилъ въ мѣстное нѣмецкое рабочее общество, но уже не въ качествѣ ученика, а учителя, пропагандиста и организатора. Онъ читалъ тамъ лекціи по разнымъ политическимъ вопросамъ и событіямъ современности и недавняго прошлаго. Въ то же время онъ поднялъ агитацію въ пользу объединенія нѣмецкихъ рабочихъ обществъ, существовавшихъ въ главныхъ городахъ Швейцаріи, а когда объединеніе состоялось, то его выбрали президентомъ этой общей рабочей организаціи. Соціалистическая пропаганда Либкнехта встрѣтила, однако, отпоръ со стороны эмигрантовъ буржуазнаго или либеральнодемократическаго направленія, состоявшихъ членами нѣмецкаго рабочаго союза или старавшихся вліять на него извнѣ, при посредствѣ своихъ сторонниковъ въ немъ. Они начали войну съ Либкнехтомъ, въ которой онъ, однако, остался побѣдителемъ. Но дѣятельность его среди рабочихъ встревожила и реакціонныя правительства Европы, въ особенности прусское; Либкнехтъ былъ, поэтому, арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ три мѣсяца и затѣмъ, по настоянію этихъ правительствъ, высланъ былъ изъ Швейцаріи. — Тогда онъ отправился въ Лондонъ, сблизился тамъ съ Марксомъ и Энгельсомъ и въ тѣсномъ сообщеніи съ этими великими основателями ученій международной соціаль-демократіи, завершилъ свое соціалистическое воспитаніе, а въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, живя въ вѣчной нуждѣ, часто впроголодь, временами прямо таки голодая, онъ окончательно закалилъ свой характеръ и выработался въ того непреклоннаго, самоотверженнаго и неустрашимаго борца за освобожденіе пролетаріата, какимъ зналъ его весь цивилизованный міръ и какимъ онъ перейдетъ въ вѣчную память будущихъ поколѣній.

Со вступленіемъ на прусскій престолъ, въ 1861 г., Вильгельма 1-го, давшаго амнистію такъ называемымъ на политическомъ жаргонѣ политическимъ преступникамъ, Либкнехтъ получилъ возможность вернуться на родину. Онъ воспользовался этой амнистіей, и въ 1862 г., послѣ 13-тилѣтняго изгнанія, мы встрѣчаемъ его уже въ Берлинѣ соредакторомъ „Сѣверо-Германской Газеты", основанной бывшимъ эмигрантомъ Брассомъ, сторонникомъ республиканскаго государственнаго строя. Вскорѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ оживившемся тогда рабочемъ движеніи, и въ теченіе второй половины шестидесятыхъ годовъ увлекаетъ передовые слои рабочихъ на тотъ путь, который обезпечилъ за нимъ всемірную славу великаго учителя и вождя соціалистическаго пролетаріата.

Невозможно въ немногихъ словахъ разсказать дѣятельность его въ этотъ бурный періодъ германскаго рабочаго движенія. Но нѣкоторое понятіе о значеніи ея можно составить себѣ, если припомнить слѣдующее.

Въ началѣ 60-хъ годовъ соціаль-демократическая партія Германіи находилась еще въ младенческомъ состояніи, да и численно была она очень слаба. Тѣмъ не менѣе, политическіе и литературные представители высшихъ классовъ очень ухаживали за передовыми слоями пролетаріата и старались привлечь ихъ на свою сторону. Буржуазія и ея вожди, либералы, находились тогда въ борьбѣ съ прусскимъ правительствомъ и поддерживавшей его дворянско-поповской партіей, мечтавшей о возвращеніи къ тому „доброму старому времени", когда дворянство и духовенство держали народъ въ рабствѣ и умственномъ мракѣ. Либеральная партія пользовалась поддержкой и сочувствіемъ въ городскомъ пролетаріатѣ. Правительственная партія, съ своей стороны, также заискивала у рабочихъ, стараясь увѣрить ихъ, что ея стремленія во многомъ совпадаютъ съ ихъ интересами, между тѣмъ какъ стремленія либераловъ совершенно противоположны этимъ интересамъ. Консерваторы разсчитывали, такимъ образомъ, посѣять вражду между рабочими и либеральной партіей, т. е. вызвать расколъ въ противуправительственномъ лагерѣ и обезсилить его до того, чтобы онъ пересталъ быть опаснымъ противникомъ для короны и другихъ привилигированныхъ сословій, — дворянства и духовенства. Нужно сказать, что либералы до нелѣпости враждебной тактикой по отношенію къ Рабочему Союзу, основанному знаменитымъ Лассалемъ, сами того не желая, подливали масла въ огонь и помогали прусскому правительству и консерваторамъ въ ихъ разсчетахъ на рабочее движеніе.

Въ концѣ концовъ вышло то, что политически наиболѣе дѣятельные слои рабочаго класса въ Германіи, вскорѣ послѣ смерти Лассаля, распались на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ одинъ являлся какъ бы запасной арміей для буржуазныхъ демократовъ и либераловъ, а другой — одной ногой ступилъ на дорогу, которая могла бы довести его до роли лейбъ-гвардіи на службѣ у реакціонеровъ, т. е. злѣйшихъ враговъ народнаго просвѣщенія, свободы и равноправія. Та часть рабочихъ, которая оставалась въ лагерѣ либеральномъ, являлась въ глазахъ членомъ Лассальянскаго Союза слѣпыми орудіями политическихъ вождей эксплуататоровъ пролетаріата, т. е. дѣйствовали противъ интересовъ своего собственнаго класса; а либеральные рабочіе находили, что лучше идти за либеральной буржуазіей, въ борьбѣ ея противъ правительства, подъ флагомъ свободы чѣмъ поступать наоборотъ, чѣмъ поддерживать его противъ либераловъ и рабочихъ и работать такимъ образомъ, на руку монархической и дворянско-поповской реакціи. Другого выбора, казалось, не было, — и пропасть, образовавшаяся между этими двумя лагерями, была такъ велика, что о соединеніи, повидимому, и думать нельзя было.

Соединительный мостъ между ними былъ, однако, построенъ, да и сама пропасть, раздѣлявшая ихъ, была, въ концѣ концовъ, засыпана. Работа эта была выполнена подъ знаменемъ ученій Маркса и Энгельса, и главнымъ руководителемъ въ ней явился Вильгельмъ Либкнехтъ.

Онъ одновременно повелъ неутомимую агитацію противъ сближенія съ реакціонерами, и противъ политической опеки либераловъ. Онъ объявилъ безпощадную войну и тѣмъ, и другимъ. Когда вскорѣ послѣ своего вступленія въ редакцію „Сѣверо-Германской Газеты" онъ узналъ, что издатель ея продался прусскому правительству и изподтишка старается проводить въ ней взгляды послѣдняго, онъ тотчасъ же бросилъ свое мѣсто и прервалъ всякія сношенія со своимъ бывшимъ товарищемъ. Бисмаркъ, ставшій незадолго до того времени президентомъ прусскаго министерства, черезъ агентовъ своихъ предлагалъ Либкнехту, Марксу и Энгельсу неограниченную свободу пропаганды коммунистическихъ ученій въ новомъ правительственномъ органѣ и просилъ только объ одномъ: чтобы они воздерживались отъ черезчуръ рѣзкихъ нападеній на монархію и правительство и смотрѣли бы сквозь пальцы, когда въ статьяхъ другихъ сотрудниковъ будутъ высказываться взгляды, сочувственные правительству и монархіи; за то на буржуазію и либераловъ они могли нападать самымъ безпощаднымъ образомъ, сколько имъ угодно. Либкнехтъ и его друзья съ негодованіемъ отвергли эти позорныя предложенія будущаго „желѣзнаго канцлера". Въ отмѣстку за это его выслали изъ Пруссіи, гдѣ онъ рѣзко выступалъ противъ тѣхъ представителей „Общегерманскаго Рабочаго Союза", которые проявляли склонность пойти на удочку правительственной партіи. Но изъ справедливой ненависти противъ реакціи, онъ ни на минуту не забывалъ противоположности интересовъ пролетаріата и буржуазіи и необходимости, поэтому, освобожденія его отъ политическаго руководства и опеки либераловъ, представляющихъ интересы буржуазіи. Лассалю удалось организовать часть рабочихъ въ самостоятельную партію, съ особой программой и тактикой. Либкнехтъ, продолжая дѣло, начатое его геніальнымъ предшественникомъ, велъ неутомимую и смѣлую борьбу, какъ противъ опасности, угрожавшей одно время политической самостоятельности тогда еще молодого рабочаго движенія Германіи со стороны реакціонныхъ враговъ народной свободы, такъ и противъ усилій либеральной буржуазіи удержать пролетаріатъ отъ присоединенія къ этому движенію. Вся его жизнь, можно сказать, посвящена была этой борьбѣ противъ обоихъ враговъ политической самостоятельности рабочаго класса. И рѣдко кому изъ историческихъ дѣятелей довелось въ такой мѣрѣ, какъ Либкнехту, собственными глазами видѣть роскошные плоды своихъ усилій.

Милліоны нѣмецкихъ рабочихъ объединены въ самостоятельную революціонную силу, подъ знаменемъ соціаль-демократіи. И въ то время, какъ нѣмецкая буржуазія давно уже позабыла либеральныя увлеченія своей молодежи и въ трогательномъ союзѣ со своими прежними врагами — съ государями, дворянствомъ и духовенствомъ — ополчается противъ свободы и прогресса, соціаль-демократическая рабочая партія стоитъ на стражѣ интересовъ того и другого, защищая ихъ противъ всякихъ враговъ — все равно, подъ какимъ бы флагомъ откровенно-безстыдныхъ реакціонеровъ, или подъ фальшивымъ флагомъ лжелибераловъ. Покойный Либкнехтъ безконечно много сдѣлалъ для созданія этой арміи и для обезпеченія ей прочнаго существованія. Въ этомъ — безсмертная заслуга его передъ человѣчествомъ.

КИТАЙСКАЯ ВОЙНА.

Россія заканчиваетъ войну съ Китаемъ: мобилизованъ цѣлый рядъ военныхъ округовъ, затрачены сотни милліоновъ рублей, десятки тысячъ войска отправлены въ Китай, данъ рядъ сраженій, одержанъ рядъ побѣдъ, — побѣдъ, правда, не столько надъ регулярными войсками непріятеля, сколько надъ китайскими повстанцами и еще болѣе надъ безоружными китайцами, которыхъ топили и избивали, не останавливаясь передъ умерщвленіемъ дѣтей и женщинъ, не говоря уже о грабежѣ дворцовъ, домовъ и лавокъ. И русское правительство, вмѣстѣ съ холопствующими передъ нимъ газетами, торжествуетъ побѣду, ликуетъ по поводу новыхъ подвиговъ доблестнаго воинства, ликуетъ по поводу пораженія китайской дикости европейскою культурою, по поводу новыхъ успѣховъ русской „цивилизаторской миссіи" на дальнемъ востокѣ.

Не слышно только во всемъ этомъ ликованіи голоса сознательныхъ рабочихъ, этихъ передовыхъ представителей многомилліоннаго рабочаго народа. А всю тяжесть новыхъ побѣдоносныхъ походовъ несетъ на себѣ именно рабочій народъ: у него отнимаютъ работниковъ для отправки за тридевять земель, съ него собираютъ особо повышенныя подати на милліонные расходы. Попробуемъ же разобраться въ вопросѣ: какъ должны относиться соціалисты къ этой войнѣ? въ чьихъ интересахъ она ведется? каково настоящее значеніе той политики, которой слѣдуетъ русское правительство?

Правительство наше увѣряетъ, прежде всего, что оно даже не ведетъ войны съ Китаемъ: оно только подавляетъ возстаніе, усмиряетъ мятежниковъ, помогаетъ законному китайскому правительству установить законный порядокъ. Война не объявлена, но суть дѣла отъ этого не мало не мѣняется, такъ какъ война все равно ведется. Чѣмъ же вызвано нападеніе китайцевъ на европейцевъ, этотъ мятежъ, усмиряемый съ такимъ рвеніемъ англичанами, французами, нѣмцами японцами и проч.? „Враждой желтой расы къ бѣлой расѣ", „ненавистью китайцевъ къ европейской культурѣ и цивилизаціи" — увѣряютъ сторонники войны. Да, китайцы дѣйствительно ненавидятъ европейцевъ, но только какихъ европейцевъ они ненавидятъ, и за что? Не европейскіе народы ненавидятъ китайцы — съ ними у нихъ не было столкновеній, — а европейскихъ капиталистовъ и покорныя капиталистамъ европейскія правительства. Могли ли китайцы не возненавидѣть людей, которые пріѣзжали въ Китай только ради наживы, которые пользовались своей хваленой цивилизаціей только для обмана, грабежа и насилія, которые вели съ Китаемъ войны только для того, чтобы получить право торговать одурманивающимъ народъ опіумомъ (война Англіи и Франціи съ Китаемъ въ 1856 г.), которые лицемѣрно прикрывали политику грабежа распространеніемъ христіанства. Эту политику грабежа давно уже ведутъ по отношенію къ Китаю буржуазныя правительства Европы, а теперь къ ней присоединилось и русское самодержавное правительство. Принято называть эту политику грабежа колоніальной политикой. Всякая страна съ быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходитъ къ поискамъ колоній, т. е. такихъ странахъ, въ которыхъ слабо развита промышленность, которыя отличаются болѣе или менѣе патріархальнымъ бытомъ, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этомъ хорошія деньги. И ради наживы кучки капиталистовъ буржуазныя правительства вели безконечныя войны, морили полки солдатъ въ нездоровыхъ тропическихъ странахъ, бросали милліоны собранныхъ съ народа денегъ, доводили населеніе до отчаянныхъ возстаній и до голодной смерти. Вспомните возстаніе индійскихъ туземцевъ противъ Англіи и голодъ въ Индіи, или теперешнюю войну англичанъ съ бурами.

И вотъ теперь жадныя лапы европейскихъ капиталистовъ потянулись къ Китаю. Потянулось чуть-ли не прежде всѣхъ и русское правительство, которое теперь такъ распинается о своемъ „безкорыстіи". Оно „безкорыстно" взяло у Китая Портъ-Артуръ и стало строить желѣзную дорогу въ Манджурію подъ охраной русскихъ войскъ. Одно за другимъ, европейскія правительства такъ усердно принялись грабить, то бишь „арендовать" китайскія земли, что не даромъ поднялись толки о раздѣлѣ Китая. И если называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, то надо сказать, что европейскія правительства (и русское едва-ли не первое изъ нихъ) уже начали раздѣлъ Китая. Но они начали раздѣлъ не открыто, а исподтишка, какъ воры. Они принялись обкрадывать Китай, какъ крадутъ съ мертвеца, а когда этотъ мнимый мертвецъ попробовалъ оказать сопротивленіе, — они бросились на него, какъ дикіе звѣри, выжигая цѣлыя деревни, топя въ Амурѣ, разстрѣливая и поднимая на штыки безоружныхъ жителей, ихъ женъ и дѣтей. И всѣ эти христіанскіе подвиги сопровождаются криками противъ дикарей-китайцевъ, дерзающихъ поднять руку на цивилизованныхъ европейцевъ. Занятіе Ню-Чжуана и введеніе русскихъ войскъ въ предѣлы Манчжуріи, — это временныя мѣры, заявляетъ россійское самодержавное правительство въ своей циркулярной нотѣ державамъ отъ 12-го августа 1900 года; эти мѣры „вызваны исключительно необходимостью отражать аггрессивныя дѣйствія китайскихъ мятежниковъ"; онѣ „отнюдь не могутъ свидѣтельствовать о какихъ-либо своекорыстныхъ планахъ, совершенно чуждыхъ политикѣ Императ. Правительства".

Бѣдное Императорское правительство! Оно такъ христіански безкорыстно, а его такъ несправедливо обижаютъ! Оно безкорыстно захватило нѣсколько лѣтъ тому назадъ Портъ-Артуръ и теперь безкорыстно захватываетъ Манчжурію, оно безкорыстно наводнило пограничныя съ Россіей области Китая сворой подрядчиковъ, инженеровъ и офицеровъ, доводившихъ своимъ обращеніемъ даже извѣстныхъ своею покорностью китайцевъ до возмущенія. На постройкѣ китайской желѣзной дороги рабочимъ-китайцамъ платили по 10 коп. въ день на ихъ содержаніи, — это-ли еще не безкорыстіе со стороны Россіи?

Но чѣмъ же объяснить, что наше правительство ведетъ эту безумную политику въ Китаѣ? Кому выгодна эта политика? Она выгодна кучкѣ капиталистовъ-тузовъ, которые ведутъ торговыя дѣла съ Китаемъ, кучкѣ фабрикантовъ, производящихъ товары на азіатскій рынокъ, кучкѣ подрядчиковъ, наживающихъ теперь бѣшеныя деньги на срочныхъ военныхъ заказахъ (нѣкоторые заводы, проиводящіе предметы вооруженія, припасы для войскъ и т. п., работаютъ теперь во всю и принимаютъ сотни новыхъ поденщиковъ). Такая политика выгодна кучкѣ дворянъ, занимающихъ высокія поста на гражданской и военной службѣ. Имъ нужна политика приключеній, потому что въ ней можно выслужиться, сдѣлать карьеру, прославить себя „подвигами". Интересамъ этой кучки капиталистовъ и чиновныхъ пройдохъ наше правительство, не колеблясь, приноситъ въ жертву интересы всего народа. Самодержавное царское правительство и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, оказывается правительствомъ безотвѣтственныхъ чиновниковъ, раболѣпствующихъ передъ тузами-капиталистами и дворянами.

Какая польза русскому рабочему классу и всему рабочему народу отъ завоеваній въ Китаѣ? Тысячи разоренныхъ семей, у которыхъ отняты работники на войну, громадный ростъ государственныхъ долговъ и расходовъ, увеличеніе налоговъ, усиленіе власти капиталистовъ-эксплуататоровъ рабочихъ, ухудшеніе положенія рабочихъ, еще большее вымираніе крестьянства, голодъ въ Сибири — вотъ что обѣщаетъ принести и уже приноситъ съ собою китайская война. Вся русская печать, всѣ газеты и журналы находятся въ рабствѣ, они не смѣютъ ничего печатать безъ разрѣшенія правительственныхъ чиновниковъ, — и потому мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, во что обходится народу китайская война, но несомнѣнно, что она требуетъ денежныхъ расходовъ во много сотенъ милліоновъ рублей. Есть свѣдѣнія, что правительство сразу выдало на войну 150 милліоновъ рублей по неопубликованному указу, да затѣмъ текущіе расходы на войну поглощаютъ по одному милліону рублей каждые три или четыре дня. И эти бѣшеныя деньги бросаетъ правительство, которое безконечно урѣзывало пособія голодающимъ крестьянамъ, торгуясь изъ за каждой копѣйки, которое не находитъ денегъ на народное образованіе, которое, какъ любой кулакъ, выжимаетъ соки изъ рабочихъ на казенныхъ заводахъ, изъ мелкихъ служащихъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ и проч.! Министръ финансовъ Витте заявилъ, что къ 1-му января 1900 г. въ казначействѣ есть свободная наличность въ 250 мил. руб., — теперь уже этихъ денегъ нѣтъ, они ушли на войну, правительство ищетъ займовъ, увеличиваетъ налоги, отказывается отъ необходимыхъ расходовъ за недостаткомъ денегъ, пріостанавливаетъ постройку желѣзныхъ дорогъ. Царскому правительству грозитъ банкротство, а оно бросается въ политику завоеваній, — политику, которая не только требуетъ громадныхъ денежныхъ средствъ, но и грозитъ вовлечь въ еще болѣе опасныя войны. Набросившіяся на Китай европейскія державы начинаютъ уже ссориться изъ-за дѣлежа добычи, и никто не въ состояніи сказать какъ окончится эта ссора.

Но политика царскаго правительства въ Китаѣ представляетъ изъ себя не только надругательство надъ народными интересами, она стремится развратить политическое сознаніе народныхъ массъ. Правительства, которыя держатся только силой штыковъ, которымъ постоянно приходится сдерживать или подавлять народное возмущеніе, давно уже сознали ту истину, что народнаго недовольства не устранить ничѣмъ; надо попытаться отвлечь это недовольство отъ правительства на какого-нибудь другого. Разжигаютъ, напр., вражду къ евреямъ: площадныя газеты травятъ евреевъ, какъ будто бы еврейскій рабочій не страдаетъ точно также, какъ русскій, отъ гнета капитала и полицейскаго правительства. Въ настоящее время подняли въ печати походъ противъ китайцевъ, кричатъ о дикой желтой расѣ, о ея враждѣ къ цивилизаціи, о просвѣтительныхъ задачахъ Россіи, о томъ, съ какимъ воодушевленіемъ идутъ въ бой русскіе солдаты, и проч. и проч. Пресмыкающіеся передъ правительствомъ и передъ денежнымъ мѣшкомъ журналисты изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы разжечь ненависть въ народѣ къ Китаю. Но китайскій народъ ничѣмъ и никогда не притѣснялъ русскаго народа: китайскій народъ самъ страдаетъ отъ тѣхъ же золъ, отъ которыхъ изнемогаетъ и русскій, — отъ азіатскаго правительства, выколачивающаго подати съ голодающихъ крестьянъ и подавляющихъ военной силой всякое стремленіе къ свободѣ, — отъ гнета капитала, пробравшагося и въ Срединное Царство.

Русскій рабочій классъ начинаетъ выбиваться изъ той политической забитости и темноты, въ которой находится масса народа. На всѣхъ сознательныхъ рабочихъ лежитъ, поэтому, долгъ, — всѣми силами возстать противъ тѣхъ, кто разжигаетъ національную ненависть и отвращаетъ вниманіе рабочаго народа отъ его истинныхъ враговъ. Политика царскаго правительства въ Китаѣ есть преступная политика, еще болѣе разоряющая народъ, еще болѣе развращающая и угнетающая его. Царское правительство не только держитъ нашъ народъ въ рабствѣ, — оно посылаетъ его усмирять другіе народы, возстающіе противъ своего рабства, какъ это было въ 1848 году, когда русскія войска подавляли революцію въ Венгріи. Оно не только помогаетъ русскимъ капиталистамъ эксплуатировать своихъ рабочихъ и связываетъ руки рабочимъ, чтобы они не смѣли соединяться и защищаться, оно посылаетъ солдатъ грабить другіе народы ради интересовъ кучки богачей и знати. Чтобы избавиться отъ новаго ярма, которое взваливаетъ война на рабочій народъ, есть только одно средство: созывъ народныхъ представителей, которые положили бы конецъ самовластію правительства и заставили его считаться съ интересами не одной только придворной шайки.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ РУССКАГО ПРОЛЕТАРІАТА.

> Избави насъ, Боже, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся.

(Посвящается „Рабочей Мысли".)

Уже давно въ цивилизованныхъ странахъ правительства поняли, что рабочее движеніе невозможно истребить одними мѣрами полицейскаго насилія. Съ давнихъ поръ политика насилія чередуется съ политикой развращенія рабочаго класса путемъ отклоненія его отъ его истинныхъ цѣлей, путемъ обмана рабочаго класса. Рабочимъ внушалось, что для улучшенія своей участи они должны пойти довѣрчиво рука объ руку съ правительствомъ, отказавшись отъ требованія политическихъ правъ. Въ 60-хъ гг. эту политику примѣнилъ во Франціи Наполеонъ III, а въ Германіи Бисмаркъ.

Жизненный опытъ убѣдилъ западно-европейскихъ рабочихъ, что знатные господа, предлагающіе имъ руку помощи, на самомъ дѣлѣ самые гнусные враги трудящагося народа. Они поняли, что коронованныя особы и тунеядствующіе дворяне и чиновники не могутъ быть ихъ союзниками въ борьбѣ съ фабрикантами, что ни какое улучшеніе въ жизни рабочихъ непрочно, пока они не пользуются полной политической свободой, которой нельзя добиться, не уничтоживъ совершенно всевластіе царей, дворянъ и чиновниковъ.

И западно-европейскіе рабочіе, отказавшись отъ заманчивыхъ предложеній правительствъ, пошли своей дорогой и собственными силами куютъ свое счастье. Политика развращенія рабочаго класса всюду потерпѣла неудачу.

Вмѣстѣ съ развитіемъ въ Россіи капитализма, фабричнаго производства, растетъ и рабочее движеніе, а вмѣстѣ съ ростомъ рабочаго движенія создается и для нашихъ правителей соблазнъ попытаться развратить рабочій классъ и отклонить его отъ уже намѣченныхъ цѣлей. Но въ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ уже давно граждане пользуются кое-какой свободой, тамъ, чтобы сблизиться съ рабочими и одурачить ихъ, правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ такія средства, какъ парламентъ, печать, народныя собранія. Чтобы развратить рабочихъ, тамъ министерствамъ приходилось издавать свои якобы рабочія газеты или подсылать въ законно-существующія партіи своихъ людей, которые бы вели на собраніяхъ проповѣдь союза между рабочими и правительствомъ. Въ нашемъ несчастномъ отечествѣ единственное мѣсто, гдѣ правительство можетъ войти въ соприкосновеніе съ рабочими, — это кутузка. И благородное дѣло внесенія политическаго разврата въ рабочій классъ приходится поручить жандармамъ. Вполнѣ пригоднымъ человѣкомъ для этой высокой цѣли является Сергѣй Зубатовъ. Не старый еще человѣкъ, Зубатовъ уже не мало потрудился на благо престола и отечества. Еще юношей подавалъ онъ большія надежды. Едва сойдя со школьной скамьи, онъ въ серединѣ 80-хъ гг. втерся въ московскіе кружки и искалъ сближенія съ революціонерами. Черезъ свою жену онъ открылъ легальную библіотеку, при которой имѣлось нелегальное отдѣленіе, откуда въ студенческую и рабочую среду отправлялась революціонная литература. Однажды Зубатову было поручено привести на квартиру къ одному дѣятелю чемоданъ съ нелегальной литературой. Зубатовъ выполнилъ порученіе, но черезъ нѣсколько часовъ на квартиру явились жандармы и произвели у упомянутаго дѣятеля обыскъ, при чемъ совершенно опредѣленно искали именно чемоданъ. Чемодана не оказалось, а Зубатова стали остерегаться. Вскорѣ послѣ того публика, группирующаяся около библіотеки, была арестована, и при одномъ изъ арестовъ въ Петр.-Разумовской Академіи Зубатовъ фигурировалъ уже въ полицейскомъ мундирѣ.

Непосредственно шпіонская дѣятельность Зубатова на этомъ не кончилась. Въ 1889 г. онъ сыгралъ роль провокатора въ дѣлѣ соціально-революціонной партіи „Самоуправленіе" и около того же времени онъ ѣздилъ въ Шую, гдѣ основалъ рабочій кружокъ, который потомъ и предалъ.

Теперь Зубатовъ уже достаточно вымарался въ грязи шпіонскаго ремесла, чтобы получить право заниматься кровавымъ дѣломъ царскаго палача. Онъ поступилъ въ жандармское отдѣленіе и сталъ помощникомъ начальника московскаго Охраннаго Отдѣленія, Бердяева, того самаго Бердяева, котораго Зубатовъ теперь въ разговорѣ съ соціалистами называетъ „держимордой". Содѣйствуя Бердяеву въ работѣ по искорененію революціоннаго движенія, какъ истый царскій чиновникъ, онъ не забывалъ и о своихъ личныхъ выгодахъ: чтобы подняться наверхъ по служебной лѣстницѣ, ему нужно было спихнуть Бердяева. Для этого Зубатовъ предлагаетъ Бердяеву планъ разгрома московскихъ соціалистовъ, указываетъ, за кѣмъ и какъ слѣдить, кого взять, гдѣ произвести обыскъ. Бердяевъ приводитъ планъ въ исполненіе а Зубатовъ тѣмъ временемъ подаетъ доносъ, указывая, что тотъ сдѣлалъ такія-то ошибки, того-то не досмотрѣлъ, тамъ переусердствовалъ, а потому и крамолы не истребилъ. Бердяева удаляютъ, и Зубатова назначаютъ на его мѣсто.

Теперь Зубатовъ занялъ видный постъ — ему предоставлено оберегать спокойствіе капиталистовъ и царское самовластіе въ самомъ сердцѣ Россіи. Московскимъ революціонерамъ пришлось столкнуться съ очень ловкимъ противникомъ. За время своего тренія въ рабочихъ кружкахъ, онъ хорошо изучилъ революціонную среду и ея слабыя стороны и теперь съ успѣхомъ воспользовался своимъ опытомъ. Въ широкихъ размѣрахъ стала развиваться въ Москвѣ провокаторство. Провалы слѣдуютъ за провалами. Революціонная работа въ Москвѣ стала очень трудною. Провокаторство такъ развелось, что въ публикѣ естественно образовалось крайне подозрительное отношеніе ко всему и ко всѣмъ. Отдѣльные лица и небольшіе кружки, работающіе среди рабочихъ, боятся вступить въ сношенія другъ съ другомъ.

Приходится сознаться, что соціаль-демократическое движеніе въ Москвѣ, такъ много обѣщавшее въ 1896-97 гг., въ настоящее время переживаетъ періодъ затишья. Конечно, не Зубатову удастся предовратить его въ будущемъ.

Зубатовъ повторяетъ пріемы знаменитаго жандарма 80-хъ гг., Судейкина. На ряду съ провокаторомъ, Зубатовъ широко пользуется средствами развращенія попадающихъ въ его лапы неопытныхъ или слабохарактерныхъ людей. Съ ними онъ вступаетъ въ разговоры, держится по джентельменски, старается убѣдить ихъ въ томъ, что онъ сочувствуетъ рабочему движенію, что онъ очень озабоченъ смягченіемъ ихъ участи, предлагаетъ всякаго рода сдѣлки и соглашенія, при которыхъ де можно и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, т. е. и товарищей не выдать, и въ то же время получить смягченіе участи. Обыкновенно это дѣлается такъ: обвиняемый соглашается признать койкакія обвиненія, а Зубатовъ, взамѣнъ того, заканчиваетъ дознаніе и направляетъ дѣло въ упрощенномъ охранномъ порядкѣ на рѣшеніе Мин. Внут. Дѣлъ; такимъ образомъ, участь обвиняемыхъ рѣшается въ нѣсколько мѣсяцевъ, вмѣсто обычныхъ двухъ лѣтъ предварительнаго слѣдствія. Многіе идутъ на эту сдѣлку, а тѣ несговорчивые чудаки, которые не соглашаются на такое полюбовное рѣшеніе дѣла между соціалистами и жандармами, выдѣляются изъ общей массы обвиняемыхъ, и ихъ дѣло направляется въ общемъ порядкѣ. Одинъ изъ такихъ несговорчивыхъ товарищей, недавно пріѣдя въ ссылку, имѣлъ сомнительное удовольствіе встрѣтить своихъ бывшихъ товарищей по дѣлу уже кончающими свой срокъ ссылки, въ то время, какъ ему приходилось только еще начинать.

Цѣль, которую Зубатовъ преслѣдуетъ при предложеніи этихъ сдѣлокъ, очевидна: ему нужно завести соціалистовъ на скользкій путь мирныхъ переговоровъ съ жандармами. Нужно, чтобъ большинство вступило на этотъ путь: всегда найдутся недогадливые, неумѣлые, наконецъ, малодушные люди, которые, согласившись сказать а, пойдутъ, дальше и проболтаютъ наконецъ всю азбуку; начавъ съ признанія того, что, какъ говорится, „можетъ повредить только мнѣ одному", такой человѣкъ начнетъ, мало по малу дѣлать такія признанія, которыя очень и очень повредятъ другимъ. Иной пойдетъ дальше и дойдетъ до формальнаго предательства. Ни одно московское дѣло за послѣдніе годы не обходилось безъ самыхъ скандальныхъ предательствъ со стороны лицъ, пользовавшихся прежде довѣріемъ товарищей.

А всего важнѣе то, что когда многіе вступаютъ въ такого рода соглашеніе, создается своего рода атмосфера взаимнаго недовѣрія и подозрѣнія, въ которой своя своихъ не познаша, и исчезаетъ всякая возможность сообразить, откуда жандармы почерпали свои знанія о дѣлѣ. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ случай, когда точно не удалось установить, былъ-ли провокаторомъ извѣстный господинъ, именно потому, что почти всѣ обвиняемые вступили въ соглашеніе съ Зубатовымъ и „кое-что" признали, каждый за свой счетъ. Оказалось невозможнымъ рѣшить, совершило-ли заподозрѣнное лицо только такую же сдѣлку или же оно первоначально предало всѣхъ и вся.

Это и есть политика Судейкина; внести въ революціонную среду такой развратъ, чтобы трудно было отличить, гдѣ кончается товарищъ, вступающій въ пріятельскія сношенія съ жандармами, и гдѣ начинается форменный предатель и провокаторъ. Судейкинъ пытался такой политикой расшатать могучую партію „Нар. Воли" Онъ обжегся на этомъ дѣлѣ. Когда зараза жандармскаго разврата коснулась сердца партіи, Исполнительный Комитетъ „Народной Воли" смѣлымъ ударомъ положилъ конецъ гнусной игрѣ: Судейкинъ былъ казненъ по распоряженію Исполнит. Комитета. Русскіе соціаль-демократы должны направить свои усилія на то, справиться съ провокаторскимъ развратомъ, не прибѣгая къ политическимъ убійствамъ. Будемъ надѣяться, что Зубатовъ дождется той поры, когда, при свѣтѣ открытой борьбы за свободу, народъ повѣситъ его на одномъ изъ московскихъ фонарей.

Успѣхи, одержанные Зубатовымъ въ Москвѣ, сдѣлали его самымъ виднымъ дѣятелемъ жандармскаго сыска. Ему стали поручать веденіе дѣлъ въ Твери, Иваново-Вознесенскѣ, Тамбовѣ. Съ 1898 г. Департаментъ Полиціи, озабоченный успѣхами Обще-Европейскаго Рабочаго Союза, предоставилъ Зубатову задачу искорененія еврейскаго рабочаго движенія.

Зубатовскія ищейки подготовили августовскій провалъ 1898 г. въ Зап. Краѣ. Были взяты двѣ еврейскія типографіи, арестована масса лицъ. Почти два года предварительнаго слѣдствія принесла Зубатову сравнительно мало успѣховъ. Тѣмъ не менѣе, по сравненію съ мѣстными жандармами, Зубатовъ кое-чего добился: впервые въ процессѣ Обще-Еврейскаго Рабочаго Союза были случаи оговора: были также случаи заключенія сдѣлокъ упомянутаго сорта между Зубатовымъ и нѣкоторыми обвиняемыми.

Но рабочее движеніе въ Западномъ Краѣ скоро оправилось отъ провала и за послѣдніе два года приняло открытый политическій характеръ. Организація еврейскихъ рабочихъ окрѣпла, и еврейскій Союзъ, издающій шесть подпольныхъ газетъ и непрерывно ведущій свою агитаціонную дѣятельность, сталъ внушать правительству все большія опасенія.

Въ мартѣ этого года Зубатовъ предпринялъ второй крупный набѣгъ на Западный Край (Минскъ и Ковно). Вновь свезена масса арестованныхъ въ московскую тюрьму. Пустивъ въходъ обычную тактику, Зубатовъ въ частныхъ разговорахъ сталъ увѣрять арестованныхъ въ томъ, что лишь по недоразумѣнію правительству пришлось встать во враждебныя отношенія къ рабочему движенію, правительство наше, пѣлъ Зубатовъ, не есть правительство классовое, оно не связано съ интересами фабрикантовъ и легко можетъ дѣйствовать въ интересахъ рабочихъ. Для этого нужно только, чтобы рабочіе перестали добиваться измѣненія государственнаго строя и стремились къ улучшенію своего экономическаго положенія при существующихъ порядкахъ. Кассамъ рабочихъ и ихъ стачкамъ правительство сочувствуетъ. Если рабочихъ за эти стачки преслѣдуютъ, то это не по волѣ правительства, а по произволу мѣстныхъ чиновниковъ. Въ такихъ случаяхъ достаточно сообщить ему, Зубатову, о такихъ преслѣдованіяхъ, и они прекратятся. Вмѣсто того, чтобы бороться нелегально, еврейскіе рабочіе сдѣлали бы лучше, если бы хлопотали о томъ, чтобы ихъ тайныя кассы были признаны закономъ. Зубатовъ обѣщаетъ полную поддержку въ этихъ хлопотахъ. Онъ даже обѣщалъ дать 20 тысячъ рублей на хлопоты о признаніи закономъ союза щетинщиковъ, который ему очень нравится, какъ организація профессіональная. Замѣтимъ, что эта профессіональная организація сознательно примыкаетъ къ соціаль-демократіи; между прочимъ, въ майскихъ прокламаціяхъ союзъ открыто выставляетъ требованіе конституціи.

Освобождая одного изъ арестованныхъ рабочихъ, Зубатовъ на прощаніе подарилъ ему „на память" первый томъ „Капитала" Маркса и заявилъ, что „разрѣшаетъ устраивать кружки саморазвитія, лишь бы занятія въ нихъ велись по легальнымъ книгамъ. „Зачѣмъ вамъ Дикштейнъ, когда у васъ есть такія книги, какъ Богдановъ?" Кое-кто клюнулъ на эту удочку Зубатова. Среди организованныхъ еврейскихъ рабочихъ стали раздаваться рѣчи, показывающія, что Зубатовскія предложенія о союзѣ рабочихъ съ царскимъ правительствомъ кое-кого соблазнили. Нашлись люди, которые увлеклись мечтой о признаніи закономъ царскаго правительства теперешнихъ нелегальныхъ стачечныхъ кассъ (вѣроятно, бѣдняги начитались „Рабочей Мысли"). Когда вспыхнула въ одномъ мѣстѣ стачка, нѣкоторые товарищи вступили въ частную переписку съ Зубатовымъ по поводу преслѣдованій мѣстныхъ полицейскихъ властей. Зубатовъ по телеграфу далъ знать, что правительство приняло къ свѣдѣнію эти сообщенія. Стали громко раздаваться голоса о томъ, что еврейскій союзъ долженъ измѣнить свою тактику по отношенію къ царскому правительству.

Центральный комитетъ Еврейскаго Союза счелъ необходимымъ въ минувшемъ августѣ выпустить особую прокламацію, въ которой разъясняетъ товарищамъ всю нелѣпость и зловредность мечтаній о соглашеніяхъ между рабочимъ классомъ и Зубатовымъ, а слѣд., и стоящимъ за его спиной царскимъ правительствомъ. Въ прокламаціи разъясняется вся невозможность для соціальдемократовъ вступать въ сдѣлки съ существующимъ государственнымъ строемъ и объявляется, что каждый, кто будетъ поддерживать „политическія" сношенія съ Зубатовымъ, будетъ опубликованъ въ газетахъ, какъ провокаторъ. Центр. Ком. поступилъ какъ нельзя болѣе умно, рѣшившись вложить персты въ язвы и открыто выступить при первыхъ признакахъ грозящей внутренней опасности. Такая политика всегда оказывалась самой выгодной. Уже теперь можно съ увѣренностью сказать, что Зубатовскій развратъ не затронетъ ядра еврейскаго рабочаго движенія. Громадное большинство сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ съ негодованіемъ отвергаетъ политику сдѣлокъ съ подлѣйшимъ изъ русскихъ жандармовъ.

Мы привели всю эту исторію въ виду того, что она имѣетъ громадное значеніе для всѣхъ русскихъ соціаль-демократовъ. Если въ настоящее время Зубатовская политика примѣнена именно къ еврейскому рабочему движенію, то это потому, что для этого движенія уже прошло то время, когда полиція могла тѣшить себя надеждой покончить съ нимъ при помощи обычныхъ мѣръ насилія и шпіонства. Съ движеніемъ русскихъ рабочихъ пока еще считаютъ возможнымъ справиться обыкновенными мѣрами. Но такъ какъ эти обыкновенныя мѣры въ концѣ концовъ не помогаютъ, то естественно ожидать въ ближайшемъ будущемъ жандармскихъ попытокъ развратить сознательную часть русскаго пролетаріата, подобно тому, какъ теперь пытаются развратить еврейскихъ рабочихъ. Какъ бы не были мы увѣрены въ томъ, что о здравый смыслъ русскаго пролетаріата, въ концѣ концовъ, разобьется эта интрига, мы не должны закрывать глаза на то, что при настоящемъ положеніи нашего движенія мы гораздо менѣе подготовлены къ успѣшной борьбѣ съ Зубатовщиной, чѣмъ еврейскіе рабочіе всего Западнаго Края. Достаточно указать на то, что сплоченность отдѣльныхъ группъ и комитетовъ еврейскаго союза дала возможность центральному комитету сейчасъ же, какъ только обнаружилась опасность, выступить съ предостереженіемъ, имѣя за собой прочную, большую организацію и нѣсколько постоянныхъ органовъ печати. У насъ ничего подобнаго нѣтъ.

И вотъ почему новая политика правительства по отношенію къ борющимся рабочимъ лишній разъ настоятельно доказываетъ намъ, насколько намъ важно объединеніе всѣхъ сознательныхъ товарищей, насколько важна прочная организація и строгая дисциплина. Противъ попытокъ внести политическій развратъ въ рабочее движеніе бороться съ успѣхомъ можетъ только крѣпко сплоченая, дисциплинированная и подвижная рабочая партія. Таковъ первый урокъ, который намъ, русскимъ соціаль-демократамъ, даетъ исторія современныхъ Зубатовскихъ приключеній.

Второй урокъ еще важнѣе. Мы переживаемъ минуту, когда приходится ожидать, что наши правящіе враги будутъ систематически развращать политическое сознаніе русскаго пролетаріата, чтобы отвлечь его отъ пути сознательной классовой борьбы, чтобы вырыть пропасть между экономической борьбой рабочихъ массъ и стремленіями сознательныхъ рабочихъ къ политической и гражданской свободѣ. Въ такую минуту, прежде всего, слѣдуетъ задать себѣ прямо и рѣшить безъ всякой излишней самоувѣренности вопросъ: въ какой мѣрѣ мы обезпечены противъ того, чтобы Зубатовская зараза свила себѣ болѣе или менѣе прочное гнѣздо въ рядахъ борющагося пролетаріата? Иначе говоря, настолько-ли глубоко политическое сознаніе въ нашихъ рядахъ, чтобы можно было съ увѣренность сказать, всякія заманчивыя предложенія встрѣтятъ всегда и всюду надлежащую оцѣнку и отпоръ?

Каковъ бы ни былъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, одно для насъ ясно: русская соціаль-демократія подписала бы себѣ смертный приговоръ, если бы своевременно не приложила всѣ старанія къ тому, чтобы Зубатовская политика разбилась о политическое самосознаніе русскаго пролетаріата, какъ о несокрушимую твердыню.

А изъ этого слѣдуетъ, что если хотимъ застраховать наше дѣло отъ всякихъ Зубатовскихъ сюрпризовъ, мы должны самымъ энергичнымъ образомъ работать надъ тѣмъ, чтобы росту стихійнаго движенія русскихъ рабочихъ, направленнаго на улучшеніе экономическаго положенія, соотвѣтствовалъ ростъ ихъ политическаго самосознанія. Способствуя возникновенію въ пролетаріатѣ потребности улучшить свое экономическое положеніе, мы не можемъ ни на минуту упустить изъ виду, что недостаточно вырвать рабочія массы изъ состоянія рабской покорности передъ капиталистами, но что столь же важно одновременно работать надъ освобожденіемъ ихъ сознанія отъ гнета вѣковыхъ политическихъ предразсудковъ, изъ которыхъ главные — слѣпая вѣра въ правительство, въ царскую милость и отсутствіе сознанія себя равноправными гражданами того общества, которое живетъ трудомъ рабочаго класса. На этой почвѣ политической приниженности и отсутствіе гражданскаго достоинства могутъ пышнымъ цвѣтомъ разрастись ядовитыя семена Зубатовской политики. Только расчищая эту почву глубокимъ плугомъ открытой революціонной агитаціи, можно надѣяться на то, что массовое движеніе русскихъ рабочихъ, борющихся за улучшеніе экономическаго положенія, не заведетъ ихъ въ тупой переулокъ, не сдѣлаетъ игрушкой политическихъ шарлатановъ худшаго сорта.

Освобожденіе рабочихъ отъ всѣхъ бѣдъ современнаго строя въ концѣ концовъ сводится къ ихъ экономическому освобожденію изъ тисковъ наемной эксплуатаціи. Но это экономическое, это соціальное освобожденіе немыслимо раньше, чѣмъ рабочія массы не станутъ изъ безправныхъ рабовъ всемогущей государственной власти равноправными гражданами свободной страны, свободно и на законной почвѣ работающими надъ дѣломъ улучшенія своего положенія. Экономическая цѣль рабочаго движенія, поэтому, неотдѣлима отъ политической борьбы, которая одна только можетъ обезпечить достиженіе этой цѣли. А потому развитіе политическаго самосознанія, революціонная пропаганда политической борьбы, должна идти рука объ руку съ экономическимъ движеніемъ рабочаго класса. Мы хотимъ улучшить свое экономическое положеніе, мы желаемъ пользоваться всѣми благами культуры, которыя созданы нашимъ трудомъ и нашимъ искусствомъ, но мы желаемъ ими воспользоваться не какъ рабы, а какъ свободные граждане. Свою нынѣшнюю долю возмущенныхъ голодныхъ невольниковъ мы не станемъ мѣнять на ту жалкую долю довольныхъ сытыхъ холоповъ, которую одну только могло бы намъ предложить богопомазанное правительство дворянъ жандармовъ и поповъ. Взамѣнъ этой доли мы стремимся къ долѣ свободныхъ гражданъ свободнаго государства, которое одно только обезпечитъ намъ и достиженіе достойнаго свободныхъ людей экономическаго положенія. Мы стремимся къ свободной демократіи, черезъ посредство которой достигнемъ соціализма, а на этомъ пути у насъ нѣтъ общихъ дѣлъ съ правительствомъ дворянъ, жандармовъ и поповъ. Оно такой же нашъ непримиримый врагъ, какъ и фабриканты, которыхъ оно поддерживаетъ всѣми средствами военнаго и полицейскаго насилія.

Не можетъ быть и рѣчи о поднятіи нашего положенія на фабрикѣ до тѣхъ поръ, пока за стѣнами фабрики народныя массы безправны противъ орды царскихъ чиновниковъ и въ государствѣ царитъ кнутъ. Беззаконіе и произволъ, царящіе въ государствѣ, питаютъ и то беззаконіе и произволъ, которые царятъ на фабрикѣ. Не улучшивъ нашего положенія какъ гражданъ, мы не поднимемъ своего положенія какъ рабочихъ. А потому, борясь противъ фабрикантовъ, мы не можемъ вступать въ мирныя соглашенія съ самовластными опричниками. Ни царей, ни господъ! Ни эксплуататоровъ на фабрикѣ, ни тирановъ въ государствѣ! — вотъ боевой девизъ рабочаго движенія.

Только неустанно распространяя въ самыхъ широкихъ массахъ это политическое сознаніе, русская соціальдемократія выполнитъ свой долгъ и предохранитъ русскій пролетаріатъ отъ жестокаго похмѣлья, которое неминуемо наступитъ за первыми днями опьяненія Зубатовскими пѣснями.

Неотложная необходимость революціонной пропаганды и агитаціи, призывающихъ массы къ политической борьбѣ и не отступающихъ передъ вѣковыми предразсудками отсталыхъ массъ — вотъ мораль Зубатовской исторіи.

ЦАРСКОЕ ПРАВОСУДІЕ И ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ.

Машина царскаго правосудія работаетъ во всю. Во всѣхъ углахъ Россіи жандармы возятся съ агитаторами и пропагандистами, судебныя палаты и окружные суды при закрытыхъ дверяхъ разбираютъ дѣла о стачкахъ и фабричныхъ безпорядкахъ, а для разнообразія военный судъ въ Варшавѣ чинитъ расправу надъ товарищами, виновными въ убійствѣ шпіоновъ и предателей. Всѣ средства царскаго правосудія къ услугамъ враговъ рабочаго класса.

Военный судъ въ Варшавѣ свершилъ свое дѣло, и три процесса объ убійствѣ шпіоновъ, закончились, какъ и надо было ожидать, смертными приговорами для всѣхъ девяти обвиняемыхъ. Но они не были казнены. Когда царское правосудіе выполнило свою работу, пришла очередь проявиться во всемъ блескѣ царской милости. Царское правосудіе за убійство шпіона, совершенное раздраженнымъ рабочимъ, лишаетъ обвиняемаго всѣхъ тѣхъ средствъ защиты, которыя общій судъ предоставляетъ всякому уголовному преступнику, и судитъ ихъ упрощеннымъ порядкомъ, постановляя кровавый приговоръ „по законамъ военнаго времени". Царская милость замѣняетъ мгновенную смерть на висѣлицѣ мучительной, долгой смертью въ сибирскихъ рудникахъ. Свидерскому, Возняку и Езіоровскому всемилостивѣйше дарована безсрочная каторга, Рутковскому, Елинскому и Червинскому — 20, а Карчу, Мрожику и Кравчику — 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Какъ не воздать хвалу царской милости, такъ удачно дополняющей царское правосудіе!

Царская милость даровала польскимъ товарищамъ только то, на что они имѣли право по общимъ законамъ Россійской Имперіи, да и то не все. За предумышленное убійство по общимъ законамъ не полагается безсрочной каторги*), такъ что товарищи Езіоровскій, Вознякъ и Свидерскій наказаны гораздо суровѣе, чѣмъ всякій уголовный убійца.

Простымъ распоряженіемъ ген.-губернатора преступленія, за которыя въ законѣ предусмотрѣно опредѣленное наказаніе, предаются военному суду, т. е. простой военной комиссіи, которая рѣшаетъ дѣло по своему произволу, безъ всякаго контроля со стороны сената, вѣдающаго по закону всѣ судебныя дѣла, комиссіи, составленной изъ офицеровъ, подчиненныхъ тому самому ген.-губернатору, который предалъ обвиняемыхъ военному суду. А такъ какъ всѣмъ извѣстно, что воинская дисциплина дѣлаетъ изъ каждаго офицера послушную пѣшку, исполняющую предписанія начальства, то понятно, что военный судъ можетъ выносить только такія приговоры, которые ему предпишетъ генералъ-губернаторъ.

---

*) По русскимъ законамъ безсрочная каторга назначается только за убійство родного отца. Можетъ быть, царь своимъ приговоромъ хочетъ показать, что для русскаго обывателя шпіонъ долженъ быть также дорогъ, какъ родной отецъ?

Русскій военный судъ имѣетъ за собой славную исторію. Въ 1879 году, по приговору одесскаго военнаго суда, былъ повѣшенъ дворянинъ Лизогубъ только за то, что пожертвовалъ свое громадное состояніе революціонному дѣлу. Въ томъ же году въ Одессѣ же, по рѣшенію военнаго суда, были повѣшены соціалисты Дробязгинъ, Малинка, и Майданскій. Обвиненія, выставленныя противъ нихъ, были не такого рода, чтобы приговорить ихъ къ смертной казни: по своимъ стремленіямъ они не были сторонниками насильственныхъ дѣйствій. Но въ то время, какъ они сидѣли въ одесской тюрьмѣ, въ Петербургѣ было совершено покушеніе на жизнь жандарма Дрентельна. Виновникъ покушенія скрылся, но правительству необходимо было наказать революціонную партію, и вотъ одесскихъ соціалистовъ, отрицавшихъ борьбу путемъ насильственныхъ дѣйствій, казнятъ потому, что не могутъ найти дѣйствительныхъ виновниковъ такихъ дѣйствій. Эта казнь вызвала негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей. Выразителемъ этого негодованія явился одинъ студентъ, не бывшій вовсе революціонеромъ, который во время казни приблизился къ висѣлицамъ и сказалъ обреченнымъ на смерть слово одобренія. За это слово студентъ Олеховскій былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ 15-ти лѣтней каторгѣ. Въ 1880 г. въ Кіевѣ военный судъ по приказу ген.-губернатора осудилъ на смерть юношу Розовскаго только за распространеніе прокламацій, т. е. за дѣяніе, которое по закону наказуется тюремнымъ заключеніемъ. Въ 1883 г. въ Иркутскѣ военный судъ приговорилъ къ повѣшенію учителя Неустроева за то, что тотъ, раздраженный грубостью ген.-губернатора, далъ ему пощечину. Неустроевъ такъ и былъ казненъ. Около того же времени въ Шлиссельбургской крѣпости были казнены заключенные Мышкинъ и Минаевъ тоже за пощечины, данныя ими кому-то изъ начальства тюрьмы. Эти чудовищные приговоры тоже вынесли военные суды. — Въ 1880 г. военный судъ въ Якутскѣ осудилъ 30 съ лишкомъ политическихъ ссыльныхъ на смерть и каторжныя работы за то, что, когда на нихъ безъ всякаго повода напала военная команда и стала колоть ихъ штыками, нѣкоторые изъ нихъ отстрѣливались изъ револьверовъ, при чемъ пять мужчинъ и одна дѣвушка были на мѣстѣ убиты солдатами. Изъ осужденныхъ трое были повѣшены. Когда же по всему міру поднялся по поводу этой бойни шумъ, то дѣло было пересмотрѣно спеціально посланными чиновниками, и оказалось, что осужденные были жертвой дикой, безчеловѣчной бойни, произведенной озвѣрѣвшими солдатами по приказу властей. Тогда царская милость „простила“ оставшихся въ живыхъ соціалистовъ и извлекла изъ каторги *), послѣ того какъ вся жизнь ихъ была разбита. Только троимъ повѣшеннымъ не могла возвратить жизнь всесильная царская милость! — Въ 1892 г. военные суды въ Астрахани, Саратовѣ, Юзовкѣ осудили на смерть десятки несчастныхъ рабочихъ и крестьянъ за участіе въ холерныхъ безпорядкахъ, которые, какъ тогда же было выяснено, были вызваны грубыми и беззаконными мѣрами полиціи. — Наконецъ, въ 1899 г. тотъ же варшавскій военный судъ приговорилъ къ смерти пять лодзинскихъ рабочихъ, виновныхъ въ томъ, что пытались взорвать динамитомъ домъ милліонера-фабриканта, при чемъ ни одна человѣческая жизнь не пострадала.

За то военный судъ умѣетъ выносить и кроткіе приговоры... когда судитъ не соціалистовъ и рабочихъ, а членовъ своей же клики. Въ 1896 г. пьяный кіевскій офицеръ зарубилъ шашкой студента; онъ былъ приговоренъ всего лишь къ незначительному аресту. Въ 1899 г. въ Ташкентѣ редакторъ мѣстной газеты Сморгунеръ былъ убитъ полковникомъ Сташевскимъ за то, что газета Сморгунера обличала преступныя дѣянія, совершенныя въ тѣхъ краяхъ военными властями надъ беззащитнымъ покореннымъ населеніемъ. Полковника Сташевскаго, виновнаго въ умышленномъ убійствѣ безоружнаго человѣка, военный судъ приговорилъ къ непродолжительному тюремному заключенію, а недавно газеты сообщили, что царская милость освободила Сташевскаго изъ тюрьмы послѣ короткаго заключенія, простивъ ему остающійся срокъ. За убійство шпіона — смерть, за убійство честнаго борца за угнетенныхъ — короткое заключеніе. Рабочаго, отмстившаго за погубленныхъ братьевъ, царская милость отправляетъ въ безсрочную каторгу, офицера, мстившаго за интересы шайки взяточниковъ, та же царская милость вовсе освобождаетъ отъ наказанія. Рабочему, поднявшему руку на царскаго шпіона — смертная казнь! Милліонеръ Мамонтовъ, разорившій до тла массу небогатыхъ людей, вложившихъ свои гроши въ его предпріятія, обокравшій казну, т. е. всѣхъ насъ, плательщиковъ податей, — Мамонтовъ, который, живя въ роскоши, около года не платилъ жалованья почти двумъ тысячамъ рабочимъ Николаевскаго завода въ Иркутской губерніи, чѣмъ ихъ довелъ до неслыханной нищеты, — этотъ преступникъ-капиталистъ не былъ преданъ военному суду: ему пришлось предстать передъ обычнымъ судомъ, судомъ присяжныхъ, которые его оправдали, принявъ во вниманіе, что въ совершенныхъ преступленіяхъ виноватъ не только Мамонтовъ, но и министръ Витте и другіе правительственые сановники, которыхъ царская милость охраняетъ отъ всякаго суда. Еслибы судъ присяжныхъ, судъ обыкновенныхъ гражданъ, хотя бы и не изъ рабочаго класса, разсматривалъ дѣло объ убійствѣ шпіоновъ, еслибы ему показали, какое зло, какой развратъ несутъ въ рабочую среду жандармы и шпіоны, сколько жертвъ они губятъ, быть можетъ, онъ не осудилъ бы тѣхъ, кто въ справедливомъ гнѣвѣ поднялъ руку на этихъ гадовъ.

Рабочіе, убившіе шпіона, должны сгинуть на каторгѣ! А милліонеръ нефтепромышленникъ въ Баку, который не пожелалъ затратить нѣсколько грошей на принятіе необходимыхъ мѣръ предосторожности, послѣдствіемъ чего былъ несчастный случай на промыслахъ, стоившій жизни многимъ рабочимъ, — этотъ милліонеръ отдѣлался нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы. За жизнь нѣсколькихъ рабочихъ — легкое наказаніе, за жизнь трехъ шпіоновъ — лишеніе жизни девяти рабочихъ. Вотъ мѣра царскаго правосудія!

Смертные приговоры надъ Езіоровскимъ и другими польскими товарищами не приведены въ исполненіе: такъ выгоднѣе для царскаго правительства. Пока ему нужно только запугать рабочихъ; показать, что въ случаѣ дальнѣйшихъ насилій надъ священной личностью шпіоновъ оно не остановится и передъ висѣлицами. Обычная слѣпота русскаго правительства! Оно не понимаетъ, что тотъ, кто рѣшается пожертвовать собою для мщенія за товарищей, тотъ не остановится и передъ смертью. Оно не понимаетъ, что эти мѣры застращиванія могутъ вести только къ озлобленію и возмущенію и что каждая жертва царскаго правосудія создаетъ десятки рѣшившихся на все мстителей.

Шпіонско-провокаторская дѣятельность жандарміи вызвала за послѣдніе годы во многихъ слояхъ рабочихъ наклонность къ кровавымъ мѣрамъ борьбы съ этой язвой. Кто знаетъ тяжелую обстановку дѣятельности русскаго соціалиста, кто знаетъ, какія гнусныя преступленія совершаютъ шпіоны Его Величества, сколько драгоцѣнныхъ силъ они губятъ, какъ сами завлекаютъ людей въ политическое движеніе, чтобы потомъ ихъ предать въ руки жандармскихъ палачей, — того не удивитъ жажда мщенія, тотъ не броситъ камень въ рабочихъ, рѣшившихся лучше убить одного негодяя, чѣмъ дать ему губить все новыя и новыя жертвы. Террористическая борьба со шпіонами есть неизбѣжное слѣдствіе самой шпіонской системы, и пока рабочему классу придется вести борьбу за свое дѣло подпольно, пока онъ не получитъ права соединяться и открыто отстаивать свои интересы пока надъ каждымъ борцомъ будетъ тяготѣть угроза ссылки и тюрьмы за каждый его шагъ, — до тѣхъ поръ нельзя и ожидать прекращенія такого террора, какъ нельзя ожидать и прекращенія постоянно повторяющихся насильственныхъ фабричныхъ безпорядковъ. Вся нравственная отвѣтственность за то и другое падаетъ на тѣхъ, кто, отказывая рабочему классу въ какихъ-либо правахъ для защиты кровныхъ интересовъ, въ то же время на народныя деньги пытается развращать рабочихъ, вербуя черезъ нихъ шпіоновъ и сѣя черезъ нихъ всякую нравственную порчу въ рабочемъ классѣ.

Соціаль-демократія не можетъ увлекаться такими мѣрами борьбы, какъ убійство шпіоновъ. Вся надежда соціаль-демократіи — въ движеніи всего рабочаго класса, всей ея массы, и такое средство борьбы, которое, по существу, можетъ быть только дѣломъ отдѣльныхъ личностей, ничего не даетъ дѣлу борьбы за освобожденіе всего класса. Отдѣльные личности или отдѣльные кружки могутъ видѣть въ убійствѣ шпіона средство охранить отъ гибели ту часть дѣла, которой они заняты, и спасти отъ предательства себя и своихъ товарищей. Противъ того, чтобы шпіоны могли наносить большой вредъ дѣлу, рабочая партія должна бороться путемъ выработки такой крѣпкой и строгой организаціи, которой никакіе провокаторы не могли бы нанести вреда, противъ всей шпіонской системы мы должны бороться, неустанно раскрывая рабочему классу всѣ ея гнусности, призывая рабочія массы безпощадно травить, бойкотировать и выживать (напр., устраивая стачки съ требованіемъ удаленія шпіона) съ заводовъ всякихъ шпіоновъ, предателей и измѣнниковъ. Эти средства борьбы и дѣйствительны, и незамѣнимы по своему агитаціонному значенію. Многіе склонны думать, что борьба посредствомъ убійства отдѣльныхъ шпіоновъ можетъ оказать устрашающее вліяніе на всю шпіонскую братію. Мы не согласны съ такимъ мнѣніемъ. Если вѣрно, что кровавыя мѣры никогда не могутъ задавить рабочаго движенія, а только воспитываютъ большую ловкость и умѣлость, то и обратно, террористическія мѣры противъ шпіоновъ ведутъ лишь къ тому, что побуждаютъ ихъ дѣйствовать болѣе осторожно. Пока правительство можетъ безконтрольно распоряжаться народными деньгами на наемъ шпіоновъ, пока капиталистическій строй создаетъ повсюду море нищеты, подлости, погони за легкой наживой, до тѣхъ поръ никакими мѣрами насилія не остановить грязнаго потока шпіонскаго разврата. Отдѣльныя личности подъ вліяніемъ нравственнаго возмущенія могутъ брать на себя борьбу съ единичными представителями гнуснаго порядка. Партія должна бороться не съ единичнымъ явленіемъ, а съ той почвой, на которой неизбѣжно выростаютъ такія явленія. А эта почва — полное безправіе русскаго народа и особенно рабочаго класса, самовластіе царскаго правительства и общія условія капиталистическаго строя, порождая нищету, невѣжественно и погоню за легкой наживой, хотя бы цѣной самой подлой услуги тому, у кого есть деньги.

Въ интересахъ борьбы съ общими условіями современнаго строя мы должны использовать и новыя проявленія царскаго правосудія и царской милости. Мы не беремъ на себя отвѣтственности за кровавое отмщеніе, совершенное нѣкоторыми товарищами противъ царскихъ шпіоновъ. Но мы не можемъ считать ихъ преступниками. Для насъ они — жертвы современнаго гнуснаго порядка, и все наше сочувствіе на сторонѣ ихъ, отдавшихъ свою жизнь за то, что они считали полезнымъ для общаго дѣла. И мы должны сдѣлать все возможное, чтобы не дать этому гнусному строю окончательно доканать свои жертвы. Мы должны впредь при всякихъ подобныхъ случаяхъ добиваться того, чтобы вырвать эти жертвы изъ рукъ военнаго суда, чтобы обезпечить для нихъ тотъ общій судъ, которымъ пользуется каждый нарушитель общихъ законовъ. Мы должны работать, чтобы жизнь шпіона пользовалась только той защитой закона, которая оберегаетъ жизнь каждаго обывателя. Мы должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣненія военнаго суда открывать русскимъ рабочимъ массамъ глаза на чудовищную несправедливость царскаго правосудія. Пока отдѣльные товарищи на свой страхъ и рискъ совершаютъ террористическія дѣянія противъ того или другого негодяя, — мы, какъ партія, стоимъ въ сторонѣ. Но когда тѣ же товарищи оказываются въ положеніи жертвъ самовластнаго царскаго правительства, по произволу нарушающаго общіе законы, тогда ихъ дѣло становится общимъ дѣломъ всего рабочаго класса, и наша партія должна вести агитацію на почвѣ протеста и противъ исключительныхъ военныхъ судовъ и противъ всей шпіонско-жандармской системы. И если, какъ можно ожидать, террористическая борьба будетъ развиваться вмѣстѣ съ усиленіемъ гнета и произвола правительства, то пусть каждый новый фактъ съ его стороны встрѣтится съ протестомъ всего борющагося пролетаріата.

Правительство заявило, что намѣрено расправляться съ нами „по законамъ военнаго времени“. Пусть же весь рабочій классъ сознаетъ, наконецъ, что онъ обреченъ на безпощадную войну съ существующимъ строемъ, на войну, которая не можетъ окончиться ничѣмъ инымъ, какъ побѣдой одной стороны и уничтоженіемъ другой „по законамъ военнаго времени“.

Для развитія въ массахъ этого сознанія мы будемъ пользоваться каждой новой гнусностью нашего правительства, каждый разъ должны вести мы агитацію для возбужденія сознательнаго протеста рабочаго класса. Тогда нашему дѣлу на пользу пойдетъ каждое новое проявленіе царскаго правосудія и каждая новая комедія лицемѣрной царской милости.

* * *

По поводу военныхъ судовъ въ Варшавѣ была распространена слѣдующая прокламація:

Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Россіи.

Товарищи!

Во всѣхъ газетахъ напечатанъ приказъ варшавскаго ген.-губернатора отъ 14-го іюля о томъ, что варшавскіе рабочіе Францъ Свидерскій и Валентинъ Вознякъ предаются военному суду для осужденія по законамъ военнаго времени по обвиненію въ томъ, что „во время стачки въ Варшавѣ въ началѣ этого года убили предателя“, рабочаго Антона Гржешака. А семь другихъ рабочихъ преданы такому же военному суду — рабочій Червинскій за то, что, принадлежа къ Польской Соціалистической Партіи, убилъ шпіона на фабрикѣ, а горнорабочіе Езіоровскій, Мрозикъ, Карчъ, Кравчикъ, Глинскій и Гудковскій за то, что убили машиниста, желавшаго донести жандармамъ, что они принадлежатъ къ соціалистической партіи польскихъ рабочихъ.

Объ этомъ судѣ варшавскій ген.-губернаторъ оповѣщаетъ заранѣе всѣхъ и каждаго: всѣ русскіе рабочіе должны знать, что девять польскихъ рабочихъ будутъ судиться особымъ военнымъ судомъ. Всѣ русскіе рабочіе должны понять и оцѣнить, что значитъ эта новая ласка русскаго правительства. Вы знаете, товарищи, что такое военный судъ по законамъ военнаго времени. Это значитъ, что нѣсколько грубыхъ офицеровъ постановятъ приговоръ, не слушая объясненій обвиняемыхъ, не давая имъ говорить всего, что они хотятъ, не вызывая тѣхъ свидѣтелей, которые могли бы установить правду въ пользу обвиняемыхъ. Обвиняемые не будутъ вольны выбрать себѣ защитниковъ; имъ не дано будетъ право обжаловать въ сенатъ неправильный приговоръ военнаго суда. А приговоръ этотъ будетъ кровавый: по ст. 279 воинскаго устава, о которой говорится въ приказѣ, нашимъ польскимъ товарищамъ грозитъ смертная казнь черезъ повѣшеніе.

Смертная казнь! Вотъ ради чего правительство рѣшило предать военному суду Свидерскаго и другихъ. Обычнымъ судомъ у насъ за убійство не назначается смертная казнь. И обыкновенный судъ неудобенъ для правительства въ такомъ дѣлѣ. Тутъ обвиняемые могли бы выставить своихъ свидѣтелей, могли бы доказать свою невинность, если не они убили предателей, а если они участвовали въ его убійствѣ, то они могли бы объяснить, за какія дѣла убитъ предатель, и судъ оправдалъ бы ихъ или назначилъ меньшее наказаніе. Еслибы дѣло разбиралось окружнымъ судомъ, то раскрылись бы всѣ обстоятельства дѣла, а это не по душѣ правительству; ему нужно рѣшить дѣло въ тиши, такъ, чтобы ни одна хозяйская или правительственная подлость не выплыла на свѣтъ божій. Вотъ почему назначается военный судъ. Правительству нужно, чтобы обвиняемые рабочіе были повѣшены. Ему этого затѣмъ нужно, чтобы запугать васъ, товарищи, чтобы устрашить всѣхъ насъ, которые не несутъ покорно своей нищеты и борятся за лучшую жизнь. Противъ всѣхъ насъ направлены эти кровавыя угрозы русскаго правительства, и вотъ почему уже загодя правительство хвалится тѣхъ, что хочетъ пролить кровь нашихъ братьевъ, и всей русской землѣ объявляетъ, что назначенъ судъ военныхъ палачей для совершенія этого гнуснаго дѣла. Трупами нашихъ польскихъ товарищей хотятъ остановить рабочее движеніе. Чтобы наши фабриканты и такіе предатели могли спокойно спать и не боялись за свою шкуру, нужно беззаконно убить нашихъ товарищей, а для этого ихъ отдаютъ такому суду, передъ которымъ они лишены всѣхъ правъ, что даются всякому вору и убійцѣ.

Правительство не знаетъ, какъ справиться съ рабочимъ движеніемъ, и въ бѣшеной ярости оно хочетъ кровью залить его. Не за то повѣсятъ нашихъ польскихъ товарищей, что они убили шпіона, а для того, чтобы отмстить варшавскимъ рабочимъ за ихъ дружную и упорную борьбу за рабочее дѣло. Свирѣпому царскому правительству недостаточно уже общихъ законовъ для борьбы съ нами, такъ вотъ оно сочиняетъ новые, чрезвычайные, особенно гнусные законы спеціально противъ рабочаго класса

Товарищи! Дѣло польскихъ товарищей — наше общее дѣло. Если мы дадимъ правительству осудить нашихъ товарищей военнымъ судомъ, то оно всегда и вездѣ будетъ этимъ средствомъ расправляться съ нами. Дайте только звѣрю безнаказанно полакомиться свѣжей кровью, и онъ разохотится и будетъ жаждать еще и еще крови. Если мы смолчимъ, слыша, что повѣсили рабочихъ за преданность общему дѣлу, то никто не будетъ увѣренъ, что его за стачку, за раздачу листковъ или за побои шпіону или измѣннику не станутъ судить военнымъ судомъ. Теперь правительство хочетъ кровавой жертвой угодить польскимъ фабрикантамъ, завтра оно захочетъ дать такой же подарокъ русскимъ фабрикантамъ.

Товарищи! Наши несчастные братья томятся теперь въ варшавской крѣпости и знаютъ, что уже строятся для нихъ висѣлицы: Они знаютъ, что не будетъ отъ правительства пощады, что никто не вызволитъ ихъ изъ бѣды, — никто, какъ ихъ братья-рабочіе. Если обвиняемые и впрямь участвовали въ убійствѣ, то не для своей пользы они это сдѣлали, а потому, что думали, что помогутъ этимъ общему дѣлу. И мы не можемъ равнодушно смотрѣть, какъ ихъ беззаконно казнитъ военный судъ. Товарищи! мы призываемъ васъ всѣми силами, всѣми средствами протестовать противъ военныхъ судовъ, протестовать противъ кровавыхъ замысловъ царскаго правительства. Если во всѣхъ городахъ мы заявимъ массовый общій протестъ и выразимъ свое негодованіе, то правительство увидитъ, что рабочій людъ не даетъ безнаказанно убивать своихъ братьевъ. Мы зовемъ васъ выступить, какъ одинъ человѣкъ, за несчастныхъ варшавскихъ товарищей. Никто, кто сохранилъ душу живую, не можетъ спать спокойно, зная, что его братья по труду находятся въ смертельной опасности. Если мы что-нибудь можемъ сдѣлать, чтобы предотвратить смерть, мы обязаны это сдѣлать какъ можно скорѣе. Только мы — весь рабочій народъ — можемъ сдѣлать это, не проливая крови; если же мы не вмѣшаемся въ дѣло, то за гибель товарищей станутъ мстить на свой страхъ отдѣльные пылкіе люди, которые не захотятъ снести такого надругательства надъ закономъ и правдой, и тогда будетъ пролито много крови съ обѣихъ сторонъ. Нѣтъ, товарищи, мы не должны допустить до того. У насъ есть могучія мирныя средства для борьбы и мы должны ими воспользоваться; гдѣ только можно, заявляйте о томъ, что вы присоединяетесь къ нашему протесту противъ кровавыхъ мѣръ нашего правительства. Пусть правительство увидитъ, что всѣ рабочіе затронуты за живое приказомъ о военномъ судѣ, и тогда оно испугается раздражать милліоны рабочихъ и не посмѣетъ утвердить кроваваго приговора. Въ нашихъ рукахъ находится, можетъ быть, участь нашихъ товарищей, и кто изъ насъ возьметъ на себя грѣхъ молчать, когда отъ нашего слова, можетъ быть, зависитъ, жить имъ или нѣтъ? Смѣлѣе, товарищи! Протестуйте противъ военнаго суда въ Варшавѣ! Всѣхъ не перевѣшаютъ!

1. Устраивайте забастовки и требуйте отмѣны военныхъ и чрезвычайныхъ судовъ и пересмотра дѣла Свидерскаго и Возняка судомъ присяжныхъ.

2. Собирайте большія собранія для составленія протеста и разрѣшайте комитетамъ партіи дѣйствовать отъ нашего имени.

3. Собирайте средства для помощи семействамъ осужденныхъ.

Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.
(Типографія „Южнаго Рабочаго“.)

По имѣющимся свѣдѣніямъ, этотъ листокъ былъ распространенъ въ С.-Петербургѣ, Ригѣ, Либавѣ, Екатеринославлѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Ярославлѣ, а также, повидимому, въ Одессѣ и Николаевѣ, сверхъ того, въ г. Оршѣ Могилевской губ., гдѣ вслѣдъ затѣмъ произведено 20 обысковъ и 14 арестовъ.

Пусть послужитъ этотъ удачный опытъ распространенія политическаго листка ободряющимъ примѣромъ для всѣхъ товарищей.

Мы пріучили рабочихъ во всѣхъ концахъ Россіи къ листкамъ мѣстнаго экономическаго характера. Мы обязаны теперь напра-всѣ усилія на сознаніе организаціи для распространенія по всей Россіи листковъ политическаго содержанія, клеймящихъ всякую гнусность самодержавія, призывающихъ весь народъ къ борьбѣ за освобожденіе. Группа „Искры“ предлагаетъ въ этомъ отношеніи свои услуги и свою типографію для всѣхъ соціаль-демократическихъ группъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Просвѣтительныя задачи“ Россіи на дальнемъ Востокѣ — и положеніе народныхъ учителей. Наступила зима, и въ нашихъ газетахъ замелькали опять обычныя извѣстія объ отчаянномъ положеніи народныхъ учитеній. Всѣ такъ привыкли ужъ къ этимъ извѣстіямъ! Учителя голодаютъ, учителя мерзнутъ въ тѣхъ жалкихъ конурахъ, которыя называются квартирами, учителя обиваютъ пороги предсѣдателей управъ и предводителей дворянства, выпрашивая, точно милостыню, то грошевое жалованье, которое они честно заработали тяжкимъ, истинно каторжнымъ трудомъ и которое имъ платятъ по мѣсяцамъ. Потерпите, господа! У Россіи нѣтъ денегъ, она отдала сотни милліоновъ на китайскую войну и отдастъ еще больше. Наши національныя просвѣтительныя задачи находятся теперь въ Азіи, по ту сторону Амура. Вотъ когда мы перебьемъ возможно больше китайцевъ и захватимъ („арендуемъ", оккупируемъ") возможно больше китайской земли, — тогда все будетъ хорошо, и просвѣщеніе вернется изъ Китая въ Россію.

---

*) Большинство ихъ до сихъ поръ еще состоитъ подъ гласнымъ надзоромъ.

А помимо матеріальныхъ лишеній, сколько терпятъ наши народные учителя униженій, подъ какимъ строжайшимъ надзоромъ они находятся, какъ будто они были непріятельскими шпіонами! Уже не говоря о томъ, какъ уродуютъ и ограничиваютъ ихъ преподавательскую дѣятельность — они не смѣютъ даже собраться компаніей: это сейчасъ объявляютъ „съѣздомъ" и сельская „политическая полиція" въ лицѣ поповъ, урядниковъ и волостныхъ старшинъ засыпаетъ начальство доносами. Русское правительство имѣетъ, должно быть, вѣскія основанія считать всякаго народнаго учителя отъ природы склоннымъ къ противоправительственной пропагандѣ. Не даромъ въ самое послѣднее время оно позаботилось учредить цѣлую сотню новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ. У насъ нѣтъ денегъ на улучшеніе положенія учителей, но на усиліе полицейскаго надзора за учителями у насъ всегда найдутся деньги!

Горькая нужда, умственное и нравственное одичаніе — таковъ удѣлъ главныхъ работниковъ народнаго просвѣщенія. Бѣдняги! Васъ стараются разъединить и запугать, вамъ грозятъ лишеніемъ свободы, одиночной тюрьмой и ссылкой за малѣйшее участіе въ политикѣ. Но для всякаго изъ васъ, кто не потерялъ еще способности мыслить, все яснѣе становится безвыходность его положенія, тѣсная зависимость его приниженія отъ политическаго приниженія всего народа, и врядъ-ли угрозы полицейскими преслѣдованіями могутъ быть особенно страшны для людей, лишенія которыхъ доходятъ до голоданія, людей, настолько безправныхъ, что ихъ избиваютъ самодурствующіе воротилы деревни. Идите въ ряды революціонныхъ партій! Въ вашемъ положеніи есть много общаго съ положеніемъ городского пролетаріата, котораго однако труднѣе разъединить и запугать и который уже поднялъ борьбу за политическое освобожденіе Россіи. Примыкайте къ этой борьбѣ, старайтесь принести посильную помощь рабочему движенію, старайтесь сѣять въ народѣ пониманіе значенія и цѣлей этого движенія. Не можетъ быть плодотворной дѣятельности на пользу истиннаго просвѣщенія народа внѣ борьбы за его политическую свободу. И не можетъ быть плодотворной борьбы за политическую свободу внѣ рядовъ рабочей соціалистической партіи.

Финляндскія дѣла. Въ Финляндіи продолжается политика насильственнаго „обрусенія". Послѣ того какъ царь открыто и всенародно нарушилъ клятву, данную его предшественниками и имъ самимъ хранить конституцію Финляндіи, преслѣдованіе всѣхъ свободъ этого мирнаго и просвѣщеннаго народа принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ дикой травли. Поставлены подъ строжайшій надзоръ полиціи народныя собранія, сыплется градъ предостереженій, пріостановокъ, запрещеній и всякаго рода взысканій на финляндскую печать, вводится обязательность русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ правительственныхъ учрежденій, и изготовляется уничтоженіе таможенной самостоятельности Финляндіи. Никогда не возстававшіе противъ русскаго правительства финляндцы держатся съ поразительной стойкостью, удивляя весь міръ шириной и глубиной мирнаго, строго законнаго протеста. И эта законность точно еще болѣе озлобляетъ полицейское правительство. Оно наводняетъ страну шпіонами и провокаторами, вызывая на возстаніе, которое развязало бы ему руки. Съ испоконъ вѣка пользовавшихся свободой финляндскихъ гражданъ оно во что бы то не стало рѣшило низвести на положеніе безгласныхъ и безправныхъ русскихъ подданныхъ передъ лицомъ самодержца. Ну, что-же! Оно достигнетъ навѣрняка только одного: оно объединитъ всѣхъ русскихъ подданныхъ на борьбѣ противъ самодержавія. До сихъ поръ революціонное движеніе въ Россіи отличалось (частью и теперь отличается) значительной раздробленностью: иноплеменное населеніе окраинъ либо образовывало совершенно отдѣльныя струи движенія (Остзейскій край, Финляндія). Теперь дѣло начинаетъ измѣняться: у всѣхъ племенъ россійскаго государства растетъ и крѣпнетъ рабочее движеніе, стремящееся стать соціаль-демократическимъ движеніемъ: И наше правительство съ успѣхомъ работаетъ надъ благодарной задачей собиранія и соединенія всѣхъ этихъ потоковъ. Оно хочетъ централизаціи и обезличенія всѣхъ подданныхъ — оно работаетъ надъ централизаціей всѣхъ революціонныхъ силъ. Оно хочетъ показать, что не потерпитъ свободы гдѣ бы то ни было — оно заставитъ все болѣе широкіе слои русскаго народа присоединиться къ кличу: „Да здравствуетъ свободная Финляндія!" — „Да здравствуетъ свободная Россія!"

Кризисъ. Намъ сообщаютъ изъ всѣхъ столицъ о застоѣ промышленныхъ дѣлъ, о сокращеніи фабрикантами производства, объ уменьшеніи рабочаго дня. Нѣкоторые фабриканты вводятъ систему жребія, т. е. удаляютъ часть рабочихъ по жребію. Капиталисты во многихъ мѣстахъ были-бы теперь рады стачкамъ, чтобы имѣть предлогъ распустить рабочихъ.

Пусть берегутся, поэтому, рабочіе! Стачка — не единственное средство борьбы, и теперешнимъ тяжелымъ временамъ для рабочихъ мы должны усиленно пользоваться, чтобы наглядными примѣрами разъяснять рабочей массѣ значеніе соціализма и подготовлять ее къ болѣе рѣшительной борьбѣ. Когда дѣла шли бойко, капиталисты загребали милліоны, биржевые дѣльцы обогащались на счетъ рабочаго класса и мелкихъ собственниковъ. Рабочіе только въ немногихъ случаяхъ и только цѣной упорной, стоившей массы жертвъ, борьбы добивались себѣ въ это время хоть небольшого улучшенія своего положенія. Теперь наступила пора убытковъ, — и капиталисты выбрасываютъ рабочихъ на улицу. А вѣдь кризисъ только еще начинается. Пріостановка правительственныхъ заказовъ въ связи съ финансовыми затрудненіями казны и увеличеніе налоговъ придадутъ еще болѣе широкій и острый характеръ безработицѣ. Либо промышленная горячка, обогащеніе горсти тузовъ, производство товаровъ, не находящихъ сбыта, либо безработица и застой въ дѣлахъ. Таковы неизмѣнные порядки въ всѣхъ капиталистическихъ странахъ, въ которыхъ земля, заводы, фабрики и орудія труда принадлежатъ ничтожному числу богатыхъ, а масса народа находится въ нищетѣ. И только господство соціализма, за который борятся сознательные рабочіе всѣхъ странъ, можетъ положить конецъ этому преступному сочетанію роскоши и массовой нищеты.

Письмо изъ столицы. Былого антагонизма вѣдомствъ между Мин. Внутр. Дѣлъ и Мин. Финансовъ больше не замѣчается. Сипягинъ въ значительной степени ставленникъ Витте, а Витте съ Муравьевымъ заключили миръ, и самымъ простымъ способомъ. Дѣло было такъ: осенью 1899 г. Муравьевъ вплотную подобрался къ дѣлу Мамонтова-Максимова. Максимовъ былъ директоромъ желѣзнодорожнаго департамента Мин. Фин. Этотъ департаментъ подчинилъ все желѣзнодорожное дѣло*). Максимовъ, преслѣдуя одну цѣль — уменьшеніе расходовъ, чтобы доказать доходность до сихъ поръ малодоходныхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, открыто бралъ взятки (за проведеніе, напр., подъѣздного пути по чьей-нибудь землѣ). Тогда Витте для примиренія съ Муравьевымъ просто преподнесъ ему землю на восточномъ берегу Чернаго моря на весьма льготныхъ и выгодныхъ для Муравьева условіяхъ, — и миръ былъ заключенъ.

Какими пріемами руководятся въ высшихъ сферахъ, видно изъ дѣла съ московскимъ электрическимъ трамваемъ. Это дѣло сильно интересуетъ Москву. Здѣсь московское купечество, начинающее проявлять стремленіе къ самостоятельности, выступаетъ въ новомъ свѣтѣ. Дѣло въ томъ, что Москва хотѣла выкупить теперешнюю во всѣхъ отношеніяхъ плохую конку; но однимъ изъ крупныхъ ея пайщиковъ состоитъ Истоминъ, *de nomine* управляющій канцеляріей ген.-губернатора, а фактически ген.-губернаторъ Москвы. (Вел. Князь безъ него, при своей крайней ограниченности, шагу сдѣлать не можетъ, такъ что все рѣшаетъ Истоминъ). Неудивительно, поэтому, что Мин. Внутр. Дѣлъ выкупа не разрѣшило. Тогда городъ рѣшилъ своими средствами построить паралельную электрическую желѣзную дорогу; но для этого рѣшено было сдѣлать общественный заемъ въ 28 милліоновъ рублей. Министерство, конечно, опять отказало. Теперь городъ рѣшилъ сдѣлать частный заемъ; на бывшемъ совѣщаніи московскіе капиталисты подписали уже 16 милліоновъ. А что для теперешняго шефа этого министерства (Сипягина) грязныя дѣлишки не новость, доказывается лучше всего тѣмъ, что онъ былъ пайщикомъ того игорнаго дома, за участіе въ которомъ судился жандармскій полковникъ Меронвиль де Сенъ-Клэръ*), сосланный въ Архангельскъ, откуда онъ, конечно, благополучно бѣжалъ за границу.

Нельзя не отмѣтить, что настоящее время характеризуется начинающейся, но довольно стойкой борьбой земской лѣвой и нѣкоторыхъ городовъ (Тверь, Москва, Харьковъ, Полтава, Нижній, Вологда, Астрахань и т. д.) съ администраціей. Въ то же время замѣчаются рѣзкія столкновенія низшихъ классовъ съ полиціей (Луганскій, Бузулукскій уѣзды — аграрные процессы).

Рабочіе все болѣе привыкаютъ къ отстаиванію своихъ правъ, а пріемы борьбы, проявляемые правительствомъ, остаются прежними и все болѣе и болѣе раздражаютъ общество. Такое раздраженіе вызываетъ, напр., фиксація земскихъ бюджетовъ, мѣра сама по себѣ совершенно безсмысленная, но возбуждающая недовольство въ широкихъ земскихъ кругахъ. Сипягинъ при этомъ дошелъ до такого „провинціализма", что призывалъ къ себѣ лицъ, подозрѣваемыхъ въ агитаціи противъ этого проэкта, и допытывалъ у нихъ: не они-ли написали циркулирующую записку противъ реформы. Ему отвѣчали: „нѣтъ, не писали", — и онъ оставался въ глупомъ положеніи.

Письмо ссыльнаго. Товарищи! Настоящее письмо вызвано желаніемъ остановить ваше вниманіе на одномъ изъ актовъ правительственнаго насилія, до сихъ поръ не только не использованномъ, но по странной случайности вовсе не отмѣченномъ нашей нелегальной русской и заграничной печатью; а между тѣмъ актъ этотъ, непосредственно касаясь русско-сибирской ссылки, является крайне чувствительнымъ для цѣлой категоріи политическихъ ссыльныхъ, а именно для рабочихъ-стачечниковъ, составляющихъ въ настоящее время уже довольно значительный (при томъ прогрессивно растущій) процентъ ссылки. Мы говоримъ о жестокой и унизительной мѣрѣ русскаго правительства, открыто низводящей рабочихъ стачечниковъ на степень „лицъ порочнаго поведенія" и на *этомъ* основаніи уменьшающей размѣръ пособія, выдаваемаго политическимъ ссыльнымъ въ Сибири. (Общій размѣръ пособія въ среднемъ около 9 руб. въ мѣс.; размѣръ пособія стачечникамъ съ января этого года — около трехъ рублей въ мѣсяцъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ Сибири, какъ напр., въ Красноярскѣ Енисейской губ., стачечники съ новаго года получаютъ до полтора рубля въ мѣсяцъ.) Въ Сибири новая правительственная мѣра, вошедшая въ силу съ января этого года, примѣняется, главнымъ образомъ, въ Енисейской губ., куда до сихъ поръ преимущественно ссылаютъ стачечниковъ, разсѣивая ихъ по глухимъ деревушкамъ по теченію Енисея, гдѣ часто не существуетъ колоній политическихъ ссыльныхъ, а слѣд., нѣтъ мѣста и тому внутреннему управленію собой, которое одно могло бы въ данномъ случаѣ служить легальнымъ противодѣйствіемъ грубому правительственному насилію. Низводя рабочаго-стачечника на степень уголовнаго ссыльнаго или, какъ формулируетъ русское правительство, на степень „лица порочнаго поведенія", — исключая его тѣмъ самымъ изъ разряда политическихъ ссыльныхъ — упомянутая мѣра гнететъ рабочаго еще больше морально, чѣмъ матеріально, и слѣд., какъ со стороны экономическаго, такъ и нравственно-политическаго своего содержанія должна имѣть крупное агитаціонное значеніе. Именно въ этихъ цѣляхъ — въ цѣляхъ политической агитаціи среди рабочаго класса — мы просимъ васъ, товарищи, отвѣтить на страницахъ нашихъ изданій какъ упомянутый правительственный актъ, такъ особенно желательность протеста противъ него рабочаго класса. Прибавляемъ, что въ цѣляхъ широкой популяризаціи въ массахъ самого факта и идеи протеста мы признавали бы желательнымъ посвященіе данному вопросу отдѣльнаго изданія въ формѣ самостоятельной и популярной брошюры.

Расправа съ врагомъ. Разные есть враги у русскаго императорскаго правительства. Кто могъ бы ожидать напр., что въ числѣ враговъ его окажется Императорское Вольно-Экономическое Общество? А оно, несомнѣнно, попало теперь въ число враговъ и надъ нимъ чинятъ расправу: пріостановлено дѣйствіе стараго устава, запрещено допущеніе публики, устроенъ полицейскій надзоръ за читаемыми докладами, назначена коммиссія для составленія новаго „безвреднаго" устава (въ настоящее время эта коммиссія, вѣроятно, закончила уже свои „работы"). Въ чемъ провинилось В. Экон. Общество? Въ томъ, что въ него попали люди, осмѣливающіеся сочувствовать истинному просвѣщенію и открыто поднимать и обсуждать вопросы о народныхъ бѣдствіяхъ въ Россіи. А всякое такое обсужденіе, какимъ бы робкимъ языкомъ оно не велось, всегда является обвинительнымъ актомъ противъ русскаго правительства. Эту простую и тысячу разъ подтверждающуюся на дѣлѣ истину съ похвальной откровенностью проболталъ одинъ членъ И. В.-Э. О-ва. На одномъ изъ засѣданій его, когда обсуждался вопросъ о мѣрахъ, вызываемыхъ Императорскимъ приказомъ о „расправѣ", сей достопочтенный господинъ (мы не запомнили, къ сожалѣнію, его имени) взывалъ: „не бывать въ Россіи конституціи"! Замѣчательная логичность и послѣдовательность! Въ рѣчахъ на собраніяхъ И. В.-Э. О-ва слышались далекія намеки на конституцію, — чтобы доказать, что въ Россіи не бывать конституціи, надо расправиться съ В.-Э. Об-вомъ. Надо слѣдить за всѣми подобными крамольническими намеками, а задача эта становится все труднѣе. Растутъ города, развивается потребность во всяческихъ союзахъ, поднимается культурный уровень новыхъ слоевъ населенія, — и наше попечительное правительство начинаетъ прямо метаться отъ одного очага заразы къ другому. Было Юридическое Общество. Пробрались порядочные люди. Стали заикаться о разныхъ правахъ. О правахъ? Долой Юридическое Общество! Были Комитеты грамотности. Пробрались порядочные люди и доказали, что при желаніи можно горсточкѣ людей съ ничтожными средствами сдѣлать для просвѣщенія народа больше, чѣмъ дѣлаютъ тысячи пресмыкающихся чиновниковъ, оберегающихъ народъ отъ просвѣщенія. Урѣзать комитеты грамотности! Было В. Эк. Об-во. Пробрались порядочные люди. Стала ломиться публика на собранія. Отдать подъ надзоръ „Вольное" Общество! Бѣдное правительство! Какъ ему много дѣла, какъ у него много враговъ, — и не только прямыхъ враговъ, а еще и враговъ скрытыхъ, осмѣливающихся лишь слегка сочувствовать, осторожно намекать и почтительнѣйше ходатайствовать!

Для насъ, соціаль-демократовъ, правительство — прямой врагъ. Нашъ долгъ — извлекать уроки политическаго воспитанія рабочаго класса изъ всякой расправы правительства съ мирными и дозволенными закономъ обществами и учрежденіями. Нашъ долгъ также всегда напоминать о томъ, что изъ враговъ нашего врага мы должны умѣть выбирать себѣ союзниковъ.

Студенческія волненія. Намъ пишутъ изъ Кіева отъ 8-го ноября: въ университетѣ начались волненія по поводу назначенія на одну каѳедру юридическаго факультета профессора, который не нравится студентамъ. Ген.-губернаторъ пригласилъ къ себѣ ректора и велѣлъ ему удалить профессора, дабы предупредить безпорядки въ университетѣ.

Изъ С.-Петербурга намъ доставленъ литографированный листокъ слушательницъ женскихъ высшихъ курсовъ съ описаніемъ протеста курсистокъ противъ исключенія первокурсницы Гусевой за „грубость начальству" (не кланялась инспектрисѣ, выражала общее неудовольствіе ассистенткѣ на экзаменѣ латинскаго языка, приносила въ интернатъ чужія вещи, — послѣднее преступленіе столь же непонятно, сколь ужасны два первыя!). Курсистки устроили сходки для протеста и послали депутацію къ директору, который заявилъ, что не можетъ опять принять Гусевой, ибо дѣло передано въ Мин. Внутр. Дѣлъ, а за сходки грозилъ массовыми исключеніями безъ права поступленія. Мин. Внут. Дѣлъ, очевидно, очень мало вѣритъ въ прочность нашего государственнаго порядка, потому что оно усмотрѣло серьезную опасность въ этихъ волненіяхъ: „черезъ три дня — читаемъ мы въ листкѣ — Гусева была выслана административнымъ порядкомъ (въ 24 часа) изъ С.-Петербурга на родину".

„По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Градоначальства и Охраннаго отдѣленія выяснилось, что Гусева, не представляя изъ себя ничего интереснаго въ политическомъ отношеніи, высылается по настоянію учебнаго начальства. — Вотъ фактъ, комментаріи къ которому считаемъ излишнимъ", — заявляетъ листокъ.

Мы только-что узнали изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ Мин. Вн. Дѣлъ усиленно разрабатывается законопроэктъ отдачи въ военную службу тѣхъ неинтересныхъ въ политическомъ отношеніи курсистокъ, которыя осмѣливаются не кланяться инспектрисѣ.

P. S. Мы только-что получили листокъ „Отъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, за подписью „Организаціонной Коммиссіи при СПБ.-скомъ университетѣ листокъ сообщаетъ, что въ СПБ.-скомъ университетѣ были двѣ сходки (18-го и 20 октября) по поводу высылки Гусевой. На второй сходкѣ было около 900 чел.: ничтожнымъ большинствомъ было рѣшено протестовать не въ формѣ демонстраціи, а ограничиться преданіемъ гласности всѣхъ подробностей происшествія.

СПБ.-скіе студенты совершенно правы, говоря, что данный случай произвола есть лишь „частичное проявленіе господствующаго режима". Пусть же идутъ въ ряды борцовъ противъ режима самовластья всѣ, кому ясна недостаточность однихъ заявленій протеста.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ.

Фабрика Максвеля. — Знаменитое избіеніе Максвельцевъ, храбро защищавшихся отъ ночного нападенія разбойнической полиціи, вызвало среди рабочихъ стремленіе къ еще болѣе рѣшительной и упорной борьбѣ. Одинъ корреспондентъ-рабочій этой фабрики пишетъ: ...„Рабочимъ и крикнуть нельзя, какъ ихъ грабятъ. На Руси для этого существуетъ цензура, которая охраняетъ всѣ подлости, совершающіяся правительствомъ и фабрикантами... Нашъ врагъ — царско-полицейскій деспотизмъ, который гнететъ рабочихъ... Товарищи! Постараемся сдвинуть все существующее съ мѣста, и вмѣсто стараго гнилья создадимъ новое правленіе братское, т. е. соціальное съ царствомъ свободы, равенства и братства". Замѣтимъ кстати, что самозащита максвельцевъ заставила полицію быть поосторожнѣе. Полиція остерегается теперь арестовывать по ночамъ съ квартиры, а предпочитаетъ вызывать рабочихъ въ контору завода и арестовать ихъ тамъ. Угощенье полѣньями и кипяткомъ не прошло даромъ!

Фабрика Паля. — Какія безобразныя санитарныя условія встрѣчаются даже на нашихъ крупныхъ столичныхъ фабрикахъ, видно изъ слѣдующаго сообщенія рабочаго: „Есть у насъ товаръ буксинъ, работаемъ его очень гадкимъ уткомъ, грязнымъ, гнилымъ и некрученымъ: такого товару буксина много вездѣ на прочихъ фабрикахъ. Онъ извѣстенъ каждому ткачу; онъ работается у Чешера, на Выборгской сторонѣ, у Воронина, у Митрофанова и на Петербургской сторонѣ, но такого утка плохого нѣтъ нигдѣ, какъ у насъ. Если рабочій начнетъ вдувать нитку безъ опаски, то получитъ цѣлый ротъ пыли грязной, которая насобирается во время хода нитки въ глазкѣ челнока. Каждая шпуля работается полминуты, наработается два вершка. Если сработать кусокъ въ 80 аршинъ, сколько потребуется сработать шпуль, сколько нужно проглотить пыли, гнилой, пахучей? На этомъ товарѣ рабочій не можетъ работать болѣе года, дѣлается больнымъ, и въ солдаты не пойдешь, если буксина поработаешь. Воздухъ у насъ очень плохой, вентиляціи хотя есть, да и тѣ поломанныя не дѣйствуютъ. Паровыя трубы проведены подъ поломъ, полъ грязный, дырявый, въ щели набилась грязь, и сверхъ пола на вершокъ грязи; когда спустятъ паръ по трубамъ, грязь, которая на полу и по щелямъ набилась, начнетъ испаряться; въ это время полъ становится горячимъ, воздухъ вонючимъ, хоть бѣги вонъ отъ станковъ, да бѣжать некуда".

Императорскій фарфоровый заводъ находится въ селѣ Александровскомъ, близъ С.-Петербурга, по Шлиссельбургскому тракту. Онъ существуетъ уже давно: въ годъ смерти Ал. III ему исполнилось 150 лѣтъ, но по случаю траура торжество не состоялось, за то въ день коронаціи Всемилостивѣйше было выдано по рублю на брата.

Заводъ принадлежитъ царской фамиліи и изготовляетъ стекло и фарфоръ исключительно для двора. Онъ занимаетъ около 200 рабочихъ и около 100 служащихъ.

Такимъ образомъ, онъ принадлежитъ самому богатому капиталисту въ Россіи. Особенность этого капиталиста состоитъ въ томъ, что отъ его имени издаются всѣ законы въ Россіи, которымъ должны подчиняться не только всѣ подданные, но и онъ самъ.

Законъ 1897 года, который изданъ якобы для того, чтобы ограничить хоть сколько-нибудь произволъ хозяевъ капиталистовъ, уничтожить самыя вопіющія безобразія на фабрикахъ и заводахъ, былъ подписанъ Николаемъ II. Интересно посмотрѣть, поэтому, подчинился-ли онъ самъ этому закону, уничтожены-ли всѣ эти безобразія на его собственномъ заводѣ. Нѣтъ, не уничтожены! Такой произволъ, такія безобразія, какія существуютъ на императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, трудно найти на другихъ, даже до 1897 года.

Директоръ этого завода — генералъ Гурьевъ. Не своими грозными очами не военными жестами заставляетъ онъ трепетать рабочихъ при своемъ появленіи на заводѣ. Страшенъ онъ своею безконтрольною властью надъ рабочими. Развѣ смѣетъ фабричный инспекторъ явиться на императорскій заводъ? Развѣ возможно жаловаться кому нибудь на генерала Гурьева? Еще всѣ помнятъ, чѣмъ кончилась попытка „жаловаться" 15-ти человѣкъ точильщиковъ на директора завода: они явились лично въ соотвѣтствующее отдѣленіе „собственнаго Его Величества" кабинета и робко заявили свои претензіи. „Какъ! Скопомъ бунтовать!" и пошли мои голубчики подъ конвоемъ городовыхъ въ часть и далѣе на мѣста жительства.

---

*) Хилковъ — не болѣе, какъ услужливый и безхарактерный царедворецъ.

*) Въ сущности этотъ процессъ былъ замаскированъ дѣломъ братьевъ Поповыхъ.

Въ настоящее время вотъ какъ производится разсчетъ на заводѣ. Плата на заводѣ задѣльная, но генералъ систематически сбавляетъ съ „задѣла", сколько ему вздумается. Выработавъ извѣстную сумму, рабочій никогда не знаетъ, сколько онъ получитъ. Сбавляется 10-15-20 руб., по усмотрѣнію. Иногда почему-либо сбавляется и „задѣлъ". Если погода хорошая и генеральская подагра утихаетъ въ день получки, рабочіе получаютъ сносно; если же туманъ и дождь, то генералъ не знаетъ пощады. Если генералъ считаетъ расцѣнки слишкомъ высокими, сбавь расцѣнки, но вычеты съ задѣла какъ-то подозрительны. Что-то здѣсь не чисто! Не даромъ день ото дня краснѣетъ генеральская подкладка: не подъ нее-ли зашиваются заработанные гроши? Зарабатываютъ мастеровые 40-50-60 руб., но заработокъ этотъ рѣдко сполна попадаетъ имъ въ руки. Одинъ рабочій, который прогулялъ день (видѣло его начальство пьянымъ около завода), былъ посаженъ на „ползадѣла" на шесть мѣсяцевъ. Другой разбилъ въ складѣ какую-то штучку — „ползадѣла" на весь годъ!

Попробуйте примирить эту систему штрафовъ съ положеніемъ закона, не допускающаго, чтобы сумма штрафовъ превышала треть заработка и штрафъ за одинъ прогульный день не превышалъ рубля (см. ст. 145, 146, 148 Уст. о пром. 1897 г.).

Но вѣрное начальство не все наказываетъ рабочихъ, иногда оно ихъ и милуетъ. На фарфоровомъ заводѣ оно устроило кассу для рабочихъ. Удерживается три проц. изъ заработка, а рабочимъ выдается 20 руб. на каждое рожденіе и смерть, 20 руб. на свадьбу и пенсія въ случаѣ, если рабочій дослужится на заводѣ до неспособности продолжать работу. Если рабочій, работая на заводѣ много лѣтъ, не женился и не умеръ и уходитъ съ завода работоспособный, онъ получитъ фигу. Это, конечно, привязываетъ рабочихъ къ заводу: прослуживъ 15-20 лѣтъ, рабочій уже не уходитъ, не смотря на то, что могъ бы лучше устроить свою жизнь: ему жалко своихъ 2000-3000 рублей, накопившихся въ кассѣ. Съ такимъ рабочимъ можно не церемониться, можно сбавлять съ его задѣла, сколько хочешь, онъ не уйдетъ. На императорскомъ фарфоровомъ заводѣ сохранились слѣды... закрѣпощенія.

Касса не обязательна, — о нѣтъ! Кто не хочетъ, можетъ не участвовать въ ней, — такъ заявилъ генералъ при началѣ дѣла. Когда же одинъ рабочій тутъ же заявилъ, что онъ жениться не собирается, и что ему, пожалуй, и нѣтъ выгоды участвовать въ кассѣ, генералъ отвѣтилъ: „Подайте мнѣ его паспортъ!", и „нахала" уволили. У вновь поступающихъ не спрашивается ихъ желанія участвовать въ кассѣ, — просто вычитаютъ три процента.

Чѣмъ-то нечистымъ и здѣсь пахнетъ: вѣдь надъ генераломъ нѣтъ контроля! Таковы дѣла на императ. фарфоровомъ заводѣ. Страшно подумать, что хозяинъ этого завода — полный хозяинъ всей Россіи!

Московская губернія.

Пробужденіе кирпичниковъ. Среди различныхъ категорій рабочихъ, если не наименьшимъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно малымъ вниманіемъ къ себѣ пользуются рабочіе кирпичныхъ заводовъ. Да оно и понятно: кирпичное производство у насъ до самаго послѣдняго времени стояло на такой примитивной стадіи развитія своей техники; работа такъ мало требовала спеціализаціи и постоянства состава рабочихъ, что эти послѣдніе скорѣе походили — да и теперь дѣло отъ части только начинаетъ — измѣняться на поденщиковъ, чѣмъ на настоящихъ заводскихъ рабочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что изъ себя представляетъ кирпичный рабочій? Это сѣрый, забитый, обѣднѣвшій, но еще не оторванный отъ земли крестьянинъ, выходящій съ началомъ весны изъ деревенской глуши Тульской, Калужской или Смоленской губ. на заработки въ качествѣ заводскаго рабочаго. Большую часть года онъ проводитъ въ деревнѣ въ тискахъ тѣхъ путъ, которыя она всѣмъ своимъ административно-бытовымъ укладомъ налагаетъ на человѣческую личность. Что-же удивительнаго въ томъ, что онъ, исполняя временную, эпизодическую, такъ сказать роль заводскаго рабочаго, остается по существу тѣмъ же забитымъ, обезличеннымъ крестьяниномъ, какимъ онъ является въ своей деревнѣ, и не только мирится съ удивительнымъ, только русскому крестьянину доступнымъ, минимумомъ культурной обстановки, но даже иногда самъ отказывается отъ тѣхъ крохъ культурной обстановки, которыя ему предоставляетъ законъ. Понятно, что въ такой средѣ всякое движеніе, всякій симптомъ нарождающагося сознанія классовыхъ интересовъ и вообще проявленіе сознательнаго отношенія къ своему положенію, какъ рабочаго, пріобрѣтаетъ особыя интересъ. Я имѣю въ виду движеніе рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ Московской губ. въ прошломъ и настоящемъ годахъ. Движеніе это создано особыми экономическими осложненіями въ кирпичномъ дѣлѣ въ 1899 году.

Нужно сказать, что вообще въ послѣднее время, подъ вліяніемъ развитія капиталистической промышленности въ Россіи и въ Московской губерніи особенно, кирпичные заводы стали мало по малу мѣнять свою физіономію: появились болѣе крупныя предпріятія съ 500-1000 чел. раб., техника производства усложнилась. Подъ вліяніемъ техническихъ условій дѣла измѣнился отъ части рабочій періодъ дѣятельности заводовъ; такъ напр., большинство новыхъ заводовъ стали устраивать у себя, вмѣсто простыхъ напольныхъ печей, болѣе сложныя гофманскія печи, требующія большей опытности обжигалъ и могущія работать круглый годъ. Кое-гдѣ заводятся болѣе сложныя машины для формовки кирпича: попадаются въ послѣднее время заводы, примѣняющіе при выдѣлкѣ кирпича паровыя машины. Словомъ, кирпичные заводы мало по малу капитализируются, если можно такъ выразиться. Этотъ процессъ не остается безъ вліянія на рабочаго, который по неволѣ долженъ спеціализироваться и большую часть года, чѣмъ прежде, оставаться въ шкурѣ заводскаго рабочаго. Въ началѣ кирпичнаго сезона 1899 года на его улицѣ насталъ праздникъ. Кирпичъ, благодаря строительной горячкѣ въ Москвѣ и постройкѣ трехъ желѣзнодорожныхъ линій (Повелецкая, Брянская, Виндавская), поднялся въ цѣнѣ невѣроятно. За строительной горячкой естественно послѣдовала кирпичнодѣлательная горячка: за одинъ лѣтній сезонъ 1899 года въ Московской губ. пооткрывалось болѣе 30 сравнительно крупныхъ заводовъ, разсчитанныхъ на 4000-5000 рабочихъ. Маленькихъ заводовъ возникало также не мало. Масса рабочихъ изъ той же группы, изъ которой вербуются кирпичники, потребовалась на желѣзно-дорожныя земляныя работы; повысился спросъ на рабочія руки для разработки торфа, который усиленно пошелъ въ ходъ вслѣдствіе вздорожанія нефти и донецкаго угля. Словомъ, кирпичникъ оказался „на расхватъ" и понялъ, что и онъ тоже имѣетъ нѣкоторыя права на хозяйскіе барыши. Въ началѣ Мая на большомъ заводѣ Якунчикова (близь деревни Черемушки, въ 15 верстахъ отъ Москвы) рабочіе устроили стачку и потребовали повышенія заработной платы. Заводчикъ отказалъ въ прибавкѣ. Работы не возобновлялись нѣсколько дней и, когда послѣ настойчивыхъ требованій рабочихъ плата не была повышена, они удалились съ завода. Никакихъ безчинствъ со стороны рабочихъ не было допущено. Стачка на заводѣ Якунчикова была сигналомъ. Послѣдовала стачка на заводѣ Челнокова въ Мытищахъ (болѣе 1000 рабочихъ), а затѣмъ почти на всѣхъ заводахъ рабочіе отказывались приступать къ работамъ. Заводчики упорствовали, а рабочіе ходили съ завода на заводъ и, встрѣчая нежеланіе владѣльцевъ повысить платы, не начинали работъ. Благодаря такому положенію дѣла, въ теченіе почти двухъ недѣль ни одинъ болѣе или менѣе крупный заводъ не работалъ. Наконецъ, хозяева сдались, и рабочіе торжествовали побѣду. Цѣна за выдѣлку тысячи кирпичей была повышена съ 2 р. 65 к. до 3 р. 10 к. (тысячу кирпичей могутъ сдѣлать двое рабочихъ въ день). Это внезапно проявившееся, хотя и раньше подготовленное капиталистическимъ ростомъ кирпичнаго производства движенія, кромѣ повышенія заработковъ, дало и другіе, еще гораздо болѣе цѣнные результаты: оно положительно переродило рабочаго; со времени стачки его трудно узнать: вмѣсто забитаго на все согласнаго кирпичника, вы видите передъ собою требовательнаго, понимающаго свои права человѣка, находящагося въ явной опозиціи къ хозяину. И хозяинъ сталъ жаловаться, покачивая головой: „Что за народъ сталъ, что за народъ! Просто хоть бросай дѣло!" Недовольство хозяина не ограничилось, однимъ покачиваніемъ головой да причитаніями: въ маѣ 1900 г., т. е. въ началѣ нынѣшняго сезона всѣ владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ кирпичныхъ заводовъ собрались въ Москвѣ на совѣтъ и порѣшили: 1) задатковъ рабочимъ не давать; 2) не повышать платы за тысячу кирпичей выше 2 р. 65 к. (старая цѣна) и 3) каждому изъ собравшихся внести залогъ въ обезпеченіе того, что эти условія онъ выполнитъ.

Война, однако, не прерывалась въ теченіи всего только-что закончившагося сезона. Едва-ли найдется много кирпичныхъ заводовъ въ Московской губ., на которыхъ не было послѣднее лѣто забастовки, хотя бы на нѣсколько дней.

Всюду рабочіе добивались завоеванія въ прошломъ году платы, но на этотъ разъ, если не полностью, то въ огромной степени побѣда осталась за заводчиками. Кое-гдѣ рабочимъ удалось добиться увеличенія платы на 10 коп. съ 1000 кирпичей. Прибавки эти, между прочимъ, выдавались какъ бы тайно: безъ записи въ книжку, повидимому, во избѣжаніе кары со стороны членовъ своеобразнаго синдиката.

Такимъ образомъ, второй годъ борьбы кирпичныхъ рабочихъ съ хозяевами не увѣнчался полнымъ успѣхомъ; въ этомъ сказалось относительное безсиліе неорганизованнаго рабочаго движенія въ борьбѣ съ сплоченнымъ врагомъ; но ужь и эти два года оставили на психикѣ кирпичника-рабочаго глубокій слѣдъ.

Съ фабрики Рабенекъ. „Въ Россіи законы пишутся такъ, чтобы ихъ легко было обходить". Такъ совершенно справедливо, къ стыду русскаго правительства, полагаютъ московскіе фабриканты.

Обсчитывать и обмѣривать своихъ покупателей не станетъ теперь ни одинъ порядочный магазинъ, тогда какъ фабриканты — эти хваленые представители отечественной промышленности, эти милліонеры, претендующіе на первое мѣсто въ государствѣ, систематически обмѣриваютъ и обкрадываютъ своихъ рабочихъ. Сидитъ, напр., разбойникъ, по фамиліи Раббенекъ, около станціи Щелково Моск.-Ярославской жел. дороги и сосетъ кровь изъ крестьянскаго населенія, какъ вампиръ. Есть у него красильня съ 1000 рабочихъ (мѣстныхъ крестьянъ), тамъ приготовляются разныя цвѣтныя матеріи для Персіи и Закаспійскаго края; а теперь онъ построилъ новую ткацкую фабрику съ разными усовершенствованіями послѣдняго слова науки; рабочихъ тоже около тысячи, только большею частью пришлые, бывалые люди. Въ маѣ 1900 г. начала работать фабрика, а въ августѣ рабочіе уже запротестовали противъ хозяйскихъ безобразій. Да и не даромъ! Порядки на фабрикѣ дѣйствительно безобразные. Помѣщенія для рабочихъ крайне неблагоустроенныя; рабочіе должны платить за керосинъ, за воду и за всякую мелочь. Продукты они должны брать въ лавкѣ хозяина, хотя цѣны тамъ гораздо выше, чѣмъ въ другихъ лавкахъ. Такъ напр., за второй сортъ мяса съ костями они платятъ 17 коп. за фунтъ, тогда какъ на сторонѣ они могли бы имѣть то же самое за 14-15 коп., а то и дешевле. По книжкѣ рабочему, подводя итоги, присчитываютъ на одной страничкѣ полкопѣйки, на другой ¾ копѣйки и т. д., въ общемъ получаются пятачки и гривеннички, а для хозяина довольно-таки кругленькая сумма. Заработная плата назначается одна, а выдается другая; безпрестанные штрафы сокращаютъ ее еще больше. А жизнь все дорожаетъ, и все труднѣе пробиться рабочему на тѣ гроши, которые платитъ ему фабрикантъ изъ своихъ милліоновъ. И вотъ въ августѣ кучка рабочихъ, человѣкъ въ 100, потребовали хозяина на фабрику и заявили ему о томъ, что ихъ обмѣриваютъ, когда они подаютъ работу, обсчитываютъ приказчики въ лавкѣ, и потребовали, на ряду съ разслѣдованіемъ этого обкрадыванія, прибавки заработной платы.

Протестъ былъ не дружный и далеко не общій, но вѣдь это была первая попытка отстоять свои права. И хоть не многаго добились рабочіе въ улучшеніи своего матеріальнаго положенія (только въ лавкѣ перестали считать полкопѣйку за копѣйку) и хоть это вполнѣ спокойное требованіе рабочихъ повлекло за собой арестъ шести товарищей, которыхъ связали(!) и увезли въ Москву, обвиняя ихъ въ подстрекательствѣ къ „бунту", — въ нравственномъ отношеніи оно подѣйствовало хорошо на рабочихъ, и не далеко, вѣроятно, время, когда за первой попыткой послѣдуютъ другія, болѣе удачныя.

Харьковъ.

Черезъ два дня послѣ провала, бывшаго 27-28-го октября здѣсь распространенъ слѣдующій листокъ:

КО ВСѢМЪ КТО ВЪ ПРАВДУ ВѢРУЕТЪ!

> Вихорь злобы и бѣшенства носится
> Надъ тобою, страна безотвѣтная!

Въ пятницу (27-го октября) и отчасти въ субботу (28-го) по всему городу были произведены обыски болѣе, чѣмъ у 120 чел., арестовано около 30 интеллигентовъ и около 50 рабочихъ; не пощадили ни пола, ни возраста; не считались съ покоемъ семейнаго очага, который будто охраняетъ наше правительство. Тюрьмы, участки переполнены; арестованнымъ придется сидѣть въ безобразнымъ камерахъ, которыя занимались пьяницами, золоторотцами. „Такъ имъ и надо, — не бунтуй!" говорятъ жандармы да шпіоны и радостно потираютъ руки: сдѣлано чистое дѣльце! Тоже произошло и въ другихъ городахъ: Питерѣ, Кіевѣ, Ростовѣ... Отвратительная гадина дѣлается все прожорливѣе, требуетъ все новыхъ жертвъ, предчувствуя начало конца. Георгій Побѣдоносецъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и скоро сотретъ главу змія... Кто же этотъ змій и Георгій Побѣдоносецъ? Вотъ ужъ многіе вѣка раскололась наша Русь на двѣ Россіи. Не смѣшивайте ихъ! Одна такъ называемая Россія, это — опричнина; другая, неоффиціальная, подозрѣваемая Россія, это — земщина. Опричниковъ сотни тысячъ, земщины десятки милліоновъ. Кадило и плеть, красный околышъ и двадцатое число, загребущая рука и придворная ливрея, синій мундиръ и предательскій языкъ — вотъ опричнина. Ея опора — вѣковая традиція, египетская тьма, тупая покорность; ея оружіе — грубое насиліе, ложь и произволъ. Въ ея распоряженіи организованная сила и казна. Они называютъ себя охранителями, истинно русскими людьми, подъ ихъ гнетомъ стонетъ земщина, стонетъ ободранный, какъ липка, крестьянинъ, стонетъ измученный дешевымъ и тяжелымъ трудомъ рабочій, стонетъ затравленный интеллигентъ. И вотъ всѣ лучшіе люди земщины, которые не могутъ слышать спокойно этотъ стонъ, которые стремятся сѣять „разумное, честное, вѣчное", называются крамольниками, врагами Россіи, т. е. опричнины". Это они крамольники которые говорятъ: „наше оружіе выковано изъ духа новаго времени, вашъ мечъ — наука, нашъ щитъ — наша правда, наше знамя — любовь къ человѣку. Это они крамольники, они, а не опричники, которые нагло прикрываютъ Петербургскій и Московскій комитеты грамотности за то, что они тысячи полезныхъ книгъ пустили въ народъ; подвергаются опалѣ Московское Юридическое Общество за то, что оно служило законности; изгоняютъ профессоровъ — гордость и славу Россіи, М. Ковалевскаго, Мельникова, Эрисмана, Милюкова и др. за то, что „они глаголомъ жгли сердца людей? Это-ли не наглая ложь!... Земщина, куда ты смотришь? Погляди, сколько лучшихъ сыновъ твоихъ томятся въ застѣнкахъ. Новиковъ и Радищевъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, Герценъ и Лавровъ, Бѣлинскій и Чернышевскій, тысячи менѣе талантливыхъ, но не менѣе любящихъ родину подверглись гоненію „правды ради". Длинными вереницами шли лучшіе люди науки, а подлая опричнина намѣчала все новыя жертвы. Но никогда на Руси не обострялась такъ борьба свѣта и тьмы, какъ теперь. Тысячи людей по всѣмъ городамъ и весямъ запираются въ тюрьмы, а десятки тысячъ идутъ имъ на смѣну. Георгій Побѣдоносецъ уже возсталъ! Онъ сотретъ главу змія! Слушайте! Георгій Побѣдоносецъ говоритъ устами покойнаго Либкнехта: „Вы хотите затоптать движеніе. Топчите! Здѣсь вы затоптали вспыхнувшій огонекъ, но и тамъ, и въ другомъ мѣстѣ, за вами, передъ вами и кругомъ васъ — повсюду прорываются новые пламенные языки. Это подземный огонь, который вы не потушите. Горитъ почва, на которой вы стоите. Вы хотите схватить бунтовщиковъ? Хватайте каждаго фабриканта, обогащающагося неоплаченнымъ трудомъ рабочихъ; помѣщика, эксплуатирующаго батраковъ; машину, которая производитъ революцію въ промышленности". Георгій Побѣдоносецъ правъ — движенія не затоптать: оно приняло массовый характеръ, земщина просыпается, внутренняя война кипитъ по всей линіи. Выставляйте же активныхъ борцовъ, выставляйте братьевъ и сестеръ милосердія. Перевязывайте раны вашимъ борцамъ. Они снова должны устремиться въ бой. Организуйте кружки для сбора средствъ. Въ средствахъ активные борцы нуждались всегда. Всѣ, кто сочувствуетъ, кто считаетъ себя принадлежащимъ къ земщинѣ: врачи, адвокаты, литераторы, студенты, рабочіе и проч., помогайте потерпѣвшимъ въ борьбѣ. Красный Крестъ будетъ посредникомъ между нами и вами!

Нижній-Новгородъ.

Въ ночь съ 11 на 12 сентября 1900 г. на Сормовскихъ заводахъ были разбросаны прокламаціи по случаю годовщины Сормовскихъ безпорядковъ. Вкратцѣ дѣло это заключается въ слѣдующемъ: заработная плата въ Сормовскихъ заводахъ выдавалась разъ въ мѣсяцъ, въ первую субботу послѣ 20-го, но не позже 26-го числа. Въ субботу 24-го іюля 1899 г. рабочіе ждали выдачи заработанныхъ денегъ, но оказалось, что директоръ не получилъ изъ Петербурга нужную сумму денегъ для разсчета съ рабочими, о чемъ и объявилъ и предложилъ харчевыя записки на продукты Сормовской потребительной лавки. Харчевыя записки въ большомъ ходу, но рабочіе берутъ ихъ не охотно, такъ какъ товары въ лавкахъ и дороже, и хуже. На предложеніе директора завода Фосса взять харчевыя записки рабочіе отказались и настойчиво требовали выдачи заработной платы. Толпа увеличилась и достигла тысячи человѣкъ; кто-то изъ заводскихъ мальчиковъ бросилъ камень въ директорскую квартиру: этого было достаточно, чтобы раздраженная толпа начала шумѣть, бросать камни и ломать машины и т. п. Вызваны были изъ города войска (заводы находятся въ 7 верстахъ отъ Нижняго), но безпорядки кончились раньше, чѣмъ прибыли войска. 23-го августа 1900 г. Московской судебной палатой разбиралось дѣло о Сормовскихъ безподядкахъ, и изъ 16 обвиняемыхъ 10 приговорены къ аресту отъ трехъ недѣль до одного мѣсяца.

Изданная по случаю годовщины этихъ безпорядковъ прокламація приглашаетъ требовать прекращенія сверхъурочныхъ работъ, которыя заводчики вводятъ для того, чтобы понизить расцѣнки, пользуясь тѣмъ, что рабочіе зарабатываютъ въ началѣ больше прежняго; возстаетъ противъ обиранія рабочихъ въ потребительной лавкѣ (на харчевыхъ запискахъ рабочіе теряютъ до 20 проц., какъ было доказано на судѣ); клеймитъ „лизоблюдовъ", которые говорили на молебнѣ о своемъ глубочайшемъ прискорбіи по поводу прошлогоднихъ безпорядковъ, о прощеніи забвеніи прошлаго. Прокламація зоветъ къ дружной борьбѣ съ хозяевами и правительствомъ и указываетъ на примѣръ заграничныхъ рабочихъ, которые давно пользуются политическими правами.

* * *

Мы только что получили извѣстіе, что въ нижнемъ волненія на заводахъ и аресты. Подробности надѣемся сообщить въ слѣд. №.

Екатеринбургъ.

Помѣщаемъ ниже письмо рабочаго одной екатеринбургской типографіи о выигранной стачкѣ. Пересылая это письмо, нашъ корреспондентъ сопровождаетъ его характеристикой сильно измѣнившагося за послѣднее время настроенія екатеринбургскихъ типографщиковъ.

„Есть напр., здѣсь типографія, пишетъ онъ, человѣкъ въ 30-40. Года два тому назадъ въ ней царили самыя патріархальныя отношенія. Завѣдующій, самодуръ, обращался съ рабочими крайне грубо, никакихъ законовъ не признавалъ. „Какъ хочу, такъ и ворочу". Теперь времена перемѣнились, здѣсь спросъ на типографщиковъ, и они могутъ выбирать — переходить изъ одной типографіи въ другую. Рабочіе не спускаютъ теперь завѣдующему ничего и, чуть что, идутъ къ фабричному инспектору или требуютъ разсчета. Ѣздилъ завѣдующій къ губернатору жаловаться, что рабочіе уходятъ. Какъ же они уходятъ, спрашиваетъ губернаторъ, всѣ сразу? — Нѣтъ. — Ну, такъ что же я могу сдѣлать? Это показываетъ только, что у васъ рабочимъ плохо жить. Такъ и уѣхалъ завѣдующій отъ губернатора ни съ чѣмъ. Особенно отличаются ученики. Подростки все бойкіе, грамотные, книжку ѣдятъ, какъ бѣлый калачъ. Съ ними хозяину нѣтъ никакого сладу. Заставляетъ онъ ихъ, напр., не въ рабочіе часы разносить корректуры. Сговорились между собою мальчики, и заявили хозяину, что корректуры носить не станутъ, — не ихъ дѣло, да и занимать ихъ въ неурочное время онъ не можетъ. — Вонъ! пошли! Заставлю, и ночью будете работать! — Ну, нѣтъ, заявляетъ одинъ изъ мальчиковъ, это рабство, а времена рабства прошли, все впередъ двигается. Стачку устраиваете? — Ну нѣтъ, говоритъ одинъ изъ мальчиковъ, я читалъ, какія стачки-то бываютъ, по двѣ тысячи человѣкъ, а мы что же, — всего три мальчика. А завѣдующему безъ мальчиковъ нельзя обойтись; пересталъ онъ посылать съ корректурами, но принялъ еще трехъ мальчиковъ и велѣлъ метранпажу поскорѣе поучить ихъ. Метранпажъ все настраиваетъ, но не зѣваютъ и старые ученики; мы, рабочіе, толкуютъ они новичкамъ, должны дружно держаться! Зоветъ хозяинъ прежнихъ мальчиковъ и объявляетъ имъ разсчетъ, смотритъ, а новички тоже разсчета требуютъ. — Вы чего? Сами вѣдь просились? а теперь расчетъ! — Чтоже что просились, а теперь не хотимъ служить, разъ вы такъ съ нашими товарищами поступаете. Плюнулъ завѣдующій и оставилъ всѣхъ мальчиковъ, всѣ работаютъ и корректуры не носятъ. Да и не только завѣдующему, а и рабочимъ старой закваски иногда солоно приходится отъ учениковъ. Такъ, напр., разъ одинъ рабочій ударилъ за что-то ученика. смотрятъ, всѣ ученики бросаютъ работу, окружили его, и одинъ изъ нихъ выступилъ рѣчью: Какъ вамъ не стыдно такъ поступать? не можете развѣ словесно объяснить? Я вамъ передъ всѣми товарищами заявляю, что такъ стыдно поступать. Побѣжалъ рабочій жаловаться завѣдующему, а тотъ говоритъ: что я съ ними, чертями, дѣлать буду?

„Въ былыя времена, въ день тезоименитства завѣдующаго рабочіе подносили ему подарокъ, а онъ угощалъ ихъ. Въ этомъ же году часть рабочихъ отказалась на подарокъ давать: найдется лучшее употребленіе деньгамъ. Завѣдующій обидѣлся и не принялъ подарокъ отъ остальныхъ. Такъ и стоитъ графинчикъ съ музыкой и съ вертящимися рюмками въ шкафу, весь запыленный, а рабочіе подсмѣиваются надъ усердствовавшими товарищами".

Письмо рабочаго. „Въ понедѣльникъ 28 августа хозяинъ мастерской, въ которой я служу, объявилъ рабочимъ: работы поступило много и есть спѣшный громадный заказъ, то необходимо работать праздниками до обѣда. 29-го былъ годовой праздникъ (этотъ праздникъ не былъ внесенъ въ табели внутренняго распорядка), рабочіе пришли и проработали до обѣда, сильно негодуя. 30-го августа раньше работали только до обѣда, хотя тоже не внесено въ табели. Хозяинъ объявилъ: работать цѣлый день! 30-го августа никто не явился на работу, не исключая ни мальчиковъ, ни престарѣлыхъ рабочихъ. Пришелъ только одинъ депутатъ объявить хозяину волю своихъ товарищей, а эта воля состояла вотъ въ чемъ: 1)Пересмотръ табели праздниковъ: тѣ, которые не внесены, внести и засвидѣтельствовать фабричной инспекціей; 2) всеобщая прибавка жалованья, не исключая никого; 3) ранѣе трехъ мѣсяцевъ не расчитывать никого, разъ хозяинъ согласится на требованія рабочихъ.

„Депутата угощали водкой, раками, заграничными сигарами, говорили съ нимъ ласково, хотя сами сидѣли, какъ на иголкахъ, а часто мѣнялись въ лицѣ. Грозили жандармами, кандалами, тюрьмой и кончили тѣмъ, что согласились на всѣ условія. Хозяинъ только повторялъ: ладно, я на все согласенъ, только принимайтесь за работу скорѣе. Стачка длилась одинъ день и дала блестящіе результаты. Рабочіе чувствуютъ себя очень бодро, смотрятъ смѣло и энергично. „Веди насъ, говорятъ они, мы завоюемъ съ тобою города".

Письмо изъ той же типографіи отъ 23-го октября: „Теперь у насъ двѣ смѣны, денная и ночная, денная работаетъ 10 час., а ночная 8 час. Прибавка жалованья тутъ же, послѣ соглашенія. Кто получалъ 15 р., тотъ переѣхалъ на 17, на 20. Обхожденіе хозяина перемѣнилось до неузнаваемости. Старики-рабочіе дивуются.

„Вотъ, братъ ты мой, 17 лѣтъ работалъ, какъ свѣчка стою, а окромя „ребята" да „ты" ничего не слыхалъ, а тутъ, наводи „вы" да „господа" только и слышишь". Но рабочіе и этимъ недовольны и расходятся туда, гдѣ еще выгоднѣе, въ особенности молодежь. Явился спросъ на наши руки, и для молодежи жалованье идетъ быстрыми скачками: не рѣдкость перешагнуть съ 2 на 20 руб., но кто получаетъ 25 - 30 руб., тому перешагнуть на 40 - 45 очень трудно..."

Ткацкая фабрика братьевъ Макаровыхъ. 20-го сентября администраціей фабрики было объявлено рабочимъ пониженіе заработной платы на 10 %. 36 человѣкъ ткачей категорически отказались отъ работы и заявили въ конторѣ, что они будутъ жаловаться за всѣ притѣсненія и обиды, причиняемыя рабочимъ какъ самими братьями Макаровыми, такъ и лицами, которымъ ввѣренъ надзоръ за работами, и не примутся за работу, пока фабричное правленіе не прибавитъ сверхъ бывшей нормы заработной платы еще 20 %. Кулаки Макаровы, купно съ директоромъ, отвѣтили смѣхомъ на требованіе рабочихъ и объявили этихъ 36 человѣкъ не служащими, т.е. просто прогнали съ фабрики. Тогда они начали останавливать идущихъ на работу товарищей рѣчами, чтобы всѣмъ не работать, а иногда пускались въ ходъ и кулаки. 21-го сентября явилось на работу 15 чел. изъ 350. Тогда бр. Макаровы, не долго думая, дали знать полиціи, а рабочіе предупредили жалобой, поданной какъ мѣстному фабричному инспектору, такъ и пермскому. Въ жалобѣ были выставлены всѣ придирки, незаконные штрафы и неисполненіе договоровъ и обязательствъ въ отношеніи къ ткачамъ, привезеннымъ изъ Москвы. Ткачи эти были наняты. на 35 руб. жалованья; черезъ три мѣсяца они были поставлены на сдѣльную работу и, вмѣсто 35 руб., они заработали не болѣе 22 руб. Присутствіе пермскаго фабричнаго инспектора и его уговоры уступить рабочимъ не подѣйствовали на бр. Макаровыхъ. „Закроемъ лавочку, говорили они, а не уступимъ". Потерявъ надежду на пермскаго фабричнаго инспектора, рабочіе подали жалобу въ СПБ., за своими подписями. Подписей было около 300. Съ 20-го сентября длится стачка. Ежедневно происходятъ жаркія драки стойкихъ рабочихъ съ малодушными и полиціей. Жандармерія тоже работаетъ, но безъ успѣха, и которыхъ забираетъ, то въ скоромъ времени выпускаетъ.

Дальнѣйшія извѣстія: Изъ СПБ.-га пріѣхала коммиссія изъ четырехъ человѣкъ, уговорили фабрикантовъ Макаровыхъ уступить; плата повышена и заплачено за все прогульное время, но въ сокращеніи рабочаго времени и введеніи третьей смѣны отказано.

Какъ только пріостановили движеніе грузовъ по сибирской жел. дорогѣ, благодаря Китайской войнѣ, Макаровы сбавили расцѣнокъ на полкопѣйки съ утка, говоря, что товаръ залеживается и не идетъ въ ходъ. Сдѣлано это было съ согласія рабочихъ, которые думали, что сбавка временная. Въ сентябрѣ Макаровы сбавили еще полкопѣйки. Рабочіе отказались отъ работы. Теперь снова введена прежняя плата.

Коммиссія требуетъ съ Макаровыхъ за проѣздъ изъ Петербурга. „Мы васъ не требовали, требовали васъ рабочіе, пускай они и платятъ". Пришлось заплатить Макаровымъ.

Одесса.

Война съ китайцами пришлась солоно одесскимъ портовымъ рабочимъ. Администрація зафрахтовала всѣ коммерческія суда для нагрузки военныхъ пароходовъ, отправляемыхъ въ Китай. При этомъ вся работа по нагрузкѣ исполнялась солдатами. Масса портовыхъ рабочихъ осталась безъ работы. Нѣсколько разъ безработные требовали, чтобы имъ дали хлѣба или работы. А когда ихъ просьбы не были уважены, они въ день торжественной посадкѣ войскъ на суда, произвели основательный разгромъ магазиновъ одесской буржуазіи. Хотя во время безпорядковъ и происходило уничтоженіе имущества евреевъ, тѣмъ не менѣе они отличались отъ обычныхъ „еврейскихъ погромовъ". На ряду съ еврейскими мѣщанами и ремесленниками пострадали крупнѣйшіе одесскіе капиталисты, какъ христіане, такъ и евреи. Особенно ожесточенному разгрому подверглась самая богатая улица — Дерибасовская. Теперь одесскій градоначальникъ, ничего не сдѣлавшій для того, чтобы не оставались безъ хлѣба тысячи портовыхъ рабочихъ, проявляетъ чрезвычайную „энергію" въ дѣлѣ подавленія „бунта". Арестовавъ не болѣе, не менѣе 1041 чел., онъ выслалъ по этапу на родину всѣхъ иногороднихъ, мѣстныхъ же жителей подвергъ аресту на три мѣсяца. Тому же наказанію онъ подвергаетъ каждый день лицъ, виновныхъ „въ распространеніи ложныхъ слуховъ относительно безпорядковъ". Такихъ лицъ, судя по приказамъ, печатаемымъ въ газетахъ, оказывается очень много. Да не мудрено: тотъ же градоначальникъ запретилъ печатать въ одесскихъ газетахъ что-либо, относящееся до безпорядковъ. Откуда же публикѣ знать, какія свѣдѣнія вѣрны и какія представляютъ „ложные слухи"? Повидимому, одесскій градоначальникъ хочетъ заставить населеніе прекратить всякіе разговоры объ этихъ событіяхъ. Что-жъ? Русскій администраторъ не остановится и передъ такимъ безумнымъ предпріятіемъ... Всѣ эти расправы совершаются, конечно, безъ суда, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Въ Николаевѣ въ день 4-го мая нѣсколько сотъ рабочихъ на Черноморскомъ заводѣ не работали и торжественно отпраздновали всемірный рабочій праздникъ. За такое преступленіе 53 семейства высланы изъ Николаева по распоряженію губернатора.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТІИ.

Наша газета газета появляется въ свѣтъ въ концѣ послѣдняго года XIX-го вѣка, въ такой моментъ, когда соціаль-демократія всѣхъ странъ будетъ стараться дать себѣ отчетъ въ томъ, что достигнуто ею съ тѣхъ поръ, какъ она стала во главѣ рабочаго движенія, съ какими очередными задачами вступаетъ она въ новое столѣтіе и какими силами и средствами располагаетъ она для ихъ рѣшенія. Въ тѣсныхъ рамкахъ газетной статьи и принимая во вниманіе недостаточное знакомство большинства русскихъ читателей съ исторіей и современнымъ состояніемъ международнаго рабочаго движенія, трудно дать надлежащій всесторонній отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Въ предлагаемой я ограничиваюсь, поэтому, попыткой представить лишь общій итогъ этого движенія, и притомъ главнымъ, почти исключительнымъ образомъ съ цѣлью выяснить и оправдать передъ читателями ту точку зрѣнія, съ которой въ нашемъ органѣ будутъ оцѣниваться событія, факты, явленія освободительной борьбы пролетаріата. Мы считаемъ нужнымъ заранѣе указать нить, которой будемъ руководствоваться въ лабиринтѣ международной общественной жизни, и установить масштабъ, которымъ будемъ измѣрять историческую важность отдѣльныхъ проявленій ея и поступательнаго хода освободительной арміи рабочаго класса. Надѣюсь, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы, ради такой цѣли, откладываемъ обозрѣніе текущихъ событій до слѣдующихъ номеровъ.

I.

Было время, когда одни только „друзья народа" упрекали соціаль-демократовъ въ томъ, что они будто ничего не дѣлаютъ для улучшенія жизненныхъ условій пролетаріата въ современномъ буржуазномъ обществѣ, что, стремясь къ соціалистической революціи, они-де совершенно забываютъ о сегодняшнихъ, неотложныхъ нуждахъ и неотложныхъ интересахъ рабочихъ массъ. При этомъ „народолюбивые" враги соціаль-демократіи указывали на рабочее дввиженіе Англіи, какъ на примѣръ, достойный всеобщаго подражанія, какъ на образецъ настоящаго, истиннаго разумнаго, или, какъ у насъ недавно выражались, „чисто" рабочаго движенія. Что буржуазные ученые, писатели и политики такъ безусловно превозносили ремесленные и потребительные союзы Англіи на счетъ соціаль-демократическаго движенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ глазахъ буржуа, хотя бы самыхъ либеральныхъ и гуманныхъ, союзы эти уже потому заслужили величайшей похвалы, что не „увлекались" самостоятельной политической борьбой, а наоборотъ, довѣрчиво шли за либералами (а иногда, увы! и за консерваторами) — поскольку ихъ члены вообще интересовались политикой — и соціализма знать не хотѣли.

Гораздо удивительнѣе то, что въ послѣдніе годы появились господа, которые, подъ флагомъ соціаль-демократіи, почти-что повторяютъ тѣ-же мудрые рѣчи тѣ-же упреки по ея адресу, что прежде высказывали явные враги ея. Господа эти, по своимъ вкусамъ и стремленіямъ, не далеки, повидимому, отъ библейскаго охотника Исава, который, какъ извѣстно, за чечевичную похлебку продалъ свое право первородства. Имъ хочется, чтобы и рабочія организаціи, борющіяся теперь подъ знаменемъ революціоннаго соціализма, отодвинули всякіе помыслы о соціалистической революціи на задній планъ и сосредоточили всѣ свои усилія и все свое вниманіе на заботахъ о сегодняшнемъ днѣ, на борьбѣ за частичныя, непосредственныя улучшенія въ жизни рабочихъ. Если не совсѣмъ, то въ значительной степени и для нихъ программа и тактика, долгое время господствовавшія въ рабочемъ движеніи Англіи, являются идеаломъ, который должны-бы усвоить рабочія партіи всѣхъ странъ.

Слушая полусоціалистическихъ и явно буржуазныхъ поклонниковъ старыхъ англійскихъ рабочихъ союзовъ, можно думать, что эти послѣдніе Богъ знаетъ какихъ громадныхъ улучшеній добились для рабочаго класса Англіи, между тѣмъ какъ соціаль-демократія, господствующая въ рабочемъ движеніи большинства всѣхъ другихъ странъ, не только сама ничего не съумѣла или даже не хотѣла добиться для поднятія жизненнаго уровня представляемаго ею пролетаріата, но еще и другимъ мѣшала плодотворно работать для этой цѣли. На самомъ же дѣлѣ, дѣятельность соціаль-демократическихъ партій на материкѣ Европы далеко не такъ безрезультатна и для экономическаго положенія рабочихъ массъ, какъ это утверждаютъ ея противники; а съ другой стороны, результаты, достигнутые англійскими рабочими союзами, совсѣмъ ужъ не такъ велики, какъ это кажется ихъ безусловнымъ поклонникамъ и хвалителямъ. Дѣло въ томъ, что на успѣхи этихъ союзовъ они смотрятъ сквозь увеличительныя стекла, а на плоды соціаль-демократическаго движенія — сквозь стекла уменьшительныя. Кромѣ того, они закрываютъ глаза или нарочно обходятъ молчаніемъ два обстоятельства, имѣющіе первостепенное значеніе для сравнительной оцѣнки результатовъ рабочаго движенія Англіи и другихъ передовыхъ странъ Европы. Какъ извѣстно, въ, Англіи рабочіе начали организованную борьбу со своими эксплуататорами значительно раньше, чѣмъ даже во Франціи и Германіи, не говоря уже объ Австріи, Италіи, Даніи, Швейцаріи и т. д. Въ пятидесятыхъ годахъ англійскій пролетаріатъ обладалъ уже сильными организаціями, съ огромнымъ числомъ членовъ и богатыми кассами; а на материкѣ Европы пролетаріатъ еще спалъ глубокимъ сномъ или, какъ во Франціи, пребывалъ въ оцѣпенѣломъ состояніи послѣ страшнаго кровопусканія, вынесеннаго имъ во время іюньскаго возстанія 1848 года. Эпоха современнаго рабочаго движенія даже въ передовыхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, начинается, собственно говоря, около 60-хъ годовъ и только въ послѣднее десятилѣтіе оно достигаетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ той силы и того размѣра, какихъ оно достигло въ соединенномъ Королевствѣ уже около середины нашего вѣка. При чемъ же тутъ соціаль-демократія? По меньшей мѣрѣ, странно винить ее за то, что пролетаріатъ, значительно позже выступившій на путь борьбы со своими эксплуататорами, не добился отъ нихъ еще такихъ уступокъ, какъ въ Англіи, рабочее движеніе которой чуть не полъ вѣка старше, чѣмъ въ Германіи, Австріи, не говоря уже о другихъ европейскихъ странахъ.

Но еще болѣе существеннымъ является то обстоятельство, что въ періодъ расцвѣта и упроченія своихъ крупнѣйшихъ рабочихъ организацій, англійскій борющійся пролетаріатъ находился въ сравнительно болѣе выгодныхъ условіяхъ для достиженія непосредственныхъ улучшеній въ своей жизни, чѣмъ пролетаріатъ въ главныхъ странахъ материка Европы въ соотвѣтствующій періодъ своего развитія. Извѣстно, напр., какое вліяніе имѣлъ на положеніе англійскихъ рабочихъ тотъ фактъ, что еще въ первыя десятилѣтія послѣдней половины нашего вѣка эти страны, какъ и Сѣверная Америка, по своему промышленному развитію стояли такъ далеко позади Англіи, что не только не дѣлали ей конкуренціи своими промышленными издѣліями внѣ своихъ границъ, но и сами еще покупали и потребляли продукты ея промышленности, служа рынками для ихъ сбыта. Всемірное промышленное господство Англіи имѣло своимъ непосредственнымъ результатомъ то, что всѣ новѣйшія усовершенствованія въ путяхъ сообщенія и перевозки товаровъ, на первыхъ порахъ повели къ очень быстрому увеличенію и небывалому расширенію производства ея фабрично-заводскихъ продуктовъ, къ возрастанію спроса на рабочія руки и тѣмъ самымъ къ улучшенію положенія рабочихъ въ борьбѣ съ предпринимателями. Съ другой стороны, и сами предприниматели, благодаря быстрому увеличенію своихъ барышей, легче сдавались на требованія рабочихъ. Они имѣли возможность за всякое чувствительное увеличеніе издержекъ на заработную плату заставлять расплачиваться покупателей ихъ товаровъ въ разныхъ государствахъ, во всѣхъ частяхъ свѣта. Но эта возможность стала быстро исчезать или, по крайней мѣрѣ сильно уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ страны, прежде вывозившія за границу, главнымъ образомъ, земледѣльческіе продукты, сильно подвинулись впередъ въ промышленномъ отношеніи и, вмѣсто того, чтобы служить рынками для издѣлій англійской промышленности, сами стали производить и вывозить таковые въ другіе страны, не исключая самой Англіи. Въ разгорѣвшейся ожесточенной экономической борьбѣ капиталистами не одного только государства, а цѣлаго ряда промышленныхъ государствъ одержали побѣду тѣ, которые продавали дешевле свой товаръ, а расплачиваться за то приходилось уже, главнымъ образомъ, рабочимъ. Не пускаясь въ дальнѣйшіе подробности, отмѣчу только, что вслѣдствіе сильнаго развитія международной конкурренціи, въ связи съ распространеніемъ все болѣе и болѣе усовершенствованныхъ машинъ и вытѣсненія взрослыхъ, профессіонально подготовленныхъ рабочихъ необученными ремеслу рабочими, женщинами, подростками и даже дѣтьми, экономическая борьба такъ называемыхъ ремесленныхъ союзовъ съ предпринимателями стала гораздо труднѣе, чѣмъ въ Англіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. А хуже всего было то, что около того времени — въ 70-хъ годахъ — когда рабочее движеніе на материкѣ Европы начало принимать очень широкіе размѣры пріобрѣтать большую силу и прочность, около этого самого времени разразился міровой промышленно-торговый кризисъ, сопровождавшійся застоемъ въ дѣлахъ, съ короткими періодами оживленія, вплоть до середины истекающаго десятилѣтія. При такихъ условіяхъ организованному пролетаріату оставался одинъ выходъ: направить свои главныя усилія на борьбу за законодательную защиту рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи ихъ предпринимателями. Но и на этомъ пути у борющихся слоевъ пролетаріата въ большинствѣ европейскихъ государствъ оказались трудности, частью совсѣмъ неизвѣстныя англійскимъ рабочимъ, а частью уравновѣшивавшіяся однимъ очень выгоднымъ для нихъ обстоятельствомъ: ожесточенной борьбой торговопромышленной буржуазіи съ земледѣльцами изъ-за отмѣны пошлины на хлѣбъ и враждой, продолжавшейся между ними довольно долго и послѣ отмѣны этихъ пошлинъ.

Въ Англіи, какъ всѣмъ извѣстно, уже больше двухъ вѣковъ существуютъ конституціонные порядки, а къ тому времени, когда рабочее движеніе въ ней стало развиваться особенно широко, политическая свобода и верховная власть парламента — въ управленіи государствомъ — составляли уже прочную, никѣмъ неоспариваемую, незыблемую основу политической жизни англійскаго народа. Правда, поднаго уничтоженія всякихъ ограниченій правъ составлять союзы для стачекъ англійскіе рабочіе добились лишь въ началѣ 70-хъ годовъ. Но, во-первыхъ, и до этого ихъ ремесленныя организаціи все-же пользовались большой свободой. А во-вторыхъ, если имъ и приходилось временами подвергаться притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, то это вознаграждалось для англійскихъ рабочихъ чрезвычайно широкой свободой отстаиванія своихъ интересовъ политическими средствами. О такой свободѣ печати, собраній, уличныхъ манифестацій и т. д., какой они давно уже пользуются, пролетаріатъ въ Германіи, Австріи, Италіи и по сію пору понятія не имѣетъ, да и сама Франція въ этомъ отношеніи стоитъ позади Англіи. И вотъ, на почвѣ такой широкой политической свободы на помощь англійскимъ рабочимъ явилась вражда между господствующими классами изъ-за высокихъ ввозныхъ пошлинъ на иностранный хлѣбъ и сырье. Либеральная партія, отстаивая интересы торгово-промышленной буржуазіи, требовала отмѣны этихъ пошлинъ, вдвойнѣ мѣшавшихъ быстрому расширенію фабрично-заводскихъ издѣлій Англіи: онѣ, во-первыхъ, искусственно повышали издержки производства этихъ издѣлій, во-вторыхъ, онѣ побуждали другія государства, съ своей стороны, совсѣмъ запрещать или сильно затруднять ввозъ продуктовъ англійской промышленности, облагая ихъ крайне высокими пошлинами. Само собою разумѣется, что англійскіе землевладѣльцы находили чрезвычайно несправедливымъ такое покушеніе на ихъ доходы и долго и упорно сопротивлялись требованію фабрикантовъ и заводчиковъ. Вражда, разгорѣвшаяся, такимъ образомъ, между либеральными представителями землевладѣльцевъ привела, между прочимъ, къ тому, что каждая изъ этихъ партій, стараясь выставить себя „другомъ всего народа", изъ мести и досады на противника, въ томъ или иномъ вопросѣ иногда дѣйствительно становилась на сторону рабочихъ. Такъ, англійскому пролетаріату удалось при помощи консервативной, т. е. землевладѣльческой партіи добиться еще въ концѣ 40-хъ годовъ законодательнаго ограниченія рабочаго дня десятью часами для подростковъ и женщинъ, а послѣ, при помощи либеральной партіи, — расширенія общаго избирательнаго права.

Нельзя сказать, чтобы недружелюбіе и даже взаимная вражда эксплуататорскихъ классовъ въ другихъ странахъ никогда не оказывали никакихъ услугъ рабочему классу. Извѣстно, что германскіе рабочіе общимъ избирательнымъ правомъ (для имперскаго парламента) въ значительной мѣрѣ обязаны стремленію прусскаго правительства и дворянско-поповской (консервативной) партіи въ 60-хъ годахъ показать, что не ихъ либеральные противники, а они являются истинными друзьями народа. Но въ общемъ въ той же Германіи, уже въ 70-хъ годахъ, особенно съ наступленіемъ торгово-промышленнаго застоя, интересы высшихъ и среднихъ классовъ толкали ихъ все болѣе и болѣе не къ разъединенію, а къ сплоченію — и при томъ, главнымъ образомъ, именно для того, чтобы подавить или задержать рабочее движеніе. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ пускаться здѣсь въ изложеніе причинъ этого явленія. Я вынужденъ ограничиться здѣсь лишь общимъ указаніемъ на тотъ фактъ, что въ противоположность англійскому пролетаріату, организованной арміи рабочаго класса въ Германіи и Австріи пришлось скоро послѣ появленія ея на аренѣ исторіи вступить въ борьбу не съ разъединенными, взаимно-враждующими противниками, а наоборотъ, съ плотной коалиціей враговъ, въ которую вошли не только капиталисты и землевладѣльцы, богатые буржуа и дворяне, съ попами и правительствомъ во главѣ, но и мелкобуржуазные классы: мелкіе торговцы, самостоятельные ремесленники и крестьяне. Въ большей или меньшей степени подобное же трогательное единеніе буржуазныхъ классовъ въ борьбѣ съ освободительной арміей пролетаріата замѣчалось и въ другихъ капиталистическихъ странахъ, хотя и не въ такой рѣзкой и отчетливой формѣ, какъ въ названныхъ имперіяхъ. Но въ этихъ государствахъ оно имѣло собственное, такъ сказать, спеціальвое значеніе потому, что состоялось на почвѣ примиренія городской и сельской буржуазіи съ уцѣлѣвшими еще остатками монархическаго самовластья и дворянско-поповскихъ привилегій, т. е. послужила помѣхой дальнѣйшему развитію гражданскаго равноправія и политической свободы, составляющихъ такую же жизненную необходимость рабочаго класса, какъ воздухъ для живого существа. Извѣстно, что, опираясь на враждебное соціаль-демократіи большинство имперскаго парламента, германское правительство цѣлыхъ 12 лѣтъ держало соціаль-демократію въ оковахъ исключительнаго закона, преслѣдуя всевозможными карами не только соціалистическихъ агитаторовъ, но и ремесленные союзы и руководителей рабочихъ въ стачкахъ. Въ подобное же положеніе поставленъ былъ и австрійскій пролетаріатъ. Но въ томъ или иномъ видѣ е[illegible]нодушіе господствующихъ классовъ во враждѣ къ рабочему движенію больно давало себя чувствовать пролетаріату и въ другихъ странахъ, ставя ему на каждомъ шагу препятствія для достиженія лучшихъ условій существованія, какими бы путями онъ ни стремился къ этой цѣли. Экономическая борьба съ отдѣльными предпринимателями не рѣдко оказывалось еще гораздо болѣе трудной и безуспѣшной, чѣмъ попытки производить давленіе на парламенты путемъ борьбы политической.

При всемъ томъ нельзя сказать, что усилія организованныхъ слоевъ пролетаріата на материкѣ, руководимыхъ соціаль-демократіей были безуспѣшны. Съ точки зрѣнія своихъ цѣлей и требованій, она имѣетъ полное право и даже обязана считать достигнутыя этими усиліями улучшенія крайне незначительными, ничтожными. Но если прилагать къ нимъ масштабъ, который односторонніе поклонники англійскихъ ремесленныхъ союзовъ примѣняютъ для оцѣнки результатовъ вѣковыхъ усилій этихъ союзовъ, то окажется, что значительное болѣе молодое рабочее движеніе Германіи, Австріи, Франціи, Бельгіи и др., даже со стороны достигнутыхъ имъ непосредственныхъ уступокъ отъ эксплуататорскихъ классовъ не больно далеко отстаетъ отъ англійскаго. Путемъ экономической борьбы, стачками и т. д. рабочіе разныхъ отраслей промышленности добились въ разныхъ мѣстахъ замѣтнаго увеличенія своей платы, сокращенія рабочаго времени — нерѣдко до десяти, а во многихъ случаяхъ до девяти часовъ въ день — и, вообще ограниченія произвола и эксплуатаціи сострроны предпринимателей. А подъ давленіемъ политической агитаціи рабочихъ партій, правительства и парламенты вынуждены были законодательнымъ путемъ ограничить чувствительнымъ образомъ эксплуатацію женщинъ и дѣтей, учредить фабричную инспекцію и надзоръ за рабочими помѣщеніями въ интересахъ охраненія здоровья и предупрежденія несчастныхъ случаевъ при работѣ. Германскій рейхстагъ, какъ извѣстно, уже въ 80-хъ годахъ ввелъ государственное страхованіе рабочихъ отъ болѣзни, увѣчья и старости. Соціаль-демократамъ удалось проникнуть въ городскія думы, въ промысловые суды, ихъ представители засѣдаютъ (въ Германіи) и въ правленіяхъ городскихъ кассъ страхованія рабочихъ, и во всѣхъ этихъ общественныхъ учрежденіяхъ они отстаиваютъ — и далеко не безуспѣшно — повседневные интересы рабочихъ массъ, вынуждаютъ другія партіи, если не удовлетворять всѣ требованія соціаль-демократіи, то, по крайней мѣрѣ, дѣлать имъ уступки. Повторяю: достигнутыя до сихъ поръ уступки и улучшенія далеко не отвѣчаютъ еще жизненнымъ интересамъ и потребностямъ всего пролетаріата. Но чего достигли до сихъ поръ англійскіе рабочіе союзы въ результатѣ своего, по меньшей мѣрѣ семидесятипятилѣтняго существованія, если ужъ оставить въ сторонѣ періодъ рабочаго движенія въ Англіи, предшествовавшій отмѣнѣ законовъ противъ стачечныхъ организацій?

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Ничто не характеризуетъ съ такой наглядностью успѣховъ освободительной борьбы рабочаго класса, какъ международные соціалистическіе конгрессы. Они даютъ возможность наблюдать, сравнивать, обсуждать и выбирать тѣ различные практическіе пріемы, которые служатъ для укрѣпленія организаціи и обезпеченія борьбы пролетаріата.

Послѣднимъ конгрессомъ Интернаціонала былъ Женевскій конгрессъ 1873 г. Было рѣшено распустить Международное товарищество рабочихъ, потому что оно уже не въ состояніи приводить къ единству и направлять дѣятельность слишкомъ разросшихся національныхъ соціалистическихъ партій. Прошло пять лѣтъ до созыва международнаго конгресса въ Парижѣ въ 1878 году, во время первой всемірной выставки, устроенной третьей республикой. Этотъ конгрессъ не состоялся: полиція арестовала организаторовъ конгресса, французскаго соціалиста Гэда и его друзей, и выслала иностранныхъ делегатовъ. Тѣмъ не менѣе, созывъ конгресса 1878 г. есть важное явленіе новѣйшей исторіи соціалистическаго движенія. Онъ показалъ замѣчательную живучесть соціализма. Утверждали, что во Франціи соціализмъ исчезъ послѣ кровавой расправы съ Коммуной. Но соціализмъ на самомъ дѣлѣ не только былъ живъ, но выработалъ себѣ болѣе прочную и болѣе революціонную теоретическую основу.

Съ 1889 г. конгрессы становятся правильными. Конгрессъ 1889 г. былъ созванъ тоже въ Парижѣ по случаю всемірной выставки. Въ то время, какъ буржуазія — это нѣкогда „третье сословіе" — праздновало столѣтіе великой буржуазной революціи 1789 г., пролетаріатъ — это четвертое и послѣднее сословіе — давалъ въ лицѣ своихъ представителей изъ всѣхъ странъ клятву вести борьбу за свою революцію. И установленный этимъ конгрессомъ всемірный майскій праздникъ пролетаріата сталъ днемъ великаго смотра соціалистическихъ армій, когда клятву бороться до конца повторяютъ милліоны пробужденныхъ къ сознательной жизни работниковъ. На Парижскомъ конгрессѣ былъ выработанъ и принятъ систематическій проэктъ законовъ объ охранѣ труда какъ взрослыхъ рабочихъ, такъ и женщинъ и дѣтей. Отъ насъ, русскихъ соціалистовъ, представителями на этомъ конгрессѣ были: теперь покойный ветеранъ соціализма Лавровъ и нашъ товарищъ Плехановъ.

Брюссельскій конгрессъ, который былъ созванъ два года спустя, въ 1891 г., подтвердилъ тотъ принципъ, что національная вражда, милитаризмъ и антисемитизмъ представляетъ изъ себя лишь различные виды эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и что, слѣд., для уничтоженія этихъ явленій необходимо уничтожить такую эксплуатацію. Но если полное уничтоженіе зла возможно только посредствомъ кореннаго преобразованія общества, не слѣдуетъ все-таки пренебрегать и тѣми средствами, которыя могутъ ограничить, уменьшить это зло. Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о практическихъ средствахъ, — вопросу, которымъ въ особенности занимался Цюрихскій конгрессъ, созванный въ 1893 г. Русскіе соціалисты были на немъ представлены группой „Освобожденія Труда", которая послала свой докладъ на Брюссельскій конгрессъ.

Цюрихскій конгрессъ отвергъ предлагавшіяся нѣкоторыми необдуманныя средства устранить войны: военную стачку (стачку солдатъ) и всеобщую стачку. Такія средства означали бы лишь растрату пропагандистскихъ силъ, они могли бы повести только къ массовому избіенію соціалистовъ, къ повторенію парижской Коммуны, могли бы только отбросить соціалистическое движеніе назадъ на много лѣтъ.

На послѣднемъ засѣданіи Цюрихскаго конгресса мы видѣли и слышали, въ послѣдній разъ нашего великаго учителя Фридриха Энгельса. Невозможно передать тотъ энтузіазмъ, съ которымъ былъ встрѣченъ появившійся внезапно на трибунѣ основатель Интернаціонала, другъ Маркса. Его привѣтствовали безчисленными кликами, которые сливались съ мужественнымъ мотивомъ „Пролетарской марсельезы", потрясавшей стеклянные потолки *Tonhalle* (залы, гдѣ засѣдалъ конгрессъ). Когда, наконецъ, водворилось молчаніе, великій старецъ взволнованнымъ и слабымъ голосомъ передалъ намъ завѣщаніе Интернаціонала. И — одно мгновеніе намъ показалось, что передъ нами воскресло прошлое, что оно явилось, какъ могучій защитникъ, предвидѣвшій наше движеніе и наши нужды, заплатившій дорогой цѣной за свои собственныя ошибки ради того, чтобы сдѣлать нашъ путь прямымъ и легкимъ.

Когда мы отправлялись на Лондонскій конгрессъ, этого учителя уже не было. Пепелъ отъ его останковъ покоился въ глубинахъ океана, недалеко отъ Истеберискаго берега, съ котораго онъ любилъ наблюдать великую природу. Онъ умеръ, но его завѣщаніе свято хранится въ памяти делегатовъ, и Лондонскій конгрессъ исполнилъ одинъ изъ его совѣтовъ, порвавъ рѣшительно съ анархистами, которые, — будучи уже изгнаны подъ своимъ собственнымъ именемъ, — нашли всетаки средство пробраться на конгрессъ въ качествѣ представителей профессіональныхъ (ремесленныхъ) союзовъ. На Лондонскомъ конгрессѣ делегаты слышали въ послѣдній разъ другого представителя геройскаго поколѣнія 1848 г., Вильгельма Либкнехта. Съ его смертью сошелъ со сцены послѣдній изъ кормчихъ, руководящихъ кораблемъ соціальдемократіи съ тѣхъ поръ, какъ этотъ корабль былъ спущенъ въ воду. И теперь пролетаріатъ предоставленъ уже своимъ собственнымъ силамъ въ трудной задачѣ — обходить тѣ безчисленные подводные камни, которыми усыпанъ его путь. Его вліяніе возросло въ колоссальныхъ размѣрахъ, и самые его успѣхи легко могутъ совратить его на ложный путь.

Парижскій конгрессъ продолжался съ 23 по 27 сентября (нов. ст.). Делегаты каждой національности привѣтствовали конгрессъ отъ имени своихъ делегацій. Отъ русской делегаціи говорили Г. Плехановъ и Кричевскій. Послѣдній прочелъ письмо сосланныхъ въ Сибирь русскихъ, польскихъ и еврейскихъ революціонеровъ, единодушныхъ въ ненависти къ царизму и къ капиталистической эксплуатаціи. Нашъ товарищъ Плехановъ говорилъ о той великой революціонной роли, которую играетъ играетъ и будетъ играть пролетаріатъ россійской имперіи въ борьбѣ противъ царизма — борьбѣ, въ которой заинтересованъ весь международный пролетаріатъ. „Только пролетаріатъ — продолжалъ Плехановъ — дерзнулъ бросить перчатку правительству, деспотизмъ котораго позоритъ весь цивилизованный міръ".

Мы не можемъ останавливаться подробно на всѣхъ резолюціяхъ конгресса. Ограничимся краткимъ указаніемъ ихъ и перейдемъ къ главному: къ вопросу объ участіи соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ.

Нѣкоторыя резолюціи конгресса повторяютъ то, что было уже принято Цюрихскимъ и Лондонскимъ конгрессами; таковы резолюціи о милитаризмѣ, о всеобщей стачкѣ, всеобщемъ избирательномъ правѣ, о колоніальной политикѣ, о муниципальномъ (земскомъ и городскомъ, въ примѣненіи къ русскимъ понятіямъ) соціализмѣ. Парижскій конгрессъ подтвердилъ еще разъ необходимость политической свободы, крайнюю важность ея для организаціи рабочаго класса. Всеобщее избирательное право есть, въ глазахъ конгресса, основное право всякой націи располагать собою суверенно. (верховно и независимо). Для борьбы съ милитаризмомъ конгрессъ рекомендуетъ соціалистическимъ партіямъ различныхъ странъ вести пропаганду противъ милитаризма среди молодежи и обязываетъ соціалистическихъ депутатовъ отказывать правительствамъ въ какихъ бы то ни было кредитахъ на военныя нужды, требовать преобразованія постоянныхъ армій въ народныя милиціи (ополченія). Чтобы агитація противъ милитаризма была болѣе успѣшна, конгресъ совѣтуетъ соціалистамъ всѣхъ странъ вести эту агитацію по одному общему плану.

Другая резолюція конгресса, принятая единогласно, протестуетъ противъ жестокостей колоніальной политики. Отмѣтимъ, что англійскіе товарищи, Гайндманъ, Куелчъ, Керранъ, высказали по этому поводу рѣшительное осужденіе англійской политики въ Англіи и войны съ бурами.

Единогласно же была принята конгрессомъ слѣдующая резолюція, особенно важная для насъ, русскихъ: „Конгрессъ съ негодованіемъ предаетъ позору ту дикую политику угнетенія, которую преслѣдуетъ русскій царизмъ противъ польскаго и финляндскаго народовъ; конгрессъ призываетъ пролетаріевъ, страдающихъ подъ игомъ самодержавія, соединиться для общей борьбы противъ этого общаго врага демократіи и соціализма".

Какъ мы уже замѣтили выше, главныя пренія, сосредоточились на слѣдующемъ вопросѣ: позволительно ли соціалисту вступать въ буржуазное министерство? Этотъ вопросъ сталъ до извѣстной степени злободневнымъ вопросомъ вслѣдствіе того, что французскій соціалистъ Мильеранъ вступилъ министромъ торговли кабинетъ Вальдека Руссо. Этотъ шагъ былъ сдѣланъ въ такой моментъ, когда самому существованію республики грозила опасность, когда необходимо было соединеніе всѣхъ республиканцевъ какого бы то ни было направленія. Хотя соціалистическая партія вполнѣ могла помочь защитникамъ республики, не возлагая на одного изъ своихъ членовъ отвѣтственности за участіе въ буржуазномъ министерствѣ, — тѣмъ не менѣе конгрессъ принялъ резолюцію Каутскаго, составленную въ духѣ примиренія. Конгрессъ поступилъ такъ, имѣя въ виду тѣ особенныя условія, въ которыхъ находится Франція, и не желая подливать масла въ огонь тѣхъ раздоровъ, которые идутъ среди французскихъ соціалистовъ. Резолюція Каутскаго допускаетъ, или вѣрнѣе, извиняетъ вступленіе въ министерство лишь при крайней необходимости и при условіи согласія большинства партіи на такой шагъ. Во всякомъ случаѣ, такой совершенно исключительный шагъ ни коимъ образомъ не долженъ быть возводимъ въ систему, какъ этого хотятъ Жоресъ и его друзья. Притомъ конгрессъ ясно выразилъ Мильерану свое неодобреніе за упорное желаніе оставаться въ кабинетѣ Вальдека-Руссо даже послѣ того, какъ грозившая республикѣ опасность миновала, — послѣ того, какъ кабинетъ опозорилъ себя убійствомъ рабочихъ въ Шалонѣ и Мартиникѣ. Конгрессъ призналъ правильность поправки, внесенной товарищемъ Плехановымъ къ резолюціи Каутскаго. Эта поправка (гласитъ, что соціалистическій министръ долженъ выйти немедленно изъ министерства, какъ только оно оказывается пристрастнымъ въ борьбѣ капитала съ трудомъ.

Съ практической точки зрѣнія наибольшую важность представляетъ рѣшеніе конгресса учредить постоянный международный секретаріатъ. Мѣстонахожденіемъ секретаріата выбранъ Брюссель, въ которомъ соціалисты имѣютъ свой собственный „Народный Домъ". Расходы по содержанію секретаріата, исчисленные въ 10.000 франковъ, должны быть покрыты соціалистами всѣхъ странъ*). Дѣятельность секретаріата должна состоять въ томъ, чтобы служить посредникомъ между соціалистами всѣхъ странъ, доставлять имъ всѣ необходимыя свѣдѣнія и, наконецъ, подготовлять организацію слѣдующаго международнаго конгресса, который долженъ быть созванъ черезъ три года въ Амстердамѣ.

Чтобы нашъ перечень резолюцій конгресса не остался неполнымъ, мы должны упомянуть еще о резолюціи по вопросу о трэстахъ (трэсты или картели, ринги, синдикаты, это — союзы предпринимателей, организующихъ совмѣстный сбытъ или даже производство и сбытъ извѣстнаго продукта). Конгрессъ смотритъ на трэсты, какъ на явленіе, совершенно неизбѣжное въ современномъ обществѣ, какъ на естественный результатъ все болѣе растущей капиталистической концентраціи. Конгрессъ выражалъ лишь пожеланіе, чтобы государство строго контролировало дѣятельность трэстовъ и обязывало ихъ періодически печатать отчеты о своихъ операціяхъ. Наконецъ, конгрессъ принялъ резолюцію по вопросу о тѣхъ реформахъ, которыя соціалисты должны стараться приводить въ своей муниципальной дѣятельности. Эта послѣдняя резолюція доказываетъ, что соціаль-демократія, оставаясь твердой и непримиримой въ стремленіи къ своему идеалу, — къ соціализаціи средствъ производства, и, слѣд., къ полному преобразованію общества, — нисколько не пренебрегаетъ тѣмъ, не менѣе ни единой, даже самой незначительной реформой, способной и въ современномъ обществѣ улучшить положеніе рабочихъ.

Пренія на конгрессѣ показываютъ, какую громадную политическую силу представляетъ изъ себя соціаль-демократія въ передовыхъ странахъ. Смущенная непреодолимымъ ростомъ соціализма, буржуазія начинаетъ мѣнять тактику. Во Франціи, напр., она вмѣсто звѣрскаго подавленія соціализма начинаетъ дѣлать маленькія уступки, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы оторвать отъ соціалистической партіи всѣ нерѣшительные и неопредѣленные элементы. Но если отдѣльныя лица и заблуждаются и попадаются въ тѣ ловушки, которыя имъ ставятъ, то весь пролетаріатъ, какъ классъ не заблудится. Онъ не запятнаетъ своихъ идеаловъ, онъ не пожертвуетъ своимъ будущимъ. Многое еще остается сдѣлать, главная цѣль все еще остается недостигнутой, но соціалисты въ правѣ гордиться и тѣми результатами, которые уже достигнуты. И пусть всѣхъ васъ, друзья и товарищи, томящіеся въ тюрьмахъ и въ изгнаніи, утѣшитъ та мысль, что ваши усилія не пропали даромъ! Пусть всѣ тѣ, юноши и старцы, которые стоятъ внѣ нашихъ рядовъ, придутъ къ намъ, и мы вмѣстѣ пойдемъ по дорогѣ, ведущей къ свѣтлому будущему! Развѣ вы не видите, что идея, которая смогла объединить такую массу пролетаріевъ всѣхъ странъ, которая могла наполнить ихъ такой непоколебимой вѣрой, такой готовностью на всякія жертвы, — что это великая и благородная идея? Эта идея заслуживаетъ того, чтобъ человѣкъ отдалъ на служеніе ей всѣ свои способности и всю свою жизнь. Соединимтесь же вмѣстѣ и будемъ работать и бороться подъ сѣнью краснаго знамени и подъ звуки пролетарскаго гимна, съ котораго началъ и которымъ закончилъ конгрессъ свои занятія:

C'est la lutte finale,
Groupons nous et demain
L'internationale
*Sera le genre humain!**)

---

*) По рѣшенію конгресса, каждая изъ восьми великихъ націй должна внести 1000 франковъ — около 400 руб. на наши деньги. Мы приглашаемъ поэтому всѣ организаціи, группы и кружки русскихъ соціаль-демократовъ немедленно приступить къ сбору денегъ для этой цѣли. Направлять деньги можно въ нашу газету съ указаніемъ ихъ значенія.

Ред.

*) Это — послѣдняя борьба. Соединимся же, и международное товарищество рабочихъ завтра охватитъ весь человѣческій родъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Расколъ въ заграничномъ Союзѣ Русскихъ

Весной настоящаго года въ Швейцаріи состоялся съѣздъ членовъ Союза Русскихъ Соціаль-демократовъ, приведшій къ расколу Союза. Меньшинство членовъ, имѣя во главѣ группу „Освобожденія Труда", основавшую Союзъ и бывшую до осени 1898 г. редакторомъ изданій Союза, образовало особую организацію подъ названіемъ: Русская Революціонная Организація „Соціаль-демократъ". Большинство, въ томъ числѣ редакція органа „Рабочее Дѣло", продолжаетъ называть себя Союзомъ. Съѣздъ русскихъ соціаль-демократовъ, бывшій весной 1898 года и образовавшій „Россійскую Соціаль-демократическую Рабочую Партію", призналъ Союзъ заграничнымъ представителемъ нашей партіи. Какъ должны мы смотрѣть на вопросъ о представительствѣ теперь, когда заграничный союзъ раскололся? Мы не станемъ входить въ подробности вопроса о причинахъ раскола. Отмѣтимъ лишь невѣрность столь распространеннаго и столь тяжкаго обвиненія, будто Плехановъ захватилъ типографію Союза. На самомъ дѣлѣ распорядитель типографіи отказался только выдать ее цѣликомъ одной изъ частей расколовшагося Союза, и обѣ стороны вскорѣ сами подѣлили между собой типографію. Наиболѣе существененъ, съ нашей точки зрѣнія, тотъ фактъ, что „Рабочее Дѣло" было неправо по существу полемики: оно ошибочно отрицало существованіе „экономическаго" направленія, оно держалось ошибочной тактики замалчивать крайности этого направленія и воздерживаться отъ открытой борьбы съ ними.

Въ виду этого мы, — нисколько не отрицая заслугъ „Рабочаго Дѣла", которое много потрудилось надъ изданіемъ литературы и организаціей доставки ея, — отказываемся признать одну изъ частей расколовшейся организаціи заграничнымъ представителемъ нашей партіи. До рѣшенія слѣдующаго съѣзда партіи вопросъ этотъ долженъ остаться открытымъ. Оффиціальными заграничными представителями русской соціаль-демократіи являются въ настоящее время русскіе члены постояннаго международнаго комитета, учрежденнаго парижскимъ международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ осенью н. г. Отъ Россіи въ комитетъ выбраны два члена: Г. В. Плехановъ и Б. Кричевскій (одинъ изъ редакторовъ „Раб. Дѣла"). Пока между обѣими фракціями русскихъ соціаль-демократовъ не состоится примиренія или соглашенія, мы намѣрены вести всѣ, относящіяся къ представительству Россіи сношенія съ Г. В. Плехановымъ. Наконецъ, мы должны подать свой голосъ по вопросу о томъ, кого бы мы желали видѣть секретаремъ отъ Россіи въ постоянномъ международномъ комитетѣ. Въ настоящее время, когда соціаль-демократію стараются, подъ знаменемъ „критики марксизма", развратить буржуазной идеологіей и политикой кротости и смиренія по отношенію къ вооруженнымъ съ ногъ до головы врагамъ къ (буржуазнымъ правительствамъ), на этомъ важномъ посту особенно необходимъ человѣкъ, способный устоять противъ теченія и сказать вліятельное слово противъ шатанія мысли. По этой причинѣ, а равно и по указаннымъ выше соображеніямъ мы подаемъ свой голосъ за Г. В. Плеханова.

С.-Петербургъ. Намъ доставленъ печатный листокъ: „Программа СПБ.-го „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" и „Уставъ союзной рабочей организаціи", отъ октября 1900 г. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, ни напечатать этотъ документъ, ни подробно высказаться о его значеніи. Мы вернемся непремѣнно къ нему, а пока ограничимся замѣчаніемъ, что онъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о переживаніи „экономическаго направленія, направленія „Раб. Мысли", а съ другой стороны, о наличности стремленія освободиться отъ узости „экономизма".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

1. Корреспонденція „Майскіе дни въ Харьковѣ" выйдетъ особой брошюрой (зак[illegible]вается печатаніемъ).
2. Отъ скифовъ изъ Волыни пять.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 2 ФЕВРАЛЬ 1901 ГОДА № 2

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА.

Девятнадцатое столетие окончилось. Что дало оно рабочему классу? И чего может ожидать этот класс от начавшегося двадцатого века?

Девятнадцатое столетие ознаменовалось поразительным развитием техники. *Производительные* силы цивилизованных обществ приняли в течение этого столетия огромные, небывалые размеры. Их рост естественно вел за собою рост *общественного богатства*. Но быстро растущее богатство цивилизованных стран не устранило существовавшей в них *бедности*. Напротив. Небывалое развитие производительных сил явилось новым фактором ее увеличения. Это очень метко указано и хорошо об'яснено некоторыми членами английской королевской комиссии, назначенной для исследования причин застоя промышленности и торговли (Trade Depression). В особой записке, которая вошла составною частью в «Заключительный доклад» (Final Report) комиссии, эти члены говорят, что, вследствие роста производительных сил, коренным образом изменились условия существования цивилизованных обществ: прежде главная трудность заключалась для них в редкости и дороговизне предметов необходимости и удобства; а теперь она состоит в том, что, благодаря развитию машинного производства, людям, не имеющим ничего, кроме своей силы (т. е. пролетариям), все труднее становится найти заработок, а следовательно, и средства к жизни.

Это значит, что борьба за жизнь в цивилизованных обществах XIX века становилась тем труднее и ожесточеннее, чем более росли их производительные силы, т. е. *чем более увеличивалась материальная возможность изгнания из их среды бедности и связанных с нею страданий.*

Бедность порождалась избытком. Это противоречие, на которое указывал еще гениальный Фурье, перешло неразрешенным в двадцатый век. Его устранение составит главнейшую общественную задачу этого последнего.

Чем труднее и ожесточеннее становилась борьба за существование в цивилизованных обществах XIX века, тем более увеличивались для отдельных членов этих обществ шансы нравственного падения и даже полного нравственного одичания. Их *преступность* росла в общем гораздо быстрее, чем их население, при чем в числе осужденных все более увеличивался *процент рецидивистов*, наглядно показывая этим полную несостоятельность тех мер, которые принимались цивилизованными обществами для своего нравственного оздоровления.

Таким образом, если рост производительных сил *порождал бедность* там, где он мог бы создать невиданное прежде *материальное* довольство, то он же, затрудняя борьбу за существование и усложняя общественную жизнь, — вел к умножению нравственных страданий и нравственной испорченности там, где он мог бы, устранив искушения экономической борьбы за жизнь, дать сильнейший толчок *нравственному облагороженню цивилизованного человечества.*

Это противоречие тоже не было разрешено XIX веком и тоже целиком перешло в XX-ый.

Что бы ни говорили явные и тайные, корыстные и бескорыстные защитники капитализма, несомненно, что увеличение трудности борьбы за жизнь и это умножение шансов нравственной испорченности означает ухудшение быта рабочих. В *этом отношении* XIX век был для них *неблагоприятен.*

Но он был *чрезвычайно благоприятен* для них *в другом отношении.* Он дал им — или, по крайней мере, их передовой, наиболее чуткой и развитой части — то, что для них важней всех материальных благ и без чего невозможно *коренное* улучшение их участи: ясное сознание непримиримой противоположности их интересов с интересами эксплоататоров и твердое убеждение в том, что освобождение рабочих должно и может быть делом самих рабочих.

Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком *освободительного движения рабочего класса.* В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу *меньшинства.* Его торжество не устранило эксплоатации человека человеком, а только изменило ее *форму.* Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу *огромного большинства*, и его торжество навсегда положит конец эксплоатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые, «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму, не мало крови рабочих пролилось в XIX веке и, вероятно, не мало прольется ее и в XX-м. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: об'единение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплоататоров разобьется о революционную энергию эксплоатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX-го; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма.

Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед ним великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частных поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «Горы» с социал-демократической Жирондой.

Но каковы бы ни были трудности, поражения и разочарования, ожидающие революционный пролетариат в его борьбе, его окончательное торжество не может подлежать сомнению. За него ручается как общий ход социального развития в цивилизованном мире, так и, в особенности, развитие той производительной силы, которую Маркс назвал самою важною из всех: самого рабочего класса. Социалистический идеал все глубже и глубже проникает в среду пролетариата, развивая его мысль и удесятеряя его нравственные силы. Людям, борющимся во имя этого идеала, буржуазия уже в настоящее время может противопоставить лишь голое насилие да бессознательность некоторой—правда, пока еще очень значительной — части трудящихся. Но бессознательность уступит место сознанию, передовые рабочие подтолкнут отсталых, и тогда... тогда буржуазии останется разве уже «непротивление злу насилием», потому что на стороне революционеров будет тогда также и физическая сила.

Так обстоит дело на Западе. А что сказать нам о нашем отечестве? Россия далеко не так богата и далеко не так образована, как западно-европейские страны. Но и в ней общественное развитие не прошло бесследно для социализма, и в ней XIX век завещает XX-му драгоценное наследство: зародыш социал-демократической рабочей партии. Историческая обстановка несомненно очень благоприятна для быстрого развития этого зародыша. Если справедливо то, что одна страна может и должна учиться у других, ее опередивших, то социалистическая Россия может и должна многому научиться у западно-европейских социалистов. Самый главный и ничем незаменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяются действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма, значит покидать почву действительности. Нам, русским социал-демократам, необходимо помнить, что XX век ставит перед нами такую политическую задачу, которая с большею или меньшею полнотою уже решена на Западе; у нас во всей красе цветет то самодержавие, о котором западно-европейские люди знают только понаслышке. Разрушение самодержавия безусловно необходимо для успешного и правильного развития нашей партии. Если между западно-европейскими социалистами и их великой целью стоит эгоизм имущих классов, то между нашей зарождающейся партией и западно-европейской социалистической семьею стоит, подобно китайской стене, самодержавный царь с его полицейским государством. Но нет такой стены, которую не могла бы разрушить человеческая энергия. Русская социал-демократическая партия возьмет на себя инициативу борьбы с абсолютизмом и она нанесет ему смертельный удар, опираясь на более или менее энергичную, прямую или косвенную поддержку всех тех элементов, на которые давит теперь тяжелое, неуклюжее здание неограниченной монархии.

Политическая свобода будет первым крупным культурным завоеванием России XX века.

[Г. Плеханов]

РАБОЧИЙ КЛАСС И «РУССКОЕ ЗНАМЯ».

У нас принято придавать слишком мало значения тому злу, которое вносит в народную жизнь подлая реакционная печать, одна лишь пользующаяся свободой говорить то, что ей надо, в то время как на всякое честное слово надет цензурный намордник. Мы все, конечно, ненавидим «Свет», «Московские Ведомости», «Новое Время» и подобные органы печати, но мы обыкновенно ненавидим в них только представителей враждебных нам классов—дворянства, буржуазии, чиновников. Нам не всегда ясна та вредная роль, которую играет эта печать в деле затемнения народного сознания, в смысле отвлечения все растущих в народе чувств возмущения и протеста в сторону такой борьбы, которая может только вредить народным интересам. У нас сложилась привычка смотреть на сознание рабочих масс как на какую-то чистую доску, на которой «жизнедеятельность», борьба вырисовывает надлежащие идеи, которые агитатору нужно только привести в известный порядок. Началась массовая борьба с капиталистами, зародился в массах протест — этого достаточно, чтобы ручаться за правильное развитие сознания масс. Началась массовая экономическая борьба — и можно быть спокойным за то, что рабочая мысль шаг за шагом освободится от всего наследия веков, от всей лжи одолевших ее предрассудков. Пусть-де только агитатор обуздает свой пыл, пусть не спешит нести массам все то, что он знает: пусть ограничится ясным формулированием того, что уже бессознательно чувствуется массой. Не насилуйте рабочую мысль,—кричат нам с разных сторон,—не спешите раз'яснять рабочим массам те вопросы, понимание которых им еще чуждо, не говорите о политических вопросах, когда масса начала только бороться за насущный кусок хлеба, не спешите говорить о социализме, когда еще не везде понята необходимость борьбы за сокращение рабочего дня. Жизнь сделает свое,— говорят эти советчики,— будет время, и эти хорошие вещи станут уместны, надо только «медленнее спешить», не забегать вперед.

На деле оказывается, жизнь не медлит. Оказывается, что жизнь-то много сложнее, чем это представляют себе проповедники медленного поеспешания. Оказывается, что эта жизнь, создаваемые ею классовые противоречия не только расчищают сознание рабочих масс, но подчас и засоряют, затемняют его: если эта жизнь известными сторонами облегчает агитатору просветительно-революционную работу, то другими сторонами, напротив, затрудняет ее, нагромождая на его пути новые препятствия. Оказывается, что на выработку сознания и чувств массы влияет не одна лишь обстановка фабричного труда, не одни только отношения рабочих к капиталисту; оказывается, что вся та вредная реакционная политическая проповедь, которою занимается известная часть легальной печати, тоже входит в ту «жизнь», которая является школой воспитания рабочей мысли. Те стороны жизни, которые влияют на сознание масс развращающим образом, вечно развиваются, и каждый шаг в распространении в народе грамотности, каждое возрастание умственных запросов рабочего люда ведет за собой, при современных политических условиях, увеличение той порции нравственного яда, который несут в среду читателей «Новое Время», «Свет» и им подобные литературные клоаки.

В городе Харькове существует «патриотическая» газета «Южный Край», которая издавна стоит в первых рядах реакционной печати. Этот достойный товарищ «Московских Ведомостей» получил монопольное право воспитывать сознание харьковского обывателя: в самом деле, в течение 20 лет правительство упорно отказывает кому бы то ни было в праве издавать другую газету в Харькове. Таким образом, «Южный Край» имеет возможность, не встречая возражений, сеять в умах читателей вражду к полякам, немцам и т. д. Известно, что в рабочем классе все более распространяется чтение местных газет. Падая на благоприятную почву вековых предрассудков, семена «патриотической» печати дают плоды. С таким плодом мы хотим познакомить читателей.

Этой осенью на громадной пенько-прядильной и канатной фабрике у станции Новая Бавария под Харьковом произошел пожар, после которого администрация стала массами увольнять рабочих, не взирая на то, что многие из них были выписаны в Харьков из Владимирского района. Возникло, конечно, сильное недовольство, выражением которого явилась следующая, распространенная в конце сентября гектографированная прокламация:

«Братцы! Долго ли еще мы будем терпеть польское иго? Долго ли мы будем подчиняться хамам Коммеру, Вильгу, Ионнзибургу, Мухарскому и всем негодяям, высасывающим из нас все соки! Неужели, братцы, вновь поляки завладели Малороссией, и вся кровь, пролитая русскими за покорение Польши, окажется пролитой даром? Довольно они нас мучили, довольно несправедливо штрафовали, глумились, насмехались над нами. Наши права растоптаны ногами поляков, но мы должны их защищать. Терпеть уже больше не в моготу. Все мы на пожаре работали, одежу жгли, руки уродовали, рисковали своей жизнью, а поляки, наши голубчики, папиросы покуривали, посмеивались, чайком да пивом забавлялись. Мы тушили, работали, а нам и горло промочить не дали! А после что? Им награда, а нам расчет! Хороши хозяева!!! Ведь в Польше поляки не принимают русских на свои фабрики. Зачем же у нас полякам дают преимущества: и плата им больше и награда, а нас как дураков неспособных выставляют? Мы не против царя идем, а против врагов России. И полиция, и жандармы спасибо не скажут, когда узнают, что поляков здесь выдвигают, а своих теснят. Не нам одним приходится бороться со своими директорами: не раз их уже в мешки сажали и по двору так катали, да и другие расправы бывали, и на тот свет их отправляли.

«Собраться нам надо, братцы, поговорить ладком, да обсудить, как нам проучить всю эту польско-жидовскую сволочь.

«Будем действовать дружно! Вперед, братцы!!! Побольше храбрости, и русское знамя снова гордо взовьется на нашей фабрике!!! Долой поляков!!! Вперед на борьбу и победу!!!»

Бедные рабы капитала! Почувствовав потребность бороться против своего врага, они хватаются за его же оружие, за его же язык, за те самые идеи, которые приспешниками капитала вносятся в сознание рабочих. Бедные рабы! Они вечно слышат, вечно читают о „русском знамени“, которое гордо развевается над миллионами порабощенных русским царем иноплеменников, и они захотели почувствовать себя в счастливом положении победителей, захотели потребовать и себе часть плодов этой победы. На каждом шагу представители буржуазии устраивают свои гешефты, играя на «патриотической» струне: русские фабриканты требуют и получают право грабить весь народ во имя интересов «русской промышленности». Под знаменем «Россия для русских» разные слои буржуазии добиваются права оттеснять своих польских, еврейских и иных инородческих соперников в деле расхищения народного достояния. Мудрено ли, что и кое-каким рабочим пришло в голову воспользоваться этим славным знаменем, чтобы во имя русского дела протестовать против грабительских выходок капитала?

Беда лишь та, что то, что буржуазии здорово, пролетариату смерть. Буржуа может себе позволить в погоне за наживой натравлять один народ на другой, сеять национальную вражду только для того, чтобы под шумок красивых фраз о русском знамени урвать процент-другой барыша. Пролетариат не может себе позволить этого, не может потому, что вся его надежда на улучшение жизни — в солидарности, в единении всех рабочих без различия национальностей, и все, что сеет рознь между разными народностями, мешает делу этой солидарности, тормозит рабочее движение. Вы хотите, господа, выехать на том, что не против царя вы идете, а против «врагов россии», на покорение которых русские цари положили не мало крови русского народа (и целое море крови этих самых «врагов»). Да, вы правы: поляки, а вместе с ними финляндцы, евреи, армяне, балтийские немцы, все это — «враги России», т. е. той России, которая живет и жиреет вашим трудом, вашим кровавым потом, которая правит и издает законы, которая строит свое благополучие на вашей нищете, на вашем бесправии, на вашем невежестве. Но ведь и вы сами, вы, недовольные своей долей, рабочие, вы ведь тоже «враги» этой России; ведь вы точно так же, как поляки и прочие покоренные народы, составляете того «внутреннего врага», против которого держат наготове миллион штыков, которого бить и колоть по первому приказу начальства обязывает солдат военная дисциплина. Только полгода прошло со времени тех майских дней, когда на улицах Харькова вам был дан наглядный урок того, что вы сами становитесь «врагами России», как только начинаете добиваться своих законных прав; только несколько недель прошло с тех пор, как ваши братья, признанные «внутренними врагами» России, пошли в Вятскую губернию за то, что в майские дни мужественно стояли за рабочее дело. Теперь же вы думаете перейти в лагерь царя, полиции и жандармов, чтобы, став вместе с ними под «русское знамя», устроить свои дела на счет «врагов России», так же, как и вы,— рабочих, поляков? Плохой расчет, позорная надежда! Враждуя со своими братьями-рабочими и сближаясь со своими врагами, правителями и эксплоататорами, становясь под их залитое кровью и грязью патриотическое знамя, вы только увеличиваете их силу, которая завтра же обратится против вас, как против самых опасных, самых заклятых «врагов России», той России, которая правит, издает законы и грабит рабочий класс.

Да, это верно, что после пожара в Новой Баварии русских рассчитали, а поляков нет. Но это об'ясняется вовсе не любовью директоров к полякам-рабочим. О нет! Они бы и этих рассчитали с удовольствием. Дело просто в том, что, создавая в Харькове новое производство, капиталисты должны были выписывать рабочих издалека, из Владимирского округа и из Польши. Владимирец пошел на чужбину без всяких разговоров, а польский рабочий договорился сначала о достаточно высокой заработной плате и обеспечил себя контрактом так, чтобы его не могли рассчитать в любую минуту, когда он станет ненужным, как бросают лимон, из которого выжаты все соки. Польские рабочие оказались более предусмотрительными и более требовательными, чем русские. И этому удивляться нечего. Ведь польский пролетариат долгой и упорной борьбой двух десятилетий добился у себя на родине и высшей платы, и более короткого рабочего дня, и лучшего обращения, и как ни плохо все еще его положение, все же с ним не решатся поступать так бесцеремонно, как поступают с его русским собратом. Польский рабочий только справедливо пользуется плодами тех тысяч подчас кровавых жертв, которые он положил на дело своего освобождения, точно так же, как и бельгиец, против которого тоже поднимается иногда безумная вражда непросветленных еще сознанием южно-русских рабочих. Принесите рабочему делу такие же жертвы, боритесь, и тогда вы подниметесь на ту же ступень, на которой теперь стоит польский рабочий. Но не разжигайте себя завистью, глядя на его лучшие условия труда. Делая это, вы, может быть, ухудшите его положение, но свое-то вы погубите, вырыв непроходимую пропасть между собою и другими рабочими, у которых с вами одно общее дело, и истощив свои силы в братоубийственной войне на потеху буржуазии.

Идите к польским рабочим со словом братского союза и взаимного уважения, признайте справедливость затаенной в их груди горькой обиды, понесенной от варварского покорения; признайте за польским народом право искать себе свободы от всякого гнета; откажитесь от всякой солидарности с той Россией чиновников, попов и капиталистов, которая считает поляков «врагами

ФЕЛЬЕТОН

ИСКОРКИ.

Машина свистнула, запыхтела, зашипела — и сдвинулась с места, и поползла... потом пошла все скорей и скорей. В последний раз крикнул что-то с платформы грубый начальнический голос, последний раз мелькнули в окнах электрические огни станции, и поезд вошел в темную, беспросветную осеннюю ночь и стал углубляться в нее все дальше и дальше, пошел все быстрее и быстрее...

Степан откинулся на спинку своего места и так и вперился глазами в темноту. Так же мрачно и скверно было и у него на душе, — чего уж хуже и мрачнее.

Кругом в вагоне народ уже укладывался, слышались последние сонные фразы, кое-кто похрапывал даже; но Степану было не до сна. До сна ли тут, господи?! После этакого-то дня? Такого тяжелого дня не приходилось еще переживать Степану. Чего только не было, господи?! И брань, и тюрьма, и нагайки! И за что?!

И перед глазами его задвигалась и зашумела снова, точно он сейчас видел ее, огромная толпа на дворе фабрики. «Нет, не согласны. Хозяина нам, хозяина!» И видит он снова перед собою грузную фигуру хозяина, шепелявящего что-то с крыльца фабрики заплетающимся языком, не своим голосом; и вылощенное, румяное лицо фабричного инспектора, который твердит что-то о законности, плавно поводя рукой в воздухе.

— Поступайте только вы по закону, и все по закону будет. Становитесь на работу!

— Да, как же, по закону! Это по закону разве, чтобы средь зимы расценки менять? Говорите вы о законе-то много... Как уговор был, так пусть и будет, — и основа чтобы не гнилая! А так не пойдем, не согласны! — кричали рабочие. А мастера промеж народу шныряют, уговаривают. И Фомка-подлец тут же вертится, улещивает, увещает: «Братцы, братцы!» Глаза-то подлые так и бегают, выискивают, где кто громче говорит. Эх, нет хуже своего врага, никого нет хуже Иуды предателя. Как развернулся Степан, как закатил ему в ухо... Тут уж посыпались на него с разных сторон, кто во что горазд... Не уйти бы мерзавцу живым, кабы казаки не подоспели, кабы не нагайки их...

И как сейчас зазвучал в ушах Степана свист нагаек. Он весь задрожал с ног до головы, и кровью налились его глаза... И видит он снова, как врезывается в безоружную толпу конный отряд с шашками, с нагайками, как он давит, мнет ее... И видит он исполосованное нагайкой худое женское лицо и то злое, тупое лицо сытого зверя, которое дает ужасные приказания... И в глухом стоне всей поддавшейся назад, обезумевшей от отечества», и тогда вы найдете в польских товарищах братский отклик, тогда они пойдут рука об руку с вами на борьбу за рабочее дело.

Недостаточно призывать рабочие массы к борьбе за улучшение их жизни: политической и социалистической агитацией необходимо просвещать их сознание и тем сделать невозможным успех той вредной политической проповеди, которою развращают народную массу легальная и буржуазная печать. Если бы вздумали ограничиться одной только пропагандой экономической борьбы за ближайшие требования, мы рисковали бы тем, что наряду с ростом возмущения против капитала в пролетариате укоренились бы те вековые политические предрассудки, которые вечно питаются влиянием высших классов, воздействующих на народное сознание с высоты престола, с церковного амвона, со школьной кафедры, военной дрессировкой и могучим орудием печатного слова.

[Л. Мартов]

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО[1].

Русская история последних двадцати лет представляет непрерывную летопись реакции. Когда был убит Александр II, Александр III, по совету Победоносцева и Каткова, решил противопоставить геройскому революционному движению народовольцев неуклонную защиту самодержавия всеми, даже самыми зверскими и глупыми средствами. Он преуспел в своей борьбе с русской революцией: его тактика встретила поддержку в имущих классах общества, в дворянстве и крупной буржуазии, а силы революционной организации, не опиравшейся на рабочий класс и расстроенной целым рядом неудач, иссякли в самый решительный момент. Счастливо разделавшись с террористическим движением, Александр III стал давить все то, что хотя бы только в будущем могло быть опасно самодержавию. Всего опаснее, рядом с печатью и университетом, в этом отношении должны были показаться органы местного всесословного самоуправления — земства. Земства, учрежденные в 1864 г. и урезанные в 1890 г., не получили никаких политических полномочий и задач. Но, как органы местного хозяйственного самоуправления, они всегда были заинтересованы в том, чтобы отстаивать независимость свою от чиновничества, которое всячески стремилось связать их по рукам и ногам. Крупное политическое значение земства заключалось и заключается в его сравнительной независимости от власти чиновников. Земству в круге его ведомства нельзя приказать делать то-то и то-то, поступать так, а не этак. Правительство, напр., желает, чтобы школы содержало только духовное ведомство, между тем как земство по закону имеет право учреждать школы, и запретить ему этого прямо нельзя до тех пор, пока не будет отнято у него право ассигновать деньги на народное образование и вообще заботиться о нем. Но правительство всячески постаралось затруднить земству всякое дело, доступное ему по закону. По последнему земскому положению 1890 г. губернатор имеет право приостановить исполнение всякого постановления земских собраний, если он сочтет его незаконным или несоответствующим общим государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы. Окончательное решение о том, законно ли приостановленное губернатором постановление земства, принадлежит сенату (когда губернатор или министр признает постановление незаконным) или комитету министров (когда постановление признается несоответствующим общим

страха толпы звенит в его ушах всего явственнее какой-то рыдающий детский голосок...

— О, черти! Нет на вас управы. У вас и власть и законы! Вы на нас и лестью и плетью!..

Степан подался вперед и глухо застонал. Застонал и оглянулся. Но кругом в вагоне все было тихо; почти все спали, никто не слыхал его. И опять крепко сжав руки на груди, уставился он в окно.

Там все было уныло и мрачно; бесконечно раскинулась перед ним необ‘ятная пустынная равнина, и тяжело нависло над ней беспросветное хмурое небо; там и сям печально бежали назад одинокие, темные деревца... Степан глядел, и тоска охватывала все сильнее и сильнее его сердце...

А ведь ничего не было бы, не пришлось бы ему и другим мчаться теперь в разные далекие углы Руси-матушки, и добились бы своего, кабы держались дружно, кабы стали все на том, что порешили. А то, как стали по одному вызывать:

— Ты на работу пойдешь?

— Я по старому расценку... как все..

— Выдать ему расчет. А ты пойдешь?

— Я... как все.

— Выдать расчет.

Так и стоять бы всем на одном. Всех бы не разочли. Работа, небось, спешная. А то:

— Я... что же... Я, коли начальство велит...

— Я... как начальство...

И пошли, и пошли все,—бараны. Сами опять в петлю полезли. А кто стоял твердо, тех забрали и разослали. Со всеми ничего бы не поделали,—и расценок оставили бы. «Бараны, одно слово, бараны»,—пробормотал сквозь стиснутые зубы Степан и еще ближе придвинулся к окну.

Ночь, казалось, сгустилась еще темнее, и места кругом пошли еще безлюдней и глуше. Точно по пустыне какой едет Степан... А столбы все мелькают и мелькают, а поезд все бежит и мчит Степана все дальше и дальше.

— Даль-то какая, господи! И не знает он там никого. Еще голодом насидишься. Скоро разве работу найдешь? Замерло сердце у Степана, и с тоской опустил он руки.

Вдруг слабый, быстрый свет мелькнул перед окном. Это искорка вылетела из паровоза, потом опустилась на снег и потухла. Мала была искорка и слаб был ее свет, а все же еще темнее стало вокруг, когда она потухла. Да как же и не потухнуть-то, господи? Ведь все снег и снег кругом, а она слабенькая такая.

Вот вторая летит, тоже сейчас же тухнет, еще одна, другая... Покружившись немного, они падали и тухли,—и тьма после них становилась еще чернее. И сердце Степана сжималось тоскливо, когда он видел, как тухнет огонек за огоньком, и жадно следил он глазами за долее других носившейся в воздухе искоркой и точно государственным пользам и нуждам или явно нарушающим местные интересы). Таким образом, судьба всех постановлений местных людей зависит от одобрения царских чиновников. Это выдумали министры Александра III. Прежде, при Александре II, самостоятельность земства была несколько больше: тогда, по крайней мере, за министрами и губернаторами не признавалось права решать, вопреки мнению земских людей, в чем состоят местные интересы Миргородского или Коломенского уезда. Николаю II и его министрам, которые в самых робких пожеланиях и верноподданнических просьбах земств в 1895 г. усмотрели чуть-что не открытый бунт против самодержавной власти, показалось мало и тех стеснений, которые наложил на земство Александр III. Они выдумали и выдумывают еще новые. В прошлом году у земства отнято и всецело передано чиновникам заведывание продовольственным делом, т. е. все заботы о снабжении населения хлебом в неурожайные и голодные годы. Земское заведывание этим делом показалось неудобным чиновникам и главным из них — министрам, потому что земства не желали молчать о народной нужде в голодное время, а правительство, у которого всегда есть деньги на пушки, ружья и полицию, вовсе не желает широко отпускать денег на то, чтобы народ не пух от голода. В прошлом же году особенно блюдущие полновластие чиновничества министры: внутренних дел — Сипягин и финансов — Витте (самый умный и самый бесстыжий из всех министров), вопреки мнению большинства Госуд. Совета, которое еще не окончательно потеряло стыд, — подбили царя бросить русскому земству новое бревно под его колеса. Отныне земство не будет иметь права увеличивать свои сметы и налоги больше, как на $3^0/_0$ в год. Сделано это для того, чтобы помешать земству спокойно устраивать школы, библиотеки, больницы, заводить врачей и т. д.: на $3^0/_0$ не разгуляешься. Правительство, которое боится земства, потому что оно — как-никак — состоит из более или менее независимых и полезных людей, не желает, чтобы земство своей полезной деятельностью укреплялось, становилось необходимо и любо населению. Кроме того, есть такие дворянчики, которым смерть не хочется платить на школы и больницы, полезные исключительно крестьянам. Эти дворянчики, пользующиеся от правительства разными подачками и готовые всегда кричать царю «ура» и подлизываться к губернатору, очень много шумели о том, что земство разоряет их в пользу крестьян, и приставали к правительству с тем, чтобы оно избавило их от якобы обременительных земских платежей. Этим верным слугам царя нужно было бросить новую подачку: ради них, между прочим, урезали и без того постылое земство.

А главное: правительство, т. е. чиновники с царем во главе, боится земства! Неровен час, придет время, и земские люди наговорят снова, как они говорили уже и прежде, о том, что России раньше всего и главнее всего нужна свобода. Ведь, думают себе министры и царь, если в государстве будет не все обстоять благополучно, напр. рабочие начнут не на шутку волноваться, поляки и финляндцы перестанут все сносить, захотят вернуть свои прежние права, то от земств, пожалуй, не отделаешься грубым окриком, как в 1895 г., когда молодой царь обругал приехавших его поздравлять старых земцев за то, что они почти униженно просили его о законности и внимании к земству. В неспокойные минуты — а их не могут не ждать царь и его министры — невесело иметь у себя на шее 34 земских собрания. Такой шум может пойти по земле русской, что царю и министрам станет жарко в Петербурге. Правительство желает все держать в руке, чтобы не только теперь, но и никогда, даже через сто лет ни одна душа не смела

светлее было у него на душе, пока крошечный огонек этот кружился у него перед глазами.

«Вишь, крошечные какие, а светят тоже, — думал он, все следя за ними. — Слабенькие они только, редкие... и мало их, так мало! Как людей настоящих мало на свете», — подумал он, и еще больнее защемило сердце. Вот тьма и охватила и надвинулась со всех сторон так беспросветно и ужасно. И глотает и тушит она всякую искорку, которая смело летит в пространство, — такая маленькая и бессильная, и несет свой слабенький, свой недолгий свет. Тьма душит ее и царит опять надо всем безраздельно. Много, много свету надо, чтобы всю эту тьму покорить, чтобы жилось светлее и лучше людям на свете: что могут сделать тут маленькие искорки? Только разнесутся ветром в разные стороны и потухнут, погибнут... А вокруг все так же серо и беспросветно, как было, останется.

И что-то подступило точно к горлу Степана, и на душе стало еще тоскливее.

«Вишь, сыпятся на снег-то как! Девять, десять, — считал он машинально искры. — Потухнет, и будто ее и не было. Так же и мы все!»

И он думал о старом Матвеиче, который еще смолоду разные такие виды видывал, и о больном Петрухе с его впалой грудью, у которого семья мал-мала меньше, и о Николае, над которым причитала так горько его старая мать... Эти-то свой народ, эти не выдадут, грудью станут, да разнесло народ кого куда, и остался все народ серый да робкий... А эти, настоящие-то, за то, что стояли за товарищей, должны теперь собачью жизнь вести.

«Двадцать, двадцать одна... Ух, сразу кучкой вылетели». Степан сбился и потерял счет, засмотревшись на красивую полоску, которая пронеслась игриво и быстро мимо окна. А вот еще и еще!

Искорки полетели теперь веселее. Они появлялись уже не по одной, а по несколько за-раз, и не робко, как прежде, скользили они в воздухе, а летели довольно долго прямо и смело и тухли уже не так скоро. Но теперь Степан и не замечал, как они тухли. Потому что, когда относилась ветром далеко в сторону и опускалась на снег одна, то перед глазами его мелькали уже еще две, три, пять, еще красивее и больше, и не успевал он заметить, когда потухнут эти, как летят опять новые и новые.

И точно не темна стала ночь, не так скучна и пустынна снежная равнина при быстрых и веселых огоньках; теперь полных потемок уже не оставалось; все сколько-нибудь кружатся бойко и весело искорки, и Степан, следя за ними, забывает окружающий мрак. Развлекают они его точно, и на душе его точно не так уже тоскливо, и мысли в голове кружатся тоже побойчее.

«Ну, что-же! не в лес, чай, едет. Везде нужны руки, бог даст, не пропадет. Работник он хороший, пикнуть, чтобы на все решительно бралось одобрение царя, т. е. в сущности его чиновников. А если русские люди (хотя бы только одни состоятельные землевладельцы, из которых почти исключительно, к сожалению, до сих пор состоит русское земство) научатся думать и действовать немножко по-своему, начнут местные дела, действительно, сами устраивать, то они постепенно совершенно отобьются от рук. Заведя школы и библиотеки, они научат кое-чему народ, научат хотя бы читать, а человек, который умеет читать, может быть научен всему, может даже сделаться... социалистом и революционером.

Вот почему на борьбу правительства против земства русскому рабочему и русской социал-демократии нельзя смотреть равнодушно. Мы должны быть за все, что хоть сколько-нибудь идет против самовластия чиновников, т. е. против самодержавия царя.

Правительство скрутило теперь земство по рукам и ногам. Но в своем торжестве оно обнаглело и стало беситься с реакциннного жира. Ему мало того, что сделано: оно теперь думает крепкую думу, как бы либо совсем упразднить, либо до тла выхолостить земства, чтобы не только теперешние земцы, но и их сыновья и внуки и правнуки вечно помнили, что Николай II раз навсегда запретил русским людям мечтать о конституции и верноподданнически намекать, что законность и свобода лучше произвола и рабства. О подкопах под русское земство, главную роль в которых играет министр финансов Витте, мы поговорим в другой раз.

[П. Струве]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая драма в Якутске. О калашниковской истории еще мало кто знает в России. И немудрено: она разыгралась на далеком сибирском севере, в той проклятой якутской глуши, куда заносит людей не их собственная добрая воля, а неистовство и самодурство царского произвола. Вести оттуда идут целыми длинными и долгими месяцами, — и человек успеет истлеть в могиле, прежде чем мы узнаем о его смерти.

И над Иваном Калашниковым уже давно сибирские метели нанесли курган снега, а мы только теперь, только через полгода, получили сообщение об его ужасной кончине...

Иван Калашников — бывший матрос Добровольного флота. Не с самого рождения он стал дышать морозным воздухом Якутки. Раньше, до 1894 г., он живал в одесском тепле. Это был человек, по отзыву его товарищей, в высшей степени даровитый; с природным умом в нем соединялось широкое развитие; мало того: это был человек, всей душой чувствовавший горечь существования русского рабочего люда, тяготу жизни в горячо любимой им России. Это был природный боец за благо и счастье трудящихся классов. Капиталисты гнетут работников, цари всеми силами поддерживают капиталистов, — значит с теми и с другими трудящиеся классы должны вести непрестанную борьбу. А для этого они, эти классы, должны быть сознательны и организованы. Это ясно понимал Иван Калашников и отдал всю свою твердую волю, кипучую энергию, все свои знания и всю свою жизнь на дело развития самосознания рабочих и на организацию их. Работал он, главным образом, среди своих товарищей-матросов. Развивая самосознание рабочих — книжкой и словом, организуя их — кружками и стачками, он совершал преступление против российских царских законов. Наши законодатели с короной на голове и образками короны на пуговицах и эполетах отлично знают, что нужно всеми силами мешать распространению самосозна-

---

непьющий. Небось, и тут, хоть давно на него косились и мастер-подлец доносил, что он-де „народ мутит“, а все же сквозь пальцы глядели, жалели отослать. А потом — он один, а одна голова, известно, „хоть бедна, да одна“. Как это не прокормиться? Вот у Семена и ребята на шее, а держался молодцом. Насупился только темнее ночи, а жаловаться не стал. „Чорт, мол, с вами! Хоть подохну, не покорюсь“. Вон он какой, Семенушка-то! А ведь когда пришел Семен на фабрику, совсем он непонимающий и смирный был, да и в толк взять не мог, как это не покоряться, когда начальство велит. Тогда почитай что с одним Матвеем Степан и душу отводил. А потом и стал народ подбираться. Как расскажешь все, что к чему и какая причина, так и твердят: правда твоя, мол, правда! Потому у всех наболело, и глаза только надо на их жизнь открыть. Как послушают, идут опять: расскажи, мол, про вчерашнее; дай книжечку, чтобы про это, про самое. И как это ему давеча почудилось, что всех разогнали!? Нет, и Тимофей свой человек, как на гору положиться можно, и Василий парень настоящий; да и еще кой-кто найдется. Всех не вышлешь, все крупинки самым чистым решетом не выловишь! Небось, остались на развод!»

Усмешка мелькнула на губах Степана и распрямился он. А искры за окном все мелькают и мелькают, и все больше и больше становится их. Теперь Степан не только не успевает следить, как они падают и тухнут, но и забыл как-то, что они должны и упасть и потухнуть. Они носятся теперь перед его глазами, вечно светлые, вечно живые и такие смелые, что смотреть становится весело и светлеет на душе. Вот и еще и еще целая пляшущая кучка рассыпалась в разные стороны; вот еще целый ряд пролетает светлой полоской и, кажется, оставляет еще за собой некоторый свет на небе. А на далеком снежном пространстве, почти что куда хватает глаз, разносятся яркие огоньки и садятся направо, налево, целые стаи их кружатся и подпрыгивают прежде, чем сесть на снег, а на них налетают, сталкиваясь и спеша, другие и другие. Они оживили собой всю эту мрачную картину; и такое неустанное и бодрое идет у них движение, что смотреть любо, и глаз не отведешь.

«Вот так же и на земле будет, когда людей настоящих станет больше», думает Стапан, следя с восхищением за догоняющими, за обгоняющими один другой огоньками. Когда вот эдак же пойдут вперед за лучшей долею, за счастьем, да вот эдак же дружно двинутся, не поодиночке, а кучками, толпами, — и смело, смело!.. Когда скажут себе, что тьма лишь потоле страшна, пока сидят в ней, присмирев и уныло, что под сильным движением, под смелым натиском она разлетится и исчезнет, что она может бесследно потушить только слабые, одинокие искорки, и не устоять ей перед общим и дружным светом, — тогда... Уф, как хорошо! — даже громко промолвил Степан, когда широкая блестящая полоса из ния рабочих. Тюрьмой, Сибирью, каторгой, если надо и смертью, — нечего церемониться!

Калашников именно принадлежал к таким «лиходеям», которым ненавистно порабощение рабочего люда. А поэтому он и был сослан на 10 лет в самые отдаленные места Восточной Сибири (Нижне-Колымск) вместе с другими (Нахамкисом, Цыперовичем и проч.) за то, что они создали в Одессе первую серьезную социал-демократическую организацию рабочих.

Вы представьте себе только, что значит ссылка в Якутскую область. Это все равно, что закопать живого в могилу. Оторвать умного, сознательного человека от людей, тех самых людей, благу и счастью которых он намерен отдать всю свою жизнь, — и бросить его на безлюдье... Отрезать от жизни того, кто полон жажды этой самой жизни, и швырнуть в снежную пустыню... Человека, с глубоким интересом наблюдающего за нарастанием в жизни правды и справедливости, заслать в тридесятое царство наблюдать, как хлопья снега образуют одна за другою громадные снежные горы... Человека, который весь горит желанием протаптывать новые дороги в жизни, закинуть в непроходимую тайгу, закопать в лед и снег. Так закопать, чтобы он жил, не живя и не умирая, стонал без всякой надежды, чтобы стон его донесся до России, проклинал царский произвол, зная, что проклятье так же замерзнет на морозном воздухе Якутки, как замерзают в нем птицы.

Ужасная жизнь! Как должен истерзаться, измучиться человек, обреченный на такое существование! Есть ли в этом человеке, заброшенном в снежную пустыню, хоть одно неизболевшееся место? Он весь — муки и страдания, он весь — боль и раны, напряженные и ноющие нервы. Человек все время находится в таком возбужденном состоянии, что на оскорбление, от какой бы мрази и пакости оно ни шло, он должен ответить гораздо резче, чем человек с неистрепанными нервами.

Некая мразь и пакость нанесла Калашникову оскорбление, и он заплатил за нее своею жизнью.

28 июня 1900 г. через Нижне-Колымск шел паузок с почтой. Калашников под'ехал к нему на лодке и спросил казаков, нет ли ему письма. В ответ на это земский заседатель Иванов, бывший на паузке, сказал какую-то грубость: царский слуга, надо полагать, был в плохом настроении духа и счел для себя возможным сорвать свое неудовольствие на ссыльном. Иванов — человек, у которого никогда не было за душой ничего, кроме мерзости и пошлости, никогда не молившийся иному богу, кроме бога наживы, вдруг ни с того, ни с сего оскорбляет человека, свою жизнь положившего за други своя! Калашников не стерпел и, не обращая внимания на то, что кругом Иванова были казаки, бросился с лодки на паузок; зачем он бросился, он, вероятно, и сам бы не мог сказать себе: может быть, плюнуть в лицо царскому лакею, может быть, и убить его даже — можно ли рассуждать в такую минуту! По распоряжению Иванова, Калашников был связан, и на него со всех сторон посыпались удары чем попало и куда попало, а сам Иванов принялся топтать ногами связанного «врага». Когда «враг» был доведен до полного бесчувствия и избит до полусмерти, его сбросили назад в лодку, и течение реки каким-то чудом доставило его на берег. Через два дня Калашников застрелился. Все это время он ходил сумрачный, ничего не ел и не пил, — что было доказано судебным вскрытием трупа, — и, наконец, не выдержал, не снес побоев какого-то Иванова, который и на человека похож только потому, что у него есть руки, чтобы хапать и драть, и рот, чтобы жевать нахапанное...

Ссыльные товарищи потребовали следствия. Иванов был вытребован исправником и явился в Нижне-Колымск 20 августа. 14 сентября его встретил на улице товарищ Калашникова Ергин, окончивший петербургский университет. Он шел на охоту * и нес ружье, заряженное картечью. Увидев Иванова, он спросил его, что у него произошло с Калашниковым; земский заседатель и на этот раз отвечал дерзостью, и Ергин, всей душой изболевшийся за участь товарища, весь проникнутый чувством мести, сознательно или бессознательно — где уж тут выяснить — щелкнул курком и убил Иванова. Дело происходило в городе около полиции; на выстрел сбежались царские наемники, и, отдавая им себя под арест, Ергин сказал: «Я убил заседателя».

---

* В это время был лет гусей.

миллиона искорок пронеслась вдруг стремительно и победоносно, осветив, как заревом, небосклон. Тогда добьются, тогда всего добьются, и будет тогда на земле и свет, и правда, и счастье, — да, и счастье!»

А народу настоящего все больше и больше нарождается, даже и на его глазах. За одним идут жадно слушать другие, за теми еще и еще. И кто понял, тот, может, раз-другой оробеет, раз-другой промолчит, но назад уж не пойдет, — нет! И мысль та, раз засевши, все глубже и глубже забираться станет, пока он не сделается совсем своим человеком. Главное — унывать не надо, останавливаться не надо. Везде, где люди, там теперь и гнет, и зло, и неправда, везде надо глаза открывать на это, везде дело есть!

И бодрая улыбка играла уже на губах Степана, когда он все с тою же жадностью следил за искрами. Он видел себя на новом месте, он заводил там новых друзей, он поднимал их на новую борьбу за лучшую долю рабочего люда. И заводил он уже все не попрежнему, а лучше, незаметнее, прочнее. И дело все шло уже не зря, а дружно, толково, смело...

А искры вылетали уже целыми снопами, и нельзя было порой рассмотреть в них отдельных искорок, так тесно, так плотно, целыми полосами неслись они; и полосы эти становились все шире и ярче, все ослепительнее.

— Вот так, — шептал в восторге Степан. — Главное, чтобы так тесно, грудь с грудью, плечо с плечом; целыми ратями, одна за другой, без конца!.. Тогда не потушат, тогда не задавят. Тогда уже вся сила будет у нас, у нас — рабочего люда! И сами добьемся мы для себя светлой зари новой жизни и нового счастья!..

Теперь счастливая улыбка не сходила уже с лица Степана; слабая краска выступила на его щеках, и восторженно глядели его большие глаза на расстилавшуюся за окном картину...

А она была действительно дивно хороша. Громадные снопы света неслись в разные стороны, то рассыпаясь целым каскадом искорок, то заливая чуть не полнеба целыми потоками света. Куда девалась вся мрачность, все безлюдье окружающей картины? Она вся наполнилась жизнью, и движением, и светом. И свет этот все рос, все распространялся, все проникал во все глухие, во все темные уголки и все победоносно заливал собою... И смело и непрестанно мелькали в глазах яркие, бойкие искорки.

— Хорошо, хорошо, — шептал беззвучно, со счастливой улыбкой Степан.

Он очнулся лишь от какого-то толчка. Поезд остановился у большой станции. Это и был тот губернский город, где надо было выходить Степану. Он взял свой узелок и ведро, энергичными шагами пошел, при чуть брезжившем рассвете зимнего утра, по улицам незнакомого, далекого города.

Ергин, по словам знавших его в Петербурге, — человек очень добродушный; трудно бы и предположить даже, что он может кого-либо убить.

Самая жизнь, якутская, проклятая жизнь, заставляет людей прибегать к кровавой расправе, не позволяя им раздумывать, выгодна ли мена недолюдка Иванова на подлинных людей, людей в лучшем смысле этого слова.

Это уже не первая история в Якутске. Их было уже несколько, если не в таком роде, то очень схожих. Да и вообще в России... Чего-чего только не было на нашей несчастной родине. Чего только не приходилось переживать таким, как Калашников, за то, что душу свою, все силы свои, разум, чувство и волю они несут на служение рабочему делу. За это их постигает царская расправа! И после этого находятся еще такие доброжелатели рабочих, которые говорят, что не надо бороться с царским произволом!

Кровь убитых и замученных товарищей призывает к борьбе с царским насильем, без слов говорит, что без этой борьбы вся Россия превратится в кладбище, что лучшие наши силы, наши Калашниковы, изгибнут в далеких снегах в то самое время, когда они так нужны рабочему делу...

Организуйтесь, товарищи, проникайтесь сознанием и всеми силами, всеми средствами боритесь против царя! С вами не только все живые борцы за свободу и счастье трудящихся классов, но и тени борцов, замученных царским произволом.

* * *

Вышеприведенное сообщение о потрясающей драме в Якутске дополняем еще следующими данными:

Несколько дней спустя после избиения Калашникова с ним встретились Ергин и Янович, отправлявшиеся на охоту. Калашников был страшно расстроен и о происшедшем не упомянул ни слова. При нем была берданка; он говорил, что идет на охоту. Немного погодя невдалеке раздался выстрел. Янович бросился по направлению к выстрелу и нашел Калашникова уже умирающим и при нем записку, в которой он обвиняет Иванова в своей смерти...

Негодяй Иванов, этот «цивилизованный» якут, говорят, был раньше секретарем полиции в Верхоянске.

Вот краткие биографические сведения об этих новых жертвах русского правительства.

Александр Александрович Ергин — арестован в СПБ. летом 1896 г. по делу «Лахтинской» типографии и «Группы Народовольцев». Приговорен к двум годам «Крестов» (с зачетом предварительного заключения) и 8 годам ссылки в Восточную Сибирь. Сослан в Колымск, худшее место на земном шаре.

Любовь Владимировна Ергина (урожденная Лазарева), жена его, по тому же делу сослана была в Колымск на 6 лет.

Иван Михайлович Калашников — вольный штурман. Арестован в Одессе в январе 1894 г. (по делу Нахамкиса, Цыперовича и др.). Поступивши матросом на пароход, вел живую пропаганду среди матросов и кочегаров. Арест и ссылка прервали его горячую революционную деятельность. До привлечения своего к одесской рабочей организации склонявшийся к анархическим взглядам, он сделался к 1893 г. убежденным социал-демократом и много поработал в матросском мире, где пользовался большой популярностью. Сослан (после полуторагодичного одиночного заключения) в июле 1895 г. в Колымск, где и погиб так неожиданно.

Мир праху твоему, товарищ! Одесские матросы, помните ли вы вашего пылкого Ваню?

Из Сибири пишут: «Вновь арестован Бычков, говорят, по распоряжению деп. полиции, который давно разыскивал „политического" Бычкова. В последнее время он проживал и сидел (по делу Махайского) в тюрьме, как мещанин Бычков, имеющий вид на жительство по всей матушке Руси...

«В Вилюйске, в конце сентября или в октябре, был сделан обыск у Розенблюма, по распоряжению из Иркутска: так как у него ничего не оказалось, а найти что-нибудь надо было, — ибо тщательно искали, — то взяли какую-то тетрадку и послали в Иркутск (вероятно, подыскивать хвостик к делу Махайского)

«В августе на паузках прибыло сюда три человека: Гольдман, наборщик типографии „Рабочее Знамя", взятый в типографии в Белостоке, послан в Намский улус, на 5 лет; Поляк, наборщик, взят в типографии „Рабочей Газеты" в Екатеринославе, едет в Верхоянск, на 6 лет; туда же едет и Лузин на 5 лет, за анархические, якобы, взгляды. Зимой должны быть товарищи Поляка, назначенные в Колымск и Верхоянск. С делом Поляка связаны и одесские аресты, во всем этом винят одессита Гандера, которого называют провокатором».

Праздник мракобесия. 1 декабря местная газета «Южный Край» с большим торжеством отпраздновала 20-летие своего существования. В течение 20 лет эта газета стояла в первом ряду ревнителей самодержавия, православия и порабощения народа. Издатель ее — Юзефович, еврей, принявший православие и сделавший своей специальностью травлю поляков, евреев, малороссов и всяких других инородцев. Личность достаточно грязная, чтобы считаться «уважаемым деятелем» в той части русской печати, представителями которой являются Грингмут («Моск. Вед.»), Суворин, Пятковский («Наблюдатель»), Комаров, кн. Мещерский и т. п. рыцари «истинно-русского направления». Личность довольно грязная, чтобы пользоваться заслуженным доверием властей, которые, ненавидя мало-мальски честное печатное слово, умеют ценить газету как орудие развращения публики. Свое благоволение к «Южн. Краю» правительство проявило в прошлом году, даровав ему освобождение от предварительной цензуры, которой подчинены все провинциальные газеты. Еще более важную услугу оказывает правительство «Южн. Краю», систематически отказывая в разрешении кому бы то ни было издавать в Харькове другую газету. Харькову, одному из крупнейших провинциальных городов, правительство велит довольствоваться одной, с позволения сказать, газетой. «Вы — нам, а мы — вам», — вот боевой лозунг шайки, владеющей Россией.

При таких обстоятельствах понятно, что юбилей «Южн. Края» превратился в праздник всех ревнителей мракобесия. Отец Иоганн Кронштадтский и харьковский архиерей послали свои приветствия, как представители церкви, исполняющей в деле развращения народного сознания ту же роль, какую выполняет печать гг. Юзефовичей[*]. «Моск. Вед.» и им подобные издания приветствовали своего достойного собрата. Губернатор и прочие губернские власти поздравляли юбиляра, так холопски служащего делу самодержавия вот уже 20 лет. Несколько профессоров выразили свое уважение Юзефовичу от имени той «науки», которая продает себя тем, у кого в руках ордена, чины, жирные оклады и пенсии. Харьковское купечество послало приветственный адрес верному защитнику капиталистической эксплоатации.

Но в наши дни общественное чествование считается даже у реакционеров неполным, если в нем не принимает участия «простой народ». И чествование Юзефовича также не обошлось без умилительной картины поднесения адресов и подарков от рабочих гнуснейшему врагу рабочего класса. Наборщики «Южн. Края» поднесли Юзефовичу икону и адрес, в котором говорилось, что он для своих рабочих не хозяин, а отец родной. Другой адрес поднесли рассыльные, третий — общество тружеников печатного дела в Харькове, устроившее специальное собрание для чествования Юзефовича и поднесения ему иконы же. Очевидно, жалкие филантропические подачки богатого издателя «Южн. Края» стяжали ему у некоторых ти пографщиков в Харькове славу «друга рабочих». К несчастью, некоторое расстройство в ходе социал-демократической агитации в Харькове, вызванное непрекращающимися арестами, не дало возможности местным товарищам открыть глаза типографщикам на значение того чествования, в котором они приняли участие по своей бессознательности.

---

[*] Перед самым юбилеем «Южн. Край» поместил проповедь преосвященного Амвросия, в которой обличались дешевые народные чайные, устраиваемые обществами трезвости. «Не видим ли мы в них тлетворный дух социализма?» — вопрошал архиерей, сокрушенно прибавляя: — «Дай бог, чтобы мы ошиблись».

Вечером 1 декабря в помещении редакции «Южн. Края» был назначен парадный обед с участием губернатора и иных светских и духовных властей. К назначенному времени около помещения редакции собралась толпа преимущественно студенческой публики. Множество экземпляров «Южного Края» подверглось торжественному разодранию перед редакцией; студенты подряжали извозчиков, привязывали экземпляр гнусной газеты к хвосту лошади и пускали ее вскачь «чествовать» доблестный орган печати. Появились не менее почтенные чествователи юбиляра — собаки, обернутые в номера «Южн. Края». Толпа перед редакцией все росла. Стали раздаваться крики: «Долой Юзефовича, долой продажную прессу». В окна редакции полетели камни, а затем через образовавшиеся бреши стали залетать в столовую, где обедали важные господа, пузырьки с сернистым водородом и иными пахучими веществами. Обед был испорчен, и знатные гости стали потихоньку улепетывать из неблаговонной редакции. Достойный юбиляр трижды просил губернатора вызвать казаков, которые под конец и явились, но толпа уже расходилась. Говорят, Юзефович подал донос на губернатора, обвиняя его в преступном невмешательстве в демонстрацию.

На другой день на Сумской улице (перед редакцией) громадная толпа смотрела, как стекольщики и маляры уничтожали следы вчерашнего блестящего чествования юбилея ревнителя «самодержавия, православия и народности».

Юбилей Н. К. Михайловского[2]. 14 ноября только что истекшего года литературный Петербург отпраздновал сорокалетие писательской деятельности Николая Константиновича Михайловского. Отпраздновал, можно сказать, при закрытых дверях, потому что злополучной нашей печати циркулярно было предписано не заикаться об этом событии. Молчать по приказанию начальства — привычное дело для русского писателя. Стерпится — слюбится, — говорит пословица. Русский писатель притерпелся до такой степени, что готов слюбиться даже с русской цензурой и покорно нести ее гнетущее ярмо!

Как бы то ни было, однако, чествование состоялось — со множеством застольных речей и тьмою прочитанных адресов. В числе поздравлявших были и марксисты, и наличность марксистских приветствий обратила на себя внимание: сам «виновник торжества» поспешил упомянуть, в одной из ближайших книжек своего журнала, о лестном титуле «честного противника», поднесенном ему некоторыми из этих поздравителей.

Пользуясь случаем, попытаемся и мы охарактеризовать наше отношение к юбиляру-писателю. Г-н Михайловский родился под счастливой звездой: первые литературные шаги его были обвеяны бодрящим воздухом нашего ренессанса, а расцвет этой деятельности пришелся на революционнейшую из эпох в жизни русской интеллигенции. Он дал этой эпохе свою личность, и не однажды на страницах «Отеч. Записок» возвышался голос «профана», как выражение чувств и дум интеллигента-разночинца, интеллигента-социалиста... И с этой самой поры литературное имя его сияет отраженным светом героического времени: семидесятые годы воздали сторицей тому, кто когда-то принес им лучшую часть своего яркого дарования; они сплели его имя со своим и прикрыли присущим им обаянием, прикрыли до такой степени, что долго читатель-друг не замечал и не мог заметить, что он потерял своего писателя. Между «крайней левой» и старым любимцем ее постепенно назревал разрыв: молодое поколение 90-х годов, истомившись в годину реакции, искало разрешающего слова, готовое отдаться тому, кто снимет с него бремя сомнений. А в ответ лишь звучали либерально-минорные речи, без веры, без силы, без страсти, — воистину медь звенящая и кимвал бряцающий. Когда же молодежь услыхала, наконец, будящий призыв и хлынула в рабочую массу, когда все живое потянулось к свету нового учения, у старого писателя не шевельнулось в груди ничего, кроме злобной насмешки, и ненавидящее перо его писало лишь приговоры...

Мы — русские социал-демократы — чтим заслуженного писателя, но в наше отношение к нему невольно примешивается горечь: до сих пор он был — ослепленный противник, наш строгий и несправедливый судья.

Из Саратова пишут, что полиция заарестовала там адрес Н. Михайловскому, подписанный пятью тысячами человек. Адрес был выставлен для подписывания в земском книжном складе; туда явился полицмейстер с целой оравой приставов и околоточных и спросил, где находится адрес. Заведующий складом спросил: «Вы желаете его подписать?» — «Нет, арестовать! — был ответ: — по приказанию губернатора».

Переговоры по телефону с губернатором не помогли, и адрес был увезен.

Саратовский делегат на банкете в честь Михайловского вышел на эстраду с пустым портфелем в руках и показал его публике. Раздались аплодисменты и смех.

— «Горьким смехом посмеюся».

Прекращение «Сев. Курьера». 22 декабря на совещании четырех министров постановлено «совершенно прекратить» издание газеты «Северный Курьер».

Правительственное сообщение обходит молчанием мотивы этого запрещения. Оно, как водится, лаконично, не тратит слов по-пустому; как всякий декрет, говорит: так решено, и баста! — и предлагает почтеннейшей публике молча проглотить преподчосимую пилюлю! И публика... проглотит, конечно, эту пилюлю, как проглатывала она уже не раз и не такие пилюли! Проглотит тем легче, что у нее до сих пор не принято бережно обращаться с печатным словом и считать его своим кровным достоянием...

Вольную, действительно вольнолюбивую общественную мысль нельзя запретить, как птицу в клетке, нельзя задушить в об'ятиях цензуры: она найдет себе пути через все затворы и отомстит за поруганную честь...

Для нашего общества, для всей нашей демократии дело чести — найти выход из настоящего позорного положения: если такие безобидные органы, как «Северный Курьер», не терпятся более в среде нашей печати, значит — дело печати окончательно проиграно, в ней нет места живому общественному слову, значит мы пришли к дилемме: il faut se soumettre, ou se démettre — либо отдаться на волю врага («сила ломит и соломушку...»), либо уйти... но уйти на широкое поле свободной, не знающей цензурной барщины печати и там поднять клич, призывая живых, будя уснувших. Господа, — выбирайте!

Одесса. Одесская либеральная и радикальная публика, подобно публике многих других городов, собралась чествовать юбилей Н. К. Михайловского. Был составлен довольно радикальный адрес, собрано около 1.500 подписей. Местный всемогущий паша, градоначальник Шувалов, распорядился арестовать этот адрес, что и было сделано. Во главе подписей под адресом красовались подписи городского головы Зеленого и начальника порта контр-адмирала Перелешина. По этим примерам можно видеть, в какой среде, между прочим, собирались подписи. Тем более ярко выступает тот факт, что нахальный, беззаконный поступок Шувалова не вызвал никакого протеста. Детушки скушали, ложки утерли, сказали спасибо. И эта дряхлая, трусливая, смиренно выносящая всякое оплевание буржуазная «интеллигенция» смеет высокомерно относиться к пробуждающемуся рабочему движению, смеет упрекать в «узости» социал-демократов, возлагающих свои революционные надежды на пролетариат, передовой слой которого уже теперь стоит бесконечно выше либеральной интеллигенции по степени гражданского мужества и готовности дать отпор тем, кто попирает его права. Сознательные одесские рабочие глубоко возмущены трусливым поведением одесской «интеллигенции» в деле с Шуваловым. Вообще градоначальник старается превзойти своего дикого предшественника, адмирала Зеленого, в деле самодурства и беззакония.

Недавно произошла такая история. В редакцию «Одесского Листка» репортер доставил заметку о том, что один из одесских городовых оказался беглым каторжником.

В силу установившегося в Одессе (конечно, незаконного) порядка, это известие, как относящееся к внутренней жизни полицейской святыни, должно было, кроме общей цензуры, пойти на просмотр полицейского управления. В полицейском управлении его, конечно, сочли невозможным напечатать. Казалось бы, и делу конец. Но нет, это было только начало. Поздно вечером в редакцию является полицейский и требует заведующего отделом. Ему отвечают, что заведующий спит. Полицейский уходит и является через некоторое время с таким заявлением: «На основании положения об усиленной охране градоначальник приказывает разбудить такого-то» (буквально). Ну, раз на основании положения об усиленной охране, то, конечно, русский «интеллигентный» обыватель готов хоть сам себя разложить и высечь. Заведующий пробуждается на основании положения об усиленной охране и, подвергшись допросу полицейского, уже на основании своей собственной подлости и трусости (говорят, этот господин тоже когда-то что-то имел общего с «идеями»), называет полицейскому имя репортера, который доставил опасное для государственного порядка известие о том, что среди просто негодяев, в одесской полиции, служит один, уже побывавший на каторге. Немедленно является полиция на квартиру к репортеру, которого не застает дома. Среди суматохи, вызванной полицейским нашествием, плача жены и детей, пристав ложится на кровать репортера, чтобы подождать его возвращения. Когда репортер явился, ему сначала пришлось выдержать солдатскую ругань пристава, а затем, когда он отказался назвать имя полицейского, от которого узнал полицейский секрет, его посадили в отдельную комнату под присмотром нескольких городовых с угрозой, что, если не назовет до утра имени давшего сведение, то будет препровожден за решетку. Кончилось тем, что репортер назвал какого-то полицейского из охранного отделения.

Воинственный градоначальник не прочь от покровительства рабочему классу. Для тех рабочих, которые склонны сами себе помогать, Шувалов озабочивается приисканием казенной квартиры с решетчатым окном, на тех же, которые готовы доверчиво ждать помощи свыше, он не прочь простереть милостивую руку начальства. В этом году среди ремесленников и отчасти строительных рабочих возникло артельное движение. Был приглашен известный фигляр артельного дела г. Левитский, и дело, казалось, наладилось. Получены субсидии, добыто разрешение начальства, и несколько артелей торжественно открыли свои действия. На открытии присутствовали всевозможные власти с Шуваловым во главе. Шувалов провозгласил тост за всероссийского султана Николая, господа артельщики отвечали тостами за одесского султана Шувалова. Просвещенный султан выразил надежду, что путем организации артелей рабочие улучшат свое положение и освободятся от эксплоатации. Он не прибавил (так как это само собою подразумевалось), что те рабочие, у которых нет средств устроить артели, за всякую попытку иным путем улучшить свое положение и освободиться от эксплоатации, будут иметь удовольствие разговаривать с полицейскими властями не на торжественном обеде, а в тюремной камере. Одним словом, артели начали свое существование под благословением не только русских бернштейнианцев, но и законного начальства. Слава о них пошла далеко. Газета «Северный Курьер» отметила это светлое явление в особой корреспонденции, а г. Левитский высоко поднял свою голову и очень гордится тем, что не одни лишь крестьяне, но и городские рабочие прибегают к нему для организации артелей. Только одесские сознательные рабочие не разделяют общих ликований по поводу артелей. Им пришлось очень скоро увидеть, какое значение могут иметь артели для рабочего движения. Уверовав в устроение своего благополучия мирным путем взаимопомощи, артельщики сейчас же стали во враждебное отношение к рабочему движению. Одна артель поставила правилом, что ее члены не могут участвовать в нелегальном движении. Как же! Иначе подведут артель. Пропаганда улучшения положения рабочих путем артелей столкнулась с пропагандой улучшения положения рабочих путем классовой борьбы...

Невинные интеллигенты — устроители артелей — позаботились ввести в их устав воспрещение принимать наемных рабочих. Но, погони природу в дверь, она влетит в окно. А при капиталистическом производстве природа каждого хозяйственного предприятия, — будь оно артельное, все равно, и хоть бы его устраивали самые благочестивые святоши, — состоит в том, чтобы не упустить благоприятного момента, когда случится найти хороший сбыт своим продуктам; а для того, чтобы суметь справиться с большими заказами, надо иметь в своем распоряжении запас новой рабочей силы. Но как добыть эту новую рабочую силу? Принять в артель новых членов и делиться с ними барышами? Это не так-то приятно, да и накладно: когда экстренные заказы будут выполнены и наступит в делах затишье, каждый лишний пайщик будет означать уменьшение барышей старых членов. А чтобы этого избежать, самое простое средство искать свежую рабочую силу там, где ее всегда вдоволь — на рынке труда. Но ведь по уставу наемных рабочих в артели не полагается. Но если нельзя нанимать рабочих, то можно принимать учеников: и дешевле и спокойнее. И вот одесская артель портных уже пошла по этой торной дороге. Всякого ей успеха!

Но вот беда: едва только артели, затеянные в целях освободить рабочих от эксплоатации так, чтобы воды не замутить, стали освобождать своих собственных членов от работы путем эксплоатации учеников, как одесский градоначальник, насытившись деятельностью социального реформатора, вновь вспомнил о роли полицейского наблюдателя. Артели — оно, конечно, спокойно, а все-таки... как никак, а смахивает на вольные мысли. И вот, по слухам, державный одесский султан уже распорядился: чтобы «у него» новых артелей не возникало. Так вот какое положение: с одной стороны, лестно некоторым деятелям создать «рабочее движение», которое не пришло бы в столкновение с существующими порядками; а с другой — чем более скромное общественное дело затевается, тем проницательнее гг. Шуваловы откапывают в самом нереволюционном деле следы «вольного духа». Что тут поделаешь?

В октябре месяце Одесский Комитет Партии распространил на механическом заводе Литовского прокламацию с призывом к борьбе против предполагавшегося удлинения рабочего дня, за лучшее обращение и за удаление мастера. Прокламация вызвала прекращение работ, и в результате было немедленное удовлетворение требований, даже некоторое сокращение рабочего времени. Вскоре после того была распространена прокламация на кожевенном заводе; наехали жандармы, но ничего не узнали о «подстрекателях». В октябре же была одним лицом распространена собственная прокламация среди служащих конки. Распространитель был арестован и, просидев три недели, выдал того, кто ему помогал в изготовлении прокламации.

В октябре же была распространена в 3.000 экз. прокламация Комитета по поводу бывшего летом еврейского погрома, раз'ясняющая рабочим вред, приносимый национальной враждой интересам рабочего класса.

19 ноября в Кишиневе арестовано 6 рабочих, а 17 ноября там же в больнице умер от тифа возвратившийся недавно из Сибири Наум Лившиц. Покойному было около 25 лет, но он успел уже вынести много преследований за преданность социал-демократическому делу. По ремеслу слесарь он еще в ремесленном училище в Вильне занимался социалистической пропагандой и стоял во главе протестующих против безобразий, царящих в этом учебном заведении, устроенном еврейской буржуазией. За избиение училищного шпиона Лившиц был в 1895 г. исключен из училища. Он стал заниматься пропагандой в кружках саморазвития рабочих в Вильне, а затем переселился

в Белосток с целью содействовать возникшему там социал-демократическому движению. В Белостоке он продержался недолго. В феврале 1896 г. он был арестован по обвинению в держании конспиративной квартиры и гектографировании воззваний. После полутора лет тюремного заключения Лившиц был сослан на три года в Восточную Сибирь. При пересылке его и его товарищей (Гожанского, Любови Айзенштадт и столяра Сегаля) через Вильну, местные рабочие устроили демонстрацию.

Окончив срок ссылки, Лившиц возвращался с горячим желанием возобновить революционную деятельность. Его очень возмущала эволюция нашей легальной марксистской литературы. «Следует сорвать маску с гг. Струве и Тугана», писал он с дороги из Сибири *. Ему недолго пришлось поработать. Из Вильны, куда он вернулся из ссылки, его выслали, а в Кишиневе, где он перебивался грошевым заработком, он схватил тиф, сведший его в могилу. В лице покойного рабочее движение теряет истинного революционера, пролетария с головы до ног.

На «великой Сибирской магистрали» (письмо из Сибири). Как присмотришься к здешней «обывательщине», так даже диву даешься, «чем тут люди живы?». Сверху до низу все охвачены серой лихорадочной сутолокой, все самым жестоким образом, так или иначе, расплачиваются за скромный кусок хлеба. Все железнодорожное общество резко распадается на два слоя—верх и низ, вся железнодорожная жизнь—на две эры: постройка и эксплоатация. «Постройка!» Вы, наверное, не можете себе представить, читатель, что означает это слово для чиновника железнодоорожного ведомства! Некоторое таинственное движение высших «деловых» сфер, порой даже некоторое «мановение» свыше, — и в газетах появляется заметка о благодетельном значении той или другой линии, о будущем под'еме отечественной промышленности или усилении средств отечественного «кулака». Образуется комитет по постройке с высокими, но весьма невозвышенными персонами во главе, пускаются в ход старые знакомства, и вот на поле действия является испытанная свора старых жел.-дорожн. волков, всевозможных «закаленных» в боях хищников-путейцев, инженеров-подрядчиков, а кругом них ретиво и игриво несутся «молодые, да ранние» инженерики, приживальщики, техники, всяческие господа члены железнодорожной профессии «своих». Всех интересует вопрос, кто будет «сам», кто будет господином, начальником работ. Какое ликование, когда обнаруживается, что «сам» — обыкновенно это так и бывает — любит пожить, но не мешает жить и другим. В дикой местности разбиваются станы всей небольшой, но честной компании, действия открываются и... берегись народные миллионы! Да, но ведь везде могут найтись честные люди, везде могут произойти скандалезные обличения? Но, во-первых, г. начальник работ может собственной властью выслать такого обличителя из пределов «вверенного ему района» (дело инженера Юговича с инженером Линевичем), а, во-вторых, честных людей буржуазного мирка так легко обойти! Мало-мальски «приличный», «законный» оклад, а главное — побольше на него черновой технической работы, voilà tout. Везет тогда такая честная кляча, и уже по сторонам не оглядывается—прямо-таки физически не до того. А по сторонам дело кипит. На ровном месте воздвигаются насыпи, и, однако, действительная величина уклонов и под'емов весьма отличается от номинальной, красующейся на путевых табличках. Линия пути выписывает невероятные зигзаги, об'яснить которые можно исключительно желанием строителя пройти мимо данного твердого грунта через данное зыбкое болото. Целые города, вроде, например, Томска, неисповедимыми путями остаются в стороне от главной линии... Каковы доходы гг. построечных воротил, видно хотя бы из того факта, что такие мелкие сошки, как счетоводы, получающие менее ста рублей месячного жалованья, раз'езжают во время постройки на рысаках, проигрывают свыше нескольких тысяч в один вечер в карты. Официально, например, известно, что одна окраска моста в 200 саж. длиной обходилась около 10.000 рублей! В наиболее глухих местечках устраиваются прямо оргии: в Нижнеудинске, например, для одной дамы полусвета устроили (буквально) ванну из шампанского! Заведующий тамошним построечным участком некий инженер Бертанович за три года постройки нажил состояние и купил на берегу Черного моря имение в 140.000 р. стоимостью. В Томске старшины местного клуба должны были официально заявить гг. построечным инженерам, что вход «женам» их возбраняется, так как своим поведением они скандализируют местное общество... Ну, разве не справедливо город Томск обойден магистралью?

А вот еще поучительный факт: бывший построечный начальник движения на Средне-Сибирской жел. дор., некий г. Люде, вошел в стачку с богатым томским купцом Фуксманом, и в результате получился следующий странный ряд явлений: на дороге чрезвычайная нужда в товарных вагонах, следует целый ряд строжайших приказов касательно избежания «простоя» таких вагонов, а в Томске целая флотилия их терпеливо дожидается по целым месяцам распоряжения г. Фуксмана. Зато, когда г. Фуксман соизволит «погрузиться», то его вагоны почему-то идут в первую очередь, идут со всеми поездами, нарушая все правила движения... В конце концов г. Люде «неудобно» стало служить на Сибирской жел. дороге. Идет раз знакомый ему чиновник по улице г. Томска, а мимо него едет реченный г. Люде. Узнал, остановил и крикнул при «свете дня», в присутствии посторонней публики, такую знаменательную тираду: «Здравствуйте, г. Х. Поздравьте, назначен начальником движения на Манджурскую жел. дорогу, и знаете ли, там „контроля“ нет!»

В результате всякая постройка оставляет целое море перерасходов, и по Сибирской дороге еще совсем недавно должна была прокатиться комиссия, с тайным советником Михайловым во главе, для исследования того, куда делись двадцать миллионов рублей свыше определенной нормы. Шикарная комиссия преблагополучно проследовала от Питера до Иркутска и обратно, и все обстоит попрежнему.

[Г. Кржижановский (?)]

Недавно в спб. лесном институте произошел следующий случай. Один из студентов долго искал работы и, не находя ничего подходящего, поместил в газете об'явление, где настоятельно просил какого-либо заработка. На другой день он получает письмо, где его приглашают в назначенный день в трактир Палкина. Он должен держать в руках книгу, суб'ект, желающий с ним переговорить, будет также с книгой в руке. Студент берет какой-то технический учебник и отправляется к Палкину. Там он видит в углу какого-то господина, который держит в руках брошюру о «Социализме в России». Они заговаривают, и незнакомец сразу переходит на вопрос о рабочем движении в России. Он вытаскивает из кармана целую кучу нелегальных брошюр, и между прочим, спрашивает студента, не может ли тот передать деньги в Красный Крест. Студент отвечает, что он стоит совершенно в стороне от последнего, но в институте у них ходит по аудитории всегда столько листков, что он сможет найти способ для передачи денег. «Хорошо,—отвечает незнакомец,—теперь я вам, конечно, не могу дать этих денег — я вас совсем не знаю, но впоследствии, когда мы с вами познакомимся, я буду вам передавать деньги как свои собственные, так и моих знакомых, жертвуемые для этой цели».

Они расстаются, сговорясь встретиться на завтра в том же месте, чтобы переговорить о работе, предлагаемой незнакомцем.

На завтра студента таинственно проводят в отдельный кабинет, где вчерашний незнакомец предстает перед ним... в форме жандармского офицера!! Тщательно заперев дверь на замок, он обращается к студенту с предложением сделаться шпионом за вознаграждение в 50 руб. в месяц. «Но,—предупреждает он,—если вы откажетесь от моего предложения, знайте, что наш разговор должен остаться втайне! В противном случае вы тотчас же будете исключены из института, высланы из Питера, и мы всюду распространим, что вы — шпион. Нам поверят — будьте покойны!»

---

* Приводя это мнение покойного товарища, редакция считает необходимым заметить, что на жизненной сцене, в отличие от театральной, маску носят иногда вследствие искреннего заблуждения. Конечно, общественный вред заблуждения от этого нисколько не уменьшается.

Игнорируя все угрозы, студент категорически отказывается и отправляется прямо в институт, где рассказывает студентам обо всем происшедшем. Ему вполне верят, и делегация тотчас же отправляется к директору. Директор обещает не только не позволить исключить студента, но и поехать к мин. вн. дел и переговорить с ним, чтобы к его студентам не смели обращаться с подобного рода предложениями... Студенты страшно возбуждены и едва ли позволят выполнить хоть одну из угроз жандарма над своим товарищем... А между тем не дремлют и жандармы. На-днях я встретил одну курсистку, которая заявила мне: «Что вы! все говорят, что этот ваш студент—шпион!».

Из Кишинева. «...В течение последней недели наши обыватели были сильно заинтересованы одним небывалым в летописях Кишинева событием, которое порядком взволновало здешнее сонное царство. Дело в том, что в ноябре 1900 г. среди бела дня были арестованы 8 рабочих, у которых найдено было много нелегальной литературы. Через неделю, к всеобщему удивлению, они были выпущены на свободу. Если тут нет какой-либо западни, то нужно признать поведение жандрамов очень тактичным. Было установлено, что арестованные рабочие не имели никакой связи с интеллигентами. Поэтому было вполне разумно не раздувать дела, чтобы не взбудоражить здешней молодежи, которая, пожалуй, при ином обороте дела могла бы легко притти к заключению, что не только в Одессе, Москве и Петербурге, да еще в нескольких городах, но и в самом Кишиневе существуют некие «элементы», способные к восприятию всякого рода идей. Продержи жандармы этих рабочих несколько месяцев в тюрьме, и распространению этого вывода был бы дан сильный толчок. Впрочем, все это одни гипотезы. Тут есть много странного: так, например, эти обыски среди бела дня. Двинулись «синие мундиры» в поход, по словам обывателей, чуть ли не в 9 час. утра и вернулись, забрав 8 военнопленных и значительное количестро революционного оружия, в 5 час. вечера».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка на Прохоровских рудниках (на Донце, в нескольких верстах от Юзовки).

Стачка началась из-за понижения заработной платы. 15 сентября было заявлено, что через две недели плата будет понижена, и 3 октября на руднике № 10 вспыхнула стачка, которая затем распространилась и на другие рудники (всего забастовало до 800 человек). Одновременно с понижением заработной платы было об'явлено, что отменяются артельщики. Артельщики были посредниками между рабочими и конторой и иногда наживали с рабочих до 200 рублей в месяц. Эти артельщики (12 человек) принимали также деятельное участие в стачке.

3 октября утром на руднике № 10 рабочие остановили машину, на которой рабочих спускают в шахту, открыли краны от сигнальных гудков и направились к дому директора рудника Бартновского, и вызвали его для переговоров. Невдалеке стояла толпа женщин и детей, семьи рабочих, ожидая исхода переговоров. Между тем, из конторы с Юзовского завода была немедленно вызвана по телефону сотня казаков. Под'ехавшие казаки, не разбирая дела, бросились на толпу женщин и детей и стали хлестать их нагайками. Рабочие побежали на помощь семьям. В это время подоспели рабочие с других шахт, с № 27 и Мищенского; началась свалка; рабочие разгромили контору, повыбрасывали все бумаги, били окна служащих, квартиры которых находились рядом с конторой. Разгром продолжался с утра целый день. Рано утром с поездом приехали казаки из Таганрога и Мокеевского завода с казачьим начальником Калуницким; согнали рабочих в сарай, и там пропустили всех рабочих (человек 300) сквозь строй. Нескольким десяткам рабочих удалось спрятаться в больнице и на станции Мушкетово. Казачьи отряды расправлялись с рабочими два дня, затем 300 человек рабочих угнали в Таганрог, а остальные (человек 50) были спущены на работу в шахты. Казачий отряд поехал затем на № 27 (около Юзовки); там казачий начальник допрашивал рабочих, отыскивая зачинщиков, при чем бил их кулаками в лицо. Казаки раз'езжали по улицам и хлестали нагайками прохожих. Когда казаки ехали с № 10 на № 27, им попалась толпа рабочих, только что нанявшихся и получивших из приемной удостоверение о годности к работе. Калуницкий набросился на толпу с криком: «Вы бунтовать, мошенники!», и началась экзекуция. Когда, после экзекуции, выяснилось, что эти рабочие в стачке не участвовали и только что нанялись на работу, казачий начальник сказал: «Это вам, сукины дети, пусть будет авансом». На остальных трех рудниках рабочих не били, а только хватали и отправляли в Таганрог в тюрьму. В № 10 два человека были захлестаны до полусмерти. Полицейский судебный следователь от имени жандармской власти заявил врачу, что, если он выдаст им свидетельство об истязании, то он будет выслан в 24 часа. Одного рабочего, которого подозревали в том, что он останавливал гудки, из больницы отправили в Таганрог больного. (После стачки при больнице был пожар, и во время пожара сгорела одежда больных; врач не хотел дать больничной одежды для отправки в Таганрог; тогда следователь заявил, что отправят рабочего в Таганрог нагишом.) На № 27 было взято 18 человек, которых выдала артельная кухарка, подслушав их разговор.

Результаты: на № 10 плата была понижена (на 15-20 коп. в день), на остальных рудниках осталась прежняя. Недели через две после стачки жандармский начальник об'езжал все рудники и требовал (в вежливой форме) от инженеров принятия и на поверхностные и на подземные работы «агентов», которые и были приняты. Мотивировал тем, что считает стачку делом рук интеллигенции.

⁂

«Южный Рабочий» (ном. 3, ноябрь 1900 г.), сообщая о вышеописанной забастовке, добавляет: «Такие забастовки становятся все чаще и чаще. По всему району глухой ропот. Усиливается эксплоатация, растет недовольство, и, быть может, вскоре мы будем свидетелями грандиозного движения стотысячной армии шахтеров».

Москва.

В сентябре 1900 г. Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. выпустил гектографированную прокламацию «Memento». Прокламация указывает, что старый вопрос «Что делать?» постоянно встает среди учащейся молодежи и что ответ на этот вопрос дан основателями научного социализма, Марксом и Энгельсом. Прокламация советует молодежи «с большой осторожностью относиться к современным критикам марксизма», «в особенности же к таким удивительно неудачным критическим опытам, каков, напр., опыт Эд. Бернштейна», и зовет на борьбу против «унизительного бесправия всего нашего общества». «Пусть растет и крепнет союз пролетариата с лучшей частью интеллигенции!»

Либава.

В сентябре месяце прошлого года арестовали в Либаве трех сторожей тамошней тюрьмы за социалистическую пропаганду и распространение социалистических брошюр среди арестантов тамошней центральной тюрьмы. При обыске их на дворе находящихся квартир нашли в самом деле латышские социалистические брошюры. Донес на них один из тюремных надзирателей. (Читатель, может быть, еще помнит небывалое событие, когда в г. Либаве в мае 1899 г., во время всеобщей стачки, и городовые отличились: они тоже забастовали 5 мая и послали депутацию к полицмейстеру с просьбой возвысить их скудное жалованье [12 р. 50 к.] на 5 р. Первых трех делегатов полицмейстер сейчас прогнал без всяких разговоров. Но, когда на другой день появилась вновь депутация, состоящая уже из шести городовых, то он согласился возвысить жалованье на 3 руб.). Несколько позже арестовали двух городовых, которых тоже обвиняют в содействии социалистической пропаганде. Всех пять социалистов отправили в митавскую тюрьму, где они и до сих пор сидят.

Оперирующий ныне в Либаве и быстро прославившийся своей деятельностью жандарм Вонсяцкий (польский ренегат и выкрест) известен был литовцам уже тем, что, будучи жандармским поручиком в Сувалкской губ., сеял там несчастия между литовцами и несколько сот семейств разорил, выслав многих из родины, уморив в тюрьме или обратив их в инвалидов. Это — грубый варвар, не отличающийся умом, и лишенный «благородных» чувств. Не будучи в состоянии раскрыть что-нибудь, он начал обыски и аресты в Литве на основании принципа: «считаем полезным». На этом основании были арестованы известные Вонсяцкому латыши. Погром литовцев в Литве принял необ'ятные размеры. Вонсяцкий всякого литовца признает без дальнейших рассуждений политическим преступником. Шпионство сделалось эпидемией. Пьяницы и проч. получили предлог существовать, получая вознаграждение от Вонсяцкого. Они открыто сознаются в своей профессии и требуют дани от обывателей. Данилович, не вознаградивший шпиона Турского, был арестован и сидит до сих пор: ему было подброшено на квартиру поддельное письмо. Обыски были у всех литовцев, признающих себя таковыми. Арестовывали за устройство легальных спектаклей (Янулайтис и Мотирд), брали гимназистов (Белецкий) и пр. Корреспондент сообщает нам (от декабря прошлого года) список 45 пострадавших лиц, прибавляя, что имена многих арестованных неизвестны.

Харьков.

Местный Комитет Росс. С.-Д. Рабочей Партии в прокламации «Ко всем харьковским рабочим» еще раз обращает внимание на бесправие русского народа, выразившееся с особенной наглядностью в преследованиях за 1 мая в Харькове. Но обыски и высылки, тюрьма и ссылка не остановят движения. «Комитет цел и невредим. Помирить нас с неправдой удалось еще меньше. Наоборот, дикие преследования зажгли в нас еще более сильное пламя ненависти к нашим угнетателям». «Как нам не протестовать, как не бороться? Давно и везде кипит эта борьба. Это вековая борьба двух враждебных миров: труда и свободы, с одной стороны, эксплоатации и гнета — с другой. Без этой борьбы не добыто ни одно улучшение в положении порабощенного народа. Сколько горя и слез, сколько страданий и человеческих жизней стоит эта борьба. Сколько благородных борцов за свободу томилось, например, в подземельях парижской Бастилии сто слишком лет тому назад. Не даром томились они: их кровью была куплена свобода Франции. Каждая жертва наносила роковой удар власти королей-тиранов, и теперь во Франции рабочий класс может свободно вести борьбу за свое окончательное освобождение. То же повторилось и в других странах. Только у нас еще осталась варварская власть царя-деспота. Только у нас царский трон еще покоится на порабощении голодного народа, в котором рушится всякое пробуждение сознания. Только у нас возможно заточение в тюрьмы десятков и сотен интеллигентов и рабочих за малейшее стремление к свободе. Так нам ли отказаться от борьбы, нам ли бояться жертв? Нет, товарищи, русские рабочие уже доказали свою способность к дружной борьбе. Окажемся же и мы достойными своих товарищей. Поклянемся выставлять новых борцов на смену выбывших из строя товарищей, будем бороться до конца, пока не победим, пока от дружного напора об'единенных рабочих не рушатся наши Бастилии, не разлетится в прах ярмо деспотизма. А в минуты преследований будем вспоминать знаменитого ученого Галлилея: когда угрозами и пытками невежественные попы, казалось, уже сломили упорство его и думали, что вот он откажется от своего учения о движении земли вокруг солнца — Галлилей, к ужасу своих учителей, бросил им в лицо свое знаменитое: „А она все-таки двигается“.

«Товарищи! нас преследуют за то, что мы достойно отпраздновали день 1 мая. Так начнем же теперь готовиться к еще более достойному празднованию следующего 1 мая. И когда наступит светлый праздник рабочего класса, бросим нашим тиранам в лицо смелое: „А она все-таки двигается!“»

⁂

Здесь не прекращаются аресты. Особенно много взято 5 и 14 декабря, большей частью рабочих. Из фамилий известны: Маковский (инженер), Сильверстов (привезен из Риги), Гайденко, Поляков, Белинов (раб.), Григорьев, Богданов, Скрипник, Курилко (оба во второй раз, рабочие). Из арестованных в октябре многие вывезены в уездные тюрьмы: Попов, Кожевников, Бобровский, Шумов и др. — в Изюм, д-р Левин — в Богодухов; большинство же рабочих отправлено в тюрьму у станции Печенеги (знаменитый в 70 гг. «харьковский централ»).

Безработица, как мы указываем ниже, распространяется все шире, и к шахтерам присоединятся, если осуществится предположение «Южного Рабочего», сотни тысяч других рабочих. Пусть припомнят они тогда эти знаменательные слова царского слуги, бившего неповинных рабочих: «Это вам авансом, сукины дети!» Пусть направится это движение безработных против этого дикого бесчинствующего и насильничающего правительства, пусть потребуют от него, чтобы оно отказалось от своего самовластья и созвало народных представителей.

⁂

Безработица становится все сильнее, и сведения о ней приходят отовсюду. В «Южном Рабочем» (№ 3, ноябрь 1900 г.) пишут: «В Екатеринославе, Харькове, Одессе, Николаеве, Мариуполе, Юзовке и других местах — везде сокращение работы, увольнение рабочих десятками и сотнями, везде ужасы нужды, и призрак голодной смерти встает в рабочих поселках... Заработная плата упала до последней степени: дело дошло до того, что на всем юге почти нигде не вырабатывают аккорда... В Юзовке отменены ночные работы (раньше работа производилась безостановочно в три смены). Происходит постепенное увольнение рабочих небольшими партиями... В Николаеве общее число уволенных доходит до 2.000 человек, в Мариуполе — до 600. В особенно широких размерах происходит увольнение в Екатеринославе: некоторые заводы, как, напр., вагонные мастерские Франко-Русского Общества, пользуются этим случаем, чтобы заменить боевой и сознательный состав своих рабочих покорными сермягами. Даже в жел.-дор. мастерских работы сокращены более, чем наполовину, при чем проектированная правительством постройка нового пути Екатеринославской дороги по случаю войны с Китаем отменена». В петербургском «Рабочем Листке» (№ 4, декабрь 1900 г.) читаем: «Сотнями выгоняют наши „кормильцы“ и „поильцы“ рабочих за ворота, на холод и голод. Как тени ходят по улицам наши безработные товарищи с Волынки, где одну смену рассчитали, от Паля, где половина ночной смены не работает, от Кенига, с Малой Охтенской ткацкой, от Шаво, от Торнтона и др. Заработки почти на всех фабриках понижены на 20—30 проц. У Торнтона ткачи вырабатывают от 6—8 руб. в месяц, у Максвеля женщины — 3—4 руб., мужчины — 8—11 руб., у Паля поденщики получают 20 коп. в день и т. п.». Про Костромскую губернию и про Шуйско-Ивановский фабричный район газеты сообщают, что многие фабрики сократили производство и распустили половину или треть рабочих, а оставшимся убавили плату на 30 проц. Увеличиваются воровства и грабежи. Орехово-Зуево переполнено толпами пришлых из разных мест безработных, ютящихся по всевозможным конурам и страшно бедствующих в ожидании какого ни на есть заработка.

Безработица фабричных и заводских рабочих, голодовка крестьян — вот с чем вступает Россия в XX столетие! А министр финансов в докладе о росписи на 1901 г. (мы надеемся еще вернуться к этому докладу) говорит о «благоприятных результатах для нашего государственного хозяйства» и выражает надежду, что «затруднения нашего денежного рынка преходящи». Министра занимает «дороговизна капиталов»: капиталистам трудно доставать деньги на приносящие им прибыль предприятия. Капиталисты без прибыли, — вот в чем главное «затруднение», а вовсе не в том, что миллионы рабочих и крестьян без хлеба и без работы. «Европейские рынки придут в равновесие сами собою», — успокаивает г. Витте. А рабочие перемрут сами собою! Разве они имеют право жить, если их работа не может приносить прибыли капиталистам?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Продолжение.)

Положение меньшинства английских рабочих несомненно улучшилось за последние 50—60 лет. Но этого никак нельзя сказать о тех миллионах рабочего люда, которые теперь, как и прежде, получают совершенно нищенскую, «голодную» заработную плату. Не говорю уже о тех миллионах, которым приходится обращаться к частной и официальной «благотворительности», чтобы только не умереть с голоду. Армии босяков, оборванцев, бродяг, бездомных нищих, не имеющих даже постоянного ночлега, не исчезли с английской почвы; они продолжают существовать, непрерывно пополняясь новыми рекрутами. А от периодической безработицы и чрезмерно длинного рабочего дня (сверхурочные часы) страдают даже и многие из рабочих организованных. Это в хорошее время. А в периоды острых промышленных застоев члены рабочих союзов десятками и даже сотнями тысяч ходят без работы, перебиваются пособиями от своих организаций и истощают таким образом их богатые кассы. Главные завоевания этих организаций на почве экономической борьбы относятся к тому времени, когда английская промышленность пользовалась монополией сбыта во всем мире. Но с тех пор, как рядом с Англией на всемирном рынке начали конкурировать новые промышленные страны, ее организованному пролетариату приходится больше всего напрягать свои силы уже на то, чтобы только отстоять свои старые завоевания, чтобы удержаться хоть на том уровне, которого он достиг в то доброе старое время, когда промышленные изделия Англии не встречали конкуренции на всем земном шаре. О дальнейших улучшениях путем борьбы с предпринимателями мудрено мечтать, когда и достигнутым уже грозит опасность.

Но и своего теперешнего, непрочного и далеко уже не очень блестящего положения организованное меньшинство английского пролетариата достигло в значительной степени на счет большинства неорганизованных масс, путем систематического, настойчивого вытеснения из тех отраслей труда, в которых организации его господствуют, рабочих, не получивших соответствующей профессиональной подготовки. Некоторые союзы принимают в члены и допускают на работу только таких рабочих, которые в течение нескольких лет обучались предварительно данному ремеслу. Таким образом, большие массы наиболее бедного чернорабочего люда искусственно выбрасывались на мостовую или обрекаемы были работать где попало, при самых скверных условиях. Обученные и организованные рабочие достигали своей цели — некоторого улучшения своего положения — ценой ухудшения участи десятков и сотен тысяч рабочих, не имевших возможности приобрести определенное ремесло или профессию. Одна часть пролетариата, меньшая, создавала себе привилегии на счет большинства своих братьев; небольшое возвышение организованного меньшинства куплено было в значительной мере ценой сравнительно еще большего принижения или удержания в прежнем жалком состоянии огромной части остальной рабочей массы.

— Неужели же, однако, — спросит, быть может, читатель, — столь прославленные рабочие союзы Англии совсем-таки не принесли пользы ее пролетариату? — Надлежащим, разносторонним образом ответить на этот вопрос не так легко, как некоторым может казаться. И не с этой целью написаны были предыдущие строки. Я только хотел отметить и подчеркнуть, что в области непосредственных, осязательных улучшений в жизненных условиях рабочих масс результаты рабочего движения в Англии, в окончательном итоге, не выходят из рамок того, что достигнуто социал-демократией в других передовых странах Европы. При сравнительной оценке результатов английского рабочего движения и современного социал-демократического необходимо принять в расчет, кроме того, на что выше указано было, тот факт, что последнему приходится в некоторых странах собственными силами, шаг за шагом, отвоевывать у государственной власти такие общенародные права, какие в Англии завоеваны были совместными усилиями разных классов, вследствие чего ее современные рабочие организации давно уже пользуются этими правами, как готовым наследием прошлого. Да и не в области частных улучшений лежит центр тяжести результатов рабочего движения. Самым важным и существенным из них для Англии я считаю образование огромной организованной силы внутри пролетариата. Но настоящее историческое значение этой силы остается пока в скрытом состоянии, не проявляется наружу и не проявится до тех пор, пока она будет направляться, главным образом, не общеклассовыми, а частными, эгоистическими интересами отдельных, сравнительно привилегированных групп пролетариата. Рабочие организации на материке Европы значительно слабее ремесленных союзов Англии. Но зато деятельность их одухотворена и проникнута идеей классовой солидарности пролетариата, независимо от профессиональных, племенных и даже государственно-национальных различий и перегородок; свои частные, местные и профессиональные интересы и минутные выгоды они подчиняют общим, основным, международным интересам освобождения пролетариата во всем цивилизованном мире. В этом — великая заслуга социал-демократии, и в успехах ее на пути об‘единения рабочих масс в сознательно-классовую международную армию пролетариата лежит центр тяжести достигаемых или уже достигнутых ею результатов.

«Социализм, — справедливо заметил один русский писатель, — только тогда сделался великой исторической силой, когда ему удалось, поняв призвание рабочего класса, стать его наукой и верой» *. Но кто раз‘яснил и раз‘ясняет рабочим их историческое призвание как класса? Никто иной, как социалисты, или точнее, социал-демократы. И если справедливо, что в знании — сила, то очевидно, что сила рабочего класса должна заключаться, главным образом, в знании своей исторической задачи и средств к ее осуществлению. А если так, то мы имеем полное основание сказать, что и сам пролетариат становится мировой, исторической силой лишь по мере того, как он в своих освободительных усилиях проникается и сознательно руководится учениями социал-демократии, составляющими науку об условиях, путях и средствах его полного и окончательного освобождения. Стало-быть, рост общественной силы рабочего класса и рост исторической силы социализма, т. е. социал-демократии, составляют два неразрывно связанных друг с другом явления или, вернее, одно и то же явление, рассматриваемое с двух сторон. Успехи социал-демократии должны измеряться, прежде всего, распространением ее учений и влиянием в рабочих массах. Но, с другой стороны, чем сильнее они влияют на мысль и образ действий этих масс в их усилиях улучшить свое положение, тем сознательнее они выступают против своих эксплоататоров, тем меньше ошибок они делают, тем целесообразнее выбираемые ими пути и средства для борьбы с господствующими классами и тем, следовательно, больше приближаются они к конечной цели рабочего движения: к полному освобождению рабочего класса путем завоевания им государственной власти. Рост всемирно-исторического значения и силы пролетариата сливается, таким образом, с успехами международного социал-демократического движения. Успехи последнего являются масштабом для измерения первого.

С этой точки зрения попытаемся рассмотреть в следующей статье результаты международного социал-демократического движения[3].

[П. Аксельрод]

ОТДАЧА В СОЛДАТЫ 183 СТУДЕНТОВ.**

11 января в газетах опубликовано правительственное сообщение от мин. народного просвещения об отдаче в солдаты 183 студентов киевского университета «за учинение скопом беспорядков». Временные правила 29 июля 1899 г. — эта угроза студенчеству и обществу — приводятся в исполнение менее, чем через полтора года после их издания, и правительство точно спешит оправдаться за применение невиданной карательной меры, выступая с целым обвинительным актом, не жалея красок на изображение студенческих злодейств.

Злодейство одно другого ужаснее. Летом — общестуденческий с‘езд в Одессе с программой организовать все русское студенчество для выражения всякого рода протестов по поводу явлений академической, общественной и политической жизни. За эти преступные политические цели все студенты-делегаты были арестованы, документы отобраны. Но брожение не утихает, а растет и настойчиво обнаруживается во многих высших учебных заведениях. Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, — с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, — отвечает мелкими придирками, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей еще в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластия.

Киевские студенты требуют удаления профессора, занявшего место уехавшего товарища. Начальство противится, доводит молодежь до «сборищ и демонстраций» и... уступает. Студенты собирают сходку для обсуждения того, почему возможны такие гнусности, как изнасилование двумя белоподкладочниками одной девушки (так гласит слух). Начальство приговаривает главных «виновников» к — карцеру. Те отказываются подчиниться. Их увольняют. Толпа демонстративно провожает на вокзал уволенных. Собирается новая сходка, студенты остаются до вечера, отказываясь уйти, пока не явится ректор. Являются вице-губернатор и начальник жандармского управления с отрядом солдат, окруживших университет и вошедших в аудиторию, и — приглашают ректора. Студенты требуют — вы думаете, может быть, конституции? Нет, они требуют, чтобы не применяли наказание карцером и приняли обратно уволенных. Участников сходки переписывают и распускают по домам.

Вдумайтесь в это поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества. Ничем так не выдает себя наше «всемогущее» правительство, как этим переполохом. Лучше всяких «преступных воззваний» оно показывает этим — показывает всякому, имеющему глаза, чтобы видеть и уши, чтобы слышать — что оно чувствует себя совершенно непрочным и верит только в силу штыка и нагайки, охраняющих его от народного возмущения. Искушенное опытом десятилетий, правительство твердо убедилось в том, что оно окружено горючим материалом, что достаточно малейшей искорки, достаточно протеста против карцера, чтобы зажечь пожар. А если так, то понятно, что расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! «Фельдфебеля в Вольтеры дать!» — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX веку суждено увидеть ее настоящее осуществление.

На многие мысли и сопоставления наводит эта новая карательная мера, новая своей попыткой воскресить давным давно отжившее старое. Поколения три тому назад, во времена николаевские, отдача в солдаты была естественным наказанием, вполне соответствовавшим всему строю русского крепостного общества. Дворянчиков отдавали в солдаты, чтобы заставить их служить и выслуживаться до офицера в отмену вольности дворянства. Крестьянина отдавали в солдаты как в долголетнюю каторгу, где его ждали нечеловеческие пытки «зеленой улицы» и т. п. Но вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время как великая демократическая реформа. Всеобщая не на бумаге только, но и на деле воинская повинность, несомненно, есть демократическая реформа: она порывает с сословностью и вводит равноправность граждан. Но если бы это было так на самом деле, разве могла бы тогда отдача в солдаты служить наказанием? И если правительство превращает воинскую повинность в наказание, не доказывает ли оно этим, что мы стоим гораздо ближе к рекрутчине, чем к всеобщей воинской повинности? Временные правила 1899 г. срывают фарисейскую маску и разоблачают азиатскую сущность даже тех наших учреждений, которые всего больше походят на европейские. В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попирание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги,—льготы и из‘ятия. Неудивительно, что отдача в эту школу произвола и насилия может быть наказанием, и даже очень тяжелым наказанием, приближающимся к лишению прав. Правительство рассчитывает в этой школе обучить «бунтовщиков» дисциплине. Не ошибается ли оно в своем расчете? Не будет ли школа русской военной службы военной школой для революции? Конечно, не всем студентам под силу пройти полный курс такой школы. Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления. Они испытают теперь всю силу произвола и угнетения на собственном опыте, когда все их человеческое достоинство будет поставлено в зависимость от усмотрения фельдфебеля, способного зачастую умышленно поглумиться над «образованным». Они увидят, каково на деле положение простого народа, они изболеются за те надругательства и насилия, которых ежедневными свидетелями заставят их быть, и поймут, что те несправедливости и придирки, от которых страдают студенты, это — капля в море народного угнетения. Кто поймет это, тот выйдет из военной службы с Аннибаловой клятвой борьбы вместе с передовым классом народа за освобождение народа от деспотизма.

---

* «По поводу петербургской стачки», «Работник», № 3—4.

** Номер был сверстан, когда появилось правит. сообщение.

Но не меньше жестокости нового наказания возмущает его унизительность. Правительство делает вызов всем, в ком осталось еще чувство порядочности, об‘являя протестовавших против произвола студентов простыми дебоширами, — вроде того, как оно об‘явило ссыльных рабочих-стачечников—людьми порочного поведения. Взгляните на правительственное сообщение: его пестрят слова: беспорядок, буйства, бесчинства, беззастенчивость, разнузданность. С одной стороны, признание преступных политических целей и стремления к политическим протестам; с другой — третирование студентов, как простых дебоширов, нуждающихся в уроках дисциплины. Это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству. И единственным достойным ответом на это со стороны студенчества было бы исполнение угрозы киевлян, устройство выдержанной и стойкой забастовки всех учащихся во всех высших учебных заведениях с требованием отмены временных правил 29 июля 1899 г.

Но ответить правительству обязано не одно студенчество. Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо большее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и итти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен притти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и раз‘яснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластие полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листков, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества, — таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации. Хорошим образчиком может служить харьковская демонстрация 1 декабря прошлого года перед редакцией «Южного Края». Праздновался юбилей этой паскудной газеты, травящей всякое стремление к свету и свободе, восхваляющей все зверства нашего правительства. Перед редакцией собралась толпа, которая торжественно предавала разодранию номера «Южного Края», привязывала их к хвостам лошадей, обертывала в них собак, бросала камни и пузырьки с сернистым водородом в окна с кликами: «Долой продажную прессу!» Вот какого чествования, поистине, заслуживают не только редакции продажных газет, но и все наши правительственные учреждения. Юбилей начальственного благоволения празднуют они лишь изредка, — юбилея народной расправы заслуживают они всегда. Всякое проявление правительственного произвола и насилия есть законный повод для такой демонстрации. И пусть открытое заявление правительства о расправе со студентами не останется без открытого ответа со стороны народа.

[Н. Ленин]

НАША ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕПТИЛИЯ.

Нам сообщают (ручаясь за достоверность известия), что «Сев. Курьер» закрыт по настоянию департамента полиции. Редакции этой газеты ставят в вину, что она, якобы, принимала участие в организации недавно бывшей в театре г. Суворина демонстрации против гнусной и пошлой пьесы гг. Крылова и Литвина (Ефрона). Конечно, ужасное «преступление» требовало примерного возмездия, и департамент полиции не преминул поспешить со своей местью: он прихлопнул злополучную газету, благо четыре министра, чинящих суд и расправу над нашей печатью, всегда готовы оказать ему такого рода «товарищескую» услугу. Враг был истреблен... но «победитель» запачкался кровью: нами только что получено известие о попытке издателя «Сев. Курьера», князя В. В. Барятинского покончить с собой самоубийством... Русское правительство может занести теперь в свой формуляр еще одну новую жертву — кровавый трофей бесславной победы!

В нашей печати один только г. Суворин должен чувствовать себя именинником. Благодаря хлопотам его полицейских друзей, ему невозбранно дано развращать русскую публику — и со сцены и со страниц своей газеты. Монополист печатного слова, он возвышает свой голос, когда вокруг царит вынужденное молчание, и храбро бросает свои обвинения в лицо скрученным противникам. Так было в позапрошлом году после достопамятного избиения студентов, то же самое повторяется и теперь после киевского приговора. «Новое Время» (см. № от 14 января) проливает крокодиловы слезы над этими жертвами «крепостного» бесправия, чтобы тем искуснее пустить шип по-змеиному и очернить пострадавшую молодежь. Оно кричит: «Это варварство!» — и кому кричит? Не бюрократии, оказавшейся достойной Аракчеева, а тому самому студенчеству, над которым как раз вершится приговор, поражающий своей «азиатчиной».

Русская демократия должна изыскать средство проучить беззастенчивого публициста, да так проучить, чтобы впредь не повадно было — этой правительственной рептилии!

ИЗ ПАРТИИ

В предыдущем номере «Искры» мы сообщили, что на содержании постоянного международного социалистического секретариата каждая из восьми великих наций должна внести по 1.000 франков. Так значилось в немецком отчете о конгрессе. Теперь нам прислали печатный листок за подписью членов исполнительного бюро, известных вождей бельгийской социал-демократии Ансееля и Вандервельде (и секретаря Сэрви). Из листка видно, что десять главных наций вносят по 800 франков, а остальные — и в том числе Россия — по 200 франков, около 80 руб. на наши деньги.

С января настоящего года в Штутгарте, у известного издателя Г. Дитца, будет выходить научно-политический журнал «Заря», издаваемый и редактируемый несколькими русскими социал-демократами, при ближайшем участии Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич. Вполне солидарная с нами во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии, редакция «Зари» будет выполнять часть той программы, которая изложена в опубликованном нами, одновременно с № 1 «Искры», заявлении «От редакции». В первый номер «Зари» входят, между прочим, статьи: Г. Плеханова: «Еще раз социализм и политическая борьба»; К. Каутского: «Воспоминания»; Старовера: «Что случилось?»; Г. Плеханова: «Критика наших критиков. Ст. 1, ч. I. Нечто о философских упражнениях г. Струве»; Н. Рязанова: «Замечания на программу „Раб. Дела“»; Бывалого: «О старом и новом»; А. Б.: «Чему учит харьковская маевка?»; Г. Плеханова: «Четырнадцатое декабря 1825 г.»; В. Засулич: «Борьба в тюрьме» и др.

Письма, рукописи и деньги на это издание можно направлять из-за границы на адрес Дитца (J. H. W. Dietz Verlag. Stuttgart); из России — к тем лицам, которые имеют связи с «Искрой», и теми способами, какими ведутся сношения с «Искрой».

Вышел третий номер «Южного Рабочего» (ноябрь 1900 г.). Обширный и разносторонне составленный, номер производит особенно хорошее впечатление тем революционным духом, тем широким пониманием задач социал-демократии, которое обнаруживает редакция. Передовая посвящена военным судам в Варшаве и заканчивается горячим призывом «готовиться к решительному бою», «открыто заявлять о нашей ненависти к произволу самодержавия и непоколебимой решимости покончить с ним». Обстоятельно и интересно написаны статьи об экстренном с'езде горнопромышленников в Харькове, о безработице, о наших отношениях к иностранным рабочим, о В. Либкнехте. Прекрасный фельетон «Мститель» и целый ряд корреспонденций с юга России. Приветствуем от души издание наших южных товарищей и желаем ему дальнейших успехов и дальнейших побед над полицией и жандармами.

Вышли два выпуска «Социал-демократической рабочей библиотеки», № 1: «От редакции» (брошюра, излагающая принципы и основные взгляды редакции) и № 2: «Трансвааль и Китай. Две речи Кейр-Гарди и Либкнехта». (Типография «Рабочей Библиотеки», 1900 г.). Наряду с «Южн. Рабочим» это новое издание свидетельствует, что узко-экономическое направление не может удовлетворить русской социал-демократии, что растет и крепнет протест не только против направления «Рабочей Мысли», но и против того эклектического направления, которое пытается занять середину между «экономизмом» и революционной социал-демократией. «Необходимо развивать и воспитывать массу политически, — справедливо говорят авторы первой брошюры, — т. е. научать не только понимать значение ближайших политических требований, но и понимать значение политической борьбы в широком смысле слова... Наше правительство — враг его (рабочего) уже как самодержавное правительство, как форма власти, с которой рабочий вообще не может ужиться, так как она может быть только деспотичной... Способствовать созданию знающих пропагандистов и убежденных агитаторов..., усилению интенсивности рабочего движения и освободительного движения России вообще... вот цель «Рабочей Библиотеки». Некоторые положения брошюры кажутся нам неправильными, напр., что «российской буржуазии пока ничего не остается желать», что «буржуазии дарована у нас некоторая, хотя и жалкая, политическая свобода», но мы не думаем, чтобы дело шло о серьезном разногласии с установившимися взглядами русских социал-демократов. Хочется верить, что мы стоим на пороге нового под'ема нашего движения и что оно сумеет теперь возвыситься до понимания и до осуществления его великой исторической роли.

СПБ. Союз Борьбы [*], Комитет С.-Д. Р. П. издал четыре «Рабочих Листка» (№№ 1—4, ноябрь — декабрь 1900 г.), напечатанных в собственной типографии и подписанных «Комитетом рабочей организации». Отмеченная нами в предыдущем номере двойственность направления новой программы СПБ. Союза отражается и на этих листках. Пожелаем нашим петербургским товарищам окончательно освободиться от традиций «Рабочей Мысли», пожелаем передовым рабочим столицы скорее освободиться от предрассудка, что руководить рабочим движением должен непременно комитет рабочей организации в отличие от комитета социал-демократической партии, что группы интеллигентов-социалистов суть только «исполнительные группы» при рабочих кружках. Рабочее движение только тогда в состоянии будет достигнуть своей освободительной цели, когда передовые рабочие станут убежденными социал-демократами и активными деятелями революционных организаций, когда они добьются не обособления от социал-демократической революционной интеллигенции, а, напротив, тесного союза с ней.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Мы получили письмо ссыльного рабочего, который просит редакцию от лица нескольких товарищей издать сборник о приемах жандармов при следствии и о правилах, как держаться на допросах. За границей вышла недавно брошюра товарища В. Бахарева: «Как вести себя на допросах», идущая навстречу «назревшей», по справедливому замечанию рабочего, «потребности». В одном из следующих номеров мы надеемся подробно поговорить об этой брошюре и о поднимаемых ею вопросах.

Сообщаем всем товарищам, оказавшим поддержку нашему изданию, что избранный нами способ сношений, представляющий на первый взгляд многие неудобства, оказался вполне целесообразным. Если соблюдать все меры предосторожности, материалы доставляются скоро и аккуратно. Просим корреспондентов: 1) сообщать все и всякие листки и прокламации с добавлением, по возможности, подробностей о распространении их, а также все местные издания и циркулирующие рукописи; 2) сообщать о всяком представляющем общественный интерес происшествии немедленно, никогда не откладывая впредь до получения подробностей или составления особых описаний и т. п., никогда не стесняясь передавать голый и сырой факт; 3) сообщать известное не только из непосредственных наблюдений, но и по рассказам или вестям из других мест, чтобы редакция могла своевременно принять меры к посылке своих агентов и т. п.; 4) изыскивать способ, каким бы редакция могла сноситься с каждым корреспондентом; 5) собирать для передачи редакции все интересные местные издания и отдельные номера местных газет; 6) оговаривать с полной точностью желание, чтобы материал был предан гласности лишь на таких-то и таких-то условиях или без всяких изменений и т. п.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Автор статьи «Самодержавие и земство — П. Б. Струве, один из самых ярких представителей буржуазного либерализма, эволюционировавший от марксизма к кадетам. Хотя Ленин (Тулин) в значительной мере предугадывал в Струве будущего либерала еще в 1895 г., тем не менее Струве, несмотря на все свои уклоны в сторону бернштейнианства и заигрывания с идеализмом, продолжал еще быть близок к группе Плеханова и Ленина, о чем свидетельствует и факт его сотрудничества в первых №№ «Искры». В 1898 г. он был автором Манифеста о I с'езде. В 1900 году он принимал вместе с Туган-Барановским участие в совещании с.-д-ов во Пскове, где обсуждался вопрос об издании с.-д. органа за границей. Но уже вскоре после его первых выступлений в «Искре» Ленин резко нападает на его предисловие (за подписью Р. Н. С.) к записке Витте: «Самодержавие и земство» — в статье: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (в № 2—3 «Зари»). Плеханов не спешил разделить пессимистического взгляда Ленина на природу Струве и колебался дать свое согласие на напечатание ст. Ленина. Аксельрод лишь отчасти стоял в этом случае на точке зрения Плеханова и сделал только ряд своих замечаний к статье Ленина. Этот последний ответил письмом к Аксельроду от 26/VII 1901 г., что все (подчеркнуто Лениным) указания Аксельрода и Плеханова на необходимость смягчения выражений он принял во внимание и везде такие смягчения сделал: «Вообще, — говорит он в письме, — я вовсе не так уже упорен насчет смягчений частных, но принципиально не могу только отказаться от мысли о нашем праве (и нашей обязанности) разнести Р. Н. С. за его политическое жонглерство. Он именно политический жонглер — в этом меня окончательно убедило чтение и перечитывание предисловия, и в свою критику я внес все, что дали нам последние месяцы (т. е. Verhandlungen * с «теленком», попытки договора ** etc. Так сказать, душу отводил, сводя счеты с этим суб'ектом. Выяснение вопроса о конституционности земства я считал центром тяжести всей статьи. «Земский» либерализм, это — в области воздействия на общество — то же самое, что экономизм в области воздействия на рабочего. И ту и другую область мы должны преследовать». (См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», стр. 51).

Прим. 2. Михайловский Н. К. род. в 1842 г., умер в 1904 г. Сотрудник и редактор «Отеч. Записок» (1869—85 гг.). Потом сотрудничал в «Сев. Вестнике» и «Русской Мысли». С начала 90-х годов становится во главе «Русского Богатства». Он является главным выразителем взглядов народничества 80-х и 90-х годов («эпигонов» старого народничества). В области философского обоснования народничества он является сторонником так наз. «суб'ективного метода». В средине 90-х годов он становится мишенью представителей марксизма, пробившего себе путь в легальную печать, и подпадает под град полемических стрел Плеханова (Бельтов, Волгин), Ленина (Тулин — Вл. Ильин), Струве и др. марксистов. После этого звезда его сразу меркнет.

---

* Переговоры.

П. Л.

** В начале лета 1901 г. Струве вместе с Богучарским вел в Мюнхене переговоры с «Искрой». Был даже составлен договор между группой «Заря» и «Искры» и «группой демократической оппозиции» (текст договора приведен в ст. А. Н. Потресова — в «Обществ. движении», т. I, стр. 615—616). Договор не получил осуществления, и Струве окончательно откатился в сторону буржуазной либеральной оппозиции, став во главе «Освобождения». «Теленок» — прозвище, которое Засулич дала П. Струве.

П. Л.

Прим. 3. Предполагалась еще одна статья Аксельрода на ту же тему, но она почему-то в «Искре» не появилась.

Прим. 4. Издание «Зари» в качестве легального журнала, «терпимого» с точки зрения немецкой цензуры, было не только территориально отделено от конспиративного издания нелегальной «Искры» («Заря» выходила открыто в Штуттгарте, а «Искра» печаталась в Мюнхене — в конспиративной искровской типографии), но и с формальной стороны. Издатель журнала—германский с.-д. Дитц — из осторожности тщательно уничтожал в журнале все намеки на то, что между «Зарей» и «Искрой» есть какое-нибудь родство. Придирчивая цензура Дитца иногда очень раздражала искровцев. По поводу, напр., одной непомещенной Дитцом статьи Аксельрода Ленин писал (от 20/III 1901 г.) этому последнему: «С „Зарей“ неприятность. Этот капризный барин Дитц решительно отверг Вашу статейку, убоявшись ссылок на „Искру“, усмотрев запах „групп“ * и сославшись на то, что и Бебель, и Зингер (пайщики его G. m. b. H.) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от Вашей статьи, поместив вместо нее пару слов „к читателям“. Ужасно неприятна эта новая цензура! И обложка пострадала: вычеркнули даже „несколько русских с.-д.“ **. Когда-то мы избавимся от „опеки“ этих Dreckgenoss'ов?!» (См. «Письма Акс. и Мартова», стр. 19).

Прим. 5. «Спб. Союз Борьбы за освобождение рабочего класса» был организован Влад. Ильичем в 1895 г. Самое название это усвоено организацией в декабре 1895 г. по предложению Мартова. В 1896 г. все крупные с.-д. организации стали принимать то же название (Московский Союз Борьбы, Киевский и т. д.). В 1901—903 гг. большинство организаций стали называться просто комитетами, и только петербургская организация удержала название «Союза» до II с'езда Партии. В Петербурге же образовался «Комитет Рабочей Организации», который был продолжением петерб. организации «рабочемысленцев». Сначала «Ком. Раб. Организации» существовал самостоятельно, а в октябре 1900 г. об'единился с «Союзом».

---

* Ленин имеет в виду неразрешенные германские организации. *П. Л.*

** В подзаголовке: «Социаль-демократический научно-политический журнал». Издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода. *П. Л.*

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 3 АПРЕЛЬ 1901 ГОДА № 3

БУРНЫЙ МЕСЯЦ.

Русское общество уже теперь должно было убедиться в том, что реакционная дерзость самодержавного правительства не имеет никаких пределов, кроме активного революционного сопротивления граждан, что политическая дряблость управляемых только питает безумное стремление управляющих стереть с лица земли все, что хоть отдаленно напоминает о праве, о законности, о свободе. Без всяких видимых поводов, в силу одного только ненасытного стремления упразднить все зародыши самодеятельности населения, правительство повело против последнего атаку по всей линии: поход на Финляндию, поход на народную школу, поход на земство, поход на печать, поход на университеты. В конец развращенное слабым отпором русского общества, правительство дерзнуло, наконец, бросить ему в лицо один за другим два дерзких вызова: насильно бросить в казарму две сотни юношей, виновных в нарушении порядка в университете, и торжественно осудить популярнейшего писателя, всемирную славу России. Безумие угнетателей часто оказывает услуги делу свободы. Правительство Николая II захотело окончательно задушить русское общество, оно вызвало первый взрыв революционной бури. Высказанное нами в прошлом номере пожелание, чтобы рабочие пришли на помощь студентам в поднятой ими борьбе против правительства, осуществилось ранее, чем нас успели обругать за него те, кто в подобных стремлениях готовы усмотреть «народовольческие» затеи, недостойные представителей рабочего движения. В ряде крупных демонстраций в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве и Белостоке русские рабочие самым недвусмысленным образом показали, что готовы плечо о плечо с революционными элементами «общества» активно бороться против гнета самодержавия. На обе безумные выходки зарвавшегося правительства — отдачу студентов в солдаты и торжественное отлучение Толстого — пролетариат громко ответил выражением своей солидарности и с «бунтующими» студентами и с отлученным писателем.

Активное участие рабочих в политических демонстрациях бурного месяца придало им совершенно особое значение и открыло новую эпоху в русской истории. Печать всех стран Западной Европы отмечает этот исторический факт. Теперь от политической зрелости русского общества будет зависеть, сумеет ли оно понять этот факт и извлечь из него все практические следствия, сумеет ли оно усилить, опираясь на помощь пролетариата, революционный размах своей борьбы с азиатским самодержавием и проявить достаточную энергию не только в обороне, но и в прямом нападении на ненавистный строй. Борцам за свободу теперь уже непозволительно опасаться, что они останутся одиноки в своей борьбе, что они не найдут поддержки в народных массах. И организованный пролетариат получил теперь право надеяться, что «общество» поймет, наконец, политический смысл ведущейся им борьбы и что оно признает первенствующее политическое значение рабочего движения в современной России.

Для нас, социал-демократов, события, имевшие место в феврале и марте, имеют особое значение. Ими, надо надеяться, окончательно решен практически терзавший в последние годы нашу партию спор о том, может ли наш пролетариат в данное время вести политическую борьбу, или может ли такая борьба возникнуть иначе, как непосредственно на почве стачечного движения. Мы — сторонники революционной политической борьбы пролетариата — можем торжествовать: русский пролетариат доказал своим близоруким друзьям правоту той точки зрения, которую мы отстаивали. Помимо своих руководителей *, пролетариат ринулся в бой, когда увидел, что радикальная часть общества готова не на шутку померяться с правительством. Этого факта уже нельзя замолчать, с ним придется считаться волей-неволей, и русская социал-демократия должна будет поставить в основу своей практической деятельности это явное стремление рабочих масс принять активное участие в освободительной борьбе всей русской демократии; она должна будет сделать это, если не пожелает остаться за бортом, если не пожелает передать своего права на руководство движением пролетариата другим политическим силам.

Но участие русского пролетариата в русской освободительной борьбе будет тем плодотворнее для его классовых интересов, для его конечных целей, а вместе с тем и для интересов демократической свободы, чем сознательнее будут бороться политически рабочие массы, чем самостоятельнее будут они проводить в общем политическом движении свою политику. Если для всех недовольных элементов русского общества в начавшейся борьбе дело идет, главным образом, об обуздании невыносимого полицейского самодержавия, то для пролетариата в его классовых интересах, в интересах его конечных целей и в интересах непосредственного улучшения его положения необходимо низвержение самодержавия и основание свободной демократии, обеспечивающей пролетариату легальную защиту его классовых интересов. И первый долг русской социал-демократии в ее будничной работе, дать такое политическое воспитание пролетариату, чтобы в критические моменты, какими являются переживаемые нами дни, он сумел ясно и резко выразить в общем хоре недовольных эту свою ноту. Надо при-

---

* Только в Харькове и особенно в Киеве социал-демократические организации активно содействовали вовлечению рабочих в демонстрации последнего времени.

знать, что с этой точки зрения события февральских и мартовских дней наглядно показали, что нашей партии еще много осталось работать в указанном направлении. И остается пожелать, чтоб она немедленно и повсюду с удвоенной энергией приступила к этой благодарной работе.

Те же события показали соответствующие недостатки и нашей организации. Приспособленные к пропаганде и к повседневной агитации, наши организации не пригодны еще к тому, чтобы руководить массовыми демонстрациями, благодаря чему последние много теряют в силе и оформленности. События, подобные только что пережитым нами, конечно, случаются не часто; но во 1-х, надо ожидать, что они будут становиться все чаще; а во 2-х, как бы они ни были редки, партия должна быть готова к ним, чтобы всегда суметь с наименьшей затратой жертв добиться наибольших результатов. При лучшей организации никакие полицейские ухищрения не помешали бы рабочим явиться в назначенный час в назначенное место; при лучшей подготовке организованных сил толпа не оказалась бы так беспомощной, когда войска стали подвергать ее избиению. При надлежащей организации удалось бы все протестовавшие массы сконцентрировать в одном пункте и рассеянную в одном месте толпу собрать в другом. При наличности такой организации можно было бы в ходе манифестации направлять внимание толпы на новые и новые поводы для выражения своего протеста и на каждый акт произвола и насилия властей отвечать актом революционного насилия против, скажем, правительственных зданий или органов мракобесия. Одним словом, чтобы бороться с правительством на площадях и улицах, наша партия должна реформировать свою организацию. Но та же реформа организации необходима и для выполнения более широкой агитационно-политической работы.

На массовые народные протесты царское правительство ответило мерами кровавого насилия, избиением и убийством безоружных людей, опубликованием плана военной кампании против непокорного населения крупных центров (см. циркуляр Сипягина от 12 марта). Тысячами жертв правительство пытается, конечно, отомстить за то, что оно пережило за эти дни, за позорный побег царя из своей столицы в день 4 марта, за освистание его высочайшего наместника в Москве. Всеми этими мерами правительство не сможет залечить той глубокой, кровью сочащейся раны, которую оно получило в эти дни. Как бы ни бесновалась реакция, того, что сделано, она не отнимет у революции, — она не уничтожит состоявшегося сближения между радикальной интеллигенцией и народными массами на почве революционной борьбы, она не отнимет у народа той революционной выучки, которую он приобрел в этот месяц, она не сможет погасить ярко блеснувшего в эти дни общего сознания того, насколько непримиримо враждебны, бесконечно чужды друг другу два столкнувшихся мира — старая Россия, мир казацкой нагайки и полицейского насилия, мир ханжей святейшего синода, мечтающих о кострах для еретиков и их сочинений, мир продажных ученых и продажной печати, защищаемых от народа вооруженной силой, и мир свободной мысли и пролетарского энтузиазма, молодая, рвущаяся к свету и к свободе Россия. А потому, какие бы новые удары ни ждали в ближайшем будущем борцов за свободу, как бы ни казалось тягостно могущее наступить затишье после только-что разыгравшейся бури, нам не придется падать духом, не придется сомневаться в будущем нашего дела. Ненавистные цепи, сковывающие молодую Россию, уже надорваны; еще ряд героических усилий, и они разлетятся в прах. Как бы ни повлияли на массу новые реакционные меры правительства, мы смело можем смотреть в лицо будущему и обратиться к товарищам со словами поэта:

Пускай же сгущаются мрак и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поет,
Верь в молодость, верь в ее силу и счастье,
Зови ее словом отважным вперед.

[Л. Мартов]

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО [1]

Минуло сорок лет со времени освобождения крестьян. Вполне естественно, что наше общество с особенным одушевлением празднует день 19 февраля — день падения старой крепостной России, начало эпохи, которая сулила народу свободу и благосостояние. Но не надо забывать, что в хвалебных речах празднующих на-ряду с искренней враждой к крепостничеству и всем его проявлениям есть масса лицемерия. Насквозь лицемерна и лжива та оценка «великой» реформы, которая стала у нас ходячей: «освобождение крестьян с землей при помощи государственного выкупа». А на самом деле это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены — посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены. Сами помещики десять лет спустя после освобождения признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на 20 лет временно обязанными, их оставили — и они по сию пору остаются — низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников; правительство не остановилось даже перед такой гнусностью, как подтасовка людей, призванных осуществить реформу, — хотя эти люди были призваны из числа дворян же! Мировые посредники первого призыва были распущены и заменены людьми, неспособными отказать крепостникам в об‘егоривании крестьян и при самом размежевании земли. И великая реформа не могла быть приведена в исполнение без помощи военных экзекуций и расстреливания крестьян, отказывавшихся принимать уставные грамоты. Не удивительно, что лучшие люди того времени, сдавленные цензурным намордником, встретили эту великую реформу проклятием молчания...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой — за ссуду хлеба голодающей семье — на летнюю работу. Отработки и кабала — вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом - иезуитом.

А к этому помещичьему гнету, сохраненному благодаря великодушию создавших и осуществлявших реформу чиновников, прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, напр., французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, — эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам и крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже *откупаясь* от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и пр.) в общественную собственность. Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, раз‘единять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение за счет большинства. Вот почему социал-демократы всегда будут бороться против таких бессмысленных и вредных учреждений, как неотчуждаемость крестьянских наделов, круговая порука, запрещение свободного выхода из крестьянской общины и свободного приема в нее лиц каких угодно сословий! Но наш крестьянин страдает, как мы видели, не только и даже не столько от гнета капитала, сколько от гнета помещиков и от остатков крепостничества. Беспощадная борьба против этих пут, неизмеримо ухудшающих положение крестьянства и связывающих его по рукам и ногам, не только возможна, но и необходима в интересах всего общественного развития страны, ибо безысходная нищета, темнота, бесправие и приниженность мужика кладет на все порядки нашего отечества отпечаток азиатчины. И социал-демократия не исполнила бы своего долга, если бы не оказала всей и всяческой поддержки этой борьбе. Такая поддержка должна выразиться, коротко говоря, *во внесении классовой борьбы в деревню.*

Мы видели, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая постепенно ослабевает. Первая — вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом. И несмотря на это, для современных русских социал-демократов именно вторая противоположность имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение. Что мы должны пользоваться всеми представляющимися нам поводами для развития классового самосознания в сельско-хозяйственных наемных рабочих, что мы должны обратить внимание поэтому на переселение в деревню городских рабочих (напр., механиков, занимаемых при паровых молотилках и т. п.), на рынки найма сельско-хозяйственных рабочих — это понятно само собой, это аксиома для всякого социал-демократа.

Но наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бедствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем. Наоборот, вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса.

Признание бедствий крестьянина сделалось теперь (в более или менее общей форме) почти всеобщим, фраза о «недостатках» реформы 1861 г. и о необходимости государственной помощи стала ходячей истиной. Наш долг указывать на то, что эти бедствия происходят именно от классового угнетения крестьянства, что правительство — верный защитник классов угнетателей, что не помощи от него, а избавления от его гнета, завоевания политической свободы должны добиваться те, кто искренно и серьезно хочет коренного улучшения положения крестьян. Говорят о чрезмерной высоте выкупных платежей, о благодетельной мере понижения и пересрочки их правительством. Мы скажем на это, что все эти выкупные платежи — не что иное, как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное, как дань крепостникам за освобождение их рабов. Мы выдвинем требование немедленной и полной отмены выкупных платежей и оброчных сборов, требование вернуть народу те сотни миллионов, которые годами выколачивало царское правительство для удовлетворения аппетитов рабовладельцев. Говорят о малоземельи крестьян, о необходимости государственной помощи для расширения крестьянского землевладения. Мы скажем на это, что именно благодаря государственной помощи — помощи помещикам, разумеется, — крестьяне лишились в такой массе случаев необходимейшей для них земли. Мы выдвинем требование вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд. Мы выдвинем требование учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобождаемым рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты. Мы потребуем учреждения судов, которые бы имели право понижать безмерно высокую плату за землю, взимаемую помещиками, благодаря безвыходности положения крестьян, — судов, перед которыми крестьянин имел бы право преследовать за ростовщичество тех, кто заключает кабальные сделки, пользуясь крайней нуждой другого. Мы будем стараться всегда и по всяким поводам раз'яснять крестьянам, что люди, говорящие им об опеке или помощи от современного государства, либо дурачки, либо шарлатаны и худшие враги их, что крестьянству нужно прежде всего избавление от произвола и гнета власти чиновников, нужно прежде всего признание их полной и безусловной равноправности во всех отношениях со всеми другими сословиями, полной свободы передвижения и переселения, свободы распоряжения землей, свободы распоряжения всеми мирскими делами и мирскими доходами. Самые обыденные факты из жизни любой русской деревни могут дать всегда тысячи поводов для агитации во имя указанных требований. Эта агитация должна исходить из местных, конкретных, наиболее назревших нужд крестьян, но не останавливаться на этих нуждах, а неустанно расширять кругозор крестьян, неустанно развивать их политическое сознание, указывать на особое место, занимаемое в государстве помещиками и крестьянами, указывать на единственное средство избавления деревни от висящего над ней гнета произвола и угнетения — созыв народных представителей, низвержение самовластья чиновников. Нелепо и вздорно утверждение, будто это требование политической свободы недоступно сознанию рабочих: не только рабочие, пережившие годы прямой борьбы с фабрикантами и полицией, постоянно видящие произвольные аресты и преследования лучших из их рядов, не только эти зараженные уже социализмом рабочие, но и всякий толковый крестьянин, хоть сколько-нибудь задумывающийся над тем, что он видит вокруг себя, в состоянии будет понять и усвоить, за что борются рабочие, усвоить идею земского собора, освобождающего всю страну от всевластия ненавистных чиновников. И агитация на почве непосредственных и наиболее насущных нужд крестьянства только тогда будет в состоянии исполнить свою задачу — внести классовую борьбу в деревню, когда с каждым разоблачением того или другого «экономического» зла она сумеет связать определенные политические требования.

Но спрашивается, может ли социал-демократическая рабочая партия внести в свою программу требования, подобные вышеуказанным? Может ли она на себя взять агитацию в крестьянстве? Не поведет ли это к тому, что мы разбросаемся и направим в сторону от главного и единственно надежного русла движения наши революционные силы, и без того столь немногочисленные?

Такие возражения основаны на недоразумении. Да, мы непременно должны внести в свою программу требования об освобождении нашей деревни от всех пережитков рабства, требования, способные вызвать в лучшей части крестьянства, если не самостоятельную политическую борьбу, то сознательную поддержку освободительной борьбы рабочего класса. Мы сделали бы ошибку, если бы стали отстаивать меры, способные задержать общественное развитие, или искусственно оградить мелкое крестьянство от роста капитализма, от развития крупного производства, но еще более гибельна была бы ошибка, если бы мы не сумели воспользоваться рабочим движением для распространения в крестьянстве тех демократических требований, которых не исполнила реформа 19 февраля 1861 г., благодаря ее искажению помещиками и чиновниками. Включить такие требования необходимо для нашей партии, если она хочет встать во главе всего народа на борьбу с самодержавием *. Но такое включение вовсе не предполагает, чтобы мы стали звать активные революционные силы из города в деревню. Об этом не может быть и речи. Не подлежит никакому сомнению, что все боевые элементы партии должны стремиться к городам и фабрично-заводским центрам, что только промышленный пролетариат способен на бесповоротную и массовую борьбу против самодержавия, что только этот пролетариат способен вынести на своих плечах такие средства борьбы, как устройство открытой демонстрации или постановка правильно выходящей и широко распространяемой народной политической газеты. Не для того, чтобы отозвать из города в деревню убежденных социал-демократов, не для того, чтобы приковать их к деревне, должны мы внести в свою программу крестьянские требования — нет, а для того, чтобы дать руководство для деятельности тем силам, которые не могут найти себе приложение иначе, как в деревне, для того, чтобы использовать для дела демократии и политической борьбы за свободу те связи с деревней, которые в силу обстоятельств имеются у немалого числа преданных социал-демократии интеллигентов и рабочих и которые по необходимости расширяются и растут вместе с ростом дви-

---

* Проект социал-демократической программы со включением вышеуказанных требований составлен уже нами. Мы надеемся после обсуждения и переработки этого проекта при содействии гр. «Осв. Тр.» опубликовать в одном из ближайших номеров проект программы нашей партии.

жения. Мы давно уже переросли ту стадию, когда мы были маленьким отрядом добровольцев, когда весь запас социал-демократических сил исчерпывался кружками молодежи, поголовно «ходивших к рабочим». Наше движение располагает теперь целой армией, армией рабочих, затронутых борьбой за социализм и за свободу, — армией интеллигентов, принимавших и принимающих участие в движении и разбросанных уже в настоящее время по всем концам России, — армией сочувствующих, с верой и надеждой взирающих на рабочее движение и готовых оказать ему тысячи услуг. И перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому неопасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть. А разве возможно достигнуть этой цели, не занося в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания? И не говорите, что такое занесение невозможно: оно не только возможно, оно уже происходит, оно идет тысячами путей, ускользающего от нашего внимания и нашего воздействия. Оно пойдет неизмеримо шире и быстрей, когда мы сумеем дать лозунг для такого воздействия и выкинем знамя освобождения русского крестьянства от всех остатков позорного крепостного права. Приходящий в города деревенский люд и теперь уже с любопытством и интересом присматривается к непонятной для него борьбе рабочих и разносит весть о ней по всяким захолустьям. Мы можем и должны добиться того, что это любопытство сторонних зрителей будет сменяться если не полным пониманием, то хотя смутным сознанием того, что рабочие борются за интересы всего народа, будет сменяться все большим и большим сочувствием к их борьбе. А тогда — день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с нежданно-негаданной для нас самих быстротою.

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ[2]

Подавляющее значение за последние месяцы приобрели у нас студенческое движение и народные демонстрации во многих городах. Приводим описания этих событий, составленные на основании около ста сообщений, присланных в редакцию «Искры». Мы шлем горячую благодарность всем корреспондентам, а также лицам, приславшим нам всяческие листки и материалы, и усердно просим их продолжать и расширять свое сотрудничество.

С.-Петербург.

Хронику событий за февраль и начало марта приходится начать с того правительственного сообщения (11 января) об отдаче студентов-киевлян в солдаты, которое мы отметили в № 2 «Искры». Наши указания, что это не чисто студенческий вопрос, что он должен вызвать массовую студенческую забастовку и демонстрации с участием всех классов общества и рабочими во главе их, оправдались в полной мере.

Протест против отдачи студентов в солдаты быстро разгорался в петербургском студенчестве. В большинстве высших учебных заведений — ряд сходок. Принимаются резолюции об устройстве обструкции, о требовании отмены «временных правил». Напр., такое требование пред'явили 25 января представители организованного петербургского студенчества (университета, высших женских курсов, институтов: горного, лесного, электротехнического, путей сообщения, женск. медицинского, рождественских курсов, военно-медицинской академии, академии художеств). Ссылаясь на временные правила и на пущенные уже в ход (в Казани) нагайки, они грозили правительству, что оно «разбудит наших отцов, матерей, братьев, сестер, как разбудило уже часть народных масс — рабочих». Выходит масса листков и бюллетеней. Мы не станем утомлять внимание читателей перечислением всех этих листков, доставленных в редакцию. Отметим две характерные черты: с одной стороны, некоторое уныние и угнетенное настроение студенчества, многие представители которого запуганы азиатским наказанием. «Право, темнее времени не помню, душно стало», сообщает один корреспондент от конца января, после того как участь 183 киевских студентов разделили 27 петербургских. «Настроение такое удрученное, так запуганы все, что теперь, что хочешь делай, все пройдет без возражений». Борьба между радикальным студенчеством («обструкционистами», т. е. стоявшими за стачку и обструкцию) и «благоразумными», стоявшими за подчинение и не желавшими рисковать своей буржуазной карьерой, обострялась иногда до того, что грозили облить друг друга кислотой и т. п. Начальство старалось разжечь этот раскол, взывая в своих об'явлениях к «серьезным умам», приглашая студентов быть «скромнее» (об'явление попечителя спб. учебного округа Сонина от 6 февраля). Студенты, не мирящиеся с раболепством, отвечали горячим протестом против «Боголепова и К°», провозглашали: «Вперед, товарищи, полно молчать!. Помните, что приговор истории страшнее и ужаснее приговора временной комиссии» (Бюлл. № 6, от 6 февраля). Другая черта — рост сочувствия к студентам среди тех, кому не грозила отдача в солдаты и среди общества вообще. Студенты военно-мед. академии на сходке 30 января единогласно решают подать петицию об освобождении отданных в солдаты студентов, о предоставлении права сходок. Слушательницы высших женских курсов на сходке 3 февраля предлагают забастовать, горячо протестуют против «временных правил». Ходит по рукам гектографированное письмо за подписью «Мать», клеймящее, с одной стороны, произвол Победоносцевых, Сипягиных, Боголеповых, дошедших до бессмысленной, наглой жестокости, — с другой стороны, унизительное молчание «русского общества, умеющего только терпеть, молчать и трепетать». Распространяется стихотворение студента «Тогда и теперь» (1 февраля, 1899 — 1901), зовущее на борьбу, возмущающееся малодушием массы, позволяющей обращать храм науки в «тюрьму, в казарму для солдат». Унывавшие студенты боялись верить в свои силы, не зная, что возбуждение и дух борьбы проникают и в другие классы общества.

Правительство не могло, конечно, не видеть, что брожение растет. Аресты следовали за арестами, тюрьмы переполнялись. По делу об умеренной «верноподданной» петиции царю об отмене «временных правил» взяли известного историка, писателя Милюкова. Обыски были у многих писателей. «Обычных» арестов в ночь с 9 на 10 февраля было до 50. Необходимо добавить, что политика правительства начала уже проявлять признаки шатания: не то подавлять, не то итти на уступки, или, вернее, обмануть уступками. Последнее выразилось — правда, очень слабо — в проводах новобранцам-студентам, устроенных военным министром, который жал руки всем этим низшим чинам, говорил им ободряющие речи и просил в случае каких-либо затруднений обращаться к нему.[1] Читатели благоволят сопоставить с этим помещаемую ниже корреспонденцию из Пскова.

Возбуждение усиливалось. Реакционная печать («Гражданин», «Московские Ведомости») только подливала масла в огонь, доказывая с отвратительным лицемерием Иудушки, что в отдаче студентов в солдаты нет ничего жестокого, что эта мера свидетельствует о попечительности правительства, желающего отечески исправить легкомысленных юношей... Можно себе представить, каким издевательством над лежачим и связанным противником звучали такие речи! Но лежачие стали подниматься, а связанным помогла развязать себе руки улица.

14 февраля раздался выстрел П. В. Карповича, сразивший ненавистного министра нар. просвещения Боголепова. Все сочувствовали Карповичу, и когда, напр., директор женских курсов, Раев, с группой профессоров поспешил выразить сочувствие умирающему Боголепову,— группа курсисток выпуска 1893 г. выпустила листок (от 21 февраля), клеймящий «карьерные расчеты» и «низкий поступок» раболепства перед «гнусным деятелем».

В широкой публике усиленно заговорили о повторении революционного террора. Но — как совершенно справедливо заметил «Злободневный Листок» (СПБ., тип. «Свободной Русской Прессы», № 2, от 2 марта),—«этот взгляд представляется совершенно ошибочным. Живая история не знает заученных дословных повторений... Теперешний наш самодержец — чего, какой идеи он является воплощением?! Разве это не простой подставной председатель правления бюрократического предприятия?.. Задача теперь... не в том, чтобы уничтожить этот „миропомазанный штемпель“ (листок говорит, что самодержец напоминает собой каучуковый штемпель с буквами „быть по сему“), а в том, чтобы взять его из рук бюрократии в свои руки». Понятно само собою, что для осуществления такой задачи настоятельно необходимо политическое действие массы. И вся революционная работа последних лет, шедшая под знаменем социал-демократии, естественно толкала мысль передовой учащейся молодежи на план уличной демонстрации, план привлечения к протесту (путем его расширения) всех классов общества вообще и рабочих в частности. Одним из выражений этой мысли явился февральский листок, изданный кассой взаимопомощи студентов спб. университета и напечатанный в тип. «Союз Борьбы»[3]. «Решение университетского вопроса,—справедливо писали авторы,—надо искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок для русской общественной жизни... Насильникам надо противопоставить силу... А эта сила уже растет, ее выдвигает сама жизнь, в ней лежит залог лучшего будущего. Быстро расползается она по стране, охватывая ее все цепче и крепче, грозная, пока бессознательная. Но пробудись в ней сознание — и конец абсолютизму, конец замаскированному рабству». А какое же лучшее средство расширения университетского вопроса и пробуждения сознания в грозной народной силе, как не вынесение протеста на улицу, перед толпой народа? И план устройства открытой демонстрации был принят вожаками движения.

Решено было собраться к Казанскому собору 19 февраля. По расчетам инициаторов, в манифестации должно было участвовать свыше 2000 человек студентов и курсисток. Впрочем, с 17 на 18 число было арестовано 26 человек, в том числе шесть человек «делегатов» с печатными воззваниями относительно манифестации, так что уверенность в исполнимости этой последней сильно пошатнулась, и манифестация была отменена. Тем не менее 19 февраля к Казанскому собору пришло чел. 200 — 300 (по другим сведениям до 400) учащейся молодежи. Часть их зашла в собор, а часть расположилась на скамейках около собора. Когда в церкви ничего интересного не оказалось, все вышли на улицу и, соединившись с толпой, которая сохраняла выжидательное положение возле собора, повернули на Невский. В это время масса конных и пеших полицейских оцепили толпу манифестантов и следовали с нею вдоль по Невскому. Толпа шла с пением Марсельезы («Вставай, поднимайся, рабочий народ!»). Около здания думы конные полицейские врезались в толпу демонстрантов с очевидным намерением свернуть шествие в переулок (между думой и Милютинскими рядами). Молодежь, прижатая к зданию думы, стала отталкиваться от напиравших полицейских, а те, ничто же сумняшися, пустили в ход кулаки и стали наносить жестокие удары направо и налево. Собравшаяся публика кричала городовым: «Вы не имеете права бить!», а те отвечали: «Нам приказано». Толпа демонстрантов состояла, главным образом, из женщин-рождественок и медичек. Раздался отчаянный крик. Эту дикую сцену из окна думы наблюдало несколько человек (в том числе и городской голова Лелянов) и выражали свое сильнейшее негодование против полиции, а с одной из барышен, наблюдавшей оттуда за всем происходившим, случилось острое помешательство. «Девиц до того били, сообщает один корреспондент, что гостиннодворские приказчики стали заступаться за них. Среди публики многим делалось дурно». Неслись вопли, крики: «Бьют, бьют!» Посторонней публики около демонстрации собралось около 5 — 6 тысяч. Вмешалась толпа. Грозило очень крупным побоищем. В это время явился градоначальник Клейгельс и попросил (сначала было «потребовал», но вследствие протеста толпы должен был требование свести на вежливую просьбу) войти во двор. Тут во дворе демонстранты были переписаны. Часть студентов, стоявших вне цепи, пыталась присоединиться к демонстрантам, но Клейгельс, пропустив человек пять, отказался затем от такого опасного приема. На заявление молодежи, что ее били, Клейгельс выразил недоверие к этому факту («моя-де полиция не дерется») и жалобу принять отказался, предоставив пострадавшим искать законных путей для выражения своего протеста. Все переписанные и многие из окружавших отправились в ближайший участок и там требовали составить протокол. В конце концов составили жалобу на действия полиции и отправили ее с каким-то студентом-медиком к прокурору. Как говорят, Клейгельс призывал к себе этого медика и дал ему понять, что жалобы на полицию никогда ни к чему не приводят (пример-де тому эпизод в истории 1899 г.). И действительно, прокурор, сначала любезно выслушавший жалобу от студентов, потом изменил свой тон: вы, говорит, бунтовщики, и вашу жалобу я направил к градоначальнику. Рассказывают (по другой версии), что Клейгельс принял заявление о действиях полиции и в ответ прочитал место из одной русской книжки, в которой описывается, как бьют полисмэны в Англии манифестантов. Маленькое различие упустил г. Клейгельс между свободной Англией и бесправной Россией: то что в Англии бьют за нарушение порядка публикой, а в России бьет нарушающая порядок полиция.

Вот еще выдержка из сообщения лица, бывшего очевидцем события: «Выходя 19 февраля из Казанского собора, чтобы отправиться домой, я увидела, что площадь перед собором с левой стороны окружает отряд городовых и конных жандармов... Около Милютиных рядов я заметила, что сзади появились околоточные, которые стали загораживать тротуар: какой-то прохожий выразил неудовольствие, что ему преграждают дорогу. Оглянувшись, я увидела, что околоточный, любезно склонившись и указывая на видневшуюся впереди толпу учащейся молодежи, спросил с иронией: „К какой партии вам угодно примкнуть, к той или к этой?“ Этот наглый вопрос, конечно, принуждал всякого просто приличного человека сделать решительный выбор. Но, зная, кто именно составляет «ту партию», во всяком случае, не желая „примкнуть“ к партии полиции, я, не оглядываясь больше, поспешила присоединиться к идущим впереди. Едва я их достигла, как сзади и сбоку уже вплотную подступил отряд городовых, которые шли ровными рядами. Передние скрестили на груди руки и выставили вперед локти, а вся масса отряда дружным натиском двигалась на толпу. Когда же дальнейшее движение сделалось почти немыслимо, началась кулачная расправа. Не изменяя общего положения рук, городовые поднимали сжатый кулак правой руки, сгибая руку в локте и снова разгибая ее, опускали кулак прямо перед собой, не разбирая, куда и на что он попадет; движение кулаков было правильно, одновременно, равномерно; в этом был виден выработанный метод, чувствовалась организованная система кулачного натиска. Ни негодующие крики студентов: „Не сметь трогать женщин!“, ни посиневшие от давки лица с выкатившимися глазами, ни возможность катастрофы перед огромными зеркальными стеклами магазинов—ничто не останавливало непрерывного, безобразно жестокого натиска городовых»...

Этот первый опыт манифестации показал, что сочувствие публики обеспечено студенчеству, выступающему против произвола царского самодержавия, — и в то же время он показал, от каких причин зависит сравнительная неудача 19 февраля. Отсутствие революционной организации сказалось на том, что демонстрацию наполовину отменили, и не все о ней знали. Отсутствие рабочих обусловило сравнительно малое число присутствовавших: демонстрация не могла получить характера народной схватки с полицией: никто не позаботился о том, чтобы наряду со студенческими требованиями были выставлены более широкие требования. Всем этим об'ясняется, что настроение революционного Петербурга после 19 февраля было двойственное: с одной стороны, сознание, что путь демонстрации—единственно верный путь, с другой—неуверенность в успехе. На 28 февраля — день юбилея газеты «Чего изволите» («Нового Времени») — была назначена демонстрация в Эртелевом переулке. Группа инициаторов особым листком приглашала почтить достойным образом 25-летний юбилей почтенного Алексея Сергеевича Суворина, с успехом возводившего в принцип беспринципность, сделавшего блестящую карьеру на подхалимстве и лакействе перед правительством. Демонстрация не удалась, и опять-таки по тем же самым причинам. Полиции собралось больше, чем молодежи. Шпалерами стояли по всему Литейному, Мало-Итальянской. Толпу разделили на части и разогнали. Часть была переписана. Говорят, весь переулок был усыпан обрывками «Нового Времени». Таким образом, и эта неудача демонстрации была относительной: известный результат был, несомненно, достигнут. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать следующую картинку, набросанную одним из участников празднества: «Итак, Суворин имел огромный материальный успех. Его оба сына стали также участвовать в редакции газеты, и за династией Суворина обеспечено владычество. Я слышал пение дьякона, слышал приветственные речи, на которые старик Суворин отвечал рукопожатием или поцелуем в щеку ораторов. Пили шампанское. Я стоял вблизи окна и смотрел на улицу. И что же? Отряды конных и пеших полицейских снуют по короткой улице. Человек 60 стоит около дома. Я заинтересовываюсь. На противоположной стороне улицы я вижу небольшую кучку студентов, громко смеющихся и жестикулирующих. Теперь-то мне стала понятна эта овация со стороны полиции. Петербургские студенты не ладят с Сувориным с тех пор, как он в одном из своих остроумных „маленьких писем", два года тому назад. шутя отнесся к студенческим беспорядкам и осудил их. Повидимому, учащаяся молодежь по-своему хотела почтить юбиляра: кошачьим концертом, битьем стекол и т. п. маленькими шутками. Через некоторое время я оставил гостеприимный дом, в котором шампанское лилось сегодня рекой. Эртелевский переулок охранялся полицией, а студентов не было видно. С обоих концов, со стороны Бассейной и Итальянской, улица была оцеплена. На Бассейной жандармский офицер раз'езжал на коне перед цепью городовых. Никого не пропускали. В честь Суворина было вызвано по меньшей мере 200 полицейских, которые, видно, очень были довольны. Я спросил первого попавшегося толстяка-надзирателя, снабжены ли его молодцы нагайками, и он многозначительно улыбнулся мне в ответ. „Милая овация в честь Суворина", говорил я себе мысленно, продолжая путь. В это время явился всемогущий генерал Клейгельс, чтоб самолично смотреть за порядком. Кругом не видать было ни одного студента, но полиция стойко и храбро оставалась на месте. На самом деле, несколько сот студентов и студенток с различных сторон направились к Эртелеву переулку, но разошлись, увидав, что он оцеплен и что полицейские с нагайками охраняют царство Суворина, как грозный архангел врата рая».

Нельзя не выразить сожаления по поводу бездействия соц.-дем. «Союза Борьбы» в СПБ. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Позволительно ли было соц.-дем. не откликнуться на студенческое движение, не обратиться к рабочим с раз'яснением его, не призывать рабочих на демонстрацию против правительства Клейгельсов и Боголеповых? Очевидно, здесь сказались печальные плоды той пропаганды, которая так усердно велась в СПБ. последние два-три года: с одной стороны, «экономисты» усердно приглашали «не забегать вперед» против неразвитых масс и ничего не делали для развития революционной организации и политического воспитания рабочих; с другой стороны, столичные «критики» и «бернштейнианцы» играли на-руку «экономистам» своим «разносом» ортодоксального марксизма[*].

Бездеятельность социал-демократии не могла не отразиться на движении, которому не была обеспечена поддержка со стороны организованных передовиков рабочего класса. Целый ряд сообщений говорит о духе уныния и безнадежности. «Настроение тяжелое, — пишут, например, от 2 марта, — никто как-то не надеется на хороший исход». К счастью, события в Харькове и Москве, описываемые нами ниже, подняли дух и в СПБ. «Как только в Питере стали известны харьковские события, — пишет один корреспондент, — началось волнение среди студентов». «Московские и харьковские события,—сообщает другой,—сильно подогрели утихнувшее было возбуждение среди молодежи». Мы ясно видим здесь, как массовое участие рабочих в демонстрации, характеризующее происшествия в Харькове и Москве, вдохнули новую жизнь в движение интеллигентной молодежи и побудили ее к более решительным и революционным действиям, составившим эпоху в народном движении против самодержавия.

Новая демонстрация была первоначально назначена на 3 марта, день суда над Карповичем. Но так как суд был отложен (очевидно, не только вследствие смерти Боголепова, но и из опасения народной демонстрации), то демонстрацию перенесли на 4 марта. Печатная прокламация «Ко всем» от имени «Совета союза об'единенных землячеств и студенческих организаций», помеченная днем двадцатилетней годовщины убийства Александра II, 1 марта 1901 г., заявляла, что «полицейский режим достиг своего кульминационного пункта... Протест живой части общества против мракобесия правительства, против собственного бесправия и рабства... начинает выходить на реальную почву... студенческие протесты нашли себе, наконец, поддержку и сочувствие среди разных слоев общества. Мы... выступая на защиту попранных прав человека и на борьбу за них на общественно-политическом поприще, обращаемся ко всем слоям общества».

Четвертое марта, наверное, долго будут помнить не одни петербуржцы, но и все русское общество.

Все знали о демонстрации и, после события 19 февраля, не делали себе иллюзий, знали, на что идут. «Настроение молодежи было подавленное; вечером в субботу, прощаясь со знакомыми и товарищами, молодежь произносила свое „до завтра, до?" таким тоном, точно она шла на то, на что она и пошла в действительности! Одна девочка-курсистка молила: „Господи, хоть бы мне утром захворать завтра", и все-таки пошла. Со всех сторон было это томление перед „завтра", и суббота тянулась так мучительно долго, так много переслушалось и перевиделось, так много передумалось за это накануне».

Ровно в 12 часов в воскресенье из собора, который был полон народу, все демонстранты вышли на паперть. Вся площадь перед собором представляла море голов. Нелегко было определить число демонстрантов: показания очевидцев различны и восходят от 3-х тысяч до 15-ти. Сюда не входит, конечно, масса публики посторонней, окружавшей со всех сторон демонстрантов. «Зрителей была масса, — пишет один корреспондент, — несравненно более, чем демонстрантов». Был пущен шар и подняты на площади два знамени, белое и красное (последнее поднято было, как сообщает один корреспондент-очевидец, рабочими). Надписи на знамени гласили: «Долой временные правила!». Была, говорят, и надпись с требованием свободы слова. Один технолог (по другому сообщению лесник), стал говорить толпе речь. Он изложил нынешнее положение вещей, указал на ненормальность существующего режима, на необходимость изменить русский политический строй и закончил словами: «Да здравствует законность, долой временные правила!» Публика выражала свою солидарность криками «ура», «согласны» и т. п. Продолжалось это недолго, но зрелище было внушительное. В публике разбрасывались тучи прокламаций, в разных концах читались вслух листки. Зрители — главным образом, сочувствующие — совсем придвинулись к демонстрантам. Порядок был полный и, «сначала, — сообщает очевидец, — дело шло почти по-европейски».

Но «европейский стиль сменился русским удивительно быстро». Очень скоро после того, как выкинут был флаг, проехал в коляске Клейгельс. Он с улыбкой оглядел публику, пересел на лошадь и — дал знак. Открыли ворота соседних домов—и массы полиции и войска окружили собор. На площадь выехала кавалькада казаков на крупных горячих лошадях и прямо поехала на середину. «Толпа хлынула в разные стороны, — пишет один корреспондент, — частью к Невскому. Казаки повернулись фронтом к собору. Толпа сжалась к собору. И пока толпа теснилась, казаки плотной линией двинулись вперед. Не было никаких намеков на переговоры с толпой, ни увещания; никто не слышал даже простого предупреждения об атаке или предложения разойтись. Да и уйти было некуда — сзади был собор — и некогда: все дело произошло так быстро, что не было времени одуматься. Казаки ехали с нагайками в руках; когда толпе нельзя было отступать и сжиматься, они под'ехали вплотную и разом начали хлестать всех, кто был перед ними. Крупные рыжие кони прямо грудью давят людей, горячатся, встают на дыбы; а здоровенные казаки с тупыми, зверскими лицами, перегнувшись вперед, размахивают нагайками, и слышно только какое-то щелканье». «Есаул скомандовал: „в нагайки!“,— пишет другой, — и сам первый ринулся, показывая пример своим подчиненным; со всего размаха он ударил первого попавшегося студента, который покачнулся и упал. За есаулом двинулся вахмистр, нанося удары и правой рукой и левой, хватая за шиворот студентов и бросая их под ноги. Сотня последовала за ними. Сначала все стихло, все как будто бы не верили, что бьют нагайками совершенно беззащитных людей. Страшный голос нарушил тишину: какая-то женщина упала в истерике. Отрезанная и отгороженная частью казаков, публика рыдала, кричала, но помочь не могла. Свистали нагайки, стучали дубины городовых по головам несопротивлявшихся, опешивших студентов. „Да не может быть! — крикнул находившийся в толпе полковник, что это бьют нагайками; это стук копыт по мостовой“. Молча раздвинулась публика, и полковник очутился лицом к лицу с расправой. В ужасе полковник схватился за голову и, как безумный, побежал по улице. Между тем студенты, окруженные со всех сторон, против входа в колонны, стали отступать к Казанскому собору, где в это время как раз совершалось богослужение и священник выносил св. дары. И вот, у выхода из церкви, между колоннами, где написано: „Грядый во имя господне!“ совершался последний акт гнуснейшего насилия. Свистели нагайки, под ударами которых студенты падали ряд за рядом. Слышался свист и треск обрушившихся на головы дубин. Казакам отдан был приказ отступить, и за дело принялись спешившиеся. Не знаю, что было лучше: казаки хоть в кровь разбирали, а городовые на-смерть били; били прямо по лицу и головам. Одному упавшему с разбитой головой студенту, видно, наступили на шею, он страшно бился и хрипел, очевидно, в предсмертной агонии. Толпой овладела паника, и она бросилась в храм. Озверели и студенты, выломали перила. „Коли бить, так на-смерть“. Самозащита удесятерила их силы, и городовые принуждены были отступить. Страшно становилось за человека, когда он доведен до безумия невозможностью что-либо противопоставить ударам дубины, кроме рук. Один из наиболее свирепых городовых, с налитыми кровью глазами, с громадной дубиной, оступился о лежащего студента. К городовому подлетел студент-медик, мелькнул в воздухе обломок оглобли, и рухнул городовой. А в соборе между тем городовые били смертным боем несчастных курсисток, думавших найти защиту у священников, которые, вместо того, чтобы останавливать с крестом в руках эту бойню, заперлись в алтаре. Городовые хватали курсисток за волосы и били их о стены головами. Туда ворвались студенты и высвобождали несчастных избиваемых. Один технолог, отрезанный от этой кучки казаками, пытался прорваться сквозь цепь; наконец, видя, как под опустившейся дубиной упал его брат и брызнула не то кровь, не то мозг, сошел тут же с ума».

Понятно само собой, что каждый очевидец мог рассказывать только о небольшой части сцены, виденной им непосредственно. Мы считаем необходимым, поэтому, привести еще несколько рассказов.

. . . «В толпу врезались городовые, которые дрались шашками, не вынутыми из ножен. Этими шашками они, однако, так били, что в конце половина дралась только кусками. Многие студенты повырывали нагайки, отломали куски шашек и защищались ими. Это была подготовленная, организованная бойня; о ней долго будут помнить. В самый разгар бойни меня столкнули с паперти вниз, и я упал на какого-то человека, который, очевидно, тоже упал сверху. В это время вниз с паперти сносили убитого студента. Когда я подбежал к нему, он еще хрипел. Мы с одним студентом разорвали на нем рубашку, стали натирать ему грудь снегом, голову также терли, но он у нас на руках весь задрожал и вытянулся; через несколько минут лицо его совершенно потемнело; весь он как-то закостенел. После этого мы все, спихнутые вниз, могли опять подняться наверх. В это время конница наехала и с задней стороны собора. Массе, сбитой с паперти, избитой нагайками и шашками, некуда было деваться; ее стала топтать конница. Я сам видел, как конница наехала на медика, который перед этим был свален городовым, который его, уже лежачего, бил шашкой; на моих же глазах наехали на какую-то очень прилично одетую барышню, на какого-то не то кучера, не то крестьянина. В это время я сам получил удар и упал без чувств. Очнулся в сквере, на снегу, среди хлопотавшей около меня публики. Этим я избежал ареста. Рабочие на площади вели себя молодцами. Они разломали деревянную лестницу собора, и этими кусками дерева дрались из последних сил. Рабочих на площади было, однако, сравнительно мало, так как с ночи рабочие районы были оцеплены войсками, и рабочие не могли в большом количестве попасть на площадь; попала на площадь лишь небольшая часть, живущая в городе».

«Крик стоял такой, — пишет один очевидец, — что за несколько кварталов слышно было. Какая-то курсистка крикнула что-то налезавшему на нее казаку; тот поднял ее за волосы и поволок; потом ее замяли лошадьми. Кто она? Может быть, та самая, что хотела захворать тифом. Часть народа бросилась было сперва в собор, думая дать многим приют и не дать казакам возможность оцепить остальных; но в соборе могли поместиться немногие, и публика сама стала выходить оттуда, когда показались раненые, которых вносили в собор товарищи же. Это еще больше подлило масла в огонь. Между тем в другие двери стали входить полицейские и выдавливать публику из собора с такой силой, что сходить с паперти уже нельзя было: кто прямо валился, а кто успевал еще соскочить с паперти (вы знаете, ведь она выше роста человеческого) и либо падал и на него валились другие, либо его счастливо подхватывали свои же, либо он попадал в руки полицейских, которые его избивали. Убитых четверо, наверно; троих из них подмяли лошадьми, и уже лежачих добивали. Били кого попало и куда попало; хватали за волосы, волокли; женщины там были без шляп, растерзанные. Полиция сама хватала студентов и сбрасывала с паперти навстречу стоявшим внизу полицейским, которые их били».

«Казаки били нагайками всех, кого могли достать, — сообщает одна курсистка, — первой упала какая-то старушка, вышедшая из церкви; в толпе были дети . . . Вот несколько студентов снесли с паперти лесника, которому шашкой попало по шее. На мой взгляд он был мертв. Страшный вопль раздался вокруг. В полицию полетел град каменьев, комков снега; их бросали студенты, мастеровые и мальчишки. Шашка с одной стороны, — почти безоружная толпа, с другой . . . Вот вывели одного медика с разбитой головой; посадили на извозчика и увезли нашу курсистку, все лицо в крови, смотреть страшно. Горняку одному здесь же перевязали голову: вся в крови. Знакомый универсант подошел: через все лицо багровые полосы от нагайки. У другого горняка через нос и обе щеки шрам. Перечисляю всех, кого видела собственными глазами».

«Два господина подвели курсистку, которая была почти в обмороке, к священнику собора (я его знаю) с просьбой отвести девушку в безопасное место, где бы ей дали пить. Служитель бога отвечал с свирепым видом: „Я не помогаю бунтовщикам!“ Я это сам слыхал. Через несколько минут этот мерзавец, смеясь, разговаривал с несколькими пьяными жандармскими офицерами посредине площади, очищенной от публики кавалерией».

Другая корреспондентка, пришедшая на площадь Казанского собора около 12 час., пишет между прочим: «Справа от себя я уолышала особый звук хлестанья и щелканья и увидела казаков в красных шапках, которые шли рядом (читатель припомнит, что приехавшие на лошадях казаки потом спешились) и били нагайками вправо и влево. Удар пришелся по платью курсистки, которая стояла за два человека от меня, и следующий удар должен был прийтись на меня, так как казаки надвигались на меня. Противно и унизительно было ожидать этого удара сдавленному в толпе человеку, бороться тут было невозможно. Но в это время толпа наперла и подняла меня на паперть. Тут не было еще красных шапок, они были ниже. Но толпою меня оттеснило вправо, т. е. к левой стороне, к левой колоннаде, и тут я увидела безобразную сцену на паперти. Казак хлестнул какого-то студента без шапки, хлестнул раз-другой по голове, студент упал; тогда трое казаков наклонились над ним и били его нагайками. Затем вдруг все стихло, и пронесся шопот: „Убит“. Видно было, как несли что то, виден был верх кареты внизу у левой колоны. Говорят, его положили в карету и увезли, но я уже не видала его. Толпа напором снова придавила меня к правой колоннаде, к двери собора. Все время был визг, крик: „Бьют!“, хлест нагаек. Тут раздался крик: „В собор!“, но пошли ли в собор, я не видела. Видела только, что две-три красные шапки вошли в дверь собора, и слышала крик. Я думала, что бьют в соборе. Но, говорят, там не били, и теперь я думаю, что казаки занесли туда раненого. Меня выперли на правую колоннаду, по которой я побежала к Невскому, чтобы посмотреть, свободен ли выход. Увидав, что да, я бросилась назад и стала звать всех за собою, чтобы соединиться с товарищами на Нерском... Толпа человек в 25 пошла за мной, но мы встретили двух страстно возбужденных медиков, которые крикнули: „К товарищам, которых бьют!“, и мы снова все бросились назад. Там уже позади колоннады продолжали бить нагайками. На самой колоннаде я видела четырех городовых, которые гонялись за медиком и, поймав его, сбросили с колоннады вниз на камни, но он вскочил и убежал. Тогда эти же городовые с зверскими лицами стали давить технолога, которого тоже скинули вниз. Что с ним было, не видела... В других местах шла борьба и с городовыми, которые шашками в ножнах били. Многие видели совершенно избитых людей, лежавших без движения. Городовые нападали по несколько человек на одного, сбрасывали и били».

Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что это была организованная, подготовленная бойня. Власти предусмотрительно приготовили даже заранее 50 карет Красного Креста для раненых. Эти кареты приехали вместе с казаками. «Были такие сцены,—сообщает «Злободневный Листок» № 3, от 5 марта: — несколько городовых держат студента, а казак хлещет его нагайкой» *. Хоть и мало, а досталось все же и полиции: казацкий офицер получил удар по голове и сейчас же свалился; жандармский офицер был тяжело ранен и упал с лошади. Несколько городовых и казаков были ранены.

Несомненно, демонстрация представила бы из себя не простое избиение народа, а сражение с народом, если бы социалистические и социал-демократические группы и кружки обратились с специальной прокламацией к рабочим, организовали рассылку делегатов к ним и сообщение вестей с поля сражения, организовали местные демонстрации по окраинам, частью для отвлечения полиции, частью для того, чтобы не оставлять в бездействии тех, кто никак не мог попасть на Казанскую площадь. К несчастью, петербургские социал-демократы оказались, как уже заметили, не на высоте задачи (отчасти вследствие распространения среди них экономизма и бернштейнианства, отчасти, может быть, вследствие массовых провалов незадолго до события). Но рабочие все-таки были на демонстрации и, кроме того, рабочие — что особенно важно — шли на демонстрацию, но были задержаны войсками. Ни с Нарвской заставы, ни с Шлиссельбургского тракта рабочих не пустила полиция: туда были даже посланы войска, чтобы остановить идущую на демонстрацию рабочую массу, при чем произошла схватка, в которой многие были ранены. Другой корреспондент тоже сообщает, что был ряд стычек с казаками. «Рабочие, — пишет один корреспондент, — опоздали на демонстрацию вследствие приостановки конки (конечно, умышленной). Они пришли пешком на Петербургскую сторону только к 6 час. вечера». «У Нарвской заставы, — пишет другой, — стояли 4 роты солдат и не пускали рабочих».

Сочувствие публики к студентам обнаруживалось не раз и самыми различными способами. Варварское избиение возмущало всех. «Какой-то молодой офицер (кажется, гвардеец), — сообщает очевидец, — весь бледный выскочил вперед и крикнул: „Стой!“ казакам. Казачий офицер под'ехал к нему недовольный, они оба заспорили — не знаю о чем. Офицер-гвардеец буквально скрежетал зубами и крикнул: „Ну, это мы еще посмотрим!“; казак все-таки от'ехал (неясно, от'ехал ли казак назад или от'ехал, чтобы продолжать избиение). Из публики слышались крики: „Долой нагайки, что вы делаете, негодяи?“».

Что действия полиции возмущали даже весьма высокопоставленных лиц и вызывали их вмешательство, это доказывает сообщение наших газет, что «государь император об'являет строгий выговор члену Государственного Совета, генерал-лейтенанту князю Вяземскому, за вмешательство в действия полиции при прекращении уличных беспорядков». Нельзя не поблагодарить правительство за опубликование этого выговора, показывающего всем и каждому солидарность царя с градоначальником, казаками и городовыми.

Демонстрация кончилась тем, что полицейские, избив массу народа, стали окружать и арестовывать отдельные группы: оцепляли, записывали и загоняли во двор Учетного банка, в Казанскую часть, во двор Гостиного двора. Зацепили, говорят, кучку военных, человек шесть, и повели тоже. Одно уже шествие оцепленных групп (иногда тысячи в две) выходило порядочной демонстрацией.

Как долго продолжалось побоище, — трудно определить. Но волнение на Невском продолжалось до вечера. «Вокруг собора стояли конные отряды, вдоль тротуаров — цепь полиции и казаков. Иногда собиралась кучка студентов, вступала в перебранку или кричала: „Долой нагайки!“ Казаки и полиция делали атаку, оцепляли кучку и уводили. По временам отряды в'езжали на тротуар и медленно проезжали вдоль, сметая публику и затем каким-то маневром оттесняя ее в одну из поперечных улиц; но как только отряд повертывался назад, толпа снова заливала тротуар. Улицы, ведущие к собору, и ближайшие поперечные улицы с другой стороны Невского, были заняты отрядами. То и дело патрули проезжали по улицам». «Казаки, — сообщает другой очевидец, — раз'езжали по Невскому до 11-ти часов вечера, и еще публика была там».

Правительство могло торжествовать победу. Что оно не было уверено в ней, видно из того, что царь обратился в бегство и ускакал со всей своей семьей в Царское Село. Уезжая, он сказал, говорят, чтобы бунт был во что бы то ни стало, какими угодно средствами усмирен, и что больше ему ни до чего нет дела. Как видно из приведенных выше фактов, Клейгельс поступал по этому именно рецепту, да и выговор Вяземскому показывает, что отношение царя было именно таково. Клейгельс прехладнокровно распоряжался побоищем и в заключение, — по свидетельству «Злободневного Листка» (№ 3) — громко произнес: «До-

---

* Нельзя умолчать, что в этом живом и интересном листке есть звучащая либеральной фраза: «Полиция не может допускать уличных демонстраций — это понятно. Разве нельзя было оцепить всех собравшихся и переписать их или арестовать»... Что «нельзя допускать» выхода граждан «скопом» на улицу, процессий и речей к публике, это «понятно» только с точки зрения людей, привыкших к политическому бесправию и рабству. И если полиция дошла (не в первый и не в последний раз) до избиения и убийства граждан, протестовавших против этого рабства, то надо призывать не полицию к тому, чтобы она мирно оцепляла, записывала и арестовывала, а народ — к тому, чтобы он поднялся весь на борьбу с полицией, чтобы на гнусную расправу с беззащитной молодежью и женщинами он ответил расправой с царским правительством.

стойно же мы их встретили!» Один старый писатель, удерживая полицию от зверства, был сшиблен с ног, и его ударили по лицу. Когда он, увидев Клейгельса, спросил его, зачем допускают подобные вещи, тот ответил: «А зачем вы сюда попали?» Вечером Клейгельс телеграфировал в Царское Село: «Бунт в С.-Петербурге усмирен».

Известно изречение, что бунт есть неудавшаяся революция, а революция — удавшийся бунт. Демонстрация 4 марта не была, конечно, ни бунтом, ни революционным восстанием, но правительство—надо отдать ему справедливость—сделало с своей стороны все возможное, чтобы расширить и углубить ее значение, удесятерить «подавлением бунта» всеобщее недовольство и тем приблизить в громадной степени момент, когда подобные демонстрации станут действительно опасным и вовсе не осужденным на неудачу «бунтом».

Можно ли подвести итог жертвам 4 марта? В данный момент мы в состоянии сообщить лишь очень неопределенные данные. Число убитых определяют в 6—8 человек. Называют студентов-медиков Анненского и Тимофеевского, говорят, что не найден студент Могилянский, убит лесник Донцов, студент Петерс, студентка Забиякина (кажется), лесгафтичка Беляева *. О том, чтобы пересчитать раненых, не может быть и речи: известно, что из писателей ранены Струве, Пешехонов (сброшен с лестницы), Анненский. К убитым и раненым прибавились арестованные, число которых определяется (по некоторым сообщениям) до 1.050 чел.: 252 в Литовском замке, 339 курсисток в Спасской части, затем в Василеостровской, в Коломенской, Казанской, в пересыльной тюрьме, и в Крестах на Выборгской стороне. Взяты, между прочим, писатели Струве и Туган-Барановский.

Таковы приблизительные данные о павших в бою. Настроение Петербурга — напряженное, «электрическое». Ожидают новых демонстраций. «Не пьем, не едим как следует», — говорил 7 марта один очевидец побоища. Правительственное сообщение (опубликованное 6 марта в газетах) поразило своей ложью даже людей высшего общества, и там готовится (?) заявление о возмутительных действиях полиции 4 марта и о лжи правительственного сообщения. Что общество не высшее возмущено до глубины души, что доказывает письмо 45 литераторов (к которым потом присоединилось еще 34 писателя, подписавших, как и предыдущие, свои фамилии) к редакторам русских газет и опубликованное в заграничных газетах. Русские газеты не решились, конечно, напечатать этого письма, и оно распространялось по рукам. В нем выразилось негодование по поводу этого зверского, заранее подготовленного избиения, по поводу вынужденного молчания печати, по поводу отчаянного положения страны, отданной в полное распоряжение кулакам и нагайкам. Что касается до петербургского общества вообще, то оно поголовно было осведомлено о событии 4 марта, и сочувствовало демонстрантам. «Чтобы обелить себя, — сообщает один корреспондент, — полиция, через участки, по всей вероятности, распустила слух, будто избиение вызвано тем, что студенты позволили себе курить внутри собора, стоять в нем в шапках и вообще надругались над святыней. Этот маневр возвратил ей сочувствие кухарок— и только. Остальная публика частью не поверила полиции, частью расспросами на месте убедилась в противном и, к чести ее, если не выразила прямого сочувствия студентам, то порицала полицию. На частных квартирах состоялись заседания, на которых были выработаны петиции министру внутренних дел, затем подписаны и поданы». Заметим, что и реакционная печать подхватила эту полицейскую ложь о бесчинстве студентов в церкви. Кто именно бесчинствовал в соборе — ясно из приведенных выше описаний.

На студенчество впечатление этой демонстрации было огромное. До нее многие студенты института путей сообщения, гражданских инженеров, лесного, в.-медицинской академии относились скептически к студенческим беспорядкам, а теперь было единодушно решено во всех этих высших учебных заведениях прекратить посещение лекций. И не только студенты, но даже все профессора отказываются теперь читать лекции. По двум сообщениям, происходят уличные демонстрации около тюрем, и полиция не в силах справиться с демонстрантами.

Царское правительство, видимо, испытывает некоторое колебание. Преемника Боголепову не назначают, и в обществе упорно говорят, что экстренный совет министров, собравшийся 4 марта в Царском Селе, постановил не применять дальше «временных правил». С другой стороны правительство выпускает лживое и невероятно наглое сообщение о «беспорядках» в С.-Петербурге, Москве, Харькове, приводя в восторг реакционную печать прямотой и твердостью тона, — царь об'являет выговор Вяземскому, министр внутренних дел опубликовывает циркуляр (от 12 марта) с критикой действий полиции при уличных беспорядках и с наставлением как следует расправляться. Министр требует большей «быстроты и решительности», министр недоволен «медлительностью властей», министр вынужден признать (бедняжка!), что «беспорядки» представляли из себя «подготовлявшиеся заранее демонстрации», против которых недостаточны «слабые увещания». Против «скопищ, не желающих разойтись», пытающихся оказывать сопротивление, против лиц, которые начнут «произносить речи», — необходимо «безотлагательное применение самых решительных мер», отличающихся «в высшей степени энергическим характером». Особенно доволен г. министр казаками: «Своевременный вызов кавалерии, — вещает он в назидание всем чинам полиции и в поучение всем российским верноподданным, — не исключительно в целях употребления оружия» (читай: в целях употребления нагаек; слог г. министра так же тяжел, как удары казацких нагаек) «представляется иногда весьма соответственным и желательным».

Мы усердно советуем всем читать и перечитывать этот интереснейший циркуляр. Это — настоящий план кампании, план военных действий правительства против народа, начавшего выносить на улицу свой протест и свое возмущение.

Давайте же и мы, социалисты, вырабатывать и осуществлять свой план кампании, план военных действий народа против правительства. Пусть будет этот план рассчитан не на единичный и случайный удар, а на систематическую упорную борьбу.

Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации! Помните о людях, убитых, раненых и арестованных 4 марта: эти люди восстали против вашего злейшего врага, против полицейского самовластия, которое держит русских рабочих и весь русский народ в угнетенном, униженном, бесправном состоянии. Петербургские рабочие, помните о майской демонстрации, постарайтесь дать надлежащий ответ правительству зверства и насилия!

⁂

P. S. Эти строки были уже написаны, когда мы получили сведения о событиях после 4 марта. Сведения эти вполне подтверждают данную выше оценку деятельности местных социал-демократов, не выпустивших ни одного листка к рабочим. После 4 марта только соединенные группы «Социалист» и «Рабочее Знамя» [4] выпустили воззвания к спб. рабочим, приглашая на демонстрацию 11 марта. Собрание студенческих делегатов высказалось против демонстрации: тут сказалось, с одной стороны, то, что лучшие силы радикальной молодежи были разбиты 4 марта, с другой — влияние слухов, что «временные правила» применяться не будут. «Союз Борьбы» был тоже против демонстрации, и она была отменена. Таким образом, либерально-умеренная часть интеллигентной молодежи и «экономически» настроенная часть социал-демократов оказались, как и следовало ожидать и как давно предсказывали противники «экономистов» и «критиков», на одной стороне и пересилили понесших громадный урон социал-демократов-революционеров. Но рабочие — это особенно отрадно отметить — не послушались все же речей успокоения. Настроенные революционно, они массами шли в город в воскресенье 11 марта, заполнили улицы и с минуты на минуту ждали призыва к борьбе. А борьба гро-

---

* По последним известиям, сообщение о том, что были убитые, опровергается.

зила не шуточная, потому что все силы петербургской полиции и местных частей войска были мобилизованы, и готовилась, по всем слухам, стрельба в народ. Долго ждали рабочие и, наконец, разошлись, осыпая справедливыми упреками студентов и умеренных социал-демократов за их робость и бездеятельность. Рабочие заявили о своей готовности к борьбе, и пусть послужит одиннадцатое марта еще новым уроком и предостережением для петербургских социал-демократов.

Москва.

В Москве в течение всего января в университете происходило брожение под влиянием известий о петерб. и киевских событиях. Большинство, несомненно, было запугано угрозой отдачи в солдаты, и его было трудно расшевелить. 19 января появилась гектографированная прокламация «Что делать» за подписью «Московские товарищи», призывавшая студентов не следовать примеру трусливого общества. Прокламация приглашала к забастовке с пред'явлением требований «возврата всех товарищей» и отмены «временных правил». 29 января состоялась сходка 317 студентов в актовом зале. Приглашенный ректор отказался явиться «по болезни». Сходка решила послать депутацию к ректору с требованием освобождения отданных в солдаты киевлян и отмены «временных правил», присоединив сюда обычные студенческие требования: возвращения устава 63 года и права сходок. Участники сходки были переписаны, а ректор отказался говорить с депутацией. На 3 февраля была назначена вторая сходка. Явившись в университет, студенты нашли все двери запертыми. Толпа студентов пошла по Никитской улице с пением студенческих песен. К толпе присоединились любопытные, а полиция отнеслась к демонстрантам совершенно равнодушно, не вмешиваясь в их шествие. При неорганизованности и случайности демонстрации, такое отношение полиции поставило студентов в недоумение; они не знали что делать и мало-по-малу разошлись. Все переписанные на сходке 29 января студенты были преданы суду университетского начальства.

Постановленная сходкой 29 января забастовка не была применена. Масса студенчества не пристала к движению. 2 февраля появилась прокламация «Исполнительного Комитета об'единенных землячеств и организации в измененном составе», которая засвидетельствовала «неуспех забастовки, вследствие присутствия в университете узко-консервативного элемента». Приняв меры к созыву новой сходки, «Исполнительный Комитет» об'явил 19 февраля, что, по произведенному подсчету, число желающих назначения сходки достигло 917, и назначил собрание на пятницу 23 февраля, в 12 часов дня, во дворе перед актовым залом университета.

Сходка 23 января явилась поворотным пунктом в ходе московских событий. С одной стороны, полученные из Петербурга и Харькова известия о демонстрациях 19 февраля и о жестокостях, произведенных полицией и казаками, вызвали более сильное возбуждение в более широких кругах студенчества; с другой стороны, верный союзник русской революции — правительственная администрация — постаралась вынести студенческое движение на улицу и тем придать ему значение политического события первостепенной важности.

О событиях 23 февраля нам пишут:

«23 февраля с 12 часов дня на Моховой стала собираться толпа народа, и часам к двум народу собралось так много, что улица была заперта. Городовых и жандармов масса. Еще больше публики. Студенты Петровской академии, межевого института и масса курсисток. Техников почти нет. Часть студентов находится во дворе, но большинство их видно на улице. Никакого крику и скандалов нет. Полиция замечательно вежлива. Со всех сторон летят прокламации. Педеля из-за угла записывают тех, кто кажется им подозрительным. Помощников инспектора не видно. Простояв некоторое время на улице и во дворе, студенты и курсистки решили войти в зал. Число сходчиков было, как говорят, до 600; из них до 103 курсисток. Когда сходка состоялась, жандармы окружили университет и оттеснили толпу. Часть студентов отказалась разойтись и была отправлена в манеж. Кроме того, кучки студентов то и дело забирали в манеж, но на них смотрели сквозь пальцы, и большинству удавалось удрать. Вообще отношения между студентами и полицией довольно мирные. Студенты смеются и об'являют приставам, что они (т. е. пристава) действуют скопом, городовые просят студентов собрать им „на-чай", так как они несут лишнюю обязанность. Мальчишки из Охотного, видя оживление, догадываются, что, вероятно, приехал царь. Полиция просит посторонних разойтись. Какой-то рыжий с длинными волосами суб'ект пользуется особой привилегией у околоточных; некоторые догадываются, что это шпион, и просят удалить его, что поневоле и приходится сделать. Настроение приподнимается все выше и выше. Наконец, сходка заканчивается, и появляется полотенце с огромной надписью, наверное не знаю какой, или «обструкция» или «отмена временных правил». Впрочем, эта надпись вскоре была убрана самими студентами. Решено послать депутатов к ректору и попечителю, но так как они их наверное не примут, то предпринять целый ряд уличных демонстраций. Требования: возвратить киевских солдат, отменить „временные правила" и требовать устава 63 года. После этого полиция окружила всех сходчиков и забрала в манеж. Теперь самое эффектное: по пути в манеж толпа студентов прорывает цепь городовых и вырывает человек 50 сходчиков. Когда „бунтовщики" были заперты в манеж, туда же был загнан целый полк солдат и конных жандармов. Публика не думала расходиться, а стояла до поздней ночи».

В манеже арестованные отказались назвать полиции свои фамилии. Были приглашены педеля установить личность задержанных. Вскоре после этого полиция предложила заключенным разделиться на группы по 50 человек и отправиться под конвоем: мужчинам в пересыльную тюрьму, а женщинам — по домам. Свистки, смех и крики были ответом на это предложение. Обер-полицмейстер Трепов пригрозил не давать заключенным пищи, пока не согласятся итти в тюрьму. На заключенных эта угроза не подействовала, и они заставили дать себе 200 хлебов и поставить самовар. Пищи этой оказалось недостаточно. Вообще содержались заключенные в манеже отвратительно. Вот что пишет один из заключенных:

«Не дали даже соломы для спанья, и спать пришлось на мерзлой голой земле. Воздух в манеже от присутствия нескольких тысяч человек и 300 лошадей (нас охраняло 1.500 человек войска и 300 казаков) стал такой спертый, что со многими начали делаться судорожные припадки. Все это мы сообщили окружавшей манеж громадной толпе народа и тем сделали из любопытных — манифестантов».

И действительно, народная толпа приняла живейшее участие в студентах. «Когда студентов вывели из университета, чтобы вести в манеж, громкое „ура" огласило всю площадь. Кричали не только студенты, но и посторонние (рабочие, девушки и т. д.). Тысячная толпа не расходилась до самого вечера».

Пока в манеже полиция вела пререкания с заключенными, вокруг манежа «собиралась все большая и большая толпа. Полиция и конные жандармы ничего не могли с ней сделать. Только прибывший полк солдат помог разогнать толпу и многих рассадить по участкам».

Под влиянием рассказов сидящих в манеже о том, что там делается, толпа стала приходить в возбуждение, начались отдельные стычки с полицией, и вслед затем стали появляться кареты скорой медицинской помощи. В толпе слышались требования выпустить заключенных, и «солдаты должны были взять ружья наперевес, чтобы удержать бушующую массу».

В ночь на 24 февраля полиция произвела массу обысков.

24 февраля студенты опять собрались на сходку к университету, но их не пустили. К 12 часам на площади собралась толпа в две тысячи человек. В час дня толпа, состоявшая уже не из одних студентов, перешла к манежу, где сидели заключенные накануне. Толпа стала требовать, чтобы ее пустили в манеж. Из манежа выскочил отряд солдат и начал бить прикладами. С другой стороны, приска-

кавший отряд казаков с полковником во главе стал давить толпу лошадьми. В ответ раздались крики негодования. Мастеровые свистели в свистки, освобождали арестованных студентов, громко ругали полицию. Часть толпы пошла по направлению к Тверскому бульвару до генерал-губернаторского дома, смяв стоявшую там цепь городовых. Появились казаки и разогнали толпу. Вечером толпа демонстрировала перед домом обер-полицмейстера. Вечером опять площадь перед манежем была запружена народом. Среди нее была масса фабричных и мастеровых. К 11 часам ночи группа мастеровых бросилась с криком к дверям манежа, выломала наружные двери, но затем была оттеснена. Под напором казаков толпа побежала мимо манежа, разбивая стекла. Бивших стекла арестовали (трех человек), но толпа их отбила». При этой свалке казаки действовали усердно нагайками. Толпа была разогнана, и часть ее снова собралась у старого университета, но, оттиснутая к Тверской, с пением прошла до генерал-губернаторского дома и была рассеяна. Остатки ее собрались около театра и с пением прошлись по Петровке. У редакции «Московских Ведомостей» были конные жандармы и охраняли ее. Толпа, двигавшаяся по Тверской, состояла, главным образом, из рабочих; из них, по слухам, арестовано до 280 человек. В ночь на 25 февраля сидевших в манеже студентов под сильным конвоем отправили в тюрьму.

В воскресенье 25 февраля возбуждение достигло высшей степени, и десятки тысяч народа приняли участие в противоправительственных демонстрациях. В первый раз Москва видела такое массовое проявление народного протеста. С утра стали собираться толпы у университета. После полудня большая толпа, в числе которой были рабочие Прохоровской мануфактуры, двинулась по Никитской и Тверскому бульвару с пением. На середине Тверского бульвара встретились казаки. Толпа устроила баррикаду из бульварных скамеек и задержала натиск казаков, мчавшихся во весь опор. Громким свистом и ругательствами толпа выражала свое презрение казакам. Вдруг раздались крики, что сзади толпу оцепили городовые. Толпа ринулась назад и прорвала цепь городовых, при чем происходило целое побоище. Толпа отбивала тех, кого полиция пыталась задержать, и не более десятка лиц осталось в руках полиции. Наконец, полиции удалось рассеять толпу. В течение всего дня громадные толпы, состоявшие преимущественно из рабочих, демонстрировали по улицам, особенно по Лубянке, по Тверскому бульвару, Мясницкому и Никитскому. Приводим письмо одной корреспондентки, бывшей очевидцем одной из таких демонстраций около 4 часов дня «...Мы дошли до Кузнецкого моста, где нам представилась чудная картина: весь Кузнецкий мост до Лубянки был залит сплошной массой народа, почти исключительно фабричными и мастеровыми, незначительным количеством студентов и массой уличных мальчишек; вся эта толпа свистала, кричала „ура“, размахивала платками и бросала шапки; но, как ураган, налетели жандармы, которые разбили толпу на несколько групп, и мы пошли на Лубянскую площадь. Здесь было арестовано несколько студентов, толпа бросилась их отбивать, избила пристава и, когда он спрятался в ресторане, разбила в последнем окна. Здесь публика увидела Л. Н. Толстого (это было как раз в день появления в газетах его отлучения от церкви), толпа устроила Толстому овацию и с криками: „ура, Лев Николаевич“ проводила его по Рождественке, где по его просьбе усадила на извозчика. Я вышла на Цветной бульвар, который был усеян народом; полиция старалась разбивать толпу на маленькие кучки и не допускать до Тверской, а направлять ее в переулки, но толпа, уменьшаясь на одном месте, вырастала, подобно голове гидры, в вдвое большем количестве в другом».

Другой очевидец пишет: «В 4 часа я подошел к Тверской. Театральная площадь была вся залита толпой, буквально залита. Толпа двигалась по Тверской к дому генерал-губернатора. Прискакавшие казаки загородили путь. Тогда толпа по переулку направилась на Неглинный проезд, оттуда на Кузнецкий. Надо вам сказать, что толпа проявляла удивительную дисциплинированность. Она не разбегалась при виде городовых и казаков, а встречала их единодушным гиканием, свистом и ругательствами. Она или следовала единодушно указаниям вожаков („сплотись! направо! вперед!“), которые всегда находились из среды интеллигентных рабочих (студенты почти совсем не принимали участия), или ясно давала знать свое несогласие с вожаками и заставляла их переменять направление. На Неглинном казаки раз'единили толпу на 3 части. Я имею сведения только про первую часть, другие совершали демонстрацию по другим улицам... Первая часть двинулась к политехническому музею, где ожидалась сходка студентов, но потом повернула по направлению к Мясницкой. Каждого студента, которого толпа встречала, она приветствовала киданием шапок, криками сочувствия и приглашением присоединиться. В случае согласия (которое, кстати, бывало очень редко), толпа поднимала его на „ура“, аплодировала и т. д., а в противном случае она провожала его смехом и свистом... Приставов, даже отдельно идущих, толпа освистывала, закидывала твердыми предметами и заставляла быстро удирать со своих постов. За все время толпа не только не разрушила ни одной лавки, но, если мальчишки позволяли себе разбивать фонари, толпа не пускала их, при чем раздавались крики: „Потом будут писать про нас, что мы просто буянили“, „все равно с нас потом налогами сдерут“ и т. д.

«Пройдя Мясницкую, толпа двинулась на бульвар. Тут она все росла и росла, и, когда была недалеко от Тверского (один бульвар отделял), народу было не меньше 8.000 человек. Студентов было, может быть, несколько человек, — не больше. Перед редакцией „Моск. Ведомостей“ толпа остановилась. Рабочие решили разрушить редакцию. Но тут прискакали казаки и городовые. Казаки с нагайками и пиками раз'единили толпу на четыре части, а городовые начали избивать (в буквальном смысле слова) отдельных лиц из толпы, замеченных как вожаков. Толпа забрасывала снежками и льдинами казаков, заставила офицера уехать на самый зад, но городовые, под защитой казаков, буквально избивали толпу, встречая, положим, и хороший отпор. На Тверской улице и Страстной площади в воздухе стоял свист от нагаек. Били нагайками не только казаки, но и жандармы. В этот же день был устроен кошачий концерт перед домом генерал-губернатора. Во дворе дома ген.-губернатора до сих пор день и ночь сидит масса казаков и городовых. В воскресенье же толпы ходили и по другим улицам. Около университета целый день стояла тысячная толпа».

Третий очевидец рассказывает: «Рабочие (ремесленники) довольно энергично сочувствовали студентам. На толпу в 6—8 тысяч человек приходилось 100—150 студентов, управлявших этой толпой, сдерживать каковую было крайне трудно. Полиция так прямо трепетала в воскресенье».

Еще в одном сообщении читаем: «По Трубецкой площади шла толпа около 7.000 чел., при чем пела песни, а впереди несли красное знамя, конечно, довольно примитивное, сделанное, говорят, из рубашки». А в другом сообщении так описывается воскресная манифестация у дома ген.-губернатора: «В его окна летели яблоки и апельсины, мальчики свистели в заранее им розданные свистульки; концерт был такой, что великий князь думал, что наступила революция». Толпа кричала: «Да здравствует князь Ходынский». «Все имевшиеся в Москве войска, полиция, жандармы, казаки ничего не могли поделать с манифестантами. На атаку казаками публики, последняя ответила на Тверской баррикадами; кое-где появились и революционные знамена. Войскам были розданы боевые патроны, но пустить их в дело не решились». До трех часов ночи толпы рабочих ходили по улицам (по сведениям нашего корреспондента в пяти местах происходили эти демонстрации), местами били фонари, стекла и полицию. На Мясницкой, после драки с полицией, до 300 человек арестовали, загнав во двор дома Стахеева. В течение вечера толпы студентов и рабочих ходили к дому Толстого приветствовать отлученного синодом борца за свободу совести. Толстой говорил народу речь. По имеющимся сведениям, он отозвался с сочувствием о студенческой забастовке, рекомендовал настойчивость в начатой борьбе и сообщил, что, как ему известно, в высших сферах склонны отменить «временные правила».

В следующие дни волнение продолжалось. Чрезвычайные меры, принятые полицией (в том числе масса арестов на дому, произведенных жандармами), воспрепятствовали новым демонстрациям. В понедельник 26 февраля произошло еще столкновение толпы с полицией в Охотном ряду: в борьбе с полицией студентам помогали охотнорядцы, эти искони прославленные защитники «престол-отечества». Переход этой части московского населения на сторону политического протеста представляет весьма знаменательный факт. Уж если охотнорядцы готовы содействовать политической борьбе, то можно надеяться, что недалеко то время, когда в ней примут участие и наши «экономисты». Благодаря усиленным полицейским мерам, не удалась в Москве демонстрация, назначенная на 4 марта. Военная сила не допустила повторить события 23—26 февраля. Были отдельные столкновения с полицией, немало демонстрантов арестовано.

25 февраля появилось удивительное воззвание студенческого «Исполнительного Комитета», настоятельно приглашающее студентов не участвовать в уличных демонстрациях, так как, дескать, надо приберечь силы для проведения «обструкции» в университете. Студенты-де добились уже выражения симпатий публики, а потому дальнейшее участие их в демонстрациях нежелательно. По верному замечанию одного из корреспондентов, «Исполнительный Комитет» проявил в данном случае «дикое непонимание», стремясь искусственно сузить движение, расширившееся далеко за пределы студенческой борьбы. Гг. сторонники «только студенческого» движения наивно вообразили, что народная толпа манифестировала, жертвуя собой и, подвергаясь расправам солдат только для того, чтобы показать сочувствие студентам, повлиять на правительство и удалиться сейчас со сцены, предоставив далее студентам чинно улаживать свои университетские дела. Гг. представители «Исполнительного Комитета» испугались развития студенческого протеста в политическое движение и пожелали поставить его опять на профессиональную почву, что на самом деле только ослабило бы его силу. Обычная либеральная близорукость!

Но и эта либеральная половинчатость представится недосягаемо высокой политической мудростью, если ее сопоставить с поведением московских профессоров, выпустивших 27 февраля свое гнусное воззвание, о котором мы подробнее говорим ниже. В ответ на это послание появились две прокламации студентов: одна в Москве, другая в Киеве. Московская написана довольно умеренно и бледно; киевская гораздо сильней.

Как бы то ни было, готовое замереть движение московских студентов ожило, войдя в соприкосновение «с улицей». Улица придала ему ту силу, которой ему недоставало, она усилила его влияние на равнодушную часть студентов. Московские высшие учебные заведения, наконец, стали; и начальство и не пытается применять к студентам-стачечникам «временные правила».

А, вместе с тем, студенческое движение, выйдя на улицу и вызвав наружу протест широких слоев городского населения (главным образом пролетариата), неожиданно послужило поводом к революционным событиям. В «сердце России», в первопрестольной столице народная толпа открыто выражала свою ненависть к администрации, освистала высшего представителя власти. В твердыне русского самодержавия представитель царствующей фамилии вынужден лесом штыков и пик защищать свой дворец от нападений рабочего люда. В благочестивой православной матушке-Москве тысячи рабочих приветствовали великого борца против православного мракобесия, только что преданного анафеме первосвященниками православной церкви. Господствующему порядку нанесена глубокая рана в самое сердце, он потерпел серьезное нравственное поражение. Революционное пламя лизнуло своими языками обомшелые стены самых неприступных его твердынь, и близок день, когда эти твердыни беспомощно рухнут.

Харьков.

С возобновлением занятий после рождественских каникул передовая часть харьковского студенчества проявила лихорадочную деятельность, стремясь сплотить массу учащихся на почве протеста против расправы со студентами в Киеве и Петербурге. Организация универсантов и технологов выпускала почти ежедневно по несколько листков, перепечатывая прокламации, появившиеся в других городах, пытаясь сообщить массе студентов возбуждение, царившее уже в Петербурге и в Киеве. В течение целого месяца эти попытки были бесплодны. Только в ветеринарном институте студенты выражали готовность забастовать, если другие учебные заведения приступят к действию. В технологическом и особенно в университете настроение было подавленное. Страх об'ял массу студентов. Было немало случаев позорного дезертирства с поля битвы: многие студенты медлили возвращаться после каникул в Харьков, другие спешно брали отпуски (которые, кстати сказать, инспекция давала очень охотно) и без оглядки удирали из Харькова, ссылаясь перед товарищами на мнимое известие об опасной болезни родителей и т. п. предлоги. Назначавшиеся сходки совершенно не удавались или были слишком малолюдны, чтобы постановить решение. Университетская инспекция совершенно истомилась в напряженном ожидании, чем кончится эта канитель, так что даже просила студентов решить раз навсегда, будет забастовка или нет.

Из массы распространенных в этот период листков отметим крайне пылко и красноречиво написанное воззвание «Союзного Совета» и «Организационного Комитета студентов-технологов» с эпиграфом из Горького: «О, смелый сокол! в бою с врагом истек ты кровью...» Воззвание призывало на сходку и выставляло требования: отмену «временных правил» и возвращения 183 осужденных киевлян.

4 февраля «Союзный Совет» выпустил «открытое письмо» к профессорам, извещая о том, что на 5 февраля назначена забастовка, и приглашая профессоров не читать лекций.

За это время распространены две революционные прокламации. Первая — от «Центрального Комитета Русской Социал-Демократической Партии»; другая—от недавно образовавшейся «Партии Социалистов-Революционеров».

Назначенная на 5 февраля студенческая забастовка не состоялась в виду полного равнодушия массы студентов. В воззвании, помеченном 8 февраля 1901 г., «группа студентов харьковского университета» обращается с горьким упреком к студентам, не поддержавшим движения, и к профессорам, которые «не ушли из храма науки, после того, как в нем была обнажена солдатская шашка». Заканчивая словом ободрения пострадавшим товарищам, которые остались одинокими в борьбе, воззвание выражает надежду на то, что «через несколько лет соберется с силами честное студенчество и снова подымется, быть может, неодиноко». Таким образом, застрельщики студенческого движения потеряли всякую надежду на организацию борьбы на чисто-профессиональной, узко-студенческой почве.

Но, оставшись изолированной в учебных заведениях, радикальная часть учащейся молодежи не сложила оружия и воспользовалась первым представившимся поводом для того, чтобы вынести свой одинокий протест на улицу. А на улице этот протест сразу принял общенародный и, следовательно, политический характер, и улица, откликнувшись на него, придала ему удесятеренную силу.

Студенты решили устроить демонстрацию у собора в день 19 февраля, по поводу сорокалетия освобождения крестьян. По этому поводу распространены две прокламации от организации технологов и ветеринаров. За несколько дней до этого дня некоторые рабочие группы обратились к местному комитету Росс. Социал-Дем. Партии с просьбой распространить на заводах листок по поводу сорокалетия реформы. Гектографированный листок был составлен и распространен (часть задержана полицией). Одновременно другая социал-демократическая организация — харьковский «Союз Борьбы» распространил подобное же печатное воззвание. Рабочие, таким образом, были подготовлены. К сожалению, студенты не послушались советов устроить демонстрацию вечером, когда и рабочие и служащая интеллигенция более свободны. К двенадцати часам дня небольшая группа студентов собралась в соборе. Выйдя из собора, студенты направились к университету и запели «Дубинушку». Немедленно все ворота и входы в университет были заперты. Тогда студенты, в сопровождении уже многочисленной публики, направились вниз по Университетской улице с пением. В виду малочисленности собравшихся, демонстранты хотели-было расходиться, когда на них налетели казаки и, рассыпая удары нагайками направо и налево, окружили человек 40—50 студентов. К этому времени публики набралось уже много, в том числе мастеровые. Некоторые из них пытались прорвать цепь казаков, но безуспешно. Удары плетьми сыпались беспощадно. Били, не разбирая, очень жестоко. Побоище произвело потрясающее впечатление на публику: дамы падали в обморок, с одним из студентов начался эпилептический припадок. Арестованных повели в часть по Никольской площади. Масса публики следовала за ними и окружила часть, куда были введены задержанные студенты. Через некоторое время казаки незаметно обошли толпу с тыла и оцепили еще человек 60 студентов и четырех дам.

Слух об аресте студентов распространился по городу и, начиная с шести часов, публика стала собираться по Сумской улице около театра, в расстоянии одного квартала от помещения части, куда были отведены студенты. Скоро раздалось пение «Дубинушки». В шесть часов из двора части выехали казаки и поскакали к театру. Публика встретила их шиканием и свистом. Толпа заполнила тротуары и мостовую. Движение экипажей по этой части Сумской прекратилось. Около театра казаки оцепили человек 70 студентов и направились с ними к части, сопровождаемые публикой. В 7 часов веч. к театру прибыла с барабанным боем рота пехоты. К этому времени публике стало уже известно, что рабочие паровозостроительного завода направились к месту сборища. Часть их (равно как железнодорожных рабочих) была оцеплена и задержана, другие обошли место демонстрации и позже вечером неожиданно хлынули в значительном количестве на площадь перед театром. Сюда же явились рабочие мелких харьковских заводов и ремесленники. К ночи студенты и вообще интеллигенция терялись уже среди рабочих. Толпа пела «Марсельезу», «Дубинушку», «Волю» и другие песни. Во время пения внезапно из двора редакции «Южного Края» налетел на толпу отряд казаков и без всякого предупреждения пустил в ход нагайки. Били даже женщин, стоявших на тротуаре и смотревших на толпу. Многие были при этом ранены. Народ подался, но рабочие бросились к изгороди сквера и, разломав ее, вооружились дрекольем. Весьма активную роль при этом играли мальчишки. Один из них выкинул на длинном шесте красное знамя, которое было смято бросившейся в его сторону полицией. Казакам дан был приказ обнажить шашки, что они и сделали. Позже уже били и шашками плашмя. Толпа все нарастала, пение не прекращалось, в отдельных местах произносились речи, которые было трудно расслышать за неумолчным шумом толпы. В течение всего вечера (до полуночи) там и сям происходили набеги казаков на толпу и схватки ее с царским воинством. На площади казаки еще стеснялись несколько, но если атакованная толпа бросалась врассыпную по прилегающим улицам, то казаки, преследуя беглецов, подьергали их варварскому избиению. Толпа кричала казакам: «Вон от нас, азиаты!» Раздался голос: «Бить Юзефовича!» (редактора знаменитого «Южного Края»), и толпа, как один человек, бросилась к редакции, но была отбита казаками. Чувствовалось отсутствие организованного отряда, который оформил бы демонстрацию и придал бы ей более стройный вид. К ночи, наконец, удалось войскам очистить Сумскую улицу. О впечатлении, произведенном на население демонстрацией, и о внешнем ее виде нам пишут, между прочим: «Необходимо отметить, что толпа все время вела себя благопристойно, хотя „солидная“ публика ожидала, что рабочие начнут бить стекла в магазинах, задирать прохожих и т. п. Ничего этого не было и в помине... Весь Харьков только и живет тем, что „происходило на Сумской“. По самым захолустным улицам слышны разговоры простого народа на тему о причинах столкновения. Все в один голос называют годовщину освобождения крестьян: „Наших дедов били 40 лет тому назад, когда крепостные были, теперь студенты об этом вспомнили, и вот их теперь бьют“... Купцы ругали казаков: „Шли бы лучше на немцев воевать, чем на своих, чтоб вас“ ... и т. д.».

Очевидцы рассказывают такую сценку во время столкновения. Толстый лабазник сказал: «Мерзавцы студенты». Услыхав это, дюжий рабочий растолкал толпу и с криком: «Ага, мерзавцы!» на глазах сочувствующей публики поколотил почтенного буржуа.

Арестованных (до 200 человек) освободили 23 февраля, кроме 18 студентов и бывшего офицера Ильинского, которые, по словам губернатора, замешаны в политические дела. В университете и других учебных заведениях началась забастовка.

После демонстрации Харьковский Комитет Российской Социал-Демократической Партии выпустил подробную прокламацию к обществу, в которой раз'ясняет смысл происшедших событий. Отметив историческое значение первого выступления массы русских рабочих на путь открытого выражения политического протеста, Харьковский Комитет привлекает внимание «политически зрелых слоев русского общества» к рабочему движению, как к главной политической силе, способной сокрушить самодержавие. Прокламация заканчивается приглашением содействовать всеми средствами политической организации рабочего класса. Можно только приветствовать эту попытку харьковских товарищей использовать происшедшее событие в интересах политического воздействия социал-демократии на все борющиеся с правительством элементы.

Мы очень сожалеем, что этот обзор событий нам приходится закончить указанием на новый пример политического недомыслия наших либеральных союзников. В прокламации, изданной под свежим впечатлением дня 19 февраля и подписанной «товарищами студентами», мы встречаем трогательный рассказ о том, как угнетенные насилиями правительства харьковские студенты пожелали перенестись в светлое прошлое, о котором им говорил день 19 февраля, и пошли молиться за «царя-освободителя», каковое их благонамеренное пожелание казаки наградили нагайками. Смеем уверить гг. харьковских студентов, что власть царской нагайки будет длиться над ними тем дольше, чем более они будут коснеть в нелепой вере в разных «царей-освободителей», все царствование которых залито кровью «освобожденных» крестьян и борцов за блага крестьянства. Весь смысл чествования дня 19 февраля недовольными элементами исчезает, если его превратить в чествование памяти того царя, который и в крестьянской реформе, как и во всей своей политике, показал себя орудием класса эксплоататоров в их стремлении заново закабалить поневоле освобожденный народ. Чествовать день 19 февраля, как начало освобождения России от ее общего закрепощения, безусловно следует, но мы бы советовали в этот день крепче помнить не о никогда не существовавших царях-освободителях, а о тяготеющих до сих пор над нами царях-угнетателях. Если бы харьковские студенты-либералы больше думали о последних, они не употребили бы в своем листке нелепой фразы о том, что их били нагайками «вопреки запрету молодого царя». Не говоря уже о том, что такого запрета вовсе не было, мы спросим вас, гг. студенты, а как вы себя почувствуете, если вас изобьют заведомо по желанию «молодого царя?» Или в этом случае боль от удара нагайкой покажется вам более приятной?

Киев.

Самым характерным в ходе студенческого движения в Киеве является резкая борьба между радикальной частью студенчества и буржуазно-консервативными элементами, тормозившими движение и выступавшими довольно решительно и сплоченно. Этим элементам удалось дважды (в январе и середине марта) провалить в политехникуме предложение о присоединении к забастовке; им же удалось в университете не допустить до «беспорядков» в течение всего февраля и половины марта. В свою очередь передовая часть студенчества выступала здесь радикальнее, чем в других городах, о чем свидетельствует, например, воззвание группы «независимых обструкционистов», выпущенное в начале движения, и прокламация «Союзного Совета» по поводу убийства Боголепова, выражающая полное сочувствие Карповичу.

Еще 31 января Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Партии распространил печатное воззвание ко всем рабочим «по поводу студенческих беспорядков», в котором раз'яснялось политическое значение студенческого протеста. Когда в Киев дошли известия о петербургских, московских и харьковских демонстрациях, Киевский Комитет взял на себя инициативу такой же демонстрации в Киеве и особым воззванием пригласил рабочих явиться в воскресенье 11 марта в 12 часов дня на Крещатик. Демонстрация, в которой участвовали и студенты, прошла блистательно. Колоссальная толпа рабочих (говорят до 15 тысяч) стройно двигалась по Крещатику с красным знаменем и с пением «Марсельезы». Никаких крупных столкновений с властями не произошло. Подробности этой замечательной демонстрации сообщим, когда будем располагать достаточно проверенными сведениями о ней. Здесь же ограничимся поздравлением киевским товарищам, оказавшим своим смелым шагом великую услугу нашей партии. Пожелаем, чтобы организованные товарищи в других местах в ближайшем будущем проявили такую же революционную энергию и понимание тактики, соответствующей действительным интересам русского пролетариата.

⁂

Студенческое движение перекинулось и в остальные университетские центры: в Казань, Томск, Ригу, Юрьев, Варшаву (Ветеринарный институт), Одессу. В Одессе арестовано до 100 человек, в Казани несколько десятков (отчасти по рабочему делу), в Риге тоже. Все учебные заведения закрыты по распоряжению министра до пасхи. Надеемся в следующем номере сообщить более подробные сведения.

⁂

В прокламации от 17 марта Киевский Комитет так описывает демонстрацию. «День 11 марта. Улицы заполнены народом. Под звуки революционных песен, прерываемых криками „ура“, строго спокойно двигаются тысячные толпы демонстрантов; здесь сошлись все, без различия профессий, пола, возраста, национальностей, — ремесленники, фабрично-заводские и чернорабочие, мужчины и женщины, старики и подростки, русские, поляки и евреи. На всех лицах — одушевление, в глазах — восторженный порыв к свету и справедливости, страстное желание жить, жить так, как жить подобает человеку, а не придавленному рабу. Это не бурная вспышка, не бесформенный бунт, движимый слепой ненавистью. Это продуманное, спокойное и организованное движение к иным порядкам, к новой жизни, основанной на началах свободы, равенства и справедливости. В одухотворенности — его мощь. В организованности — залог дальнейших успехов. Товарищи! Нам предстоят еще долгие годы упорной борьбы, но мы владеем теперь сильным оружием — массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония во имя человечности и справедливости».

Казань.

О демонстрации в Казани пишут: «11 марта здесь была демонстрация, правда, скромная. Но все же другие города могут сказать: „Даже Казань!“. Если бы не предусмотрительность полиции, она носила бы другой характер. Еще накануне были оцеплены два главных завода и дамба, соединяющая город со слободой, так как боялись, что придут рабочие. И они, действительно, приняли бы участие, если бы не эта предусмотрительность. Были попытки прорвать цепь, но безуспешно; как говорили (это еще не проверено), многие рабочие (до 60 человек) избиты. Должны были принять участие булочники и ремесленники. Но в ночь на 11-е арестовано до 40 булочников на сходке, где они порешили 11-го забастовать и присоединиться к демонстрации. На главной улице было много студентов и публики. Не успели они еще соединиться и сорганизоваться, как налетела конная и пешая полиция и оцепила почти без предупреждения и без разбору около 150 чел. Простояли часа два. Пропели весь репертуар песен. Было несколько попыток прорвать цепь, но сил было мало. До избиения не дошло, хотя случаи насилия, как всегда, были. Затем пришли войска (!) и с помпой отвели арестованных в часть. Теперь некоторых выпустили, часть переведены в пересыльную тюрьму, часть в частные номера, нанятые для того полицией».

Псков

Отданных в солдаты петербургских студентов препроводили почти всех (только троих отправили в Ямбург) в Псков для предварительного обучения дисциплине, недели на четыре, после чего предполагается рассортировать их по разным местам. Многие из присланных страдают физическими недостатками (много, например, с совершенно слабым зрением, один паралитик и т. д.); между ними много несовершеннолетних (20-ти лет, а есть даже 19-ти и 18-ти лет). Сначала положение студентов было сравнительно сносно. Офицеры при первой встрече отнеслись к ним хорошо, но об'явили, что, будучи людьми подначальными, они обязаны будут относиться к ним, как к простым рядовым, не допуская никаких льгот и привилегий. Скоро, однако, положение студентов существенно изменилось к худшему, что было вызвано распоряжением какого-то казацкого генерала, приезжавшего для ревизии. Студентам запрещено было брать обеды из офицерского собрания и приказано было довольствоваться из общего котла. Отлучки в город были затруднены, и даже свидания друг с другом стали очень нелегким делом. Издан был приказ, предписывавший ближайшему начальству студентов и даже солдатам говорить студентам «ты», при чем предупреждалось, что нарушение этого правила повлечет за собой строгое наказание. Студентам запрещено было отвечать на вопросы не только нижних чинов, но и офицеров относительно всего того, что имеет прямое или косвенное отношение к их недавнему прошлому. В город начали отпускать с большим трудом: под присмотром так называемых дядек, и притом только до девяти часов вечера. Особенно неприятны отношения к студентам низшего военного начальства их: унтер-офицеров, фельдфебелей, их дядек и т. д. Дело в том, что за всякий дефект у студентов-солдат отвечают их дядьки и учителя: если студент не по всем правилам искусства застегнул пояс, под арест садят дядьку; если он не так шагнул, как желательно какому-нибудь командиру, — опять-таки отвечает дядька. И вот эти дядьки, совершенно терроризованные, более чем косо смотрят на первоисточник своих страданий, т. е. на пришельцев. К этому нужно еще прибавить, что отсутствие точной регламентации взаимоотношений между опальными солдатами и остальным военным миром дает громадный простор для элемента личного усмотрения и вообще для произвола не только офицерских чинов, но и фельдфебелей, унтер-офицеров и других мелких сошек, так что нередко постоянный надзор и, так сказать, каторжный режим определяется усмотрением этих последних. В общем, однако, главный тон задает полковой командир, так что в разных полках положение студентов различно. Они размещены здесь в трех полках: в Иркутском, Енисейском и Омском, не более двух человек в роте. Особенно тяжело положение студентов в Омском полку, командир которого, Данилов, успел уже «прославиться» своим чисто азиатским отношением к студентам. Из страха перед ним, со студентами обращаются грубо и те из полковой иерархии, которые в глубине души ничего не имеют против них.

Неприятности для студентов начались здесь с самого дня их приезда. На первом же смотру омский полковой командир произнес перед всем полком речь, в которой предупредительно напомнил им, что студенты — простые рядовые, и потому нечего обращать внимания на их образование. «Ваше образование немного стоит, — заявил он им, — Вы должны забыть о своем прошлом и должны сделаться настоящими солдатами... С вас сняли штатское платье, — теперь мы вышибем из вас штатский дух... К вам ездят, о вас соболезнуют: на-днях мать одного из вас явилась ко мне и говорила, что хочет выписать сюда отца. Передайте вашим родным и другим посетителям, что им приезжать совершенно незачем... В казарменной жизни нет ничего ужасного, поэтому нечего и соболезновать».

Через несколько дней в полку случилась экзекуция: проштрафовавшегося солдатика должны были наказывать розгами: напрасно студент той роты, которая должна была присутствовать на экзекуции, хотел под тем или иным предлогом уклониться от ужасного зрелища: позаботились о том, чтобы он был как можно ближе к омерзительной сцене.

На втором смотру один из студентов Омского полка, Териан, благодаря слабой мускулатуре правой руки, не мог долго продержать ружья в горизонтальном положении. Командир полка, заподозрив студента в притворстве, вырвал у него ружье, толкнул и, обозвав «негодяем», велел посадить его (конечно, и дядьку тоже) под арест. Через несколько минут, очевидно, сознав, что он хватил через край, псковский бурбон приказал «расследовать» это дело и отменить арест студента. Медицинское освидетельствование показало, что студент действительно не может держать долго ружья.

Вообще положение студентов-солдат, если иметь в виду только здешних, очень тягостное. Их человеческому достоинству приходится страдать на каждом шагу. Все они в один голос утверждают, что иное заключение было бы раем сравнительно с солдатчиной.

Нужно, впрочем, заметить, что все они бодры и не унывают. О себе они неохотно даже распространяются и с лихорадочным нетерпением ждут вестей из разных концов России: идут ли вслед за ними товарищи, проясняется ли темный горизонт русской общественной жизни?

Неужели большинство русских офицеров не возмутится позорным клеймом, накладываемым на них поведением Данилова?

[П. Лепешинский]

В хронику общественных протестов.

Ряд возмутительных беззаконий царского правительства заставил, наконец, протестовать наше буржуазное общество. С удовольствием отмечаем факты, свидетельствующие о политическом пробуждении русского общества.

С февраля стали собирать по всей России подписи под либеральной петицией царю по поводу студенческих волнений. Петиция говорит против знаменитых «временных правил», клеймит политику Боголепова и заканчивает просьбой «оказать доверие общественному мнению» и призвать общество к «свободному и благотворному участию в делах родной страны». По сообщениям корреспондентов, подписи под петицией собираются ходко. После великого избиения 4 марта, эта петиция была опубликована в английской газете «Times» с указанием, что она исходит от некоторых профессоров и сенаторов.

Побоище 4 марта послужило поводом к целому ряду протестов. Как известно из газет, член Государственного Совета, ген.-лейтенант князь Вяземский на самом месте побоища мужественно протестовал против полицейских безобразий, за что удостоился высочайшего выговора. Пусть утешится князь Вяземский — перед судом истории и общественного мнения это царское обругание почетнее, чем все знаки царской милости, заработанные им на службе самодержавию. Нам пишут, что сверх того, Вяземский выслан за границу.

Немедленно после побоища 45 литераторов составили свое известное заявление, беспощадно клеймящее царское правительство, намеренно совершившее гнусную бойню. Позднее к этому заявлению присоединились еще 34 литератора. Заявление это, разосланное в редакции газет, опубликовано в заграничной и подпольной печати.

9 марта «Союз взаимопомощи русских писателей» уполномочил свой комитет подать министру внутренних дел заявление о совершенных в день 4 марта над членами Союза насилиях. То же заявление было подано и министру юстиции с приложением просьбы об ускорении пересмотра законов о печати, делающих невозможным для печати спокойным обсуждением общественных вопросов предотвращать события, подобные мартовским. Сверх того, Союз просил впредь до этого пересмотра «снять запрет, препятствующий обсуждению в печати вопросов о причинах студенческих волнений».

В ответ на эти заявления комитет «Союза писателей» получил такую бумагу от 12 марта: «По распоряжению г. министра внутренних дел .. Союз взаимопомощи русских писателей закрыт, о чем об'являю комитету для сведения и соответствующих распоряжений».

7 марта заслуженный профессор института путей сообщения, действительный статский советник Белелюбский, подал градоначальнику Клейгельсу подробное заявление о происшедшей 4 марта бойне. Белелюбский указывает на то, что, вопреки заявлению «Правительственного Вестника», «грубая сила, в лице казаков и городовых, действовала без предупреждения». Переходя затем к «временным правилам», послужившим причиной беспорядков, Белелюбский приглашает Клейгельса исправить случившееся «по недоразумению», испросить у царя отмену «временных правил» и освободить всех арестованных. За это обращение к петербургскому паше Белелюбский выслан из столицы. Поведение этого старого профессора особенно выигрывает при сравнении с поведением тех университетских профессоров, которые сами участвовали в совещаниях об отдаче студентов в солдаты.

12 марта известный академик А. С. Фаминцын внес в Академию наук «предложение» такого рода. Указав на то, что пункт 61 устава Академии позволяет академику в свободное время заниматься другими делами, «соответствующими его званию», почтенный академик поднимает вопрос, какие занятия следует считать соответствующими высокому званию академика. «Несовместимою со званием академика представляется мне деятельность в качестве попечителя Н. Я. Сонина. Как известно, Н. Я. Сонин состоит во главе „особого совещания“ — судилища над молодежью. Под всеми административными распоряжениями Н. Я. Сонин подписывается не только в качестве попечителя, но и как ординарный академик, что может подать повод лицам, не близко знакомым с делом, к ошибочному заключению о причастности Академии к административной деятельности академика Сонина». А. С. Фаминцын заканчивает утверждением, что «деятельность академика Сонина в качестве попечителя не соответствует ни достоинству Академии, ни званию ординарного академика», и приглашает Академию высказать свое мнение об этом вопросе. Решение Академии нам еще неизвестно.

Поздравляем петербургского попечителя, академика Сонина, с публично полученной пощечиной. Можно желать только успеха попыткам действовать на зарвавшихся опричников самодержавия выражением общественного презрения.

Наконец, отметим опубликованное 14 марта заявление очевидцев «зверских действий полиции 4 марта». Заявление утверждает, что «правительственное сообщение о поведении публики и учащейся молодежи заведомо лживо». Отмечая всю лживость рассказа о мнимом бесчинстве студентов в соборе, очевидцы утверждают, что «Клейгельс устроил учащейся молодежи ловушку». Со слов самих казаков очевидцы заявляют, что офицеры накануне внушали рядовым, что студенты хотят убить царя, а потому их надо бить без пощады, и что утром 4 марта полицию и казаков напаивали водкой. После описания самого избиения заявление кончается таким призывом: «Общество должно решительно, единодушно протестовать всеми средствами против полицейского террора и избиения своих детей. Оно нравственно обязано требовать отмены „временных правил“, требовать строгого расследования событий 4 марта . . ., требовать суда над Клейгельсом, как человеком, совершившим преступление с заранее обдуманным намерением».

Посмотрим, сумеет ли общество не успокоиться до тех пор, пока все эти требования не будут удовлетворены, и не продать своих святых прав за первые иезуитски-кроткие слова «с высоты престола».

Гражданский подвиг мужей науки.

Русская публика привыкла ничему не удивляться, однако, и ее поразило воззвание московских профессоров к студентам, появившееся 26 февраля в «Русских» и «Московских Ведомостях», якобы от имени 72 профессоров, бывших в заседании совета университета, на котором это воззвание обсуждалось. На самом деле, как следует из письма нескольких профессоров, полученного позже в «Московских Ведомостях», это произведение принято всего 57 профессорами, — цифра во всяком случае почтенная. Жрецы науки позорно молчали, когда правительство сдало киевских и петербургских студентов в солдаты, хотя не могли не знать, что этот акт должен будет вызвать студенческие беспорядки; они не ответили на эту гнусность правительства единственно достойной мерой — коллективным выходом в отставку. Но когда протест охватил массу студентов, когда он завоевал сочувствие общества, когда народная масса в Харькове и Москве вступилась в дело студентов, московские профессора вылезли из своих уютных кабинетов и выступили открыто в роли защитников порядка, коварно задумав внести раскол в студенческую среду. Под личиной забот о бедных студентах они предостерегают против тех подстрекателей, которые «запутывают и намеренно ухудшают и без того нелегкое положение» студентов, которые «навязывают вам новое (!), несвойственное студенту слово и деяние — „забастовка“» и проч. в том же духе. Призывая студентов вернуться к занятиям, профессора берутся тогда «содействовать» приведению в порядок университетских дел. Все это и многое другое изложено Суворинским тоном, представляя поистине Иудушкино пустословие. Само собою разумеется, что своим воззванием профессора ничего не пожали, кроме всеобщего презрения, выразившегося в резких листках московских, киевских и харьковских студентов.

Политически-мыслящей части студенчества этот гнусный документ должен был открыть глаза на то, какую нравственную порчу вносит в храм науки самодержавный режим, как убивает он в профессорской среде всякую гражданскую порядочность. Выставляя требование восстановления устава 1863 г., имеющее, между прочим, целью нравственное оздоровление профессорской среды, студенты должны понять, что каждый политический режим создает свои университетские порядки, и режим Победоносцевых и Боголеповых неминуемо связан с теперешним строем университетской жизни. Вот почему чисто профессиональная борьба студентов за лучшие университетские порядки должна стать политической борьбой за общую реформу нашего общественного строя.

Профессорская среда ответила на студенческий протест гнусным нападением с тылу, попыткой оклеветать лучшую часть студенчества и внести в нее раскол. А народная масса поддержала студентов и придала их движению политическое значение. Пусть убедятся студенты, что, только соединившись с этой массой, только присоединив свой частный протест к общему протесту рабочего класса против источника всего нашего общественного зла и всякой нравственной заразы, они станут действительной силой. Пусть явятся в день 1 мая поддержать требования рабочих!

С особенным удовольствием помещаем присланную нам В. И. Засулич статью, которая, мы надеемся, будет содействовать правильной постановке в наших революционных кругах вновь выплывающего вопроса о терроре.

ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ.

Правительство затеяло борьбу со студентами, бесполезную и бессмысленную даже с точки зрения усовершенствования самодержавия и вырастило из этой борьбы такое широкое политическое брожение, какого никогда еще не переживала Россия. В самом деле: студенческие волнения длятся уже 40 лет, в течение всего пореформенного периода. Правительству давно пора привыкнуть к мысли, что, что бы ни выделывало оно с университетами, сплошь спокойного студенчества ему не дождаться. А с другой стороны, тот же сорокалетний опыт должен бы доказать правительству, что одни чисто студенческие волнения большого зла ему не причинят. Все привыкли к тому, что студенты периодически волнуются, а их за это исключают и высылают; благоразумнее, казалось бы, быть в этой области консервативным.

Трудно об‘яснить „временные правила“ чем-нибудь иным, кроме намерения и здесь, как везде, приблизиться по возможности к дореформенным порядкам. Студенческих волнений при Николае I не было, а если бы они были, студентов непременно отдавали бы в солдаты: — надо попробовать отдавать.

Правда, послужившие поводом к этой реформе волнения 1899 г. были единодушнее, чем когда-либо, но ведь и нагайки, пущенные в ход против искусственно собранной мирной толпы студентов, тоже были сравнительно новы и совершенно неожиданны. Во всяком случае, киевская сходка, к участникам которой впервые применены жестокие „правила“, ничем не выдавалась из ряда бесчисленных сходок, тянущихся с самого начала шестидесятых годов.

Но если киевляне только воспользовались своим естественным правом сходок, от которого никогда не отрекалась лучшая часть студенчества, то приговор над ними сделал все дальнейшие протесты обязательными, а следовательно, и неизбежными. Их требовал закон, писанный в совести, в сердце каждого человека. Их требовало чувство солидарности — самое элементарное и в то же время самое основное, самое необходимое общественное чувство. Его не приходится внушать людям; оно само собою вспыхивает всюду, где коллективность сталкивается с враждебной силой. Оно при всяких волнениях проявляется у крестьян, у рабочих, — не только у организованных, борющихся рабочих, а у первых попавшихся, при первом же столкновении с хозяевами. Чтобы истребить в себе это чувство, нужно долголетнее упражнение в его подавлении, надо много софизмов, много резонирующей трусости, называемой «практической мудростью», о которой с таким справедливым презрением говорится в некоторых студенческих прокламациях.

У студентов нет этой мудрости и быть не может по той простой причине, что, к счастью, она не передается по наследству, а в каждом поколении приобретается личным упражнением.

«Бросить в такую минуту товарищей, полных доверия к нам, нельзя! Это нечестно, бессердечно!» Эти простые слова одного из московских студенческих воззваний выражают непосредственное чувство всякого честного и не бессердечного человека. Оно шевелилось, наверное, и у большинства студентов, сперва колебавшихся присоединиться к протестующим товарищам. Новые приговоры, новые жестокости, усиливая чувство, вели к новым и новым протестам.

Что протесты будут, знали все, знало, конечно, и правительство; совершая свою жестокость над киевлянами, оно не могло не знать, что впереди предстоит неопределенная, как лавина растущая масса жестокостей. И на все это предстояло молча и сложа руки смотреть нашему образованному обществу, доведшего себя долголетним упражнением в подавлении всякого помысла об активном вмешательстве в общественную жизнь до полной, казалось бы, атрофии всякой деятельной энергии. Но на этот раз правительство задело такие чувства, которые нельзя заглушить никаким упражнением, заставило многих сказать себе то, что так хорошо выразила одна «мать» в лежащем перед нами открытом письме, отвечающем на вопрос: «Кто виноват?»

«Виноваты мы,—отвечает она. —Мы безропотно живем без того, без чего немыслимо существование мало-мальски культурного общества: без свободы слова, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища. Этой нашей безропотности надо подыскивать унизительное для нас оправдание: мы не дозрели до всего этого... Но нет оправдания нашему молчанию и покорности там, где мычит и протестует даже животное... Человек, прежде чем взять щенка или котенка, оглядывается, где собака или кошка. Победоносцевы не оглядываются, им не с чем считаться. Кого бояться? Общества? Они знают ему цену, презирают и плюют на него. Правы ли они? Да! Тысячу раз да! Мы —хамы, рабы, лакеи, мы заслужили все это; мы заслужили и то, что наши дети могут нам бросить... свое проклятие за их загубленные молодые жизни: они будут правы».

Это —крик невыносимой боли, и трудно усомниться в том, что эту боль разделяют очень многие, а понимают все, не запродавшие раз навсегда своего языка полиции.

В этой атмосфере боли и злобы, мучительного бездействия и молчания выстрел студента Карповича, пожертвовавшего собою за то, чтобы отомстить за товарищей, не мог не вызвать самого горячего, всеобщего сочувствия. Когда ничем нельзя помешать совершающемуся на глазах злодейству, чувство мести становится самым законным общественным чувством.

Но студенческий протест, все разрастаясь, сломал, наконец, окружающую его полицейскую стену общего молчания и бездействия. С одной стороны, он вышел на улицу *, и улица в лице рабочих и разношерстного городского разночинства встретила протестующее студенчество с самым горячим сочувствием и с полной готовностью разделить с ними, где возможно, предназначенные для него нагайки.

С другой стороны, протест поднялся вверх и заставил, наконец, зашевелиться и заговорить такие сферы нашего образованного общества, которые встречали все предыдущие контр-реформы одним лишь «благородным молчанием». В первый раз правительство наткнулось на громкое негодование против одного из своих мероприятий, выраженное значительным большинством всех слоев населения, хоть что-нибудь знающих об этом мероприятии, и в первый раз никакие свирепости, ни нагайки, ни аресты не в состоянии водворить обычного молчания. Уже несколько лет под-ряд такое же бессилие, несомненно, чувствует специальное ведомство, занятое истреблением нелегальной рабочей прессы и организаций. Все это продолжает существовать и множиться, несмотря на беспрерывные аресты, во много раз превышающие самые крупные облавы 70-х и начала 80-х гг., так что иной раз и сажать-то некуда. Но эта безуспешная борьба с ростом сознания и об'единения рабочего класса шла до сих пор где-то глухо, глубоко и далеко, так что для Европы, для почтенной чистой публики и даже для самых высших правительственных сфер под картиной русской жизни, —если смотреть на нее, хорошенько прижмурив глаза, —продолжала красоваться надпись: «На Шипке все спокойно». Теперь надпись сорвана, и «временные правила», по всему вероятию, будут отменены. Уж слишком неприятно и невыгодно для правительства продолжать доказывать и себе самому и всему миру, что оно успело так раздражить широкие слои сознательного населения, что у них страх прошел, что они предпочитают риск всяких кар повиновению.

Писатели, внесшие свои имена в почетный ряд подписей под свидетельским показанием всему миру о зверствах у Казанского собора, говорят, что их ужасает будущее страны, отданной на жертву кулакам и нагайкам, а нам их мужественное заявление кажется одним из признаков того, что лучшее будущее гораздо ближе, чем можно было думать месяц тому назад. Они говорят далее, что давно уже лишены возможности исполнять свой долг перед родиной, но в ту минуту, когда они писали свое заявление, они его выполняли. Весь вопрос в том, заснут ли снова силы, разбуженные применением „временных правил“, или сохранят раз приобретенную энергию.

---

* В Москве, собственно, сама улица, в лице рабочих, без зова и без сговора, вышла на защиту студентов, загнанных в манеж за сходку в стенах университета. Двадцать три года тому назад московская улица (в частности мясники), избив толпу студентов, была возведена за это Катковым в представительницы «русского народа», ответившего, будто бы, этим избиением на «скандал, устроенный петербургской либеральной интеллигенцией». Теперь московская улица из «представительниц народа» будет, конечно, разжалована. Она сама стала более, чем «либеральной», и если бы полиции и удалось подыскать сколько-нибудь пригодных мясников, рабочие им даже и шевельнуться не дали бы, так как не особенно пугались даже казаков и жандармов. Реакционная пресса продолжает, однако, громить студентов от имени народа, очевидно, деревенского, не высказавшего своего мнения о «временных правилах». Это самая наглая и очевидная клевета на крестьян. Они не высказались и не выскажутся просто потому, что не знают, в чем дело. Но и деревенские парни, деревенские отцы и матери, представив себе своих детей отданными в солдаты, без очереди, несмотря на болезни, на несовершеннолетие, отданных за то, что собрались на сходку обсудить свое дело, за то, что не захотели «выдавать своих», нашли бы, что это несправедливо. А если бы они узнали затем, что невинно наказанные студенты должны жить в казарме как зачумленные, что против них восстанавливают остальных солдат, а им запрещают хоть слово сказать в свою защиту, многие бабы расплакались бы от жалости и все нашли бы, что это лютые, живодерские «правила». Что это так, знает и само правительство. Зачем же иначе возмутительное запрещение отвечать на вопросы как офицеров, так и обмундированных мужиков?

Уже несколько лет, как Россия вступила в эпоху под'ема, несравненно более широкого, чем закончившийся 20 лет тому назад, но и теперь успех этих освободительных потуг можно считать обеспеченным лишь в том случае, если вся освободительная работа не будет сброшена на плечи одних только передовых слоев рабочего класса и революционной молодежи, если в этой работе примут то или иное посильное участие все враги различных видов нагайки.

Но рядом с вестями, говорящими о громадном расширении политического движения, нам попадаются на каждом шагу такие сообщения о том, что в «публике», среди «мирных либералов», «простых обывателей» слышатся теперь надежды, предсказания и пожелания, чтобы возобновился снова «террор», которым закончилось революционное движение 70-х годов. Это говорит, повидимому, о том же самом широком возбуждении, и тем не менее укрепление таких надежд имело бы, по нашему мнению, противоположную тенденцию: суживать, а не расширять поле битвы.

Единичные акты самопожертвования, как выстрел Карповича, не исходящие ни от какой организованной силы, не могут сосредоточивать на себе общественных надежд. На них нельзя рассчитывать. Это не акты борьбы, а лишь выражение общего озлобления и боли, вызываемой особенно ненавистными проявлениями самовластия. Предумышленные, конечно, со стороны действующих индивидуумов, они инстинктивны; но предумышлены со стороны солидаризирующихся с ними общественных элементов, которые своим неудержимым, горячим сочувствием признают эти действия за выражение своего накипевшего чувства. Такие выстрелы не могут заменить собою в умах сочувствующих какой бы то ни было другой освободительной деятельности.

Нечто совершенно иное представляет собою террор, входящий в программу организованной группы в качестве способа борьбы за свободу и представляющийся окружающей террористов сочувственной среде путем к освобождению. Мы глубоко убеждены, что в настоящий момент такой террор, если бы на нем начали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил бы освободительного движения, а наоборот, ослабил бы его.

Не потому, конечно, почему Бисмарку оказались выгодными покушения Геделя и Нобилинга, а полиция Наполеона III хлопотала по временам о примерных заговорах. Наполеону нужны были предлоги для введения тех или иных «временных постановлений»; Бисмарку не удалось бы без покушений провести через рейхстаг исключительные законы. Но Россия и так живет под всевозможными чрезвычайными, исключительными и временными постановлениями, и за долгий период такой подавленности общественного настроения, какой только может пожелать любой деспотизм, ни одно из ненавистнейших «временных правил» не было отменено, а все те учреждения, какими только дорожили русские люди не полицейского образа мыслей, подверглись изуродованию и уничтожению. Русским нечего охранять и нечего терять, кроме цепей. Если об этом еще мог быть вопрос в 60-х годах, то уж никак не теперь.

Террор кажется нам неподходящим в настоящий момент способом действия не сам по себе, а по своему неизбежному психическому влиянию на окружающую среду. Враг русской свободы, которого нужно убить прежде всего, при котором не помогут никакие убийства, это — сохранение предписанного правительством молчания и бездействия, это — повиновение таким приказам, которые ни в каком случае не могут считаться законами, а лишь враждебными мероприятиями правительства против той растущей части россиян, которая по его же собственному убеждению не может не желать его европеизации.

Такими мерами борьбы, а не законами, являются все указы и приказы относительно печати, собраний, союзов, преподавания и учения. Лет 30—40 тому назад эта борьба против роста сознания и об'единения россиян, против развития в них самодеятельности и энергии была чувствительна почти исключительно лишь людям, получившим среднее образование; теперь она ведется против всего рабочего класса и в значительной степени распространяется на крестьян, посредством всяких препятствий распространению и улучшению школ, сельских библиотек, народных чтений, путем нелепых каталогов и преследования сельских учителей. Сломить широким и всесторонним неповиновением все эти рогатки, настроенные правительством между потребностями его подданных и их сознанием, с одной стороны, и между самими подданными, с другой, должно быть, не может не быть первым шагом по пути к освобождению. Чем большее число россиян отбросит рогатки, тем легче и безопаснее будет становиться всестороннее сопротивление насилиям правительства. Но для этого необходимо, чтобы исчезло очень распространенное мнение, что «не стоит рисковать по пустякам», необходимо убеждение, что в деле разрушения созданных правительством преград политическому сознанию и об'единению его подданных нет пустяков, а нужно и важно все, что вопреки насилию создает гласность, создает свободную печать, тайные политические союзы и подготовленные всем этим политические манифестации, громкие заявления об'единяющейся общественной воли.

Во всем этом каждый шаг, каждое действие так же необходимо, как необходима для жизни организма каждая капля обращающейся в его жилах крови. Последний решающий момент освобождения не делается, он обыкновенно случается, но эта случайность подготовляется и становится неизбежной вследствие развившейся, вопреки всем рогаткам, активности, энергии общества, его воле стать свободным*.

---

* За последние полтора века такие же рогатки против «просвещения» и об'единения своих подданных строили все пережившие себя правительства континентальной Европы, и всюду они заранее опрокидывались стремившимся к свободе населением. Чуть не вся литература французского «просвещения» печаталась в Голландии и, несмотря на сжигание книг и на Бастилию, жадно читалась во Франции. Меттерниховская Австрия почти перестала читать книги, не запрещенные австрийской цензурой. Вся континентальная Европа первой половины девятнадцатого века кишела тайными обществами, от сравнительно умеренных до самых крайних.

И у нас за последние годы рабочие имеют свободную печать, в их среде не прерываются организации. Все это еще далеко не совершенно и оставляет желать очень многого относительно как качества, так и количества, но страх перед запрещенной начальством книжкой убит безвозвратно, и спрос на нее во много раз превышает удовлетворение. Когда волнуются студенты, и они тоже создают свою гласность бюллетеней, свои комитеты. Если наша широкая интеллигентная публика обыкновенно обходится без свободной печати, то причина этого заключается лишь в недостатке активности и энергии. Развитие по-

Вот этому-то свободному развитию общественной активности и энергии террор не только не содействует, а по самому существу своему не может не ставить психологических препятствий, если он представляется путем к освобождению и начинает сосредоточивать на себе общественные надежды.

Террор, несомненно, очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волнение, самодовлеющее, не толкающее к действию, сродни эстетическому волнению, вызываемому великими художественными произведениями. Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало. Между героями и им была пропасть. Действующими террористами, по самой сути дела, могли быть лишь очень немногие, исключительные по своей энергии, бесстрашию, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатления, производимого их делами, заставляла бледнеть и терять привлекательность все другие дела, начавшие казаться «пустяками». Вся активность, вся энергия сосредоточилась в горсти героев, дух борьбы не разливался вширь по мере ее заострения, а находил исход лишь в сочувствии, в вере в «Исполнительный Комитет»: он освободит.

При таком направлении общественной энергии не создавалось силы, которая могла бы воспользоваться некоторым психическим расстройством, произведенным террором в правительстве, так как уж этого-то ни в каком случае не могла сделать нелегальная организация террористов. А сужение революционного под‘ема, как бы ни было сильно обострение, само по себе вело к его истощению. Передача борьбы за освобождение в руки горсти героев, какой бы сверхчеловеческой силой они ни обладали, не только не вредит самодержавию, а сама является следствием чувств и понятий, унаследованных от самодержавия. Его верные слуги обязаны думать, что все дела родной страны, ее законы и учреждения зависят всецело от высшего начальства,—в принципе от одного человека, — а остальные подданные могут по собственной инициативе только «ура» кричать. Но если сторонники свободы, предоставляя ее завоевания горсти героев, оставляют за собой лишь то же самое «ура» в глубине души или в разговоре с приятелями, — разве это не наследие самодержавия?

А с другой стороны, мне вспоминается один разговор в «Братьях Карамазовых» между Иваном и Алешей. Иван спрашивает брата, может ли он допустить, чтобы люди, если бы для их счастья нужно было «замучить одно только крохотное созданьице, одного ребеночка», могли согласиться на это. Алеша отвечает, что на это согласиться нельзя.

Ответить утвердительно на вопрос Ивана, сказать, что «счастье» (или избавление от длящегося бедствия, называемого самодержавием) стоит страдания, с полным правом могут все те, но только те — не правда ли?—кто себя ставит рядом с «ребеночком», кто на себя готов взять долю и работы, и риска, и страдания, коли понадобится. У героев террористов было много поклонников, но им одним досталось не только все дело, но и все страдание. Еще счастливы были те, кого казнили немедленно, но что вынесли остальные, которых год за годом замучивали в Шлиссельбурге! Их поредевшие остатки и теперь еще доживают там у могил замученных товарищей...

Хорошо, если бы все, кому хочется теперь возобновления террора, спросили себя: что будут они делать во время террора и где будут во время расплаты за него?

⁂

Двадцать слишком лет тому назад террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России.

В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться. Нужно только, чтобы все сторонники свободы, все враги нагайки поняли, что на этот раз победа возможна, если все они примут в борьбе то или иное посильное участие, что нечестно и бессердечно смотреть на борьбу сложа руки, что — с ними или без них — она пойдет своим чередом — к победе, если все захотят ей содействовать, — к новым «восьмидесятым годам», к новому (временному, конечно) торжеству спокойствия, царствовавшему на Шипке, если общая задача будет свалена на плечи одного отборного передового отряда.

В. Засулич.

⁂

Посвящается читателю-другу.

«Паче всего люби родную литературу и звание литератора предпочитай всякому другому», — писал Салтыков, умирая, своему сыну.

Мы сказали бы так: превыше всего ставь достоинство и честь свободной человеческой речи и, любя родную литературу, звание революционера предпочитай всякому другому.

История печатного слова в России — скорбная история бесконечных поношений и утонченного издевательства. В самодержавном застенке неустанно пытали и пытают музу русского писателя — «эту бледную, в крови, кнутом иссеченную музу». И если порой — в кои-веки — ей легче становится жить и вольготней дышать, то лишь потому, что где-то раздалось — властно и страстно — революционное «слово и дело». Обратитесь к прошлому: в «вольностях» «Современника» и «Русского Слова», в цензурной реформе 1865 г. вы услышите явственный звон герценовского «Колокола». И если в 1880 — 1881 гг. на литературу нежданно пахнуло мимолетной «весной», то знайте — это народовольческая когорта самоотверженных пронеслась блестящим, но скоро меркнущим метеором по темному небу русской действительности.

пулярной рабочей литературы встречает задержки в простом недостатке материальных средств. Таких задержек не могла бы встретить литература, в которой нуждалась бы несравненно более зажиточная интеллигентная публика. Если такой литературы нет, то только потому, что потребность в ней еще не переросла привычной трусости и инерции.

Куда же оно скрылось, это вещее слово, где обаяние подполья? Не подлежит сомнению, в наше смутное время тревожных ожиданий и колеблющихся надежд революционер — не в фаворе, его действие происходит за кулисами исторической сцены, не слышимое и не видимое большою публикой, и слово его не гудит, сзывая свободных духом людей,

Как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных!

Серое время, мелкие люди, — еще недавно слышался ропот. Какой то исторический антракт: былое завершилось катастрофой, грядущее сбирается с силами. Бродят стихии, вершится кротовая работа, но когда же, когда настанет момент, и тайное сделается явным, и вялость антракта уступит место героизму всероссийской трагедии?

Нам, русским социал-демократам, не мешало бы призадуматься над доносящимся ропотом. Правые вчера, мы можем оказаться виноватыми завтра и, не став рулевыми движения, захлебнуться в его бурных волнах.

Дети мрачной годины, мы вышли когда-то на работу при брезжущем свете едва занимавшегося утра. Все спало вокруг или бормотало спросонья, когда мы начали строительство. Камень за камнем возводили мы здание, крепили фундамент и, нащупывая каждый свой шаг, проторяли дорогу, подвигаясь вперед, к увенчанию нашего здания.

Вместе с грудой разбитых иллюзий нам досталась в наследие от прошлого память о тех, чья...

Песнь бесследно пролетела
И до народа не дошла...

Тени погибающих стояли перед нами, немолчно звенело в ушах: слава застрельщикам, первым борцам, увлекающим массы и вдохновляемым ими. Но зато — горе тем, кто замкнется в кружках, изойдет в партизанском геройстве. Их встретит — сдержанный шопот либеральных похвал, и проводит в могилу — лобзание Иуды. В решительную минуту раб выдаст героя и юркнет в свою теплую нору... Становитесь в шеренги великого войска, стройно и в ногу идущего к цели. Все за одного и один за всех: воинствующий пролетариат постоит за себя, отомстит свои жертвы...

Русская жизнь — аморфное целое, над которым парит дух наглого хищника и самодержца-бюрократа. В атмосфере еле тлеющего сознания и сознающего себя бессилия протекал — медленно, но верно — процесс кристаллизации нового общественного элемента. Конечно, стороннему наблюдателю (из породы строгих критиков) видны были одни неприглядные формы и серые краски процесса: какая скука, какая проза! Копейка на рубль — и это лозунг!..

И в то самое время, как платонический любовник революционной эстетики будировал растущее движение, социал-демократу было по горло работы — в лаборатории русской революции. Так много мелкой, невидной, но засасывающей работы, что не всегда удавалось ему, когда нужно, взглянуть за стены своей лаборатории. Его глаз, прикованный к одному месту и обостренный в уловлении деталей, становился порой близоруким и терял общественную перспективу. Но эта беда была полубедой до тех пор, пока безысходный, казалось, застой мертвил все живое, луч сознания пробирался ползком в обывательские головы, и каждый «сверчок» на Руси знал только «шесток», дарованный ему — от начальства. Тогда лаборатория была — целый мир, самодовлеющий и цельный.

Положение стало иным, лишь только забродило кругом. Свист казацкой нагайки действительнее красноречивых речей и сознательней пения — любой революционной сирены. Пробив толстую кору равнодушия, он «ударил по сердцам с неведомой силой» и всколыхнул обывательскую трясину. Вопрос о «правах человека и гражданина», политический вопрос, встал — ярко и неотразимо — перед пестрой толпой негодующего люда. Он встал перед студентом, забритым в солдаты; перед рабочим, пришедшим платить свой долг молодежи; перед писателем, наказанным за то, что в нем заговорил голос чести; перед всем тем народом, не желавшим бесстрастно созерцать человеческую бойню и за это — избитым. Он встал — и взвалил на социал-демократа тяжелую ношу. Кому много дано, с того много спросится. Годами слагавшейся социал-демократии дано то, чего не имеет никто — в среде русской оппозиции: даны элементы организации. Придя к перекрестку, на котором сошлись многообразные пути общественного движения, социал-демократия должна учесть свой баланс и подвести итог приобретенному. Окажется ли она на высоте положения, вровень ответственному моменту переживаемой истории? В ее руках бесценное орудие — пресса — заостренное и отточенное на зло самодержавно-чиновной клике. Передовой пролетариат эмансипировал себя от цензурной указки, ему надлежит понести теперь эту свободу и другим — в среду всех недовольных. А для этого надо — усовершенствовать орудие, приведя его в соответствие с усложненной задачей, — надо уметь вонзать нож анализа во все изгибы действительности, надо уметь отражать многогранность ее — под своим углом зрения. Готова ли к этому социал-демократия?

Газетное дело — хоровое дело, оно спорится в руках не солистов, а запевал подхватывающего хора. И плохо придется певцу-писателю, который не услышит за собой согласной поддержки хористов-читателей. Читатель-друг, читатель-сотрудник — необходимый устой писателя: болеет один, хворает другой, страдает все целое. Как Салтыков молил когда-то читателя: друг, защити! так и теперь социал-демократу-писателю приходится взывать: друг, помоги, вперяй свой пытливый взор во все живущее и неси свободному станку сконцентрированную боль, подслушанный стон, страдальческий крик твоей родины. Шире кругозор, надо вдаль учиться смотреть!

И только тогда, когда социал-демократия во всеоружии подойдет к узловому пункту истории, раздастся опять давно забытое вещее слово, и революционера будут чтить на Руси все те, кому дорого имя — свобода!

[А. Потресов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Царское утешение безработным. Безработица на юге все растет. Как сообщает корреспондент «Нового Времени», к 15 января только в Бахмутском и Славяносербском уездах насчитывалось около десяти тысяч безработных. В начале же февраля, когда надежды углепромышленников на улучшение дел не оправдались, число безработных «стало увеличиваться не по дням, а по часам». Как сообщает корреспондент упомянутой газеты, «для более точного выяснения причин безработицы», екатеринославский губернатор гр. Келлер созвал в Горловке с'езд «из осведомленных лиц, близко стоящих к горнозаводской промышленности». Но, вероятно, для того, чтобы с'езд не доискался слишком «точно» действительных причин безработицы, граф Келлер сказал перед открытием его: «При проезде его величество государь император изволил выразить уверенность, что уменьшение производительности фабрик, заводов и каменноугольных копей должно считать заминкой в производстве, но никак не кризисом, и что заминка эта временная». Утешьтесь, безработные! Его величество уверено, что вы голодаете не по причине промышленного кризиса, а только по случаю «заминки»! Это великое утешение. Когда в 1891—92 гг голодало 40 миллионов крестьян, правительство воспретило употреблять слово «голод», заменив его «недородом». Это обстоятельство не помешало крестьянам помирать от голодного тифа. Но рабочие, в отличие от крестьян, умеют отвечать на голодовку не только смертью, но и бунтами. Вот почему, не довольствуясь заменой слова «кризис» более успокоительным «заминка», правительство, в лице графа Келлера, приняло меры к очищению Екатеринославской губернии от беспокойной толпы безработных, особенно неудобной перед первым мая, или, как выражаются либеральные «Русские Ведомости», «приняло меры к облегчению нужды». Именно, граф Келлер предложил всех уже рассчитанных рабочих и тех, которые будут рассчитаны до 14 марта, перевезти бесплатно на места родины. Мера эта принята с'ездом. Говоря проще, от безработицы царское правительство помогает рабочим бесплатной высылкой их на родину, где они могут беспрепятственно голодать, никого не смущая своим видом и не вызывая опасений о нарушении общественного порядка. Будьте спокойны, безработные! Его величество уверено, что это только «временная заминка»; по окончании ее капиталисты гостеприимно пригласят вас обратно, а торговцы живым товаром — подрядчики — охотно снабдят вас деньгами на — уже платный — обратный проезд с места родины!

Белосток. 4 марта Белосток был в первый раз свидетелем большой уличной демонстрации — хоронили еврейского щетинщика Высоцкого, умершего от чахотки. В похоронной процессии приняло участие до двух тысяч человек. Гроб был украшен красной лентой с еврейской надписью: «Социалисты — борцу за свободу». На главной улице, Николаевской, по которой направилась процессия, запели революционные песни. Около тюрьмы к песням присоединились возгласы: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!». День был праздничный, и на улицах замечалось необычное оживление. Большая толпа примкнули к процессии и проводила ее до самого кладбища, за несколько верст от города. Жандармерия и полиция растерялись и не знали что делать. На кладбище были произнесены революционные речи. В одной из них упоминалось, между прочим, и об убийстве Боголепова. Отдав последний долг товарищу, все с пением повернули назад к городу. Только тогда полиция решилась, наконец, вмешаться и сделала попытку разогнать собравшихся. Произошло небольшое столкновение, и был арестован один рабочий. В городе только и речи, что о демонстрации. Впечатление сильнейшее. Сочувствие всех кругов на стороне рабочих.

Николаев. На прошлой неделе (15 или 16 марта) в нашем коммерческом порту произошла стачка рабочих, занятых нагрузкой зернового хлеба на иностранных пароходах. Грузовые рабочие формируются отчасти из босяков или лиц, не нашедших себе заработка; немало лиц из местного населения занимаются этим делом с ранней молодости. Обыкновенно рабочие нанимаются подрядчиками, у которых работают по целым годам и которые, благодаря этому, сильно наживаются, а некоторые составили себе очень изрядные состояния. Нанимаются рабочие через приказчиков в трактирах часа в три утра и работают до позднего вечера с небольшим перерывом для завтрака и часовым отдыхом для обеда. Плата поденная колеблется от 1 до 2½ рублей, иногда летом доходя в горячую пору до 3—4 руб. Расчет производится в трактире в тот же или на другой день, при чем не обходится довольно часто без обмана в виде недодачи следуемых по условию денег, которые распределяются по карманам приказчиков или самого подрядчика.

Работа очень тяжелая. Мешки в 5—8 пудов приходится снимать с повозки себе на плечи, нести их в согнутом положении по сходням на протяжении 7—8 сажен и на высоту 2—3 саж. и затем ссыпать зерно в трюм, не спуская с плеч мешка. Работа на солнце и под непогодой крайне однообразная и утомительная и вдобавок причиняющая болезнь глаз и легких массой пыли, которая сыплется с мешков. Всю зиму у нас не было грузки. Лишь на прошлой неделе появилась работа срочная. Берг, самый крупный из подрядчиков, получил предложение представить 300 чел. рабочих. Он нанял их по 1 р. 20 к. в день. Началась работа, но вдруг около полудня все бросили работу, собрались на площади около пристани, и здесь начались разговоры о том, что следует увеличить плату до двух рублей (ведь, добились же марсельские, почему же и нам не попытаться? — говорили рабочие), работать только до гудка (до 6 часов вечера), наем и расплату производить не в трактирах, а на пристани. Требования эти были устно пред'явлены самому подрядчику Бергу. Тот сначала прикинулся непонимающим, а потом стал всячески застращивать рабочих, но те не поддавались. И подрядчику в виду срочности грузки ничего не оставалось, как уступить. Но он, конечно, не мог им простить своей уступки. Возмущенный упорством рабочих, он обратился за содействием к полиции. И на другой день чуть свет на пристани появились чины, которые начали было усовещать рабочих, но, видя их стойкость, оставили их в покое. Тем временем рабочие, имея в виду угрозу Берга выписать рабочих из других городов, решили не допускать конкуренции, и в случае, если бы появились конкуренты, предложить им работать на тех же условиях, иначе не допускать их к работе. Выбрали старосту, который распределял бы работу, устанавливал бы очередь, наблюдал бы за исполнением условий. Рабочие придумали было еще больше повысить заработную плату. Узнав об этом через своих приказчиков, подрядчик Берг попробовал воздействовать вновь на рабочих, но услыхал от одного из них: «Ведь, вам, очевидно, выгодно, если вы уступили». Тут подрядчик совсем потерял терпение. Понимаете, говорит он, — он мне сказал: вам выгодно—и «очевидно». Это «очевидно» не давало ему покоя, и он решил облегчить себя в кабинете жандармского управления. Полковник принял большое участие в его горе. Берг указал как на виновника всего этого на рабочего Половинкина, которого рабочие выбрали в старосты. Жандармский полковник не заставил себя долго просить, и Половинкин 18 марта был арестован, а затем отправлен на родину в Тверскую губернию. Но дело все-таки продолжается. Рабочие получают по два рубля в день, нанимаются на пристани и работают только до свистка. А очередь они сами между собой распределяют.

Из Иваново-Вознесенска нам пишут: «18 января у нас на Бакулинской фабрике было маленькое столкновение с заведующим фабрикой Грязновым и помощником фабричного инспектора Капица. Поводом послужило частое задержание заработков, далее понижение расценков, вызванное введением новых сортов тканей, грубое обращение и частые штрафы. Все переговоры с г. Грязновым не привели ни к чему. На наше требование, чтобы расценки при выработке новых сортов ткани были немедленно вывешены, что иначе рабочие рискуют вместо обычных 15—18 руб. вырабатывать всего рублей семь в месяц, Грязнов ответил довольно вызывающе: „Ну, и будете работать за 7 руб., коли не дам больше". Тогда мы потребовали к себе помощника фабричного инспектора. На это Грязнов ответил с иронией: „Вызывайте и помощника; все равно будет по-моему". В тот же день приехал помощник фабричного инспектора, который при виде громадного числа собравшихся рабочих пришел в ярость и набросился на нас с пеной у рта. Конечно, мы, рабочие, этого не испугались и заявили ему об обязанностях фабричного инспектора и о том, чтобы он разобрал дело по существу. Выборные (чел. 15) пред'явили Капице такие требования: 1) своевременная выдача заработной платы; 2) уравнять заработок на новой работе так, чтобы общий месячный заработок не понизился: уничтожение товара „саручи", как очень вредно отзывающегося на здоровье рабочих; 3) сокращение штрафов, чтобы штрафы налагались исключительно за небрежность; 4) более наблюдать за чистотой отхожего места и улучшить гигиенические условия; 5) удалить заведующего (он же и мастер) за очень дурное отношение к рабочим. Все это помощник инспектора записал, дав ответ в уклончивой форме - мол, поговорю об этом с хозяином фабрики, а вы ступайте работать. На другой день мы напрасно ожидали помощника в назначенное время, — он не явился, и пришлось опять вызывать его. На этот раз помощник инспектора уже не кричал на нас, как накануне, а старался втолковать рабочим покорность и рабское подчинение хозяину и его заведующему Грязнову, ибо этого, мол, требует закон. „По закону вы не имеете права жаловаться и требовать от хозяина поступков, которые он находит для себя нежелательными. Вы должны принять те расценки, которые он вам предлагает, а кто не желает, пусть заявит расчет и пусть не мешает работать другим". Относительно штрафов помощник инспектора сказал, что на нашей фабрике штрафуют совсем мало, что на других фабриках штрафуют гораздо больше; отхожее место тоже прекрасно, и если и есть грязь, то он, инспектор, видел еще более грязные и худшие; заведующий Грязнов, по словам помощника инспектора, оказался очень хорошим человеком. На это рабочие ответили ему, что, если он не уберет от них Грязнова, то они сами постараются сделать это. Так отнесся к нашим требованиям приставленный правительством защитник рабочего класса. Но рабочие стояли на своем и целую неделю почти ежедневно вызывали помощника инспектора, что последнему очень надоело. В конце концов г. Капица принял самые суровые меры против рабочих, и хотя рабочие указывали ему, что он помощник фабричного инспектора, а не полицейский чиновник, он все-таки призвал полицмейстера, который явился с казаками. Кончилось все же тем, что удовлетворили часть рабочих требований, уплатили по-старому расценку по день заявления и дали некоторые обещания».

* * *

Мы можем посоветовать товарищам, которым приходится иметь дело с такими фабричными инспекторами, как Капица, *бойкстировать* их, т.-е. отказываться об'яснять им свои жалобы, указывая на их полицейский образ действий. Капиталисты давно завели обычай сообщать своим собратьям списки тех рабочих, которые уволены за непокорный нрав, для того, чтобы их никуда не принимали. Поступайте таким же образом, товарищи, и обращайтесь к собратьям по труду на других фабриках с предложением не иметь дела с гг. Капицами, которым рабочие должны об'яснять, что они поставлены не полицейскими, а наблюдателями за исполнением законов фабрикантами. Такой же образ действий рекомендуем по отношению к полицмейстерам, которые являются с казаками туда, где и в помине нет каких-либо беспорядков. Отказывайтесь об'ясняться с полицией о своих нуждах и заявляйте, что об этом будете разговаривать с чинами инспекции (теми, которые захотят вести себя как инспектора, а не как полицейские) только тогда, когда полиция уберется во-свояси. Если полиция не уйдет, советуем в подобных случаях поступать так: прекратить всякие разговоры о своем недовольстве и работать спокойно, пока полиция не удалится, а когда она это сделает, снова браться за свое и вызывать инспекцию. В заключение добавим, что русские рабочие только тогда добьются того, чтобы фабричная инспекция исполняла свой долг, когда инспектора, как все другие чиновники, будут зависеть не от министров, как теперь, а от выбранного всенародно и всем государством управляющего Земского Собора (парламента) и когда рабочие будут иметь свободу собраний и печати, чтобы всенародно клеймить и держать в узде рьяных лакеев капитала, как разные гг. Капицы.

ИЗ ПАРТИИ

Петербургский «Комитет Рабочей Организации» продолжает издавать свой периодический «Листок». Нам доставлены номера 5—8. Содержание этих листков носит в себе следы критического момента, переживаемого петербургскими рабочими, как и рабочими большей части России. Безработица и общий застой в производстве должны были необходимо отозваться полной приостановкой того стачечного движения, которое до сих пор составляло главное основание деятельности наших местных организаций, определяя собой и содержание их агитации. Перед фактом повсеместного общего ухудшения положения рабочих масс и массовой безработицы совершенно бледнеют факты частных столкновений труда с капиталом, поглощавшие до сих пор главное внимание наших товарищей-практиков. Пришлось направить агитацию на основные вопросы положения рабочего класса, на вопросы о классовой борьбе в целом, о ее конечных целях и ближайших общих задачах русского рабочего движения. Таким образом, сама жизнь вынуждает практических деятелей партии стать на путь такой агитации, которая исходит из основных моментов классового положения пролетариата и освещает в сознании масс исторический смысл их социальной борьбы. Издаваемые «Комитетом Рабочей Организации» листки в этом отношении носят характер, совершенно отличный от того, каким отличались прокламации «Союза Борьбы» за последние два-три года.

Само собой разумеется, что все наше сочувствие на стороне такой широкой агитации. Но мы полагаем, что та тактика, которой в настоящее время старается держаться «Комитет Рабочей Организации», уместна и необходима не только в моменты кризиса, но что она должна определять содержание агитации, ведущейся всякой местной организацией, в моменты расцвета промышленности так же, как и в период застоя. Только такая широкая и принципиально выдержанная тактика, постоянно ведущаяся передовым отрядом рабочего движения, способствует социалистическому и политическому развитию рабочих масс. Напротив, тактика, которой держались до сих пор петербургские товарищи из «Союза Борьбы», тактика, всецело обусловленная частными столкновениями рабочих с капиталистами на почве частных вопросов профессионального характера, должна была сделать как самые массы, так и их передовой отряд — организованные группы — неподготовленными к твердой и решительной агитации, ставшей очевидной для всех необходимостью в момент общего кризиса.

Именно об этой неподготовленности с.-петербургской организации к успешному организационному использованию условий, созданных для рабочего класса безработицей, и свидетельствуют листки петербургского «Комитета». Мы видим несомненное стремление освободиться от узости исключительно стачечного движения, вкоренившегося в петербургских деятелях за последние годы. Чувствуется, что мысль рвется за эти тесные пределы в поисках более действительных средств борьбы. И в то же время замечается, что люди не выяснили самим себе достаточно твердо, какие средства борьбы применимы в настоящее время для русского пролетариата.

В первых листках мы замечаем один голый призыв рабочих масс к организации, при чем ближайшие цели этой организации формулируются еще в старом духе «Раб. Мысли» — борьба с капиталистами путем стачек за лучшие условия труда в данной отрасли. В листке № 5 (декабрь 1900 г.), об'ясняя рабочим невозможность стачки во время промышленного застоя, «Комитет» предлагает рабочим организоваться и переждать, пока наступит новый под'ем промышленности (почему-то ожидавшийся после рождественского праздника), чтобы тогда устроить всеобщую стачку. При этом предполагается выставить самые разнообразные требования: от сокращения рабочего дня до улучшения санитарных условий труда и от «прав устраивать потребительные лавки» до свободы стачек, союзов и собраний.

В листке № 6 (январь 1901 г.) «Комитет», предвидя возможность продления безработицы, указывает рабочим на другое средство борьбы, пригодное и во время застоя — манифестация, о которой подробнее говорится в № 7, при чем ясно поставлено уже основное политическое требование рабочего класса — «право участия в составлении и издании законов и в управлении государством при посредстве своих выборных». Но этот призыв к манифестации стоит в резком противоречии с советами, которые «Комитет», следуя учению «Раб. Мысли», давал в своих первых листках. Там он, призывая к стачке, отвергал всякую публичную демонстрацию, ссылаясь на знаменитый отзыв Клейгельса о том, что он справится с 10.000 рабочих, вышедших на улицу, и ничего не поделает против нескольких десятков рабочих, сидящих по домам.

Таким образом, «Комитет Петербургской Организации», повидимому, отражает в своей агитационной литературе тот ход развития, который прошло сознание петербургских рабочих масс в течение периода промышленного кризиса. Но передовой организационный отряд рабочего класса не может ограничиться такою ролью пассивного выразителя понимания вовлеченных в движение масс. Он должен стоять на высоте понимания всего рабочего движения в целом, и только в этом случае он может играть активную роль в руководстве движением масс. Он должен неустанно и неумолчно излагать массам социал-демократическую программу, пропагандировать и применять все пригодные для движения тактические приемы, и каждый критический момент должен его заставать готовым к действию.

Если бы петербургский «Комитет» приступил к своей деятельности вполне вооруженным в этом отношении, если бы, прежде всего, в период, предшествовавший его возникновению, среди рабочих С.-Петербурга выработалось более глубокое понимание основных задач нашего движения, несомненно, что его политическая агитация за прошедшую зиму привела бы к более заметным результатам. Тогда бы и политический кризис, вызванный студенческим движением и так удачно совпавший с кризисом экономическим, не застал бы врасплох авангард петербургских рабочих, и последний сумел бы встать во главе тех рабочих масс, которые приняли участие в противоправительственных демонстрациях 20 февраля и 4 марта и придать участию этих масс более сознательный характер.

Листок № 8, изданный ко дню 19 февраля, выгодно отличается от всех прочих как яркостью изложения, так и серьезностью политической мысли. Пожелаем «Комитету Петербургской Рабочей Организации» поскорее оправиться от ударов, нанесенных жандармерией, и усиленной принципиально выдержанной агитацией наверстать то, что упущено петербургским рабочим движением в период нераздельного господства в нем «экономистов» «Рабочей Мысли».

С удовольствием отмечаем, что «Комитет» выпустил прокламацию по поводу демонстрации 4 марта, в которой петербургские рабочие призываются применять этот способ борьбы за политическую свободу.

Вышедший в марте № 4 «Южного Рабочего» — такое же отрадное явление в нашей нелегальной печати, как и № 3, имевший громадный успех повсюду в России. Все статьи, написанные на самые разнообразные темы, проникнуты одним и тем же строго выдержанным направлением; как социалистические, так и политические цели движения подчеркиваются при рассмотрении каждого вопроса. Передовая статья призывает южно-русских рабочих к активной политической борьбе посредством манифестаций и всеобщей стачки и заканчивается приглашением готовиться к майскому празднику. Живо написанная статья «Кто виноват» (почему падает заработная плата на южно-русских заводах) подводит итоги развитию южно-русской промышленности за последнее десятилетие, закончившемуся кризисом, и рассматривает, как отразился этот ход развития на рабочих. Статья о неприкосновенности личности в России призывает к борьбе с самодержавием «за лучшую долю рабочих, за освобождение деревни от последних цепей рабства, за победу света над мраком и невежеством, за свободу, равенство и братство народов». Отметим, что статьи на такие темы — новое, очень симпатичное явление в нашей рабочей печати. Статьи «XIX век» дает сжато и вместе с тем достаточно полно составленный обзор социальной эволюции в протекшем веке. Весьма богат отдел корреспонденций.

Нет никакого сомнения, что новый тип агитационной печати, созданный «Южным Рабочим», подвергнется многим нападкам. Мы советуем южным товарищам не смущаться этими нападками и продолжать свое дело, так как они стоят на верной дороге. Советуем им не верить, будто бы их газета по серьезности содержания не соответствует уровню понимания русских рабочих масс, советуем не обращать внимания на требование стать «доступнее». Насколько мы знаем, «Южн. Рабочий» пользуется большим успехом среди рабочих, которые, очевидно, о своей способности понимать политическую литературу держатся несколько иного мнения, чем их друзья — интеллигенты известного толка.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено редакцией «Искры»: от Монаха 1.500 р.; от Ф. Я. У. 150 р.; от его приятеля 200 р., одним из петербургских представителей «Искры» собрано 387 р. 50 к. (Ежемесячные взносы: Л. Г. Яза я., ф., м. 18 р М. А. П. за я., ф. 20 р.; Т. О. за я., ф., м. 9 р.; П. О. за я., ф., м. 9 р.; Х. О. за м. 3 р.; - - - за м. 1 р.; через Ч. за м. 75 р.; Леля за м. 5 р.; сбор 53 р., то же 34 р., то же 15 р., W. 75 р.; Т. И. 10 р.; Т. И. 5 р.; участники манифестации 4 марта 25 р.; Бб. 11 р.; за литературу 15 р., то же 4 р. 50. Всего приход 387 р. 50 к., расход 17 р., деньги еще не получены. Из Манчестера 19 р. (2 ф. ст.).

В кассу организации «Искры» поступило с 1 сентября 1900 г. по 1 марта 1901 г.: из Киева 35 р.; из С. 10 р.; из П. 15 р. 20 к.; из Харькова 3 р. 25 к.; из Сибири 50 р. (в том числе от «Общества помощи политическим ссыльным и активному делу» 41 р.); с Кавказа 25 р.; из М-вы через П. 40 р.; из СПБ. 440 р. 30 к. (через М. 284 р. 10 к., трудовые 26 р. 20 к., А. Б. и М. 90 р., через Я. 15 р., через Т. 25 р.). Итого 618 р. 75 к.

Редакция «Зари» просит нас напечатать, что ею получено: из Парижа 350 фр. (в том числе 325 фр. от пар. гр. сод. и 25 фр. от старого народовольца), из Америки через Аксельрода 250 фр., из Женевы от организации «Социал-Демократ» 150 фр.

2а3б. Все получаем. Спасибо. Пишите.

Отложены, по недостатку места, статьи «Самодержавие и финансы», «Самодержавие и земство» и «Иностранное обозрение».

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Статья Ленина: «Рабочая партия и крестьянство» кажется случайной и затушеванной остальным содержанием номера, посвященного злобе дня — бурному выступлению студенческой молодежи на путь борьбы. На самом же деле именно ленинская статья представляет центр тяжести в номере. Она возбудила самый живой интерес среди рабочих и крестьянских масс. И действительно, в ней настолько полно и отчетливо изложена точка зрения «Искры» на крестьянский вопрос, что она является лучшим, исчерпывающим комментарием к принятой на II с'езде аграрной программе.

Прим. 2. Этот отдел был составлен гл. обр. Мартовым (см. «Письма Аксельрода и Мартова», стр. 23).

Прим. 3. Относительно роли «Союза» в студенческом движении этого времени Мартов в письме к Аксельроду пишет: «„Петерб. Союз Борьбы“, который, медленно эволюционируя за последнее время влево, дошел теперь, приблизительно, до позиции, занимаемой правым крылом „Раб. Дела“,—этот „Союз“ констатировал в последних событиях полное свое политическое бессилие. На демонстрацию 4 марта он не звал рабочих, ограничившись только тем, что „довел до сведения“ о приглашении студенческого комитета».

Прим. 4. Группа «Социалист» образовалась летом 1900 г. из остатков «группы 20», разгромленной жандармами (от нее уцелели Н. Иорданский и П. Щеголев). В группу «Социалист» вошли Б. Савинков, П. Рутенберг, Е. Бройдо-Гордон и др. Хотя возникновение этой группы можно было бы рассматривать как результат недовольства некоторой части социалистической интеллигенции «экономическим» уклоном официальных с.-д. организаций, тем не менее собственная физиономия группы имела в высшей степени неопределенный характер. Достаточно сказать, что она обращалась за литературным содействием к таким лицам, как В. И. Семевский, П. Н. Милюков, В. Португалов, Струве, Туган-Барановский и т. п. Один из видных ее деятелей, Б. Савинков (впоследствии правый эс-эр и злейший враг Советской России), требовал сближения с народническими группами. На время удельный вес группы очень увеличился в виду связи ее с возникшей в это время в Вильне типографией «Рабочей Библиотеки». Группа «Рабочей Библиотеки» успела уже нашуметь, выпустив 4—5 брошюрок, но, благодаря провокации известного Гуровича, была в январе 1901 г. разгромлена, а несколько месяцев спустя та же участь постигла и гр. «Социалист».

Незадолго перед своим концом гр. «Социалист» вела переговоры с другой такого же рода «блуждающей кометой»—группой «Рабочее Знамя». Эта последняя возникла в 1897—98 гг. из оппозиционных кружков белостокской организации Бунда, группой питерских с.-д-ов, а также киевских. Вдохновителем и инициатором группы «Раб. Зн.» был рабочий—ювелир Михаил Лурье. Он не был солидарен с киевской группой «Раб. Газеты», подготовлявший I С'езд Партии, и решил одновременно с попыткой киевлян создать самостоятельную партию под именем «Русской с.-д. партии». Особенность «Партии», которая создалась около «Рабочего Знамени», заключалась в том, что она «экономическому» направлению многих других с.-д. организаций резко противопоставила свой уклон в сторону политической борьбы. С перерывами группа просуществовала до 1901 г., выпустив 3 номера (первый и 3-й в России и 2-й в Лондоне), а также ряд брошюр. Наиболее видными ее деятелями, кроме М. Лурье, были — Арон Лурье, И. М. Ромм, С. Антропов, В. П. Ногин, С. О. Ежов-Цедербаум (брат Мартова), А. Сольц и др. В 1901 г. большинство из них примкнуло к группе «Искры». Антропов и Ногин, прибывшие из Лондона в Россию в 1901 г., как агенты «Искры», скоро были выслежены и арестованы.

Dec. 12 1911
LIBRARY
12552A

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 4. МАЙ 1901 ГОДА № 4.

СЪ ЧЕГО НАЧАТЬ?

Вопросъ: „что дѣлать?" за послѣдніе годы съ особенной силой выдвигается передъ русскими соціалдемократами. Рѣчь идетъ не о выборѣ пути (какъ это было въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ), а о томъ, какіе практическіе шаги и какъ именно должны мы сдѣлать на извѣстномъ пути. Рѣчь идетъ о системѣ и планѣ практической дѣятельности. И надо признать, что этотъ основной для практической партіи вопросъ о характерѣ и способахъ борьбы остается у насъ все еще нерѣшеннымъ, возбуждаетъ все еще серьезныя разногласія, обнаруживающія прискорбную неустойчивость и шатаніе мысли. Съ одной стороны, далеко еще не умерло „экономическое" направленіе, старающееся обкарнать и съузить работу политической организаціи и агитаціи. Съ другой стороны, по прежнему гордо поднимаетъ голову направленіе безпринципнаго эклектизма, поддѣлывающагося подъ каждое новое „вѣяніе", не умѣющаго отличать запросовъ минуты отъ основныхъ задачъ и постоянныхъ нуждъ движенія въ его цѣломъ. Какъ извѣстно, такое направленіе свило себѣ гнѣздо въ „Рабочемъ Дѣлѣ". Его послѣднее „программное" заявленіе — громкая статья подъ громкимъ заглавіемъ „Историческій поворотъ" (ном. 6 „Листка Раб. Дѣла") — особенно наглядно подтверждаетъ сдѣланную характеристику. Еще вчера мы заигрывали съ „экономизмомъ", негодовали по поводу рѣшительнаго осужденія „Раб. Мысли", „смягчали" Плехановскую постановку вопроса о борьбѣ съ самодержавіемъ, — а сегодня мы уже цитируемъ слова Либкнехта: „Если обстоятельства измѣнятся въ 24 часа, то нужно и тактику измѣнить въ 24 часа", мы уже говоримъ о „крѣпкой боевой организаціи" для прямой аттаки, для штурма на самодержавіе, о „широкой революціонной политической (вотъ ужъ какъ энергично: и революціонной и политической!) агитаціи въ массѣ", о „неустанномъ призывѣ къ уличному протесту", объ „устройствѣ уличныхъ манифестацій рѣзко (sic!) политическаго характера" и проч. и т. п. и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствіе по поводу того, что „Раб. Дѣло" такъ быстро усвоило выдвинутую нами уже въ первомъ номерѣ „Искры" программу созданія крѣпкой организованной партіи, направленной на завоеваніе не только отдѣльныхъ уступокъ, но и самой крѣпости самодержавія, но отсутствіе у усвоившихъ всякой твердой точки зрѣнія способно испортить все удовольствіе.

Имя Либкнехта „Раб. Дѣло", конечно, пріемлетъ всуе. Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-ниб. спеціальному вопросу, тактику проведенія какой-нибудь детали партійной организаціи, а измѣнить не только въ 24 часа, но хотя бы даже въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна-ли вообще, всегда и безусловно боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ. Смѣшно ссылаться на различіе обстановки, на смѣну періодовъ: работать надъ созданіемъ боевой организаціи и веденіемъ политической агитаціи обязательно при какой-угодно „сѣрой, мирной" обстановкѣ, въ періодъ какого угодно „упадка революціоннаго духа" [illegible] того: именно при такой обстановкѣ и въ такіе періоды особенно необходима указанная работа, ибо въ моменты взрывовъ и вспышекъ поздно уже создавать организацію; она должна быть наготовѣ, чтобы сразу развернуть свою дѣятельность. „Измѣнить въ 24 часа тактику"! Да для того, чтобы измѣнить тактику, надо прежде имѣть тактику, а если нѣтъ крѣпкой организаціи, искушенной въ политической борьбѣ при всякой обстановкѣ и во всякіе періоды, то не можетъ быть и рѣчи о томъ систематическомъ, освѣщенномъ твердыми принципами и неуклонно проводимомъ планѣ дѣятельности, который только и заслуживаетъ названія тактики. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ: намъ говорятъ уже, что „историческій моментъ" выдвинулъ передъ нашей партіей „совершенно новый" вопросъ — о террорѣ. Вчера „совершенно новымъ" былъ вопросъ о политической организаціи и агитаціи, сегодня — вопросъ о террорѣ. Не странно-ли слышать, какъ люди, до такой степени не помнящіе родства, разсуждаютъ о коренномъ измѣненіи тактики?

Къ счастью, „Раб. Дѣло" не право. Вопросъ о террорѣ совершенно не новый вопросъ, и намъ достаточно вкратцѣ напомнить установившіеся взгляды русской соціалдемократіи.

Принципіально мы никогда не отказывались и не можемъ отказываться отъ террора. Это — одно изъ военныхъ дѣйствій, которое можетъ быть вполнѣ пригодно и даже необходимо въ извѣстный моментъ сраженія, при извѣстномъ состояніи войска и при извѣстныхъ условіяхъ. Но суть дѣла именно въ томъ, что терроръ выдвигается въ настоящее время отнюдь не какъ одна изъ операцій дѣйствующей арміи, тѣсно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а какъ самостоятельное и независимое отъ всякой арміи средство единичнаго нападенія. Да при отсутствіи центральной и слабости мѣстныхъ революціонныхъ организацій терроръ и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Вотъ поэтому-то мы рѣшительно объявляемъ такое средство борьбы при данныхъ обстоятельствахъ несвоевременнымъ, нецѣлесообразнымъ, отвлекающимъ наиболѣе активныхъ борцовъ отъ ихъ настоящей, наиболѣе важной въ интересахъ всего движенія задачи, дезорганизующимъ не правительственныя, а революціонныя силы. Вспомните послѣднія событія: на нашихъ глазахъ широкія массы городскихъ рабочихъ и городского „простонародья" рвутся къ борьбѣ, а у революціонеровъ не оказывается штаба руководителей и организаторовъ. Не грозитъ-ли при такихъ условіяхъ уходъ самыхъ энергичныхъ революціонеровъ въ терроръ ослабленіемъ тѣхъ боевыхъ отрядовъ, на которые только и можно возлагать серьезныя надежды? Не грозитъ-ли это разрывомъ связи между революціонными организаціями и тѣми разрозненными массами недовольныхъ, протестующихъ и готовыхъ къ борьбѣ, которыя слабы именно своею разрозненностью? А вѣдь въ этой связи единственный залогъ нашего успѣха. Мы далеки отъ мысли отрицать всякое значеніе за отдѣльными героическими ударами, но нашъ долгъ — со всей энергіей предостеречь отъ увлеченія терроромъ, отъ признанія его главнымъ и основнымъ средствомъ борьбы, къ чему такъ сильно склоняются въ настоящее время очень и очень многіе. Терроръ никогда не можетъ стать зауряднымъ военнымъ дѣйствіемъ: въ лучшемъ случаѣ онъ пригоденъ лишь какъ одинъ изъ пріемовъ рѣшительнаго штурма. Спрашивается, можемъ-ли мы въ данный моментъ звать на такой штурмъ? „Раб. Дѣло", повидимому, думаетъ, что да. По крайней мѣрѣ, оно восклицаетъ: „Стройтесь въ штурмовыя колонны!" Но это опять-таки усердіе не по разуму. Главная масса нашихъ военныхъ силъ — добровольцы и повстанцы. Постояннаго войска есть у насъ лишь нѣсколько небольшихъ отрядовъ, да и тѣ не мобилизованы, не связаны между собой, не пріучены строиться въ военныя колонны вообще, а не то, что въ штурмовыя колонны. При такихъ условіяхъ для всякаго, кто способенъ обозрѣть общія условія нашей борьбы, не забывая о немъ при каждомъ „поворотѣ" историческаго хода событій, — должно быть ясно, что лозунгомъ нашимъ въ данный моментъ не можетъ быть „идти на штурмъ", а должно быть: „устроить правильную осаду непріятельской крѣпости". Другими словами: непосредственной задачей нашей партіи не можетъ быть призывъ всѣхъ наличныхъ силъ теперь же къ атакѣ, а долженъ быть призывъ къ выработкѣ революціонной организаціи, способной объединить всѣ силы и руководить движеніемъ не только по названію, но и на самомъ дѣлѣ, т. е. быть всегда готовой къ поддержкѣ всякаго протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умноженія и укрѣпленія военныхъ силъ, годныхъ для рѣшительнаго боя.

Урокъ февральскихъ и мартовскихъ событій такъ внушителенъ, что врядъ-ли можно встрѣтить теперь принципіальныя возраженія противъ такого вывода. Но отъ насъ требуется въ настоящее время не принципіальное, а практическое рѣшеніе вопроса. Требуется не только уяснить себѣ, какая именно организація, для какой именно работы необходима, — требуется выработать извѣстный планъ организаціи, чтобы къ постройкѣ ея могло быть приступлено со всѣхъ сторонъ. Въ виду неотложной важности вопроса мы рѣшаемся, съ своей стороны, предложить вниманію товарищей набросокъ плана, подробнѣе развиваемаго нами въ подготовляемой къ печати брошюрѣ.

По нашему мнѣнію, исходнымъ пунктомъ дѣятельности, первымъ практическимъ шагомъ къ созданію желаемой организаціи наконецъ, основной нитью, держась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацію, — должна быть постановка общерусской политической газеты. Намъ нужна прежде всего газета, — безъ нея невозможно то систематическое веденіе принципіально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитаціи, которое составляетъ постоянную и главную задачу соціалдемократіи вообще и особенно насущную задачу настоящаго момента, когда интересъ къ политикѣ, къ вопросамъ соціализма пробужденъ въ наиболѣе широкихъ слояхъ населенія. И никогда не чувствовалось съ такой силой, какъ теперь, потребность въ томъ, чтобы дополнить раздробленную агитацію посредствомъ личнаго воздѣйствія, мѣстныхъ листковъ, брошюръ и пр. той обобщенной и регулярной агитаціей, которую можно вести только при помощи періодической прессы. Врядъ-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространенія) газеты можетъ служить наиболѣе точнымъ мѣриломъ того, насколько солидно поставлена у насъ эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной дѣятельности. Далѣе, намъ нужна именно общерусская газета. Если мы не съумѣемъ и пока мы не съумѣемъ объединить наше воздѣйствіе на народъ и на правительство посредствомъ печатнаго слова, — будетъ утопіей мысль объ объединеніи другихъ, болѣе сложныхъ, трудныхъ, но за то и болѣе рѣшительныхъ способовъ воздѣйствія. Наше движеніе и въ идейномъ и въ практическомъ, организаціонномъ отношеніи всего болѣе страдаетъ отъ своей раздробленности, отъ того, что громадное большинство соціалдемократовъ почти всецѣло поглощено чисто м ной работой, съузивающей ихъ кругозоръ, и ра
дѣятельности, и ихъ конспиратив
ленность. Именно въ этой раздробл искать
наиболѣе глубокихъ корней той неустс шатанія,
о которыхъ мы говорили выше. И п впередъ
по пути избавленія отъ этого недоста вращенія
нѣсколькихъ мѣстныхъ движеній въ е движе-
ніе должна быть постановка общер конецъ
намъ нужна непремѣнно политичес полити-
ческаго органа немыслимо въ совреме ніе, за-
служивающее названіе политическаго дно не-
мима наша задача — сконцентр я поли-
тическаго недовольства и протеста, воло
онное движеніе пролетаріата. Мы ъ, мы
пробудили въ рабочемъ классѣ стра фаб-
ричныхъ обличеній. Мы должны про-
будить во всѣхъ сколько-нибудь
страсть политическихъ облич
что политически обличительные го
въ настоящее время. Причина
примиреніе съ полицейскимъ про
у людей, способныхъ и готовыхъ
которой бы они могли говорить,
слушающей и ободряющей орат
гдѣ въ народѣ такой силы, къ
щаться съ жалобой на „всемогу
теперь все это измѣняется съ гро
есть, — это революціонный проле
готовность не только слушать и
тической борьбы, но и смѣло б
стояніи теперь и мы обязаны с
обличенія царскаго правительства; —
быть соціалдемократическая газета. Русскій
отличіе отъ другихъ классовъ и слоевъ русскаго
являетъ постоянный интересъ къ политическому зн
являетъ постоянно (а не только въ періоды особаго во
громадный спросъ на нелегальную литературу. При тако
совомъ спросѣ, при начавшейся уже выработкѣ опытныхъ
ціонныхъ руководителей, при той сконцентрированности ра
чаго класса, которая дѣлаетъ его фактическимъ господиномъ въ рабочихъ кварталахъ большого города, въ заводскомъ поселкѣ, въ фабричномъ мѣстечкѣ, — постановка политической газеты есть дѣло вполнѣ посильное для пролетаріата. А черезъ посредство пролетаріата газета проникнетъ въ ряды городского мѣщанства, сельскихъ кустарей и крестьянъ и станетъ настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, однимъ распространеніемъ идей, однимъ политическимъ воспитаніемъ и привлеченіемъ политическихъ союзниковъ. Газета — не только коллективный пропагандистъ и коллективный агитаторъ, но также и коллективный организаторъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи ее можно сравнить съ лѣсами, которые строятся вокругъ возводимаго зданія, намѣчаютъ контуры постройки, облегчаютъ сношенія между отдѣльными строителями, помогаютъ имъ распредѣлять работу и обозрѣвать общіе результаты, достигнутые организованнымъ трудомъ. При помощи газеты и въ связи съ ней сама собой будетъ складываться постоянная организація, занятая не только мѣстной, но и регулярной общей работой, пріучающей своихъ членовъ внимательно слѣдить за политическими событіями, оцѣнивать ихъ значеніе и ихъ вліяніе на разные слои населенія, вырабатывать цѣлесообразные способы воздѣйствія на эти событія со стороны революціонной партіи. Одна уже техническая задача — обезпечить правильное снабженіе газеты матеріалами и правильное распространеніе ея — заставляетъ создать сѣть мѣстныхъ агентовъ единой партіи, агентовъ, находящихся въ живыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, знающихъ общее положеніе дѣлъ, привыкающихъ регулярно исполнять дробныя функціи общерусской работы, пробующихъ свои силы на организаціи тѣхъ или иныхъ революціонныхъ дѣйствій. Эта сѣть агентовъ*) будетъ остовомъ именно такой организаціи, которая намъ нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное раздѣленіе труда; достаточно выдержанной, чтобы умѣть при всякихъ обстоятельствахъ, при всякихъ „поворотахъ" и неожиданностяхъ вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы умѣть, съ одной стороны, уклониться отъ сраженія въ открытомъ полѣ съ подавляющимъ своею силою непріятелемъ, когда онъ собралъ на одномъ пунктѣ всѣ силы, а съ другой стороны, чтобы умѣть пользоваться неповоротливостью этого непріятеля и нападать на него тамъ и тогда, гдѣ всего менѣе ожидаютъ нападенія. Сегодня передъ нами встала сравнительно легкая задача поддержать студентовъ, демонстрирующихъ на улицахъ большихъ городовъ. Завтра встанетъ, можетъ быть, болѣе трудная задача — напр., поддержать движеніе безработныхъ въ извѣстномъ районѣ. Послѣзавтра мы должны оказаться на своемъ посту, чтобы принять революціонное участіе въ крестьянскомъ бунтѣ. Сегодня мы должны воспользоваться тѣмъ обостреніемъ политическаго положенія, которое создало правительство походомъ на земство. Завтра мы должны поддержать возмущеніе населенія противъ того или другого зарвавшагося царскаго башибузука и помочь — посредствомъ бойкота, травли, манифестаціи и т. п. — проучить его такъ, чтобы онъ принужденъ былъ къ открытому отступленію. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной дѣятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединимъ свои силы на веденіи общей газеты, то такая работа подготовитъ и выдвинетъ не только наиболѣе умѣлыхъ пропагандистовъ, но и наиболѣе искусныхъ организаторовъ, наиболѣе талантливыхъ политическихъ вождей партіи, способныхъ въ нужную минуту дать лозунгъ къ рѣшительному бою и руководить имъ.

Въ заключеніе — пару словъ во избѣжаніе возможнаго недоразумѣнія. Мы говорили все время только о систематической, планомѣрной подготовкѣ, но мы отнюдь не хотѣли этимъ сказать, что самодержавіе можетъ пасть исключительно отъ правильной осады или организованнаго штурма. Такой взглядъ былъ бы нелѣпымъ доктринерствомъ. Напротивъ, вполнѣ возможно и исторически гораздо болѣе вѣроятно, что самодержавіе падетъ подъ давленіемъ одного изъ тѣхъ стихійныхъ взрывовъ или непредвидѣнныхъ политическихъ осложненій, которыя постоянно грозятъ со всѣхъ сторонъ. Но ни одна политическая партія, не впадая въ авантюризмъ, не можетъ строить своей дѣятельности въ разсчетѣ на такіе взрывы и осложненія. Мы должны идти своимъ путемъ, неуклонно дѣлать свою систематическую работу и, чѣмъ меньше будемъ мы разсчитывать на неожиданности, тѣмъ больше вѣроятія, что насъ не застанутъ врасплохъ никакіе „историческіе повороты".

САМОДЕРЖАВІЕ И ФИНАНСЫ.

Покуда русская жанд[illegible] въ борьбѣ противъ крамолы, переполняетъ тюрьмы, русское правительство само подтачиваетъ основы абсолютизма. Центръ этой разрушительной дѣятельности — министерство финансовъ.

Господинъ Витте недавно хвастался передъ Европой тѣмъ, что въ Россіи нѣтъ парламента и что, поэтому, могущественное правительство можетъ поступать по произволу, не считаясь ни съ какой оппозиціей. Но не считаясь съ политической оппозиціей, русское правительство тѣмъ болѣе принуждено считаться — съ настроеніемъ биржи. Какая зависимость болѣе унизительна и болѣе связываетъ: зависимость отъ избранныхъ представителей народа или зависимость отъ фирмы Ротшильда и отъ французскихъ банковъ? Подпись царя-самодержца не имѣетъ на денежномъ рынкѣ никакой силы, если она не подкрѣплена подписью потомковъ Мейера Амшеля Ротшильда.

А биржа именно потому и относится такъ недовѣрчиво къ русскому правительству, что оно не подлежитъ никакому парламентскому контролю. Буржуазія Западной Европы знаетъ по собственному долгому опыту, что только отчетность передъ парламентомъ можетъ пролить полный свѣтъ на финансовое положеніе государства. Да и какъ, напр., нѣмецкимъ капиталистамъ довѣрять публикаціямъ русскаго министерства финансовъ, когда они знаютъ, что въ Пруссіи съ 1821 до 1848 г. на ряду съ публиковавшимися бюджетами существовали тайные, разнившіеся отъ первыхъ на много милліоновъ? Вѣдь даже отъ каждаго акціонернаго общества требуется публичная отчетность: оно обязано публиковать свой балансъ, его правленіе стоитъ подъ контролемъ избраннаго комитета и т. д., — такъ какъ же не требовать контроля надъ финансами государства, оперирующаго тысячами милліоновъ, имѣющаго самые многоразличные, постоянно и легко поддающіеся измѣненіямъ источники доходовъ и расходовъ? Потому и не довѣряютъ.

Эту связь между кредитоспособностью государства и парламентаризмомъ нашему правительству не разъ приходилось чувствовать. Наглядный примѣръ — денежная реформа. Лѣтъ 15, начиная съ 1884 г., казна копила золото. Всякими правдами и неправдами собрала она большую сумму, воспользовавшись въ особенности французскими конверсіями. Затѣмъ перечеканили монету, сдѣлавъ изъ двухъ полуимперіаловъ три, иначе говоря, объявили банкротство: платили за рубль 66 коп. Увеличивъ номинальную стоимость золотой монеты, нетрудно было уничтожать кредитные билеты, которыхъ и такъ былъ большой излишекъ. И вотъ, наконецъ, было достигнуто громадное покрытіе кредитныхъ билетовъ золотомъ. Къ концу 1897 г. въ казначействѣ и государственномъ банкѣ было 1315 мил. рублей, а кредитныхъ билетовъ было въ обращеніи всего 930 мил. Положеніе, казалось бы, чрезвычайно солидное. Въ Германіи, Франціи, даже въ Англіи соотношеніе между запасомъ золота и обращеніемъ кредитныхъ билетовъ гораздо

---

*) Понятно само собой, что такіе агенты могли бы работать успѣшно только при условіи полной близости ихъ къ мѣстнымъ комитетамъ (группамъ, кружкамъ) нашей партіи. Да и вообще весь намѣчаемый нами планъ осуществимъ, конечно, лишь при самой активной поддержкѣ комитетовъ, которые не разъ дѣлали шаги къ объединенію партіи и которые — мы увѣрены — добьются этого объединенія не сегодня, такъ завтра, не въ той, такъ въ другой формѣ.

[illegible]ятно. Но какъ только былъ введенъ обяза[illegible]ъ на золото, золото стало исчезать изъ госу[illegible] банка. Течетъ „золото,“ какъ изъ дыры въ [illegible] его нельзя удержать. Начиная съ 1897 г. [illegible]ожили на 369 мил. рублей кредитныхъ билетовъ, а золота ушло изъ государственнаго банка около 600 мил., если даже не считать золота, пріобрѣтеннаго за это время правительствомъ. Запасъ золота къ 16-му января 1901 г. былъ всего только 738 мил., т. е. онъ былъ уже почти на 170 мил. меньше, чѣмъ осенью 1892 г. во время страшнаго голода. Если считать на старую валюту, то у насъ уже опять образовался долгъ по кредитнымъ билетамъ въ 140 милліоновъ, т. е. столько выпущено бумажекъ безъ покрытія золотомъ. А золото все уходитъ, цѣлыми вагонами увозятъ его за границу. Понятно, поэтому, что самъ Витте сталъ сильно безпокоиться, до того даже, что заявляетъ объ этомъ публично. Въ своемъ докладѣ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1901 годъ онъ свидѣтельствуетъ, что это „неблагопріятный фактъ, заслуживающій серьезнаго вниманія“. Чтобы объяснить такое явленіе, онъ ссылается на общія причины стѣсненія денежнаго рынка. Но не объяснилъ онъ вотъ чего: въ то время, какъ въ другихъ государствахъ уменьшенію золотого запаса эмиссіонныхъ банковъ, т. е. увеличенію количества золота въ обращеніи соотвѣтствуетъ увеличеніе обращенія банковыхъ знаковъ, что вполнѣ понятно, разъ общая потребность въ деньгахъ увеличилась, у насъ какъ разъ наоборотъ — золото уходитъ, а кредитки возвращаются въ банкъ. Не смотря на то, что количество кредитныхъ билетовъ противъ прежняго уменьшено на полмилліона, въ кассѣ государственнаго банка накопляется кредитныхъ рублей больше, чѣмъ когда бы то ни было. Въ настоящее время отъ 10 до 20 проц. всѣхъ кредитныхъ рублей находятся въ кассахъ государственнаго банка, количество до монетной реформы совершенно небывалое. Значитъ, публика требуетъ не просто денегъ, а требуетъ — золота.

Цѣль монетной реформы — обезпечить денежное обращеніе кредитныхъ билетовъ по установленному курсу; межъ тѣмъ оказывается, что золотой размѣнъ вообще вытѣсняетъ кредитки изъ обращенія. Конечно, банкъ старается пустить бумажки опять въ ходъ, а онѣ возвращаются обратно въ обмѣнъ на золото — въ публикѣ становится золота все больше, въ банкѣ все меньше. Если не задержать этого процесса, то, очевидно, золото изъ банка совершенно исчезнетъ. Весь разсчетъ правительства былъ въ томъ, что въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, установится опредѣленное соотношеніе между количествомъ золота и количествомъ кредитокъ въ обращеніи; запасъ золота нуженъ былъ бы тогда только для того, чтобы покрывать временныя отклоненія отъ нормы. Почему же въ Россіи эффектъ получается совсѣмъ другой? Да потому, что въ денежномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ важенъ моментъ довѣрія; а такъ какъ довѣріе къ финансовымъ операціямъ русскаго правительства равняется нулю, то и оказывается тенденція свести находящіеся въ обращеніи кредитные билеты на нуль. Золото въ рукахъ — это обезпеченіе, кредитные же билеты — вексель на правительство, а векселю какая цѣна? Сегодня рубль за рубль, а завтра, по указу Его Императорскаго Величества, которому не приходится считаться съ парламентарной оппозиціей, за рубль полтину! Удивительно-ли [illegible] этомъ, что купцы предпочитаютъ золото?

Положеніе министерства финансовъ чрезвычайно затруднительное. Введя золотую валюту, оно приняло на себя обязательства передъ Европой. Отмѣнить теперь золотой размѣнъ значитъ окончательно погубить кредитъ. А не отмѣнить, — гдѣ взять золото? Нуженъ заграничный заемъ. А такъ какъ новый заемъ до крайности необходимъ, то г. Витте въ своемъ докладѣ съ необыкновеннымъ много- и пустословіемъ распространяется о томъ, что занимать деньги не слѣдуетъ. Кому это онъ пыль въ глаза пускаетъ, неизвѣстно, можетъ быть, Николаю II, но только европейскую публику ему на этотъ разъ обмануть не удалось. Западноевропейскія газеты въ теченіе прошлаго лѣта неоднократно сообщали о неудачныхъ попыткахъ русскаго министерства финансовъ заключить заемъ. Извѣстно, что [illegible]е съ этой цѣлью ѣздилъ два раза въ Парижъ, а его [illegible]ансовый агентъ Ротштейнъ за тѣмъ же въ Нью-Іоркъ [illegible], напрасно! Банки ставятъ невозможныя условія. [illegible] уже и французскій денежный рынокъ закрывае[illegible] передъ царскимъ правительствомъ, такъ куда же бросит[illegible] Лондонская биржа уже давно держитъ себя въ сторонѣ отъ русскихъ займовъ, берлинская закрылась въ 80-хъ гг. и затѣмъ, хотя небольшими количествами и покупаетъ русскіе займы, но въ общемъ воспользовалась конверсіями, чтобы сплавить русскія цѣнности въ Парижъ. Такъ гдѣ же взять золота?

А заемъ нуженъ, ой, какъ нуженъ! Безъ займа, вмѣсто того, чтобы пополнять кассы банка, казначейство само тащитъ изъ нихъ золото. Текущій счетъ казначейства въ государственномъ банкѣ уменьшился противъ прошлаго года болѣе, чѣмъ на 250 мил. рублей. Обыкновенно банковый счетъ казначейства въ началѣ года — приблизительно до конца февраля — увеличивается, а теперь онъ уже съ середины января идетъ на пониженіе: 8-го января было 307½ мил. руб., 16-го уже только 291, противъ прошлаго года на 266 милліоновъ меньше. Таможенный доходъ понизился, сахарный тоже. А главное, доходъ питейный и отъ винной монополіи находятся въ очень сомнительномъ положеніи. Хотя выкурка вина противъ прошлаго года къ 1-му декабря 1900 года была выше всего на милліонъ ведеръ, но спиртныхъ запасовъ было больше на 7 мил. вед., — значитъ, застой въ продажѣ вина. А между тѣмъ кабацкій доходъ — главная опора русскаго бюджета. Но какъ же потребленію водки не уменьшиться, когда по деревнямъ голодъ? Однако же, не смотря на голодъ, съ мужиковъ подати выколачивали: съ удѣльныхъ еще къ 1-му ноября собрали больше годового оклада, съ государственныхъ больше девяти десятыхъ оклада, а съ бывшихъ помѣщичьихъ три четверти. Высасываніемъ послѣднихъ соковъ изъ мужика, спаиваніемъ народа да хищническимъ хозяйствомъ на желѣзныхъ дорогахъ только еще и пополняютъ кассы казначейства.

Да и то наличныхъ денегъ давно ужъ не хватаетъ. Остаются невыполненными изъ года въ годъ смѣтныя назначенія обыкновеннаго бюджета. Отъ 1-го января по 1-ое ноября 1900 года было истрачено 120 мил. рублей по смѣтнымъ назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, а по чрезвычайному бюджету 63 мил. А такъ какъ къ 1-му января 1900 г. было по крайней мѣрѣ на 300 мил. рублей остатковъ, то, слѣдовательно, еще и послѣ 1-го ноября 1900 г. осталось невыполненныхъ расходовъ по назначеніямъ отъ 1-го января 1899 года и предыдущихъ лѣтъ 117 милліоновъ! Сколько осталось невыполненнымъ изъ бюджета 1900 года, неизвѣстно, но, судя по всему, навѣрное не мало. Къ тому же были экстренные, неожиданные расходы. Витте отчисляетъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ на дальнемъ востокѣ, 62 м. рублей. Однако же онъ самъ заявляетъ, что этимъ далеко не исчерпываются понесенныя потери. Сумма поставлена маленькая, чтобы не отягчать бюджета. Но платить-то вѣдь все-таки придется! Между тѣмъ военные расходы еще не закончены, они продолжаются и теперь, и сумма ихъ ростетъ со дня на день. А сколько растеряно да разграблено вслѣдствіе пріостановки въ постройкѣ сибирской желѣзной дороги! Вообще на постройку этой дороги больше денегъ нѣтъ. Въ прошломъ году на сооруженіе дороги и на покупку подвижного матеріала ассигновано было 70 мил. рублей, а въ нынѣшнемъ 10! А тутъ еще голодъ въ Сибири, дороговизна на хлѣбъ! Голодъ вообще требуетъ отъ правительства затратъ. Дать умереть мужикамъ, съ кого же послѣ этого подати брать? Сейчасъ 5½ мил. [illegible]сигновали. А какъ-то еще къ весн[illegible] будетъ?

Въ [illegible] отъ конца февраля до начала октября, банко[illegible]чейства понизился на 230 мил. Если въ ны[illegible]торится то же самое, то отъ денежныхъ [illegible]чейства въ банкѣ останутся какихъ-нибу[illegible]іоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это увеличитъ [illegible] государственнаго банка. Золотой раз[illegible]чество съ государственнымъ банком[illegible] и вотъ общими усиліями готови[illegible]инансовый и денежный!

Ра[illegible] сдѣлать „заемъ“! Уже много лѣт[illegible]скаго самодержавія — республикан[illegible]зія. Допустимъ, что и на [illegible]ся, но все же положеніе ста[illegible]ельнымъ. Если сосчитать чи[illegible] Россіи, то почти треть изъ [illegible]центовъ по займамъ. 275 мил. [illegible]о займамъ! Передъ этимъ все [illegible]дній планъ, остаются невыполн[illegible] государственныя потребности, [illegible]хъ задачахъ. Куда же это ведетъ? Отвѣтъ даетъ — Турція. Парламентаризмъ или политическое разложеніе и рабство передъ биржей — такова дилемма!

САМОДЕРЖАВІЕ И ЗЕМСТВО.

Въ ном. 2 „Искры“ мы уже указали, что душой правительственныхъ плановъ, направленныхъ на полное упраздненіе земства, является министръ финансовъ статсъ-секретарь Витте. Въ 1889 году онъ выступилъ съ обширной запиской, въ которой, возражая противъ предложеннаго бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинымъ введенія земскихъ учрежденій въ Западномъ Краѣ, доказываетъ, что сохраненіе сколько-нибудь независимаго мѣстнаго самоуправленія несовмѣстимо съ поддержаніемъ самодержавія. Земство должно быть либо прямо упразднено, либо совершенно подчинено бюрократіи. Земству — развиваетъ г. Витте — необходимо присуще стремленіе получить политическое значеніе, изъ органа мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія стать независимымъ и равноправнымъ съ монархомъ органомъ государственной власти. Другими словами, земство есть зародышъ народнаго представительства, конституціи. Этотъ зародышъ очень слабъ, еле замѣтенъ, но „въ немъ таятся зачатки опаснаго для самодержавія будущаго, и потому земство подлежитъ политической казни. Г. Витте оставляетъ неяснымъ, желаетъ-ли онъ прямо отсѣчь голову земству или готовитъ ему медленную смерть, но во всякомъ случаѣ земство должно пасть. Ясно, что ненавистно въ земствѣ такимъ представителямъ самодержавной бюрократіи, какъ Витте. Ненавистна имъ его независимость, теперь скрытая или дающая себя знать въ неопасныхъ для самодержавія мелочахъ, но въ критическій моментъ могущая прорваться сразу и найти себѣ въ земскихъ учрежденіяхъ организованное орудіе.

Любопытно и въ высшей степени знаменательно, съ какимъ вниманіемъ верховные стражи самодержавной бюрократіи ловятъ каждое проявленіе земской независимости, какъ тщательно они доискиваются политическаго смысла въ каждомъ, даже самомъ робкомъ, шагѣ и заявленіи земскихъ людей. Въ этомъ вниманіи выражается у однихъ ясное сознаніе, у другихъ смутное, еще безотчетное чувство, что пышное зданіе бюрократическаго произвола подточено изнутри, что самодержавная бюрократія исчерпала свои силы и исполнила всѣ свои историческія задачи; что для того, чтобы сохранить свою позицію, ей нужно быть всегда на чеку. Историческія силы, враждебныя самодержавной бюрократіи, настолько выросли, что стоитъ представителямъ ея зазѣваться для того, чтобы потерять равновѣсіе и начать катиться по наклонной плоскости къ мѣсту, на которомъ явственно начертана зловѣщая надпись: конституція.

Для характеристики этого положенія вещей мы приведемъ изъ записки Витте нѣкоторыя мѣста, посвященныя уясненію политической роли преобразованнаго по положенію 1890 г. земства. Конституціонныя стремленія земства, какъ извѣстно, выразились болѣе или менѣе ярко въ эпоху народовольческаго террора, въ концѣ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Охарактеризовавъ земскую агитацію этой эпохи и выяснивъ ея значеніе, г. Витте ставитъ вопросъ: исчезла-ли съ изданіемъ положенія 1890 г. политическая тенденція земствъ, ихъ стремленіе къ участію въ законодательной дѣятельности?“ Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Витте напоминаетъ объ „адресахъ, поданныхъ по случаю восшествія на престолъ благополучно царствующаго Государя Императора, адресахъ, въ которыхъ довольно ясно сказалось прежнее, но затаенное нынѣ стремленіе земства выйти изъ сферы мѣстныхъ дѣлъ, ему предоставленныхъ“. „Всѣ адреса, поданные земствами въ 1894-95 гг. не были результатомъ случайнаго увлеченія мимолетной идеей, они были прямымъ слѣдствіемъ удобнаго, по ихъ мнѣнію, момента для выраженія все той же мысли земцевъ о необходимости добиться участія въ законодательствѣ и центральномъ управленіи. Эта мысль, несомнѣнно, не умерла еще въ средѣ земской и нынѣ, да по самой природѣ вещей и не можетъ умереть“. Краснорѣчивое указаніе на это — по словамъ г. Витте — имѣется во всеподданнѣйшихъ отчетахъ тверского губернатора, который указалъ, что „борьба съ земской оппозиціей составляетъ тяжелую задачу мѣстной администраціи и что отъ предсѣдательствующихъ въ земскихъ собраніяхъ предводителей дворянства требуется иногда даже „гражданское мужество“ (sic!) для выполненія конфиденціальныхъ циркуляровъ мин. внутреннихъ дѣлъ о предметахъ, которыхъ земскія учрежденія не должны касаться“. Г. Витте рѣшительно отвергаетъ завѣренія мин. внутреннихъ дѣлъ, будто послѣ земскаго положенія 1890 г. „исчезъ даже призракъ политическихъ стремленій“. „Политическая тенденція — заявляетъ г. Витте — съ основанія земскихъ учрежденій до самаго послѣдняго времени то подавлялась, то снова воскресала, но несомнѣнно что ею отмѣчена 35-тилѣтняя исторія нашего земства“. Министръ финансовъ смѣется надъ утвержденіемъ г. Горемыкина, будто „всѣ конституціонныя стремленія земствъ сводились къ пустой шумливой оппозиціи губернскому начальству нѣсколькихъ крикуновъ и политикановъ въ немногихъ уѣздахъ. Это говорится либо неискренно, либо по незнакомству съ „разнороднымъ и богатымъ секретнымъ матеріаломъ, который имѣется въ дѣлахъ министерства внутреннихъ дѣлъ“. Если даже просто подсчитать всѣ тѣ земства, которыми прямо или косвенно заявлялись ходатайства о допущеніи ихъ къ участію въ законодательствѣ, то получится не нѣсколько уѣздовъ, а не менѣе половины всѣхъ

ВОПРОСЫ ДНЯ

Кое-что о террорѣ. Какъ иногда люди поворачиваютъ

По словамъ „Раб. Дѣла“, переживаемый нами „истори[illegible] моментъ выдвинулъ также передъ нашей партіей соверш[illegible] новый (курсивъ нашъ) вопросъ. Выстрѣлы Карповича и [illegible]скаго и сочувствіе, которое они встрѣтили въ рядахъ мол[illegible] и всѣхъ(?) революціонныхъ элементовъ, ясно показываетъ [illegible] бѣлый терроръ царскаго правительства снова, съ неотвра[illegible] силой закона природы, создаетъ почву для краснаго те[illegible] революціонеровъ“. „Рабочее Дѣло“, въ виду этого, пригла[illegible] „наши партійныя организаціи“ сообща рѣшить вопросъ о [illegible] отношеніи къ террору.

Вопросъ о террорѣ, столь „новый“ для „Раб. Дѣла“, далеко не новъ для русской соціалдемократіи.

Въ началѣ 80-хъ годовъ громадное большинство русскихъ революціонеровъ было увѣрено въ томъ, что политическая борьба въ Россіи возможна только въ видѣ террористической борьбы заговорщической партіи. На чемъ была основана эта увѣренность? На неудачѣ предшествовавшихъ попытокъ русскихъ революціонеровъ вызвать широкое революціонное движеніе народа помощью пропаганды и агитаціи въ его средѣ. Мы знаемъ теперь, что было причиной этой неудачи. Тѣ народныя массы, къ которымъ обращались революціонеры семидесятыхъ годовъ (крестьянская масса), не представляли собой силы, способной на революціонную борьбу съ существующимъ строемъ. Тотъ же классъ, который такой силой могъ бы стать — пролетаріатъ — былъ еще слишкомъ незрѣлъ, а программа русскихъ революціонеровъ того времени не позволяла использовать и той степени революціоннаго развитія, которую пролетаріатъ уже достигъ. Съ другой стороны, движеніе либеральныхъ слоевъ „общества“ тогда, какъ и теперь, не могло вообще представить самостоятельной революціонной силы. Поэтому революціонная партія естественно склонялась къ мысли о совершеніи политической революціи собственными силами, помощью единственно доступнаго кучкѣ заговорщиковъ средства — политическаго террора. По мысли революціонеровъ того времени систематическій терроръ долженъ былъ разстроить правительственную организацію (дезорганизовать правительство), ослабить обаяніе его власти въ глазахъ недовольныхъ, но не способныхъ къ революціонному движенію слоевъ населенія, запугать правительство и принудить его къ уступкамъ. Само собой разумѣется, что эта цѣль могла быть достигнута тѣмъ легче, чѣмъ болѣе проявлялось бы въ рѣзкихъ формахъ недовольство [illegible]этому народовольцы очень цѣнили [illegible]е и особенно надѣялись на дви[illegible]мъ такомъ проявленіи обществен[illegible]ѣли только вспомогательную [illegible]ганизацію правительства, главные [illegible]жна была наносить заговорщическая [illegible] былъ главнымъ средствомъ.

[illegible]овъ, какъ извѣстно, не оправдались, и ре[illegible]олжна была вернуться къ идеѣ народнаго [illegible]динственной силы, способной сломить организо[illegible]осударства. Но это не было простымъ возвраще[illegible]ародническимъ идеямъ 70-хъ годовъ. Подвергнувъ [illegible]му пересмотру всѣ основанія народнической и народо[illegible]ой программы, революціонная мысль въ лицѣ группы „Осв. Труда“ нашла основной рычагъ революціоннаго развитія въ процессѣ развитія классовыхъ противорѣчій и вызываемой ими классовой борьбы и основную силу русской революціи — въ пролетаріатѣ, въ единственномъ классѣ, способномъ создать общенародное политическое движеніе и повести успѣшную борьбу за политическую свободу и соціализмъ.

Русская соціалдемократія выросла и развилась въ борьбѣ съ тѣмъ направленіемъ русской соціально-революціонной мысли, для которой всякая политическая борьба въ Россіи сводилась къ террору. Какъ удивились бы, узнавъ о „новизнѣ“ вопроса о террорѣ для соціалдемократовъ „Раб. Дѣла“ тѣ народовольцы 80-хъ и 90-хъ годовъ, которые на почвѣ именно этого вопроса остались за флагомъ въ борьбѣ съ русскими соціалдемократами! Какъ посмѣются, узнавъ объ этой „новизнѣ“, тѣ петербургскіе рабочіе, которые въ началѣ 90-хъ годовъ выработали свое политическое міровоззрѣніе въ борьбѣ съ народовольческимъ направленіемъ, въ борьбѣ, практическій смыслъ которой сводился къ вопросу: терроръ или политическое движеніе пролетаріата?

Въ то время, какъ народовольцы не видѣли въ Россіи другихъ средствъ активной политической борьбы, кромѣ террора, примѣняемаго заговорщической партіей, соціалдемократы доказывали, что, развивая и организуя классовую борьбу пролетаріата, они содѣйствуютъ выработкѣ изъ него такой политической силы, которая въ извѣстный моментъ сможетъ рядомъ активныхъ нападеній на государственный строй расшатать его и вынудить или взять съ боя уступки народнымъ требованіямъ.

Первая часть поставленной себѣ соціалдемократами задачи была выполнена. Широкой волной разлилось по Россіи рабочее движеніе, идеи классовой борьбы проникли во всѣ слои пролетаріата, соціалдемократія стала единственной сильной революціонной партіей, отъ старыхъ революціонныхъ направленій не осталось почти и слѣда. И что же? Въ тотъ самый моментъ, когда ей предстояло, повидимому, перейти къ организаціи систематической активной политической борьбы съ существующимъ строемъ, [illegible] въ этотъ самый моментъ въ средѣ русскихъ соціалистовъ, въ томъ числѣ и среди рабочихъ, вновь возникаютъ симпатіи къ террору, какъ орудію политической борьбы, и для многихъ соціалдемократовъ вопросъ о террорѣ выплываетъ, какъ „совершенно новый“ вопросъ. Гдѣ кроется причина этого страннаго явленія?

Ее не трудно увидѣть. Ростъ террористическихъ стремленій въ русскомъ революціонномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ идетъ параллельно съ тѣмъ упадкомъ революціоннаго настроенія русской соціалдемократіи, который замѣчается съ 1898 г., по мѣрѣ развитія въ ней „экономическаго“ направленія и „критики марксизма“. Соціалдемократическое движеніе, уже достигшее той высоты развитія, на которой оно пыталось сложиться въ политическую партію съ опредѣленной политической задачей ближайшаго будущаго, начинаетъ видимо падать, размѣниваться на мелочи. На мѣсто вѣры въ близость рѣшительной битвы съ самодержавіемъ выступаетъ увѣренность въ томъ, что для очень долгаго періода дѣятельность борцовъ рабочаго движенія можетъ сводиться только къ будничной борьбѣ за частичныя улучшенія положенія рабочаго класса, на мѣсто убѣжденія въ первенствующей роли, которую русскій пролетаріатъ долженъ играть въ общенародной борьбѣ съ самодержавіемъ, становится молчаливое признаніе того, что пролетаріатъ можетъ только своей чисто экономической борьбой расшатать существующій строй, производить въ немъ болѣе или менѣе значительный „безпорядокъ“, активно же работать надъ его преобразованіемъ должно либеральное „общество“. Это убѣжденіе легло въ основу программы извѣстнаго „credo“, программы, которая далеко не является такимъ продуктомъ недомыслія отдѣльныхъ лицъ, какимъ его хотѣло представить „Раб. Дѣло“, но выражаетъ наиболѣе рѣзко логическіе выводы изъ взглядовъ, ставшихъ популярными среди очень многихъ товарищей. Исключительно-экономическая практика соціалдемократовъ обусловливаетъ перенось политическихъ задачъ современности на либеральную интеллигенцію (см. Аксельродъ, Письмо въ ред. „Раб. Дѣла“).

Но не всѣмъ дано принизить свое политическое міровоззрѣніе до вѣры въ революціонныя способности русскаго либерализма. Тѣ, кто не могъ возложить всѣ свои политическія надежды на либеральное общество, тѣ революціонеры, которые не способны были самодовольно углубиться въ агитацію по поводу „копейки на рубль“, но которые въ то же время заразились моднымъ земскихъ губерній. Но если ознакомиться съ содержаніемъ ходатайствъ и принять во вниманіе, при какихъ условіяхъ и какими мѣрами предотвращались подобныя же заявленія въ другихъ губерніяхъ, то станетъ довольно ясно, что земское движеніе въ пользу земскаго собора много серьезнѣй „пустой шумливой оппозиціи губернскому начальству". „Во главѣ движенія шли, конечно, вожаки („крикуны и политиканы", какъ ихъ характеризуетъ министръ внутреннихъ дѣлъ), но если за этими „политиканами" такъ дружно шло огромное большинство самыхъ благородныхъ, самыхъ благонамѣренныхъ земцевъ, то не служитъ-ли уже одно это доказательствомъ, что въ самой постановкѣ земскаго дѣла что-то неладно, что въ немъ есть какая-то несообразность, какое-то политическое несоотвѣтствіе всему государственному строю, и что надо серьезно подумать прежде, чѣмъ переносить земскія учрежденія на обильныя всякими политическими броженіями окраины". „Движеніе, проявившееся въ земствахъ послѣ введенія въ дѣйствіе закона 1890 г.", являясь „болѣе мягкимъ по внѣшней формѣ", „по внутреннему своему содержанію" представляется г. Витте „болѣе знаменательнымъ, чѣмъ даже рѣзкое движеніе 1879-1883 гг." Г. министръ финансовъ указываетъ на то, что „закономъ 1890 г. земству дана сословная окраска, усиленъ въ собраніяхъ правительственный элементъ, что въ составъ губернскихъ земскихъ собраній введены всѣ уѣздные предводители дворянства и земскіе начальники, *и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжаетъ тѣмъ не менѣе проявлять политическую тенденцію, то надъ этимъ слѣдовало бы призадуматься*" (курсивъ нашъ).

Да, надъ этимъ слѣдуетъ призадуматься и намъ, рѣшительнымъ противникамъ самодержавія. Сыскъ о политической неблагонадежности земства, ежедневно, такъ сказать, по обязанностямъ службы практикуемый министромъ внутреннихъ дѣлъ и его слугами-губернаторами, и тотъ же сыскъ, единовременно произведенный съ затратой „ученаго аппарата" министромъ финансовъ въ объемистой запискѣ, доказываетъ неопровержимо, что правительство боится и вынуждено бояться всякой, даже самой умѣренной и еле замѣтной оппозиціи. Этотъ страхъ съ поразительной ясностью обнаруживаетъ внутреннюю слабость самодержавно-бюрократическаго произвола, гнетущаго Россію. А тѣ мѣры, которыя самодержавной бюрократіи подсказываетъ этотъ страхъ, мѣры окончательнаго упраздненія всякой тѣни общественной самодѣятельности даже имущихъ классовъ изобличаютъ ихъ для самаго слѣпого взора всю отвратительную гнусность этого отжившаго режима.

Что изъ этого слѣдуетъ?

Нашъ первѣйшій и злѣйшій врагъ — самодержавіе — сильно только своимъ физическимъ и техническимъ превосходствомъ надъ нами. Но оно поражено неизлѣчимой внутренней слабостью и осуждено на смерть своей собственной гнусностью. Что будетъ съ самодержавіемъ, когда передъ нимъ окажется не только „мягкая" оппозиція „сословно-бюрократическаго земства", но встанетъ во весь ростъ революціонная соціалдемократія, и раздастся „желѣзная поступь" собравшихся по ея зову русскихъ рабочихъ батальоновъ? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы „мягкія" рѣчи и скажите приличествующее случаю рѣзкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дѣло не станетъ.

Долой самодержавную бюрократію!

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Студенческія волненія. — Назначеніе Ванновскаго. Послѣ выстрѣла Карповича и уличныхъ демонстрацій правительство заговорило со студентами по новому. Дѣйствіе „временныхъ правилъ" пріостановлено, и на мѣсто убитаго Боголѣпова приглашенъ ген. Ванновскій. Въ рескриптѣ, данномъ на его имя, перепуганный царь говоритъ о необходимости вложить „сердечное попеченіе" въ дѣло воспитанія юношества. Сердечное попеченіе — это можно! отвѣчаетъ вымуштрованный генералъ и тотчасъ же отдаетъ „приказъ" по своему вѣдомству: чтобы въ 24 часа всѣ прониклись сердечнымъ попеченіемъ!

Россійскія газеты не замедлили возликовать по случаю этихъ „сердечныхъ" фразъ. Возликовали одновременно и либеральныя газеты, и органы мракобѣсія. Первые ликуютъ и объясняютъ: сердечное попеченіе — это означаетъ ослабленіе казарменнаго режима въ университетахъ, отмѣну „временныхъ правилъ", дарованіе студентамъ и профессорамъ свободы самоуправленія. Реакціонныя газеты ликуютъ и возражаютъ: сердечное попеченіе — это значитъ: огражденіе студентовъ отъ тлетворнаго вліянія разныхъ лжеученій и собственныхъ увлеченій, усиленіе отеческаго надзора за студентами, воспитаніе юношества въ духѣ православія и самодержавія, избавленіе университета отъ разночинской бѣдноты, вносящей въ среду благовоспитанной молодежи сѣмена грубыхъ чувствъ недовольства... И обѣ стороны обличаютъ другъ друга въ ложномъ толкованіи прекрасныхъ словъ „возлюбленнаго монарха".

Которая же сторона права и чего слѣдуетъ ожидать отъ „сердечнаго попеченія" ген. Ванновскаго?

Въ свое время ген. Ванновскій въ должности военнаго министра замѣстилъ либеральнаго Милютина и совершилъ „коренную реформу" военно-учебныхъ заведеній, которыя при его предшественникѣ заразились „свободнымъ духомъ". Военныя гимназіи были замѣнены кадетскими корпусами, военная молодежь была „подтянута" и офицерство „очищено" отъ всякихъ порядочныхъ элементовъ. Въ 80-хъ гг. Ванновскій былъ достойнымъ соратникомъ Побѣдоносцева, Д. Толстаго и Делянова.

Въ 1899 г. Ванновскій былъ назначенъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія для разслѣдованія дѣла о студенческихъ безпорядкахъ. Докладъ, представленный Ванновскимъ царю о результатахъ разслѣдованія, изданъ за границей „Раб. Знаменемъ". Надо признать, что въ этомъ докладѣ дана чрезвычайно безпристрастная картина безпорядковъ, какъ она могла отразиться въ генеральскомъ мозгу. Въ числѣ „общихъ причинъ безпорядковъ" генералъ отмѣтилъ „разобщенность студентовъ между собой", т. е. отсутствіе права сходокъ и союзовъ, отмѣтилъ „недостатки университетскаго устава 1884 г.", но тутъ же отмѣтилъ и „переполненіе университетовъ", о которомъ такъ вопятъ „Моск. Вѣд.", и „отсутствіе надзора за молодежью" (все еще мало!), и „недостаточную осмотрительность при выборѣ профессоровъ, въ числѣ которыхъ попадаются люди лжелиберальнаго направленія". Правительство не замедлило принять во вниманіе тѣ заключенія изъ доклада ген. Ванновскаго, которыя совпадали съ его собственными видами и тотчасъ же усилило инспекцію, удалило десятки профессоровъ и приняло мѣры къ прекращенію „переполненія" университетовъ.

На помощь Ванновскому назначенъ сенаторъ Мѣщаняновъ, бывшій до сихъ поръ главнымъ начальникомъ тюремнаго управленія. Это какъ нельзя болѣе цѣлесообразно: если водворять въ просвѣщеніи „порядокъ" призванъ боевой генералъ, то въ помощники ему всего болѣе годится тюремщикъ.

Новые „умиротворители" начали съ попытки провести студентовъ красивыми словами. Въ подражаніе Витте и Ковалевскому, которые этимъ пріемомъ ухитрились на нѣкоторое время задержать ходъ волненій въ учебныхъ заведеніяхъ ихъ вѣдомства, они созвали оффиціальную сходку для рѣшенія вопроса: быть или не быть забастовкѣ? Расчетъ простой: на такой сходкѣ явятся всѣ трусы и золотая молодежь, отсутствовавшая на „тайныхъ" сходкахъ, и ихъ голоса дадутъ перевѣсъ въ пользу „благоразумнаго" рѣшенія. Но послѣ битвы 4-го марта и этотъ маневръ могъ помочь. Студенты рѣшили не приступать къ экзаменамъ до осени, чтобы дождаться возвращенія товарищей, отданныхъ въ солдаты. На это рѣшеніе, продиктованное чувствомъ товарищеской солидарности, „сердечное попеченіе" Ванновскаго отвѣтило отказомъ отложить экзамены. Студенты порѣшили экзаменовъ не держать. Новое министерство сѣло въ лужу. Не помогли и гнусныя рѣчи газетъ (СПБ. Вѣдомости), старавшихся внести въ студенческую среду расколъ увѣщаніями не мѣшать министерству въ предпринимаемой имъ реформѣ, не затруднять его положенія радикальными и необдуманными рѣшеніями и т. п.

Очень, очень боимся, что политика „сердечнаго попеченія" ничего, кромѣ новаго срама, не принесетъ русскому правительству.

Западная Сибирь. Петербургская бойня, временныя правила, массовыя ссылки и вообще всякія репрессіи правительства кнута и нагайки вызвали возмущеніе и протестъ даже въ глухихъ сибирскихъ городахъ. Въ Екатеринбургѣ забастовка женской фельдшерской школы, горнаго училища; сходки почти не прекращаются, возмущеніе растетъ. Въ Иркутскѣ закрыта семинарія. Въ Томскѣ въ маѣ 1900 г. у двухъ гимназистовъ найдены были запрещенныя книжки; при допросахъ они сказали, что книжки получены отъ одного бывшаго студента. Въ видѣ наказанія этотъ студентъ посаженъ теперь на мѣсяцъ въ тюрьму. — Въ ноябрѣ или декабрѣ 1900 г. воспитанники семинаріи, измученные поповскимъ гнетомъ, ужаснымъ режимомъ, постоянными выключеніями товарищей изъ заведенія, выключеніями за чтеніе книжекъ, не нравящихся ректору, за подозрительныя знакомства и т. п., расклеили по городу прокламаціи, взывающія за помощью къ обществу, за спасеніемъ отъ шпіоновъ-поповъ. Перепуганные попы во главѣ со здѣшнимъ слабоумнымъ епископомъ Макаріемъ дали знать въ Петербургъ. Изъ Петербурга пришла ревизія и производила дознаніе. Виновныхъ не нашли, — но строгости увеличились. — Въ послѣднихъ числахъ февраля 1900 г. были произведены обыски у рабочихъ, главнымъ образомъ, у типографщиковъ. Обыскали чел. 12-13, взято двое, многихъ рабочихъ таскаютъ на допросы и стараются установить связи съ интеллигенціей. Причина обысковъ, какъ говорятъ, кроется въ сильномъ распространеніи въ послѣднее время среди рабочихъ нелегальной рабочей литературы. — Уже давно въ здѣшнемъ университетѣ и технологическомъ институтѣ послѣ извѣстій изъ Кіева о волненіяхъ, среди студентовъ началось броженіе. Были сходки, но студенты, стоявшіе за забастовку, были въ меньшинствѣ. Послѣ же правительственнаго сообщенія отъ 4-го марта студенты поднялись. 7-го марта на сходкѣ технологи единодушно порѣшили забастовать, и 8-го марта ни одинъ технологъ не явился на лекціи. Институтъ былъ закрытъ до 12-го марта, восемь человѣкъ было исключено безъ права поступленія, а остальные съ правомъ подавать прошенія до 12-го. Наступило 12-ое. Прошеній никто не подалъ, и институтъ закрытъ теперь на неопредѣленное время. Въ университетѣ, начиная съ 8-го марта, безпрерывно шли сходки. Настроеніе подъ вліяніемъ постоянно получавшихся свѣдѣній изъ другихъ университетскихъ городовъ и особенно изъ Питера дѣлалось все болѣе возбужденнымъ и количество студентовъ, стоявшихъ за забастовку, все увеличивалось. 10-го марта на общей сходкѣ студентовъ и технологовъ, послѣ прочтенія бюллетеней изъ Питера, было рѣшено выразить протестъ правительству за его гнусныя дѣянія въ формѣ уличной манифестаціи. 11-го марта въ 4 часа дня студенты и технологи въ количествѣ 250 чел. собрались за городомъ, гдѣ послѣ нѣсколькихъ рѣчей, тѣсно сомкнувшись, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись на главныя улицы города. Чѣмъ дальше они двигались, тѣмъ больше росла толпа. При входѣ на главную улицу къ нимъ присоединилось сто чел. рабочихъ, много семинаристовъ, курсистокъ повивальнаго института и масса людей разнаго положенія. Шествіе продолжалось 2½ часа съ остановками, во время которыхъ говорились рѣчи и раздавались прокламаціи, приглашающія публику присоединиться къ манифестантамъ. Толпа все росла, сочувствіе обывателей огромное. Видъ города былъ необычайный, движеніе экипажей прекратилось, публика толпами присоединялась къ манифестантамъ, читая на расхватъ прокламаціи. Студенты терялись среди публики, публика привѣтствовала манифестантовъ, а рабочіе мечтали вслухъ о такой же рабочей манифестаціи. Трехъ-тысячная толпа такъ напугала полицію и жандармовъ, что стали бить въ набатъ; это увеличило торжественность минуты, но публику не разогнало, а увеличило. Въ городѣ до сихъ поръ только и говорятъ, что о манифестаціи, и сочувствіе къ протестующимъ ростетъ. Письма изъ Петербурга читаются на расхватъ и перепечатываются. Тактика полиціи во время манифестаціи была странная; малое количество полиціи или ихъ растерянность отъ неожиданности, но они сопровождали во все время шествія студентовъ и публику, но никого не задерживали, не переписывали, и мѣщане даже въ испугѣ говорили, что студенты куда-то ведутъ полицію, очевидно, на вокзалъ, куда-то ихъ отправляютъ, чтобы не мѣшали. Были и курьезы. Когда студенты собрались за городомъ, то полицмейстеръ послалъ разузнать, гдѣ у нихъ сходка, въ чертѣ-ли города или за чертой; переговоры между приставомъ и полицмейстеромъ шли по телефону, и студенты слѣдили и слышали все, и когда появилась на мѣстѣ сходки полиція и стала шарить по землѣ, ища черту города, то студенты стали кричать, что они за чертой города, что городская полиція ихъ не смѣетъ трогать, что это дѣло уѣздной полиціи; а полицмейстеръ, узнавъ, что сходка за чертой города, успокоился и велѣлъ только извѣстить уѣздную полицію. Но когда студенты направились къ городу, то городская полиція присоединилась къ нимъ. Теперь начались аресты и высылки. Пока арестовано 11 чел. технологовъ и одинъ обыватель; послѣ нѣсколькихъ дней содержанія въ пересыльной тюрьмѣ ихъ выслали. Приговоры строгіе. Высылали въ Якутскъ, Срѣтенскъ, Читу и т. п.; свиданій не давали, денегъ не хотѣли принимать. Жестокое, безчеловѣчное отношеніе дошло до того, что ѣхавшему въ Якутскъ отказали передать одежду, бѣлье и деньги, и онъ въ лѣтнемъ пальто отправленъ въ Якутскъ. Студентовъ еще не брали: на дняхъ ждутъ высылокъ и арестовъ. Говорятъ, что, кромѣ студентовъ, будутъ привлекать и публику, участвовавшую въ манифестаціи.

Прибавлю, что послѣ манифестаціи 12-го марта была примѣнена обструкція, а 13-го марта университетъ закрытъ на неопредѣленное время. Идутъ сборы денегъ среди публики въ пользу высланныхъ.

Рабочіе Прохоровской мануфактуры поднесли Льву Николаевичу Толстому по поводу отлученія отъ церкви слѣд. адресъ:

Глубокочтимый и дорогой Левъ Николаевичъ!

Благодаря посланію синода, мы сегодня рѣшили прійти къ Вамъ и высказать сочувствіе отъ всѣхъ здравомыслящихъ рабочихъ. По нѣкоторымъ размышленіямъ мы рѣшили изложить Вамъ письменно цѣль своего посѣщенія, потому что высказать устно иногда бываетъ труднѣе, чѣмъ на бумагѣ. Кромѣ того, мы потому надумали писать, что, можетъ быть, Вамъ будетъ скорѣе и легче прочитать, чѣмъ выслушать.

Мы, рабочіе, глубоко сочувствуемъ за несправедливое осужденіе Васъ синода, т. е. нѣсколькихъ людей, называющихъ себя въ гордомъ заблужденіи „Церковью Христовой", какъ будто остальные милліоны не члены того великаго общества, которое называетъ себя христіанами. Мы, русскіе люди, — простые работники, чувствуемъ и понимаемъ чуть-ли не глубже истины Христова Завѣта, чѣмъ члены Святѣйшаго Синода. Не Васъ должно отлучать отъ Церкви Христовой, а тѣхъ, которые сами не идутъ въ Царствіе Божіе и другихъ не пускаютъ. Мы понимаемъ, что Ваши литературныя произведенія направлены не для ниспроверженія великихъ истинъ, а, напротивъ, для разъясненія ихъ. Но мы знаемъ также, что во всѣ времена люди, стоявшіе на сторонѣ благочестія, и великіе вожди народа по пути человѣколюбія и правды всегда были отчуждаемы отъ себя тѣми, которые попираютъ ногами свободу, добродѣтель и честь. Самъ великій учитель нашъ не за то-ли пострадалъ на крестѣ? Но то было время, а теперь иное. Въ наши дни даже чернь и та понимаетъ и то, чего не понимало передовое человѣчество.

Ваше слово не на безплодную почву упало, — оно пройдетъ изъ вѣка въ вѣкъ на спасеніе человѣчества отъ многихъ соблазновъ. А мы чтимъ Васъ, какъ великаго человѣка, которому воздвигается нерукотворный памятникъ въ нашихъ сердцахъ.

Оригиналъ этого документа гектографированъ.

недовѣріемъ къ политическимъ способностямъ русскаго рабочаго класса, должны были искать выхода въ прежней революціонной программѣ, — программѣ борьбы съ самодержавіемъ путемъ заговора, т. е. въ террорѣ.

Вотъ почему „новый" для „Раб. Дѣла" вопросъ о террорѣ представляетъ для насъ тотъ старый вопросъ, о которомъ велся споръ русской соціалдемократіей лѣтъ десять и болѣе тому назадъ, вопросъ о томъ, „кто совершитъ политическую революцію въ Россіи?" — революціонная-ли интеллигенція съ ея активнымъ орудіемъ борьбы — терроромъ и ея пассивными вспомогательными силами — либеральной оппозиціей и безсистемными „безпорядками" народныхъ массъ или же революціонный пролетаріатъ, ведущій политическую борьбу подъ знаменемъ соціалдемократіи, организующій, осмысливающій и объединяющій всѣ помимо него безсильныя движенія протеста разныхъ слоевъ народа?

Намъ скажутъ, что никто изъ современныхъ террористовъ не ставитъ именно такъ вопроса, что сторонники террора смотрятъ на себя только, какъ на застрѣльщиковъ общенароднаго движенія и лишь опираясь на послѣднее надѣются достигнуть путемъ террора побѣды надъ правительствомъ (см. брошюру „Свобода", изданную въ 1900 г. „Рабочей партіей политическаго освобожденія Россіи" или „Наши задачи" „Союза Соціалистовъ-революціонеровъ").

На это мы отвѣчаемъ, что не иначе ставила вопросъ о террорѣ и партія „Народной Воли", что не мѣшало ея террору въ силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на дѣлѣ отрицаніемъ всякаго народнаго движенія. По мысли террористовъ, террористическая борьба есть только одно изъ орудій низверженія самодержавія, но примѣненное на дѣлѣ это орудіе неизбѣжно препятствуетъ развитію того самаго народнаго движенія, которое и террористы считаютъ необходимымъ.

Чтобы быть успѣшнымъ, политическое движеніе народныхъ массъ должно совершаться подъ руководствомъ строго-организованной, сплоченной и дѣятельной революціонной партіи. Наиболѣе активные, энергичные, самоотверженные люди уходятъ изъ области пропагандистско-агитаціонной и организаціонной дѣятельности, замыкаются въ тѣсномъ кругу террористической организаціи и, покидая остальную массу революціонныхъ силъ, способствуютъ ослабленію среди нихъ интереса къ будничной, не блестящей работѣ среди народа. Требуя страшнаго напряженія революціонной энергіи, террористическая борьба быстро истощаетъ силы революціонной партіи. Наконецъ, терроръ обладаетъ свойствомъ вызывать подражаніе и подъ вліяніемъ производимаго имъ впечатлѣнія въ самомъ рабочемъ движеніи должна развиваться бунтарски-террористическая струя въ формѣ безсистемныхъ убійствъ всякаго рода враговъ рабочаго движенія вплоть до мастеровъ и фабрикантовъ.

Значитъ-ли это, что мы всегда и вообще безусловные противники террора? Отнюдь нѣтъ. Еще въ проектѣ программы группы „Освоб. Труда" (1885 г.) было сказано, что въ моментъ рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ рабочая партія прибѣгнетъ ко всѣмъ пригоднымъ средствамъ, а въ случаѣ надобности не остановится и передъ терроромъ. Этотъ моментъ рѣшительнаго нападенія на самодержавіе будетъ данъ цѣлымъ рядомъ совпавшихъ условій, изъ которыхъ имѣющія самое рѣшительное значеніе не зависятъ отъ воли какихъ-либо организованныхъ силъ. Въ 1897 г. П. Б. Аксельродъ, говоря объ этомъ въ „Отвѣтѣ" молодымъ товарищамъ, высказалъ слѣдующія мысли, на которыя мы совѣтуемъ обратить самое серьезное вниманіе нашихъ читателей:

> „У насъ упускаютъ изъ виду, что окончательный ударъ враждебному режиму наноситъ чаще всего силы и событія, лежащія внѣ власти дѣйствующей партіи. Голодъ, эпидемія, сильный экономическій кризисъ, внѣшняя война и финансовая несостоятельность — вотъ что чаще всего наноситъ реакціи послѣдній ударъ. Но для того, чтобы революціонные элементы могли воспользоваться критическимъ моментомъ въ жизни самодержавнаго государства, борьба ихъ съ абсолютизмомъ должна представить собою процессъ выработки общественныхъ силъ, которыя съумѣли бы въ этотъ моментъ сознательно и энергично отстаивать демократическую конституцію. Подготовить же эту силу возможно только путемъ энергичной и неустанной пропагандистской и организаціонно-организаторской дѣятельности среди рабочихъ. Только такимъ образомъ можетъ образоваться рабочая организація, которая, благодаря своему тѣсному союзу съ революціонной интеллигенціей, съ одной стороны, и глубокимъ корнямъ въ крестьянско-рабочей массѣ съ другой, быстро съумѣетъ выступить руководительницей послѣдней для обезпеченія народу возможно болѣе широкихъ политическихъ правъ".

Но чтобы ко времени такого политическаго кризиса быть готовой къ рѣшительной аттакѣ противъ царизма, соціалдемократія должна неустанно развивать политическую дѣятельность рабочаго класса, упражнять его политическія способности въ постоянной борьбѣ съ существующимъ строемъ на почвѣ каждаго отдѣльнаго проявленія произвола и гнета, должна не въ собственномъ только представленіи, а въ сознаніи всѣхъ недовольныхъ элементовъ стать передовымъ отрядомъ движенія, отъ котораго не одинъ рабочій классъ, но и всѣ остальные недовольные классы ждутъ сигнала къ рѣшительной аттакѣ и отъ котораго всѣ они охотно принимаютъ данный ей для этой аттаки лозунгъ ближайшихъ требованій. И вотъ когда соціалдемократія достигла такого значенія, когда она, ведя за собой всѣ недовольные общественные элементы, подаетъ сигналъ къ такой общей аттакѣ на царизмъ, тогда она въ выборѣ средствъ для этой аттаки будетъ руководствоваться исключительно соображеніями цѣлесообразности и въ случаѣ, если найдетъ нужнымъ, примѣнитъ и терроръ, какъ, можетъ быть, прибѣгнетъ къ вооруженнымъ возстаніямъ. А чтобы быть въ состояніи опредѣлить, насталъ ли такой рѣшительный моментъ, чтобы имѣть право взять на свою отвѣтственность примѣненіе и пропаганду такихъ крайнихъ революціонныхъ пріемовъ борьбы, — для этого соціалдемократія должна имѣть единую волю, должна умѣть передать эту волю всѣмъ подъ ея вліяніемъ находящимся общественнымъ силамъ, слѣдовательно, опять-таки должна подчинить своему вліянію всѣ недовольныя настоящимъ общественныя силы. А все это предполагаетъ существованіе крѣпкой и въ постоянной политической борьбѣ развившейся организаціи, вполнѣ спѣвшейся съ тѣми массами, среди которыхъ она ведетъ свою повседневную агитацію.

При такихъ условіяхъ систематическій терроръ, примѣненный въ моментъ революціоннаго кризиса, былъ бы проявленіемъ достигшей высшаго напряженія революціонной энергіи того общественнаго движенія, во главѣ котораго съумѣли стать соціалдемократы.

Не то мы видимъ теперь. Радостное чувство, съ которымъ встрѣтили выстрѣлъ Карповича многіе революціонные и оппозиціонные элементы, просто констатировало общее недовѣріе къ способности представительницы рабочаго класса — соціалдемократіи — стать теперь застрѣльщицей и передовымъ отрядомъ современнаго общественнаго движенія. Поэтому если бы выстрѣлъ Карповича послужилъ исходнымъ пунктомъ для новаго похода русскихъ революціонеровъ, этотъ походъ былъ бы признаніемъ отсутствія въ рабочемъ классѣ той степени революціонности и сознательности, которая сдѣлала бы его способнымъ стать во главѣ общественнаго движенія.

„Раб. Дѣло" право, говоря, что бѣлый терроръ правительства создаетъ почву для краснаго террора революціонеровъ. Но сила, создающая этотъ терроръ, вовсе не „неотвратима", какъ выражается „Раб. Дѣло"; она, напротивъ, можетъ быть отвращена, но отвращена только активной работой соціалдемократовъ надъ созданіемъ дѣйствительно-революціоннаго и сознательно-политическаго движенія пролетаріата. Послѣдній, занявъ подобающее ему мѣсто въ рядахъ активныхъ борцовъ противъ самодержавія, придастъ имъ именно ту силу, которая излечитъ ихъ отъ традиціонной вѣры въ терроръ, какъ главнѣйшее средство политической борьбы въ Россіи.

Новое крѣпостное право или отчего крестьяне голодаютъ. Намъ прислано письмо солдата изъ голодающей Бессарабской губерніи. Корреспондентъ сообщаетъ, что копія этого письма послана еще и въ другія редакціи. Тѣмъ не менѣе, въ виду чрезвычайнаго интереса, представляемаго письмомъ, мы помѣщаемъ его на столбцахъ „Искры“.

Христосъ воскресе!

Дорогой папа! Давно уже собираюсь тебѣ написать, да все или недосугъ, или что-либо помѣшаетъ. Въ началѣ этого мѣсяца мнѣ пришлось участвовать въ усмиреніи бунта въ селѣ Трифонештахъ въ 35 верстахъ отъ Сорокъ (объ этомъ, вѣроятно, было въ газетахъ и ты читалъ). Дѣло было такъ: въ два часа ночи меня пришелъ и сбудилъ солдатъ, не объясняя причины, приказалъ возможно скорѣе вставать и идти сѣдлать при полной боевой. Придя на конюшню, я узналъ отъ вахмистра, что въ Трифонештахъ бунтъ и что вытребована для усмиренія таковаго два эскадрона солдатъ нашего полка. Намъ выдали по 15 боевыхъ патроновъ на человѣка, затѣмъ къ четыремъ часамъ мы выстроились и намъ была прочтена рѣчь подполковникомъ, въ которой онъ говорилъ, что мы идемъ не на настоящую войну, чтобы безъ приказанія начальниковъ оружіе не обнажалось и чтобы никто, упаси Богъ, не посмѣлъ въ случаѣ даже крайности рубать остріемъ шашки, а бить или плоской стороной или плашмя, затѣмъ, если будетъ приказано дать залпъ по бунтовщикамъ, то съ особеннымъ вниманіемъ слушать, какъ это будетъ приказано, и стрѣлять надъ головами, чтобы, Боже упаси, никакихъ несчастныхъ случаевъ не было и т. д. и т. д. въ томъ же родѣ. Когда рѣчь свою онъ кончилъ (а говорилъ онъ около получаса), мы выступили и, не смотря на невозможно грязную дорогу и дождь, который намъ все время сопутствовалъ, мы къ десяти часамъ были уже на мѣстѣ. Не доѣзжая до Трифонештъ верстъ на пять, съ горки было уже видно, что возлѣ помѣщичьяго дома было скопленіе народа, человѣкъ 500-600, которые таковой окружили со всѣхъ сторонъ. Въѣхавъ въ деревню, мы уже думали, что этимъ дѣло и ограничится и что, увидавъ насъ, народъ немедленно разсѣется; но не тутъ-то было: увидавъ, что мы себѣ рысцей приближаемся къ нимъ, они устремились плотной массой на насъ бѣгомъ. Тогда трубачъ сыгралъ аттаку и мы сомкнутымъ строемъ понеслись на бунтующихся полнымъ карьеромъ, чтобы смять ихъ конями. Это, какъ и надо было ожидать, произвело между нашимъ непріятелемъ (какъ называютъ солдаты) панику, и они бросились бѣжать, кто куда могъ, благодаря смятенію между мужиками, и намъ удалось ихъ окружить, а часть величиною въ два взвода бросились догонять успѣвшихъ разбѣжаться, при этомъ оказывавшимъ сопротивленіе порядкомъ-таки влетѣло отъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, которые били нещадно тупыми концами шашки; грѣшный человѣкъ, и я избилъ одного парня почти до потери сознанія. Дѣло было такъ: я во взводѣ былъ назначенъ за старшаго и, взявъ одно отдѣленіе, пустился съ нимъ догонять бѣгущихъ и поймалъ восемь человѣкъ бѣгущихъ и безъ особенно сильныхъ сопротивленій съ ихней стороны доставилъ ихъ къ командиру (который съ остальными людьми эскадрона оцѣпилъ главныя силы бунтовавшихся) и пустился догонять другихъ, но тутъ вышло дѣло, котораго я никакъ не могъ предполагать. Одинъ парень, къ которому я подскакалъ съ двумя солдатами, остановился съ вилами въ оборонительной позѣ и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, пустилъ ихъ въ меня, такъ какъ я ѣхалъ впереди всѣхъ, но на счастье особаго вреда мнѣ не принесъ, ибо я успѣлъ увернуться и вилы вонзились возлѣ самого моего тѣла, прорвавъ полушубокъ и мундиръ, которые были на мнѣ надѣты; я освирѣпѣлъ и избилъ его шашкой, такъ что его отливали водой. Бѣгство молдаванъ и наша аттака производили, какъ говорилъ исправникъ, величественную картину. Не смотря на всю серьезность этого момента, была масса курьезнаго; такъ нѣкоторые, боясь солдатъ, бросались въ воду и стояли въ рѣкѣ по грудь, откуда ихъ пришлось вытаскивать, другіе прятались въ хлѣвы, въ виноградники, въ курятники, въ погреба, откуда ихъ приходилось извлекать, часто весьма не деликатно. Затѣмъ, когда намъ удалось собрать всѣхъ бунтовавшихся воедино, исправникъ обратился къ нимъ съ рѣчью на молдавскомъ языкѣ, говорилъ онъ грозно и долго и многіе молдаване прочувствовались и прослезились, другіе же упали на колѣни и о чемъ-то просили. Все это вмѣстѣ взятое производило очень грустную картину. Плачущіе старики на колѣняхъ, грозный исправникъ и солдаты въ конномъ строю съ шашками на-голо окружаютъ тѣснымъ кольцомъ всѣхъ. Простоявъ сутки въ Трифонештахъ и забравъ четырнадцать человѣкъ главныхъ зачинщиковъ, эскадронъ двинулся обратно въ Сороки, оставивъ два взвода солдатъ въ Трифонештахъ во избѣжаніе повторенія подобнаго; въ числѣ другихъ пришлось остаться и мнѣ. Тамъ мы простояли десять дней и за это время успѣлъ узнать всѣ подробности бунта. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Въ Трифонештахъ живетъ помѣщикъ, онъ же земскій начальникъ и владѣлецъ земли почти всѣхъ Трифонештъ. Крестьяне частью раньше, частью теперь, благодаря постояннымъ неурожаямъ, продали ему землю и сами постепенно сдѣлались его рабами, задолжавъ ему. Такъ какъ земли своей у нихъ нѣтъ, то они работали на помѣщика, получая за каждую десятину, которую обработаютъ (запашутъ, засѣютъ, скосятъ и вымолотятъ) два рубля деньгами и половину урожая, т. е. мѣрка зерна помѣщику и мѣрка имъ. При такихъ условіяхъ существовать было еще возможно, но съ прошлаго года помѣщикъ сталъ платить иначе, т. е. два рубля и зерна три мѣрки ему, а одна мѣрка крестьянамъ. Хлѣба, благодаря этому, хватило только до Рождества, и три деревни голодали (Трифонешты, Фоумушики и Севирево), скотъ продали, на заработки идти некуда: въ Бессарабіи и безъ нихъ довольно голоднаго люда, а въ Россію поѣхать — языка не знаютъ, что тутъ дѣлать? И стали они проситься, чтобы земскій начальникъ отпустилъ ихъ на Амуръ. Земскій начальникъ ихъ сперва отговаривалъ (боясь-ли потерять дешевыхъ работниковъ или по другимъ какимъ-либо причинамъ). Наконецъ, его заставили съѣздить къ губернатору; губернаторъ тоже отказалъ. Тогда крестьяне просили выдать имъ письменное удостовѣреніе отъ земскаго начальника въ томъ, что въ его ходатайствѣ губернаторъ отказалъ и на какихъ основаніяхъ. Земскій въ этомъ отказалъ. Тогда они собрались, въ числѣ 660 человѣкъ у его дома и ждали, пока онъ на это согласится. Вели себя они мирно, не проявляя ничего буйнаго, всѣхъ выпускали и впускали въ домъ, не препятствуя ни земскому, ни его семьѣ ничѣмъ, только увѣряли, что не уйдутъ, пока земскій надъ нами не смилуется и не дастъ имъ просимаго, ибо голодать имъ все равно гдѣ, дома-ли, гдѣ еще жена и дѣти ѣсть просятъ или во дворѣ у помѣщика. Земскій усмотрѣлъ въ этомъ бунтъ и, боясь, какъ бы они чего-нибудь не учинили, вытребовалъ солдатъ, а молдаване, увидя, что на нихъ (мирныхъ жителей) движутся войска, понятное дѣло, возмутились и не хотѣли даваться въ руки безъ боя, полагая, что ихъ будутъ пороть, но всѣ они были почти безоружны, если не считать вооруженіемъ палки, съ которыми крестьяне всюду привыкли ходить. По уходѣ эскадроновъ на сходкѣ были выбраны пять человѣкъ, которые поѣхали въ Петербургъ ходатайствовать передъ Государемъ лично. Проживъ десять дней между ними, можно лично убѣдиться въ бѣдственномъ ихъ положеніи; напр., за столъ садится семья, состоящая изъ отца, матери и четырехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему пятнадцать лѣтъ, и на столъ подается миска супу, который варенъ изъ воды, луку и перцу, затѣмъ подается миска мамалыги, которой не хватило бы на одного хорошаго ѣдока, и фунта четыре кукурузнаго хлѣба, — вотъ обѣдъ, а если прибавить сюда еще два фунта хлѣба, то это будетъ пища на сутки для четырехъ человѣкъ, но эту роскошь далеко не всѣ могутъ себѣ позволять, большая часть питается только хлѣбомъ и водою и то впроголодь. Относительно лошадей (у кого таковыя еще есть) и говорить нечего, это положительно ходячіе скелеты. Я жилъ въ хатѣ у одноло старовѣра, выходца изъ Черниговской губ. Богатый мужикъ-кулакъ, у котораго и овцы, и коровы, и лошади, — все есть и всего достать можно... Два офицера, которые съ нами оставались, жили у помѣщика, мнѣ же, какъ я ни хлопоталъ, не удалось пристроиться ни къ помѣщику, ни къ кому-либо другому, исключая старовѣра, какъ единственнаго зажиточнаго мужика. Хотя я и мало сидѣлъ дома, а отъ скуки ходилъ больше по селу и знакомился съ жизнью и бытомъ тамошнихъ крестьянъ. Изъ захваченныхъ нами четырнадцати человѣкъ четверо осуждены на три года въ военную тюрьму, а остальные шесть человѣкъ на меньшіе сроки и въ разныя вѣдомства, четыре же человѣка оправданы.

Прожито мною въ Трифонештахъ 21 рубль, да благодаря своему глупому мягкосердечію роздалъ бѣднякамъ, которымъ ѣсть было нечего, около восьми рублей, и то не наличными деньгами, а покупалъ имъ хлѣбъ и муку, за это меня никто, положимъ, не оправдаетъ, да ужъ очень жалко видѣть людей, которые чуть не умираютъ съ голоду въ то время, какъ самъ и молочка выпьешь и яичка съѣшь, и пообѣдаешь сытно, а тутъ сдѣлаешь хоть одно доброе дѣло, о которомъ ни въ коемъ случаѣ раскаиваться не будешь. Какихъ картинъ тамъ насмотрѣлся, разсказывать не буду, ибо три дни будешь писать, всего не опишешь, а лучше, если ты интересуешься подробностями, разскажу по пріѣздѣ домой.

Какъ рязанскій помпадуръ взялъ штурмомъ семинарію. Въ Рязани разыгрался семинарскій бунтъ, конечно, на почвѣ специфическихъ условій семинарской бурсы: не хватило хлѣба и хорошаго обращенія. „Бунтъ“ продолжался три дня. Финалъ завершенъ воздѣйствіемъ полиціи, во главѣ съ вице-губернаторомъ. 12-го марта въ часъ ночи вице-губернаторъ, сопровождаемый нарядомъ полиціи и пожарной команды съ зажженными факелами, пытался войти внутрь семинаріи, но сначала ему это не удалось: въ него чѣмъ-то запустили, и онъ отступилъ. Но послѣ короткаго совѣщанія съ семинарскимъ начальствомъ и служителями на счетъ заднихъ ходовъ, была отряжена команда для вступленія въ семинарію съ задняго хода. Семинаристы старались сломать желѣзную лѣстницу, ведущую къ нимъ на второй этажъ, и тѣмъ не допустить къ нимъ полицію, но безуспѣшно. Послѣ того, какъ команда пробралась къ парадному крыльцу и отворила его, вошелъ вице-губернаторъ съ остальной свитой. По ихъ удаленіи, ихъ напутствовали шиканьемъ и крикомъ: „да здравствуетъ свобода семинаріи! долой ректора!“ Теперь семинарія прикрыта и часть бунтовщиковъ выслана на родину. Присутствовавшіе при финалѣ попы (въ толпѣ) горевали о томъ, что они ничего не могутъ сдѣлать для защиты своихъ дѣтей.

Травля „подозрительныхъ“ интеллигентовъ.

Совершенно секретно.

М. В. Д.
Ардатовскій уѣздный исправникъ.
30-го сент. 1901 г.
№ 136.

ГГ. исполнительнымъ чиновникамъ ардатовской полиціи

По крайне серьезнымъ обстоятельствамъ предлагаю Вамъ, Мил. Гос., усилить совершенно негласный надзоръ за всѣми лицами, имѣющими какія-либо сношенія съ крестьянами, какъ-то: докторами, учителями, акушерками, фельдшерами, техниками и т. под. всякими интеллигентными лицами, а также (въ особенности) за всѣми лицами, пріѣхавшими изъ другихъ мѣстъ и состоящими въ учебныхъ заведеніяхъ. За появленіемъ между крестьянъ какихъ-либо брошюръ или книжекъ усилить самый строжайшій надзоръ. Затѣмъ, что будетъ Вами замѣчено сомнительнаго въ благовидности поведенія означенныхъ лицъ или появленія брошюръ или книгъ сомнительнаго характера, немедленно мнѣ доносить для совмѣстнаго обсужденія всего Вами замѣченнаго.

Для достиженія строгаго надзора за вышеизложеннымъ рекомендую установить знакомство со священниками, конечно, не наталкивая ихъ замѣтнымъ образомъ на желаніе Ваше добыть нужныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ ни подъ какимъ видомъ не ввѣрять этого надзора урядникамъ, поручивъ имъ, однако, строго наблюдать за всѣми лицами, прибывшими въ ихъ участокъ, о которыхъ докладывать Вамъ не позднѣе сутокъ по ихъ прибытію. Лица, не принадлежащія къ составу населенія стана, безусловно должны всѣ приписываться, предъявляя по требованію Вашему или урядника свои виды на жительство.

При этомъ поставляю Вамъ, М. Г., въ извѣстность, что вышеизложенный надзоръ не долженъ быть кратковременнымъ, а непрерывно постоянный. Если по обстоятельствамъ дѣла будетъ замѣчено небрежное или невнимательное отношеніе къ изложенному надзору, то Вы, М. Г., рискуете потерять свою службу.

Подлинный подписалъ:
Исправникъ Ив. Самосудовъ.

Харьковъ. Приводимъ нѣкоторыя выписки изъ одного частнаго письма изъ Харькова отъ 22-го апрѣля, сообщающаго характерныя подробности о вечерней демонстраціи 19-го февраля въ этомъ городѣ:

Хотя утреннее побоище и демонстрація должны были, казалось, вызвать массовой протестъ студентовъ, тѣмъ не менѣе собравшаяся въ шесть часовъ вечера около участка толпа студентовъ была далеко не многочисленна. Эта кучка умоляла товарищей не расходиться, а еще немножко подождать, сама не зная, чего же имъ было и откуда ждать? Эта горсточка людей, отчаявшихся въ успѣхѣ агитаціи среди харьковскихъ студентовъ, буквально ловила „коллегъ“ за рукава, только чтобы набрать какую-нибудь сотню демонстрантовъ. Я сама видѣла въ 6 час. вечера какъ ихъ мало было около участка. И вотъ еще минута, другая, идутъ рабочіе, идетъ толпа въ 200-300 чел. — и картина внезапно мѣняется! Теперь всѣ бѣгутъ со всѣхъ улицъ и переулковъ на звуки грянувшей „Дубинушки“, теперь оглушительный свистъ несется уже сразу изъ сотенъ грудей, и масса, какъ лава, мчится впередъ, разливаясь все шире и гуще по площади и улицѣ. Откуда что взялось, не поймешь ни за что. Тутъ все перемѣшалось: рабочіе, студенты, дамы, господа, прислуга, офицеры, мальчишки... Всѣ слились въ стремительномъ порывѣ впередъ, всѣ охвачены общимъ чувствомъ громкаго, свободнаго, молодого протеста, у всѣхъ вспыхиваетъ въ груди радостное, поднимающее чувство свободы, воли и могущества массы. Но вотъ казаки! И вся сила негодованія и ненависти уже многотысячной толпы разражается въ новыхъ раскатахъ протестующихъ криковъ и свиста. Мелькнули нагайки, началось это подлое избіеніе беззащитныхъ, и нѣтъ больше „публики“ — кругомъ тысячи возмущенныхъ, негодующихъ, протестующихъ демонстрантовъ!... На другой день послѣ демонстраціи всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что никто не ожидалъ такого успѣха. На рабочихъ не могли разсчитывать хотя бы уже потому, что день былъ не праздничный, а вѣдь они-то и „вывезли!“... А мнѣ теперь до тоски хочется снова попасть въ такую громадную толпу, слышать этотъ ревъ ея, свистъ и крикъ негодованія. Какая мощь чувствуется въ сплотившейся массѣ и если бы хоть простыя дубины ей въ въ руки — сама нечистая сила дьявола дрогнула бы передъ нею, а не только эта поганая свора пьяныхъ звѣрей!

Въ хронику общественныхъ протестовъ. Мин. Вн. Дѣлъ подано заявленіе, подписанное 95 лицами, по поводу мартовскихъ событій въ Петербургѣ. Разоблачая лживость свѣдѣній, помѣщенныхъ въ „Правительственномъ сообщеніи“ о побоищѣ 4-го марта, протестующіе спрашиваютъ: „Кому нужно было это безцѣльное избіеніе людей на улицахъ столицы? Кто были виновниками этого звѣрскаго избіенія молодежи? Люди, сознающіе свой гражданскій долгъ, не могутъ молчать. Мы сознаемъ этотъ долгъ и заявляемъ, что только отмѣна „временныхъ правилъ“ устранитъ ближайшую причину теперешнихъ студенческихъ волненій. Только судъ надъ виновными въ избіеніи 4-го марта, кто бы ни были эти виновные, успокоитъ возмущенную общественную совѣсть“.

Въ числѣ подписавшихся находимъ имена, извѣстныя въ литературѣ (Анненскій, Рубакинъ, Воронцовъ, Потапенко, Мякотинъ, Фальборкъ, Чарнолускій, Ганейзеръ, Пѣшехоновъ, Купріянова, Никоновъ, Вересаевъ, Пантелѣевъ, Арсеньевъ, М. Энгельгардтъ, Венгеровъ, Вайнбергъ, Михайловскій), нѣсколько профессоровъ (Лесгафтъ, Бауманъ и др.), адвокатовъ (Люстигъ, Карабчевскій, Герардъ, бр. Бернштамъ, Вейнбергъ, Свѣшниковъ, Стасовъ), академиковъ (Бекетовъ и Шахмаровъ) и президента Вольно-Экономическаго Общества гр. Гейдена. Министерство внутреннихъ дѣлъ отвѣтило на эту петицію со свойственнымъ ему остроуміемъ: занесло большинство подписавшихся въ списокъ, у которыхъ передъ 1-мъ мая произведены обыски. Многіе изъ обысканныхъ арестованы (Бернштамы, Мякотинъ, Корниловъ). Разумѣется, при этомъ правительство преслѣдовало самыя мелкія цѣли: надѣлать непріятностей тѣмъ лицамъ, которыя завѣдомо для него далеки отъ всякой „подпольной“ дѣятельности, но которыя осмѣлились возвысить голосъ протеста. Мы надѣемся, что эта мелкая мстительность правительства приведетъ къ полезному результату: въ сознаніи либеральной части общества день пролетарскаго праздника станетъ днемъ сведенія счетовъ между правительствомъ и всѣми его врагами.

Въ этомъ отношеніи политическій кризисъ послѣднихъ мѣсяцевъ засталъ наше движеніе врасплохъ. А потому для тѣхъ соціалдемократовъ, которые никогда не теряли увѣренности въ исторической задачѣ русскаго пролетаріата, „совершенно новый вопросъ“, выдвигаемый послѣдними событіями, принимаетъ такой видъ: „что дѣлать для того, чтобы организовать пролетаріатъ въ политическую силу, который каждый новый кризисъ застанетъ въ состояніи боевой готовности?“

„Раб. Дѣло“, повидимому, очень просто рѣшило этотъ вопросъ. Оно рекомендуетъ „перемѣнить въ 24 часа тактику“ и для начала въ 24 часа выбросило за бортъ всю ту политическую мудрость, которую проповѣдывала въ теченіе всего своего существованія. Но, какъ и слѣдовало ожидать, оно въ новой позиціи проявило то же легкомысліе и неосновательность, которыми отличалось при прежней своей тактикѣ. Лозунгомъ старой тактики было „медленнымъ шагомъ, робкимъ зигзагомъ тише впередъ!“ черезъ отдѣльныя „стадіи“ борьбы, сначала за мелкія экономическія требованія, потомъ за отдѣльныя политическія права и — по полученіи оныхъ — за конституцію. Теперь всѣ „стадіи“ полетѣли за бортъ, всѣмъ русскихъ рабочимъ, въ какой бы „стадіи“ они ни находились, рекомендуется требовать Земскаго Собора и, выставляя эти требованія, совершать манифестаціи во что бы то ни стало. На каждое насиліе правительства отвѣчать насиліемъ, арестованныхъ освобождать! Кровь требуетъ крови! (см. Листокъ Союза Загранич. Соціалдемократовъ, мартъ 1901 г.). Удивительный, поистинѣ, „историческій поворотъ“! Когда представители такъ-называемаго „стараго“ направленія въ соціалдемократіи требовали, чтобы во главу политической агитаціи ставилось требованіе демократической конституціи, тогда имъ самодовольно возражали, что это было бы „непрактично“ и что это требованіе можно будетъ поставить только тогда, когда пролетаріатъ пройдетъ школу борьбы за отдѣльныя политическія требованія и частью добьется ихъ отъ самодержавія. Когда майскій листокъ, изданный Центральнымъ Комитетомъ Россійской Партіи, выставилъ въ числѣ майскихъ требованій конституцію, основанную на всеобщемъ, равномъ, прямомъ избирательномъ правѣ, то этотъ листокъ, какъ содержащій „утопическія“ требованія, былъ подвергнутъ травлѣ „экономистовъ“, и „Раб. Дѣло“ играло имъ въ руку, систематически увѣряя публику, что никакой борьбы двухъ направленій въ русской соціалдемократіи нѣтъ, что все дѣло въ „стадіяхъ“ борьбы, не противорѣчащихъ одна другой. Когда П. Аксельродъ указывалъ на необходимость вовлечь въ кругъ практической агитаціи тѣ вопросы, въ которыхъ интересы пролетаріата совпадаютъ съ интересами другихъ недовольныхъ классовъ общества, когда онъ приглашалъ соціалдемократію освоивать рабочія массы съ борьбой этихъ классовъ противъ царизма, тогда „Раб. Дѣло“ смѣялось надъ его надеждами на „либеральныхъ помѣщиковъ“. Когда „Южный Рабочій“ поставилъ открыто своей задачей подготовлять рабочихъ къ рѣшительной революціонной схваткѣ съ царизмомъ, то отстаиваемые „Раб. Дѣломъ“ отъ нападокъ „стариковъ“ „молодые“ товарищи объявили „Юж. Рабочій“ бунтарскимъ органомъ, а кислосладкая рецензія „Раб. Дѣла“ объ этомъ органѣ не сказала ни да, ни нѣтъ той редакціонной программѣ, которою новая газета бросила вызовъ пропагандистамъ ходьбы „медленнымъ шагомъ“.

И вотъ теперь, когда вихрь событій засталъ врасплохъ мало организованное наше движеніе, когда передъ мѣстными практиками стала во всей громадности трудная задача съ незначительными наличными силами овладѣть движеніемъ и оформить его, — въ этотъ моментъ „Раб. Дѣло“, безстрашно забывъ все свое прошлое, впервые повторило за другими: впередъ! впередъ! за земскій соборъ; и къ этому прибавило совершенно некстати: „на насиліе отвѣчать насиліемъ!“

Но, господа, если на дѣлѣ окажется, что наши рабочія массы недостаточно прониклись сознаніемъ важности Земскаго Собора и не станутъ энергично подъ выставляемое знамя, — то на кого падетъ отвѣтственность за эту неудачу? Если дѣлаемый вами призывъ встрѣтится съ противодѣйствіемъ тѣхъ товарищей, которые отъ васъ же усвоили себѣ теорію пресловутыхъ „стадій“ политической борьбы, и они откажутся „сразу“ поддержать это требованіе и вмѣсто полнаго единогласія вашъ призывъ встрѣтитъ недоумѣлые вопросы и вызоветъ новые раздоры, — что тогда дѣлать? Если окажется, что тѣ теченія, которыя вы до сихъ поръ брали подъ свою защиту, глубоко проникли въ сознаніе многихъ дѣятелей и въ отвѣтъ на призывъ бороться вмѣстѣ съ интеллигенціей вы услышите: „наше дѣло сторона, да здравствуетъ рабочее движеніе!“, въ какомъ положеніи очутитесь вы тогда? А если — въ чемъ мы не сомнѣваемся — дезорганизованность нашихъ силъ требуетъ въ настоящій моментъ отъ насъ крайней осторожности въ приглашеніи массъ манифестировать во что бы то ни стало какъ разъ въ то время, когда враги наши организовали и напрягли всѣ свои силы, то при такомъ положеніи дѣлъ легкомысленный призывъ изъ за границы „освобождайте арестованныхъ!“, „отвѣчайте на насиліе насиліемъ!“ и всякія „кровавыя“ рѣчи могутъ имѣть послѣдствіемъ компрометированіе соціалдемократіи, взваливаніе на нее отвѣтственности за могущую имѣть мѣсто бойню рабочихъ.

Нѣтъ! Такая истерическая нервность, подкрѣпленная полной несостоятельностью въ пониманіи задачъ партіи, можетъ только вредить развитію нашего дѣла, и наша обязанность обратить вниманіе товарищей на то, что всѣ эти рѣчи прикрываются фирмой „Заграничнаго комитета россійской соціалдемократической рабочей партіи“. Нашъ собственный отвѣтъ на вопросъ: „что дѣлать?“ читатель найдетъ въ особой статьѣ въ этомъ же номерѣ. Здѣсь мы подчеркнемъ только одинъ выводъ. Чтобы достигнуть сплоченія всѣхъ соціалистически-революціонныхъ силъ вокругъ рабочаго движенія и его авангарда — соціалдемократіи, мы должны бороться съ той дезорганизаціей революціонныхъ силъ, къ которой грозитъ привести новый подъемъ террористическихъ настроеній. А для этого наша партія должна доказать на дѣлѣ жизнеспособность соціалдемократическаго рабочаго движенія, какъ главной политической силы, способной сокрушить самодержавіе. Въ какомъ бы положеніи ни застали насъ нахлынувшія событія, какъ бы мало мы ни были организованы, мы должны сдѣлать все возможное, чтобы рабочій классъ и соціалдемократія исполнили въ данный моментъ свой политическій долгъ. Но чтобы выполнить этотъ долгъ, надо не опьянять себя громкими фразами, не закрывать глаза на ошибки прошлаго и не удваивать принесеннаго ими вреда новыми противоположными ошибками. И пусть „историческій поворотъ“ въ 180 градусовъ, произведенный „Раб. Дѣломъ“ при громѣ литавровъ, докажетъ невѣрующимъ, что политическая партія безъ твердой программы и принципіально выдержанной тактики обречена на полную безпомощность въ каждый рѣшительный моментъ.

Изъ Нижняго-Новгорода сообщаютъ: Отсюда подаютъ петицію объ амнистированіи всѣхъ замѣшанныхъ въ безпорядкахъ студентовъ. Говорятъ, что въ годовщину безвременно погибшаго Дивена студенты-нижегородцы задумали было произвести демонстрацію. Но сметливая администрація разрѣшила имъ сходку на день демонстраціи (8-го апрѣля). На сходку были приглашены и представители разныхъ вѣдомствъ (писатели, чиновники, предсѣдатель управы и проч.) въ числѣ 72 человѣкъ. Была и публика. Дѣло происходило во всесословномъ клубѣ. Постановлено большинствомъ голосовъ: демонстраціи не производить, а взамѣнъ этого послать вышеупомянутую петицію. Собраніе было со своимъ предсѣдателемъ, двумя секретарями, баллотированнымъ ящикомъ и протоколистами. Въ случаѣ, если общество откажется подписываться подъ петиціей, студенты удерживаютъ за собою право устроить демонстрацію.

Ярославль. Обще-студенческое движеніе задѣло краешкомъ и Ярославскій Демидовскій лицей. Всѣхъ студентовъ въ лицеѣ 715 чел. До этого года жизнь лицеистовъ протекала мирно (если не считать неудачную попытку одного студента устроить забастовку въ 1899 г.). Отношенія между студентами и инспекціей были чисто-семейнаго характера, а директора лицея Шпилевскаго студенты считали своимъ отцомъ, милостиво предоставляющимъ своимъ дѣтямъ безобразничать, сколько угодно. Насколько у студентовъ лицея (кстати сказать, нѣкоторые обыватели, свидѣтели уличныхъ „демонстративныхъ" безобразій лицеистовъ, называютъ лицей музеемъ, да и сами лицеисты не стыдятся называть этимъ именемъ свою alma mater) мало развито сознаніе своего собственнаго достоинства, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи, которую можно озаглавить такъ: сліяніе чистой науки съ грязной полиціей. Въ срединѣ февраля этого года лицей праздновалъ сорокалѣтіе ученой дѣятельности своего профессора и директора Шпилевскаго. Казалось бы, какое отношеніе этотъ чисто университетскій праздникъ имѣетъ къ губернатору и жандармскому полковнику, полицмейстеру и всѣмъ приснымъ, однако въ актовомъ залѣ мы съ удивленіемъ увидѣли не только сихъ почтенныхъ мужей, но и ихъ помощниковъ. Не преминулъ отдать долгъ уваженія ученой дѣятельности Шпилевскаго и мѣстный агентъ сыскной полиціи Сундуковъ, увѣшанный медалями за свои многочисленныя услуги царю и отечеству. Наивные лицеисты не понимали, что въ храмѣ науки не мѣсто полиціи. Такъ было до 4-го марта. Событія этого дня сразу всколыхнули сонную душу лицеиста. Онъ заволновался. Были выпущены двѣ прокламаціи 7-го и 8-го марта за подписью Ярославскаго Исполнительнаго Комитета(?). На 9-ое марта была назначена сходка. Явилось до 250 студентовъ; были приняты всѣ три пункта требованій всего студенчества. Но тутъ явился директоръ, который сначала упрашивалъ отечески студентовъ разойтись, а затѣмъ сталъ кричать, и когда студенты отказались разойтись, велѣлъ ихъ переписать. Переписано было 155 человѣкъ. На слѣдующій день снова была сходка; но директоръ-отецъ, послѣ приказа разойтись, немедля вызвалъ войска, и тутъ-то лицеисты на своихъ шкурахъ узнали его отеческое попеченіе. Солдаты съ ружьями вошли въ лицей и группами уводили студентовъ въ близъ лежащія казармы. Арестовано было 83 человѣка. Ночью они были переведены въ арестантскія роты, гдѣ и были размѣщены въ двухъ большихъ камерахъ. Держали въ заключеніи двѣ недѣли, послѣ чего разослали по разнымъ городишкамъ. Семь студентовъ выдѣлили изъ общей массы, какъ зачинщиковъ, и посадили въ тюрьму въ одиночныя камеры. Въ настоящее время и эти высланы. На дняхъ объявленъ приговоръ; уволено на годъ и на два 15 студ.; остальныхъ подвергли различнымъ административнымъ взысканіямъ.

* * *

Передъ Пасхой были арестованы два студента; обвинялись они въ томъ, что будто бы они писали анонимныя ругательныя письма предержащимъ властямъ. Взяли ихъ по показанію инспектора лицея, который сказалъ про нихъ, что больше-де некому, кромѣ нихъ: они вдвоемъ постоянно вмѣстѣ, ведутъ себя какъ-то подозрительно тихо. И вотъ, на основаніи того что они ведутъ себя *тихо*, а это инспектору кажется *подозрительнымъ*, ихъ держали въ заключеніи 5 дней, затѣмъ освободили.

* * *

Мѣстныя власти давно ужъ подбирались къ статистикѣ. Студенческія волненія и аресты 12 студентовъ, работавшихъ въ бюро, дали поводъ администраціи вмѣшаться во внутреннюю жизнь его. На слѣдующій день послѣ арестовъ, т. е. 11-го марта, въ бюро является членъ управы, чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ и переодѣтый жандармскій писарь. Прежде всего компанія спросила гектографскія чернила. Послѣ осмотра ихъ нашли, что они не походятъ на тѣ, какими написаны прокламаціи. Затѣмъ осмотрѣли столы всѣхъ арестованныхъ студентовъ. Конечно, ничего не нашли. Но вице-губернаторъ (губернаторъ ѣздилъ въ Петербургъ съ докладомъ о текущихъ дѣлахъ г. Ярославля) не успокоился призвалъ къ себѣ завѣдующаго бюро и, заявивши, что „времена теперь строгія: реакція въ полной силѣ", предложилъ ему произвести нравственную очистку бюро, требуя отъ него, чтобы онъ впредь принималъ студентовъ со строгимъ выборомъ, такъ чтобы о нихъ нельзя было и подумать, что они могутъ когда-либо оказаться неблагонадежными. Глупый поручикъ (вице-губернаторъ — поручикъ въ отставкѣ) не сообразилъ, что сыскная полиція еще не нашла способа слѣдить за мыслями, за душою человѣка.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Рабочее движеніе въ Ярославлѣ, разъ начавшись, не могло, конечно, заглохнуть, не смотря на всѣ усилія полиціи. Полиція не дремала. Особенно много потрудился здѣсь начальникъ сыскного отдѣленія (онъ же приставъ 1-й части), нѣкто Петровскій, горячій сторонникъ Зубатовской политики. Какъ извѣстно, система Зубатова состоитъ въ томъ, чтобы среди рабочихъ поселить взаимное недовѣріе, вводя въ ихъ среду своихъ клевретовъ, которые сначала прикидываются ярыми революціонерами, а затѣмъ оказываются предателями. Петровскій сталъ подыскивать себѣ помощника, и выборъ его скоро остановился на одномъ рабочемъ Ѳедорѣ Дорофеевѣ. Неглупый парень, уже разъ привлекавшійся (по дѣлу технолога Носкова), онъ быстро устроилъ кружокъ изъ рабочихъ, нанялъ квартиру для занятій и затѣмъ, когда узналъ все, что нужно, предалъ. Аресты были 12-го января. Арестованы — студенты Демидовскаго лицея: Ив. Гр. Наумовъ 4-го курса (выпущенъ черезъ двѣ недѣли послѣ ареста), Ярославцевъ Алекс. Вас. 3-го курса и Алекс. Петровичъ Доливо-Добровольскій 2-го курса (оба еще сидятъ), гимназистъ 8-го класса Ярославской гимназіи Вас. Алекс. Носковъ (выпущенъ 14-го апрѣля), учительница городского начальнаго училища Ан. Дм. Бобенко (выпущена 25-го февраля), слесарь (онъ же ученикъ здѣшняго Пастуховскаго техническаго училища) Никаноровъ (выпущенъ черезъ двѣ недѣли), рабочіе Ив. Исаевъ Короткинъ и Ѳедоръ Семенухинъ (оба еще сидятъ). Взятъ былъ и Ѳ. Дорофеевъ (выпущенъ въ началѣ апрѣля). Всѣ арестованные обвинялись въ пропагандѣ среди рабочихъ, показаній не давали почти никакихъ, и жандармеріи, не смотря на всѣ усилія, не удалось создать „дѣло". Дѣло, по словамъ жандармскаго ротмистра, присланнаго изъ Москвы для веденія слѣдствія, яйца выѣденнаго не стоитъ. А ужъ какъ старались жандармы: грозили каторгой (нѣкоторые обвинялись по 250 ст., которая говоритъ о 15-лѣтней каторгѣ) мучили допросами въ жандармскомъ управленіи и тюрьмѣ, вызывали свидѣтелей по всякому незначительному поводу, устраивали очную ставку съ Дорофѣевымъ. Въ настоящее время, говорятъ, прокуроромъ московской судебной палаты дѣло отослано въ Петербургъ. Но всѣ усилія царской полиціи заглушить рабочее движеніе, остаются безуспѣшными. Въ началѣ марта 1901 г. забастовала Норская мануфактура изъ-за предполагаемаго пониженія расцѣнокъ на лѣто. Бросили работу двѣ трети всѣхъ рабочихъ (всего около пяти тысячъ). 11-го марта было арестовано 12 рабочихъ съ Норской фабрики, шедшихъ группою въ Ярославль на ярмарку. Обвиняются они въ томъ, что будто бы они шли въ городъ съ цѣлью устроить деменстрацію, поднявши массу фабричнаго народа, гулявшаго въ то время по ярмаркѣ. Забастовка окончилась по слухамъ неудачно для рабочихъ: расцѣнки не повысили. Передъ Пасхой на той-же фабрикѣ ходили листки мѣстнаго характера, которые подняли на ноги всю полицію. Арестовъ не было. На Ярославской мануфактурѣ тоже неспокойно изъ-за расцѣнокъ. Передавали, что 57 человѣкъ тягали на допросъ въ жандармское управленіе. Арестовъ не было, администрація фабрики, испугавшись волненій, увеличила расцѣнки.

* * *

По недостатку мѣста откладываемъ до слѣдующаго номера другія интересныя сообщенія нашего ярославскаго корреспондента.

Орѣхово-Зуево (мѣстечко Никольское). Раньше, чѣмъ приступить къ описанію больничныхъ порядковъ у Саввы Морозова, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ, характеризующихъ мѣстное положеніе. Для насъ, орѣхово-зуевскихъ рабочихъ, не безъинтересно познакомить черезъ рабочую газету „Искра" какъ своихъ рабочихъ, такъ и рабочихъ другихъ городовъ и другихъ профессій съ нашими иногда чудовищными порядками. Не говоря уже о томъ, что всякій сознательный рабочій долженъ интересоваться рабочимъ вопросомъ, но есть много людей, которые сами не рабочіе, а все же интересуются этимъ вопросомъ и сочувствуютъ классовому рабочему движенію… Какъ бы ни держали насъ въ невѣжествѣ своими хитросплетенными софизмами пресловутые попы, идущіе рука объ руку съ капиталистами и властями русскаго правительства — рабочіе все же видятъ свое жалкое рабское положеніе.

Въ мѣстечкѣ Никольскомъ работаетъ до 25 тысячъ человѣкъ у двухъ фабрикантовъ, Викулы и Саввы Морозовыхъ, а все населеніе Орѣхова состоитъ изъ 40 тысячъ человѣкъ, живущихъ на разстояніи девяти квадратныхъ верстъ. И при такомъ количествѣ и такой скученности населенія рабочее движеніе, тѣмъ не менѣе, очень тихое и сонное; эта сонность происходитъ, главнымъ образомъ, отъ полной умственной голодовки. У насъ нѣтъ литературы, которая встрѣчается въ столицахъ и другихъ большихъ городахъ, къ намъ не попадаютъ и рабочіе изъ такихъ городовъ и, благодаря этому, мы не знаемъ, гдѣ и какъ ведется дѣло. Взяться же самимъ у насъ не хватаетъ смѣлости и отчасти знанія. Вотъ образчикъ нашихъ порядковъ и нашего матеріальнаго положенія, который мы приводимъ безъ всякихъ преувеличеній и въ полномъ согласіи съ фактами.

У насъ есть двѣ больницы: одна Викулы, другая Саввы Морозова. Постараюсь описать больницу для рабочихъ Саввы Морозова. Больница находится около чугунно-литейнаго завода (заводъ служитъ для фабрики) и жилыхъ рабочихъ помѣщеній (казармъ). Мѣсто вредное и для жилыхъ помѣщеній, а для больницы тѣмъ болѣе. Морозовъ сдалъ свою больницу за извѣстную сумму одному эскулапу, доктору Базелевичу. Съ больными докторъ Базелевичъ обращается какъ настоящій живодеръ. Труды его даромъ не пропадаютъ, — онъ отлично умѣетъ сдирать шкуру съ изнеможенныхъ раобчихъ. Чаю и сахару больнымъ не полагается, а есть только кипятокъ и тотъ только до шести часовъ вечера. Пища очень скверная и то не въ достаточномъ количествѣ. Къ ужину подаютъ кислые щи или другую такую же похлебку. Больные голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Только тѣ и сыты, которыхъ навѣщаютъ родные и знакомые. Въ виду полуголоднаго содержанія больныхъ Базелевичъ не возбраняетъ приносить въ больницу все, а потому родные несутъ и кислую капусту, и селедки, и хлѣбъ, и квасъ, — однимъ словомъ, все, что есть. Кормятъ больныхъ по нѣсколько (4-5) человѣкъ изъ одной посуды заразъ. Бѣлье содержится очень грязно и всегда можно замѣтить на простыняхъ и наволочкахъ очень сомнительныя пятна. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ рабочій о своемъ посѣщеніи: „Разъ я пришелъ въ числѣ посѣтителей въ больницу. Подходя къ знакомому, я обратилъ вниманіе на рядомъ лежащаго больного. Это былъ молодой человѣкъ въ длинной грязной рубахѣ, въ короткихъ грязныхъ кальсонахъ и разныхъ чулкахъ (одинъ бѣлый, другой красный). Больной страдалъ ногами. Когда я бесѣдовалъ, то молодой человѣкъ жаднымъ, измученнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня и, наконецъ, произнесъ: ради Христа, дай кусочекъ хлѣбца, я чуть не умираю съ голода, такъ какъ меня никто не посѣщаетъ".

Лѣченіе въ больницѣ возмутительное — одной водой и дешевенькими порошками. Самъ Базелевичъ очень рѣдко принимаетъ больныхъ. Онъ нанялъ двухъ врачей, а самъ только слѣдитъ за выдачей лѣкарствъ.

Тутъ же существуетъ родильный пріютъ, который замѣчателенъ своей нелюбовью къ паціенткамъ — больныхъ принимаютъ только дня за два до родовъ, отговариваясь тѣмъ, что онѣ слишкомъ рано приходятъ ѣсть хозяйскіе харчи. Въ январѣ этого года былъ такой возмутительный случай: акушерка отослала назадъ домой беременную женщину. Отойдя немного отъ больницы, женщина родила на дорогѣ.

Какъ видите, товарищи, наше положеніе въ больницѣ у Саввы Морозова не изъ пріятныхъ. Наше здоровье, наши силы превратились въ частицу морозовскихъ милліоновъ. Морозовъ богатѣетъ, а мы принуждены проводить послѣдніе дни жизни, протягивая руку за кускомъ хлѣба. Ну, а если мы попадемъ въ богадѣльню? Въ слѣдующемъ письмѣ мы увидимъ, чего можно ожидать тамъ.

Московская губернія. Условія работы на недавно основанной фабрикѣ акціонернаго общества при сельцѣ Сѣтуни Московскаго уѣзда дали уже поводъ къ двумъ забастовкамъ, происшедшимъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1900 года. Вотъ нѣкоторыя подробности.

Фабрика основана лѣтомъ 1900 г. Первое время на ней работало всего человѣкъ 15. Послѣ число рабочихъ увеличилось до 80. Сначала рабочіе получали поденную плату, но вскорѣ хозяева фабрики въ своихъ выгодахъ перевели поденную плату на сдѣльную. Дѣло въ томъ, что неусовершенствованныя машины часто разлаживались, основы съ ручныхъ сновальней приходилось клеить руками, а это отнимало много времени. Рабочіе очень скоро увидѣли, что при такихъ условіяхъ невозможно работать сдѣльно. Но напрасно они нѣсколько разъ просили снова установить мѣсячную плату, хозяева отвѣчали категорическимъ отказомъ. Тогда рабочіе рѣшили забастовать, и 15-го сентября никто не пошелъ на работу. Рабочіе требовали установленія помѣсячной платы и повышенія ея до 25 руб. Забастовка продолжалась двѣ недѣли. Кончилось тѣмъ, что администрація фабрики предложила работающимъ на машинахъ 17 руб. въ мѣсяцъ и ручнымъ ткачамъ 20 руб.

Послѣ первой стачки на фабрику было набрано много новыхъ рабочихъ, но и они, проработавъ около двухъ мѣсяцевъ, стали роптать на слишкомъ низкую заработную плату и фабричные порядки. Наконецъ, они отправились къ завѣдующему Юлію Ивановичу и заявили ему слѣдующія требованія: 1) смѣнить мастеровъ, не знающихъ русскаго языка, 2) давать хорошіе инструменты, 3) устроить на дворѣ фонари для идущихъ на ночную смѣну и 4) повысить заработную плату. „Хорошо, ребятушки, отвѣтилъ имъ завѣдующій, все исправлю, все сдѣлаю по вашему, идите, не безпокойтесь". Рабочіе продолжали работать, но, видя, что все остается по прежнему, опять черезъ нѣсколько дней повторили свое требованіе. Опять много обѣщаній на словахъ и ничего на дѣлѣ. Выведенные изъ терпѣнія рабочіе рѣшили, наконецъ, 28-го ноября прекратить работу. Къ нимъ явился завѣдующій и сталъ уговаривать стать на работу, обѣщая опять выполнить всѣ ихъ требованія. Но на этотъ разъ рабочіе не поддались на удочку и на отрѣзъ отказались выйти на работу до тѣхъ поръ, пока не исполнятъ ихъ требованій. Такъ прошло два дня. Пріѣзжалъ исправникъ Тимофѣевъ и тоже уговаривалъ рабочихъ встать на работу. Онъ пріѣзжалъ пять разъ и, наконецъ, заявилъ: „кто не хочетъ идти на работу, берите разсчетъ". Рабочіе отвѣтили, что возьмутъ разсчетъ только при условіи, если имъ выдадутъ по 18 руб. въ мѣсяцъ. Когда же и на это послѣдовалъ отказъ, они отправились на телеграфъ и послали Великому Князю Сергѣю одну, а потомъ, видя, что никто не ѣдетъ, вторую и третью телеграмму. Кромѣ того, они послали двухъ ходатаевъ въ Москву, но тѣ были арестованы по дорогѣ. Наконецъ, пріѣхалъ адъютантъ Вел. Князя, записалъ требованія рабочихъ и уѣхалъ. А черезъ нѣсколько часовъ трое рабочихъ были вызваны якобы къ допросу и тоже посажены въ тюрьму. Адъютантъ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней опять и сказалъ слѣдующее: „Братцы, теперь я вашихъ подстрекателей арестовалъ и вамъ ничего не остается больше, какъ встать на работу". — „Если бы намъ и всѣмъ пришлось сѣсть въ тюрьму, отвѣчали рабочіе, и тогда бы мы не отказались отъ своихъ требованій". — „Видно, среди васъ еще остались козлы, возразилъ адъютантъ, да не много ихъ; а остальные — все овцы. Дорого бы я заплатилъ, если бы кто-нибудь указалъ мнѣ этихъ козловъ". На другой день на фабрику наѣхала полиція: жандармы, урядники, человѣкъ 50, и оставались на фабрикѣ четыре дня. 12-го декабря опять пріѣхалъ адъютантъ Вел. Князя, потомъ становой приставъ, земскій начальникъ и фабричный инспекторъ. Они собрали рабочихъ и стали вызывать по фамиліямъ, записывая тѣхъ, кто продолжалъ упорствовать. Согласившихся идти на работу оказалось всего человѣкъ 15. Остальныхъ усадили на 30 розвальней и въ сопровожденіи урядниковъ отвезли въ тюрьму. Тамъ они просидѣли 22 дня, а потомъ этапомъ были отправлены на родину. Такъ заступился Вел. Князь за обижаемыхъ рабочихъ.

Смерть П. Морозова. Въ началѣ января въ Сычевкѣ Смоленской губерніи отъ болѣзни, нажитой въ тюрьмѣ, петербургскій агитаторъ Петръ Морозовъ (ткачъ). Въ 1894 г. Морозовъ былъ арестованъ въ Петербургѣ и, послѣ полутора года заключенія въ провинціальной тюрьмѣ, былъ сосланъ въ 1896 г. въ Вологодскую губернію на три года. По окончаніи ссылки Морозовъ поѣхалъ въ Екатеринославъ и, не смотря на совершенно расшатанное здоровье и тягостныя условія труда, за который ему пришлось взяться (онъ поступилъ кочегаромъ на заводъ), тотчасъ же принялся за революціонную работу. По какой-то случайности онъ очень скоро (передъ 19-мъ апрѣля 1899 г.) былъ снова арестованъ съ нѣсколькими стами прокламацій. Пребываніе въ Екатеринославской тюрьмѣ его добило окончательно. Лѣтомъ 1900 г. Морозова, уже безнадежно больного, выпустили и выслали въ городъ Сычевку. Покойный принадлежалъ къ числу лучшихъ агитаторовъ нашего движенія.

Изъ Иваново-Вознесенска сообщаютъ рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайне тяжеломъ положеніи рабочихъ, вызванномъ промышленнымъ кризисомъ. На прядильной фабрикѣ тов. Иваново-Вознесенской мануфактуры (занимающей 5000 раб.), начиная съ 9-го октября стоитъ почти каждую смѣну половина ватерныхъ машинъ (ихъ всего 144), а рабочимъ платятъ всего только за половину простоя. Въ мѣсяцъ пропадаетъ плата за цѣлыхъ четыре дня. На ткацкой фабрикѣ того же общества стали давать плохой матеріалъ, понизившій заработокъ съ 11 р. до 9 р. въ мѣсяцъ въ среднемъ; для отдѣльныхъ рабочихъ плата упала до шести руб. Требованіе рабочихъ объ улучшеніи матеріала не было удовлетворено, при чемъ во время объясненія съ рабочими хозяинъ А. Зубковъ заявилъ: „Когда намъ приходится работать въ убытокъ! Чортъ съ ней, съ фабрикой и со всѣмъ производствомъ, когда у насъ не идутъ товары".

На плохой матеріалъ жалуются также съ фабрики Бурылина (900 чел.). За недостаткомъ основы машины часто стоятъ, а за простой рабочимъ не платятъ. Для удлиненія рабочаго дня переводятъ по усмотрѣнію часы. Для части рабочихъ рабочее время увеличено съ 9 до 11½ часовъ. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ (около 300 чел.) также произвольно переводятся часы, налагаются несправедливые штрафы, неправильно выдаются пенсіонныя деньги. 2-го февраля уволили рабочаго за то, что онъ задремалъ за работой. А задремалъ онъ потому, что проработалъ безъ сна двое сутокъ.

Въ двадцатыхъ числахъ марта въ Ив.-Вознесенскѣ распространенъ листокъ мѣстнаго комитета партіи по поводу волненій на фабрикѣ Бакулина, описанныхъ въ ном. 3 „Искры".

Кризисъ и его послѣдствія. Кризисъ все разростается. Въ Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Ив.-Вознесенскомъ районѣ работы сокращаются. Въ послѣднее время застой охватилъ и бакинскіе нефтяные промыслы, и бакинскій губернаторъ телеграфировалъ астраханскому о необходимости задержать движеніе безработныхъ въ Баку. А въ Астрахани и безъ того скопленіе безработныхъ. Нищета и обостреніе эксплуатаціи во всѣхъ видахъ вызываютъ крайне напряженное настроеніе въ этихъ толпахъ голоднаго люда. Несомнѣнно, извѣстія о политическихъ волненіяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ еще усилили это настроеніе, и апрѣль ознаменовался цѣлымъ рядомъ безпорядковъ.

Первые безпорядки произошли 9-го марта въ посадѣ Горловкѣ Екатеринославской губ., гдѣ шахтеры стали требовать выдачи имъ безплатныхъ свидѣтельствъ для проѣзда на родину и, получивъ отказъ, произвели разгромъ лавокъ и нападеніе на полицейское управленіе. Къ Пасхѣ настроеніе массъ вездѣ было настолько серьезное, что власти опубликовали распоряженіе о воспрещеніи сходокъ и демонстрацій (на основаніи положенія объ охранѣ) въ Кронштадтѣ, Одессѣ, Николаевѣ, Севастополѣ, Екатеринославской губ., области Войска Донского, не говоря уже о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили демонстраціи въ мартѣ. Сверхъ того, мин. вн. дѣлъ воспретилъ устройство праздничныхъ увеселеній (балагановъ), такъ какъ уличные безпорядки частью возникаютъ въ такихъ мѣстахъ скопленія праздничной публики. Однако, въ Кишиневѣ именно это воспрещеніе вызвало безпорядки, завершившіеся погромомъ еврейсихъ лавокъ. Въ Кіевѣ произошли весьма бурные безпорядки, вызванные усердіемъ одного изъ солдатъ, назначенныхъ для пополненія полиціи. Во время безпорядковъ нѣсколько полицейскихъ ранено ножами. Въ Екатеринославѣ тоже произошелъ разгромъ еврейскихъ лавокъ. Въ Астрахани происходили бурныя столкновенія между рабочими, пришедшими изъ деревни, и городскими босяками. Въ Таганрогѣ во время Пасхи дважды происходили крупные безпорядки съ нападеніемъ на чиновъ полиціи. Въ гор. Сочи на Кавказѣ безпорядки приняли форму нападенія на турокъ, а потомъ на имеретинъ. Въ Одессѣ для предотвращенія безпорядковъ администрація арестовала до двухъ тысячъ обитателей ночлежныхъ домовъ и продержала городъ въ теченіе праздниковъ на военномъ положеніи. Тоже было и въ Саратовѣ, гдѣ ожидались серьезныя волненія.

Съ 1881 г. начало каждаго десятилѣтія отмѣчается въ Россіи „безпорядками" городской голытьбы. Этотъ многочисленный классъ населенія, прикасающійся съ рабочимъ пролетаріатомъ, доставитъ современному порядку еще не мало хлопотъ и огорченій. Никакія драконовскія мѣры не умиротворятъ этого люда. „Чистая публика" должна убѣдиться, что отъ послѣдствій буйныхъ вспышекъ голытьбы ее могутъ оградить только два условія: правильно развивающееся и не преслѣдуемое закономъ рабочее движеніе, при которомъ возможно смягченіе бѣдствій, вызванныхъ безработицей, и такой политическій строй, при которомъ голодный бѣднякъ не будетъ на каждомъ шагу раздражаемъ полицейскимъ произволомъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русскія событія послѣднихъ мѣсяцевъ обратили на себя общее вниманіе въ Европѣ. Возмущеніе образомъ дѣйствій русскаго правительства по отношенію къ студентамъ и радостное изумленіе по поводу смѣлаго выступленія русскихъ рабочихъ на путь политической борьбы охватили революціонный пролетаріатъ и либеральную интеллигенцію въ Зап. Европѣ. Профессора и ст[illegible]денты почти всѣхъ странъ опубликовали свои протесты прот[illegible] царскаго правительства и выразили сочувствіе русскимъ бо[illegible] за свободу. Рабочіе и студенты устраивали многолюдныя собранія для выраженія солидарности съ ведущейся въ Россіи борьбой. Г. Плехановъ и Б. Кричевскій въ качествѣ русскихъ делегатовъ въ международномъ соціалистическомъ секретаріатѣ обратились въ послѣдній съ предложеніемъ издать манифестъ ко всѣмъ рабочимъ по поводу русскихъ событій. Въ воззваніи отъ 25-го апр. секретаріатъ пригласилъ рабочихъ всѣхъ странъ въ резолюціяхъ, принимаемыхъ на майскихъ собраніяхъ, привѣтствовать русскихъ борцовъ. Въ Австріи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи, Швеціи были устроены спеціальныя собранія для выраженія протеста противъ рускаго правительства. Такъ, Г. Плехановъ пишетъ намъ, что ему, по приглашенію бернскаго рабочаго союза, пришлось говорить на собраніи, созванномъ спеціально для протеста противъ русскаго царизма. Одушевленіе швейцарскихъ рабочихъ, слушавшихъ сообщеніе о ростѣ революціоннаго движенія въ Россіи, было громадно. Послѣ обѣда въ устроенной рабочими первомайской процессіи несли, среди другихъ знаменъ, также два транспаранта съ надписями: „Долой русскій царизмъ! Да здравствуетъ русское революціонное движеніе!“ Газеты сообщали, что русскій посланникъ предъявилъ швейцарскому правительству формальный протестъ противъ этого. Принимая во вниманіе, что транспаранты несли швейцарскіе граждане, нельзя не признать, что этотъ протестъ является выраженіемъ той наглости, которую обыкновенно позволяетъ себѣ русское правительство по отношенію къ слабымъ. Если бы дѣло было въ Англіи, то, разумѣется, русскіе дипломаты не позволили бы себѣ ничего подобнаго. Ниже приводимъ письмо товарища Васильева объ одномъ изъ такихъ собраній въ Швейцаріи. Васильевъ — нашъ соотечественникъ, уже давно покинувшій Россію и вступившій въ ряды швейцарской соціалдемократіи, гдѣ онъ пріобрѣлъ заслуженную извѣстность.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ АРБОНѢ.

Арбонъ — это маленькій городишко или, если хотите, большая деревня на Боденскомъ озерѣ. Въ Арбонѣ нѣсколько фабрикъ, и арбонскіе рабочіе могутъ гордиться своей организаціей. Это маленькій оазисъ организація. Въ то время, когда во всей Швейцаріи только 18 проц. рабочихъ сплочены въ союзы, около 80 проц. рабочихъ Арбона соединены узами солидарности въ семи обществахъ, и эти семь обществъ сплочены въ Арбонскомъ рабочемъ союзѣ. За недолго до 1-го мая были здѣсь выборы въ совѣтъ общины, и рабочіе провели двухъ своихъ соціалистическихъ кандидатовъ.

Въ этомъ-то Арбонѣ я долженъ былъ говорить на рабочемъ митингѣ перваго мая.

Пріѣхавъ въ городокъ, я былъ удивленъ праздничнымъ видомъ его. Весь городъ былъ украшенъ флагами; не только дома бѣдняковъ, но и виллы богачей! Я былъ удивленъ. Оказалось, что рабочіе въ своемъ воззваніи по поводу рабочей международной демонстраціи перваго мая просили „согражданъ“ украсить городъ... И — эта просьба была уважена! Рабочіе стали крѣпкимъ союзомъ, и — сила вызываетъ уваженіе — эти развѣвающіеся флаги выражали новое отношеніе гражданъ другихъ классовъ къ рабочему классу.

Фабрики (машинныя и вязальныя) стояли цѣлый день закрытыми. Утромъ былъ концертъ на площади... Послѣ обѣда на этой площади собрались въ „военномъ порядкѣ“ батальоны арбонскихъ рабочихъ. Вотъ подъ звуки марша, съ развѣвающимися знаменами двинулись мы процессіей... Обойдя весь городъ, остановились передъ входомъ въ громадный залъ, въ которомъ я долженъ былъ говорить... Залъ былъ набитъ биткомъ рабочими и любопытными... Я былъ увлеченъ этой толпой и говорилъ болѣе двухъ часовъ о нашемъ великомъ дѣлѣ, о значеніи нашей международной демонстраціи... Любо было глядѣть, съ какимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушали меня, глаза слушателей, работницъ и рабочихъ, блистали, разгорались и вспыхивали, зажигая говорящаго. Вотъ я заговорилъ подъ конецъ о движеніи русскихъ рабочихъ... При какихъ тяжелыхъ, невозможныхъ условіяхъ долженъ бороться русскій пролетаріатъ за свое освобожденіе... И все же борьба идетъ!

Сплошной массой поднялись всѣ слушатели, когда президентъ союза арбонскихъ рабочихъ прочелъ резолюцію, выражающую сочувствіе русскому борящемуся пролетаріату и студенчеству... Это протягивалась братская рука, это бились, какъ одно, сотни рабочихъ сердецъ черезъ тысячи верстъ въ страну, гдѣ не сіяетъ солнце политической свободы, а свиститъ кнутъ и нагайка.

Васильевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

На восьмомъ интернаціональномъ конгрессѣ противниковъ алкоголизма, состоявшемся въ Вѣнѣ въ среднихъ числахъ апрѣля с. г., присутствовалъ, среди делегатовъ другихъ европейскихъ странъ, и представитель русскаго правительства, графъ Скаржинскій. Слушая его рефератъ: „Русскія оффиціальныя общества трезвости и народные праздники, какъ средство борьбы противъ алкоголизма“, можно было подумать, что дѣло идетъ о наикультурнѣйшей странѣ Европы. Чего только, судя по реферату гр. Скаржинскаго, русское правительство не дѣлаетъ для просвѣщенія своего народа и для отвлеченія его отъ вредныхъ спиртныхъ напитковъ! Не говоря уже о введеніи монополіи на продажу алкоголя, имѣвшемъ исключительно цѣлью уменьшить пьянство въ Россіи, русское правительство тратитъ ежегодно 3,000,000 руб. на устройство обществъ трезвости, публичныхъ библіотекъ, чайныхъ, народныхъ праздниковъ и театровъ; кромѣ того, различные графы и князья берутъ на себя часто чтеніе рефератовъ о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье человѣка, при чемъ распространяютъ среди присутствующихъ брошюры, написанныя на ту же тему. Само собою понятно, что русское правительство, благодаря этимъ радикальнымъ мѣрамъ, достигло наилучшихъ результатовъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ и стоитъ только, по мнѣнію гр. Скаржинскаго, Западной Европѣ послѣдовать примѣру Россіи въ этомъ отношеніи, какъ алкогольный вопросъ исчезнетъ съ лица земли.

Графу Скаржинскому отвѣтилъ австрійскій студентъ Георгъ Григоровичъ.

„Я не хочу, — началъ свою рѣчь Григоровичъ, чтобы графъ Скаржинскій уѣхалъ изъ Вѣны, не узнавъ настоящаго отношенія Зап. Европы къ такъ-называемымъ соціальнымъ реформамъ Россіи. Гр. Скаржинскій въ такихъ яркихъ краскахъ описалъ намъ мѣры, принимаемыя русскимъ правительствомъ въ борьбѣ противъ злоупотребленія спиртными напитками, что Россія должна намъ казаться какимъ-то раемъ... Но если русское правительство ввело монополію на продажу спиртныхъ напитковъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно имѣетъ право монополизировать просвѣщеніе русскаго народа и пропаганду противъ злоупотребленія алкоголемъ. Если бы противъ алкоголя и всѣхъ связанныхъ съ нимъ послѣдствій агитировалъ не гр. Скаржинскій, а гр. Толстой, то русское правительство сослало бы его въ Ясную Поляну, а когда молодые, даровитые люди, слѣдуя своему идеальному порыву, хотятъ просвѣтить русскій народъ, научить его грамотѣ, — ихъ арестовываютъ и сажаютъ въ тюрьмы, какъ преступниковъ. Если же графъ Скаржинскій распространяетъ среди русскихъ крестьянъ и рабочихъ брошюры о послѣдствіяхъ злоупотребленія алкоголемъ, то онъ дѣлаетъ это, по всей вѣроятности, для остальной Европы и этого конгресса, такъ какъ русскій народъ ихъ читать не умѣетъ. Очень возможно, что графу Скаржинскому, подобно многимъ другимъ правительственнымъ лицамъ, совершенно неизвѣстны настоящія условія русской жизни (гр. Скаржинскій дѣлаетъ возбужденно какое-то замѣчаніе президенту); это видно изъ его утвержденія, что „въ Россіи еще ни одинъ мужикъ не умеръ съ голоду“. Да и не удивительно: вѣдь русская пресса меньше всего должна касаться самой Россіи. Я совѣтую, поэтому, графу Скаржинскому прочесть книгу „Голодающая Россія“ Лемана и Парвуса — здѣсь, у насъ, онъ можетъ ее читать — въ ней онъ найдетъ много поучительнаго матеріала для себя“.

Говоря далѣе объ антиалкоголистическомъ движеніи въ Буковинѣ, Григоровичъ разсказываетъ, что тамъ одновременно съ обществами трезвости устраиваются общества, имѣющія цѣлью научить крестьянъ грамотѣ. „Не мѣшало бы и русскому правительству, продолжаетъ онъ, послѣдовать нашему примѣру. Вмѣсто того, чтобы массами арестовывать студентовъ, пусть русское правительство ихъ проситъ, — да, проситъ, чтобы они просвѣщали русскій народъ и научили его грамотѣ. Тогда, и только тогда графъ Скаржинскій съ успѣхомъ сможетъ распространять брошюры о вредномъ вліяніи алькоголя“. Громкіе, впродолженіе двухъ минутъ не прекращавшіеся апплодисменты показали, что мнѣніе, высказанное Григоровичемъ, раздѣлялось всѣми присутствовавшими на конгрессѣ.

Блѣдный и весь дрожа отъ волненія графъ Скаржинскій проситъ слова:

„Я не намѣренъ, сказалъ онъ, отвѣчать на рѣчь, имѣющую чисто политическую подкладку. Я хочу вѣрить, что бюро этого конгресса, какъ и австрійское правительство пригласили насъ сюда не для того, чтобы говорить намъ такія непріятныя вещи. Я по личному опыту знаю, какимъ гостепріимствомъ отличается Австрія, и только потому охотно согласился на предложеніе русскаго правительства послать меня на этотъ конгрессъ въ качествѣ делегата“. (Слабые апплодисменты и сильное шиканье.)

Охотно вѣрю графу Скаржинскому, что правда, сказанная ему г. Григоровичемъ, была ему по меньшей мѣрѣ „непріятна“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ.

Если русская соціалдемократія усиленно готовилась въ этомъ году къ маевкѣ, то правительство, повидимому, напрягло всѣ свои силы, чтобы воспрепятствовать демонстраціямъ. Въ Петербургѣ 18-го апрѣля произведенъ еще неслыханный у насъ полицейскій разгромъ. Число арестованныхъ считаютъ въ 300, обысковъ произведено не то 600, не то 800. На одномъ Путиловскомъ заводѣ взято 50 рабочихъ. Предполагавшаяся на 22-ое апрѣля рабочая демонстрація не удалась. Зато блестящую демонстрацію устроило правительство: по Невскому продефилировало нѣсколько полковъ солдатъ. „Шпіонство и предательство висятъ въ воздухѣ“, пишутъ намъ изъ Петербурга.

Въ Польшѣ и Литвѣ была распространена масса майскихъ листковъ. „Соціалдемократія въ царствѣ Польскомъ и Литвѣ“ издала одну майскую прокламацію на польскомъ языкѣ и одну на нѣмецкомъ, сверхъ того спеціальный листокъ къ польскимъ рабочимъ о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи, особый листокъ къ булочникамъ и майскій номеръ своего органа „Рабочее обозрѣніе“. Въ статьѣ, посвященной русскимъ событіямъ, говорится: „Въ день перваго мая мы обязаны демонстраціей противъ царизма показать нашу солидарность съ нашими братьями, русскими революціонерами“.

„Общееврейскій рабочій союзъ“ издалъ майскій номеръ „Голоса рабочаго“ и майскую прокламацію. Польская соц.-демократическая партія „Пролетаріатъ“ тоже обратилась къ рабочимъ съ прокламаціей по поводу перваго мая, въ которой приглашала рабочихъ не устраивать демонстрацій, а ограничиться прекращеніемъ работъ. Партія указываетъ на то, что демонстраціи уносятъ слишкомъ много жертвъ. Намъ точка зрѣнія новой польской партіи представляется ошибочной.

Днемъ демонстраціи въ Варшавѣ было назначено воскресенье передъ первымъ мая новаго стиля (15-ое апрѣля). Демонстрація произошла на Маршалковской улицѣ. Демонстрантовъ было, по сообщенію варшавскаго комитета польской соц.-дем. партіи, до 15 тысячъ. Происходили столкновенія съ полиціей и нѣсколько десятковъ человѣкъ арестовано. По варшавскимъ улицамъ разъѣзжаютъ казаки; завидѣвъ кучку человѣкъ въ 5-6, они тотчасъ же въ нее врѣзываются и разбиваютъ ее.

О демонстраціи въ Двинскѣ намъ сообщаютъ такія подробности: Вечеромъ 15-го по городу были расклеены, разбросаны по лавкамъ, улицамъ, фабрикамъ и мастерскимъ прокламаціи: русская общепартійная (изд. „Южн. Раб.“) въ количествѣ 150 экз., и еврейскія: 1) общая отъ „Евр. Раб. Союза“, 2) отъ организаціи приказчиковъ и 3) отъ мѣстнаго комитета, — всего до 2000 экз. 18-го апрѣля (1-го мая) съ пяти часовъ утра вся полиція была на ногахъ, по городу ходили патрули солдатъ. Во всѣхъ мастерскихъ и на фабрикахъ (спичечной — около 1000 чел. — и двухъ фабрикахъ вѣнской мебели и др.) еврейскіе рабочіе или вовсе не работали съ утра или бросали работу въ обѣдъ; не работало также много христіанъ. Утромъ полиція забрала до 10 рабочихъ на биржѣ и отправила ихъ въ тюрьму. Обыватели ожидали „бунта“. Часовъ въ пять вечера появились на улицахъ толпы рабочихъ, сопровождаемыя тысячной публикой. Они направились на „Невскій проспектъ“, гдѣ имъ, однако, не удалось соединиться, такъ какъ солдаты тщательно разгоняли ихъ, при чемъ досталось и постороннимъ. Разсѣявъ рабочихъ и забравъ 170 человѣкъ, изъ которыхъ добрую треть составляли любопытные, солдаты расположились на площади, сложивъ ружья въ козлы. Очевидно, предполагали, что все уже кончено. Между тѣмъ, рабочіе стали собираться на другой изъ главныхъ улицъ — Рижской, а потомъ съ пѣніемъ Марсельезы и съ краснымъ знаменемъ двинулись по ней. Ихъ было около 700 чел. Любопытныхъ было еще болѣе. Безпрепятственно прошли они всю Рижскую улицу, свернули на Мясницкую и, пройдя ее всю, вернулись назадъ, и только когда на Рижской появились конные артиллеристы и солдаты, они понемногу разсѣялись.

Изъ 170 взятыхъ выпущены всѣ, кромѣ 10, которые подвергнуты тюремному заключенію на срокъ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, повидимому, въ административномъ порядкѣ.

17-го апрѣля полицмейстеръ обратился къ военнымъ властямъ съ просьбой, чтобы 18-го весь день при госпиталѣ дежурилъ врачъ на случай столкновеній войскъ съ рабочими.

Изъ Вильны о демонстраціи намъ пишетъ очевидецъ: На 14-ое (27-ое) апрѣля виленскимъ комитетомъ была назначена демонстрація въ 8 час. вечера въ Пушкинскомъ скверѣ, въ концѣ Большой улицы. Начиная съ 7 час., стали стекаться въ назначенное мѣсто толпы участниковъ. Но такъ какъ по вечерамъ, особенно субботнимъ, въ этомъ саду гуляетъ масса публики, — буржуазной и „плебейской“, — то долгое время демонстранты не обращали на себя особеннаго вниманія. Неизвѣстно, была ли предупреждена полиція, — особыхъ съ ея стороны приготовленій не было, хотя вопреки обыкновенію по саду расхаживали двое городовыхъ, двое околодочныхъ, а среди гуляющихъ былъ и полицмейстеръ. Число участниковъ трудно опредѣлить, такъ какъ въ сплошную массу они ни разу не столпились; во всякомъ случаѣ было нѣсколько сотъ человѣкъ, безусловно больше пяти сотъ, но меньше тысячи. Многіе изъ демонстрантовъ носили красные галстухи, рубахи, блузы, юбки и проч. Часамъ къ восьми, когда демонстранты стали ходить взадъ и впередъ довольно большими группами, публика — между прочимъ, численно превосходившая демонстрантовъ — замѣтила, въ чемъ дѣло: стали раздаваться тревожные возгласы: „Да вѣдь сегодня 1-ое мая!“ — „Нѣтъ, вѣдь 1-ое мая „они“ празднуютъ 19-го“. — „Ну, а значитъ, въ этомъ году имъ приказали раньше, у нихъ вѣдь тоже начальство есть“. — „Смотрите, вотъ „союзныя“ пошли, въ красномъ“. — „Это, должно быть, репетиція“. — „Вотъ сволочи (слова одного офицера), они намъ хотятъ показать свой протестъ: вы вотъ ничего не дѣлаете, да въ роскошныхъ нарядахъ приходите сюда гулять и веселиться, — такъ мы разстроимъ ваше веселье, покажемъ, что мы тоже хотимъ жить получше и бороться, пока не побѣдимъ“. Это и много другого интереснаго я слыхалъ, все время находясь среди буржуазной публики и прислушиваясь къ разговорамъ. — Ровно въ 8 час. часть демонстрантовъ сгустилась около дома ген.-губернатора и стала кричать „ура“; сейчасъ же туда устремилась полиція и хотѣла отрѣзать эту часть демонстрантовъ отъ остальныхъ и отъ публики. Но такъ какъ полиціи было очень мало, это ей не удалось, демонстранты прорѣзались и направились къ выходу изъ сада на Большую улицу, по которой и двинулись съ криками „ура“. Публикой овладѣла паника, въ одну минуту садъ опустѣлъ, у выходовъ изъ сада началась невозможная давка; выбравшіеся изъ сада останавливались у ограды и смотрѣли, что будетъ. По саду со всѣхъ ногъ бѣжали десятки демонстрантовъ, чтобы присоединиться къ ихъ массѣ, за ними городовые, свистѣвшіе на весь городъ. Сбѣжалось съ сосѣднихъ улицъ нѣсколько городовыхъ, стали бить первыхъ попавшихся и оттаскивать отъ толпы, послѣ чего въ сопровожденіи дворниковъ отправляли въ участокъ. Демонстранты не только безучастно къ этому относились, но когда прибѣжало еще нѣсколько городовыхъ и 3-5 жандармовъ (пѣшихъ), они, прокричавъ еще нѣсколько разъ „ура“, стали быстро скрываться въ сосѣднія улицы и подворотни или же сходили на троттуаръ и смѣшивались съ публикой. Такимъ образомъ, въ $8\frac{1}{4}$ демонстранты разсѣялись, пройдя саж. 100 до Благовѣщенской улицы. Изъ толпы было выхвачено до 20 чел.; арестовано также двое студентовъ, которые, встрѣтивъ городового и дворника, ведущихъ въ участокъ какого-то рабочаго, пытались отбить его. Въ $8\frac{1}{2}$ час. на Большой улицѣ появился одинъ казакъ, разгонявшій публику, и по улицѣ сталъ ходить взадъ и впередъ отрядъ солдатъ (человѣкъ 50), безъ оружія и офицеровъ.

На другой и слѣдующіе дни по Большой и другимъ улицамъ разъѣзжали казаки, у недостаточно элегантно одѣтыхъ евреевъ городовые отбираютъ палки, которыя десятками отправляютъ въ полицію. Повидимому, власти ждутъ повторенія демонстраціи 18-го апрѣля; весь городъ говоритъ о происшедшемъ. Послѣ демонстраціи были распространены (но не расклеены) прокламаціи Бунда: двѣ — на еврейскомъ языкѣ, къ рабочимъ и приказчикамъ, и одна на русскомъ.

Демонстрація вообще вышла неудачная. При лучшемъ руководствѣ она могла бы продолжаться гораздо дольше, успѣли бы спѣть пѣсни и проч., потому что полиціи почти не было, и когда къ концу сбѣжались городовые и жандармы, то ихъ тоже было весьма немного и дѣйствовали они безъ опредѣленнаго плана, никѣмъ не руководимые. Видѣвшіе прошлогоднюю демонстрацію говорятъ, что она была лучше — дольше продолжалась, пѣли пѣсни; участниковъ было не меньше, хотя были будни. — Во время демонстраціи взято всего 12 человѣкъ, изъ которыхъ двоихъ выпустили. 18-го въ очень многихъ мастерскихъ не было работъ, въ еврейскихъ почти во всѣхъ, у христіанъ — въ немногихъ. Вечеромъ была вечеринка рабочихъ.

Участвовали въ этой демонстраціи, главнымъ образомъ, еврейскіе рабочіе. Поляки и литовцы пытались организовать демонстрацію 18-го апрѣля на Нѣмецкой улицѣ. Но уже въ $7\frac{1}{2}$ час. вечера на улицѣ появился эскадронъ казаковъ во главѣ съ полицмейстеромъ, которые въѣзжали на троттуары и били, кого попало. По Нѣмецкой улицѣ закрыли всѣ магазины и дворы, чтобы нигдѣ не было убѣжища. Побито много обывателей, не принимавшихъ никакого участія въ демонстраціи.

Сообщаютъ еще о демонстраціяхъ въ Ковно, Креславкѣ (Витебской губ.) и Сморгони (Виленской губ.).

22-го апрѣля, въ воскресенье, въ Тифлисѣ нѣсколько сотъ рабочихъ пытались устроить демонстрацію. При нападеніи полиціи произошла свалка и, по словамъ газетъ, изъ толпы стрѣляли въ полицію. Толпа была разсѣяна, и многіе арестованы, въ томъ числѣ одинъ студентъ и три курсистки изъ числа высланныхъ изъ Петербурга.

Изъ Казани передъ 18-мъ апрѣля было выслано 60 чел., переписанныхъ во время мѣстной демонстраціи 11-го марта. Въ Самарѣ и Саратовѣ войска были на готовѣ весь день. Въ Саратовѣ и Нижнемъ-Новгородѣ были неудачныя попытки демонстраціи.

* * *

Петербургскій „Союзъ“ распространилъ передъ первымъ мая двѣ печатныя прокламаціи къ рабочимъ и къ „обществу“ съ приглашеніемъ на демонстрацію въ день 22-го апрѣля. Приводимъ прокламацію къ „обществу“:

КЪ РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ.

Россія переживаетъ знаменательное время. Долго накопившееся въ сердцахъ чувство неудовлетворенности современнымъ государственнымъ строемъ вдругъ прорвалось наружу и широкимъ потокомъ разлилось по всѣмъ слоямъ русскаго общества. Самые „благонамѣренные“ люди начинаютъ понимать, что самодержавіе преслѣдуетъ исключительно свои узкія, личныя цѣли, идущія прямо въ разрѣзъ съ счастьемъ, культурой и благомъ родины. Само самодержавіе усердно и успѣшно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы подорвать къ себѣ послѣднюю тѣнь довѣрія и уваженія. Правительственныя сообщенія, которымъ уже перестали вѣрить самые наивные простаки; цвѣтъ русской молодежи, сдаваемой въ солдаты; величайшій писатель, гордость Россіи, отлученный отъ церкви; князь Вяземскій, получающій отъ царя строгій выговоръ за то, что пытался остановить противозаконность, разбойничье нападеніе на безоружную толпу; ужасный голодъ на югѣ Россіи и въ Сибири; безпомощность десятковъ тысячъ рабочихъ, выброшенныхъ на мостовую вслѣдствіе кризиса, и лживыя утвержденія, что „все благополучно“; поруганный законъ, полная безгласность общества, полная неотвѣтственность царскихъ чиновниковъ и, какъ вѣнецъ всего — послѣдній циркуляръ мин. внутреннихъ дѣлъ, откровенно провозглашающій безграничное самодержавіе полицейскаго кулака, передъ которымъ смиренно должны преклониться всѣ, безъ различія „званія и положенія“.

Мы, русскіе рабочіе, горькимъ и долгимъ опытомъ научены, какъ мало до насъ дѣла самодержавію; надъ нами все время занесенъ самодержавный кулакъ, и онъ обрушивается на наши спины, какъ только мы пробуемъ словомъ или дѣломъ заявить, что намъ живется не сладко. Для всѣхъ слоевъ русскаго общества ближайшую, насущнѣйшую нужду составляетъ политическая свобода. Въ день 1-го мая (18-го апрѣля) мы ставимъ ее во главѣ нашихъ требованій и зовемъ подъ наши знамена всѣхъ, кто не хочетъ быть безправнымъ рабомъ. Демонстрація состоится въ воскресенье 22-го апрѣля, на Невскомъ, въ 12 часовъ дня.

Комитетъ СПБ. Союза Борьбы за Освобожденіе
Рабочаго Класса.

СПБ. Комитетъ Россійской Социалдемократической
Рабочей Партіи.

ОТЪ ГРУППЫ „ИСКРЫ“.

Товарищи! Мы не назначаемъ пока платы за нашу газету, ибо не рѣшаемся еще обязаться доставлять ее всѣмъ подписчикамъ. Въ настоящее время подготовляется къ печати пятый номеръ, и мы дѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы газета выходила возможно болѣе правильно и возможно болѣе часто. Но для этого необходимы очень крупныя средства, и мы просимъ всѣхъ, въ чьи руки попадетъ „Искра“, устраивать денежные сборы на ея поддержку. Революціонное изданіе только тогда станетъ прочно, когда оно будетъ окупать себя, а для этого необходимо, чтобы каждый читатель оказывалъ, по мѣрѣ своихъ средствъ, матеріальную помощь.

Въ типографіи „Искры“ напечатано:

1. „Отъ редакціи“. Листокъ о задачахъ нашихъ изданій.
2. „Искра“, ном. 1-ый, декабрь 1900 г.
3. „Майскіе дни въ Харьковѣ“, январь 1901 г. Корреспонденція Харьковскаго Комитета Росс. С. Д. Р. П., съ предисловіемъ редакціи „Искры“.
4. „Женщина-работница“, февраль 1901 г.
5. „Искра“, ном. 2-ой, февраль 1901 г.
6. Первое Мая. Листокъ Россійской Соц. Дем. Раб. Партіи, изданный „Искрой“.
7. Листокъ „Искры“ (о послѣднихъ событіяхъ), апрѣль 1901 г.
8. „Искра“, ном. 3-й, апрѣль 1901 г.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи. Центральный Комитетъ

№ 5. ІЮНЬ 1901 ГОДА № 5.

О БЕЗСМЫСЛЕННЫХЪ МЕЧТАНІЯХЪ.

17-го января 1895 г. только-что усѣвшійся на прародительскомъ тронѣ молодой человѣкъ сказалъ рѣчь, удивившую міръ и смутившую „вѣрноподанныхъ“ земцевъ. Едва оперившійся птенецъ, свободный отъ наукъ, кромѣ развѣ „науки страсти нѣжной“, онъ поучалъ посѣдѣлыхъ въ житейскихъ передрягахъ „излюбленныхъ людей“ трезвому реализму, тщетѣ утопій. „Безсмысленныя мечтанія!“ — крикнулъ онъ молчавшей толпѣ запуганныхъ людей. Зрѣлище было странное, дикое и въ высокой мѣрѣ неприличное. Но — увы! устами младенцевъ говоритъ иногда сама истина: молодой человѣкъ былъ правъ и безсознательно нащупалъ больное мѣсто нашей общественности.

Либеральнаго толка русскій обыватель любитъ помечтать, вожделѣетъ конституціи и даже готовъ — при закрытыхъ дверяхъ и спущенныхъ шторахъ — промежду себя и присныхъ себѣ „пущать революцію“.

Наступитъ пора — Россія станетъ свободна! Но какъ, какимъ образомъ, чьими усиліями — темно и невѣдомо. Побьютъ-ли насъ нѣмцы, и мы, какъ послѣ крымскаго погрома, очутимся у порога „великихъ реформъ“; голодъ-ли дезорганизуетъ правительство; революціонеры-ли заставятъ „предержащую власть“ пойти на уступки; сама-ли эта власть внезапно подобрѣетъ — кто его знаетъ? Нашъ либеральный фантазеръ, строя химеры и уповая на „гладъ, трусъ, потопъ и нашествіе иноплеменныхъ“, крѣпко помнитъ одно, что онъ, обыватель, Иванъ Петровичъ, — сторонній зритель, а никакъ не участникъ событій: онъ не прочь покрасоваться въ заключительномъ апоѳеозѣ, но не намѣренъ быть дѣйствующимъ лицомъ тяжелой исторической драмы. Словъ нѣтъ: плодъ политической „выучки“ сладокъ, за то корень „ученія“ горекъ, а участокъ — такъ близокъ!... Фантазія обывателя растетъ — стремительно и неудержимо: чѣмъ меньше „поступковъ“, тѣмъ больше возможности отдаться „чарованью красныхъ вымысловъ“. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за дуновеніемъ сверху, за интригами двора и чиновными перемѣщеніями. Въ своемъ умѣ онъ раскладываетъ гранпасьянсъ изъ общеизвѣстныхъ бюрократическихъ фигуръ: вотъ уйдетъ одинъ, умретъ другой, попадетъ въ министры третій и — игра выиграна, гранпасьянсъ удался. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прежде, какъ и теперь, въ эпоху „диктатуры сердца“ шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ, какъ и въ настоящіе бурные дни, его „безсмысленно мечтательный“ взоръ обращенъ къ вершинѣ россійскаго зданія — одинъ милостивый кивокъ оттуда съ высоты, и онъ готовъ забыть поруганіе и предать своихъ лучшихъ сыновъ. Когда-то библейскій Исавъ за чечевичную похлебку отдалъ право своего первородства. Поступокъ былъ скверный, но похлебка вкусная, и съѣлъ онъ ее безъ остатка. Современные Исавы продаютъ свою честь и выдаютъ своихъ ближнихъ за одинъ лишь запахъ похлебки. Ея еще нѣтъ, реальной, подлинной похлебки, но гдѣ-то какъ будто ею запахло... и обыватель растаялъ. Его били и бьютъ, въ три погибели гнутъ, — ему все нипочемъ, и все еще мало! Стоило раздаться словамъ „высочайшаго рескрипта“ отъ 25-го марта о внесеніи „въ дѣло воспитанія русскаго юношества“ „умудреннаго опытомъ разума и сердечнаго о немъ попеченія“, чтобы обывательское сердце взыграло, а уста его трубадуровъ стали извергать іудушкино пустословіе.

Дѣло школьной и университетской реформы въ надежныхъ рукахъ — сподвижникъ царя-миротворца принадлежитъ намъ по праву, — говорятъ „охранители“: сіятельный князь-„гражданинъ“ и московское отродье Каткова.

Нѣтъ, нѣтъ! вопитъ обыватель въ свой газетный рупоръ — генералъ нашъ! „опасенія напрасны“! Ни одинъ изъ министровъ еще „не ставилъ такъ высоко общественнаго и государственнаго значенія университетовъ“, побольше довѣрія генералу, и успѣхъ вѣнчаетъ дѣло. „Съ высоты трона раздался призывъ къ участію въ жизни школы семьи и общества“, и „печать, какъ голосъ общественной мысли, не можетъ по прежнему оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ событій, пассивнымъ зрителемъ чужихъ ошибокъ, заблужденій и недоразумѣній“. А потому: скорѣе на помощь къ молодежи, ей надо освободиться отъ вліянія „крайнихъ и непримиримо настроенныхъ дѣятелей“, которые „благожелательную заботу правительства о молодежи“ толкуютъ „какъ побѣду молодежи надъ правительствомъ“. Пусть студенты не упорствуютъ, а идутъ на экзамены, они „могутъ быть совершенно спокойны за участь своихъ сотоварищей, которыхъ пока еще не видятъ среди себя“*). Пусть будутъ они только паиньки, на старшихъ глядя, — вѣдь старшіе такъ многаго достигли своимъ примѣрнымъ поведеніемъ!

Цитированныя нами „благонамѣренныя рѣчи“ принадлежатъ органу гг. Сазонова, Леонида Оболенскаго и иныхъ достославныхъ мужей, органу, недавно возведенному реакціонной прессой въ чинъ „лидера русскаго либерализма“. Мы не слишкомъ высокаго мнѣнія о русскомъ либерализмѣ и о его политической зрѣлости, но мы все же не хотимъ взвалить на него всю отвѣтственность за подвиги доблестныхъ „Россіянъ“. Конечно, не будь цензурныхъ „усѣкновеній“, теплой кампаніи отставныхъ нововременцевъ и „народниковъ министерства внут. дѣлъ“, компаніи, расцвѣтшей подъ благословеніемъ мамонтовскихъ капиталовъ, не занимать бы того мѣста въ нашей печати, которое она занимаетъ въ настоящее время. Конечно, „Россія“ и теперь является не „лидеромъ“, а просто отголоскомъ, „эховой“ газетой. Но для многоголовой гидры, именуемой обывателемъ, для широкихъ слоевъ читателя, еще только начинающаго съ азовъ и, однако, затронутаго уже „свободомысліемъ“, быть можетъ, не найдется лучшаго выразителя его настроеній, чѣмъ это взбунтовавшееся чадо суворинскаго заведенія. Уже одно появленіе его — два года тому назадъ — на горизонтѣ нашей ежедневной печати знаменовало собою нѣчто, не лишенное общественной важности; оно было симптомомъ подвинувшагося разложенія нововременскихъ и прочихъ устоевъ, чуткимъ барометромъ, указующимъ на „перемѣнно“ въ головахъ обывательской массы: отъ ходового газетнаго товара потребовалось клеймо принадлежности къ цеху свободомыслія. Обладая нововременскими талантами, „Россія“ быстро вошла въ моду и стала однимъ изъ патентованныхъ органовъ русскаго обывателя.

„Россія“ безсмысленно мечтаетъ. Но „мечтанія“ „мечтаніямъ“ рознь. Одно дѣло читатель-простецъ, а другое — писатель-лукавецъ. Одно дѣло — не разбирающійся въ политической грамотѣ Иванъ Петровичъ, ищущій избавленія отъ „египетскихъ казней“ самодержавія во всѣхъ стихіяхъ земныхъ и небесныхъ, а другое — сложившійся общественный дѣятель, выкидывающій на своемъ знамени „безсмысленныя мечтанія“, въ которыя онъ и самъ не вѣритъ. Да, лукавецъ не вѣритъ или вѣритъ только на половину въ добрую волю заправилъ Россіи. Онъ лицемѣритъ и лжетъ, потому что лицемѣріе и ложь увольняютъ его отъ борьбы и упрочиваютъ его положеніе. Лицемѣріе и ложь возводитъ онъ въ систему и безтрепетной рукой сѣетъ развратъ въ среду простеца.

Бѣдный князь-„Гражданинъ“ сильно обезпокоенъ либеральными аллюрами „Россіи“ — ему мерещится призракъ покойнаго „Голоса“, и онъ бьетъ тревогу. Успокойтесь, сіятельный князь, и вложите свой мечъ въ ножны. Вы сердитесь только потому, что вы все еще старый романтикъ и дѣйствуете нахрапомъ тамъ, гдѣ требуется „деликатное обращеніе“. Взгляните на тѣхъ, кто стоятъ у руля и верховодятъ въ Россіи: они трезвѣе, реалистичнѣе васъ и знаютъ цѣну обывательской прессѣ. Бываютъ моменты, когда кнутъ усталъ бить, истрепалась нагайка, когда требуется слегка погладить побитаго, — конечно, не давая ему серьезнаго удовлетворенія — и отвлечь его вниманіе. Тогда тѣ, кому вѣдать сіе надлежитъ, обращаются не къ вамъ, сіятельный князь, и не къ вашему московскому собрату, а къ той части нашей ежедневной печати, у которой имѣется доступъ къ сердцамъ обывателей. Тогда приводится въ дѣйствіе нововременская или иная машинка, тогда кличется кличъ добровольцамъ — газетныхъ дѣлъ мастерамъ, и открывается предохранительный клапанъ — громоотводъ „безсмысленныхъ мечтаній“. Потому что надо же понять, наконецъ, что дѣлу консерватизма „безсмысленныя мечтанія“ оказываютъ безконечно большія услуги, чѣмъ всѣ эти княжескія рѣчи.

Безсмысленно мечтающій обыватель не умѣетъ и — главное — не желаетъ бороться; онъ вѣчно гоняется за „блуждающимъ огонькомъ“ надежды и всего больше боится его потерять. Ахъ, только бы не упустить, ахъ, только бы кто не помѣшалъ, и особенно эти — „крайніе и непримиримо настроенные“ элементы: суютъ свой носъ и непремѣнно испортятъ все дѣло. И нашъ „мечтатель“ начинаетъ не на шутку сердиться на тѣхъ, кто на собственномъ загорбкѣ испыталъ всю боль и тягость „прогресса“.

Что за бѣда, что сотни и тысячи борцовъ за свободу томятся по тюрьмамъ и идутъ въ изгнанье; что за бѣда, что виновникъ мартовской бойни, Клейгельсъ, совершаетъ разбойничьи набѣги на литературу и въ отместку за всеподданнѣйшія петиціи и коллективные протесты рыщетъ по редакціоннымъ кабинетамъ; что за бѣда, что отбивающіе солдатчину студенты не выносятъ позорной неволи и кончаютъ жизнь, спуская курокъ револьвера; что за бѣда, что льется кровь рабочаго человѣка и съ юга несется запретный, заглушаемый стонъ голоднаго крестьянина; что за бѣда, что реакція идетъ полнымъ ходомъ, сметая остатки нашего призрачнаго самоуправленія и налагая узду за уздой на просвѣщенье народа. Онъ будетъ все же мечтать и паки мечтать, нашъ политическій Митрофанъ, нашъ жалкій обыватель-Маниловъ. Пусть гибнутъ ряды за рядами истинныхъ гражданъ Россіи — онъ будетъ пассивно глазѣть, того не разумѣя, что политическія права не даруются народу, а берутся имъ съ бою, вырываются зубами, и что каждый шагъ по пути къ освобожденію Россіи оплачивается человѣческими жертвами.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Повидимому, мы переживаемъ моментъ, когда наше рабочее движеніе опять съ неудержимой силой приводитъ къ тѣмъ обостреннымъ столкновеніямъ, которыя такъ пугаютъ правительство и имущіе классы, такъ ободряютъ и радуютъ соціалистовъ. Да, насъ ободряютъ и радуютъ эти столкновенія, не смотря на громадное число жертвъ военной расправы, потому что своимъ сопротивленіемъ рабочій классъ доказываетъ, что онъ не мирится со своимъ положеніемъ, не хочетъ оставаться рабомъ, не подчиняется молча насилію и произволу. Современный порядокъ всегда и неизбѣжно, даже при самомъ мирномъ теченіи дѣлъ, возлагаетъ на рабочій классъ безчисленныя жертвы. Тысячи и десятки тысячъ людей, трудящихся всю жизнь надъ созданіемъ чужого богатства, гибнутъ отъ голодовокъ и отъ постояннаго недоѣданія, умираютъ преждевременно отъ болѣзней, порождаемыхъ отвратительными условіями труда, нищенской обстановкой жилищъ, недостаткомъ отдыха. И сто кратъ заслуживаетъ названіе героя тотъ, кто предпочитаетъ лучше умереть въ прямой борьбѣ съ защитниками и оберегателями этого гнуснаго порядка, чѣмъ умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотимъ сказать, что рукопашная съ полиціей есть лучшая форма борьбы. Напротивъ, мы всегда указывали рабочимъ, что въ ихъ же интересахъ сдѣлать борьбу болѣе спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революціонной партіи. Но главнымъ источникомъ, питающимъ революціонную соціалдемократію, является именно тотъ духъ протеста въ рабочихъ массахъ, который при окружающемъ рабочихъ гнетѣ и насиліи не можетъ не прорываться отъ времени до времени въ отчаянныхъ вспышкахъ. Эти вспышки пробуждаютъ къ сознательной жизни самые широкіе слои задавленныхъ нуждою и темнотою рабочихъ, распространяютъ въ нихъ духъ благородной ненависти къ угнетателямъ и врагамъ свободы. И вотъ почему извѣстіе о такомъ побоищѣ, какое было, напр., 7-го мая на Обуховскомъ заводѣ заставляетъ насъ воскликнуть: „Рабочее возстаніе подавлено, да здравствуетъ рабочее возстаніе!“

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочія возстанія являлись рѣдкимъ исключеніемъ, вызывались только какими-нибудь особыми условіями. Теперь не то. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы переживали періодъ процвѣтанія промышленности, когда торговыя дѣла шли бойко, спросъ на рабочихъ былъ большой. И тѣмъ не менѣе рабочіе устраивали рядъ стачекъ, добиваясь лучшихъ условій труда: рабочіе поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тѣмъ временемъ, когда прибыли фабрикантовъ особенно высоки и ихъ легче принудить къ уступкамъ. Но вотъ процвѣтаніе смѣнилось кризисомъ: товары не идутъ съ рукъ у фабрикантовъ, прибыли ихъ уменьшаются, увеличивается число банкротствъ, фабрики сокращаютъ производство, распускаютъ рабочихъ, которые массами оказываются на улицѣ безъ куска хлѣба. Рабочимъ приходится отчаянно бороться уже не за улучшеніе своего положенія, а за сохраненіе стараго, за уменьшеніе тѣхъ потерь, которыя взваливаетъ на нихъ фабрикантъ. Такимъ образомъ, рабочее движеніе углубляется и расширяется: сначала борьба въ исключительныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, потомъ упорная и непрерывная борьба во время оживленія промышленныхъ дѣлъ и бойкаго хода торговли, наконецъ — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можемъ уже сказать, что рабочее движеніе стало постояннымъ явленіемъ нашей жизни, что оно будетъ рости при всякихъ условіяхъ.

Но смѣна промышленнаго оживленія кризисомъ научитъ рабочихъ не только тому, что объединенная борьба стала для нихъ постоянной необходимостью. Эта смѣна разрушитъ также тѣ вредныя иллюзіи, которыя начали уже образовываться въ періодъ процвѣтанія промышленности. Кое-гдѣ рабочимъ сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяевъ уступки посредствомъ стачекъ, и значеніе этой „экономической“ борьбы стали преувеличивать, стали забывать о томъ, что профессіональнымъ (цеховымъ) союзамъ рабочихъ и стачкамъ удается въ лучшемъ случаѣ только отстоять нѣсколько болѣе выгодныя условія продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки безсильны помочь, когда этотъ „товаръ“ въ силу кризиса не находитъ спроса, безсильны измѣнить тѣ условія, которыя превращаютъ рабочую силу въ товаръ, осуждаютъ массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы измѣнить эти условія, необходима революціонная борьба со всѣмъ современнымъ общественнымъ и политическимъ строемъ, и промышленный кризисъ заставитъ многихъ и многихъ рабочихъ убѣдиться въ справедливости этой истины.

Вернемся къ побоищу 7-го мая. Мы приводимъ ниже имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о майскихъ стачкахъ и волненіяхъ рабочихъ Петербурга. Здѣсь же разберемъ полицейское сообщеніе о побоищѣ 7-го мая. Въ послѣднее время мы уже немного пріучены къ правительственнымъ (полицейскимъ тожъ) сообщеніямъ о стачкахъ, демонстраціяхъ, столкновеніяхъ съ войсками; мы имѣемъ уже теперь изрядный матеріалъ для сужденія о степени достовѣрности такихъ сообщеній, мы можемъ иногда по дыму полицейской лжи догадываться объ огнѣ народнаго возмущенія.

> „7-го сего мая — гласитъ офиціальное сообщеніе — послѣ обѣденнаго перерыва, на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ въ селѣ Александровскомъ, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 раб. разныхъ отдѣленій завода прекратили работу и, при объясненіи съ помощникомъ начальника завода подполковникомъ Ивановымъ, предъявили разныя неосновательныя требованія“.

Если рабочіе прекратили работу безъ предупрежденія за двѣ недѣли — допустивъ, что прекращеніе работъ не было вызвано беззаконіями со стороны хозяевъ, какъ это случается очень не рѣдко, — то это даже по русскому законодательству (которое въ послѣднее время систематически дополнялось и усиливалось противъ рабочихъ) составляетъ простой полицейскій проступокъ, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадаетъ въ смѣшное положеніе со своими строгостями: съ одной стороны, издаются законы, устанавливающія новыя преступленія (напр., самовольный отказъ отъ работы или участіе въ скопищѣ, повреждающемъ чужое имущество или насильственно противодѣйствующемъ вооруженной силѣ), повышаются наказаніе за стачки и пр., — съ другой стороны, теряется и физическая и политическая возможность примѣнять эти законы и налагать законосообразныя наказанія. Нѣтъ физической возможности тянуть къ отвѣту за отказъ отъ работы, за стачку, за „скопище“ тысячи и десятки тысячъ людей. Нѣтъ политической возможности устраивать въ каждомъ такомъ случаѣ судебное разбирательство, ибо какъ ни подстраивай составъ суда, какъ ни кастрируй гласность, все же хоть тѣнь суда останется и, конечно, — „суда“ не надъ рабочими, а надъ правительствомъ. И вотъ уголовные законы, изданные съ прямой цѣлью облегчить политическую борьбу правительства съ пролетаріатомъ (и въ то же время прикрыть ея политическій характеръ посредствомъ „государственныхъ“ соображеній объ „общественномъ порядкѣ“ и т. п.), неумолимо оттѣсняются на задній планъ прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. „Правосудіе“ сбрасываетъ съ себя маску безпристрастія и возвышенности и обращается въ бѣгство, предоставляя поле дѣйствія полиціи, жандармамъ и казакамъ, которыхъ угощаютъ камнями.

Вспомните, въ самомъ дѣлѣ, эту ссылку правительства на „требованія“ рабочихъ. Съ точки зрѣнія закона, прекращеніе работы есть проступокъ независимо отъ того, какія были требованія рабочихъ. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самаго закона, который оно такъ недавно издало, и расправу „своими средствіями“ оно старается оправдать, заявляя, что требованія рабочихъ были неосновательны. А кто былъ судьей въ этомъ вопросѣ? Подполковникъ Ивановъ, помощникъ начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочіе и жаловались! Неудивительно, что на такія объясненія власть имущихъ рабочіе отвѣчаютъ камнями!

И вотъ, когда рабочіе вышли всѣ на улицу, остановивъ движеніе конки, началась уже настоящая баталія. Рабочіе бились, видимо, изо всѣхъ силъ, ибо имъ удалось дважды отбить нападеніе полиціи, жандармовъ, конной стражи и вооруженной команды завода*) — и это, не смотря на то, что единственнымъ оружіемъ рабочихъ были камни. Правда, „нѣсколько выстрѣловъ“ раздалось и изъ толпы, — если вѣрить полицейскому сообщенію, — но раненъ этими выстрѣлами никто не былъ. За то камни летѣли „градомъ“, причемъ рабочіе проявляли не только упорство сопротивленія, но и находчивость, умѣнье сразу приспособиться къ условіямъ и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли сосѣдніе дворы и осыпали царскихъ башибузуковъ камнями изъ-за заборовъ, такъ что даже послѣ трехъ залповъ, которыми былъ убитъ одинъ (будто бы только одинъ?) рабочій и ранено восемь (?) (одинъ умеръ на другой день), даже послѣ этого, не смотря на бѣгство толпы, сраженіе еще продолжалось, и вытребованныя роты омскаго пѣхотнаго полка должны были „очищать отъ рабочихъ“ сосѣдніе дворы.

---

*) См. „Россія“ отъ 8-го апрѣля и 5-го мая, статьи „Передъ дверьми университетовъ“ и „Напрасныя опасенія“.

*) Кстати. Правительственное сообщеніе заявляетъ, что „вооруженная команда завода“ „находилась уже на готовѣ во дворѣ завода“, тогда какъ жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впослѣдствіи. Съ какого же времени и почему держали на готовѣ во дворѣ завода вооруженную команду? Не съ перваго-ли мая? Не ожидали-ли рабочей демонстраціи? Этого мы не знаемъ, но несомнѣнно, что правительство умышленно скрываетъ имѣющіяся у него фактическія данныя о томъ, чѣмъ вызывалось и какъ росло недовольство и возбужденіе рабочихъ.

Правительство побѣдило. Но каждая такая побѣда будетъ неуклонно приближать его окончательное пораженіе. Каждая битва съ народомъ будетъ увеличивать число возмущенныхъ и готовыхъ къ бою рабочихъ, будетъ выдвигать болѣе опытныхъ, лучше вооруженныхъ, смѣлѣе дѣйствующихъ вожаковъ. По какому плану должны стараться дѣйствовать вожаки, объ этомъ намъ уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крѣпкой революціонной организаціи мы уже не разъ указывали. Но по поводу такихъ событій, какъ 7-ое мая, надо также не упускать изъ виду слѣдующее.

Въ послѣднее время много говорили о томъ, что уличная борьба противъ современнаго войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этомъ тѣ „критическіе“ умники, которые выдавали старый хламъ буржуазной учености за новые выводы безпристрастной науки, извращая при этомъ слова Энгельса, говорившаго, и притомъ съ оговорками, только о временной тактикѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ. Мы видимъ даже на примѣрѣ отдѣльной схватки, что всѣ эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положеніе борцовъ, а положеніе правительства, если ему придется имѣть дѣло съ населеніемъ не одного только завода. Рабочіе при схваткѣ 7-го мая не имѣли ничего, кромѣ камней, — и ужъ, конечно, не запрещеніе же градоначальника помѣшаетъ имъ въ слѣдующій разъ запастись другимъ оружіемъ. Рабочіе были неподготовлены и ихъ было только $3^1/_2$ тысячи, и тѣмъ не менѣе они отбивали нѣсколько сотенъ конной стражи, жандармеріи, городовыхъ и пѣхоты. Вспомните, легко-ли удался полиціи штурмъ одного дома ном. 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко-ли будетъ „очистить отъ рабочихъ“ не два-три двора и дома, а цѣлые рабочіе кварталы Петербурга! Не придется-ли также, когда дѣло дойдетъ до рѣшительной борьбы, „очищать“ столичные дома и дворы не только отъ рабочихъ, но и отъ всѣхъ тѣхъ, кто не забылъ гнусной бойни 4-го марта, кто не примирился съ полицейскимъ правительствомъ, а только запуганъ имъ и не вѣритъ еще въ свои силы.

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всѣхъ убитыхъ и раненыхъ 7-го мая. Пусть всѣ рабочіе столицы чтятъ память ихъ и готовятся къ новой рѣшительной борьбѣ съ полицейскимъ правительствомъ за народную свободу!

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ярославль. XX-й вѣкъ внесъ какую-то живительную струю въ сѣрую и спокойную жизнь города Ярославля. Обыватель заволновался непривычнымъ для него страхомъ передъ совершающимися событіями, ожили мѣстные разночинцы, а полиція, дотолѣ мирно почивавшая на казанныхъ квартирахъ, вдругъ проснулась и стала спѣшно затыкать щели, образовавшіяся въ прочномъ зданіи обывательской приниженности.

Въ началѣ января 1901 г. произошло жаркое сраженіе между губернаторомъ и разночинцами, окончившееся для послѣднихъ побѣдой съ потерей двухъ людей „убитыми“. Поводомъ къ объявленію войны со стороны губернатора послужило слѣдующее обстоятельство. Мѣстный губернаторъ Штюрмеръ, бывшій предсѣдатель тверской управы по назначенію, сыпавшій въ то время направо и налѣво либеральныя мысли и слова, не освободился еще и теперь отъ своей симпатіи къ просвѣщенію, но онъ любитъ быть первымъ во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, чтобы ничего въ этой области не дѣлалось помимо его воли, и разъ кто-нибудь становится ему на пути, онъ мститъ и мститъ самымъ низкимъ способомъ. Дѣло объ учрежденіи въ Ярославлѣ общества учащихъ и учившихъ покажетъ читателю тѣ способы, къ которымъ не стыдится прибѣгать г. Штюрмеръ. Какъ и вездѣ, онъ и въ этомъ случаѣ не преминулъ выразить свои симпатіи новому обществу и пожелалъ провести въ члены правленія своихъ кандидатовъ, но мѣстная публика (разночинцы тожъ) сплотились и провели своихъ кандидатовъ. Конечно, губернатору была не по вкусу такая вольность разночинцевъ, и онъ начинаетъ мстить. Черезъ нѣсколько дней послѣ выборовъ двумъ служащимъ въ земствѣ, статистику Садикову и секретарю школьной коммиссіи Минаеву было предложено оставить службу безъ объясненія причинъ. При объясненіи съ предсѣдателемъ управы (онъ служитъ по назначенію и представляетъ изъ себя типичнаго труса-чиновника, готоваго на всякую подлость въ угоду властямъ) выяснилось, что причиной такой немилости является тотъ фактъ, что эти лица были выбраны въ члены названнаго общества и что будто бы они допускали на выборахъ незаконную агитацію. Минаева уволили немедленно, какъ человѣка, противъ котораго губернаторъ уже давно точилъ зубы. Садикову же было предложено выбирать одно изъ двухъ: либо отказаться отъ должности члена правленія и остаться на службѣ, или же убираться изъ бюро. Губернаторъ, видимо, сознавалъ незаконность своего поступка и потому оффиціально не выставилъ никакихъ мотивовъ для увольненія: онъ „повліялъ“ на предсѣдателя, а предсѣдатель „радъ стараться“. И вотъ получается любопытное письмо отъ предсѣдателя управы, безъ подписи, гдѣ Садикову предлагается отказаться отъ должности члена правленія и тогда-де его можно оставить въ бюро. Садиковъ отказался, и его уволили. Характерно, что и теперь, когда Садиковъ уже не служитъ, ему все еще предлагается войти въ позорную сдѣлку. Послѣ этой исторіи предсѣдатель управы, всегда готовый къ услугамъ губернатора, въ своемъ желаніи услужить перешелъ всякія границы. Въ одномъ домѣ онъ серьезно говорилъ, что думаетъ вывѣсить въ управѣ объявленіе, чтобы служащіе управы не принимали никакого участія въ разныхъ обществахъ и коммиссіяхъ, и только когда ему указали, что этимъ онъ ставитъ всѣ разрѣшенныя общества въ положеніе незаконныхъ, тогда онъ отказался отъ своего „благороднаго“ намѣренія.

* * *

Учителя и попы въ роли жандармовъ. На сторонѣ полиціи, о подвигахъ которой мы уже писали, оказались наши педагоги, во главѣ съ директоромъ гимназіи, взяточникомъ Высоцкимъ. Вскорѣ послѣ арестовъ 12-го января онъ призываетъ одного ученика, у родителей котораго жилъ одинъ изъ арестованныхъ, и учиняетъ форменный допросъ, кто бывалъ у арестованнаго, какъ фамиліи ихъ и т. д. Растерявшійся ученикъ разсказалъ все, что зналъ. Конечно, обо всемъ этомъ директоромъ немедленно было доложено кому слѣдуетъ. Были и еще подобные случаи.

Не лучше и инспекторъ мужской гимназіи Красовскій. Вотъ какую рѣчь произнесъ онъ по поводу смерти купца Носкова, отца арестованнаго гимназиста Носкова. „Сегодня скончался именитый гражданинъ гор. Ярославля А. В. Носковъ. Виновниками его смерти являются его сынки, которые своимъ преступнымъ поведеніемъ преждевременно свели его въ могилу“. Закончилъ инспекторъ свою рѣчь евангельскимъ изреченіемъ: „Дѣти, любите своихъ родителей!“

Другіе учителя помогаютъ полиціи, воспитывая своихъ ученицъ по Домострою. Учитель женской гимназіи Первухинъ, преподающій тамъ словесность, произнесъ напутственную рѣчь въ 7-мъ классѣ. „Въ своемъ преподаваніи я всегда старался выдвинуть на первый планъ женскій вопросъ (который онъ излагалъ по Домострою), знакомить васъ съ идеаломъ женщины, который рельефно обрисованъ въ сочиненіяхъ Побѣдоносцева“.

Не дремлютъ у насъ и попы, эти первые и самые вѣрные слуги царско-полицейской политики. Вотъ нѣсколько фактовъ.

На панихидѣ по Боголѣповѣ священникъ старался доказать ученицамъ женской гимназіи, что убійство это — дѣло личной мести, такъ какъ Карповичъ дважды былъ уволенъ изъ университета. Передъ общественнымъ долгомъ личные счеты должны смолкнуть, — окончилъ свою рѣчь служитель бога, не стѣсняющійся безстыдно клеветать на юношу-героя.

На репетиціи Закона Божьяго въ женской гимназіи священникъ спрашиваетъ ученицу: — кто у насъ еретикъ? Ученица молчитъ. Священникъ ругается. „На экзаменѣ должны сказать — Левъ Толстой“.

На страстной недѣлѣ священникъ ярославской мужской гимназіи исповѣдывалъ ученика 4-5-го класса. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ гимназисту, былъ и такой: „не читалъ-ли ты нелегальныхъ книгъ?“ — „Читалъ“. — „Отъ кого получалъ?“ — „Отъ такого-то“. — „Не давалъ-ли кому-нибудь?“ — „Давалъ“. — „Читать самому грѣхъ еще не большой, а вотъ другимъ-то давать не годится“, закончилъ свою исповѣдь батюшка. На слѣдующій день онъ доложилъ обо всемъ директору; послѣдній вызвалъ всѣхъ на допросъ. Финалъ неизвѣстенъ.

Учительница Сиротскаго дома исповѣдывалась въ сиротской домовой церкви у законоучителя женской гимназіи. Какъ она смотритъ на религію и читала-ли Толстого, спросилъ ее священникъ. — „Читала, и по моему онъ вѣрно смотритъ на религію“, отвѣчала она. На слѣдующій день учительница явилась вмѣстѣ со своимъ классомъ къ причастію. Попъ, увидя ее, подозвалъ себѣ и сказалъ: „я еще не кончилъ вчерашняго разговора; послѣ бесѣды я васъ причащу“. Учительница ушла и заперлась въ своей комнатѣ. По окончаніи причастія священникъ велѣлъ позвать ее, но она отказалась выйти. Тогда онъ самъ направился къ ней со св. дарами, но она и ему не открыла дверей. Начальница сдѣлала строгій выговоръ учительницѣ за ея убѣжденія (священникъ ей все разсказалъ). Учительница же послала жалобу къ архіерею на попа за разглашеніе имъ исповѣдной тайны. Что было тамъ, неизвѣстно, только черезъ двѣ недѣли получился приказъ отъ архіерея причастить ее. А губернаторъ, который раньше хотѣлъ ее уволить, прислалъ начальницѣ бумагу, что ее можно оставить и что исторія эта пусть останется между ними.

И къ этимъ педагогамъ-сыщикамъ, педагогамъ-доносчикамъ обращается теперь правительство съ лицемѣрными фразами о „сердечномъ попеченіи“! Въ атмосферѣ полицейскаго всевластія „сердечное попеченіе“ можетъ быть только полицейскимъ чтеніемъ въ сердцахъ.

Крамола во Владимірѣ на Клязьмѣ. Эти два понятія какъ-то плохо вяжутся между собой. Какъ въ этомъ захолустномъ чиновничьемъ городѣ, въ этомъ мертвомъ царствѣ мѣщанскаго застоя и обывательской забитости... и вдругъ „крамола“. А между тѣмъ, „крамола“ была, ее отыскали не такъ давно и искоренили вѣрные слуги престола царева, опричники. Крамольники — мѣстные земскіе статистики, а крамола ихъ заключается въ посылкѣ демонстративной телеграммы петербургскому статистику Анненскому. Давно уже косились на статистиковъ губернаторъ и другіе власть имущіе. Нюхъ у нихъ что-ли такой! Но давно уже эти туземные „звѣздочеты“ поставили земскую статистику подъ знакъ неблагонадежности. Земской статистики у насъ вообще не любятъ. Не любитъ ее правительство, какъ не любитъ оно всего, что есть на Руси честнаго, независимаго; не съ руки оно и капиталистамъ — всѣмъ этимъ Саввамъ и Викуламъ Морозовымъ, потому что она вскрываетъ и выводитъ на свѣтъ божій всѣ ихъ плутни и обираніе рабочаго люда, — не любятъ еще и потому, что статистика связана съ оцѣнкой фабрикъ и заводовъ, а эта оцѣнка — больное мѣсто нашихъ Китъ Китычей. Не даромъ во время послѣдней сессіи они всѣ силы прилагали, чтобы избавиться отъ земской оцѣнки. Удары одни за другимъ сыпались на статистику въ формѣ постоянныхъ неутвержденій губернаторомъ статистиковъ, въ выживаніи непріятныхъ его превосходительству лицъ и проч. и проч. Все это были лишь мелкія стычки, мелкіе уколы передъ рѣшительными дѣйствіями. Мѣстная администрація ждала только случая — и случай пришелъ: какъ ни убогъ нашъ городъ, а и къ намъ долетѣли вѣсти изъ Питера о знаменитой мартовской бойнѣ въ Петербургѣ, долетѣла вѣсть о томъ, что въ числѣ пострадавшихъ оказался одинъ изъ старѣйшихъ земскихъ статистиковъ — Анненскій. Тотчасъ же была составлена и послана телеграмма съ выраженіемъ ему сочувствія не только какъ извѣстному статистику, но и борцу за свободу. Подписались 16 статистиковъ. Копія была доставлена начальникомъ телеграфнаго отдѣла губернатору. Демонстративное содержаніе и тонъ телеграммы ясны и очевидны и не требуется дальнѣйшихъ доказательствъ, что крамола свила себѣ прочное гнѣздо во ввѣренной губерніи... Такъ или приблизительно такъ долженъ былъ подумать губернаторъ. Рѣшено принять быстрыя и рѣшительныя мѣры для искорененія очага заразы. Рѣшено дѣйствовать быстро, безъ послабленій, согласно послѣдней инструкціи шефа всероссійской опричины, Сипягина. Въ тюрьму ихъ, я покажу имъ телеграммы! взревѣлъ помпадуръ. Кто-то изъ свиты его осмѣлился робко заявить, что, во-первыхъ, надо справиться, есть-ли въ тюрьмѣ свободныя мѣста, а во-вторыхъ, это произведетъ слишкомъ сильную сенсацію въ городѣ. Кончилось тѣмъ, что губернаторъ потребовалъ отъ управы немедленнаго увольненія „крамольниковъ“. Сказано, сдѣлано. Управа покорно преклонилась передъ губернаторской волей и уволила всѣхъ статистиковъ — всего 16 чел. Быстрота и натискъ, достойные Александра Македонскаго, но только зачѣмъ же стулья ломать? По странной ироніи судьбы, — всякій разъ, когда правительство и его прихвостни пытаются сплеча разрубить Гордіевъ узелъ, они не только не разрубаютъ узла, но еще больше запутываютъ его. Такъ и въ данномъ случаѣ. Губернаторскій „локаутъ“ превратился въ стачку. Увольненіе 16 статистиковъ привело къ фактическому закрытію бюро... счетчики остались безъ руководителей и не могутъ работать. Паша сгоряча не сообразилъ этого. Онъ, видимо, не думалъ, что увольненіе 16 статистиковъ повлечетъ за собою закрытіе всей статистики; счетчики, съ уходомъ статистиковъ, тоже разбрелись, некому работать, бюро стоитъ. А вѣдь остановлена оцѣнка земли по всей губерніи, на эту работу ушло много денегъ изъ земскаго сундука. Положеніе земской управы не изъ завидныхъ; всѣ попытки пригласить иногороднихъ статистиковъ терпѣли полное фіаско и повсюду слѣдуютъ категорическіе отказы служить въ земствѣ, которое не умѣетъ отстаивать интересы своихъ служащихъ. По всей статистикѣ раздается кличъ: товарищи, не идите во Владимірское земство! Кличъ дѣлаетъ свое дѣло. Управу это не на шутку тревожитъ: работы лежатъ неоконченными, матеріалы гніютъ въ архивѣ, а въ перспективѣ земское собраніе, которое того и гляди потребуетъ отчета о состояніи оцѣночныхъ работъ, о причинѣ увольненія статистиковъ. Неудобство такого положенія понялъ и паша. Закопошилась жандармерія съ полковникомъ Злобинымъ во главѣ и выступила въ роли... посредника между уволенными и губернаторомъ. Жандармъ явился на квартиры къ нѣкоторымъ статистикамъ и предлагалъ имъ снова подать прошеніе о поступленіи на службу въ бюро. Миссія эта потерпѣла полное фіаско. Статистики категорически отказались отъ этой новой милости. Потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ склонить „забастовщиковъ“ къ примиренію, жандармерія поняла, что она уклонилась отъ исполненія своего истиннаго и настоящаго дѣла и попыталась создать „дѣло“ о телеграммѣ. Начались допросы и вызовы въ жандармское управленіе. Кроткими увѣщаніями и грубыми запугиваніями пытались они выудить зачинщиковъ и инціаторовъ телеграммы. На помощь полиціи и жандармеріи

НОВОЕ ВИНО ВЪ СТАРЫХЪ МѢХАХЪ.

Въ первомъ номерѣ газеты соціалистовъ-революціонеровъ „Революціонная Россія“ мы прочитали, между прочимъ, замѣтку: „Обзоръ революціонныхъ изданій“, въ которой говорится, что въ русской революціонной мысли совершается теперь „предсказанный“ издателями „Рев. Россіи“ „поворотъ въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“.*) Хотя въ эпоху Народной Воли различныя общественныя партіи придерживались различныхъ принциповъ, но мы поняли указанное замѣчаніе въ томъ смыслѣ, что русская революціонная мысль направляется теперь въ сторону такъ-называемаго народовольства. Насъ очень удивило и, по правдѣ сказать, не мало обезпокоило это замѣчаніе. Съ одной стороны, никакихъ признаковъ поворота (точнѣе было бы сказать: возврата) революціонной мысли къ принципамъ народовольства мы не замѣчали, а съ другой стороны „Р. Р.“ говоритъ объ этомъ, предсказанномъ ею, поворотѣ съ такою непоколебимою увѣренностью, что у насъ возникло сомнѣніе. Неужели же мы слона-то и не замѣтили? Неужели мы проглядѣли такое важное общественное явленіе? Чтобы отвѣтить себѣ на эти тревожные вопросы, мы съ удвоеннымъ вниманіемъ стали слѣдить за русской революціонной литературой. При этомъ насъ больше всего интересовали изданія тѣхъ людей, которые не только не проглядѣли вышеупомянутаго поворота, но даже и предсказали его. Такъ, мы очень обрадовались, когда намъ доставили „Манифестъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ“, выработанный на съѣздѣ представителей объединенныхъ группъ этой партіи. Мы были увѣрены, что именно и особенно здѣсь станетъ замѣтнымъ для насъ поворотъ, предсказанный издателями „Р. Р.“. Мы прочитали манифестъ и... обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда, нѣтъ и тѣни „предсказаннаго“ поворота. Совершенно напротивъ! Онъ представляетъ собою самое ясное и самое яркое свидѣтельство въ пользу того, — давно уже кажущагося намъ безспорнымъ, — положенія, что русская революціонная мысль все больше и больше направляется въ сторону принциповъ русской соціалдемократіи. Мысль авторовъ „Манифеста“ вплотную подошла къ этимъ принципамъ. Удивительно тутъ только то, что ни издатели „Рев. Россіи“, ни авторы „Манифеста“ этого какъ будто совсѣмъ не замѣчаютъ.

Партія Народной Воли была, какъ извѣстно, „партіей“ заговорщиковъ. Въ этомъ легко убѣдится всякій толковый человѣкъ, внимательно прочитавъ записку: „Подготовительная работа партіи“, напечатанную въ „Календарѣ Народной Воли“. Въ этой запискѣ мы читаемъ, что партія должна подготовляться къ возстанію, которое, по всей вѣроятности, будетъ облегчено сочетаніемъ благопріятныхъ для революціонеровъ обстоятельствъ: народнымъ бунтомъ, неудачной войной, государственнымъ банкротствомъ и т. п. Эти соображенія, разумѣется, еще не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что давало бы намъ право назвать народовольцевъ заговорщиками par excellence (по преимуществу). Но дальше въ той же запискѣ идутъ строки, ставящія очень большую точку надъ очень выпуклымъ і. Именно, тамъ сказано вотъ что:

> „Каждымъ изъ такихъ благопріятныхъ стеченій обстоятельствъ партія должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работѣ она не должна на нихъ возлагать всѣхъ своихъ надеждъ. Партія обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести такъ, чтобы не оказаться ниже роли даже при самыхъ худшихъ, самыхъ трудныхъ условіяхъ.
>
> Такія наиболѣе неблагопріятныя условія представляются именно въ томъ случаѣ, если партіи придется самой начинать возстаніе, а не присоединиться къ народному движенію, и если при томъ нѣтъ вдобавокъ никакихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ случайностей, облегчающихъ первое нападеніе. Къ такому-то положенію вещей мы и должны быть приготовлены. Партія должна имѣть силы создать сама себѣ благопріятный моментъ дѣйствія, начать дѣло и довести его до конца. Искусно выполненная система террористическихъ предпріятій, одновременно уничтожающихъ 10-15 человѣкъ — столповъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствій, и въ то же время возбудитъ народныя массы: т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія. Пользуясь этимъ моментомъ, заранѣе собранныя боевыя силы начинаютъ возстаніе и пытаются овладѣть главнѣйшими правительственными учрежденіями. Такое нападеніе легко можетъ увѣнчаться успѣхомъ, если партія обезпечитъ себѣ возможность двинуть на помощь первымъ застрѣльщикамъ сколько-нибудь значительныя массы рабочихъ и проч. Для успѣха точно также необходимо подготовить себѣ положеніе въ провинціяхъ, достаточно прочное для того, чтобы или поднять ихъ при первомъ извѣстіи о переворотѣ, или хоть удержать въ нейтралитетѣ. Точно также слѣдуетъ заранѣе обезопасить возстаніе отъ помощи правительству со стороны европейскихъ державъ и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партіи должна выполнить все, что необходимо для успѣха возстанія, начатаго партіей даже безъ всякихъ экстраординарныхъ благопріятныхъ условій, т. е. при такомъ приблизительномъ положеніи, въ какомъ находится Россія въ настоящее время“.

Все это по своему очень хорошо, умно и послѣдовательно. Но всякій видитъ, что это совершенно заговорщицкая программа дѣйствій, и если бы въ русской революціонной мысли дѣйствительно совершился поворотъ, „предсказанный“ и привѣтствуемый органомъ соц.-революціонеровъ, то соц.-революціонеры тоже предложили бы намъ программу дѣйствій, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ приспособленную къ заговору. Но ихъ манифестъ предлагаетъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ выдвигаетъ на первое мѣсто агитаціонную дѣятельность въ фабрично-заводской рабочей средѣ и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачи этой дѣятельности:

> „Соціалистическая партія должна взять на себя руководящую роль, объединяя отдѣльныя вспышки и чисто стихійныя проявленія народнаго недовольства въ одно стройное цѣлое; она должна воспользоваться этой борьбой въ цѣляхъ агитаціонныхъ, подчеркивая и формулируя выводы, которые подсказываются самимъ ходомъ событій и постоянно раздвигать ея рамки новыми требованіями политическаго и правового характера“.

Это какъ разъ та политическая агитація, на необходимость которой такъ часто указывали русскіе соціалдемократическіе писатели*) и которой русскіе соціалдемократы занимались — теперь это можно сказать, не боясь преувеличенія — съ очень замѣтнымъ успѣхомъ. Такая дѣятельность безусловно необходима, и мы чрезвычайно рады тому, что соц.-революціонеры „поворачиваютъ“ въ ея сторону.

> „Мы убѣждены, — такъ резюмируютъ свою мысль авторы манифеста, — что руководимыя партіей демонстраціи, протесты, стачки и цѣлый рядъ другихъ проявленій коллективнаго недовольства существующими общественными отношеніями, постепенно усиливаясь и захватывая все болѣе и болѣе широкія массы народа, расшатаютъ полицейско-бюрократическое государство и приведутъ его къ полному паденію“.

---

*) Курсивъ нашъ.

*) О ней см., напр., въ брошюрѣ Г. Плеханова „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, Женева. 1892.

въ ея „плодотворной дѣятельности“ явился — какъ это всегда бываетъ въ провинціи — обыватель-доброволецъ. „Столпъ“ туземнаго либерализма, Георгій Александровичъ Смирновъ, — членъ управы. Этотъ господинъ, по предложенію губернатора, отбиралъ у уволенныхъ ихъ автографы для сличенія ихъ съ рукой телеграммы, но и въ этомъ всѣ стремленія жандармеріи потерпѣли крушеніе, и отыскать инціаторовъ не удалось. Какая же изъ всего этого мораль? Для кого, читатель? Для земства — это вразумительный урокъ необходимости самой настойчивой и упорной борьбы съ административнымъ вмѣшательствомъ, хотя бы уже по одному тому, что такое вмѣшательство очень и очень отзывается на карманахъ земскихъ плательщиковъ. Для правительства — это лишняя иллюстрація его безсилія даже тогда, когда оно побѣждаетъ. А статистикамъ лишній разъ приходится убѣдиться, что внѣ революціонной борьбы въ рядахъ борющагося за свободу рабочаго люда нѣтъ и не можетъ быть успѣшной борьбы. Идите же, товарищи, въ эти ряды отъ „демонстративныхъ телеграммъ“ къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ. Ваши же собственные интересы — интересы свободы — властно требуютъ этого. Идите же... вы не будете раскаяваться.

Нижній-Новгородъ. Приводимъ дополнительныя свѣдѣнія о тѣхъ событіяхъ въ Н.-Н., которыя изложены вкратцѣ въ послѣднемъ номерѣ „Искры“.

7-го апрѣля въ Н.-Новгородѣ въ помѣщеніи всесословнаго клуба въ 12 час. дня состоялось совѣщаніе учащейся молодежи съ представителями мѣстнаго общества. Присутствовали лица, занимающія видныя должности на государственной и общественной службѣ, литераторы, представители адвокатуры, врачи, педагоги. Предметомъ совѣщанія была уличная демонстрація, назначенная на 8-ое апрѣля. Вступительною рѣчью предсѣдателя вопросъ былъ поставленъ такъ: участники протеста противъ оффиціально признаннаго теперь ненормальнымъ положенія остаются уволенными, высланными, отданными въ солдаты; какъ можетъ мѣстное студенчество и сочувствующая ему часть общества реагировать на этотъ фактъ? Въ началѣ засѣданія ораторы изъ студентовъ настаивали на устройствѣ демонстраціи, но было предложено и другое средство: подача петиціи. Представители общества, признавая подачу петиціи умѣстной и необходимой, высказывались противъ уличной демонстраціи. Указывая на высказанную представителями общества готовность активно выступить въ защиту студенчества, многіе изъ студентовъ стали высказываться за отказъ отъ демонстраціи 8-го апрѣля.

Вопросъ о петиціи былъ поставленъ такъ: возможна-ли петиція и согласны-ли присутствующіе содѣйствовать успѣху ея? Единогласно вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Послѣ этого баллотировка вопроса о демонстраціи дала слѣдующіе результаты: представители общества: за демонстрацію 19 гол., противъ — 53 гол.; учащіеся: за демонстрацію 30, противъ — 50 гол.

Единогласно была принята слѣдующая формулировка постановленія студентовъ: ожидая отъ нижегородскаго общества обѣщанныхъ намъ сегодня активныхъ шаговъ для достиженія главной цѣли, за которую борятся въ настоящее время студенты, т. е. полной амнистіи всѣхъ пострадавшихъ въ студенческомъ движеніи, — мы отказываемся отъ рѣшенія устроить демонстрацію 8-го апр.

Послѣ взаимнаго выраженія благодарности, закрывая собраніе, предсѣдатель высказалъ пожеланіе: „чтобы это первое въ Россіи свободное собраніе отцовъ и дѣтей было не послѣднимъ...“

Засѣданіе было закрыто въ 2 ч. 45 м.

Приводимъ текстъ петиціи.

Петиція Министру Народнаго Просвѣщенія.

Ваше Высокопревосходительство!

Знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта, коимъ Вы призваны на трудный постъ Министра Народнаго Просвѣщенія, разнесшія по Россіи радостную вѣсть о предположенномъ коренномъ пересмотрѣ и исправленіи учебнаго строя, громко призываютъ русское общество въ лицѣ родителей и семей помочь успѣху давно и горячо желанной обществомъ реформы. Слова эти, успокаивая сердца и умы, измученные и смятенные трагическими событіями въ жизни учащейся молодежи, въ то же время устанавливаютъ грустный фактъ ненормальности строя академической жизни въ странѣ и такимъ образомъ просто и вѣрно объясняютъ причину тѣхъ массовыхъ волненій, которыя съ роковой послѣдовательностью все чаще и чаще возникаютъ въ средѣ нашего юношества. Вполнѣ объяснимыя несовершенствомъ нашего учебнаго строя, волненія эти властно охватываютъ учащуюся молодежь и заставляютъ ее тратить энергію, столь дорогую и такъ необходимую отечеству, на противодѣйствіе тѣмъ условіямъ, которыя возбуждаютъ всеобщее недовольство и препятствуютъ имъ прилежно учиться и работать для блага родины. Во главѣ студенческихъ движеній становятся наиболѣе даровитые и энергичные изъ нашихъ дѣтей, именно тѣ, изъ которыхъ, — при условіи устраненія ненормальностей учебнаго строя, — выработались бы богатые знаніями и сильные духомъ дѣятели, выражаясь словами Высочайшаго „рескрипта“, „твердая и вѣрная надежда отечества и стойкая опора его въ будущемъ“.

Это именно та молодежь, которая всегда такъ геройски просто, съ такимъ самозабвеніемъ идетъ на борьбу съ голодомъ, эпидеміями, невѣжествомъ и неправдой; это тѣ піонеры культуры, которые, окончивъ курсъ наукъ, уходятъ въ глухіе углы нашей земли, долгіе годы одиноко работаютъ тамъ, внося въ глухую и невѣжественную жизнь селъ и деревень свѣтъ знанія и безропотно умираютъ на своихъ постахъ; это наши доктора, судьи, учителя, земскіе дѣятели, чиновники, адвокаты, люди, отъ которыхъ наша страна въ правѣ ждать плодотворной дѣятельности на почвѣ культуры и которые вполнѣ способны оправдать надежды, возлагаемыя на нихъ обществомъ и государствомъ. Участіе въ волненіяхъ повлекло для множества подобныхъ людей болѣе или менѣе тяжелыя кары, иногда на всю жизнь прекращающія для нихъ доступъ къ образованію; такимъ образомъ общество и государство навсегда лишается услугъ этихъ въ высокой степени полезныхъ дѣятелей. За послѣдніе годы Россія лишилась множества молодыхъ силъ, частью отданныхъ въ солдаты на основаніи „Временныхъ правилъ“, частью исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній безъ права поступленія навсегда, или на опредѣленные сроки, частью подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ и лишенныхъ стипендій, пособій къ продолженію образованія. Эти печальные факты не могутъ не отразиться въ русской жизни оскудѣніемъ въ ней честныхъ, искренне преданныхъ дѣлу жизни образованныхъ работниковъ.

Страна наша не на столько богата людьми, чтобы можно было безъ ущерба для интересовъ ея жертвовать сотнями молодежи ради охраненія того строя, который нынѣ съ высоты престола признанъ ненормальнымъ и подлежащимъ коренному измѣненію.

Горячая любовь къ родинѣ, искреннее наше желаніе счастья ей, наше глубокое убѣжденіе въ ея великомъ будущемъ внушаютъ намъ смѣлость обратиться къ Вашему Высокопревосходительству съ почтительнѣйшимъ ходатайствомъ повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора горячую просьбу — даровать полную амнистію всѣмъ лицамъ, такъ или иначе причастнымъ къ печальнымъ событіямъ, происходившимъ за послѣдніе годы въ средѣ учащейся молодежи.

Этотъ фактъ величайшей государственной мудрости, какъ проявленіе заботъ Его Величества о благѣ родины и счастьи русскаго народа, положитъ конецъ одному изъ самыхъ печальныхъ явленій въ русской жизни, умиротворитъ юныя, увлекающіяся, но наиболѣе отзывчивыя сердца, смягчитъ великую скорбь родителей о погибшихъ дѣтяхъ и непремѣнно будетъ вписанъ на лучшихъ страницахъ русской исторической лѣтописи.

Таковы полныя данныя о проявленіи протеста въ Нижегородскомъ обществѣ. Не можемъ не добавить, съ своей стороны, что предсѣдатель былъ совершенно не правъ, назвавъ въ заключительной рѣчи это собраніе „свободнымъ“. Во-первыхъ, какъ мы уже указали въ ном. 4 „Искры“, сметливая администрація разрѣшила сходку именно ради того, чтобы оттянуть (а, можетъ быть, и провалить) рѣшеніе устроить демонстрацію. Во-вторыхъ, составъ собранія былъ явно не свободенъ, а искусственъ, ибо преобладали лица, занимающія, — употребляя характерное полицейское выраженіе, — „опредѣленное общественное положеніе“. Съ которыхъ это поръ „свободнымъ“ называется собраніе, подстроенное администраціей для того, чтобы голоса крайніе были подавлены голосами приглашенныхъ умѣренныхъ? Русскіе либералы искони отличаются талантливой способностью принимать за чистую монету іезуитскія фразы и мошенническія ухищренія русскаго правительства, но мы отнюдь не намѣрены поддерживать такія иллюзіи. Россія дожила, слава Богу, до такого времени, когда свободной можетъ быть названа только открытая народная сходка, собранная не по разрѣшенію и не по разсчету полиціи, доступная для всякаго желающаго. А на такой сходкѣ раздался бы всегда и голосъ сознательныхъ рабочихъ, не такъ довѣрчиво относящихся къ правительству.

Полицейскій набѣгъ на литературу. Правительственный застѣнокъ дошелъ до пароксизма давно не виданнаго бѣшенства: онъ рветъ и мечетъ и творитъ расправу надъ мирными литераторами, надъ старыми профессорами и учеными, надъ извѣстными либеральными земцами, и творитъ онъ ее такъ, какъ будто бы имѣлъ передъ собой страшныхъ „потрясателей основъ“, заправскихъ опасныхъ людей. Онъ мелочно мститъ тѣмъ людямъ, которые не остались безучастными зрителями приснопамятной мартовской бойни и въ трудный общественный моментъ возвысили свой голосъ протеста.

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ мы уже указывали на повальные обыски 18-го апрѣля, на полицейскіе набѣги на редакціи „Жизни“ и „Міра Божьяго“. Сейчасъ намъ приходится пополнить мартирологъ литературы слѣдующими данными: одинъ изъ редакторовъ „Жизни“ В. А. Поссе, редакторъ-издатель того-же журнала, земскій дѣятель М. С. Ермолаевъ и сотрудникъ „Жизни“ прис. пов. А. А. Никоновъ высылаются на три года подъ гласный надзоръ съ воспрещеніемъ жительства въ 25 губерніяхъ и частяхъ губерній. На такихъ же условіяхъ высылаются на два года: секретарь Вольно-Экономическаго Общества Кулябко-Корецкій (у него даже не производилось обыска), извѣстный тверской земецъ, прис. пов. Ѳ. И. Родичевъ (былъ въ числѣ тверской депутаціи 1895 г. и вмѣстѣ съ Головачевымъ не былъ принятъ Николаемъ II), весьма популярный профессоръ анатоміи, директоръ курсовъ и основатель біологическаго института въ Петербургѣ П. Ф. Лесгафтъ, статистикъ Караваевъ, мужъ и жена Муриновы (онъ — литераторъ, она — имѣла книжный складъ въ Москвѣ, закрытый по распоряженію правительства), М. Гуровичъ и, наконецъ, Бальмонтъ, извѣстный переводчикъ Шелли и одинъ изъ главныхъ представителей такъ называемой „декадентской поэзіи. Той же карѣ еще раньше подверглись П. Струве и М. Туганъ-Барановскій; профессора Милюковъ и Мякотинъ, а также М. Горькій еще сидятъ.

Читая этотъ списокъ, приходится воскликнуть: велика должно быть злобствующая растерянность русскаго правительства, если оно не останавливается передъ такими мѣрами! Безъ суда, даже безъ обычной административно-судебной процедуры, ускореннымъ порядкомъ, соблюдая лишь быстроту и натискъ, оно вышвыриваетъ людей изъ привычной имъ обстановки, не считаясь ни съ чѣмъ и не внемля ничему. Пусть оно продолжаетъ въ томъ же духѣ: кто сѣетъ вѣтеръ, пожнетъ непремѣнно бурю!

Секретный документъ. Обращаемъ вниманіе читателей на появившуюся у Дитца въ Штуттгартѣ записку Витте, напечатанную „Зарей“. Направленная противъ проекта бывшаго мин. вн. дѣлъ Горемыкина о введеніи земствъ въ неземскихъ губерніяхъ, „Записка“ интересна, какъ документъ, безстыдно разоблачающій сокровеннѣйшія вожделѣнія нашихъ правителей. Мы надѣемся подробно поговорить въ ближайшемъ номерѣ нашей газеты объ этомъ замѣчательномъ документѣ, равно какъ и о предисловіи къ нему г. Н. Р. С. Это предисловіе, обнаруживая въ его авторѣ пониманіе политическаго значенія русскаго рабочаго движенія, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ отличается обычной, характерной для нашихъ либераловъ незрѣлостью политической мысли.

Побѣгъ I. Пильсудскаго. Среди печальныхъ извѣстій о новыхъ и новыхъ насиліяхъ жандармовъ особенно радостное чувство вызываетъ такой необычайный фактъ удачи революціонеровъ, какимъ является побѣгъ товарища Пильсудскаго изъ предварительнаго заключенія въ больницѣ Николая Чудотворца въ СПБ.

Тов. Іосифъ Пильсудскій пробылъ пять лѣтъ въ Якутской обл., куда былъ административно сосланъ въ связи съ дѣломъ 1-го марта 1887 г., въ числѣ активныхъ участниковъ котораго былъ его братъ Брониславъ, сосланный на каторгу на Сахалинъ. Вернувшись изъ ссылки, Іос. Пильсудскій примкнулъ къ Польской соц. партіи и перешелъ на нелегальное положеніе. Въ концѣ 1899 г. Пильсудскій вмѣстѣ съ тремя другими лицами былъ арестованъ въ Лодзи въ тайной типографіи „Работника“, редакторомъ котораго онъ состоялъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Пильсудскій былъ переведенъ въ петербургскую больницу Николая Чудотворца на испытаніе, какъ душевнобольной. Въ ту же больницу поступилъ вскорѣ Мазуркевичъ, „докторъ“ изъ Варшавы, который и „увезъ“ мнимобольного изъ-подъ заключенія. По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ Пильсудскій и „докторъ“ уже прибыли въ Лондонъ.

Поздравляемъ Польскую Соціалистическую Партію съ удачнымъ исходомъ этого мастерского удара царскому правительству, напоминающаго самыя блестящія страницы героическаго прошлаго нашего революціоннаго движенія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Стачка фармацевтовъ. Движеніе рабочихъ за улучшеніе своего положенія съ фабрикъ и заводовъ начинаетъ переходить въ болѣе культурную среду. Я хочу поговорить о движеніи фармацевтовъ. Всѣмъ извѣстны условія работы этихъ тружениковъ: 12-14 часовъ работы въ день, не считая дежурствъ по ночамъ по очереди (правда, имъ дается одинъ день въ недѣлю свободный), плохая пища (ѣдятъ и пьютъ тутъ же, наскоро, во время работы), плохія жилищныя условія, грубое обращеніе хозяевъ, низкая заработная плата (ученики 15 руб., помощники провизора 30-45 руб., что при требованіи хорошо одѣваться далеко не достаточно). Уже давно бродило недовольство среди фармацевтовъ, но послѣднему не придавалось никакого значенія. 25-го марта 1901 г. фармацевты аптеки Фишеръ (быв. Шнейдеръ), будучи недовольны завтракомъ, обратились къ хозяину съ просьбой улучшить имъ пищу, жилище, перемѣнить съ ними грубое обращеніе (объ уменьшеніи рабочаго дня они не упоминали, опасаясь, что ихъ заявленіе будетъ принято за стачку). Въ отвѣтъ на ихъ просьбу Фишеръ черезъ одного изъ фармацевтовъ строго заявилъ, что завтракъ ихъ считаетъ хорошимъ и что если они не довольны имъ, то могутъ уходить. Тогда 14 человѣкъ, каждый въ отдѣльности, заявили Фишеру, что они отработаютъ, согласно закону, двѣ недѣли и потомъ уйдутъ. Хозяинъ принялъ заявленіе служащихъ и впродолженіе 4-5 дней не разговаривалъ съ ними. Затѣмъ фармацевты заявили Фишеру, что такъ какъ они со службы отъ него ушли, то могутъ поступить къ нему

Если такое убѣжденіе есть признакъ „поворота въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“, то несомнѣнно, что этотъ поворотъ былъ сдѣланъ еще соціалдемократической группой „Освобожденіе Труда“, которая съ самаго возникновенія своего въ 1883 г. не переставала доказывать, что лишь все болѣе и болѣе расширяющееся движеніе народной массы можетъ положить конецъ существованію русскаго абсолютизма. Народовольцы обвиняли группу „Освобожденіе Труда“ въ томъ, что ея пропаганда шла въ разрѣзъ съ принципами Народной Воли. Соц.-революціонеры думаютъ, какъ видно, что это обвиненіе было совершенно неосновательно.

> „Въ странахъ деспотическихъ, — говоритъ манифестъ, — по самому ходу вещей, соціалистическія группы должны стремиться къ тайной и строго конспиративной организаціи ядра партіи, ограниченнаго по своему составу и численности“.

Это справедливо, но и въ этомъ нѣтъ никакого „поворота въ сторону эпохи Народной Воли“. Необходимость „тайной и строго конспиративной организаціи ядра партіи“ сознавалась русскими революціонерами уже въ то время, когда никто еще не думалъ о „принципахъ Народной Воли“. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, укажемъ на „тайную“, „строго конспиративную“ и централистическую организацію „Земля и Воля“ семидесятыхъ годовъ. Что же касается русскихъ соціалдемократовъ, то надо сказать правду: многіе изъ нихъ до сихъ поръ не вполнѣ сознали, до какой степени полезна подобная организація. Въ этомъ состоитъ слабая сторона русской соціалдемократіи, мѣшающая ей играть ту вліятельную роль въ общественной жизни, которая принадлежитъ ей по праву. Горькій опытъ каждый день и каждый часъ указываетъ намъ на необходимость полнаго и рѣшительнаго устраненія этой коренной причины нашей относительной слабости. И мы, конечно, съумѣемъ раздѣлаться съ нею. Но когда мы раздѣлаемся съ нею, то очень ошибутся тѣ, которые вообразятъ, что мы поворачиваемъ „въ сторону принциповъ эпохи Народной Воли“: тайная, строго конспиративная и централистическая организація необходима для всякой революціонной партіи, энергично борющейся при современныхъ русскихъ условіяхъ; она не можетъ быть названа отличительной особенностью какой-нибудь изъ этихъ партій.

Пойдемъ дальше. Манифестъ говоритъ:

> „Мы убѣждены, что безъ сочувствія и поддержки (со стороны) крестьянства классъ фабрично-заводскихъ и вообще промышленныхъ рабочихъ не въ состояніи сломить силу русскаго правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже объ экономическомъ преобразованіи общества*). И мы должны признать, что революціонная дѣятельность среди крестьянства вполнѣ возможна въ настоящее время, такъ какъ внутри этого сословія уже образовались многочисленныя группы, въ такой же степени заинтересованныя въ уничтоженіи существующаго экономическаго и политическаго строя, какъ и промышленный пролетаріатъ“.

Въ эпоху „господства принциповъ Народной Воли“ революціонеры разсуждали совершенно иначе.

> „Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, конечно, всегда признавалось желательнымъ, — говоритъ записка о „подготовительной работѣ (народовольческой) партіи“... Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы (партіи Народной Воли) совершенной фантазіей, и, если мы не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ“.

Неужели авторы Манифеста не видятъ, что и здѣсь они „поворачиваютъ“ отъ народовольческихъ принциповъ, а не „въ сторону“ ихъ?

Но соц.-революціонеры не „поворачиваютъ“ также и „въ сторону“ народниковъ семидесятыхъ годовъ. Они очень далеки отъ мысли о сосредоточіи всѣхъ революціонныхъ силъ въ деревнѣ.

> „Какъ ни важна и необходима революціонная дѣятельность въ деревнѣ, — говорятъ они, — мы, въ настоящее время, по чисто тактическимъ соображеніямъ, будемъ стремиться концентрировать свои наличныя силы въ городахъ, — главнымъ образомъ, въ виду большей культурности городского рабочаго населенія сравнительно съ сельскимъ и большей продуктивности работы въ этой средѣ“.

Это очень похоже на выработанный гр. „Освоб. Труда“ проектъ программы русскихъ соціалдемократовъ, гдѣ выставляется рядъ требованій, долженствующихъ проложить „широкій путь для сближенія рабочей партіи съ земледѣльческимъ населеніемъ“, но гдѣ указывается въ то же время, что работа революціонеровъ „должна быть прежде всего направлена на болѣе развитой слой трудящагося населенія, какимъ и являются промышленные рабочіе“.

Вообще взглядъ соц.-революціонеровъ на революціонную дѣятельность почти до мелочей совпадаетъ со взглядомъ группы „Освобожденіе Труда“. Такъ, напр., Манифестъ говоритъ:

> „Что же касается самаго контингента лицъ, которые могли бы вести пропаганду и агитацію въ деревнѣ, то таковыми мы считаемъ, съ одной стороны, извѣстную часть интеллигенціи, по условіямъ своей частной жизни вынужденную постоянно жить въ деревнѣ, а также тѣхъ промышленныхъ рабочихъ, которые переходятъ изъ городовъ на фабрики и заводы, расположенные въ сельскихъ мѣстностяхъ, или же, живя постоянно въ городѣ и сохраняя въ то же время связь съ деревней, болѣе или менѣе часто посѣщаютъ послѣднюю“.

Проектъ программы, предложенный гр. „Осв. Труда“, высказываетъ надежду, что

> „выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, пролетарій при подходящихъ обстоятельствахъ вернется въ нее соціалдемократическимъ агитаторомъ“.

А о лицахъ, по условіямъ своей частной жизни вынужденныхъ постоянно жить въ деревнѣ, проектъ говоритъ:

> „Само собою разумѣется, что даже въ настоящее время люди, находящіеся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянствомъ, могли бы своей дѣятельностью въ его средѣ оказать важную услугу соціалистическому движенію въ Россіи. Соціалдемократы не только не оттолкнутъ отъ себя такихъ людей, но приложатъ все старапіе, чтобы согласиться съ ними въ основныхъ принципахъ и пріемахъ своей дѣятельности“.

Соц.-революціонеры говорятъ въ своемъ манифестѣ, что хотя буржуазія и враждебна имъ по самой сущности своихъ интересовъ, но нельзя, однако, отрицать того факта, что вопросъ о политической свободѣ составляетъ ту общую почву, на которой соціалистическая партія сходится съ передовой частью „третьяго сословія“. Это такъ же вѣрно, какъ почти все, что говорятъ они. Но и здѣсь они высказываются не какъ народовольцы, а какъ соціалдемократы.

---

*) Мы думаемъ, что даже въ промышленныхъ центрахъ соціалистическое движеніе можетъ и должно охватить не однихъ только „промышленныхъ рабочихъ“, но вообще весь пролетаріатъ, все трудящееся и эксплуатируемое капиталомъ населеніе этихъ центровъ. Поэтому мы считаемъ, что неправильно выражаются тѣ, которые говорятъ объ однихъ промышленныхъ рабочихъ: они придаютъ этимъ сравнительно узкое выраженіе очень широкой мысли.

только на новыхъ условіяхъ (двѣ смѣны по семи часовъ, столовыя деньги). Фишеръ, не желая уступать, сталъ искать служащихъ, но тщетно. Въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ за фармацевтами, возникло аналогичное движеніе. Конечно, никто не согласился ѣхать къ аптекарю-эксплуататору. Истекалъ двухънедѣльный срокъ. Фишеръ метался, не зная, что дѣлать. Настало воскресенье 8-го апрѣля, послѣдній день срока. Фармацевты заявили, что съ слѣдующаго дня они не будутъ работать. Положеніе принципала было критическое. Г. Фишеръ (а также и его супруга) прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы фармацевты отказались отъ своихъ требованій. Онъ угрожалъ имъ полиціей, арестами, указывая на Москву, гдѣ за движеніе среди фармацевтовъ было арестовано 16 чел. и т. п. Наконецъ, онъ привлекъ на свою сторону „достойнаго“ собрата, врачебнаго инспектора Буховцева. Послѣдній 9-го апрѣля отправилъ въ аптеку Фишера частнаго пристава отъ губернскаго правленія съ предписаніемъ фармацевтамъ немедленно приступить къ работѣ. Тѣ, конечно, отказались, такъ какъ силою ихъ никто не могъ заставить работать въ аптекѣ Фишера. Частный приставъ составилъ протоколъ, почему фармацевты отказались работать. Причины ухода были выставлены слѣдующія: скверная пища, тѣсное помѣщеніе и грубое обращеніе. Впослѣдствіи этотъ протоколъ куда-то исчезъ. Фишеру ничего не оставалось, какъ уступить. Такимъ образомъ, фармацевты не только добились улучшенія пищи и жилища, но даже сокращенія рабочаго дня на половину: вмѣсто 14 час. они будутъ работать лишь 7 час. въ двѣ смѣны (первая смѣна отъ 8 час. утра до 3 час., вторая — отъ 3 час. до 10 час. веч.). Привѣтъ вамъ, товарищи! Въ добрый часъ! Помните только о своей солидарности со всѣмъ трудящимся людомъ.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ РОССІИ.

Петербургъ. Празднованіе маевки послужило здѣсь поводомъ къ двумъ крупнымъ столкновеніямъ рабочихъ съ вооруженной силой. Перваго мая (по русскому стилю) забастовали рабочіе Выборгской стороны (какъ говорятъ, на всѣхъ фабрикахъ). 4-го мая рабочіе нѣсколькихъ фабрикъ направились въ городъ съ цѣлью устроить демонстрацію. У Самсоніевскаго моста имъ заградила дорогу конная и пѣшая полиція. Рабочіе пустили въ ходъ ножи и камни. Бой длился нѣсколько часовъ. Въ результатѣ, какъ намъ пишутъ, до 70 раненыхъ съ обѣихъ сторонъ, есть и убитые; нѣсколько сотъ человѣкъ арестовано. Приводимъ письмо одной работницы, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что случившагося. Авторъ пишетъ знакомому интеллигенту, сообщая о смерти товарища В. Изъ письма видно, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на рабочихъ отсутствіе въ критическій моментъ соціалдемократическихъ организацій, разгромленныхъ апрѣльскими погромами. Отсюда, — необходимость для рабочихъ „самимъ рѣшать“, самимъ брать на себя отвѣтственность за такой шагъ, какъ попытка демонстрировать; отсюда и раздраженіе противъ „интеллигентовъ“, которые, будучи или высланы (какъ товарищъ, которому письмо адресовано) или арестованы (какъ товарищъ А), не могли придти на помощь рабочимъ въ майскіе дни. Авторъ, конечно, чувствуетъ, что соц.-демократическія организаціи неповинны въ томъ, что къ надлежащему моменту онѣ были разбиты, но, думается намъ, за несправедливыми упреками его письма встаетъ справедливый вопросъ: почему петербургскіе товарищи такъ долго откладывали рабочую демонстрацію и, вмѣсто того, чтобы со всей энергіей дѣйствовать въ мартѣ, оттянули дѣло до мая, давъ возможность полиціи собраться съ силами и нанести петербургскому пролетаріату предварительное пораженіе разгромомъ его организованнаго авангарда.

Вотъ это письмо:

„Не примите мое письмо за малодушіе, я очень измучилась и не знаю, что дѣлать… Вы, навѣрное, знаете, что у насъ былъ бунтъ, и что В. нѣтъ больше. Я не видала его съ 29-го, и онъ говорилъ мнѣ тогда, что, вѣроятно, перваго у нихъ работать не будутъ. Я какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я ужъ справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ Охранкѣ тоже… или убили его или ранили до смерти… Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: „Да здравствуетъ революція!“ и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла, пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами.

Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинаково всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, ужъ очень горько умирать какъ собакамъ въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже, это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко. А еще обидно то, что всю зиму къ намъ ходили и изъ за насъ спорили, а какъ разъ теперь никого не оказалось: Вы уѣхали, А. нѣтъ, и никого нѣтъ вмѣсто него. В. все говорилъ, что имъ самимъ нужно рѣшать и что это страшно, а умирать не страшно! и мнѣ все думается, можетъ, если кто изъ васъ былъ, все было бы не такъ, вы бы по другому рѣшили, и В. живъ бы былъ. И мнѣ все думается, когда В. и другіе умирали, вы пріятно проводили время, а къ А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везетъ, только посудите сами, вѣдь обидно…

Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ: хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (уцѣлѣвшій рабочій) говорилъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ и пистолетовъ достанутъ: на камняхъ да ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть.

Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мнѣ за это стыдно: вотъ я и помянула про малодушіе. Не сердитесь за мои жестокія слова, это мое горе говоритъ, а я хорошо понимаю, что это все къ лучшему, и другимъ говорю, и многіе у насъ думаютъ, что это ужъ къ концу идетъ, только мнѣ не вѣрится: ужъ очень скоро. Б. говоритъ, что въ другой разъ еще лучше все будетъ, и только бранится, что листковъ нѣтъ и что никто не приходитъ — онъ ужъ даже самъ листокъ сочинилъ. Я думаю, вы не разсердитесь, что я все написала, вѣдь вы сами сказали, чтобъ писать, когда очень трудно станетъ, или когда не справлюсь, а ужъ труднѣе нынѣшняго не придумаешь“.

* * *

На Обуховскомъ (казенномъ) заводѣ 1-го мая на работу не вышло 300 человѣкъ. Начальство завода стало увольнять этихъ „преступниковъ“ группами по 10 чел. Къ 7-ому мая уволенныхъ набралось 70 чел. Рабочіе просили начальство объ обратномъ пріемѣ уволенныхъ и о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ условій труда. Когда начальство отвѣтило отказомъ, рабочіе остановили машины и въ количествѣ 3600 чел. высыпали на Шлиссельбургскій трактъ. Дальнѣйшія подробности извѣстны изъ полицейскаго сообщенія. Полиція своимъ вызывающимъ поведеніемъ привела къ форменной битвѣ, въ которой рабочіе проявили поразительную стойкость и мужество. Какъ намъ сообщаютъ, убито 6 рабочихъ. Убитыхъ и арестованныхъ ночью отвезли въ городъ на пароходѣ. Послѣ бойни начальникъ завода пригласилъ депутацію отъ рабочихъ для переговоровъ.

Харьковъ. 1-го мая весь день было спокойно. Вечеромъ въ $9^{1}/_{2}$ час. въ университетскомъ саду собралась кучка молодежи — человѣкъ 30 рабочихъ и столько же дѣвицъ и студентовъ. Пѣли „Дубинушку“, „волю“ и т. д., затѣмъ кричали: 8-мичасовый раб. день! да здравствуетъ 1-ое мая! долой самодержавіе! Кто-то предложилъ выйти на Сумскую — пошли. Прошли всю Сумскую внизъ до площади. Обѣ стороны по тротуарамъ были заняты массой любопытныхъ, которые шествовали за передовой кучкой, тщательно избѣгая быть на одной сторонѣ съ ними. Прошли мимо театра, гдѣ, конечно, полиція обратила вниманіе. Сейчасъ было дано знать и какъ только дошли до площади и постояли тамъ съ четверть часа, пропѣвъ еще разъ „Дубинушку“ и „Волю“ и прокричавъ „Долой царя, долой самодержавіе“, какъ появилась полиція. Полицмейстеръ задыхающимся голосомъ бормоталъ: „разойдитесь, господа, разойдитесь“, размахивая при этомъ довольно деликатно рукой. Околоточные убѣждали публику разойтись, говоря, что изъ всего этого не выйдетъ ничего хорошаго. Публика вняла ихъ мольбамъ и частью разбрелась, частью пошла назадъ. Полиція ее провожала, не давая ей останавливаться. Когда шли назадъ, университетскій садъ былъ закрытъ. Къ 11 часамъ на Николаевской площади показались войска, а по Сумской проѣхали казаки.

Во время инцидента на площади одинъ изъ приставовъ злорадно торжествующимъ тономъ сказалъ: „господа интеллигенція, да разойдитесь же, вѣдь тутъ рабочихъ-то всего 20 человѣкъ“. Въ рабочихъ кварталахъ демонстраціи не было.

Прокламація Кіевскаго Комитета Партіи сообщаетъ о томъ, что 1-го мая тысячи кіевскихъ рабочихъ бросили работу. Демонстраціи Кіевскій Комитетъ не назначалъ. Тѣмъ не менѣе, 6-го мая кіевскіе рабочіе пытались устроить противоправительственную демонстрацію, при чемъ подверглись полицейскому избіенію. Протестуя противъ послѣдняго, Кіевскій Комитетъ въ то же время отзывается о демонстрантахъ, какъ о „рабочихъ, не принадлежащихъ къ братской семьѣ рабочихъ всего міра или не вполнѣ сознавшихъ свои интересы“ и что „членовъ Рабочей Партіи среди нихъ почти не было“. Не зная о томъ, кто были иниціаторами демонстраціи 6-го мая, мы все же должны замѣтить, что при современномъ дробленіи русскихъ соціалдемократическихъ силъ, болѣе чѣмъ неумѣстно всѣхъ, не принадлежащихъ къ комитетамъ нашей партіи, ставить „внѣ братской семьи рабочихъ всего міра“.

Въ дополненіе къ тому, что передано въ правительственномъ сообщеніи о демонстраціи въ Тифлисѣ, сообщаютъ, что, кромѣ толпы на базарной площади, другая, въ тысячу человѣкъ, собралась на проспектѣ и пыталась соединиться съ первой, но неудачно. „Красный значекъ“, о которомъ говорится въ правительственномъ сообщеніи о демонстраціи на базарной площади, былъ краснымъ знаменемъ съ портретами Маркса, Энгельса и Либкнехта и съ надписью: Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Знамя красовалось около 15-20 минутъ.

Иваново-Вознесенскъ. 18-го апрѣля были распространены: листки мѣстнаго комитета съ описаніемъ праздника перваго мая и требованіемъ восьмичасоваго рабочаго дня и политической свободы, общій листокъ Россійской Соціалдемократической Партіи и, кромѣ того, другія майскія брошюры. Публика (рабочіе) принимаетъ все это съ большимъ интересомъ. Настроеніе возбужденное, масса спору, особенно по вопросу о самодержавіи. Очень многіе (чуть не большинство) согласно съ прокламаціями. Перваго мая (русскаго) предполагали повторить, но не были доставлены обѣщанныя общероссійскіе листки, а доставленные въ большомъ количествѣ листки узко-экономическаго характера, приготовленные для нашего города за нашей подписью съ требованіемъ девятичасоваго рабочаго дня и суда присяжныхъ надъ стачечниками мы принуждены были уничтожить, какъ не удовлетворяющія нашъ комитетъ своимъ содержаніемъ. Газета „Искра“ распространяется и нравится рабочимъ, почему наша касса рѣшила четверть своихъ доходовъ отдавать на „Искру“. Перваго мая на одной (самой крупной) фабрикѣ рабочіе собирались было бросить работу и прогуляться, но сильно помѣшало этому присутствіе въ большомъ количествѣ вооруженныхъ ружьями казаковъ.

Отъ Соціалдемократической Партіи въ Польшѣ и Литвѣ нами получено слѣдующее сообщеніе:

Варшава. Въ этомъ году передъ первымъ мая здѣшняя администрація подъ вліяніемъ русскихъ волненій въ мартѣ была усерднѣе, чѣмъ всегда. Начиная съ февраля, по нѣскольку разъ въ недѣлю происходили аресты и обыски. Чтобы больше запугать массу, еще въ началѣ февраля исполняющій должность ген.-губернатора Подгородниковъ распространяетъ объявленіе во всемъ царствѣ Польскомъ, запрещая въ немъ уличныя сходки и грозя участникамъ таковыхъ трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и денежнымъ штрафомъ. Вскорѣ послѣ этого появились прокламаціи Польскаго Комитета Соціалдемократической Партіи въ Польшѣ и Литвѣ, въ которыхъ рабочіе призывались отвѣтить на объявленіе Подгородникова торжественной майской демонстраціей и заняться подготовкой къ ней. Въ вышедшемъ въ мартѣ „Рабочемъ Курьерѣ“ партія опять напоминаетъ о первомъ мая. Въ свою очередь хлопочетъ и полиція. По ея настоянію уже за четыре недѣли до перваго мая фабрики и мануфактуры, принимая рабочихъ, брали съ нихъ слово не участвовать въ демонстраціи. Съ 20-го апрѣля дворники призывались въ участки, гдѣ имъ объявлялось: если кто изъ дворниковъ поймаетъ человѣка, расклеивающаго прокламаціи, то ему будетъ выдано 5 руб. награды. Если же на какомъ-нибудь домѣ будутъ найдены прокламаціи, то дворникъ платитъ 10 руб. штрафу и высылается изъ Варшавы. Не смотря на это, 26-го и 27-го апрѣля въ Варшавѣ и во всѣхъ большихъ городахъ Польши и Литвы были расклеены ном. 4-ый (майскій) „Рабочаго Обозрѣнія“ (всего 2500 экз. во всемъ краѣ), воззванія администраціи партіи (всего 12 тыс.) и, кромѣ того, изданныя Варшавскимъ Комитетомъ приглашенія на демонстрацію на Маршалковскую улицу около Вѣнскаго вокзала въ воскресенье вечеромъ въ пять час., 28-го апрѣля (10.000) и — по распоряженію профессіональнаго союза булочниковъ — майскія воззванія къ булочникамъ (600 экз.). Въ воскресенье съ утра Варшава приняла видъ лагеря. Въ старомъ мѣстѣ демонстрацій, на Уяздовскихъ аллеяхъ была масса казаковъ, но публики собралось не много. Около 12 час. по Маршалковской было замѣтно оживленіе. Около двухъ часовъ прошелъ полкъ пѣхоты съ музыкой. Видно было, какъ по дворамъ прятались отряды казаковъ. Черезъ каждые нѣсколько домовъ стояла куча городовыхъ и околоточныхъ. Вдоль улицы разъѣзжали конные патрули. Около пяти часовъ въ Іерусалимскихъ аллеяхъ стали собираться рабочіе. Въ началѣ шестого можно было насчитать до 15 тыс. Полиція не разгоняла и не позволяла двигаться впередъ. На пытавшихся идти впередъ бросились выѣхавшіе изъ дворовъ казаки съ нагайками. Въ началѣ восьмого между частью демонстрантовъ, двинувшихся къ Саксонскому саду, и полиціей началась свалка. Въ это время большинство собравшихся, въ числѣ около 12.000, воспользовавшись моментомъ, прорвали цѣпь и пошли вдоль по Маршалковской къ Саксонскому саду, развернувши и поднявши красное знамя. Шествіе было два раза прерываемо. Все же большинство дошло до Королевской улицы, гдѣ къ нимъ присоединилась новая толпа рабочихъ; и здѣсь было поднято красное знамя и раздался возгласъ: „да здравствуетъ конституція!“ Въ отвѣтъ на это, съ Маршалковской и Королевской улицъ послышалось оглушительное „ура!“ Послѣ этого рабочіе стали расходиться. Арестовано лишь нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Лодзь переживаетъ въ настоящее время страшный кризисъ особенно въ хлопчатобумажной промышленности; тысячи рабочихъ ходятъ безъ работы, другіе ждутъ разсчета. Настроеніе повсюду угнетенное. Въ виду этого Лодзинскій Комитетъ С.-Д. Партіи Царства Польскаго и Литвы послѣ продолжительныхъ колебаній рѣшилъ устроить демонстрацію самаго мирнаго характера, скорѣе, какъ говорили рабочіе, репетицію майской демонстраціи слѣдующаго года. Полиція, однако, какъ всегда, была на сторожѣ. Полицмейстеръ Хржановскій въ теченіе мѣсяца зазывалъ къ себѣ дворниковъ, дѣлалъ имъ наставленія, какъ они должны вести себя передъ первымъ мая. Въ началѣ апрѣля появилось въ городѣ нѣсколько сотенъ казаковъ; ихъ можно было встрѣтить въ большомъ количествѣ на каждой почти улицѣ. Штатъ полиціи былъ усиленъ. Не смотря на это, Лодзинскому Комитету удалось распространить уже 26-го апрѣля майскій номеръ „Рабочаго Обозрѣнія“ и майскія воззванія на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Въ день же 28-го (15-го) апрѣля въ пять часовъ по полудни на главной улицѣ — Петровской, — согласно уговору, сошлись слишкомъ 30.000 рабочихъ. Полиція вела себя спокойно, но старалась вызвать скандалъ со стороны рабочихъ. Шпіоны разыгрывали комедію, арестуя другъ друга и полагая, что такимъ образомъ выведутъ рабочихъ изъ себя и побудятъ освобождать арестованныхъ. Но собравшіеся рабочіе мирно прогуливались по тротуарамъ и когда замѣтили, что притокъ рабочихъ уменьшился, а число полицейскихъ и казаковъ прибываетъ и что процессіи не удастся устроить безъ крупныхъ жертвъ, стали расходиться, убѣжденные, что, если въ этомъ году явилось 30.000, слѣдующій годъ тѣмъ болѣе удастся устроить демонстрацію, соотвѣтствующую размѣрамъ города.

Дополненіе. Передъ первымъ мая (по русскому календарю) дворникамъ были розданы нагайки и ремни, и казаки и полиція были наготовѣ. Полиція всѣми силами старалась провоцировать рабочихъ около перваго мая, желая произвести избіеніе, которое могло бы повести за собою реакцію на нѣсколько лѣтъ, какъ это было въ 1892 году. Но это не удалось, такъ какъ рабочіе рѣшили сохранить силы на будущій годъ.

Ковно. До 1-го мая (н. с.) было распространено 1200 прокламацій польской соц.-дем. партіи на польскомъ, литовскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 1-го мая (н. с.) близъ зданія мужской гимназіи собралось около 600 польскихъ и еврейскихъ рабочихъ, которые и прогуливались по улицѣ нѣсколько часовъ. Когда послышались крики „Да здравствуетъ конституція!“, неподготовленная полиція начала очень миролюбиво успокоивать публику и просила расходиться. Гулянье продолжалось еще около часу: затѣмъ рабочіе разошлись по домамъ. 12-го мая (н. с.) на улицѣ арестованы были: банковый чиновникъ Ревковскій и двѣ портнихи Піотровская и Бялопіотровская. При арестованныхъ найдено много прокламацій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Южнымъ отдѣломъ организаціи „Искры“ получено: отъ „Всадника“ 79 р.; М. Ком. за лит. 18 р.; М—вы отъ молод. 32 р.; тоже 69 р. 75 к.; Пет. Ком. за лит. 85 р.; отъ знакомой 5 р.; Х-въ отъ мол. 50 р.; М. З. 3 р.; провинція 7 р. 55 к.; С. и Х. 10 р.; отъ юноши 7 р. Итого: 366 р. 30 к.

Получено: отъ „друзей-читателей“ 41 р. 42 к.; „изъ волжской столицы“ 10 р.; отъ Л. 40 р.

370 руб. отъ петербургскаго представителя „Искры“ получены редакціею.

Типографія „Искры“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, пусть они прочтутъ посвященныя тактическимъ вопросамъ брошюры П. Аксельрода и сопоставятъ защищаемый въ нихъ взглядъ на борьбу за политическую свободу со взглядомъ, высказаннымъ въ статьѣ „Чего намъ ждать отъ революціи?“, напечатанной во второй книжкѣ „Вѣстника Народной Воли“.

Правда, въ манифестѣ соц.-революціонеровъ есть мысли, вѣрнѣе — одна мысль, способная вызвать рѣзкія возраженія со стороны русскихъ соціалдемократовъ: мы имѣемъ въ виду замѣчаніе о томъ, что современная намъ сельская община можетъ облегчить работу революціонеровъ въ деревнѣ,

> „т. к. всякіе союзы и организаціи, на какой бы почвѣ они ни возникали, создаютъ извѣстную общность интересовъ тѣхъ группъ населенія, которыя входятъ въ ихъ составъ, и слѣдовательно, представляютъ благопріятныя условія для воздѣйствія на эти группы“.

Это, во-первыхъ, очень не ясно; а во-вторыхъ, это противорѣчитъ всему тому, что говоритъ манифестъ о положеніи современной русской деревни. Въ самомъ дѣлѣ, авторы манифеста сами указываютъ на то, что крестьянство распалось теперь на три группы: 1) сельскій пролетаріатъ, 2) мелкую сельскую буржуазію, „систематически эксплуатирующую въ своемъ хозяйствѣ наемный трудъ“, и 3) малоземельное крестьянство. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что „политическіе и правовые интересы“ этого послѣдняго слоя „вполнѣ совпадаютъ (какъ это говоритъ манифестъ и какъ это говорила гр. „О. Т.“) съ политическими и правовыми интересами пролетаріата“, но мы не можемъ понять, какую „общность интересовъ“ создаетъ община между сельской буржуазіей, эксплуатирующей сельскій пролетаріатъ, и пролетаріатомъ, составляющимъ объектъ ея эксплуатаціи. Въ этомъ пунктѣ соц.-революціонеры мыслятъ еще очень не ясно; тутъ они еще не свели концовъ съ концами; но и тутъ нельзя говорить, что они „поворачиваютъ“ къ принципамъ Народной Воли. Нѣтъ, вѣрнѣе будетъ сказать, что въ этомъ мѣстѣ замѣтно вліяніе на нихъ народничества, не замѣчавшаго разслоенія деревенской массы.

Но за исключеніемъ одного этого мѣста, весь остальной манифестъ представляетъ собою изложеніе принциповъ русской соціалдемократіи, и мы не понимаемъ, какъ могли его авторы не догадаться объ этомъ или найти нужнымъ скрывать это. Можетъ быть, ихъ ввели въ заблужденіе тѣ соціалдемократическіе недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видѣли ненавистное имъ народовольство во всякомъ нападеніи на самодержавіе? Но чтобы судить о русской соціалдемократіи, надо имѣть въ виду взрослыхъ и серьезныхъ ея представителей. А эти послѣдніе давно уже рекомендуютъ русскимъ соціалистамъ ту самую программу дѣйствій, къ какой „поворачиваютъ“ теперь авторы манифеста. Соц.-революціонеры представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ костей русскихъ соціалдемократовъ. Вотъ почему имъ надо соединиться съ ними, а не „поворачивать“ отъ нихъ въ сторону во всѣхъ отношеніяхъ почтенной, но уже безвозвратно отжившей революціонной старины. Или они боятся, соединившись съ нами, „измѣнить знамени“? Но наше знамя есть красное знамя революціоннаго пролетаріата всѣхъ цивилизованныхъ странъ, и стать подъ него не значитъ измѣнить славной памяти погибшихъ русскихъ революціонеровъ. Совершенно наоборотъ, тотъ, кто сражается теперь въ Россіи подъ этимъ знаменемъ, продолжаетъ то, что было существеннаго въ работѣ этихъ героическихъ борцовъ, отказываясь только отъ ихъ ошибокъ, вызванныхъ условіями мѣста и времени. Неужели соц.-революціонеры думаютъ, что они нравственно обязаны называться, какъ Перовская и Желябовъ, въ такое время, когда Перовская и Желябовъ, навѣрное, назвались бы иначе.*)

---

*) Говоримъ: называться, потому что думаютъ соц.-революціонеры по нынѣшнему, т. е. какъ соціалдемократы. А съ другой стороны, даже и назвать себя народовольцами соціалисты-революціонеры не рѣшаются. Но въ такомъ случаѣ ихъ рѣчь о „поворотѣ“ въ сторону народовольства утрачиваетъ послѣднюю тѣнь смысла.

Dec. 12.1911

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 6 ІЮЛЬ 1901 ГОДА. № 6

ЦѢННОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Рабочія волненія въ послѣднее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себѣ. Обезпокоились и правящія сферы, обезпокоились не на шутку: это можно видѣть изъ того, что сочли необходимымъ „покарать“ пріостановкой на одну недѣлю даже такую архиблагонамѣренную, всегда угодничающую передъ начальствомъ газету, какъ „Новое Время“ за его статью въ ном. 9051 (отъ 11-го мая) „По поводу рабочихъ безпорядковъ“. Кара вызвана, конечно, не содержаніемъ статьи, которая преисполнена самыхъ добрыхъ чувствъ по отношенію къ правительству, самой искренней заботливости о его интересахъ. Опаснымъ признано всякое обсужденіе этихъ „волнующихъ общество“ событій, всякое упоминаніе объ ихъ распространеніи и ихъ важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляръ (отъ 11-го же мая) о томъ, чтобы печатать статьи о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ только съ разрѣшенія департамента полиціи, доказываетъ лучше всякихъ разсужденій, насколько само правительство склонно считать рабочія волненія событіемъ государственной важности. И статья „Нов. Вр.“ представляетъ особый интересъ именно потому, что въ ней намѣчается цѣлая государственная программа, которая, въ сущности, цѣликомъ сводится къ тому, чтобы потушить недовольство посредствомъ нѣсколькихъ мелкихъ и частью лживыхъ подачекъ, снабженныхъ громкой вывѣской попечительности, сердечности и т. п. и дающихъ поводъ усилить чиновничій надзоръ. Но эта не новая программа воплощаетъ въ себѣ, можно сказать, „предѣльную“ мудрость современныхъ государственныхъ людей и даже не въ одной только Россіи, а и на Западѣ: въ обществѣ, основанномъ на частной собственности, на порабощеніи милліоновъ неимущихъ и трудящихся кучкѣ богачей, правительство не можетъ не быть вѣрнѣйшимъ другомъ и союзникомъ эксплуататоровъ, вѣрнѣйшимъ стражемъ ихъ владычества. А для того, чтобы быть надежнымъ стражемъ, недостаточно въ наше время пушекъ, штыковъ и нагаекъ: надо постараться внушить эксплуатируемымъ, что правительство стоитъ выше классовъ, что оно служитъ не интересамъ дворянъ и буржуазіи, а интересамъ справедливости, что оно печется о защитѣ слабыхъ и бѣдныхъ противъ богатыхъ и сильныхъ и т. п. Наполеонъ III во Франціи, Бисмаркъ и Вильгельмъ II въ Германіи положили не мало труда на такое заигрываніе съ рабочими. Но въ Европѣ, при существованіи болѣе или [illegible] народнаго представительства, избирательной [illegible] и сложившихся политическихъ партій, всѣ эти лицемѣрныя продѣлки разоблачались слишкомъ быстро. Въ Азіи, и въ томъ числѣ въ Россіи, такъ забиты и невѣжественны народныя массы, такъ сильны предразсудки, поддерживающіе вѣру въ царя-батюшку, что подобныя продѣлки пользуются большимъ успѣхомъ. И вотъ, однимъ изъ весьма характерныхъ признаковъ того, что и въ Россію проникаетъ европейскій духъ, служитъ неудача подобной политики въ послѣдніе 10-20 лѣтъ. Пускали въ ходъ эту политику много и много разъ, и всегда оказывалось, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія какого-либо „попечительнаго“ (будто бы попечительнаго) закона о рабочихъ, дѣло снова приходило въ прежнее положеніе — увеличивалось число недовольныхъ рабочихъ, росло броженіе, усиливались волненія — опять съ шумомъ и трескомъ выдвигается „попечительная“ политика, гремятъ пышныя фразы о сердечномъ попеченіи къ рабочимъ, издается какой-нибудь законъ, въ которомъ на алтынъ пользы рабочимъ и на цѣлковый — пустыхъ и лживыхъ словъ, — и черезъ нѣсколько лѣтъ повторяется старая исторія. Правительство вертится, какъ бѣлка въ колесѣ, оно изъ кожи лѣзетъ, чтобы заткнуть то здѣсь, то тамъ недовольство рабочихъ какой-нибудь тряпичкой, — а недовольство прорывается въ другомъ мѣстѣ и еще сильнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните самыя крупныя вѣхи, знаменующія исторію „рабочаго законодательства“ въ Россіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ происходятъ очень крупныя стачки въ Петербургѣ, соціалистами дѣлается попытка воспользоваться случаемъ для усиленія агитаціи. Александръ III включаетъ въ свою такъ-назыв. „народную“ (а на самомъ дѣлѣ дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. Въ 1882 году учреждается фабричная инспекція, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно прекратило печатаніе ихъ. Законы о фабричномъ надзорѣ оказались именно тряпичкой. Наступаетъ 1884-1885 годъ. Кризисъ въ промышленности вызываетъ громадное движеніе рабочихъ и рядъ самыхъ бурныхъ стачекъ въ центральномъ районѣ (особенно замѣчательна Морозовская стачка). Снова выдвигаютъ „попечительную“ политику — на этотъ разъ съ особенной силой выдвигалъ ее Катковъ въ „Моск. Вѣд.“ Катковъ рветъ и мечетъ по поводу того, что морозовскихъ стачечниковъ отдали подъ судъ присяжныхъ, онъ называетъ сто одинъ вопросъ, поставленный судомъ на разрѣшеніе присяжнымъ, — „сто однимъ салютаціоннымъ выстрѣломъ въ честь показавшагося на Руси рабочаго вопроса“, но онъ требуетъ въ то же время, чтобы „государство“ заступилось за рабочихъ, запретило тѣ безобразные штрафы, которые взорвали, наконецъ, морозовскихъ ткачей. Выходитъ законъ 1886 г., усиливающій во много разъ фабричный надзоръ и запрещающій произвольные штрафы въ пользу фабриканта. Проходитъ десять лѣтъ, — и новый взрывъ рабочихъ волненій. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводятъ трепетъ на правительство (особенно потому, что съ рабочими теперь уже систематически идутъ рука объ руку соціалдемократы) и оно съ невиданной прежде быстротой издаетъ „попечительный“ законъ (2-го іюня 1897 г.) о сокращеніи рабочаго дня; въ коммиссіи, обсуждавшей этотъ законъ, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, и директоръ департамента полиціи въ томъ числѣ, во весь голосъ кричатъ: необходимо, чтобы фабричные рабочіе видѣли въ правительствѣ постояннаго защитника, справедливаго и милосердаго покровителя (см. брошюру: „Тайные документы, относящіеся къ закону 2-го іюня 1897 г.“). А попечительный законъ, между тѣмъ, подъ сурдинкой всячески урѣзывается и отмѣняется циркулярами того же правительства. Наступаетъ новый промышленный кризисъ, — рабочіе въ сотый разъ убѣждаются, что никакія „попеченія“ полицейскаго правительства не могутъ дать имъ серьезнаго облегченія и свободы самимъ заботиться о себѣ, — новыя волненія и уличныя битвы, — новое безпокойство правительства — новыя полицейскія рѣчи о „государственной попечительности“, изрекаемыя на этотъ разъ въ газетѣ „Новое Время“. И не надоѣстъ это вамъ, господа, воду въ рѣшетѣ носить?

Нѣтъ, правительству никогда, конечно, не надоѣстъ повторять свои попытки запугать непримиримыхъ рабочихъ и подманить къ себѣ какой-либо подачкой тѣхъ, кто послабѣе, поглупѣе и потрусливѣе. Но и намъ никогда не надоѣстъ разоблачать истинный смыслъ этихъ попытокъ, разоблачать тѣхъ „государственныхъ“ мужей, которые сегодня кричатъ о попечительности, послѣ того какъ они вчера приказывали солдатамъ стрѣлять въ рабочихъ, — которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительствѣ рабочимъ, а сегодня хватаютъ и хватаютъ для полицейской расправы безъ суда лучшихъ людей и изъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. И поэтому мы считаемъ нужнымъ остановиться на „государственной программѣ“ „Новаго Времени“ заранѣе, прежде чѣмъ появился какой-нибудь еще новый „попечительный“ законъ. Да и тѣ признанія, которыя дѣлаетъ при этомъ такой „авторитетный“ въ области нашей внутренней политики органъ, заслуживаютъ вниманія.

„Новое Время“ вынуждено признать, что „прискорбныя явленія въ сферѣ рабочаго вопроса“ — не случайность. Конечно, виноваты тутъ и соціалисты (газета избѣгаетъ этого страшнаго слова, предпочитая болѣе глухо говорить о „вредныхъ лжеученіяхъ“, о „пропагандѣ противугосударственныхъ и противообщественныхъ идей“), но... но почему же это именно соціалисты пользуются успѣхомъ въ рабочей средѣ? „Новое Время“, конечно, не упускаетъ случая обругать рабочихъ: они такъ „неразвиты и невѣжественны“, что охотнѣе слушаютъ вредную для полицейскаго благополучія проповѣдь соціалистовъ. Виноваты, значитъ, и соціалисты и рабочіе, — съ этими виноватыми жандармы и ведутъ давнымъ давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и мѣста ссылки. Не помогаетъ. Очевидно, есть такія условія въ положеніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, которыя „вызываютъ и поддерживаютъ недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ“ и такимъ образомъ „благопріятствуютъ успѣху“ соціализма. „Тяжелый трудъ фабрично-заводскаго рабочаго въ крайне мало-благопріятной житейской обстановкѣ даетъ ему не болѣе того, чтобы кормиться, пока въ силахъ работать, а при всякой случайности, когда онъ на болѣе или менѣе продолжительное время остается безъ работы, онъ оказывается въ томъ безпомощномъ положеніи, о которомъ, напр., на дняхъ сообщалось въ газетахъ про рабочихъ на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ“. Такимъ образомъ сторонники правительства должны признать, что успѣхъ соціализма объясняется дѣйствительно плохимъ положеніемъ рабочихъ. Но признается это очень неопредѣленно и уклончиво, съ такими оговорками, которыя ясно показываютъ, что ни самомалѣйшаго намѣренія затронуть „священную собственность“ капиталистовъ, гнетущую рабочихъ, не можетъ и быть у подобнаго рода людей. „Къ сожалѣнію, — пишетъ „Нов. Вр.“ — мы слишкомъ мало знаемъ фактическое положеніе вещей въ сферѣ рабочаго вопроса у насъ въ Россіи“. Да, къ сожалѣнію! И мало знаемъ „мы“ именно потому, что позволяемъ полицейскому правительству держать въ рабствѣ всю печать, затыкать ротъ всякому честному обличенію нашихъ безобразій. За то вотъ „мы“ стараемся направить ненависть рабочаго человѣка не на азіатское правительство, а на „инородцевъ“: „Новое Время“ киваетъ на „инородческія заводскія администраціи“, называетъ ихъ „грубыми и жадными“. Такой выходкой можно поймать на удочку только самыхъ неразвитыхъ и темныхъ рабочихъ, которые думаютъ, что вся бѣда идетъ „отъ нѣмца“ или „отъ жида“, которые не знаютъ, что и нѣмецкіе и еврейскіе рабочіе соединяются для борьбы со своими нѣмецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и не знающіе этого рабочіе видятъ изъ тысячи случаевъ, что всѣхъ „жаднѣе“ и безцеремоннѣе русскіе капиталисты, всѣхъ „грубѣе“ русская полиція и русское правительство.

Интересно также сожалѣніе „Новаго Времени“, что рабочій ужъ не такъ теменъ и не такъ покоренъ, какъ крестьянинъ. „Новое Время“ плачетъ о томъ, что рабочій „отрывается отъ своихъ деревенскихъ гнѣздъ“, что „въ фабрично-заводскихъ районахъ скапливаются сборныя массы“, что „сельчанинъ отрывается отъ села съ его скромными (вотъ въ чемъ суть-то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношеніями“. Какъ же не плакать, въ самомъ дѣлѣ? „Сельчанинъ“ привязанъ къ своему гнѣзду и изъ боязни потерять это гнѣздо не рѣшается предъявить требованіе своему помѣщику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанинъ не знаетъ порядковъ въ другихъ мѣстахъ, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорятъ: „самостоятельные интересы“ сельчанина; знаетъ сверчокъ свой шестокъ, не суетъ носа въ политику — что можетъ быть пріятнѣе для начальства?) — а въ этой деревушкѣ мѣстная піявка, помѣщикъ или кулакъ, знаетъ всѣхъ на перечетъ, и всѣ отъ отцовъ еще и дѣдовъ переняли холопскую науку подчиненія, и некому пробудить въ нихъ сознаніе. А на фабрикѣ народъ „сборный“, къ гнѣзду не привязанный (все равно гдѣ работать), виды видавшій, смѣлый, интересующійся всѣмъ на свѣтѣ.

Несмотря на это горестное превращеніе скромнаго мужика въ сознательнаго рабочаго наши полицейскіе мудрецы надѣются еще провести рабочую массу посредствомъ „государственной попечительности о благоустройствѣ быта рабочихъ“. „Новое Время“ подкрѣпляетъ эту надежду слѣдующимъ избитымъ разсужденіемъ: „Гордый и всесильный на Западѣ, капитализмъ у насъ — пока еще слабый ребенокъ, могущій ходить только на помочахъ, и водитъ его на помочахъ правительство“... Ну, этой старой пѣсенкѣ о всемогуществѣ власти повѣритъ развѣ только скромный крестьянинъ! Рабочій же слишкомъ часто видитъ, какъ капиталисты „водятъ на помочахъ“ полицейскихъ и духовныхъ, военныхъ и статскихъ чиновниковъ. И вотъ — продолжаетъ „Новое Время“, — все дѣло въ томъ, чтобы правительство „настояло“ на улучшеніи быта рабочихъ, т. е. потребовало бы отъ фабрикантовъ этого улучшенія. Видите, какъ просто: приказать — и дѣло въ шляпѣ. Но просто это только сказать, а на дѣлѣ приказанія начальства, даже самыя „скромныя“, въ родѣ устройства больницъ при фабрикахъ, не исполняются капиталистами по цѣлымъ десятилѣтіямъ. Да и не посмѣетъ правительство ничего серьезнаго потребовать отъ капиталистовъ, не нарушая „священной“ частной собственности. Да и не захочетъ правительство серьезнаго улучшенія быта рабочихъ, потому что оно само въ тысячѣ случаевъ является хозяиномъ, обсчитываетъ и притѣсняетъ и рабочихъ Обуховскаго завода и сотенъ другихъ заводовъ, и десятки тысячъ почтовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и проч. и проч. „Новое Время“ и само чувствуетъ, что въ приказанія нашего правительства никто не повѣритъ, и оно старается найти себѣ опору въ возвышенныхъ историческихъ примѣрахъ. Это слѣдуетъ сдѣлать, — говоритъ оно про улучшеніе быта рабочихъ — „подобно тому, какъ полвѣка назадъ правительство взяло въ свои руки крестьянскій вопросъ, руководствуясь мудрымъ убѣжденіемъ, что лучше преобразованіями сверху предупредить требованіе таковыхъ снизу, чѣмъ дожидаться послѣдняго“.

Вотъ это дѣйствительно цѣнное признаніе! Передъ освобожденіемъ крестьянъ царь намекалъ дворянамъ на народное возстаніе, говоря: лучше освобождать сверху, чѣмъ ждать, когда станутъ сами освобождать себя снизу. И вотъ теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроеніе рабочихъ внушаетъ ей не меньше страха, чѣмъ настроеніе крестьянъ „передъ волей“. „Лучше сверху, чѣмъ снизу“! Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавія, находя „подобіе“ между тогдашнимъ и теперешнимъ требованіемъ преобразованій. Крестьяне требовали отмѣны крѣпостного права, ничего не имѣя противъ царской власти и вѣря въ царя. Рабочіе возстановлены прежде всего и больше всего противъ правительства, рабочіе видятъ, что ихъ безправіе передъ полицейскимъ самодержавіемъ связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ въ борьбѣ съ капиталистами, и рабочіе требуютъ поэтому свободы отъ правительственнаго самовластья и правительственнаго безчинства. Рабочіе волнуются тоже „передъ волей“, — но это будетъ воля всего народа, вырывающаго политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете-ли, какой величайшей реформой хотятъ заткнуть недовольство рабочихъ и проявить къ нимъ „государственную попечительность“? Если вѣрить довольно упорнымъ слухамъ, — идетъ борьба министерства финансовъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ: послѣднее требуетъ, чтобы фабричную инспекцію передали въ его вѣдомство, увѣряя, что тогда она меньше будетъ потакать капиталистамъ и больше заботиться о рабочихъ, предупреждая этимъ волненія. Пусть готовятся рабочіе къ новой царской милости: фабричные инспектора одѣнутъ новые мундиры и будутъ зачислены по другому вѣдомству (вѣроятно, съ повышеніемъ содержанія) и притомъ по тому самому вѣдомству, которое такъ давно и такъ любовно (особенно департаментъ полиціи) печется о рабочихъ.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

С.-Петербургъ. Намъ пишутъ: О судьбѣ „Жизни“ вы, конечно, знаете, но любопытны здѣсь подробности. Въ числѣ арестованныхъ находилась вся редакція и много сотрудниковъ. Черезъ нѣкоторое время Поссе, Ермолаевъ, Муриновъ и др. были выпущены на всѣ четыре стороны, при чемъ у первыхъ двухъ не было даже ни одного допроса (это фактъ). Просто выпустили. Хорошо! Проходитъ еще нѣкоторое время, зовутъ въ Охранку человѣкъ десять (Муринова съ женой, Поссе, Ермолаева, Гуровича, фактическаго издателя „Начала“, Родичева, Караваева, Кулябко-Корецкаго, секретаря В.-Э. Об., у котораго даже обыска передъ этимъ не было, проф. Лесгафта и др.) и объявляютъ всѣмъ имъ, что они высылаются изъ Питера, Москвы, университетскихъ городовъ и другихъ мѣстъ (нѣкоторымъ исключено до 29 губерній) на два и на три года. Въ это же время сидѣлъ въ тюрьмѣ М. Горькій, но, благодаря его болѣзни и хлопотамъ за него, онъ теперь освобожденъ. Изъ сотрудниковъ „Жизни“ въ тюрьмѣ остался, кажется, одинъ только секретарь редакціи Горюшинъ. Начинаются хлопоты о спасеніи „Жизни“. Изъ главнаго управленія по дѣламъ печати поступаетъ совершенно беззаконное распоряженіе въ типографію, чтобы работы по печатанію майской книжки журнала были пріостановлены. Въ то же время цензоръ отказывается просматривать гранки. Шаховского спрашиваютъ, на какомъ основаніи все это дѣлается. Онъ виляетъ, ссылается на высылку Ермолаева, который де теперь не можетъ быть редакторомъ. Берутся за цензурный уставъ. Тамъ сказано, что редакторъ можетъ быть отрѣшенъ отъ должности въ трехъ случаяхъ: если онъ по суду лишенъ правъ состоянія: если онъ утратилъ полную гражданскую правоспособность (т. е. надо полагать, сошелъ съ ума или что-нибудь въ этомъ родѣ); если самовластно скрылся за границу. Ни подъ одну изъ этихъ категорій Ермолаева подвести нельзя, а между тѣмъ его отрѣшили отъ редакторства. Кто? На какомъ основаніи? Шаховской снова виляетъ. Вѣдь это незаконно, говорятъ ему. Да, незаконно, отвѣчаетъ князь. — Значитъ, вы участвуете въ незаконномъ дѣлѣ?

— Я — труба, по которой передаются распоряженія сверху внизъ. Рѣшили представить на утвержденіе другого редактора, представили, хлопотали, и въ результатѣ четыре министра... Отрѣшили же Ермолаева отъ должности редактора, какъ оказывается, все тотъ же всемогущій департаментъ полиціи. Чтобы дать вамъ понятіе о цинизмѣ, съ которымъ нынче ведутся дѣла, разскажу вамъ слѣдующее: за статью о рабочихъ безпорядкахъ „Новое Время“ было, какъ вамъ извѣстно, закрыто на недѣлю. Послѣ этого по редакціямъ безцензурныхъ изданій былъ разосланъ такой секретный циркуляръ:

„11-го мая 1901 г. Распоряженіемъ отъ 8-го мая 1896 г. и 4-го января 1897 г. періодическимъ изданіямъ воспрещено печатать статьи, трактующія о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ. Редакціи повременныхъ изданій, повидимому, истолковали это распоряженіе въ томъ смыслѣ, что имъ не дозволяется печатать не только статей по рабочему вопросу, но и никакихъ свѣдѣній о происшедшихъ на фабрикахъ и заводахъ безпорядкахъ, а равно и всякихъ нарушеній общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ, г. Министръ Внут. Дѣлъ не имѣлъ въ виду столь распространительнаго толкованія указаннаго распоряженія. Не находя нужнымъ совершенно возбранять оглашеніе вышеупомянутыхъ свѣдѣній, Его Высокопревосходительство считаетъ, однако, необходимымъ, чтобы указанныя происшествія излагались въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью. Въ виду сего всѣ свѣдѣнія о случаяхъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія ранѣе опубликованія ихъ въ повременныхъ изданіяхъ, должны быть представляемы для провѣрки ихъ фактической точности въ департаментъ полиціи и могутъ быть затѣмъ напечатаны лишь съ разрѣшенія послѣдняго. О всемъ вышеизложенномъ Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. Мин. Внут. Дѣлъ, доводитъ до свѣдѣнія гг. редакторовъ повременныхъ изданій“.

Какъ видите, Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати сталъ теперь фактически Департаментъ Полиціи.

Отмѣчу еще также циркуляръ отъ того-же 11-го мая: „Главное Управленіе по дѣламъ печати подтверждаетъ необходимость неуклоннаго исполненія распоряженія Мин. Вн. Дѣлъ о непечатаніи статей по поводу растраты въ Импер. Женск. Патріотич. Общ., кромѣ оглашенія самаго факта растраты“. Здѣсь дѣло идетъ, какъ говорятъ, о кражѣ въ 350 тысячъ рублей, совершенной камергеромъ Якунчиковымъ, Евдокимовымъ и другими.

Вотъ каково современное „житьишко“, какъ говорилъ покойный сатирикъ. Но что замѣчательно, такъ это повсемѣстно чрезвычайно бодрое общественное настроеніе. Я не пишу вамъ ничего о рабочихъ безпорядкахъ, потому что о нихъ ходятъ только всякіе слухи, и въ средѣ, гдѣ я вращаюсь, ничего доподлинно не извѣстно. Извѣстно только, что они приняли очень значительные размѣры.

На дняхъ выпустили Милюкова, Мякотина, Сабинину и Вл. Бернштама „впредь до окончанія дѣла“. Изъ Петербурга ихъ, конечно, высылаютъ.

С.-Петербургъ, 28-го мая. Арестованныхъ за время съ 18-го по 23-ье апрѣля было такъ много, что обычныхъ мѣстъ заключенія не хватило, и многіе были размѣщены по полицейскимъ частямъ. Женщины (27 чел.) посажены въ Спасскую часть и оттуда постепенно переводятся въ Домъ Предварительнаго Заключенія, по мѣрѣ освобожденія въ немъ камеръ. Въ настоящее время въ Спасской части осталось 11 политическихъ заключенныхъ. Условія ихъ заключенія подробно описаны въ письмѣ отъ 1-го мая, обращенномъ къ обществу. Теперь мы разскажемъ лишь объ одномъ эпизодѣ изъ ихъ жизни.

10-го мая одна изъ заключенныхъ послала прокурору судебной палаты заявленіе, въ которомъ просила избавить ее, переводомъ въ другую тюрьму, отъ вида тѣхъ насилій со стороны полиціи, какія ей приходится наблюдать въ участкѣ, напоминающемъ своими порядками застѣнокъ. Дѣло въ томъ, что полицейскіе нравы не даютъ заключеннымъ въ Спасской части забыть о нихъ ни на минуту. Они всюду назойливо лѣзутъ въ глаза и невыносимо разстраиваютъ нервы. Въ окна камеръ заключенныхъ несутся вопли мужчинъ и женщинъ, стоны доносятся изъ карцеровъ, дикія сцены глумленія надъ человѣческой личностью разыгрываются передъ заключенными во время прогулокъ. Для иллюстраціи приведемъ, изъ массы другихъ, случай, происшедшій 9-го мая, далеко не самый яркій, но подробнѣе другихъ извѣстный намъ. Во время прогулки заключенныхъ, къ участку подъѣзжаетъ дворникъ съ какимъ-то субъектомъ, который въ сильномъ возбужденіи говоритъ: „Я ничего не дѣлалъ. За что меня!“ Привезеннаго немедле[illegible]ютъ въ участокъ, откуда непосредственно за тѣмъ [illegible]чаянные вопли и крики о помощи. Минутъ черезъ 1[illegible]цейскій служитель съ дворникомъ выводятъ его черезъ дворъ въ „холодную“. Одежда на немъ уже вся истерзана, лицо распухло. Онъ идетъ согнувшись, задыхается, стонетъ и говоритъ, обращаясь ко всѣмъ, находящимся во дворѣ: „Смотрите, что здѣсь со мной сдѣлали!“ А за это его провожатые, на глазахъ у всѣхъ, сваливаютъ его съ ногъ ударами кулаковъ и волочатъ по землѣ. Полицейскіе чины, находящіеся во дворѣ (помощникъ смотрителя арестнаго дома, городовые и пр.) смотрятъ на все совершенно равнодушно, даже болѣе того: когда одинъ изъ постороннихъ крикнулъ: „Да за что вы бьете человѣка? Вѣдь онъ не сопротивляется, а идетъ“, то и его схватываютъ двое полицейскихъ и силой уводятъ въ участокъ (надо думать, для составленія протокола о чемъ-нибудь, вродѣ „оскорбленія полиціи при исполненіи служебныхъ обязанностей“ или „нарушенія общественной тишины и спокойствія“).

Результатъ заявленія, поданнаго прокурору, оказался совершенно неожиданнымъ для заключенныхъ. 23-го мая въ Спасскую часть пріѣхалъ полицеймейстеръ Лебедевъ. Ознакомившись, какіе именно факты имѣла въ виду заключенная, характеризуя участокъ, какъ застѣнокъ, онъ заявилъ, что „надо устранять отъ барышенъ тяжелыя впечатлѣнія“, и отдалъ приказаніе... ограничить мѣсто прогулокъ политическихъ заключенныхъ заднимъ дворомъ, гдѣ сосредоточены люки, мусорныя ямы и ретирады и — что всего любопытнѣе — гдѣ помѣщается и самый участокъ (до тѣхъ поръ разрѣшалось гулять во всемъ дворѣ). Своимъ распоряженіемъ полицеймейстеръ, очевидно, разсчитывалъ заставить заключенныхъ отказаться отъ прогулокъ и такимъ образомъ устранить отъ нихъ возможность „вмѣшиваться въ чужія дѣла“ (его слова), — и онъ достигъ цѣли: прогулки, разрѣшенія которыхъ заключенныя добились съ такимъ трудомъ, и которыя нѣсколько смягчали тяжесть ихъ заключенія въ темныхъ и душныхъ камерахъ Спасской части, — прекратились съ 23-го мая.

Москва. Сообщаютъ о слѣдующемъ инцидентѣ, имѣвшемъ мѣсто въ здѣшнемъ университетѣ. Сынъ московскаго профессора графа Комаровскаго, окончивъ университетъ, былъ оставленъ ассистентомъ при каѳедрѣ проф. Новгородцева. Не желая терять драгоцѣннаго времени, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поступилъ на службу въ московскую цензуру, о чемъ имѣлъ нахальство заявить Новгородцеву. Послѣдній заявилъ, что считаетъ занятія подъ его руководствомъ и службу въ цензурѣ несовмѣстимыми, такъ какъ, готовясь къ профессурѣ, Комаровскій вмѣстѣ съ тѣмъ готовится говорить съ каѳедры о свободѣ общественной жизни, свободѣ мысли и печати, цензура же какъ разъ подавляетъ все это, и предложилъ ему выбрать одно изъ двухъ. Комаровскій выбралъ цензуру и прекратилъ занятія у Новгородцева. Встрѣтившись съ деканомъ юридическаго факультета (кажется, Алексѣевъ), онъ разсказалъ ему о происшедшемъ. Тотъ возмутился и продиктовалъ ему письмо къ Новгородцеву приблизительно такого содержанія: „Серьезно пораздумавъ надъ предложеннымъ Вами мнѣ вопросѣ о совмѣстимости обоихъ моихъ занятій, я пришелъ къ положительному рѣшенію и потому продолжаю себя считать ассистентомъ при Вашей каѳедрѣ“. Мало того. Встрѣтившись съ Новгородцевымъ, деканъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ, состоя на государственной службѣ, слѣд. будучи чиновникомъ, осмѣлился критиковать другое государственное учрежденіе — цензуру, и такимъ образомъ подрывать основы. Новгородцевъ рѣзко отвѣтилъ, что, считая цензуру вреднымъ учрежденіемъ, онъ не можетъ позволить своему ассистенту служить въ ней. Тогда деканъ заявилъ, что долженъ заявить объ этомъ совѣту факультета, что и сдѣлалъ. Совѣтъ постановилъ подавляющимъ большинствомъ довести о таковомъ поступкѣ Новгородцева до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія.

Саратовъ. Перепечатываемъ два слѣд. сообщенія изъ гектографированнаго журнала „Непримиримый“.

„Конституціонный“ адресъ думскихъ либераловъ и г. Немпровскій. Рескриптъ царя отъ 25-го марта, данный на имя Ванновскаго, былъ встрѣченъ печатью и обществомъ необычно горячими привѣтствіями: все возликовало и умилилось, — не только либеральные круги, но даже и студенчество. Студенты повсемѣстно рѣшили „ждать“ и „дать время“ новому министру провести въ жизнь высочайшія предначертанія. Какъ сообщаютъ изъ Петербурга, только немногіе были настолько сильны, чтобы просто „ждать“ не давая никакихъ авансовъ, большинство же заранѣе выразило довѣріе новому министерству и въ видѣ аванса стало держать экзамены... Если таково настроеніе учащейся молодежи, то чего же ждать отъ нашего „просвѣщеннаго либеральнаго общества“? Совѣсть его была уязвлена тѣмъ острымъ характеромъ, какой приняли студенческія волненія. Казалось невозможнымъ и постыднымъ оставаться спокойнымъ свидѣтелемъ развертывавшихся съ необычайной для русскаго быстротой событій. Надо было реагировать на нихъ, стыдно было оставлять своихъ собственныхъ дѣтей беззащитными передъ казацкой нагайкой и кулаками полицейскихъ. И вотъ просвѣщенное общество стало протестовать. Протестовало оно въ тысячѣ формъ, посылая адресы Толстому и Вяземскому, еще разъ Вяземскому и опять Толстому, составляя и распространяя многочисленные отвѣты московскимъ профессорамъ: наконецъ, — это верхъ гражданскаго мужества — подписывая петиціи на имя царя. Впрочемъ, эта послѣдняя форма реакціи на событія оказалась не по плечу русскому обществу. Подъ одной изъ таковыхъ петицій въ Петербургѣ было собрано не болѣе сотни подписей; въ Москвѣ ихъ было очень мало, еще меньше въ Саратовѣ. У насъ было пущено два подписныхъ листа: одинъ въ „высшемъ“ обществѣ, другой въ „среднихъ“ кругахъ. Въ „высшемъ“ обществѣ дѣло сначала пошло было на ладъ: дали свои подписи очень видные представители саратовской родовой и денежной аристократіи. Это было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ 19-го февраля и 4-го марта. Но скоро послѣдовало еще болѣе свѣжее впечатлѣніе: высочайшій выговоръ Вяземскому и... листъ съ подписями пропалъ безъ вѣсти. „Средніе круги“ одни тоже не рѣшились продолжать дѣло, и оно окончательно рухнуло. Но во всякомъ случаѣ совѣсть просвѣщеннаго общества была не спокойна. Оно усиленно искало путей и невинность соблюсти, и капиталъ, если не пріобрѣсти, то сохранить. Вотъ тутъ-то и подоспѣлъ рескриптъ на имя Ванновскаго и далъ давно желанное успокоеніе взволнованной совѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, съ высоты престола признаны коренные пороки нашего школьнаго дѣла и обѣщаны радикальныя преобразованія. Чего же больше? Надо, значитъ, ждать и надѣяться. Замѣтьте, не всѣ такъ глупы, чтобы надѣяться; болѣе умные, тѣ прямо заявляютъ, что нельзя же дать конституцію въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и оставить все по старому въ общихъ порядкахъ; а такъ какъ общіе порядки не обѣщаютъ перемѣниться, то ничего существеннаго не можетъ быть принято и въ области народнаго образованія. Но всѣ считаютъ нужнымъ „ждать“: пора же въ самомъ дѣлѣ отдохнуть отъ сдѣланныхъ усилій и пережитыхъ треволненій. [illegible] смѣлые изъ гласныхъ саратовской думы пошли однако дальше. Имъ пришла въ голову „геніальная“ мысль: воспользоваться самимъ рескриптомъ, чтобы подъ видомъ „всеподданнѣйшей благодарности“ попросить конституціи. Но зная, что съ восторжествовавшими на послѣднихъ выборахъ купцами о конституціи разговаривать не очень-то удобно, они рѣшили свой намекъ на конституцію такъ запутать въ радужные туманы „безпредѣльной вѣрноподданнической благодарности“ и такъ прикрыть мистическимъ облакомъ „неисповѣдимаго промысла Божія“, чтобы никто ничего не понялъ. „Наши купцы-то простофили: ничего не поймутъ, одурманенные трескомъ мистической и вѣрноподданнической реторики, думали коварные либералы, — а тамъ на верху разберутъ, что въ розахъ благодарности не обошлось безъ шиповъ либеральной петиціи“.

Вотъ вкратцѣ содержаніе этого любопытнаго документа. Начавъ съ выраженія „глубочайшей радости“ и „безпредѣльной благодарности“, либералы указываютъ, что за тысячелѣтнюю исторію Россіи государи неоднократно въ затруднительныхъ случаяхъ „обращались къ содѣйствію своего народа“, и что русская земля „при такихъ условіяхъ“ не только съ честью выходила изъ затрудненія, но даже „пріобрѣла новую славу, благодаря единенію царя съ народомъ“. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ либералы „усматриваютъ неисповѣдимый промыселъ Божій и надѣются, что при реформѣ школы „голосъ общества будетъ принятъ во вниманіе“, что довѣріе, выраженное государемъ обществу, не мо[illegible] русской жизни, что „рескриптъ 25-го марта сдѣлается залогомъ лучшаго будущаго, началомъ новой эры для молодыхъ и старыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, для всего народа русскаго во всѣхъ отношеніяхъ“.

Но гдѣ тонко, тамъ и рвется. И при томъ рвется съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, среди нашей радикальствующей интеллигенціи нашлись простаки, возмутившіеся редакціей адреса и вообразившіе, что если дума не приметъ сразу адреса, а поручитъ выработку его особой коммиссіи, то эта послѣдняя выработаетъ

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО „МОСКОВСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

Жаль, что „Московскія Вѣдомости“ находятъ мало читателей внѣ круга лицъ, „высоко держащихъ правительственное знамя“. Это очень полезная газета, очень поучительная даже тогда, когда лжетъ на враговъ правительства, и совершенно незамѣнимая, когда говоритъ объ интересахъ этого правительства и о принципахъ самодержавія такую правду, которой вы не услышите ни отъ умѣренныхъ сторонниковъ „принципа“, ни отъ либераловъ. Одни изъ половинчатыхъ сторонниковъ самодержавія стараются отмежевать его отъ деспотизма, другіе прикрашиваютъ его „принципъ“, будто бы требующій, чтобы нужды и желанія народа доходили до трона, съ высоты котораго царь (въ принципѣ) удовлетворяетъ ихъ.

„Моск. Вѣд.“ восхваляютъ не это прикрашенное самодержавіе, существующее лишь въ курсахъ государственнаго права или въ воображеніи славянофиловъ, а наше реальное самодержіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ, послѣ временныхъ уклоненій, оно возродилось при Александрѣ III, рѣшивъ существовать во что бы то ни стало, не стѣсняясь ничьими потребностями и не допуская никакихъ разговоровъ о нуждахъ или желаніяхъ. Самодержавное правительство, не безъ основанія утверждаютъ „Мос. Вѣд.“, должно „править по собственной мысли и волѣ и дѣлать то, что находитъ нужнымъ, независимо отъ того, требовали этого или не требовали внѣправительственные политиканы. Если народъ, по мнѣнію правительства, дѣйствительно испытывалъ тѣ или другія нужды, то удовлетвореніе этихъ нуждъ должно было послѣдовать задолго до предъявленія какихъ-либо требованій, и въ такомъ случаѣ не было бы уступкой“. Всякой не только уступки, даже видимости ея правительство должно избѣгать во что бы то ни стало. Уступка съ его стороны „была бы огромной ошибкой, если бы даже требованіе улицы было резонно, ибо... если оно исполняетъ голосъ улицы, то улица и должна быть властью. По крайней мѣрѣ, при откровенномъ признаніи этой власти, голосъ улицы будетъ исполняться не въ видѣ „уступокъ“, т. е. не съ задержками, не съ отговорками, а прямо и быстро“.

Нельзя не признать логичности этого разсужденія, взятаго нами изъ статьи „Урокъ исторіи“ („Мос. Вѣд.“, 12-го апрѣля 1901 г.). Для всякаго человѣка, смотрящаго на дѣло съ точки зрѣнія интересовъ народа, изъ этого логичнаго разсужденія можетъ быть лишь тотъ выводъ, что въ быстро развивающейся странѣ, съ безпрерывно измѣняющимися условіями существованія и разростающимися общественными потребностями, самодержавіе не можетъ существовать, и власть должна перейти къ представителямъ населенія всѣхъ городскихъ и деревенскихъ улицъ.

Для „Мос. Вѣд.“, стоящихъ на точкѣ зрѣнія правительства и вполнѣ резонно отдѣляющихъ его интересы отъ интересовъ всего „внѣ-правительственнаго“ населенія или, вѣрнѣе, не признающихъ за населеніемъ ни малѣйшаго права имѣть какія бы то ни было общественныя потребности, кромѣ единой, всепоглащающей потребности въ „сильной самодержавной власти“, естественный выводъ изъ разсужденія тотъ, что, въ интересахъ самосохраненія, правительство должно больше всего заботиться о полномъ молчаніи „внѣ-правительственной“ Россіи. Отсюда необходимость возможно большаго сокращенія народнаго образованія, самоуправленія, печати, правосудія; необходимость чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стѣснять себя положительными законами, такъ какъ съ законами въ рукахъ, какъ бы ни была упрощена процедура ихъ изданія, не угоняешься за всѣми проявленіями „внѣ-правительственнаго“ настроенія, становящіяся по мѣрѣ развитія страны все многочисленнѣе и разнообразнѣе. Когда правительство принялось сокращать всѣ зародыши этихъ элементарнѣйшихъ благъ, „Мос. Вѣд.“ неизмѣнно сопровождали его сокрушительную дѣятельность разъясненіемъ несовмѣстимости благъ съ прочностью самодержавія. Онѣ всегда изображали эту форму правительства въ самомъ мрачномъ, самомъ безнадежномъ для населенія видѣ.

За то „на зло уму, на перекоръ стихіямъ“ защитой правительства съ точки зрѣнія интересовъ населенія занялась либеральная пресса, упорно исповѣдуя свою вѣру въ „благія намѣренія правительства“. Съ тѣхъ поръ, какъ началась ломка „великихъ реформъ“, между оставленными въ живыхъ органами либеральной прессы и „Мос. Вѣд.“ завелась самая противуестественная полемика. Проникнутъ въ печать извѣстія о томъ или иномъ реакціонномъ проэктѣ, „Мос. Вѣд.“ радостно привѣтствуютъ новый кнутъ, которымъ правительство намѣрено искоренить то или иное благо, а либеральная пресса возражаетъ, что реакціонная газета извращаетъ благія намѣренія правительства, что, если такія-то фразы проэкта понять такъ-то, кнутъ окажется маленькой плеточкой, что за цѣлость блага ручается мудрая заботливость о немъ правительства и проч. Но „Мос. Вѣд.“ всегда оказывались правыми, кнутъ оказывался кнутомъ, а отъ блага оставалось одно пріятное воспоминаніе, что, впрочемъ, ни на волосъ не измѣняло тактики либеральной прессы. Она упорно продолжала приписывать правительству не существующія, но желательныя съ ея точки зрѣнія свойства, а „Мос. Вѣд.“ продолжали противопоставлять этимъ фантазіямъ реальное самодержавіе, подчинившее все и вся единой заботѣ о своей собственной „незыблимости“.

Но если либералы идеализировали и продолжаютъ идеализировать правительство, то „Моск. Вѣд.“, въ свою очередь, идеализируютъ всѣ внѣ-правительственные элементы русскаго общества, изображая ихъ такими, какими они должны бы быть, если бы относились къ интересамъ населенія съ тою же горячностью, съ какою „Мос. Вѣд.“ относятся къ интересамъ самодержавнаго правительства.

Написанныя съ вдохновеніемъ, такія изображенія того, что должно быть, производятъ ободряющее впечатлѣніе, и иногда, въ формѣ предостереженія правительства противъ козней его идеализированныхъ враговъ, содержатъ также очень полезные для этихъ враговъ совѣты и указанія.

Къ такимъ удачнымъ во многихъ отношеніяхъ произведеніямъ нельзя не причислить статью подъ заглавіемъ „Caveant consules!“, помѣщенную въ „Мос. Вѣд.“ 5-го и 6-го апрѣля нынѣшняго года. „Во вновь переживаемую нами смутную эпоху, говоритъ авторъ, долгъ каждаго не скрывать волнующія его мысли“. Поэтому, „вопреки опасенію возбудить гнѣвъ на себя, а можетъ быть и болѣе“ (чьего гнѣва опасается авторъ, остается невыясненнымъ), онъ пишетъ свою предостерегающую статью, начиная ее тоже съ „урока исторіи“, для котораго считаетъ „вполнѣ достаточнымъ вспомнить наши семидесятые годы“ и „диктатуру сердца“, когда даже чиновники ждали „пресловутаго увѣнчанія зданія“. „Новое царствованіе, продолжаетъ авторъ, коренными образомъ измѣнило курсъ русскаго правительства... совершенно разбило конституціонныя бредни и незыблимо утвердило въ Россіи самодержавное начало... Вся дѣятельность проникается вполнѣ неуклоннымъ характеромъ. Учреждается институтъ земскихъ начальниковъ... Въ реформахъ земскаго и городского управленія проводится тотъ же принципъ усиленія власти и начала сословности. Органы печати, наиболѣе смущавшіе воспріимчивыя головы, подвергаются полному воспрещенію, а за остальными устанавливается болѣе бдительный надзоръ“. Университеты доводятся до такого состоянія, что „является возможность царствующей Императорской четѣ неоднократно осчастливать ихъ Своимъ посѣщеніемъ... и въ результатѣ благополучіе, спокойствіе... благоденствіе подъ скипетромъ Самодержца“.

Авторъ и „вѣритъ и знаетъ“, что и теперешній самодержецъ неуклонно держится системы своего родителя, но тѣмъ не менѣе на Руси появились „независящія отъ Верховной власти уклоненія отъ завѣтовъ Царя-Миротворца“.

Начинается перечисленіе „уклоненій“ и вдругъ оказывается, что, не смотря на всѣ неуклонныя мѣропріятія, „земскія, городскія и иныя общественныя собранія продолжаютъ считать себя не частью правительства, а чѣмъ-то особеннымъ, внѣ его стоящимъ и настроеннымъ враждебно противъ администраціи. Дворянство день ото дня исчезаетъ. Число держащихъ высоко правительственное знамя быстро умаляется передъ количествомъ лицъ, стремящихся къ революціоннымъ принципамъ свободы и равенства“. „Большинство нашей періодической печати явно на сторонѣ противуправительственной, нѣсколько органовъ флюгерной системы (удачный эпитетъ!) и лишь самое ограниченное количество консервативнаго направленія“. Провинція ненавидитъ администрацію и не желаетъ читать ничего, кромѣ изданій противуправительственнаго направленія. Цензура не помогаетъ. „При строгости цензора газета получаетъ ореолъ мученичества. Вообще въ провинціальныхъ городахъ мѣс лучшій адресъ. И вотъ эти мудрецы принялись агитировать среди знакомыхъ имъ гласныхъ въ пользу передачи этого адреса въ коммиссію, что, дѣйствительно, и случилось, хотя, можетъ быть, совсѣмъ не вслѣдствіе стараній нашихъ политическихъ младенцевъ. Во-вторыхъ, коварные либералы совсѣмъ не приняли въ соображеніе, что у купцовъ есть тоже очень тонкіе люди, сами искусившіеся нѣкогда въ составленіи „либеральныхъ", адресовъ, вродѣ новаго городского головы Немировскаго, въ то время еще не получившаго утвержденія. Не будь его, адресъ былъ бы принятъ почти безъ измѣненія даже и въ коммиссіи. Возраженій онъ вызвалъ очень немного. Самое существенное, — со стороны священника Л. Владыкина, было направлено противъ того самаго „промысла Божія", подъ флагомъ котораго либералы надѣялись провести контрабанднымъ путемъ „затрудненія и бѣдствія" послѣднихъ мѣсяцевъ. Но острый взоръ протоіерея (ревностнаго защитника всѣхъ клерикальныхъ поползновеній въ земствѣ и думѣ, но въ то же время сторонника многихъ начинаній, входящихъ въ программу либераловъ) разсмотрѣлъ контрабанду и подъ этимъ, казалось, наиблагонадежнѣйшимъ флагомъ. „Какъ! — воскликнулъ онъ — это въ чемъ же вы видите промыселъ Божій? Въ томъ, что стрѣляли въ Побѣдоносцева и... забросали весь Саратовъ прокламаціями?" Но, проваливъ „промыселъ Божій", Владыкинъ отстаивалъ адресъ во всѣхъ остальныхъ пунктахъ противъ другого проэкта прис. пов. Н. Соколова, славословившаго царя и строго порицавшаго студентовъ*). Другое возраженіе противъ проэкта адреса исходило отъ лидера купеческой партіи, Селиванова и подкапывалось подъ „новую эру". „Это что еще такое, новая эра, новая эра? восклицалъ „хозяинъ" города. Это очень ужъ похоже на новую вѣру какую-то". Но это возраженіе, хотя и исходило изъ очень авторитетнаго источника, вызвало только веселость. Еще нѣсколько второстепенныхъ поправокъ, и проэктъ адреса былъ уже, казалось, у тихой пристани. Какъ вдругъ... пришелъ запоздавшій въ коммиссію Немировскій. Пришелъ и сразу показалъ всѣмъ воочію „конституцію" въ адресѣ, а за конституцiей — длинная справка съ исторіей, судьба тверского адреса и Унковскаго, Вятка, мѣста не столь отдаленныя и т. д. и т. д. Тономъ умудреннаго жизнью старца, познавшаго тщету молодыхъ увлеченій, вспоминалъ онъ и исторію того саратовскаго адреса, въ составленіи котораго и самъ нѣкогда (послѣ 1-го марта 1881 г.) игралъ роль хитроумнаго Улисса**). Въ результатѣ всѣхъ этихъ историческихъ справокъ получилось нравоученіе: никогда не слѣдуетъ просить у царя больше, чѣмъ онъ даетъ. Этимъ только спугнешь реформу, которая уже готова была осуществиться, да и самъ-то попадешь, пожалуй, въ Вятку. Русская реформа, какъ и всякая другая дичь, садится только на то озеро, вокругъ котораго не видно охотника; какъ только показался вблизи охотникъ, готовый воспользоваться реформой для расширенія своихъ правъ, реформа снимается и улетаетъ. Послѣднее сравненіе, впрочемъ, не принадлежитъ самому Немировскому, но точно передаетъ его „политическую" или скорѣе „политичную" теорію.

Тщетно старались либералы спасти „конституцію", доказывая, что ея въ проэктѣ адреса совсѣмъ нѣтъ, что фразу „довѣріе... не можетъ отразиться и на другихъ сторонахъ жизни" можно понимать и не въ смыслѣ конституціи, а въ томъ, что молодое поколѣніе, воспитанное въ новыхъ школахъ, внесетъ новый духъ и въ другія сферы жизни. Отлично знающій всѣ „коварства" либераловъ, Немировскій ловитъ ихъ на словахъ и предлагаетъ соотвѣтствующую поправку. Въ результатѣ его „мастерской" работы изъ адреса исчезаетъ всякій „либеральный духъ" и не остается ничего, кромѣ радости, благодарности да безпричинной окрыленности надеждами. Исчезли „молодые и старые, бѣдные и богатые", исчезли „другія стороны жизни" [illegible] ленія"... Адресъ заключенъ строго въ рамки школ[illegible] са. Но и въ этомъ своемъ видѣ онъ все еще не нрав[illegible] ировскому. Правда, онъ его подписалъ и, конечно, „не во[illegible] своей подписи назадъ" (а жаль!); но на биржѣ среди купцовъ онъ все еще находилъ его слишкомъ либеральнымъ и пророчилъ, что купцы его не подпишутъ. Не смотря на эти внушенія, адресъ былъ подписанъ и отправленъ.

За періодомъ „безсмысленныхъ мечтаній" о распространеніи довѣрія „и на другія стороны жизни" наступила эпоха дѣловой разработки реформы. Открылась она предложеніями гласнаго гр. Нессельроде и докладомъ прис. пов. В. И. Соколова. Этотъ докладъ всѣми считается прекраснымъ и „дѣйствительно содержитъ много справедливыхъ мыслей" (см. „Сар. Дн.", ном. 91). Мнѣ показались характерными вступительныя слова доклада: „Высокомилостивыя, исполненныя довѣрія къ обществу слова рескрипта дали мнѣ смѣлость утверждать, что попеченіе о дѣтяхъ, возлагаемое высочайшею волею на семьи и родителей, обязанныхъ вѣрноподаннически содѣйствовать начинаніямъ Монарха, должно выражаться, между прочимъ, и въ почтительномъ доведеніи до свѣдѣнія высшаго начальства о недостаткахъ нашего учебнаго строя и средствахъ къ ихъ устраненію". Это ужъ какъ будто слишкомъ — выводить обязанности родителей пещись о своихъ дѣтяхъ изъ царской власти. Будьте, господа, холопами, да знайте мѣру! И все это холопство для того, чтобы оправдать свою смѣлость „почтительно доводить до свѣдѣнія высшаго начальства". Гдѣ ужъ тутъ набраться смѣлости для требованія конституціи?!

---

*) Въ концѣ концовъ этотъ второй проэктъ нашелъ только одного защитника въ лицѣ... ждавшаго своего утвержденія Немировскаго, такъ какъ даже авторъ отъ него отказался и нашелъ первый проэктъ лучшимъ.

**) Вотъ наиболѣе характерные отрывки изъ адреса 1881 г., составленнаго Немировскимъ: „Повели же, Великій Государь, твоему народу стать вокругъ твоего трона твердымъ и несокрушимымъ оплотомъ его; призови нынѣ, Государь, вѣрныхъ сыновъ твоей страны къ подножію твоего престола. И вѣрь, Государь, въ безпредѣльной преданности русскаго народа своему царю, въ безграничности любви его къ своему отечеству, въ нравственныхъ и умственныхъ силахъ твоего народа, въ правдивой и свободной рѣчи его ты обрѣтешь ту всеисцѣляющую силу, ту несокрушимую твердыню, о которую въ прахъ разобьются всѣ злодѣйскія начинанія".

* * *

Чествованіе ветеринарнаго врача Өедора Курицына. Въ наше время, среди „современной смуты", характеризующейся полной нравственной безпринципностью, отсутствіемъ твердыхъ моральныхъ нормъ, разграничивающихъ честное отъ безчестнаго, простую услугу и компромисъ отъ прямой подлости и холопства, — даже люди интеллигентные совершаютъ нерѣдко такіе поступки, участвуютъ въ такихъ дѣлахъ, за которыя имъ самимъ потомъ приходится краснѣть и каяться.

Недавно уѣзжалъ изъ Саратова мѣстный земскій ветеринаръ Курицынъ, и его „товарищи" устроили ему торжественный прощальный обѣдъ. Въ средѣ этихъ товарищей оказались, между прочимъ, Оболдуевъ, Бердовъ, Романовъ, Виноградовъ и мн. друг.

Напомнимъ читателямъ, что за личность Курицынъ, удостоившійся „обѣда" отъ своихъ почтенныхъ коллегъ.

Вотъ что читаемъ мы въ біографіи Попко, помѣщенной въ ном. 3 „Съ родины на родину": „Курицынъ, тогда еще студентъ, былъ арестованъ по такъ-наз. Елизаветградскому дѣлу. Сидѣлъ онъ въ одесской тюрьмѣ, болтая немного по своему дѣлу, но однако первое время совсѣмъ мерзавцемъ назвать его было нельзя. Но вотъ „хронически" сидѣть надоѣло Курицыну, и онъ предложилъ свои услуги жандармскому управленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній онъ не могъ сообщить, но могъ предать своихъ товарищей, что и сдѣлалъ: благодаря ему, повѣсили В. Малинку и Ив. Хробязгина. Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его садятъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Курицынъ постарался вывѣдать у него все, что тотъ зналъ, и сообщилъ полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія жандармскому управленію. По дѣлу Чубарова были казнены Лизогубъ, Чубаровъ и Давиденко... Попко, противъ котораго не имѣлось никакихъ уликъ, пошелъ, благодаря Курицыну, на вѣчную каторгу" (см. стр. 177 и 179).

Близкій товарищъ Попко, вмѣстѣ съ нимъ бывшій на Карѣ, заканчивая его біографію, не можетъ снова не вспомнить о предателѣ. „Такіе люди гибнутъ, а мерзавцы, какъ Курицынъ — живы. Живы, злорадствуютъ, торжествуютъ и своею одною преступною жизнью позорятъ и заражаютъ русскую землю... Быть можетъ, кому-нибудь изъ насъ еще суждено увидать далекую родину. Пусть такой счастливецъ вспомнитъ, что убійца Б. Лизогуба, Г. Попко, В. Малинка, И. Храбязгина и многихъ другихъ еще живъ и... да не дрогнетъ его рука. Помните, что трупы страдальцевъ вопіютъ объ отмщеніи".

И вотъ этого-то Курицына чествовали недавно у насъ въ Саратовѣ люди, считающіеся интеллигентными... Что же! Можетъ быть, прошлое Курицына забыто? Но такіе факты, какъ преданіе на смерть своихъ товарищей, какъ сознательное шпіонство, не могутъ, не должны забываться, — они кладутъ клеймо позора на всю жизнь человѣка и дѣлаютъ его презрѣннымъ для всякаго, въ комъ есть хоть капля порядочности и чувства собственнаго достоинства.

Можетъ быть, въ теченіе своей долгой служебной дѣятельности Курицынъ успѣлъ зарекомендовать себя передъ своими коллегами, какъ хорошій врачъ и товарищъ? И этого нѣтъ. Еще никѣмъ не забыты слухи, ходившіе въ городѣ по поводу операцій Курицына съ закупкой лошадей для голодающихъ крестьянъ. Сами же врачи, присутствовавшіе на обѣдѣ, могли бы не мало порасказать о темныхъ фактахъ изъ дѣятельности Курицына... Сами же они отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ сомнительной честности; по ихъ собственному отзыву, нѣтъ низости, какую бы не могъ совершить Курицынъ: подвести товарища по службѣ, „подставить ножку", наговорить, набросить подозрѣніе въ „политической неблагонадежности" передъ общей администраціей и ближайшимъ земскимъ начальствомъ, — на все это, по ихъ мнѣнію, способенъ Курицынъ!... И послѣ всего этого они устраиваютъ ему торжественные проводы. Мало того. Серьезно обсуждаютъ проэктъ поднесенія ему альбома съ собственными карточками!... Мы отказываемся оцѣнить по достоинству нечистоплотность и распущенность, выказанную саратовскими ветеринарами въ чествованіи человѣка, котораго они не уважаютъ, за которымъ сами не признаютъ элементарной честности и порядочности и на прошломъ котораго лежитъ позорное пятно предательства...

Вильна. Въ субботу 9-го іюня въ Ошмянскій уѣздъ были вытребованы изъ Вильны войска для усмиренія „бунта" крестьянъ. Отправлено два батальона пѣхоты и двѣ сотни казаковъ. Губернаторъ, задержанный въ городѣ министромъ юстиціи, поѣхалъ туда черезъ два дня. Подробности пока неизвѣстны, знаю только, что „бунтъ" охватилъ 32 деревни. Губернаторъ вернулся въ четвергъ 14-го.

Вильна. Приводимъ, съ сохраненіемъ орѳографіи, слѣдующій документикъ:

Его Высокородію, г. Приставу 6-го Стана Виленскаго у.
Домовладѣльца Дворянина Ивана Бонаветуріева Завадскаго, живущаго 6. Стана по Смоленской улицѣ въ соб. домѣ,

Заявленіе.

Ваше Высокородіе, примите въ уваженіе настоящее мое заявленіе, а именно объ извѣстныхъ уже вамъ нападеніяхъ на мой домъ мою семью, и моихъ Подмастерьевъ, съ 1-го сего мая мѣсяца когда Вы изволили подать мнѣ помощъ отъ насильствѣнныхъ Бродягъ Стачниковъ-Соціяловъ, которые не понесли никакого отъ властей наказанія.

То таковые повторились болѣе серьезными, дажѣ едва нѣкоторые изъ подмастерьевъ моихъ, при помощи женщинъ избѣжали отъ смерти, которая могла постигнуть ихъ отъ Бродягъ-Соціяловъ ножами и кинжалами, которые снаряды выданные имъ изъ главнаго Депо ихъ Соціяльнаго Управленія, жертвою могли быть, Викѣнтіи Мѣховичъ, и Станиславъ Блажевичъ, на которыхъ они напали дажѣ въ чужой квартирѣ у Проживающаго въ моемъ домѣ мастера Остроуха, главный вожакъ таковой партія Соціяловъ, проживающій на Новомъ Строеніи въ домѣ Бараковскаго, Сапожникъ Викѣнтій Остроухъ, у Котораго сказанные Самозванцы Бродяги работаютъ, сказанный Остроухъ напитанный духомъ противъ Правительства и его законныхъ правъ подобравъ Шайку подсудимыхъ, и безпритонныхъ волокитъ-Соціяловъ, нападаетъ на истинно мирныхъ работниковъ, согласно Прокламаціямъ 1-го сего мая, дабы бросали работу, а слились бы за одно, рука за руку, и выступить, противъ Монаршихъ правъ.

Таковое нападеніе повторились сегодня во главѣ Вождя Викѣнтія Остроуха, который присутствовалъ при чуть-ли не исходахъ Викѣнтія Мѣровича и Станислава Блажевича.

Главные виновники, Эдуардъ Остроухъ, Михаилъ Дехтеревъ, Владимиръ Дубовъ, Алѣксандръ Өедоровъ и другіе подобранные которыхъ они должны при спросѣ показать.

А потому прошу покорно Вашего Высокородія, такъ какъ первый и прямой Начальникъ, прошу Вашего благосклоннаго совѣта, куда обратиться съ засчитою для мѣня, моего дома такъ равно и моихъ подмастерьевъ кромѣ того по ихъ Соціальныхъ заявленіяхъ, что мнѣ заявителю и моему работнику Бржезинскому неминумая смерть....

„Помилованіе" студентовъ. Когда русскаго обывателя чрезвычайно удручаетъ какое-нибудь „мѣропріятіе" начальства, съ которымъ необходимо бороться, но бороться не хочется, — тогда онъ имѣетъ обыкновеніе утѣшать себя надеждой на какое-нибудь событіе, которое внезапно измѣнитъ настроеніе властей

ный печатный органъ находится какъ бы въ одномъ лагерѣ съ интеллигенціей противъ общаго ихъ врага — Высшаго Правительства, съ его мѣстными представителями".

Огромное „уклоненіе" оказалось и въ деревняхъ. „Щедрость" правительства въ годы неурожаевъ принесла здѣсь больше вреда, чѣмъ сами неурожаи, внушивъ населенію надежду на „даровое кормленіе". Эти неурожаи даютъ богатый матеріалъ для наполненія газетъ „раздирающими сердце описаніями, переполненными всевозможными вымыслами. Здравый голосъ мѣстныхъ властей (отрицающихъ нужду въ ссудахъ) служитъ основаніемъ внушать населенію, что со стороны долженствующихъ печься о немъ встрѣчается не только равнодушіе, но и злорадство... Лицамъ, мечтающимъ о наступленіи момента, когда народъ не будетъ ходатайствовать о выдачѣ судъ, а будетъ требовать хлѣба, народное бѣдствіе, какъ недородъ хлѣбовъ, послужило однимъ изъ средствъ дискредитировать въ его глазахъ правительство".

Уже „послужило", какъ видите. Хорошо бы устами „Мос. Вѣд." да медъ пить.

Но развѣ не полезный совѣтъ всѣмъ тѣмъ, кому дороги интересы крестьянъ, заключается въ послѣднихъ строкахъ? Развѣ не слѣдовало бы разъяснить крестьянамъ дѣйствительное отношеніе къ ихъ бѣдствію „верховнаго правительства и его мѣстныхъ представителей"? Вѣдь для этого достаточно было бы распространять въ голодающихъ мѣстностяхъ тѣ нумера реакціонныхъ газетъ — „Мос. Вѣд." въ особенности, — гдѣ отрицается серьезность бѣдствія, помощь крестьянамъ признается вредной, сами крестьяне обвиняются въ лѣности; гдѣ каждая строчка дышетъ враждой какъ къ крестьянамъ, такъ и къ тѣмъ добрымъ людямъ, которые несутъ имъ во время бѣдствія посильную помощь.

Поскольку правительство уже дискредитировалось въ глазахъ крестьянъ, оно сдѣлало это своими собственными усиліями, урѣзываніемъ ссудъ, закрытіемъ столовыхъ, высылками тѣхъ, кто помогаетъ голодающимъ. Но несомнѣнно, что крестьянъ обязательно познакомить также и съ соотвѣтствующей этой практикѣ теоріей голодовокъ, преподаваемой „Мос. Вѣд." До сихъ поръ этого не было сдѣлано, но пусть не безпокоится почтенная газета, этотъ долгъ, какъ и всѣ другіе, будетъ выполненъ, если не либеральной, то революціонной частью внѣ-правительственнаго лагеря.

Сплоченный лагерь всей интеллигенціи вмѣстѣ съ прессой „противъ" ихъ общаго врага — Высшаго правительства съ его мѣстными представителями" тоже принадлежитъ къ области должнаго, но еще не существующаго. Съ другой стороны, въ нарисованной „Мос. Вѣд" отрадной картинѣ отсутствуетъ самая важная отличительная черта „вновь переживаемой нами смутной эпохи". Въ ней нѣтъ упоминанія о ростѣ революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ, о ярко проявившемся антиполицейскомъ, сочувственномъ „преступнымъ манифестаціямъ", настроеніи всего населенія большихъ городскихъ центровъ. Отъ „Мос. Вѣд.", такъ охотно преподносящихъ „уроки", почерпнутые изъ „исторіи" европейскихъ революцій, не могло укрыться громадное, рѣшающее значеніе этого новаго у насъ явленія. Не ихъ вина, если до сихъ поръ онѣ еще не воспѣли его съ свойственной имъ силой. Воспѣть, очевидно, мѣшаютъ циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати.

Одна изъ реакціонныхъ газетъ — „Гражданинъ" или „Мос. Вѣд." — недавно высчитала, что за послѣднія десятилѣтія число враговъ самодержавія выросло въ 99 разъ. Гдѣ ихъ прежде была тысяча, — теперь сотня тысячъ. Прогрессія, конечно, произвольная, но едва-ли преувеличенная. И это ускоренное возрастаніе произошло именно въ ту эпоху, когда, „измѣнивши кореннымъ образомъ свой курсъ", правительство „незыблимо утвердило въ Россіи самодержавное начало", когда вся его дѣятельность была и остается „проникнутой вполнѣ неуклоннымъ характеромъ". Но возрастаніе совершалось и въ уклончивое царствованіе Александра II и при неуклонномъ Николаѣ I. Это возростаніе не можетъ, очевидно, быть остановлено никакимъ правительственнымъ „курсомъ": не тотъ или иной „курсъ", а самое существованіе самодержавія съ каждымъ десятилѣтіемъ становится невыносимымъ все болѣе и болѣе широкимъ слоямъ пробуждающейся Россіи.

Самодержавное правительство находится теперь въ положеніи колдуна въ сказкѣ Гоголя „Страшная месть". Колдунъ узналъ, что конецъ ждетъ его на вершинѣ Карпатскихъ горъ. Онъ садится на коня и ѣдетъ въ противоположную отъ этихъ горъ сторону, долго ѣдетъ и вдругъ, всмотрѣвшись, различаетъ на горизонтѣ очертанія страшныхъ для него горъ. Онъ поворачиваетъ коня и что есть силы скачетъ цѣлую ночь въ противоположную сторону, а на разсвѣтѣ замѣчаетъ, что уже поднялся надъ первыми уступами роковыхъ горъ. Колдунъ мечется, вертится и съ каждымъ скачкомъ коня, въ какую бы сторону онъ ни направилъ его курсъ, оказывается все ближе и ближе къ вершинѣ.

Изъ собственныхъ же статей „Мос. Вѣд." ясно, что не поможетъ никакой „курсъ" и русскому самодержавію. Онѣ правы, утверждая, что всякія „уступки" вызываютъ новыя требованія, но и „неуклонность" по меньшей мѣрѣ не препятствуетъ усиленному накопленію революціонныхъ силъ, неизбѣжно вступающихъ въ борьбу. И если прежде, когда духъ борьбы вѣялъ лишь надъ ручьями и рѣчками сперва дворянской, а потомъ разночинской интеллигенціи еще можно было надѣяться утомить, обезсилить, выловить ея численно ограниченныя силы, то теперь, когда онъ подулъ уже надъ безбрежнымъ моремъ народныхъ массъ, такія „мечтанія" становятся совершенно „безсмысленными". Моря полицейскимъ ковшомъ не вычерпаешь.

Приступая къ освобожденію крестьянъ, Александръ II сказалъ, что лучше начать его сверху, чѣмъ ждать снизу, и несомнѣнно, что для помѣщиковъ это было лучше: имъ не пришлось поплатиться ничѣмъ, кромѣ „правъ" на насиліе надъ личностью крестьянина. Можно допустить, что это было „лучше" и для части взрослаго въ то время крестьянскаго поколѣнія. Борьба за „освобожденіе снизу" могла затянуться, могла стоить массы жизней... Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что для слѣдующаго же крестьянскаго поколѣнія было бы неизмѣримо лучше, если бы освобожденіе пришло снизу. Не было бы въ такомъ случаѣ ни отрѣзковъ отъ надѣловъ, ни выкупныхъ платежей, не было бы земскихъ начальниковъ и всего того сверхштатнаго безправія, которымъ пользуется крестьянинъ даже по сравненію съ остальными сословіями безправной Россіи. Надъ сознавшимъ свою силу и доказавшимъ ее крестьянствомъ такъ измываться никто не посмѣлъ бы и думать.

Для полицейской партіи тоже было бы лучше, если бы освобожденіе отъ самодержавія совершилось путемъ „уступокъ". Постепенное устраненіе самыхъ кричащихъ, самыхъ безобразныхъ его проявленій ослабляло бы накопляющуюся ненависть, партія могла бы постепенно стушеваться, не поплатившись за свои грѣхи. Но за то чѣмъ упорнѣе будетъ сопротивляться самодержавіе, чѣмъ продолжительнѣе будетъ борьба, тѣмъ больше накопится ненависти и тѣмъ полнѣе смететъ эта ненависть все связанное со старымъ порядкомъ. Больше будетъ отвоевано у будущаго, полнѣе осуществится демократія, съ большимъ сознаніемъ своей силы вступитъ въ новый политическій строй трудящееся населеніе Россіи, легче будутъ дальнѣйшія задачи соціалдемократіи.

Но если для распоряжающейся царемъ бюрократическо-полицейской партіи существуютъ два пути къ разлукѣ съ самодержавіемъ, то для насъ, для враговъ самодержавія, нѣтъ и быть не можетъ иного пути, кромѣ неуклонной борьбы; однимъ же изъ необходимѣйшихъ средствъ борьбы является политическая агитація. А кто лучше „Мос. Вѣд." умѣетъ показать злостную подкладку каждаго правительственнаго мѣропріятія? Кто лучше ихъ умѣетъ оголять самодержавіе отъ всѣхъ покрововъ, срывать всѣ фиговые листки, налѣпляемые на него либеральной и полулиберальной прессой, и выставлять на позорище всю циничную наготу его „принципа"? Ихъ статьи о голодѣ могутъ въ то же время служить незамѣнимымъ пособіемъ для политической агитаціи среди крестьянъ. Не можемъ поэтому не пожелать „Мос. Вѣд." побольше читателей изъ всѣхъ слоевъ внѣ-правительственной Россіи. Но для этого необходимо, чтобы почтенную газету почаще посѣщало вдохновеніе. Въ спокойные промежутки она нестерпимо скучна и читать ее нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но о мотивахъ для вдохновенія въ „переживаемую нами смутную эпоху" будетъ заботиться сама жизнь.

За послѣдніе годы такимъ экстреннымъ событіемъ, отъ котораго чаютъ всякаго рода милостей, стало приращеніе царскаго семейства. Вотъ ужо родится наслѣдникъ, и царь „манифестъ“ объявитъ, утѣшаетъ себя обыватель. И — удивительное дѣло — всякій разъ, какъ обывателю нужно искать утѣшенія въ бѣдѣ, царица оказывается на высотѣ положенія, на пути къ „разрѣшенію“. Но какъ только дѣло доходитъ до „разрѣшенія“, обыватель оказывается разочарованнымъ: вмѣсто наслѣдника, онъ получаетъ новую княжну, и осуществленіе его пламенныхъ надеждъ откладывается до слѣдующаго раза. И съ горечью читаетъ онъ слова: „Таковое Нашего Императорскаго дома приращеніе пріемля новою милостью на Насъ и народъ Нашъ изливаемой“...

Послѣ того, какъ ген. Ванновскій сталъ водворять „сердечное попеченіе“, обыватель почувствовалъ необходимость успокоиться отъ волненій бурныхъ мѣсяцевъ и съ упованіемъ смотрѣть въ очи начальства. Но для того, чтобы успокоиться, нужно было освободиться отъ мучительнаго кошмара — отъ картины сотенъ юношей, изнывающихъ въ казармахъ. Убѣдившись, что „министръ сердечнаго попеченія“ не спѣшитъ освободить ихъ отъ солдатской лямки, обыватель рѣшилъ терпѣливо ждать „разрѣшенія“. „Царица-то, говорятъ, опять... видно, будетъ манифестъ. Надо терпѣливо ждать!“ Не знаемъ, увѣровали-ли студенты въ обывательскія упованія, но только и они рѣшили „годить“ со своимъ требованіемъ, и въ ожиданіи возвращенія изгнанныхъ товарищей возобновили свои занятія. Порядокъ былъ водворенъ.

Но вотъ и желанное событіе: наслѣдника, правда, не оказалось, но за то мы обогатились великой княжной. И на этотъ разъ, противъ обыкновенія, появился таки „манифестъ“. Но что далъ этотъ манифестъ студентамъ? Юноши, которые по семейному положенію или тѣлеснымъ недостаткамъ не подлежали зачисленію въ войска, отъ службы освобождены, прочіе возстановлены въ своихъ правахъ по отбыванію воинской повинности, т. е. всѣ будутъ одинаково служить два года, независимо отъ срока наказанія, наложеннаго на нихъ согласно „временнымъ правиламъ“. Однако, одно существенное право они потеряли: право служить только по окончаніи курса наукъ. Да, но это право они потеряли потому, что исключены изъ университета. Такъ! именно такъ! Царская „милость“ подтверждаетъ исключеніе двухъсотъ студентовъ за участіе въ тѣхъ волненіяхъ, которыя, по признанію самого правительства, были слѣдствіемъ ненормальнаго состоянія учебнаго строя. Итакъ, „милость“ не зашла такъ далеко, чтобы удовлетворить требованіе, которое студенты поставили условіемъ возвращенія своего къ занятіямъ; требованіе, чтобы всѣ удаленные товарищи были возвращены въ университетъ. Что же скажутъ тѣ либеральные Балалайкины, которые послѣ извѣстнаго рескрипта Ванновскому лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы убѣдить студентовъ сейчасъ же прекратить забастовку, такъ какъ-де къ осени всѣ ихъ изгнанные товарищи будутъ возвращены?

Ну чтожъ! Можетъ быть, студенты порѣшатъ ждать новаго „Нашего Императорскаго дома приращенія“, которое принесетъ новыя „милости“? А пока жертвы Боголѣпова будутъ продолжать маршировать „на законномъ основаніи“, а „временныя правила“ останутся въ силѣ, какъ естественное дополненіе къ „сердечному попеченію“.

Кострома. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, опасаясь празднованія 1-го мая, костромской жандармскій начальникъ, полковникъ Кемпе, переведенный сюда изъ Ревеля, гдѣ онъ разыскивалъ „соціализмъ“ въ женской гимназіи, водя на допросы гимназистокъ приготовительнаго класса, рѣшилъ, что называется, „съ корнемъ вырвать крамолу“ въ Костромѣ. На этотъ разъ онъ не отважился уже искать „вредный духъ“ по ревельскому примѣру среди гимназистокъ, а задумалъ попытать счастья въ иной средѣ, — именно, среди рабочихъ и служащихъ въ земствѣ. И вотъ въ Костромѣ начался рядъ обысковъ и арестовъ, было взято около 30 чел. Но и тутъ не повезло бѣдному Кемпе. Почти всѣ арестованные оказались людьми къ революціонной дѣятельности непричастными, никого и ничего не знающими; такъ напр., одинъ мелкій чиновникъ, ничѣмъ, кромѣ пьянства, не занимавшійся и отроду не видавшій ни одной нелегальной книжки, былъ взятъ и продержанъ около мѣсяца въ тюрьмѣ только за то, что жандармскіе унтера видали часто его пьянствующимъ съ рабочими, съ которыми ему, такъ какъ онъ жилъ въ фабричномъ районѣ города, понятно, приходилось часто сталкиваться въ трактирахъ. Затѣмъ, разсчитывая, повидимому, застать въ одномъ мѣстѣ майское собраніе, жандармы нашли лишь сидящую за водкой пьяную компанію, которую и арестовали, хотя и принуждены были черезъ два часа всѣхъ выпустить, кромѣ хозяина квартиры, котораго почему-то до сихъ поръ держатъ въ тюрьмѣ.

Увидавъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, Кемпе ужасно переконфузился; на допросахъ онъ ужасно путается, видимо, самъ не знаетъ, что спрашивать, благодаря чему произошло не мало курьезныхъ инцидентовъ. Однако, было не мало и печальнаго. Такъ, продержавъ одного ни въ чемъ неповиннаго человѣка въ тюрьмѣ три недѣли, Кемпе, воспользовавшись его незнаніемъ правилъ для сидящихъ въ предварительномъ заключеніи, запретилъ ему давать что-либо, кромѣ библіи; затѣмъ, вообразивъ, что въ городѣ существуетъ общество, оказывающее помощь политическимъ заключеннымъ, онъ запретилъ передачу съѣстного и денегъ въ тюрьму, если они идутъ не отъ родственниковъ арестованныхъ; наконецъ, ворвавшись ночью, чтобы арестовать одного тоже ни къ чему непричастнаго человѣка, жандармы сильно напугали его беременную жену, такъ что съ нею произошли преждевременные роды; самъ этотъ господинъ все еще въ тюрьмѣ, благодаря чему потерялъ мѣсто. При обыскахъ Кемпе обнаруживаетъ полное невѣжество; такъ напр., онъ забралъ въ одномъ мѣстѣ „Фабрику“ Дементьева, принявъ ее за нелегальную, потому что на ней не стояло „дозволено цензурой“.

Въ Костромѣ только и разговоровъ, что объ арестахъ, причемъ „глупость Кемпе“ сдѣлалась злобой дня. Но своимъ усердіемъ не по разуму дуракъ-жандармъ оказалъ костромскимъ соціалдемократамъ услугу: арестовавъ и привлекши къ допросамъ многихъ рабочихъ, онъ тѣмъ самымъ заставилъ заинтересоваться массу рабочихъ вопросами: „за что это людей берутъ?“, „что это за первое мая?“ и т. п., чѣмъ значительно облегчилъ пропаганду. Вообще, послѣ погрома, какъ среди рабочихъ, такъ и среди другихъ слоевъ населенія значительно увеличился интересъ къ нелегальной литературѣ.

Особенное подозрѣніе Кемпе навлекли на себя почему-то земскіе статистики, такъ что только семи изъ нихъ разрѣшено ѣхать на изслѣдованіе въ уѣздъ. Въ число неблагонадежныхъ, которые лишены этого права, попалъ даже самъ завѣдующій статистикой.

Носятся слухи, что много народа взято также въ Кинешемскомъ и Нерехотскомъ уѣздѣ.

Вотъ списокъ взятыхъ въ Костромѣ: Егоръ Ивановъ, служащій въ книжномъ складѣ губ. земства, бывшій рабочій; братья Пряничниковы, статистикъ и конторщикъ; Скрыпкинъ, садовникъ; Алексѣевъ, чиновникъ губернскаго правленія; Загайный, статистикъ; Горскій и Кутуковъ, высланные московскіе студенты; Медіакритскій, высланный харьковскій студентъ; Грейбертъ Глѣбъ; Ляпкинъ и Ѳеодоровскій Владиміръ, ученики слесарно-техническаго училища; Соколовъ Сергѣй, слесарь въ томъ же училищѣ; Буяновъ Василій, хозяинъ мастерской, былъ раньше рабочимъ въ Петербургѣ; Плугинъ и Луковъ, портные (оба во второй разъ); Риттеръ, наборщикъ; Колѣнцевъ, садовникъ; рабочіе: Смирновъ, Алексѣевъ, Кирсановъ, Фроловъ, сестры Семеновы и еще нѣсколько рабочихъ, фамиліи которыхъ не выяснены.

По старому дѣлу (1900 г.) вышли приговоры: статистику Третьякову два года Астраханской губ., рабочему Плугину два года Вятской губ., рабочимъ Лукову и Лаврову одинъ годъ надзора, рабочему Румянцеву два мѣс. тюрьмы и годъ надзора, рабочему Бѣлову три мѣсяца тюрьмы и надзоръ, рабочему Анучину два мѣсяца тюрьмы и надзоръ. Всѣ, кромѣ двухъ послѣднихъ, сидѣли въ предварительномъ заключеніи отъ 2 до 4 мѣс.

Война соціалдемократамъ! Намъ доставлена копія воззванія, распространяемаго за подписью „истинно русскаго патріота, любящаго своего Императора и отечество, ненавидящаго соціалдемократовъ, заводскаго рабочаго крестьянина Степ. Демид. Зенченко“. Приводимъ текстъ этого любопытнаго издѣлія.

Января 3-го дня 1901 г., Петроградъ.
Шлиссельбургскій проспектъ, село Смоленское, домъ ном. 75., кв. 35.

Господа Русскія Соціальдемократы! Читая Ваши листки „подпольныя“ и газеты прямо приходишь въ недоуменіе.

Ведь это прямо вымыселъ! — напр. въ ном. 3 рабочаго листка ноябр. 1900 года въ 29 строки отъ верха приведены слова Императора. Чтоже Вы хотите насъ увѣрить, что Императоръ сказалъ это? О, нетъ! неверимъ. Нашъ Императоръ любящій свой верный народъ разве скажетъ это!? Никогда! Небуду говорить о суде надъ Максвельцами, также объ случае на невскомъ заводѣ съ рабочимъ описаннымъ въ ном. 9 газеты „рабочая мысль“ за 1900 годъ сентябрь месяцъ. Но скажу одно: Бросте Ваши мечты при помощи рабочихъ поднять красное знамя? Все это напрасно! Вы думаете, что это рабочіи подъ вліяніемъ Вашихъ печатныхъ произведеній дѣлаютъ стачки? Нѣтъ! Хотя и придется рабочему стачку сдѣлать, то онъ ее дѣлаетъ просто изъза иногда недоразумѣнія между хозяиномъ и рабочими въ экономическомъ отношеніи, но ничуть въ Политическомъ какъ вамъ снится!!!

А хотя и удается Вамъ на свою сторону привлечь несколько рабочихъ, такъ, это и то благодаря ихъ не просвѣщенію! Но насъ сотни тысячъ рабочихъ которыя верны своимъ традиціямъ и ни подъ какимъ видомъ не возмутся за красный „штандаръ“ ведь Вы все поляки и евреи? Неправдали?

а! Слюнявыя либералы? Вамъ политическихъ и гражданскихъ правъ!? бросьте!... Вы думаете, что дорого Вамъ стоющія подпольныя произведенія Вамъ приносятъ пользу! навернякали каждый прочтетъ и сознаетъ — брехня! Вы только насъ губите... отстанте ради Бога?... Я не шпіонъ а просто рабочій заводскій. Я дѣйствую самостоятельно противъ Васъ и имею тысячи послѣдователей. У насъ скоро организуется такой комитетъ изъ рабочихъ который будетъ вести борьбу противъ соціальдемократовъ словомъ и по средствомъ печатныхъ брошюръ. дозвол. цензурою.

Истинно русскій патріотъ Любящій своего Императора и отечество, ненавидящій Соц.-демокр. заводскій рабочій крестьянинъ

Степанъ Демидовичъ Зенченко.

Р. S. Письма, возраженія и проч. можете адресовать по выше указанному адресу. Нестесняйтесь, и живущ. въ Петербургѣ, донесено не будетъ, писать можно на всѣхъ яз. исключ. китайскаго.

Воззваніе сіе помѣчено 3-мъ января. Черезъ четыре мѣсяца послѣ его возникновенія на томъ самомъ Шлиссельбургскомъ проспектѣ, гдѣ обитаетъ г Зенченко, „малое недоразумѣніе въ экономическомъ отношеніи“ у рабочихъ Обуховскаго завода привело къ дикому нападенію царскихъ башибузуковъ, сопровождавшемуся кровопролитіемъ. Какъ объяснитъ г. Зенченко это „недоразумѣніе“?

Но кто же такой этотъ г. Зенченко, столь торжественно объявившій войну соціалдемократамъ и обѣщающій организовать цѣлый рабочій „комитетъ“ для борьбы съ крамолой? Онъ увѣряетъ насъ, что онъ не шпіонъ и дѣйствуетъ самостоятельно, имѣя тысячи послѣдователей. Очень можетъ быть, что онъ и впрямь не шпіонъ, но плохо уже и то, что ему приходится начинать свою политическую дѣятельность съ увѣренія въ своей „самостоятельности“... отъ Охраннаго отдѣленія.

Какъ бы то ни было, а война объявлена. О брошюрахъ фирмы „истинно-русскій патріотъ и компанія“ мы пока не слышали, но зато прочли въ газетахъ о привѣтствіи, посланномъ г. Зенченко раненому (нынѣ умершему) Боголѣпову. Г. Зенченко писалъ: „Глубоко пораженные горестной вѣстью о преступномъ покушеніи на жизнь вашего высокопревосходительства, заводскіе рабочіе Петербурга — Невской пригородной мѣстности возсылаютъ молитвы о скорѣйшемъ исцѣленіи вашемъ. Да подастъ вамъ Господь многія лѣта продолжать вашу просвѣтительную дѣятельность на благо Россіи“.

Молитвы г. Зенченко не были приняты во вниманіе небомъ, можетъ быть, потому, что онѣ лживо представлены отъ имени „заводскихъ рабочихъ“ цѣлаго района. Мы, напротивъ, знаемъ, что рабочіе въ Петербургѣ вообще и на Шлиссельбургскомъ трактѣ въ частности очень сочувствовали Карповичу и являлись 11-го марта на Невскій съ цѣлью демонстрировать тоже, вѣроятно, не въ пользу гг. Боголѣповыхъ. Нехорошо, нехорошо, г. Зенченко, начинать свою политическую карьеру съ подлога и всуе призывать имя петербургскаго пролетаріата!

Г. Зенченко божится, что онъ не шпіонъ. Однако, для шпіона Зубатова такой „истинно-русскій патріотъ“ чистая находка. Обращаемъ, поэтому, вниманіе петербургскихъ товарищей на новаго рыцаря борьбы съ соціалдемократіей*). Адресъ его, обязательно сообщенный въ воззваніи: Шлиссельбургскій просп., село Смоленское домъ, ном. 75, кв. 35.

Цензурныя безобразія. Прибѣгая все чаще къ закрытію непріятныхъ ему органовъ печати упрощеннымъ порядкомъ безъ послѣдовательныхъ „предостереженій“, наше правительство можетъ спокойно отказаться отъ воздѣйствія на печать обычнымъ способомъ. Изданный на дняхъ законъ о давности для предостереженій представляетъ кость, брошенную литературѣ послѣ того, какъ ее отдали въ полное распоряженіе четырехъ министровъ. Отнынѣ, если послѣ одного или двухъ предостереженій газета просуществовала извѣстный срокъ (одинъ годъ или два) безъ новыхъ „воздѣйствій“, предостереженія съ нея снимаются. Но разъ узаконенъ способъ закрытія газетъ безъ всякихъ предостереженій, какое можетъ имѣть значеніе эта „милость“? А между тѣмъ „либеральные“ лакеи „Новостей“, „Бирж. Вѣд.“ и имъ подобныхъ газетъ радостно взвыли по поводу этихъ „облегченій“. Этотъ вой былъ тѣмъ противнѣе, что онъ раздался надъ трупомъ только-что погубленной „Жизни“, судьба которой должна бы служить предостереженіемъ для освобожденныхъ отъ „предостереженій“ газетъ.

Въ лицѣ „Жизни“ прекращенъ подцензурный журналъ, въ которомъ ни одна строка не появлялась безъ просмотра со стороны цензурнаго вѣдомства. И всетаки оказалось необходимымъ его запретить, при чемъ поводъ для закрытія былъ необыкновенный: не та или другая статья повела къ карѣ, а фактъ ареста многихъ сотрудниковъ этого журнала въ апрѣлѣ этого года.

Однако, если мы вдумаемся въ причины самого ареста сотрудниковъ „Жизни“, то не сможемъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что онъ въ значительной степени обусловленъ самымъ направленіемъ журнала. Особая строгость, проявленная къ сотрудникамъ „Жизни“, какъ еще раньше къ гг. Струве и Туганъ-Барановскому, объясняется не фактомъ ихъ участія въ послѣднихъ событіяхъ, но тѣмъ особеннымъ значеніемъ, которое наше правительство стало въ послѣдніе годы придавать марксистскому направленію. Значеніе пріобрѣтенное въ нашей общественной жизни рабочимъ движеніемъ и соціалдемократіей, отразилось на отношеніи правительства къ марксистской литературѣ, какъ бы блѣдна она ни была. Всѣ изданія, которыя за послѣдніе четыре года были закрыты въ необычномъ порядкѣ („Новое Слово“, „Начало“, „Сѣверный Курьеръ“, „Жизнь“) въ той или иной степени были прикосновенны къ марксизму, а слѣд., отвѣчали передъ правительствомъ за успѣхи соціалдемократическаго рабочаго движенія.

Съ одной стороны, сотрудники „Жизни“ подвергаются арестамъ и высылкамъ потому, что они причастны къ марксизму; съ другой стороны, журналъ закрытъ не за „вредное направленіе“, но по случаю ареста сотрудниковъ Удивительная логика! Но какое дѣло до логики правительству, увѣренному, что убійство печатнаго органа сойдетъ ему даромъ, не вызвавъ протеста въ равнодушной публикѣ.

Какъ бы то ни было, а въ легальной литературѣ заткнута послѣдняя щель, черезъ которую идеи соціалдемократіи могли — хотя бы и въ обезцвѣченномъ видѣ — выходить на свѣтъ божій. Тѣмъ болѣе важное значеніе пріобрѣтаетъ нелегальная соціалистическая печать.

„Новый курсъ“. Только-что получено извѣстіе о новомъ проявленіи зубатовской политики. На дняхъ въ Минскѣ среди прикащиковъ было распространено воззваніе, направленное противъ господствующаго среди нихъ обычая воровать товаръ изъ магазиновъ и указывающее, что это несовмѣстимо съ сознательною борьбою противъ хозяйской эксплуатаціи. Тогда, черезъ дватри дня въ городѣ было расклеено подписанное мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ Васильевымъ воззваніе къ прикащикамъ, въ которомъ онъ высказываетъ сочувствіе къ такого рода дѣятельности болѣе развитыхъ изъ ихъ среды, но выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что они дѣлаютъ это нелегально, рискуя подвергнуться преслѣдованіямъ и проч., тогда какъ стоитъ имъ обратиться къ нему, и онъ съ удовольствіемъ предоставитъ имъ губернскую типографію... Въ заключеніе Васильевъ приглашаетъ всѣхъ прикащиковъ на собраніе, имѣющее состояться въ субботу 16-го подъ его предсѣдательствомъ. На собраніе (кажется, въ думѣ) пришло до 500 прикащиковъ и десятокъ-другой хозяевъ. Кромѣ Васильева, присутствовалъ губернаторъ и полицеймейстеръ. Васильевъ открылъ собраніе весьма теплой рѣчью, въ которой доказывалъ, что правительство весьма благосклонно относится къ попыткамъ массъ улучшить условія своего существованія, но напрасно непримиримо настроенные элементы придаютъ этимъ попыткамъ политическую окраску. Онъ неизмѣнно будетъ содѣйствовать всѣмъ попыткамъ прикащиковъ улучшить свою жизнь и на первый разъ предлагаетъ имъ выбрать коммиссію для обсужденія ихъ насущнѣйшихъ нуждъ. Выбрана коммиссія изъ 15 прикащиковъ и 10 хозяевъ. Въ отвѣтъ на заявленіе Васильева раздались сочувственныя рѣчи, вполнѣ подчеркивающія его точку зрѣнія Раздались также голоса, требующіе изданія закона о закрытіи магазиновъ не позже 9 час. веч., но коммиссія тутъ же высказалась противъ, рекомендуя обратиться къ хозяевамъ съ коллективной просьбой объ этомъ.

Васильевъ любезно предоставилъ свою квартиру для засѣданій коммиссіи. Первое засѣданіе, подъ его предсѣдательствомъ, состоялось въ воскресенье.

Тактика Васильева встрѣтила въ мелкобуржуазно настроенной массѣ прикащиковъ полное сочувствіе и признаніе. Агитаторы, только недавно начавшіе оказывать на нее вліяніе, совершенно оставлены, отношеніе къ нимъ рѣзко враждебное.

„Сердечное попеченіе“ понимается директоромъ первой Виленской гимназіи вполнѣ согласно съ духомъ нашихъ порядковъ. Передъ самымъ окончаніемъ экзаменовъ къ директору былъ вызванъ ученикъ-еврей, долженствовавшій получить золотую медаль. При весьма парадной обстановкѣ директоръ обратился къ гимназисту съ указаніемъ на то, что ему извѣстно его участіе въ кружкахъ и т. п., что онъ имѣетъ основанія предполагать и худшее и что, поэтому, онъ предлагаетъ ему на выборъ: или дать слово, что онъ никогда не будетъ принимать участія въ студенческомъ движеніи и вообще въ революціонныхъ дѣлахъ, или же лишиться золотой медали (что въ настоящее время лишаетъ еврея возможности поступить въ университетъ). Юнецъ далъ слово.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. Приводимъ имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о рабочихъ волненіяхъ въ Петербургѣ въ теченіе мая и іюня.

На Выборгской сторонѣ началось на ткацкой фабрикѣ Чешера. Была рѣшена забастовка. Причина недовольства: дурная питьевая вода, отсутствіе какой бы то ни было вентиляціи, отсутствіе какого-то инструмента для перерѣзыванія нитокъ при работѣ: приходилось перекусывать нитку зубами, что причиняло сильныя порѣзы губъ и щекъ; выставлено было, между прочимъ, требованіе восьмичасоваго рабочаго дня. Вторая смѣна рабочихъ (исключительно мужчины) осталась по окончаніи работы ночевать на фабрикѣ съ цѣлью не допустить первую смѣну къ работѣ утромъ. Это было исполнено, и вся толпа двинулась къ другимъ сосѣднимъ фабрикамъ, приглашая ихъ присоединиться, причемъ иногда пускали въ ходъ камни, побуждая оставить работу. Примкнуло нѣсколько фабрикъ: Воронинская мануфактура, Сампсоніевская, заводъ Лесснера и друг. Была вызвана полиція, казаки, войска. Началась драка между противными сторонами. Два переулка были забаррикадированы. Полиція и солдаты провозились нѣсколько часовъ, прежде чѣмъ ворвались туда. Рабочіе, живущіе въ домѣ ном. 9 по Форбесову переулку, выдержали правильную осаду и долго отбивались, швыряя изъ оконъ въ осаждавшихъ камнями и т. п. Когда солдаты и полиція ворвались въ домъ, произошли обычныя сцены. Схватывали, волокли и сбрасывали съ лѣстницъ, внизу подхватывала полиція, била и присоединяла къ оцѣпленной арестованной уже толпѣ. Ружейныхъ залповъ не было, били кулаками, ногами, холоднымъ оружіемъ. Солдаты оказывали дѣятельную помощь полиціи. Масса раненыхъ. Число убитыхъ неизвѣстно; въ свалкѣ зарублено двое ребятъ. Главный фабричный инспекторъ Лебедевъ, по сути своей подлецъ и жандармъ, не былъ допущенъ къ переговорамъ съ толпой; полиція рѣзко заявила ему, что теперь здѣсь ея дѣло, а не его. Лебедевъ обиженъ и жаловался Ковалевскому въ департаментѣ. На другой день были вывѣшены подписанныя Клейгельсомъ приглашенія приняться съ 12 час. за работу, съ предупрежденіемъ въ противномъ случаѣ объ увольненіи. Текстъ вездѣ одинаковый. 7-го мая было уже все тихо, хотя работа не начиналась. Аресты шли усиленные среди рабочихъ. Послѣ седьмого встали на работу.

Обуховскій заводъ. Перваго мая часть рабочихъ какой-то изъ мастерскихъ не явилась на работу, за что и была уволена вовсе съ завода исправляющимъ обязанности управляющаго полковникомъ Ивановымъ (управляющій Власьевъ былъ съ перваго мая въ отпуску). Товарищи уволенныхъ заявили, что они уйдутъ тоже, если не будетъ отмѣнено это распоряженіе. Ивановъ отвѣтилъ, что они могутъ уходить, онъ-де найдетъ рабочихъ сколько угодно. Тогда поднялись остальныя мастерскія съ тѣмъ же требованіемъ. Ивановъ не уступалъ, и всѣ рѣшили забастовать. Дали сами гудокъ о прекращеніи работы и высыпали толпами на улицу. Къ шести часамъ вечера къ забастовщикамъ присоединились рабочіе Александровскаго сталелитейнаго завода (Берта). Держали себя тихо и, можетъ быть, такъ бы и обошлось, если бы Ивановъ, угрожая и ругаясь площадными словами, не потребовалъ по телефону войска и всю свору казаковъ и жандармовъ. Толпа заволновалась и, разобравъ мостовую, вооружилась камнями и чѣмъ попало, приготовляясь къ отпору. Возбужденіе росло и при видѣ полиціи перешло въ дѣйствіе: полетѣли камни и началась свалка; полиція пустила въ ходъ шашки.

Подростки помогали рабочимъ, подавая камни; масса ребятъ арестована по этому случаю. Полагаютъ, что ихъ выпорютъ въ участкахъ и отпустятъ. Сперва пришли батальоны, квартировавшіе въ районѣ Обуховскаго завода; всѣ они большею частью перероднились и перекумились съ мѣстнымъ населеніемъ. Затѣмъ пришли войска изъ города, драка не прекращалась... Было сдѣлано три залпа безъ предупрежденія разойтись. Много раненыхъ, есть и убитые. Сколько, точно не знаю. Вызвали Власьева, случайно бывшаго, кажется, въ Петергофѣ. Онъ пріѣхалъ. Рабочіе отнеслись къ нему хорошо и кричали: Вами, Ваше Превосходительство, мы очень довольны, уберите отъ насъ только подлеца Иванова. (Квартира Власьева смежная съ квартирой Иванова, въ квартирѣ Иванова не осталось не разбитымъ ни одного стекла, тогда какъ у Власьева нѣтъ даже трещины ни въ одномъ окнѣ). Васильевъ просилъ успокоиться: 1) немедленно приняться за работу, 2) выбрать депутатовъ отъ каждой мастерской, 3) поручился за безопасность выбранныхъ депутатовъ, 4) потребовалъ, чтобы лица посторонныя немедленно оставили заводъ, въ противномъ случаѣ они будутъ выданы полиціи, 5) о требованіяхъ доложить въ министерство и о результатахъ объявить всѣмъ, 6) депутаты должны быть выбраны къ субботѣ, а въ пятницу приступить къ работѣ. Рабочіе согласились. Въ субботу явились депутаты и представили требованія въ 14 пунктовъ. Всѣхъ пунктовъ не помню, но вотъ главные: 1) восьмичасовый рабочій день, 2) удаленіе Иванова и нѣсколькихъ другихъ мастеровъ, 3) вѣжливое обращеніе мастеровъ съ рабочими, 4) правильная расцѣнка, 5) уменьшеніе штрафовъ, 6) отчетъ въ штрафномъ капиталѣ, 7) возвращеніе всѣхъ уволенныхъ за это время Ивановымъ. Власьевъ прибавилъ еще 15-й пунктъ: страхованіе рабочихъ.

---

*) Еще до своего выступленія съ „политическимъ“ привѣтствіемъ г. Зенченко жаловался въ письмѣ въ редакцію „Новаго Времени“ на то, что одно его появленіе въ приличной одеждѣ вызвало среди рабочихъ подозрѣніе, не „агентъ“-ли онъ. Какъ, однако, печально, что на челѣ „истинно-русскаго патріота“ явственно видна Каинова печать!

Одинъ петербургскій городовой такъ разсказываетъ объ Обуховской бойнѣ: Началось съ того, что стачечники стали бить рабочихъ, не бросившихъ работу. Когда же появилась полиція, то тѣ и другіе соединились и бросились на нее. На протяженіе почти полуверсты была разобрана мостовая, и камни тучей летѣли въ полицію. Вызванные солдаты сдѣлали 8 залповъ (40 чел., слѣд., 320 выстрѣловъ), убитыхъ 3, тяжело раненыхъ 8. Такое сравнительно небольшое число раненыхъ и убитыхъ, не смотря на то, что толпа тѣснымъ кольцомъ окружала солдатъ и была отъ нихъ въ нѣсколькихъ шагахъ, городовой объясняетъ тѣмъ, что большинство солдатъ стрѣляло нарочно выше головъ или въ бокъ, въ стѣны завода. „Надо креста на шеѣ не имѣть, чтобы стрѣлять въ своего брата. Только скоты какъ слѣдуетъ стрѣляли“ — подлинныя слова городового*). Другой корреспондентъ также разсказываетъ о томъ, какъ въ дер. Волынкиной (за Нарвской заставой) рабочіе, учинившіе между собою драку, соединились, какъ только появилась полиція, и бросились на нее. Говорятъ, при этомъ убито двое городовыхъ.

Семянниковскій заводъ. Тамъ было такъ: Перваго мая рабочіе явились къ управляющему съ просьбой, чтобы не было въ этотъ день вовсе работъ. Управляющій отвѣтилъ, что не можетъ запретить праздновать желающимъ, но что гудокъ на работу будетъ въ обычное время. По гудку на работу явилось изъ 5000 лишь 1500, послѣ 12 час. къ нимъ прибавилось еще 300, и больше ничего. Все обошлось мирно и даже не было, говорятъ, штрафовъ не работавшимъ перваго мая. Черезъ нѣсколько дней произошла забастовка; рабочимъ было предложено высказать требованія черезъ выборныхъ депутатовъ. Въ числѣ требованій были: 1) восьмичасовый рабочій день, 2) отмѣна обысковъ при приходѣ и уходѣ съ работы, ибо это оскорбительно. На разсмотрѣніе этихъ требованій начальство заводское просило двухнедѣльный срокъ. За работу принялись. Въ пятницу передъ Троицей остановились Паль, Семянниковскій опять, Чугунный заводъ. Общее требованіе: работа по субботамъ до двухъ часовъ и плата за весь день. На фабрикѣ Гука была забастовка съ требованіемъ повышенія расцѣнокъ. Рабочіе выбили стекла. Вызваны усиленные наряды полиціи, масса жандармовъ, казаки, приготовлены и, кажется, уже вызваны были войска. Рабочіе держали себя спокойно, столкновеній пока не было, но наблюдается очень грустное явленіе: драки между рабочими, желающими работать и не желающими сейчасъ приступить къ ней. Другое грустное явленіе: поднимаются группами, въ лучшемъ случаѣ цѣлой фабрикой, о массовой забастовкѣ нѣтъ и помину, и полиція легко подавлять въ одиночку вспыхивающіе протесты. Полное отсутствіе интеллигенціи и страшная нужда въ ея руководительствѣ и совѣтѣ. Интеллигентовъ ищутъ, но кто засаженъ, кто имѣетъ хвостъ.

На **Путиловскомъ** заводѣ пока спокойно, администрація заблаговременно просила полицію принять „мѣры пресѣченія“, что и было сдѣлано. — Была стачка на Николаевскомъ вокзалѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Рабочіе требовали возобновленія уничтоженныхъ сверхурочныхъ работъ (!), такъ какъ ихъ обычный заработокъ не достаточенъ для пропитанія (50 коп. въ день). Обѣщаніе удовлетворить (еще бы!) такое скромное требованіе прекратило стачку.

30-го мая начались волненія на **Балтійскомъ** судостроительномъ заводѣ. Рабочіе забастовали, требуя восьмичасоваго рабочаго дня и, по слухамъ, прекращенія сдачи заказовъ морского министерства иностраннымъ верфямъ. Балтійцы двинулись къ сосѣднимъ заводамъ, изъ которыхъ гвоздильный и фабрика Палдзена примкнули къ нимъ и пошли на островъ въ городъ. У Николаевскаго моста произошла довольно жестокая свалка съ полиціей, рабочіе были отбиты. Къ стачкѣ послѣ примкнула часть рабочихъ франко-русскаго завода.

Говорятъ, что Клейгельсъ хотѣлъ выслать всѣхъ забастовщиковъ, но этому воспротивились заводская администрація и морское министерство. Опять замѣчается грустное явленіе: расколъ между рабочими и драки по этому поводу.

Саратовъ. Недѣли двѣ тому назадъ у насъ появилась „Рабочая Газета“. Вышло уже два номера**). Вся до послѣдней строки писана рабочими и вообще пока еще интеллигенція не принимала въ ея изданіи никакого участія. Любопытна тѣмъ, что съ перваго же номера говоритъ о соціализмѣ и политической свободѣ. Первое мая (русское и заграничное) прошло спокойно и не отмѣчено никакимъ выдающимся фактовъ. За нѣсколько дней до 1-го и 18-го (слѣд., два раза) были распространены и расклеены на мѣстныхъ фабрикахъ и заводахъ прокламаціи отъ группы соціалистовъ-революціонеровъ, приглашающихъ рабочихъ праздновать первое мая. За городомъ собралось около 50 рабочихъ (интеллигенціи не было, т. е. ее не приглашали). Пришло бы и больше, да организаторы такъ законспирировали мѣсто, что нѣсколько группъ рабочихъ такъ и не могли попасть, куда слѣдуетъ. Было порядочно новичковъ. Но въ общемъ собраніе было не изъ удачныхъ. На вопросъ нѣкоторыхъ изъ рабочихъ, почему не пригласили интеллигентовъ, одинъ изъ „развитыхъ“ и распропагандированныхъ (въ духѣ „Раб. Мысли“) рабочихъ отвѣтилъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, что вообще интеллигенція не должна мѣшаться въ рабочія дѣла и т. д. По этому поводу возникъ споръ на тему: должна-ли интеллигенція вмѣшиваться въ рабочее движеніе, и въ концѣ концовъ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ положительно. Большая часть публики осталась недовольна этимъ собраніемъ и рѣшила въ слѣдующее воскресенье собраться еще въ большемъ количествѣ, но слухи объ этомъ предполагавшемся собраніи начали циркулировать настолько усиленно по городу, что достигли ушей полиціи, и въ результатѣ — въ этотъ день въ мѣстность, гдѣ предполагалось собраніе, назначенъ былъ нарядъ. Въ виду такого положенія дѣлъ собраніе не состоялось.

За послѣднее время вообще среди мѣстныхъ рабочихъ велась нѣкоторыми пріѣзжими петербургскими рабочими пропаганда въ духѣ „Раб. Мысли“, — отрицаніе необходимости борьбы за политическую свободу, значенія интеллигенціи для рабочаго движенія и проч. Но, повидимому, эта пропаганда успѣха не имѣла.

Передъ Пасхой была произведена масса обысковъ (до 30), но безрезультатно. Причиной послужила предполагавшаяся на второй день Пасхи манифестація. Съ этой цѣлью было распространено до 500 прокламацій. Полиціей были приняты самыя энергичныя мѣры. Между прочимъ былъ вызванъ Уральскій казачій полкъ, солдатамъ былъ отданъ приказъ спать не раздѣваясь, вооруженными. Слѣженіе за интеллигенціе[illegible] силено. Многихъ молодыхъ людей, шедшихъ по улицѣ [illegible] ами, околодочные останавливали и требовали сопровожда[illegible] въ участокъ для производства у нихъ обыска, что и приводилось въ исполненіе. Около этого же времени было произведено нѣсколько обысковъ по деревнямъ у крестьянъ, какъ говорятъ, по доносу попа.

Воронежъ. Общество Юго-Восточныхъ желѣзн. дорогъ съ усердіемъ практиковало систему „поощренія“ рабочихъ къ болѣе усердной работѣ обѣщаніемъ наградныхъ на Рождество и Пасху. Когда же результатъ достигался и спѣшное время обилія работъ проходило, всегда оказывалось, что въ „нынѣшній разъ“ наградныхъ не будетъ, списки-де отслужившихъ три года и имѣющихъ право на награду еще не провѣрены. Такъ продолжалось изъ года въ годъ, такъ было и въ нынѣшнемъ году. Въ послѣднихъ числахъ марта было заявлено, что наградныхъ опять не выдадутъ. На этотъ разъ не выгорѣло. Рабочіе рѣшились напомнить... Требованіе о выдачѣ наградныхъ за три года было одновременно предъявлено во всѣхъ главныхъ мастерскихъ: въ Луганскѣ, Орлѣ, Воронежѣ, Борисоглѣбскѣ. Къ нимъ же присоединились козловскія и тамбовскія мастерскія, всего до 8000 чел. Время было выбрано удачно. У всѣхъ въ памяти были только-что прошедшіе мартовскіе дни. Подъемъ возмущеннаго духа съ одной стороны, и подъемъ трусости съ другой замѣчался вездѣ. Въ такое время командующимъ лицамъ не хотѣлось разгорячать страстей. Рабочіе въ тотъ же день получили отвѣтъ, что требованіе ихъ будетъ удовлетворено. Стачка продолжалась всего нѣсколько часовъ. Жандармскія власти принимали дѣятельное участіе въ „успокоеніи“, стараясь, чтобы требованія были удовлетворены. „Держи носъ по вѣтру“.

Интересно, что когда конторщики попросили, въ свою очередь, награды, имъ отвѣтили: „Зачѣмъ же вамъ давать, вы вѣдь не требовали“. Правильно!

Выдавъ наградныя, начальство затосковало и начало искать корень зла. Жандармы увѣряли, что тутъ не безъ вліянія. Въ воронежскихъ мастерскихъ было намѣчено до ста человѣкъ и имъ стали выдавать разсчетъ якобы за сокращеніемъ работъ. Тутъ подоспѣлъ май мѣсяцъ. Стало замѣчаться волненіе. Не задолго передъ тѣмъ въ селѣ Урѣзовкѣ, по распоряженію губернатора, была произведена экзекуція надъ 26 крестьянами за неповиновеніе властямъ. Рабочіе не остались ранодушны къ этому поруганію личности и среди нихъ ходили толки, что надо выразить протестъ. Событія общественной жизни вообще находятъ откликъ среди рабочихъ. Напр., номера газетъ съ описаніемъ Обуховской исторіи покупались, читались и обсуждались. Въ этотъ день чувствовалось что-то хорошее, бодрое. Масляныя, грязныя лица какъ-то торжественно улыбались, и вѣрилось, что рабочіе не испугаются жертвъ. Перваго мая южные рабочіе вообще празднуютъ и начальство къ этому привыкло. Не желая, чтобы рабочіе сами бросили работу, оно пошло даже на то, что вывѣсило въ прошломъ году такое объявленіе: „По случаю перваго мая сегодня работы производиться не будутъ“. Нынче пронесся слухъ, что рабочіе намѣреваются устроить демонстрацію на Дворянской улицѣ (главная въ городѣ). Дня за два, за три до перваго мая къ одному рабочему подходитъ жандармъ. „Что-то у васъ затѣвается?“ — „А что?“ — „Какъ что? не слыхалъ, что-ли?“ — „Ничего не слыхалъ.“ — „Знаемъ мы! Насъ не проведешь! А зачѣмъ музыку наняли? Пройтись хотите? Смотрите, всѣхъ разнесемъ“. Такъ вотъ какъ ждали, даже съ музыкой! 1-ое мая прошло тихо. Стали ждать 15-го. Начальство волновалось. По Дворянской гуляли офицеры въ походной формѣ. Неуклюжій жандармскій полковникъ Добрянскій граціозно гарцовалъ на конѣ, чувствуя себя героемъ. То и дѣло проѣзжалъ полицмейстеръ со своимъ неизмѣннымъ гайдукомъ, скачущимъ на низкорослой лошадкѣ. Жандармы метались, какъ ошпаренныя крысы. Вообще проявляли дѣятельность. Изъ канцеляріи управленія писали донесенія. Четыремъ ротамъ (480 солдатъ) былъ отданъ приказъ быть на готовѣ, но причины этого солдатамъ не объясняли. Было выдано по 30 боевыхъ патроновъ на брата. Цѣлый день солдатъ держали подъ ружьемъ. Ночью и то спали въ полной формѣ. Полковникъ Коротоякскаго батальона произнесъ рѣчь: „Ты его предупреди разъ, предупреди два, третій не предупреждай — бей его, сукина сына“. Бить не пришлось, ибо ничего не произошло. Начальство произвело переполохъ и тѣмъ показало, что не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. Протестъ не вылился, но это не значитъ, что онъ не выльется.

Изъ **Иваново-Вознесенска** сообщаютъ о цѣломъ рядѣ мелкихъ фабричныхъ протестовъ, которые показываютъ, что обостреніе нужды, вызванное кризисомъ, и ведущаяся мѣстными социалдемократами агитація не проходятъ безслѣдно.

Послѣ Пасхи 12 рабочихъ на ткацкой фабрикѣ Зубкова, уволенныхъ за неспокойный нравъ, потребовали и добились отъ фабрики уплаты за двѣ недѣли, какъ это требуется закономъ. Какъ водится, фабричный инспекторъ не только не поддержалъ законное требованіе рабочихъ, но и пытался запугать ихъ окриками и бранью. Только настойчивость рабочихъ, грозившихъ жалобой на самаго инспектора, побудило этого „охранителя закона“ исполнить свой долгъ.

На фабрикѣ Дмитрія Бурылина рабочіе отбили попытку фабриканта отнять у нихъ праздникъ 8-го мая (Ивана Богослова), доселѣ бывшій на этой фабрикѣ нерабочимъ днемъ. Тамъ же женщины пытались добиться повышенія своей заработной платы, но безуспѣшно.

На фабрикѣ А. И. Гарелина 4-го іюня всѣ рабочіе отправились къ фабричному инспектору и предъявили ему требованіе объ удаленіи надоѣвшаго имъ табельщика. Требованіе было предъявлено настолько энергично, что фабричный инспекторъ посовѣтовалъ управляющему его удовлетворить, что и было въ концѣ концовъ исполнено.

На чугунно-литейномъ заводѣ Калашникова (200 чел.) сокращеніе расцѣнковъ привело къ уменьшенію заработковъ вдвое. 15-го мая натянутое положеніе между литейщиками и администраціей завода приняло самый острый характеръ. Получивъ мѣсячный разсчетъ, литейщики, въ количествѣ 70 человѣкъ, заявили о своемъ нежеланіи заключать договоръ на условіяхъ, предлагаемыхъ администраціей завода, и потребовали возвращенія къ старымъ условіямъ — полугодовому найму (вмѣсто мѣсячнаго) и зимнимъ расцѣнкамъ. Заводоуправленіе отказало въ требованіи литейщиковъ, угрожая замѣстить ихъ рабочими изъ другихъ городовъ. Литейщики дружно отказались отъ возобновленія найма и отправились къ фабричному инспектору просить о посредничествѣ. Фабричный инспекторъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло, такъ какъ-де хозяинъ имѣетъ право измѣнять принятую систему найма и расцѣнки.

Заводоуправленіе стало вербовать рабочихъ въ Шуѣ и Москвѣ. Изъ Москвы выписано было десять рабочихъ, отъ которыхъ при наймѣ скрыли, что зовутъ на мѣста стачечниковъ. Обѣщанъ имъ былъ хорошій заработокъ — 75-80 руб. и больше въ мѣсяцъ. Но когда москвичи прибыли въ Ив.-Вознесенскъ и увидали, на какую роль ихъ приглашаютъ, они заявили иваново-вознесенцамъ, что привезены обманомъ и если бы знали о стачкѣ, то не пріѣхали бы. „Съ этого времени между ивановцами и москвичами установилась полная солидарность и вскорѣ же москвичи отправились къ фабричному инспектору съ жалобой на заводъ. И хозяева, боясь осложненій, тутъ же отправили одного изъ безпокойныхъ литейщиковъ обратно въ Москву“.

Въ Шуѣ нанятые было литейщики, какъ только узнали о стачкѣ, отказались ѣхать. Тогда Калашниковскій заводъ сдалъ часть своихъ неотложныхъ заказовъ заводу анонимнаго общества въ Шуѣ, администрація котораго состоитъ въ родствѣ съ администраціей завода Калашникова. Рабочіе зав. Калашникова обратились къ ив.-вознесенскому комитету соц.-дем. партіи съ просьбой о воздѣйствіи на шуйскихъ рабочихъ. Комитетомъ были выпущены прокламаціи къ рабочимъ завода анонимнаго общества. Прокламаціи вызвали забастовку, и рабочіе потребовали, чтобы отъ Калашникова заказы не принимались. Администрація обѣщала удовлетворить это требованіе, приглашая не прерывать работы и ожидать пріѣзда хозяина. По пріѣздѣ послѣдняго рабочіе получили „угощеніе“ водкой, а тѣ изъ нихъ, которые не работали до пріѣзда хозяина, получили разсчетъ либо штрафъ.

Стачка на Калашниковскомъ заводѣ продолжалась полторы недѣли и кончилась частичной уступкой — повышеніемъ расцѣнковъ до зимней нормы. Москвичи отправились домой, и калашниковскіе литейщики устроили имъ сборъ на дорогу. „Хозяйскіе забѣгалки, пишетъ корреспондентъ, ознакомили своихъ рабочихъ съ москвичами и тѣмъ оказали имъ нѣкоторую услугу, показавъ, что экономическія потребности здѣшнихъ рабочихъ много ниже, чѣмъ въ другихъ городахъ“.

Понятно, что всѣ эти проявленія протеста не могли не вызвать вмѣшательства царскихъ опричниковъ. „Полиція, пишутъ намъ, за послѣдне время стала особенно чутка и наблюдательна за рабочими, а перваго мая не было мѣста, гдѣ бы не встрѣтился полицейскій“. Въ ночь съ 17-го на 18-ое мая надъ Иваново-Вознесенскомъ пронесся жандармскій ураганъ, который выразился въ арестѣ девятнадцати чел. рабочихъ. Изъ арестованныхъ удалось узнать слѣдующія фамиліи: Г. Ляпинъ, Н. Голоуховъ, Бѣловъ, Королевъ, Филиповъ, Жаровъ, Бариновъ, Боголаповъ, Мокруевъ, Воробьевъ, Соколовъ, Гаравинъ. Арестованные содержатся частью въ мѣстной тюрьмѣ и по фабричнымъ арестантскимъ. Таскаютъ многихъ въ тюрьму на допросъ; изъ нихъ задержали троихъ. Дѣло ведутъ мѣстный полицмейстеръ и жандармскій ротмистръ, ведутъ очень глупо, подчасъ забираютъ безграмотныхъ. Интересно — намъ удалось узнать, — что за нѣсколько времени передъ арестомъ Бариновъ былъ приглашенъ къ полицмейстеру, который предлагалъ ему поступить къ жандармамъ въ шпіоны. Бариновъ отказался, говоря, что его всѣ знаютъ и могутъ скоро прикрыть. На это въ утѣшеніе полицмейстеръ предлагаетъ два-три револьвера, но и это не соблазнило Баринова. Спустя два дня Баринова уже приглашаетъ жандармскій ротмистръ, который уже предлагаетъ руб. на 5 больше, чѣмъ полицмейстеръ (послѣдній предлагалъ 15 руб.) и проситъ Баринова, чтобы онъ указалъ главныхъ дѣятелей. Бариновъ отказался. Теперь его арестовали, очевидно, подозрѣвая, что онъ самый главный.

Не знаемъ, жалѣетъ-ли Бариновъ, что онъ не получилъ 15 р., но за то увѣрены, что ротмистръ и полицеймейстеръ очень жалѣютъ, что за 15 руб. имъ не удалось узнать главнаго.

Просятъ остерегаться конторщика Колычева на фаб. Гарелина (черный, сутуловатый, говоритъ басомъ). Будучи однажды арестованъ, разсказалъ все, что зналъ, благодаря чему многихъ забрали.

* * *

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться...

Именно такого рода услугу оказали рабочимъ Иваново-Вознесенска для перваго мая въ прошломъ году с.-петербургская организація, а въ нынѣшнемъ году въ этомъ же направленіи трудились, очевидно, другіе доброжелатели. Къ стыду первыхъ должны признать, что они были скромнѣе нынѣшнихъ доброжелателей, но все же мы не думали сообщать о томъ, что было въ прошломъ году, если бы и въ этомъ году не было такого же печальнаго поползновенія.

Въ прошломъ году доставили въ Иваново-Вознесенскъ достаточное количество майскихъ листковъ изъ Петербурга. Доставили, но не дали совѣта, какъ наилучше распространить эти листки. И вотъ мѣстные рабочіе, не работавшіе раньше листками, раздѣлили на нѣсколько человѣкъ эти листки и, придя къ фабрикѣ, стали раздавать выходившимъ рабочимъ упомянутые листки. (Способъ очень хорошъ въ будущемъ и, можетъ, имъ очень воспользуются, но тамъ, гдѣ только начинаютъ такую дѣятельность, это невозможно по очень многимъ соображеніямъ.) Конечно, раздать имъ удалось достаточное количество, но въ концѣ концовъ ихъ всѣхъ забрали и отправили къ жандармамъ. Дальше — процессъ и почти всѣ арестованные выдавали, а нѣкоторые наговорили больше, чѣмъ знали сами. Это было бы полбѣды, если бы сами листки стоили, чтобы ихъ распространять. Но тутъ-то и есть самая главная бѣда. Оказалось, что распространенные листки вызывали негодованіе рабочихъ противъ тѣхъ же листковъ. И это очень понятно: въ Ив.-Вознесенскѣ работаютъ девять часовъ чуть-ли не на всѣхъ фабрикахъ (хотя и не всѣ рабочіе), а имъ предлагаютъ требовать десятичасоваго рабочаго дня... Эхъ, господа составители, писатели и доброжелатели, этакъ можно очень много натворить пакостей рабочимъ!!

Въ нынѣшнемъ году былъ доставленъ также листокъ въ готовомъ видѣ и въ большомъ количествѣ и это, можетъ, будетъ повторяться еще и еще, и не только въ Иваново-Вознесенскѣ, а и въ другихъ мѣстахъ, и вотъ почему я, рабочій, протестую противъ такой скверной (извините за выраженіе!) постановки дѣла! противъ такихъ отжившихъ и предосудительныхъ пріемовъ!

Раньше, чѣмъ напечатать и доставить листокъ, его нужно доставить для обсужденія мѣстной рабочей организаціи, какая бы она ни была, и если она его одобритъ, то она, навѣрное, его и распространитъ, и тогда не повторится такое печальное явленіе, какъ съ листкомъ въ Ив.-Вознесенскѣ, который доставленъ былъ для распространенія, а не доставленъ былъ для обсужденія. Благодаря этому, его какъ будто доставили для того, чтобы уничтожить не только какъ не удовлетворяющій, но и какъ вредный листокъ. И въ самомъ дѣлѣ, выставить требованіе девятичасоваго рабочаго дня, когда здѣсь работаютъ столько часовъ — развѣ этимъ возможно заинтересовать рабочихъ?! Опять же требовать суда присяжныхъ надъ стачечниками! Развѣ это не есть смѣшная иронія? Это значитъ, что мы будемъ признавать справедливымъ преслѣдованіе стачекъ. Для насъ нуженъ не судъ присяжныхъ надъ стачечниками, а полная свобода стачекъ, — даже больше, — покровительство стачечниковъ. Очень жаль, что уничтожены всѣ упомянутые листки. Мы не преминули бы познакомить съ полнымъ подлинникомъ.

Рабочій за рабочихъ.

Изъ **Шуи** пишутъ о возмутительныхъ порядкахъ на ситцепечатной, ткацкой и прядильной фабрикѣ Павлова (до 3000 чел.): На этой фабрикѣ хозяинъ съ сыновьями въ полномъ смыслѣ слова развратники, и одинъ изъ сыновей доразвратничался до сумашествія и теперь находится въ психическомъ недомоганіи и получилъ дурную болѣзнь. Благодаря всему этому, трудно какой-нибудь дѣвушкѣ остаться въ полной безопасности отъ этихъ наглыхъ безстыдныхъ представителей русскаго капитализма и столбовъ отечественнаго правительства. Хозяинъ имѣетъ особыхъ работницъ, которыя стараются совращать молодыхъ дѣвушекъ. Изъ фабрики Павловъ сдѣлалъ своего рода гаремъ. Глядя на хозяина и его подлыхъ сыновей, и служащіе позволяютъ себѣ мерзости... На фабрикѣ есть много станковъ, покрытыхъ рогожами, потому что хозяинъ боится нанимать на свою фабрику мужчинъ изъ страха передъ бунтомъ, женщины же на этихъ станкахъ работать не могутъ по недостатку физической силы.

У всякой работницы и работника сердце ноетъ отъ тѣхъ порядковъ, которые творятся на фабрикѣ Павлова.

* * *

Изъ того же города сообщаютъ: У насъ въ городѣ недавно были обыски и аресты. Арестовываютъ ночью, и теперь есть у жандармскаго ротмистра цѣлое дѣло. Конечно, въ другихъ городахъ арестовываютъ, потому что находятъ подпольныя книжки и газеты, а у насъ арестуютъ потому, что находятъ цензурныя книги, хотя бы одну или двѣ. И вотъ на допросѣ, чиномъ жандармскимъ ротмистромъ, онъ вопрошаетъ:

— Это у тебя зачѣмъ?

— Читать купилъ.

— А почему купилъ именно эту, а не житіе? или: почему читаешь, а не спишь? или не ведешь такой безстыдный образъ жизни, какъ онъ, шуйскій ротмистръ. Онъ, ротмистръ, съ фабрикантомъ Павловымъ напиваются до положенія грязной свиньи и потомъ въ такомъ видѣ цѣлуются публично и наливаютъ свои взаимныя чувства на глазахъ удивленной публики. Павловъ же для такихъ случаевъ приказываетъ которой-нибудь свахѣ (такихъ онъ имѣетъ нѣсколько на своей фабрикѣ) приготовить такую-то дѣвушку, и это выполняется, точно рѣчь шла о томъ, какъ зажарить цыпленка. И это дѣлаютъ представители русскаго капитала и представители жандармской власти. И потому-то они стараются удержать въ темнотѣ массу, поэтому нельзя рабочему пройти по городу съ книгой подъ мышкой, чтобы таковую не вырвалъ полицейскій и не посмотрѣлъ: „это что за книга?“ Это особенно бываетъ часто около читальни.

---

*) Отъ того же городового удалось узнать слѣдующія подробности о событіи 4-го марта: Начальство считало демонстрацію 4-го марта настоящей революціей. Передъ отправленіемъ городовыхъ на площадь изъ Александровской части, имъ было роздано по 36 патроновъ, и полицеймейстеръ сказалъ рѣчь, въ которой предупреждалъ, что, можетъ быть, многимъ изъ нихъ не придется вернуться назадъ, а лечь костьми за царя. Кончивъ, онъ перецѣловалъ весь отрядъ.

**) Въ настоящее время вышли номера 3 и 4.

Разъ представитель капитала Павловъ, представитель правительства жандармскій ротмистръ, представитель русскихъ поповъ-инквизиторовъ Евлампій отправились съ цѣлью напиться до осатанѣнія за много верстъ отъ Шуи. И точно что напились (были. конечно, съ ними и другіе), начали безобразить и чуть не подрались. Потомъ все заставляли попа Евлампія задать въ своемъ поповскомъ балахонѣ плясового трепака, но попъ Евлампій, напившись, сдѣлался строптивъ и ни за что не хотѣлъ идти плясать. Тогда разгнѣванные друзья выгнали пьянаго попа, и попъ пѣшкомъ уже верстъ девять отмахалъ къ Шуѣ (по какой-то случайности не завалился въ канаву), и только на десятой верстѣ догнала много спустя посланная подвода и довезла строптиваго попа до дома.

Изъ Орѣхово-Зуева намъ пишутъ: 19-го марта въ мѣстечкѣ Никольскомъ были произведены аресты. Арестованъ Рудаковъ, выпущенный черезъ нѣсколько дней. Обыски сдѣланы у Иванова ткача и Агафонова уборщика, по слухамъ, также въ домѣ Солнцева. Причина такого набѣга, какъ намъ удалось узнать, — дѣятельность шпіона-провокатора Ниткина (настоящая фамилія Дмитріевъ). Этотъ Дмитріевъ былъ привезенъ новымъ директоромъ фабрики Викулы Морозова Скобелевымъ мѣсяцевъ восемь тому назадъ. Онъ и дѣйствуетъ съ вѣдома Скобелева, получая отъ него деньги на разные расходы. Дмитріевъ-Ниткинъ живетъ среди рабочихъ въ казармѣ. Примѣты: лѣтъ 33, ростъ выше средняго, плотнаго тѣлосложенія, большой лобъ, мутные сѣрые глаза, говоритъ мягко, при разговорѣ на лбу дѣлаются морщины, смотритъ исподлобья.

Красноярскъ. 17-го апрѣля по городу были расклеены прокламаціи къ сибирскимъ рабочимъ. Всего содержанія я не напишу вамъ, такъ какъ оно очень велико, вотъ только отрывокъ. Вначалѣ говорится о студенческихъ безпорядкахъ и о средствахъ, которыми полиція не гнушается подавлять ихъ. Далѣе говорится о праздникѣ перваго мая и рабочіе призываются пройти по главнымъ улицамъ города со знаменами, на которыхъ будутъ выставлены такія требованія: 1) чтобы страна управлялась по законамъ, составленнымъ избранными отъ всего народа лицами, а не по произволу царя и его приспѣшниковъ, какъ это дѣлается теперь; 2) чтобы выбирать и быть избранными могли люди не только богатые, но всѣ безъ исключенія жители Россіи въ одинаковой степени; 3) чтобы подача голосовъ при выборахъ производилась тайно, иначе лица власть имущіе могутъ оказывать вліяніе на избирателей или подчиненныхъ (напр., предприниматели на своихъ рабочихъ) и проводить въ законодательное собраніе своихъ кандидатовъ; 4) чтобы всѣ желающіе могли свободно собираться для какихъ-угодно цѣлей и свободно устраивать всякаго рода общества; 5) чтобы каждый могъ свободно держаться вѣры, которую онъ находитъ наиболѣе правильной; 6) чтобы каждый могъ въ публичныхъ рѣчахъ и въ печати высказывать свои взгляды по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ; 7) чтобы никто не могъ быть арестованъ и высланъ безъ постановленія суда.

„Безъ всѣхъ этихъ правъ мы никогда не добьемся улучшенія своей жизни, а потому напряжемъ всѣ свои силы, чтобы добиться ихъ... Итакъ, товарищи, время теперь удобное: смѣло и дружно пойдемъ на борьбу съ самодержавіемъ, общими силами преодолѣемъ всѣ препятствія и выйдемъ изъ этой борьбы побѣдителями“.

Вотъ вкратцѣ содержаніе прокламаціи. Но никакой демонстраціи не произошло.

Въ другомъ сообщеніи изъ Сибири намъ пишутъ, что упомянутые листки были распространены во всѣхъ крупныхъ сибирскихъ городахъ, какъ-то Томскъ, Омскъ, Красноярскъ, Иркутскъ, Благовѣщенскъ. Въ этихъ листкахъ послѣ „выясненія значенія перваго мая и политическихъ требованій — восьмичасоваго рабочаго дня, свободы собраній, слова и т. д., указывалось на важность соединенія съ широкой протестующей публикой, на образованіе одного общаго революціоннаго потока“. 18-го апрѣля въ нѣкоторыхъ мастерскихъ (въ Томскѣ) рабочіе бросили работу съ 12 час. дня. Перваго мая по русскому стилю были снова распространены листки, какъ среди рабочихъ, такъ и въ публикѣ вообще. Часть листковъ напечатаны въ типографіи.

Первое мая въ Тифлисѣ. Событіе, бывшее въ воскресенье 22-го апрѣля (ст. стиля) въ Тифлисѣ, является исторически-знаменательнымъ для всего Кавказа: съ этого дня на Кавказѣ начинается открытое революціонное движеніе. Уже 3-4 года, какъ тифлискіе сознательные рабочіе начали сплачиваться подъ общимъ рабочимъ знаменемъ и начали соединенными силами вести борьбу противъ господствующихъ классовъ и противъ настоящаго государственнаго строя. Кто могъ предположить, что вчерашній трусъ, неопытный и неграмотный армянинъ или грузинъ-рабочій — сегодня герой, готовый проливать свою кровь и идти на мученія за общее святое дѣло? И они, какъ нельзя лучше, доказали это 22-го апрѣля.

Прежде всего нужно замѣтить, что съ недавняго времени началась усиленная и энергичная соціалистическая пропаганда среди рабочихъ кружковъ, хорошо организованныхъ, а рабочія собранія, бесѣды о рабочемъ вопросѣ и распространеніе въ громадномъ количествѣ брошюръ между русскими, грузинскими и армянскими рабочими, — все это имѣло значительное вліяніе на ростъ и развитіе рабочей партіи. Праздникъ перваго мая также имѣлъ воспитательное значеніе для рабочихъ. Этотъ праздникъ за послѣдніе годы совершался за городомъ, далеко отъ полиціи и отъ глазъ администраціи. Въ прошломъ году, напр., не смотря на отвратительную дождливую погоду, болѣе 400 рабочихъ разныхъ національностей праздновали первое мая за 4 версты отъ города на открытомъ воздухѣ въ одномъ ущельи. Въ этомъ же году мѣстный комитетъ рѣшилъ отпраздновать первое мая, устроивъ торжественную манифестацію въ городѣ. Этого хотѣли и сами рабочіе, но не того хотѣла администрація: начались ежедневные аресты, обыски. Въ настоящее время Метехскій замокъ и губернская тюрьма переполнены арестованными рабочими и соціалистами; число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ, а, можетъ быть, и до тысячи: фактъ тотъ, что сажать больше некуда, и новыхъ арестованныхъ отправляютъ въ военную тюрьму. Отъ послѣднихъ движеній въ большихъ городахъ наше идіотское правительство совсѣмъ потеряло голову. Представьте себѣ, что оно еще за недѣлю до 22-го апрѣля разставило драгунъ и казаковъ вокругъ желѣзнодорожныхъ и городскихъ мастерскихъ и заводовъ, чтобы нагнать страхъ на рабочихъ и заставить ихъ такимъ образомъ отказаться отъ празднованія перваго мая. Но рабочіе не испугались: они рѣшили отпраздновать свой праздникъ во что бы то ни стало. День праздника — 22-ое апрѣля (первое воскресенье послѣ перваго мая), а мѣсто сборища — Солдатскій базаръ въ центрѣ города. Оттуда кортежъ долженъ былъ направиться по П[illegible]ской улицѣ на Эриванскую площадь, а потомъ на Дворцовую улицу и Головинскій проспектъ. Въ назначенное время число собравшихся рабочихъ достигло до 3000 чел. Сигналъ былъ данъ, и красное рабочее знамя поднялось и заколыхалось въ воздухѣ; на немъ были портреты Маркса, Лассаля и Энгельса и надписи на грузинскомъ, армянскомъ и русскомъ языкахъ: „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!“. „Да здравствуетъ восьмичасовая работа!“ При видѣ знамени раздались громовые голоса: „Да здравствует [illegible]публика, да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ восьмич[illegible]я работа!“ Администраціи было извѣстно о манифестаціи, и [illegible] заранѣе приняла свои мѣры: какъ только процессія двинулась, со всѣхъ сторонъ на участниковъ ея набросились жандармы и сыщики, имѣя во главѣ извѣстнаго своимъ звѣрствомъ жандармскаго капитана Лаврова, полицейскіе и солдаты; они били манифестантовъ нагайками и обнаженными шашками, у рабочихъ же почти ничего не было, кромѣ мускулистыхъ рукъ для самозащиты, Невозможно описать ту возмутительную картину. которая получалась при поголовномъ избіеніи манифестантовъ. Страшная паника настала во всемъ городѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остановилась конка: кучера соскакивали и бѣжали къ мѣсту побоища на помощь своимъ братьямъ-рабочимъ, Отчаянная борьба продолжалась три четверти часа; за это время много крови было пролито, много раненыхъ пало! Вотъ падаетъ раненый рабочій; онъ весь въ крови; полицейскіе начинаютъ топтать его ногами, а онъ, не переставая, продолжаетъ кричать: „Да здравствуетъ соціализмъ, да здравствуетъ восьмичасовая работа!“ Въ другомъ мѣстѣ одна женщина (тамъ было нѣсколько женщинъ-манифестантокъ), увидѣвъ звѣрскіе удары одного пристава, съ яростью напала на него, разорвала на немъ мундиръ и цѣлыми клоками стала вырывать у него волосы. Атлетъ-знаменоносецъ Аракелъ (армянинъ) схватываетъ одной рукой обнаженную шашку, поднятую надъ его головой, и ломаетъ ее на двѣ части. Рабочій Махарадзе (грузинъ), получивъ три раны саблей, выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера и ранилъ двухъ городовыхъ. Приставъ Гедевановъ тяжело раненъ. Самъ полицмейстеръ Ковалевъ, получивъ сильный ударъ въ ногу, вынужденъ былъ слѣзть съ лошади и сѣсть въ экипажъ. Вскорѣ явились казаки, а за ними губернаторъ. Манифестанты были разсѣяны. Цѣлыхъ три дня послѣ того Тифлисъ былъ на военномъ положеніи. Арестованныхъ много, хотя оффиціальная газета „Кавказъ“ сообщаетъ будто ихъ всего 41 человѣкъ. Нѣмецкій студентъ, защищавшій рабочихъ, получилъ тяжелыя раны отъ полицейскихъ и умеръ (?) въ тюрьмѣ.

Тифлисъ, май 1901 г.

От редакціи „Дрошакъ“,
Органъ армянской федеративной революціонной партіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо первое.

То, что предвидѣли всѣ, кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ французской соціалистической партіи въ послѣдніе годы, осуществилось: ліонскій конгрессъ завершился новымъ расколомъ партіи, вторымъ по счету въ теченіе года и, вѣроятно, не послѣднимъ. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто проливаетъ по этому поводу слезы, хотя и понимаемъ, что необходимымъ условіемъ успѣшной борьбы пролетаріата является объединеніе всѣхъ его силъ, ибо внѣ объединенія нѣтъ и не можетъ быть планомѣрной соціалистической борьбы. Ампутація всегда болѣзненна. Но подобно тому, какъ человѣческій организмъ иногда оживаетъ и расцвѣтаетъ послѣ необходимой хирургической операціи, такъ и революціонная партія, чтобы быть въ состояніи развивать и утилизировать всѣ свои силы, чтобы укрѣпить свою оборонительную и наступательную позицію, вынуждена иногда круто порвать съ элементами, задерживающими ея развитіе, отвлекающими ее отъ той цѣли, которую она себѣ ставитъ, подтачивающими и ослабляющими ея революціонную энергію. Именно такой моментъ переживаетъ, по нашему мнѣнію, въ настоящее время французская соціалистическая партія.

Процессъ сплоченія соціалистическихъ силъ, начавшійся въ 1892 г. и завершившійся полнымъ объединеніемъ ихъ на общемъ конгрессѣ 1899 г., происходилъ при условіяхъ, исключительно благопріятныхъ для роста соціалистической партіи. Но эти же условія были неблагопріятны въ томъ отношеніи, что бросили въ ряды партіи значительное число элементовъ, по существу не признававшихъ самое основаніе соціалистической теоріи и практики — принципъ классовой борьбы. Объединенная партія оказалась слишкомъ разнородной, чтобы сохранить то единство цѣли и то единство практической дѣятельности, безъ котораго немыслима ни одна партія, въ особенности партія революціонная. Въ нѣдрахъ объединенной партіи оказались, въ сущности, двѣ совершенно различныя партіи, изъ которыхъ одна — громаднѣйшее большинство — оставалась вѣрна традиціямъ революціоннаго соціализма, т. е. оставалась на почвѣ классовой борьбы, а другая — незначительное меньшинство — стала проповѣдывать антиреволюціонную теорію „сотрудничества классовъ“. Этимъ основнымъ разногласіемъ обусловливалось ихъ различное пониманіе всей постановки партійной дѣятельности. Обѣ онѣ одинаково признавали необходимость реформъ, т. е. необходимость добиваться такого улучшенія положенія рабочаго класса, которое возможно въ буржуазномъ обществѣ, но въ то время, какъ революціонеры считали необходимымъ прежде всего отстаивать отдѣльное и самостоятельное существованіе классовой рабочей соціалистической партіи и оцѣнивали всякія реформы лишь постольку, поскольку онѣ способны укрѣпить оборонительную и наступательную позицію пролетаріата въ его борьбѣ за соціализмъ, — въ глазахъ другихъ эти реформы составляли цѣль, являлись сами по себѣ благомъ, для достиженія котораго рекомендовалось постоянное сотрудничество съ „сосѣдними“ демократическими партіями. Тогда какъ первые требовали, чтобы соціалистическая партія руководилась во всей своей дѣятельности тѣмъ основнымъ положеніемъ соціалистической программы, по которому интересы пролетаріата глубоко враждебны интересамъ всѣхъ фракцій буржуазіи (хотя это не отрицаетъ возможности временныхъ союзовъ съ той или другой фракціей на почвѣ опредѣленныхъ вопросовъ), — другіе рекомендовали постоянную совмѣстную дѣятельность съ болѣе или менѣе демократически настроенной буржуазіей, что предполагаетъ существованіе постоянныхъ общихъ интересовъ — и политическихъ, и экономическихъ — у пролетаріата и у этихъ фракцій буржуазіи.

Естественно, что на первыхъ же шагахъ практическаго примѣненія этихъ направленій между ними должны обнаружиться такія глубокія разногласія, которыя заставятъ ихъ распрощаться и обособиться въ отдѣльныя организаціи. Бернштейнъ можетъ ужиться рядомъ съ Каутскимъ въ одной и той же партіи лишь до тѣхъ поръ, пока бернштейніанство является только, если можно такъ выразиться, общей теоріей компромисовъ. Но какъ только соціально-политическія условія дадутъ возможность бернштейніанству начать осуществляться въ практическихъ мѣропріятіяхъ, между его направленіемъ и направленіемъ революціонной соціалдемократіи неизбѣжно долженъ произойти расколъ. Мильерандизмъ — это практика бернштейніанства; вотъ почему онъ не могъ ужиться рядомъ съ революціоннымъ соціализмомъ Геда, Вальяна, Лафарга и мног. друг.

На какой почвѣ выросъ мильерандизмъ во Франціи? Вопросъ этотъ слишкомъ обширный и отвѣтить на него достаточно подробно здѣсь нѣтъ никакой возможности. Но отвѣтить на него необходимо, ибо иначе трудно разобраться въ той сложной сѣти сталкивающихся и переплетающихся теченій, которыя приходится въ настоящее время наблюдать въ глубоко интересной и поучительной жизни французской соціалистической партіи.

Выше я сказалъ, что процессъ сплоченія соціалистическихъ силъ во Франціи происходилъ при условіяхъ, исключительно благопріятныхъ для роста соціалистической партіи. Вѣрнѣе будетъ даже сказать, что именно подъ вліяніемъ этихъ условій и начался, происходилъ и завершился этотъ процессъ. Это было въ началѣ девяностыхъ годовъ. Между крупной городской и сельской буржуазіей состоялся компромисъ на почвѣ экономической, — компромисъ, за которымъ вскорѣ послѣдовало соглашеніе и на почвѣ политической. Это соглашеніе знаменуетъ собою начало самой мрачной реакціи третьей республики, — реакціи и политической, и соціальной. Демократическія свободы, добытыя столь дорогою цѣною, стали явно попираться; всѣ попытки самодѣятельности пролетаріата жестоко и систематически преслѣдовались; вся экономическая политика оппортунистскихъ правителей явно стремилась служить интересамъ одного лишь крупнаго капитала. И въ это-то время въ странѣ, гдѣ мелкая буржуазія столь многочисленна, гдѣ экономическое положеніе этого класса становилось все болѣе и болѣе шаткимъ и непрочнымъ, не было никакой организованной буржуазно-демократической партіи, которая явилась бы выразительницей интересовъ этого класса, которая выработала бы программу его экономическихъ требованій. Антиклерикальная демагогія однихъ, туманная декламація противъ „монополій“ и „финансовыхъ феодаловъ“ другихъ, да общая сонливость и дряблость всѣхъ — вотъ къ чему свелась программа и дѣятельность нѣкогда воинственной радикальной партіи, не говоря уже о томъ, что большинство шефовъ этой мертвой партіи скомпрометированы были въ разныхъ грязныхъ „панамахъ“ и проч.

Это отсутствіе борьбы между промышленной буржуазіей и землевладѣльческимъ классомъ, съ одной стороны, и отсутствіе организованной буржуазно-демократической партіи — съ другой ставило соціалистическую партію въ исключительно-благопріятное положеніе, но въ то же время требовало отъ нея большой осторожности. Соціалистическая партія, выразительница интересовъ пролетаріата, явилась единственной дѣятельной, активной защитницей демократическаго строя. Помимо того, такъ какъ выставленная ею программа-минимумъ была, по существу, лишь расширенной программой прежней радикальной партіи, то она, силою вещей, оказалась не только революціонной партіей пролетаріата, но и единственной реформаторской партіей, къ которой, поэтому, стали тяготѣть наиболѣе прогрессивные, наиболѣе дѣятельные элементы радикальной буржуазіи.

Такая сложная, отвѣтственная роль могла быть выполнена лишь объединенной партіей, и съ тѣхъ поръ объединеніе дѣйствительно начало осуществляться, сперва въ парламентѣ, потомъ постепенно и въ странѣ. Приступивъ къ выполненію своей роли бодро и энергично, выставивъ въ парламентѣ рядъ блестящихъ талантовъ, борясь съ реакціей изо дня въ день, не уступая ей ни одной пяди безъ боя, соціалистическая партія вскорѣ привлекла къ себѣ симпатіи всей демократіи. Соціализмъ вошелъ въ моду. Всякій, кто недоволенъ былъ существующимъ, кто желалъ реформъ, сталъ называть себя соціалистомъ. Постепенно стали стираться границы — по существу столь глубокія — между революціоннымъ соціализмомъ и буржуазнымъ демократизмомъ. Тогда по требованію старыхъ революціонеровъ рѣшено было вновь прорѣзать эту границу, — и Мильеранъ произнесъ свою извѣстную рѣчь-программу въ **avenue Saint-Mandé**, съ именемъ которой съ тѣхъ поръ связана эта памятная рѣчь. Рѣчь эта была произнесена въ 1896 г., т. е. черезъ три года послѣ того, какъ составилась парламентская соціалистическая группа. Рѣчь эта была крайне умѣренная, какъ мы сейчасъ увидимъ, но въ ней были перечислены три основные пункта интернаціональной соціалдемократіи: признаніе принципа классовой борьбы, интернаціональнаго характера соціалистической борьбы и необходимости соціализаціи средствъ производства и обмѣна. Когда парламентская группа, черезъ нѣсколько дней, рѣшила, со своей стороны, принять эти 3 пункта соціалистической программы, 15 депутатовъ протестовали противъ этого и вышли изъ группы, заявивъ, что, хотя они и соціалисты, но никогда не признаютъ ни принципа классовой борьбы, ни интернаціонализма, ни коллективизма. Фактъ этотъ достаточно характеризуетъ тотъ „соціализмъ“, который былъ тогда въ модѣ во Франціи. Какъ бы то ни было партія отдѣлалась отъ значительной части вторгшихся въ нее мелкобуржуазныхъ элементовъ.

Но и самъ Мильеранъ, произнесшій эту рѣчь, былъ тоже своеобразнымъ „соціалистомъ“. И въ рѣчи **Saint-Mandé**, и во всѣхъ другихъ своихъ программныхъ рѣчахъ Мильеранъ неизмѣнно заявлялъ себя принципіальнымъ противникомъ революціоннаго образа дѣйствій. Онъ ожидалъ осуществленія соціализма путемъ мирныхъ и постепенныхъ законодательныхъ реформъ. Соціализація средствъ производства должна была, по его мнѣнію, совершаться постепенно, по мѣрѣ того, какъ одна отрасль производства за другою будетъ „созрѣвать“ для такого превращенія. Соціалистическая партія была въ его глазахъ не независимой, отдѣльно отъ другихъ партій существующей партіей пролетаріата, а „крайнимъ лѣвымъ флангомъ общей демократической партіи“. „Противъ олигархической и плутократической партіи — говорилъ онъ въ 1898 г. — стоитъ партія демократіи, оставшаяся вѣрной республиканскимъ идеямъ и желающая, чтобы республиканская форма правленія принесла всѣ свои плоды: во главѣ ея идетъ соціалистическая партія“. И эта послѣдняя должна въ своей программѣ-минимумъ выставлять не специфическія требованія пролетаріата, а требованіе такихъ реформъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ партіи, — и въ числѣ такихъ реформъ Мильеранъ выставилъ, напр., въ 1898 г. требованіе двухлѣтней военной службы и учрежденіе пенсіонныхъ кассъ для старцевъ и немощныхъ. Выставляя такую программу „реформъ“ — заключалъ онъ — „соціалистическая партія произведетъ сильное впечатлѣніе и представитъ неопровержимое доказательство, что она является въ настоящемъ смыслѣ слова партіей правительственной“.

Неудивительно, что человѣка, который, „признавая“ основные принципы соціалдемократіи, въ то же самое время дѣлалъ подобныя заявленія, — давно уже подозрѣвали (какъ это признаютъ теперь въ печати Вальянъ, Гэдъ и мног. др.) въ стремленіи стать министромъ. И дѣйствительно, когда понадобилось ликвидировать дѣло Дрейфуса и буржуазіи нужно было дать мѣсто въ министерствѣ представителямъ „соціализма“, она обратилась къ человѣку, въ глазахъ котораго соціалистическая партія была „въ полномъ смыслѣ слова правительственной партіей“. И Мильеранъ сдѣлался министромъ.

Какъ только это вступленіе соціалиста въ министерство сдѣлалось извѣстнымъ, революціонеры очень энергично запротестовали. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого акта долженъ былъ быть расколъ. Тогда со всѣхъ сторонъ стали требовать, чтобы созванъ былъ общій съѣздъ всѣхъ соціалистическихъ организацій и чтобы на этомъ съѣздѣ былъ рѣшенъ, между прочимъ, и вопросъ о Мильеранѣ. Съѣздъ состоялся въ декабрѣ 1899 г. Объединеніе было вотировано, но вопросъ о Мильеранѣ не былъ рѣшенъ окончательно. Была принята принципіальная резолюція, гласившая, что принципъ классовой борьбы не допускаетъ вступленія соціалиста въ буржуазное министерство, — и только. Когда одинъ изъ участниковъ съѣзда предложилъ, чтобы съѣздъ обратился съ требованіемъ къ Мильерану либо покинуть министерство, либо выступить изъ партіи, то это предложеніе даже не было поставлено на голосованіе. Съѣздъ ограничился своимъ принципіальнымъ заявленіемъ. Всѣ сторонники Мильерана торжественно заявили, что подчиняются рѣшенію большинства.

Но когда участники съѣзда разъѣхались по домамъ, все пошло по старому. Постановленіе съѣзда толковалось сторонниками Мильерана въ томъ смыслѣ, что въ будущемъ ни одинъ соціалистъ не можетъ вступать въ министерство безъ разрѣшенія партіи, но т. к. Мильеранъ вступилъ въ министерство до того, какъ состоялось это постановленіе, то оно на него не распространяется. Вопросъ этотъ по прежнему раздѣлялъ партію на два непримиримые лагеря, и съѣзду 1900 г. предстояло снова вернуться къ нему. Такъ какъ на первомъ съѣздѣ за революціонную тактику высказалось огромнѣйшее большинство делегатовъ, то сторонники Мильерана въ нѣсколько разъ увеличили число своихъ группъ путемъ раздѣленія болѣе крупныхъ организацій на множество мелкихъ и привлеченія большого числа профессіональныхъ синдикатовъ и радикальныхъ организацій: въ то время, какъ на съѣздѣ 1899 г. было представлено 1200 мандатовъ, съѣздъ 1900 г. насчитывалъ ихъ свыше 2800. Большинство оказалась на сторонѣ приверженцевъ Жореса и Мильерана, и вся Французская Рабочая Партія („гедисты“), наиболѣе сильная и дисциплинированная партія во Франціи, предпочла покинуть съѣздъ и порвать съ партіей, въ которой открыто торжествовалъ мильерановскій оппортунизмъ.

Несмотря на уходъ гедистовъ, ихъ единомышленники (соц.-революціонная партія — бывшіе бланкисты — и нѣкоторыя авто номныя организацій) остались на съѣздѣ, чтобы попытаться найти почву, на которой могли бы сойтись всѣ соціалисты. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ они оставались въ предѣлахъ партіи, расчитывая, что удастся все-таки изгнать изъ партіи оппортунизмъ мильерандистовъ. Послѣднюю попытку они сдѣлали на ліонскомъ конгрессѣ.

О томъ, что произошло на этомъ конгрессѣ, какъ и объ его послѣдствіяхъ, я скажу въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Февральскія и мартовскія событія въ Россіи не могли пройти незамѣтно для австрійскаго рабочаго класса и передового австрійскаго студенчества. Сейчасъ послѣ того, какъ кіевскіе студенты были отданы въ солдаты, во Львовѣ собрались въ одномъ ресторанѣ всѣ русинскіе студенты и сообща выработали, напечатали и разослали во всѣ студенческіе кружки Австріи протестъ противъ варварства русскаго деспотизма. Кромѣ того, русинскіе студенты составили на малорусскомъ языкѣ слѣдующій адресъ русскому передовому студенчеству, который они просятъ насъ опубликовать въ газетѣ „Искра": „Товарищи! Послѣднія событія въ русскихъ университетахъ тронули до глубины души всю украинскую молодежь Австріи. Они опять показали намъ все варварство и одичалость россійскихъ порядковъ, полицейскіе инстинкты и низкій моральный уровень университетскихъ властей и отсталость той обстановки, среди которой приходится жить большой части украинской молодежи и всему студенчеству русскаго государства. Признавая всю необходимость и трудность борьбы, которую Вы подняли для защиты своей чести и человѣческихъ правъ, мы высказываемъ наши симпатіи и глубокое уваженіе тѣмъ товарищамъ, которые пали жертвами въ этой борьбѣ. Мы, отдѣленные отъ Васъ солдатскимъ кордономъ, не можемъ придти въ Ваши ряды и принять участіе въ той сѣчи, въ которой Вы падаете подъ ударомъ вражьихъ рукъ. Мы, къ сожалѣнію, осуждены въ бездѣйствіи ожидать здѣсь извѣстій съ поля битвы! Но мы болѣе чѣмъ убѣждены, что борьба эта скоро окончится для Васъ полной побѣдой, а потому отъ всей души поздравляемъ Васъ и восклицаемъ: счастливой борьбы, товарищи! Львовъ (Лембергъ), 24-го марта н. ст. 1901 г."

Вскорѣ въ Прагѣ чешскими студентами-радикалами былъ учрежденъ комитетъ, на который была возложена обязанность заняться организаціей во всѣхъ университетскихъ городахъ Австро-Венгріи студенческихъ митинговъ для выраженія симпатіи русскимъ борцамъ за свободу и для протеста противъ жестокой расправы, учиненной царскими опричниками въ Петербургѣ и другихъ русскихъ городахъ. Рѣшено было, чтобы митинги состоялись по всѣмъ городамъ въ одинъ и тотъ же день; но австрійская полиція, напуганная, какъ видно, женевской демонстраціей противъ русскаго консула, начала запрещать устройство подобныхъ митинговъ, мотивируя свое запрещеніе 1) тѣмъ, что „нечего причинять обиды сосѣднему государству, съ которымъ мы живемъ въ мирѣ" и 2) — студенческіе кружки всѣ научные, а устраиваемые ими митинги носятъ политическій характеръ, что закономъ не разрѣшается. Иначе посмотрѣло на это дѣло общество. Оно явилось на помощь студентамъ. Въ Прагѣ союзъ соціалполитиковъ созвалъ отъ своего имени собраніе, на которомъ далъ возможность чешскимъ студентамъ выразить свое отношеніе къ русскому рабочему и къ русскому студенческому движенію, съ одной стороны, и къ царизму — съ другой. Политика русскаго царя подвергалась здѣсь такой рѣзкой критикѣ, что полицейскій коммиссаръ распустилъ собраніе. Съ криками: „Долой русскаго царя! Да здравствуетъ революція въ Россіи! Да здравствуетъ русскій рабочій народъ!" студенты вывалили на улицу, стараясь демонстративно пройтись мимо русскаго консульства. Къ студентамъ присоединились рабочіе, возвращавшіеся въ свою очередь съ собранія, на которомъ парламентскій депутатъ Игнатій Дашинскій, хорошо знакомый съ Россіей (въ одномъ изъ русскихъ остроговъ ему пришлось просидѣть полтора года за политическую агитацію среди поляковъ), говорилъ о положеніи дѣлъ въ Россіи. Демонстрація принимала грандіозные размѣры, и полиціи съ большимъ трудомъ удалось разсѣять толпу и помѣшать ей добраться до помѣщенія русскаго консульства.

Вѣнскіе студенты назначили свой митингъ на 26-ое апрѣля. Полиція его не разрѣшила. Тогда этотъ же митингъ былъ созванъ на 29-ое апрѣля политической рабочей организаціей третьяго участка города Вѣны. Митингъ состоялся въ первоклассномъ и самомъ большомъ по своимъ размѣрамъ ресторанѣ Ронахера. Народу — большей частью студентовъ — собралось свыше 3000. Залъ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ принять участіе въ протестѣ противъ порядковъ, существующихъ въ Россіи. Сюда же пришли и нѣкоторые профессора и приватъ-доценты вѣнскаго университета. Послѣ рѣчей представителей студенчества, выразившихъ горячее сочувствіе своимъ русскимъ коллегамъ и русскимъ рабочимъ, борющимся противъ царскаго деспотизма, на трибуну взошелъ депутатъ парламента Энгельбертъ Пернерсторферъ, который началъ проводить параллели между современнымъ русскимъ студенчествомъ и студенчествомъ австрійскимъ 1848 г. и нынѣшнимъ. Его рѣчь произвела на всѣхъ присутствующихъ сильное впечатлѣніе. „Съ радостью отмѣчаю тотъ фактъ, — сказалъ онъ, — что вѣнское студенчество оставило въ сторонѣ свою партійность, свое политическое разногласіе и свои національныя распри, какъ только дѣло коснулось манифестаціи въ пользу свободы". Только одна незначительная группа проживающихъ въ Вѣнѣ австрійскихъ студентовъ сербовъ-націоналистовъ, все еще убѣжденныхъ вслѣдствіе своей наивности и недальновидности въ томъ, что русскій царь со своими солдатами спасетъ ихъ отъ австро-венгерскаго гнета и дастъ имъ автономію, заявила въ лицѣ одного студента свою несолидарность съ протестомъ въ той его формѣ, какую онъ принялъ на этомъ митингѣ. Крики: „Долой! будетъ!" заставили оратора сойти съ трибуны, не кончивъ своей рѣчи. Отъ имени вѣнскихъ рабочихъ говорилъ на этомъ митингѣ депутатъ парламента Вильгельмъ Элленбогенъ. „Поступокъ русскаго правительства противъ Толстого — говорилъ онъ — есть пощечина, данная русскимъ абсолютизмомъ европейской культурѣ. Кровь, пролитая въ Петербургѣ — наша кровь: не чужды намъ люди, борющіеся въ Россіи, мы ихъ хорошо знаемъ, это люди, которые прошли ту же школу, что и мы: школу порабощенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ царь обратился ко всему образованному міру съ предложеніемъ устроить повсемѣстный миръ. Онъ ждетъ отвѣта, и мы его даемъ ему: пусть устроится раньше миръ въ твоемъ собственномъ государствѣ!" Отъ имени польской колоніи въ Вѣнѣ говорилъ одинъ студентъ-технологъ. „Я уполномоченъ — сказалъ онъ — отъ имени поляковъ выразить протестъ противъ поступка студентовъ-поляковъ варшавскаго университета, которые, руководствуясь какимъ-то узкимъ, ничѣмъ не объяснимымъ національнымъ шовинизмомъ, отказались во вредъ собственному дѣлу принимать участіе въ общемъ протестѣ студентовъ русскихъ университетовъ. Въ борьбѣ съ абсолютизмомъ всѣ національности должны идти рука объ руку, и только въ такомъ случаѣ борьба эта будетъ успѣшна. Надѣемся, что польскіе студенты въ Россіи поняли свою оплошность и впредь будутъ знать, какъ имъ поступать!"

Митингъ закончился къ полуночи. Съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ толпа медленно очищала мѣсто собранія. Раздавались крики: „Долой русскаго царя! Да здравствуетъ соціальная революція!"... На улицѣ масса пѣшихъ и конныхъ полицейскихъ. Произведено нѣсколько арестовъ. Толпа широко раскинулась по всему центру Вѣны. Полиція направила всѣ усилія къ тому, чтобы отстоять консульство и не допустить къ нему демонстрантовъ. Одному моему знакомому все-таки удалось разными закоулками пробраться туда, и вотъ что онъ мнѣ потомъ разсказалъ: „У воротъ консульства двое городовыхъ, на углахъ улицы конные и пѣшіе патрули, прохожимъ воспрещаютъ останавливаться, въ помѣщеніи консульства, не смотря на поздній часъ, свѣтло. У воротъ стоитъ самъ консулъ, окруженный всей своей дворней. Два человѣка, которыхъ я видѣлъ на митингѣ, ведутъ съ нимъ оживленный разговоръ, какъ видно, разсказываютъ ему все, что видѣли и слышали на митингѣ. Я хотѣлъ-было подойти поближе, но подоспѣвшій полицейскій приказалъ мнѣ удалиться".

Вѣнскій митингъ произвелъ огромное впечатлѣніе, такъ что даже легальная русская печать не могла обойти его молчаніемъ, хотя, какъ поступили, напр., царскія „С.-Петербургскія Вѣд." (см. ном. 116, отъ 30-го апрѣля), старались загладить впечатлѣніе протеста наивнымъ увѣреніемъ, будто митингъ былъ устроенъ одними нѣмцами и евреями. Что недостатка въ славянахъ и даже романахъ (румыны, итальянцы) на митингѣ не было, это фактъ. Фактъ также и то, что преобладали нѣмцы и евреи, какъ заявляетъ „Нов. Время". Но, гг. Суворины и Трубецкіе, вѣдь смѣшно и ожидать, чтобы на митингѣ студентовъ нѣмецкаго университа преобладалъ славянскій или романскій элементъ. А за доказательствомъ того, что и славянскіе народы перестаютъ видѣть въ русскомъ царѣ поборника правды, прогресса и культуры, что и они извѣрились въ благія обѣщанія русскаго деспота и что и ихъ симпатіи находятся уже на сторонѣ борющагося русскаго студенчества и рабочаго класса, — ходить не далеко. Что сербы и болгаре — славяне, этого, кажется, никто отрицать не будетъ, а между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что въ Бѣлградѣ сербскіе студенты устроили митингъ для выраженія симпатіи русскимъ студентамъ, а затѣмъ и демонстрацію передъ русскимъ консульствомъ, во время которой изъ устъ братьевъ-славянъ раздавались возгласы далеко не лестные для русскаго царя. О протестѣ болгаръ противъ русскаго деспотизма читатель найдетъ ниже особое сообщеніе.

* * *

Первое мая было отпраздновано съ обычнымъ торжествомъ. Работа нигдѣ не производилась, даже городскія работы были пріостановлены. Рабочіе кварталы носили праздничный характеръ. Вообще долженъ замѣтить, что австрійскіе, въ особенности вѣнскіе рабочіе знаютъ цѣну интернаціональному празднику, дню перваго мая. Утромъ во всѣхъ частяхъ города состоялись массовыя собранія, на которыхъ ораторы излагали рабочимъ цѣль и значеніе этого дня. Рабочіе явились на собранія въ воскресной одеждѣ, у всякаго на груди былъ майскій значекъ и красная роза. На всѣхъ собраніяхъ была вынесена одна и та же резолюція, въ которой, между прочимъ, австрійскіе рабочіе выражали свой протестъ противъ жестокости и варварства русскаго абсолютизма и свою солидарность съ русскимъ рабочимъ классомъ и революціоннымъ элементомъ изъ учащейся молодежи. Послѣ обѣда рабочіе устроили манифестацію. Демонстративно прошлись они отдѣльными организаціями по всему городу и, соединившись на одной изъ главныхъ улицъ въ одинъ громадный цугъ, направились въ Пратеръ, загородный паркъ, гдѣ и провели весь остатокъ дня. Во многихъ мѣстахъ играла музыка, рабочіе распѣвали революціонныя пѣсни, устраивали танцы и всякими другими способами старались достойнымъ образомъ отпраздновать этотъ праздникъ труда.

Въ заключеніе замѣчу, что перваго мая лекціи въ вѣнскомъ университетѣ не читаются. Студенты соціалисты своими демонстраціями добились того, чтобы дать возможность праздновать первое мая не только революціоннымъ представителямъ физическаго труда, но и революціоннымъ представителямъ труда умственнаго.

ПОСЛѢДНЯЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ПОБѢДА АВСТРІЙСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

На дняхъ, въ первыхъ числахъ іюля, въ избирательномъ вѣнскомъ округѣ Фаворитенъ происходили выборы депутата въ Нижнеавстрійскій ландтагъ, доставившіе соціалдемократамъ блестящую побѣду надъ буржуазными партіями. Въ этомъ провинціальномъ парламентѣ господствуютъ безраздѣльно злѣйшіе, или вѣрнѣе, нелѣпѣйшіе реакціонеры Австріи, а, пожалуй, и всего цивилизованаго міра, именно — антисемиты. Соціалдемократамъ до крайности затрудненъ, можно сказать, загражденъ доступъ въ него большими ограниченіями избирательнаго права, лишающаго, напр., въ округѣ Фаворитенъ 12.000 рабочихъ возможности участвовать въ выборахъ. Кромѣ платежа извѣстнаго налога, нужно еще имѣть постоянное мѣстожительство въ теченіе трехъ лѣтъ въ данномъ округѣ. Такимъ путемъ, въ Фаворитенѣ больше половины взрослыхъ мужчинъ, т. е. по меньшей мѣрѣ четверть совершеннолѣтнихъ рабочихъ, пользующихся избирательнымъ правомъ для имперскаго парламента, лишены его для нижнеавстрійскаго ландтага. Только сравнительно хорошо поставленное меньшинство рабочаго населенія можетъ участвовать въ выборахъ для него. Вотъ почему соціалдемократы австрійскіе и не пытались еще выступать со своими кандидатами при выборахъ въ ландтагъ.

На этотъ разъ они рѣшились попытать счастье, — и исходъ борьбы вполнѣ оправдалъ ихъ надежды. Борьба была ожесточенная и потребовала со стороны соціалдемократовъ величайшаго напряженія силъ и энергіи. Они выставили кандидатомъ Виктора Адлера, неутомимаго организатора и руководителя австрійской рабочей партіи. Но онъ не только соціалдемократъ, „потрясатель основъ", врагъ народныхъ эксплуататоровъ; онъ еще къ тому же и еврей, а его противникъ — антисемитъ, да еще „соціальный", т. е. моргающій невѣжественной массѣ мелкаго люда ремесленниковъ, лавочниковъ и неразвитыхъ рабочихъ громкими, хорошими словами и обѣщаніями разныхъ „реформъ". Затѣмъ, къ услугамъ антисемитическаго кандидата были большія средства, доставленныя дворянской и поповской партіей для веденія широкой агитаціи и для покупки голосовъ за него и въ пользу его усердно работала городская управа, мошенническимъ образомъ составлявшая избирательные списки, изъ которыхъ она, подъ разными предлогами, выключала многія сотни избирателей, заподозрѣнныхъ ею въ сочувствіи къ соціалдемократамъ. Наконецъ, начало выборовъ назначено было нарочно въ 7 час. утра, когда большинство рабочихъ должно быть уже на работѣ. Прибавьте ко всему этому ложь, клевету, всевозможныя небылицы, распространявшіяся антисемитами въ своихъ газетахъ и безчисленныхъ воззваніяхъ и листкахъ, разсылаемыхъ изъ дома въ домъ, — и вы получите представленіе о трудностяхъ, съ которыми рабочей партіи пришлось бороться въ послѣдней избирательной кампаніи. И тѣмъ не менѣе, она вышла побѣдительницей, благодаря необычайному единодушію, энергіи и самоотверженности передовыхъ рабочихъ.

Недостатокъ матеріальныхъ средствъ, притекавшихъ въ изобиліи въ кассу антисемитической партіи, соціалдемократическіе рабочіе восполнили энтузіазмомъ, страстнымъ воодушевленіемъ и горячимъ желаніемъ видѣть своего любимаго вождя въ ландтагѣ, лицомъ къ лицу съ защитниками и знаменосцами эксплуататоровъ, облекающимися въ овечью шкуру. И велика же, безгранична была радость рабочаго населенія въ Вѣнѣ, когда побѣда стала извѣстной. Рабочіе прекрасно понимаютъ, что, будучи единственнымъ ихъ представителемъ въ ландтагѣ, Адлеръ не въ состояніи будетъ добиться серьезныхъ уступокъ для нихъ; они знаютъ, что одна ласточка весны не дѣлаетъ. Да и самъ Адлеръ въ собраніяхъ во время избирательной агитаціи говорилъ имъ это. Но воспитанные соціалдемократической пропагандой и агитаціей передовые слои австрійскаго пролетаріата привыкли оцѣнивать свои освободительныя усилія не копѣйками, даже не рублями, вообще не чистоганомъ или непосредственными выгодами, а значеніемъ ихъ прежде всего для роста политическаго самосознанія народныхъ массъ и вліянія рабочей партіи. А съ этой точки зрѣнія послѣдняя избирательная побѣда австрійской соціалдемократіи надъ антисемитами является фактомъ очень важнымъ и очень знаменательнымъ. Отнынѣ соціалдемократамъ, этимъ лицемѣрнымъ „друзьямъ народа", работающимъ на пользу поповъ и дворянъ, придется въ нижнеавстрійскомъ ландтагѣ часто выслушивать изъ устъ своего опаснѣйшаго противника горькія истины. Адлеръ будетъ разоблачать ихъ двуличную политику по отношенію къ трудящимся классамъ народа, онъ будетъ вносить разныя предложенія и законопроекты въ пользу этихъ классовъ. Обо всемъ этомъ будутъ знать рабочіе изъ газетъ и отчетовъ самого Адлера въ народныхъ собраніяхъ, — и волей-неволей господствующимъ въ ландтагѣ и вѣнской думѣ антисемитамъ придется все-таки кое-что осуществить изъ требованій рабочей партіи. Но, какъ уже замѣчено выше, не въ уступкахъ главное значеніе ея послѣдней избирательной побѣды. Рабочіе гордятся ею, какъ новымъ проявленіемъ роста своей политической силы и видятъ въ ней брешь, пробитую имъ въ непріятельской крѣпости.

ВЫБОРЫ ВЪ ЦЮРИХСКІЙ ГОРОДСКОЙ СОВѢТЪ.

Въ концѣ іюня происходили выборы гласныхъ въ цюрихскій городской совѣтъ. Въ Швейцаріи, какъ извѣстно, города пользуются чрезвычайно широкимъ самоуправленіемъ, и всѣ совершеннолѣтніе граждане, начиная съ 21-го года, **обязаны** участвовать въ выборахъ городскихъ гласныхъ. Представительство въ этихъ совѣтахъ имѣетъ, поэтому, для соціалдемократовъ не только агитаціонное, но и непосредственно практическое значеніе, какъ важное орудіе для завоеванія разныхъ реформъ въ пользу рабочихъ. Но это обстоятельство имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что швейцарскіе соціалдемократы слишкомъ долго на первомъ планѣ при выборахъ ставили вопросъ о прямыхъ, матеріальныхъ выгодахъ, а изъ-за него забывали агитаціонно-пропагандистскую сторону дѣла. Только въ теченіе девяностыхъ годовъ они спеціально въ Цюрихѣ начали измѣнять свою избирательную тактику, ставя на первый планъ интересы развитія политической самостоятельности и классового самосознанія пролетаріата. Вмѣсто того, чтобы торговаться или входить въ сдѣлки съ либеральными или буржуазными демократами, продавая имъ свои голоса въ обмѣнъ на обѣщаніе получить отъ нихъ поддержку для соціалистическаго кандидата, соціалдемократы начали выступать совершенно самостоятельно, не заботясь о томъ, дадутъ имъ демократы свои голоса или нѣтъ. Особенно широко примѣнена эта тактика на послѣднихъ городскихъ выборахъ въ Цюрихѣ.

И результаты еще разъ наглядно показали, что полная самостоятельность при выборахъ не только принципіально хороша, но и выгодна съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ партіи и рабочихъ массъ. Прежде, когда соціалдемократическая партія не рѣшалась самостоятельно, безъ сдѣлокъ съ буржуазными демократами, выступать на выборахъ, она имѣла крайне мало представителей въ городскихъ и кантональныхъ совѣтахъ. Да и эти немногіе представители считали себя обязанными своимъ избраніемъ демократамъ. Трудно, почти невозможно было на основаніи выборовъ опредѣлить размѣръ силы и вліянія соціалдемократовъ въ рабочемъ населеніи. Послѣдніе же городскіе выборы доставили имъ 31 мѣсто въ цюрихской думѣ. Соціалдемократическіе гласные составляютъ четвертую долю общаго числа совѣтниковъ думы. И — что особенно важно — они знаютъ, что выбраны почти исключительно сознательными рабочими, а не по милости либеральныхъ демократовъ. Вслѣдствіе этого, они гораздо смѣлѣе, рѣшительнѣе и рѣзче смогутъ предъявлять и отстаивать разныя требованія въ пользу рабочихъ. Съ другой стороны, и буржуазное большинство гласныхъ, зная, какимъ вліяніемъ пользуется соціалдемократія въ рабочихъ массахъ, волей-неволей будетъ считаться съ требованіями ея депутатовъ, изъ опасенія, что въ противномъ случаѣ еще большее число соціалдемократовъ перейдетъ въ лагерь соціалдемократіи. Но пойдутъ-ли думскіе представители эксплуататорскихъ партій на уступки или нѣтъ, — и менѣе развитые слои рабочихъ поймутъ, что истинной защитницей ихъ интересовъ является одна только соціалдемократія. Такимъ путемъ борьба самостоятельной рабочей фракціи въ думѣ со всѣми буржуазными гласными явится орудіемъ и школой политическаго воспитанія все новыхъ и новыхъ массъ пролетаріата въ Цюрихѣ и его окрестностяхъ, а косвенно и въ другихъ кантонахъ. Послѣдніе городскіе выборы въ Цюрихѣ составятъ важный этапъ на пути освобожденія швейцарскаго пролетаріата отъ политической опеки буржуазіи. Въ этомъ главное значеніе ихъ результатовъ для соціалдемократіи.

БОЛГАРІЯ.

Апрѣль мѣсяцъ н. г. ознаменовался въ жизни Болгаріи рядомъ событій, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Въ день 20-го апрѣля въ конституціонной Болгаріи исполнилось 25-лѣтіе „Среднегорской революціи", послѣдствіемъ которой было освобожденіе болгарскаго народа и дарованіе ему конституціи. Рѣшено было достойно отпраздновать этотъ великій юбилей. Болгарскій народъ и его интеллигенція готовились воздать почести своимъ героямъ и смѣлымъ борцамъ за независимость, которые своею кровью и цѣлымъ рядомъ жертвъ добились свободы для родной страны.

Центромъ юбилейнаго торжества былъ городъ Панагюрище, бывшій главнымъ пунктомъ революціонной борьбы въ прошлую славную эпоху. Всѣ слои народа и всѣ партіи послали туда своихъ делегатовъ. Самъ князь, подъ вліяніемъ торжественной атмосферы праздника, забылся до того, что сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ по адресу революціонныхъ дѣятелей, поклонился праху павшихъ революціонеровъ и провозгласилъ тостъ за оставшихся въ живыхъ ихъ товарищей. Такъ велъ себя тотъ самый князь Фердинандъ, который упорно стремится ввести въ Болгаріи монархизмъ своихъ предковъ-Бурбоновъ! Это былъ фактъ подлаго княжескаго лицемѣрія, за которымъ плохо скрывалось его всегдашнее желаніе сдѣлаться въ одинъ прекрасный день „царемъ Болгаріи и Македоніи". (Таковой тостъ и былъ произнесенъ однимъ изъ присутствовавшихъ полковниковъ.)

Присутствіе князя и другихъ представителей оффиціальной власти въ Панагюрищѣ — этомъ священномъ мѣстѣ бывшей революціонной борьбы — внесло нежелательный характеръ въ празднованіе: патріотическія рѣчи, военные парады, княжескіе тосты, банкеты, — вотъ что разыгралось здѣсь въ день юбилея. За то въ остальныхъ городахъ Болгаріи юбилей отпраздновался съ должной искренностью и торжественностью и носилъ чисто народный характеръ. Болгарская интеллигенція, носительница современныхъ соц.-дем. идеаловъ, принимала вездѣ живое участіе въ праздновании и воспользовалась удобнымъ случаемъ, чтобы будить сознаніе рабочихъ массъ. Воскрешая въ своихъ рѣчахъ передъ народомъ картины прошлой героической борьбы и образы революціонеровъ-борцовъ за политическую свободу, она подчеркивала современное экономическое рабство рабочаго класса и звала народъ воспользоваться добытой политической свободой для завоеванія свободы экономической. Ея предшествующая просвѣтительная дѣятельность среди рабочихъ массъ и горячія рѣчи во время праздника по всѣмъ уголкамъ Болгаріи вызвали въ народѣ энтузіазмъ, и искренніе возгласы за освободительную борьбу международной соціалдемократіи неслись со всѣхъ концовъ страны.

Такъ отпраздновалъ болгарскій народъ 25-лѣтній юбилей славнаго революціоннаго возстанія.

Въ этомъ національномъ праздникѣ участвовали всѣ города и деревни Болгаріи, только столица ея, Софія, оставалась въ этотъ спокойной.

Причиною такого явленія было странное постановленіе властей перенести празднованіе юбилея въ столицѣ на 23-е апрѣля, когда была назначена торжественная закладка памятника Александру II, и соединить такимъ образомъ эти два торжества, ничего общаго между собою не имѣющія и по характеру своему совершенно исключающія другъ друга. Мотивировано было это постановленіе тѣмъ, что въ отсутствіи князя и оффиціальныхъ сферъ не можетъ состояться празднованіе юбилея въ столицѣ Болгаріи. Такого рода оффиціальное распоряженіе вызвало бурю негодованія въ общественномъ мнѣніи и въ печати. Вотъ что пишетъ по этому поводу „Работнически Вѣстник": „Правительство задумало слить торжества, не имѣющія между собой ничего общаго. Александръ II былъ человѣкъ, олицетворявшій мрачную русскую тиранію, которая и по сегодняшній день давитъ 130 мил. населенія Россіи, а Ботевъ, Левскій, Бенковскій — герои возстанія 70 гг. — были люди, служившіе революціи. Они говорили, что народъ, не умѣющій самъ завоевать себѣ свободу, недостоинъ ея, поэтому они призывали болгарскій народъ возстать, какъ одинъ человѣкъ, чтобы свергнуть тиранію. Александръ же II посылалъ въ Сибирь всякаго, кто осмѣливался мечтать о свободѣ. Если бы

Ботевъ, этотъ безсмертный пѣвецъ свободы, работалъ въ Россіи, то слуги Александра II навѣрняка уморили бы его. Левскій — республиканецъ, отрицавшій царей и князей, говорилъ, что когда освободится Болгарія, онъ поѣдетъ въ Россію бороться за освобожденіе русскаго народа отъ его царя. Такъ что, если бы ему удалось избѣжать турецкой висѣлицы, онъ не миновалъ бы русской. Вопреки всему этому, наше правительство приглашаетъ народъ низкопоклонничать передъ русскимъ царизмомъ въ то самое время, когда онъ будетъ воспѣвать своихъ героевъ революціи".

Живые элементы столицы встрѣтили рѣзкимъ отпоромъ такое насиліе. 22-го апрѣля, наканунѣ предполагаемаго двойного торжества, по иниціативѣ студентовъ, соціалдемократическихъ организацій и македонскихъ революціонеровъ былъ собранъ въ Софіи многолюдный митингъ, на которомъ приняли резолюцію слѣдующаго содержанія: собравшіеся протестуютъ противъ соединенія революціоннаго праздника съ праздникомъ въ честь русскаго монархизма, — особенно въ такой моментъ, когда русское царское правительство убиваетъ мечомъ и нагайкой всякій проблескъ русской свободной мысли; они выражаютъ горячее сочувствіе русскимъ рабочимъ и студентамъ по поводу событій послѣдняго времени въ СПБ., Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ и т. д.; они осуждаютъ болгарское правительство за его лакейство передъ русской тираніей и рѣшаютъ не только не принимать участія въ предстоящемъ праздникѣ по случаю закладки памятника Александру II, но и выразить рѣшительный протестъ.

На другой день, когда оффиціальная Болгарія преклонялась передъ русскимъ царизмомъ и дѣлала оваціи русскому консулу, тысячная толпа народа, рабочихъ и студентовъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ демонстрировала по улицамъ столицы. Передъ памятникомъ незабвеннаго болгарскаго революціонера, Василія Левскаго, демонстранты устроили шумныя оваціи, привѣтствовали Македонію, въ которой теперь кипитъ революціонная борьба, и энергично выраженнымъ протестомъ противъ русскаго царизма приковали его къ позорному столбу...

Такимъ образомъ, празднованіе 23-го апрѣля вышло въ столицѣ Болгаріи, Софіи, дѣйствительно двойнымъ, но только не соединеннымъ, не смотря на всѣ усилія правительства. Революціонный юбилей былъ торжественно отпразднованъ народомъ на улицахъ столицы, но это празднованіе было рѣзко отдѣлено отъ празднованія оффиціальныхъ сферъ. Первое было рѣшительнымъ протестомъ противъ второго. Правительство не могло спокойно проглотить пилюлю, поднесенную ему истинной болгарской демократіей и студенческой молодежью, которыя подняли свой голосъ противъ лакеевъ русскаго царизма и высказали братскую солидарность съ русскими борцами. Оно рѣшило наказать протестующихъ. Услужливая полиція арестовала нѣсколькихъ гражданъ и студентовъ, которые и были задержаны въ участкѣ на сутки, вопреки закону. На другой день арестованные были освобождены. Но особенно жестоко рѣшилъ расправиться съ „виновными" студентами академическій совѣтъ университета, этотъ прислужникъ правительства, оказавшійся въ своемъ усердіи еще болѣе русофильскимъ, чѣмъ оно само. Онъ рѣшилъ уволить изъ университета трехъ студентовъ навсегда и 89 на время отъ одного до трехъ семестровъ.

Это обстоятельство вызвало взрывъ негодованія въ обществѣ. Съ какихъ это поръ въ Болгаріи осужденіе правительства въ лакействѣ и выраженіе солидарности съ русскими революціонерами считается политическимъ преступленіемъ? Болгарская конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ свободу слова, печати и собраній, а студенты прежде всего граждане... Соціалистическая и оппозиціонная пресса забили тревогу. Было организовано нѣсколько митинговъ. Вопросъ изъ печати былъ перенесенъ въ парламентъ. Здѣсь соціалдемократическій депутатъ сдѣлалъ запросъ министру юстиціи, почему сразу не были освобождены арестованные. Министръ отвѣтилъ, что тутъ произошло недоразумѣніе. Другой депутатъ сдѣлалъ запросъ министру-президенту, почему студенты уволены. Министръ призналъ, что наказаніе дѣйствительно очень строгое, и сказалъ, что сдѣлаетъ распоряженіе о принятіи всѣхъ тѣхъ, кто подастъ прошеніе о пріемѣ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Номеръ 11-ый „Рабочей Мысли" содержитъ очень богатый матеріалъ для характеристики положенія петербургскихъ рабочихъ въ періодъ промышленнаго кризиса. Матеріалъ этотъ лучше систематизированъ и тщательнѣе обработанъ, чѣмъ въ прежнихъ номерахъ газеты. Изъ статей общаго характера живо написана статья о мартовскихъ дняхъ („современныя событія"), недурно внутреннее обозрѣніе. Передовая („Насущный вопросъ") развиваетъ политическую программу рабочаго движенія. Находя, что „пятилѣтняя школа" экономической борьбы русскихъ рабочихъ уже окончилась, авторъ думаетъ, что настало „время борьбы за права наши, за нашу жизнь(?) и свободу". Наконецъ-то!, облегченно вздыхаетъ читатель, наконецъ-то и „Рабочая Мысль" нашла, что пора бы ужъ заняться и политической борьбою.

Увы! Оказывается, что программа политической борьбы „Раб. Мысли" построена на песцѣ. „Мы прежде всего, говоритъ онъ, будемъ бороться теперь за свободу стачекъ, союзовъ и собраній, личности, слова и печати, потому что такая свобода — это повышеніе нашего заработка и сокращеніе рабочаго дня" и затѣмъ переходитъ къ вопросу о формахъ борьбы.

Итакъ, призывая къ борьбѣ съ самодержавнымъ правительствомъ, „Раб. Мысль" не призываетъ къ борьбѣ за свержепіе самодержавія. Нѣтъ, она только желаетъ добиться у самодержавія политическихъ правъ для рабочаго класса. Какимъ образомъ совершится это чудо, какимъ образомъ при самодержавномъ строѣ могутъ существовать всѣ указанныя свободы, — объ этомъ нашъ авторъ не говоритъ, да едва-ли и самъ представляетъ себѣ, какъ это случится.

Здѣсь не мѣсто критиковать это удивительное пониманіе политическихъ задачъ нашего движенія. Этой критики было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы вразумить тѣхъ, кто способенъ къ вразумленію. Съ тѣми же, кто, не смотря на опытъ нашего движенія, продолжаетъ цѣпляться за пошлую либеральную идейку возможности достиженія политической свободы безъ сверженія самодержавія, безъ завоеванія конституціи, — съ ними нельзя спорить, съ ними пора бороться. Глубоко прискорбенъ и постыденъ тотъ фактъ, что петербургскіе соціалдемократы допускаютъ проповѣдь на столбцахъ своей газеты такого рода „программъ", несостоятельность которыхъ должна быть ясна всякому сознательному рабочему.

Намъ доставлено сообщеніе о дѣятельности образовавшейся въ этомъ году въ Кіевѣ группы „Рабочей Воли". Согласно этому сообщенію, изъ Кіевскаго Комитета Рос. С.-Д. Партіи выдѣлились лица, недовольныя направленіемъ его дѣятельности, и, вмѣстѣ съ другими соціалдемократами, образовали новую группу, которая „признала необходимымъ главное вниманіе обратить на развитіе массоваго политическаго самосознанія въ рабочихъ, признала необходимымъ самую широкую политическую агитацію". Группа не сочла возможнымъ работать въ предѣлахъ Комитета въ силу его склонности къ „экономической" агитаціи въ ущербъ „политикѣ".

Мы не знаемъ, насколько обосновано это обвиненіе Кіевскаго Комитета въ пренебреженіи къ политическимъ задачамъ соціалдемократіи. Напротивъ того, свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ, равно какъ и фактъ агитаціи Кіевскаго Комитета во время студенческихъ волненій, позволяютъ думать, что „экономизмъ", одно время процвѣтавшій на берегахъ Днѣпра, потерялъ свое обаяніе. Приводимые группой „Рабочей Воли" факты, относящіеся къ этой сторонѣ дѣла, по нашимъ русскимъ условіямъ, слишкомъ стары и не могутъ служить для характеристики взглядовъ теперешняго Комитета.

Намъ, конечно, можетъ быть только пріятно возникновеніе новыхъ группъ, принимающихъ ту программу и тактику, которыя мы пропагандируемъ. Поэтому, и выступленію группы „Рабочей Воли" съ рѣзкой и нѣсколько юношески-задорной критикой отечественнаго „бернштейніанства" мы можемъ только порадоваться, особенно въ виду выраженія новой группой сочувствія нашему изданію. Однако, наше удовольствіе омрачается нѣкоторыми признаками политической незрѣлости, проявляемой новой группой. „Въ настоящее время группа особенно заинтересована въ томъ, чтобы дать возможность рабочему классу самому вести свои дѣла". Благое желаніе, обязательное для всякаго соціалдемократа! Для достиженія этой цѣли соціалдемократія должна какъ можно серьезнѣе относиться къ своей просвѣтительной дѣятельности, должна всѣми зависящими отъ нея средствами поднимать уровень самосознанія рабочихъ, должна стремиться поднять рабочаго до пониманія сложныхъ вопросовъ политической дѣятельности, а не упрощать искуственно эти вопросы, чтобы приспособить ихъ къ наличному уровню пониманія тѣхъ или иныхъ рабочихъ. Развивая политическое самосознаніе рабочаго класса, мы достигаемъ того, что онъ изъ своей среды вырабатываетъ дѣйствительно рабочую интеллигенцію, которая станетъ во главѣ его не для того, конечно, чтобы выбросить за бортъ интеллигенцію, перешедшую на сторону пролетаріата изъ другихъ слоевъ общества, но чтобы свой практическій опытъ соединить съ ея теоретическимъ знаніемъ и революціонной выучкой.

Не такъ, повидимому, полагаетъ новая группа. „Съ этой цѣлью центральное управленіе дѣлами поручено самимъ рабочимъ. Интеллигенты являются лишь исполнителями того или другого рѣшенія".

Хорошъ или плохъ этотъ порядокъ, читатели? А это смотря по тому, каковы данные интеллигенты. Если они по недостатку-ли революціоннаго опыта или политическихъ знаній не могутъ считаться достаточно зрѣлыми членами политической организаціи, то всего лучше имъ ограничиться ролью „исполнителей того или другого рѣшенія". Отъ такого раздѣленія труда дѣло можетъ только выиграть. Это ясно, какъ день. Но такъ же ясно, что такое раздѣленіе функцій должно сообразоваться только со степенью зрѣлости даннаго дѣятеля, а отнюдь не съ тѣмъ, кто онъ такой по профессіи — рабочій или „интеллигентъ". Казалось бы — что, кромѣ вреда, можетъ произойти для дѣла оттого, что какая-либо цѣнная сила будетъ устранена отъ участія въ „рѣшеніяхъ" и оставлена въ роли „исполнителя" по тому собственно случаю, что сила эта одѣта въ сюртукъ, а не въ рабочую блузу, а между тѣмъ „рабочій классъ долженъ самъ вести свои дѣла". Удивительное разсужденіе! Вмѣсто того, чтобы энергично работать надъ ростомъ пролетарской интеллигенціи, предлагается той интеллигенціи, которая готова отдать свои силы пролетаріату, отдавать ихъ только въ той степени, въ какой это требуется для того, чтобы „исполнять то или другое рѣшеніе".

Эта искусственная черта, проводимая между товарищами-интеллигентами и товарищами-рабочими, сближаетъ, какъ это ни странно, новую кіевскую группу съ представителями того самаго „экономизма", противъ котораго она ополчается. „Экономисты" тоже всегда стояли на томъ, чтобы интеллигенты только выполняли рѣшенія рабочихъ и не „навязывали" имъ своего пониманія партійныхъ задачъ. Но у „экономистовъ" такое требованіе было совершенно естественно: они вѣдь къ тому и стремились, чтобы дѣятельность соціалистовъ отражала не ихъ собственное пониманіе цѣлей движенія, а то пониманіе, котораго въ данный моментъ достигли рабочіе того или другого района. Но что понятно у сторонниковъ „экономизма", является совершенно непонятнымъ у ихъ противниковъ. И, мы увѣрены, всякій сознательный соціалистъ-рабочій также горячо запротестуетъ противъ этого ненужнаго расшаркиванія передъ его „мускулистой рукой", какъ и противъ всякаго барскаго отношенія къ пролетарію. Положеніе человѣка въ организаціи не должно опредѣляться количествомъ его дипломовъ, — это несомнѣнно, но оно не должно опредѣляться и количествомъ мозолей на рукахъ. Только степенью полезности для дѣла, степенью преданности ему и революціонными способностями должно опредѣляться это положеніе: таковъ единственный демократическій принципъ соціалистической организаціи. Отмѣченная черта новой группы кіевскихъ товарищей представляетъ крайне нежелательное въ партіи явленіе, съ которымъ приходится нынче бороться, какъ съ „модной болѣзнью". Этой болѣзни мы надѣемся посвятить отдѣльную статью.

Группа „Рабочей Воли" издала за два мѣсяца (мартъ-май) пять „Листковъ Рабочей Воли" — гектографированнаго періодическаго органа съ политической окраской.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Петербургъ. Травля литераторовъ продолжается. Сверхъ уже названныхъ, высылкѣ подверглись: Г. Фальборкъ, В. Чарнолусскій, Л Пантелѣевъ и его жена, В. Воронцовъ (В. В.) и А. Калмыкова.

Относительно одной категоріи высланныхъ интеллигентовъ предупреждаетъ мѣстныя власти нижеслѣдующій документъ.

М. В. Д

Секретно.

Костромскаго Губератора

По канцеляріи.

Циркулярно.

19-го іюня 1901 г.

№ 1370. Г. Кострома.

Гг. Полицмейстеру г. Костромы,
исправникамъ Костромской губерніи.

По разсмотрѣніи въ Особомъ Совѣщаніи, образованномъ согласно ст. 34 Положенія о государственной охранѣ, обстоятельствъ дѣла о проживающихъ въ СПБ нижепоименованныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ политической неблагонадежности, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ постановилъ: воспретить жительство въ университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ литератору Петру Павлову Маслову и доктору философіи Михаилу Михайлову Филиппову на три года, лекарю Василію Павлову Воронцову, дворянину Владиміру Адольфову Генейзеру, присяжному повѣренному Владиміру Леонидову Глинкѣ, студенту Института Путей Сообщенія Владиміру Александрову Заславскому, помощнику присяжнаго повѣреннаго Митрофану Павлову Ульчину (?), фельдшерицѣ Варварѣ Ѳедоровой Кожевниковой, сыну колежскаго ассессора Владиміру Павлову Кранихфельду, отставному штабсъ-капитану Владиміру Викторову Лесевичу, редактору статистическаго отдѣленія Городской Управы Александру Емельянову Лосицкому, Инженеру Путей Сообщенія Николаю Георгіеву Михайловскому, лекарю Ефимію Григорьеву Мунблиту, потомственному почетному гражданину Алексѣю Васильеву Пѣшехонову, секретарю 3-го отдѣла Вольно-Экономическаго Общества Владиміру Владимірову Святловскому и санитарному врачу С.-Петербургскаго Земства Захарію Григорьеву Френкелю на два года и инженеръ-технологу Іосифу Теофилову Зябицкому на одинъ годъ, а лекарю Мойсею Леонтьеву Хейсину лишь въ фабричныхъ мѣстностяхъ на два года.

Объ изложенномъ, вслѣдствіе отношенія Департамента Полиціи, отъ 13-го іюня за ном. 7489, даю знать гг. Полицмейстеру и уѣзднымъ исправникамъ для зависящихъ распоряженій къ воспрещенію означеннымъ лицамъ жительства во ввѣренной мнѣ губерніи на вышеуказанные сроки, исчисляя таковые съ 5-го іюня 1901 года.

Подписалъ: Губернаторъ въ должности егермейстера
Высочайшаго Двора И. Леонтьевъ.

ГОЛОДЪ ИДЕТЪ!*)

На горизонтѣ снова голодъ. . Какъ говорятъ „Петерб. Вѣд.": „О видахъ на урожай въ настоящее время приходятъ неблагопріятныя, тревожныя извѣстія, и то обстоятельство, что оглашаетъ ихъ оффиціальное изданіе („Торгово-Промышленная Газета") дѣлаетъ ихъ еще болѣе тревожными, такъ какъ опытъ предыдущихъ неурожайныхъ годовъ показалъ, что оффиціальныя извѣстія о недородѣ являются самыми запоздалыми, когда уже фактъ недорода дѣлается слишкомъ очевиднымъ".

„Недородъ", — или, переводя это канцелярское выраженіе на человѣческій языкъ, — голодъ грозитъ Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской, Уфимской, Самарской, Сартовской, Воронежской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Курской, Екатеринославской, Харьковской, Таврической губ. и Донской области; сверхъ того, части сѣвернаго Кавказа, Польши и прибалтійскихъ губерній.

На горизонтѣ экономической жизни — голодъ, а на горизонтѣ нашей общественно-политической жизни виднѣются знакомыя картины: борьба правительства съ земствомъ за опредѣленіе „дѣйствительнаго размѣра нужды", урѣзываніе министерскими ножницами смѣтныхъ суммъ продовольственной помощи, обычное цензурное урѣзываніе всѣхъ газетныхъ сообщеній о голодѣ и голодномъ тифѣ, безшабашныя издѣвательства мѣстныхъ властей надъ голодающимъ населеніемъ, имѣющія цѣлью заставить мужика вкушать лебеду вмѣсто хлѣба и не стонать при этомъ и — какъ вѣнецъ всего — всесторонній походъ правительства противъ помощи голодающимъ, организуемой общественной благотворительностью: травля деревенской интеллигенціи, закрытіе кружковъ для помощи голодающимъ, запрещеніе концертовъ въ ихъ пользу, закрытіе столовыхъ. Чего слѣдуетъ ожидать въ этомъ отношеніи — объ этомъ можно судить по ведущейся въ настоящее время „кампаніи" херсонскаго губернатора противъ земскихъ врачей, организовавшихъ помощь голодающимъ Херсонской губерніи. Совсѣмъ на дняхъ запретили оказывать помощь голодающимъ г-жамъ Успенской, Журавской и другимъ.

Въ третій разъ за послѣднее десятилѣтіе Россіи предстоитъ переживать повальную голодовку. Но если въ 1891-1892 годахъ русская демократія только начинала собираться съ силами послѣ долгой летаргіи 80-хъ годовъ, если къ 1897-98 годамъ она была всецѣло поглощена организаціей первыхъ кадровъ борцовъ за свободу, то къ 1901 г. обѣ ея части — и революціонный пролетаріатъ и прогрессивная интеллигенція — значительно лучше организованы и вооружены и могутъ повести систематическій походъ противъ существующаго строя. Еще не смолкъ шумъ первой открытой схватки съ правительствомъ, еще не улеглось волненіе мартовскихъ дней, правительство еще не оправилось отъ нравственныхъ пораженій, и все усиливающаяся безработица, охватившая громадные районы, каждодневно революціонизируетъ умы пролетаріата.

Въ этотъ моментъ на страну надвигается черная туча народнаго бѣдствія, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусокъ хлѣба отъ голоднаго населенія, карающей всякое невходящее въ виды начальства „оказательство" заботы о голодныхъ людяхъ. Пусть же и русская демократія готовится съ честью встрѣтить этотъ моментъ новой борьбы царской опричнины съ обществомъ и народомъ.

„Въ народъ!" Пусть этотъ лозунгъ объединитъ всѣхъ тѣхъ борцовъ за прогрессъ, которые въ силу тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ стоятъ внѣ революціонной борьбы. „Въ народъ!" — не смотря и вопреки тѣмъ рогаткамъ, которыя будетъ ставить правительство; „въ народъ!" — нравится-ли это администраціи, или нѣтъ. Если вамъ запретятъ устраивать кружки помощи голодающимъ, устраивайте ихъ тайно; если вамъ запретятъ печатать въ газетахъ свѣдѣнія о положеніи голодающихъ, публикуйте ихъ нелегально; если вамъ запретятъ призывать открыто къ организаціи общественной помощи, — призывайте черезъ посредство подпольной печати. И на каждый актъ правительственнаго произвола, на каждое правительственное преступленіе противъ жизни голодной деревни отвѣчайте общественнымъ протестомъ. Бойкотируйте и подвергайте публичному посрамленію тѣхъ общественныхъ дѣятелей. которые будутъ стоять за преуменьшеніе ссуды голодающимъ; организуйте протесты противъ правительственныхъ запрещеній общественной помощи, демонстраціи противъ администраторовъ, которые будутъ отличаться рьянымъ выполненіемъ гнусныхъ преднадчертаній высшей власти; поддержите открытымъ выраженіемъ сочувствія тѣхъ, кто подвергнется гоненію за исполненіе гражданскаго долга.

И прежде всего и главнѣе всего — обличайте! Обличайте всѣхъ чиновниковъ, которые будутъ грѣть руки на народномъ бѣдствіи, обличайте всѣхъ расхитителей достоянія, предназначеннаго голодающимъ, всѣхъ героевъ цензурнаго намордника и „пресѣченія" общественной помощи. Обличайте: „Искра" предлагаетъ свои столбцы для начатія обличительной кампаніи противъ „продовольственной кампаніи", которую поведетъ правительство.

А вы, товарищи, вы, соціалисты всѣхъ фракцій, должны сдѣлать все возможное, чтобы на гулъ культурно-либеральной борьбы за накормленіе голодныхъ отвѣтило грозное эхо революціоннаго протеста. Поддерживая каждый общественный протестъ за право помогать голодающимъ, придавайте ему сознательно-политическій характеръ! Революціонизируйте общественное мнѣніе и направляйте его противъ главныхъ виновниковъ бѣдствія! Организуйте на мѣстахъ агитацію за расширеніе ссудъ голодающимъ, призывайте къ протестамъ противъ увѣзыванія этихъ ссудъ правительствомъ! Покажите рабочимъ, что государственный строй, который, обостривъ процессъ промышленнаго развитія, отнялъ у пролетаріата всякія средства самопомощи противъ бѣдствій кризиса, — что это тотъ самый строй, который, усиливая и обостряя нищету въ деревнѣ, оставилъ ее безпомощной въ дѣлѣ борьбы съ послѣдствіями неурожая. Призывайте рабочихъ къ поддержкѣ протестовъ общества, зовите ихъ брать на себя иниціативу организаціи такихъ протестовъ; черезъ посредство городскихъ рабочихъ обращайте свой голосъ къ крестьянамъ и передъ ними обличайте преступную политику самодержавія.

И если Россіи суждено еще разъ перенести „голодный годъ", пусть, отходя въ вѣчность, онъ оставитъ за собой не однѣ опустѣлыя хаты вымершаго населенія, не одно умноженіе безлошадныхъ и безхозяйныхъ, не одно усиленіе бѣдствій безработицы, созданной нынѣшнимъ кризисомъ, не одно увеличеніе „горя, нищеты, вырожденія и одичанія", но пусть передастъ своему преемнику во сто кратъ усиленное общественное возмущеніе и кадры готовыхъ къ борьбѣ и побѣдѣ борцовъ за низверженіе преступнаго и безнравственнаго режима.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Обѣщанный нами въ прошломъ номерѣ отзывъ о предисловіи г. Р. Н. С. къ „Запискѣ" Витте составилъ цѣлую статью, которая будетъ помѣщена во второмъ номерѣ „Зари".

Получено изъ заграницы черезъ К. Г. — 209,10 фр., черезъ Д. Д. 70,25 фр. (изъ нихъ 5 фр. отъ Пипочки), изъ М-на 68 мар.

Опечатка. Въ замѣткѣ „Чествованіе Куршына" вкралась опечатка: вмѣсто Хробязгинъ надо читать Дробязгинъ.

Типографія „Искры".

---

*) Номеръ былъ уже сверстанъ, когда въ газетахъ появились извѣстія объ ожидаемомъ повальномъ недородѣ.

DEC 7 19

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 7 АВГУСТЪ 1901 ГОДА. № 7

УРОКИ КРИЗИСА.

Вотъ уже почти два года, какъ тянется торгово-промышленный кризисъ. И онъ, повидимому, все разростается, захватывая новыя отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковыми крахами. Наша газета, начиная съ декабря прошлаго года, въ каждомъ номерѣ отмѣчала такъ или иначе развитіе кризиса и его гибельныя дѣйствія. Пора поставить общій вопросъ о причинахъ и значеніи этого явленія. Для Россіи оно сравнительно ново, какъ новъ и весь нашъ капитализмъ. Въ старыхъ же капиталистическихъ странахъ, т. е. въ такихъ странахъ, въ которыхъ большинство продуктовъ производится на продажу, въ которыхъ большинство рабочихъ не имѣетъ ни земли, ни орудій труда, и продаетъ свою рабочую силу, нанимаясь въ чужія хозяйства, нанимаясь къ собственникамъ, владѣющимъ землей, фабриками, машинами и проч., — въ капиталистическихъ странахъ кризисъ есть явленіе старое, повторяющееся отъ времени до времени, какъ припадокъ хронической болѣзни. Кризисы можно, поэтому, предсказывать, и когда въ Россіи сталъ особенно быстро развиваться капитализмъ, — въ соціалдемократической литературѣ былъ предсказанъ и теперешній кризисъ. Въ брошюрѣ: „Задачи русскихъ соціалдемократовъ“, написанной въ концѣ 1897 г., говорилось: „Въ настоящее время мы переживаемъ, видимо, тотъ періодъ капиталистическаго цикла (оборота, повторяющаго одни и тѣ же событія, какъ повторяются зима и лѣто), когда промышленность „процвѣтаетъ“, торговля идетъ бойко, фабрики работаютъ во всю и, какъ грибы послѣ дождя, появляются безчисленные новые заводы, новыя предпріятія, акціонерныя общества, желѣзнодорожныя сооруженія и т. д. и т. д. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать неизбѣжность краха (болѣе или менѣе крутого), который долженъ послѣдовать за этимъ „процвѣтаніемъ“ промышленности. Такой крахъ разоритъ массу мелкихъ хозяйчиковъ, броситъ массы рабочихъ въ ряды безработныхъ“... И крахъ наступилъ — такой крутой, какого еще Россія не видывала. Отчего же зависитъ эта ужасная хроническая болѣзнь капиталистическаго общества, возвращающаяся такъ правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не можетъ развиваться иначе, какъ скачками, два шага впередъ и шагъ (а иногда и цѣлыхъ два) назадъ. Какъ мы уже замѣтили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаровъ на рынокъ. А распоряжаются производствомъ отдѣльные капиталисты, каждый по одиночкѣ, и никто не можетъ въ точности знать, сколько именно и какихъ именно продуктовъ требуется на рынкѣ. Производятъ на-угадъ, заботясь только о томъ, чтобы перегнать другъ друга. Вполнѣ естественно, что количество произведеннаго можетъ не соотвѣтствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынокъ внезапно расширяется на новыя, неизвѣданныя и громадныя области. Такъ именно обстояло дѣло, когда начиналось недавно пережитое нами „процвѣтаніе“ промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы къ населенной сотнями милліоновъ части свѣта, къ Азіи, въ которой до тѣхъ поръ только Индія да небольшая часть окраины была связана тѣсно со всемірнымъ рынкомъ. Закаспійская дорога стала „открывать“ для капитала Среднюю Азію, „Великая Сибирская дорога“ (великая не только по своей длинѣ, но и по безмѣрному грабежу строителями казенныхъ денегъ, по безмѣрной эксплуатаціи строившихъ ее рабочихъ) открывала Сибирь, Японія стала превращаться въ промышленную націю и попробовала пробить брешь въ китайской стѣнѣ, открывая такой лакомый кусокъ, который сразу ухватили зубами капиталисты Англіи, Германіи, Франціи, Россіи и даже Италіи. Постройки гигантскихъ желѣзныхъ дорогъ, расширеніе всемірнаго рынка и ростъ торговли — все это вызвало неожиданное оживленіе промышленности, ростъ новыхъ предпріятій, бѣшеную погоню за рынкомъ для сбыта, погоню за прибылью, основаніе новыхъ обществъ, привлеченіе къ производству массы новыхъ капиталовъ, составленныхъ отчасти и изъ небольшихъ сбереженій мелкихъ капиталистовъ. Неудивительно, что эта бѣшеная всемірная погоня за новыми неизвѣстными рынками привела къ громадному краху.

Чтобы ясно представить себѣ эту погоню, надо принять во вниманіе, какіе колоссы участвовали въ ней. Когда говорятъ: „отдѣльныя предпріятія“, „одиночные капиталисты“, то часто забываютъ, что въ сущности эти выраженія неточны. Въ сущности, отдѣльнымъ и одиночнымъ осталось только присвоеніе прибыли, а само производство стало общественнымъ. Гигантскіе крахи только потому и стали возможны и неизбѣжны, что въ подчиненіи у шайки богачей, ищущихъ одной наживы, оказались могучія общественныя производительныя силы. Пояснимъ это примѣромъ изъ русской промышленности. Въ послѣднее время кризисъ распространился и на область нефти. А въ этой промышленности ворочаютъ такія, напр., предпріятія, какъ „Товарищество нефтяного производства бр. Нобель“. Въ 1899 г. товарищество продало 163 мил. пуд. нефтяныхъ продуктовъ на сумму $53^1/_2$ мил. руб., а въ 1900 г. уже 192 мил. пуд. на сумму 76 мил. руб. Въ одинъ годъ увеличеніе производства въ одномъ предпріятіи на $18^1/_2$ мил. руб.! Такое „одно предпріятіе“ держится объединеннымъ трудомъ десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ, занятыхъ добываніемъ нефти, переработкой ея, доставкой ея по нефтепроводамъ, желѣзнымъ дорогамъ, морямъ и рѣкамъ, занятыхъ постройкой необходимыхъ для этого машинъ, складовъ, матеріаловъ, баржъ, пароходовъ и пр. Всѣ эти десятки тысячъ рабочихъ работаютъ на все общество, а распоряжается ихъ трудомъ горсточка милліонеровъ, которая присваиваетъ себѣ всю прибыль, приносимую этимъ организованнымъ трудомъ массъ. (Тов. Нобель получило чистой прибыли въ 1899 г. — 4 мил. руб., а въ 1900 г. — 6 мил. руб., изъ которыхъ акціонеры получили по 1300 руб. на пай въ 5000 руб., а пять членовъ правленія получили награды 528.000 руб.!) Если нѣсколько такихъ предпріятій бросается въ бѣшеную гонку для захвата мѣста на невѣдомомъ рынкѣ, то удивительно-ли наступленіе кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль отъ предпріятія, надо продать товары, найти покупателей. И покупателемъ должна быть вся масса населенія, потому что громадныя предпріятія производятъ горы и горы продуктовъ. А во всѣхъ капиталистическихъ странахъ девять десятыхъ населенія состоитъ изъ нищихъ: изъ рабочихъ, получающихъ самую скудную заработную плату, изъ крестьянъ, живущихъ въ массѣ еще хуже рабочихъ. И вотъ, когда крупная промышленность во время процвѣтанія размахивается произвести какъ можно больше, — она выбрасываетъ на рынокъ такую массу продуктовъ, что за нихъ не въ состояніи заплатить неимущее большинство народа. Количество машинъ, орудій, складовъ, желѣзныхъ дорогъ и проч. все возрастаетъ, но это возрастаніе отъ времени до времени прерывается, потому что масса народа, для котораго въ концѣ концовъ предназначены всѣ эти улучшенные способы производства, остается въ бѣдности, доходящей до нищенства. Кризисъ показываетъ, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктовъ, идущихъ на улучшеніе жизни всего трудящагося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частныхъ собственниковъ, извлекающихъ милліоны изъ народной нищеты. Кризисъ показываетъ, что рабочіе не могутъ ограничиться борьбой за отдѣльныя уступки со стороны капиталистовъ: во время оживленія промышленности такія уступки можно завоевать (и русскіе рабочіе своей энергичной борьбой не разъ завоевывали себѣ уступки въ 1894-98 гг.), — но приходитъ крахъ, и капиталисты не только отбираютъ назадъ данныя ими уступки, но и пользуются безпомощностью рабочихъ для еще большаго пониженія платы. И такъ неизбѣжно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока арміи соціалистическаго пролетаріата не низвергнутъ господства капитала и частной собственности. Кризисъ показываетъ, какъ близоруки были тѣ соціалисты (называющіе себя „критиками“, должно быть, на томъ основаніи, что они безъ критики перенимаютъ ученія буржуазныхъ экономистовъ), которые два года тому назадъ шумно заявляли о томъ, что крахи становятся теперь менѣе вѣроятными.

Уроки кризиса, разоблачающаго всю нелѣпость подчиненія общественнаго производства частной собственности, такъ назидательны, что теперь и буржуазная печать требуетъ усиленія надзора — напр., надъ банками. Но никакой надзоръ не помѣшаетъ капиталистамъ основать во время оживленія такія предпріятія, которыя неминуемо потомъ банкротятся. Алчевскій, бывшій основателемъ обанкротившихся земельнаго и торговаго банка въ Харьковѣ, доставалъ себѣ правдами и неправдами милліоны рублей для основанія и поддержки горнопромышленныхъ предпріятій, сулившихъ золотыя горы. И заминка въ промышленности погубила эти банки и горныя предпріятія (Донецко-Юрьевское общество). Но что означаетъ эта „гибель“ предпріятій въ капиталистическомъ обществѣ? Это означаетъ, что слабые капиталисты, капиталисты „второй величины“ вытѣсняются болѣе солидными милліонерами. Харьковскаго милліонера Алчевскаго замѣняетъ московскій милліонеръ Рябушинскій, который, какъ болѣе богатый капиталомъ, будетъ еще сильнѣе давить на рабочаго. Замѣна второстепенныхъ богачей первостепенными, увеличеніе силы капитала, разореніе массы мелкихъ собственниковъ (напр., мелкихъ вкладчиковъ, теряющихъ съ крахомъ банка все имущество), страшное обнищаніе рабочихъ — вотъ что ведетъ за собой кризисъ. Напомнимъ еще описанные въ „Искрѣ“ случаи, что капиталисты удлиняютъ рабочій день и стараются при разсчетѣ замѣнить сознательныхъ рабочихъ болѣе покорными сермягами.

Въ Россіи вообще дѣйствіе кризиса неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ. Къ застою въ промышленности присоединяется у насъ голодовка крестьянъ. Безработныхъ рабочихъ высылаютъ изъ городовъ въ деревни, но куда будутъ высылать безработныхъ крестьянъ? Высылкой рабочихъ хотятъ очистить отъ безпокойнаго народа города, но, можетъ быть, высылаемымъ удастся пробудить хоть часть крестьянъ отъ ихъ вѣковой покорности и поднять ихъ на заявленія не однихъ только просьбъ, но и требованій? Рабочихъ и крестьянъ сближаетъ теперь не только безработица и голодъ, но также и тотъ полицейскій гнетъ, который отнимаетъ у рабочихъ возможность соединенія и защиты, отнимаетъ у крестьянъ даже приходящую къ нимъ отъ доброхотныхъ жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто разъ тяжелѣе для милліоновъ народа, потерявшаго всякія средства къ жизни. Жандармы и полиція въ городахъ, земскіе начальники и урядники въ деревняхъ ясно видятъ, что ненависть къ нимъ растетъ, и они начинаютъ бояться не только деревенскихъ столовыхъ, но и газетныхъ объявленій о сборѣ пожертвованій. Боязнь пожертвованій! И вправду, вѣрно, на ворѣ шапка горитъ. Когда воръ видитъ, что обокраденному имъ человѣку прохожій протягиваетъ подаяніе, — вору начинаетъ казаться, что они подаютъ другъ другу руки, чтобы общими силами расправиться съ нимъ.

СЛЕЗЫ СТАРАГО КРОКОДИЛА.

> Когда же оный крокодилъ жертву свою поглощаетъ, изъ глазъ его льются слезы, и мнится, что онъ плачетъ, себя жалѣючи, что столько-де труда ему надо, чтобы жертву свою заглотать. Но онымъ слезамъ, на нихъ глядючи, никто не вѣритъ, ибо слезы то эти крокодиловы.
>
> Изъ древняго сказанія о крокодилахъ.

Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ опубликованъ всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора Синода за 1898 г., заключающій данныя объ успѣхахъ русскаго сектантства и борьбы съ нимъ православной церкви. Это произведеніе г. Побѣдоносцева представляетъ новый обвинительный актъ противъ милліоновъ „отпавшихъ отъ православія“, противъ милліоновъ крестьянскаго, мѣщанскаго и рабочаго люда, примыкающихъ къ религіознымъ сектамъ, главнымъ образомъ, къ штундѣ.

„Возбужденное и тревожное настроеніе“, увѣряетъ г. Побѣдоносцевъ, внезапно проявилось въ сектантскомъ мірѣ. Это настроеніе „выражалось въ необыкновенной дерзости сектантовъ въ отношеніи къ православному населенію, особенно же къ духовенству, полиціи и вообще должностнымъ лицамъ, — въ намѣренномъ глумленіи надъ святынями православія и въ открытой пропагандѣ своего лжеученія, какъ въ православномъ населеніи, такъ и въ средѣ стараго сектантства.“

Это не намъ, читатель, принадлежитъ постановка рядомъ духовенства и полиціи, какъ родныхъ элементовъ, противъ которыхъ проявляется „необыкновенная дерзость“ сектантовъ. Нѣтъ, это рука г. Побѣдоносцева безстрашно сопоставила святыню поповской рясы и полицейскаго мундира. И мы ниже увидимъ, что весь іезуитски-кляузный доноса Побѣдоносцева проникнутъ желаніемъ представить сектантовъ прежде всего врагами... полиціи, полицейскаго государства. „Намъ самимъ ничего не надо“, хотятъ увѣрить Побѣдоносцевъ и отцы-миссіонеры государственную власть. Нѣтъ, прежде всего забота о государствѣ, объ его интересахъ руководила рукой доносителей.

„На требованія полиціи прекратить незаконныя (молитвенныя) собранія, штундисты отвѣчали систематическимъ ослушаніемъ, грубостями и даже насиліями, упорно заявляя, что они не желаютъ подчиняться требованіямъ мѣстной власти, такъ какъ увѣрены въ изданіи новаго закона въ пользу свободы ихъ вѣры“.

Что ни слово, то явная ложь. Ложь относительно „открытой пропаганды лжеученія“, ибо угроза ссылки на поселеніе съ лишеніемъ правъ всего менѣе располагаетъ штундистовъ къ пропагандѣ у всѣхъ на виду. Еслибъ пропаганда штундистовъ была такой „открытой“, то не пришлось бы для осужденія сектантовъ прибѣгать къ многотрудному дѣлу отысканія „самыхъ достовѣрныхъ лжесвидѣтелей“, безъ которыхъ рѣдко удается добиться обвинительнаго приговора для штундистовъ, ибо гонимая секта вынуждена распространять свое ученіе съ величайшей опаской.

Разсказъ о томъ, что штундисты грубостью и даже насиліями отвѣчаютъ на приказъ полиціи прекратить собраніе — принадлежитъ также къ числу самыхъ несомнѣнныхъ вымысловъ. Десятки дѣлъ о „незаконныхъ“ молитвенныхъ собраніяхъ разбираются мировыми судами, и въ составленныхъ полиціей протоколахъ никогда не говорится о „бунтѣ“ сектантовъ, и послѣдніе никогда не обвиняются въ сопротивленіи властямъ.

Но, продолжаетъ г. Побѣдоносцевъ, „отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій штундисты упорно уклоняются; изъ народныхъ школъ своихъ дѣтей стараются брать тотчасъ же послѣ выучки первоначальной грамотѣ, устраняя тѣмъ доброе православно-просвѣтительное вліяніе школы на молодое поколѣніе секты“.

Какой броней лицемѣрія надо, однако, запастись, чтобы ставить сектантамъ въ вину, что они „упорно уклоняются“ отъ посѣщенія пастырскихъ и миссіонерскихъ собесѣдованій! Вѣдь такія собесѣдованія ведутся сплошь и рядомъ въ невозможно тяжелой для сектантовъ обстановкѣ: въ присутствіи чиновъ полиціи, слѣдящихъ за тѣмъ, кто что говоритъ; въ присутствіи нафанатизированной толпы православныхъ, готовыхъ въ своей темнотѣ разорвать „нераскаянныхъ еретиковъ“; вѣдь въ этихъ „собесѣдованіяхъ“ одна сторона „бесѣдуетъ“, опираясь на покровительство закона, имѣя возможность въ спорѣ съ противникомъ развить всѣ свои доводы; другая же сторона должна защищать правоту своего ученія подъ страхомъ кары за каждое правдивое слово, зная, что разъясненіе ея ученія считается по закону тяжкимъ преступленіемъ и сверхъ закона можетъ навлечь на нее самыя непріятныя послѣдствія. Мудрено-ли, что сектанты „уклоняются“ отъ такихъ „собесѣдованій“, напоминающихъ Щедринскій разговоръ торжествующей свиньи и оголодавшей Правды. Удивительно-ли и то, что сектанты не желаютъ держать своихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, гдѣ ихъ заставляютъ учить тотъ „Законъ Божій“, который родители считаютъ неправдой?

Но для гг. Побѣдоносцевыхъ нежеланіе подчиниться этому принужденію есть одно изъ доказательствъ „упорства“. Гг. Побѣдоносцевы твердо увѣрены, что „карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ“, и когда въ крестьянскихъ карасяхъ встрѣчается нежеланіе безропотно жариться, то начинаютъ кричать объ ихъ злой волѣ, объ ихъ упорствѣ и дерзости.

Этой же вѣрой въ то, что карась любитъ, чтобы его жарили, объясняется слѣдующая жалоба Побѣдоносцева. „Агитаціонный духъ современной штунды вызвалъ у сектантовъ стремленіе къ кляузамъ и сутяжничеству, выражающимся въ подачѣ жалобъ, заявленій и прошеній въ разныя правительственныя учрежденія, въ скитаніи по судамъ“. Вотъ подите-жъ: всеблагая кроткая церковь неукоснительно предаетъ людей въ руки свѣтской власти для наказанія „безъ пролитія крови“, какъ нѣкогда выражалась святая инквизиція, отдавая еретиковъ на сожженіе, — а они, неблагодарные, защищаются, пишутъ прошенія, „скитаются по судамъ“. Да, г. Побѣдоносцевъ, „скитаются“, но скитаются не только изъ одного судебнаго учрежденія въ другое, не только изъ одной канцеляріи въ другую. Недалеко уже отъ насъ то время, когда Россія узнаетъ всю правду о томъ, какъ люди, вся вина которыхъ заключалась въ поискахъ нравственной истины, „скитались“ изъ Новороссіи въ Закавказье, изъ Закавказья въ сибирскія тундры, скитались въ арестантскихъ халатахъ съ бубновыми тузами, въ обществѣ воровъ и разбойниковъ, подъ конвоемъ и въ кандалахъ. Это время не за горами, и старый крокодилъ, быть можетъ, уже смутно его предчувствуетъ, когда, пожирая свои жертвы, льетъ слезы объ ихъ упорствѣ и сутяжничествѣ, о томъ, что процессъ глотанія причиняетъ нѣкоторыя затрудненія и вкусная пища грозитъ стать коломъ въ глоткѣ.

Горькія слезы льетъ нашъ крокодилъ по поводу того обстоятельства, что мужицкое сектантское движеніе начинаетъ находить откликъ на поверхности общественной жизни, привлекая къ себѣ нѣкоторые элементы интеллигенціи. „Пропаганда этихъ ложныхъ идей и воззрѣній идетъ въ средѣ народнаго сектантства на почвѣ сближенія интеллигентныхъ послѣдователей этихъ лжеученій (толстовства) съ главарями штундовой секты“. И далѣе: „Въ числѣ другихъ причинъ, порождающихъ въ средѣ народнаго сектантства броженіе, миссіонерскіе отчеты указываютъ также и на агитацію въ пользу мнимо-угнетенныхъ сектантовъ („мнимо-угнетенныхъ“! о бѣдный, несправедливо обижаемый крокодилъ!) со стороны нѣкоторой, именующей себя либеральной, части нашего общества, въ послѣднее время особенно покровительствующей сектантамъ, поддерживающей съ ними и личныя, и письменныя сношенія и тѣмъ самымъ сильно питающей въ нихъ увѣренность въ дарованіи будто бы полной свободы ихъ лжеученію“.

Да, покровители виноваты, это несомнѣнно. По милости этихъ покровителей теперь уже нельзя въ тиши душить и истязать „отпавшихъ отъ истинной церкви“; нѣтъ, нѣтъ и проскочитъ что-нибудь въ печать русскую или заграничную. Бѣдный крокодилъ вспомнилъ, должно быть, непріятный шумъ, который поднялся по поводу его попытки отнять у мужиковъ-молоканъ ихъ дѣтей для воспитанія въ православной вѣрѣ. Въ тотъ разъ заступничество Л. Толстого и его агатація за „мнимо-угнетенныхъ" молоканъ заставила крокодила захлопнуть уже разверстую пасть. И вы еще удивляетесь, что изъ его глазъ льются неподдѣльныя слезы!

Итакъ, господствующая церковь угнетена, поощряемые „либералами" сектанты тѣснятъ ее со всѣхъ сторонъ. Хуже всего, что отъ штундистовъ сами православные начинаютъ заражаться неприличнымъ отношеніемъ къ церкви и ея смиреннымъ служителямъ. Вотъ что пишетъ напр., одинъ миссіонеръ въ іюньскомъ выпускѣ журнала „Миссіон. Обозр." за 1901 г.: „Въ нѣкоторыхъ зараженныхъ приходахъ, особенно гдѣ пастыри не на высотѣ своего служенія, миссіонеръ гораздо хуже себя чувствуетъ въ бесѣдѣ съ православными, чѣмъ съ сектантами. Едва начнется бесѣда, какъ православные буквально забросаютъ миссіонера обвиненіями и злословіями на приходскаго священника. Затѣмъ, подъ давленіемъ раздраженія, начинается открытое отрицаніе истинъ самого православія. Положеніе миссіонера очень нехорошее: въ бесѣдахъ съ сектантами онъ, по крайней мѣрѣ, знаетъ, что защищаетъ православіе отъ враговъ его, а здѣсь онъ долженъ защищать православіе и пастыря отъ самихъ православныхъ". Вотъ бѣда-то! Приходится защищать православіе отъ самихъ православныхъ! Трудно, казалось бы, вообразить болѣе тягостное положеніе православной церкви. И все же, если бѣдные пастыри призываютъ на сектантовъ громы начальственнаго гнѣва, они это дѣлаютъ не во имя своего столь тягостнаго положенія. Нѣтъ! „намъ самимъ ничего не надо", и вся забота отцовъ церкви направлена на интересы государства и — собственности.

Послушаемъ г. Побѣдоносцева.

„Штунда является особенно страшной и грозной силой потому, что мысль современныхъ штундистовъ, все болѣе и болѣе расширяя область своего отрицанія, принимаетъ направленіе, крайне опасное для соціально-политическаго строя нашего отечества".

Карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. Русскій „внутренній врагъ" предпочитаетъ быть зажареннымъ подъ соусомъ политической неблагонадежности. Г. Побѣдоносцевъ и вся черная братія, иже съ нимъ, усердно занята изготовленіемъ этого соуса для отпавшихъ отъ православія. Вотъ какъ изображаетъ политическую „подоплеку" штундизма екатеринославскій миссіонеръ, мнѣніе котораго приводитъ г. Побѣдоносцевъ.

„Современный штундистъ много говоритъ о своей любви къ Христу и усердно читаетъ Евангеліе, но онъ любитъ Христа не какъ Бога Искупителя, но какъ спеціально политическаго дѣятеля, онъ любитъ не Евангельскаго Христа, а „своего", котораго создало его воображеніе, подъ вліяніемъ впечатлѣній матеріальной жизни". Но, поясняетъ г. Побѣдоносцевъ, „свобода, къ которой стремятся штундисты, есть свобода отъ всѣхъ обязанностей русскаго человѣка, какъ гражданина своего отечества, свобода отъ всѣхъ обязанностей православнаго христіанина, словомъ, свобода, льстящая одной лишь чувственной сторонѣ человѣка и по сему привлекающая многихъ".

Отцы-миссіонеры приводятъ доказательства изъ своей практики. Такъ, екатеринославскій миссіонеръ разсказываетъ, что одинъ штундистъ сказалъ ему: „Мы не желаемъ идти за вами; мы не любимъ вашего Христа; вы съ вашимъ Христомъ мѣняли людей на собакъ, а мы съ нашимъ Христомъ желаемъ быть свободными". Миссіонеръ Купчевскій изъ Херсонской губерніи приводитъ („Миссіонерское Обозрѣніе", іюнь 1901 г.) такія слова штундиста Ваганько: „Что это за церковь? вотъ въ первыя времена была Церковь, такъ Церковь: тамъ все было общее. А у васъ что? Одинъ имѣетъ тысячу десятинъ, а другой ничего", возмущается Ваганько, намекая на имѣніе одесскаго городского головы г. Зеленаго.

„Но желанія сектантовъ идутъ гораздо дальше", стращаетъ херсонскій миссіонеръ и въ доказательство приводитъ ужасную фразу, сказанную якобы „вожакомъ штунды" въ мѣстечкѣ Березовкѣ, Гаврющенко: „Если бы всѣ такъ увѣровали, какъ баптисты, можно и царя перемѣнять черезъ каждые три года, какъ старосту".

Вонъ гдѣ таится республиканская опасность. Жалко только, что доносъ исходитъ изъ очень мутнаго источника. Именно, страшную фразу слышали отъ Гаврющенко два бывшихъ штундиста Шабловскій и Деичъ, вернувшіеся въ лоно православія. А это всѣмъ извѣстно, что когда человѣкъ, не устоявъ передъ искушеніемъ, отказался отъ гонимой партіи или секты и даетъ о ней „откровенныя" показанія, — то въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ самымъ достовѣрнымъ лжесвидѣтелемъ.

Такой же лжесвидѣтель помогъ, если вѣрить г. Побѣдоносцеву, раскрыть участіе штундистовъ — въ чемъ бы вы думали? въ соціалдемократическомъ рабочемъ движеніи. „Иногда штундисты отъ словъ переходятъ къ дѣлу, что, по свидѣтельству преосвященнаго херсонскаго, подтвердило ихъ участіе въ тайномъ движеніи среди рабочихъ города Николаева, образовавшихъ т.-н. „союзъ русскихъ соціалдемократовъ", открытый полиціей при содѣйствіи одного возвратившагося въ православіе быв. штундиста".

Этотъ „возвратившійся" грѣшникъ игралъ въ Николаевскомъ дѣлѣ роль шпіона-провокатора. Участіе штундистовъ въ „южнорусскомъ рабочемъ союзѣ" 1897-98 гг. (названіе преосвященный перепуталъ) подтверждается авторами брошюры „Рабочее движеніе въ Одессѣ и Николаевѣ". Г. Побѣдоносцевъ только „забылъ" пояснить, что обвиняемые имъ лица участвовали въ „Союзѣ" не какъ штундисты, но какъ соціалисты, переставъ быть сектантами. Въ нашихъ рядахъ насчитывается не мало рабочихъ, которые до знакомства съ соціализмомъ, прошли черезъ сектантство. Но дѣлать отсюда выводъ, что сектантство есть тотъ же соціализмъ, могутъ только преосвященные и Побѣдоносцевы.

Мы здѣсь не станемъ касаться интереснаго вопроса о соціально-политическомъ значеніи современнаго сектантства. Вопросу этому мы надѣемся вскорѣ посвятить отдѣльную статью. Скажемъ только, что рѣшается онъ болѣе сложнымъ путемъ, чѣмъ это воображаетъ злостное невѣжество отцовъ-миссіонеровъ. Если послѣдніе, опираясь на показанія самыхъ завѣдомыхъ лжесвидѣтелей, выступаютъ съ политическимъ доносомъ противъ сектантовъ, то дѣлается это съ явной цѣлью: подготовить общественное мнѣніе и убѣдить правительство въ необходимости новыхъ „мѣропріятій" противъ сектантовъ. „Думаю, говоритъ херсонскій миссіонеръ, что къ подобнымъ публично высказываемымъ штундистами коммунистическимъ принципамъ и распространенію среди народа вредныхъ соціалистическихъ идей нужно чутко прислушиваться не однимъ миссіонерамъ, а и всѣмъ, дорожащимъ спокойствіемъ народа и государства".

Много явленій показываетъ, что государство готовится къ новымъ жестокостямъ противъ отпавшихъ отъ православія. Вслѣдъ за опереточно-торжественнымъ отлученіемъ Толстого послѣдовалъ безшабашный разгулъ церковнаго кликушества въ печати и въ проповѣдяхъ. Православное мракобѣсіе готовится, повидимому, дать генеральное сраженіе своимъ врагамъ. И гг. Побѣдоносцевы искусно подготовляютъ „политическую обстановку" своимъ будущимъ мѣрамъ истребленія несогласно мыслящихъ. Мужицкія секты должны будутъ испытать на себѣ всю тяжесть начальственнаго гнѣва.

Да, старый крокодилъ не даромъ заплакалъ. Подлое чудовище, переваривая только-что съѣденныя жертвы, вождѣлѣетъ свѣжей человѣческой крови...

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВЯЩАЯ КЛИКА ВЪ БОРЬБѢ СЪ „РАЗНУЗДАННОСТЬЮ" НАСЕЛЕНІЯ.

(Картинки русской жизни.)

Двадцать лѣтъ назадъ, при вступленіи на престолъ незабвеннаго Александра III, апостолъ русскаго самодержавія, М. Н. Катковъ, торжественно провозгласилъ: „Правительство идетъ, встаньте, господа!". Въ переводѣ на житейскій языкъ эти слова недвусмысленно говорили обывателю: „А вотъ ужо тебѣ покажутъ, какъ кузькину мать зовутъ". Съ тѣхъ поръ въ теченіе двадцати лѣтъ не переставая правящая шайка только и занимается, что „подтягиваніемъ" обывателя. Подтягиваютъ, обуздываютъ, оглушаютъ, — а онъ все оказывается распущеннымъ, „разнузданнымъ", неблагонамѣреннымъ, и бѣдные наши „господа жизни" вынуждены измышлять новыя мѣры для борьбы съ обывательской „разнузданностью".

Въ послѣднее время слово „разнузданность" въ примѣненіи къ обывателямъ пріобрѣло право гражданства въ правительственныхъ документахъ. Такъ прямо и заявляютъ, что такіе-то скорпіоны придуманы для борьбы не съ какой-либо крамолой, а съ „разнузданностью" такого-то класса населенія.

Такъ напр., когда понадобилось оповѣстить публику о сдачѣ 183-хъ кіевскихъ студентовъ въ солдаты, то правительство заявило, что эта кара вызвана „разнузданностью" кіевлянъ. Также точно за „разнузданность" били нагайками студентовъ, да кстати и постороннюю публику (въ счетъ будущаго!) на Казанской площади 4-го марта.

Текущая хроника даетъ намъ не мало образцовъ того, какъ начальство ведетъ борьбу съ „разнузданностью" обывателей.

Хотинскій (Бессарабской губ.) исправникъ г. Трубниковъ ведетъ борьбу съ мѣстными мѣщанами. „Мною замѣчено, пишетъ онъ въ своемъ приказѣ, что мѣщане въ церкви занимаютъ не тѣ мѣста, которыя имъ указываются полицейскими, а послѣ богослуженія гуляютъ по главнымъ аллеямъ, занимая всѣ скамейки, такъ что интеллигенціи бываетъ негдѣ сѣсть, при чемъ парубки и дѣвки тутъ же обнимаются и вообще ведутъ себя непристойно". А потому приказывается мѣщанамъ въ церкви занимать свои мѣста, а на прогулкѣ не толкаться по главнымъ аллеямъ. Въ случаѣ же неповиновенія имѣютъ подвергнуться „законной отвѣтственности".

Прочь съ дороги, мѣщане, „интеллигенція" идетъ! Можете себѣ представить, изъ кого состоитъ эта „интеллигенція" уѣзднаго городишка! Подлинная интеллигенція, какъ извѣстно, покровительствомъ гг. исправниковъ у насъ не пользуется. Рѣчь идетъ, конечно, о г-жѣ квартальной надзирательницѣ, гг. акцизныхъ и т. п. „чистой" публикѣ. Въ заботѣ объ этой публикѣ хотинскій помпадуръ сочинилъ новый законъ, за неподчиненіе которому грозитъ привлечь къ „законной отвѣтственности". Ничего не подѣлаешь: если существующихъ законовъ не хватаетъ для борьбы съ „разнузданностью" мѣщанишекъ, которые „занимаютъ всѣ скамейки", то приходится и исправнику новые законы выдумывать.

О г-да хотинская, пошехонская и тьмутараканская „интеллигенція"! Рѣшите задачу: сколько придется будущей русской революціи пролить крови для того только, чтобы „простымъ" обывателямъ пріобрѣсти твердое право гулять на „главныхъ аллеяхъ" и „при этомъ" безвозбранно ухаживать за своими дамами?

Вопросъ о правѣ гулять на тѣхъ или иныхъ „аллеяхъ" подымается въ нашемъ отечествѣ не впервые и не въ одномъ только Хотинѣ. Помнится, года два тому назадъ полтавскія власти гнѣвно указали мѣстнымъ евреямъ (т. е. опять-таки мѣщанамъ, „черной кости") на то, что они, толпясь на главной улицѣ города, мѣшаютъ прогулкѣ гг. офицеровъ. И вотъ полтавскій раввинъ по этому случаю говорилъ даже проповѣдь своимъ прихожанамъ. Онъ имъ доказывалъ, что все равно, гдѣ гулять, что на другихъ улицахъ воздухъ столь же хорошъ, какъ и на Александровской, и что они легко могутъ отказаться отъ прогулокъ по этой улицѣ, чтобы избѣжать гнѣва начальства, который можетъ обрушиться на головы всѣхъ евреевъ.

Такъ взывалъ благоразумный пискарь. Не знаемъ, подѣйствовало-ли его краснорѣчіе на мѣстныхъ евреевъ, но несомнѣнно, что еврейское простонародье не переставало огорчать начальство и особенно офицерство. Въ Минскѣ евреи какъ-то подрались съ солдатами, а когда въ отвѣтъ на это воинская команда пошла подъ предводительствомъ офицеровъ разносить еврейскія лавки и бить кого попало, то евреи, соединившись съ босяками-христіанами, оказали энергичное сопротивленіе. Кончилось дѣло осужденіемъ въ арестантскія роты. Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ городѣ Шкловѣ. Начальство рѣшило „принять мѣры" и взялось за дѣло „серьезно", о чемъ мы узнаемъ изъ документа, опубликованнаго „Общееврейскимъ рабочимъ союзомъ".

Какъ слѣдуетъ изъ этого документа, при военномъ министерствѣ была „Высочайше" учреждена особая коммиссія „по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ". Такъ прямо и пишется: мѣра, стало быть, вырабатывается противъ нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Проэктъ, выработанный коммиссіей, сводится къ увеличенію наказаній за оскорбленія, нанесенныя евреями военнослужащимъ и въ передачѣ въ „отдѣльныхъ случаяхъ" дѣлъ о такихъ оскорбленіяхъ въ военный судъ для сужденія по законамъ военнаго времени.

Военное министерство нашло, что этого мало, и потребовало, чтобы право передачи въ военный судъ дѣлъ о евреяхъ, виновныхъ въ оскорбленіи военнослужащихъ, принадлежало не министерству внутреннихъ дѣлъ, но ген.-губернаторамъ, т. е. обыкновенно прямымъ начальникамъ оскорбленныхъ офицеровъ. Сверхъ того, военное министерство еще предложило административныя мѣры, а именно: предоставить ген.-губернаторамъ право административно ссылать евреевъ, налагать штрафъ на всю еврейскую общину того мѣста, гдѣ случилось столкновеніе, и „примѣнять къ таковымъ поселеніямъ военныя экзекуціи".

Послѣднія двѣ мѣры показались слишкомъ „серьезными" даже м-вамъ внутрен. дѣлъ и юстиціи и они ихъ отвергли. Но за то м-во вн. дѣлъ, отказавшись передать право административной высылки евреевъ ген.-губернаторамъ, „не имѣетъ ничего противъ того", чтобы при разборѣ дѣлъ объ административной высылкѣ евреевъ за оскорбленіе военнослужащихъ въ совѣщаніе при м-вѣ вн. дѣлъ приглашался представитель военнаго министерства „для наибольшаго соблюденія интересовъ военнаго вѣдомства". Какъ просто и какъ откровенно! Коммиссія, упекающая обывателя туда, гдѣ Макаръ телятъ пасетъ, должна составляться такъ, чтобы соблюдались интересы разныхъ „вѣдомствъ", т. е. группъ чиновниковъ.

Тутъ высказанъ весь секретъ административныхъ коммиссій, замѣняющихъ у насъ судъ: онѣ созданы не для выполненія дѣла „правосудія", а для „соблюденія интересовъ" разныхъ вѣдомствъ.

По вопросу объ увеличеніи наказанія за оскорбленіе военныхъ м-ва вн. дѣлъ и юстиціи нашли, что эти мѣры „должны быть общими, а не исключительными для евреевъ", о чемъ м-во юстиціи постарается при выработкѣ новаго проэкта уложенія о наказаніяхъ. Радуйся, „штатскій" обыватель, и моли Бога, чтобы смертную казнь („по законамъ военнаго времени") тебѣ назначали не за каждую „обиду", нанесенную тобой зарвавшемуся офицеру.

Документъ кончается такъ: „Не считая, однако, возможнымъ удовлетвориться изложенными результатами работъ по вопросу о мѣрахъ противъ разнузданности евреевъ, предположено (военнымъ министерствомъ) настаивать на необходимости установленія болѣе серьезныхъ гарантій для военнослужащихъ противъ еврейской наглости". Корпусные командиры приглашаются сообщить свои мнѣнія по этимъ вопросамъ и „справки о всѣхъ выдающихся случаяхъ столкновеній евреевъ съ военнослужащими за время съ 1897 года".

Можетъ быть, изъ этихъ справокъ мы узнаемъ, что слыветъ въ нашихъ правящихъ кругахъ подъ именемъ „разнузданности" еврейской толпы. Недавній инцидентъ въ Харьковѣ намъ показываетъ, что гг. офицеры склонны считать оскорбленіемъ со стороны „штатскихъ".

Какъ извѣстно, въ послѣднее время гг. офицерамъ приходится выполнять нѣкоторыя щекотливыя операціи: за отсутствіемъ врага внѣшняго, ихъ посылаютъ усмирять врага внутренняго; вмѣсто роли защитника отечества, приходится работать въ роли полицейскаго, а то и палача. Эта дѣятельность не очень привлекательна для обывателей, у которыхъ всегда имѣются родные или друзья въ станѣ тѣхъ внутреннихъ враговъ, противъ которыхъ „дѣйствуютъ" храбрые воины. Естественно, поэтому, что обыватель подчасъ выражаетъ чувства, вызываемыя въ немъ подвигами христолюбиваго воинства.

Вотъ что пишутъ намъ изъ Харькова:

„На 21-ое февраля въ мѣстномъ ветеринарномъ институтѣ была назначена забастовка съ примѣненіемъ обструкціи. Начальство распрядилось на всякій случай вызвать войска, расположившіяся на Ветеринарной площади, противъ дома Губ. Зем. Управы.

„21-го выдался дождливый день. Пока что, пока не требовалось пустить въ дѣло войска, офицеры, уставъ стоять подъ дождемъ, рѣшили пойти погрѣться въ помѣщеніе губ. зем. управы. Какъ говорятъ, расположиться въ управѣ было имъ разрѣшено предсѣдателемъ. Кое-кто изъ служащихъ, узнавъ, что въ управѣ грѣются офицеры (и полицейскіе пристава), призванные усмирять студентовъ, возмутились и предложили товарищамъ протестовать. Предложеніе было встрѣчено сочувственно. Работающіе въ статистическомъ, страховомъ, санитарномъ, земскомъ и кое-кто изъ другихъ отдѣленій бросили работу, вышли въ корридоръ и заявили, — если офицеры не уйдутъ, то они, молъ, уйдутъ изъ управы. Офицерня, разумѣется, заартачилась, но въ концѣ концовъ рѣшила уйти. Почтенному воинству страсть было непріятно дефилировать передъ служащими въ корридорахъ. Вслѣдъ уходившимъ раздавались возгласы: „снимите шапки, у насъ здѣсь снимаютъ шапки" и робкій свистокъ.

„Исторія эта, вѣроятно, такъ и заглохла бы, если бы не товарищи изгнанныхъ, которые, почувствовавъ, что ихъ честь задѣта, просили Драгомирова наказать примѣрно виновныхъ въ нанесеніи оскорбленія. Говорятъ, Драгомировъ принялъ сторону офицеровъ, и дѣло восходило до министра.

„Дѣло кончилось слѣдующимъ: предсѣдатель управы, Гордѣенко, по распоряженію губернатора, призывалъ къ себѣ четырехъ служащихъ въ управѣ и одного члена управы. Одному служащему былъ объявленъ выговоръ и предстереженіе объ увольненіи (немедленномъ) въ случаѣ какого-нибудь подобнаго повода. Двумъ служащимъ объявлено предостереженіе, — если, молъ, будетъ снова что-нибудь подобное замѣчено, то съ ними распорядятся по всей строгости положенія объ усиленной охранѣ. Что выпало на долю члена управы и еще одного служащаго, — не знаю. Говорятъ, что членъ управы не призналъ за предсѣдателемъ права дѣлать ему, члену, выговоръ. Говоря съ вызванными служащими (съ каждымъ въ отдѣльности), предсѣдатель выразилъ сожалѣніе о томъ, что онъ своевременно не узналъ о демонстраціи. „Я бы немедленно приказалъ сторожамъ переписать всѣхъ участниковъ и немедленно же ихъ уволить".

Честь офицеровъ возстановлена!

Но каково-же намъ, людямъ „штатскимъ": мало того, что противъ нашихъ присныхъ высылаютъ вооруженныхъ башибузуковъ, мы еще должны терпѣть, что они, готовясь къ позорной „битвѣ", располагаются въ нашихъ помѣщеніяхъ, какъ у себя дома и, можетъ быть, тутъ же похваляются другъ передъ другомъ своими подвигами! Не только терпи совершающуюся на твоихъ глазахъ бойню, но и гостепріимство окажи ея исполнителямъ!

Служащіе въ земствахъ вообще давно уже извѣстны, какъ народъ „разнузданный" и требующій неусыпнаго надзора со стороны лицъ власть имущихъ. Въ своей „разнузданности" они питаются тѣмъ духомъ, который царитъ въ земствѣ и противъ котораго власти ведутъ многотрудную борьбу. По сравненію съ земствомъ, городское управленіе до сихъ поръ было на хорошемъ счету у начальства. Засѣдающіе въ городскихъ думахъ буржуа отличались умѣніемъ и готовностью подносить „хлѣбъ-соль" и ознаменовывать разныя „чудесныя спасенія". Но за послѣднее время и въ этой области обывательской покорности начинаетъ проявляться „политическая неблагонадежность". Въ послѣдніе годы на городскихъ выборахъ появляется такъ-наз. „интеллигентная" партія, которая въ борьбѣ съ Китъ Китычами проводитъ то въ ту, то въ другую думу свѣжія силы. Въ виду того, что участіе въ городскомъ представительствѣ у насъ обставлено весьма крупнымъ имущественнымъ цензомъ, это возникновеніе „интеллигентной партіи", повидимому, означаетъ политическій ростъ нашей либеральной буржуазіи (т. е. ея интеллигентнаго слоя), изъ которой формируется новый отрядъ противниковъ правящей клики въ дополненіе къ интеллигентному дворянству, образующему „неблагонадежный" элементъ въ земствѣ, и къ разночинной интеллигенціи, группирующейся около всякихъ просвѣтительныхъ учрежденій, статистики и т. п. и близко соприкасающейся съ „бунтующимъ" студенчествомъ.

Въ Винницѣ, Подольской губ., гласные-интеллигенты подняли агитацію по поводу подкуповъ, практикующихся въ Винницкой (и не только въ этой) думѣ: торгуютъ голосами гласныхъ при рѣшеніи вопросовъ о подрядахъ и т. п. дѣлахъ. Въ подкупахъ замѣшана городская управа вкупѣ съ городскимъ головой. Послѣдній поспѣшилъ „забѣжать" къ губернатору. И вотъ подольскій губернаторъ мчится въ гор. Винницу, является въ думу и держитъ рѣчь группѣ „интеллигентныхъ гласныхъ". Онъ, губернаторъ, „пришелъ къ убѣжденію, что отдѣльныя лица изъ состава оппозиціи вносятъ смуту въ веденіе городскихъ дѣлъ". Обращаясь къ гласнымъ съ „просьбой положить самимъ конецъ этимъ смутамъ", губернаторъ заявляетъ, что „если ходъ событій не измѣнится, онъ долженъ будетъ обратиться къ самымъ строгимъ мѣрамъ, предоставленнымъ его власти; при этомъ онъ обращаетъ вниманіе гласныхъ на то, что въ Подольской губ. существуетъ положеніе объ усиленной охранѣ. Гласные должны вѣрить ими же избранной управѣ и дать ей возможность спокойно работать (надъ чѣмъ? надъ подкупомъ гласныхъ?); послѣ же этого срока они, если имъ не нравится настоящая управа, могутъ выбрать новую". Г. губернаторъ забылъ только прибавить, что если гласные выберутъ новую управу не по вкусу губернатора, онъ можетъ, пользуясь „предоставленной ему властью", ее не утвердить, а назначить ту же старую, что постоянно и дѣлается. И что-же? Гласные не выразили коллективнаго протеста противъ дикой выходки помпадура, грозящаго имъ „положеніемъ объ охранѣ" за намѣреніе честно исполнить свой долгъ передъ избирателями? Конечно, нѣтъ! Они выслушали почтительно распеканцію, я только одинъ гласный, нотаріусъ, заявилъ губернатору, что выходитъ изъ думы, не желая подвергаться оскорбленіямъ. Это заявленіе сразу успокоило разошедшагося помпадура, который сталъ уговаривать гласнаго остаться на службѣ и „просилъ гласныхъ извинить его, если случайно онъ сказалъ лишнее слово".

Положеніе объ усиленной охранѣ — этотъ спеціальный аппаратъ для борьбы съ „разнузданностью" обывателей — оказывается очень удобнымъ средствомъ защиты городскихъ заправилъ отъ контроля представителей городского населенія (вѣрнѣе его имущихъ классовъ). Стоитъ только этимъ заправиламъ войти въ стачку съ администраціей, и городская дума безсильна осуществить свои законныя права.

Петербургская городская управа во главѣ съ г. Леляновымъ тоже, повидимому, недовольна „разнузданностью" направленной противъ нея критики. Приказомъ по полиціи градоначальникъ обратилъ вниманіе на то, что на лѣтнихъ театральныхъ сценахъ допускаются „хотя и разрѣшенныя цензурой, но неумѣстныя остроты по адресу городского управленія". Находя въ „подобныхъ остротахъ „неумѣстную дискредитацію государственнаго учрежденія", г. Клейгельсъ предписываетъ запретить остроты, въ случаѣ же повторенія сообщать ему „для дальнѣйшихъ распоряженій", конечно, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Бѣдный русскій смѣхъ! До сихъ поръ ему запрещено было затрагивать только правительственную свору, и онъ вынужденъ былъ свое преимущественное вниманіе обращать на состояніе городскихъ мостовыхъ, городского освѣщенія, пожарныхъ трубъ и т. п., на думскія глупости и думскіе скандалы. Теперь и эта область ему заказана. Простымъ полицейскимъ приказомъ городскіе заправилы превращаются въ „государственное учрежденіе", котораго да не коснется эта мятежная, разнузданная, словомъ, революціонная сила, — нашъ обывательскій смѣхъ.

Да что смѣхъ! И другія, менѣе революціонныя проявленія человѣческой природы не ускользнули отъ ревниваго начальственнаго ока. Тякъ напр. — жалость. На что ужъ смирное и, можно сказать, неполитическое чувство. Но въ русскомъ государствѣ и жалости предаваться надо съ опаской, и въ области проявленія человѣческаго состраданія можно дойти до „разнузданности“, которая требуетъ вмѣшательства власти.

Г. Сипягинъ вмѣшался. Онъ усмотрѣлъ, что въ газетахъ въ самомъ текстѣ часто печатаются приглашенія и воззванія о сборѣ пожертвованій въ пользу отдѣльныхъ бѣдствующихъ лицъ или мѣстностей, пострадавшихъ отъ какого-либо бѣдствія. Такъ какъ газетныя объявленія должны идти на просмотръ полиціи, то министръ и распорядился, чтобы отнынѣ приглашенія къ пожертвованіямъ, хотя бы и помѣщаемыя не среди объявленій, а въ текстѣ газеты, не печатались безъ разрѣшенія полиціи.

Очень, очень кстати распоряженіе г. Сипягина! Русская публика, какъ ее ни муштруютъ, не соглашается отдавать свои доброхотныя даянія въ руки царскихъ чиновниковъ и флигель-адъютантовъ Краснаго Креста. Она предпочитаетъ передавать свои пожертвованія Льву Толстому или другому подобному „неблагонамѣренному“ организатору помощи нуждающимся, который и отчетъ представитъ, и самое дѣло помощи поставитъ не по чиновничьи, а по человѣчески. Противъ такой „разнузданности“ жертвователей нельзя было не принять строгихъ мѣръ. И въ такихъ мѣрахъ не было недостатка до сихъ поръ. Новое распоряженіе г. Сипягина, ставящее новыя препоны организаціи общественной благотворительности, подоспѣло тѣмъ болѣе кстати, что мы стоимъ на порогѣ новаго повальнаго крестьянскаго голода. Съ свойственной ему „быстротой и натискомъ“ г. Сипягинъ первый „отозвался“ на народное бѣдствіе. Отнынѣ безъ разрѣшенія полиціи частныя лица уже не смогутъ публично собирать пожертвованія для голодныхъ.

И мы опять задаемъ вопросъ: сколько же Сипягиныхъ придется будущей русской революціи развѣсить на уличныхъ фонаряхъ, чтобы разъ на всегда отвоевать право... свободно распоряжаться своими человѣческими чувствами.

Разнузданность въ поступкахъ, разнузданность въ прогулкахъ, разнузданность въ смѣхѣ, разнузданность въ чувствахъ... Казалось бы, трудно отыскать еще какую-нибудь область, нуждающуюся въ мѣрахъ противъ разнузданности. М-во нар. просвѣщ. нашло такую область, — это область обывательскихъ мечтаній. Что въ мечтаніяхъ не нужно быть разнузданнымъ, объ этомъ узнали недавно Каменецъ-Подольскіе обыватели.

Былъ у нихъ директоръ гимназіи г. Васильевъ, котораго они почему-то возлюбили. М-во перевело г. Васильева въ Новг.-Сѣв. Обыватели подали начальству прошеніе объ оставленіи директора въ ихъ городѣ. А м-во сообщило подлежащимъ вѣдомствамъ, по которымъ служили подписавшіеся, объ ихъ поступкѣ. Что засимъ послѣдовало, неизвѣстно, но, вѣроятно, обывателямъ досталось, ибо они стали пенять на непріятный оборотъ дѣла, ссылаясь въ свое оправданіе на „всѣмъ извѣстные акты, которые, повидимому, знаменовали поворотъ въ нашемъ учебномъ дѣлѣ и призывали родителей учащихся дѣтей къ ближайшему участію въ немъ“, т. е. на извѣстный царскій рескриптъ и „приказъ“ ген. Ванновскаго о „сердечномъ попеченіи“. И вотъ министерство „сердечнаго попеченія“ объясняетъ въ газетахъ, что донесло оно на подписавшихся обывателей потому, что „подобныя заявленія, дѣлаемыя скопомъ, запрещаются закономъ“ (ст. 112 Устава о пред. и пресѣч. прест.). Если же обыватели ссылаются на „всѣмъ извѣстные акты“, то, поясняетъ ядовито м-во, „не слѣдуетъ при этомъ забывать, что всѣмъ извѣстные акты не отмѣняютъ силы приведеннаго закона“. Запомните эти слова, размечтавшіеся обыватели! Разговоры о „сердечномъ попеченіи“ не отмѣняютъ устава о пред. и прес. прест., не отмѣняютъ законовъ Россійской имперіи. Пока законы эти остаются въ силѣ, нелѣпо мечтать о серьезной реформѣ школьнаго дѣла, о томъ, чтобы голосъ родителей принимался къ свѣдѣнію въ дѣлѣ обученія ихъ дѣтей.

А знаете, читатель, какъ велика наша обывательская „разнузданность“? Одесскій градоначальникъ публикуетъ статистическіе итоги полицейской борьбы съ обывателями въ своемъ районѣ. Въ 1900 г. въ Одессѣ отбывало арестъ по распоряженію администраціи (безъ суда) **43.281** чел. На 10 одесскихъ жителей въ теченіе года отбывалъ наказаніе безъ суда одинъ человѣкъ. Изъ каждыхъ 7 мужчинъ въ Одессѣ одинъ отсиживаетъ разъ въ годъ.

Подведемъ и мы итоги. Если „разнузданными“ оказываются и деревня, и городъ, и инородцы, и русскіе обыватели, и мѣщане, и представители имущихъ классовъ, и люди, любящіе смѣяться, и люди жалостливые, и учащаяся молодежь, и степенные родители, если цѣлая седьмая часть мужского населенія крупнаго города обязательно должна отсиживать въ кутузкѣ за свою „разнузданность“, то не кроется-ли здѣсь нѣкоторое недоразумѣніе?

Когда вы ѣдете на пароходѣ, вамъ кажется, что все кругомъ движется, а вы одни неподвижны. Не проявляется-ли по вопросу о „разнузданности“ такой-же „обманъ зрѣнія“? Не можетъ быть, чтобы весь міръ былъ виноватъ передъ маленькой кучкой людей. А вѣдь, право-же, царящая надъ нами клика есть ничтожная кучка по сравненію съ той массой, которую она обуздываетъ. Не въ ней-ли, не въ этой-ли кучкѣ сидитъ дѣйствительное зло „разнузданности“, не ее-ли пора начать взнуздывать? Не пора-ли всему населенію повести въ свою очередь походъ противъ той грубой, разнузданной, неуклюжей силы, которая шагу ступить не можетъ, чтобы не наступить на какую-либо обывательскую мозоль?

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Существуетъ общераспространенный взглядъ на наше крестьянство, какъ на одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ русскаго самодержавія. Извѣстная доля истины тутъ, конечно, есть, тѣмъ не менѣе такое утвержденіе требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Естественный ходъ вещей мало по малу революціонизируетъ и деревню. Самодержавіе доживаетъ послѣднія минуты, и давленіе этой громадной умирающей и заживо разлагающейся туши живо чувствуется вездѣ — и въ промышленныхъ центрахъ, и въ глухихъ деревушкахъ. Приведемъ два знакомыхъ намъ факта, иллюстрирующихъ процессъ освобожденія деревни отъ вѣкового гипноза, обусловливавшаго до сихъ поръ живучесть царизма. Одно изъ событій, о которомъ мы собираемся разсказать, имѣло мѣсто за послѣднее время въ одномъ изъ уѣздовъ П—ской губерніи. У крестьянъ деревни *** неправильно была оттягана мѣстнымъ купцомъ земля, которой они очень долго владѣли до того времени (въ концѣ концовъ — впослѣдствіи — высшая судебная инстанція рѣшила дѣло въ ихъ пользу, ибо нашлись документы, доказавшіе, что крестьяне были правы.) Потерявъ надежду на возможность найти правду у царскихъ чиновниковъ, которые-де „скрываютъ отъ царя-батюшки настоящую, крестьянскую правду“, мужички подали прошеніе самому „батюшкѣ“, но получили, разумѣется, суровый отказъ. Отказъ этотъ они объяснили себѣ такъ, что „опять-де чиновники не допустили до царя-батюшки крестьянскую слезницу“, и отрядили излюбленнаго человѣчка для непосредственнаго обращенія къ исконному первоисточнику правды — къ „царю-батюшкѣ“. Боясь новыхъ козней со стороны „чиновниковъ-министровъ“, ходокъ нанялся рабочимъ въ царскій садъ, хитро пряталъ прошеніе (держалъ въ сапогѣ, ибо при входѣ въ садъ рабочіе строго обыскиваются) и, выбравъ однажды удобный моментъ, бросился „самому“ въ ноги, немедленно былъ схваченъ и отправленъ на родину. Обезкуражились мужички, но злополучной идеи своей о правдѣ у царя не оставили, дождались новаго царствованія (Николая II) и, все еще не изувѣрившись въ эту царскую правду, („думали, что тогда, прежнему-то царю, наговорили на насъ супостаты-министры“), опять повторили свой опытъ. На этотъ разъ тотъ же ходокъ (кстати сказать, послѣ перваго приключенія съ нимъ ему былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицу), одѣвшись желѣзнодорожнымъ носильщикомъ (или поступивши въ ж.-д. носильщики), подкараулилъ какъ-то молодого царя на вокзалѣ и опять бросился къ нему въ ноги, но снова былъ схваченъ (прошеніе же на глазахъ „самого“ было у него отобрано и „самому“, конечно, не доставлено) и выпровоженъ этапнымъ порядкомъ въ свою деревню. Крестьяне, отчаявшись послѣ этого отыскать царскую правду, рѣшили умереть на своей землѣ, а не давать ее въ чужія руки. Въ результатѣ — усмиреніе „бунта“ солдатами, экзекуція и высылка на сѣверъ трехъ наиболѣе дѣятельныхъ протестантовъ, въ томъ числѣ и злополучнаго ходока. Теперь деревенька эта уже окончательно изувѣрилась въ чиновничью и царскую правду, въ назначеніе христолюбиваго воинства и т. д. Это доказываютъ, между прочимъ, бывшія позднѣе въ ней недоразумѣнія съ администраціей, и тѣ смѣлыя рѣчи, которыя раздавались на сходахъ.

А вотъ и другой фактъ. Въ деревнѣ Ж., П—кой губ. О. у., одинъ изъ крестьянъ проникся мыслью — взять на себя своеобразную миссію спасенія деревенскаго люда отъ удручающихъ его бѣдствій путемъ пропаганды идеи переселенія. Съ этой цѣлью онъ досталъ уставъ о переселеніи и, сообразуясь съ этимъ уставомъ, обращался къ мѣстнымъ властямъ за совѣтомъ и содѣйствіемъ, но вездѣ наталкивался на холодный пріемъ и на болѣе, чѣмъ отрицательное къ его идеѣ отношеніе. Послѣ долгихъ тщетныхъ хожденій по присутственнымъ мѣстамъ онъ рѣшилъ, наконецъ, дѣйствовать на собственный рискъ и страхъ, вооружился карандашомъ и бумагой и направился по весямъ собирать подписи желающихъ переселиться. Исходивши порядочное количество деревень, онъ набралъ уже до 150 такихъ подписей, какъ вдругъ недреманное око становового усмотрѣло въ этомъ актѣ противоправительственную дѣятельность. Въ одно прекрасное время усердный не по разуму администраторъ „орломъ налетаетъ“ на бѣдную хижину Николая (такъ зовется герой разсказываемой нами подлинной исторіи), хватаетъ его и отправляетъ въ О. въ холодную. Николай, однако, не растерялся и сталъ протестовать противъ незаконнаго лишенія его свободы въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „арестовать меня ты, конечно, можешь, на то тебѣ и власть дана, но какъ выпустишь на волю — тогда посмотримъ; я этого дѣла не запущу и буду съ тобой судиться“. Становой, очевидно, призадумался надъ этой угрозой, ибо на третій же день ареста поспѣшилъ на собственныя средства представить его въ П. къ губернатору. Тутъ между Николаемъ и губернаторомъ произошелъ любопытный разговоръ въ такомъ родѣ:

— Можетъ-ли становой меня безъ суда и безъ всякой моей вины лишить свободы?

— Становой арестовалъ тебя, потому что я ему это приказалъ, понимаешь? внушительно произнесъ губернаторъ.

— Ага! Ну, такъ я противъ тебя, обратился Николай къ становому, ничего теперь не имѣю, потому, значитъ, ты исполнялъ только волю начальства, а буду теперь имѣть дѣло съ господиномъ губернаторомъ.

Когда губернаторъ замѣтилъ ему, что арестованъ онъ не напрасно, а потому, что „волновалъ населеніе“, Николай горячо ему отвѣтилъ: „Нѣтъ, я не волную населеніе, а хочу ему только пособить, потому что начальство о насъ не заботится и не хочетъ знать, что нашему брату-крестьянину жить становится не въ моготу. Если не черезъ годъ, то черезъ два мы переѣдимъ горло другъ другу изъ-за земли. Я къ крестьянину на помощь иду, а вы называете это бунтовствомъ“. Губернаторъ дальше разговаривать не сталъ, а велѣлъ отправить его на родину и отдать подъ надзоръ полиціи. Такъ какъ Николай въ своихъ объясненіяхъ съ начальствомъ ссылался все на какую-то книгу, изъ которой онъ почерпаетъ увѣренность въ правотѣ своего дѣла, (вѣроятно, какую-нибудь юридическую справочную книжечку о переселеніяхъ), то у него былъ произведенъ тщательный обыскъ, не приведшій ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и только доставившій лишнюю минуту торжества Николаю.

Не смотря на всѣ эти обстоятельства, Николай начатое дѣло о переселеніи продолжалъ и около 15-го мая н. г. назначилъ всѣмъ своимъ кліентамъ, будущимъ переселенцамъ собраться въ селеніе, гдѣ помѣщается волостное правленіе, на сходъ для того, чтобы выбрать ходоковъ и собрать деньги. Вся мѣстная полиція, во главѣ съ помощникомъ исправника, явилась въ назначенный для схода день на мѣсто предполагаемаго „бунта“.

„Бунтъ“, однако, не состоялся, ибо часть явившихся на сходъ по приглашенію Николая, натолкнувшись на полицію, поспѣшила возвратиться во свояси, а часть получила еще дорогой свѣдѣнія о томъ, что являться не нужно — полиція разгоняетъ. Николая же, послѣ этого, отдали подъ судъ земскаго начальника. Этотъ послѣдній допросилъ массу народа, пытаясь установить фактъ корыстнаго мотива въ затѣѣ Николая, но это ему не удалось. При объясненіи съ земскимъ начальникомъ Николай, по своему обыкновенію, держалъ себя весьма независимо, доказывалъ, что его могутъ судить, осудить, въ кутузку сажать, но, отсидѣвъ свой срокъ, онъ все же будетъ продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи. Земскій принужденъ былъ отказаться отъ роли обвинителя, пообѣщалъ все дѣло направить къ судебному слѣдователю и отпустилъ Николая на волю, а Николай, разсчитывая, повидимому, встрѣтить поддержку свыше, исчезъ, какъ говорятъ, въ Петербургъ, откуда, по всей вѣроятности, скоро вернется въ сопровожденіи солдата.

По личнымъ отзывамъ крестьянъ и мелкотравчатой полиціи, Николай человѣкъ неглупый, власти же рангомъ повыше распускаютъ упорно и настойчиво слухъ, что это невѣжественный, сумасшедшій мужикъ, совершающій свои подвиги вслѣдствіе простого недомыслія. Личность Николая стала весьма популярной въ его округѣ, и весь этотъ эпизодъ заставляетъ крестьянъ много толковать о безсовѣстности начальства, о закрѣпощеніи крестьянъ, о прикрѣпленіи ихъ къ мѣсту жительства ради помѣщичьихъ выгодъ и т. д.

Въ Костромѣ въ началѣ іюля былъ распространенъ листокъ, выпущенный за подписью „Группы интеллигентовъ“, въ которомъ предостерегаютъ отъ сношеній съ техникомъ Александромъ Ивановичемъ Врублевскимъ, который, будучи призванъ въ качествѣ свидѣтеля въ жандармское управленіе, не только далъ обстоятельные отвѣты на всѣ предложенные ему вопросы, но даже говорилъ о многомъ, о чемъ его вовсе не спрашивали, при чемъ назвалъ много лицъ, которые, будто бы, давали ему нелегальную литературу. Все это онъ сдѣлалъ, повидимому, желая заслужить расположеніе жандармскаго начальства, можетъ быть, даже желая поступить къ нему въ качествѣ сыщика на службу (хотя онъ крайне глупъ и болтливъ для этой роли). Въ результатѣ же оказалось, что онъ самъ попалъ въ обвиняемые по 318 и 252 ст. угодилъ подъ особый надзоръ полиціи. Врублевскій оговорилъ не только интеллигентовъ, но и многихъ рабочихъ.

Весь май начальство сильно боялось рабочихъ безпорядковъ и, начиная съ первыхъ чиселъ мая, каждый день находятся на готовѣ, по распоряженію губернатора, тридцать человѣкъ солдатъ, вооруженныхъ боевыми патронами. По улицамъ города, собственно въ фабричномъ районѣ, шляется масса переодѣтыхъ жандармскихъ и полицейскихъ солдатъ; говорятъ, что прибыло много сыщиковъ изъ Петербурга. Носятся слухи, что шпіоны пущены Кемпе въ видѣ сторожей, также въ мѣстныя учебныя заведенія: мужскую и женскую гимназію, духовную семинарію, техническое и реальное училище (въ послѣднее поступилъ новый сторожъ изъ бывшихъ жандармскихъ солдатъ).

Въ іюнѣ губернаторъ выпустилъ къ полиціи два циркуляра: одинъ касается земскихъ статистиковъ, въ немъ предписывается исправникамъ наблюдать, чтобы земскіе статистики, отправившіеся по уѣздамъ на изслѣдованіе, не оказали дурного вліянія на тамошнее общество, т. к. среди нихъ масса лицъ, находящихся въ спискѣ политической неблагонадежности, подъ надзоромъ полиціи. Другой циркуляръ приведенъ нами дословно въ ном. 6 (см. „Послѣднія Извѣстія“).

Вильна. Сообщаю подробности объ ошмянскомъ „бунтѣ“. Съ годъ назадъ въ Ошмянскій уѣздъ, Вишнев. волости вернулся съ военной службы отставной солдатъ, который, откопавъ какое-то положеніе о крестьянахъ Западнаго края 1877 года, отыскалъ въ немъ установленіе крестьянскаго надѣла въ 8 дес., тогда какъ въ настоящее время онъ равенъ прибл. 2—2$^1/_2$ дес. Основываясь на этомъ положеніи, онъ повелъ усиленную агитацію среди крестьянъ, напирая на то, что царскій указъ нарушенъ повсюду помѣщиками. Возбужденіе среди крестьянъ (шести волостей) достигло крайняго напряженія, и нуженъ былъ лишь толчекъ для его рѣзкаго проявленія. Такимъ толчкомъ явился пріѣздъ партіи землемѣровъ для съемки плановъ. Въ первый же день ихъ работъ они были окружены толпою крестьянъ изъ шести волостей (отъ 2000 до 3000 чел.), которые требовали отъ нихъ, чтобы новые планы составлялись по упомянутому положенію, т. е. чтобы изъ помѣщичьихъ земель была сдѣлана прирѣзка къ существующимъ двухдесятиннымъ надѣламъ. Землемѣры разошлись и на другой день явились на мѣсто работъ въ сопровожденіи всего состава полицейскихъ властей всѣхъ шести волостей (свыше ста чел. — становые, сотскіе, десятники и пр.). Увѣщанія ни къ чему не повели, крестьяне полегли на землю и такимъ пассивнымъ сопротивленіемъ не дали возможности приступить къ работамъ. Въ особенности выдѣлялись бабы, которыя, благодаря увѣреніямъ солдата, что въ прошломъ году вышелъ царскій указъ о томъ, чтобы женщинъ въ тюрьму не сажать и вообще не предавать суду, вели себя весьма вызывающимъ образомъ и смѣлѣе мужчинъ. По телеграфу были вызваны двѣ сотни казаковъ и батальонъ солдатъ, пришедшіе во главѣ съ губернаторомъ. Немедленно было арестовано 50 „зачинщиковъ“ (въ томъ числѣ и солдатъ), послѣ чего крестьяне покорились. Подробностей о „внушеніяхъ“ на мѣстѣ пока нѣтъ, но будутъ. Наказаніе „бунтовщикамъ“ слѣд.: изъ 50 арестованныхъ — 20 чел., противъ которыхъ нѣтъ прямыхъ уликъ, въ порядкѣ усиленной охраны по распоряженію Сипягина уже отправлены въ Восточную Сибирь. Остальные сидятъ въ тюрьмѣ и привлечены къ суду за сопротивленіе властямъ. Остальная же масса „бунтовщиковъ“ наказана тѣмъ, что въ бунтовавшихъ деревняхъ по избамъ расквартировали двѣ роты солдатъ до октября мѣсяца, что означаетъ полное разореніе крестьянъ, такъ какъ они должны давать солдатамъ полное содержаніе.

Въ тюремныхъ застѣнкахъ. Рядъ „тюремныхъ драмъ“ совершился въ теченіе нынѣшней весны. Въ Митавской тюрьмѣ гимназистъ Крейеръ, мальчикъ 15-ти лѣтъ, зарѣзался послѣ того, какъ угрозами и насиліями жандармскаго офицера Кладо былъ вынужденъ дать компрометирующія другихъ показанія. Въ Лодзи рабочій Янкель Пакула, избитый полицейскими въ участкѣ, „найденъ въ своей камерѣ повѣсившимся“, какъ говорится въ полицейскомъ протоколѣ; по увѣренію же сосѣдей, слышавшихъ крики и стоны, Пакула повѣшенъ полицейскими послѣ того, какъ умеръ отъ нанесенныхъ ему побоевъ. Когда шумъ, вызванный въ Лодзи этимъ происшествіемъ, дошелъ до ушей начальства, оно напечатало оффиціальное опроверженіе „слуховъ“ объ убійствѣ Пакулы, увѣряя, что покойный повѣсился „изъ страха наказанія за свое преступленіе“.

6-го іюня въ Кіевской тюрьмѣ началась голодовка 35 политическихъ заключенныхъ. Голодавшіе выставили требованіе, чтобы въ теченіе недѣли заключеннымъ были предъявлены опредѣленныя обвиненія въ присутствіи прокурора (какъ водится, и въ этомъ году передъ первымъ мая нахвачено было жандармами до ста человѣкъ, при чемъ только послѣ ареста жандармы стали подбирать „улики“). Послѣ четырехдневной голодовки власти должны были сдаться, всѣмъ заключеннымъ произведенъ допросъ и многіе выпущены.

Около того-же времени въ Богодуховской тюрьмѣ (близъ Харькова) такая же голодовка была проведена 16-ью политическими. Пом. прис. пов. В. Рогачевскій съ 29 декабря 1900 г. по 24 мая 1901 г. сидѣлъ безъ допросовъ. Послѣ того, какъ всѣ его юридически обоснованныя заявленія были оставлены безъ удовлетворенія, Рогачевскій „объявилъ голодовку“, къ которой примкнуло еще 15 заключенныхъ. Голодовка длилась 10 дней, пока жандармы рѣшили уступить, допросили Рогачевскаго и выпустили его.

Въ харьковской тюрьмѣ, по свѣдѣніямъ „Краснаго Креста“, покушалась дважды на самоубійство Алек. Андр. Котлярова (служившая въ земствѣ) послѣ пяти мѣсяцевъ заключенія. Послѣ второй попытки самоубійства Котлярова выпущена — въ психіатрическую лечебницу.

ИНЦИДЕНТЪ ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМЪ ЗЕМСТВѢ.

Г. Родзянко, предсѣдатель Екатеринославской Губернской Земской Управы, уже успѣвшій прославиться на всю Россію, снова напоминаетъ о своемъ существованіи слѣдующей выходкой. Онъ потребовалъ отъ статистиковъ, чтобы они на изслѣдованіяхъ вели дневникъ работъ; цѣль этой выдумки — контроль за статистиками. Встрѣтивъ молчаніемъ это требованіе, статистики отправились на изслѣдованіе, дневниковъ не вели и, пріѣхавъ съ изслѣдованій, оправдательныхъ документовъ о времяпрепровожденіи не представили, чѣмъ и вызвали гнѣвъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергера Двора г. Родзянко, который, дабы впредь и другимъ неповадно было, повелѣлъ уволить за ослушаніе завѣдующаго и трехъ статистиковъ. Нужно замѣтить, что незадолго до разыгравшейся исторіи самъ же г. Родзянко отзывался объ Екатеринославскихъ статистикахъ, какъ о людяхъ съ достаточной подготовкой для работы, за которую взялись. Такимъ образомъ, увольненіе статистиковъ нужно разсматривать, какъ наказаніе только за неисполненіе нелѣпаго требованія. Въ отвѣтъ на увольненіе товарищей остальные члены бюро подали въ управу заявленіе о томъ, что они не могутъ продолжать службу въ управѣ, которая не пользуется ихъ уваженіемъ. „Ничего, сказалъ г. Родзянко, пусть уходятъ; я ѣду въ Москву и привезу оттуда цѣлый вагонъ статистиковъ“. Событія показали, однако, что г. Родзянко въ своихъ разсчетахъ на Москву, вѣроятно, ошибется. Дѣло въ томъ, что вѣсти о случившемся дошли до Харьковскихъ статистиковъ, которые рѣшили бойкотировать г. Родзянко, о чемъ оповѣстили его (см. I), Екатеринославскихъ статистиковъ (см. II) и всѣ 34 статистическія бюро Россіи (см. III).

I М. Г., г. Родзянко!

Преслѣдуя исключительно фискальскія цѣли, Вы потребовали отъ Екатеринославскихъ статистиковъ веденія дневниковъ. Вамъ, конечно, принадлежитъ неоспоримое право довѣрять или не довѣрять служащимъ въ земствѣ, но на Васъ же вмѣстѣ съ тѣмъ лежитъ обязанность, въ случаѣ недовѣрія, прямо заявлять объ этомъ, а не устанавливать оскорбительный полицейскій надзоръ за работниками, — тѣмъ болѣе, что въ Вашемъ распоряженіи для опредѣленія право и работоспособности служащихъ всегда найдется достаточно данныхъ и помимо измышленныхъ Вами дневниковъ. Екатеринославскіе статистики, естественно, отказались выполнить оскорбляющія ихъ требованія, какъ отказался бы сдѣлать это всякій въ ихъ положеніи, — а Вы въ отвѣтъ на этотъ отказъ не постѣснялись уволить отъ службы нѣкоторыхъ статистиковъ и тѣмъ вызвали коллегіальную отставку бюро. Вашъ образъ дѣйствій, болѣе свойственный лицамъ, сидящимъ въ бюрократическомъ, а не земскомъ креслѣ, заставляетъ выразить Вамъ свое негодованіе и объявить бойкотъ Екатеринославскому земству — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока Вы не откажетесь отъ своего рѣшенія по отношенію къ Екатеринославскимъ статистикамъ или по тѣмъ или другимъ причинамъ не оставите земскую службу.

II Товарищи!

Глубоко возмущенные поступкомъ предсѣдателя Екат. Губ. Земской Управы г. Родзянко, мы, харьковскіе статистики, шлемъ Вамъ товарищескій привѣтъ и свое сочувствіе. Мы надѣемся, что и товарищи другихъ земскихъ статистическихъ бюро отнесутся столь же сочувственно къ Вамъ и съ такимъ же негодованіемъ по адресу г. Родзянко, и потому обращаемся къ нимъ съ предложеніемъ бойкотировать Екатеринославское земство — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока г. Родзянко не откажется отъ своего рѣшенія по отношенію къ Вамъ, статистикамъ, или не оставитъ по тѣмъ или другимъ причинамъ земскую службу

III Товарищи!

Вамъ, навѣрное, извѣстна участь Екатеринославскаго бюро. Мы, харьковскіе статистики, обсудивъ обстоятельства этого дѣла, пришли къ слѣдующему: въ виду того, что крахъ Екатеринославскаго бюро является результатомъ дикаго бюрократическаго произвола г. Родзянко, произвола, нарушающаго элементарныя правила отношеній земскихъ служащихъ по выборамъ къ земскимъ служащимъ по найму; въ виду того, что съ такимъ все чаще и чаще повторяющимся явленіемъ возможно бороться только сообща, — мы рѣшили бойкотировать Екатеринославское земство — отказомъ работать у него — до тѣхъ поръ, пока г. Родзянко не откажется отъ своего рѣшенія по отношенію къ Екатеринославскимъ статистикамъ или по тѣмъ или инымъ причинамъ не оставитъ земскую службу. Сообщая объ этомъ, мы предлагаемъ Вамъ присоединиться къ нашему рѣшенію, извѣстивъ объ этомъ насъ, Екатеринославскихъ статистиковъ, и г. Родзянко, который долженъ же знать о томъ негодованіи, какое вызываетъ въ земскихъ работникахъ его послѣднее распоряженіе и его земская дѣятельность вообще.

На почвѣ этого инцидента разыгрался другой, уже въ Харьковскомъ земствѣ. Единомышленникъ г. Родзянко, предсѣдатель Харьков. Губ. Зем. Управы, г. Гордѣенко, узнавъ о намѣреніи Харьковскихъ статистиковъ выразить порицаніе г. Родзянко, предупредилъ статистиковъ, что въ случаѣ исполненія сего намѣренія, о которомъ онъ освѣдомленъ „по дошедшимъ до него слухамъ", имъ будутъ приняты мѣры, т. е. сдѣланъ доносъ, куда слѣдуетъ, и прибавилъ, что на будущее время никакія совѣщанія служащихъ по вопросамъ, не касающимся служебныхъ обязанностей, въ стѣнахъ управы терпимы быть не могутъ. Это заявленіе г. Гордѣенко было оставлено статистиками безъ отвѣта письменнаго, устно же ему было заявлено, что свои намѣренія статистики считаютъ своимъ частнымъ дѣломъ, до котораго управѣ нѣтъ дѣла. Въ настоящее время въ бюро царитъ сильное напряженіе, которое можетъ разразиться новымъ скандаломъ. Дѣло въ томъ, что въ управѣ во многихъ ея отдѣленіяхъ имѣются шпіоны, служащіе источникомъ тѣхъ „слуховъ", на которые г. Гордѣенко не постѣснялся сослаться въ своемъ оффиціальномъ обращеніи къ статистикамъ. Несомнѣнно, что тѣми же „слухами" пользуются и жандармы. Одинъ изъ шпіоновъ сидитъ и у статистиковъ, у которыхъ до сихъ поръ не хватало мужества вышвырнуть этого негодяя изъ бюро, не смотря на то, что объ этомъ вопросъ неоднократно подымался: бѣдняги слишкомъ дорожатъ своими работами и думаютъ, что изгнаніе шпіона повлечетъ за собою раскасированіе бюро. Фраза г. Гордѣенко о „слухахъ" снова возбудила вопросъ о шпіонахъ, опять статистики волнуются, и неужели опять впустую? Чего добраго! Поразительно малой дозой протеста надѣленъ русскій обыватель, даже такой, какъ статистикъ; за то терпѣнія ему отпущено не въ мѣру много.

* * *

Мы, съ своей стороны, отъ всей души привѣтствуемъ прекрасный починъ харьковскихъ статистиковъ и рекомендуемъ всѣмъ служащимъ и въ земскихъ, и въ общественныхъ, и въ правительственныхъ учрежденіяхъ предавать гласности и публичному позору подобныя проявленія полицейскаго произвола и доносчицкаго рвенія всяческихъ русскихъ „помпадуровъ".

Харьковъ, 2-го августа.

Послѣ той бумаги, въ которой Гордѣенко, основываясь на „слухахъ", грозилъ статистикамъ „мѣрами", статистики тоже рѣшили принять мѣры противъ шпіонства, свившаго себѣ прочное гнѣздо во всѣхъ учрежденіяхъ губернскаго земства. Они рѣшили требовать удаленія Антоновича — шпіона въ статистическомъ отдѣленіи. Приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія было отложено до 18-го іюля, когда въ коллегіальномъ засѣданіи управы должно было разсматриваться заявленіе одного изъ членовъ управы по тѣмъ же вопросамъ. Велико было удивленіе статистиковъ, когда они на другой день узнали, что коллегія не только не уволила Антоновича, про котораго Гордѣенко сказалъ: „Антоновичъ не шпіонилъ, а исполнялъ свой долгъ", но даже сочла необходимымъ уволить завѣдующаго бюро. Теперь въ дѣло вмѣшались и остальные служащіе управы, до сихъ поръ ведшіе себя болѣе, чѣмъ скромно. Пока завѣдующій бюро не получилъ еще оффиціальнаго извѣщенія объ отставкѣ, къ Гордѣенко была отправлена депутація, которая въ самыхъ скромныхъ формахъ предложила Гордѣенко взять рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро обратно, намекнувъ, что въ противномъ случаѣ послѣдуетъ увольненіе многихъ служащихъ изъ другихъ отдѣленій управы. Гордѣенко готовъ былъ пойти на уступки — пересмотрѣть рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро. Назначенъ былъ срокъ окончательнаго рѣшенія вопроса — 24-го іюля. Служащіе управы готовы были помириться на возвращеніи завѣдующаго бюро, забывъ, что дѣло вѣдь началось съ Антоновича, — показателя цѣлой системы. Однако, статистики не соглашались сначала, но потомъ уступили, — отступились отъ своихъ основныхъ требованій. Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда статистики пошли на компромисъ, Гордѣенко получилъ отъ губернатора конфиденціальное сообщеніе съ приложеніемъ копіи съ письма, отправленнаго харьковскими статистиками Родзянко, и предложеніемъ „принять мѣры". Созванное Гордѣенко по этому поводу коллегіальное засѣданіе управы подтвердило свое рѣшеніе объ увольненіи завѣдующаго бюро и постановило предложить всѣмъ статистикамъ уволиться. Статистики, не дождавшись формальнаго извѣщенія о состоявшемся постановленіи, 25-го числа подали въ отставку (19 человѣкъ, трое отказались) примѣру ихъ послѣдовали 23 человѣка изъ другихъ отдѣленій управы, въ томъ числѣ губернскій санитарный врачъ, эпидемическіе врачи, губернскій агрономъ и завѣдующіе и помощники завѣдующихъ другими отдѣлами управы (не всѣ, конечно).

Въ больницѣ губернскаго земства одновременно тоже разыгралась исторія на той же почвѣ, что и въ управѣ: требованіе служащихъ объ удаленіи смотрителя больницы, обвинявшагося въ шпіонствѣ, было удовлетворено управой.

Въ родовспомогательномъ пріютѣ Х. Г. Зем. тоже была исторія. Членъ управы на основаніи опроса низшаго медицинскаго персонала внесъ въ управу предложеніе объ увольненіи врача, завѣдующаго пріютомъ, не спросивъ у послѣдняго никакихъ разъясненій. Это была настолько дикая выходка, что даже почтенная управская коллегія рѣшила уволить не врача, а тѣхъ, кто давалъ показанія о немъ. Врачъ же, какъ говорятъ, намѣренъ привлечь члена управы за клевету къ судебной отвѣтственности.

Получено изъ Симферополя извѣщеніе о крахѣ статистическаго бюро. Какъ сообщаютъ, въ этой новой исторіи принимали участіе губернаторъ, жандармы и проч. учрежденія.

„Доброе слово къ русскому народу." Не всегда съ „крамолой" борятся средствами грубаго насилія. Въ этомъ можно убѣдиться изъ недавно разосланнаго по фабрикамъ слѣдующаго воззванія:

Затребовать и получить къ 22 іюля.

Къ свѣдѣнію Гг. Владѣльцевъ и Управляющихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ!

Г. Министръ Императорскаго двора отъ 14-го іюня 1901 года за ном. 4969 приказалъ разрѣшить напечатать дешевое народное изданіе для распространенія среди фабрично заводского населенія, для его успокоенія, дабы поддержать законный порядокъ и ходъ обычныхъ работъ и оградить его отъ происходящихъ и могущихъ произойти смутъ и безпорядковъ, вслѣдствіе умственныхъ броженій и ложныхъ сужденій о Предержащей власти.

Изданіе это предлагается для распространенія въ возможно-большемъ числѣ экземпляровъ, какъ среди сельскаго населенія, такъ и рабочихъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ. Затребованные и полученные экземпляры изданія слѣдуетъ раздать въ ближайшій праздничный день и при возможно-торжественной обстановкѣ всѣмъ рабочимъ, не исключая женщинъ и дѣтей:

ДОБРОЕ СЛОВО КЪ РУССКОМУ НАРОДУ

Сочиненіе религіозно-нравственнаго содержанія, проникнутое высоко-патріотическимъ духомъ, съ портретами Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы.

Изданіе высылается по слѣдующей расцѣнкѣ:

Цѣна за: 15 экз. — 1 р.; 30 экз. — 2 р.; 50 экз. — 3 р.; 100 экз. — 5 р.; 500 — 22 р. 50 к.; 1000 — 40 р; 3000 — 110 р.: 4000 и болѣе считаются по 3 коп. экземпляръ.

Требованія прислать заблаговременно, съ полученіемъ сего предложенія съ тѣмъ, чтобы изданія были получены своевременно.

Затребовать и получить по числу рабочихъ.

Требованія адресовать: въ СПБ., книжному магазину „НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА", Николаевская, 39.

Адр. для телеграммъ: СПБ., Магазинъ „Народная Польза".

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать разрѣшается, 19 іюня 1901 г. Цензоръ Архимандритъ Антонинъ.

На заголовкѣ красуется царская корона. Другая украшаетъ оборотную сторону листка. Такимъ образомъ, обращенное къ фабрикантамъ предложеніе „затребовать" книжку по числу рабочихъ обставлено достаточно торжественно. Попробуй-ка г. фабрикантъ отказаться отъ пріобрѣтенія сего сочиненія, „проникнутаго высоко-патріотическимъ духомъ"! Издатели, несомнѣнно, обдѣлаютъ выгодное дѣльце!

Какъ, однако, должны печально обстоять дѣла съ „законнымъ порядкомъ" среди фабрично-заводского населенія, если сторонники этого порядка вынуждены прибѣгнуть къ печатному слову для борьбы съ „умственными броженіями и ложными сужденіями о Предержащей власти"! Вѣдь печатное слово — палка о двухъ концахъ! Познакомившись съ „добрымъ словомъ", направленнымъ къ его вразумленію, рабочій, пожалуй, полюбопытствуетъ познакомиться и съ тѣмъ правдивымъ словомъ, которое съумѣетъ попасть въ его руки, — правда, безъ всякой торжественной обстановки.

* * *

Сейчасъ мы получили новое „извѣщеніе" почтенной фирмы, свидѣтельствующее о томъ, какими средствами дѣйствуютъ „религіозно-нравственно-патріотическіе" борцы съ крамолой. Вотъ текстъ „извѣщенія":

ИЗВѢЩЕНІЕ.

„Затребованное Вами изданіе „Доброе слово къ русскому народу" въ количествѣ 10 экземляровъ не соотвѣтствуетъ статистическимъ даннымъ Министерства Финансовъ, по спискамъ котораго значится, что число рабочихъ доходитъ до 120 чел., а потому по числу ихъ изданіе и можетъ быть выслано; имѣя въ виду то, что каждое требованіе заносится въ вѣдомость для представленія къ свѣдѣнію. Просимъ дать отвѣтъ".

На заголовкѣ опять царская корона. Предпріимчивые патріоты запаслись „статистическими данными" и „съ пристрастіемъ" требуютъ, чтобы фабриканты выписывали не иначе, какъ по числу рабочихъ, ибо „каждое требованіе заносится въ вѣдомость для представленія къ свѣдѣнію".

Или, говоря простымъ русскимъ языкомъ: клади денежки объ это мѣсто или я „представлю къ свѣдѣнію" самый „религіозно-нравственно-патріотическій" доносъ начальству.

Высылка изъ Россіи Джорджа Кеннана. Авторъ извѣстной книги о русской ссылкѣ, вновь посѣтившій недавно Россію, высланъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ изъ Россіи въ сопровожденіи полицейскаго. Высылка послѣдовала въ виду его „политической неблагонадежности". Это, конечно, не значитъ, чтобы правительство считало Кеннана революціонеромъ. Но чтобы стать врагомъ русскаго правительства, и не нужно быть революціонеромъ. Достаточно написать правдивую книгу, въ которой разсказано о томъ, что правительство дѣлаетъ со своими жертвами въ каторжныхъ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки.

Можно надѣяться, что своей выходкой русское правительство возстановитъ свою честь въ глазахъ цивилизованнаго міра. Кеннанъ писалъ, что въ Россіи нѣтъ никакой свободы и что каждое проявленіе свободной общественной дѣятельности карается какъ политическое преступленіе.

Высылка Кеннана, вѣроятно, имѣетъ въ виду доказать Европѣ и Америкѣ, что свободы у насъ вполнѣ достаточно... чтобы наказать иностранца за то, что онъ иностранцамъ говоритъ правду о Россіи.

Пирамидовъ умеръ! Владиміра Михайловича Пирамидова не стало. Онъ умеръ на посту, охраняя своего султана на одномъ изъ торжествъ въ честь постройки новаго орудія истребленія людей. Царскій флагъ, сорванный разыгравшейся бурей, раздавилъ вѣрнаго жандарма. Нельзя-ли видѣть въ семъ нѣкоего предзнаменованія?

Начавъ свою службу въ Москвѣ и развернувъ свои инквизиторскія способности въ Одессѣ, Пирамидовъ въ 1897 г. былъ назначенъ начальникомъ Охраннаго Отдѣленія въ Петербургѣ. Въ напечатанномъ въ „Листкѣ Работника" (ном. 5) „Послужномъ спискѣ полковника Пирамидова", составленномъ безвременно погибшимъ въ ссылкѣ товарищемъ Ѳедосѣевымъ, предсказывалось, что Пирамидовъ въ своей новой должности „намѣренъ производить массовые погромы, захватывая разомъ не только подозрѣваемыхъ въ революціонной дѣятельности, но и всѣхъ знакомыхъ съ такими лицами".

Предсказаніе оправдалось, и „эра Пирамидова" ознаменовалась дѣйствительно, все учащавшимися погромами, захватывавшими каждый разъ самую разнообразную публику. Въ 1897 г. походовъ на „внутреннихъ враговъ" имъ совершено въ Петербургѣ шесть (въ февралѣ, мартѣ, дважды въ апрѣлѣ, маѣ, августѣ), въ 1898 г. шесть (въ январѣ, мартѣ, маѣ, іюлѣ, сент., дек.), въ 1899 г. восемь (въ февралѣ, мартѣ, дважды въ апрѣлѣ, въ іюнѣ, августѣ, октябрѣ, декабрѣ), въ 1900 г. пять (въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, августѣ, декабрѣ) и въ 1901 г. вплоть до кончины — семь (въ январѣ, дважды въ февралѣ, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ), при чемъ апрѣльскій походъ затмилъ количествомъ взятыхъ въ плѣнъ всѣ предыдущіе и принесъ побѣдителю неувядаемый трофей — пудъ гвоздей, арестованныхъ у одного мирнаго литератора въ предположеніи, что они назначены для стрѣльбы картечью изъ пушекъ революціи.

Само собою разумѣется, что при такихъ массовыхъ погромахъ случались „ошибочки" вродѣ заарестованія непричастнаго къ революціи Костромина, который зарѣзался въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Самосожженіе Вѣтровой тоже произошло въ царствованіе Пирамидова. Общее количество умершихъ отъ нажитыхъ въ тюрьмѣ болѣзней и сошедшихъ съ ума не поддается учету; во всякомъ случаѣ оно не незначительно.

Точно также не легко подсчитать количество шпіоновъ и провокаторовъ, пущенныхъ Пирамидовымъ въ обращеніе въ среду рабочихъ и молодежи.

Герою 30-ти слишкомъ походовъ противъ „внутренняго врага" были, само собою разумѣется, воздаты должныя посмертныя почести. За гробомъ несли вѣнки съ пикантными надписями, какъ напр., „отъ тайной агентуры". До сихъ поръ вѣнки съ такими надписями, навѣрное, не встрѣчались на чьихъ-либо похоронахъ. За Судейкинымъ несли, правда, вѣнокъ „отъ сослуживцевъ", но такъ, чтобы просто отъ... шпіоновъ, нѣтъ, этого не бывало.

Прогрессъ нравовъ подвигается съ удивительной быстротой. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на гробъ Витте будетъ своевременно возложенъ вѣнокъ „отъ взлелѣянныхъ казнокрадовъ", на гробъ Муравьева — „отъ спасенныхъ мздоимцевъ" и на гробъ Николая Романова — „отъ тысячи и одной балерины".

Но если похороны Пирамидова отличались отъ похоронъ Судейкина бо́льшимъ цинизмомъ, то трогательны онѣ были не менѣе ихъ. На гробъ Судейкина посланы были вѣнки отъ царицы. Пирамидова почтили вѣнками нѣкоторые великіе князья и сама королева эллиновъ. Такъ все прочнѣе скрѣпляются узы между царскимъ престоломъ и жандармскимъ застѣнкомъ. И будутъ скрѣпляться эти узы до тѣхъ поръ, пока разыгравшаяся буря, сорвавъ царскій флагъ, не раздавитъ на мѣстѣ многоголовую жандармскую гидру.

Для петербургскихъ рабочихъ имя Пирамидова будетъ всегда связано съ первымъ періодомъ ихъ массового выступленія на путь классовой борьбы, какъ имя безсовѣстнѣйшаго и безпощаднѣйшаго изъ царскихъ палачей

САМОНОВѢЙШЕЕ ОТКРЫТІЕ.

Средство противъ упорныхъ голодовокъ! Привилегія принадлежитъ князю Оболенскому!

Городъ Елизаветградъ до сихъ поръ считался очень тихимъ и скромнымъ городомъ. Революціями не занимался и противъ начальства не возставалъ. Правда, въ 1879 г. на елизаветградскомъ вокзалѣ былъ арестованъ Григорій Гольденбергъ съ тюкомъ динамита, но это обстоятельство не было поставлено городу въ вину. Въ 1898 г. обнаружена въ Елизаветградѣ социалдемократическая пропаганда, но она оказалась завезенной одесскими агитаторами и пресѣчена въ корнѣ. Мѣстные рабочіе пошли за г. Левитскимъ и съ разрѣшенія властей устраиваютъ артели... На всякій случай, однако, начальство вотъ уже два года воспрещаетъ селиться въ Елизаветградѣ людямъ поднадзорнымъ и тѣмъ самымъ спасло этотъ городъ отъ наплыва радикальной публики. Все бы, казалось, хорошо, анъ нѣтъ...

Въ Елизаветградскомъ уѣздѣ проявился голодъ, который продолжался два года. А разъ голодъ, то не преминула появиться и „агитація" безпокойныхъ людей, организаторовъ помощи голодающимъ. Появились письма въ газетахъ о голодѣ и голодномъ тифѣ, наѣхали въ уѣздъ смутьяны изъ посторонней интеллигенціи, словомъ, поднялся шумъ.

Кн. Оболенскій, губернаторъ херсонскій, сперва помалкивалъ, потомъ сталъ ругаться (обозвалъ сообщенія земскихъ врачей ложными), потомъ запретилъ наѣзжимъ смутьянамъ оказывать помощь мужикамъ, закрылъ книжный складъ, объявилъ не согласнымъ съ видами самодержавнаго правительства открытіе яслей для голодающихъ мужицкихъ дѣтей. Наконецъ, заявилъ, что отнынѣ голодъ въ Елизаветградскомъ уѣздѣ прекращается... Все не помогло: помощь прекратили, а мужикъ все какъ будто видъ имѣетъ оголодавшій. Тогда херсонскій губернаторъ строчитъ бумажку въ Петербургъ и получаетъ отвѣтъ, который долженъ его совершенно успокоить. Какъ сообщаютъ газеты, власти гор. Елизаветграда получили увѣдомленіе отъ херсонскаго губернскаго правленія, что городъ объявленъ на положеніи усиленной охраны.

„Средствіе" найдено; теперь-то, надо полагать, хозяйство Елизаветградскаго мужика станетъ на ноги.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. О настроеніи петербургскихъ рабочихъ въ періодъ лѣтнихъ безпорядковъ можно судить по слѣдующему письму, полученному нашимъ товарищемъ отъ одного ткача. Въ письмѣ высказано также отношеніе нѣкоторыхъ рабочихъ кружковъ къ тому политическому направленію, которому служитъ наша газета, по поводу полученія которой собственно и написано письмо (рѣчь идетъ о ном. 4 „Искры").

...„Я многимъ товарищамъ показывалъ „Искру" и весь номерокъ истрепался, а онъ дорогъ, много дороже „Мысли", хоть и нѣтъ тамъ нашихъ строкъ. Тутъ про наше дѣло, про все русское дѣло, которое копейками не оцѣнишь и часами не опредѣлишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиція боятся насъ рабочихъ и тѣхъ интеллигентовъ, за которыми мы идемъ. Они, и правда, страшны и царю и хозяевамъ, и всѣмъ, а не только хозяйскимъ карманамъ. Конечно, я простой рабочій и совсѣмъ ужъ не такой развитой, но я очень чувствую, гдѣ правда, знаю, что нужно рабочимъ. Рабочій народъ теперь легко можетъ загорѣться, уже все тлѣетъ внизу, нужна только искра и будетъ пожаръ. Ахъ, какъ это вѣрно сказано, что изъ искры возгорится пламень! Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облитые, многіе даже въ лицо перемѣнились, и это всѣ видятъ: теперь ужъ мастера многихъ не трогаютъ, и въ праздникъ полиція вѣжливенько проситъ на нашей сторонѣ толпой не стоять, и такъ проситъ, будто рабочій завтра свободу получитъ. Раньше каждая стачка была событіе, а теперь всякій видитъ, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь всѣ, и старикъ, и малый, всѣ читали бы, да вотъ горе наше — книжки нѣтъ. Я прошлое воскресенье собралъ одиннадцать человѣкъ и читалъ: „Съ чего начать", такъ мы до ночи не расходились. Какъ все вѣрно сказано, какъ до всего дойдено. Я вамъ правду сказалъ на прощанье: часто мы Васъ поминать будемъ. Вотъ Вы были бы, Вы бы ужъ, навѣрное, устроили намъ: хочется намъ письмо въ эту самую „Искру" Вашу написать, чтобы она не только учила, какъ начать, а и какъ жить и умереть. Вы, небось, смѣетесь и скажете, что всего въ газетѣ не напишешь, это такъ, а все-таки въ этотъ разъ я прочиталъ то, что еще нигдѣ не было написано. Теперь ужъ намъ не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать. И какъ нарочно никого: Васъ нѣтъ, вмѣсто Васъ никого, союзниковъ словно вымело, а самимъ, вѣдь, не справиться; тутъ у насъ затѣваютъ, если еще въ другой разъ въ разсчетъ уволятъ, такъ идти всѣмъ громить фабрику, пусть пропадаетъ, коль кормить не можетъ. А развѣ сурьезно!? Я да и другіе тоже подбиваемъ, лучше на Невскій выйти, да на знамени написать: работы и свободы, да развѣ однимъ совладать? Пусть бы видѣли, какіе русскіе рабочіе. Теперь только начать нужно, а тамъ все пойдетъ, все движется, вездѣ тлѣетъ. Вотъ смотрите, было на тракту, было у насъ, у балтійцевъ, а скоро путиловцы такое покажутъ, что у насъ и не видывали. Со многими мы простимся, многихъ у насъ вырвутъ, много и ошибокъ надѣлаемъ, да въ такомъ дѣлѣ иначе нельзя, во-первыхъ, а второе — ужъ дѣло больно крупное начинается. Это еще не конецъ, это только первый пожаръ, и его потушатъ, но огонь будетъ такъ ярокъ, что и слѣпые увидятъ, что кому нужно, кто кому врагъ, а ужъ второй пожаръ солдаты заливать не пойдутъ. Вы, вѣрно, бранитесь, что не пишу, какъ у насъ, про событія. Про В. (убитаго) Вы знаете; если Вы знали Ф., такъ ему тоже голову прошибли. Въ другой разъ напишу, если Вамъ любопытно и если цѣлъ буду; ну, да выплыву, можетъ, еще вмѣстѣ поработаемъ — то-то бы хорошо".

Какъ намъ пишутъ, съ 7-го іюля Обуховскій заводъ опять забастовалъ вслѣдствіе того, что уволенный-было помощникъ директора Ивановъ, виновникъ первой стачки, снова появился на заводѣ. 12-го іюля арестовано до 120 рабочихъ съ этого завода.

Въ центральномъ районѣ. Обиліе штрафовъ при 12-13 руб. мѣсячной платѣ для взрослаго рабочаго, рѣдкая выдача этого заработка (разъ въ мѣсяцъ) — таковы условія труда въ прядильно-ткацкой фабрикѣ г. Клабвина въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, Ярославской губ. Къ этому еще присоединяется застарѣлая язва россійской фабрики — хозяйская лавка. Товаръ въ такой лавкѣ недоброкачественный, цѣны болѣе высокія, чѣмъ тѣ, какія значатся въ утвержденной фабричнымъ инспекторомъ таксѣ. При покупкѣ товара въ заборной лавкѣ отмѣчается та цѣна, которая показана въ таксѣ, надбавка же уплачивается наличными деньгами. Въ виду рѣдкой выдачи заработка рабочимъ часто приходится для покупки товара, не имѣющагося въ хозяйской лавкѣ, совершать коммерческую операцію: купить какой-нибудь ненужный товаръ въ этой лавкѣ и перепродать его, теряя 20% убытку.

Зато на бумагопрядильной фабрикѣ Франко-русскаго Общества близъ станціи Павлово (Московско-Нижегородской ж. д.) тѣми же доблестями отличается лавка... потребительнаго общества. „Обвѣшиваютъ на цѣлые фунты", пишутъ намъ оттуда, а когда обвѣшенный покупатель, узнавъ дома объ обманѣ, явится обратно въ лавку, то его же обвиняютъ въ непорядочности: самъ-де дома отрѣзалъ, а потомъ пришелъ сюда.

Кострома. Всѣ арестованные въ апрѣлѣ освобождены въ іюнѣ. Обвинялись въ участіи въ костромской соціалдемократической группѣ (по 318 и 252 ст.). Уликъ не добыто никакихъ.

Рабочій Иванъ Румянцевъ по дѣлу 1900 г. приговоренъ къ 2 мѣс. тюрьмы и году высылки. По тому же дѣлу высланы еще на два года въ Вятскую губ. работница Марія Семенова, въ Казанскую губ. на два года ея сестра Ольга Семенова; на одинъ годъ въ Саратовскую губ. рабочій съ фабрики Зотова Павелъ Кузбяковъ и слесарь Андрей Ваховъ; въ Самарскую губ. на одинъ годъ слесарь Павелъ Блохинъ; туда же на два года рабочій Иванъ Обуховъ; въ Астраханскую губ. на одинъ годъ конторщикъ Сергѣй Зубовъ (человѣкъ, ни въ чемъ не повинный и ни къ чему не причастный). Въ Казанскую губ. на два года: слесарь съ фабрики Зотовыхъ Капитонъ Лапшинъ, рабочій той же фабрики Иванъ Даниловъ, рабочіе Никаноръ Соколовъ и Ив. Барабановъ (въ Кострому былъ высланъ изъ Петербурга). Туда же на одинъ годъ Константинъ Барабановъ. Въ ночь съ 4 на 5 іюня у рабочихъ были опять обыски. Арестованъ Лапшинъ, но черезъ нѣсколько дней выпущенъ. Обыски повторились 21 іюня. Всѣ эти событія вызываютъ массу толковъ среди рабочихъ, спросъ на нелегальную литературу значительно увеличился, ею интересуются такіе рабочіе, которые прежде не стали бы ее и читать. Даже самымъ „сѣрымъ" рабочимъ, только-что пришедшимъ изъ деревни, любопытно знать, „за что это людей берутъ" и что написано въ тѣхъ книжкахъ, которыя „ищетъ полиція".

На допросахъ полковникъ Кемпе нѣкоторымъ рабочимъ говоритъ: знаемъ мы, чего вы добиваетесь — восьми часовъ труда; сдѣлай по вашему, а вы потомъ голову намъ оторвете. Такими фразами очень поднимаютъ духъ у всѣхъ работающихъ, такъ какъ каждый признаетъ за собой силу, съ которой надо бороться и которой боится правительство.

Саратовъ. Стачечное движеніе. Въ среду 6-го іюня рабочіе ж.-дор. мастерскихъ за часъ до обѣда прекратили работу, предъявивъ вызванному ими начальнику мастерскихъ требованіе отмѣны существующей системы штрафовъ (при этой системѣ за прогулъ одного дня у рабочаго вычитали двухдневную плату, при опозданіи хотя бы на полчаса — вычитали полдня). Послѣ неудачной попытки провести рабочихъ кажущейся уступкой начальникъ мастерскихъ удовлетворилъ ихъ требованіе, но рабочіе, посовѣтовавшись между собою, предъявили рядъ новыхъ требованій, какъ-то: повышеніе расцѣнковъ, понизившихся за послѣднія пять лѣтъ по нѣкоторымъ предметамъ на 50%, затѣмъ выбора рабочими старостъ для разбора мелкихъ недоразумѣній съ управленіемъ. Не рѣшаясь самолично удовлетворить новыя требованія, начальникъ мастерскихъ вызвалъ телеграммой начальника дороги, начальника тяги и жандармскаго полковника. Послѣдній, впрочемъ, въ первый же день забастовки былъ на мѣстѣ „сраженія" и говорилъ рабочимъ, что онъ является представителемъ царской власти, не заинтересованной въ притѣсненіи рабочихъ, что онъ ихъ отецъ, а они его дѣти и т. д.

Въ четвергъ рабочіе не работали. Въ пятницу же утромъ собрались въ мастерскія выслушать рѣшеніе начальства, устроившаго въ этотъ день военный совѣтъ. Надо замѣтить, что ж.-д. начальство, видимо, растерялось, и дѣйствіями его сталъ руководить жандарскій полковникъ Сыропятовъ, человѣкъ довольно ловкій. Выйдя къ рабочимъ, полковникъ сталъ читать имъ отвѣтъ начальства. Штрафы отмѣнялись, расцѣнокъ повышенъ. Рабочіе были довольны результатомъ забастовки, старики благодарили полковника. Въ субботу работы возобновились, но въ 9 час. утра рабочіе снова забастовали, сочтя себя обманутыми: по вывѣшеннымъ правиламъ — вопреки словесному заявленію полковника — при объявленіи вводимыхъ новымъ порядкомъ „предостереженій" за прогулъ (послѣ трехъ такихъ предостереженій рабочій увольняется) въ счетъ принимались прогулы до завтрака, тогда какъ полковникъ обѣщалъ, что такіе прогулы въ счетъ идти не будутъ. Жандармскій полковникъ уговорилъ рабочихъ не прерывать работъ до пріѣзда начальника дороги, на что рабочіе согласились. Въ среду 13-го, по пріѣздѣ начальника, въ мастерскихъ вывѣшено было объявленіе, удовлетворяющее часть требованій рабочихъ. „Предостереженія" устанавливаются только за прогулъ по неуважительнымъ причинамъ, обѣщано сокращеніе рабочаго времени и „разрѣшается каждому цеху имѣть своего выбраннаго старосту для выясненія нуждъ и желаній рабочихъ". Въ концѣ объявленія добавлено, что рабочіе получатъ плату за дни стачки, но что при повтореніи стачки мастерскія будутъ закрыты. Рабочіе молча согласились продолжать работу. Хотя побѣда не полная, но рабочіе довольны ею. Важно то, что всѣ дни забастовки рабочіе вели себя образцово и не было никакихъ поводовъ къ вмѣшательству жандармеріи. Никакихъ „зачинщиковъ" не было и пострадавшихъ пока нѣтъ. Старосты уже выбраны и приступили къ исполненію своихъ обязанностей.

Стачка произвела большое впечатлѣніе и на рабочихъ другихъ заводовъ. Подъ ея вліяніемъ начали волноваться рабочіе механическаго завода Беринга (работаетъ 350 чел.) Послѣдній заводъ давно славится неаккуратной расплатой съ рабочими. Года два назадъ тамъ уже было столкновеніе по этому поводу. Нѣкоторое время назадъ управленіе завода вывѣсило объявленіе, что отмѣняется время на завтракъ (полчаса); работа должна начинаться съ 6 и идти непрерывно до 12, затѣмъ дается часъ на обѣдъ (прежде полтора часа); за то общій рабочій день сокращается на одинъ часъ, т. е. управленіе завода даровало 1 часъ рабочимъ изъ ихъ же времени (полчаса изъ завтрака и полчаса изъ обѣда). Въ пятницу 15-го іюня рабочіе завода собрались передъ заводомъ и потребовали отмѣны этого нововведенія, аккуратной расплаты за прожитое время, ограниченіе „ученичества" и проч. Всѣ эти требованія были помѣщены въ гектографированной прокламаціи, одинъ экземпляръ которой былъ найденъ у одного ученика и представленъ начальству. На мѣсто дѣйствія уже прибылъ приставъ второй части и низшая полиція. Въ пятницу и субботу переговоры ни къ чему не привели: работы, однако, не производились. Въ субботу или въ воскресенье отъ администраціи завода было вывѣшено требованіе, чтобы рабочіе вышли на работу, а нежелающіе чтобы брали разсчетъ. 45 чел. явились въ контору и тутъ встрѣчены были полиціей и жандармами. Всѣхъ 45 чел. отправили въ часть, но дорогой 5 раб. вернулись на работу. Въ понедѣльникъ съ работъ взяли еще 23 чел., а во вторникъ 16 ч. Изъ нихъ болѣе десятка выслано изъ Саратова административнымъ порядкомъ. Послѣ стачки на заводѣ были распространены прокламаціи, выясняющія причины ея неудачи.

Слабыя попытки устроить забастовку были и на чугунно-литейномъ заводѣ Макарова. Но когда пріѣхалъ фабричный инспекторъ, то недовольство выразилъ одинъ лишь интеллигентный рабочій, а остальные его не поддержали. Недовольному было предложено удалиться съ завода.

Саратовъ. Стачка крестьянъ-рабочихъ. Въ селѣ Николаевскомъ, Саратовскаго уѣзда (въ 45 верстахъ отъ Саратова) находится земледѣльческое училище, учителя котораго имѣютъ порядочное вліяніе на ходъ дѣлъ у крестьянъ этого села. По иниціативѣ инспектора училища Зенкевича при сельскомъ ссудосберегательномъ товариществѣ была устроена мастерская плуговъ. Въ мастерской работало 18 мастеровъ, а съ учениками до 25 чел., бо́льшая часть ихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ концѣ мая рабочіе прекратили работу, предъявивъ завѣдующему мастерской слѣдующія требованія: увеличеніе заработной платы, сокращеніе рабочаго дня на 1 часъ (до 9½ час.), увольненіе конторщицы, выдача денегъ два раза въ мѣсяцъ, правильные часы, прекращеніе произвольныхъ пониженій платы, отмѣна штрафовъ (не вычитать за одинъ день болѣзни), правильное обученіе учениковъ. Стачка продолжалась двѣ недѣли, пока рабочимъ надоѣло ждать и они задумали устроить артельную мастерскую, что и было сдѣлано при помощи небольшого займа. Время для стачки было выбрано неудачное, такъ какъ большая часть заказовъ была уже выполнена.

Ссудо-сберегательныя товарищества, какъ извѣстно, представляютъ тоже одинъ изъ излюбленныхъ нашими народолюбцами способовъ рѣшенія рабочаго вопроса помимо „грубыхъ" средствъ классовой борьбы, выдуманныхъ европейскимъ пролетаріатомъ. Какъ видно изъ корреспонденціи, „товарищество" деревенскихъ хозяйчиковъ вело свое дѣло эксплуатаціи своихъ „однообщинниковъ"-пролетаріевъ почище любого фабриканта съ мошенническими часами, со штрафами за болѣзнь(!), съ незаконной расплатой менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ и пр. и пр.

Рабочій въ роли — попа-увѣщевателя. Въ Николаевскѣ (Самарской губ.) возникла стачка на механическомъ заводѣ. Заводчикъ обратился къ своему пріятелю въ Саратовѣ, тоже заводчику Коробову, чтобы тотъ прислалъ ему человѣка, который бы оказалъ воздѣйствіе на рабочихъ. Коробовъ отправилъ въ Николаевскъ рабочаго Трусова, административно-высланнаго въ Саратовъ. Пріѣхавъ въ Николаевскъ, Трусовъ остановился у заводчика, который его принялъ съ распростертыми объятіями. Трусовъ уговорилъ рабочихъ прекратить стачку, увѣряя, что хозяинъ не врагъ имъ, а другъ, и что онъ самъ страдаетъ отъ плохихъ дѣлъ, въ силу чего прибавить имъ плату не можетъ. Увѣщанія подѣйствовали, рабочіе прекратили забастовку, а Трусовъ съ благодарностью возвращенъ обратно.

Симферополь. Приводимъ разсказъ о майской демонстраціи этого года въ Симферополѣ.

— Они хотятъ свободы...

— Что значитъ: „хотятъ свободы"?

— А то, что слышите. Развернули вышитое красное знамя, прошлись по Екатерининской, пѣли за свободу и раздавали какіе-то листки...

— Нѣтъ, это очень просто. Завтра день рожденія государя евреи-портные взяли да и прошлись по улицамъ съ пѣніемъ...

— Дуракъ, они марсельезу пѣли, да полиція арестовала одного.

Такого рода взволнованныя рѣчи вели между собою добрые обыватели нашего тихаго, смирнаго, богоспасаемаго города въ субботу, 5-го мая этого года, около 7 час. веч. Да и было отчего волноваться, было что не понимать простому обывателю. Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Симферополь, онъ не видѣлъ ничего подобнаго тому, что происходило тамъ 5-го мая передъ вечеромъ. А происходило вотъ что:

Толпа рабочихъ и работницъ мѣстныхъ портняжныхъ, сапожныхъ, столярныхъ, слесарныхъ мастерскихъ, табачныхъ фабрикъ, всего около ста чел., преимущественно евреевъ, впервые въ Симферополѣ устроили публичную майскую демонстрацію. Они, дѣйствительно, какъ говорилъ нашъ обыватель, съ развернутымъ знаменемъ, на которомъ красовались вышитыя на русскомъ и еврейскомъ языкахъ слова: „Да здравствуетъ политическая свобода!", „Да здравствуетъ 8-мичасовый рабочій день", „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!" и съ пѣніемъ рабочей марсельезы прошлись по главной улицѣ нашего города при громаднѣйшемъ скопленіи публики, которой раздавались прокламаціи.

Нужно сознаться, ничего не понимала во всемъ этомъ большая публика, но ничего не понимала и полиція, которая по долгу должна была понимать. Да, необходимо достодолжнымъ образомъ отмѣтить этотъ фактъ и обратить на него всеобщее вниманіе.

Рабочая демонстрація 5-го мая безпрепятственно, блестяще прошла при явномъ и ясномъ соучастіи тамошней полиціи, не вѣдавшей, что творится у нея подъ носомъ. Городовые дали дорогу демонстрантамъ, отстраняя постороннюю публику, мѣшавшую шествію. Небывалое въ Россіи явленіе!

А между тѣмъ, какъ мы слышали, ни одинъ изъ чиновъ симферопольской полиціи не посаженъ въ тюрьму, не устраненъ даже отъ должности.

Какъ бы ни было, послѣдуемъ подъ охраной полиціи за нашими рабочими-демонстрантами. Шествіе, прошедшее въ образцовѣйшемъ порядкѣ, длилось, правда, не долго, минутъ 25-30, не больше, но впечатлѣніе произвело оно сильное. Я указалъ въ началѣ на непониманіе, какъ слѣдствіе невѣжества обывателя. Но за то я былъ самъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Группа возвращающихся съ работы каменьщиковъ наткнулась на шествіе. Подхвативъ нѣсколько листковъ и пробѣжавъ ихъ глазами, рабочіе въ одинъ голосъ начали кричать „Браво! Молодцы ребята! Ура! Ура!" Послышались шумныя рукоплесканія. Это я самъ видѣлъ. Но я, кромѣ того, знаю, что демонстрація произвела огромнѣйшее впечатлѣніе на большую массу нашего рабочаго населенія вообще. Послѣ демонстраціи носились даже упорные слухи, что русскіе, главнымъ образомъ, строительные рабочіе, каменьщики, штукатуры, плотники, не желая отстать отъ товарищей евреевъ, собираются повторить демонстрацію въ болѣе широкомъ размѣрѣ 14-го мая, въ день „священнаго" коронованія царственныхъ особъ. Къ сожалѣнію, слухи эти оказались только слухами, хотя, правда, въ ночь съ 13-го на 14-ое, не смотря на принятыя полиціею мѣры, по всему городу разбросаны были новыя, приготовленныя, какъ и первыя, на гектографѣ прокламаціи.

Съ другой стороны, демонстрація произвела ошеломляющее впечатлѣніе на мѣстныя и, вѣроятно, не только на мѣстныя власти (генералъ Трубниковъ, стоящій во главѣ таврическаго жандармскаго управленія, далъ по телеграфу немедленно знать о событіи въ Петербургъ).

Поэтому, если поставите мнѣ вопросъ, нахожу-ли я майскую демонстрацію удачной, я отвѣчу „да", потому что она сдѣлала свое дѣло, вызвавъ въ нашемъ рабочемъ населеніи готовность къ дальнѣйшей борьбѣ, возымѣвъ чрезвычайно сильное дѣйствіе на полицію. „Я положительно голову теряю отъ этихъ дѣлъ", заявилъ симферопольскій полицмейстеръ Кузьменко одному видному обывателю. О шествіи рабочихъ со знаменами далъ знать въ полицейское управленіе по телефону одинъ услужливый обыватель. Полиція прибѣжала, конечно, обезумѣвшею, но — слишкомъ поздно: она почти никого ужъ не застала, и на „мѣстѣ преступленія" ей удалось захватить одного лишь рабочаго-знаменоносца и то по простой несчастной случайности: рабочій, несшій огромное знамя, споткнулся и упалъ. Схваченный (имя его Аншель Дыскинъ, дамскій портной) былъ страшно избитъ въ участкѣ помощникомъ пристава Ковалевскимъ и немедленно отправленъ въ тюрьму.

Вслѣдъ затѣмъ началась настоящая охота на ремесленныхъ, а отчасти и другихъ рабочихъ нашего города. Въ охотѣ этой наряду съ полиціей принималъ участіе нѣкій обыватель, причисляющій себя, конечно, къ „интеллигенціи", Викторъ Артемьевичъ Шикинъ, бухгалтеръ мѣстнаго отдѣленія Азовскаго банка, выказавъ при этомъ необыкновенныя шпіонскія способности. Итакъ, началась охота на нашихъ рабочихъ. Ночью 5-го мая были арестованы и препровождены въ мѣстную тюрьму слѣд. лица: Кайнерсъ, Шухеръ, Воловичъ, Шидловскій — дамскіе портные; Тарноруцкій, Помочниковъ — слесаря. Обвиняемые въ участіи въ демонстраціи, они и понынѣ остаются въ тюрьмѣ. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ недѣль обыскивали, допрашивали и арестовали свыше 250 чел.: приказчиковъ, рабочихъ и просто обывателей. Арестованы за это время акушерка Толчинская, а совсѣмъ на дняхъ В. Г. Громанъ, помощникъ завѣдующаго статистическимъ бюро таврическаго земства, подлежавшаго вмѣстѣ съ двумя другими лицами высылкѣ изъ Таврической губерніи по какому-то дѣлу.

Въ январѣ н. г. во всѣхъ главныхъ мастерскихъ нашего городъ вспыхнула стачка. Столяры, въ числѣ 50 чел., бросили работу, выставивъ требованіе 10½ часоваго рабочаго дня (отъ 6 до 6, прежде работали отъ 6 до 9) съ полуторачасовымъ перерывомъ на обѣдъ; послѣ трехъ дней правильной и хорошо организованной борьбы стачка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: во всѣхъ столярныхъ мастерскихъ введенъ былъ 10½ часовый рабочій день. Не обошлось, конечно, какъ и во всякой борьбѣ, безъ жертвъ. Во время стачки произведено было очень много обысковъ, и рабочихъ-столяровъ Игната Тарчевскаго, Шифранскаго и Клюгмана арестовали и продержали въ тюрьмѣ три мѣсяца. Теперь Тарчевскій и столяръ Николай Воробьевъ сосланы въ Вятскую губ. на 3 года, Шифранскій и Клюгманъ высланы изъ Таврической губ.

На дняхъ арестованъ Г. Л. Вольфензонъ, служившій статистикомъ въ таврическомъ земствѣ. Арестъ этотъ стоитъ въ связи съ демонстраціей 5 го мая.

До послѣднихъ лѣтъ гор. **Керчь** не представлялъ изъ себя ничего выдающагося въ промышленномъ отношеніи, кромѣ рыбныхъ ловлей, которыя производятся больше мелкими промышленниками. Но вотъ пять лѣтъ тому назадъ тамъ были найдены богатыя залежи желѣзной руды, и работа закипѣла: извѣстное общество Брянскихъ заводовъ купило рудныя земли и начало строить громадный металлургическій заводъ. Затѣмъ еще два общества начали разработку руды въ окрестностяхъ Керчи для экспортированія на заводы въ Таганрогъ и Маріуполь. Брянское общество также позаботилось извлечь изъ земли доходы еще до окончанія постройки завода и вывезло до 2.000.000 пудовъ руды на маріупольскіе заводы, а къ постройкѣ завода привлекло новые капиталы и образовало новое акціонерное Общество Керченскихъ заводовъ и рудниковъ. Постройка завода, хотя и не особенно быстро, но продолжается: уже готовы двѣ доменныя печи (ихъ предполагается пять). Рабочихъ занято на постройкѣ завода до 4.000 человѣкъ.

Заводъ строится по послѣднему слову технической науки, но отношенія (увы!) къ рабочимъ администраціи далеки отъ послѣдняго слова... даже русскихъ фабричныхъ законовъ. Она нисколько не заботится о какихъ-либо удобствахъ для рабочихъ: заводъ отъ города отстоитъ на семь верстъ, и рабочимъ приходится тратить по три часа въ день на ходьбу на заводъ и обратно; двухчасовой обѣдъ приходится проводить въ стѣнахъ завода, питаясь въ сухомятку, такъ какъ близъ завода квартиръ для рабочихъ совсѣмъ нѣтъ; такимъ образомъ, десятичасовый рабочій день обращается въ 15-часовый. Допускается работа малолѣтнихъ моложе 15-ти лѣтъ по десяти часовъ въ сутки и даже ночныя сверхурочныя работы, которыми вообще страшно злоупотребляютъ и въ отношеніи къ взрослымъ рабочимъ: нѣкоторые, кромѣ семи дней въ недѣлю, еще работаютъ три-четыре ночи. Заработная плата выдается не аккуратно... Да всего и не перечесть. Не заботясь объ удобствахъ рабочихъ, администрація завода вмѣстѣ съ полиціей усиленно заботится объ охраненіи рабочихъ отъ вліянія сознательныхъ товарищей. Послѣ анти-турецкихъ безпорядковъ рабочихъ грузчиковъ на заводской пристани въ іюнѣ прошлаго года было уволено нѣсколько поднадзорныхъ рабочихъ, участниковъ рабочихъ организацій въ другихъ городахъ. Ихъ вліянію приписывали возникновеніе безпорядковъ. Но спасти рабочихъ отъ „заразы" не удалось. Въ мартѣ н. г. на заводѣ появились прокламаціи съ призывомъ готовиться къ празднованію перваго мая. Было уволено нѣсколько человѣкъ подозрительныхъ въ смыслѣ неблагонадежности рабочихъ, но это не помогло: наканунѣ перваго мая прокламаціи вновь были распространены по заводу. Перваго мая много рабочихъ не явилось на работу, и администрація вынуждена была распустить съ работы и остальныхъ. Опять послѣдовали увольненія. Большихъ результатовъ пока появленіе прокламацій не принесло, такъ какъ это было еще только впервые, но вѣдь вліяніе сознательныхъ рабочихъ на этомъ не остановится и будетъ продолжаться. Брешь пробита, и администраціи съ полиціей придется считаться съ проявленіемъ сознанія рабочихъ. Что сознаніе растетъ, это доказывается появленіемъ требованій. Напр., требованіе директору завода объ отмѣнѣ его распоряженія не давать приставать къ заводской пристани пароходу частнаго владѣльца, возившаго рабочихъ на заводъ и обратно. Остается пожелать, чтобы это сознаніе проникало и шире и глубже въ среду рабочихъ и чтобы на всякое злоупотребленіе и самодурство какъ администраціи, такъ и полиціи рабочіе отвѣчали протестомъ, не давали бы гнать своихъ товарищей, борющихся за общее рабочее дѣло.

Въ хронику стачекъ въ Западномъ краѣ. За май и іюнь въ Зап. краѣ произошелъ рядъ стачекъ. Наиболѣе крупной и интересной была стачка разборщиковъ и составителей плотовъ (600 чел.) въ **Ковнѣ** и окружающемъ районѣ, составляющихъ самую отсталую часть мѣстнаго пролетаріата. Стачечники требовали увеличенія заработной платы, установленія нормальнаго рабочаго дня, возвращенія уволенныхъ агитаторовъ и пр. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ. — 250 еврейскихъ булочниковъ бастовали въ **Бѣлостокѣ**, требуя выдачи кормовыхъ денегъ вмѣсто хозяйскаго содержанія, права жить не у хозяевъ и сокращенія рабочаго времени. Требованія удовлетворены. Въ Бѣлостокѣ же бастовали щетинщики. — Въ **Витебскѣ** и **Двинскѣ** бастовали рабочіе на табачныхъ фабрикахъ, въ Витебскѣ, кромѣ того, 150 кожевниковъ, требовавшихъ сокращенія рабочаго дня и одержавшихъ частичную побѣду. — До 800 кожевниковъ (главнымъ образомъ, христіанъ) бастовали въ **Вильнѣ**, тамъ же была стачка 400 каменщиковъ. — Въ **Варшавѣ** былъ рядъ стачекъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ (портные, позументщики, перчаточники) и у кожевниковъ. — Въ **Гроднѣ** христіанскіе и еврейскіе рабочіе на переплетной фабрикѣ (150 чел.) возстали противъ увеличенія рабочаго дня. — Въ **Пинскѣ** была стачка на фабрикѣ фанеръ (300 раб.), въ **Гомелѣ** среди прикащиковъ и въ **Могилевѣ** на маслобойномъ заводѣ. — Въ началѣ іюля въ **Минскѣ** забастовало 600 столяровъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Изданное **Польской Соц.-Дем. Партіей въ Польшѣ и Литвѣ** воззваніе „Къ членамъ Россійской соц.-дем. партіи" даетъ подробное изложеніе исторіи соціалистическаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ и его теперешняго состоянія. Надѣемся въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ познакомить читателей съ этой исторіей. Воззваніе польскихъ товарищей оканчивается приглашеніемъ дѣйствующихъ въ Россіи соц.-дем. организацій на общій съѣздъ для обсужденія вопросовъ совмѣстной партійной дѣятельности. Программу съѣзда Партія предлагаетъ такую:

1) Выработка общихъ политическихъ требованій. Мы предлагаемъ всѣмъ соціалдемократамъ въ Россіи выставить требованіе демократической конституціи, гарантирующей полную національную автономію финляндцамъ, полякамъ, литовцамъ и другимъ народамъ, населяющимъ Россію, и представить право полнаго самоопредѣленія всѣмъ національностямъ.

2) Организація соціалдемократической партіи Россіи на федеративныхъ началахъ.

3) Выборы Центральнаго Совѣта всѣхъ соціалдемократическихъ партій въ Россіи.

4) Выработка общаго плана дѣйствій и организація совмѣстнаго празднованія перваго мая.

Воззваніе заканчивается слѣдующими строками:

„Товарищи! Тяжелыя политическія условія, въ которыхъ мы живемъ и работаемъ, требуетъ тѣсной сплоченности каждой изъ нашихъ организацій и возможно тѣснаго единенія насъ всѣхъ. Сплоченность и существованіе центральнаго органа, какъ показалъ нашъ опытъ польскаго рабочаго движенія, не только не подвергаютъ движеніе большей опасности, но, наоборотъ, облегчаютъ противодѣйствіе правительственнымъ репрессіямъ, даютъ намъ возможность сохранить побольше силъ въ борьбѣ за существованіе, не говоря уже объ иныхъ неисчислимыхъ выгодахъ, которыя они приносятъ дѣлу пропаганды и агитаціи. Сколько фактовъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для всей Россіи, оставляется безъ вниманія, сколько силъ не эксплуатируется, насколько замедляется и затрудняется доставка корреспонденцій, сношенія между городами, транспортировка литературы и проч. и проч., благодаря именно отсутствію центральныхъ группъ“.

Вышелъ отчетъ о четвертомъ съѣздѣ „Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза“ („Бунда“), состоявшемся въ апрѣлѣ этого года. На съѣздѣ присутствовало 24 делегата отъ Центральнаго Комитета, 12 городовъ и двухъ профессіональныхъ организацій. Съѣздомъ разсмотрѣно много вопросовъ, имѣющихъ интересъ для всей русской соціалдемократіи (напр., о значеніи стачекъ, объ экономическомъ террорѣ и т. д.)

Наиболѣе важнымъ является рѣшеніе съѣзда по національному вопросу. Обстоятельно переданные въ отчетѣ дебаты и подробно мотивированная резолюція вносятъ столько новаго въ постановку еврейскаго вопроса для читателей, мало знакомыхъ съ внутренней жизнью „Бунда“, что критика точки зрѣнія, принятой съѣздомъ, потребовала бы отъ насъ болѣе мѣста, чѣмъ какимъ мы можемъ располагать въ этой замѣткѣ. Откладывая, поэтому, до другого мѣста обстоятельный разборъ позиціи, занятой Бундомъ, мы констатируемъ только, что съѣздъ, во-первыхъ, призналъ, что Россія должна стать федераціей національностей съ полной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ обитаемой ею территоріи; что евреи составятъ одну изъ этихъ автономныхъ національностей и что въ настоящее время требовать національной автономіи для евреевъ „преждевременно“ въ виду болѣе неотложныхъ политическихъ задачъ.

Итакъ, національной автономіи для евреевъ Бундъ не станетъ требовать отъ самодержавнаго правительства, но онъ ее потребуетъ отъ будущей освобожденной Россіи. Бундъ не говоритъ, въ какихъ формахъ можно будетъ осуществить эту автономію (т. е. самоуправленіе) для милліоновъ населенія, не занимающихъ сплошной территоріи, но разсѣянныхъ между сплошнымъ населеніемъ Россіи, Польши и Литвы. Не требовать-ли выдѣленія въ отдѣльныя самоуправляющіяся коммуны тѣхъ мѣстечекъ, которыя населены, главнымъ образомъ, евреями? Ибо во всѣхъ мѣстностяхъ „черты осѣдлости“ евреи составляютъ въ цѣломъ меньшинство, и для образованія „еврейскихъ“ округовъ пришлось бы именно отрѣзывать городскія поселенія отъ сельскихъ.

Или, предполагая, что съ разрушеніемъ „черты осѣдлости“ евреи разселятся по всей Россіи, не требовать-ли самоуправленія для каждаго городского квартала, населеннаго евреями?

Какъ бы то ни было, 4-й съѣздъ Бунда знаменуетъ собой развитіе націонализма въ еврейской соціалдемократіи Зап. Россіи и Польши (на югѣ, какъ извѣстно, еврейскіе рабочіе работаютъ рука объ руку съ русскими во имя общихъ требованій русскаго пролетаріата). Еще недавно, на своемъ третьемъ съѣздѣ (въ январѣ 1900 г.) Бундъ отвергъ предложеніе о требованіи для евреевъ „національныхъ правъ“, ограничившись требованіемъ гражданскаго равноправія.

Съ своей стороны, мы можемъ только считать крупной политической ошибкой это стремленіе совершенно искусственно втиснуть еврейское рабочее движеніе въ русло націонализма въ то время, когда главнымъ зломъ, отъ котораго задыхается еврейская масса въ Россіи, является правительственная политика, задерживающая процессъ ея сближенія съ окружающимъ ее населеніемъ.

Это развитіе въ сторону націонализма отразилось немедленно на отношеніи Бунда къ общерусскому соціалдемократическому дѣлу. Съѣздъ занялся вопросомъ объ отношеніи Бунда къ Рос. С.-Д. Раб. Партіи. Отношеніе это опредѣлялось до сихъ поръ рѣшеніями съѣзда 1898 г. Но въ то время Бундъ представлялъ собою организацію, не преслѣдовавшую никакихъ „національныхъ“ задачъ и созданную только для спеціальной агитаціи среди еврейскихъ рабочихъ на почвѣ протеста противъ тяготѣющаго надъ ними гражданскаго безправія (см. статью изъ органа Бунда, напечатанную въ „Работникѣ“, ном. 5-6). Въ отчетѣ о послѣднемъ съѣздѣ Бунда сказано: „Согласно рѣшенію перваго съѣзда Рос. С.-Д. Раб. Партіи“ Бундъ вошелъ въ нее, какъ автономная часть. Однако, затрудненія для Бунда, создававшіяся иногда такимъ отношеніемъ, и усложненія, могущія возникнуть вхожденіемъ въ партію другихъ національныхъ организацій на федеративныхъ началахъ, побудили съѣздъ заняться вопросомъ, не лучше-ли Бунду замѣнить свои автономныя отношенія федеративными“. При этомъ съѣздъ нашелъ, что „подобная замѣна, во 1-хъ, явится логическимъ слѣдствіемъ резолюціи, принятой по національному вопросу, и во 2-хъ, внесетъ гораздо больше простоты (?) въ отношенія къ Партіи и другимъ національнымъ организаціямъ“. Поэтому съѣздъ принялъ резолюцію, въ которой заявляетъ, что „представляя себѣ Рос. С.-Д. Партію, какъ федеративное соединеніе соціалдемократическихъ партій всѣхъ націй, населяющихъ Россійское государство, съѣздъ постановилъ, чтобы Бундъ, какъ представитель еврейскаго пролетаріата, вступилъ въ нее, какъ федеративная часть“ и т. д.

Надо прежде всего отмѣтить, что, говоря объ автономіи Бунда въ Рос. Партіи, „отчетъ“ пропустилъ одну маленькую подробность. Резолюція съѣзда 1898 г. гласитъ: „Бундъ входитъ въ Партію, какъ автономная организація, самостоятельная лишь въ вопросахъ, касающихся спеціально еврейскаго пролетаріата“.

Вопросъ о томъ, какое положеніе впредь долженъ занимать Бундъ въ Россійской Партіи, никакъ не можетъ считаться вопросомъ, касающимся спеціально еврейскаго пролетаріата. Этотъ вопросъ одинаково затрогиваетъ обѣ стороны, а потому не можетъ быть рѣшенъ одною изъ нихъ. А изъ этого слѣдуетъ, что рѣшеніе 4-го съѣзда Бунда объ измѣненіи положенія его въ Партіи совершенно незаконно. Эта незаконность не устраняется заявленіемъ Бунда, что онъ „представляетъ себѣ“ Росс. Партію „федеративнымъ соединеніемъ“ національныхъ организацій. Представлять себѣ онъ можетъ все, что угодно, но на дѣлѣ партія наша до сихъ поръ федеративнымъ соединеніемъ не была. Когда зайдетъ рѣчь о включеніи въ Рос. Партію новыхъ „національныхъ организацій“, тогда она, можетъ быть, приметъ и федеративный характеръ. Тогда же рѣшится и вопросъ о томъ, какое положеніе занимать Бунду. До тѣхъ поръ, — т. е. до партійнаго съѣзда — все остается по старому. Если же Бундъ, одна изъ договаривавшихся на съѣздѣ 1898 г. сторонъ, хочетъ снова „вступить“ въ партію на новыхъ началахъ, то это нельзя понять иначе, какъ въ смыслѣ выступленія изъ партіи, какъ она сформировалась на съѣздѣ 1898 г. „Вступать“ въ партію можетъ только организація, стоящая внѣ ея. Это само собой подразумѣвается и этого факта не устраняетъ то обстоятельство, что на заголовкѣ отчета о съѣздѣ стоитъ „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія“.

Такимъ образомъ, первый же шагъ на пути открытаго выставленія принципа еврейскаго націонализма ознаменовался ослабленіемъ организаціонной связи между еврейскимъ и общерусскимъ рабочимъ движеніемъ. Этого и слѣдовало ожидать.

Мы твердо увѣрены, что националистическія увлеченія Бунда не найдутъ отклика среди многочисленныхъ еврейскихъ товарищей южной Россіи, до сихъ поръ боровшихся въ однихъ рядахъ съ русскими товарищами.

„Непримиримый“, непеpіодическое изданіе, номеръ 1. 1901 годъ (гектографированное).

Какъ слѣдуетъ изъ вступительной статьи новаго изданія, оно вызвано къ жизни нѣкоторымъ кризисомъ, переживаемымъ въ послѣдніе годы нашимъ „революціоннымъ меньшинствомъ“. Неудача народовольческаго періода въ исторіи революціоннаго движенія привела къ тому, что стали „вѣрить только въ дѣйствія массъ“. Но, разсчитывая на дѣйствіе массъ, наши революціонныя группы сплошь и рядомъ въ цѣляхъ ускорить это дѣйствіе были склонны приспособить свою программу къ мнѣнію данной массы (рабочей или либерально-буржуазной). „Непримиримый“ выступаетъ противъ этой струи въ нашемъ революціонномъ движеніи. „Сила всякаго революціоннаго меньшинства въ непримиримости, въ чистотѣ своей доктрины, въ выдержанности своей точки зрѣнія, а отнюдь не въ компромисахъ... Революціонное меньшинство должно признавать одну практичнось — высшую практичность революціоннаго пути“. Революціонное меньшинство должно быть непримиримымъ, чтобы воздѣйствовать на массу и „въ концѣ концовъ побѣдить нравственную дряблость, безсиліе и малодушіе окружающаго общества (въ широкомъ смыслѣ)“.

Мы можемъ только привѣтствовать всякую попытку напомнить о великомъ значеніи „революціоннаго меньшинства“, т. е. организованной революціонной партіи въ странѣ, политическій строй которой парализуетъ всякую самодѣятельность широкихъ общественныхъ массъ. Но точка зрѣнія новаго изданія требуетъ важной поправки. Сила революціонной партіи въ непримиримости, въ чистотѣ ея ученія — всегда-ли это такъ? Можно-ли поддерживать такое общее положеніе? Не грозитъ-ли такая точка зрѣнія, высказанная въ столь общей формѣ, привести къ полному пренебреженію массой? Авторъ статьи предвидитъ подобное возраженіе, когда замѣчаетъ, что „говоря о необходимости для революціоннаго меньшинства болѣе рѣзко отграничиться отъ „общества“, мы имѣемъ въ виду прежде всего идейное, теоретическое отграниченіе своей точки зрѣнія отъ „общественнаго мнѣнія“... Мы вовсе не имѣли въ виду дѣйствительнаго, матеріальнаго отграниченія революціоннаго меньшинства отъ общества, тѣмъ болѣе отъ рабочаго народа, такъ какъ хорошо понимаемъ, что общество (въ широкомъ смыслѣ слова) есть единственная точка опоры для этого меньшинства“. Всѣ эти оговорки, однако, не устраняютъ могущихъ возникнуть сомнѣній. Какимъ образомъ „общество“ (т. е., какъ имѣетъ въ виду авторъ, масса народа) можетъ стать точкой опоры для революціонной партіи, если послѣдняя прежде всего старается „отграничить свою точку зрѣнія отъ общественнаго мнѣнія“ этой самой массы? Не рискуетъ-ли она находиться въ отношеніи къ этой массѣ въ хроническомъ состояніи взаимнаго непониманія?

Эта опасность не призрачна — ее испытали многія революціонныя партіи, приходившія послѣ тяжелаго опыта къ убѣжденію, что „нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ“. Противорѣчіе между „чистой доктриной“ меньшинства и „общественнымъ мнѣніемъ“ массы могло найти счастливое разрѣшеніе только тогда, когда революціонная мысль въ поискахъ за „точкой опоры“ пошла дальше поверхности „мнѣній“ и обратилась къ тому, что является движущей силой, опредѣляющей развитіе этихъ „мнѣній“. Такую движущую силу научный соціализмъ Маркса и Энгельса нашелъ въ соціальныхъ, классовыхъ интересахъ, порожденныхъ общественными отношеніями производства. Развитіе классовыхъ интересовъ обусловливаетъ развитіе „мнѣній“ даннаго класса. Ставъ на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ даннаго класса и стремясь ихъ выразить въ своей программѣ, революціонная партія можетъ не бояться расхожденія въ данный моментъ этой программы съ „мнѣніемъ“ даннаго класса, ибо она знаетъ, что само развитіе классовой борьбы неминуемо измѣнитъ эти мнѣнія въ сторону ея программы. При такомъ условіи „непримиримая“ партія, выступающая съ этой программой, выражающей дѣйствительные интересы класса, можетъ оказать громадное революціонизирующее вліяніе на массу, ускоряя развитіе ея „мнѣній“ въ направленіи, соотвѣтствующемъ ея классовымъ интересамъ. При такомъ условіи „непримиримость“ революціонной партіи становится, дѣйствительно, ея силой. „Практичности“ тѣхъ, кто въ каждый данный моментъ отражаетъ колебанія „общественнаго мнѣнія“ и вмѣстѣ съ послѣднимъ терпитъ всѣ самообольщенія и неизбѣжныя затѣмъ разочарованія, революціонная партія противупоставляетъ „высшую практичность революціоннаго пути“, практичность, вытекающую изъ пониманія хода развитія тѣхъ движущихъ силъ, которыя создаютъ и измѣняютъ „мнѣніе“. Только ставъ на точку зрѣнія интересовъ того класса, который ходомъ общественнаго развитія дѣлается носителемъ высшихъ идей справедливости и свободы, революціонная партія можетъ стать и революціонной силой, не смотря на свою „непримиримость“ и даже именно благодаря ей. И только опираясь на классовые интересы пролетаріата, „непримиримая“ партія можетъ, критикуя дряблость, половинчатость и шаткость „мнѣній“ и поведенія другихъ классовъ („общества“), какъ это дѣлаетъ новое изданіе въ трехъ остальныхъ своихъ статьяхъ, оказать своей критикой дѣйствительно революціонное дѣйствіе и оказаться, вопреки пословицѣ, пророкомъ въ своемъ отечествѣ. А это значитъ, что только программа революціонной соціалдемократіи можетъ служить опорой для точки зрѣнія, развиваемой новымъ изданіемъ, которому мы желаемъ всякаго успѣха.

Въ ном. 5 саратовской „Рабочей Газеты“ мы находимъ замѣтку подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ объ „отвѣтѣ“ Союзу борьбы“. Въ этой замѣткѣ разсказывается, что „нѣкіе саратовскіе господа (?) выпустили листокъ „Отвѣтъ СПБ. Союзу борьбы“ отъ имени саратовскихъ рабочихъ. Въ этомъ „отвѣтѣ“ выражается удивленіе, что Союзъ не выставилъ требованія политической свободы (собранія народныхъ представителей) въ своей прокламаціи по поводу безпорядковъ на Обуховскомъ заводѣ.

Авторы замѣтки объявляютъ, что „саратовскіе рабочіе тутъ совершенно не причемъ. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ „отвѣтѣ“. Когда этотъ листокъ былъ предложенъ дважды на обсужденіе саратовскимъ рабочимъ, послѣдніе оба раза его провалили. И въ самомъ дѣлѣ. Намъ-ли, саратовскимъ рабочимъ, которые еще на столько несознательны, настолько не привыкли къ борьбѣ, что не могли выдержать простой стачки, упрекать въ чемъ-либо петербургскихъ рабочихъ, которые давно уже вступили въ мужественную борьбу съ фабрикантами и правительствомъ“ и пр.

Мы не видали ни упоминаемаго здѣсь листка СПБ. Союза, ни „отвѣта“ на него и не знаемъ, кто писалъ послѣдній и выражаетъ-ли онъ мнѣніе кого-либо изъ саратовскихъ рабочихъ. Поэтому, мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ вопросъ, имѣло-ли въ данномъ случаѣ мѣсто то „безсовѣстное“ злоупотребленіе именемъ саратовскихъ рабочихъ, противъ котораго послѣдніе протестуютъ. Насъ здѣсь интересуетъ всего больше странная, чтобы не сказать болѣе, мотивировка саратовцами своего отказа отъ критики дѣйствій петербургскаго Союза. Эта мотивировка сводится къ извѣстной Молчалинской мысли:

Въ мои лѣта не должно смѣть свое сужденіе имѣть.

Мы можемъ отвѣтить на эту мысль словами Чацкаго:

Помилуйте! Мы съ вами не ребята,
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

Но нѣтъ! Авторы протеста хотятъ насъ увѣрить, что они и впрямь ребята, самые невинные соціалдемократическіе ребята. Они, видите-ли, „настолько не сознательны и не привыкли къ борьбѣ, что не могли выдержать простой стачки“. Позвольте вамъ не повѣрить, товарищи! Позвольте намъ выразить увѣренность въ томъ, что вы, отъ которыхъ исходитъ протестъ, во время стачки вели себя, какъ подобаетъ сознательнымъ рабочимъ, и если стачка была проиграна благодаря малодушію несознательной массы, то на сознательныхъ саратовскихъ рабочихъ эта неудача никакого пятна не бросаетъ и не лишаетъ ихъ „гражданскихъ правъ“ въ нашемъ государствѣ — партіи, т. е. права критиковать поведеніе сознательныхъ товарищей въ другихъ городахъ. Вѣроятно, и „господа“, писавшіе протестъ, не пытались его навязать безсознательной массѣ, не умѣвшей „выдержать простую стачку“, точно также, какъ и протестъ свой они направляли не противъ массы петербургскихъ рабочихъ, геройски боровшихся на тракту, а противъ ея руководителей, издавшихъ, по ихъ мнѣнію, плохую прокламацію (повторяемъ, мы не видѣли ея). Такъ о чемъ же тутъ огородъ городить?

Въ рядѣ сообщеній изъ Саратова намъ пишутъ о саратовскихъ сознательныхъ рабочихъ, какъ о людяхъ, далеко не столь невинныхъ въ дѣлахъ программы и тактики, какими они себя выставляютъ въ своемъ протестѣ. Намъ сообщаютъ, что въ основанной рабочими „Рабочей Газетѣ“ пишутъ одни только рабочіе. И никто не задаетъ себѣ вопроса: „намъ-ли, столь безсознательнымъ, что не съумѣли провести стачку, намъ-ли писать въ газетѣ о задачахъ рабочаго движенія?“. Съ другой стороны, намъ сообщаютъ, что тѣ же саратовскіе рабочіе сочли излишнимъ присутствіе на майскомъ собраніи товарищей-интеллигентовъ. Опять-таки, они, поступая такъ, вѣроятно, считали себя не совсѣмъ ребятами. Наконецъ, намъ пишутъ, что нѣкоторыми рабочими въ Саратовѣ ведется пропаганда идей „Рабочей Мысли“. Опять что-то не похоже на заявленную въ протестѣ скромность. Вѣдь идеи „Раб. Мысли“ идутъ въ разрѣзъ съ идеями другихъ рабочихъ газетъ, напр., „Южнаго Рабочаго“. И тотъ, кто пропагандируетъ первыя идеи, тѣмъ самымъ борется противъ вторыхъ. И не задаетъ себѣ при этомъ вопроса: „намъ-ли, не съумѣвшимъ выдержать простой-стачки, намъ-ли имѣть свое мнѣніе относительно идей южныхъ рабочихъ, которые“ и т. д.

Выходитъ какъ будто, что скромность Грибоѣдовскаго героя примѣняется только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о протестѣ противъ того направленія, которое не признаетъ „политики“. Совсѣмъ это особенная скромность, очень своеобразное смиреніе, и намъ сдается, что это смиреніе паче гордости.

Изъ области курьезовъ. Въ ном. 12 „**Przedstwit'a**“ за прошлый годъ нѣкто г. **Veto** помѣстилъ статью о положеніи революціоннаго дѣла въ Россіи, въ которой онъ полемизируетъ съ сотрудникомъ краковскаго журнала „Критика“. Въ статьѣ г. **Veto** мы встрѣчаемъ такое заявленіе:

„До такой степени русскіе (соціалисты) чувствуютъ недостатокъ въ литераторахъ, что часто обращались они ко мнѣ съ просьбой о статьяхъ; недавно, напр., меня приглашали въ редакціонный комитетъ изданія, имѣющаго появиться заграницей, не смотря на то, что мои взгляды на Россію, весьма непріятные для русскихъ, имъ достаточно извѣстны“.

Это бываетъ. Вѣдь прискакали же къ Ивану Александровичу Хлестакову тридцать тысячъ курьеровъ съ приглашеніемъ: Иванъ Александровичъ, придите управлять департаментомъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Группѣ „Раб. Воли“. Корреспонденція о демонстраціи поступила къ намъ слишкомъ поздно. Просимъ продолжать корреспондировать. Ном. 5 „Листка“ получили.

2а36. Письмо по поводу статьи „Рабочая партія и крестьянство“ отсылаемъ, въ виду его размѣра, въ „Зарю“.

Черезъ московскаго представителя получено на организацію „Искры“: мѣс. взносъ за апрѣль отъ N 15 р., за ном. 3 15 р., черезъ Москву 46 р. — Изъ волжской столицы 50 р. — Отъ Антона черезъ Фурдэля 100 р. — **Von einem Sarten** 100 р. — Изъ Брюсселя черезъ „Зарю“ 20 фр. — Отъ доктора черезъ Г. 25 р. — Русскіе туристы 20 мар. — Читатели „Искры“ 5 мар. Черезъ Г. Плеханова 70 фр.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 8

10-го СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА.

№ 8

КРѢПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Вышелъ новый законъ 8-го іюля 1901 г.: объ отводѣ частнымъ лицамъ казенныхъ земель въ Сибири. Какое примѣненіе получитъ новый законъ, — это покажетъ будущее. Но уже самый характеръ этого закона настолько поучителенъ, такъ наглядно показываетъ онъ неподкрашенную натуру и истинныя стремленія царскаго правительства, что стоитъ обстоятельно разобрать этотъ законъ и позаботиться о самомъ широкомъ распространеніи знакомства съ нимъ въ рабочемъ классѣ и крестьянствѣ.

Подачки благороднымъ дворянамъ-помѣщикамъ давно уже дѣлаетъ наше правительство: оно устроило для нихъ дворянскій банкъ, дало тысячи льготъ по выдачѣ имъ ссудъ и отсрочкѣ недоимокъ, оно помогло имъ устроить стачку милліонеровъ-сахарозаводчиковъ для повышенія цѣнъ и увеличенія прибыли, оно позаботилось о мѣстечкахъ земскихъ начальниковъ для промотавшихся дворянскихъ сынковъ, оно устраиваетъ теперь благороднымъ винокуреннымъ заводчикамъ выгодный сбытъ водки въ казну. Но посредствомъ отвода земель оно уже не только даетъ подачку самымъ богатымъ, самымъ знатнымъ эксплуататорамъ, — оно создаетъ новый классъ эксплуататоровъ, оно обрекаетъ милліоны крестьянъ и рабочихъ на постоянную кабалу новымъ помѣщикамъ.

Разсмотримъ главныя основанія новаго закона. Надо замѣтить прежде всего, что законъ этотъ — прежде, чѣмъ министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ внесъ его въ государственный совѣтъ — обсуждался въ особомъ совѣщаніи по дѣламъ дворянскаго сословія. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время всего болѣе бѣдствуютъ въ Россіи не рабочіе и не крестьяне, а дворяне-помѣщики, и вотъ „особое совѣщаніе“ не замедлило изыскать способъ помочь ихъ бѣдствію. Казенныя земли будутъ въ Сибири продаваться и отдаваться въ аренду „частнымъ лицамъ“ подъ „частно-владѣльческія хозяйства“, причемъ нерусскимъ подданнымъ и инородцамъ (въ число инородцевъ входятъ и евреи) навсегда запрещается какое бы то ни было пріобрѣтеніе этихъ земель, а сдача въ аренду (эта, какъ увидимъ, самая выгодная для будущихъ помѣщиковъ операція) разрѣшается исключительно дворянамъ, „которые — гласитъ законъ — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, въ правительственныхъ видахъ, землевладѣльцами въ Сибири“. Итакъ, правительственные виды состоятъ именно въ томъ, чтобы трудящееся населеніе было порабощено крупнымъ землевладѣльцамъ-дворянамъ. Насколько крупнымъ, — видно изъ того, что размѣръ продаваемыхъ участковъ не долженъ превышать, по закону, трехъ тысячъ десятинъ, размѣръ сдаваемыхъ въ аренду участковъ не ограниченъ вовсе, а срокъ аренды опредѣленъ до 99 лѣтъ! Бѣдствующему помѣщику нужно, по разсчету нашего правительства, въ двѣсти разъ больше земли, чѣмъ крестьянину, которому нарѣзываютъ въ Сибири по 15 дес. на семью.

И притомъ какихъ только льготъ и изъятій не предусматриваетъ законъ относительно помѣщиковъ! Арендаторъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ никакой платы не вноситъ. Если онъ покупаетъ арендуемую имъ землю (а онъ имѣетъ на это право, по новому закону), то пользуется разсрочкой продажной цѣны на 37 лѣтъ. По особому разрѣшенію допускается и отводъ для продажи болѣе трехъ тысячъ десятинъ земли, и продажа по вольной цѣнѣ, а не съ публичнаго торга, и отсрочка недоимки на одинъ годъ и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новымъ закономъ только высшіе сановники и лица, имѣющія связи при дворѣ и т. п., такимъ лицамъ всѣ эти льготы и изъятія даются шутя, послѣ пары словъ въ гостинномъ разговорѣ съ губернаторомъ или министромъ.

Но — вотъ бѣда. Какую пользу извлекутъ изъ кусочковъ земли хотя бы и по три тысячи десятинъ всѣ ихъ владѣльцы-генералы, если не найдется „мужика“, вынужденнаго на этихъ генераловъ работать? Какъ ни быстро ростетъ народная нужда въ Сибири, все же тамошній крестьянинъ несравненно самостоятельнѣе „россійскаго“ и къ работѣ изъ-подъ палки мало пріученъ. Новый законъ старается его пріучить. „Предназначаемыя для частновладѣльческихъ хозяйствъ земли нарѣзаются, по возможности, въ перемежку съ площадями, надѣленными крестьянамъ“ гласитъ ст. 4 закона. Царское правительство заботится о „заработкѣ“ для бѣдныхъ крестьянъ. Десять лѣтъ тому назадъ тотъ самый г. Ермоловъ, который теперь, въ качествѣ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, внесъ въ государственный совѣтъ законъ объ отводѣ казенныхъ земель въ Сибири частнымъ лицамъ, издалъ (безъ своей подписи) книгу: „Неурожай и голодъ“. Въ этой книгѣ онъ прямо заявлялъ, что нѣтъ основанія разрѣшать переселеніе въ Сибирь тѣмъ крестьянамъ, которые могутъ имѣть „заработки“ у мѣстныхъ помѣщиковъ. Русскіе государственные люди не церемонятся выражать чисто крѣпостническіе взгляды: крестьяне созданы для работы на помѣщиковъ, и потому крестьянамъ не слѣдуетъ даже „разрѣшать“ переселяться, куда они хотятъ, если отъ этого помѣщики лишатся дешевыхъ рабочихъ. А когда крестьяне, не смотря на всѣ затрудненія, волокиту и даже прямыя запрещенія, стали продолжать сотнями тысячъ выселяться въ Сибирь, тогда царское правительство, точно бурмистръ стараго барина, побѣжало за ними въ догонку, чтобы донять ихъ и на новомъ мѣстѣ. Если „въ перемежку“ съ скудными надѣлами и крестьянскими землями (лучшія изъ которыхъ уже заняты) окажутся участки благородныхъ помѣщиковъ по три тысячи десятинъ, — тогда, пожалуй, въ скоромъ времени мало будетъ и соблазна переселяться въ Сибирь. И земли новыхъ помѣщиковъ будутъ тѣмъ быстрѣе повышаться въ цѣнѣ, чѣмъ тѣснѣе станетъ жизнь окрестныхъ крестьянъ: придется этимъ крестьянамъ и наниматься за дешево и снимать помѣщичьи земли въ тридорога — совсѣмъ какъ въ „Россіи“. Новый законъ прямо о томъ и заботится, чтобы создать поскорѣе новый рай для помѣщиковъ и новый адъ для крестьянъ: именно насчетъ сдачи земли въ аренду на одинъ посѣвъ сдѣлана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой въ аренду казенной земли требуется особое разрѣшеніе, а передача на одинъ посѣвъ допускается совершенно свободно. Помѣщикъ можетъ ограничить всѣ свои заботы тѣмъ, что найметъ приказчика, который будетъ сдавать землю подесятинно живущимъ „въ перемежку“ съ помѣщичьимъ имѣніемъ крестьянамъ — и посылать барину чистыя денежки.

Впрочемъ, не всегда захотятъ дворяне вести даже и такое „хозяйство“: Они могутъ сразу получить кушъ, если перепродадутъ казенную землю настоящимъ хозяевамъ. Недаромъ вѣдь новый законъ выходитъ именно въ такое время, когда въ Сибирь проведена желѣзная дорога, когда ссылка въ Сибирь отмѣняется, а переселенія въ Сибирь возросли въ громадныхъ размѣрахъ: все это неминуемо поведетъ (и ведетъ уже) къ повышенію земельныхъ цѣнъ. Поэтому отводъ казенныхъ земель частнымъ лицамъ въ настоящее время есть, въ сущности, расхищеніе казны дворянами: казенныя земли повышаются въ цѣнѣ; а ихъ на особо льготныхъ условіяхъ сдаютъ и продаютъ всякимъ генераламъ, которые этимъ повышеніемъ цѣнъ и воспользуются. Напр., въ Уфимской губ. въ одномъ только уѣздѣ дворяне и чиновники сдѣлали такую операцію съ проданными имъ (на основаніи подобнаго же закона) землями: они заплатили казнѣ за земли 60 тыс. руб., а черезъ два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т.-е. получили за простую перепродажу больше полумилліона рублей! Можно себѣ представить по этому примѣру, сколько милліоновъ попадетъ въ карманы бѣдствующихъ помѣщиковъ благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигаютъ для прикрытія этого наглаго хищенія всякія возвышенныя соображенія. Говорятъ о развитіи культуры въ Сибири, о важномъ значеніи образцовыхъ хозяйствъ. На самомъ дѣлѣ крупныя имѣнія, ставящія въ безвыходное положеніе сосѣднихъ крестьянъ, могутъ въ настоящее время усилить только самые некультурные пріемы эксплуатаціи. Образцовыя хозяйства не создаются посредствомъ казнокрадства, и отводъ земель поведетъ къ простому маклерству землей со стороны дворянъ и чиновниковъ, либо къ процвѣтанію кабальныхъ и ростовщическихъ пріемовъ хозяйства. Благородные дворяне въ союзѣ съ правительствомъ для того устранили отъ казенныхъ сибирскихъ земель евреевъ и прочихъ инородцевъ (которыхъ они стараются выставить передъ темнымъ народомъ особенно беззастѣнчивыми эксплуататорами), чтобы самимъ заняться безъ помѣхи самаго низкаго сорта кулачествомъ.

Говорятъ еще о политическомъ значеніи дворянско-помѣстнаго сословія въ Сибири: среди интеллигенціи тамъ особенно много бывшихъ ссыльныхъ, людей неблагонадежныхъ, и вотъ, дескать, въ противовѣсъ имъ надо создать надежный оплотъ государственной власти, надежный „земскій“ элементъ. И въ этихъ толкахъ заключается гораздо больше и болѣе глубокой правды, чѣмъ воображаютъ „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“. Полицейское государство настолько возстановляетъ противъ себя массу населенія, что ему необходимо искусственно создавать группы лицъ, способныхъ служить столпомъ отечества. Ему необходимо создать классъ крупныхъ эксплуататоровъ, которые бы всѣмъ были обязаны правительству, которые зависѣли бы отъ его милости, которые извлекали бы громадные доходы самымъ низменнымъ способомъ (маклерство, кулачество) и въ силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякаго произвола и угнетенія. Азіатскому правительству нужна опора въ азіатскомъ крупномъ землевладѣніи, въ крѣпостнической системѣ „раздачи имѣній“. И если въ настоящее время нельзя раздавать „населенныя имѣнія“, то можно раздать имѣнія въ перемежку съ землями нищающихъ крестьянъ; если неудобно прямо раздарить тысячи десятинъ придворнымъ лизоблюдамъ, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льготъ продажей и „арендой“ (на 99 лѣтъ). Какъ же не назвать крѣпостнической эту поземельную политику по сравненію съ поземельной политикой современныхъ передовыхъ странъ, напр., Америки? Тамъ никто не смѣетъ разсуждать о разрѣшеніи или неразрѣшеніи переселеній, потому что каждый гражданинъ имѣетъ право переселяться куда ему угодно. Тамъ свободныя земли на окраинахъ государства по закону имѣетъ право занять всякій, кто хочетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Тамъ создается не классъ азіатскихъ сатраповъ, а классъ энергичныхъ фермеровъ, которые развили всѣ производительныя силы страны. Тамъ рабочій классъ, благодаря обилію свободныхъ земель, занялъ первое мѣсто по высотѣ жизненнаго уровня.

И въ какое время выступило наше правительство со своимъ крѣпостническимъ закономъ! Во время самаго сильнаго промышленнаго кризиса, когда десятки и сотни тысячъ не находятъ занятія, во время новой голодовки милліоновъ крестьянъ. Правительство всѣ заботы направило на то, чтобы не „шумѣли“ о бѣдствіи. Для этого оно повысылало на родину безработныхъ рабочихъ, для этого оно передало продовольственное дѣло изъ рукъ земства въ руки полицейскихъ чиновниковъ, для этого оно запретило частнымъ лицамъ устраивать для голодающихъ столовыя, для этого оно заткнуло ротъ газетамъ. И вотъ, когда непріятный для сытыхъ „шумъ“ о голодѣ прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бѣдствующимъ помѣщикамъ и несчастнымъ генераламъ придворнымъ. Повторяемъ: наше дѣло теперь — просто распространить свѣдѣнія о новомъ законѣ. Ознакомившись съ нимъ, самые неразвитые слои рабочихъ, самые сѣрые и забитые крестьяне поймутъ, кому служитъ правительство и какое правительство нужно народу.

ЦАРСКІЙ КАБАКЪ.

Наконецъ-то съ 1-го іюля сего года „одна изъ самыхъ смѣлыхъ и грандіозныхъ реформъ“, „ставящая впереди всего не цѣли фиска (казны) и доходности, а нравственные интересы народа, его оздоровленіе и подъемъ его благосостоянія“, распространила свои благодѣянія по всѣмъ градамъ и весямъ Европ. Россіи. Царское правительство наше мало кому уступитъ въ лицемѣріи, но никогда еще не приходилось ему пускать въ ходъ свое искусство въ такихъ размѣрахъ, какъ при проведеніи этой реформы. Голодъ 1891-1892 гг. слишкомъ ужъ мозолилъ глаза страшными картинами крестьянскаго разоренія, чтобы можно было отрицать этотъ фактъ. Надежда, что „богъ достанетъ“, казалось, была навсегда потеряна. Обратиться непосредственно къ копилкамъ имущихъ значило бы дать пищу оппозиціоннымъ стремленіямъ, попытка ввести соляной акцизъ встрѣтила такой единодушный отпоръ со стороны представителей сельскаго хозяйства, что пришлось ее сейчасъ же оставить. Но деньги нужны были до зарѣзу. И вотъ вниманіе правительства привлекается опять къ старому катковскому проэкту „казенныхъ винныхъ лавокъ“, которыя должны были и сельскому хозяйству пособить и государству новые доходы предоставить. Прибыль кабатчиковъ должна быть раздѣлена между помѣщиками и государствомъ. Вотъ сущность этого проэкта. Но въ нашъ цивилизованный вѣкъ такія откровенныя рѣчи слишкомъ шокируютъ. Эта откровенность была возможна только въ старомодномъ московскомъ государствѣ, которое, нисколько не стѣсняясь своихъ просвѣщенныхъ сосѣдей, строго наказывало своимъ намѣстникамъ, чтобы нашей казнѣ была прибыль, а потому „питуховъ отъ кабаковъ не отводить“. Двѣсти лѣтъ для насъ прошли не даромъ. Вопросъ „что скажутъ сосѣди“, заставляетъ и насъ задумываться, да и перспектива получить на какой-нибудь всемірной выставкѣ десятокъ наградъ за работы на пользу народной нравственности достаточно заманчива: все таки лишній доводъ противъ злонамѣренныхъ людей, утверждающихъ, что у насъ не все ладно. Приходится, поэтому, призвать на помощь пышныя фразы о подъемѣ народнаго благосостоянія и нравственности. А за ними дѣло не станетъ.

„Да, крестьянство разоряется, но разоряется... отъ пьянства. Кабакъ — вотъ гдѣ язва здѣшнихъ мѣстъ. Кабатчики — вотъ тѣ люди, частнымъ интересомъ которыхъ является спаиваніе мужика. Замѣните „кабакъ“ казенной винной лавкой, и какъ по мановенію волшебной палочки крестьянство процвѣтетъ, увеличится число скота, подати будутъ поступать исправно, возрастутъ вклады въ сберегательныхъ кассахъ. О нравственныхъ результатахъ такой замѣны и говорить нечего: и семейный, и общественный бытъ крестьянъ въ корень измѣнится. Даже въ церковь начнутъ чаще ходить и больше за требы платить (и на это указывается въ нѣкоторыхъ отзывахъ)“. И наше правительство, такъ свято охраняющее принципъ частной собственности, такъ любовно и осторожно обращающееся съ частной собственностью почтенныхъ дворянъ и „всероссійскаго купечества“, однимъ почеркомъ пера экспропріируетъ (лишаетъ собственности) [illegible] и десятки тысячъ кабатчиковъ. Такъ, съ 1894 по 1898 г. въ 35 губерніяхъ упразднено свыше 30 тысячъ питейныхъ заведеній. Къ 1902 г. ихъ насчитается, вѣроятно, до 60.000. Рабочему классу интересы кабатчиковъ, конечно, такъ же мало дороги, какъ и интересы другихъ его болѣе крупныхъ эксплуататоровъ. Будетъ ли изъ него вытягивать лишніе гроши кабатчикъ или государство руками сидѣльца — все на одно выходитъ. Но не надо забывать, что въ данномъ случаѣ интересы цѣлой группы людей, большинство которыхъ не отличается особеннымъ благосостояніемъ, безжалостно приносятся въ жертву, чтобы скрыть подлоги болѣе крупныхъ хищниковъ. „Вѣшаютъ вора алтыннаго, чествуютъ вора полтиннаго“. Такъ же смѣло государство наше обрушивается на деревенскаго кулака, сосущаго кровь изъ мужика, и закрываетъ глаза на ростовщиковъ-помѣщиковъ, не хуже кулака опутывающихъ крестьянъ путемъ зимняго найма и цѣлаго рода другихъ способовъ.

Но не только кабатчики стали жертвами этой колоссальной реформы. Отъ „добраго стараго времени“ осталось у крестьянскихъ обществъ право получать плату съ содержателей кабаковъ. Деньги эти шли на уплату повинностей, на постройку и ремонтъ церквей, на устройство школъ, на починку дорогъ и т. д. и т. д. Суммы эти, и сами по себѣ не малыя, представляли довольно значительную статью для крестьянскихъ обществъ, если мы вспомнимъ, какъ невеликъ вообще бюджетъ сельскихъ обществъ (такъ называемые мірскіе доходы составляютъ для Евр. Россіи около 60 мил. руб.) По разсчету предсѣдателя Пермской губернской земской управы населеніе этой губерніи лишилось милліона руб. По другому разсчету, приведенному Парвусомъ въ книгѣ „Das hungernde Russland“ (Голодающая Россія), крестьянскія общества этой губерніи за три года (1895-1897) потеряли 3.150.000 рублей. Эти данныя дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ выводъ Бородина, который для 35 губ. исчисляетъ эту потерю въ 35 мил. руб. Не трудно понять, какъ чувствительно должно было отозваться на крестьянскихъ обществахъ такое значительное сокращеніе ихъ доходовъ. Недоимки должны увеличиться, и безъ того ничтожные расходы на школы, библ. на поднятіе умственнаго уровня населенія должны еще больше сократиться. Съ мужикомъ правительство не церемонилось.

Такъ ведущее насъ Провидѣніе
Указало, — да онъ же привыкъ.“

За то тамъ, гдѣ правительству нужно поддержать вѣрность въ средѣ болѣе строптиваго населенія, оно не скупится: славному донскому казачьему войску рѣшено отпустить ежегодное пособіе въ 230.000 руб. въ вознагражденіе за потерю станичными обществами доходовъ отъ разрѣшенія торговли крѣпкими напитками. Отчасти были вознаграждены за потерю доходовъ еще города и мѣстечки, но и тутъ правительство торгуется за каждую копѣйку и старается урвать хоть маленькій кушъ. Такъ Самарское губернское земство вмѣсто требуемыхъ 20.851 руб. получитъ всего 17.668 р. За то съ какой нѣжностью обращается правительство съ дворянствомъ юго-западныхъ губерній, пользовавшихся до реформы пропинаціоннымъ правомъ (правомъ монопольной продажи вина въ своихъ владѣніяхъ). Оно сразу назначило для нихъ нѣсколько милліоновъ, и недавно еще Дубасова, сестра министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина, получила 125.000 руб. за свое право, хотя коммиссія оцѣнила его и въ безъ того не малую сумму, въ 70 тысячъ рублей.

Конечно, такихъ крупныхъ кушей всероссійское дворянство не получило. Но въ качествѣ сельскихъ хозяевъ и оно выиграло не мало отъ монополіи. Всегда отличавшееся любовью къ презрѣнному металлу, оно не всегда отличалось необходимой для этого практической сметкой. Устройство винокуреннаго завода доставляло не мало хлопотъ по продажѣ вина. За то теперь съ введеніемъ казенной монополіи настала блаженная пора: „всѣ глубокомысленныя соображенія о томъ, какъ и куда сбывать вино, потеряли свою силу. Все у него теперь обезпечено и условлено, онъ можетъ впередъ подсчитать свои выгоды. По опредѣленной цѣнѣ казна даетъ ему заказъ на поставку спирта. Цѣны на спиртъ казна назначаетъ весьма выгодныя, чѣмъ поддерживаетъ интересы винокуренныхъ заводовъ и вмѣстѣ сельскаго хозяйства". И нашимъ шнапсъ-юнкерамъ остается только съ благодарностью взывать къ тѣни великаго московскаго публициста, еще въ 1883 г. утверждавшаго, что благоустройство сельскаго хозяйства (то бишь помѣщиковъ) немыслимо безъ согласованія винокуренія съ интересами земли (!) и безъ уничтоженія кабака".

Какъ же великъ доходъ самого государства? До сихъ поръ его нельзя опредѣлить. Съ увѣренностью можно сказать только одно: государство такъ или иначе вытягиваетъ изъ населенія большія суммы, чѣмъ прежніе кабатчики. Уступая часть прибылей кабатчиковъ въ видѣ повышенныхъ цѣнъ помѣщикамъ, оно увеличиваетъ другую часть путемъ сокращенія расходовъ на очистку спирта. Эта цѣль достигается увеличеніемъ размѣровъ производствъ очистительныхъ заводовъ. Если, напр., производительность этихъ заводовъ въ губерніяхъ первой очереди равнялась 40 тысячъ ведеръ, то таковая же заводовъ въ губерніяхъ четвертой очереди уже составляла 178 тысячъ ведеръ. Соотвѣтственно этому уменьшилась стоимость приготовленія одного ведра вина. Если при началѣ реформы приготовленіе одного ведра обходилось отъ 1 р. 70 к. до 2 р., то теперь оно обходится отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. Этой же цѣли правительство достигаетъ еще путемъ увеличенія напряженія труда рабочихъ въ складахъ, заставляя каждаго изъ нихъ исполнять работу полутора рабочихъ и уменьшая такимъ образомъ потребность въ нихъ. Въ результатѣ, не считая акциза, каждое ведро даетъ правительству 86 к. чистаго дохода. Съ 1 января нынѣшняго года цѣна простого вина назначена въ 7 р. 60 к., а при продажѣ мѣрами менѣе $^{1}/_{100}$ ведра — въ 8 р. ведро. Операція, конечно, очень прибыльная. Но сколько остается на долю самой казны? Какая часть полученныхъ такимъ образомъ отъ народа денегъ остается въ карманахъ чиновниковъ, подрядчиковъ, посредниковъ? Если въ Москвѣ, не смотря на уже назначенный на постройку трехъ складовъ кредитъ въ 1.637.000, понадобился вдругъ дополнительный кредитъ въ размѣрѣ двухъ съ половиной милліоновъ, то какъ велика доля этихъ дополнительныхъ кредитовъ въ тѣхъ десяткахъ милліоновъ, которые ежегодно вносятся въ бюджетъ въ рубрику подготовительныхъ расходовъ на введеніе казенной монополіи? На всѣ эти вопросы мы получимъ отвѣтъ, когда — а это несомнѣнно — кто-нибудь изъ этихъ хищниковъ урветъ себѣ кусокъ не по чину и дастъ, такимъ образомъ, правительству возможность доказать свою бдительность. А пока достаточно китайской войны, чтобы министерство финансовъ сократило сейчасъ же расходы на школы и попечительства о трезвости! Повсемѣстное введеніе монополіи дастъ возможность подвести итоги этого колоссальнаго грабежа и опредѣлить дѣйствительный, чистый доходъ самого государства. Поживемъ — увидимъ.

А пока что, посмотримъ, какъ велики нравственныя послѣдствія этой реформы. Уменьшается-ли пьянство? Не смотря на всѣ старанія раздуть благодѣтельныя послѣдствія этой реформы, правительству трудно скрыть фактъ: пьянство скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось, измѣнилась только отчасти его форма, такъ какъ изъ „кабачнаго" оно превратилось въ „уличное", иногда съ разрѣшенія начальства. Конечно, можно спорить, какая изъ этихъ формъ больше отражается на нравственности населенія. Потребность отвести душу въ обществѣ своихъ слишкомъ сильна. Чайныя лавки съ ихъ регламентаціей, съ „недреманнымъ окомъ", конечно, не могутъ удовлетворить этой потребности и, если пьющимъ надоѣстъ распивать водку гдѣ-нибудь подъ заборомъ, они, конечно, предпочтутъ отправиться въ трактиръ, портерную или пивную лавку, гдѣ никакая „казенщина" не мѣшаетъ имъ веселиться во всю. А коммиссія, получаемая содержателями этихъ трактировъ и лавокъ, въ достаточной степени возбуждаетъ ихъ „частный интересъ въ спаиваніи народа". Съ такой помпой устроенныя попечительства о народной трезвости, по признанію оффиціальныхъ же органовъ, ровно ничего не дѣлаютъ. Если въ нихъ случайно попадетъ, кромѣ мѣстной бюрократіи, заваленной и безъ того всякими обязанностями, какой-нибудь порядочный человѣкъ, то ему остается сейчасъ же бѣжать: такъ скована вся его дѣятельность всяческими придирками, подозрѣніями и препятствіями. Казенный интересъ („чтобы нашей казнѣ было побольше прибыли"), не смотря на лицемѣрныя увѣренія, что казна помирилась бы охотно съ уменьшеніемъ питейнаго дохода, является могучимъ препятствіемъ во всей этой дѣятельности для отрезвленія народныхъ массъ. Въ газеты то и дѣло проникаютъ свѣдѣнія о ходатайствахъ сельскихъ обществъ о закрытіи въ селахъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Управляющіе акцизными сборами высказываются противъ этихъ ходатайствъ, руководствуясь въ этомъ отношеніи интересами фиска (казны). И на долю попечительствъ остается только роль добровольныхъ сыщиковъ на службѣ у правительства („они должны на первомъ планѣ стремиться къ уничтоженію тайной торговли крѣпкими напитками"). Что и эта роль плохо выполняется ими, видно изъ того, какъ быстро увеличивается, не смотря на строгій надзоръ, число мѣстъ тайной продажи вина. Соблазнъ такъ великъ, цѣна, назначаемая правительствомъ, такъ безобразно высока, что всегда найдутся люди, которые захотятъ положить въ свой карманъ нѣсколько лишнихъ рублей, сдираемыхъ правительствомъ съ населенія. Нечего говорить о томъ, какую новую громадную доходную статью представляетъ вся эта казенная продажа вина для чиновниковъ, какъ пышно расцвѣтаютъ новыя формы взяточничества при отсутствіи гласности и общественнаго контроля въ такомъ обширномъ коммерческомъ предпріятіи. Приведенный выше примѣръ достаточно иллюстрируетъ это.

А что сказать о той кучѣ оголодавшихъ дворянъ, которые захватили наиболѣе выгодныя мѣста. Для нихъ монополія сыграла роль лишняго пирога, упавшаго съ неба. Для „полномощнаго" дворянства она означаетъ еще сокращеніе расходовъ на помощь и пособія объднѣвшимъ потомкамъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ: масса дворянскихъ вдовъ и дочерей, обременявшихъ дворянскія общества просьбами о пособіи, теперь разсажены по главнымъ казеннымъ лавкамъ*).

Такимъ образомъ, казенная монополія ограбила кабатчиковъ, ограбила мірскія и отчасти городскія кассы, даетъ пока еще не вполнѣ опредѣлившійся доходъ государству, обогатила всякаго рода подрядчиковъ и поставщиковъ, дала уже не одинъ случай погрѣть руки чиновникамъ, обезпечила дворянству сбытъ вина по повышеннымъ цѣнамъ и освободила его отчасти отъ расходовъ на помощь къ объднѣвшимъ потомкамъ дворянскаго сословія.

А польза, приносимая этой реформой народу? Микроскопическія крупицы этой пользы мы предоставимъ отыскивать правительству и его прихвостнямъ въ печати и обществѣ. Даже при вполнѣ свободныхъ демократическихъ учрежденіяхъ борьба съ пьянствомъ путемъ урегулированія продажи вина даетъ ничтожные результаты. Пока существуетъ частная собственность на орудія производства, пока общество раздѣлено на эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, пока для громаднаго большинства населенія общественныя условія создаютъ и питаютъ потребность въ опьяненіи, единственнымъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ такъ-наз. низшихъ классовъ является развитіе въ нихъ чувства собственнаго достоинства, а слѣд., обезпеченіе имъ доступа ко всѣмъ источникамъ нравственнаго и умственнаго развитія (всеобщее, даровое, обязательное низшее, среднее и высшее образованіе). Что же касается рабочаго класса, то для него такимъ средствомъ является развитіе классового самосознанія, пріучающее его тратить остающіеся въ его распоряженіи немногіе свободные часы не на опьяненіе, а на подготовленіе изъ себя борца за будущій соціалистическій строй, въ которомъ „пити" явится не проклятіемъ, а дѣйствительнымъ „веселіемъ".

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Земскій съѣздъ. Общественное оживленіе, волной прокатившееся по странѣ вслѣдъ за событіями весны этого года, не прекращается; въ различныхъ формахъ оно сказывается во всѣхъ слояхъ русскаго общества, еще въ январѣ нынѣшняго года казавшагося глухимъ и чуждымъ сознательной работѣ русской соціалдемократіи. Правительство изо всѣхъ силъ выбивается, чтобы поскорѣе успокоить взволновавшуюся общественную совѣсть обычными мыльными пузырями, вродѣ манифеста 25-го марта о „сердечномъ попеченіи", вродѣ такъ называемыхъ реформъ Ванновскаго или торжественно-шутовскихъ поѣздокъ по Россіи Сипягина и Шаховскаго... Кое-кто изъ наивныхъ русскихъ обывателей дѣйствительно будетъ успокоенъ этими мѣрами, но далеко не всѣ. Даже современные земцы, на половину состоящіе изъ запуганныхъ чиновниковъ, начинаютъ, повидимому, выходить изъ того состоянія непрестаннаго трепета, въ который они были повержены отходящей въ исторію эпохой безвременья „царя-миротворца".

Освободившаяся отъ элементарныхъ покрововъ стыдливости Ея Величество Бюрократія вызываетъ чувство негодованія и гадливости и у нихъ, робкихъ людей съ почти атрофировавшимся гражданскимъ мужествомъ и гражданской нравственностью.

Намъ сообщаютъ, что въ концѣ іюня въ городѣ NN (изъ предосторожности не сообщаемъ названія города. Ред.) былъ устроенъ съѣздъ земскихъ дѣятелей. Присутствовало на немъ, какъ говорятъ, чел. 40-50 земцевъ нѣсколькихъ губерній.

Собрались земцы, конечно, не для разрѣшенія политическихъ вопросовъ, а для разрѣшенія мирныхъ, чисто земскихъ задачъ, собрались „безъ нарушенія круга вѣдомства и предѣловъ власти", какъ образно выражается земское положеніе (ст. 87); однако собраніе это было созвано безъ разрѣшенія и вѣдома администраціи и слѣдовательно, выражаясь словами того же положенія, собраніе состоялось „съ нарушеніемъ порядка дѣйствія земскихъ учрежденій", а собравшіеся земцы отъ мирныхъ, невинныхъ вопросовъ незамѣтно для себя перешли къ обсужденію общаго положенія вещей. Такова логика жизни: добросовѣстные земцы, какъ они ни открещиваются порой отъ радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконныхъ организацій и болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій. Не мы, конечно, будемъ осуждать этотъ естественный и совершенно правильный путь. Пора, наконецъ, и земскимъ дѣятелямъ дать энергичный и организованный отпоръ закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправленіе, изуродовавшему самоуправленіе городское и земское и съ ослиной послѣдовательностью замахнувшему свой топоръ надъ послѣдними остатками земскихъ учрежденій. Говорятъ, на съѣздѣ одинъ старый и почтенный земецъ, при обсужденіи вопроса о томъ, какъ бороться съ закономъ о предѣльности земскаго обложенія, воскликнулъ: „Земскіе люди должны, наконецъ, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажутъ!" Мы совершенно согласны съ этимъ воплемъ либеральнаго дѣятеля, готоваго бросить вызовъ къ открытой борьбѣ съ чиновнымъ самодержавіемъ. Земство наканунѣ внутренняго банкротства. И если лучшіе земцы теперь не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, если не порвутъ съ своей обычной маниловщиной со своими мелкими, второстепенными вопросами — „луженіемъ тазовъ", какъ выразился одинъ изъ маститыхъ земцевъ, — земство обезлюдѣетъ и обратится въ обыкновенное „присутственное мѣсто". Эта безславная смерть неизбѣжна, ибо нельзя безнаказанно десятки лѣтъ только и дѣлать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать: надо грозить, требовать и, бросивъ игру въ бирюльки, приняться за настоящую работу.

Изъ Курска. Весеннія событія въ Москвѣ и Петербургѣ отозвались слабымъ эхо и на нашей курской монотонной сѣренькой жизни. Вслѣдъ за уличными волненіями въ Москвѣ и бойней 4-го марта въ Петербургѣ стѣны курскихъ домовъ, общественныхъ зданій и величаваго Знаменскаго собора впервые за тысячелѣтнюю исторію г. Курска удостоились быть украшенными революціонными прокламаціями, призывавшими гражданъ отозваться на протестъ столичнаго и харьковскаго рабочаго и ремесленнаго люда. Изумленный обыватель впервые читалъ свободное и негодующее на самодержавіе слово. Правда, обыватель ничѣмъ не отозвался на призывъ къ протесту, но прокламаціи сдѣлали свое дѣло: взбаломутили воду мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей и надолго испортили кровь курскихъ держимордъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Изъ пожарныхъ граданачальствующими лицами образована была особая дружина для ловли „прокламатчиковъ", городовые же и караульщики послѣ достаточно приличнаго мордобоя за плохое вниманіе были обнадежены, что за каждую прокламацію, которую они доставятъ начальству, имъ будетъ выдано по три рубля награды. Не знаемъ, исполнило-ли начальство свое обѣщаніе или же снова ограничилось лишь отеческими заушеніями, только прокламаціи продолжали появиться передъ домами и на дворахъ курскихъ обывателей. „Злоумышленники" постарались освѣтить рабочему люду слободы Ямской и другихъ городскихъ предмѣстій значеніе Обуховской бойни (7 мая), напомнили годовщину Ходынской „катастрофы" и вообще продолжали отъ времени до времени будить сонливую общественную совѣсть курскихъ гражданъ. Само собою понятно, что молодое населеніе Курска не осталось равнодушно къ прокламаціямъ, а тѣмъ болѣе къ возмутительнымъ фактамъ, ежедневно доносившимся въ городъ изъ столицъ и Харькова. Броженіе среди учащихся въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не на шутку испугало нашихъ „человѣковъ въ футлярахъ". Директоръ учительской семинаріи Кашлинскій и директоръ гимназіи Лацинъ со слезами на глазахъ умоляли нарочито собранныхъ въ актовыхъ залахъ своихъ воспитанниковъ не вѣрить баснямъ и спокойно относиться къ столичнымъ волненіямъ. И тотъ и другой, а въ особенности полицмейстеръ, заготовившій при полицейскихъ частяхъ вороха веревокъ для связыванія бунтовщиковъ, повидимому, искренно ожидали, что курская учащаяся молодежь возьметъ на себя починъ въ дѣлѣ организаціи на курскихъ улицахъ митинга протеста. Повидимому, ихъ рѣчи имѣли успѣхъ, и „общественное спокойствіе" Курска до сего времени ничѣмъ нарушено не было.

Общественному спокойствію курскихъ деревень и селъ угрожала также, да, повидимому, продолжаетъ угрожать крамола въ лицѣ прокламацій, получаемыхъ крестьянами въ почтовыхъ конвертахъ. Изъ многихъ уѣздовъ сообщаютъ, что крестьянамъ получаются письма „противъ пановъ, купцовъ, поповъ и самого царя". Одинъ крестьянинъ, съ которымъ пришлось бесѣдовать пишущему эти строки, такъ передавалъ содержаніе полученнаго письма: „Складно написано: что ни слово, то насмѣшка. Всѣхъ перебрали. Податей мужики не платите, пока земли вамъ не дадутъ. Видно, заморскій королевичъ какой писалъ". Судя по слухамъ, „Заморскій королевичъ" продолжаетъ поддерживать переписку съ курскими мужиками. Въ Грайворонскомъ, напр., уѣздѣ, мужики такъ говорятъ: „получаемъ письма и не знаемъ, что съ ними дѣлать: ни его до бога (иконы) причинить, ни къ урядннку нести". Въ Старооскольскомъ уѣздѣ письмами очень интересуются и прокламаціи переходятъ изъ рукъ въ руки.

Необычный притокъ еще болѣе необычныхъ писемъ къ темному деревенскому обывателю не остался безъ „мѣръ пресѣченія" со стороны „предержащихъ". Нѣкоторыми земскими начальниками издано по волостямъ распоряженіе распечатывать адресуемыя крестьянамъ письма и передавать имъ начальникамъ, на попечительную цензуру.

Изъ Сибири. Знакомо-ли вамъ, читатель, то томительное чувство, съ которымъ человѣкъ молодой, полный жизни, привыкшій къ кипучей дѣятельности, къ общенію съ людьми, но заброшенный волею судебъ въ захолустье, ждетъ письма изъ дорогихъ ему мѣстъ, отъ близкихъ людей, въ унисонъ съ которыми бьется его сердце, духовной жизнью которыхъ онъ полонъ? Вообразите себѣ еще, что это захолустье представляетъ собою сибирскую деревушку въ глубинѣ Енисейской губ., что эта деревушка съ двадцатью избенками утопаетъ въ снѣгу, что взору открыто одно только однообразное снѣжное поле, что слухъ „ласкаетъ" одно только злобное завываніе вѣтра, вообразите себѣ эту тоску одиночества, и вы поймете, съ какимъ замираніемъ сердца ждутъ тамъ писемъ, какъ велико напряженіе слуха заброшеннаго въ такія дебри человѣка, жадно прислушивающагося къ малѣйшему звону, являющемуся возвѣщеніемъ приближающейся почтовой кибитки. Она появляется въ отдаленныхъ деревняхъ Сибири рѣдко разъ въ три недѣли. Появленіе кибитки — это эпоха въ жизни нашихъ сосланныхъ въ Сибирь товарищей; они живутъ этимъ ожиданіемъ: вотъ появится кибитка, которая принесетъ вѣсти изъ тѣхъ дорогихъ мѣстъ, отъ почвы которыхъ они безжалостной рукой оторваны.

Въ трепетномъ ожиданіи письма лежалъ въ послѣднихъ числахъ февраля этого года нашъ товарищъ Гуревичъ въ больницѣ въ дер. Кежмѣ Енисейской губ., поправляясь отъ недавно перенесеннаго остраго тифа. Въ 10 час. вечера прозвучалъ колокольчикъ и замеръ около квартиры становаго пристава. Радостный, въ приподнятомъ настроеніи Гуревичъ спрашиваетъ у врача, случайно бывшаго въ то время въ больницѣ, нельзя-ли ему пойти за своей корреспонденціей. — Нельзя, получилъ онъ лаконическій отвѣтъ. — Почему нельзя? — Потому что нельзя! — Нельзя ли послать сторожа за корреспонденціей? Строгій эскулапъ обвелъ его внушительнымъ взглядомъ, вышелъ изъ комнаты, бросивъ ему мимоходомъ: — А сторожа не для того служатъ, чтобы бѣгать каждому за письмами.

Гуревичъ, охваченный порывомъ негодованія и мучимый сознаніемъ, что если онъ пропуститъ моментъ, письма его будутъ доставлены только черезъ три недѣли, (въ Кежмѣ письма не оставляются и не передаются другимъ), что цѣлыхъ три недѣли онъ не будетъ знать, чѣмъ живутъ его товарищи, не будетъ знать ни одной новости изъ жизни оставленнаго юга, уходитъ въ одномъ бѣльѣ, въ туфляхъ на босу-ногу, безъ шапки, безъ тулупа за долго жданной корреспонденціей. Письмо вознаградило его за физическія и нравственныя страданія, оно говорило ему, что вспаханное имъ поле дѣятельности на югѣ Россіи дало пышные ростки; онъ мысленно присоединился къ жизни своихъ товарищей по работѣ, которой онъ посвятилъ свои лучшія силы. И онъ снова воспрянулъ духомъ.

Мечтая о „лучшемъ будущемъ", онъ возвращается въ больницу, не чувствуя холода, но здѣсь его ждетъ мерзкая, прямо звѣрская продѣлка врача-полицейскаго. На всѣ его постукиванія въ запертыя кругомъ двери больницы онъ слышитъ отвѣтъ сторожа:

— Не велѣно пущать.

— Да кто не велѣлъ?

— Господинъ докторъ, невозмутимо отвѣчаетъ сторожъ.

— Дайте мнѣ хоть шапку и тулупъ, умоляетъ онъ сторожа.

— Не велѣно давать.

Его долгія упрашиванія ни къ чему не привели, ему пришлось неодѣтымъ идти на квартиру своего единственнаго товарища Генделя, у котораго онъ рѣшилъ переночевать. Сонъ ихъ былъ не дологъ. Эскулапъ не удовлетворился своей каверзой; ему понадобилось новое глумленіе надъ личностью человѣка, онъ придумалъ новое средство, чѣмъ унизить этихъ „безпокойныхъ" людей.

Въ часъ ночи въ квартиру Генделя вваливается становой приставъ съ двумя десятскими съ отношеніемъ врача, которымъ послѣдній проситъ водворить въ больницу якобы сбѣжавшаго паціента Ш. Гуревича, и приставъ, не долго думая, грубо и безцеремонно обращается къ десятскимъ:

— Тащите его (указывая на Гуревича) въ больницу.

— Да я, вѣдь, въ одномъ бѣльѣ... отвѣчаетъ Гуревичъ.

— Сюда ходилъ и обратно пойдешь, былъ отвѣтъ.

Но тутъ Гендель далъ выходъ накопившейся злобѣ; онъ заявилъ приставу, что если онъ не пошлетъ за теплымъ платьемъ для Гуревича, то онъ не отпуститъ его изъ своей кватиры; если же приставъ станетъ упорствовать, онъ будетъ силой защищать Гуревича и тутъ же протянулъ руку за револьверомъ. Приставъ смягчился и послалъ за платьемъ. Гуревичъ, въ сопровожденіи пристава и Генделя, пошелъ въ больницу, гдѣ сторожъ не хотѣлъ впустить „сбѣжавшаго паціента", такъ какъ „г. докторъ не велѣлъ пущать ихъ въ больницу". При помощи пристава Гуревичу удалось вернуться въ лоно милосердія, въ больницу, гдѣ такъ пекутся о больныхъ.

Гуревичъ и Гендель жаловались губернатору на незаконныя и возмутительныя дѣйствія врача и пристава. Получился отвѣтъ: „перевести Гуревича и Генделя въ болѣе отдаленное мѣсто". Коротко и ясно.

Напрасно товарищи не приводятъ имени Кежемскаго доктора, оно заслуживаетъ опубликованія.

Намъ сообщаютъ слѣдующія выписки изъ отчетовъ губернаторовъ Сѣв.-Западнаго края ген.-губернатору. Обращаемъ вниманіе читателя на чрезвычайно остроумные и поучительные выводы, которые дѣлаются представителями власти изъ констатируемыхъ ими самими фактовъ беззаконій фабрикантовъ. „Стачка вызвана плохимъ положеніемъ рабочихъ... а потому предлагаю выслать такихъ-то, какъ агитаторовъ, на основаніи положенія объ охранѣ". — вотъ формула, въ которой какъ нельзя лучше выражена сущность отношеній царской власти къ трудящемуся населенію.

Вотъ эти выписки:

1) 10 мая 1899 г. разбросана прокламація къ крестьянамъ въ дер. Мекшеселѣ Виленской губ. и по дорогѣ въ Александровскую волость Трокскаго уѣзда.

2) 29 іюня по дорогѣ въ гор. Шавли на телеграфныхъ столбахъ расклеены прокламаціи.

3) Въ сел. Вилейка 19 іюля на заборахъ, домахъ расклеены и разбросаны по улицамъ прокламаціи.

4) Въ м. Янишки расклеены на телеграфныхъ столбахъ прокламаціи на жмудскомъ языкѣ (5 сентября) („рѣчь идетъ о ниспроверженіи существующаго строя, о свободѣ слова, печати и сходокъ, о грабительствѣ деспотическаго правительства царя, держащагося насиліемъ и беззаконіями").

5) Въ м. Лужкахъ 1 ноября прокламація на польскомъ яз. къ сельскимъ рабочимъ.

6) 30 октября въ г. Вилькомирѣ разбросаны прокламаціи. Разыскивали виновниковъ, были аресты, но по недостатку уликъ всѣхъ выпустили.

7) 8 іюля 1899 г. въ г. Бѣлостокѣ былъ съѣздъ 35 депутатовъ отъ разныхъ цеховъ для обсужденія вопроса объ оборонительномъ террорѣ и сборѣ денегъ на бѣгство убійцамъ. Въ мартѣ раввины Бѣлостокскаго уѣзда и вообще Гродненской губ. сообщали въ синагогахъ о стачкѣ рабочихъ въ Бѣлостокѣ и уговаривали рабочихъ не идти наниматься въ Бѣлостокъ.

8 іюля забастовали перчаточницы. Къ 15 іюля прекратило работу 150 чел. въ 36 мастерскихъ, прося надбавки на дюжину 5-10 коп., разсчета по полумѣсяцамъ и по рабочимъ книжкамъ. Агитаторы отвинчивали машинныя части. Мною установлено, что при разсчетѣ дѣйствительно изъ платы мастеръ дѣлаетъ произвольные вычеты въ 2-3 руб. на ученицъ, что плата нищенская 10-20 коп. въ день, да и то половина (пользуясь невѣжествомъ и нищетой работницъ) удерживается, благодаря отсутствію контроля, такъ какъ лишь одинъ мастеръ подвѣдомственъ фаб. инспектору.

А потому полагалъ бы (къ такимъ-то лицамъ) примѣнить положеніе объ усиленной охранѣ — выслать изъ предѣловъ губ. (Послано къ министру о разрѣшенія высылки.)

26 іюля на конвертной фабрикѣ забастовало 30 раб. изъ 100. Требовали увеличенія платы съ 1000 конвертовъ на 1 коп., вмѣсто 6 коп. — 7 коп. Къ зачинщикамъ примѣнено положеніе объ усиленной охранѣ — высланы.

Гродно. 16-го сент. 700 папиросницъ у Шерешевскаго забастовали, требуя вмѣсто $17^{1}/_{2}$ коп. — 30 коп. за 1000 штукъ. Въ Вильнѣ платятъ 40 коп., въ Гроднѣ $17^{1}/_{2}$. Приняты энергическія мѣры. Въ ночь на 25 сент. взято 88 женщинъ и 3 мужчинъ и объявлено, что такъ будетъ поступлено со всѣми. 27 всѣ стали работать; при оффиціальномъ разслѣдованіи подтвердилось, что стачка вызвана тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ и тѣмъ, что Шерешевскій платитъ меньше всѣхъ.

---

*) Если для мѣстъ главныхъ счетоводовъ въ СПБ. и Москвѣ съ окладомъ въ 3600 р. или техниковъ (съ окладомъ въ 2500 р.) дворянскаго званія недостаточно, то мѣста сборщиковъ (съ окладомъ въ 1500 руб.) и сидѣльцевъ въ СПБ. и Москвѣ съ окладомъ въ 900 руб., какъ будто созданы для дворянскихъ недорослей. См. напр., проектъ орловскаго губернскаго предводителя дворянства и пренія по поводу его. „Заря", ном. 1, Случайныя замѣтки.

Ковно. 6-го февраля 1898 г. въ типографіи Соколовскаго и Леванда стачка. Губернаторъ пишетъ: „собственно говоря, никакой стачки не происходило, а была лишь слабая попытка со стороны рабочихъ добиться нѣкоторыхъ облегченій (они работаютъ 16 час.), которая и была парализована властями при первомъ же проявленіи... Хотя на основаніи слѣдствія (такихъ-то) нельзя признать виновными, но я прошу выслать ихъ административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ ввѣренной мнѣ губерніи“.

Бѣлостокъ. 15-го іюня 1898 г. Въ 94 ткацкихъ заведеніяхъ стачка изъ-за отказа увеличить плату на 1 коп. за мотокъ. Губернаторъ доноситъ: „Я лично разслѣдовалъ это дѣло на совѣщаніи всѣхъ хозяевъ и нахожу невозможнымъ возвысить плату. А потому для прекращенія безпорядковъ прошу агитаторовъ (такихъ-то) выслать административнымъ порядкомъ“.

3 марта 1898 г. уволенъ изъ Ковенской гимназіи ученикъ 3 класса Островскій за стихотвореніе собственнаго сочиненія, въ которомъ онъ проситъ Бога облегчить участь политиков. Дѣло прошло слѣд. инстанціи: совѣтъ гимназическаго начальства, два раза у попечителя, ковенскаго жандармскаго управленія, ковенскаго губернатора, ген.-губернатора и прокурора палаты. Жандармы требовали суда, но прокуроръ далъ заключеніе о прекращеніи дѣла. Послѣ этого постановлено исключить изъ гимназіи и установить негласный надзоръ.

Въ ном. 3 гектогр. московскаго изданія „Студенческій Листокъ“ сообщается: Въ Пензѣ произошелъ цѣлый рядъ событій, весьма характерныхъ и знаменательныхъ для „нашего времени“. Они покажутъ вамъ, какъ относится провинція къ основному вопросу русской жизни и что она переживаетъ. Событія, происшедшія въ Пензѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть объяснены только мѣстными условіями. Изрѣдка приходящія къ намъ извѣстія свидѣтельствуетъ, что и другіе провинціальные города переживаютъ то же, что и Пенза. Эти событія — лишь частное проявленіе общаго освободительнаго движенія, недавно такъ ярко блеснувшаго... Въ ночь съ 9 на 10 апрѣля въ рабочихъ кварталахъ (за рѣкой Пензой, за валомъ желѣзной дороги и мѣстностяхъ, прилегающихъ къ базарной площади, на Сергіевской фабрикѣ и т. д.) были разбросаны и расклеены прокламаціи. Въ нихъ опровергаются сообщенія „Правительственнаго Вѣстника“, имѣющія цѣлью унизить студентовъ въ глазахъ общества. Описывается самое движеніе и отношеніе къ студентамъ общества интеллигентнаго и рабочихъ, приведено письмо „Союза писателей“. Затѣмъ въ общихъ чертахъ обрисована внутренняя политика нашего правительства и его отношеніе къ трудящимся классамъ; раскрывается смыслъ и значеніе студенческихъ движеній и проч. Эти прокламаціи были разсѣяны въ такомъ громадномъ количествѣ, что полиція одна была не въ силахъ собрать ихъ и пригласила на помощь жандармовъ и дворниковъ... Съ ведрами, ножами ходили они по улицамъ и отскабливали приклеенныя прокламаціи; другіе ходили по дворамъ, гдѣ онѣ были также разбросаны. Какъ много было разбросано прокламацій, показываютъ нелѣпые слухи, будто ихъ таскали мѣшками. Отнеслось къ нимъ населеніе различно: мелкая буржуазія (мясники, лавочники и т. д.) — съ негодованіемъ, рабочіе — сочувственно. Въ особенности тревожное настроеніе было замѣтно на Сергіевской фабрикѣ. На учащихся прокламаціи произвели также сильное впечатлѣніе. Создалось возбужденное состояніе, которое прорывается въ постоянно происходящихъ съ начальствомъ конфликтахъ. Въ гимназіяхъ выросла такая оппозиціонная сила, что начальство не знаетъ, что дѣлать. Въ особенности сильное возбужденіе среди семинаристовъ; они рѣшили путемъ петиціи добиваться правъ, которыхъ они были лишены въ 80 годахъ: допущенія ихъ въ университетъ по окончаніи 4 класса, ослабленія богословскаго образованія и усиленія естественно-научнаго. Недавно у нихъ въ лѣсу состоялась сходка въ 100-150 чел. И не смотря на то, что ихъ окружили городовые, пристава и жандармы, они все-таки пѣли революціонныя пѣсни. Съ начальствомъ у нихъ постоянныя столкновенія, и оно боится принимать противъ нихъ какія бы то ни было мѣры. Каждый день оно ожидаетъ, что вспыхнетъ „бунтъ“. Въ казенномъ лѣсу, верстахъ въ двухъ отъ Пензы, есть училище садоводства. Культурный уровень учащихся довольно низокъ, но и туда проникъ „духъ времени“, и тамъ борьба и движеніе. Ученики рѣшили изгнать одного учителя, ненавистнаго имъ. Когда ихъ попытка достигнуть этого въ легальной почвѣ кончились неудачей, они стали его бойкотировать, разбиваютъ окна въ его квартирѣ, устраиваютъ манифестаціи. А нѣсколько дней тому назадъ безпорядки приняли такіе размѣры и характеръ, что была вызвана рота солдатъ. Послѣдняя была расположена въ лѣсу, вблизи училища, но въ дѣйствіе не была употребляема. Настроеніе населенія настолько тревожное, что полицейское начальство опасалось, какъ бы перваго мая не состоялось чего-либо вродѣ демонстраціи. Слухи объ ней ходили по всему городу, претворяясь иногда въ самыя замысловатыя, фантастическія формы. И чтобы предотвратить якобы предстоящую демонстрацію, полиція приняла различныя мѣры: по улицамъ, гдѣ живутъ подозрительныя лица, сновали городовые и переодѣтые жандармы. На Сергіевской фабрикѣ штатъ полиціи, усиленный тремя ротами солдатъ, получилъ приказаніе приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ и снабженъ боевыми патронами. Состоялось совѣщаніе директоровъ у губернатора, на которомъ рѣшался вопросъ, какія мѣры принимать по отношенію къ учащимся, чтобы не допустить ихъ къ участію въ демонстраціи перваго мая. Рѣшено, чтобы квартирныя хозяйки не отпускали въ этотъ день учащихся однихъ. А инспекторъ второй гимназіи хотѣлъ предпринять болѣе энергическія мѣры: засадить нѣсколько гимназистовъ въ зданіе гимназіи и держать ихъ тамъ, пока все успокоится. Между прочимъ, въ СПБ. отправлялся одинъ жандармскій офицеръ за инструкціями.

Археологія и полиція. Что, казалось бы, можетъ быть общаго между археологіей и департаментомъ полиціи, между изученіемъ древности и борьбой съ современностью? Почтенный археологъ И. Е. Забѣлинъ, такъ много сдѣлавшій для русской старины, и директоръ деп. полиціи Зволянскій, работающіе для одной и той же цѣли, поглощенные одной и той же работой, — не странная-ли это картина? А вотъ подите же, такая связь существуетъ и, что всего курьезнѣе, на нее указываютъ сами археологи. Совершая свое опереточно-феерическое путешествіе по наиболѣе промышленнымъ губерніямъ, министръ внут. дѣлъ Сипягинъ попалъ и въ Ярославль. Тамъ онъ „соизволилъ“ принять участіе въ засѣданіи ярославской ученой архивной коммиссіи. Чѣмъ занимались почтенныя архивныя крысы въ присутствіи высокопревосходительной лисицы, — неинтересно. За то совершенно спеціальный интересъ пріобрѣтаетъ рѣчь предсѣдателя коммиссіи М. Липинскаго, того самаго профессора Демид. Юрид. лицея, который написалъ для Витте первую записку о земскихъ учрежденіяхъ, доказывавшую ихъ несовмѣстимость съ самодержавнымъ строемъ. Въ своей рѣчи этотъ представитель „чистой“ науки указалъ, что „главныя заботы архивной коммиссіи направлены къ тому, чтобы возбудить въ обществѣ интересъ къ мѣстной старинѣ и тѣмъ создать противовѣсъ отвлеченнымъ умствованіямъ, не вызываемымъ потребностями практической жизни и являющимся плодомъ отсутствія другихъ болѣе высшихъ интересовъ“. Министръ очень одобрительно отнесся къ этой рѣчи и обѣщалъ съ своей стороны всяческое содѣйствіе археологическимъ изысканіямъ. Теперь остается только покрыть всю Россію такими „архивными обществами“, да кстати уже и зачислить ихъ по департаменту полиціи — и „вредныя умствованія“ будутъ вырваны съ корнемъ и общество обратитъ вниманіе на „другіе, болѣе высшіе интересы“. Совѣтуемъ г. Липинскому написать записку въ этомъ духѣ! Авось она скорѣе вынесетъ его въ „высшія сферы“, а тамъ такіе „таланты“ теперь очень нужны, ибо „отвлеченныя умствованія“ свили себѣ прочное гнѣздо не только въ „обществѣ“.

Цѣна совѣсти тайнаго совѣтника Юзефовича. До свободы печати мы еще не доросли, а вотъ на поприщѣ торговли печатнымъ словомъ подвизаемся съ немалымъ успѣхомъ. Сторонники существующаго строя любятъ указывать на продажность западно-европейской буржуазной печати, какъ на доказательство того, что при свободѣ печати, благодаря силѣ капитала, народная масса развращается нездоровой умственной пищей. Они при этомъ умалчиваютъ о томъ, что въ Зап. Европѣ свобода печати служитъ лучшимъ противоядіемъ тому развращенію, которое вносятъ продажныя газеты, тогда какъ у насъ вслѣдствіе цензурнаго рабства „руководителями общественнаго мнѣнія“ являются почти исключительно рыцари торговли печатнымъ словомъ.

Въ опечатанныхъ судомъ бумагахъ нынѣ обанкротившагося Харьковскаго земельнаго банка найдена многозначительная запись: „печати — 5000 руб.“ Мѣстныя газеты: „Харьковскія Губ. Вѣдомости“ и „Справочный Листокъ“ спрашиваютъ: кто получилъ эту мзду? „Южный Край“ тайнаго совѣтника и кавалера Юзефовича упорно молчитъ объ этомъ происшествіи. Знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

Ужъ не въ первый разъ реакціонные органы печати являются органами одурачиванія публики въ интересахъ подкупившихъ ихъ банкирскихъ воротилъ. Честная же и независимая печать не разъ подвергалась цензурнымъ взысканіямъ за „несвоевременное“ разоблаченіе разныхъ финансовыхъ секретовъ нашихъ плутократовъ. Это обстоятельство, конечно, не помѣшаетъ апостоламъ самодержавія фарисейски воздыхать: „благодаримъ тебя, Боже, что ты создалъ насъ не такими, какъ сіи грѣшники — западно-европейскіе журналисты“ и увѣрять, что отсутствіе свободы печати имѣетъ цѣлью „нравственное оздоровленіе общества“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ВЪ ЦАРСТВѢ МОРОЗОВЫХЪ.

Изъ Богородска (Моск. губ.) намъ пишетъ мѣстный рабочій:

Есть, конечно, въ Россіи рабочіе центры, какъ-то: СПБ., Москва, Варшава, Кіевъ, Харьковъ, гдѣ рабочіе живутъ культурной жизнью, гдѣ соціализмъ находитъ себѣ пути, улицы и проулки къ жилищамъ рабочихъ; тамъ есть много сознательныхъ рабочихъ, и они дѣлаютъ свое дѣло, которое становится все тверже и могучѣе. Тамъ есть интеллигенція, которая способствуетъ этому движенію... Но есть еще въ Россіи такіе рабочіе центры, куда прямые пути для соціализма затруднены, гдѣ культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Тамъ рабочіе живутъ безъ всякихъ культурныхъ потребностей и для ихъ развлеченья достаточна одна водка, продаваемая хозяиномъ (теперь казенная монополька), да балалаечникъ или плясунъ изъ рабочихъ. Такія мѣста напоминаютъ стоячую воду въ небольшомъ озерѣ, гдѣ вода цвѣтетъ, и цвѣтъ садится на дно, образуя вязкую грязь, которая втягиваетъ въ себя все, что на нее попадетъ. Къ такой категоріи можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тутъ культурной жизни почти нѣтъ и трудно ей на первыхъ порахъ упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенція тутъ отсутствуетъ (употребляю слово „интеллигенція“ условно: чиновники и т. п. съ цензомъ образованія не есть еще интеллигенція, это только глаженая, клейменая публика — „благонадежный“), рабочіе культурные очень рѣдки, а чуть который начинаетъ чувствовать гнетъ, то выбываетъ; поднадзорный попасть сюда не можетъ, а потому никакой литературы тутъ нѣтъ, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочій попадетъ сюда изъ большого города и вздумаетъ вести пропаганду, то онъ скоро навлечетъ на себя вниманіе администраціи, а она дѣла вершитъ скорѣе полевого суда: немедленно разсчитываетъ и удаляетъ изъ хозяйскихъ помѣщеній. Мы хотимъ здѣсь описать эти самыя хозяйскія помѣщенія.

Нашъ фабрикантъ Захаръ Морозовъ содержитъ мужскую (холостую) артель чел. 800, да такую же женскую; сверхъ того, казармы для семейныхъ. Артель (мужская) занимаетъ цѣлую трехъэтажную казарму. Хотя помѣщеніе и отапливается паромъ и есть тамъ и вентиляція, но это мало можетъ улучшить положеніе рабочихъ. Размѣщены рабочіе настолько тѣсно, что такой тѣсноты нельзя встрѣтить ни въ солдатской казармѣ, ни въ больницѣ, ни въ тюрьмѣ... Кровать — широкая въ 2 арш. — по серединѣ вдоль раздѣлена высокой доской, что служитъ границей для каждаго; на ней два тюфяка или два набитыхъ мѣшка. Въ общемъ, въ каждомъ отдѣленіи помѣщается больше ста человѣкъ. Разстояніе между кроватями 1 арш., около головы стоитъ маленькій столъ, въ немъ два ящика, въ которые владѣльцы кладутъ свою одежду, чай и сахаръ. Сундуки имѣются не у всѣхъ. Табуретокъ, стульевъ или скамеекъ нѣтъ совершенно, и сидѣть можно только на кровати. Если рабочіе въ сборѣ, то въ каждомъ мѣстѣ образуется 4 головы и разговаривать нѣтъ возможности, чтобы не слышали сосѣди.

Помѣщеніе въ казармахъ считается безплатнымъ, но за него производится вычетъ въ размѣрѣ 2 коп. съ заработаннаго рубля и 3 коп. — для семейныхъ.

Въ безобразномъ состояніи находятся въ казармахъ отхожія мѣста, не отдѣленныя отъ жилыхъ помѣщеній капитальной стѣной. Въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ отхожимъ мѣстомъ, находится столовая. Такъ какъ чистку отхожихъ мѣстъ компанія старается производить возможно рѣже, то можно представить себѣ, какъ отражается на столовой такое сосѣдство.

Въ 1899 г. рабочіе потребовали себѣ болѣе свободнаго помѣщенія въ казармахъ. Компанія согласилась и вывѣсила табель, въ которой было показано нормальное кубическое содержаніе

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА ПЕРЕДЪ МОСКОВСКИМИ РАБОЧИМИ.

Вскорѣ послѣ бурнаго участія московскихъ рабочихъ въ уличныхъ демонстраціяхъ февральскихъ дней москов. власти соизволили разрѣшить мѣстнымъ рабочимъ механическаго производства, возбудившимъ ходатайство объ учрежденіи общества взаимопомощи, собираться для веденія бесѣдъ о своемъ положеніи подъ руководствомъ нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ. Собранія эти съ тѣхъ поръ ведутся регулярно при 200-300 слушателяхъ (больше не пускаютъ) и продолжаются уже послѣ того, какъ уставъ общества взаимопомощи получилъ утвержденіе властей.

Какой характеръ носитъ эта новая попытка „легализировать“ русское рабочее движеніе? Является-ли это предпріятіе простымъ „культурнымъ начинаніемъ“ либеральныхъ просвѣтителей, стремящихся принести рабочему классу посильную помощь въ узкой области „дозволеннаго властями“ дѣла мирной организаціи, или же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ первой серьезной попыткой отвлечь вниманіе рабочихъ отъ революціонной классовой борьбы, съ первымъ проявленіемъ новой политики мин. внутр. дѣлъ, возвѣщенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ гг. Семякинымъ и Зубатовымъ и недавно еще рекомендовавшейся „Новымъ Временемъ“ (см. ном. 6 „Искры“), политики, нашедшей себѣ вольное или невольное орудіе въ лицѣ либеральныхъ московскихъ ученыхъ? Не имѣя достаточно данныхъ, чтобы съ полной опредѣленностью отвѣтить на этотъ вопросъ, мы вынуждены были до сихъ поръ не касаться собраній московскихъ рабочихъ. Накопившійся къ настоящему времени матеріалъ газетныхъ отчетовъ позволяетъ, однако, обратить вниманіе на нѣкоторыя странныя, чтобы не сказать болѣе, черты новаго культурнаго предпріятія, которыя не могутъ не возбуждать самаго серьезнаго недоумѣнія.

Люди науки, которые дерзаютъ, при нашихъ политическихъ условіяхъ, идти на обсужденіе вопросовъ положенія русскаго рабочаго, должны знать напередъ, что они ставятъ себя въ самое щекотливое положеніе между опасностью прогнѣвать начальство, выступая открыто противъ узаконеннаго беззаконія и рискомъ очутиться — при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ — въ роли невольнаго пособника царящаго зла, освящая своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, своими умалчиваніями и своими недоговариваніями всю гнусность того режима, подъ тяжестью котораго стонетъ нашъ рабочій.

На всѣ эти размышленія невольно наводятъ отчеты московскихъ газетъ о „бесѣдахъ“ профессоровъ Дэна и Вормса съ московскими рабочими. Мы не знаемъ, насколько точно въ этихъ отчетахъ изложена суть сказаннаго этими учеными. Мы можемъ только сказать, что такъ, какъ эти бесѣды представлены въ газетахъ, онѣ не имѣютъ ничего общаго ни съ научностью, ни съ правдивостью, ни съ дѣйствительной помощью рабочему классу.

Г. проф. В. Э. Дэнъ на четвертомъ собраніи въ воскресенье 17-го іюня поучалъ рабочихъ о пользѣ обществъ взаимопомощи. Онъ разсказалъ о томъ, что англійскіе рабочіе добились многихъ улучшеній путемъ самодѣятельности, — но умолчалъ о томъ, что эта самодѣятельность проявлялась главнымъ образомъ въ стачечной борьбѣ и въ организаціи въ боевые союзы, а не въ „мирныя“ общества взаимопомощи, подобныя тому, которое теперь основалось въ Москвѣ. Онъ разсказалъ, что въ „большинствѣ случаевъ государство беретъ на себя заботу о внѣшнихъ условіяхъ труда, могущихъ вредить здоровью рабочихъ“, но умолчалъ о томъ, что въ большинствѣ случаевъ государство „беретъ на себя“ заботу о рабочихъ подъ вліяніемъ политическаго давленія съ ихъ стороны и что наше россійское государство, не контролируемое самимъ народомъ, въ большинствѣ случаевъ заботу эту выполняетъ изъ рукъ вонъ плохо, будучи занято преимущественно заботой о сохраненіи порядка.

Очень вѣроятно, что эти умолчанія — неизбѣжное послѣдствіе легальной дѣятельности, но это нисколько не измѣняетъ того факта, что тотъ, кто такимъ образомъ излагаетъ половину правды, на самомъ дѣлѣ вбиваетъ въ головы своихъ слушателей лживыя представленія о предметѣ бесѣды.

На 12-мъ собраніи рабочихъ 12-го августа другой ученый приватъ-доцентъ г. Вормсъ говорилъ объ условіяхъ труда, вредныхъ для здоровья. Между прочимъ, на предыдущей бесѣдѣ рабочіе указали, что „вредъ для работы наносится напряженностью труда при низкой сдѣльной заработной платѣ и что поэтому они предпочитаютъ поденную плату“. Г. Вормсъ выступилъ противъ этого взгляда рабочихъ, раздѣляемаго большинствомъ организованнаго пролетаріата всего міра и принимаемаго небуржуазной наукой. Вормсъ находитъ, что „сдѣльная плата сама по себѣ здѣсь едва-ли имѣетъ значеніе: на размѣръ этой платы скорѣе можетъ вліять переполненіе рынка рабочими силами“. Какъ вамъ нравится такое удивительное рѣшеніе вопроса? Рабочіе говорятъ, что сдѣльная плата ведетъ къ усиленію напряженности труда; они хорошо знаютъ, что результатомъ этого увеличенія напряженности является постоянное пониженіе расцѣнковъ, а имъ отвѣчаютъ: нѣтъ, низкая плата обусловлена переполненіемъ рынка рабочими силами. Но развѣ г. Вормсъ не знаетъ, что именно увеличеніе напряженности труда, вызываемое системой сдѣльной платы, ведетъ къ увеличенію арміи безработныхъ? Надо полагать, что онъ отлично это знаетъ, но поставленный лицомъ къ лицу съ необходимостью высказать это свое знаніе при томъ условіи, что оно можетъ не понравиться тѣмъ, кто разрѣшаетъ ему „бесѣды“ съ рабочими, онъ вынужденъ вилять самымъ недостойнымъ и нелѣпымъ образомъ.

„На потерю здоровья — продолжаетъ свое возраженіе г. Вормсъ — вліяетъ незнаніе гигіеническихъ условій, которыя могли бы напряженность работы поставить въ границы, не вредящія здоровью“. Какая, подумаешь, аркадская невинность! Рабочій на сдѣльной платѣ измочаливаетъ свои силы только потому, что онъ не знаетъ гигіеническихъ условій и не ставитъ „напряженность труда въ границы, не вредящія здоровью“. Итакъ, невѣжество рабочаго — единственная причина его чрезмѣрнаго труда. Если бы онъ зналъ „гигіеническія условія“, онъ работалъ бы съ прохладцей и, вѣроятно, ухитрялся бы на вырученные гроши „теплѣй накрываться и здоровою пищею питаться“!

Впрочемъ, г. Вормсъ признаетъ, что „здоровье можетъ страдать и отъ длины рабочаго дня, неправильнаго его распредѣленія и проч“, но, говоритъ онъ, „устраненіе всѣхъ этихъ условій зависитъ отъ самого рабочаго“.

Вы удивляетесь, читатель? Вы просите ученаго мужа поскорѣе открыть вамъ секретъ, какъ это вы можете сами „устранить“ свой длинный рабочій день, „ломку смѣнъ“ и т. п. язвы вашей трудовой маеты? Дѣло, видите-ли, очень просто; вѣдь „нашъ законъ предоставляетъ его (рабочаго) усмотрѣнію входить или не входить въ договоръ съ предпринимателемъ и въ то же время до извѣстной степени обезпечиваетъ здоровье отъ вредныхъ гигіеническихъ условій труда“. Что это должно означать? Неужели г. Вормсъ прописываетъ тотъ самый рецептъ, который до сихъ поръ прописывали рабочимъ гг. Клейгельсы, Треповы и прочіе дѣятели по „улаженію недоразумѣній“: не хочешь работать по правиламъ, убирайся съ фабрики. Или же г. Вормсъ хочетъ просто сказать, что если бы рабочіе не соглашались работать на невыгодныхъ условіяхъ, то эти условія не могли бы существовать. Что это: — фарисейство или легкомысліе? Во всякомъ случаѣ, нѣчто недостойное человѣка науки.

И въ концѣ концовъ г. Вормсъ сказалъ ложь: на самомъ дѣлѣ въ Россіи не существуетъ свободы договора даже въ самомъ узко буржуазномъ смыслѣ слова, ибо за единоличный отказъ отъ работы безъ предупрежденія за двѣ недѣли рабочій подвергается уголовной отвѣтственности даже въ томъ случаѣ, если этотъ отказъ вызванъ измѣненіемъ „правилъ внутренняго распорядка“, напр., удлиненіемъ рабочаго дня, измѣненіемъ порядка смѣнъ и т. п.

Чувствуя, что запутался, г. Вормсъ не пошелъ дальше, а „въ виду сложности этого вопроса рекомендовалъ рабочимъ обратиться за болѣе его подробнымъ разъясненіемъ къ какому-либо спеціалисту, напр., къ фаб. инспектору“. Въ какомъ однако жалкомъ положеніи находится та „наука“, которая останавливается передъ сложностью вопроса, поднятаго рабочими, и отсылаетъ ихъ за разъясненіемъ къ чиновникамъ царскаго правительства!

Жалуются рабочіе на неудовлетворительность постановки медицинской помощи на московскихъ фабрикахъ и заводахъ. Г. Вормсъ „разъясняетъ“, что законъ 1866 г. обязалъ фабвоздуха на одного человѣка (одна сажень). Но, приведя это въ порядокъ, компанія вскорѣ удалила чел. 60 „недовольныхъ" изъ среды рабочихъ, и послѣ того норма, указанная въ табели, была опять нарушена.

Казармы для семейныхъ состоятъ изъ небольшихъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается по 4-5 семействъ, душъ по 13-15. Казармы очень грязны, и компанія заставляетъ рабочихъ оклеивать комнаты обоями на свой счетъ. Въ Александровской казармѣ, высотой съ обычный трехъ-этажный домъ, сдѣлано пять этажей, изъ которыхъ первый болѣе, чѣмъ на половину подъ землей, а пятый представляетъ простой чердакъ. Въ іюлѣ этого года компанія принялась за ремонтъ этихъ казармъ, при чемъ работа производилась такъ умѣло, что 13 іюля ярусъ второго этажа рухнулъ, покрывая собой спящихъ внизу и увлекая верхнихъ. Мнѣ пришлось видѣть, какъ одна женщина съ груднымъ ребенкомъ еле выползла изъ-подъ балагана; въ другомъ мѣстѣ вылѣзалъ мужчина, держась за окровавленную голову. Дальше нельзя было смотрѣть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи въ казармахъ ужасно скверныя и человѣку, пожившему въ большомъ городѣ или въ семьѣ на фабрикѣ, противно даже идти на кухню; часто голодный продолжаетъ голодать, что воздерживается идти обѣдать. А между тѣмъ харчи обходятся очень дорого: въ постные дни 3 р. 50 к. — 4 р. на человѣка въ мѣсяцъ (даютъ только кислые щи да кашу), а въ скоромные 4 р. 50 к. — 5 р. за то же самое и $^1/_8$ ф. говядины. Да это не удивительно, если взять во вниманіе ужасную дороговизну въ лавкѣ Захара Морозова: такъ хлѣбъ очень скверный, сырой или перепеченный стоитъ 21 коп. за 10 ф., масло подсолнечное — 18 коп за фунтъ (а въ городѣ — 11-13 коп.), при чемъ всегда бываетъ прогорклое; мясо стоитъ 15-18 коп. фунтъ, вмѣсто 11-13 коп. И такъ на всякомъ продуктѣ Захаръ Морозовъ наживаетъ 25-30%. Беря съ насъ по 2 коп. съ рубля за помѣщеніе, Морозовъ наживаетъ въ годъ съ одной мужской артели 2300 р., да на харчахъ въ мѣсяцъ съ человѣка по 1 руб., всего въ годъ 9600 руб., итого съ одной мужской артели онъ взимаетъ круглымъ счетомъ около 12.000 р. Когда въ 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя ихъ улучшенія и чтобы припасы покупались не въ хозяйской лавкѣ, то хозяинъ кричалъ рабочимъ: „Я нарушу жилое помѣщеніе, уходите тогда на вольныя квартиры".

Харчами завѣдуютъ двое старостъ; когда-то они были избраны на эту должность и продолжаютъ на этомъ основаніи оставаться старостами, хотя рабочіе ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочихъ заявили неудовольствіе противъ старостъ, то всѣ трое были тотчасъ же уволены.

• • •

Фабрично-рабочій-квартирный вопросъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Кому неизвѣстно, что въ большихъ городахъ квартирный вопросъ для рабочихъ — вопросъ первостепенной важности, и если гдѣ высока заработная плата, то тамъ квартирный вопросъ приноситъ массу равныхъ непріятностей, массу страданій, болѣзней, скученности и непристойности жизни. Какъ на зло для рабочихъ, чѣмъ больше дорожаютъ квартиры, чѣмъ дороже приходится платить за квадратный аршинъ комнаты, — тѣмъ устройство комнатъ хуже. Отсутствуютъ всякія удобства для жизни рабочихъ, не берется во вниманіе никакихъ соображеній, за исключеніемъ наибольшей наживы на каждомъ вершкѣ площади пола.

Въ нашемъ мѣстечкѣ населеніе росло и продолжаетъ рости очень быстро, но хорошихъ большихъ домовъ не было, нѣтъ и посейчасъ. Хотя каждый годъ новыхъ домовъ строится очень много, но они строятся очень спѣшно, на скорую руку, кое изъ чего и кое какъ. Все держится на гвоздѣ и гвоздикѣ; для отопленія 14-15 комнатъ ставится одна печь или маленькая трехрублевая желѣзная печка, отъ которой идутъ трубы (кровельнаго желѣза) по всей квартирѣ; такая топка и трубы не могутъ хорошо обогрѣвать квартиры и потому квартира суха только лѣтомъ; зимой же отъ сырости одежда портится и, намокши, не просыхаетъ цѣлыми недѣлями, а у живущихъ болитъ голова... Комнаты отгораживаются одна отъ другой живою перегородкою изъ самыхъ тонкихъ досокъ. Часто доски употребляются изъ большихъ ломаныхъ бочекъ или ящиковъ и между досками можно просунуть палецъ въ другую комнату. Мѣстами щели бываютъ болѣе внушительныя. Обои мало гдѣ можно встрѣтить, и если у какого рабочаго и есть, то таковыя онъ купилъ на свои деньги и самъ же оклеилъ комнату. Занавѣси у оконъ болѣе часты, что много скрашиваетъ видъ комнаты. Попадаются, конечно, и болѣе привлекательныя комнаты, но это рѣдко. Благоустройство квартиръ много терпитъ отъ отсутствія свободнаго времени у хозяйки комнаты, такъ какъ она работаетъ на фабрикѣ не меньше часовъ, чѣмъ и ея мужъ. Перегородки всюду дѣлаются не до потолка и по выраженію домовладѣльцевъ дѣлается это въ интересахъ гигіены: тогда, моль, воздухъ одинаковъ во всей квартирѣ и равномѣрно распредѣляется теплота по комнатамъ. Беря все вышеуказанное, можно утверждать, что во всемъ примѣрно Зуевѣ съ нѣсколькими тысячами населенія нельзя найти комнаты, въ которой 2-3 чел. разговаривающіе не были бы слышны въ слѣдующихъ комнатахъ. А это стѣсняетъ до невозможности какую-либо организаторскую или пропагандистскую дѣятельность. Собраться 5-6 чел. въ одной комнатѣ нельзя благодаря устройству и размѣрамъ послѣднихъ.

Квартиры годъ отъ года въ цѣнахъ все росли и росли, что вызывало большое неудовольствіе со стороны рабочихъ, и они постоянно обращались къ хозяевамъ и дѣлали заявленія о квартирныхъ деньгахъ. Хозяева платятъ каждому рабочему и работницѣ на одной фабрикѣ 1 р. 50 к., а на другой — 2 р. въ мѣсяцъ квартирныхъ денегъ. Послѣдній платитъ по 2 рубля, благодаря настойчивости рабочихъ, которые этого добивались. Но если кто живетъ на хозяйской квартирѣ, то тому, конечно, никакихъ квартирныхъ денегъ не полагается. Если рабочій, живущій на вольной квартирѣ, получаетъ 2 р., а жена 1 р. 50 к., то они много должны доплачивать, а если оба работаютъ у хозяина, платящаго 1 р. 50 к., то и совсѣмъ мало, такъ какъ комнатъ за 3 р. 50 к. мало, а больше отъ 4 р. 50 к. и дороже, вотъ почему всякій мечтаетъ о хозяйской квартирѣ, тѣмъ болѣе, что частныя квартиры отстоятъ на очень большомъ разстояніи отъ фабрикъ.

Теперь перейдемъ къ другой сторонѣ квартирнаго вопроса. Именно, какъ на этотъ вопросъ посмотрѣли сами фабриканты? какъ отражается ихъ вмѣшательство? каковъ образъ дѣйствій ихъ въ этомъ вопросѣ и какъ сами рабочіе смотрятъ на квартиру въ хозяйскомъ помѣщеніи? Извѣстно, что издавна для хозяевъ нашъ братъ рабочій представлялся чѣмъ-то вродѣ полуживотнаго (какъ оно обстоитъ и сейчасъ у подрядчиковъ строительныхъ работъ — плотниковъ, каменщиковъ, мостовщиковъ, извозчиковъ; на кирпичныхъ заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ у землекоповъ и т. п.) и потому квартира отъ хозяина давалась очень скверная, тѣсная и грязная. Въ Орѣховѣ есть еще старыя казармы, и онѣ противъ новыхъ кажутся очень жалкими, живется въ нихъ скверно, но все же ихъ еще не ломаютъ, а стараются заполнять холостыми артелями; это самыя худшія казармы, онѣ на половину изъ кирпича, на половину изъ дерева. Но теперь есть очень много казармъ, выстроенныхъ по послѣднему слову технической и инженерной науки. Конечно, выстраивая такія казармы, хозяинъ руководствовался личными интересами. Вѣдь понятно для каждаго, что, не возводя онъ казармъ, цѣна за квартиры повысилась бы раза въ два, и рабочіе тратили бы массу времени на ходьбу (во всѣхъ казармахъ живетъ тыс. до 20, если не больше). А разъ цѣны повысились на квартиры, то и выдачу квартирныхъ денегъ пришлось бы увеличить. И, взявши наименьшую цыфру рабочихъ въ 12-13 тысячъ и выдавая имъ по два рубля, это составитъ около 25 тысячъ въ недѣлю а въ годъ выйдетъ очень внушительная сумма, которую хозяинъ долженъ былъ бы выкидывать. Между тѣмъ, выстроивши казармы, хозяинъ надолго освобождается отъ новыхъ расходовъ. Построены же казармы на сотни лѣтъ — такъ внушительно и солидно.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло въ образцовыхъ казармахъ. Можно о нихъ сказать, что они очень хороши для фабрично-рабочаго люда (мы, конечно, знаемъ, что мастеровой съ юга или Петербурга нашелъ бы не только неудобными, но и очень скверными и именно „казармами"); онѣ снабжены водопроводомъ, хорошей водой; комнаты и корридоры оштукатурены и выкрашены въ бѣлый цвѣтъ, окно въ комнатѣ широкое и больше сажени въ вышину, хорошо проведено паровое отопленіе какъ въ корридорахъ, такъ и въ комнатахъ, всегда есть достаточно готоваго кипятку, хорошая деревянная кровать и т. п. Значитъ, въ гигіеническомъ отношеніи все обставлено какъ будто хорошо и позаботились объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ потребностей фабричнаго люда. Но въ бочку меда влили не одну ложку дегтя. Во-первыхъ, комната по размѣрамъ очень порядочная (около 3-хъ саж. въ длину, около 5 арш. въ ширину и почти двѣ сажени въ вышину), но она служитъ не для одного семейства, а для трехъ. Размѣщаются они слѣдующимъ образомъ: два семейства по бокамъ комнаты по кроватямъ и третье семейство на палатяхъ. Палати, правда, большіе, и человѣкъ можетъ стоять на нихъ, не ударяясь въ потолокъ, и потому палати представляютъ воздушную комнату. Внизу оба семейства располагаются вдоль, каждое въ своей половинѣ комнаты; и такъ размѣщены не тысяча, а больше десятка тысячъ. Такія условія порождаютъ массу неудобствъ и непріятностей, и сосѣди въ одной комнатѣ часто вздорятъ между собой и даже дерутся. Случается, что какой-нибудь членъ семейства бываетъ нечистъ на руку (крадетъ), что слишкомъ непріятно для совмѣстнаго сожительства. Во-вторыхъ, зоркое око хозяйскихъ шпіоновъ и полицейскихъ (открытыхъ и тайныхъ; тутъ же живутъ и шпіоны отъ жандармовъ) наблюдаетъ за рабочими въ казармахъ, а администрація старается предписывать рабочимъ, въ какіе часы и что дѣлать. Такъ, придя съ работы, всякій долженъ ложиться спать, и за этимъ наблюдаютъ. Въ-третьихъ, рабочимъ строго воспрещается собираться кучками въ корридорахъ, проходахъ, комнатахъ, и даже въ отхожемъ мѣстѣ и разсуждать о чемъ-либо, хотя бы даже собравшіеся и говорили въ полголоса. И если нельзя придраться къ нимъ на основаніи общественной тишины, то придерутся на основаніи общественнаго порядка. Въ четвертыхъ, никто не имѣетъ права читать вслухъ ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслухъ у себя въ комнатѣ и безграмотному сосѣду. Въ-пятыхъ, воспрещается какая-либо игра; даже живущіе въ одной комнатѣ должны спрашивать нѣчто вродѣ разрѣшенія у сосѣда, чтобы, напр., курить табакъ. Воспрещается по вечерамъ сходиться и останавливаться внѣ казармы и внутри ея.

И все же, не смотря на такого рода притѣсненія и полицейскія строгости, люди положительно прикрѣплощены къ этимъ помѣщеніямъ. И это понятно, — вѣдь вольныя квартиры много, много хуже и приходится еще доплачивать. Понятно, что живущій на вольной квартирѣ постоянно мечтаетъ о хозяйской и постоянно завидуетъ уже тамъ живущимъ... Возводя новыя казармы, хозяева подорвали всякую инициативу (начинанья) у вольныхъ хозяевъ въ Зуевѣ, никто изъ нихъ не отваживается на постройку новаго каменнаго зданія, опасаясь, что хозяева выстроятъ еще одну, двѣ казармы, куда перейдетъ на жительство больше тысячи въ каждую, и потому его домъ будетъ пустовать. Этотъ страхъ заставляетъ ихъ отказаться совсѣмъ отъ постройки или же они строятъ дома такого сорта, какъ было выше описано.

Орѣхово-Зуевцы.

• • •

Отъ редакціи. Описанныя кватирныя условія въ Ор.-Зуевѣ и Богородскѣ достаточно характерны для всего центральнаго фабричнаго района, гдѣ „казармы" преобладаютъ надъ вольными квартирами. Эти условія, порожденныя возникновеніемъ нашихъ фабричныхъ центровъ внѣ крупныхъ городовъ, продолжаютъ существовать, не смотря на то, что русскій рабочій уже переросъ ту недостойную человѣка квартирную обстановку, въ которой держатъ его гг. Морозовы и другіе московско-ивановскіе фабриканты. Изъ корреспонденціи достаточно видно, какъ вредно подобныя условія отражаются на ходѣ соціалистической пропаганды и культурнаго развитія рабочихъ.

Безобразное устройство фабричныхъ казармъ и патріархально-полицейскій строй жизни въ нихъ могутъ быть устранены только улучшеніемъ фабричнаго законодательства, упорядоченіемъ фабричной инспекціи и свободой самодѣятельности рабочаго класса, свободой стачекъ, союзовъ и собраній. Противъ того зла, которое создается скученностью рабочихъ въ мѣстечкѣ, не приспособленномъ къ быстрому росту пришлаго населенія, могло бы бороться городское самоуправленіе: постройка за городской счетъ хорошихъ домовъ съ дешевыми квартирами можетъ ослабить скученность населенія въ хозяйскихъ казармахъ и непомѣрное возрастаніе платы за нихъ. Но, конечно, не отъ теперешняго же мѣстнаго самоуправленія, находящагося въ рукахъ тѣхъ же фабричныхъ воротилъ, мы можемъ ждать такихъ реформъ: ихъ дастъ только дѣйствительное самоуправленіе всего городского населенія, при которомъ рабочій станетъ хозяиномъ въ томъ городѣ, богатство котораго создается его трудомъ. Но хозяиномъ въ городѣ онъ станетъ не ранѣе, чѣмъ когда добьется участія въ веденіи общегосударственныхъ дѣлъ. Дѣйствительное городское самоуправленіе для „низшихъ классовъ" будетъ достигнуто только при политической свободѣ.

Возмутителя поймали! Въ Орѣхово-Зуевѣ на фабрикѣ извѣстнаго столпа отечественной промышленности Саввы Морозова обнаруженъ опасный возмутитель. „Непокорный слуга оказался у насъ на фабрикѣ, пишутъ намъ оттуда, и настолько непокорный, что вздумалъ защищать человѣческія потребности рабочихъ, а не интересы фабрикантовъ, какъ это дѣлаютъ разные прохвосты мастера и подмастерья". Дѣло было такъ: по распоряженію мастера ткацкой фабрики рабочихъ лишили кипятку для чая. Смотритель, узнавъ объ этомъ распоряженіи, заявилъ мастеру: „такъ поступать съ народомъ нельзя потому, что народъ привыкъ къ чаю утромъ". „О такомъ возмущеніи ночной мастеръ

рики, имѣющія свыше 100 рабочихъ, имѣть свои больницы. Однако, „этотъ законъ не имѣетъ примѣненія въ городахъ СПБ., Москвѣ и Одессѣ, гдѣ установленъ городской больничный сборъ съ рабочихъ". Иными словами: „законъ былъ, да весь вышелъ" для московскихъ рабочихъ по тому случаю, что съ нихъ же взыскиваютъ за леченіе въ городскихъ больницахъ. Это какъ будто нѣсколько несуразно: потому что съ меня городъ сдираетъ больничный сборъ, мой эксплуататоръ долженъ быть освобожденъ отъ обязанности давать мнѣ медицинскую помощь. Но г. Вормсъ указываетъ, что столичныя присутствія по фабричнымъ дѣламъ „дѣлаютъ выводъ, что обязанность лѣчить рабочихъ должна лежать здѣсь на городскихъ управленіяхъ, а не на фабрикахъ и заводахъ" и довольствуется ссылкой на это совершенно произвольное лжетолкованіе присутствій, не обмолвившись и словомъ о томъ, насколько, по его мнѣнію, законно такое толкованіе. Удивительно много вынесутъ рабочіе изъ такой бесѣды!

Заговорилъ г. Вормсъ о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ, ведущихъ къ увѣчьямъ или смерти. Этотъ жгучій вопросъ, затрогивающій самыя мрачныя стороны фабричнаго быта, превратился въ его изображеніи въ вопросъ „о разграниченіи обязанностей по вознагражденію рабочихъ за увѣчье и смерть между предпринимателемъ и обществомъ взаимопомощи". Обязанность вознаграждать рабочихъ за увѣчье или семью его за смерть нашъ законъ возлагаетъ на предпринимателя. Правда, тотъ же законъ обставляетъ это право рабочихъ такими условіями, которыя сводятъ его къ нулю. Отсюда можетъ вытекать только необходимость добиваться осуществленія этого признаннаго закономъ права, необходимость требовать, чтобы обязанность возбужденія исковъ лежало не на рабочемъ, а на фабрикантѣ, если онъ не желаетъ уплатить вознагражденія и хочетъ доказать, что рабочій пострадалъ по своей винѣ. Либеральный г. Вормсъ поступаетъ не такъ. Всецѣло возложенную закономъ на хозяина обязанность вознагражденія рабочаго онъ желаетъ „разграничить между предпринимателемъ и обществомъ взаимопомощи". Т. е. одна изъ задачъ общества взаимопомощи рабочихъ — снять съ предпринимателя часть бремени по вознагражденію рабочихъ. Такъ что-ли, г. Вормсъ? А не смущаетъ васъ сомнѣніе, что проповѣди такого рода „взаимопомощи" можетъ показаться рабочимъ дѣломъ „взаимопомощи" между предпринимателями и гг. учеными?

Для того, чтобы, какъ слѣдуетъ „разграничить" отвѣтственность за несчастные случаи между хозяевами и самими рабочими, г. Вормсъ, изложивъ „тѣ условія, которыя по закону создаютъ отвѣтственность предпринимателя", описываетъ „также и тѣ затрудненія, которыя испытываетъ получившій увѣчье при осуществленіи своего права на вознагражденіе (какъ-то: обязанность личныхъ хлопотъ, краткость срока давности и т. п)". Вы скажете, пожалуй, что г. Вормсъ безпристрастно описываетъ настоящее положеніе дѣлъ. Однако, когда вы читаете слѣдующую фразу: „Авторъ бесѣды, впрочемъ придавалъ больше значенія вопросу о мѣрахъ, предупреждающихъ возникновеніе самыхъ несчастныхъ случаевъ", то у васъ возникаетъ сомнѣніе: а что если г. Вормсъ остановился на трудностяхъ въ осуществленіи рабочимъ своего права не для того, чтобы требовать устраненія этихъ трудностей, но чтобы „отвадить" рабочихъ отъ помысловъ о расширеніи своихъ правъ въ этой области. „Зеленъ виноградъ", доказываетъ г. Вормсъ, „какъ разъ оскомину набьешь", не стоитъ возиться съ требованіемъ вознагражденія за уже оторванную руку, слѣдуетъ больше значенія придавать условіямъ, предупреждающимъ потерю второй руки. Ибо о томъ, что лучшимъ средствомъ „предупрежденія" новыхъ несчастныхъ случаевъ является введеніе строгой и на дѣлѣ осуществляемой отвѣтственности предпринимателей, — объ этомъ г. Вормсъ опять-таки умолчалъ (по крайней мѣрѣ, въ газетномъ отчетѣ нѣтъ объ этомъ ни слова). „Принятіе этихъ мѣръ (предупрежденія) должно, по его мнѣнію, явиться главной заботой какъ законодательства, такъ и предпринимателей, которымъ выгоднѣе предупреждать несчастія, чѣмъ платить за нихъ". Послѣднее, конечно, вѣрно, но если бы рабочіе перестали думать о введеніи дѣйствительной отвѣтственности фабрикантовъ и въ виду трудности дѣла отказались отъ попытокъ при теперешнихъ условіяхъ взыскивать съ хозяевъ вознагражденіе за увѣчье, то, пожалуй, предпринимателямъ было бы еще выгоднѣе не предупреждать несчастій, а содѣйствовать развитію „бесѣдъ" гг. Вормсовъ.

По мнѣнію г. Вормса, и обществамъ взаимопомощи также принадлежитъ почетная роль по „предупрежденію несчастныхъ случаевъ". Не спѣшите радоваться, читатели! Вы, можетъ быть, ожидаете, что общество взаимопомощи, какъ рабочая организація, будетъ призвано оказывать давленіе на предпринимателя въ цѣляхъ лучшаго предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Ну, нѣтъ, г. Вормсъ такихъ „разрушительныхъ" проектовъ и въ мысли не имѣлъ. Общество взаимопомощи, говоритъ онъ, „можетъ, съ своей стороны, принимать въ этомъ направленіи извѣстныя мѣры, напр., ознакомленіе членовъ съ пріемами подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ".

Гора родила мышь! „Предупрежденіе несчастныхъ случаевъ" оказалось подачей помощи послѣ того, какъ несчастный случай произошелъ. Общество взаимопомощи должно, сверхъ прочихъ своихъ услугъ фабрикантамъ, избавить ихъ отъ подачи первой помощи пострадавшимъ рабочимъ!

Неужели же г. Вормсъ всю роль общества взаимопомощи въ этомъ вопросѣ сводитъ къ подачѣ первой помощи? О нѣтъ! послѣ цитированныхъ нами словъ онъ продолжаетъ: ...„организація для своихъ членовъ особаго юридическаго бюро для подачи совѣтовъ при помощи опытныхъ специалистовъ, при чемъ польза этого бюро могла бы сказаться уже и въ томъ, что оно могло бы предупреждать случаи возбужденія недостаточно обоснованныхъ исковъ".

Такъ, такъ! Для „предупрежденія несчастныхъ случаевъ" общество взаимопомощи создастъ бюро, которое будетъ заниматься „предупрежденіемъ" недостаточно обоснованныхъ исковъ! Когда идетъ дождь, люди распускаютъ зонтики; стоитъ только свернуть зонтики, и дождь пройдетъ. Совершенно таковъ же, надо думать, ходъ мыслей г. Вормса. Отъ того, что русскіе рабочіе находятся въ самомъ безправномъ положеніи, многіе возбуждаемые ими иски оказываются недостаточно обоснованными; отказывайтесь заранѣе отъ своихъ исковъ, и ваше положеніе поправится (вѣдь г. Вормсъ все-таки толкуетъ о средствахъ облегченія положенія рабочихъ!).

Послушаемъ еще г. проф. Озерова (13 бесѣда 19 августа). Трактуетъ онъ о „разумномъ проведеніи досуга членами кассы взаимопомощи". Бѣдные рабочіе! ихъ еще надо учить „разумному проведенію" времени, которое оставляетъ имъ капиталъ! Буржуазная наука съ очаровательной граціей спѣшитъ оказать „меньшому брату" одолженіе, поучая его, какъ слѣдуетъ разумно проводить свободное время. Безъ ея благожелательныхъ указаній рабочій не сообразитъ, пожалуй, какъ ему „разумнѣе" проводить свои вечера и праздники. А, можетъ быть, для того, чтобы имѣть возможность ихъ проводить разумно, онъ потребуетъ себѣ менѣе продолжительной работы, лучшихъ квартирныхъ условій, высшей платы, свободы собираться и разумно проводить время, свободы достигать самообразованія? Можетъ быть, пожелавъ всего этого, онъ вступитъ въ борьбу съ государствомъ, которое ставитъ его стремленіямъ всяческія преграды? Буржуазная, съ позволенія сказать, наука спѣшитъ „легализировать" такія стремленія, придать имъ окраску законности. Поговоривъ о значеніи рабочихъ клубовъ въ жизни европейскихъ рабочихъ, г. Озеровъ заявилъ, что „наши рабочіе нуждаются въ подобныхъ клубахъ не менѣе, чѣмъ иностранцы". Оказывается, что это уже сознало... министерство финансовъ, которое „со введеніемъ винной монополіи усиленно рекомендуетъ комитетамъ трезвости устройство особыхъ народныхъ клубовъ, въ которыхъ рабочій могъ бы не только пить чай, но и разумно проводить время". Да здравствуетъ министерство финансовъ, трижды ура г-ну Витте! По лицемѣрію или невѣжеству г. профессоръ не упоминаетъ объ одной лишь малости: что разумное проведеніе времени въ клубахъ и читальняхъ комитетовъ трезвости заключаетъ, между прочимъ, чтеніе „Свѣта", „Моск. Вѣдом." и тому подобной грязной литературы, и только такой литературы! Г. Озеровъ не постѣснялся выразить „большое спасибо казенной винной монополіи" за то, что она „въ основу борьбы съ алкоголизмомъ поставила устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ". Переводя эти „благонамѣренныя рѣчи" на человѣческій языкъ, мы констатируемъ тотъ фактъ, что г. Озеровъ привѣтствуетъ передалъ денному", который, вызвавъ смотрителя, сказалъ ему: „Какъ смотритель, ты долженъ защищать интересы хозяина, а не рабочихъ, которымъ ты долженъ внушить, что они хорошо могутъ работать и безъ чаю". Смотритель отвѣтилъ: „Развѣ я какой-нибудь деспотъ, чтобы маскировать себя передъ народомъ? Я этого никогда себѣ не позволю, тѣмъ болѣе, что я хлопочу не лично для себя, а для народа".

Такъ какъ въ россійскомъ государствѣ „хлопотать для народа" есть великое преступленіе, то смотрителя, конечно, тотчасъ же уволили. А фабричный инспекторъ Напалковъ, къ которому обратился уволенный, сказалъ, что онъ не можетъ насильно заставить фабричное начальство держать, кого оно не хочетъ.

Фабричной инспекціи предоставлено право вмѣшиваться въ тѣ происшествія фабричной жизни, которыя могутъ привести къ столкновеніямъ между рабочими и фабрикантомъ. Но, конечно, лизоблюдничать у г. Морозова дѣло менѣе хлопотливое, чѣмъ вступиться за уволеннаго служащаго, который старался своевременно предотвратить возникновеніе „безпорядка" среди рабочихъ.

Посѣщеніе министромъ Владимірскаго фабричнаго района. Министръ Сипягинъ побывалъ на многихъ фабрикахъ и ужъ, конечно, его водили только по хорошимъ фабрикамъ. Да и вся поѣздка напоминаетъ хорошую, пріятную прогулку: всюду министра встрѣчали съ хлѣбомъ солью, послѣ чего, разумѣется, происходилъ хорошій обѣдъ и, клюнувши нарядно, прощались. Для того, чтобы показать, что на русскихъ фабрикахъ порядки образцовые и живется очень хорошо, всюду за недѣлю и раньше приводилось все въ порядокъ, мылось, чистилось, притиралось, пускалась въ ходъ вентиляція. Словомъ, было подкрашено, подчищено, истрепали нѣсколько десятковъ лишнихъ метлъ и мели тамъ, гдѣ годъ или больше не показывалась метла. Былъ отданъ приказъ, чтобы всѣ подмастерья, смотрители и другая администрація одѣлись въ крахмальныя рубашки, подчистились, подбрились. Чтобы рабочіе не оказались въ рваныхъ подштаникахъ, былъ назначенъ бдительный надзоръ. Заодно, конечно, воспретили строго-на-строго, дабы рабочіе не вздумали собираться и не отходили бы отъ своихъ станковъ. Разумѣется, это дѣлалось не безъ задней мысли, дабы рабочіе не подумали бы потревожить благодушественнаго настроенія министра. Читая сообщенія о путешествіи министра въ нашей вшивой прессѣ, которая настолько уподобилась нашимъ полицейскимъ, что точь въ точь повторяетъ ихъ рапорты: все обстоитъ благополучно, такъ точно, образцовые порядки, особая заботливость о рабочихъ и т. п., читатель не найдетъ даже намека на какое-либо злоупотребленіе или недовольство. Хотя передъ пріѣздомъ министра были пущены въ ходъ нагайки (см. кор. изъ Вичуги), но вотъ что говоритъ самъ министръ, въ той же Вичугѣ, одному фабриканту, когда замѣтилъ, что рабочіе спятъ въ сараѣ, сколоченномъ на живую руку: „Я не могъ и мысли допустить, чтобы въ Россіи фабричные рабочіе жили въ такихъ помѣщеніяхъ". И хотя послѣ отъѣзда министра сарай былъ сломанъ, но мы не думаемъ за это воскурить ему еиміамъ: это капля въ морѣ и притомъ случайная. Опростоволосились фабриканты и не скрыли заранѣе. Министръ же, иди, не зналъ, что тамъ такъ плохо, иначе онъ и не пошелъ бы, какъ онъ всюду старался избѣгать плохихъ казармъ и смотрѣлъ только хорошія. Такъ, въ Ив.-Вознесенскѣ фабриканты такой оплошности не сдѣлали, они показали самую лучшую казарму, и министръ остался очень доволенъ. Разумѣется, онъ очень доволенъ, что можетъ при случаѣ сказать о видѣнной казармѣ и взвалить вину на рабочихъ за ихъ „чрезмѣрныя" требованія.

Пріѣхавши въ Орѣхово на морозовскія фабрики, Сипягинъ всюду видѣлъ чистоту; тамъ передъ его пріѣздомъ все красилось, чистилось, мылось, какъ никогда. А въ самой фабрикѣ полометы цѣлыми днями мели фабрику и обмахивали стѣны, чѣмъ, разумѣется, вызывали остроты рабочихъ... Пройдя по фабрикѣ, Сипягинъ возымѣлъ желаніе взглянуть на житье рабочихъ внѣ фабрики. Администрація это предвидѣла и потому заранѣе былъ данъ приказъ въ казармѣ, гдѣ живутъ подмастерья, смотрителя и разная мелкая сошка, чтобы комнаты были прибраны и приведены въ порядокъ, такъ какъ ихъ будетъ осматривать министръ. И конечно, жители послѣднихъ постарались нарядить комнату получше, да и могли-ли они этого не сдѣлать? Все, что было лучшаго въ укладкахъ (сундукахъ), было извлечено. Но все же прошло не все гладко; такъ, изъ одной каморки старушка ушла въ лавку, а оставшіяся дѣти вздумали поиграть да и побросали игрушки по полу, а тутъ министръ пришелъ посмотрѣть, и вотъ за такой безпорядокъ администрація рѣшила выселить живущихъ на вольныя квартиры, но пока своей угрозы не привела въ исполненіе. Пройдя по этимъ каморкамъ, Сипягинъ хотѣлъ подняться этажомъ выше, гдѣ живутъ уже на самомъ дѣлѣ рабочіе и живутъ не по одному семейству и аккуратности этой встрѣтить тамъ было нельзя и все обаяніе отъ видѣнныхъ первыхъ каморокъ пропало бы безвозвратно. Поэтому администрація не дремала и постаралась увѣрить министра, что каморки строились по одному плану и жители во всѣхъ каморкахъ одинаковы, да къ несчастью владѣльцы таковыхъ всѣ на работѣ и, значитъ, каморки заперты. Словомъ, врали, какъ могли и вышло, что при всемъ желаніи угодить они не имѣли возможности показать! И Сипягинъ повернулся вспять, увѣренный, что Орѣховскіе рабочіе живутъ прекрасно. Но мы повторяемъ, что онъ не видѣлъ, какъ живутъ рабочіе, хотя и объѣхалъ нѣсколько губерній. Онъ только посмотрѣлъ хорошія казармы да отдѣльныя комнаты, гдѣ живутъ разныя забѣгалки. Большинство рабочихъ живетъ не такъ и не при такихъ условіяхъ.

Было бы не безъинтересно знать министру, какъ на его пріѣздъ посмотрѣли рабочіе. По этому поводу рабочіе выражались не симпатично для министра. И именно большинство толкующихъ рабочихъ говорили увѣренно, что министръ пріѣзжалъ за брюками. И ужъ если такія авторитетныя лица, какъ министръ, не пользуются довѣріемъ мѣстности, то что можно говорить о какомъ-либо фабричномъ инспекторѣ, безчестность и подлость котораго, къ слову сказать, подтвердилась на дняхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Послѣ отъѣзда министра Ив.-Вознесенскіе фабриканты вздумали облагодѣтельствовать своихъ рабочихъ и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, вскорѣ раздали рабочимъ безплатно воззванія, напр., „Доброе слово русскому народу". А такъ какъ мы, рабочіе, знаемъ, что у нашихъ фабрикантовъ всякое доброе слово подкрѣпляется матерщиной, то побаивались, какъ бы и въ воззванія не вычитать матерщины. Страхъ оказался напраснымъ, ибо тутъ говорится все очень хитро и гладко: такъ въ каждой строчкѣ лиса и торчитъ. Всего больше тутъ совѣтовъ, какъ-то: работать для хозяина, не покладая рукъ и не жалѣя живота, почитать власти, молиться за нихъ Богу, подчиняться властямъ, такъ какъ имъ власть дана отъ самого Бога, и все въ томъ же родѣ. Конечно, фабрикантамъ не удастся своими воззваніями прекратить ростъ самосознанія рабочихъ и заставить вѣрить насъ въ написанную чушь.

Вичуга (Костромской губ., около Ив.-Вознесенска). Фабрика Коновалова въ Каменкѣ. У насъ на фабрикѣ, благодаря терпѣнію рабочихъ, происходили и происходятъ разныя притѣсненія и незаконныя прижимки. Администрація фабрики, чувствуя въ послѣднее время недовольство рабочихъ, вздумала парализовать его посредствомъ повышенія заработковъ нѣкоторымъ прихвостнямъ и подлипаламъ рабочимъ, но это въ концѣ концовъ вызвало еще большее недовольство. Произошла забастовка. На первыхъ порахъ администрація вздумала достигнуть прекращенія стачки уравненіемъ заработковъ всѣхъ рабочихъ. Для этого она сократила заработки у прихвостней, которые зарабатывали проц. на 20 больше, но это только увеличило количество примкнувшихъ стачечниковъ. Произошла стачка передъ пріѣздомъ министра Сипягина (въ концѣ мая) и потому, желая поскорѣе покончить со стачкой, Коноваловъ писалъ исправнику, что это его (исправника) дѣло прекратить стачку. Къ этому времени стачечники требовали: 1) прекращенія незаконнаго взиманія процентовъ съ рабочихъ; 2) выдачи обратно всей суммы взимаемыхъ процентовъ; 3) установленія двухъчасового перерыва на обѣдъ. Пріѣхали вице-губернаторъ и исправникъ и отправились прямо къ Коновалову; напившись, пьяные призвали къ дому фабриканта рабочихъ, а также казаковъ. Пьяный вице-губероаторъ еле выползъ говорить съ рабочими и прямо набросился на нихъ съ руганью: „что вамъ, подлецы, надо? Въ нагайки ихъ, подлецовъ!" И нагайки засвистали.

Хлещетъ неистово варварскій кнутъ!
Тамъ и сямъ слышатся стоны мирныхъ и безоружныхъ рабочихъ, а вице-губернаторъ съ исправникомъ и фабрикантомъ хохочутъ, надрывая животы отъ такой возмутительной картины...

Долго-ли рабочіе еще будутъ переносить такія надъ собою поруганія? Пора образумиться и перестать вѣрить, что царь-батюшка есть защитникъ рабочихъ! Нѣтъ, всѣ эти вице-губернаторы, исправники дѣйствуютъ съ его согласія и по его приказанію и всюду, гдѣ ходитъ по головамъ рабочихъ нагайка, они должны давать отпоръ. Когда мы перестанемъ просить, а станемъ требовать, когда перестанемъ подставлять подъ нагайку спину, а встрѣтимъ нагайку ломомъ, дубиной, огнестрѣльнымъ оружіемъ; когда перестанемъ видѣть въ царѣ своего заступника, — только тогда будутъ съ нами поступать не по азіатски, какъ въ Вичугѣ. Пора, товарищи, давно образумиться!

и прославляетъ русское правительство за то, что оно въ основу борьбы съ алкоголизмомъ поставило не повышеніе народной культуры, не освобожденіе личности, не свободу образовательныхъ учрежденій, но жалкое подобіе просвѣтительной дѣятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуровъ и поповъ, — этотъ фиговый листокъ, которымъ правительство прикрываетъ гнусную наготу своей роли кабатчика. Такъ для выслушиванія такихъ-то комплиментовъ шарлатанскимъ предпріятіямъ г. Витте вы приглашаете рабочихъ на свои „бесѣды", г. Озеровъ? Но такое-то „разумное проведеніе досуга" они могутъ себѣ найти и въ чтеніи „Новаго Времени"!

Такъ вотъ въ какой уродливой формѣ осуществляется въ первопрестольной столицѣ „союзъ науки и работниковъ", составляющій содержаніе стремленій передовой части пролетаріата? Вмѣсто разъясненія сложныхъ соціальныхъ вопросовъ — вящее ихъ затемненіе профессорской болтовней, скользящей по поверхности и оставляющей въ сторонѣ самые жгучіе пункты; вмѣсто какого бы то ни было содѣйствія развитію самосознанія рабочихъ — внесеніе ненаучныхъ представленій (примѣръ — о поштучной платѣ, о свободѣ договора, объ отвѣтственности предпринимателей). Словомъ, камень вмѣсто того духовнаго хлѣба, за которымъ рабочій обращается къ людямъ науки!

Скажутъ: иначе нельзя говорить въ условіяхъ легальной дѣятельности. Если такъ, если это вѣрно, то лучше вовсе не говорить. Бываютъ положенія, при которыхъ молчаніе является послѣднимъ гражданскимъ долгомъ.

Мы не можемъ требовать отъ людей оффиціальной науки, чтобы они мыслили, какъ соціалисты, чтобы они проповѣдывали рабочимъ путь революціонной борьбы. Мы знаемъ, что въ оцѣнкѣ положенія рабочаго класса и средствъ къ его улучшенію, гг. Дэны и Вормсы должны расходиться съ нами. Поэтому мы не можемъ претендовать на нихъ за то, что они стремятся загнать рабочее движеніе въ русло взаимопомощи и коопераціи. Но мы можемъ требовать отъ ихъ дальновидности, отъ ихъ политическаго такта, чтобы они не спѣшили приступать къ этому дѣлу при такихъ условіяхъ, когда даже неподозрительные люди должны будутъ задать себѣ вопросъ: а почему эту пропаганду терпятъ московскія власти? и въ какомъ отношеніи эта терпимость стоитъ къ „соціальной политикѣ" тѣхъ нашихъ государственныхъ мужей, которые уже начали признавать, что однимъ грубымъ насиліемъ рабочихъ не отвлечь отъ соціализма.

Гг. московскіе профессора должны будутъ сами пенять на себя, если „рабій языкъ" ихъ бесѣдъ наведетъ рабочихъ на мысли о политической недоброкачественности ихъ „соціально-реформаторскихъ" затѣй.

Что касается соціалдемократіи, то ея дѣло — воспользоваться для своей агитаціи всѣмъ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который уже доставили и еще доставятъ „бесѣды" либеральныхъ профессоровъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо второе.

Каково же было положеніе и настроеніе различныхъ фракцій соціалистической партіи передъ ліонскимъ конгрессомъ? Самая сильная и дисциплинированная фракція — Французская рабочая партія (гедисты) — покинула ряды объединенной партіи, но продолжала поддерживать тѣсныя отношенія съ оставшимися въ ея предѣлахъ бывшими бланкистами и „коммунистическимъ союзомъ". Эти три организаціи, оставшіяся вѣрными традиціямъ революціоннаго соціализма, естественно сблизились, забывъ всѣ старые раздоры, какъ только въ партіи открыто стали проповѣдывать теорію сотрудничества классовъ. Оставаясь въ рядахъ объединенной партіи, бланкисты и коммунистическій союзъ разсчитывали постепенно привлечь на свою сторону всѣ тѣ элементы, которые очутились въ рядахъ приверженцевъ „новой методы" вовсе не потому, что сами были ея послѣдователями, а потому, что имъ казалось, что, будучи въ этихъ рядахъ, они скорѣе достигнутъ полнаго объединенія партіи, или же потому еще, что цѣлый рядъ столкновеній и недоразумѣній, оставленныхъ въ наслѣдіе прошлымъ, заставилъ ихъ выйти изъ старыхъ организацій. Но бланкисты открыто, въ печати, заявили, что если имъ не удастся окончательно изгнать изъ партіи оппортюнизмъ Милльерана и Жореса, они предпочтутъ формальный разрывъ.

Противоположный лагерь состоялъ изъ: 1) поссибилистовъ, 2) аллеманистовъ и 3) независимыхъ.

Поссибилисты и аллеманисты представляютъ собою въ настоящее время жалкіе остатки нѣкогда довольно многочисленной и вліятельной партіи. Товарищи, конечно, помнятъ, что въ 1882 г. произошелъ первый крупный расколъ въ рядахъ французской соціалистической партіи. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на причинахъ этого раскола. Въ общемъ онъ произошелъ на почвѣ тѣхъ споровъ, которые въ извѣстный періодъ можно наблюдать въ исторіи соціалистическихъ партій почти всѣхъ странъ, на почвѣ столкновеній между „практиками" и тѣми, кого они называютъ „сектантами", „мечтателями", между послѣдователями политики „непосредственныхъ результатовъ" и тѣми, кто понималъ, что въ такой странѣ, какъ Франція, гдѣ мелкая буржуазія столь многочисленна, еще болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, необходимо отстаивать самостоятельное существованіе партіи пролетаріата и укрѣпить въ немъ сознаніе его историческої миссіи. Въ концѣ концовъ, произошло то, что можно наблюдать и въ другихъ странахъ: тѣ, что говорили „отъ имени рабочихъ", которые-де не могутъ удовлетвориться „прекрасными теоріями" мечтателей, которыхъ можно привлечь въ ряды соціалистической партіи, лишь показавъ имъ, что она умѣетъ добиваться непосредственнаго улучшенія ихъ положенія, постепенно теряли приверженцевъ именно въ рядахъ рабочихъ, отъ имени которыхъ они выступали, между тѣмъ какъ „сектанты", съ каждымъ годомъ увеличивая свое вліяніе во всѣхъ промышленныхъ центрахъ Франціи, превратились въ самую многочисленную и самую сознательную фракцію французскаго пролетаріата. Ослабленію поссибилистовъ содѣйствовалъ новый расколъ, который, въ концѣ концовъ, долженъ былъ неизбѣжно произойти. Послѣ раскола 1882 г. за поссибилистами послѣдовала почти одна только организація, существовавшая въ Парижѣ и группировавшая, рядомъ съ чисто-рабочими элементами, всевозможныхъ представителей господствующаго во французской столицѣ мелкобуржуазнаго населенія. „Политика непосредственныхъ результатовъ", которая при тогдашнемъ распредѣленіи общественныхъ силъ во Франціи, никакихъ „положительныхъ" результатовъ рабочему классу, въ сущности, давать не могла, выражала не нетерпѣніе, съ которымъ рабочіе якобы ожидали матеріальныхъ „осязательныхъ побѣдъ", а жажду нѣкоторыхъ ихъ вожаковъ поскорѣе добиться вліятельнаго политическаго положенія, ихъ неспособность къ планомѣрной работѣ, разсчитанной на довольно продолжительное время. Больше того, эта политика непосредственныхъ результатовъ, при тогдашнемъ соотношеніи политическихъ силъ (когда рабочіе могли стать силою, способною добиваться даже непосредственныхъ уступокъ отъ буржуазіи, лишь организовавшись въ самостоятельную революціонную партію, что блестяще доказано было послѣдующими событіями), должна была фатально свестись къ политикѣ антирабочей по существу. И дѣйствительно, въ 1890 г. въ лагерѣ поссибилистовъ происходитъ новый расколъ, причемъ всѣ рабочіе элементы выдѣляются во фракцію аллеманистовъ (по имени ихъ вожака — Аллемана), а за Бруссомъ (отсюда ихъ кличка — бруссисты) послѣдовали одни лишь мелкобуржуазные элементы. Послѣдніе съ тѣхъ поръ влачатъ жалкое существованіе, теряя одну группу за другою, которыя разсѣялись по разнымъ организаціямъ или перешли въ ряды независимыхъ. Сейчасъ вся фракція бруссистовъ представляетъ собою небольшой штабъ изъ нѣсколькихъ старыхъ вожаковъ, лишенныхъ какой бы то ни было арміи. — Аллеманисты, отдѣлавшись отъ бруссистовъ, представляли собою нѣсколько лѣтъ довольно солидную организацію, которая, однако, въ виду самаго состава ея членовъ, осуждена была на скорое исчезновеніе. Дѣло въ томъ, что послѣ этого раскола въ ихъ рядахъ очутились почти всѣ парижскіе рабочіе синдикаты, и такъ какъ въ 90-хъ годахъ профессіональное движеніе во Франціи дѣлаетъ довольно значительные успѣхи, то фракція аллеманистовъ въ теченіе нѣкотораго времени не переставала разростаться. Этой-то по преимуществу профессіональной организаціи Аллеманъ и его товарищи стремились придать характеръ политической партіи, но почва для такого превращенія оказалась, конечно, какъ нельзя менѣе благопріятной. Не останавливаясь на многихъ разныхъ противорѣчіяхъ, которыя можно было наблюдать въ программахъ и дѣятельности этой партіи, отмѣтимъ лишь, что какъ средство противъ всѣхъ золъ она, въ концѣ концовъ, выставила „всеобщую стачку". Но со второй половины 90-хъ годовъ во Франціи, вслѣдъ за Германіею, начинается процессъ сплоченія синдикатовъ и ихъ выдѣленія въ общую самостоятельную профессіональную организацію (Confédération générale du travail). Этимъ нанесенъ былъ смертельный ударъ фракціи аллеманистовъ. Синдикаты покинули ихъ ряды, мелкіе расколы довершили остальное; нѣкоторыя группы перешли къ бланкистамъ, другія выдѣлились въ самостоятельную организацію — упомянутый выше „коммунистическій союзъ", такъ что сейчасъ аллеманисты обладаютъ кое-какими силами въ одномъ лишь 11-мъ избирательномъ округѣ Парижа.

Такимъ образомъ, главную, если не единственную, силу мильерандистовъ и жоресистовъ составляютъ такъ-наз. „независимые". Что-же представляютъ собою эти послѣдніе? Когда въ началѣ 90-хъ годовъ начался процессъ сплоченія соціалистическихъ организацій, независимыми стали называть всѣхъ, кто не принадлежалъ ни къ одной изъ старыхъ соціалистическихъ организацій. Независимыхъ ничто не объединяло тогда; у нихъ не было никакой опредѣленной физіономіи. Правда, лишь въ рядахъ независимыхъ можно было встрѣтить такихъ „соціалистовъ", которые, какъ мы видѣли въ предыдущемъ письмѣ, не признавали ни принципа классовой борьбы, ни коллективизма, ни интернаціонализма; правда также, что именно къ „независимымъ соціалистамъ" уходили всѣ тѣ крайніе радикалы, которые объявляли себя „соціалистами" потому только, что имъ не нравилась соннивая, бездѣятельная радикальная партія; но рядомъ съ этими буржуазно-демократическими элементами въ рядахъ независимыхъ числились и искренніе, сознательные соціалисты-революціонеры, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, покинули старыя организаціи, либо не присоединялись къ нимъ, полагая, что такимъ образомъ содѣйствуютъ скорѣйшему объединенію соціалистическихъ силъ въ одну партію. Можно даже сказать, что до поры до времени именно эти послѣдніе задавали тонъ среди независимыхъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь Мильерана въ Saint-Mandé, очистившая, какъ мы видѣли, парламентскую фракцію отъ буржуазно-радикальныхъ элементовъ, удалила ихъ отчасти и изъ рядовъ независимыхъ, гдѣ вообще прислушивались къ голосу вожаковъ старыхъ организацій. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ усиливались объединительныя тенденціи, въ рядахъ независимыхъ росло недовольство по отношенію къ старымъ организаціямъ, которыя, дорожа результатами, достигнутыми цѣною столькихъ усилій, очень осторожно шли къ объединенію. Рѣзкую границу между независимыми и старыми организаціями впервые провело дѣло Дрейфуса. Между тѣмъ какъ старыя организаціи послѣ нѣкоторыхъ колебаній, выступили приверженцами политики нейтралитета, нѣкоторые вожаки независимыхъ, съ Жоресомъ во главѣ, требовали энергичнаго вмѣшательства партіи. Между старыми организаціями и независимыми установились прямо враждебныя отношенія, и послѣдніе находили себѣ опору не только въ симпатіяхъ, которыя публично выражали имъ соціалисты всего міра, но и въ тѣхъ новыхъ силахъ, которыя со всѣхъ сторонъ къ нимъ стали стекаться. „Соціализмъ" снова вошелъ въ моду, но тогда какъ въ 1896 г., по требованію старыхъ организацій, программою Saint-Mandé проведена была рѣзкая граница на правомъ флангѣ соціалистической партіи, теперь независимые, предоставленные самимъ себѣ, быстро шли по наклонной плоскости и скоро договорились... до сотрудничества классовъ. Мильеранъ сталъ министромъ, но и будучи министромъ не переставалъ заявлять, что остается вѣренъ программѣ Saint-Mandé. Оказалось, что „борьба классовъ", „коллективизмъ" и „интернаціонализмъ" вовсе не такъ страшны, что подъ ихъ знаменемъ мирно уживается самый обыкновенный оппортунизмъ, — и къ независимымъ снова хлынули всѣ тѣ, которые съ такимъ „патріотизмомъ" покинули ихъ въ 1896 г., послѣ рѣчи въ Saint-Mandé. Но вступленіе Мильерана въ министерство послужило, какъ извѣстно, причиною созыва одноднeвнаго конгресса 1899 г., который и вотировалъ объединеніе, причемъ на нѣкоторое время старыя организаціи сохраняли автономію, а независимые обязаны были объединиться въ особую организацію. Это объединеніе независимыхъ вскорѣ и произошло, причемъ въ каждомъ департаментѣ образовались „автономныя федераціи", объединявшіяся лишь „генеральнымъ комитетомъ" партіи, въ которомъ засѣдали представители, избранные старыми организаціями и автономными федераціями.

Вопросъ объ оппортунизмѣ Мильерана и Жореса затемнялся и какъ бы отодвигался на задній планъ вопросомъ объ объединеніи. Ненормальность положенія, при которомъ Мильеранъ, посовѣтовавшись лишь съ нѣсколькими своими послѣдователями, могъ такъ связать всю партію, бросилась всѣмъ въ глаза, и необходимость объединенія стала очевидной для всѣхъ. Со всѣхъ сторонъ стали требовать, чтобы его немедленно осуществили, но старыя организаціи требовали теперь еще большей осторожности, требовали гарантій противъ поднявшаго голову оппортунизма. Мильерандисты и жоресисты ловко пользовались этимъ положеніемъ, выступая страстными защитниками идеи полнаго объединенія и выставляя старыя организаціи ея единственными противниками. Независимые, поэтому, сплотились вокругъ жоресистовъ на почвѣ объединительнаго движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нужно признать, что вступленіе Мильерана въ министерство вызвало вначалѣ сочувствіе какъ среди профессіональныхъ рабочихъ организацій, такъ и среди огромнѣйшаго большинства независимыхъ. И въ самомъ дѣлѣ: республика „была въ опасности", а либеральная буржуазія нуждалась въ поддержкѣ рабочаго класса. Рабочіе синдикаты на время перестали преслѣдоваться правительствомъ.

имъ легче стало дышаться, фабричная инспекція стала требовать соблюденія законовъ, впереди заманчиво сіялъ длинный рядъ „великихъ соціальныхъ реформъ“, которымъ загодя пѣли гимны въ ежедневной соціалистической прессѣ, которая вся была въ рукахъ мильерандистовъ. Независимые и рабочіе изъ профессіональныхъ организацій заняли выжидательное положеніе, съ нескрываемымъ сочувствіемъ слѣдя за первыми шагами „министра-соціалиста“. Извѣстно, какъ министръ отвѣтилъ на ожиданія раб. массы. Ткачи въ Калэ, портовые рабочіе въ Марсели, углекопы въ Монсо-лэ-Минъ и др. увидѣли на практикѣ всѣ прелести „новаго метода“, а профессіональный рабочій міръ съ негодованіемъ отвергаетъ „великія реформы“ апостола „соціальнаго мира“.

Въ настоящее время огромное большинство рабочихъ враждебно мильерандизму и жоресизму, а остальная часть относится къ нему индифферентно; и среди независимыхъ приверженцами теоріи сотрудничества классовъ являются только не-соціалисты, — тѣ, что хлынули въ партію, когда увидѣли, что между соціализмомъ новой формаціи и буржуазнымъ демократизмомъ нѣтъ никакой разницы; всѣ остальные враждебны этой теоріи; ихъ и жоресистовъ объединяетъ лишь то, что Жоресъ очень ловко пользуется ихъ желаніемъ во что бы то ни стало добиться объединенія партіи.

Таково было настроеніе различныхъ организацій передъ ліонскимъ конгресомъ. Это былъ, какъ извѣстно, экстраординарный съѣздъ, созванный по рѣшенію парижскаго съѣзда 1900 г., со спеціальною цѣлью — окончательно осуществить полное объединеніе партіи. Передъ самымъ открытіемъ съѣзда Вальянъ въ рядѣ статей въ „Petit Sou“ предупреждалъ Жореса и его товарищей, что объединеніе можетъ осуществиться лишь при томъ условіи, чтобы партія въ цѣломъ безповоротно осудила теорію сотрудничества классовъ, заняла по отношенію къ министерству Вальдека-Руссо вполнѣ независимое положеніе, руководясь въ своей политикѣ исключительно интересами пролетаріата, которые враждебны интересамъ всѣхъ фракцій буржуазіи, и чтобы принятому въ этомъ смыслѣ рѣшенію безпрекословно подчинялись всѣ члены партіи. Если же жоресисты не желаютъ принять этихъ условій, то лучше прекратить разговоры объ объединеніи и вернуться къ прежней системѣ федеративнаго соглашенія, съ сохраненіемъ полной автономіи существующихъ организацій, потому что желаніе во что бы то ни стало провести полное объединеніе можетъ привести, при существующихъ рѣзкихъ разногласіяхъ, лишь къ формальному разрыву. Если бы условія Вальяна были приняты, соціалистическая партія вышла бы изъ того тупого переулка, въ который привела ее политика мильерандистовъ и жоресистовъ. Жоресъ предпочелъ продолжать пользоваться тѣмъ рядомъ недомолвокъ и недоразумѣній, на почвѣ которыхъ онъ группировалъ вокругъ себя независимыхъ. Ліонскій съѣздъ — говорилъ онъ — созванъ со спеціальной цѣлью осуществить объединеніе; онъ не имѣетъ права заниматься другими вопросами; что же до участія соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ, то вопросъ этотъ уже рѣшенъ партіею принципіально въ отрицательномъ смыслѣ, и онъ, Жоресъ, какъ и его товарищи подчиняются этому рѣшенію партіи, т. е. они будутъ считать измѣнникомъ всякаго, кто впредь, безъ разрѣшенія партіи, войдетъ въ буржуазное министерство; но т. к. Мильеранъ совершилъ свой актъ подъ своею личною отвѣтственностью, еще до того, какъ состоялось принципіальное рѣшеніе партіи, то послѣднее на него не распространяется. Жоресъ, такимъ образомъ, сознательно шелъ на разрывъ, въ то же время не переставая, на словахъ, защищать объединеніе, чтобы не лишиться поддержки независимыхъ.

Но, не смотря на все краснорѣчіе Жореса, многія организаціи среди независимыхъ понимали, что, если не устранить главнаго препятствія къ объединенію — вопроса о Мильеранѣ, то съѣздъ неминуемо завершится расколомъ. Поэтому онѣ рѣшили во что бы то ни стало поднять этотъ вопросъ на съѣздѣ и рѣшительно покончить съ нимъ. И дѣйствительно, въ первый же день съѣзда было внесено слѣдующее предложеніе:

> „Принимая во вниманіе, что существенная задача съѣзда — устранить препятствія къ объединенію соціалистическихъ силъ во Франціи; принимая во вниманіе, что присутствіе въ министерствѣ депутата нѣкогда принадлежавшаго къ парламентской соціалистической группѣ, благопріятствуетъ внутреннимъ раздѣленіямъ въ партіи; принимая во вниманіе, что этотъ вопросъ объ участіи въ буржуазномъ правительствѣ окончательно рѣшенъ по отношенію къ прошлому и будущему, но не по отношенію къ настоящему, —
>
> съѣздъ заявляетъ разъ навсегда, что Мильеранъ, самъ поставившій себя внѣ предѣловъ партіи, войдя въ министерство подъ своею личною отвѣтственностью и иниціативою, не могъ связать соціалистическую партію, которой онъ не представляетъ; и, сверхъ того, заявляетъ, что поведеніе партіи по отношенію къ настоящему министерству должно быть то-же, что и по отношенію ко всякому другому буржуазному министерству“.

Эта резолюція, подписанная представителями девяти автономныхъ федерацій, представителями синдикатовъ и многими отдѣльными лицами (что составляетъ добрую треть всѣхъ силъ, принадлежащихъ къ независимымъ), была составлена въ столь категорическихъ и не допускающихъ превратныхъ толкованій выраженіяхъ, такъ ясно рѣшала вопросъ, бывшій въ данный моментъ единственнымъ препятствіемъ къ объединенію, что соц.-революціонная партія (бывшіе бланкисты), коммунистическій союзъ и нѣкоторыя автономныя организаціи, раздѣляющія ихъ политику, поспѣшили къ ней присоединиться. „Страстное желаніе“ Жореса и его товарищей — объединеніе партіи — могло, наконецъ, осуществиться. Но имъ нужно было только продолжать играть ту двойственную игру, которая расколола начавшуюся было объединиться партію, ибо въ объединенной партіи они составили бы ничтожное меньшинство, которое не пользовалось бы никакимъ вліяніемъ... И вотъ, послѣ долгихъ переговоровъ въ коммиссіи, жоресисты предложили небольшую поправку: сохранивъ весь текстъ приведенной выше резолюціи, они замѣнили лишь слова „самъ поставившій себя внѣ предѣловъ партіи“ словами: „поставившій себя внѣ контроля партіи“. Т. е. вмѣсто яснаго и рѣшительнаго заявленія, что соціалистъ, ставшій министромъ, ничего общаго съ партіей пролетаріата не имѣетъ, жоресисты предложили заявить, что такой „соціалистъ“ можетъ продолжать министерствовать за свой личный страхъ, не считаясь тѣмъ самымъ вышедшимъ изъ партіи. Выходило, что создается новый разрядъ соціалистовъ „въ отпуску“, которые за своею отвѣтственностью могутъ дѣлать все, что угодно, вплоть до измѣны партіи. Понятно, что „сектанты“ Вальянъ и его товарищи оказались достаточно „узкими“, чтобы не принять этой „широкой“ точки зрѣнія...

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мы получили отъ Центральнаго Комитета Всеобщаго Еврейскаго союза слѣдующее письмо:

Многоуважаемые товарищи! Не откажитесь помѣстить въ вашемъ органѣ нижеслѣдующее разъясненіе.

Въ ном. 7 „Искры“ появилась замѣтка о 4-мъ съѣздѣ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи („Бунда“). Тамъ авторъ, „откладывая до другого мѣста обстоятельный разборъ позиціи, занятой Бундомъ по національному вопросу“, ограничивается пока нѣсколькими замѣчаніями о резолюціяхъ, принятыхъ съѣздомъ по національному вопросу и по вопросу объ отношеніяхъ къ Рос. С.-Д. Р. П. Такъ какъ въ означенной замѣткѣ заключается не мало крупныхъ недоразумѣній и неточностей, то, во избѣжаніе повторенія ихъ въ предстоящемъ „обстоятельномъ разборѣ“, мы считаемъ необходимымъ немедленно ихъ разъяснить. Къ сожалѣнію, ограниченность мѣста заставляетъ насъ быть весьма краткими.

Прежде всего о „національной автономіи“. 4-й съѣздъ Бунда, какъ извѣстно, призналъ, что „государство, подобное Россіи, состоящее изъ множества разнородныхъ національностей, должно въ будущемъ преобразоваться въ федерацію національностей съ полной автономіей каждой изъ нихъ, независимо отъ территоріи ими обитаемой“. Что такое эта полная національная автономія, въ „Отчетѣ съѣзда“ выяснено съ достаточной опредѣленностью. На стр. 11 можно прочесть: „...съ полной автономіей каждой изъ нихъ (національностей) по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ національности (языкъ, образованіе, искусство и т. д.)“.

Итакъ, вся остальная громадная масса вопросовъ, въ которыхъ данная группа населенія заинтересована не какъ національность, а какъ граждане государства, какъ жители провинціи или обитатели города и т. п. — подлежитъ вѣдѣнію всѣхъ обитателей территоріальной единицы безъ различія національностей. Считаемъ нужнымъ это разъяснить потому, что изъ разбираемой замѣтки можно было вынести такое впечатлѣніе, что авторъ предполагаетъ, будто съѣздъ подъ національной автономіей разумѣлъ полное самоуправленіе по всѣмъ вопросамъ. Иначе, чѣмъ объяснить его догадки о будущихъ самоуправляющихся мѣстечкахъ, „еврейскихъ кварталахъ“, его толки о большинствѣ и меньшинствѣ? Разъ національный вопросъ былъ возбужденъ, то съѣздъ, какъ высшая инстанція соціал-демократической организаціи, иначе не могъ его рѣшить. Разъ специфическія права національностей попираются въ нынѣшнихъ государствахъ, Бундъ долженъ былъ высказаться противъ такого гнета, а, слѣдовательно, онъ долженъ былъ остановиться на такой формѣ сосуществованія національностей, при которой, по его мнѣнію, ихъ права могутъ наиболѣе вѣрнымъ образомъ обезпечиваться. Слѣдовательно, спорнымъ могъ остаться лишь вопросъ о примѣнимости всего этого къ евреямъ. Но можетъ-ли національность, сознающая себя таковой, не признавать себя ею открыто, а признавая, отказываться отъ того, что она считаетъ правомъ всякой другой національности?

Что касается вопроса, „въ какихъ формахъ можно будетъ осуществить эту автономію для милліоновъ населенія, не занимающихъ сплошной территоріи, но разсѣянныхъ между сплошнымъ населеніемъ...“, то это теперь въ сущности праздный вопросъ. Его также преждевременно теперь разбирать, какъ и вопросъ о формахъ, въ которыхъ осуществится соціализмъ. Во всякомъ случаѣ, та точка зрѣнія, изъ которой исходилъ съѣздъ, меньше всего подаетъ поводъ связывать съ понятіемъ „національная автономія“ чисто территоріальныя обозначенія. Однако, обосновывая такимъ образомъ теоретически свой взглядъ на національную проблему, практически 4-й съѣздъ, отвергнувъ выставленіе національныхъ требованій, сохранилъ ту же позицію, что и третій съѣздъ, и авторъ замѣтки не правъ, когда, противопоставляя одинъ другому, онъ хочетъ тѣмъ сдѣлать болѣе ѣдкимъ укоръ послѣднему съѣзду. Эта часть резолюціи гласитъ, какъ извѣстно, слѣдующее: „считая однако преждевременнымъ выставленіе при нынѣшнихъ условіяхъ требованіе національной автономіи для евреевъ, съѣздъ находитъ въ настоящее время достаточнымъ бороться за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ, отмѣчать и протестовать противъ проявленія угнетенія еврейской національности, избѣгая раздуванія національнаго чувства, могущаго лишь затуманить классовое сознаніе пролетаріата и ведущаго къ шовинизму“ (стр. 15 отчета).

Предоставляемъ безпристрастному читателю судить, насколько основательны возводимыя авторомъ на Бундъ обвиненія въ „націоналистическихъ увлеченіяхъ“ и въ „стремленіи совершенно искусственно втиснуть еврейское раб. движеніе въ русло національизма“.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу, объ отношеніяхъ Бунда къ Рос. С.-Д. Р. П. Авторъ, къ сожалѣнію, при цитированіи резолюціи, не привелъ заключительныхъ словъ ея, имѣющихъ весьма существенное значеніе и дѣлающихъ совершенно излишними его дальнѣйшія разсужденія. Резолюція гласитъ: „Представляя себѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партію, какъ федеративное соединеніе соціал-демократическихъ партій всѣхъ націй, населяющихъ россійское государство, съѣздъ постановилъ, чтобы Бундъ, какъ представитель еврейскаго пролетаріата, вступилъ въ нее, какъ федеративная часть, **и поручаетъ Центральному Комитету Бунда провести это рѣшеніе въ жизнь**“ (стр. 17 отчета).

Эти послѣднія подчеркнутыя нами слова авторъ почему-то счелъ нужнымъ опустить и замѣнить совершенно неумѣстнымъ здѣсь „и т. д.“ Сдѣлалъ-ли онъ это изъ экономіи, чтобы выгадать одну строчку? Сомнительно, такъ какъ онъ не пожалѣлъ мѣста, чтобы процитировать цѣликомъ изъ отчета изложеніе дебатовъ при изложеніи даннаго вопроса. А между тѣмъ эти пропущенныя слова даютъ ясный для всякаго отвѣтъ на бросаемое авторомъ съѣзду обвиненіе въ незаконности принятаго рѣшенія. На съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ объ измѣненіи характера отношеній Бунда къ Партіи. Съѣздъ обсудилъ и рѣшилъ, что лучше и удобнѣе Бунду входить въ нее федеративной частью, а не автономной, и онъ поручилъ Ц. К. провести это рѣшеніе въ жизнь, ~~т. е. внести такое предложеніе на ближайшемъ съѣздѣ~~ Партіи. „Незаконнымъ“ можно было бы назвать образъ дѣйствія съѣзда, если бы онъ безо всякихъ околичностей уже призналъ Бундъ федеративной частью. Но онъ именно этого и не сдѣлалъ. Не можемъ тутъ же не отмѣтить, что въ „законности“ своихъ дѣйствій Бундъ долженъ отдавать отчетъ только Центральному Комитету Партіи или ея съѣздамъ, а никоимъ образомъ отдѣльнымъ входящимъ въ ея составъ организаціямъ, а тѣмъ менѣе группамъ, о принадлежности которыхъ къ партіи другихъ данныхъ, кромѣ заголовка на ихъ изданіяхъ, покамѣстъ не существуетъ.

Автора смутили начальныя слова резолюціи: „Представляя себѣ Рос. С.-Д. Р. П., какъ федеративное соединеніе...“. Но изъ всего сказаннаго въ отчетѣ, а въ особенности изъ вышеупомянутыхъ заключительныхъ словъ резолюціи (опущенныхъ авторомъ въ своей замѣткѣ) какъ нельзя лучше явствуетъ, что съѣздъ представлялъ себѣ партію федеративнымъ соединеніемъ въ будущемъ. То, что надо еще провести въ жизнь, очевидно, существуетъ пока лишь in potentia, въ возможности. Ясно далѣе, что совершенно ошибочны увѣренія автора, будто Бундъ фактически выступилъ изъ Партіи, потому де, что для вступленія въ нее на федеративныхъ началахъ надо раньше изъ нея выступить. Актъ „выступленія“ и „вступленія“ можетъ совершиться въ тотъ и только въ тотъ моментъ, когда съѣздъ Партіи приметъ федеративный принципъ и пожелаетъ соотвѣтственно ему преобразовать партію*). Духовная связь Бунда съ Партіей въ программномъ отношеніи и реальная связь его съ ея комитетами (которая вызывается жизнью и крайне плодотворна съ точки зрѣнія революціоннаго движенія, но, увы, быть можетъ, „незаконная“) остались и останутся такъ же крѣпкими и нерушимыми, какъ до 4-го съѣзда и заключительный выводъ автора, будто бы „первый же шагъ (?) на пути открытаго выставленія принципа еврейскаго національизма (?) ознаменовался ослабленіемъ организаціонной связи между еврейскимъ и общерусскимъ рабочимъ движеніемъ“ такъ же невѣрно, какъ и всѣ предыдущіе.

Что касается другихъ замѣчаній автора, какъ напр., историческая справка его о первоначальныхъ задачахъ Бунда, апелляція къ еврейскимъ товарищамъ юга и др., то мы принуждены оставить ихъ пока безъ отвѣта, т. к. письмо наше слишкомъ растянулось.

Просимъ другіе органы, перепечатавшіе замѣтку „Искры“, напечатать также и наше разъясненіе.

29 августа (11 сентября) 1901 г.

Центральный Комитетъ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго
Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Центральный Комитетъ хочетъ насъ увѣрить, что подъ „полной автономіей“, которою, согласно резолюціи съѣзда, должны пользоваться евреи въ будущей Россіи, имѣющей преобразоваться въ „федерацію національностей“, — что подъ этой „полной автономіей“ подразумѣвается только „автономія въ вопросѣ объ языкѣ, образованія, искусствѣ и т. д.“. Одно изъ двухъ: или Ц. К. хочетъ сказать, что подъ „полной автономіей“ съѣздъ разумѣлъ только право печатать газеты, говорить на собраніяхъ и давать театральныя представленія на еврейскомъ жаргонѣ, устраивать еврейскія школы и т. д. Но въ такомъ случаѣ Бундъ сначала долженъ провозгласить свою „автономію“ въ дѣлѣ произвольнаго употребленія словъ, имѣющихъ совершенно опредѣленное значеніе на всѣхъ языкахъ, ибо отъ свободы языка до „полной автономіи“ еще очень далеко; и тогда не зачѣмъ было говорить о „федераціи національностей“, такъ какъ упомянутая свобода языка и культуры не ставитъ еще національность въ федеративныя отношенія къ другимъ національностямъ. Или же рѣчь шла о признаніи еврейскаго языка „государственнымъ“ для извѣстной области, объ устройствѣ казенныхъ еврейскихъ университетовъ и т. п. правахъ, и въ такомъ случаѣ имѣется въ виду дѣйствительная автономія, имѣется въ виду нѣчто подобное „еврейскому царству съ собственной полиціей, жандармеріей, съ собственнымъ чиновничествомъ и съ собственнымъ правительствомъ“, какъ иронически выражался Бундъ три года тому назадъ, говоря о ціонистахъ, къ которымъ онъ теперь такъ приблизился (см. „Работникъ“, ном. 5-6, стр. 102). А въ такомъ случаѣ остается умѣстнымъ поставленный нами вопросъ: въ предѣлахъ какой территоріи оснуется это автономное „царство“? Превращеніе Россіи въ федерацію національностей означаетъ выдѣленіе каждой національности въ особое — въ извѣстныхъ предѣлахъ самоуправляющееся — цѣлое, которое по самой сути федеративнаго строя не можетъ не быть пріурочено къ извѣстной территоріи.

Мы очень рады, что теперь Ц. К. Бунда не мечтаетъ о такой автономіи. Но такъ какъ резолюціи съѣзда говорятъ совершенно противоположное тому, что утверждаетъ Ц. К., то мы попросимъ его сначала столковаться со своей организаціей о томъ, чего она собственно хочетъ.

Ц. К. насъ обвиняетъ въ умышленномъ пропускѣ заключительныхъ словъ изъ резолюціи съѣзда, говорящей объ отношеніи Бунда къ Партіи. Пропускъ этотъ представляется ему столь искажающимъ смыслъ резолюціи, что онъ не можетъ воздержаться отъ намека: не даромъ, дескать, это сдѣлано. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ опущенныя слова еще усиливаютъ самовластный характеръ рѣшенія съѣзда, то вся эта попытка набросить тѣнь на нашу добросовѣстность является покушеніемъ съ негодными средствами. Никто, кромѣ Ц. К., не скажетъ, что слова: „провести въ жизнь“ извѣстное рѣшеніе означаетъ: передать на разсмотрѣніе партіи наше предложеніе. Если мы были правы, говоря, что вопросъ о своемъ положеніи въ Партіи Бундъ не компетентенъ рѣшить своею властью, съ чѣмъ, видимо, соглашается Ц. К., то изъ этого слѣдуетъ, что Бундъ не можетъ никого уполномочить „провести въ жизнь“ рѣшеніе, не имѣющее законной силы. Одно дѣло предложеніе, другое дѣло — рѣшеніе. Предложенія вносятъ на обсужденіе, а рѣшенія проводятъ въ жизнь, имѣя на то право. Это толкованіе не сходится съ толкованіемъ Ц. К., но за то оно сходится съ законами логики, по отношенію къ которой „автономіи“ никому изъ насъ не предоставлено.

Съ большимъ остроуміемъ Ц. К. увѣряетъ, что слова „представляя себѣ Россійскую С.-Д. Раб. Партію“ и т. д. относятся къ будущему времени. Увы! и тутъ ея величество грамматика не позволяетъ дѣлать такихъ толкованій. Если мы, напр., скажемъ: „представляя себѣ руководителей Бунда людьми, плохо разбирающимися въ національномъ вопросѣ“, то всякій пойметъ это, какъ характеристику настоящаго, а не будущаго, и будетъ правъ. Опять-таки, очень утѣшительный фактъ, что Ц. К. хотя бы заднимъ числомъ старается „смягчить“ смыслъ чересчуръ ужъ „энергичной“ резолюціи. Это показываетъ, что онъ испугался послѣдствій того шага, который сдѣланъ съѣздомъ. Это лучшее свидѣтельство того, что мы поступили правильно, обративъ вниманіе читателя на эту резолюцію. Остается только вопросомъ, принимаетъ-ли Бундъ, какъ цѣлое, толкованіе своего Ц. К.

Послѣдній, впрочемъ, однимъ примѣчаніемъ сводитъ на нѣтъ свое толкованіе, подтверждая тѣмъ самымъ, что съѣздъ все-таки своей властью измѣнилъ взаимныя отношенія Бунда и Партіи. Онъ разсказываетъ, что до съѣзда Партіи федеративное начало будетъ осуществляться „частично“ — въ отношеніи органовъ Бунда къ заграничнымъ с.-д. организаціямъ. Однако, до тѣхъ поръ, пока новыя организаціонныя отношенія не признаны Партіей въ цѣломъ, не можетъ быть и рѣчи объ ихъ частичномъ проведеніи въ жизнь: ни одна русская с.-д. организація не можетъ безъ вѣдома всей партіи узаконить тѣ рѣшенія, которыя самъ Ц. К. въ своемъ письмѣ признаетъ имѣющими значеніе только предложеній, разсмотрѣть которыя долженъ съѣздъ Партіи. И всякая попытка Бунда воспользоваться временной организаціонной неурядицей въ Партіи, чтобы измѣнить „частично“ свое въ ней положеніе, всѣми, кому дороги интересы россійскаго движенія въ цѣломъ, будетъ встрѣчена съ тѣмъ большимъ осужденіемъ, чѣмъ болѣе невинный характеръ стараются ей придать.

Почтивъ нашу замѣтку пространнымъ письмомъ, Ц. К. „не можетъ не отмѣтить“, что „отчета“ въ законности своихъ дѣйствій Бундъ не долженъ отдавать никому, кромѣ Центр. Комитета Партіи. Но не только „отчета“, но и отвѣта на нашу замѣтку, писанную собственно для нашихъ читателей, никто отъ Ц. К. не спрашивалъ. Резолюціи Бунда, какъ и всѣхъ вообще организацій, подлежатъ свободному суду печати, и требуется изрядная политическая невоспитанность, чтобы, отвѣчая на поднятую полемику письмомъ въ нашемъ же органѣ, съ дѣтскимъ задоромъ заговорить о своемъ правѣ не давать „отчета“. Да вѣдь васъ никто за языкъ не тянулъ!

Что касается кивка въ сторону нѣкихъ организацій, которыя не представили достаточно данныхъ о своей принадлежности къ партіи, то тутъ какъ будто говорится о чемъ то самозванствѣ („а паспортъ есть?“). Но по вопросу о „паспортѣ“ можно будетъ поговорить тогда, когда Ц. К. поставитъ точки на *i* и заявитъ, кого онъ имѣлъ въ виду. Мы поставили себѣ за правило пріучать людей совершать свои нападенія мужественно и открыто.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Товарищамъ, сообщившимъ для напечатанія свѣдѣнія о рабочихъ, выдававшихъ по харьковскому дѣлу. Къ сожалѣнію, въ такомъ видѣ ваше заявленіе не можетъ быть напечатано. Приводя фамиліи всѣхъ выдававшихъ рабочихъ, вы не упоминаете фамиліи того „интеллигента“, который, какъ вы же сообщаете, велъ себя такъ же позорно. Только при условіи оглашенія фамилій всѣхъ виновныхъ, не взирая на званіе, мы помѣстимъ заявленіе.

Нашимъ сѣверо-западнымъ представителемъ съ 3-го іюля по 1-е сентября собрано 108 р. 10 к. (отъ NN 50 р., отъ литовца 5 р., К. К. 1 р.; группа содѣйствія 28 р. 30 к., за литературу 23 р. 80 к.; московскимъ представителемъ собрано за іюнь 21 р. 64 к. (за литературу 10 р. 14 к., отъ Ш. за литературу 10 р. 50 к., за 1 экз. ном. 3 1 р.), за іюль 30 р. (за лит. 17 р., отъ Возн. 10 р., отъ Н. Н. за лит. 2 р., въ фондъ для работающихъ въ Россіи 1 р.); южнымъ отдѣломъ организаціи И. въ маѣ получено отъ тетушки 10 р., отъ инженера 15 р. — Отъ Большова 75 руб.

Черезъ Л. Ш. получено за послѣднее время отъ X 100 р., отъ Y 100 р., за литературу 64 р.

Отъ американскихъ товарищей для передачи въ стачечный фондъ 13 долларовъ (переслано въ Ив.-Вознесенскій районъ).

17852. Просимъ не писать на прежній адресъ. Постарайтесь достать другой, или дайте намъ адресъ, чтобы мы могли написать вамъ.

Вышло 2-ое изданіе бр. „Женщина-работница“ (тип. „Искры“).

Типографія „Искры“.

---

*) Однако, четвертый съѣздъ, для котораго отсутствіе центральнаго связующаго учрежденія въ Партіи не составляло тайны, и у котораго въ скоромъ осуществленіи столь желаннаго и необходимаго второго съѣзда Партіи не было увѣренности, уполномочилъ Ц. К. Бунда, если окажется возможнымъ и полезнымъ, провести федеративный принципъ въ жизнь частично (напр., въ отношеніяхъ между Заграничнымъ Комитетомъ Бунда и заграничными русскими соц.-демократическими организаціями).

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 9 ОКТЯБРЬ 1901 ГОДА № 9

БОРЬБА СЪ ГОЛОДАЮЩИМИ.

Какую удивительную заботливость о голодающихъ проявляетъ наше правительство! Какой длиннѣйшій циркуляръ (отъ 17-го августа) выпустилъ министръ внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ пострадавшихъ губерній! Это цѣлое литературное произведеніе объемомъ больше обыкновеннаго печатнаго листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства въ продовольственномъ дѣлѣ. Опубликованіемъ этого произведенія разсчитывали, очевидно, произвести впечатлѣніе на „общество“: вотъ, дескать, какъ мы попечительны, какъ мы торопимся съ мѣрами помощи, какъ мы заранѣе предусматриваемъ и организацію продовольственныхъ учрежденій и всѣ виды и стороны ихъ дѣятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе и не только своей величиной, но также (если имѣть терпѣніе дочитать до конца) и своимъ содержаніемъ. Откровенное изложеніе правительственной программы даетъ всегда въ руки лучшее орудіе для агитаціи противъ царскаго правительства и, принося свою почтительнѣйшую благодарность г. Сипягину, мы осмѣливаемся рекомендовать и остальнымъ гг. министрамъ почаще говорить о своей программѣ въ циркулярахъ, публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе.

Мы сказали: если имѣть терпѣніе дочитать циркуляръ г. Сипягина до конца. Терпѣнія на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятыхъ — циркуляръ наполненъ обычнымъ казеннымъ пустословіемъ. Разжевываніе вещей давнымъ давно извѣстныхъ и сотни разъ повторенныхъ даже въ „Сводѣ законовъ“, хожденіе кругомъ да около, расписываніе подробностей китайскаго церемоніала сношеній между мандаринами великолѣпный канцелярскій стиль съ періодами въ 36 строкъ и съ „реченіями“, отъ которыхъ больно становится за родную русскую рѣчь — когда вчитываешься въ эту прелесть, чувствуешь себя точно въ русскомъ полицейскомъ участкѣ, въ которомъ отъ стѣнъ отдаетъ затхлостью, отовсюду несетъ какой-то специфической вонью, чиновники, уже по одному своему виду и обращенію — олицетвореніе самой невыносимой волокиты, а виднѣющіяся въ окно надворныя постройки живо напоминаютъ о застѣнкѣ.

Три главныхъ пункта особенно обращаютъ на себя вниманіе въ новой правительственной программѣ: во-первыхъ, усиленіе единоличной власти чиновниковъ, попеченіе о томъ, чтобы духъ казенщины и служебной дисциплины былъ укрѣпленъ и охраненъ отъ всякаго дуновенія свѣжаго воздуха; во-вторыхъ, опредѣленіе нормъ пособія голодающимъ, т. е. указаніе, поскольку и какъ надо разсчитывать количество хлѣба на „нуждающуюся“ семью; въ-третьихъ, выраженіе отчаяннаго ужаса по поводу того, что помогать голодающимъ бросаются „неблагонадежные“ люди, способные возбуждать народъ противъ правительства, и принятіе заранѣе мѣръ противъ этой „агитаціи“. Остановимся поподробнѣе на каждомъ изъ этихъ пунктовъ.

Прошелъ всего годъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство отняло у земствъ завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ и передало его въ руки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ (законъ 12 іюня 1900 года). И вотъ, раньше еще, чѣмъ этотъ законъ успѣлъ войти въ дѣйствіе, — его уже отмѣняютъ простымъ циркуляромъ. Достаточно было нѣсколькихъ сообщеній губернаторовъ, чтобы разувѣриться въ пригодности закона! Это какъ нельзя лучше показываетъ, какое значеніе имѣютъ тѣ законы, которые пекутся какъ блины въ петербургскихъ департаментахъ, безъ серьезнаго обсужденія людьми дѣйствительно свѣдущими и способными высказать самостоятельное мнѣніе, безъ серьезнаго намѣренія создать лучше удовлетворяющій своей цѣли порядокъ, просто по честолюбію какого-нибудь пройдохи-министра, желающаго отличиться и поскорѣе выказать свою благонамѣренность. Земство неблагонамѣренно — отнять у него продовольственное дѣло! Но не успѣли еще отнять, — оказывается, что земскіе начальники, даже составленные изъ однихъ чиновниковъ уѣздные съѣзды, какъ будто все еще слишкомъ много разсуждаютъ: изъ земскихъ начальниковъ попадались, вѣроятно, люди, которые имѣли глупость называть голодъ голодомъ, имѣли наивность думать, что надо бороться съ голодомъ, а не съ тѣми, кто хочетъ дѣйствительно помочь голодающимъ; въ уѣздныхъ съѣздахъ нѣкоторые чиновники, не состоящіе въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, обнаруживали, вѣроятно, такое же непониманіе истинныхъ задачъ „внутренней политики“. И вотъ, по простому циркуляру министра — создается новое „уѣздное центральное“... да, да, это не опечатка: „уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“, все назначеніе котораго въ томъ, чтобы не пропускать неблагонамѣренныхъ людей, неблагонамѣренныхъ мыслей, неблагоразумныхъ поступковъ по продовольственному дѣлу. Напр., министръ находитъ неблагоразумнымъ и запрещаетъ „преждевременно“ (т. е. не передъ самой раздачей хлѣба) составлять списки нуждающихся: это вызываетъ въ населеніи „преувеличенныя надежды“! „Уѣздное центральное по продовольственной части управленіе“) сосредоточивается въ рукахъ одного лица, а министерство рекомендуетъ при этомъ уѣзднаго предводителя дворянства. И въ самомъ дѣлѣ: онъ настолько тѣсно связанъ съ губернаторомъ, онъ такъ много исполняетъ полицейскихъ обязанностей, что навѣрное съумѣетъ понять настоящій духъ продовольственной политики. И притомъ онъ — мѣстный крупный землевладѣлецъ, почтенный довѣріемъ всѣхъ помѣщиковъ. Такой человѣкъ уже навѣрное пойметъ лучше всѣхъ глубокую мысль министра о „деморализующемъ“ дѣйствіи пособій, которыя даются людямъ, „могущимъ обойтись“ и безъ нихъ. Что касается полномочій губернатора, то министръ напоминаетъ о нихъ съ самаго начала и много разъ повторяетъ, что губернаторъ за все отвѣтственъ, что губернатору всѣ должны повиноваться, что губернаторъ долженъ умѣть принимать „особыя“ мѣры и т. д. Если и до сихъ поръ губернаторъ въ русской провинціи былъ настоящимъ сатрапомъ, отъ милости котораго зависѣло существованіе любого учрежденія и даже любого лица во „ввѣренной“ губерніи, то теперь создается уже настоящее „военное положеніе“ въ этомъ отношеніи. Необыкновенное усиленіе строгостей — по поводу помощи голодающимъ! Это совсѣмъ по русски!

Но усиленіе строгости, увеличеніе надзора, не это требуетъ увеличенія расходовъ на чиновничью машину. И министръ не позабылъ объ этомъ: гг. уѣзднымъ предводителямъ дворянства или другимъ лицамъ, завѣдующимъ „уѣзднымъ центральнымъ по продовольственной части управленіемъ“ будетъ выдана въ возмѣщеніе ихъ расходовъ „особая сумма“, „относительно размѣра коей — добавляетъ циркуляръ на своемъ „особомъ“ нарѣчіи — ваше прев-во имѣете войти ко мнѣ съ надлежащимъ представленіемъ“. Затѣмъ на „расходы по дѣлопроизводству“ уѣздныхъ совѣтовъ — по 1000 р. единовременно, на канцелярскія средства губернскихъ присутствій по 1000-1500 руб. Канцеляріи всего больше будутъ работать, вся работа и будетъ состоять въ канцелярщинѣ — какъ же тутъ не позаботиться о канцелярскихъ средствахъ? Прежде всего на канцеляріи, а что останется, то голодающимъ.

Г. Сипягинъ проявляетъ удивительную настойчивость и изобрѣтательность въ изысканіи мѣръ сокращенія пособія голодающимъ. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы губернаторы обсудили, какіе уѣзды являются „неблагополучными по урожаю“ (окончательно рѣшать этотъ вопросъ будетъ само министерство: даже губернаторамъ нельзя довѣрить, смогутъ-ли они избѣжать „преувеличеній“!). И вотъ преподаются указанія, когда не слѣдуетъ признавать уѣзда неблагополучнымъ: 1) когда не болѣе трети волостей пострадало; 2) когда недостатокъ хлѣба обыченъ, и хлѣбъ прикупается изъ года въ годъ путемъ заработка; 3 когда недостаетъ мѣстныхъ средствъ для выдачи пособій. Мы видимъ уже здѣсь маленькій образчикъ чиновничьяго рѣшенія продовольственныхъ вопросовъ: одну мѣрку на всѣхъ! Какъ велико населеніе въ одной трети волостей, какъ сильно онѣ пострадали, не упали-ли обычные „заработки“ въ годъ сильнѣйшаго промышленнаго кризиса, — это все праздные вопросы послѣ рѣшительныхъ „предписаній“ министерства! Но это только цвѣточки, а ягодки дальше будутъ. Вся суть въ томъ, кого считать нуждающимся и по скольку выдавать пособія. Г. Сипягинъ рекомендуетъ слѣдующій „приблизительный разсчетъ“, который „рѣдко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличеннымъ“ (мы больше всего боимся преувеличеній; боимся преувеличенныхъ надеждъ, боимся преувеличенныхъ ссудъ! И голодъ и безработица — все это одни „преувеличенія“: таковъ ясный смыслъ всѣхъ министерскихъ разсужденій). Во-первыхъ, по пробному умолоту опредѣляется „средній сборъ съ десятины въ каждомъ селеніи“ и затѣмъ величина всего посѣва у каждаго хозяина. Почему бы не опредѣлить та же величины урожаевъ у хозяевъ разнаго достатка? У крестьянской бѣдноты урожаи ниже, и опредѣленіе „средняго“ сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторыхъ, считается ненуждающимся, у кого приходится не менѣе 48 пуд. хлѣба въ годъ на семью (считая по 12 пуд. на трехъ взрослыхъ и по 6 пуд. на двухъ дѣтей). Это разсчетъ самаго прижимистаго кулака: въ обыкновенный годъ даже бѣднѣйшіе крестьяне потребляютъ хлѣба не по 48, а по 80 пуд. въ годъ на семью въ 6-5 чел., какъ это извѣстно изъ описаній крестьянскаго хозяйства; средній же крестьянинъ потребляетъ въ обыкновенный годъ 110 пуд. хлѣба на семью въ 5 чел. Значитъ, царское правительство на половину понижаетъ количество хлѣба, необходимое въ дѣйствительности на продовольствіе. Въ-третьихъ, „это количество“ (т. е. 48 пуд. на семью) — гласитъ циркуляръ — „уменьшается на половину, въ виду того, что рабочій элементъ составляетъ около 50% населенія“. Правительство неуклонно настаиваетъ на своемъ правилѣ, что рабочее населеніе не должно получить ссуду, ибо оно де можетъ заработать. Но вѣдь уже разъ министръ предписалъ не считать неблагополучными тѣ уѣзды, гдѣ есть обычные заработки. Зачѣмъ же второй разъ исключать изъ пособія рабочее населеніе? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ настоящій годъ не только нѣтъ особыхъ заработковъ, но и обычные-то заработки всѣ упали по случаю кризиса. Вѣдь само правительство повысылало изъ городовъ въ деревни десятки тысячъ безработныхъ рабочихъ! Вѣдь опытъ прежнихъ голодовокъ доказалъ, что исключеніе рабочаго населенія ведетъ только къ раздѣлу недостаточной ссуды между дѣтьми и взрослыми! Нѣтъ, поговорка: „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“ была бы еще слишкомъ лестна для министерства внутреннихъ дѣлъ, которое въ два пріема исключаетъ изъ числа нуждающихся всѣхъ способныхъ къ работѣ! Въ-четвертыхъ, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточнаго пособія уменьшается еще на $^{1}/_{5}$—$^{1}/_{8}$—$^{1}/_{10}$ „во вниманіе къ приблизительному числу состоятельныхъ хозяевъ, имѣющихъ запасъ отъ прошедшаго года или же какой-либо матеріальный достатокъ“!! Это уже третья шкура съ одного и того же вола! Какой еще „достатокъ“ или „запасъ“ могутъ быть у крестьянина, собравшаго не болѣе 48 п. хлѣба на семью? Всякіе остальные заработки сочтены уже дважды, а кромѣ того вѣдь однимъ хлѣбомъ не можетъ просуществовать даже русскій крестьянинъ при всемъ нищенствѣ, до котораго его довела политика правительства, гнетъ капитала и помѣщиковъ. Необходимъ расходъ и на топливо и на ремонтъ дома, и на одежду, и на пищу, кромѣ хлѣба. Въ обыкновенный годъ даже бѣднѣйшіе крестьяне, какъ это извѣстно изъ научныхъ описаній крестьянскаго хозяйства, расходуютъ болѣе половины своего дохода на другія нужды, кромѣ хлѣба. Если принять во вниманіе все это, то окажется, что министръ опредѣляетъ нужду въ помощи въ четыре или въ пять разъ меньше дѣйствительной надобности. Это не борьба съ голодомъ, а борьба съ тѣми, кто хочетъ дѣйствительно помочь голодающимъ.

И циркуляръ заканчивается прямымъ походомъ противъ частныхъ благотворителей. Нерѣдко обнаруживалось — гремитъ г. Сипягинъ — что иные благотворители стараются возбудить въ населеніи „недовольство существующими порядками и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству“, ведутъ „противуправительственную агитацію“ и проч. Это — обвиненія, въ сущности, прямо лживыя. Извѣстно, что въ 1891 г. были разсылаемы прокламаціи „крестьянскихъ доброхотовъ“, прокламаціи, справедливо указывавшія народу на его настоящаго врага; были, вѣроятно, и другія попытки агитаціи на почвѣ голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацію революціонеры. Масса благотворителей — это несомнѣнный фактъ — были только благотворителями, и если г. Сипягинъ ссылается на то, что изъ нихъ многіе — „лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ“, то вѣдь кто у насъ теперь съ „безупречнымъ прошлымъ“? Даже „высокопоставленныя лица“ отдавали очень часто въ юности дань общедемократическому движенію! Мы, конечно, не хотимъ сказать, чтобы агитація противъ правительства на почвѣ голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборотъ, агитація необходима всегда и во время голода въ особенности. Мы хотимъ сказать только, что г. Сипягинъ выдумываетъ небылицы, стараясь выставить свои страхи и опасенія результатомъ опыта. Мы хотимъ сказать, что слова г. Сипягина доказываютъ только одну старую истину: полицейское правительство боится всякаго соприкосновенія съ народомъ сколько-нибудь независимой и честной интеллигенціи, боится всякаго правдиваго и смѣлаго слова, прямо обращеннаго къ народу, подозрѣваетъ — и подозрѣваетъ совершенно справедливо — что одна уже забота о дѣйствительномъ (а не мнимомъ) удовлетвореніи нужды будетъ равносильна агитаціи противъ правительства, ибо народъ видитъ, что частные благотворители искренно хотятъ ему помочь, а чиновники царя мѣшаютъ этому, урѣзываютъ помощь, уменьшаютъ размѣры нужды, затрудняютъ устройство столовыхъ и т. д. Теперь новый циркуляръ требуетъ прямо „подчинить контролю властей“ всѣ пожертвованія и приглашенія къ пожертвованіямъ, всякія устройства столовыхъ; требуетъ, чтобы всѣ пріѣзжающіе „представлялись“ губернатору, выбирали себѣ помощниковъ не иначе, какъ съ его разрѣшенія, давали ему же отчетъ въ своей дѣятельности!! Кто хочетъ помогать, подчиняйся полицейскимъ чинамъ и полицейской системѣ всяческихъ урѣзокъ помощи и безсовѣстныхъ сокращеній пособій! Кто не хочетъ подчиняться этой гнусности, — тотъ не смѣетъ помогать: въ этомъ вся суть политики правительства. Г. Сипягинъ кричитъ, что голодомъ „охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица для своихъ преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему“, а вслѣдъ за нимъ вся реакціонная печать повторяетъ этотъ крикъ (напр., „Моск. Вѣд.“). Какой ужасъ! Пользоваться народной нуждой для „политики“! На самомъ дѣлѣ ужасно, наоборотъ, то, что въ Россіи всякая дѣятельность, даже самая далекая отъ политики, филантропическая (благотворительная) дѣятельность неизбѣжно ведетъ къ столкновенію независимыхъ людей съ полицейскимъ произволомъ и съ мѣрами „пресѣченія“, „запрещенія“, „ограниченія“ и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрываетъ соображеніями высшей политики свое іудушкино стремленіе — отнять кусокъ у голодающаго, урѣзать вчетверо размѣръ пособій, запретить всѣмъ, кромѣ полицейскихъ чиновъ, подступаться къ умирающимъ отъ голода! И мы повторяемъ еще разъ призывъ, сдѣланный уже „Искрой“: открыть обличительную кампанію противъ продовольственной кампаніи полицейскаго правительства, разоблачать въ безцензурной свободной печати всѣ безобразія мѣстныхъ сатраповъ, всю корыстную тактику урѣзыванія пособій, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшеніе голода и позорную борьбу противъ тѣхъ, кто хочетъ помогать голодающимъ! Мы совѣтуемъ всѣмъ, у кого есть хоть капля искренняго сочувствія къ народному бѣдствію, позаботиться о распространеніи въ народѣ знакомства съ истиннымъ смысломъ и значеніемъ министерскаго циркуляра. Вѣдь только безконечной темнотой народа и можно объяснить себѣ, что подобные циркуляры не вызываютъ тотчасъ всеобщаго возмущенія. И пусть сознательные рабочіе, которые всего ближе стоятъ и къ крестьянству и къ неразвитымъ городскимъ массамъ, возьмутъ на себя починъ въ дѣлѣ разоблаченія правительства!

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РАЗВРАТЪ И „ЭКОНОМИЧЕСКОЕ“ ТУПОУМІЕ.

По поводу одной новой программы.

Въ Минскѣ недавно распространено на русскомъ и еврейскомъ языкахъ слѣдующее воззваніе новой „еврейской независимой рабочей партіи“:

ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Взгляды партіи.

I. Мы полагаемъ:

а) что никакая теорія не настолько могущественна и неопровержимо вѣрна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести безсознательную массу за собою къ цѣли, которой масса не понимаетъ;

б) что еврейскій рабочій классъ въ настоящее время требуетъ хлѣба и знаній и что эти требованія должны быть удовлетворены;

в) что преступно приносить въ жертву матеріальные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды;

г) что рабочій, какъ всякій человѣкъ, имѣетъ право быть сторонникомъ какой ему угодно политической партіи и все-таки имѣетъ право защищать свои экономическіе и культурные интересы и быть членомъ вполнѣ равноправнымъ въ экономическихъ и культурныхъ организаціяхъ;

д) что экономическія и культурныя организаціи должны стать ему необходимы, какъ воздухъ и вода, регулировать его экономическіе интересы, доставлять ему знанія, и что таковыми онѣ могутъ стать только тогда, когда онѣ будутъ цѣлями сами по себѣ, а не служить орудіемъ какой бы то ни было политической партіи.

II. Мы находимъ ненормальнымъ современное положеніе вещей, при которомъ экономическія организаціи находятся подъ руководствомъ преимущественно политическаго по своимъ цѣлямъ „Бунда“, потому что:

а) экономическая дѣятельность является для „Бунда“ главнымъ образомъ, средствомъ революціонизировать рабочую массу, и потому „Бундъ“ намѣренно игнорируетъ въ своей экономической дѣятельности многія безусловно полезныя для рабочей массы мѣропріятія;

б) „Бундъ“, принимая рабочаго, ищущаго только хлѣба и знаній, въ свои, на взглядъ массового рабочаго, чисто экономическія организаціи, навязываетъ рабочему свои политическіе взгляды и стремленія, не считаясь съ его психикой, привязанностями и стремленіями. Рабочихъ съ не-„бундовскими“ взглядами въ экономическія организаціи „Бундъ“ не принимаетъ, а энергично консервативную часть рабочей массы отпугиваетъ своей репутаціей политической партіи. Въ результатѣ подобная тактика „Бунда“ вредитъ организованной массѣ и жестоко поступаетъ съ остальными рабочими, которые тоже ищутъ союза со своими организованными товарищами;

в) „Бундъ“ развиваетъ рабочихъ односторонне, ограждая ихъ отъ не-„бундовскихъ“ взглядовъ и такимъ образомъ вноситъ въ рабочую массу духъ умственнаго порабощенія;

г) „Бундъ“ не допускаетъ въ рабочія массы интеллигентныя полезныя силы, съ его политическими взглядами несогласныя. „Бундъ“ исполнилъ великую историческую миссію, развивъ духъ недовольства своимъ экономическимъ положеніемъ въ рабочемъ классѣ, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится къ организаціи, сдѣлалось невозможнымъ держать экономическую и культурную дѣятельность въ политическихъ тискахъ „Бунда“.

Программа партіи.

1) Еврейская Независимая Рабочая Партія имѣетъ цѣлью поднятіе матеріальнаго и культурнаго уровня еврейскаго пролетаріата посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ по мѣрѣ возможности. На практикѣ эта цѣль сводится: а) къ развитію широкихъ экономическихъ организацій (трэдъ-юніоновъ, кассъ, клубовъ, ассоціацій); б) къ развитію среди рабочаго класса научныхъ и профессіональныхъ знаній и къ воспитанію его для коллективной жизни.

2) Партія въ цѣломъ не выставляетъ себѣ никакихъ политическихъ цѣлей и касается политическихъ вопросовъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку они затрогиваютъ повседневные интересы рабочихъ.

3) Партія объединяетъ для экономической и культурной дѣятельности рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и совсѣмъ безъ таковыхъ.

4) Организація партіи демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху.

ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Въ мотивировкѣ взглядовъ новой партіи мы находимъ много знакомаго. Здѣсь, наконецъ, послѣдовательно проведены всѣ основныя положенія того направленія, которое принято называть „экономическимъ“ и которое до сихъ поръ не договаривалось до конца въ гласныхъ заявленіяхъ и программахъ.

Никакая теорія не настолько истинна, чтобы давать право своимъ приверженцамъ вести за собой безсознательную массу. Да вѣдь это только полное выраженіе тѣхъ взглядовъ на значеніе „теоріи“, т. е. соціалистическихъ принциповъ, которые проповѣдовались нашими „экономистами“. Для нихъ соціалистическіе принципы всегда были только „книжной выдумкой“ — продуктомъ болѣе или менѣе геніальныхъ умовъ, а не выраженіемъ дѣйствительнаго хода общественнаго развитія, не выросшей изъ многолѣтняго опыта всемірнаго пролетаріата формулировкой общихъ интересовъ рабочаго класса. Для нихъ между интересами рабочаго класса и „теоріей“ лежала пропасть, и всякая попытка подчинить сознательное движеніе рабочихъ требованіямъ „теоріи“, т. е. соц.-демократической программы, казалась „навязываніемъ рабочему своихъ политическихъ взглядовъ“, въ чемъ „независимая партія“ обвиняетъ „общееврейскій рабочій союзъ“ („Бундъ“).

„Противопоставленіе своей программы и своей группы движенію, какъ чего-то самостоятельнаго, какъ верховной теоретической инстанціи, какъ духа, витающаго надъ безформеннымъ хаосомъ, — такова позиція, которую заняли „Искра“ и „Заря“, говоритъ Б. Кричевскій въ своей послѣдней статьѣ („Рабочее Дѣло“, ном. 10, стр. 29). Мы видимъ, что Кричевскій обвиняетъ „Искру“ и „Зарю“, а вмѣстѣ съ ними и всю соціалдемократію въ томъ, что они свою программу и свою „группу“ ставятъ выше рабочаго движенія, какъ оно есть, хотя бы въ данную минуту это движеніе шло ошибочнымъ путемъ, напр., было направлено противъ инородныхъ рабочихъ или противъ соціализма, или противъ политической свободы. „Еврейская независимая рабочая партія“ вполнѣ согласна съ Кричевскимъ въ томъ, что „движеніе безсознательной массы должно вести за собою „теорію“, а не обратно. (Не пригласитъ-ли „Независимая рабочая партія“ Кричевскаго въ редакторы ея изданій? Духъ его, во всякомъ случаѣ, уже теперь „витаетъ надъ безформеннымъ хаосомъ“ новой „партіи“.)

„Еврейскій рабочій классъ требуетъ въ настоящее время хлѣба и знаній“, а потому „преступно приносить въ жертву матеріальные интересы рабочаго класса такимъ политическимъ цѣлямъ, которыя въ настоящее время ему чужды“. Опять знакомая пѣсня о томъ, что агитаціонная и организаціонная работа должна вестись вокругъ тѣхъ требованій и только тѣхъ, которыя уже сознаны массой (См., напр., статью В. И—на въ „Раб. Дѣлѣ“, ном. 2-3). Принимая это положеніе, люди, конечно, могутъ расходиться въ оцѣнкѣ того, какія требованія уже сознаны данной массой; но это разногласіе не поколеблетъ согласія въ принципѣ: не дѣйствительные интересы рабочаго класса, а тѣ интересы, которые онъ уже созналъ, должны опредѣлять собою дѣятельность партіи. И это вполнѣ логично: если рабочая масса сегодня понимаетъ свои интересы не такъ, какъ понимала ихъ вчера, то какъ же намъ судить о томъ, что такое ея дѣйствительные интересы? Мы, соціалдемократы, судимъ объ этихъ интересахъ, руководствуясь своей „теоріей“, т. е. продуманнымъ опытомъ движенія міроваго пролетаріата и научнымъ изслѣдованіемъ общественнаго развитія. Но для „экономистовъ“ эта теорія — звукъ пустой: отъ своихъ „ученыхъ“ — отъ Бернштейновъ, Струве, Прокоповичей — они узнали, что теорія научнаго соціализма (марксизмъ) не есть „настоящая“ наука (какъ извѣстно, настоящая наука — это та, за которую буржуазное общество платитъ въ университетахъ). А, стало быть, такая ненаучная теорія не имѣетъ никакого права „навязывать“ массамъ свои выдумки. Только одни „сектанты“-марксисты, для которыхъ „теорія“ дороже жизненныхъ интересовъ живыхъ людей, только они могутъ во имя своей теоріи не смущаться тѣмъ, чего хотятъ рабочія массы, но учить эти массы тому, какія задачи онѣ должны себѣ поставить, чтобы удовлетворить свои дѣйствительно классовые интересы*).

Для „экономистовъ“ непонятно, что если рабочій классъ „требуетъ хлѣба“, то этого ему не могутъ дать соціалдемократы. Соціалдемократы только могутъ и должны указать, что этого „хлѣба“ онъ добьется въ классовой борьбѣ за уничтоженіе капиталистическаго строя, первымъ шагомъ къ которому будетъ завоеваніе политической свободы. Но это опять будетъ „сектантское“ рѣшеніе вопроса, которое не можетъ удовлетворить „экономистовъ“. Послѣдніе отъ своихъ Бернштейновъ, Струве и Прокоповичей знаютъ, что хлѣба и даже съ хорошимъ слоемъ масла рабочіе могутъ добиться и при капиталистическомъ строѣ, лишь бы быть поумѣреннѣе и не рваться къ отдаленному соціализму. Это же самое подтверждаетъ и „настоящая“ наука, та самая, которая снабжена клеймомъ: „дозволено цензурой“. И „экономисты“, въ полномъ согласіи съ этой клейменой наукой и къ великой радости буржуазіи, вѣрятъ, что если рабочій не добился при современномъ строѣ улучшеній, то это вина не капиталистическаго строя, а тѣхъ соціалдемократическихъ агитаторовъ, которые, изъ-за журавля въ небѣ — соціализма и политической борьбы — забываютъ о синицѣ — о непосредственной „пользѣ“. А потому „экономическая и культурная организаціи рабочихъ должны стать цѣлями сами по себѣ, а не служить орудіемъ какой бы то ни было политической партіи“. А кто съ этимъ не согласенъ, тотъ „сектантъ“.

Всѣ нападки „независимой рабочей партіи“ на „Бундъ“ воспроизводятъ обычныя нападки „экономистовъ“ противъ революціонной соціалдемократіи. Напр., обвиненіе въ томъ, что „инертно консервативную часть рабочей массы Бундъ отпугиваетъ своей репутаціей политической партіи“. Намъ тоже всегда говорили, что мы своей политической и соціалистической агитаціей можемъ только „отпугнуть“ ту часть рабочихъ, которая еще предана царизму**).

А что означаетъ обвиненіе въ недопущеніи „въ рабочую массу интеллигентныхъ полезныхъ силъ, несогласныхъ съ политическими взглядами Бунда“? Да вѣдь это тотъ же упрекъ въ „сектантствѣ“, который расточается по адресу революціонныхъ соціалдемократовъ всякій разъ, какъ они проявляютъ стремленіе организовать партію исключительно изъ сознательно революціонныхъ элементовъ и отказываются отъ „полезныхъ“ силъ буржуазнаго образа мыслей, говоря, что „намъ такихъ и даромъ не надо“.

Практическая программа новой партіи опять вполнѣ согласна съ положеніями „экономистовъ“. Соціалдемократія организуетъ рабочихъ для классовой борьбы. „Экономисты“ наши уже давно провозгласили равноправіе организацій боевыхъ и мирныхъ (обществъ взаимопомощи, потребительныхъ и т. п.; см. напр., ном. 10 „Раб. Мысли“ и прилож. къ ном. 7 той же газеты). И тѣ, и другія одинаково важны съ точки зрѣнія непосредственной „пользы“*). „Независимая партія“ имѣетъ цѣлью „поднять матеріальный и культурный уровень... посредствомъ культурно-экономическихъ организацій, какъ нелегальныхъ, такъ и легальныхъ“. Ни слова о классовой борьбѣ. Соціалдемократія признаетъ извѣстное значеніе для рабочаго движенія за трэдъ-юніонами, за кооперативами и другими „экономическими“ организаціями только при условіи широкой политической свободы (см. напр., письмо иваново-вознесенскаго рабочаго въ приложеніи къ этому номеру). „Экономисты“, вмѣстѣ съ ними и „Независимая рабочая партія“ мечтаютъ о трэдъ-юніонахъ и другихъ организаціяхъ при самодержавіи. Соціалдемократія воспитываетъ рабочій классъ для соціализма. „Независимая партія“ воспитываетъ его для „коллективной жизни“, хотя бы послѣдняя проявлялась въ формѣ какой-нибудь торгашеской „артели“. Соціалдемократія объединяетъ въ своей партіи только рабочихъ-соціалистовъ; „Независимая рабочая партія“ объединяетъ „рабочихъ всякихъ политическихъ взглядовъ и совсѣмъ безъ таковыхъ“. Понятно, что при такихъ „широкихъ“ принципахъ, партія устанавливаетъ вполнѣ „демократическую“ организацію „снизу вверхъ“. Мы, соціалдемократы, не можемъ себѣ позволить такой роскоши. Какъ партія революціонная, мы вынуждены подбирать людей съ осторожностью, и степень довѣрія, которой пользуется въ нашихъ организаціяхъ тотъ или иной членъ, зависитъ отъ его сознательности, отъ его опыта, отъ его преданности дѣлу. Организуемся же мы „сверху внизъ“, т. е. путемъ подбора къ сплоченному ядру новыхъ надежныхъ элементовъ, которые еще должны завершить свое политическое воспитаніе въ организаціи. За это насъ уже давно обвиняютъ въ „диктаторствѣ“, въ „генеральствѣ“, въ „навязываніи“ массамъ своихъ взглядовъ, своихъ пріемовъ борьбы. Теперь „независимая партія“ рѣшительно обѣщаетъ показать намъ примѣръ организаціи, основанной на широко-демократическомъ принципѣ.

А теперь разскажемъ о происхожденіи этой новой партіи. Вотъ что пишетъ нашъ корреспондентъ:

„Прилагаемое воззваніе распространено на дняхъ въ Минскѣ на русскомъ и еврейскомъ языкахъ (гектографир.). Издано оно со дня на день пріобрѣтающими все большее вліяніе сторонниками Зубатовской политики (во главѣ стоятъ одинъ ретушеръ и работница, вернувшіеся изъ московской тюрьмы сторонниками Зубатовскихъ взглядовъ — оба безукоризненно честные люди). Они уже овладѣли тремя цехами и ихъ кассовыми организаціями: переплетнымъ, столярнымъ и слесарнымъ. Устраиваются еженедѣльно громадныя собранія (о которыхъ, конечно, извѣстно Васильеву и гдѣ присутствуютъ шпіоны-рабочіе, ибо новая „партія“ принимаетъ всѣхъ, безъ исключенія). Бундовцы въ весьма неудобномъ положеніи. Съ одной стороны, нельзя не противодѣйствовать ихъ агитаціи, съ другой — всѣхъ, отстаивающихъ на этихъ собраніяхъ революціонные взгляды, забираютъ черезъ пару-другую дней и немедленно ссылаютъ въ Сибирь. Въ послѣднее время почти еженедѣльно идутъ изъ Минска этапы ссылаемыхъ на 3, 4 и 5 лѣтъ.

„Отношеніе жандармеріи къ новому теченію характеризуется слѣд. фактами: 1) Васильевъ (жандармскій полковникъ) говорилъ на допросѣ одному субъекту, что намѣревался арестовать упомянутую работницу, но получилъ отъ Зубатова предписаніе не трогать, ибо „хотя она и не состоитъ у насъ на жалованьи, но своею дѣятельностью косвенно содѣйствуетъ намъ“. 2) Васильевъ призывалъ къ себѣ упомянутаго ретушера и сообщилъ ему, что онъ благосклонно относится къ его дѣятельности и что онъ можетъ не опасаться ареста, хотя ему, Васильеву, извѣстно, что онъ устраиваетъ собранія, кассы, читаетъ литературу и проч. „Я вѣдь знаю, что вы не станете распространять литературу...“ — „Это еще вопросъ“, отвѣтилъ тотъ. — „Ну, даже если и распространите, то тотъ вредъ, который вы этимъ приносите, уравновѣшивается пользой новаго движенія. Итакъ, можете спокойно продолжать вашу дѣятельность“.

„Характеренъ пріемъ для запугиванія массы. По открытіи собранія, начинаютъ съ чтенія полученныхъ или будто полученныхъ изъ Сибири писемъ съ описаніемъ лишеній, раскаянія и пр., и выводится, конечно, мораль, что лучше всего бросить всякую политику.

„Однимъ словомъ деморализація въ Минскѣ полнѣйшая. На дняхъ посланъ на утвержденіе въ СПБ. уставъ общества, устраиваемаго „Независимой партіей“. Въ послѣднее время, какъ сообщаютъ, полк. Васильевъ организовалъ собранія столяровъ для обсужденія вопроса о рабочемъ клубѣ“.

Итакъ, первая, слѣдовательно, „экономическая“ партія основана послѣдователями Зубатовской политики „союза рабочихъ съ самодержавіемъ“. Мы этого давно ожидали и предсказывали такой [illegible]. Мы указывали на то, что пропаганда нашихъ „экономистовъ“ можетъ и должна послужить орудіемъ отвлеченія рабочихъ отъ борьбы за свободу, орудіемъ, которое постарается забрать въ свои руки наше правительство. По поводу первыхъ шаговъ Зубатова въ этомъ направленіи мы въ ном. 1 указали уже на то, что успѣхъ Зубатовской политики питается пропагандой „экономистовъ“. Это наше указаніе извѣстная часть публики поняла какъ стремленіе смѣшать въ одну кучу шпіоновъ и товарищей, держащихся неугодныхъ намъ взглядовъ. Нечего и говорить, что такое пониманіе было только проявленіемъ нечистой совѣсти людей, которые не могли желать разобраться въ вопросѣ по существу. Никакого заподазриванія сторонниковъ „Раб. Мысли“ въ прислуживаніи правительству у насъ не было. Мы хорошо знаемъ, что среди нашихъ „экономистовъ“ много такихъ силъ, которыя по своей преданности дѣлу и по своей самоотверженности могутъ быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всякой партіи. Но мы также хорошо знаемъ, что по своей малосознательности, обусловленной тѣмъ, что они воспитались на модной нынѣ „критикѣ“ соціализма, эти друзья рабочихъ способны принести пролетаріату большой вредъ. Теперь мы видимъ, что Зубатову удалось вызвать къ жизни одну „экономическую“ партію для борьбы съ революціонной соціалдемократіей. И если ему это удалось сдѣлать, то причины этого успѣха коренятся до извѣстной степени въ нашей собственной халатности. Пока громъ не грянулъ, мы не перекрестились. Большинство нашихъ организацій спокойно терпѣло въ своихъ рядахъ пропаганду „экономистовъ“, тогда какъ давно уже можно было замѣтить, что эта пропаганда готовитъ успѣхъ политикѣ „союза царя съ рабочими“. Многіе и многіе товарищи оставляли и оставляютъ безъ отпора систематическій походъ нашихъ доморощенныхъ „критиковъ“ противъ революціоннаго соціализма, несмотря на то, что давно уже можно было замѣтить, что эта „критика“ ведетъ къ ослабленію революціонной энергіи и соціалистическаго самосознанія въ рядахъ нашей партіи. По поводу первыхъ шаговъ Зубатова наша газета снова призвала къ борьбѣ съ „экономистами“, но этотъ призывъ былъ встрѣченъ, какъ новое доказательство нашего „сектантства“ и нашихъ „не товарищескихъ пріемовъ“.

Въ настоящее время имѣется достаточно данныхъ, чтобы утверждать, что политика заигрыванія съ экономическимъ движеніемъ рабочихъ практикуется не въ одномъ Минскѣ. Первый адептъ Зубатова (см. ном. 1 „Искры“) — рабочій [illegible] — [illegible] „работалъ“ въ Екатеринославѣ, вербуя среди тамошнихъ ремесленныхъ рабочихъ партію легальнаго движенія. Въ письмѣ рабочаго изъ Ив.-Вознесенска отмѣчаются попытки жандармовъ склонить рабочихъ къ „чисто экономической организаціи“ и вполнѣ основательно нашъ товарищъ указываетъ, что эти факты вынуждаютъ насъ къ удвоенной осторожности. Что такая осторожность необходима, въ частности, и по отношенію къ московскому обществу взаимопомощи — этой первой легальной рабочей организаціи сколько-нибудь широкаго характера — показываетъ полученное нами сообщеніе корреспондента.

„Въ Москвѣ происходитъ нѣчто подобное минскимъ событіямъ. Общество механическихъ рабочихъ, руководимое Дэномъ, Озеровымъ и Онуфріевымъ, оказывается, тоже организовано рабочимъ-провокаторомъ и первое время служило ловушкой для интеллигентныхъ и передовыхъ рабочихъ. Провокаторъ ловко вызывалъ на споръ намѣченныхъ лицъ, заставляя ихъ высказываться, а черезъ нѣсколько дней ихъ забирали“.

Здѣсь указана только одна — самая грубая — опасность такихъ, покровительствуемыхъ правительствомъ организацій: ихъ приспособленіе къ цѣлямъ сыска. Но съ этой опасностью можно бороться, удвоивъ конспиративную осторожность. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что, пользуясь покровительствомъ властей и руководимыя искренними, но малосознательными людьми, такія организаціи становятся орудіемъ успѣшной борьбы съ соціализмомъ уже на почвѣ организаціонной. Нашъ успѣхъ въ дѣлѣ привлеченія рабочихъ къ соціализму до сихъ поръ въ извѣстной мѣрѣ объяснялся тѣмъ, что всякія буржуазныя попытки отвлечь рабочихъ отъ классовой борьбы находились подъ такимъ же гнетомъ, какъ и наше собственное дѣло. А въ области нелегальной работы мы, конечно, всегда окажемся впереди всякихъ буржуазныхъ друзей рабочаго класса. Но когда эти господа начинаютъ работать подъ покровительствомъ полиціи, шансы борьбы значительно измѣняются.

Петербургскіе товарищи всю прошлую зиму убили на созданіе очень широкой и демократической (по уставу) рабочей организаціи, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой и дѣломъ взаимопомощи, и политическимъ движеніемъ. Занятые развитіемъ этой организаціи, петербургскіе товарищи такъ углубились въ свое дѣло, завѣщанное имъ экономистами „Раб. Мысли“, что не смогли ни подготовить петербургскихъ рабочихъ къ поддержкѣ студенческаго движенія, ни использовать въ цѣляхъ агитаціи возбужденное настроеніе, вызванное въ рабочихъ массахъ безработицей. Во главѣ рабочей организаціи стоитъ нѣкій рабочій, чрезвычайно горячо защищавшій „экономическую“ программу, боровшійся противъ всякихъ попытокъ вовлеченія рабочихъ въ студенческое движеніе и — говоримъ это съ гордостью — весьма враждебно относившійся къ нашей газетѣ. Рабочій этотъ (къ сожалѣнію, намъ не сообщена его фамилія; за достовѣрность факта ручаемся) оказался провокаторомъ, выдавшимъ довольно много людей (говорятъ, въ томъ числѣ и проф. Мануйлова). Случайность-ли, что втершійся въ рабочее движеніе агентъ правительства отстаивалъ въ немъ именно программу „экономизма“? Мы думаемъ, что нѣтъ.

Припомнимъ еще все учащающіеся факты благожелательнаго вмѣшательства жандармскихъ офицеровъ въ стачки, гдѣ они стараются разыгрывать роль друзей рабочихъ и иногда настаиваютъ на уступкахъ со стороны хозяевъ (напр., въ Минскѣ, Саратовѣ), припомнимъ извѣстный фактъ покровительства властей артельнымъ организаціямъ Левитскаго на всемъ югѣ, — и мы убѣдимся, что теперь дѣло идетъ о начинающемся систематическомъ примѣненіи правительствомъ политики отвлеченія рабочихъ отъ соціалистической классовой борьбы на путь „легализаціи“ экономическаго движенія.

Въ конечномъ счетѣ этотъ фактъ можетъ служить показателемъ того, какіе успѣхи сдѣлало у насъ рабочее движеніе, какъ оно расшатало „устои“ царизма, заставляя его пойти на путь очень для него рискованныхъ заигрываній съ чудовищемъ-пролетаріатомъ. Это обстоятельство, однако, не уменьшаетъ серьезности нашего положенія.

Для успѣшной борьбы со всѣми провокаторскими затѣями Зубатовыхъ мы должны крѣпко организоваться. Но теперь дѣло идетъ уже не о борьбѣ съ голымъ насиліемъ, а о борьбѣ съ систематическимъ политическимъ развращеніемъ рабочаго класса, совершаемымъ при помощи сумбурныхъ и буржуазныхъ понятій, надъ распространеніемъ которыхъ много трудились наши отечественные „экономисты“ и ихъ духовные отцы — легальные „критики“. На примѣрѣ минской „партіи“ мы видимъ, что опасность „экономизма“ вовсе не исчезла, какъ въ томъ хотятъ увѣрить иные близорукіе люди. Напротивъ, переставъ шумѣть о себѣ на столбцахъ печати, онъ проникъ вглубь движенія и именно теперь-то онъ принимаетъ формы, явно враждебныя нашему дѣлу.

А потому, поддерживая призывъ всѣхъ сознательныхъ соціалдемократическихъ силъ къ партійному объединенію, мы обязаны признать, что въ основу такого объединенія должно быть поставлено открытое, безъ всякихъ оговорокъ, признаніе стараго знамени революціонной соціалдемократіи, признаніе, которое требуетъ безпощадной принципіальной борьбы со всякими видами „экономизма“, грозящаго стать орудіемъ въ рукахъ реакціонныхъ силъ, со всякими видами буржуазной „критики“ соціализма.

Только такая принципіально твердая партія, ведущая неустанно пропаганду революціоннаго соціализма, шутя справится съ новой политикой одурачиванія рабочихъ.

Все это, конечно, кое-кому покажется новымъ доказательствомъ нашей „сектантской узости“. Насъ это обстоятельство не смущаетъ. Столь ненавистное нашимъ врагамъ и нашимъ недальновиднымъ товарищамъ „сектантство“ революціонной соціалдемократіи есть на самомъ дѣлѣ „сектантство“ людей, глубоко убѣжденныхъ въ томъ, что ихъ „теорія“ выражаетъ истинные интересы пролетаріата и готовыхъ отстаивать эти интересы въ борьбѣ со всѣмъ міромъ, со всѣми и всякими „независимыми“ партіями въ томъ числѣ, со всѣми врагами пролетаріата, какъ и съ его недальновидными друзьями.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ вопросу о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“. Намъ пишутъ съ юга: Какъ легко провести русскаго человѣка, какъ немудрено водить его за носъ! Ему трудно живется, ему нечѣмъ дышать, онъ мечется и рвется, но не хватаетъ духу разбить окно, за которымъ его ждетъ цѣлый міръ воздуха и свѣта, потому что онъ можетъ поранить руку. И вотъ онъ ждетъ, какъ институтка, молодца, который явится и вырветъ его изъ тюрьмы. Этимъ молодцомъ оказался, что же? Вольнодумствующій и притомъ ласковый старикъ, Ванновскій, — это одна только декорація, вывѣска, на которой написано: коренная реформа, а за этой вывѣской сотни самыхъ алчныхъ, самыхъ гадкихъ аппетитовъ, готовыхъ каждую минуту сбросить эту вывѣску и замѣнить ее другою съ надписью: временныя правила и т. п., смотря по обстоятельствамъ, по духу времени. Но либералы забыли всѣ эти простыя вещи, возликовали и пришли въ умиленіе, завидѣвши кончикъ пирога, показаннаго имъ Ванновскимъ, они забѣгали впередъ его, стали заглядывать ему въ глаза, холопски повиливали хвостами отъ радости, и посыпались, какъ изъ рога изобилія, проекты и планы, одинъ другого справедливѣе и шире. Наступило состояніе полной невмѣняемости россійскаго обывателя; курился ениямъ царю за его щедроты, откуда-то выуживались добродѣтели Ванновскаго. А Ванновскій и его присные только посмѣивались: пускай потѣшатся дѣти, а усмирить ихъ во всякое время можно. И это время наступило; — обывателю скоро указали предѣлы его фантастическихъ мечтаній. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, призрачныя надежды начинаютъ разсѣиваться и остается одинъ скверный осадокъ отъ наступающаго сознанія подлаго обмана. Нужно-ли еще другого доказательства послѣ новыхъ ограниченій въ пріемѣ евреевъ въ школы среднія и высшія? Можетъ-ли существовать болѣе яркій примѣръ цинизма, чѣмъ такое противорѣчіе между громкими фразами и наглыми фактами? Евреи, впрочемъ, уже испытали на себѣ „сердечность“ Ванновскаго, когда онъ былъ военнымъ министромъ. Онъ прекратилъ совершенно пріемъ евреевъ въ военно-медицинскую академію, а солдатъ-евреевъ въ учебныя команды (гдѣ подготовляются къ унтеръ-офицерскому званію). Что было первымъ дѣломъ Ванновскаго, когда онъ приказомъ царя былъ призванъ на постъ „коренного реформатора“? Онъ циркулярно внушаетъ начальникамъ учебныхъ заведеній строго держаться процентной нормы и устанавливаетъ вторичную норму для окончившихъ курсъ прогимназій (впрочемъ, послѣднее случается и съ не-евреями; въ Рязани изъ 31 чел., окончившихъ курсъ прогимназіи, принято въ этомъ году въ V классъ гимназіи лишь 15, при чемъ преимущество отдается тѣмъ, которые поступаютъ въ пансіонъ. „Гдѣ же связь между семьей и школой?“ недоумѣваетъ мѣстный публицистъ, начиная понимать, что дѣло неладно). Но это только цвѣтики. Въ послѣдній мѣсяцъ стали носиться зловѣщіе слухи, что готовятся новыя ограниченія. Неужели? Возможно ли? недоумѣвали всѣ; не хотѣлось вѣрить, сопоставлялось это съ коренной реформой; — дѣйствительно несопоставимо. Но прошло нѣкоторое время, и слухъ сдѣлался фактомъ, фактомъ гнуснымъ, нелѣпымъ. Установлены новыя нормы для пріема евреевъ въ университетъ; вмѣсто 10 — 7%, вмѣсто 5 — 3%, вмѣсто 3 — 2%. Въ нѣкоторыя гимназіи совершенно прекращенъ „на время пріемъ евреевъ, такъ какъ ихъ оказалось немного больше нормы“, и приказано ждать впредь до окончательной нормировки. И это все дѣлается волей одного человѣка, путемъ даже не циркуляровъ, а воровскихъ предписаній, чтобы меньше шума было. Можно-ли здѣсь поставить точку? Но вѣдь еще осенью соберется коммиссія для обсужденія еврейскаго вопроса въ школѣ. До чего она дойдетъ? Что въ подлой угодливости передъ Ванновскимъ не будетъ недостатка, за это поручиться можно. Что дѣлать евреямъ? Куда дѣться отъ того, что есть и что еще будетъ? Представляетъ-ли себѣ конкретно читатель всѣ прелести процентной нормы? Случалось мнѣ готовить въ гимназію мальчиковъ евреевъ. Мнѣ кажется, что муки инквизиціи не могутъ сравниться съ тѣми, которыя приуготовлены самодержавіемъ родителямъ-евреямъ, рѣшающимся опредѣлить сына въ гимназію, и самому мальчику. Я помню одного, который три года подрядъ держалъ экзаменъ въ первый классъ, послѣдніе два раза получилъ по двѣ пятерки, — и не былъ принятъ. Это былъ щупленькій, блѣдный мальчуганъ, безъ кровинки въ лицѣ, извѣдавшій уже на своихъ плечахъ, не смотря на свои 12 лѣтъ, всѣ прелести русскаго произвола. Онъ многое могъ бы повѣдать либераламъ, что могло бы имъ быть полезно. Каждый день, утромъ, вечеромъ, за обѣдомъ, отецъ твердилъ сыну, что онъ еврей и что забыть ему это преступно и что есть еще другой еврей-конкуррентъ, богатый и вліятельный, съ которымъ тягаться трудно. Достаточно было взглянуть на мальчика, чтобы сказать, что онъ помнитъ завѣтъ отца. Онъ бредилъ уроками, вскакивалъ среди ночи и хватался за книжку, его глаза блуждали... это былъ одинъ издерганный нервъ. Самый экзаменъ тоже обставленъ, какъ слѣдуетъ. Евреевъ экзаменуютъ отдѣльно, имъ задаютъ болѣе трудную диктовку, съ нихъ больше спрашиваютъ и на устномъ испытаніи. Выходитъ педагогъ и читаетъ, что такой-то русскій съ тройкой и четверкой принятъ, а еврей такой-то съ двумя пятерками долженъ ждать особаго совѣщанія. Придетъ несчастный мальчикъ домой и тамъ вскорѣ узнаетъ, что принятъ его конкуррентъ-богачъ потому, что отецъ его подкупилъ директора и т. п. — мерзости безъ конца, волосъ становится дыбомъ. Ну, можно-ли говорить о коренной реформѣ, не разрѣшивъ кореннымъ образомъ еврейскаго вопроса? Возможна-ли сердечная связь, довѣріе, когда дѣти знаютъ, что директоръ — взяточникъ, а такой-то учитель берется за пятирублевый урокъ ублажить директора. Возможны-ли здоровые нравственные устои, когда гимназія превращается въ самый опасный притонъ умственнаго и нравственнаго разложенія, гдѣ развивается и классовой, и національный антагонизмъ, гдѣ втаптываются въ грязь самыя драгоцѣнныя свойства дѣтской души.

---

*) „Поэтому-то намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ интеллигенты приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно [illegible] у нихъ“ („Vademecum“, стр. 44, брошюра извѣстнаго „экономиста“ г. NN).

**) „Пресловутая „непонятливость массъ“, которая постоянно служитъ [illegible] отпугиванія при всякихъ нарушеніяхъ принципа, есть въ сущности не что иное, какъ ограниченность тѣхъ, кто ссылается на эту „непонятливость“, замѣчаетъ совершенно справедливо Роза Люксембургъ по поводу разговоровъ объ „отпугиваніи“ массъ революціонной тактикой (Neue Zeit, 1900-01, ном. 50).

*) См., напр., въ брошюрѣ упомянутаго г. NN, написанной въ отвѣтъ П. Аксельроду („Vademecum“, стр. 46): „Всякая организація важна, но особенно [illegible] организація, захватывающая всѣ стороны жизни рабочаго? [illegible] Стало быть, чѣмъ болѣе [illegible], тѣмъ лучше, тѣмъ „важнѣе“. Оплаченная „наука“ давно увѣряетъ въ этомъ пролетаріатъ, но безуспѣшно. Такъ и [illegible] (стр. 29). [illegible] Въ частности кооперативы, не непремѣнно классовые, играютъ очень крупную роль“ (мнѣніе NN).

Мнѣ пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ евреемъ-купцомъ, педагогомъ и мальчикомъ-евреемъ гимназистомъ, только-что принятымъ въ гимназію и жившимъ у педагога, который и готовилъ мальчика. Педагогъ проливалъ слезы надъ бѣдными евреями: „въ нынѣшнемъ году одна вакансія для евреевъ а 18 прошеній“ (трогательное чувство, вѣроятно, явилось оттого, что онъ бралъ систематически въ долгъ деньги у купц рея). Я высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, поступитъ то кто дастъ большую взятку директору. Педагогъ отвѣтилъ, что ъ вездѣ и повсюду: „не помажешь, не поѣдешь“ и что это дѣ житейское. Я позволилъ себѣ возразить, что уже во всяком лучаѣ не въ школѣ мѣсто такимъ правиламъ; педагогъ замолкъ ужъ больше со мной не говорилъ. Стыдно ему стало? Не аю; вѣрнѣе, онъ рѣшилъ, что я „опасный“ или ужъ очень н ный человѣкъ.

В. С. Арефьевъ, 2 августа въ селѣ Турк Балаш. у., въ Саратовской губ. въ земской больницѣ умеръ ъ мучительной болѣзни (гнойнаго воспаленія средняго уха), пр жавшейся два мѣсяца, Викторъ Севастьяновичъ Арефьевъ. Пок ому было всего 27 лѣтъ отъ роду, а съ 18 лѣтъ онъ уже сч ся поднадзорнымъ. Онъ началъ работать очень рано, лѣтъ 16-17, и съ тѣхъ поръ непрестанно работалъ въ пользу до ой ему идеи, до послѣдняго дня своей жизни. Былъ за эт ри раза въ ссылкѣ: въ Нижнемъ, въ Вяткѣ и въ послѣдній р въ Сибири, откуда вернулся въ сентябрѣ прошлаго года. В ервый разъ онъ былъ взятъ за подстрекательство крестьянъ бунту во время голоднаго года; во второй разъ за то, что скрылъ и огласилъ дѣянія жандармскаго правленія и губернат въ мѣстной газетѣ, и въ третій — за принадлежность къ В кой революціонной организаціи и за печатаніе воззваній земскомъ гектографѣ.

Въ Сибири, въ ссылкѣ онъ тоже непрестанно бор ъ со всякой неправдой и безбоязненно предавалъ гласности все крытыя продѣлки темной силы — администраціи и мѣстныхъ капиталистовъ. За эти разоблаченія полицейскіе чины п екали Арефьева къ суду, который его оправдывалъ въ виду нарy-жившейся правдивости его сообщеній, а высшее началь о гоняло его изъ одной волости въ другую, загнавъ подъ нецъ ссылки въ самую дикую мѣстность.

По возвращеніи изъ ссылки онъ тотчасъ же принялся работу. Покойный былъ убѣжденный соціалистъ революціонер но человѣкъ, чуждый всякой партійности, видѣвшій во вся ъ революціонерѣ, къ какому бы флагу и знамени онъ ни при лежалъ, брата и борца за дорогіе ему свободу и благо нар . Русская революціонная партія понесла въ немъ несомнѣн утрату.

Вѣчная память тебѣ, дорогой, безкорыстный, преданный дру и товарищъ!

Вятскіе „штрейкбрехеры“. Одиннадцать вятскихъ статистиковъ послали харьковскимъ статистикамъ, взявшимъ на себя починъ организаціи бойкота противъ екатеринославскаго земскаго султана Родзянко, очень странное заявленіе. Начавъ съ того, что уже послѣ вступительной рѣчи Родзянко къ земскимъ служащимъ „никто изъ нижеподписавшихся не пошелъ бы на службу къ г. Родзянко“, гг. „нижеподписавшіеся“, тѣмъ не менѣе, находятъ, что екатеринославскій инцидентъ они не могутъ считать „общестатистическимъ дѣломъ, для котораго надо было бы призывать къ заговору противъ г. Родзянко всю земскую статистику“. Въ чемъ же все-таки дѣло? Оказывается, что екатеринославскіе статистики должны были уйти тотчасъ же послѣ того, какъ г. Родзянко потребовалъ отъ нихъ веденія дневниковъ, что они назвали для себя оскорбительнымъ. А такъ какъ екатеринославскіе статистики не сдѣлали этого тотчасъ же, а подождали, пока г. Родзянко не уволитъ ихъ товарищей за неисполненіе своего требованія, то гг. вятскіе статистики находятъ, что „екатеринославская исторія получила не столько общій и принципіальный, сколько личный характеръ, не имѣющій прямого отношенія къ профессіональнымъ интересамъ всѣхъ земскихъ статистиковъ“.

Екатеринославскіе статистики протестуютъ противъ несправедливаго, по ихъ мнѣнію, увольненія ихъ товарищей предсѣдателемъ управы и призываютъ своихъ товарищей въ другихъ земствахъ поддержать ихъ стачку. Гг. вятскіе статистики не рѣшаются отрицать справедливости требованія екатеринославскихъ статистиковъ, но пускаются въ длинныя разсужденія о томъ, что стачку надо было начинать раньше, и кончаютъ тѣмъ выводомъ, что екатеринославская стачка не имѣетъ „прямого отношенія къ профессіональнымъ интересамъ всѣхъ земскихъ статистиковъ“. Лучше нельзя было обнаружить полнѣйшее отсутствіе у вятскихъ статистиковъ какой бы то ни было профессіональной солидарности. Фабричные рабочіе не вдаются въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, рано или поздно устроили ихъ товарищи стачку, но считаютъ долгомъ классовой чести не мѣшать успѣху этой стачки, становясь на мѣста стачечниковъ. Вятскіе статистики въ своемъ пониманіи профессіональныхъ и общенаціональныхъ интересовъ своего „сословія“, какъ видно, очень отстаютъ отъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

Гг. вятскіе статистики находятъ, что бойкотированіе г. Родзянко „мѣра слишкомъ серьезная, чтобы ее можно было примѣнять безъ надлежащаго разбора и соотвѣтствія съ причиной“... „Отказываясь отъ работы въ нѣкоторыхъ земствахъ и заявляя о томъ публично, мы только облегчаемъ этимъ („совершенно чуждымъ статистикѣ“) элементамъ завоеваніе земской статистики, такъ какъ съ одной стороны очищаемъ для нихъ бюро, съ другой — даемъ оружіе противъ себя администраціи и тѣмъ земскимъ управамъ, которыя тяготятся статистиками и не рѣшаются еще пожертвовать опытомъ и знаніями профессіональныхъ статистиковъ и интересами дѣла“.

Очень первобытно разсуждаютъ гг. вятскіе статистики. Администрація и проникнутыя самоновѣйшимъ „благонамѣреннымъ“ направленіемъ земскія управы подняли систематическую травлю земской статистики, норовя согнуть ее въ бараній рогъ и очистить отъ всякой неблагонамѣренной скверны. Въ этихъ видахъ статистическія бюро заполняются проворовавшимися становыми, потерпѣвшими крушеніе волостными писарями и т. п. „благонадежными“ служащими. Въ этихъ же видахъ изъ однихъ статистическихъ бюро всячески выкуриваютъ всякихъ „поднадзорныхъ“, изъ другихъ спеціально „марксистовъ“ и т. д. Вятскіе статистики находятъ, что для того, чтобы не давать повода гг. Родзянко совершать такое „очищеніе“, профессіональные статистики должны сами содѣйствовать введенію въ бюро такого режима, который соотвѣтствуетъ видамъ начальства и ради котораго послѣднее ищетъ себѣ служащихъ среди бывшихъ становыхъ. Стало быть, не борьбой гг. вятскіе статистики думаютъ отстоять свое существованіе, но приниженіемъ своихъ требованій. Боимся, что они прогадаютъ и что въ своемъ стремленіи во что бы то ни стало умиротворить свое начальство, „не давая противъ себя оружіе“, они только поощрятъ его увеличивать свою требовательность и еще болѣе неуклонно проводить политику превращенія земскихъ учрежденій въ самыя обыкновенныя канцеляріи.

Полтава. Въ концѣ марта мѣстный жандармскій полковникъ Гангартъ вернулся съ общероссійскаго съѣзда жандармовъ, умудренный послѣдними выводами жандармской науки и снабженный опредѣленными указаніями на счетъ того, когда слѣдуетъ „тащить“ и когда „не пущать“. И хотя сами жандармы врядъ ли ожидали со стороны полтавскаго населенія какихъ-либо проявленій общественной самодѣятельности, но передъ 18-мъ апрѣля на всякій случай были приняты нѣкоторыя мѣры. На главныя улицы города была выпущена цѣлая свора жандармовъ, постовымъ городовымъ были даны соотвѣтствующія инструкціи, а мѣстами можно было замѣтить трогательную тройку изъ городового, жандарма и „штатскаго“. Въ то же время на Подолѣ, мѣстности, населенной желѣзнодорожными рабочими, каждую ночь поочередно дежу или четыре жандарма, а днемъ желѣзнодорожные жандармы, реодѣтые въ штатское платье, сновали по всѣмъ направленіямъ, буждая этимъ только насмѣшки со стороны знающаго ихъ въ цо населенія. Понятно, что всѣ эти мѣры предупрежденія ни о не могли испугать и ничего не могли предупредить: 18-го омъ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, равно какъ и въ н торыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ, расположенныхъ въ го ру были разбросаны и расклеены прокламаціи. Кромѣ неболь шо количества общерусскихъ прокламацій, отпечатанныхъ въ тип афіи „Южнаго Рабочаго“, было выпущено еще двѣ мѣстныхъ исполненныхъ на гектографѣ.

Болѣе сильное впечатлѣніе прокламаціи произвели на со перв серую массу пришлыхъ бездомныхъ рабочихъ. Среди чихъ лись возгласы, вродѣ того, что „а мы-то, дураки, ничего чего о не знали!“ или „Да бросимъ же работу: что же это ъ сам дѣлъ, рабы мы, что-ли?“

Цѣлъ два дня работа не клеилась: рабочіе собирались кучками, ч ли и обсуждали прокламаціи. Наиболѣе горячія головы рва сь къ демонстраціи.

Возбужденіе, начавшееся среди рабочихъ, сильно обезпокоило желѣзнодорожное начальство. О всемъ происшедшемъ немедленно дано было знать въ жандармское управленіе. Гангартъ пріѣзжалъ лично, отнялъ нѣсколько прокламацій, допрашивалъ нѣсколь [illegible] не добился. Послѣ этого рабочіе еще нѣ лько дней носили прокламаціи съ собой въ мастерскія, а зат растащили ихъ по всему городу: отдѣльные экземпляры попал даже въ казармы. О праздникѣ перваго мая узнали широкіе кіе ли рабочихъ. Кто не читалъ прокламаціи самъ, тотъ слыхалъ нихъ отъ другихъ. И хотя въ изустной передачѣ содержаніе прокламацій принимало нерѣдко фантастическій характеръ, но е и эта передача, возбуждая въ слушателяхъ любознательность, вскорѣ приводила ихъ къ познанію истины. Въ этомъ отношеніи любопытенъ эпизодъ, происшедшій на паровой мельницѣ Молдавскаго. Разсказываютъ, что одинъ рабочій съ этой мельницы, неграмотный хохолъ, подойдя послѣ перерыва на завтракъ къ кучкѣ товарищей, обратился къ нимъ съ такими словами: „де мни вокзальны казали, що тамъ якись письма получены. Пишутъ що изъ губерніи придуть пятьсотъ человикъ, будуть тутъ бунтоваться у Полтави“. Но товарищи, успѣвшіе уже во время перерыва ознакомиться съ содержаніемъ прокламацій, разъяснили ему, въ чемъ дѣло...

Приводимъ присланный намъ обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

7 мая 1901 года среди рабочихъ Обуховскаго сталелитейнаго завода морского вѣдомства, находящагося въ с. Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка, города С.-Петербурга, возникли волненія: они стали собираться группами, а затѣмъ одна группа рабочихъ, въ количествѣ 150 человѣкъ, войдя послѣ обѣденнаго перерыва на дворъ завода, вызвала къ себѣ заводское начальство и, предъявивъ ему требованіе о принятіи на работы обратно 26 человѣкъ, разсчитанныхъ не задолго передъ тѣмъ за прогулъ, стали домогаться, кромѣ того, еще увеличенія заработной платы, установленія восьмичасоваго рабочаго дня и уничтоженія ночныхъ работъ. Сопровождая означенныя требованія дерзкими выходками, рабочіе вслѣдъ засимъ дали самовольно тревожный гудокъ объ окончаніи работъ и, вбѣжавъ съ крикомъ въ мастерскія, путемъ угрозъ заставили прекратить работу тѣхъ сотоварищей своихъ, которые продолжали работать. Шумъ и безчинства, произведенные внутри заводского двора, скоро привлекли къ воротамъ завода множество постороннихъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторые, несомнѣнно, явились съ цѣлью участвовать въ задуманныхъ безпорядкахъ, такъ какъ они всячески пытались проникнуть во дворъ завода, куда ихъ, по распоряженію начальства, не допускали. — Въ это самое время въ толпѣ появился Кронштадскій мѣщанинъ Александръ Михайловъ Ковальскій и, будучи удержанъ сторожемъ Алексѣемъ Курниковымъ, поставленнымъ для охраненія калитки у запертыхъ входныхъ воротъ завода, набросился на упомянутаго Курникова, сбилъ его съ ногъ и нанесъ Курникову девять ранъ въ голову, шею и спину, послѣ чего онъ задержанъ былъ околоточнымъ надзирателемъ Лѣневичемъ. Вскорѣ послѣ этого толпа рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, окончательно прекративъ работу, съ крикомъ ура, гиканьемъ и свистомъ вышла со двора Обуховскаго завода на Шлиссельбургскій проспектъ, производя безпорядокъ и шумъ. Тѣмъ временемъ исправлявшій должность начальника завода подполковникъ Ивановъ далъ знать о происшедшемъ, по телефону, въ мѣстный полицейскій участокъ, откуда сообщено было о безпорядкѣ полиціймейстеру 3-го отдѣленія города С.-Петербурга полковнику Палибину. Въ виду этого названный полиціймейстеръ тотчасъ же прибылъ на мѣсто происшествія въ сопровожденіи эскадрона жандармовъ, 52 пѣшихъ и 19 конныхъ городовыхъ и засталъ на Шлиссельбургскомъ проспектѣ слѣдующее положеніе: въ отношеніи прибывшихъ еще ранѣе чиновъ мѣстной полиціи толпа вела себя крайне вызывающимъ образомъ и осыпала ихъ бранью и насмѣшками, видимо, стараясь вызвать столкновеніе. Замѣтивъ, что прибывшій на мѣсто околоточный надзиратель Костюжко-Валюжиничъ обращаетъ особое вниманіе на одного изъ наиболѣе шумѣвшихъ рабочихъ, нѣсколько человѣкъ послѣднихъ накинулись на Валюжинича съ крикомъ: „ребята, нашихъ хотятъ брат, не давайте“, а вслѣдъ засимъ кто-то изъ означенныхъ лицъ уд ромъ по затылку сбилъ съ ногъ Валюжинича, а другіе рабоч сорвали съ него шашку, сломали ножны объ его голову и к немъ выбили у Валюжинича два зуба. Послѣ того полиціймейстеръ Палибинъ, нарядивъ конные и пѣшіе патрули, сдѣ и распоряженіе о предложеніи скопившемуся народу разойти га очистить проспектъ, но большинство рабочихъ, переходя съ м ди, на мѣсто, явно не желало подчиниться этому требованію, зая асу что они, рабочіе, у себя дома и уходить не намѣрены. По жи. же патрульныхъ раздавались площадныя ругательства и ра- что ни полиція, ни солдаты ничего не значатъ. Отдѣльн ошу бочіе и мелкія партіи ихъ въ нѣсколько человѣкъ, обход асхо- и обгоняя патрульниковъ, громко уговаривали народъ н толпу диться и не поддаваться увѣщаніямъ полиціи и возбужд воихъ, словами: „что же, братцы, неужели мы не постоимъ з этомъ возьмемся же за дѣло, не робѣйте, нашъ возьметъ“. П ихъ за- нѣкоторые изъ шумѣвшихъ высказывали, что толпа з жать, а ступится въ случаѣ попытки полиціи кого-нибудь за ирались другіе брали въ руки камни, размахивали палками рабочіе, задѣть патрульныхъ, крича: „вотъ, какъ обернутся н заведенія такъ мы вамъ покажемъ наши порядки“. Торгов опасенія вдоль Шлиссельбургскаго проспекта были закрыты. тствовать разгрома, но нѣкоторые рабочіе пытались воспр открытія этому распоряженію, требуя съ крикомъ и угроз самое время пивной, чайной и казенной винной лавокъ. Въ эт бутылкою содержателю чайнаго заведенія Матфѣю Сотову ихъ, но же- нанесенъ былъ ударъ по лицу, а одного изъ ра съ крикомъ: лавшаго примкнуть къ прочимъ, толпа преслѣдова имъ мастеро- „если ты мастеровой, то и долженъ быть настоя иться, требо- вымъ“ и, ломясь въ его домъ, куда онъ успѣлъ часовъ вечера вала отъ домохозяина его выдачи. Около шест номъ кар- окончились работы на сосѣдней съ Обуховски скомъ заводѣ, точной фабрикѣ, а также на Александровскомъ нѣсколькими ты- послѣ чего толпа на проспектѣ увеличилась ещ о большинство сячами вышедшихъ оттуда рабочихъ. Посте дагося на прос- производившихъ безпорядки скопилось у нах здной желѣзной пектѣ шлагбаума, ограждающаго переѣздъ по кого рода скоп- дороги черезъ Шлиссельбургскій проспектъ. всякое уличное леніемъ народа окончательно было прекра рулей, которымъ движеніе и остановленъ проѣздъ конныхъ Подошедшій же ва- толпа опускала на головы брусья шлагбаух а немъ чинами по- гонъ конно-желѣзной дороги съ прибывши товленныхъ камней лиціи былъ осыпанъ градомъ заранѣе за ъ штабсъ-капитанъ Для освобожденія проѣзда былъ командир встрѣтила его крикомъ полицейскаго резерва Стаховичъ, но толпа ть винную лавку, а „намъ нужна свобода“ и требованіемъ от ровъ брошенною бу- сопровождавшій Стаховича городовой у нанесенъ рядъ уда- тылкою сбитъ былъ съ ногъ, послѣ чего усиліями удалось вы- ровъ, самому же Стаховичу съ больши тащить его въ середину рваться изъ рукъ рабочихъ, пытавшихся толпы, вооружившейся булыжниками и градомъ камней оттѣснившей нарядъ полиціи. Извѣщенный о происшедшемъ у шлагбаума полиціймейстеръ Палибинъ приказалъ тогда коннымъ жандармамъ силою разогнать толпу, очистить проѣздъ и возстановить движеніе по проспекту. Подъ натискомъ жандармовъ, обнажившихъ шашки, толпа дѣйствительно освободила временно проѣздъ и даже разсѣялась по сосѣднимъ дворамъ, но затѣмъ изъ-за заборовъ и изъ оконъ домовъ съ обѣихъ сторонъ проспекта чины полиціи и жандармы были буквально осыпаны градомъ заранѣе приготовленныхъ камней; большинство же безчинствовавшихъ залѣзло во дворѣ карточной фабрики, заперевъ и забаррикадировавъ изнутри всѣ ворота и выходы, и стало бросать камни и кирпичи оттуда. При такихъ условіяхъ жандармы и конная стража принуждены были отступить, т. к. сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ булыжники пугали лошадей. — Захвативъ имѣвшихся на лицо пѣшихъ городовыхъ, полиціймейстеръ Палибинъ трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ карточной фабрики, съ цѣлью ихъ выломать, большинство сопровождавшихъ его городовыхъ получило ушибы, а самъ онъ былъ сбитъ съ ногъ ударами камней въ голову, спину и ступню. — Ободренная такимъ успѣхомъ, толпа вышла вновь на проспектъ и съ крикомъ: „что теперь сдѣлаете съ нами! если возьмете хоть одного, то мы съ вами раздѣлаемся“, она стала надвигаться на отступающихъ къ Обуховскому заводу чиновъ полиціи, бросая въ нихъ камнями и смѣясь надъ выстрѣлами въ воздухъ, которые городовые принуждены были производить, а оттѣснивъ полицію и жандармовъ въ переулокъ, ведущій къ заводу, толпа и этотъ переулокъ осыпала камнями. Тогда исправляющій должность начальника Обуховскаго завода подполковникъ Ивановъ, опасаясь нападенія на самый заводъ, предложилъ полиціймейстеру Палибину воспользоваться имѣвшеюся на лицо и вооруженною ружьями морскою воинскою командою. Востребовавъ по телефону еще эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ, полиціймейстеръ Палибинъ до ихъ прибытія согласился на предложеніе подполковника Иванова и распорядился выставить прибывшую на мѣсто морскую команду изъ 20 матросовъ у входа въ переулокъ и, открывъ огонь вдоль проспекта, разсѣять наступавшую толпу. Выстроившуюся подъ начальствомъ боцмана Заставнаго команду толпа осыпала камнями, самъ Заставный получилъ при этомъ ударъ булыжникомъ въ лѣвую ногу, а у одного изъ нижнихъ чиновъ перешиблено было ложе ружья, послѣ чего въ толпу дано нѣсколько залповъ боевыми зарядами: толпа разсѣялась, и проспектъ былъ очищенъ. Вскорѣ подошли еще двѣ роты Омскаго пѣхотнаго полка, эскадронъ жандармовъ и 80 человѣкъ городовыхъ, а затѣмъ, по распоряженію полиціймейстера, приступлено было къ заарестованію лицъ, скрывшихся въ сосѣдніе дома, изъ которыхъ были брошены камни. Нѣсколько изъ означенныхъ домовъ оказались запертыми, такъ что пришлось выламывать двери, при чемъ изъ-за заборовъ въ солдатъ и полицію снова брошены были камни, и въ это время, между прочимъ, раненъ былъ конный городовой Николенко при слѣдующихъ обстоятельствахъ: обративъ вниманіе на то, что се

Въ городѣ 18 апрѣля прошло въ общемъ спокойно. Только одну работницу изъ швейной мастерской, прочитавшую во всеуслышаніе подброшенную ей прокламацію, таскали было въ полицію, но вскорѣ выпустили безъ всякихъ послѣдствій. Кромѣ того, въ одной типографіи наборщики, проникшись, подъ вліяніемъ прокламацій, духомъ протеста, потребовали сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ; хозяинъ поспѣшилъ уступить. Черезъ нѣсколько дней послѣ 18-го апрѣля среди обывательской публики, особено въ мелкобуржуазной средѣ, распространился слухъ о томъ, что на первое мая назначенъ „бунтъ" на Рѣзницкой горѣ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, подобныхъ же опасеній были не чужды и сами представители власти.

Только слово „бунтъ" въ слухахъ, имѣвшихъ своимъ первоисточникомъ оффиціальныя сферы, было замѣнено словомъ „демонстрація". Однако, ни ожиданія однихъ, ни опасенія другихъ не оправдались на дѣлѣ. 1 мая прошло еще спокойнѣе, чѣмъ 18 апрѣля. Лишь въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ было разбросано до сотни прокламацій (общерусскихъ, изданіе „Искры"), да десятка полтора первомайскихъ номеровъ „Южнаго Рабочаго". Какъ и первый разъ, прокламаціи вызвали сильное оживленіе, но не повели ни къ какимъ практическимъ результатамъ.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что все это время власти вели себя довольно корректно: не было ни арестовъ, ни даже обысковъ. Правда, за послѣднее время у насъ было и то, и другое, но это не имѣетъ уже прямого отношенія къ событіямъ перваго мая.

Р. S. Вотъ уже два мѣсяца въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ нѣкто Власовъ, отбывавшій въ Полтавѣ гласный надзоръ. Вся вина его состоитъ въ храненіи нѣсколькихъ нелегальныхъ брошюръ. Убѣдившись, что сидѣнію не предвидится конца, Власовъ сталъ требовать освобожденія, угрожая въ противномъ случаѣ голодовкой. На заявленія его, разумѣется, не было обращено никакого вниманія, и съ 25-го Власовъ сталъ голодать. Трехдневная голодовка подѣйствовала: Власовъ освобожденъ.

Кишиневъ. По поводу полученной изъ Петербурга прокламаціи группы студентовъ — членовъ землячествъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ Кишиневѣ состоялся рядъ студенческихъ собраній, пришедшихъ къ нижеслѣдующей резолюціи. Кромѣ того, на дняхъ созвано было собраніе изъ представителей мѣстнаго общества въ числѣ 146 чел. Вопросы, обсужденные на предыдущихъ собраніяхъ, были разсмотрѣны и на этомъ собраніи изъ представителей общества, которые присоединялись къ студенческому протесту и приняли ту же резолюцію, постановивъ придать ей самую широкую гласность (путемъ печати, письменной и устной передачи, созывомъ подобныхъ собраній и т. д.).

Резолюція такова: „Мы, какъ студенты-граждане, выражаемъ свой протестъ и негодованіе противъ возмутительнаго поведенія правительства, выразившагося въ ограниченіи доступа евреевъ въ высшія учебныя заведенія и въ проведеніи (къ тому же административнымъ путемъ) цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, какъ напр., подтвержденіе Боголѣповскаго циркуляра о прикрѣпленіи къ округамъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ духомъ реформъ, намѣченныхъ весною подъ напоромъ студенческихъ и общественныхъ волненій.

„Мы полагаемъ, что студенты и общество должны попрежнему оставаться активными и выставить слѣдующія требованія:

1. Отмѣны стѣсненій въ выборѣ университета.
2. Возвращенія уволенныхъ и отданныхъ въ солдаты товарищей.
3. Свободнаго доступа въ высшія учебныя заведенія всѣмъ, безъ различія религіи, пола и національности.
4. Свободнаго обсужденія реформы печатью и обществомъ".

Новыя рогатки. Новый циркуляръ г. Сипягина преподаетъ мѣстнымъ властямъ „указанія, коими надлежитъ руководствоваться при выдачѣ разрѣшеній на устройство публичныхъ представленій, концертовъ и другихъ увеселеній съ благотворительной цѣлью". Какихъ внутреннихъ враговъ имѣетъ въ виду этотъ новый циркуляръ? Очень многихъ: и голодающихъ крестьянъ, въ пользу которыхъ очень часто устраиваются и должны были устраиваться въ настоящемъ голодномъ году вечера и концерты; и нуждающуюся учащуюся молодежь, противъ которой особо направлены отдѣльные пункты циркуляра, запрещающіе устраивать вечера въ пользу студентовъ безъ разрѣшенія ихъ начальства, а студентамъ — быть устроителями вечеровъ; всякаго рода неоффиціальныя просвѣтительныя общества, которыя добываютъ часть своихъ доходовъ вечеринками; и, наконецъ, революціонныя партіи и организаціи помощи жертвамъ русскаго правительства, которыя, не смотря на всѣ мѣры полицейскаго надзора, ухитрялись кое-что получать съ этихъ вечеринокъ и концертовъ. Новый циркуляръ требуетъ, чтобы прежде, чѣмъ дать разрѣшеніе на устройство представленія, концерта, вечеринки или чтеній, мѣс я власти „удостовѣрялись въ дѣйствительныхъ цѣляхъ, прес уемыхъ оными", т. е. производили сыскъ о „благонадежности" роителей.

Далѣе вводится п ейскій контроль за продажей билетовъ, воспрещается развоз билеты и программы спектакля на домъ, равно какъ раздава хъ постороннимъ лицамъ для распродажи.

Далѣе, уплата одовъ по спектаклю производится также подъ наблюденіемъ значеннаго губернаторомъ лица, которое представляетъ влас ъ „оправдательные документы на всѣ расходы по устройст вечера".

Весь чистый до вручается губернаторскому „наблюдателю", который передае эти деньги губернатору для врученія тому учрежденію, въ у котораго разрѣшенъ вечеръ.

Особый пунк воспрещаетъ произнесеніе на вечерахъ рѣчей, а равно устройс денежныхъ сборовъ.

Жизнь, кон о, не преминетъ обойти всѣ эти новыя рогатки и, въ час сти, сочувствующая русской революціи публика найдетъ возмо сть пополнять и при новыхъ порядкахъ кассы нашихъ орган ій. Новый циркуляръ характеренъ, какъ показатель всей б аничной наглости нашихъ правителей. Назойливая полиц ая опека залѣзаетъ во всѣ углы обывательской жизни, ломая е на своемъ пути. Невинныя вечеринки и представленія от тся подъ надзоръ разныхъ „наблюдателей", шпіонскія способ и которыхъ должны изощряться именно въ дѣлѣ контроля отворительныхъ сборовъ. Вотъ въ разнаго рода акціонерн предпріятія попечительное начальство не пытается лѣзть съ ленными контролемъ. Тамъ оно чрезвычайно „либерально", а оно вмѣшивается только тогда, когда явно запахло уголовщ й, да и вмѣшивается часто затѣмъ только, чтобы затушеват кандальныя злоупотребленія. А мирное дѣло обывательско лаготворительности оно норовитъ совершенно парализовать имъ „наблюденіемъ".

Со ѣмъ русскому обывателю задуматься надъ очень серьезной з чей: при данной наглости правительства и данномъ смиренія ывателей черезъ сколько, примѣрно, лѣтъ мы дождемся распоря ія о томъ, чтобы всякій обыватель представлялъ всѣ свои дома е счета на просмотръ ближайшаго постового городового? ися, что это время не за горами.

ъ сибирской тюрьмѣ. …„Писать много въ этотъ разъ буду, такъ какъ еще не оправился отъ послѣдствій жестокой ки, которой былъ подвергнутъ смотрителемъ-палачомъ Ачинской уѣздной тюрьмы 25 іюня. Пытка надо мной началась часовъ въ 6 вечера послѣ повѣрки, когда за мной пришелъ смотритель со старшимъ и подстаршимъ и тремя конвойными солдатами и приказалъ подъ конвоемъ идти въ контору, гдѣ будто бы меня ожидалъ жандармъ. Не идти подъ штыками было нельзя. Меня вывели на дворъ, и смотритель, обратившись къ конвойнымъ, сказалъ, указывая на меня: „это бунтовщикъ, политическій, бунтуетъ противъ государя императора", и съ этими словами ударилъ меня по головѣ два раза. Я закричалъ: „караулъ, меня бьютъ!" На мой крикъ выбѣжалъ изъ камеры арестантъ, техникъ Петрушъ, и спросилъ: что такое? Бить меня больше тутъ не стали, а, разувъ и обыскавъ, повели въ контору. Тамъ смотритель, оставивъ конвойныхъ и сказавъ имъ, что сейчасъ придетъ жандармъ и будетъ меня сѣчь розгами, завелъ меня въ посѣтительскую и, отославъ лишнихъ людей, оставилъ лишь одного надзирателя, прихвостня Бердина, затворилъ въ посѣтительскую двери и сказалъ мнѣ: „какъ ты смѣлъ дерзнуть разговаривать съ его превосходительствомъ" (наканунѣ я дѣлалъ заявленіе тюремному инспектору и прокурору по поводу условій содержанія и задержанія меня въ тюрьмѣ), и съ этими словами началъ меня бить по лѣвому виску и, ударивъ разъ 6-7, ткнулъ пальцемъ въ лѣвый глазъ и ударилъ еще разъ по этому глазу, отчего онъ совсѣмъ закрылся, а я лишился чувствъ. Въ чувство меня привели холодной водой, которую лили на голову и въ ротъ. Когда я пришелъ въ себя, меня опять смотритель началъ бить по головѣ и по лицу, рвать за волосы, за уши, за щеки, за губы до тѣхъ поръ, пока я снова не лишился чувствъ. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Я бы навѣрное былъ забитъ до смерти, что и твердилъ мнѣ смотритель и даже выхватывалъ изъ ноженъ шашку, говоря, что срубитъ голову, но въ то время пришелъ письмоводитель (это я узналъ потомъ) и помѣшалъ злодѣйскому замыслу смотрителя. Меня еле живого привели въ камеру, въ которой наглухо забили окно, лишили воды, кипятку и прогулки и посадили на „парашу". Когда меня терзали, душа надзирателя, который стоялъ въ нашемъ отдѣленіи, возмутилась звѣрствомъ пытки, и онъ донесъ о случившемся помощнику исправника, а смотрителю заявилъ, что онъ не желаетъ больше служить, ибо не желаетъ идти съ нимъ на каторгу. Смотритель уговаривалъ его остаться, но тотъ отказался. На другой день былъ помощникъ исправника и видѣлъ меня избитаго, и всѣ арестанты видѣли меня избитаго… Что будетъ дальше, не знаю. Теперь часто теряется сознаніе и кружится голова…"

Авторъ письма — ткачъ Никифоръ Маховъ. За стачку въ Ив.-Вознесенскѣ 1898 г. былъ высланъ подъ надзоръ въ Харьковъ. Въ декабрѣ 1899 г. или январѣ 1900 г. былъ арестованъ по обвиненію въ организаціи харьковскаго соціалдемократическаго ремесленнаго союза. До объявленія приговора (въ февралѣ 1901 г.) просидѣлъ въ тюрьмѣ, послѣ чего этапнымъ порядкомъ былъ отправленъ на три года въ Восточную Сибирь. Письмо было имъ написано частному лицу и попало въ редакцію безъ его — Махова — вѣдома и согласія. Редакція.

Изъ Якутска. (Къ положенію ссыльныхъ въ Сибири). Намъ сообщено для огласки письмо къ товарищу одного изъ якутскихъ ссыльныхъ, изъ котораго приводимъ кое-какія выдержки.

…„Повѣришь-ли ты, что со мной тутъ продѣлали! Слушай, и пусть это будетъ въ назиданіе всѣмъ ссыльнымъ. То свидѣтельство о болѣзни, согласно которому я выѣхалъ изъ Верхоянска (въ Якутскъ), было выдано мнѣ фельдшерицей (врача здѣсь нѣтъ), женою одного изъ ссыльныхъ, которая находилась въ постоянныхъ острыхъ отношеніяхъ съ якутскими медицинскими властями изъ-за неисправности въ высылкѣ медицинскихъ средствъ. Вслѣдствіе этого, когда въ срединѣ апрѣля я былъ здѣсь (въ Якутскѣ) освидѣтельствованъ коммиссіей, то эта послѣдняя, какъ разъ въ противоположность указанному свидѣтельству, дала заключеніе, что я „совершенно здоровъ!" Этотъ отзывъ, конечно, отнялъ у меня всякій поводъ для ходатайства о переводѣ (т. е. оставленіи въ Якутскѣ), и привелъ въ смущеніе даже лицъ изъ администраціи. Тогда же я подалъ губернатору заявленіе, что отзывъ коммиссіи, будто я „совершенно здоровъ", не только самъ по себѣ невѣроятенъ, но и невѣроятность его подтверждаютъ также всѣ свидѣтельствовавшіе меня въ Россіи (и при дѣлѣ есть бумага — въ департаментѣ полиціи, вѣроятно) и даже здѣсь лѣтомъ прошлаго года, почему и просилъ помѣстить меня на испытаніе въ гражданскую больницу. Пока это заявленіе разсматривалось (1½ недѣли!), наступила распутица, и отправить меня обратно въ Верхоянскъ (что было уже рѣшено) стало до лѣта невозможнымъ. На прошеніе я отвѣта не получилъ, но полиція помѣстила меня въ городскую больницу, и, какъ я узналъ, это сдѣлано было не для провѣрки указаннаго отзыва коммиссіи, а для того, чтобы „удостовѣриться, нормаленъ-ли я психически", что, будто бы, по заявленію верхоянскаго исправника, подлежитъ сомнѣнію. Въ больницѣ меня помѣстили въ общія палаты (завѣдуетъ больницей врачъ, входившій въ составъ коммиссіи), а не въ психіатрическое отдѣленіе. (Значитъ, люди сами не вѣрятъ въ мою „ненормальность"; но это былъ лишь предлогъ не выпускать меня на волю, что подтверждается также и тѣмъ, что я былъ предупрежденъ о „полномъ подчиненіи больничному режиму"). Сначала недѣли три я лежалъ въ отдѣленіи для нервно больныхъ; затѣмъ, оставивъ свободной эту палату, меня въ числѣ бывшихъ со мною перевели въ другую, гдѣ въ небольшомъ помѣщеніи скопилось болѣе 10 чел. Отчаянная духота и вѣчный кашель больныхъ не давали мнѣ покою и я все время страдалъ безсонницей. Нѣсколько разъ обращался я къ врачу съ просьбой перевести либо въ прежнее отдѣленіе, либо въ другое, гдѣ болѣе спокойно. Врачъ отказывалъ и предлагалъ, если хочу, въ психіатрическое отдѣленіе(!). Но туда я идти не хотѣлъ, такъ какъ, помимо всего прочаго, зналъ отъ сидѣвшихъ тамъ, что отдѣленіе это почти не посѣщается ни врачами, ни фельдшерами. Не видя другого исхода, кромѣ вмѣшательства извнѣ, я отказался отъ пріема пищи и лѣкарствъ, и такъ провелъ четверо сутокъ. Наконецъ, 26 мая, передъ пріѣздомъ генералъ-губернатора, отъ меня уже потребовали перейти въ психіатрическое отдѣленіе, при чемъ не скрыли, что будутъ держать меня тамъ на запорѣ. Увидя въ этомъ уже подвохъ, т. е. желаніе скрыть меня на время пребыванія здѣсь ген.-губернатора и не дать возможности жаловаться, я категорически отказался перейти. Врачъ, какъ я потомъ узналъ изъ частныхъ слуховъ, не считалъ меня ненормальнымъ, не находилъ возможнымъ употребить надо мною насиліе. Однако, не смотря на это, безъ предупрежденія меня, въ палату нагнали цѣлую свору городовыхъ, и квартальный, бывшій во главѣ ихъ, потребовалъ — „добровольно" перейти въ психіатрическое отдѣленіе. Я заявилъ ему, что пока я не выписанъ изъ больницы, съ полиціей дѣлъ по этому поводу не имѣю, и требовалъ для объясненій врача. Но тотъ предпочелъ не явиться. Видя такую наглость, я рѣшилъ запечатлѣть ее сопротивленіемъ, чтобы предать дѣло огласкѣ, и объявилъ, что добровольно не пойду. Тогда на меня, обезсиленнаго четырехъсуточнымъ голодомъ, въ присутствіи больныхъ, въ палатѣ накинулась вся свора городовыхъ… Скоро, конечно, я былъ связанъ и доставленъ куда требовалось. Въ психіатрическомъ отдѣленіи меня не только заперли, но забили даже окно и лишили табаку, книгъ и свиданій. Отказано было и въ выдачѣ письменныхъ принадлежностей для написанія дѣловыхъ бумагъ на имя прибывшаго генералъ-губернатора: — прямо азіатскій клоповникъ! Такъ просидѣлъ я недѣлю, а ген.-губернаторъ при посѣщеніи больницы въ пен-

---

двора дома 3/5 по Станціонной улицѣ бросаютъ камни, означенный Николенко съ другимъ городовымъ подошелъ къ воротамъ и замѣтилъ, что калитку изнутри держатъ нѣсколько человѣкъ, въ виду чего ему пришлось открыть ее силою; когда Николенко входилъ во дворъ, то бывшіе тамъ разбѣжались, за исключеніемъ одного, впослѣдствіи оказавшагося рабочимъ Обуховскаго завода, крестьяниномъ Афанасіемъ Красулинымъ, который сталъ отбиваться отъ городовыхъ и ударилъ Николенко три раза ножомъ въ бокъ, въ лѣвую руку и въ спину. Выстрѣлами воинской команды оказался убитымъ рабочій Обуховскаго завода Павелъ Максимовъ и смертельно ранены рабочіе Николай Евдокимовъ и Адріанъ Рожковъ; изъ остальныхъ же раненыхъ въ толпѣ къ врачебной помощи обратились десять человѣкъ, получившихъ болѣе или менѣе серьезныя пораненія ружейными пулями и сабельными ударами. Раны-же, полученныя при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ сторожемъ Алексѣемъ Курниковымъ и городовымъ Николенко отнесены были врачомъ къ числу легкихъ. Изъ числа должностныхъ лицъ при нападеніи толпы пострадали, независимо Курникова и Николенко, полиціймейстеръ Палибинъ, у котораго оказалась ушибленная рана на головѣ и контузія ступни; помощникъ пристава Войко, получившій сильный ушибъ въ животъ, околодочный надзиратель Костюшко-Валюжиничъ, подпоручикъ Омскаго пѣхотнаго полка Кинареевъ, помощникъ прист. Старцевъ и свыше 15 городовыхъ, получившіе болѣе или менѣе значительные ушибы и ссадины.

На возникшемъ по сему поводу предварительномъ слѣдствіи, кромѣ поименованныхъ Александра Ковальскаго и Афанасія Красулина, нанесшихъ при вышеописанныхъ условіяхъ раны Курникову и Николенко, установлено участіе еще 35 чел. По удостовѣренію чиновъ мѣстной полиціи, въ числѣ лицъ, шедшихъ впереди толпы со двора карточной фабрики и камнями оттѣснявшихъ полицію въ переулокъ къ заводу, находились рабочіе Обуховскаго завода: Александръ Калининъ, Михаилъ Пошехоновъ, Захаръ Анисимовъ, онъ же Андреевъ, Павелъ Константиновъ, Дмитрій Кокушкинъ, Дмитрій Ситниковъ, Дмитрій Саженниковъ, Михаилъ Өедоровъ, Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, и Дмитрій Вересовъ; рабочіе Александровскаго завода: Ефимъ Дахинъ, Николай Чирковъ, Евдокимъ Трушинъ и Виталій Соколовъ; рабочій Путиловскаго завода Константинъ Мѣдинцевъ, бывшіе рабочіе Обуховскаго завода, разсчитанные передъ безпорядками за прогулъ ими 1 мая, Дмитрій Петровъ, Григорій Емельяновъ и Константинъ Стефанъ, а также лица, не имѣющія опредѣленныхъ занятій, дворянинъ Анатолій Гавриловъ, крестьяне Александръ Александровъ, Александръ Даувальтеръ, Александръ Щербаковъ, Александръ Тарасовъ, Александръ Богдановъ, Андрей Чирковъ, Семенъ Машистовъ, Михаилъ Кирилловъ и Иванъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ; изъ нихъ Мѣдинцевъ и Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, по словамъ очевидцевъ Дмитрія Иванова, Анатолія Өедорова и Малафѣя Соловьева, участвовали помимо того и въ нападеніи на винную и чайную лавки. Кромѣ этихъ лицъ, по показанію дворниковъ карточной фабрики Андрея Гаврилова и Павла Петрова, во время безпорядковъ, работницы означенной фабрики Марфа Яковлева и Лидія Бурчевская выбирали изъ мостовой булыжники и въ подолахъ платья подавали ихъ бросавшимъ въ чиновъ полиціи лицамъ, при чемъ Яковлева говорила: ы стоимъ за братьевъ". Означенная Яковлева, по удостовѣренію завѣдующаго домами карточной фабрики Петерса, извѣстна какъ соучастница какихъ-то тайныхъ сборищъ. Далѣе, по замъ ночного караульщика Бельковскаго и сторожа Алексанскаго завода Матеюнаса, лицомъ, ранившимъ полиціймейстера бина, былъ не имѣющій опредѣленныхъ занятій крестьянинъ Ва ій Моисеевъ Багровъ; послѣ безпорядковъ означенный Багро самъ хвастался, что онъ не бездѣйствовалъ, бросая въ полиц камни; однимъ изъ нихъ попалъ въ лошадь какого-то полицей то, а другимъ въ полковника съ длинною черною бородою, такъ о тотъ упалъ и шапка свалилась съ его головы; товарищъ же Багрова, попалъ булыжникомъ городовому въ голову. Незаі имо наложеннаго, въ толпѣ у шлагбаума замѣчены были прика комъ мясной лавки Иваномъ Голубевымъ рабочій Обуховскаго ода Александръ Зайцевъ, бросавшій съ яростью въ полицію ка, и уволенный съ завода Тимофей Завалишинъ, который бросилъ улыжникомъ въ жандармскаго офицера, но промахнулся и попа ишь въ его лошадь. Еще ранѣе, нежели толпа начала бросать полицію камни, городовой Степаненко, между прочимъ, о тилъ вниманіе на рабочаго Обуховскаго завода Николая Вася ва Семенова, который, расхаживая съ булыжникомъ въ рукахъ въ разныхъ мѣстахъ возбуждалъ толпу противъ полиціи сло : „братцы, не поддавайтесь, намъ ничего не значитъ полиція". время безпорядковъ, по показанію городовыхъ Николая Па овича, Ивана Кржеминскаго, Парфена Кузнецова, Іосифа Ста евича, Алексѣя Припадчева и Антона Мегелицы, а также шта -капитана Владиміра Страховича и агента сыскной полиціи Ко антина Швейковскаго, изъ толпы, а равно изъ оконъ дома шлагбаума и дворовъ карточной фабрики раздавались револь ые выстрѣлы. По удостовѣренію же полицейскихъ чиновъ села ександровскаго, въ толпѣ особенно выдѣлялись своею дѣяте стью рабочіе Обуховскаго завода Анатолій Ермаковъ и упомя ый выше Ефремъ Дахинъ, Анатолій Гавриловъ, Иванъ Соловь , онъ же Яблочкинъ, Константинъ Мѣдинцевъ, Константинъ ранъ, Григорій Емельяновъ и Александръ Александровъ; лиц ти выбѣгали изъ толпы и звали ее за собою, подбодряя ее ымъ примѣромъ и подстрекая къ насильственнымъ противъ въ полиціи дѣйствіямъ. Означеннаго Анатолія Ермакова видѣл ъ толпѣ у шлагбаума также и подручная казенной винной и Прасковья Михайлова; замѣтивъ ее, Ермаковъ крикнулъ: чѣмъ закрыли казенки, мы бы выпили для храбрости", а по , обратясь къ толпѣ, онъ взмахнулъ руками и закричалъ: „бр ъ камни", послѣ чего тотчасъ, какъ по сигналу, въ полицей ъ изъ толпы посыпался настоящій градъ камней. У Ермак по словамъ Михайловой, въ квартирѣ хранились прокламаці онъ и ранѣе часто высказывалъ, что добивается политичес свободы и введенія восьмичасоваго рабочаго дня. 22 апрѣля же 1901 г. Ермаковъ ходилъ, съ цѣлью участія въ демонстраціи, на Невскій проспектъ, захвативъ съ собою красный флагъ. Ефремъ Дахинъ замѣченъ былъ во все время безпорядковъ, какъ лицо, принимавшее въ нихъ дѣятельное участіе; по удостовѣренію городового Халдеева, Дахинъ находился въ числѣ рабочихъ, избившихъ околоточнаго надзирателя Костюшко-Валюжинича, и онъ же, Дахинъ, по показанію околоточнаго надзирателя Максимова и помощника пристава Войко, ударилъ послѣдняго желѣзнымъ прутомъ по спинѣ въ то время, когда Войко съ чинами полиціи, подъ натискомъ толпы, принужденъ былъ отступать къ заводу. Изъ остальныхъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ Анатолій Гавриловъ, по словамъ околоточнаго надзирателя Бротовскаго, подстрекалъ народъ бросать камни въ полицію и самъ бросалъ таковые; обстоятельство это удостовѣрено и помощникомъ пристава Келинымъ, въ котораго Гавриловъ бросилъ камнемъ, но не попалъ. Точно также Гаврилова видѣлъ и мѣщанинъ Антонъ Баракъ бѣжавшимъ по Петровскому переулку и кричавшимъ толпѣ: „Чего вы стоите и смотрите? Беритесь за камни". У Гаврилова, по удостовѣренію сторожа Обуховскаго завода Ивана Павлова, незадолго до 22 апрѣля 1901 г. имѣлись воззванія, приглашавшія рабочихъ на означенное число на Невскій проспектъ, для какой-то манифестаціи; одну изъ этихъ прокламацій Гавриловъ передалъ ему, Павлову, съ просьбой бросить ее въ мастерской, упоминая при этомъ, что 22 апрѣля онъ, Гавриловъ, непремѣнно пойдетъ на Невскій проспектъ.

Всѣ вышеуказанныя данныя послужили основаніемъ для привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ… (названныхъ лицъ)… Изъ числа этихъ лицъ одна лишь Марфа Яковлева признала себя виновною, объяснивъ, что она дѣйствовала изъ сочувствія къ рабочимъ, такъ какъ полицейскіе, разгоняя толпившихся на улицѣ, били ни въ чемъ неповинныхъ людей. Что же касается Александра Ковальскаго, то онъ призналъ себя виновнымъ лишь въ нанесеніи ранъ сторожу Курникову, объяснивъ, что совершилъ это преступленіе въ состояніи опьяненія, подъ вліяніемъ происшедшей съ Курниковымъ ссоры, но никакого безчинства онъ не производилъ и въ безпорядкахъ не участвовалъ.

Всѣ остальные обвиняемые виновными себя не признали, пояснивъ, что въ буйствѣ они никакого участія не принимали и на чиновъ полиціи не нападали, причемъ нѣкоторые изъ нихъ сослались на то, что во время безчинствъ они находились неотлучно у себя на квартирахъ, но объясненія эти на предварительномъ слѣдствіи не нашли себѣ достаточнаго подтвержденія.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что изъ числа обвиняемыхъ ранѣе сего понесли наказанія за нарушеніе общественной тишины: Александръ Тарасовъ 6 разъ, Константинъ Мѣдинцевъ 3 раза, Дмитрій Вересовъ и Александръ Щербаковъ по два раза каждый, Константинъ Стефанъ, Николай Семеновъ, Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, Михаилъ Федоровъ и Александръ Богдановъ по одному разу; изъ нихъ Щербакову, за порочное поведеніе, распоряженіемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, воспрещено было жительство въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ хіатрическое отдѣленіе не зашелъ. Потомъ мнѣ открыли окно и разрѣшили табакъ и книги, но свиданій не давали, письменныхъ принадлежностей тоже и изъ-подъ запора не выпускали даже для прогулки. Въ заключеніе врачъ больницы отказался лѣчить меня, говоря, что признаетъ меня здоровымъ. Потомъ сталъ давать только ванны (черезъ день) и валеріянку (!). Но развинченный окончательно организмъ мой, наконецъ, не выдержалъ, и со мной случился припадокъ сердцебіенія, — не знаю прямо, какъ живъ остался; Это было 20 іюня ночью; врачъ и фельдшеръ кое-какъ отходили меня. 23-го меня повезли въ Областное Правленіе, и тутъ, въ присутствіи врачей и чиновниковъ (даже прокурора!), провѣрили отзывъ больничнаго врача о моей психической нормальности, и отсюда уже отвезли прямо въ тюрьму. Значитъ, признали меня во всѣхъ отношеніяхъ здоровымъ и рѣшили отправить обратно уже черезъ тюрьму! Возможности подобнаго случая я повѣрилъ бы, если бы онъ имѣлъ мѣсто въ Персіи или Турціи только! Вотъ, братъ, какія тутъ гнусныя, вопіющія вещи возможны! Сижу въ тюрьмѣ, но мнѣ ничего не объявлено, сказано только въ препроводительной бумагѣ, чтобы „содержать впредь до отправленія въ Верхоянскъ“. Повезутъ-ли меня теперь, лѣтомъ, что очень возможно, разъ возможны и не такія еще вещи, или буду сидѣть здѣсь до самаго пути (съ ноября), — мнѣ неизвѣстно. Путь по болотамъ и тайгѣ верхомъ отчаянный: даже здоровыхъ обыкновенно въ это время (лѣтомъ) не отправляютъ, и меня въ прошлое лѣто не отправили, найдя, по освидѣтельствованіи, неспособнымъ къ этому пути.

На дняхъ объявили, что меня отправятъ въ Булунъ: ужъ сами не знаютъ, куда меня дѣть.

Самара. Поиски террористическаго общества. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ, тотчасъ же послѣ выстрѣла Лаговскаго, служившаго статистикомъ въ Земской Управѣ, жандармерія пришла въ необычайное движеніе. И не мудрено: всю зиму прокуратура получала доносы на мѣстную интеллигентную публику, — а тутъ вдругъ Лаговскій. Изъ Питера полетѣли одна за другой шифрованныя телеграммы съ требованіемъ во что бы то ни стало открыть сообщниковъ Лаговскаго, и вотъ мѣстный жандармскій ротмистръ Битепажъ всей своей грузной и глупой фигурой двинулся въ походъ на обывателей, твердо надѣясь докопаться до самыхъ корней „революціи“ и получить обѣщанную награду — полковничій чинъ. Но увы! Охота до чиновъ у Битепажа велика, а глупость его и того больше! Произведя нападеніе, конечно, прежде всего на служащихъ въ земствѣ и особенно на статистиковъ, Битепажъ ворочался отовсюду съ пустыми руками. Однако, энергія не покидала его, и обыски производились по нѣскольку разъ въ одной и той же квартирѣ; инвентарь почти всѣхъ статистиковъ тщательно пересматривался и переписывался, но „крамолы“ ни въ чемъ не оказывалось. Тѣмъ не менѣе нѣсколько человѣкъ изъ земскихъ служащихъ было все-таки арестовано (Михеевъ, Владиміровъ, Кудряковъ, Вершининъ, И. Кондратьевъ, Колмановъ). Для ареста достаточно было, напр., такого повода: у статистика Кондратьева найдены были тѣ мѣста изъ „Воскресенья“ Толстого, которыя были запрещены русской цензурой; Битепажу показалось это такой революціей, что онъ немедленно арестовалъ Кондратьева. Но когда другіе указали ему, что изъ такой овчинки шубы не сошьешь, а чинъ получить и мечтать нечего, то Битепажъ пришелъ было совсѣмъ въ отчаяніе. Но тутъ его выручилъ какой-то шутникъ изъ шпіоновъ, который подбросилъ ему въ квартиру анонимную записку съ сообщеніемъ, что въ Самарѣ учреждено „анархически-революціонное сообщество“, во главѣ котораго стоитъ Севрюкъ. Жандармское правленіе возликовало, и Битепажъ вмѣстѣ съ подлѣйшимъ изъ мѣстныхъ товарищей прокурора Микулинымъ, сдѣлалъ новое нападеніе, надѣясь на этотъ разъ схватить „революцію“ за „голову“. Однако, и у „главы“ самарской террористической организаціи компрометирующаго найдена была только извѣстная фотографія, изображающая борьбу Финляндіи съ хищнымъ орломъ, вырывающимъ у нея „законъ“. Севрюка, разумѣется, забрали. Въ то же время было взято еще нѣсколько человѣкъ (Юдинъ, Аркамовскій, бывшій казанскій семинаристъ). Въ Бугульминскій уѣздъ была снаряжена цѣлая экспедиція для ловли все тѣхъ же злополучныхъ статистиковъ, бывшихъ на изслѣдованіи. Нечего и говорить, что въ уѣздѣ было терроризовано не только темное крестьянское населеніе (статистиковъ хватали на глазахъ цѣлаго схода въ моментъ опроса крестьянъ), но даже помѣщики. Впрочемъ, большинство послѣднихъ скорѣе радовалось произведенному жандармами набѣгу, такъ какъ разсчитывало, благодаря ему, освободиться отъ переоцѣнки земель. Изъ арестованныхъ въ первую очередь вскорѣ былъ выпущенъ И. Кондратьевъ. Матеріалъ для обвиненія оставшихся подъ арестомъ былъ крайне скуденъ и не давалъ слугамъ престола никакой надежды на повышеніе по службѣ. Сначала къ арестованнымъ торжественно предъявлялось обвиненіе въ участіи въ террористической организаціи; когда же дѣло доходило до подтвержденія такого обвиненія, то въ рукахъ Битепажа не оказывалось никакихъ доказательствъ. Арестованные (почти всѣ рецидивисты

очень часто отвѣчали на обвиненія и щиками или же яростно
нападали на зарвавшихся мерзавцев ѣдователей. Особенно
обидными для жандарскаго мундира лись „дерзости“ одного
изъ сидящихъ (Акрамовскаго), когда он исьменно обращался въ
жандармское управленіе съ просьбой со ить, какъ чувствуетъ
себя его собака, оставшаяся на волѣ — инственное его „иму-
щество“, или же проситъ дать ему свид съ ней!

Къ маю мѣсяцу начальникъ жандарм о управленія полков-
никъ Дьяковъ былъ переведенъ въ Сарат а его мѣсто въ Са-
марѣ занялъ Клыковъ — плюгавый старик а, извѣстный своею
шпіонской дѣятельностью по Кіеву и дру ъ городамъ. Подъ
руководствомъ новаго начальника Битепа рѣшилъ попытать
счастья еще разъ. На этотъ разъ на помощ му пришелъ добро-
волецъ-шпіонъ, — директоръ мужской гимна Илья Рѣдниковъ.
Еще въ апрѣлѣ этотъ царскій лакей, прис вуя на засѣданіи
мѣстнаго общества поощренія высшаго обр ванія, произнесъ
рѣчь, въ которой потребовалъ, чтобы всѣхъ тудентовъ, замѣ-
ченныхъ въ участіи въ послѣднихъ безпоряд ъ, общество ли-
шило пособій, стипендій и вообще всякой пом . Надо отдать
справедливость директору-шпіону: внося свое гн ое предложеніе,
онъ понялъ смыслъ царской болтовни о „серд мъ попеченіи“
гораздо вѣрнѣе, чѣмъ большинство нашихъ ли аловъ, считая
въ томъ числѣ и многихъ студентовъ. Но, кон о, такое гнус-
ное прислуживаніе нагайкѣ и кнуту со стороны итателя юно-
шества (кстати сказать, безпробуднаго пьяницы и таяннаго раз-
вратника, извѣстнаго своими грязными похожде и всему го-
роду) не должно было остаться безъ отвѣта. Че , нѣсколько
дней онъ получилъ письмо, въ которомъ молодежь давала его
лакейству должное. Письмо это Илья Рѣдниковъ тчасъ же
отправилъ въ жандармское управленіе, и вотъ 30 предпри-
нята была новая облава — на этотъ разъ по прен ству на
молодежь. Экспедиція вышла довольно шумной для шего ти-
хаго города: забрали больше 20 чел. студентовъ и ги зистокъ,
совсѣмъ еще юныхъ. Но добычи все-таки взято был немного.
У одного студента взяли отвѣтъ Толстого Синоду, перв номеръ
„Рабочей Газеты“ и еще нѣсколько нелегальныхъ бумаг у дру-
гихъ находили тоже нѣкоторыя нелегальныя изданія, но бенно
обрадовала ихъ неожиданная находка у юной дѣвицы Х осто-
вой — письмо ея къ сестрѣ, въ которомъ прямо сообща что
въ Самарѣ организовано сообщество революціоннаго св тва,
при чемъ было указано нѣсколько фамилій. Это дало дъ
сдѣлать новый набѣгъ на Управу: были обысканы оцѣноч та-
тистическое отдѣленіе и дорожное, при чемъ у запертыхъ ст въ
безцеремонно сламывались замки. Нелегальнаго не было най о

ничего, но, тѣмъ не менѣе, въ тюрьму были засажены еще
йля лица: А. Шлихтеръ, Ивлiевъ, Португаловъ, К. Медыщ
Т Семеновъ (привезенъ изъ Смоленска), Веденяникъ, Рейссъ,
шевъ, Рейтлингеръ и другіе и гимназистка Н. Николева.
на этотъ разъ ликованіе Битепажа было преждевременное: смотря на указанія въ письмѣ, матеріала для „созданія“ революціонной организаціи было очень мало. Многимъ изъ арестованныхъ не стоило ни малѣйшаго труда доказать усердному царскому слугѣ, что его дѣйствія на основаніи наивнаго и явно нелѣпаго письма дѣвочки могутъ вызвать одинъ только смѣхъ. Особенно комично было поведеніе жандармеріи по отношенію къ Семенову, которому приписывалось руководительство самарской организаціей въ то время, когда онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выѣхалъ изъ Самары. Одинъ изъ арестованныхъ студентовъ (Ивлiевъ) оказался больнымъ въ послѣднихъ градусахъ чахотки и, не смотря на это, его держали довольно долго; выпустили только тогда, когда онъ окончательно слегъ и по городу стали циркулировать слухи, что держатъ въ тюрьмѣ умирающаго. Большую часть плѣнниковъ продержали до средины іюля; къ этому времени остались студентъ Веденяникъ и двѣ дѣвицы-гимназистки — Хворостова и Николева. Изъ взятыхъ раньше сидитъ только статистикъ Кудряковъ, такъ какъ, говорятъ, его паспортъ былъ найденъ у Лаговскаго. На дняхъ была арестована петербургская курсистка Лебедева по приказу изъ Петербурга.

Демонстрація въ Кишиневѣ. 11 сентября изъ Кишинева высылали въ Вятскую губ. на три года по дѣлу послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ бывшаго одесскаго студента Домбровскаго. По этому случаю были заранѣе разбросаны прокламаціи, приглашавшія публику на демонстрацію. На вокзалѣ собралось провожать высылаемаго чел. 60-80. Когда товарищи стали прощаться съ уѣзжавшимъ, жандармы начали выхватывать изъ толпы и арестовывать по одному человѣку. Толпа заволновалась. Раздались привѣтствія высылаемому: „прощай, товарищъ, жертва произвола русскаго самодержавія!“ Въ отвѣтъ на это жандармы снова схватили одного человѣка и потащили его въ жандармскую комнату, гдѣ вмѣстѣ съ багажными стали его избивать. По отходѣ поѣзда толпа заявила, что не уйдетъ съ вокзала, пока освободятъ арестованнаго товарища. Жандармы обнажили шашки и при помощи вооружившихся палками багажныхъ стали б безоружную толпу. Одну женщину ударили по головѣ, одинъ получилъ ударъ по лбу и щекѣ; кровь съ него лилась ручьями. Одному рабочему шашкой разсѣкли руку. Все это возмутило постороннюю публику, бывшую на вокзалѣ, которая стала требовать, чтобы ее записали свидѣтелемъ того, что жандармы били ни въ чемъ неповинныхъ людей. Публика силой ворвалась въ жандармскую комнату, гдѣ находились арестованные, и была переписана въ качествѣ свидѣтелей. Затѣмъ, забравъ съ собой арестованныхъ, толпа двинулась въ городъ къ квартирѣ губернатора, чтобы заявить протестъ. На улицѣ къ толпѣ присоединилось много рабочихъ. Дойдя до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, толпа подошла къ квартирѣ редактора „Бессарабца“, извѣстнаго негодяя и антисемита, гдѣ перебила стекла при крикахъ: „долой Крушевана“. Затѣмъ толпа подошла къ дому губернатора и стала его требовать, но онъ не вышелъ. Когда появился отрядъ конной и пѣшей полиціи, толпа разсѣялась.

На третій день послѣ этого начались аресты и обыски у лицъ, записанныхъ на вокзалѣ. Говорили, будто администрація хотѣла замять дѣло, но редакторъ „Бессарабца“ подалъ доносъ въ СПБ, вслѣдствіе чего и начались аресты. Въ ночь арестовъ по городу распространены листки (ном. 3) „Группы объединеннаго протеста“, не смотря на то, что вся полиція была на сторожѣ. Въ боковыхъ улицахъ останавливали и обыскивали прохожихъ. На вопросъ: „чего ищете?“ полиція отвѣчала: „бумаги разбрасываете“. Для разбора дѣла назначенъ товарищъ прокурора Шелухинъ, извѣстный юдофобъ и близкій другъ Крушевана и сотрудникъ его въ „Бессарабцѣ“. Онъ-то будетъ вести слѣдствіе о демонстраціи противъ Крушевана!

Въ заключеніе — интересный эпизодъ изъ области добровольнаго сыска. Есть здѣсь благотворительное общество „Бессарабецъ“, въ которомъ дѣйствуетъ тотъ же Крушеванъ. Секретаремъ общества служилъ нѣкто Каминскій, арестованный за демонстрацію. На второй день послѣ его ареста, во время засѣданія благотворительнаго общества, съ вокзала зовутъ по телефону Каминскаго. Одинъ изъ членовъ благотворительнаго общества, г. Щербанъ, отвѣчаетъ, что онъ — Каминскій. Говорившая, однако, зная голосъ Каминскаго, не повѣрила. Тогда другой членъ, г. Пронинъ, отвѣчаетъ по телефону, что завтра въ 4 часа Каминскій будетъ здѣсь. Засимъ гг. благотворители даютъ знать объ этомъ въ Жандармское Управленіе, и на завтра къ 4 часамъ въ квартирѣ благотворительнаго общества засѣлъ приставъ съ городовымъ. Однако, никто не пришелъ, и полиція осталась съ носомъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Нижній Новгородъ. 12 августа распространена прокламація между служащими на трамваѣ, приглашающая ихъ къ ччкѣ. Въ числѣ 18 выставленныхъ въ прокламаціи и приняхъ рабочими требованій отмѣтимъ требованіе 11-ое („чтобы о уничтожено запрещеніе курить, разговаривать и здороваться со знакомыми“) и 14-ое („чтобы обращались вѣжливо, на „в“). Остальныя требованія касаются рабочаго дня, заработной пл, праздничнаго отдыха, штрафовъ и т. п. 16 августа рабочіе предъявили эти требованія директору. Послѣдній, вмѣсто объясненій, вызвалъ по телефону жандармовъ. Жандармскій полковникъ грозилъ рабочимъ высылкой, арестомъ, обѣщалъ даже „выс“. Четверо зачинщиковъ было тотчасъ же разсчитано и „порядокъ водворенъ“ — только на долго-ли? Въ теченіе лѣта агитац велась еще среди типографскихъ рабочихъ (выпущены двѣ прокламаціи). „Письмо товарища къ нижегородскимъ ремесленникамъ“, изданное 17 мая, приглашающее многочисленныхъ ниже ремесленныхъ рабочихъ къ борьбѣ съ хозяевами, ходи по мастерскимъ до сихъ поръ, вызывая много разговоровъ.

Орѣхово-Зуево. Намъ пишутъ: Въ виду того, что за последнее время „Искра“ широко распространяется въ Орѣхово-Зуевѣ и намъ нѣтъ возможности предупредить всѣхъ товарищей гласно, мы просимъ напечатать, чтобы остерегались слѣдующихъ лицъ: М. Агаповъ (подмастерье), небольшого роста, рябой, толстыя губы, на лицѣ нѣсколько поросшихъ бородавокъ, говоритъ скороговоркой и при разговорахъ слюнявится, лѣтъ 35, русый. Раз — старообрядческій миссіонеръ, служитъ у жандармовъ, имѣетъ часто собесѣдованія въ Орѣховѣ съ православнымъ миссіонеромъ Николаевымъ; И. С. Саповъ служитъ въ хозяйской харчевой лавкѣ въ мясномъ отдѣлѣ сторожемъ при дверяхъ, черный, взглядъ свирѣпый, проницательный, говоритъ басомъ, отрывисто, ростъ средній; В. П. Мазуринъ — постоянно ораторствуетъ въ отхожемъ мѣстѣ на фабрикѣ о соціализмѣ и притѣсненіяхъ; что выѣдаетъ, тотчасъ же сообщаетъ; роста ниже средняго, говоритъ въ носъ, тщедушный. Предупреждаемъ Владимірцевъ-на-Клязьмѣ, что Дмитрій Ниткинъ (см. ном. 6 „Искры“) теперь уже служитъ урядникомъ во Владимірѣ. — „Искра“ у насъ читается на расхватъ, и сколько доставлено, вся находится въ ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный подъемъ у рабочихъ. Особенно много толкуютъ по поводу статьи по крестьянскому вопросу въ ном. 3, такъ что требуютъ доставить этого номера. А на частномъ собраніи рабочіе выразили желаніе, чтобы „Искра“ напечатала еще нѣсколько статей по этому вопросу.

Много сужденій по поводу столкновеній рабочихъ съ полиціей и войскомъ въ СПБ. Эти столкновенія являются только началомъ общаго такого движенія, такъ что орѣховскіе рабочіе не заблуждаются, если говорятъ, что тутъ такое столкновеніе въ будущемъ неизбѣжно, но что оно будетъ болѣе жестокимъ и что идти противъ вооруженной силы съ пустыми руками не слѣдуетъ, но „дубина и штыкъ — одно и то же“.

Иваново-Вознесенскъ. Въ настоящее время у насъ настало гоненіе на всѣхъ рабочихъ, которые, будучи прилично одѣтыми, выглядятъ не совсѣмъ глупыми. Каждый фабрикантъ приказалъ секретно своимъ завѣдующимъ, чтобы они принимали рабочихъ, только осмотрѣвъ ихъ съ головы до ногъ. И если который хорошо одѣтъ, то гнать его въ шею съ фабрики. Поневолѣ приходится одѣваться въ „котовскую“ (босяцкую) одежду. Но если плохо принимаютъ мужчинъ, то охотно раскрываютъ фабрику передъ женщинами, и это понятно: женщина пока еще все терпитъ молча. Въ Богородскѣ Захаръ Морозовъ отдаетъ особое предпочтеніе рязанскимъ, какъ болѣе темнымъ.

Надзоръ надъ рабочими усиливается. На одной фабрикѣ недавно у входа сторожемъ обысканъ пришедшій въ казарму рабочій, желавшій собрать кое-какія свѣдѣнія. По какому это праву? Ивановскій городской голова Дербеневъ на своей фабрикѣ изнуряетъ рабочихъ сверхъурочными работами, длящимися иногда всю ночь. — На фабрикѣ Бурылина практикуется въ широкихъ размѣрахъ обсчитываніе рабочихъ при выдачѣ заработка.

Богородскъ. Глуховская мануфактура въ Богородскѣ, занимающая 13.000 рабочихъ и являющаяся однимъ изъ самыхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній въ Россіи, слыветъ въ оффиціальномъ мірѣ „благоустроенной“ мануфактурой, образцомъ похвальной хозяйской заботливости о рабочихъ. Корреспонденція въ ном. 8 познакомила читателя съ одной стороной дѣйствительной жизни богородскихъ рабочихъ, — съ квартирными условіями. Здѣсь мы разскажемъ, руководствуясь присланнымъ намъ отъ мѣстныхъ товарищей сообщеніемъ, объ условіяхъ труда въ Глуховской мануфактурѣ.

Санитарныя условія безобразны, особенно въ красильной мастерской, гдѣ и работа не безопасна вслѣдствіе нерадивой постройки зданія и недостаточнаго ремонта: потолокъ началъ проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не отстроганы;

по 11 августа 1902 года. Независимо сего, обвиняемый Анатолій Гавриловъ ранѣе сего судился пять разъ экипажнымъ и военно-морскимъ судами, за неисправимо дурное поведеніе, промотаніе казенныхъ вещей и оскорбленіе своего непосредственнаго начальства, и отбывалъ наказаніе въ дисциплинарномъ батальонѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) крестьянинъ Анатолій Ивановъ Ермаковъ, 22 лѣтъ, мѣщанинъ Константинъ Ивановъ Стефанъ, 36 лѣтъ, крестьянинъ Иванъ Ильинъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, 24 лѣтъ, мѣщанинъ Ефремъ Степановъ Дахинъ, 30 лѣтъ, дворянинъ Анатолій Ивановъ Гавриловъ, 32 лѣтъ, крестьяне Константинъ Ивановъ Мѣлянцевъ, 18 лѣтъ, Василій Моисеевъ Багровъ, 28 лѣтъ, Григорій Емельяновъ, 28 л., Александръ Александровъ, 22 лѣтъ, мѣщанинъ Николай Васильевъ Семеновъ, 18 лѣтъ, крестьянинъ Александръ Андреевъ Зайцевъ, 25 лѣтъ, мѣщанинъ Александръ Савельевъ Калининъ, 30 лѣтъ, мѣщанинъ Тимофей Степановъ Завалишинъ, 29 лѣтъ, крестьяне Михаилъ Петровъ Пошехоновъ, 26 лѣтъ, Захаръ Анисимовъ, онъ же Андреевъ, 26 лѣтъ, мѣщанинъ Павелъ Александровъ Константиновъ, 27 лѣтъ, крестьяне Дмитрій Карповъ Кокушкинъ, 19 лѣтъ, Дмитрій Михайловъ Ситниковъ, 26 лѣтъ, Дмитрій Васильевъ Саженниковъ, 17 лѣтъ, мѣщане Михаилъ Дмитріевъ Федоровъ, 18 л., Иванъ Николаевъ, онъ же Ивановъ, 18 лѣтъ, крестьяне Дмитрій Никитинъ Вересовъ, 20 лѣтъ, Николай Ивановъ Чирковъ, 21 года, Евдокимъ Григорьевъ Трущинъ, 18 лѣтъ, Виталій Ефремовъ Соколовъ, 25 лѣтъ, мѣщанинъ Дмитрій Игнатьевъ Петровъ, 29 лѣтъ, крестьяне Александръ Александровъ Даувальтеръ, 20 лѣтъ, Александръ Ивановъ Щербаковъ, 24 лѣтъ, Александръ Степановъ Тарасовъ, 23 лѣтъ, Александръ Елисѣевъ Богдановъ, 25 лѣтъ, Андрей Ивановъ Чирковъ, 17 лѣтъ, Семенъ Петровъ Машистовъ, 22 лѣтъ и Никитинъ Красулинъ, 35 лѣтъ, — въ томъ, что 7 мая 1901 года, въ селѣ Александровскомъ, Шлиссельбургскаго участка города С.-Петербурга, по предварительному между собою уговору, и совокупно съ другими, слѣдствіемъ необнаруженными лицами, они, послѣ произведеннаго на Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ безпорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургскомъ проспектѣ, встрѣтили явившихся для водворенія спокойствія чиновъ полиціи и воинской команды, крикомъ и бранью, и, оказавъ явное противодѣйствіе предъявленному къ нимъ требованію разойтись и прекратить буйство, а также сопротивленіе задержанію виновныхъ въ этихъ безпорядкахъ, совокупными силами произвели открытое нападеніе на вооруженные отряды полиціи и воинской команды, камнями оттѣснили таковые въ переулокъ къ Обуховскому заводу, а затѣмъ проникли внутрь и бросали въ нихъ булыжниками до тѣхъ поръ, пока не были разсѣяны залпами подоспѣвшей на мѣсто морской команды, причемъ во время описанныхъ выше безпорядковъ нѣкоторымъ полицейскимъ нижнимъ чинамъ причинены были болѣе или менѣе значительныя поврежденія, а поименованные обвиняемые Анатолій Ермаковъ, Ефремъ Дахинъ, Анатолій Гавриловъ, Иванъ Соловьевъ, онъ же Яблочкинъ, Константинъ Мѣлянцевъ, Константинъ Стефанъ, Григорій Емельяновъ и Александръ Александровъ [illegible]

качествѣ зачинщиковъ совершеннаго преступленія. Означе
преступное дѣяніе предусмотрѣно ст. 13 и 263 Улож. о Н
2) Мѣщанинъ Александръ Михайловъ Ковалевскій, 25 лѣтъ, въ
томъ, что тогда же и тамъ же, по уговору съ другими л ами
явился на мѣсто преступленія, для участія въ задуманно на-
сильственномъ противодѣйствіи чинамъ полиціи и воинск ко-
манды, и, желая проникнуть на заводъ, куда его не пр калъ
сторожъ Алексѣй Курниковъ, въ намѣреніи лишить по днаго
жизни, въ состояніи запальчивости и раздраженія, нанес му но-
жемъ въ голову, шею и спину 9 ранъ, но намѣренія с го вы-
полнить не успѣлъ, будучи задержанъ подоспѣвшими ч ами по-
лиціи. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 13, 266, 9 2 ч. ст
1455 Улож. о Наказ. 3) Поименованный выше Афан й Ники-
тинъ Красулинъ обвиняется также и въ томъ, что да же и
тамъ же, съ цѣлью лишить жизни пытавшагося ар овать его
городового конно-полицейской стражи Матвѣя Нико о, нанесъ
послѣднему ножемъ три удара въ руку, спину и бо но не до-
стигъ своей цѣли по независѣвшимъ отъ воли ег бстоятель-
ствамъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 9 и я 1455 ст
Улож. о Наказ. и 4) крестьянки Марфа Яковлева Н ева, 18 л.
Лидія Кириллова Бурчевская, 18 лѣтъ, обвиняются томъ, что
тогда же и тамъ же, по уговору съ другими лица съ цѣлью
оказать имъ содѣйствіе къ совершенію описанна ыше напа-
денія на полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, доставляли
своимъ соучастникамъ булыжники, которые были мъ брошены
въ полицейскую и воинскую комнату. Престу ие это пред-
усмотрѣно 4 п. 13 и 263 ст. Улож. о Наказ.

А потому и на основаніи 201 ст. Уст. Угол. Суд обвиняемые
подлежатъ суду С.-Петербургской Судебной Па съ участіемъ
сословныхъ представителей. Составленъ іюля дня 1901 г. въ
городѣ С.-Петербургѣ. Подлинный подписалъ оварищъ проку-
рора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда В. Арнольдъ.

Свидѣтели:

1. Генералъ-маіоръ Геннадій Александрови Власьевъ, началь-
никъ Обуховскаго сталелитейнаго завода. 2. Подполковникъ Кон-
стантинъ Власьевичъ Ивановъ, помощникъ начальника Обухов-
скаго завода. 3. Александръ Степановичъ ловъ, завѣдующій
мастерскою Обуховскаго завода. 4. Полков Владиміръ Петро-
вичъ [illegible], полицеймейстеръ 3 [illegible] 5. Помощникъ при-
става Шлиссельбургскаго участка Нико Ивановичъ Келинъ.
6. Старшій береговой боцманъ Георгій П въ Заставной, Обу-
ховскій заводъ. 7. Матросъ 1 [illegible] кипажа Иванъ Еро-
фѣевъ Витушечко, Обуховскій заводъ. Полицейскій надзира-
тель Шлиссельбургскаго участка Констан ъ Михайловъ Дѣне-
вичъ, чрезъ начальство. 9. Алексѣй Е евъ Курниковъ, сто-
рожъ Обуховскаго завода. 10. Петръ имовъ Дороховъ, сто-
рожъ Обух. зав. 11. Василій Ива сторожъ Обух. зав

щели между досками по вершку (сдѣлано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку, изъ-подъ пола идутъ удушливыя испаренія: вентиляція недостаточна; на стѣнахъ и потолкѣ плѣсень. „Всюду стоитъ пыль непроходимая", пишетъ корреспондентъ.

Все это не гдѣ-нибудь въ глуши, а въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы, въ Московской губерніи, интересы которой правительство близко принимаетъ къ сердцу, держа ее на положеніи „усиленной охраны". Какъ видно, „охраняя" губернію, да еще усиленно, позабыли объ охранѣ жизни и здоровья рабочихъ.

Работаютъ на Глуховской мануфактурѣ тремя смѣнами, такъ что каждый рабочій работаетъ одинъ день 12 час., а слѣдующій — 6 час. Заработокъ ткачей равенъ 14-18 руб. въ мѣсяцъ, при сильныхъ штрафахъ, гнилой основѣ и утокѣ (благодаря чему, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, зубы рабочаго начинаютъ гнить черезъ мѣсяцъ). Заработокъ другихъ рабочихъ не поднимается выше 28-30 руб. (накатчики). Красильщики получаютъ 45-53 коп. въ день.

Въ зимнее время (съ 1-го октября) заработокъ ткачей сокращается до 12-14 руб., благодаря тому, что идетъ самый скверный хлопокъ (кокандскій). „Въ это время частые штрафы, доходящіе до 2 руб." Также часты разсчеты до срока найма и всякія прижимки: „За опозданіе на 5 мин. штрафуютъ до 20 коп., а сами машину пускаютъ на полчаса раньше и останавливаютъ минутъ на 20 позднѣе".

Но если милліонеръ Захаръ Морозовъ не стѣсняется прибѣгать къ воровскимъ пріемамъ выжиманія прибыли изъ рабочихъ, то онъ же и обращается съ рабочими, какъ съ крѣпостными. „У насъ хозяинъ страшно любитъ стегать плеткой и до сихъ поръ не бросаетъ своего варварскаго обычая". Боимся, что при такой „страшной любви" г. Захаръ Морозовъ не броситъ своего „обычая" прежде, чѣмъ его самого не отстегаютъ рабочіе и, признаться, удивляемся, какъ это до сихъ поръ послѣдніе не примѣнили этого средства, которымъ въ былое время иногда крѣпостные заставляли своего мучителя-помѣщика отказаться отъ предмета своей „страшной любви". 18 іюля Морозовъ встрѣтилъ четырехъ возвращающихся изъ города рабочихъ; изъ кармана у одного торчала „монополька". Рабочіе направились въ купальню. „Но тутъ налетѣлъ, какъ ястребъ, самъ опричникъ Морозовъ и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: „что же вы заставляете хозяина бѣгать за собой? Всѣ деньги проживаете въ городѣ, а не у меня", а затѣмъ отправилъ ихъ въ сторожку". Итакъ, у г. Захара Морозова рабочіе обязаны „проживать" все заработанное въ его же лавкахъ и за нарушеніе этой обязанности могутъ попасть подъ арестъ. Знаетъ-ли объ этомъ фабричная инспекція? Или она дожидается, чтобы глуховскіе рабочіе при случаѣ разнесли морозовскія лавки? Не будетъ удивительно, если такіе „патріархальные" порядки приведутъ къ такому же патріархальному результату, какъ это бывало уже во многихъ мѣстахъ.

Продолжимъ, однако, описаніе кнутобойства г. Морозова. „Самъ Морозовъ часто ходитъ въ фабрикѣ между станками съ засунутой за голенищемъ плеткой, и если увидитъ, что ткачъ распускаетъ рвань со шпули, то съ остервенѣніемъ наноситъ ему ударъ плеткой, штрафуетъ и прогоняетъ съ работы". Одинъ ткачъ, котораго Морозовъ въ 1895 г. избилъ плеткой, „оказался не дуракъ и подалъ въ судъ. Дѣло попало въ трехъ судахъ, наконецъ, Морозовъ, тяжело вздыхая, сказалъ: я бы лучше сдѣлалъ золотого ткача, чѣмъ мнѣ стоили эти суды". Плетка [illegible] ходу также среди десяти „объѣздчиковъ", содержимыхъ Морозовымъ. Повидимому, безпорядки въ Екатеринославѣ и въ [illegible] графа Гибоньера, вызванные неистовствами подобныхъ „объѣздчиковъ", не заставили задуматься московскихъ тузовъ, что такой способъ „поддержанія порядка" представляетъ оружіе обоюдоострое.

Въ фабричной больницѣ „живая умора, а не поправка". Еще бы! Кормятъ больныхъ [illegible] — все прокислыми!

О рабочихъ корреспондентъ пишетъ: „Они не пугливы, особенно молодежь, но бѣда въ томъ, что всякій протестуетъ въ одиночку и требуетъ разсчета, котораго ему иногда не выдаютъ.

„Есть у насъ библіотеки. И, конечно, часто бываетъ желаніе прочесть что-нибудь поинтереснѣе. Отправится кто-нибудь изъ насъ за книжкой, смотришь, — тащитъ оттуда какую-нибудь сказку, и нельзя сказать, что онъ радъ ей. Даже Достоевскаго нѣтъ, а о какихъ-либо Шелгуновыхъ и Писаревыхъ забудь и думать. Одинъ изъ рабочихъ какъ-то спросилъ Дарвина, но на его вопросъ только разинули ротъ. Преимущественно даютъ книги, которыя старательно отупляютъ мысли рабочаго, и безъ того забитаго, а книжки религіозно-нравственнаго содержанія молодежь читать не будетъ, она точно чутьемъ слышитъ ихъ отупляющее и вредное направленіе. Тайныхъ библіотекъ пока нѣтъ, а потому нѣтъ никакой возможности удовлетворить проявляющееся стремленіе къ знанію".

Тамбовъ. Стачка въ тамбовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. 29-го іюля въ кузнечномъ цехѣ было вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорилось, что по примѣру саратовскихъ вагонныхъ мастерскихъ вводятся новыя правила о штрафахъ*) 3 августа послѣ обѣденнаго гудка собрались рабочіе въ одномъ изъ отдѣленій; стали раздаваться голоса: пускай гудитъ гудокъ, а мы работать не пойдемъ. Эта маленькая кучка рабочихъ все увеличивалась, а черезъ нѣсколько минутъ тѣ рабочіе, которые начали было работать, вышли изъ своихъ отдѣленій и двинулись на площадь двора. Старшій мастеръ Мыльниковъ приблизился къ нимъ, сталъ упрашивать стать на работу и спрашивалъ, чѣмъ рабочіе недовольны. Когда ему объяснили, въ чемъ дѣло, Мыльниковъ сталъ доказывать, что объявленіе о штрафахъ повѣшено для пользы рабочихъ: вы-де, господа, будете больше работать и меньше спать, а поэтому зарабатывать будете больше. На это нѣкоторые рабочіе отвѣчали ему, что не видятъ для себя пользы въ новыхъ правилахъ о штрафахъ: насъ будутъ штрафовать и увольнять за то, что мы опоздали на 5 минутъ, — и это для насъ польза! Пришелъ начальникъ мастерскихъ Зубковъ; ему рабочіе единодушно заявили, что не станутъ на работу, пока не будутъ отмѣнены правила о штрафахъ. Тогда Зубковъ предложилъ рабочимъ выбрать нѣсколькихъ депутатовъ для переговоровъ съ нимъ. Рабочіе отвѣтили ему, что выборныхъ не пошлютъ, потому что ихъ могутъ потомъ уволить или въ тюрьму засадить. Зубковъ обѣщалъ, что съ выборными ничего подобнаго не будетъ. Послѣ этого рабочіе выбрали депутатовъ и затѣмъ всѣ (на заводѣ около 2000 чел.) разошлись. На слѣдующій день рабочіе пришли на заводъ, но не работали и собрались на дворѣ, и когда подошелъ Мыльниковъ и сталъ звать на работу, то депутаты передали ему списокъ требованій, составленный ими отчасти самостоятельно, отчасти на основаніи заявленій другихъ рабочихъ: 1. Отмѣнить новыя правила о штрафахъ. 2. Уволить мастера Дрюхова. 3. Внести въ разсчетныя книжки празднованіе 19 февраля, Ильинъ день и день Питирима (мѣстнаго святого). 4. Разцѣнокъ долженъ назначаться не по произволу бригадира, а по соглашенію его съ рабочими бригады. 5. Бригада должна имѣть право сама безъ вмѣшательства заводской администраціи выбирать и увольнять бригадира. 6. Хорошее обращеніе съ рабочими. Мыльниковъ передалъ требованія рабочихъ Зубкову. Въ этотъ день работы не было. 5-го и 6-го были праздники. 6-го арестовано 4 рабочихъ. Всѣ — депутаты, которымъ Зубковъ гарантировалъ неприкосновенность. Въ ночь съ 6 на 7 жандармы разнесли нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ записки съ приглашеніемъ явиться 8-го въ контору для полученія разсчета. Изъ нихъ человѣкъ двадцать пошли 7-го жаловаться губернатору. Губернаторъ ихъ не принялъ, и имъ было сказано жаловаться, если хотятъ, письменно. Губернаторъ издалъ [illegible]рокламацію (она была расклеена на заводѣ и вокзалѣ), въ к[illegible]рой грозилъ всѣхъ, кто не станетъ на работу 8-го августа, в[illegible]ать на мѣсто приписки, а зачинщиковъ административнымъ [illegible]рядкомъ въ восточныя губ. Послѣ этого стачка прекратила[illegible]

10-го августа мѣстно[illegible]руппой распространена на заводѣ прокламація. 24-го были ар[illegible]ованы и на слѣдующій день выпущены еще трое рабочихъ. [illegible]время забастовки сталъ было уговаривать рабочихъ начальн[illegible] желѣзнодорожныхъ жандармовъ Эрнстъ. Рабочіе встрѣтили его [illegible]анью и насмѣшками.

Саратовъ. Удале[illegible]е нѣсколькихъ „подозрительныхъ" рабочихъ за участіе въ [illegible]ьской с[illegible]кѣ вызвало новую забастовку въ желѣзнодорожн[illegible] мастерскихъ. Недовольство рабочихъ усиливалось тѣмъ обст[illegible]ельствомъ, что обѣщаніе возстановить расцѣнки 1890 г. не [illegible]о исполнено. 17 августа рабочіе бросили работу. Между ст[illegible]никами и не желающими примкнуть цехами произошло столк[illegible]еніе. Въ числѣ предъявленныхъ рабочими требованій интере[illegible]о отмѣтить требованіе устроить особую комнату для сов[illegible]ія депутатовъ (на выборъ послѣднихъ администрація согла[illegible]сь въ іюнѣ), дать рабочимъ свободно собираться для сов[illegible]ія съ депутатами и установить часы для пріема послѣднихъ на[illegible]никомъ. 18 августа мастерскія закрыты по распоряженію [illegible]альства.

Во время [illegible]овой безработицы три тысячи рабочихъ выбрасываются на [illegible]товую!

Одесса. [illegible] іюля закончилась стачка портняжной мастерской Богатырска[illegible]. Стачка продолжалась 10 дней, и въ ней приняли участіе вс[illegible]бочіе этой мастерской, вплоть до мальчиковъ включительно, [illegible]го около 25 чел. Рабочіе добились весьма солидныхъ улучшені[illegible]ля даннаго времени): прибавили по 75 коп. на штуку платья т[illegible], которые работаютъ поштучно, и по 6 руб. въ мѣс. работаю[illegible]ъ помѣсячно. За каждый прогульный не по винѣ рабочаго [illegible]ень до сихъ поръ рабочіе ничего не получали; теперь же они [illegible]бились того, что за каждый такой день будутъ получать [illegible]олтора рубля. Всѣ рабочіе другихъ мастерскихъ и также [illegible]езработные отнеслись весьма сочувственно къ борьбѣ своихъ [illegible]оварищей и дѣятельно помогали имъ деньгами, а также и тѣ[illegible], что не допускали, чтобы работа стачечниковъ попала въ [illegible]гія мастерскія. Кто хоть немного знакомъ съ условіями раб[illegible] портныхъ, тотъ пойметъ, до чего должна была дойти экс[illegible]атація труда, если рабочіе рѣшились устроить стачку во вр[illegible] мертваго сезона. И условія эти по истинѣ были ужасны: 3[illegible]4-15 часовый рабочій день взрослый рабочій получалъ 4-2 р. [illegible]недѣлю. Выборъ былъ невеликъ: либо работать, выбиваясь [illegible] силъ и голодая, либо попробовать бороться за улучшеніе своего [illegible]ложенія. „Вѣдь рисковать намъ нечѣмъ", говорили они. Ра[illegible]чіе выбрали второе. Богатырскій — одинъ изъ тѣхъ предпринимателей, которыхъ въ послѣднее время развелось не мало. Крупные магазины готоваго платья, не успѣвая выполнить всѣ свои заказы, съ давнихъ поръ сдавали часть своей работы мелкимъ портнымъ, для которыхъ она являлась серьезнымъ подспорьемъ. Предприниматели вродѣ Богатырскаго лишили мелкихъ портныхъ ихъ запасной работы, забирая оптомъ всю лишнюю работу изъ крупныхъ магазиновъ и производя ее въ своихъ собственныхъ мастерскихъ. Крупнымъ магазинамъ, конечно, удобнѣе имѣть дѣло съ однимъ хозяиномъ, чѣмъ со многими отдѣльными портными. Эта у насъ среди портныхъ сравнительно новая форма эксплуатаціи является для насъ страшнымъ бичомъ. Во-первыхъ, она ложится двойнымъ гнетомъ на насъ, работающихъ на такихъ посредниковъ, и во-вторыхъ, такіе посредники являются запаснымъ резервомъ для владѣльцевъ крупныхъ магазиновъ, въ случаѣ стачки въ нихъ рабочихъ. Въ средѣ портныхъ нашихъ — сравнительно еще мало сознательной — въ послѣднее время все чаще раздаются голоса въ пользу борьбы не съ отдѣльными паразитами-посредниками, а съ самой системой этой формы эксплуатаціи. Предлагаютъ, напр., бойкотировать въ сезонное время такихъ посредниковъ, а пока бастуютъ и требуютъ улучшенія своего положенія. Стачка у Богатырскаго прошла мирно. Полиція противъ обыкновенія не вмѣшивалась. Арестовъ во время стачки не было.

Не успѣли еще мы позабыть стачку, какъ наши „охранители" напомнили намъ о своемъ подломъ существованіи. Въ ночь съ 10 на 11 августа произведены были у насъ повальные аресты и обыски. Арестовано 35 чел., большею частью рабочихъ.

Тула. Передъ 1 мая по городу ходили толки, что 1 мая будетъ бунтъ рабочихъ, что они убьютъ директора завода и проч. Когда къ 18 апрѣля были въ громадномъ количествѣ распространены прокламаціи (расклеены по домамъ, разбросаны, разосланы по почтѣ и проч.) и публика увидѣла, что никакого бунта не будетъ, то встрѣтила ихъ съ полнымъ сочувствіемъ. 1 мая нѣсколько [illegible]тъ рабочихъ не работало. Директору была предъявлена прокламація съ требованіями. Обрадовавшись, что тамъ нѣтъ ни[illegible]о противъ его персоны, онъ обѣщалъ удовлетворить всѣ мѣстныя требованія. Характерно, что когда рабочіе одного цеха [illegible]явили ему свои частныя требованія, то онъ отвѣтилъ: я не [illegible]имаю никакихъ требованій отъ отдѣльныхъ лицъ; вотъ, соц. де[illegible]кратическій комитетъ выставилъ общія требованія: что отъ ме[illegible]зависитъ, то я выполню, а съ отдѣльными лицами я не могу вст[illegible]ть въ разговоры.

[illegible]иція до того растерялась, что производила обыски въ тѣхъ домахъ, на которыхъ были наклеены воззванія.

Ви[illegible]на. Іюль прошелъ здѣсь довольно оживленно. Произошло нѣ[illegible]лько крупныхъ стачекъ, какъ-то: маляровъ (до 500 чел., окончи[illegible]ъ побѣдой), 40 приказчиковъ въ магазинѣ Залкинда и, наконецъ, рабочихъ почти всѣхъ кожевенныхъ заводовъ (свыше тысячи [illegible]овѣкъ).

При[illegible]ики въ магазинѣ Залкинда требовали закрытія магазина въ [illegible] час вмѣсто 11, устройства сидѣній для приказчиковъ, вынужден[illegible]хъ стоять весь день и т. п. Не желавшій уступать хозяинъ [illegible]нилъ стачечниковъ всей своей родней, въ числѣ которой были, между прочимъ, его сынъ, только-что окончившій университетъ. Этотъ молодой человѣкъ, явясь для переговоровъ съ [illegible]ставителемъ приказчиковъ, сказалъ ему: „да я вѣдь знаю, что вы всѣ организованы, я вѣдь самъ соціалдемократъ(!), участвовалъ [illegible] разныхъ обществахъ". И вотъ этотъ-то „соціалдемократъ" [illegible]ивалъ своего отца отъ уступокъ, онъ же донесъ отцу на [illegible]хъ приказчиковъ, которые осмѣлились въ „рабочее" время [illegible]ть чай и, повидимому, по его же настоянію, по окончаніи ста[illegible] (были удовлетворены всѣ требованія) былъ разсчитанъ упом[illegible]тый приказчикъ-депутатъ.

Скоро [illegible] стачки одинъ изъ главныхъ приказчиковъ былъ вызванъ [illegible] жандармское управленіе. Разспрашивая о томъ, [illegible] это происходило [illegible] магазинѣ и объ условіяхъ труда, жандармскій офицеръ призналъ, что эти условія прескверны, и совѣтовалъ впредь обращат[illegible] къ нему, когда приказчики будутъ чѣмъ-либо недовольны. С[illegible]икъ-приказчикъ отвѣтилъ на это, что онъ не зналъ, что для [illegible]азчиковъ роль фабричнаго инспектора играютъ жандармы. [illegible]отъ, вотъ, подхватилъ офицеръ, именно обращайтесь ко мнѣ, [illegible] слѣдовательно, [illegible]къ къ фабричному инспектору. Я надѣюсь, что [illegible]сли у васъ опять зайдутъ разговоры о стачкѣ и т. п., то вы пр[illegible]арительно придете поговорить со мной. Не такъ-ли?" Прика[illegible]ъ наотрѣзъ отказался.

Въ недѣлѣ на одн[illegible] изъ засѣданій думы было прочитано предложеніе губернатора [illegible]латить 5½ тысячъ за экстренные расходы по вызову въ Виль[illegible] и содержанію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ казаковъ. Дума единогласно (безъ всякаго протеста) выдала требуемую сумму.

1[illegible]-го августа въ [illegible]одѣ распространено (на еврейскомъ яз.) воззва[illegible] по поводу [illegible]нихъ здѣсь арестовъ.

Уволенъ за... несчастный случай! Изъ Орѣхово-Зуева сообщаютъ о несчастномъ случаѣ съ котлочистомъ, который былъ обваренъ паромъ во время своей работы. Когда рабочій нѣсколько оправился и былъ въ силахъ пойти въ контору, то тамъ ему вмѣсто вознагражденія выдали на руки паспортъ. Рабочій обратился къ фабричному инспектору. „Но, какъ извѣстно, наши фабричные инспектора въ большинствѣ случаевъ больше прохвосты или лакеи капиталистовъ". Фабричный инспекторъ въ отвѣтъ на жалобу рабочаго сталъ самъ ему жаловаться на Савву Морозова: „вотъ, смотрите, какое я занимаю помѣщеніе отъ хозяина: что я съ нимъ могу подѣлать?" Въ заключеніе онъ далъ рабочему совѣтъ поискать работы на другой фабрикѣ.

Несчастный фабричный инспекторъ! Не можетъ-ли царское правительство похлопотать у Саввы Морозова, чтобъ онъ не держалъ прикомандированныхъ отъ министерства финансовъ лакеевъ въ черномъ тѣлѣ?

А г. фабричному инспектору предлагаемъ, если у него есть еще какія-нибудь претензіи противъ Саввы Морозова, обратиться въ „Искру" для ихъ опубликованія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФРАНЦІИ.

Письмо третье.

Прерываю свои бесѣды о соціалистической партіи во Франціи, чтобы поговорить о событіи, непосредственно насъ касающемся: о пріѣздѣ царя.

Было бы ребячествомъ отрицать, что царское самодержавіе — но только оно, а отнюдь не Россія — выиграло отъ поѣздки царя по Европѣ. Франко-русскій союзъ — самая выгодная комбинація, къ которой царизмъ могъ прибѣгнуть, чтобы продлить свое существованіе. Во Франціи, классической странѣ „сбереженій", денегъ много, а рынковъ и промышленной инициативы мало, — и вотъ, французская мелкая буржуазія охотно несетъ свои денежки царю, платящему ей 4%, между тѣмъ какъ во Франціи она можетъ получить лишь 2½—3%, тѣмъ болѣе, что оппортунистическіе правители, за все время своего продолжительнаго господства безстыдно спекулировавшіе на страхѣ мелкой буржуазіи передъ новымъ „нашествіемъ" нѣмцевъ, выставляютъ царя, какъ спасителя и могущественнаго покровителя „отечества въ опасности", а финансовые спекулянты, получающіе огромные коммиссіонные проценты по русскимъ займамъ, восхваляютъ неисчислимыя богатства Россіи, а русскія цѣнности — какъ самое выгодное и самое безопасное „помѣщеніе".

Но царская дружба не давала никакихъ осязательныхъ результатовъ, а французскія сбереженія между тѣмъ не переставали уплывать въ бездонныя кассы царскаго казначейства: за какіе-нибудь 12-13 лѣтъ эти кассы поглотили свыше 8 милліардовъ французскихъ денегъ. Съ другой стороны, какъ во Франціи ни держатъ въ своихъ рукахъ прессу правительство и финансисты, но то въ ту, то въ другую газету проникали время отъ времени глухія извѣстія о хроническихъ голодовкахъ въ Россіи, о финансовыхъ фокусъ-покусахъ Витте, о ростѣ революціоннаго пролетаріата, — и даже мѣднолобый мелкій буржуа начиналъ задумываться и уже не такъ охотно покупалъ русскія бумаги. Всѣмъ извѣстно, что Витте, пріѣзжавшій сюда во время выставки съ цѣлью заключить заемъ, встрѣтилъ довольно холодный пріемъ. Правда, Делькассэ потомъ поскакалъ въ Петербургъ и самъ предложилъ 400 милліоновъ, но въ общемъ нельзя было не видѣть, что французскому мелкому буржуа начинаетъ надоѣдать роль дойной коровы. И вотъ, царскому правительству пришла геніальная идея: сблизиться съ Германіею и заставить Францію продѣлать то же самое, посуливъ ей, вѣроятно, возможность останавливать въ Африкѣ разгорѣвшіеся аппетиты Англіи. Я не хочу сейчасъ касаться того, какіе международные грабежи будутъ результатомъ этой новой международной группировки, ни того, какое положительное или отрицательное вліяніе это можетъ оказать на ростъ революціоннаго самосознанія вообще и русскаго въ частности. Намъ важно отмѣтить пока, что, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, царь будетъ держать Францію въ полномъ подчиненіи, подъ угрозой покинуть ее и окончательно сблизиться съ Германіей, такъ что Франція по прежнему будетъ давать деньги царю, да и Германія перестанетъ, вѣроятно, такъ скупиться, а этого ему только и надо.

Тѣмъ тѣснѣе должны мы сблизиться съ французскимъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Съ нимъ у насъ общіе интересы, общіе идеалы, — и онъ можетъ помочь намъ наносить удары царизму даже на почвѣ его международной политики. Съ этой точки зрѣнія теперешняя поѣздка царя во Францію очень выгодно отличается для насъ, соціалдемократовъ, отъ его первой поѣздки въ 1896 г. Тогда вся Франція принимала царя и рабо-лѣпно преклонялась передъ нимъ. Тогда — къ чему скрывать! — ни одинъ голосъ не раздался, который съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергъ бы царя, съ его могуществомъ, дружбой, союзомъ, и который открыто высказалъ бы свою солидарность съ нами, смертельными врагами самодержавія. Тогда до извѣстной степени можно было утверждать, что вся Франція соединяется съ царемъ, потому что даже соціалисты-революціонеры заняли въ этомъ вопросѣ нейтральную позицію, выжидая, чтобы дѣйствительность отрезвила народъ, опьяненный царскимъ могуществомъ и великодушіемъ, о которомъ подкупленныя правительствомъ и финансистами газеты писали каждый день, въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, восторженныя статьи. Чѣмъ объяснить эту ошибку французскихъ товарищей, ошибку, которую они теперь сами признаютъ? Отчасти мы, русскіе соціалисты, сами тому были виною. Мы слишкомъ мало держали въ извѣстности нашихъ французскихъ товарищей о томъ, что творилось въ Россіи; они почти ничего не знали ни о преступленіяхъ царскаго правительства, ни о нашей борьбѣ съ нимъ; они думали, что потрясшіе весь міръ своимъ геройствомъ „нигилисты" окончательно побѣждены царизмомъ, сметены имъ съ лица русской земли, и не имѣли почти никакого представленія о томъ, что на смѣну „нигилистамъ" какъ разъ въ это время вставала новая партія, партія пролетаріата, которая исполнитъ то, чего не въ силахъ были исполнить „нигилисты". Съ другой стороны — это былъ какъ разъ тотъ періодъ развитія французской соціалистической партіи, когда старыя революціонныя организаціи позволяли уже и въ то время обнаружившему свои оппортунистическія тенденціи Мильерану играть слишкомъ видную роль въ партіи, выступать почти ея главнымъ представителемъ (что, кстати сказать, и дало ему возможность пустить столь глубокіе корни въ партіи и послужило впослѣдствіи одной изъ главныхъ причинъ ея раскола).

Какъ бы то ни было, но тогда оффиціальная Франція могла утверждать, что царь былъ гостемъ и союзникомъ всей французской націи. Теперь картина совсѣмъ другая. Какъ только было объявлено, что царь долженъ пріѣхать, весь организованный пролетаріатъ, отъ самыхъ умѣренныхъ представителей его до самыхъ крайнихъ, единодушно и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовалъ противъ того, что „палачъ русскаго народа, убійца русскихъ рабочихъ и соціалистовъ, наполняющій тюрьмы и далекую Сибирь борцами за свободу и соціализмъ" и проч. и проч. „опозоритъ своимъ посѣщеніемъ французскую землю" и не менѣе единодушно, на этотъ разъ въ братскихъ выраженіяхъ, заявлялъ о своей полной солидарности съ русскимъ пролетаріатомъ и вообще со всѣми, кто борется въ Россіи за свободу и соціализмъ. „Petit Sou", органъ „гедистовъ" и „бланкистовъ", ежедневно печаталъ множество резолюцій, которыя присылались рабочими организаціями изъ всѣхъ угловъ Франціи. Глубоко сожалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ привести здѣсь два-три десятка этихъ резолюцій. Но, чтобы дать вамъ хотя бы нѣкоторое представленіе объ нихъ, приведу резолюцію, принятую „гедистами" на своемъ конгрессѣ въ Рубэ, происходившемъ какъ разъ во время пребыванія царя во Франціи:

„Въ моментъ, когда буржуазная республика и министерство, именующее себя „министерствомъ республиканской защиты", собираются вслѣдъ за Деруледами и Дрюмонами холопствовать передъ царемъ, являющимся живымъ олицетвореніемъ кнута и Сибири.

---

*) За четвертое опозданіе дѣлаютъ выговоръ въ конторѣ; за пятое штрафуютъ въ размѣрѣ половины деннаго заработка; за шестое увольняютъ. Такимъ образомъ, рабочій имѣетъ право въ теченіе всей своей жизни опоздать (хоть бы на одну минуту) три раза.

„Французская Рабочая Партія, собравшись на своемъ 19-мъ національномъ годичномъ конгрессѣ, привѣтствуетъ русскій пролетаріатъ и русскую соціалдемократію; объявляетъ себя солидарной съ ними въ ихъ геройской борьбѣ и вмѣстѣ съ ними передъ лицомъ Николая Второго и послѣдняго восклицаетъ: Долой царизмъ!

„Французская Рабочая Партія клеймитъ передъ лицомъ рабочихъ и соціалистовъ всего міра республиканцевъ à la Вальдекъ-Руссо, радикаловъ à la Ланессанъ и Боденъ, соціалистовъ à la Мильеранъ, которые, поддерживая своими привѣтствіями и нашими деньгами русскій деспотизмъ, этотъ позоръ двадцатаго вѣка, эту главную опору европейской реакціи, совершаютъ измѣну по отношенію не только къ будущему, но и къ настоящему человѣчеству".

Среди единодушнаго хора всѣхъ соціалистовъ — повторяю, всѣхъ, безъ исключенія — одни лишь ближайшіе пріятели Мильерана, и въ томъ числѣ Жоресъ, хранили гробовое молчаніе.

Но противъ посѣщенія царя протестовали не только рабочіе и соціалисты, но и та болѣе или менѣе соціалистически настроенная интеллигенція, которая, подъ вліяніемъ соціально-политической эволюціи послѣднихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе проникается сознаніемъ, что ея спасеніе въ единеніи съ рабочимъ классомъ. Многіе писатели, художники и ученые отказались поѣхать въ Компьенъ на торжественное представленіе привѣтствовать царя.

Характеръ „альянса" (союза) такимъ образомъ вполнѣ опредѣлился: это есть союзъ царя и его клевретовъ съ французской буржуазіей. Оба союзника вполнѣ достойны другъ друга. Устраивая другъ другу тѣмъ болѣе пышные пріемы, что расходы покрываются на деньги обворовываемаго народа, они только и думаютъ, какъ бы другъ друга перехитрить и обмануть. Увы! кто бы ни перехитрилъ, расплачиваться придется все тому же народу.

Но чѣмъ яснѣе опредѣлился дѣйствительный характеръ альянса, тѣмъ больше презрѣнія и негодованія вызвало „поведеніе Мильерана, который вмѣстѣ со всей буржуазной кликой пресмыкался передъ тираномъ. На этотъ разъ отъ „гражданина-министра" отшатнулись даже всѣ его неизмѣнные защитники, за исключеніемъ, повторяю, нѣкоторыхъ его ближайшихъ пріятелей, въ томъ числѣ и Жореса.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что вопросъ о поведеніи Мильерана въ этомъ вопросѣ будетъ поднятъ въ генеральномъ комитетѣ партіи, до сихъ поръ не рѣшавшейся порвать съ мильеранистами и жоресистами, и это послужитъ одной изъ причинъ окончательнаго краха „новой методы". Объ этомъ, впрочемъ, въ другой разъ.

ГОЛЛАНДІЯ.

Въ іюнѣ происходили выборы въ парламентъ. Ожидали повода ко многимъ перебаллотировкамъ, и окончательные результаты ихъ выяснились только въ августѣ. Наши товарищи могутъ быть довольны этими результатами. Хотя избирательная реформа 1896 г. значительно увеличила число избирателей, но это увеличеніе ограничилось только мелкой буржуазіей и наиболѣе сознательными слоями рабочаго класса. Число избирателей въ сельскихъ округахъ увеличилось въ несравненно большей степени, чѣмъ въ городахъ. Такъ напр., въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Амстердамъ и Роттердамъ, правомъ голоса пользуется отъ 6.5 до 7.5% населенія, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ избиратели составляютъ 20% всего населенія. Этимъ въ значительной степени объясняется кажущійся неуспѣхъ соціалдемократовъ въ городахъ. Къ этому надо присоединить еще и тѣ затрудненія, съ которыми приходится встрѣчаться при назначеніи кандидатовъ. Для этого требуется 40 подписей. А такъ какъ подписываться приходится рабочимъ, то это влечетъ за собою для нихъ цѣлый рядъ преслѣдованій со стороны предпринимателей. О той кампаніи клеветъ и лжи, которая направляется противъ соціалдемократовъ при выборахъ, нечего и говорить: это обычное оружіе въ рукахъ господствующихъ классовъ.

И все-таки, не смотря на эти затрудненія, не смотря на выдѣленіе изъ либеральной партіи группы свободомыслящихъ демократовъ, партіи соціальныхъ реформъ и „смягченія" классовой борьбы, наши товарищи одержали крупную побѣду. Въ 1897 г. они выставили кандидатовъ въ 29 округахъ, въ этомъ — въ 34. Вмѣсто 13.500 голосовъ, которые они получили въ 1897 г., теперь подано за нихъ 38.648. Особенно прочные корни пустила соціалдемократія въ провинціяхъ Фрисландіи, Гронингенѣ, Сѣв. и Юж. Голландіи и Оверисселѣ (наиболѣе густонаселенныя провинціи). Въ Фрисландіи и Гронингенѣ, центрахъ капиталистическаго земледѣлія и скотоводства, среди избирателей преобладаютъ рыболовы, сельскіе рабочіе и мелкіе арендаторы, въ Сѣв. и Южной Голландіи и Оверисселѣ — промышленные рабочіе (въ первыхъ двухъ — шлифовальщики алмазовъ, судостроительные рабочіе, рабочіе, приготовляющіе паруса и снасти, въ послѣдней — хлопчатобумажные). Больше всего депутатовъ соціалдемократія получила въ такъ-наз. сельскихъ провинціяхъ. Только одинъ депутатъ (Ванъ Коль) выбранъ въ крупномъ центрѣ хлопчатобумажнаго производства Энсхеде. Два кандидата были выбраны въ двухъ округахъ единовременно (Шаперъ и Ванъ деръ Цвагъ). За то Трульстра, одинъ изъ главныхъ организаторовъ партіи, былъ побитъ. Надежда провести его въ палату на дополнительныхъ выборахъ въ Веендамѣ, гдѣ уже былъ выбранъ Шаперъ, не оправдалась. Хотя онъ получилъ на 200 голосовъ больше, но все-таки не былъ выбранъ, такъ какъ противъ него соединились всѣ буржуазныя партіи, въ томъ числѣ и свободомыслящіе демократы. Такимъ образомъ, соціалдемократы получили бы только 6 мѣстъ, но на дополнительныхъ выборахъ въ Лохемѣ (тамошній депутатъ долженъ былъ сложить съ себя полномочія, такъ какъ былъ назначенъ министромъ) прошелъ соціалдемократъ Гельсдингенъ. Вмѣстѣ съ нимъ соціалдемократы имѣютъ въ палатѣ семь представителей (въ прошлой — троихъ). Но эти успѣхи покажутся еще крупнѣе, если мы познакомимся съ тѣми трудностями, которыя молодой голландской соціалдемократіи приходилось преодолѣвать въ своемъ развитіи.

На первый взглядъ, казалось бы, Голландія представляетъ самую благопріятную почву для развитія соціалистическихъ идей. Рѣзкая противоположность между богатствомъ и бѣдностью, духъ свободы, воспитанный столѣтіями борьбы за независимость, — все это должно было сдѣлать голландскихъ рабочихъ болѣе воспріимчивыми къ соціалдемократическимъ идеямъ. Къ тому же нигдѣ, кромѣ Италіи, капитализмъ не развился такъ рано, какъ въ Голландіи. Въ XVII и XVIII вѣкахъ Голландія занимала первое мѣсто среди торговыхъ и промышленныхъ странъ. Еще и теперь Голландія принадлежитъ къ числу такихъ странъ: въ иностранныя цѣнности она вложила капиталъ въ 4 милліарда марокъ. По количеству дохода и цѣнности вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ, приходящихся на каждаго жителя, Голландія и теперь занимаетъ первое мѣсто. Но это же обстоятельство смягчало антагонизмъ классовъ. Богатая буржуазія, казалось, наживалась на счетъ иностранныхъ государствъ. Многочисленныя колоніи и вызываемыя ими постоянныя войны поглощали избыточное населеніе. Мало по малу общественная жизнь отлилась въ опредѣленныя прочныя формы. Голландія превратилась въ своего рода буржуазный Китай. Буржуазія копила проценты по комиссіоннымъ и ссуднымъ операціямъ, увлекалась искусствомъ и разсадкой [illegible] пріучился смотрѣть на эти порядки, какъ на вѣка существующіе, богомъ данные, а крестьянство выращивало скотъ, вырабатывало масло, сыръ и овощи и избытки отвозило въ города. Такъ все обстояло благополучно до 1795 г., когда громы французской революціи разбудили и сонное голландское населеніе. Постепенно старыя голландскія „вольности" уступили напору „новаго времени", и въ 1848 г., наконецъ, были замѣнены „писанной конституціей", [illegible] классами. Пролетаріатъ молчалъ. Но отдѣленіе Бельгіи, происшедшее въ 1830 г., дало толчокъ развитію крупной промышленности со всѣми его послѣдствіями. Мелкое производство съ его патріархальными отношеніями все больше вытѣсняется. Если

еще въ 1866 г. рабочихъ, живущихъ у мас
109,759 чел., то въ 1896 г. такихъ рабоч
82,691 чел. Особенно быстро развивается
ность начиная съ 70-хъ годовъ. Городское
щее въ 1870 г. 936,827 чел., въ 1896 г. уже ра
Образуется промышленный пролетаріатъ, не
„чернь". Начинается рабочее движеніе, стач
старыя традиціи все еще сильны. Рабочіе не
соціализмѣ и совершенно поглощены, по выр
самыхъ испытанныхъ организаторовъ голландс
тіи (Полякъ), „борьбой за сокращеніе рабочаго
увеличеніе заработной платы на пару пфенниго
бочая организація (Всеобщій нидерландскій рабо
зовавшаяся еще въ 60-хъ годахъ, до сихъ поръ
„чисто экономической борьбой" и продолжаетъ т
радикальной партіи. Только отдѣльныя личности
къ Интернаціоналу и образовали нѣсколько секці
никакого вліянія.

въ, насчитывалось
было уже только
тная промышлен-
еленіе, составляв-
лось 1,677,759 чел.
кій на прежнюю
учащаются. Но
тять слышать о
нію одного изъ
соціалдемокра-
на полчаса и
Главная ра-
союзъ), обра-
е занимается
ся въ хвостѣ
соединялись
е имѣвшихъ

Кризисъ 70-хъ годовъ сдѣлалъ рабочихъ болѣе
къ соціалистической пропагандѣ. Въ 1878 г. обра
кая организація (портной Гергардтъ), къ которой
соединяется Домела Ньювенгейсъ, начавшій въ 187
газету „Право для всѣхъ". Бывшій пасторъ, очень со
человѣкъ, съ крупнымъ литературнымъ и ораторским
онъ оказалъ дѣлу соціализма неоцѣнимыя услуги. Къ
онъ не былъ человѣкомъ, который былъ бы способен
тятней систематической борьбѣ, иногда безъ всякаг
успѣха. А первый періодъ развитія соціалдемократіи
сической странѣ свободы" былъ особенно тяжелъ.
классы пустили въ ходъ всѣ средства: собранія разгоня
оруженной силой, населеніе натравливалось на агитатора
торыхъ часто избивали, наиболѣе вліятельныхъ сажали въ т
Все это ожесточало рабочихъ, многіе разочаровались въ
ческой борьбѣ. Анархизмъ съ его отрицаніемъ полити
борьбы распространялся все больше. Домела былъ ув
этимъ теченіемъ. А расцвѣтъ промышленности въ концѣ
и началѣ 90-хъ годовъ, доставившій нѣсколько успѣховъ
имъ въ ихъ борьбѣ съ предпринимателями, увлекъ ихъ въ
рону „чисто экономической борьбы". Наконецъ, на конгрессѣ
Гронингенѣ была принята резолюція, гласившая, что „партія
приметъ никогда участія въ выборахъ даже ради агитаціонных
цѣлей". Произошелъ расколъ. Небольшое меньшинство, оста

чательными
оя маленьк
хорѣ при-
издавать
ительный
талантомъ
талѣнію.
многотру-
дидаго
„клас-
ящіе
во-
ко-
мма:
чен
ской
въ
ть

шееся вѣрнымъ соціалдемократіи, отдѣлилось. Ихъ было всего 12 чел. (Трульстра, Ванъ-Коль, Флигенъ, Полякъ и др.). 26 августа 1899 г. они основали новую партію подъ названіемъ „Соціалдемократическая рабочая партія". Съ тѣхъ поръ начинается ожесточенная борьба между новой партіей и союзомъ соціалистовъ (такъ называлась партія Домелы). Послѣдній продержался недолго. Въ немъ произошелъ новый расколъ. Группа анархистовъ выдѣлилась вмѣстѣ съ Домелой, а остальные члены рѣшили соединиться съ сильно разросшейся между тѣмъ соціалдемократической партіей: въ 1895 году она имѣла 19 секцій съ 700 членами, а въ 1899 г. уже 52 секціи съ 2500 членами. На выборахъ 1897 г. ей удалось провести въ парламентъ 2 кандидатовъ (Трульстра, Ванъ-Коль). Объединительный конгрессъ имѣлъ мѣсто 24 іюня 1900 г. въ Амстердамѣ. Единогласно была принята резолюція слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе, что не въ интересахъ рабочаго класса, чтобы согласномыслящіе боролись за одно и то же дѣло въ раздробь; убѣжденный, что второстепенныя различія по вопросамъ тактики легко могутъ быть устранены; сознавая, что многіе, солидарные съ ними во взглядахъ, держались вдали отъ организаціи только потому, что не было единой объединенной соціалдемократической партіи", конгрессъ признаетъ, что борьба за освобожденіе рабочаго класса должна быть ведена какъ путемъ профессіональныхъ организацій, такъ и посредствомъ политической рабочей партіи. Новая объединенная партія сохранила названіе старой соц.-демократической рабочей партіи и подъ этимъ именемъ приняла участіе въ послѣднихъ выборахъ.

Еще нѣсколько словъ о такъ-называемой „аграрной программѣ", принятой на конгрессѣ въ Арнгеймѣ въ 1897 г. Отъ французской и румынской ее отличаетъ „безусловное отсутствіе требованій, цѣлью которыхъ является поддержка мелкаго землевладѣнія или укрѣпленіе современныхъ условій существованія класса, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ". Всѣ постановленія ея касаются сельскихъ рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ.

Только-что получено изъ Голландіи извѣстіе, что тамъ дѣлаются попытки организовать другую рабочую партію, „въ которой интеллигенція не занимала бы такого преобладающаго мѣста", какъ въ старой партіи. Эти попытки производятся тѣми же людьми, которые еще такъ недавно были противъ политической борьбы. Предпочтеніе „мускулистой руки" и „чисто экономической борьбы" тутъ, какъ и всюду, составляетъ отличительный признакъ того теченія, которое, смотря по обстоятельствамъ, является то анархическимъ, то поссибилистическимъ. Этой новой партіи грозитъ та же судьба, что и выродившемуся въ анархическую группу союзу соціалистовъ Домелы.

ГЕРМАНІЯ

Конгрессъ соціалдемократической партіи въ Любекѣ.

Съ 23 по 28 сентября въ Любекѣ происходилъ годичный съѣздъ германской соціалдемократической партіи. Присутствовало [illegible] делегатовъ и 8 делегатовъ отъ имени соціалдемократическихъ партій другихъ странъ. Конгрессъ привѣтствовали представители французскихъ, австрійскихъ, англійскихъ, голландскихъ и швейцарскихъ рабочихъ. Изъ Россіи было привѣтствіе отъ „Искры".

Изъ отчета, прочитаннаго правленіемъ партіи, узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее: доходы партіи въ текущемъ году составили (въ круглыхъ цифрахъ) 318.000, расходы — 314.000 марокъ. Изъ нихъ на общую агитацію затрачено 72.000 мар., на агитацію передъ выборами 36.000, на пособія 12.000, издержки по судебнымъ процессамъ и издержки заключеннымъ въ тюрьмы — [illegible]8000, жалованіе депутатамъ 29.000, расходы по управленію 16[illegible], пособія мѣстнымъ газетамъ 67.000 марокъ. Главный органъ партіи („Vorwärts") имѣлъ 55.000 подписчиковъ и далъ 80.000 марокъ чистой прибыли въ кассу партіи.

Въ небольшой замѣткѣ мы не можемъ перечислить всѣ вопросы, которыми занимался конгрессъ. Наиболѣе важнымъ былъ вопросъ объ отношеніи партіи къ дѣятельности Эдуарда Бернштейна. Этотъ бывшій другъ Фр. Энгельса, какъ извѣстно, измѣнилъ своимъ старымъ взглядамъ, и вотъ уже 4-й годъ ведетъ кампанію въ пользу пересмотра всѣхъ основныхъ принциповъ соц.-демократіи съ цѣлью превращенія ея изъ революціонной партіи въ „партію соціальныхъ реформъ". На съѣздѣ въ Ганноверѣ въ 1899 г. партія рѣшительно высказалась противъ идей Бернштейна и выразила намѣреніе держаться прежней программы. Но съ тѣхъ поръ Э. Бернштейнъ, жившій въ Англіи, получилъ возможность вернуться на родину. Тотчасъ же вокругъ него сгруппировались всѣ элементы, которые давно уже работаютъ внутри партіи въ смыслѣ „смягченія" ея революціоннаго характера и сближенія съ буржуазной демократіей. Постоянныя нападки Бернштейна на соціалдемократію, марксизмъ, нападки, съ которыми онъ выступаетъ передъ буржуазной публикой, сдѣлали его „своимъ" человѣкомъ для тѣхъ буржуазныхъ политиковъ (особенно изъ партіи „національ-соціаловъ"), которые особенно за послѣдніе годы ревностно стараются втереться въ рабочее движеніе и овладѣть пролетаріатомъ, оттѣснивъ революціонную соціалдемократію. Буржуазныя газеты стали открыто провозглашать Бернштейна и его единомышленниковъ спасителями общества, которые утихомирятъ пролетаріатъ и поведутъ его по пути „мирнаго соціальнаго развитія". Новоявленные друзья рабочаго класса поставили на широкую ногу литературное издательство (журналъ „Sozialistische Monatshefte" — Соціалистическій Ежемѣсячникъ, — въ которомъ участвуютъ Бернштейнъ, Фольмаръ, Гейне, Кальверъ, Давидъ и другіе „[illegible]", на ряду съ національ-соціалами. Кстати. Замѣтимъ для русскихъ товарищей, интересующихся нѣмецкой литературой, что на съѣздѣ неоднократно было подчеркиваемо, что этотъ журналъ не есть партійный органъ) — и противопоставили его скудной денежными средствами рабочей соціалистической печати. Появились самые недвусмысленные признаки того, что буржуазное теченіе въ партіи начинаетъ поднимать голову. Въ печати и въ политической дѣятельности отдѣльные члены партіи позволяли себѣ самыя грубыя нарушенія программы и компрометирующія партію заявленія. Въ дебатахъ на съѣздѣ выяснилось, что центральный органъ партіи давалъ невѣрныя свѣдѣнія о французскихъ дѣлахъ, умалчивая обо всемъ, что невыгодно для измѣнника-министра Мильерана и его друзей — жоресистовъ; что въ интересахъ Бернштейна онъ не рѣшился сообщить читателямъ о прочитанномъ имъ въ одномъ студенческомъ обществѣ рефератѣ, въ которомъ Бернштейнъ отрицаетъ за соціалистической теоріей право на научность. Выяснилось, что во время выборовъ въ парламентъ въ Бранденбургской провинціи одинъ изъ видныхъ бернштейніанцевъ (Пеусъ) издалъ воззваніе „къ либеральной буржуазіи" и приглашалъ ее голосовать за себя; въ доказательство своей „благонадежности" цитировалъ изъ національ-соціальной газеты похвальный отзывъ о себѣ, мотивированный тѣмъ, что онъ, Пеусъ, всегда отстаивалъ „разумные" (для буржуазіи) взгляды, что онъ не придавалъ значенія соціализму, а только „текущей" практической работѣ и т. д. Члены партіи, засѣдающіе въ ландтагѣ герцогства Баденскаго, вопреки прямому рѣшенію партіи, голосовали за государственный бюджетъ, т. е. одобрили расходы на войско, на тюрьмы, на тайную и явную полицію и т. д. Но этого мало. Они во главѣ съ депутатомъ Фендрихомъ оправдывались тѣмъ, что они „приносили присягу" конституціи, а потому не могутъ отказываться давать государству денежныя средства. Въ громовой рѣчи, произнесенной на съѣздѣ противъ баденцевъ, Бебель привелъ въ доказательство проникшаго въ партію разврата такой невѣроятный фактъ: когда Роза Люксембургъ выступила въ печати съ рѣзкимъ осужденіемъ поведенія баденскихъ депутатовъ, баденская соц.-демократическая газета заявила, что пора, чтобы „свыше" вмѣшались и прекратили нападки Люксембургъ. Партійная газета требовала, чтобы заставили замолчать товарища! Дальше этого уже нельзя было пойти. Впрочемъ, на конгрессѣ дѣло пошло еще дальше, и депутатъ Гейне, нападая на Люксембургъ и Парвуса, не только „обругалъ" ихъ евреями и русскими, которые не должны вмѣшиваться въ „наши", нѣмецкія дѣла, но совершилъ по отношенію къ Парвусу актъ, который Ледебуръ, Штадтгагенъ, при одобреніи большинства, должны были назвать доносомъ.

Всѣ эти печальныя явленія, говорящія о томъ, что въ партіи растетъ направленіе, противное революціоннымъ принципамъ соціалдемократіи, вызвали въ партіи сильное раздраженіе противъ Бернштейна, какъ наиболѣе яркаго выразителя этого направленія. Бернштейнъ получилъ возможность высказать лично передъ товарищами свои взгляды и оправдать свое поведеніе. Не смотря на все его краснорѣчіе и на увѣренія, что онъ оказываетъ партіи громадныя услуги, критикуя ея программу, не смотря на то, что онъ увѣрялъ, что настанетъ время, когда партія будетъ гордиться его работой (заявленіе это было встрѣчено на съѣздѣ смѣхомъ), не смотря на все это, партія взглянула на его поведеніе иначе и приняла громаднымъ большинствомъ голосовъ (203 противъ 31) резолюцію Бебеля, осуждавшую дѣятельность Бернштейна.

Вотъ текстъ резолюціи: „Съѣздъ признаетъ безусловно необходимость самокритики для духовнаго развитія нашей партіи. Но крайне односторонній характеръ той критики, которой занимался тов. Бернштейнъ въ послѣдніе годы, избѣгая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставилъ Бернштейна въ двусмысленное положеніе и возбудилъ недовольство большинства товарищей. Въ надеждѣ, что тов. Бернштейнъ сознаетъ это и соотвѣтственно измѣнитъ свое поведеніе, съѣздъ переходитъ къ очереднымъ дѣламъ".

Не смотря на то, что громадное большинство партіи, такимъ образомъ, признало, что новая дѣятельность Бернштейна приноситъ вредъ дѣлу, онъ не вышелъ изъ партіи, но заявилъ, что будетъ считаться съ ея рѣшеніемъ. Бернштейнъ давно уже утратилъ ту прямоту характера, которая обязываетъ человѣка, такъ рѣшительно расходящагося съ партіей, сказать ей: „насильно милъ не будешь" и уйти въ тотъ лагерь, который такъ цѣнитъ его заслуги въ борьбѣ противъ революціоннаго соціализма.

Общее впечатлѣніе, оставленное отъ съѣзда партіи, таково: существованіе въ партіи сильнаго оппортунистическаго теченія, стремящагося ослабить классовую борьбу пролетаріата и идущаго въ разрѣзъ со всѣми принципами революціоннаго соціализма, теперь не можетъ подлежать сомнѣнію. Рано или поздно передъ революціонно-пролетарскими элементами партіи станетъ задача — порвать съ оппортунизмомъ. Только такой открытый разрывъ радикально излечитъ великую германскую соціалдемократію отъ развившейся въ ней болѣзни. Если принять во вниманіе, какихъ громадныхъ жертвъ стоило германской соціалдемократіи создать теперешнюю ея могучую организацію, неудивительно станетъ, что она чрезвычайно дорожитъ своимъ единствомъ и не спѣшитъ довести разгорѣвшуюся борьбу къ неизбѣжному концу. До поры до времени партія довольствуется тѣмъ, что призываетъ къ отвѣту отдѣльныхъ черезъ-чуръ зарвавшихся представителей оппортунизма и выражаетъ имъ суровое порицаніе.

Въ одной изъ своихъ рѣчей Бебель выразилъ надежду, что то благодушное настроеніе, которое создалось въ партіи, благодаря нѣсколькимъ годамъ промышленнаго благополучія, теперь, съ наступленіемъ кризиса, исчезнетъ безслѣдно, и станетъ невозможной та вѣра въ „мирное, безболѣзненное" развитіе общества, которое породило успѣхъ Фендриховъ и Бернштейновъ.

Такъ или нѣтъ, но германская соціалдемократія рано или поздно справится съ проникшимъ въ нее оппортунизмомъ. Мы, русскіе, у которыхъ боевая рабочая партія только складывается, должны съ самаго начала не дать привить эту болѣзнь молодому организму. При нашихъ политическихъ условіяхъ, при отсутствіи той широкой гласности, которая позволяетъ германской партіи развиваться совершенно нормально, мы сдѣлали бы непростительную ошибку, если бы, рабски подражая нѣмцамъ, вздумали, во имя только необходимости „объединенія", начинать организацію съ введенія въ нее такихъ элементовъ, которые способны лишь тащить назадъ рабочее движеніе и которые уже успѣли нанести русской соціалдемократіи большой вредъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Во время стачки кожевниковъ въ Вильнѣ между офицерами вызванныхъ для „усмиренія" войскъ была распространена 3 и 4 августа (въ 175 экземплярахъ) соц.-демократической группой прокламація. Прокламація эта была доставлена всѣмъ офицерамъ четырехъ пѣхотныхъ полковъ, большинству офицеровъ мѣстной артиллеріи, всѣмъ казачьимъ офицерамъ шести казачьихъ сотенъ, нѣкоторымъ штабнымъ и всѣмъ высшимъ чинамъ мѣстной дивизіи. Впечатлѣніе она, по словамъ корреспондента, произвела громадное. Къ сожалѣнію, нельзя опубликовать подробности того, что происходило въ лагерѣ послѣ ея распространенія.

Приводимъ текстъ этой прокламаціи (изданной на гектографѣ), представляющей первый опытъ соціалдемократической агитаціи среди военныхъ. Мы, съ своей стороны, рекомендуемъ товарищамъ воспользоваться этимъ удачнымъ опытомъ.

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

КЪ ОФИЦЕРАМЪ.

Въ прошлую субботу, по требованію виленскаго губернатора, три батальона пѣхоты внезапно вызваны были въ городъ и размѣщены въ рабочихъ кварталахъ. Они поступили въ распоряженіе полиціи и предназначены для подавленія рабочихъ безпорядковъ... Три батальона, снабженныхъ патронами, чтобы бить, колоть и стрѣлять въ безоружныхъ рабочихъ!.. За что же? Для защиты чьихъ нарушенныхъ интересовъ, чьихъ попранныхъ правъ? Во имя какой правды?

Рабочіе кожевенныхъ заводовъ на прошлой недѣлѣ, чувствуя, что они выбиваются изъ силъ, рѣшили сократить свой трудъ и заявили хозяевамъ, что впредь они будутъ работать лишь 12 ч. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они, не дожидаясь обычнаго гудка, въ 6 час. вечера вмѣсто 7 бросали работу. Моментъ былъ выбранъ удобный: запасовъ товара не было, а спросъ на него все увеличивался. Заводчики на собраніи условились не уступать рабочимъ, такъ какъ, удовлетворивъ ихъ справедливыя требованія, они посягнули бы на свой карманъ; въ противномъ случаѣ имъ угрожала стачка, а съ нею громадные убытки, поэтому рѣшено терроризировать рабочихъ, вызвавъ солдатъ. Губернаторъ, этотъ высшій представитель правительства въ краѣ, охотно согласился на ихъ просьбу — и 1000 чел. солдатъ идетъ прекращать „рабочіе безпорядки"...

1000 солдатъ повели вы противъ ихъ же отцовъ и братьевъ, противъ тысячи съ небольшимъ безоружныхъ рабочихъ, пытающихся на одинъ часъ уменьшить свой каторжный, нищенски оплачиваемый трудъ! Какая славная, почтенная и высокая роль — состоять въ распоряженіи полиціи, на посылкахъ у заводчиковъ, на стражѣ интересовъ ихъ кармана! Роль эта въ послѣднее время, увы! все чаще и чаще выпадаетъ на вашу долю, а въ будущемъ грозитъ сдѣлаться коронной ролью арміи: рабочіе сознали всю непримиримость ихъ интересовъ съ интересами хозяевъ, сознали, что ихъ мозолистыя руки создали все богатство, всю роскошь сытыхъ, что ихъ трудомъ оплачиваются рысаки и любовницы, содержится полиція, жандармы, чиновничество и войско, что на ихъ трупахъ построены эти громадныя фабричныя зданія и роскошные дворцы, на свою же долю получили лишь нищенскую полуголодную жизнь гдѣ-нибудь въ подвалѣ или на задворкахъ, съ правомъ умереть съ голоду въ безработицу и погрязать въ дикости и невѣжествѣ; отдѣленные отъ орудій труда въ длинномъ историческомъ процессѣ, они поняли, что своимъ трудомъ создаютъ себѣ все новое и новое закрѣпощеніе капиталу, которому они должны продавать, чтобы жить, свой трудъ единственное достояніе, полученное ими по наслѣдству. Эти новыя цѣпи, сковывающія сильнѣе и сильнѣе, обрекаютъ ихъ на полное безправіе, грозятъ имъ и ихъ дѣтямъ вырожденіемъ. Они поняли все это и постигли весь ужасъ своего положенія. Въ нихъ проснулась потребность быть человѣкомъ, а не придаткомъ къ машинѣ, и они объявили борьбу всему теперешнему общественному строю во имя интересовъ человѣка, его попранныхъ правъ, высшей правды и справедливости. Рабочіе сплачиваются, организуются, выставивъ на своемъ знамени требованіе свободы отъ гнета и насилія. Имъ еще не разъ придется увидѣть въ своихъ кварталахъ штыки, а вамъ, офицерамъ, еще не разъ, по примѣру „славныхъ фанагорійцевъ" командовать „пли" вашимъ солдатамъ, видѣть убитыхъ, слышать стоны раненыхъ, плачъ и проклятіе ихъ семей. Вы представляете ту общественную силу, которая подавляетъ рабочія требованія; на васъ опирается произволъ, всякое издѣвательство надъ личностью; вашими штыками поддерживается вся неправда и — горькая иронія — васъ по роковому недоразумѣнію, содержать тѣ же рабочіе своимъ потомъ и кровью, а ряды ваши пополняютъ своими сыновьями.

Мы обращаемся къ вамъ, къ вашему уму и сердцу, т а мы хотимъ пробить брешь, чтобы открыть вамъ глаза на весь позоръ вашего положенія, на всю гнусность вашей роли — роли палача въ рукахъ полиціи. Мы обращаемся особенно къ тѣмъ, у которыхъ казарменная муштра не вытѣла окончательно всякую отзывчивость, не убила все, что есть святого въ человѣкѣ — его способность сочувствовать борющимся за справедливость. Мы обращаемъ ваше вниманіе на ненормальность существующихъ отношеній, мы просимъ васъ задуматься надъ совершающимися кругомъ васъ событіями, и мы увѣрены, въ какую сторону будутъ направлены ваши симпатіи, прежде чѣмъ дать залпъ въ рабочихъ, вы вспомните, ради кого совершено будетъ это преступленіе... — Вильна, іюль 1901 г.

Виленская соціалдемократическая группа.

Лѣтняя агитація петербургскаго комитета партіи выразилась въ рядѣ прокламацій, изданныхъ въ собственной типографіи. Большинство прокламацій проникнуто революціоннымъ настроеніемъ и очень выгодно отличается отъ обычнаго типа петербургскихъ воззваній. Темы прокламацій — политическія, народное образованіе, свобода печати, система налоговъ. Особенно удачна прокламація, подписанная іюлемъ-августомъ и изданная по поводу массовыхъ арестовъ среди рабочихъ и интеллигенціи. Впервые за нѣсколько лѣтъ, когда петербургскіе товарищи избѣгали опредѣленной постановки передъ рабочими вопроса о самодержавіи, въ этой прокламаціи ясно сказано, что низверженіе самодержавія является ближайшей задачей русскаго рабочаго класса. Итакъ, и петербургскіе „практики" нынѣ подтверждаютъ, что та политическая программа, которую отстаивали такъ-называемые „теоретики" русской соціалдемократіи, достаточно „практична", чтобы теперь же стать предметомъ повседневной агитаціи. Фактъ этотъ весьма отраденъ, и намъ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ новый поворотъ въ настроеніи петербургскаго „Союза Борьбы" будетъ достаточно устойчивымъ, чтобы позволить этой безспорно самой сильной изъ мѣстныхъ организацій играть ту роль въ общемъ движеніи, которой мы всѣ вправѣ отъ нея ожидать.

Отвѣтъ СПБ. Комитету. Въ ном. 12 „Раб. Мысли" СПБ Комитетъ (Союзъ Борьбы) помѣстилъ возраженіе на замѣтку въ ном. 1 „Искры" о расколѣ заграничнаго „Союза русскихъ соціалдемократовъ". Къ сожалѣнію, это возраженіе старательно обходитъ самое существо спорнаго вопроса: при такой системѣ полемика никогда не приводитъ къ выясненію дѣла. Мы настаивали и настаиваемъ на томъ, что въ заграничномъ „Союзѣ русскихъ соціалдемократовъ" произошелъ именно расколъ, что Союзъ распался на двѣ части послѣ того, какъ на съѣздѣ 1900 г. удалилось значительное меньшинство членовъ и въ томъ числѣ Гр. Осв. Труда, основавшая Союзъ и бывшая прежде редакторомъ всѣхъ его изданій. Послѣ раскола ни одна изъ частей не можетъ занимать то мѣсто, которое занималъ старый Союзъ въ цѣломъ видѣ. СПБ. Комитетъ не пытается опровергнуть этого мнѣнія, говоря (неизвѣстно почему) объ одномъ Плехановѣ, а не объ организаціи „Соціалдемократъ" и давая только косвенно понять читателю, что СПБ. Союзъ Борьбы отрицаетъ, повидимому, фактъ раскола и продолжаетъ считать одну изъ частей бывшаго Союза за все цѣлое.

Къ чему вступать въ полемику, если нѣтъ желанія разобрать по существу мнѣніе противника и прямо высказать свое собственное?

Далѣе. Мы настаивали и настаиваемъ на томъ, что основной причиной (не поводомъ, а причиной) раскола послужило принципіальное разногласіе, именно: расхожденіе между революціонной и оппортунистической соціалдемократіей. Уже по одному этому, между прочимъ, нельзя смотрѣть на происшедшее въ заграничномъ Союзѣ русскихъ соціалдемократовъ иначе, какъ на расколъ стараго Союза. Спрашивается, какъ смотритъ на этотъ вопросъ СПБ. Комитетъ? Рѣшается-ли онъ отрицать существованіе глубокой принципіальной розни между обѣими частями бывшаго Союза? Неизвѣстно, ибо СПБ. Комитетъ ухитрился написать „возраженіе", не сказавъ ни единаго словечка объ этомъ основномъ вопросѣ. И мы еще разъ спрашиваемъ петербургскихъ, да и не однихъ только петербургскихъ, товарищей: не грозитъ-ли полемика, обходящая суть дѣла, выродиться въ самую непріятную перебранку? Стоитъ-ли вообще начинать полемику, если нѣтъ желанія или если признается несвоевременнымъ разобрать вопросъ по существу и высказать свое мнѣніе съ полной опредѣленностью и безъ всякихъ недомолвокъ?

Заграничныя дѣла. Заграничный отд. организаціи „Искры" объединился съ заграничной революціонной организаціей „Соціалдемократъ" въ одну организацію: „Заграничную лигу революціонной русской соціалдемократіи". Новая организація, какъ видно изъ изданнаго заявленія, намѣрена приступить къ изданію ряда брошюръ пропагандистскаго и агитаціоннаго характера. Лига является заграничнымъ представителемъ „Искры". Такимъ образомъ, заграничная организація революціонныхъ соціалдемократовъ, руководимая группой „Освобожденіе Труда", окончательно объединилась съ организаціей, группирующейся около нашей газеты. Какъ и прежде, группа „Осв. Труда" принимаетъ ближайшее редакціонное участіе въ веденіи нашихъ изданій.

Объединеніе русскихъ революціонныхъ соціалдемократическихъ организацій заграницей совершилось послѣ того, какъ потерпѣла неудачу попытка этихъ организацій соединиться съ „Союзомъ русскихъ соціалдемократовъ заграницей" (издающимъ „Рабочее Дѣло"). Въ началѣ лѣта конференція изъ представителей всѣхъ трехъ организацій выработала проэктъ соглашенія между ними. Въ основу соглашенія положенъ былъ рядъ принципіальныхъ резолюцій, содержавшихъ въ себѣ полный отказъ „Союза" отъ заигрыванія съ экономизмомъ и бернштейніанствомъ и признаніе принциповъ революціонной соціалдемократіи. Можно было надѣяться, что объединеніе состоится, ибо до сихъ поръ только принципіальная неустойчивость „Союза" и его органа — „Раб. Дѣло" — стояла на пути къ сближенію. Эта надежда не оправдалась: вышедшій недавно ном. 10 „Раб. Дѣла" содержалъ въ себѣ редакціонныя статьи, направленныя прямо противъ тѣхъ резолюцій, которыя были выработаны при участіи делегатовъ отъ „Союза" на конференціи. Очевидно, „Союзъ" опять повернулъ въ сторону праваго крыла нашего движенія. Дѣйствительно, на съѣздѣ всѣхъ трехъ организацій „Союзъ" внесъ такія „поправки" къ упомянутымъ резолюціямъ, которыя явно показывали, что онъ возвращается къ своимъ прежнимъ заблужденіямъ. Остальнымъ организаціямъ пришлось покинуть съѣздъ, что онѣ и сдѣлали. Очевидно, для нашихъ товарищей изъ „Союза" все еще не достаточно выяснилась опасность занимаемой ихъ организаціей промежуточной позиціи между революціоннымъ соціализмомъ и играющимъ въ руки либераловъ оппортунизмомъ. Мы надѣемся, что время и горькій опытъ убѣдятъ ихъ въ ошибочности ихъ тактики. Растущее повсюду въ партіи стремленіе работать не только надъ развитіемъ нашего движенія въ ширь, но и надъ его качественнымъ подъемомъ, служатъ намъ лучшей порукой въ томъ, что столь желанное объединеніе всѣхъ нашихъ силъ совершится подъ тѣмъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи, которому служитъ наша газета.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Кишиневъ. По поводу демонстраціи 11 сентября здѣсь арестованы: Гельманъ (поднадзорный), Каминскій (секретарь благотворительнаго общества), Пржеславскій, Ендрожіевскій, Васеръ, Нина Глоба, Полина Шрифтейликъ (поднадзорная), г-жа Ханжи, Р. Барчъ (поднадзорная), двѣ сестры Фукельманъ (заграничныя студентки), Кубиркина, два брата Мичникъ (заграничные студенты), Савицкой Кричанеско, Эфруси.

Козловъ. Въ началѣ сентября были обыски и аресты. Взята типографія. Арестованы два брата Авдѣевыхъ, студентъ Надекринъ, Лешковскій, рабочіе Зыковъ, дантистъ Маянъ.

Тамбовъ (по козлов. дѣлу) взяты Захарьевскій и Гавриловъ.

Воронежъ. Въ концѣ августа арестованы 2 ученика фельдшерской школы: Струцъ и Поставной (сидятъ въ Полтавѣ).

Ярославль. По здѣшнему дѣлу января 1901 г. приговоры: Доливо-Добровольскому 3 года Оренбургской губ., Ярославцеву 3 года Вятской губ., гимназисту Василію Носкову и учителю Бабенко 2 г. надзора, Ивану Короткову (рабочему) 1 годъ тюремнаго заключенія, Ѳедору Семенухѣ 10 м. тюремнаго заключенія.

С.-Петербургъ. По дѣлу объ обуховскихъ безпорядкахъ судъ вынесъ приговоръ: двое на каторгу, 8 — оправданы, всѣ остальные — въ арестантскія роты на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ. — Въ больницѣ Николая Чудотворца въ іюлѣ умеръ Даніилъ Колотовъ, арестованный 27 апрѣля 1900 г., просидѣлъ въ Д. П. З. болѣе года и заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ.

Москва. Арестованы въ октябрѣ: Левъ Львовичъ Никифоровъ, пом. прис. пов. Шанцеръ, Іос. Давыдовъ (литер.), А. А. Рейнгольдъ (его сестра), Куняевъ, Скворцовъ, Петровъ (инж. гор. управы), Рудневъ. П. Луночарскій высланъ въ Тульскую г. Въ сентябрѣ арестованъ Шмурло; были аресты среди студ.-поляковъ.

Кострома. Въ дополненіе къ помѣщенному въ ном. 7 списку приговоренныхъ по дѣлу 1900 г. сообщаемъ о слѣд. приговорахъ: Николай Плугинъ (портной) — 3 года Вятской губ; Григорій Жуковъ (портной) — 1 г. Саратовской губ., Алексѣй Собанинскій (сапожникъ) — 2 г. Вятской губ.; Константинъ Онучинъ (раб.) — 2 м. тюрьмы и 2 г. Вятской губ.; Николай Бѣловъ (раб.) — 3 мѣс. тюрьмы; статистикъ Третьяковъ — 2 г. Астраханской губ.

Ив. Вознесенскъ. Здѣсь арестовано 10 рабочихъ за чтеніе прокламацій.

Одесса. Въ тюрьмѣ сидитъ до ста рабочихъ, безъ денегъ, безъ необходимой одежды. Семьи голодаютъ. Арестованные рабочіе получаютъ въ тюрьмѣ только разъ въ день борщъ (мясо дають черезъ день). Борщъ настолько плохъ, что рабочіе не могутъ его ѣсть, ихъ тошнитъ. Иные сидятъ босые. Неужели одесское „образованное" общество не можетъ организовать помощь жертвамъ политической борьбы?

Товарищи намъ сообщаютъ, что имя доктора, издѣвавшагося надъ ссыльнымъ Гуревичемъ (см. ном. 8 „Искры", корреспонденція „Изъ Сибири"), Марчевскій, кончилъ варшавскій университетъ.

Насъ просятъ напечатать предостереженіе относительно московскаго шпіона Игнатія Никитича Зеленова. Высокій, здоровенный парень, лицо красное, блондинъ. Знакомясь, любитъ говорить объ астрономіи. Въ прошломъ году для пріобрѣтенія „интеллигентности" бралъ уроки у студента. Разъѣзжаетъ иногда по провинціальнымъ городамъ.

МАССОВАЯ РАСПРАВА СЪ ВРАГАМИ ПОРЯДКА.

Секретный документъ.

В. Д.
Деп. Полиціи по 3 дѣлопр.
20 іюня 1901 г.
№ 6234

Совершенно секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, Оберъ-Полицмейстерамъ и Начальникамъ Губер. Жандармскихъ Управленій.

Произведенными за послѣднее время наблюденіями по С.-Петербургу за лицами, занимавшимися революціонной дѣятельностью, установили группу лицъ, преимущественно интеллигентныхъ профессій, которые, не принимая непосредственнаго участія и даже уклоняясь отъ активной революціонной дѣятельности, поставили себѣ задачей путемъ устройства вечеринокъ, чтенія рѣчей и рефератовъ на соотвѣтствующія темы, а также издательства систематически подобранной тенденціозной литературы, подготовлять въ средѣ молодежи и рабочихъ противоправительственныхъ дѣятелей агитаторовъ. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбужденія въ обществѣ неудовольствія по поводу различныхъ мѣропріятій правительства и подготовленія всевозможныхъ манифестацій и протестовъ, причемъ особенно вредно вліяли въ этомъ направленіи на учащуюся молодежь.

Въ виду сего признано было соотвѣтственнымъ въ апрѣлѣ с. г. произвести обыски и аресты среди означенной группы лицъ, примыкающихъ къ наиболѣе противоправительственно настроеннымъ элементамъ общества. Сообразно полученнымъ результатамъ, часть этихъ лицъ нынѣ привлечена къ дознанію при СПБ. Жандармскомъ Управленіи, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., обстоятельства же дѣла объ остальныхъ лицахъ разсмотрѣны въ Особомъ Совѣщаніи, образованномъ на основаніи ст. 34 Положенія объ охранѣ, причемъ многія, согласно утвержденныхъ мною постановленій означеннаго Совѣщанія, подлежатъ высылкѣ изъ СПБ., съ воспрещеніемъ имъ жительства въ столицахъ, столичныхъ губерніяхъ, университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ, срокомъ отъ 2 до 3 лѣтъ, соотвѣтственно степени виновности каждаго, съ подчиненіемъ однихъ гласному, другихъ негласному надзору полиціи.

Принимая во вниманіе, что вышеупомянутыя лица, по прибытіи въ нынѣ избранныя ими мѣста жительства, могутъ продолжать свою противоправительственную дѣятельность въ указанномъ направленіи и группировать вокругъ себя мѣстные неблагонадежные элементы, я покорнѣйше прошу Васъ, Мил. Гос., въ случаѣ появленія поименованныхъ въ прилагаемомъ при семъ спискѣ лицъ въ предѣлахъ ввѣреннаго Вамъ района, сдѣлать распоряженіе объ установленіи, помимо учреждаемаго за ними гласнаго или негласнаго надзора, тщательнаго негласнаго наблюденія за дальнѣйшей ихъ дѣятельностью и поведеніемъ, дабы имѣть возможность своевременно воспрепятствовать возможности продолженія ими преступной пропаганды и образованія новыхъ кружковъ нежелательнаго направленія.

О всемъ замѣченномъ благоволите немедленно сообщить въ Департаментъ Полиціи.

Подписалъ Мин. Вн. Дѣлъ. егермейстеръ Сипягинъ.
Скрѣпилъ: директоръ Зволянскій.

Слѣдуетъ списокъ пятидесяти-семи лицъ, а именно:

Подъ гласный надзоръ полиціи внѣ университетскихъ городовъ и фабр. мѣстностей отданы: на 3 года А. М. Калмыкова; на два года: литерат. В. Ф. Тотоміанцъ, Н. А. Рубакинъ, В. А. Іоновъ, Г. А. Фальборкъ и В. И. Чарнолусскій и дворянинъ В. П. Арцыбушевъ (послѣднему воспрещено также жительство въ Саратовѣ). Воспрещено жительство въ столицахъ и нѣкот. мѣст.: на 3 г. въ столицахъ, столичныхъ губ., университет. город. и фабр. мѣстн. Никонову (помощникъ присяжнаго повѣрен., литер.), М. Е. Ермолаеву (ред.-изд. „Жизни"), М. Ю. Гольдштейну (литер., прив.-доц. и статскій совѣтн.), Пантелѣеву (книгоиздатель), В. Поссе (лит.), М. Филиппову (лит.); на два года въ тѣхъ же мѣстахъ: В. П. Воронцову (лит.), Е. А. Ганейзеру (лит.), В. Л. Глинкѣ (лит., прис. пов.), Г. А. Заславскому (студ. инстит. пут. сооб.), М. П. Іолшину (пом. прис. пов.), Караваеву (пом. бухгалтера тамож. сборовъ), В. Ф. Кожевниковой (фельдшер.), В. П. Кранихфельду (литер.), Кулябко-Корецкому (секрет. В.-Эконом. Общ.), П. Лесгафту (профессоръ), В. Лесевичу (лит.), Лосицкому (лит., ред. стат. отд. гор. управы), Маслову (лит.), Н. Е. Михайловскому (Гарину, лит., инж.), Мунблиту (врачъ), Пантелѣевой, А. В. Пѣшехонову (лит.), В. Святловскому (лит., секр. В.-Эк. Общ.); на два года въ столицахъ и университетскихъ городахъ: К. Д. Бальмонту (лит.), А. А. Корнилову (бывш. чин. особ. поруч. при иркутскомъ ген.-губ.), В. Я. Муринову (лит.), Муриновой (его жена), Родичеву (прис. пов.); на два года въ столицахъ: Е. Чирикову (лит.), Штейнбергу (лит.) и Смидовичу (Вересаевъ, лит., врачъ); на два года въ фабричныхъ мѣстностяхъ: З. Френкелю (лит., врачъ) и М. Л. Хейсину (врачъ); на два года въ столицахъ и Петерб. губ.: Н. Ф. Анненскому (лит., предсѣд. 3-го отд. В.-Экон. Общ.); на одинъ годъ въ университетскихъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ: І. Т. Зябицкому (инж.-техн., директ. завода); въ университетскихъ городахъ, Ригѣ и Ярославлѣ: Томилину (студ. петерб. унив.); въ столицахъ и петерб. губ.: П. С. Анненкову (дворян.), В. А. Анзилинову (двор.), Ракитину (инж.-техн.); и въ столицахъ: К. Б. Гренгагену (капит. запаса), К. И. Диксону (пот. поч. гражд.), Охроменко (слуш. выс. женскихъ курсовъ), Л. Рубакиной (жена литер.), Румянцевой (учительница), Рядченко (бывш. студ. техн. института), Соколову (сотрудн. „Бирж. Вѣд."), Славинскому (лит.), Эйнерманъ (жена чиновника), В. Яроцкому (врачъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Группѣ „украинскихъ робітниковъ". Вы просите редакцію, чтобы при выработкѣ проэкта программы не были забыты „интересы многомилліоннаго и наиболѣе культурнаго" украинскаго народа. Проэктъ программы партіи не можетъ вовсе затрогивать практическаго вопроса о томъ, на какомъ языкѣ слѣдуетъ вести агитацію въ той или другой мѣстности. Это дѣло мѣстныхъ группъ. Далѣе, вы намъ предлагаете издавать для малороссійскихъ крестьянъ и рабочихъ брошюры на украинскомъ языкѣ, которыя вы „сочтете честью" распространять. Въ виду ограниченности нашихъ средствъ и необходимости посвятить всѣ силы выработкѣ общей литературы, мы предложимъ вамъ обратное раздѣленіе труда: если бы вы взялись издавать по украински наши брошюры и статьи, мы могли бы содѣйствовать ихъ распространенію въ Малороссіи.

Въ кассу „Искры" поступило:

40 фр. отъ „инженера", 21 фр. съ реферата въ Цюрихѣ, 39 фр. за литературу отъ Кольцова, 150 мар. изъ М—а. Черезъ южную организацію: изъ далека отъ А — 100 руб.

Изъ Б—іи 200 р., изъ Волжской столицы за литературу 50 р., изъ далека: Бѣл. 50 р., Як. 10 р., С. А. А. 10 р., М. М. и Е. К. 20 р., М—ій 50 р., отъ Х. 200 р., черезъ Кольцова 100 фр., отъ К. Р. черезъ Кольцова 75 р., черезъ Б—скую группу: Г. Р. И. 21 мар., изъ Волжской столицы 30 м., отъ кружка въ Б. 100 м., отъ Ека. 23 м., отъ Ф. О. Д. изъ Л. 70 м. и 30 м., отъ Эта 2 м. и 3 м., отъ А—акъ 14 м. Изъ Вятки черезъ Л. 100 р., отъ моск. представителя за августъ: за литературу изъ Москвы 25 р. 25 к., за литер. изъ Саратова 50 р., за литературу изъ Нижняго 31 р., пожертвованія отъ дѣтей изъ В. 40 р., отъ N 2 р. Отъ группы сормовскихъ раб. 5 р. 60 к. Подписка на „Искру" 116 р., отъ Б. черезъ М. 125 р. Южно-русской группой содѣйствія передано по сентябрь 507 р. 44 к. Б—ской группой заграничнаго отдѣла собрано съ 1 іюня по 1 октября 1114 мар. 68 пф.

ОПЕЧАТКИ.

Въ ном. 8 „Искры" въ статьѣ „Царскій кабакъ", стр. 1, столбецъ 3, стр. 39 снизу, вмѣсто этой г., слѣдуетъ Самарской губ.

Въ „Иллюстрированномъ Приложеніи къ „Искрѣ" въ стихотвореніи

	напечатано	слѣдуетъ
стр. 1, строка 8	мѣшокъ	сундукъ
„ 1, „ 9	тюрьма	тюрьмы
„ 2, „ 9	тюрьма	тюрьмы

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой" людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART
для редакціи „Зари"

Редакція „Зари" будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры".

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари") должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры"

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 10

НОЯБРЬ 1901 ГОДА.

№ 10

КАТОРЖНЫЯ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОРЪ

Еще одни „временныя правила“!

На этотъ разъ дѣло идетъ только не о студентахъ, повинныхъ въ непокорности, а о крестьянахъ, повинныхъ въ томъ, что они голодаютъ.

15-го сентября высочайше утверждены — и немедленно вслѣдъ за этимъ опубликованы „Временныя правила объ участіи населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей въ работахъ, производимыхъ распоряженіемъ вѣдомствъ путей сообщенія и земледѣлія и государственныхъ имуществъ“. Познакомившись съ этими правилами (конечно, не по газетнымъ публикаціямъ, а по собственному опыту), русскій мужикъ увидитъ новое подтвержденіе той истинѣ, которую вбило въ него вѣковое порабощеніе помѣщикамъ и чиновникамъ: когда начальство торжественно заявляетъ, что мужику „предоставляется участіе“ въ большомъ или маленькомъ дѣлѣ, въ выкупѣ помѣщичьей земли или въ общественныхъ работахъ по случаю голода, — надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

Въ самомъ дѣлѣ, временныя правила 15 сентября всѣмъ своимъ содержаніемъ производятъ впечатлѣніе новаго карательнаго закона, дополнительныхъ правилъ къ уложенію о наказаніяхъ. Прежде всего, самое устройство и веденіе работъ обставлено такой сугубой „осторожностью“ и волокитой, какъ будто бы дѣло шло объ обращеніи съ какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не съ голодающими. Казалось бы, устроить работы — дѣло самое простое: земскія и другія учрежденія получаютъ средства и нанимаютъ рабочихъ строить шоссе, расчищать лѣса и т. п. Обыкновенно работы подобнаго рода такъ и производятся. А теперь создается особый порядокъ: земскій начальникъ указываетъ работы, губернаторъ составляетъ свое заключеніе, которое идетъ въ СПБ. въ особое „совѣщаніе по продовольственному дѣлу“, состоящее подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ изъ представителей разныхъ министерствъ. Кромѣ того, общее завѣдываніе возложено на министра, который можетъ назначать и особыхъ уполномоченныхъ. Петербургское совѣщаніе будетъ даже устанавливать предѣльные размѣры вознагражденія рабочихъ — то-есть, должно быть, слѣдить за тѣмъ, чтобы не „развращали“ мужика слишкомъ высокой пла[illegible]. Очевидно, что временныя правила 15 сентября имѣютъ [illegible] затруднить широкое примѣненіе общественн[illegible] рабо[illegible] точно такъ же, какъ [illegible] [illegible] затруднить [illegible] помощ[illegible] голодающимъ.

Но еще гораздо важнѣе и гораздо вреднѣе особыя постановленія о порядкѣ найма крестьянъ на работы.

Если работы производятся „внѣ районовъ ихъ осѣдлости“ (такъ будетъ, естественно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ), то рабочіе образуютъ особыя артели подъ наблюденіемъ земскаго начальника, который утверждаетъ и старосту для надзора за порядкомъ. Сами выбирать старосту, какъ дѣлаютъ обыкновенно рабочіе, голодающіе крестьяне не смѣютъ. Ихъ ставятъ подъ начало вооруженному розгой „земскому“! Членамъ артели составляется особый списокъ, который замѣняетъ для нихъ установленные закономъ виды на жительство... Вмѣсто отдѣльныхъ паспортовъ, будутъ, слѣдовательно, артельные списки. Къ чему эта замѣна? Къ тому, чтобы стѣснить мужика, который при отдѣльномъ паспортѣ свободнѣе могъ бы устроиться, какъ ему удобнѣе, въ новой мѣстности, легче могъ бы уйти съ работы въ случаѣ недовольства.

Далѣе. „Забота о сохраненіи должнаго порядка во время пути и передача доставленныхъ партій рабочихъ завѣдующимъ работами ввѣряется чинамъ, особо командируемымъ мин-ствомъ внутр. дѣлъ“. Свободнымъ рабочимъ выдаютъ задатки на проѣздъ, крѣпостныхъ — „доставляютъ“ „партіями“ по списку и „передаютъ“ особымъ чинамъ. Не правы-ли крестьяне, когда они смотрятъ на „общественныя“ и казенныя работы, какъ на новое крѣпостное право?

И дѣйствительно, законъ 15 сентября приближаетъ голодающихъ крестьянъ къ крѣпостнымъ не только въ томъ отношеніи, что отнимаетъ у нихъ свободу передвиженія. Законъ даетъ чиновникамъ право удерживать часть заработной платы для отсылки семействамъ рабочихъ, если это находитъ нужнымъ „губернское начальство мѣстностей, гдѣ остались семьи“. Заработанными деньгами будутъ распоряжаться безъ согласія самихъ рабочихъ! Мужикъ глупъ: самъ о своей семьѣ позаботиться не съумѣетъ. Начальство это [illegible] гораздо лучше сдѣлаетъ: кто не слыхалъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ оно хорошо заботилось о мужицкихъ семьяхъ въ военныхъ поселеніяхъ?

Одна бѣда: мужики теперь не такъ уже, пожалуй, покорны, какъ во времена военныхъ поселеній. Могутъ вѣдь и потребовать, чтобы имъ выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смѣли, безъ ихъ согласія, удерживать заработанныхъ денегъ? На этотъ случай надо строгости усилить, и законъ постановляетъ въ особой статьѣ, что „надзоръ надъ сохраненіемъ рабочими должнаго порядка въ мѣстахъ производства работъ возлагается, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, на мѣстныхъ земскихъ начальниковъ, офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, полицейскихъ чиновниковъ или особо для сего назначенныхъ лицъ“. На голодающихъ крестьянъ правительство, очевидно, заранѣе смотритъ, какъ на „бунтовщиковъ“, устанавливая, кромѣ общаго надзора всей россійской полиціи за всѣми русскими рабочими, еще особый строжайшій надзоръ. Мужика заранѣе рѣшили взять въ ежовыя руковицы за то, что онъ осмѣливается „преувеличивать“ голодъ и проявляетъ (какъ выразился Сипягинъ въ своемъ циркулярѣ) „ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству“.

А чтобы не возиться съ судами въ случаѣ какихъ-либо неудовольствій рабочихъ, временныя правила даютъ чиновникамъ право подвергать рабочихъ аресту до трехъ дней безъ особаго судебнаго производства за нарушеніе тишины, недобросовѣстность въ работѣ, неисполненіе распоряженій!! Свободнаго рабочаго надо привлекать къ мировому, передъ которымъ онъ можетъ защищаться и на рѣшенія подавать жалобу, — а голодающаго мужика можно сажать въ кутузку безъ всякаго суда! Свободнаго рабочаго за нежеланіе работать можно только разсчитать, — а голодающаго мужика новый законъ предписываетъ „за упорное уклоненіе отъ работъ“ отправлять по этапу на родину, вмѣстѣ съ ворами и разбойниками!

Новыя временныя правила, это — настоящія каторжныя правила для голодающихъ, правила объ отдачѣ ихъ въ работы съ лишеніемъ правъ за то, что они осмѣлились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тѣмъ, что отняло у земства завѣдываніе продовольственнымъ дѣломъ, запретило частнымъ лицамъ устраивать, безъ разрѣшенія полиціи, столовыя, предписало уменьшать впятеро дѣйствительные размѣры нужды, — оно еще объявляетъ крестьянъ неполноправными и приказываетъ расправляться съ ними безъ суда. Къ постоянной каторгѣ вѣчно-голодной жизни и непосильнаго труда присоединяется теперь угроза каторгой казенныхъ работъ.

Таковы мѣропріятія правительства по отношенію къ крестьянамъ. Что касается рабочихъ, то расправа съ ними всего ярче характеризуется напечатаннымъ въ предыдущемъ номерѣ нашей газеты „Обвинительнымъ актомъ“ по дѣлу о майскихъ волненіяхъ на Обуховскомъ заводѣ. „Искра“ писала уже о самомъ событіи въ іюньскомъ и въ іюльскомъ номерахъ. О судѣ наша легальная печать молчала, памятуя, очевидно, какъ даже благонамѣреннѣйшее „Новое Время“ „пострадало“ за попытку писать на эти темы. Въ газеты попала пара строкъ о томъ, что судъ былъ въ концѣ сентября, да затѣмъ въ одной изъ южныхъ газетъ, случайно, былъ сообщенъ приговоръ: двоимъ — каторжныя работы, восемь оправдано, остальнымъ — тюрьма и исправительныя арестантскія отдѣленія на сроки отъ двухъ до 3½ лѣтъ.

Итакъ, въ статьѣ „Новое побоище“ (№ 5 „Искры“) мы еще недостаточно оцѣнили мстительность русскаго правительства. Мы думали, что къ военной расправѣ оно прибѣгло какъ къ послѣднему средству борьбы, боясь обращаться къ суду. Оказывается, сумѣли соединить и то, и другое: [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ихъ [illegible] 37 человѣкъ [illegible] [illegible] [illegible] и прису[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] участіе въ [illegible] [illegible] [illegible] указываетъ, что Ермаковъ имѣлъ прокламаціи [illegible] партіи (по словамъ подручной въ казенной винной лавкѣ Михайловой, не вызванной на судъ въ качествѣ свидѣтельницы), что онъ говорилъ о борьбѣ за политическую свободу и ходилъ 22 апрѣля на Невскій, захвативъ красный флагъ. Далѣе подчеркивается, что и Гавриловъ имѣлъ и раздавалъ прокламаціи, призывавшія на демонстрацію 22 апрѣля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала въ какихъ-то тайныхъ сборищахъ. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что прокуроръ постарался выставить зачинщиками именно людей, въ которыхъ сыскная полиція подозрѣвала политическихъ дѣятелей. Политическій характеръ дѣла виденъ также и изъ того, что толпа кричала: „намъ нужна свобода!“, виденъ и изъ связи съ первымъ мая. Въ скобкахъ сказать, разсчетъ 26 человѣкъ за „прогулъ“ перваго мая и зажегъ весь пожаръ, но прокуроръ, разумѣется, ни словечка не проронилъ о незаконности такого разсчета!

Дѣло ясное. Для суда выхватили тѣхъ, въ комъ подозрѣвали политическихъ враговъ. Сыскная полиція представила списки. А полицейскіе, разумѣется, „удостовѣрили“, что эти лица были въ толпѣ и бросали камни и выдѣлялись среди другихъ.

Судомъ прикрыли вторичный (послѣ побоища) актъ политической мести. И подло прикрыли: о политикѣ упомянули для отягощенія вины, но политической обстановки всего происшествія разъяснить не позволили. Судили какъ уголовныхъ по 263 ст. Улож., т.-е. за „явное противъ властей, правительствомъ установленныхъ, возстаніе“ и притомъ возстаніе, учиненное людьми вооруженными(?). Обвиненіе было подтасовано: полиція приказала судьямъ разбирать лишь одну сторону дѣла.

Замѣтимъ, что по 263-5 стт. Уложенія можно закатать на каторгу за всякую манифестацію: „явное возстаніе съ намѣреніемъ не допустить исполненія предписанныхъ правительствомъ распоряженій и мѣръ“, хотя бы „возставшіе“ не были вооружены и даже не производили явныхъ насильственныхъ дѣйствій! Русскіе законы щедры на каторгу! И намъ пора позаботиться о томъ, чтобы каждый такой процессъ былъ превращаемъ въ политическій процессъ самыми обвиняемыми, чтобы правительство не смѣло свою политическую месть прикрывать комедіей уголовщины!

А какой „прогрессъ“ въ самомъ судопроизводствѣ, по сравненію, напр., съ 1885-мъ годомъ! Тогда морозовскихъ ткачей судили присяжные, въ газетахъ были полные отчеты, на судѣ свидѣтели изъ рабочихъ вскрыли всѣ безобразія фабриканта. А теперь — судъ чиновниковъ съ безгласными сословными представителями, закрытыя двери суда, нѣмое молчаніе печати, подтасованные свидѣтели: заводское начальство, заводскіе сторожа, полицейскіе, бившіе народъ, солдаты, стрѣлявшіе въ рабочихъ. Какая гнусная комедія!

Сопоставьте этотъ „прогрессъ“ расправы съ рабочими въ 1885 и 1901 г. съ „прогрессомъ“ борьбы противъ голодающихъ въ 1891 и 1901 г., — и вы получите нѣкоторое представленіе о томъ, какъ быстро ростетъ и вглубь и вширь возмущеніе въ народѣ и въ обществѣ, какъ яростно начинаетъ метаться правительство, „подтягивая“ и частныхъ благотворителей и крестьянъ, устрашая рабочихъ каторжными приговорами. Нѣтъ, каторга не устрашитъ рабочихъ, вожаки которыхъ не боялись умирать въ прямой уличной схваткѣ съ царскими опричниками. Память объ убитыхъ и замученныхъ въ тюрьмахъ героях-товарищахъ удесятеритъ силы новыхъ борцовъ и привлечетъ къ нимъ на помощь тысячи помощниковъ, которые, какъ 18-лѣтняя Марфа Яковлева, скажутъ открыто: „мы стоимъ за братьевъ!“ Правительство намѣрено, кромѣ полицейской и военной расправы съ манифестантами, судить ихъ еще за возстаніе; мы отвѣтимъ на это сплоченіемъ всѣхъ революціонныхъ силъ, привлеченіемъ на свою сторону всѣхъ угнетенныхъ царскимъ произволомъ и систематической подготовкой общенароднаго возстанія!

ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ РАЗВРАТѢ НАШИХЪ ДНЕЙ

Въ редакцію поступило письмо отъ незнакомаго намъ товарища, озаглавленное „О Зубатовщинѣ“. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, помѣстить письмо цѣликомъ, и мы ограничимся подробными выдержками изъ него. Надѣемся, что авторъ ничего не будетъ имѣть противъ.

По вопросу о провокаторскихъ пріемахъ Зубатова въ письмѣ сообщаются слѣдующіе интересные факты, за достовѣрность которыхъ авторъ ручается. „Зачѣмъ вамъ, господа, перестукиваться?“ обратился недавно Зубатовъ къ сидящимъ въ одной изъ московскихъ тюремъ рабочему Z и дѣвицѣ Y. „Вѣдь я же могу разрѣшить вамъ видѣться, сдѣлайте одолженіе“. И „господа“ соглашаются на любезное предложеніе любезнаго генерала-провокатора... А Зубатовъ продолжаетъ любезничать. Тому же рабочему Z онъ позволяетъ выходить за предѣлы тюрьмы и даже быть на собраніи пресловутаго московскаго общества взаимопомощи машиностроительныхъ рабочихъ. Далѣе. Когда выпускаютъ сосѣдку Z — г-жу Y, онъ милостиво разрѣшаетъ ей еще разъ на прощаніе повидаться съ Z. Приходитъ очередь выпускать послѣдняго. Выпускаютъ. Любезный генералъ-провокаторъ шлетъ дѣвицѣ Y телеграмму: такой-то выпущенъ, можете пріѣхать повидаться. Натурально — пріѣхала. Нужно прожить въ Москвѣ нѣсколько дней. Паспорта нѣтъ. Къ Зубатову! „О не безпокойтесь, галантно увѣряетъ г. Зубатовъ, живите и безъ вида. Чуть тронутъ, — ко мнѣ“... Пожила дѣвица, повидалась съ Z и разъѣхались“.

Совершенно вѣрный выводъ дѣлаетъ авторъ письма относительно значенія такихъ, повидимому, мелкихъ фактовъ. „Зубатовъ хочетъ смѣнить нетерпимость революціонеровъ къ рыцарямъ застѣнка — добродушіемъ, вражду — амикошонскими отношеніями, на почвѣ этого добродушія и амикошонства онъ будетъ вселять довѣріе къ себѣ въ рядахъ нелегальныхъ дѣятелей съ тряпичной душой, а тамъ — тамъ недалеко будетъ и до безсознательнаго предательства по довѣрію.

„Въ [illegible] [illegible], продолжаетъ авторъ, есть одна [illegible] [illegible] [illegible] собранія [illegible] [illegible] рабочихъ“. Пускалъ онъ это тоже не просто. Онъ [illegible] передъ Z за преимущество мирной самодѣятельности рабочихъ передъ [illegible]ной борьбой и пустилъ его на собраніе, чтобы воочію убѣдиться въ прелестяхъ этой самодѣятельности и въ той „свободѣ“, которая ей предоставляется правительствомъ... Зубатовъ хочетъ сбить рабочихъ съ пути революціонной борьбы на путь развитія мирной самодѣятельности; революціонера онъ стремится превратить въ сторонника потребилокъ и кассъ взаимопомощи, въ противника политической борьбы. Впрочемъ, онъ готовъ помириться и на меньшемъ. Пусть революціонеръ останется при сознаніи необходимости даже борьбы рабочихъ за улучшеніе своей доли, но только борьбы не политической! Извѣстная исторія съ „Зубатовской партіей“ въ Западномъ краѣ показываетъ, насколько успѣшно можетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи Зубатовъ“.

О московскомъ обществѣ взаимопомощи авторъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія:

„Зародилась у московскихъ машиностроительныхъ рабочихъ мысль обратиться на путь спасенія своихъ собратій отъ золъ капитализма вспомогательной кассой. Кто натолкнулъ ихъ на эту мысль, — богъ вѣсть, но можно думать, что исходила она отъ Охраннаго Отдѣленія, а въ ней изъ кабинета г. Зубатова, и черезъ агентовъ его была пущена въ оборотъ среди рабочихъ, которые и откликнулись на нее. Мысль эта росла и ширилась, и, наконецъ, вынырнула на свѣтъ божій. Нѣсколько рабочихъ, ничего общаго съ г. Зубатовымъ не имѣющихъ, взяли на себя иниціативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассѣ машиностроительныхъ рабочихъ начала приводиться въ исполненіе. Для обсужденія устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытыя собранія. И что же? Въ то самое время, когда реакція послѣ мартовской бойни не знала никакого удержа, когда на Руси душили всякое проявленіе мысли и самодѣятельности, когда разгоняли и сажали по тюрьмамъ даже мирныхъ литераторовъ и закрывали даже самыя невинныя общества въ родѣ общества доставленія книгъ больнымъ (въ СПБ.: предсѣдателемъ былъ извѣстный профессоръ Лесгафтъ, теперь высланный изъ столицы), въ такое темное и дикое время разгула царскихъ опричниковъ московскимъ рабочимъ милостиво разрѣшается открыто собираться для обсужденія вопросовъ, касающихся какъ кассы, такъ и вообще рабочаго быта!! Дѣлается это съ одобренія и по ходатайству московскихъ властей и, разумѣется, прежде всего по рекомендаціи г. Зубатова. Столь необычайная вещь и заставляетъ меня держаться только-что высказаннаго предположенія, что московская касса взаимопомощи дѣло не только самихъ рабочихъ и гг. профессоровъ, но и... агентовъ Охраннаго Отдѣленія. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что г. Зубатовъ самъ усиленно пропагандируетъ идею вспомогательныхъ кассъ, усиленно рекомендуетъ при этомъ рабочимъ, съ которыми его сталкиваетъ судьба, книги гг. Прокоповича, Бернштейна, Геркнера...

„И вотъ въ результатѣ въ Россіи, въ Москвѣ, подъ руководствомъ людей науки — Дэна, Озерова и Вормса — происходятъ открытыя собранія и на нихъ дебатируются вопросы о различныхъ нуждахъ рабочаго класса! Объ чемъ только не говорятъ тамъ! И о потребительныхъ обществахъ, и о кассахъ взаимопомощи, и о читальняхъ-библіотекахъ для рабочихъ, и объ унизительныхъ для человѣческаго достоинства рабочаго обыскахъ при уходѣ съ работы, и объ различныхъ условіяхъ труда на заводахъ и т. и т. д. — ни слова, разумѣется, только объ одномъ — о политикѣ. Говорятъ и гг. доценты, и мастеровые и — въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться въ виду горячаго сочувствія со стороны г. Зубатова — агенты отъ Охраннаго Отдѣленія. Картина умилительная и достойная быть отмѣченной лѣтописцемъ русскаго рабочаго движенія!

„Дѣло, разумѣется, будетъ двигаться. Идея мощи вспомогательныхъ кассъ и потребительныхъ обществъ будетъ, при ближайшемъ участіи Охраннаго Отдѣленія, широко распропагандиро вана, касса начнетъ существовать и, быть можетъ, развиваться, хотя, конечно, о послѣднемъ можно спорить, имѣя въ виду неуспѣхъ подобныхъ предпріятій въ Харьковѣ. Но все это мы увидимъ въ будущемъ, а теперь меня интересуетъ другой вопросъ: зачѣмъ понадобилось г. Зубатову, этому вѣрному, подлому и умному слугѣ русскаго политическаго режима такое покровительство, такое близкое участіе въ дѣлѣ искорененія зла капитализма вспомогательными кассами и потребилками? Намъ думается, что разрѣшеніе этого вопроса коренится въ слѣдующемъ: г. Зубатовъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ многіе изъ нашихъ „экономистовъ“, понялъ значеніе для Россіи настоящаго момента подобныхъ средствъ борьбы съ капитализмомъ. Онъ понялъ, что шумъ и громъ, съ которымъ осуществляется дѣло взаимопомощи, отвлечетъ отъ нелегальнаго движенія не мало интеллигентныхъ рабочихъ, ищущихъ какого-нибудь приложенія своихъ силъ и еще не нашедшихъ его въ революціонной борьбѣ; онъ понялъ, что правительственное покровительство организаціи такихъ мирныхъ учрежденій обманетъ многихъ и многихъ рабочихъ, увѣритъ ихъ, будто правительство всегда готово отечески заботиться объ ихъ интересахъ; понялъ, наконецъ, что люди, положившіе свои силы и деньги въ эти мирныя учрежденія, будутъ дорожить ими, будутъ каждую минуту дрожать за ихъ существованіе, станутъ, поэтому, избѣгать всякихъ рѣзкихъ столкновеній съ правительствомъ, проводить миролюбивую политику и отвлекать товарищей отъ политики революціонной. Онъ понялъ, словомъ, что мирныя учрежденія, вродѣ вспомогательныхъ кассъ, прекрасное средство борьбы съ нарастающимъ революціоннымъ настроеніемъ массъ; понялъ, что ими, если они разовьются и окрѣпнутъ, можно задержать близкую, неминуемую гибель царскаго правительства. И вотъ онъ хлопочетъ объ этихъ учрежденіяхъ, онъ пропагандируетъ ихъ, пропагандируя, вмѣстѣ съ тѣмъ, трогательную дружбу, трогательное амикошонство царскаго правительства съ рабочей массой. Не ясно-ли, что онъ дѣйствительно далеко не дуракъ, что его политика какъ нельзя болѣе на руку правительству, и что правительство ухватилось за нее обѣими руками, что оно будетъ теперь всѣми силами стараться внести миръ и спокойствіе въ рабочія массы заботами о развитіи ихъ мирной самодѣятельности? Не ясно-ли также, что русская соціалдемократія не можетъ пойти рука объ руку съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, не можетъ способствовать развитію этой самодѣятельности, такъ горячо рекомендуемой г. Зубатовымъ? „Экономисты“ (правда, не всѣ) говорили намъ, что вспомогательныя кассы и проч. нужны даже будущему (какъ извѣстно, политическая борьба массы считалась ими дѣломъ неопредѣленнаго будущаго) политическому движенію рабочихъ массъ, потому что онѣ-де развиваютъ солидарность, способность самодѣятельности и привязанность къ свободнымъ учрежденіямъ, сознаніе необходимости ихъ вообще. Г. Зубатовъ думаетъ иначе. И онъ правъ! Движенію, которому прежде всего нужно снести со своего пути политическія преграды, революціонному политическому движенію нужна солидарность борцовъ за свободу, а не мирныхъ штопателей дырявыхъ штановъ, ему нужна самодѣятельность опытныхъ конспиративныхъ дѣятелей и сознающей свои политическіе интересы рабочей арміи, а не самодѣятельность мирно настроеннаго стада овецъ подъ опекой Охраннаго Отдѣленія, ему нужна любовь къ свободнымъ учрежденіямъ съ враждой къ царскому правительству, съ готовностью бороться за свободу на жизнь и смерть, а не съ готовностью гнуть шею передъ этимъ правительствомъ, съ рабьей трусостью. Г. Зубатовъ понялъ то, чего не могли понять искренніе доброжелатели рабочихъ, и онъ стремится потушить разгорающееся революціонное пламя какъ разъ тѣми средствами, какими, между прочимъ, думали потихоньку да полегоньку раздуть его гг. „экономисты“...

Что же дѣлать русскимъ соціалдемократамъ, какъ откликнуться имъ на всю эту „зубатовскую политику“ во всей ея совокупности, отъ заигрыванія съ отдѣльными лицами до заигрыванія со всей рабочей массой? Остается одно: встрѣчать эту политику рѣзкимъ словомъ ненависти, строго осуждать всякое амикошонство съ русскимъ правительствомъ и его отдѣльными агентами, и горячимъ призывомъ къ революціонной борьбѣ парализовать усилія интеллигентовъ и рабочихъ, насаждающихъ въ Россіи овечью самодѣятельность.

Экс-экономистъ.“

Въ дополненіе къ этому сообщенію приведемъ еще два слѣдующія извѣстія, доставленныя намъ изъ другого источника:

„Въ московскомъ „обществѣ“ предсѣдательствуетъ рабочій Михаилъ Афанасьевъ. Началъ онъ пропагандировать въ 1894 г., въ 1896 г. былъ въ московскомъ „Союзѣ“, привлекался къ слѣдствію, привлекался также въ 1899 г., но все оставался въ Москвѣ. Провокаторомъ его не считаютъ, но это человѣкъ, вполнѣ поддавшійся вліянію Зубатовской политики. Теперь онъ вездѣ заявляетъ открыто, что его знамя — „легальность“, „нелегальность погубитъ русское движеніе“. На одно изъ собраній попалъ съ разрѣшенія руководителя (проф. Озерова) одинъ изъ „интересующихся“. Дня черезъ три Озеровъ получаетъ письмо съ указаніемъ, что на собраніи былъ такой-то. Извѣстно-де, что онъ соціалдемократъ и можетъ погубить столь хорошее дѣло. Въ концѣ доноса, что онъ раздавалъ листки.

„Въ числѣ непремѣнныхъ пунктовъ устава Треповъ потребовалъ присутствія полицейскаго чиновника. Въ качествѣ таковаго присутствуетъ помощникъ Зубатова — Сазоновъ. Онъ говоритъ пламенныя рѣчи о нуждахъ рабочихъ, амикошонствуетъ съ рабочими, обѣщаетъ удалить всѣ затрудненія съ утвержденіемъ устава (въ настоящее время — по газетамъ — уставъ уже утвержденъ. Редакція). Рабочимъ льститъ, что о нихъ печатаютъ въ газетахъ, жмутъ имъ руки и очень дружески съ ними обходятся. Во многихъ ремесленныхъ цехахъ и отрасляхъ фабричнаго производства идутъ толки объ устройствѣ такихъ же обществъ. Многіе изъ членовъ-рабочихъ бываютъ очень часто у Зубатова и Сазонова и при этомъ скрываютъ другъ отъ друга свои посѣщенія.

„Не такъ давно Зубатовъ предлагалъ одному заключенному рабочему свободу, если онъ будетъ въ другихъ городахъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, пропагандировать легальные союзы.

„Цехъ кондиторовъ и пекарей находится въ раздумьи, по легальной или нелегальной дорогѣ имъ идти. Кондиторы, народъ болѣе развитой, отправили делегата къ одному господину за совѣтомъ. Пекаря стоятъ больше за легальный союзъ съ печатаніемъ въ газетахъ отчетовъ и проч.“

Недавно появилось въ печати извѣстіе объ открытіи въ Николаевѣ общества на подобіе московскаго. А назначенный въ Саратовскую губернію новый губернаторъ Энгельгардтъ заявилъ въ Царицинѣ, что если рабочіе захотятъ устроить клубъ, то онъ поддержитъ ходатайство.

Въ Минскѣ на 5-мъ собраніи столяровъ, состоявшемся съ разрѣшенія жандармскаго полковника, выбрана постоянная коммиссія для наблюденія за исполненіемъ мастерами закона о 12-тичасовомъ рабочемъ днѣ. Въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній коммиссія обращается къ полиціи за составленіемъ протокола. Лѣтъ пять назадъ въ Минскѣ тѣ же еврейскіе столяры выбирали тайныя коммиссіи для наблюденія за тѣмъ, чтобы работа не длилась долѣе 6 час. вечера. Противъ нарушавшихъ порядокъ мастеровъ столяры дѣйствовали иногда очень энергичными мѣрами — даже побоями. Правда, въ то время рабочихъ не приглашали собираться вмѣстѣ съ жандармами „для обсужденія нуждъ своего ремесла“, какъ говорится въ пригласительныхъ билетахъ, печатаемыхъ нынѣ съ разрѣшенія в[illegible] полиціймейстера...

Когда-то „Раб. Мысль“ увѣряла, что рабочіе должны и могутъ провести (при самодержавіи) своихъ представителей въ Департаментъ Торговли. Какъ видитъ читатель, департаментъ, въ который нынче приглашаютъ рабочихъ отстаивать свои нужды, есть департаментъ государственной полиціи... Кто мечтаетъ о „легализаціи рабочаго движенія“, долженъ понять, что при самодержавіи такая „легализація“ возможна только — подъ крылышкомъ Зубатова.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

БРОЖЕНІЕ ВЪ СТУДЕНЧЕСТВѢ.

Немного болѣе полугода прошло со времени назначенія „сердечнаго генерала“, а благодушные россіяне уже, кажется, совершенно отрезвились отъ чада надеждъ, возбужденныхъ пресловутымъ царскимъ рескриптомъ. Измѣнили гимназическую программу, поговорили о реформѣ университетскаго устава, а все прочее рѣшили оставить по старому. Подъ сурдинку „благонамѣренныхъ рѣчей“ правительство стало понемногу вводить „реформы“, отдающія блаженной памяти Николаевщиной.

Сознаніе того, что общество и студенты еще разъ обмануты, начало проникать въ студенческую среду. Помѣченная 19 іюля прокламація „группы студентовъ — членовъ землячествъ“ — въ СПБ. призвала товарищей къ возобновленію борьбы съ реакціей. Приведемъ слѣдующее мѣсто изъ этой прокламаціи:

„Прошло четыре мѣсяца. Допустимъ, что послѣ рѣзкой критики и безпощаднаго осужденія, высказаннаго лучшими профессорами, старый уставъ не долго будетъ жить. Но какова будетъ эта реформа? Вознаградитъ-ли она насъ за годы борьбы и сотни жертвъ? Послѣ небольшого антракта слова „разума, сердечности и любви“ были забыты, и вновь подтверждено прикрѣпленіе къ университетамъ*), провинціи по прежнему полны уволенными студентами и вмѣсто обратнаго приглашенія въ университетъ они получаютъ годы полицейскаго надзора; даже вопіющее беззаконіе отдачи въ солдаты исправлено лишь на половину, и еще до сихъ поръ многіе продолжаютъ нести тяжесть военной службы. Въ послѣдніе дни изданъ новый циркуляръ, по которому евреи вовсе не принимаются въ нѣкоторыя спеціальныя учебныя заведенія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ газетахъ стали циркулировать упорные слухи объ ограниченіи пріема евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія двухпроцентной нормой. Далекія отъ сердечности и любви, эти новыя ограниченія требуютъ особенно дружнаго отпора со стороны студентовъ и всего общества. Проводя ихъ какъ разъ въ то время, когда подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, студенческихъ и народныхъ волненій, правительство сулитъ реформы школьнаго дѣла, оно какъ бы идетъ на встрѣчу требованіямъ самого общества, ставя эти ограниченія во главѣ своихъ „реформъ“. Такимъ образомъ, гнусная мѣра правительства какъ бы санкціонируется желаніями самого народа. Въ равнодушіи его къ сѣянію правительствомъ національной вражды и преслѣдованію, оно черпаетъ свою силу и потому легкой рукой сыплетъ ограниченіе гражданскихъ правъ евреевъ за ограниченіями. Мы обязаны въ данномъ случаѣ загладить свою исконную несправедливость по отношенію къ угнетаемой національности, выражающуюся въ томъ, что мы молчали, когда нужно было протестовать, мы должны громко заявить правительству, что въ этихъ своихъ преслѣдованіяхъ оно, какъ и всегда, дѣйствуетъ на перекоръ желаніямъ лучшихъ представителей русскаго народа и откровенно указать еврейской и другимъ національностямъ, что, борясь за „разумное, доброе, вѣчное“, мы боремся вмѣстѣ съ этимъ рука объ руку съ ними и за ихъ гражданскія права“...

Заканчивается прокламація приглашеніемъ требовать возвращенія въ университеты всѣхъ уволенныхъ за безпорядки и отданныхъ въ солдаты товарищей, предоставленія свободнаго доступа въ университеты и другія учебныя заведенія всѣмъ, безъ различія національности, религіи и пола, отмѣны всякихъ стѣсненій въ выборѣ университета и предоставленія земствамъ и городскимъ думамъ свободнаго обсужденія школьнаго дѣла.

Въ Харьковѣ съ начала учебнаго года въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ изданы прокламаціи, говорящія о совершенномъ „съ высоты престола нагломъ обманѣ русскаго общества и студентовъ“ и о предстоящемъ возобновленіи недавно прерванной борьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ среди харьковскихъ же студентовъ циркулируютъ воззванія о поддержкѣ бастовавшихъ въ Харьковѣ портныхъ. Очевидно, прошлогоднее участіе рабочихъ въ студенческомъ движеніи привлекло вниманіе и сочувствіе студентовъ къ борьбѣ рабочихъ.

Какъ и всегда, кіевскій студенческій „Союзный Совѣтъ“ въ своей прокламаціи проявляетъ наибольшую политическую революціонность. Призывая къ слиянію борьбы студенческой съ общеполитической, Союзный Совѣтъ заявляетъ: „студенчество слишкомъ хорошо помнитъ весь ходъ только что окончившагося движенія, помнитъ, чѣмъ было вызвано у правительства обѣщаніе уступокъ, и чѣмъ, слѣдовательно можно добиться ихъ осуществленія. Это — бор[illegible]а жестокая, [illegible] борьба, но борьба, вооруженная опытомъ прошлыхъ движеній, освященныхъ ихъ жертвами. Опытъ же прошлаго движенія намъ говоритъ, что студенческое движеніе даетъ только тогда результатъ, когда оно становится общественнымъ, когда къ нему примыкаютъ вс оппозиціонные элементы общества“.

11 октября въ кіевскомъ университетѣ произошла сход 800 студентовъ. Обсуждались требованія о возвраще сданныхъ въ солдаты студентовъ и отмѣнѣ ограниче пріема евреевъ.

---

*) Имѣется въ виду обязательство для студентовъ вступать въ опредѣленный университетъ, — по мѣсту окончанія гимназіи.

О ТАКТИКѢ ВООБЩЕ, О ТАКТИКѢ НИКОЛАЕВСКАГО ГЕНЕРАЛА РЕАДА ВЪ ЧАСТНОСТИ И О ТАКТИКѢ Б. КРИЧЕВСКАГО ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Слово тактика заимствовано политическими дѣятелями отъ теоретиковъ военнаго искусства. Военное искусство состоитъ, какъ извѣстно, въ приспособленіи средствъ, которыми располагаетъ полководецъ, къ цѣли, которую онъ преслѣдуетъ. Что касается тактики въ собственномъ смыслѣ этого слова, то подъ нею понимаютъ искусство располагать войска для битвы и руководить ими во время самой битвы. Это понятіе значительно уже того, которое связывается со словомъ тактика въ политикѣ. Политическіе дѣятели часто называютъ тактикой то, что теоретикъ военнаго дѣла назвалъ бы стратегіей. Но какъ бы тамъ ни было, всякій безъ труда согласится, что иное дѣло цѣль, преслѣдуемая политической партіей или военнымъ начальникомъ, а иное дѣло приспособленіе къ этой цѣли средствъ, находящихся въ распоряженіи этой партіи или этого полководца. Ясное представленіе о цѣли еще вовсе не ручается за умѣлое пользованіе средствами. И кто, отправляясь на войну, воображаетъ, что ему достаточно знать, зачѣмъ она ведется, тотъ рискуетъ испытать тяжелыя пораженія.

Сознаніе этой аксіомы выражается въ соціалистической литературѣ различеніемъ между принципами партіи и ея тактикой. Люди, согласные между собой въ принципахъ, могутъ разойтись по тому или другому тактическому вопросу. Это ясно само собою. Спрашивается, поэтому: можно-ли относить тактическія разногласія къ числу такихъ разногласій, наличность которыхъ лишаетъ данныхъ политическихъ дѣятелей возможности принадлежать къ одной и той же политической партіи?

При невнимательномъ отношеніи къ предмету кажется, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Тактическіе вопросы не должны вести къ разрыву; если люди согласны между собою въ принципахъ, если они стремятся къ одной общей цѣли, то они — товарищи и должны оставаться таковыми; имъ грѣшно разрывать изъ-за второстепенныхъ частностей...

Такъ говорятъ обыкновенно дилеттанты соціализма. Но они говорятъ такъ единственно потому, что — въ своемъ качествѣ дилеттантовъ — они невнимательно относятся къ предмету. Имъ представляется, что тактическіе вопросы отдѣлены отъ принципіальныхъ непереходимою пропастью. На самомъ же дѣлѣ такой пропасти не существуетъ, и вотъ почему тактическія разногласія, перейдя извѣстный предѣлъ, превращаются въ разногласія принципіальныя.

За доказательствами ходить недалеко; достаточно обратиться къ Франціи. Жорэсъ увѣрялъ и увѣряетъ, что онъ только въ вопросахъ тактики расходится съ Гэдомъ, Вальяномъ и другими сторонниками революціонной соціалдемократіи. И въ извѣстномъ смыслѣ онъ, пожалуй, правъ. Если подъ принципами понимать общія положенія соціализма, — напр., то положеніе, что капиталисты эксплуатируютъ рабочихъ; что эксплуатація должна быть устранена; что для ея устраненія необходима соціализація средствъ производства и т. п. — то можно почти съ увѣренностью сказать, что Жорэсъ искренно раздѣляетъ эти принципы. И тѣмъ не менѣе всякій видитъ теперь, что Гэду и Вальяну невозможно идти вмѣстѣ съ Жорэсомъ. Тактическія разногласія, существующія между этими старыми борцами и краснорѣчивымъ другомъ его превосходительства барона фонъ-Мильрана*), несомнѣнно достигли теперь такихъ размѣровъ, что стали принципіальными.

Дѣло въ томъ, что кромѣ тѣхъ принциповъ, которые, подобно вышеперечисленнымъ, представляютъ собою формулировку и обоснованіе конечной цѣли соціализма, существуютъ еще тѣ принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цѣль. Люди, несогласные между собой въ этихъ послѣднихъ, не могутъ идти вмѣстѣ, какъ бы ни было велико ихъ единомысліе въ томъ, что касается общихъ положеній соціализма. Для примѣра укажемъ хоть на тѣхъ соціалистовъ-утопистовъ, которые смотрѣли на классовую борьбу какъ на величайшее зло и утверждали, что полное прекращеніе этой борьбы есть первое практическое условіе освобожденія пролетаріата. Соціалдемократы не могли бы считать такихъ соціалистовъ своими товарищами даже и въ томъ случаѣ, если бы они совсѣмъ не разошлись съ ними въ опредѣленіи конечной цѣли. Выше мы сказали, что ясное представленіе о цѣли еще вовсе не ручается за умѣлое пользованіе средствами ея достиженія. Теперь мы прибавимъ, что именно поэтому единомысліе по вопросу о конечной цѣли не можетъ считаться условіемъ, достаточнымъ для объединенія практическихъ борцовъ подъ знаменемъ одной партіи.

Правда, Жорэсъ и его единомышленники объявляютъ себя такими же убѣжденными и рѣшительными сторонниками классовой борьбы, какъ и гэдисты или бланкисты. Но ихъ примѣръ лучше всякаго другого показываетъ, что не всякій тотъ, кто признаетъ извѣстный принципъ, руководствуется имъ въ своей практической дѣятельности.

Классовая борьба пролетаріата съ буржуазіей предполагаетъ развитіе классового самосознанія рабочихъ. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы такихъ людей, которые навязываютъ рабочей партіи тактику, не только не развивающую это самосознаніе, но прямо затемняющую его. При этомъ почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики: потому-ли, что они обманываются сами или же потому, что имъ хочется обмануть другихъ. Главное дѣло въ томъ, что они въ своей практической политикѣ стремятся повернуть назадъ движеніе пролетаріата. Съ такими людьми — а жорэсисты несомнѣнно принадлежатъ къ ихъ числу — революціонная соціалдемократія не можетъ имѣть ничего общаго.

Для того, чтобы двѣ соціалистическія группы (или организаціи, или фракціи, или партіи) могли объединиться съ пользой для дѣла, необходимо, стало быть, — кромѣ единодушія по отношенію къ конечной цѣли, — чтобы ни одна изъ нихъ не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группѣ (или организаціи или и т. д.) вредной для развитія классового самосознанія рабочихъ. Это предѣлъ, который не можетъ и не долженъ быть перейденъ. Какъ только тактическія разногласія между двумя группами перешли за него, они пріобрѣтаютъ принципіальное значеніе, и тогда разрывъ становится неизбѣжнымъ: препятствовать ему значитъ вредить дѣлу.

Такъ представляется намъ этотъ вопросъ съ нашей точки зрѣнія. Но мы не должны забывать, что нашу точку зрѣнія врядъ-ли можно признать правильной. Извѣстно, что мы — сектанты, зараженные „догматизмомъ“, ослѣпленные фанатизмомъ и грѣшащіе еще цѣлой дюжиной такихъ же смертныхъ грѣховъ. Въ виду этого намъ полезно будетъ выслушать человѣка, имѣющаго полное право благодарить Творца за то, что тотъ не создалъ его по образу и подобію нашему. Этотъ человѣкъ — Б. Кричевскій.

Въ № 10 „Рабочаго Дѣла“ онъ помѣстилъ статью: „Принципы, тактика и борьба“, въ которой онъ выясняетъ свои разногласія съ „Зарей“ и „Искрой“. Въ дѣлѣ этого выясненія первое мѣсто отведено имъ вопросу о томъ, „каково правильное и нормальное отношеніе между принципами и тактикой и что собственно нужно понимать подъ тактикой“ (курсивъ Б. Кричевскаго). Это какъ разъ то, что намъ нужно. Послушаемъ же Кричевскаго.

„Правильная тактика — говоритъ онъ — есть результатъ взаимодѣйствія между принципами, указывающими цѣль движенія, и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе“ (Раб. Дѣло, № 10, стр. 5. Курсивъ Кричевскаго).

Давъ намъ это опредѣленіе, Кричевскій прибавляетъ, что подъ тактикой онъ разумѣетъ здѣсь „общій, руководящій духъ дѣятельности, ея философію, такъ сказать, въ отличіе отъ самой дѣятельности, отъ тактики въ смыслѣ общаго характера практической дѣятельности, а тѣмъ болѣе отъ тактики, какъ техники, отъ отдѣльныхъ пріемовъ и средствъ дѣятельности“.

Мы имѣемъ, значитъ, три вида тактики: 1) тактика-философія, 2) тактика-дѣятельность; 3) тактика-техника. Оставляя безъ разсмотрѣнія „технику“, мы хотимъ поближе приглядѣться къ первымъ двумъ видамъ тактики.

Начнемъ съ „тактики-философіи“. По смыслу опредѣленія, даннаго Кричевскимъ, выходитъ, что философія дѣятельности (партіи), ея руководящій духъ, есть результатъ взаимодѣйствія между принципами, указывающими цѣль движенія и конкретными условіями, въ которыхъ происходитъ движеніе. А такъ какъ принципы, указывающіе цѣль движенія, съ полнымъ правомъ могутъ быть названы руководящими принципами, и такъ какъ эти принципы, очевидно, руководятъ не чѣмъ инымъ, какъ дѣятельностью партіи и потому составляютъ ея руководящій духъ, то мы получаемъ слѣдующій глубокомысленный тезисъ:

Руководящій духъ дѣятельности (партіи), философія этой дѣятельности, есть результатъ взаимодѣйствія между руководящимъ духомъ дѣятельности и тѣми конкретными условіями, въ которыхъ эта дѣятельность совершается.

Что есть А? А есть результатъ взаимодѣйствія между А и В. Не знаемъ, какъ вы, читатель, а мы не охотники до такой „философіи“ и мы думаемъ, что Б. Кричевскій сдѣлалъ бы гораздо

---

*) Извѣстно, что Милльранъ недавно возведенъ въ баронское достоинство австрійскимъ императоромъ.

Около этого времени въ СПБ. возбужденное настроеніе студентовъ было подогрѣто наглой статьей кн. Мещерскаго въ „Гражданинѣ", который (не въ первый уже разъ) распространился о „безнравственности" русскихъ студентокъ. Грязныя клеветы грязнаго князя, конечно, не могутъ никого оскорбить. Но студенты справедливо увидѣли въ выходкѣ кн. Мещерскаго одинъ изъ эпизодовъ той кампаніи, которая ведется печатью его лагеря противъ освободительныхъ стремленій общества и студентовъ. Въ университетѣ произошла бурная сходка, на которой ректоръ упрашивалъ студентовъ отказаться отъ намѣренія демонстрировать передъ ред. „Гражданина", дабы не затруднять неспокойнымъ поведеніемъ „дѣла реформы". Жалкое лицемѣріе!*) Кого оно теперь обманетъ? Студенты убѣдились уже, что только тогда, когда они своими „волненіями" начинаютъ „мѣшать" своимъ начальникамъ вырабатывать новыя „препоны", тогда только имъ удается получить хоть какую нибудь уступку. Можно ожидать, что подъ тѣмъ или инымъ знаменемъ студенческое движеніе опять приметъ широкіе размѣры. Комитетамъ нашей партіи и всѣмъ революціоннымъ группамъ слѣдуетъ теперь же начать готовиться къ тому, чтобы событія вродѣ прошлогоднихъ не застали насъ врасплохъ.

Кіевъ. **Борьба въ тюрьмѣ.** Числа 15 августа товарищъ Берлинъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ уже около двухъ лѣтъ, по дѣлу 1899 г. о типографіи газеты „Впередъ", успѣвшій и жениться въ тюрьмѣ, просилъ начальника тюрьмы дать ему личное (а не черезъ рѣшетку) свиданіе съ женой. Просьба эта не заключала въ себѣ ничего особеннаго, неудобовыполнимаго, ибо слѣдствіе по дѣлу Берлина уже закончено, рѣшеніе постановлено, оставалось только приложить руку царю, — и Восточная Сибирь готова. Начальникъ тюрьмы не возражалъ, но такъ какъ въ то время въ тюрьмѣ было высшее начальство, тюремный инспекторъ, то онъ и предложилъ Берлину обратиться со своей просьбой къ инспектору. Инспекторъ сказалъ Берлину, что разрѣшить ему личное свиданіе — это такая роскошь, какой политическіе не заслуживаютъ. Они-де и такъ пользуются разными удобствами. Берлинъ отвѣтилъ ему: „я просилъ васъ, вы не исполняете моей просьбы, такъ я потребую, и вы исполните!" Разговоръ происходилъ въ конторѣ тюрьмы. Берлинъ черезъ нѣсколько минутъ удалился въ свою камеру, а часа черезъ два его снова вытребовали въ контору. Онъ думалъ, что будетъ объясненіе по поводу его заявленія на счетъ его требованія, но оказалось, что ему [illegible] въ тюремной каретѣ и отвезли въ арестантскія [illegible]. Узнавъ объ этомъ, остальные товарищи сильно возмутились и стали требовать возвращенія Берлина, угрожая не принимать пищи. На утро онъ былъ возвращенъ и рѣшилъ не принимать пищи пока не удовлетворятъ его просьбу. Черезъ день къ Берлину присоединилось два или три товарища, еще черезъ день два нѣсколько человѣкъ, наконецъ, на шестой день никто изъ политическихъ не принималъ пищи, даже и тотъ, котораго товарищи вначалѣ не позволяли вовсе голодать, ибо по заявленію доктора голодовка могла бы кончиться для него смертью. Всѣхъ голодавшихъ было 28 чел. По доходившимъ изъ тюрьмы свѣдѣніямъ, на девятый день чел. 18 было снесено въ больницу. Кіевскій комитетъ рѣшилъ устроить по этому поводу демонстрацію, но рабочіе сочли моментъ неудобнымъ. Тѣмъ не менѣе до 250 экз. прокламацій комитета было распространено въ нѣсколькихъ промышленныхъ заведеніяхъ, и полиція заволновалась. Въ воскресенье 26 августа на Крещатикѣ былъ усиленъ полицейскій нарядъ, въ нѣкоторыхъ дворахъ были скрыты казаки, а въ концѣ Крещатика — на Бессарабкѣ — былъ поставленъ верховой городовой. Арестовъ не было. На одиннадцатый день послѣ начала голодовки Берлина увезли въ Москву, и голодовка прекратилась.

Евреи-капиталисты въ борьбѣ съ евреями-рабочими. О томъ, какой страхъ нагоняетъ на еврейскую буржуазію движеніе еврейскихъ рабочихъ, можно судить по нижеслѣдующему документу, составляющему переводъ съ воззванія, разосланнаго однимъ фабрикантомъ г. Двинска къ своимъ товарищамъ:

„М. Г. У насъ въ Двинскѣ образовалась шайка стачечниковъ-соціалистовъ, одѣтыхъ въ синія рубахи на выпускъ съ красными поясами въ бѣлыхъ фуражкахъ и съ ножами въ карманахъ. Они позволяютъ себѣ грабить, убивать людей средь бѣла дня и совершать всевозможныя злодѣянія. Многіе, на глазахъ которыхъ совершаются эти подвиги соціалистовъ, не рѣшаются вмѣшиваться изъ страха подвергнуться той же участи. И такимъ образомъ они стараются стереть съ лица земли или въ лучшемъ случаѣ превратить въ нищихъ большое число фабрикантовъ, купцовъ, подрядчиковъ и даже мелкихъ ремесленниковъ. Они травятъ и нападаютъ на всѣхъ зажиточныхъ людей, какъ голодная кошка нападаетъ и выслѣживаетъ трусливыхъ мышей.

„Для борьбы съ подобнаго рода людьми, не признающими ни Бога, ни властей, у которыхъ кровь человѣческая цѣнится ниже воды, намъ, купцамъ и фабрикантамъ, необходимо, прежде всего соединиться. Мы не должны бездѣйствовать и утѣшаться, говорить: это волненіе только дѣло мальчишекъ, и оно скоро пройдетъ.

„Нѣтъ, дорогіе друзья, это не мальчишеское дѣло. Присмотритесь поближе, и вы увидите, что натворили эти люди въ самое короткое время, сколькихъ разорили, сколькихъ просто убили! Сначала это дѣйствительно продѣлывали какіе-то скандалисты, лѣнтяи, — мастеровые-красильщики, но они ограничивались самыми ничтожными требованіями. Купцы и хозяева мастерскихъ, которыхъ это тогда нисколько не касалось, не обращали вниманія на нихъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже находили ихъ правыми. Но смотрите, какіе размѣры приняло это движеніе теперь. Къ нему примкнули всѣ рабочіе-ремесленники, приказщики и вообще весь простой народъ. Теперь требованіямъ ихъ не видно конца, и со временемъ они дойдутъ до того, что капиталисты принуждены будутъ отдать имъ все свое состояніе, своихъ женъ и дѣтей, а, наконецъ, и душу, потому что это ихъ конечная цѣль, какъ можно заключить изъ ихъ прокламацій и газетъ. Кому приходилось читать ихъ безцензурный журналъ „Рабочій голосъ" и вообще всю ихъ литературу, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться.

„Поэтому, дорогіе друзья, мы неотложно должны взяться за лѣченіе этого недуга, какъ эпидеміи, какъ холеры охватившаго весь міръ. Мы должны для этого пользоваться всѣми средствами, которыя они употребляютъ противъ насъ. Первое средство это — единодушіе. Мы, фабриканты, купцы и подрядчики, должны единодушно, соединенными силами, взяться за лѣченіе этой болѣзни, которое должно выразиться въ томъ, что каждый долженъ стараться вредить соціалистамъ чѣмъ только возможно. Если кому-нибудь представится случай извести хоть одного изъ бунтовщиковъ — рабочаго или приказщика, кто провѣдаетъ что-нибудь объ ихъ дѣлахъ и замыслахъ, тотъ не долженъ молчать и не имѣетъ права молчать, а обязанъ воспользоваться этимъ случаемъ и дѣйствовать имъ во вредъ. Въ борьбѣ съ ними, побѣда въ которой принесетъ намъ наше спасеніе, мы не должны знать жалости. Сказано въ Писаніи: убивай намѣревающагося тебя убить.

„Это первое средство; второе — деньги.

„Мы должны основать общество и собирать деньги, потому что за деньги можно все купить. Мы должны подкупить всю полицію, чтобы она съ бо́льшимъ усердіемъ работала для насъ; нужны деньги для ходатайствъ въ губерніи и Петербургѣ. Мы всѣ должны взывать о помощи, чтобы насъ спасли отъ всепожирающаго огня, съ минуты на минуту увеличивающагося и грозящаго не только намъ, но всему настоящему строю, религіи и государству. Такъ какъ у насъ мало свободнаго времени, мы должны нанимать свободныхъ людей, которые могутъ всѣ свои силы удѣлить преслѣдованію стачечниковъ, но все-таки мы должны и ихъ контролировать. Мы должны нанимать людей, преимущественно изъ христіанъ, которые хорошо умѣли бы проучить стачечниковъ, возстающихъ противъ своихъ хозяевъ; должны завести себѣ собственныхъ шпіоновъ, чтобы выслѣдить всѣ ихъ тайныя мѣста и сборища, вывѣдать ихъ планы, чтобы предать ихъ въ руки правительства, не щадя ни своихъ родныхъ братьевъ, ни сестеръ. Наконецъ, нужны деньги для составленія приговоровъ о выселеніи лишнихъ людей, которые ничѣмъ не занимаются, а только работаютъ въ союзѣ стачечниковъ. Нужно хлопотать передъ правительствомъ, чтобы у мастеровыхъ не было биржъ, куда они собираются не для того, чтобы искать работу, а исключительно для того, чтобы условиться, какъ дѣйствовать, кого убить или разорить; чтобы или совсѣмъ закрыть городскую синагогу или же приставить къ ней, по крайней мѣрѣ, пять городовыхъ и десять или двадцать солдатъ, которые должны стоять у входовъ и на дворѣ и не допускать стачечниковъ во время молитвы ходить по двору или даже по той улицѣ. Они должны гнать ихъ или въ синагогу, гдѣ они должны стоять на одномъ мѣстѣ, или домой, потому что они устроили себѣ тамъ своего рода сборный пунктъ, гдѣ могутъ совѣщаться. Тамъ происходятъ скандалы, драки, тамъ убиваютъ людей... Стыдно должно быть всему еврейству, что домъ Божій превратился въ мѣсто сборищъ соціалистовъ, стачечниковъ, жуликовъ, воровъ, разбойниковъ, криминалистовъ. Сколькихъ людей они уже тамъ убили!.. Ахъ, стыдно, стыдно!

„Итакъ, дорогіе друзья, фабриканты и купцы Двинска, пользуйтесь временемъ и спасайте, пока возможно, пощадите ваше состояніе, вашихъ женъ и дѣтей, а также и самихъ себя. Нужно стараться работать въ этомъ направленіи, насколько возможно больше.

„Распространяйте и показывайте это письмо всѣмъ вашимъ друзьямъ — фабрикантамъ и купцамъ — и уговорите ихъ присоединиться къ намъ, такъ какъ, если мы будемъ бороться соединенными силами, мы съумѣемъ оправдать сказаніе: „искореняйте возникшее между нами зло".

Само собою разумѣется, что всѣ описанные здѣсь страхи непомѣрно преувеличены. Никакихъ массовыхъ убійствъ въ г. Двинскѣ не происходило, а имѣли мѣсто только случаи избиванія упорныхъ хозяевъ и измѣнниковъ-рабочихъ. Но это не важно. Интересно въ этомъ документѣ то, что хозяева-евреи для борьбы со своими единовѣрцами-рабочими готовы требовать закрытія синагогъ и нанимать рабочихъ-христіанъ для грязныхъ услугъ противъ своихъ же единовѣрцевъ. Но вѣдь, чтобы побудить рабочаго-христіанина избить еврея, придется, пожалуй, разжигать въ немъ вражду къ евреямъ? Двинскіе фабриканты о такихъ пустякахъ не безпокоятся. Мы надѣемся, однако, что среди рабочихъ-христіанъ они не найдутъ себѣ союзниковъ, что ихъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что за деньги все купить можно, не найдетъ себѣ подтвержденія. Вотъ полицію царскаго правительства они, дѣйствительно, смогутъ купить — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Намъ пишутъ: „Во всѣ земства разосланъ „совершенно довѣрительно" циркуляръ Мин. Вн. Д., по которымъ Губ. Земскимъ Управамъ воспрещается сноситься между собою иначе, какъ черезъ губернатора. Земцы считаютъ циркуляръ провокаторствомъ со стороны министерства, которое надѣется, что онъ, какъ прямо противорѣчащій положенію о земскихъ учрежденіяхъ, не останется неопротестованнымъ, а протесты, которые послѣдуютъ по поводу циркуляра, можно будетъ выставить, какъ крамолу, что дастъ предлогъ урѣзать и безъ того жалкое мѣстное самоуправленіе. А между тѣмъ, ст. 194 пол. о Зем. Упр. запрещаетъ непосредственно сноситься между собой лишь земскимъ собраніямъ, что же касается управъ, то по ст. 104 ...„Земскія Управы съ прочими губ. и уѣздными установленіями сносятся отношеніями."

Что эта выходка министерства есть провокація, это очень вѣроятно. Мы надѣемся, что земцы, однако, не послѣдуютъ въ этомъ случаѣ обычному либеральному пріему: не откажутся отъ протестовъ противъ незаконнаго распоряженія подъ тѣмъ предлогомъ, что протесты де будутъ на руку министерству.

---

*) Газета „Россія" — къ стыду ея надо отмѣтить — поддерживала это лицемѣріе холопскими статьями г. Дорошевича.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Иваново-Вознесенскъ (Фабричные порядки. — Соціалдемократическая агитація). На ткацкой фабрикѣ Антона Гандурина практикуется обычай заставлять запасныхъ ткачей, получающихъ 20 коп. въ день, исполнять самую тяжелую черную работу. Тѣмъ же запаснымъ, когда имъ придется отработать смѣну на станкѣ, платятъ лишь половину обычнаго заработка. Протестующіе немедленно увольняются. Между тѣмъ, въ этомъ году въ положеніе запасныхъ попали многіе старые ткачи: Гандуринъ занялъ послѣ Пасхи ихъ мѣста новыми рабочими, благо въ безработныхъ недостатка нѣтъ. Въ теч. іюня и іюля послѣдовали сбавки съ ткачей по 2%. На фабрикѣ очень часто бываетъ простой паровой машины, заставляющій ткачей гулять по двое сутокъ, теряя заработокъ. Табельщикъ на фабрикѣ отличается площадной бранью и приставаньемъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ. Работница, не желающая выслушивать его мерзости, подвергается частымъ штрафамъ, иногда за то, что оправляетъ волосы или моетъ руки. На фабрикѣ Бурылина 26 іюля 46 рабочихъ отправились жаловаться фабричному инспектору на неправильную выдачу заработка. Инспекторъ принялъ рабочихъ очень ласково, но затѣмъ отправился къ фабриканту и посовѣтовалъ ему разсчитать жалобщиковъ, что и было сдѣлано.

Съ 1 октября расцѣнки на Ивановскихъ фабрикахъ, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тѣмъ, что кризисъ создалъ массу безработныхъ. Мѣстный комитетъ партіи выпустилъ три прокламаціи:

лучше, если бы, не пускаясь въ „философію", просто выразилъ бы ту [illegible] мысль, которую ему хочется выразить, т. е. сказалъ бы, что дѣятельность соціалистической партіи должна опредѣляться не только общими положеніями соціализма, но также и данными условіями окружающей дѣйствительности. Такой способъ выраженія имѣлъ бы то неоспоримое преимущество, что онъ былъ бы совершенно чуждъ „элемента" „философской" галиматьи. Правда, онъ имѣлъ бы и крупный недостатокъ, а именно — онъ привелъ бы къ тому, что „тактика-дѣятельность" совершенно слилась бы съ „тактикой-философіей", и тогда у насъ было бы только два вида тактики. Но Б. Кричевскій могъ бы помириться съ этимъ неудобствомъ, утѣшаясь тѣмъ, что у него имѣется въ запасѣ еще два вида тактики: тактика-планъ и тактика-процессъ.

„Тактика-планъ — сообщаетъ нашъ авторъ — естественно можетъ основываться только на принципахъ да еще на самыхъ общихъ условіяхъ дѣятельности, напр., въ Россіи на существованіи самодержавія". Поэтому она неудобна и въ послѣднемъ счетѣ ведетъ къ вреднымъ шатаніямъ. По увѣренію Б. Кричевскаго, Либкнехтъ мѣтко характеризовалъ тактику-планъ, сравнивъ ее съ тѣми планами, которые когда-то составлялись вѣнскимъ оберъ-кригсратомъ для австрійскихъ генераловъ, воевавшихъ съ французами: „Планы въ своемъ родѣ были безупречны, — говоритъ Либкнехтъ, — но не годились для данной мѣстности, а французскіе генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться съ предположеніями вѣнскаго оберъ-кригсрата, и сраженія были потеряны по всѣмъ правиламъ искусства."

На основаніи всего этого Б. Кричевскій самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ „тактику-планъ". „Вообще, заявляетъ онъ, „Искра" и „Заря" видимо тяготѣютъ къ взгляду на тактику, какъ на заранѣе установленный и неизмѣнный планъ дѣятельности. Мы же видимъ въ тактикѣ процессъ роста партійныхъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей" (стр. 11).

Процессъ роста задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей! О какихъ задачахъ говоритъ здѣсь Б. Кричевскій? Очевидно, о тактическихъ. Выходитъ, стало быть, что, по его мнѣнію, тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ партіей. Тактика состоитъ въ томъ, что растутъ тактическія задачи. Это, по истинѣ, безподобно! Нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ!

Нашъ тактикъ, — которому, кажется, не суждено рости вмѣстѣ съ партіей, — совершенно напрасно прячется за спину Либкнехта. Чтобы имѣть право на такую „тактику", онъ долженъ былъ бы сначала показать, что покойный вождь нѣмецкихъ соціалдемократовъ былъ близокъ къ нему по своимъ практическимъ взглядамъ. Но въ этомъ трудно было бы убѣдить насъ, хорошо помнящихъ, какъ возмущали Либкнехта нѣкоторыя сужденія о тактикѣ французскихъ соціалистовъ, высказанныя Б. Кричевскимъ въ нѣмецкой печати. Поэтому мы оставляемъ въ покоѣ Либкнехта и обращаемся къ нашему автору.

Слова Либкнехта ввели его въ глубокое заблужденіе. Онъ вообразилъ, что французскіе генералы, сражавшіеся съ австрійскими, пренебрегали планами и, подобно ему, ограничивались тѣмъ глубокомысленнымъ соображеніемъ, что тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ ходомъ кампаніи. Но пусть Кричевскій заглянетъ, напр., въ знаменитые „Commentaires" Наполеона I: онъ увидитъ изъ нихъ, какъ внимательно обдумывалъ и какъ заботливо составлялъ свои стратегическіе и тактическіе планы тотъ французскій полководецъ, который нанесъ Австріи (да и не одной Австріи) самыя жестокія пораженія. Наполеонъ не только не чуждался „тактики-плана", но утверждалъ, что въ хорошо составленномъ планѣ должны быть напередъ приняты мѣры противъ всевозможныхъ случайностей*). И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевскій того времени вздумалъ увѣрять его, что „планъ" — пустяки, а главный залогъ успѣха заключается въ томъ, что тактика есть процессъ роста тактическихъ задачъ, растущихъ и т. д., то деспотическій корсиканецъ, навѣрное, скоро оборвалъ бы его съ обычной своей солдатской безцеремонностью.

Изъ всѣхъ героевъ военной исторіи мы знаемъ только одного, отчасти подходящаго къ идеалу Б. Кричевскаго. Это николаевскій генералъ Реадъ, тотъ самый Реадъ, о которомъ говоритъ Липранди въ извѣстной пѣснѣ, приписываемой гр. Л. Толстому:

Туда умнаго не надо,
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реадъ, какъ видно, совершенно пренебрегалъ „тактикой-планомъ":

А Реадъ возьми да спросту
Поведи насъ прямо къ мосту,
Ну-ка, на ура!..
Вотъ ура мы зашумѣли,
Да резервы не поспѣли... и т. д.

Словомъ, не захотѣла побѣда улыбнуться простодушному сыну Марса. Если бы Б. Кричевскій вспомнилъ его печальную исторію, то онъ, можетъ быть, не написалъ бы знаменитаго отнынѣ „Историческаго поворота", который представляетъ собою настоящее Реадовское „ну-ка, на ура!"

Почему Б. Кричевскій вообразилъ, что „тактика-планъ" можетъ основываться только на принципахъ да на самыхъ общихъ условіяхъ дѣйствительности? Это покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы рѣшительно не понимаемъ, въ силу какихъ причинъ русскіе соціалдемократы, при составленіи плана дѣйствій должны принимать въ соображеніе только „существованіе самодержавія", а не соотношеніе русскихъ общественныхъ силъ; степень развитія русскаго пролетаріата; свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконецъ, величину „свободной наличности", находящейся въ ихъ кассѣ. По нашему скромному разсужденію выходитъ, что всѣ эти, — вполнѣ „конкретныя" — условія гораздо болѣе способенъ упустить изъ виду тотъ человѣкъ, который, начитавшись Б. Кричевскаго, пренебрегаетъ „планами" и твердитъ, что „тактика есть процессъ роста задачъ, ростущихъ" и проч. и проч. Мы убѣждены — и примѣръ Кричевскаго еще болѣе укрѣпляетъ наше убѣжденіе — въ томъ, что если кто осужденъ на безпрерывныя „шатанія", то именно мудрецы этого калибра.

Б. Кричевскій увѣряетъ, что „Заря и „Искра" склоняются къ неизмѣнному плану дѣйствій. Онъ хочетъ подтвердить это ссылкой на передовую статью въ № 4 „Искры", гдѣ сказано, что названія тактики заслуживаетъ только систематическій и неуклонно проводимый планъ дѣятельности. Но неуклонное проведеніе принятаго плана вовсе не означаетъ рѣшенія никогда не измѣнять его. И это прекрасно видно изъ цитируемой Б. Кричевскимъ статьи. Ея авторъ прямо говоритъ, что тактика можетъ быть измѣнена, но онъ не безъ ехидства прибавляетъ при этомъ, что измѣнить тактику можетъ только тотъ, кто ее имѣетъ, и что нельзя говорить о тактикѣ партіи, лишенной крѣпкой организаціи, а слѣд., и единства дѣйствій. И эти соображенія сопровождаются у него насмѣшкой надъ Б. Кричевскимъ, обнаружившимъ легкомысленную готовность къ скоропалительнымъ измѣненіямъ тактики „въ 24 часа" и пытавшагося прикрыть свое ребяческое легкомысліе авторитетомъ Либкнехта. „Имя Либкнехта — замѣтилъ авторъ указанной статьи — „Раб. Дѣло", конечно, пріемлетъ всуе. Въ 24 часа можно измѣнить тактику агитаціи по какому-нибудь специальному вопросу..., а измѣнить не только въ 24 часа, но хотя бы даже въ 24 мѣсяца свои взгляды на то, нужна-ли вообще, всегда и безусловно боевая организація и политическая агитація въ массѣ, могутъ только люди безъ всякихъ устоевъ". Это замѣчаніе попало не въ бровь, а въ глазъ Кричевскому, который, увидѣвъ свой смѣшной промахъ, пустился въ „неудобь-сказаемыя" разсужденія о тактикѣ, чтобы хоть какъ-нибудь скрыть отъ читающей публики затруднительность своего положенія.

„Тактика-процессъ — продолжаетъ тактикъ „Раб. Дѣла" — это есть вѣчное исканіе новыхъ путей въ свѣтѣ принциповъ, — исканіе, сопряженное, какъ всякое человѣческое исканіе, съ заблужденіями, но единственно гарантирующее поступательный ростъ движенія. Давно извѣстно, что не ошибается тотъ, кто ничего не дѣлаетъ."

Другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста не говори красиво! Вѣчное исканіе новыхъ путей, да еще при свѣтѣ принциповъ, разумѣется, хорошее дѣло. Но оно хорошо только тогда, когда „ищущій" находитъ что-нибудь дѣйствительно новое. А когда онъ открываетъ „вѣчно" такія Америки, которыя давно открыты, но въ существованіи которыхъ онъ, по своему крайнему неразумію, сомнѣвался, то его „вѣчное исканіе" означаетъ лишь столь же „вѣчную" неспособность понять то, что ему говорятъ болѣе опытные люди. И тогда это „вѣчное исканіе" не представляетъ собою ничего, заслуживающаго „высокаго штиля". Тогда оно должно вызывать не похвалу, а строгое осужденіе.

На основаніи предыдущаго читатель уже могъ составить себѣ надлежащее понятіе о преимуществѣ рекомендуемыхъ Б. Кричевскимъ видовъ тактики. Но для законченности впечатлѣнія ему надо прочитать еще слѣдующія строки:

„Революціонеръ-соціалдемократъ имѣетъ задачей — своей сознательной работой только ускорять объективное развитіе, а не отмѣнять его или замѣнять его субъективными планами. „Искра" одну по поводу сбавки расцѣнковъ, другую — спеціально къ рабочимъ ситценабивныхъ фабрикъ, и третью — политическую. Рабочіе ситценабивныхъ фабрикъ приглашаются требовать 9тичас. раб. дня (вмѣсто 11) по образцу ткацкихъ и прядильныхъ. Общая прокламація выставляетъ требованія сокращенія рабочаго времени, возстановленія лѣтнихъ расцѣнковъ, отчетности въ расходованіи штрафного капитала и т. д. У Бурылина рабочіе начали было стачку, но ее сорвали пришедшіе изъ деревни рабочіе. Вотъ она, „связь съ землей“! Настроеніе очень неспокойное. Можно ждать большой стачки.

---

*) Просимъ Б. Кричевскаго замѣтить, что Наполеонъ заранѣе составлялъ не только тактическіе, но и стратегическіе планы, т. е. не только планы отдѣльныхъ битвъ, но и планы цѣлыхъ кампаній.

Всѣ арестованные въ маѣ по дѣлу майскихъ листковъ выпущены до рѣшенія дѣла. Рабочіе держали себя на допросахъ стойко. Жандармскій ротмистръ Тимофеевъ отличается грубымъ обращеніемъ съ рабочими, кричитъ, топаетъ, говоритъ на „ты“, прибѣгаетъ къ угрозамъ и предлагаетъ рабочимъ поступить къ нему на службу.

Серпуховъ (письмо рабочаго). Лѣтомъ нынѣшняго года въ Серпуховѣ было интересное движеніе рабочихъ, къ несчастью окончившееся ничѣмъ. Дѣло разыгралось по слѣдующей причинѣ. На ситценабивныхъ фабрикахъ Коншина и Каштанова была объявлена сбавка расцѣнка за работу, а между тѣмъ жизнь вздорожала, такъ что жить на эти средства было почти невозможно. Подтвержу это примѣромъ. Вмѣсто 65 к. рабочему пришлось 50 коп. въ день, а его женѣ вмѣсто 45 коп. — 30 коп., его сыну вмѣсто 60 коп. — 40 коп. Рабочіе рѣшили требовать или прежнихъ условій или другихъ какихъ-либо льготъ. Въ это же время было подлито масла въ огонь большими несправедливостями въ разсчетахъ по книжкамъ фабричной лавки, въ которой забирался товаръ фабричными. Черезъ два-три дня на работу не вышло у Каштанова 200 или 300 чел., въ точности неизвѣстно. Стачечники держались тихо. Вскорѣ присоединились рабочіе съ Коншинской т.-наз. новой мызы. Эти уже стали силой заставлять бастовать другихъ коншинскихъ рабочихъ, живущихъ на фабричныхъ квартирахъ, обѣщая сжечь ихъ и пустить по міру. Такіе разговоры заставляли часть не бастовавшихъ другихъ коншинскихъ рабочихъ присоединиться, но большинство работало. Вскорѣ мирная стачка перешла уже въ дѣйствіе. Былъ подожженъ складъ дровъ Коншина. Тогда администрація вытребовала казаковъ и объявила, что фабрика запирается. Фабричные рѣшили прекратить стачку и принять новыя условія расцѣнковъ: „зачинщики“ уволены съ фабрики.

С.-Петербургъ. Намъ пишутъ: „Въ среду 19 сентября около народнаго дома Николая II (въ Александровскомъ паркѣ) въ концѣ девятаго часа утра можно было видѣть мирно стоящую плотною кучею толпу рабочихъ въ 300-400 чел., передъ которыми стояли до 40 городовыхъ пѣшихъ и 30 конныхъ. Конки задерживались, и пассажировъ не хотѣвшихъ ждать, не выпускали выйти. Потомъ пріѣхали два эскадрона жандармовъ, еще до 100 чел. конной полиціи, Клейгельсъ и проч. Лишь въ третьемъ часу рабочихъ, не желавшихъ разойтись (не смотря на всяческія угрозы), оцѣпили и куда-то повели. Изъ разговоровъ съ публикой узналъ слѣдующее (хотя не ручаюсь за достовѣрность, такъ какъ слышалъ и другія версіи): каменьщики и маляры по постройкѣ Электротехническаго Института (на Аптекарскомъ островѣ), возмущенные безобразными порядками, бросили работу и рѣшили идти на Невскій, вызвать Клейгельса и предъявить ему свои требованія. Ихъ успѣли задержать только у народнаго дома. Мнѣ лично пришлось слышать негодованіе публики противъ полиціи. Нѣсколько разъ слышалъ, какъ замѣчали: „рабочихъ едва три-четыре сотни, а полиціи и войскъ почти вдвое больше“; къ концу появились и солдаты: „это у насъ всегда такъ, чуть что, соберется кучка рабочихъ, а полиція тутъ какъ тутъ, трое на одного“.

Уралъ. По поводу годовщины смерти замученнаго въ тюрьмѣ рабочаго А. С. Тютева на уральскихъ заводахъ была распространена прокламація „Къ уральскимъ рабочимъ“. Приводимъ изъ нея отрывки: „Товарищи! 19 іюня 1899 года умеръ въ Златоустѣ мастеръ Андрей Степановъ Тютевъ. Всего за нѣсколько дней до смерти, 2 іюня, онъ былъ выпущенъ изъ уфимской тюрьмы полуживой, — до тюрьмы это былъ совершенно здоровый человѣкъ. Годичное заключеніе въ затхлой, полутемной, отвратительной тюрьмѣ сдѣлали изъ этого здороваго человѣка цынготнаго больного; у него развилась въ тюрьмѣ скоротечная чахотка, и тогда правительство выпустило его изъ тюрьмы, увѣренное въ томъ, что больного не спасетъ ничто на свѣтѣ. 21 іюля толпы златоустовскихъ рабочихъ хоронили своего товарища.“ Далѣе излагается политическое безправіе русскаго рабочаго и его экономическая необезпеченность, сломить которыя прокламація призываетъ рабочихъ. „Память о погибшемъ Тютевѣ побудитъ каждаго сознательнаго рабочаго посвятить всѣ силы рабочему дѣлу, дѣлу освобожденія рабочихъ отъ безправія и угнетенія: это единственный достойный способъ почтить память замученнаго товарища... И когда окрѣпнетъ рабочее движеніе на Уралѣ и во всей Россіи, тогда рабочіе встанутъ какъ одинъ человѣкъ и раздастся кличъ: „Долой царское правительство! Мы требуемъ политической свободы, мы требуемъ права открыто вести и рабочее свое дѣло и открыто бороться за освобожденіе труда отъ всякаго угнетенія“.

Усть-Катавскій заводъ (Уфимской губ. и уѣзда) (Письмо рабочаго.) Съ февраля мѣсяца нынѣшняго года Усть-Катавскій заводъ перешелъ въ руки уфимскаго горнопромышленнаго общества; съ февраля же мѣсяца новое общество и принялось за свою безцеремонную эксплуатацію, не гнушаясь никакими средствами; начать свою кампанію оно рѣшило съ подлаго обмана. Въ виду того, что заводъ только начиналъ еще свою новую дѣятельность, разумѣется, понадобились хорошія рабочія руки, — вотъ общество и рѣшило выписать себѣ хорошихъ мастеровыхъ. Выписали. Обѣщали тотъ же заработокъ, какой они получали на послѣднемъ мѣстѣ. Когда-же рабочіе съѣхались, то имъ предлагаютъ плату, гораздо низшую, приблизительно три-четверти той, какую они получали ранѣе. Попробовали было не согласиться, да ничего не вышло: за дорогу, нерѣдко очень дальнюю, поиздержались, мѣста потеряны, а новыя когда-то найдешь, а пить ѣсть и сейчасъ надо. Такъ, дѣлать нечего, пришлось согласиться.

По имѣющимся свѣдѣніямъ всѣмъ вообще въ Усть-Катавѣ живется не весело, но хуже всего пришлось, видно, литейщикамъ, такъ что у нихъ вышла даже маленькая стачка. Мало обществу того, что оно гнуснымъ обманомъ заманило въ свои лапы рабочихъ, оно рѣшило предпринять обычную систему прижимокъ, сбавки расцѣнковъ и прочихъ пріемовъ капиталистической гидры, вывѣсивъ въ литейномъ цехѣ въ концѣ іюля объявленіе о сбавкѣ расцѣнковъ съ 1 сентября. Литейщики пораскинули умомъ и порѣшили съ середины августа, такъ недѣли за двѣ до 1 сентября заявить разсчетъ, если расцѣнки будутъ сбавлены. Но событія предупредили это ихъ рѣшеніе, и сама администрація завода ускорила такое заявленіе литейщиковъ, вызвавъ въ то же время забастовку тѣмъ, что работы, исполняемыя учениками, стали давать старымъ мастерамъ, и тѣ, такимъ образомъ, съ трудомъ могли вырабатывать свое и безъ того ничтожное поденное жалованье. Работать при такихъ условіяхъ стало не въ моготу, и вотъ всѣ литейщики, какъ одинъ человѣкъ, въ пятницу 10 августа съ обѣда не вышли на работу. Собрались на слѣдующій день на сосѣдней горкѣ и рѣшили бастовать до четверга 16 августа, а тамъ объявить разсчетъ, если не будутъ удовлетворены ихъ скромныя требованія, т.-е. оставлены прежніе расцѣнки и работы даваться соотвѣтствующія.

Въ понедѣльникъ прискакалъ изъ Уфы съ громомъ и молніей сердитый окружной горный инженеръ Кихлеръ, исправникъ и начали успокаивать. Исправникъ сначала напустилъ гнѣва и ужасовъ, обѣщая замуровать живой рукой въ каменныя стѣны, кромѣ которыхъ-де рабочіе ничего за это не увидятъ, но потомъ, положивъ гнѣвъ на милость, сталъ разные добрые совѣты давать, — напр., чтобы рабочіе не предпринимали ничего сообща, а по одиночкѣ заявляли бы въ конторѣ о своемъ личномъ нежеланіи работать при такихъ условіяхъ, но работъ чтобы отнюдь не покидали и т. д.; такой слишкомъ немудреной политикой ему удалось все же расположить къ себѣ рабочихъ. Кихлеръ же, тотъ все кричалъ и приговаривалъ: „такъ это у васъ стачка!“ и грозилъ распорядиться по своему... Такъ и улеглось потихоньку это дѣло, многіе со вторника стали на работу, съ четверга же все пошло по старому, только расцѣнки оказались пониженными, старымъ литейщикамъ пришлось стать за ученическую работу, да одиннадцати лучшимъ товарищамъ объявленъ разсчетъ.

Курскъ. 29 августа Курскъ облетѣла вѣсть о небываломъ событіи въ лѣтописяхъ города: „не [illegible]“. Привыкшій къ грохоту и звону вагоновъ обыватель съ изумленіемъ взиралъ на пустые пути и, скрѣпя сердце, нанималъ повеселѣвшихъ извозчиковъ. Однако, къ часу дня показались первые вагоны, медленнѣе обыкновеннаго и какъ-то неувѣренно скользившіе по рельсамъ. Къ вечеру движеніе приняло обычный, правильный характеръ, но на улицахъ долго еще слышались разговоры и замѣчанія о сенсаціонномъ событіи, взволновавшемъ нашъ мирный земледѣльческій городъ.

Вотъ подробности „бунта“.

Въ 7 час. утра около парковъ трамвая собрались машинисты и кондукторы (около тридцати человѣкъ), но на работу не стали, а потребовали, чтобы къ нимъ явился для объясненій директоръ трамвая. Немедленно прибылъ къ нимъ одинъ изъ администраторовъ и первымъ долгомъ, по россійскому обычаю, сталъ ругаться скверными словами. Недвусмысленный ропотъ шихъ и внушительный кулакъ одного изъ нихъ тотчасъ тили, впрочемъ, потокъ начальственной ругани и волей-начальство вынуждено было узнать, чего требуютъ недово уменьшенія рабочаго времени путемъ увеличенія числа с упорядоченія штрафовъ, на которые у иныхъ выходитъ за сяцъ чуть-ли не половина жалованья, которое колеблется от до 25 руб. и раздачи отъ общ. трамвая теплой одежды на з

Тѣмъ временемъ къ мѣсту „бунта“ прибылъ полиціймейстеръ С кевичъ во главѣ отряда приставовъ и городовыхъ, человѣкъ 18, и само собой тотчасъ же принялся усмирять: „Молч Сгною! Всѣхъ вышлю административнымъ порядкомъ!“, так посыпалось изъ устъ разсвирѣпѣвшаго охранителя поря Г. Стеткевичъ, какъ и администраторъ трамвая, тотчасъ же осѣ „Мы сюда не ругаться пришли, ваше высокородіе“, заявилъ кондукторъ Павловъ. „Ты разговаривать! Арестовать его!“ казалъ держи-морда. „Арестовывайте всѣхъ!“ послышались лоса среди шума ругательствъ и восклицаній забастовавшихъ, веденныхъ изъ терпѣнія руганью начальства. Г. Стеткевичъ нялъ, что зашелъ далеко въ усмиреніи и перемѣнилъ тонъ. „Ч же, братцы, всѣ хотите въ часть? Пойдемте“. И вотъ „братц во главѣ съ приставомъ, двинулись по Херсонской улицѣ ми губернаторскаго дома (приставъ хотѣлъ было миновать домъ шего Милютина-паши, да кондукторы настояли) къ зданію трет части, въ которой и водворились. Въ часть пріѣхалъ мѣстн жандармскій ротмистръ. Этотъ повелъ дѣло тактичнѣй и уб дилъ забастовавшихъ дать подписку, что всѣ они станутъ работу. Подписку дали подъ условіемъ, что начальство выс шаетъ ихъ требованія и жалобы. На слѣдующій день служа трамвая узнали, что десять человѣкъ изъ нихъ администра уволила, и что Павловъ посаженъ въ тюрьму какъ „зачинщик Вѣроятно, трамваю пришлось бы снова стать, если бы не п чительная жандармерія, по настоянію которой уволенныхъ сн приняли. Кромѣ того, депутатовъ отъ рабочихъ соблаговолил выслушать управляющій губерніей фонъ Бюнтингъ въ присутс директора трамвая, которому и указалъ, какъ слышно, что на порядки улучшить, время работы сократить... Нѣтъ сомнѣн что администрація трамвая, вкупѣ съ попечительной жандармер успѣетъ еще раздѣлаться съ „бунтовщиками“ и помаленьк исподволь перемѣнить составъ „безпокойныхъ“. Но пока посл ніе торжествуютъ и увѣрены, что хотя часть ихъ требованій б детъ уважена. Павловъ просидѣлъ три дня — въ дѣйствіяхъ е „состава преступленія“ не усмотрѣли, выпустили изъ тюрьмы даже приняли на службу.

Надо отдать справедливость забастовавшимъ, — держали он себя очень тактично и обдуманно: единодушно показывали н чальству, что дѣйствуютъ они безъ уговора и что забастов ихъ вовсе не забастовка.

Во всѣхъ слояхъ населенія забастовавшіе вызвали [illegible] ное сочувствіе (на словахъ пока, къ сожалѣнію), и „бунтъ“ [illegible] вая живымъ и веселымъ лучемъ скользнулъ по нашей [illegible] ной, сѣренькой жизни.

Харьковъ. 8 сентября въ Харьковѣ забастовали по четырехъ главныхъ военныхъ портновскихъ мастерскихъ [illegible] Халевскаго, Грозберга и Ищенко. Причиной забастовки, ко была задумана еще въ маѣ и для осуществленія которой съ времени начались сборы денегъ по 20 коп. съ человѣка, [illegible] жили чрезвычайно низкіе расцѣнки (почти всѣ портные [illegible] въ означенныхъ мастерскихъ поштучно), результатомъ [illegible] было то обстоятельство, что хозяева наживали на каждой ве 75—120 % и болѣе. Было выставлено два требованія: 1) [illegible] ченіе и уравненіе расцѣнковъ для всѣхъ четырехъ мастерски и 2) прекращеніе той площадной ругани, которая прежде вѣчно въ мастерскихъ. Всего забастовало 85 чел. и къ нимъ примкну еще около 20 чел. дамскихъ портныхъ „Европейскаго магази Не бастовавшихъ было всего около 10-11 чел.

Приглашенные хозяевами портные изъ Полтавы были уго рены бастующими уѣхать обратно въ Полтаву. Пріѣхали также мастера-портные изъ Кіева, но эти, узнавъ въ чемъ дѣ сами побросали работу и выѣхали.

Послѣ 12 сент. было нѣсколько совѣщаній владѣльцевъ магази новъ съ депутатами отъ стачечниковъ; 20 числа были выработ правила и новые расцѣнки такъ, какъ хотѣли бастовавшіе. С 24 числа работы будутъ возобновлены и выработанная табли цѣнъ будетъ прибита въ каждой мастерской. Цѣны увеличены отъ 50 коп. до 1 р. 50 коп.

Въ случаѣ неисполненія условій хозяевами, рѣшено снова объ явить забастовку. Во время забастовки Комитетомъ [illegible] группой „Союзъ Борьбы“ были выпущены воззванія къ обществ о поддержкѣ стачки.

Крымъ. *Стачка у русскаго царя!* 7 октября въ находящемся на южномъ берегу Крыма имѣніи русскаго царя „Ливадія“ произошелъ великій скандалъ: забастовало 50 рабочихъ. Причина забастовки — недовольство рабочихъ неисправной выдачей денегъ и грубымъ обращеніемъ. Главный управляющій имѣніемъ царя, генералъ Евреиновъ, пытался „успокоить“ собравшихся въ конторѣ рабочихъ, увѣряя ихъ, что „они шумятъ изъ-за пустяковъ“, что „ихъ сбиваютъ злые люди“ и проч. Но увѣщанія отъѣвшагося на жирныхъ хлѣбахъ царскаго холопа никакого впечатлѣнія на рабочихъ не произвели, и они, выставивъ категорически свои требованія, бросили въ 5 час. вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на слѣдующій же день готовность удовлетворить выставленныя стачечниками требованія, выдала имъ изъ конторы счета для просмотра обѣщала впередъ „вѣжливое обращеніе“.

Среди крымскихъ рабочихъ этотъ отрадный фактъ производитъ сильное впечатлѣніе, содѣйствуя росту классоваго и политическаго сознанія. Вотъ тебѣ и царь, — говоритъ даже темная еще рабочая масса, — выходитъ, что кровь нашу онъ пьетъ не хуже любого подрядчика.

Сознательные крымскіе рабочіе должны воспользоваться этимъ фактомъ для усиленія соц.-демократической агитаціи среди мѣстнаго рабочаго класса, указывая на рѣзко сказавшуюся здѣсь солидарность интересовъ царя и всякихъ иныхъ эксплуат трудящагося люда.

Кстати отмѣтимъ, что, какъ намъ сообщаетъ поб [illegible] работѣ въ царскихъ имѣніяхъ пролетарій, у царя су [illegible] напр., строгое воспрещеніе курить въ его имѣніи (рабоч [illegible] конечно). За нарушеніе этого приказа штрафуютъ въ 10

ИЗЪ ПАРТІИ.

Орѣхово-Зуевская рабочая организація расширилась и приняла названіе „Орѣхово-Богородской организаціи“, принадлежащей къ Росс. С.-Д. Раб. Партіи. Уставъ организаціи свидѣтельствуетъ о томъ, что орѣхово-богородскіе товарищи положили въ основу строго-конспиративные и революціонные принципы.

Организація заявляетъ въ своемъ уставѣ, что признаетъ своимъ руководящимъ органомъ „Искру“. Имѣя въ виду изданіе агитаціонныхъ листковъ на мѣстныя злобы дня, организація оговаривается, что хотя эти листки могутъ носить „экономическій“ характеръ, но это не значитъ, чтобы организація держалась „экономическаго направленія“. Согласно уставу, 10% средствъ кассы отчисляются въ стачечный фондъ, 25% на нелегальную литературу, 10% на помощь арестованнымъ и 30% на конспиративные расходы.

Привѣтствуемъ новую организацію и надѣемся, что ей удастся осуществить поставленныя ею задачи. Въ недалекомъ будущемъ постараемся познакомить читателей съ извлеченіями изъ устава

Опечатка. Въ № 9 въ статьѣ о Голландіи вмѣсто „ожидали повода“ слѣдуетъ: „они дали поводъ“.

За неимѣніемъ мѣста, отчетъ отлагается до слѣд. №.

въ теоріи все это знаетъ. Но огромное значеніе, справедливо придаваемое марксизмомъ сознательной революціонной работѣ, увлекаетъ ее на практикѣ, *благодаря ея доктринерскому взгляду на тактику, къ преуменьшенію значенія объективнаго или стихійнаго элемента развитія.* Мы уже указывали, что *тактика-планъ* противорѣчитъ основному духу марксизма. Неудивительно, поэтому, что „Искра“, склоняясь къ тактикѣ-плану, тѣмъ самымъ *вынуждена* также, помимо своей воли, приближаться къ заговорщицкому взгляду на „подготовленіе“ революціи, т. е. удѣлять объективному или стихійному процессу второстепенное *мѣсто и въ конечномъ актѣ* революціоннаго развитія“.

Очень хорошо. Б. Кричевскій „показалъ“ (мы уже знаемъ, какъ показалъ онъ), что „тактика-планъ“ противорѣчитъ основному духу марксизма; поэтому, намъ остается только обратиться къ знаменитой „*тактикѣ-процессу*“ или къ не менѣе знаменитой „*тактикѣ-дѣятельности*“. А когда мы найдемъ не безполезнымъ узнать, въ чемъ же состоитъ такая тактика, тогда нашъ философъ важно повторитъ намъ, „браду свою уставя“, что она состоитъ въ процессѣ роста тактическихъ задачъ, ростущихъ вмѣстѣ съ ростомъ партіи. Если же насъ не удовлетворитъ такой отвѣтъ, то всѣмъ и каждому станетъ ясно, что мы заражены доктринерскимъ взглядомъ на тактику. Вотъ что значитъ хорошо аргументировать!

Покидая „тактику-планъ“, мы должны будемъ, кромѣ того, удѣлить „объективному процессу“ гораздо больше мѣста, чѣмъ „субъективнымъ планамъ“, которыми мы увлекались до сихъ поръ. Тогда мы будемъ настоящими марксистами. Это опять чрезвычайно глубокое соображеніе. Жаль только, что нашъ авторъ не совсѣмъ складно излагаетъ свои мысли и что, вслѣдствіе этого, у него встрѣчаются нѣкоторыя неясности. Попробуемъ же мы, — по выраженію Бѣлинскаго — внести факелъ поэзіи во тьму вопроса. Намъ думается, что тактическая философія Б. Кричевскаго хорошо иллюстрируется стихотвореніемъ Козьмы Пруткова: „Передъ моремъ житейскимъ“:

Все стою на камнѣ; —
Дай-ка брошусь въ море...
Что пошлетъ судьба мнѣ:
Радость или горе?

Можетъ, озадачитъ,
Можетъ, не обидитъ...
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда, — не видитъ.

Это стихотвореніе издавна нравилось намъ тѣмъ, что въ немъ отдается должное „стихійному, объективному процессу“, а „тактикѣ [illegible] ни малѣйшаго значенія.

Субъективисты à la [illegible] ѣевъ и Михайловскій думали, что [illegible] вляетъ объективный процессъ [illegible] объективнымъ планамъ людей [illegible] d majorem gloriam объективнаго процесса. На этомъ основаніи они упрекали марксистовъ въ проповѣди квіетизма. Г-да „субъективисты“ были уличены въ неправильномъ пониманіи Маркса. Имъ показали, что съ точки зрѣнія автора „Капитала“ указанное противопоставленіе не имѣетъ смысла, такъ какъ субъективные планы людей сами являются выраженіемъ объективнаго развитія. Послѣ этого можно было надѣяться, что придуманное „субъективистами“ противопоставленіе не найдетъ мѣста, по крайней мѣрѣ, въ сочиненіяхъ тѣхъ писателей, которые выдаютъ себя за марксистовъ. Эта надежда оказалась теперь неосновательной. Явился Б. Кричевскій и снова разогрѣлъ старое измышленіе „субъективистовъ“, исправивъ и дополнивъ его въ интересахъ своей „тактики-философіи“. Если г. Карѣеву случится прочитать статью г. Кричевскаго, то онъ съ удовольствіемъ отмѣтитъ, что ошибка „субъективистовъ“ была въ сущности очень незначительна: они полагали, что истинный марксистъ ставитъ ни во что субъективные планы людей; а изъ словъ Б. Кричевскаго оказывается, что марксистъ не можетъ признать своими философскими единомышленниками тѣхъ революціонеровъ, которые стремятся предусмотрѣть направленіе объективнаго процесса общественнаго развитія и построить сообразно съ нимъ свои планы. C'est tout comme (это одно и то же) не безъ основанія можетъ воскликнуть „старый водолей“.

Б. Кричевскій глубоко убѣжденъ въ томъ, что его взглядъ на тактику является „примѣненіемъ къ борьбѣ партіи одного изъ самыхъ глубокихъ философско-историческихъ положеній Маркса“. Мы бьемся объ закладъ, что вы, читатель, не угадаете, какое именно „положеніе“ имѣетъ онъ въ виду. Слушайте и удивитесь. Б. Кричевскій говоритъ о знаменитомъ положеніи, согласно которому человѣчество ставитъ себѣ только выполнимыя задачи. „Подобно человѣчеству — говоритъ Кричевскій — соц.-демократическая партія, въ нашу эпоху, представляющая собою движеніе впередъ, ставитъ себѣ... одну тактическую задачу за другой, сообразно съ возникновеніемъ матеріальныхъ условій для рѣшенія данной задачи“ (стр. 26).

Въ этихъ строкахъ поразительнѣе всего то обстоятельство, что соц.-демократія оказывается стоящей за предѣлами человѣчества. Правда, она „представляетъ собою“ его движеніе впередъ; но что она не является его составною частью, видно изъ того, *что она подражаетъ ему*, поступая „подобно человѣчеству“. Нашъ „человѣко-подобный“ тактикъ забылъ только пояснить намъ, по какую же сторону человѣчества стоитъ соціалдемократія: *выше она или ниже?*

Въ заключеніе замѣтимъ, что Б. Кричевскій опустилъ еще одинъ видъ тактики, именно — *тактику-болтовню*. Этотъ чрезвычайно важный видъ тактики можетъ быть, въ свою очередь, разсматриваемъ: 1) какъ болтовня-планъ 2) какъ болтовня-процессъ, и 3) какъ болтовня техника. Намъ сдается, что статья подобнаго человѣчеству Б. Кричевскаго представилась бы намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, если бы мы взглянули на нее съ точки зрѣнія *болтовни-плана и болтовни-процесса.*

Типографія „Искры“.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 11 20-го НОЯБРЯ 1901 ГОДА. № 11

ПРОТЕСТЪ ФИНЛЯНДСКАГО НАРОДА.

Приводимъ полностью новый массовый адресъ, посредствомъ котораго финляндскій народъ выражаетъ свой рѣшительный протестъ противъ политики правительства, посягнувшаго и продолжающаго посягать на конституцію Финляндіи въ нарушеніе клятвы, торжественно данной всѣми царями, начиная съ Александра I и кончая Николаемъ II.

Адресъ этотъ поданъ 17 (30) сентября 1901 г. въ финляндскій сенатъ для доставленія царю. Подписанъ онъ 473.363 финляндцами обоего пола и всѣхъ слоевъ общества, т. е. почти полумилліономъ гражданъ. Все населеніе Финляндіи равняется 2½ милліонамъ, такъ что новый адресъ является по истинѣ голосомъ всего народа.

Вотъ полный текстъ этого адреса:

„Державнѣйшій Всемилостивѣйшій Государь Императоръ и Великій Князь! Измѣненіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ закона о воинской повинности Финляндіи вызвало повсемѣстно въ краѣ всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 12 іюля (29 іюня) сего года повелѣнія, манифестъ и законъ о воинской повинности составляютъ коренное нарушеніе основныхъ законовъ Великаго Княжества и драгоцѣннѣйшихъ правъ, принадлежащихъ финскому народу и всѣмъ гражданамъ края въ силу его законовъ.

Правила объ обязанностяхъ гражданъ по защитѣ края не могутъ, на основаніи основныхъ законовъ, издаваться въ иномъ порядкѣ, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Въ этомъ порядкѣ и былъ изданъ законъ о воинской повинности 1878 года согласнымъ рѣшеніемъ Императора Александра II и Земскихъ Чиновъ. Въ царствованіе Императора Александра III послѣдовали многія частныя измѣненія этого закона, но каждый разъ не иначе, какъ съ согласія Земскихъ Чиновъ. Вопреки сему нынѣ безъ согласія Земскихъ Чиновъ объявлено, что законъ 1878 года отмѣняется, между тѣмъ какъ изданныя взамѣнъ его новыя постановленія всецѣло расходятся съ рѣшеніемъ Земскихъ Чиновъ Чрезвычайнаго Сейма 1899 года.

Одно изъ важнѣйшихъ правъ, принадлежащихъ каждому финляндскому гражданину — жить и дѣйствовать подъ защитою финляндскихъ законовъ. Нынѣ этого права лишены тысячи и тысячи финляндскихъ гражданъ, такъ какъ новый законъ о воинской повинности обязуетъ ихъ служить въ русскихъ войскахъ, превращая выполненіе воинской повинности въ страданіе для тѣхъ сыновъ края, которые насильственно будутъ зачисляемы въ войска, чуждыя имъ по языку, религіи, нравамъ и обычаямъ.

Новыя постановленія отмѣняютъ всякое закономъ опредѣленное ограниченіе ежегоднаго контингента. Сверхъ того въ нихъ нѣтъ какого либо признанія указаннаго въ основныхъ законахъ права Земскихъ Чиновъ участвовать въ опредѣленіи военнаго бюджета.

Даже ополченіе, вопреки основнаго положенія закона 1878 года, поставлено въ совершенную зависимость отъ усмотрѣнія военнаго министерства.

Впечатлѣніе отъ подобныхъ установленій не смягчается объявленными въ манифестѣ облегченіями въ продолженіе не опредѣленнаго пока еще переходнаго времени, такъ какъ вслѣдъ за временнымъ уменьшеніемъ числа призываемыхъ послѣдуютъ неограниченные призывы на службу въ русскихъ войскахъ.

Финляндскій народъ не просилъ какого-либо облегченія въ несомой имъ нынѣ военной тяготѣ. Земскіе Чины, высказавшіе мнѣніе народа, доказали готовность со стороны Финляндіи по мѣрѣ силъ увеличить долю участія по защитѣ Государства, при условіяхъ сохраненія правоваго положенія финскихъ войскъ въ качествѣ финляндскихъ учрежденій.

Въ противоположность сему установляется въ новыхъ постановленіяхъ, что финскія войска по большей части будутъ упразднены, что русскіе офицеры могутъ поступать на службу въ немногія остающіяся части; что даже унтеръ-офицеры въ этихъ частяхъ должны владѣть русскимъ языкомъ, чѣмъ финляндскіе уроженцы по преимуществу изъ крестьянскаго сословія совершенно устраняются отъ занятія названныхъ должностей; что эти войска поступаютъ подъ вѣдомство русскихъ управленій и что они также и въ мирное время могутъ размѣщаться внѣ предѣловъ Финляндіи.

Эти повелѣнія, не составляющія какой-либо реформы, а преслѣдующія лишь уничтоженіе національныхъ войскъ Финляндіи, указываютъ на недовѣріе, къ которому финляндскій народъ ничѣмъ не далъ повода за все время почти столѣтняго его соединенія съ Россіею.

Въ новыхъ постановленіяхъ о воинской повинности встрѣчаются также выраженія, заключающія въ себѣ отрицаніе существованія у финляндскаго народа особаго отечества, а у уроженцевъ края — правъ финляндскаго гражданства. Въ этихъ выраженіяхъ просвѣчиваютъ цѣли, несовмѣстимыя съ непремѣннымъ правомъ финляндскаго народа сохранить въ соединеніи своемъ съ Россіею то политическое положеніе, которое непоколебимо было удостовѣрено за Финляндіею въ 1809 году.

За послѣдніе годы накопилось надъ нашимъ краемъ тяжелое горе. Разъ за разомъ убѣждались, что установленія основныхъ законовъ края игнорировались, отчасти въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ, отчасти замѣщеніемъ важныхъ должностей русскими уроженцами. Администрація края направлялась такимъ образомъ, какъ будто задача ея поколебать спокойствіе и порядокъ, препятствовать общеполезнымъ стремленіямъ и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самымъ тяжелымъ несчастіемъ для края является однакожъ введеніе новыхъ постановленій о воинской повинности.

Въ всеподданнѣйшемъ отвѣтномъ представленіи отъ 27 мая 1899 года Земскіе Чины подробно доложили о томъ порядкѣ, который по основнымъ законамъ Финляндіи долженъ быть соблюдаемъ при изданіи закона о воинской повинности. При этомъ они указали, что если новый законъ о воинской повинности будетъ изданъ въ иномъ порядкѣ, то подобный законъ, даже если онъ будетъ дѣйствовать подъ давленіемъ насилія, не можетъ быть признанъ правовымъ закономъ, а въ глазахъ финляндскаго народа покажется лишь повелѣніемъ силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжаетъ неизмѣнно составлять правосознаніе финляндскаго народа, которое насильственно не можетъ быть измѣнено.

Надо опасаться весьма тяжелыхъ послѣдствій отъ повелѣній, несогласованныхъ съ законами края. Для чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій возникаетъ мучительный разладъ съ чувствомъ долга, такъ какъ совѣсть побуждаетъ ихъ не руководствоваться подобными повелѣніями. Число трудоспособныхъ переселенцевъ, уже ранѣе вынужденныхъ выселиться изъ опасенія грозящихъ перемѣнъ, еще болѣе увеличится, если объявленныя постановленія приведены будутъ въ дѣйствіе.

Новыя постановленія о воинской повинности, какъ и другія мѣропріятія, направленныя противъ правъ финляндскаго народа на особое политическое и національное существованіе, неминуемо должны подрывать довѣріе между монархомъ и народомъ, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствіе, чувство всеобщаго гнета, неувѣренность и величайшія затрудненія для общества и для его членовъ въ работѣ на благо края. Для предотвращенія сего не имѣется иныхъ средствъ, какъ замѣнить вышеприведенныя повелѣнія закономъ о воинской повинности, изданнымъ при участіи Земскихъ Чиновъ, а правительственнымъ властямъ края вообще руководствоваться точно указаніями основныхъ законовъ.

Финляндскій народъ не можетъ перестать быть особымъ народомъ. Сплотившійся благодаря общей исторической судьбѣ, правовымъ понятіямъ и культурной работѣ, нашъ народъ останется вѣрнымъ своей любви къ финляндскому отечеству и къ своей закономѣрной свободѣ. Народъ не уклонится въ своемъ стремленіи съ достоинствомъ занимать въ средѣ народовъ свое скромное судьбою ему указанное мѣсто.

Такъ же твердо, какъ мы вѣримъ въ наше право и уважаемъ наши законы, служащіе намъ опорою въ общественной нашей жизни, такъ же твердо мы убѣждены въ томъ, что единству могущественной Россіи не можетъ быть причиняемъ вредъ, если Финляндія и впредь будетъ управляема въ согласіи съ основными началами, опредѣленными въ 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною въ соединеніи своемъ съ Россіею.

Чувства долга передъ родиною заставляютъ жителей всѣхъ общинъ и слоевъ общества обратиться къ Вашему Императорскому Величеству съ правдивымъ и неприкрашеннымъ изложеніемъ положенія дѣла. Выше мы указали, что недавно обнародованныя постановленія о воинской повинности, противорѣчащія торжественно удостовѣреннымъ основнымъ законамъ Великаго Княжества, не могутъ быть признаны правовымъ закономъ. Считаемъ долгомъ добавить къ сему, что военная тягота сама по себѣ не такое значеніе имѣетъ для финляндскаго народа, какъ потеря твердыхъ правовыхъ установленій и закономъ обезпеченное спокойствіе по отношенію къ этому столь важному вопросу. Всеподданнѣйше просимъ по сему, да соблаговолите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые въ этомъ представленіи, такому Всемилостивѣйшему разсмотрѣнію, которое вызывается серьезностью ихъ свойства. Пребываемъ и проч."

Намъ остается немного добавить къ этому адресу, который выражаетъ собою настоящій народный судъ надъ шайкой нарушающихъ основные законы русскихъ чиновниковъ.

Напомнимъ главныя данныя по „финляндскому вопросу".

Финляндія присоединена къ Россіи въ 1809 г, во время войны съ Швеціей. Желая привлечь на свою сторону финляндцевъ, бывшихъ подданныхъ шведскаго короля, Александръ I рѣшилъ признать и утвердить старую финляндскую конституцію. По этой конституціи, иначе, какъ съ согласія сейма, т. е собранія представителей всѣхъ сословій, не можетъ быть изданъ, измѣненъ, поясненъ или отмѣненъ никакой основной законъ. И Александръ I въ нѣсколькихъ манифестахъ „торжественно" подтвердилъ „обѣщаніе о святомъ храненіи особенной конституціи края".

Это клятвенное обѣщаніе подтверждали затѣмъ всѣ русскіе государи, въ томъ числѣ и Николай II въ манифестѣ 25 октября (6 ноября) 1894 г.: ...„обѣщая хранить оные (основные законы) въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи".

И вотъ, не прошло и пяти лѣтъ, какъ русскій царь оказался клятвопреступникомъ. Послѣ того, какъ продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндію, былъ изданъ „манифестъ" 3 (15) февраля 1899 г., установившій новый порядокъ: безъ согласія сейма могутъ быть изданы законы, „если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи".

Это было вопіющее нарушеніе конституціи, настоящій государственный переворотъ, потому что вѣдь про всякій законъ можно сказать, что онъ касается общегосударственныхъ потребностей!

И этотъ государственный переворотъ былъ совершенъ насильственно: генералъ-губернаторъ Бобриковъ грозилъ ввести войска въ Финляндію, если сенатъ откажется опубликовать манифестъ. Русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ Финляндіи, были уже розданы (по словамъ русскихъ же офицеровъ) боевые патроны, лошади стояли подъ сѣдломъ и т. д.

За первымъ насиліемъ послѣдовалъ безчисленный рядъ другихъ: запрещали одну за другой финляндскія газеты, стѣсняли свободу собраній, наводняли Финляндію сворами русскихъ шпіоновъ и гнуснѣйшихъ провокаторовъ, которые возбуждали къ возстанію и т. д. и т. д. Наконецъ, безъ согласія сейма, изданъ былъ законъ 29 іюня (12 іюля) о воинской повинности, — законъ, достаточно разобранный въ адресѣ.

И манифестъ 3 февраля 1899 г., и законъ 29 іюня 1901 г. незаконны — это насиліе клятвопреступника съ шайкой башибузуковъ, которая называется царскимъ правительствомъ. Двумъ съ половиной милліонамъ финляндцевъ нечего, конечно, и думать о возстаніи, но намъ всѣмъ, русскимъ гражданамъ, надо думать о томъ позорѣ, какой на насъ падаетъ. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращенія въ рабство другихъ племенъ. Мы все еще терпимъ у себя правительство, не только подавляющее со свирѣпостью палача всякое стремленіе къ свободѣ въ Россіи, но и пользующееся, кромѣ того, русскими войсками для насильственнаго посягательства на чужую свободу!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изъ-за рѣшетки. Въ листкѣ СПБ. „Краснаго Креста" приведено письмо одного изъ осужденныхъ за Обуховскіе безпорядки товарищей. Перепечатываемъ здѣсь это письмо, которое достаточно краснорѣчиво говоритъ о томъ, какихъ людей царское правосудіе клеймитъ званіемъ уголовнаго преступника.

... „Такъ два Анатолія, одинъ Гавриловъ, другой Ермаковъ, оба идутъ въ міръ отверженныхъ (сосланы на 6 и 5 лѣтъ каторги Редакція). Не по заслугамъ кару понесли. Всѣ мы сильно пострадали, остальные осуждены въ арестантскія роты и тюрьмы, и все на очень большіе сроки, даже наши побѣдоносныя дѣвицы, и тѣхъ не миновала горькая участь — одну на три года, другую на полтора въ тюрьму; да не хуже насъ пострадали и будутъ страдать ни въ чемъ неповинныя наши семьи. Да, трагическая была ночь, положимъ, это было уже пять часовъ утра, когда читали приговоръ, отъ котораго поднялся плачъ и надолго, можетъ быть, на вѣки не загладится печаль; одна чья-то жена или мать, бѣдняжка, такъ и грохнулась на полъ, и ея плачъ сливался какимъ-то удавленнымъ скрипучимъ стономъ; моя жена, бѣдняжка, тоже горько плакала, жаль бѣдняжку, да вдобавокъ она еще въ такомъ положеніи, что должна на дняхъ родить, а тутъ такое горе случилось, что отразится даже на томъ, кто совершенно невиненъ и не успѣлъ даже появиться на свѣтъ, а уже лишается отца навсегда. И видѣвши все это, и подойти и утѣшить, и то нельзя, жандармы несчастные, какъ столбы, стоятъ вокругъ. Я уже просилъ своего защитника, чтобы онъ хоть слова два сказалъ въ утѣшеніе, и онъ все съ ней стоялъ и утѣшалъ, да, видно, измучившись была, бѣдная, — всѣ, всѣ четыре дня сидѣла, а послѣдній день и ночь пришлось сидѣть и, навѣрно, бѣдняжка, голодая, ожидала: вотъ оправдаютъ, а тутъ еще хуже.

Всѣ защитники рѣзали хорошо, а ничего не вышло. Свидѣтели противъ насъ врали, путали, и на все прокуроръ нуль вниманія, говоритъ: я буду вѣрить первымъ показаніямъ, потому что они позабыли. Много, много тутъ было несправедливости, и ни на что не обратили вниманія... оправдали, кажется, 4 или пять человѣкъ, навѣрно не знаю"...

Слѣдующее письмо изъ тюрьмы характеризуетъ настроеніе, вызванное этимъ приговоромъ среди заключенныхъ вообще: „Какъ разъ въ это время у меня было начато письмо къ тебѣ. Понятно, я его разорвалъ. Что-бы я могъ написать? Дескать, вообрази, милый другъ, на мѣстѣ этихъ „каторжанъ" своего отца, брата, сестру, вообрази меня, если хочешь, и тогда мнѣ скажи, что ты почувствуешь... Не разучилась-ли бы ты смѣяться, если бы увидѣла, какъ эти „каторжане" прощались со своими матерями, женами?.. На каторгу за то, что подставляли себя подъ пули солдатъ, не тѣхъ на каторгу, что убивали, а тѣхъ, кто сами рисковали быть убитыми. А развѣ это единственный случай или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всѣмъ закоулкамъ Россіи творятся еще даже худшія жестокости. Только это происходитъ тамъ, гдѣ-то за кулисами, не рѣжетъ намъ глазъ... нѣтъ, ты, похоже, не чувствовала своего безсилія, не задыхалась отъ злобы при подобныхъ фактахъ; конечно, я долженъ сильнѣе чувствовать, сильнѣе, чѣмъ ты, сильнѣе, чѣмъ и самъ, если бы былъ на свободѣ. Но вѣдь это понятно, почему. Вѣдь у меня на глазахъ всѣ эти „преступники", „бунтовщики". Вѣдь и день и ночь слышу подъ собой кашель и безконечные шаги, и надъ собой, вверху и внизу, — всюду слышится это воплощеніе тюрьмы. Вѣдь ты только слышишь о насиліи, а я стою лицомъ къ лицу съ нимъ, оно ежеминутно передъ глазами, если бы хотѣлъ, то нѣтъ силъ отвернуться. Мы здѣсь разговариваемъ, шутимъ, смѣемся, а стоитъ только коснуться до больного мѣста — хотя бы такого факта, какъ этотъ судъ, мы ненормальные люди, мы бѣшеные..."

„Искра" предлагаетъ свои услуги для направленія (непосредственно или черезъ „Красный Крестъ") пожертвованій въ пользу осужденныхъ героевъ-обуховцевъ и ихъ семействъ. Поддержать ихъ — нравственная обязанность всѣхъ, кто готовъ подхватить ихъ боевой кличъ: „намъ нужна свобода!"

О московскомъ „Зубатовскомъ" обществѣ намъ сообщаютъ слѣдующія новыя свѣдѣнія:

„Теперь дѣло обстоитъ такъ: выбранъ совѣтъ изъ 15 рабочихъ. Кромѣ общихъ собраній происходятъ районныя (восемь районовъ). Рабочіе въ районахъ собираются по пивнымъ, чайнымъ безъ полиціи, за отвѣтственностью члена совѣта (со знаками они). Было съ неосвѣдомленной еще полиціей вначалѣ два инцидента. Разъ приставъ разогналъ такое собраніе. Члены совѣта пошли въ охрану жаловаться, тамъ имъ сказали, что приставъ, должно быть, подкупленъ капиталистами, они-де его вызовутъ и узнаютъ, какую взятку онъ взялъ. Другой разъ, дворникъ увидѣлъ собраніе въ пивной, увидѣлъ стоящаго на столѣ оратора и доложилъ помощнику пристава. Послѣдній явился, собраніе разогналъ, а оратора арестовалъ. Получилъ отъ Трепова строгій выговоръ и приказъ не вмѣшиваться тамъ, гдѣ ничего не понимаетъ. Дѣятельное участіе въ обществѣ принимаетъ Леденцовъ, прежде занимался отдачей въ ростъ денегъ. Онъ состоитъ предсѣдателемъ „Музея Труда". Такъ вотъ при этомъ „Музеѣ Труда" образована для рабочихъ юридическая консультація, причемъ Афанасьевымъ (предсѣдатель-рабочій, см. № 10) и К°. ведется усиленная агитація, чтобы рабочіе обращались за совѣтами именно сюда, а отнюдь не къ „либеральнымъ" адвокатамъ Муравьеву и К°. Точно также изъ Зубатовско-Озеровскаго общества ведется походъ и противъ мѣстнаго „Общества народныхъ развлеченій", которое, повидимому, на худомъ счету у начальства. Противъ этого общества намѣрены, по слухамъ, организовать народные спектакли въ Императорскихъ театрахъ. Въ совѣщаніяхъ по этой интригѣ участвуютъ, вмѣстѣ съ Афанасьевымъ, съ одной стороны, помощникъ Зубатова — Сазоновъ, съ другой — гг. профессора Озеровъ и К°. Проф. Денъ уже устранился отъ общества.

По поводу Зубатовской политики изданный харьковскими соціалистами-революціонерами листокъ говоритъ:

„Въ Москвѣ Зубатовъ (начальникъ охраннаго отдѣленія) разставилъ свои тенета въ рабочей средѣ. Въ качествѣ загонщиковъ объявили свои услуги гг. московскіе профессора. Мануиловъ студентамъ на лекціи объявилъ громогласно: „Нѣтъ болѣе у насъ ни народниковъ, ни марксистовъ, а есть соціально-политическое направленіе, которое стремится улучшить бытъ рабочихъ и народа на почвѣ существующаго строя". И вотъ стала примѣняться на русской почвѣ система бернштейніанства подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Зубатова. Дѣйствительно, творится въ Россіи что-то небывалое. Открывается настоящій рабочій парламентъ. Мануиловъ, Денъ и К° дебатируютъ о насущныхъ нуждахъ трудящагося народа, забывая поднимать лишь одинъ самый насущный вопросъ русскаго рабочаго люда: значеніе самодержавнаго деспотическаго правительства для русскаго рабочаго. Мудрые лекторы сразу превратились въ неучей: они моментально забываютъ основные вопросы всякой живой общественной жизни; они, конечно, не внушаютъ рабочимъ, что безъ свободы совѣсти, свободы слова и печати немыслимъ прогрессъ общественный. Такія же сѣти разставляются и въ непокорной студенческой средѣ. Въ газетахъ и въ университетскихъ совѣтахъ все лѣто трудились надъ новымъ университетскимъ уставомъ. Открывается дѣйствительно заманчивая перспектива: въ самодержавной, раболѣпной, угнетенной Россіи рабочимъ предоставлено будетъ открыто, свободно дебатировать о своихъ нуждахъ, что, скажемъ кстати, упроститъ трудъ агентовъ Зубатова. Рядомъ съ рабочимъ парламентомъ откроется и студенческій парламентъ, въ которомъ тоже агенты Зубатова будутъ почерпать нѣкоторыя свѣдѣнія“.

Иркутскъ. Въ концѣ прошлаго года иркутскимъ ген.-губернаторомъ назначенъ бывшій помощникъ шефа жандармовъ — Пантелѣевъ. Первый дебютъ его по управленію краемъ состоялъ въ томъ, что онъ призвалъ иркутскаго городского голову Жарникова и потребовалъ, чтобы дума постановила ассигновать извѣстную сумму на постройку памятника Александру III. Въ засѣданіи думы по этому поводу никто изъ гласныхъ, конечно, не дерзнулъ ничего возразить противъ этого предложенія. Вся оппозиція выразилась лишь въ томъ, что 3-4 гласныхъ предложили почтить Сибирь памятникомъ царя-миротворца не въ видѣ статуи, а учебнаго заведенія или моста черезъ р. Ангару, въ чемъ городъ такъ нуждается. Но трусливое большинство всецѣло подчинилось требованію Пантелѣева.

Затѣмъ ген.-губ. пригласилъ къ себѣ всѣхъ именитыхъ граждань и предложилъ имъ сдѣлать пожертвованіе на памятникъ, а самъ ушелъ въ свои комнаты. Адъютантъ его подалъ подписной листъ, и „граждане“ подписали, — кто тысячныя, кто сотенныя суммы. Когда листъ былъ подписанъ, ген.-губ. не удостоилъ выйти, чтобы поблагодарить и попрощаться съ имъ же приглашенными лицами.

Таковы уже нравы нашихъ помпадуровъ, не перестающихъ смотрѣть на наше „третье сословіе“, на наше купечество, какъ на дойныхъ коровъ, у которыхъ можно на что вздумается требовать деньги, третируя ихъ при этомъ какъ лакеевъ. Хороша и наша буржуазія, безмолвно переносящая подобнаго рода обращеніе.

Далѣе пошла такъ-называемая добровольная подписка, т.-е. начальникамъ разныхъ учрежденій предложено произвести подписку на памятникъ среди подчиненныхъ. Недовольство было всеобщее, и Александръ ЦI не разъ переворачивался въ своемъ гробу отъ сыпавшихся на его голову проклятій. Подписка дала уже 100 тысячъ руб. Изъ купцовъ нашелся одинъ — Замятинъ, который отказался подписать. Всѣхъ удивилъ его героизмъ. Но и онъ сдался, послѣ того какъ у него былъ произведенъ обыскъ и Пантелѣевъ пригрозилъ выслать его въ Колымскъ.

Замѣчательнѣе всего то, что крестьянскимъ начальникамъ предписано было собирать на памятникъ среди крестьянъ, и предписаніе это немедленно было исполнено. Не трудно представить себѣ, какимъ бременемъ легъ этотъ новый налогъ на сибирскихъ крестьянъ въ голодный годъ и при разореніи населенія, вызванномъ прошлогодней мобилизаціей. Ничто такъ не подорвало монархизма среди сибирскаго населенія, какъ эта исторія съ памятникомъ. Нужно за это сказать большое спасибо ген. Пантелѣеву.

Дальнѣйшимъ его подвигомъ по части революціонизированія сибиряковъ явилась его борьба съ городскимъ самоуправленіемъ. Началось оно съ того, что дума отказалась построить казарму для войскъ. По приказу Пантелѣева, губернаторъ не утвердилъ постановленія думы. Послѣдняя обжаловала это постановленіе въ сенатъ и выиграла дѣло. Тогда Пантелѣевъ пришелъ въ ярость и послалъ въ Питеръ докладъ объ упраздненіи выборнаго начала въ городскомъ самоуправленіи, ссылаясь на неурядицы и бездѣйствіе иркутской думы. Что выйдетъ изъ этого представленія, пока еще неизвѣстно. Но очистка Думы отъ неудобныхъ для Пантелѣева гласныхъ уже началась. Считая почему-то главой оппозиціи секретаря думы Кларка (вѣроятно, потому, что онъ былъ во времена Очакова и покоренія Крыма политическимъ ссыльнымъ), ген.-губ. потребовалъ отъ городского головы его увольненія. Жарниковъ попросилъ изложить это требованіе на бумагѣ, просьба его была удовлетворена. И вотъ Кларкъ безъ малѣйшей вины уволенъ, на основаніи лишь упраздняющаго всѣ законы постановленія объ охранѣ. Правда, дума рѣшила выдать Кларку денежную субсидію, но нашелся такой лакей Пантелѣева, какъ гласный Бѣлоголовый, который на протоколѣ думскаго же постановленія написалъ свой протестъ, мотивируя его тѣмъ, что пособіе это опредѣлено подъ давленіемъ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ гласныхъ, радѣющихъ „своему человѣчку“ (ковычки Бѣлоголоваго).

Мелочность Пантелѣева не ограничилась вышеописаннымъ. Онъ велѣлъ немедленно выслать Кларка изъ города, и только благодаря ходатайству губернатора Малеріуса, указавшаго на многочисленность семьи Кларка и на нелегкость скоро ликвидировать хозяйство (Кларкъ — домовладѣлецъ), высылка его была отложена на мѣсяцъ.

Инциденту съ Кларкомъ предшествовало нашествіе жандармовъ на думскій архивъ и квартиру секретаря. Ничего, конечно, не было найдено, тѣмъ не менѣе дѣлопроизводителя и другихъ служащихъ тягали на допросъ въ жандармское правленіе, при чемъ никто изъ допрашиваемыхъ не могъ понять, за что и про что ихъ тягаютъ. На ихъ вопросы о причинѣ они получали одинъ отвѣтъ: на основаніи закона объ охранѣ. Задаваемые имъ вопросы заключались исключительно въ выясненіи вліянія на городскія дѣла нѣкоторыхъ лицъ: Кларка, Корналова, Попова, Замятнина. Всѣ эти лица почитаются неудобными лишь потому, что они принадлежатъ къ интеллигенціи и въ своей дѣятельности они руководятся закономъ, а не желаніями Пантелѣева. Въ этомъ и только въ этомъ вся ихъ неблагонадежность.

Но далѣе. Вмѣсто удаленнаго Кларка ген.-губернаторъ хотѣлъ навязать въ секретари думы проворовавшагося жандарма Телешова. Господинъ этотъ пользуется такой нечистой репутаціей даже въ синей средѣ, что думцы осмѣлились вѣжливо отклонить этого кандидата. Вообще Пантелѣевъ большой жандармофилъ. Такъ, въ иркутскіе губернаторы онъ тоже прочитъ жандармскаго генерала Демидова и на парадахъ и смотрахъ является не иначе, какъ въ жандармскомъ мундирѣ, что вызываетъ большое неудовольствіе среди военныхъ. Возмущаетъ многихъ также его полное пренебреженіе къ публикѣ. Просителей онъ принимаетъ на задахъ своего дома, гдѣ ихъ заставляетъ ждать себя въ грязномъ, тѣсномъ и холодномъ помѣщеніи. Ждутъ его по многу часовъ и въ заключеніе является адъютантъ и заявляетъ, что „Ихъ Высокопревосходительство не выйдутъ“. Въ послѣднее время онъ вовсе не выходитъ, и просьбы принимаются полицейскимъ чиновникомъ. Пантелѣевъ полагаетъ, что послѣ убійства Боголѣпова и покушенія на Побѣдоносцева имѣть объясненія съ просителями безразсудная смѣлость и рѣшилъ передъ публикой не показываться. Но онъ совершенно напрасно труситъ, такъ какъ смерть такого правителя края была бы чувствительной потерей для антиправительственныхъ слоевъ: его система правленія и отношеніе къ управляемымъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ дискредитируетъ монархію Николая II, и за это ему нужно сказать большое спасибо, но никакъ не подвергать участи Боголѣпова.

Вопросъ о розгѣ въ государственномъ совѣтѣ. Намъ сообщаютъ, что въ государственномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о введеніи въ сибирскихъ областяхъ института земскихъ начальниковъ. Въ законоположеніи объ этихъ начальникахъ есть статья о тѣлесномъ наказаніи; въ названныхъ же мѣстахъ проживаютъ инородцы: якуты, буряты, тунгусы и др., которые такого наказанія не вѣдаютъ, — оно у нихъ никогда не практиковалось. И вотъ въ Государственномъ Совѣтѣ возникъ вопросъ, какъ въ этомъ случаѣ быть съ инородцами: отмѣнить для нихъ тѣлесное наказаніе — значитъ, поставить инородцевъ въ болѣе привилегированное положеніе, чѣмъ въ какомъ находится господствующая народность; ввести же его — конфузно для культурной миссіи россіянъ. Тогда стали раздаваться голоса о всеобщемъ уничтоженіи этого гнуснаго наказанія, и въ такомъ смыслѣ высказалось большинство. Но Побѣдоносцевъ заявилъ, что Государственный Совѣтъ не въ правѣ обсуждать эту мѣру, такъ какъ ему не принадлежитъ право иниціативы. Ему возразили, что дѣло идетъ пока только о ходатайствѣ передъ царемъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Въ концѣ дебатовъ вопросъ пошелъ на голоса, и большинство высказалось за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній. Только Побѣдоносцевъ и два-три его прихвостня остались за продолженіе господства розги надъ крестьянами. Теперь вопросъ, съ чьимъ мнѣніемъ согласится Ник. II?

Нижній-Новгородъ. Читатели „Искры“ еще не забыли корреспонденцію изъ Нижняго съ описаніемъ бывшаго тамъ весной набѣга жандармовъ на мѣстную интеллигенцію. Выдающаяся роль въ этомъ событіи безусловно принадлежитъ г. прокурору мѣстнаго суда. Подобно щедринскому прокурору, сей ретивый чиновникъ рѣшилъ найти въ Нижнемъ крамолу и этимъ сразу выдвинуться въ глазахъ начальства. Какъ помнятъ читатели, замыслы г. Утина оказались безнадежными. Какъ ни старался, какъ ретиво ни искалъ, собственными руками лазя по всѣмъ щелямъ, дѣйствительной, сколько-нибудь существенной крамолы ему не удалось найти. Несчастнаго, не по разуму усерднаго прокурора ожидала печальная участь, выговоръ со стороны начальства и насмѣшки со стороны сослуживцевъ и жандармовъ, его конкурентовъ въ разыскиваніи крамолы. Обманутый въ лучшихъ своихъ надеждахъ, г. Утинъ рѣшилъ начать гоненіе противъ юнцовъ, гимназистовъ и гимназистокъ. Дѣло въ томъ, что послѣдніе образовали общество для совмѣстнаго чтенія и завели свою библіотеку изъ легальныхъ книгъ. Часть этого кружка, наиболѣе горячая, вздумала заняться пропагандой. Поймали какого-то отставного солдата, впослѣдствіи оказавшагося сыщикомъ, и занялись имъ. Послѣдній и далъ о библіотекѣ свѣдѣнія Утину. Наконецъ-то г. Утинъ разыскалъ давно желанную крамолу!.. Юнцовъ начали таскать на допросы, а троихъ даже засадили въ острогъ. Въ мин. вн. дѣлъ было послано Утинымъ подробное донесеніе съ ясными доказательствами, что крамола поймана и уничтожена, что г. Утинъ принесъ колеблющемуся престолу не малую услугу, за что-де слѣдуетъ…

14 чел. гимназистовъ VIII, VII, VI, V и даже IV класса ожидали казни.

Наконецъ, изъ Питера пришла бумага, вручающая судьбу гимназистовъ ихъ гимназическому начальству. Министерство, конечно, поступило весьма умно: съ одной стороны, оно умывало руки въ избіеніи младенцевъ, а съ другой — болѣе исполнительныхъ палачей оно найти не могло. Страшно перепуганное гимназическое начальство рѣшило доказать, что оно благонадежно, что всей душой готово исполнить волю начальства. Директоръ собралъ совѣтъ и предложилъ всѣхъ 14 чел. исключить безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе. Часть педагоговъ, во главѣ съ законоучителемъ, попыталась было возражать и доказывать всю несправедливость, жестокость и нетактичность такой мѣры, но директоръ съ помощью другихъ болѣе покорныхъ педагоговъ настоялъ на своемъ. Укажемъ, между прочимъ, фамиліи этихъ особенно усердныхъ педагоговъ: директоръ Самойловичъ, педагоги Песковъ и Юшковъ. Бѣдныхъ юнцовъ ожидала печальная судьба. Но округъ смягчилъ наказаніе. Только троихъ рѣшено было исключить, остальнымъ же сдѣлать предупрежденіе на будущее; одного же, кончившаго теперь гимназію, не приняли ни въ одинъ университетъ. Какъ видите, вся исторія кончилась еще не такъ плохо, могло бы, конечно, быть и хуже.

Нижегородское общество сильно взволновано всей этой исторіей; обыватели начинаютъ понимать свое безпомощное, безправное положеніе. Спасибо за это господамъ Утинымъ, Самойловымъ, Юшковымъ, Пусковымъ и проч.

Кишиневъ. Остроумный документъ представляетъ постановленіе кишиневскаго жандарма о привлеченіи къ дознанію лицъ, арестованныхъ за участіе въ демонстраціи 11 сентября. Приводимъ его полностью:

„Постановленіе № 3. 1901 г. сентября 19 дня въ г. Кишиневѣ я, отдѣльнаго корпуса жандармовъ штабъ-ротмистръ Барбалевъ, принимая во вниманіе, что 1) 5 сентября въ г. Кишиневѣ издана была отъ имени „Группы объединеннаго протеста“ и распространена гектографированная прокламація, въ которой порицается существующій въ Россіи государственный порядокъ и говорится о необходимости рабочихъ волненій, крестьянскихъ бунтовъ и студенческихъ движеній, какъ о желательной формѣ протеста противъ правительственнаго режима. „Молодая Россія, говорится въ прокламаціи, такимъ путемъ 4 марта вырвала у правительства побѣду, но послѣднее только надавало обѣщаній, а ничего не исполнило и снова проявило себя изданіемъ такихъ циркуляровъ, какъ напр.: „Объ уменьшеніи процентной нормы поступленія евреевъ въ высшія учебныя заведенія“ и о „прикрѣпленіи студентовъ къ округамъ“, въ виду этого „Гр. объединеннаго протеста“ обращается ко всѣмъ съ призывомъ: объединитесь всѣ и заявите правительству, что гражданское чувство, пробужденное выстрѣлами послѣдняго года, не спитъ, — что оно не исполнилось(?) его лживыми обѣщаніями, что оно требуетъ удовлетворенія“ и, пользуясь каждымъ случаемъ, „требуйте политической свободы“. Наконецъ, особой припиской къ прокламаціи „Группа объединеннаго протеста“ анонсируетъ о томъ, что „11 сентября въ 6 час. 34 мин. вечера изъ г. К. отправляютъ товарища Домбровскаго въ административную ссылку“ и приглашаетъ воспользоваться этимъ случаемъ для демонстративнаго протеста на вокзалѣ противъ этого распоряженія властей, тѣмъ болѣе, что „безъ боя съ правительствомъ, какъ заключаетъ „Группа объединеннаго протеста“ свою прокламацію, „мы не отвоюемъ у него ни одной пяди“.

„2) 10 сентября та же „Группа объединеннаго протеста“ издала вторую прокламацію, въ которой говорится о необходимости свободы слова и протеста противъ такихъ органовъ печати, какъ „Новое Время“, „Южный Край“, „Московскія Вѣд.“, „Бессарабецъ“ и редактора этой газеты Крушевана, который, какъ сказано въ прокламаціи, „душитъ“ своихъ типографскихъ рабочихъ „вычетами“. Народъ проситъ хлѣба, а правительство даетъ ему „камень“, а „Бессарабецъ“, „когда Толстой говоритъ о хлѣбѣ для народа“, порицаетъ Толстого „за разрушеніе иллюзій и обмана“ и „всему, что ищетъ свободу, онъ кричитъ свое грязное: въ клѣтку!“; этимъ прокламація, очевидно, указываетъ на статьи въ „Бессарабцѣ“ о Толстомъ и объ убійствѣ Мак-Кинлея; послѣдняя озаглавлена была: „Въ клѣтку“ и заключала въ себѣ энергическое осужденіе анархизма. Прокламація эта, подобно первой, имѣетъ въ виду защиту евреевъ; это видно какъ изъ того, что послѣ заявленія о преслѣдованіи иновѣрцевъ перечисляются вышеприведенныя газеты, извѣстныя своими разоблаченіями относительно евреевъ, такъ и изъ того, что на редактора Крушевана взводится обвиненіе въ принятіи имъ подкупа отъ какого-то „магната“, почему онъ и „облилъ грязью“ одно изъ уѣздныхъ земствъ, тогда какъ въ дѣйствительности въ „Бессарабцѣ“ были напечатаны обличительныя статьи только противъ оргѣевской земской управы и евреевъ, поставщиковъ голодающему населенію испортившейся, гнилой и вообще недоброкачественной кукурузы, за что нѣкоторые изъ поставщиковъ-евреевъ уже приговорены судомъ къ наказанію.

„3) Такимъ образомъ, уже изъ содержанія этихъ двухъ прокламацій можно было видѣть, что въ г. Кишиневѣ готовятся политическія демонстраціи: на вокзалѣ, при отъѣздѣ бывшаго студента Домбровскаго, противъ существующаго въ государствѣ порядка, и въ городѣ, противъ редактора газеты „Бессарабецъ“ Крушевана за разоблаченіе еврейскихъ злоупотребленій, за критику ученія Толстого и за строгое осужденіе анархизма.

„4) 11 сентября около 7 часовъ вечера, ко времени отхода поѣзда, на кишиневскомъ вокзалѣ собралась толпа молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ, около 100-120 чел., въ подавляющемъ большинствѣ — евреи, сгруппировавшихся у того вагона, въ которомъ находился отъѣзжающій Домбровскій, при чемъ въ числѣ руководителей толпы были замѣчены слѣд. лица: Антонина Глоба, Полина Фукельманъ, Хава Ханжи, Ганса Баръ, Песя Шрифтеликъ, Глафира Кубаркина, Израиль Гельманъ, Фортунатъ Каминскій, Василій Ендржіевскій, Владиміръ Пржецлавскій, Аронъ и Самуилъ Мичникъ, Мойсей Вассеръ и др. въ числѣ около 20 чел. Первымъ изъ толпы выдѣлился Вассеръ и сказалъ Домбровскому нѣсколько словъ, послѣ чего одна изъ женщинъ поднесла Домбровскому букетъ, потомъ еще кто-то изъ толпы произнесъ нѣсколько словъ, и толпа закричала: „ура!“ Затѣмъ къ вагону подошелъ Гельманъ и громко воскликнулъ: „Прощай, товарищъ, обидѣла тебя Держава(?), не безпокойся, единство у насъ есть,

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ

Фабричный феодализмъ*)

Въ ряду самыхъ колоссальныхъ промышленныхъ предпріятій въ Зап. Европѣ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ фирмѣ „пушечнаго короля“ Круппа.

Круппу принадлежатъ: сталелитейный заводъ въ г. Эссенѣ, такой же заводъ въ Анненѣ, заводъ панцырныхъ броней въ Букау возлѣ Магдебурга, 4 доменныя печи въ Дюисбургѣ, Энгерсѣ, Нейвидѣ и Рейнгаузенѣ (изъ нихъ три производятъ ежедневно 28 тыс. пудовъ), далѣе чугунно плавильный заводъ съ машиностроительнымъ отдѣленіемъ въ Сайнѣ, 5 угольныхъ копей (кромѣ того, Круппъ участвуетъ, какъ акціонеръ, во многихъ другихъ угольныхъ предпріятіяхъ), 500 желѣзныхъ рудниковъ въ Германіи, нѣсколько рудниковъ въ Испаніи, три морскихъ парохода, плацъ для стрѣльбы въ Меппенѣ (15 верстъ слишкомъ въ длину), каменоломни и т. д. Наконецъ, фирма Круппа сняла по контракту корабельное и машиностроительное предпріятіе „Германія“ въ Берлинѣ и Килѣ.

Главное предпріятіе Круппа — его фабрика въ Эссенѣ — состоитъ изъ различныхъ мастерскихъ для производства пушекъ и снарядовъ, приготовленія рельсовъ и прочихъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, далѣе, изъ газового завода съ двумя газоемами, вмѣстимостью въ 60,700 куб. метр., фабрики для производства огнеупорнаго камня, брикетовъ и кокса, нѣсколькихъ кирпичныхъ заводовъ, литографскихъ и фотографическихъ заведеній, переплетной, щетинной фабрики, фабрики для производства льда, собственнаго полицейскаго учрежденія и пожарной команды (100 чел.), затѣмъ изъ портняжной и сапожной мастерскихъ, мясной, множества портерныхъ и харчевыхъ лавокъ и т. д.

До 1 апрѣля 1901 г. эта фабрика изготовила 39,000 пушекъ. Въ 1900 г. во всѣхъ заведеніяхъ Круппа потреблено 95 мил. пуд. угля, изъ нихъ 56 мил. на одной его фабрикѣ въ Эссенѣ. Въ день потребляется 320 тыс. пудовъ угля. Воды употреблено въ 1900 г. 16 милліоновъ куб. метровъ, свѣтильнаго газа 19 мил. метровъ, т. е. больше, чѣмъ потребилъ цѣлый городъ Бреславль, одинъ изъ крупнѣйшихъ въ Германіи.

Къ фабрикѣ въ Эссенѣ принадлежатъ еще рабочія „колоніи“ (кварталы съ домами для рабочихъ), въ которыхъ имѣются 4853 семейныя квартиры, больница съ бараками для заразныхъ больныхъ, рабочая казарма, ночлежные дома, два клуба, четыре ремесленныя школы, книжный магазинъ и двѣ часовни.

По переписи 1 апрѣля 1901 г. во всѣхъ заведеніяхъ Круппа было занято 46.077 чел., въ томъ числѣ 3823 служащихъ (остальные — рабочіе). Изъ этого числа 25.925 приходится на фабрику въ Эссенѣ, 2968 на заводъ панцырныхъ броней, 4731 на заводъ „Германія“ въ Берлинѣ и Килѣ, 6291 на угольныя копи, 6162 на прочія заведенія. Сверхъ того, 150 чел. заняты постоянно въ „усадьбѣ“ г. Круппа.

Передъ нами, такимъ образомъ, громадный производительный организмъ, обнимающій самыя разнообразныя отрасли производства, самые разнообразные виды человѣческаго труда — отъ портного и сапожника до матроса и углекопа. И всѣ эти разнородныя отрасли производства соединены въ одномъ предпріятіи, котораго неограниченнымъ, самодержавнымъ владыкой является одинъ человѣкъ — Круппъ. 50.000 чел., населеніе цѣлаго города, работаетъ изо дня въ день на этого одного человѣка, работаетъ съ помощью самыхъ усовершенствованныхъ орудій, по „послѣднему слову науки“, создавая колоссальныя богатства, создавая во много разъ больше, чѣмъ могло создавать такое же количество людей, работавшихъ въ доброе старое время на какого-нибудь могущественнаго помѣщика-феодала.

Но, что самое интересное, этотъ владыка труда 50.000 чел., этотъ господинъ колоссальнаго предпріятія, является совершенно неважнымъ винтикомъ въ этомъ громадномъ механизмѣ. Круппъ совершенно не заботится о технической сторонѣ своего предпріятія, не вмѣшивается въ его администрацію. Вся его „работа“ состоитъ въ томъ, чтобы подсчитывать свой ежегодный барышъ, доходящій до 15 и болѣе милліоновъ марокъ (8 и болѣе милліоновъ руб.). И если бы даже его сіятельство Круппъ былъ геніальнымъ и дѣятельнымъ человѣкомъ (чего о немъ нельзя сказать), онъ бы не могъ самолично управлять своимъ предпріятіемъ. Оно уже давно переросло контроль одного человѣка. Фабрика Круппа въ Эссенѣ раздѣлена на нѣсколько самостоятельныхъ отдѣленій, которыя объединяются центральнымъ управленіемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ директоровъ. Эти директора, не г. Круппъ, управляютъ заводомъ.

И вотъ, представьте себѣ, что этотъ ненужный для дѣла Круппъ будетъ устраненъ отъ предпріятія. Оно пойдетъ тѣмъ же ходомъ, какъ шло раньше. Никакой перемѣны въ технической сторонѣ дѣла не произойдетъ. Только тѣ милліоны, которые Круппъ кладетъ въ карманъ въ видѣ „честно заработаннаго“ дохода, останутся въ рукахъ производителей этого богатства. Существованіе собственника-капиталиста, такимъ образомъ, излишне для хода производства. Завѣдующіе производствомъ люди съ спеціальными техническими знаніями могутъ съ такимъ же успѣхомъ служить организованному обществу. Въ самомъ дѣлѣ, если устранить совершенно ненужнаго собственника, развѣ этотъ громадный производительный механизмъ не будетъ представлять собой, въ миніатюрѣ, организованное соціалистическое общество?

Но зло теперешнихъ гигантскихъ промышленныхъ предпріятій въ родѣ Крупповскаго, далеко не исчерпывается тѣмъ, что производители должны львиную долю продукта своего труда отдавать капиталисту. Круппъ не только присваиваетъ ежегодно десятки милліоновъ, онъ въ то же время является по отношенію къ служащимъ почти полновластнымъ господиномъ; его подданные зависятъ отъ него, какъ люди и какъ граждане, почти въ такой степени, какъ крѣпостные зависѣли отъ своего феодала. Прежде всего эта зависимость выражена въ правилахъ внутренняго распорядка. „Кто участвуетъ въ агитаціи или въ союзахъ, стремящихся къ низверженію существующаго порядка, получаетъ расчетъ“. А, между тѣмъ, германская конституція предоставляетъ всѣмъ гражданамъ свободу собраній и союзовъ. Когда въ 1893 г. въ Эссенѣ былъ основанъ отдѣлъ германскаго союза рабочихъ по металлу, который вскорѣ сталъ насчитывать довольно много членовъ, правленіе произвело однажды обыскъ въ мастерскихъ, у многихъ рабочихъ была найдена газета „Союза“, и „бунтовщики“ были разсчитаны массами. Этотъ порядокъ остается въ силѣ до сихъ поръ, и всякій, заподозрѣнный въ революціонныхъ стремленіяхъ, выбрасывается за порогъ завода.

Какими же средствами достигаетъ фирма Круппа возможности въ свободной странѣ лишать признанныхъ конституціей правъ цѣлыя сотни тысячъ людей? Это самая интересная сторона дѣла. Круппъ прославился не только какъ производитель знаменитыхъ пушекъ, не только, какъ архимилліонеръ и какъ ненавистникъ рабочаго движенія, но и какъ великій благотворитель. Благотворительныя учрежденія фирмы Круппъ знамениты во всемъ мірѣ. Это — верхъ того, что царями капитала сдѣлано для своихъ наемныхъ рабовъ. Но эти-то благотворительныя учрежденія и служатъ къ тому, чтобы „свободныхъ“ рабочихъ превратить въ безвольныхъ рабовъ. Благодаря имъ, интеллигентные рабочіе крупной промышленности попадаютъ въ болѣе тяжелую зависимость отъ хозяина, чѣмъ иной неразвитой сельскій батракъ — отъ своего помѣщика. Посмотримъ же, какъ на практикѣ буржуазная „благотворительность“ служитъ цѣлямъ закрѣпощенія рабочаго.

Какъ уже сказано, 4853 рабочихъ семейства пользуются квартирами. Рабочій, уволенный съ завода, долженъ немедленно очистить квартиру. А такъ какъ квартиры въ фабричномъ городкѣ дороги, а въ Крупповскихъ домахъ плата ниже обычной, то да здравствуетъ свобода, ура!" Въ это время кто-то, когда публика стала уже отходить, произнесъ фразу, окончивъ ее словами: „помни единство(?), да здравствуетъ свобода и единство". Кто-то изъ толпы началъ было пѣть, почему багажный Рачко, по распоряженію полиціи, хотѣлъ-было задержать его, но въ тотъ же моментъ получилъ отъ одного изъ толпы ударъ палкой по головѣ, а затѣмъ Антонина Глоба и Полина Фукельманъ безпорядочно затянули пѣсню, подхваченную другими. Когда Гельманъ былъ задержанъ, то Каминскій, обозрѣвая толпу, сталъ махать руками, какъ бы давая знакъ, и толпа, вслѣдъ за нимъ, кричала: „Да здравствуетъ свобода! Ура!" Жандармамъ и багажнымъ, ранѣе замѣтившимъ тѣхъ лицъ, которые руководили толпой, удалось, хотя съ большимъ трудомъ, подъ ударами палокъ, зонтиковъ и кулаковъ, задержать восемь человѣкъ и для установленія личности увезти въ комнату для дежурныхъ жандармовъ, тогда нѣкоторые изъ участниковъ демонстраціи стали возбуждать толпу ложными(?) сообщеніями о томъ, будто жандармы и багажные бьютъ арестованныхъ и будто избили нѣкоторыхъ изъ публики такъ сильно, что одну женщину свезли въ больницу, при чемъ агитаторы кричали, чтобы присутствовавшіе записывались въ свидѣтели. Смѣшавшись, такимъ образомъ, съ нѣкоторыми изъ публики, введенными въ заблужденіе относительно случившагося, они ворвались въ дежурную для жандармовъ комнату, потребовали записать ихъ въ свидѣтели, что и было исполнено.

---

*) Neue Zeit, 1901 г. № 4 статья Дювелли.

„5) Выполняя намѣченную въ приведенныхъ выше прокламаціяхъ программу демонстраціи, толпа съ крикомъ: „Идемъ къ губернатору! Ура!" направилась съ вокзала въ городъ, распѣвая революціонныя пѣсни, крича „ура!", остановилась возлѣ типографіи „Бессарабца". Здѣсь кто-то изъ толпы произнесъ рѣчь и затѣмъ стали раздаваться крики: „Долой Крушевана! Смерть Крушевану, ура!" Не встрѣтивъ сочувствія у наборщиковъ, толпа, оглашая воздухъ криками, двинулась къ губернаторскому дому, у воротъ коего, встрѣтивъ отпоръ со стороны полиціи, распалась на нѣсколько группъ, при чемъ болѣе значительная по численности направилась въ городской садъ, гдѣ нѣсколькимъ городовымъ нанесла побои, и затѣмъ съ криками: „Да здравствуетъ свобода печати, долой произволъ, ура!" направилась къ ред. газеты „Бессарабецъ" и квартирѣ редактора ея Крушевана, гдѣ выбила палками стекла, а затѣмъ, увидѣвъ приближавшихся наборщиковъ типографіи, въ безпорядкѣ разбѣжалась.

„6) 14 сентября с. г. та же „Группа объединеннаго протеста" издала третью прокламацію, которая начинается фразой: „Тяжело живется русскому человѣку, а если онъ къ тому еще рабочій, то ему приходится гнуть спину по 16-18 часовъ въ сутки, если еврей, то его презираютъ, на него натравляютъ голодныхъ людей, а онъ — онъ долженъ прятать свое лицо, чтобы на немъ не видѣли ненависти къ притѣснителямъ". Описывая въ тенденціозномъ и извращенномъ видѣ проводы Домбровскаго, утверждая, будто жандармы и багажные набросились на публику съ обнаженными шашками и палками и избили такъ сильно, что одного раненаго отвезли даже въ больницу, тогда какъ въ дѣйствительности участники безпорядковъ сами избили жандармовъ, причинивъ двумъ даже раны на головѣ, прокламація устанавливаетъ, что участники безпорядковъ принадлежатъ къ „Группѣ объединеннаго протеста", шли по городу для протеста и для того, чтобы у горожанъ „вызвать духъ протеста", а къ губернатору они направились „не жаловаться, не правды искать у него — у полиціи". Заканчивается прокламація утвержденіемъ „Группы объединеннаго протеста", что демонстранты разошлись по домамъ съ тѣмъ, чтобы начать „подпольную борьбу съ жгучей, непримиримой ненавистью ко всему режиму и со стремленіемъ къ свободѣ".

„7) При обыскѣ квартиры В. Пржецлавскаго и Ф. Каминскаго найдены были: черновикъ проекта устава организаціи противозаконнаго сообщества для политической пропаганды среди рабочихъ и письмо нѣкоего Авдѣя къ Пржецлавскому, изъ коего видно, что Авдѣй принадлежитъ къ какому-то противозаконному сообществу, къ которому въ прошломъ принадлежалъ также и Пржецлавскій, но его первый дебютъ въ роли члена этого сообщества былъ такъ неудаченъ, что сообщество осудило его и готово было поступить съ нимъ жестоко(?). Авдѣй беретъ Пр. подъ свое покровительство въ надеждѣ на исправленіе его въ будущемъ; изъ дальнѣйшаго содержанія этого письма видно, что авторъ его Авдѣй, состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Каминскимъ и находится съ нимъ въ перепискѣ, — на основаніи постановленія Бес. Губ. Жандармскаго Управленія отъ 16-18 сентября за № 1 по соглашенію съ тов. прокурора Кишиневскаго Окружнаго Суда С. П. Шелухинымъ постановилъ: вышеперечисленныхъ А. Глобу, Полину Фукельманъ, Х. Ханджи, Раису Баръ, Песю Шрифтелихъ, Глафиру Кубаркину, Израиля Гельманъ, Ф. Каминскаго, Василія Ендржіевскаго, Вл. Пржецлавскаго, Арона и Самуила Мичникъ и Моисея Бассера привлечь къ настоящему дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, о чемъ имъ и объявить.

Барбашевъ. С. П. Шелухинъ."

Москва. Московскіе товарищи сообщаютъ намъ слѣдующія подробныя свѣдѣнія о Михаилѣ Афанасьевѣ — предсѣдателѣ „собранія механическихъ рабочихъ", о которомъ мы писали въ предыдущихъ номерахъ „Искры".

Михаилъ Афанасьевъ, по профессіи модельщикъ, работалъ до 1898 г. на разныхъ заводахъ и въ мастерскихъ гор. Москвы. Въ 1898 г. онъ просидѣлъ двѣ недѣли въ предварительномъ заключеніи; въ то же время и по тому же дѣлу сидѣли въ тюрьмѣ нѣсколько интеллигентовъ и рабочихъ. Нѣкоторые изъ нихъ были высланы до разбора дѣла изъ Москвы, двое же оставшихся по разсмотрѣніи дѣла отбыли двухмѣсячное заключеніе и на неопредѣленное время лишены права проживать въ Москвѣ и Петербургѣ. Послѣ разбора дѣла Афанасьевъ въ тюрьмѣ не сидѣлъ и не былъ высланъ: „я выбралъ для житья себѣ Москву", говорилъ онъ одному рабочему, спрашивавшему его о снисхожденіи къ нему правительства. Но что бы ни говорилъ Афанасьевъ, съ трудомъ вѣрится, что недремлющее око Москвы — Зубатовъ — оставилъ въ Москвѣ товарища людей, гонимыхъ правительствомъ, да при этомъ допустилъ его стать во главѣ рабочихъ собраній. Зимой 1900 г. Афанасьевъ жилъ на заводѣ Листа за Бутырской заставой; весной на заводѣ вышло недоразумѣніе изъ-за расцѣнка между модельщиками и администраціей завода. Былъ вызванъ фабричный инспекторъ, для переговоровъ съ которымъ рабочими былъ выбранъ Афанасьевъ; послѣ этого его разсчитали съ завода, и онъ съ разрѣшенія Охраннаго отдѣленія уѣхалъ искать работу въ Кіевъ. Воротясь въ Москву, онъ поступилъ на фабрику Прохорова и усиленно началъ хлопотать о кассѣ взаимопомощи, чему содѣйствовали во многомъ интеллигенты, относившіеся къ нему, какъ къ порядочному человѣку.

За образецъ устава взятъ былъ уставъ харьковскаго общества безъ всякихъ измѣненій. Подъ проэктомъ устава подписалось 12 чел., въ томъ числѣ и Афанасьевъ. 9 февраля уставъ былъ поданъ на разрѣшеніе „хозяина Москвы", а оттуда перешелъ къ Трепову и Зубатову. Въ рукахъ послѣднихъ уставъ былъ въ деталяхъ подвергнутъ измѣненіямъ и въ такомъ видѣ возвращенъ учредителямъ, которые за такую заботливость поблагодарили начальство и рѣшили, что ихъ уставъ гораздо содержательнѣе харьковскаго: большинство не понимало значенія измѣненій, сдѣланныхъ Зубатовымъ. Интеллигенты протестовали противъ урѣзокъ и старались оказать вліяніе на рабочихъ въ этомъ направленіи, за что они — по доносу Афанасьева — были арестованы.

На собраніяхъ Афанасьевъ предсѣдательствуетъ и имѣетъ себѣ подобныхъ помощниковъ: секретаря Слѣпова, слесаря отъ Прохорова, и старшаго контролера Красивскаго, папиросника, работающаго на дому, агента Зубатова, допускаемаго на собранія съ разрѣшенія Афанасьева.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Общество трезвости въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Въ статьѣ „Отвѣтъ г. Далонову" (см. прилож. къ № 9) былъ затронутъ вопросъ объ обществахъ трезвости и было высказано, что эти общества въ послѣднее время играютъ очень странную роль. Здѣсь мы намѣрены обрисовать Орѣховское „Общество трезвости" и его дѣятельность. Считаемъ это тѣмъ болѣе необходимымъ, что эта вновь изобрѣтенная забава, навѣрное, не ограничится однимъ Орѣховымъ. Харьковскій преосвященный Амвросій выразилъ опасеніе, не къ соціализму-ли ведутъ общества трезвости? и такъ какъ не былъ вполнѣ въ этомъ увѣренъ, то прибавилъ: „Дай Богъ, чтобы мы ошиблись!" Поэтому мы совѣтуемъ харьковскому архиплуту, то-бишь архіерею, прочесть нижеслѣдующее и убѣдиться, что онъ ошибся и ошибся очень порядочно*).

Въ минувшемъ 1900 г. 6-го августа возникло Орѣховское „Общество трезвости" по иниціативѣ петербургскаго священника А. Рождественскаго (сына) и при содѣйствіи мѣстнаго священника В. Рождественскаго (отца), церковнаго старосты инженеръ-технолога С. Назарова (завѣдующій отбѣльно-красильнымъ заведеніемъ Саввы Морозова) и служащаго той же фабрики технолога Хрѣнникова. Изъ этихъ почтенныхъ лицъ С. Назаровъ особенно извѣстенъ тѣмъ, что заперъ на двѣ недѣли обитателей Орѣховской фабричной богадѣльни и заставлялъ ихъ все это время молиться за умершаго отпрыска его рода.

Нужно сказать, что пріѣзжавшій изъ Петербурга о. Рождественскій, хорошо знакомый со взглядами высшаго духовнаго начальства, заранѣе опредѣлилъ направленіе дѣятельности этого общества, а, слѣдовательно, взглядъ на рабочихъ, какъ на людей, съ которыми нечего церемониться... Основатели отнеслись къ своему четырехголовому дѣтищу очень серьезно и рѣшили не на шутку уничтожить пьянство. И вотъ одинъ сталъ дѣйствовать молебномъ съ акафистами, другой — штрафами, третій — разсчетами, а четвертый уѣхалъ въ Питеръ и шлетъ оттуда писульки съ совѣтами. И, можно сказать, двинули свое дѣло на столько хорошо, что ни одно подобное общество въ Россіи не имѣетъ, пожалуй, такого количества членовъ, какъ Орѣховское.

Первоначально охотниковъ записаться въ трезвенники было очень мало; записывались только тѣ, которые и до существованія общества пили очень мало или совсѣмъ не употребляли спиртныхъ напитковъ. Видя такое равнодушіе къ своему дѣтищу, основатели принялись вербовать себѣ членовъ своеобразными средствами. Такъ, напр., Назаровъ предлагаетъ рабочему, съ котораго слѣдуетъ взыскать за прогулъ смѣны, записаться въ члены общества, за что его вознаграждаютъ, не записывая прогула. Но горе рабочему, если онъ не согласится идти въ трезвенники: его сгоняютъ со станка, ставятъ въ простые рабочіе или дѣлаютъ скидку съ поденной платы въ 5-10 коп. Или тотъ же Назаровъ предлагаетъ рабочему, замѣченному въ ссорѣ съ сосѣдомъ по хозяйской квартирѣ, либо выбираться изъ казармы, либо стать членомъ общества. Разумѣется, навербованные такими средствами члены оказываются „трезвенниками" пьющими. Тѣмъ не менѣе, поведеніе такихъ господъ, какъ Назаровъ, носитъ еще джентельментскій характеръ, а вотъ управляющій фабрики Викулы Морозова, Свѣшниковъ, тотъ прямо кричитъ, какъ щедринскій генералъ: „раззорю". „Ступай, запишись въ трезвенники или сейчасъ получи разсчетъ".

При такихъ условіяхъ понятно, на сколько симпатично рабочимъ „общество трезвости", какъ они выполняютъ обѣтъ трезвости и какъ быстро ростетъ текущій номеръ, выражающій число записавшихся. Въ настоящее время этотъ номеръ доходитъ до 3000; если дѣло пойдетъ такъ хорошо, то года черезъ два на Морозовскихъ фабрикахъ не будетъ ни одного пьющаго рабочаго. Но что въ этомъ случаѣ будетъ дѣлать цѣловальникъ Витте?

Не смотря на столь внушительное число членовъ общества, на лицо нѣтъ никакихъ внѣшнихъ проявленій его дѣятельности: ни чайной лавки, ни читальни, ни библіотеки, ни сада, ни гуляній, словомъ, ничего изъ того жалкаго запаса, которымъ дышутъ вообще такія общества. Управляется общество безъ всякихъ выборовъ тѣми же учредителями да еще Свѣшниковымъ, которые придумываютъ для членовъ общества разныя обязанности. Первая обязанность — не пить водки, что на дѣлѣ, конечно, выполняется немногими; вторая — посѣщать обѣдню и вечерню, послѣ которыхъ бываетъ постоянно молебенъ съ акафистомъ Николаю угоднику и неизбѣжный сборъ съ большой тарелкой съ бѣдняковъ-рабочихъ въ пользу дородныхъ и богатыхъ поповъ. Третья обязанность — ходить на чтенія, на которыхъ рабочихъ угощаютъ все тою-же Демьяновой ухой, т. е. говорятъ о любви къ ближнему и о вредѣ пьянства. Практическій урокъ любви къ ближнему даютъ ежедневно своимъ рабочимъ гг. Назаровы и Свѣшниковы, упражняясь въ штрафованіи, разсчитываніи и грубой ругани.

6 августа этого года „Общество трезвости" праздновало годовщину своего существованія. Кромѣ обычной обѣдни и вечерни было устроено собраніе общества въ училищѣ Саввы Морозова подъ предсѣдательствомъ вышеупомянутыхъ заправилъ. На обсужденье былъ поставленъ вопросъ: „куда употребить имѣющійся наличный капиталъ общества"? Нѣкоторые рабочіе предложили удѣлить часть капитала для выдачи заболѣвшимъ трезвенникамъ, другіе — для выдачи сиротамъ умершихъ трезвенниковъ. То и другое предложеніе было отклонено, а по предложенію Назарова рѣшили „благодарить священника В. Рождественскаго, какъ основателя этого общества". Отблагодарили поднесеніемъ креста въ 500 руб. Тогда домовладѣльцы-трактирщики Бобровъ и Татариновъ предложили благодарить Назарова иконой (въ 65 руб.). Принято и это. На покупку креста и иконы израсходовали весь капиталъ, да еще остались должны 100 руб. Впрочемъ, можетъ быть, должны и больше: никакой отчетности не производится. Такимъ образомъ, сироты и больные остались ограбленными въ пользу основателей „Общества трезвости".

Въ прошломъ году передъ Рождествомъ нашлись чудаки, которые просили у священника Рождественскаго разрѣшенія выпить по рюмкѣ „для праздника". Онъ имъ разрѣшилъ. Большинство же „трезвенниковъ" пили съ своего собственнаго разрѣшенія во славу Божію. Разумѣется, есть много проказниковъ, которые пользуются „обществами трезвости" для своихъ цѣлей: такъ, понадобятся деньги просто, чтобъ гульнуть, но достать ихъ трудно; запишешься въ трезвенники, получаешь отъ Назарова разрѣшеніе на выдачу денегъ.

Орѣховскіе не-трезвенники

Саратовъ. 14 августа на гвоздильномъ заводѣ Б. [illegible] вывѣсили новыя правила внутренняго распорядка и новую табель штрафовъ. Первыя отмѣняли десять праздниковъ, а послѣдняя устанавливала штрафы за всякую мелочь. Рабочіе рѣшили дать отпоръ. Неудача вспыхнувшей въ то время стачки на желѣзной дорогѣ поколебала рѣшимость рабочихъ. Только 29 августа они бросили работу. Въ ночь съ 22 на 23 были распространены прокламаціи, требовавшія отмѣны штрафовъ, возстановленія старыхъ праздниковъ, увеличенія расцѣнковъ на 25%, увольненія директора Тиле, выборныхъ депутатовъ отъ каждаго цеха и пр. Сверхъ того, требовали, чтобы никто не былъ уволенъ за стачку.

Какъ только полиція узнала о прокламаціяхъ, на заводъ прибылъ исправникъ, но увѣщанія его оказались напрасны. Администрація обѣщала удовлетворить требованія рабочихъ.

Изъ Литвы. Въ Сморгони (Виленской губ.) въ началѣ октября вспыхнула стачка 1000 кожевниковъ (поляковъ и евреевъ). Ближайшимъ поводомъ послужилъ набѣгъ въ Сморгонь виленскихъ и минскихъ жандармовъ, которые по доносу фабрикантовъ произвели аресты среди мѣстныхъ рабочихъ и интеллигентовъ. Когда арестованныхъ ночью повели на вокзалъ, собралась толпа любопытныхъ. Сопровождавшіе арестованныхъ казаки ударили въ нагайки, вообразивъ, что толпа собирается отбивать плѣнниковъ. Послѣ этого рабочіе забастовали, требуя освобожденія

---

*) Къ сожалѣнію, харьковскій владыка не можетъ послѣдовать совѣту нашего товарища, такъ какъ онъ недавно умеръ. Спѣшимъ отмѣтить, что въ некрологѣ, посвященномъ памяти покойнаго, „Моск. Вѣдомости" подчеркнули его неустанную борьбу съ соціализмомъ и всякими вообще вредными движеніями. Ред.

рабочій соглашается молча терпѣть всякій гнетъ, лишь бы не потерять разомъ работу и кровъ.

Потребительныя лавки, устроенныя Круппомъ, продаютъ только за наличныя деньги и по обычнымъ цѣнамъ. Но ежегодно покупателямъ возвращается 6-7% дивиденда. Выдача дивиденда производится въ декабрѣ; если рабочій разсчитанъ въ теченіе года, онъ теряетъ право на его полученіе. Новая причина молча сносить прижимки мастеровъ.

Но всего лучше „благотворительныя кассы", которыя всячески расхваливались разными проповѣдниками „мира между классами", какъ высшее проявленіе „попеченія" о рабочихъ. Платя въ эти кассы, рабочіе не принимаютъ никакого участія въ управленіи. Пособія выдаются по усмотрѣнію дирекціи; протекція играетъ здѣсь главную роль.

Но на заводѣ имѣются, между прочимъ, и больничныя кассы, учрежденныя на основаніи закона, требующаго, чтобы рабочіе принимали участіе въ ихъ управленіи. Но удивительное дѣло: стоитъ только выбранному въ правленіе рабочему заявить какія-нибудь претензіи на веденіе дѣла, какъ онъ тотчасъ же оказывается „ненужнымъ" на заводѣ и получаетъ разсчетъ, теряя тѣмъ самымъ право быть членомъ кассы. Естественно, что представители рабочихъ хорошо помнятъ объ этой опасности и ведутъ себя, какъ шелковые.

Вѣнецъ „благотворительности" Круппа это — пенсіонная касса. При вступленіи въ нее (а вступленіе обязательно) рабочій платитъ 6 марокъ (3 рубля) и ежегодно вноситъ въ среднемъ около 35 марокъ (17 руб.). Если онъ, проработавъ не менѣе 20 лѣтъ (а при особо-тяжелыхъ работахъ не менѣе 15 лѣтъ), [illegible] окажется совершенно негоднымъ къ труду, и если это засвидѣтельствуютъ два врача, тогда онъ получаетъ пенсію. Но при вычисленіи этого срока не принимаются въ разсчетъ ни годы работы до 18-лѣтняго возраста (хотя съ него все-таки и въ эти годы вычитаютъ въ кассу), ни время болѣзни, если она длилась болѣе 13 недѣль, ни то время, въ теченіе котораго рабочій, будучи полу-инвалидомъ, получалъ пособіе.

Зато если рабочій, платившій въ пенсіонную кассу хотя бы 19½ лѣтъ, будетъ разсчитанъ, какъ „ненужный", онъ лишается всѣхъ правъ на помощь и не получаетъ обратно ни копѣйки изъ того, что внесъ (а иногда этихъ взносовъ накопляется до 1000 марокъ). А между тѣмъ, число увольняемыхъ Круппомъ рабочихъ не мало! Въ послѣдніе два года ежегодно увольнялось 7-8 тыс. чел. И такъ какъ изъ увольняемыхъ очень не мало такихъ, которые проработали по 10 лѣтъ, то нельзя не признать, что пенсіонная касса не безвыгодное дѣло для фирмы Круппъ.

За 1900 годъ въ завѣдываніе кассы поступило 2.250.000 марокъ, а израсходовано 1.108.000. Половина взносовъ рабочихъ остается въ рукахъ завода, а сами вкладчики тысячами выбываютъ, теряя всѣ свои права!

Понятно, что рабочій, который нѣсколько лѣтъ платилъ въ кассу, не станетъ рисковать потерей всѣхъ своихъ надеждъ на пенсію. Всякій ожидаетъ, что за свое терпѣніе и покорность онъ будетъ награжденъ когда-нибудь пенсіей. Но — много званныхъ, мало избранныхъ. Дослуживаются до своего „счастья" немногіе, но за то всѣ почти изъ кожи лѣзутъ, чтобы не потерять право на это „счастье". А для этого: проявляй безпредѣльную покорность, сноси грубое обращеніе, терпи постоянные вычеты изъ заработка. Совсѣмъ недавно съ завода уволенъ рабочій, прослуживавшій у Круппа болѣе 20 лѣтъ, за то, что на кассовомъ собраніи внесъ предложеніе объ измѣненіи устава.

Прибавимъ, что для того, чтобы не проглядѣть среди своихъ рабовъ самаго маленькаго недовольства, Круппъ содержитъ цѣлую армію шпіоновъ изъ числа самихъ рабочихъ. Каждый долженъ быть вѣчно на сторожѣ, чтобы по доносу шпіона не получить разсчета. Каждый таитъ про себя свое мнѣніе, каждый сторонится отъ товарищей и [illegible] такой іезуитской муштровки превращается въ безвольную машину.

При такихъ условіяхъ, когда производимая за счетъ самихъ рабочихъ „благотворительность" держитъ ихъ въ самой надежной кабалѣ, Круппъ можетъ уже не бояться умственнаго развитія своихъ рабочихъ. Читальня, устроенная для рабочихъ Круппомъ, превосходна, выборъ книгъ громадный. Обезпечивъ себя отъ опасности какого бы то ни было протеста, Круппъ заботится объ умственномъ развитіи рабочихъ, зная хорошо, что интеллигентность рабочаго повышаетъ производительность его труда, т. е. доходность затраченнаго на его наемъ капитала.

Такова картина современнаго „фабричнаго феодализма" въ свободной странѣ. Русскій читатель невольно сопоставитъ эту картину со сходными явленіями фабричнаго быта на нашей родинѣ: систему пенсій въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, квартиры для рабочихъ на Брянскомъ заводѣ, у Морозовыхъ и у другихъ тузовъ, тѣ же потребительныя хозяйскія лавки и т. п. Разница лишь та, что безправное по закону положеніе русскаго рабочаго позволяетъ русскимъ Круппамъ не прикрашивать свои „благодѣянія" даже той прозрачной дымкой, которой прикрываютъ ихъ Круппы нѣмецкіе. Голое насиліе и произволъ выступаютъ у насъ откровеннѣе. Но безправіе русскаго народа рано или поздно прекратится. Политическая свобода будетъ завоевана, и тогда — тогда система „благодѣяній" въ рукахъ нашихъ Морозовыхъ послужитъ къ тому, чтобы права, признанныя за рабочими на бумагѣ, [illegible] на дѣлѣ.

Какъ бороться рабамъ современнаго фабричнаго феодализма противъ этого гнета, лишающаго ихъ всякой возможности сопротивленія? Профессіональная организація рабочимъ Круппа недоступна: она убивается въ зародышѣ удаленіемъ всякаго „агитатора". Если другой капиталистъ позволитъ себѣ посягнуть на право рабочихъ организоваться, нѣмецкіе рабочіе отвѣтятъ ему стачкой и принудятъ уважать свое право. У Круппа, благодаря могуществу его капитала и разврату, который сѣетъ его „благотворительность", такой протестъ невозможенъ. Что же дѣлать?

Германскіе рабочіе владѣютъ однимъ правомъ, противъ котораго, въ концѣ концовъ, безсиленъ и Круппъ. Это — всеобщее тайное избирательное право. Тайна голосованія даетъ возможность даже рабочимъ Крупповскихъ заводовъ работать надъ своимъ освобожденіемъ. Лишенный возможности открыто организоваться, рабочій можетъ на выборахъ поддержать кандидата соціалдемократической партіи. Соціалдемократическая рабочая партія, достигнувъ извѣстной силы, съумѣетъ заставить государственную власть вмѣшаться въ „патріархальные" порядки Крупповскаго царства для огражденія законныхъ правъ рабочихъ. Государство, которое въ настоящее время такъ заботливо охраняетъ интересы частной собственности, сможетъ — если захочетъ — обуздать всевластіе современныхъ фабричныхъ феодаловъ. Оно сможетъ взять подъ свой контроль Крупповскія „благотворительныя" кассы и оградить ихъ членовъ отъ самодержавія „хозяина", отъ его обирательствъ, оно можетъ оградить права рабочихъ, какъ съемщиковъ хозяйскихъ квартиръ; оно можетъ воспретить произвольное увольненіе рабочаго за то, что онъ пользуется законнымъ правомъ принадлежать къ какому-либо союзу или партіи.

Но все это государство захочетъ сдѣлать только тогда, когда его къ этому принудитъ рабочій классъ, соціалдемократическая рабочая партія. Пользуясь правомъ голоса на выборахъ, Крупповскіе рабочіе могутъ содѣйствовать усиленію этой партіи.

Гдѣ экономическая борьба обречена на неудачу, тамъ приходится прибѣгать къ борьбѣ политической. Завоевывая себѣ вліяніе на государство, рабочій классъ можетъ освободить отъ крѣпостного гнета рабовъ г. Круппа. Завоевавъ окончательно это государство, онъ сможетъ устранить Круппа отъ того колоссальнаго промышленнаго механизма, въ которомъ онъ является пятой спицей въ колесницѣ, и тѣмъ самымъ сдѣлать работу этого механизма источникомъ благосостоянія и свободнаго развитія для его теперешнихъ жертвъ.

арестованныхъ и введенія 12 час. раб. дня. 30 октября изъ Вильны отправлена въ Сморгонь вторая сотня казаковъ. Польской соціалдемократіей выпущена прокламація къ стачечникамъ.

Одесса. Въ „Вѣд. Одес. Градоначальства" былъ напечатанъ приказъ одесскаго градоначальника объ арестованіи (на основаніи положенія объ охранѣ) нѣсколькихъ рабочихъ-заготовщиковъ за то, что они силой не давали рабочимъ идти на работу. На дѣлѣ никто изъ арестованныхъ не работалъ въ той мастерской, въ которой была стачка, но завѣдующій мастерской Турьянскій, подкупивъ предварительно полицію, оговорилъ первыхъ попавшихся и далъ ложное показаніе, будто они работали въ его мастерской и избили Менделя Вейцмана и Бронштейна. Конечно, пострадавшіе отъ побоевъ могли обратиться въ судъ, но, вѣдь, обвиняемые могли бы оправдаться тѣмъ, что Вейцманъ (здоровенный парень) первый затѣялъ драку, да, кромѣ того, поди устанавливай на судѣ, кто былъ въ толпѣ. Куда проще обратиться „къ усиленной охранѣ"! Тяжело за невинно-страдающихъ отъ полицейскаго произвола, но гг. Турьянскіе и Вейцманы и съ ними и полиція роютъ себѣ сами яму. При такомъ способѣ дѣйствій трудно удержать массу отъ насильственныхъ поступковъ, отъ самозащиты и мести. Пока удается внушить массѣ спокойствіе, она, пожалуй, станетъ расправляться съ провокаторами по свойски. Мендель Вейцманъ — типичный штрейкбрехеръ (такъ въ Германіи называютъ тѣхъ, кто измѣняетъ стачкѣ), уже давно ненавидимый рабочими и безконечно дорогой для хозяевъ. Не довольствуясь тѣмъ, что мѣшаетъ стачкѣ заготовщиковъ, онъ недавно избилъ безъ всякаго повода двухъ стачечниковъ, что и вызвало его собственное избіеніе толпой. Изъ арестованныхъ по доносу этого негодяя трое семейныхъ, семьи ихъ обречены на голоданіе.

Въ послѣднее время здѣсь стали практиковаться рабочими демонстраціи при похоронахъ товарищей, умершихъ отъ непосильной работы. Въ августѣ и сентябрѣ было три случая такихъ демонстрацій, которыя оказываютъ хорошее вліяніе на раб. массу.

Кишиневъ. Въ апрѣлѣ н. г. арестованъ былъ здѣсь рецидивистъ Яневичъ за пропаганду среди рабочихъ. Держатъ его еще до сихъ поръ. Потомъ жандармы успокоились на все лѣто. Въ концѣ августа мѣсяца произошелъ рядъ стачекъ. Первыми забастовали переплетчики въ 8 мастерскихъ, въ количествѣ 26 чел. взрослыхъ рабочихъ и 14 мальчиковъ. Они выставили требованіе о сокращеніи рабочаго дня до установленной закономъ нормы (раньше они работали по 16-18 час. въ сутки) и о повышеніи заработной платы. Описывать всѣ перепетіи этой стачки, продолжавшейся семь недѣль, не стоитъ: слишкомъ извѣстны уже всѣ пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ хозяева и ихъ вѣрные защитники — жандармы и полиція. Были тутъ и доносы, было и застращиваніе рабочихъ, были и аресты нѣсколькихъ рабочихъ (ихъ, впрочемъ, черезъ двѣ недѣли выпустили), но... рабочіе стойко держались и требовали своего. Тогда одинъ изъ крупныхъ хозяевъ, Идельманъ, у котораго, кстати сказать, хуже всего живется рабочимъ, привезъ изъ маленькихъ окрестныхъ мѣстечекъ рабочихъ. „Лучше говорилъ Идельманъ, переплачу другимъ, чѣмъ уступлю этой дряни". Вновь привезенныхъ рабочихъ къ стачкѣ склонить не удалось. Тогда рабочіе частью сдались, а частью разъѣхались. Не ожидая окончанія стачки переплетчиковъ, забастовали и шорники, условія работы которыхъ были ужасны: они работали съ 5 час. утра до 12 час. ночи, а иногда и цѣлыя ночи на пролетъ, получая за это жалкую плату отъ 12 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдъ за шорниками, забастовали и токари (26 чел., стачка продолжалась 4 недѣли). Какъ тѣ, такъ и другіе добились удовлетворенія требованій (тѣ же, что и у переплетчиковъ).

Интересна попытка хозяевъ-токарей составить товарищество для совмѣстной работы, съ цѣлью обойтись безъ рабочихъ. Попытка эта, какъ и слѣдовало ожидать, не увѣнчалась успѣхомъ, и хозяева, перессорившись, уступили своимъ рабочимъ. Хозяева же шорники, уступивъ рабочимъ, попытались было ввести поштучную плату, и, такимъ образомъ, удлинивъ рабочій день, свести стачку на нѣтъ, но рабочіе вновь забастовали, и черезъ два дня хозяева окончательно сдались. Такова исторія здѣшнихъ стачекъ. Весной этого года была здѣсь еще крупная стачка булочниковъ. Забастовали они въ количествѣ 200 человѣкъ во всѣхъ имѣющихся здѣсь мастерскихъ. Требованія ихъ сводились все къ тому же: сокращеніе рабочаго дня до 12 час., повышеніе заработной платы, лучшія помѣщенія. Стачка длилась всего три дня и окончилась частичной побѣдой булочниковъ. Въ теченіе этихъ трехъ дней нѣкоторыхъ рабочихъ заманивали подъ видомъ обѣщанія работы въ полицію и арестовывали ихъ, а полицмейстеръ, который во время стачки обѣщалъ рабочимъ позаботиться о нихъ, послѣ стачки перемѣнилъ фронтъ и ругалъ рабочихъ площадной бранью.

Стачка въ Якутской области. Забастовало на Ленской системѣ 1700 чел., стачка длилась со 2 по 9 января, на Бодойбинѣ 800 чел. съ 9 по 16 января. Ленскія требованія: 1) выдача ежемѣсячно $^{2}/_{3}$ выписки деньгами и $^{1}/_{3}$ припасами (выиграно: раньше выдавали 5 руб., послѣ стачки — не меньше 8 руб.); 2) разрѣшеніе свободной торговли хлѣбомъ, мясомъ, рыбой, овощами (выиграно частью: рыбой, овощами, молокомъ — добились, хлѣбомъ не разрѣшили, а мясомъ, смотря по запасамъ мяса); 3) смѣна завѣдующаго полицейской частью казачьяго урядника Селиванова и замѣны нѣкоторыхъ служащихъ другими (выиграно: Селиванова перевели, избрана коммисія изъ трехъ рабочихъ посредниковъ; эти выборные-рабочіе получаютъ жалованье за время работы); 4) устраненіе неправильностей въ подсчетѣ заработка (обѣщано быстро провѣрять претензію); 5) никого изъ рабочихъ не разсчитывать (обѣщано).

Петиція Бодойбинской команды въ Управленіе Бодойбинской золотопромышленной компаніи: „Команда Бодойбинской компаніи уполномачиваетъ изъ своей среды депутатовъ для доклада о нижеслѣдующемъ: 1) подсчеты за забойную работу въ ортахъ весьма обидны не смотря на подаваемую выработку въ просѣчкахъ отъ 10 до 12 верстъ, а въ [illegible] до 16 верстъ. Въ общей сложности пріемъ работы производится очень недобросовѣстно и слишкомъ обидно, а также не принятъ въ разсчетъ грунтъ забоевъ, не прибавляется плата за скалистыя и мокрыя работы. Команда, кромѣ того, проситъ правленіе выдавать на отрядныя работы книжки для выработки забойной работы, въ каковыхъ бы записывалась выработка забойной работы смотрителями отъ съ приложеніемъ именного штемпеля: выработка такая же, какъ и въ журналѣ. Если же правленіе не желаетъ продолжать выработку отрядными работами, то команда проситъ подсчета окладнымъ хозяйскимъ жалованьемъ.

„2) Уволить совсѣмъ отъ должности помощника инженера Оправеднева за слишкомъ пристрастную его службу, ибо всѣ его распоряженія на столько чувствительны у всякаго рабочаго въ горбу, что мы не въ силахъ дальше выносить ни его присутствія, ни его распоряженій по работѣ, а потому просимъ замѣнить его мѣсто другимъ лицомъ. Еще просимъ смѣнить фельдшера Ивана У. и замѣнить его другимъ лицомъ. Причина — его страшно грубое обращеніе съ больными рабочими. Грубость его настолько велика, что даже обращающихся къ нему больныхъ онъ обноситъ матерными словами. Просимъ смѣнить И. Коташевцева и Р. Александрова. Еще проситъ команда окончательно смѣнить старосту Верхне-станской артельной кухни за всѣ его неправильныя выдачи съѣстныхъ припасовъ командѣ. Команда желаетъ совмѣстно съ правленіемъ избрать изъ своей среды старосту.

„3) Команда проситъ правленіе удешевить по возможности цѣны на съѣстные продукты и товары и при томъ при выпискѣ на книжку выдавать часть деньгами и часть — провіантнымъ продуктомъ.

„4) Команда проситъ правленіе безъ уважительныхъ причинъ, безъ согласія на то каждаго рабочаго безвременно не увольнять."

Весьма отраднымъ фактомъ представляется это спокойное и достойное отстаиваніе своихъ интересовъ со стороны самыхъ отверженныхъ слоевъ русскаго пролетаріата. Напомнимъ, что это уже второй случай организованной стачки рабочихъ на золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири (первый былъ въ 1900 г.)

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мѣстная соціалдемократическая агитація продолжаетъ развиваться во всѣхъ концахъ Россіи, захватывая новые и новые слои рабочаго класса. Возникаютъ новыя с.-д. группы, проявляющія дѣятельность въ листкахъ, обращенныхъ къ рабочимъ массамъ. Такъ, во время майской агитаціи появилась впервые прокламація къ рабочимъ въ **Перми** (кстати сказать, опредѣленно-политическаго направленія). Впервые въ этомъ году появились мѣстныя соціалдемократическія прокламаціи въ **Воронежѣ, Курскѣ, Пензѣ, Полтавѣ, Кишиневѣ, въ Сибири.** Въ **Нижнемъ-Новгородѣ** мѣстная группа приняла названіе Комитета Партіи и издала недавно новое воззваніе къ ремесленникамъ. Лѣтомъ издана прокламація отъ имени **Костромской** с.-д. группы, обращенная ко всѣмъ пострадавшимъ рабочимъ. Въ **Ригѣ** возникла „русская с.-д. группа", впервые начавшая широкую агитацію среди многочисленныхъ здѣсь русскихъ рабочихъ. Въ прокламаціи, изданной этой группой, русскіе рабочіе призываются къ политической борьбѣ и къ соединенію съ рабочими другихъ національностей, обитающихъ Россію. **Саратовская** группа выпустила №№ 6 и 7 своей „Рабочей Газеты". Въ **Кременчугѣ** образовался „Комитетъ партіи", издавшій воззваніе ко всѣмъ мѣстнымъ рабочимъ. Изъ старыхъ особенно правильную агитаціонную дѣятельность ведетъ **Кіевскій** комитетъ. Какъ можно судить по двумъ десяткамъ листковъ, имѣющимся у насъ и вышедшимъ за пять мѣсяцевъ (іюнь-октябрь), агитація эта распространилась на самыя разнообразныя профессіи. Здѣсь и булочники, и обойщики, и рабочіе спиртоочистительныхъ заводовъ, и кровельщики, и мебельщики, и машиностроительные рабочіе, и портные, и служащіе въ гостинницѣ „Грандъ-Отель", къ которымъ Комитетъ выпустилъ прокламацію 18 октября.

Столько же энергична агитаціонная дѣятельность **Тифлисскаго** комитета, которому приходится вести трудное дѣло агитаціи среди разноплеменнаго рабочаго населенія. Изъ присланнаго намъ комитетомъ сообщенія заимствуемъ слѣдующія данныя о размѣрахъ этой агитаціонной дѣятельности. Съ января по октябрь комитетомъ издано 16 прокламацій въ 19800 экз., изъ нихъ 7 на русскомъ, 8 на грузинскомъ и 1 на армянскомъ языкахъ. Одна изъ послѣднихъ прокламацій комитета обращена къ солдатамъ и издана по поводу маневровъ. Всѣ изданія — печатныя.

Другая прокламація по поводу милитаризма распространена недавно центральнымъ комитетомъ „**Бунда**" (на еврейскомъ яз.) къ евреямъ-новобранцамъ. Въ **Лодзи** вышелъ № 1-й еврейской газеты „Колоколъ свободы" органъ мѣстнаго комитета „Бунда".

Петербургскій комитетъ продолжаетъ изданіе листковъ на политическія темы (о фабричныхъ законахъ, о свободѣ печати и проч.). Въ **Одесскомъ** комитетѣ партіи произошелъ расколъ: выдѣлилась изъ него „южная революціонная группа соціалдемократовъ", которая особымъ воззваніемъ сообщаетъ о мотивахъ своего рѣшенія работать отдѣльно отъ комитета. На сколько можно судить изъ этого воззванія, которое мы надѣемся помѣстить въ слѣдующемъ №, главной причиной раскола является различное отношеніе къ вопросу о политической борьбѣ: одесскій комитетъ, исходя изъ представленія, что „русскій царизмъ, какъ и всякое правительство, есть не болѣе, какъ равнодѣйствующая силъ, существующихъ въ обществѣ", считаетъ нашъ царизмъ простымъ политическимъ выраженіемъ интересовъ имущихъ классовъ. Напротивъ, новая группа (и мы съ ней въ этомъ вполнѣ согласны) полагаетъ, что царизмъ является врагомъ рабочаго класса не только какъ защитникъ интересовъ буржуазіи, но и какъ режимъ, опирающійся на господство бюрократіи надъ всѣми вообще гражданами. Поэтому приписываемый новой группой одесскому комитету тотъ взглядъ, что „возможно добиться при абсолютизмѣ расширенія политическихъ правъ рабочихъ", возвращающій насъ къ самому крайнему „экономизму", дѣлаетъ безусловно невозможной совмѣстную работу для тѣхъ, кто считаетъ низверженіе абсолютизма первымъ условіемъ нормальнаго развитія рабочаго класса и сколько-нибудь существеннаго улучшенія положенія пролетаріата. Было бы желательно, чтобы одесскій комитетъ, съ своей стороны, систематически изложилъ свои принципіальные взгляды. Открытая полемика по программнымъ вопросамъ — лучшее средство достиженія прочнаго объединенія, которое должно покоиться на общности программы и тактики.

Въ центральномъ районѣ основанъ „Сѣверно-русскій рабочій союзъ", въ который, какъ мы слышали, вошелъ и Ив.-Вознесенскій комитетъ партіи. Волжскія соц.-дем. группы также объединились въ „Приволжскій с.-д. союзъ".

Въ **Сибири** образовался „соціалдемократическій союзъ", объявляющій о своемъ возникновеніи особымъ воззваніемъ, напечатаннымъ въ собственной типографіи. Какъ указывается въ воззваніи, въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Сибири возникли организаціи, ставящія себѣ цѣлью революціонную пропаганду среди рабочихъ. Эта пропаганда ведется весьма успѣшно, но разрозненно; задачей сибирскаго союза является объединить усилія отдѣльныхъ мѣстныхъ группъ и расширить рамки ихъ дѣятельности. Въ этихъ видахъ Союзъ, между прочимъ, предполагаетъ издавать періодическій органъ „Сибирскій рабочій".

Образованіе Сибирскаго союза показываетъ, что и среди дѣятелей еще молодого сибирскаго движенія назрѣла потребность раздвинуть рамки агитаціонно-организаторской дѣятельности за предѣлы мѣстной „кустарной" работы. Эта потребность, судя по получаемымъ нами свѣдѣніямъ, начинаетъ теперь сознаваться въ самыхъ широкихъ кругахъ партіи. Можно только радоваться этому явленію, какъ показателю того, что пѣсенка стараго „экономизма", воспитавшагося на преувеличенномъ почитаніи „мѣстной" дѣятельности, уже спѣта.

Привѣтствуя, поэтому, объединеніе сибирскихъ соц.-д. группъ, мы считаемъ, однако, нужнымъ замѣтить, что полезный результатъ этого объединенія могъ бы быть значительно парализованъ стремленіемъ объединившихся группъ обособиться отъ общерусскаго движенія въ какую-то самодовлѣющую силу. Дѣлаемъ это замѣчаніе потому, что въ воззваніи Союза говорится: „Когда въ Россіи окончательно сформируется соц.-дем. партія, Союзъ войдетъ съ ней въ возможно тѣсное соприкосновеніе". Почему же не просто вступитъ въ нее, какъ одна изъ составныхъ частей? Общеклассовые интересы русскаго и сибирскаго пролетаріата одинаковы; одинаковы и ближайшія политическія задачи того и другого, — мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ особыхъ политическихъ задачъ сибирскаго пролетаріата, да и Союзъ въ своей майской прокламаціи ихъ формулировалъ не иначе, какъ формулируются политическія задачи русскихъ рабочихъ. Чѣмъ же объяснить въ такомъ случаѣ желаніе Союза сохранить свое отдѣльное существованіе на ряду съ Россійской партіей?

Съ другой стороны, почему Союзъ говоритъ объ „окончательномъ сформированіи" россійской партіи, какъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ самъ какъ бы не намѣренъ принимать участіе? Общерусская рабочая партія сформируется только въ результатѣ параллельныхъ усилій всѣхъ отдѣльныхъ соціалдемократическихъ организацій, и въ этой общерусской партіи найдутъ себѣ мѣсто и сибирскія группы. И только такая окончательно сформированная общерусская партія позволитъ нашему движенію безповоротно выйти изъ стадіи младенчества и избавитъ его отъ риска промѣнять пережитую уже узость мѣстной обособленности и кустарничества на столь же нежелательную узость обособленности **областной**.

Съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія мы смотримъ и на новыя попытки основанія новыхъ „областныхъ" органовъ. Какъ показатель недовольства прежнимъ типомъ „мѣстныхъ", по большей части, узко-экономическихъ листковъ и газетъ, эти попытки знаменуютъ ростъ политическаго движенія. Но онѣ рискуютъ задержать дальнѣйшее развитіе движенія на сравнительно низкомъ уровнѣ, если, поглощая главныя силы новыхъ слагающихся организацій, ослабятъ ихъ интересъ къ активному содѣйствію правильной постановкѣ общепартійной политической печати. Послѣдняя можетъ стать тѣмъ, чѣмъ она должна быть — важнымъ средствомъ общеполитической борьбы организованнаго пролетаріата — только въ томъ случаѣ, если въ ея изданіи и распространеніи примутъ участіе соединенныя силы всѣхъ районовъ.

„**Группой саратовскихъ рабочихъ**" намъ прислано обстоятельное письмо въ отвѣтъ на замѣтку въ № 7 о помѣщенномъ въ мѣстной „Рабочей Газетѣ" заявленіи саратовскихъ рабочихъ. Объясняя, почему саратовскіе рабочіе не хотѣли принять опубликованнаго впослѣдствіи протеста противъ тактики петербургскаго „Союза борьбы", авторы заявленія приводили мотивы, съ которыми мы не могли согласиться и по поводу которыхъ мы выразили свое удивленіе. Въ теперешнемъ своемъ письмѣ саратовцы заявляютъ, что они продолжаютъ считать, что поступили бы „мальчишески", если бы согласились заняться критикой дѣйствій петербургскаго комитета. Въ свою очередь, мы остаемся при своемъ мнѣніи, что эта скромность неумѣстна и вредна. Единой рабочей партіи у насъ не сложится до тѣхъ поръ, пока всѣ группы и кружки не будутъ стремиться принимать активное участіе въ партійной жизни. А въ это участіе входитъ, между прочимъ, и обсужденіе тактическихъ пріемовъ дѣятельности той или другой организаціи.

Далѣе, авторы письма очень обстоятельно сообщаютъ исторію злополучнаго „отвѣта Союзу борьбы". Изъ этого разсказа ясно, что этотъ „отвѣтъ" былъ принятъ всего двумя пятыми участниковъ собранія. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ, что тѣ, кто опубликовали „отвѣтъ", какъ „мнѣніе саратовскихъ рабочихъ", поступили неправильно. Но столь же неправильно поступили и сами саратовскіе рабочіе, когда заявляли въ „Раб. Газетѣ": „Саратовскіе рабочіе тутъ совершенно не при чемъ. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ отвѣтѣ". Оказалось, что участвовало и подписалось подъ отвѣтомъ меньшинство. Правда, авторы письма далѣе говорятъ, что это меньшинство состояло изъ не вполнѣ сознательныхъ людей, но такъ какъ, по ихъ же словамъ, такой же упрекъ дѣлаетъ имъ противная сторона, то ясно, что мы не можемъ вдаваться въ разборъ этихъ пререканій.

Намъ кажется, что изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать одинъ только выводъ: товарищи, заинтересованные въ огражденіи газеты отъ шаговъ, которые имъ кажутся неправильными, должны были бы своевременно списаться съ редакціей и сообщать ей тѣ (не для печати предназначенныя) свѣдѣнія, которыя позволили бы намъ судить о дѣлѣ съ большей освѣдомленностью. Пока этого нѣтъ, мы обязаны считаться съ печатными документами и только съ ними. Надѣемся, что саратовцы признаютъ справедливость нашихъ словъ и что полученное нами письмо послужитъ первымъ шагомъ къ болѣе тѣсному сближенію между нами.

Въ заключеніе письма, „группа" касается еще эпизода съ рабочимъ Трусовымъ, о которомъ у насъ (въ № 7) было сообщено, что онъ выступилъ передъ сѣрыми рабочими въ роли „попа увѣщевателя". Группа высказываетъ по этому поводу, что нелегальный органъ долженъ сообщать только „безусловно достовѣрные факты, потому что этимъ фактамъ... приходится безусловно вѣрить въ виду невозможности провѣрить ихъ на мѣстѣ". Но если на мѣстѣ нельзя провѣрить факта, то какъ же это сдѣлать намъ? Мы думаемъ, что при условіи нелегальной дѣятельности такихъ средствъ нѣтъ, и отъ насъ можно лишь требовать, чтобы мы щекотливыя извѣстія принимали только отъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія. Такъ было и въ этомъ случаѣ: замѣтку о Трусовѣ прислало то самое лицо, которое насъ связало съ „Рабочей Газетой" и которому вполнѣ довѣряемъ какъ мы, такъ и послѣдняя. Но если бы и при такихъ условіяхъ вышли ошибки, то заинтересованнымъ въ раскрытіи истины остается пріискать фактическое опроверженіе. Такого опроверженія авторы письма не даютъ. Заявляя, что „осуждаютъ помѣщеніе въ № 7 „Искры" письма о рабочемъ Трусовѣ", они прибавляютъ: „фактъ этотъ даже здѣсь, на мѣстѣ, недостаточно провѣренъ и изъ имѣющихся на лицо данныхъ можно заключить развѣ только о неопытности Трусова, но нельзя обвинять въ чемъ-либо, противномъ общественной совѣсти. А, между тѣмъ, „Искра", не провѣривъ факта, помѣщаетъ, можно сказать, смертный приговоръ (!) рабочему, зарекомендовавшему себя съ хорошей стороны". Такъ какъ саратовскіе товарищи не поясняютъ, какія изъ сообщенныхъ въ нашей замѣткѣ подробностей фактически невѣрны или сомнительны, то ихъ опроверженіе остается бездоказательнымъ. Поэтому, ихъ „осужденія" мы не можемъ принять ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ нашему корреспонденту.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Существуетъ въ Петербургѣ литераторъ Петръ Эммануиловичъ **Панкратьевъ**, сотрудникъ „Права", „Сѣв. Курьера", „Петерб. Вѣд.", „Жизни" и другихъ органовъ и бывшій членъ В.-Э. Общ. Оказывается, что, сверхъ того, онъ еще является членомъ... департамента полиціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій перехваченный кое-кѣмъ подлинный документъ:

„Его Высокородію, г. Начальнику отдѣленія по
охраненію общественной безопасности и порядка.
Агента 1-ой степени Петра Эммануиловича
Панкратьева

РАПОРТЪ:

„Симъ честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Высокородія, что согласно распоряженію Начальника Деп. Полиціи, я прибылъ 10 іюня въ Одессу. П. Панкратьевъ".

Просятъ пропечатать провокатора рабочаго Соркина въ СПБ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ Семенова, и его шпіонской дѣятельности обязаны своимъ арестомъ многіе, взятые въ апрѣлѣ. Намъ извѣстно, что Соркинъ сыгралъ роль провокатора еще въ первомъ дѣлѣ „Рабочаго Знамени" лѣтомъ 1898 г. (дѣло Арона Лурье, Розма и другихъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Южнымъ отдѣломъ „Искры" получено:

За іюль: отъ путешественника 100 р., отъ него же 170 р., отъ инженера 300 руб., изъ Х-ва отъ молодежи 37 руб. 50 коп., отъ читателей 13 руб. 50 к. Всего 621 руб.

За августъ и сентябрь: отъ NN 16 р., отъ марксистки 100 р., отъ профессора 50 р., за З. и С. 15 р., отъ сочувствующей 5 р. 50 к., отъ читательницы 3 р., за чтеніе черезъ В. 6 р. 75 к., отъ читателей изъ Х. 20 р., изъ Кіева за литературу 10 р., отъ доктора 5 р., собрано 6 р. 50 к., отъ С. за „Искру" 5 р. Всего 242 р. 75 к.

Кіевскимъ представителемъ получено: изъ СПБ. 50 р., кредитный билетъ сер. АВ № 39315 и 10 р., отъ Кіевскаго Комитета на изд. „Искры" 50 р. и за литературу 135 р.; собранные „геніемъ Детерра" 100 р., за чтеніе 5 р. Всего 350 р.

Л. Л. получено: изъ А. 240 р., изъ Волжской столицы 90 р., всего 330 р.

Московскимъ представителемъ получено: отъ „Провинціалки" 30 р.

Черезъ Кольцова получено: 10 фр. отъ Гамма, 15 фр. собранныхъ имъ же, 5 фр. 75 с. за литературу, 330 фр. переданы револ. организаціей „Соціалдемократъ". — Изъ С. получено 38 р., оттуда же 50 р., отъ скептика получено 37 р. 50 к., изъ Сибири 144 р. остатокъ отъ мартовскихъ сборовъ; изъ Ф. 100 мар.; черезъ редакцію „Зари": изъ О. 25 р., отъ „Харьковца" 93 руб.

Черезъ Г. Плеханова 292 фр.

Черезъ Б—скую группу поступило: отъ Злаго 11 р. 82 к., отъ студента Востока 20 р., изъ тайги 28 р., съ вечеринки и сбора гимназистки 21 р. 18 к. Всего 82 р. Кромѣ того, поступило на покупку библіотеки 30 р., 20 р. и 15 р. Итого 65 р. За литературу (прод. въ Томскѣ, кромѣ сбора) 9 р. 50 к.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“ —
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 12 — 6-го ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА. — № 12

ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

> И вотъ на площади соборной
> Въ столицѣ русскаго царя
> „Земли и Воли“ флагъ народный
> Взвился шестого декабря.
>
> Изъ революціонной пѣсни того времени „Красное Знамя“.

6-го декабря минетъ 25 лѣтъ со времени первой соціально-революціонной демонстраціи въ Россіи — демонстраціи на Казанской площади въ Петербургѣ 6 декабря 1876 г. Первая попытка открытаго народнаго протеста разыгралась на той площади, которая до сихъ поръ служитъ какъ бы общепризнаннымъ революціоннымъ сборнымъ пунктомъ столицы.

Казанская демонстрація 1876 г. произошла въ моментъ перелома въ направленіи дѣятельности революціонеровъ того времени. Въ 1874 г. разгромлены были пропагандисты, ушедшіе „въ народъ“, въ деревню, чтобы поднимать крестьянство. Тысячи людей заполнили тюрьмы и казематы, и въ ожиданіи грандіознаго процесса 193-хъ (1877-1878 гг.) происходили одинъ за другимъ процессы пропагандистовъ отдѣльныхъ кружковъ. Массовое движеніе революціонеровъ въ деревню было подорвано въ корнѣ; если еще то тамъ, то симъ устраивались „поселенія“ революціонеровъ и велась болѣе или менѣе успѣшная пропаганда, то, во всякомъ случаѣ, прежняго беззавѣтнаго увлеченія этимъ движеніемъ въ массѣ революціонеровъ уже не было. Остатки разбитыхъ кружковъ собрались въ крупныхъ городскихъ центрахъ, въ той лабораторіи, гдѣ непрерывно продолжался процессъ воспитанія новыхъ и новыхъ революціонеровъ. Политическое недовольство толкало въ ряды революціонной партіи лучшіе элементы учащейся молодежи, а рядомъ съ ней уже формировались отряды привлеченныхъ пропагандой рабочихъ. Оправившись отъ понесенныхъ жестокихъ ударовъ, революціонеры, обогащенные опытомъ послѣднихъ лѣтъ, снова организовались, готовясь къ новому походу. Только теперь сила событій — вопреки теоріи — перемѣстила главное мѣсто войны изъ деревни въ городъ. И въ городѣ же разыгралась первая попытка примѣненія новой „бунтарской“ тактики, разсчитанной на революціонное воспитаніе народныхъ массъ при помощи всякаго рода открытыхъ протестовъ.

Зимой 1876 г. петербургскіе рабочіе кружки захотѣли выйти изъ тѣсныхъ рамокъ подпольной кружковщины и тѣмъ сообщить сильный толчокъ дальнѣйшему развитію соціалистическаго дѣла. Интеллигенты-бунтари сильно упирались, не желая растрачивать свои силы на работу въ городѣ: по ихъ тогдашнимъ взглядамъ „бунтарское“ дѣло должно было начаться въ деревнѣ. Но рабочіе настояли на своемъ, и было рѣшено устроить демонстрацію на площади передъ Казанскимъ соборомъ во имя „Земли и Воли“.

Демонстрація вышла менѣе внушительной, чѣмъ предполагали ея устроители. Рабочіе явились, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ на то разсчитывали. Явилась и учащаяся молодежь. Однимъ изъ „бунтарей“, Г. В. Плехановымъ, была произнесена рѣчь, было развернуто красное знамя... Послѣ этого произошло нападеніе полиціи на безоружную толпу, жестокая схватка и множество арестовъ.

Затѣмъ послѣдовалъ процессъ. На первую революціонную демонстрацію правительство отвѣтило суровымъ, до тѣхъ поръ небывалымъ приговоромъ. Пятеро изъ демонстрантовъ — Гервасій, Боголюбовъ, Бочаровъ, Чернявскій и Бибергаль — были приговорены къ каторжнымъ работамъ (на 15 лѣтъ!), десять другихъ — на поселеніе въ Сибирь.

За Казанской демонстраціей послѣдовало еще нѣсколько открытыхъ протестовъ. Демонстраціи устраивала, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь, но и рабочіе принимали въ нихъ участіе.

Но революціонное движеніе не удержалось на пути открытыхъ массовыхъ протестовъ. Революціонныя силы были еще слишкомъ незначительны, чтобы заставить правительство отказаться отъ всѣхъ тѣхъ средствъ подавленія „бунтовъ“, которыми оно владѣетъ. Драконовскіе приговоры противъ революціонеровъ и пассивное отношеніе широкихъ народныхъ слоевъ къ открытымъ протестамъ заставили тогдашнихъ революціонеровъ отказаться отъ этого пути. Революціонная борьба пала всецѣло на плечи организованнаго передового отряда движенія, и эта борьба была поведена самыми отчаянными средствами. Настала пора террора, истощившаго въ неравной борьбѣ организованныя революціонныя силы. А на смѣну ей пришла пора полнаго затишья.

Вмѣстѣ съ новымъ широкимъ размахомъ революціоннаго движенія недовольные общественные элементы вновь почувствовали потребность вылить свой протестъ въ формѣ уличной демонстраціи. Не прошло и года послѣ знаменитой петербургской стачки, какъ 4 марта 1897 г. Казанская площадь снова увидѣла демонстрантовъ, протестовавшихъ противъ правительственнаго произвола, замучившаго въ тюрьмѣ Марію Вѣтрову.

Демонстрація эта, произведшая громадное впечатлѣніе повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенціей. Рабочія организаціи считали себя еще слишкомъ слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочія массы. Но что послѣднія не отнеслись равнодушно къ протесту учащейся молодежи, — это видно изъ того, напр., факта, что въ Кіевѣ власти приняли рядъ энергическихъ мѣръ, чтобы помѣшать рабочимъ идти на подобную же демонстрацію, устроенную мѣстными студентами вслѣдъ за петербургскими.

Студенты и студентки, участвовавшіе въ „Вѣтровской“ демонстраціи, пострадали очень легко. Правительство Николая II еще не сочло возможнымъ бросить вызовъ солидному „обществу“, стоявшему рѣшительно на сторонѣ протестовавшихъ. Съ тѣмъ большей поспѣшностью оно бросилось наказывать невольную попустительницу столькихъ „безпорядковъ“ — соборную площадь. Градоначальникъ внесъ въ думу „предложеніе“ (читай — приказъ) разбить на революціонной площади садъ, который, правда, долженъ былъ исказить своеобразную красоту этой площади (самодержавію не нужны широкія перспективы!), но за то, предполагалось, насажденныя мощной рукой помпадура Клейгельса деревья затруднятъ движеніе будущихъ демонстрантовъ.

Но — гнилыя деревья реакціи ростутъ медленнѣе, чѣмъ молодые побѣги революціоннаго движенія. Прошло ровно четыре года, и 4-го марта 1901 г. многія тысячи демонстрантовъ явились на Казанскую площадь протестовать передъ заранѣе собраннымъ царевымъ воинствомъ противъ новаго проявленія произвола. И въ этотъ разъ главную массу демонстрантовъ составляла интеллигенція, среди которой терялись кучки рабочихъ. Но уже за этимъ протестомъ „общества“ явственно слышался шумъ приближающихся „рабочихъ батальоновъ“, и въ то время, какъ на Казанской площади готовилась Клейгельсомъ бойня, на окраинахъ города принимались „предупредительныя мѣры“ противъ могущихъ явиться пролетаріевъ.

На этотъ разъ Казанская площадь увидѣла ужасное побоище. Расправа 4-го марта превзошла по своей хладнокровной жестокости и гнусности все доселѣ проявленное царскими башибузуками. И точно также небывалой по количеству жертвъ была послѣдовавшая затѣмъ кара, постигшая — въ видѣ высылки или ареста — сотни людей. — Интересная подробность: въ числѣ высланныхъ за демонстрацію учащихся находилась курсистка Бибергаль, дочь того самаго Бибергаля, который 25 лѣтъ тому назадъ былъ сосланъ на каторгу за участіе въ Казанской демонстраціи 6-го декабря. Такъ, второе поколѣніе протестующихъ проходитъ уже мимо могучихъ колоннъ Казанскаго собора... Суждено ли этому поколѣнію сдѣлать то, чего не могли сдѣлать его отцы?

Демонстрація 4-го марта, благодаря стараніямъ башибузуковъ Клейгельса, вызвала новый рядъ протестовъ по всей Россіи. Эта волна разлилась по всей странѣ вплоть до Сибири и Кавказа, и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ наполняла революціоннымъ шумомъ ея сонную жизнь. Прошло два мѣсяца, и по улицамъ Петербурга и Тифлиса рабочіе показали Россіи, какъ они умѣютъ умирать за свободу.

Предстоитъ-ли нынѣшнему демонстраціонному движенію истощить свои силы такъ, какъ это было 25 лѣтъ тому назадъ и уступить мѣсто единоличной борьбѣ организованныхъ революціонеровъ? Мы увѣрены, что нѣтъ. Мы увѣрены, что тысячи передовыхъ рабочихъ и студенческой молодежи поддержатъ это движеніе и съумѣютъ не дать ему угаснуть до тѣхъ поръ, пока его подхватятъ десятки и сотни тысячъ. А втянувъ въ себя народныя массы, это движеніе станетъ непобѣдимымъ, оно станетъ непосредственнымъ прологомъ революціи.

„Земля и Воля“ — писали на своемъ знамени демонстранты 6-го декабря 1876 г. При всей туманности этого девиза на него откликнулись и революціонная молодежь, и сознательные рабочіе: революціонное чувство недовольства побуждало протестовать независимо отъ того, насколько выставленный девизъ выражалъ положительныя стремленія пролетаріата.

„Долой временныя правила!“ — таковъ былъ девизъ демонстраціи 4-го марта 1901 г. Мѣсто широкой, но нѣсколько туманной формулы 70-хъ годовъ заняло узкое, „практическое“ требованіе, которое столь же мало, какъ и былая туманная формула, могло выразить дѣйствительныя стремленія всѣхъ протестующихъ и тѣхъ, кто готовится ихъ поддержать.

Русскимъ соціалдемократамъ предстоитъ теперь усиленно работать надъ тѣмъ, чтобы начавшееся вновь демонстраціонное движеніе принимало все болѣе массовый, народный характеръ. Но роль наша не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы „втянуть“ рабочую массу въ противуправительственное движеніе, начатое тѣми или другими угнетенными царизмомъ группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сдѣлали не болѣе того, что дѣлали при подобныхъ условіяхъ въ З. Европѣ буржуазно-демократическія партіи. Намъ предстоитъ сдѣлать нѣчто гораздо большее. Рабочія массы должны не только придать демонстраціямъ физическую силу численности и нравственную силу народности, — нѣтъ, онѣ должны усилить революціонный характеръ самого движенія, должны положительно выразить въ немъ политическую программу и соціальные интересы своего класса. Поверхъ частныхъ поводовъ протеста противъ самодержавнаго произвола онѣ могутъ и должны поставить общій лозунгъ борьбы за низверженіе самодержавія и за установленіе демократіи. И если рабочія массы подъ руководствомъ организованной пролетарской партіи выставятъ этотъ боевой лозунгъ, онѣ удесятерятъ революціонную силу движенія; и въ то же время онѣ, ставъ общепризнаннымъ революціоннымъ авангардомъ, достигнутъ того, что въ моментъ окончательной развязки общенародной борьбы съ самодержавіемъ, окажутся дѣйствительной политической силой, способной сознательно отстаивать свои классовые интересы противъ кого бы то ни было.

„Земля и Воля“ было написано на знамени соціалистовъ-интеллигентовъ 70-хъ годовъ. „Политическая свобода для борьбы за соціализмъ“ — подъ этимъ знаменемъ рабочіе займутъ окончательно свое мѣсто въ общедемократической борьбѣ съ царизмомъ.

Эта задача будетъ выполнена лишь въ томъ случаѣ, если русская соціалдемократія станетъ дѣйствительно организованной боевой политической партіей.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Безгрѣшные доходы нашихъ министровъ. Намъ сообщаютъ изъ Москвы: Правленіе О-ва Московско-Кіево-Воронежской ж. д., предсѣдателемъ которой состоитъ г. Коковцевъ, сдѣлало заказъ на доставку для дороги 50 мил. пуд. каменнаго угля организующемуся обществу разработки каменноугольныхъ копей, однимъ изъ устроителей и главныхъ пайщиковъ котораго является другой г. Коковцевъ, товарищъ министра финансовъ и братъ предсѣдателя правленія названной дороги. Заказъ долженъ быть выполненъ въ теченіе 8 лѣтъ по цѣнѣ 6¾ коп. за пудъ (рыночная цѣна угля въ настоящее время 6½ коп. пудъ). Такъ какъ образующемуся обществу требуются, надо полагать, не малыя деньги для того, чтобы приступить къ будущимъ операціямъ по добыванію угля, то правленіе дороги любезно выдало обществу копей (товарищу министра финансовъ г. Коковцеву?) авансъ въ размѣрѣ 500 тыс. руб. Такимъ образомъ, несмотря на то, что уголь на рынкѣ стоитъ 6½ коп., г. Коковцевъ-предсѣдатель даетъ г. Коковцеву-товарищу министра по 6¾ коп. (на 50 мил. пудовъ разница составитъ, если не считать % на авансъ, 125 тыс. руб.). Далѣе, — не смотря на то, что у О-ва М. К. В. ж. д. нѣтъ денегъ, и для обновленія и пополненія подвижного состава (плохихъ паровозовъ своихъ и проч.) дорога вынуждена была прибѣгнуть къ облигаціонному займу, — г. Коковцевъ даетъ г. Коковцеву кругленькій авансъ въ полмилліона рублей.

Не знаемъ, выгодна-ли будетъ эта сдѣлка акціонерамъ дороги, братцы же во всякомъ случаѣ врядъ-ли останутся въ накладѣ. Ну, а что же министерство финансовъ? Министерство финансовъ (гг. Витте и Коковцевъ) сдѣлку (продѣлку гг. Коковцевыхъ?) разрѣшило.

Еще о деревенскихъ прокламаціяхъ. Въ одномъ изъ селъ —скаго уѣзда бѣднымъ и неграмотнымъ крестьяниномъ было получено письмо. За прочтеніемъ письма крестьянинъ обратился къ учителю. „Прочитайте, сдѣлайте милость. Въ первый разъ въ жизни получилъ — откуда и отъ кого придумать не могу“. Письмо было прочитано учителемъ, и содержаніе его произвело на чтеца и слушателя столь сильное впечатлѣніе, что съ общаго согласія было рѣшено отправиться къ о. дьякону и у него еще разъ прочитать диковинное посланіе.

Къ о. дьякону гости попали весьма кстати: по какому-то дѣлу у него оказалось чел. десять мужиковъ.

Посланіе было громогласно прочитано о. дьякономъ и, разумѣется, произвело сенсацію, впрочемъ, далеко не одинаковаго характера. Дьяконъ съ письмомъ отправился къ попу, крестьяне же разбрелись по селу, каждый по своему уразумѣвъ письмо „отъ добрыхъ людей“. Въ результатѣ — попъ отправилъ письмо къ властямъ „въ губернію“, мужички же стали толковать, что „царь отъ податей ослобоняетъ“. Когда поступокъ священника сдѣлался извѣстенъ на деревнѣ, къ сказанной фразѣ стали прибавлять: „царь не велѣлъ, а попы съ господами скрываютъ: коли бъ не добрые люди, и по сейчасъ бы платили“. Въ этой мысли человѣкъ десять такъ укрѣпились, что простодушные люди и становому заявили: „свобода отъ податей вышла — по доброй волѣ платить не станемъ. Ото царя приказъ вышелъ!“ Разслѣдовать смуту умовъ были командированы жандармы. Произвели, какъ водится, обыскъ у учителя, но ничего предосудительнаго не нашли. Тѣмъ не менѣе, въ предотвращеніе развитія заразы, въ селѣ оставленъ представитель царской власти — жандармъ, который и по сей день проживаетъ въ „зараженномъ“ селеніи.

Начальникомъ —ской губерніи данъ по полиціи приказъ слѣдующаго содержанія: „Строго предписываю волостнымъ и сельскимъ властямъ при полученіи противозаконныхъ сочиненій, не читая ихъ, не медля доставлять оныя мѣстному начальству. При этомъ ставится на видъ то, что до сихъ поръ означенныя власти не только сами читали противозаконныя воззванія злонамѣренныхъ лицъ, но созывали цѣлые сходы, на которыхъ разбиралось, довести-ли о нихъ начальству или же нѣтъ“.

Еще циркуляръ о борьбѣ съ крамолой. Мин. Вн. Дѣлъ разосланъ нижеслѣдующій конфиденціальный циркуляръ (за точность передачи содержанія и отдѣльныхъ выраженій ручаемся; точной же копіи достать, къ сожалѣнію не удалось).

Нѣкоторыя злонамѣренныя лица, получивъ заграничные виды на жительство, успѣваютъ нѣсколько разъ побывать заграницей, вернуться въ Россію, привезти съ собой противозаконныя воззванія и брошюры и распространить таковыя, причемъ о выдачѣ означенныхъ видовъ Департ. полиціи узнаетъ только черезъ девять мѣсяцевъ.

Въ виду изложеннаго предлагается Вашему Превосходительству съ особой осторожностью и вниманіемъ относиться къ выдачѣ заграничныхъ паспортовъ и своевременно увѣдомлять о томъ Деп. полиціи, такъ какъ въ противномъ случаѣ Департаментъ не въ состояніи принять необходимыхъ мѣръ для борьбы съ преступной дѣятельностью означенныхъ лицъ.

Одесса. Въ изданномъ одесскимъ комитетомъ партіи воззваніи сообщается слѣдующій фактъ:

„Въ субботу 20-го октября на Розумовской улицѣ состоялось сіонистское собраніе для избранія делегатовъ на конгрессъ сіонистовъ. Дѣло самое невинное, къ потрясенію основъ никакого касательства не имѣющее. Но не такъ показалось царской полиціи, у которой отъ страха глаза велики. Пронюхавъ про собраніе, полиція направилась туда. Пом. пристава Соколовъ приказалъ всѣмъ сѣсть и пригрозилъ въ случаѣ сопротивленія призвать казаковъ. Затѣмъ присутствовавшихъ переписали и въ ожиданіи высшаго начальства продержали до 4 час. утра, когда пріѣхали Чебановъ и Головинъ. Послѣ насмѣшекъ и издѣвательства надъ собравшимися ихъ начали выпускать по одиночкѣ изъ залы. Но при выходѣ ихъ встрѣчали городовые и надзиратели, которые обрушивались на ничего не подозрѣвавшихъ людей съ кулаками и шашками и нещадно били ихъ, не щадя ни пола, ни возраста. Это возмутительное проявленіе безшабашнаго самоуправства полиціи должно вызвать чувство негодованія во всѣхъ, кто еще способенъ возмущаться надругательствомъ надъ человѣческой личностью“. Обращаясь ко всѣмъ, терпящимъ отъ правительственнаго произвола, комитетъ приглашаетъ ихъ присоединиться къ борьбѣ за политическую свободу.

Происшествія, подобныя описаннымъ въ прокламаціи, неизбѣжны въ странѣ, гдѣ законъ не ограждаетъ правъ личности. Но если они неизбѣжны, то было бы желательно, чтобы они дѣйствовали просвѣщающимъ образомъ на тѣхъ, кто, какъ гг. сіонисты, воображаютъ, будто бы внѣ политической борьбы можно разрѣшить какой-нибудь (въ данномъ случаѣ еврейскій) общественный вопросъ. Отвлекая еврейскую интеллигенцію и еврейскую рабочую массу отъ борьбы вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ за свободу, сіонисты играютъ въ руку тому политическому режиму, который въ періодическихъ припадкахъ самодурскаго бѣшенства подвергаетъ дикому насилію самыхъ „мирныхъ“ обывателей.

Изъ Ярославля пишутъ: Положеніе Ярославля довольно выгодное вслѣдствіе близости его къ обѣимъ столицамъ. Казалось бы, эта близость должна отзываться на культурномъ состояніи города. На дѣлѣ этого нѣтъ. Мы всѣмъ богаты: богаты торговыми рядами, богаты церквами, различными обществами велосипедистовъ, вольной пожарной дружиной и проч., но умственной культурной жизни нѣтъ. Благодаря отсутствію умственной жизни, извѣстныхъ культурныхъ традицій, у насъ могутъ происходить грустныя вещи. Въ ред. „Сѣвернаго Края“, газеты очень почтенной, возлѣ которой группируется вся соль г. Ярославля, служитъ нѣкто Леоновъ, исторія котораго слѣдующая. Леоновъ — бывшій студентъ Петербургскаго университета, привлекавшійся въ 1898 г. по дѣлу соц.-революціонеровъ, сдѣлалъ полное признаніе и выдалъ своихъ товарищей по дѣлу. Одна колонія ссыльныхъ, гдѣ ему пришлось жить до рѣшенія дѣла, порвала съ нимъ товарищескія сношенія. Вотъ исторія этого господина. И что же мы видимъ! Несмотря на то, что исторія извѣстна всѣмъ, съ нимъ водятъ знакомство, сживаются и т. д. Эта нравственная притупленность, нравственный индиферентизмъ все болѣе и болѣе распространяется среди либеральнаго общества. „Моя хата съ краю“, хотя бы эта хата стояла на навозѣ! Заключеніе въ свою „ячейку“, въ свое дѣло (статистика, земская служба), боязнь высовывать носъ на общественную улицу, хотя бы пришлось жить и работать со всякимъ сбродомъ, настолько въѣлись въ плоть и кровь русскаго либерала, что можно считать это явленіе хроническимъ и безнадежнымъ въ смыслѣ исцѣленія. Въ Ярославлѣ Леоновъ служитъ въ редакціи и принимаетъ участіе въ ярославскомъ обществѣ распространенія народнаго образованія, этомъ дѣтищѣ мѣстной либеральной публики. А въ Перми не менѣе конфортабельно устроился еще болѣе вредный человѣкъ — Рума. Какъ извѣстно, Рума былъ провокаторомъ по дѣламъ 1896-97-1900 гг. (московскимъ). Когда часть пермской радикальной публики подняла свой голосъ противъ Рума, либеральная публика взяла его подъ свою защиту. Товарищи, мы должны горячо возставать противъ такого индиферентизма, который терпитъ въ своей средѣ такихъ негодяевъ! Не такъ ведетъ себя народъ, тотъ „мужичекъ“, который такъ дорогъ либералу. Онъ прямо говоритъ мерзавцу, что онъ мерзавецъ. Такъ Ѳедору Дорофееву, предателю по дѣлу Носкова въ 1898 г. и по послѣднему ярославскому дѣлу 1901 г. — который уже снова работаетъ на одной изъ ярославскихъ фабрикъ, рабочіе въ глаза говорятъ, что онъ шпіонъ и не здороваются съ нимъ. Пора бы нашимъ либераламъ поближе присмотрѣться къ ихъ „идеалу“ — народу и кой-чему у него научиться.

Екатеринославъ. Врядъ-ли кто-либо изъ „просвѣщенныхъ“ администраторовъ, которыми правительство отъ времени до времени осчастливливаетъ и нашъ городъ, былъ предметомъ такихъ разнузданныхъ прощальныхъ овацій со стороны „общества“, какъ князь Святополкъ-Мирскій, когда его изъ узкой сферы губернаторскаго воздѣйствія призвали на широкое поле дѣятельности всероссійскаго шефа жандармовъ. Путь отъ губернаторскаго дома до клуба, гдѣ отъѣзжающему былъ данъ прощальный обѣдъ, украшенъ былъ массой арокъ съ разноцвѣтными плошками, которыя должны были освѣщать, иллюминовать и, конечно, опозорить всѣхъ тѣхъ, которые послѣ торжественныхъ застольныхъ рѣчей торжественно проводятъ новаго жандарма домой. Отъ избытка чувствъ наши отцы города и избранные представители мѣстнаго общества пришли въ совершенное неистовство, а ихъ и безъ того не сильные умы до того омрачились, что въ своемъ позорномъ адресѣ они пожелали даже новому шефу жандармовъ всякихъ успѣховъ на его новомъ посту. И лишь послѣ того, какъ улегся этотъ избытокъ чувствъ, дипломированный представитель общества, хлопнувъ себя по мѣдному лбу, сообразилъ, что вѣдь пожелать шефу жандармовъ всякихъ успѣховъ — значитъ пожелать нагайкѣ побольше спинъ. Этимъ, конечно, не кончилось дѣло, и позоръ довершенъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что шефу жандармовъ поднесенъ былъ адресъ и отъ мѣстной коммиссіи народныхъ чтеній, подъ каковымъ адресомъ подписался весь распорядительный комитетъ коммиссіи, въ полномъ его составѣ.

Тотъ, въ комъ еще циркулируетъ хоть одна капля благородной крови, пойметъ, что всякіе комментаріи тутъ совершенно излишни. Гораздо важнѣе уяснить себѣ причины этой позорной эпопеи, и здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ курсомъ, который взялъ въ послѣднее время нашъ судорожно приспособляющійся абсолютизмъ. Курсъ этотъ можно кратко охарактеризовать въ двухъ-трехъ словахъ: не препятствовать и даже поощрять въ культурныхъ промышленныхъ центрахъ общественную иниціативу на почвѣ просвѣтительной дѣятельности (конечно, въ предписанныхъ цензурой и городовымъ предѣлахъ), объявивъ въ то же время эти самые центры внѣ закона, даже закона россійскаго. Для культурнаго обывателя получается, такимъ образомъ, иллюзія самодѣятельности на почвѣ просвѣщенія рабочаго люда, — иллюзія, которая, конечно, на каждомъ шагу разбивается о нагайку сбировъ, призванныхъ безконтрольно и безотвѣтственно охранять царство временныхъ правилъ и усиленной охраны, гдѣ первый встрѣчный бандитъ въ полицейскомъ мундирѣ значитъ больше, чѣмъ десятки лучшихъ сыновъ Россіи.

Какъ только нашъ городъ сдѣлался однимъ изъ центровъ рабочаго движенія въ Россіи, какъ только движеніе это приняло характеръ вполнѣ сознательнаго политическаго движенія, — на сцену рѣзко выступилъ новый курсъ и далъ себѣ свою иллюстрацію, настолько характерную, что она могла бы послужить прекраснымъ матеріаломъ для картины переживаемаго нами момента.

Святополкъ-Мирскій, дѣйствительно, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ, не только не препятствовалъ, но даже энергически поощрялъ мѣстное общество въ его стремленіяхъ къ культурной дѣятельности. Когда нѣкая г-жа Журавская задумала учредить вечерніе классы для взрослыхъ рабочихъ, онъ всячески покровительствовалъ ей. Ласково принималъ какъ ее самое, такъ и ея сотрудниковъ, и даже обѣщалъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ устройства народнаго дома, который одно время всецѣло овладѣлъ умами нашихъ культурниковъ. Мало того. Онъ лично посѣщалъ народные балы, т. е. два-три вокально-музыкально-инструментальные вечера, устроенные той же г-жей Журавской для рабочихъ, ремесленниковъ и домашней прислуги. Здѣсь онъ въ антрактѣ появлялся на эстрадѣ, благодарилъ исполнителей-рабочихъ и въ дружеской любезной бесѣдѣ съ Журавской и ея кружкомъ излагалъ свои положенія и виды на будущее. Правда, едва только лекторы вечернихъ классовъ попытались выйти за предѣлы грамоты, рисованія, Закона Божьяго и другой незатѣйливой культуры, на мѣсто происшествія прискакалъ лекторъ отъ полиціи и жандармскаго управленія и прочелъ лекцію о томъ, что, собственно, должно понимать подъ словомъ просвѣщеніе „съ точки зрѣнія видовъ правительства“. Но этотъ непріятный инцидентъ какимъ-то образомъ растворился въ розовомъ маслѣ диктатуры сердца, какъ растворилась и вся оборотная сторона этой диктатуры, завершившаяся, какъ извѣстно, Маріупольской кровавой баней, которую будущій шефъ жандармовъ задалъ рабочимъ, при первой же серьезной попыткѣ отстоять свои самые примитивные матеріальные интересы, свои самыя примитивныя права личности.

А на этой оборотной сторонѣ выгравирована фигура Делло, жандармскаго полковника изъ кантонистовъ, представляющаго собою удивительную смѣсь старческой болтливости, глупости, невѣжества, непроходимаго безсердечія и заплечныхъ дѣлъ мастерства. Первыя три качества служатъ для общества матеріаломъ увеселительныхъ анекдотовъ, а его безсердечіе и заплечныхъ дѣлъ мастерство до того терроризовали и деморализовали то же общество, что его обычная гражданская трусость и животный страхъ за свою шкуру выродилось въ ежечасную и ежеминутную панику. До момента всемилостивѣйшаго призванія Святополка-Мирскаго на его нынѣшній постъ, это общество серьезно было убѣждено, что положеніе послѣдняго крайне шатко, такъ какъ, молъ, старый кантонистъ осаждаетъ высшія сферы доносами на его неблагонадежное послабленіе и благоволеніе къ „революціонной“ коммиссіи народныхъ чтеній. Понятно, что когда Свят.-Мирскій получилъ постъ шефа жандармовъ, то всѣ облегченно вздохнули: теперь ужъ старикъ получитъ отставку и наступитъ конецъ террору. И Делло, дѣйствительно, получилъ генерала.

Методъ Делло столь же простъ, сколь просты пріемы управленія безправной страной. Въ ночь съ 14 на 15 апрѣля 1900 г. онъ въ погонѣ за типографіей „Южнаго Рабочаго“ устроилъ настоящую облаву въ Екатеринославѣ, Кременчугѣ и Полтавѣ, при этомъ не пощадилъ ни пола, ни возраста, ни болѣзни, ни беременности, ни даже относительно высокаго общественнаго положенія. Во многихъ случаяхъ жандармы даже не знали фамиліи лицъ, у которыхъ они дѣлаютъ обыскъ и которыхъ даже арестуютъ, какъ это было, напр., при арестѣ помощника прис. пов. Чуйкова. Не знали они также фамиліи одного изъ служащихъ въ матеріальной службѣ Екатеринославской жел. дор., который никогда, кромѣ трепета передъ начальствомъ, ничего не испытывалъ, а между тѣмъ здѣсь разыгралась слѣдующая сцена: ворвавшись ночью въ его квартиру, они застали тамъ обезумѣвшую отъ страха беременную жену его и мальчика лѣтъ шести, которымъ не дали даже одѣться. На грозный вопросъ ротмистра, гдѣ ея мужъ, она едва въ состояніи была пролепетать, что онъ уѣхалъ на линію и вернется съ девятичасовымъ поѣздомъ. Тогда, перерывъ все вверхъ дномъ и, конечно, ничего не найдя, они объявили ее подъ домашнимъ арестомъ до пріѣзда мужа и отправились продолжать свою работу, приставивъ къ квартирѣ городового. Часа черезъ два, когда она уже успѣла уснуть послѣ испытаннаго страха, опять раздается громовый стукъ въ двери: явился жандармскій унтеръ-офицеръ, при видѣ котораго несчастная женщина упала въ обморокъ. Долго, вкупѣ съ приставленнымъ городовымъ, этотъ новый посланецъ Делло возился съ ней, пока привелъ ее въ чувство, и тогда дѣло разъяснилось: ротмистръ забылъ заставить ее расписаться на протоколѣ обыска. Ну, какже! Вѣдь мы живемъ въ странѣ, во всемъ управляемой благодѣтельными законами, какъ съ циничной ироніей просвѣщаетъ г. Витте г. Горемыкина!

Нужно-ли прибавить, что когда на другой день мужъ этой облагодѣтельствованной закономъ женщины явился въ жандармское правленіе, то Делло, даже не глядя на него, съ эпическимъ спокойствіемъ заявилъ: „насъ мало, васъ цѣлая пропасть… дѣло наше большое, и недоразумѣнія неизбѣжны“. Буквально той же фразой онъ отдѣлался тутъ же и отъ прис. пов. Лаврова, который своимъ трусливымъ запросомъ объ обыскѣ, вѣроятно, хотѣлъ [illegible] напросто реабилитировать себя.

Такъ какъ при такой грандіозной облавѣ не хватило даже околоточныхъ надзирателей, то въ дѣло пущены были жандармскіе „унтерцеры“, которые при просвѣщенномъ содѣйствіи прикомандированныхъ къ нимъ городовыхъ самостоятельно производили обыски. Одинъ изъ такихъ „унтерцеровъ“ съ двумя городовыми и былъ отряженъ произвести обыскъ у массажистки [illegible]-Энгель. Послѣ перваго же удара въ дверь она проснулась, какъ проснулась и ея четырехлѣтняя дѣвочка, поднявшая неистовый плачъ. Не успѣла она накинуть на себя нижнюю юбку, какъ раздался второй громовый ударъ и угроза: „двери выломаемъ“. Пришлось выбѣжать въ одной сорочкѣ, въ каковой она вынуждена была пробыть во все время обыска, такъ какъ ей приказали не шевелиться (таковы, конечно, были инструкціи Делло). А каковъ былъ этотъ обыскъ, видно изъ того, что даже пришитое къ новой кофточкѣ клеймо съ оттиснутымъ тамъ „Екатеринославъ. Магазинъ Рашинскаго“ было отшито и приложено ко всему прочему, что имѣлось въ комнатѣ печатнаго или писаннаго.

На слѣдующій день, час. въ 10 утра, въ губернскую земскую больницу является одинъ изъ бравыхъ ротмистровъ Делло съ требованіемъ указать ему палату, гдѣ находится больной рабочій такой-то. Послѣднему наканунѣ ампутировали большой палецъ на правой ногѣ, и ему даже еще не успѣли сдѣлать временныхъ костылей. Обыскали его лично, обыскали его вещи въ цейхгаузѣ, не нашли ничего, но тѣмъ не менѣе его положили на носилки и повезли въ тюрьму. Къ стыду и позору русскаго общества, ни смотритель больницы Щетинскій, ни главный врачъ Бутаковъ, ни хирургъ Веберъ ни однимъ словомъ не протестовали противъ этого разбоя.

На протяженіи полутора мѣсяцевъ Екатеринославъ пережилъ три такія облавы, и трудно было бы отдать какой-нибудь изъ нихъ первенство въ смыслѣ проявленія жандармами безпардонности. Делло не стѣсняется прибѣгать и къ ударамъ изъ-за угла. Такъ, напр., встрѣтившись съ однимъ изъ учредителей мѣстной зубоврачебной школы, Львовымъ, онъ, словно невзначай, сообщаетъ ему, что ужъ одной изъ учениць школы, г-жи Волошкевичъ, арестованъ. Понятно, что отнюдь не нужно быть такимъ жалкимъ трусомъ, какимъ является затерроризованный екатеринославскій обыватель, чтобы понять это сообщеніе Делло въ смыслѣ приказанія удалить г-жу Волошкевичъ, что и было сдѣлано на другой же день.

Мы ограничивались только вполнѣ провѣренными фактами, но изъ нихъ мы не привели и десятой доли. Замѣтимъ въ заключеніе, что „курсъ“, господствовавшій при „диктатурѣ сердца“ г. Святополкъ-Мирскаго, не измѣнился и при г. Келлерѣ, который, въ свою очередь, тоже покровительствуетъ просвѣтительной дѣятельности, поскольку она не выходитъ за предѣлы терпимаго нашимъ абсолютизмомъ культуртрегерства. Напримѣръ: Воспользовавшись Пушкинскими днями, нѣкоторые представители мѣстнаго общества задумали обратиться съ ходатайствомъ о разрѣшеніи основать „Пушкинское общество любителей наукъ и искусствъ“. Два года ходатайство оставалось безъ отвѣта. Наконецъ, Келлеръ приглашаетъ къ себѣ всѣхъ членовъ-учредителей общества и предлагаетъ имъ составить „Екатеринославское ученое общество“. Въ числѣ приглашенныхъ ученыхъ оказался и Делло, который, так. образ., на почвѣ безпристрастной науки лично встрѣтился съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, чью политическую благонадежность провѣряли во время облавъ его компетентные „унтерцеры“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кострома. Какой пищей костромскіе помѣщики кормятъ своихъ рабочихъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Костромы находится усадьба Караваева, принадлежащая генеральшѣ Усовой. Генеральша ведетъ хозяйство и держитъ 8-10 земледѣльческихъ раб., которыхъ кормитъ совершенно невозможной пищей. Работники уже нѣсколько разъ пробовали протестовать противъ подобныхъ харчей, но экономка въ отвѣтъ на это совѣтовала ѣсть, что даютъ, и быть этимъ довольнымъ, и пища нисколько не улучшилась; пробовали и жаловаться исправнику, но послѣдній, будучи хорошо знакомъ съ генеральшей, прогонялъ жалобщиковъ и даже обѣщалъ засадить ихъ, если они еще разъ вздумаютъ жаловаться, въ холодную. Наконецъ, однажды на обѣдъ было подано такое мясо, что несмотря на сильный голодъ, рабочіе совсѣмъ не могли его ѣсть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собакѣ, которая, съѣвши его, въ тотъ же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли въ землю. Это происшествіе съ мясомъ ужасно возмутило рабочихъ, они думаютъ снова идти въ Кострому съ жалобой, но на этотъ разъ думаютъ уже обращаться не къ полиціи, такъ какъ судьба предъидущихъ жалобъ ясно показала имъ, что послѣдняя держитъ сторону хозяевъ (это убѣжденіе глубоко вкоренилось теперь въ умахъ караваевскихъ рабочихъ), а къ прокурору окружнаго суда. Го-

---

БЕСѢДА СЪ ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Приводимъ цѣликомъ присланное намъ однимъ изъ нашихъ представителей

Письмо въ русскіе социалдемократическіе органы.

„Въ отвѣтъ на предложеніе нашихъ товарищей по ссылкѣ высказаться по поводу „Искры“ мы рѣшили заявить о причинахъ нашего несогласія съ этимъ органомъ.

„Признавая вполнѣ своевременнымъ появленіе особаго с.-дем. органа, спеціально посвященнаго вопросамъ политической борьбы, мы не думаемъ, чтобы „Искра“, взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрѣшила. Основной ея недостатокъ, красной нитью проходящій черезъ всѣ ея столбцы и обусловливающій всѣ ея остальные крупные и мелкіе недостатки, заключается въ томъ, что „Искра“ отводитъ весьма видное мѣсто идеологамъ движенія въ смыслѣ ихъ вліянія на то или иное его направленіе. Въ то же время „Искра“ мало считается съ тѣми матеріальными элементами движенія и той матеріальной средой, изъ взаимодѣйствія которыхъ создается извѣстный типъ рабочаго движенія и опредѣляется его путь, совлечь съ котораго его не въ состояніи всѣ усилія идеологовъ, хотя бы и вдохновленныхъ самыми лучшими теоріями и программами.

„Этотъ недостатокъ „Искры“ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея съ „Южнымъ Рабочимъ“, который, поднимая, подобно „Искрѣ“, знамя политической борьбы, ставитъ ее въ связь съ предыдущимъ фазисомъ южнорусскаго рабочаго движенія. Такая постановка вопроса совершенно чужда „Искрѣ“. Ставя своею цѣлью создать „изъ искры большой пожаръ“, она забываетъ, что для этого необходимъ подходящій горючій матеріалъ и благопріятныя внѣшнія условія. Обѣими руками открещиваясь отъ „экономистовъ“, „Искра“ упускаетъ изъ виду, что ихъ дѣятельность подготовила то участіе рабочихъ въ февральскихъ и мартовскихъ событіяхъ, которое она съ особеннымъ стараніемъ подчеркиваетъ и по всей видимости значительно преувеличиваетъ. Отрицательно относясь къ дѣятельности соц.-дем. конца 90-хъ годовъ, „Искра“ игнорируетъ отсутствіе условій въ то время для иной работы, кромѣ борьбы за мелкія требованія, и то громадное воспитательное значеніе, которое имѣла эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оцѣнивая этотъ періодъ и это направленіе дѣятельности русскихъ соц.-дем., „Искра“ отожествляетъ ихъ тактику съ тактикой Зубатова, не видя разницы между „борьбой за мелкія требованія“, расширяющей и углубляющей рабочее движеніе, и „мелкими уступками“, имѣющими цѣлью парализовать всякую борьбу и всякое движеніе.

„Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологовъ младенческаго періода соціальныхъ движеній, „Искра“ всякое разногласіе съ нею готова заклеймить не только какъ отступленіе отъ соц.-дем. принциповъ, но даже какъ переходъ во враждебный лагерь. Такова ея крайне неприличная и заслуживающая самаго строгаго и безпощаднаго осужденія выходка противъ „Рабочей Мысли“, которой она посвятила статью о Зубатовѣ и вліянію которой приписала его успѣхи среди нѣкоторой части рабочихъ. Отрицательно относясь къ другимъ социалдемократическимъ организаціямъ, иначе, чѣмъ она, смотрящимъ на ходъ и задачи русскаго рабочаго движенія, „Искра“ въ пылу полемики съ ними забываетъ подчасъ истину и, придираясь къ отдѣльнымъ дѣйствительно неудачнымъ выраженіямъ, приписываетъ своимъ противникамъ взгляды, имъ не принадлежащіе, подчеркиваетъ пункты разногласія, часто мало существенные, и упорно замалчиваетъ многочисленныя точки соприкосновенія во взглядахъ: мы имѣемъ въ виду отношеніе „Искры“ къ „Рабочему Дѣлу“.

„Эта чрезмѣрная склонность ея къ полемикѣ вытекаетъ прежде всего изъ переоцѣнки ею роли „идеологіи“ (программъ, теорій…) въ движеніи, отчасти же является отголоскомъ междуусобной брани, которая возгорѣлась на Западѣ среди русскихъ эмигрантовъ и о которой они поспѣшили повѣдать міру въ рядѣ полемическихъ брошюръ и статеекъ. На нашъ взглядъ, всѣ эти ихъ разногласія не имѣютъ почти никакого вліянія на фактическій ходъ русскаго социалдемократическаго движенія; развѣ только вредятъ ему, внося нежелательный расколъ въ среду дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, а потому мы не можемъ не отнестись отрицательно къ полемическому задору „Искры“, особенно когда она выходитъ изъ допускаемыхъ приличіемъ рамокъ.

„Тотъ же основной недостатокъ „Искры“ является причиной ея непослѣдовательности въ вопросѣ объ отношеніяхъ социалдемократіи къ различнымъ общественнымъ классамъ и направленіямъ. Рѣшивъ посредствомъ теоретическихъ выкладокъ задачу о немедленномъ переходѣ къ борьбѣ противъ абсолютизма и чувствуя, вѣроятно, всю трудность этой задачи для рабочихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, но не имѣя терпѣнія ждать дальнѣйшаго накопленія ими силъ для этой борьбы, „Искра“ начинаетъ искать союзниковъ въ рядахъ либераловъ и интеллигенціи и въ своихъ поискахъ нерѣдко сходитъ съ классовой точки зрѣнія, затушевывая классовыя противорѣчія и выдвигая на первый планъ общность недовольства правительствомъ, хотя причины и степень этого недовольства у „союзниковъ“ весьма различны. Таковы, напр., отношенія „Искры“ къ земству. Фрондирующія выходки его, вызываемыя нерѣдко недостаточной по сравненію съ промышленностью защитой правительствомъ аграрныхъ вожделѣній гг. земцевъ, „Искра“ старается раздуть въ пламя политической борьбы и обѣщаетъ неудовлетвореннымъ правительственными подачками дворянамъ помощь рабочаго класса, ни словомъ при этомъ не обмолвившись о классовой розни этихъ слоевъ населенія. Мы можемъ допустить, что говорить о пробужденіи земщины и указывать на земство, какъ на элементъ, борющійся съ правительствомъ, можно, но только въ ясной и отчетливой формѣ, которая не оставляла бы сомнѣній о характерѣ нашего возможнаго соглашенія съ подобными элементами. „Искра“ же ставитъ вопросъ объ отношеніи къ земству такъ, что это, по нашему мнѣнію, можетъ только затемнять классовое сознаніе, такъ какъ здѣсь она наравнѣ съ проповѣдниками либерализма и различныхъ культурныхъ начинаній ставитъ противовѣсъ основной задачѣ социалдемократической литературы, задачѣ, заключающейся въ критикѣ буржуазнаго строя и выясненіи классовыхъ интересовъ, а не въ затемнѣніи ихъ антагонизма. Таково же отношеніе „Искры“ и къ студенческому движенію. Между тѣмъ въ другихъ статьяхъ „Искра“ рѣзко осуждаетъ всякіе „компромиссы“ и выступаетъ, напр., на защиту нетерпимаго поведенія гедистовъ.

„Не останавливаясь на другихъ менѣе важныхъ недостаткахъ и промахахъ „Искры“, мы въ заключеніе считаемъ долгомъ заявить, что мы своей критикой отнюдь не хотимъ умалить того значенія, которое можетъ имѣть „Искра“, и не закрываемъ глазъ на ея достоинства. Мы привѣтствуемъ ее, какъ политическую социалдемократическую газету въ Россіи. Мы считаемъ ея крупной заслугой удачное выясненіе вопроса о террорѣ, которому она своевременно посвятила нѣсколько статей. Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить столь рѣдкій въ нелегальныхъ изданіяхъ образцовый литературный языкъ „Искры“, регулярность ея выхода въ свѣтъ и обиліе свѣжаго и интереснаго матеріала“.

„Сентябрь 1901 г. Товарищи“.

Замѣтимъ прежде всего по поводу этого письма, что мы отъ всей души привѣтствуемъ прямоту и откровенность его авторовъ. Давно пора перестать играть въ прятки, скрывая свое экономическое „credo“ (какъ это дѣлаетъ часть одесскаго комитета, отъ котораго отдѣлились „политики“) или заявляя, точно въ насмѣшку надъ истиной, что въ настоящее время „рѣшительно ни одна с.-д. организація въ экономизмѣ не повинна“ (изд. „Раб. Дѣломъ“ брошюра „Два съѣзда“, стр. 32). — А теперь къ дѣлу.

Основная ошибка авторовъ письма — совершенно та же, въ какую впадаетъ и „Раб. Дѣло“ (см. особенно № 10). Они путаются въ вопросѣ о взаимоотношеніи между „матеріальными“ (стихійными, по выраженію „Раб. Дѣла“) элементами движенія и идеологическими (сознательными, дѣйствующими „по плану“). Они не понимаютъ, что „идеологъ“ только тогда и заслуживаетъ названія идеолога, когда идетъ впереди стихійнаго движенія, указывая ему путь, когда онъ умѣетъ раньше другихъ разрѣшать всѣ теоретическіе, политическіе, тактическіе и организаціонные вопросы, на которые „матеріальные элементы“ движенія стихійно наталкиваются. Чтобы дѣйствительно „считаться съ матеріальными элементами движенія“, надо критически относиться къ нимъ ворятъ, что не лучше караваевской пища у работниковъ и во многихъ другихъ усадьбахъ Костромского уѣзда. Скоро-ли настанетъ пора, когда живущіе продажей своей рабочей силы крестьяне поймутъ, что ихъ интересы одинаковы съ интересами городскихъ рабочихъ и вмѣстѣ съ ними, подъ знаменемъ Россійской соціалдемократіи, выступятъ на борьбу за лучшую долю?

Рига. У насъ страшная безработица, на главныхъ заводахъ работаютъ только четверть рабочихъ, и то — отъ 8 до 4 пополудни. Оставшіеся безъ работы рабочіе уѣзжаютъ или въ деревню къ роднымъ или ищутъ какого-нибудь занятія за одно пропитаніе только, и то напрасно. Настроеніе въ массахъ нерѣшительное и удрученное. Кое-кто поговариваетъ, что нужно было бы идти толпой къ губернатору и требовать хлѣба и работы, но до осуществленія этого плана, кажется, теперь еще далеко. Недавно было здѣшней группой распространены въ небольшомъ количествѣ гектографированныя воззванія къ здѣшнимъ рабочимъ въ видѣ брошюрокъ.

Въ октябрѣ въ Царскомъ Саду, гдѣ каждый годъ засѣдаетъ призывная коммиссія и гдѣ происходитъ осмотръ новобранцевъ, были расклеены воззванія къ новобранцамъ на латышскомъ яз., но, къ сожалѣнію, только въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Москва. Машино-строительный и чугунно-литейный заводъ Бр. Бромлей. У насъ на заводѣ въ литейной часто разыгрываются драматическія исторіи между рабочими и мастеромъ Рунтомъ. Отлилъ-ли литейщикъ бракъ, плеснулъ-ли нечаянно расплавленнымъ чугуномъ на землю, наступилъ-ли нечаянно рабочій на формовку — бѣда, если увидитъ Рунтъ; у мастера на этотъ счетъ строгія карательныя мѣры; послѣ предварительной ругани — пускаетъ въ ходъ и кулаки — дѣло оканчивается штрафомъ.

Расцѣнокъ литейныхъ работъ, исключая крупныхъ, поразительно низокъ; частенько литейщику средней и мелочной работы за двухнедѣльный тяжелый и продолжительный трудъ приходится получить всего 7-8 руб. Работаютъ въ день по 10 час., но по случаю литья ежедневно опаздываютъ на полчаса, а такъ какъ всѣ литейщики работаютъ сдѣльно, то за сверхъ-урочное время платы не получаютъ. Ежели литейщикъ не выработаетъ поденнаго жалованья (которое очень низко и которое все-таки несмотря на это, частенько не вырабатываютъ), то ему добавляютъ до таковаго, но въ слѣдующій мѣсяцъ надбавку вычитаютъ изъ сдѣльной платы, если она превышаетъ поденную.

Рабочіе же подъ страхомъ остаться подъ открытымъ небомъ переносятъ безнравственныя выходки Рунта и ежедневныя сбавки жалованья. Бывали случаи, что рабочіе, дорожащіе своею честью, отвѣчали на плюху плюхой. Но всегда верхъ бралъ произволъ; такихъ смѣльчаковъ тотчасъ же требовали къ заводскому полицейскому и, предварительно прочитавъ нотацію, давали расчетъ; тѣмъ же, которые протестовали противъ неправильнаго разрыва договора и требовали за двѣ недѣли впередъ, говорили: „иди, ищи защиты". Ходили къ инспектору, — а извѣстное дѣло, эти господа всегда тянутъ руку фабрикантовъ — имъ и царь-батюшка такъ приказываетъ, да и сами они не глупы, что понимаютъ: на фракъ и на брюки съ бѣднаго рабочаго не получишь. Такъ гдѣ же твое право, рабочій?

Москва (письмо ткача). Кто не знаетъ фабрики Бутюгина, расположенной по Кирочному переулку Лефортовской части? На этой фабрикѣ производятся ткацкія работы. Работающіе на фабрикѣ люди — всѣ, безъ исключенія, деревенскіе крестьяне.

Жизнь этихъ рабочихъ такъ тяжела и угнетена, что и выразить трудно; кто только мало знакомъ съ фабричной жизнью, тому не мѣшало бы узнать, какъ здѣсь тѣснитъ рабочаго фабричная администрація. Въ корпусѣ тѣснота, страшная пыль, вредно дѣйствующая на здоровье рабочихъ, и отсутствіе вентиляціи; въ проходахъ навалены груды основъ, грозящихъ паденіемъ; въ трехъ этажахъ только одно отхожее мѣсто, тѣсное и грязное; во время работы отперта только одна дверь, что небезопасно на случай пожара. Рабочіе сами наставляютъ утокъ на воронки, что продолжается съ полчаса, и за это ничего не получаютъ; къ тому же еще сами сдаютъ товаръ, что тоже отнимаетъ минутъ 20-30. Въ субботу, по правиламъ, чистка машинъ должна производиться за пять мин. до остановки машинъ, а у насъ производится послѣ остановки въ теченіе около получаса, за что тоже не платится въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. На обѣдъ и на чай полагается по получасу, но во время обѣда машины не останавливаются, и онъ продолжается не болѣе 15 мин., то же самое и съ чаемъ: пока слазишь на 5-й этажъ за чайникомъ, да потомъ опять внизъ, чтобы заварить чай, такъ намучаешься больше, чѣмъ на работѣ.

Дѣвушки отъ 15 лѣтъ таскаютъ пряжу вѣсомъ до трехъ пуд. на 4-й этажъ, что для нихъ очень трудно.

Спальныя казармы грязны и темны, нары сплошныя очень неудобны, полы никогда не моются, много паразитовъ, воздухъ тяжелый, такъ какъ помѣщеніе разсчитано не по числу людей. Въ четвертомъ этажѣ на столько сыро, что съ потолка течетъ и если повѣсишь одежду, то черезъ день появляется плѣсень; то опять, въ виду экономіи, нефти очень мало. Послѣ работы въ ворота пускаютъ только съ ярлыкомъ, выданнымъ изъ конторы, каковой выпросить очень трудно, да и неудобно просить каждый день: можно попасть на замѣчаніе. На фабрику проведенъ водопроводъ и за это вычитаютъ съ рабочихъ 30 руб. въ годъ, а въ то же время остатками рабочаго обѣда кормятъ двухъ коровъ и пять лошадей, и за это платятъ рабочимъ только пять руб. Сторожъ при спальныхъ казармахъ нанимается отъ артели, освѣщеніе въ кухнѣ тоже артельное, вообще, стараются вездѣ и на всемъ сорвать. И, даже если захотѣлъ подышать свѣжимъ воздухомъ, то и это съ разрѣшенія администраціи, если позволитъ, а то и нѣтъ. — Вотъ какова жизнь Бутюгинскаго ткача.

Свѣта, воздуха желаютъ
За тяжелый, честный трудъ;
Отчего ткачи болѣютъ,
Отъ чахотки часто мрутъ?

Москва. Раменская мануфактура Милютина. Лѣтомъ рабочимъ удалось добиться мирнымъ путемъ сокращенія рабочаго времени съ 11½ до 9 час., которое обѣщано администраціей ввести постепенно. Расцѣнки остались прежніе. Причины успѣха: 1) промышленный кризисъ, 2) объединенность рабочихъ. Въ связи съ движеніемъ рабочихъ стоитъ увольненіе фабричнаго врача Руднева; поводомъ къ его увольненію послужило то обстоятельство, что онъ „дѣлалъ много пенсіонеровъ", т. е. заставлялъ администрацію фабрики расплачиваться за увѣчья рабочихъ.

(По недостатку мѣста откладываемъ до слѣд. № письма съ булочныхъ и кондитерскихъ фабрикъ. Ред.)

Кіевъ. Отголосокъ агитаціи среди вагоновожатыхъ. 8 ноября въ кіевскомъ съѣздѣ мировыхъ судей разбиралось интересное дѣло на нелегальной подкладкѣ. Какъ извѣстно, весной этого года среди вагоновожатыхъ конки началось броженіе. Въ одной изъ соц.-дем. прокламацій указывалось, между прочимъ, на взяточничество высшей администраціи конки. Сообщеніе это вызвало раздоры среди представителей администраціи: воры перессорились! Стаховичъ (начальникъ мастерскихъ кузнечнаго цеха) утверждалъ, что Лашевскій (старшій контролеръ) за взятки переводитъ кондукторовъ въ первый разрядъ, что онъ часто видитъ, какъ г. Лашевскому „таскаютъ гусей, куръ, утокъ, индюковъ и яйца и что онъ видѣлъ, какъ кондукторъ Утвенко принесъ ему четырехъ куръ". На судѣ Стаховичъ побоялся доказывать правдивость сообщеннаго въ прокламаціи, отказался отъ своихъ словъ и былъ приговоренъ къ аресту на 7 дней.

Стачка портныхъ. Въ настоящее время (20 октября) идетъ стачка крещатицкихъ портныхъ. Началась она самопроизвольно и ведется неорганизованно: рабочіе изъ разныхъ мастерскихъ выставили разныя требованія, начали стачку неодновременно и заканчиваютъ въ разное время съ неодинаковымъ успѣхомъ.

Вниманію рабочихъ Гретера! Намъ достовѣрно извѣстно, что мастеръ **Щепановскій** былъ вынужденъ притѣсненіями и угрозами заводской администраціи принять на себя шпіонскія обязанности. За это ему значительно увеличили жалованье.

Тифлисъ. Рабочее движеніе съ января по октябрь 1900 г. 1900 годъ окончился большой стачкой въ жел.-дор. мастерскихъ, гдѣ 4000 раб., прекративъ работу, потребовали отъ правительства сокращенія рабочаго времени до 8 час., увеличенія заработной платы и улучшенія условій труда. Стачка длилась 15 дней, но рабочіе, подавленные царскимъ правительствомъ, которое окружило полгорода войскомъ, арестовало свыше 1500 чел. рабочихъ и большинство изъ нихъ повысылало „на родину", сгоняло насильно на работу нѣкоторыхъ рабочихъ и проч. и проч. — приступили къ работѣ. Съ этого времени жандармы начинаютъ хватать и сажать въ тюрьмы встрѣчнаго и поперечнаго. Напустивъ на городъ цѣлую свору шпіоновъ, выписанныхъ изъ Россіи, наполнивъ мастерскія и фабрики провокаторами, жандармы готовы были думать, что имъ наконецъ-то удалось въ корнѣ подточить всякую возможность развитія рабочаго движенія. Но имъ пришлось скоро убѣдиться, что рабочее движеніе въ Тифлисѣ „развивается вглубь и вширь", какъ заявили они шефу своему, мин. внутр. дѣлъ, испрашивая у него новый кредитъ на усиленіе корпуса шпіоновъ.

Въ началѣ 1901 г. Тифлисскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ прокламацію на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ яз., призывая всѣхъ рабочихъ возобновить прерванныя временно занятія и продолжать упорную борьбу съ угнетателями трудящихся массъ — капиталистами и царскимъ правительствомъ. Рабочіе съ радостью откликнулись на призывъ Комитета, и закипѣла работа. Возобновились старые кружки, организовались новые, усилилась агитація какъ устная, такъ и литературная. Не заставили себя долго ждать и стачки; въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ имѣло мѣсто до 15 стачекъ (въ табачныхъ фабрикахъ Энфіанджянца 600 раб., „Миръ" 700 раб., Самарова 200 раб. и Бутулова 100 раб., въ типографіяхъ Либермана 140, Козловскаго 40, Грузинскаго издат. товарищества 150, въ восточныхъ баняхъ Мирзоева, Бебутова и „Ираклія II", въ механ. маст. Котрини, Рукса и проч.). Всѣ стачки, за исключеніемъ одной-двухъ, окончились въ пользу стачечниковъ. Нѣкоторыя же изъ нихъ имѣли громадное значеніе для отдѣльныхъ категорій рабочихъ. Такъ, напр., стачки въ восточныхъ баняхъ, гдѣ забастовали банщики или терщики, неграмотные и забитые персы и армяне, пробудили чувство классового самосознанія въ рабочихъ этихъ національностей. Кромѣ того, тѣ же стачки показали стачечникамъ, за кого стоитъ правительство. Когда арендаторы бань принуждены были сдаться на требованія стачечниковъ, то пріѣхалъ полицмейстеръ, собралъ всѣхъ арендаторовъ и хозяевъ и заявилъ, что если они уступятъ рабочимъ въ чемъ-нибудь, то будутъ считаться подстрекателями бунтовщиковъ и съ ними будетъ поступлено „по закону". Такое „покровительство" полиціи, конечно, было оцѣнено рабочими въ должной степени, и они усиленно настаивали на своихъ требованіяхъ и побѣдили. Стоитъ отмѣтить еще одну стачку, показывающую, что нѣкоторые хозяева тянутъ свою лямку и числятся въ спискѣ „хозяевъ" до тѣхъ поръ, пока рабочіе не выйдутъ изъ положенія вьючныхъ животныхъ. На табачной фабрикѣ Бутулова забастовали папиросницы, требуя увеличенія платы на 20%. Стачка длилась двѣ недѣли и послѣ всевозможныхъ усилій сломить солидарность рабочихъ, хозяинъ открыто заявилъ, что въ виду конкурренціи съ другими фабрикантами онъ не можетъ уступить рабочимъ, а такъ какъ рабочіе знать не хотѣли никакой конкурренціи, то онъ принужденъ былъ ликвидировать свое предпріятіе.

Не дремали, конечно, и жандармы. Почти ни одной стачки не обошлось безъ ихъ вмѣшательства. Были большіе аресты на табачныхъ фабрикахъ, въ типографіяхъ и т. п., но это не мѣшало успѣшному ходу стачекъ. Въ февралѣ пошли повальные обыски среди интеллигенціи; было арестовано нѣсколько человѣкъ, но освобождены за недостаткомъ уликъ. Были обыски у нѣсколькихъ гимназистовъ и учениковъ института. Одинъ изъ гимназистовъ, взятый за храненіе прокламацій, указалъ на лицо, передавшее ему прокламаціи (фамилія гимназиста Стан. Сарповскій).

Студенческое движеніе въ центрахъ отозвалось и на здѣшней жизни. Всякаго рода литература (нелегальная), листки, воззванія, брошюры, каррикатуры ходили изъ рукъ въ руки. Чувствовалось всеобщее оживленіе. Выстрѣлы Карповича и Лаговскаго пронеслись и надъ Кавказомъ, и на время развязались языки, начали говорить, хотя и не громко, но съ одушевленіемъ, съ проблескомъ пробудившагося гражданскаго чувства. Приближался майскій праздникъ.

Жандармы теряли головы, не знали, чѣмъ предотвратить надвигающуюся бурю. Начали сажать въ тюрьмы безъ всякаго разбора рабочихъ, интеллигентовъ, учениковъ, мужчинъ, женщинъ. Такъ какъ Комитетъ началъ выпускать одну за другой прокламаціи, отпечатанныя довольно чисто, то жандармы направили все свое вниманіе на типографіи. Каждая типографія была осаждена шпіонами; еженедѣльно обыскивали наборщиковъ, но все безуспѣшно: при обыскахъ ничего не находили. Тогда начали арестовывать типографскихъ рабочихъ безъ всякаго повода. Закрыли одну типографію, хотя ничего въ ней не нашли. Былъ обыскъ въ ред. „Нов. Обозрѣнія" и грузинской газеты „Квали", и хотя тамъ ничего не нашли, тѣмъ не менѣе арестовали нѣсколькихъ сотрудниковъ — И. Франческо и С. Джибладзе. Изъ арестованныхъ называли: рабочихъ Цервадзе, Бинановъ, Вадачкорія, Хуцевъ, Алшевскій, Петровъ, Хатисовъ, Егоровъ, Сулхановъ, Шарадзе, Флегентовъ, Яшвили, Чантладзе, Майсурадзе, Абрамишвили (15-лѣтній мальчикъ), Никаноровъ, Крыловъ, Береаняковъ (выдавалъ), Гогуа, Стуруа и проч. и проч.; изъ интелл. Простосердовъ, Домостроевъ, Мещеринъ, Пушкаревъ, Перетцъ, Курнатовскій, Скорняковъ, Комадзе (2 брата), Каландадзе (2 бр.), Жардинія (сотруд. „Квали"), Командаришвили, Цулукидзе и др.

Майскій праздникъ прошелъ удачно. Арестованные по дѣлу демонстраціи 70 чел., кромѣ одного, Макалидзе, были выпущены къ 20 октября. Въ маѣ и іюнѣ имѣли мѣсто стачки на механическихъ заводахъ Ярослава и К° (500 раб.), Рукса (200 раб.), Котрини (150 раб.), Гауфа (50 раб.). Во всѣхъ стачкахъ было выставлено требованіе сокращенія рабочаго дня съ 10½ час. до 10, увеличеніе заработной платы на 10-20%, улучшеніе положенія учениковъ и урегулированіе получки платы. Кромѣ завода Ярослава, стачки окончились въ пользу рабочихъ, а на заводѣ Ярослава проиграли благодаря насилію жандармовъ (согнали до 30 чел. въ мастерскія и заставили работать; остальные подались). Стачки эти продолжались 17 дней; розданы были по этому случаю прокламаціи Комитета на грузинскомъ и русскомъ яз.

18 августа забастовали 250 чел. кучеровъ и кондукторовъ трамвая. Конка не выходила до 10 час. Видя такое упорство рабочихъ, администрація конки посадила контрольщиковъ и контролеровъ вмѣсто кондукторовъ и кучеровъ и выпустила десять вагоновъ. Подоспѣли жандармы и казаки и стачечниковъ заставили насильно работать. Каждый вагонъ сопровождали двое городовыхъ. Стачка проиграна на половину. Требовали сокращенія рабочаго дня съ 14 до 8 час. съ оставленіемъ той же платы. Рабочій день былъ сокращенъ до 9 час., но плату понизили на 10%.

Въ августѣ же забастовали на кожевенномъ заводѣ Адельханова рабочіе числомъ до 300 чел. (на всемъ заводѣ до 2000 раб.), тре-

---

надо умѣть указывать опасности и недостатки стихійнаго движенія, надо умѣть поднимать стихійность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могутъ совлечь движенія съ пути, опредѣляемаго взаимодѣйствіемъ среды и элементовъ, — это значитъ забывать ту азбучную истину, что сознательность участвуетъ въ этомъ взаимодѣйствіи и этомъ опредѣленіи. Католическіе и монархическіе рабочіе союзы въ Европѣ — тоже необходимый результатъ взаимодѣйствія среды и элементовъ, но только участвовала въ этомъ взаимодѣйствіи сознательность поповъ и Зубатовыхъ, а не сознательность соціалистовъ. Теоретическіе взгляды авторовъ письма (какъ и „Раб. Дѣла") представляютъ изъ себя не марксизмъ, а ту пародію на него, съ которой носятся наши „критики" и бернштейніанцы, не понимающіе, какъ связать стихійную эволюцію съ сознательной революціонной дѣятельностью.

Это глубокое теоретическое заблужденіе необходимо приводитъ, въ переживаемый нами моментъ, къ величайшей тактической ошибкѣ, которая уже причинила и причиняетъ неисчислимый вредъ русской соціалдемократіи. Дѣло въ томъ, что стихійный подъемъ и рабочей массы и (благодаря ея вліянію) другихъ общественныхъ слоевъ происходитъ въ послѣдніе годы съ поразительной быстротой. „Матеріальные элементы" движенія выросли гигантски даже по сравненію съ 1898 г., но сознательные руководители (соціалдемократы) отстаютъ отъ этого роста. Въ этомъ — основная причина переживаемаго русской соціалдемократіей кризиса. Массовому (стихійному) движенію не достаетъ „идеологовъ", настолько подготовленныхъ теоретически, чтобы быть застрахованными отъ всякаго шатанія, не достаетъ руководителей, обладающихъ такимъ широкимъ политическимъ кругозоромъ, такой революціонной энергіей, такимъ организаторскимъ талантомъ, чтобы создать на базисѣ новаго движенія боевую политическую партію.

Все это, однако, было бы еще полъ-бѣды. И теоретическія знанія, и политическій опытъ, и организаторская ловкость, — все это вещи наживныя. Была бы только охота учиться и вырабатывать въ себѣ требуемыя качества. Но вотъ съ конца 1897 г. и особенно съ осени 1898 г. подняли въ русской соціалдемократіи голову такіе люди и такіе органы, которые не только закрывали глаза на этотъ недостатокъ, но и объявили его особой добродѣтелью, которые возвели въ теорію преклоненіе и рабольпство передъ стихійностью, которые стали проповѣдывать, что соціалдемократы должны не идти впереди, а тащиться въ хвостѣ движенія. (Къ этимъ органамъ принадлежала не только „Раб. Мысль", но и „Раб. Дѣло", начавшее съ „теоріи стадій" и кончившее принципіальной защитой стихійности, „полноправности движенія въ настоящемъ", „тактики-процесса" и проч.)

Вотъ это уже была настоящая бѣда. Это было образованіемъ особаго направленія, которое принято называть экономизмомъ (въ широкомъ смыслѣ слова) и котораго основная черта состоитъ въ непониманіи и даже защитѣ отсталости, т. е., какъ мы уже объяснили, отсталости сознательныхъ руководителей отъ стихійнаго подъема массъ. Это направленіе характеризуется: въ принципіальномъ отношеніи — опошленіемъ марксизма и безпомощностью передъ современной „критикой", этой новѣйшей разновидностью оппортунизма; въ политическомъ отношеніи — стремленіемъ сузить или размѣнять на мелочи политическую агитацію и политическую борьбу, непониманіемъ того, что, не взявъ въ свои руки руководства общедемократическимъ движеніемъ, соціалдемократія не сможетъ свергнуть самодержавіе; въ тактическомъ отношеніи — полной неустойчивостью („Раб. Дѣло" весной въ недоумѣніи остановилось передъ „новымъ" вопросомъ о террорѣ и только полгода спустя, послѣ ряда колебаній, высказалось въ очень двусмысленной резолюціи противъ него, волочась, какъ и всегда, въ хвостѣ движенія); въ организаціонномъ отношеніи — непониманіемъ того, что массовый характеръ движенія не только не ослабляетъ, а, напротивъ, усиливаетъ нашу обязанность создать крѣпкую и централизованную организацію революціонеровъ, способную руководить и подготовительной борьбой и всякимъ неожиданнымъ взрывомъ и, наконецъ, послѣднимъ рѣшительнымъ нападеніемъ.

Съ этимъ направленіемъ мы вели и будемъ вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами къ нему принадлежатъ. Они указываютъ намъ, что экономическая борьба подготовила участіе рабочихъ въ демонстраціяхъ. Да, и именно мы раньше всѣхъ и глубже всѣхъ оцѣнили эту подготовку, когда высказались еще въ декабрѣ 1900 г. (№ 1) противъ теоріи стадій, когда въ февралѣ (№ 2), тотчасъ послѣ отдачи студентовъ въ солдаты и еще до начала демонстрацій, призывали рабочихъ идти на помощь студентамъ. Февральскія и мартовскія событія не „опровергли страхи и опасенія Искры" (какъ думаетъ — „Раб. Дѣло", № 10, стр. 53 — Мартыновъ, обнаруживающій этимъ полное непониманіе дѣла), а всецѣло подтвердили ихъ, ибо руководители оказались позади стихійнаго подъема массъ, оказались неподготовленными къ исполненію своихъ обязанностей какъ руководителей. Подготовка эта и въ настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякіе толки о „переоцѣнкѣ роли идеологіи" или роли сознательнаго элемента по сравненію съ стихійнымъ и т. п. продолжаютъ оказывать самое вредное практическое вліяніе на нашу партію.

Такое же вредное вліяніе оказываютъ толки о томъ, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрѣнія, поменьше подчеркивать общность недовольства правительствомъ разныхъ слоевъ населенія. Напротивъ, мы гордимся тѣмъ, что „Искра" пробуждаетъ политическое недовольство во всѣхъ слояхъ населенія, и жалѣемъ только, что намъ не удается дѣлать это въ еще болѣе широкомъ размѣрѣ. Неправда, что мы затушевываемъ при этомъ классовую точку зрѣнія: ни одного конкретнаго примѣра такого затушевыванія авторы письма не указали и указать не смогутъ. Но, какъ передовой борецъ за демократію, соціалдемократія должна — вопреки мнѣнію „Раб. Дѣла", № 10, стр. 41 — руководить активной дѣятельностью различныхъ оппозиціонныхъ слоевъ, разъяснять имъ общее политическое значеніе ихъ частичныхъ и профессіональныхъ столкновеній съ правительствомъ, привлекать ихъ къ поддержкѣ революціонной партіи, должна вырабатывать изъ своей среды такихъ вождей, которые бы умѣли политически вліять на всѣ и всякіе оппозиціонные слои. Всякій отказъ отъ этой роли, въ какія бы пышныя фразы о тѣсной, органической связи съ пролетарской борьбой и т. п. онъ ни облекался, равносиленъ новой „защитѣ отсталости" соціалдемократовъ, отсталости отъ подъема демократическаго общенароднаго движенія, равносиленъ передачѣ руководящей роли въ руки буржуазной демократіи. Пусть авторы письма пораздумаютъ надъ тѣмъ, почему это весеннія событія вызвали такое оживленіе революціонныхъ несоціалдемократическихъ направленій, вмѣсто того, чтобы вызвать усиленіе авторитета и престижа соціалдемократіи!

Мы не можемъ не возстать также противъ поразительной близорукости, которую обнаруживаютъ авторы письма по вопросу о полемикѣ и междоусобной брани среди эмигрантовъ. Они повторяютъ старые пустяки о „неприличіи" посвященія статьи о Зубатовѣ „Раб. Мысли". Не вздумаютъ-ли они отрицать того, что распространеніе экономизма облегчаетъ задачу гг. Зубатовымъ? Только это мы и говоримъ, отнюдь не „отождествляя" тактику экономистовъ и тактику Зубатова. А что касается „эмигрантовъ", то если бы авторы письма не были такъ непростительно безпамятны на счетъ преемственности идей въ русской соціалдемократіи, то имъ было бы извѣстно, что предостереженія „эмигрантовъ", именно группы „Осв. Труда", на счетъ экономизма оправдались самымъ блистательнымъ образомъ. А то, вотъ послушайте, какъ судилъ дѣйствовавшій въ 1852 г. среди рейнскихъ рабочихъ Лассаль о спорахъ въ лондонской эмиграціи:

„Едва-ли — писалъ онъ Марксу — со стороны полиціи встрѣтятся затрудненія къ изданію твоего сочиненія противъ „великихъ людей", Кинкеля, Руге и др... Правительство, я полагаю, даже радо появленію такихъ сочиненій, ибо оно думаетъ, что „революціонеры перегрызутъ сами себя". Что партійная борьба придаетъ партіи силу и жизненность, что величайшимъ доказательствомъ слабости партіи является ея расплывчатость и притупленіе рѣзко обозначенныхъ границъ, что партія укрѣпляется тѣмъ, что очищаетъ себя, — этого чиновническая логика не подозрѣваетъ и не опасается" (Изъ письма Лассаля къ Марксу, 24 іюня 1852 г.).

Къ свѣдѣнію всѣхъ, столь многочисленныхъ нынѣ, прекраснодушныхъ противниковъ рѣзкости, непримиримости, полемическаго задора и проч.!

Въ заключеніе замѣтимъ, что мы могли здѣсь только бѣгло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору ихъ мы посвятимъ особую брошюру, которая выйдетъ въ свѣтъ, мы надѣемся, мѣсяца черезъ полтора.

бовали увеличенія рабочей платы на 25% и улучшенія условій труда. Стояли шесть дней. Кончилась стачка въ пользу рабочихъ. Арестовъ не было. Въ августѣ же забастовали набивщики и мундштучники табачной фабрики Базардоніанца (всего 500 раб., забастовало 100 чел.), требовали увеличенія платы и улучшенія матеріала для папиросъ (требовали, чтобы табакъ выдавался не сильно крошенный). Стачка проиграна; стояли шесть дней. Были аресты.

Аресты продолжаются и въ послѣднее время; съ арестантами обращаются скверно. Прокуроръ не присутствуетъ на допросахъ. Рабочихъ ругаютъ, покрикиваютъ, даже бьютъ (особенно отличается звѣрскими выходками ротмистръ Лавровъ).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХЪ РАБОЧИХЪ ПО ОБРАБОТКѢ СТАЛИ (STEELWORKERS).

Когда наши радикалы изъ буржуазной среды, апостолы мирныхъ реформъ и другіе благодѣтели рода человѣческаго трактуютъ о томъ, что въ Америкѣ, молъ, нѣтъ классовъ, что здѣсь въ этомъ отношеніи все обстоитъ благополучно, никто изъ насъ больше этому не удивляется, — вѣдь затѣмъ эти господа и существуютъ, чтобы не знать и не понимать, что вокругъ нихъ происходитъ. Но очень страннымъ и непонятнымъ покажется всякому, если сказать, что и въ рабочей средѣ очень долго эта легенда находила и, пожалуй, еще и въ настоящее время находитъ благопріятную почву. Ведя почти не прекращающуюся борьбу противъ своихъ непосредственныхъ враговъ — капиталистовъ, американскіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса, въ многочисленныхъ мелкихъ стычкахъ своихъ съ капиталистами не замѣчаютъ классового характера своей борьбы, не въ состояніи подняться на высоту его пониманія. Этимъ можно объяснить, почему въ Америкѣ, странѣ крупнаго капитала и гигантскихъ традъ-юніоновъ, политическая организація пролетаріата лишь теперь начинаетъ выходить изъ своего зародышеваго состоянія. Но прогрессъ капиталистическаго развитія, сильно измѣняющій характеръ отношеній и борьбы рабочихъ съ капиталистами, безпощадно разрушаетъ вредныя иллюзіи рабочихъ. Теперь чуть-ли не каждая стачка расширяетъ ихъ кругозоръ и будитъ классовое сознаніе.

Стачки рабочихъ у насъ самое заурядное явленіе. Но бываютъ разныя стачки. Десятки и сотни ихъ проходятъ совершенно незамѣтно, не возбуждая ни въ комъ, кто непосредственно не заинтересованъ въ нихъ, никакого рѣшительно интереса. Другое дѣло — крупныя стачки; онѣ не только привлекаютъ къ себѣ всеобщій интересъ, но и отодвигаютъ на задній планъ всѣ другіе вопросы общественной жизни и политики, о нихъ только и пишутъ и говорятъ. И не мудрено — въ этихъ стачкахъ экономическая борьба рабочихъ проявляется въ самой рѣзкой своей формѣ; въ нихъ втягиваются въ сферу борьбы рабочіе разныхъ профессій; въ этой борьбѣ ставится на карту благосостояніе десятковъ и сотенъ тысячъ рабочихъ семействъ; а съ другой стороны, отъ нея сильно страдаютъ интересы крупнаго капитала. Каждая такая стачка нѣкоторымъ образомъ потрясаетъ основы капиталистическаго общества.

Очень понятно, что такого рода стачки и на рабочія массы оказываютъ свое вліяніе. Съ одной стороны, организація помощи стачечникамъ скрѣпляетъ узы солидарности рабочихъ, а съ другой — ревъ и вой капиталистической прессы, проявленіе враждебности къ борющимся рабочимъ со стороны всѣхъ капиталистовъ и, наконецъ, вмѣшательство власти не могутъ не влiять на развитіе классового сознанія рабочихъ.

Стачка рабочихъ по обработкѣ стали (Steelworkers) и была одной изъ такихъ крупныхъ стачекъ. Хотя она ни количествомъ участвовавшихъ въ ней рабочихъ, ни продолжительностью, ни своимъ результатомъ не отличалась многимъ отъ такихъ же бывшихъ до нея стачекъ, тѣмъ не менѣе она возбудила больше толковъ и обратила на себя болѣе сильное вниманіе какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны капиталистовъ. Дѣло въ томъ, что въ этой стачкѣ столкнулись лицомъ къ лицу, съ одной стороны, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и хорошо-организованныхъ традъ-юніоновъ — соединененная ассоціація рабочихъ по обработкѣ стали (Amalgamated steelworkers association), а съ другой — самая могущественная и богатая въ Америкѣ, а, пожалуй, и въ мірѣ, капиталистическая организація — такъ-наз. „трэстъ*) съ двумя билліонами долларовъ" (two billion dol. trust), во главѣ котораго стоитъ самый крупный финансовый дѣятель Пьерронтъ Морганъ и въ которомъ участвуютъ самые крупные капиталисты Америки. Это была схватка, въ которой мѣрялись силой на полѣ экономической борьбы пролетаріатъ и капиталисты Америки въ лицѣ самыхъ сильныхъ своихъ отрядовъ.

Поводомъ къ стачкѣ послужилъ вопросъ болѣе принципіальнаго, чѣмъ экономическаго свойства — „Ассоціація" требовала себѣ права организовать всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, работающихъ на заводахъ траста. Дѣло въ томъ, что, когда всѣ заводы по обработкѣ стали, желѣза и жести соединились въ трэстъ, рабочіе не всѣхъ заводовъ принадлежали къ рабочей организаціи. Пока заводы эти принадлежали отдѣльнымъ компаніямъ, „Соединенная Ассоціація" имѣла дѣло съ каждой изъ нихъ, независимо отъ того, каковы ея отношенія къ другимъ заводамъ: одни заводы были юніонистскими, другіе — нѣтъ. Съ соединеніемъ же всѣхъ отдѣльныхъ компаній въ одну положеніе вещей значительно измѣнилось. Выходило, что одинъ и тотъ же работодатель по отношенію къ одной части своихъ рабочихъ признаетъ организацію, по отношенію къ другой — нѣтъ. Вожди рабочей организаціи справедливо опасались, что такого рода двойственное отношеніе скверно отразится на ихъ организаціи. Трэстъ можетъ воспользоваться неорганизованными рабочими, чтобы постепенно замѣщать ими организованныхъ; съ другой стороны, совмѣстная работа организованныхъ съ неорганизованными можетъ деморализующимъ образомъ вліять на самую организацію, ослабляя узы солидарности ея членовъ. Такъ или иначе, но „Соединенная Ассоціація" должна была предпринять что-нибудь въ этомъ направленіи. Всѣ попытки организовать неорганизованныхъ рабочихъ ни къ чему не привели, хотя послѣдніе этого очень желали: трэстъ этого не допускалъ. Начались переговоры, которые капиталисты умышленно затягивали, но изъ всѣхъ этихъ переговоровъ ничего не вышло. Во время переговоровъ на одномъ изъ заводовъ трэста нѣсколькимъ десяткамъ рабочихъ отказали отъ работы за то, что они присоединились къ юніону. Этимъ была брошена перчатка „Ассоціаціи" — и она послѣ этого не могла молчать. Была созвана конференція ея представителей и тамъ рѣшили, что „Ассоціація" должна добиваться, чтобы всѣмъ рабочимъ были даны одинаковыя права организоваться и чтобы скала поденной платы, установленная „Ассоціаціей" и принятая трэстомъ, одинаково примѣнялась на всѣхъ безъ исключенія заводахъ трэста. Это былъ сигналъ къ битвѣ.

Рабочіе прекрасно понимали, что, объявляя стачку, они затѣваютъ очень серьезную и трудную борьбу, — борьбу, которая при томъ можетъ продолжаться очень долго, можетъ истощить всѣ средства ихъ боевой кассы, сломить и ослабить самую организацію. Зная все это, рабочіе все-таки шли въ битву, и рѣдко стачка начиналась здѣсь съ такой рѣшительностью и энтузіазмомъ, какъ въ этотъ разъ.

Впослѣдствіи, во время полнаго разгара битвы, капиталисты, чтобы свалить съ себя отвѣтственность за стачку, утверждали, что имъ невозможно было удовлетворить требованія рабочихъ, такъ какъ неорганизованные рабочіе сами не имѣли никакого желанія присоединиться къ Ассоціаціи. Это чисто голословное, ни на чемъ не основанное утвержденіе. И капиталисты сами знаютъ, что это не такъ. Когда еще до начала стачки, во время переговоровъ, нѣчто подобное было сказано представителямъ Ассоціаціи, то въ отвѣтъ на это почти всѣ неорганизованные рабочіе изъявили желаніе присоединиться къ Ассоціаціи. Въ одной своей рѣчи во время стачки президентъ Ассоціаціи, Шеферъ, коротко и ясно формулировалъ требованія рабочихъ: „Мы никогда не просили предпринимателей, заявилъ онъ, заставлять своихъ неорганизованныхъ рабочихъ организоваться." Наша организація вообще не желала бы имѣть среди своихъ членовъ людей, которые присоединились къ ней по принужденію. Пусть предприниматели вычеркнутъ изъ контракта, который они навязываютъ своимъ неорганизованнымъ рабочимъ, ту его часть, которая обязываетъ послѣднихъ не поступать въ юніоны, и мы будемъ вполнѣ удовлетворены, мы отъ нихъ ничего больше не потребуемъ". Но именно этого капиталисты не хотѣли; для нихъ это требованіе сводилось къ слѣдующему: должны-ли предприниматели управлять своими заводами, или рабочіе будутъ имъ диктовать, какъ себя тамъ вести?

Стачка была формально объявлена 15 іюля. Администрація рабочихъ выслала для начала лишь нѣсколько отрядовъ своей арміи въ томъ разсчетѣ, что капиталисты будутъ готовы на уступки, какъ только увидятъ, что рабочіе начинаютъ серьезную борьбу. Сначала показалось бы, что соображенія рабочихъ довольно основательны — капиталисты сейчасъ же изъявили согласіе на конференцію съ представителями рабочихъ. Но и эта конференція ни къ чему не привела. Соглашаясь на нѣкоторыя мелкія уступки въ частностяхъ, капиталисты въ основномъ пунктѣ, — въ признаніи за Ассоціаціей права организовать рабочихъ — не сдавались. Ничего не оставалось, такимъ образомъ, какъ продолжать стачку. Послѣ неудавшейся конференціи съ капиталистами энтузіазмъ и охота къ борьбѣ еще въ большей степени охватили рабочихъ, и не только тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ Ассоціаціи, но и членовъ другихъ рабочихъ юніоновъ. Въ тотъ моментъ стачка могла бы распространиться и на другія отрасли производства, связанныя съ производствомъ стали. Если бы, напр., рабочіе на другихъ заводахъ и фабрикахъ отказались обрабатывать сталь, желѣзо и жесть, получаемыя на заводахъ трэста, или, если бы желѣзно-дорожные рабочіе отказались перевозить матеріалы трэста, — несомнѣнно, это обстоятельство заставило бы управленіе трэста серьезнѣе призадуматься и — кто знаетъ — можетъ быть, оно проявило бы большую уступчивость. Но Шеферу неудобно было до такой степени утилизировать симпатіи другихъ рабочихъ организацій въ виду того, что къ тому времени еще не всѣ рабочіе собственной организаціи, „Соединенной Ассоціаціи по обработкѣ стали", были призваны къ стачкѣ. Всѣ ждали со дня на день, что вотъ забьютъ общую тревогу и всѣ до единаго члены ассоціаціи будутъ вызваны къ фронту. Но Ассоціація медлила, разсчитывая, очевидно, болѣе на силу своихъ дипломатическихъ переговоровъ, чѣмъ на активную борьбу рабочихъ. Драгоцѣнное время пока проходило, а съ нимъ значительно уменьшались шансы рабочихъ. Энтузіазмъ борьбы, который первоначально охватилъ такимъ яркимъ пламенемъ рабочія массы, началъ порядкомъ остывать. Когда пару недѣль спустя президентъ Ассоціаціи, Шэферъ, выпустилъ прокламацію, въ которой объявлялась генеральная стачка Ассоціаціи, она не имѣла уже большого эффекта. Ясно было, что стачка потеряна. Рабочіе, однако, долго еще не складывали оружія, долго еще боролись, не желая сдаться. Черезъ три мѣсяца послѣ начала стачки была опять созвана конференція капиталистовъ и рабочихъ, гдѣ сошлись на такъ-наз. компромиссѣ, равносильномъ полному пораженію рабочихъ. Какъ и на первой конференціи, капиталисты уступили въ мелочахъ, а въ вопросѣ о правѣ рабочихъ организоваться они настаивали на своемъ.

Стачка эта охватила всю отрасль производства стали, желѣза и жести и была распространена въ районѣ нѣсколькихъ штатовъ: Пенсильванія, Висконсинъ, Огайо, Иллинойсъ и др. Число участвовавшихъ въ стачкѣ рабочихъ едва-ли превышало сто тысячъ.

По окончаніи стачки очень рѣзко нападали на Шэфера, считая его отвѣтственнымъ за ея пораженіе. Теперь, конечно, легче и удобнѣе находить недостатки и критиковать, чѣмъ совершить самое дѣло. Тѣмъ не менѣе, надо признать, что упреки, которые дѣлались ему, не совсѣмъ лишены основанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Шэферъ вполнѣ честный и въ высшей степени преданный дѣлу рабочихъ человѣкъ. Но этого недостаточно для веденія крупныхъ стачекъ; для этого еще требуется болѣе серьезное пониманіе силы и характера своего противника и, главное, болѣе рѣшительности. Вообще говоря, побѣда рабочихъ въ чисто экономической борьбѣ становится тѣмъ менѣе возможной, чѣмъ крупнѣе капиталистическое предпріятіе, съ которымъ они сталкиваются, и шансы ея достигаютъ крайняго своего минимума, когда борьба происходитъ между рабочими и трэстами, монополизировавшими извѣстное производство. Помимо того, что такого рода крупныя предпріятія и трэсты имѣютъ въ запасѣ громадныя средства и очень мало опасаются конкурренціи въ своей отрасли производства, въ каждой крупной стачкѣ на исходъ борьбы рѣшающее вліяніе имѣютъ факторы, выходящіе изъ узкихъ предѣловъ чистой „экономики". Капиталисты признаютъ „политику", и въ ихъ рукахъ она является самымъ могущественнымъ оружіемъ въ борьбѣ, хотя бы „чисто" экономической, противъ рабочихъ. Какъ только здѣсь начинается крупная стачка, сейчасъ же на сцену является армія спеціально назначенныхъ полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, за ней слѣдуетъ милиція, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр., въ знаменитой стачкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Чикаго въ 1894 г., и регулярная армія Союза. Все это обыкновенно дѣлается подъ предлогомъ оберегать собственность предпринимателей, а на самомъ дѣлѣ съ исключительной цѣлью провоцировать рабочихъ къ необдуманнымъ поступкамъ. Если же рабочіе все-таки не подаютъ повода для вмѣшательства властей и крутыхъ мѣръ, то на сцену являются услужливые судьи, которые цѣлымъ рядомъ совершенно произвольныхъ спеціальныхъ рѣшеній запрещаютъ рѣшительно все, что имъ необходимо для болѣе или менѣе успѣшной борьбы съ капиталистами. Имъ запрещаютъ, напр., имѣть на улицахъ своихъ представителей, на обязанности которыхъ лежитъ внушать вновь пріѣзжающимъ рабочимъ не занимать мѣста стачечниковъ; запрещаютъ имъ собираться въ извѣстныхъ мѣстахъ, арестовываютъ ихъ лидеровъ (вожаковъ, ораторовъ на сходкахъ и т. п.). Вести при такихъ условіяхъ стачку, особенно если она очень затягивается, очень и очень не легко.

Во всякомъ случаѣ рабочіе больше выиграли бы, если бы Шэферъ менѣе полагался бы на силу своей дипломатіи и добрую волю противниковъ, а сразу, безъ всякихъ околичностей и затяжекъ, вызвалъ бы всѣхъ своихъ рабочихъ на стачку. Эффектъ былъ бы громадный. Это сразу остановило бы все производство въ данной отрасли. Капиталистамъ невозможно было бы наскоро найти столькихъ рабочихъ и при томъ настолько знающихъ свое дѣло, чтобы поставить ихъ на мѣсто стачечниковъ. Если бы удары рабочей организаціи были нанесены съ такой быстротой и рѣшительностью, энтузіазмъ и симпатіи другихъ рабочихъ организацій могли бы быть больше утилизированы и — кто знаетъ, исходъ стачки, быть можетъ, былъ бы нѣсколько иной.

Мѣсто не позволяетъ описать здѣсь всѣ детали этой стачки. Она велась съ настойчивостью и энергіей съ обѣихъ сторонъ, не смотря на громадныя денежныя потери съ одной и обиліе жертвъ и всяческихъ лишеній, — съ другой стороны.

Наши рабочіе еще далеки отъ вѣрнаго и яснаго пониманія отношенія между ихъ экономической борьбой и независимой политической дѣятельностью рабочаго класса. Организовывая гигантскіе трэдъ-юніоны, ведя жестокую, почти не прекращающуюся чисто экономическую борьбу противъ своихъ эксплуататоровъ, они съ какой-то непонятной дѣтской наивностью отбиваются руками и ногами отъ соціалистической политики своего собственнаго класса. И потребуется еще, вѣроятно, не мало назидательныхъ уроковъ и много жертвъ, пока американскіе рабочіе поймутъ, что безсмысленно и преступно рабочимъ выбирать мэрами, губернаторами, судьями, законодателями и президентами людей, рекомендуемыхъ капиталистическими партіями, людей, которые пользуются своею властью лишь для того, чтобы обезпечить за капиталистами господство надъ рабочимъ классомъ.

Послѣдняя, описанная мною, стачка не мало будетъ способствовать выясненію этой истины въ головахъ рабочихъ, и въ этомъ отношеніи она далеко не потеряна для нихъ.

Политическая свобода — могучее оружіе въ рукахъ рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ капиталистами, но только въ томъ случаѣ, когда рабочіе хотятъ и умѣютъ имъ пользоваться. С. И.

---

*) Трэстъ — то же, что синдикатъ (или картель), организація фабрикантовъ для совмѣстнаго установленія размѣровъ производства, цѣнъ продуктовъ и проч. Ред.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Изъ Сибири. Въ концѣ мая черезъ Красноярскъ прошла партія политическихъ каторжанъ: М. Лаговскій (8 л.) и осужденные по дѣламъ объ убійствѣ шпіоновъ въ Польшѣ: Езіоровскій (вѣчн.), Гервинскій (20 л.), Глинскій (20 л.), Мрозикъ, Карчъ и Кравчикъ (по 15 л.) — Въ серединѣ лѣта въ Енисейскую губ. прибыла партія въ 18 чел. политическихъ ссыльныхъ: Девенишскій изъ Вильно и М. Вальденбургъ, жена его — оба въ с. Тасѣево, Канскаго уѣзда; Як. Пескинъ изъ Двинска туда же; В. Булкинъ, изъ Вильно, въ Троицко-Заозерское, Канскаго уѣзда; М. Закъ, В. Рубинштейнъ, Эстеръ Лясъ, изъ Вильно, въ с. Ирбейское, Канскаго у.; Іосифъ Ленскій, изъ Вильно, Ис. Гольдинъ, изъ Двинска, туда же; Шифра Рабиновичъ, изъ Двинска, въ с. Рыбинское, Канскаго у.; Т. Аркусская, изъ Вильно, Хана Коганъ, изъ Двинска, въ село Ужуру, Ачинскаго у.; М. Екельчикъ, изъ Ковно, въ с. Маклаковское, Енисейскаго у.; Б. Мерклингъ и Ш. Блюменфельдъ, изъ Ковно, въ с. Казачинское, Енисейскаго у.; Ш. Аксельродъ, изъ Двинска, въ село Пинчугу, Енисейскаго у.; Алта Зильберштейнъ, изъ Двинска, въ с. Анциферо, Енис. у. и В. Вайнштейнъ, изъ Двинска, въ с. Богучаны, Енисейскаго у. Всѣ сосланы въ „охранномъ" порядкѣ на два-три года. Дѣло начато было арестами въ Минскѣ, ок. новаго года; послѣ аресты были въ Двинскѣ, Ковно, Вильнѣ и Варшавѣ. У 18 товарищей, нынѣ сосланныхъ, была найдена нелег. литература, у нѣкоторыхъ взяты письма. На основаніи этихъ данныхъ и шпіонскихъ показаній обвиняемые причислены къ „Еврейскому Союзу".

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой партіи прошла еще одна въ составѣ 5 человѣкъ: Ш. Коганъ, Аб. Мельниковъ, Б. Дейчъ, О. Левинъ и О. Рудеикъ. Черезъ Верхоленскъ въ концѣ іюля прошла партія въ 13 чел.: 1) купецъ Баневуръ изъ Вильно съ женой на 4 года въ Верхоленскъ (дѣло „Бунда" 1898 г.); 2) приказчикъ Блюмбергъ изъ Вильны за демонстрацію, на 6 лѣтъ въ Якутскъ; 3) кровельщикъ Веркапъ, съ женой и ребенкомъ, за ту же демонстрацію, на 6 лѣтъ въ Якутскъ; 4) Гальперинъ, на 5 лѣтъ въ Знаменку, Иркутской губ. (страдаетъ маніей преслѣдованія и почти слѣпой); 5) акушерка Розенбергъ, на 5 лѣтъ въ Олекминскъ по уральскому соц.-дем. дѣлу; 6) садовникъ Королевскій, на 5 лѣтъ въ Знаменку (по дѣлу объ убійствѣ шпіона въ Ченстоховѣ); 7) красильщикъ Клобуковскій, съ женой и ребенкомъ, на 5 лѣтъ туда же (дѣло объ убійствѣ шпіона въ Варшавѣ) 8) Пекаржъ, съ жен. и ребенк., въ Макаровскую вол. Киренск. у. на 4 года (по тому же дѣлу); 9) Бергеръ на 5 л. въ Бирюльскъ (Ченст. дѣло); 10) Клиневскій (изъ Польши) на 6 лѣтъ въ Киренскій округъ; 11) Русиновъ въ Бирюльскъ; 12) Смирновъ, въ Чечуйскъ и 13) Лысикъ, въ Ишимскъ, — всѣ на пять лѣтъ по дѣлу о покушеніи на ограбленіе кассы съ политическими цѣлями (послѣ 1 года предварительнаго заключенія въ „Крестѣ").

У политическихъ ссыльныхъ К. Солодухо (дѣло съѣзда Рос. партіи) и литератора П. Теплова произведены обыски по доносу одного уголовнаго. Найдены паспорта и нелегальная литература. Обыски были по дорогѣ въ Вилюйскъ.

Саратовъ. Въ ночь съ 25 на 26 октября были обыски и аресты среди рабочихъ и интеллигенціи: 12 обысковъ, 5 арестовъ.

Обысканы: рабочіе Ефимовъ Александръ, Зайцевъ, Тимашевъ, Конатчивъ Семенъ, Морозовъ, Муриновъ, Шепелевъ С. П., Шамбаровъ, Кирѣевъ, Романовъ, В. П. Ефимовъ (перевелся изъ Вятки), Алабинъ и еще двое.

Арестованы: С. П. Шепелевъ, Романовъ, Кирѣевъ, Шамбаровъ, В. П. Ефимовъ (чертежникъ въ управленіи Р. У. Общ.) Обыски произошли совершенно случайно: Романовъ, Шамбаровъ, Кирѣевъ, изъ-за недоразумѣнія, возникшаго между ними, были препровождены въ участокъ, гдѣ обысканы, и у одного изъ нихъ, Романова, найденъ номеръ „Раб. Газ". Шамбарова освободили и потомъ тотчасъ же накрыли дома и нашли 5 ном. „Раб. Газ." Кирѣева взяли за то, что былъ въ компаніи. Вслѣдъ за этимъ были произведены обыски на основаніи собранныхъ полиціей свѣдѣній (В. П. Ефимовъ, Алабинъ, С. П. Шепелевъ были поднадзорными, а потому полиціи, конечно, было извѣстно, кто куда ходилъ и къ кому). Всѣ эти аресты, впрочемъ, какъ намъ сообщаютъ, нисколько не отразились на редакціи и рабочемъ комитетѣ „Раб. Газеты".

8-го октября на русской границѣ въ Вержболовѣ арестована В. М. Величкина и отвезена въ Д. П. З. въ СПБ.

Въ Томскѣ арестованъ докторъ Павловъ, начальникъ переселенческаго участка, его жена и еще чел. 5-6. Одновременно съ этимъ шли аресты по всей линіи Сиб. ж. д. Всѣхъ арестованныхъ свозятъ въ Томскъ. Держатъ очень строго, не даютъ даже свиданій съ родными.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Вяткѣ и Слободскомъ былъ рядъ обысковъ. Между прочимъ, въ Слободскомъ у Фельдмана (ссыльн.), К. Мельницкаго (ссыльн.) и Василевскаго; въ Вяткѣ — у Бушена (стат.), Фіорарова, студ. Дубова, фельдш. слушат. Макаровой, Сазонова, студ. А. Вертячихъ, раб. ссыльныхъ Бортько и Вильямсона, земск. чертежника Семенова. Изъ нихъ Дубовъ, Фіораровъ и Макарова сидятъ въ тюремномъ замкѣ. Создано дѣло

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: изъ Волжской столицы 50 руб., изъ Н.-Новг. чер. С. 50 руб. — Нашимъ сѣверо-западнымъ представителемъ собр. отъ М. 75 р. и 7 р. 50 к.; за лит.: 20 руб., 13 р. 85 к., 2 р. 50 к. и 10 р., отъ группы содѣйствія 27 р. 50 к. (въ томъ числѣ отъ NN. 15 р.), итого 171 р. 88 к. — Московскимъ представителемъ получено за сентябрь: изъ Москвы 47 р. 50 к., изъ Вятки 65 руб., изъ стол. Поволжья 30 р., изъ Н.-Новг. 55 р., итого 197 р. 50 к. — Южнымъ отдѣломъ организаціи получено отъ Харьковскаго комитета 25 руб., за литературу 12 руб.

Кольцовымъ получено: изъ Миттв. за лит. 15 фр., изъ Льежа 10.70 фр., за „Искру" отъ инженера 13.50, на изд. Туна (съ реферата) 9 фр., отъ д-ра Б. за литер. 25 фр., изъ Вѣны 10.50 фр., всего 83.70 фр. — Отъ парижской группы 395 фр. — Изъ Л. 12.50 фр., изъ Цюриха 30.70 фр., изъ Dr. 50 мар., изъ Дармштадта „отъ не-социалдемократовъ" 8 марокъ.

Редакція „Зари" проситъ насъ сообщить, что 3 (16) декабря выходитъ № 2-3 „Зари" слѣдующаго содержанія:

Что же дальше? Г. Плеханова. — Почему мы не хотимъ идти назадъ? Ортодоксъ. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. — Критика нашихъ критиковъ. Г. Плеханова. — Соціалъ-демократія, какъ носительница національнаго освобожденія. Ю. Невзорова. — Всегда въ меньшинствѣ. О современныхъ задачахъ русской соціалистической интеллигенціи. Л. Мартова. — Cant противъ Канта или Духовное завѣщаніе г. Бернштейна. Г. Плеханова. — Современная весталка. (Изъ этюдовъ о современной журналистикѣ.) Ст. — Гг. „критики" въ аграрномъ вопросѣ. Н. Ленина. — Элементы идеализма въ соціализмѣ. В. Засуличъ. — Библіографія. — Внутреннее обозрѣніе. Т. Х. — Любекскій партейтагъ германской соціалдемократіи. Ignotus. — Обращеніе соціалистическаго международнаго секретаріата. — Стр. 428. Цѣна 3 рубля.

„Искра" будетъ теперь выходить два раза въ мѣсяцъ (разумѣется, если не встрѣтится непредвидимыхъ препятствій) въ объемѣ отъ одного до полутора печатныхъ листовъ.

Слѣдующій номеръ выйдетъ 20-го декабря.

Типографія „Искры".

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 13

20 ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА.

№ 13

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦІЙ.

Двѣ недѣли тому назадъ мы отмѣчали 25-лѣтіе первой соціально-революціонной демонстраціи въ Россіи 6 декабря 1876 г. на Казанской площади въ Петербургѣ и указывали на громадный подъемъ демонстраціоннаго движенія въ началѣ истекающаго года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить болѣе опредѣленный политическій лозунгъ, чѣмъ „Земля и Воля" (1876 г.), — болѣе широкое требованіе, чѣмъ „отмѣна Временныхъ Правилъ" (1901 г.). Такимъ лозунгомъ должна быть политическая свобода, такимъ общенароднымъ требованіемъ должно быть требованіе созыва народныхъ представителей.

И вотъ мы видимъ уже, что демонстраціи возобновляются по самымъ различнымъ поводамъ и въ Нижнемъ, и въ Москвѣ, и въ Харьковѣ. Возбужденіе повсюду растетъ, и необходимость объединить его въ одинъ потокъ противъ самодержавія, сѣющаго вездѣ произволъ, угнетеніе и насиліе, становится все настоятельнѣе. Въ Нижнемъ небольшая, но удачно сошедшая демонстрація 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горькаго. Европейски знаменитаго писателя, все оружіе котораго состояло — какъ справедливо выразился ораторъ Нижегородской демонстраціи — въ свободномъ словѣ, самодержавное правительство высылаетъ безъ суда и слѣдствія изъ его родного города. Башибузуки обвиняютъ его въ дурномъ вліяніи на насъ, — говорилъ ораторъ отъ имени всѣхъ русскихъ людей, въ комъ есть хоть капля стремленія къ свѣту и свободѣ, — а мы заявляемъ, что это было хорошее вліяніе. Опричники безчинствуютъ тайно, а мы сдѣлаемъ ихъ безчинства публичными и открытыми. У насъ бьютъ рабочихъ, отстаивающихъ свои права на лучшую жизнь, у насъ бьютъ студентовъ, протестующихъ противъ произвола, у насъ давятъ всякое честное и смѣлое слово! — Демонстрація, въ которой участвовали и рабочіе, закончилась торжественной декламаціей студента: „падетъ произволъ, и возстанетъ народъ, могучій, свободный и сильный!"

Въ Москвѣ Горькаго ждали на вокзалѣ сотни учащихся, но перепуганная полиція арестовала его среди пути въ вагонѣ, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрѣшеніе) въѣздъ въ Москву и заставила прямо проѣхать съ Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрація по поводу высылки Горькаго не удалась, но 18 числа произошла, безъ всякой подготовки, небольшая демонстрація студентовъ и „постороннихъ лицъ" (какъ выражаются наши министры) передъ домомъ генералъ-губернатора по поводу запрещенія вечера въ память Н. А. Добролюбова, со дня смерти котораго минуло 17 ноября 40 лѣтъ. Представитель самодержавной власти въ Москвѣ былъ освистанъ людьми, которымъ, какъ и всей образованной и мыслящей Россіи, дорогъ писатель, страстно ненавидѣвшій произволъ и страстно ждавшій народнаго возстанія противъ „внутреннихъ турокъ" — противъ самодержавнаго правительства. Исполнительный Комитетъ московскихъ студенческихъ организацій справедливо указывалъ въ своемъ бюллетенѣ отъ 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрація служитъ яснымъ показателемъ недовольства и протеста.

Въ Харьковѣ демонстрація, вызванная студенческими дѣлами, перешла уже въ настоящую уличную свалку, въ которой приняли участіе и не одни студенты. Опытъ прошлаго года не прошелъ для студентовъ даромъ. Они увидѣли, что только поддержка народа и главнымъ образомъ поддержка рабочихъ можетъ обезпечить имъ успѣхъ, а для пріобрѣтенія такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковскій Союзный Совѣтъ студенческихъ организацій прямо выразилъ это уже въ своей октябрьской прокламаціи. Да и студенты Петербурга, Москвы, Кіева, Риги и Одессы, какъ видно изъ ихъ листковъ и прокламацій, начали понимать всю „безсмысленность мечтаній" объ академической свободѣ при безпросвѣтномъ рабствѣ народа. Гнусная рѣчь ген. Ванновскаго въ Москвѣ, опровергавшаго „слухи", будто онъ что-то когда-то обѣщалъ; невиданная наглость сыщика въ Петербургѣ (схватившаго студента въ Электротехническомъ институтѣ, чтобы отнять у него полученное имъ черезъ посыльнаго письмо); дикое избіеніе полиціей ярославскихъ студентовъ на улицѣ и въ участкѣ, — все эти и тысячи другихъ фактовъ вопіяли о борьбѣ, борьбѣ и борьбѣ противъ всего самодержавнаго строя. Чашу терпѣнія переполнилъ случай съ харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицію объ удаленіи проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношеніе къ дѣлу, на невыносимую грубость, доходившую до бросанія программы въ лицо студентамъ! Правительство, не разобравъ дѣла, отвѣтило тѣмъ, что выбросило изъ института весь курсъ, да еще оболгало студентовъ въ своемъ сообщеніи, заявивъ, будто они требуютъ себѣ права назначать профессоровъ. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацію. 28 ноя — 2 дек. Харьковъ второй разъ въ этомъ году превратился въ поле сраженія „внутреннихъ турокъ" съ протестовавшимъ противъ самодержавнаго произвола народомъ. Клики: „долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода!", съ одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтанье народа лошадьми — съ другой стороны. Полиція и казаки, нещадно избивавшіе всѣхъ и каждаго, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали побѣду надъ безоружными и торжествуютъ...

Неужели мы дадимъ имъ торжествовать?

Рабочіе! Вамъ слишкомъ хорошо знакома та вражья сила, которая намывается надъ русскимъ народомъ. Эта вражья сила связываетъ васъ по рукамъ и ногамъ въ вашей ежедневной борьбѣ съ хозяевами за лучшую жизнь и за человѣческое достоинство. Эта вражья сила выхватываетъ сотни и тысячи вашихъ лучшихъ товарищей, бросая ихъ въ тюрьмы, отправляя въ ссылку и, точно въ издѣвку, объявляя еще ихъ „лицами порочнаго поведенія". Эта вражья сила 7 мая стрѣляла въ обуховскихъ рабочихъ въ Петербургѣ, поднявшихся съ кликомъ: „намъ нужна свобода!", — а потомъ еще устроила комедію суда, чтобы закатать на каторгу тѣхъ героевъ, которыхъ не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентовъ, завтра бросится съ еще большимъ озвѣрѣніемъ добивать васъ, рабочихъ. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякій протестъ и борьбу противъ башибузуковъ самодержавнаго правительства! Старайтесь всѣми средствами войти въ соглашеніе съ демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи свѣдѣній и распространенія воззваній; разъясняйте всѣмъ и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здѣсь и тамъ начинаютъ вспыхивать огоньки народнаго возмущенія и открытой борьбы, — всего прежде и всего болѣе нуженъ сильный притокъ свѣжаго воздуха, чтобы эти огоньки могли разгорѣться въ широкое пламя!

ПРАЗДНОВАНІЕ 25-ЛѢТІЯ ДЕМОНСТРАЦІИ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ И РЕВОЛЮЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

Въ прошломъ номерѣ „Искры" уже сообщено было, что въ этомъ мѣсяцѣ минуло 25 лѣтъ со времени первой большой манифестаціи, состоявшейся 6 (19) декабря 1876 г. въ СПБ. на Казанской площади. Съ этимъ событіемъ совпало и 25-лѣтіе выступленія на широкую политическую арену нашего товарища и учителя — Георгія Валентиновича Плеханова. По иниціативѣ группъ, сочувствующихъ „Лигѣ революціонной русской соціалдемократіи", въ нѣкоторыхъ университетскихъ городахъ Швейцаріи эта двойная годовщина была отпразднована собраніями. Разскажемъ вкратцѣ о женевскомъ праздникѣ, на которомъ присутствовалъ и самъ Г. В. Плехановъ.

Первая половина вечера, на который собралось около двухсотъ человѣкъ, была посвящена почти исключительно воспоминаніямъ о демонстраціи 6(19) декабря 1876 г. и лицамъ, пострадавшимъ за участіе въ ней. Предсѣдатель Д. Кольцовъ, открывъ собраніе краткой рѣчью о цѣли вечера, закончилъ его предложеніемъ почтить память всѣхъ участниковъ Казанской демонстраціи общимъ вставаніемъ. Когда присутствовавшіе послѣдовали этому предложенію, хоръ запѣлъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой". Затѣмъ членомъ „Лиги русской револ. соц.-дем." былъ прочитанъ довольно обстоятельный рефератъ о демонстраціи, имѣвшей мѣсто на Казанской площади 25 лѣтъ тому назадъ. Предпославъ краткій очеркъ пропагандистскаго движенія начала 70-хъ годовъ, референтъ изложилъ потомъ причины, вызвавшія эту демонстрацію и упомянулъ о послѣдовавшихъ за нею наиболѣе крупныхъ революціонныхъ фактахъ, вплоть до событій, происшедшихъ весной настоящаго года; въ заключеніе онъ указалъ на разницу въ характерѣ первой демонстраціи и послѣдней, состоявшейся спустя 25 лѣтъ на той же площади.

Рефератъ смѣнило пѣніе разныхъ революціонныхъ пѣсенъ. Послѣ непродолжительнаго перерыва, на піанино былъ сыгранъ грустный мотивъ въ память борцовъ „Народной Воли". Затѣмъ послѣдовали рѣчи, главнымъ образомъ посвященныя роли Г. В. Плеханова, какъ въ демонстраціи 6 декабря 1876 г., такъ и въ послѣдующихъ событіяхъ русскаго революціоннаго движенія, вплоть до нашихъ дней. Горячо, съ большимъ чувствомъ и искренностью говорили два представителя мѣстной учащейся молодежи, а также болгарскій студентъ и одинъ армянскій соц.-демократъ. Всѣ эти лица довольно подробно останавливались на указаніи того огромнаго значенія, какое Г. Плехановъ имѣлъ и продолжаетъ теперь имѣть на развитіе соц.-демократическихъ идей и революціоннаго рабочаго движенія не только въ Россіи, но и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представила рѣчь молодого болгарина, говорившаго отъ имени болгарскаго кружка. Онъ довольно подробно разсказалъ собравшимся о томъ громадномъ значеніи, какое имѣли сочиненія Г. Плеханова на умственное развитіе передовой интеллигенціи его родины, и въ этомъ отношеніи онъ сравнилъ роль Плеханова съ ролью наиболѣе выдающихся дѣятелей Болгаріи.

Рѣчи всѣхъ ораторовъ публика покрывала долго не смолкавшими аплодисментами, а также онѣ часто прерывались ими, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорившіе касались значенія и заслугъ Г. В. въ революціонномъ движеніи. Чѣмъ дальше раздавались поздравленія и привѣтствія Г. В., тѣмъ болѣе и болѣе воодушевлялась, замѣтно, публика. Видно было, что собравшіеся, отбросивъ разные мелкіе счеты, искренно цѣнятъ плодотворную дѣятельность Г. В., признаютъ въ немъ одного изъ самыхъ преданныхъ и непоколебимыхъ борцовъ за торжество соціализма не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

По окончаніи рѣчи болгарина, говорившаго послѣднимъ, раздались голоса, просившіе, чтобы Г. В. Плехановъ взялъ слово. Бурными аплодисментами собраніе встрѣтило его согласіе. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ изъ-за этихъ привѣтствій не могъ начать. Когда же онъ заговорилъ, то въ громадной залѣ воцарилась полнѣйшая тишина. Произнесенную имъ рѣчь мы, за отсутствіемъ мѣста, передадимъ лишь въ немногихъ словахъ.

Упомянувъ вначалѣ, что до этого вечера ему приходилось на собраніяхъ слышать одни лишь нападки, и поблагодаривъ говорившихъ и публику за выраженныя чувства и отношеніе къ нему теперь, Г. В. замѣтилъ, что сдѣланная здѣсь оцѣнка его личности преувеличенна, такъ какъ онъ дѣйствовалъ не одинъ, а совмѣстно съ другими. Затѣмъ онъ перешелъ на общую почву и подробно разсмотрѣлъ причины, вызывающія въ послѣднее время разногласія въ средѣ соціалдемократовъ не только дѣйствующихъ въ Россіи, но и въ разныхъ странахъ Зап. Европы. Главную причину этихъ разногласій Г. В. видитъ въ чрезвычайно быстромъ ростѣ соц.-демократической партіи, привлекающемъ въ ея ряды разные оппозиціонные и радикальные элементы. Теоретическими выразителями этихъ элементовъ и являются разные „критики" и „исправители" Маркса. Въ дѣйствительности же они доказываютъ, что не въ теоріи научнаго соціализма наступилъ кризисъ, а лишь то, что разнаго рода оппортюнистамъ чуждо пониманіе марксизма. Сдѣланный имъ, въ заключеніе, энергическій призывъ къ соединенію „науки съ рабочими", былъ покрытъ громомъ долго не смолкавшихъ рукоплесканій.

Затѣмъ предсѣдатель прочелъ нѣкоторыя изъ полученныхъ по почтѣ и телеграфу изъ разныхъ городовъ Зап. Европы поздравленій и привѣтствій, а затѣмъ прочитанъ былъ отъ группы сочувствующихъ адресъ, который вмѣстѣ съ портфелемъ и былъ поднесенъ Г. В. на память. Въ заключеніе хоръ спѣлъ нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ и, когда въ часъ ночи предсѣдатель закрылъ собраніе, молодежь, поднявъ Г. В., вынесла его на рукахъ.

Полученная подъ конецъ вечера телеграмма изъ Берна передавала привѣтствія и поздравленія Г. В. отъ собранія, на которомъ присутствовало 300 человѣкъ. Присутствовавшіе на этомъ собраніи старожилы русской колоніи утверждаютъ, что они не запомнятъ такого дружнаго и веселаго собранія. Аналогичнымъ образомъ прошло чествованіе 25-лѣтней дѣятельности Г. В. въ Парижѣ; въ Цюрихѣ же въ чествованіи приняли участіе только русскіе соціалдемократы.

Все вышеизложенное заставляетъ насъ думать, что для значительнаго контингента русскихъ уже наступило время безпристрастной оцѣнки роли наиболѣе выдающагося представителя русскаго революціоннаго соц.-демократизма. Мы надѣемся, поэтому, что не далекъ уже и тотъ моментъ, когда признаніе громадныхъ неоцѣнимыхъ заслугъ нашего товарища, Г. В. Плеханова, въ русскомъ революціонномъ движеніи, независимо отъ личныхъ счетовъ и партійныхъ соображеній, станетъ столь же всеобщимъ и единодушнымъ въ передовой части нашего общества, какимъ оно уже теперь сдѣлалось среди всѣхъ искреннихъ сторонниковъ рабочаго класса въ Россіи и въ зап.-европейскихъ странахъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Нижній-Новгородъ. Демонстрація по поводу высылки Максима Горькаго. 7-го ноября вечеромъ уѣхалъ изъ Нижняго на Москву Максимъ Горькій, высылаемый полиціей. „Въ виду вреднаго его вліянія на общество" (оффиціальная мотивировка) ему приказано было выѣхать въ Арзамасъ, маленькій уѣздный городокъ, но онъ, какъ человѣкъ, страдающій туберкулезомъ, просилъ разрѣшить ему поселиться въ Ялтѣ. Вмѣсто Ялты ему позволили поселиться въ какой-нибудь деревнѣ въ Крыму. 7 ноября въ городѣ была выпущена гектографированная прокламація за подписью „защитники народа противъ его угнетателей", которая начиналась словами: „Мы собрались здѣсь проводить знаменитаго, любимаго писателя М. Горькаго и выразить наше крайнее негодованіе по поводу того, что его высылаютъ изъ родного города". „У насъ бьютъ нагайками студентовъ — говорилось, между прочимъ, въ прокламаціи, — которые заступаются за простой народъ, бьютъ рабочихъ, которые хотятъ улучшить свое положеніе. У насъ преслѣдуютъ писателей, которые говорятъ правду и обличаютъ начальство. Мы хотимъ и будемъ бороться противъ такихъ порядковъ!"... Прокламація была распространена въ большомъ количествѣ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ города и во время проводовъ разбрасывалась на вокзалѣ.

„Провожать Горькаго — пишетъ одинъ очевидецъ — на вокзалъ явились, главнымъ образомъ, студенты, реалисты (преобладали), одинъ гимназистъ (я видѣлъ одного), одинъ институтецъ (мальчуганъ), семинаристы, довольно много земской интеллигенціи; по обыкновенію, не обошлось безъ случайной, сѣрой глазѣющей публики, которая, впрочемъ, всегда бываетъ небезучастна къ тому, при чемъ присутствуетъ, какъ и въ этотъ разъ. Представителей солидной, патентованной интеллигенціи было совсѣмъ мало (разъ-два, и обчелся). Эта „интеллигенція" чествовала Горькаго по своему — за печкой, съ тостами, рѣчами и закуской. Само собою разумѣется, въ качествѣ непремѣнныхъ, почетныхъ провожатыхъ присутствовали жандармы, въ большемъ противъ обыкновенія числѣ, сразу бросавшемся въ глаза. Кучку участниковъ проводовъ, т. е. тѣхъ, что стояли плотной группой, можно опредѣлить числомъ не меньше 60 чел. (Нашъ нижегородскій корреспондентъ опредѣляетъ число провожавшихъ приблизительно въ 150 человѣкъ. Ред.). Нужно замѣтить, что проводамъ не благопріятствовала погода — страшно бурная; на Окѣ вѣтеръ (вокзалъ черезъ Оку), снѣжный съ вихремъ, рвалъ и рѣзалъ; идти было трудно, никакой переправы еще не было: Ока не совсѣмъ стала.

„Я пришелъ на вокзалъ часовъ около пяти вечера. Горькій шелъ въ вагонъ, за нимъ плотная толпа съ пѣснями и напутствіями. До отхода поѣзда осталось не меньше получасу. Провожавшіе пѣли пѣсни: „Отречемся отъ стараго міра", „Смѣло, друзья, не теряйте бодрость въ неравномъ бою", „Дубинушку", „Депутатамъ отъ сословій", „Вы жертвою пали борьбы роковой", „Назови мнѣ такую обитель", „Изъ страны, страны далекой" и др. Слышались возгласы: „Да здравствуетъ М. Горькій! да здравствуетъ свободное слово! Да погибнетъ деспотизмъ! Проклятіе темнымъ силамъ!" и многое другое въ этомъ родѣ. Каждый возгласъ покрывался дружнымъ „ура!". Горькій многократно раскланивался, просто и сердечно прощаясь съ молодежью. Публика увлеклась, стараясь пѣніемъ и криками подчеркнуть то, что ее привело на вокзалъ въ этотъ бурный, непогодный вечеръ.

„Довольно, господа! — говорилъ Горькій — прошу не пѣть... Я совершенно не ожидалъ... я крайне растроганъ... Но меня безпокоитъ: вы все-таки рискуете..." — „Мы васъ любимъ! Да здравствуетъ хорошій человѣкъ, извѣстный писатель М. Горькій!" Горькій со многими цѣлуется. Онъ то уходитъ въ вагонъ, то выходитъ, прощаясь, привѣтствуемый бурными криками. Публика машетъ фуражками и шапками. „До свиданья, господа!" — „До свиданья! Вы вернетесь!.. Онъ вернется на зарѣ новой жизни..." „NN, пожмите отъ меня руки вашимъ товарищамъ студентамъ!" Восторженные крики: „да здравствуетъ!"... пѣніе.

„Простолюдинъ, лѣтъ 45, все время принимавшій живое участіе, его самого занимавшее, кричитъ: „Мы, слава Богу, считаемъ васъ хорошимъ человѣкомъ!" Публика радостно смѣется.

„Одна еврейка начинаетъ говорить рѣчь: „Алексѣй Максимовичъ. Примите привѣтъ отъ еврейскаго общества, къ которому Вы всегда такъ хорошо относились"... Конецъ не слышенъ. По[illegible] слѣдній свистокъ. Гулъ прощаній, и публика, затянувъ пѣсню „Вы жертвою пали борьбы роковой", трогается за поѣздомъ".

„Вокзальная жандармерія, — сообщаютъ намъ изъ другого источника, — не ожидавшая ничего подобнаго, не знала, что дѣлать. Городская полиція, на вопросъ, обращенный къ ней жандармами, отвѣчала: „не наше дѣло". Проводивъ Горькаго, толпа безпрепятственно вышла съ вокзала и направилась къ городу, а вокзальная жандармерія принуждена была лишь озлобленно созерцать спины уходящихъ. Ей ничего не оставалось, какъ составлять протоколъ о произведенныхъ безпорядкахъ!

„Между тѣмъ толпа, перейдя Оку, вышла на Большую Покровку (главная улица города) и прошла ее всю съ пѣніемъ тѣхъ же пѣсенъ. Въ шествіи участвовало — пишетъ вышеупомянутый очевидецъ — до 150-200 чел. Преобладала сѣрая, ремесленная, мастеровая публика. Время — восьмой часъ. Черезъ короткіе промежутки, въ толпѣ кричали: „М. Горькій сосланъ, сосланъ за правду! Да здравствуетъ М. Горькій!" Крики „ура!" и пѣніе. Трамваи останавливались, и пассажирамъ объясняли, въ чемъ дѣло. Противъ театра, на площади, возобновились крики изъ толпы: „М. Горькаго выслали!". Съ панели отчетливый громкій голосъ: „за что?" — „За свободное слово! За правду! Да погибнетъ весь существующій порядокъ" и т. д. Въ концѣ Покровки, противъ зданія думы, шествіе остановилось. Здѣсь была сказана бойкая рѣчь, выслушанная при глубокой, торжественной тишинѣ и покрытая неистовыми криками: „Да здравствуетъ М. Горькій!" Свѣжій молодой голосъ оратора смѣло бросалъ слова, звонко отдававшіяся въ этомъ, богатомъ резонансомъ, мѣстѣ. Ораторъ обращался къ рабочимъ и мастеровымъ, которые были въ толпѣ. Онъ объяснялъ имъ, по какому поводу произошла демонстрація. Горькій сосланъ за то же — говорилъ ораторъ, — за что вотъ ужъ 40 лѣтъ гибнутъ въ тюрьмахъ, на каторгѣ, въ ссылкѣ тысячи лучшихъ людей: за правду, за обличенія безобразныхъ условій нашей жизни. У него было одно оружіе — перо, одна сила — мысль, высказываемая въ свободномъ словѣ, — и за это свободное слово онъ высланъ. Тѣ, которые заставили его удалиться отсюда, считаютъ, что Горькій оказывалъ дурное вліяніе на здѣшнее общество, на молодое поколѣніе. А мы говоримъ, что это было хорошее вліяніе, и нашей демонстраціей мы показываемъ, какъ мы любимъ Горькаго за его свободное слово. Мы любимъ и чтимъ его за тотъ живой, бодрый, какъ бы зовущій къ свободѣ духъ, которымъ проникнуты всѣ его произведенія. М. Горькій высланъ безъ суда, безъ слѣдствія, тайно ото всѣхъ. Но мы сдѣлали публичнымъ, открытымъ этотъ произволъ, мы приглашаемъ васъ всѣхъ; говорите повсюду, говорите всѣмъ и вездѣ, что извѣстный писатель М. Горькій сосланъ, сосланъ хорошій человѣкъ. Да здравствуетъ Горькій!". Толпа бурно повторяетъ этотъ возгласъ. Студентъ громко декламируетъ: „падетъ произволъ, и возстанетъ народъ могучій, свободный и сильный!" Ораторъ объявляетъ демонстрацію законченной и предлагаетъ разойтись.

„Рабочій въ огромной мохнатой шапкѣ, фигура à la Горькій, все время демонстрировавшій съ другими въ первомъ ряду, обнажаетъ голову, кланяется студентамъ: „Спасибо, господа, за Горькаго. Спасибо. Въ первый разъ приходится видѣть это..." Тотъ же рабочій, при возгласѣ оратора: „Да здравствуетъ Горькій!" развернулъ надъ головами всѣхъ свой бѣлый шарфъ, какъ знамя.

„Я оставилъ вокзалъ въ то время, какъ жандармы оцѣпили пѣвцовъ, но потомъ ихъ выпустили.

„Все время до отхода поѣзда жандармы относились совершенно безучастно къ тому, что происходило на ихъ глазахъ, а въ городѣ я наблюдалъ такую высоко комическую картину: при звукахъ Марсельезы, доносившейся издалека, приставы и околоточные попарно садились на извозчиковъ — и удирали... По всей Покровкѣ не было ни одной сѣрой шинели. Передъ театромъ, гдѣ было представленіе и всегда бываетъ много полиціи — въ [illegible] моментъ ни души. Даже и тогда, когда все было кончено и все разошлось, чиновная полиція, какъ ошпаренная металась по Ильинской, по Лыковой дамбѣ ближе къ базару, лишь бы подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ дерзко нарушались общественная тишина и спокойствіе".

Полицію за ея невмѣшательство начальство, конечно, не поблагодарило: кое-кто изъ приставовъ посидѣлъ подъ арестомъ, полицмейстеръ же вышелъ въ отставку и, какъ слышно, отставка связана съ демонстраціей. Жандармерія теперь [illegible] дѣло о демонстраціи, и многихъ изъ [illegible] на вокзалѣ вызывали уже на допросы — впрочемъ, въ качествѣ свидѣтелей.

Демонстрація, несмотря на свои скромные размѣры, сильно всколыхнула нижегородцевъ; вездѣ и всюду идутъ о ней толки, и людей, сочувствующихъ ей, особенно среди „низовъ", встрѣтишь чаще, чѣмъ ожидаешь.

„9-го ноября — сообщаютъ намъ изъ другого источника — въ городскомъ театрѣ, передъ началомъ представленія, когда свѣтъ былъ уже потушенъ, раздался рѣзкій, сильный голосъ: „Господа, Максимъ Горькій не доѣхалъ до Москвы; онъ былъ высаженъ на одной изъ станцій, и гдѣ онъ теперь — неизвѣстно. Въ Москвѣ же на вокзалѣ его ожидала двухъ-тысячная толпа!" Полиція бросилась къ говорившему, вспыхнулъ свѣтъ, но было уже поздно: говорившій исчезъ въ толпѣ.

На это заявленіе послышалось изъ публики отъ одной изъ дѣвицъ возраженіе, что это невѣрно, что она знаетъ, что Горькій самъ сошелъ со станціи Обираловка*). Черезъ нѣсколько дней эта дѣвица, узнавъ, что Горькій дѣйствительно былъ задержанъ, и что она въ своемъ возраженіи была неправа, заявила объ этомъ опять во время антракта въ театрѣ, за что сейчасъ же была арестована; продержали ее около недѣли и выпустили ожидать приговора за произнесеніе краткой рѣчи съ демонстративною цѣлью.

Въ этихъ же числахъ шелъ водевиль „Золотой телецъ", и публика, оставшись недовольной его антисемитической тенденціей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шикала, свистала, кричала: „стыдно". Эти случаи дали поводъ мѣстной газетѣ „Волгарю" помѣстить замѣтку, въ которой редакція возмущалась тѣмъ, что театръ избранъ мѣстомъ демонстрацій, и рекомендовала надлежащимъ властямъ обратить на это вниманіе. Старалась она въ этомъ случаѣ совершенно напрасно: вниманія обращено даже черезчуръ много, теперь на галлереѣ [illegible] не на каждаго посѣтителя приходится по тайному и явному шпіону, и чтобы отъ ихъ зоркихъ очей нарушитель порядка какъ-нибудь не скрылся, верхній рядъ свѣчей люстры во время дѣйствія не тушится. Нѣкоторые изъ нижегородцевъ, возмущенные тономъ этой замѣтки, выразили въ письмахъ г. Жукову, редактору и издателю газ. „Волгарь", свое неодобреніе. Г. Жуковъ собралъ эти письма и снесъ ихъ въ жандармское управленіе, съ цѣлью дать, такимъ образомъ, возможность по почеркамъ опредѣлить кое-кого изъ сочувствующихъ демонстраціи въ театрѣ.

• • •

Изъ Москвы сообщаютъ отъ 8-го ноября:

„Горькаго выслали изъ Нижняго административно въ Крымъ. Вчера появились прокламаціи, что 8-го въ 9 час. утра онъ будетъ здѣсь; желающіе встрѣтить приглашались на вокзалъ. Въ 8 час. утра я отправилась. На платформѣ стояла толпа учащихся, человѣкъ въ 400, преобладали студенты, курсистокъ было мало, большинство педагогички, съ Высшихъ было меньше, чѣмъ съ другихъ курсовъ. Горькому былъ приготовленъ адресъ (подъ которымъ тутъ же подписывались) и портретъ Л. Н. Толстого. Вскорѣ вся толпа двинулась на вторую платформу, такъ какъ поѣздъ долженъ былъ подойти туда. Заранѣе просили встрѣтить молча, такъ чтобы всѣмъ былъ слышенъ адресъ. Жандармы изрѣдка сновали, но не вмѣшивались и какъ-то торжествующе посматривали; вскорѣ это объяснилось: пришелъ поѣздъ — Горькаго нѣтъ, разнесся слухъ, что его высадили въ Рогожской заставѣ. Всѣ страшно заволновались, закричали, двинулись въ вокзалъ. Здѣсь было рѣшено отправить въ Рогожскую заставу делегатовъ для справокъ, и если окажется, что Горькій тамъ, то всей толпой идти туда. Делегаты вернулись: Горькаго тамъ не было; такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ долженъ пріити еще поѣздъ, то всѣ [illegible] на платформу и [illegible] послѣдній поѣздъ [illegible] высадили [illegible] [illegible] тихо плотной толпой. Въ Рогожской заставѣ около вокзала уже стоялъ цѣлый отряд полицейскихъ и околоточныхъ, а по обѣ стороны входа въ во [illegible] жандармы. Миновавъ отрядъ, всѣ остановилис Нѣсколько человѣкъ вошли на вокзалъ, и, такъ какъ Горькаг тамъ не оказалось, то всѣ направились обратно. Затянули бы пѣсню, но болѣе благоразумные остановили. На Покровкѣ, когд уже [illegible] чел. въ 20, насъ остановила г-жа NN. Она ра сказала, что ѣхала вмѣстѣ съ нимъ и его женой, но его выса дили, не довозя до Москвы (станцію она не назвала), и что он просилъ не встрѣчать его, потому что въ такомъ случаѣ его н пустятъ въ Москву..."

---

*) На [illegible] Горькій вышелъ самъ, желая во что бы то ни стало попасть въ Москву, и поѣхалъ со слѣдующимъ поѣздомъ, но на Рогожской заставѣ его встрѣтилъ жандармскій офицеръ и до поѣзда на Севастополь Горькій былъ отправленъ въ Подольскъ. Отъ Москвы до Севастополя ему дали въ провожатые двухъ жандармовъ.

Москва. Демонстрація по поводу неразрѣшенія вечера въ память Добролюбова (изъ бюл. Исп. Ком. объедин. землячествъ.

18 ноября въ Москвѣ случилось происшествіе, которое И. К считаетъ нужнымъ отмѣтить. Толпа чел. до 150 (преимущественно студентовъ), не знавшихъ объ отмѣнѣ концерта, назн ченнаго на 18, но не разрѣшеннаго полиціей, собралась у Романовскаго зала и отправилась оттуда съ пѣснями по Тверском бульвару къ памятнику Пушкина. Здѣсь толпа, сильно увеличившаяся въ числѣ благодаря присоединившейся къ ней публик пропѣла вѣчную память Добролюбову, сорокалѣтіе со дня смерт котораго приходилось на этотъ день. Отсюда, не смотря н сопротивленіе полиціи, уже въ числѣ 500 чел., двинулись н Тверскую и дошли со студенческими пѣснями до дома Ген.-Губернатора (толпа — какъ сообщаютъ намъ изъ другого источник — съ пѣніемъ и свистомъ стояла мин. 20 передъ домомъ ген.-гу Р. к. д.). Здѣсь, уже раздѣленная полиціей на нѣсколько частей, толпа была оттѣснена въ Столешниковъ переулокъ; пр этомъ полиція старалась отдѣлить студентовъ отъ остально публики. Это имъ удалось, и чел. 50 студентовъ, оказавшис совершенно отдѣленными отъ остальной толпы, дошли до Кузнецкаго моста, — какъ вдругъ изъ пассажа Джамгаровыхъ по командѣ „нарядъ впередъ!" бросились жандармы и, не смотря н заявленіе студентовъ, что они пойдутъ не сопротивляясь, куд имъ будетъ указано, жандармы стали имъ наносить побо Особенно пострадали два студента (техникъ и универсантъ) — братья Котельниковы; съ остальными тоже не стѣснялись. Арестованные 27 чел. отправлены въ участокъ, гдѣ приставомъ Новиковымъ былъ составленъ протоколъ, по которому эти 27 лиц обвинялись: 1) въ нарушеніи общественной тишины и порядка 2) въ сопротивленіи приказаніямъ полиціи, 3) въ подстрекательствѣ и предводительствѣ толпой болѣе, чѣмъ въ 500 чел. Послѣдній пунктъ обвиненія, являясь вымысломъ полиціи, вмѣст съ тѣмъ влечетъ за собой наибольшее наказаніе. По удостовѣренію личности, при чемъ нѣкоторыхъ съ этою цѣлью возили въ учебныя заведенія, арестованные были отпущены. На слѣдующій день они были призваны въ участокъ, гдѣ имъ объявили, что они будутъ судиться не мировымъ судьей, а высшей администраціей на основаніи положенія объ усиленной охран По поводу этого факта 19 ноября въ техническомъ училищѣ собралась сходка; на ней постановлено ходатайствовать, чтобы обвиняемые судились мировымъ судьей, раздѣлить расходы по веденію дѣла между всѣми студентами, и въ случаѣ, если ходатайство не будетъ удовлетворено, не оставлять этого дѣла без послѣдствій.

Студенческое движеніе опять начинаетъ приниматı боевой характеръ. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы з политическую свободу. Въ виду этого ознакомленіе съ ходомъ развитія движенія пріобрѣтаетъ особую важность.

Начнемъ съ **Москвы**, гдѣ пресловутый генералъ Ванновскій лично отвѣтилъ на студенческія требованія.

Броженіе студентовъ началось еще раньше пріѣзда Ванно [illegible] „Гражданинъ", [illegible] учащуюся молодежь, вызвала [illegible] сходки въ октябрѣ ([illegible] 17 октября въ [illegible] — до 3000), выразившія презрѣніе кн. Мещерскому. Но студенты чувствовали, что за Мещерскимъ скрывается нѣчто большее. Была выбрана комиссія изъ профессоровъ (Тимирязева, — котораго, кстати сказать, восторженно привѣтствовали студенты по поводу его рѣшенія остаться въ университетѣ; по рукамъ ходилъ проектъ адреса ему, отдававшій должное человѣку независимому и убѣжденному; Умова, Ключевскаго и др.) и изъ делегатовъ отъ курсовъ для выработки формы протеста. Но когда пріѣхалъ Ванновскій, попечител

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

Прошло 40 лѣтъ со смерти Добролюбова. Въ нашихъ легальныхъ газетахъ о немъ печатаются статьи. Всегда вѣрныя себѣ „Московскія Вѣдомости" пытаются ругаться надъ его памятью, утверждая, что Добролюбовъ проповѣдывалъ, „что лгать, измѣнять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всякомъ случаѣ, лучше и пріятнѣе, чѣмъ умирать за вѣрность этому и всякому другому долгу", что онъ... „вообще разрѣшалъ своимъ послѣдователямъ на все и на вся". А доказательство: онъ не признавалъ въ мірѣ ничего абсолютнаго (въ Бога не вѣровалъ) и былъ „утилитаристомъ".

Такой способъ уничтоженія революціонеровъ давно въ обычаѣ. „Моск. Вѣд." полѣнились придумать для этого случая что-нибудь новое. Но Добролюбовъ былъ влительнымъ и страстнымъ врагомъ всего того, чему служитъ эта газета. Почтить его память какимъ-нибудь, хотя бы самымъ затасканнымъ ругательствомъ, она была обязана. Большинство же органовъ нашей легальной печати отнеслись и относятся къ памяти Добролюбова очень почтительно. Но о самыхъ завѣтныхъ его убѣжденіяхъ, о самой сущности его взглядовъ они говорить не будутъ. Промолчитъ — цензуры ради — даже тотъ, кто помнитъ, а большинство его поклонниковъ давнымъ давно забыло его завѣты, многіе же, вѣроятно, и никогда ихъ не понимали. Мы напомнимъ здѣсь читателямъ только эти революціонныя, недоступныя легальной прессѣ мысли Добролюбова, которыми черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ послѣ своей смерти онъ неизмѣримо сильнѣе вліялъ на текущую жизнь, чѣмъ живые публицисты 70-хъ годовъ, ежемѣсячно печатавшіе свои статьи въ журналахъ. Немного страницъ занимаютъ эти мысли въ полномъ собраніи сочиненій Добролюбова. Нужно было счастливое вдохновеніе, подходящій сюжетъ, наконецъ, просто удача, чтобы провести свои революціонныя мысли сквозь цензурныя рогатки, но эти немногія страницы объясняютъ и освѣщаютъ настоящимъ свѣтомъ всѣ остальныя произведенія Добролюбова.

„Современникъ" неуклонно преслѣдовалъ злыми сарказмами „безсмысленныя мечтанія" того времени, относительно водворенія всеобщаго благополучія путемъ мирнаго прогресса при системѣ „самодурства" (читай: самодержавія). Самодовольный восторгъ прессы передъ дарованной ей „свободой" обличать тѣхъ мелкихъ воришекъ, которыхъ городовой уже взялъ за шиворотъ, и критиковать тѣ учрежденія, которыя въ правительственныхъ канцеляріяхъ обречены на сломъ, возбуждалъ въ Добролюбовѣ величайшее отвращеніе, и онъ не уставалъ осмѣивать и освистывать его на всѣ лады. Но во имя чего? Благонамѣренные поклонники Добролюбова иногда пытаются увѣрить насъ, что, осмѣивая громкія фразы и пустую болтовню, онъ проповѣдывалъ скромную, „положительную работу". Какую? Въ серьезныхъ критическихъ статьяхъ онъ всячески подчеркивалъ полнѣйшую невозможность при нашей системѣ не потонуть въ грязи, если примешь участіе въ „положительной работѣ", и глупую жестокость преслѣдовать въ унисонъ съ высшимъ начальствомъ грубыя формы беззаконія на низшихъ ступеняхъ той системы, при которой „чѣмъ выше, тѣмъ самодурство становится наглѣе внутренно и гибельнѣе для общаго блага, но благообразнѣе и величавѣе въ своихъ формахъ". Высшій начальникъ (въ „Доходномъ мѣстѣ") „говоритъ такимъ достойнымъ тономъ, что нужно только благоговѣть", тѣмъ не менѣе онъ-то и есть настоящій самодуръ, а за нимъ уже и всѣ другіе. Въ его вѣдомствѣ „законовъ никакихъ никто не признаетъ, честности никто въ толкъ взять не можетъ", да она и невозможна тамъ, гдѣ все зависитъ отъ воли начальства и „главною добродѣтелью признаютъ смиреніе передъ этой волей".

„Гдѣ же выходъ?", спрашиваетъ Добролюбовъ отъ имени читателя? „Мы остаемся при неразрѣшимой дилеммѣ: или умереть съ голоду, броситься въ прудъ, сойти съ ума, — или же убить въ себѣ мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сдѣлаться раболѣпнымъ исполнителемъ чужой воли, взяточникомъ, мошенникомъ, для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою". — „Печально, правда", соглашается Добролюбовъ со своимъ огорченнымъ читателемъ, но отказывается утѣшить его указаніемъ выхода. „Впрочемъ, — говоритъ онъ, заканчивая рядъ статей о „Темномъ царствѣ" — тѣ выводы и заключенія, которыхъ мы не досказали здѣсь, должны сами собою придти на мысль читателю".

Должны, конечно... но эти статьи, въ которыхъ Добролюбовъ стремился внушить читателямъ непримиримую вражду къ самодержавію, какія бы „благообразныя и величавыя" формы оно ни принимало, нерѣдко хвалятъ какъ талантливыя обличенія дореформенныхъ порядковъ и нравовъ, отъ которыхъ остались, правда, слѣды... Въ первые годы литетурной дѣятельности Добролюбова въ немъ можно лишь угадывать революціонера. Но въ 60-мъ, предпослѣднемъ году своей недолгой жизни ему удалось въ яркихъ символахъ выразить свою вѣру въ близкое народное возстаніе („Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ") и написать съ недопускающей сомнѣній ясностью свое революціонное завѣщаніе подрастающей молодежи образованныхъ классовъ. Въ послѣднемъ ему помогъ Тургеневъ своею повѣстью „Наканунѣ". Озаглавивъ статью объ этой повѣсти вопросомъ: „Когда же придетъ настоящій день?" Добролюбовъ взялъ эпиграфомъ къ ней стихъ Гейне: „Стучи въ барабанъ и не бойся!" Герой Тургенева, Инсаровъ,—болгаринъ, заговорщикъ, ѣдущій на родину поднимать возстаніе противъ турокъ. Сочувствовать угнетаемымъ турками христіанамъ у насъ всегда разрѣшалось. Добролюбовъ къ тому же заранѣе подчеркнулъ всѣ обстоятельства, отличающія насъ отъ болгаръ. Они — завоеванный народъ, а мы, наоборотъ, еще другихъ завоевываемъ. У болгаръ отнимаютъ церкви, а у насъ не только не отнимаютъ, а еще поощряютъ ревность къ обличенію заблудшихъ. Въ Болгаріи у всѣхъ одна цѣль, одно желаніе — освобожденіе. „Такой монотонности нѣтъ въ русской жизни... при существующемъ у насъ благоустройствѣ общественномъ, каждому остается только упрочивать собственное благосостояніе, для чего вовсе не нужно соединяться съ цѣлой націей въ одной общей идеѣ, какъ это происходитъ въ Болгаріи". Наконецъ, русскій Инсаровъ оказался бы просто на просто бунтовщикомъ, „представителемъ противуобщественнаго элемента", знакомаго публикѣ по изслѣдованіямъ г. Соловьева. Отъ такого героя съ ужасомъ убѣжитъ всякая благовоспитанная барышня, а въ Инсарова влюбилась Елена. Показавши, такимъ образомъ, невозможность русскаго Инсарова, Добролюбовъ тѣмъ съ большимъ жаромъ проповѣдуетъ его необходимость.

Инсаровъ страстно желаетъ освободить свою родину: въ этомъ цѣль его жизни. Онъ не думаетъ ставить свое личное благо въ противоположность съ этой цѣлью. Напротивъ, онъ потому-то и стремится къ свободѣ родины, что въ этомъ видитъ свое счастье. У него, говоритъ Елена въ своемъ дневникѣ, „оттого такъ ясно на душѣ, что онъ весь отдался своему дѣлу, своей мечтѣ. Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тотъ ужъ ни за что не отвѣчаетъ".

Есть и среди русскихъ отважные люди, энергическія натуры способные выступать на защиту угнетенныхъ, но они растрачиваютъ силы на борьбу съ частными, мелкими проявленіями зла не думая о его источникѣ. „Намъ разсказывали — говоритъ Добролюбовъ — объ одномъ подобномъ героѣ". Онъ еще въ гимназіи проявлялъ склонность обличать неправду. Кончивши медицинскій факультетъ, онъ былъ назначенъ въ госпиталь, но не смогъ спокойно прописывать лѣкарствъ, видя, что больные недоѣдаютъ и не допиваютъ, благодаря экономіи тѣхъ, отъ кого зависитъ ихъ продовольствіе. Онъ говорилъ, уличалъ, жаловался — его перевели на худшее мѣсто. Онъ и тамъ продолжалъ упорно отстаивать голодающихъ по милости начальства, былъ, наконецъ, разжалованъ въ фельдшерскіе помощники и, не выдержавъ нарочито звѣрскаго обращенія съ нимъ, застрѣлился. „Во всѣхъ его поступкахъ, говоритъ Добролюбовъ, нѣтъ ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякаго честнаго человѣка на его мѣстѣ; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать такимъ образомъ, нужна рѣшимость гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если ужъ въ немъ есть эта рѣшимость, то не лучше-ли воспользоваться ею для дѣла большого, которымъ бы достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но въ томъ-то и бѣда, что онъ не сознаетъ надобности и возможности такого дѣла... не хочетъ видѣть круговой поруки во всемъ, что дѣлается передъ его глазами"... Русскіе герои ограничиваются мизерными частностями, „тогда какъ Инсаровъ, напротивъ, частное всегда подчиняетъ общему, въ увѣренности, что и то не уйдетъ".

Героевъ, какъ этотъ докторъ, немного, ими являются въ Россіи лишь люди не размышляющіе. Въ нашемъ образованномъ обществѣ многочисленнѣе другой разрядъ людей, дошедшихъ, путемъ долгихъ размышленій, до той же ясности идеи, какъ и Инсаровъ. Они не пойдутъ на службу. Что имъ тамъ дѣлать? „Починивать кое-что, отрѣзывать и отбрасывать понемногу разные дрязги общественнаго устройства? Да не противно-ли у мертваго зубы вырывать и къ чему это поведетъ?"

„Эти люди понимаютъ, гдѣ корень зла, знаютъ, что надо дѣлать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконецъ. Но въ нихъ нѣтъ силы для практической дѣятельности".

Въ другихъ статьяхъ того-же 60-го года Добролюбовъ сурово относится къ этимъ знающимъ и не дѣйствующимъ людямъ. Онъ отказывается признать ихъ знанія, ихъ убѣжденіе истинными. Истинное убѣжденіе, говоритъ онъ въ статьѣ „Благонамѣренность и дѣятельность", „когда оно относится къ области практической, непремѣнно выразится въ дѣйствіи и не перестанетъ тревожить человѣка, пока не будетъ удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой въ безводной равнинѣ и вдругъ вижу ручеекъ, то я брошусь къ нему, не смотря на то, что онъ окруженъ колючими кустами, изъ которыхъ выглядываютъ змѣи. Самое худое, что я могу потерпѣть въ этихъ кустахъ, — это смерть; но вѣдь я все равно умру же отъ жажды, стало быть, я ничѣмъ не рискую"...

Но въ статьѣ по поводу „Наканунѣ" онъ допускаетъ искренность убѣжденій этихъ „лишнихъ" людей, которымъ „рвать у мертваго зубы противно", а на революціонную иниціативу не хватаетъ рѣшимости. Берсеньевъ (лучшій изъ русскихъ, выведенныхъ въ „Наканунѣ") готовъ отказаться отъ личнаго счастья въ пользу родины, свободы, справедливости, но онъ смотритъ на это какъ на долгъ и противопоставляетъ этотъ долгъ своему счастью. Онъ похожъ, по мнѣнію Добролюбова, на великодушную дѣвушку, которая рѣшается для спасенія отца на бракъ безъ любви. Она будетъ рада, если что-нибудь помѣшаетъ браку выставилъ ему это дѣло либеральной затѣей, и министръ, вызвавъ Виноградова, „поговорилъ съ нимъ нелюбезно“ (какъ выражается авторъ одного письма). Коммиссія прекратила занятія; профессора, участвовавшіе въ ней, перестали читать лекціи „по болѣзни“ (Виноградовъ, Кирпичниковъ и др.), ходили слухи о выходѣ ихъ въ отставку. Броженіе среди студенчества сильно возрасло.

А „лукавый царедворецъ“ еще подлилъ масла въ огонь, когда (4 ноября) отвѣтилъ **категорическимъ отказомъ** на требованія, предъявленныя ему депутаціей студентовъ (въ числѣ 21 студента, пришедшихъ къ Ванновскому въ Лоскутную гостинницу) Эти — общестуденческія, какъ увидимъ ниже — требованія состояли въ допущеніи женщинъ въ университетъ; въ уничтоженіи ограниченія въ пріемѣ евреевъ; въ отмѣнѣ прикрѣпленія къ округамъ; въ уничтоженіи инспекціи; въ разрѣшеніи всякихъ организацій и т. п. Отказъ министра и его наглыя заявленія о невѣрности „слуховъ“(!), будто онъ весной что-то обѣщалъ, возмутили и самыхъ мирныхъ. На совѣтъ министра-лакея „успокоиться“ депутаты „отвѣтили гробовымъ молчаніемъ“. „Вечеромъ того же дня „состоялось“ — иронически пишетъ одинъ москвичъ — совѣщаніе 63 студентовъ, по 3 чел. отъ курса, съ коммиссіей профессоровъ. Было заранѣе постановлено прямо потребовать отъ профессоровъ признанія сходки и ея постановленій. Тогда предсѣдатель отвѣтилъ, что министръ уже высказался противъ этого, и делегаты, по полученной отъ сходки инструкціи, немедленно оставили залу. Въ результатѣ этихъ бесѣдъ получилась прокламація, въ которой студенты призываютъ къ болѣе широкой борьбѣ уже не за академическую свободу, которая несовмѣстима съ деспотизмомъ, а за **свободу политическую**.“

На этомъ заканчиваются полученныя нами свѣдѣнія. Отмѣтимъ только, что „Исполнительный Комитетъ объединенныхъ землячествъ и организацій“ началъ изданіе бюллетеней.

Въ **Петербургѣ** рядъ сходокъ тоже протестовалъ еще въ октябрѣ противъ „Гражданина“. 8 ноября въ Электротехническомъ институтѣ произошелъ небывалый фактъ: сыщикъ хотѣлъ отнять у студента полученное имъ черезъ посыльнаго письмо и уже потащилъ-было его вмѣстѣ съ дворникомъ за руку!! Студенты едва не избили негодяя-„агента“, котораго съ трудомъ вырвали у нихъ и, хотя директоръ и увѣрялъ, что Клейгельсъ обѣщалъ „взыскать“ съ сыщика, но студенты настоятельно продолжали требовать отставки инспектора (сходка 13 ноября). Того же числа были сходки въ университетѣ (668 чел. — требуютъ свободы слова, личности и организацій. Протестуютъ противъ политики Ванновскаго), въ Лѣсномъ институтѣ и въ Технологическомъ. Союзный Совѣтъ СПБ. университета сообщаетъ, что петербургское студенчество ждетъ общаго движенія и готово примкнуть къ нему. Добавимъ, что въ СПБ. ходилъ слухъ, будто Сипягинъ нарочно распространялъ слухъ о смерти Л. Н. Толстого, ища повода для репрессалій надъ протестующими студентами! Въ Гос. Совѣтѣ будто бы „троица“: Побѣдоносцевъ, Сипягинъ и Витте — рѣшительно возстали противъ университетской реформы.

Въ **Кіевѣ** студенчество сразу проявило болѣе политической сознательности. Уже 11 окт. сходка въ 900-1000 чел. протестуетъ противъ политики Ванновскаго, такъ явно водящаго всѣхъ за носъ, и повторяетъ главныя изъ общестуденческихъ (см. выше) требованій (ср. № 10 „Искры“) „Сходка вполнѣ опредѣленно выяснила связь академической жизни съ жизнью политической... установила необходимость **политической борьбы**“, заявлялъ Кіевскій Союзный Совѣтъ въ листкѣ отъ 12 октября. „Студенчество не попалось на удочку правительства!“ — повторилъ онъ въ сильно написанной прокламаціи 15-го октября. „Нашему самодержавію нужны дипломированные холопы, а не мыслящіе граждане... Мы не боролись до сихъ поръ съ самодержавіемъ непосредственно“... и онъ энергично призывалъ студентовъ къ такой борьбѣ. „Студенчество должно быть готово къ такой борьбѣ... Организуйтесь же, товарищи!“

Многолюдная сходка политехниковъ 24 октября указываетъ (листки организаціоннаго комитета) на всю лживость „испытанной системы“ самодержавія и служащихъ ему „реформаторовъ“ и повторяетъ общестуденческія требованія. „Наши академическія требованія могутъ быть удовлетворены лишь путемъ **политической борьбы!**“ „Студенчество поневолѣ сталкивается съ самодержавіемъ“. И Кіевскій Союзный Совѣтъ (листокъ конца октября) присоединяется къ политехникамъ: „Никакія увѣренія нашихъ „доброжелательныхъ“ профессоровъ, не въ состояніи сдѣлать студентовъ пассивными зрителями. Единственно вѣрный путь — путь борьбы, которой до сихъ поръ не могли остановить тюрьмы, штыки, нагайки и которой не остановятъ и „реформы“ Ванновскаго. Пусть же голосъ протеста раздается все громче и громче, пусть скорѣе грянетъ буря!“ 1 ноября, по приглашенію Союзнаго Совѣта, состоялась сходка съ участіемъ болѣе 1000 чел., обнаружившая, по словамъ листка С. С. отъ 5 ноября, „несомнѣнный ростъ политическаго самосознанія русскаго студенчества“ за послѣднее время. „Между реакціонной прессой (Мещерскій и К°) и самодержавіемъ существуетъ самая тѣсная связь“. И резолюція этого внушительнаго собранія выражаетъ „протестъ противъ того политическаго режима, который, подавляя свободное слово, покровительствуетъ реакціонной печати“. А 11 ноября, по поводу рѣчи Ванновскаго въ Москвѣ, С. С. восклицаетъ: „Свершилось! Маска сброшена! Г. министръ, Вы заявляете, что всѣ уволенные возвращены. Сколько безстыдной и циничной лжи въ этихъ словахъ!... Гдѣ десятки нашихъ товарищей (имена)?... Они томятся въ захолустьяхъ“. И С. Сов., заклеймивъ ограниченіе пріема евреевъ, кончаетъ: „изъ сердца Россіи прозвучали слова Ванновскаго, а эхо, отдавшись въ сердцахъ каждаго, пронесется надъ всей Россіей раскатами грома и вихремъ надвигающейся грозы!“ Мы перейдемъ сейчасъ къ описанію начала грозы въ Харьковѣ, но сначала отмѣтимъ хотя бы парой словъ происшествіе 17 ноября. Дипломированные холопы кіевскаго университета ввели въ „храмъ науки“ одного изъ прихвостней самодержавія, г. Вергуна, который въ издаваемой имъ въ Вѣнѣ на полицейскія деньги газетѣ „Славянскій вѣкъ“ агитируетъ за „объединеніе всѣхъ славянъ подъ скипетромъ россійскаго самодержца“. Оглушительные свистки встрѣтили этого гнуснаго „лектора“, и хотя націоналисты (съ директоромъ 5-ой гимназіи, г. Петромъ, во главѣ) со стульями въ рукахъ бросились на протестовавшихъ, все же демонстранты заставили г. Вергуна, не кончивъ лекціи, удалиться и разошлись сами съ пѣніемъ пѣсенъ: „Смѣло, друзья!“, „Дубинушка“ и „Шалыте“.

Переходимъ къ **Харькову**. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ привести полностью превосходное воззваніе Харьковскаго Союзнаго Совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій отъ 16 октября. С. С. указываетъ, что только благодаря „активной поддержкѣ со стороны борющагося пролетаріата“ прошлогоднее движеніе вынудило уступки у правительства, и заявляетъ: „Только выведенное изъ узкихъ рамокъ борьбы за академическую свободу и поставленное на широкую арену политической борьбы, студенческое движеніе можетъ разсчитывать на энергическую поддержку со стороны прогрессивнаго слоя населенія; и только тѣсный союзъ съ этимъ прогрессивнымъ и революціонно-настроеннымъ слоемъ дѣлаетъ студенчество политической силой“... „Для успѣха движенія необходимо не только единодушіе и организованность, но и поддержка другихъ слоевъ населенія, и прежде всего рабочаго класса. Но такую поддержку студенчество будетъ получать лишь тогда, когда цѣлью борьбы будетъ для него не только академическая или какая-нибудь иная свобода, а прямо и рѣзко поставленное требованіе **полной политической свободы**“. И высказываясь противъ близорукости либераловъ, осуждая рѣшительно пессимизмъ и апатію части харьковскихъ студентовъ, С. С. зоветъ студенчество „работать рука объ руку съ другими общественными элементами для завоеванія широкой политической свободы“. Вскорѣ послѣ того, на празднованіи юбилея ветеринарнаго института, читалась прокламація, указывавшая на невозможность процвѣтанія науки при существующемъ полицейскомъ строѣ, и пѣлись революціонныя пѣсни. „Въ воздухѣ вольнѣй, чѣмъ раньше“, замѣчаетъ сообщающій это харьковецъ „По всей вѣроятности, въ исторіи студенческихъ движеній 1902 г. займетъ свое мѣсто“.

Отмѣтимъ, что правительство употребляло въ Харьковѣ свое испытанное средство раздѣлить студентовъ, натравляя одну народность на другую, поддерживая компанію студентовъ-антисемитовъ(!!) и т. п. Но ни происки этой шайки позорныхъ прихвостней реакціи, ни стремленіе націоналистовъ-евреевъ отшатнуться отъ всякаго движенія не могли разрушить преобладающей струи. Сходка 13 ноября въ университетѣ (300-400 чел.) „носила вполнѣ политическій характеръ“, какъ пишетъ одинъ корреспондентъ, и повторила общестуденческія требованія, въ томъ числѣ и требованіе отмѣны процентовъ для евреевъ.

15 ноября, какъ извѣстно уже и изъ правительственнаго сообщенія, студенты перваго курса ветеринарнаго института подали петицію объ отставкѣ проф. Лагермарка. Они несомнѣнно не требовали себѣ права назначать профессоровъ — какъ старалось представить дѣло лживое правительственное сообщеніе, убоявшееся привести цѣликомъ студенческую петицію, — они говорили прямо, что только „невыносимое“ положеніе вынудило ихъ къ протесту, жаловались на „мертвую рутину и казенное отношеніе къ наукѣ“, въ связи съ грубостью профессора, доходящей до грубыхъ окриковъ и бросанія программъ въ лицо студенту(!) и требовали его удаленія (см. текстъ петиціи, изданной 25 ноября въ видѣ гектографированнаго листка Союзнымъ Совѣтомъ по просьбѣ студ.-ветеринаровъ). Правительство отвѣтило на это лживымъ сообщеніемъ и, безъ всякаго разслѣдованія, выбросило изъ института весь первый курсъ! Въ отвѣтъ на это новое насиліе были устроены сходки (въ университетѣ около 200 чел. въ техн. инст. — 400). Постановлено было примкнуть къ забастовкѣ съ обструкціей и **поддержать уличную демонстрацію студентовъ-ветеринаровъ**. Но предоставимъ слово очевидцамъ:

„У насъ здѣсь такое возбужденное состояніе, что невозможно было взяться за перо. Вотъ уже четвертый день, какъ живемъ на улицѣ, ибо она имѣетъ очень оригинальный видъ. 28 ноября во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки, гдѣ была рѣшена обструкція. Студенты университета, выйдя со сходки въ количествѣ ок. 70 чел., двинулись по Сумской къ Вет. Инст. съ цѣлью встрѣтиться съ ветеринарами, которые тоже послѣ сходки должны были идти по улицѣ. Когда универсанты проходили мимо театра, то совершенно незамѣтно ихъ оцѣпили казаки, появившіеся изъ переулка; тутъ же произошло соединеніе съ ветеринарами (вмѣстѣ ихъ было ок. ста чел.). Всю эту компанію казаки погнали въ бурсацкую часть во дворъ, куда явился губернаторъ и сказалъ, что послѣдній разъ избавляетъ ихъ отъ казаковъ, на что студенты закричали: „а, такъ это вы на насъ казаковъ посылаете!“ и начали свистать. Губернаторъ уѣхалъ, студентовъ отпустили. Около части ихъ ожидала толпа товарищей. Затѣмъ всѣ разошлись. 29 ноября въ 9 ч. утра въ Ветер. Инст. была сходка, чел. 30 студентовъ были въ это время въ курилкѣ. Вдругъ появляется директоръ въ сопровожденіи пристава и указываетъ по просьбѣ послѣдняго студентовъ, которыхъ полиція намѣтила арестовать (ихъ полиція намѣтила раньше, но не могла арестовать только потому, что они не ночевали 2-3 ночи дома). Это возмутило студентовъ, и они рѣшили не отдавать товарищей. Тогда ворвались городовые (чел. 20), оцѣпили всю компанію и повели въ часть, при чемъ на улицѣ у института ихъ окружили еще и казаки. Послѣ этого толпа студентовъ чел. въ 300 собралась у театра (въ 3 часа) съ пѣніемъ „Дубинушки“. Была масса полиціи. „Южный Край“ охранялъ рядъ городовыхъ (такъ какъ наканунѣ студенты опять побили ему окна) и во дворѣ „Южнаго Края“ были казаки. Затѣмъ студенты разошлись до вечера. Въ 6 час. веч. Сумская улица носила необыкновенно живой видъ. Была масса гуляющихъ, при чемъ большинство студенты. Въ $6^1/_2$ час. толпа студентовъ и молодежи собралась на одномъ углу противъ театра и затянула „Дубинушку“ (я была въ этой толпѣ). Не успѣли они пропѣть до конца, какъ раздались крики: „казаки ѣдутъ“.

„На студентовъ количествомъ не больше 200 чел. выпустили свору казаковъ не меньше 150 чел. Моментально толпа была оцѣплена. Когда я и еще нѣсколько чел. хотѣли выскочить между лошадьми, то околодочный дернулъ за рукавъ и толкнулъ въ середину. Не успѣли опомниться, какъ вся эта масса взбѣшенныхъ казаковъ валетѣла на троттуары съ лошадьми и начала хлестать толпу нагайками. Нечего и говорить, что, попавъ въ такое безвыходное положеніе, публика только и думала, какъ бы спастись и поэтому бѣжала, какъ только возможно было (шелъ мокрый снѣгъ и было очень скользко). Къ счастью, я наткнулась на крыльцо и взобралась на него. Мимо меня неслись студенты, которыхъ настигшіе казаки лупили во-всю нагайками, а городовые тащили отдѣльныхъ лицъ и толкали къ казакамъ. Меня городовой ухватилъ за руку, сволокъ съ крыльца, не знаю, что было бы дальше, если бы на мой крикъ не подскочили двое студентовъ, которые отбили меня у него и поколотили его. Когда я оглянулась, толпы какъ не бывало, только разбросанныя кучки торопились удрать подальше, а толстый самодовольный полисменъ съ пошлымъ смѣхомъ замѣтилъ во всеуслышаніе: „ага, храбрецы, разбѣжались?!“ Затѣмъ публика очистила улицу совершенно. Всѣ перекрестки Сумской были заняты солдатами. Николаевская площадь полна казаковъ. Со-

---

Инсаровъ, напротивъ, дня своей дѣятельности „ждетъ страстно и нетерпѣливо, какъ влюбленный юноша ждетъ дня свадьбы съ любимой дѣвушкой“. Поэтому, именно Берсеньевъ „можетъ многое перенести, многимъ пожертвовать, вообще выказать благородное поведеніе, когда приведетъ къ тому случай; но онъ не съумѣетъ и не посмѣетъ опредѣлить себя на широкую и смѣлую дѣятельность, на вольную борьбу, на самостоятельную роль“. Для этого нужны люди, такъ относящіеся къ своему дѣлу, какъ Инсаровъ. Но отъ русскаго героя для этого требуется больше, чѣмъ отъ болгарина. „Инсаровъ именно тѣмъ и беретъ, что... притѣснители его отечества турки, съ которыми онъ не имѣетъ ничего общаго... Русскій же герой, являющійся обыкновенно изъ образованнаго общества, самъ кровно связанъ съ тѣмъ, на что долженъ возставать. Онъ находится въ такомъ положеніи, въ какомъ былъ бы, напр., одинъ изъ сыновей турецкаго аги, вздумавшій освободить Болгарію отъ турокъ“. Этотъ сынъ аги долженъ былъ бы „отречься ужъ отъ всего, что связывало его съ турками: — и отъ вѣры, и отъ національности, и отъ **круга родныхъ и друзей, и отъ житейскихъ выгодъ своего положенія**“. „Не много легче дается геройство и русскому образованному человѣку“, и ему необходимо „отреченіе отъ цѣлой массы понятій и практическихъ отношеній, которыми онъ связанъ съ общественной средой“. Такихъ людей не было среди современниковъ Добролюбова, но онъ былъ убѣжденъ, что ихъ выставитъ подростающее поколѣніе.

„На развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ вліяніе не только его частныя отношенія, но и вся общественная атмосфера, въ которой суждено ему жить. Иная развиваетъ героическія тенденціи, другая — мирныя...“ Но общественная атмосфера мѣняется, еще недавно она подавляла развитіе личностей, подобныхъ Инсарову, но скоро она сама же поможетъ этому развитію. „Въ повѣсти Тургенева сказалась та смутная тоска по чемъ-то, та почти безсознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новыхъ людей, которая охватываетъ теперь все русское общество, и даже не одно только такъ-называемое образованное“... „Теперь каждый ждетъ, каждый надѣется, и дѣти теперь подростаютъ, напитываясь надеждами и мечтами лучшаго будущаго... Когда придетъ ихъ чередъ приняться за дѣло, они уже внесутъ въ него ту энергію, послѣдовательность и гармонію сердца и мысли, о которыхъ мы едва могли пріобрѣсти теоретическое понятіе“ (Соч. Добролюбова, изд. пятое, т. III, стр. 275-299).

Ближайшая задача, которую возлагаетъ Добролюбовъ на это подростающее поколѣніе, была помощь народному возстанію, въ близость котораго онъ глубоко вѣрилъ. Народъ страдаетъ непосредственно, ему не нужно никакихъ идей, никакихъ разсужденій, чтобы почувствовать невыносимость страданія Онъ могъ еще терпѣть, пока не слыхалъ о возможности удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей, но теперь (т. е. съ началомъ реформы) онъ уже не удовлетворится кое-какими уступками и облегченіями, онъ возьметъ все Его инстинктивное возстаніе будетъ неодолимо, какъ разливъ рѣки, встрѣтившей препятствіе въ своемъ теченіи. Добролюбовъ боялся только, что крестьяне возстанутъ раньше, чѣмъ подростетъ поколѣніе, способное прійти имъ на помощь въ городахъ, въ центрахъ. Это опасеніе онъ выражаетъ въ слѣдующемъ обращеніи къ революціи:

О подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
Теперь на твой призывъ отвѣтитъ тишь нѣмая,
И лучшіе друзья не приподнимутъ рукъ.

Возстанія ждали въ то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаемъ теперь, что эти надежды и опасенія оказались напрасными. Крестьяне терпѣли и терпѣли, вытерпятъ къ несчастію, и нынѣшній годъ, голодая подъ бдительнымъ надзоромъ начальства, тщательно охраняющаго ихъ отъ всякой помощи, не прошедшей черезъ казенный карманъ.

Вѣра въ крестьянъ обманула Добролюбова. Но его завѣтъ и вмѣстѣ предвидѣніе относительно подростающаго поколѣнія образованнаго общества оправдалось вполнѣ Оно выросло революціоннымъ и выдѣлило изъ себя контингентъ людей, всецѣло отдавшихся своему дѣлу. Жажда дѣятельности была въ нихъ неизмѣримо сильнѣе личныхъ соображеній относительно ядовитости жандармскихъ и полицейскихъ змѣй, выглядывающихъ изъ-за колючихъ кустовъ, но та же жажда дѣйствовать какъ можно дольше и успѣшнѣе научила ихъ соединяться въ нелегальныя организаціи и тѣмъ самымъ „отрекаться уже отъ всего, что ихъ связывало съ турками... отъ круга родныхъ и друзей, отъ житейскихъ выгодъ своего положенія“ и отъ всякихъ разсчетовъ когда-либо вернуться въ ту среду, гдѣ, чтобы жить и дѣйствовать, „нужно убить въ себѣ мысль, волю и нравственное достоинство“. Они ошиблись въ надеждѣ разбудить своею проповѣдью крестьянскія массы и погибли, дорого продавъ свою жизнь царскимъ змѣямъ, и послѣ ихъ гибели ночь, отдѣлявшая Россію отъ „настоящаго дня“, стала еще темнѣе.

Существуетъ мнѣніе, раздѣляемое не только поклонниками „благообразнаго“ самодержавія, но даже такимъ сторонникомъ конституціи, какъ авторъ „Россія наканунѣ XX-го столѣтія“, что именно „Современникъ“ виноватъ въ реакціи, быстро смѣнившей мимолетное „благообразіе“. Своей отрицательной проповѣдью Чернышевскій и Добролюбовъ раздражали правительство и посѣяли сѣмена дальнѣйшихъ поводовъ къ раздраженію. Выходитъ, что если бы не раздражать самодержавное правительство, оно не только не отняло бы дарованныхъ послабленій, а еще, пожалуй, прибавило бы. Странное это мнѣніе. Да, разумѣется, не отняло бы, если бы оказалось, что реформы никому не нужны, что послабленіями рѣшительно никто не пользуется Если бы вся пресса всегда придерживалась направленія, охарактеризованнаго Щедринымъ въ названіи газеты: „Чего изволите“?, пресса не подвергалась бы періодическимъ избіеніямъ оппозиціонныхъ органовъ и, чего добраго, даже цензура была бы уничтожена. Если бы какъ присяжные, такъ и мировые судьи всегда постановляли приговоры, сообразуясь не со своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, а съ видами начальства, компетенція суда присяжныхъ не была бы сокращена, а судъ присяжныхъ — почти уничтоженъ. Если бы всѣ наши учебныя заведенія никогда не выпускали людей другого типа, кромѣ Молчалинскаго, они не были бы превращены въ какія-то полицейско-исправительныя учрежденія и т. д. и т. д. Но для такого „единенія царя съ народомъ“ нужно было бы, чтобы Россія была населена не людьми, а существами какой-то низшей, нигдѣ и никогда не существовавшей породы. Нигдѣ и никогда — такъ какъ для мирнаго существованія деспотій чисто азіатскаго типа нужно совсѣмъ другое. Азіатскій деспотъ можетъ учинять частныя злодѣйства: отнять жену или понравившуюся часть имущества, но отъ его произвола въ общественныхъ дѣлахъ гарантируетъ стародавняя руина застывшей полуварварской цивилизаціи, неподвижность одинаковыхъ сверху до низу понятій о добрѣ и злѣ, о дозволенномъ и недозволенномъ, занесенныхъ въ какое-нибудь „священное писаніе“. Тамъ „единеніе“ дѣйствительно существуетъ, и службу начальству, пока оно не знаетъ ничего кромѣ „Корана“, трудно отличить отъ службы отечеству.

Но въ Россіи, которую два вѣка само правительство дергаетъ взадъ и впередъ, гдѣ вырабатываемыя въ канцеляріяхъ реформы и контръ-реформы безпрерывно слѣдуютъ однѣ за другими; гдѣ весь экономическій строй страны находится въ интенсивномъ процессѣ измѣненія; куда уже два вѣка, спускаясь сверху внизъ, проникаютъ всѣ идеи, вырабатываемыя европейской цивилизаціей, — чтобы въ такой странѣ всѣ подданные сообразовались съ волею начальства, — вмѣсто религіозной неподвижности восточной нравственности — необходимо ея полнѣйшее отсутствіе, полнѣйшее равнодушіе къ тому, добро или зло повелѣваетъ начальство — лишь бы деньги платило.

Чтобы въ такой странѣ никто не „раздражалъ“ правительства, недостаточно, чтобы люди „убивали въ себѣ мысль и волю и нравственное достоинство“, — это дѣлается въ громадныхъ размѣрахъ. Надо, чтобы имъ убивать-то было нечего.

Многіе изъ волнующихся студентовъ дѣлаются потомъ „раболѣпными исполнителями чужой воли для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою“. Даже изъ людей, принимавшихъ участіе въ „политическихъ преступленіяхъ“, иные дослуживаются потомъ до „степеней извѣстныхъ“. Но и этимъ людямъ, мысль, воля и нравственность которыхъ не живучи и могутъ быть убиты отдѣльно отъ остальныхъ функцій организма, на убійство все же нужно время, а пока что, — будущій сановникъ „раздражаетъ“ правительство.

• • •

За послѣднее время правительство снова подвергается самымъ усиленнымъ раздраженіямъ. Снова у значительнаго процента образованной молодежи жажда честной дѣятельности пересиливаетъ благоразумныя соображенія объ ядовитости и бдительности мундирныхъ змѣй. Но рядомъ съ вторично поднявшимся слоемъ образованныхъ разночинцевъ встаетъ теперь нѣчто, чего не предвидѣлъ Добролюбовъ. Въ горячей „атмосферѣ надеждъ и ожиданій“ выростаетъ теперь все большій и большій кругъ рабочей молодежи. Ей не отъ чего отрекаться. У нея, какъ у Инсарова, никогда не было ни чего общаго съ нашими внутренними турками. Рабочіе непосредственно страдаютъ отъ произвола въ его самой грубой формѣ, они сами — просыпающаяся часть того „простонародья“, на инстинктивное возстаніе котораго разсчитывалъ Добролюбовъ. Но въ то же время они рвутся къ знанію, они вырабатываютъ въ себѣ тѣ „истинныя убѣжденія“, которыя толкаютъ къ дѣятельности, не смотря на всѣхъ „змѣй“. Ихъ непосредственное возмущеніе, соединяясь съ знаніемъ, можетъ только развиваться все шире и шире.

Свою статью „Когда же придетъ настоящій день?“ Добролюбовъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ революціонному подъему, къ „русскому Инсарову“. „Онъ необходимъ для насъ, безъ него вся наша жизнь идетъ какъ-то не въ зачетъ, а служитъ только кануномъ другого дня. Придетъ же онъ, наконецъ, этотъ день! И во всякомъ случаѣ канунъ недалекъ отъ слѣдующаго за нимъ дня: всего-то какая-нибудь ночь раздѣляетъ ихъ!“

Ночь была страшно длинна. Революціонное движеніе разночинцевъ, освѣщавшее ее своими молніями, было только очищавшей воздухъ ночной грозой, безъ которой мы задохлись бы въ міазмахъ „темнаго царства“. Лишь теперь наступаетъ разсвѣтъ „настоящаго дня“, но теперь ужъ — „Стучи въ барабанъ и не бойся!“ — ночь не можетъ вернуться.

бравшуюся вслѣдъ за этимъ толпу на Московской улицѣ и продержавшуюся четверть часа съ пѣніемъ и криками: „Долой самодержавіе“, требованіями „политической свободы“, „8-час. рабочаго дня“ и проч. постигла та же участь (избіеніе нагайками), затѣмъ около собор тоже, а народъ все-таки не расходился и подвигался все дальше и чуть только гдѣ скоплялась кучка и запѣвала, какъ казаки налетали и разгоняли. Так. обр. масса улицъ была захвачена движеніемъ. Только къ 12 ч. все улеглось. 30-го къ вечеру опять появилась масса народа по обѣимъ сторонамъ Сумской, при чемъ замѣтно было большое количество рабочихъ, особенно подростковъ. Казаки ѣздили взадъ и впередъ, но не къ чему было придраться. Только къ 10 час., когда въ одномъ мѣстѣ, на Николаевской площади, собралась порядочная группа и запѣла, то налетѣли башибузуки и моментально разогнали. Возбужденіе страшное. Масса толковъ. Есть раненые“.

Другой корреспондентъ замѣчаетъ:

„Казаки дошли до такого озвѣрѣнія, что топтали толпу лошадьми, били всѣхъ; раздавались стоны и душу раздирающіе крики. Описываю всѣ эти ужасы, какъ свидѣтель. Въ стѣнахъ университета царитъ страшное возбужденіе. Было избіеніе педелей и стычки съ оппозиціей, при чемъ многіе студенты падали въ обморокъ, пришлось посылать за докторами и лекарствомъ“.

Третій очевидецъ сообщаетъ:

„29-го ноября, къ 6 час. вечера, предложено было являться на Сумскую. Публика стала собираться. Ждали рабочихъ. У театра толпа студентовъ начала демонстрацію съ пѣніемъ. Но тутъ началась катавасія, которая живо напомнила 19-ое февраля. Началось жестокое избіеніе. Воздухъ огласился воплями, стонами и истериками. Хватали и таскали въ участокъ. Били шашками (тупымъ концомъ), нагайками, кулаками. Эту толпу избили и разогнали. Появилась масса конныхъ и пѣшихъ войскъ, которыя сновали по всѣмъ направленіямъ. Въ разныхъ мѣстахъ происходили небольшія демонстраціи и избіенія. Избіенія были на Московской, гдѣ особенно пострадали женщины, и на Екатеринославской. Вездѣ одна и та же картина. Крики, вопли о помощи. Скоро центральныя улицы были заняты войсками и очищены. Городъ обратился въ военный лагерь. Вездѣ отряды конницы и пѣхоты. Положеніе грозное. Рабочихъ было мало, такъ какъ, говорятъ, заводы оцѣплены. Волненія длились отъ 6 до 12 ночи. Настроеніе страшно возбужденное. Обѣ стороны озлоблены, остервенились, и, повидимому, этимъ не окончится. Кулакъ и нагайка царятъ.“

Четвертый корреспондентъ, изложивъ вышеописанныя событія, кромѣ того, сообщаетъ:

„29-го вечеромъ была такъ же, какъ и на Сумской, энергичная свалка на Жандармской площади между войсками и жел.-дорожными рабочими, которые рѣшили послѣ дневныхъ работъ пристать къ демонстрантамъ. Войсками рабочіе разсѣяны и на Сумскую не допущены“.

Приводимъ также присланныя намъ выдержки изъ одного письма посторонняго лица (Харьковъ, 29 ноября):

„29 ноября съ 10 час. утра Вет. Инст. снова былъ окруженъ войсками, ред. „Юж. Края“ ограждена 15 городовыми, а во дворѣ редакціи размѣщенъ эскадронъ казаковъ. Въ теченіе всего дня вся Сумская была занята народомъ, и къ вечеру тамъ собралось 6-7 тысячъ. Въ 6 час. веч. противъ драматическаго театра собрался хоръ студентовъ и пропѣлъ „Дубинушку“. Затѣмъ хоръ перешелъ на панель Госуд. Банка и былъ численно увеличенъ подошедшей публикой. Въ это время полиція, въ лицѣ многихъ и многихъ ея представителей, появилась на панели и предложила публикѣ, не участвующей въ демонстраціи, сойти съ панели, добавивъ, что оставшіеся на панели будутъ оцѣплены войсками и арестованы. Публика начала перебѣгать съ панели Банка къ театру и въ скверъ; вслѣдъ за словами полиціи выѣхали со двора „Юж. Края“ казаки и оцѣпили публику (студентовъ), оставшуюся на панели, которой еще разъ было предложено раздѣлиться на демонстрантовъ и недемонстрантовъ и послѣднимъ выйти за тѣсную цѣпь казаковъ. Вышли за цѣпь „всѣ до одного“, и казаки остались въ дуракахъ, выѣхавъ на самую панель, гдѣ никого не было. Тогда казаки разбились на три группы: одна погналась за публикой, которая хлынула въ Театральный переулокъ, другая — за публикой, направившейся параллельно къ скверу, и третья — за публикой по Сумской къ ред. „Юж. Края“. По дорогѣ хлестали плетками, но сравнительно мало, и публика почти не защищалась, а стремилась, главнымъ образомъ, улепетнуть. Вся эта стычка протекла въ какихъ-нибудь 5-7 минутъ. Все это сопровождалось ужасающимъ крикомъ, свистомъ, визгомъ, шиканьемъ и самыми энергичными движеніями и суетой какъ со стороны усмирителей, такъ и со стороны публики. Затѣмъ казаки быстро возвратились въ домъ Юзефовича, и все на нѣсколько минутъ разбѣжалось въ прилегающіе къ театру переулки, а затѣмъ черезъ 5-10 минутъ всѣ опять выплыли на Сумскую. Въ это время прибыли еще два эскадрона казаковъ, изъ нихъ эскадронъ расположился противъ театра, эскадронъ разъѣзжалъ взадъ и впередъ по Сумской. Когда все успокоилось (черезъ полчаса), пришла пѣхота и оцѣпила Сумскую, не разрѣшая пѣшеходамъ направляться къ Драматическому театру, а публику, которая была у театра и внизъ по Сумской, пѣхота вмѣстѣ съ казаками начала медленно оттискивать къ Николаевской площади и затѣмъ внизъ на Московскую. Публика, спустившись на Московскую, попыталась-было подняться до Николаевской площади; ее сначала допустили, а затѣмъ опять оттиснули внизъ; публика опять попробовала подняться на площадь, благодаря приливу къ публикѣ рабочихъ; ее допустили на самую средину площади и здѣсь опять набросились на нее казаки и начали хлестать плетьми уже по настоящему, разгоняя публику къ собору, Сумской, Московской и прилегающимъ переулкамъ. Эта расправа опять сопровождалась крикомъ, гиканьемъ, воплями и чортъ его знаетъ еще чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что заставляло колыхаться грудь до острой физической боли. Арестовано въ этотъ вечеръ было мало. Я видѣлъ только, какъ удалось полиціи увести двухъ человѣкъ, одного студента и одного штатскаго. Арестовъ и обысковъ передъ демонстраціей тоже было немного. Этимъ фактическимъ изложеніемъ я закончу письмо, которое пишу сейчасъ какъ пришелъ домой съ Сумской“.

Наконецъ, еще одинъ корреспондентъ такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ 29 ноября.

„Къ 6 час. было около 5 тысячъ. Къ этому времени кончилась сходка технологовъ, и они тоже (400 челов.) высыпали на улицу. Толпа тянулась отъ Астраханской гостиницы до Мироносицкаго сквера. Въ смежныхъ переулкахъ бродили кучки студентовъ и лихорадочно возбужденныхъ обывателей. Отрядъ городовыхъ растянулся отъ Астраханской гостиницы до Мироносицкаго сквера. Противъ театра выстроились спѣшившіеся казаки. Конный отрядъ ихъ демонстративно (во всю ширину улицы, по обоимъ троттуарамъ и мостовой) разъѣзжали взадъ и впередъ. Вдругъ возлѣ Юзефовича собралась кучка студентовъ и въ сопровожденіи толпы съ „Дубинушкой“ бросилась вверхъ по Сумской. Мгновенно съ обѣихъ сторонъ изъ дворовъ выскочили казаки и городовые и безъ предупрежденія, съ гикомъ и свистомъ бросились на толпу. Началась нещадная бойня. Охваченная паникой, толпа съ криками: „Казаки! Коллеги, насъ бьютъ!“ бросилась внизъ. Слышались истерическіе крики женщинъ, плачъ, ругательства, свистъ, проклятія. Въ свалкѣ одна барышня бросилась поднимать упавшаго къ ея ногамъ студента, и вдругъ разразилась страшнымъ истерическимъ крикомъ: „подлецы, мерзавцы! Бейте ихъ!“ Куча городовыхъ набросилась на нее, но толпа оттѣснила, и ей удалось скрыться. Студенты съ окровавленными лицами бѣжали въ разсыпную. Одинъ студентъ по слухамъ, ударилъ пристава въ лицо. Другой вырвалъ у казака нагайку и хлестнулъ его. Сейчасъ же схвачено было человѣкъ пять и отвезено въ полицію. Ужасъ, охватившій толпу, увеличивался темнотой, гикомъ наѣхавшихъ на толпу конныхъ казаковъ, свистками полиціи и т. д. Пока происходила свалка, на углу Николаевской площади (противъ женевскаго магазина) появилась кучка рабочихъ, человѣкъ въ 50. Вѣсть объ этомъ мгновенно пробѣжала по всей толпѣ. То здѣсь, то тамъ слышался таинственный шопотъ: „Рабочіе пришли! Рабочіе!“ Около ½ 7-го рабочіе и небольшая группка студентовъ дружно и весело запѣли „Нагаечку“. Послѣ второго куплета пѣсня оборвалась, потому что показались казаки. Начался страшный свистъ, громкіе крики, улюлюканье. Кто-то затянулъ „Дубинушку“. Толпа подхватила и бросилась съ пѣніемъ и свистками на встрѣчу казакамъ. Они наскакали въ карьеръ, по тротуарамъ, смяли толпу и бросились въ Николаевскій скверъ, гдѣ столпились студенты и пестрая публика. Топотъ лошадей, крики бѣгущей толпы, пронзительный свистъ, неожиданность нападенія конныхъ казаковъ нагнали панику. Толпа въ ужасѣ разсыпалась по разнымъ напраленіямъ. Студенты прорвали цѣпь казаковъ, окружавшихъ скверъ, и бросились бѣжать. Съ этого момента демонстрація разсыпается по всему городу и превращается въ рядъ уличныхъ схватокъ съ казаками. На Сумскую вызвана рота солдатъ, оцѣпившая ее во всю длину, пропуская только экипажи къ театру. Конка не шла. Схватки студентовъ, рабочихъ и просто толпы были на Слесарномъ пер., на Екатеринославской подъ Университетской Горкой. Казаки набрасывались даже на мирно стоявшія толпы, били, не разбирая. Избито много женщинъ. Стегали нагайками по головамъ, били упавшихъ, сбившихся въ кучу. Въ отдѣльныхъ схваткахъ раздавались крики: „Да здравствуетъ пролетаріатъ, да здравствуетъ 8-часовый рабочій день! Долой самодержавіе!“ и т. д. Къ 12 часамъ по улицамъ бродили лишь отдѣльныя кучки. На Николаевской площади выстроились солдаты. На перекресткахъ конные патрули. На углахъ улицъ городовые и ночные сторожа съ обнаженными палашами. Возбужденіе охватило весь городъ. На окраинахъ гдѣ никого не было, извозчики, обыватели знаютъ о происшедшемъ. Всюду на улицахъ, на конкахъ горячіе споры и толки“.

О дальнѣйшихъ событіяхъ нашъ корреспондентъ пишетъ:

„Первое декабря прошло спокойно на улицѣ и очень бурно въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ университетѣ было собесѣдованіе студентовъ съ профессорами по просьбѣ первыхъ, при чемъ студенты говорили пылкія рѣчи, въ которыхъ ярко обрисовали весь ужасъ современнаго положенія и просили профессоровъ не читать лекцій, такъ какъ это чтеніе будетъ сопровождаться трупами, ибо возмущеніе растетъ съ каждымъ часомъ; съ нѣкоторыми студентами дѣлались истерики, обмороки. Профессора держали себя въ общемъ прилично. Забастовка полная во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. 2 дек. съ утра Сумская улица кишѣла народомъ; большинство студенты, публика и небольшое количество городскихъ пролетаріевъ, т. е. ремесленниковъ; изрѣдка были видны и заводскіе типы. Повсюду — полицейскіе чины. Вся эта масса народу ходила по Сумской улицѣ взадъ и впередъ по троттуару. Всѣ какъ будто чего-то ждали, но это ничѣмъ не разрѣшилось. Къ 3 час. улица опустѣла (погода была убійственная, снѣгъ растаялъ отъ дождя, образовалась гололедица). Къ вечеру, не смотря на дождь, съ 6 час. набралась масса народу. Толпа чел. въ 200 прошла по Сумской отъ театра на Московскую улицу съ краснымъ знаменемъ (на которомъ было написано: 8-час. раб. день и политическая свобода) и пѣніемъ. Не успѣла она остановиться на Московской улицѣ, какъ налетѣли казаки, начали стегать; ошеломленные люди бросились въ ближайшій переулокъ, и тутъ имъ здорово досталось. Вообще городовые и казаки, очевидно, получили право распоряжаться по своему усмотрѣнію, и наглость ихъ доходила до необыкновенныхъ размѣровъ. За ихъ дѣйствіями никто не слѣдитъ. Какъ только гдѣ-нибудь замѣчаютъ стоящую толпу, сейчасъ налетаютъ и бьютъ нагайками, а городовые шашками. Въ 8 час. небольшая толпа перебралась незамѣтно на Екатеринославскую и прошлась свободно со знаменемъ и пѣніемъ, съ криками: „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“, привлекая массу народа, затѣмъ была разогнана налетѣвшими казаками. До 10 час. продолжалось движеніе. Съ 8 час. театральная площадь была занята казаками и войскомъ и по Сумской отъ Николаевской площади прекращено конное и пѣшее движеніе. Съ понедѣльника 3-го улицы приняли обыкновенный видъ.

„[illegible] уличныхъ движеніяхъ принимали участіе изъ рабочихъ [illegible] ремесленники, большею частью подростки, а изъ заводскихъ отдѣльныя лица“.

Въ дополненіе къ этому приводимъ еще два описанія событій 2 декабря. Одинъ очевидецъ пишетъ (Харьковъ, 4 декабря):

„Къ вечеру толпа все увеличивалась. Между 5-6 час. Сумская улица была буквально запружена народомъ, съ трудомъ можно было двигаться. Въ толпѣ преобладали студенты и рабочіе. Около 7 час. вся масса съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ хлынула внизъ по Сумской. Развернулось красное знамя. Толпа шла впередъ и впередъ. Вскорѣ, почти одновременно, появились войска; пѣхота, казаки и масса полиціи. Началась расправа. Били не только нагайками, пускали въ ходъ шашки и кулаки. Толпа не отступала. У многихъ въ рукахъ были кастеты, гайки, палки, безоружные защищались кулаками. Наконецъ, раздался выстрѣлъ. Кто стрѣлялъ, до сихъ поръ неизвѣстно. Но толпа не расходилась и снова, поднявъ красное знамя, двинулась по Екатеринославской улицѣ. Началось новое страшное избіеніе. Университетъ офиціально закрытъ, а съ 3 декабря также и Технолог. и Ветер. Институты“.

Другой корреспондентъ сообщаетъ:

„2 декабря была назначена организаціоннымъ комитетомъ студентовъ Технологическаго Института демонстрація на 12 ч. дня Сумской улицѣ. Къ этому времени на Сумскую стеклось тысячъ 12-15 разнаго званія людей, въ этомъ же числѣ находилось и много студентовъ. Настроеніе было настолько вялое, что о демонстраціи не приходилось и думать, и къ часу дня былъ выпущенъ тѣмъ же комитетомъ плакатъ, который раздавался здѣсь же, на улицѣ, что демонстрація откладывается на 6 час. веч. Публика все время не оставляла Сумской. Къ 6 час. веч. численность ея значительно увеличилась. Сумская улица, отъ ред. „Юж. Края“, Николаевская площадь и Николаевскій скверъ, Московская и прилегающіе къ этимъ мѣстностямъ переулки были заполнены народомъ. Народъ этотъ, ничѣмъ активно себя не заявляя, на просьбы большого наряда городовыхъ — разойтись переходилъ съ одного мѣста на другое. Въ 7 час. среди публики появились войска во всемъ вооруженіи (говорятъ, что каждый солдатъ снабженъ былъ 24 боевыми патронами). Войска заняли слѣд. пункты: во дворѣ „Юж. Края“ эскадронъ казаковъ, противъ Драмат. театра и въ переулкахъ эскадронъ казаковъ, по Сумской разъѣзжалъ эскадронъ казаковъ, противъ Николаевской церкви эскадронъ казаковъ и двѣ роты пѣхоты, на Московской улицѣ рота пѣхоты, въ Петровскій переулокъ рота пѣхоты. Помимо этого, вездѣ разъѣзжали небольшіе отряды казаковъ. Въ части города, прилегающей къ Конной площади, и около паровозостроительнаго завода расположился полкъ драгуновъ, вызванный къ этому дню изъ гор. Чугуева. До 8 час. стычекъ съ войсками не происходило, а были только „передвиженія“ какъ войскъ, такъ и публики; гдѣ-нибудь, напр., на Московской ул. раздавалось пѣніе, туда усиленно двигались казаки, пѣхота, а за ними публика, Пѣніе прекращалось, прекращалась демонстрація, и нахлынувшимъ войскамъ нечего было дѣлать, и они принимались разсѣивать вообще публику. Рота пѣхоты всходила на панель и тѣснила публику; публика уходила впередъ, обходила пѣхоту, становилась ей въ затылокъ, въ концѣ концовъ тѣснила пѣхоту и т. д. и т. д. Получалась какая-то мѣшанина, которую увеличивали извозчики, конка.

Въ 9 час. вечера полиція узнала, что въ городъ движутся на мѣсто демонстраціи рабочіе паровозостроительнаго завода; на встрѣчу имъ понеслись казаки, побѣжала пѣхота, а вслѣдъ за ними и большая часть публики, которая до того находилась на Сумской и Московской. Непріятели встрѣтились на Харьковскомъ мосту; побѣдителемъ оказалось христолюбивое воинство, вооруженное съ ногъ до головы, которое въ этотъ разъ пустило въ ходъ нагайки; рабочіе были отброшены и разсѣяны; побѣдители долго преслѣдовали, дѣйствуя плетьми; воротившись съ мѣста битвы, воинство начало болѣе энергично разсѣивать публику; отрѣзывалась часть толпы сомкнутымъ строемъ казаковъ, энергично оттискивалась въ темную улицу и тамъ пускались въ ходъ плети и кулаки; конечно, не разбиралось, на кого обрушивались плети, такъ что въ нѣсколькихъ мѣстахъ были избиты и изувѣчены (напр., выбитъ глазъ молодой дѣвушкѣ) старики, старухи и малолѣтніе, случайно проходившіе въ это время по улицамъ города. Окончательно публика оставила мѣсто демонстраціи въ 11½ час. вечера.

Въ заключеніе добавимъ, что Харьковскій Комитетъ Рос. С.-Д. Реб. Партіи выпустилъ послѣ 29 ноября хорошо написанное воззваніе: „Ко всѣмъ харьковскимъ рабочимъ“, въ которомъ спра- справедливо говорится: „Борьба студентовъ давно уже перестала быть дѣломъ однихъ студентовъ, потому что она сдѣлалась борьбой за политическую свободу... Мы всѣ задыхаемся въ тискахъ безграничнаго произвола“... Прокламація заканчивается словами: „мы привѣтствуемъ борящихся студентовъ и восклицаемъ: долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“

Рига. 24 ноября у насъ въ институтѣ была неразрѣшенная сходка въ 500 чел. Рѣчи на этой сходкѣ характерно отличались отъ прошлогоднихъ рѣчей. Говорили, что студентами мы будемъ только нѣсколько лѣтъ, а гражданами цѣлую жизнь. Поэтому для насъ важно выставить требованія общегражданскаго характера, какъ свободу слова, совѣсти, печати, нежели узко-академическія требованія. Говорили даже о томъ, что, пожалуй, придется намъ силой брать эти права, выйти на улицу и драться. Послѣ сходки чел. 100 пошли по Суворовской улицѣ мимо жандармскаго управленія, пѣли „Дубинушку“ и „Марсельезу“.

Рига. Приводимъ цѣликомъ только-что полученную нами прокламацію (оригиналъ гектографированъ и сопровождается текстомъ на латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ).

„Граждане! Сегодня, 7 декабря въ 7½ час. веч. состоялась демонстрація передъ редакціей „Rig Rundschau“, при чемъ были выбиты стекла. Демонстрація была вызвана статьей, помѣщенной въ № 268 отъ 26 ноября 1901 г., въ которой рекомендуется правительству неумолимая строгость по отношенію къ протестующимъ студентамъ и указываются извѣстныя слова Лютера, сказанныя имъ по поводу крестьянскихъ бунтовъ (бейте ихъ, какъ бѣшеныхъ собакъ).

„Мы, студенты Рижскаго Политехническаго Института, заявляемъ, что, не имѣя возможности протестовать открыто при существующемъ гоненіи на свободное слово, мы принуждены подобнымъ образомъ отвѣчать на такого рода выходки реакціонной печати“.

Ярославль. Приводимъ присланныя намъ подробныя свѣдѣнія о возмутительномъ случаѣ избіенія студентовъ:

20 октября въ 12 часу ночи изъ пивной Адамецъ по Власьевой улицѣ шла небольшая группа студентовъ, чел. 6-7. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ у мирового судьи, выяснилось, что студенты не были пьяны, шли спокойно, не пѣли, только разговаривали между собой. Дойдя до гостинницы „Европа“, они неожиданно подверглись нападенію вооруженной толпы, чел. 15. Эта толпа состояла изъ 3-4 чел. ночныхъ сторожей, 2 трамвайныхъ служителей, вооруженныхъ дубинами, жгутами, нѣсколькихъ городовыхъ съ шашками. При приближеніи студентовъ, изъ толпы раздалось: „мы имъ покажемъ“. Студенты были быстро окружены, нѣкоторые сбиты съ ногъ, и на нихъ посыпались безконечные удары шашками, дубинами, кулаками. Перепуганные студенты взывали о помощи и кричали: „Да за что вы насъ бьете? За что бьете?“ Разбѣжаться студенты не могли, такъ какъ всѣ выходы съ небольшой площади, 4 угла гостинницы „Европа“ были предусмотрительно заняты сторожами съ дубинами въ рукахъ, которые нападали какъ на избиваемыхъ студентовъ, такъ и на спѣшившихъ на помощь. Посторонніе лица, проходившіе мимо мѣста побоища и желавшіе узнать причину происходившаго, подвергались нападеніямъ или угрозамъ. Это удостовѣрено показаніями свидѣтелей у мирового судьи. Во время побоища, полицейскій надзиратель Домбровскій, призводившій обходъ въ эту ночь, стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ побоища и, повидимому, наслаждался созерцаніемъ этой картины.

Нѣкоторые изъ пострадавшихъ студентовъ отправились тотчасъ же въ участокъ и требовали составленія протокола о случившемся, вызова полицмейстера или губернатора. Но здѣсь студенты изъ потерпѣвшихъ внезапно превратились въ обвиняемыхъ. Полиція составила протоколъ о нарушеніи тишины и спокойствія и на слѣдующее утро угрозами заставили студентовъ подписаться подъ нимъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что студентъ Александровскій былъ такъ слабъ, избитъ и потрясенъ всѣмъ случившимся, что, по показанію экспертизы, былъ близокъ къ истерическому припадку и, придя въ участокъ, упалъ внизъ лицомъ безъ чувствъ. Студентъ Морисовъ, пострадавшій больше всего (такъ какъ по освидѣтельствованіи врача у него оказалось переломленное ребро, не говоря уже о многочисленныхъ слѣдахъ побоевъ, судя по опухоли и синякамъ всего туловища, рукъ, ногъ; на шеѣ ясные слѣды удушенія), чувствуя боль въ боку, стѣсненное дыханіе, былъ крайне нервно возбужденъ и особенно увидѣвъ Александрова въ такомъ положеніи, срывалъ рубашку, сюртукъ, инстинктивно освобождая свою грудь, требовалъ врача (между прочимъ, срывая сюртукъ, онъ нечаянно опрокинулъ лампу; это полиція, конечно, не преминула поставить въ особую вину, какъ явное безобразное и пьяное буйство студентовъ). Требованіе его не только не было удовлетворено, наоборотъ, вмѣстѣ съ другими студентами, Александровскимъ и Бѣлокрылинымъ, въ обнаженномъ видѣ онъ былъ препровожденъ въ кутузку. По пути въ кутузку, студенты подвергались побоямъ и оскорбленіямъ полицейскихъ: ихъ толкали въ бока, въ спину, драли за волосы, сдавливали горло, чтобы заглушить крики. На слѣдующій день они были освобождены и освидѣтельствованы земскимъ врачемъ Алексинскимъ, который нашелъ у трехъ студентовъ свѣжіе слѣды тяжкихъ побоевъ, нанесенныхъ тупымъ орудіемъ. Послѣдствіемъ ихъ было даже кровохарканье у Морисова, а по свидѣтельству врача — это человѣкъ крѣпкаго сложенія. У другихъ сильные ушибы головы, спины, рукъ и ногъ. Въ ту же ночь нѣсколько студентовъ были избиты въ другихъ пунктахъ города.

Дѣло разбиралось у мирового судьи въ теченіе четырехъ дней. Полиція держала себя на судѣ недостойнымъ образомъ: подсказывала свидѣтелямъ, какъ во время суда, такъ и во время перерывовъ, что было подмѣчено многими лицами изъ публики, а также и защитниками, о чемъ и было заявлено судьѣ. Судья приговорилъ студента Бѣлокрылина къ 5 днямъ ареста, а остальныхъ оправдалъ, дѣйствія же полиціи призналъ незаконными, но ему не подсудными. Дѣло возбуждено у судебнаго слѣдователя. Для характеристики здѣшней администраціи не лишнее указать на то, что губернаторъ оказывалъ сильное давленіе на судью, чтобы онъ обвинилъ студентовъ. Врачъ же Алексинскій, производившій освидѣтельствованіе, впалъ въ немилость, и циркулируютъ слухи, что онъ не удержится на мѣстѣ.

Краткій отчетъ о судебномъ разбирательствѣ былъ помѣщенъ въ мѣстной газетѣ „Сѣверный Край“, но этотъ номеръ не былъ пропущенъ цензурой и совсѣмъ не появился на свѣтъ божі Въ слѣдующемъ номерѣ редакція помѣстила заявленіе, что „такой-то номеръ не вышелъ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.“ Говорятъ, что за это редакторъ получилъ внушені свыше.

Вызванная этими событіями студенческая сходка 24 октябр потребовала у губернатора черезъ директора лицея, чтобы впре студентовъ не брали въ участокъ, а въ случаѣ какихъ нибуд недоразумѣній требовали студенческій билетъ, или доставля ихъ въ лицей.

По поводу этого избіенія была выпущена студентами лице прокламація.

Вильна. Новый виленскій помпадуръ фонъ-Валь съ первыхъ же дней принялся за искорененіе „корней и нитей“, заявивъ в своей рѣчи представлявшимся ему должностнымъ лицамъ и такъ называемымъ „представителямъ общества", что возникшія со смертью ген.-губернатора Троцкаго среди виленскихъ обывателей „мечтанія" о смягченіи режима — безсмысленны и неосновательны, что правительство не измѣнило своего взгляда на край, что созданные для него исключительные законы остаются въ силѣ, однимъ словомъ, что не можетъ быть и рѣчи объ уменьшеніи „твердости власти". Такъ говорилъ г. Валь и сейчасъ же сталъ подтверждать свое слово дѣломъ. Сюда онъ пріѣхалъ 31 октября, какъ разъ въ разгаръ всеобщей стачки кожевниковъ въ Сморгони (до 1300 чел.), главными требованіями выставившихъ — освобожденіе арестованныхъ передъ тѣмъ въ Сморгони 31 чел. и уменьшеніе рабочаго дня. Фон-Валь прежде всего послалъ туда сотню казаковъ, потомъ расклеилъ объявленіе, что расправится съ рабочими „предоставленными ему для прекращенія рабочихъ безпорядковъ мѣрами"; когда это не помогло, объявилъ, что не вставшіе на работу до понедѣльника 5 ноября, будутъ высланы по этапу. Не помогло и это. Тогда началась высылка и выслано до 10 ноября до 600 съ лишнимъ человѣкъ. Свыше 70 арестованы и сидятъ въ Вильнѣ и Вилейкѣ. Въ ночь на 5 ноября въ самой Вильнѣ тоже были обыски и аресты; взято 16 чел., преимущественно рабочихъ, сидятъ въ 14 номерѣ.

Но, кромѣ мѣръ строгости, г. Валь, очевидно, имѣетъ въ своемъ прейскурантѣ, также и „начальственныя увѣщанія". Созваны были на дняхъ еврейскіе раввины и представители еврейскаго купечества и предпринимательскаго общества. Валь началъ съ того, что лучше сора изъ избы не вымѣтать, возникшую въ своей средѣ смуту подавить самимъ, не заставляя правительственную власть вмѣшаться и прибѣгнуть къ репрессіямъ, тяжело отзывающимся на всѣмъ еврействѣ. Съ соціализмомъ должно бороться пріобрѣтеніемъ вліянія на молодежь, распространеніемъ вновь религіозности и проч. и проч. Это говорилось тѣмъ самымъ людямъ, которые не задолго до этого хлопотали въ жандармскомъ управленіи въ Вильнѣ о введеніи военнаго положенія, которые на этихъ же дняхъ выклянчили у Валя расквартированіе въ новомъ городѣ казаковъ, начавшихъ уже свои безчинства. Виленскій соц.-дем. комитетъ выпустилъ на русскомъ языкѣ печатный „Отвѣтъ виленскому губернатору", бичующій „холопскія традиціи еврейской буржуазіи" и зовущій рабочихъ, которые за 10-15 лѣтъ превратились изъ тихихъ, забитыхъ еврейчиковъ въ сознательныхъ пролетаріевъ-борцовъ, къ неутомимой борьбѣ рука объ руку съ русскимъ, польскимъ, литовскимъ и латышскимъ пролетаріатомъ за сверженіе русскаго самодержавія.

Къ числу возложенныхъ на фон-Валя многотрудныхъ обязанностей относится также борьба съ „польской крамолой". И тутъ Валь съ перваго дня началъ „искоренять". Проѣхавъ по Георгіевскому просп. и увидѣвъ, что на какомъ-то строющемся дому поставленъ бюстъ Яна Собѣскаго, онъ велѣлъ немедленно его убрать. Будучи въ дворянскомъ клубѣ и услыхавъ польскій разговоръ, Валь потребовалъ завѣдующаго и спросилъ у него объясненій, всегда-ли тамъ такъ говорятъ? Тотъ отвѣтилъ, что какъ кому угодно, тотъ такъ и говоритъ. А какъ говоритъ прислуга? — На какомъ языкѣ говорятъ съ ней, на такомъ и она отвѣчаетъ. — „Чтобы этого больше не было. Если прислуга будетъ говорить по польски — я закрою клубъ". Но этого мало: Валь счелъ нужнымъ бороться не только съ поляками, но и съ... малороссами. Пріѣхалъ сюда Сусловъ съ малорусской труппой, гастролировавшей здѣсь все лѣто. Валь не разрѣшилъ ему спектаклей. Суслову пришлось ѣхать къ министру и удалось выхлопотать разрѣшеніе лишь на шесть спектаклей.

Въ своей вышеупомянутой рѣчи чиновникамъ Валь распространялся о необходимости „нравственныхъ началъ и справедливости" для представителей власти. Не знаемъ, какъ понималъ нравственность и справедливость г. Валь, прославившійся своими дикими выходками въ бытность курскимъ и витебскимъ губернаторомъ и петербургскимъ градоначальникомъ, но странно понимаетъ онъ ихъ теперь. На дняхъ ѣдутъ на извозчикѣ двое почтовыхъ чиновниковъ, встрѣчается имъ Валь и останавливаетъ ихъ. — Почему вы не сдѣлали фронта? — Потому что отъ дѣланія фронта освобождаются ѣдущіе верхомъ, на извозчикахъ и проч. — А почему вы не поклонились? — Потому что мы съ вами не знакомы; мы вамъ не представлялись...

На другой день по настоянію фон-Валя оба чиновника были уволены въ отставку.

Нравственность же понимается ближайшимъ помощникомъ Валя, вице-губернаторомъ Балясным, довольно оригинально. Является онъ недѣли двѣ назадъ въ одно изъ самыхъ злачныхъ мѣстъ Вильны — ресторанъ и кафе-шантанъ Шумана. Спрашиваетъ, кто завѣдываетъ „женской" частью. Приходитъ завѣдующій, и Балясный заявляетъ ему слѣд.: „Знайте, что вы отъ меня зависите. Хочу — вы существуете, захочу — закрою ваше заведеніе"... и заказываетъ ужинъ съ винами, закусками и проч. Этого мало, г. Балясный сталъ весьма недвусмысленно намекать на необходимость взятки деньгами и натурой. Но ресторатор оказался неподатливымъ и заявилъ, что не боится его, такъ какъ ни отъ кого, кромѣ какъ отъ губернскаго правленія, по закону не зависитъ.

Валь привезъ съ собой изъ СПБ. нѣкоего Станкевича, который остановился на Вокзальной улицѣ въ гост. „Дагмара". Этотъ Станкевичъ посѣтилъ нѣсколько фабрикъ и мастерскихъ, отрекомендовался и потребовалъ, согласно распоряженію Валя, чтобы при возникновеніи стачекъ, волненіи и т. п., ему немедленно давали знать. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ онъ забралъ всѣ рабочія книжки.

СТОЛѢТІЕ РУССКАГО ШТЫКА ВЪ ГРУЗІИ.

Еще за годъ до окончанія столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи, грузинское дворянство въ лицѣ заслуженныхъ генераловъ-грузинъ возбудило вопросъ о чествованіи такого, по ихъ мнѣнію, важнаго и радостнаго событія. Рѣшено было на нѣсколькихъ засѣданіяхъ, посвященныхъ выработкѣ программы чествованія, устроить трехдневныя празднества въ г. Тифлисѣ, угостить стоящія въ Тифлисѣ войска (ихъ къ юбилею набралось несмѣтное количество) виномъ и закуской, иллюминовать городъ и окрестности, устроить тріумфальныя арки, пригласить предводителей дворянства внутреннихъ губерній Россіи и министровъ, а также учредить на счетъ Грузіи стипендіи въ кадетскихъ корпусахъ для дѣтей грузинъ. Конечно, небольшая сознательная часть грузинскаго дворянства, присутствовавшая на этихъ засѣданіяхъ, относилась съ затаеннымъ отвращеніемъ къ подобному способу чествованію присоединенія Грузіи къ Россіи, но, не имѣя возможности выразить свое недовольство, ограничилась молчаніемъ.

Наконецъ, настали 26, 27 и 28 сентября — дни торжествъ. Николай, запуганный донесеніями фельдфебеля стараго закала кн. Голицына, что за кавказцевъ онъ не ручается, прислалъ вмѣсто себя своего дядюшку Михаила, съ которымъ пріѣхала греческая королева, его и ея дѣти. Мѣстная жандармерія и полиція, отлично зная, на сколько сочувственно относится большая часть грузинъ и армянъ къ этимъ торжествамъ, и желая показать Михаилу все въ розовомъ свѣтѣ, объявила, что 26, 27 и 28 сентября должны праздновать всѣ, надѣясь, такимъ образомъ, достигнуть большаго скопленія толпы на улицахъ; кромѣ того, приказано было собраться въ Тифлисѣ всѣмъ сельскимъ старшинамъ. Нѣсколько молодыхъ шалопаевъ-князей грузинъ, заложившихъ или продавшихъ послѣдніе клочки земли, разодѣли себя и своихъ коней въ золото и бархатъ и составили почетный караулъ. Нужно было видѣть, съ какимъ нескрываемымъ отвращеніемъ публика, особенно армяне, относилась къ ихъ гарцованію на улицахъ. „Угодники" городского муниципалитета сообразили устроить тріумфальныя арки, одна изъ которыхъ на главной улицѣ изображала съ одной стороны браво выглядящую русскую крѣпость, а съ другой — разрушенную грузинскую башню: это было выраженіе низкопоклонническихъ чувствъ.

Къ полудню 26 сентября улицы, по которымъ должны были проѣхать гости, были переполнены народомъ, но добрую половину его составляли войска, городовые и учащіеся, разставленные шпалерами. Долгое томительное ожиданіе разрѣшается то тамъ, то сямъ смѣхомъ и остротами. Къ тріумфальной аркѣ торопливо прибиваютъ послѣднія финтифлюшки, какъ вдругъ подъѣзжаетъ конный и объявляетъ: „ѣдутъ". Работа моментально брошена, войска вытягиваются въ струнку, ученики лѣниво занимаютъ свои мѣста, толпа колышется, головы вытягиваются впередъ и видятъ: летитъ, стоя на фаэтонѣ, полицмейстеръ, неистово размахивая руками и требуя знаками, чтобы народъ кричалъ „ура". Но народъ молчитъ. Мало того: кто-то свистнулъ, другой, третій и — общій свистъ огласилъ воздухъ. Гости въ недоумѣніи, не зная, отвѣчать поклонами на подобное привѣтствіе или нѣтъ. Если кто кричалъ ура, такъ только солдаты и полиція. И такая восторженная встрѣча продолжалась всѣ три дня.

Въ первый день, 26-го, по городу разнесся слухъ, что 27-го будетъ объявлена радостная вѣсть для туземнаго населенія. Дворяне ожидали великихъ благъ для своего сословія, крестьяне — сложенія недоимокъ и облегченія податей, малосознательная часть интеллигенціи — открытія одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній, а рабочіе классы, конечно, ничего не ожидали. „Радостная вѣсть", объявленная 27-го, заключала въ себѣ явную насмѣшку надъ грузинами, такъ какъ, кромѣ самыхъ незначительныхъ облегченій и грошовыхъ подарковъ грузинскому дворянству, ничего въ ней не было.

Грузинская либеральная интеллигенція, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшила выразить свой протестъ такъ: не выходить изъ дому въ дни торжествъ и выпустить прокламацію, обращенную безъ различія ко всѣмъ грузинамъ, что и было исполнено. Прокламація, написанная очень слабо, содержала въ себѣ общія мѣста о томъ, что грузины притѣснены русскимъ правительствомъ и т. п. Вся прокламація била на узко-патріотическія чувства и никакого впечатлѣнія не произвела.

Совершенно другимъ и гораздо болѣе энергичнымъ характеромъ отличался протестъ, выраженный мѣстной рабочей организаціей. Первая прокламація, выпущенная рабочими на грузинскомъ языкѣ, заключала въ себѣ краткую исторію присоединенія Грузіи къ Россіи, характеристику русскаго царизма и плодовъ его управленія на Кавказѣ и обращеніе къ рабочимъ съ призывомъ сплотиться для сверженія позорнаго ига царизма. По одному экземпляру этой прокламаціи было разослано всѣмъ, начиная съ Михаила (бывшаго тогда въ Боржомѣ), высокопоставленнымъ особамъ, во всѣ общественныя учрежденія. Прокламаціи были расклеены въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, на дверяхъ учебныхъ заведеній и разбрасываемы въ народѣ. Эта прокламація вышла около 23 сентября. 26 сентября была выпущена краткая, но сильная прокламація на русскомъ языкѣ въ формѣ діалога между Николаемъ II и грузинскимъ дворянствомъ, гдѣ послѣднее обнадеживаетъ царя, что оно — его вѣрный слуга и если случаются такія непріятныя явленія въ Грузіи, какъ 22 Апрѣля, такъ это дѣло рабочихъ, а дворяне тутъ не при чемъ. Эти прокламаціи были разбросаны въ лагерѣ, стоящемъ близъ рабочаго квартала, въ громадномъ количествѣ, а также распространены среди народа. Но самое важное было то, что мѣстная рабочая организація ознаменовала столѣтіе выпускомъ въ свѣтъ перваго революціоннаго грузинскаго періодическаго изданія, подъ названіемъ „Борьба". Органъ этотъ предполагается выпускать по мѣрѣ накопленія матеріала въ видѣ фактовъ изъ борьбы мѣстной рабочей организаціи съ буржуазіей и жандармеріей. Первый номеръ заключалъ въ себѣ нѣсколько статей принципіальнаго характера, прокламаціи и хрон. стачекъ на Кавказѣ (особенно въ Тифлисѣ).

Интересно было, какъ перемѣнила фронтъ грузинская либеральная интеллигенція послѣ объявленія манифеста о дарованіи грузинскому дворянству жалкихъ крохъ со стола Николая II. Послѣ обнародованія этого манифеста, она выпустила другую прокламацію, гдѣ тонъ былъ совершенно измѣненъ и обращеніе ко всѣмъ грузинамъ исчезло.

До юбилея жандармерія произвела настоящую облаву и всѣхъ, когда-нибудь бывшихъ подъ надзоромъ, сторожила, чтобы они не вышли изъ дому. Арестовали рабочихъ Гагуа и Джибладзе и интеллигентовъ Каландарашвили и Цулукидзе. Помимо арестованныхъ 22 апрѣля 41 чел. рабочихъ (въ томъ числѣ нѣсколько студентовъ), еще раньше были арестованы Джибладзе, братья Каладзе (интеллигенты), рабочій Гоглидзе и нѣсколько другихъ рабочихъ. Арестовали и черезъ двѣ недѣли выпустили интеллигента Махарадзе, который въ настоящее время снова арестованъ. Арестовали лѣтомъ Жорданія. Обыски не прекращаются, штатъ шпіоновъ сильно увеличенъ. Учрежденная съ 4 сентября усиленная охрана пока ничего новаго не принесла, такъ какъ гнетъ всегда былъ, и до охраны и послѣ. Усиленная охрана это просто — пыль въ глаза для простаковъ.

Псковскіе земцы въ заботахъ о псковскихъ крестьянахъ. Псковское уѣздное земское собраніе недавно рѣшило хлопотать передъ правительствомъ о воспрещеніи крестьянамъ переселенія въ Сибирь. Оно находитъ, что переселенія „крайне нежелательны въ интересахъ экономическаго благосостоянія уѣзда" и признало „необходимымъ принятіе энергическихъ мѣръ борьбы съ этимъ крупнымъ явленіемъ мѣстной хозяйственной жизни", иначе говоря, высказалось за „энергичныя мѣры борьбы" съ непокорными крестьянами, убѣгающими въ Сибирь отъ привольной жизни въ Псковскомъ уѣздѣ.

Да, отъ привольной! По крайней мѣрѣ, такъ полагаютъ земцы. Они считаютъ, что „переселеніе... представляется въ общемъ необоснованнымъ и не вызываемымъ дѣйствительной потребностью". Но мужики, надо думать, считаютъ, что ихъ переселенія вызываются „дѣйствительной потребностью", ибо иначе зачѣмъ бы они стали переселяться? Гласный изъ крестьянъ, печерскій старшина, заявилъ, что переселенія объясняются плохимъ качествомъ крестьянской земли. Но псковскіе земцы думаютъ, что они лучше знаютъ „дѣйствительныя потребности" крестьянъ, чѣмъ сами крестьяне. Псковскіе земцы находятъ, что мужику и дома хорошо. Если земли у него мало, то, вѣдь, „при обиліи пустопорожнихъ земель и невысокой арендной платѣ за землю пользованіе земельными угодьями для занятія сельскимъ хозяйствомъ является для крестьянства въ достаточной мѣрѣ обезпеченнымъ".

Далѣе, и въ отношеніи заработковъ „крестьяне Псковскаго уѣзда находятся въ достаточно благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ самое расположеніе уѣзда на нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ и близость къ столь крупнымъ рабочимъ рынкамъ, какъ Петербургъ и Рига, гарантируютъ крестьянству выгодныя работы, а нахожденіе въ предѣлахъ уѣзда Псковскаго озера и значительныхъ по размѣрамъ алебастровыхъ ломокъ на ряду съ существованіемъ разныхъ кустарныхъ производствъ изъ мѣстныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и глины доставляютъ населенію обильные и прибыльные заработки чисто мѣстнаго характера".

Бѣдный мужичекъ бѣжитъ въ Сибирь подъ вліяніемъ ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ „злонамѣренными лицами". А въ Сибири ему грозятъ новыя бѣдствія. „Приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни при переходѣ изъ климата съ морскимъ характеромъ въ климатъ рѣзко континентальный, изъ своеобразныхъ почвенныхъ условій оказывается непосильнымъ для малоподвижного и неразвитаго населенія Псковской губ.". Поэтому, для блага мужика воспретить ему двигаться съ мѣста и ходатайствовать о принятіи въ интересахъ населенія экстренныхъ мѣръ къ временному прекращенію переселенческаго движенія".

Такими-то пошло-лицемѣрными рѣчами о „пользѣ" мужика псковскіе земцы прикрываютъ свою боязнь потери той дешевой рабочей силы, которая имъ доставляется крестьянами, не могущими прокормиться со своего надѣла! Крестьянинъ бѣжитъ отъ „прадѣдовской" земли, надѣясь стать въ Сибири „заправскимъ" хозяиномъ, а его удерживаютъ, увѣщевая, что онъ долженъ во вѣки оставаться полу-хозяиномъ, полу-наемникомъ, что онъ долженъ быть прикрѣпленъ къ тѣмъ „пустопорожнимъ землямъ" гг. помѣщиковъ, къ тѣмъ каменоломнямъ и мѣстнымъ промысламъ, въ которыхъ къ его труду уже присосалась цѣлая туча піявокъ-кулаковъ.

Земства созданы для заботы „о мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ". Изгнавъ изъ земства положеніемъ 1890 г. выборныхъ отъ крестьянъ, правительство стремилось превратить земство въ учрежденіе, заботящееся о „нуждахъ и пользахъ" мѣстныхъ помѣщиковъ. И земцы, слѣдуя желаніямъ правительства, подъ флагомъ „интересовъ населенія", проводятъ самыя крѣпостническія затѣи. Но такой политикой земство само роетъ себѣ могилу. Въ настоящее время правительство готовится къ новому походу противъ земскаго, самоуправленія. Въ борьбѣ противъ самодержавнаго самодурства земство сможетъ отстоять свои права лишь въ томъ случаѣ, если въ глазахъ широкихъ слоевъ населенія будетъ представлять не одни классовые интересы помѣщиковъ, но и широкіе общенародные интересы. Превратившись въ органъ грубо-классовой политики крѣпостниковъ-помѣщиковъ, земство лишается всякаго сочувствія со стороны не-привилегированныхъ классовъ, его борьба противъ правительства теряетъ всякое общенародное значеніе. Если въ „интересахъ населенія" земство будетъ хлопотать объ усиленіи полицейскаго произвола царизма надъ населеніемъ, то это послѣднее съ полнымъ равнодушіемъ будетъ присутствовать при той расправѣ, которую произведутъ надъ земствомъ гг. Витте и Сипягины. А эту расправу, повѣрьте, г.г. псковскіе земцы! — министры царя сумѣютъ также совершить подъ предлогомъ „интересовъ населенія".

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка портныхъ въ Кіевѣ (изъ матер. Летуч. Л. № 3). 4 ноября въ Кіевѣ началась стачка портныхъ, работающихъ въ мелкихъ портняжныхъ мастерскихъ, главнымъ образомъ, на Крещатикѣ и на Подолѣ. Условія работы въ этихъ мастерскихъ до крайности тяжелы, и можно только удивляться, что рабочіе могли мириться съ ними до сихъ поръ. Пользуясь тѣмъ, что въ большинствѣ мастерскихъ работаетъ чел. 3-4 и лишь въ болѣе крупныхъ — чел. 6-8 и что, слѣд., рабочіе, въ виду ихъ малочисленности, не могутъ поставить серьезныхъ препятствій кулаческой дѣятельности владѣльцевъ, хозяева эксплуатируютъ своихъ рабочихъ самымъ безжалостнымъ образомъ. Работы производились съ ранняго утра до поздней ночи, работали по 18 час. въ сутки за самое ничтожное вознагражденіе. Въ послѣднее время, однако, среди портныхъ началось броженіе, закончившееся стачкой. Сначала оставлены были работы лишь въ нѣсколькихъ мастерскихъ, но уже къ вечеру перваго дня стачки число стачечниковъ значительно увеличилось, а на третій день дошло до 800 чел. Работы оставлены были приблизительно въ 60 мастерскихъ. Требованія рабочихъ сводились къ уменьшенію рабочаго дня до 12 час. и къ увеличенію заработной платы на 50%. Къ работающимъ въ мастерскихъ примкнули даже нѣкоторые изъ портныхъ, берущихъ работу сдѣльно на домъ, и потребовали увеличенія поштучной платы. Нѣкоторые изъ болѣе благоразумныхъ хозяевъ рѣшили пойти на уступки уже въ первые дни стачки, большая же часть не соглашалась удовлетворить требованія рабочихъ. Въ концѣ концовъ, однако, большинство хозяевъ уступило, удовлетворивъ, хотя и не полностью, выставленныя требованія (такъ, между прочимъ, хозяева согласились лишь на 13-часовый рабочій день). Чрезвычайно интереснымъ результатомъ стачки является то обстоятельство, что многіе изъ хозяевъ, хотя и крайне неохотно, выдали своимъ рабочимъ домашнія условія, въ которыхъ точно обозначены часы начала и окончанія работы, чего до сихъ поръ въ мелкихъ мастерскихъ не бывало. Не смотря на крайній недостатокъ въ средствахъ, забастовка тянулась болѣе недѣли. За время стачки нѣсколько (чел. 15) рабочихъ была арестованы; въ настоящее время часть арестованныхъ уже выпущена. Чел. 40 рабочихъ были разсчитаны хозяевами. Стачка въ данное время уже окончилась. Были прокламаціи: на русскомъ языкѣ (Комитета) и на еврейскомъ (изданная группой портныхъ).

Стачка на Черкасскомъ сахаро-рафинадномъ заводѣ. Насколько вѣрно, что „идеи съ вѣтромъ носятся", доказываетъ стачка на сахаро-рафинадномъ заводѣ, расположенномъ около г. Черкассъ (Кіевской губ.). „Постороннихъ вліяній" не могъ обнаружить даже посланный изъ Кіева съ спеціальной цѣлью раскрытія „корней и нитей" жандармъ (кажется, г. Беклемишевъ), а между тѣмъ, рабочіе выставили требованіе, которое стало уже однимъ изъ лозунговъ всемірнаго рабочаго движенія: они потребовали 8-часоваго рабочаго дня.

Въ среднихъ числахъ октября была стачка на Смѣлянскомъ заводѣ графовъ Бобринскихъ, а 2 ноября стачка вспыхнула на Черкасскомъ заводѣ. Этотъ заводъ построенъ всего лишь мѣсяца два, при чемъ имѣлось въ виду возможно скорѣе начать работы на заводѣ и вовсе не имѣлись въ виду даже самыя элементарныя удобства рабочихъ. Дѣло началось съ того, что часть рабочихъ отказалась 2 ноября работать на прежнихъ условіяхъ и потребовала введенія 8-часоваго рабочаго дня, такъ какъ при двухъ смѣнахъ въ сутки они слишкомъ истощаются, а также вѣжливаго обращенія съ рабочими со стороны администраціи и служащихъ. Требованія эти, какъ намъ достовѣрно извѣстно, выставлены были рабочими совершенно самостоятельно, безъ всякой агитаціи со стороны „разныхъ соціалистовъ", какъ говоритъ директоръ завода, инженеръ-технологъ Олтаржевскій, которому инженерское званіе не мѣшаетъ быть человѣкомъ полуинтеллигентнымъ. Узнавъ объ отказѣ отъ работъ, Олтаржевскій послалъ къ рабочимъ своего помощника, а потомъ явился въ казармы для переговоровъ собственною персоною. Кричалъ, ругалъ, уговаривалъ, но толку не вышло никакого: рабочіе крѣпко стояли на своемъ. На слѣдующій день забастовали почти всѣ рабочіе (ок. 500 чел.). Явился фабричный инспекторъ Пархоменко. Онъ попробовалъ-было дѣйствовать крикомъ, но сразу же осѣкся, увидѣвъ себя окруженнымъ толпою изъ нѣсколькихъ сотъ рабочихъ. Рабочіе предъявили слѣдующія требованія: уменьшеніе рабочаго дня до 8 час., увеличеніе заработной платы, уменьшеніе количества вывариваемыхъ аппаратовъ съ 11 до 8 въ смѣну, увеличеніе числа рабочихъ въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, гдѣ работа наиболѣе тяжела и т. д. Г. Пархоменко попробовалъ дѣйствовать „изъ-подъ политики" и началъ убѣждать рабочихъ начать работы, а потомъ-де онъ „все разберетъ". Но хитрость не удалась: рабочіе стояли на своемъ. 3 ноября на заводѣ работало всего 16 человѣкъ.

Но и полиція не дремала. Еще 2 ноября исправникъ, появившійся на заводѣ, приказалъ арестовать одного рабочаго. Но товарищи отбили его, при чемъ влетѣло и полицейскому надзирателю, арестовавшему рабочаго вмѣстѣ съ сотскими. Полиція удвоила „строгости", исправникъ кричалъ и ругался, какъ извозчикъ, — и въ концѣ концовъ администрація добилась совокупными усиліями того, что рабочіе, что называется, озвѣрѣли и начали буйствовать: перебили окна въ квартирахъ служащихъ, выгнали исправника, который сунулся-было и въ казармы „убѣждать" рабочихъ, а затѣмъ начали поговаривать даже, что недурно было бы разрушить и самый заводъ. Вызвавъ безпорядки, исправникъ струсилъ за свою шкуру и телеграфировалъ губернатору, что на заводѣ „бунтъ", для усмиренія котораго и требуется вооруженная сила. Войска были высланы и явились 4 ноября, когда озлобленные наглымъ поведеніемъ полиціи рабочіе направлялись съ криками къ заводу. Безоружные рабочіе были разогнаны по казармамъ, а затѣмъ началась расправа... Изъ 500 чел. потребовали разсчета 150. Ихъ выпускали по одиночкѣ въ контору, а оттуда въ цѣпь изъ солдатъ. Паспортовъ имъ не выдали, а сдѣлали на нихъ отмѣтку красными чернилами, что они не имѣютъ права выѣзда изъ своей губерніи и вообще не могутъ быть приняты ни на какой заводъ. Затѣмъ ихъ подъ военнымъ конвоемъ, отдѣльнымъ пароходомъ отправили въ Могилевскую и Смоленскую губ. 30 чел. взято въ тюрьму.

Но оставшiеся на заводѣ твердо помнятъ то, чего требовали ихъ товарищи: увеличенiе заработной платы и уменьшенiе рабочаго дня до 8 час. Дѣло передано теперь судебному слѣдователю. На заводъ прiѣзжалъ даже самъ прокуроръ Кiевскаго окружнаго суда Помпъ и разыскивалъ вмѣстѣ съ жандармами — „преступную пропаганду" но таковой не оказалось…

Какъ живутъ московскiе булочники и кондитеры? (Письмо изъ Москвы).

На фаб. **Эйнемъ** берутъ обыкновенно пришлыхъ раб., прямо изъ деревни — мужчинъ и женщинъ. Рабочихъ, которые бы учились съ малолѣтства, мало. На первый годъ кладутъ жалованья 6-7 руб. въ мѣсяцъ на всемъ хозяйскомъ, исключая стирки и бани. Дѣвушки получаютъ 40 коп. на всемъ на своемъ. Работа продолжается съ 7 утра до 7 вечера, съ перерывомъ на одинъ часъ на обѣдъ. Много штрафовъ и вычетовъ за куренiе въ мастерской, за опаздыванiе и прогулъ. Управляющiе-нѣмцы очень грубы. На фабрику предпочитаютъ брать женщинъ, какъ народъ болѣе сговорчивый; въ дренажномъ отдѣленiи, напр., на одного мастера приходится 25 дѣвушекъ. Сильно развита спецiализацiя труда, каждый все время исполняетъ только одну небольшую часть работы, а потому труднѣе отыскивать работу при потерѣ мѣста, что, въ свою очередь, заставляетъ больше дорожить мѣстомъ и ради этого переносить оскорбленiя.

Фаб. **Филиппова**. Положенiе такъ наз. мальчиковъ или, точнѣе, подростковъ, старше 16 лѣтъ — прямо ужасное. Получаютъ они 5 руб. на хозяйскихъ харчахъ и квартирѣ. Спальни помѣщаются въ верхнемъ этажѣ, въ помѣщенiи безъ вентиляцiи, гдѣ ночуетъ до 300 чел., и температура очень высока. Койки стоятъ очень тѣсно, воздухъ удушливый, и если войти съ улицы, то просто задыхаешься. Спятъ въ повалку по 3-4 чел. на двухъ койкахъ. Обращенiе мастеровъ грубое, бьютъ чѣмъ попало по лицу со всего размаха. На фабрикѣ работаютъ день и ночь, двумя смѣнами; денная 11½ час., ночная, по правиламъ, должна работать 10 час., а противъ правилъ и безъ всякой доплаты работаетъ 10½ час. Подростки работаютъ съ 12 ночи до 1-2 ч. дня, и такъ за 13-14 ч. непрерывнаго труда получаютъ 5 руб. съ придачей тухлой говядины и кулачной и палочной расправы. Взрослые рабочiе получаютъ очень низкую плату, которая доходитъ иногда до 9 р. — Дѣвушки-конфетчицы — въ томъ же положенiи: мастера и съ ними обращаются грубо и бьютъ по щекамъ. Работницъ обыскиваетъ сторожъ-мужчина. Управляющiе произвольно разсчитываютъ рабочихъ изъ вражды другъ къ другу, когда, напр., одинъ найметъ безъ спроса другого. По окончанiи работы заставляютъ иногда разносить хлѣбъ.

Фабрика Реноме. Дѣвушки старше 16 лѣтъ получаютъ 30-45 коп. на своихъ харчахъ и квартирѣ. Обращаются съ работниками и работницами крайне грубо. По окончанiи работъ дѣвушки обыскиваются сторожами-татарами, которые особенно усердно ихъ обыскиваютъ и позволяютъ по отношенiю къ нимъ всевозможныя грубыя выходки. Обыскъ у воротъ наглядно показываетъ полное ихъ безправiе; этотъ обыскъ — просто наглое надругательство надъ ихъ честью и совершенно излишенъ, такъ какъ еще ранѣе при выходѣ изъ мастерской они обыскиваются „мадамой". Приказчики обыкновенно соблазняютъ молоденькихъ обѣщанiемъ болѣе легкой и выгодной работы. — „Мальчики" 16-21 года получаютъ 11-12 руб. на своихъ харчахъ и квартирѣ. Взрослые умѣлые рабочiе получаютъ 18-25 руб.: за прогулъ вычитаютъ заработокъ и, кромѣ того, штрафуютъ. Обращаются приказчики скверно, а въ шоколадномъ отдѣленiи мастеръ Боярскiй, не задумываясь, пускаетъ въ ходъ кулачную расправу.

На фаб. **С. Сiу и К°.** порядки тоже нисколько не лучше. Та же низкая плата, тѣ же возмутительные обыски и проч.

На фаб. **Филиппова** распространены фабр. правила; правила эти вводятъ только болѣе строгiе штрафы за прогулы и опаздыванiе. Законъ 2 iюня 1897 года, поскольку онъ теперь вводится въ булочныхъ, не имѣетъ и не можетъ имѣть для рабочаго никакого значенiя, такъ какъ онъ сведенъ къ нулю циркуляромъ министра Витте (отъ 5 января 1898 года за № 219). На основанiи этого циркуляра, хлѣбопекарни и булочныя по отношенiю къ праздничному отдыху и продолжительности рабочаго времени могутъ быть подчинены правиламъ о непрерывныхъ работахъ, при чемъ для означенныхъ заведенiй можетъ быть допущено неограниченное число сверхурочныхъ часовъ въ годъ.

§ 13 закона обязываетъ давать при непрерывныхъ производствахъ отдыхъ рабочимъ въ 24 часа три раза въ мѣсяцъ при 8-часовой работѣ; 4 раза при работѣ болѣе 8 ч. Но циркуляръ отъ 24 февраля 1898 года за № 5107 гласитъ: вслѣдствiе затруднительности его соблюденiя при нѣкоторыхъ непрерывныхъ работахъ, правило о предоставленiи рабочимъ опредѣленнаго числа свободныхъ сутокъ въ тѣхъ заведенiяхъ, гдѣ установлена 8-час. трехкомплектная работа, необязательно.

Итакъ, законъ отмѣненъ циркулярами министра!! Не пора-ли булочникамъ и кондиторамъ самимъ составить свои „циркуляры" для хозяевъ и для правительства?

Орѣхово-Зуево. Фабрика Саввы Морозова. Какiя безобразiя дѣлаются на нашихъ фабрикахъ, — показываетъ описываемый нашимъ корреспондентомъ случай **поддѣлки рабочихъ разсчетныхъ книжекъ.** Одинъ ткачъ просилъ мастера Горбунова (въ отсутствiе завѣдующаго Гусева) перевести его больную жену на другую пару станковъ, такъ какъ ей не подъ силу было работать на двухаршинномъ станкѣ. Горбуновъ не только не исполнилъ его просьбы, но прогналъ съ фабрики и ткача и его жену, при чемъ послѣднюю толкнулъ такъ сильно, что она слегла въ больницу, и докторъ опасался преждевременныхъ родовъ. Ткачъ ходилъ къ фабричному инспектору, но тотъ отказался его защитить. Разсчетъ же рабочему предложили получить черезъ пристава. И вотъ приставъ выдалъ ткачу двѣ разсчетныя книжки: на его имя и на имя его жены. Удивленный ткачъ отказался получить деньги, ибо **настоящiя разсчетныя книжки находились у него.** Приставъ попросилъ у ткача его книжки, но ткачъ, разумѣется, отказался ихъ выдать, хотя приставъ и заявлялъ, что отправитъ книжки жандармскому ротмистру — онъ-де не похвалитъ за поддѣлку книжекъ! Получивъ отъ пристава фальшивыя книжки, ротмистръ пригласилъ фабричнаго инспектора и Гусева. Но Гусевъ сказалъ, что онъ былъ въ отсутствiи, а фабричный инспекторъ **самымъ безстыднымъ и наглымъ образомъ** отрекся, говоря, что ткачъ къ нему не обращался. Затѣмъ въ конторѣ ткача тоже упрашивали выдать старыя книжки и даже обѣщали ему денегъ за окончанiе дѣла миромъ, но ткачъ не согласился. Послѣ этого ткачъ принужденъ былъ уѣхать домой въ деревню, и ему никто не помогъ, хотя на словахъ сулили помочь и Гусевъ, и приставъ, и ротмистръ. Ротмистръ особенно старается войти въ довѣрiе къ рабочимъ, но это ему не удается. „Всѣ мы, развитые рабочiе, не вѣримъ ротмистру, потому что кто желаетъ добра и защиты рабочимъ, тотъ не будетъ затирать преступные прiемы фабричной администрацiи, не будетъ смотрѣть сквозь пальцы на всевозможныя злоупотребленiя. Да и не можетъ быть, чтобы истинный защитникъ рабочихъ согласился быть жандармскимъ офицеромъ". „Одно несомнѣнно, — заканчиваютъ свое сообщенiе орѣхово-зуевцы, — что Горбуновъ и другiе остались безнаказанными и, слѣд., будутъ продолжать дѣлать разные фальшивые документы во вредъ рабочимъ".

30 октября въ **Зуевѣ** у уборщика Агафонова въ его отсутствiи былъ произведенъ обыскъ. Явившись въ четвергъ 1 ноября домой, онъ былъ арестованъ. Отсутствовалъ же онъ, какъ удалось узнать, по случаю отбытiя воинской повинности.

Послѣ ареста Агафонова, орѣховскiй приставъ такъ выражался: „Намъ теперь ничего не нужно, теперь весь Петербургъ узнаетъ, что тутъ идетъ агитацiя". Хотѣлъ-ли онъ этимъ сказать, что они открыли Америку, или то, что ему накинутъ лишнiй чинъ? Или то, что вотъ теперь-то прiѣдутъ изъ Петербурга ловкiе жандармы и вырвутъ съ корнемъ агитацiю? Не знаемъ, потому что трудно было понять эзоповскiй языкъ пристава. Да и откуда узналъ приставъ, что идетъ агитацiя? Мы вполнѣ надѣемся, что взять что-либо у Агафонова имъ не удалось по той простой причинѣ, что тамъ ничего не могло быть. А впрочемъ, можетъ, онъ (Агафоновъ) кое-что и нашелъ, какъ это и было съ нѣкоторыми.

Орѣхово-Богородская организацiя.

Въ **Витебскѣ** 24 ноября въ субботу была манифестацiя 700 рабочихъ по поводу отправки ссыльныхъ рабочихъ въ Сибирь. Въ **Двинскѣ** были также двѣ манифестацiи. Одна на похоронахъ одного приказчика, а другая — при высылкѣ рекрутовъ, въ числѣ которыхъ были многiе организованные. На одной изъ нихъ былъ арестованъ 15-лѣтнiй мальчикъ, котораго высѣкли въ части. Была также здѣсь разбросана печатная прокламацiя къ рабочимъ и работницамъ фабрики Закса (спичечной). Въ прокламацiи описываются тяжелыя условiя труда (15-16-часовый рабочiй день, грошевая плата, особенно дѣвушекъ, разрушающая здоровье работа, грубость управляющаго и т. д.) и рабочiе приглашаются требовать 12 часоваго рабочаго дня и повышенiя расцѣнка. Въ **Сморгони**, говорятъ, арестованы 200 чел., которыхъ также били.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНIЕ.

ГЕРМАНIЯ.

6 ноября (24 октября по старому стилю) въ Берлинѣ происходили выборы въ городскую думу. Избирателямъ третьяго класса (обнимающаго наименѣе состоятельную часть плательщиковъ налоговъ) предстояло избрать 16 гласныхъ (городская дума обновляется по частямъ). Выборы прiобрѣли большой политическiй интересъ въ виду событiй, разыгравшихся въ городской думѣ въ послѣднiе мѣсяцы. Большинство въ думѣ до сихъ составляли либералы (свободомыслящiе); благодаря тому, что при городскихъ выборахъ рабочiе не пользуются всеобщимъ и равнымъ правомъ голоса, соцiалдемократы имѣли всего 22 представителей въ думѣ. Либеральное большинство почти постоянно находится въ натянутыхъ отношенiяхъ съ правительствомъ и, въ частности, съ императоромъ Вильгельмомъ. Проникнутый до мозга костей военно-аристократической кичливостью, императоръ не можетъ спокойно перенести, что въ „его" столицѣ хозяйничаютъ представители свободомыслящей буржуазiи. И хотя либералы дѣлаютъ все возможное, чтобы угодить императору и не пропускаютъ ни одного случая, чтобы не подчеркнуть свою „вѣрноподданическую" благонадежность, хотя они и пресмыкаются передъ „верховной властью" по доброму обычаю буржуазныхъ либераловъ всего мiра, тѣмъ не менѣе императоръ всегда испытываетъ потребность задирать берлинскую думу, пользуясь предоставленнымъ ему конституцiей правомъ не утверждать то или другое постановленiе выборныхъ берлинскаго населенiя. Такъ, Вильгельмъ II въ свое время не утвердилъ постановленiя думы о постановкѣ памятника на могилахъ павшихъ въ 1848 г. борцовъ революцiи. И берлинская дума во всѣхъ такихъ столкновенiяхъ проявляла самую постыдную трусость. Храбрые на словахъ либералы при всякой враждебной выходкѣ императора тотчасъ же сдавались и оставляли безъ протеста распоряженiя Вильгельма, не всегда согласовавшiяся съ закономъ. Въ послѣднее время Вильгельмъ опять бросилъ вызовъ думскимъ либераламъ, не утвердивъ выбраннаго ими въ званiе бургомистра Кауфмана за то только, что онъ очень давно выдвинулся въ борьбѣ съ правительствомъ и былъ за это уволенъ изъ военной службы по настоянiю „вѣрноподданныхъ" офицеровъ. Дума осмѣлилась выбрать Кауфмана вторично, правительство объявило выборъ незаконнымъ. Либералы опять потеряли мужество и хотя и обжаловали въ законномъ порядкѣ распоряженiе правительства, но уже въ ихъ рѣчахъ послышалась нотка о томъ, что необходимо считаться съ волей государя, что надо держаться въ предѣлахъ почтенiя къ верховной власти и т. п. Еще постыднѣе вели себя либералы, когда Вильгельмъ, на этотъ разъ уже совершенно противозаконно, потребовалъ передѣлки плана одного сооружаемаго думой фонтана. Предложенiе соцiалдемократовъ, чтобы дума отстаивала свои права, не было принято.

Во всѣхъ этихъ столкновенiяхъ между думой и правительствомъ соцiалдемократы всегда отстаивали точку зрѣнiя полной свободы городского самоуправленiя и рѣзко критиковали тактику буржуазныхъ либераловъ, которые приносятъ интересы населенiя въ жертву самовластнымъ притязанiямъ правительства. Съ этимъ же паролемъ явились соцiалдемократы и на нынѣшнихъ выборахъ, приглашая избирателей протестовать противъ безхарактерной дряблости либераловъ. И избиратели послѣдовали призыву соцiалдемократовъ. Изъ числа 16 округовъ, въ которыхъ происходили выборы, соцiалдемократы избраны въ 13, тогда какъ либералы всего въ 3 округахъ. До сихъ поръ эти округи были были представлены всего 7 соцiалдемократами, 8 либералами и однимъ антисемитомъ. Такимъ образомъ, соцiалдемократы выиграли 6 мѣстъ. Теперь въ городской думѣ будетъ 28 соцiалдем.

Берлинское населенiе показало своимъ голосованiемъ 6 ноября, что оно всецѣло стоитъ на сторонѣ соцiалдемократiи, какъ единственной честной защитницы правъ населенiя въ борьбѣ съ правительственнымъ произволомъ. Громадный ростъ числа поданныхъ за партiю голосовъ заставляетъ предполагать, что за соцiалдемократовъ голосовали многiе, не вполнѣ согласные съ ихъ программой, но считающiе нужнымъ ихъ поддерживать, какъ единственно-надежныхъ представителей городскихъ интересовъ. Такъ, рабочая партiя постепенно становится общепризнаннымъ политическимъ вождемъ всего народа, вождемъ, которому различные слои населенiя, не всегда сознающiе вполнѣ ясно ея программу, поручаютъ представительство своихъ интересовъ. Такъ, черезъ посредство своей соцiалдемократической партiи рабочiй классъ въ Германiи становится той политической силой, на которую возлагаютъ всѣ свои надежды тѣ, кто недоволенъ нынѣшнимъ хозяйничаньемъ въ государствѣ буржуазiи и дворянства. И только ставъ такимъ политическимъ центромъ для всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ, рабочiй классъ можетъ разсчитывать въ недалекомъ будущемъ перенять въ свои руки государственную власть, ускользающую изъ рукъ нынѣшнихъ „высшихъ классовъ", утратившихъ всякую способность пользоваться этой властью въ интересахъ большинства народа.

Въ борьбѣ за свободу, гдѣ бы она ни попиралась, соцiалдемократiя быстро усиливаетъ свое политическое влiянiе, чтобы его использовать въ интересахъ классовой борьбы пролетарiата съ ея конечной цѣлью — торжествомъ соцiализма.

ИЗЪ ПАРТIИ.

Одинъ изъ нашихъ представителей проситъ насъ помѣстить слѣдующее воззванiе:

Вниманiю революцiонеровъ!

Въ послѣднее время стало вновь извѣстно нѣсколько печальныхъ случаевъ, когда обыски и аресты были вызваны непростительною оплошностью революцiонеровъ или лицъ, сочувствующихъ революцiонной дѣятельности. „Къ намъ прiѣхалъ такой-то, очень интересный господинъ, благодаря ему у насъ замѣтно оживленiе, появились кружки, литература…" или „У насъ, къ сожалѣнiю, никого нѣтъ, всѣ интересные люди разъѣхались, такой-то туда-то, такой-то туда-то" и т. п. Какъ часто приходится читать подобныя письма и какъ часто такiя письма попадаются въ руки жандармовъ! По нашему мнѣнiю, въ частной, не шифрованной перепискѣ, никто изъ революцiонеровъ и лицъ, сочувствующихъ революцiонному движенiю, **ничего не долженъ упоминать ни объ именахъ, ни объ адресахъ, ни о кружкахъ**, а только развѣ объ общеизвѣстныхъ событiяхъ, какъ демонстрацiи, стачки и т. п.

Можетъ быть, возразятъ, что трудно не писать близкому чел. о томъ, что тебя волнуетъ въ данную минуту, чѣмъ занимаешься, — но къ чорту всѣ сантиментальности! — Революцiонеръ порываетъ съ семьей, отказывается отъ матерiальнаго довольства, идетъ въ тюрьму, въ ссылку, можно же ради дѣла отказаться и отъ этой духовной потребности..

Далѣе, приходится констатировать тотъ печальный фактъ, что нѣкоторые революцiонеры, посылая письма оказiей или инымъ конспиративнымъ путемъ, не считаютъ нужнымъ ничего шифровать. Между тѣмъ, такое письмо можетъ затеряться или вообще какъ-нибудь попасть въ руки жандармовъ. Въ Россiи мы отъ этого никогда не гарантированы. Поэтому, всякiй революцiонеръ и сочувствующiй революцiонному движенiю **обязанъ**, по нашему мнѣнiю, **непремѣнно шифровать адреса, имена и конспиративныя порученiя**, какимъ бы путемъ письмо ни посылалось.

Не является-ли это вообще скандальнымъ явленiемъ, что такъ часто при обыскахъ находятъ конспиративные адреса? Неужели революцiонеры все еще считаютъ возможнымъ записывать у себя адреса иначе, какъ шифромъ? Для избѣжанiя такихъ оплошностей, намъ кажется необходимымъ **обязать** каждаго революцiонера никому не давать конспиративныхъ адресовъ иначе, какъ подъ условiемъ, чтобы тотъ или тутъ же **выучилъ его наизусть или при немъ же записалъ шифромъ.** Царское правительство и такъ окружаетъ насъ цѣлою сѣтью преградъ и ловушекъ, а потому мы ни на iоту не должны отступать отъ необходимыхъ конспиративныхъ предосторожностей. Пусть каждый революцiонеръ и сочувствующiй революцiонной дѣятельности подумаетъ, какую тяжелую нравственную отвѣтственность онъ беретъ на свою совѣсть, если своею непростительною халатностью содѣйствуетъ разстройству революцiонныхъ рядовъ, и безъ того находящихся подъ безпрестаннымъ огнемъ царскихъ башибузуковъ.

(Добавимъ, съ своей стороны, что шифръ — оружiе обоюдоострое, ибо жандармы легко съумѣютъ раскрыть **всякiй** шифръ, если не примѣнять при шифрованiи **особыхъ** предосторожностей. Безусловно необходимо: 1) не отдѣлять слова отъ слова; 2) не повторять часто одинаковыхъ знаковъ, особенно знаковъ для наиболѣе употребительныхъ буквъ; 3) писать шифръ такъ, чтобы нельзя было узнать системы шифра; 4) не употреблять слишизвѣстныхъ стихотворенiй и книгъ. Безъ соблюденiя этихъ правилъ шифръ прямо-таки **недопустимъ**. Ред.).

Мы получили письмо „рабочихъ съ юга", привѣтствующихъ усиленiе революцiоннаго направленiя въ русской соцiалдемократiи и поручающихъ намъ передать ихъ привѣтствiе „заграничной лигѣ русской революцiонной соцiалдемократiи". Къ сожалѣнiю, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ помѣстить это письмо цѣликомъ. Мы вполнѣ согласны съ авторами письма, что „прокламацiонный способъ, который практикуется у насъ въ Россiи для проведенiя революцiонныхъ идей въ широкую массу, не въ состоянiи воспитать массу политически сознательно", что „необходимо создать спецiальную литературу для политическаго воспитанiя русскаго пролетарiата". Но едва-ли практиченъ проектъ авторовъ письма издавать съ этою цѣлью популярныя брошюры въ 3-4 стр. и распространять ихъ „одновременно по всей Россiи". Мы думаемъ, что русскiй пролетарiатъ вполнѣ созрѣлъ уже и для такого рода литературы, какимъ пользуются всѣ остальные классы, т. е. для газеты. Только политическая газета можетъ дѣйствительно воспитывать массу политически сознательно и освѣщать, по выраженiю авторовъ письма, „всю нашу общественную жизнь, начиная съ четвертаго сословiя и кончая крупной буржуазiей". Только общерусская газета можетъ, при условiи активной поддержки ея всѣми комитетами и мѣстными кружками, распространяться болѣе или менѣе „одновременно по всей Россiи" и выходить настолько часто, чтобы заслуживать названiя газеты. И только прочная постановка такого революцiоннаго органа ознаменуетъ окончательный переходъ нашего движенiя „отъ стачечно-экономической борьбы къ широкой революцiонной борьбѣ съ русскимъ самодержавнымъ правительствомъ".

ПОСЛѢДНIЯ ИЗВѢСТIЯ.

Когда настоящiй номеръ былъ уже совсѣмъ законченъ, мы прочитали въ нашихъ газетахъ рядъ сообщенiй изъ СПБ., Риги, даже **Могилева**, даже **Олонецкой губ.**, о повторенiи градоначальниками и губернаторами запрещенiя сходбищъ и собранiй. Правительство готовится! Въ г. Екатеринославѣ губернаторъ **расклеиваетъ** 14 декабря объявленiе, что онъ „не остановится передъ **самыми крайними мѣрами**" противъ „затѣваемыхъ („группою людей неблагонамѣренныхъ") на 15 и 16 дек. уличныхъ демонстрацiй". Поблагодаримъ же правительство за оповѣщенiе всего населенiя о готовящейся демонстрацiи и не будемъ же отставать со своими собственными приготовленiями!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦIОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ **Уфѣ** были обыски у поднадзорныхъ Леоновича и Поповой (Юлiи). Были арестованы: Квятковскiй (поднадз.), Сазоновъ (студ.). Ахтямовъ (студ.). Въ Симскомъ заводѣ арестованы студентъ горнаго института и двое рабочихъ. Въ настоящее время всѣ арестованные выпущены.

Въ **Нижнемъ** числа 10-12 ноября арестованъ по приказу изъ СПБ. бывшiй студентъ Томскаго политехникума Евгенiй Колосовъ. 3 декабря арестованы бывшiй студ. С. Корсакъ и бывшiй гимназ. Свердловъ по подозрѣнiю въ участiи въ демонстрацiи 7 ноября.

Въ **Петербургѣ** съ 3 на 4 декабря были аресты. Въ числѣ арестованныхъ называютъ студ. Никонова, Долгушенко (мужъ и жена, оба медики), Мандельштамъ, Рубинчикъ, Севрюкъ и друг.

Въ тѣхъ же числахъ, по распоряженiю изъ СПБ., были обыски и аресты въ **Вильно** и **Ковно**.

Около 13 ноября въ **Вяткѣ** были арестованы трое ссыльныхъ, а передъ этимъ были обыски у учащихся.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Z. Очень просимъ присылать корреспонденцiи такого же характера. какъ присланная. „Искра" задается цѣлью освѣщать съ соц. демократической точки зрѣнiя всѣ явленiя русской общественной жизни, а потому она заинтересована въ полученiи корреспонденцiй не только изъ „пролетарской" жизни.

„**Россiя. Дзету**". Письмо Ваше напечатано въ № 10. Статью (въ сокращенiи) тоже постараемся помѣстить. Благодаримъ и просимъ сотрудничать. Дайте намъ тѣмъ же путемъ знать, какъ доставлять Вамъ „Искру".

2а3б. Почему отъ Васъ нѣтъ ни писемъ, ни корреспонденцiй? Ваше молчанiе очень тревожитъ насъ.

За октябрь и ноябрь московскимъ представителемъ получено: по мелочамъ 33 р. 75 к., изъ Нижняго 15 р., изъ Курска 10 р.

Отъ Башкирки 200 рублей, изъ Х. на спецiальную цѣль 50 р., изъ дальняго востока 35 р.

Отъ Б. 75 фр., отъ стараго соцiалдемократа 50 фр., черезъ посредство Рудникова изъ Б—а 54 фр. 65 с. отъ Б. К. Ф., отъ Б—ской гр. 45 фр. 35 с.

Изъ Дармштадта 140 м. 10 пф. (изъ нихъ 44 марки по листку 8а), отъ парижской группы 395 и 250 фр., изъ Д. 12,50 фр., изъ Цюриха 30,70 фр., по листкамъ: 39а 8,35 ф., 36а 4 ф., 33а 3 ф., за литературу изъ Ц. 20,25 фр., Сч… 10 ф., лотерея 20,25, отъ общ. раб. 4 ф., за лит. въ Женевѣ 20 ф., отъ женевской группы 72.25, изъ Ц. 9,80, отъ сытаго буржуа 40 ф., изъ Вѣны 10.50, по листку 1а 21.40 (21 шил.), за лит. въ Жен. 15 ф., изъ Льежа 14.50 и 50 ф., по листку 26а 9 фр. Изъ М. 200 мар.

Въ пользу обуховцевъ: изъ Сибирской кассы 100 ф., въ Женевѣ на вечерѣ по поводу 25 лѣтiя Казанской демонстрацiи собрано 58,35, по листку 33 22.50, первый сб. въ Парижѣ 127,30, въ Берлинѣ отъ Г. Р. И. 3 марки.

Вышло второе изданiе номера десятаго „Искры", выпущенное нами (по просьбѣ товарищей) въ другомъ форматѣ и на болѣе плотной бумагѣ.

Вышелъ отдѣльнымъ изданiемъ обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ (изъ № 9 „Искры") съ приложенiемъ статьи: „Новое побоище" (изъ № 5 „Искры"). Цѣна 10 коп. (15 стр.).

Типографiя „Искры".

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 14

1-го ЯНВАРЯ 1902 ГОДА.

№ 14

О ДЕМОНСТРАЦІЯХЪ.

Дни идутъ за днями, но не походятъ одинъ на другой. Давно-ли люди, мнившіе себя опытными „практиками“, старались убѣдить „теоретиковъ“ въ томъ, что „толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпость“, и рѣзко порицали группу „Осв. Труда“ за то, что она будто бы хотѣла „взять самодержавіе на уру“. Теперь голоса такихъ „критиковъ“ окончательно смолкли, теперь даже неисправимые „экономисты“ стараются придать своимъ рѣчамъ политическій оттѣнокъ, и теперь, повидимому, въ самомъ дѣлѣ появились люди, думающіе, что самодержавіе можетъ быть взято „на уру“ однимъ энергичнымъ усиліемъ. Кто напоминаетъ этимъ людямъ, что наша побѣда надъ царизмомъ еще не близка, того они упрекаютъ въ „расхолаживаніи“ революціонеровъ. Это, конечно, необдуманные упреки; серьезныхъ революціонеровъ не расхолодишь никакими напоминаніями о продолжительности предстоящей имъ борьбы, а на кого такія напоминанія могутъ подѣйствовать угнетающимъ образомъ, тотъ горячъ лишь на поверхности. Побѣдятъ врага не тѣ, которые ежедневно твердятъ, что мы переживаемъ „канунъ революціи“, а тѣ, которые готовы неустанно исполнять всю, — какъ праздничную, такъ и будничную работу, необходимую для скорѣйшаго наступленія кануна революціи. Тѣ крестоносцы, которые, едва выступивъ изъ своихъ деревень, при видѣ каждой колокольни спрашивали: „не это-ли Іерусалимъ?“, не попали въ Палестину. Іерусалимъ былъ взятъ тѣми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшаго ихъ пути и приняли мѣры для преодолѣнія его трудностей. Въ нашемъ дѣлѣ самообманъ опаснѣе для насъ, чѣмъ всѣ военныя хитрости нашего коварнаго непріятеля.

Демонстраціи, ознаменовавшія собою начало 1901 г., повторились въ его концѣ. Все заставляетъ думать, что и новый, 1902 годъ, будетъ такимъ же, если не болѣе, бурнымъ, какъ и его предшественникъ. Рабочій классъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ демонстраціяхъ: по большей части онъ составляетъ главную ихъ силу. Но не будемъ обманывать себя словами. Рабочій классъ оказывается представленнымъ въ демонстраціяхъ лишь нѣкоторыми своими слоями. Онъ еще не двинулся всей своей массой. Исключеніе изъ этого правила составляютъ развѣ лишь извѣстныя московскія волненія. И именно тѣмъ, что не вся рабочая масса участвуетъ въ демонстраціяхъ, объясняется то, что полиція пока еще очень легко справляется съ „нарушителями порядка“. Она еще нигдѣ не встрѣтила отпора. А отпоръ психологически необходимъ, потому что, если его еще долго не будетъ, то демонстраціи станутъ утрачивать свое воспитательное вліяніе на массу и пріобрѣтать въ ея глазахъ значеніе опыта, доказывающаго полную невозможность открытаго сопротивленія власти. И тогда неизбѣжно и естественно возникнутъ такія формы борьбы, которыя отдалятъ революціонеровъ отъ рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднятъ имъ рѣшеніе ихъ важнѣйшей задачи, о которой они не должны забывать нигдѣ и никогда, — задачи систематическаго и неуклоннаго содѣйствія всестороннему развитію классового самосознанія пролетаріата. Кто умѣетъ цѣнить воспитательное значеніе демонстрацій и кто желаетъ сохранить это ихъ значеніе, тотъ долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы онѣ все болѣе и болѣе пріобрѣтали массовой характеръ. Тамъ, гдѣ массовыя демонстраціи еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но за то тамъ надо съ тѣмъ большей энергіей и немедленно же взяться за подготовленіе массовыхъ демонстрацій.

До сихъ поръ на эту сторону дѣла не было обращено достаточнаго вниманія. Передъ нами лежитъ письмо, полученное редакціей „Искры“ нѣсколько недѣль тому назадъ изъ одного университетскаго русскаго города и прекрасно подтверждающее справедливость нашихъ словъ. „Вотъ теперь — говоритъ авторъ письма — опять начались студенческія волненія, грозящія разростись въ новые „безпорядки“. Кажется, давно бы пора выпустить къ рабочимъ прокламацію, излагающую ходъ событій въ студенческой средѣ, объясняющую причины волненій и т. д., но ничего подобнаго не дѣлается. Не знаю, чѣмъ это объяснить... Почему не сообщить рабочимъ о томъ, какъ борются за свои права студенты; почему не выяснить значенія ихъ борьбы съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ общей борьбѣ всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ съ правительствомъ, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разныхъ городовъ?... интеллигенція какъ будто довольствуется тѣмъ, что двѣ-три сотни рабочихъ, сконцентрированные въ ея кружкахъ, знаютъ обо всемъ, что творится кругомъ ея... до той же массы, которая скрывается за этими избранниками, ей никакого дѣла нѣтъ“...

Мы не хотимъ ручаться за то, что въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ преувеличеній. Отнюдь не хотимъ! Мы прекрасно знаемъ, что преувеличенія вполнѣ возможны въ устахъ и подъ перомъ того, кто, близко и внимательно наблюдая ходъ дорогого ему дѣла, особенно поражается замѣченными имъ упущеніями и недостатками. Но что указанные авторомъ письма недостатки и упущенія дѣйствительно существуютъ, это для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Политическая агитація въ массѣ еще недостаточно обдуманна, широка и систематична. Рабочая масса, взятая въ ея цѣломъ, еще мало знаетъ о томъ, что дѣлается въ тѣхъ — рабочихъ и „интеллигентныхъ“, — слояхъ населенія, которые уже вполнѣ прониклись духомъ „безпорядка“. Поэтому она и не оказываетъ этимъ слоямъ всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстраціямъ предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитація въ рабочей массѣ, подобная той, которая имѣетъ мѣсто въ студенческой средѣ, — гдѣ передъ каждой большой демонстраціей происходитъ множество подготовительныхъ совѣщаній и собраній, — то на нашъ призывъ откликались бы не тысячи, а десятки тысячъ рабочихъ, и тогда мы повели бы съ нашими „усмирителями“ совсѣмъ другой разговоръ.

Вѣрно, конечно, и то, что обдуманная, дѣятельная и широкая агитація въ массѣ для подготовки цѣлесообразныхъ демонстрацій сама предполагаетъ существованіе стройной и прочной организаціи силъ революціонной соц.-демократіи. Но безъ такой организаціи намъ теперь вообще невозможно обходиться.

Скажемъ еще разъ: Демонстраціи должны теперь пріобрѣтать все болѣе и болѣе массовой характеръ. Но этого мало. На каждой демонстраціи надо умѣть противопоставить полицейскимъ безчинствамъ организованное сопротивленіе. Какъ организовать сопротивленіе? Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ данъ, разумѣется, опытомъ. Но за опытъ придется платить страшно дорого. Поэтому намъ слѣдуетъ заранѣе прислушиваться ко всѣмъ практическимъ указаніямъ, идущимъ изъ лагеря противниковъ нашего нынѣшняго политическаго строя.

Не такъ давно вышедшая заграницей брошюра „Объ уличныхъ безпорядкахъ (мысли военнаго)“ даетъ намъ нѣсколько совѣтовъ на счетъ того, какъ сопротивляться организованной и вооруженной силѣ царскаго правительства. Правда, авторъ брошюры пріурочиваетъ свои совѣты къ такому моменту, который еще не насталъ и пока еще неизвѣстно, когда настанетъ. Онъ совѣтуетъ въ самомъ началѣ борьбы народа съ войскомъ какъ можно скорѣе „изъять изъ обращенія“ гражданское, полицейское и военное начальство. Этотъ совѣтъ самъ по себѣ очень не дуренъ. Револ. соц.-демократія, вѣроятно, и сдѣлаетъ рекомендуемый авторомъ смѣлый шагъ въ то время, когда она, крѣпко организовавъ свои силы и пріобрѣтя рѣшительное вліяніе на народную массу, а, слѣдовательно, и на весь ходъ общественныхъ событій, окажется въ состояніи взять на себя починъ вооруженнаго возстанія для нанесенія послѣдняго, смертельнаго удара издыхающему царизму. Это будетъ счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себѣ тѣ болѣе скромныя практическія задачи, безъ предварительнаго рѣшенія которыхъ указанное счастливое время никогда не станетъ для насъ настоящимъ временемъ. А въ числѣ этихъ задачъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимаетъ, по нашему мнѣнію, организація такого сопротивленія предержащимъ властямъ, которое, не будучи — пока еще преждевременнымъ — открытымъ возстаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило бы участникамъ демонстрацій возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой ордѣ. Но и въ этомъ смыслѣ совѣты автора названной выше брошюры представляются намъ далеко не безполезными. Онъ пишетъ, напр.: „Въ современной народной толпѣ есть элементъ очень цѣнный съ точки зрѣнія силы, могущей быть противопоставленной силѣ войска... Среди рабочихъ имѣется не мало запасныхъ воинскихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія. Есть пѣхотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы..., Сгруппировавшись по родамъ оружія, раздѣлившись на десятки, съ выбраннымъ начальникомъ во главѣ, рабочіе изъ запасныхъ воинскихъ чиновъ во время волненія будутъ центрами, около которыхъ сами собой сгруппируются разрозненные элементы толпы.

„Организованные въ мирное время „десятки“, — во время волненій явятся кадрами народнаго войска.

„Люди „десятка“ должны хорошо знать другъ друга, должны быть въ состояніи довѣрять другъ другу и вполнѣ полагаться другъ на друга... Во время боя люди десятка должны во что бы то ни стало держаться вмѣстѣ“...

Въ другомъ мѣстѣ брошюры авторъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на ту пользу, которую можетъ принести протянутая поперекъ улицы (на аршинъ отъ земли) проволока. По его замѣчанію, такая проволока можетъ остановить движеніе конницы и артиллеріи и породить очень полезную для революціонеровъ сумятицу.

Наконецъ, отмѣтимъ еще вотъ какіе совѣты нашего автора: „Пѣхоту слѣдуетъ окружать со всѣхъ сторонъ, стѣснять, разобщать солдатъ другъ отъ друга и отъ ихъ офицеровъ“.

„Солдатамъ же слѣдуетъ заранѣе внушать, что не противъ нихъ бьется народъ“...

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы отъ всей души благодаримъ г. „военнаго“ за его „мысли“.

Конечно, дѣло не въ частностяхъ. Запасные рядовые могутъ быть организованы не въ „десятки“, а какъ-нибудь иначе. Рядомъ съ ними могутъ возникнуть и, вѣроятно, возникнутъ другія боевыя единицы изъ рабочихъ и студентовъ. Очень возможно, что боевыя дружины этого послѣдняго рода окажутся даже болѣе соотвѣтствующими свойствамъ нашей революціонной среды. Но вѣрно то, что мы уже теперь можемъ приступить къ организаціи сопротивленія во время демонстрацій. Когда мы организуемъ его, тогда полицейскіе кулаки и казацкія нагайки перестанутъ безнаказанно гулять по головамъ и по спинамъ студентовъ, рабочихъ и „постороннихъ лицъ“.

Эти соображенія о пользѣ, которую могло бы принести намъ созданіе подвижныхъ боевыхъ дружинъ, снова приводятъ насъ къ мысли о необходимости общей, централизованной организаціи силъ революціонной соціалдемократіи. Высказать эту мысль — значитъ повторяться. Но повторенія въ этомъ случаѣ неизбѣжны, и мы не боимся ихъ. Съ терпѣніемъ перса, поневолѣ каждый день повторившаго своему господину: „царь, помни объ аѳинянахъ“, мы добровольно будемъ твердить нашимъ товарищамъ: помните, что намъ надо сорганизоваться!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрація въ Екатеринославѣ. Демонстрація была назначена на субботу 15 декабря въ 5-6 час. веч. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ уголъ Караимской и Екатерининскаго проспекта. Полиція знала объ этомъ. Въ городѣ по цѣлымъ днямъ до демонстраціи разгуливали солдаты и разъѣзжали съ нагайками казаки. Всюду на столбахъ были развѣшаны объявленія за подписью губернатора, въ которыхъ запрещались всякія сборища на улицахъ. Но не смотря на полицію, въ назначенное время всѣ начали собираться. Въ демонстраціи принимали участіе студенты и рабочіе, — главнымъ образомъ, рабочіе: ихъ участвовало около 300 чел. Были выброшены красные флаги, пѣли „Дубинушку“ и другія революціонныя пѣсни. Но сейчасъ же появился батальонъ солдатъ и казаковъ и началось обычное избіеніе. Били прикладами ружей, били нагайками. Одного студента до того избили нагайками, что, по слухамъ, онъ уже умеръ (за достовѣрность не ручаюсь), другому нанесли серьезное пораненіе черепа, но онъ, по всей вѣроятности, останется живъ. Словомъ, на улицахъ творилось нѣчто ужасное, нельзя было выйти изъ дому, не рискуя быть избитымъ нагайками. Арестовано много студентовъ, между прочимъ: Шахновичъ, Корбе, Носовъ, Островскій, и, кажется, Каргинъ и Паршинъ. Было арестовано и избито также много барышенъ. Говорятъ, что одна барышня шла впереди толпы съ краснымъ знаменемъ. Нѣкоторые гимназисты, находившіеся въ толпѣ, были арестованы. Въ городѣ теперь очень неспокойно. Рабочіе волнуются, по городу разъѣзжаютъ казаки,

P. S. Только-что получена нами печатная прокламація Екатеринославскаго Комитета Р. С. Д. Раб. Партіи по поводу демонстраціи 15 дек. Приводимъ изъ нея описаніе демонстраціи.

„15 декабря Проспектъ представлялъ невиданное зрѣлище. Громадная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ покрыла весь Просп. на протяженіи 2 кварталовъ съ обѣихъ сторонъ пересадки на Іорданскую; на всѣхъ лицахъ была написана особенная торжественность и нетерпѣніе; всѣ глаза обращались на бульваръ, гдѣ густою толпою гуляли рабочіе и студенты, пришедшіе устроить демонстрацію. Мысль о демонстраціи подали студенты, они рѣшили выразить свое негодованіе по поводу избіенія студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2 декабря и противъ Мин. Нар. Прос. Ванновскаго, который въ прошломъ году обѣщалъ студентамъ цѣлый рядъ реформъ и улучшеній и до сихъ поръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Рабочіе съ восторгомъ встрѣтили это предложеніе: наконецъ-то имъ удастся открыто выразить свое негодованіе противъ царя и его опричниковъ, дать исходъ накопившейся злобѣ и возмущенію. Нѣсколько часовъ толпа провела въ томительномъ ожиданіи; наконецъ, въ началѣ шестого, не смотря на дождь, толпа демонстрантовъ съ криками „ура!“ со всѣхъ сторонъ бросилась на бульваръ, и изъ устъ вырвался и прогремѣлъ могучій возгласъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціалдемократія!“ Въ этихъ возгласахъ вылились всѣ завѣтныя мечты нашихъ рабочихъ; здѣсь Екатеринославскіе рабочіе, въ лицѣ демонстрантовъ, заявили свою политическую зрѣлость, свое глубокое сознаніе, что только при политической свободѣ, т. е. только тогда, когда власть будетъ въ рукахъ представителей народа, когда онъ будетъ имѣть право свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, собираться, открыто бороться, — только тогда ему удастся улучшить свою жизнь, расширить свое образованіе. Стройною, дружною толпою прошли демонстранты два раза по бульвару, оглашая воздухъ своими боевыми пѣснями и возгласами. Два раза полиція пыталась остановить шествіе, но была отброшена, и вѣрные холопы царя въ ужасѣ бѣжали отъ рабочихъ, вооруженныхъ палками. Но вотъ появились солдаты и казаки и съ остервененіемъ бросились на демонстрантовъ; били женщинъ, подростковъ, били прикладами, нагайками, обнаженными шашками, топтали лошадьми. Демонстранты защищались, отбивали товарищей, и только благодаря темной ночи и дождю, царскимъ опричникамъ удалось арестовать 53 чел. (много постороннихъ), изъ нихъ 5 раненыхъ. Въ воскресенье 16-го рабочіе устроили демонстрацію на Чечелевкѣ въ рабочемъ кварталѣ“.

Кіевъ, 7 дек. 1901 г. Ну, Рождество приближается, и на сценѣ начинаютъ разыгрываться обычныя для этого времени комедіи и драмы.

Студенчество опять заволновалось. Вы уже знаете, навѣрное, по легальнымъ газетамъ, что произошло въ Харьковѣ, а потому я сообщу лишь о кіевскихъ событіяхъ.

Начиная съ октября, здѣсь волненія въ университетѣ и политехническомъ институтѣ, выразившіяся въ сходкахъ и принятіи различныхъ резолюцій, не прекращались до самаго послѣдняго времени. Затихнувъ-было послѣ бури, вызванной докладомъ „русскаго галичанина“, г. Вергуна, когда „націоналисты“ столкнулись съ „свистунами“ (выраженіе газ. „Кіевлянинъ“), они снова разгорѣлись послѣ харьковскихъ происшествій и министерскихъ приказовъ, уволившихъ весь первый курсъ ветеринаровъ и предписавшихъ администраціи высшихъ учебныхъ заведеній Харькова, не стѣсняясь девизомъ „сердечнаго попеченія“, расправляться безъ всякаго снисхожденія съ неспокойными элементами студенчества.

Когда здѣсь получено было извѣстіе о назначеніи въ Харьковѣ студенческой демонстраціи, Кіевскій „Союзный Совѣтъ“ и комитетъ политехническаго института выпустили прокламацію, излагавшую вкратцѣ ходъ событій въ Харьковѣ и приглашавшую студентовъ протестовать противъ мѣропріятій Ванновскаго. Когда же въ Харьковѣ прозвенѣли разбитыя стекла ред. „Юж. Края“ и отъ примѣненія химической обструкціи профессоръ и науколюбивые юноши попадали въ аудиторіи въ обморокъ, кіевляне рѣшили устроить сходку и обсудить положеніе дѣлъ. Университанты назначили сходку на 7 декабря, но попечительная администрація поспѣшила ихъ распустить на рожд. каникулы 5 дек.

Совѣтъ старшинъ политехническаго института созвалъ сходку на 5 дек. Поводовъ для ея созыва было нѣсколько, а именно: докладъ спеціальной коммиссіи по дѣлу студ. Никитина*), вопросъ о принятіи семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія и выясненіе своего отношенія къ харьковскимъ событіямъ. Сходка по поводу вопроса о принятіи семинаристовъ въ высшія учебныя заведенія рѣшила подтвердить постановленія предыдущей сходки (24 ноября), когда была принята резолюція, протестующая противъ мѣропріятій Ванновскаго и требовавшая отмѣны прикрѣпленія студентовъ къ округамъ, открытія свободнаго доступа въ высшія учебныя заведенія для женщинъ, евреевъ и всѣхъ желающихъ вообще и т. д.

---

*) У студ. Никитина около года назадъ былъ произведенъ обыскъ, при чемъ нашли очень подробныя записки, скомпрометировавшія въ глазахъ полиціи нѣсколько лицъ. Арестованный, Никитинъ, желая выпутаться, такъ удачно отвѣчалъ, что запуталъ нѣсколько новыхъ лицъ. Потомъ, однако, онъ былъ выпущенъ и снова поступилъ въ политехническій институтъ. Студенты избрали спеціальную коммиссію для изслѣдованія его поведенія. Эта коммиссія нѣсколько разъ уже пыталась на предыдущихъ сходкахъ изложить результаты своихъ изысканій, но каждый разъ это не удавалось, такъ какъ у сходокъ не оставалось свободнаго времени послѣ рѣшенія болѣе неотложныхъ дѣлъ. На этотъ разъ ей удалось, наконецъ, высказаться, и она

Относительно харьковскихъ событій рѣшено было выразить протестъ Ванновскому (противъ всякаго протеста высказалось только 16 голосовъ изъ 700) и поддержать харьковцевъ забастовкой. За забастовку высказалось 446 гол., противъ нея — 133, а не голосовало 63 чел.*) До сихъ поръ все шло гладко и прилично. Но вотъ всплылъ на сцену вопросъ: когда же начать забастовку, и что-же? порѣшили начать ее только послѣ рождественскихъ каникулъ! Но — дальше въ лѣсъ, больше дровъ! — вспомнили, что нѣкоторые коллеги еще не сдали весенніе экзамены, отложенные ими на январь, и вотъ, чтобы дать имъ возможность выдержать эти экзамены, постановили не начинать забастовку ранѣе 15 января. Кто-то догадался еще прикинуть къ этому числу 5 дней про запасъ, на всякій случай, и въ результатѣ харьковскіе товарищи могутъ разсчитывать на активную поддержку кіевлянъ ровно черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, т. е. не ранѣе 20 января 1902 года! Надо полагать, что даже Ванновскій останется доволенъ такимъ основательнымъ и осмотрительнымъ рѣшеніемъ политехниковъ: вѣдь при его генеральской скоропалительности, этихъ полутора мѣсяцевъ ему совершенно достаточно, чтобы до основанія уничтожить не только ветеринаровъ перваго курса, но и всѣ курсы всѣхъ учебныхъ заведеній Харькова.

Ректоръ, призванный на сходку, опять счелъ своимъ долгомъ предупредить студентовъ о томъ, что новыя волненія могутъ принести имъ много непріятностей и т. д. Сходка тянулось съ $^1/_2$2 до 8 час. веч. Выходили изъ нея, конечно, большими толпами, и одна толпа, чел. въ 200, проходя по Шулявкѣ, запѣла пѣсни. Около тріумфальныхъ воротъ повстрѣчался какой-то офицеръ. Увидавъ студенческую процессію, онъ сейчасъ же смекнулъ, что отечество въ опасности, вскочилъ на извощика и поскакалъ куда-то во мглу вечера. Неподалеку находятся какія-то солдатскія казармы. Не желая дефилировать мимо нихъ, студенты свернули на другой путь, но увы! въ казармахъ уже поднялась тревога, и скоро вся толпа безъ вины виноватыхъ была встрѣчена городовыми и солдатами, часть, конечно, попала въ плѣнъ и 42 чел. были отведены въ участокъ, переписаны и затѣмъ всѣхъ распустили по домамъ.

* * *

Въ Кіевѣ распространился слухъ, что на 6 дек. назначена демонстрація. И вотъ, вся наша охрана пришла въ движеніе. Весь Кіевъ, не смотря на туманъ, засіялъ и засверкалъ отъ множества бляхъ и значковъ на груди и шапкахъ какихъ-то чиновъ, высыпавшихъ на улицу вмѣстѣ съ толпами шпіоновъ. Эта контръ-демонстрація очень заинтересовала публику, но оказалась выстрѣломъ въ пустое пространство.

Къ настроенію сознательныхъ рабочихъ въ СПБ

Съ удовольствіемъ помѣщаемъ выдержки изъ весьма интереснаго письма одного петербургскаго рабочаго къ нашему товарищу. Въ письмѣ весьма характерно отражается отношеніе извѣстной части рабочихъ къ спорамъ между „экономистами“ и „политиками“:

…„Вижу, что правы-то были (въ прошломъ году) вы, да и не вы одни, а всѣ, кого мы „бунтарями“ называли. Вы тогда ничего не говорили про „Искру“, но я думаю, что она вамъ должна нравиться и что вы съ нею заодно, поэтому-то я и хочу говорить съ вами про нее и про то, что меня мучаетъ. Ходитъ къ намъ одинъ паренекъ… ничего онъ, только куцый какой-то и съ нимъ душевнаго разговора быть не можетъ… Видѣлъ я всего два номера „Искры“ — 4-ый и 7-ой, и мнѣ показалось, что я ее понимаю, а паренекъ увѣряетъ, что нѣтъ. (Просимъ не забывать, что „паренекъ“-то „куцый“. Ред.) Хотѣлъ бы и другіе нумерки почитать, да паренекъ не даетъ, говоритъ, будто нѣтъ у нихъ, да я думаю… просто давать не хочетъ, такъ какъ они ее за вредную почитаютъ (Это „куцые“-то! Ред.). Много я думалъ про организацію, и мнѣ кажется, тамъ про это вѣрно сказано; не все только я понялъ, — смыслъ-то я уразумѣлъ, а какъ взяться за нее, не знаю. Паренекъ говоритъ, будто „Искра“ плюетъ на рабочихъ, и будто хочетъ не рабочихъ, а революціонеровъ организовать. На счетъ плеванія, я думаю, пустяки, а на счетъ революціонеровъ, мнѣ кажется, правильно. Вѣдь не всякій рабочій — революціонеръ, это разъ; а второе — это вовсе глупо дѣлить на „рабочихъ“ и „интеллигентовъ“. Не въ томъ сила. Иной рабочій годится и въ кружокъ, и въ кассу, и книжку можетъ прочитать, и на демонстрацію пойдетъ, а все-таки въ партію не годится! Конечно, безъ массоваго рабочаго революціи не сдѣлаешь, а все же на немъ одномъ далеко не уѣдешь. Массу и на баррикаду повести можно, и фабрику громить: какая минута подойдетъ! Вотъ и выходитъ, что такая партія нужна, чтобы не фабрику громить учила, а что другое. Трудное теперь время! Кабы знать, что дѣлать, многое бы сдѣлать можно, а по мнѣ, никто не знаетъ, что дѣлать нужно. Вотъ паренекъ говоритъ, что теперь дѣло къ концу приходитъ, начало, говоритъ, конца, и всякаго-де человѣка ребромъ ставить нужно. Если это такъ, конечно, скупиться нечего — нужно раскошеливаться. А ну какъ это только начало, и не конца начало, а просто начало? Что тогда? Тутъ всѣхъ ребромъ поставишь, а къ настоящему-то концу безъ людей и останешься? Вѣдь это не дѣло! И потомъ, знаете, нѣтъ у меня вѣры къ нимъ! Вѣдь еще съ годъ назадъ все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, какъ отъ печки, нельзя начинать, а печкой былъ либо мастеръ, либо расцѣнки, рѣдко, рѣдко Пирамидовъ. Раньше все увѣряли, что наше дѣло сторона (авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду отношеніе къ студенческому движенію. Ред.), а сейчасъ увѣряютъ, что въ насъ самый центръ и есть. Помните, вы тогда говорили, что жизнь не повторяется, по мнѣ, это не совсѣмъ правильно. Посудите сами: развѣ не одно и то же повторяется вотъ ужъ четыре раза? Сперва только и свѣта, что въ кружкахъ: рабочіе мариновались на „культурѣ“ и „стоимости“, потомъ кружки ничего стоить не стали, а весь смыслъ дѣла въ массовомъ рабочемъ, въ агитаціи. Кружка больше не допросишься, не стало больше понимающихъ интеллигентовъ(!): тутъ время стачкамъ пришло — нѣтъ стачки, нѣтъ и жизни; теперь стачки свой вкусъ потеряли, нужны демонстраціи, только про нихъ и есть разговоръ. Ну, а дальше что? Такъ развѣ жизнь въ этомъ не повторяется?… Раньше — чѣмъ больше зналъ рабочій, тѣмъ лучше; съ каждымъ носились, какъ съ писанной торбой, ему и журналы, и книжки: читай, голубчикъ! а сейчасъ, какъ рабочій больше понимаетъ, такъ и за рабочаго не почитаютъ: имъ, видите-ли, „массового“ нужно: все они отъ массы оторваться боятся… Вы не подумайте, что я думаю только о себѣ, не забочусь о массѣ или отъ интеллигенціи требую науки. Ужъ куда мнѣ съ суконнымъ рыломъ! Вотъ пониманія надо бы больше — время-то трудное, прямо страшное: кругомъ все бродитъ, всѣ ходятъ озвѣрѣлые, никто выхода не знаетъ, не у кого спросить, не у кого поучиться. Я вотъ сколько времени въ кружкахъ теряя, а и то голову потерялъ, а другіе годъ вообще съ дѣломъ знакомы были, да какое годъ! съ осени когда еще наладится, а къ веснѣ либо заберутъ, либо господа на дачу выбираются… Вотъ нашъ паренекъ товарища приводилъ, и оба толковали, почему за годъ все такъ перемѣнилось. Причина-де въ безработицѣ. Ну, а если она пройдетъ, опять по старому все будетъ, опять отъ печки? Эхма!… Нѣтъ у нихъ, по моему, большого пониманія, а такъ, кусочки понабрали. Раньше думали, что коли рабочій, такъ нѣтъ, кромѣ гроша, у него другого интереса; сейчасъ говорятъ, будто у рабочаго другой думушки нѣтъ, какъ бы на улицѣ костьми лечь. Вѣрно: коли время подойдетъ, отъ этого отказываться не приходится, только зачѣмъ же рабочаго (прежде) въ загородку ставили? Мнѣ „Искра“ потому и понравилась, что она рабочаго за гражданина считаетъ, а это ахъ какъ важно!… Говорятъ они еще, будто „Искра“ заговора хочетъ, а имъ сейчасъ страшно стало, вѣдь массовика въ заговоръ не упрячешь, а ну, какъ онъ озлится и плюнетъ на нихъ: вояки тоже!“.

Признаемся, мы давно не встрѣчали болѣе мѣткой критики прошлыхъ и настоящихъ прегрѣшеній нашихъ дѣятелей-интеллигентовъ. Форма письма можетъ показаться кое-кому обидной, но это обстоятельство не должно мѣшать тому, чтобы заставить товарищей призадуматься надъ вопросами, выдвинутыми авторомъ, который, очевидно, достигъ гораздо большей степени революціонной зрѣлости, чѣмъ члены многихъ нашихъ организацій.

* * *

Полицейскій провокаторъ среди сектантовъ. Офиціальное сообщеніе о безпорядкахъ въ Павловкахъ, Харьк. г., (столкновеніе между сектант. и православ. крестьянами), частью умолчало, частью извратило причины происшествія. Этого и слѣдовало, конечно, ожидать: было бы смѣшно и недальновидно, еслибы поджигатель, спалившій въ цѣляхъ полученія страховой преміи домъ, объяснялъ бы потомъ слѣдователю, сколько фунтовъ керосину для этого потребовалось. Царское правительство и дальновидно и не любитъ насмѣшекъ. Доведя ту или другую группу населенія рядомъ „спасительныхъ мѣропріятій“, основанныхъ на излюбленномъ и „истинно-русскомъ“ принципѣ — не мытьемъ, такъ катаньемъ — до открытаго возмущенія (будетъ ли то разгромъ фабрики, тюремная голодовка, или крестьянскій бунтъ и студенческія волненія), правительство, пользуясь монополіей лживыхъ „сообщеній“, спѣшитъ напустить туману въ глаза простосердечнымъ обывателямъ и тѣмъ охранить „общественное спокойствіе.“

Ниже приводимые факты помогутъ нѣсколько разсѣять пелену правительственнаго тумана, сгустившуюся надъ павловскими толстовцами.

Достовѣрно извѣстно, что сектантамъ пришлось много претерпѣть притѣсненій отъ „православнаго“ начальства, прежде чѣмъ рѣшились они на разгромъ опостылѣвшей церкви-школы, выстроенной ради возвращенія заблудшихъ овецъ въ лоно „истинной“ церкви. Казалось, и духовныя, и свѣтскія власти, въ ярости „на отца лжи“, „антихриста“ Л. Н. Толстого, всячески стремились испытать терпѣніе и силу непротивленія злу въ его послѣдователяхъ. Дѣло доходило до того что сектантовъ преслѣдовали за нарушеніе запрещенія ходить по улицамъ двумъ-тремъ человѣкамъ вмѣстѣ.

Еще болѣе любопытнымъ представляется личность агитатора, убѣдившаго, наконецъ, сектантовъ, что въ ихъ положеніи непротивленіе злому надо оставить и слѣдуетъ употребить силу. Правительственныя газеты этого агитатора называли агентомъ толстовца — кн. Хилкова, который, какъ извѣстно, слѣдуя заповѣди Христа, отдалъ имѣніе крестьянамъ, за что по повелѣнію покойнаго „Миротворца“, для вящаго охраненія семейныхъ началъ, былъ лишенъ отцовскихъ правъ — у него отняли дѣтей, чтобы спасти ихъ отъ заразы отца и сохранить для престола, воспитавъ изъ нихъ такихъ же истинно русскихъ мерзавцевъ, какимъ былъ самъ „Миротворецъ“. Оказывается, однако, что „агентъ кн. Хилкова“ былъ самымъ доподлиннымъ и обыкновеннымъ полицейскимъ агентомъ-провокаторомъ.*)

Этотъ агентъ, подъ именемъ странника Моисея, шатался между павловскими сектантами и говорилъ, что онъ не боится ареста, что ему не страшны тюремные запоры. „Силою Христовой падутъ замки, разорвутся оковы и я явлюся къ вамъ на слободу на другой же день, какъ возьмутъ меня въ острогъ слуги дьявола.“ И дѣйствительно явился. Но освободилъ посланника Христова изъ темницы никто иной, какъ сами-же „слуги дьявола“. На запросъ губернатора о причинахъ освобожденія странника Моисея мѣстный исправникъ отвѣтилъ, что странникъ, дѣйствительно, освобожденъ, о причинахъ же онаго освобожденія будетъ доложено губернатору особою бумагой.

Пусть исправникъ сумской объясняетъ губернатору о случившемся съ странникомъ Моисеемъ чудѣ. Мы, товарищи, не нуждаемся въ особой бумагѣ, для того, чтобы понять, что сей сонъ означаетъ:

И много понтійскихъ Пилатовъ,
И много лукавыхъ іудъ
Христа своего распинаютъ
Творца своего продаютъ . . . .

Словно черви по разлагающемуся трупу, расползлись іуды-агенты правительства по всему пространству самодержавной Россіи. Много ихъ и въ нашей рабочей средѣ. Чутко прислушиваются они къ свободному, честному, выстраданному рабочему слову, зорко приглядываются къ проблескамъ пробуждающагося рабочаго самосознанія. Но горе вамъ, порожденье абсолютизма, горе вамъ, дѣти Зубатовыхъ, Васильевыхъ, Пирамидовыхъ! Заря политическаго освобожденія рабочаго класса не за горами. Настанетъ день народнаго суда и помянутся вамъ — и слезы Павловскихъ мужиковъ, и муки первыхъ борцовъ за великое рабочее дѣло, за народное счастье! . . .

Пермь. Намъ пишутъ: „У насъ двѣ газеты: одна офиціальная („Пермскія Вѣд.“), другая частная („Пермскій Край“). Вотъ послѣдняя-то по недальновидности устроила очень некрасивую выходку. Часть пермской интеллигенціи, узнавши о выходкѣ „Гражданина“, рѣшила послать ему протестъ. Интеллигенціи удалось поговорить по этому поводу на собраніи въ безплатной библіотекѣ 26 октября. Только 28 октября въ хроникѣ „Пермскаго Края“ (№ 234) появилась замѣтка, въ которой кратко передается, что на собраніи рѣшили написать письмо въ „Гражд.“ и собрали уже 80 подписей и затѣмъ выбрали коммиссію изъ пяти (поименованныхъ) лицъ для выработки формы петиціи о допущеніи женщинъ въ университеты.

„Съ этого и началась исторія. Къ отвѣтственному лицу безплатной библіотеки является полицмейстеръ, спрашиваетъ о собраніи въ библіотекѣ 26 октября, ссылаясь на жандармскій запросъ и замѣтку „Пермскаго Края“. Отвѣтственное лицо о собраніи ничего не знало, но обѣщало полицмейстеру навести справки. Губернаторъ же сталъ поговаривать о закрытіи библіотеки.

„Собрался Совѣтъ библіотеки. Онъ далъ слѣдующій отвѣтъ на запросъ полиціи: въ библіотекѣ было собраніе не спеціально по поводу статьи „Гражданина“, а собраніе сотрудниковъ (что полагается по уставу) и на этомъ-то собраніи кѣмъ-то случайно былъ поднятъ вопросъ о статьѣ „Гражданина“. Былъ представленъ даже протоколъ собранія сотрудниковъ, помѣченный 26 числомъ. Дѣло какъ будто уладилось. Администрація просила только впредь на подобныхъ собраніяхъ не поднимать постороннихъ вопросовъ и сообщать полиціи о времени собраній.

„Только вдругъ на дняхъ (т. е., почти черезъ мѣсяцъ отъ собранія въ безплатной библіотекѣ) губернаторъ получаетъ отъ департамента полиціи запросъ (съ ссылкой на „Пермскій Край“), кто разрѣшилъ собраніе въ безплатной библіотекѣ и кто былъ

заявила, что пришла къ тому заключенію, что Никитина нельзя заподозрить ни въ шпіонствѣ, ни въ провокаторствѣ, а его выдачи объясняются неумѣніемъ держать себя на допросахъ.

*) Всего въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ около 1050 студ. Въ моментъ голосованія было на сходкѣ 642 чел., т. е. почти $^2/_3$ всѣхъ студентовъ. Многіе уже разъѣхались на каникулы.

*) Изъ другого источника намъ тоже сообщаютъ объ этомъ провокаторѣ и прибавляютъ, что онъ подосланъ профессоромъ Скворцовымъ, чиновникомъ Святѣйшаго Синода, извѣстнымъ преслѣдователемъ сектантовъ. Вотъ каковы наши пастыри христова стада!! Ред.

БЕСѢДА ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Имѣющіяся у насъ письма читателей рабочихъ съ разныхъ концовъ Россіи показываютъ, что мы не ошибались, когда, предпринимая свое дѣло въ періодъ господства „экономизма“, разсчитывали, что выдвигаемыя нами задачи обратятъ на себя вниманіе нашей рабочей интеллигенціи. Здѣсь мы познакомимъ читателя съ нѣкоторыми отзывами, позволяющими судить, что цѣнятъ сознательные рабочіе въ соціалдемократической литературѣ и какъ они начинаютъ ставить партійныя задачи.

Первое письмо, подписанное „Рабочій юга“, наполнено самыми горячими привѣтствіями „Искрѣ“. Опуская ихъ, по скольку это можно сдѣлать, не искажая мысли автора, приведемъ тѣ мѣста изъ письма, въ которыхъ авторъ указываетъ на причины успѣха политической газеты среди рабочихъ.

„Каждая статья „Искры“ — передовая, изъ общественной жизни или хроники, или, что еще очень важно, изъ заграничной жизни, — каждая изъ такихъ статей, повторяю, является выраженіемъ теперешняго духа времени и … разрѣшаетъ то, что такъ волнуетъ насъ, рабочихъ, и очень насъ удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Искра“ первая указала намъ, рабочимъ, что мы должны интересоваться не только однимъ рабочимъ движеніемъ, но и жизнью и движеніемъ всего народа и общества. „Искра“ первая высказала вслухъ, что въ революціи въ Россіи примутъ участіе, кромѣ рабочихъ, и крестьяне и общество. Мы, рабочіе, не можемъ не высказать редакціи нашу сердечную благодарность за то, что она вывела изъ узкаго круга мыслей и понятій насъ, которые не могли не сомнѣваться въ возможности совершенія революціи одними рабочими, и обратила наше вниманіе на всѣ слои общества, которые частью также заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи существующаго строя. Этимъ указаніемъ „Искра“ разрѣшила сомнѣнія въ возможности революціи и ободрила рабочихъ, которые почувствовали себя и сильнѣе, и не одинокими.“

Мы здѣсь должны замѣтить, что въ этомъ отношеніи „Искра“ только популяризировала ту идею, которую всегда отстаивала „Группа Освоб. Труда“ (Плехановъ, Аксельродъ, Засуличъ). Русскіе рабочіе, понявшіе всю необходимость широкой политической агитаціи во всѣхъ классахъ общества и привѣтствующіе насъ за постоянное подчеркиваніе этой необходимости, осудятъ тѣхъ недальновидныхъ „интеллигентовъ“, которые долго боролись съ „Гр. Осв. Труда“, между прочимъ, и по этому вопросу, и сильно тормозили переходъ нашего движенія на этотъ широкій путь.

„Читаемъ — продолжаетъ авторъ — „Искру“ всю съ интересомъ, но интересъ, который охватываетъ насъ при чтеніи статей „изъ общественной жизни“, невозможно описать. Чѣмъ объяснить это?… Читая статьи „изъ общ. жизни“, узнаешь, что и общество живетъ и имѣетъ свои причины быть недовольнымъ и многіе изъ этого общества стоятъ въ явной оппозиціи къ нынѣшнимъ порядкамъ; что и оно ведетъ нѣкоторую борьбу, но заглушенную и неувѣренную изъ-за того, что не имѣетъ твердой почвы подъ ногами. „Искра“ же указала имъ опору въ рабочихъ, а послѣднимъ подспорье. И читая эти статьи, нельзя не заинтересоваться всѣмъ существомъ, такъ какъ слишкомъ ужъ убѣждаешься, что такой строй не можетъ долго устоять подъ напоромъ такого всеобъемлющаго недовольства“.

Надѣемся, что эти слова послужатъ отвѣтомъ тѣмъ недальновиднымъ „интеллигентамъ“, которые въ недоумѣніи спрашиваютъ, „какое дѣло рабочимъ до тѣхъ статистиковъ, земцевъ и т. п., которыми ихъ угощаетъ „Искра“? (См., между прочимъ, и неудовольствіе Надеждина въ сборникѣ „Канунъ революціи“ № 1). Этимъ недальновиднымъ людямъ давно пора понять то, что такъ хорошо чувствуетъ авторъ письма: что рабочій классъ не сможетъ сыграть должной роли въ русской революціи, если не будетъ отдавать себѣ яснаго отчета въ томъ соотношеніи общественныхъ силъ, при которомъ онъ ведетъ свою борьбу. Болѣе того: пролетаріатъ не сможетъ не только отстоять, но и отчетливо сознать свои спеціально классовые интересы и отдѣлить ихъ отъ интересовъ другихъ борющихся съ царизмомъ силъ, если не привыкнетъ сознательно участвовать въ общенародномъ движеніи противъ современнаго строя. Человѣкъ, который провелъ бы свое дѣтство и юность съ повязкой на глазахъ, не съумѣлъ бы увѣренно двигаться въ пространствѣ послѣ того, какъ съ него снимутъ эту повязку. А не такую-ли повязку, въ сущности, надѣваютъ нашимъ рабочимъ тѣ, кто требуетъ, чтобы рабочихъ пичкали одними „чисто рабочими“ вопросами?

Та же мысль, что и въ этомъ письмѣ, развивается и въ письмѣ петербургскаго рабочаго, приводимомъ выше. „Зачѣмъ рабочаго въ загородку ставили“? спрашиваетъ онъ, говоря о томъ недавнемъ времени, когда „думали, что коли рабочій, такъ нѣтъ, кромѣ гроша, у него другого интереса“. „Мнѣ „Искра“ потому такъ и понравилась, что она рабочаго за гражданина считаетъ, а это ахъ какъ важно!“

Это петербургское письмо важно для насъ еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Мы узнаемъ изъ него, что наши „практики“ изъ бывшихъ „экономистовъ“ не перестаютъ обвинять наше направленіе въ „бунтарствѣ“, въ „склонности къ заговорамъ“, въ томъ, что мы „плюемъ на рабочихъ“, т. е. на массу. Но мы узнаемъ изъ нея также, что эти „жупелы“ не дѣйствуютъ на сознательныхъ рабочихъ и что они не питаютъ довѣрія къ тѣмъ, которые „Искру“ за вредную почитаютъ“ и у которыхъ „нѣтъ большого пониманія, а такъ, кусочки понабрали“ и мы видимъ, почему наши интеллигенты извѣстнаго толка потеряли къ себѣ довѣріе сознательныхъ рабочихъ. „Вѣдь еще съ годъ назадъ все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, какъ отъ печки, нельзя начинать, а печкой былъ либо мастеръ, либо расцѣнки, рѣдко, рѣдко Пирамидовъ“. А „сейчасъ говорятъ, будто у рабочаго другой думушки нѣтъ, какъ бы на улицѣ костьми лечь“. Этотъ „историческій поворотъ“ въ направленіи нашихъ „экономистовъ“ не могъ, очевидно, не подорвать довѣріе къ нимъ со стороны болѣе сознательныхъ рабочихъ, которые, къ чести ихъ будь сказано, не поддались пассивно общему увлеченію интеллигенціи въ сторону демонстраціи, а начинаютъ ставить весьма серьезный вопросъ: „а ну какъ это только начало, и не конца начало, а просто начало? что тогда?“ „Ну, а если она (безработица) пройдетъ, опять по старому все будетъ, опять отъ печки?“ Предлагаемъ отвѣтить на этотъ вопросъ „Раб. Дѣлу“ и „Своб.“, которыя всю свою политику строятъ на предположеніи, что мы стоимъ „въ началѣ конца“ и что теперешній политическій и экономическій кризисъ есть непосредственное введеніе къ революціи, почему и „всякаго человѣка ребромъ ставить нужно“. Если прежде вся тактика приноровлялась къ условіямъ, созданнымъ быстрымъ развитіемъ промышленности и политическимъ затишьемъ въ обществѣ, и лозунгъ гласилъ „медленнымъ шагомъ“ посредствомъ стачекъ, то теперь опять тактика узко приспособляется къ условіямъ даннаго момента, оторваннаго отъ прошлаго и будущаго, къ условіямъ кризиса и общественныхъ волненій, и нынѣшній лозунгъ гласитъ: „съ мѣста въ карьеръ“ — демонстраціи, и только онѣ! Правъ нашъ авторъ, когда говоритъ, что „жизнь повторяется“ въ этихъ стремительныхъ увлеченіяхъ одной формой дѣятельности.

Что понялъ авторъ письма и чего не могли усвоить его „куцые“ оппоненты, это то, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, на очереди сталъ вопросъ о созданіи боевой революціонной организаціи, безъ которой наши силы по прежнему будутъ расточительно тратиться въ увлеченіяхъ то одной, то другой формой борьбы, смотря по тому, куда подулъ вѣтеръ общественныхъ настроеній. Нашъ авторъ понялъ, что именно теперь-то, когда ошибочность прежняго односторонняго увлеченія „массовикомъ“, т. е. стихійнымъ движеніемъ, стала очевидной, что теперь-то пора, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начать работать надъ „организаціей революціонеровъ“, а не просто рабочихъ. Что необходима организація профессіональныхъ революціонеровъ, безъ которой мы по прежнему будемъ переживать то невозможное положеніе, что революція пріостанавливается на лѣто потому, что „господа на дачу на этомъ собраніи. Цензоръ же отъ главнаго управленія по дѣламъ печати получилъ выговоръ за пропускъ замѣтки о подобныхъ собраніяхъ.

„Началось разслѣдованіе. Полиція и жандармы забѣгали въ библіотеку. Начались допросы библіотекарши и сотрудниковъ. Въ уставъ библіотеки былъ внесенъ особый параграфъ, по которому сотрудникамъ разрѣшается собираться только въ колич. 5.

„Библіотекарша, какъ человѣкъ неопытный въ подобныхъ дѣлахъ, на вопросъ: „кто поднялъ вопросъ о статьѣ „Гражданина“, почему-то сочла нужнымъ взять на себя эту вину.

„Полиція ведетъ себя нахально. Для допросовъ является прямо въ библіотеку, ведетъ тамъ вслухъ различныя разсужденія, чѣмъ очень смущаетъ посѣтителей. Библіотекаршѣ прямо читается списокъ сотрудниковъ и про каждаго спрашиваютъ, былъ-ли онъ. Библіотекарша отвѣчаетъ уклончиво: „не видѣла“, „не знаю“, „не былъ“. Тогда полиція заявляетъ, что такъ какъ она говоритъ почти о каждомъ, что „не былъ“, то она считаетъ поименованныхъ лицъ бывшими и отмѣчаетъ крестомъ.

„Чѣмъ дѣло кончится, неизвѣстно. Разслѣдованіе продолжается. Не мѣшало бы хотя частнымъ газетамъ не дѣлать безсознательныхъ (сознательнаго мы отнюдь не предполагаемъ) доносовъ по глупости нѣкоторыхъ корреспондентовъ“.

Мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что выговоръ нашего корреспондента было бы едва-ли не правильнѣе адресовать участникамъ собранія. Очевидно, они не видѣли въ своемъ собраніи ничего незаконнаго, и они были правы. Почему же имъ и не заявить открыто, что они были на собраніи? Неужели они боялись за это потерять мѣста на службѣ и т. п.? Неужели нельзя „рискнуть“ выговоромъ или непріятнымъ замѣчаніемъ въ такое время, когда студенты идутъ на улицу, не боясь казаковъ и войска?

Но всего интереснѣе, это — вмѣшательство изъ Петербурга! Лучше всякихъ разсужденій доказываетъ оно, что правительство вполнѣ солидарно съ „Гражданиномъ“. И мы совѣтуемъ всѣмъ и каждому усвоить себѣ хорошенько этотъ нехитрый выводъ! Ред.

КЪ СВѢДѢНІЮ ГИМНАЗИСТОВЪ И ИХЪ РОДИТЕЛЕЙ.

Учителя въ роли провокаторовъ. Во второй половинѣ октября 1901 г. по гимназіямъ и реальнымъ училищамъ разосланъ секретный циркуляръ слѣдующаго содержанія:

Предписывается какъ можно строже слѣдить за развитіемъ и выработкой убѣжденій у воспитанниковъ старшихъ классовъ, убѣжденій, касающихся сферы политическихъ отношеній государства къ обществу. Обязанность эта возлагается по преимуществу на преподавателей русскаго языка. Въ качествѣ средства ознакомленія со взглядами воспитанниковъ, которые они часто усваиваютъ внѣ школы, въ семьѣ или частномъ кружкѣ знакомыхъ (ибо студенческая среда готови себѣ адептовъ еще на гимназической скамьѣ), предлагается преподавателямъ задавать темы для сочиненій такого сорта, изъ которыхъ можно было бы видѣть направленіе гимназиста, и если таковое окажется въ духѣ соціалистическомъ и вообще вредномъ, принять это во вниманіе и имѣть это въ виду при пріемѣ въ высшее учебное заведеніе.

Итакъ, „сердечное попеченіе“ ген. Ванновскаго оказывается ни болѣе ни менѣе, какъ попеченіемъ о сердцахъ гимназистовъ на предметъ разысканія сѣмянъ крамолы.

Опять голодовка въ тюрьмѣ! (письмо изъ Бутырской тюрьмы). Прежде въ теченіе многихъ лѣтъ больные политическіе содержались въ главномъ корпусѣ московской губернской тюремной больницы, находящейся при пересыльной тюрьмѣ. Этотъ главный корпусъ предназначенъ исключительно для сумасшедшихъ. Внизу въ общихъ камерахъ находятся уголовные психическіе тихо помѣшанные.

Въ большомъ среднемъ перелетѣ на уровнѣ второго этажа ~~тянется вдоль одной стороны большая площадка и здѣсь нахо~~дится 11 камеръ; сюда сажаютъ буйныхъ помѣшанныхъ. Здѣсь же въ этой камерѣ содержатся больные политическіе. Среди шума, гама и дикихъ криковъ помѣшанныхъ можно себѣ представить, какъ должно дѣйствовать пребываніе съ психическими больными на человѣка, истомленнаго одиночествомъ. Заключенный, запертый въ четырехъ стѣнахъ, привыкшій ловить всякій звукъ, какъ можетъ онъ знать, почему его сосѣдъ такъ неистово кричитъ и мечется и почему онъ, такъ внезапно захрипѣвъ, умолкаетъ! Ужъ не истязали-ли его? Ужъ не поколотилъ-ли его озвѣрѣвшій тюремный стражъ? Въ теченіе многихъ лѣтъ указывалось на невозможность такого порядка содержанія политическихъ больныхъ.

Сравнительно не такъ давно къ больницѣ была присоединена сбоку задняя башня пересыльной тюрьмы, носящая названіе „Пугачева башня“. Въ этой башнѣ, въ одной изъ камеръ помѣстили служителя, въ другой ванную, одинъ изъ большихъ нижнихъ нумеровъ отведенъ для фельдшерицы. Въ тюремной больницѣ подъ именемъ фельдшерицы фигурируютъ лица безъ всякаго медицинскаго образованія (настоящихъ боятся, очевидно, брать въ виду ихъ неблагонадежности). Въ остальныхъ пяти нумерахъ помѣщаются больные политическіе. Два верхнихъ и два среднихъ избавлены отъ парашъ. Изъ нихъ больныхъ по стуку въ дверь выпускаютъ въ клозеты. Въ нижнемъ же первомъ номерѣ стоитъ параша. Изъ него почему-то не считаютъ возможнымъ выпускать больныхъ въ клозеты второго этажа.

Въ виду этого, а также въ виду того, что въ этомъ номерѣ сильно дуетъ изъ входной двери, онъ начинаетъ играть роль больничнаго карцера.

Повидимому, жизнь съ внѣшней стороны обстоитъ сносно: постоянно подъ рукой есть служитель, есть и представительница современной медицины. Но какъ всегда у насъ бываетъ — начнутъ дѣлать что и не додѣлаютъ: такъ, напр., внутри башня прикрыта, а крыша оставлена старой, она при сильномъ дождѣ протекаетъ, и всѣ верхнія помѣщенія разукрашены мрачными сѣрыми пятнами. Въ верхней камерѣ пахнетъ плѣсенью и сыростью. Отопленіе въ башнѣ духовое, въ подвалѣ устроена громадная печь, и грѣтый воздухъ расходится во всѣ камеры. Я сказалъ: во всѣ! Въ двѣ нижнія тепло совсѣмъ не идетъ. Выгребная яма устроена у входа въ башню; она не глубока и почему-то таинственнымъ образомъ соединена съ подваломъ. Жидкость изъ нея просачивается въ послѣдній, и вотъ стоитъ отходникамъ потревожить сіе мѣсто, какъ вся башня втеченіе 3-5 дней наполняется зловоніемъ. Въ отдушины вмѣстѣ съ тепломъ идетъ вонь.

Но все бы это ничего. Но бѣда въ томъ, насколько администрація небрежна къ внутреннимъ, духовнымъ сторонамъ политическихъ. Смотритель по существу человѣкъ не злой, но одержимъ маніей величія и почему-то считаетъ нужнымъ на каждомъ шагу указывать на то, что, если онъ захочетъ, то удовлетворитъ требованіе, а нѣтъ, такъ и такъ оставитъ; и когда его зовутъ къ себѣ вновь прибывшіе, онъ по нѣскольку дней не является. Одному, напр., разрѣшаетъ покупать себѣ мяса каждый день, другому — нѣтъ; нѣкоторымъ разрѣшаетъ выдавать свѣчи, другимъ — нѣтъ. Свѣчи же болѣе чѣмъ необходимы заключеннымъ, такъ какъ тюремныя лампы висятъ высоко и закрываются частой желѣзной рѣшеткой, для того чтобы больные не могли облить себя керосиномъ и сжечь. Зимой темно становится съ 3 час. и читать нѣтъ никакой возможности. Нѣкоторые ставятъ на кровать табуретъ и читаютъ балансируя, рискуя каждую минуту загремѣть на каменный полъ; другіе умудряются открыть рѣшетку, рискуя навлечь гнѣвъ начальства. Предметы необходимости заставляютъ покупать въ одной опредѣленной лавкѣ. Перестукиваніе, пѣніе запрещается. Среди мертвой тишины гаснутъ силы больного. Большую часть сутокъ царитъ гнетущая тишина. Условія жизни таковы, что сами стражи на свой страхъ и рискъ нарушаютъ правила. Одинъ терпитъ перестукиваніе, другой еще что-нибудь разрѣшаетъ. За это ихъ немилосердно распекаютъ и всячески подтягиваютъ.

Такъ текла жизнь въ больницѣ до самаго послѣдняго времени.

Въ ноябрѣ въ больницѣ сидѣли: П. Покровскій, Вячеславъ Адольфъ, Мойсей Ворисовскій, Пинкуль (приказчикъ) и Исаакъ Шуръ изъ Вильно, — люди, ожидающіе приговора.

Въ серединѣ ноября въ первый номеръ привезли изъ Таганки Высоцкаго; онъ устроилъ тамъ голодовку, такъ какъ его не хотѣли перевезти изъ темной камеры, окно которой закрыто желѣзнымъ листомъ, уничтожая, такимъ образомъ, доступъ воздуха и свѣта, въ свѣтлую бель листа комнату.

Онъ голодалъ 8 дней. Начальство не хотѣло уступить и перевело его въ больницу. Изъ послѣдней Высоцкаго скоро выписали, но онъ рѣшилъ довести борьбу до конца.

Шуръ, идя на прогулку, крикнулъ: „Здравствуй, товарищъ!“ За это онъ былъ лишенъ на время прогулокъ. Тогда выведенные изъ себя небрежнымъ отношеніемъ смотрителя и мелкими придирками, политическіе нарушили гробовое молчаніе.

Утромъ и вечеромъ больница начала оглашаться веселыми криками: „Здравствуй, товарищъ! Добраго утра! Доброй ночи!“ и т. д.

А когда Высоцкій уѣзжалъ и крикнулъ: „прощайте, товарищи!“, какъ громъ удара потрясъ башню единодушный крикъ всѣхъ остальныхъ четырехъ: „прощайте, прощайте!“ Администрація всполошилась. Начались увѣщеванія, угрозы. Эпилептика Исаака Шуръ перевели въ первый номеръ и совершенно лишили прогулокъ. Отъ возбужденія у него участились припадки эпилепсіи. Но онъ рѣшилъ не сдаваться и объявилъ смотрителю, что будетъ голодать, пока его не переведутъ наверхъ и не разрѣшатъ прогулокъ. Остальные трое рѣшили тоже голодать, пока не удовлетворятъ требованія Шура, а также присоединили еще такія требованія: покупать свѣчи, чтобы на прогулку водили не въ загончикъ около выгребной ямы, а въ большой садъ. Такъ началась и идетъ борьба съ произволомъ администраціи въ тюремной больницѣ. Чѣмъ она кончится, не знаю. Смотритель грозитъ Шуру, что зашьетъ его въ мѣшокъ и привѣситъ къ потолку, если онъ будетъ кричать: „Добрый день, доброй ночи! Прощайте!“ — 6-го декабря получено извѣстіе, что голодовка продолжается седьмой день.

Примѣръ заразителенъ. На засѣдавшемъ въ первыхъ числахъ октября въ г. Полтавѣ съѣздѣ дѣятелей по кустарной промышленности была, между прочимъ, принята слѣдующая резолюція: „Съѣздъ признаетъ, что тѣлесныя наказанія не только противорѣчатъ началамъ христіанскаго ученія, но и являются тормазомъ культурнымъ начинаніямъ правительства и общества въ цѣляхъ духовнаго развитія и улучшенія быта его“. Если Побѣдоносцевъ и послушные ему „смиренные“ пастыри, засѣдающіе въ синодѣ, отлучили отъ церкви графа Толстого, то почему бы нашимъ почтеннымъ „дѣятелямъ“ не отлучить отъ церкви самого Побѣдоносцева, какъ извѣстно, ревниво охраняющаго розгу, какъ одинъ изъ устоевъ царскаго самодержавія? Примѣръ заразителенъ! Но смѣемъ увѣрить гг. Левитскихъ, Каблуковыхъ и прочихъ, что начала христіанскаго ученія споконъ вѣку нарушались всѣми тѣми, у кого въ рукахъ была власть. „Начала христіанскаго ученія“ не остановили ни одного убійства, ни одного разбоя, когда это было въ интересахъ правящихъ. Напротивъ, никто не пролилъ столько невинной человѣческой крови, какъ христіаннѣйшіе и смиреннѣйшіе отцы церкви во имя проповѣди „началъ христіанскаго ученія“.

Да и сами „дѣятели“ по кустарной промышленности не очень церемонятся съ этими „началами“: они хотятъ увѣрить царское правительство, что оно служитъ какимъ-то культурнымъ начинаніямъ, что оно заботится о духовномъ развитіи и объ улучшеніи матеріальнаго быта населенія. Это русское-то правительство! Правительство, ведущее борьбу съ голодающими! Правительство, насаждающее культуру при посредствѣ кабака! Къ чему комедія? Къ чему фарисейство? Вѣдь фарисеевъ-то Христосъ прогналъ изъ храма!

Кіевъ. Волна артельнаго движенія.

Стараясь отвлечь рабочій классъ отъ соціализма, царское правительство, въ страхѣ за свое благополучіе, по рецепту „Новаго Времени“ (см. ст. о раб. безпорядкахъ), лицемѣрно проявляетъ „отеческую“ заботливость о рабочихъ. Таково объясненіе той поддержки, какую встрѣчаютъ со стороны властей артели, быстро возникающія въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ (за короткій срокъ ихъ образовалось у насъ — восемь). Среди жандармовъ вездѣ появляются послѣдователи Зубатова. Нѣкоторые изъ нихъ, напр., жандармскій полковникъ Васильевъ въ Минскѣ (см. № 5 „Искры“), дѣйствуютъ довольно умѣло; нельзя сказать, чтобы умнѣе, но, во всякомъ случаѣ усерднѣе дѣйствуетъ кіевскій жандармъ Новицкій. Рѣчь, произнесенная имъ на открытіи первой „русской“ артели портныхъ, основанной на началахъ „православія, народности и самодержавія“, (см. „Кіевлянинъ“ № 278) является своего рода шедевромъ. „Въ неустанныхъ заботахъ о васъ министръ финансовъ удешевилъ водку, сказалъ Новицкій; благодаря учрежденію винной монополіи, вы можете теперь пить дешевую и хорошую водку“; рекламируя казенную водку и высказавъ, такимъ образомъ, тонкое пониманіе смысла винной монополіи, Новицкій указалъ далѣе на то, что утвержденіе министромъ финансовъ артельнаго устава есть второе проявленіе той же заботливости, и воспользовался тутъ удобнымъ случаемъ, чтобы обрушиться на соціалдемократовъ, пустивъ въ ходъ обычное свое оружіе — клевету и ложь. „Предупреждаю васъ больше всего: не ведите знакомства съ подозрительными людьми, продолжалъ онъ, избѣгайте ихъ старательно, потому что они хитрые, очень хитрые! Я хорошо ихъ знаю, потому что самъ пресѣкаю!... Не заводите кассъ. Я самъ недавно изобличилъ одного рабочаго, — невозмутимо продолжалъ врать Новицкій передъ развѣсившими уши артельщиками — не было кассы, онъ былъ бѣденъ, а какъ завелась касса, онъ пріобрѣлъ золотые часы и пальто въ 80 руб.“. По окончаніи этой рѣчи, г. Суровцовъ, пом. прис. пов. и, можно ожидать, человѣкъ интеллигентный, имѣлъ безстыдство произнести тостъ за здоровье Новицкаго. Директоръ Госуд. банка, г. Афанасьевъ, также принимавшій участіе въ этомъ „торжествѣ“, указалъ на то, что онъ переживаетъ вторую волну артельнаго движенія, и правильно замѣтилъ, что теперешнія артели, въ отличіе отъ прежнихъ, народническихъ, имѣютъ цѣлью лишь практическія выгоды участниковъ, не представляя изъ себя идейнаго дѣла. Хотя г. Афанасьевъ выразилъ увѣренность въ ихъ жизнеспособности, а ген. Новицкій, исхлопотавъ артели 1000 руб. у мѣстнаго богача Терещенки, подарилъ ей портреты „Его“ и „Ея“, писанные масляными красками, и икону Богоматери, призвалъ ей на помощь своею жандармскою властью всѣ силы земныя и небесныя, — однако, въ ихъ дальнѣйшемъ процвѣтаніи можно сомнѣваться. Ремесленная промышленность, неспособная выдержать конкурренціи крупнаго капитала, ищетъ спасенія въ единеніи мелкихъ предпринимателей на артельномъ началѣ; но не въ такомъ единеніи могутъ найти себѣ выходъ русскіе рабочіе! Лишь соединившись для сверженія самодержавія, они получатъ необходимыя условія для свободной и счастливой жизни, для осуществленія соціалистическаго идеала!

Кіевъ. Въ поискахъ за „Искрой“.

Заботливость „передовыхъ“ жандармовъ объ артеляхъ ремесленниковъ да и вообще вся „Зубатовская“ политика объясняется желаніемъ не только легализировать рабочее движеніе и направить его въ мирное русло, но и установить надъ нимъ свой жандармскій надзоръ и шпіонскую опеку. Для этой цѣли жандармы стараются имѣть среди артельныхъ попечителей своихъ ставленниковъ. — Френкеля-отца, неожиданно выступившаго въ роли покровителя артели переплетчиковъ. Въ артели этого карточнаго друга Новицкаго сыскъ поставленъ образцово: недавно работавшіе тамъ переплетчики были осчастливлены появленіемъ жандармскаго ротмистра Васильева, адъютанта Новицкаго. Войдя въ мастерскую, онъ направился прямо къ тому мѣсту прилавка, гдѣ подъ переплетными матеріалами одинъ изъ артельщиковъ поло-

---

дыѣхали“. Что, ставя задачу такой организаціи, будетъ „глупо дѣлить на рабочихъ и интеллигентовъ“ и что „не въ томъ сила“, а въ томъ, чтобы образовать изъ рабочихъ интеллигентныхъ революціонеровъ, безъ которыхъ „на одномъ массовомъ рабочемъ далеко не уѣдешь“. Что пора нашимъ „интеллигентамъ“ отказаться отъ взгляда, что „если рабочій больше понимаетъ, такъ его уже и за рабочаго не почитаютъ: имъ, видите-ли, массоваго нужно“ и что не слѣдуетъ изъ-за боязни „оторваться отъ массы“ за задачей агитаціи забывать столь важныя задачи пропаганды и организаціи — организаціи партійной.

Замѣтимъ, что письмо петербургскаго рабочаго написано по поводу, между прочимъ, № 4 нашей газеты, въ которомъ мы развивали нашъ планъ организаціи, возбудившій противъ себя очень многихъ изъ нашихъ интеллигентовъ. Мы имѣли уже не одинъ случай убѣдиться въ томъ, что этотъ планъ былъ гораздо болѣе серьезно оцѣненъ сознательными рабочими. Пользуемся случаемъ, чтобы поблагодарить „кружокъ сормовскихъ рабочихъ“ за привѣтствіе, посланное имъ намъ по поводу этого организаціоннаго плана.

Выдвигаемыя теперешнимъ кризисомъ въ нашемъ движеніи задачи организаціи составляютъ тему еще одного письма въ редакцію за подписью „работница“. Приводимъ его почти цѣликомъ.

Письмо въ редакцію

„Безконечные провалы одинъ за другимъ, то бѣшенство, съ какимъ эти хищники, въ лицѣ жандармеріи и полиціи набрасываются на тѣ мѣста, гдѣ хоть сколько-нибудь существуетъ рабочее движеніе, ихъ сильное желаніе вырвать все съ корнемъ, заставляетъ меня обратиться съ письмомъ въ редакцію, чтобы такимъ образомъ подѣлиться съ товарищами нѣкоторыми своими мыслями.

„Около четырехъ лѣтъ тому назадъ, а именно въ началѣ 1898 г., я была арестована съ еще кучей товарищей (арестъ тогда былъ очень крупный, одновременно въ нѣсколькихъ городахъ), попали тогда многіе и менѣе моего „грѣшные“, но увѣряю васъ, что устраненіе меня больше, чѣмъ на четыре года отъ жизни — слишкомъ много чести для меня, если даже стать на точку зрѣнія нашего самодержавнаго правительства.

„Но фактъ остался фактомъ, и къ великому сожалѣнію, не единственнымъ, а почти всеобщимъ, въ чемъ меня убѣдили встрѣчи съ товарищами по тюрьмѣ и за Ураломъ. Такъ или иначе, я пробыла въ „русскомъ университетѣ для рабочихъ“ съ сознаніемъ того, что если я и не совсѣмъ ничего не дѣлала, то во всякомъ случаѣ далеко была отъ того, что можно было бы назвать „дѣломъ“. Естественно, что у меня возникъ вопросъ о томъ, какъ дорого мы платимся за каждую крупицу самосознанія, внесенную въ рабочую массу. Этотъ вопросъ меня мучилъ долго, но все-таки я думала, что онъ ужъ отчасти разрѣшенъ. Теперь же, когда я вернулась, то убѣдилась, что мы еще въ этомъ отношеніи не очень далеко ушли. Хоть за послѣдніе годы рабочее движеніе безусловно выросло, но надо признаться, что выросло оно гораздо больше въ ширь, чѣмъ въ глубь. Конечно, хорошо и первое, но этого все таки мало и теперь эти хищники, какъ и прежде, вырываютъ все съ корнемъ и этимъ самымъ тормозятъ или останавливаютъ — иногда на довольно продолжительное время — все движеніе, словомъ, они и теперь на долгое время отрываютъ людей отъ „дѣла“. Но хуже всего то, что другіе сразу замѣнить ихъ не могутъ, что пришедшіе имъ на смѣну товарищи не могутъ сразу приступить къ разъ уже начатой работѣ; словомъ, не могутъ, за рѣдкими исключеніями, стать продолжателями своихъ предшественниковъ, не могутъ пользоваться ни ихъ ошибками, ни ихъ успѣхами. Нѣтъ еще ничего такого, что бы служило связующимъ звеномъ между выбывшими товарищами и пришедшими имъ на смѣну. И такъ самое большое зло, которое я вижу въ нашей работѣ, это то, что мы еще не сорганизованы, что мы работаемъ, такъ сказать, каждый за свой страхъ и рискъ. У насъ совсѣмъ нѣтъ традиціи.

„Послѣ провала работа непремѣнно должна не прекращаться, а пойти возможно живѣе. Это имѣетъ двойное значеніе: съ одной стороны, провалы не наводили бы панику на менѣе сознательныхъ рабочихъ и не убивали бы вѣру въ провалившихся, и это увеличило бы энергію тѣхъ лицъ, которые выступятъ провалившимся на смѣну. Съ другой стороны, правительство увидѣло бы, что какъ бы оно ни увеличивало штаты всякаго рода полицейскихъ крысъ, въ Россіи „крамолу“ вывести уже нельзя, что даже нельзя произвести и временнаго затишья... Но, товарищи, все это возможно будетъ, когда мы сорганизуемся, когда у насъ будетъ центральная организація, которая будетъ руководить всѣмъ движеніемъ Россіи. Этимъ было бы достигнуто не только уменьшеніе, если не полное исчезновеніе проваловъ, исправность въ работѣ, но и правильное веденіе дѣла, способность отзываться на извѣстныя требованія жизни. Никакія волненія или столкновенія, какъ напримѣръ, студенческіе безпорядки, поступки Карповичей, Лаговскихъ не застали бы врасплохъ, если бы мы могли заранѣе знать все — и воспользоваться всѣмъ. Но самое главное, — чтобы разъ начавшееся гдѣ-нибудь движеніе среди рабочихъ уже обязательно поддерживалось, чтобы оно не могло прекратиться, чтобы центръ уже могъ всегда туда направлять силы. Тогда и только тогда наша работа пойдетъ болѣе быстрымъ шагомъ впередъ.

„Чтобы постоянно быть въ курсѣ дѣла, центръ долженъ будетъ вездѣ имѣть своихъ агентовъ, а тѣ, въ свою очередь, устроить такъ, чтобы въ случаѣ ихъ ареста у центра все таки осталась связь съ данной мѣстностью (детали, какъ это устроить, не трудно будетъ выработать, когда за это возьмутся и хорошенько подумаютъ). Тогда только, когда мы хорошо сорганизуемся, провалы наши не будутъ имѣть такихъ пагубныхъ послѣдствій, какіе есть теперь. Пока мы не будемъ организованы, пока мы не будемъ имѣть полной возможности подойти прямо послѣ арестовъ къ начатой уже работѣ, пока всѣ группы, работающія или желающія работать, не будутъ строго организованы и соотвѣтственно нуждамъ распредѣлены, — мы, какъ и до сихъ поръ, будемъ тратить массу времени непроизводительно. Мы безсильны противъ врага не такъ количественно, какъ разрозненностью. Сила врага безусловно велика, но еще усиливается сплоченностью, возможностью дѣйствовать одновременно во всѣхъ концахъ Россіи, а послѣднее не зависитъ только отъ того, что ихъ такъ много, а отъ того, что они соединены и могутъ дѣйствовать по разъ задуманному плану. Мы именно этого лишены, у насъ самые преданные и выдающіеся дѣятели не могутъ работать успѣшно именно потому, что разрознены, что не могутъ выработать плана дѣйствій, что лишены возможности сговориться съ руководителями другихъ группъ, чтобы рѣшить, какъ поступить въ томъ или въ другомъ случаѣ, словомъ, чтобы выработать какой-нибудь планъ дѣйствій. Я думаю, что мы много, много отъ этого теряемъ. Только тогда, когда мы сорганизуемся, мы сможемъ выставить противъ количественной силы врага силу качественную...

„Не претендую на то, чтобы мое письмо доказало и убѣдило въ достаточной мѣрѣ товарищей въ томъ, сколько мы теряемъ отъ того, что не организованы. Я буду очень довольна, если мое письмо напомнитъ другимъ, болѣе умѣлымъ лицамъ, взяться за эту работу.

Работница.“

Расширеніе политической агитаціи — распространеніе ея на всѣ недовольные слои, выработка сознательной рабочей интеллигенціи и созданіе боевой партійной организаціи, способной справиться съ правительственными преслѣдованіями и вести свою работу при всякихъ условіяхъ общественнаго настроенія — вотъ тѣ главныя задачи, которыя намѣчаются въ приведенныхъ нами письмахъ.

жилъ купленную имъ московскую газету „Русское Слово“ вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ приложеніемъ ея, „Искрой“. Можно себѣ представить разочарованіе усерднаго жандарма, когда онъ извлекъ на свѣтъ Божій, вмѣсто ожидаемаго имъ „запрещеннаго листка возмутительнаго содержанія“ — его московскую легальную тезку!

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Москва. О рабочихъ собраніяхъ. (Письмо 1-е.)

Для того, чтобы болѣе подробно ознакомиться съ рабочими собраніями механическаго производства, мы считаемъ нужнымъ ознакомленіе начать съ верху этой незаурядно задуманной махинаціи для отвлеченія рабочихъ отъ правильно намѣченнаго пути къ освобожденію рабочаго класса изъ подъ ига капитализма, объединяющагося съ гнуснѣйшимъ самодержавіемъ Романова. Направить по ложному пути рабочее движеніе, дабы оно попало въ трясину, откуда ему не такъ то легко выбраться опять на твердую почву; вырвать изъ рабочаго движенія ту могучую силу, которой боится начинающее дряхлѣть русское самодержавіе, прочную и опасную революціонную силу стачекъ — такова главная цѣль этой махинаціи. На всякомъ порайонномъ собраніи красной нитью проходитъ эта трудно скрываемая цѣль отвлеченія рабочихъ отъ стачекъ. Но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ письмахъ.

Что Зубатовъ держитъ въ своихъ рукахъ всякое собраніе-это несомнѣнно, что онъ извлекаетъ ту пользу, ради которой разрѣшены эти собранія, это тоже несомнѣнно, что многое другое достигаетъ Зубатовъ благодаря этимъ собраніямъ, понятно, конечно, само собою, что это все сильно усугубляется инертностью дѣйствующихъ здѣсь товарищей, что рано или поздно они принуждены будутъ сознать сами, — мы въ этомъ увѣрены вполнѣ. А Зубатовъ не дремлетъ: во всей организаціи главную роль играетъ „совѣтъ“. Сіе учрежденіе состояло до 20-го Ноября изъ 17 человѣкъ, въ число которыхъ входятъ два провокатора Слѣповъ и Афанасьевъ, ихъ то, главнымъ образомъ, вліяніе и отражается какъ на характерѣ порайонныхъ собраній, такъ и на остальныхъ членахъ „совѣта“. Всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію районныхъ собраній, исходятъ изъ „совѣта“, предварительно просмотрѣнные агентурой Охраннаго Отдѣленія. Дальше на районныхъ собраніяхъ дѣло ведется не по желанію присутствующихъ, а по желанію члена „совѣта“, который является по порученію „совѣта“ въ качествѣ контролера „дабы не зарвался далеко кто либо изъ враговъ.“ Врагами же „совѣтъ“ считаетъ рабочихъ, вращающихся среди „мелкой“ интеллигенціи*) т. е. революціонеровъ. . . . . Совѣтъ нашелъ необходимымъ выработать даже „инструкцію“ такъ что въ дальнѣйшемъ „совѣтъ“ долженъ являться бюрократическимъ учрежденіемъ. Соколовъ, одинъ изъ главныхъ враговъ революціонеровъ заявлялъ, при прочтеніи этой „инструкціи“, что мы (т. е. „совѣтъ“) съ господами профессорами выработали инструкцію, такъ что господа профессора принимаютъ участіе не только въ просвѣщеніи рабочихъ, но несутъ съ собою и пріемы бюрократіи. Совѣтъ „имѣетъ право назначить въ районное собраніе председателя, а если собраніе почему либо пожелаетъ выбрать само себѣ предсѣдателя, то въ такомъ случаѣ представляютъ выбраннаго на утвержденіе, каковаго могутъ, однако, и не утвердить“. . . . Порайонныя собранія не могутъ происходить въ тѣ дни, когда собирается Совѣтъ или въ воскресные дни, когда читаются лекціи. По „инструкціи“ члены Совѣта „на районныхъ собраніяхъ слѣдятъ за нравственностью присутствующихъ“ и т. д. Возможно, что инструкція передана нами не совсѣмъ точно, ибо у насъ нѣтъ копіи, но смыслъ вѣренъ.

Самымъ дѣятельнымъ и пользующимся популярностью рабочихъ является г. Красивскій; онъ хорошо можетъ дѣйствовать на рабочихъ своей рѣчью и не мудрено: онъ когда-то самъ былъ революціонеромъ, его и теперь не принимаютъ на фабрики, благодаря тому, что онъ принималъ нѣсколько разъ участіе въ стачкахъ. По профессіи онъ папиросникъ и послѣднее время работалъ на фабрикѣ „Дукатъ“. Шпіономъ его назвать нельзя, ибо нѣтъ для сего фактовъ, но его близкая дружба со Слѣповымъ и Афанасьевымъ, та солидарность, съ которой они поддерживаютъ другъ друга, очень подозрительна. Бывали случаи, что по просьбѣ г. Красивскаго позволяли жить въ Москвѣ политическимъ, да и то, какъ онъ иногда говоритъ на собраніяхъ, позволяетъ дѣлать заключенія для него не очень лестныя. Г. Афанасьевъ не можетъ пользоваться популярностью, какъ г. Красивскій, онъ не можетъ хорошо говорить, не можетъ завладѣть собраніемъ и говоритъ точно о покойникѣ звонитъ и все же, какъ главное лицо въ собраніяхъ, не роняетъ свой престижъ и ловко защищаетъ правительство, выставляя его заботливой матерью для рабочихъ. И съ улыбочкой постарается опровергнуть того, у кого неловко проскользнетъ какое-либо сомнѣніе въ правительственномъ доброжелательствѣ. О г. Слѣповѣ можно сказать, что онъ ходитъ съ докладомъ въ Охранное и, хотя рабочіе этого не знаютъ, но все же его не любятъ и онъ не пользуется популярностью.

Недавно было приступлено къ пополненію „Совѣта“, для чего каждое порайонное собраніе выбрало кандидатовъ и прежде чѣмъ ввести ихъ въ „Совѣтъ“, „Совѣтъ“ узнавалъ о ихъ направленіи и неблагонадежныхъ проваливалъ. Этотъ „Совѣтъ“ принимаетъ жалобы во время своего собранія разъ въ недѣлю. Былъ такой случай: за расклеиванье объявленій о потребительномъ Обществѣ разочли 10 ч. раб. заводовъ Винтеръ. Одинъ изъ потерпѣвшихъ сдѣлалъ заявленіе въ „Совѣтъ“, послѣдній довелъ до свѣдѣнія обер-полицмейстера. Въ результатѣ г. Слѣповъ заявилъ собранію, что Треповъ не можетъ удовлетворить жалобы. Нѣтъ, молъ, такого закона, чтобы полиція приказала не разсчитывать тѣхъ изъ рабочихъ, которыхъ находитъ нужнымъ уволить заводская администрація.

Разрѣшено Потребительное Общество, записалось около 2000 и капиталу на лицо свыше 5000. Откроютъ ли потребительную лавку или чайную, еще не было по этому поводу Общаго Собранія и вопросъ не рѣшенъ. Что же касается Общества Взаимопомощи, то таковаго уставъ не разрѣшенъ и въ № 8 „Искры“ вкралась ошибка. Въ Февралѣ будетъ уже годъ, какъ онъ посланъ на утвержденіе и о судьбѣ ни слуху ни духу.

Рабочій.

Городищенская отбѣльная фабр. С. Морозова (возлѣ Орѣхова-Зуева). Въ „Искрѣ“ была помѣщена корреспонденція изъ Шуи съ описаніемъ отвратительнаго и гнуснаго пріема эксплоатаціи не только женской физической силы, но и женскаго тѣла. На нашей городищенской фабрикѣ эти гнусныя, отвратительныя условія обязательны для каждой женщины съ тѣхъ поръ, какъ завѣдываніе этой фабрикой было поручено французу Жозефу Герману, другу извѣстнаго намъ Назарова; это ставленикъ его и, очевидно, его ученикъ по части гнусной системы эксплоатаціи.

Лѣтъ восемь тому назадъ директоръ этой фабрики былъ Вейсъ и тогда преимущественно работали одни мужчины, около 400 чел., исключая сшивалокъ при отбѣльномъ и крахмальномъ отдѣленіи, да подметалокъ половъ. Въ то время, можно сказать, женщины жили припѣваючи за своими мужьями, т. к. заработокъ послѣднихъ стоялъ около 27 руб. въ мѣсяцъ (320 р. въ годъ). Но вотъ поступаетъ распорядителемъ фабрики Германъ въ 1893 г. и начинается выбрасываніе мужчинъ за стѣну фабрики, взамѣнъ которыхъ являются дѣвушки и женщины съ болѣе дешевой платой за свои рабочія руки, съ болѣе смиреннымъ покорнымъ видомъ глуповатой овцы и несущія съ собою возможность сверхъ эксплоатаціи и кражи рабочей силы, эксплоатацію и кражу женскаго тѣла, женской стыдливости, женской чести. Глумленіе и надругательство надъ семейной женщиной русскаго крестьянина и рабочаго подъ покровительствомъ русскихъ законовъ и съ вѣдома царя-батюшки, который старается покрывать своею властью эти гнусности и безстыдные пріемы и въ то же время заставляетъ высылать и сажать въ тюрьмы тѣхъ изъ непокорныхъ рабочихъ, которые возмутились противъ такихъ низкихъ и деспотическихъ личностей, какъ Назаровы, Свѣшниковы, Жезефы Германы и т. п? Втеченіи 4-5 лѣтъ французъ Германъ выкинулъ за фабричную стѣну чуть не всѣхъ мужчинъ, исключая колотильщиковъ. Но это объясняется тѣмъ, что колотильщикомъ можетъ быть лишь физически сильный человѣкъ. Такъ при Вейсѣ было больше 20 чел. складальщиковъ, а теперь только 2 чел. и то для тасканья роликовъ; галандировщиковъ замѣнилъ женскимъ поломъ; въ крахмально-отбѣльномъ отдѣленіи мужчины очень рѣдки.

Дѣйствуетъ этотъ нахалъ очень открыто: такъ приглашаетъ дѣвушку или женщину къ себѣ въ кабинетъ и объясняется очень откровенно въ своихъ желаніяхъ. Если послѣдняя сдается, то дѣлается его жертвой, если нѣтъ, то спустя короткое время выкидываетъ ей паспортъ со словами: „ты мнѣ не нужна“, да тутъ же разсчитываетъ и семейство, т. е. если есть родственники. Вновь принимаетъ также изъ близъ лежащихъ деревень и повторяется та же исторія.

До чего дошла эта волна гадости, видно изъ того, что взрослыя дѣти ругаютъ своихъ сверстниковъ часто: „твой отецъ баринъ, иди къ нему.“ (Бариномъ называютъ у насъ Германа.) Во время одной деревенской сходки за выпивкой мірского вина крестьянинъ Ипполитовъ говорилъ своему товарищу Лазареву: „Знаешь ли, Лазаревъ, за что мы съ тобой получили хорошія мѣста? Вѣдь наши жены послѣ работы ходятъ въ кабинетъ къ барину.“ Лазаревъ отвѣтилъ: „я скажу объ этомъ барину, и онъ за это тебя прогонитъ къ чорту“, на что Ипполитовъ обѣщалъ свести къ барину обоихъ своихъ дѣтей, чтобы онъ ихъ кормилъ, такъ какъ они его, барина. Спустя два или три дня послѣ описанной сходки Ипполитовъ былъ выброшенъ изъ фабрики. Лазаревъ же и его братья были поставлены въ прикащики. И вотъ существуютъ такіе порядки на фабрикѣ, отъ которой въ 10 верст. живетъ фабричный инспекторъ, жандармскій ротмистръ, приставъ по одну сторону, а по другую сторону исправникъ, судебный слѣдователь, но они отлично знаютъ, что министръ Сипягинъ получилъ отъ Морозова на хорошія брюки, фабричный же инспекторъ часто приглашается лизать тарелки, сами же рабочіе молчатъ, какъ холопы и не могутъ проучить до смерти этого отвратительнаго француза.

Рабочій.

Москва. У насъ на заводѣ Гагенталь въ пятницу 14 дек. послѣ окончанія работы былъ хорошо побитъ новый расцѣнщикъ нѣмецъ, только два мѣсяца пріѣхавшій къ намъ на заводъ изъ СПБ., за то, что убавилъ расцѣнокъ почти на половину. Били всѣ чѣмъ попало, и виноватыхъ никого пока не нашли. На утро на заводъ нагнали по обыкновенію городовыхъ, боясь осложненій, но пока все тихо.

Одесса. Въ концѣ октября на табачной фабрикѣ Попова, гдѣ работаетъ 600 чел., подручницы — 12-лѣтнія дѣвочки отказались работать за 30 коп. въ день, требуя съ мастерицъ прибавки. Послѣднія получаютъ по 1 рублю и прибавить подручницамъ не могутъ, поэтому обратились къ управляющему въ контору. „Посидятъ дома день-другой, да и снова прибѣгутъ“, отвѣтилъ имъ управляющій на слова, что безъ подручницъ работать нельзя. Дѣти ушли. Половина фабрики стала. Дѣти не приходили на работу впродолженіе нѣсколькихъ дней. Хозяинъ, видя, что не такъ-то легко ожидать, когда все само собою уляжется, обратился къ администраціи. Та тотчасъ поспѣшила на помощь. Городовые бѣгали по квартирамъ мастерицъ, которыя послѣ отказа прибавить 10 коп., тоже забастовали и выставили еще и другія требованія, — между прочимъ, чтобы имъ дали отдѣльную комнату для обѣда (раньше онѣ обѣдали и лѣтомъ и зимою „на чистомъ воздухѣ“) и открыли другой выходъ, такъ какъ по прежнему ходить опасно — лѣстница полусгнила. Итакъ мастерицъ тащили на работу, полураздѣтыхъ дѣтей буквально хватали на улицѣ. Но дѣло не шло: досидѣвъ до обѣда, работницы разбѣгались. Тогда подумали о „зачинщикахъ“ и арестовали 10 чел., на что работницы отвѣтили прибавленіемъ требованія выпустить арестованныхъ. Хозяинъ, видя, что дѣло не клеится, обратился къ администраціи уже съ просьбой выпустить работницъ, онъ думалъ удовлетворить ихъ требованія. Но каково было его горе, когда администрація отвѣтила: „пока насъ не звали, могли сами поступать какъ угодно; теперь же дѣло наше, не мѣшайтесь“. Новое постановленіе (о штрафованіи хозяевъ) вошло въ силу: съ хозяина этой фабрики за то, что онъ поздно заявилъ о стачкѣ, взятъ штрафъ въ 500 руб.

Съ Урала. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1901 г. въ Добринскомъ зав. (Пермской губ.) была забастовка рабочихъ въ катальномъ цехѣ. Рабочіе, въ количествѣ 150 чел., прекратили работу и потребовали повышенія расцѣнка на первый и второй сортъ листового желѣза на 25%. Начальство согласилось на это требованіе не сразу, а лишь послѣ двухнедѣльной забастовки, да и то повысило расцѣнку только на 10% и только лишь на желѣзо перваго сорта, которое выдѣлывается въ очень небольшомъ количествѣ. Расцѣнка же на желѣзо второго сорта осталась прежняя, хотя оно и идетъ въ продажу за первый сортъ и выдѣлывается въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ, заработная плата повысилась очень незначительно, но рабочіе были вынуждены согласиться и начать работу на этихъ условіяхъ, — вести забастовку дольше они были не въ силахъ, потому что стачечной кассы тамъ не существуетъ — и поддержки ждать было не откуда. Бастовали рабочіе дружно, нарушителей стачки не было ни одного, но это явленіе нельзя приписать развитому чувству солидарности, а скорѣе боязни кулачной расправы со стороны забастовщиковъ. Начальство во время стачки въ отношеніи отдѣльныхъ личностей никакихъ мѣръ не предпринимало, не отказывало отъ работы, не обращалось за помощью къ полиціи, только чтобы ослабить забастовщиковъ, прекратило выдачу муки изъ заводскаго запаса (въ обыкновенное время рабочіе могутъ получать муку изъ запаса по заготовочной цѣнѣ, коп. 50-70 за пудъ, какая бы ни была ея цѣна на рынкѣ; выдается по два пуда въ мѣсяцъ на взрослаго и по 10-20 фунтовъ на ребенка). Арестовъ и обысковъ не было.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Добрянкѣ грозила вспыхнуть вторая забастовка. Рабочіе механическаго цеха, въ количествѣ 200 чел., стали требовать повышенія заработной платы на 25% на страдный мѣсяцъ. Дѣйствовали рабочіе тоже мирно. Написали просьбу о повышеніи платы и отнесли ее въ волостное, чтобы уже оттуда передали заводоуправленію. Въ данномъ случаѣ бастовать рабочимъ не пришлось. Требованіе ихъ было удовлетворено, хотя и не вполнѣ, на другой же день. Заводоуправленіе повысило плату лишь на 10%, и рабочіе были принуждены помириться и на этомъ, такъ какъ ни денегъ, ни хлѣба въ запасѣ у нихъ не было. Послѣ этого случая въ Добрянкѣ появились жандармы. У трехъ рабочихъ произведены были обыски; лица эти находятся подъ надзоромъ. Жандармы жили въ Добрянкѣ цѣлыхъ двѣ недѣли. Причина пріѣзда жандармовъ и обысковъ не сама стачка, а появившіяся уже послѣ нея прокламаціи. Прокламаціи, какъ потомъ оказалось, были расклеены и разбросаны по дворамъ въ ночь на 1 сентября; онѣ выясняли значеніе стачки. Одного рабочаго послѣ этого разсчитали якобы за порчу матеріала.

Въ концѣ сентября въ механическомъ цехѣ рабочіе снова стали поговаривать о забастовкѣ съ цѣлью сократить работу ночной смѣны съ 10 час. до 8. До сихъ поръ ночная смѣна работала съ 6 час. веч. до 6 утра съ отдыхомъ втеченіе двухъ час. (отъ 12 до 2 час. ночи). Поводомъ къ разговорамъ послужило недоразумѣніе съ однимъ изъ мастеровъ, который на одной ночной смѣнѣ началъ требовать, чтобы рабочіе не прекращали работы въ часы отдыха. Рабочіе были возмущены этимъ и по предложенію одного рѣшили всѣ уйти домой. Мастеръ струсилъ и кое-какъ уговорилъ ихъ остаться. На другой же день онъ доложилъ начальству, что ночью былъ чуть не бунтъ, и начальство распорядилось назначать въ каждую ночную смѣну стражниковъ для наблюденія за порядкомъ, такъ что ночью рабочіе работаютъ подъ конвоемъ, какъ арестанты. По всей вѣроятности рабочіе потребуютъ отмѣны такого возмутительнаго распоряженія начальства.

---

*) Исторію этого выраженія („мелкая“ интеллигенція) намъ передаютъ такъ: на одномъ изъ собраній Сазоновъ (помощникъ Зубатова) заявилъ рабочимъ, что у насъ имѣется двоякая интеллигенція: одна — солидная интеллигенція: профессора, помогающіе правительству въ заботахъ о рабочемъ классѣ, другая же — „мелкая интеллигенція“, состоящая изъ людей недовольныхъ и старающихся волновать рабочихъ, чтобы съ ихъ помощью добиться для себя улучшенія своего собственнаго положенія.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербргѣ 3 декабря, кромѣ упомянутыхъ (въ № 13) арестованы: врачъ Соболевъ, инженеръ Ратченко, Клавдія Селюкъ (дом. учит.), Яковъ Селюкъ (бывш. студ.), Минская (мед.), Долголенко, Бѣляевъ (студ.) и друг. Изъ **Ковно** привезенъ Ступель и изъ **Вильны** Аронъ Сольцъ (быв. студ.).

Въ Н.-Новгородѣ въ декабрѣ арестованы студ. Розовъ и курс. Добролюбская. Въ Сормовѣ рядъ обысковъ.

Изъ **Москвы** 1 дек. выслана служащая въ Губ. Упр. С. И. Муралова. Елиз. Заславская (служ. въ статистикѣ) арестована для отбыванія наказанія, а сестра ея Розалія — взята на границѣ при пріѣздѣ въ Россію и привезена въ Москву.

Сарапуль (Вятской губ.). Въ началѣ декабря обыскъ у бывшей курсистки Аделаиды Орловой (поднадз.).

Одесса. Въ началѣ декабря взята вернувшаяся изъ ссылки К. Захарова и еще нѣсколько лицъ. Обыски у Лившица (лит.) и другихъ.

Кіевъ. Въ началѣ декабря нѣсколько десятковъ арестовъ.

Смоленскъ. Здѣсь въ концѣ декабря аресты и обыски.

Умерли: Афанасьевъ, рабочій-слесарь. Въ 1895 г. по дѣлу о рабочей организаціи въ Екатеринославѣ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь на три года. Умеръ въ Сибири, гдѣ работалъ по окончаніи ссылки.

Григ. Ник. Мандельштаммъ, одинъ изъ основателей соц.-дем. движенія въ Екатеринославѣ (1895 г.). Арестованный по екатеринославскому и московскому дѣламъ, онъ былъ приговоренъ въ Сибирь на 5 лѣтъ, сошелъ съ ума. Умеръ осенью 1901 г.

Григ. Мих. Марморштейнъ, въ концѣ 80 гг. сосланъ въ Якутскую обл. на 10 лѣтъ. Вернулся нѣсколько лѣтъ тому назадъ и отбывалъ еще надзоръ въ Кишиневѣ. Не смотря на настоянія врачей, посылавшихъ его въ Крымъ, Деп. Пол. отказалъ ему въ разрѣшеніи поѣхать лечиться. Умеръ 18 дек. 1901 г. въ Кишин.

Лянгъ, польскій рабочій, умеръ въ Ковельской тюрьмѣ (Вол. губ.). Лѣтомъ былъ арестованъ на границѣ съ транспортомъ. Умеръ отъ тяжелыхъ условій тюрьмы.

Швецовъ, ссыльный въ Верхоянскѣ (Якутской области), застрѣлился. Былъ сосланъ въ 1900 г. Покойный былъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Сынъ желѣзнодорожнаго мастера, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ поѣхалъ въ СПБ. и былъ арестованъ въ дворцовомъ паркѣ, внушивъ кому-то подозрѣніе. При немъ нашли револьверъ. На допросѣ заявилъ, что пріѣхалъ убить царя. Держали въ психіатрической больницѣ, а потомъ сослали.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Побѣгъ Л. Дейча изъ Сибири. Изъ Амурской области бѣжалъ и прибылъ заграницу Л. Г. Дейчъ, одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ революціонеровъ и одинъ изъ основателей группы „Освобожденіе Труда“. Имя Дейча связано съ „бунтарскимъ“ періодомъ движенія 70-хъ гг., въ которомъ ему принадлежитъ участіе въ организаціи знаменитаго заговора Чигиринскихъ крестьянъ. Арестованный по этому дѣлу осенью 1877 г., Дейчъ бѣжалъ весной 1878 г. изъ Кіевской тюрьмы вмѣстѣ съ Як. Стефановичемъ и Бохановскимъ и въ слѣдующіе годы боролся въ первыхъ рядахъ революціонной партіи. Вмѣстѣ съ Плехановымъ, Аксельродомъ, Стефановичемъ и другими, онъ въ 1879 г. основалъ партію „Чернаго передѣла“, изъ которой въ 1883 г. возникла первая русская соц.-демократическая группа „Осв. Труда“. Отправившись въ 1884 г. изъ Швейцаріи въ Германію для того чтобы устроить организаціонныя дѣла этой группы, Дейчъ былъ арестованъ нѣмецкими властями во Фрейбургѣ (Баденъ) по обвиненію въ перевозкѣ запрещеннаго тогда нѣмецкаго „Соц.-Демократа“. Попытка освободить Дейча изъ нѣмецкой тюрьмы не удалась. Германское правительство снеслось съ русскимъ и послѣ того, какъ послѣднее убѣдилось, что арестованный Булыгинъ есть Дейчъ, оно ему его выдало подъ условіемъ, что его будутъ судить за „уголовное“ преступленіе — участіе въ покушеніи на убійство ренегата Гориновича (въ Одессѣ въ 1876 г.). Осенью 1884 г. военный судъ приговорилъ Дейча, который совершилъ преступленіе въ несовершеннолѣтнемъ возрастѣ, къ 13 г. и 4 м. каторги. Отбывъ срокъ, Дейчъ былъ водворенъ на поселеніи.

Въ лицѣ Л. Г. Дейча въ нашу среду возвращается одинъ изъ первыхъ піонеровъ русской социалдемократіи, надолго вырванный изъ рядовъ дѣйствующей арміи, но сохранив шій на каторгѣ и въ ссылкѣ вѣрность своимъ революціонно-социалдемократическимъ убѣжденіямъ.

Привѣтствуемъ вернувшагося „на волю“ товарища, исторія жизни котораго такъ тѣсно сплелась съ исторіей нашего революціонаго движенія.

Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи рѣшилъ отчислять ежемѣсячно 25 руб. въ пользу „Искры“.

30(17) дек. 1901 г. состоялось въ Брюсселѣ конференція членовъ международнаго бюро, избраннаго на парижскомъ конгрессѣ 1900 г. За недостаткомъ мѣста откладываемъ письмо Плеханова о засѣданіяхъ бюро.

Г. В. Плехановъ, проситъ насъ помѣстить слѣдующее письмо:

Женева, 28 (15) декабря 1901 г.

Девятнадцатаго декабря 1901 г., въ день 25-лѣтія Казанской демонстраціи, исполнилось 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался „нелегальнымъ“, т. е. съ того времени, какъ царское правительство оффиціально занесло меня въ списокъ своихъ враговъ. По этому поводу многіе товарищи почтили меня выраженіемъ своего сочувствія. Я приношу имъ за это свою искреннюю благодарность. Сочувствіе со стороны нашихъ ближнихъ есть единственная награда, на которую можемъ разсчитывать мы, русскіе революціонеры. Но этой драгоцѣнной награды мы не промѣняемъ ни на какую другую.

Г. Плехановъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Л. Л. получено изъ А 100 р. Отъ Тигрова на изд. Эрфуртской программы 300 руб. Парижской группой собрано 50 фр. Изъ этихъ суммъ въ кассу редакціи поступило 300 руб., остальныя израсходованы на мѣстныя и организаціонныя нужды. Въ пользу Обуховцевъ въ Берлинѣ собрано 100 мар.

Въ типографіи „Искры“ вышло „Десятилѣтіе Морозовской стачки“, изд. 2-ое, съ предисловіемъ В. Засуличъ.

Въ типографіи „Лиги“ (Женева) вышли: 1) Кто чѣмъ живетъ? Дикштейна, изд. 3-е. 2) Двѣ рѣчи (Варлена и Алексѣева), изд. 2-ое. 3) Документы „объединительнаго“ съѣзда.

Печатаются и скоро выйдутъ въ свѣтъ:

1) Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи (изд. 2-ое). Г. Плеханова. 2) Развитіе научнаго соціализма (изд. 3-ье). Ф. Энгельса. 3) Программа работниковъ (изд. 2-ое). Ф. Лассаля.

Типографія „Искры“.

2/6
3 1935
ЦЕНТРАЛЬН

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 15 — 15-го ЯНВАРЯ 1902 ГОДА. — № 15

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Какъ и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1902 годъ. Какъ и всегда, оказывается, — по увѣреніямъ министра, — что все обстоитъ благополучно: „финансы въ совершенно благопріятномъ состояніи", въ бюджетѣ „неуклонно соблюдено равновѣсіе", „жел.-дорожное дѣло продолжаетъ успѣшно развиваться" и даже „происходитъ постоянное наростаніе народнаго благосостоянія"! Неудивительно, что у насъ такъ мало интересуются вопросами государственнаго хозяйства, не смотря на всю ихъ важность: интересъ притупленъ обязательнымъ казеннымъ славословіемъ, каждый знаетъ, что бумага все терпитъ, что публику „все равно" „не велѣно пущать" за кулисы оффиціальнаго финансоваго фокусничества.

На этотъ разъ однако особенно бросается въ глаза слѣдующее обстоятельство. Фокусникъ съ обычной ловкостью показываетъ публикѣ пустыя руки и, взмахивая ими, предъявляетъ одну за другой золотыя монеты. Публика апплодируетъ. Но фокусникъ тѣмъ не менѣе начинаетъ самъ преусерднѣйшимъ образомъ защищаться и, чуть не со слезами на глазахъ, увѣряетъ, что онъ не мошенничаетъ, что дефицита нѣтъ, что долговъ у него меньше, чѣмъ имущества. Русская публика такъ вышколена по части благопристойнаго поведенія въ присутственныхъ мѣстахъ, что ей становится вчужѣ какъ-то неловко, и только немногіе бормочутъ про себя французскую пословицу: „кто извиняется, тотъ самъ себя обвиняетъ".

Посмотримъ, какъ „извиняется" нашъ Витте. Гигантскій расходъ почти въ два милліарда рублей (1.946 мил.) покрытъ полностью только благодаря тому, что 144 мил. взяты изъ знаменитой „свободной наличности" государственнаго казначейства, а свободная наличность дополнена прошлогоднимъ 4% займомъ въ 127 мил. руб. (весь заемъ былъ въ 148 мил. руб., но 21 мил. еще не дополученъ). Значитъ, дефицитъ, покрытый займомъ? — Ничуть не бывало, увѣряетъ насъ магъ, „заключеніе займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотрѣнные смѣтами расходы", такъ какъ за покрытіемъ ихъ оставалось „вполнѣ свободныхъ" 114 м. р., а желаніемъ строить новыя желѣзныя дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первыхъ, дефицита вы этимъ не опровергаете, ибо даже „вполнѣ свободными" 114 м. р. не покрыть расхода въ 144 м. р. Во-вторыхъ, въ свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышенія поступленія обыкновенныхъ доходовъ въ 1901 г. противъ предположеній росписи, а наша печать давно уже указываетъ, что вы искусственно уменьшаете предположенія росписи доходовъ, дабы фиктивно вздувать „свободную наличность" и неуклонно повышать налоги. Такъ, въ прошломъ году повышены гербовыя пошлины (новый гербовый уставъ), повышена цѣна казенной водки: съ 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышеніе таможенныхъ пошлинъ (произведенное въ 1900 г. якобы „временно" въ виду Китайской войны), и пр. Въ третьихъ, воспѣвая „культурную роль" желѣзныхъ дорогъ, вы скромно умалчиваете о чисто-русскомъ и совсѣмъ некультурномъ обычаѣ грабить казну при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (не говоря уже о безобразной эксплуатаціи жел.-дор. подрядчиками рабочихъ и голодающихъ крестьянъ!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки сибирской жел. дороги сначала была опредѣлена въ 350 м. р., а на дѣлѣ израсходовано 780 м. р., всего же перевалитъ, вѣроятно, и за милліардъ (какой грабежъ шелъ на сибирской дорогѣ, объ этомъ „Искра" уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, безъ пропусковъ, а вотъ на счетъ дѣйствительной величины расходовъ попробовали бы дать отчетъ!

Затѣмъ не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что постройка жел. дорогъ въ 1902 г. вызвана отчасти военными цѣлями нашего „миролюбиваго" правительства (громадная Бологое-Сѣдлецкая линія, протяженіемъ болѣе 1000 верстъ), отчасти безусловной необходимостью хоть чѣмъ-нибудь „помочь" угнетенной промышленности, въ дѣлахъ которой Государственный Банкъ заинтересованъ непосредственно. Гос. Банкъ не только щедро ссужалъ разныя пошатнувшіяся предпріятія, но и принялъ многія изъ нихъ фактически въ свое полное завѣдываніе. Банкротство промышленныхъ предпріятій грозило привести къ государственному банкротству! Наконецъ, не забудемъ и того, что постоянное повышеніе суммы займовъ и размѣра налоговъ происходитъ, подъ управленіемъ „геніальнаго" Витте, не смотря на то, что всѣ капиталы сберегательныхъ кассъ обращаются всецѣло на поддержку государственнаго кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во вниманіе, — и вы поймете, что Витте ведетъ хищническое хозяйство, что самодержавіе медленно, но вѣрно идетъ къ банкротству, ибо нельзя же безъ конца повышать налоги, и не всегда же будетъ русскаго царя выручать французская буржуазія.

Витте защищается отъ обвиненія въ увеличеніи государственной задолженности такими доводами, надъ которыми стоитъ посмѣяться. Онъ сравниваетъ долги и „имущество", сопоставляетъ сумму госуд. займовъ въ 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенныхъ жел. дорогъ за тѣ же годы и выводитъ уменьшеніе „чистой" задолженности. А вѣдь у насъ и еще есть имущество: „крѣпости и военныя суда" (ей-богу, такъ и сказано въ докладѣ!) порты и казенные заводы, оброчныя статьи и лѣса. — Великолѣпно, г. Витте! Но не замѣчаете-ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызванъ въ судъ по обвиненію въ банкротствѣ и который начинаетъ оправдываться передъ людьми, собирающимися описывать его имущество? Вѣдь покуда предпріятіе стоитъ дѣйствительно непоколебимо прочно, — никому и въ голову не придетъ требовать спеціальнаго обезпеченія займовъ. Вѣдь никто не сомнѣвается, что „имущества" у русскаго народа имѣется много, но чѣмъ больше этого имущества, тѣмъ сильнѣе вина людей, которые несмотря на обиліе имущества ведутъ хозяйство только при помощи увеличенія займовъ и повышенія налоговъ. Вѣдь вы доказываете только то, что народу слѣдуетъ какъ можно скорѣе прогнать распоряжающихся его имуществомъ хищниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, ссылки на спеціальныя государственныя имущества въ обезпеченіе государственныхъ займовъ дѣлала до сихъ поръ изъ всѣхъ европейскихъ странъ одна только Турція. И эти ссылки вели естественно къ тому, что иностранные кредиторы налагали свой контроль на распоряженіе тѣмъ имуществомъ, которое должно обезпечить возвратъ данныхъ ими взаймы денегъ. Хозяйство „великой руской державы" подъ контролемъ приказчиковъ Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы намъ, г. Витте!*)

Мы не говоримъ уже о томъ, что крѣпости и военныя суда ни одинъ банкиръ въ залогъ не возьметъ, что это не плюсъ, а минусъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Но и жел. дороги могутъ служить обезпеченіемъ только тогда, когда онѣ приносятъ доходъ. А изъ того же доклада Витте мы узнаемъ, что до самаго послѣдняго времени всѣ русскія жел. дороги вообще приносили убытокъ. Только въ 1900 г. покрытъ былъ дефицитъ по сибирскимъ дорогамъ и получилась „небольшая чистая прибыль", настолько небольшая, что о величинѣ ея Витте скромно молчитъ. Молчитъ онъ и о томъ, что за первыя двѣ трети 1901 г. выручка желѣзныхъ дорогъ въ Евр. Россіи понизилась, по случаю кризиса. Каковъ-то былъ бы балансъ нашего жел.-дор. хозяйства, еслибы сосчитать не только казенныя цифры выданныхъ на постройку денегъ, но и дѣйствительныя суммы расхищенныхъ при постройкѣ денегъ? Не пора-ли въ самомъ дѣлѣ передать это дѣйствительно цѣнное имущество въ болѣе надежныя руки?

О промышленномъ кризисѣ Витте говоритъ, разумѣется, въ самомъ успокоительномъ тонѣ: „заминка", „несомнѣнно общихъ промышленныхъ успѣховъ не коснется и, по истеченіи нѣкотораго промежутка времени, вѣроятно (!!), наступитъ новый періодъ промышленнаго оживленія". Хорошо утѣшеніе для милліоновъ рабочаго класса, страдающихъ отъ безработицы и уменьшенія заработка! Въ перечнѣ государственныхъ расходовъ вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указанія на то, сколько милліоновъ и десятковъ милліоновъ бросила казна на прямую и косвенную поддержку „страдающихъ" отъ кризиса промышленныхъ предпріятій. А что при этомъ не останавливались и передъ гигантскими суммами, видно изъ того, сообщеннаго въ газетахъ, факта, что общій размѣръ ссудъ, выданныхъ Гос. Банкомъ съ 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г. увеличился съ 250 м. руб. до 449 м. р., а размѣръ промышленныхъ ссудъ съ 8,$_7$ м. до 38,$_8$ м. р. Даже убытокъ въ 4 м. р. по промышленнымъ ссудамъ нисколько не затруднилъ казны. Рабочимъ же, которые приносили на алтарь „промышленныхъ успѣховъ" не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь милліоновъ, существующихъ на ихъ заработокъ, — рабочимъ казна помогала тѣмъ, что „даромъ" высылала ихъ тысячами изъ промышленныхъ городовъ въ голодающія деревни!

Слова „голодъ" Витте совсѣмъ избѣгаетъ, увѣряя въ своемъ докладѣ, что „тяжелое вліяніе неурожая... будетъ смягчено щедрой помощью нуждающимся". Эта щедрая помощь, по его же словамъ, равняется 20 м. р., тогда какъ недоборъ хлѣба оцѣнивается въ 250 м. р. (считая по очень низкой цѣнѣ, по 50 коп. за пудъ, но за то сравнивая съ годами благопріятныхъ жатвъ). Неправда-ли, какъ это въ самомъ дѣлѣ „щедро"? Допустите даже, что только половина недобора падаетъ на крестьянскую бѣдноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оцѣнивали скаредность русскаго правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 „Искры"), что правительство урѣзываетъ ссуды впятеро. Щедръ русскій царь не на помощь мужику, а на полицейскія мѣры противъ тѣхъ, кто дѣйствительно хотѣлъ помочь голодающимъ. Щедръ онъ также и на милліоны, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирнѣй кусокъ у Китая. За два года — сообщаетъ Витте — на китайскую войну изъ чрезвычайныхъ расходовъ пошло 80 мил. руб., да „сверхъ того весьма значительныя суммы были издержаны за счетъ обыкновеннаго бюджета". Всего, значитъ, вѣроятно до сотни милліоновъ рублей, если не свыше! Безработный рабочій и голодающій мужикъ могутъ утѣшиться тѣмъ, что Манчжурія за то навѣрное будетъ наша...

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ лишь вкратцѣ коснуться остальныхъ частей доклада. Витте защищается также отъ обвиненія въ скудости расходовъ на народное просвѣщеніе: къ 36 м. р. по смѣтѣ этого министерства онъ прибавляетъ расходы на учебное дѣло всѣхъ другихъ вѣдомствъ и „нагоняетъ" цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной вѣрности) цифра совершенно мизерна на всю Россію, и по отношенію ко всему бюджету не составляетъ и пяти процентовъ. — То обстоятельство, что „нашъ государственный бюджетъ построенъ по преимуществу на системѣ косвеннаго обложенія" Витте считаетъ преимуществомъ, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности „соразмѣрять потребленіе обложенныхъ предметовъ со степенью благосостоянія". На самомъ же дѣлѣ, какъ извѣстно, косвенное обложеніе, падая на предметы потребленія массъ, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бѣдноту, создавая привилегію для богатыхъ. Чѣмъ бѣднѣе человѣкъ, тѣмъ большую долю своего дохода отдаетъ онъ государству въ видѣ косвенныхъ налоговъ. Мало имущая и неимущая масса составляетъ $^9/_{10}$ всего народонаселенія, потребляетъ $^4/_{10}$ всѣхъ обложенныхъ продуктовъ и платитъ $^4/_{10}$ всей суммы косвенныхъ налоговъ, а между тѣмъ изъ всего народнаго дохода она получаетъ какихъ-нибудь двѣ-три десятыхъ.

Въ заключеніе — интересная „мелочь". По какимъ статьямъ всего болѣе увеличились расходы съ 1901 по 1902 годъ? Вся сумма расхода увеличилась съ 1788 м. р. до 1946 м. р., т. е. менѣе, чѣмъ на одну десятую. Между тѣмъ почти на четверть возрасли расходы по двумъ статьямъ: „на содержаніе особъ Императорской фамиліи" — съ 9,$_8$ м. р. до 12,$_6$ м. р. и... „на содержаніе отдѣльнаго корпуса жандармовъ" съ 3,$_{96}$ м. р. до 4,$_{64}$ м. р. Вотъ отвѣтъ на вопросъ: какія „нужды русскаго народа" наиболѣе настоятельны? И какое трогательное „единеніе" царя съ жандармами!

---

*) Витте самъ замѣтилъ неловкость своихъ разсужденій объ „имуществѣ" и поэтому въ другой части своего доклада онъ старается „поправиться", заявляя, что возрастаніе стоимости государственнаго имущества „въ примѣненіи къ обязательствамъ русской казны не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ кредитъ Россіи не нуждается въ спеціальныхъ обезпеченіяхъ". Ну, конечно! А подробный разсчетецъ съ перечнемъ этихъ спеціальныхъ обезпеченій всетаки оставленъ — на всякій случай!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Еще о демонстраціяхъ въ Екатеринославѣ.

„15 декабря въ 5 час. толпа на проспектѣ достигла 5000 чел. Въ 5 час. 20 мин., въ тотъ моментъ, когда хлынулъ дождь, толпа душъ въ 300-400, преимущественно ремесленниковъ, съ криками: „Да здравствуетъ политическая свобода!" быстро двинулась по бульвару. Было поднято красное знамя съ надписями. Пѣхота въ это время была далеко. Говорятъ, что съ балконовъ и тротуаровъ слышались апплодисменты въ отвѣтъ на крики: „Да здравствуетъ политическая свобода! Долой самодержавіе!"

За главной массой манифестантовъ бѣжали кругомъ городовые. Хватали кой-кого, но толпа отбивала, она же отбросила и избила городовыхъ, заграждавшихъ ей путь. Вообще, полиціи досталось, защищалась она трусливо и не разъ бѣжала. Вдругъ налетѣла сотня казаковъ, и началось избіеніе. Демонстрантовъ старались не разогнать, а избить. Казаки въѣзжали на бульваръ, набрасывались на отдѣльныя группы и личностей и избивали плетьми и даже обнаженными шашками. Толпа дѣйствовала стойко, защищалась палками и камнями, разобрала мостовую: говорятъ, одинъ студентъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ казака, ударившаго его жену. Среди отбитыхъ толпой арестованныхъ оказалось много раненыхъ. Вся битва длилась 15-20 мин. Манифестанты кинулись въ перпендикулярныя къ проспекту улицы, и тамъ ихъ настигали и избивали казаки. Казаки били и топтали даже публику, дожидавшуюся пересадки на трамвай.

Система ареста практиковалась такая: выхватятъ изъ толпы, изобьютъ и безъ чувствъ бросаютъ въ фуру и увозятъ. Подъ конецъ самъ губернаторъ на лошади, окруженный штабомъ, распоряжался избіеніемъ. При появленіи на проспектѣ онъ былъ освистанъ.

Часамъ къ шести манифестанты были разсѣяны. По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, арестовано 68 чел., изъ нихъ 30 рабочихъ и 18 студентовъ. 16-го съ утра казаки скакали по бульварамъ, не позволяя останавливаться даже двумъ человѣкамъ. Къ 4 часамъ толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ гуляла по бульвару и въ Яковлевскомъ скверѣ, но не могла соединиться. Всюду, даже въ церкви противъ сквера, были спрятаны казаки и солдаты. Тогда въ толпѣ стали передавать шопотомъ: „на Чечелевку!" (рабочій кварталъ). Въ то время, какъ въ субботу демонстранты состояли, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, въ воскресенье пришли и заводскіе, но преобладали все же ремесленники.

Полиція, очевидно, не сообразила, куда удаляется толпа. На первой Чечелевкѣ сошлось душъ 150-200 раб., изъ всѣхъ дворовъ повысыпали обыватели, раздавались возгласы: „идемъ на рабочую демонстрацію!" И демонстрація состоялась: пѣли революціонныя пѣсни, раздавались революціонные возгласы, было два знамени. Рабочіе прошлись по улицамъ и разошлись съ криками: „До 1-го мая!" и т. п.

Казаки пріѣхали, когда все уже кончилось, и могли побить только постороннюю публику,

Возбужденіе, повидимому, сильное. Въ научномъ обществѣ, открытомъ въ домѣ губернатора и подъ его предсѣдательствомъ, въ субботу вечеромъ собраніе было сорвано большинствомъ. Заявляли, что послѣ того, что сейчасъ было на улицѣ, нельзя спокойно засѣдать, выбирать членовъ. Изъ 80 членовъ только 15 высказалось противъ закрытія засѣданія.

Арестуютъ гимназистовъ, подростковъ, такъ что возмущеніе проникаетъ всюду.

Всѣ арестованные сильно избиты, есть тяжело раненные. Одному студенту просѣкли шашкой шапку, и рана на головѣ въ $^1/_4$ д. длины, другому тоже повредили надкостницу".

Изъ Нижняго-Новгорода. Нашъ Нижній началъ подавать нѣкоторые признаки жизни приблизительно съ весны 1901 года. До этого времени гдѣ-то, въ нѣдрахъ его копошились люди, велась пропаганда среди рабочихъ, но все это настолько слабо, что результатовъ, видимыхъ простымъ глазомъ, не замѣчалось. Весной понаѣхало много молодежи, высланной изъ различныхъ университетовъ, и жизнь „общества" какъ-будто немного оживилась. Въ апрѣлѣ проектировалось даже этой молодежью устроить демонстрацію съ девизомъ: „За отмѣну временныхъ правилъ", но мѣстная либеральная интеллигенція клятвеннымъ обѣщаніемъ ходатайствовать передъ правительствомъ петиціей за отмѣну временныхъ правилъ убѣдила молодежь отказаться отъ своего намѣренія. Какъ уже сообщалось въ № 4 „Искры", вопросъ о демонстраціи обсуждался публично въ клубѣ съ разрѣшенія губернатора. Разрѣшеніе это было весьма ловкимъ пріемомъ. Всѣ благонамѣренные люди чуть не со слезами на глазахъ убѣждали не устраивать демонстраціи. „Подождите, не портите и не мѣшайте правительству, оно само идетъ къ кореннымъ реформамъ. Вотъ оно уже разрѣшило намъ собраться и обсуждать такой „нелегальный" вопросъ, какъ демонстрація, — это громадная побѣда, теперь, значитъ, мы всегда можемъ публично обсуждать всѣ подобные вопросы". Большинство пошло на эту приманку, было на собраніи весьма умѣренно, и большая часть высказалась противъ демонстраціи, когда „столпы общества", въ родѣ предсѣдателей уѣздной и губернской земскихъ управъ, управляющихъ казенной палатой и проч., обѣщали составить петицію объ отмѣнѣ временныхъ правилъ. Однако, не смотря на публичное заявленіе о рѣшеніи послать петицію, „либеральная" интеллигенція такъ и не исполнила его, — чего и должно было ожидать. Петиція гдѣ-то застряла, и врядъ-ли на ней собралось какихъ-нибудь 20 подписей. Молодежь только лишній разъ убѣдилась, что невозможно ждать чего-нибудь путнаго въ смыслѣ активнаго проявленія своего сочувствія отъ нашихъ либеральныхъ болтуновъ, любящихъ отдѣлываться только словами и платоническимъ сочувствіемъ. Съ какимъ жаромъ говорили они противъ демонстраціи 8-го апрѣля и съ какой великолѣпной осторожностью критиковали каждое слово составляемой петиціи, „чтобы излишней рѣзкостью не повредить дѣлу". Мы знаемъ, откуда исходитъ боязнь этой излишней рѣзкости.

До ноября нашъ городъ, видимо, отдыхалъ отъ своей весенней „дѣятельности" и не проявлялъ особыхъ признаковъ жизни. 7-го ноября изъ Нижняго уѣзжалъ въ Крымъ М. Горькій, и его отъѣздъ взбаламутилъ наше мирное болотище, и, видимо уже на долго. Мѣстная либеральная интеллигенція, присяжные повѣренные, доктора и проч., рѣшили устроить Горькому прощальный обѣдъ и поднести ему адресъ. Молодежь, съ своей стороны, тоже рѣшила участвовать въ этомъ „банкетѣ“ и воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы разъ навсегда указать этой буржуазной интеллигенціи, что между ней (буржуазной интеллигенціей) и людьми, хоть сколько нибудь желающими активно проявить свой протестъ противъ существующаго строя — нѣтъ ничего общаго. На „банкетѣ“ присутствовало человѣкъ 150. Адресъ интеллигенціи, написанный на изящномъ свиткѣ, въ пышныхъ и туманныхъ фразахъ восхвалялъ Горькаго, воспѣвшаго „безумство храбрыхъ.“ Отъ молодежи былъ прочитанъ адресъ слѣдующаго содержанія:

„Дорогой Алексѣй Максимовичъ! Я буду говорить отъ лица моихъ товарищей, — высланныхъ студентовъ и курсистокъ и нѣкоторой части мѣстной интеллигенціи. Не имѣя времени, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, вылить свои чувства въ красиво отдѣланную форму, мы выскажемся, можетъ быть, не особенно краснорѣчиво, но за то не скрывая своихъ мыслей, которыя мы привыкли соединять съ Вашей личностью и настроеніемъ, проникающимъ всѣ Ваши произведенія.

„Вынужденное разставаніе съ Вами побуждаетъ насъ начать выраженіе своего сочувствія къ Вамъ — идейному борцу за свободу личности — съ выраженія своего крайняго негодованія. Мы возмущены совершеннымъ и совершаемымъ надъ Вами насиліемъ и считаемъ его проявленіемъ тѣхъ безобразныхъ условій русской жизни, которыя давятъ всякаго честно мыслящаго и чувствующаго человѣка, и такъ нуждаются въ освѣжающей бурѣ.

„Историческія условія и недавніе свѣжіе факты рѣзко и опредѣленно выставили задачей нашего времени: — борьбу за свободу; и мы, высоко ставя Вашъ огромный художественный талантъ, больше всего цѣнимъ Васъ за идеи, красной нитью проходящія черезъ всѣ Ваши произведенія: мощное прославленіе свободной, смѣлой личности, отрицающей всѣ условности, стѣсняющія ея развитіе, могучій призывъ къ открытой и смѣлой борьбѣ за свободу. Но и это прославленіе и этотъ призывъ привлекаютъ насъ не столько красотой формы, сколько ясностью и опредѣленностью, которыя не допускаютъ никакихъ колебаній и которыя кажутся намъ такъ необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человѣческая личность все болѣе и болѣе подавляется растущей наглостью темныхъ силъ, когда реакція все усиливается, когда открытая борьба и смѣлость становятся необходимыми. Да! въ наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповѣдывать „благоразуміе и постепенность“, непослѣдовательно отзываться на Вашъ призывъ „къ свободѣ и къ свѣту“ и оставаться въ бездѣйствіи тогда, когда сажаютъ по тюрьмамъ всѣхъ, кто не мирится съ гнетомъ и протестуетъ противъ тьмы. Мы благодарны Вамъ за Вашу пѣснь „безумству храбрыхъ“, такъ какъ въ ней мы черпаемъ силы, въ ней мы видимъ оружіе противъ тѣхъ, кто называетъ смѣлость безумной.

„Дорогой Ал. Макс.! Наступаетъ новая эпоха въ русской жизни: — смѣлость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаемъ Васъ самымъ яркимъ ея представителемъ, самымъ талантливымъ ея провозвѣстникомъ. Мы не забудемъ, что Вы дали лозунгъ, который помогъ и поможетъ намъ бороться съ нашими врагами и разобраться въ нашихъ друзьяхъ“.

Предполагалось, что послѣ прочтенія возникнутъ споры, что либералы не согласятся съ адресомъ, но, — къ величайшему удивленію, — они были „со всѣмъ согласны“. Горькій, съ своей стороны, высказалъ свое отношеніе къ либеральной интеллигенціи, а отчасти и къ радикальной молодежи, прочтя свое произведеніе: „О писателѣ, который зазнался“, гдѣ клеймилъ холопство, трусость, полнѣйшее отсутствіе активности, господствующее въ современномъ обществѣ.

На этомъ же „банкетѣ“ молодежью было рѣшено устроить по поводу отъѣзда Горькаго демонстрацію (о ней см. корресп. въ № 13 „Искры“). Демонстрація произвела довольно сильное впечатлѣніе. О ней долго говорили въ разныхъ слояхъ общества, и сказанная однимъ изъ участниковъ рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на толпу слушателей, состоявшую изъ извощиковъ приказчиковъ, мастеровыхъ.

Беспорядки въ среднетехническомъ училищѣ изъ-за введенія новыхъ правилъ окончились исключеніемъ трехъ человѣкъ безъ права поступленія. По поводу исторіи въ техническомъ училищѣ было выпущено „Открытое письмо къ обществу“, приглашавшее общество отозваться на событія.

Дворянство въ роли шпіона. Г. Попечитель Харьковскаго учебнаго округа въ своихъ „Циркулярахъ“ (№ 7 за 1901 г.) любезно опубликовалъ во всеобщее свѣдѣніе любопытный документъ, недурно характеризующій отношеніе самодержавнаго чиновничества къ „первенствующему сословію“ страны — благородному россійскому дворянству. Документъ этотъ — циркуляръ Министра Вн. Д. г. Сипягина отъ 30 апр. 1901 г. за № 5, конфиденціально разосланный всѣмъ губернаторамъ. Циркуляръ касается недавно вышедшихъ новыхъ правилъ о чтеніяхъ для народа. Какъ извѣстно, царское правительство, заботливо оберегая всѣхъ вообще вѣрноподданныхъ отъ всякаго рода „вредныхъ ученій“ и „самопроизвольныхъ толкованій“, особливо блюдетъ чистоту помысловъ такъ называемаго „простонародья“, всячески изощряясь сохранить въ „простолюдинахъ“ холопскую преданность Царю и слѣпую покорность вьючнаго животнаго тяжелой, безпросвѣтной трудовой долѣ. Народныя чтенія, обставленныя массою формальностей и тройной цензурой, мало имѣютъ значенія для полуграмотныхъ и даже для безграмотныхъ слоевъ рабочаго класса и крестьянства и зачастую не удовлетворяютъ стремленіямъ внести знаніе и свѣтъ въ народную среду со стороны лучшихъ представителей буржуазнаго общества. Считаясь съ недовольствомъ послѣднихъ и правильно разсчитавъ, что излишнія препоны могутъ оттолкнуть либераловъ отъ невинныхъ просвѣтительныхъ упражненій и, чего добраго, часть силъ и средствъ отвлечь къ просвѣтительному движенію, несчитающемуся съ правительственною указкой, т. е. къ революціонному движенію, — Комитетъ министровъ выработалъ новыя правила, которыя нѣсколько облегчаютъ какъ открытіе, такъ и самое веденіе народныхъ чтеній.

Бросивъ подачку мирнымъ культуртрегерамъ, гг. министры однако спохватились, какъ бы чего не вышло. И вотъ Сипягинъ, надѣвъ привычные доспѣхи умудреннаго житейскимъ опытомъ государственнаго мужа, обращается къ губернаторамъ, какъ къ „главнымъ отвѣтственнымъ блюстителямъ общественнаго порядка и спокойствія въ губерніи“, съ предложеніемъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы къ народнымъ чтеніямъ не были бы допущены „люди неблагонамѣренные“, которые могли бы способствовать „обращенію чтеній въ орудіе противоправительственной пропаганды.“ Прежде чѣмъ допустить какое-либо лицо къ участію въ чтеніяхъ, Сипягинъ предлагаетъ губернаторамъ наводить о немъ справки, „независимо данныхъ, имѣющихся у жандармскихъ управленій и у полиціи,“ также и „отъ предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ въ уѣздахъ землевладѣльцевъ“. Этого, однако, мало. Мало получить о личности чтеца, о его образѣ мыслей авторитетный отзывъ отъ излюбленныхъ людей благороднаго дворянства. Г. Сипягинъ изобрѣлъ отличный способъ слѣдить и за веденіемъ самыхъ чтеній. Способъ этотъ по своей дешевизнѣ и практичности, по глубокому знакомству съ бытовыми условіями провинціи изобличаетъ въ г. Сипягинѣ недюжинный умъ и заслуживаетъ поощренія покрайней мѣрѣ въ формѣ высочайшаго рескрипта. Плохо надѣясь на способности становыхъ приставовъ, жандармовъ, урядниковъ и шпіоновъ, умственное убожество которыхъ можетъ сравниться только съ низостью ихъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, г. Сипягинъ придумалъ образовать нѣчто въ родѣ добровольныхъ шпіонскихъ кадровъ изъ представителей россійскаго дворянства — дворянско-шпіонское ополченіе.

Губернаторамъ предлагается приглашать все тѣхъ же „предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцевъ“ „присутствовать на чтеніяхъ и доводить до свѣдѣнія губернаторовъ о необходимости принятія тѣхъ или другихъ мѣръ для обезпеченія“... государственнаго спокойствія. Знаемъ мы это „принятіе мѣръ“!

Но понимаетъ ли это благородное дворянство? Понимаетъ ли оно, „служилое сословіе“, на какой подвигъ призываетъ его „исполнитель высочайшей воли“ Николая II-го?

О земскихъ начальникахъ нечего говорить. Промотавшіеся офицеры и дворянскіе недоросли сдѣлаютъ все, что прикажетъ начальство, и съ такимъ же легкимъ сердцемъ станутъ „принимать мѣры“ „нравственнаго оздоровленія“ мужиковъ путемъ выслѣживанія „злонамѣренныхъ“ лицъ изъ среды народныхъ учителей и прочей сельской интеллигенціи, съ какимъ въ настоящее время примѣняютъ на тѣлѣ того же мужика позорящее, но не вызывающее краски стыда на лицахъ ихъ, гнусное наказаніе. О Они будутъ „принимать мѣры“, лишь бы платили имъ жалованье!

Но что сказать о „предводителяхъ дворянства и пользующихся авторитетнымъ положеніемъ землевладѣльцахъ?“ На сколько совмѣстима съ ихъ пресловутою дворянскою честью „служба“ въ рядахъ шпіоновъ?

Или отдавъ дворянамъ Сибирь, г. Сипягинъ окончательно полонилъ сердца признательнаго первенствующаго сословія и нѣтъ такой „службы“, нѣтъ такой гадости, на которую отнынѣ съ готовностью не пойдетъ „не щадя живота“ вѣрное россійское дворянство?

Будемъ ждать, какой отвѣтъ на эти вопросы дадутъ предстоящія въ январѣ 1902 г. очередныя дворянскія собранія: учредятъ ли они „въ память оказательства новаго довѣрія возлюбленнаго монарха“ дворянскіе пансіоны для спеціальнаго подготовленія своихъ сыновей къ отвѣтственной „службѣ“ въ шпіонахъ (по типу курсовъ для городовыхъ генерала Клейгельса), или, вспомнивъ не о дворянской, а объ гражданской чести, вспомнивъ свѣтлые образы дворянъ-декабристовъ, Волконскихъ и Трубецкихъ, дадутъ достойный отпоръ зазнавшемуся холопу царственнаго недоумка!

Замятое дѣло о шайкѣ воровъ, состоявшей изъ поповъ и полиціи.

Проѣздомъ черезъ Орелъ я слышалъ отъ людей глубоко религіозныхъ и узко-консервативныхъ, что въ этомъ городѣ въ началѣ 1901 года обнаружена шайка воровъ и разбойниковъ, въ которой участвовали представители духовенства и полиціи. Первымъ дѣломъ ея было убійство богатой ростовщицы въ Орлѣ и разграбленіе ея денегъ и имущества. Самые „тщательные“ розыски виновныхъ ничего не обнаружили, кромѣ клока бороды въ рукахъ убитой. Далѣе послѣдовалъ рядъ дерзкихъ кражъ въ магазинахъ преимущественно мануфактурныхъ. Не смотря на дерзость этихъ кражъ, полиція ничего „не могла“ обнаружить. Наконецъ шайка перенесла свою дѣятельность и за границы города Орла, предпринявъ убійство недалеко отъ села Малоархангельска богатыхъ владѣльцевъ хутора, — мужа и жены. Шайка не была бы обнаружена, еслибы члены ея не обдѣлили въ дѣлежѣ добычи возлюбленную одного изъ участниковъ ея. Обиженная дама, пылая жаждой мести, отправилась къ прокурору, минуя полицію, и разсказала ему все, что знала. Прокуроръ пришелъ въ ужасъ, когда женщина стала называть самыхъ видныхъ представителей духовенства и полиціи вплоть до полиціймейстера включительно, заметавшаго слѣды. Ближе всѣхъ къ дѣлу стояли: священникъ о. Мих. Козьмодемьянскій, занимавшій мѣсто губернскаго наблюдателя за церковноприходскими школами Орловской губерніи съ окладомъ жалованья въ 3000 р. въ годъ, и приставъ первой части гор. Орла Филиппъ Цвѣтаевъ. При обыскѣ у о. Козмодемьянскаго нашли массу краденныхъ вещей. Слѣдствіе выяснило, что его жена, вскорѣ послѣ убійства ростовщицы, ѣздила въ г. Харьковъ мѣнять банковскіе билеты, одинъ изъ которыхъ былъ окровавленъ. Далѣе шустрая матушка ходила къ своимъ многочисленнымъ знакомымъ (жена ректора дух. семинаріи, матушка казначея женскаго монастыря и мн. друг.) и неоднократно предлагала имъ купить принесенную ею матерію, говоря, что ей съ одной изъ Московскихъ фабрикъ прислали бракъ, который очень дешево продается. Незадолго до обыска о. Козьмодемьянскій купилъ себѣ домъ за 60 тыс. руб., хотя все время жилъ на широкую ногу. Шайка имѣла связи съ московскими ворами, черезъ которыхъ сбывала краденое.

Мѣстная газета „Орловскій Вѣстникъ“ пыталась было огласить фактъ, но ей это было запрещено.

Въ самый разгаръ слѣдствія къ прокурору пріѣхалъ мѣстный архіерей и просилъ замять дѣло, но получилъ отказъ. Говорятъ, что о. Козмодемьянскій выдалъ вексель на имя сына архіерея на 25 тыс. руб. Дѣло все-таки было замято по приказанію свыше, такъ какъ уже очень оно было скандально и марало ужъ очень многихъ видныхъ представителей администраціи и духовенства. Чтобы успокоить взволнованное скандаломъ общество, жену Козьмодемьянскаго судили за „покупку“ краденаго и присудили къ штрафу, да Козьмодемьянскаго перевели въ Ставрополь.

Къ вопросу о легальныхъ обществахъ. Намъ доставлено слѣдующее письмо въ редакцію:

„М. Г. Г-нъ редакторъ! Позвольте на столбцахъ Вашей уважаемой газеты высказать нѣсколько мыслей по поводу помѣщенной въ № 10 статьи: „Еще о политическомъ развратѣ нашихъ дней“.

„Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вспомогательныя кассы и потребилки находятъ поддержку въ г. Зубатовѣ только потому, что онъ видитъ въ нихъ прекрасное средство, борьбы съ наростающимъ революціоннымъ настроеніемъ

БОРЬБА СЪ КРАМОЛОЙ И „СЕРДЕЧНОЕ ПОПЕЧЕНІЕ“ О РАБОЧИХЪ.*)

Надо отдать честь нашему правительству — оно напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы противодѣйствовать росту революціоннаго настроенія въ русскомъ обществѣ. Бьетъ оно съ двухъ концовъ; съ одного оно, по возможности, затыкаетъ всѣ щели, черезъ которыя могутъ проникать въ болѣе или менѣе широкіе общественные слои оппозиціонныя идеи или возбуждающіе смуту факты, съ другой, ведетъ нужную ему пропаганду и словомъ и дѣйствіемъ.

Цензурныя стѣсненія то и дѣло сыплятся на нашу печать; особымъ цензурнымъ вѣдомствомъ становится даже Деп. полиціи, а цензурныхъ каръ не избѣгаютъ даже такія бульварныя газеты, какъ „Петерб. листокъ“, такіе продажные органы, какъ „Новое Время“, такія сомнительныя изданія, какъ „Русское Слово“, „Россія“. Культурныя общества прикрываются одно за другимъ. Не такъ давно умерло „Московское общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій“; позже умерло такое же общество въ Ростовѣ-на-Дону; еще раньше погибло общество по доставленію чтенія больнымъ и бѣднымъ въ СПБ. А тѣмъ обществамъ и учрежденіямъ, которыя еще влачатъ свое жалкое существованіе, строго запрещается излишнее усердіе въ культурной работѣ. Попробовало, напр., Иваново-Вознесенское общество трезвости „ходатайствовать“ о разрѣшеніи ему торговли всѣми книгами, разрѣшенными цензурой, и „удовлетворенія не получило“. Попробовало Московское педагогическое общество просить о разрѣшеніи устроить съѣздъ дѣятелей по народному образованію въ память Ушинскаго, и тоже „осталось безъ удовлетворенія“. Попробовало Новгородское земство просить о внесеніи въ число книгъ, разрѣшенныхъ для народныхъ читаленъ, нѣсколькихъ книжекъ, и изъ его списка, въ которомъ числились Мельшинъ, Некрасовъ и кое-что изъ Глѣба Успенскаго, ему милостиво разрѣшили всего лишь двѣ книжицы. Запѣло наше правительство о реформѣ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, сдѣлало видъ, что оно „готово принять къ свѣдѣнію“ голосъ общества по этой части, и въ лицѣ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ особымъ циркуляромъ по адресу губернаторовъ. . запретило допускать въ городскихъ думахъ разговоры о реформѣ средней школы.

Искореняя „вредныя идеи“, правительство ищетъ и видитъ ихъ повсюду; поэтому, ничуть не удивительно, если оно увидѣло возможность распространенія этихъ идей даже въ подобныхъ думскихъ разговорахъ. Наше чахлое самоуправленіе — вообще для правительства бѣльмо на глазу. Въ немъ чудятся гг. министрамъ вѣчный источникъ крамолы, и вотъ они неустанно обрѣзываютъ и безъ того короткія крылья нашему земству, нашимъ городскимъ думамъ и управамъ. Въ каждые земскіе выборы правительство цѣлыми десятками не утверждаетъ избранныхъ предсѣдателей земскихъ управъ и ставитъ своихъ казенныхъ, въ родѣ гг. Родзянко, которые успѣшно проводятъ въ безгласныхъ земствахъ правительственные интересы. Все самоуправленіе — и земское и городское — рѣшительно хотятъ превратить въ простой придатокъ къ Мин. Внут. Дѣлъ, въ чиновничье учрежденіе. Земство стоитъ на полдорогѣ къ этому идеалу, а по отношенію къ городу уже практикуется первый рѣшительный шагъ: недавніе номера газетъ принесли намъ извѣстіе, что петербургскую городскую управу хотятъ обратить въ „особое по городскимъ дѣламъ присутствіе“ съ „казеннымъ“ городскимъ головой и тремя „гласными“ по назначенію отъ правительства, и отдать это столичное „самоуправленіе“ подъ непосредственное вѣдѣніе Мин. Вн. Дѣлъ. За столицей той же судьбѣ подвергнутся, конечно, и прочіе россійскіе города. Хвала и честь усердію правительства! Наше городское самоуправленіе слишкомъ мало или даже ничего не даетъ ни неимущимъ вообще, ни рабочимъ въ частности: оно служило и служитъ буржуазіи по преимуществу, и не намъ, конечно, особенно печаловаться по поводу урѣзыванія его правъ. Нѣтъ, мы даже рады этому! Быть можетъ, хоть послѣ этой пощечины толстокожая русская буржуазія почувствуетъ тиски самодержавія!

Боясь смуты и отъ газетъ и отъ культурныхъ обществъ, и отъ земствъ и отъ городскихъ думъ, правительство вездѣ усматриваетъ эту смуту прежде всего въ головахъ интеллигенціи, и больше всего интеллигенціи разночинской, не титулованной, не патентованной учеными патентами; вотъ почему въ сферѣ легальной жизни нашего общества — правительство такъ усердно слѣдитъ прежде всего за печатью, дѣятелемъ которой является разночинецъ, и за работой всякаго рода частныхъ, не оффиціальныхъ культурныхъ учрежденій. Вотъ почему также оно ставитъ всевозможныя препятствія разночинской интеллигенціи въ ея общеніи съ народными массами. Извѣстный циркуляръ Мин. Внут. Дѣлъ по продовольственной кампаніи нынѣшняго года какъ нельзя болѣе проявляетъ боязнь нашего правительства передъ „смутой“, которую способна внести въ народныя массы эта интеллигенція „Къ сожалѣнію — жалуется г. министръ — ...начиная съ недорода (!!!) 1891-1892 гг. . иные благотворители, на ряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей, стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ... При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда... болѣзни и разстройство хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные въ политическомъ отношеніи лица для преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему“ На этомъ основаніи г. министръ предписывалъ слѣдить за частной, не правительственной помощью, а дѣло продовольствія отдаетъ въ руки истинныхъ отцовъ и благодѣтелей крестьянъ — земскихъ начальниковъ.

Такъ правительство затыкаетъ щели, сквозь которыя могутъ проникнуть въ общество оппозиціонныя идеи. Оно дѣлаетъ это властно, не считаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своихъ аппетитовъ. А почему? Потому что оно не надѣется встрѣтить сопротивленія. Что такое для него русскій интеллигентъ-разночинецъ, что такое русскій земецъ, русскій городской „общественный дѣятель“? Для него это существа, неспособныя противостоять насилію, а надъ такими существами оно можетъ свободно производить свои операціи. Не такъ ведетъ себя правительство съ тѣми общественными элементами, которые способны къ активному сопротивленію, къ активному созданію — выражаемся словами г. Мин. Вн. Дѣлъ „немаловажныхъ затрудненій интересамъ порядка и управленія“. И ихъ оно бьетъ, и ихъ оно давитъ, но оно не можетъ задавить, забить ихъ и принуждено поэтому успокаивать ихъ, заигрывать съ ними, бросать имъ подачки и даже обращаться къ нимъ съ правительственной пропагандой. На что небольшая сила наше радикальное студенчество, но оно усилѣло-таки за послѣдніе годы доставить правительству не мало непріятностей, и вотъ правительство очень озабочено умиротвореніемъ умовъ въ средѣ этого непокорнаго общественнаго элемента; оно рекомендуетъ „сердечное попеченіе“ объ учащейся молодежи, оно великодушно обѣщаетъ реформу университетскаго строя, оно разрѣшаетъ устройство „самообразовательныхъ кружковъ“; оно заботится даже о жилищахъ студентовъ, открывая общежитія, даже о питаніи ихъ, отпуская деньги на студенческія столовыя (въ Кіевѣ 20 тысячъ). На почвѣ этихъ подачекъ и обѣщаній оно надѣется посѣять расколъ въ рядахъ студенчества: оно знаетъ, что наиболѣе робкая и наименѣе требовательная часть учащейся молодежи будетъ способна помириться на маломъ и составить оплотъ противъ смуты.

Еще больше и еще болѣе серьезныхъ опасеній внушаетъ правительству рабочій классъ. Проявившееся въ немъ революціонное настроеніе заставляетъ правительство и здѣсь выступать съ политикой „сердечнаго попеченія“. Бросая рабочимъ различныя мелкія подачки въ родѣ заботъ г. Витте о здоровьи желѣзнорожныхъ чернорабочихъ, эксплуатируемыхъ будто бы только подрядчиками, и желѣзнодорожныхъ „служащихъ“, пострадавшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, оно рядомъ съ этимъ систематически „сердечно печется“ о разумномъ проведеніи русскимъ рабочимъ часовъ досуга, о поднятіи умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго уровня рабочихъ при помощи кассъ взаимопомощи, потребилокъ, артелей, „рабочихъ клубовъ“ и... попечительствъ о народной трезвости. .

Среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальныхъ „клубовъ“ пользуется, повидимому, нѣкоторымъ престижемъ. Если порыться въ газетахъ за послѣдніе мѣсяцы, то можно наткнуться на цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ фактовъ. Въ Перми организуется совѣщаніе служащихъ п. ж. д. по устройству семейныхъ вечеровъ для служащихъ и рабочихъ этой дороги, а потомъ устраиваются и самые „семейные вечера“. Въ той же Перми проектируется общество взаимопомощи рабочихъ механическаго производства и уже выработанъ и опубликованъ проектъ его устава. Въ Петербургѣ „среди подмастерьевъ трубочистнаго цеха“ возникла мысль учредить „общество взаимнаго вспоможенія на случай неспособности къ труду и инвалидности“. Въ Николаевѣ возникаетъ „единственный на югѣ Россіи“ „рабочій клубъ“. Въ Минскѣ происходятъ собранія еврейскихъ рабочихъ-столяровъ, на которыхъ дебатируются вопросы ихъ экономическаго быта; было уже 5 собраній, и на первомъ изъ нихъ избрана коммиссія для составленія устава „клуба“. Въ томъ же Минскѣ образовалась кооперативная артель подмастерьевъ портняжнаго цеха; тамъ же существуетъ артель и касса взаимопомощи подмастерьевъ-щетинниковъ. Въ Одессѣ возникаетъ артель среди рабочихъ каменноломенъ, причемъ проектируется пріобрѣтеніе собственной каменоломни. Въ Москвѣ среди членовъ кассы типографщиковъ „возникла мысль устроить кружокъ или клубъ съ кабинетомъ для чтенія“. Въ Москвѣ же получилъ утвержденіе уставъ потребительнаго общ. механическаго произмассъ. Если бы Зубатовъ думалъ иначе, то, конечно, онъ имъ бы не покровительствовалъ или не б. бы тѣмъ „умнымъ" Зубатовымъ, о высокихъ специальныхъ дарованіяхъ котораго мы такъ часто слышимъ. Понятно также и то, что „мирные штопатели дырявыхъ штановъ" мало пригодны для революціоннаго политическаго движенія. Намокшія, прѣлыя и гнилыя дрова для костра не годятся. Это ясно.

---

*) Запоздало по недостатку мѣста. Ред.

„Но слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что революціонная партія (въ лицѣ своихъ членовъ) должна была бы относиться рѣзко отрицательно къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ? Намъ этого не кажется.

„Идти рука объ руку съ Охраннымъ отдѣленіемъ революціонеры не могутъ, но надо подумать и рѣшить вопросъ о томъ, не будетъ-ли такое рѣзко отрицательное отношеніе къ вспомогательнымъ кассамъ и потребилкамъ, — именно то отношеніе, которое для Зубатова самое пріятное и выгодное? Не даетъ-ли такое отношеніе г. Зубатову возможность увѣрять темную массу рабочихъ въ томъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго расширенія правъ рабочихъ, противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ матеріальнаго положенія! И темная масса рабочихъ можетъ ему повѣрить по той простой причинѣ, что она темна. Выгодно-ли для революціонной партіи давать г. Зубатову возможность лишній разъ проявить свои спеціальныя дарованія?

„Политика г. Зубатова тонка, не споримъ, но часто бываетъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Кромѣ того, всѣ его измышленія, хотя и остроумны, но, къ счастью, обоюдоостры, — надо лишь съумѣть найти и воспользоваться этой обратной стороной.

„Въ данномъ случаѣ намъ кажется, что разумная политика обязываетъ революціонеровъ не только не отрекаться передъ „мирными штопателями дырявыхъ штановъ" отъ вспомогательныхъ кассъ и потребилокъ, а напротивъ того, — обязываетъ ихъ объяснить этимъ легальнымъ труженникамъ, что получили они эти пріюты любезной имъ работы лишь вслѣдствіе революціонной агитаціи революціонеровъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ: зная, что никакая „самодѣятельность" при нынѣшнемъ политическомъ строѣ, на практикѣ невозможна, мы убѣждены въ томъ, что дѣло съ „вспомогательными кассами и потребилками" можетъ идти гладко лишь до тѣхъ поръ, пока обо всемъ этомъ только разговоры разговариваютъ. Съ того же момента, когда „самодѣятельность" начнетъ проявляться не на однихъ словахъ, а захочетъ проявиться и въ дѣлахъ, то силой обстоятельствъ должны появиться такіе вопросы и такія положенія, при которыхъ станетъ яснымъ даже и для „мирныхъ штопателей дырявыхъ штановъ", что дѣлать имъ, подъ правительственной опекой, — нечего. Да и въ самомъ дѣлѣ: не вѣчно же они будутъ свои дырявые штаны только штопать! Настанетъ время, когда штаны эти будутъ заштопаны, и „мирные труженники" захотятъ ихъ надѣть. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что такое превращеніе „мальчика безъ штановъ" въ „мальчика въ штанахъ" никакого сочувствія въ г. Зубатовѣ не встрѣтитъ и произведетъ разрывъ между друзьями.

„Безусловное отрицаніе кассъ и потребилокъ выгодно для Зубатова, а потому дѣлать этого не слѣдуетъ. Разумная, боевая тактика требуетъ сбереженія силъ, а потому она велитъ пользоваться всякимъ учрежденіемъ противника, какъ будто сами революціонеры вызвали его къ бытію, и направить это новое орудіе врага противъ него-же.

„Г. Зубатову хочется изъ кассъ и потребилокъ сдѣлать „усыпальницы", куда онъ предполагаетъ загнать и окончательно усыпить въ нихъ тѣхъ рабочихъ, которые выказываютъ поползновеніе проснуться.

„Г. Зубатовъ изъ кассъ и потребилокъ предполагаетъ сдѣлать „гробы", въ которыхъ думаетъ похоронить то революціонное броженіе, которое существуетъ среди рабочихъ.

„Надо внести въ эти „гробы" жизнь. Надо заставить ихъ, подъ напоромъ жизненныхъ, практическихъ вопросовъ и дѣлъ, разлетѣться въ пухъ и прахъ, и если бы это удалось сдѣлать, то несомнѣнно, что „умный" г. Зубатовъ остался бы въ дуракахъ.

Доброжелатель".

Авторъ письма ошибается, думая, что мы относимся съ „безусловнымъ отрицаніемъ" къ кассамъ и потребилкамъ вообще. Это не такъ. Во всѣхъ нашихъ статьяхъ по данному вопросу рѣзкость отрицанія была обусловлена именно тѣмъ, что Зубатовъ уже внесъ ядъ политическаго разврата въ опредѣленныя легальныя общества въ Москвѣ. Это съ одной стороны. А съ другой стороны, и „буржуазная наука" уже внесла ядъ своихъ примирительныхъ, „гармоническихъ" ученій въ легальныя лекціи. „Безусловность" нашего отрицанія относилась къ этому двоякому яду и только къ нему (въ томъ числѣ, разумѣется, и къ ошибкамъ тѣхъ „новѣйшихъ соціалистовъ", которые активно проповѣдуютъ свое: „вѣрую въ мощь вспомогательныхъ кассъ"). Зубатовскія общества не только гробы для будущихъ мертвецовъ, а также и ловушки для живыхъ людей. И мы обязаны предостерегать рабочихъ, чтобы они не попадали въ ловушки.

Если Зубатовъ скажетъ рабочимъ, что революціонеры противъ всякаго фактическаго улучшенія ихъ быта, — то мы будемъ опровергать Зубатова. Мы скажемъ (и говоримъ уже) рабочимъ, что мы вовсе не противъ кассъ и потребилокъ вообще (см. брошюру о потребительныхъ обществахъ, изданную въ Женевѣ), а только противъ всякаго полицейскаго вліянія на кассы или посредствомъ кассъ, противъ всякаго развращенія рабочихъ.

„Надо внести въ гробы жизнь" — пишетъ авторъ. Нѣтъ, это не наше дѣло, не дѣло революціонеровъ. Наше дѣло — укладывать въ гробы враговъ пролетаріата, проповѣдывать и приготовлять такую „укладку". А оживленіемъ гробовъ пусть занимаются легальные дѣятели, мирные штопатели штановъ. И мы вовсе не отрицали безусловно пользы отъ ихъ работы. Ничуть не бывало. Мы знаемъ, что въ Россіи имѣются полезныя и честныя легальныя общества. Мы не сомнѣваемся нисколько, что если правительство дѣйствительно предоставитъ рабочимъ хоть крошечку самодѣятельности, т. е. возможности дѣйствовать самимъ, а не по указкѣ Зубатовыхъ, — то это неминуемо поведетъ къ новому столкновенію еще болѣе широкихъ рабочихъ массъ съ правительствомъ, къ „разрыву между друзьями". Умный Зубатовъ несомнѣнно въ концѣ концовъ останется въ дуракахъ. Но именно для того, чтобы приблизить этотъ „конецъ концовъ", мы и должны разоблачать Зубатова, подталкивая его тѣмъ самымъ на предоставленіе рабочимъ хоть маленькой, но настоящей самодѣятельности. Своей непримиримой борьбой съ ядовитыми ростками Зубатовской проповѣди, буржуазной науки и „экономической" близорукости мы какъ разъ и очищаемъ почву для простанія тѣхъ полезныхъ сѣмянъ, которыя удается изрѣдка бросить и въ русскую землю честнымъ „мирнымъ труженикамъ".

Съ Урала. 10 ноября 1901 г. въ Горнозаводскомъ Отдѣленіи Красноуфимскаго Промышленнаго училища при Пермскомъ реальномъ училищѣ было вывѣшено „Извлеченіе изъ новыхъ правилъ для среднихъ техническихъ училищъ".

Правила эти совершенно стѣсняли свободу горняковъ, приравнивая ихъ къ малолѣтнимъ школьникамъ.

10-го же числа вечеромъ у горняковъ состоялась сходка, на которой первымъ вопросомъ былъ: „Всѣ ли присутствующіе возмущены узостью тѣхъ рамокъ, въ которыя эти правила ставятъ всю нашу жизнь, весь нашъ общественный строй, всѣ наши благія молодыя начинанія?" Отвѣтъ, конечно, получился утвердительный, и всѣ единодушно рѣшили заявить свой протестъ противъ этихъ правилъ, какъ противъ гнуснаго насилія надъ свободой личности и поруганія человѣческаго достоинства.

Въ понедѣльникъ 12-го ноября, въ 9 час. утра, горники потребовали къ себѣ директора и заявили, что подчиняться имъ новымъ правиламъ не будутъ, а потому требуютъ ихъ отмѣны.

Какъ и слѣдовало ожидать, со стороны директора были возраженія, и изъ нихъ выяснилось, что эти правила утверждены для 8-миклассныхъ (новаго типа) техническихъ училищъ, значитъ, горняки вправѣ требовать ихъ отмѣны. Конечнымъ отвѣтомъ г. директора былъ тотъ, что онъ донесетъ объ этомъ требованіи и вообще о данномъ событіи въ округъ. Послѣ этого объясненія горняки порѣшили не посѣщать занятій впредь до благопріятнаго исхода, т. е. до оставленія стараго порядка академической жизни.

Попытка начальства оказать давленіе на родителей угрозой увольненія не имѣла успѣха. 24 ноября пріѣхалъ окружной инспекторъ, получилъ отъ учащихся протестъ за подписью всѣхъ ихъ и имѣлъ съ ними личное объясненіе.

Дружной борьбой и стойкостью горняки добились того, что вывѣшенныя правила были убраны и примѣняться къ нимъ не будутъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ окончательное рѣшеніе этого вопроса изъ высшихъ сферъ, передъ которыми взялъ на себя ходатайствовать окружной инспекторъ.

На сколько учащіеся были солидарны между собою, видно еще и изъ того, что дали другъ другу письменное обѣщаніе, скрѣпленное ихъ подписями, что если получится въ будущемъ неблагопріятный отвѣтъ, то также дружно они будутъ продолжать забастовку и добиваться окончательной отмѣны этихъ наглыхъ правилъ.

Кишиневъ. Въ началѣ декабря у насъ забастовало училище винодѣлія. Ученики этого училища направили свой протестъ, главнымъ образомъ, противъ учителя исторіи. Наше время вообще очень богато „теченіями" различнаго качества. Въ педагогической сферѣ, напр., замѣтно, такъ сказать, полицейское теченіе. Преподаватель исторіи у винодѣловъ, очевидно, одинъ изъ поборниковъ этого теченія. Учитель завелъ шпіоновъ среди учениковъ. Вотъ это-то и особенно возмущало послѣднихъ. Протестъ рѣшено было выразить въ видѣ отказа отвѣчать этому благородному наставнику. Свое рѣшеніе ученики привели въ исполненіе; за симъ, само собою разумѣется, послѣдовали „мѣры пресѣченія". Явился директоръ, ученики уволены и высланы (за исключеніемъ небольшого количества своекоштныхъ, которымъ разрѣшено остаться на жительство въ окраинахъ города).

Крамола въ Череповцѣ (Новгородской г.). На имя семинаристовъ 3-го класса было послано (пока неизвѣстно, кѣмъ) письмо (содержаніе его тоже неизвѣстно). Письмо, какъ имѣющее необыкновенный адресъ, было вручено директору семинаріи. Узнавъ отъ почтальона о принятіи директоромъ этого письма, семинаристы 3-го класса выбираютъ изъ своей среды четырехъ депутатовъ, какъ училъ ихъ дѣлать самъ директоръ, когда имъ нужно было съ нимъ говорить, и отправили къ директору просить выдачи адресованнаго на ихъ имя письма. Директоръ категорически отвѣтилъ, что такого письма нѣтъ. На слѣдующій день отправляется новая депутація уже въ сопровожденіи почтальона, приносившаго письмо. Уличенный въ обманѣ, директоръ долженъ былъ сознаться, что письмо у него есть, но все же его не отдалъ. Послѣ того, какъ директоръ уклонился отъ пріема третьей депутаціи, семинаристы 3-го класса 12 сентября утромъ принесли въ классъ книги, а сами ушли съ занятій домой. Перепуганное начальство приглашаетъ ихъ въ семинарію, разсаживаетъ по одиночкѣ и отбираетъ отъ каждаго подписку, требующую безпрекословнаго исполненія всѣхъ требованій начальства. Двое не дали такой подписки, полагая, что и остальные тоже такъ поступили, а двое другихъ подписались съ оговоркой, прочіе же всѣ исполнили требованіе. Первыхъ четырехъ исключили на слѣдующій же день, остальныхъ же лишили стипендіи за настойчивое требованіе у директора письма.

Наканунѣ „безпорядковъ", т. е. 11 сентября на Верхней ул. произошелъ пожаръ, вызвавшій полицейскій осмотръ трубъ. И вотъ въ трубѣ бани Полозова на Верхней ул. нашли запрятанную туда библіотеку семинаристовъ, въ которой было не мало нелегальныхъ книгъ, въ томъ числѣ экз. гектографированнаго журнала семинаристовъ „Слово". Эта находка послужила поводомъ для цѣлаго ряда обысковъ. Первымъ обысканъ семинаристъ Ивановъ, обвинявшійся въ завѣдываніи библіотекой. Оправдываясь отъ обвиненій, Ивановъ запуталъ многихъ семинаристовъ и даже учителей. Дальнѣйшіе обыски еще болѣе расширяли „дѣло", и теперь подъ подозрѣніемъ состоитъ, какъ слышно, 35(!!) учителей. Корреспонденція, адресуемая на имя этихъ учителей, перехватывается. Обысканы учителя Виноградовъ и Капустинъ (у послѣдняго, кажется, что-то нашли). Его обвиняютъ въ изданіи „Слова", и онъ, хотя и на свободѣ, но, вѣроятно, сильно пострадаетъ. Вотъ все, что извѣстно о нашихъ событіяхъ, но это только начало!

Кострома. Травля поднадзорныхъ. Если наша полиція и жандармерія и не отличается умѣніемъ въ искорененіи крамолы, за то энергіи у нея не занимать стать. За послѣднее время то и дѣло судятъ поднадзорныхъ. Рабочаго Бѣлова привлекли „за нарушеніе тишины и порядка", хотя никакого нарушенія въ его поступкѣ не было (оправданъ). Высланный сюда петербургскій рабочій Кулаковъ былъ привлеченъ жандармами къ суду за богохульство (7 дней ареста). Наконецъ, малолѣтняго сына быв. петербургскаго рабочаго Буянова обвинили въ кражѣ. Мальчика защищалъ отецъ, сказавшій: „Тутъ все дѣло въ политической неблагонадежности; если ты неблагонадеженъ, — то мы твоего сына въ тюрьму упечемъ". Судъ оправдалъ мальчика. Наконецъ, былъ привлеченъ къ суду бывшій студентъ Лѣсного Института Н. П. Богдановъ за дерзость, сказанную помощнику пристава. Несмотря на все усердіе полиціи и прокурора, удалось присудить Богданова только къ десяти рублямъ штрафа. — Не любятъ господа театральные антрепренеры, когда ихъ въ газетахъ не по шерсти гладятъ, и всякими способами борятся противъ этого: тотъ своимъ судомъ чинитъ кулачную расправу надъ черезчуръ строгимъ рецензентомъ, этотъ во всеуслышаніе заявляетъ, что онъ отказывается печатать объявленія

водства. Все это газетныя сообщенія за послѣдніе мѣсяцы. Факты эти не безъинтересные, и любопытно въ нихъ именно то, что правительство всѣмъ этимъ „начинаніямъ" не только не препятствуетъ, но — повторяемъ — ихъ, по всѣмъ видимостямъ, поощряетъ. Иначе не было бы понятно, почему оно съ такимъ легкимъ сердцемъ разрѣшаетъ ихъ, почему оно такъ любовно смотритъ хотя бы на московскія рабочія собранія и даже открываетъ для отчета объ нихъ столбцы органа Мин. Финансовъ — „Торгово-Промышленную Газету", а въ лицѣ г. Зубатова въ Москвѣ и его достойнаго ученика г. Васильева въ Минскѣ усиленно рекомендуетъ „самодѣятельность". Мы подозрѣваемъ, что имѣется тайный циркулярчикъ, предписывающій чинамъ полиціи, жандармеріи и прочихъ полицейскихъ учрежденій усиленно заботиться о насажденіи клубовъ и всякаго рода ассоціацій. Почему бы иначе, напр., г. одесскому полицмейстеру рекомендовать одесскимъ извозчикамъ-хозяевамъ устройство своего промысла на кооперативныхъ началахъ? Правда, г. полицмейстеръ не попалъ въ цѣль, но вѣдь всякое бываетъ усердіе у чиновъ полиціи. Какъ бы то ни было, но нельзя уже сомнѣваться, что къ развитію мирной самодѣятельности въ рабочей средѣ правительство относится теперь болѣе, чѣмъ благосклонно. Урѣзывая печать, препятствуя всевозможнымъ просвѣтительнымъ предпріятіямъ разночинской интеллигенціи, всяческими средствами ограждая своихъ подданныхъ отъ революціонной пропаганды, оно не можетъ считать эту, такъ сказать, отрицательную, разрушительную программу искорененія смуты — достаточной. Оно дополняетъ ее программой созидательной. Оно стремится сосредоточить неспокойную мысль рабочихъ на мирной взаимопомощи и этимъ отвлечь ихъ отъ борьбы и съ буржуазіей и съ нимъ самимъ; оно хочетъ играть передъ рабочими роль отца родного и этимъ затемнять сознаніе противоположности интересовъ его и интересовъ рабочихъ, такъ какъ оно знаетъ, что сознаніе этой противоположности — первый шагъ къ революціонной борьбѣ; оно, наконецъ, стремится дать какъ консервативной части самой рабочей массы, такъ и всевозможнымъ охранителямъ „интересовъ порядка и управленія" и кармановъ имущихъ — факты, на которые они могли бы опереться въ своемъ противодѣйствіи боевому настроенію. Симпатія правительства всѣмъ клубнымъ и кооперативнымъ начинаніямъ, поэтому, вполнѣ понятна.

Обѣ эти стороны современной „внутренной политики" русскаго правительства — и отрицательная и созидательная — какъ нельзя лучше отразились на организаціи „николаевскаго собранія техниковъ и мастеровыхъ", того самаго собранія, которое именуется газетами „рабочимъ клубомъ". По недавно утвержденному уставу этого новорожденнаго клуба, членами его могутъ быть только „мастеровые и техники", проживающіе въ г. Николаевѣ; при чемъ подъ „мастеровыми" разумѣются, очевидно, не только рабочіе, но и фабриканты, ибо, по газетнымъ извѣстіямъ, „почти всѣ мѣстные фабриканты" записались въ члены; а подъ техниками разумѣются между прочими инженерами и директора заводовъ съ женами, ибо на вечера „клуба" они вхожи, а по уставу „гостями" могутъ быть только лица, имѣющіе право быть членами. Интеллигентъ просто, по уставу, не можетъ быть ни членомъ, ни гостемъ клуба по той причинѣ, что интеллигентъ на Руси главный смутьянъ. Текущими дѣлами этого пріятнаго собранія вѣдаетъ „совѣтъ старшинъ" подъ обязательнымъ предсѣдательствомъ фабричнаго инспектора или его замѣстителя, а для вящшаго единенія клуба съ полиціей всѣ его должностныя лица утверждаются николаевскимъ градоначальникомъ, и затѣмъ списки кандидатовъ въ члены за мѣсяцъ до избранія вывѣшиваются въ особыхъ объявленіяхъ, чтобы шпіоны могли собрать о кандидатахъ надлежащія свѣдѣнія. Что же касается занятій самого „собранія", то оно можетъ и въ шахматы играть, и водку пить, и „полезныя" лекціи слушать, и маскарады устраивать, и плясать, и литературные вечера организовывать, при чемъ, конечно, лекціи, спектакли и литературные вечера подчиняются всѣмъ цензурно-полицейскимъ правиламъ, а частныя бесѣды — цензурѣ гг. шпіоновъ. Можетъ собраніе и библіотеку имѣть; она подчиняется правиламъ безплатныхъ народныхъ читаленъ, т. е. будетъ наполнена душеспасительными и дѣтскими книжками. Разрѣшается собранію выписка журналовъ и газетъ, а руководство г. фабричнаго инспектора обезпечиваетъ выписку изданій наиболѣе благонамѣренныхъ и патріотическихъ.

Не правда-ли, въ этомъ „собраніи" дѣйствительно есть все, что нужно правительству и ненужно рабочимъ? Фабриканты и инженеры въ качествѣ членовъ и гостей, а г. фабричный инспекторъ въ качествѣ царька „клуба" своими заботами о „мастеровыхъ" должны будутъ внѣдрить въ нихъ сознаніе, что хозяева и правительство истинные радѣтели о рабочемъ благѣ; тотъ же инспекторъ, г. градоначальникъ и шпіоны будутъ оберегать собраніе отъ вторженія смутьяновъ, лекціи, спектакли, журналы, газеты и библіотека будутъ снабжать рабочихъ полезными знаніями, разумными развлеченіями и благонамѣреннымъ образомъ мыслей. Мы льстимъ себя надеждой, что скоро такими клубами, столь полезными для сплоченія рабочихъ съ ихъ эксплуататорами, покроется вся Россія, а пока съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждемъ появленія устава минскаго „клуба" еврейскихъ рабочихъ столяровъ, благополучно зрѣющаго подъ покровительствомъ жандармскаго управленія.

Единеніе хозяевъ, мастеровъ и инженеровъ съ рабочими на „клубной" почвѣ еще не такъ легко можетъ показаться подозрительнымъ. Но единеніе рабочихъ съ ихъ эксплуататорами на почвѣ экономическихъ интересовъ, кажется, окончательно потеряло свой престижъ въ рабочей средѣ. Еще въ 1899 г. среди петербургскихъ рабочихъ пробуждалось недовольство потребилками, состоявшими подъ эгидой фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ недавнее время то же сознаніе несоотвѣтствія интересамъ рабочаго потребилокъ со смѣшаннымъ составомъ членовъ проявилось и на дебатахъ московскаго рабочаго парламента (14 собраніе). При такомъ взглядѣ рабочихъ на потребилки, взглядѣ, который легко можетъ быть перенесенъ и, вѣроятно, переносится ими на кассы взаимопомощи, правительству нѣтъ разсчета, бросая рабочимъ подачку въ видѣ покровительства „самодѣятельности", поощрять общества со смѣшаннымъ составомъ. Напротивъ, ему выгоднѣй созданіе чисто рабочихъ обществъ, тѣмъ болѣе, что русскій шпіонъ вездѣсущъ, а такой либерализмъ со стороны правительства внушитъ къ нему признательность рабочихъ*). А такъ какъ путь „мирнаго развитія", на который вступаютъ рабочіе съ разрѣшенія и поощренія правительства ему очень нравится, то „самодѣятельность" рабочихъ достойна въ его глазахъ даже широкой пропаганды. И по истинѣ слѣдуетъ предавать широкой гласности московскія пренія! На нихъ выливается столько восторговъ передъ потребилками, клубами, кассами взаимопомощи! На нихъ благодарятъ даже г. Витте!

Особенно торжественно было 21-е собраніе московскихъ рабочихъ. Происходило оно послѣ утвержденія властями предержащими устава московскаго потребительнаго общества рабочихъ механическаго производства, и было посвящено пріятнымъ мечтаніямъ о будущемъ этого общества. Послѣ хвалебной пѣсни новому предпріятію, пропѣтой руководителемъ собранія, г. Афанасьевымъ, „одинъ изъ рабочихъ произноситъ глубоко прочувствованную и безукоризненную со стороны изложенія рѣчь, посвященную руководителямъ бесѣдъ и совѣтникамъ рабочихъ — людямъ науки". „Эти командиры въ борьбѣ съ невѣжествомъ — говоритъ онъ — повели насъ на бой съ нашимъ злѣйшимъ врагомъ — некультурностью и незнаніемъ. Они связали насъ въ одну братскую семью, въ одно дружеское общество. По мѣткому замѣчанію одного рабочаго, мы — кирпичи, а ученые — строители, которые складываютъ зданіе, связывая его, какъ цементомъ, своими познаніями и хорошимъ отношеніемъ къ намъ". Затѣмъ всѣ „командиры" были переименованы и „заслуги ихъ были почтены вставаніемъ, громомъ рукоплесканій и сердечными пожеланіями". „Поистинѣ — повѣствуетъ корреспондентъ „Рус. Вѣд." — это была трогательная минута. Представители труда горячо и искренно благодарили людей науки, пришедшихъ имъ на помощь; знаніе и трудъ вступили въ единеніе, въ тѣсный союзъ, отнынѣ, будемъ надѣяться, неразрывный". Да, „поистинѣ трогательно!" Особенно, если помнить, что за этимъ „союзомъ знанія и труда" кроется союзъ труда и политическаго гнета. Ликуйте же, господа, ликуйте! А подъ шумъ вашего ликованія ваши новые друзья — Зубатовы и К°, съ министрами во главѣ — будутъ окружать и васъ и вашихъ братьевъ сѣтью шпіонства и провокаторства, будутъ, опираясь на вашу миролюбивую пропаганду и на силу кнута, давить среди вашихъ братьевъ всякое проявленіе истинно свободной мысли и свободнаго чувства, всякій боевой порывъ къ свободѣ отъ гнета буржуазіи и правительства, какъ давили они раньше тюрьмой, ссылкой, пулей, нагайкой. Ликуйте же, господа, ликуйте! Васъ не затронутъ ни пули, ни нагайки! Вы — нищіе духомъ, вы премудрые пискари. На вашей улицѣ праздникъ: ваша пропаганда идетъ рука объ руку съ пропагандой жандармскихъ управленій и охранныхъ отдѣленій. А что ждетъ васъ впереди, какія „трогательныя картины" могутъ предстать передъ глазами наблюдателя, можно видѣть хотя бы изъ примѣра вашихъ почтенныхъ сотрудниковъ по части „самодѣятельности" — членовъ харьковской рабочей кассы взаимоо спектакляхъ въ непокладистой газетѣ. Болѣе утонченный способъ борьбы придумалъ костромской антрепренеръ. Воспользовавшись тѣмъ, что авторъ непонравившейся ему рецензіи въ мѣстной газетѣ — лицо поднадзорное, онъ прибѣгъ къ содѣйствію властей предержащихъ. И вотъ рецензентъ былъ приглашенъ въ полицію и тамъ ему отъ имени жандармскаго управленія было воспрещено дальнѣйшее сотрудничество въ газетѣ. Чтобы придать этому запрещенію видъ законнаго, была сдѣлана ссылка на 24 ст. Полож. о политическихъ поднадзорныхъ, воспрещающую поднадзорнымъ содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и службу при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей и рабочихъ.

---

*) Мы не говоримъ уже о либеральной интеллигенціи. Въ газетѣ „Пермскій Край" намъ пришлось уже прочитать привѣтствіе администраціи по поводу минскихъ рабочихъ собраній и минскихъ артелей. Привѣтствовалось тамъ именно пробужденіе въ администраціи сознанія противоположности интересовъ хозяевъ и рабочихъ. Не помнимъ, принадлежала-ли эта замѣтка самому „Пермскому Краю" или была перепечатана безъ оговорокъ.

(Жаль, что не сообщено также имя этого антрепренера-„доброхвальца". Ред.)

Одинъ изъ многихъ (Некрологъ). Генералъ инженеръ путей сообщенія, начальникъ закавказскихъ жел. дорогъ, г. Веденѣевъ, умеръ отъ пули въ легкихъ въ январѣ 1902 г. Онъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда былъ ярымъ противникомъ рабочаго движенія и однимъ изъ умныхъ бичей социалдемократіи на Кавказѣ. Въ 1898 г. его распоряженіе, лишившее рабочихъ исконныхъ правъ на безплатные (разовые) билеты и т. п., вызвало грандіозную стачку, въ которой рабочіе одержали побѣду. Послѣ этого министерство думало изъять Веденѣева изъ обращенія на закавказскихъ желѣзныхъ дорогахъ, но его связи въ Питерѣ принудили министерство забыть про него. Послѣ стачки 1900 года въ августѣ Веденѣевъ лично ревизовалъ библіотеку для рабочихъ при мастерскихъ ж. д. и, найдя добрую половину книгъ ненужной для рабочихъ, особымъ циркуляромъ велѣлъ ее сжечь, затѣмъ опять по циркуляру правленіе библіотеки было распущено и онъ самъ назначилъ новый комитетъ изъ лицъ благонадежныхъ, навсегда лишивъ рабочихъ права выбора правленія и возможности самимъ заботиться о своей библіотекѣ. Теперь эта библіотека, лишенная читателей-рабочихъ, еле-еле влачитъ свое существованіе.

Попеченія Веденѣева дѣлались съ каждымъ днемъ все нахальнѣе. Маломальски въ чемъ-либо замѣченные рабочіе и тѣ, которымъ приходилось сидѣть въ тюрьмахъ, послѣ оправданія увольнялись изъ мастерскихъ. Веденѣевымъ совмѣстно съ жандармеріей было постановлено: съ 1901 г. вести всѣмъ рабочимъ, просидѣвшимъ хоть недѣлю въ тюрьмѣ, особые списки, которые разсылаются по всѣмъ частнымъ заводамъ со строгимъ наказомъ при пріемѣ рабочихъ руководствоваться этими списками, при чемъ и частнымъ заводчикамъ ставится въ обязанность вести такія же тетрадки, которыми они ежемѣсячно обмѣниваются между собою для руководства. На этотъ наказъ выхлопотали подпись Главноначальствующаго краемъ, при чемъ нарушившіе сіе повелѣніе подвергались денежнымъ взысканіямъ. Затѣмъ онъ выпустилъ циркуляръ къ начальнику мастерскихъ и смотрителю бюро, въ которомъ строго-на-строго повелѣвалось начальникамъ — направить теченіе Куры обратно съ востока на западъ (какъ они сами выражались), — т. е. сократить число рабочихъ грузинъ и армянъ и на мѣсто ихъ принимать татаръ и персіанъ, какъ болѣе покорныхъ, воздерживаться отъ пріема русскихъ рабочихъ, но въ крайнемъ случаѣ русскихъ предпочитать армянамъ и грузинамъ; дѣтей грузинъ и армянъ не принимать въ качествѣ учениковъ въ мастерскія, а по мѣрѣ возможности вербовать ихъ изъ татаръ и персіянъ, изъ депо мастерскихъ слесарей грузинъ и армянъ уволить и вакантныя мѣста замѣщать рабочими другихъ національностей. Несчастные начальники этимъ распоряженіемъ были поставлены между двухъ огней — уволить грузинъ и армянъ, которыхъ замѣнить нельзя, за неимѣніемъ татаръ и персіянъ, значило пріостановить работу въ мастерскихъ и въ депо; съ другой стороны, ихъ мучило — какъ же отвѣтить увлекшемуся репрессіями Веденѣеву? сейчасъ же послѣдуетъ его гнѣвъ — хорошо, если все это кончится однимъ выговоромъ. Послѣ двухнедѣльныхъ такихъ колебаній, несчастные холопы доложили „Бабѣ-ягѣ",*) что послѣдній циркуляръ отъ пункта до пункта невыполнимъ. Вотъ къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Веденѣевъ для искорененія крамолы среди рабочихъ. Вѣрный всегда своей задачѣ, Веденѣевъ въ августовской стачкѣ 1900 г. ни за что не уступалъ, предпочитая громадные убытки (въ день триста тысячъ руб.), какіе дорога несла по поводу стачки. Вызванному имъ саперному батальону платилось за работу въ мастерскихъ вдвое больше обыкновенной платы рабочаго. Въ дни управленія Веденѣева дорога выгоняла большую экономію на счетъ мелкихъ служащихъ и рабочихъ. Машинисты, зарабатывавшіе до него въ мѣсяцъ 170-190 руб., стали выгонять едва 100 руб., помощники вмѣсто 60-70 руб. — по 40-45 руб., а о кочегарахъ и говорить нечего. Премію за смазку и топливо вначалѣ выдавалъ въ 6-8 мѣсяцевъ разъ, а потомъ раза два отказалъ въ виду убытковъ, понесенныхъ дорогой, а потомъ и вовсе пересталъ ее выдавать.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Веденѣевъ былъ вѣрный служака, умѣлъ воровать*), — казна бывала довольна и его карманъ вѣчно полонъ. Кто бы ни былъ неизвѣстный убійца, — сознательный-ли рабочій, или вышвырнутый имъ изъ управленія дороги приниженный чиновникъ, онъ вѣрно подхватилъ настроеніе рабочихъ, и тысячи устъ матерей, женъ и сестеръ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, будутъ благословлять стрѣлка и мѣткую пулю.

Тифлисскій рабочій.

Въ № 8 нашей газеты мы помѣстили сообщеніе о столкновеніи ссыльнаго Гуревича съ врачемъ Марчевскимъ (въ Енисейскомъ уѣздѣ). По этому поводу мы получили слѣдующее письмо:

„Въ 8 № „Искры" имѣвшій мѣсто въ Енисейской губ. случай съ негодяемъ врачемъ Марчевскимъ переданъ неточно. Когда больной съ приставомъ и „понятыми" въ сопровожденіи товарища Даргольца, приглашеннаго приставомъ для снятія допроса, пришли въ больницу, то, когда этотъ врачъ поднялъ руку на больного, Г. Даргольцъ далъ ему пощечину, за что М. привлекаетъ его къ отвѣтственности по 285 ст. Улож. о нак., какъ за оскорбленіе дѣйствіемъ чиновника при исполненіи имъ своихъ обязанностей. Чиновникомъ врачъ считается какъ состоящій на государственной службѣ. Теперь тов. Д. грозитъ наказаніе, какъ гласитъ эта глава — отъ 8 мѣс. до $2^1/_2$ лѣтъ тюремнаго заключенія. Конечно, есть смягчающія вину обстоятельства, какъ защита больного товарища, но еще вопросъ, какъ отнесется судъ. Даргольцъ еще привлекается тѣмъ же врачемъ за клевету въ печати, потому что Даргольцъ обо всемъ случившемся написалъ въ „Сибирской жизни". — Вообще теперь за Ураломъ сильно обострены отношенія между ссыльными и администраціей. Чаша переполнена, и терпѣніе у многихъ лопается. Недавно одного товарища „за дерзкое обращеніе" съ администраціей (онъ выгналъ сотскаго послѣ того, какъ тотъ ему успѣлъ порядкомъ надоѣсть) выслали къ чорту на кулички, гдѣ 10 домовъ и 25 чел. населенія, а почта, конечно, никогда не приходитъ".

О той же исторіи другой товарищъ пишетъ:

„Гуревичъ жаловался прокурору Красноярскаго Окружнаго Суда; прокуроръ отвѣтилъ, что на основаніи 1085 ст. Устава угол. суд. жалоба Гуревича передана губернатору. Марчевскій въ объясненіи, отосланномъ губернатору, сдѣлалъ доносъ на своего предшественника: тотъ-де находился подъ вліяніемъ административныхъ „жидковъ" и избаловалъ ихъ, выдавая безпрепятственно медицинскія свидѣтельства о мнимыхъ болѣзняхъ. Когда онъ (Марчевскій) сталъ относиться „добросовѣстно" къ своимъ обязанностямъ, то его стали всячески травить и, наконецъ, побили при исполненіи служебныхъ обязанностей.

„Второй доносъ Марчевскій сдѣлалъ на политическаго ссыльнаго въ Пинчугѣ Зива (студ. мед. изъ Одес. унив.), который будто бы занимается недозволенной медицинской практикой.

„Когда въ Богучанахъ заболѣлъ полит.-ссыльный Левинъ, то по необходимости обратились къ Марчевскому. Тотъ сталъ ругаться и отказался идти. Пришлось вызвать его черезъ становаго. На больного, бывшаго въ состояніи, близкомъ къ обмороку, онъ тоже кричалъ.

„Наконецъ, послѣдовала генералъ-губернаторская резолюція. Всѣ богучанцы, кромѣ Левина и Рачковскаго, были разселены по притокамъ Ангары въ деревушкахъ, верстахъ въ 100-150 отъ Богучанъ, куда нѣтъ тележнаго пути, и почта поэтому ходитъ рѣдко и неаккуратно: Даргольцъ въ дер. Бѣдобу, Нудельмана (сильнѣйшее нервное разстройство) въ Петропавловское на Чунѣ, Гуревичей въ Петропавловское на Мурѣ, а Свѣтицкаго (съ больной женой и двумя дѣтьми), не принимавшаго абсолютно никакого участія, въ Чернявское на Мурѣ, Корнюховъ высланъ на границу Кежемьской волости.

„Поведеніе Марчевскаго разсматривалось красноярскимъ общ. врачей. Доносъ на предшественника нашли несовмѣстимымъ съ достоинствомъ не только врача, но и всякаго порядочнаго человѣка. По поводу Богучанской исторіи предложили ему привлечь автора корреспонденціи въ „Сибир. Жизни" къ суду за клевету".

помощи, удостоившихъ выборомъ въ почетные члены харьковскаго губернатора.

Впрочемъ, и теперь можно поздравить васъ съ вступленіемъ одного изъ вашихъ руководителей на этотъ путь признательности передъ правительствомъ. „Большое спасибо — говорилъ вашъ ученый „строитель", г. Озеровъ, на вашемъ 13-мъ засѣданіи — „большое спасибо винной монополіи, что она положила въ основу борьбы съ алкоголизмомъ, устройство чайныхъ, имѣющихъ характеръ клубовъ", и спасибо это мотивировалось именно тѣмъ, что Мин. Финансовъ сознало потребность рабочихъ въ клубахъ и милостиво пошло ей навстрѣчу*). Г. Озеровъ старается увѣрить васъ, что г. Витте спитъ и во снѣ видитъ, какъ бы угодить рабочимъ, и васъ не смутили эти похвалы по адресу государственнаго плута, вы покрыли рѣчь г. Озерова рукоплесканіями... „Большое спасибо" г. Озерова заслужено г. Витте, очевидно, созданіемъ попечительствъ о народной трезвости. Эти попечительства, какъ извѣстно, радѣютъ о народномъ просвѣщеніи, о предоставленіи рабочему люду пріятныхъ" развлеченій и возможности насквозь пропитаться вѣрноподданническимъ духомъ. Вотъ хотя бы московское попечительство. Оно выстроило въ Москвѣ „народный домъ" со всякими прелестями: читальней, аудиторіей и строго трезвеннымъ буфетомъ. Въ Харьковской губ. попечительства тоже хлопочутъ объ устройствѣ „народныхъ домовъ", и въ Волчанскомъ уѣздѣ одинъ уже открытъ. Въ прочихъ мѣстахъ Россійской Имперіи попечительства тоже открываютъ и будутъ открывать повсюду, рядомъ съ царскими кабаками, чайныя, читальни, библіотеки, „народныя чтенія". И вездѣ будутъ они своими книжками, лекціями и туманными картинами затуманивать сознаніе трудящихся, учить ихъ терпѣнію, посту и молитвѣ, покорности и благодарности начальству. Мин. Финансовъ предполагаетъ отпустить для этой цѣли попечительствамъ „особыя средства", а такъ какъ нынѣшній каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ для безплатныхъ читаленъ, очевидно, не удовлетворяетъ потребностямъ нужнаго правительству „просвѣщенія", то, съ одной стороны, предполагается расширить этотъ каталогъ, а съ другой — тотъ же г. Витте „въ случаѣ надобности" хочетъ издать серію народныхъ книгъ" для своихъ попечительныхъ клубовъ. То-то будутъ книжечки! Надо полагать, наиболѣе цѣнныя изъ этихъ будущихъ произведеній столоначальниковъ Департамента Полиціи будутъ, по примѣру недавняго прошлаго, „рекомендовать" для обязательнаго распространенія среди рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Ну, г. Озеровъ, расшаркивайтесь! А мы замѣтимъ вотъ что: дѣятельность попечительствъ и издательскій проектъ Витте подчеркиваетъ другую сторону созидательной части правительственной политики: правительство, ради большаго успѣха искорененія смуты, беретъ въ свои руки устную и литературную пропаганду духа „смиренномудрія, терпѣнія и любви" къ рабству.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

О петербургской рабочей организаціи. Какъ пишутъ изъ Петербурга, къ началу минувшаго года число членовъ мѣстной рабочей организаціи доходило до 300. Массовыми арестами и высылками въ первой половинѣ 1901 г. полиціи не удалось вырвать съ корнемъ молодое, но живучее дерево. Система провокаторства примѣнялась широко. Въ концѣ 1900 г. образовалъ свой кружокъ и предложилъ свою квартиру для собраній провокаторъ Андроновъ, ткачъ отъ Максвеля (чел. семейный, лѣтъ 35-40, средняго роста, брюнетъ, онъ нанималъ собственныхъ рабочихъ-портныхъ). Ему не удалось проникнуть на собраніе представителей кружковъ Невскаго района, а потому вредъ, причиненный имъ организаціи, не былъ слишкомъ большой. Это удалось провокаторамъ на Выборгской сторонѣ и на Путиловскомъ заводѣ. Имъ удалось присутствовать на праздникѣ, устроенномъ рабочими Нарвскаго района при встрѣчѣ новаго 1901 г., и вредъ, причиненный ими, былъ очень значительнымъ.

Рабочіе слишкомъ стремительно расширяютъ свою организацію; — они при этомъ не достаточно строго соблюдаютъ тотъ пунктъ устава организаціи, который требуетъ, чтобы въ собранія представителей вновь избранные рабочими члены допускались тогда, когда они съумѣютъ вполнѣ доказать свою искреннюю преданность дѣлу рабочихъ и достаточную степень конспиративности. Обращаемъ на это вниманіе петербургскихъ товарищей. Въ нашемъ дѣлѣ должно исчезнуть русское „авось"; каждый шагъ впередъ долженъ быть смѣлымъ, но глубоко обдуманнымъ. Одна маленькая ошибка можетъ погубить цѣлый рядъ товарищей, можетъ сдѣлать много вреда всему дѣлу.

Орѣхово-Зуево.

Насколько наши хозяева Морозовы особенно боятся всякаго протестующаго элемента среди рабочихъ, можно будетъ видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Часто бываетъ, ч. какой либо рабочій, ищущій мѣста, является къ фабрикѣ съ желаніемъ получить работу, но это не всегда удается, если даже требуется на работу именно такой рабочій, какимъ является ищущій мѣста. Посмотритъ его паспортъ одинъ прохвостъ мастеръ, посмотритъ другой прохвостъ и возвращаютъ обратно съ неизмѣннымъ „не нужно". Иной рабочій замѣчаетъ, что это не спроста, а есть какая то чертовщина, но какая? Вѣдь вотъ же онъ видитъ который разъ, какъ принимаютъ людей послѣ его пришедшихъ или только что предложившихъ свои услуги. Ходитъ, ходитъ такъ онъ къ фабрикѣ, пока не убѣдится что это безполезно и свалитъ всю неудачу на свою якобы непонравившуюся физіономію. И онъ правъ. Русскій рабочій обязанъ имѣть двѣ физіономіи: т. е. одну естественную, которой его надѣлила родительница или вообще природа, а другую полицейскую въ интересахъ огражденья разнаго беззаконья. Это — паспортъ и потому въ Орѣховѣ обращаютъ главное вниманіе на физіономію полицейскаго характера и если эта физіономія совершенно чиста, тогда есть шансы на поступленье. Но бѣда, если на паспортѣ окажется штемпель Петербурга, Москвы или другого большого города. Напрасно бѣдняга, владѣлецъ такого паспорта, будетъ просить работы, просить о принятіи его на фабрику, не удастся ему поступить по той причинѣ, что въ Морозовскія фабрики не принимаютъ рабочихъ изъ столицъ или тѣхъ городовъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе. А гдѣ оно теперь не существуетъ? У насъ же на Морозовскихъ фабрикахъ не все темная деревня и много есть товарищей, у которыхъ голова не совсѣмъ забита поповской околесиной и Назаровскимъ фарисействомъ. И все же администрація отдаетъ предпочтенье синимъ портамъ только что явившимся изъ деревни для скудныхъ заработковъ. Потому мы совѣтуемъ товарищамъ, пріѣзжающимъ изъ столицъ для поступленья, брать чистый паспортъ и не признаваться въ томъ тяжеломъ преступленьи (съ точки зрѣнія Морозовыхъ), что работали въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ рабочее движеніе.

На Морозовской фаб. существуетъ книга „порочныхъ", и это не просто такъ себѣ, а на самомъ дѣлѣ фундаментально поставлено, какъ будто въ департаментѣ полиціи, и если разъ попалъ въ нее, то пиши пропало, поступить на фабрику больше не удастся; если попалъ подъ слѣдствіе въ государственномъ преступленіи и обвиненъ, то тоже въ Орѣхово ѣхать незачѣмъ, ибо Министерство Внутрен. Дѣлъ ежемѣсячно присылаетъ исписанные листы съ сотнями лицъ, осужденныхъ за стачки и др. государственныя преступленія, на имя здѣшняго пристава и уже отъ послѣдняго поступаютъ въ контору съ помѣткой „секретно" и вносятся въ книгу „порочныхъ". Подумаешь, какіе „порочные" люди эти рабочіе! если они вздумали повысить свою заработную плату или не согласились на пониженіе расцѣнковъ. Мало этого, Мин—во считаетъ своимъ долгомъ сообщать объ осужденныхъ въ Сибирь на разные сроки. Тутъ уже списокъ пестритъ: Художникъ, Докторъ, Учительница, Студентъ, и т. п. выслать туда то въ Забайкалье, на столько лѣтъ и по распоряженію Е. В. П. М. В. Д. жительство во Владимірской губерніи воспрещено, „на фабрику не принимать".

Какіе же пороки фабричная администрація находитъ за своими рабочими? и какая для нихъ корысть изъ всего этого? Случаевъ для этого не занимать стать: получилъ рабочій грошовое единовременное пособіе за какое либо увѣчье — туда его т. е. въ книгу порочныхъ, доработался рабочій на фабрикѣ до неспособности къ труду — туда его; назвала рабочаго администрація неблагонадежнымъ — туда его, за предосудительное поведеніе — туда его, за подпояску шнурка (если на фабрикѣ рабочій подпояшется хозяйскимъ шнуркомъ) — туда его, и многое другое, ему же нѣтъ конца.

Очевидно, мало и этого оказалось, и для дополненія беззаконія устроили постоянную „комиссію", нѣчто вродѣ тайнаго судилища, въ него вошли фабр. механики и техники подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго читателямъ эскулапа Базилевича. Эта комиссія признала нужнымъ записывать всякій грѣшокъ (вольный и невольный) рабочаго, дабы при всякомъ случаѣ можно было навести справки обо всякомъ рабочемъ, какъ онъ себя велъ въ теченіи тѣхъ лѣтъ, которые проработалъ на фабрикѣ. Для большей наглядности приводимъ справку, которая показываетъ, на сколько отвратительна та тина которая обвилась вокругъ насъ, Орѣхово-Зуевскихъ рабочихъ.

Подлинникъ.

Справка о живущемъ на фабрикѣ Т—ва Никольской М—ры.

Имя	Иванъ.
Отечество	Васильевъ.
Фамилія	Смирновъ.
Губерніи	Тульской.
Уѣзда	Веневскаго.
Волости	Узуновской.
Деревни	Глубокой.
Лѣта	56.
Сколько лѣтъ раб. на фаб. . .	23.
Увѣчье	Имѣетъ.
Должность	Рабочій при подъемной машинѣ.
Гдѣ раб.	на Б. Ф.

Свѣдѣнья квартир. отдѣла:	Свѣдѣнья фабрики.
1) На его боченкѣ съ квасомъ загорѣлась тряпка. Штр. . . . . 1 р.	1) За поздній выходъ на работу . . . . . .50 к.
2) Пьяный на коридорѣ громко говорилъ, что старшіе всѣ подлецы и грабители. Обходные просили его замолчать, но онъ не слушался, за что взятъ въ сторожку штр. . . . . 2 р.	За поздній выходъ . . .50 к.
3) На улицѣ пѣлъ громко пѣсни, за непослушаніе посадили въ сторожку, о чемъ доложено завѣдующему хоз. частью.	За грубость мастеру штр. 1 р.
Помѣтка Г. Егорова.	Одѣлся за 5 минутъ до окончанія . . . . . .50 к.
За непослушаніе выселить на вольную квартиру.	За непослушаніе . . .40 к.
Подписано Г. Егоровъ.	За многоглаголанье . .50 к.
	Жаловался Инспектору, что ему выдали плохую говядину . . . . . . 1 р.
	Подписано И. Гаранинъ.
	(старшій конт. бумагопр. фабр.)

Проситъ вознагражденья за увѣчье (помѣт. квар. отдѣла).

(атестація либерала завѣдующаго фабрикой):

Человѣкъ неблагонадежный, грубьянъ, работникъ такъ себѣ. Просимаго не заслуживаетъ. Подписано: Александръ Федотовъ.

Замѣчанія больницы объ увѣчьяхъ:

1) Какъ передано съ фабрики, онъ находился въ нетрезвомъ видѣ, по своей неосторожности попалъ въ кожанный блокъ, при чемъ ему отрѣзало два пальца правой руки и помяло конецъ 3-го. Особыхъ увѣчій не было. Подписано: врачъ Базилевичъ.

2) При разборкѣ ящиковъ по своей неосторожности получилъ ушибъ въ спину. Находился на излеченіи въ больницѣ 28 дней.

Подписано: врачъ Базилевичъ.

Резолюція Саввы Морозова:

Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать.

Подписано: С. Морозовъ.

Вотъ и конецъ этой грустной исторіи: ломалъ, ломалъ человѣкъ свою жизнь, изувѣчился и ни одного добраго слова, потерялъ свою жизнь, оставилъ пальцы Морозову и за все это 50 р. на дорогу, дабы онъ не вздумалъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ.

Рабочій.

Ст. Брянскъ. (М.-К.-В. ж. д.) Въ половинѣ октября начальникъ 5-го участка службы пути г. Виницкій (къ слову сказать, скотъ, какихъ мало) сбавилъ поденнымъ рабочимъ, получающимъ и безъ того не богъ вѣсть сколько, — 50 коп. въ день, — по 5 коп. Рабочіе, въ числѣ 40 человѣкъ, рѣшили забастовать. 17 октября рабочіе съ утра на работу не пошли, а когда смотритель зданія и кладовщикъ пришли и стали ихъ звать на работу, то рабочіе сказали, что на работу не пойдутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не прибавятъ жалованье. До обѣда больше ихъ не тревожили. Рабочіе послѣ обѣда собрались возлѣ конторы 5-го участка и, вызвавъ г. Виницкаго, повторили свое требованіе о прибавкѣ. Виницкій отказалъ. Тогда рабочіе потребовали разсчетъ и проѣздные билеты. — Не знаю, что побудило г. Виницкаго, спѣшка-ли (ожидался проѣздъ коммиссіи) или боязнь за цѣлость своей шкуры, но только г. Виницкій уступилъ, прибавивъ по 10 коп. въ день, такъ что теперь рабочіе получаютъ 55 коп., вмѣсто прежнихъ 50 коп.

---

*) Такъ здѣсь называли Веденѣева.

*) Во время ревизіи, назначенной въ 1898 г., воровство Веденѣева было обнаружено до такой степени, что онъ сталъ притчей во языцѣхъ во всемъ Тифлисѣ.

*) Это спасибо г. Озерова какъ нельзя болѣе подходитъ къ духу того либеральнаго журнала, въ которомъ онъ сотрудничаетъ, — „Русской Мысли". Въ августовской книжкѣ этого органа редакція публично благодаритъ правительство за снятіе съ журнала предостереженія. Эта благодарность преподносится Мин. Внут. Дѣлъ послѣ мартовской и майскихъ боенъ, произносится надъ свѣжимъ трупомъ „Жизни"! Какъ мало нужно иному либералу, чтобы онъ сподличалъ...

Изъ Брянскаго завода (Орловской губ.). Нельзя не отмѣтить халатнаго отношенія нашей заводской администраціи къ своимъ обязанностямъ, благодаря чему у насъ чуть-ли не каждый день несчастные случаи съ человѣческими жертвами. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

1) 26 октября въ мостовомъ корпусѣ во время обѣденнаго перерыва, упершись въ приводной валъ (такъ какъ онъ былъ на разстояніи $^3/_4$ арш. отъ стѣны), плотникъ Власъ Балабинъ, 21 года, прорубалъ стѣну. Увлекшись работой, онъ и не замѣтилъ, какъ прошло обѣденное время. Машинистъ, не давши сигнальнаго свистка (котораго, вопреки уставу промышленности объ уходѣ за паровыми машинами, уже нѣсколько лѣтъ не было) пустилъ машину въ ходъ. Балабина накрутило на валъ и начало бить о стѣну и о желѣзные кронштейны. Онъ лишился обѣихъ ногъ. Администрація, желая избавить себя отъ отвѣтственности, распорядилась о постановкѣ свистка, который къ вечеру и былъ поставленъ.

2) 3 дек. въ чугунно-литейномъ цехѣ при отливкѣ наложницъ прорвавшаяся расплавленная масса облила двухъ литейщиковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ черезъ сутки, а другой, хотя и остался живъ, но раньше полугода не вылечится. Какъ этотъ случай, такъ и рядъ другихъ являются послѣдствіемъ чрезмѣрной скупости нашей заводской администраціи. Такимъ образомъ, благодаря тому, что начальство не хочетъ дѣлать расходовъ для того, чтобы орудія производства были въ исправности, намъ, рабочимъ приходится платить за это своею жизнью.

3) Многія изъ заводскихъ зданій пришли въ ветхость и грозятъ обрушиться. 11 ноября одно изъ такихъ разлѣзающихся по всѣмъ швамъ зданій обрушилось, при слѣд. обстоятельствахъ: зданіе это, не смотря на то, что и стѣны и крыша его желѣзныя, сильно обветшало, стѣны расползались въ разныя стороны и ихъ только и удерживали толстые желѣзные пруты да желѣзныя балки, стягивающія стѣны. Въ этотъ день директоръ и пріемщикъ должны были принимать желѣзные листы. Листы эти надо перевозить черезъ это злополучное зданіе, но желѣзныя связи и балки препятствовали проходу подъемнаго парового крана. Тогда одно изъ начальствующихъ лицъ, П. Е. Маркинъ, велѣлъ перерубить связи, а также прорубить въ балкахъ мѣста для прохода крана. Лишившись послѣдней своей опоры, зданіе обрушилось, похоронивъ въ своихъ развалинахъ 7 человѣкъ.

Час. къ 8 веч. пострадавшіе были отрыты; изъ нихъ четверо убиты наповалъ, трое раненыхъ, изъ нихъ Филиппъ Бабковъ тяжело: у него переломлены обѣ ноги и пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова. Бабковъ женатъ, имѣетъ двоихъ дѣтей.

Брянскій рабочій.

Наши потребительныя общества. Въ обществѣ потребителей при Коломенскомъ машиностроительномъ зав. (Москов. губ.) обнаружены большія хищенія и злоупотребленія администраціи. На дняхъ въ лавкѣ найдена масса протухшей солонины и ветчины, какъ говорятъ, до 1000 пуд. Разборъ дѣла показалъ, что это мясо закупилъ уже испорченнымъ бухгалтеръ лавки, — человѣкъ наемный отъ потреб. общества. Члены правленія лавки, инженеры Коломенскаго завода Отцке, Афанасьевъ и другіе, принудили ревизіонную коммиссію, состоящую изъ мастеровыхъ и мелкихъ служащихъ, принять это мясо. Залежи тухлаго мяса были опечатаны полиціей по заявленію рабочаго, состоящаго при лавкѣ, — онъ не въ состояніи былъ продолжать перетаскивать тухлое мясо изъ подваловъ на возы для отправки его коломенскому купцу. Была отправлена депутація отъ рабочихъ къ администраціи завода съ заявленіемъ о желаніи созвать экстренное собраніе потребителей. Инженеръ Отцке увѣрялъ, что собраніе излишне, онъ обѣщалъ покрыть убытки лавки надбавкой 5 коп. на пудъ муки и выдать въ концѣ года тѣ же 10% дивиденда; при чемъ усиленно настаивалъ на томъ, что, смѣщая его изъ членовъ правленія, они этимъ ничего не выиграютъ, такъ какъ не получатъ никакого дивиденда; онъ просилъ, чтобы „не марали его чести“. Вызванный директоръ-хозяинъ сталъ на сторону инженеровъ, назвалъ депутатовъ „бунтовщиками“, осмѣливающимися его безпокоить изъ-за какихъ-то пустяковъ.

По заводу въ настоящее время ходятъ опросные листы: желаютъ рабочіе собранія потребителей или нѣтъ. На голосованіе оказываютъ сильное вліяніе мастера. Администрація постарается обставить дѣло такъ, чтобы его провалить.

Нижній-Новгородъ. Въ ночь на 21 дек. по всему городу были расклеены и разбросаны прокламаціи по поводу усиленной охраны. Онѣ читались многими и вызвали великое смятеніе среди полиціи. Въ ночь на 22 декабря были распространены прокламаціи Нижегородскаго Комитета на фабрикахъ и заводахъ по тому же поводу. Теперь каждую ночь разъѣзжаютъ по улицамъ усиленные конные патрули.

Вамъ писали уже о прокламаціяхъ на Добровскомъ зав. (одна прокламація) и на Калашкинскомъ (три прокламаціи). На сормовскихъ заводахъ были выпущены въ октябрѣ и ноябрѣ двѣ прокламаціи, одна къ рессорщикамъ, другая къ кузнецамъ. Дѣло въ томъ, что въ Сормовѣ систематически, хотя незамѣтно и постепенно, понижаютъ расцѣнки. Когда понизили расцѣнки рессорщикамъ, они, почти всѣ, бросили работу. На ихъ мѣсто поставили кузнецовъ и выписали рабочихъ изъ Москвы. Имъ же предложили разсчетъ. Нѣкоторые опять встали на работу, но многіе ушли съ завода. Въ ноябрѣ понизили расцѣнки кузнецамъ. Они ходили къ фабричному инспектору, тотъ обѣщалъ вступиться, но, конечно, ничего изъ этого не вышло. Наконецъ, недавно понизили расцѣнокъ въ мѣдно-литейной. По этому поводу была выпущена прокламація ко всѣмъ сормовскимъ рабочимъ въ довольно большомъ количествѣ. Она была всюду распространена, даже наклеена во многихъ мѣстахъ и вызвала много разговоровъ. Въ мѣстахъ, гдѣ были наклеены листки, собирались толпы народа и читали ихъ. Начали ходить слухи, что будетъ „бунтъ“. На администрацію они тоже произвели впечатлѣніе. Для предупрежденія и устраненія безпорядковъ заблаговременно были посланы въ Сормово войска, хотя никакихъ безпорядковъ тамъ не было. Они устроили маневры передъ заводомъ, постреляли въ цѣль и потомъ возвратились назадъ. По этому поводу Комитетъ обратился съ письмомъ „Ко всѣмъ офицерамъ Н.-Новгорода“. Кромѣ этихъ изданій, Комитетъ выпустилъ „Нижегородскую Раб. Газету“.

Кромѣ Комитета, здѣсь образовалась еще одна соц.-демократическая группа, которая выпустила № 1 „Раб. Летуч. Листка“, и еще одна революціонная группа безъ названія, которая издала листки: „Къ народу“, „Къ крестьянамъ“, „О Добролюбовѣ“ и „Объ усиленной охранѣ“.

Правила объ усиленной охранѣ, расклеенныя на столбахъ, всюду вызываютъ разговоры — рабочіе очень озлоблены, о нихъ идетъ разговоръ даже среди пригородныхъ крестьянъ, пріѣзжающихъ въ Нижній въ базарные дни. „Скоро возстаніе будетъ, плохо живется народу“, разъясняютъ имъ ихъ „политики“.

Оренбургъ. Постройка Оренб.-ташкентской ж. д., начавшаяся этимъ лѣтомъ, вызвала массу „недоразумѣній“ между подрядчиками и рабочими. Рабочихъ обирали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Не говоря уже о томъ, что условія работы очень неудовлетворительны, система штрафовъ, ничѣмъ не сдерживаемая,*) практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, рабочихъ просто обманывали при разсчетахъ. Управленіе жел. дор. передало постройку подрядчику, тотъ, въ свою очередь, передалъ другимъ подрядчикамъ и т. д., такъ что рабочіе получали часто работу изъ третьихъ, даже четвертыхъ рукъ. Обезпеченіе въ уплатѣ денегъ съ подрядчиковъ не бралось, и вотъ при разсчетахъ поздней осенью почти по всей линіи подрядчики не доплатили рабочимъ денегъ. „У насъ нѣтъ — намъ самимъ тоже не заплатили“. Начались судбища (для чего нужны средства — платить пошлины, адвокатамъ и т. д.), но и выигравъ дѣло, рабочіе не могли получить своихъ заработанныхъ грошей. Подрядчики объявляли себя несостоятельными или начинали новое дѣло съ другимъ подрядчикомъ. Въ тоже время подрядчики предлагаютъ рабочимъ идти на мировую — вмѣсто рубля получить 60-80 коп., и рабочіе шли на эту сдѣлку: не на что было жить, наступала къ тому же зима. Большинство рабочихъ — крестьяне изъ голодающихъ губерній. Озлобленіе сильное и противъ подрядчиковъ, и противъ администраціи, которая держитъ ихъ сторону. Стачки были мелкія у отдѣльныхъ подрядчиковъ.

Изъ **Оренбурга** высылаютъ евреевъ за неимѣніемъ „права жительства“, начали съ осени, примѣняютъ мѣры безцѣльной жестокости: разоряютъ ремесленниковъ, даютъ на сборы 24 часа, о грубости администраціи не говоримъ... Попадаются случаи и незаконной (!) — какъ будто законъ о чертѣ еврейской осѣдлости „законенъ“ — высылки. Подано нѣсколько жалобъ въ сенатъ. Высылками возмущаются, да только про себя.

Сарапуль (Вятской губ.). Три четверти населенія нашего города занято въ производствѣ обуви. Во главѣ производства стоятъ заводы: Барабанщикова, Михѣева, Дедюхина, Смагина и Пѣшехонова, изъ которыхъ на каждомъ работаетъ отъ 200 до 500 чел. На заводахъ происходитъ, главнымъ образомъ, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п.; большая же часть работы производится ручнымъ трудомъ, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имѣетъ всѣ темныя стороны кустарнаго производства: безконечный рабочій день, который передъ сдачею обуви хозяевамъ захватываетъ нерѣдко нѣсколько ночей подрядъ, низкая (поштучная) заработная плата и т. п. Разъ въ недѣлю являются ремесленники на заводы съ готовою обувью для сдачи и получаютъ плату за работу. Сдача нерѣдко сопровождается значительными прижимками сдачечниковъ хозяйскими пріемщиками, при чемъ иногда слышатся въ толпѣ безсильныя проклятія по адресу эксплуататоровъ (сцена изъ „Ткачей“ Гауптмана). Раздѣленіе труда развито довольно сильно, такъ что рѣдко можно встрѣтить сапожника, который могъ бы сшить пару сапогъ, начиная съ кройки ея, безъ посторонней помощи. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ неимѣніемъ собственнаго сырого матеріала, ставитъ ремесленниковъ въ кабальное положеніе по отношенію къ хозяину. Бѣдныя жилища, которыя служатъ и мастерскими, недостатокъ воздуха, свѣта и одежды, скудное питаніе, худыя, блѣдныя лица членовъ семьи — вотъ обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дѣти его въ большинствѣ случаевъ не оканчиваютъ школы и рано засаживаются за работу, пріобрѣтая всевозможныя болѣзни, до чахотки включительно, которая находитъ себѣ благопріятную почву. Мнѣ вспоминается страдальческая смерть Поли Вар., 16 лѣтъ, умершей отъ чахотки и водянки; трудно описать отчаяніе матери, посадившей ее съ 10 лѣтъ за строчку паръ.

На заводахъ часть рабочихъ является приходящею, другая живетъ тутъ же на хозяйскихъ харчахъ. Обстановка труда на заводахъ немногимъ лучше домашней работы: грязныя, тѣсныя, безъ свѣта и безъ воздуха, мастерскія, господство всѣхъ видовъ внѣ-законной эксплуатаціи рабочихъ, царство мастеровъ и приказчиковъ, грубость въ обращеніи — являются характерными ея признаками. Женскій и дѣтскій трудъ примѣняется въ изобиліи, при чемъ сплошь и рядомъ встрѣчается обходъ закона о предѣльномъ возрастѣ занятыхъ на работѣ дѣтей, такъ что нерѣдко 10-11 лѣтнія дѣти значатся въ конторскихъ книгахъ 13-14 лѣтними; фабричный инспекторъ этого, конечно, не видитъ. Въ хозяйскихъ казармахъ господствуетъ невылазная грязь; харчи — постная пища, съ преобладаніемъ воды и хлѣба, такъ какъ благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасеніи душъ нечестивыхъ рабочихъ. Заработная плата низка, рабочій день на однихъ заводахъ, согласно закону, — $11^1/_2$ час., а на другихъ, гдѣ хозяева побойчѣе, и рабочіе посмирнѣе, — 12 и 13 час. Тяжесть положенія чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они вздыхаютъ, жалуются на свое положеніе, придумываютъ разныя палліативныя средства, но радикальнаго выхода изъ него не видятъ. Ремесленники мечтаютъ объ открытіи общихъ мастерскихъ для нихъ, о потребительныхъ и производительныхъ товариществахъ, но дальше не идутъ. Только изрѣдка то на одномъ, то на другомъ заводѣ являются попытки рабочихъ улучшить свое положеніе. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, извѣстныхъ мнѣ, я разскажу дальше...

Въ январѣ 1900 года всѣ живущіе на хозяйскихъ харчахъ рабочіе завода Дедюхиныхъ забастовали, выставивъ слѣдующія требованія: очистка казармъ и содержаніе ихъ въ чистотѣ, еженедѣльная баня для рабочихъ; вмѣсто чугуновъ для чая — самовары; вмѣсто голыхъ досокъ для спанья — войлоки съ подушками, ежедневно мясные щи съ $^1/_4$ ф. мяса на чел. и. т. п. Хозяева сразу сдались, пораженные неожиданностью этого явленія. Началась чистка казармъ, изъ кухни понесся запахъ мясныхъ щей, потянулись возы съ войлоками и самоварами... Это былъ настоящій свѣтлый праздникъ для рабочихъ. Они ходили повеселѣвшіе, съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Настроеніе сильно повысилось; шли разговоры безъ конца. Но радость не могла долго продолжаться, такъ какъ кромѣ уничтоженныхъ золъ, въ ихъ трудовой жизни оставалась цѣлая бездна еще болѣе важныхъ, съ которыми предстояла продолжительная борьба. Ровно черезъ двѣ недѣли забастовалъ вторично уже весь заводъ, выставивъ требованія о сокращеніи рабочаго времени на полчаса, а въ субботу на одинъ часъ, о расширеніи помѣщенія мастерской, о вентиляціи, освѣщеніи и т. п. На сей разъ гг. хозяева бросились искать защиты у начальства: увѣдомили городскую полицію, вызвали фабричнаго инспектора и дали знать въ вятское жандармское управленіе. Прискакавшій инспекторъ предварительно позавтракалъ у хозяевъ, и явившись на заводъ, отказался говорить со всѣми рабочими, требуя отъ нихъ выборныхъ для переговоровъ. Рабочіе наотрѣзъ отказались исполнить это, и онъ принужденъ былъ выслушать ихъ требованія. Послѣ продолжительныхъ увѣщаній рабочихъ, онъ, наконецъ, согласился и сталъ мягко уговаривать ихъ начать завтра работу, обѣщая немедленно вывѣсить новыя правила о сокращеніи рабочаго дня (до 11 час., кажется) и приступить къ исполненію другихъ ихъ требованій. Затѣмъ отправился въ контору закусить. Работы начались, но новыя правила не появлялись, и черезъ нѣсколько дней рабочіе опять бросили работу, не смотря на обѣщанія управляющаго. Тогда хозяева поспѣшили вывѣсить новыя правила.... Новая побѣда, — новая радость для рабочихъ! Черезъ мѣсяцъ предстояла, кажется, полугодовая „ряда“ рабочихъ съ хозяевами, и рабочіе готовились уже предъявить новое требованіе — повышеніе заработной платы. А между тѣмъ, вѣрные царскіе слуги приступили къ дѣлу обнаруженія вредныхъ вліяній: начались обыски у рабочихъ, началось таска765ніе ихъ на допросы къ жандармскому полковнику. На помощь мѣстнымъ изъ Вятки было командировано сюда еще нѣсколько жандармовъ. Началось выворачиваніе души и квартиръ рабочихъ, осмѣлившихся требовать улучшенія своего горькаго положенія. При обыскѣ у Николая Злыгостева, перерывъ весь домъ, всѣ сараи и амбары, перекопавъ весь снѣгъ во дворѣ, энергичные опричники отправились въ баню, отстоящую чуть не на версту отъ дома, среди пустыря, и нашли тамъ двѣ нелегальныя книжки: „Что нужно знать и помнить каждому рабочему“ и „Какъ англійскіе рабочіе боролись за свободу“. Крамола найдена. Н. Злыгостева берутъ въ тюрьму. Но всѣ дальнѣйшіе поиски и допросы остаются тщетными. Только одинъ мастеръ съ завода (къ сожалѣнію, не помню его фамиліи), вначалѣ очень сочувствовавшій рабочимъ, при первомъ же допросѣ принесъ жандармамъ слезное покаяніе съ попыткою оговорить Злыгостева и другихъ рабочихъ. Но онъ ничего важнаго не далъ имъ, кромѣ пріятнаго сознанія, что этотъ мастеръ подлый предатель, — значитъ, ихъ слуга. Продержавъ Злыгостева три мѣсяца въ тюрьмѣ, не имѣя никакихъ фактовъ противъ него, его выпустили, отдавъ подъ гласный надзоръ. Другою жертвою явился рабочій Жуковскій, сосланный въ нашъ городъ на три года. Ему прибавили еще годъ наказанія и выслали въ Яранскъ. Между тѣмъ хозяева, пользуясь общимъ смятеніемъ, провели „ряду“ безъ ущерба для своего кармана. Позднѣе рабочіе добились сокращенія рабочаго дня въ субботу для дѣтей еще на полчаса.

Во время всѣхъ этихъ событій на другихъ заводахъ господствовало возбужденное состояніе среди рабочихъ, шли безконечные разговоры, происходили частичныя столкновенія рабочихъ съ начальствомъ, но до общаго движенія дѣло не дошло. Лѣтомъ того же года на заводѣ городского головы Пѣшехонова произошло слѣдующее событіе: хозяинъ удлинилъ рабочій день на полчаса безъ согласія рабочихъ, приказавъ кончать работу вмѣсто 11 час. въ $11^1/_2$ час. Рабочіе не повиновались и уходили обѣдать по обыкновенію въ 11 час. Тогда Пѣшехоновъ устроилъ свистокъ и отдалъ строгій приказъ кончать работу по свистку. Въ день перваго дебюта новаго свистка онъ пріѣхалъ на заводъ со своимъ сыномъ-инженеромъ, Леонидомъ. Подъ горячими лучами солнца стояли они среди заводского двора, предвкушая удовольствіе побѣды. Но вдругъ... о ужасъ! ровно въ 11 час. растворились одновременно двери всѣхъ мастерскихъ, и плотная рабочая масса хлынула на дворъ, обходя метавшихъ громъ и молніи Юпитеровъ. Образованный сынокъ покраснѣлъ, и изъ устъ его полились на головы ослушниковъ угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д. Новый свистокъ не помогъ, и хозяинъ принужденъ былъ уступить рабочимъ. Не безынтересно замѣтить, что этотъ же городской голова г. Пѣшехоновъ, имѣя въ своихъ мастерскихъ ламповое освѣщеніе, ставилъ въ счетъ рабочимъ керосинъ и разбитыя ламповыя стекла. Возмущенные этимъ, рабочіе забастовали. Тогда хозяинъ обратился къ полиціи, и на мѣсто дѣйствія немедленно явился храбрый исправникъ съ приставами и полицейскими. Но въ отвѣтъ на ругань исправника мускулистые кулаки рабочихъ сжались крѣпко и со злобою направились въ сторону гнѣвнаго начальства. Исправникъ со своею свитою бросился бѣжать, а во слѣдъ храброму воинству полетѣли камни, палки, посыпались остроты.

Одновременно съ вышеописанною стачкою на заводѣ Дедюхиныхъ, въ воткинскомъ желѣзодѣлательномъ казенномъ заводѣ, въ 60 верстахъ отъ Сарапула, происходило слѣдующее: рабочіе механическаго цеха забастовали, потребовавъ сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ въ субботу. Громадной толпой они отправились къ квартирѣ начальника. Увидавъ рабочихъ, начальникъ струсилъ и заперся въ своей квартирѣ. Но вынужденный настойчивыми требованіями рабочихъ выйти, онъ съ перваго же слова объявилъ свое согласіе, и, дѣйствительно, выполнилъ требованія стачечниковъ. Получилось слѣдующее явленіе: механическій цехъ въ субботу кончаетъ работу и расходится, а другіе цехи работаютъ еще часъ. Тогда же сразу обнаружилось сильное недовольство въ рабочихъ остальныхъ цеховъ, но до открытой борьбы не дошло еще.

Нужно замѣтить, что еще зимою 1899 года въ воткинскомъ заводѣ была распространена нелегальная литература. Рабочіе съ большимъ интересомъ набросились на нее, читая за работой, во время отдыха и на улицахъ. Началось броженіе среди рабочихъ, острыя столкновенія съ мастерами и начальствомъ. Жандармерія тотчасъ была пущена въ ходъ. Благодаря неосторожному обращенію съ литературою, недостаточной конспираціи, жандармы быстро сдѣлали свое дѣло. Прежде всего они оцѣпили во время работъ механическій цехъ и произвели повальный обыскъ у всѣхъ рабочихъ. Масса литературы полетѣла тогда въ горны. Затѣмъ пошли домашніе обыски и 15 чел. рабочихъ были арестованы. Но ихъ продержали двѣ недѣли и выпустили. Настроеніе среди всего населенія въ то время было страшно напряженное. Мнѣ съ ужасомъ разсказывала потомъ одна купчиха, какъ она и все ея родное и знакомое купечество складывало тогда свои богатства въ дубовые сундуки и собиралось выѣхать съ ними въ Сарапуль, потому что рабочіе-де грозили перерѣзать телеграфныя проволоки, перебить начальство и раздѣлить между собою всѣ богатства крупныхъ собственниковъ. Съ тѣхъ поръ на этомъ заводѣ не было никакихъ крупныхъ волненій, но глубокое недовольство живетъ въ рабочей средѣ, не находя пока выхода въ свѣтъ. Почва въ вышеописанныхъ мѣстностяхъ богатая, но, къ сожалѣнію, сѣятелей нѣтъ. Не разъ приходилось слышать отъ самихъ рабочихъ: „дайте намъ человѣка, съ которымъ мы могли бы посовѣтоваться, который научилъ бы насъ, тогда у насъ быстро пойдетъ дѣло“.

ИЗЪ БРЮССЕЛЯ.

Письмо въ редакцію „Искры“.

Брюссель, 31 дек. 1901 года.

Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только-что состоявшейся международной соціалистической конференціи. На ней присутствовали делегаты: отъ Франціи Вальянъ и Жеро-Ришаръ; отъ Германіи Каутскій и Зингеръ; отъ Голландіи Фанъ-Коль и Трульстра; отъ Соединенныхъ Штатовъ Герронъ; отъ Англіи Гайдмэнъ и Куэльчъ· отъ Польши Войнаровская; отъ Россіи Кричевскій и вашъ покорный слуга; отъ Бельгіи Ансель и Вандервельдъ, а также секретарь международнаго бюро Викторъ Серви.

Въ числѣ очередныхъ вопросовъ не было ни одного изъ тѣхъ, отъ рѣшенія которыхъ въ ту или въ другую сторону зависятъ судьбы движенія и при обсужденіи которыхъ неизбѣжно загораются страсти. Впрочемъ, международное бюро не имѣетъ и право рѣшать эти великіе вопросы. Его задачи гораздо скромнѣе: оно должно проложить путь для сближенія и для единодушнаго дѣйствія соціалистовъ всѣхъ странъ на почвѣ тѣхъ рѣшеній, которыя приняты другими, болѣе компетентными инстанціями (національными и интернаціональными съѣздами). Не удивительно поэтому, что международному соціалистическому бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Такъ, въ первомъ же засѣданіи его перваго съѣзда ему пришлось обсуждать споръ, давно ведущійся между англійской Независимой Рабочей Партіей (Independent Labour Party) и соціалдемократической Федераціей (Social-Demokratic Federation) по вопросу о представительствѣ въ Бюро. Конференція рѣшила, что въ январѣ будущаго года должно быть созвано въ Лондонѣ собраніе изъ представителей обѣихъ англійскихъ соціалистическихъ фракцій для улаженія этого спора.

Изъ другихъ практическихъ рѣшеній укажу на слѣдующее: каждой изъ представленныхъ въ Международномъ Бюро націй, кромѣ двухъ делегатовъ, предложено выбрать еще секретаря или — въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ двѣ соціалистическія фракціи — двухъ секретарей, для сношеній съ Международнымъ Бюро.

Далѣе рѣшено печатать на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и голландскомъ языкахъ бюллетень международнаго движенія. Но этотъ бюллетень будетъ выходить не въ видѣ особаго изданія, а на страницахъ уже существующихъ органовъ: „Neue Zeit“ въ Германіи; „Mouvement Socialiste“ въ Франціи; „Social-Democrat“ въ Англіи: „De Nieuwe Tijed“ въ Голландіи. Само собою разумѣется, что періодическимъ изданіямъ другихъ странъ ничто не препятствуетъ воспроизводить этотъ бюллетень на своихъ страницахъ. Думаю, что „Искра“ и „Заря“ съумѣютъ извлечь изъ него все, что можетъ быть интереснаго для русскаго читателя-соціалиста.

Парижскій международный соціалистическій конгрессъ 1900 г., какъ извѣстно, постановилъ, что слѣдующій конгрессъ состоится въ 1903 г. въ Амстердамѣ. Теперь наша конференція точнѣе обозначила время созванія этого конгресса: онъ состоится въ половинѣ августа. Въ январѣ 1903 г. секретарь Международнаго

---

*) Для работъ по постройкѣ жел. дорогъ дѣйствуетъ „уставъ о подрядахъ и поставкахъ“, въ которомъ нѣтъ и намека на обезпеченіе интересовъ рабочихъ, общее же фабричное законодательство на нихъ не распространяется.

Бюро обратится съ воззваніемъ къ рабочимъ партіямъ и соціалистическимъ организаціямъ всѣхъ странъ, приглашая ихъ прислать на конгрессъ своихъ представителей и заранѣе обозначить тѣ вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсужденію.

Укажу, наконецъ, на то постановленіе конференціи, согласно которому при Международномъ Бюро въ Брюсселѣ должна быть организована международная соціалистическая библіотека. Соціалисты всѣхъ странъ настоятельно приглашаются посылать въ нее всѣ свои изданія.

Перехожу теперь къ тѣмъ рѣшеніямъ конференціи, практическое значеніе которыхъ опредѣляется ихъ политическимъ содержаніемъ.

По почину Каутскаго и Зингера, конференція единогласно рѣшила сдѣлать слѣдующее заявленіе: „Международное Соціалистическое Бюро, собравшись на конференцію въ Брюсселѣ 30 дек. 1901 г., самымъ энергичнымъ образомъ протестуетъ во имя соціалистическаго пролетаріата всѣхъ странъ противъ политики германизаціи въ прусской Польшѣ, гдѣ прусское правительство не отступаетъ передъ самыми варварскими мѣрами для того, чтобы силой принудить польское населеніе отказаться отъ родного языка.

„Бюро клеймитъ также лицемѣріе и двоедушіе господствующихъ классовъ, которые не находятъ достаточно словъ для выраженія своего негодованія противъ англійскаго варварства въ Трансваалѣ и которые, съ другой стороны, одобряютъ и поддерживаютъ самый позорный гнетъ, налагаемый правительствомъ на поляковъ въ Германіи. Бюро приглашаетъ польскій рабочій народъ искать защиты противъ подавленія его духовной и національной культуры, равно какъ и противъ его экономической эксплуатаціи, подъ знаменемъ международной соціалдемократіи и всѣми силами содѣйствовать ускоренію ея побѣды, которая одна только можетъ принести полную духовную и матеріальную свободу и равенство“.

По поводу „имперіализма“ конференція, по предложенію Гайдмэна, единогласно высказалась такъ:

„Международное соціалистическое бюро снова обращаетъ вниманіе рабочихъ всего свѣта, какъ соціалистовъ, такъ и не соціалистовъ, на имперіалистскую политику, которой держатся всѣ страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служенія экономическимъ интересамъ класса капиталистовъ.

„Несмотря на непріязнь, которая возникаетъ по временамъ между отдѣльными націями, этотъ классъ, взятый въ цѣломъ, вездѣ дѣйствуетъ одинаковомъ образомъ для поддержанія своего всемірнаго господства.

„Если въ послѣднее время Англіей совершено было много преступленій въ Южной Африкѣ, а Соединнеными Штатами на Филиппинскихъ островахъ, то съ другой стороны вся Европа, въ союзѣ съ Соединенными Штатами и съ Японіей, совершила въ Китаѣ цѣлый рядъ несправедливостей и жестокостей, кладущихъ отвратительное пятно на исторію нашего времени.

„Тѣ страшныя послѣдствія, которыя несетъ съ собою для порабощенныхъ народовъ капиталистическая эксплуатація и которыя мы видимъ въ англійской Индіи, — гдѣ 230 милліоновъ людей были совершенно разорены англійскими вымогательствами, въ Ирландіи, въ Польшѣ, въ Африкѣ и въ Азіи, ведутъ эти народы къ нравственному униженію и къ матеріальному обѣдненію.

„Господствующіе классы пользуются имперіализмомъ и шовинизмомъ для того, чтобы противодѣйствовать вредному вліянію капиталистической конкурренціи, и для того, чтобы ослабить возрастающее вліяніе соціализма въ такое время, когда опустошительный промышленный кризисъ господствуетъ во всѣхъ странахъ.

„Международное Бюро горячо взываетъ къ рабочимъ всего міра, убѣждая ихъ не поддаваться интригамъ буржуазныхъ государственныхъ людей, не вѣрить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и съ возрастающей энергіей стремиться къ полному сплоченію въ особую партію рабочаго класса, которая объединится на международной почвѣ для уничтоженія привилегій буржуазіи“.

Наконецъ, въ двухъ заявленіяхъ, предложенныхъ русскими делегатами, и поддержанныхъ польской делегаткой, В. Войнаровской, конференція заклеймила реакціонныя и жестокія дѣйствія нашего правительства. Вотъ эти заявленія:

1) „Международное Соціалистическое Бюро единодушно протестуетъ противъ русскаго правительства, которое, ради своихъ реакціонныхъ цѣлей, нарушило конституцію финляндскаго народа и, недавнимъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, почти совершенно закрыло евреямъ доступъ въ среднія и высшія учебныя заведенія.

„Международное Соціалистическое Бюро тѣмъ болѣе считаетъ себя обязаннымъ протестовать противъ этой послѣдней мѣры, продиктованной антисемитами, что еврейскіе рабочіе-соціалдемократы, своей неутомимой дѣятельностью, оказали большую услугу международному пролетаріату“.

Подписано:

Плехановъ. Кричевскій. В. Войнаровская.

„Международное Соціалистическое Бюро клеймитъ ненавистный русскій деспотизмъ, который еще разъ покрылъ себя кровью, произведя 7 мая 1901 г. бойню среди рабочихъ Обуховскаго зав. въ Петербургѣ во время манифестаціи, происшедшей въ связи съ празднованіемъ перваго мая и заставивъ затѣмъ свой холопствующій судъ приговорить (въ концѣ сентября 1901 г.) къ каторжнымъ работамъ и тюремному заключенію 29 жертвъ, произвольно выхваченныхъ изъ числа обуховскихъ манифестантовъ.

„Бюро посылаетъ свое братское привѣтствіе героямъ борцамъ, русскимъ рабочимъ, свидѣтельствуя о горячемъ сочувствіи, которое международный соціализмъ питаетъ къ ихъ освободительной борьбы противъ царизма, „этого врага соціализма и демократіи“.

Подписано:

Кричевскій. Плехановъ. Войнаровская.

Около 6 час. вечера окончилось послѣобѣденное, — второе и послѣднее — засѣданіе конференціи, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанамъ съ тѣмъ, чтобы, подкрѣпивъ свои силы, снова сойтись въ 8 часовъ на большой международный митингъ, о которомъ заранѣе возвѣщено было въ центральномъ органѣ бельгійской партіи „Le Peuple“ и въ особыхъ афишахъ. Я не стану передавать содержанія тѣхъ рѣчей, которыя были произнесены на этомъ митингѣ делегатами всѣхъ странъ: говорилось то, что обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ. Прибавлю только, что какъ вашъ покорный слуга, такъ и другой русскій делегатъ сочли своимъ долгомъ указать западноевропейскимъ товарищамъ на могучій и непрерывный ростъ русскаго рабочаго движенія и на постоянно обостряющіяся столкновенія русскаго пролетаріата съ царизмомъ. Такія указанія не безполезны, такъ какъ на Западѣ даже соціалисты очень плохо освѣдомлены о томъ, что дѣлается въ Россіи. Но для русскихъ читателей въ нихъ новаго ничего нѣтъ, и потому я не распространяюсь о нихъ, предпочитая отмѣтить то поднятое настроеніе, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную „Праздничную залу“ („Salle de Fêtes“) брюссельскаго „Народнаго Дома“. Бельгійскій пролетаріатъ ведетъ теперь чрезвычайно энергичную борьбу съ реакціонной частью буржуазіи за всеобщее избирательное право. Духъ борьбы наполняетъ сердца бельгійскихъ рабочихъ, и потому каждое энергичное слово иностранныхъ делегатовъ встрѣчало восторженный откликъ со стороны ихъ слушателей. Я не разъ присутствовалъ на большихъ политическихъ собраніяхъ бельгійскихъ рабочихъ, но еще никогда они не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія.

Но пріятнѣе и сильнѣе всего поражало участіе въ митингѣ дѣтей и подростковъ рабочаго класса. Эти малолѣтніе и несовершеннолѣтніе пролетаріи стройно и торжественно пропѣли цѣлый рядъ пѣсенъ въ честь иностранныхъ делегатовъ. Когда смолкла послѣдняя пѣсня, я взглянулъ на своего сосѣда Вальяна: „Quelle belle Soirée“! (какой пріятный вечеръ!), воскликнулъ до глубины души тронутый борецъ коммуны. И дѣйствительно, мы прекрасно провели этотъ вечеръ.

Повторяю, бельгійскій пролетаріатъ находится теперь въ періодѣ ожесточенной борьбы. Наши бельгійскіе товарищи-соціалисты твердо убѣждены, что ихъ реакціонное правительство уступитъ только силѣ, и надо видѣть, какъ систематично и обдуманно ведутъ они дѣло революціонной агитаціи!*) Они не вступятъ въ открытый бой раньше времени; но когда они вступятъ въ него, ихъ врагъ будетъ побѣжденъ, — въ этомъ невозможно сомнѣваться. По всему видно, что бельгійскіе соціалисты придерживаются „тактики-плана“.

Бельгійскій пролетаріатъ завоюетъ всеобщее избирательное право. Это будетъ новымъ, огромнымъ шагомъ впередъ въ рабочемъ движеніи Бельгіи. Но этотъ новый шагъ будетъ въ этой странѣ началомъ такого же „кризиса въ соціализмѣ“, какой переживаетъ теперь Франція. Я думаю, бельгійскій соціализмъ вынесетъ этотъ кризисъ, какъ вынесъ его и французскій, но я не могу не находить, что „цѣна прогресса“ бываетъ по временамъ довольно высока.

Г. Плехановъ.

Г. Плехановымъ внесено въ Бюро за русскую соціалдемократію 100 фр — половина падающаго на Россію взноса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Харьковскіе товарищи просятъ насъ сообщить слѣдующій фактъ:

„Харьковскій октябрскій провалъ 1900 г., какъ многіе изъ массовыхъ проваловъ послѣднихъ лѣтъ, ознаменовался нѣкоторыми печальными событіями, требующими непремѣнно самой широкой огласки. Первое мѣсто между ними занимаетъ, конечно, поведеніе Воейкова. Воейковъ, рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, человѣкъ сравнительно уже немолодой, достаточно развитый и интеллигентный, занималъ выдающееся положеніе среди харьковскихъ рабочихъ. Помимо своей весьма успѣшной пропагандистской и агитаторской дѣятельности, онъ особенно важную роль сыгралъ во время извѣстной харьковской маевки 1900 г., когда онъ открыто выступилъ во главѣ тысячной толпы, руководилъ ею, и отъ ея имени обратился съ рѣчью къ губернатору, которая произвела сильное впечатлѣніе не только на рабочихъ, но и на представителей администраціи. Арестованный 16 мая вмѣстѣ въ другими рабочими, онъ черезъ три мѣсяца былъ отправленъ на три года въ Вятскую губернію. Въ ноябрѣ, послѣ провала, онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сосланными рабочими былъ привезенъ изъ Малмыжа (Вятской губ.) въ Харьковъ, гдѣ послѣ недѣльнаго тюремнаго заключенія открылъ передъ жандармами всю душу и принесъ повинную. Въ настоящее время онъ возвращенъ изъ ссылки и живетъ въ томъ же Харьковѣ, гдѣ произошло его возвышеніе и гнусное паденіе!

„Поступокъ Воейкова ввергъ въ большое уныніе всѣхъ сидѣвшихъ. И вотъ одинъ изъ интеллигентовъ, назовемъ его N., довольно солидный уже человѣкъ, не первый годъ вращающійся въ революціонной средѣ, рѣшаетъ, что при такихъ обстоятельствахъ, когда жандармамъ все уже извѣстно, когда имѣются такія вѣскія улики, какъ показанія Воейкова, самое лучшее покончить съ дѣломъ, дать показанія, взять нѣсколькимъ лицамъ вину на себя и выгородить „молодыхъ“. Не говоря уже о томъ, что выгораживать никого нельзя было, что если кое кто изъ молодыхъ и былъ нѣсколько причастенъ къ дѣлу, то относительно него были въ свою очередь предательскія показанія, не говоря о томъ, что выгораживаніе въ такихъ случаяхъ возможно лишь при разрѣшеніи выгораживаемымъ давать показанія противъ товарищей и чистосердечно раскаяться, что, слѣдуетъ думать, не входило въ планы г. N., не говоря, слѣдовательно, о безсмысленности самаго рѣшенія, оно ни въ коемъ случаѣ не могло быть допустимо съ принципіальной стороны, и поэтому товарищъ, которому N. сдѣлалъ это предложеніе, отвергъ его съ негодованіемъ. Несмотря на это, N. рѣшаетъ все-таки на собственный страхъ и рискъ признать показаніе Воейкова. Полагая, что своимъ поступкомъ онъ никому вреда не принесетъ, а только ускоритъ развязку, онъ даетъ показанія, руководствуясь показаніями Воейкова, при этомъ, конечно, старается одурачить жандармовъ, но, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, оказывается самъ въ дуракахъ. Поступокъ этотъ возмутительный и требуетъ самаго строгаго порицанія. Но какъ строго къ нему ни относиться, харьковскіе товарищи справедливо думаютъ, что квалифицировать его одинаково съ поступкомъ Воейкова и Ко. ни въ коемъ случаѣ нельзя. N. никого не выдавалъ (названныя имъ лица уже были давно оговорены) и никакими корыстными цѣлями не руководствовался. А если это такъ, то вполнѣ понятно, почему харьковскіе товарищи не считаютъ нужнымъ опубликовать имя даннаго лица. Здѣсь суть не въ томъ или иномъ лицѣ, а въ ложномъ пониманіи роли и задачи обвиняемаго на жандармскомъ слѣдствіи, если хотите, въ недомысліи и отсутствіи принципіальности, и поэтому здѣсь необходимо порицать поступокъ, чтобы предотвратить повтореніе подобныхъ нелѣпостей. Между тѣмъ предатель, какъ Іуда Искаріотъ, долженъ быть отмѣченъ общимъ презрѣніемъ, на вѣчныя времена, и потому мы и выставляемъ его къ позорному столбу“.

Присылая это заявленіе, товарищи желаютъ снять съ г. N. тѣнь, которую могло набросить на него сдѣланное нами въ почтовомъ ящикѣ № 8 приглашеніи харьковскимъ товарищамъ назвать его имя, чтобы опубликовать одновременно съ Воейковымъ. Наше приглашеніе было вызвано слишкомъ неопредѣленной характеристикой, данной поступкамъ г. N въ первомъ заявленіи харьковскихъ товарищей, и заставлявшей думать, что эти поступки относятся къ одной категоріи съ поступкомъ Воейкова. Изъ настоящаго заявленія мы видимъ, что мы ошибались, и вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ харьковцевъ, что г. N. ставить на одну доску въ Воейковыми не слѣдуетъ.

РАЗВРАТЪ ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОЙ СРЕДѢ.

Намъ доставленъ слѣдующій листокъ: „Аграрно-Соціалистическая Лига считаетъ своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ: Въ іюнѣ этого года Н. К. Паули, высланный изъ Парижа Французскимъ правительствомъ и спрошенный его товарищами по Лигѣ о причинахъ распространившихся по этому поводу слуховъ, сообщилъ, что въ апрѣлѣ 1900 г. онъ сдѣлалъ попытку на свой личный страхъ и рискъ, безъ вѣдома товарищей, для осуществленія задуманнаго имъ революціоннаго плана, вступить въ сношенія съ русской политической полиціей и велъ съ этою цѣлью письменные и устные переговоры, которые однако скоро прекратились и не были связаны, по его плану, ни съ какимъ предательствомъ или выдачей. Лига назначила коммиссію для разсмотрѣнія этого дѣла. Послѣ разслѣдованія, настолько тщательнаго, насколько это было возможно для коммисcіи при данныхъ обстоятельствахъ, Лига пришла къ заключенію, основанному на сопоставленіи всѣхъ результатовъ детальнаго опроса Паули со всѣми извѣстными ей до сихъ поръ объективными фактами, касающимися какъ самого дѣла, такъ и личности Н. К. Паули, что эта попытка была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного. Доводя объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія, Аграрно-Соціалистическая Лига заявляетъ, что Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ. Настоящимъ заявленіемъ Лига считаетъ исчерпаннымъ лишь вопросъ объ ея отношеніи къ своему бывшему члену Н. К. Паули. Лига не можетъ, конечно, считать себя компетентною въ рѣшеніи вопроса о Паули въ его полномъ объемѣ, такъ какъ это является не только внутреннимъ вопросомъ Лиги, но одинаково затрогиваетъ интересы всѣхъ революціонныхъ организацій; поэтому, если другія организаціи сочтутъ нужнымъ и найдутъ возможнымъ освѣтить вопросъ полнѣе, то Лига готова оказать имъ свое товарищеское содѣйствіе.

18 ноября 1901 г. Подписали:

Ф. Волховскій, Х. Житловскій, В. Житловская, С. Краснопольскій, Б. Оленинъ, Е. Лазаревъ, И. Рубановичъ, Е. Серебряковъ, Д. Соскисъ, К. Терешковичъ, Н. Чайковскій, Л. Шишко.“

Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакой возможности помочь Аграрной Лигѣ „освѣтить вопросъ полнѣе“. Но мы думаемъ, что разъ Аграрная Лига считала г. Н. К. Паули своимъ членомъ и назначала особую коммиссію для разбора этого дѣла, то ей слѣдовало бы опубликовать какъ можно больше подробностей и документальныхъ данныхъ о „письменныхъ и устныхъ переговорахъ“ г. Паули съ парижскими агентами русскаго правительства. Пусть пріемы этого общаго нашего врага будутъ во всѣхъ деталяхъ извѣстны всѣмъ и каждому.

Съ своей стороны, мы обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на этотъ возмутительный и позорный случай: революціонеръ вступаетъ въ сношенія съ политической полиціей! „Крайне ложный и безусловно вредный взглядъ“ на допустимость такихъ сношеній вообще — особенно вреденъ въ настоящее время, когда полиція такъ усердно старается не только силой подавить поднимающееся все выше революціонное движеніе, но и внести развратъ въ его среду, и когда громадный ростъ движенія привлекъ въ его ряды массу неопытной молодежи. Полицейскій развратъ для насъ гораздо опаснѣе полицейскаго насилія. Воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы предостеречь начинающихъ практиковъ и прочнѣе запечатлѣть въ ихъ умахъ правильное понятіе о высокихъ обязанностяхъ и высокой отвѣтственности всякаго, кто берется за революціонную дѣятельность

„Общееврейскій рабочій союзъ“ („Бундъ“) праздновалъ выпускъ 25 номера своей газеты „Arbeiterstimme“ (Голосъ рабочихъ), издающейся тайно въ Россіи на еврейскомъ жаргонѣ. Возникши въ 1896 г. по иниціативѣ кружка рабочихъ, взявшихся поставить тайную типографію, „Голосъ Рабочихъ“ издается съ успѣхомъ вотъ уже пять лѣтъ и много сдѣлалъ для сплоченія сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ Литвы и Польши въ партійную организацію. Лѣтомъ 1898 г. типографія „Голоса рабочихъ“ была арестована агентами Зубатова въ Бобруйскѣ, но послѣ нѣкотораго перерыва газета снова стала выходить въ свѣтъ. Послѣ польскаго „Работника“, издавшаго уже свыше 40 номеровъ, „Голосъ рабочихъ“ является старѣйшимъ изъ числа издающихся въ Россіи нелегальныхъ соц.-демократическихъ органовъ, которому удается выходить довольно регулярно, не смотря на чрезвычайныя усилія, прилагаемыя Зубатовымъ и его командой для разгрома еврейской рабочей организаціи. Еврейскіе товарищи вправѣ гордиться этимъ успѣхомъ, котораго имъ удалось достичь только благодаря своему самоотверженію, энергіи и организаціонной настойчивости. Нашимъ организаціямъ приходится еще поучиться организаціонному умѣнію у дѣятелей „Бунда“. Привѣтствуя еврейскихъ товарищей съ выпускомъ 25 номера ихъ центральнаго органа, мы выражаемъ „Бунду“ пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ въ дѣлѣ организаціи и развитія классового самосознанія еврейскаго пролетаріата.

Юбилейный номеръ „Arbeiterstimme“ (изданный, кромѣ еврейскаго, еще и на польскомъ языкѣ) содержитъ, между прочимъ привѣтствія, полученныя газетой отъ дѣятелей международнаго соціализма: Каутскаго, Бебеля, Зингера, Ж. Гэда и Вальяна.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Ростовѣ-наДону 30 октября на вокзалѣ Екатер. дор. пытались задержать человѣка, явившагося получить грузъ, въ которомъ жандармы открыли нелегальную литературу. Получатель успѣлъ скрыться. 2 декабря арестованъ Воскресенскій, въ которомъ артельщики признаютъ скрывшееся лицо. Отвезенъ въ Москву. 18 дек. арестованы по предписанію изъ Харькова С. Мелетко и Исаакъ Бродскій. Обыски у Локермана и мн. раб.

Въ Н.-Новгородѣ въ ночь на 17 ноября, кромѣ уже упомянутыхъ въ № 14, обысканы Лисовская, закройщикъ Орловъ, всѣ квартиранты того дома, гдѣ жилъ арестованный студ. Розовъ. Добролюбская выпущена.

Въ СПБ. 3-4 дек. взяты еще (см. №№ 13 и 14): ст. Ун. Китаевъ, ст. мед. В. Ковалевскій, ст. ун. Сиритонинъ, Маклашевскій, Ал. Малгенко, В. Рудницкій, техн. В. Немира, мѣщ. В. Антокольскій, ст. мос. унив. Михѣевъ, техн. Н. Клышко, техн. С. Сачеперъ, мѣщ. Тим. Батрашкинъ, пот. гр. Александровъ, врачъ Тумашевскій, С. Самгинъ, студ. унив. В. Литовъ, курс. Бархатова и г-жа Эпштейнъ. Изъ Вильны привезенъ З. Франкфуртъ. Въ Обуховскомъ заводѣ былъ обыскъ у завѣдующаго мастерской капитана Берсеньева.

Въ Вильнѣ арестованъ адвокатъ Козловскій.

Въ Томскѣ 25-26 ноября взяты врачъ на перес. пунктѣ Павловъ, его жена и фельдшерица. Кромѣ нихъ, фельдшерица Мутныхъ и еще 10 чел. У Павлова взята типографія. У него въ качествѣ кучера три мѣсяца проживалъ шпіонъ. Арестованные содержатся въ мѣстномъ острогѣ весьма плохо.

Въ Варшавѣ раб. Фел. Держинскій, бѣжавшій изъ ссылки изъ Вятской губ. и арестованный въ 1900 г. на собраніи въ Варшавѣ, приговоренъ къ 5 г. Вост. Сибири.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ 26 дек. арестовано нѣсколько десятковъ рабочихъ, человѣкъ 65 увезено въ Москву.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

За декабрь московскимъ представителемъ получено: отъ умирающаго 100 р.; за литературу: изъ Нижняго 44 р., изъ Курска 10 р., изъ Вятки 65 р., изъ Воронежа 50 р.; въ Москвѣ выручено за литературу 140 р. 04 к., изъ Тамбова 5 р., въ Москвѣ черезъ З-ъ 6 р. 35 к., отъ NN 50 р., отъ предпріятія 50 р. 40 к. Всего: 520 р. 79 к. (Израсходованы на мѣстныя и организаціонныя нужды). — Отъ московской группы „Три звѣздочки“ получено 15 р. (Поступило въ кассу редакціи.)

Загр. Лигою рев. соц.-дем. получено: изъ Дармштадта 25 м., изъ Парижа 200 ф. (изъ нихъ отъ D. D L. 34 ф.), изъ Цюриха 52 м., изъ Болгаріи за „Зарю“ 4.50 ф., изъ Лозанны за литер. 75,75 фр., въ Б. получено: изъ Бродъ 13 м., за лит. 84,05 м., съ реферата и взносы 25,35 м., изъ Сибири на литер. 140 м., изъ Лондона 30 шил., отъ Русскаго Соц.-Демок. Общ. въ Нью-Іоркѣ 400 доллар., изъ Берна 161,75 фр. (въ томъ числѣ изъ Монпелье 4,15 фр. и отъ Б. К. Ф. 21,70 фр.).

Въ пользу обуховцевъ; изъ Дармштадта 150 м., изъ Лондона 35 шил., отъ жен. отд. „Кр. Кр.“ 25 руб., по листку 15 фр., сборъ въ Б. 10 мар.

Кружокъ NN проситъ насъ напечатать слѣдующій отчетъ: Съ 1 сент. по 31 дек. 1901 г. получено: отъ пріятеля 20 р., отъ „созерцателей 2 октября“ 28 р., отъ инженера 5 р., за литературу 73 р. 50 к., черезъ Худого 183 р. 50 к. Всего 320 р. — Расходъ: на доставку лит. 165 р., выслано въ „Искру“ 125 р., уплачено СПБ. Союзу за лит. 20 р. Всего 310 р.

Въ типографіи „Искры“ напечатано: „Начало демонстраціи“ (листокъ). Вышелъ вторымъ изд. № 11 „Искры“.

Въ тип. „Зари“ вышло: „Бомбардировка Благовѣщенска китайцами“ (оттискъ изъ № 4 „Зари“).

---

*) Насколько трудно бельгійскому правительству бороться съ пролетаріатомъ, видно, между прочимъ, изъ такого факта: во время демонстрацій казармы нѣкоторыхъ полковъ въ Брюсселѣ приходится запирать, а къ дверямъ ихъ приставляютъ жандармовъ. Иначе солдаты присоединятся къ демонстрантамъ.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 16

1-го ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА.

№ 16

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦІЯ И „КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ".

Начнемъ съ примѣра.

Читатели помнятъ, вѣроятно, какой шумъ вызвалъ докладъ орловскаго губернскаго предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссіонерскомъ съѣздѣ о необходимости признанія закономъ свободы совѣсти. Консервативная печать, съ „Моск. Вѣд." во главѣ, рветъ и мечетъ противъ г. Стаховича, не зная, какъ и обругать его, обвиняя чуть-ли не въ государственной измѣнѣ всѣхъ орловскихъ дворянъ за то, что они снова выбрали г. Стаховича въ предводители. А этотъ выборъ — дѣйствительно поучительное явленіе, пріобрѣтающее до извѣстной степени характеръ дворянской демонстраціи противъ полицейскаго произвола и безобразія.

Стаховичъ — увѣряютъ „Моск. Вѣд." — „не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стаховичъ, весельчакъ, душа общества, краснобай..." (1901 г., № 348.) Тѣмъ хуже для васъ, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помѣщики заговорили о свободѣ совѣсти, значитъ нѣсть по истинѣ числа тѣмъ гнусностямъ, которыя чинятъ наши попы съ нашей полиціей. — ...„Какое дѣло нашей „интеллигентной" легкомысленной толпѣ, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичамъ, до нашей святыни, православной вѣры и до нашихъ завѣтныхъ къ ней отношеній?"... Опять-таки: тѣмъ хуже для васъ, господа защитники самодержавія, православія, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейскаго самодержавія, если оно даже религію настолько пропитало духомъ кутузки, что „Стаховичи" (не имѣющіе никакихъ твердыхъ убѣжденій въ религіозныхъ вопросахъ, но заинтересованные, какъ увидимъ ниже, въ прочности религіи) проникаются полнымъ равнодушіемъ (если не ненавистью) къ этой пресловутой „народной" святынѣ! — ...„Они нашу вѣру называютъ заблужденіемъ!! Они издѣваются надъ нами за то, что мы, благодаря этому „заблужденію", молимся и бѣжимъ грѣха, исполняемъ безропотно наши обязанности, какъ бы тяжелы онѣ ни были, за то, что мы находимъ силы и бодрость переносить горе, лишенія и чуждаемся гордости при удачахъ и въ счастіи"... Вотъ въ чемъ суть-то! Святыня православія тѣмъ дорога, что учитъ „безропотно" переносить горе! Какая же это выгодная, въ самомъ дѣлѣ, для господствующихъ классовъ святыня! Когда общество устроено такъ, что ничтожное меньшинство пользуется богатствомъ и властью, а масса постоянно терпитъ „лишенія" и несетъ „тяжелыя обязанности", то вполнѣ естественно сочувствіе эксплуататоровъ къ религіи, учащей „безропотно" переносить земной адъ ради небеснаго, будто бы, рая. Въ пылу усердія, „Моск. Вѣд." начинаютъ проговариваться. И онѣ проговорились до такой степени, что нечаянно правду сказали. Слушайте дальше: ...„Они и не подозрѣваютъ, что, благодаря тому же „заблужденію", они, гг. Стаховичи, ѣдятъ сытно, спятъ спокойно и живутъ весело".

Святая истина! Именно такъ, именно благодаря громадному распространенію въ народныхъ массахъ религіозныхъ „заблужденій" „спятъ спокойно" и Стаховичи и Обломовы и всѣ наши капиталисты, живущіе трудомъ этихъ массъ, да и сами „Моск. Вѣд." И чѣмъ больше будетъ распространяться просвѣщеніе въ народѣ, чѣмъ болѣе религіозные предразсудки будутъ вытѣсняться соціалистическимъ сознаніемъ, тѣмъ ближе будетъ день побѣды пролетаріата, избавляющей всѣ угнетенные классы отъ ихъ порабощенія въ современномъ обществѣ.

Но, проговорившись въ одномъ пунктѣ, „Моск. Вѣд." слишкомъ дешево отдѣлались отъ другого интереснаго вопроса. Онѣ явно заблуждаются, думая, что Стаховичи „не подозрѣваютъ" указаннаго значенія религіи и требуютъ либеральныхъ реформъ просто по „легкомыслію". Такое объясненіе враждебнаго политическаго направленія уже очень ребячески-наивно! А что г. Стаховичъ въ данномъ случаѣ явился именно глашатаемъ цѣлаго либеральнаго направленія, — это лучше всего доказали сами „Моск. Вѣд.": иначе къ чему было поднимать цѣлый походъ противъ одного доклада? къ чему было говорить не о Стаховичѣ, а о Стаховичахъ, объ „интеллигентной толпѣ"?

Это заблужденіе „М. Вѣд." есть, конечно, корыстное заблужденіе. „М. Вѣд." разумѣется, больше не желаютъ, чѣмъ не умѣютъ примѣнить классовую точку зрѣнія къ анализу ненавистнаго имъ либерализма. О нежеланіи нечего и говорить. А вотъ неумѣніе представляетъ для насъ большой общій интересъ, ибо этимъ грѣхомъ страдаютъ весьма многіе революціонеры и соціалисты. Страдаютъ имъ и авторы письма въ № 12 „Искры", обвиняющіе насъ въ отступленіи отъ „классовой точки зрѣнія" за то, что мы въ своей газетѣ стараемся слѣдить за всѣми проявленіями недовольства и протеста либераловъ; — и авторы „Пролетарской борьбы" и нѣкоторыхъ брошюръ „Соціалдемократической Библіотеки", воображающіе, что наше самодержавіе есть самодержавное господство буржуазіи; — и Мартыновы, зовущіе насъ отъ всесторонней обличительной кампаніи (т. е. отъ самой широкой политической агитаціи) противъ самодержавія къ преимущественной борьбѣ за экономическія реформы (давать „положительное" рабочему классу, выставлять отъ его имени „конкретныя требованія" законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, „сулящія извѣстные осязательные результаты"); — и Надеждины, съ недоумѣніемъ спрашивающіе по поводу нашихъ корреспонденцій о статистическихъ конфликтахъ: „господи, да не для земцевъ-ли этотъ органъ?"

Всѣ эти соціалисты забываютъ, что интересы самодержавія совпадаютъ только при извѣстныхъ обстоятельствахъ и только съ извѣстными интересами имущихъ классовъ, и притомъ часто не съ интересами всѣхъ этихъ классовъ вообще, а съ интересами отдѣльныхъ слоевъ ихъ. Интересы другихъ слоевъ буржуазіи, а также болѣе широко понятые интересы всей буржуазіи, всего развитія капитализма вообще необходимо порождаютъ либеральную оппозицію самодержавію. Если, напр., самодержавіе гарантируетъ буржуазіи возможность примѣнять самыя грубыя формы эксплуатаціи, то, съ другой стороны, оно ставитъ тысячи препятствій широкому развитію производительныхъ силъ и распространенію просвѣщенія, возбуждая этимъ противъ себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазію; если самодержавіе гарантируетъ(?) буржуазіи охрану отъ соціализма, то, съ другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при безправіи населенія, въ такое полицейское безчинство, которое возмущаетъ всѣхъ и каждаго. Каковъ результатъ этихъ противоположныхъ тенденцій, каково соотношеніе консервативнаго и либеральнаго настроенія или направленія въ буржуазіи въ данный моментъ, — этого нельзя вывести изъ пары общихъ положеній; это зависитъ отъ всѣхъ особенностей общественно-политической обстановки въ данный моментъ. Для опредѣленія этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно слѣдить за всѣми и всякими столкновеніями съ правительствомъ какого бы то ни было общественнаго слоя. Именно въ силу „классовой точки зрѣнія" непозволительно соціалдемократу оставаться безучастнымъ къ недовольству и протестамъ „Стаховичей".

Названные же соціалисты и своими разсужденіями и своей дѣятельностью доказываютъ свое безучастіе къ либерализму, обнаруживая этимъ непониманіе основныхъ положеній Коммунистическаго Манифеста, этого „евангелія" международной соц.-демократіи. Вспомните, напр., слова о томъ, что буржуазія сама даетъ матеріалъ для политическаго воспитанія пролетаріата своей борьбой за власть, столкновеніемъ отдѣльныхъ своихъ слоевъ и группъ и пр. Только въ свободныхъ политически странахъ этотъ матеріалъ достается пролетаріату самъ собою (да и то только отчасти). Въ рабской же Россіи мы, соціалдемократы, должны активно работать надъ доставленіемъ рабочему классу этого „матеріала", т. е. должны взять на себя задачу всесторонней политической агитаціи, всенародной обличительной кампаніи противъ самодержавія. И эта задача особенно настоятельна въ періоды политическаго броженія. Надо помнить, что за годъ политическаго оживленія пролетаріатъ можетъ научиться, въ смыслѣ революціоннаго воспитанія, большему, чѣмъ за нѣсколько лѣтъ затишья. Вотъ почему особенно вредна тенденція указанныхъ соціалистовъ сознательно или безсознательно съуживать размахъ и содержаніе политической агитаціи.

Далѣе, вспомните слова о поддержкѣ коммунистами всякаго революціоннаго движенія противъ существующаго строя. Эти слова часто понимаютъ слишкомъ узко, не распространяя ихъ на поддержку либеральной оппозиціи. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что бываютъ эпохи, когда всякое столкновеніе съ правительствомъ на почвѣ прогрессивныхъ общественныхъ интересовъ, какъ бы мелко оно само по себѣ ни было, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ (а наша поддержка есть одно изъ этихъ условій) разгорѣться въ общій пожаръ. Достаточно напомнить, въ какое общественное движеніе разрослось въ Россіи столкновеніе студентовъ съ правительствомъ на почвѣ академическихъ требованій или во Франціи столкновеніе всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ съ военщиной на почвѣ одного, рѣшеннаго путемъ подлоговъ, судебнаго дѣла. Вотъ почему нашъ прямой долгъ разъяснять пролетаріату, расширять и, путемъ активнаго участія рабочихъ, поддерживать всякій либеральный и демократическій протестъ, будетъ-ли онъ проистекать изъ столкновенія земцевъ съ м—вомъ вн. дѣлъ, или дворянъ съ вѣдомствомъ полицейскаго православія, или статистиковъ съ помпадурами, крестьянъ съ „земскими", сектантовъ съ урядниками и проч. и проч. Кто морщитъ презрительно носъ по поводу мизерности нѣкоторыхъ изъ этихъ столкновеній или „безнадежности" попытки раздуть ихъ въ общій пожаръ, тотъ не понимаетъ, что всесторонняя политическая агитація есть именно фокусъ, въ которомъ совпадаютъ насущные интересы политическаго воспитанія пролетаріата съ насущными интересами всего общественнаго развитія и всего народа въ смыслѣ всѣхъ демократическихъ элементовъ его. Нашъ прямой долгъ — вмѣшиваться во всякій либеральный вопросъ, опредѣлять свое, соціалдемократическое отношеніе къ нему, принимать мѣры къ тому, чтобы пролетаріатъ активно участвовалъ въ рѣшеніи этого вопроса и заставлялъ рѣшать его по своему. Кто сторонится отъ такого вмѣшательства, тотъ на дѣлѣ (каковы бы ни были его намѣренья) пасуетъ передъ либерализмомъ, отдавая въ его руки дѣло политическаго воспитанія рабочихъ, уступая гегемонію политической борьбы такимъ элементамъ, которые въ конечномъ счетѣ являются вожаками буржуазной демократіи.

Классовый характеръ соц.-демократическаго движенія долженъ выражаться не въ съуженіи нашихъ задачъ до непосредственныхъ и ближайшихъ нуждъ „чисто-рабочаго" движенія, а въ руководствѣ всѣми сторонами и всѣми проявленіями великой освободительной борьбой пролетаріата, этого единственнаго дѣйствительно революціоннаго класса современнаго общества. Соціалдемократія должна всегда и неуклонно расширять воздѣйствіе рабочаго движенія на всѣ сферы общественной и политической жизни современнаго общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочихъ, но также и политической борьбой пролетаріата; она должна ни на минуту не упускать изъ виду нашей конечной цѣли, всегда пропагандировать, охранять отъ искаженій и развивать дальше пролетарскую идеологію — ученіе научнаго соціализма, т. е. марксизмъ. Мы должны неустанно бороться противъ всякой буржуазной идеологіи, въ какіе бы модные и блестящіе мундиры она ни рядилась. Названные нами выше соціалисты отступаютъ отъ „классовой" точки зрѣнія также потому и постольку, поскольку они безучастны къ задачѣ борьбы съ „критикой марксизма". Только слѣпые люди могутъ не видѣть, что эта „критика" всего быстрѣе привилась въ Россіи и всего торжественнѣе подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является однимъ изъ элементовъ складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократіи въ Россіи.

Что касается политической борьбы въ особенности, то именно „классовая точка зрѣнія" требуетъ, чтобы пролетаріатъ подталкивалъ впередъ всякое демократическое движеніе. Рабочая демократія своими политическими требованіями не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи. Въ борьбѣ за экономическое освобожденіе, за соціалистическую революцію, пролетаріатъ стоитъ на принципіально иномъ базисѣ и стоитъ одиноко (мелкій производитель лишь постольку, поскольку онъ переходитъ или готовится перейти въ ряды пролетаріата, придетъ ему на помощь. Въ борьбѣ же за политическое освобожденіе у насъ много союзниковъ, безучастно относиться къ которымъ непозволительно. Но въ то время, какъ наши союзники изъ буржуазной демократіи, борясь за либеральныя реформы, всегда будутъ оглядываться назадъ, стараясь устроить дѣло такъ, чтобы имъ можно было по прежнему „ѣсть сытно, спать спокойно и жить весело" на чужой счетъ, пролетаріатъ пойдетъ впередъ безъ оглядки до самаго конца. Когда какіе-нибудь гг. Р. Н. С. (авторъ предисловія къ запискѣ Витте) будутъ торговаться съ правительствомъ о правахъ властнаго земства или о конституціи, мы будемъ бороться за демократическую республику. Не забудемъ только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо всегда держать руку на плечѣ этого другого. Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставлять его двинуться на аршинъ. А упрется, — такъ мы пойдемъ впередъ безъ него и черезъ него.

БЕЗРАБОТИЦА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Нигдѣ въ Россіи не скучено въ одномъ мѣстѣ столько фабр.-заводскихъ рабочихъ, какъ въ Петербургѣ, нигдѣ не проявляются характерныя черты пролетаріатской среды (чувство солидарности, чувство собственнаго достоинства, стремленіе къ знанію и къ свободѣ) такъ ярко, какъ среди массы петербургскихъ рабочихъ, и въ то же время, нигдѣ политическій гнетъ не опуталъ всю жизнь рабочихъ такою густою сѣтью шпіонства и предательства.

День за днемъ тяжелой работы въ той угнетающей и разрушающей силы и здоровье обстановкѣ, которою характеризуются всѣ фабрики и заводы въ Россіи; громадное число сверхъ-урочныхъ часовъ, отъ которыхъ отказываться не полагается, — все это высасываетъ послѣднія силы. Рабочіе жмутся другъ къ другу, чувствуя, что только общими усиліями могутъ они отстаивать свои интересы. Эта тяжелая жизнь разнообразится картинами пьянаго разгула. Ни книжки хорошей, ни честной газеты... Иногда только освѣтитъ на время эту жизнь попавшая въ руки прокламація или номеръ нелегальной газеты, который напомнитъ, что есть гдѣ-то другая жизнь, полная борьбы за свободу*), иногда на томъ или другомъ заводѣ всколыхнется масса подъ впечатлѣніемъ какого-либо слишкомъ возмутительнаго насилія надъ товарищемъ или слишкомъ ужаснаго „несчастнаго случая" на заводѣ. Подымутся рабочіе, потребуютъ у администраціи отчета, заставятъ выслушать себя, заставятъ, быть можетъ, уступить, — а потомъ опять та же гнетущая работа, тѣ же сѣрые будни, тѣ же униженія...

Глухое недовольство бродитъ гдѣ-то внутри. Хочется понять жизнь свою, столковаться съ товарищами, поговорить о томъ, что просыпается въ душѣ. Въ бога сколько-нибудь сознательный рабочій не вѣруетъ, — онъ слышалъ кое-что про науку, но связать въ одно цѣлое то, что ему удалось прочитать или услышать, онъ не въ силахъ. Страстно цѣпляется онъ за каждую новую мысль и сейчасъ же старается передать ее другимъ. На этой почвѣ и создаются кружки въ рабочей средѣ.

Во многихъ кружкахъ устраиваются библіотеки, выписываются легальныя газеты и журналы. Въ одномъ мѣстѣ увлекаются такими романами, какъ „Оводъ" Войнича и зачитываютъ „Ткачей" Гауптмана, „Дурныхъ пастырей" Октава Мирбо, стараются достать „Подпольную Россію", Лассаля или „Что дѣлать?" Чернышевскаго, — въ другомъ читаютъ Богданова, Липперта, „Эрфуртскую программу", но вездѣ и всегда на первомъ планѣ нелегальныя брошюры и книги. Иногда кружки требуютъ интеллигента для руководства, иногда предпочитаютъ разбираться самостоятельно, иногда кто-нибудь изъ рабочихъ берется руководить занятіями. Я зналъ рабочаго, которому удалось достать свидѣтельство отъ доктора и такимъ образомъ освободиться отъ вечернихъ и ночныхъ работъ; онъ ночи просиживалъ надъ книгами и излагалъ затѣмъ содержаніе прочитаннаго въ двухъ кружкахъ.

Иногда кружки сознательно, „страха ради полицейска" уклоняются отъ „рабочей организаціи", хотя и хватаютъ, гдѣ только могутъ, нелегальную литературу. Есть даже такіе кружки, которые примыкаютъ къ легальной петербургской кассѣ взаимопомощи, въ которую, по уставу, могутъ поступать не одни только рабочіе, какъ въ харьковской кассѣ, но и всѣ желающіе. Касса эта не удовлетворяетъ рабочихъ, они ругаютъ ее нещадно, влачитъ она самое жалкое существованіе, — но все же „Союзу Борьбы" слѣдовало бы обратить на нее вниманіе: это предпріятіе отвлекаетъ иногда, хотя и не надолго, довольно цѣнныя силы.

Остальные кружки или примыкаютъ къ рабочей организаціи или находятся подъ вліяніемъ ея членовъ. Черезъ эти кружки проходитъ вся нелегальная литература, ими распространяются и расклеиваются прокламаціи. Здѣсь вырабатываются серьезные агитаторы, организующіе новые кружки и пользующіеся въ своей средѣ большимъ вліяніемъ. Изъ нихъ выбираются представители въ центральную организацію.

Въ легальныя школы и библіотеки идетъ сравнительно немного рабочихъ, такъ какъ правительство вымело отсюда все, что можетъ увлекать ихъ. Петербургскіе рабочіе уже привыкли съ насмѣшкой относиться ко всему, что дѣлается „съ дозволенія начальства": лживыми словами и ласковой улыбкой ихъ никуда не заманишь. Напрасно гг. Торнтоны думаютъ смягчить „неблагодарныхъ рабочихъ" елками и гуляньями, а слащавые попы составляютъ свои холуйскія лекціи и проповѣди, способныя только вызывать среди рабочихъ смѣхъ или негодованіе.

Нѣтъ ни минуты, когда бы петербургскій рабочій не чувствовалъ надъ собой заботливой опеки попечительнаго начальства. У воротъ завода „фараонъ", на дворѣ нарядъ жандармовъ, въ мастерскихъ сторожа и мастера, въ каждомъ углу по Іудѣ-предателю, шпіоны на улицахъ, въ школахъ, въ библіотекахъ. Даже дома выстроены будто бы по плану жандармскаго управленія: всюду тонкія перегородки, часто даже не доходящія до потолка; даже на „вольныхъ" квартирахъ рабочіе не могутъ себя чувствовать „какъ дома", опасаясь хозяевъ, дворниковъ и сосѣдей. Но все это кажется раемъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ приходится жить фабричнымъ въ казармахъ. Здѣсь нельзя даже читать вслухъ, здѣсь подозрительнымъ кажется всякій, имѣющій книги, сюда трудно пронести что-нибудь: и при входѣ, и при выходѣ дворникъ можетъ васъ обыскать**).

И зарождается самъ собою вопросъ: неужели конца этому не будетъ? Неужели всегда будетъ продолжаться эта тягота?

Но эту тяготу смѣняетъ другая, еще болѣе тяжелая: на плечи рабочихъ опускается промышленный кризисъ. Картина ихъ жизни быстро мѣняется. До сихъ поръ они чувствовали свою силу и знали, что въ нихъ нуждаются, что, забастовавъ, они могутъ дать отпоръ хозяйскимъ претензіямъ или проучить слишкомъ зарвавшагося мастера. Можно было рисковать мѣстомъ и на оскорбленіе отвѣчать оскорбленіемъ. Спѣшная работа, наполняя весь день, отвлекала вниманіе, день быстро смѣнялся другимъ днемъ и, казалось, конца не будетъ этой суетѣ.

Теперь сама почва заколебалась подъ ихъ ногами. Мучительно долго тянутся часы, когда приходится стоять передъ пустыми тисками. Отойти нельзя, присѣсть невозможно: мастеръ пользуется всякимъ предлогомъ, чтобы потянуть къ разсчету. Рабочій чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ провинился въ чемъ-либо передъ мастеромъ. Онъ не смотритъ въ глаза мастеру, онъ знаетъ, что онъ не нуженъ болѣе, что онъ безсиленъ, что мастеръ можетъ какъ ему угодно издѣваться надъ нимъ. Расцѣнки понижаются: не выработаешь и половины прежней получки; протесты и стачки не ведутъ ни къ чему. Всякій знаетъ, что работы нигдѣ найти нельзя, что за воротами стоятъ десятки безработныхъ, что полиція сотнями высылаетъ ихъ на родину.

---

*) Въ среднемъ среди рабочихъ въ Петербургѣ распространяется 4-5 пудовъ литературы въ мѣсяцъ. Она распространяется далеко не равномѣрно, и попадаетъ не на всѣ заводы и фабрики.

**) Все это приводитъ къ тому, что даже для простыхъ кружковыхъ собраній рабочей организаціи приходится устраивать „конспиративныя квартиры". Квартирный вопросъ является самымъ жгучимъ вопросомъ петербургской организаціи.

Онъ знаетъ все это, и невыносимымъ кажется ему его положеніе, ненавистными дѣлаются ему эти закопченныя стѣны, которыхъ онъ раньше не замѣчалъ, эти грязныя окна, въ которыя онъ смотритъ будто бы въ первый разъ. Онъ вспоминаетъ, что въ этихъ условіяхъ протекла вся жизнь его, полная рабскихъ униженій, бестолковая, безпросвѣтная. А что ждетъ впереди? „Нѣтъ лучше совсѣмъ не жить, чѣмъ жить такъ"!

Жизнь въ кружкахъ также рѣзко измѣнилась: рабочіе уже не занимаются изученіемъ „формъ заработной платы", не читаютъ любимой брошюры „О штрафахъ" — не тѣмъ занята голова. Собранія дѣлаются чаще и многолюднѣе. Раздаются горячія рѣчи о рабочемъ движеніи, о соціализмѣ, насмѣшки и ругательства по адресу правительства. Выдвигаются новыя лица, сознательность которыхъ раньше никто и не подозрѣвалъ. Возникаютъ новые кружки. Старые кружки, стоявшіе до сихъ поръ въ сторонѣ, стараются примкнуть къ общему движенію и къ организаціи.

Кружки смѣшиваются другъ съ другомъ, расплываются въ общей массѣ. Настроеніе охватываетъ и стараго и малаго. Прокламаціи дерзко разбрасываются и расклеиваются чуть не подъ носомъ у растерявшихся дворниковъ. Наиболѣе энергичные рабочіе, которыхъ въ Петербургѣ называютъ „орлами", пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на массу.

Въ сознаніи рабочихъ возникаетъ громадная картина торжествующаго зла и насилія, и страшная жажда борьбы и мести прорывается наружу. Передъ всѣми возникаетъ вопросъ: „что дѣлать?", всѣ требуютъ немедленнаго рѣшенія его, требуютъ и отъ „орловъ", и отъ интеллигентовъ.

Расцѣнки, между тѣмъ, продолжаютъ понижаться: выработка понижается съ двадцати-тридцати рублей до пятнадцати, до десяти въ двѣ недѣли. „Не нравится, — смѣется мастеръ, — иди на другой заводъ, тамъ больше даютъ". Рабочихъ разсчитываютъ, отъѣзжающимъ на родину устраиваютъ проводы, по мастерскимъ открыто собираютъ деньги въ ихъ пользу.

А фабричнымъ еще труднѣе: рвется гнилая нитка, ноетъ грудь отъ вонючей пыли, а выработаешь въ мѣсяцъ восемь-шесть рублей, иногда четыре, иногда еще меньше. Питаются однимъ „постнымъ" чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, — хорошо, если можно лукомъ скрасить эту, не идущую въ ротъ, пищу. Но и здѣсь за воротами стоятъ кучами оборванныя ткачихи, ожидая мастера, чтобы просить у него, какъ милости, хоть какой-нибудь работы. Исхудалыя дѣвушки просятъ у своихъ прежнихъ товарищей „ради Христа", съ завистью провожая ихъ глазами до воротъ фабрики.

Блѣдные, нервные, съ блестящими глазами идутъ рабочіе изъ вонючихъ казармъ на пыльную фабрику и обратно. Тысячи мыслей сверлятъ мозгъ, и нѣтъ имъ отвѣта. Въ казармахъ уже не обращаютъ вниманія на сторожей и шпіоновъ: сбиваются въ кучи, громко разговариваютъ, прорываются дикія ругательства. „Что же теперь?" Неужели такъ здѣсь и околѣвать придется?" И глухая злоба скопляется въ груди, гнететъ и мучаетъ. Эти люди на все пойдутъ, все могутъ, потому что все смѣютъ...

Хорошо, если рабочій хоть одинъ разъ слышалъ слово пропагандиста, если онъ читать умѣетъ и имѣлъ въ рукахъ хоть пару хорошихъ, не „экономическихъ" листковъ, — мысль его тогда имѣетъ уже точку опоры, онъ увѣреннѣе смотритъ впередъ и умѣетъ назвать врага своего, — онъ знаетъ тогда, почему царская полиція на тракту дежуритъ.

Съ какою радостью хватаетъ теперь рабочій листки и брошюры! И чѣмъ горячѣе написаны они, чѣмъ шире захватываютъ вопросъ о томъ, что дѣлать, чѣмъ опредѣленнѣе и радикальнѣе отношеніе ихъ къ столпамъ существующаго безпорядка (къ капиталу и царю), тѣмъ большее получитъ онъ удовлетвореніе. Точно открываютъ настежь окно въ темной камерѣ узника, — видно небо, слышенъ шумъ жизни. И онъ, дѣйствительно, родился для новой жизни, онъ готовъ идти на борьбу, ему, дѣйствительно, ненавистенъ старый строй. Дайте ему опредѣленный планъ дѣйствій, и онъ безъ страха и сомнѣній пойдетъ за вами и подъ нагайки казацкія и въ тюрьму: ему терять нечего.

Заводскіе рабочіе лучше понимаютъ, съ кѣмъ и для чего придется имъ имѣть дѣло, они знаютъ даже, чего они могутъ ожидать теперь и чего должны добиваться послѣ. Они знаютъ, что теперь необходимо избавиться отъ полиціи и царя, чтобы послѣ освободиться и отъ гнета капитала. Они способны двинуться сами на улицу, но не могутъ, безъ указанія центральной организаціи, двинуться одновременно

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Оскорбленіе величества. Нашимъ читателямъ извѣстно, что гроза, разразившаяся надъ газетой „Россія", вызвана была фельетономъ, озаглавленнымъ „Господа Обмановы" и изображающимъ глупую помѣщичью семью, какъ огня боящуюся всякихъ новшествъ и стремящуюся къ поддержанію старо-дворянскихъ, крѣпостническихъ идеаловъ. Русская и заграничная публика поняла это дѣло въ томъ смыслѣ, что Николай II узналъ себя въ барченкѣ Никѣ-Милушѣ и „Высочайше" повелѣлъ строго наказать виновныхъ. Выходило, что нашъ самодержецъ и самъ находитъ, что портретъ его удачно написанъ. И это заставляло вспоминать извѣстную эпиграмму Пушкина, заканчивающуся словами:

Въ полученьи оплеухи
Росписался мой дуракъ...

Наши оффиціозы почувствовали обидный для царя комизмъ этого положенія, и вотъ въ „Journal de Genève" отъ 9 февраля появилась замѣтка, идущая, очевидно, изъ русскаго источника и поясняющая, что не царю, а „полиціи" принадлежитъ починъ въ наказаніи газеты „Россія", а что самъ царь былъ даже „смущенъ" (peiné), когда узналъ объ этомъ дѣлѣ.

Это, можетъ быть, и такъ. Но неужели авторъ замѣтки воображаетъ, что положеніе Николая II перестаетъ быть комичнымъ? Подумайте только! Въ газетѣ появляется фельетонъ, осмѣивающій глупыхъ дворянъ Обмановыхъ и издѣвающійся надъ глупымъ дворянскимъ сынкомъ Никой Милушей, а „полиція" кричитъ во всеуслышаніе: „Обмановы, это — Романовы, а Ника-Милуша, это — Его Величество Императоръ и Самодержецъ всея Россіи Николай II". Очень хорошо. По истинѣ безподобно: точь въ точь какъ въ анекдотѣ, разсказанномъ когда-то, если не ошибаемся, въ одномъ изъ „Листковъ Народной Воли": Два человѣка проходятъ мимо городового, при чемъ одинъ изъ нихъ, продолжая ранѣе начатый разговоръ, восклицаетъ: „да онъ набитый дуракъ". — Городовой немедленно схватываетъ его за шиворотъ и тащитъ въ участокъ. — „За что?" — За оскорбленіе Величества. Вы говорите — онъ дуракъ! — „Да развѣ же я про царя это?" — Толкуйте! Знаемъ мы, кто у насъ дуракъ-то набитый!

Полиція хочетъ защищать честь своего повелителя и сама самымъ недвусмысленнымъ образомъ оскорбляетъ „Величество". Вотъ оно, усердіе не по разуму!

P. S. Для читателей, которымъ неизвѣстно содержаніе пресловутаго фельетона въ „Россіи", будетъ не безъинтересно узнать, что́ вызвало гнѣвъ начальства.

Авторъ (Амфитеатровъ) разсказываетъ родословную дворянской семьи гг. Обмановыхъ. Прадѣдъ Никандръ Парфимовичъ (Николай Павловичъ?) „бравый маіоръ въ отставкѣ, съ громовымъ голосомъ, съ страшными усищами и глазами на выкатѣ, съ зубодробительнымъ кулакомъ". Сынъ его, Алексѣй Никандровичъ (Александръ Николаевичъ?) — „явившись въ Большія Головотяпы какъ разъ въ эпоху эмансипаціи, оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и либеральныхъ мировыхъ посредниковъ. Имѣлъ грустные голубые глаза, говорилъ мужикамъ „вы" и развивалъ уѣздныхъ львицъ, читая имъ вслухъ „Что дѣлать?" Считался краснымъ и даже чуть-ли не корресподировалъ въ „Колоколѣ"... Умеръ двоеженцемъ, и не подъ судомъ только потому, что умеръ". Сынъ его Алексѣй Алексѣевичъ (Александръ Александровичъ?), женатый на Маринѣ Филипповнѣ (Маріи Федоровнѣ?), признавалъ только одинъ органъ печати — „Гражданинъ" и, по свидѣтельству мѣстныхъ дворянъ, „дворянство наше только при немъ и свѣтъ увидало. Высоко знамя держалъ-съ!" Сына своего Никанора или въ просторѣчіи „Нику-Милушу" держалъ въ строгости. Просился Ника, по окончаніи гимназіи, въ университетъ, — „родитель посмотрѣлъ на него холодными, тяжелыми глазами на выкатѣ:

— Зачѣмъ? Крамолѣ набираться? и пустилъ сына по военной службѣ."

Ника, тайкомъ отъ отца, почитывалъ „Русскія Вѣдомости", но читать ему приходилось урывками, такъ какъ при входѣ отца онъ закрывалъ газету „Гражданиномъ". Въ результатѣ такого чтенія у молодого дворянина въ головѣ получилась каша, и онъ часто путался, приписывая кн. Мещерскому либеральные взгляды, а „Русскимъ Вѣдомостямъ" реакціонные.

На этомъ заканчивается „преступный" фельетонъ. Вмѣсто обѣщаннаго продолженія подписчики „Россіи" узнали, что ихъ газета „сама собой" закрылась. Оффиціальнаго прекращенія не послѣдовало. Авторъ и издатель (г. Сазоновъ) высланы; первый, по слухамъ, въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Этой расправой съ умѣренно-либеральной газетой нашъ „Ника-Милуша", вѣроятно, хотѣлъ показать, что ему не чужды повадки царственнаго прародителя Никандра Парфимовича Обманова.

Университетскіе сотоварищи привать-доцента Дэна просятъ напечатать слѣдующую замѣтку:

„Намъ достовѣрно извѣстно, что привать-доцентъ Дэнъ участвовалъ въ устройствѣ бесѣдъ съ механическими рабочими только до начала октября. Когда же въ концѣ ноября былъ поднятъ вопросъ о возможности продолженія бесѣдъ, пр.-доцентъ Дэнъ отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ, въ виду того оборота, которое оно къ этому времени уже очевидно приняло".

Отъ редакціи. Настоящимъ заявленіемъ политическая репутація проф. Дэна совершенно обѣляется. Посмотримъ, хватитъ-ли мужества у другихъ профессоровъ продолжать послѣ этого свое сотрудничество съ Зубатовымъ. Только отстраняясь отъ всякаго соприкосновенія съ полицейской шайкой, люди, желающіе легально работать для рабочаго класса, и смогутъ заставить правительство дать хоть какой-нибудь просторъ честной легальной самодѣятельности.

Намъ сообщаютъ, что Зубатовъ явился на одно изъ собраній московскаго общества рабочихъ и роздалъ присутствующимъ 150 экз. № 8 „Искры", въ которомъ была статья объ этомъ обществѣ. При этомъ Зубатовъ говорилъ рабочимъ, что они сами могутъ убѣдиться, какъ мнимые друзья рабочихъ — соціалдемократы относятся къ такимъ учрежденіямъ, пользу которыхъ признаютъ московскіе рабочіе. Какъ говорятъ, Зубатовъ достигъ на этотъ разъ своей цѣли — сильно возстановилъ членовъ общества противъ „Искры".

Что Зубатовъ такимъ образомъ содѣйствуетъ распространенію нашей газеты, — за это мы ему очень благодарны. Еще болѣе благодарны мы ему за то, что онъ при этомъ случаѣ назвалъ публикѣ предполагаемыхъ имъ редакторовъ нашей газеты. Революціонерамъ всегда важно знать, въ какую сторону направлены подозрѣнія жандарма. Но кто бы могъ подумать, что „великій" московскій сыщикъ такъ болтливъ и неконспиративенъ, чтобы разсказывать въ публикѣ о своихъ подозрѣніяхъ?

Одесса. 5 декабря въ залѣ думы состоялось собраніе участниковъ артелей подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго г. Левитскаго. Собралось 300-400 чел. изъ 32 артелей. Мѣстное начальство, повидимому, не безъ опасенія разрѣшило собраніе: конечно, опасаться чего-нибудь со стороны нашего Шульце-Делича ему было нечего, но, можетъ быть, оно побаивалось мѣстнаго Комитета или Южной Группы. Какъ ни какъ, но когда я подошелъ къ думѣ, меня поразило обиліе блюстителей порядка: на подъѣздѣ околодочный и двое городовыхъ, въ швейцарской еще околодочный и двое городовыхъ, у дверей зала городовой; вхожу въ залу — тамъ приставъ, два околодочныхъ и два городовыхъ.

Послѣ томительнаго ожиданія, во время котораго собравшіеся члены артелей не рѣшались даже громко разговаривать, собраніе было, наконецъ, открыто г. Левитскимъ. Онъ началъ съ напоминанія о томъ, что собравшіеся должны вести себя тихо, смирно, „не выходить изъ предѣловъ законности". „Мы должны оправдать довѣріе г. градоначальника", говорилъ онъ. „Законъ — основа нашей дѣятельности"... „мы сильны закономъ"... и т. д. и т. д. На этотъ мотивъ онъ переливалъ изъ пустого въ порожнее минутъ десять. Наконецъ, переходя къ программѣ засѣданія, объявилъ, что изъ намѣченныхъ артельщиками вопросовъ (свыше 30) выбралъ три, и правду сказать, выбралъ далеко не самые интересные. Только первый вопросъ (о способѣ распредѣленія заработка) вызвалъ оживленные дебаты. Оба другіе — о кредитѣ и о работѣ внѣ артели — прошли довольно вяло. Но разскажемъ по порядку.

Г. Левитскій начинаетъ съ того, что ставитъ вопросъ и разъясняетъ собравшимся его значеніе въ жизни артелей. Формулируетъ вопросы онъ чрезвычайно неуклюже и неясно. Такъ, первый вопросъ онъ ставитъ такимъ образомъ: „поштучная или совмѣстная работа?", а въ дальнѣйшемъ объясненіи говоритъ о распредѣленіи заработка: дѣлить-ли заработокъ поровну или по качеству и количеству работы (плата со штуки, назначеніе добавочныхъ процентовъ и пр.). Самъ г. Левитскій ничего интереснаго по этому вопросу не сказалъ, но нѣкоторыя рѣчи представителей артелей были очень интересны. Ораторовъ вообще можно раздѣлить на два разряда: одни обсуждали вопросъ съ точки зрѣнія организаціонной, говорили о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при распредѣленіи заработка, приводили безчисленные примѣры, каждый изъ практики своей артели. Такихъ было большинство. Другіе, очень немногіе впрочемъ, обсуждали вопросъ съ точки зрѣнія принципіальной. Тутъ было два направленія, представленныхъ двумя лучшими ораторами. Молодой интеллигентный рабочій говорилъ противъ равномѣрнаго распредѣленія заработка. Его аргументація сводилась къ слѣдующему. При равномѣрномъ распредѣленіи заработка лучшіе и квалифицированные рабочіе будутъ эксплуатироваться худшими и неквалифицированными. Рабочіе ушли въ артели отъ хозяйской эксплуатаціи не для того, чтобы быть эксплуатируемыми артелями. Рабочему все равно, кто сидитъ у него на шеѣ, артель или хозяинъ: то и другое одинаково несправедливо. Онъ, поэтому, высказывается за распредѣленіе заработанныхъ денегъ сообразно стоимости труда каждаго. Ему горячо возражаетъ староста бондарей, почти простой русскій мужикъ, пришедшій издалека, съ сѣвера. Рабочихъ недостаточно обученныхъ, говоритъ онъ, надо обучить, лѣнивыхъ — увѣщевать, а мало способныхъ несправедливо наказывать уменьшеніемъ заработка за то, въ чемъ они не виновны. „Нужно человѣчество чувствовать" — такъ формулируетъ онъ свою основную мысль.

Объявляется небольшой перерывъ, и затѣмъ г. Левитскій начинаетъ обсужденіе вопроса о кредитѣ сравнительно длинной рѣчью, очень характерной. Онъ говоритъ о значеніи кредита, разсказываетъ случаи, когда артель эксплуатировалась ростовщиками хуже, чѣмъ рабочіе въ мастерскихъ хозяевами, и артели, однако, не распадались: для него подобные случаи служатъ лучшимъ доказательствомъ жизненности идеи артели. Затѣмъ онъ говоритъ о томъ значеніи, которое можетъ имѣть „самодѣятельность артелей" въ разрѣшеніи вопроса о кредитѣ. Здѣсь начинается отвратительная смѣсь изъ двухъ теорій: теоріи „воздержанія" и теорія „малыхъ дѣлъ". „Сто копѣекъ — рубль", „к рочка по зернышку клюетъ", „изъ зерна выростаетъ тѣни дерево" и т. д. Послѣ рѣчи бондаря, который страстно у далъ „человѣчество чувствовать", г. Левитскій производилъ о бенно непріятное впечатлѣніе. Въ мысляхъ какъ-то промелькн Зубатовъ, Озеровъ съ К°, жандармскій полковникъ Васил одесскій полицмейстеръ, устраивающій артели извозчиковъ, с вомъ, вся картина „новаго курса". Я залюбовался затѣмъ с дѣвшимъ неподалеку отъ меня бравымъ приставомъ. Во вре предыдущихъ рѣчей артельщиковъ онъ иногда волновался. Слов „эксплуатація", „братство", „капиталисты" — повидимому, ра дражали его. Теперь онъ слушалъ г. Левитскаго совершен спокойно и съ видимымъ одобреніемъ. А г. Левитскій, забы шись въ экстазѣ, восхвалялъ уже и наше правительство: он вѣдь, такъ заботится о благѣ трудящихся, оно идетъ навстрѣ ихъ нуждамъ, разрѣшая устраивать артели, кредитныя товар щества и поддерживая артели деньгами. Какое-то усыпляющ дѣйствіе произвела его рѣчь на аудиторію. Ораторовъ запис лось немного, да и записавшіеся всѣ говорили въ двухъ-трех словахъ на тему: кому не нужны деньги? Были иногда и х рактерныя замѣчанія вродѣ того, что мы-де ушли отъ хозяев чтобъ самимъ сдѣлаться хозяевами, а для этого нуженъ кап талъ: „капиталъ основа всякаго дѣла". Одинъ изъ старостъ большимъ паѳосомъ произнесъ цѣлый панегирикъ капиталу артели (если она съ капиталомъ). Рѣчь эта вызвала нѣсколь криковъ: „довольно! кончать!" Но большинство наградило ор тора шумными аплодисментами.

Третій вопросъ почти совсѣмъ не обсуждался. Всѣ соглас лись съ мнѣніемъ перваго оратора, который формулировалъ отн шеніе къ работамъ внѣ артели приблизительно такъ: такая ра бота нежелательна, но она дозволительна въ случаѣ необходимост съ разрѣшенія артелей.

Наконецъ, говоря словами Щедрина, „снова открылись двер дома терпимости", и мы опять услыхали увѣщанія г. Левитска всегда стоять на почвѣ закона. Затѣмъ послѣдовали предложені благодарить голову за помѣщеніе, г. Левитскаго за предсѣдатель ство, г. Витте за „матеріальную поддержку и законодательну охрану артелей". Мгновенно кѣмъ-то изъ интеллигентовъ-поп чителей была составлена соотвѣтствующая телеграмма, собраны деньги. Очевидно, г. Левитскій уже достаточно успѣлъ развит въ артельщикахъ духъ вѣрноподданическаго холопства.

Москва. Намъ пишутъ, что среди московскихъ рабочихъ распространено слѣдующее воззваніе:

Письмо рабочимъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ на Казанской площади въ СПБ. толпилис тысячи студентовъ, писателей, разночинцевъ.... Зачѣмъ пришл они сюда? Чего хотятъ эти люди? Спросите ихъ, и они отв тятъ вамъ: „Мы хотимъ, чтобы каждый русскій человѣкъ имѣл право говорить громко то, что онъ думаетъ, чтобы можно был безнаказанно защищать права наши и бороться печатью и слово съ тѣми, которые губятъ родину нашу и, какъ хищники, [illegible] терзаютъ ее, и поэтому требуемъ мы свободы слова и пе Мы хотимъ, чтобы никто не мѣшалъ намъ собираться вм обсуждать дѣла наши, дѣйствовать сообща, и поэтому требуем мы свободы собраній. Мы хотимъ, чтобы ни полицейскіе, н жандармы, ни казаки не смѣли награждать ударами плетей на шихъ братьевъ и сестеръ, чтобы министры и губернаторы н смѣли приказывать солдатамъ проливать нашу кровь, и потому мы требуемъ неприкосновенности личности". Вотъ зачѣмъ пришли эти люди. Вотъ чего они хотятъ. Но правительство думаетъ о своей выгодѣ, а не о благѣ народа. И вотъ явились на площадь казаки и полицейскіе и стали истязать одного [illegible] безоружныхъ и мирныхъ людей. Это было въ [illegible] заволновались рабочіе. Замученные хозяевами, г[illegible] тенные, они поняли, что для нихъ одно спасеніе — потребов отъ правительства, чтобы оно заставило фабрикантовъ грабителей сдѣлать рабочимъ уступки. Но правительство не позволяетъ на роду открыто говорить о своихъ нуждахъ. И вотъ началась за бастовка, и пошли рабочіе на улицу требовать себѣ то же, чег требовали 4 марта студенты — свободы слова, свободы собраній неприкосновенности личности. И опять, какъ 4 марта, явились по приказанію министровъ, царевы войска и полиція и опят пролили народную кровь. Не то было въ Москвѣ. Здѣсь рабочіе и студенты пошли на улицу вмѣстѣ, въ одно время, и вмѣстѣ открыто потребовали правъ и свободы. И устрашились министры, испугался губернаторъ, не посмѣли казаки совершить насиліе.

Товарищи! Станемъ и теперь дружно плотной и грозной стѣной и дадимъ отпоръ врагамъ нашимъ. Не вѣрьте тѣмъ, которые устраиваютъ вамъ „совѣщанія" заодно съ охранкой и жандармами и сулятъ вамъ золотыя горы. Это волки въ овечьей шкурѣ. Они говорятъ вамъ: „слушайтесь полиціи и правительства: они о васъ позаботятся" Лгутъ они вамъ: пока не будетъ свободы въ русской землѣ, не одолѣть вамъ тѣхъ, кто пьетъ вашу кровь и отнимаетъ у васъ дѣтей вашихъ. Товарищи! Соединяйтесь съ нами, и тогда мы, сильные, объединенные, развернемъ знамя съ надписью: „Да здравствуетъ свобода!"

Московскій Исполн. Комит. объедин. землячъ. и организацій.

Какъ царское правительство печется о народномъ трудолюбіи? Отчего голодаютъ въ Россіи милліоны крестьянъ? Отчего не находятъ себѣ работы десятки и сотни тысячъ рабочихъ? Все отъ лѣности, отъ недостатка трудолюбія. И наше доброе, человѣколюбивое правительство спѣшитъ притти народу на помощь въ этой большой бѣдѣ. Оно строитъ „дома трудолюбія" и „работные дома", въ которыхъ лѣнивыхъ бездѣльниковъ-рабочихъ даромъ обучаютъ трудолюбію. Оно учредило даже особое „попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ", состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ самой государыни императрицы и располагающее теперь капиталомъ въ милліонъ рублей, употребляемый на великое дѣло исправленія лѣнтяевъ.

Полицейско-буржуазная Россія перенимаетъ у свободно-буржуазной Англіи ея самыя гнусныя учрежденія. Англійскій рабочій всего болѣе на свѣтѣ ненавидитъ „рабочіе дома", эти каторжныя тюрьмы для нищихъ и голодныхъ, тюрьмы, въ которыхъ презирающая бѣдняка буржуазія заставляетъ его за кусокъ хлѣба исполнять самыя тяжелыя работы (хотя бы и безполезныя работы въ родѣ расщепливанія канатовъ), подвергаетъ его унизительному надзору, отравляетъ ему, по всѣмъ правиламъ утонченнаго мучительства, получаемое имъ подаяніе-милостыню. Россія не хочетъ отстать отъ Англіи, и нашъ „прогрессъ" особенно ярко выражается въ усиленной постройкѣ двоякаго рода тюремъ: тюремъ для политическихъ преступниковъ и тюремъ для тѣхъ, кто смѣетъ своимъ голоданіемъ безпокоить „чистую публику".

Но кромѣ обученія трудолюбію учатъ еще кое-чему въ этихъ новыхъ тюрьмахъ. Вотъ какое постановленіе 62-го засѣданія комитета попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ опубликовалъ недавно „Правит. Вѣстникъ", опубликовалъ съ добавленіемъ, что сама царица изволила на журналѣ комитета собственноручно начертать: „согласна".

„По вопросу объ открытіи дома трудолюбія въ городѣ Ченстоховѣ управляющимъ дѣлами комитета доведено до свѣдѣнія комитета, что въ городѣ Ченстоховѣ Петроковской губерніи предполагается къ открытію домъ трудолюбія, потребность въ которомъ объясняется значительнымъ скопленіемъ въ названномъ городѣ рабочаго люда, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многіе, не попадая по разнымъ причинамъ на мѣстные фабрики и заводы, положительно остаются безъ куска хлѣба и принуждены снискивать себѣ пропитаніе нищенствомъ и другими предосудительными средствами. Самая потребность въ домѣ трудолюбія мотивирована указаніемъ учредителей на то, что таковой домъ въ названномъ городѣ можетъ служить къ предотвращенію всякаго рода соціалъ-демократическихъ ученій, которыя распространяются рабочими, приходящими изъ Пруссіи и Австріи (Пруссія отстоитъ отъ Ченстохова въ 17 верстахъ, Австрія въ 70). Къ крайностямъ сказанныхъ ученій особенно сочувственно относится пролетаріатъ, въ средѣ котораго и создается элементъ, въ политическомъ отношеніи неблагонадежный. Домъ трудолюбія въ данной мѣстности, доставляя пріютъ и пропитаніе неимущимъ и уменьшая тѣмъ самымъ число пролетаріевъ, явится такимъ образомъ учрежденіемъ, способствующимъ пресѣченію распространяющихся помянутыхъ вредныхъ ученій, не прибѣгая при томъ къ какимъ-либо мѣрамъ репрессивнымъ. Сообщеніе это комитетъ полагалъ принять къ свѣдѣнію".

Отъ всей души благодаримъ „Правительственный Вѣстникъ" за опубликованіе этого поучительнаго документа. Благодарите и вы всѣ, русскіе и польскіе рабочіе! Въ новыхъ тюрьмахъ обѣщаютъ давать „пріютъ и пропитаніе". Въ новыхъ работныхъ домахъ васъ будутъ **даромъ** обучать не только трудолюбію, но и „здравой" наукѣ о вредѣ соціализма, о „настоящей политической благонадежности". Кланяйтесь же низко и цѣлуйте заочно ручку у матушки-царицы за эту двойную науку!

Варшавскій архіепископъ Попелъ въ борьбѣ съ польскими соціалистами. Варшавскій архіепископъ Попелъ обратился 12 ноября къ римско-католическому духовенству съ такимъ циркуляромъ (переводъ изъ № 43 „Rabotnik", органа Польской Соціалистической Партіи):

„Суетное и ложное въ самой своей основѣ стремленіе выводить правила жизни откуда-либо, кромѣ правды Откровенія, многихъ уклонившихся съ пути вѣры христіанской слѣпыхъ почитателей чистаго разума и самоувѣренныхъ гордецовъ довело до того, что они дерзаютъ посягать на самыя основы, на которыхъ почіетъ общество, или же стараются исторгнуть ихъ изъ людскихъ умовъ. Они отрицаютъ промыселъ божественный, пренебрегаютъ евангельскимъ ученіемъ, этой единственной основой истиннаго благосостоянія и счастья, а на мѣсто ихъ ставятъ свои суетныя и праздныя измышленія о наилучшемъ устройствѣ человѣческаго общества. Все сводя къ житейскому разсчету и страстямъ, они стремятся какъ можно больше воспользоваться благами міра сего, что обѣщаютъ всѣмъ тѣмъ, кто пренебрегши ученіемъ религіи, пристанетъ къ нимъ. Очевидно, это обѣщаніе дѣлается скорѣе изъ хитрости, чѣмъ искренно, какъ показываетъ и опытъ. Борясь со всякой властью, какъ церковной, такъ и свѣтской, они нападаютъ сами и возбуждаютъ другихъ противъ богатыхъ, отрицаютъ собственность, вводятъ на ея мѣсто коммунизмъ, проповѣдуютъ вольные нравы, которые, будь они приняты, водворили бы на мѣсто гуманности варварство, отрицаютъ святость брака, все честное и благородное изгоняютъ изъ жизни. Подъ разными именами, облекшись блескомъ ложной науки, они дѣйствуютъ на неопытныхъ; въ иныхъ странахъ уже многихъ увлекли и пропитали своимъ ученіемъ. Какія отсюда происходятъ бѣдствія и смуты въ разныхъ странахъ, враждебныя истинной свободѣ и прогрессу, — говоритъ незачѣмъ. Лжеученія сѣются уже и въ нашемъ краѣ и имѣютъ много глашатаевъ, особенно среди фабричныхъ рабочихъ. Простые и необразованные люди легко поддаются пышнымъ обѣщаніямъ — такова ужъ природа человѣческая — и не могутъ устоять противъ обольстителей, начинаютъ мало-по-малу гнушаться своего сословія и обращаться къ ложнымъ божествамъ большаго благосостоянія и болѣе привольной жизни. Положеніе ихъ, само по себѣ удовлетворительное или же терпѣливо переносимое усиліями духа, разъ въ немъ разгорѣлась жажда богатства, становится тяжелымъ и невыносимымъ, за чѣмъ нерѣдко слѣдуетъ упадокъ не только нравственности, но и самой вѣры.

„Въ виду этого приглашаемъ духовенство, чтобы оно, помня о своемъ призваніи, старалось отвратить опасность, для чего надлежитъ старательно излагать и внѣдрять въ умы вѣрныхъ здравое ученіе церкви о властяхъ, о собственности, о бракѣ, о подражаніи Христу и святымъ, о согласіи и любви между вѣрными, о необходимости зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица. Гдѣ совѣты злоумышленниковъ пользуются наибольшимъ успѣхомъ, т. е. въ **большихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ**, духовенство должно противодѣйствовать злу съ особеннымъ рвеніемъ, но осмотрительно, стараясь, по крайней мѣрѣ, уберечь тѣхъ, кто еще не подвергся заразѣ".

Старайтесь, господа, старайтесь! Ваши старанія противъ вашей воли служатъ пропагандѣ нашихъ идей.

Польскій пролетаріатъ вынесъ и выстрѣлы царскихъ башибузуковъ и приговоры военныхъ судовъ. Вынесетъ онъ и крестовый походъ католическихъ поповъ.

Смиренные служители церкви. Намъ пишутъ изъ Сарапула (Вятской губ.): „Нашъ архіерей ѣздилъ недавно по эпархіи и заѣхалъ въ одну чувашскую деревню. Чуваши, какъ извѣстно, считаются идолопоклонниками. Послѣ непродолжительнаго поученія архіерей приказалъ вырубить ихъ священную рощу. И она была вырублена. Его чуваши не тронули; но когда послѣ него попы вздумали продолжать его дѣло и, собравъ мужиковъ-понятыхъ, пошли рубить вторую рощу, то чуваши возстали. Вооруженные топорами, дубинами и кольями, они напали на понятыхъ, избили ихъ и даже нѣсколькихъ убили. Теперь началось дѣло; идетъ судебное слѣдствіе; много чувашъ арестовано. Итакъ, чуваши, подобно духоборамъ позволили себѣ выражать свое религіозное чувство по своему, иначе, чѣмъ предписано нашимъ самодержавнымъ правительствомъ, и вотъ его вѣрные слуги — архіерей съ попами — способные, очевидно, держаться тоже только одной тактики насилія, уничтожаютъ ихъ своеобразный храмъ — священную рощу. Но когда и у этихъ темныхъ, невѣжественныхъ людей проявляется чувство человѣческаго достоинства, и они протестуютъ противъ подлаго насилія надъ ихъ личностью, защищая свою святыню, тогда за эту самозащиту и протестъ надъ ними учиняютъ уже цѣлую бездну насилія въ формѣ арестовъ, слѣдствія и суда".

О чемъ тужитъ духовенство. Управляющій кіевскимъ епархіальнымъ заводомъ скорбитъ (въ № 269 „Кіевлянина") объ отсталости кіевской епархіи сравнительно съ великорусскими: епархіальное духовенство мало доставляетъ на свѣчной заводъ огарковъ, мало беретъ съ него свѣчей. Священникъ Руденко въ отвѣтъ на это плачется (см. № 272 „Кіевлянина") о пагубномъ вліяніи штунды на доходы завода: „Расколъ, какъ стояніе за обрядность, нисколько не охлаждаетъ православныхъ людей къ обильному возженію свѣтильниковъ, чего уже никакъ нельзя сказать о штундѣ, отъ которой, къ сожалѣнію, даже истинно православные заражаются иногда холодностью къ обрядовой сторонѣ церковнаго благочестія. Многіе священники могутъ подтвердить, какъ сильно падаетъ не только **свѣчной церковный доходъ**, но и вообще забота о церковномъ благолѣпіи со стороны прихожанъ въ селахъ, гдѣ появится хоть нѣсколько сектантовъ". Борьба за сохраненіе обрядности есть, поэтому, въ то же время борьба за поповскіе доходы: „духовенство, продолжаетъ Руденко, если можно такъ выразиться, есть лишь акціонеры завода", а акціонеры, конечно, гдѣ представится случай, помогаютъ предпріятію. Итакъ, народная темнота и безправіе — вотъ капиталъ, изъ котораго попы извлекаютъ огромные проценты. Похвальная откровенность!

Борьба семинаристовъ со шпіонствомъ. Бичъ пермской духовной семинаріи инспекторъ Потоцкій завелъ среди семинаристовъ цѣлый штатъ шпіоновъ, которыхъ вербовалъ путемъ запугиванія. Недавно семинаристамъ удалось уличить нѣсколькихъ шпіоновъ. Пойманные сами сознались въ своемъ поступкѣ. 1 декабря въ залѣ семинаріи состоялась сходка въ присутствіи инспектора, при которомъ шпіоны, боясь его мести, отрицали свою вину. Но на слѣдующій день, уже въ присутствіи ректора, шпіоны прямо заявили, что инспекторъ призвалъ ихъ къ себѣ и обѣщалъ имъ милости и покровительство, если они будутъ доносить ему на товарищей. Начальство рѣшило ждать пріѣзда архіерея, а шпіоновъ, по просьбѣ учениковъ, **уволило**.

9 декабря архіерей вытребовалъ изъ семинаріи депутацію въ числѣ 20 семинаристовъ, которую, не разбирая дѣла, обругалъ, называя „анархистами, проходимцами". За одно, по словамъ семинаристской прокламаціи, „онъ оскорбилъ и всю учащуюся молодежь, назвавъ курсистокъ „погаными дѣвками". И въ концѣ концовъ самъ призналъ шпіонство вполнѣ законнымъ и въ заключеніе сказалъ: „правды вы не найдете на землѣ, ищите на небеси". Возмущенные такимъ поведеніемъ архіерея, семинаристы 10 декабря прекратили занятія, требуя удаленія инспектора изъ семинаріи. По распоряженію синода семинарія закрыта. „Шестой классъ, вначалѣ сочувствовавшій удаленію инспектора, позорно измѣнилъ своимъ товарищамъ".

Архіерей сталъ призывать отцовъ стачечниковъ и требовать отъ нихъ подписки, что они заставятъ своихъ дѣтей прекратить забастовку. Но это не дѣйствуетъ. Въ заключеніе — слѣдующій документъ:

Письмо архіерея къ ректору.

„Я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что абсолютное большинство Духовной Семинаріи вовлечено въ смутную настоящую исторію, позорящую Семинарію, частью соблазнами коварными и угрозами товарищей, зараженныхъ легкомысленными безобразными и лжелиберальными отравами современной литературы и бродячими идеями въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣ пришлось убѣдиться, что многіе воспитанники не только не сочувствуютъ, но прямо съ болью въ сердцѣ осуждаютъ настоящее нелегальное состояніе Семинаріи. Поэтому считаю нужнымъ дать имъ право и полную возможность заявить письменно на особой бумагѣ свою невинность и совершенное безучастіе въ этой смутной исторіи, въ которой они фигурируютъ какъ бы невольно изъ страха мести и, какъ замѣчено, крайне тяготятся своимъ положеніемъ, теряя свое доброе имя въ понятіяхъ своихъ родителей и общества.

Петръ, епископъ Пермскій
и Соликамскій.

„11 декабря 1901 г.

„**Все это наглая ложь!**", заявляютъ по поводу этого кляузнаго и безграмотнаго письма семинаристы въ своей прокламаціи.

Намъ доставлено изъ **Харькова** нижеслѣдующее „дополненіе" къ статьѣ ректора харьковскаго университета о студенческихъ организаціяхъ. Намъ не сообщаютъ, должна-ли была печататься эта статья для публики или только въ видѣ „конфиденціальнаго документа"; извѣстно только, что пока она не появилась.

„Статья о студенческихъ организаціяхъ написана въ августѣ мѣсяцѣ. Пока она печаталась вслѣдствіе нѣкоторыхъ случайныхъ задержекъ въ ноябрѣ, событія въ университетской жизни, происходившія съ конца октября и до первыхъ чиселъ декабря, съ совершенною ясностью выяснили, что такъ называемое студенческое движеніе есть движеніе чисто политическое и при этомъ, по крайней мѣрѣ въ Харьковѣ, не конституціонное, а анархическое и соціалистическое. Большинство студентовъ (9/10 студентовъ, — всѣхъ студентовъ 1450) терроризируется организованной партіей революціонеровъ отъ 120-150 человѣкъ.

„Въ виду этихъ фактовъ является серьезное сомнѣніе, не поведутъ-ли даже курсовыя организаціи, предложенныя въ этой брошюрѣ, къ тому, что здѣсь явятся только различныя политическія партіи, и что борьба между не останавливающимися ни передъ какими крайними средствами и большинствомъ умѣренныхъ будетъ продолжаться и обостряться. Является серьезное сомнѣніе, не увѣковѣчится-ли этимъ въ университетѣ вмѣсто „занятій" „политика". Вмѣсто того, чтобы имѣть мѣсто въ какихъ-либо другихъ общественныхъ органахъ, гдѣ разсуждаютъ и дѣйствуютъ люди зрѣлые, политика будетъ вестись единственно незрѣлой и неопытной молодежью. Можетъ быть, кто нибудь и порадуется этому, но я, въ качествѣ профессора и ректора университета, этому не порадуюсь и въ виду событій настоящаго мѣсяца считаю необходимымъ даже выразить свое сомнѣніе въ благовременности организаціи, мною самимъ предложенной, но предполагавшей болѣе нормальное состояніе общества. Пусть меня упрекнетъ кто-нибудь въ перемѣнчивости мнѣній, но въ виду новыхъ фактовъ долгъ добросовѣстнаго человѣка, ищущаго истины и блага родины, измѣнять соотвѣтственно новымъ фактамъ и свои выводы. Сомнѣніе не есть рѣшеніе, но это сомнѣніе серьезное, и оно должно быть обсуждено при разсмотрѣніи университетскихъ правилъ на основаніи фактовъ недавняго прошлаго, происходившихъ во всѣхъ университетахъ. Можетъ быть, движеніе въ другихъ университетахъ имѣетъ иной характеръ, нежели въ харьковскомъ университетѣ.

„Выпускъ въ свѣтъ этой статьи я не пріостанавливаю, такъ какъ въ ней, я надѣюсь, всетаки можно найти много къ искорененію неправильныхъ взглядовъ по вопросу о студенческихъ организаціяхъ.

„Харьковъ, 8 декабря 1901 года."

Одно очевидно: самодержавіе не можетъ дать студентамъ никакой дѣйствительной (а не каррикатурной) организаціи до тѣхъ поръ, пока отсутствіе свободы для людей „зрѣлыхъ" грозитъ сдѣлать эти организаціи „отдушиной политическаго недовольства". А изъ этого слѣдуетъ, что студенческое движеніе имѣетъ большое политическое значеніе, являясь „элементомъ разложенія современнаго строя", какъ гласитъ резолюція петербургскихъ студентовъ на сходкѣ 13 ноября.

Два земскихъ начальника. Земскій начальникъ Лукьяновскаго уѣзда, Левъ Пушкинъ, (родственникъ знаменитаго поэта) вызвалъ къ себѣ старосту села Кельдюшева — Ермошкина по дѣлу о засыпкѣ мірскихъ амбаровъ. У господина „земскаго" были въ это время гости, потому „они не принимали". Гости пили, ѣли, веселились, а староста, между тѣмъ, пока „они откушаютъ", ждалъ пріема въ передней, голодный и усталый. Наконецъ, уже вечеромъ, „его высокоблагородіе" „изволили выйти", сильно подкрѣпивъ себя за обѣдомъ съ гостями живительной влагой. Подъ вліяніемъ выпивки, еле ворочая языкомъ, онъ началъ безтолково орать на несчастнаго старосту. Затѣмъ, раздраженный какимъ-то возраженіемъ послѣдняго, разсвирѣпѣлъ, какъ бѣшенный быкъ, и ударомъ кулака сшибъ съ ногъ крестьянина. Желая выпихнуть упавшаго изъ своей прихожей, онъ такъ ткнулъ въ лицо старосты, что выбилъ ему два зуба. Староста послалъ жалобу министру вн. дѣлъ. На запросъ черезъ губернское присутствіе о всемъ происшедшемъ, Пушкинъ отвѣтилъ, что староста былъ пьянъ и „дерзокъ", самъ упалъ отъ опьяненія на полъ и „самъ выбилъ себѣ зубы". Судъ ограничился спросомъ только Пушкина, свидѣтели потерпѣвшаго старосты не были даже спрошены. Корреспонденція о происшедшемъ не была напечатана ни въ одной газетѣ, такъ какъ по цензурнымъ законамъ запрещено писать о какихъ бы то ни было злоупотребленіяхъ полиціи и земскихъ начальниковъ.

А вотъ что пишутъ о недавно уволенномъ земскомъ начальникѣ Суздальскаго уѣзда (Влад. губ.), С. С. Рагозинѣ:

„Вотъ что я знаю про „Сережу". Это типъ крѣпостника стараго закала, могущій служить живой иллюстраціей къ эпохѣ 40-50 гг. При этомъ онъ соединилъ въ себѣ почти всѣ качества гоголевскихъ героевъ: плюшкинская жадность изрѣдка смѣняется добродушіемъ Пѣтуха, беззастѣнчивость и наглость Ноздрева иногда уступаетъ мѣсто чичиковской деликатности и т. д., и все это, конечно, не безъ выгоды для его препрославленной особы.

„Какъ администраторъ, онъ очень хорошій человѣкъ и настолько хорошій, что его именемъ крестьяне пугаютъ дѣтей: „нишни, вотъ ужо „земскій" пріѣдетъ.... задастъ онъ тебѣ". Это фактъ.

„Не стану цѣнить его какъ судью и какъ администратора; приведу только нѣкоторые случаи, гдѣ выразился его характеръ и отношеніе къ крестьянамъ.

„Приходитъ мужикъ и, не входя еще въ камеру, снимаетъ шапку и прячетъ за пазуху. Затѣмъ является передъ его грозные очи и благоговѣйно подаетъ какое-то прошеніе. С. С. стоялъ въ прихожей камеры. Молча принимаетъ онъ это челобитье и только изрѣдка черезъ край бумаги бросаетъ на мужика свирѣпый, зловѣщій взглядъ; мужика пронимаетъ дрожь. С. С. молча дочитываетъ прошеніе, молча разрываетъ его въ дребезги и молча же со всего размаху даетъ просителю затрещину „по мордѣ"; мужикъ покачивается, а удары градомъ сыплются на загорѣлую физіономію, и широкія скулы, развитыя жеваніемъ жесткаго чернаго хлѣба, такъ и потрескиваютъ подъ могучими ударами Сережи. Добившись того, что физіономія мужика обратилась въ сплошной кровоподтекъ, С. С. выталкиваетъ его вонъ и пускаетъ ему въ слѣдъ разъяренное „мерзавецъ". Уставъ отъ усерднаго исполненія возложенной на него священной обязанности, онъ потянулся и съ тоской произнесъ, обращаясь къ письмоводителю: „покою не даютъ". Послѣ этого онъ катитъ обѣдать и, вѣроятно, кушаетъ въ аппетитомъ...

„Присутственная комната полицейскаго управленія. Сидитъ исправникъ и Сережа. Входитъ молодой мужикъ и обращается къ исправнику съ какой-то просьбой. Сережа его прерываетъ.

— Ты Степка?

— Да-съ.

— Не изъ такой-ли деревни?

— Такъ точно, ваше в—діе.

— Пошелъ вонъ, сукинъ сынъ, разражается С. С. и выталкиваетъ его буквально въ шею; возвращаясь въ комнату, торжественно заявляетъ: „понимаете-ли, такой сволочи во всей Н—ской волости не найдешь".

„Дѣлъ въ камерѣ онъ не плодилъ, памятуя, что „во многописаніи нѣсть спасенія" (его собственное выраженіе) и почти всѣ дѣла разбиралъ словесно и весьма скоро. Во время разбирательства слышались его ругательства: это онъ громитъ обвиняемыхъ: слышно, какъ трещитъ столъ (не особенно крѣпкій) подъ его привычными кулаками. Никогда С. С. такъ не волнуется, какъ въ это время, даже голосъ его мѣняется: то заговоритъ басомъ, октавой, то вдругъ оглушительно завережжитъ высочайшимъ фальцетомъ....

„Сельскіе должностные лица, какъ-то старосты сельскій и магазинный, сотскій, десятскій, старшина и даже писарь при С. С. обращаются въ энциклопедистовъ; по его порученію они очень успѣшно исполняютъ роль разсыльныхъ, горничныхъ, швейцаровъ, а иногда и курьеровъ въ особенно важныхъ случаяхъ, какъ напр., при прінсканіи кухарокъ; за неудачу при исполненіи этихъ порученій полагается арестъ или другое наказаніе; одинъ изъ старшинъ стоялъ въ углу нѣсколько часовъ, какъ школьникъ. Прочіе сельскіе обыватели его участка должны были прямо таки трепетать передъ нимъ невольно и бояться... „какъ отца". Отецъ же милостиво называлъ ихъ „дѣтьми" „дураками" и при первомъ удобномъ случаѣ дѣлалъ строгія отеческія внушенія. Когда С. С. проѣзжалъ по какому-либо селу, то крестьяне, старый и малый, мужчины и женщины, должны были вставать, если они сидятъ, и быть безъ шапокъ, въ противномъ случаѣ шапка срывалась самимъ С. С. и топталась, а мужику попадало даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда шапки снять не могъ, потому что стоялъ или сидѣлъ къ нему спиной.

„Имѣніе С. С., подъ названіемъ „Экономія С. С. Рагозина" прославилась своей излишней экономностью по отношенію къ рабочимъ. Эта экономія проглядываетъ, во-первыхъ, въ пищѣ, во-вторыхъ, въ отдыхѣ, котораго полагается очень мало. Вслѣдствіе тяжкихъ, непосильныхъ даже для мужика условій, крестьяне избѣгаютъ наниматься къ этому примѣрному хозяину, и энергичный С. С. выписалъ изъ Нижегородской губ. татаръ и изъ Рязанской — рязанцевъ; наняты они были копать пруды и работать въ полѣ. Но такъ какъ работа начиналась съ восходомъ солнца и кончалась лишь въ 11 час. вечера, то даже татары призадумались, а рязанцы и говорить нечего. Солоно имъ пришлось, а штрафы и ревъ неугомоннаго хозяина въ конецъ убили въ нихъ всякое желаніе работать (отдыхъ полагался только послѣ обѣда). И вотъ въ жаркій іюньскій день потянулась маленькая орда татаръ на поклонъ къ исправнику съ просьбой объ отобраніи отъ С. С. паспортовъ, которые онъ имъ не выдавалъ. У исправника ничего не добились. Толкнулись къ губернатору, и тутъ дѣло уладилось; паспорта (и только паспорта) рабочіе получили и отправились во свояси, проклиная новаго осѣдлаго баскака".

Г. Дмитріевъ (Курской губ). Древній, тихій Дмитрославъ, какъ называютъ свой городъ по старой привычкѣ обросшіе мохомъ обыватели, находится, повидимому, наканунѣ революціи. По селамъ и деревнямъ дмитріевскаго уѣзда, встрѣчаемое лаемъ собакъ, и сопровождаемое воемъ бабъ и ребятишекъ, совершается странное путешествіе.

Впереди офицеръ изъ губерніи, за нимъ становой и свита изъ жандармовъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ. Ѣздитъ по деревнямъ и что-то ищутъ. „Пріѣдутъ на село, разсказывала баба, посмотятъ въ книжку, и давай шарить, то у одного, то у другого." — Что же ищутъ-то? „А песъ ихъ знаетъ." Объяснилъ дѣло самъ ротмистръ. Обыскъ производится у корреспондентовъ земской текущей сельско-хозяйственной статистики. Изстари извѣстно, что статистика опасная дама. Не даромъ же еще царь Давидъ за статистическіе опыты по переписи населенія былъ наказанъ Господомъ Богомъ гладомъ и моромъ, обрушившимися на еврейскій народъ, неповинный впрочемъ въ затѣѣ своего миропомазаннаго статистика. Живи Давидъ въ наше время и имѣй счастье состоять вѣрноподданнымъ нашего маленькаго полковника Николая, онъ навѣрно такъ бы легко не отдѣлался и самъ бы угодилъ по меньшей мѣрѣ подъ гласный надзоръ дмитріевскаго исправника.

Зачѣмъ же однако обыскиваютъ несчастныхъ корреспондентовъ? На это, пока, приходится отвѣтить словами бабы: „А песъ ихъ знаетъ." Будемъ надѣяться, что г. ротмистръ не откажется подѣлиться результатами поисковъ.

Изъ **Кіева** сообщаютъ о чрезвычайно напряженномъ настроеніи рабочихъ. Ждутъ только сигнала, чтобы выйти на улицу. Полиція дѣятельно готовится къ демонстраціи. Одно должностное лицо сообщало, что въ высшихъ сферахъ рѣшено сразу положить конецъ всѣмъ демонстраціямъ — стрѣлять въ толпу. Начальство учебныхъ заведеній, какъ намъ передавали, уполномочено, при началѣ занятій предупредить студентовъ, чтобы по возможности избѣгали кровопролитія. Конечно, эти предупрежденія никого не остановятъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
И
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Заводскіе самодержцы. Южнорусскій машиностроительный заводъ въ Кіевѣ. (Письмо рабочаго).

Дорогіе товарищи! Въ этой небольшой корресподенціи я постараюсь хоть отчасти выставить безобразныя вакханаліи нашихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые подъ защитой закона на каждомъ шагу не только желаютъ разстроить нашу солидарность, но еще къ тому же деморализующимъ образомъ вліяютъ на несознательныхъ рабочихъ. Начну по старшинству.

Г. Дейчманъ занимаетъ у насъ мѣсто механика, токарнаго и слесарнаго мастера и проч., однимъ словомъ, директоръ завода далъ ему право распоряжаться по его усмотрѣнію. Въ механической мастерской работа производится сдѣльно, обыкновенно никто изъ рабочихъ не знаетъ до конца работы, какую ему назначатъ цѣну, но за то г. Дейчманъ, сколько желаетъ, столько и посчитаетъ, если же кто-нибудь изъ рабочихъ осмѣлится возражать, то Дейчманъ бросается во всѣ стороны, какъ бѣшеный, и кричитъ: „не желаете брать, что я вамъ даю, такъ получайте разсчетъ“. 14 ноября съ вертельщикомъ Яницкимъ произошелъ такой случай: по расцѣночному листу, подписанному директоромъ, ему слѣдовало получить по 25 коп. за болтъ, но Дейчманъ разсчиталъ его по 15 коп. За указаніе на то, что въ расцѣнкѣ назначено по 25 коп., онъ удаленъ съ завода. Имѣйте въ виду, что такихъ Яницкихъ черезъ руки Дейчмана проходятъ сотни, и эти сотни должны страдать такъ же незаслуженно, какъ и Яницкій.

Есть еще у насъ г. Пилиповскій, вагонный мастеръ — большой либералъ и іезуитъ. Въ 1898 г. слесарь Миллеръ побилъ ему физіономію, но изъ всего видно, что этого было мало. Пилиповскій обращается съ рабочими чисто по-Николаевски: если рабочій жалуется на то, что за сдѣльную работу ему заплатили мало, то Пилиповскій на него напускается съ цѣлымъ потокомъ базарнаго краснорѣчія. „Ты мнѣ людей бунтуешь, я тебя велю арестовать, убирайся вонъ безъ разсчету“ и т. д.

Захаръ Ивановичъ Яковлевъ, смотритель завода, бывшій кабатчикъ и содержатель пивной съ живымъ товаромъ, однимъ словомъ, кулакъ и жуликъ. И эта-то персона была принята на нашъ заводъ въ качествѣ старшаго-чернорабочаго, но затѣмъ произведенъ въ смотрители заводскаго двора, т. е. по части уборки мусора и... прокламацій (послѣднее его любимое занятіе). Доходной статьей для Яковлева служитъ устраиваемая имъ лотерея, которая стала хроническимъ явленіемъ. Въ лотерею пускаются старыя грошевыя вещи, а билеты разбираются быстро, потому что, если кто не захочетъ брать билетовъ, то Яковлевъ находитъ какую-нибудь причину, и рабочаго выкидываютъ. Эти билеты раздаются даже чернорабочимъ, которые получаютъ по 60 коп. въ день и лишаются, такимъ образомъ, поденнаго заработка. А между тѣмъ, у насъ въ правилахъ сказано, что за лотерею, карточную игру и т. п. виновникъ моментально удаляется съ завода.

Товарищи! Такое отношеніе къ намъ позоритъ нашу личность, и намъ необходимо подумать всѣмъ скорѣе о томъ, чтобы воспрепятствовать такому поведенію нашего ближайшаго начальства. Пусть что хочетъ говоритъ фабричная инспекція, высшее начальство и полиція, пусть, какъ хочетъ, насъ запугиваетъ, а мы все же постараемся отстоять свою личность. Соберемся дружнѣе, и тогда вся псарня, насъ осаждающая, разбѣжится во всѣ стороны въ смятеніи и страхѣ.

Кременчугъ. Въ декабрѣ мѣстный комитетъ партіи распространилъ на табачной фабрикѣ Дурунчи прокламацію, выставлявшую рядъ требованій къ хозяевамъ. Прокламація подѣйствовала и фабрикантъ немедленно удалилъ подрядчика, увеличилъ заработную плату, поставилъ три кровати для рабочихъ.

Съ Урала. На одномъ изъ заводовъ Уфимской губ. были недавно безпорядки, вызванные переходомъ завода изъ рукъ поссессіонныхъ владѣльцевъ въ руки бельгійцевъ, которые ввели систему обысковъ при выходѣ съ завода и снабжали всѣхъ рабочихъ номерами для штрафовки тѣхъ, кто не сдалъ при входѣ своего номера. Для „усмиренія“ была выслана изъ Уфы рота, но не дошла, такъ какъ безпорядки, длившіеся дня три, успѣли прекратиться.

По слухамъ, поссессіонныхъ мастеровыхъ лишаютъ земельныхъ участковъ, но уфимскій губернаторъ отказался приводить въ исполненіе эту мѣру, пока не пришлютъ новыхъ войскъ въ Уфу.

Въ Монастырской волости, близь Алапаевскаго завода, Верхотурскаго уѣзда лѣтомъ нынѣшняго года имѣло мѣсто слѣдующее столкновеніе населенія съ администраціей.

Жители Монастырской волости издавна владѣли землей, считая ее принадлежащей имъ, согласно имѣющейся у нихъ грамотѣ („отъ самого царя Петра I“). Когда, по размежеваніи ихъ земель съ заводскими, имъ былъ предложенъ надѣлъ, составляющій часть обрабатываемой ими земли, то они отказались принять этотъ надѣлъ, продолжая пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались раньше. — Получился судебный процессъ. Нѣсколько человѣкъ вызывались въ судъ, но они сговорились не являться. Тогда въ деревню пріѣхалъ становой приставъ съ нѣсколькими стражниками, чтобы арестовать вызываемыхъ. Но населеніе рѣшило не выдавать своихъ. Полиціи было оказано сопротивленіе, когда она попыталась силою взять присужденныхъ. Произошла схватка, — и полиція съ поврежденіями отступила. Сообщаютъ, что было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ съ той и другой стороны, при чемъ первой начала стрѣлять полиція (послѣднее, впрочемъ, еще не вполнѣ достовѣрно).

Полиція немедленно донесла губернатору, что въ Монастырской волости „бунтъ“. Были посланы изъ Перми солдаты подъ предводительствомъ офицера для усмиренія „бунта“. Приближаясь къ деревнѣ Бучиной, войско насторожилось, ожидая засады или нападенія изъ деревни. Нѣкоторые солдаты съ ужасомъ представляли себѣ, какъ имъ прикажутъ стрѣлять въ своихъ же земляковъ. Но каково было удивленіе войска, когда жители встрѣтили его радушно съ хлѣбомъ-солью, выражая надежду, что офицеръ, какъ „царевъ слуга“, разберетъ ихъ дѣло по сущей правдѣ, защититъ ихъ отъ заводовладѣльцевъ и подкупленныхъ ими полиціи и судей. Офицеру была показана грамота и изложено подробно все дѣло. Но офицеръ не замедлилъ разрушить ихъ надежды, заявивъ, что если судъ рѣшилъ, значитъ, такъ и должно быть; что, „вѣроятно, крестьяне какъ-нибудь неправильно понимаютъ грамоту, отчего и произошло все недоразумѣніе.“ Крестьяне разошлись, а солдаты мирно стали готовить себѣ обѣдъ, составивъ ружья въ козлы. Въ это время къ офицеру подошелъ одинъ крестьянинъ и, желая предупредить кровопролитное столкновеніе крестьянъ съ солдатами, въ которомъ пострадали бы, конечно, крестьяне, — тихо сказалъ офицеру, чтобы солдаты берегли ружья... Но десяти ружей уже не досчитались. Офицеръ потребовалъ возвращенія, и крестьяне, видя, что сила не на ихъ сторонѣ, возвратили захваченныя ружья. Въ результатѣ всѣхъ этихъ столкновеній много крестьянъ арестовано (болѣе 30 чел.). Многіе изъ нихъ понесутъ, вѣроятно, строгое наказаніе, но всѣ они теперь убѣдятся въ томъ, что не защититъ ихъ отъ владѣльцевъ ни судъ, ни полиція, ни чиновники, ни даже „слуги царя“ — солдаты и офицеры.

Изъ Шемахинскаго завода сообщаютъ слѣдующій фактъ. Въ Шемахинскій заводъ ведетъ нѣсколько дорогъ. Три или четыре изъ нихъ снабжены кордонами, другія — нѣтъ. Чтобы населеніе не провозило ворованнаго лѣса по дорогамъ, не снабженнымъ кордонами, управляющій велѣлъ засыпать эти дороги. Шемахинцы поголовно отказались это сдѣлать. Для засыпки дорогъ были наняты жители сосѣдняго селенія. Шемахинцы, узнавши объ этомъ, вооружились палками, вилами и двинулись на мѣсто работъ. Произошло столкновеніе. Говорятъ, что управляющій съ нѣсколькими человѣками заперся въ одномъ изъ кордоновъ. Кордонъ былъ подожженъ. Всѣ спаслись, хотя нѣкоторые пострадали какъ отъ пожара, такъ и отъ рукопашнаго столкновенія. Арестовано 12 чел. За поджогъ ихъ судить, вѣроятно, не будутъ, потому что показали, что на кордонѣ загорѣлось внутри отъ желѣзной печки.

Батумъ. Положеніе рабочихъ на Кавказѣ. (Письмо рабочаго.) Въ нашемъ городѣ около двадцати заводовъ, изъ которыхъ одиннадцать нефтяные, приспособленные къ разливкѣ керосина, отправляемаго за границу. Изъ заводовъ самыми большими по числу рабочихъ являются нефтяные заводы Ротшильда и Манташева. Рабочихъ въ городѣ болѣе 8 тысячъ.

У насъ, какъ и на всѣхъ заводахъ Кавказа, кромѣ Баку, нѣтъ фабричной инспекціи*). Вслѣдствіе этого, здѣсь нѣтъ никакого надзора надъ фабриками. Произволу хозяевъ здѣсь предоставленъ полный просторъ: они дѣлаютъ, что хотятъ, не боясь никого и ничего, и являются полными господами жизни и здоровья рабочихъ, а рабочіе — ихъ рабами.

При столкновеніяхъ между отдѣльными хозяевами и рабочими дѣло разбираетъ обыкновенно околодочный надзиратель, и всегда, конечно, въ пользу хозяина. Если же рабочій перенесетъ дѣло въ судъ, то и тутъ хозяинъ выходитъ правымъ, ибо обыкновенно задавленные нуждой и зависящіе отъ хозяина свидѣтели-рабочіе боятся показывать противъ хозяевъ. Рабочіе всегда бываютъ виноваты! Кромѣ того, ни одно безобразное дѣяніе хозяевъ не было напечатано въ мѣстныхъ газетахъ, потому что цензура позволяетъ только хвалить хозяевъ за ихъ, будто бы, отеческое, хорошее отношеніе къ рабочимъ.

Въ другихъ городахъ и мѣстахъ нашего обширнаго отечества все-таки существуютъ праздники, во время которыхъ замолкаетъ шумъ машинъ и рабочіе пользуются хоть краткимъ отдыхомъ. У насъ не то! Не говоря уже о воскресныхъ дняхъ и двунадесятыхъ праздникахъ, здѣсь даже въ первые дни Пасхи и Рождества не перестаютъ гудѣть фабричные гудки и не прекращаются работы. Хозяева наши хотятъ, вѣроятно, показать, что для нихъ нѣтъ ничего святого, что они поклоняются лишь золотому тельцу и чтутъ голый чистоганъ.

Въ нашемъ городѣ особенно развитъ трудъ малолѣтнихъ. На заводѣ Манташева работаютъ 7-8-лѣтнія дѣти. Дѣти работаютъ столько же часовъ, какъ и взрослые, а такъ какъ здѣсь производство отличается страшнымъ непостоянствомъ и во время заказовъ на заводѣ Манташева число рабочихъ часовъ доходитъ до 105 въ недѣлю, то дѣтямъ приходится простаивать за станкомъ по 15-16 час. въ сутки. Съ прекращеніемъ заказа, обыкновенно разсчитывается половина рабочихъ.

На нашихъ заводахъ господствуетъ по отношенію къ рабочимъ кулачная расправа. Рабочихъ бьютъ надсмотрщики, завѣдующіе, механики и сами директора. Особеннымъ постоянствомъ въ этомъ отношеніи отличается управляющій завода Манташева, Теръ-Акоповъ, а на заводѣ Ротшильда — механикъ Штубнеръ и приказчикъ Файнштейнъ. Бьютъ и ребятишекъ, чтобы они усерднѣе работали. Особенно жестоко поступаетъ съ ними приказчикъ Файнштейнъ.

На заводахъ у насъ очень часты несчастные случаи. Это происходитъ оттого, что хозяева нисколько не заботятся о безопасности рабочихъ при исполненіи ими работъ, а также и оттого, что пользуются дешевыми необученными рабочими. Въ жестяночныхъ и лѣсопильныхъ отдѣленіяхъ нефтяныхъ заводовъ рѣдкій день проходитъ безъ несчастнаго случая. Если случится несчастье съ рабочими при исполненіи работъ, протоколы пишутъ, какъ ни странно это, управляющіе заводовъ. Если рабочему отрѣжетъ станкомъ палецъ, пишутъ, что „пораненіе несерьезное“; если рабочему отрѣжетъ кисть руки внезапно опустившимся ножомъ штампы, когда онъ выковыривалъ застрявшую жесть, которая должна была бы выбрасываться автоматически, — пишутъ, что пораненіе произошло по собственной неосторожности рабочаго. Если же рабочій, чтобы предупредить паденіе ножа, подложитъ подъ него кусокъ дерева, и если ножъ опустится на это дерево, ему пишутъ штрафъ въ размѣрѣ 3-5 руб. Точно также рабочихъ, которые попадаютъ въ станокъ четвертый и пятый разъ, попросту выгоняютъ, придравшись къ какому-нибудь пустяку, чтобы не выплачивать ему вознагражденіе какъ неспособному къ труду.

Въ паяльныхъ отдѣленіяхъ нефтяныхъ заводовъ рабочіе хворают горловыми и грудными болѣзнями, такъ какъ воздухъ въ этихъ мастерскихъ насыщенъ парами разныхъ кислотъ. Въ разливочныхъ отдѣленіяхъ этихъ заводовъ у рабочихъ отъ керосина пухнутъ ноги и покрываются язвами. Климатъ здѣсь очень нездоровый, лихорадочный, сырой; здѣсь трудно найти рабочаго, который не хворалъ бы лихорадкой и ревматизмомъ. Несмотря на страшную жару лѣтомъ, когда рабочіе буквально обливаются потомъ, здѣсь ни на одномъ заводѣ нѣтъ кубовъ съ кипяченной водой, и рабочіе принуждены пить сырую, застоявшуюся въ трубахъ воду. Вслѣдствіе этого здѣсь часты заболѣванія, а медицинская помощь поставлена очень плохо; ни на одномъ заводѣ нѣтъ больницы, и фельдшера обращаются съ рабочими очень грубо.

На заводахъ здѣсь практикуется скрадываніе рабочаго времени и вычеты. Часто рабочіе получаютъ лишь половину заработанныхъ денегъ: остальную половину вычитаютъ за бракъ, хотя рабочіе не виноваты, т. к. причиною плохого исполненія работы являются старыя испорченныя машины. А у Манташева на заводѣ машины пускаются въ ходъ на полчаса, на часъ раньше гудка. — Заработная плата за послѣдніе годы здѣсь сильно понизилась. Десять лѣтъ назадъ на заводѣ Ротшильда работало 4000 чел. Рабочіе получали по 2-3 р. въ день. Теперь же, послѣ улучшенія механизмовъ ту-же работу, даже въ большихъ размѣрахъ, исполняютъ 1500 чел. За эти 10 лѣтъ 2500 чел. было выброшено на улицу, а заработная плата понижена до 60 коп. въ день. Теперь мы зарабатываемъ лишь на хлѣбъ и на воду, чтобы только не умереть съ голоду, чтобы быть въ состояніи создавать не для себя — для другихъ богатства!... Тяжело такъ жить и невольно является вопросъ: зачѣмъ мы такъ страдаемъ? Жизнь наша лишена всякой радости, она лишь сплошной путь къ могилѣ. Такъ не лучше-ли намъ умереть не за станками и не рабами, а умереть, борясь за свободу, за лучшее будущее!..

Нижній-Новгородъ. На механическомъ зав. Константинова была стачка 160 чел. изъ-за неаккуратной выдачи платы. Рабочіе, забастовавъ, вызвали фабричнаго инспектора, и послѣдній заставилъ хозяина удовлетворить ихъ требованія. По этому поводу распространены на заводѣ листки, въ которыхъ, по выраженію рабочихъ, „всѣмъ досталось: — и механику, и инспектору, и до самаго царя добрались“. Рабочіе на этомъ заводѣ народъ сѣрый, малограмотный, изъ окрестныхъ деревень. Тѣмъ не менѣе, они съ жадностью набросились на листки. Всѣ ихъ одобряли и ждали новыхъ. Появились и новые — тамъ говорилось вообще о способахъ борьбы и о майской демонстраціи. Послѣ того еще разъ были распространены прокламаціи. Листки попадаютъ и къ крестьянамъ, и тѣ говорятъ: „все вѣрно“.

Въ Нижнемъ масса безработныхъ. На Сормовскомъ заводѣ постепенно понижаютъ расцѣнки.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Мы получили слѣдующее письмо въ редакцію:

„Касаясь вопроса объ агитаціи (если не ошибаюсь, въ № 13), „Искра“ высказывается противъ летучей, агитаціонной литературы (брошюрки въ два-три листика) на политическія темы. Такая литература, по мнѣнію редакціи, съ успѣхомъ замѣняется газетами. Газеты, конечно, — дѣло хорошее. Противъ этого никто и спорить не будетъ. Но могутъ-ли онѣ замѣнить такіе летучіе листки, спеціальное предназначеніе которыхъ — широкое распространеніе среди массъ? Въ редакціи уже имѣется одно письмо изъ Россіи, въ которомъ группа рабочихъ-агитаторовъ высказывается по этому вопросу. Отвѣтъ „Искры“ на это письмо — очевидное недоразумѣніе. Вопросъ объ агитаціи такъ же теперь важенъ, какъ и вопросъ о демонстраціяхъ. Поэтому желательно, чтобы редакція сызнова подняла-бы его, и на этотъ этотъ разъ отнеслась бы къ нему болѣе внимательно.

Читатель“.

Кто дастъ себѣ трудъ внимательно перечитать, наряду съ этимъ письмомъ, нашъ отвѣтъ „рабочимъ съ юга“ въ № 13 „Искры“, тотъ легко убѣдится, что въ очевидное недоразумѣніе впалъ именно авторъ письма. О томъ, чтобы „Искра“ высказалась „противъ летучей агитаціонной литературы“, не было и рѣчи; „замѣна“ газетою „летучихъ листковъ“ никому и въ голову не приходила. Авторъ письма не замѣтилъ, что летучіе листки — это и есть прокламаціи. Что такой родъ литературы, какъ прокламаціи, ничѣмъ незамѣнимъ и всегда будетъ безусловно нуженъ, — въ этомъ и „рабочіе съ юга“ и „Искра“ были вполнѣ согласны. Но они были согласны и въ томъ, что этого рода литературы недостаточно. Если мы говоримъ о хорошемъ жилищѣ для рабочихъ, соглашаясь, что хорошей пищи имъ недостаточно, то это навѣрное не значитъ, чтобы мы были „противъ“ хорошей пищи. Спрашивается, каковъ же болѣе высокій видъ агитаціонной литературы? „Рабочіе съ юга“, поставивъ этотъ вопросъ, ни словомъ не упомянули о газетѣ. Это умолчаніе могло, конечно, зависѣть отъ мѣстныхъ условій и, нисколько не думая „спорить“ съ нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить имъ, что пролетаріатъ тоже долженъ поставить свою газету, какъ сдѣлали уже другіе классы населенія; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходимо регулярная, активная, общая работа всѣхъ мѣстностей надъ революціоннымъ органомъ.

Что же касается „брошюръ въ 3-4 стр.“, то мы и „противъ“ нихъ отнюдь не высказались, а только усумнились въ практичности плана создать изъ нихъ регулярную литературу, распространяемую „одновременно по всей Россіи“. При объемѣ въ 3-4 страницы это будутъ, въ сущности, тѣ же прокламаціи. Мы имѣемъ со всѣхъ концовъ Россіи много очень хорошихъ и нисколько не тяжеловѣсныхъ прокламацій, и студенческихъ, и рабочихъ, которыя равняются даже 6-8 стран. малаго формата. А дѣйствительно популярная брошюра, способная разъяснить даже совсѣмъ не подготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдѣльный вопросъ, будетъ, навѣрное, гораздо больше объемомъ, и распространять ее „одновременно по всей Россіи“ не будетъ ни возможности, ни надобности (въ виду ея не-временнаго значенія). Вполнѣ признавая всѣ и всякіе, старые и новые, виды политической литературы, будь это только дѣйствительно хорошая политическая литература, мы бы, съ своей стороны, совѣтовали работать не надъ выдумкой средняго типа между летучими листками и популярной брошюрой, а надъ революціоннымъ органомъ, заслуживающимъ на дѣлѣ названіе періодическаго (т. е. выходящаго не разъ въ мѣсяцъ, а по меньшей мѣрѣ, два-четыре раза въ мѣсяцъ) и общерусскаго.

Намъ пишутъ:

„Идя на встрѣчу нуждамъ революціонной партіи, „Искра“ въ № 14 помѣстила статью „О демонстраціяхъ“. Одно мѣсто этой статьи, однако, можетъ подать поводъ, вслѣдствіе своей неопредѣленности, къ очень печальнымъ недоразумѣніямъ. Я имѣю въ виду ту часть, которая говоритъ о необходимости „отпора“. Что понимаетъ редакція подъ этимъ словомъ? Среди революціонеровъ рождаются теперь голоса, что демонстраціи должны быть вооруженными. То-ли разумѣетъ редакція подъ словомъ „отпоръ“? Если редакція думаетъ, что на демонстраціи не слѣдуетъ являться съ голыми руками, а съ палками и кистенями, такъ это само собою понятно и до сихъ поръ такъ и дѣлалось. Разъясненія тѣмъ болѣе необходимы, что сторонники вооруженнаго отпора мотивируютъ свое мнѣніе приблизительно такъ же, какъ и авторъ статьи „О демонстраціяхъ“. — Просимъ поэтому редакцію обратить вниманіе на настоящее письмо и отвѣтить. Читатель“.

Въ статьѣ, о которой говоритъ авторъ письма, прежде всего настоятельно подчеркивается необходимость придать демонстраціямъ массовой характеръ, и всѣ совѣты относительно организаціи сопротивленія имѣли въ виду наличность массы демонстрантовъ. Участникамъ демонстраціи, если ихъ соберется, скажемъ, всего нѣсколько сотъ человѣкъ, мы не можемъ преподать никакихъ совѣтовъ объ организаціи сопротивленія: послѣднее, вообще, будетъ безплодно, и при желаніи властей демонстрація превратится въ зрѣлище избіенія демонстрантовъ.

Другое дѣло — демонстрація, въ которой приняли участіе массы. Въ этомъ случаѣ хорошая организація и подготовка демонстраціи можетъ содѣйствовать тому, чтобы отпоръ демонстрантовъ насиліямъ полиціи и солдатъ, безъ котораго никогда не обходится дѣло, былъ не безпорядочнымъ и не безуспѣшнымъ. Но организація отпора полицейскому насилію не означаетъ вовсе провоцированія солдатъ на стрѣльбу. Подготовить отпоръ — это значитъ: организовать извѣстную часть демонстрантовъ такъ, чтобы она могла во время столкновенія съ полиціей вліять на всю толпу, удерживая ее какъ отъ безпорядочнаго бѣгства, такъ и отъ отчаянныхъ вспышекъ, могущихъ сдѣлать неизбѣжнымъ кровопролитіе, и тѣмъ самымъ удесятеряя значеніе кистеней, палокъ и т. п., какъ оборонительнаго оружія. Задача организаторовъ и руководителей демонстраціи — не дать торжествовать усмирителямъ, т. е. не допустить, чтобы правительственная расправа съ демонстрантами вызвала въ массахъ панику. Этотъ нежелательный результатъ можетъ быть достигнутъ точно также неорганизованностью отпора со стороны демонстрантовъ, какъ и несвоевременнымъ употребленіемъ съ ихъ стороны такого сильнаго средства самозащиты, какимъ является вооруженное сопротивленіе. Къ послѣднему мы могли бы призывать только въ томъ случаѣ, если бы были увѣрены, что находимся непосредственно „наканунѣ революціи“, что организованное сраженіе народа съ войсками должно превратиться въ народное возстаніе. Какъ показываетъ ясно наша статья въ № 14, мы не считаемъ раціональной тактику, основанную цѣликомъ на такой надеждѣ. Мы думаемъ, напротивъ, что намъ надо еще много и много поработать для того, чтобы имѣть право на такую надежду. Между прочимъ, намъ надо еще воспитать массу демонстраціями, подготовить ее къ дѣйствіямъ на улицѣ, и ставить на карту будущность демонстраціоннаго движенія, рискуя своей опрометчивостью вызвать бойню, которой можно избѣжать, намъ во всякомъ случаѣ не приходится.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ у одного кадета морского корпуса нашли „Искру“ и исключили изъ училища.

Въ Николаевѣ 21 января были аресты; взято три рабочихъ и одинъ интеллигентъ.

Въ с. Васильевскомъ близь Ив.-Вознесенска на Рождествѣ были аресты и обыски.

Въ Н.-Новгородѣ аресты продолжаются. Взяты: портной Орловъ, студентъ и вольноопредѣляющійся Моисеевы и чертежникъ Матвѣевъ. У вольноопредѣляющихся производятся обыски. Имъ воспрещено жить на частныхъ квартирахъ.

Помѣщикъ Бончъ-Осмоловскій сосланъ въ Вост. Сиб. на 4 г.

Сеффр. Просимъ сообщить новый адресъ для писемъ.

307н. Не имѣли отъ васъ ни писемъ, ни корреспонденціи; почти всѣ листки (кромѣ чайныхъ) не получены: усердно просимъ прислать все, что имѣете. Просимъ вашему ~~сочувствію~~ придать болѣе реальное выраженіе. Неправильность переписки приноситъ ущербъ намъ и вамъ. Не можетъ-ли чего сообщить о своемъ родномъ городѣ вашъ новый товарищъ. Получили отъ Л. Х. Ч. краткое сообщеніе о васъ; желаемъ вамъ успѣха. Не забывайте же насъ!

Изъ Волжской столицы — 60 р., оттуда же „отъ иностранца“ 100 р., „съ Волги“ 140 руб.

Изъ Цюриха 28 франка, изъ Льежа 106 фр. 30 сант.

---

*) Только-что появилось сообщеніе о введеніи фабричной инспекціи въ Тифлисской губерніи, причемъ правительство признало открыто, что къ введенію инспекціи его побудили стачки тифлисскихъ рабочихъ. Ред.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 17 15-го ФЕВРАЛЯ 1902 ГОДА. № 17

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА.

Всего только годъ прошелъ съ того времени, какъ пуля Карповича, уложивъ Боголѣпова, очистила мѣсто „новому курсу“ въ области университетской политики правительства. Въ теченіе этого года мы послѣдовательно наблюдали необыкновенный подъемъ общественнаго возбужденія, необыкновенную ласковость тона въ рѣчахъ нашихъ правителей, слишкомъ обыкновенное, къ сожалѣнію, увлеченіе общества этими новыми рѣчами, увлеченіе, охватившее и извѣстную часть студенчества, и, наконецъ, вслѣдъ за осуществленіемъ пышныхъ обѣщаній Ванновскаго — новый взрывъ студенческаго протеста. Для тѣхъ, кто прошлой весной ожидалъ „новой эры“ и серьезно вѣрилъ, что царскій фельдфебель осуществитъ хотя бы въ малой дозѣ упованія студентовъ и общества, — словомъ, для русскихъ либераловъ должно быть теперь ясно, какъ неправы они были, лишній разъ даровавъ правительству кредитъ, какъ мало было основанія пріостанавливать весной начавшее принимать внушительныя формы движеніе въ пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими пѣснями правительственныхъ сиренъ. Послѣ того, какъ нарушено было обѣщаніе вернуть въ университеты всѣхъ пострадавшихъ въ прошломъ году, послѣ того, какъ рядомъ новыхъ реакціонныхъ мѣръ брошенъ вызовъ всѣмъ тѣмъ, кто требовалъ дѣйствительной реформы учебныхъ порядковъ, послѣ ряда новыхъ кулачныхъ расправъ надъ демонстрантами, требовавшими отъ злостнаго банкрота исполненія данныхъ имъ обязательствъ. — послѣ всего этого правительство „сердечнаго попеченія“ опубликовываетъ задуманныя въ видахъ „умиротворенія“ „временныя правила“ о студенческихъ организаціяхъ и... вмѣсто „умиротворенія“ получаетъ картину общаго пожара „безпорядковъ“, охватившаго снова всѣ учебныя заведенія.

Мы, революціонеры, ни на минуту не повѣрили въ серьезность обѣщанныхъ Ванновскимъ реформъ. Мы не переставали твердить либераламъ, что циркуляры „сердечнаго“ генерала и рескрипты Николая Обманова представляютъ лишь новое проявленіе все той же либеральной политики, въ которой самодержавіе успѣло искуситься за 40-лѣтній періодъ борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“, т. е. со всѣми прогрессивными элементами Россіи. Мы предостерегали либераловъ отъ тѣхъ „безсмысленныхъ мечтаній“, которымъ они начали поддаваться послѣ первыхъ же шаговъ правительства въ духѣ „новаго курса“, мы разоблачали всю завѣдомую лживость правительственныхъ посуловъ и говорили обществу: если твой противникъ ошеломленъ первымъ серьезнымъ натискомъ, не уставай наносить ему новые удары, удваивая ихъ силу и ихъ частоту... Та каррикатура на право организацій, которая нынѣ преподнесена студентамъ „временными правилами“, предсказывалась революціонерами съ самаго начала разговоровъ объ этомъ новомъ подаркѣ правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать отъ самодержавія и его реформаторскихъ потугъ. Мы знали, что никого и ничего не „умиротворитъ“ Ванновскій, что никакихъ прогрессивныхъ надеждъ онъ не удовлетворитъ и что „безпорядки“ неизбѣжно возобновятся въ той или другой формѣ.

Годъ прошелъ, и общество стоитъ у той же мертвой точки. Полагающіяся въ благоустроенномъ государствѣ высшія учебныя заведенія снова отказываются функціонировать. Снова десятки тысячъ молодежи выбито изъ обычной колеи, и снова передъ обществомъ поставленъ тотъ же вопросъ: „что же дальше?“

Значительное большинство студентовъ отказывается принимать „временныя правила“ и разрѣшенныя ими организаціи. Профессора съ большей, чѣмъ у нихъ принято, опредѣленностью выражаютъ явное недовольство этимъ даромъ правительства. И, право, не нужно быть революціонеромъ, не нужно быть радикаломъ, чтобы признать, что такая, съ позволенія сказать, „реформа“ не только не даетъ студентамъ чего-либо, похожаго на свободу, но и никуда не годна съ точки зрѣнія введенія въ университетскую жизнь какого-нибудь спокойствія. Да развѣ не ясно съ перваго взгляда на эти „временныя правила“, что ими заранѣе создается цѣлый рядъ поводовъ къ столкновеніямъ между студентами и властями? Развѣ не очевидно, что введеніе въ жизнь этихъ правилъ грозитъ изъ каждой сходки, легально созванной по самому мирному поводу, сдѣлать исходный пунктъ новыхъ „безпорядковъ“? Можно-ли сомнѣваться, напр., что исполняющая полицейскія функціи инспекція своимъ предсѣдательствомъ на сходкахъ должна вѣчно раздражать однихъ, провоцировать на протестъ другихъ, нагонять трепетъ и сковывать уста третьимъ? И развѣ не ясно, что русское студенчество не станетъ терпѣть, чтобы содержаніе преній на этихъ сходкахъ грубо опредѣлялось „усмотрѣніемъ“ начальства?

А, между тѣмъ, дарованное правительствомъ „право“ сходокъ и организацій въ томъ нелѣпомъ видѣ, въ какомъ оно создано „временными правилами“, есть максимумъ того, что самодержавіе можетъ дать студентамъ, оставаясь самодержавіемъ. Всякій дальнѣйшій шагъ въ этомъ направленіи означалъ бы самоубійственное нарушеніе того равновѣсія, на которомъ покоятся отношенія власти къ „подданнымъ“. Или примириться съ этимъ возможнымъ для правительства максимумомъ, или усилить политическій, революціонный характеръ своего протеста, — вотъ дилемма, которую приходится рѣшать студентамъ. И большинство ихъ принимаетъ второе рѣшеніе. Рѣзче, чѣмъ когда-либо прежде, звучитъ въ студенческихъ воззваніяхъ и резолюціяхъ революціонная нота. Политика чередованія звѣрскихъ расправъ и іудиныхъ поцѣлуевъ дѣлаетъ свое дѣло и революціонизируетъ студенческую массу.

Да, студенты такъ или иначе порѣшили поставленный передъ ними вопросъ и заявили, что отложенное въ сторону (подъ вліяніемъ убаюкивающихъ пѣсенъ) оружіе они снова готовы взять въ руки. Но что же намѣрено дѣлать общество, которое успѣло, поди, вздремнуть подъ звуки этихъ предательскихъ пѣсенъ? Отчего оно продолжаетъ молчать и „втихомолку сочувствовать“? Отчего ничего не слышно объ его протестахъ, объ его активной поддержкѣ возобновившихся волненій? Неужели оно готово „спокойно“ ждать наступленія тѣхъ неизбѣжныхъ трагическихъ явленій, которыми до сихъ поръ сопровождалось всякое студенческое движеніе? Неужели оно думаетъ ограничиться жалкою ролью счетчика жертвъ борьбы и пассивнаго зрителя ея потрясающихъ картинъ? Отчего не слышно голоса „отцовъ“ въ то время, когда „дѣти“ недвусмысленно заявили свое намѣреніе принести новыя жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживаетъ студентовъ хотя бы такъ, какъ ихъ уже поддержали рабочіе? Вѣдь не ихъ, не пролетаріевъ сыновья и братья обучаются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а между тѣмъ рабочіе и въ Кіевѣ, и въ Харьковѣ, и въ Екатеринославѣ уже заявили открыто свое сочувствіе протестантамъ, не взирая на рядъ „предупредительныхъ мѣръ“ полицейскихъ властей, не смотря на ихъ угрозы пустить въ ходъ противъ демонстрантовъ вооруженную силу. Неужели это проявленіе революціоннаго идеализма русскаго пролетаріата не повліяетъ на поведеніе общества, кровно и непосредственно заинтересованнаго въ судьбѣ студентовъ, и не подвинетъ его на энергичный протестъ?

Студенческіе „безпорядки“ этого года начинаются при довольно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Сочувствіе „толпы“, „улицы“ имъ обезпечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либеральнаго общества, еслибъ оно не приложило всѣхъ усилій для того, чтобы своевременно оказанной студентамъ поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него дѣйствительныя уступки.

Ближайшее будущее покажетъ, насколько наше либеральное общество способно къ такой роли. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ въ значительной степени исходъ нынѣшняго студенческаго движенія. Но каковъ бы ни былъ этотъ исходъ, одно остается несомнѣннымъ: возобновленіе общестуденческихъ безпорядковъ послѣ столь короткаго періода спокойствія является признакомъ политическаго банкротства современнаго строя. Въ теченіе трехъ лѣтъ университетская жизнь не можетъ войти въ колею, учебныя занятія ведутся урывками, одно изъ колесъ государственнаго механизма перестаетъ дѣйствовать и, безпомощно повертѣвшись нѣкоторое время, снова на долго останавливается. И не можетъ быть теперь никакого сомнѣнія въ томъ, что въ предѣлахъ современнаго политическаго режима нѣтъ средствъ для радикальнаго исцѣленія этого недуга. Покойникъ Боголѣповъ попытался спасти отечество „героическимъ“ средствомъ, заимствованнымъ изъ арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Извѣстно, что вышло изъ примѣненія этого средства. Очевидно, что въ этомъ направленіи дальше идти нельзя. Теперь потерпѣла фіаско политика заигрыванія со студентами. А, вѣдь, кромѣ насилія и заигрыванія третьяго пути нѣтъ. И каждое новое проявленіе этого несомнѣннаго банкротства современнаго режима будетъ все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство въ глазахъ индифферентныхъ обывателей всякаго авторитета, умножая число лицъ, сознающихъ необходимость борьбы съ нимъ.

Да, банкротство самодержавія несомнѣнно и оно спѣшитъ сообщить о немъ всему міру. Развѣ не объявленіемъ о банкротствѣ является провозглашеніе „усиленной охраны“ въ доброй трети имперіи и одновременное выступленіе мѣстныхъ властей во всѣхъ концахъ Россіи съ „обязательными постановленіями“, воспрещающими подъ угрозой усиленныхъ наказаній поступки, и безъ того не разрѣшенные русскими законами? По самому существу своему всякія исключительныя правила, отмѣняющія дѣйствіе общихъ законовъ, предполагаются дѣйствующими въ ограниченныхъ предѣлахъ времени и мѣста. Предполагается, что чрезвычайныя условія требуютъ временнаго примѣненія въ опредѣленной мѣстности чрезвычайныхъ мѣръ для того, чтобы водворить то нарушенное равновѣсіе, при которомъ возможно безпрепятственное дѣйствіе общихъ законовъ. Таково разсужденіе представителей современнаго режима. Вотъ уже 20 слишкомъ лѣтъ, какъ введено положеніе объ усиленной охранѣ. 20 лѣтъ дѣйствія его въ главныхъ центрахъ имперіи не повели къ „умиротворенію“ страны, къ возстановленію общественнаго порядка. Послѣ 20 лѣтъ примѣненія этого сильно дѣйствующаго средства оказывается, что болѣзнь „неблагонадежности“, для борьбы съ которой создано оно, распространилась такъ далеко и пустила такіе глубокіе корни, что примѣненіе его необходимо распространить на всѣ сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это-ли не банкротство, открыто заявляемое самимъ банкротомъ? Убѣжденные защитники современнаго строя (такіе, несомнѣнно, имѣются) должны съ ужасомъ думать о томъ, какъ населеніе понемногу привыкаетъ къ этому сильно дѣйствующему средству и становится нечувствительнымъ къ впрыскиваніямъ новыхъ дозъ его.

А въ то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его экономической политики. Хищническое хозяйство самодержавія покоилось на чудовищной эксплуатаціи крестьянства. Это хозяйство предполагало, какъ неизбѣжное послѣдствіе, повторяющіяся отъ времени до времени голодовки крестьянъ той или иной мѣстности. Въ эти моменты хищникъ-государство пробовало парадировать передъ населеніемъ въ свѣтлой роли заботливаго кормильца имъ же обобраннаго народа. Съ 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертвъ, а съ 1897 г. почти непрерывно слѣдующими одна за другой. Въ 1892 г. Толстой съ ядовитой насмѣшкой говорилъ о томъ, что „паразитъ собирается накормить то растеніе, соками котораго онъ питается“. Это была, дѣйствительно, нелѣпая идея. Нынче времена перемѣнились и съ превращеніемъ голодовки въ нормальное состояніе деревни нашъ паразитъ не столько носится съ утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляетъ самую эту мысль государственнымъ преступленіемъ. Цѣль достигнута — нынѣшній грандіозный голодъ проходитъ при необычайной даже у насъ обстановкѣ гробового молчанія. Не слышно стоновъ голодающихъ крестьянъ, нѣтъ попытки общественной иниціативы въ борьбѣ съ голодомъ, газеты молчатъ о томъ, что дѣлается въ деревнѣ. Завидное молчаніе, но не чувствуютъ-ли гг. Сипягины, что это спокойствіе чрезвычайно напоминаетъ затишье передъ грозой?

Государственный строй, искони державшійся на пассивной поддержкѣ милліоновъ крестьянства, привелъ послѣднее къ такому состоянію, при которомъ оно изъ года въ годъ оказывается не въ состояніи прокормиться. Это соціальное банкротство монархіи гг. Обмановыхъ не менѣе поучительно, чѣмъ ея политическое банкротство.

Когда же наступитъ ликвидація дѣлъ нашего злостнаго банкрота? Долго-ли еще ему удастся жить изо дня въ день, заплатывая дыры въ своемъ политическомъ и финансовомъ бюджетѣ кожей съ живого тѣла народнаго организма? Отъ многихъ факторовъ будетъ зависѣть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую дастъ исторія нашему банкроту; но однимъ изъ важнѣйшихъ будетъ та степень революціонной активности, которую проявятъ люди, сознавшіе полное банкротство современнаго режима. Его разложеніе подвинулось очень далеко, оно значительно опередило политическую мобилизацію тѣхъ общественныхъ элементовъ, которымъ приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизація всего вѣрнѣе будетъ совершена революціонной соціальдемократіей, которая одна будетъ въ силахъ нанести самодержавію смертельный ударъ. Новая схватка студентовъ съ правительствомъ даетъ всѣмъ намъ возможность и возлагаетъ на насъ обязанность ускорить это дѣло мобилизаціи всѣхъ общественныхъ силъ, враждебныхъ самодержавію. Въ политической жизни мѣсяцы военнаго времени зачисляются исторіей за годы. А время, переживаемое нами, дѣйствительно — военное время.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАРТИРОЛОГЪ „СЕРДЕЧНАГО ПОПЕЧЕНІЯ“.

„Нижегородское землячество постановило опубликовать во всеобщее свѣдѣніе списокъ студентовъ и курсистокъ нижегородцевъ, до сихъ поръ не возвращенныхъ въ учебныя заведенія. Общее число арестованныхъ и не возвращенныхъ въ учебныя заведенія 52. Изъ нихъ въ самомъ Н.-Новгородѣ находится теперь 40 чел.

Московскій университетъ: Б. и В. Морковины и С. Корсакъ — подъ слѣдствіемъ; Затинщиковъ, Моисеевъ Б. — 2 г. высылки, въ настоящее время арестованы); Моисеевъ С. (арест.), Сыпинъ — 2 г. выс.; Пятакинъ — 1 г. выс.; Граціановъ — подъ слѣдствіемъ; Галоненъ — 1 г. выс.

Томскій универс. Знаменскій и Виноградовъ — исключены; Старокотлицкій, Паршинъ, Александровъ, Малиновскій и Агаревъ — уволены безъ права поступленія въ Томскій ун. и до сихъ поръ не приняты.

Юрьевскій ун. Лепорскій, Успенскій, Мякишевъ, Лепорскій 2-ой — уволены до 20 янв. 1902 г.

Моск. Технол. учил. Ветчинкинъ — 2 г. высылки.

Кіев. Политех. Коварскій — подъ слѣдствіемъ.

Томскій Технич. Инст. Колосовъ (арест.) — 2 г. высылки.

Казанск. Ветер. Инст. Рюриковъ — подъ слѣдствіемъ.

СПБ. Технол. Инст. Чарушинъ — 2 г. выс.

Яросл. Лицей. Смирновъ — 2 г. выс.

Моск. акуш. курсы. Подсосова, Пиничевская, Ярошевская и Краснова — 2 г. гл. надз.; Кислова, Рюрикова, Лѣнивова — 1 г. выс.; Владимірская — подъ слѣдствіемъ.

СПБ. курсы Лесгафта. Комарова — 1 г. гл. надзора; Добролюбская и Косарева — 1 г. выс.; Малиновская — п. слѣдствіемъ; М. и В. Гайковичъ — 1 г. выс.

Бестужевск. курсы. С. Малиновская, Доброхотовы, А и С. и Кольбергъ — 1 г. гл. надзора.

Медичка Богушевская — 1 г. выс.

Гигіен. курсы. Симонова — 1 г. выс.

Ф. Гусева (Бест., выслана осенью 1900 г.) — 3 г. выс.

Ел. Граціанова, Игнатичева и Румянцева — 1 г. высылки.

За движеніе 1899 г. до сихъ поръ не возвращены:

СПБ. унив. Елпатьевскій — 3 г. выс.

Моск. унив. Яровицкій 3 г. выс.

Предлагаемъ другимъ землячествамъ также опубликовать списокъ извѣстныхъ имъ невозвращенныхъ товарищей.

10 января 1902 г. Нижегородское землячество.“

Что скажетъ г. Ванновскій въ отвѣтъ на это разоблаченіе лживости обѣщаній, данныхъ правительствомъ?

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

„Временныя правила“ о студенческихъ организаціяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, никого не могли удовлетворить. Вмѣсто свободы организоваться хотя бы только на почвѣ студенческихъ дѣлъ, студенты получили жалкое „право“ устраивать сходки подъ наблюденіемъ и предсѣдательствомъ лица, назначеннаго Правленіемъ Университета (при чемъ это лицо не должно быть непремѣнно профессоромъ, а можетъ принадлежать и къ ненавистной инспекціи), сходки, которыя могутъ обсуждать только вопросы, разрѣшенные правленіемъ, и могутъ распускаться предсѣдательствующимъ полицейскимъ... то-бишь, наблюдателемъ. Курсовые старосты не выбираются студентами, а назначаются начальствомъ изъ числа кандидатовъ, выбранныхъ студентами. Значительная часть студентовъ (первый семестръ) вовсе лишены права организацій и сходокъ. Если къ этому прибавить, что выставленныя студентами требованія свободнаго доступа въ университетъ всѣхъ, безъ различія національности, вовсе не были удовлетворены и что побоища въ Харьковѣ и Екатеринославѣ слишкомъ явно говорили объ общемъ духѣ „попеченія“, то не будетъ удивительнымъ, что послѣ Рождественскихъ каникулъ такъ-наз. „студенческіе безпорядки“ возобновились.

Приводимъ сообщеніе изъ Кіева:

21 января въ Политехническомъ институтѣ была сходка. Было признано дѣйствительнымъ постановленіе сходки 5 декабря. Директоръ Кирпичевъ сообщилъ, что дѣйствіе „временныхъ правилъ" распространяется и на Институтъ, т. е. что имъ получены отъ Витте соотвѣтствующія „временныя правила". Онъ сообщилъ объявленіе, которое на слѣдующій день раздавалось студентамъ университета. Это „предварительное объявленіе студентамъ" говоритъ, что попечитель имѣетъ право закрыть въ случаѣ безпорядковъ высшее учебное заведеніе, и если занятій въ общей сложности не будетъ впродолженіе 4-хъ недѣль (а въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ трехъ), то всѣ студенты высшихъ, начиная со второго курса, оставляются на второй годъ, а студенты перваго курса увольняются и принимаются вновь наравнѣ съ вновь поступающими, стало быть, въ спеціальныхъ учебн. завед. подвергаются испытаніямъ; въ университетѣ же, на многолюдныхъ курсахъ, гдѣ было бы недостаточно мѣста для пріема всѣхъ (и новичковъ, и старыхъ), — по конкурсу аттестатовъ. Второй параграфъ „предварительнаго объявленія" разрѣшаетъ, когда занятія прекращены во всемъ учебномъ заведеніи, отдѣльнымъ курсамъ подавать прошенія о разрѣшеніи имъ заниматься. Нечего говорить, что это объявленіе вызвало негодованіе студентовъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что согласно „временнымъ правиламъ", выданнымъ студентамъ Института, имъ не разрѣшаются общія сходки, которыя раньше разрѣшались.

По желанію студентовъ, Кирпичевъ телеграммой просилъ Витте закрыть Институтъ. Получилась въ отвѣтъ телеграмма, въ которой Витте выражаетъ сожалѣніе, что студенты Института подали примѣръ безпорядковъ, надѣется, что они еще „поддержатъ честь" Института, и даетъ имъ трехнедѣльный срокъ. Всю эту недѣлю занятій въ Институтѣ не было. Огромное большинство профессоровъ не читало лекцій. Къ тѣмъ немногимъ, которые пробовали читать (въ ихъ числѣ Коноваловъ) была примѣнена обструкція.

Въ кіевскомъ университетѣ была созвана Союзнымъ Совѣтомъ общая сходка на 24. Прошла она довольно плохо. Оппозиція была сильная. Въ серединѣ обсужденій человѣкъ 30 покинуло аудиторію и устроило вторую сходку въ сосѣдней аудиторіи. Но, кромѣ нихъ, было и въ числѣ оставшихся много противъ забастовки. Въ результатѣ почти пятичасового обсужденія были приняты слѣдующія двѣ резолюціи:

„Мы, студенты Кіевскаго Университета, собравшись на сходку 24 января, постановили:

„1) Выразить свое презрѣніе министру нар. просвѣщенія, бросившему студенчеству гнусную подачку въ формѣ „Временныхъ правилъ" отъ 22-го ноября 1901 г. Мы признаемъ, что „временныя правила" не только не вносятъ въ студенческую жизнь никакихъ улучшеній, но отнимаютъ и опутываютъ цѣлой сѣтью все то, чего студенчеству удалось уже добиться путемъ долгой и упорной борьбы. Мы остаемся при прежней увѣренности, что правильное теченіе университетской жизни возможно только при широкой автономіи университетовъ и устраненіи изъ сферы университетской жизни жандармско-полицейскихъ тенденцій. Поэтому мы отказываемся принять „временныя правила", удовлетворяющія скорѣе требованіямъ усовершенствованнаго сыска, чѣмъ нашимъ насущнѣйшимъ потребностямъ, нашимъ требованіямъ. 2) Послѣ того какъ сама жизнь указала единственный возможный путь для достиженія нашихъ завѣтныхъ цѣлей — путь борьбы; послѣ того какъ министерство и правительство окончательно дискредитировали себя своими невыполненными обѣщаніями или лицемѣрной политикой; послѣ рѣчей генерала Ванновскаго въ Москвѣ, послѣ массоваго увольненія и избіенія нашихъ Харьковскихъ товарищей, послѣ Екатеринославской бойни, послѣ опубликованія позорной „конституціи" Ванновскаго, окончательно игнорирующей наши долголѣтнія требованія намъ остается только начать борьбу. Съ сегодняшняго дня объявляемъ Кіевскій университетъ закрытымъ; съ завтрашняго — 25-го января — начинаемъ забастовку, которая будетъ продолжаться, пока всѣ наши требованія не будутъ удовлетворены.

„Мы требуемъ: 1) Широкой автономіи университетовъ; 2) Пріема въ университеты всѣхъ лицъ, окончившихъ среднія учебныя заведенія безъ различія пола и національности; 3) Пріема въ университеты всѣхъ, пострадавшихъ товарищей, какъ нашего университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній".

Между тѣмъ, раньше было объявлено, что 25, 26, 28, 29-го будутъ происходить курсовыя собранія въ присутствіи выбранной Совѣтомъ коммиссіи, въ которую входятъ по три профессора на каждый курсъ. Наканунѣ сходки членъ коммиссіи, проф. Морозовъ, объявлялъ на всѣхъ курсахъ медицинскаго факультета, а нѣкоторые другіе профессора на другихъ курсахъ, что ни Совѣтъ, ни коммиссія не принимаютъ и не могутъ принять „временныхъ правилъ" въ ихъ теперешнемъ видѣ; особенно не могутъ они примириться съ §§ 6 и 8, приказывающими профессорамъ, назначеннымъ начальствомъ, присутствовать на курсовыхъ собраніяхъ и доносить начальнику заведенія о нарушеніяхъ порядка, уклоненіи отъ утвержденныхъ начальникомъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію. Совѣтъ, по словамъ членовъ коммиссіи, уже рѣшилъ ходатайствовать объ измѣненій этихъ пунктовъ и коммиссія будетъ являться на курсы не для того, чтобы вводить „временныя правила", а для того, чтобы студенты тоже могли ихъ обсудить, и такимъ образомъ къ голосу профессоровъ присоединится голосъ студентовъ. Не смотря на это, въ тотъ же день, медики 4 и 5 курсовъ значительнымъ абсолютнымъ большинствомъ приняли резолюцію, вполнѣ отвергающую „временныя правила". Въ ней они высказываются противъ собраній при коммиссіи и перевыбора или только утвержденія старостъ.

Въ день сходки было вывѣшено объявленіе о томъ, что постановлено ходатайствовать объ измѣненія §§ 6 и 8. По просьбѣ проф. Трубецкого (членъ коммиссіи), ему было разрѣшено говорить на сходкѣ. Въ длинной рѣчи онъ сказалъ, какъ смотритъ на свою задачу. Онъ указалъ опять-таки на то, что нѣтъ и рѣчи о принятіи „временныхъ правилъ" во всемъ ихъ объемѣ; что ректоръ рѣшилъ утверждать старостой только того, кто получитъ наибольшее число голосовъ; что отъ полицейскихъ обязанностей профессора отказываются; что студенты не должны считать коммиссію своимъ врагомъ; что онъ хотѣлъ бы вмѣстѣ со студентами работать, чтобы сообща ходатайствовать объ измѣненіяхъ; что онъ будетъ оставаться профессоромъ лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ надѣяться, что ему удастся хоть что-нибудь въ пользу студентовъ, и проч. Рѣчь профессора была встрѣчена рукоплесканіями, но затѣмъ одинъ ораторъ его основательно разбилъ.

25-го не было лекцій. Какъ и въ Институтѣ, оппозиція довольно сильна. На каждомъ курсѣ есть нѣкоторое число студентовъ, желающихъ слушать лекціи и принять коммиссію. Лишь путемъ упорной борьбы былъ проведенъ рядъ рѣшеній по курсамъ: бастовать, не производить выборовъ старостъ и не представлять на утвержденіе старыхъ.

Филологи составили исключеніе: на факультетскомъ собраніи они постановили принять „временныя правила".

Большинство профессоровъ при первомъ требованіи прекратило лекціи. Флоринскаго, которому не могутъ простить его участія въ коммиссіи, сдававшей въ прошломъ году въ солдаты, обструкціонисты прогнали свистками и ругательствами. Эйхельманъ заперся въ аудиторіи съ 8-ю слушателями. Взломали дверь и выгнали его. Забастовка врядъ-ли долго продержится. Самое лучшее, если закроютъ университетъ.

Послѣ сходки группа студентовъ чел. 100 или больше сожгли съ пѣніемъ передъ университетомъ экземпляры „временныхъ правилъ". Проф. кн. Трубецкой въ знакъ протеста противъ „временныхъ правилъ" вышелъ въ отставку.

Въ Петербургѣ отношеніе студентовъ къ „Временнымъ правиламъ" столь же опредѣленное. Избранные студентами СПБ. университета еще въ ноябрѣ курсовые старосты должны были демонстративно сложить съ себя должность, такъ какъ получили отказъ на свое предложеніе созвать общую сходку для обсужденія новыхъ правилъ. Изъ 43 старость 33 подписали мотивированную резолюцію о своемъ отказѣ. Такимъ образомъ само начальство постаралось тотчасъ же показать сомнѣвающимся еще студентамъ, какъ „свободны" дарованныя имъ организаціи.

Отъ выборовъ новыхъ старостъ почти всѣ курсы отказались. 5 февраля состоялась („незаконная") общая сходка, на которой 1063 голосами противъ 5 при 26 воздержавшихся принята резолюція, требующая „свободы слова, гарантируемой личной неприкосновенностью" и полной свободы студенческихъ организацій. 668 голосами противъ 118 при 72 воздержавшихся принято рѣшеніе объявить забастовку. Въ Технологическомъ Институтѣ студенты отказались принять „временныя правила". На выборы по приглашенію начальства изъ 1200 студентовъ явилось только 200. Въ Лѣсномъ институтѣ на сходкѣ 330 чел. (изъ 500 общаго числа) отказъ отъ „временныхъ правилъ" рѣшенъ единогласно. Въ Электротехническомъ институтѣ проведено то же рѣшеніе. Въ Военно-медицинской академіи сходка въ числѣ 255 чел. протестовала противъ учрежденныхъ недавно „лагерныхъ сборовъ" для студентовъ — мѣра, расхваленная „Нов. Врем." и продиктованная стремленіемъ дать будущимъ врачамъ „военную выправку". Медики рѣшили въ случаѣ, если требованіе объ отмѣнѣ этихъ сборовъ не будетъ уважено, начать забастовку. 15 участниковъ сходки исключены изъ Академіи, другіе отдѣлались выговоромъ и арестомъ.

1 февраля въ Институтѣ путей сообщенія большинствомъ 196 голосовъ противъ 19 принята слѣдующая резолюція:

„1) Событія на югѣ Россіи представляютъ собою новый актъ насилія надъ студенчествомъ; 2) „временныя правила" не выдерживаютъ критики, какъ проектъ студенческихъ организацій, и представляютъ изъ себя попытку увлечь студенчество на путь позорныхъ компромисовъ; 3) обѣщанія возвратить пострадавшихъ товарищей не выполнены; 4) изъ этого слѣдуетъ, что не только не устранены причины прежнихъ движеній, но есть поводы, достаточные для возобновленія движенія въ СПБ.; 5) въ виду этого группа студентовъ Института путей сообщенія призываетъ петербургское студенчество къ борьбѣ за общественные принципы прежнихъ движеній: I. неприкосновеность личности и II. свобода слова и организаціи, требуя при этомъ возвращенія всѣхъ пострадавшихъ товарищей".

6-го февраля студенты Горнаго Института приняли рядъ аналогичныхъ требованій большинствомъ 237 противъ 87 гол.

Въ Ригѣ въ январѣ за участіе въ безпорядкахъ исключено изъ Политехникума 16 студентовъ, изъ нихъ 5 безъ права поступленія въ какія-либо учебныя заведенія. 7 января сходка постановила отвергнуть „временныя правила" и начать забастовку съ примѣненіемъ обструкціи. Вскорѣ въ одной аудиторіи примѣнили „химическую обструкцію": разбили о потолокъ склянки съ сѣроводородомъ; лекціи прекратились.

Въ Харьковѣ бастуетъ Ветеринарный институтъ.

Томскіе студенты отказались отъ „временныхъ правилъ" большинствомъ 222 голосовъ противъ 52. Здѣсь во главѣ движенія стоитъ „Студенческій центральный революціонный кружокъ". Въ его прокламаціяхъ энергично проводится необходимость слить студенческое движеніе съ общей борьбой за политическую свободу и указывается на пролетаріатъ, какъ на главнаго борца за нее. Комитетъ сибирскаго соц.-дем. союза обратился съ воззваніемъ къ студентамъ, и центральный студенческій кружокъ въ отвѣтной прокламаціи выразилъ солидарность передового студенчества съ пролетаріатомъ.

Вообще, политическое ~~и~~ революціонное настроеніе замѣтно беретъ верхъ въ студенческомъ движеніи надъ умѣренно-академическомъ. Въ СПБ. во главѣ движенія стоитъ „касса радикаловъ", объявляющая себя соц.-дем. группой. Политика обмановъ, проводимая министерствомъ Ванновскаго, замѣтно революціонизировала „лѣвую" часть студенчества. Соотвѣтственно этому, „правая" сторона пытается болѣе рѣзко, чѣмъ всегда, проявить свою вражду къ движенію. Извѣстно, что въ Харьковѣ она дошла до ходатайства передъ ректоромъ объ удаленіи студентовъ-евреевъ, какъ виновниковъ безпорядковъ. На одномъ изъ курсовъ харьковскаго университета старостой былъ избранъ еврей. Реакціонное меньшинство отказалось признать его старостой и бойкотомъ добилось того, что онъ отказался отъ должности. Эти реакціонныя замашки опираются, главнымъ образомъ, на студентовъ 1-го курса, — печальное свидѣтельство разврата, который сѣетъ наша средняя школа. Въ СПБ. „правая" сторона составляла списокъ всѣхъ „неблагонамѣренныхъ" студентовъ, чтобы представить его начальству и просить удалить ихъ для огражденія спокойствія въ университетѣ. Начальство, конечно, благосклонно отнеслось къ этой попыткѣ. Въ проскрипціонный списокъ было занесено 120 именъ, но что съ нимъ сталось, — неизвѣстно.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что профессора повсюду выражаютъ недовольство тѣми правилами объ организаціяхъ, которыми Ванновскій думалъ „успокоить" студентовъ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ВЪ КІЕВѢ.

3 февраля.

Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ видѣннаго. Это было только вчера, и уличная картина ярко рисуется у меня передъ глазами.

Дня за три до второго февраля по городу распространялись листки отъ Комитета соц.-дем. рабочей партіи и отъ Комитета соціалистовъ-революціонеровъ. Листки призывали къ демонстраціи на Крещатикѣ въ 12 час. 2 февраля. Я явился на Крещатикъ ранѣе 12 час. Вся правая сторона Крещатика (обычное мѣсто прогулки кіевлянъ) отъ Прорѣзной до Фундуклеевской была покрыта тѣсной толпой публики. Значительно рѣж

ФЕЛЬЕТОНЪ

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы намѣрены періодически помѣщать, по мѣрѣ накопленія матеріала, статьи и замѣтки, посвященныя характеристикѣ, съ марксистской точки зрѣнія, всѣхъ сторонъ экономической жизни и экономическаго развитія Россіи. Теперь, когда „Искра" начала выходить два раза въ мѣсяцъ, недостатокъ такого отдѣла чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этомъ обратить серьезнѣйшее вниманіе всѣхъ товарищей и сочувствующихъ нашимъ изданіямъ лицъ на то, что веденіе (сколько-нибудь правильное) этого отдѣла требуетъ особенно богатаго матеріала, а редакція наша поставлена въ этомъ отношеніи въ исключительно-неблагопріятныя условія. Легальный писатель и представить себѣ не можетъ, о какія иногда элементарнѣйшія препятствія разбиваются намѣренія и стремленія писателя „подпольнаго". Не забывайте же, господа, что мы не можемъ отправиться въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ къ услугамъ журналиста имѣются десятки и сотни спеціальныхъ изданій и мѣстныхъ газетъ. А вѣдь матеріалъ для экономическаго отдѣла, сколько-нибудь приличествующаго „газетѣ", т. е. сколько-нибудь живого, злободневнаго, интересующаго и читателя и писателя, — такой матеріалъ разбросанъ именно по мелкимъ мѣстнымъ газеткамъ и спеціальнымъ изданіямъ, изъ которыхъ большая часть либо недоступна по цѣнѣ, либо вовсе не поступаетъ въ продажу (изданія правительственныя, земскія, медицинскія и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономическаго отдѣла возможно исключительно при томъ условіи, если всѣ читатели нелегальной газеты будутъ поступать сообразно правилу: „съ міру по ниткѣ — голому рубашка". И, преодолѣвая ложный стыдъ, редакція „Искры" должна сознаться, что она въ этомъ отношеніи ходитъ почитай-что совсѣмъ голая. Мы увѣрены, что масса нашихъ читателей имѣетъ возможность слѣдить и на самомъ дѣлѣ слѣдитъ „для себя" за самыми разнообразными спеціальными и мѣстными изданіями. Только тогда, когда каждый такой читатель каждый разъ, когда онъ встрѣтитъ интересный матеріалъ, будетъ задавать себѣ вопросъ: а есть-ли этотъ матеріалъ въ редакціи нашей газеты? что я сдѣлалъ для того, чтобы ознакомить ее съ этимъ матеріаломъ? — только тогда мы добьемся того, чтобы всѣ выдающіяся явленія въ экономической жизни Россіи оцѣнивались не только съ точки зрѣнія казеннаго, ново-временскаго, виттевскаго славословія, не только ради традиціоннаго либерально-народническаго нытья, а и съ точки зрѣнія революціонной соціалдемократіи.

Ну, а теперь, — послѣ этого нелиберальнаго нытья, — теперь перейдемъ къ дѣлу.

I. Сберегательныя кассы.

Сберегательныя кассы — одинъ изъ самыхъ излюбленныхъ въ послѣднее время поводовъ для славословія. Только этимъ пользуется не одно виттевское, а также и „критическое" славословіе. Давиды и Герцы, Черновы и Булгаковы, Прокоповичи и Тотоміанцы, однимъ словомъ, всѣ сторонники модной „критики марксизма" (не говоря уже о солидныхъ профессорахъ, Каблуковыхъ и Карышевыхъ) на разные лады и голоса взываютъ: „толкуютъ эти ортодоксы о концентраціи капитала! — Да вотъ однѣ уже сберегательныя кассы показываютъ намъ децентрализацію капитала. Толкуютъ о ростѣ нищеты! А на самомъ дѣлѣ мы видимъ ростъ мелкихъ народныхъ сбереженій".

Возьмемъ присланныя намъ однимъ добрымъ человѣкомъ оффиціальныя данныя о русскихъ сберегательныхъ кассахъ въ 1899 году и присмотримся къ нимъ поближе. Всего въ Россіи было въ 1899 г. 4781 государственная сберегательная касса, въ томъ числѣ 3718 почтово-телеграфныхъ и 84 фабрично-заводскихъ кассы. За пять лѣтъ (съ 1895 по 1899 г.) число кассъ возрасло на 1189, т. е. на треть. Число вкладчиковъ за то же время поднялось съ 1664 тыс. до 3145 т., т. е. на полтора почти мил. (на 89%), сумма денежныхъ вкладовъ съ 330 мил. р. до 608 м. р., т. е. на 278 м. р. или на 84%. Итакъ, повидимому, гигантскій ростъ „народныхъ сбереженій"?

Но вотъ какое обстоятельство бросается при этомъ въ глаза. Изъ литературы о сберегательныхъ кассахъ извѣстно, что за 80-ые годы и начало 90-хъ всего быстрѣе шло возрастаніе суммы вкладовъ въ голодные годы, 1891 и 1892. Это съ одной стороны. А съ другой, — мы знаемъ, что за весь этотъ періодъ вообще, за 80-ые и 90-ые годы вмѣстѣ взятые, наряду съ ростомъ „народныхъ сбереженій" шелъ поразительно-быстрый и острый процессъ обнищанія, разоренія и голоданія крестьянства. Чтобы понять, какъ могутъ совмѣщаться эти противорѣчивыя явленія, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни Россіи за указанный періодъ представляетъ ростъ денежнаго хозяйства. Увеличеніе же вкладовъ въ сберегательныя кассы указываетъ само по себѣ вовсе не на ростъ „народныхъ" сбереженій вообще, а лишь на ростъ (иногда даже только на стягиванье въ центральныя учрежденія) денежныхъ „сбереженій". Въ крестьянствѣ, напр, при переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, вполнѣ возможно увеличеніе денежныхъ сбереженій при уменьшеніи всей суммы „народныхъ" сбереженій. Крестьянинъ стараго закала держалъ свои сбереженія въ кубышкѣ, когда это были сбереженія денежныя, а большей частью эти сбереженія состояли изъ хлѣба, кормовъ, холста, дровъ и т. п. предметовъ „въ натурѣ". Теперь у разореннаго и разоряемаго крестьянина нѣтъ ни натуральныхъ, ни денежныхъ сбереженій, а у ничтожнаго меньшинства богатѣющихъ крестьянъ скапливаются денежныя сбереженія и начинаютъ попадать въ государственныя сберегательныя кассы. Такимъ образомъ, вполнѣ объяснимъ на ряду съ ростомъ голодовокъ ростъ вкладовъ, знаменующій не повышеніе народнаго благосостоянія, а вытѣсненіе стараго, самостоятельнаго, крестьянина новой сельской буржуазіей, т. е. зажиточными мужичками, которые не могутъ вести хозяйство безъ найма батраковъ или поденщиковъ.

Интереснымъ косвеннымъ подтвержденіемъ сказаннаго являются данныя о распредѣленіи вкладчиковъ по роду занятій. Данныя эти относятся къ владѣльцамъ почти 3-хъ мил. (2942 тыс.) книжекъ съ суммой вкладовъ въ 545 мил. руб. Средній вкладъ оказывается равнымъ 185 руб. — какъ видите, сумма, ясно указывающая на преобладаніе среди вкладчиковъ тѣхъ, составляющихъ ничтожное меньшинство русскаго народа, „счастливцевъ", которые имѣютъ родовое или благопріобрѣтенное имущество. Самые крупные вкладчики — духовенство: 46 м. р. по 137 т. книжекъ, т. е. по 333 р. на книжку. Попеченіе о спасеніи душъ паствы — дѣло, должно быть, небезвыгодное... Затѣмъ землевладѣльцы: 9 м. р. на 36 т. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далѣе — торговцы: 59 м. р. на 268 т. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потомъ офицера — по 219 р. на кн., гражданскіе чиновники — по 202 р. Лишь на шестомъ мѣстѣ стоитъ „земледѣліе и сельскіе промыслы": 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т. е. по 197 р. на кн.; затѣмъ „занятія на частной службѣ" — по 196 р.; „прочія занятія" — по 186 р.; городскіе промыслы — по 159 р.; „услуженіе" — по 143 р.; работа на фабрикахъ и заводахъ — по 136 р., и на послѣднемъ мѣстѣ „нижніе воинскіе чины" — по 86 р.

Итакъ, фабрично-заводскіе рабочіе занимаютъ, въ сущности, послѣднее мѣсто по размѣру сбереженій (не считая солдатъ, содержимыхъ казной)! Даже прислуга имѣетъ болѣе высокій въ среднемъ размѣръ сбереженій (143 р. на кн. противъ 136 р.) и даетъ гораздо большее число вкладчиковъ. Именно: у прислуги 333 тыс. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводскихъ рабочихъ — 157 т. кн. на сумму 21 мил. руб. Пролетаріатъ, создающій всѣ богатства нашей знати и нашихъ тузовъ, поставленъ въ худшія условія, чѣмъ ихъ личная прислуга! Изъ всего числа русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ (не менѣе двухъ мил. чел.) только шестая приблизительно часть имѣетъ возможность дѣлать хотя бы самые ничтожные вклады въ сберегательныя кассы, — и это несмотря на то, что у рабочихъ весь доходъ исключительно денежный и имъ приходится часто содержать семью въ деревнѣ, вслѣдствіе чего ихъ вклады означаютъ большей частью вовсе не „сбереженія" въ собственномъ смыслѣ слова, а просто суммы, отложенныя до слѣдующей посылки домой и т. п. Мы уже не говоримъ о томъ, что въ рубрику „работа на фабрикахъ и заводахъ" попадали, вѣроятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, однимъ словомъ, вовсе не настоящіе рабочіе.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главнымъ образомъ объемлется рубрикой „земледѣліе и сельскіе промыслы", — то у него средній размѣръ сбереженій оказывается, какъ мы видѣли, болѣе высокимъ, чѣмъ даже у состоящихъ на частной службѣ, и значительно превышаетъ среднія сбереженія „городского промышленника" (т. е., вѣроятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьянъ (на все число около 10 мил. дворовъ или семей) съ 126 м. руб. въ сберегательныхъ кассахъ принадлежатъ исключительно къ крестьянской буржуазіи. Къ этимъ и еще развѣ къ ближайше соприкасающимся съ ними крестьянамъ только и относятся тѣ данныя о прогрессѣ сельскаго хозяйства, о распространеніи машинъ, о повышеніи культуры земли и уровня жизни и т. п., — данныя, которыя выдвигаютъ противъ соціалистовъ гг. Витте, чтобы доказать „ростъ народнаго благосостоянія", гг. либералы (и „критики") — чтобы опровергнуть „марксистскую догму" о гибели и упадкѣ мелкаго производства въ земледѣліи. Эти господа не замѣчаютъ (или притворяются не замѣчающими) того, что упадокъ мелкаго производства какъ разъ и выражается въ томъ, что изъ мелкихъ производителей выдвигается ничтожное число богатѣющихъ на счетъ разоренія массы.

Еще болѣе интересны данныя о распредѣленіи общаго числа вкладчиковъ по величинѣ ихъ вкладовъ. Въ круглыхъ цифрахъ, это распредѣленіе таково: изъ трехъ милліоновъ вкладчиковъ двигалась толпа отъ Прорѣзной до Думы и отъ Фундуклеевской до Бибикова бульвара. На противоположной сторонѣ Крещатика, какъ и обыкновенно, народу было гораздо меньше. Вдоль края тротуара, съ обѣихъ сторонъ Крещатика, вытянулась цѣпь городовыхъ, каждый шаговъ на 30 другъ отъ друга, въ перемежку съ квартальными. Главныя силы полицейскихъ чиновъ сосредоточились около гостинницы Бель-Вю и за почтой около двора № 22, гдѣ, какъ послѣ я узналъ, былъ скрытъ отрядъ казаковъ съ полсотни и пѣхоты не болѣе роты. Гулявшая публика, повидимому, чего-то поджидала. Лѣвая сторона Крещатика все гуще и гуще покрывалась самой разнообразной публикой, хотя вообще преобладала молодежь разныхъ званій и состояній. Приблизительно въ часъ дня съ правой стороны Крещатика почти противъ Лютеранской улицы и недалеко отъ гостинницы Бель-Вю отдѣлилась кучка въ нѣсколько человѣкъ и выступила на улицу. Къ очутившимся внѣ тротуара присоединилось еще нѣсколько чел., въ общемъ всего было чел. 25-30. Кто-то изъ нихъ развернулъ красное знамя съ надписью серебрянными буквами: „Долой самодержавіе!“ и крикнулъ „Долой самодержавіе!“ Толпа, бывшая на тротуарѣ, громко закричала ура. На кучку демонстрантовъ почти моментально налетѣли квартальные и конные городовые. Приставъ, кажется извѣстный мерзавецъ Закусиловъ, схватилъ знамя. На него посыпались удары палками, а демонстрантовъ стали хлестать нагайками конные городовые. Приставу здорово досталось, послѣ онъ и не показывался, а знамя все-таки у него осталось. Утратили одно знамя демонстранты, развернули другое такое же и съ надписью. Кое-кто говоритъ, что на другомъ была надпись „Восьмичасовый рабочій день!“ Второе знамя также быстро было отнято. Силы демонстрантовъ не подкрѣплялись. На тротуарахъ только кричали ура и какъ будто напирали, чтобы вытѣснить публику за тротуаръ на улицу. Это мало помогало. Демонстрантовъ скоро смяли и окружили и загнали въ ближайшія ворота. Думаю, что было не болѣе 15-30 чел. А потомъ принялись преслѣдовать близь стоявшую публику. Били нагайками, палками (квартальные), шашками въ ножнахъ. Я видѣлъ, какъ ножны разлетались на части. Вся борьба съ демонстрантами у знамени продолжалась очень недолго, минуты двѣ, много три. Неподалеку отъ этого мѣста у такъ называемаго пассажа полиція тоже набросилась на толпу. Самой расправы я не видѣлъ, но видѣлъ, какъ съ того приблизительно пункта студенты политехники несли избитаго до потери сознанія своего товарища Вячеслава (?) Вольскаго. Впереди шелъ квартальный. Несшіе говорили, что Вольскій убитъ. Потомъ мнѣ пришлось слышать, что онъ пришелъ въ себя, но останется-ли онъ живъ, не знаю. Полицейскіе разошлись. Публика продолжала оставаться на Крещатикѣ. Черезъ нѣкоторое время появился отрядъ пѣхоты и остановился на углу Крещатика и Фундуклеевской. Вскорѣ показался фургонъ военнаго лазарета: видно, власти разсчитывали, что бойня будетъ изрядная. Прискакали казаки, а потомъ подъѣхалъ и генералъ Треповъ. На средину улицы старались никого не пропускать, а съ Крещатика на Фундуклеевскую преградили путь солдаты. Казаки маленькими кучками выѣзжали на троттуаръ и сообщали публикѣ движеніе въ ту или другую сторону. Останавливаться воспрещалось. Молчаливо-выжидательное настроеніе продолжалось съ полчаса. Пѣхоту почему-то передвинули съ угла Крещатика и Бибиковскаго бульвара. Казаки стали гарцовать по Крещатику. Большое количество публики потянулось вверхъ по Фундуклеевской. Говорятъ, около этого времени была большая свалка на Прорѣзной и на Ново-Елизаветинской. Я проѣхалъ по всему Крещатику, и вездѣ видѣлъ только массы двигавшейся публики. Пропасть народу виднѣлось на Прорѣзной, Фундуклеевской и Бибик. бульв. Часа въ два, стоя на углу Бибик. бульвара и Крещатика, я слышалъ отдаленые звуки ура и пошелъ по Бибиковкому бульвару. Громадныя толпы публики стояли съ обѣихъ сторонъ собственно бульвара, вытянувшись, главнымъ образомъ, по Владимірской. По Владимірской же ул. вдоль стѣны университета и почти до зданія военнаго окружного суда двигалась группа демонстрантовъ чел. въ 200. Тутъ были, главнымъ образомъ, рабочіе, но много и студентовъ. Кое-кто изъ демонстрантовъ выкрикивалъ: „Долой самодержавіе!“ или „Да здравствуетъ свобода!“, а окружающіе подхватывали громко криками ура. Начинали пѣть, но довольно нескладно: „Смѣло друзья!“ Разъ только удалось услышать пропѣтыми два куплета подрядъ. Демонстранты и публика появились тутъ часа въ два и начали движеніе отъ угла Шулявской и Владимірской. Властей не было никакихъ: говорить и пѣть никто не мѣшалъ. Только часамъ къ тремъ появились казаки, потомъ Треповъ, а потомъ пѣхота. Производились аресты отдѣльныхъ личностей. Тутъ же въ присутствіи Трепова казакъ, сидя на лошади, схватилъ за воротникъ рабочаго, приподнялъ его и отъѣхалъ съ тротуара, нанося удары нагайкой, и другіе казаки стали его лупить. Другой рабочій почему-то не понравился Трепову, и тотъ крикнулъ „взять его!“; рабочій пытался было убѣжать, но его поймали и принялись бить нагайками. Въ это же почти время избили студента. Толпу стали оттѣснять на Владимірскую по направленію къ городскому театру. Было между 3 и 4. Масса публики стояла справа и слѣва по Влад. и возлѣ театра. Тутъ демонстрація приняла характеръ спорадическій. Въ собравшейся толпѣ кто-нибудь крикнетъ: „Долой самодержавіе!“, толпа отвѣтитъ громкимъ ура. Казаки пускаютъ своихъ лошадей въ аттаку и хлещутъ нагайками, кого попало. Побьютъ, иногда попутно поволокутъ кого-нибудь и разъѣдутся. Разсѣявшаяся толпа опять соединится, опять гдѣ-нибудь послышится ура или звуки „Смѣло друзья!“, и казаки съ верховыми городовыми снова приступаютъ къ исполненію своихъ обязанностей. Пока двери театра не были заперты, убѣгавшіе отъ казацкихъ нагаекъ могли прятаться въ театръ, но по окончаніи спектакля вскорѣ всѣ двери были заперты, и пришлось лишиться такого хорошаго убѣжища. Я ушелъ въ половинѣ пятаго, вернулся послѣ половины шестого. Демонстрація носила все тотъ же характеръ. Казаки и верховые городовые то налетали, то отступали. Главная масса публики и разсыпанные между ней демонстранты отодвинулись отъ театра по Фундуклеевской до Нестеровской. Около театра ходили власти, полицмейстеръ, нѣсколько приставовъ и казачій офицеръ въ высокой шапкѣ и отъ поры до времени давали приказанія то нападать, то отступать. Между 6 и $6^1/_2$ час. я былъ на Крещатикѣ. Тамъ народу было много, но тревожнаго элемента не было замѣтно. Въ 11 час. ночи Фундуклеевская носила обычный характеръ, и даже болѣе: движеніе было значительно меньше, чѣмъ обыкновенно. Число всѣхъ присутствовавшихъ около театра можно опредѣлить тыс. въ десять.

Демонстрацію врядъ-ли можно считать удачной. Замѣтна было недостаточность предварительной организаціонной подготовки. Въ противномъ случаѣ, принимая громадные размѣры публики и сравнительно ничтожные полиціи, едва-ли такъ скоро были бы уничтожены знамена и смяты выступившіе демонстранты. Рѣдко случается такое счастливое совпаденіе внѣшнихъ условій: хорошая погода и масса публики. — Къ счастью, у властей тоже не было, повидимому, опредѣленнаго плана дѣйствій. Массовыхъ арестовъ не видалъ, хотя по слухамъ они были. Я постарался записать все то, что мнѣ лично пришлось видѣть“.

Въ другомъ письмѣ о демонстраціи сообщается:

„Сегодня 2 февраля на Крещатикѣ, около часу дня, по данному сигналу (на углу Прорѣзной и Крещатика) образовалась посреди улицы толпа студентовъ университета и политехниковъ чел. въ 200, къ которымъ съ обѣихъ сторонъ улицы быстро сбѣгались рабочіе. Черезъ секунду надъ толпой взвилось красное знамя съ надписью „Свобода“; затѣмъ второе и третье знамя... Первое, обшитое золотой бахромой, величественно и плавно заколыхалось надъ толпой. Толпа зашумѣла, закричала что-то. Мгновенно прискакали конные полицейскіе, и началось избіеніе младенцевъ царемъ Иродомъ. Многіе получили серьезные ушибы, а студенту Вольскому нанесены тяжелыя раны. Раненъ также одинъ приставъ. Демонстранты были разсѣяны. Нѣкоторыхъ арестовали. Студентъ Вольскій замертво упалъ, пораженный палкой и ударомъ по головѣ шашкой. Нѣсколько студентовъ спаслось отъ нагаекъ въ ресторанѣ. Черезъ нѣсколько времени на углу Крещатика и Фундуклеевской образовалась группа демонстрантовъ. Демонстранты пошли вверхъ по Фундуклеевской съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Пѣли нестройно, но за то отчетливо кричали: „Долой самодержавіе!“ Съ Фундуклеевской свернули на Владимірскую и около Прорѣзной были избиты нагайками. На Фундуклеевской улицѣ снова образовалась толпа демонстрантовъ, которые съ пѣніемъ, свистомъ и криками поднялись вверхъ, пошли по Владимірской, мимо университета на Нижне-Владимірскую. Тутъ ихъ догнали казаки и войско. Часть ихъ жестоко избили, такъ что нѣкоторыя дамы, наблюдавшія бойню, падали въ обморокъ, а часть въ 40-60 чел. арестовали и отвели въ ближайшій участокъ. Послѣ сего казаки принялись разгонять толпу, но безуспѣшно. Любопытныхъ зрителей было чел. до 15.000; разогнать такую толпу трудно одной сотней казаковъ. Около университета на пересѣченіи Бибиковскаго бульвара и Владимірской улицы стояли плотныя толпы зрителей, среди которыхъ то тамъ, то сямъ образовывались группы рабочихъ и работницъ, пѣвшихъ, свистѣвшихъ и кричавшихъ: „Долой самодержавіе!“ Получалось такое впечатлѣніе, что протестуетъ вся эта огромная масса скопившагося народа. Тщетно метались казаки и полицейскіе, дефилировали по каждому слѣду солдаты, — толпа, разбитая въ одномъ углу, собиралась на другомъ, на третьемъ, четвертомъ, въ проулкахъ — и пѣла, кричала и свистала неудержимо. Среди зрителей сочувствіе на сторонѣ демонстрантовъ. Когда разнесся слухъ, что на углу Бибиковскаго бульвара и университета убили прикладами рабочаго, толпа глухо заволновалась и выразила сожалѣніе, что на демонстраціи идутъ безоружными, а одинъ извозецъ, увидѣвъ студентовъ, крикнулъ имъ: „Спасибо вамъ, панычи!“ Я ушелъ въ $3^1/_2$ ч. дня, а толпа демонстрантовъ и публики нисколько не убывала. Особенное впечатлѣніе производило не столько демонстрація на Крещатикѣ, сколько безпрерывная демонстрація на нѣсколькихъ улицахъ сразу, такъ что казаки и прочая сволочь не знали, что имъ дѣлать — бить-ли публику или только разгонять и оттѣснять.“

Третій очевидецъ сообщаетъ:

Кіевъ, 5-го февраля 1902 г.

Двухдневный „бунтъ“ въ Кіевѣ. Еще съ утра, за долго до начала демонстраціи, на улицахъ Кіева можно было замѣтить необычайное оживленіе: простолюдины говорили о готовящемся „бунтѣ“, а лица изъ „общества“ съ ироніей распрашивали о предстоящей „революція“. Издали доносился глухой звукъ барабана, — это маршируютъ по городу солдаты для устрашенія обывателей. Наканунѣ демонстраціи была распространена масса пригласительныхъ воззваній по городу, по фабрикамъ, заводамъ и мастерскимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ; въ театрѣ онѣ тучами летѣли вмѣстѣ съ разноцвѣтными листками на бенефисѣ артистки Пасхаловой. Воззванія были выпущены: Росс. соц.-дем. раб. партіей, недавно образовавшимся комитетомъ „Рабочаго Знамени“, соц.-революц. и студенческимъ „Союзнымъ Совѣтомъ“. Прокламаціи первыхъ двухъ организацій были печатныя. Во всѣхъ прокламаціяхъ выставлялись требованія политической свободы, сверженія самодержавія. Такимъ образомъ, демонстрація этого года, какъ и прошлогодняя, носила общій антиправительственный характеръ и опиралась на союзъ учащейся молодежи съ пролетаріатомъ. Студенческая прокламація заканчивалась стихами, въ которыхъ подчеркивалась эта связь:

Пойдемъ къ рабочему народу:
Въ союзѣ съ нимъ насъ ждетъ успѣхъ;
Пойдемъ за братство, за свободу,
Пойдемъ за равенство для всѣхъ!“

Прокламація соц.-дем. комитета въ яркихъ выраженіяхъ обрисовала наше правительство: „оно всѣми средствами охраняетъ тотъ строй, при которомъ голодъ обездоленныхъ кормитъ богатыхъ, холодъ, отъ котораго дрожатъ рабочіе, грѣетъ эксплуататоровъ, слезы дѣтей пролетаріевъ драгоцѣнными камнями сіяютъ на одеждахъ тунеядцевъ“.... Далѣе цитируются слова государя, произнесенныя имъ въ этомъ году на съѣздѣ жандармовъ: „Надѣюсь, что связь, установившаяся между мной и корпусомъ жандармовъ, сказалъ „Ника-милуша“, будетъ крѣпнуть съ каждымъ годомъ“. Такимъ образомъ, разъясняетъ прокламація, „прежде русскіе цари лицемѣрно утверждали, что власть ихъ опирается на любовь народа, который тащилъ на своихъ утомленныхъ плечахъ раззолоченный тронъ тирана-самодержца. Но сознаніе проникаетъ въ массы рабочаго народа, и живой фундаментъ, на которомъ стоитъ тронъ самодержца, начинаетъ колебаться. Теперь царь не можетъ говорить, что онъ силенъ народной любовью, и всенародно признаетъ, что правитъ страной при помощи жандармовъ, правитъ кнутомъ и штыкомъ“. Изъ числа остальныхъ прокламацій слѣдуетъ отмѣтить еще прокламацію соц.-револ. къ офицерамъ, казакамъ и солдатамъ, которая была распространена въ большомъ количествѣ среди военныхъ. Наканунѣ демонстраціи жандармами были произведены обыски во всѣхъ казармахъ, при чемъ прокламаціи, какъ говорятъ, были найдены только у пѣхотинцевъ.

Демонстрація началась въ 12 час. Съ криками: „Долой самодержавіе!“ толпа, заполнившая тротуары Крещатика и состоявшая преимущественно изъ молодыхъ рабочихъ и студентовъ, бросилась на середину Крещатика и запрудила небольшой участокъ его, между Лютеранской ул. и Прорѣзной. Надъ этой толпой взвилось три красныхъ флага съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Свобода слова, печати, собраній!“ „Политическая свобода!“ Въ ту же минуту разсѣянные по всему Крещатику околодочные, городовые и конные стражники бросились на толпу и стали осыпать демонстрантовъ ударами нагаекъ и шашекъ. Знамена продержались не долго. Приставъ Закусиловъ первый устремился на конѣ къ знамени, нанося удары направо и налѣво, но черезъ мгновеніе у него осталось лишь кнутовище въ рукахъ, подъ ударомъ онъ свалился съ лошади и былъ отвезенъ

одинъ миллионъ имѣетъ вклады до **25** руб. У нихъ всего 7 м. р. (изъ 545 м. р., т. е. всего 12 коп. изъ каждыхъ 10 р. общей суммы вкладовъ!). Средній размѣръ ихъ вкладовъ — семь рублей. Значитъ, дѣйствительно мелкіе вкладчики, составляя треть общаго числа, обладаетъ лишь $^1/$[illegible] долей всѣхъ вкладовъ. Далѣе, вкладчики, имѣющіе отъ 25 до 100 руб., составляютъ пятую часть общаго числа (600 тыс.) и имѣютъ всего 36 м. руб., — въ среднемъ по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаемъ, что больше половины вкладчиковъ ($1_{,6}$ мил. изъ 3 мил.) имѣютъ лишь 42 мил. руб. изъ 545, т. е. $^1/_{12}$. Изъ остальныхъ, состоятельныхъ вкладчиковъ, одинъ милліонъ имѣетъ отъ 100 до 500 р. — у нихъ всего 209 мил. руб., по 223 руб. на вкладчика. 400 т. вкладчиковъ имѣютъ каждый свыше 500 р.; всего у нихъ 293 м. р. — по 762 руб. на вкладчика. Слѣд., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя менѣе $^1/_7$ всего числа вкладчиковъ, обладаютъ больше чѣмъ половиной (54%) всего капитала.

Такимъ образомъ, концентрація капитала въ современномъ обществѣ, обездоленіе массы населенія, сказывается съ громадной силой даже на такомъ учрежденіи, которое спеціально приспособлено для „меньшого брата“, для мало-зажиточнаго населенія, ибо предѣльный размѣръ вкладовъ по закону ограниченъ 1000 рублей. И замѣтимъ, что эта концентрація имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнѣе въ передовыхъ странахъ, несмотря на большую „демократизацію“ въ нихъ сберегательныхъ кассъ. Напр., во Франціи къ 31 дек. 1899 г. было $10^1/_2$ м. кн. въ сберегательныхъ кассахъ на сумму 4337 мил. франковъ (франкъ немного менѣе 40 коп.). Въ среднемъ на одну книжку это даетъ 412 франковъ или около 160 р., т. е. менѣе средняго вклада въ русскія сберегательныя кассы. Число мелкихъ вкладчиковъ во Франціи тоже сравнительно больше, чѣмъ въ Россіи: почти треть вкладчиковъ ($3^1/_3$ мил.) имѣетъ вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), въ среднемъ по 13 фр. (5 руб.). Всего у этихъ вкладчиковъ только 35 мил. фр. изъ общей суммы 4337 мил., т. е. $^1/_{125}$. Вкладчики, имѣющіе до 100 фр., составляютъ немного болѣе половины общаго числа ($5_{,3}$ мил.) а имѣютъ они всего 143 м. фр., т. е. $^1/_{33}$ общей суммы вкладовъ. Наоборотъ, вкладчики съ 1000 и болѣе франк. (400 и болѣе рублей), составляя менѣе пятой доли ($18_{,5}\%$) общаго числа вкадчиковъ, сосредоточиваютъ болѣе двухъ третей ($68_{,17}\%$) общей суммы вкладовъ, именно 2979 м. фр. изъ 4337 мил.

Такимъ образомъ читатель имѣетъ теперь передъ собой нѣкоторый матеріалъ для оцѣнки разсужденія нашихъ „критиковъ“. Одинъ и тотъ же фактъ: громадное возрастаніе вкладовъ въ сберегательныя кассы и увеличеніе въ особенности числа мелкихъ вкладчиковъ толкуютъ различнымъ образомъ. „Критикъ марксизма“ говоритъ: ростетъ народное благосостояніе, ростетъ децентрализація капитала. Соціалистъ говоритъ: происходитъ превращеніе „натуральныхъ“ сбереженій въ денежныя, ростетъ число зажиточныхъ крестьянъ, превращающихся въ буржуазію и превращающихъ свои сбереженія въ капиталъ. Еще неизмѣримо быстрѣе растетъ число крестьянъ, выталкиваемыхъ въ пролетаріатъ, живущій продажей своей рабочей силы и отдающій (хотя бы временно) частички своихъ крохотныхъ доходовъ на сбереженіе въ кассы. Многочисленность мелкихъ вкладчиковъ доказываетъ именно многочисленность бѣдноты въ капиталистическомъ обществѣ, ибо доля этихъ мелкихъ вкладчиковъ въ общей суммѣ вкладовъ ничтожна.

Спрашивается, чѣмъ отличается „критикъ“ отъ самаго дюжиннаго буржуа?

Пойдемъ далѣе. Посмотримъ, на какое употребленіе обращаются и какъ именно обращаются капиталы сберегательныхъ кассъ. Въ Россіи эти капиталы прежде всего усиливаютъ могущество военнаго и полицейско-буржуазнаго государства. Царское правительство (какъ мы уже указывали въ передовой статьѣ № 15 „Искры“) распоряжается этими капиталами такъ же безконтрольно, какъ и всѣмъ остальнымъ, попадающимъ въ его руки имуществомъ народа. Оно преспокойно „занимаетъ“ изъ этихъ капиталовъ сотни милліоновъ на оплату своихъ китайскихъ экспедицій, на подачки капиталистамъ и землевладѣльцамъ, на перевооруженіе войска, расширеніе флота и проч. Такъ, напр., въ 1899 г. изъ всей суммы 679 мил. руб. въ сберегательныхъ кассахъ 613 мил. руб. находились въ процентныхъ бумагахъ, а именно: **230** мил. въ государственныхъ займахъ, 215 мил. въ закладныхъ листахъ земельныхъ банковъ и 168 мил. въ жел.-дорожныхъ займахъ.

Казна дѣлаетъ очень выгодный „гешефтъ“: во-первыхъ, она покрываетъ всѣ расходы по сберегательнымъ кассамъ и получаетъ чистую прибыль (до сихъ поръ обращавшуюся въ запасный капиталъ сберегательныхъ кассъ); во-вторыхъ, она заставляетъ вкладчиковъ покрывать недочеты нашего государственнаго хозяйства (заставляетъ ихъ давать казнѣ деньги взаймы). Среднимъ числомъ съ 1894 по 1899 гг. взносы денегъ въ сберегательныя кассы составляли по 250 м. р. въ годъ, а выдачи по 200 м. р. По пятидесяти милліоновъ получается, слѣд., ежегодно на заштопыванье путемъ займовъ дыръ въ мошнѣ государственной казны, которой только развѣ лѣнивый не расхищаетъ. Чего тутъ бояться дефицита отъ разбрасыванья денегъ на войны да на подачки придворнымъ прихвостнямъ, помѣщикамъ да фабрикантамъ! Изъ „народныхъ сбереженій“ можно покрыть всегда порядочную сумму!

Въ скобкахъ замѣтимъ, что выгодный гешефтъ казна дѣлаетъ отчасти потому, что процентъ по денежнымъ вкладамъ она неуклонно понижаетъ, и этотъ процентъ стоитъ ниже процента по бумагамъ. Напр., въ 1894 году процентъ по денежнымъ вкладамъ равнялся $4_{,12}\%$, по бумагамъ — $4_{,34}\%$; въ 1899 г. $3_{,92}\%$ и $4_{,02}\%$. Пониженіе процента есть, какъ извѣстно, явленіе общее всѣмъ капиталистическимъ странамъ и доказывающее наиболѣе нагляднымъ и рельефнымъ образомъ ростъ крупнаго капитала и крупнаго производства на счетъ мелкаго, ибо размѣръ процента опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ отношеніемъ между всей суммой прибыли и всей суммой вносимаго въ производство капитала. Точно также нельзя обойти молчаніемъ и того, что казна все сильнѣе эксплуатируетъ трудъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ: прежде они вѣдали только почту, потомъ прибавили телеграфъ, теперь взвалили на нихъ же и операціи по пріему и выдачѣ сбереженій (вспомнимъ, что изъ 4781 кассы — 3718 почтово-телеграфныхъ). Страшное усиленіе напряженности работы, удлиненіе рабочаго дня — вотъ что означаетъ это для массы мелкихъ почтово-телеграфныхъ служащихъ. А на счетъ платы имъ казна скаредничаетъ, какъ самый прижимистый кулакъ: самымъ низшимъ начинающимъ служащимъ платятся буквально голодныя платы, и затѣмъ установлена безконечная градація степеней съ надбавкой по четвертачку или полтинничку, причемъ перспектива грошовой пенсіи послѣ сорока-пятидесяти лѣтъ лямки должна еще покрѣпче закабалить этотъ настоящій „чиновническій пролетаріатъ“.

Но вернемся къ употребленію капиталовъ кассъ. Мы видѣли, что 215 м. р. кассы вкладываютъ (по волѣ россійскаго правительства) въ закладные листы земельныхъ банковъ и 168 м. р. въ жел.-дорожные займы. Этотъ фактъ подалъ поводъ еще къ одному, весьма распространенному въ послѣднее время, проявленію буржуазнаго... то-бишь „критическаго“ глубокомыслія. Въ сущности, вѣдь — говорятъ намъ Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и имъ подобные — этотъ фактъ означаетъ, что мелкіе вкладчики въ сберегательныя кассы становятся собственниками желѣзныхъ дорогъ, владѣльцами закладныхъ на землю. На самомъ дѣлѣ, дескать, даже такія чисто капиталистическія и колоссально-крупныя предпріятія, какъ желѣзныя дороги и банки, все болѣе децентрализуются, раздробляются, переходятъ въ руки мелкихъ собственниковъ посредствомъ покупки ими акцій, облигацій, закладныхъ листовъ и т. п., на самомъ дѣлѣ растетъ число имущихъ, число собственниковъ, — а эти узкіе марксисты носятся съ устарѣлой теоріей концентраціи и теоріей обнищанія. Если, напр., русскіе фабрично-заводскіе рабочіе имѣютъ, по статистикѣ, 157 тыс. книжекъ въ сберегательныхъ кассахъ на сумму 21 мил. руб., то около 5 мил. руб. изъ этой суммы вложено въ желѣзно-дорожные займы, около 8 м. р. въ закладные листы земельныхъ банковъ. Значитъ, русскіе фабрично-заводскіе рабочіе оказываются на цѣлыхъ пять мил. рублей собственниками жел. дорогъ и на цѣлыхъ восемь милліоновъ землевладѣльцами. Вотъ и толкуйте тутъ о пролетаріатѣ! Значитъ, рабочіе эксплуатируютъ землевладѣльцевъ, ибо въ видѣ процентовъ по закладнымъ листамъ они получаютъ частичку ренты, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таковъ ходъ разсужденія у новѣйшихъ критиковъ марксизма... И — знаете-ли что? — я готовъ, пожалуй, согласиться съ тѣмъ широко распространеннымъ мнѣніемъ, что „критику“ надо привѣтствовать, ибо она внесла движеніе въ застоявшееся, якобы, ученіе, — готовъ вотъ на какомъ условіи. Французскіе соціалисты изощряли въ свое время свои пропагандистскія и агитаторскія способности на разборѣ софизмовъ Бастіа, нѣмецкіе — на распутываніи софизмовъ Шульце-Делича, намъ же, русскимъ, досталась, очевидно, на долю пока только компанія „критиковъ“. Такъ вотъ, я готовъ кричать: „да здравствуетъ критика!“ — подъ условіемъ, чтобы мы, соціалисты, какъ можно шире вносили въ свою пропаганду и агитацію среди массъ разборъ всѣхъ буржуазныхъ софизмовъ модной „критики“. Согласны на это условіе? — такъ по рукамъ! Кстати, буржуазія наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царскихъ архангеловъ защитѣ буржуазныхъ теоретиковъ, и намъ очень удобно будетъ брать „критиковъ“ въ качествѣ „адвокатовъ дьявола“.

Черезъ посредство сберегательныхъ кассъ все большее число рабочихъ и мелкихъ производителей становится участникомъ крупныхъ предпріятій. Это фактъ несомнѣнный. Но доказываетъ этотъ фактъ не возрастаніе числа собственниковъ, а 1) ростъ обобществленія труда въ капиталистическомъ обществѣ и 2) ростущее подчиненіе мелкаго производства крупному. Возьмите малоимущаго русскаго вкладчика. Имѣющихъ до 100 руб. больше половины, какъ мы видѣли, именно 1618 тыс. съ капиталомъ въ 42 мил. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этотъ въ Александровскую больницу. Самое большое знамя было захвачено коннымъ городовымъ, который долго еще ѣздилъ съ нимъ по Крещатику взадъ и впередъ, высоко держа его надъ головой. Демонстранты были оттѣснены на тротуары. Нѣсколько человѣкъ, избитыхъ до крови, были отправлены на извощикахъ въ участокъ. Значительная часть демонстрантовъ, преимущественно студенты, оттѣсненные съ Крещатика на Прорѣзную, захвативъ съ собой уцѣлѣвшее знамя, съ пѣснями поднялись на Б.-Владимірскую и по этой улицѣ безпрепятственно дошли до университета. На Крещатикѣ въ это время конные городовые, „очиствивъ“ улицу, стали „очищать“ и тротуары. Для этой цѣли они во весь опоръ стали скакать по тротуарамъ, переполненнымъ народомъ, сталкивая съ ногъ и нанося удары всѣмъ встрѣчнымъ. На подмогу городовымъ вскорѣ появилась сотня казаковъ. Избіеніе было безчеловѣчное и производилось самымъ безсмысленнымъ образомъ. Трехъ студентовъ, упавшихъ подъ ударами безъ чувствъ, отнесли въ ближайшія аптеки.

Не успѣли замолкнуть послѣдніе крики на Крещатикѣ, какъ со стороны университета донесся ревъ десятитысячной толпы. Благодаря тому, что вниманіе властей было сосредоточено на Крещатикѣ, демонстрантамъ удалось безпрепятственно достигнуть университета; здѣсь они пѣли всевозможныя пѣсни приблизительно въ теченіе получаса. Вскорѣ прибыли казаки и стали разгонять толпу, заполнявшую Б.-Бульваръ и Б.-Владимірскую на большомъ протяженіи. Опять засвистали нагайки. Появилась пѣхота, маршировавшая развернутымъ строемъ и передвигавшая такимъ образомъ толпу съ одной улицы на другую. Подъ ударами прикладовъ упалъ одинъ рабочій; его положили въ лазаретную повозку Краснаго Креста, предусмотрительно заготовленную и слѣдовавшую за войсками. Туда же скоро положили и казацкаго офицера, упавшаго съ лошади отъ удара долота, мѣтко брошеннаго ему въ голову какимъ-то слесаремъ. Слесарь скрылся, а по указанію полицмейстера Циховскаго былъ арестованъ гимназистъ, находившійся въ толпѣ. Около трехъ часовъ дня центръ демонстраціи перемѣстился къ городскому театру; здѣсь безпорядки съ перерывами тянулись до 7 час. вечера, и здѣсь имѣли мѣсто самыя возмутительныя сцены дикаго неистовства казацко-полицейской орды. Размѣры корреспонденціи не позволяютъ перечислить хотя бы нѣкоторые изъ случаевъ этой звѣрской расправы. Особенно возмущаетъ всѣхъ поголовное избіеніе публики, въ томъ числѣ и массы маленькихъ гимназистиковъ, выходившихъ какъ разъ въ это время изъ театра послѣ дневного представленія. Гимназистики, осыпаемые ударами нагаекъ, спасались, поднявъ полы пальто, спотыкались, падали, но всюду, со всѣхъ сторонъ ихъ настигали удары... Гоняясь за своими жертвами казаки на-половину вскакивали въ двери театра. Одинъ казакъ, преслѣдуя студента, въѣхалъ до середины высокой лѣстницы, выходящей на Театральную ул., но упалъ вмѣстѣ съ лошадью... Все это происходило на глазахъ и по приказу губерн. Трепова и полицмейстера Цихоцкаго. При видѣ такого зрѣлища слѣдователь 3-го участка г. Кіева обратился къ Трепову: „Ваше превосходительство, вы имѣете право арестовать, но къ чему избивать дамъ?!“ — „Арестовать его!“... было отвѣтомъ. Черезъ нѣсколько минутъ подбѣгаетъ франтикъ-студентъ. „Ваше превосходительство, отдайте приказаніе: — женщинъ, дѣтей бьютъ!“... Слѣдуетъ тотъ же приказъ: „Арестовать его!“

Одновременно демонстраціи и отдѣльныя столкновенія съ полиціей и казаками происходили и въ другихъ частяхъ города; по всей Фундуклеевской, вплоть до анатомическаго театра, на площади около Владимірскаго собора, на Еврейскомъ базарѣ, на Крещатикѣ, на Софійской площади, около городской полиціи и т. д. Грозный ревъ толпы, злобный и отчаянный, доносился въ этотъ день изъ разныхъ концовъ города.

На слѣдующій день, въ воскресенье 3 февраля большая демонстрація произошла у городского театра въ два часа дня по предварительному соглашенію демонстрантовъ-рабочихъ. Затѣмъ ок. 7 час. веч. толпа демонстрантовъ чел. въ 200-300, исключительно рабочихъ, съ криками: „Долой полицію!“, „Долой нагайки“ и съ неизмѣннымъ „ура!“ прошла по всему Крещатику отъ Думы до Фундуклеевской, но здѣсь была временно разсѣяна казаками. Послѣ этого частичныя демонстраціи по Фундуклеевской и около театра не прекращались до часу ночи. По окончаніи вечерняго спектакля вся Фундуклеевская до Крещатика и площадь передъ театромъ были заполнены густой толпой, которая отдѣлялась отъ тротуаровъ цѣпью городовыхъ и солдатъ и не переставала пѣть революціонныя пѣсни и „хоронить самодержавіе“. Войска были отозваны лишь въ два часа ночи.

Во время всѣхъ этихъ демонстрацій было произведено очень много арестовъ; при чемъ арестовывали отдѣльныхъ лицъ, а не группы демонстрантовъ, какъ это дѣлалось въ прежнія времена. Многихъ отбивала толпа, многіе сами освобождались. Аресты производились совершенно случайно и часто на совершенно отдаленныхъ отъ демонстраціи улицахъ. Всего за эти два дня было арестовано чел. около 200. Большую часть изъ нихъ немедленно отпускали, нѣкоторыхъ даже не записывали. Въ настоящее время, 5 февраля, въ разныхъ мѣстахъ заключенія содержится около 100 чел. Интересно, что значительная часть арестовъ была произведена брантъ-маіоромъ Козловскимъ, котораго пригласили для возстановленія порядка, предполагая, очевидно, что онъ легко справится съ пожаромъ народнаго возмущенія. Но его вмѣшательство не принесло ожидаемыхъ результатовъ. Рабочіе встрѣчали его грозные окрики смѣхомъ или ироническими восклицаніями: „молчи, пожарная кишка!“

Убитыхъ во время демонстраціи, кажется, не было. По крайней мѣрѣ разнообразные слухи объ убитомъ студентѣ, ходившіе по городу, до сихъ поръ еще не подтвердились. Раненныхъ же очень много. Жандармскій генералъ Новицкій разослалъ во всѣ больницы предписаніе сообщить фамиліи обращавшихся въ день демонстраціи за медицинской помощью. Но раненные демонстранты избѣгали больницы, боясь встрѣчи съ лѣчившимися тамъ полицейскими. Изъ чиновъ полиціи болѣе тяжелые ушибы получилъ Закусиловъ — самый грубый и наглый изъ всѣхъ приставовъ, хорошо памятный участникамъ „Вѣтровской исторіи“; но и его „рана“ оказалась лишь простымъ поврежденіемъ кожи головы, совершенно не требующимъ больничнаго ухода. Тѣмъ не менѣе, Закусиловъ хотѣлъ остаться въ больницѣ... и не напрасно: въ тотъ же день къ нему пріѣхалъ губернаторъ Треповъ благодарить за проявленное имъ усердіе.

Въ числѣ избитыхъ не мало самыхъ благонамѣренныхъ: намъ лично извѣстно три военныхъ врача и одинъ офицеръ, которые сильно пострадали отъ нагаекъ, у одного глазного врача сильно поврежденъ глазъ, дамы уходили съ разбитыми въ кровь лицами, въ синякахъ, съ разсѣченными отъ удара нагайки ротондами, одному студенту обнаженной шашкой разсѣкли рукавъ пальто, тужурку и повредили руку.

Еще задолго до демонстраціи вице-губ. баронъ Штакельбергъ, спеціалистъ по части „усмиренія“ крестьянскихъ „бунтовъ“ и притомъ „дремучій дуракъ“, — во всеуслышаніе заявлялъ, что отъ Сипягина полученъ секретный циркуляръ, коимъ предписывается подвергать тѣлесному наказанію всѣхъ арестованныхъ демонстрантовъ, принадлежащихъ къ податнымъ сословіямъ. Его угроза почти осуществилась, съ той лишь разницей, что били всѣхъ безъ изъятія, не справляясь о званіи. Не довольствуясь избіеніемъ на улицахъ, полиція продолжала избивать нѣкоторыхъ арестованныхъ еще во дворѣ полицейскаго участка. Такъ, одного ученика коммерческаго училища провели въ участкѣ сквозь строй двѣнадцати казаковъ, безжалостно избивавшихъ его нагайками. Вся спина у бѣдняги оказалась исполосованной. Изъ Лыбедскаго училища до вечера доносились крики арестованныхъ. Интересно, что мѣстная администрація, губ. Треповъ и генералъ Драгоміровъ были на предварительномъ совѣщаніи противъ избіенія, но подчинились предписанію департамента полиціи. На послѣднемъ совѣщаніи у ген.-губернатора (4 февраля) по вопросу о предупрежденіи дальнѣйшихъ демонстрацій жандармскій ген. Новицкій рекомендовалъ ставить на мѣстѣ, назначенномъ для демонстраціи, казаковъ, которые провожали бы до самого дома каждаго оказывающагося тамъ студента и не выпускали бы его больше на улицу. Но планъ этотъ показался участникамъ совѣщанія неудобоисполнимымъ.

Возмущеніе безобразной расправой царитъ повсюду: демонстранты на дѣлѣ проявляли свое возмущеніе, давая сильный отпоръ „царевымъ собакамъ“, — такъ во всеуслышаніе рабочіе ругаютъ казаковъ; „посторонняя“ публика проявляла свое возмущеніе, защищая демонстрантовъ, вступаясь за нихъ и укрывая отъ преслѣдованій. Самые благонамѣренныя лица осуждаютъ такой способъ „умиротворенія“, находя, что онъ достигаетъ лишь обратной цѣли, и при существованіи широкихъ полномочій администраціи, является ничѣмъ не оправдываемымъ произволомъ. Паденіе престижа самодержавія въ широкихъ слояхъ народа — вотъ цѣнный результатъ послѣднихъ демонстрацій. „Ну же и здорово освистали самодержавіе“, радостно говорили другъ другу рабочіе, расходясь вечеромъ по домамъ.

Только-что получено извѣстіе о демонстраціяхъ и массовыхъ арестахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Подробности — въ слѣдующемъ номерѣ.

ВОЕННЫЙ МИНИСТРЪ И РАБОЧІЕ. — Приводимъ полученный нами документъ, интересный не только съ исторической точки зрѣнія.

Резолюція военнаго министра на докладѣ (докладъ по главному инженерному управленію, отд. II, столъ второй, 15 іюля 1898 г.) Начальника Главнаго Инженернаго Управленія Генералъ-лейтенанта Вернердера объ объѣздѣ и осмотрѣ кронштадской крѣпости.

„Прошу доложить мнѣ, какія принимаются мѣры, дабы улучшить положеніе рабочихъ на производимыхъ въ Кронштадтѣ работахъ, и этимъ удешевить и улучшить самыя работы. Въ особенности меня занимаетъ вопросъ о рабочихъ на новыхъ фортахъ, отрѣзанныхъ отъ сообщенія съ городомъ. Прежде всего прошу доложить, что дѣлается для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ сихъ рабочихъ. Прошу справку, когда именно для сихъ рабочихъ совершалась церковная служба. Есть-ли забота о правильномъ отдыхѣ, о духовномъ и правильно выбранномъ чтеніи. Есть-ли забота, дабы отвлечь рабочихъ отъ кабака устройствомъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ. Обезпечена-ли рабочимъ своевременная получка присылаемыхъ имъ писемъ. Обезпечена-ли посылка писемъ на родину или въ Петербургъ. Не знаю, обезпечена-ли медицинская помощь, но я не видѣлъ заботъ о чистотѣ помѣщеній и одежды. Не знаю, часто-ли осматриваетъ рабочихъ докторъ. Заботы о правильномъ снѣ не видѣлъ: спятъ на голыхъ доскахъ. Пищею, кажется, обезпечены достаточно, но въ мой пріѣздъ щи оказались слишкомъ тощими. Видъ осмотрѣнныхъ мною рабочихъ, къ сожалѣнію, не веселый и недостаточно бодрый. Внутренней связи, благодѣтельной для дѣла, между строителями и рабочими не видѣлъ. При моемъ приближеніи нѣкоторые рабочіе не поднимались, не кланялись, не снимали шапокъ. Надо имѣть въ виду близость столицы и возможность пагубныхъ вліяній на рабочихъ разныхъ отщепенцевъ русской земли на политической подкладкѣ. Достаточенъ-ли надзоръ. Хороша-ли провѣрка документовъ. Не видѣлъ я въ баракахъ достаточнаго числа иконъ, не видѣлъ царскихъ, хотя бы самыхъ дешевыхъ, портретовъ. Прошу доложить мнѣ, какъ именно обезпечивается положеніе рабочихъ контрактами. Какое назначено на поденной работѣ число часовъ работы. Предлагаю неотступно помнить, что нравственными отвѣтчиками за рабочихъ являемся передъ государемъ и родиной мы, а не подрядчики, поэтому и прятаться за подрядчиковъ, если въ чемъ окажется неустойка, намъ не приходится. Надо помнить, что, къ сожалѣнію, рабочій вопросъ зрѣетъ и въ Россіи, что число случаевъ командированія войскъ для подавленія безпорядковъ все увеличивается. Нельзя, чтобы военное вѣдомство относилось бездушно и безразлично къ сему тяжелому и важному вопросу, мы черпаемъ изъ народа нашу главную силу, мы справедливо до сихъ поръ гордились своимъ солдатомъ. Не слѣдуетъ, поэтому, относиться равнодушно, если матеріалъ, изъ коего черпается сила нашей арміи, а за нимъ и солдатъ, ухудшается. Надо, чтобы въ рабочемъ, въ какомъ бы отдѣлѣ военнаго вѣдомства онъ ни служилъ, мы по мѣрѣ возможности поддерживали религіозное чувство, преданность государю, довольство своимъ положеніемъ, сознаніе, что на казенной работѣ, даже черезъ подрядчиковъ, его никто не обидитъ. Напротивъ, что ему дадутъ защиту, если онъ будетъ обиженъ, что объ немъ отечески позаботятся, но и суровымъ образомъ поступятъ, если онъ того заслужитъ*). Этимъ путемъ каждый рабочій, получивъ свой хлѣбъ за счетъ военнаго вѣдомства, будетъ съ хорошимъ чувствомъ вспоминать время работы на военное вѣдомство, будетъ крѣпко уважать начальство, которое его охраняло, вѣрить въ законъ. Во многихъ случаяхъ такой рабочій послужитъ оплотомъ своей деревни противъ зловредныхъ идей и, быть можетъ, остановитъ своихъ родичей отъ пагубныхъ безпорядковъ, направленныхъ противъ собственности или противъ власти. Кромѣ сихъ важныхъ общихъ цѣлей, ласки и вниманіе, оказываемые рабочему, забота о его душѣ, поддержаніе въ немъ соотвѣтственнымъ чтеніемъ и разсказами преданности престолу послужитъ къ образованію надежныхъ кадровъ рабочихъ на нашихъ продолжительныхъ работахъ всѣхъ отдѣловъ Управленія. Эти взгляды я проводилъ въ жизнь 30 л. и всегда съ успѣхомъ. Нельзя любить офицера и солдата, и въ то же время не любить рабочаго. Я люблю тѣхъ и другихъ. Надо, главное, охранять рабочихъ, чтобы ихъ не обижали подрядчики и особенно рядчики. Нельзя давать рабочимъ потачки. Гдѣ требуется, — оказывать помощь и подрядчикамъ противъ рабочихъ, но чаще дѣлать обратное. Смотрѣть, чтобы расплата происходила правильно, чтобы договоры съ рабочими происходили правильно, чтобы счетъ прогульнымъ днямъ не преувеличивался, чтобы у рабочихъ, работающихъ, напр., земляныя работы съ куба, находились въ достаточномъ количествѣ тачки, катальныя доски и пр. Надо наблюдать, чтобы въ глухихъ мѣстахъ въ лавкахъ подрядчиковъ продавались нужные предметы рабочимъ по таксѣ, чтобы въ общемъ на этихъ лавочкахъ подрядчики не наживались. Надо организовать отсылку денегъ рабочихъ на родину, чтобы они ихъ не пропивали. Надо заботиться, чтобы работа не шла слишкомъ форсированно при дурномъ помѣщеніи и пищѣ. Зимою помѣщенія должны быть достаточно теплыя и свѣтлыя, даже землянки. Надо непремѣнно дать возможность рабочимъ мыться. Предлагаю все изложенное принять къ непремѣнному руководству. Настоящую резолюцію предлагаю сообщить во всѣ строительства и окружныя Управленія.

Подлинную подписалъ Куропаткинъ. 19 іюня 1898 г.“

---

*) Все это надо дѣлать серьезно, не заигрывая съ рабочими, особенно не популярничая, не дѣлая имъ послабленій. Рабочій чутокъ, онъ пойметъ фальшь и строгость, — если она справедлива, уважитъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОМПАДУРЪ.

По отношенію къ взяткѣ русскій чиновникъ занимаетъ обыкновенно выжидательное положеніе. Сидитъ онъ въ своей канцеляріи, вооружившись статьями да циркулярами и ждетъ, пока взятка сама къ нему придетъ. Если взятка недогадлива, онъ тонкимъ намекомъ направитъ ее, куда слѣдуетъ. Если она через-чуръ скромна, онъ ее поощритъ одобрительнымъ словомъ. Это чиновники осѣдлые. Есть еще т.-наз. чиновники-охотники, которые не ограничиваются выжидательнымъ положеніемъ и идутъ взяткѣ на встрѣчу. Они рыщутъ по мутному болоту обывательской жизни и выслѣживаютъ и вымѣриваютъ, гдѣ эта жизнь не доросла до циркуляра или переросла его. Тамъ и взятка зимуетъ. — Но есть еще чиновники, которые что увидятъ, то берутъ, безъ всякихъ циркуляровъ. Къ такимъ витязямъ принадлежитъ севастопольскій градоначальникъ, адмиралъ Е. Ѳеодосьевъ. Ѳеодосьевъ офицеръ черноморскаго флота. Онъ „патріотъ“, и казенное добро отъ своего не отдѣляетъ, поскольку это позволяютъ другіе сослуживцы, между которыми тоже не мало „патріотовъ“ и которымъ тоже „все человѣческое не чуждо“. И во флотѣ есть чѣмъ поживиться. На обмундированіе и на продовольствіе матросовъ и на содержаніе и ремонтъ судовъ отпускаются громадныя суммы. Выколоченные съ народа рублики стекаются въ казну и оттуда широкимъ золотымъ потокомъ льются на потребности флота. Но пока золотой потокъ достигнетъ своей цѣли, добрая часть его разливается во всѣ стороны по карманамъ различныхъ „патріотовъ“. Въ этомъ отношеніи много возмутительныхъ фактовъ выяснилось во время такъ-наз. „угольнаго процесса“ въ Севастополѣ въ 1900 г. Оказалось, что нѣтъ такого предмета во флотѣ, при пріобрѣтеньи котораго не брались бы взятки. При пріемѣ угля, одежды, масла, муки и т. д. и т. д. совершаются непрерывныя казнокрадства. За взятки негодные матеріалы принимаются за хорошіе и квитанціи выдаются на большее количество товаровъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ поставлено. Но этимъ дѣло еще не кончается: пріобрѣтенные матеріалы крадутся изъ складовъ и продаются обратно частнымъ лицамъ и потомъ опять покупаются для казны. Изъ севастопольскихъ казенныхъ складовъ увозили краденный уголь даже на казенныхъ катерахъ, т. е. по порученію высшаго мѣстнаго начальства.

Такъ какъ такое казнокрадство совершается непрерывно, изъ года въ годъ, то для него выработались опредѣленные обычаи и формы, своего рода обычное право, по которому каждый участвующій получаетъ свою долю. Понятно, что высшіе чины, имѣющіе въ этихъ дѣлахъ опредѣленный голосъ, получаютъ львиную долю, другіе дѣлятся остатками. Такъ, для техниковъ флота правильно взималось съ каждаго пуда принятаго угля по 1/2 коп.

Установившійся порядокъ усердно охраняется. Если въ пріемныя коммиссіи случайно попадали честные офицеры, не согласные на темныя дѣла, то начальство удаляло ихъ изъ коммиссій, и назначало другихъ членовъ. Это происходило неоднократно. Точно также устранялись честные купцы, не дающіе взятокъ. Отъ нихъ легко ограждаться цѣлою сѣтью формальныхъ придирокъ. Какъ въ севастопольскомъ, такъ и въ батумскомъ „угольномъ процессѣ“ (1901 г.) купцы многократно заявляли, что съ морскимъ вѣдомствомъ честно торговать совсѣмъ нельзя.

Такимъ образомъ получается спѣвшаяся компанія, которая вершитъ всѣми коммерческими дѣлами къ взаимному удовольствію, члены которой богатѣютъ, строютъ дома, одѣваютъ въ шелкъ своихъ метрессъ и получаютъ ордена.

Насколько взятка явленіе обыденное для чиновника, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ взялъ въ видѣ взятки даже гробъ для своего умершаго сына (обвин. актъ по севастоп. угольному дѣлу).

Упомянутый „угольный процессъ“ съ его 44 обвиняемыми не могъ раскрыть всѣ злоупотребленія, такъ какъ цѣлью процесса было обвиненіемъ мелкихъ алтынныхъ воришекъ очистить отъ подозрѣній самыхъ главныхъ виновниковъ казнокрадства — высшихъ чиновниковъ. Слѣдствіе велось по инструкціямъ изъ СПБ. крайне односторонне и тѣмъ не менѣе на судѣ предсѣдателю неоднократно приходилось прерывать нити преступленій, когда онѣ тянулись выше капитанскаго чина.

Насколько эта комедія велась безпристрастно, можно судить по слѣдующему факту. Какой-то свидѣтель простякъ началъ разсказывать о злоупотребленіяхъ при пріемѣ какой-то партіи масла. Ему задали вопросъ: „А кто же принималъ масло?“ — „А вотъ этотъ!“, показалъ свидѣтель пальцемъ на одного изъ судей (въ числѣ судей были два офицера).

Ѳеодосьевъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ компаніи казнокрадовъ. Его рыло было сильно „въ углѣ“, но углемъ онъ не довольствовался: будучи командиромъ броненосца „Двѣнадцать апостоловъ“, онъ тянулъ оттуда всякую утварь, матеріалы, — словомъ все, что могъ. Не даромъ матросы острятъ, что изъ царскихъ „12 апостоловъ“ онъ укралъ одиннадцать.

Но по чину своему Ѳеодосьевъ наказанію не подлежалъ, напротивъ, его пожаловали даже въ градоначальники. Какъ таковой, онъ считался и командиромъ порта. Теперь онъ почувствовалъ въ своихъ рукахъ казенные склады, массу матеріаловъ и всякаго добра. Руки у него зачесались, глаза разбѣжались. Прежде всего въ портовомъ пакгаузѣ его глаза остановились на двухъ дорогихъ зеркалахъ, и онъ тутъ же приказалъ матросу снести ихъ на толкучку, продать и половину выручки принести ему, а другую половину оставить себѣ. Матросъ исполнилъ порученіе и выручилъ 6 руб. Объ этомъ началѣ дѣятельности узнало высшее начальство и испугалось, что Ѳеодосьевъ для нихъ ничего не оставитъ. Поэтому его устранили отъ должности командира порта и, оставляя его градоначальникомъ, ограничили сферу его дѣятельности обывательскимъ добромъ. Но тѣмъ усерднѣе онъ работаетъ въ этой отрасли, проявляя необыкновенный для такого чина „демократизмъ“ и сближеніе съ народомъ. „Онъ все самъ“, говоритъ обыватель. И дѣйствительно, „онъ все самъ“, самъ даже ѣздитъ на базаръ, закупаетъ для себя зелень, мясо и т. п. При этомъ онъ, стараясь поднять въ народѣ нравственность, внушаетъ купцамъ, что съ начальства не слѣдуетъ требовать денегъ за каждый пустякъ. Но народъ испорченный, и нашему благодѣтелю нерѣдко приходится прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Но пусть говорятъ факты.

Ѣдетъ разъ Его Превосходительство по базару. Вдругъ взоръ его привлекается кругленькимъ поросенкомъ, лежащемъ на при-

---

вкладчикъ, значитъ, руб. на 6 „владѣетъ“ желѣзными дорогами рублей на 9 — „земельнымъ имуществомъ“. Становится-ли онъ отъ этого „имущимъ“ или „собственникомъ“? Нѣтъ, онъ остается пролетаріемъ, вынужденнымъ продавать свою рабочую силу, т. е. идти въ рабство къ собственникамъ средствъ производства. „Участіе“ же его въ „желѣзнодорожномъ и банковомъ“ дѣлѣ доказываетъ только, что капитализмъ все тѣснѣе переплетаетъ между собой отдѣльныхъ членовъ общества и отдѣльные классы. Взаимозависимость между отдѣльными производителями была совершенно ничтожна при патріархальномъ хозяйствѣ; теперь она становится все больше. Трудъ становится все болѣе общественнымъ, предпріятія все менѣе „частными“, оставаясь все же почти всецѣло въ рукахъ частныхъ лицъ.

Своимъ участіемъ въ крупномъ предпріятіи мелкій вкладчикъ несомнѣнно сплетается съ этимъ предпріятіемъ. Кто извлекаетъ пользу отъ этого сплетенія? — Крупный капиталъ, который расширяетъ свои операціи, платя мелкому вкадчику не болѣе (а часто менѣе), чѣмъ всякому заимодавцу, и будучи тѣмъ болѣе независимъ отъ мелкаго вкладчика, чѣмъ эти вкладчики мельче и раздробленнѣе. Мы видѣли, что доля мелкихъ вкладчиковъ даже въ капиталѣ сберегательныхъ кассъ крайне мала. Насколько же ничтожна она въ капиталѣ желѣзнорожныхъ и банковыхъ воротилъ? Отдавая этимъ воротиламъ свои крохи, мелкій вкладчикъ тѣмъ самымъ попадаетъ въ новую зависимость отъ крупнаго капитала. О распоряженіи этимъ крупнымъ капиталомъ ему нечего и думать; „прибыль“ его до смѣшного мала (на 26 руб. по 4% = 1 рубль въ годъ!). А вотъ за то въ случаѣ краха онъ теряетъ цѣликомъ даже и жалкія крохи. Не раздробленіе крупнаго капитала означаетъ обиліе этихъ мелкихъ вкладчиковъ, а усиленіе могущества крупнаго капитала, получающаго въ свое распоряженіе даже мельчайшія крохи „народныхъ“ сбереженій. Не болѣе самостоятельнымъ хозяиномъ становится мелкій вкладчикъ отъ участія въ крупномъ предпріятіи, а болѣе зависимымъ лицомъ отъ крупнаго хозяина.

Не успокоительный филистерскій выводъ о ростѣ числа имущихъ вытекаетъ изъ увеличенія числа мелкихъ вкладчиковъ, а революціонный выводъ объ усиленіи зависимости мелкихъ отъ крупныхъ, объ обостреніи противорѣчія между все болѣе обобществляющимся характеромъ предпріятій и сохраненіемъ частной собственности на средства производства. Чѣмъ больше развиваются сберегательныя кассы, тѣмъ больше становится заинтересованность мелкихъ вкладчиковъ въ соціалистической побѣдѣ пролетаріата, которая одна только сдѣлаетъ ихъ не фиктивными, а настоящими „участниками“ и распорядителями общественнаго богатства.

лавкѣ какой-то торговки. Не долго думая, онъ велѣлъ уложить поросенка къ кучеру и, не уплативши, продолжаетъ свой путь. Торговка начала кричать о деньгахъ, но подоспѣвшій городовой ее скоро успокоилъ: „Не слѣдуетъ быть жадной! А то —“.

Вскорѣ послѣ исторіи съ поросенкомъ его на томъ же мѣстѣ соблазнилъ барашекъ, привезенный для продажи деревенскимъ татариномъ. Его П—ство остановился, полюбовался барашкомъ и, выразительно посмотрѣвши на сопровождавшаго его городового, двинулся дальше. Городовой же немедленно забралъ соблазнителя и утѣшилъ удивленнаго татарина, что заплатитъ ему Аллахъ.

И точность любитъ Его П—ство. Разъ онъ указываетъ мяснику на телятину и спрашиваетъ: „сколько стоитъ?“ — „15 коп., Ваше П—во“. Забравши цѣлую ляжку, Его П—во даетъ 15 к. „Виноватъ, Ваше П—во, 15 коп. за фунтъ, а вѣдь —“. „Такъ бы сначала и сказалъ“, отвѣчаетъ Его П—во и идетъ спокойно своей дорогой.

Другой разъ въ магазинѣ Его П—ву понравилась икра. Онъ потребовалъ два фунта и, уходя, заплатилъ 40 коп. Приказчикъ заикнулся, что слѣдуетъ ему не 40 коп., а 5 руб. Но Его П—во величественно указываетъ на свои двугривенники и спрашиваетъ: „А это развѣ не деньги?“ Посрамленный приказчикъ развелъ только руками.

Разъ супруга нашаго помпадура закупила въ магазинѣ различныхъ матерій рублей на 100 и, уѣзжая, утѣшила купца, что мужъ заплатитъ. На другой день „мужъ“, дѣйствительно, подъѣхалъ къ магазину и, не вылѣзая изъ экипажа, потребовалъ, чтобы ему дали на 20 коп. такого коленкору, какого его супруга вчера купила. Получивъ желанное, онъ уплатилъ 20 коп. и объяснилъ: „Теперь мы квиты. Я, знаете, не люблю, когда за мной счеты водятся. До свиданья“.

Въ другихъ областяхъ своей административной дѣятельности помпадуръ проявляетъ не меньшее усердіе. Онъ не любитъ, напр., ссоръ между своими подчиненными, и когда онъ узналъ, что младшій городской врачъ споритъ со старшимъ по поводу распредѣленія тѣхъ суммъ, которыя получаются съ публичныхъ домовъ за медицинскій осмотръ, онъ приказалъ: „Деньги принести сюда, а я раздѣлю!“ Теперь деньги каждый мѣсяцъ приносятся градоначальнику, за трудъ распредѣленія онъ беретъ себѣ ровно половину, а другую раздѣляетъ поровну между врачами. И ссоръ между врачами совсѣмъ ужъ не бываетъ.

Не стану въ подробностяхъ описывать, какъ помпадуръ съ руганью прогоняетъ приказчиковъ, явившихся къ нему со счетами за забранные имъ товары, какъ торгуетъ зависящими отъ него чиновничьими должностями (онъ устроилъ чуть-ли не публичные торги на мѣсто полиціймейстера), какъ онъ беретъ взятки за все, къ чему имѣетъ отношеніе (съ кого-то онъ содралъ три рубля за подпись иностраннаго паспорта). Любой севастопольскій житель могъ бы разсказать много подобныхъ фактовъ, доказывающихъ все одно и тоже — самое безстыдное и нахальное нарушеніе царскимъ намѣстникомъ того закона, во имя котораго онъ правитъ. Онъ все можетъ, осуществленію его прихотей нѣтъ никакихъ границъ. Что значитъ нѣсколько рублей для человѣка получающаго огромный окладъ и въ видѣ взятокъ собирающаго еще гораздо большія суммы. И если онъ все-таки совершаетъ такой безстыдный грабежъ, иногда изъ-за 2-3 руб., то это не только изъ жадности, а скорѣе изъ сознанія своего всемогущества. Онъ настоящій намѣстникъ всемогущаго царя и вѣрный и откровенный выразитель практической политики нашего правительства. И если вы его спросите о границахъ его власти, онъ, быть можетъ, откровенно вамъ скажетъ: „Прежніе правители всея Россіи, напр., блаженной памяти Игорь, сами ходили по домамъ и собирали поросятъ и все, что имъ слѣдовало и не слѣдовало. А теперь Россія такъ велика, что Его Имп. Вел. одному не справиться, и онъ назначилъ себѣ намѣстниковъ, осуществляющихъ царскую неограниченную власть“. И что бы ни говорили книги, въ дѣйствительной жизни такая философія неопровержима. Обыватель совершенно безсиленъ противъ грабежа, совершаемаго представителями царя. Кому онъ будетъ жаловаться, какъ не тѣмъ же чиновникамъ, которые при первой попыткѣ протеста объявятъ его государственнымъ преступникомъ, сгноятъ въ тюрьмѣ или размелятъ въ мельницѣ полицейскихъ придирокъ. Жаловался же на нашего градоначальника полицмейстеръ Матвѣевъ, прогнанный имъ изъ Севастополя, и выкладывалъ петербургскимъ властямъ всякія дѣянія его. Но такъ какъ градоначальникъ имѣетъ въ СПБ. „руку“, то всѣ жалобы не имѣли никакихъ послѣдствій, и Ѳеодосьевъ продолжаетъ править, какъ правилъ до сихъ поръ, и будетъ благополучно отнимать у торговцевъ поросятъ и барашковъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ или по старости не выйдетъ въ отставку, осыпанный царскими милостями, чинами и пенсіями.

А обыватель, видя все это, только вздохнетъ и покачаетъ головой. Но, спохватившись, онъ пугливо озирается, не услышалъ ли кто его антиправительственнаго вздоха.

Подвиги новой „партіи“. Новоиспеченная въ Минскѣ „Еврейская независимая рабочая партія“ стала выпускать „Летучій Листокъ“, въ которомъ пропагандируетъ свои идеи. Въ № 1 она горячо плачется на преслѣдованія со стороны соціалистовъ.

„Независимая Рабочая Партія не захотѣла считаться съ тѣмъ, что не всѣ люди способны воспринять новое слово (еще бы! особенно, когда это новое слово Зубатовскаго происхожденія! Ред.) и критику стараго.

„...Какъ только Независимая Партія приступила къ работѣ, сейчасъ же начались со всѣхъ сторонъ гоненія. Вмѣсто того, чтобы выслушать новое слово, задуматься надъ нимъ, начались преслѣдованія ея агитаторовъ, преслѣдованія не только словами, но и побоями.

„Ея приверженцы стали извѣстны подъ именемъ „Зубатовцевъ“ и „легализаторовъ“ еще за долго до того времени, когда ихъ выслушали. Какъ и во всякой сутулокѣ, такъ и здѣсь выступило на сцену множество „крикуновъ“ съ безмозглыми головами, но за то съ сильными глотками и на всѣхъ рабочихъ праздникахъ и собраніяхъ кричали съ скрежетомъ зубовнымъ: „долой, долой!“

„При такихъ-то ужасныхъ условіяхъ приступила къ работѣ Независимая Рабочая Партія. Но все таки она не упала духомъ, ибо чувствовала, что правда (и Зубатовъ! Ред.) на ея сторонѣ. Она агитировала еще съ бо́льшимъ жаромъ, силой почти (!) заставила понять свою программу, и она, дѣйствительно, сдѣлала больше успѣхи... Товарищи! не для разрушенія, а для созиданія явились мы; мы хотимъ создать могучее и широкое движеніе, которое защитило бы рабочаго отъ эксплуатаціи капиталистовъ и отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ въ его жизни. Мы намѣтили себѣ цѣль — самую святую цѣль, которая и быть только можетъ, а именно: поднять матеріальное и культурное состояніе рабочаго класса, доказать ему, какимъ путемъ добиться хлѣба и знаній... Мы употребимъ всѣ средства, какъ легальныя, такъ и нелегальныя, — лишь бы они принесли пользу рабочему классу при его современномъ ужасномъ положеніи“.

Въ „Письмѣ къ объединеннымъ еврейскимъ рабочимъ“ новая партія изслѣдуетъ положеніе еврейскаго пролетаріата и находитъ, что онъ терпитъ отъ трехъ золъ: отъ эксплуатаціи хозяевъ, отъ необезпеченности работы и отъ собственной тьмы. (Отъ русскаго правительства, отъ собственнаго политическаго и гражданскаго безправія еврейскій рабочій, конечно, не страдаетъ, это выдумка тѣхъ „безмозглыхъ крикуновъ“, противъ которыхъ борется новая партія).

Констатируя малую успѣшность той экономической борьбы, которую до сихъ поръ вели минскіе рабочіе, партія задаетъ вопросъ: „Въ чемъ же причина слабости нашихъ организацій? Вина падаетъ на насъ самихъ! Такъ какъ наши учрежденія считаются не только экономическими, но и соціалдемократическими, т. е. политическими, то мы не принимаемъ въ нихъ такихъ рабочихъ, которые еще не выработались въ соціалдемократовъ, если не смогутъ стать таковыми... Что же касается рабочей массы, то мы ее прямо пугаемъ тѣмъ, что мы политики... Отсюда ясно, что мы сами себѣ вредимъ въ своей экономической борьбѣ тѣмъ, что наши организаціи ставятъ себѣ политическія цѣли“.

Рекомендуя устройство кассъ взаимопомощи и артелей, партія ставитъ вопросъ, почему эти „мирныя“ средства не практиковались еврейскимъ пролетаріатомъ, и ищетъ причинъ этого факта не въ отсутствіи свободы союзовъ, а въ вредномъ вліяніи соціалдемократіи.

„Какъ партія политическая, она стремится къ тому, чтобы пользоваться исключительно тѣми средствами, которыя способствуютъ революціонизированію рабочаго класса; такими средствами являются стачки, но ни въ коемъ случаѣ не касса взаимопомощи или артель. Кромѣ того, партія старается, чтобы движеніе шло конспиративно: она никакихъ легальныхъ средствъ не допускаетъ (Вотъ какъ! А мы думали, что „легальн. средствъ“ не допускаютъ гнусные законы Россіи. Ред.) и все это съ той цѣлью, чтобы рабоч. классу еще болѣе ненавистно было самодержавное правительство. А такъ какъ устройство кассъ взаимопомощи, артелей и проч. нелегальнымъ образомъ не имѣетъ смысла, ибо ихъ можно устроить легально, то партія совершенно не допускаетъ ихъ. По своимъ разсчетамъ она, быть можетъ, и права. Но рабочая масса не желаетъ, да и не должна она желать того, чтобы ея матеріальные интересы приносились въ жертву какимъ-то политическимъ цѣлямъ. (Прежде всего матеріальные интересы рабочихъ массъ приносятся въ жертву политическимъ цѣлямъ царскаго самодержавія, которое, напр., до сихъ поръ объявляетъ стачку уголовнымъ преступленіемъ!! Этого давно нѣтъ ни въ одной европейской странѣ. Ред.) Жизнь доказала, что рабочій классъ тогда только въ состояніи улучшить свое матеріальное положеніе, когда борьба его идетъ рука объ руку съ кассами взаимопомощи и другими полезными учрежденіями, что касса борьбы имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, когда существуютъ кассы взаимопомощи, артели и т. д.; что кассу взаимопомощи гораздо удобнѣе и легче устроить легальнымъ образомъ, чѣмъ нелегальнымъ. Теперь является вопросъ, почему еврейскому пролетаріату не создать всего того, что для него является насущной необходимостью? Съ какой стати ему считаться съ тѣмъ, что для политической партіи невыгодно!“.

Итакъ — для поднятія матеріальнаго положенія рабочихъ нужны легальныя учрежденія, т. е. союзъ съ правительствомъ. А для поднятія культурнаго уровня нужно, по мнѣнію Независимой Рабочей Партіи, войти въ союзъ съ буржуазной интеллигенціей. Соціалдемократы, видите-ли, преподаютъ въ рабочихъ кружкахъ „исключительно соціалдемократическую программу“. Напротивъ того, „рабочая партія должна стремиться къ организаціи клубовъ, читаленъ, лекцій, какъ разрѣшенныхъ полиціей, такъ и неразрѣшенныхъ ею; она должна привлекать интеллигентовъ какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій и даже безъ оныхъ и организовать для нихъ кружки“.

Изъ всего этого дѣлается такой выводъ:

„Культурныя и экономическія работы настолько многочисленны и общирны, что является необходимость отдѣлить ихъ отъ политической работы и создать вполнѣ самостоятельную экономическую рабочую партію, для которой культурная и экономическая работа служила бы цѣлью, а не средствомъ политической борьбы и которая не находилась бы въ зависимости отъ какой-либо политической партіи, а, напротивъ, объединила бы рабочихъ всѣхъ партій, но только не политиковъ, на почвѣ экономической и культурной работы“.

Мы слышали, что еврейскіе сіонисты, т. е. представители еврейской буржуазіи очень благосклонно отнеслись на своемъ конгрессѣ къ новой „рабочей“ партіи. О благосклонномъ отношеніи къ этой партіи Зубатова и полковника Васильева наши читатели уже знаютъ. Такъ и должно быть по самой сути вещей, ибо „экономическая рабочая партія“ есть не что иное и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ буржуазіи и правительства противъ освободительнаго движенія пролетаріата.

Нижній-Новгородъ. На Рождествѣ Нижегородскимъ Комитетомъ Партіи было распространено слѣдующее воззваніе:

Ко всѣмъ офицерамъ Нижняго-Новгорода.

Никогда еще русскому самодержавію не грозила такая опасность, какая грозитъ въ настоящее время. Никогда еще духъ недовольства и протеста не захватывалъ столь широкіе слои русскаго общества и никогда такъ ясно и отчетливо не чувствовалось всѣми, что главный виновникъ всѣхъ настоящихъ неустройствъ и бѣдствій — самодержавное правительство.

Самый опасный и самый непримиримый врагъ его — промышленный пролетаріатъ никогда еще въ своемъ движеніи не достигалъ той степени организованности и революціоннаго воодушевленія и пыла, какіе присущи ему въ настоящее время. Современное русское рабочее движеніе вышло уже изъ стадіи мелкой борьбы за отдѣльныя уступки со стороны капиталистовъ и выступило на широкую арену борьбы политической. Соц.-дем. организаціи отдѣльныхъ городовъ все крѣпче сплачиваются между собой въ одну общерусскую революціонную партію для совмѣстной революціонной борьбы съ русскимъ правительствомъ, и русскій пролетаріатъ, подъ руководствомъ его передовыхъ сознательныхъ борцовъ понялъ, что интересы фабрикантовъ и заводчиковъ старательно оберегаются царской полиціей и царскими штыками. Повторяемъ, теперь дѣло идетъ уже не объ одной борьбѣ за повышеніе заработной платы, за сокращеніе рабочаго дня и т. п. но о борьбѣ за политическую свободу. И эта борьба ведется не разрозненными силами рабочихъ отдѣльныхъ заводовъ, мастерскихъ и фабрикъ или отдѣльныхъ городовъ, но объединенной соц.-дем. рабочей партіей.

Но не одинъ рабочій классъ враждебенъ правительству. Деревня, забитая и запуганная вѣковымъ рабствомъ, теперь тоже глухо волнуется. Истощенные непосильнымъ бременемъ налоговъ, вѣчно голодающіе, лишенные самыхъ примитивныхъ человѣческихъ правъ, крестьяне протестуютъ и стараются сознательными глазами взглянуть на окружающую ихъ дѣйствительность. Симптомами пробужденія деревни служатъ все чаще повторяющіеся аграрные бунты и все болѣе широкое и быстрое распространеніе сектантскихъ ученій, не смотря на жестокія преслѣдованія и гоненія со стороны правительства. Современное сектантское движеніе не есть продуктъ религіознаго чувства, оно — результатъ политической мысли и недовольства своимъ соціальнымъ положеніемъ. Упомянемъ еще, что въ Россіи существуютъ, хотя и немногочисленные, крестьянскіе союзы, которые ставятъ своей цѣлью — борьбу съ царскимъ правительствомъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ „низами“, съ фундаментомъ русскаго общества. Но оппозиціоннымъ настроеніемъ полны также „верхи“ — буржуазные классы общества. Мы не станемъ говорить здѣсь о настроеніи интеллигенціи: факты, которые мы имѣемъ въ виду, слишкомъ общеизвѣстны, чтобы ихъ стоило напоминать. Мы хотимъ указать на ростъ оппозиціи въ средѣ либеральнаго дворянства. Дѣло въ томъ, что въ современной Россіи господиномъ положенія является промышленная буржуазія, и всякій разъ, когда экономическіе интересы дворянства сталкиваются съ ея интересами, правительство становится на ея сторону. Мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ подробности и поэтому для примѣра напомнимъ хотя бы о высокихъ пошлинахъ на иностранныя сельскохозяйственныя машины ради охраненія кармановъ русскихъ фабрикантовъ и о неудачныхъ ходатайствахъ земствъ о пониженіи этихъ пошлинъ. Оппозиція либеральнаго дворянства за послѣднее время не только не идетъ на убыль, но даже, напротивъ, обостряется. Прошлымъ лѣтомъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ состоялся тайный съѣздъ земскихъ дѣятелей — фактъ небывалый въ русской общественной жизни. А прошлой весной съѣхавшіеся въ Москвѣ на совѣщаніе по народному образованію дворянскіе-предводители подняли вопросъ о правильныхъ сношеніяхъ между либеральными дворянами отдѣльныхъ губерній въ цѣляхъ совмѣстнаго противодѣйствія антиземской политикѣ правительства. Напомнимъ еще о рѣчи орловскаго предводителя дворянства Стаховича о свободѣ совѣсти, произнесенной на съѣздѣ миссіонеровъ. Всѣ эти симптомы свидѣтельствуютъ о повышеніи оппозиціоннаго настроенія либеральнаго дворянства. И вотъ правительство, сознавая это, все энергичнѣе ведетъ наступленіе на либеральныя земскія учрежденія, разжигая тѣмъ еще болѣе оппозиціонный духъ земцевъ.

А въ это время передъ нимъ встаетъ уже новый вопросъ, вопросъ о недовольствѣ среди самой промышленной буржуазіи. Дѣло въ томъ, что русское правительство не только не заботится о томъ, чтобы поддержать свой престижъ въ глазахъ того класса, который является опорой его, но, привыкнувъ считать себя непобѣдимымъ, все нахальнѣе игнорируетъ желанія цѣлыхъ группъ населенія, входя въ стачку съ отдѣльными лицами. Въ сущности, въ настоящее время вся страна находится во власти небольшой шайки. Министры-взяточники, въ рукахъ которыхъ царь является простой игрушкой, въ своей дѣятельности руководятся своими собственными интересами и интересами своихъ родственниковъ, друзей и прихвостней. Взятка, неблаговидная услуга, посѣщеніе министерскихъ пріемныхъ съ задняго крыльца, — вотъ что создаетъ благополучіе отдѣльныхъ лицъ, ради которыхъ приносится въ жертву интересы — не говоримъ уже всего народа, ибо его интересы всегда приносились въ жертву, — но даже интересы цѣлыхъ группъ промышленной буржуазіи и дворянства. Въ настоящее время, кажется, трудно встрѣтить въ Россіи человѣка, который былъ бы доволенъ правительствомъ: недовольство, быть можетъ, не всегда ясно сознанное, проникаетъ во всякомъ случаѣ буквально всѣ слои и классы русскаго общества. И что весьма важно — исходъ изъ настоящаго положенія дѣлъ большинство видитъ лишь въ одномъ: въ ограниченіи царскаго самодержавія. Это ограниченіе въ глазахъ большинства дастъ возможность отдѣльнымъ классамъ, группамъ и слоямъ населенія столковаться между собой и установить извѣстный modus vivendi.

Недовольство русскаго общества изъ скрытаго уже переходитъ въ явное, общество начинаетъ протестовать. Все чаще повторяющіяся уличныя демонстраціи, въ которыхъ принимаютъ участіе представители самыхъ различныхъ общественныхъ группъ, разнообразныя петиціи и адреса, настойчивыя ходатайства и жалобы земцевъ, студенческіе безпорядки, заявленія всевозможныхъ просвѣтительныхъ и другихъ обществъ — все это свидѣтельствуетъ, что волна недовольства встаетъ все выше. Въ тому же движеніе изъ спорадическаго дѣлается почти безпрерывнымъ. Правительство, конечно, видитъ это и готовится къ борьбѣ, пуская, пока-что, въ ходъ нагайки, казаковъ и кулаки городовыхъ, оно приберегаетъ на конецъ ваши штыки. Оно разсчитываетъ пойти съ вами, офицерами русскихъ войскъ, на кровавый бой со всѣмъ русскимъ народомъ, русскимъ обществомъ. Оно надѣется, что военная дисциплина и страхъ кары заставятъ васъ стрѣлять картечью въ собственныхъ отцовъ, братьевъ, знакомыхъ. Оно спокойно, ибо вѣритъ въ васъ.

И мы, обращаясь къ вамъ съ этимъ посланіемъ, приглашаемъ васъ задуматься самымъ серьезнымъ образомъ надъ всѣмъ, сказаннымъ въ немъ. Мы приглашаемъ васъ подумать о вашей роли въ предстоящихъ событіяхъ, которымъ мы дадимъ здѣсь настоящее имя — революціи, и рекомендуемъ уже заранѣе опредѣлить въ нихъ свое мѣсто. При этомъ мы напомнимъ вамъ, что въ З. Е. въ эпоху революціи войска часто дѣйствовали противъ правительства заодно съ народомъ. Мы напоминаемъ вамъ, что на одной сторонѣ стоитъ шайка воровъ и грабителей, на другой — все русское общество. Мы напоминаемъ вамъ, что 4 марта текущаго года нѣкоторые изъ вашихъ товарищей обнажили свои шашки въ защиту беззащитныхъ гражданъ, избивавшихся жандармами и казаками.

Мы могли бы кончить этимъ, но мы хотимъ сказать еще нѣсколько словъ о мѣстныхъ дѣлахъ. Уже не разъ русское правительство посылало русскихъ офицеровъ противъ рабочихъ, чтобы защитить отъ нихъ карманы фабрикантовъ, и уже не разъ, благодаря вмѣшательству войскъ, рабочіе проигрывали стачки и вновь становились за станки голодные, изнуренные и больные. Уже не разъ, благодаря вашему содѣйствію, фабрикантамъ удавалось отказывать рабочимъ въ увеличеніи ихъ заработка на нѣсколько коп., чего они требовали. Въ настоящее время, когда промышленный кризисъ выбрасываетъ на улицы тысячи работниковъ, предприниматели спѣшатъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для пониженія заработковъ рабочаго. Тоже происходитъ въ Нижнемъ и Сормовѣ. Рабочее населеніе послѣдняго волнуется, и вотъ уже заранѣе васъ предусмотрительно держатъ на готовѣ, чтобы повести на бой съ голодными и безоружными людьми. Рабочіе Сормова требуютъ, чтобы были сохранены прежніе расцѣнки, которые позволяли имъ сравнительно сносное существованіе. Они требуютъ, чтобы во всѣхъ цехахъ были вывѣшены табели расцѣнковъ, такъ какъ отстутствіе ихъ ведетъ къ тому, что въ началѣ работы обѣщаютъ одинъ расцѣнокъ, а по окончаніи ея расплачиваются значительно ниже: они требуютъ, чтобы заводская администрація не дѣлала безъ ихъ согласія незаконнаго вычета копейки съ каждаго заработаннаго ими рубля въ кассу церковно-приходского попечительства, тѣмъ болѣе, что расходованіе образовавшихся такимъ путемъ суммъ происходитъ совершенно безконтрольно. Вы видите, что справедливость и право на сторонѣ рабочихъ, на сторонѣ же предпринимателей — обманъ и насиліе. И мы спрашиваемъ васъ, неужели вы не замѣчаете той позорной роли, которую васъ заставляютъ играть?

Когда усилій полиціи, жандармовъ и шпіоновъ оказывается недостаточно, тогда они черезъ губернатора обращаются за вашей помощью и вы поступаете въ ихъ распоряженіе, чтобы сберечь какому-нибудь фабриканту или заводчику нѣсколько тысячъ рублей, которые онъ затѣмъ броситъ на проститутокъ и пьянство. Силой вашихъ штыковъ прикрываются хозяйскія мошенничества, и за вашей спиной въ трогательномъ единеніи прячутся сытые буржуа и шпіоны. Мы не знаемъ ничего болѣе позорнаго, болѣе способнаго уронить достоинство человѣка. И мы приглашаемъ васъ задуматься надъ вашей печальной ролью слугъ полиціи и шпіоновъ. — 24 октября 1901 г.

Нижегородскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Изъ прошлаго. Приводимъ документальный разсказъ о событіи, имѣвшемъ мѣсто 20 лѣтъ тому назадъ. Этотъ разсказъ очень поучителенъ и, быть можетъ, послужитъ маленькимъ предостереженіемъ для тѣхъ сибирскихъ палачей, которые доводятъ политическихъ ссыльныхъ до ихъ отчаянныхъ геройскихъ поступковъ.

„Копія съ протокола.

„1882 года сентября 16 дня въ квартирѣ военнаго губернатора Забайкальской области Генерала Ильяшевича была допрошена читинскимъ полицмейстеромъ при бытности заобластнаго прокурора старшаго совѣтника забайкальскаго областного правленія Семенова, задержанная по обвиненію въ нанесеніи раны выстрѣломъ изъ револьвера въ Его Превосходительство Государственная преступница Кутитонская, которая показала:

Зовутъ меня Марья Игнатьева Кутитонская, 26 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, дѣвица, происхожу изъ дворянскаго званія, имѣю въ живыхъ отца, проживающаго въ г. Одессѣ, Херсонской губ., состоящаго на службѣ секретаремъ коммерческаго суда, состояла подъ судомъ въ 1879 году по дѣлу 28, по принадлежности къ тайному преступному сообществу, и по приговору одесскаго военнаго окружнаго суда сослана въ Восточную Сибирь въ каторжныя работы, срокомъ на 4 года. 15 января 1880 года, прибывъ на Кару, была помѣщена въ особую для государственныхъ преступниковъ тюрьму; отъ работъ уволена 23 іюня 1882 года и затѣмъ отправлена на поселеніе въ городъ Акшу, куда прибыла 1-го іюля (?). Въ Акшѣ проживала на квартирѣ у мѣщанина Ивана Хохла, фамиліи котораго не знаю, уплачивала за квартиру съ содержаніемъ 12 руб. въ мѣсяцъ. Деньги были собственныя, полученныя въ разное время отъ моего отца, которыя высылались по 10 руб. въ мѣсяцъ на имя завѣдующаго нерчинскими ссыльно-каторжными, и затѣмъ въ г. Акшѣ, черезъ окружнаго исправника — 40 руб. Проживая въ городѣ, никакихъ опредѣленныхъ занятій не имѣла, была знакома съ проживающими въ г. Акшѣ мѣстными жителями, которыхъ по фамиліи назвать отказываюсь; у нихъ бывала, и они — у меня, но какъ часто — объяснять не желаю; кромѣ мѣстныхъ жителей, имѣла знакомство съ проживающими въ Акшѣ уволенными отъ работъ государственными преступниками Михаиломъ Терентьевымъ и Эсѳирью Геллисъ. Изъ Акши выѣхала самовольно въ ночь на 14 число сентября въ г. Читу съ цѣлью, которую и привела въ исполненіе, по ранѣе задуманному мною намѣренію, безъ всякаго посторонняго участія. Въ г. Читу прибыла 16 числа сентября, въ которомъ часу, — не помню; какимъ порядкомъ ѣхала, гдѣ перемѣняла лошадей, кто былъ ямщикомъ — на всѣ эти вопросы отвѣчать не желаю, а узнайте сами. Прибывъ въ Читу, была привезена въ окружное полицейское правленіе и сдана ямщикомъ помощнику исправника. откуда съ казакомъ была отправлена на квартиру къ окружному исправнику Письменнову, которому и заявила о своемъ желаніи видѣть губернатора для объясненія по своему личному дѣлу. Исправникъ Письменновъ, взявъ меня съ собою, доставилъ въ домъ губернатора, гдѣ оставилъ въ передней, а самъ пошелъ для доклада Его Превосходительству. Черезъ нѣкоторое время, опредѣлить въ точности не могу, исправникъ, отворивъ дверь изъ пріемной въ переднюю комнату, сказалъ, что войти можно. Войдя въ пріемную комнату, губернаторъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, въ которую я вошла, и въ то время когда онъ ко мнѣ приблизился, то я тотчасъ же выстрѣлила изъ имѣющагося у меня шестиствольнаго револьвера, того самаго, который былъ поднятъ съ полу и предъявленъ мнѣ при настоящемъ допросѣ. Гдѣ сохранялся у меня револьверъ по прибытіи въ домъ губернатора и откуда я таковой пріобрѣла, отвѣчать не желаю. Мотивы совершеннаго преступленія желаю написать сама.

„Всѣ мѣры, примѣнявшіяся въ послѣднее время сибирской администраціей по отношенію къ государственнымъ заключеннымъ, не достигали желаемыхъ вами результатовъ. Вы уничтожили переписку даже съ близкими родными и порвали рѣшительно всякую связь съ внѣшнимъ міромъ, упразднили вольныя команды и обрекли заключенныхъ на пожизненное тюремное сидѣніе, желая обратить ихъ въ живыхъ мертвецовъ. Но это не подорвало глубокой вѣры революціонеровъ въ правоту ихъ дѣла. На всѣ мѣры строгости они отвѣчали побѣгомъ изъ тюремъ, въ то время, когда компетентный во всѣхъ отношеніяхъ г. Галкинъ ревизовалъ тюрьму и вводилъ инструкцію, цѣлью которой было обращеніе революціонеровъ въ стадо мирныхъ барановъ. Пораженные фактомъ побѣга, государственные мужи, посѣдѣвшіе въ дѣлахъ правленія, вы обратились къ позорнымъ, унизительнымъ мѣрамъ — единственнымъ, достойнымъ вашего умственнаго и нравственнаго міровоззрѣнія. Вы рѣшились посягнуть на человѣческое достоинство и личную неприкосновенность людей принципа и чести, — людей, понимающихъ права человѣка и гражданина и строго проводящихъ ихъ въ жизнь. По отношенію къ этимъ людямъ вы примѣнили дикую мѣру бритья головы и повальнаго избіенія безоружныхъ и беззащитныхъ заключенныхъ при помощи штыковъ и прикладовъ вооруженныхъ разсвирѣпѣвшихъ казаковъ. Этой отвратительною расправою правительство вызвало терроръ въ Сибири, и сибирская администрація является отвѣтственнымъ за него лицомъ. Всѣ мѣры грубаго насилія вы можете обратить въ систему, но не забывайте, что вы боретесь не съ отдѣльными людьми, а съ идеей, съ неумолимыми законами развитія національной жизни. Не забывайте, что революціонная идея все болѣе и болѣе становится достояніемъ массы и что столкновеніе штыка съ идеею вызываетъ страшную грозу.

„Подписала поселенка **Марія Кутитонская.**

„Съ подлиннымъ вѣрно:

„Оберъ-аудиторъ окружнаго штаба статскій совѣтникъ
Гладковъ."

За это покушеніе Кутитонская была приговорена къ каторгѣ. Въ 1886 году она умерла въ каторжной тюрьмѣ.

Встрѣча новаго года въ Орловской тюрьмѣ. До послѣдняго времени въ орловской тюрьмѣ существовалъ такой порядокъ дѣленія предпраздничныхъ пожертвованій, при которомъ со стороны заключенныхъ присутствовали ихъ выборные — старосты. Въ нынѣшнемъ году этотъ порядокъ былъ измѣненъ и всѣ пожертвованія были раздѣлены самой администраціей тюрьмы. По словамъ смотрителя тюрьмы, эта перемѣна была вызвана тѣмъ, что будто бы выборные заключенные входили въ сдѣлку съ надзирателемъ и брали себѣ львиную долю добычи. По другой версіи, наоборотъ, именно на этотъ разъ надзиратели, безконтрольно производившіе раздѣлъ пожертвованій, использовали новый порядокъ далеко не въ пользу арестантовъ. Какъ бы то ни было, но новый порядокъ раздѣла пожертвованій вызвалъ крупныя недоразумѣнія между арестантами, завершившіяся всеобщей свалкой. Прибѣжавшаго для водворенія порядка смотрителя кто-то изъ арестантовъ окатилъ щами (все это происходило обѣденное время), въ надзирателей полетѣли чашки, ковши и , что попадалось подъ руку расходившейся толпѣ. Не будучи состояніи справиться съ „бунтовщиками" своими средствами, отритель вызвалъ по телефону полицмейстера, который и явился ъ сопровожденіи приставовъ, околодочныхъ и городовыхъ. Пріѣхали въ тюрьму также губернаторъ Г. И. Кристи и прокуроръ I. С. Пороховщиковъ. По командѣ полицмейстера, городовые кинулись на арестантовъ и разогнали ихъ по камерамъ, при чемъ не обошлось безъ побоевъ. Казалось бы, бунтъ усмиренъ и власти могли бы спокойно разъѣхаться по домамъ. Но губернатору и прокурору показалось, что они слишкомъ мало приняли участія въ усмиреніи „бунта", а, кромѣ того, русскія административныя традиціи требуютъ отъ администратора, услышавшаго слово: „бунтъ", отвѣчать словомъ: „пороть!" Такъ поступили и въ данномъ случаѣ гг. Кристи и Пороховщиковъ. И вотъ орловская тюрьма, болѣе 15 лѣтъ не видѣвшая (къ чести ея сказать) въ своихъ стѣнахъ тѣлесныхъ наказаній, наканунѣ 1 янв. 1902 г. сдѣлалась свидѣтельницей возмутительной расправы. Сѣченію подверглись нѣсколько человѣкъ арестантовъ, остальные же были „помилованы". Губернаторъ и прокуроръ, все время присутствовавшіе при экзекуціи, непосредственно изъ тюрьмы явились въ Дворянское Собраніе, гдѣ орловское общество собирается въ Новый Годъ для принесенія взаимныхъ поздравленій. Тамъ имъ пришлось выслушать очень язвительное, довольно громко произнесенное поздравленіе: „съ побѣдой и одолѣніемъ!" отъ одного изъ собравшихся. Вообще же, къ чести Орла, нужно сказать, что такія мѣры „усмиренія" не находятъ сочувствія даже въ консервативныхъ кругахъ.

Письмо изъ Ярославля. Было бы не совсѣмъ правильно связыать происхожденіе той политики, которая теперь общеизвѣстна подъ именемъ Зубатовщины съ именемъ бывшаго провокатора-предателя, а нынѣ начальника московской охраны — пресловутаго Зубатова. Исторія дѣятельности одного помпадура, которую мы собираемся сейчасъ разсказать, можетъ послужить свидѣтельствомъ того, что честь изобрѣтенія у насъ этой системы принадлежитъ, пожалуй, не Зубатову, а нѣкоторымъ его геніальнымъ предшественникамъ, ну хотя бы, напр., камергеру Е. В. двора Б. Штюрмеру — нынѣшнему ярославскому губернатору. Объ этомъ именно господинѣ мы и собираемся повести рѣчь. Началъ Штюрмеръ свою карьеру въ Твери, сначала въ качествѣ слегка окрашеннаго въ либеральный колеръ гласнаго, а затѣмъ предсѣдателя тверской губернской управы „по назначенію". Но и на этомъ послѣднемъ посту онъ не растерялъ свой, съ позволенія сказать, „либерализмъ", а сохранилъ и пріумножилъ, ибо безъ такого рода бутафорской принадлежности въ столь „неблагонадежномъ" земствѣ, какъ тверское, трудно съ успѣхомъ парадировать въ роли дирижера, особливо при наличности такого несмываемаго пятнышка, какъ „по назначенію". Нужно полагать, что усвоенная Штюрмеромъ при такихъ условіяхъ тактика „заигрыванія" не шла въ разрѣзъ съ видами и намѣреніями высшаго начальства, ибо доблестный камергеръ довольно быстро шагнулъ изъ предводителей въ губернаторы (кажется, въ 1899 году). Въ этой новой роли онъ неуклонно продолжаетъ вести свою линію и успѣлъ уже ознаменовать свое губернаторство блестящей дѣятельностью на поприщѣ ярославскаго просвѣщенія и общественности.

Началъ Штюрмеръ съ организація общества взаимопомощи и клуба, подъ заманчивымъ названіемъ „Парусъ". Во главѣ сталъ самъ губернаторъ, а ближайшее сотрудничество съ нимъ по этому дѣлу раздѣлили его приближенные — чиновники его канцеляріи и т п. лица. Само собой разумѣется, что для нечиновничьей интеллигенціи тамъ мѣста не нашлось. Если просмотрѣть нумера мѣстной газеты „Сѣверный Край" за то время, то даже изъ нея легко будетъ усмотрѣть между строкъ, какъ, уже въ самомъ началѣ жизнедѣятельности „Паруса", властной рукой помпадура душилась всякая здоровая иниціатива, всякая хорошая попытка, не входившая въ полицейскіе разсчеты просвѣщеннаго администратора. (Особую услугу при этомъ ярославскому Зубатову сослужилъ извѣстный россійскій жупелъ, именуемый „неблагонадежность"). Понятно, что въ концѣ концовъ не нашлось желающихъ подвергать себя всѣмъ возможнымъ опасностямъ плаванья подъ Штюрмеровскимъ „Парусомъ", и этотъ парусъ пришлось снять. Нѣсколько, однако, ранѣе краха „Паруса" предусмотрительный камергеръ спустилъ на озеро ярославскаго прогресса новую ладью подъ другими парусами. На выкинутомъ флагѣ широковѣщательно красовалось; „Общество для содѣйствія народному образованію и распростаненію полезныхъ знаній въ народѣ". Исторія этого общества очень похожа на первую исторію. На предсѣдательскомъ креслѣ въ Совѣтѣ общества поспѣшилъ усѣсться, какъ это и нужно было ожидать,. все тотъ же Штюрмеръ; онъ же по § 26 устава является непремѣннымъ предсѣдателемъ и „общихъ собраній". Въ результатѣ — „общество" оказалось мифомъ: „Совѣтъ" для-ради нѣкоторой видимости что-то такое затѣвалъ, устроилъ, напр., нѣсколько грошовыхъ народныхъ библіотекъ; что же касается общаго собранія, то оно вотъ уже два года, какъ ни разу не созывалось, ибо сіе не благоугодно было г-ну губернатору. Въ отвѣтъ на это никто не смѣетъ и пикнуть. Въ послѣднемъ эпизодѣ характерно между прочимъ, то, что первоначальная иниціатива въ этомъ начинаніи принадлежала мѣстной интеллигенція, а лишь любезное, хотя и непрошенное „содѣйствіе" высокопоставленнаго прогрессиста и подхалимоватая покладистость мѣстнаго общества превратили начатое дѣло въ мерзость запустѣнія.

Исторія возникновенія и первыхъ шаговъ третьяго общества — „взаимомощи учителей и учительницъ" носила уже нѣсколько иной характеръ. Здѣсь интеллигенція пробовала было отстоять свою самостоятельность и свое дѣло отъ мертвящаго проникновенія въ него штюрмовскаго элемента*), но въ концѣ концовъ „жизнь взяла свое" — руль утлаго суденышка попалъ въ крѣпкія лапы Штюрмеру, и общество поплыло подъ его испытаннымъ парусомъ.

Наконецъ, нашъ ярославскій Гарунъ-аль-Рашидъ облюбовываетъ своимъ хищнымъ взоромъ юридическое общество при мѣстномъ юридическомъ лицеѣ, пользуясь благосклонной, — вѣрнѣе, раболѣпной поддержкой со стороны извѣстнаго своимъ „сердечнымъ попеченіемъ" о студентахъ директора лицея Шпилевскаго и прочей профессорской братіи изъ класса пресмыкающихся. Здѣсь онъ всегда возсѣдаетъ одесную предсѣдателя и благосклонно пользуется любезно предоставляемымъ ему правомъ перваго голоса.

Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи Штюрмера къ мѣстной газетѣ. Нужно замѣтить, что московскій Зубатовъ еще не додумался до созданія своего собственнаго органа печати, между тѣмъ какъ Штюрмеру эта мысль была не чужда. Давая свое разрѣшеніе на возникновеніе „Сѣв. Края", дальновидный ярославскій Зубатовъ разсчитывалъ имѣть, въ лицѣ этой газеты, свой собственный, такъ-сказать, полуоффиціозъ, долженствующій заняться дѣломъ созданія прочной популярности его славному имени. Но тутъ разсчетъ его оказался недостаточно тонокъ: скромная подцензурная провинціальная газетка оказалась на столько все-таки приличной, что отъ роли трубадура, воспѣвающаго гнусливымъ голосомъ доблести своего покровителя, уклонилась, государственной мудростью Штюрмера не восхищалась и вообще губернаторскихъ надеждъ и ожиданій не оправдала. Все, чего успѣлъ достигнуть по отношенію къ ней превосходительный хищникъ, это — просто придушить и обезцвѣтить ее: всякая, самая даже невинная, критика мѣропріятій или дѣйствій мѣстной администраціи, а отчасти и дѣлъ, касающихся городского или земскаго самоуправленія, выходитъ за предѣлы для нея дозволеннаго (по этому поводу редакція получила даже особый циркуляръ отъ губернатора). Чѣмъ кончится эта неравносильная борьба — неизвѣстно. Можетъ быть, если бы Штюрмеръ повелъ дѣло нѣсколько политичнѣе, если бы онъ попробовалъ объявить себя близкимъ пріятелемъ прогресса, надежнымъ другомъ свободнаго слова или кѣмъ-ниб. въ этомъ родѣ, если бы онъ не очень ужъ свирѣпо тискалъ несчастную газетку въ цензурныхъ клещахъ, то — почемъ знать — не достигъ-ли бы онъ по отношенію къ ней искомой цѣли? Вѣдь наша великомученица-интеллигенція до того изстрадалась отъ неласкового обращенія, что однимъ ласковымъ словомъ можно вызвать изъ ея глазъ цѣлый потокъ благодарныхъ слезъ и купить, пожалуй, все ея нутро... Впрочемъ, не будемъ гадать, а то, чего добраго, г. Штюрмеръ подслушаетъ наши откровенныя признанія и намотаетъ ихъ себѣ на усъ...

Теперь наше ярославское общество какъ будто немножко раскусило своего интереснаго губернатора-либерала. Даже такой мало интересный элементъ, какъ мѣстные земцы, — и тѣ обнаруживаютъ свою непріязнь къ новому фокуснику. Такъ, напр., во время послѣдней сессіи блестящій камергеръ, противъ всякаго обыкновенія, былъ обойденъ приглашеніемъ пообѣдать вмѣстѣ съ господами земцами.

Южнорусской Группой Социалдемократовъ изданы два нижеслѣдующихъ воззванія:

I.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

КО ВСѢМЪ.

20 января часовъ въ 11, когда представленія въ Русскомъ и Городскомъ театрахъ близились къ концу и публика все свое вниманіе сосредоточила на сценѣ, съ галлереи посыпались внизъ и разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ прокламаціи, выпущенныя по поводу позорнаго братанія царя съ жандармами. Одновременно съ этимъ раздались громко твердые голоса:

Долой русское самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!

Это было сдѣлано двумя нашими товарищами (рабочими), совершенно ясно понимавшими всю важность и значеніе этого акта.

Въ исторіи русскаго соц.-дем. движенія это первый случай открытаго заявленія протеста, которое русское общество услыхало при подобной обстановкѣ, протеста противъ гнета и насилія, противъ зла и неправды.

Если это не говоритъ русскому царизму о количествѣ его враговъ, то говоритъ о томъ, что сознательные враги безстрашны, что ихъ не пугаетъ ожидающая ихъ дикая расправа, что они всегда готовы отдать всѣ свои силы, свою свободу, всю свою жизнь на борьбу съ царящимъ у насъ безправіемъ, произволомъ и гнетомъ.

Это покажетъ силу не только личностей, идущихъ на открытую борьбу, но и силу партіи, выдвигающей эти личности, силу идеи, которая одушевляетъ всѣхъ насъ въ этомъ неравномъ бою.

Пусть этотъ открытый протестъ нашихъ товарищей будетъ одной изъ тѣхъ искръ, изъ которыхъ возгорится могучее пламя, разольется по всѣмъ уголкамъ Россіи и сожжетъ чудовищный русскій царизмъ.

Пошлемъ же нашъ братскій привѣтъ нашимъ отважнымъ товарищамъ и всѣмъ борцамъ за свободу.

Повторимъ же за ними:

Долой самодержавіе! Да здравстуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціализмъ!

Прочитавъ, — передайте товарищамъ.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократовъ.

II.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ЧИНАМЪ АДМИНИСТРАЦІИ.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о крайне грубомъ обращеніи полиціи и жандармовъ при обыскахъ, а также во время допросовъ заставляютъ насъ обратиться къ чинамъ администраціи съ напоминаніемъ, что рабочіе — люди съ весьма развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства и не желаютъ безнаказанно сносить незаслуженныя оскорбленія, которымъ они подвергаются всякій разъ, какъ имъ приходится имѣть дѣло съ полиціей. При этомъ приходится констатировать тотъ фактъ, что подобное обращеніе позволяютъ себѣ не только низшіе полицейскіе чины, къ которымъ подчасъ нельзя предъявлять въ этомъ отношеніи слишкомъ строгихъ требованій, но и высшіе чины администраціи, которые должны были бы подавать своимъ подчиненнымъ примѣръ сдержаннаго и вѣжливаго обращенія съ попадающими въ ихъ руки лицами. Кромѣ того, намъ извѣстно, что заключенные въ одесской тюрьмѣ должны не рѣдко прибѣгать къ голодовкамъ, чтобы избавиться отъ тѣхъ подчасъ безцѣльныхъ стѣсненій и ограниченій, которыя налагаютъ на нихъ не въ мѣру усердныя тюремныя власти.

Поэтому мы считаемъ себя вынужденными рекомендовать чинамъ администраціи, чтобы они усвоили себѣ болѣе вѣжливое обращеніе съ привлекающимися по политическимъ дѣламъ лицами, внушили это своимъ подчиненнымъ, позволяющимъ себѣ нерѣдко наносить побои арестованнымъ рабочимъ и не доводили заключенныхъ въ тюрьмѣ до голодовокъ, крайне вредныхъ для людей, и безъ того обезсиленныхъ болѣе или менѣе продолжительнымъ сидѣніемъ въ одиночномъ заключеніи.

Въ противномъ же случаѣ мы ни за что не ручаемся, такъ какъ рабочіе, озлобленные дошедшими до нихъ фактами кулачной расправы полиціи съ рабочими, готовы, въ случаѣ повторенія подобныхъ фактовъ, на протестъ, могущій принять совершенно нежелательныя формы.

Южная Революц. Группа Соц. Демократовъ.

Одесса. За послѣдніе три года движеніе въ Одессѣ сильно развилось. До этого у насъ втеченіе 90-хъ гг. не разъ вспыхивали отдѣльные огоньки, но жандармамъ скоро удавалось выхватывать главарей, и огни эти замирали. Уцѣлѣвшіе сознательные рабочіе оставались одинокими и не въ силахъ бывали продолжать начатаго. Но время шло, сознаніе рабочихъ развивалось, и вотъ, наконецъ, нѣсколькимъ лицамъ удалось положить основаніе настоящей организаціи съ Одесскимъ Комитетомъ во главѣ. Работа пошла, какъ это, къ сожалѣнію, часто бываетъ, по линіи наименьшаго сопротивленія. Наиболѣе легкой [illegible] оказались ремесленники, которыхъ въ Одессѣ насчитывается очень много, а самымъ легкимъ способомъ пробужденія сознанія оказалось развитіе стачечнаго движенія. Сперва портные, дамскіе и мужскіе, потомъ одно ремесло за другимъ были охвачены этимъ движеніемъ. Стачка слѣдовала за стачкой, многіе изъ нихъ имѣли успѣхъ. Агитація и пропаганда велись на почвѣ насущныхъ экономическихъ интересовъ и дальше этихъ интересовъ не шла. Од. Ком. выпускалъ прокламаціи къ стачечникамъ чисто экономическаго характера. Ни слова не было ни о политической борьбѣ, ни о соціализмѣ, если не считать соціализмомъ призыва въ заголовкѣ: „Пролетаріи и т. д." Матеріальное положеніе ремесленныхъ рабочихъ стало замѣтно улучшаться, но, дойдя до извѣстной ступени, оно дальше, конечно, пойти не могло. Въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ улучшеніе дошло до предѣловъ возможнаго при стачечной борьбѣ и вообще современныхъ условіяхъ, — движеніе остановилось. Надо прибавить, что большинство ремеслъ носитъ сезонный характеръ. Съ окончаніемъ сезона многія завоеванія сводятся къ нулю, такъ какъ рабочіе почти всѣ распускаются. Съ началомъ новаго сезона надо чуть не сызнова начинать борьбу. Отмѣтимъ еще одну черту, характерную для описываемаго движенія, именно, — развить движеніе вширь, а не вглубь. „Глубь" рѣшительно отдавалась въ жертву „ширь". Отъ этого движеніе теряетъ въ своей прочности, люди захватываются въ него слегка, развитіе большинства остается элементарнымъ. — Жизнь, однако, шла своимъ чередомъ и все громче заявляла о своихъ правахъ. Событія 1901 г. не прошли безслѣдно: они произвели и въ Одессѣ сильнѣйшее впечатлѣніе на сознательныхъ рабочихъ. Рабочіе глухо волновались, и многіе рвались къ демонстраціи. Не смотря на тормозящую тактику одесскаго Комитета, политическое сознаніе рабочихъ все росло и росло. Образовавшаяся въ началѣ октября минувшаго года новая „Южная Роволюціонная Группа Соц.-Дсемократовъ" отвѣчала вполнѣ назрѣвшей потребности, и успѣхъ ея превзошелъ всѣ ожиданія. И среди рабочихъ Одесскаго Комитета оказалось и развилось подъ вліяніемъ новой группы такое броженіе, что Од. Комитетъ повернулъ въ сторону политической агитаціи.

Скоро послѣ того произошла стачка на табачной фабрикѣ Попова. Од. Комитетъ сначала выпустилъ воззваніе съ экономическими требованіями. Рабочіе (почти всѣ подростки) держались стойко. Въ стачку вмѣшалась полиція и пустила въ ходъ всѣ мѣры: арестовывала на дому и на улицахъ, насильно тащила къ станку; арестованныхъ продержали недѣли три и выслали по глухимъ мѣстамъ „на родину": высылали и малолѣтнихъ, безъ средствъ, — словомъ, всѣ обычные пріемы. Од. Комитетъ выпустилъ вторую прокламацію къ рабочимъ Попова, гдѣ разъяснялось, что „правительство тоже нашъ врагъ" (послѣ капиталистовъ) и заканчивалъ призывомъ: будемъ требовать отъ правительства свободы стачекъ, собраній и т. д. Это было уже вполнѣ въ духѣ прежней дѣятельности Од. Комитета, хотя ново было здѣсь, какъ и въ ціонистской прокламаціи, открытое выступленіе съ политическими требованіями. Стачка у Поповыхъ ничѣмъ не кончилась, такъ какъ рабочіе частью были высланы, частью разошлись по другимъ фабрикамъ. Полицейское же вмѣшательство даже на самыхъ несознательныхъ подѣйствовало удивительнымъ образомъ. Многія дѣвушки говорили: мы ничего не дѣлали, и съ нами полиція такъ подло обошлась, такъ ужъ лучше „дѣлать", чтобы знать, за что насъ мучаютъ. Въ ноябрѣ одес. Комитетъ распространилъ № 2 „Летучаго Листка Рабочаго Слова", гдѣ выяснялась роль правительства, только какъ защитника капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Наконецъ, въ декабрѣ былъ распространенъ № 3 „Летучаго Листка Раб. Слова" о милитаризмѣ, гдѣ доказывалась выгода милитаризма опять-таки исключительно для капиталистовъ. Появленіе всѣхъ перечисленныхъ изданій, начиная съ ціонистской прокламаціи, знаменуетъ сильный поворотъ въ направленіи дѣятельности Од. Ком.: переходъ къ открытой письменной политической агитаціи. Правда, послѣ перваго колебанія влѣво, Од. Комит. сталъ снова проводить свой взглядъ, что наше самодержавіе не есть самостоятельная сила, съ собственными интересами господства, а лишь простая равнодѣйствующая господствующихъ классовыхъ силъ. Такое доктринерство заставляетъ объяснять всѣ жестокости нашего азіатскаго деспотизма просто какъ... усердіе правительства не по разуму... для пользы капиталистовъ. Такъ, въ ціонистскомъ воззваніи ставится вопросъ: кому нужны эти звѣрства? Нѣтъ отвѣта, ибо они, право, никому не нужны. Точно также въ политическомъ воззваніи къ рабочимъ Попова говорится приблизительно такъ: мы сидѣли себѣ смирно, никого не трогали, мирно отказались работать, а правительство... и т. д. Извѣстно, что фабриканты не всегда хотятъ доводить репрессаліи по отношенію къ рабочимъ до ихъ „логическаго" конца: имъ слишкомъ опасно имѣть дѣло съ озлобленными рабочими. Но имъ уже не удается остановить расходившуюся въ защиту „престолъ-отечества" полицію. Такъ было и съ Поповымъ: ему Шуваловъ (градоначальникъ) отказалъ въ освобожденіи рабочихъ, которые ему были необходимы на фабрикѣ. И выходитъ по Од. Комитету, что въ дѣлѣ Попова всѣ жестокости полиціи — простое переусердствованіе полиціи въ дѣлѣ защиты интересовъ капиталистовъ.

---

*) Такъ напр., на первомъ собраніи членовъ Штюрмеръ взобрался было по привычкѣ на предсѣдательскую трибуну, хотя никто его предсѣдателемъ не выбиралъ и никто изъ мѣстныхъ Гостомысловъ передъ нимъ въ поясъ не раскланивался съ просьбой оказать собранію такую честь. Это обстоятельство вызвало „интерпелляцію" со стороны одного изъ членовъ и въ результатѣ произошло небольшое „недоразумѣніе".

Южная Р. Г. С.-Д. устроивши свои внутреннія дѣла, принялась въ ноябрѣ выполнять свою программу. — развивать агитацію среди широкой массы, развивать ея политическое сознаніе, не дожидаясь какихъ-либо особыхъ событій, вродѣ ціонистскихъ избіеній или безобразій у Попова. Первымъ дѣломъ было выпущено общее воззваніе къ рабочимъ и особое — къ оппозиціонной интеллигенціи. Не ограничиваясь обычнымъ разбрасываніемъ по рабочимъ кварталамъ и раздачей по рукамъ, Ю. Р. Г. Соц.-Дем. рѣшила распространить воззванія и въ публичныхъ мѣстахъ, на виду многочисленной публики. И вотъ, сначала въ аудиторіи на чтеніи лекцій для народа, а затѣмъ одновременно въ двухъ главныхъ театрахъ, въ Русскомъ и Городскомъ, были разбросаны листки съ блестящимъ успѣхомъ во время игры. Жертвъ изъ Группы не было, но нѣкоторыя постороннія лица временно пострадали. Это была своего рода открытая мирная демонстрація: бѣлыя бумажки съ ярко-красными ленточками летѣли по всему театру. Въ первую минуту публика не поняла, въ чемъ дѣло, но, скоро сообразивъ, стала прятать бумажки по карманамъ. Кромѣ того, было разослано еще по домамъ почтой много этихъ же прокламацій.

Заговорили вездѣ и повсюду о соціализмѣ, политической борьбѣ, въ то время, какъ прежде, кромѣ нѣкоторыхъ слуховъ о стачкахъ и арестахъ, ничего не слышно было въ области „нелегальнаго". Дальнѣйшая дѣятельность Ю. Р. Г. С.-Д., такъ сказать, оффиціальная, состояла въ выпускѣ листка въ память 14 декабря. Затѣмъ въ декабрѣ же были выпущены листки къ каменоломщикамъ, къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, къ рабочимъ пробочныхъ заводовъ. Къ новому году былъ выпущенъ № 1 „Летучаго Листка Ю. Р. Г. С.-Д."

Такова внѣшняя дѣятельность Ю. Р. Г. С.-Д. Внутренняя же ея дѣятельность неизвѣстна и обнаружится только по истеченіи немалаго времени. Если Ю. Р. Г. С.-Д. употребитъ всѣ усилія, чтобы поставить движеніе въ Одессѣ прочно, закрѣпить глубоко его корни, содѣйствовать всестороннему развитію рабочихъ, втягиваемыхъ въ борьбу, то за нею останется огромная заслуга въ развитіи сознательнаго соц.-демократ. движенія въ Одессѣ.

От редакціи. Помѣщая эту корреспонденцію, принадлежащую, очевидно, стороннику одной изъ двухъ одесскихъ соц.-демократическихъ организацій, мы, разумѣется, оставляемъ на отвѣтственности автора объективность данной имъ характеристики Одесскаго Комитета. Съ своей стороны, привѣтствуя энергичный починъ „Южнорусской Группы соц.-демократовъ" въ дѣлѣ внесенія въ одесское движеніе новой струи, мы выражаемъ надежду, что піонерамъ политической агитаціи въ Одессѣ удастся убѣдить несогласныхъ съ ихъ тактикой товарищей успѣхомъ своей дѣятельности и тѣмъ сдѣлать возможнымъ возстановленіе организаціоннаго единства въ рядахъ одесскихъ соц.-демократовъ.

Екатер. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи обратился съ слѣдующей прокламаціей:

Ко всѣмъ Рабочимъ г. Екатеринослава.

„Царскіе опричники никакъ не могутъ успокоиться. Имъ мало показалось крови, пролитой 15-го декабря. Они не удовлетворились тѣмъ, что цѣлый мѣсяцъ гноили въ тюрьмѣ 53 человѣка, между которыми попались 15 лѣтніе мальчики и старые набожные евреи. Они мечутся теперь, какъ угорѣлые, тщетно стараясь отыскать постоянно ускользающихъ изъ ихъ рукъ революціонеровъ.

„Въ ночь подъ 16 января они напали на мирно спящій Екатеринославъ, обыскали школы, библіотеки и частныя квартиры. Арестовали всѣхъ, кто имъ показался почему либо подозрительнымъ. Великъ страхъ царскаго правительства передъ рабочимъ движеніемъ, товарищи! Оно видитъ теперь, что всѣ, кто ненавидитъ его самодержавный произволъ, кто борется съ бандой хищниковъ, всѣ стекаются подъ знамя соціаль-демократической партіи. Оно знаетъ, какъ много у него враговъ, потому съ ожесточеніемъ и набрасывается на всякаго, кто кажется имъ крамольникомъ. Чего-же хотимъ мы, сознательные враги царскаго правительства?

„Мы добиваемся сверженія самодержавія, этого стараго покровителя крѣпостного права, мы требуемъ законовъ, которые сняли-бы съ насъ тяжесть налоговъ и повинностей, мы стоимъ за уничтоженіе солдатчины, такъ какъ не хотимъ убивать такихъ же, какъ мы, людей ради выгоды капиталистовъ, мы добиваемся права защищать свои интересы отъ наглости эксплуататоровъ и отказываемся отъ полицейской опеки правительства. Мы хотимъ сами управлять своими дѣлами, говорить на собраніяхъ и писать въ газетахъ все, что полезно намъ. Десятки лѣтъ ужъ длится наша борьба съ насиліемъ и хищничествомъ. И эта борьба не проходитъ безслѣдно Мы вынудили правительство считаться съ нашими требованіями, больше — оно насъ боится. Правительство понимаетъ, что передъ краснымъ знаменемъ рабочей революціи неминуемо должно пасть царское самодержавіе и все, чѣмъ оно держится: капиталисты, чиновничество и полиція... А самое главное — мы выучились бороться, товарищи! Мы ясно теперь сознаемъ свое политическое безправіе и экономическое угнетеніе. Мы знаемъ, кто наши враги, въ чемъ смыслъ нашей упорной, но побѣдоносной борьбы. Опытъ прежнихъ лѣтъ не пропалъ для насъ.

„Вы видите всѣ, что послѣ набѣга жандармской сволочи, какъ и передъ набѣгомъ мы сильны своей организаціей, своей сплоченностью. И еще не разъ мы будемъ ужасать правительство и капиталистовъ своею несокрушимой силой до тѣхъ поръ, пока не рушится царскій тронъ отъ ударовъ многомилліонной мускулистой руки рабочаго, пока не восторжествуетъ новый соціалистическій строй жизни, основанный на всеобщемъ равномъ для всѣхъ трудящихся правѣ на счастье. Итакъ, товарищи, дружно впередъ на новую борьбу! Да здравствуетъ соц.-демократія, долой капиталистовъ, долой самодержавіе!"

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Николаевъ. Въ ночь на 21 января произошли въ Николаевѣ аресты въ связи съ массовымъ разбросомъ прокламацій. Не задолго передъ тѣмъ въ мѣстномъ адмиралтействѣ Юрьевъ разрѣшилъ на праздникахъ рабочимъ не приходить на третій день Рождества, а потомъ, по приказанію высшаго начальства, ихъ оштрафовали. Когда рабочіе выразили протестъ, онъ четырехъ уволилъ. По этому поводу были разбросаны прокламаціи 13 января. — Изъ Николаева переведенъ въ Тамбовъ старшимъ фабричнымъ инспекторомъ Влад. Влад. Рюминъ. Онъ разыгрывалъ въ Николаевѣ изъ себя либерала и даже краснаго, на дѣлѣ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ жандармеріей, и многіе мѣстные провокаторы обязаны своей карьерой Рюмину. Рюминъ — усердный послѣдователь зубатовской политики. Газета „Южная Россія" отъ 25 января сообщаетъ, что Рюминъ проектируетъ уже открыть въ Тамбовѣ „общество потребителей-рабочихъ", очевидно, подобное тому, какое существуетъ въ Николаевѣ. Этому господину поднесли при отъѣздѣ прочувствованный адресъ съ подписями, которыя собрали провокаторы.

На дняхъ рабочіе судостроительнаго завода вывели изъ мастерскихъ мастера, надѣвши ему мѣшокъ на голову, что вообще практикуется съ подобными господами. Изъ-за этого „мѣшка" нѣсколько человѣкъ было уволено.

Воронежъ. Имѣется у насъ казенный винный складъ, работающихъ на немъ чел. 200, преимущественно дѣвушекъ. Заработокъ очень и очень невысокій, самый высшій 12 руб. Обращеніе со стороны завѣдующихъ, хотя лицъ и съ высшимъ образованіемъ, далеко не безукоризненно. Допускаются всякія шуточки, выходки. Требуется въ складѣ безусловная чистота, отъ работницъ требуется, чтобы онѣ являлись чисто одѣтыми. При маломъ заработкѣ это является не легкой обузой. Каждое отдѣленіе должно за день очистить не менѣе опредѣленной нормы числа бутылокъ. Но въ наймѣ работницъ казна такъ экономна, что существующаго комплекта еле-еле хватаетъ для выработки нормы въ 10-час. раб. день; на обязанности же работницъ лежитъ подмываніе пола. Для этого работницъ, не платя имъ лишней платы, каждый день задерживали на полчаса. На ихъ заявленія, что онѣ не обязаны этого дѣлать, слѣдовала площадная брань, болѣе заносчивыхъ увольняли. Наконецъ, терпѣніе работницъ не выдержало, и онѣ въ обѣдъ, вмѣсто того, чтобы разойтись, собрались на дворѣ для выбора депутаціи къ управляющему. Управляющій, помнящій разгромъ харьковскаго виннаго склада, моментально уступилъ. Послѣ этого со стороны завѣдующаго начались безконечныя мелочныя придирки, ругань же онъ не считалъ нужнымъ прекратить. Слесаря страшно довольны дѣвицами. Слѣдуетъ имъ теперь подумать о дальнѣйшемъ улучшеніи своего положенія. А мѣстнымъ соціалдемократамъ пора бы обратить вниманіе на положеніе рабочихъ казеннаго склада.

Заводъ Понизовнина. Костромской губ.

На паточный заводъ Понизовнина мѣстные крестьяне подрядились возить картофель. Добрый хозяинъ, радѣя о нуждахъ крестьянъ и не желая заставлять далеко ѣздить за покупками, устроилъ у околицы лавку. При пріемѣ картофеля происходило самое безсовѣстное обмѣриваніе. Заводъ остроумно завелъ „нормальный" четверикъ, въ который обыкновенныхъ входитъ $1^1/_2$. Когда же приходится получать деньги, то удивленному крестьянину даютъ какую-то мелочь — остальное пошло на уплату долга въ лавочку. Нѣкоторые падаютъ на колѣни, просятъ пощадить; другіе же рѣшили возить на другой заводъ или въ городъ. Но лавка такъ успѣла запутать крестьянъ, что они все не могутъ расплатиться... Приказчикъ лавки, какъ хищная птица, выслѣживаетъ проѣзжающихъ крестьянъ, и разъ замѣтилъ — все кончено! — возъ сваливаютъ и объявляютъ, что заводъ принялъ картофель, даютъ денегъ по прежней, „нормальной" цѣнѣ и затѣмъ объявляютъ, что осталось за крестьяниномъ столько-то. „Доколѣ, Господи?" шепчутъ крестьяне. Дотолѣ, отвѣтимъ, пока будете терпѣливо сносить всякое издѣвательство.

Въ Костромѣ и Ивановѣ были выпущены прокламаціи по поводу усиленной охраны.

Нижній-Новгородъ. Начальникъ „электрички" пустилъ въ ходъ угрозы и подкупъ, чтобы добиться отъ служащихъ, кто давалъ имъ „Рабочую Газету". Напрасно тревожился: между этими служащими, получающими гроши за свой трудъ, не нашлось ни одного, который согласился бы опозорить свое честное имя за деньги, обѣщанныя Левестамомъ. За выдачу обѣщался гонораръ въ 100 руб. Этотъ фактъ показываетъ добровольному сыщику Левестаму, что такихъ преданныхъ негодяевъ, какъ онъ, среди привыкшихъ къ честному труду — немного.

Въ Сормово наканунѣ Николина дня нагрянули жандармы, произвели нѣсколько обысковъ и ничего не нашли. Черезъ нѣсколько дней, 12 декабря, по поводу пониженія расцѣнка, въ мѣднолитейномъ цехѣ, было расклеено и распространено по заводу и поселку 800 прокламацій. Вслѣдъ за тѣмъ выпущено было 1200 прокламацій по поводу введенія усиленной охраны. Прокламаціи читались съ интересомъ; лишь весьма малое число ихъ попало въ заводскую контору и полицію. У расклеенныхъ на столбахъ прокламацій собирались прохожіе; кто-нибудь читалъ вслухъ, а всѣ прочіе внимательно слушали, прерывая чтеніе возгласами, вродѣ: „батюшки, что пишутъ и вѣдь съ разрѣшенія комитета". Начался усиленный сыскъ, установлены непрерывныя ночныя и дневныя дежурства цѣлыхъ отрядовъ шпіоновъ, какъ въ заводѣ, такъ и на улицахъ. Обыскивали при входѣ въ заводъ каждаго опоздавшаго къ началу работъ. Покуда никакого толку изъ всѣхъ этихъ стѣсненій для жандармеріи не получается. Наконецъ, 17 дек. двинуты были въ Сормово войска: 6 ротъ усиленнаго состава съ боевыми патронами. Къ чему потребовалась такая необычайно энергичная мѣра, — понять невозможно, такъ какъ въ Сормовѣ никакихъ волненій, никакой стачки еще не начиналось. Пройдя разокъ по Сормову церемоніальнымъ маршемъ, войска расположились близь Варь, и открыли пальбу, словно на маневрахъ. Черезъ день, впрочемъ, они были отозваны, хотя, говорятъ, 100 чел. долго чего-то ждали на пожарномъ дворѣ.

Вышелъ въ свѣтъ № 2 „Летучаго Рабочаго Листка". Содержаніе: 1) усиленная „охранка". 2) хроника нижегородскихъ арестовъ, 3) В. С. Арефьевъ и нижегородская охрана, 4) палка о двухъ концахъ, 5) какъ я сдѣлался соціалдемократомъ, 6) настроеніе нижегородской учащейся молодежи, 7) Харьковское побоище, 8) о нижегородскихъ ремесленникахъ.

Пошехонскій уѣздъ Ярославской губ.

Пошехонскій уѣздъ славится развитымъ маслодѣліемъ, также какъ и сосѣдняя съ нимъ Вологодская губ. Вдали отъ желѣзныхъ дорогъ „затерялося небогатое наше село"; земледѣліе почти совсѣмъ не кормитъ, приходится или искать подсобныхъ промысловъ, или уходить куда глаза глядятъ... Уйти при существующихъ деревенскихъ отношеніяхъ не такъ-то легко: паспортъ въ наиболѣе захудалыхъ деревняхъ достать трудно; упорно держатся правила — помирать, такъ всѣмъ помирать... И тихо, незамѣтно помираютъ. На этой почвѣ нищеты и земельнаго утѣсненія (отсутствіе пахотной земли) пышно расцвѣтаетъ наше маслодѣліе. Заводъ самъ по себѣ очень небольшой, количество работающихъ на немъ рѣдко достигаетъ десяти чел.: ручной двигатель, нѣсколько сепараторовъ, пріемная изба — вотъ и весь „заводъ". За то около этого маленькаго гнѣзда вьются часто цѣлыя деревни, для которыхъ онъ является единственнымъ „поильцемъ-кормильцемъ". Прежде, чѣмъ откроется такой „заводъ", происходитъ „скупка деревень", т. е. заключеніе съ крестьянами ближайшихъ деревень условія, по которому они обѣщаются доставлять молоко заводу и только ему. Сначала даютъ задатки, хорошо платятъ за молоко, разрѣшаютъ оставлять немного молока дома. Разъ произошло „пріученіе" или, какъ говоритъ нѣкоторые заводчики, „приученіе" крестьянъ, картина мѣняется. Начинается браковка молока, задерживается разсчетъ; съ развитіемъ производства (а дѣло это наживное) требуютъ доставки полнаго удоя, иначе грозятъ совсѣмъ не принимать; нѣкоторыя семьи и сами начинаютъ тянуться за большимъ заработкомъ. Въ результатѣ семья начинаетъ питаться однимъ хлѣбомъ да „отдѣланнымъ" молокомъ, сыпороткой этой сыпороткой кормятъ и дѣтей; быстро начинаетъ развиваться дизентерія; дѣтская смертность повышается, и любимой пѣснью деревни становится:

Сипоратъ — плоха машина.
Съ молока болитъ брюшина и т. д.

Разоренный собственно дворъ, и на немъ три коровы служащія часто доказательствомъ для народниковъ, что развитіе маслодѣлія (особенно артельнаго) повышаетъ благосостояніе... Любопытно здѣсь отношеніе маслодѣловъ къ артелямъ. Когда-то Верещагинъ насаждалъ здѣсь артели, быстро распавшіяся; ихъ мѣсто заняли деревенскія артели; я уже указывалъ, что особенно трудно поставить дѣло сначала, „пріучить" крестьянъ. Много денегъ зря выходитъ, много хлопотъ, неувѣренность, что наладилось дѣло. Эту первоначальную, организаціонную работу для капиталистическихъ маслодѣленъ съ успѣхомъ выполнили Верещагинскія артели. Маслодѣлы не забыли этой выгодной операціи; не рѣдки случаи, когда желающій поставить заводъ подбиваетъ крестьянъ устроить артельное предпріятіе, даетъ даже ссуды и когда артельное начинаніе въ силу задержки кредита начинаетъ хирѣть (а въ такой будущности каждый умный кулакъ увѣренъ), заимодавецъ „спасаетъ" артельщиковъ и беретъ ихъ подъ свое отеческое попеченіе „со всѣми кишками и потрохами", какъ говорятъ крестьяне. Таковъ смыслъ всѣхъ артельныхъ начинаній, ту же роль сыграетъ и народничествующее ярославское земство. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ закабалить крестьянъ служатъ лавочки. Заводовъ безъ лавочекъ почти нѣтъ; расплата товарами (truck system) примѣняется самымъ широкимъ образомъ. Въ деревнѣ, въ которой носятъ молоко, обыкновенно уже другой лавки нѣтъ. Цѣны въ заводской лавкѣ раза въ 2-3 дороже обычныхъ; за то отпускаютъ и въ долгъ и за счетъ принесеннаго молока. Обязательства къ заводу крѣпко опутываютъ крестьянина; когда же онъ думаетъ вздохнуть, поспѣваетъ правительство со своими податями, недоимками и окончательно придушиваетъ крестьянина. Попробуйте найти выходъ. Что касается рабочихъ, то ихъ положеніе такъ скверно, что обыкновенно идутъ совсѣмъ разорившіеся... Картина этой эксплуатаціи, совершающейся гдѣ-то въ тиши и дали, могла бы вскрыть много интереснаго; я лишь случайно попалъ въ эти мѣста и потому не могъ достаточно подробно вникнуть въ эти отношенія; прошу товарищей, стоящихъ ближе, поработать надъ собираніемъ этого матеріала.

Приказчики въ Минскѣ. Въ № 4 издающейся на еврейскомъ языкѣ газеты „Минскій рабочій" (органъ „Бунда") находимъ слѣдующія подробности о положеніи мѣстныхъ приказчиковъ:

„Непригляднa жизнь приказчика у насъ въ Минскѣ. Поступивъ 12-13 лѣтъ въ лавку, онъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ работаетъ на правахъ „мальчика" и получаетъ за все это время всего-на-все 80 руб., подвергаясь такимъ мучительствамъ, которыя ставятъ его на одну доску съ запроданнымъ рабомъ; онъ мететъ лавку, топитъ печи, моетъ посуду, бѣгаетъ на побѣгушкахъ, вообще исполняетъ роль прислуги и часто ее замѣняетъ. По истеченіи трехъ лѣтъ онъ становится заправскимъ приказчикомъ и начинаетъ получать отъ 1 р. 50 к. до 2 руб. въ недѣлю. Это значитъ, что послѣ трехъ лѣтъ каторжнаго труда онъ добивается такого положенія, которое его вынуждаетъ постоянно обращаться за помощью къ родителямъ и родственникамъ и кормиться на ихъ счетъ, а если онъ иногородній и не имѣетъ другихъ ресурсовъ къ жизни, кромѣ своего заработка, то онъ обреченъ на голодъ, холодъ и всякія лишенія. Съ теченіемъ времени заработокъ приказчика повышается и можетъ дойти до 4 руб. въ недѣлю. Рабочій день непомѣрно длиненъ, въ среднемъ 15 час. Положеніе приказчицъ еще хуже, плата ихъ въ среднемъ не больше 1 р. 50 к. въ недѣлю. Приказчиковъ и приказчицъ насчитывается въ Минскѣ до 1800, изъ которыхъ значительная часть ходитъ безъ работы".

Съ мая 1900 г. приказчики организовались въ кассу борьбы и начали рядъ стачекъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

АВСТРІЯ.

Бойня въ Тріестѣ. 3 февраля 200 истопниковъ на пароходахъ общества Лойда прекратили работы, требуя сокращенія рабочаго дня и другихъ мелкихъ улучшеній. Стачка была вызвана новымъ распоряженіемъ общества, которое удлиняло и безъ того длинный рабочій день истопниковъ. Австрійское правительство тотчасъ же вмѣшалось въ стачку. Преслѣдовать стачечниковъ законнымъ путемъ оно не могло — австрійская конституція признаетъ свободу стачекъ; но оно могло командировать на суда общества истопниковъ съ казенныхъ пароходовъ, и оно это сдѣлало. Такимъ образомъ, на сторонѣ и безъ того сильнѣйшихъ капиталистовъ оказалось все могущество государства, и государственная власть лишній разъ заставила своихъ собственныхъ рабочихъ играть роль предателей по отношенію къ своимъ стакнувшимся братьямъ. Австрійская конституціонная монархія въ этомъ отношеніи такъ же „угождаетъ" крупнымъ капиталистамъ, какъ и самодержавіе „господъ Обмановыхъ" и республиканское правительство Франціи, въ которомъ засѣдаетъ якобы соціалистъ Миллеранъ.

Разумѣется, услуга со стороны государственной власти ободрила надменныхъ капиталистовъ, и они упорно отказывались отъ всякихъ переговоровъ съ стачечниками. Но та же грязная услуга вызвала сильное возмущеніе во всѣхъ рабочихъ городá Тріеста. Не смотря на разноплеменность своего состава (нѣмцы, итальянцы, славяне), всѣ рабочіе Тріеста рѣшили поддержать стачечниковъ всеобщей стачкой. 8 февраля 10,000 рабочихъ во всѣхъ отрасляхъ производства прекратили работу.

Всеобщая стачка вынудила общество Лойда отказаться отъ своей высокомѣрной тактики. Оно согласилось представить свой споръ съ рабочими третейскому суду. Казалось бы, дѣло должно было направиться къ мирному разрѣшенію. Но не тутъ-то было.

Тамъ, гдѣ данная группа капиталистовъ пассуетъ передъ организованнымъ сопротивленіемъ рабочихъ, на помощь ей прибѣгаетъ организованная сила всей буржуазіи, всѣхъ имущихъ классовъ. Этой организованной силой является государственная власть съ ея пушками и штыками, съ ея судьями, полицейскими и палачами.

Намѣстникъ Тріестской провинціи, графъ Гессъ, одинъ изъ представителей той кичливой аристократіи, которая не прочь пококетничать съ рабочимъ классомъ изъ зависти къ растущему могуществу денежныхъ тузовъ, но въ то же время, занимая выдающіяся мѣста по управленію государствомъ, при случаѣ оказывается вѣрнымъ лакеемъ этихъ самыхъ рыцарей капитала, — этотъ графъ Гессъ почувствовалъ необходимость „спасать отечество". Стачечники толпами ходили по улицамъ Тріеста, выражая свое негодованіе противъ пароходной компаніи, но не производя никакихъ нарушеній порядка. Графъ Гессъ немедленно послалъ значительную военную силу, чтобы „разсѣивать скопища". 14 февраля шумная толпа рабочихъ натолкнулась на отрядъ солдатъ. На отказъ рабочихъ разойтись, войско отвѣчаетъ, ударивъ въ штыки. Рабочіе обороняются камнями, и одинъ изъ нихъ ранитъ командира въ голову. Раздается приказъ „пли!", и солдаты стрѣляютъ. На мѣстѣ убито 5 чел.; масса раненныхъ. Въ то же время въ другомъ концѣ города солдаты убиваютъ еще двоихъ. Изъ многочисленныхъ раненныхъ за ночь умираютъ четверо. Всѣхъ этихъ жертвъ оказалось мало „охранителямъ порядка".

Убійство безоружныхъ рабочихъ возмутило все населеніе города. Въ знакъ своей печали, оно убрало дома черными флагами. Неудовлетворенныя вчерашними убійствами, власти еще „задираютъ" рабочихъ, отдавъ приказъ сорвать эти флаги. По этому поводу, конечно, произошли новыя столкновенія солдатъ съ рабочими, снова усовершенствованныя ружья стрѣляли въ толпу, снова четверо пало убитыми. Изъ общей массы убитыхъ—одинъ мальчикъ, одна дѣвочка и нѣсколько женщинъ. На сторонѣ „побѣдителей" — ранено нѣсколько солдатъ и уже послѣ третьей бойни на улицѣ убитъ выстрѣломъ полицейскій. Неизвѣстный убійца скрылся. Этого убійства было достаточно, чтобы правительство ввело осадное, а затѣмъ и военное положеніе, отмѣняя, такимъ образомъ, на время всѣ права, которыя даны австрійскимъ гражданамъ конституціей, и угрожая

„преступникамъ“ смертной казнью. Безсмысленная и ненужная бойня возмутила даже мѣстную буржуазную публику. Городская дума города Тріеста постановила похоронить всѣхъ убитыхъ на счетъ города и обезпечить осиротѣлыя семьи. Къ этому времени третейскій судъ, разобравшій споръ рабочихъ съ пароходной компаніей, вынесъ приговоръ, признававшій требованія стачечниковъ справедливыми. Компанія должна была подчиниться приговору и уступить рабочимъ. Очевидно, и всеобщей стачки и кровавыхъ столкновеній съ войсками можно было бы избѣгнуть, если бы компанія съ самаго начала приняла предложеніе о третейскомъ судѣ.

Стачка прекратилась, а правительство стало готовиться къ другой битвѣ — къ отвѣту соціалистическимъ депутатамъ въ парламентѣ. Пользуясь провозглашеннымъ въ Тріестѣ осаднымъ положеніемъ, стали арестовывать разныхъ „зачинщиковъ“ и подъ шумокъ пускали въ газеты слухи о томъ, что все, что случилось, — дѣло рукъ анархистовъ. Едва-ли кто-нибудь вѣритъ въ серьезъ этой побасенкѣ и считаетъ поведеніе тріестскихъ властей законнымъ, но, тѣмъ не менѣе, буржуазное лицемѣріе радостно схватилось за этотъ поводъ, чтобы уклониться отъ обязанности наказать дѣйствительныхъ „зачинщиковъ“ — графа Гесса и его помощниковъ.

Въ засѣданіи парламента соціалистическіе депутаты рѣзко нападали на гнусное поведеніе властей и требовали отъ правительства отчета въ пролитой имъ крови. Они требовали отмѣны военнаго положенія и смѣщенія графа Гесса. Послѣ объясненій министра Кербера, свалившаго всю вину на анархистовъ, буржуазныя партіи поспѣшили похоронить дѣло въ коммиссіи, отвергнувъ требованіе соціалистовъ.

Этого и надо было ожидать. Имущіе классы въ сколько-нибудь свободныхъ странахъ только и могутъ надѣяться продлить свое господство, по скольку имъ обезпечена помощь государственной власти противъ растущаго рабочаго движенія. Поэтому, буржуазныя партіи не могутъ рѣшиться на такой шагъ (какъ бы онѣ сами ни признавали его справедливымъ), который можетъ подорвать уваженіе къ государственной власти въ темныхъ народныхъ массахъ; онѣ вынуждены освящать всякое преступленіе солдатчины и полиціи, лишь бы не сыграть въ руку соціализму. Классовый интересъ всегда торжествуетъ надъ чувствомъ справедливости.

„Но какая же польза для австрійскихъ рабочихъ отъ конституціи, отъ политической свободы, если такая бойня, какъ Тріестская, не только возможна, но и должна остаться безнаказанной?“ спроситъ, быть можетъ, читатель.

Политическая свобода, отвѣчаемъ мы, не уничтожаетъ классоваго характера современнаго государства, но она даетъ пролетаріату возможность разоблачать этотъ классовый характеръ. Она не позволяетъ затушить самый разговоръ о происшедшей бойнѣ какими-нибудь „временными правилами“ и тѣмъ самымъ ослабить вліяніе происшедшихъ событій на развитіе сознанія пролетаріата. Благодаря политической свободѣ, расправа, произведенная надъ рабочими въ Тріестѣ, не только не внесетъ въ ихъ ряды уныніе и разочарованіе, но непремѣнно послужитъ могучимъ толчкомъ развитію классового самосознанія всего австрійскаго пролетаріата. Политическая агитація, свободно ведущаяся въ собраніяхъ, въ печати и въ парламентѣ, воспользуется этимъ проявленіемъ классового гнета, чтобы закрѣпить въ рабочихъ массахъ сознаніе необходимости устраненія всякаго классового господства.

При раздѣленіи общества на классы, всякія мечты о „мирномъ прогрессѣ“ являются „безсмысленными мечтаніями“. Политическая свобода никогда не въ состояніи оградить рабочій классъ отъ жестокости современнаго строя и его представителей. Но политическая свобода можетъ помочь тому, чтобы „ни одна капля человѣческой крови не пропала даромъ“, чтобы происшествія, подобныя Тріестскимъ, не прошли безслѣдно для дѣла развитія пролетаріата.

Австрійскіе рабочіе давно уже отказались отъ анархистскихъ предразсудковъ относительно политической свободы и дѣятельно ведутъ борьбу за завоеваніе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Приводимъ полностью прокламацію, зовущую къ демонстраціи 19 февраля и изданную (печатно) нашей организаціей:

Товарищи-рабочіе!

Снова широкой волной разливается по Русской землѣ движеніе протеста противъ царскаго правительства; снова тысячи и десятки тысячъ рабочихъ, студентовъ, городского простонародья, наконецъ, просто образованнаго и зажиточнаго общества идутъ на улицу, не боясь ни казацкихъ нагаекъ, ни полицейскихъ шашекъ и дубинъ, ни даже солдатскихъ пуль и штыковъ, чтобы заявить во всеуслышаніе о своей глубокой враждѣ ко всему существующему строю, о своей непримиримой ненависти къ царству произвола, кнута и нагайки. Нѣтъ больше силъ таить про себя эту горячую ненависть, эту накипѣвшую вражду. Десятки лѣтъ она тихо разгоралась въ насъ, наполняя наши сердца тайнымъ огнемъ, и наконецъ вылилась широкимъ огненнымъ потокомъ, ярко освѣтившимъ темное царство произвола и насилія. И широкія народныя массы впервые почувствовали себя свободными людьми, открыто заявляющими свою волю, свои желанія. Но это — свобода лишь на минуту: стоны и муки избиваемыхъ, окровавленныя лица, дикій топотъ копытъ надъ нашими тѣлами слишкомъ скоро напоминаютъ намъ о торжествѣ насилія надъ правдой. Не смириться-ли намъ передъ этимъ торжествующимъ насиліемъ? Проклятіе и вѣчное презрѣніе тому, кто не найдетъ въ своемъ заячьемъ сердцѣ другого отвѣта! Смириться, передъ кѣмъ-же? Передъ правительствомъ, которое на всѣ народныя нужды, на всѣ стоны милліоновъ голодающихъ имѣетъ только одинъ отвѣтъ: кнутъ да тюремные застѣнки! Въ годину кризиса, въ годину промышленнаго застоя, когда сотни тысячъ промышленныхъ рабочихъ безжалостно выброшены на улицу безъ куска хлѣба, безъ пріюта и пристанища, оно заботится только объ одномъ: чтобы удалить съ глазъ этотъ опасный для него элементъ, запрятать его подальше въ глушь деревень. Что ему до того, что въ обнищалой деревнѣ высланный рабочій найдетъ еще худшія страданія, еще горшій голодъ? За то оно будетъ спокойнѣе за себя, за свое собственное господство; за то будетъ спокоенъ за свою собственность господинъ капиталъ, этотъ другъ и опора самодержавія. Оно нашло десятки милліоновъ для поддержки зарвавшихся капиталистовъ, для спасанія проигравшихся биржевиковъ; не нашло лишь ни копѣйки для того, чтобы помочь промышленнымъ рабочимъ пережить тяжелое время. Въ годъ народнаго голода, когда по свѣдѣніямъ самого правительства изъ 79 губ. и областей Россіи въ шестидесяти крестьяне переживаютъ тяжелое испытаніе, когда они принуждены сбывать за безцѣнокъ „самый необходимый въ хозяйствѣ скотъ“, „чуть-ли не послѣднюю лошадь“, а въ 29 губ. прямо голодаютъ и мрутъ, оно объявило борьбу не съ голодомъ, а съ голодающими. Оно вырвало дѣло народнаго продовольствія изъ рукъ земства, которое дѣлало съ своей стороны все, что могло, для уменьшенія нужды, и теперь занято лишь однимъ — чтобы уменьшить до крайности ссуду голодающимъ и не допустить до голодныхъ ртовъ кусокъ хлѣба, который ему хотятъ подать люди, сочувствующіе народной нуждѣ. Оно боится, что среди людей, готовыхъ отдать свои силы дѣлу помощи голодающимъ, найдутся такіе, которые пожелаютъ открыть глаза крестьянину на истинныя причины его страданій, указать ему, кто его истинный врагъ, и поэтому допускаетъ помощь голодающимъ только черезъ полковниковъ и генераловъ своего Краснаго Креста. Удивительно-ли, что Красный Крестъ, къ которому никто не питаетъ довѣрія, могъ собрать на помощь голодающимъ 29 губ. лишь 317 тыс. руб., т. е. по копѣйкѣ на голодную душу?.. На все, на все у него одинъ отвѣтъ: насиліе. „Тащить и не пущать“ — вотъ его девизъ. Оно подвергаетъ жестокимъ гоненіямъ десятки милліоновъ русскихъ крестьянъ-сектантовъ за то только, что по своему понимаютъ они простыя слова евангельскихъ истинъ, что они ищутъ своей правды и признаютъ за ложь то, что выдаютъ за правду продажные православные попы; за то, что не хотятъ они видѣть въ этихъ попахъ представителей Христа на землѣ и за ними слѣпо слѣдовать. Оно гонитъ и травитъ десятки милліоновъ русскихъ гражданъ другихъ вѣръ и національностей — поляковъ, финляндцевъ, евреевъ, грузинъ и т. д. и лишаетъ ихъ даже тѣхъ жалкихъ правъ, которыми пользуется всякій русскій рабъ-вѣрноподданный, права говорить и учиться на своемъ родномъ языкѣ, даже права жить тамъ, гдѣ можно найти заработокъ, даже права работать въ казенныхъ мастерскихъ и заводахъ. Нужно-ли еще перечислять всѣ преступленія и звѣрства русскаго правительства? Нужно-ли говорить о годахъ тюремнаго заключенія, о ссылкѣ въ далекую Сибирь всѣхъ, кто осмѣливается заговорить о народной нуждѣ, кто пытается пробудить въ народѣ сознаніе его попранныхъ правъ? Нужно-ли говорить о подавленіи военной силой всякой стачки рабочихъ, всякой попытки помочь себѣ и своимъ товарищамъ своими собственными усиліями? Все это слишкомъ хорошо намъ знакомо; вспомнимъ хотя-бы о дикой расправѣ правительства съ рабочими Обуховскаго завода, о десяткахъ раненныхъ, о трупахъ нашихъ борцовъ, усѣявшихъ поле битвы съ царскими баши-бузуками, о десяткахъ мучениковъ, отправленныхъ на каторгу послѣ пустой комедіи суда.

Товарищи! Этотъ гнетъ давитъ не только насъ, но и всю Россію. И вотъ всѣ, въ комъ есть еще искра живая, въ комъ вѣка рабства не могли совсѣмъ заглушить голоса свободы, вступаютъ въ открытую борьбу съ правительствомъ. Послѣ жестокаго избіенія демонстрантовъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ въ мартѣ-апрѣлѣ 1901 г., казалось, все должно было заглохнуть. Но не прошло и года, какъ движеніе проявилось съ новой силой. Въ Харьковѣ правительство цѣлую недѣлю (27 ноября—3 декабря) не могло справиться съ многотысячной толпой рабочихъ, студентовъ и просто городского люда, не могло помѣшать ей двигаться по улицамъ съ красными знаменами, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Происходятъ небольшія демонстраціи въ Кишиневѣ, въ Москвѣ, въ Ниж.-Новгородѣ, въ Ригѣ. Правительство заволновалось: въ лицѣ Екатеринославскаго губернатора фон-Келлера оно объявило, что не остановится передъ самыми крайними мѣрами для предотвращенія демонстраціи, которая готовилась 16 декабря. Въ этихъ словахъ была угроза стрѣлять по демонстрантамъ; но и это не помогло, и улицы Екатеринослава впервые увидѣли открытыхъ борцовъ за политическую свободу, впервые огласились революціонными криками. Не смотря на пораженія, которыя наноситъ правительство народу, истиннымъ побѣдителемъ изъ уличной борьбы выходитъ не оно, а народъ. И правительство хорошо сознаетъ это, сознаетъ, что не задавить ему уже народныхъ требованій въ потокахъ крови. Тамъ, гдѣ народъ выросъ, гдѣ онъ сознал свои права, одной силы кулака уже мало. И оно пробуетъ взять хитростью. Убѣдившись, что студенты стойко стоятъ за свои требованія — свободы ученія въ университетѣ и свободы внутренней университетской жизни, — что солдатчина и нагайки не только не усмирили ихъ, а только подвинули ихъ къ революціонной борьбѣ, правительство съ неслыханной для него быстротой принимается за „реформы“. Оно обѣщаетъ ввести новый уставъ въ университеты; оно разрѣшаетъ студентамъ союзы, сходки, кружки, библіотеки и пр., но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на всѣхъ этихъ собраніяхъ и во всѣхъ студенческихъ союзахъ участвовалъ въ качествѣ предсѣдателя его чиновникъ; вопросы на нихъ могутъ подниматься только тѣ, которые одобрены этимъ чиновникомъ, и онъ можетъ во всякую минуту распустить сходку или союзъ. Ясно, что отъ такой „свободы“ студенты не только ничего не выиграютъ, но еще теряютъ ту свободу сходокъ и союзовъ, которую они завоевали уже своей смѣлостью: вѣдь студенты и раньше устраивали сходки и союзы, не спрашиваясь правительства. Конечно, такая „свобода“ не прельститъ студентовъ; они уже поняли теперь, что настоящая академическая свобода нераздѣльна съ свободой всего народа, съ политической свободой, и потому ихъ борьба, ихъ дѣло стало и нашимъ дѣломъ.

Товарищи-рабочіе! Разъясняйте это всѣмъ и каждому и будьте готовы во всякую минуту поддержать студентовъ въ ихъ борьбѣ за свободу!

Ту-же хитрость правительство пустило и по отношенію къ намъ, рабочимъ. Убѣдившись въ безсиліи кнута подавить рабочее движеніе, пустившее уже глубокіе корни въ странѣ, оно рѣшило поманить насъ сладкими рѣчами. Въ Москвѣ, въ Минскѣ, Перми и др. городахъ оно разрѣшаетъ рабочія собранія. На нихъ оно старается всѣми силами убѣдить насъ, что оно — нашъ другъ, что оно все для насъ сдѣлаетъ, лишь-бы мы отказались отъ требованія политической свободы. Но позволяетъ-ли оно говорить на этихъ собраніяхъ о борьбѣ съ капиталомъ, объ устройствѣ стачечныхъ кассъ, этихъ важныхъ орудій въ рукахъ рабочихъ для завоеванія лучшей доли? О, конечно, нѣтъ: вѣдь это — политика! Позволяетъ-ли оно устраивать кружки самообразованія, рабочіе клубы? О да, идите въ чайныя общества трезвости, тамъ вы въ обществѣ оборванцевъ, чуждыхъ сознанія своего человѣческаго достоинства, найдете — полныя лжи и грязи газеты „Свѣтъ“, „Московскія Вѣдомости“, „Новое Время“ да въ приправу — грубое обращеніе завѣдующихъ. За то вы можете свободно устраивать потребительныя лавочки, копилки да... хоры для пѣнія: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, и еще... что-же еще? — да больше ничего! Товарищи! Вотъ за какія блага разные измѣнники рабочаго дѣла вродѣ Афанасьева, Красицкаго и др. предлагаютъ вамъ отказаться отъ борьбы за соціализмъ и политическую свободу! Нѣтъ, эти Афанасьевы —, не наши братья; они — наши худшіе враги, ибо помогаютъ правительству дурачить рабочихъ, водить ихъ за носъ; имъ мѣсто — въ охранномъ отдѣленіи, съ которымъ они уже близко знакомы, или въ рядахъ мелкихъ хозяйчиковъ. Мы найдемъ себѣ другихъ вождей, которыхъ не испугаетъ кнутъ и не прельститъ Зубатовскій пряникъ. Товарищи! намъ предстоитъ еще длинный путь борьбы; не разъ еще правительство будетъ переходить отъ строгости къ сладкимъ рѣчамъ; оно будетъ сильнѣе стегать насъ кнутомъ, а когда это не поможетъ, оно будетъ прельщать насъ все новыми и новыми пряниками. Запомнимъ-же урокъ, который оно дало намъ сейчасъ; поклянемся, что ни за какія блага въ мірѣ мы не продадимъ нашего права первородства въ разыгравшейся борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Организуйтесь, товарищи, будьте готовы во всякую минуту поддержать всѣхъ борцовъ за политическую свободу! Но не забывайте, что намъ по праву принадлежитъ первое мѣсто въ этой борьбѣ.

Готовьтесь-же, къ общей по всей Россіи демонстраціи въ день 19 февраля.

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ демократическая конституція!

Мѣстная Организація „Искры“.

СПБ. Комитетъ издалъ брошюру „Процессъ Обуховскихъ рабочихъ“. Въ брошюрѣ не мало интересныхъ данныхъ о ходѣ процесса. Вотъ что, между прочимъ, говорится объ обвиняемыхъ:

„По разсказамъ очевидцевъ рабочіе поражали своимъ спокойствіемъ, бодростью и выдержкой... Глубокое, потрясающее впечатлѣніе производила Марфа Яковлева, съ своимъ мыслящимъ сильнымъ лбомъ и сосредоточеннымъ, горящимъ взглядомъ. Это та героическая натура, тотъ фанатическій, мощный типъ революціонерки, который такъ знакомъ Россіи. Ея интеллигентная рѣчь удивляла и волновала. Не вѣрилось, чтобы въ нечеловѣческой обстановкѣ, въ которой приходится жить русскому рабочему, люди успѣвали, вопреки всѣмъ препятствіямъ, достигать такого развитія... Марфа Яковлева единственная, которая признала себя виновной. Она заявила и на предварительномъ слѣдствіи, и передъ судомъ, что послѣ залповъ, сдѣланныхъ полиціей въ упоръ по толпѣ рабочихъ, она подавала рабочимъ камни, которыми они изъ-за заборовъ сыпали на нападающихъ изъ дома картонной фабрики“.

Къ этому разсказу авторъ брошюры прибавляетъ слѣдующую „философію“:

„Яковлева повиновалась своей прямолинейной, честной натурѣ. Ея сознаніе — такое душевное движеніе, которое легко понять и можно только уважать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что сознаніе въ своемъ поступкѣ въ рабочихъ процессахъ неправильная тактика. Весь этотъ вицъ-мундирный судебный сбродъ не стоитъ искренности такихъ людей, какъ Марфа Яковлева... Единственнымъ моральнымъ принципомъ здѣсь должны быть интересы общаго дѣла. Въ неравной борьбѣ защиты обвиняемыхъ съ судомъ должны быть употреблены всѣ средства, чтобы соблюсти какъ можно больше людей и вернуть рабочему классу наиболѣе значительныхъ его членовъ“. „Рабочій процессъ — схватка, и стратегія его та же, что и всего великаго боя: дѣлать то, что цѣлесообразно и практично и не поддаваться обманчивому чувству“.

Все это звучитъ чрезвычайно трезвенно, но вовсе не умно. Не представляется-ли вамъ, читатель, что мы снова присутствуемъ при томъ прискорбномъ зрѣлищѣ, когда интеллигентъ изъ всѣхъ силъ старается задержать революціонное развитіе того самаго пролетаріата, въ дружбѣ къ которому онъ распинается? Намъ представляется, что именно такъ обстоитъ здѣсь дѣло, и что тактика Марфы Яковлевой была безконечно выше, шире, революціоннѣе и цѣлесообразнѣе той тактики, во имя которой нашъ авторъ такъ снисходительно журитъ смѣлую дѣвушку.

Прежде всего, что это за особая тактика для „рабочихъ процессовъ“? Рѣчь должна идти о поведеніи соціалиста вообще въ политическомъ процессѣ или въ такомъ процессѣ, который принялъ политическое значеніе. Попробуемъ же примѣнить точку зрѣнія нашего автора къ такимъ процессамъ въ прошломъ, и мы найдемъ, что въ поведеніи Желябова и Перовской, а въ недавнее время П. Карповича и Езіоровскаго (дѣло объ убійствѣ шпіона въ варшавскомъ военномъ судѣ 1900 г.) проявилась неправильная тактика, что ихъ признаніе передъ судомъ было только прекраснымъ „душевнымъ движеніемъ“, которое слѣдуетъ „понять и уважать“, но не мѣшаетъ осудить, какъ нецелѣсообразное. А мы-то до сихъ думали, что поведеніе Желябова или Перовской на судѣ является логическимъ продолженіемъ ихъ политической дѣятельности на волѣ, является послѣднимъ служеніемъ дѣлу. Поведеніе соціалиста на судѣ можетъ служить новой демонстраціей, и по истинѣ „куцой“ приходится признать ту точку зрѣнія, которая игнорируетъ такое значеніе тактики, принятой М. Яковлевой. Да и какъ не замѣчаетъ самъ авторъ, что одно сообщеніе въ его брошюрѣ о геройскомъ поведеніи М. Яковлевой будетъ имѣть большое агитаціонное значеніе, и это не смотря на то, что это сообщеніе сдобрено вышеприведенными образцами мѣщанской „практичности“. Нельзя требовать отъ всѣхъ жертвъ царскаго „правосудія“, чтобы они обращали скамью подсудимыхъ въ поле для новой идейной битвы съ врагомъ. Но если среди этихъ жертвъ находится личность, способная на такую роль, то требовать отъ нея, чтобы она поступала „какъ всѣ“, болѣе, чѣмъ странно. Та самая тактика, которая въ тайномъ жандармскомъ слѣдствіи была бы простымъ донкихотствомъ, въ условіяхъ какого бы то ни было судебнаго процесса можетъ пріобрѣсти крупное политическое значеніе.

Другими словами: 18-лѣтняя Марфа Яковлева своимъ поведеніемъ на судѣ оказала рабочему движенію большую услугу, а нашъ „интеллигентъ“, усмотрѣвшій въ этомъ поведеніи только красивое „душевное движеніе“, проявилъ изрядную близорукость, которая только компрометируетъ насъ, соціалдемократовъ, въ глазахъ постороннихъ.

Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что СПБ. Комитетъ въ особомъ примѣчаніи оставляетъ за собой право высказаться впослѣдствіи по поднятому авторомъ вопросу, отказываясь, тѣмъ самымъ, отъ солидарности съ странными взглядами автора брошюры.

Л. Г. Дейчъ проситъ насъ передать его благодарность всѣмъ тѣмъ, кто послалъ ему привѣтствія по поводу удачнаго побѣга.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

„Клэру“. Дайте поскорѣе еще одинъ адресъ. Кажется, не всѣ письма получаете. Ваши получены. Большое спасибо.

„Л. Л.“ Дайте новый адресъ.

Представителями „Искры“ получено: отъ Харьк. Ком. 45 р., въ Харьковѣ чер. АВС отъ читателей и за литературу 71 р., черезъ Наталку за ноябрь-январь: 200 р. отъ путешественника, черезъ 3-го отъ П. С. 48 р., отъ 3-го и 6-го 57 р., отъ архаровца 10 р. и 30 р.; отъ Елены получено Наташей 25 р., отъ инженера черезъ Наташу 140 р., въ СПБ. отъ своихъ 105 р., отъ подписчиковъ 30 р., издалека 150 р., (отъ В. И. 50 р., отъ Б. изъ Н. 25 р., отъ Я. М. 25 р., изъ Н. чер. Г. 33 р., отъ Ф. 10 р., отъ А. П. 5 р., отъ С. 2 р.), къ Москвѣ 9 р. отъ Е. Я., 15 р. отъ Л. В. и 25 р. изъ кассы „издалека“; отъ П. С. изъ Б. 50 р.

„Въ кассу группы друзей-читателей въ пользу „Искры“ поступило съ весны прошлаго года по февраль 1902 г. 195 руб., въ томъ числѣ 50 р., пожертвованныя Шамино“.

„Получено изъ М. и употреблено по назначенію 855 фр.“

Отъ М. У. 200 марокъ. Изъ М—а за лит. 11,75 мар.

Отъ Вяч. 50 р. на спец. цѣль. Черезъ Г. В. Плеханова отъ Х 500 р. на специальную цѣль.

Изъ Брюсселя 27 фр.; изъ Дармштадта: въ пользу обуховцевъ 16 мар., въ пользу Лиги 91,05 мар.

Въ кассу редакціи поступило за февраль 824 р., остальное истрачено на мѣстныя и организаціонныя нужды.

Въ тип. „Лиги революціонной русской соціалдемократіи“ вышло: 1) А. Б. Обуховская оборона. 2) Очерки изъ исторіи французской революціи: а) Взятіе Бастиліи; б) Національное собраніе и ночь 4 августа. 3) Лассаль. Программа работниковъ (2 изд.). 4) Письмо къ товарищамъ-пропагандистамъ, съ пред. Л. Мартова.

Въ тип. „Искры“: Изъ тифлисскаго рабочаго движенія (разсказъ рабочаго), съ предисловіемъ Л. М.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 18 10-го МАРТА 1902 ГОДА. № 18

СЛАВЯНЕ И РЕВОЛЮЦІЯ*).

Со времени революціонной борьбы мартовскихъ дней прошло немногимъ болѣе полустолѣтія. Небольшой это промежутокъ въ жизни общества, — а между тѣмъ цѣлый міръ отдѣляетъ насъ отъ той эпохи. Могучій переворотъ, совершившійся съ тѣхъ поръ, иллюстрируется всего рельефнѣе, можетъ быть, отношеніемъ славянъ къ революціи.

Въ 1848 г. славяне, за очень немногими исключеніями, составляли еще „одну реакціонную массу“. Если оставить въ сторонѣ мелкую шляхту и интеллигенцію Польши, то можно сказать, что одна часть славянъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣла на великую борьбу за свободу народовъ, а другая — бросилась въ эту борьбу, чтобы нанести пораженіе дѣлу свободы. И славяне достигли этого съ слишкомъ большимъ успѣхомъ. Судьба революціи была уже рѣшена въ Парижѣ во время іюньскихъ дней. Но если революція въ Германіи и Венгріи была до такой степени разбита на голову и уничтожена, если абсолютизмъ въ Австріи съумѣлъ такъ полно возстановить свое господство, то виною тому было вмѣшательство чеховъ, кроатовъ и русскихъ войскъ. Паденіе Вѣны въ октябрьскіе дни 1848 г. и капитуляція венгерской арміи передъ русскимъ генераломъ Паскевичемъ при Вилагосѣ (13 августа 1849 г.) означала для революціи на Востокѣ такое же рѣшительное пораженіе, какъ іюньская бойня на Западѣ.

Неудивительно, что германскихъ революціонеровъ, какъ бы сильно ни было въ нихъ сознаніе международной солидарности, охватывала своего рода ярая ненависть къ австрійскимъ славянамъ, что они начали смотрѣть на нихъ, какъ на выродковъ среди народовъ; революція — казалось имъ — должна перешагнуть черезъ этихъ выродковъ. Славяне казались націями рабовъ, народами, рожденными для прозябанія въ рабствѣ.

Однако причина антиреволюціоннаго поведенія славянъ лежала не въ таинственной предрасположенности къ рабству, а въ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ они жили. За исключеніемъ чеховъ, это были чисто крестьянскіе народы, совершенно неспособные понять политическія и соціальныя потребности буржуазнаго общества. Въ Богеміи, правда, имѣлась уже на лицо развитая городская жизнь и капиталистическая крупная промышленность, но чешскій народъ состоялъ изъ крестьянъ, мѣщанъ да пролетаріевъ, не имѣвшихъ классового самосознанія и по всему кругу идей своихъ шедшихъ въ хвостѣ мѣщанства. Правда, въ 1848 г. мелкая буржуазія была еще революціоннымъ классомъ, но уже въ то время она повсюду оказывалась ненадежной. Полубуржуа, полупролетарій, мелкій буржуа чувствуетъ себя то тѣмъ, то другимъ., кидается то въ революцію, то въ реакцію, впадаетъ то въ революціонную ярость, то въ униженную покорность, не имѣя никакихъ прочныхъ устоевъ. Такъ же вело себя и чешское мелкое мѣщанство, обнаружившее сначала свою революціонную, а потомъ свою реакціонную сторону, возставшее въ іюлѣ противъ Виндишгрэца, который за это бомбардировалъ Прагу, а въ октябрѣ выражавшее свое сочувствіе этому же самому Виндишгрецу, когда онъ шелъ противъ ненавистной Вѣны.

Конечно, кромѣ ненадежности мелкой буржуазіи, такой исходъ зависѣлъ еще и отъ національнаго антагонизма. Для чешскаго крестьянина, мѣщанина, пролетарія нѣмецъ былъ врагомъ, эксплуататоромъ и угнетателемъ. Нѣмецкимъ былъ въ Богеміи не только капиталъ, нѣмецкими были и верхніе слои бюрократіи, духовенства, арміи, большая часть дворянства. Между тѣмъ въ Богеміи революція явилась нѣмецкимъ продуктомъ, носителями ея были нѣмцы, и цѣлью ея было объединеніе и укрѣпленіе нѣмецкой націи! Не удивительно, что послѣ короткаго періода революціоннаго опьяненія чешскій народъ бросился въ объятія контръ-революціи.

Какъ измѣнилось все это теперь! Съ 1848 года капитализмъ проложилъ себѣ путь въ Германію, проложилъ путь и къ славянамъ. Онъ уже вполнѣ подчинилъ себѣ значительную часть славянскаго міра и быстро шествуетъ впередъ не только въ Германіи и Польшѣ, но и въ Россіи, и у словеновъ, кроатовъ и сербовъ. Повсюду создаетъ онъ пролетаріевъ, порождаетъ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ, антагонизмъ, изъ котораго рано или поздно выростаетъ пролетарское классовое сознаніе и самостоятельная пролетарская политика. А эта послѣдняя необходимо является революціонной политикой.

Т. о. давно уже миновало то время, когда славяне считались олицетвореніемъ рабской покорности: они встали въ ряды народовъ, обладающихъ революціонными классами; и въ ихъ нѣдрахъ ведется нынѣ великая культурная борьба за освобожденіе рабочаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣчества.

Но это еще не все; указанное нами преобразованіе славянства признано всѣми уже давно, почти четверть вѣка тому назадъ. Въ настоящее же время можно думать, что не только славяне вступили въ ряды революціонныхъ народовъ, но что и центръ тяжести революціонной мысли и революціоннаго дѣла все болѣе и болѣе передвигается къ славянамъ.

Революціонный центръ передвигается съ запада на востокъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка онъ лежалъ во Франціи, временами въ Англіи. Въ 1848 г. и Германія вступила въ ряды революціонныхъ націй, тогда какъ Англія на ближайшее будущее вышла изъ ряда ихъ. Съ 1870 г. у буржуазіи всѣхъ странъ начинаютъ исчезать послѣдніе остатки ея революціонныхъ стремленій. Быть революціонеромъ и быть соціалистомъ — съ этихъ поръ становится равнозначущимъ. Какъ разъ въ эту эпоху событія, послѣдовавшія за франко-прусской войной, перенесли центръ тяжести соціализма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революціоннаго движенія въ Европѣ, изъ Франціи въ Германію.

Новое столѣтіе начинается такими событіями, которыя наводятъ на мысль, что мы идемъ на встрѣчу дальнѣйшему передвиженію революціоннаго центра, именно передвиженію его въ Россію.

Уже однажды, въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ, геройская борьба русскихъ революціонеровъ повергла въ изумленіе всю Европу и оказала самое глубокое вліяніе на соціалистическое движеніе всѣхъ культурныхъ странъ. Наряду съ возстаніемъ и геройскою смертью парижской коммуны, наряду со сказочнымъ ростомъ германской соціалдемократіи въ ея борьбѣ противъ „великаго“ Бисмарка, ничто не повліяло такъ плодотворно на соціалистическое движеніе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, ничто не придало ему столько воодушевленія и самоотверженности, какъ отчаянная борьба, которую безстрашно и подчасъ съ величайшимъ успѣхомъ вела горсть русскихъ революціонеровъ противъ страшной силы самодержавія.

Эта отчаянная борьба завершилась въ концѣ концовъ истощеніемъ борцовъ, за которыми не стояло еще революціоннаго класса.

Но съ тѣхъ поръ выросло въ русскомъ народѣ новое поколѣніе героевъ, и теперь они уже не одиноки. И въ царской имперіи ростетъ могучій пролетаріатъ, который самъ рождаетъ героевъ и даетъ опору героямъ-революціонерамъ изъ другихъ слоевъ народа, опору, которой они до сихъ поръ были лишены. Такимъ образомъ мы идемъ на встрѣчу новой эпохѣ революціонной борьбы въ Россіи, — борьбы, которая разыгрывается на болѣе широкой основѣ, чѣмъ четверть вѣка тому назадъ, но по ожесточенію борцовъ, по звѣрской жестокости и низости угнетателей, по героизму и беззавѣтной самоотверженности революціонеровъ ни въ чемъ не уступитъ борьбѣ прежнихъ періодовъ русскаго движенія.

Но мы присутствуемъ при началѣ не только физической борьбы силы противъ силы въ Россіи. Нѣтъ; рука объ руку съ революціей кулаковъ идетъ революціонизированіе головъ. Пробуждающіеся слои народа охватываетъ горячая жажда знанія, стремленіе уяснить себѣ свои историческія задачи и тѣмъ самымъ подойти къ рѣшенію самыхъ сложныхъ и смѣлыхъ проблемъ, возвыситься надъ мелочностью повседневной борьбы, окинуть взоромъ великія историческія цѣли, которымъ эта борьба служитъ.

И отъ этого подъема умовъ мы можемъ ждать великихъ дѣяній, которыя не останутся безъ вліянія и на Западную Европу. Россія, воспринявшая столько революціонной иниціативы съ Запада, теперь, быть можетъ, сама готова послужить для него источникомъ революціонной энергіи. Разгорающееся русское революціонное движеніе окажется, быть можетъ, самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы вытравить тотъ духъ дряблаго филистерства и трезвеннаго политиканства, который начинаетъ распространяться въ нашихъ рядахъ, и заставить снова вспыхнуть яркимъ пламенемъ жажду борьбы и страстную преданность нашимъ великимъ идеаламъ.

Россія давно уже перестала быть для Западной Европы простымъ оплотомъ реакціи и абсолютизма. Дѣло обстоитъ теперь, пожалуй, какъ разъ наоборотъ. Западная Европа становится оплотомъ реакціи и абсолютизма въ Россіи. Гнилой царскій тронъ трещитъ по всѣмъ швамъ и, быть можетъ, онъ давно уже развалился бы, если бы западно-европейская буржуазія постоянно не скрѣпляла его заново своими милліонами. Въ 1848 г. царь послалъ опору своего могущества въ Европу, чтобы задавить возстаніе европейской буржуазіи; теперь эта самая буржуазія шлетъ опору своего могущества въ Россію, чтобы дать царю силу задавить всѣ свободолюбивыя движенія въ его собственной странѣ. Съ царемъ русскіе революціонеры, быть можетъ, давно уже справились бы, если бы имъ не приходилось одновременно вести борьбу и противъ его союзника, — европейскаго капитала.

Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ имъ удастся справиться съ обоими врагами, и что новый „священный союзъ“ рухнетъ скорѣе, нежели его предшественники. Но, какъ бы ни окончилась теперешняя борьба въ Россіи, кровь и счастье мучениковъ, которыхъ она породитъ, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ достаточно, не пропадутъ даромъ. Они оплодотворятъ всходы соціальнаго переворота во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заставятъ ихъ рости пышнѣе и быстрѣе.

Въ 1848 г. славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ, теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ съ собою новую, счастливую весну для народовъ.

К. Каутскій.

* * *

Многаго ждетъ отъ русской революціонной соціалдемократіи К. Каутскій. Но — кому многое дано, съ того многое и спросится! Стать во главѣ всемірной революціи, быть передовымъ застрѣльщикомъ въ борьбѣ всемірнаго пролетаріата — можетъ-ли быть доля болѣе почетная, болѣе завидная для революціонной пролетарской партіи, проникнутой идеей международнаго характера своей борьбы? Но близоруко было бы думать, что революціонная гегемонія — это только почетная роль, налагающая тяжелыя обязанности, но не дающая никакихъ реальныхъ выгодъ тому, на плечи котораго она ложится. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Если русской соціалдемократіи дѣйствительно удастся отвоевать себѣ роль передового борца за освобожденіе пролетаріата всего міра, то по истинѣ неизмѣрима будетъ та мощь, которую эта гегемонія придастъ нашей собственной борьбѣ за достиженіе нашихъ ближайшихъ, самыхъ насущныхъ задачъ. Потому что стоять во главѣ значитъ пользоваться всею тою силою, которая идетъ позади. Это значитъ, что каждый шагъ нашъ къ побѣдѣ надъ нашими домашними врагами будетъ ощущаться соціалдемократіей всего міра, какъ ея собственное приближеніе къ побѣдѣ надъ ея національными и международными врагами. Это значитъ, что на всѣхъ этапахъ нашей борьбы насъ будетъ поддерживать, поддерживать активно, а не пассивнымъ только сочувствіемъ, грозная сила всемірнаго пролетаріата. Это значитъ, что парламенты, соціалдемократическая пресса всего міра станутъ трибуной, съ которой неумолчно будетъ раздаваться слово обличенія нашихъ варварскихъ порядковъ, нашей азіатской эксплуатаціи, нашего грубаго деспотизма; трибуной, которая съ удесятеренной силою пробудитъ въ сердцахъ нашихъ братьевъ, рабочихъ всего міра, взрывъ сочувствія къ нашей борьбѣ, бурю негодованія и ненависти къ нашимъ врагамъ, которые станутъ и ихъ врагами. Это значитъ, что рабочія организаціи всего міра, ихъ боевыя кассы будутъ поддерживать всякій шагъ нашей борьбы, какъ свою собственную борьбу, и въ критическую минуту придутъ намъ на помощь всею силою своей организованности и своего вліянія, помѣшаютъ своимъ угнетателямъ оказать поддержку нашимъ, потому что наша побѣда будетъ ихъ побѣдою, наше пораженіе ихъ пораженіемъ. И въ такомъ союзѣ, съ такою поддержкою мы будемъ дѣйствительно непобѣдимы!

Но чтобы добиться такой гегемоніи, недостаточно говорить о ней. Революціонныя слова здѣсь менѣе всего имѣютъ значенія. Революціонная мысль и революціонное дѣло — вотъ области, въ которыхъ русская соціалдемократія дѣйствительно, а не по названію только, должна стать первою, чтобы оказаться на высотѣ той исторической роли, которая ей выпадаетъ. Мы должны выйти изъ узкихъ рамокъ мѣстныхъ, приходскихъ интересовъ, должны окинуть своимъ умственнымъ взоромъ весь широкій кругъ вопросовъ и задачъ, волнующихъ человѣчество, и всюду должны стать хозяевами. Мы должны выдвинуть своихъ теоретиковъ, своихъ публицистовъ, своихъ политическихъ дѣятелей въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мы должны развить революціонную мысль и революціонное дѣло до послѣднихъ предѣловъ и должны объявить непримиримую борьбу всему, что подтачиваетъ нашу революціонность, внося въ нее элементы дряблости, узости, пошлости. Мы должны взять въ свои руки руководство борьбой всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ слоевъ русскаго народа, потому что, какъ можемъ мы мечтать о томъ, чтобы встать во главѣ всемірной революціи, если мы не съумѣемъ встать во главѣ русской? Война всѣмъ фальсификаторамъ революціонной марксистской теоріи въ области мысли, и война всѣмъ фальсификаторамъ революціонной соціалдемократической борьбы въ области дѣла — таковъ долженъ быть нашъ девизъ!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ БЕЗЧИНСТВА ВЪ МОСКВѢ.

Въ газетахъ опубликованъ сбивчиво и явно-лживо написанный приказъ Ванновскаго объ исключеніи 400 слишкомъ студентовъ за „буйство“, а затѣмъ и приказъ оберъ-полицеймейстера о наказаніи арестомъ 250 лицъ за неповиновеніе полиціи. Изъ нижеслѣдующихъ прокламацій читатели увидятъ, какъ происходили дѣла въ Москвѣ:

Приказомъ 14 февраля 1902 г. Ванновскій исключилъ болѣе 400 чел. Московскихъ студентовъ за порочное поведеніе, передавъ ихъ во власть М. В. Д. для соотвѣтственнаго наказанія. Ихъ разсматриваютъ теперь какъ политическихъ преступниковъ, стремившихся вооруженной силой ниспровергнуть существующій строй. Лицъ, чѣмъ нибудь выдѣлившихся изъ общей массы, держатъ въ одиночномъ заключеніи. Остальныхъ, за недостаткомъ мѣста въ тюрьмахъ, раздѣляютъ на нѣсколько категорій, наказаніе имъ намѣчено: ссылка въ Якутскую область и Сѣверо-Восточн. Сибирск. губерніи отъ 2-8 лѣтъ; кромѣ того 247 чел. приговорены къ аресту при московск. полиціи срокомъ до 3-хъ мѣс. за праздное любопытство. Въ чемъ же дѣло? Всякому, прочитавшему приказъ Ванновскаго, ясно, что это наглая и подлая мѣра, но что произошло, все же остается непонятнымъ. Постараемся же, насколько возможно, выяснить. Послѣ изданія Временныхъ Правилъ, отвергнутыхъ не только всѣми группами студентовъ, но даже профессорами, возбужденіе мысли въ Москвѣ стало крайне напряженнымъ, готовилась демонстрація. Съ 30 янв. по 9 февраля каждую ночь производились полиціей массовые обыски, общимъ числомъ больше 1000. Опасаясь быть переловленными на квартирахъ, студенты, оставшіеся на свободѣ, рѣшили не отмѣнять сходки, назначенной на 9-ое февраля еще за мѣсяцъ раньше для обсужденія демонстраціи. Они рѣшились устроить уличную демонстрацію съ участіемъ народа, помня, какъ въ прошломъ году, толпа разбивала двери съ цѣлью освободить студентовъ. Крайніе элементы предлагали явиться съ оружіемъ въ рукахъ. Сходка была назначена на 12 час. Съ утра начали собираться студенты и курсистки разныхъ учебныхъ заведеній. Ворота и двери университета были отперты для всѣхъ. Усиленнаго наряда полиціи не было. Когда набралось болѣе 500 чел., ворота университетск. двора были закрыты; изъ засады выступили войска и полиція, которыя оцѣпили весь университетскій кварталъ и прилегающія къ нему улицы. „Любопытствующую публику“ начали оттѣснять, находящихся же на дворѣ студентовъ стали загонять въ самый университетъ. Актовый залъ оказался открытымъ — тутъ сейчасъ же была устроена сходка. На сходкѣ тотчасъ же образовались 2 партіи (академистовъ и политическихъ). Немногочисленная группа академистовъ пожелала уйти, при выходѣ была избита, частью забрана въ манежъ, частью вернулась назадъ, — отдѣльнымъ лицамъ задними ходами удалось выбраться на волю изъ оцѣпленія. Оставшаяся часть отправилась въ инспекторскую комнату, взломала конторку и уничтожила всѣ тайныя характеристики студентовъ и секретные документы инспекціи. Такъ какъ въ стѣнахъ университета оказалась заранѣе спрятанная военная команда и университетск. зданіе начало наводняться ею, оставшіеся студенты поспѣшили собраться въ актовомъ залѣ, заколотили гвоздями всѣ двери, устроили баррикады изъ мебели, разбили стекла и выкинули красныя знамена съ надписью „свобода“. 7 человѣкъ, спасавшіеся отъ преслѣдованій полиціи, позвонили въ квартиру Чистякова и войдя закрыли за собою двери. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до полуночи. Полиція, боясь вооруженнаго столкновенія, устранила, предварительно, всѣхъ свидѣтелей, очистивъ улицы и увезя въ Бутырки всѣхъ забранныхъ въ манежѣ. Тогда около часу ночи, двери актовой залы взломаны полиціей и введены были солдаты со штыками на перевѣсъ и пожарные съ пылающими факелами. Осажденнымъ предложено было сдаться и дано ½ часа на разсужденіе. Послѣ горячаго обсужденія осажденные въ количествѣ 517 сдались, выкинувъ предварительно черезъ разбитыя стекла бывшія у нихъ прокламаціи и бросивъ въ одну кучу имѣвшееся у нихъ оружіе. Такимъ же образомъ черезъ взломъ двери извлечены были 7 студентовъ, спасавшіеся въ квартирѣ Чистякова. Толпу забранныхъ вывели на улицу, построили въ колонны, окружили конвоемъ вооруженнаго войска и отправили въ Бутырки въ сопровожденіи эскадрона сумскихъ драгунъ. Полиція, боясь, чтобы толпы народа не стали отбивать студентовъ, требовала, что бы драгуны ѣхали рысью. Эскадронный командиръ князь Трубецкой заявилъ, что „для пѣшихъ нѣтъ команды рысью“ и сдѣлалъ 2 роздыха по дорогѣ въ Бутырки. — Въ этомъ году улица не выручила студентовъ; полиція приняла для этого соотвѣтствующія мѣры. Часть фабрикъ была оцѣплена войсками. На многихъ на 9 и 10 февр. была примѣнена новая полицейская мѣра: двойная заработная плата. Общество было уже раньше терроризовано массовыми арестами и обязательными постановленіями. Появлявшіеся близь оцѣпленія толпы терроризовались самымъ произвольнымъ и безсмысленнымъ выхватываніемъ изъ толпы отдѣльныхъ лицъ и сажаніемъ ихъ въ манежъ. Характеръ выхватыванія виденъ отчасти и изъ ниже приведенныхъ примѣровъ: 1) Студентовъ Межеваго Института хватали на всѣхъ улицахъ, ловили всякій зеленый кантъ, — такъ какъ полиція была зла на директора Межеваго Института за недопущеніе обыска въ интернатѣ; 2) Студентъ X, уговаривавшій еще утромъ своихъ товарищей не ходить на сходку, пропалъ къ вечеру. Оказалось, что когда онъ въ 3 часа дня проходилъ мимо манежа, къ нему подскочилъ городовой съ крикомъ: „Куда“? Студентъ отвѣтилъ: „Видите, иду впередъ.“ — „А, разсуждать .... въ манежъ его!“ 3) На Тверской хотѣли пройти два студента съ провизоромъ, ихъ остановила полиція. Оказалось, что они жили въ аптекѣ черезъ дорогу. Стоявшій тутъ приставъ закричалъ: „Теперь всѣ тамъ живутъ!“ Студентовъ забрали въ манежъ, провизора отпустили; 4) Старушка просила пропустить ее въ черту оцѣпленія, такъ какъ тамъ служила прислугой ея дочь — и ее забрали въ манежъ; 5) Мастерового, просившаго дать поглядѣть на эмира бухарскаго; 6) Шелъ мимо манежа студентъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и бѣлыхъ перчаткахъ съ двумя катковскими лицеистами, приставъ приказалъ ихъ взять. Подлетѣвшій городовой отдалъ подъ козырекъ, сказавъ: „Ваше Благородіе, пожалуйте въ манежъ“ — „За что — же?“ — „Тамъ послѣ начальство разберетъ, теперь же пожалуйте въ манежъ“ (лицеистовъ взялъ на поруки директоръ — студентъ еще 12 числа сидѣлъ въ Бутыркахъ); 7) Одинъ господинъ былъ въ магазинѣ Карбасникова, когда ставили оцѣпленіе, когда же вышелъ оттуда, былъ взятъ въ манежъ; 8) Одному гимназисту надо было купить учебникъ, и такъ какъ онъ смиренно отдалъ приставу подъ козырекъ, прося пропустить его для указанной цѣли, то приставъ исполнилъ его просьбу. При выходѣ изъ магазина онъ нечаянно попался на глаза Трепову, который приказалъ забрать въ манежъ: „этого, къ чему то болтающагося гимназистишку“. — Такимъ образомъ, изловили человѣкъ около 300, держали въ манежѣ все время стоя, безъ ѣды, при чемъ полиція позволяла себѣ грубыя издѣвательства, доходя до того, что передъ голодными, стоящими заключенными разставляла столы и пиршествовала. Солдаты же, бывшіе въ манежѣ, по показаніямъ заключенныхъ относились добродушно, нѣкоторые даже сочувственно выражали желаніе „успѣха и счастья студентамъ въ ихъ дѣлѣ“. Въ 11 час. вечера они были посажены, въ заранѣе приготовленныя каретки и въ карьеръ были отвезены въ Бутырки, при крикахъ возмущенія съумѣвшей всетаки собраться толпы. Въ 3 часа ночи изъ освѣщеннаго факелами университета вышли 2 батальона Литовскаго пѣхотнаго полка. На другой день ловъ любопытствующихъ у Университета продолжался. 11 и 12-го по особымъ протекціямъ человѣкъ 30 взятыхъ на улицѣ по ошибкѣ выпущены. Треповъ говорилъ: „чистенько мы обдѣлали дѣльцо“.

---

*) Переводъ съ корректурнаго оттиска.

11-го числа состоялась сходка студентовъ медиковъ 3-хъ старшихъ курсовъ, единодушно постановившихъ забастовать. Подано начальству оффиціально заявленіе о забастовкѣ, занятій въ клиникахъ нѣтъ. Университетъ не закрытъ. Посѣщаютъ лекціи только нѣсколько лицъ, происходятъ мелкія обструкціи. Ректоръ призываетъ отдѣльныхъ „смирныхъ“ студентовъ, запугивая ихъ исключеніемъ, въ случаѣ если они не будутъ посѣщать лекціи. Не смотря на это, большинство приглашаемыхъ отказывается. Назначенная на 14 число организаціоннымъ комитетомъ Союза академиковъ сходка не состоялась вслѣдствіе усиленнаго наряда полиціи. Дѣятельность Исполнительнаго Комитета временно замерла, чтобы хорошенько обдумать, какъ устроить демонстрацію при наличныхъ силахъ студентовъ. 19 февраля генералъ губернаторъ разрѣшилъ рабочимъ, сколько бы ихъ ни оказалось, возложить вѣнокъ на памятникъ Александра II въ Кремлѣ, при чемъ предупредилъ, что будутъ присутствовать войска, какъ такіе-же представители народа. Настроеніе въ Москвѣ крайне напряженное, — въ интеллигентныхъ сферахъ нѣсколько угнетенное. —

Въ листкѣ С. Петербургскихъ Горныхъ студентовъ сообщается о той-же сходкѣ: Москва. Къ 12 час. студенты стали собираться во дворѣ университета, — собралось болѣе 900 чел., кромѣ того явилось до 80-и изъ посторонней публики и 65 курситокъ. Послѣ часу уже никого не впускали и университетъ былъ кругомъ оцѣпленъ полиціей и войсками. Всѣ собравшіеся были скоро впущены въ актовой залъ, гдѣ и открылась сходка. Послѣ продолжительныхъ преній, въ концѣ которыхъ часть „академистовъ“ вышла и расположилась во дворѣ, присутствующими была принята программа политическаго протеста и вынесена слѣдующая резолюція:

„Мы, учащіеся въ высшихъ учебныхъ завед. Москвы на общемъ собраніи 9-го февраля 1902 г., послѣ всесторонняго обсужденія, единогласно постановили: Считая ненормальность существующаго академическаго строя лишь отголоскомъ общаго русскаго безправія, мы откладываемъ навсегда иллюзіи академической борьбы и выставляемъ знамя общеполитическихъ требованій, глубоко убѣжденные, что для правильнаго хода общественной жизни необходимо пересозданіе всего соціальнаго и политическаго строя на началахъ признанія за личностью правъ. Мы увѣрены, что безъ этого русская жизнь не двинется ни на шагъ впередъ, что лучшія силы будутъ періодически вырываться изъ среды общества, что позорное топтаніе на одномъ мѣстѣ не прекратится, мы требуемъ: 1) Неприкосновенности личности, 2) Свободы печати, 3) Свободы совѣсти, 4) Свободы собраній и организацій, 5) Непосредственной отвѣтственности административныхъ лицъ, 6) Общедоступности образованія, 7) Допущенія женщинъ въ университетъ, 8) Уравненія правъ національностей. — Вмѣстѣ съ рабочими мы требуемъ: 9) 8-ми часоваго рабочаго дня и 10) Права стачекъ. Не признавая настоящаго правительства способнымъ къ преобразованію общественнаго строя на этихъ началахъ, мы обращаемся ко всей мыслящей Россіи, считающей себя политически зрѣлой, съ указаніемъ о своевременности созванія „Учредительнаго Собранія“. Общеполитическая программа заставляетъ насъ вынести протестъ на улицу, гдѣ мы вмѣстѣ съ кадрами рабочихъ и общества готовы силой поддерживать наши требованія. Согласно постановленію сходки, настоящая резолюція будетъ представлена Совѣту Министровъ съ подробной мотивировкой“. — Всѣ собравшіеся рѣшили остаться въ Университетѣ до утра съ тѣмъ, чтобы на другой день присоединиться къ предполагавшейся рабочей манифестаціи. Отъ ректора дано было обѣщаніе, что войска внутрь университета допущены не будутъ. Тѣмъ не менѣе въ 3-емъ часу ночи въ университетъ ворвались городовые, жандармы и солдаты съ ружьями и факелами. Были тотчасъ-же пущены въ ходъ нагайки и шашки. Многіе сильно избиты, двое весьма серьезно. Послѣ этого всѣ присутствовавшіе были арестованы и препровождены сначала въ манежъ, а потомъ развезены по тюрьмамъ, — главнымъ образомъ въ Бутырку, куда раньше доставлены были академисты, арестованные во дворѣ университета. Въ Бутырской тюрьмѣ находится въ данный моментъ до 600 студ., арестованныхъ 9-го, около 300 чел. захваченныхъ нѣсколько ранѣе и 100 чел. интеллигенціи. Отъ прокурора имъ было заявлено, что никакого слѣдствія и суда надъ ними производиться не будетъ, а наказанія всѣмъ имъ уже назначены заранѣе. Многіе посажены въ одиночное заключеніе. Режимъ заключенныхъ самый стѣснительный: запрещена передача писемъ, денегъ и провизіи, свиданія никому не разрѣшаются. Университетъ закрытъ по прежнему.“ —

Такимъ образомъ, въ первый разъ собраніе нѣсколькихъ сотъ студентовъ вынесло резолюцію, совершенно опредѣленно выражающую солидарность студенчества съ политическими требованіями пролетаріата.

Интересныя сообщенія о событіяхъ 9 и 10 февраля находимъ въ одной корреспонденціи англійской газеты „Standard“, которая отражаетъ настроеніе нѣкоторыхъ „солидныхъ“ русскихъ сферъ:

„Москва снова въ настоящемъ осадномъ положеніи. Предыдущіе дни полиція дѣятельно „чистила“ городъ, захватывая подозрительныхъ лицъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Главными страдальцами были, конечно, студенты, но въ этомъ году новую черту составляютъ многочисленные аресты среди рабочихъ“...

„Несмотря на всѣ мѣры, по суровости превосходящія даже тѣ, которыя были приняты вслѣдъ за убійствомъ Александра II, прокламаціи потокомъ распространяются въ населеніи, притомъ печатныя, а не гектографированныя, какъ обычныя студенческія. Въ примѣръ того, какими способами онѣ распространяются, упомяну о случаѣ въ Орѣховѣ-Зуевѣ, крупномъ мануфактурномъ центрѣ съ 40,000 рабочихъ. Тутъ было основано общество трезвости съ народной читальней и чайной. Читальня посѣщалась рабочими съ большимъ усердіемъ, которымъ учредители были очень довольны, пока не открылось, что въ каждую книжку вложены прокламаціи. Сегодня утромъ прокламаціи были расклеены на одной изъ московскихъ улицъ, несмотря на то, что каждый домъ имѣетъ дворника, обязаннаго слѣдить за всѣмъ и имѣющаго право арестовывать подозрительныхъ лицъ.“

О неудачѣ демонстраціи 9-го февраля корреспондентъ разсказываетъ:

„Рабочіе окрестныхъ фабрикъ не могли проникнуть въ центральныя части Москвы въ виду того, что вся площадь фабрикъ и заводовъ за городскими воротами двое сутокъ охранялась сильной цѣпью войскъ. Поэтому демонстрація пока потерпѣла неудачу. Далѣе, набѣги полиціи оставили массы безъ вожаковъ или лицъ, въ которыхъ онѣ видѣли вожаковъ. Фактически весь московскій гарнизонъ теперь стоитъ подъ ружьемъ, за исключеніемъ артиллеріи и саперовъ. Тревога, поданная изъ Орѣхова-Зуева, гдѣ начались безпорядки, заставила поспѣшно отправить туда войска въ спеціальномъ поѣздѣ, но если такіе вызовы не станутъ болѣе частыми, московскій гарнизонъ, состоящій изъ 25-30,000 солдатъ всѣхъ родовъ оружія, будетъ достаточенъ для устрашенія черни.

Храмъ Спасителя также оберегался двумя батальонами пѣхоты, скрытыми въ его подвалахъ, съ цѣлью помѣшать студентамъ собраться на обширной площади предъ соборомъ. До настоящаго времени улицы обнаруживаютъ лишь обычное праздничное оживленіе, но гуляющіе принадлежатъ къ менѣе фешенебельному классу, чѣмъ въ обычное время, и толпы народа возлѣ университета, безпрестанно разгоняемыя полиціей, показываютъ, что всѣ живо интересуются происходящимъ“.

Прибавимъ, что о волненіяхъ въ Орѣховѣ сообщаютъ также наши корреспонденты. Былъ слухъ, что Орѣховцы двинулись на Москву и войска были отправлены имъ на встрѣчу. — Въ замѣчаніяхъ практичнаго англичанина слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что одновременное движеніе въ главнѣйшихъ фабричныхъ пунктахъ, кольцомъ окружающихъ Москву, должно совершенно парализовать „боевую готовность“ московскихъ властей и тѣмъ дать возможность московской „улицѣ“ выполнить свою задачу.

Событія въ Петербургѣ. (Изъ частнаго письма). Разрѣшенныя въ среду градоначальникомъ, по распоряженію М-ства Вн. Д., въ четвергъ вечеринки были запрещены. Студенты рѣшили провести вечеръ 8-го февраля въ народномъ домѣ Николая II, при чемъ всячески стараться избѣгать столкновеній съ полиціей. Во время спектакля сверху въ публику были брошены листки, а по окончаніи его было предложено прокричать „ура“ въ честь студенческаго праздника. Послѣ этого и началась исторія, которая, по словамъ очевидцевъ, во сто кратъ превосходитъ исторію 4-го марта. Заготовленные заранѣе полиція и дворники бросились въ толпу и били направо и налѣво кого ни попало, причемъ вся эта картина носила видъ дикой, нелѣпой и притомъ безстыдной кулачной расправы. Раззудись плечо, размахнись рука — и летитъ на полъ тщедушная женская фигурка; раззудись плечо... и кубаремъ катится по землѣ студентъ — горнякъ; въ теченіи 2 часовъ размахивались руки — и въ результатѣ кровь... Разбитыя лица, изуродованныя физіономіи, съ кѣмъ то случай умопомѣшательства, кого то совсѣмъ не досчитываются, нѣсколько человѣкъ тяжело изувѣченныхъ... А башибузуки, тѣмъ временемъ, ликуютъ, получивъ отъ его превосходительства вицегубернатора по 3 гривеника на чай и личную благодарность за то, что такъ постарались на пользу царя и отечества... Около сотни или полутораста человѣкъ (а можетъ быть больше; довольствуюсь пока что одними лишь слухами, ибо точныхъ свѣдѣній нѣтъ) тотчасъ же было разсажено въ кареты и развезено куда слѣдуетъ.

Изъ другого сообщенія:

Въ народномъ домѣ около I часа ночи было страшное избіеніе кучки студентовъ значительно превосходящимъ числомъ полиціи Домъ съ самаго начала былъ биткомъ набитъ полиціей съ барономъ Нолькеномъ во главѣ (полиціймейстеръ). Полиція, казалось, ждала только повода. Но студенты держали себя безукоризненно весь вечеръ. Въ концѣ, когда публика начала уже расходиться, полиція вздумала арестовать 2-хъ студентовъ. За товарищей вступились остальные, требуя въ такомъ случаѣ и ихъ арестовать. Въ это время раздалось: „Да здравствуетъ Петербургскій университетъ!“ „Долой Временныя Правила!“ „Реформаторамъ нашимъ анафема!“ Возгласы эти покрывались каждый разъ крикомъ „Ура!“ (Возможно, что это были провокаторскіе возгласы). Въ то же время въ выходѣ на студентовъ набросилась полиція, въ боковыя двери ворвались еще городовые и началось безпощадное избіеніе! Многіе сильно побиты, между прочимъ проф. Медицинск. курсовъ Гинцбургъ. Арестовано 27 студентовъ и 2 курсистки, многихъ переписали. 9-го февраля, около 4 ч. дня, по Васильевск. Острову проскакала цѣлая сотня (а можетъ и больше) конныхъ городовыхъ по направленію къ Гавани. Говорятъ что „бунтъ“ на какомъ-то Бельгійскомъ заводѣ.

Демонстрація въ Одессѣ. По почину группы „соціалистовъ-революціонеровъ“ 23-го февраля произошла въ Одессѣ демонстрація. На Ришельевской улицѣ появилась небольшая кучка молодежи съ красными флагами. Вокругъ нея собралась толпа изъ учащихся, рабочихъ (ремесленныхъ) и прочей публики. Толпа вступилась за арестуемыхъ знаменосцевъ. Демонстранты разсѣены эскадрономъ казаковъ, сотней конныхъ жандармовъ и полицейскимъ отрядомъ. Арестовано 160 человѣкъ. Немедленно по возникновеніи „безпорядковъ“ полиціймейстеръ приказалъ закрыть на Дерибасовской улицѣ всѣ магазины и рестораны.

Всю слѣдующую недѣлю войска стояли на готовѣ.

О демонстраціи въ Петербургѣ 3 марта, какъ и о событіяхъ въ Юрьевѣ и Ростовѣ, мы сообщимъ въ слѣд. номерѣ.

Полтава. 5-го февраля въ мѣстномъ театрѣ состоялась манифестація въ честь Толстого. Шла „Власть тьмы“. Передъ третьимъ актомъ, прежде чѣмъ подняли занавѣсъ, съ различныхъ концовъ галлереи въ публику посыпался дождь разноцвѣтныхъ листковъ съ портретомъ Толстого и надписью „да здравствуетъ отлученный отъ церкви Л. Н. Толстой, борецъ за свободу“. Среди полумрака и мгновенно воцарившейся торжественной тишины, нарушаемой только легкимъ шелестомъ падающихъ листковъ, раздался вдругъ громкій возгласъ: „да здравствуетъ отлученный отъ церкви Толстой, борецъ за свободу.“ На этотъ возгласъ откликнулся весь театръ, публика встала и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ въ театрѣ стоялъ несмолкаемый гулъ голосовъ; „да здравствуетъ Толстой!“ „да здравствуетъ свобода!“ Моментъ былъ чрезвычайно торжественный. Воодушевленіе охватило весь театръ. Когда растерявшаяся театральная администрація распорядилась, наконецъ, поднять занавѣсъ, никто уже не обращалъ вниманія на сцену: изъ рукъ въ руки переходили привѣтственные листки и тутъ же пущенныя прокламаціи политическаго характера (къ слову сказать, чрезвычайно неудачныя). Возбужденіе усиливалось бѣготней полиціи, бросившейся отнимать листки, которые публика отдавала очень неохотно. Встревоженные пристава сообщали въ телефонъ: театръ полонъ прокламаціями! возбужденіе страшное! Пришлите сыщиковъ! . Эта демонстрація чрезвычайно взбудоражила мѣстную сонную жизнь. Обыватель проснулся и заговорилъ. Спросонья говорилось, конечно, много нелѣпостей (въ родѣ того.

ФЕЛЬЕТОНЪ

ПИСЬМО КЪ ЗЕМЦАМЪ.

Приводимъ полностью гектографированное письмо къ земскимъ дѣятелямъ, которое ходило по рукамъ во время послѣдней сессіи земскихъ собраній (въ наши руки оно попало, къ сожалѣнію, только въ самое послѣднее время):

„Милостивый Государь!

„Тяжкія условія, въ которыя поставлена въ настоящее время Россія, русскій народъ и русское земство, побуждаютъ обратиться къ Вамъ, милостивый Государь, съ настоящимъ письмомъ въ предположеніи встрѣтить съ Вашей стороны сочувствіе высказаннымъ здѣсь мыслямъ и намѣреніямъ.

Длинный рядъ печальныхъ и возмутительныхъ фактовъ, молчаливыми свидѣтелями которыхъ мы были за послѣднее время, мрачной тучей тяготѣетъ надъ общественной совѣстью, и передъ каждымъ интеллигентнымъ человѣкомъ ребромъ ставится роковой вопросъ: возможно-ли далѣе политически бездѣйствовать и пассивно участвовать въ прогрессирующемъ обнищаніи и развращеніи родины?

Хроническіе неурожаи и непосильное податное бремя въ видѣ выкупныхъ платежей и неокладныхъ сборовъ буквально разорили народъ, вырождая его физически.

Фактическое же лишеніе крестьянства всякаго признака самоуправленія, мелочная опека оффиціальныхъ и добровольныхъ представителей „твердой власти“ и искусственная умственная голодовка, въ которой держатъ народъ непрошенные блюстители „самобытныхъ и законныхъ началъ“, ослабляютъ его духовную мощь, его самодѣятельность и энергію.

Производительныя силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными дѣятелями при милостивомъ содѣйствіи играющихъ судьбами родины авантюристовъ. Тщетно, „благодѣтельное правительство“ рядомъ одно другому противорѣчащихъ и наскоро придуманныхъ мѣропріятій силится замѣнить живую и планомѣрную борьбу экономическихъ группъ страны. Попечительное „содѣйствіе“ и „усмотрѣніе“ безсильны передъ зловѣщими предтечами хозяйственнаго и финансового банкротства Россіи: земледѣльческимъ, промышленнымъ и денежнымъ кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задушена и лишена возможности пролить свѣтъ хотя бы на часть преступленій, ежечасно совершаемыхъ защитниками порядка надъ свободой и честью русскихъ гражданъ. Одинъ произволъ, безсмысленный и жестокій, властно возвышаетъ свой голосъ и царитъ на всемъ необъятномъ пространствѣ разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встрѣчая нигдѣ должнаго отпора.

При такомъ положеніи вещей вполнѣ естественно систематическое недовѣріе правительства къ малѣйшимъ проявленіямъ частной и общественной инициативы, къ дѣятельности всякаго рода общественныхъ союзовъ и въ частности къ земскимъ учрежденіямъ, — этому камню, на которомъ Россія 60-хъ гг. чаяла видѣть утвержденіе новаго царства. Торжествующей бюрократіей земскія учрежденія осуждены на медленную смерть, и каждый годъ несетъ новый ударъ ихъ жизнедѣятельности, ихъ значенію и авторитету въ глазахъ общества и народа, который почти не отличаетъ земства отъ чиновной администраціи. Земскія собранія превращены въ сословно-бюрократическія совѣщанія, вопреки ясно выраженному протесту всѣхъ прогрессивныхъ группъ страны, и потеряли всякую связь съ массою русскаго народа. Земскія Управы становятся придатками губернаторскихъ канцелярій и, теряя въ самостоятельности, постепенно пріобрѣтаютъ всѣ недостатки присутственнаго мѣста. Земскія избирательныя собранія низведены до какой-то комедіи. Малочисленность избирателей и дѣленіе послѣднихъ на сословныя группы, не давая собраніямъ возможности служить средствомъ для выраженія, въ лицѣ избранныхъ гласныхъ, различныхъ общественныхъ интересовъ, превращаютъ ихъ въ арену борьбы мелкихъ и личныхъ самолюбій.

Предѣлы вѣдѣнія земскихъ учрежденій ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дѣло изъ компетенціи земства изъято. Въ дѣлѣ оцѣнки земство превращено въ исполнителя чиновныхъ распоряженій. Въ области народнаго образованія роль земства сведена почти къ нулю. Выработанный министерствомъ Горемыкина врачебный уставъ формально не отмѣненъ и, словно Дамокловъ мечъ, виситъ надъ земской медициной. Черный призракъ наказа училищнымъ совѣтамъ, повидимому, разсѣялся. Но земство ничѣмъ не гарантировано отъ новаго появленія этого призрака, но уже воплощеннаго въ форму закона и связанной съ нимъ окончательной гибели земской народной школы. Взаимныя сношенія земскихъ учрежденій разныхъ губерній, необходимость которыхъ стала избитымъ общимъ мѣстомъ, встрѣчаютъ новыя затрудненія въ послѣднемъ циркулярѣ М. Вн. Дѣлъ по этому предмету. Каждый шагъ земства, какъ общественнаго учрежденія, связанъ сложной паутиной многочисленныхъ циркуляровъ различныхъ министровъ, и земскому дѣятелю при проведеніи въ жизнь той или другой мѣры приходится затрачивать не мало времени, энергіи и остроумія на неблагодарный трудъ распутыванія этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ея второй пунктъ, отдаетъ всю дѣятельность земства на усмотрѣніе губернатора Губернаторскія ревизіи земскихъ управъ все учащаются; въ лицѣ непремѣнныхъ членовъ губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія правительство безцеремонно учреждаетъ гласный надзоръ за земствомъ. Изданіемъ закона о предѣльности земскаго обложенія правительство открыто признается въ своемъ крайнемъ недовѣріи къ основному праву земства — праву самообложенія. Благодаря вмѣшательству Деп. Полиціи, отъ земской дѣятельности насильно отрываются лучшіе земскіе работники, выборные и наемные. Въ недалекомъ будущемъ, вѣроятно, получатъ силу закона министерскіе проекты о контролированіи денежныхъ операцій земства чинами Государственнаго Контроля и объ упорядоченіи дѣятельности земскихъ совѣщательныхъ коммиссій.

Земскія ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не разсматриваются установленнымъ для того порядкомъ и небрежно отклоняются единоличною властью министровъ. Работать при такихъ условіяхъ въ земствѣ съ серьезной вѣрой въ плодотворность этой работы представляется невозможнымъ. И на нашихъ глазахъ происходитъ процессъ все увеличивающагося оскудѣнія земской среды и въ особенности земскихъ исполнительныхъ органовъ — Управъ. Уходятъ изъ земства люди горячо преданные земскому дѣлу, но утратившіе вѣру въ плодотворность работы при нынѣшнихъ условіяхъ. И на смѣну имъ идетъ земецъ новой формаціи, идетъ оппортюнистъ, трусливо дрожащій за имя, за форму земскихъ учрежденій и окончательно унижающій ихъ достоинство уродливымъ пресмыканіемъ передъ администраціей. Въ результатѣ получается то внутреннее разложеніе земства, которое гораздо хуже формальнаго уничтоженія самоуправленія. Открытый походъ правительства противъ самой идеи земства могъ бы привести къ широкому общественному возбужденію, котораго такъ боится бюрократія. Но на нашихъ глазахъ происходитъ замаскированное умерщвленіе принципа самоуправленія и, къ несчастью, не находитъ организованнаго отпора

При такомъ положеніи вещей сравнительная ничтожность матеріальныхъ итоговъ земской дѣятельности нисколько не восполняется ея воспитательнымъ значеніемъ, и почти сорокалѣтняя работа земскихъ учрежденій въ смыслѣ развитія гражданственности, общественнаго самосознанія и самодѣятельности можетъ пропасть безслѣдно для ближайшаго будущаго. Съ этой точки зрѣнія, спокойное покорное ожиданіе опортюнистовъ-земцевъ только содѣйствуетъ безславной и безполезной смерти великой идеи земскихъ учрежденій. Вывести земства изъ того тупика, куда привела ихъ система опеки, возможно лишь энергично борясь противъ нелѣпой мысли, что обсужденіе вопросовъ, выходящихъ за предѣлы мелочей мѣстной жизни, грозитъ народными бѣдствіями. Бороться съ этимъ жупеломъ, страшнымъ, конечно, не для народа и государственной безопасности, съ этой мыслью, нелѣпость которой цинично признается самими ея защитниками (см. конфиденціальную записку Витте „Самодержавіе и Земство“) — земству надлежитъ путемъ открытаго и смѣлаго обсужденія въ земскихъ собраніяхъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, тѣсно связанныхъ съ нуждами и пользами мѣстнаго населенія. И чѣмъ разностороннѣе, полнѣе и энергичнѣе будутъ земскія собранія обсуждать подобнаго рода вопросы, тѣмъ съ большей ясностью обнаружится, что публичное обсужденіе народныхъ золъ не грозитъ народными бѣдствіями, а, наоборотъ, предупреждаетъ ихъ, что тотъ гнетъ, подъ которымъ находится въ настоящее время печать, полезенъ лишь врагамъ народа, что господствующей полиціей мысли и слова нельзя создать честныхъ гражданъ, что законность и свобода не находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ. Публичное выясненіе всѣхъ подобныхъ вопросовъ одновременно въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ встрѣтитъ несомнѣнно сильнѣйшее сочувствіе всѣхъ слоевъ народа и вызоветъ энергичную работу общественной совѣсти. Если же земство ничѣмъ не реагируетъ на современное критическое состояніе Россіи, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отнявъ у него роль представителя интересовъ труда, не задумаются привести его въ окончательное „соотвѣтствіе“ съ общимъ строемъ учрежденій Имперіи. Какія формы приметъ это „соотвѣтствіе“, мы, принимая во вниманіе глубокомысліе и изобрѣтательность теперешнихъ правителей страны, положительно затрудняемся себѣ представить. Вѣдь хватило же наглости у г. Мин. Вн. Дѣлъ и удивительнаго презрѣнія къ „первенствующему“ сословію имперіи, чтобы возложить на его избранниковъ — предводителей дворянства гнусную роль шпіоновъ по надзору за чтецами и существомъ народныхъ чтеній.

По изложеннымъ соображеніямъ мы полагаемъ, что наше бездѣйствіе и дальнѣйшее смиренное подчиненіе всѣмъ экспериментамъ, которымъ бюрократія подвергаетъ земство и всю Россію, представляется не только своего рода самоубійствомъ, но и тяжелымъ преступленіемъ передъ родной страной. Неосновательность, безуміе тактики оппортюнизма — эта продажа „первородства“ за „чечевичную похлебку“ — достаточно доказаны намъ жизнью: самодержавная бюрократія, присвоивъ сначала право первородства, отняла теперь у насъ и „чечевичную похлебку“. Шагъ за напр., что на 18-е назначено избіеніе офицеровъ, а на 19-е общій (!!) бунтъ), но важно, что обыватель узналъ о существованіи рядомъ съ нимъ какой-то другой жизни, какихъ-то другихъ интересовъ. Узналъ, что эти интересы — не только праздничное украшеніе жизни, а что-то болѣе важное, что-то зовущее къ дѣятельности, къ борьбѣ, требующее внѣшняго проявленія. Черезъ нѣсколько дней его познанія обогатились: онъ узналъ, что эта борьба, хотя бы въ скромной формѣ привѣтственной манифестаціи, достается недаромъ: въ ночь съ 8 на 9-е мѣстная жандармерія пустилась въ походъ, въ результатѣ котораго оказалось 45 человѣкъ военной добычи (обысковъ произведено около 70). Для обысковъ и арестовъ была вызвана вся уѣздная полиція. По словамъ лавочниковъ „интеллигенцію“ возили съ 6 ч. утра до 11-12 дня. Хватали направо и налѣво, преимущественно поднадзорныхъ. И сами по себѣ массовые аресты вызвали страшный переполохъ въ городѣ, но переусердствовавшая полиція постаралась усилить возбужденіе: нѣкоторыхъ арестованныхъ везли съ шашками на голо, а такъ какъ арестантскія роты, куда свозили арестованныхъ, находятся почти на концѣ города, то къ 12 часамъ дня весь городъ былъ оповѣщенъ о необычайномъ происшествіи. Съ утра передъ арестантскими ротами начала собираться толпа, привлекаемая сенсаціонными слухами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, раздававшимся изъ оконъ исправительнаго отдѣленія. Арестованные, возмущенные произвольностью дѣйствій жандармеріи, немедленно требовали жандармскаго генерала, но получили въ отвѣтъ генеральское: „подождутъ“. Это подлило масла въ огонь. Арестованные (распредѣленные по тремъ камерамъ — мужчины въ одной, а женщины въ 2-хъ) сейчасъ же начали обсуждать, что дѣлать. Трое вызванныхъ на допросъ отказались пойти. Одинъ изъ заключенныхъ, Васильевскій, объявилъ голодовку еще съ утра, требуя, чтобы ему представили достаточныя основанія для его ареста. Его пытались разубѣдить, но напрасно. Онъ потребовалъ перевода въ одиночку, т. к. разсчитывалъ голодать одинъ. Остальные немедленно составили и подписали слѣдующій протестъ: не видя достаточнаго основанія для нашего ареста, мы протестуемъ противъ этого насилія и требуемъ немедленнаго освобожденія. Протестъ этотъ составленъ былъ еще утромъ, но отдать его въ этотъ же день не удалось. Вечеромъ, когда Васильевскій былъ перевезенъ въ одиночку, одна изъ женскихъ камеръ заявила голодовку впредь до выполненія требованій Васильевскаго. Это заявленіе вызвало страшное возбужденіе. Пока вопросъ не выясненъ ни въ ту ни въ другую сторону, рѣшили не ѣсть (съ 8 ч. вечера), а утромъ въ воскресенье потребовали отъ начальника разрѣшенія общей сходки для обсужденія этого вопроса. Сходка состоялась въ присутствіи начальника ар. р. Мнѣнія раздѣлились, большинство было противъ голодовки, но въ виду категорическаго заявленія женской камеры рѣшено было примкнуть къ голодающимъ и оффиціально объявить голодовку съ 2 ч. дня воскресенья. Къ 2 ч. явился прокуроръ, которому подали протестъ для передачи жандармеріи и заявили о голодовкѣ. Въ этотъ день въ виду собравшейся на площади толпы, при пѣніи „Марсельезы“, „Дубинушки“, и пр. изъ окна верхняго этажа арестованными было выброшено красное знамя съ надписью: „свобода“. Толпы народа со всѣхъ концовъ города собирались къ ар. ротамъ, толкуя о необычайномъ событіи, прислушиваясь къ пѣнію боевыхъ пѣсенъ. Въ виду сильнаго возбужденія, вызваннаго всѣмъ этимъ, съ 4 час. дня ар. роты и прилежащія улицы были оцѣплены войсками. Въ самыя роты была введена „команда для подавленія безпорядка“. Полиція забирала въ участокъ всякаго, вступавшаго въ пререканія. Весь городъ былъ взволнованъ слухами о происходящемъ въ тюрьмѣ. Вѣсть о голодовкѣ встревожила общество. Люди самыхъ разныхъ слоевъ и положеній негодовали и возмущались дѣйствіями жандармеріи и администраціи. Но наивысшей точки достигло волненіе въ понедѣльникъ утромъ. Сначала въ ар. роты былъ взятъ съ улицы врачъ, затѣмъ вытребованъ батальонъ солдатъ, затѣмъ поскакало начальство: инспекторъ, прокуроръ, вице-губернаторъ, затѣмъ пронесли связки розогъ. Эта лихорадочная суматоха, дикіе крики внутри тюрьмы, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, тревожная бѣготня тюремнаго начальства, все это заставляло думать, что тамъ за стѣнами, среди больныхъ истощенныхъ, изнервничавшихся людей разыгрывается какая-то страшная драма. Нервы напряглись до послѣдней возможности. Никто не зналъ, что происходитъ въ тюрьмѣ. Пѣніе смолкло, а солдаты, отрядъ за отрядомъ входили въ ворота и исчезали въ огромномъ зданіи ар. ротъ. Неизвѣстно откуда взявшееся слово „бунтъ“ облетѣло толпу, наполняя ужасомъ и безъ того истерзанную душу. Къ 3 часамъ все, повидимому, успокоилось. Встревоженные за участь близкихъ людей, родственники арестованныхъ подняли на ноги весь городъ, требуя прекращенія этихъ ужасовъ, настаивая, чтобы требованія В. были удовлетворены. Къ вечеру въ городѣ уже циркулировалъ разсказъ о происшедшемъ въ тюрьмѣ, волнуя и безъ того взволнованные умы. Вотъ этотъ разсказъ со словъ заключенныхъ. Опасаясь возбужденія толпы, собравшейся передъ арестантскими ротами, в.-губернаторъ черезъ инспектора потребовалъ перевода заключенныхъ въ нижній этажъ (окнами во дворъ), обѣщая, что камеры тамъ нехуже. Мы, пославъ двухъ лицъ для осмотра камеръ, рѣшили уступить, но когда начали перебираться, то оказалось, что камеры полны насѣкомыхъ. Оставшаяся наверху часть отказалась перейти. Тогда въ корридоры были введены солдаты, офицеръ, командовавшій ими, заявилъ намъ, что власть надъ заключенными передана ему. Трудно сказать, что могло бы произойти, еслибы въ эту минуту женщины не прислали депутацію съ просьбой не сопротивляться и перейти внизъ. Уступая ихъ просьбамъ, начали переходить. Одинъ изъ товарищей въ это время истощенный голодовкой, потерялъ сознаніе. Его пришлось переносить на рукахъ. Когда процессія съ пѣньемъ „Марсельезы“ двинулась внизъ, среди женщинъ раздались истерическіе крики. Въ этотъ моментъ произошло что-то ужасное: раздался какой-то гулъ, грохотъ, какой-то крикъ сотни людей. Желѣзная дверь изъ отдѣленія уголовныхъ съ трескомъ вылетѣла, и толпа уголовныхъ арестантовъ около 300 человѣкъ, съ молотами, топорами въ рукахъ, бросилась къ намъ съ крикомъ: васъ бьютъ? скажите, васъ били? Мы защитимъ васъ! Стража и солдаты мгновенно бѣжали, успѣвъ втолкнуть насъ въ камеры, уголовные бросились къ нашимъ дверямъ, пожимая намъ руки черезъ рѣшетки, обѣщая намъ свою поддержку. Взволнованные всѣмъ происшедшимъ, мы съ трудомъ успокоили ихъ, объяснивъ, что насъ не били, что среди насъ есть больные и т. д. Они въ свою очередь сообщили намъ, что растерявшееся начальство, занявшись усмиреніемъ нашего „бунта“, заперло ихъ на чердакѣ и забыло накормить. Пока шли эти переговоры, корридоры снова наполнились солдатами. Явился полиціймейстеръ, инспекторъ, прокуроръ, вице-губернаторъ. Въ камеру въ качествѣ парламентера прислали одного изъ офицеровъ. Къ чести его нужно сказать, что явившись въ камеру, онъ снялъ оружіе (и вообще офицеры держались очень корректно). Убѣждая насъ подчиниться требованію начальства, онъ былъ не мало удивленъ, когда узналъ, что мы уже исполнили это требованіе и притомъ добровольно. Вслѣдъ за нимъ въ сопровожденіи свиты офицеровъ явился вице-губернаторъ, которому начальникъ ар. ротъ поспѣшилъ сообщить о нашемъ „сопротивленіи“. Но мы тутъ же разсказали, какъ было на самомъ дѣлѣ. Вице-губернаторъ выслушавъ наши объясненія, обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобы ускорить окончанье дѣла. — Во вторникъ утромъ Васильевскій былъ освобожденъ. Инспекторъ немедленно объявилъ намъ объ этомъ и голодовка была прекращена. Въ тотъ же день начали выпускать. Теперь въ ар. рот. и въ тюремномъ замкѣ осталось 24 человѣка, но и ихъ обѣщаютъ выпустить на дняхъ. Во всемъ городѣ только и разговоровъ, что о тюремныхъ событіяхъ. Въ послѣдніе 3 дня непрерывно появляются прокламаціи: часть (на малорусскомъ языкѣ) пущена въ окрестныхъ деревняхъ, часть расклеена по городу (за подписью украинцевъ — соц.-революціонеровъ), часть разослана по домамъ. Со дня на день ждутъ какихъ нибудь событій. Настроеніе тревожное. Администрація вытребовала 2 сотни казаковъ и раздѣлила городъ на двѣ части: одна предоставлена Елецкому, другая Орловскому полку. Къ 20 февраля всѣ арестованные, за исключеніемъ 5-ти человѣкъ, освобождены.

Манифестъ всеросійскаго студенческаго съѣзда.

„Мысль о съѣздѣ представителей высшихъ учебн. заведеній Россіи, который могъ бы объединить студенчество и выработать общій планъ дѣйствій, не является новостью. Попытки къ ея осуществленію мы видимъ въ Одесскомъ и Московскомъ съѣздахъ, къ сожалѣнію, неудавшихся. Только теперь, несмотря на всѣ препятствія, удалось удовлетворить назрѣвшую потребность. — Съѣздъ послѣ всесторонняго разсмотрѣнія настоящаго положенія вещей пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. — 1) Студенческое движеніе есть движеніе политическое. Этимъ положеніемъ съѣздъ хочетъ сказать, что студенческое движеніе своими корнями лежитъ глубоко въ современномъ общественномъ строѣ Россіи. Осуществленіе университетской автономіи шло бы въ разрѣзъ съ правительственной тенденціей, заглушающей всякое стремленіе къ самодѣятельности. Поэтому борьба за права студенчества неизбѣжно является борьбой противъ правительства. Противодѣйствіе такой постановкѣ вопроса неразумно и рано или поздно будетъ смыто волнами жизни. Студенческія движенія будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока народное представительство не дастъ гарантіи свободы личности, совершенно отсутствующей при монархическомъ строѣ. 2) Необходимость высказать это положеніе вызвана у съѣзда грустнымъ сознаніемъ, что не вся масса студенчества вполнѣ ясно представляетъ себѣ роковую неизбѣжность эволюціи. Съѣздъ находитъ, что выясненіе вопроса можетъ и должно вестись въ формѣ пропаганды среди студенчества. Констатируя фактъ совмѣстныхъ дѣйствій за послѣднее время студентовъ и рабочихъ, привѣтствуя отъ души это явленіе и выражая желаніе большаго единенія учащейся молодежи и пролетаріата, идущихъ нога въ ногу по пути требованія политической свободы, являющагося первымъ пунктомъ соціалистической программы, съѣздъ находитъ желательнымъ возможно широкую пропаганду соціалистическихъ идей среди студентовъ. Послѣднее необходимо для яснаго пониманія роли и степени участія пролетаріата въ нашемъ движеніи. Для лучшаго достиженія этой цѣли съѣздъ находитъ желательнымъ учрежденіе при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постоянныхъ организаціонныхъ комитетовъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами Россійской Соціаль-демократической партіи, къ которымъ съѣздъ обращается съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проэктируемымъ организаціямъ. Что касается вопроса о тактикѣ движенія, съѣздъ, оставляя въ силѣ примѣненіе забастовки и обструкціи во всѣхъ ея видахъ, выдвигаетъ на первый планъ демонстрацію, какъ наиболѣе дѣйствительное средство обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе дѣлъ. Кромѣ того съѣздъ предлагаетъ всѣмъ студенческимъ организаціямъ заняться изысканіемъ новыхъ формъ протеста. Считая единство дѣйствій залогомъ успѣха, съѣздъ высказывается за желательность учрежденія обще-студенческаго секретаріата (центральнаго бюро), который установилъ бы правильныя сношенія между отдѣльными организаціями. Съѣздъ находитъ возможнымъ, чтобы печатный органъ издавался при центральномъ бюро. Для той же цѣли желательны періодическіе съѣзды представителей студенческихъ организацій Россіи. Созывъ съѣзда съ указаніемъ времени и мѣста предоставляется секретаріату. Заканчивая работу, съѣздъ полагаетъ, что онъ исполнилъ въ предѣлахъ возможнаго свой долгъ передъ студенчествомъ. Онъ не хочетъ убаюкивать учащуюся молодежь увѣреніемъ въ легкихъ побѣдахъ. Онъ не хочетъ закрывать глаза передъ суровою дѣйствительностью. Конечная цѣль движенія, политическая свобода, вопросъ неопредѣленнаго будущаго, но мы идемъ къ ней твердыми и вѣрными шагами. Правда, нашъ путь усѣянъ жертвами, и можетъ быть, еще много придется потерять на этомъ пути: не одно еще движеніе вспыхнетъ и снова погаснетъ, но какія бы мѣры ни принимало правительство, оно не можетъ задавить протеста, созданнаго самою жизнью. Изъ этого сознанія мы должны черпать новыя силы. Съѣздъ убѣждаетъ товарищей не падать духомъ отъ временныхъ неудачъ и, объединившись, правильно организовавшись, смѣло встать противъ гнета самодержавнаго режима.

Приводя полностью этотъ, недавно доставленный намъ документъ, привѣтствуемъ, съ своей стороны, рѣшеніе студенчества примкнуть возможно тѣснѣе къ комитетамъ нашей партіи.

Воры повздорили. Телеграфное агентство возвѣстило 6-го февраля о назначеніи директора департамента общихъ дѣлъ въ Министерсвѣ Вн. Дѣлъ Трепова таврическимъ губернаторомъ.

Многими, читавшими объ этомъ перемѣщеніи, осталось, конечно, не понято, что это — ссылка, опала за участіе съ г. г. министрами въ казнокрадствѣ.

На отдѣлку квартиры министра внутреннихъ дѣлъ г. Сипягина ассигновано было 300.000. Этихъ денегъ оказалось мало въ виду безумной роскоши, въ которой утопаютъ царь и его придворные. Гнѣздышко, которое свилъ себѣ министръ внутреннихъ дѣлъ въ казенномъ домѣ, все было обито самымъ дорогимъ штофомъ, одна люстра въ столовой обошлась въ 18.000 рублей.... Вся отдѣлка обошлась не болѣе не менѣе какъ въ 700.000 р., то есть превысила смѣту на сумму въ полмилліона....

Послѣ дружескаго разговора царскаго шута, собутыльника, повара, сводника и вмѣстѣ съ тѣмъ шефа жандармовъ — г. Сипягина съ царскимъ казначеемъ г. Витте, у котораго всѣ министры находятся на содержаніи, рѣшено было пополнить перерасходъ изъ „свободной наличности“...

Г. Треповъ, въ вѣдѣніи коего находились суммы по ремонту, подчинился волѣ повелителей бѣдной Россіи.

Между тѣмъ дядя царя, велик. князь Сергѣй Александровичъ

шагомъ у насъ отняты почти всѣ наши гражданскія права, и сорокалѣтіе, протекшее со времени начала „великихъ реформъ“, привело насъ къ тому же пункту, изъ котораго мы вышли 40 лѣтъ тому назадъ, приступая къ этимъ реформамъ. Много-ли осталось намъ терять и чѣмъ можетъ быть оправдано наше дальнѣйшее молчаніе, чѣмъ можетъ быть объяснено оно, кромѣ позорной трусости и полнаго отсутствія сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей?

Какъ русскіе граждане, и при томъ „на верху“ стоящіе, мы обязаны отстаивать права русскаго народа, обязаны дать надлежащій отвѣтъ самодержавной бюрократіи, стремящейся задавить малѣйшее проявленіе свободы и самостоятельности въ народной жизни и обратить весь русскій народъ въ покорнаго раба. Какъ земцы, мы въ особенности обязаны отстаивать права земскихъ учрежденій, защищать ихъ отъ произвола и гнета бюрократіи, отстаивать ихъ право на самостоятельность и широкое удовлетвореніе потребностей всѣхъ слоевъ народа.

Перестанемъ же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажемъ, наконецъ, что мы взрослые граждане и будемъ требовать того, что намъ принадлежитъ по праву — нашего права „первородства“, нашихъ гражданскихъ правъ.

Самодержавная бюрократія никогда ничего не дастъ добровольно, а даетъ только то, что у нея вынудятъ, хотя и старается при томъ сдѣлать такой видъ, будто она поступается своими „правами“ единственно изъ великодушія. Если же и случится ей дать болѣе того, что у нея было вынуждено, то она немедленно отнимаетъ всѣ излишнія уступки, какъ и случилось съ нашими „великими реформами“. Правительство не позаботилось о рабочихъ до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не встало серьезное „рабочее движеніе“ въ формѣ демонстраціи многотысячныхъ рабочихъ массъ, тогда оно спѣшно приступило къ „рабочему законодательству“, хотя и достаточно лицемѣрному, но все-таки разсчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какія требованія рабочихъ и успокоить эти грозныя массы. Правительство въ теченіе десятковъ лѣтъ калѣчило нашу учащуюся молодежь, нашихъ сестеръ, братьевъ и дѣтей, не допуская ни малѣйшей критики придуманной имъ „учебной системы“ и свирѣпо подавляя студенческіе „безпорядки“.

Но вотъ эти „безпорядки“ превратились въ массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократія прониклась вдругъ горячимъ чувствомъ „сердечнаго попеченія“ объ учащейся молодежи, и тѣ самыя требованія, на которыя вчера еще единственнымъ отвѣтомъ былъ свистъ казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой „реформы учебнаго дѣла“.

Конечно, и въ этой метаморфозѣ есть не малая доля лицемѣрія, а все-таки... Все-таки не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что „бюрократія“ вынуждена открыто признать и сдѣлать довольно существенную уступку общественному мнѣнію. И мы, какъ и все русское общество, весь русскій народъ, мы можемъ разсчитывать на признаніе и осуществленіе нашихъ правъ только въ томъ случаѣ, если будемъ смѣло, открыто, дружно и настойчиво требовать этихъ правъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній мы рѣшили обратиться съ настоящимъ письмомъ къ Вамъ, Мил. Гос., и ко многимъ другимъ земскимъ дѣятелямъ всѣхъ губернскихъ земствъ — съ просьбой оказать содѣйствіе въ настоящую сессію Губернскихъ Земскихъ Собраній возбужденію, обсужденію и принятію соотвѣтственныхъ постановленій по нижеслѣдующимъ вопросамъ.

I. О пересмотрѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи его въ смыслѣ:

а) предоставленія одинаковыхъ избирательныхъ правъ всѣмъ группамъ населенія безъ всякихъ сословныхъ различій при условіи значительнаго пониженія имущественнаго избирательнаго ценза; б) устраненія изъ состава земства сословныхъ представителей, какъ таковыхъ; в) освобожденія земства во всѣхъ его дѣйствіяхъ отъ опеки администраціи, предоставленія земству полной самостоятельности во всѣхъ мѣстныхъ дѣлахъ, при условіи подчиненія его законамъ страны на общихъ основаніяхъ со всѣми прочими лицами и учрежденіями; г) расширенія компетенціи земства предоставленіемъ ему полной самостоятельности въ заботахъ о всѣхъ мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, поскольку онѣ не нарушаютъ интересовъ всего государства; д) отмѣны закона о предѣльности земскаго обложенія; предоставленія земству самыхъ широкихъ правъ въ дѣлѣ распространенія всѣми способами народнаго образованія, при чемъ, кромѣ хозяйственныхъ заботъ, земству должно быть предоставлено и право наблюденія и улучшенія учебной части; ж) отмѣны вышеупомянутаго врачебнаго устава, угрожающаго земской медицинѣ; з) возвращенія въ руки земства продовольственнаго дѣла, а равно и предоставленія ему полной самостоятельности въ организаціи и веденіи земско-статистическаго оцѣночнаго дѣла; и) веденія всего земскаго дѣла исключительно черезъ выборныхъ земскихъ людей, которые не должны подлежать утвержденію администраціи, а тѣмъ болѣе не должны быть назначаемы помимо воли земскихъ собраній; і) предоставленія права земству приглашать земскихъ служащихъ исключительно по своему усмотрѣнію безъ утвержденія администраціи; к) предоставленія земству права свободно обсуждать всѣ обще-государственные вопросы, имѣющіе отношеніе къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, при чемъ возбуждаемыя земствомъ ходатайства обязательно должны быть разсматриваемы высшими правительственными учрежденіями въ теченіе опредѣленнаго срока; л) предоставленія всѣмъ земствамъ права сноситься между собой, а равно устраивать съѣзды земскихъ представителей для обсужденія вопросовъ, касающихся всѣхъ или нѣсколькихъ земствъ.

II. О пересмотрѣ и измѣненіи Пол. о крестьянахъ въ смыслѣ полнаго уравненія ихъ правъ съ правами прочихъ сословій.

III. Объ измѣненіи податной системы въ смыслѣ уравненія податного бремени посредствомъ прогрессивнаго обложенія доходности имуществъ и при условіи освобожденія отъ обложенія извѣстныхъ минимальныхъ доходовъ.

Крайне желательно также, чтобы въ земскихъ собраніяхъ были подняты и обсуждены вопросы:

IV. О возстановленіи повсемѣстно мировыхъ судебныхъ учрежденій, а равно и объ отмѣнѣ всѣхъ законовъ, ограничивающихъ компетенцію суда присяжныхъ.

V. О предоставленіи большей свободы печати, о необходимости уничтоженія предварительной цензуры, объ измѣненіи цензурнаго устава въ смыслѣ опредѣленнаго и точнаго указанія того, что дозволено и чего нельзя печатать, объ уничтоженіи административнаго произвола въ цензурной практикѣ и о передачѣ всѣхъ дѣлъ о преступленіяхъ въ печати исключительно вѣдѣнію гласнаго суда общихъ судебныхъ установленій.

VI. О пересмотрѣ существующихъ законовъ и министерскихъ распоряженій относительно мѣръ охраненія государственной безопасности, объ устраненіи въ этой области тайнаго административнаго „усмотрѣнія“ и о гласномъ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ подобнаго рода въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ.

Полагая, что Вы не откажетесь содѣйствовать въ Вашемъ Губернскомъ собраніи возбужденію указанныхъ общихъ вопросовъ, мы имѣемъ честь выразить Вамъ нашу просьбу о сообщеніи могущаго быть постановленія земскаго собранія по возможности во всѣ земства черезъ знакомыхъ или извѣстныхъ Вамъ гласныхъ. Мы надѣемся также, что въ большей части земствъ найдется достаточное количество смѣлыхъ и энергичныхъ людей, которые съумѣютъ провести эти требованія черезъ земскія собранія. И если мы всѣ единодушно, открыто и въ категорической формѣ предъявимъ наши справедливыя требованія, то бюрократія вынуждена будетъ уступить, какъ уступаетъ она всегда, когда встрѣчается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы“.

Это очень поучительное письмо. Оно показываетъ, какъ даже людей, мало способныхъ къ борьбѣ и всего болѣе поглощенныхъ мелкой практической работой, сама жизнь заставляетъ выступать противъ самодержнаго правительства. И, если сравнить это письмо съ такимъ, напр., произведеніемъ, какъ предисловіе г. Р. Н. С. къ запискѣ Витте, то первое, на мой взглядъ, производитъ лучшее впечатлѣніе.

Въ письмѣ нѣтъ, правда, сколько-нибудь „широкихъ“ политическихъ обобщеній, — но вѣдь авторы его и выступаютъ не съ „программными“ заявленіями, а съ скромнымъ совѣтомъ, какъ практически начать агитацію. Нѣтъ у нихъ „полета мысли“ даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободѣ, но за то нѣтъ и фразъ о близкихъ къ престолу лицахъ, которыя могли бы, пожалуй, повліять на царя. За то нѣтъ у нихъ и фальшиваго превознесенія „дѣяній“ Александра II, а, напротивъ, сквозитъ насмѣшка надъ „великими реформами“ (въ кавычкахъ). За то они находятъ въ себѣ прямоту и мужество, чтобы рѣшительно возстать противъ „земцевъ-оппортюнистовъ“, не боясь объявить войну „позорной трусости“, не поддѣлываясь къ особенно отсталымъ либераламъ.

Мы не знаемъ пока, какой успѣхъ имѣло воззваніе старыхъ земцевъ, но починъ ихъ кажется намъ во всякомъ случаѣ заслуживающимъ полной поддержки. Оживленіе земскаго движенія въ послѣднее время представляетъ изъ себя вообще чрезвычайно интересное явленіе. Авторы письма сами указываютъ, какъ расширялось движеніе, начатое рабочими, распространившееся на студентовъ, подхватываемое теперь земцами. Всѣ эти три общественные элементы располагаются такимъ образомъ въ правильномъ порядкѣ по мѣрѣ уменьшенія ихъ численной силы, ихъ общественной подвижности, ихъ соціально-политическаго радикализма, ихъ революціонной рѣшимости.

Тѣмъ хуже для нашего врага. Чѣмъ менѣе революціонные элементы возстаютъ противъ него, — тѣмъ лучше для насъ, безусловныхъ противниковъ самодержавія и всего современнаго экономическаго строя.

Пошлемъ же привѣтъ новымъ протестантамъ, — а слѣд., и новымъ нашимъ союзникамъ. Поможемъ имъ.

Вы видите: они бѣдны: они выступаютъ только съ маленькимъ листкомъ, изданнымъ хуже рабочихъ и студенческихъ листковъ. Мы богаты. Опубликуемъ его печатно. Огласимъ новую изъ личныхъ счетовъ доложилъ царю объ этой министерской продѣлкѣ.

Г. Сипягинъ все свалилъ на г. Трепова (проигравшаго къ тому же не такъ давно въ карты 50.000 р. казенныхъ денегъ). Послѣдній былъ разжалованъ въ губернаторы и, не смотря на усиленныя просьбы объ аудіенціи для возстановленія истины, не былъ допущенъ предъ ясныя очи „Ники-Милуши“.

Сколько еще худшихъ кражъ совершается ежечасно, безгласно и безнаказанно въ непроглядной темнотѣ царизма?

Голодовка на шпалерной. Петербургскій Домъ Предварительнаго Заключенія послѣ многихъ лѣтъ снова увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ „голодный бунтъ“. 31-го Января нѣсколько человѣкъ, сидящихъ уже болѣе года, объявили голодную забастовку, потребовавъ своего освобожденія. Женское отдѣленіе присоединилось къ голодовкѣ. Всего (по оффиціальнымъ источникамъ) голодало 68 чел. Въ субботу 7 февраля власти обѣщали удовлетворить требованія голодавшихъ. Одного пришлось перевести въ больницу съ малой надеждой на выздоровленіе.

Обѣщаніе свое власти нарушили. Подлежащія освобожденію лица были переведеы въ пересыльную тюрьму, но изъ нихъ 6 человѣкъ оставлены въ заключеніи. Эти 6 человѣкъ возобновили 15-го февраля снова „голодную забастовку“ и въ отвѣтъ на угрозу искусственнаго кормленія заявили, что въ случаѣ приведенія ея въ исполненіе покончатъ съ собой.

Цифровыя данныя о количествѣ и составѣ „политическихъ“ въ Кіевѣ за 1901 годъ.

Ежемѣсячные отчеты „Кіевскаго Краснаго Креста помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ“, очень аккуратно издаваемые и снабженные списками всѣхъ „политическихъ“, содержавшихся подъ стражей въ отчетномъ мѣсяцѣ, не говоря уже о той пользѣ, какую они приносятъ увеличенію средствъ „Креста“, представляютъ изъ себя интересный матеріалъ, дающій нѣкоторое представленіе о степени развитія оппозиціоннаго движенія. Истекшій годъ далъ сравнительно небольшое число арестованныхъ, потому что массовые аресты по „студенческому дѣлу“, практиковавшіеся раньше, были, какъ извѣстно, замѣнены отдачей студентовъ въ солдаты.

Тѣмъ не менѣе общая сумма „политическихъ“ г. Кіева въ 1901 г. достигаетъ довольно крупной цифры — 285 человѣкъ, просидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ общей сложности — 14335 дней.

Изъ этого числа — „интеллигентовъ“ было 131 человѣкъ (46% общаго числа арестованныхъ), пробывшихъ въ тюрьмѣ 11216 дней (78,84% общаго числа дней). Здѣсь бросается въ глаза значительно болѣе строгое отношеніе правительства къ интеллигентамъ, чѣмъ къ рабочимъ: процентное отношеніе времени ихъ заключенія значительно выше процентнаго отношенія ихъ численности. Другими словами говоря, на каждаго „интеллигента“ приходится съ среднемъ непомѣрно большое количество дней „сидѣнія“.

Видимо, по прежнему еще правительство считаетъ виновникомъ всѣхъ золъ „революціонную бациллу“ — интеллигента и нѣсколько мягче относится къ рабочимъ, введеннымъ въ заблужденіе „злонамѣренными людьми“. (Это несоотвѣтствіе можетъ также вызываться той особой безцеремонностью, которая проявляется при арестахъ рабочихъ, когда сплошь и рядомъ забираютъ совершенно непричастныхъ лицъ. Ред.) Интеллигенты распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мущинъ — 103 чел. (36,84% общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 10247 дней (71,47% общ. врем,), а женщинъ — 28 чел. (9,47% общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 969 дней (6,76% общ. врем.); нельзя не отмѣтить болѣе снисходительнаго отношенія къ „женской политикѣ“.

По роду заключенія „интеллигенты“ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ предварительномъ заключеніи находилось 97 мущинъ (34,03%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 10147 дн. (71,47%), и 25 женщинъ (9,47%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 945 дн. (6,58%); отбывали наказаніе — 6 мущинъ (2,1%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 100 дней (0,69%), и 3 женщины (1,05%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 24 дня (0,18%). Впервые въ прошломъ году наша тюрьма стала служить не только для предварительнаго заключенія, но и для отбытія наказанія „политическихъ“.

Заключенныхъ по политическимъ дѣламъ рабочихъ въ 1901 году было — 154 чел. (54% общ. числа), пробывшихъ въ тюрьмѣ 3019 дней (21,16% общ. врем.). Мущинъ изъ числа рабочихъ было — 138 чел. (48,08%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 2707 дней (14,91% общ. числа) а женщинъ 16 чел. (5,61%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 312 дней (2,18%) изъ нихъ въ предварительномъ заключеніи находились: 93 мущ. (32,63%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 1778 дней (12,47%) и 9 женщинъ (3,15%), просидѣвшихъ въ тюрьмѣ 171 дн. (1,22%); отбывали наказаніе: 45 мущинъ (15,79%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 929 дней (5,45%), и 7 женщинъ (2,39%), пробывшихъ въ тюрьмѣ 141 дн. (0,96%). При чтеніи этихъ цифръ нельзя не обратить вниманіе на большой по сравненія съ „интеллигентами“ процентъ рабочихъ, отбывающихъ заключеніе въ качествѣ наказанія.

Итоги. 285 политическихъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: мущины — 241 ч. (84,92%) пробыли въ тюрьмѣ 13054 дня (91,06%), женщины — 44 ч. (15,08%) пробыли въ тюрьмѣ 1281 д. (8,94%).

Время, проведенное всѣми 285 „политическими“ въ Кіевскихъ тюрьмахъ въ теченіе 1901 г. — выраженное въ годахъ, — составляетъ въ общей сложности 39,27 лѣтъ!

Нельзя не пожелать, чтобы Кіевскій „Красный Крестъ“ продолжалъ выпускать мѣсячные отчеты и чтобы другіе „Кресты“ послѣдовали-бы его примѣру.

Желательно также, чтобы въ отчетахъ этихъ помѣщались-бы болѣе подробныя свѣдѣнія о „политическихъ“: по какому дѣлу привлекается? родъ занятій? рецидивистъ? и. т. д. Регулярное изданіе такихъ отчетовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могло-бы представить точныя данныя о движеніи политической „преступности“ въ Россіи.

Къ національному безправію поляковъ.

Врешенская исторія въ Германіи,*) возмутившая культурное населеніе всего міра, естественно должна бы вызвать въ нашей несчастной русской Польшѣ взрывъ самаго остраго негодованія. Самодержавная политика порабощенія и подавленія національности встрѣтила на этотъ разъ отпоръ въ совсѣмъ еще юныхъ честныхъ сердцахъ польской молодежи. „Отеческое попеченіе“ самодержца въ отношеніи польской молодежи выражается въ томъ, что гимназистамъ-полякамъ запрещено между собою говорить по польски, учебники польскаго закона Божія составлены по русски, ксендзъ долженъ вести преподаваніе на русскомъ языкѣ. Такъ поставлено дѣло не только во всѣхъ вообще русскихъ гимназіяхъ, гдѣ имѣются ученики-поляки, но и въ коренныхъ польскихъ областяхъ. Вслѣдъ за Врешенскими событіями, наболѣвшее національное чувство Польши выразило свой протестъ противъ того порядка вещей, естественнымъ слѣдствіемъ котораго являются подобныя событія. Приведу вамъ здѣсь дословно письмо одного гимназиста Сѣдлецкой гимназіи. „19 января я отправился въ гимназію въ $8\frac{3}{4}$ час. Не доходя гимназіи, я замѣтилъ, что окна въ седьмомъ классѣ выбиты, а возлѣ гимназіи толпа и гимназическіе сторожа собираютъ книги, какъ оказалось, вылетѣвшія изъ седьмого класса. Я быстро вбѣжалъ въ гимназію и тутъ узналъ слѣдующее: въ седьмомъ классѣ шелъ урокъ польскаго закона Божія. Передъ концомъ урока всѣ ученики-поляки этого класса встали и потребовали у ксендза, чтобы законъ Божій формально преподавался на польскомъ. Ксендзъ заявилъ, что ему не предоставлено издавать новыя законоположенія и, не желая терять мѣсто, онъ долженъ подчиниться власть имущимъ. Тогда раздались крики vivat, полетѣли стекла, посыпались книги и галоши въ ксендза. Директоръ, инспекторъ и классный наставникъ Соловьевъ побѣжали въ седьмой классъ. Ксендзъ, блѣдный какъ полотно, дрожа отъ страха, выбѣжалъ изъ класса. Тогда къ ученикамъ 7 класса присоединились ученики-поляки 5, 6 и 8 классовъ и сообща настаивали на своихъ требованіяхъ. Директора, вбѣжавшаго въ классъ, засыпали калошами; катехизисы рвались, кафедру поломали. Говорятъ, что до 200 учениковъ будетъ исключено. Былъ здѣсь окружной инспекторъ и производилъ слѣдствіе. Въ зданіи гимназіи постоянно шныряютъ сыщики, въ числѣ 8, спеціально присланные изъ Варшавы и слѣдящіе за каждымъ шагомъ гимназистовъ.

Старая исторія. (Разсказъ со словъ крестьянъ-очевидцевъ.) По Варшавской ж. д. недавно везли въ СПБ. арестованнаго въ Минскѣ молодого человѣка, кажется, сына какого-то фабриканта (была арестована типографія). Поѣздъ прошелъ ст. Псковъ и приближался ко второй станціи Новоселье. Арестованный улучилъ моментъ и выскочилъ изъ вагона. Жандармы, сопровождавшіе свою добычу, остановили поѣздъ и пытались поймать его своими силами, но этого имъ не удалось. Поѣздъ двинулся дальше, и со станціи Новоселье дана была телеграмма въ Жуковское волостное правленіе съ приказаніемъ устроить облаву и изловить бѣжавшаго. Исполнительныя деревенскія власти поспѣшили произвести требуемую отъ нихъ операцію, учиненная облава никакихъ результатовъ не дала, и крестьяне разбрелись по домамъ. Замѣшкался какъ-то одинъ лишь участникъ облавы, присѣлъ на лѣсной опушкѣ и приготовился закурить. Но не успѣлъ онъ свернуть себѣ „цыгарку“, какъ прямо на него набѣжалъ изъ лѣсу предметъ тщетныхъ поисковъ. Воля начальства была исполнена, и бѣглецъ доставленъ въ волостное правленіе, куда собрался весь деревенскій міръ, посмотрѣть, какого такого злодѣя поймали. Все почтенное общество было очень удивлено совсѣмъ не злодѣйскимъ видомъ „злодѣя“, и любопытство собравшихся еще болѣе возрасло. Стали разспрашивать, какъ это такъ баринъ попалъ въ столь непріятное положеніе и за что его преслѣдуютъ. Въ волостномъ правленіи раздалась никогда не слыханная его промозглыми стѣнами страстная революціонная рѣчь. „Баринъ“ разсказалъ міру все: откуда идетъ всяческое зло и неправда, какъ онъ хотѣлъ бороться съ этой неправдой, какъ начальство выслѣживало его, какъ, наконецъ, схватили и повезли въ Питеръ судить шемякинымъ судомъ. Долго говорилъ „баринъ“ и, должно быть, говорилъ хорошо, потому что „прошибъ слезу“ у окружающихъ. На столѣ появились нехитрыя деревенскія угощенія: несли кто что могъ. Міръ жалѣлъ „барина“, не забылъ и себя пожалѣть: начали горячо толковать, что такого хорошаго человѣка не въ тюрьму бы садить, а имъ бы, горемычнымъ мужикамъ, въ земскіе начальники... Затѣмъ послѣдовалъ финалъ: со слезами на глазахъ „барину“ скрутили руки назадъ и, громко сѣтуя на жестокое начальство, передали его въ руки полиціи.

Нижній Новгородъ. 15-го вечеромъ въ театрѣ состоялось чествованіе Гоголя. Народу была масса. Публика самая разнообразная, много учащихся, есть и рабочіе. Съ самаго начала можно было замѣтить, что публика, главнымъ образомъ, учащеся, неспокойна — всѣ волнуются, всѣ напряженно ожидаютъ чего то. Полиціи и жандармовъ было еще больше обыкновеннаго, много переодѣтыхъ шпіоновъ сидѣло въ публикѣ. Начался апофеозъ — вниманіе всѣхъ было обращено на сцену. Къ бюсту Гоголя подходили артисты, изображавшіе разные типы и становились вокругъ. Электрическія лампочки изображали „50 лѣтіе Н. В. Гоголя“. Въ тотъ моментъ, когда лампочки вспыхнули, заиграла музыка и хоръ запѣлъ „славу“ — вдругъ съ разныхъ сторонъ взвились листки — прокламаціи. Кто то крикнулъ: „Да здравствуетъ политическая свобода“, въ отвѣтъ раздалось „браво“, „ура“, но все это заглушалось музыкой и пѣніемъ славы. Прокламаціи въ большомъ количествѣ падали на верху, летѣли внизъ, много попало въ ложи. Публика тотчасъ бросилась ихъ поднимать, ловила, хватала, читала. Нѣкоторые отнесли ихъ къ чествованію Гоголя, но большинство понимало въ чемъ дѣло. Какая то гимназистка, засовывая листокъ въ карманъ, говоритъ: „Ахъ, это о Гоголѣ, прочту дома“. Не обошлось безъ курьезовъ. Полиція велѣла театральному лакею подбирать листки, не объяснивъ зачѣмъ это нужно. Онъ набралъ сколько могъ и, ставъ въ дверяхъ, началъ раздавать публикѣ, думая тоже, что это входитъ въ программу чествованія.

Мнѣ бросилась въ глаза маленькая, но характерная сценка. Какой то человѣкъ, по виду рабочій, старается наложить въ карманъ какъ можно больше листковъ, чтобы потомъ, можетъ быть, раздать ихъ товарищамъ. Неподалеку одна весьма либеральная дама. Осторожно оглядываясь кругомъ, она незамѣтно наступаетъ ногой на листокъ и выждавъ нѣкоторое время, поднимаетъ и прячетъ его, вполнѣ довольная своей изобрѣтательностью.

Полиція, разумѣется, суетилась страшно. Тотчасъ бросилась „узнавать“ — но ничего не могла подѣлать, такъ какъ было слишкомъ тѣсно. Публика разошлась съ листочками въ карманахъ, одобряя „ловкую штуку“.

Въ эту же ночь (съ 15 на 16) были произведены повальные обыски и много арестовъ. Предписаніе объ этомъ было, говорятъ, дано еще раньше изъ Питера, вѣроятно въ виду могущихъ быть волненій. Число всѣхъ обысковъ еще не приведено въ извѣстность, во всякомъ случаѣ ихъ больше 30, считая въ томъ числѣ аресты. —

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ярославль. Кромѣ Мануфактуры, на которую обращено исключительное вниманіе, у насъ много еще всякихъ небольшихъ заводовъ отъ 50-200 раб. Это валяльный заводъ наслѣдн. Свѣшникова, химическіе заводы Дунаева, Сорокина, нѣсколько табачныхъ фабрикъ, мельницъ и водочный заводъ. Положеніе труда на этихъ заводахъ самое печальное. На бѣлильный заводъ Сорокина идутъ только люди, которымъ приходится умирать съ голоду; теперь же такихъ людей очень и очень много. За вѣрную смерть (мѣсяца черезъ два уже происходитъ отравленіе свинцовыми бѣлилами; городская больница регулярно получаетъ умирающихъ съ этого завода) рабочіе этого завода получаютъ сущіе гроши; хозяева цѣнятъ человѣческую жизнь дешевле издержекъ на необходимыя гигіеническія приспособленія. Это маленькое, низенькое зданіе является прямо капиталистическимъ застѣнкомъ. Невозможныя санитарныя условія — язва этихъ маленькихъ заводовъ. Рабочіе табачныхъ фабрикъ послѣ работы выглядятъ какими то ненормальными. Табачная пыль разъѣдаетъ глаза, спираетъ грудь, вызывая постоянный кашель; длинный рабочій день, который приходится весь простоять на ногахъ совершенно изнуряетъ рабочаго. „Э, гдѣ ужъ намъ читать!“ отвѣчаютъ рабочіе на предложеніе почитать, и тѣмъ не менѣе пропаганда соціаль-демократическихъ идей прививается и тамъ. Одинъ изъ фабрикантовъ Вахрамѣевъ закрылъ школу послѣ того, какъ нашелъ нелегальную книжонку на дворѣ. „Вотъ оно для чего я строилъ!“ говорилъ обиженный въ лучшихъ своихъ чувствахъ капиталистъ. На валеномъ заводѣ Свѣшникова царствуютъ нравы по Домострою. Въ 9 ч. веч. рабочихъ запираютъ и никто уже не смѣетъ проникнуть за ворота; хозяинъ не рѣдко „ласкаетъ“ рабочихъ, какъ можетъ только „ласкать“ хозяинъ. Раньше на Свѣшникова работали кустари — валяльщики, теперь на смѣну имъ пришелъ заводъ, взялъ ихъ властью машины, и побѣжденные кустари смиренно переносятъ хозяйскій гнѣвъ, хозяйскую любовь.

По поводу введенія усиленной охраны здѣсь распространена прокламація ко всѣмъ рабочимъ.

Послѣ этого было арестовано 20 рабочихъ.

Ярославль. Въ январѣ 1902 г. на табачной фабрикѣ Вахромѣева была небольшая забастовка. Большинство рабочихъ работаетъ сдѣльно. Заработная плата крайне низкая: колеблется между 3 и 8 рублями, но при этомъ рабочіе получаютъ хозяйскій обѣдъ. Забастовали женщины, которыя развѣшиваютъ табакъ. До Рождества онѣ получали по $2\frac{1}{2}$ коп. съ ящика, въ который уходитъ 400 осьмушекъ; въ январѣ же ихъ заставили развѣшивать пачками въ $\frac{1}{16}$ финта и такихъ пачекъ въ ящикъ уходило 800, а съ ящика стали платить только по 4 коп. Работницы же требовали, чтобы плата была увеличена до 5 коп. съ ящика. Требованіе ихъ было удовлетворено.

19-го февраля Ярославскій Комитетъ выпустилъ листокъ къ ярославскимъ рабочимъ, въ которомъ послѣ изображенія условій освобожденія крестьянъ въ 1861 г. сказано:

„Теперь мы знаемъ правду и теперь мы, рабочіе, борющіеся за лучшую жизнь, не дадимъ обмануть себя попамъ и прочимъ царскимъ прихвостнямъ. Мы хорошо знаемъ, что та свобода, которой добились наши отцы и дѣды, еще не вся та свобода, которая нужна намъ рабочимъ. Намъ нужна политическая свобода, намъ нужна свобода сходокъ и стачекъ, слова и печати. За эту свободу мы поведемъ жаркую борьбу. Этой свободы мы добьемся, когда будетъ созванъ всероссійскій земскій соборъ, въ которомъ будутъ выбранные отъ насъ рабочихъ и отъ крестьянъ. Этотъ земскій соборъ возвратитъ крестьянамъ отрѣзки, отмѣнитъ выкупные платежи, уничтожитъ тѣлесное наказаніе. Этотъ земскій соборъ издастъ законы, сокращающіе рабочій день и дающіе намъ, рабочимъ, свободу стачекъ и собраній, слова, союзовъ и печати. Только тогда мы сможемъ успѣшно бороться за лучшее будущее. Организуйтесь же, товарищи, къ предстоящей борьбѣ за земскій соборъ. Всюду несите вѣсть о грядущемъ освобожденіи русскаго народа отъ ярма самодержавія, зовите къ этой борьбѣ и обманутыхъ, ограбленныхъ царемъ крестьянъ. Борясь не только за свои рабочіе интересы, но и за интересы всего русскаго народа, мы сломимъ наконецъ самодержавное правительство — и праздникъ, который мы будемъ праздновать тогда, будетъ не 19 февраля, день одурачения народа самодержавіемъ, а день освобожденія народа отъ самодержавія“.

Романовъ, Ярославской губ.

При льно-прядильной фабрикѣ Классена (до 900 чел. рабоч.) существуетъ фабричная лавка, которая, повидимому, предназначается для пополненія прибылей хозяевъ, потому что цѣны въ ней сравнительно съ рыночными непомѣрно высокія, напримѣръ, въ вольной лавкѣ — пудъ муки 90 коп., а въ фабричной 95 к. масло скоромное 32 к., а въ фабричной 35 к., масло постное 18 к. и $18\frac{1}{2}$ к., а въ фабричн. 20 коп., фунтъ мяса 8-9 коп. въ фабричн. 10-12 коп. При этомъ рабочіе должны брать тотъ товаръ, который имъ предлагаютъ, нѣкоторая же разборчивость при выборѣ продуктовъ считается вздорными претензіями. При фабрикѣ существуютъ казармы, которыя раздѣляются на артельныя и каморки, длиною $2\frac{1}{2}$ сажени и 5 аршинъ шириною; въ каждую каморку назначаютъ по двѣ семьи, кромѣ того еще холостяковъ и подростковъ, такъ что всего набирается въ каморкѣ не менѣе 8 человѣкъ. Каждая семья платитъ по 1 р. 50 коп., холостые рабочіе по 50 коп., а подростки по 25 коп. Удушливый воздухъ и страшная грязь — вотъ чѣмъ отличается внутренность казармъ.

Изъ Нижняго. Летучіе листки выходятъ здѣсь чуть не ежедневно, въ нихъ обыкновенно доводятся до свѣдѣнія событія въ другихъ городахъ, иногда они пишутся на общія темы. Издаетъ ихъ не соціаль-демократическая, но дружественная организація. „Рабочій Летучій Листокъ“ издается соціаль-демократической группой, не входящей въ Комитетъ. Направленіе ея довольно неопредѣленное, отчасти окрашенное экономизмомъ. Объ ея настроеніи можно отчасти судить по тому листку, въ которомъ она приглашала заграничныя организаціи „прекратить братоубійственную рознь“.

Рабочіе относятся къ листкамъ въ высшей степени сочувственно, сами требуютъ листковъ. Листки попадали даже въ сосѣднія деревни и на такіе заводы, гдѣ еще не было связей. Настроеніе особенно повысилось въ Сормовѣ. Стали поговаривать, что будетъ „бунтъ“. Въ городѣ уже образовалась атмосфера тревожныхъ слуховъ, постоянно приходится слышать: „а въ Сормовѣ бунтъ, потребительную лавку разнесли“ и. т. д. п.

пощечину царямъ-Обмановымъ. Эта пощечина тѣмъ интереснѣе, чѣмъ „солиднѣе“ люди, ее дающіе.

Вы видите: они слабы; у нихъ такъ мало связей въ народѣ, что ихъ письмо ходитъ по рукамъ, точно и въ самомъ дѣлѣ копія съ частнаго письма. Мы — сильны, мы можемъ и должны пустить это письмо „въ народъ“ и прежде всего въ среду пролетаріата, готоваго къ борьбѣ и начавшаго уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинаютъ расширять свою профессіонально-земскую агитацію. Мы смѣлѣе ихъ, наши рабочіе уже пережили „стадію“ (навязанную имъ стадію) одной только профессіонально-экономической агитаціи. Покажемъ же имъ примѣръ борьбы. Вѣдь если рабочіе боролись за такое требованіе, какъ отмѣна „Временныхъ правилъ“, — чтобы выразить протестъ противъ самодержавія, — то не менѣе значительнымъ поводомъ можетъ явиться и надругательство администраціи надъ какимъ-ни-на-есть, а все же: „самоуправленіемъ“!

Но тутъ останавливаютъ насъ всякіе, явные и тайные, сознательные и безсознательные, сторонники „экономизма“. — Для кого нужна поддержка рабочими земцевъ? — спрашиваютъ они насъ. Не для земцевъ-ли только? Не для людей-ли, которые недовольны, быть можетъ, лишь тѣмъ, что правительство больше ласкаетъ промышленныхъ, чѣмъ сельскихъ предпринимателей? Не для одной-ли буржуазіи, пожеланія которой не идутъ дальше „живой борьбы экономическихъ группъ страны“?

Для кого? Да прежде всего и больше всего для самого рабочаго класса. Этотъ „единственный дѣйствительно революціонный классъ“ современнаго общества не былъ бы на дѣлѣ революціоннымъ, если бы онъ не пользовался всякимъ поводомъ для нанесенія новаго удара своему злѣйшему врагу. И слова о политической агитаціи и политической борьбѣ въ нашихъ заявленіяхъ и программахъ были бы пустымъ звукомъ, если бы мы упускали тѣ благопріятные случаи для борьбы, когда съ этимъ врагомъ начинаютъ ссориться даже его вчерашніе (60-е годы), а отчасти и нынѣшніе (оппортюнисты-земцы и крѣпостники-помѣщики) союзники.

Давайте же внимательно слѣдить за земской жизнью, за ростомъ и расширеніемъ (или упадкомъ и съуженіемъ) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства съ исторіей земства, съ уступкой правительства обществу въ 60-хъ годахъ, съ лживыми рѣчами царей и ихъ тактикой: сначала давать „похлебку“ вмѣсто „права первородства“, — а потомъ (опираясь на это сохраненное ими „право первородства“) отнимать и самоё похлебку. Пусть рабочіе учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это распознаваніе необходимо и для нашей борьбы за наше „право первородства“, за свободу для борьбы пролетаріата противъ всякаго экономическаго и соціальнаго угнетанія. Будемте читать рабочимъ на кружковыхъ собраніяхъ о земствѣ и его отношеніяхъ къ правительству, будемте пускать листки по поводу земскихъ протестовъ, будемъ готовиться къ тому, чтобы на всякое поруганіе сколько-нибудь честной земщины царскимъ правительствомъ пролетаріатъ могъ отвѣтить демонстраціями противъ помпадуровъ-губернаторовъ, башибузуковъ-жандармовъ и іезуитовъ-цензоровъ. Партія пролетаріата должна научиться преслѣдовать и травить всякаго слугу самодержавія за всякое насиліе и безчинство противъ какого-бы-то-ни было общественнаго слоя, какой-бы-то-ни было націи или расы.

---

*) Въ Врешенѣ ученики школы были подвергнуты тѣлеснымъ наказаніямъ за предъявленное ими требованіе обученія Закона Божьяго на польскомъ, а не нѣмецкомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на эту расправу родители учениковъ произвели демонстрацію, за которую судъ ихъ приговорилъ къ долгому тюремному заключенію.

Севастополь. Послѣ новаго года между севастопольскими рабочими разошлась прокламація, призывающая къ борьбѣ противъ царскаго самовластія. Послѣ этого арестовали одного рабочаго, у котораго при обыскѣ нашли много литературы. Въ концѣ января по городу и особенно между матросами военнаго флота было распространено „Письмо къ фельдфебелю" Л. Толстого. У матросовъ въ экипажахъ и на военныхъ судахъ эту зиму стали производить поголовные обыски Вызываютъ команду, приказываютъ выстроиться въ рядъ и тогда по порядку ощупываютъ матросовъ и обыскиваютъ ихъ скудные пожитки Такіе обыски производятся за послѣднее время часто, но безуспѣшно — вещественныхъ доказательствъ крамолы не находится.

Но въ первыхъ числахъ февраля нашли крамолу и нашли ее тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидали — въ канцеляріи штаба черноморскаго флота. Тамъ у матросовъ-писарей открыли не только антиправительственную литературу, но и не разрѣшенный гектографъ. Кромѣ того, нашли литературу на одномъ изъ военныхъ судовъ и въ канцеляріи 34-го экипажа, гдѣ офицеръ засталъ врасплохъ писаря, перепечатывающаго прокламацію.

Офицеры флота хотятъ подать, куда слѣдуетъ, ходатайство, чтобы въ Севастополь впредь не пускали политическихъ поднадзорныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ хотятъ даже предложить деньги, чтобы выслали отсюда проживающихъ здѣсь политическихъ.

Батумъ. На заводахъ Манташева, Ротшильда, Акопова и др съ 5-го по 18-ое февр. продолжалась стачка 600-700 рабочихъ. Требовали улучшенія условій труда, отмѣны штрафовъ, сокращенія рабочаго времени, пріема уволенныхъ товарищей. На заводѣ Манташева избили и поранили управляющаго. Была стычка съ полиціей. Арестовали до 150 чел., но черезъ нѣсколько дней выпустили ихъ по требованію рабочихъ. Стачка кончилась для рабочихъ побѣдой.

Сулинъ, донской области. 18 и 19 Февраля на большомъ мателлургическомъ заводѣ Пастухова въ Сулинѣ произошли крупные безпорядки, которые заключались въ слѣдующемъ: въ виду общей безработицы на заводѣ были понижены расцѣнки; недовольные этимъ рабочіе одного изъ цеховъ 18 февраля обратились къ дирекціи съ требованіемъ сохранить старую расцѣнку, угрожая, въ противномъ случаѣ, прекратить работу. Мирныя намѣренія рабочихъ были обращены, однако, въ другую сторону, благодаря слѣдующему случаю: во время объясненія съ инженеромъ, фамилія котораго, къ сожалѣнію, еще неизвѣстна, одинъ изъ рабочихъ обратился къ нему съ вопросомъ; инженеръ грубо оборвалъ рабочаго и приказалъ ему удалиться; рабочій бросился тогда на инженера, который въ свою очередь, вынулъ револьверъ и направилъ его на рабочаго, послѣдній отскочилъ въ сторону, но инженеръ не смотря на это, высрѣлилъ въ толцу, къ счастью шальной выстрѣлъ никому не причинилъ вреда, кромѣ, впрочемъ самого инженера: возмущенные дикимъ поступкомъ, рабочіе бросились на инженера и только благодаря энергіи нѣкоторыхъ рабочихъ дипломированный эксплоататоръ избѣгъ вѣрной смерти. На слѣдующій день, 19 февраля, давно накопившееся недовольство рабочихъ вылилось въ формѣ разгрома завода и квартиръ высшей заводской администраціи: въ машинномъ отдѣленіи была разбита машина, разнесена контора завода, уничтожены вещи въ квартирахъ нѣсколькихъ инженеровъ; разгрому подверглись только квартиры тѣхъ лицъ, которыя не пользовались уваженіемъ рабочихъ: во время безпорядковъ изъ толпы не рѣдко раздавались голоса: „этого не трогай! Проходи дальше!" Между прочимъ разнесена квартира инженера Шелгунова, сына покойнаго публициста Н. В. Шелгунова. Немногочисленная полиція была безсильна прекратить безпорядки и потому, говорятъ, обратилась за помощью къ рабочимъ, стоявшимъ въ сторонѣ отъ движенія; нѣкоторые изъ рабочихъ помогли полиціи выхватить изъ толпы „зачинщиковъ" и вообще подавить безпорядки. Когда на слѣдующій день изъ Александровска - Грушевскаго прибыла сотня казаковъ, ей нечего было дѣлать: безпорядки прекратились. Нѣсколько человѣкъ арестовано. Работы теперь возобновились.

Таганрогъ. Общая безработица отразилась, разумѣется, и въ Таганрогѣ и, съ наступленіемъ зимы, Касперовка — предмѣстье населенное рабочими металлургическаго завода — имѣла видъ голодающей русской деревни. Между тѣмъ администрація завода рѣшила еще болѣе урѣзать и безъ того ничтожный заработокъ рабочихъ. Передъ новымъ годомъ появилось объявленіе, что съ половины января расцѣнки будутъ понижены на 25% и что часть рабочихъ — около 200 чел. — будетъ совершенно разсчитана. Рабочіе рѣшили сопротивляться: 29 декабря доменный цехъ — въ количествѣ 300 челов. — объявилъ забастовку. Главнымъ требованіемъ ихъ было: не понижать расцѣнокъ и не увольнять товарищей. Къ нимъ вскорѣ присоединились рабочіе листопрокатнаго цеха въ количествѣ 350 чел., которые со своей стороны добавили требованіе сократить рабочій день на 1 часъ. На заводѣ были распространены гектографированныя прокламаціи, приглашавшія поддержать забастовавшихъ товарищей, и стачка угрожала принять огромные размѣры. Домны были потушены, работы прекратились. Перепуганная администрація вытребовала по телефону изъ города полицію и артиллеристовъ. Отрядъ полицейскихъ застрялъ въ непролазной грязи и принужденъ былъ ретироваться. Полиціймейстеръ распорядился было отвезти городовыхъ на пожарныхъ дрогахъ, но и эта попытка была безуспѣшна. Кончилось тѣмъ, что городовые стали выпрягать лошадей у всѣхъ попадавшихся по пути извозчиковъ и двинулись въ Касперовку верхомъ; всѣ улицы Таганрога, къ изумленію мѣстныхъ обывателей, покрылись распряженными пролетками.

Между тѣмъ рабочіе успѣли уже разойтись по домамъ и усмирять было некого. Тогда начались аресты и около 30 чел. было выхвачено изъ среды забастовщиковъ. Сосвоей стороны заводское начальство принялось запугивать рабочихъ и добилось того, что около 30 челов. приступило къ растопкѣ доменныхъ печей. Лишенные руководителей, подъ сильнымъ давленіемъ мастеровъ и полиціи, и остальные стали понемногу сдаваться: къ новому году всѣ работы возобновились. Помимо этого администрація сдѣлала рабочимъ нѣкоторыя уступки: напр. требованіе не увольнять товарищей было исполнено.

„Патріотическая" Манифестація въ Москвѣ (изъ письма рабочаго).

„За нѣсколько дней до 19 февраля агенты г-на Зубатова начали агитировать среди фабричныхъ рабочихъ, чтобы устроить подписку на пріобрѣтеніе вѣнка для возложенія на памятникъ Александру II, на что многіе изъ рабочихъ подписывали, кто 20 коп., а кто и рубль. Денегъ собрали столько, что могли пріобрѣсти серебряный вѣнокъ. 19-го февраля около памятника собралось тысячъ 50 народа. Къ народу вышелъ московскій богдыханъ Сергій и сказалъ подходящую къ случаю рѣчь, послѣ чего народъ упалъ на колѣни и кричалъ или ревѣлъ подходящіе случаю звуки. А на слѣдующій день всѣ рабочіе, подписавшіеся на вѣнокъ, получили отъ своихъ хозяевъ каждый въ 5 разъ больше того, сколько подписалъ. По слухамъ, на эту затѣю охранное отдѣленіе израсходовало 100.000 руб".

„Московскія Вѣдомости" съ умиленіемъ разсказываютъ объ этой манифестаціи, иниціатива которой, какъ сообщаютъ газеты, исходила отъ „Общества рабочихъ механическаго производства", т. е. отъ „партіи" гг. Озерова и Ко. Мы не совсѣмъ понимаемъ восторговъ почтенной газеты правда, москвичи чествовали память царя, но вѣдь они дѣлали это только потому, что этотъ царь рисуется въ ихъ представленіи, какъ освободитель крѣпостныхъ. И хотя это представленіе исторически невѣрно, но самая идея чествовать царя за такой несвойственный царскимъ нравамъ поступокъ, такъ сама по себѣ „соблазнительна", что до сихъ поръ празднованіе дня 19 февраля считалось преступленіемъ. Вѣдь еще въ прошломъ году харьковскіе студенты были избиты за панихиду по Александрѣ II.

Очевидно, дѣло съ „основами" обстоитъ плохо, если нельзя вызвать народной манифестаціи въ пользу царизма по иному поводу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Событія въ Барцелонѣ.

„Соціальная революція въ Испаніи",*) „Коммуна въ Барцелонѣ" **) — таковы заглавія статей, помѣщенныхъ въ органахъ Европы, не скованныхъ цензурой Мадрида. Естественно, что при такомъ шумѣ въ Европѣ, событія, которыя его вызвали, должны были быть — первостепенной важности. Постараемся, при всемъ сумбурѣ имѣющихся противорѣчивыхъ извѣстій выяснить причины и прослѣдить ходъ событій въ Барцелонѣ, разъяснить роль, сыгранную тутъ испанскимъ правительствомъ и манеру его защищать буржуазный строй.

Прежде всего нужно сдѣлать оговорку относительно помѣщенныхъ въ различныхъ органахъ, даже соціалистическихъ („Vorwärts"), замѣтокъ и сообщеній о томъ, что въ движеніи барцелонскомъ — его ядро, такъ сказать — составляли анархистскія массы.... Намъ кажется, совершенно правильнымъ мнѣніе высказанное корреспондентомъ „Journal". „ядро движенія составляли рабочія организаціи, участвовавшія въ стачкѣ и тѣмъ парализовавшія совершенно коммерческую и общественную жизнь въ Барцелонѣ, а анархистскіе элементы принимали участіе лишь въ стычкахъ съ полиціей и въ сраженіяхъ съ арміей..."

Уже нѣсколько разъ была рѣчь въ барцелонскомъ рабочемъ людѣ о генеральной стачкѣ***) разъ въ 1900 г. во время пріостановки работы въ ткацкихъ и прядильныхъ мастерскихъ, разъ въ 1901 г. во время стачки служащихъ конокъ. Тогда была пущена прокламація въ которой обращались съ призывомъ†) какимъ-бы то ни-было актомъ солидарности, выраженіемъ ли симпатіи по отношенію къ стачечникамъ, митингами или манифестаціями увеличить моральную силу праваго дѣла.

„Такъ какъ обстоятельства могутъ пойти ускореннымъ шагомъ, мы васъ предупреждаемъ, что мы готовы на все и что сигналъ данъ будетъ изъ Барцелоны." Подписано: „Мѣстный Комитетъ"...

Обстоятельства дѣйствительно пошли быстро...

Ужасное положеніе пролетаріата въ Испаніи вообще, постепенное вздорожаніе предметовъ первой необходимости, оставшіяся безъ результатовъ усилія рабочихъ повысить хоть немного заработную плату и уменьшить рабочій день — это первыя причины настоящаго движенія. Кромѣ того, утомленный полнымъ бездѣйствіемъ правительства, которое ничего не сдѣлало для разрѣшенія экономическаго кризиса, которое не предприняло ни одной мало-мальски важной соціальной реформы, пролетаріатъ рѣшилъ косвенно генеральной стачкой произвести давленіе на правительство.

17-го февраля состоялось до 45 митинговъ въ Барцелонѣ, была постановлена генеральная стачка и была выпущена, распространенная въ громадномъ количествѣ, прокламація приблизительно слѣдующаго содержанія:

„Прошла масляница!..††) Въ то время какъ буржуазія тратила свои деньги на конфетти, на маскарадные костюмы, на балахъ и въ ресторанахъ, — тысячи рабочихъ голодали!...

Теперь начался постъ.... Намъ нечего ѣсть. Наше терпѣніе исчезло. Въ виду такого отношенія къ намъ буржуазіи, примемся рѣшительно за дѣло.

Впередъ, товарищи!.. Бросимъ работу! Пусть всѣ прекращаютъ трудъ.... Пусть чувствуютъ вампиры-капиталисты... Будемъ всѣ безъ пищи, безъ питья, въ темнотѣ....

Наши враги сдадутся... Покажемъ капиталистическимъ классамъ, что безъ рабочаго общественная жизнь невозможна".

Генеральная стачка 17-го февраля началась. Не только рабочіе всѣхъ крупныхъ фабрикъ, заводовъ, но всѣ прикащики,†††) ремесленники, служащіе въ аптекахъ, носильщики, служащіе конокъ,†*) извозчики, кучера, швейцары, дворники, слесаря, ламповщики, столяры, булочники, скульпторы, граверы, типографы, рабочіе въ портахъ, каменщики приняли участіе въ этомъ колоссальномъ движеніи. Особенно интересно заявленіе типографовъ, которыхъ экономическое положеніе превосходно и къ которымъ патроны относятся безукоризненно: „Мы довольны нашими патронами — но изъ чувства рабочей солидарности мы участвуемъ въ стачкѣ!" †**)

„L'imparciela" (Испанія) признаетъ, что рабочая солидарность достигла громадныхъ размѣровъ, а посланный французскимъ соціалистическимъ комитетомъ привѣтъ испанскому пролетаріату буржуазные органы называютъ съ ужасомъ „революціонной солидарностью"...*†)

Въ первый же день генеральной барцелонской стачки, войска, хоть и видѣли только беззащитныхъ женщинъ съ красными знаменами — все таки не удержались, имѣя въ рукахъ оружіе, отъ стрѣльбы. Послѣдовало столкновеніе съ рабочими и три дня спустя — послѣ кровопролитія въ Тріестѣ — снова полилась рабочая кровь въ Барцелонѣ... 3 на смерть убитыхъ, 9 смертельно раненыхъ и 35 тяжело раненыхъ — результатъ первой бойни... На улицахъ воздвигаются баррикады... Кое гдѣ еще открытыя лавки, кіоски закрываются. . Наступаетъ полная тишина, прерываемая выстрѣлами солдатъ, да топотомъ конныхъ патрулей... Въ палатѣ буржуазныя партіи упрекаютъ правительство въ недостаткѣ энерги... Правительство обѣщаетъ быть на высотѣ своего полицейскаго призванія — обѣщаетъ точно выполнять требованія деспотическаго капитализма и объявляетъ Барцелону на военномъ положеніи. Одинъ только Леру заявилъ въ палатѣ, что порицаетъ правительство за строгости противъ пролетаріата, въ то время какъ ихъ слѣдуетъ направить противъ отвѣтственной за все буржуазіи и клеймитъ пусканіе въ ходъ военной силы противъ пролетаріата.**†)

20-го февраля закрылись одни только еще работавшія въ такое тяжелое время для рабочихъ каучуковыя фабрики. Наступилъ полнѣйшій параличъ всей жизни города съ 600.000 населеніемъ. Мощность городского пролетаріата сказалась здѣсь, несмотря на то, что полной подготовки къ этой стачкѣ, судя по заявленіямъ „El Socialista" не было... 20 фев. весь день прошелъ въ стычкахъ съ арміей, масса раненыхъ, убитыхъ; то же послѣдовало и 21 .. (Буржуазія начинаетъ выѣзжать изъ Барцелоны.)

„Сто убитыхъ, триста раненыхъ, пятьсотъ заключенныхъ — таковъ результатъ возстановленія мира и тишины правительствомъ (до 22 февраля)". „Стачечниковъ въ самомъ городѣ 70.000 — въ провинціи же всей вмѣстѣ — 200.000. Цифры эти нисколько не преувеличены — послѣдствія покажутъ, что эти вычисленія очень умѣренныя...*†*)

Барцелона оказалась въ этотъ день изолированной отъ всего внѣшняго міра; телеграфныя и телефонныя сношенія попорчены. На всѣхъ улицахъ стоятъ отряды конницы очень напоминающіе всѣмъ русскихъ казаковъ! (Удивительное дѣло, когда хотятъ сдѣлать особый комплиментъ возмутительной манерѣ войскъ — говорятъ о русскихъ казакахъ!).

Репрессаліи, пишетъ буржуазный корреспондентъ, были болѣе дики, чѣмъ терроръ, царившій въ городѣ отъ рабочихъ. Жандармы вели себя какъ „разъяренные звѣри". По осадному положенію они имѣютъ право убивать безъ распоряженія властей, а по своему личному произволу и этимъ правомъ они широко пользовались.

Рабочіе выходятъ изъ дома патроновъ, которымъ они дѣлали самыя миролюбивыя предложенія, — стоящій неподолеку жандармъ стрѣляетъ — „одинъ изъ нашихъ товарищей остается жертвой палача на мѣстѣ...

„Рабочихъ убиваютъ какъ бѣшеныхъ собакъ" — не только тѣхъ, что сопротивляются, манифестируютъ — а просто тѣхъ, кто кажется жандармамъ подозрительнымъ. Въ Красный Крестъ, подававшій помощь раненымъ, жандармы стрѣляли нѣсколько разъ.

Въ этотъ день была ко всему еще пущена въ ходъ артиллерія. Это — апогей буржуазнаго насилія, возстановленія буржуазнымъ правительствомъ спокойствія. Съ этого момента революціонное и стачечное движеніе идетъ на убыль — отчасти изъ за недостатка средствъ къ существованію стачечниковъ, отчасти изъ за неподготовленности; къ тому же стачечникамъ рабочимъ металлургическихъ заводовъ были сдѣланы требуемыя уступки: составлена коммиссія смѣшанная изъ рабочихъ и представителей компаніи для разсмотрѣнія ихъ требованій.

Вотъ вкратцѣ, далеко не полный отчетъ о варварской манерѣ охраны существующаго ужаснаго порядка вещей въ Испаніи

ИЗЪ ПАРТІИ.

Полемика „Зари" съ редакціей „Vorwärts". Статья о Любекскомъ съѣздѣ германской соціалъ-демократіи, помѣщенная въ № 2-3 „Зари", вызвала противъ ея автора рѣзкую полемику со стороны редакціи центральнаго органа германской соціалъ-демократіи, „Vorwärts". Это неудивительно. Статья въ „Зарѣ" была посвящена разсказу о подвигахъ нѣмецкихъ бернштейніанцевъ, а нынѣшняя редакція „Vorwärts" послѣ смерти Либкнехта проявила довольно податливое отношеніе къ Бернштейну и его сторонникамъ. Изъ этого факта не слѣдуетъ, однако, заключать, что большинство германской соціалъ-демократической партіи на сторонѣ Бернштейна: достаточно много фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что нынѣшняя редакція „Vorwärts" вовсе не выражаетъ взглядовъ большинства германскаго организованнаго пролетаріата. На Любекскомъ конгрессѣ редакціи „Vorwärts" пришлось выслушать нѣкоторня горькія истины отъ Бебеля и другихъ делегатовъ. Между прочимъ, Бебель упомянулъ и о томъ, что во время борьбы „умѣренныхъ" и „крайнихъ" въ французской соціалистической партіи „Vorwärts" сообщалъ нѣмецкимъ читателямъ о событіяхъ во французской партіи очень односторонне и пристрастно. Понятно, что пристрастіе это было направлено въ пользу Жореса и его фракціи и противъ гедистовъ и бланкистовъ.

Авторъ статьи въ „Зарѣ", съ своей стороны, охарактеризовалъ поведеніе „Vorwärts" во французскихъ партійныхъ дѣлахъ, какъ систематическое преслѣдованіе тѣхъ французскихъ соціалистовъ, которые неуклонно стояли на классовой точкѣ зрѣнія, и пропаганду въ пользу тѣхъ изъ нихъ, которые, во главѣ съ Жоресомъ, предавали интересы пролетаріата въ интересахъ „соціалистическаго министра" г. Милльерана. Французскій отдѣлъ въ „Vorwärts" ведется, главнымъ образомъ, г-мъ Кричевскимъ. Поэтому соотвѣтствующее мѣсто въ статьѣ „Зари" было направлено прежде всего противъ г. Кричевскаго.

Редакція „Vorwärts" немедленно напала на сотрудника „Зари", обвиняя его въ недобросовѣстной клеветѣ на Кричевскаго. „Vorwärts" заявилъ, что Кричевскій никогда не велъ пропаганды въ пользу Милльерана и Жореса и никогда не „обливалъ помоями" французскихъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ. Замѣтка „Vorwärts" была приправлена неприличной выходкой противъ „анонимности" автора (г. г. бернштейніанцы до того „лойяльны", что, какъ видно, даже не могутъ себѣ представить, что русскій соціалистъ вынужденъ отказаться отъ чести печатать свое полное имя!) и заключали въ себѣ одно неправильное толкованіе словъ „Зари". На эту неправильность поспѣшилъ обратить вниманіе редакціи К. Каутскій въ письмѣ, которымъ онъ, по собственному заявленію, желалъ предупредить лишнее раздраженіе въ необходимо имѣющей разгорѣться полемикѣ. Редакція „Vorwärts" не только не захотѣла понять всю основательность разъясненій Каутскаго, но и грубо отвергла его вмѣшательство въ отвѣтѣ на его письмо. Новое письмо Каутскаго имѣло такой же неуспѣхъ и редакція сдѣлала вызовъ „Зарѣ", чтобъ она сама объяснилась по поводу предъявленныхъ къ ней обвиненій.

Авторъ статьи въ „Зарѣ" написалъ тотчасъ же обстоятельное письмо въ редакцію „Vorwärts", въ которомъ многочисленными цитатами изъ прежнихъ корреспонденцій Кричевскаго доказалъ свое утвержденіе, что Кричевскій велъ пропаганду въ пользу Жореса и Милльерана и возстановлялъ нѣмецкихъ читателей противъ дѣйствительно — пролетарскихъ партій — гедистовъ и бланкистовъ. Но редакція „Vorwärts" не захотѣла помѣщать такого письма, хотя оно было написано безъ всякой „рѣзкости". Она заявила, что не намѣрена затѣвать принципіальной полемики по такимъ, якобы неинтересующимъ нѣмецкихъ рабочихъ вопросамъ, а потому требовала, чтобы сотрудникъ „Зари" удалилъ изъ своего письма доказательства.

Пришлось обратиться къ правленію партіи и лишь при его посредствѣ „Зарѣ" удалось побудить „Vorwärts" помѣстить письмо Ignotus, но въ сильно сокращенномъ видѣ. Добрую половину цитатъ пришлось удалить, чтобъ не затягивать „торга" съ редакціей.

Въ отвѣтъ на это письмо „Vorwärts" разразился новой бранью и обѣщалъ побѣдоносный отвѣтъ г. Кричевскаго. Въ этомъ отвѣтѣ г. Кричевскій изумляется по поводу того, какъ де мало цитатъ изъ его статей привелъ Ignotus въ доказательство мильеранизма Кричевскаго. Пусть потолкуетъ объ этомъ г. Кричевскій съ редакціей „Vorwärts": она ему разскажетъ, что въ подлинникѣ письма Ignotus'а этихъ цитатъ было много больше! Далѣе Кричевскій пытается показать, что онъ и въ 1899 и 1900 г. иногда критиковалъ Милльерана и Жореса. Онъ признаетъ, что умолчалъ въ своихъ корреспонденціяхъ о резолюціяхъ рабочихъ организацій противъ законопроектовъ Милльерана, но увѣряетъ, что сдѣлалъ это не изъ пристрастія къ Милльерану, но потому, что въ то время какъ разъ былъ занятъ русскими дѣлами и не могъ написать въ „Vorwärts". Кто такъ оправдывается, тотъ самъ себя обвиняетъ.

Очевидное нежеланіе „Vorwärts" дать ей возможность выяснить вопросъ нѣмецкой публикѣ заставляетъ „Зарю" отказаться отъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ редакціей этой газеты. „Заря" можетъ быть удовлетворена тѣмъ, что по поднятому ею вопросу высказались Парвусъ (въ особой статьѣ о корреспондентѣ „Vorwärts"), Цеткина (въ рефератѣ, прочитанномъ въ Берлинскомъ рабочемъ собраніи) и органъ французской рабочей партіи „Socialiste". Всѣ они подтвердили правоту нашего мнѣнія о позиціи, занятой корреспондентомъ „Vorwärts" въ дѣлахъ французскаго соціализма.

Среди Французскихъ гедистовъ и бланкистовъ имя Кричевскаго, благодаря этой полемикѣ, стало очень „популярно", что видно изъ слѣдующихъ фактовъ: одинъ бывшій гедистъ, разсорившійся съ своей партіей, издалъ прокламацію, въ которой нападаетъ на мнимую „диктатуру" вождей партіи и провозглашаетъ полную независимость мѣстныхъ группъ. По этому поводу Petit Sou, органъ гедистовъ и бланкистовъ, говоритъ, что эта прокламація привела въ восхищеніе „Кричевскихъ" международнаго поссибилизма, въ томъ числѣ и того, который пишетъ въ „Vorwärts". Въ другомъ № Petit Sou сообщается о полномъ разложеніи министерской „соціалистической" партіи и авторъ даетъ дружескій совѣтъ „г Кричевскимъ" принять во вниманіе, что дѣла жоресизма плохи и дни его сочтены.

И, дѣйствительно, въ самое послѣднее время г. Кричевскій перемѣнилъ фронтъ. Отъ Милльерана онъ окончательно отказался уже послѣ пріѣзда Николая II въ Парижъ. Теперь же онъ сталъ открещиваться и отъ Жореса, который, въ теченіи 2-хъ послѣднихъ лѣтъ, былъ его идоломъ. Теперь онъ съ сокрушеніемъ констатируетъ то, что всѣ принципіально — устойчивые люди видѣли уже давно, — именно, что Жоресъ промѣнялъ пролетарскій соціализмъ на мелкобуржуазный демократизмъ. И теперь онъ не щадитъ своего поверженнаго кумира, не скрываетъ отъ читателей „Vorwärts“ и „Рабочаго Дѣла“ (см. № 11-12) вредной роли, которую играетъ Жоресъ и его партія во французскомъ рабочемъ движеніи. Болѣе того: теперь Кричевскій начинаетъ проявлять признаки сочувствія дѣятельности гедистовъ и бланкистовъ; послѣ того, какъ онъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ увѣрялъ, что они — главная помѣха дѣлу объединенія французскаго пролетаріата, теперь онъ выражаетъ слабую надежду, что вокругъ нихъ-то и совершится сплоченіе французскихъ пролетарскихъ силъ. Очевидно, дѣла Жоресистской партіи совсѣмъ таки плохи: крысы начинаютъ покидать тонущее судно.

---

*) „Berliner Tageblatt", 24, 25 февр

**) Le „Journal", 23 ф.

***) „Frankfurter Zeitung".

†) „Petit Sou", 21 ф. 1902 г.

††) „Petite Republique" № 20/II-1902 г.

†††) „Frankfurter Zeitung".

†*) „Petit Sou", 20/II-1902 г.

†**) „Le Journal" (франція), 20/II-1902 г.

*†) „L'etoile belge", 23 февр

**†) „Petit Sou", 21/II-1902 г.

†) „Le Journal", 23/II-1902 г.

Въ добрый часъ г. Кричевскій! Лучше поздно, чѣмъ никогда! Одинъ только совѣтъ дадимъ мы вамъ цо этому поводу: если вы, дѣйствительно, рѣшились перебѣжать съ праваго фланга на лѣвый, то не мѣшало-бы въ новой позиціи сохранить больше безпристрастія, чѣмъ вы проявили на прежней. Было бы очень нехорошо, если-бъ, отрезвившись отъ упоенія жоресизмомъ, вы стали такъ же оплёвыватъ своихъ прежнихъ союзниковъ, какъ это дѣлали прежде съ революціонными соціалистами. Короче: въ своихъ русскихъ и нѣмецкихъ корреспонденціяхъ говорите одну правду и избѣгайте вдаваться въ „философію“, изъ которой кромѣ срама, до сихъ поръ ничего не выходило.

Само собой разумѣется, что, какъ испытанный оппортюнистъ, г-нъ Кричевскій при новомъ „историческомъ поворотѣ“ прежде всего старается замести свои слѣды. По этому въ томъ же № 11-12 „Рабочаго Дѣла“, гдѣ помѣщена его статья въ новомъ духѣ, русскимъ читателямъ разсказывается о полемикѣ „Vorwärts“ съ „Зарей“ и съ удовольствіемъ выписываются похвалы, которыя „Vorwärts“ расточалъ Кричевскому за его статьи прежняго времени и брань, которою онъ осыпалъ сотрудника „Зари“.

„Рабочему Дѣлу“ пришлись по душѣ даже тѣ рѣзкости, которыми „Vorwärts“ отвѣтилъ па дружеское письмо Каутскаго. Въ заключеніе „Рабочее Дѣло“ сообщаетъ, что отъ изложенія дальнѣйшей полемики по этому поводу оно избавитъ своихъ читателей. Ну, еще бы! Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Не помѣщать же „Рабочему Дѣлу“ тѣ цитаты изъ неизвѣстныхъ русскому читателю статей Кричевскаго, въ которыхъ онъ ясно вырисовывается, какъ вѣрный защитникъ не только Миллерана, но и Вальдека Руссо и даже — увы! — убійцы коммунаровъ — Галлифэ!

Мы получили слѣдующее письмо:

„Въ примѣчаніи къ корреспонденціи изъ Перми (№ 14) редакція высказывается въ томъ смыслѣ, что выговоръ корреспондента „Пермскому Краю“ слѣдовало бы направить по адресу участниковъ собранія, которые, будто-бы, изъ боязни выговора отрицали свое участіе въ собраніи. Намъ извѣстно, что присутствующіе на собраніи не отрицали своего участія въ этомъ собраніи, а отрицали только фактъ собранія въ библіотекѣ спеціально для обсужденія статьи „Гражданина“.

Поступали они такъ не изъ трусости, а не желая навлечь еще большія репрессіи на безплатную библіотеку.

Просимъ редакцію внести поправку въ этомъ смыслѣ.

Группа участниковъ собранія“.

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что съ участниковъ собранія снимается этимъ тѣнь, которая могла падать на нихъ по первому сообщенію.

Приводимъ полностью два слѣдующія, доставленныя намъ одновременно, заявленія:

(А). „Скоро исполнится годъ существованія „Искры“. Мы, невольные поселенцы одной изъ не столь отдаленныхъ губерній пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить свое горячее сочувствіе „Искрѣ“ и тому дѣлу, которому она служитъ.

„Появленіе „Искры“ совпало съ эпохой перелома въ русской соціалдемократіи. 17 лѣтъ тому назадъ только-что зарождавшаяся соціалдемократія устами нашего товарища Плеханова признала свою преемственность съ партіей „Нар. Воли“, признала, что для насъ, соціалдемократовъ, остается такъ же, какъ и для „Народной Воли“ ближайшей задачей сверженіе абсолютизма. Мы должны идти другимъ путемъ къ осуществленію этой задачи. Но самая задача остается той же, и за партіей „Нар. Воли“ остается безсмертная заслуга, что она выдвинула на первый планъ борьбу съ самодержавіемъ. Къ сожалѣнію, то завѣщаніе, которое оставила намъ умирающая „Нар. Воля“, было скоро забыто частью соц.-демократовъ. Сначала дѣятельность соц.-дем. носила кружковой характеръ. Она состояла въ организаціи наиболѣе выдающихся рабочихъ. Но подобная дѣятельность не могла долго удовлетворять; отъ кружковъ отдѣльныхъ выдающихся рабочихъ нужно было перейти къ рабочей массѣ. Для того, чтобы привлечь ее къ соціалистическому дѣлу, необходимо было сперва извѣстнымъ образомъ приспособиться къ ней, необходимо было отправляться прежде всего отъ ея повседневныхъ интересовъ. Но, какъ часто бываетъ, средства для осуществленія извѣстной цѣли заслонили для значительной части соц.-демократовъ самую цѣль. Извѣстнымъ образомъ приспособляться къ рабочей массѣ необходимо было только для того, чтобы найти точку приложенія для соціалистическаго воздѣйствія, для политической пропаганды. Но скоро приспособленіе для многихъ изъ средства превратилось въ цѣль, оно само стало руководящимъ принципомъ дѣятельности. Появилось такъ-наз. „экономическое направленіе“.

Всегда и вездѣ изъ борющейся массы выдвигаются болѣе сознательныя и болѣе выдающіяся личности, которыя идутъ впереди массы, освѣщаютъ ей путь, и историческія задачи извѣстнаго класса выдвигаютъ задолго до того, когда эти задачи дѣлаются достояніемъ большинства. Всегда борьба идетъ отъ отдѣльныхъ личностей къ меньшинству съ тѣмъ, чтобы охватить въ концѣ концовъ большинство. Вмѣсто этого естественаго пути развитія представители такъ-называемаго экономическаго направленія рекомендовали рабское прислужничество большинству. Вмѣсто того, чтобы возвышать до себя большинство, они предпочитали сами принижаться до большинства; они находили возможнымъ выдвигать только тѣ задачи, которыя назрѣли уже въ сознаніи большинства. Какъ будто бы самый процессъ назрѣванія этихъ задачъ не состоялъ всегда и вездѣ въ систематическомъ воздѣйствіи меньшинства на большинство, воздѣйствіи, которое сегодня, завтра можетъ давать неудачи, но такія неудачи, которыя родятъ успѣхъ! Эта проповѣдь рабскаго подділыванія подъ настроеніе большинства рядомъ съ печальной памяти „Рабочей Мыслью“ была выдвинута также, хотя и въ значительно болѣе ослабленномъ видѣ, „Рабочимъ Дѣломъ“. Рабочее движеніе разлагалось на стадіи, и въ каждой изъ подготовительныхъ стадій этого движенія соціалистической интеллигенціи и болѣе выдающимся рабочимъ предлагалось скрывать отъ массы большую или меньшую часть своихъ убѣжденій въ зависимости отъ того, созрѣло или не созрѣло для этихъ убѣжденій большинство.

Но не даромъ жили и умирали дѣятели „Народной Воли“. Ихъ завѣщаніе не пропало даромъ. Не успѣло появиться и оформиться „экономическое“ направленіе, какъ оно начало встрѣчать отовсюду протесты и оппозицію со стороны болѣе сознательныхъ слоевъ соц.-демократіи. Въ отвѣтъ на проповѣдь „экономистовъ“ началъ раздаваться изъ среды соціалдемократіи совершенно противоположный призывъ, — борьба, немедленная и непримиримая борьба съ давящимъ насъ полицейскимъ режимомъ. Не ждать, пока масса проникнется этимъ настроеніемъ, а стараться всѣми силами вызвать у нея это настроеніе. Нашими могучими союзниками являются тѣ нестерпимыя условія, въ которыхъ задыхается эта масса. Эти условія могутъ быть существенно измѣнены только съ паденіемъ самодержавія. Масса, говорите вы, еще не вполнѣ сознала это, такъ пробудите же въ ней это сознаніе, укажите ей, кто ея врагъ, пользуйтесь для этого всякимъ сколько-нибудь подходящимъ поводомъ, — вѣдь этихъ поводовъ такъ много даетъ сама жизнь. И не смущайтесь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ваша проповѣдь на найдетъ достаточнаго отклика или даже встрѣтитъ сопротивленіе. Не заключайте легкомысленно изъ этого, что рабочее движеніе находится на той стадіи развитія, когда неумѣстны разговоры о борьбѣ съ самодержавіемъ. Проповѣдь извѣстныхъ взглядовъ западаетъ въ душу человѣка не только тогда, когда онъ проникается этими взглядами, она пускаетъ у него глубокіе корни обыкновенно еще тогда, когда онъ оказываетъ имъ упорное сопротивленіе. И какой-нибудь новый яркій фактъ жизни, съ которымъ столкнется этотъ человѣкъ, будетъ достаточенъ для того, чтобы онъ изъ горячаго противника вашей проповѣди превратился въ ея горячаго сторонника.

За это направленіе въ соц.-демократіи говорила сама жизнь; оно отвѣчало ея назрѣвшимъ потребностямъ и оно оттѣснило. поэтому, на задній планъ представителей такъ-наз. „экономическаго направленія“ прежде, чѣмъ тѣ успѣли отвѣтить на всѣ возраженія, которыя на нихъ сыпались. Наиболѣе яркимъ и талантливымъ выразителемъ этого направленія въ соц.-демократіи является теперь „Искра“ вмѣстѣ съ „Зарей“, и мы, сторонники этого направленія, пользуемся поэтому случаемъ, чтобы выразить свое горячее сочувствіе той энергичной борьбѣ, которую „Искра“ ведетъ около года и въ которой она, встрѣчая много друзей, встрѣчаетъ не мало враговъ. При этомъ, въ виду различныхъ инсинуацій, къ которымъ начинаютъ прибѣгать враги „Искры“, мы считаемъ нелишнимъ добавить, что мы ставимъ въ особую заслугу „Искрѣ“, что она смотритъ широко на задачи соціалистическаго движенія въ Россіи, что она не только не предлагаетъ рабочему пролетаріату замкнуться въ узкія рамки чисто рабочихъ интересовъ, но предлагаетъ ему примыкать ко всякаго рода протестамъ противъ политики произвола и насилія, откуда бы эти протесты ни исходили и въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ искать себѣ союзниковъ вездѣ, гдѣ ихъ можно найти.

Многое остается, конечно, невыясненнымъ въ этой позиціи „Искры“. Кто является наболѣе естественнымъ союзникомъ рабочаго пролетаріата въ его борьбѣ съ самодержавіемъ? въ какое отношеніе рабочій пролетаріатъ долженъ встать съ разоряющимся и голодающимъ крестьянствомъ? Эти вопросы „Искра“ только намѣтила, но не дала на нихъ отвѣта. Было бы странно, конечно, посылать „Искрѣ“ упрекъ, что она, выпустивши только нѣсколько нумеровъ, не дала исчерпывающаго отвѣта на всѣ вопросы, назрѣвшіе въ русской жизни. Единственно, что мы находимъ себѣ возможнымъ позволить — это выразить пожеланіе, чтобы „Искра“ отвела возможно больше мѣста вопросу объ отношеніи нашемъ къ крестьянству и въ виду сложности и запутанности этого вопроса дала бы возможность на своихъ страницахъ высказаться по этому вопросу представителямъ различнымъ взглядамъ въ соц.-демократіи. Но вообще говоря, мы считаемъ болѣе умѣстнымъ въ настоящій моментъ останавливаться не на томъ, чего „Искра“ еще не сдѣлала, а на томъ, что она уже сдѣлала, и въ виду предстоящаго годового юбилея „Искры“ мы шлемъ „Искрѣ“ съ далекаго сѣвера, куда насъ забросила судьба, свой горячій привѣтъ и пожеланіе смѣло и неуклонно идти по тому пути, по которому она шла до сихъ поръ, не смущаясь ни злостнымъ шипѣніемъ враговъ, ни инсинуаціями, откуда бы они ни исходили“.

(Б) „По поводу посылки адреса „Искрѣ“ Общее собраніе *** колоніи единогласно постановило не принимать въ немъ участія по слѣдующимъ соображеніямъ:

„1) Мы не имѣемъ достаточно матеріала для объективной оцѣнки заслугъ этого органа; первые же нумера (1, 2, 3, 4 и 7), съ которыми мы знакомы, производятъ такое впечатлѣніе, что прежніе вопросы трактуются тамъ поверхностно, а новый вопросъ о своевременности привлеченія крестьянъ къ революціи ставится на слишкомъ широкую почву, а № 7 даже дискредитируется указаніемъ на мѣстныя возмущенія крестьянъ изъ-за земельныхъ споровъ, какъ на признаки общаго недовольства крестьянъ современнымъ строемъ.

„2) Послать адресъ только „Искрѣ“ это значило бы выразить косвенное порицаніе „Рабочему Дѣлу“.

„3) Меньшинство мотивируетъ свое отрицательное отношеніе къ адресу тѣмъ, что чествованіе революціонныхъ органовъ печати самыми революціонерами не должно имѣть мѣста, такъ какъ оно равносильно самовосхваленію“.

Только что появилось въ свѣтъ: „ЧТО ДѢЛАТЬ“ (Наболѣвшіе вопросы нашего движенія) Н. Ленина. (Verlag J. H. W. Dietz, Stuttgart.)

Оглавленіе: Предисловіе. I. Догматизмъ и „свобода критики“: а) Что значитъ „свобода критики?“; б) Новые защитники „свободы критики“; в) Критика въ Россіи; г) Энгельсъ о значеніи теоретической борьбы. II. Стихійность массъ и сознательность соціаль-демократіи; а) Начало стихійнаго подъема; б) Преклоненіе предъ стихійностью. Рабочая Мысль; в) „Группа самоосвобожденія“ и „Рабочее Дѣло“. III. Трэдъ-юніонистская и соціаль-демократическая политика; а) Политическая агитація и ея съуженіе экономистами; б) Повѣсть о томъ, какъ Мартыновъ углубилъ Плеханова; в) Политическія обличенія и „воспитаніе революціонной активности“; г) Что общаго между экономизмомъ и терроризмомъ?; д) Рабочій классъ какъ передовой борецъ за демократію; е) Еще разъ „клеветники“, еще разъ „мистификаторы“. IV. Кустарничество экономистовъ и организація революціонеровъ; а) Что такое кустарничество? б) Кустарничество и экономизмъ; в) Организація рабочихъ и организація революціонеровъ; г) Размахъ организаціонной работы; д) „Заговорщическая“ организація и „демократизмъ“; е) Мѣстная и общерусская работа. V. „Планъ“ общерусской политической газеты; а) Кто обидѣлся за статью „Съ чего начать“?; б) Можетъ ли газета быть коллективнымъ организаторомъ?; в) Какого типа организація намъ нужна?. Заключеніе. Приложеніе: Попытка объединенія Искры съ Рабочимъ Дѣломъ. — Стр. 144. Цѣна 1 руб.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Петербургъ. Громадные аресты произведены съ 6-го по 9-ое февраля. Взяты: студенты универс. Таскинъ, Райковъ, Воскресенскій, Лукьяновъ, Добровольскій, Алексѣй Ивановъ (все-старосты), Соколовъ, Сватиковъ, Вѣтровъ, Горбуновъ, Шехтеръ, Плехановъ, Лесневскій, Апполоновъ, Евлаховъ, Логиновъ, Соболевъ; технологи — Бебелинъ, Богатыревъ, Вознесенскій, Вдовскій, Гробовскій, Замараевъ, Красноуховъ, Классенъ, Кирпичниковъ, Погосовъ, Трубо, Шулыгинъ, Рыжковъ, Новаченко, Трифоновъ, Шефрановъ, Норкинъ, Лебединскій; медики — Цѣхановскій, Свѣшниковъ, Петровскій, Бочкаревъ, Ракидинъ; студ. Инст. Граж. инженер. Горенбергъ, инжен. технол. Аносовъ, г-жи Гуро, Радченко, Фортунатова, технологъ Овечкинъ и друг.

18-го февраля аресты повторились.

Москва. Въ ночь на 8-ое февраля множество арестовъ.

Л. Никифоровъ, Давыдовъ, Скворцовъ, Рудневъ и покровскій послѣ 4-хъ мѣс. заключенія сосланы въ охранномъ порядкѣ въ Сибирь на 3 года,

Въ Кіевѣ сидятъ: Гальперинъ Левъ интел., Крохмаль Викторъ интел., Гуковскій врачъ, Рыбаковъ студ. медикъ, Непомнящій (скрываетъ фамилію), Каневецъ Петерб. студ., Каневецъ Ал. интел., Голицинскій студ., Харченко интел. (привезенъ изъ Харькова), Корженевскій раб., Нетесинъ раб., Селюкъ интел. -а. Домбровская.

Въ Лукъяновской тюрьмѣ Красный Крестъ насчитываетъ 110 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, что сидятъ въ арест. ротахъ.

Студентъ Вольскій, избитый на демонстраціи, пробывъ въ больницѣ около двухъ дней, уѣхалъ домой. Теперь тутъ сидитъ въ тюрьмѣ, обвиняется (голословно) въ нанесеніи ударовъ палкой по головѣ пристава Закусилова, когда тотъ отнималъ знамя.

По слухамъ будутъ судить сурово.

Смоленскъ. Арестованы рабочіе Журавлевъ (изъ Москвы), Виноградовъ (изъ Петерб.) и Трифоновъ (изъ Петерб.) — всѣ поднадзорные и интеллигентъ Каганъ.

Нижній Новгородъ. Въ ночь съ 16 на 17-ое февраля взяты: студенты: Лукосѣевъ, Сѣсинъ, 2 брата Марковичъ, Корсакъ, Затинщиковъ, Рюриковъ; курсистки — О. Кольбергъ, С. Доброхотова, Синева; бывш. гимназистъ Свердловъ (3-ій разъ), бывш. реалистъ Гурвичъ, бвыш. гимназистка Соколова (2-ой разъ), учительница Покровская, фельдшерица Второва, служащ. въ Городской управѣ Пушкаревъ, столяръ Бронинъ, столяръ Комоловъ, слесарь Санаевъ.

Ярославль. Послѣ распространенія прокламаціи о введеніи усиленной охраны арестовано 20 рабочихъ.

Одесса. 8-го Февраля арестовано нѣсколько сотъ человѣкъ.

Баку. Въ началѣ января арестована Гинзбургъ.

Ростовъ на Дону. Около 19-го февраля арестованы Самойловъ и другіе.

Въ Двинскѣ большой провалъ въ февралѣ.

Въ Вильнѣ арестовано 6 офицеровъ.

Кишиневъ. 8-го февраля арестованы: бывшіе ссыльные г-жа Розенблюмъ и Капцанъ, г-жа Коганъ-Эстринъ, акушерка Баргъ (въ 3-ій разъ), Батушанскій (дантистъ), Бѣленькій (приказчикъ), Годлевскій (учитель) съ женой, Бергъ (рабочій), Аронъ (рабочій), Бронтманъ (60-ти лѣтн. старикъ) и еще нѣсколько человѣкъ. Масса обысковъ.

Иваново-Вознесенскъ. По дѣлу о майскихъ листкахъ 1900 г. приговорены: Владим. Носковъ, бывшій студ.-технологъ -4 г. Вост. Сибири, Владим. Бубновъ -3 г. Вятск. руб., чиновн. Государств. Банка Постниковъ (оговаривалъ) — 3 г. Вятск. руб., Володина (рецидивистка) — 6 мѣс. тюремн. заключенія, рабочіе Жаровъ и Гаравинъ (предатели) — по 1 году тюремн. заключенія; рабочіе Киселевъ, Кирякинъ, Масловъ, Доброхотовъ, Корниловъ, Дворовъ, Макаровъ, Полянинъ, Королевъ — по 6 мѣс.; Звѣздинъ, Воронина, Блиновъ — по 4 мѣс. Соковинъ и Гарелинъ — по 3 мѣс. Всего по дѣлу привлекалосъ 35 человѣкъ, приговоры остальныхъ неизвѣстны.

Иваново-Вознесенскъ. Распространенный комитетомъ листокъ по поводу объявленія приговора товарищамъ, привлеченнымъ по дѣлу 1900 г., взбѣсилъ жанд. ротмистра и онъ произвелъ въ январѣ 70 обысковъ, арестовалъ 30 рабочихъ, но ничего не добился.

Кохма, Шуйск. у., Влад. губ. Въ январѣ арестовано 8 рабочихъ, ставшихъ жертвой провокатора-лавочника Черкасова, который самъ организовалъ кассу и былъ въ ней кассиромъ.

Полтава. 8-го февраля арестованы: студенты — Алексѣенко, Баумштейнъ, Берлинъ, Васильевскій, Гомеля, Иваницкій Покатиловъ, Русовъ, Рывлинъ, Шехтеръ, Эдиге (все-поднадзорные); акушерки Шамраевская, Шатуновская, Гутманъ; бывш. курсистки: Карчевская, Коршунова, Завойко, Педашенко; врачъ Е. Левинъ; кончивш. университ. Войткевичъ, служащ. въ управѣ Гедеоновская; поднадзорные: Гуревичъ, Гакъ, Иваницкая, Казарновская, Кацевалова, Панфиловъ, Столпнеръ, Шепелева, Шехтманъ; чертежникъ Ханъ; жена врача Трутовская; Марія Сыцянко, бывш. офицеръ Сухотскій, служащ. въ управѣ В. М. Черновъ, сестра милосердія Цыплакова; рабочіе Сонкинъ, Финкельштейнъ, Кононъ-Рыжій, Рудинъ, Ломашевъ; бернская курсистка Лондеръ; работница Даргольцъ; техникъ Морозовъ; 18-го февраля взятъ рабочій Петровъ.

Изъ Архангельска бѣжали сосланные сюда рабочіе Семенуха и Коротковъ, привлекавшіеся по ярославскому дѣлу (января 1901 года) съ А. П. Доливо-Добровольскимъ.

Тифлисъ. Въ ночь на 17 февраля арестовано около 30 чел., въ томъ числѣ человѣкъ 15-рабочіе. Аресты вызваны слухами о готовящейся на 19-ое фев. демонстраціи. Арестованы: Коркашвили, Сим. и Северіанъ Джугели, Караджевъ, Капанадзе, Климіевъ, Мегрелидзе, Лежава, Гогуа, Билановъ, Чхеидзе, Чодришвили, Окуашвили, Аракелъ и др.

Кутаисъ. Въ началѣ февраля въ мужской гимназіи у нѣсколькихъ гимназистовъ были обыски.

Елизаветградъ. 15-18 февраля взяты д-ръ Сощинъ, Басистъ и г-жа Худишъ (оба послѣдніе выпущены), рабочій Янкелевичъ и еще нѣсколько лицъ.

— Въ Орловѣ, Вятской губ., окончила жизнь самоубійствомъ Кл. Ник. Приходькова, сосланная на 4 года по соц.-дем. дѣлу 1897 г. въ Петербургѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отъ Сибиряковъ 200 рубл.

С. П. Б. представителемъ получено: отъ читателей 14 р. 50 к., за литерат. 5 р., отъ С. П. Б. Комитета за литературу 400 р., отъ читателей изъ Харькова 5 р., всего 424 р. 50 к.

Изъ Цюриха 53 марки; изъ Берна черезъ Рудникова 164,70 фр., въ томъ числѣ изъ консума Б. К. Ф. 52,70 фр. и съ бала 42 фр., отъ Женевской группы 32 фр., въ пользу Обуховцевъ 12 шилл., отъ „Свободы“ 90,50 фр., изъ Лозанны черезъ члена Лиги 30 фр., отъ Н. Б. 40 фр. и старый долгъ 19 фр., за литературу Кольцовымъ получено 192,60 фр. Черезъ Плеханова отъ сибирячки 10 фр. Изъ Брюсселя 33 фр.

Ъ — Корреспонденція къ этому номеру опоздала, будетъ помѣщена въ слѣдующемъ.

Ѳедорову. Корреспонденція получена, ждемъ письма.

Товарищу, писавшему „за старичка“. Пришлите скорѣе адреса для писемъ и для явки.

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа „Борьба“? Мы знали изъ нея нѣсколькихъ сотрудниковъ „Зари“ (двѣ статьи) и „Искры“ (3 корреспонденціи, 2 статьи и 1 замѣтка). Нѣсколько присланныхъ ими статей не было помѣщено. Теперь они выступили съ печатнымъ „объявленіемъ“, жалуясь на нашъ „недемократизмъ“ и ратуя даже . . ., противъ Personencultus! Какъ опытный человѣкъ, вы уже изъ одного этого, безподобнаго и несравненнаго, словечка, поймете, въ чемъ тутъ суть. А когда „Борьба“ напечатаетъ свою статью противъ „Съ чего начать“, о непринятіи которой они тоже говорятъ въ объявленіи, — тогда и совсѣмъ неопытные въ партійныхъ дѣлахъ товарищи поймутъ, почему мы не встрѣтили этихъ сотрудниковъ съ распростертыми объятіями.

На счетъ „демократизма“ см. „Что дѣлать“, IV, д: сказанное тамъ о „Рабочемъ Дѣлѣ“ относится и къ „Борьбѣ“.

Иваново-Вознесенцамъ. Въ вашей корреспонденціи сообщаются свѣдѣнія, уже помѣщавшіяся въ разныхъ изданіяхъ. Просимъ продолжать присылать.

Подолянину. Сообщите вашъ адресъ — мы его не имѣемъ; вѣроятно, затерялось письмо.

Другу Тани на Сѣверѣ. Повторите адресъ для писемъ и пишите аккуратнѣе.

Отцу Нины. Письмо получено. Дайте адресъ для писемъ, старый не годится.

Въ мартѣ мѣсяцѣ мы выпускаемъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, только одинъ номеръ Искры. Слѣдующій номеръ надѣемся выпустить къ 1 апрѣля.

Вышло иллюстрированное приложеніе къ №18 Искры — по поводу рѣчи Николая II къ представителямъ корпуса жандармовъ.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

Dec 12 1911

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 19

1-го АПРѢЛА 1902 ГОДА.

№ 19

ПАТРІОТИЗМЪ И ПРАВЯЩАЯ КЛИКА.

Газета „Свѣтъ“, а за нею и „М. Вѣд.“, заявляютъ ввиду нынѣшнихъ революціонныхъ волненій, что наша молодежь является безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ „международныхъ агитаторовъ“, устраивающихъ безпорядки въ цѣляхъ повредить могуществу Россіи.

„Международные агитаторы“ — это мы — соціалисты. Мы задались цѣлью ослабить политическое могущество Россіи и ради этой цѣли вызываемъ волненія среди рабочихъ, крестьянъ и молодежи. Неизвѣстно, платятъ-ли намъ за это деньги иностранныя державы, т. е., „Свѣтъ“ и Ко. не прочь бы заявить, что онѣ платятъ намъ деньги, но такое заявленіе было бы не совсѣмъ удобно въ виду все учащающихся фактовъ преслѣдованія русскихъ соціалистовъ со стороны европейскихъ правительствъ. Въ прошломъ году шесть русскихъ соціалистовъ было изгнано изъ Швейцаріи, недавно столько же подверглось изгнанію изъ Франціи, а затѣмъ начались высылки изъ Пруссіи. Очевидно, что о соглашеніи между западно — европейскими правительствами и „международными агитаторами“ говорить не приходится. Тѣмъ хуже для послѣднихъ. Почтенныя реакціонныя газеты могли бы еще объяснить „по человѣчеству“ денежную сдѣлку между „агитаторами“ и „враждебными Россіи державами“, но только извращенностью человѣческой природы могутъ они истолковать непонятное поведеніе агитаторовъ, которые изъ одной безконечной ненависти къ отечеству навлекаютъ на него всякія внутреннія неурядицы, играя въ руку англичанамъ, нѣмцамъ и другимъ „прирожденнымъ“ врагамъ Россіи.

Въ виду такого непатріотическаго поведенія агитаторовъ-соціалистовъ, самодержавіе спѣшитъ проявить патріотизмъ собственной своей политики. Въ то время, какъ „международные агитаторы“ губятъ отечество своей борьбой за свободное развитіе отечества, „командующіе классы“ и ихъ покровитель-самодержавіе укрѣпляютъ силу и могущество Россіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Правительство объявляетъ о предстоящемъ заключеніи новаго заграничнаго займа. 393 милліона марокъ (около 200 мил. рублей) ему обѣщали дать германскіе банкиры изъ 4%. Заключеніе этого займа составляетъ важное событіе въ исторіи финансовой политики самодержавія. Съ конца 80-хъ годовъ цѣлью этой политики было освобожденіе Россіи отъ власти германской биржи. Пресловутый франко-русскій союзъ, основанный на дурачени французской буржуазіи, долженъ былъ послужить и, дѣйствительно, послужилъ тому, чтобы выкачивать изъ богатой Франціи сотни милліоновъ на покрытіе „недоборовъ“ въ доходахъ казны. Въ свое время „патріотическія“ газеты не находили словъ для восхваленія „истинно-русской“ политики Вышнеградскаго и Витте, которымъ удалось вывести Россію изъ того печальнаго положенія, когда при малѣйшемъ недовольствѣ Бисмарка политикой русскаго правительства, нѣмцы, въ качествѣ владѣльцевъ русскихъ государственныхъ бумагъ, производили съ бѣднымъ (тогда еще бумажнымъ) рублемъ такія операціи, отъ которыхъ вся экономическая жизнь Россіи испытывала нѣчто въ родѣ землетрясенія. Подъ управленіемъ Вышнеградскаго и Витте, говорили намъ, Россія получила возможность свободно вести свою внѣшнюю политику, такъ какъ ея кредиторъ — не „прирожденный врагъ“ Германія, но вѣрный и покорный союзникъ — Франція. Въ случаѣ войны съ „прирожденнымъ врагомъ“ Россіи не угрожаетъ уже банкротство.

Но хищническое хозяйство Романовыхъ привело уже Россію въ такое положеніе, когда и лакействующая французская буржуазія отказывается дальше ссужать своими милліонами г-на Витте. „Русскіе любятъ только занимать“, говорили французы корреспонденту „Новаго Времени“, очень огорченному такой откровенностью нашихъ „союзниковъ“. Съ большимъ трудомъ удалось г. Витте въ прошломъ году убѣдить французскихъ банкировъ содѣйствовать новому займу въ 150 милл. рублей. Чтобы размягчить толстокожаго буржуа, пришлось таки пообѣщать показать ему въ натурѣ чету Романовыхъ съ чадами и домочадцами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на любезность царственнаго разъѣздного прикащика, который даже въ католическую церковь сходилъ, заемъ удался далеко не блестяще. Къ 1 янв. 1902 г. изъ 150 милл. остались не подписанными цѣлыхъ 29 — пятая часть.

Не прошло и года, а правительство опять стало метаться въ поискахъ новыхъ займовъ. Послѣ неудачи съ „дружественной“ Франціей пришлось, скрѣпя сердце, обратиться вновь къ „врагу“ — Германіи. Пятнадцать лѣтъ „патріотической“ финансовой политики пропали даромъ. Самодержавію труденъ только первый шагъ: если нѣмцы не окажутся благоразумнѣе французовъ и не задумаются надъ тѣмъ, что послѣ политической революціи Россія, пожалуй, не захочетъ признавать долговъ, заключенныхъ Романовыми въ цѣляхъ упроченія ихъ господства и ея рабства, — если нѣмцы не закроютъ свой кошелекъ послѣ первой подачки, Россія неизбѣжно будетъ вновь подчинена царемъ берлинской биржи.*)

Къ 1-му янв. 1887 г. сумма государственныхъ долговъ Россіи составляла 4357 милл. рубл. Къ 1-му янв. 1902 г. эта сумма возрасла до 6498 милл. Каждый годъ хозяйничанія Романовыхъ стоитъ Россіи накопленія долга на сумму 150 милл., каждый годъ управленія патріотической фирмы Витте и Ко. означаетъ все большее порабощеніе Россіи международнымъ финансистамъ.

Государство, въ которомъ ничтожная правящая клика подъ покровомъ народнаго безправія расхищаетъ народное достояніе, не можетъ не развивать въ своихъ чиновникахъ стремленія урвать что можно въ свою личную пользу. Оптовая торговля народнымъ достояніемъ, которою занимаются г. г. Витте, находитъ свое естественное дополненіе въ розничной торговлѣ, которой предаются отъ высшаго до низшаго чиновники всѣхъ вѣдомствъ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ — органѣ военнаго министерства, сообщено, что служащій въ штабѣ Варшавскаго военнаго округа подполковникъ Гриммъ арестованъ за „преступленія по должности“ и сознался въ своей винѣ. О характерѣ преступленія подп. Гримма ничего не говорится и не будетъ сказано. Только шумъ, поднятый заграничной печатью по поводу этого дѣла, вынудилъ правительство напечатать свое коротенькое сообщеніе. Дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ скандальномъ дѣлѣ публика не дождется: этого рода дѣла правительство всегда окружаетъ сугубымъ покровомъ тайны. Въ чемъ-же дѣло?

Подполковникъ Гриммъ, занимая видную должность въ штабѣ Варшавскаго округа, систематически продавалъ Австрійскому правительству планы мобилизаціи русскаго военнаго министерства, равно какъ и планы нашего „союзника“ — Франціи. Иностранныя газеты сообщаютъ, что свою торговлю Гриммъ велъ въ соучастіи съ многими офицерами, въ томъ числѣ и съ нѣкоторыми, занимающими очень высокіе посты (въ числѣ другихъ называютъ и начальника округа ген. Пузыревскаго). Вѣрны или нѣтъ эти слухи, несомнѣннымъ остается одно: это грязное дѣло ни въ коемъ случаѣ не будетъ раскрыто во всѣхъ подробностяхъ, ибо его разслѣдованіе будетъ производиться въ томъ духѣ, въ какомъ у насъ ведутся всѣ дѣла о „преступленіяхъ по должности“. Въ вѣдомствѣ, въ которомъ казнокрадство, взяточничество и протекція процвѣтаютъ въ наши дни такъ-же пышно, какъ и въ эпоху Николая I, при отсутствіи независимаго суда и свободной печати, новое дѣло о государственной измѣнѣ окончится осужденіемъ и устраненіемъ нѣсколькихъ мелкихъ сошекъ и обѣленіемъ главныхъ преступниковъ. Болѣе „невинныя“ дѣла недавняго времени, вродѣ южныхъ процессовъ о хищеніяхъ во флотѣ (см. коррес. № 16), показали, чего можно ожидать отъ военнаго „правосудія въ современной Россіи. И, выплачивая 300 милл. въ годъ на дѣло „обороны государства“, мы не только должны быть увѣренными, что при всѣхъ перевооруженіяхъ, при всѣхъ поставкахъ и подрядахъ громадная доля этихъ денегъ осѣдаетъ въ карманахъ высшихъ офицеровъ; мы не только должны ожидать, что въ случаѣ войны солдаты, какъ и въ 1855 и въ 1877 г., окажутся снабженными гнилой обувью и забракованными ружьями; мы не только должны быть увѣрены, что громкіе скандалы недавней Китайской экспедиціи повторятся въ крупнѣйшихъ размѣрахъ; нѣтъ, мы еще должны опасаться, что планы нашихъ командировъ окажутся заранѣе запроданными непріятелямъ.

Русская публика еще недавно проявляла самый горячій интересъ къ дѣлу Дрейфуса, въ которомъ обнаружились всѣ язвы такъ называемой „развѣдочной службы“ — этого спеціальнаго учрежденія для шпіонства за иностранными государствами, которое во Франціи оказалось въ рукахъ лицъ, продающихся этимъ самимъ государствамъ. Русская публика сочувствовала стремленіямъ честныхъ французовъ добиться очистки своего военнаго министерства, разоблаченія всѣхъ скрытыхъ въ немъ преступленій противъ отечества. Пусть же подумаетъ русская публика, какія залежи однородныхъ преступленій должны быть скрыты въ канцеляріяхъ русскаго военнаго вѣдомства, огражденнаго отъ гласности и общественнаго контроля всѣмъ нашимъ государственнымъ строемъ?

Пусть подумаетъ также публика о томъ, какъ общій строй нашей страны долженъ отражаться на „патріотическомъ“ настроеніи офицеровъ. Можетъ-ли требовать отъ офицера честнаго исполненія служебнаго долга то правительство, котораго „царственный вождь“ нагло заявляетъ, что изъ всѣхъ родовъ военнаго оружія ему милѣе.... жандармскій и что „отнынѣ тѣсный союзъ, установившійся между Мною и корпусомъ жандармовъ, будетъ крѣпнуть все болѣе и болѣе?“ Если верховный вождь русской арміи публично изъясняется въ любви къ тому отбросу общества, съ которымъ самый жалкій офицеръ считаетъ недостойнымъ вести знакомство, то какія понятія о „чести“ могутъ удержать „благонамѣреннаго“ чиновника въ военномъ мундирѣ отъ искушенія войти въ сдѣлку съ чужимъ правительствомъ (если оно лучше платитъ)?

Подполковникъ Гриммъ продавалъ интересы русскаго государства иностранной державѣ. За это онъ будетъ наказанъ. Одновременно съ открытіемъ его преступленія на другой окраинѣ — въ Батумѣ власти послали военный отрядъ ограждать интересы иностраннаго капиталиста — Ротшильда — противъ русскихъ рабочихъ.

Правительственное сообщеніе о батумскихъ событіяхъ заявляетъ, что рабочіе завода Ротшильда устроили мирную стачку. Вопреки закону, такъ называемые „вожаки“ были арестованы и для охраны ихъ поставленъ военный караулъ. На требованіе рабочихъ объ освобожденіи арестованныхъ власти отвѣчаютъ новыми арестами. Раздраженные рабочіе бросаются къ тюрьмѣ, происходитъ столкновеніе и солдаты стрѣляютъ. Правительство утверждаетъ, что солдаты защищались отъ нападенія. Насколько можно вѣрить этому утвержденію, видно изъ подсчета жертвъ: раненъ одинъ солдатъ и убито тринадцать рабочихъ. Уже давно въ Россіи не производилось такой бойни при „водвореніи порядка“ среди рабочихъ. И, словно въ насмѣшку, эта кровавая жертва принесена русскимъ войскомъ на алтарь барышей иностраннаго капиталиста, принадлежащаго, если не ошибаемся, къ той націи, которая по словамъ нашихъ „патріотовъ“, есть „прирожденный врагъ Россіи“ (Англія)!

У себя въ Англіи или вообще въ Западн. Европѣ, г-нъ Ротшильдъ, въ случаѣ стачки рабочихъ его завода, не имѣлъ — бы удовольствія видѣть руководителей движенія немедленно арестованными... Но если русское правительство систематически воспитываетъ свое войско въ убійствѣ русскихъ рабочихъ въ интересахъ международнаго капитала, то что — жъ удивительнаго, что международному капиталу удается покупать совѣсть прошедшихъ эту школу полковниковъ Гриммовъ и находить измѣнниковъ среди отличенныхъ начальствомъ офицеровъ?

Армія, воспитанная въ постоянной вооруженной защитѣ интересовъ кучки богачей и царедворцевъ противъ милліоновъ народа, не можетъ не таить въ себѣ политическаго развращенія, не можетъ не превращаться въ корпорацію честолюбцевъ, не продающихся на сторону только до тѣхъ поръ, пока свой повелитель оплачиваетъ ихъ вѣрность въ мѣру ихъ аппетитовъ. Офицерство, изъ котораго систематически изгоняютъ всѣ свободолюбивые элементы, должно стать сбродомъ содержимыхъ на счетъ народа бандитовъ.

„Патріотизму“ правящей шайки, убивающей рабочихъ ради сохраненія барышей Ротшильда, отдающей тѣмъ-же Ротшильдамъ въ видѣ процентовъ на займы распоряженіе продуктами труда будущихъ поколѣній русскаго народа и прикрывающей государственную измѣну, свившую себѣ гнѣздо среди его довѣренныхъ агентовъ, этому патріотизму самодержавія мы, „международные“ агитаторы, мы, русскіе представители международной соціальдемократіи, противопоставляемъ стремленіе къ избавленію родины отъ развращающаго ея политическаго строя, сдѣлавшаго ее въ глазахъ цивилизованнаго міра „пятномъ невѣжества на картѣ Европы“, стремленіе вывести ее на путь свободнаго развитія и завоевать русскому народу уваженіе передоваго человѣчества.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрація въ Петербургѣ 3-го марта.

Петербургскій Комитетъ Партіи и студенческія организаціи назначили демонстрацію на 3-е марта. Прокламація, призывающая явиться на демонстрацію, былa распространена Комитетомъ въ 8000 экземплярахъ.

Къ 12 ч. утра тротуары Невскаго на протяженіи отъ Аничкова до Полицейскаго моста были запружены публикой, по преимуществу рабочей (студентовъ было очень мало). По срединѣ проспекта разъѣзжали на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отряды жандармовъ и конныхъ городовыхъ, была масса пѣшихъ городовыхъ, дворниковъ и сыщиковъ. Войскъ совершенно не было, но по словамъ офицеровъ они стояли на готовѣ въ казармахъ.

Въ 20 минутъ перваго вдругъ у Гостиннаго двора послышались крики „ура!“ и многочисленная публика и полиція сразу хлынула по направленію къ крикамъ, гдѣ на нѣсколько минутъ показалось знамя, но было тотчасъ сорвано полиціей; послышались вопли и крики и видно было, какъ шапки жандармовъ и нагайки городовыхъ то подымались, то опускались. Арестованныхъ и избитыхъ отправили въ одинъ изъ дворовъ на Невскомъ, а публика, которая сплошь запрудила Невскій, была оттѣснена въ боковыя улицы. Въ этотъ моментъ по совершенно очищенному отъ публики Невскому проѣхалъ побѣдоносно Клейгельсъ. Затѣмъ публику стали опять пускать и тротуары скоро снова заполнились публикой. Опять стали выдѣляться отдѣльныя кучки и съ крикомъ „ура!“, „долой самодержавіе!“ подымали знамя, но полиція скоро его срывала, а участниковъ избивала и арестовывала. Удачна была собственно одно попытка болѣе долго продержать знамя, это было на площадкѣ передъ думой, гдѣ рабочіе, благодаря хорошей позиціи могли держаться долго. Полиція окружала публику и, прижавъ ее къ стѣнѣ домовъ, избивала. Особенно страдали отъ побоевъ студенты, которые представляли для полиціи особенно притягательную силу. Раненныхъ и избитыхъ очень много. Есть въ военномъ госпиталѣ Академіи медикъ съ отрѣзаннымъ ухомъ, горнякъ съ отбитымъ кончикомъ носа, съ ранами головы и лица. Рабочіе вооруженнаго сопротивленія не оказывали, публика же, число которой къ 2-мъ часамъ значительно увеличилось, благодаря гуляющей „чистой публикѣ“, относилась въ общемъ мало активно и больше любопытствовала. На знаменахъ были надписи: долой самодержавіе, свобода, свобода печати, свобода слова и т. д. Рабочіе очень довольны этой демонстраціей; продолжалась она до 4-хъ час. Арестовано около 500 чел.

Другой корреспондентъ сообщаетъ:

„Въ публикѣ студентовъ почти не было, ибо наканунѣ полиція произвела тщательную очистку Питера отъ неблагонадежнаго элемента. Безъ обысковъ, безъ арестовъ-просто призывали въ охранку и просили убираться по добру, по здорову. Въ предупрежденіе демонстраціи полиція принимала и еще кой-какія мѣры, напр., обращалась съ просьбой къ рабочимъ на фабрикахъ не ходить на демонстрацію, обѣщая оцѣпить всѣ рабочіе кварталы и приставить къ каждой фабрикѣ стражу. Рабочіе, въ свою очередь, рѣшили во что бы то ни стало устроить демонстрацію, хотя бы даже для этой цѣли пришлось гдѣ-нибудь провести ночь подъ открытымъ небомъ. Какъ бы то ни было (полиція, кстати сказать, своихъ угрозъ относительно изолированія рабочихъ не привела въ исполненіе), но демонстрація состоялась. Въ срединѣ толпы было поднято знамя съ надписью „свобода“ и вслѣдъ затѣмъ раздался кличъ „долой самодержавіе!“ Вышло довольно внушительно. Знамя держалъ студентъ, а вокругъ него плотной стѣной стояла толпа рабочихъ. Армія полицейскихъ и дворниковъ стремительно набросилась на центръ демонстрантовъ, гдѣ развѣвалось знамя. Получилась обычная картина побоища, съ той только разницей, что натискъ полиціи былъ встрѣченъ нѣкоторымъ сопротивленіемъ и свалка продолжалась минутъ около 15, въ продолженіи которыхъ знамя продолжало развиваться и крики „долой самодержавіе!“ не смолкали. Наконецъ, полиція добралась до знамени, какой-то городовой успѣлъ выхватить его изъ рукъ державшаго его студента, завертѣлъ на рукахъ и поспѣшно удалился изъ опаснаго мѣста съ добычей. Затѣмъ, энергичнымъ натискомъ весь этотъ центръ демонстрантовъ приперли къ Гостинному двору, втиснули въ дворъ и заперли. Послѣ этого конной полиціи ничего не стоило разсѣять остальную толпу. Говорятъ, что на демонстраціи участвовало больше народу, чѣмъ въ прошломъ году 4-го марта на Казанской площади.

Хотя демонстрація и не такъ удалась, какъ этого хотѣлось бы, тѣмъ не менѣе революціонный духъ у рабочихъ не только не упалъ, а еще болѣе окрѣпъ. Утверждаютъ, что почва для новой демонстраціи хоть сейчасъ готова“.

(Изъ частнаго письма.) „Уже къ 11-ти часамъ утра 3-го марта Невскій представилъ необычную въ праздничный день картину. Вмѣсто обычной нарядной толпы преобладающимъ элементомъ были рабочіе, которые, опасаясь быть задержанными, въ большинствѣ случаевъ со 2 на 3-ье оставались ночевать въ городѣ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Въ толпѣ господствовало напряженное состояніе-всѣ чего-то ждали. Въ 12 час. публики уже было столько, что она не помѣщалась на паняхъ и многіе шли по дорогѣ, а между тѣмъ народу все прибывало и прибывало. Наибольшее скопленіе было между Казанской ул. и Фонтанкой. Въ половинѣ 1-го изъ толпы, находившейся между церковью св. Екатерины и Михайловской улицей, раздалось пѣніе марсельезы и поднялся красный флагъ. Многіе изъ находящихся на противоположной сторонѣ побѣжали къ демонстрантамъ, но свободный доступъ къ нимъ продолжался всего нѣсколько мгновеній. Съ необыкновенной быстротой выскочили съ одного изъ дворовъ конные, съ обнаженными саблями, жандармы и съ крикомъ „расходитесь“, окружили всѣхъ находящихся на панели. Въ то же время пѣшіе городовые, подъ начальствомъ пристава, врѣзались въ толпу и очень быстро отняли у рабочаго флагъ (предварительно избивъ этого рабочаго). Той же участи подвергся и студентъ, выкинувшій другой красный флагъ. Скоро часть публики въ этомъ мѣстѣ была арестована, а большинство было оттиснуто въ Михайловскую улицу. Вслѣдъ за этимъ прекратилось коночное движеніе по Невскому. Всѣ перпендикулярныя Невскому улицы, вплоть до Фонтанки, были преграждены; стояли загородки также и на Аничковомъ мосту, причемъ извощикамъ и пѣшимъ можно было только двигаться съ Невскаго, но на Невскій никого не пускали. Такъ длилось 2-2½ часа. Въ это время на Невскомъ было выкинуто еще нѣсколько флаговъ, причемъ одинъ съ надписью: „долой самодержавіе“ нѣсколько времени поддерживался толпой, которая подхватила его, когда рабочій, выкинувшій этотъ флагъ, былъ схваченъ. Всѣхъ арестованныхъ отводили въ Гостинный дворъ; тамъ они нѣкоторое время были заперты. Начали развозить ихъ по частямъ часовъ съ 3-хъ. Преобладающимъ элементомъ между арестованными были рабочіе“.

Изъ листковъ Организаціоннаго Комитета Студентовъ Университета заимствуемъ слѣдующія описанія демонстраціи, сдѣланныя очевидцами:

I. „Я стоялъ на Казанскомъ мосту въ то время, какъ у Гостиннаго двора послышались возгласы „долой самодержавіе!“ „да здравствуетъ политическая свобода!“ Туда полетѣли жандармы и стали бить толпу обнаженными шашками по чемъ ни попало. Зрѣлище было ужасное. Галопомъ несущіяся лошади, звѣрскія физіономіи солдатъ, бряцаніе оружія — одно это уже нагоняло ужасъ на публику. Мы добѣжали до Михайловской площади, тутъ насъ погнали назадъ мчавшіеся обратно отъ Гостиннаго двора жандармы. Воздухъ по прежнему оглашался революціонными криками. Толпа старалась проскользнуть между галопомъ скакавшими лошадьми. Большинство было загнано на площадь передъ католическимъ костеломъ; ворота во дворъ костела оказались запертыми. Публика прижималась къ стѣнѣ и старалась лавировать между размахиваемыми по воздуху шашками. Въ это время напротивъ, у Милютиныхъ рядовъ, конные жандармы и пѣшіе городвые окружили прижавшуюся къ стѣнѣ толпу и избивали ее шашками и кулаками. Было видно, какъ вырывались оттуда отдѣльныя лица, окровавленныя, безъ шапокъ, съ растерванной одеждой. Я перебрался на ту сторону, полиція погнала насъ по направленію къ Гостинному двору. Здѣсь подъ арками скопилась масса народу; на углу у часовеньки дворники безпощадно колотили студентовъ. Конные городовые стали напирать сзади; толпа побѣжала подъ аркой; давка была страшная, слышались возгласы, крики „не давите“, и т. д. Мнѣ удалось перебраться на тротуаръ передъ Гостиннымъ. Здѣсь было свободнѣе, и публика хлынула сюда, но ее снова погнали и, наконецъ, мы очутились на углу Садовой. Здѣсь пѣшая полиція приготовилась оцѣплять толпу. Сначала она загнала большинство за кордонъ на Садовую и уже больше не пускала на Невскій, а потомъ изъ оставшихся вырвала безъ всякаго основанія группу въ 30 человѣкъ и арестовала ее. Потомъ я старался проникнуть на Невскій, но всѣ прилегающія улицы были загорожены дворниками и городовыми, такъ что даже на извощикахъ нельзя было проѣхать. По Невскому также прекратили всякое движеніе“.

---

*) Статья была уже набрана, когда появилось извѣстіе, что заемъ удался.

II. Показанія студента университета: „Я очутился въ отрядѣ возлѣ Думы. Студентъ технологъ на верху лѣстницы, ведущей въ „Общество Взаим. Кредита“ развернулъ красный флагъ, призывая публику столпиться. Раздались крики: „долой самодержавіе“ и пр. Жандармерія бросилась по лѣстницѣ за краснымъ флагомъ, который былъ сброшенъ внизъ. Какой то жандармскій офицеръ бросился за нимъ, но былъ сильно избитъ публикой, преимущественно студентами. Въ этотъ моментъ устремилась конная жандармерія въ обнаженными саблями, ударяя таковыми публику по головѣ. Было много сильно окровавленныхъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ отрядъ, привлеченный криками „да здравствуетъ свобода“ на другомъ концѣ, быстро удалился, но ему на смѣну явился новый эскадронъ конныхъ жандармовъ, доканчивавшій избіеніе нагайками. Опрокинутый на землю сильнымъ пинкомъ въ спину, я едва могъ подняться. Придя въ себя, я увидѣлъ коллегу сильно избитаго и не отдающаго себѣ очевидно отчета во всемъ происходившемъ. Доведя его до извощика, я отвезъ его домой, а потомъ и самъ пріѣхалъ домой. Изъ разспросовъ я узналъ, что коллега былъ избитъ двумя жандармами за то, что вступился за двухъ курсистокъ. На лицѣ его остался шрамъ съ кровавыми подтеками отъ удара нагайки. Собственныя впечатлѣнія. Не могу дать свѣдѣній относительно бойни самой жаркой — около Думы — туда, какъ я видѣлъ, понеслись съ обнаженными шашками конные жандармы, опишу лишь нѣсколько сценъ дальнѣйшаго избіенія публики. Отрядъ жандармовъ, подъ начальствомъ молодого офицера, вернувшись съ главнаго мѣста побоища, — прогналъ меня вмѣстѣ съ толпой съ Невскаго на мал. конюшенную. На углу зданія зубоврачебной школы офицеръ этотъ отдавалъ приказанія бить отдѣльныхъ лицъ. „Вотъ этого студента ударь“, командовалъ онъ; „удары“ сыпались на насчастнаго . . . Замѣтивъ какого-то вольноопредѣляющагося здѣсь же на панели, офицеръ за шиворотъ вытащилъ его изъ толпы и съ крикомъ: „Вонъ отсюда, тебѣ здѣсь не мѣсто“, поволокъ къ постовому городовму, давъ ему тумака въ шею и сбивъ шапку. Дальше по Мал. Конюшенной насъ гнали пѣшіе и частью конные городовые, сравнительно мирно, за исключеніемъ нѣхоторыхъ возмутительнщхъ сценъ. Но когда мы по Шведскому пер. выбрались на Больш. Конюшенную, то тамъ вновь насъ встрѣтилъ тотъ же жандармскій отрядъ съ тѣмъ же молодымъ офицеромъ; прогоняя насъ вглубь улицы за придворныя конюшни, отрядъ этотъ вдругъ бросился на насъ, въѣзжая галопомъ на панель и избивая людей направо и налѣво. Это было далеко отъ Невскаго, народъ двигался маленькими кучками по панелямъ и жандармы, бывшіе раньше сзади, раздѣлились по одному и другъ за другомъ скакали вдоль панелей, прижимали публику къ стѣнѣ и тутъ доставалось буквально всѣмъ; мнѣ извѣстна сцена, когда кучка людей, напирая на запертыя ворота, выломала ихъ. За этими воротами оказались другія — желѣзныя, тоже запертыя; и вотъ въ такомъ углубленіи работали два жандарма: избили дворника, били женщинъ и опрокидывали въ какой-то подвалъ; тутъ-же попало офицеру, уткнувшемуся лицомъ въ уголъ и нѣсколькимъ штатскимъ.

III. „Я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго возмутительнаго звѣрства: на крики „да здравствуетъ свобода“, раздавшіеся около Думы, туда бросился взводъ конныхъ жандармовъ съ шашками на голо. Окруживъ демонстрантовъ плотнымъ кольцомъ, они начали буквально мѣсить публику. Спасались только тѣ, которые проскальзывали между ногъ лошадей. Студентъ университета, съ окровавленной головой, безъ шапки, инстикти но закрываясь башлыкомъ отъ сыпавшихся на него ударовъ, проскочивши межъ ногъ лошадей, бросился на другую сторону Невскаго. Одинъ изъ жандармовъ бросился за нимъ и началъ бить его по головѣ нагайкой. Я поспѣшилъ къ нему на помощь и онъ весь скровавленный безъ чувствъ упалъ ко мнѣ на руки. При помощи подоспѣвшей публики онъ былъ отнесенъ въ аптеку. Владѣльцы магазиновъ въ Гостинномъ дворѣ всѣ разсказываютъ, что забранные на демонстраціи и уведенные внутрь Гостиннаго двора подвергались тамъ жесточайшему избіенію со стороны дворниковъ и полиціи. Одинъ изъ сторожей между прочимъ разсказывалъ, какъ онъ самъ слышалъ приказъ пристава дворникамъ: „Толпы не бейте, а выхватывайте отдѣльныхъ студентовъ и колотите изо всѣхъ силъ“, что было и исполнено. Со словъ двухъ гостинподворскихъ прикащиковъ, очевидцевъ возмутительныхъ насилій 3-го марта, привожу слѣдующее: къ помощнику градоначальника г. Фриту, стоявшему у Гостиннаго двора, два дворника подвели одного студента путейца, причемъ продолжали жестоко бить его; это зрѣлище грубаго, возмутительнаго насилія повліяло даже на Фрита: „Господа! будетъ“, сказалъ онъ. На это одинъ изъ дворниковъ, ухмыляясь, отвѣтилъ: „ничего, Ваше Превосходительство, еще выдержитъ! Избіеніе, кромѣ Невскаго, происходило еще на Большой Итальянской и на Мойкѣ по направленію къ Гороховой“.

Въ заключеніе приведемъ разговоръ, слышанный случайно въ бакалейной лавкѣ, характеризующій настроеніе, вызываемое въ обывателяхъ послѣдними событіями:

Молодой человѣкъ (по виду прикащикъ или мелкій торговецъ): „Собрались въ трехъ мѣстахъ: у Казанскаго Собора, на Семеновскомъ плацу и у Николаевскаго вокзала. У Казанскаго Собора нанятый 13-ти лѣтній мальчикъ выкинулъ красное знамя, но оно развѣвалось такъ, что нельзя было прочесть надписи. Я иду по Невскому, гляжу стоитъ братъ (околоточный). „Ты что здѣсь?“ — „Да я въ нарядѣ, посмотри, что на дворахъ-во сколько набито вездѣ полиціи — бунтъ“. „Не простояли мы и полчаса, какъ студентовъ набралась большая толпа и откуда что взялось, гляжу — выкинули красное знамя на длинномъ шестѣ, и какъ это имъ удалось пронести незамѣтно длинный шестъ этотъ? Когда собралась толпа, студенты стали бросать кучами въ публику свои рекламы“. — „А что написано въ этихъ рекламахъ — вотъ бы почитать-то?“ — спросилъ хозяинъ лавки, толстый сѣдой старикъ. Написано: „Свобода и воля“. — „Да вѣдь это одно только названіе у нихъ, а что еще — то прописано тамъ?“ — „Только эти два слова „свобода и воля“ и больше ничего“. „Вѣрно, замѣчаетъ старикъ, больше имъ ничего и не надо, вѣдь они требуютъ свободы печати, чтобы обо всемъ можно было въ газетахъ писать, а то у насъ вѣдь ничего не позволяютъ ни говорить, ни писать, полиція что-бы ни сдѣлала, всегда будетъ права“. — Да, знаешь, что полиція говоритъ, сказалъ молодой субъектъ, очевидно близкій знакомый старика, полиція говоритъ: „Мы что хотимъ, то и сдѣлаемъ и не отвѣтимъ“. „Ну, да вѣдь придетъ время, что полиціи трудно будетъ справиться, та-же полиція теперь говоритъ, что эти бунты даютъ большой толчокъ впередъ силѣ студентовъ и что теперь все труднѣе и труднѣе усмирять бунтующихъ, потому что ихъ число растетъ и къ студентамъ присоединяется публика. Да и въ самомъ дѣлѣ посмотри, что у насъ дѣлается, кто что хочетъ, тотъ то и дѣлаетъ: чортъ чорта тѣшитъ“ — „Конечно“, замѣчаетъ старикъ, „мужика, нашего брата купца или еще кого можно обидѣть, ну ужъ, а его превосходительство — не тронь!“ . . . „Посмотри на нашихъ министровъ“, говоритъ, раздражаясь все болѣе, молодой собесѣдникъ, — „вѣдь они дѣлаютъ, что хотятъ, засядетъ какой нибудь нѣмецъ и хозяйничаетъ, и распоряжается какъ своимъ имуществомъ и никто не смѣй ничего сказать про это. На два милліона дѣлаютъ заказы заграницей, а наши рабочіе сидятъ безъ заработка и молчать должны! Самые лучшіе участки земли въ Сибири нарѣзали дворянамъ, а мужикъ, пріѣзжающій туда, остается ни съ чѣмъ и долженъ снова голодать, хотѣлъ поправиться и попалъ въ нищету! На что это похоже? Вѣдь стоитъ студентамъ спуститься къ нисшимъ людямъ мужикамъ, тогда всѣ вмѣстѣ сильнѣе будутъ. Вѣдь мужику-то куда какъ трудно жить!“ „Да, а кому не трудно?“ „Конечно, что можетъ сдѣлать толпа въ 500-600 челов., когда противъ нихъ выходитъ не одна тысяча полиціи и дворниковъ, сейчасъ-же разогнали всѣхъ, такъ и не удалось имъ, какъ слѣдуетъ, обнародовать то, что хотѣли! Арестованныхъ много — 200-300, а то и больше, много было и женскаго элемента — курсистокъ; но вѣдь всѣ они знали, на что идутъ, знали, что ихъ арестуютъ, что посадятъ въ тюрьму и накажутъ, все знали и всетаки пошли, а пошли они требовать того, что считали нужнымъ! И еще найдутся такіе“.

„Вѣдь вотъ объ этомъ ничего не пишутъ, а почитать-бы что заграницей пишутъ про насъ!“ — воскликнулъ оживленно старикъ. „Да“, продолжаетъ другой, этого не затушишь, теперь вонъ и гимназисты и тѣ кое-гдѣ не учатся и ихъ исключаютъ, потому что нельзя имъ иначе дѣлать, какъ я самъ недавно слышалъ въ Воронежѣ отъ гимназиста, котораго исключили“.

Такъ говорятъ среди мелкой буржуазіи, а вотъ какія рѣчи слышны на самыхъ низахъ „чернаго народа“:

Ѣдетъ интеллигентъ и вызываетъ на разговоръ извощика: Что это такое дѣлается на Невскомъ?

Ивѣстно что — спокойно отвѣчаетъ извощикъ — бунтуютъ, вотъ что.

Какъ такъ бунтуютъ? Чего — же они бунтуютъ?

Правовъ хотятъ, потому, значитъ и бунтуютъ. Теперь скоро станутъ всѣ бунтовать, всѣмъ надо правовъ... А то, вишь ты, все эти самые нѣмцы (?) и жиды (??) никому житья не даютъ — ни нашему, ни вашему брату.

Какіе нѣмцы и жиды?

Извѣстно какіе: царскіе министры, чтобъ имъ...

Легенда о „нѣмцахъ“ и „жидахъ“ говоритъ о довольно таки самобытныхъ путяхъ, которыми „черный народъ“ добирается до идеи о „правахъ“. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что повсемѣстныя демонстраціи повсюду заронили эту идею.

Бутырская пересыльная тюрьма. (Письмо курсистки) Приводимъ живое и интересное описаніе февральскихъ событій въ Москвѣ, сдѣланное одной изъ участницъ сходки 9-го февр.

„Исполнительный Комитетъ рѣшилъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ 9-го февр. слѣдующей программы: воспользоваться разрѣшенной начальствомъ сходкой для того, чтобы собрать на нее побольше студентовъ, курсистокъ и интеллигенціи. По окончаніи сходки выйти изъ университета со знаменами и революціонными пѣснями, соединиться съ рабочими, которые должны были собраться въ Александровскомъ саду и его окрестностяхъ и общей толпой демонстративно пройти по главнымъ улицамъ Москвы, придерживаясь относительно полиціи такой тактики: гдѣ можно отражать ея нападенія силой, а гдѣ нельзя, разбѣгаться передъ натискомъ, но сейчасъ-же собраться снова въ другомъ мѣстѣ. Великолѣпная организація полиціи разстроила исполненіе этого плана, а подлость ректора, давшаго слово не пускать полицію въ стѣны университета и не исполнившаго этого слова, устроила намъ въ университетѣ ловушку. Послѣдняя надежда на рабочихъ также рухнула, когда оказалось, что 10 фабрикъ оцѣплены войсками и объявлены на военномъ положеніи.

Въ 12 ч. дня въ университетѣ была назначена оффиціально разрѣшенная начальствомъ сходка. Уже около 10 час. на Моховой толпились студенты, курсистки и посторонняя публика; здѣсь же былъ выстроенъ отрядъ полицейскихъ. Къ 12 ч. около 600 человѣкъ вошло въ актовый залъ университета, собранію было объявлено, что программа Исполнительнаго Комитета чисто политическая. Противъ этой программы возстала группа такъ называемыхъ академистовъ (70 ч.). Дебаты были страстные и когда оказалось, что большинство на сторонѣ политиковъ, академисты торжественно вышли изъ зала (въ ихъ числѣ 2 женщины). Потомъ узнали, что ихъ сейчасъ-же забрали сначала въ манежъ, а потомъ препроводили въ Бутырки. Въ самый разгаръ дебатовъ на кафедру взошла представительница соединенной организаціи всѣхъ женскихъ курсовъ и въ первый разъ со времени основанія университета въ стѣнахъ его раздался голосъ женщины, вышедшей наравнѣ съ мущиной на борьбу за свободу. Вотъ приблизительно ея слова: „Я удивляюсь тому, что могутъ еще возникать споры по поводу программы, которую мы должны выставить. Кажется, этотъ вопросъ давно уже и безповоротно рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, мы, женщины, принимаемъ только политическую программу и готовы на все, чтобы добиться ея осуществленія“.... Послѣ этихъ словъ дебаты прекратились. Потомъ стали обсуждать тактику. Оказалось, что предположенной демонстраціи устроить нельзя, потому что университетъ, Моховая, Никитская и ближайшіе переулки оцѣплены войсками. Рѣшили отсиживаться въ университетѣ до слѣдующаго дня, т. е. воскресенья, надѣясь, что въ праздникъ выберутся въ Москву рабочіе и, устроивъ около университета демонстрацію, помогутъ намъ присоединиться къ нимъ. Забаррикадировали всѣ выходныя двери, а около главнаго входа поставили караулъ. Гдѣ-то раздобыли хлѣба и колбасы, но въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что многіе остались не ѣвши. Молодежь устроила хоръ и звуки Марсельезы, Варшавянки и др. огласили старыя стѣны. Въ 6 ч. вечера была вторично созвана сходка и были прочтены принятыя утренней сходкой постановленія. Требованія слѣдующія: свобода и неприкосновенность личности, свобода слова и печати, свобода вѣроисповѣданій, свобода сходокъ, ассоціацій и организацій, допущеніе въ университетъ всѣхъ безъ различія пола и религіи, желательность и своевременность созыва учредительнаго собранія. Потомъ началось обсужденіе настоящаго положенія дѣла. Прошелъ слухъ, что въ университетъ въ 8 ч. явятся войска. Горячія головы предложили бороться (нѣсколько человѣкъ были вооружены кое-какимъ довольно жалкимъ оружіемъ) съ военной силой, но ихъ предложеніе было отвергнуто большинствомъ во избѣжаніе совершенно безполезной для дѣла и безцѣльной бойни. Порѣшили не уходить добровольно, но подчиниться лишь силѣ. Нервы у всѣхъ были страшно напряжены, и старались чѣмъ нибудь заглушить все возраставшую тревогу. Опять пѣли и внизу, и въ залѣ, и на дворѣ, пѣли хоромъ и соло, кто то разсказывалъ Горбуновскія сценки, кто-то раздобылъ у сторожа самоваръ и устроили чаепитіе. Наконецъ, стали затихать. У насъ большинство дремало, сидя на стульяхъ, а нѣсколько человѣкъ улеглись на столѣ. Около 1-хъ часовъ ночи раздался крикъ: „товарищи, войска идутъ“. Многвенно всѣ были у оконъ и увидѣли такую картину: во дворъ университета входили и размѣщались пожарные съ факелами, казаки верхомъ, масса полицейскихъ и Невскій пѣхотный полкъ. Какъ ни-было серьезно наше положеніе, большинство стало смѣяться. Право, можно было подумать, что въ университетѣ сидитъ не 507 человѣкъ (изъ которыхъ 73 женщины) пылкихъ, самоотверженныхъ, но беззащитныхъ людей, а могучая, разбойничья шайка, съ которой придется выдержать цѣлое сраженіе. Въ университетъ вошелъ приставъ и потребовалъ отъ караульныхъ, чтобы университетъ былъ очищенъ — ему отвѣчали отказомъ. Тогда онъ объявилъ, что даетъ ½ часа на обсужденіе, а черезъ ½ часа возьметъ университетъ приступомъ. Дѣйствительно черезъ ½ часа раздалось гиканье казаковъ и на верхъ ворвались пожарные и пѣхотинцы со штыками на перевѣсъ. На порогѣ они остановились въ удивленіи и штыки сами собой поднялись вверхъ. Въ первомъ ряду злодѣевъ, на которыхъ ихъ направили, они увидѣли совершенно спокойныя, хотя и страшно блѣдныя женскія лица. Въ 5 минутъ все было кончено: пожарные съ факелами вскочили на столы, казаки кольцемъ окружили всѣхъ и вывели сначала на дворъ университета, а потомъ въ манежъ. Идти пришлось между двойными рядами конныхъ казаковъ и пѣхоты. Войскамъ пришлось вынести много оскорбленій, но они вели себя сравнительно сдержанно, и нагайка взвилась только разъ, когда студентъ сбилъ фуражку у пристава. Малоденькій офицерикъ Невскаго полка стоялъ бѣлый, какъ мѣлъ, а ему въ упоръ бросали: „стыдно, на своихъ идете!“ Казаки поголовно были пьяны и позволяли себѣ грубыя, даже циническія замѣчанія, также и полиція, но лица пѣхотинцевъ были серьезны, даже грустны. Когда всѣ вышли изъ университета, то несмотря на протесты полиціи, грянула такая Марсельеза, которая должна была-бы разбудить всѣхъ мирныхъ Московскихъ обывателей, если-бы сонъ ихъ не былъ такъ глубокъ и крѣпокъ. Въ манежѣ всѣхъ переписали и небольшими партіями отправили въ тюрьму. Женщины шли также между двойнымъ рядомъ казаковъ и пѣхоты, въ сопровожденіи 2-хъ офицеровъ. Шли часа 2 и уже почти разсвѣло, когда мрачныя стѣны Бутырской тюрьмы открылись передъ нами. Камера, отведенная намъ, громадная, грязная, деревянныя кровати съ милліардами клоповъ и грязными, набитыми соломой матрасами и подушками. Ѣда — помои. Теперь, впрочемъ, къ намъ приходитъ каждый день торговка, у которой можно достать все необходимое, передаютъ вещи, присылаемыя изъ дому, нѣкоторымъ разрѣшаютъ свиданія. Вообще, тюрьма оказалась совсѣмъ не такой ужасной, какой мы себѣ ее представляли по романамъ Достоевскаго и очеркамъ Мельшина. Думая, что насъ продержатъ здѣсь не мало времени, мы стараемся устроиться поудобнѣе и главное извлечь изъ нашего здѣсь пребыванія побольше пользы. Въ Бутыркахъ содержится болѣе 2000 чел. студентовъ, курсистокъ и др. политическихъ (есть рабочіе, высылаемые въ Сибирь). У насъ въ тюрьмѣ издаются 3 газеты (2 у студентовъ и 1 у курсистокъ), устраиваются литературно-музыкальные вечера для арестантовъ и арестантокъ сосѣднихъ камеръ. Мы забрали къ себѣ дѣтишекъ арестантокъ и они проводятъ почти цѣлый день въ нашей камерѣ. Семи и восьмилѣтніе карапузы уже бойко распѣваютъ Марсельезу и Дубинушку. Вообще, въ тюрьмѣ небывалое оживленіе. Во время нашихъ прогулокъ, всѣ окна заняты зрителями арестантами, которые перебили всѣ стекла, чтобы лучше слышать наше пѣніе. Вчера всѣ были особенно взволнованы привозомъ въ Бутырки извѣстнаго Тригони, одного изъ дѣятелей 1-го Марта. Онъ 20 лѣтъ провелъ въ Шлиссельбургѣ и теперь пересылается на Сахалинъ. Начальство тюремное относится къ намъ хорошо, а конвойные такъ иногда увлекаются, что начинаютъ подтягивать Варшавянку. Я увѣрена, что по городу ходятъ самые невѣроятные слухи обо всемъ происшедшемъ, и мое письмо можетъ служить фактическимъ опроверженіемъ нелѣпыхъ и грязныхъ выдумокъ. Утверждаю, что поведеніе студентовъ и курсистокъ было безукоризненно-корректно. Всѣ разговоры, пѣсни и споры носили совершенно особый характеръ и касались только злобы дня. Быть можетъ, въ нашемъ движеніи было много незрѣлости, неумѣнья (напр. Исполнительный Комитетъ не былъ своевременно освѣдомленъ о томъ, что фабрики оцѣплены), но оно, т. е. это движеніе собрало не увлекающихся или любопытныхъ, а людей глубоко убѣжденныхъ въ святости и правотѣ дѣла, за которое они борятся и которые не могли не идти, хотя бы и на вѣрную гибель. Въ университетѣ никакихъ особенныхъ безпорядковъ произведено не было. Правда зеленые первокурсники поломали ящики и разорвали вынутыя оттуда гимназическія характеристики, поломали нѣсколько дверей разлили воду и разсыпали уголь, когда ставили самоваръ, вообще было много грязи и сора, неизбѣжныхъ при толпѣ въ 500 чел. но храмъ науки оскверненъ былъ только казаками, осмѣлившимися ворваться въ него со своими позорными нагайками. У насъ получены съ воли достовѣрныя свѣдѣнія отъ родственника одного изъ офицеровъ, бывшаго въ нарядѣ въ ночь съ 9-10 февр. что нѣсколькимъ казакамъ было приказано остаться въ университетѣ послѣ вывода изъ него студентовъ и произвести тамъ всяческія безобразія (говорятъ оторвана голова у царскаго портрета) съ цѣлью свалить потомъ все на демонстрантовъ и подорвать этимъ сочувствіе въ публикѣ. Зубатовъ, придумавшій такую штуку показалъ и на сей разъ, что онъ очень уменъ и большой знатокъ психологіи толпы. Настроеніе у большинства и теперь страшно нервное, но бодрое, полное подъема всѣхъ душевныхъ силъ Говорятъ, что насъ сошлютъ въ Сибирь, — ну что же, люди живутъ и въ Сибири.

Среди насъ находится нѣсколько женщинъ, взятыхъ прямо съ улицы. Многія изъ нихъ даже и не знали о сходкѣ, но ихъ грубо схватили и засадили сначала въ Манежъ, а потомъ въ Бутырки, гдѣ онѣ пребываютъ уже болѣе недѣли. Двѣ изъ нихъ совсѣмъ больныя (одна - эпилептичка, 17 - лѣтній ребенокъ). Не возмутительно-ли это? Можно-ли жить въ странѣ такого произвола надъ личностью? Что-же дѣлается въ Бѣлокаменной? Неужели, она не проснется, не встанетъ грозной, могучей силой на защиту своихъ дѣтей?

Вѣрить этому не хочется. — Всѣхъ женщинъ въ Бутыркахъ 86 Педагогичекъ — 25. Съ Екатериненскихъ курсовъ — 31. Акушер.-массаж. — 6. Съ курсовъ Герье — 11. Взятыхъ на улицѣ — 13.

Всѣхъ не сослать! — Массовая фабрикація революціонеровъ. Правительственное сообщеніе повѣдало Россіи о новой массовой расправѣ съ „внутренними врагами“. Рѣчь идетъ объ участникахъ Московскихъ волненій. 668 лицъ — участниковъ сходки 9 февраля и подозрѣваемыхъ ея подготовителей предположено было сослать административно, но царь счелъ достаточнымъ сослать въ Вост. Сибирь на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ только (!) 95 человѣкъ изъ числа организаторовъ и просто неблагонадежныхъ лицъ. 567 лицъ будутъ подвергнуты тюремному заключенію отъ 3-хъ до 6-ти мѣс., шестеро отдано подъ надзоръ полиціи.

Правительство разсказываетъ о политическомъ характерѣ, который приняли студенческіе безпорядки и о тѣсной связи, въ которую студенты вступили съ „существующими революціонными кружками“ и съ рабочими. Ссылая 100 человѣкъ, правительство объясняетъ, что оно хочетъ поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для революціоннаго воздѣйствія на окружающую среду. Оно только забываетъ, что примѣняемое имъ средство уже неоднократно приводило къ еще болѣе нежелательнымъ для него послѣдствіямъ. Часть ссылаемыхъ юношей, можетъ быть, вернется разбитыми людьми, но сильнѣйшая часть возвратится къ намъ уже готовыми, зрѣлыми революціонерами.

Правительство напрасно только умалчиваетъ о другой цѣли своего рѣшенія, ради которой оно и опубликовало — противъ обыкновенія — „приговоръ“, вынесенный въ административномъ порядкѣ. Эта цѣль — устрашеніе. Но послѣ того, какъ угроза солдатчины ничего не сдѣлала, что можетъ сдѣлать примѣненіе (хотя бы и массовое!) стараго средства, — столь знакомой русской интеллигенціи Сибири?

Разумѣется, расправа въ москвичами — только первая проба, за которой слѣдуютъ уже другія. Намъ пишутъ, что 9 марта въ Петерб. пересыльн. тюрьмѣ объявленъ „приговоръ“ слѣдующимъ лицамъ, взятымъ въ февралѣ, т. е. до демонстрацій:

Студ. Унив—та: Соколовъ, Корндорфъ, Дыбовскій, Абловъ; технологъ Овечкинъ и горн. студ. Плехановъ — въ Ирк. ген-губ. на 3-года, студ. Унив—та Шехтеръ, Александровъ, Григорьевъ, Воскресенскій — на 3 года въ Степное ген-губ.; студ. Унив. Тагѣевъ — въ Новый Маргелланъ на 3 г.

Технологъ Замараевъ на 2-г. въ Астрах. губ.; техн. Красноуховъ на 2-г. въ Баку, и унив. Аполлоновъ на 2-г. въ Оренбургъ.

Технологи Залевскій и Семеновъ — на 1-г. подъ надзоръ полиціи.

Р. С. Повидимому, въ видѣ отвѣта на правительств. сообщеніе послѣдовалъ 19 марта неудачный выстрѣлъ Евгеніи Алекс. Алларт въ москов. оберъ-полиціймейстера Трепова.

Изъ Дерпта (Юрьева) пишутъ:

„19 февраля была въ университетѣ сходка въ 320 челов.; единогласно постановили-сходку и обструкцію. Достиженіе академической свободы признано невозможнымъ при существующемъ политическомъ режимѣ; выражено глубокое возмущеніе и негодованіе чиновно-полицейскимъ произволомъ, неизбѣжно связаннымъ съ существующимъ политическимъ строемъ Россіи. Въ заключеніе былъ поставленъ вопросъ о демонстраціи; за нее высказалось только челов. 40-50. Но когда по выходѣ изъ физіологическаго института демонстранты съ пѣніемъ Марсельезы тронулись къ главному зданію ун-та, то за ними послѣдовало около половины участниковъ сходки. Остановились съ пѣніемъ передъ ун-томъ и хотѣли идти срывать лекціи, но оказалось, что ни одной не читается. Тогда съ пѣніемъ двинулись на Рыцарскую; тамъ былъ поднятъ красный флагъ, вокругъ котораго и сгруппировалась главная группа демонстрантовъ. Публики собралось масса, Рыцарская и нѣкоторыя близь лежащія улицы и площадь были заняты публикой; но отъ демонстрантовъ, которыхъ къ концу осталось не болѣе 60 челов., держались въ отдаленіи. Отъ Рыцарской пошли на Петербургскую, на Каменномъ мосту остановились; дѣлались возгласы — „мы боремся за политическую свободу, свободу слова, совѣсти, печати, собраній, союзовъ, право петицій и т. д. — да здравствуетъ конституція, Земскій Соборъ“ — покрывавшіеся дружнымъ „Ура“, и аплодисментами; „анафема царизму!“

На углу Петербургской и Ратушной демонстранты разсѣялись. Полиція бездѣйствовала и отсутствовала. Переполохъ въ городѣ страшный. 20-го по всему фронту примѣнялась въ ун-тѣ обструкція. Съ 9-ти час. утра до 6 веч. всѣ лекціи сорваны, количество обструкціонистовъ не превышало 100. Университетъ не закрытъ. Профессоръ Пассекъ предлагалъ своимъ слушателямъ услуги по части организаціи ихъ для борьбы съ обструкціонистами. Реакціонеры собираются бить обструкціонистовъ.

21-го въ актовомъ залѣ собралась масса публики по случаю чествованія Гоголя. Ждали скандала; ректоръ и инспекторъ сильно волновались. Масса педелей, переодѣтые жандармы, сыщики, были и въ студенческихъ сюртукахъ... Всѣ уже успокоились, публика пришла въ разочарованіе, — никакого скандала во время торжества не было, мирно слушали доклады, аплодировали и изрѣдка чуть-чуть шикали.

Но лишь только замолкли аплодисменты послѣ рѣчи Чижа (послѣдній докладъ), раздался рѣзкій голосъ — „проклятіе гасителямъ свободнаго слова и литературы“ — бурные аплодисменты. „Требуемъ свободы печати, свободы слова, свободы организацій и т. д....“, а затѣмъ стройное пѣніе марсельезы. Сверху сыпали прокламаціи и бюллетени „Союз. Сов.“ Съ пѣніемъ прошли черезъ университетъ и остановились передъ главнымъ входомъ. Здѣсь возгласы и пѣніе; затѣмъ прошли по Ивановской ул. и къ Ратушѣ съ пѣніемъ. По дорогѣ останавливались для возгласовъ. Слушатели удивлялись стройности и силѣ пѣнія. Остановились передъ Ратушею; снова возгласы. Моментально собралась невиданная для Дерпта толпа, всего на площади и прилегающихъ улицахъ было не менѣе 5,000 человѣкъ. Кое-кто изъ публики присоединился къ демонстрантамъ. Отъ Ратуши разсѣялись въ толпу, которая все росла. Гдѣ-то раздалась военная музыка и демонстранты снова собрались въ кучку и запѣли. Но солдаты не появились. Полиція предупредительно исчезла передъ демонстрантами. Полное бездѣйствіе властей. Очевидно за неимѣніемъ казаковъ и конной полиціи боялись усмирять пѣшей полиціей и солдатами. Возможно, что демонстранты одержали-бы верхъ: между ними были вооруженные.

Пока не было ни арестовъ, ни высылокъ. Мирный Дерптъ страшно взволнованъ. Полиція потеряла голову. Ждутъ скоро 3-ей демонстраціи, пока еще не высланы горячія головы.

Реакціонеры страшно возмущаются полиціей за бездѣятельность. Въ понедѣльникъ предполагается самая отчаянная обструкція; говорятъ, что университетъ долженъ быть закрытъ непремѣнно. Въ Ветеринарномъ Инст. была 19 сходка и примѣнялась обструкція. Кое-кто принималъ участіе и въ демонстраціяхъ“.

Въ настоящее время Дерптскій университетъ уже закрытъ.

Рига. 24 февраля и 6 марта въ здѣшнемъ русскомъ театрѣ были разбросаны прокламаціи „Къ обществу“, изданныя „Рижскимъ Комитетомъ объединенныхъ с.-д. организацій“. 6 марта полиція переписала всѣхъ находившихся на галлереѣ и забрала нѣсколько студентовъ въ залѣ.

Ростовъ на Дону. 19-го февраля въ Ростовѣ была совершена попытка произвести уличную демонстрацію. Къ 7 час. вечера среди гуляющей по Садовой улицѣ (противъ Думы) публики стали появляться группы рабочихъ; одна изъ нихъ около 8 час. начала у Соборнаго пер. пѣть „Марсельезу“; когда публика, заинтересованная этимъ небывалымъ въ Ростовѣ зрѣлищемъ, стала толпиться по тротуарамъ, демонстранты въ числѣ около 100 чел. вышли на середину улицы и съ криками „Долой Самодержавіе!“ „Да здравствуетъ свобода!“ направились на противоположную сторону. Моментъ былъ замѣчательно удобенъ для совершенія стройной и внушительной демонстраціи, публики собралось масса, полиціи не было... между тѣмъ въ средѣ демонстрантовъ, къ сожалѣнію, не было опытнаго руководителя, который съумѣлъ-бы использовать первую минуту; не было даже знамени, которое хоть отчасти пояснило-бы собравшейся публикѣ истинный характеръ сборища. Прошло минутъ 10, когда, наконецъ, появилась полиція, затѣмъ казаки. Наиболѣе публики толпилось на углахъ, особенно у Соборнаго пер.; какъ только раздавались революціонные возгласы, покрываемые криками „ура!“ полиція бросалась въ толпу и выхватывала перваго попавшагося. Такимъ образомъ было арестовано человѣкъ 6. Когда толпа пыталась было отбивать арестованныхъ, околоточный надзиратель направилъ въ толпу револьверъ, грозя размозжить голову первому, кто осмѣлится на него броситься. Толпа отступила и потомъ все время безпрекословно позволяла производить аресты. Долго еще толпилась публика, ожидая, что будетъ дальше. Къ 2 час. все успокоилось. Не смотря на неумѣлое веденіе демонстраціи, впечатлѣніе, произведенное ею на обывателей, не поддается описанію. До сихъ поръ всѣ говорятъ объ этомъ событіи, небываломъ въ Ростовѣ, и удивляются мужеству рабочихъ.

Втеченіе истекшей осени и зимы мѣстнымъ Комитетомъ распространены слѣдующія воззванія: 1) по поводу закрытія „профессіональнаго общества“ мимеогр. въ количествѣ 1000 экземп., 2) о политической свободѣ — гектограф. въ колич. 200 экз. 3) по поводу Таганрогскихъ безпорядковъ, гектогр., 200 экз. 4) по поводу годовщины освобожденія крестьянъ 1000 экз.

Возникшей въ концѣ истекшаго года въ Ростовѣ „кассой для политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ (Краснымъ Крестомъ)“ распространены: 1) бюллетень о демонстраціяхъ въ Харьковѣ и Екатеринославѣ съ призывомъ къ сбору пожертвованій, 2) листки „Еврейск. Бунда“ къ еврейской интеллигенціи о студенческихъ безпорядкахъ, 3) Бюллетень о демонстраціяхъ въ Кіевѣ, Москвѣ и Питерѣ — съ призывомъ къ пожертвованіямъ.

Арестовано всего по дѣлу о демонстраціи 19-го февраля около 15 человѣкъ.

---

17 февраля произошла демонстрація въ Екатеринославѣ, организованная мѣстнымъ комитетомъ партіи, который созвалъ рабочихъ особымъ листкомъ, напечатаннымъ въ собственной типографіи. О самой демонстраціи разсказывается въ другомъ листкѣ комитета, изданномъ послѣ 17 февраля. Приводимъ изъ него слѣдующее мѣсто:

„Въ теченіе цѣлой недѣли у губернатора шли совѣщанія всей „стаи славной“, опоры царя и отечества: Его Сіятельство фонъ-Келлеръ, жандармскій генералъ Делло, полиціймейстеръ и просто пристава и даже помощники приставовъ, — всѣ братались какъ равные, всѣ вмѣстѣ придумывая, какъ бы получше задушить смѣлую попытку Екатеринославскихъ рабочихъ. Были приняты всѣ мѣры. Произведена была масса арестовъ и обысковъ. Солдатамъ своевременно розданы были патроны. Въ день демонстраціи, въ Воскресенье, вся Чечелевка занята была войсками и отрѣзана отъ города. Въ тотъже день, съ 2-хъ часовъ дня, обыкновенно шумный и людный проспектъ представлялъ собою необычайное зрѣлище: кромѣ полицейскихъ чиновъ, на немъ почти не видно было ни единой живой души. Всѣхъ прохожихъ буквально гнали въ шею, не давая прохода ни выхода. По временамъ только, то здѣсь, то тамъ появлялись фигуры обывателей. Масса войска стояла по дворамъ и маршировала по проспекту. Городъ очутился вдругъ на военномъ положеніи, и можно было подумать, что на насъ напали какія-то невѣдомыя вражескія полчища. Но нѣтъ, то бушевала собственная полиція, предводительствуемая губернаторомъ, разъѣзжавшимъ, какъ передъ сраженіемъ, верхомъ на конѣ. Вся стая черныхъ вороновъ дармоѣдовъ, нахлѣбниковъ у народа, имѣя за спиной сотни вооруженныхъ солдатъ, собралась во что бы то ни стало задавить этотъ самый народъ заткнуть ему глотку, не давать говорить. Но народъ сильнѣе, чѣмъ его нахлѣбники. Въ ту самую минуту, какъ графъ Келлеръ важно и самоувѣренно разъѣзжалъ по проспекту, подъ самымъ сіятельнымъ губернаторскимъ носомъ появилась дружно сомкнутая масса смѣльчаковъ заводскихъ рабочихъ и городскихъ ремесленниковъ, развернула красное знамя, на которомъ красовались слова: „долой самодержавіе!“, „да здравствует политическая свобода!“ и съ этими же криками ринулась впередъ. Но масса была безоружна. Со всѣхъ сторонъ налетѣла на нее стая хищныхъ коршуновъ: пристава, околодочные и городовые, съ шашками на голо, выхватили изъ толпы семь человѣкъ и отправили въ участокъ. Въ это же время, другая масса рабочихъ съ развернутымъ знаменемъ съ пѣніемъ рабочей марсельезы, двинулась отъ Новаго театра и прошла безпрепятственно пять кварталовъ, по Петербургской и Крестовой, сопровождаемая большимъ стеченіемъ сочувствующей публики. Одновременно съ этой второй произошла третья демонсстрація на Троицкомъ базарѣ.“

Казань. На мѣстной фермѣ (земледѣльческое училище) ученики заявили директору, что они не могутъ выносить его прижимокъ и покровительства богатымъ ученикамъ. Директоръ немедленно собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было исключить 4 учениковъ и арестовать ихъ. Для выполненія этого постановленія въ училище явилось нѣсколько полицейскихъ, но ученики вступили въ драку съ полиціей и отбили ее. Послѣ этого были приняты „энергичныя мѣры“: арестовали 40 учениковъ и разослали ихъ по мѣстамъ жительства. Остальные подали министру земледѣлія петицію съ изложеніемъ причинъ своего недовольства.

Въ университетѣ обструкція. Полиція арестуетъ студентовъ, чтобы черезъ нѣсколько дней снова выпустить. 27 фев. арестовано 30 студ.

Елизаветградъ 25 февраля. Вотъ уже четвертый годъ на исходѣ, какъ нашъ городъ былъ въ первый разъ напуганъ повальными обысками и арестомъ около 10 человѣкъ. Мѣстный жандармъ, подполковникъ Ламзинъ, узрѣлъ въ этихъ лицахъ преступниковъ, а потому и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ отбываютъ надзоръ. Обыски и аресты очень перепугали городъ, имѣвшій смутное понятіе о „соціалистахъ“. Нѣтъ ни одного обывателя изъ „средней“, а, пожалуй и „высшей“ публики, который съ понятіемъ о „соціалистѣ“ не связывалъ бы представленія о человѣкѣ, который задался цѣлью убить царя. Никто изъ нихъ, вслѣдствіе какой то особенной психологіи, выработанной подъ вліяніемъ нашего государственнаго строя, не спроситъ себя, „зачѣмъ“ и „почему“, а ограничится однимъ фактомъ желанія убить, и конецъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти 4 года у насъ было тихо. Обыватели боялись обысковъ и даже арестовъ во время всероссійскаго студенческаго движенія 1899 года, боялись также во время „смутнаго времени“, названнаго „Искрой“ бурнымъ мѣсяцемъ. Но ни арестовъ, ни даже обысковъ не было. Подоспѣла въ 1901-же году всѣмъ извѣстная „продовольственная эпопея“. Губернаторъ Оболенскій пріѣхалъ въ Елизаветградъ, объявилъ, что на основаніи его оффиціальныхъ данныхъ *), голода въ Елизаветградскомъ уѣздѣ нѣтъ, причемъ снисходительно назвалъ это явленіе „недородомъ“, а есть, де, въ Елизаветградѣ революціонная группа, съ Никольской во главѣ, которая пользуется всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы проникнуть въ народъ, и произвести смуту и волненіе. Всякому, конечно, извѣстно, что спасать отъ голодной смерти можетъ не только революціонеръ, но у страха глаза велики, и г. губернаторъ въ филантропіи узрѣлъ революцію. Какъ бы тамъ ни было, это событіе дало поводъ ввести въ Елизаветградѣ усиленную охрану, это „средствіе“, какъ говорилось въ № 7 „Искры“, противъ голодовокъ. Усиленная охрана произвела небывалое впечатлѣніе на обывателей. Многіе догадывались, что эта мѣра противъ „соціалистовъ“ и только немногіе знали чисто мѣстное значеніе охраны. Появились опять толки, свойственные русскому провинціальному обывателю, что теперь уже „соціалистовъ“ не будетъ, заботливое начальство позаботилось, не даромъ увеличенъ штатъ полиціи. Усиленная охрана и сопровождающія ее мѣры повели къ тому, что понятіе о соціалистѣ стало вызывать еще болѣе ужасное представленіе, и что всего прискорбнѣе, такое же представленіе о соціалистѣ было и у рабочихъ, какъ заводскихъ, такъ и ремесленниковъ. Въ ночь съ 15 на 16 февраля полиція произвела и аресты. Городъ всполошился. Обыски и аресты продолжались, какъ говорятъ, дня 4. По городу ходили самые ужасные слухи, будто въ одну ночь арестовано 30 рабочихъ, въ другую 10 и т. д. Все это, разумѣется преувеличено. Но объ обыскахъ и арестахъ зналъ весь городъ, и неудивительно, почему обыски производились днемъ, на квартиру рабочаго Янкелевича ѣздили нѣсколько разъ и все днемъ. Въ такомъ маленькомъ городкѣ, гдѣ всѣ до того знаютъ друга, что надоѣли даже, все становится извѣстнымъ. Настроеніе рабочихъ, особенно заводскихъ, отвратительное. Жандармерія напугала и ихъ тѣмъ, что произвела обыскъ по станкамъ. Въ довершеніе всего, по городу циркулировалъ, не знаю, кѣмъ распространенный, слухъ о томъ, что 19 февраля будетъ „бунтъ“. Публика серьезно побаивалась. Мнѣ лично приходилось слышать изъ разнородныхъ источниковъ, что въ 3 часа рабочіе выйдутъ на Большую и будутъ кричать „свобода“. Я полагаю, что этотъ слухъ распространяла сама полиція. Она предупреждала торговцевъ о бунтѣ и приняла мѣры противъ таковаго. 19-го съ утра по городу была устроена прогулка нашей пѣхоты. Интересно, между прочимъ, отмѣтить слѣдующій фактъ: у насъ, благодаря неусыпной заботливости Николая Палкина, учреждено юнкерское кавалерійское училище. Воспитанники сего заведенія задаютъ тонъ всей нашей молодежи. Вліяніе его столь сильно, что военная разнузданность будущихъ кавалеристовъ неблагопріятно отразилась на будущихъ студентахъ и „барышняхъ“. Гимназисты и реалисты стараются перещеголять другъ друга въ пошлыхъ выходкахъ, въ дебоширствѣ, пьянствѣ, развратѣ, а гимназистки вздыхаютъ по шпорамъ. Такъ вотъ начальство сего заведенія рѣшило и для своихъ воспитанниковъ устроить прогулку по городу. Эскадроны юнкеровъ дефилировали по городу, запугивая населеніе, которое при видѣ юнкеровъ, представляло себѣ казаковъ съ нагайками. Поневолѣ приходятъ на память „криптіи“ временъ древней Греціи, когда Спартанскіе юноши посылались на невинныя упражненія, имѣвшія цѣлью перебить безпокойный элементъ рабовъ. Ну, что-жъ, ученье свѣтъ! если не теперь, г. г. юнкера, то въ будущемъ придется на законномъ основаніи истреблять безпокойный элементъ. Присматривайтесь, пріучайтесь! Разница только въ томъ, что въ Греціи были безгласные рабы, которые вспыхивали лишь стихійно, у насъ же объектомъ вашихъ упражненій будутъ люди, сознательно идущіе на борьбу. Прикиньте-ка головой, вспомните изъ исторіи той же Греціи, какъ малочисленное количество грековъ побѣдило въ 10 разъ большее количество Персовъ. Съ такимъ безпокойнымъ элементомъ вамъ справиться не такъ то легко, какъ съ рабами...

При видѣ конницы такъ и подмывало выйти на Большую и Дворцовую и крикнуть: „Да здравствуетъ свобода!“ Но какая можетъ быть демонстрація, если ни рабочіе, ни публика тебѣ не отзовутся, а еще чего добраго, станутъ открещиваться: „чуръ меня!“ Да, еще много и долго придется работать, пока публика и рабочіе смогутъ на каждый жандармскій погромъ отвѣтить протестомъ, а не прятаться подальше отъ „злодѣевъ-соціалистовъ“.

Въ другомъ сообщеніи изъ того же города разсказывается: Наши власти совсѣмъ потеряли голову. Полиціймейстеру отъ 8 до 20 февраля были предоставлены широчайшія полномочія въ случаѣ возникновенія какихъ либо безпорядковъ. Еженочно стали дѣлать облавы и обыски, арестовывали людей, когда они собирались обсуждать самыя мирныя дѣла, потомъ выпускали ихъ и ловили другихъ и такимъ образомъ все-таки арестовали человѣкъ 10, которыхъ уже врядъ ли освободятъ.

Но интереснѣе всего было 19 февраля. Стоящій у насъ полкъ былъ раздѣленъ на роты и шатался по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ и пѣснями. Мирные обыватели не знали, чѣмъ объяснить это явленіе; одни говорили, что готовится еврейскій погромъ, другіе-что крестьяне хотятъ напасть на городъ, словомъ, обыватель сидѣлъ дома и боялся выйти на улицу. Въ общемъ настроеніе очень приподнятое; всѣ чего-то ждутъ, всѣ ворчатъ и доходящіе изъ разныхъ городовъ слухи о демонстраціяхъ не только смутили властей, но и обывателей, которые чего-то ждутъ и, пожалуй, не прочь бы и посодѣйствовать. Интереснѣе всего, что даже при уличномъ столкновеніи полиціи съ обывателями, толпа, несмотря на ея разношерстность, всегда солидарна противъ полиціи и выражаетъ это очень энергично, чему случай былъ у насъ на дняхъ“.

Съ своей стороны, мы можемъ только благодарить администрацію за ея посильное содѣйствіе революціонному просвѣщенію обывателя.

Шлиссельбургская могила. Въ февралѣ этого года изъ Шлиссельбурга высланъ на Сахалинъ на поселеніе Мих. Ник. Тригони, осужденный въ 1882 г. Сенатомъ на 20 л. каторги по дѣлу 1 марта 1881 г. Тригони былъ близкимъ товарищемъ Желябова, и въ его комнатѣ былъ арестованъ 27 февраля 1881 г. этотъ знаменитый революціонеръ. Этого одного было достаточно правительству, чтобы приговорить Тригони къ 20 год. каторги, беззаконно держать его, вмѣсто Сибирскихъ рудниковъ, сначала въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, а съ 1884 г. — въ Шлиссельбургскомъ казематѣ, и выдержать въ заключеніи всѣ 20 лѣтъ, безъ всякихъ скидокъ. Въ лицѣ Тригони изъ Шлиссельбурга выходитъ одинъ изъ немногихъ узниковъ, выдержавшихъ 2 десятилѣтія Шлиссельбургскаго заключенія. Въ августѣ 1884 года изъ Алексѣевскаго равелина было перевезено въ Шлиссельбургъ 20 человѣкъ — пятнадцать изъ нихъ умерли отъ болѣзней или разстрѣляно за ничтожные проступки (Минаковъ и Мышкинъ). Изъ этой первой партіи Шлиссельбуржцевъ Тригони — единственный, которому пока удалось выйти изъ каземата. Поливанову предстоитъ окончаніе срока осенью этого года, а Н. Морозовъ, М. Фроленко и М. Поповъ обречены на безсрочное заключеніе, которое должны раздѣлить съ ними всѣ прочіе Шлиссельбургскіе узники, прибывшіе туда позднѣе, кромѣ трехъ (В. Ивановъ и Ашенбреннеръ выходятъ въ 1904 г., а Стародворскій въ 1907 году). Безсрочными, кромѣ упомянутыхъ, остаются еще Вѣра Фигнеръ (съ 1884 г.), Г. Лопатинъ, Антоновъ, С. Ивановъ, Лукашевичъ и Новорусскій (съ 1887 г.). Всего 9 лицъ. Съ прошлаго года къ нимъ присоединился П. Карповичъ, который принесъ Шлиссельбургскимъ узникамъ первую вѣсть о новомъ подъемѣ революціонной волны.

Самодержавіе, мстительное по всѣмъ своимъ традиціямъ, не можетъ не мучить своихъ враговъ даже спустя 20 лѣтъ, послѣ того, какъ взяло ихъ въ плѣнъ. Цѣлыя поколѣнія сошли со сцены, большинство уцѣлѣвшихъ соратниковъ тѣхъ, кто былъ заключенъ въ Шлиссельбургѣ, получило свободу и возможность общественной дѣятельности, а въ судьбѣ шлиссельбуржцевъ не происходитъ серьезныхъ измѣненій къ лучшему. Даже тѣ изъ нихъ, которые отбыли свой долгіе сроки, съ утонченной жестокостью высылаются въ Средне-Колымскъ, Вилюйскъ или на Сахалинъ.

Неужели узники русской Бастиліи не выйдутъ изъ нея раньше, чѣмъ ихъ освободитъ 14-ое Іюля?

Несчастный случай съ академіей наукъ.

Императорская Академія Наукъ объявляетъ:

„Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ, выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ — Максимъ Горькій), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ 1035 статьи устава уголовнаго судопроизводства объявляются недѣйствительными“.

Несчастная Академія! Выбирая недавно Горькаго въ число своихъ почетныхъ членовъ, она не знала, что Горькій — „политическій преступникъ“, привлеченный къ жандармскому слѣдствію по обвиненію въ... „вредномъ вліяніи“ на нижегородцевъ. Теперь она объ этомъ узнала (ей сообщили свѣдущіе люди) и спѣшитъ поправить бѣду, объявивъ свое собственное рѣшеніе недѣйствительнымъ. Разумѣется, такой мудрый шагъ подниметъ въ высшей степени уваженіе публики къ сонму генераловъ отъ науки, которые такъ боятся „запачкать“ себя сосѣдствомъ съ борцомъ противъ самодержавія.

Не находитъ-ли, однако, Академія, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ повѣрить разсказу о томъ, будто выбирая Горькаго, она не знала, кого выбираетъ? Не думаетъ ли она, что ея выборъ и русской публикой, и заграничными газетами могъ быть понятъ только, какъ сознательная манифестація въ честь Горькаго? И не кажется — ли ей, что испугавшись своего собственнаго поступка и отрекшись отъ „политическаго преступника“, она только заставитъ публику понять, что своимъ новымъ рѣшеніемъ Академія не Горькаго отрѣшаетъ отъ себя, а себя — отъ Горькаго, вообще отъ всего живого и свободнаго въ русской литературѣ?

Собраніе мудрецовъ, посѣдѣвшихъ въ служеніи ...... высочайшимъ покровителямъ наукъ и искусствъ, можетъ, конечно, считать окрикъ начальства достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы рѣшиться на дерзкій вызовъ общественному мнѣнію всѣхъ тѣхъ, кто чтитъ въ Горькомъ крупную литературную силу и талантливаго выразителя протестующей массы.

Но въ Императорской Академіи на ряду съ архивными крысами и придворными одописцами засѣдаютъ и такіе люди, которыхъ публика считаетъ въ рядахъ противниковъ мракобѣсія. Сочтутъ-ли эти дѣятели для себя пристойнымъ оставаться членами или „почетными членами“ учрежденія, съ которымъ произошелъ несчастный случай?

Движеніе среди семинаристовъ. Волненіе, охватившее всю учащуюся молодежь, не прошло безслѣдно и для духовныхъ семинарій. Рядъ „безпорядковъ“ въ Рязанской, Калужской, Тульской, Казанской, Пермской, Архангельской, Иркутской и другихъ семинаріяхъ показалъ, что и въ этой части учащейся молодежи таится серьезное недовольство. Передъ нами — рядъ листковъ, изданныхъ „Временнымъ Центральнымъ Организаціоннымъ Совѣтомъ семинаристовъ“ и зовущихъ семинаристовъ къ организаціи и колективной борьбѣ за реформу учебнаго дѣла и уравненіе правъ семинаристовъ съ правами воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній въ дѣлѣ продолженія образованія. Всѣ прокламаціи „Центральнаго Совѣта“ написаны весьма серьезно и обнаруживаютъ готовность семинаристовъ упорно и съ вы-

---

*) Интересно отмѣтить, какъ собирались эти оффиціальныя данныя. Губернаторъ пріѣхалъ въ деревню, собралъ крестьянъ и грознымъ голосомъ приказалъ, чтобы каждый сказалъ, голодаетъ ли онъ? Мужикъ убоялся начальства и далъ губернатору оффиціальныя данныя, что „сытъ по горло“.

держкой отстаивать свои интересы. Въ одномъ „бюллетенѣ-циркулярѣ“ находимъ отчетъ „Центральнаго Совѣта“ о ходѣ организаціоннаго дѣла, изъ котораго знаемъ, что Совѣту удалось завязать прочныя организаціонныя связи между 22 семинаріями въ разныхъ концахъ Россіи и еще съ 19-тью ведутся переговоры. Московская и Казанская духовныя академіи относятся сочувственно къ движенію. Послѣднее привлекло уже къ себѣ вниманіе Синода, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующій документъ:

Довѣрительно. По имѣющимся въ Св. Синодѣ и Епархіальномъ управленіи свѣдѣніямъ, злонамѣренные люди стремятся посѣять смуту въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, къ сожалѣнію, успѣли повліять на нѣкоторыхъ легкомысленныхъ студентовъ Московской и Казанской Академіи и воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Въ учебныхъ заведеніяхъ начали образовываться кружки, распространяющіе воззванія, будто отъ студентовъ Академіи и воспитанниковъ семинарій, никѣмъ не подписанныя. Въ этихъ воззваніяхъ они стараются укрѣпить семинарскихъ воспитанниковъ въ той мысли, что общее заявленіе, подписанное всѣми воспитанниками, можетъ оказать вліяніе на Св. Синодъ и побудить его къ выполненію предъявленныхъ ими требованій: уравненія программъ семинарскаго курса ученія съ таковыми же свѣтскихъ учебныхъ заведеній, дозволенія поступать въ университеты и другія высшія свѣтскія учебныя заведенія по окончаніи курса ученія въ IV классѣ, отмѣны пріемныхъ въ семинаріи и переходныхъ изъ класса въ классъ экзаменовъ, сокращенія богословскихъ предметовъ и усиленія свѣтскихъ, устраненія монашествующихъ лицъ отъ управленія семинаріями и полнаго измѣненія отношеній къ ученикамъ со стороны начальствующихъ и учителей. Выставляется сверхъ того требованіе, чтобы для семинаристовъ не было обязательнымъ хожденіе къ богослуженію, бытіе у исповѣди и св. причастія, а также исполненіе церковныхъ постановленій относительно постовъ. Въ случаѣ невыполненія предъявленныхъ требованій, сѣятели смутъ предлагаютъ воспитанникамъ семинарій прекратить учебныя занятія и во многихъ семинаріяхъ, къ сожалѣнію, уже произведены были безпорядки, выразившіеся въ дикихъ, нетерпимыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, поступкахъ, а именно: буйныхъ сходкахъ, битьѣ стеколъ и лампъ, поломѣ вещей и даже чугунныхъ перилъ на лѣстницахъ. Несомнѣнно, призывъ воспитанниковъ семинарій къ предъявленію наложенныхъ безумныхъ требованій и учиненію безпорядковъ разсчитанъ на молодыхъ людей, легкомысленныхъ, не понимающихъ что стоитъ Св. Синоду и государству призрѣніе и обученіе дѣтей духовенства, готовящихся къ служенію церкви, и какому бѣдствію подвергнутъ они себя и своихъ родителей, если за уклоненіе ихъ отъ ученія и за смуту отнимется отъ нихъ благодѣющая рука правительства.

Въ виду возникающихъ безпорядковъ, долгъ всѣхъ родителей и воспитателей въ личныхъ сношеніяхъ съ учащимися разъяснять имъ бѣдственныя эти послѣдствія безпорядковъ, а равно и предупредить, что они не должны ожидать никакаго послабленія своеволію, нетерпимому въ учебномъ заведеніи, и что тѣ изъ нихъ, кои отказываются учиться, будутъ немедленно увольняемы, въ случаѣ же прекращенія учебныхъ занятій во всемъ учебномъ заведеніи, оно подлежитъ закрытію и можетъ быть открыто при полной увѣренности въ возможность правильнаго хода учебныхъ занятій.

Что касается петицій и заявленій, къ подписанію коихъ зачинщики безпорядковъ склоняютъ и побуждаютъ неопытную и легкомысленную массу учениковъ, то подлежитъ объявленію, что всѣ такія заявленія, какъ противозаконныя со стороны учениковъ, не могутъ имѣть никакого значенія и всѣ подписавшіе такое заявленіе, какъ ослушники, будутъ подлежать увольненію.

Поручаю Вамъ въ дополненіе къ циркулярному отношенію отъ 2-го іюня 1899 года предъявить подъ росписку въ слышаніи и исполненіи въ чемъ слѣдуетъ содержаніе настоящаго отношенія тѣмъ членамъ причтовъ, подвѣдомыхъ Вамъ, сыновья коихъ обучаются въ Вологодской Духовной Семинаріи и пригласить ихъ къ дружному и единодушному содѣйствію оберегать неопытную молодежь отъ увлеченія противозаконными воззваніями и несбыточными мечтаніями людей неблагонамѣренныхъ.

Изъ Забайкалья.

Два губернатора. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года военный губернаторъ, Мацѣевскій, перемѣщенъ былъ въ Туркестанскій край. Сравнительно съ другими губернаторами, бывшими въ Забайкальѣ, Мацѣевскій не особенно злоупотреблялъ данной ему огромной властью. Онъ, напр., довольно мягко относился къ солдатамъ и къ ссыльнымъ. Но за то произволъ его по отношенію евреевъ былъ безграниченъ: преслѣдованіе ихъ онъ возводилъ въ культъ. Такъ, года два тому назадъ онъ издалъ циркуляръ, въ которомъ обязывалъ домовладѣльцевъ станицы Срѣтенской не отдавать домовъ своихъ подъ квартиры евреямъ. Благодаря его же стараніямъ, явился на свѣтъ другой циркуляръ, буквально прикрѣпляющій евреевъ Забайкалья къ землѣ. Дѣти и отдаленнѣйшіе потомки ссыльныхъ-евреевъ Забайкалья несутъ на себѣ отвѣтственность за грѣхи отцовъ, такъ какъ имъ выдаютъ паспорта только на нѣсколько дней, и больше, чѣмъ на 6 мѣс. въ году, еврей не имѣетъ права отлучаться изъ мѣста постояннаго своего жительства.

Разставаясь съ Забайкальемъ, Мацѣевскій говорилъ много рѣчей и служилъ молебны: онъ вообще очень любилъ играть въ солдатики и служить молебны. „Господа, — говорилъ онъ, между прочимъ, евреямъ, — вы думаете, что я самъ изобрѣтаю всякіе циркуляры? Нѣтъ, я только исполняю законъ, которому самъ подчиняюсь. Если бы сегодня изданъ былъ законъ, обязывающій насъ ходить вверхъ ногами, я первый пошелъ бы вверхъ ногами!“ Онъ, поэтому, совѣтовалъ терпѣливо ждать того времени, когда законы страны измѣнятся. „Вотъ теперь такіе законы, а черезъ сто лѣтъ могутъ быть другіе“, утѣшалъ онъ обиженныхъ закономъ людей. Вообще, это былъ человѣкъ не злой и недалекій. Онъ покровительствовалъ читинскому отдѣл. Геогр. Общ., которое, благодаря этому, кое-что сдѣлало въ культурномъ отношеніи.

Въ иномъ совсѣмъ родѣ новый властелинъ Забайкалья. До назначенія на должность губернатора, Надаровъ былъ начальникомъ интендантскаго правленія Приамурскаго края и во время китайской войны, говорятъ, не мало поживился на счетъ казны. Внѣшній видъ у него крайне грубый, фельдфебельскій. Явившись въ Читу, онъ произнесъ собравшимся встрѣтить его чиновникамъ и горожанамъ рѣчь, въ которой заявилъ, что онъ строгій сторонникъ законности и гласности. Онъ просилъ чиновниковъ доносить ему обо всемъ, что они замѣтятъ противозаконнаго, и открывалъ для всѣхъ столбцы оффиціальнаго органа: „Забайкальскія Обл. Вѣд.“ для заявленія ему о своихъ нуждахъ. Слова: „законность“ и „законъ“ у него съ устъ не сходятъ, между тѣмъ какъ въ своей дѣятельности онъ руководствуется почти исключительно личнымъ вкусомъ и административнымъ произволомъ.

Началъ Надаровъ свою дѣятельность важнымъ преобразованіемъ: онъ приказалъ полиціи снять вывѣски съ зданій Географическаго Общества — музея и буддійскаго храма — и замѣнить ихъ другими — своей редакціи, причемъ на буддійскомъ храмѣ появилась нелѣпая надпись „музей“.

Начавъ съ рѣчи о законности, онъ первый показалъ всѣмъ примѣръ самаго грубаго произвола. Въ Геогр. Общ. существуетъ Совѣтъ, къ которому онъ и долженъ былъ обратиться по этому вопросу. Но Надаровъ счелъ болѣе удобнымъ прямой путь административнаго распоряженія. Вообще, на Геогр. Общ. онъ обратилъ особенное вниманіе, ибо увидѣлъ въ немъ источникъ крамолы. Всѣ придирки вначалѣ направлялись по адресу директора музея, А. К. Кузнецова, отдавшаго лучшіе силы и годы созданію этого музея. Прикрываясь ревностью къ православію, Надаровъ искалъ случая закрыть дацанъ*). „На мѣстѣ этого дацана — сказалъ онъ однажды — давно слѣдовало открыть кабакъ“. Онъ такъ преданъ православію и такъ ненавидитъ всякое инославіе, что, по собственнымъ его словамъ, онъ „морду побилъ бы Хамбо-Ламѣ, если бы встрѣтилъ его“ (Хамбо-Лама — верховный жрецъ у бурятъ). Онъ нашелъ горячее сочувствіе въ своихъ планахъ въ мѣстномъ архіереѣ Меѳодіи, человѣкѣ грубомъ, неразвитомъ.

Не найдя никакихъ поводовъ къ закрытію ненавистнаго ему маленькаго буддійскаго храма, мозолящаго ему глаза своими яркими красками, достойный правитель самъ изобрѣлъ предлогъ: онъ арестуетъ бурята, который направлялся въ дацанъ съ тряпками и спиртомъ чистить свохъ бронзовыхъ боговъ, обвиняя въ томъ, что тотъ совершалъ богослуженіе; онъ создалъ дѣло о тайныхъ, съ вѣдома А. К. Кузнецова, богослуженіяхъ въ дацанѣ и запечаталъ дацанъ. Скоро ему пришлось отмѣнить это распоряженіе: пріѣхавшій въ Читу путешественникъ, французъ Лабе, явился къ нему и высказалъ изумленіе по поводу такого обращенія съ научными коллекціями, и генералъ долженъ былъ вновь открыть дацанъ.

Въ редакторы „Забайкальск. Обл. Вѣдом.“ имъ назначенъ нѣкто Гороховъ, вѣрный слуга и малосвѣдущій человѣкъ. На столбцахъ оффиціальной газеты стали появляться доносы. Въ одномъ изъ нихъ говорилось о „вредномъ вліяніи“ публичной библіотеки Географическаго общества на учащихся, о „тенденціозномъ подборѣ книгъ по политической экономіи и соціологіи“. Генералъ самъ производилъ слѣдствіе по этому поводу: явившись въ библіотеку, онъ лично осмотрѣлъ шкафы и нашелъ въ нихъ слѣдующія запрещенныя книги: Сборникъ статей Д. И. Писарева изъ „Русскаго Слова“, вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій, и журналъ „Русская мысль“.

Незаконной въ библіотекѣ оказалась и курсистка, высланная изъ Петербурга за безпорядки и исполнявшая обязанность библіотекаря. Извѣстно, что безчисленное множество доносовъ на вредную дѣятельность Географическаго Общества и библіотеки написалъ А. Ф. фонъ — Геллеръ, достойный сотрудникъ достойнаго правителя.

Черезъ нѣкоторое время послѣ осмотра библіотеки, обнаружившаго ея тенденціозность, Совѣтъ Географическаго Общества получилъ отъ губернатора запросъ: „На какомъ основаніи поднадзорный студентъ С. работаетъ въ музеѣ? На какомъ основаніи высланная изъ Петербурга курсистка К. работаетъ въ библіотекѣ? На какомъ основаніи состоящій подъ гласнымъ надзоромъ мѣщанинъ М. работаетъ въ библіотекѣ?“ Далѣе предлагалось названныхъ лицъ удалить, а незаконную библіотекаршу уволить.

Всѣмъ рѣшительно въ Сибири, въ томъ числѣ ген. Надарову, извѣстно, что добрая половина (если не больше) научнаго матеріала о Сибири собрана именно поднадзорными!

Оторванные отъ любимаго, живого и дорогого имъ дѣла борьбы за счастье своей родины, эти „поднадзорные“ свою жажду дѣятельности перенесли на окружающій ихъ міръ неизслѣдованныхъ областей, въ которыя ихъ забросилъ господствующій у насъ произволъ. Достаточно указать на цѣнные научные труды Ядринцева, Потанина, Клеменца, Богораза, Пекарскаго и другихъ извѣстныхъ и безвѣстныхъ труженниковъ. А вѣдь это все были „поднадзорные!“

Выходки Надарова по отношенію къ директору музея и директору библіотеки приняли наконецъ такой вызывающій и неприличный характеръ, что они принуждены были отказаться отъ дѣятельности. Директоръ музея, А. К. Кузнецовъ, давно уже отбывши срокъ ссылки, посвятилъ себя цѣликомъ мирной, культурной работѣ: благодаря его трудамъ и энергіи, въ Нерчинскѣ и Читѣ возникли два музея съ богатыми научными коллекціями. А. К. Кузнецовъ весь отдался этой дѣятельности, которая подъ старость осмысливала его жизнь. Директоръ библіотеки, Ц. С. Гуревичъ, принявъ на себя завѣдываніе публичной библіотекой, три года неутомимо работала въ ней, устроила книжный складъ для народа, въ которомъ, наряду съ хорошими книжками, принуждена былъ продавать житія святыхъ и книги священнаго писанія. Но вотъ въ результатѣ этой дѣятельности получилось такое къ нимъ отношеніе, какъ будто бы они посвятили это время революціонной или противо-законной дѣятельности. Этотъ случай можетъ служить нагляднымъ примѣромъ того, что въ предѣлахъ существующаго у насъ произвола и безправія всякая культурная работа сводится къ нулю какимъ нибудь Держимордой... Теперь на мѣсто директора библіотеки выбрана какая то полицейская дама, назначившая для пріема библіотеки извѣстнаго доносами Геллера и помощника полиціймейстера. Отнынѣ, вѣроятно, въ библіотекѣ уже не будетъ „тенденціознаго подбора“ книгъ и „вреднаго вліянія“ ихъ на учащихся!...

Юдофобствуетъ Надаровъ не меньше своего предшественника. Къ инородцамъ, бурятамъ и др. относится вызывающе-грубо. Съ просителями обращается по генеральски — многимъ говоритъ „ты“, особенно сѣрому люду. Поднадзорныхъ ссыльныхъ (большинство ихъ изъ бывшей политической тюрьмы на Карѣ) преслѣдуетъ мелкими придирками. Недавно наприм. наложилъ административное взысканіе на ссыльнаго Ф. за то, что тотъ, получивши разрѣшеніе выѣхать въ Баргузинскую тайгу, остался въ Читѣ; Надаровъ приказалъ подвергнуть его однодневному аресту при полиціи. Недавно генералъ рѣшилъ, что въ Читѣ существуетъ „Общество распространенія нелегальной литературы въ Россіи“, (кажется, онъ получилъ по почтѣ № „Искры“). Теперь генералу Надарову мерещится, что всѣ обыватели Читы читаютъ нелегальную литературу; по крайней мѣрѣ, онъ сказалъ кое-кому о своемъ открытіи и обѣщалъ во что бы то ни стало открыть организацію. Въ началѣ этого года, безъ всякаго повода со стороны мирныхъ обывателей, для пущаго страха, распространилъ приказъ, запрещающій сходки, сборища и сходбища. Обыватели Читы въ жизни своей не думали о сходбищахъ: теперь волей-неволей подумаютъ.

Вся дѣятельность ген. Надарова, какъ начальника области, превышающей размѣрами Францію, сводится къ безцѣльнымъ разъѣздамъ по области, для того лишь чтобы получать „прогонныя“. Единственная работа мысли его заключается въ надписи на прошеніяхъ: „по закону“. Дѣлая эту надпись, онъ, какъ мы видѣли, руководствуется однимъ лишь произволомъ. Этимъ онъ напоминаетъ бывшаго въ началѣ 80-хъ годахъ губернатора Забайкалья, Ильяшевича, (въ котораго стрѣляла Кутитонская.) Когда проситель указывалъ ему на незаконность его распоряженій, онъ бралъ томъ „Свода Законовъ“, садился на него и говорилъ: „Законъ тебѣ надо? Видишь, — вотъ гдѣ у меня законъ!“

Грубые, произвольные поступки Надарова нелѣпыя его распоряженія раздражаютъ всѣ слои населенія, возбуждаютъ ихъ ропотъ и недовольство.

Такое управленіе обширнымъ краемъ оказываетъ большую услугу дѣлу революціи, — оно порождаетъ недовольныхъ среди самыхъ мирныхъ обывателей, и подготовляетъ почву, на которой можно сѣять сѣмена новаго ученія.

Новый „каторжный приговоръ“. По дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ сектантами въ с. Павловкѣ (Харьк. губ.) харьковская судебная палата вынесла 49 крестьянамъ крестьянкамъ обвинительный приговоръ, при чемъ 45 лицъ осуждено на каторгу — отъ 4 до 15 лѣтъ. Павловское дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, а потому общество имѣетъ законное право остаться при прежнихъ своихъ подозрѣніяхъ, возбужденныхъ слухами о томъ, что руководителями безпорядковъ были отцы-миссіонеры, подославшіе къ сектантамъ провокатора. Если бы дѣло было чистое, почему бы правительству закрывать для публики двери суда? Почему бы „Моск. Вѣд.“ заранѣе плакаться и говорить, что „либералы“, навѣрное, и павловское дѣло припишутъ „попамъ“?

Какъ бы то ни было, а павловское дѣло не прибавило лавровъ русскому правительству. Была-ли тутъ провокація или просто сектанты были доведены правительственными преслѣдованіями до послѣдней степени отчаянія, — въ томъ и другомъ случаѣ ихъ поступокъ (нападеніе на православную церковь) всецѣло ложится на отвѣтственность правительства. Что жестокій приговоръ еще болѣе озлобитъ сектантовъ, — понятно само собою. Правительство неуклонно толкаетъ религіозныхъ враговъ православія на путь политическаго недовольства. Вотъ какіе призывы раздаются подъ вліяніемъ этой мудрой политики изъ среды современныхъ сектантовъ:

Да не царствуетъ надъ вами
Человѣкъ грѣха, сынъ погибели.
Знайте міряне, вѣрны христіане,
Что россійскіе цари не русской крови,
Не варяжскаго роду, не Рюрикова плода
И не должно имъ быть части въ русскомъ государствѣ,
Не должно быть имъ доли въ русскомъ престолѣ.
Они, братцы, сыны смѣшанной крови,
Французско-нѣмецкой, Чухонской и Шведской,
Чуждой намъ не близкой, съ примѣсью Англійской,
Ироду подобной, христіанству злобной.
Идумейское племя, змѣиное сѣмя —
Они набираютъ, въ народъ пускаютъ
Поповъ — миссіонеровъ, злыхъ изувѣровъ;
Совѣтъ собираютъ — распять Христа искаютъ;
За слово Христово караютъ сурово;
Въ тюрьмы сажаютъ, судятъ и ссылаютъ,
Хозяйства раззоряютъ, въ Сибирь, на Кавказъ гоняютъ
И тамъ безъ всего оставляютъ.
Малыя дѣтки умираютъ, матери ихъ стенаютъ.
Народъ обираютъ, идоловъ въ золото наряжаютъ
И силой принуждаютъ идолу молиться,
Дьяволу поклониться, власти антихриста покориться.
А вы, братцы, пробудитесь, вокругъ себя оглянитесь,
Промойте заспаны очи, ужъ насталъ день рабочій —
Время никого не ждетъ, разумный впередъ идетъ.
Поспѣшайте всѣ къ труду, если хотите жить въ добру.
Лучше за правду пострадать, чѣмъ въ неволѣ пребывать;
Лучше за свободу умереть, чѣмъ весь вѣкъ терпѣть.
Слышенъ съ Голгофы гласъ, слышенъ онъ для насъ:
„Мнѣ царства всѣ дьяволъ сулилъ, чтобы я народъ поработилъ,
А я крестъ понесъ за свободу и свободу далъ народу.
Въ рабствѣ живущіе — суть въ могилахъ сущіе:
Сыны Божіе свободны, сыны дьявола рабы.
Кто не за свободу, тотъ противъ меня, Іисуса Христа!“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Профессіональная организація кожевниковъ.

Кожевники Литвы и Польши недавно организовали „Всеобщій соціальдемократическій федеративный Союзъ кожевниковъ“. Польскій отдѣлъ этого федеративнаго Союза входитъ, какъ автономная часть, въ Польско-Литовскую соціальдемократическую партію, а еврейская на такихъ же основаніяхъ въ „Бундъ“.

Приводимъ хорошо написанный манифестъ, изданный Союзомъ на польскомъ и еврейскомъ языкахъ (обѣщано и русское изданіе).

Манифестъ
Всеобщаго Соціальдемократическаго Федеративнаго Союза Кожевниковъ.

Еще не такъ давно въ кожевенномъ промыслѣ, раскинутомъ по всему пространству Польши, Литвы и Россіи, царила удручающая тишина. Тяжела и безнадежна была наша жизнь. Безконечный рабочій день, тянувшійся съ ранняго утра до поздняго вечера; нищенскій заработокъ, грубое, унизительное обращеніе съ нами работодателей и мастеровъ, страшная грязь, смрадный воздухъ и тѣснота помѣщеній; связанныя съ кожевеннымъ промысломъ болѣзни, вродѣ сибирской язвы, поглотившей множество жертвъ; истощеніе силъ, спѣшная работа во время сезона — и безработица и голодъ во время перерывовъ въ производствѣ, и въ придачу ко всему этому тупое равнодушіе къ своей судьбѣ и отсутствіе всякой мысли о томъ, что такой порядокъ несправедливъ и можетъ и долженъ быть измѣненъ — вотъ картина нашего положенія. Мы думали, что такова воля Бога —, а пути его неисповѣдимы, — чтобы простой народъ работалъ безъ устали на своихъ господъ, не покладая рукъ и не разгибая спины; и чтобы жилъ въ нуждѣ, грязи и униженіи, а господа-работодатели могли на его счетъ утопать въ роскоши и какъ сыръ въ маслѣ кататься. Своихъ работодателей мы считали за благодѣтелей, т. к. они даютъ намъ возможность заработка, безъ нихъ, будто бы мы перемерли бы съ голоду.

Единственнымъ лучемъ надежды на улучшеніе нашего положенія была для каждаго изъ насъ мечта сдѣлаться мастеромъ или посредникомъ, чтобы тогда имѣть возможность угнетать своихъ братьевъ — кожевниковъ. При такой темнотѣ, при такомъ слабомъ духовномъ развитіи, развѣ могли мы почувствовать и понять тяготѣющій надъ нами политическій гнетъ? Развѣ могли мы понять, что наилучшіе соки изъ насъ выжимаетъ царь съ своей многочисленной шайкой чиновниковъ; что надъ нами издѣваются, что они держатъ умышленно насъ въ темнотѣ и невѣжествѣ и всегда становятся на сторону притѣснителей. Развѣ могли мы понять, что хотя мы такіе-же люди, какъ и всѣ другіе, но не имѣемъ никакихъ правъ; что съ нами обращаются, какъ со скотами, что, безъ нешего согласія, дерутъ съ насъ подати, берутъ въ солдаты, запрещаютъ собираться для обсужденія нашихъ дѣлъ; что за нами шпіонятъ и надъ нашими головами всегда висятъ, подобно ястребу, подстерегающему добычу, нагайка, тюрьма и ссылка? Мы работали и вздыхали, принимая пощечины и брань, а въ свободныя минуты ложились спать или напивались до потери сознанія. Мрачно и горько текла наша жизнь, безъ цѣли, безъ радости, безъ надежды. Но хуже всѣхъ приходилось нашимъ товарищамъ, разбросаннымъ по маленькимъ мѣстечкамъ.

Такова была наша жизнь и жизнь другихъ рабочихъ. Но вотъ раздались удары колокола, прогремѣлъ могучій призывъ польскихъ, еврейскихъ, литовскихъ и русскихъ организацій: „Рабочіе всѣхъ странъ соединяйтесь! Пролетаріи всѣхъ національностей организуйтесь!“

Всюду, куда только долетѣлъ этотъ призывъ, рабочія массы очнулись отъ долгаго сна, протерли глаза и расправили онѣмѣвшіе члены. Они поняли свое значеніе и двинулись въ бой! Закипѣла борьба не на жизнь, а на смерть!

Каждое улучшеніе, каждую уступку приходилось отвоевывать потомъ и кровью. На одной сторонѣ стояли работодатели, располагавшіе капиталами и помощью со стороны правительства; на другой — рабочіе, располагавшіе лишь однимъ оружіемъ единодушіемъ. Начался цѣлый рядъ стачекъ. Сознаніе необходимости тѣсной солидарности и обороны росло съ неслыханной быстротой. Классовое сознаніе, т. е. пониманіе необходимости для всего рабочаго класса уничтожить власть капитала, и сознаніе политическое т. е. пониманіе необходимости вырвать изъ рукъ нашего самодержавія его неограниченную власть — шли рука объ руку, и изъ покорныхъ, лишенныхъ правъ невольниковъ создали могучую армію пролетаріата.

Само собой разумѣется, что и мы, кожевники, не остались глухи къ голосу могучаго призыва. Всюду, а въ особенности въ болѣе крупныхъ городахъ Литвы и Польши, поднялись мы на борьбу за лучшія условія существованія, всюду началась борьба за человѣческое достоинство, за свободу и счастье. Наше пробужденіе выразилось прежде всего въ цѣломъ рядѣ стачекъ имѣвшихъ цѣлью сокращеніе рабочаго дня и повышеніе платы. Какъ пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, распространилось организованное стачечное движеніе на весь кожевенный промыслъ. Изъ городовъ оно сейчасъ-же передалось въ мѣстечки и глухіе закоулки. Въ Варшавѣ, Бѣлостокѣ, Сувалкахъ, Крынкахъ, Сокольцахъ, Ошмянахъ, Витебскѣ, Свисточахъ, Скирлахъ, Заблудовѣ,

---

*) Дацанъ — буддійскій храмъ. Въ 1899 г. въ Читѣ на бывшей сельско-хозяйственной выставкѣ на собранныя бурятами деньги была построена модель дацана.

Вильнѣ, Гомелѣ, Могилевѣ, Бердичевѣ, Сморгони, Динабургѣ и т. д. разыгрывались поочередно стачки кожевниковъ, оканчивавшіяся хорошими результатами.

Впродолженія 3-4 лѣтъ рабочій день во многихъ городахъ понизился до 13-12 час. со включеніемъ 2-хъ часовъ на обѣдъ. Во многихъ отросляхъ производства плата повысилась вдвое. Обращеніе съ нами нашихъ работодателей измѣнилось до неузнаваемости.

И среди насъ сильно сказалась разница между положеніемъ тѣхъ рабочихъ, которые боролись и борятся, и тѣхъ, которые по какимъ — либо причинамъ стоятъ вдали отъ движенія. Напримѣръ, рабочіе, занятые при обработкѣ сырыхъ кожъ, состоящіе въ большинствѣ случаевъ изъ сельскихъ рабочихъ, не отвоевали себѣ никакихъ улучшеній и работаютъ еще обыкновенно 15-16 ч., къ тому-же при ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ и крайне низкой заработной платѣ. Чѣмъ сильнѣе обострялась экономическая борьба, чѣмъ больше усиливались со стороны царскихъ чиновниковъ преслѣдованія, аресты и высылки, тѣмъ упорнѣе проявлялось у лучшихъ нашихъ представителей стремленіе внести политическое воспитаніе въ среду кожевниковъ, тѣмъ ярче сказывалась потребность въ организаціонной связи не только среди кожевниковъ какого-либо города или мѣстечка, но среди кожевниковъ всего производства.

Все яснѣе становилось для насъ, что мы, кожевники, должны составить одинъ союзъ, должны имѣть общее центральное учрежденіе, которое — бы руководило нашей борьбой, объединяло ее и дѣлало-бы ее болѣе цѣлесообразной и производительной.

Наиболѣе важныя причины, вызвавшія потребность основанія общаго союза кожевниковъ, таковы:

Во-первыхъ. Кожевенный промыслъ занимается производствомъ товаровъ, которые распространяются вдали отъ мѣста производства. Спросъ на нихъ не пріурочёнъ къ мѣсту, какъ это мы видимъ у ремесленниковъ, а сбываются они на крупныхъ рынкахъ. Поэтому такія условія производства, какъ длина рабочаго дня, цѣна товаровъ, прибыль капиталиста, плата работника и т. д., не могутъ значительно отличаться другъ отъ друга въ разныхъ мѣстечкакъ, вслѣдствіе чего въ какой-либо одной мѣстности нельзя добиться прочныхъ улучшеній, если въ другихъ мѣстностяхъ условія остаются безъ перемѣнъ. Отсюда вполнѣ ясно, что если мы, кожевники, хотимъ успѣшно вести борьбу, мы должны знать положеніе и условія производства въ разныхъ мѣстностяхъ, должны стараться, чтобы борьба развивалась равномѣрно, должны выбирать соотвѣтствующій моментъ и понимать, какія требованія можно выставить. Для всего этого и необходимъ союзъ, центральный комитетъ.

Во вторыхъ. Города и мѣстечки, въ которыхъ существуетъ кожевенный промыслъ, находятся между собою въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Рабочіе постоянно переходятъ съ одного мѣста на другое, поработавши нѣсколько мѣсяцевъ въ одной мѣстности, идутъ въ другую. Вотъ почему рабочее движеніе такъ быстро перешло изъ городовъ въ мѣстечки. Но это-же обстоятельство легко можетъ повлечь за собою и дурныя послѣдствія, если массы не развиты и не связаны въ союзъ и не имѣютъ центральной организаціи. Когда вспыхиваетъ стачка, фабриканты легко могутъ достать рабочихъ изъ другихъ мѣстностей и такимъ образомъ одержать верхъ надъ стачечниками. Но союзъ не допуститъ этого, давши своевременно повсюду знать, что происходитъ стачка и что надо борботься съ штрейкбрехерами.

Въ третьихъ. Фабриканты, видя въ рабочемъ движеніи надвигающуюся на нихъ бурю, начали оказывать другъ другу всякаго рода взаимныя услуги. То фабрикантъ, у котораго рабочіе устроили стачку въ „сухомъ“ промыслѣ, посылаетъ свои полуобработанныя кожи для окончательной отдѣлки другимъ фабрикантамъ; то, во время стачки въ „сыромъ“ производствѣ, принимаетъ изъ другихъ мѣстъ полуобработанныя кожи. Такой образъ дѣйствій, понятное дѣло, затрудняетъ для стачечниковъ возможность побѣды. Но центральная организація можетъ бороться съ подобнымъ явленіемъ, сообщая рабочимъ, гдѣ имѣетъ мѣсто подобная помощь мастерамъ и предупреждая, чтобы они бросали работу.

Въ четвертыхъ. Начатая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ борьба принимаетъ формы, которыя не совмѣстимы съ интересами рабочихъ, какъ класса, т. е. несовмѣстимы съ, демократическимъ принципомъ, а являются лишь проявленіемъ узкаго эгоизма. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ существуетъ обычай недопущенія и выбрасыванія не мѣстныхъ рабочихъ съ цѣлью парализовать ихъ конкурренцію; гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ ради той-же цѣли не принимаютъ въ ученье даже взрослыхъ. Для того, чтобы имѣть свѣдѣнія о такого рода непригодныхъ формахъ борьбы и выяснить рабочимъ ихъ истинный характеръ и вредъ, который они приносятъ дѣлу, необходимъ союзъ, необходима центральная организація, необходимъ центральный органъ (газета) кожевниковъ.

Въ пятыхъ. Для того, чтобы поднять классовое и политическое сознаніе въ отдаленныхъ отъ городовъ глухихъ закоулкахъ, лишенныхъ образованныхъ людей и школъ и оторванныхъ отъ общихъ соціаль-демократическихъ организацій; чтобы снабжать ихъ своевременно нелегальной литературой, помогать имъ матеріально и поддерживать арестованныхъ и ссыльныхъ; чтобы собирать свѣдѣнія и корреспонденціи о жизни кожевниковъ и помѣщать ихъ для общей пользы въ органѣ; чтобы путемъ всеобщихъ стачекъ и всеобщихъ демонстрацій подготовить насъ къ общей, одновременной и планомѣрной борьбѣ — для всего этого необходимъ союзъ.

Давно ужъ наталкивала насъ на это сама жизнь, сама борьба. Уже давно соединились мы между собой, еще тогда, когда никому и въ голову не приходила мысль о союзѣ. Но этого мало. Уже много лѣтъ во многихъ городахъ и мѣстечкахъ существуетъ среди значительной части кожевниковъ союзъ, но союзъ этотъ былъ тайнымъ и не всѣ мѣстныя организаціи знали о его существованіи. Время отъ времени съѣзжались представители организацій кожевниковъ для выборовъ центральнаго комитета. Сверхъ того, дѣятельность союза проявлялась въ поддержаніи прочныхъ, тѣсныхъ сношеній, совмѣстной дѣятельности и взаимной поддержкѣ. Объединеніе крѣпло, мѣстныя организаціи дѣлались все сильнѣе, все болѣе сознательными. Движеніе разросталось вширь и вглубь. Приближалась минута, когда союзъ могъ и долженъ былъ стать во первыхъ всеобщимъ, во вторыхъ явнымъ, когда онъ могъ и долженъ былъ отъ имени объединенныхъ кожевниковъ открыто и смѣло бросить вызовъ на бой самовластному правительству и капиталистическому строю. И наконецъ минута эта настала. Осенью 1901 г. состоялся съѣздъ польскихъ и еврейскихъ кожевниковъ. Тѣми и другими были приняты одинаковыя постановленія. Постановлено было оповѣстить объ основаніи Всеобщаго Соціаль-демократическаго Федеративнаго Союза Кожевниковъ. Тогда-же было образовано центральное учрежденіе.

Всеобщій Союзъ Кожевниковъ! это значитъ: всѣ вы, братья кожевники, живущіе въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи, безъ различія національности, образованія, возраста приглашаетесь присоединиться къ нашему союзу. Онъ не можетъ быть только польскимъ, только еврейскимъ или только русскимъ тамъ, гдѣ повсюду на фабрикахъ и въ мастерскихъ работаютъ бокъ о бокъ поляки, евреи, литовцы, русскіе и т. д. . Ихъ интересы тѣсно связаны. Они дѣйствуютъ и должны дѣйствовать солидарно во время всякой борьбы, во время каждой стачки или демонстрація.

Федеративный! это значитъ: кожевники каждой національности: поляки, евреи, русскіе и др. организуются отдѣльно и образуютъ отдѣльные союзы: польскій, еврейскій, русскіе и т. д., но всѣ они соединяются между собою при помощи центральнаго (федеративнаго) комитета, въ который входятъ представители отдѣльныхъ національныхъ организацій. Польскіе, еврейскіе, русскіе, литовскіе и другіе товарищи отличаются другъ отъ друга языкомъ, складомъ ума и склонностей, степенью образованія, кромѣ того подвергаются эксплуатаціи въ различной степени, вслѣдствіея чего могутъ имѣть свои особыя задачи; нужны имъ, поэтому, различные агитаторы и различная литература. Вотъ почему каждая національность должна имѣть свою особую самостоятельную организацію. Но всѣ они должны быть соединены вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы каждая національная организація имѣла одинаковые съ другими права и голосъ.

Такой союзъ называется федераціей. Поэтому-то нашъ союзъ и называется союзомъ федеративнымъ, а Центральный Комитетъ — федеративнымъ комитетомъ.

Соціаль-демократическій! Это значитъ: наша цѣль заключается не только въ томъ, чтобы облегчить кожевникамъ веденіе экономической борьбы, но также и въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ выполнить нашу задачу — внести въ самые отдаленные уголки свѣтъ соціаль-демократическаго ученія, выяснить всѣмъ кожевникамъ, гдѣ-бы они ни жили и какъ-бы разбросаны ни были, ту великую роль, которую имъ предстоитъ съиграть вмѣстѣ съ остальнымъ пролетаріатомъ, живущимъ въ обширномъ русскомъ государствѣ:

Сперва свергнуть самодержавное правительство, а затѣмъ ввести соціалистическій строй.

Нашъ союзъ не является какимъ либо хитрымъ изобрѣтеніемъ, плодомъ витающаго въ пространствѣ воображенія или забѣжавшей далеко впередъ мысли — онъ — конечный, естественный результатъ нашей жизни и нашей борьбы. Онъ сталъ сильнымъ, окрѣпъ и закалился въ тяжелой, неустанной борьбѣ. Вихри и бури были свидѣтелями его тайнаго зарожденія, пеленали его грубыя руки. Вспоенъ онъ потомъ и кровью, вынянченъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Радость и горе, побѣды и пораженія укрѣпили его силы. Солдатскія пули, казацкія нагайки, жандармы и полиція воспитали въ Вильнѣ и Сморгони его дѣятельность. Открытому выступленію его предшествовала борьба неслыханныхъ размѣровъ. Впродолженіи какихъ-нибудь двухъ осеннихъ мѣсяцевъ 1901 г. волна стачечнаго движенія охватила Варшаву, Сокольцы, Заблудово, Свисточи, Бердичевъ, Витебскъ, Сувалки, Скирлы и Крынки. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вспыхнула огромная стачка въ Вильнѣ (1200 ч.).

Но вѣнцомъ всего была необычайно стойкая стачка въ Сморгони (1200 ч.), во время которой сморгонскіе кожевники выказали столько мужества и твердости, а кожевники другихъ мѣстностей столько солидарности и готовности оказать помощь.

Чесвь товарищамъ, которые своей борьбой подготовили почву для нашего Союза! Честь товарищамъ, которые потерпѣли за общее дѣло, которые пожертвовали жизнью за своихъ братьевъ!

Пусть ростетъ и процвѣтаетъ нашъ Союзъ!

Пусть будетъ онъ выраженіемъ братства и солидарности рабочихъ всѣхъ національностей и вѣроисповѣданій.

На борьбу, друзья! Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ!

* * *

Союзъ кожевниковъ будетъ издавать періодическій органъ („Борьба“) на трехъ языкахъ: польскомъ, еврейскомъ и русскомъ. Пожелаемъ новому союзу успѣха, а кожевникамъ собственно — русскихъ центровъ — скорѣйшаго присоединенія къ профессіональной организаціи ихъ промысла.

Изъ Москвы: Зубатовская эпопея вступаетъ въ новую фазу своего развитія, на сцену выступила, какъ и должно было предполагать, новыя дѣйствующія лица, немного затуманивающія ясный горизонтъ полицейскаго соціализма; но объ этомъ послѣ; первые успѣхи хитрой махинаціи, затѣянной Зубатовымъ, видно, совсѣмъ вскружили ему голову; дурачить рабочихъ небольшими уступками за счетъ фабрикантовъ ему показалось мало, и вотъ, 19-го февр. одинъ изъ агентовъ Охраны — рабочій Слѣповъ произноситъ передъ своими товарищами рѣчь, въ которой раскрываетъ широкія перспективы будущаго эльдорадо для рабочихъ, если они останутся вѣрными царскому правительству: правительство, говоритъ онъ, обѣщаетъ вамъ восьмичасовой рабочій день, а потомъ... современемъ оно возьметъ въ свои руки всѣ фабрики, отдастъ ихъ Вамъ и вы будете хозяевами своего труда; для этого не нужно конституціи, наоборотъ, только царское правительство можетъ это сдѣлать! конституція нужна интеллигентамъ, а не вамъ; интеллигенты хотятъ только воспользоваться Вами, какъ грубой физической силой, захватить власть и вамъ-же сѣсть на шею; не вѣрьте ей! Въ доказательство искренности своего расположенія къ рабочимъ Охрана при помощи своихъ агентовъ возбуждаетъ стачку на фабрикѣ Муси, открыто выражаетъ сочувствіе стачечникамъ, ея агенты даже собираютъ деньги на поддержаніе стачечниковъ. Въ собраніяхъ рабочихъ механическаго производства читается даже „Искра“ съ коментаріями, долженствующими обезвредить ея содержаніе; конечно, читается съ искаженіями самого текста и для того подбираются наиболѣе съ ихъ точки зрѣнія удобныя мѣста. Вотъ до чего дошла дерзость Московскихъ провокаторовъ! Смотрѣли, смотрѣли на эту комедію Московскіе фабриканты и стали призадумываться; задумчивость ихъ скоро перешла въ раздраженіе, а раздраженіе уже стало принимать опредѣленныя формы, которыя, въ свою очередь, заставляютъ, вѣроятно, призадуматься смѣлую охрану. Фабриканты стали собираться и разсуждать о положеніи дѣлъ и пришли къ выводу, формулированному однимъ изъ ихъ видныхъ представителей такъ: правительство въ лицѣ охраны хочетъ отвлечь рабочихъ отъ политической идеи путемъ уступокъ за счетъ нашего кармана, но оно забываетъ, что антикапитализмъ есть тоже политическій вопросъ. Пожалуй, ему и потруднѣе будетъ справиться съ фабрикантомъ, чѣмъ съ рабочимъ! Возбужденіе среди фабрикантовъ особенно возросло послѣ 19-го февраля, когда приказомъ начальства было разрѣшено рабочимъ не работать въ этотъ день, и они собрались обсуждать вопросъ, платить имъ рабочимъ за этотъ день или нѣтъ. Большинствомъ все же рѣшили заплатить. Послѣдніе дни еще было собраніе, но намъ неизвѣстны подробности о немъ

Отъ редакціи: Сообщаемыя нашимъ корреспондентомъ свѣдѣнія какъ нельзя лучше показываютъ, что политика кокетничанья съ рабочими, являясь признакомъ достигшаго сильной степени процесса разложенія современнаго государственнаго порядка въ Россіи, въ свою очередь содѣйствуетъ еще большему его разложенію. Не можетъ быть сомнѣнія, что какъ только Зубатовцы перейдутъ отъ слова къ дѣлу, они должны будутъ оттолкнуть отъ самодержавія одну изъ его вѣрныхъ опоръ-фабрикантовъ и подвинуть ихъ на болѣе или менѣе активную оппозицію. Какъ говорятъ, Московскіе тузы уже послали къ Витте депутацію съ жалобой на поведеніе Московскихъ властей, которые, де, сѣютъ вражду между рабочими и хозяевами.

Съ другой стороны, нѣкоторые факты показываютъ, что Московскіе рабочіе начинаютъ терять терпѣніе и перестаютъ удовлетворяться обѣщаніями Зубатова и его присныхъ. Кромѣ фабрики Муси, стачки имѣли мѣсто на шелковой фабрикѣ Жиро, на Даниловской мануфактурѣ и на машиностроительномъ заводѣ Гужона. Эти стачки являются, быть можетъ, первой ласточкой новаго подъема движенія Московскихъ рабочихъ. Стиснутая между этимъ движеніемъ и оппозиціей фабрикантовъ Зубатовская политика потерпитъ полное банкротство. Задача Московскихъ товарищей — энергичной пропагандой и агитаціей ускорить моментъ объявленія этого банкротства, котовый будетъ имѣть громадное политическое значеніе для всего русскаго рабочаго движенія.

Петербургъ. 29-го мая 1901 года на Обуховскомъ заводѣ было образовано цѣлыхъ 3 комиссіи изъ завѣдующихъ мастерскими и другихъ лицъ заводской администраціи съ цѣлью „урегулировать заработки, опредѣлить максимумъ рабочихъ дней въ мѣсяцъ и вообще упорядочить все то, что относится къ рабочей силѣ, какъ было сказано въ особомъ приглашеніи начальника завода ко всѣмъ завѣдующимъ. Коммиссіи высказались за сокращеніе рабочаго дня до 8 час., повышеніе платы, отмѣну обысковъ и. т. п. Но возбужденіе среди рабочихъ улеглось, вождей обуховскаго возстанія осудили въ каторгу, обуховцы не протестовали, не требовали отмѣны тираническаго приговора надъ товарищами, и правительство, конечно, рѣшило опять не церемониться съ ними и положеніе ихъ по сю пору продолжаетъ оставаться такимъ же жалкимъ, рабскимъ и каторжнымъ, какъ и прежде (мѣсячный заработокъ, напр., слесарей на обуховскомъ заводѣ — 21 рубль).

Но на всемъ пространствѣ Россіи волнуется рабочій народъ, вездѣ выходитъ онъ на улицу, хоронитъ самодержавіе и готовится схватиться съ нимъ на жизнь и на смерть. Обуховское начальство озабочено, какъ бы опять не поумнѣли занятыя у него руки и опять приготовляется разыграть прежнюю комедію.

„Успокойтесь, господа, — скажетъ обуховское начальство своимъ рабочимъ, — образована особая коммиссія, она все разсмотритъ, и ваши требованія будутъ удовлетворены. Принимайтесь спокойно за работу“. Неужели-же наши обуховскіе товарищи еще разъ дадутъ себя одурачить, неужели не поймутъ они, что правительство только подъ угрозой постояннаго возстанія, постояннаго нападенія на него и только чувствуя это нападеніе дѣйствительно, а не на словахъ уступитъ требованіямъ рабочихъ.

Приводимъ документъ:

„Усердно прошу гг. завѣдующихъ отвѣтить мнѣ на слѣдующіе вопросы:

1) Можно ли и должно ли уничтожить обыскъ мастеровыхъ при выходѣ изъ завода и какія мѣры лучше предпринять для предупрежденія тайнаго выноса заводскаго имущества?

2) Возможно-ли и полезно-ли уменьшить число раб. (10 час.) часовъ въ день?

3) Можно ли признать размѣръ получаемой нынѣ платы достаточнымъ или лучше было бы повысить его огульно?

4) Возможно ли обойтись безъ экстренныхъ работъ вообще, кромѣ неизбѣжныхъ и крайнихъ случаевъ?

5) Что было бы желательно предпринять къ улучшенію быта мастеровыхъ и рабочихъ какъ во время состоянія ихъ на службѣ, такъ и по оставленіи оной?

Отвѣты желательно получить къ субботѣ 2 марта 1902 г. Начальникъ Завода Ген.-Маіоръ Власьевъ. 28-го февраля 1902 г.“

Настроеніе рабочихъ въ общемъ возбужденное, на Путиловскомъ заводѣ увольняютъ по жребію, на другихъ фабрикахъ и заводахъ тоже разсчитываютъ рабочихъ.

Иваново-Вознесенскъ. На фабрикѣ Бурылина фабричная администрація очень усердно занимается выслѣживаніемъ „неблагонадежныхъ рабочихъ“. Есть здѣсь табельщикъ Фирстовъ; какъ только придетъ на работу ночная смѣна, табельщикъ-жандармъ начинаетъ заговаривать съ рабочими о томъ, какъ тяжело работать въ ночной смѣнѣ, о скудныхъ заработкахъ рабочихъ и т. п. и вызываетъ на откровенность этихъ послѣднихъ. Вновь поступившій рабочій попадается на удочку и если въ разговорѣ такъ или иначе проявилъ себя „неблагонадежнымъ“, въ туже ночь или на слѣдующій день вызывается въ контору, гдѣ и получаетъ разсчетъ. Выслѣживаніемъ „неблагонадежныхъ“ занимаются по приказанію завѣдующаго и подмастерья. Въ отношеніи къ работѣ предъявляются невозможныя требованія: даютъ гнилой матерьялъ, а съ рабочихъ спрашиваютъ, какъ говорятъ здѣсь, „золотого товара“. Рабочихъ прижимаютъ всячески и безъ того ничтожную плату урываютъ всевозможными спасобами. Такъ мастеръ Коробовъ вызвалъ однажды одного рабочаго, показалъ ему забракованный товаръ и предложилъ получить расчетъ или написать на него 40 к. штрафу, рабочій согласился на послѣднее. Обращеніе съ рабочими страшно грубое. Табельщикъ Кочетковъ, выталкивая изъ-за машины одну работницу, ушибъ ей руку; жаловаться не пошла. Рабочіе терпятъ всѣ притѣсненія до новой забастовки.

На фабрикѣ Антона Гандурина разчитано за малую выработку 45 чел. На фабрикѣ Маракушева одинъ рабочій за нанесенное ему оскорбленіе поколотилъ хозяина.

Невозможные порядки на фабрикѣ Палушина. Рабочихъ держатъ, какъ „въ тискахъ“ и не отпускаютъ съ работы даже по болѣзни. Везмутительный и въ тоже время характерный для нашихъ фабричн. порядковъ случай произошелъ на этой фабрикѣ. Одна работница очень сильно захворала; она не одинъ разъ заявляла о своей болѣзни и просила отпуска — поправиться здоровьемъ, но получала отказъ. Когда однажды, уже совсѣмъ больная, она обратилась съ тою же просьбою, ей пригрозили разсчетомъ. На слова, что нечѣмъ кормиться, былъ короткій отвѣтъ: „чортъ бы тебя ободралъ, дохни“. Шатаясь, пошла она съ фабрики, но, задыхаясь, сѣла на лавкѣ, а минутъ черезъ пять умерла; объ этомъ доложили табельщику. Тотъ, испугавшись, тотчасъ же оповѣстилъ всю фабричную администрацію, и вотъ собравшаяся стая, съ цѣлью выгородить себя изъ этой исторіи, придумала гнусную вещь: написала отпускъ для леченья, положила его въ карманъ покойницы и отправила ее въ больницу.

Рабочихъ давятъ со всѣхъ сторонъ, придираются къ работѣ, штрафуютъ; мастера заставляютъ работницъ мыть полы и стирать бѣлье. Основы и тѣ даются со взятками, не дастъ рабочій четвертакъ, будетъ работать самые плохіе сорта и, конечно, заработаетъ менѣе того, кто дастъ взятку. Фабричн. администрація пользуется всякимъ случаемъ и урываетъ у рабочихъ скудный заработокъ.

Даниловскій уѣздъ, Ярославской губ. Есть въ Ярославлѣ кожевенный заводчикъ К. Е. Чувалдинъ или, какъ его зовутъ, Чуваша. Задумалъ этотъ Чуваша построить въ самомъ городѣ свой заводъ. Полиція не разрѣшила, такъ какъ моченіе кожъ, производящееся у нашихъ кожевниковъ, болѣе, чѣмъ примитивно, должно было пустить заразу на весь городъ. Сильно вознегодовалъ Чуваша и, добравшись „до корня“ рѣшилъ, что всему виной самодержавіе; поспорилъ, поспорилъ съ полиціей и удалился всетаки вонъ изъ города въ тихій уѣздъ, въ дремучіе лѣса и тамъ, чтобы заглушить свое оскорбленное достоинство принялся вмѣсто самодержавія... за крестьянъ. Въ Даниловскомъ уѣздѣ совсѣмъ не развита промышленность; самое обычное занятіе — рубка лѣса. Чуваша быстро освоился съ мѣстомъ. Построилъ заводикъ и началъ пить — ѣсть давать крестьянамъ и самъ питаться. Копѣекъ за 50 въ день рабочіе простаиваютъ у него часовъ по 12 въ отвратительной атмосферѣ. Зловоніе отъ прокисшей мочи ужасное; духъ спираетъ у непривычнаго человѣка. Шкуры же стали доставлять крестьяне; особенное-же удовольствіе у Чуваши — это кобениться надъ крестьянами. Сторгуетъ уже шкуры по дешевой цѣнѣ, бѣдный крестьянинъ вспотѣетъ, дрожитъ, чуть не слезы на глазахъ, что пришлось зарѣзать скотинку и дешево отдать. Онъ уже слышитъ дикій окрикъ старосты о недоимкѣ, но Чуваша грустно задумывается и меланхолично роняетъ: „нѣтъ, братъ, не возьму! плоха шкура то, да и много у меня ихъ! Прости, что побезпокоилъ...“ и съ истинно христіанской грустью глядитъ хищникъ на бѣднягу. Поломавшись минутъ десять, онъ наконецъ ободряетъ крестьянина: „ну, ну! ужъ такъ и быть! возьму! Моли за меня Бога!...“ И радъ крестьянинъ, получивъ деньги, бѣжитъ расплачиваться... Радостно потираетъ теперь руки Чуваша, идетъ, все ближе — ближе къ нему голодъ, скотина будетъ ни по чемъ; славно поживется... Такое же отношеніе проявляетъ этотъ „конституціоналистъ“ ко всѣмъ отъ него зависимымъ. Ту же исторію онъ продѣлываетъ съ городскими сапожниками въ Ярославлѣ, которые берутъ у него въ лавкѣ товаръ; не всегда, конечно, есть деньги у сапожника, чтобы расплатиться сейчасъ же за кожу; приходится молить Чувашу о кредитѣ. И не приминетъ онъ въ такихъ случаяхъ подсунуть какую нибудь дрянь въ три дорога. Но особенно изощряется „Констентинъ Егорычъ“ надъ работающими у него въ лѣсу.

Лѣсной промыселъ даетъ Чувашѣ чудовищные барыши. Лѣсъ, купленный имъ за 3-4 тысячъ на срубъ, онъ ухитряется не рѣдко сплавить за 30-40 тыс. Его недреманое око всюду слѣдитъ: слѣдитъ за барскими усадьбами, слѣдитъ за крестьянскими обществами и всюду онъ приходитъ улыбающійся, готовый помочь..

Не проходитъ ни однихъ торговъ на лѣсъ, чтобы Чуваша не подстроилъ какой нибудь штуки. Купивъ лѣсъ, онъ сейчасъ же приступаетъ къ его рубкѣ. Чувалдинъ самый крупный поставщикъ шпалъ на желѣзныя дороги нашего района. Покладистый на подложные счета, онъ любимецъ „душекъ инженеровъ“. Какъ дрова, такъ и шпалы приходится выкладывать въ ровныя мѣры: или въ сажени, или въ различной величины „кубы“. Чуть что не такъ выложатъ, Чуваша ужъ никогда не дастъ поправить, но сейчасъ же раскидаетъ кладку и велитъ дѣлать все снова; а такъ какъ, работа сдѣльная, то нерѣдко у рабочихъ пропадаютъ цѣлые дни. „И вѣдь кладешь какъ слѣдуетъ, говорятъ крестьяне, а такъ вотъ не съ той ноги встанетъ и на поди! Все разворотитъ!“ Иногда бываетъ и такъ: „Ну ладно, ты поправь, а я за половину (платы) приму!“ цинично предлагаетъ купчина. Что-же дѣлать, не терять же день? приходится соглашаться. Наругавшись, наиздѣвавшись, Чуваша ѣдетъ домой и, уплетая ватрушки, повѣствуетъ семьѣ о своихъ дѣлахъ. И всѣ сочувственно киваютъ головами: „Ахъ, и умный же у насъ Констентинъ Егорычъ!“

Изъ Тифлиса. Въ Тифлисѣ жандармерія совершенно потеряла голову, видя, что массовые аресты послѣ 1-го мая ни къ чему не ведутъ.

Рабочее движеніе развивается вширь и глубь; фабрики, заводы, типографіи и болѣе или менѣе крупныя мастерскія захватываются мѣстнымъ социаль-демократическимъ комитетомъ, а народъ и даже интеллигенція съ особымъ удовольствіемъ читаетъ нелегальныя изданія комитета и его прокламаціи, которыми упорно наводняется нашъ городъ.

Арестуютъ людей безъ разбору, безъ видимыхъ причинъ и уликъ и, продержавъ ихъ мѣсяцевъ 4-5 въ одиночкѣ, выпускаютъ на свободу и опять тѣ же люди, не пробывши недѣлю на волѣ, увозятся снова въ тюрьму, опять освобождаются и т. д.

Тѣ слои населенія, къ которымъ комитетъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не имѣетъ доступа, само жандармское управленіе революціонизируетъ своими арестами.

Въ послѣднее время, особенно въ февралѣ мѣсяцѣ, произведено очень много арестовъ въ разныхъ частяхъ города и слояхъ населенія.

Баку. Здѣсь всѣ боятся „бунта“ рабочихъ. Чуть ли не каждый день новыя обязательныя постановленія; то запрещаются сходки, то ношеніе оружія. Съ 1-го марта вводятся здѣсь, по примѣру Питера, „дежурные“ дворники. — Недостаточно, оказывается, что въ каждомъ домѣ есть дворникъ — шпіонъ. Лѣтомъ, говорятъ, жандармерія обратилась въ Городскую управу съ просьбой ассигновать 17 тысячъ рублей на тайную полицію. Управа отказала. Теперь жандармерія изъ своихъ суммъ назначила — 25 тысячъ.

Искра здѣсь читается и нравится.

Кризисъ продолжается и обостряется, здѣсь половина заводовъ стоитъ. Увольняютъ рабочихъ массами. Около 10 тысячъ отправлено за послѣдніе 10 мѣсяцевъ полиціей по льготному тарифу.

Намъ сообщаютъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, что въ январѣ въ Тулѣ солдаты, вызванные для „усмиренія“ стачечниковъ съ Оружейнаго завода, отказались стрѣлять въ рабочихъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франція.

Съ 2-го по 6-ое марта (нов. ст.) въ г. Турѣ засѣдалъ конгрессъ той социалистической партіи, которую принято называть „жоресистской“ и которая составилась изъ разношерстныхъ элементовъ, объединенныхъ ненавистью къ „старымъ“ рабочимъ партіямъ, стоящимъ на почвѣ классовой борьбы („гедисты“ и „бланкисты“).

Съ той самой минуты, какъ Жоресъ и его друзья стали усердно отстаивать вступленіе Миллерана въ министерство и требовать отъ пролетаріата, чтобы онъ въ этомъ шагѣ Миллерана видѣлъ приближеніе къ своей конечной цѣли — завоеванію политической власти —, съ той самой минуты они выдвинули, какъ боевой пароль своей группы, „требованіе „объединенія“ всѣхъ социалистическихъ группъ Франціи, несмотря на рѣзкія разногласія по вопросамъ программы и тактики, обнаружившіяся какъ разъ въ то время между разными фракціями. Объединеніе во что бы то ни стало, объединеніе цѣной какихъ угодно компромиссовъ! Всѣ спорные вопросы должны быть оставлены въ сторонѣ, сначала объединимся, а потомъ ужъ придетъ согласіе. Такъ говорили жоресисты и имъ, повидимому, удалось убѣдить большую часть организованнаго пролетаріата. Но объединеніе, совершившееся на конгрессѣ 1899 года, оказалось непрочнымъ. Уже со слѣдующаго конгресса, въ 1900 г., французская рабочая партія (оффиціальное названіе гедистовъ) должна была уйти, убѣдившись въ томъ, что Жоресъ и его фракція не желаютъ считаться съ рѣшеніями объединенной партіи и выше всѣхъ принциповъ ставятъ поддержку Миллерана. Бланкисты оставались въ объединенной партіи еще въ теченіе года, надѣясь побудить товарищей отказаться отъ гибельной для всего социализма тактики. Но поведеніе большинства на Ліонскомъ конгрессѣ (1901) заставило и ихъ уйти вмѣстѣ съ нѣсколькими самостоятельными областными (департаментскими) организаціями послѣ того, какъ партія рѣшительно отказалась исключить Миллерана.

Гедисты и бланкисты съ упомянутыми областными организаціями послѣ того объединились въ одинъ „Революціонно-социалистическій Союзъ“, который чрезвычайно быстро усиливается и обѣщаетъ объединить всѣ революціонные элементы пролетаріата. Такъ безъ шума и лишнихъ криковъ объ „объединеніи“, единственно надежнымъ путемъ подбора единомыслящихъ элементовъ, достигается дѣйствительное сплоченіе пролетарскихъ силъ. Напротивъ того, вѣчно провозглашающіе необходимость „единенія“, Жоресъ съ братіей идутъ отъ одного раскола къ другому и партія ихъ таетъ съ удивительной быстротой.

Вскорѣ послѣ Ліонскаго конгресса нѣкоторые члены „социалистической партіи“ Жореса потребовали вновь исключенія Миллерана за его пресмыкательство передъ русскимъ царемъ во время поѣздки послѣдняго во Францію. Стараніями Жореса и его друзей это предложеніе было провалено. Въ отвѣтъ на это изъ партіи вышла фракція аллеманистовъ („рабочая партія социалистовъ революціонеровъ“), послѣдняя изъ „старыхъ“, т. е. сколько нибудь организованныхъ фракцій, остававшаяся въ „единой“ партіи, а съ нею еще нѣсколько болѣе революціонно настроенныхъ областныхъ организацій. За Жоресомъ остались только разрозненныя и проникнутыя мѣстными интересами областныя организаціи и ихъ объединеніе носитъ, какъ выяснилось на конгрессѣ, совершенно призрачный характеръ.

Турскій конгрессъ долженъ былъ дать „единой“ партіи программу. Генеральный Комитетъ представилъ проэктъ, съ обсужденія котораго и начались засѣданія конгресса. Проэктъ показался конгрессу слишкомъ революціоннымъ и „сектанскимъ“. Бывшій марксистъ Габ. Дэвиль усиленно настаивалъ на удаленіи изъ программы всякихъ упоминаній о революціи. Слѣдуя за „великимъ“ Бернштейномъ, онъ доказывалъ, что прогрессъ капитализма ведетъ къ систематическому улучшенію положенія рабочихъ, что число собственниковъ не сокращается, а растетъ и что понятіе революціи не „научно“, а потому не должно примѣняться въ программѣ партіи.

Какъ и во всякой программѣ, такъ и въ проэктѣ, представленномъ Комитетомъ, наряду съ конечными цѣлями движенія выставлена „программа-минимумъ“, т. е. программа тѣхъ ближайшихъ требованій, которыя партія предъявляетъ къ современному порядку, которыя вполнѣ могутъ быть осуществлены при капиталистическомъ строѣ. Изъ числа такихъ требованій Дэвиль предлагаетъ удалить 8-ми часовой рабочій день и замѣнить его „мѣропріятіями, которыя подготовили-бы 8-ми час. рабочій день“; вмѣсто обычнаго требованія не только социалистовъ, но и радикаловъ „упразднить Сенатъ*) и президентскую власть“, онъ предлагаетъ ограничиться требованіемъ, чтобы Сенатъ выбирался всѣмъ народомъ. Словомъ, какъ и всѣ оппортюнисты, Дэвиль понимаетъ подъ „ближайшими“ требованіями программы не тѣ, которыя пролетаріатъ можетъ силой вырвать у буржуазіи при современномъ строѣ, а тѣ, которыя буржуазія согласится добровольно осуществить. Русскій читатель припомнитъ подобное-же толкованіе „ближайшихъ“ требованій среди нашихъ „экономистовъ“, замѣнявшихъ 8-ми час. рабочій день 10-ти часовымъ и требованіе парламента — требованіемъ допущенія рабочихъ представителей въ департаментъ торговли и мануфактуръ.

Въ такомъ духѣ представители большинства партіи критиковали проэктъ Комитета и добились того, что онъ былъ оставленъ въ сторонѣ; взамѣнъ него Жоресъ предложилъ составленную имъ велерѣчивую и расплывчатую программу, удовлетворяющую всѣхъ и каждаго — революціонеровъ тѣмъ, что въ ней говорится часто о революціи, а умѣренныхъ — тѣмъ, что она вся пропитана бернштейніанствомъ. Программа Жореса была принята единогласно и безъ споровъ — единственный въ своемъ родѣ примѣръ. Обыкновенно партіи долго подготовляютъ, обсуждаютъ и исправляютъ программу, каждый пунктъ взвѣшивается, прежде чѣмъ быть принятымъ; тутъ же проэктъ, составленный въ 24 часа, немедленно же одобренъ конгрессомъ. Лучше нельзя было иллюстрировать слѣпое отношеніе массы партіи къ своему „императору“ (какъ выражаются гедисты и бланкисты) Жоресу. Жоресисты очень любятъ упрекать противниковъ въ „сектанской“ преданности „вожакамъ“ Гэду и Вальяну; эту преданность они усматриваютъ въ той внутренней и внѣшней дисциплинѣ, которую проявляютъ сознательные рабочіе, воспитавшіеся въ неумолимой классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ. Если они обыкновенно единодушно слѣдуютъ за своими „вожаками“, то потому лишь, что и вожаки, и масса, въ общемъ и цѣломъ, руководятся одними и тѣми же принципами революціоннаго социализма. Напротивъ, оппортюнисты, всегда дѣйствующіе на практикѣ въ раздробь подъ вліяніемъ случайныхъ соображеній минутной выгоды, очень склонны безъ критики принимать, въ области принципіальныхъ заявленій, все, что предложитъ тотъ или другой демагогъ, изучившій ихъ психологію.

Эти свойства оппортюнистовъ ярко иллюстрируются слѣдующими данными, которыя мы заимствуемъ изъ прекрасной статьи Р. Люксембургъ въ „Neue Zeit“ (№ 24) и которыя относятся къ голосованіямъ социалистическихъ депутатовъ въ парламентѣ по разнымъ практическимъ вопросамъ.

Социалистическій депутатъ Семба внесъ (2 ноября) предложеніе о томъ, чтобы Франція поддержала турецкихъ армянъ въ борьбѣ противъ угнетенія турецкаго правительства. Изъ фракціи Жореса 8 человѣкъ голосовало противъ этого предложенія, 20 за него, 4 воздержалось.

Социалистъ Зеваэсъ предложилъ (8-го ноября), чтобы Палата немедленно издала законъ для охраны труда желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 16 депутатовъ голосуютъ за, 13 противъ, одинъ воздерживается.

Въ тотъ же день, по тому же вопросу, голосуется предложеніе выразить довѣріе правительству (отказавшемуся помочь желѣзнодорожнымъ рабочимъ): 22 „социалиста“ голосуютъ за, 3 противъ, 4 воздерживается.

25 ноября обсуждается заемъ для покрытія издержекъ по грабительской экспедиціи въ Китай; 2 голосуютъ за, 25 противъ, 3 воздерживается.

28 ноября вотируется поздравленіе Палаты войскамъ, вернувшимся изъ Китая, гдѣ они производили всякія безчинства: 8 за, 11 противъ, 11 воздерживается.

2 декабря вотируется бюджетъ на содержаніе колоніальной арміи; голосуютъ: 4 за, 10 противъ, 16 воздерживается.

И т. д.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ революціонные социалисты всегда голосовали, какъ одинъ человѣкъ, въ согласіи съ своей программой.

Что эти шатанія не являются дѣломъ случайнымъ, подтвердилось еще разъ на конгрессѣ. Здѣсь прямо былъ провозглашенъ принципъ, что депутатъ-социалистъ за свои дѣйствія отвѣчаетъ не передъ партіей, а только передъ своими избирателями, т. е. передъ своей мѣстной группой. Этимъ самымъ навсегда освящается политика „приспособленія къ обстоятельствамъ“ и уничтожается самое понятіе организованной классовой борьбы, которую пролетаріатъ ведетъ, какъ цѣлый классъ, ставя общіе интересы движенія выше частныхъ мимолетныхъ интересовъ времени и мѣста. Этотъ принципъ „автономизма“, т. е. полной самостоятельности мѣстныхъ группъ, чрезвычайно послѣдовательно проводился на всемъ протяженіи конгресса. Организаціонный уставъ партіи былъ выработанъ такъ, что совершенно уничтожилъ власть и значеніе Генеральнаго Комитета, отвѣтственнаго передъ всей партіей; связь между отдѣльными группами осталась чисто внѣшней; на предстоящихъ выборахъ въ Палату мѣстнымъ группамъ предоставленно самимъ рѣшать вопросы о своемъ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ, т. е. онѣ вольны соединяться съ какой угодно буржуазной партіей на какихъ угодно условіяхъ. При нынѣшнихъ условіяхъ это значитъ, что „социалисты“ партіи Жореса будутъ, гдѣ имъ понадобится, голосовать въ пользу „оффиціальныхъ“ кандидатовъ министерства Вальдека-Руссо, противъ социалистовъ дѣйствительно-пролетарской партіи.

Вопросъ объ „автономіи“ мѣстныхъ группъ очень тѣсно связанъ съ вопросомъ объ оппортунизмѣ въ социалистической партіи. Во всѣ времена и вездѣ люди, отступавшіе отъ классовой точки зрѣнія, были очень склонны раздувать мѣстный эгоизмъ и мѣстную ограниченность интересовъ и отстаивать „автономизмъ“, т. е. право поступать въ своей дѣятельности, сообразуясь, главнымъ образомъ, съ мѣстными настроеніями. У насъ, въ Россіи, какъ и во Франціи и Германіи, за самостоятельность мѣстныхъ группъ ратуютъ тѣ самые люди, которые не могутъ или не хотятъ возвыситься до точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы во всемъ ея цѣломъ. Но совершенно справедливо замѣтила одна франц. буржуазная газета по поводу новой организаціи Жоресистской партіи, что принятый ею автономизмъ есть лучшее средство превращенія каждой мѣстной группы въ клику прихвостней мѣстнаго вожака, стоящаго во главѣ не потому, чтобы онъ лучше, дѣльнѣе и серьезнѣе защищалъ общее дѣло пролетаріата, но потому, что онъ съумѣлъ ловчѣе другихъ угодить всѣмъ мѣстнымъ самолюбіямъ и приспособиться къ мѣстнымъ вкусамъ.

Вопросъ объ удаленіи изъ партіи Миллерана былъ устраненъ отъ обсужденія и партія продолжаетъ считать въ своихъ рядахъ лакея русскаго царя. Поднятъ былъ вопросъ о поведеніи деп. Журда, подписавшагося на сборъ, устроенный для поднесенія Николаю II „почетной шпаги“, но и этотъ вопросъ былъ замятъ конгрессомъ. Точно также поступили и съ другими депутатами, прославившимися подобными же поступками.

На Турскій конгрессъ не было получено ни одного привѣтствія ни отъ какой социалистической партіи другихъ странъ. Международный социализмъ открещивается отъ солидарности съ партіей Жореса—Миллерана. Для всѣхъ становится ясно, что эта партія представляетъ собой безсознательную часть французскаго пролетаріата, руководимую ловкими оппортюнистами, преслѣдующими одну цѣль — воспользоваться пролетаріатомъ для политическихъ интересовъ буржуазно-радикальной партіи. Чуждая международному революціонному пролетаріату, Жоресистская партія пользуется благоволеніемъ французскихъ буржуазныхъ радикаловъ, благодаря чему, вѣроятно, получитъ на предстоящихъ выборахъ не мало депутатскихъ мѣстъ. Для буржуазіи, дѣйствительно, не можетъ быть ничего пріятнѣе возможности выставить противъ классовой партіи пролетаріата такую „рабочую“ партію съ социалистической кличкой, которая на практикѣ идетъ рука объ руку съ буржуазными партіями. Французскіе буржуазные политики дѣлаютъ тоже самое, что пытаются у насъ сдѣлать Зубатовы, что стараются постоянно дѣлать умные буржуазные политики всѣхъ странъ.

Судьба французскаго „министерскаго“ социализма тѣмъ и интересна, что она показываетъ, какъ неизбѣжно бернштейніанство, оппортюнизмъ и отказъ отъ революціонныхъ принциповъ должны сдѣлать социалистовъ невольными пособниками буржуазныхъ враговъ пролетаріата.

---

*) Французскій Сенатъ выбирается только кучкой привиллегированныхъ лицъ и играетъ роль вѣчнаго тормаза, отмѣняющаго всѣ серьезныя реформы, принятыя Палатой Депутатовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

„Группа Инициаторовъ“, о которой я разсказываю въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ стр.141, проситъ меня сдѣлать слѣдующую поправку къ изложенію ея участія въ попыткѣ примиренія заграничныхъ социаль-демократическихъ организацій: „Изъ трехъ членовъ этой группы только одинъ вышелъ изъ „Союза“ въ концѣ 1900 года, остальные-же — въ 1901 году, лишь послѣ того какъ они убѣдились въ невозможности добиться отъ „Союза“ согласія на конференцію съ заграничной организаціей „Искры“ и „Революціонной организаціей Социальдемократъ“, — въ чемъ и состояло предложеніе „Группы Инициаторовъ“. Это предложеніе администрація „Союза“ сначала отвергла, мотивируя свой отказъ отъ конференціи „некомпетентностью“ лицъ, входящихъ въ составъ посреднической „Группы Инициаторовъ“, при чемъ выразила желаніе войти въ непосредственныя сношенія съ заграничной организаціей „Искры“. Вскорѣ однако администрація „Союза“ извѣстила „Группу Инициаторовъ“. что она послѣ появленія перваго номера „Искры“, въ которомъ напечатана замѣтка о расколѣ въ „Союзѣ“, измѣнила свое рѣшеніе и не желаетъ входить въ сношенія съ „Искрой“. Какъ объяснить послѣ этого заявленіе члена администраціи „Союза“, что отказъ „Союза“ отъ конференціи былъ вызванъ исключительно недовольствомъ послѣдняго составомъ „Группы Инициаторовъ“? Правда, непонятно также согласіе администраціи „Союза“ на конференцію въ іюнѣ прошлаго года: вѣдь замѣтка въ первомъ номерѣ „Искры“ осталась въ силѣ, а „отрицательное“ отношеніе „Искры“ къ „Союзу“ еще яснѣе выступило въ первой книжкѣ „Зари“ и 4-омъ номерѣ „Искры“, появившихся до іюньской конференціи.“

Н. Ленинъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Ростовъ на Дону. 4 марта днемъ взяты на квартирѣ во время печатанія прокламацій студенты Серебряковъ, Рафаловичъ и землемѣръ Шпакъ съ своей женой. При входѣ жандармовъ Серебряковъ кинулся на полков. Артемьева и началъ душить его. Произошла свалка, во время которой хозяева старались сжечь бумаги, но это имъ не удалось. — Въ тотъ же день былъ обыскъ у студ. Захарова; у него на квартирѣ взятъ студ. Ананьевъ. За нѣсколько дней до того арестованы: Полина Чайченко, ея братъ, Мелешко, рабочій Дубровинъ и другіе рабочіе.

Кишиневъ. 13 марта арестована типографія и при ней Исаакъ Риманъ съ женой и ребенкомъ и еще 2 чел.

Баку. Арест. (въ февр.) Н. М. Флеровъ (былъ дважды въ ссылкѣ).

Пермь. 1 февр. арестованы: высланный изъ Сормова рабочій Булатовъ, Глушковъ, Лихачевъ, быв. слуш. Мед. Инст. Е. А. Рогова, служащая въ город. библіотекѣ А. Н. Ягодникова, народ. учитель Ѳ. Н. Ягодниковъ; около того-же времени на Добрянскомъ заводѣ: народ. учитель Черепановъ и рабочій Коровинъ. Послѣ того въ теченіе февраля арестованы: Я. Г. Безруковъ (выпущ.), фельдшер. ученикъ Горшковъ, быв. студ. Пет. унив. Коптевскій, реалистъ VI кл. Левинъ, быв. студ. Воен. Мед. Академіи П. Н. Мостовенко, служащій жел. дор. И. М. Рутманъ, корректоръ „Пермск. Края“ А. И. Ставровскій, пом. прис. пов. В. Н. Трапезниковъ (выпущ. черезъ нѣск. дней). Наконецъ, 6 февраля усердіе жандармовъ дошло до того, что они посадили завѣдующаго стат. бюро Губ. Зем. Упр. В. А. Владимирскаго и купца, гласнаго (земствъ и думы) пароходовладѣльца Н. В. Мѣшкова.

Нижній Новгородъ. Арестованы рабочіе Панкратовъ (съ прокламаціями) и Чистовъ. Изъ прежде взятыхъ всѣ выпущены, Кромѣ студ. Сысина, рабочаго Комолова и фельдшерицы Второвой.

Пенза. При обыскѣ у быв. гимназиста Чернова взяты протоколы собраній гимназическаго кружка, слѣдствіемъ чего былъ рядъ обысковъ у гимназистовъ.

Смоленскъ. Взяты: Влад. Фриделинъ, студ. Петерб. унив., рабочіе Певзнеръ (15-16 л.) и Самуилъ Гдалинъ и статистики Турчаниновъ и Смирновъ.

Воронежъ. В. Носковъ, привлекавшійся по Иваново-Вознесенск. дѣлу и приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь, бѣжалъ и благополучно прибылъ заграницу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: изъ Волжской столицы 70 рубл.; отъ Н—скаго Комитета 30 рубл.; отъ инженера 15 рубл.

Отъ Парижской группы 553 фр.

Изъ Дармштата 94,25 мар.

Изъ Льежа 101 фр. (въ томъ числѣ 30 фр. отъ фабричнаго инспектора).

Изъ Лондона 20 шилл.

Отъ Б—ской группы за февраль: изъ далека 200 р. (въ томъ числѣ отъ Х—бъ 50 р.), отъ Фанни изъ Л. 105 м., черезъ Фанни изъ Л. 9 м., отъ М. изъ Л. 33 м., отъ Б. 40 м., отъ М. Д. 30 м.; за мартъ: пожертвованій 113,75 м., изъ Тверской губ. 25 р., Фанни изъ Л. 50 м., отъ М. изъ Л. 5 м., черезъ М. отъ Т. Р. И. 3 м., черезъ иностранца отъ В. В. 2 м.

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой“ людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари“.

Редакція „Зари“ будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры“.

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца; указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари“) должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Funke (russische soc. [illegible]

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 20 1-го МАЯ 1902 ГОДА. № 20

СМЕРТЬ СИПЯГИНА И НАШИ АГИТАЦІОННЫЯ ЗАДАЧИ.

Блестящая служебная карьера Сипягина неожиданно прервана. Человѣкъ, въ продолженіе тридцати мѣсяцевъ державшій въ своихъ рукахъ почти всю исполнительную власть русскаго государства и жестоко злоупотреблявшій ею, палъ жертвою своего реакціоннаго усердія. Наши „охранители" горько оплакиваютъ его гибель и мечутъ громы негодованія на бѣдную голову его молодого „убійцы". Имъ вторитъ значительная часть и буржуазной прессы Запада. Насъ не удивляютъ ни западные буржуа, ни русскіе „охранители". Наша реакціонная партія твердо убѣждена, какъ извѣстно, въ томъ, что она имѣетъ право и даже обязана истреблять все живое, а всякій отвѣтъ насиліемъ на ея насилія составляетъ въ ея глазахъ великое преступленіе. Что же касается западной буржуазіи, то она давно пережила свой періодъ бурныхъ стремленій и сдѣлалась защитницей „порядка". Русскіе студенты, поднимающіе вооруженную руку на звѣроподобныхъ опричниковъ всероссійскаго самодержца, вызываютъ въ ней не сочувствіе, а страхъ, напоминаютъ ей не Брутовъ, а Тропмановъ. Ихъ смѣлые, самоотверженные поступки представляются ей вопіющимъ нарушеніемъ правъ человѣка. Гуманная защитница этихъ правъ, она считаетъ употребленіе оружія позволительнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о завоеваніи новыхъ рынковъ или объ усмиреніи рабочихъ, пытающихся сбросить съ себя иго капитала. Невыносимое положеніе русской учащейся молодежи интересуетъ ее гораздо меньше, чѣмъ печальная судьба французскихъ и бельгійскихъ капиталовъ, затраченныхъ въ южно-русскихъ металлургическихъ предпріятіяхъ. Ибо гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше...

Въ смерти Сипягина виновато прежде всего упорство той реакціонной клики, къ которой онъ принадлежалъ до конца своихъ дней и которая отвѣчала полицейскими разбоями на самыя естественныя и самыя неизбѣжныя требованія студенчества. Нравственная отвѣтственность за эти дневные и ночные разбои падаетъ главнымъ образомъ на самаго Сипягина. Онъ какъ будто задался цѣлью показать всѣмъ, имѣющимъ очи, что „сердечное попеченіе" царскаго правительства объ учащейся молодежи есть одно изъ самыхъ „безсмысленныхъ мечтаній" нашего коронованнаго недоросля. Онъ сдѣлался отвѣтственнымъ издателемъ почти всѣхъ репрессивныхъ мѣропріятій, направленныхъ противъ этой молодежи. Мудрено-ли, что ему и пришлось за нихъ отвѣтить?

Пусть-же реакціонные цицероны гремятъ противъ его „убійцы". Ихъ негодующіе вопли никого не введутъ у насъ въ заблужденіе. Русское „общество" опять переживаетъ теперь то оппозиціонное настроеніе, въ которомъ оно находилось лѣтъ двадцать тому назадъ и благодаря которому оно сочувствовало „террористической" борьбѣ партіи Народной Воли.

Свирѣпый полицейскій „порядокъ" до смерти надоѣлъ всѣмъ честнымъ людямъ, и ни одинъ честный и мыслящій человѣкъ не станетъ оплакивать гибель столповъ и защитниковъ этого порядка.

Killing is no murder! (умерщвленіе не убійство) писалъ одинъ англійскій публицистъ семнадцатаго вѣка, когда Кромвель захватилъ политическую власть только что завоеванную революціонной партіей. Умерщвленіе не убійство — съ полнымъ убѣжденіемъ скажутъ теперь многіе и многіе русскіе люди. Не нужно быть неукротимымъ „потрясателемъ основъ" для того, чтобы понять, какая глубокая и широкая пропасть отдѣляетъ Карповичей и Балмашевыхъ отъ вульгарныхъ убійцъ.

Умерщвленіе не убійство! Сознаніе этой истины до такой степени распространилось теперь въ Россіи, что оно начинаетъ грозить серьезной опасностью нашему освободительному движенію. Это звучитъ парадоксомъ, но съ этимъ долженъ, будетъ согласиться всякій тотъ, кто дастъ себѣ трудъ вдуматься въ наше современное положеніе.

Жрецы полицейскаго Молоха дѣлаютъ все возможное для того, чтобы довести до самой крайней степени раздраженіе нашей свободомыслящей интеллигенціи. Когда раздраженіе достигаетъ этой крайней степени, мысль о „террористической" борьбѣ возникаетъ, можно сказать, сама собою всюду, гдѣ соотношеніе общественныхъ силъ еще не позволяетъ думать объ открытомъ массовомъ возстаніи съ оружіемъ въ рукахъ. А гдѣ, — какъ у насъ въ настоящее время, — эта мысль уже выразилась въ нѣсколькихъ практическихъ дѣйствіяхъ, и гдѣ, — опять какъ въ современой Россіи, — такія дѣйствія встрѣчаютъ горячее сочувствіе въ широкихъ слояхъ населенія, тамъ „терроризмъ" стремится сдѣлаться господствующимъ пріемомъ революціонной борьбы, отодвинувъ на задній планъ всѣ другіе.

Признаки такого стремленія замѣчаются теперь даже въ нашей соціаль-демократической средѣ. Нѣкоторые соціаль-демократы начинаютъ поговаривать о томъ, что демонстраціи обходятся слишкомъ дорого и что террористическія дѣйствія скорѣе поведутъ къ цѣли. Опытъ семидесятыхъ годовъ показалъ, что отъ такихъ разговоровъ не далеко и до мысли о „систематическомъ террорѣ". Но тутъ-то и заключается серьезная опасность для нашего освободительнаго движенія. Если-бы это движеніе стало террористическимъ, то оно тѣмъ самымъ подорвало-бы свою собственную силу.

Его сила состоитъ въ томъ, что идея политической свободы, увлекавшая нѣкогда одну интеллигенцію, проникла въ нѣкоторые слои рабочаго класса. Сознательная часть пролетаріата является теперь самымъ надежнымъ борцомъ за политическую свободу. Если волненія учащейся молодежи получили теперь у насъ такое большое значеніе, то это произошло именно потому, что студента сталъ поддерживать рабочій. И это очень хорошо понимаетъ сама учащаяся молодежь, которая вполнѣ сознательно сближается съ пролетаріатомъ. Ей хорошо выяснилось рѣшающее политическое значеніе рабочей арміи. Но всѣмъ извѣстно, что пріемы борьбы, употребляемые всякой данной арміей, опредѣляются ея составомъ. Составъ рабочей арміи таковъ, что для нея самымъ удобнымъ и самымъ дѣйствительнымъ пріемомъ борьбы являются демонстраціи и вообще всякаго рода массовыя уличныя движенія. Терроризмъ же доступенъ для нея лишь при самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ обстоятельствахъ. При нашихъ нынѣшнихъ условіяхъ онъ привелъ бы къ тому, что изъ нея выдѣлились бы и слились-бы съ террористами-интеллигентами отдѣльныя личности и группы личностей, вся-же остальная ея масса стала-бы гораздо менѣе активной, вслѣдствіе чего только замедлилось бы, — если-бы не прекратилось совершенно, — дѣло политическаго воспитанія нашего пролетаріата и надолго отсрочилось-бы паденіе абсолютизма.

Одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ, опытныхъ и сознательныхъ представителей русскаго рабочаго класса, Степанъ Халтуренъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ террора именно на томъ основаніи, что терроръ мѣшаетъ организаціи, а слѣдовательно и вообще политическому воспитанію рабочихъ. Правда, впослѣдствіи онъ самъ сталъ террористомъ, но онъ сталъ имъ не потому, что призналъ ошибочнымъ свое прежнее мнѣніе, а потому, что организація рабочихъ перестала казаться ему неотложнымъ дѣломъ: онъ проникся тѣмъ убѣжденіемъ, что смерть Александра II принесетъ съ собою конституцію и политическую свободу, при которой дѣло политическаго воспитанія рабочихъ двинется съ небывалой у насъ быстротою. Имѣя такое убѣжденіе, онъ могъ, не измѣняя себѣ, предпочесть терророристическую дѣятельность агитаціонной. Но теперь уже невозможно раздѣлять такое убѣжденіе. Опытъ показалъ, что оно было ошибочно. Царь Александръ II погибъ; царизмъ продолжаетъ существовать. Чтобы покончить съ нимъ, необходимо разрушить его основу. А къ этой цѣли нѣтъ другого пути, кромѣ политическаго воспитанія народа и прежде всего рабочаго класса.

Говорятъ, что терроръ тоже воспитываетъ рабочую массу, возбуждая ее. Тутъ есть капля истины. Рабочіе, недовольные существующимъ порядкомъ вещей, радуются удачнымъ покушеніямъ и огорчаются неудачными. Ихъ, конечно, возбуждаютъ доходящія до нихъ извѣстія о дѣйствіяхъ террористовъ. Но такое возбужденіе не выдерживаетъ и отдаленнаго сравненія съ возбужденіемъ, вызываемымъ въ рабочихъ личнымъ непосредственнымъ участіемъ ихъ въ массовыхъ уличныхъ движеніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возбужденіе располагаетъ къ самодѣятельности, между тѣмъ какъ сочувствіе къ террористамъ не только не исключаетъ пассивнаго отношенія къ общественной жизни, но даже поддерживаетъ и укрѣпляетъ его, пріучая населеніе смотрѣть на революціонную партію какъ на благодѣтельную, но постороннюю ему силу, которая сама все дѣлаетъ, сама поразитъ всѣхъ враговъ свободы и сама обезпечитъ торжество революціи. Терроризмъ изолируетъ революціонную партію и тѣмъ осуждаетъ ее на пораженіе.

Что демонстраціи стоютъ у насъ многихъ жертвъ, это, къ сожалѣнію, неоспоримо. Но, во первыхъ, ошибочно думать, что террористическія дѣйствія обходятся въ этомъ смыслѣ дешевле. Наоборотъ. Наибольшія потери причиняются революціонерамъ именно ими. А во вторыхъ безъ жертвъ невозможна никакая борьба. Жертвы были и будутъ. Все дѣло въ томъ, чтобы онѣ не приносились напрасно, и чтобы каждая демонстрація приносила нашему дѣлу всю ту пользу, которую она можетъ принести.

Въ № 14 „Искры" мы уже указывали на то, чего не достаетъ теперь нашимъ демонстраціямъ: 1) въ нихъ участвуетъ сравнительно мало народу; 2) ихъ участники не оказываютъ организованнаго сопротивленія властямъ. Опытъ показалъ, что мы не ошибались. Возьмите хоть Кіевскую демонстрацію 2-го февраля. Ея участники проявили по истинѣ геройское мужество и самоотверженіе. Но ихъ было сравнительно немного, и полиція легко справилась съ ними. Но это не все. Даже и тѣ, сравнительно небольшія силы, которыя участвовали въ демонстраціи, не были организованы, что еще болѣе ослабило ихъ сопротивленіе. А съ другой стороны посмотрите на то, что произошло въ Гельсинфорсѣ 5-го апрѣля. Здѣсь, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, полиція встрѣтила дружный отпоръ со стороны „толпы" и отступила, унося съ собою много раненыхъ. И это было достигнуто безъ употребленія участниками демонстраціи огнестрѣльнаго оружія, которое было-бы вредно, такъ какъ дало-бы правительству желанный поводъ для „усмиренія бунтовщиковъ" солдатскими пулями. Мы не знаемъ была-ли организована Гельсинфорсская демонстрація 5-го апрѣля. Повидимому — да. Но какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно то, что ея успѣхъ былъ обусловленъ дружнымъ дѣйствіемъ большой массы народа. Полиція и казаки были аттакованы со всѣхъ сторонъ. Даже изъ оконъ домовъ въ нихъ кидали камнями, дровами и бутылками, наполненными ѣдкими кислотами. Правительство поняло, что противъ него все населеніе, и уступило, отсрочивъ призывъ новобранцевъ. Въ наше время тайна политическаго успѣха заключается въ искусствѣ вызывать движеніе массы. Когда идея политической свободы овладѣетъ у насъ всей рабочей массой, — какъ овладѣла она уже нѣкоторыми ея слоями, — тогда и у насъ будутъ происходить демонстраціи, подобныя Гельсинфорсской. А чтобы эта идея овладѣла всей рабочей массой, надо распространять ее съ удесятеренной энергіей. Надо наводнить Россію листками и воззваніями, обнаруживающими гнусность нашего политическаго устройства. Надо разбрасывать такіе листки и воззванія въ мастерскихъ, въ трактирахъ, въ баняхъ, въ конкахъ, въ церквахъ, на постоялыхъ дворахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, словомъ — вездѣ и всюду. Всякому уличному движенію должна предшествовать работа подготовительной агитаціи и организаціи. Тамъ, гдѣ не соблюдено это условіе, лучше воздерживаться отъ демонстацій. Но за то тѣмъ рѣшительнѣе надо выступать тамъ, гдѣ почва для демонстраціи уже подготовлена.

Кто считалъ прошлогоднія событія „началомъ конца", въ томъ разочарованіе понятно: конецъ пока все еще не „конченъ". Но въ нашемъ дѣлѣ иллюзіи не менѣе вредны, чѣмъ малодушіе, съ которымъ онѣ, кстати сказать, состоятъ въ тѣсномъ родствѣ. Мы переживаемъ теперь „не начало конца, а просто начало." Неудивительно, поэтому, что конецъ заставляетъ себя ждать: но мы никогда не дождемся его, если оставимъ путь политической агитаціи въ массѣ и ударимся въ терроръ.

Умерщвленіе не убійство! Но оно не есть также и путь къ побѣдѣ. Карая отдѣльныхъ слугъ царя, оно не разрушаетъ царизма. Мы очень цѣнимъ самоотверженіе лицъ, подобныхъ Балмашеву и Карповичу. Но мы стремимся къ низверженію цѣлой системы. Мы стоимъ на классовой точкѣ зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія самымъ вѣрнымъ и совершенно незамѣнимымъ средствомъ борьбы съ царизмомъ была и остается агитація въ рабочемъ классѣ для развитія его политическаго самосознанія и организація его силъ для дальнѣйшей, все болѣе и болѣе упорной, все глубже и глубже проникающей, все болѣе и болѣе плодотворной и побѣдоносной агитаціи.

Только на фундаментѣ политическаго самосознанія русскаго пролетаріата можетъ быть воздвигнуто зданіе русской политической свободы! Русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ движеніе рабочей массы, или совсѣмъ не восторжествуетъ!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

По поводу смерти Г. И. Успенскаго.

24-го марта умеръ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Давно уже пересталъ онъ писать, давно замерли всякія надежды на его выздоровленіе и тѣмъ не менѣе у него найдутся, никогда лично не встрѣчавшіеся съ нимъ, читатели, на которыхъ вѣсть о его смерти произведетъ впечатлѣніе утраты близкаго человѣка, игравшаго когда-то значительную роль въ его собственной судьбѣ. Г. И. Успенскій неизмѣримо больше всѣхъ легальныхъ писателей 70-хъ и 80-хъ г. г. оказалъ вліянія на ходъ нашего революціоннаго движенія. Его деревенскіе очерки конца 70-хъ г. г., совпадая съ личными впечатлѣніями ходившихъ въ народъ революціонеровъ, содѣйствовали крушенію первоначальнаго анархически-бунтарскаго народничества. Еще большее значеніе имѣли нѣкоторыя изъ его произведеній 80-хъ г. г., въ которыхъ мыслитель, сливаясь съ художникомъ, на нѣсколькихъ страницахъ, иногда въ нѣсколькихъ строкахъ намѣчалъ самые глубокіе выводы, сообщая имъ непосредственную убѣдительность художественнаго наблюденія дѣйствительности. Первымъ русскимъ марксистамъ революціонерамъ, т. е. тѣмъ марксистамъ, для которыхъ марксизмъ былъ не только научной теоріей, а теоретической основой практической программы, эти очерки Г. Успенскаго помогали конкретно выяснять и себѣ и другимъ свою историческую теорію.

Самъ Г. Успенскій былъ и остался народникомъ въ томъ смыслѣ, что для него не было типа человѣка лучше, желаннѣе крестьянина, живущаго при натуральномъ хозяйствѣ, но глубоко правдивый художникъ и мыслитель, онъ вѣчно показывалъ намъ всю невозможность революціонной программы, пріуроченной къ этому типу, и въ то же время, какъ нельзя яснѣе, показывалъ также и безнадежность мечтаній о сохраненіи какъ любимаго типа, такъ и всего стараго быта и старыхъ крестьянскихъ учрежденій при новыхъ экономическихъ условіяхъ.

Для самаго Г. Успенскаго эти противорѣчія были безвыходно трагическими. Но для многихъ изъ его читателей они расчищали путь къ принятію новаго революціоннаго міровоззрѣнія, указавшаго выходъ.

Если-бы Г. Успенскій присутствовалъ при возрожденіи революціоннаго движенія подъ знаменемъ соціаль-демократіи, онъ не смогъ бы, вѣроятно, стать на нашу сторону. Ему помѣшала-бы безнадежная любовь къ исчезающему типу стараго крестьянина; но не смогъ бы онъ стать и тѣмъ нежелающимъ понимать, безусловно враждебнымъ противникомъ, какими оказались, въ большинствѣ случаевъ, его былые сотрудники по журнальной дѣятельности.

Во всякомъ случаѣ соціаль-демократы всегда будутъ любить и читать Г. И. Успенскаго какъ одного изъ тѣхъ глубоко искреннихъ наблюдателей и мыслителей, которые — гдѣ бы ни была ихъ любовь въ прошедшемъ или въ будущемъ — въ силу своей великой правдивости помогаютъ все большему и большему выясненію того единственнаго пути, который идетъ черезъ соціальную революцію пролетаріата.

О Тульской полиціи. (Непріятная ошибка г-на Гартье. Удивительное самоубійство двухъ воровъ. Какъ городовой Баутинъ заплатилъ долгъ. Тульская достопримѣчательность. Застѣнокъ на улицѣ. Какъ приставъ Лавровъ Бога обокралъ. Кто выше — Богъ или Лавровъ? Родственныя чувства г-на Шлиппе. Перемѣна во взглядахъ обывателей.)

Что такое русскій полицейскій участокъ — это знаетъ всякій. Въ немъ, какъ грязная туча въ болотной лужѣ, отражается весь строй нашей жизни — безправной и беззаконной, гдѣ „особа" можетъ дѣлать, что хочетъ, а простой человѣкъ долженъ почтительно трепетать, какъ бы съ нимъ начальство ни поступило. Наша тульская полиція служитъ прекраснымъ образчикомъ этого. Обыватель отданъ въ ея полное распоряженіе, полиція смотритъ на него, какъ на побѣжденнаго врага, съ которымъ можно дѣлать, что угодно; она обираетъ его, оскорбляетъ, истязуетъ, и все это совершенно безнаказанно сходитъ ей съ рукъ, пока... пока, зарвавшись, она по „недоразумѣнію" не наскочитъ на „бѣлую кость". Тогда картина мѣняется....

Года два назадъ въ легальной печати былъ опубликованъ случай съ нашимъ приставомъ Мазараки. Во время крестнаго хода одна дѣвушка „дерзко взглянула" на него, онъ отправилъ ее въ участокъ, а въ участкѣ оказалось, что дѣвушка — мѣстная аристократка, княжна Оболенская. Приставъ поплатился арестомъ — но не за то, конечно, что потащилъ въ участокъ невиннаго человѣка, а за то, что не съумѣлъ отличить бѣлой кости отъ черной. Недавно подобное же недоразумѣніе произошло съ тульскимъ полиціймейстеромъ Гартье, прославившимся у насъ своимъ безудержнымъ мордобойствомъ и тѣмъ, что, въ бытность Крапивенскимъ исправникомъ, онъ былъ на пожарѣ жестоко избитъ мужикомъ, получившимъ отъ него затрещину. Въ декабрѣ прошлаго года шли по Кіевской улицѣ три скромно одѣтые господина и видятъ, что на улицѣ, посреди снующихъ экипажей, лежитъ мертвецки пьяный человѣкъ. Они обратились къ проходившему мимо полиціймейстеру съ просьбою распорядиться убрать лежащаго. — „Это не ваше дѣло!" — гаркнулъ на нихъ Гартье. „Ступайте прочь!" — „Мы васъ покорнѣйше просимъ распорядиться убрать этого человѣка". — „А вотъ я сейчасъ распоряжусь... Городовой! Въ участокъ ихъ! — Ахъ, такъ!" „Ну нѣтъ, погодите! Извощикъ, къ губернатору!"... Прохожіе были мѣстные вліятельные землевладѣльцы: Шатиловъ (извѣстный сельскій хозяинъ) и Воейковъ, третій — какой-то ихъ знакомый князь изъ Петербурга. Губернаторъ В. К. Шлиппе немедленно вызвалъ къ себѣ по телефону Гартье, распекъ его въ присутствіи жалобщиковъ и велѣлъ просить извиненія. Смущенный Гартье, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ и увѣреніяхъ, что произошло „недоразумѣніе". По уходѣ Гартье, губернаторъ сталъ уговаривать потерпѣвшихъ удовольствоваться этимъ извиненіемъ (Гартье женатъ на племянницѣ губернатора). Къ стыду г. г. Шатилова и Воейкова, они „простили“ Гартье, но петербургскій князь, котораго полоціймейстеръ во время объясненія „легонько толкнулъ“ въ шею, не захотѣлъ простить, и г. Гартье долженъ былъ подать въ отставку.

Вотъ что значитъ быть у насъ княземъ и вліятельнымъ лицомъ! Но у кого нѣтъ связей, кто не знакомъ съ губернаторомъ, тотъ находится въ полной и безконтрольной власти полиціи, всѣ жалобы на которую напрасны. Простой обыватель испытываетъ къ полиціи ужасъ; у насъ есть пословица: „когда идешь въ участокъ, раньше исповѣдуйся и причастись“. Наши полицейскіе участки — это форменные застѣнки, въ нихъ постоянно творятся ужасы, отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Попавшихъ въ участокъ пьяныхъ обираютъ до нитки и бьютъ, такъ, что не рѣдко ихъ вопли доносятся до улицы. Эти „каторжныя гнѣзда“ полны кровавыхъ преступленій.

Года два тому назадъ были арестованы два вора и посажены во вторую часть. Что съ ними тамъ дѣлали неизвѣстно, но на слѣдующее утро ихъ обоихъ нашли въ камерѣ „повѣсившимися“. Труповъ не вскрывали и мирно похоронили.... А совсѣмъ недавно произошелъ вотъ какой случай: 10-го февраля 1902 года старшій городовой второй части Баутинъ былъ въ гостяхъ у своего земляка, Андрея Дмитріева, дворника при Сапельниковскихъ баняхъ. Дмитріевъ сталъ просить Баутина возвратить ему взятые у него взаймы 25 руб. Тотъ предложилъ ему пойти съ нимъ въ часть и тамъ получить деньги. Заведши земляка къ себѣ, Баутинъ повалилъ его на землю и сталъ бить его утюгомъ по головѣ. Дмитріевъ тутъ-же подъ ударами и умеръ. Баутинъ былъ арестованъ, но черезъ сутки, ко всеобщему изумленію, былъ выпущенъ на свободу подъ поручительство мѣстнаго подрядчика Антонова (не ссориться же ему съ полиціей!) Городовымъ второй части строжайше было приказано начальствомъ говорить, что смерть Дмитріева произошла отъ несчастнаго случая: Баутинъ и Дмитріевъ стали шутливо бороться, Дмитріевъ упалъ и ударился головою о край печки.

Впрочемъ все это дѣла обычныя; во всѣхъ русскихъ городахъ творится то-же самое. Но есть въ тульской полиціи нѣчто, даже для русской жизни необычное, есть достопримѣчательность, о которой не перестаютъ говорить въ Питерѣ и о которой всякій тулякъ можетъ вамъ поразсказать самыя удивительныя вещи. Эта достопримѣчательность — приставъ четвертой (Чулковской) части Лавровъ. Въ другихъ тульскихъ частяхъ людей бьютъ и истязуютъ въ застѣнкахъ, — Лавровъ вынесъ застѣнокъ на улицу, всю Чулковскую часть онъ обратилъ въ одинъ сплошной застѣнокъ. Запѣлъ подвыпившій мастеровой пѣсню, не поклонился онъ Лаврову, — Лавровъ съ городовыми набрасывается на него и тутъ же на улицѣ подвергаетъ избіенію; бьютъ жестоко, кулаками, ногами, иногда до безчувствія. Если какой-либо прохожій замѣтитъ Лаврову, что по закону, бить людей не полагается, Лавровъ набрасывается съ городовыми на прохожаго, вламывается за нимъ въ его квартиру и избиваетъ его тамъ, на глазахъ жены и дѣтей. Въ мартѣ прошлаго года умеръ одинъ чулковскій лабазникъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Лавровымъ въ его собственномъ домѣ. На похороны этого лабазника, изъ боязни демонстраціи, никто не былъ допущенъ.... Если нѣсколько человѣкъ собирается на улицѣ вмѣстѣ, если лѣтнимъ вечеромъ уставшіе отъ работы мастеровые сидятъ на лавочкахъ у воротъ, налетаетъ Лавровъ и разгоняетъ всѣхъ нагайками (замѣтьте, что Тула даже не находится на положеніи усиленной охраны). Всѣ дома въ Чулковѣ обложены правильной данью; на ночныхъ сторожей, между прочимъ, тратится въ мѣсяцъ 120 руб., а собирается Лавровымъ около 900 р. Завидѣвъ вдалекѣ Лаврова, лавочники спѣшатъ запирать лавки, такъ какъ выгоднѣе этотъ день не торговать, чѣмъ увидѣть у себя въ лавкѣ чулковскаго „хозяина“. Сотни жалобъ подаются на Лаврова губернатору, но онѣ остаются безъ разсмотрѣнія. Чулковскіе мастеровые со стыдомъ спрашиваютъ: „Неужели среди насъ не найдется никого, кто бы избавилъ Чулково отъ Лаврова?“ Лавровъ прекрасно знаетъ о питаемыхъ къ нему населеніемъ чувствахъ и не появляется на улицѣ иначе, какъ подъ охраной нѣсколькихъ городовыхъ.

Года два назадъ много заставило говорить о себѣ въ Тулѣ слѣдующее происшествіе. Строилась въ Чулковѣ новая церковь. Лавровъ, въ качествѣ члена церковно-строительнаго комитета собиралъ на храмъ пожертвованія. На эти пожертвованія онъ купилъ плащеницу рублей въ 200-300. Но слухи ходили, что пожертвованій Лавровъ собралъ на сумму, много большую, — рублей до тысячи. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, священникъ послалъ помощника церковнаго старосты Шкунаева поразвѣдать среди обывателей, кто сколько пожертвовалъ Лаврову. Между прочимъ Шкунаевъ зашелъ къ одному трактирщику. Тотъ отвѣтилъ, что ему нужно справиться по книгамъ, и попросилъ Шкунаева зайти за отвѣтомъ завтра. Когда на завтра Шкунаевъ пришелъ, его встрѣтилъ Лавровъ съ четырьмя городовыми, которые приняли Шкунаева на кулаки. Шкунаевъ вырвался и съ воплемъ побѣжалъ по улицѣ, преслѣдуемый Лавровымъ; онъ вбѣжалъ въ церковь, гдѣ въ то время былъ священникъ; Лавровъ вбѣжалъ за нимъ и жестоко избилъ его въ самой церкви. Священникъ доложилъ, о произведенномъ Лавровымъ святотатствѣ, архіерею; Шкунаевъ подалъ жалобу прокурорскому надзору. Прокуроръ жалобѣ ходу не далъ, а архіерей Питиримъ строжайше велѣлъ священнику молчать о происшедшемъ... Изъ всеподданнѣйшаго доклада Побѣдоносцева читатели „Искры“ уже знаютъ о томъ трогательномъ единеніи, въ которомъ казенный православный Богъ живетъ съ русской полиціей. Какъ видимъ, въ случаѣ нечаяннаго столкновенія между обоими, Богъ долженъ сторониться передъ приставомъ и молча глотать наносимыя ему обиды... Разговоры о томъ, какъ чулковскій приставъ обокралъ Бога не прекращались въ Тулѣ. Чтобъ положить имъ конецъ, губернаторъ Шлиппе приказалъ Лаврову привлечь Шкунаева къ суду за клевету. Характерно то, что ни одинъ изъ тульскихъ адвокатовъ, изъ боязни Лаврова, не рѣшился защищать Шкунаева, и защитника пришлось выписывать изъ Москвы. На судѣ раскрылись поразительныя вещи. Хранившійся у Лаврова подписной листъ оказался полнымъ подчистокъ и передѣланныхъ цыфръ; одинъ мясной торговецъ показалъ, что на предложеніе Лаврова пожертвовать на церковь, онъ попросилъ его внести въ листъ 50 руб., которые Лавровъ долженъ былъ ему за мясо. Этихъ денегъ въ листѣ не оказалось.... Шкунаевъ былъ оправданъ. Выходя изъ суда, Лавровъ громко, при публикѣ, обратился къ мяснику со слѣдующими словами: „Ты противъ меня свидѣтельствовать? погоди-же, я тебѣ покажу!“ И само собою разумѣется.... показалъ! По настоянію губернатора дѣло было перенесено въ слѣдующую инстанцію. По отношенію къ непріятнымъ свидѣтелямъ были приняты соотвѣтственныя мѣры, и во второй инстанціи Шкунаевъ былъ осужденъ.

Все это дѣло чрезвычайно взволновало благочестивую Тулу. Указывали на то, что губернаторъ Шлиппе — лютеранскаго вѣроисповѣданія, что новая царица нѣмка, что православному Богу приходитъ конецъ.... Вообще тульскій обыватель еще довольно сильно склоненъ объяснять окружающія его безобразія частными случайными причинами. Такъ, поразительную, даже для русскихъ условій, безнаказанность Лаврова, которому, по общему мнѣнію, давно уже мѣсто на каторгѣ, обыватели объясняютъ тѣмъ, что губернаторъ Шлиппе долженъ ему по векселю 30 тысячъ рублей. Безнаказанность Гартье, женатаго на племянницѣ губернатора, объясняли родственными чувствами г-на Шлиппе.*) Къ счастью, такіе взгляды все больше начинаютъ смѣняться другими, болѣе широкими и люди спрашиваютъ себя: „что же это за порядокъ, гдѣ любой каторжникъ въ полицейскомъ мундирѣ можетъ сдѣлать съ тобою, что хочетъ и управы на него нигдѣ нѣтъ?“

Московскій Комитетъ Россійской Социаль-демократической Рабочей Партіи выпустилъ слѣдующую (отъ 16-го марта 1902 года) прокламацію:

„Товарищи! Въ субботу 9-го марта происходило собраніе механическихъ рабочихъ и ткачей Рогожскаго района. На этомъ, какъ и на предыдущихъ собраніяхъ, клеймили и ругали интеллигентовъ, называли ихъ врагами рабочаго класса, проповѣдовали мирный образъ дѣйствій и совѣтовали не заниматься политикой, вредной для успѣха рабочаго дѣла. Товарищи! Никто изъ васъ, конечно, не вѣритъ этимъ Іудамъ рабочаго дѣла. Вѣдь такія рѣчи говорятъ всегда одни и тѣ-же ораторы, такія же рѣчи говорятъ и ихъ главные руководители и совѣтчики Зубатовъ и Треповъ, агенты полиціи. Никогда еще и нигдѣ въ мірѣ ни одинъ рабочій не вѣрилъ и не повѣритъ, чтобы устами полиціи говорила истина. Во всѣхъ странахъ Западн. Европы рабочимъ принадлежитъ право свободной борьбы съ капиталистами, право свободно высказывать свои идеи. Не то у насъ, гдѣ всякое свободное слово давятъ. Вспомните, что всѣхъ вашихъ товарищей, высказывавшихся на вашихъ собраніяхъ иначе, чѣмъ явные и тайные агенты Зубатова и Трепова, арестовали и они еще и теперь сидятъ въ тюрьмѣ, откуда шлютъ вамъ привѣтъ и совѣтъ не вѣрить г. г. Афанасьевымъ, Красивскимъ, Слѣповымъ и др. Іудамъ, этимъ истиннымъ врагамъ рабочаго дѣла. А интеллигенты: сотнями и тысячами идущіе въ тюрьмы и ссылку во имя идей правды, желаютъ вамъ добра, а не зла. Всѣмъ вамъ, товарищи, извѣстно, что въ Бутырской тюрьмѣ сидятъ до 6-ти сотъ студентовъ и курсистокъ за то, что они перестали ограничиваться студенческими требованіями и стали предъявлять требованія политическія, т. е. свободы слова, собраній, печати и т. д. Всѣхъ ихъ правительство рѣшило либо сослать въ Восточную Сибирь, либо въ Архангельскую тюрьму на 6 мѣс. Надо вамъ знать, товарищи, что они встрѣтили въ Бутыркахъ 42 товарищей рабочихъ съ Мещеринской мануфакт. привѣтствіями, устроивъ иллюминацію изъ матрацовъ. За это ихъ избили и посадили на парашу. Въ отвѣтъ на такой произволъ они объявили голодовку и вотъ уже 6 дней какъ голодаютъ. Если правительство поступаетъ такъ съ врагами рабочихъ, то почему оно такъ не расправится съ капиталистами? Или оно ихъ считаетъ вашими друзьями? Нѣтъ, товарищи, васъ правительство всѣхъ подло обманываетъ. Вспомните, что еще Петръ Алексѣевъ, нашъ товарищъ рабочій, на судѣ заявилъ, что „русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и ни отъ кого не ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи: она одна братски протянула намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь... И они неразлучно пойдутъ съ нами до тѣхъ поръ, пока поднимется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, ограждаемое солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“. Но и вы, товарищи, уже доказали на послѣднемъ собраніи свое умѣнье разбираться въ истинныхъ цѣляхъ правительства и его тайныхъ и явныхъ агентовъ — Зубатова, Трепова, Красивскаго, Афанасьева и другихъ — усыпить васъ всякими обѣщаніями и ничего для васъ не сдѣлать. Надо надѣяться, что скоро и совсѣмъ будутъ разоблачены эти Іуды рабочаго дѣла, которые свои желанія и мысли навязываютъ всѣмъ рабочимъ. Что вамъ дали ваши порайонныя собранія? Ничего, кромѣ права говорить по указкѣ Афанасьева, Красивскаго. А стоитъ вамъ уклониться отъ этой указки и вы уже попадаете въ тюрьму. Но довольно-же, дорогіе товарищи, терпѣть, чтобы среди насъ могли пользоваться вліяніемъ эти проходимцы, состоящіе на службѣ въ охранномъ отдѣленіи. Довольно намъ терпѣть, чтобы наши дѣла разрѣшались въ охранномъ отдѣленіи! Будемъ помнить, что правительство — врагъ нашъ и другъ капиталистовъ. Иначе-бы оно не подавляло всякую нашу стачку вооруженными силами. Наши товарищи, обуховцы, сосланные на каторгу, хорошо знаютъ истинныя цѣли русскаго правительства и вопіютъ о мщеніи. Будемъ же помнить оставленные намъ завѣты ихъ и другихъ лучшихъ нашихъ товарищей бороться за святую истину, за полное освобожденіе рабочаго класса отъ рабства, за коренное измѣненіе общественнаго порядка...“

Волненія крестьянъ на Югѣ.

Въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. — бунтъ, убитъ управляющій — бунтуютъ нѣсколько деревень. Въ Карловкѣ (громадное имѣніе герцога Мекленбургскаго, въ которомъ работаетъ до 6000 рабочихъ), собраны войска — 1500 чел., — губернаторъ Полтавскій тамъ-же. Арестованъ высланный изъ Карловки студентъ Баумштейнъ, а за что неизвѣстно.

Въ Харьковской губ. тоже бунтуютъ. Это даже и „бунтомъ“ нельзя назвать, потому что это не вспышка простая. Мѣста охваченныя возстаніемъ, оцѣплены и пройти оттуда нельзя, потому и неизвѣстно ничего.

Мы слышали, что причиной „возстанія“ является требованіе крестьянъ о выдачѣ хлѣба для обсѣмененія. На первыя попытки голодающихъ взять хлѣбъ изъ магазиновъ силой, власти отвѣтили жестокими расправами. Въ результатѣ „бунтъ“, который вызвалъ поѣздку на югъ новаго министра Плеве.

Полтава. (5-го апрѣля.)

Не успѣла Полтава успокоиться послѣ февральской исторіи (см. № 18) какъ въ среднихъ числахъ прошлаго мѣсяца появились неопредѣленные слухи объ обыскахъ у крестьянъ, о распространеніи среди сельскаго населенія прокламацій и нелегальныхъ

---

*) Родственныя чувства у г-на Шлиппе дѣйствительно сильны. Такъ напримѣръ, въ прошломъ году въ Тулѣ давалъ концертъ артистъ Зиссерманъ, родственникъ губернатора. Помощники приставовъ разъѣзжали по домовладѣльцамъ, предлагая имъ брать билеты на концертъ. Болѣе независимые отказывались, болѣе сѣрые, чтобы не ссориться съ полиціей, кряхтѣли и вытаскивали изъ кармановъ кошельки.

ФЕЛЬЕТОНЪ

ИЗЪ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

II.

Рабочіе на русскихъ торфяныхъ болотахъ.

I.

Я прожилъ четыре лѣта на одномъ изъ русскихъ торфяныхъ болотъ, видѣлъ всю мерзость и подлость эксплоатаціи рабочаго предпринимателемъ и теперь только имѣю возможность подѣлиться съ читателями видѣннымъ.

Что такое торфяное болото? Что это-фабрика, заводъ или еще что-либо? Этого, повидимому, не рѣшило, да и не рѣшаетъ и само русское самодержавное правительство, такъ какъ еще до сихъ поръ не существуетъ никакой регулировки этого дѣла. А дѣло серьезно, дѣло для Россіи въ настоящее время большой важности.

Торфъ прекрасное, удобное и очень дешевое топливо. Разрабатывается онъ уже лѣтъ 20-30, но особенно принялись за него лишь за послѣдніе 7-8 лѣтъ, во время угольнаго кризиса и въ то время, когда цѣна на нефть стала колебаться.

Работа на торфяныхъ болотахъ двухъ родовъ: 1) собственно выработка торфа въ видѣ кирпичей (ручная и машинная, работаютъ мущины*), и 2) сушка и уборка уже сработанныхъ торфяныхъ кирпичей (работаютъ женщины). Начинается работа въ первыхъ числахъ Мая (но не позже 10-го), кончается: выработка въ 20 числахъ Іюля, на нѣкоторыхъ болотахъ даже 6-го Августа.**) Работа женщинъ, сушка и уборка начинается въ тоже время, но кончается гораздо позднѣе: 15 Августа, 1 Сентября и даже 28-29 Сентября.

Торфяная работа, какъ собственно выработка, такъ сушка и уборка требуютъ извѣстнаго навыка и умѣнія. Кромѣ того, рабочій долженъ привыкнуть къ водѣ, невыразимой грязи къ работѣ подъ открытомъ небомъ и на совершенно открытомъ мѣстѣ. Все вмѣстѣ взятое является причиной того, что обыкновенный рабочій человѣкъ, даже простой землекопъ на эту работу не пойдетъ — онъ ее не сдѣлаетъ, да и не вынесетъ. Издавна сложилось уже такъ, что рабочіе на торфяныя болота нанимаются въ извѣстныхъ губерніяхъ, больше даже только въ опредѣленныхъ уѣздахъ. Такими мѣстами въ Россіи являются: 1) Рязанская губернія (уѣзды Скопинскій, Рязанскій, Михайловскій, Спасскій, Раненбургскій, Касимовскій и отчасти Пронскій). 2) Зубцовскій уѣздъ, Тверской губерніи, 3) Тульская губернія, уѣзды Крапивинскій и Епифановскій и 4) сѣверная часть Калужской губ. Торфяныя же болота въ Россіи находятся въ губерніяхъ: Петербургской, Рязанской, Тверской, Тамбовской и Калужской. На каждомъ болотѣ, гдѣ есть хотя одна машина, должно быть рабочихъ: мущинъ не менѣе 30 человѣхъ и женщинъ не менѣе 20. Большинство же болотъ имѣютъ отъ 5 до 12-15 машинъ.***)

Значитъ почти все населеніе указанныхъ мѣстъ, гдѣ есть работники — „торфяники“ и работницы — „торфушки“ (такъ обыкновенно онѣ называются на болотахъ) должно уходить на лѣто изъ дому. Дѣйствительно это такъ и бываетъ, и дома остаются 1-2 работника (мущины или женщины смотря по мѣстности), старики, старухи да развѣ иногда беременныя женщины, для которыхъ работа на торфяныхъ болотахъ не допустима.*)

Казалось бы, что такое отношеніе количества болотъ къ количеству рабочихъ должно было вліять на заработную плату въ дѣйствительности этого не бываетъ, развѣ только, какъ исключеніе. Происходитъ это оттого, что сами рабочіе стоятъ на низшей ступени развитія, они поголовно всѣ во власти всякаго рода начальства и мысль ихъ забита невѣроятно. Всякое ничтожество, вродѣ урядника, попа, а тѣмъ болѣе земскаго начальника, добилось того, что въ народѣ „Рязанецъ“ стало нарицательнымъ именемъ для всѣхъ простаковъ мысли и дѣла... Ниже я укажу виды протеста, къ которымъ иногда прибѣгали обездоленные и загнанные торфяники, когда болѣе терпѣть ихъ силъ уже не хватало...

Наемъ рабочихъ производится такимъ образомъ. (Наиболѣе характеренъ наемъ мущинъ.) Въ деревню пріѣзжаетъ прикащикъ, читаетъ собравшимся мужикамъ условія, даетъ подписаться, отбираетъ паспорта и выдаетъ задатки (обыкновенно по 10 руб. на чел.). Мужики, сдавленные въ это время (октябрь и начало ноября) со всѣхъ сторонъ требованіемъ всевозможныхъ податей, царскихъ оброковъ и своею собственной нуждой, не слушая подписываютъ эти „условія“ лишь для того, чтобы поскорѣе взять задатки. Результаты этого подписыванія обнаруживаются уже послѣ, на работѣ.

Отдавши паспортъ, рабочій закрѣпощенъ. Если бы ему даже и представилось болѣе выгодное мѣсто, онъ долженъ отказаться.

Я увѣренъ, глубоко увѣренъ въ томъ, что если-бы эти несчастные закрѣпощаемые понимали всю свою силу, понимали, что не они должны кланятся купцу-предпринимателю, а онъ имъ, они могли бы добиться огромныхъ для себя уступокъ. Простой мирной стачкой они „заставили“ бы платить за работу вдвое, втрое противъ того, что имъ платятъ теперь, потому что и тогда предприниматели всетаки получили бы барыши и не маленькіе. Я приведу въ доказательство цыфры, которыя покажутъ яснѣе.

Каждый пудъ торфа обходился на болотѣ Хлудовыхъ со всѣми расходами по ремонту, жалованію служащимъ и рабочимъ, погашенію и пр. 5,5 коп. + 1,5 коп. за перевозку въ ближайшій городъ (Егорьевскъ, Рязанской губ.), а продавался по 10 коп. за пудъ. Слѣдовательно Хлудовы отъ каждаго пуда торфа получили 3 коп. чистаго барыша. Вырабатывая въ 1900 и 1901 году при 9 машинахъ ежегодно 5000 куб. сажень или 1,100000 пуд. торфа, они клали себѣ въ карманъ не больше, не меньше, какъ 33,000 рублей.... Цыфра баснословная, ужасная, ей трудно вѣрить. Но это дѣйствительно такъ, дѣйствительно еще и то, что эти 33 тысячи буквально выжаты, выдавлены изъ голодныхъ мужиковъ... Если бы предприниматель получалъ только $^1/_2$ коп. съ пуда барыша, то и тогда цыфра была бы внушительна — 5500 руб., а вѣдь это только за три лѣтнихъ мѣсяца... П. М. Соловьевъ въ своей книгѣ „Разработка торфа на топливо“ приводитъ почти такія же цыфры о барышахъ Викулы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Разница лишь въ томъ только, что тамъ пудъ торфа (опять таки за погашеніемъ всѣхъ расходовъ) обходился въ 5,6 коп. Значитъ Морозовъ получалъ только на 0,1 коп. меньше Хлудовыхъ, но такъ какъ свѣдѣнія г. Соловьева сообщались торфмейстерами, то весьма возможно, что цыфры не отличаются особой вѣрностью.

Если-бы этотъ огромный излишекъ въ 27,500 рублей (33,000-5,500), который получили въ 1901 году Хлудовы раздѣлить на 520 человѣкъ работавшихъ на болотѣ, это было бы почти по 53 рубля на человѣка, что для крестьянина составляетъ многое. Но конечно какое дѣло г. г. Хлудовымъ и Ко—до того, что нѣсколько сотъ рабочихъ съ утра до вечера стоятъ въ грязи, сгибаются подъ 2-хъ — 3-хъ пудовой корзинкой съ торфомъ и пр... для нихъ важно то, что они то Хлудовы ѣли, пили, имѣли содержанокъ и пр., да получали бы „тыщи“...

Этимъ я закончу первую главу моей статьи. Во второй я постараюсь показать читателямъ собственно положеніе рабочихъ на торфяныхъ болотахъ.

II.

Работа на торфяныхъ болотахъ, какъ я уже сказалъ, начинается въ первыхъ числахъ мая. Работа тяжелая... Мущины рабочіе разбиваются на артели и каждая артель выбираетъ себѣ старосту. Староста наблюдаетъ за работой, за постановкой машины, завѣдуетъ харчами и т. д. Вся артель дѣлится на три партіи, изъ которыхъ каждая знаетъ только свое дѣло, иногда впрочемъ мѣняясь мѣстами съ товарищами.

Первая партія въ 13-14 человѣкъ копаетъ торфяную массу и бросаетъ ее въ элеваторъ, который ужъ подаетъ массу въ прессъ машины. Слѣдующая партія — 4 человѣка занимается рубкой на кирпичи и пріемкой уже готоваго выработаннаго торфа. И наконецъ третья 12-13 человѣкъ отвозитъ торфяные кирпичи (по 4 штуки на особой дощечкѣ; такихъ дощечекъ на каждый вагончикъ кладутъ по 22 штуки) на мѣсто сушки и складываетъ тамъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Чтобы объяснить нагляднѣе всю тяжесть этой работы, мы опять таки обратимся къ цыфрамъ. Самая тяжелая работа у первой партіи, которая копаетъ торфяную массу. Въ среднемъ машина въ день вырабатываетъ 30,000 кирпичей. Каждый кирпичъ по выходѣ изъ машины вѣситъ 29-30 фунтовъ. Если даже предположить, что кирпичъ вѣситъ только 25 фунтовъ и тогда тяжесть падающая на 13 человѣкъ будетъ = 18750 пудамъ, что для одного рабочаго составитъ нѣсколько болѣе 1440 пудовъ. Положимъ, такую страшную тяжесть рабочій долженъ поднять въ теченіе 14-ти часовъ и по частямъ, но надо принять во вниманіе и ту силу, которую употребляетъ онъ на то, чтобы воткнуть лопату въ массу, нагнуться, поднять, бросить и т. д. и мы увидимъ, что дѣйствительно работа громадная. Кромѣ всего этого, надо замѣтить и то, что рабочіе этой партіи всегда стоятъ въ грязи, чуть не по колѣна въ водѣ... Я не въ силахъ изобразить всего того, что я видѣлъ, всю подавляющую картину этой работы, да при томъ еще такъ скудно оплачиваемой.

Работа начинается весною въ 2-2$^1/_2$ часа утра, кончается въ 9-10 часовъ вечера; лѣтомъ (съ 1 юля) въ 3-3$^1/_2$ начало, а конецъ въ 8-8$^1/_2$ и иногда въ 9 час. Изъ этого числа рабочихъ часовъ надо исключить 5 часовъ на завтракъ и обѣдъ. Такимъ образомъ брошюръ. Послѣ 25 марта получились, наконецъ, вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о броженіи среди крестьянъ и казаковъ. Управляющій Карловской экономіей Шейдеманъ и городской голова г. Полтавы Трегубовъ потребовали отъ губернатора присылки войскъ. Въ первой изъ экономіи крестьяне забрали часть картофеля, изъ второй весь хлѣбъ. Населеніе, увѣренное въ томъ, что теперь все можно, забрало въ цѣломъ рядѣ имѣній весь хлѣбъ, запасы сѣна и соломы. Крестьяне дѣйствуютъ спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Чинно, со старостами и сотскими во главѣ подъѣзжаютъ они къ усадьбамъ и экономіямъ и требуютъ ключей отъ амбаровъ и складовъ. Обыкновенно владѣлецъ предупреждался за день, что у него назначенъ разборъ хлѣба. Если владѣлецъ не даетъ ключей, то замки срываются, повозки нагружаются хлѣбомъ, и всѣ разъѣзжаются по домамъ. Крестьяне объясняютъ, что „царству пановъ наступилъ конецъ" и что „велѣно забирать по 5 пудовъ на душу". Одинъ изъ помѣщиковъ отвѣсилъ эту пропорцію 80 крестьянамъ, явившимся къ нему, и у него больше ничего не тронули. Хлѣбъ забирается не только у помѣщиковъ-дворянъ, но и у односельчанъ богачей, особенно у тѣхъ, которыхъ народъ не долюбливаетъ. Такъ у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлѣбъ и кормъ для скота, но и всю домашнюю утварь. Никакихъ избіеній владѣльцевъ или другихъ насилій крестьяне не производили. Каждый день приносились новыя вѣсти. Изъ экономіи Дурново въ Чутовѣ, Войновкѣ и Искровкѣ забрано до 17 тысячъ пшеницы. Районъ, охваченный движеніемъ, быстро увеличивался. Въ Полтавскомъ уѣздѣ крестьяне и казаки поднялись въ Чутовской, Васильевской, Первозванской и Руновщанской волостяхъ; въ Константиноградскомъ уѣздѣ во всѣхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ Карловскому имѣнію, занимающему свыше 58 тысячъ десятинъ; въ Харьковской губ. въ Валковскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ, главнымъ образомъ въ селеніи Ивановкѣ, гдѣ крестьяне забрали съ завода Молдавскаго до 30 тысячъ пудовъ сахару. Броженіе охватило не административный районъ, а мѣстность съ одинаковыми экономическими условіями. Большую часть этого района заняли крупныя имѣнія, вродѣ Карловки, имѣній Дурново и т. д. У окрестныхъ крестьянъ ничтожные надѣлы, скудные заработки, почти полное отсутствіе выпасовъ и т. д. Процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ чрезвычайно высокъ.

---

*) О другой выработкѣ я писать не стану, потому что мало знакомъ съ нею, да и потому, что еще, что съ каждымъ годомъ она вытѣсняется машиной. Въ настоящее время она бываетъ только на мелкихъ болотахъ.

**) На томъ болотѣ, гдѣ жилъ я въ 1898 году кончалась 6-го Августа, послѣдніе же два года 1-го Августа; работа же женщинъ различно.

***) Если не ошибаюсь у одного Викулы Морозова въ Орѣховѣ-Зуевѣ до 40 машинъ (на нѣсколькихъ болотахъ).

*) Что на всѣхъ болотахъ впрочемъ допускается. Я слышалъ отъ работницъ, что на одномъ изъ болотъ Московской губ. былъ даже случай родовъ во время работы-кладки штабеля, когда работница упала съ подмостей.

Сосѣдство большихъ экономій съ „раціональнымъ" хозяйствомъ, съ управляющими вродѣ Шейдемана, которые ведутъ по отношенію къ сельскому населенію политику „выжиманія всѣхъ соковъ", дѣлаетъ положеніе настолько тяжелымъ, что по выраженію крестьянъ, „хоть ложись, да помирай". Въ экономіи Дурново, напримѣръ, крестьянинъ можетъ получить десятину подъ посѣвъ при условіи обработать и снять хлѣбъ съ трехъ десятинъ и, кромѣ того, выходить на работу по первому требованію за плату, установленную управляющимъ. Въ страдную пору, когда цѣна поднимается до рубля, окрестное населеніе должно работать по 30 коп. За выпасъ скота, мочку конопли и т. д. взимается, разумѣется особая плата. Всѣ эти ненормальныя, крайне тяжелыя условія уже давно создали почву для глухого недовольства. Особенно тяжелымъ оказался настоящій годъ. Почти повсемѣстно урожай получился ниже средняго; кормовыя средства оказались истощенными уже въ среднихъ числахъ января. Продовольственныя и сѣмянныя ссуды, по увѣреніямъ крестьянъ, не выдавались новыми органами — уѣздными съѣздами. (Вѣроятно, чтобы не баловать народъ.) Это полуголодное жалкое существованіе не могло породить довольства существующимъ порядкомъ. Всякій слухъ, преломляясь среди невѣжественной и темной массы, принималъ своеобразный характеръ. Достаточно было пустить хотя бы самый нелѣпый слухъ, чтобы возбудить движеніе. Роль возбудителя сыграли прокламаціи и брошюры, въ которыхъ ярко и выпукло обрисовывалось положеніе крестьянъ послѣ „воли", мошенническое „освобожденіе" съ выкупными платежами и „нищенскими" надѣлами и, наконецъ, современное безвыходное положеніе. Для руководства раздавалась краткая исторія великой французской революціи. Среди народа эта литература породила самые разнообразные толки, предположенія и догадки. Говорили, что царь бѣжалъ за границу и отказался отъ помѣщиковъ, что три года будетъ править наслѣдникъ, и что теперь „ихъ, мужиковъ, власть". Во многихъ мѣстахъ составлены приговоры дѣйствовать единодушно. Среди всѣхъ слуховъ трудно разобраться. Упоминаютъ о какомъ-то „манифестѣ" и о надѣленіи крестьянъ по 6 десят. на мужскую душу. Между тѣмъ движеніе съ каждымъ днемъ принимало все болѣе и болѣе стихійный характеръ. Никто не ожидалъ ничего подобнаго. Тревожныя извѣстія совпали съ пріѣздомъ въ Полтаву ген.-губ. Драгомирова. Послѣ отъѣзда Драгомирова, въ ночь съ 28 на 29 марта два батальона двинулись въ Карловку, въ имѣніе „свѣтлѣйшихъ князей", и начались репрессіи. „Гуманный" начальникъ губерніи — Бельгардъ прибѣгнулъ къ любимому средству нашихъ администраторовъ — къ жестокой и безпощадной поркѣ... Число жертвъ пока неизвѣстно. На слѣдующій день двинуты войска въ Войновку, Чутово и другія села. Но движеніе не останавливалось. Послѣ выступленія почти всѣхъ войскъ изъ Полтавы (два полка) получилось извѣстіе, что въ Ковалевкѣ, въ 12 верстахъ отъ Полтавы, забираютъ муку на мельницѣ Трепке. За отсутствіемъ другихъ властей, земскому начальнику Кованьку даны двѣ роты и неограниченныя полномочія подавить движеніе. Отнынѣ Кованько долженъ быстро пойти по лѣстницѣ возвышеній, ибо не побоялся запятнать себя братской кровью для доказательства преданности „царю и отечеству". По разсказамъ очевидцевъ, двѣ роты къ вечеру съ двухъ сторонъ подошли къ Ковалевкѣ и окружили крестьянъ, которые нагружали на повозки муку. Дѣти, подростки и бабы во дворѣ Трепке ловили куръ, утокъ и другую живность. Кованько подошелъ къ крестьянамъ и потребовалъ, чтобы мука была снесена въ мельницу. Крестьяне продолжали свое дѣло; нѣкоторые-же окружили „земскаго", и ему пришлось отойти къ ротамъ. Въ это время 8 крестьянъ, задержанные солдатами и оставленные въ сторонѣ подъ конвоемъ 4-хъ человѣкъ были отбиты толпой, причемъ одинъ изъ крестьянъ получилъ ударъ штыкомъ въ область желудка. На предупрежденіе, что солдаты будутъ стрѣлять, если толпа не разойдется, крестьяне отвѣтили, что нѣтъ такого закона, чтобы убивать православныхъ. Послѣ двухъ предупрежденій и выстрѣла въ воздухъ произведенъ залпъ въ толпу. Къ счастью, повозки послужили естественной защитой, иначе количество жертвъ было-бы ужасающее. Убито на мѣстѣ три человѣка и тяжело ранено два, изъ которыхъ одинъ на второй день скончался въ Полтавскомъ богоугодномъ заведеніи. У одного изъ убитыхъ оказалось 12 ранъ, такъ что его буквально изрѣшетили. Менѣе опасно ранены 4 бабы и одинъ мальчикъ. По слухамъ число раненныхъ значительно больше, но они скрываются. Слѣдуетъ отмѣтить, что ни губернаторъ, ни полиція (при одной ротѣ находился приставъ) не прибѣгли къ этой крайней мѣрѣ. Въ другихъ мѣстахъ идутъ усиленныя экзекуціи. Не довольствуясь кровавыми жертвами въ Ковалевкѣ 3-го апрѣля, тамъ же высѣкли 30 человѣкъ. Бьютъ суковатыми прутьями. Послѣ первыхъ же ударовъ цѣлость кожи нарушается. Бьютъ до потери сознанія, отливаютъ и вновь бьютъ. Бьютъ до смерти. Ударовъ не считаютъ „кто сколько выдержитъ." Въ Валковскомъ уѣздѣ губернаторъ Оболенскій не уступаетъ губернатору Бельгарду, который послѣ выговора за „мягкое обращеніе" отъ опричника Сипягина, радъ показать свое усердіе и преданность... Репрессаліи въ одномъ мѣстѣ вызываютъ ужасъ и уныніе, въ другихъ — озлобленіе. Въ Карловкѣ послѣ экзекуціи крестьяне опять бросились въ экономію. Туда вытребованъ цѣлый полкъ изъ Харькова. Оттуда же прибыло въ Полтаву 500 казаковъ, такъ какъ пѣхота не можетъ угоняться за крестьянами. Одновременно съ поркой приступлено къ судебному слѣдствію, которое передано слѣдователю 1-го участка Тимофееву и тремъ кандидатамъ на судебныя должности: Васильеву, Своехотову и Антонцу-Федьяновичу. Интересно, съ какимъ чувствомъ приступятъ они къ производству судебнаго слѣдствія подъ свистъ розогъ послѣ кровавыхъ убійствъ со стороны слишкомъ ретивыхъ и вѣрноподданныхъ слугъ государя. 3-го апрѣля подъ предсѣдательствомъ вицегубернатора и при участіи городского головы Трегубова, жандармскаго полковника и др. лицъ состоялось совѣщаніе по вопросу объ охранѣ города на случай безпорядковъ. Результаты пока неизвѣстны. По слухамъ, главное вниманіе будетъ обращено на губернаторскій домъ и банки. Сегодня же, 5-го апрѣля, состоялось другое, болѣе интересное совѣщаніе, состоящее изъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства подъ предсѣдательствомъ губернатора. Совѣщаніе должно высказаться о мѣрахъ для предупрежденія и подавленія броженія среди населенія. Говорятъ, что предположено ходатайствовать о выселеніи всѣхъ „поднадзорныхъ" изъ Полтавы и усиленіи репрессаліи. Болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ не могли придумать представители первенствующаго сословія. Всѣ эти событія вызываютъ недоумѣнія среди самыхъ лояльныхъ слоевъ населенія. Лишь нѣкоторые изъ дворянъ-помѣщиковъ находятъ, что дѣйствія администраціи не достаточно энергичны, что необходимо вѣшать „мерзавцевъ". На всѣ событія наброшенъ покровъ тайны, подъ защитой котораго администрація чувствуетъ себя неуязвимой. Попасть въ районъ, охваченный движеніемъ невозможно. Арестовываютъ всѣхъ подозрительныхъ, т. е. не мѣстныхъ жителей. Извѣстія передаются шопотомъ, украдкой, а между тѣмъ факты требуютъ свѣта, широкой гласности, и тогда „первенствующее сословіе" узнало бы, что одни прокламаціи въ крестьянской средѣ не сдѣлали бы ничего и что дальнѣйшая политика репрессалій неизбѣжно должна привести къ кровавому мщенію со стороны крестьянъ... Только что получены свѣдѣнія, что движеніе захватило Диканьскую волость и перешло въ Зѣньковскій уѣздъ. Признаки броженія обнаружены въ Пирятинскомъ, Прилукскомъ, Хорольскомъ и Лубенскомъ уѣздахъ.

Къ приговору по дѣлу о павловскихъ сектантахъ.

Приговоромъ суда по извѣстному дѣлу разрушенія церкви въ селѣ Павловкахъ, 17 чел. оправдано, 49 признаны виновными. Изъ нихъ 4 приговорены къ тюремному заключенію, 45 къ каторжнымъ работамъ. Моисей Жодосіенко и Григорій Павленко на 15 лѣтъ, 37 человѣкъ на 12 лѣтъ, 5 на 8 лѣтъ и 1 на 4 года. Говорить о всѣхъ правонарушеніяхъ, беззаконіяхъ и той массѣ произвола, которымъ сопровождалось это дѣло — мы не будемъ: всякому понятно, что при нынѣшнихъ порядкахъ иначе и быть не можетъ. Намъ лишь хочется обратить вниманіе на слѣдующую подробность: защитѣ не дозволено было видѣться съ подсудимыми и только уже въ стѣнахъ суда ей было разрѣшено предложить имъ нѣсколько вопросовъ и то въ присутствіи и при контролѣ властей. Если бы мы видѣли въ этомъ фактѣ только одно лишнее правонарушеніе, одно лишнее беззаконіе, то не считали бы нужнымъ его комментировать. Мы бы просто ограничились отмѣткой этого факта для памяти, чтобы онъ не забылся къ тому времени, когда правителямъ Россіи придется пожинать плоды того, что они такой щедрой рукой теперь сѣютъ.

Но намъ кажется, что въ этомъ фактѣ есть еще и другая сторона — интересная и поучительная съ точки зрѣнія уясненія отношенія русскаго правительства къ сектанству, какъ къ политическому фактору.

Недопущеніе защиты видѣться съ павловскими сектантами ясно показываетъ, что правительство боится и всѣми силами старается не допустить ознакомленія русской интеллигенціи съ стремленіями, ожиданіями, надеждами и идеалами русскихъ сектантовъ.

Вѣдь въ настоящее время все это русской интеллигенціи не только неизвѣстно, но хуже того: въ большинствѣ случаевъ она имѣетъ обо всемъ этомъ самое фантастическое, самое ложное представленіе. Въ общихъ чертахъ представленіе интеллигенціи о сектантахъ сводится къ тому, что сектантамъ важно и нужно одно „божественное" — „неземное", что они люди „не отъ міра сего".

Само собой понятно, на сколько выгодно такое представленіе для правительства, ибо оно въ корнѣ подрываетъ всякую возможность сближенія интеллигенціи съ сектантами, въ особенности революціонной интеллигенціи. Правительство знаетъ, что сектанство представляетъ изъ себя чрезвычайно благопріятную почву для воспріятія революціонныхъ идей и потому всѣми силами старается о томъ, чтобы эта истина не стала извѣстна революціонерамъ. Преслѣдованіе правительствомъ такъ-называемыхъ „толстовцевъ" можетъ быть объяснено только съ этой точки зрѣнія. Вѣдь не за то же преслѣдуетъ правительство толстовцевъ, что они проповѣдуютъ грѣховность сопротивленія ему насиліемъ или любовь къ его членамъ? Нѣтъ, правительство преслѣдуетъ толстовцевъ потому, что боится, въ особенности боялось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ бы они не послужили связывающимъ звеномъ между сектантами и революціонерами; какъ бы черезъ ихъ посредство не произошло сближенія и единенія между тѣми и другими на почвѣ политическихъ интересовъ русскаго народа. Свободная, не стѣсненная бесѣда защитниковъ съ подсудимыми павловскими сектантами могла бы способствовать болѣе правильному отношенію въ сектантству, какъ политическому фактору. Вотъ этого и не хочетъ допустить правительство, такъ какъ отлично понимаетъ, какія это можетъ имѣть послѣдствія.

Намъ кажется, что русскимъ революціонерамъ не мѣшало бы обратить серьезное вниманіе на эти постоянныя старанія правительства и принять мѣры къ тому, чтобы эти старанія перестали увѣнчиваться тѣмъ полнымъ успѣхомъ, какимъ увѣнчивались до сихъ поръ.

Штундистъ.

чистый рабочій день весною = 14 часамъ, а лѣтомъ 13-12½.......
И это не ошибка....

Я думаю, что цыфры говорятъ за себя и читатели представляютъ себѣ нѣсколько (вполнѣ можно имѣть представленіе только на болотѣ, увидивши) работу мущинъ на торфяныхъ болотахъ. Обратимся къ работѣ женщинъ.

Работа женщинъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1) онѣ должны просушить торфяные кирпичи, складывая ихъ въ извѣстной формы клѣтки. 2) уборка уже высушеннаго такимъ образомъ торфа — складываніе его въ „штабеля".*) Сушка дѣлится на три періода: а) сушка въ „пяткахъ".**) т. е. въ клѣткахъ изъ пяти кирпичей. Эту работу исполняютъ почти вездѣ малолѣтки — отъ 11 до 15 лѣтъ. При всѣхъ трехъ видахъ работы, работающимъ задаются „уроки". На „пятки" дается сложить отъ 7 до 8 тысячъ кирпичей на человѣка. Каждый кирпичъ надо поднять, перевернуть и уложить вмѣстѣ съ другими въ извѣстную форму, б) кладка пяти пятковъ въ „малыя клѣтки". Работаютъ и взрослыя. Урокъ отъ 6 до 6½ тысячъ, в) кладка пяти малыхъ клѣтокъ въ одну „большую". Урокъ отъ 5 до 5½ тысячъ. Работаютъ только взрослыя. Работа считается самою непріятною, требуетъ большой ловкости и аккуратности и потому очень продолжительна. Чтобы опять таки нагляднѣе показать работу женщинъ, укажу на работу „уборки" торфяныхъ кирпичей въ штабеля. Кладутъ штабель 14 человѣкъ, такъ называемая рамка. Здѣсь работа распредѣляется такъ: 4 „уголки" кладутъ стѣнки штабеля и углы (только взрослыя, требуется знаніе), 2 „середницы" (отъ 15-17 лѣтъ) кладутъ середину штабеля и 8 таскалокъ (взрослыя) подтаскиваютъ торфъ изъ „большихъ клѣтокъ".

Возьму для примѣра работу таскалокъ. Каждой „рамкѣ" на урокъ дается сложить 2 штабеля. Кирпичъ даже сушеный 2 недѣли вѣситъ почти 4½ фунта, на болотѣ онъ сохнетъ всего 9-10 дней, потому вѣсъ его надо принять minimum 6 ф. А отсюда въ 15000 кирпичахъ (штабель) вѣсу — 2250 пудовъ. Такимъ образомъ на одну „таскалку" за день придется 2250/8 = 562½ пуда! Опять цыфра невѣроятная и опять скажу, что это дѣйствительно такъ. Работницы не замѣчаютъ этого, но сами же говорятъ, что въ штабель уходитъ корзинъ „сотъ семь съ лишнимъ". Въ каждую корзину „таскалка" кладетъ отъ 20 до 22 кирпичей. Двадцать кирпичей по 6 ф. = 3 пуда. 2250 : 3 = 750 корзинъ. Ошибаются онѣ только на 50 корзинъ. Грустно главнымъ образомъ то, что онѣ не знаютъ, какую работу онѣ дѣлаютъ, онѣ знаютъ, что таскать 3-хъ пудовую корзину „съ непривычки" тяжело, но и только... Почти каждый день (штабеля начинаютъ класть съ конца мая и до „отработки") перетаскиваютъ на себѣ 560 пудовъ, да притомъ еще половину на такъ называемые „ходы" (подмостки на 1½ арш. отъ земли). Женщинъ работа на торфяныхъ болотахъ очень старитъ, въ 30-35 лѣтъ работница выглядитъ совсѣмъ старухой.

Слѣдовало бы этимъ работникамъ и работницамъ показать всю ту „хитрую механику", которую продѣлываютъ надъ ними эксплоататоры, давая имъ за такую адскую работу, такую ничтожную плату.

III.

Плату разсмотримъ сначала мущинъ, а потомъ женщинъ.

Мущины работаютъ „сдѣльно". Артель за каждую выработанную 1000 кирпичей получаетъ отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. На болотѣ Хлудовыхъ артель въ первые года получала 1 р. 40 к. — 1 р. 50 р.; въ послѣдніе же два года установили слѣдующее. За 1000 — 1 р. 35 к. и кромѣ того 10% „награды" всѣмъ дожившимъ до срока (1 августа). Слово „награда" на рабочихъ подѣйствовало ошеломляюще, они всѣ стали доживать до срока (прежде изъ 9 артелей доживало 6,7), почти не догадываясь о томъ, что плата стала даже менѣе прежней. Предпринимателямъ конечно это было на руку... Вырабатывая по 35,000 въ день, рабочіе получали (на своихъ харчахъ) 51 р. 97 к. вмѣстѣ съ наградой. Даже при 40,000 выработкѣ (что бываетъ очень рѣдко) только 59 р. 40 к. на 30 человѣкъ. Полагая, что на харчи артель въ день тратитъ (при 35,000) 15 р. 97 к. (рабочіе должны при этой работѣ ѣсть сравнительно хорошо и дѣйствительно въ харчахъ они себя не стѣсняютъ) чистой выработки остается 36 руб., т. е. по 1 рублю и 10 коп. (приблизительно) на человѣка. И это плата за каторжный трудъ при 14 часовомъ днѣ!*) За всю „походку" съ 10 Мая по 1 Августа рабочій на болотѣ Хлудовыхъ въ 1900 и 1901 году получилъ отъ 80 до 85 руб. Это считалось, да и считается „очень хорошимъ" заработкомъ даже у рабочихъ. Дѣйствительно за чистыхъ 2½ мѣсяца (праздники исключены) 85 рублей кажется довольно, но это только кажется и кажется до тѣхъ поръ, пока не узнаешь, какая это работа. Работающіе на фабрикахъ (торфяныя болота по моему мнѣнію тѣ же фабрики) вырабатываютъ за то же время гораздо меньше, но за то ихъ работа и гораздо легче (сравнительно разумѣется) да и по времени она не такъ продолжительна.

Женщины живутъ на жалованіе. Взрослыя (беру опять болото Хлудовыхъ) получаютъ съ Мая мѣсяца до окончательной уборки торфа**) 24 рубля жалованія и 10% награды, т. е. 26 р. 40 к. на хозяйскихъ харчахъ (взрослыя), малолѣтки на тѣхъ же условіяхъ 13 и 14 рублей. Кромѣ жалованія почти на всѣхъ болотахъ бываютъ такъ называемые „денежные" штабеля, т. е. сверхъ-урочная работа за особую плату (кладутъ ихъ послѣ дневныхъ уроковъ и по праздникамъ). За каждый денежный штабель рамка (14 чел.) получаетъ обыкновенно 2 р. 50 к., т. е., почти по 18 к. на человѣка. На болотѣ Хлудовыхъ 2 р. 64 к. (2,40 + 10%) — почти по 19 к.***) на человѣка. Это за 3-хъ часовой трудъ да еще въ праздничное время! На другихъ болотахъ, напр. у Викулы Морозова, работницы получаютъ по 5 р. въ мѣсяцъ (тоже на хозяйскихъ харчахъ). Это конечно лучше для работницъ, но дѣло въ томъ, что у Викулы Морозова и работа кончается 15-го Августа, такъ, что ему дѣйствительно выгоднѣе платить помѣсячно. Кромѣ жалованія у Морозова „даютъ" каждое лѣто на 20 и больше рублей денежныхъ, но для того, чтобы „заложить" 20 рублей на долю каждой работницы приходится около 100, даже болѣе сверхъ-урочныхъ штабелей, такъ что у Морозова для работницъ почти не бываетъ свободнаго времени, въ то время какъ и у Хлудова работницы послѣ 4-хъ часовъ дня уже совсѣмъ свободны.

Такъ какъ женщины вообще болѣе безсловесны, а работницы на торфяныхъ болотахъ въ особенности, то этимъ г. г. эксплоататоры пользуются очень широко. Работницы „обязаны" кромѣ работъ по уборкѣ торфа, тушить случившіеся пожары, убирать „хозяйское" сѣно, работать при постройкахъ зданій на болотѣ и пр. Все это дѣлается послѣ уроковъ и, разумѣется, безплатно. Въ 1901 году на болотѣ Хлудовыхъ работницы въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей (буквально) дежурили на пожарѣ.... и не получили за это ни копѣйки. До какихъ поръ будетъ продолжаться подобное безправіе, затрудняюсь сказать, но думаю, что долго и потому долго, что среди рабочихъ очень рѣдко бываютъ протесты и вообще они наружно своею судьбою довольны... Но все же протесты бываютъ и мнѣ приходилось ихъ видѣть или отъ рабочихъ слышать о нихъ.

IV.

Рабочіе мущины живутъ, какъ я уже сказалъ, на своихъ харчахъ. Харчевая лавка держится на болотахъ или самими хозяевами, или его управляющимъ и т. п. Отпускаютъ харчи, конечно, на запись. Наживаются отъ этихъ лавокъ хозяева ихъ ужасно. Рабочіе волей неволей принуждены забирать въ „этой" лавкѣ, потому что брать со стороны и неудобно, да и рѣдко, кто отважится отпускать въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ въ кредитъ. Г. г. владѣльцы лавокъ пользуются этимъ и назначаютъ цѣны какія имъ вздумается, конечно въ извѣстныхъ предѣлахъ. На одномъ изъ болотъ г. лавочникъ увлекся и повысилъ цѣну на капусту до невѣроятныхъ размѣровъ, увѣряя рабочихъ, что капуста въ „городѣ" вздорожала. Рабочіе терпѣли, но къ счастью узнали, что вздорожаніе капусты въ городѣ басня сочиненія г. хозяина. Зашумѣли и потребовали немедленнаго разсчета. Лавочникъ хозяинъ испугался и сталъ отдавать капусту „себѣ въ убытокъ", но записи за прежде взятую остались, разумѣется, тѣ же и въ общемъ убытка для него никакого не оказалось. На другомъ болотѣ рабочимъ почти все лѣто отпускали не свѣжую говядину и солонину. Рабочіе смолчали, но при наймѣ на слѣдующій годъ „указали" на это обстоятельство довольно энергично, и добились того, что уже больше ничего подобнаго не дѣлалось.

Еще причиною протестовъ бываетъ, по крайней мѣрѣ на Хлудовскомъ болотѣ было въ 1898 году, низкая цѣна и рабочіе дважды уходили въ самое горячее время (конецъ іюня и начало іюля) съ работы домой. Такой видъ протеста бываетъ очень ощутителенъ для предпринимателей и они его очень боятся. На Хлудовскомъ болотѣ и была придумана пресловутая „награда" съ тою цѣлью, чтобы такъ или иначе удержать рабочихъ на болотѣ.

Женскихъ протестовъ почти не бываетъ, но я еще до сихъ поръ очень хорошо помню одинъ случай, бывшій на томъ же Хлудовскомъ болотѣ въ 1898 году, который окончился, надо сказать, очень печально и отчасти комично. Въ предыдущемъ 98-мъ году 24 іюня (праздникъ Ивана Купала у рабочихъ почитается) не работали, многія изъ работницъ жившихъ въ 98 году, пришли и въ 99 г.,

---

*) Штабель имѣетъ видъ усѣченной пирамиды. Кладется при помощи двухъ рамокъ, опредѣляющихъ его форму и двухъ шнурковъ. Величина его = 5⅓ сажень въ длину, 1½ саж. въ ширину, высота бываетъ различна, но обыкновенно не болѣе 2-хъ сажень. Въ штабель уходитъ отъ 15000 до 17000 кирпичей.

**) Въ скобкахъ названія спеціальныя, принятыя на всѣхъ болотахъ.

*) Надо еще замѣтить то, что артель въ сущности состоитъ изъ 18-20 человѣкъ, остальные у артели на наймѣ.

**) Если августъ дождливъ, то торфъ послѣдней выработки убираютъ уже въ концѣ сентября, такъ что здѣсь время работы зависитъ вполнѣ отъ погоды, что для работницъ очень невыгодно.

***) На болотѣ Хлудовыхъ денежныхъ штабелей дается класть меньше, чѣмъ на другихъ болотахъ, обыкновенно на 3-4 рубля въ лѣто для каждой работницы.

Гомель, 24-го марта. Въ нашей тюрьмѣ въ одной камерѣ сидятъ 32 человѣка, арестованные 4 мѣсяца тому назадъ на одномъ собраніи, не смотря на то, что больше 14 заключенныхъ содержать въ этой тюрьмѣ не полагается. Положеніе заключенныхъ ужасное. Отъ чрезмѣрной тѣсноты и удушливаго, спертаго воздуха почти всѣ они заболѣли, а у нѣкоторыхъ даже кровь изъ горла пошла. Шумъ и веселье, царившіе прежде въ этой камерѣ, смѣнились тоскливой тишиной. „Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью, — пишутъ заключенные, — о, ужаснѣе нельзя себѣ ничего представить! Воздухъ тогда такъ удушливъ, что мы еле — дышимъ. Мы мечемся во снѣ во всѣ стороны, мы не находимъ себѣ мѣста. Одинъ стонетъ, другой кашляетъ, у третьяго — кровотеченіе изъ горла и т. д. Сердце разрывается на части отъ такихъ страданій“... Заключенные заявили начальнику тюрьмы, что ихъ жизни грозитъ опасность въ стѣнахъ этой тюрьмы; на это начальникъ отвѣтилъ, что ничѣмъ не можетъ имъ помочь и что его дѣло только стеречь ихъ и не дать имъ бѣжать. Заключенные послали прошеніе мѣстному жандармскому полковнику Власьеву, и въ случаѣ, если оно останется безъ послѣдствій, они рѣшили отправить 32 жалобы прокурору.

22-го марта (ст. ст.) ночью на одной изъ главныхъ улицъ выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ мѣстный провокаторъ (виновникъ страданій вышеупомянутыхъ заключенныхъ). Пуля повредила ему лицо. Виновникъ покушенія скрылся. Полиція арестовала по этому поводу двухъ заподозрѣнныхъ ею рабочихъ

Кто подстрекаетъ къ террору?

Изъ прокламаціи Екатеринославскаго Комитета Партіи заимствуемъ разсказъ о новой тюремной голодовкѣ, вызванной такими условіями заключенія, которыя являются неслыханными даже въ россійскихъ тюрьмахъ.

„Уже семь сутокъ въ Екатеринославской тюрьмѣ продолжается голодовка заключенныхъ. Поймите-же всѣ, у кого мертвящее рабство не вытравило еще человѣческое чувство, поймите, что значитъ медленная, мучительная смерть людей, полныхъ силъ и надеждъ. Нѣсколько человѣкъ уже больны голоднымъ тифомъ, а сколько еще унесетъ онъ въ преждевременную могилу?

Страшно думать объ участи этихъ 75-ти самоотверженныхъ людей! А разбойники, правящіе нашей родиной нагло смѣются надъ нами и говорятъ: „зачѣмъ голодать, вѣдь тюрьма не дворецъ“. Да, тюрьма и въ Европѣ не дворецъ. Но развѣ полагается въ тюрьмахъ дѣлать заключеннымъ женщинамъ позорныя и оскорбительныя предложенія, — а у насъ въ Екатеринославѣ смотритель тюрьмы дѣлаетъ. Развѣ полагается въ тюрьмѣ не открывать форточки, — а у насъ въ Екатеринославѣ за такое требованіе конвой со штыками бросается на уголовныхъ. Развѣ въ тюрьмахѣ полагается площадная ругань заключенныхъ, говорить имъ „ты“, бить ихъ, — а у насъ въ Екатеринославѣ надзиратели и начальство ежечасно поступаютъ такъ. Развѣ полагается за каждую малость, за то, что не стоишь на вытяжку передъ начальствомъ тащить заключеннаго въ карцеръ, въ темный подвальный карцеръ, держать въ немъ человѣка по 20 дней и обливать его холодной водой, — а у насъ въ Екатеринославѣ часто случается это. Наконецъ, развѣ полагается лишать всѣхъ заключенныхъ прогулки на 2 недѣли, лишать на такое-же время права покупать хлѣбъ и чай, а у насъ въ Екатеринославѣ примѣняютъ къ нимъ это.

Вѣдь при такихъ униженіяхъ и оскорбленіяхъ заключенные все равно теряли человѣческое достоинство, все равно медленно чахли. И потому правы, тысячу разъ правы они, когда рѣшили лучше сразу умереть, чѣмъ позволить надъ собою упражняться палачамъ въ жестокости.

И вотъ лежатъ заключенные въ своихъ камерахъ съ лихорадочно блестящими глазами, въ сильномъ жару или бреду, обезсиленные, измученные страданіями отъ семидневнаго голода!

Но чаша страданій ихъ еще не испита. Къ наиболѣе стойкимъ изъ заключенныхъ самъ начальникъ тюрьмы принесъ обѣдъ и улыбаясь заявилъ: „я знаю, вы не станете ѣсть его, но хоть понюхайте, какъ вкусна пища; помучтесь, видя ее передъ собой.“ Заключенные въ негодованіи выбросили на полъ всю пищу и за это были брошены въ карцеръ. Глубоко возмущенные этимъ ихъ товарищи разбили окна въ камерахъ и порѣзали себѣ руки. Тогда здѣшній помпадуръ „*герой*“ 2-хъ демонстрацій, графъ Келлеръ велѣлъ принести пищу всѣмъ заключеннымъ, а когда они отказались принять ее, то сіятельный подлецъ громко высказалъ сокровенное намѣреніе правительства: „*никакихъ уступокъ, смерть всѣмъ заключеннымъ.*“

Всю свою жизнь боролись заключенные за свободу и счастье русскаго народа и общества; ихъ сердца были всегда переполнены страстной ненавистью къ рабству и деспотизму и вотъ награда имъ за все это. Кто поддержитъ ихъ на краю гроба, кто вырветъ ихъ изъ рукъ безчувственныхъ тирановъ! Русское общество, русскій народъ, къ вамъ обращенъ предсмертный взоръ этихъ благородныхъ борцовъ. Очнитесь отъ гипноза, который навѣянъ на васъ рабствомъ, идите на улицу, скажите смѣло и открыто какъ сказали въ Полтавѣ на демонстраціи передъ тюрьмой: „Довольно страдали, слишкомъ много, мы *требуемъ человѣческаго обращенія съ заключенными, мы требуемъ освобожденія всѣхъ политическихъ заключенныхъ, мы требуемъ политической свободы!*“

Екатеринославскій Комитетъ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи.“

Тюремныя голодовки происходятъ все чаще и чаще, служа показателемъ усиливающейся тенденціи властей *мучить* попавшихъ въ ихъ руки заключенныхъ. Кромѣ извѣстныхъ читателю „Искры“ голодовокъ въ Петербургской и Полтавской тюрьмахъ, недавно происходила еще голодовка въ Московской Бутыркѣ. Петербургская голодовка стоила, повидимому, жизни одному заключенному — врачу Соболеву, который свезенъ въ больницу въ состояніи, подававшемъ мало надежды на выздоровленіе. Но подвиги русскихъ инквизиторовъ идутъ дальше доведенія заключенныхъ до *риска* самоубійствомъ. Мы получили подтвержденіе сообщеннаго уже въ нелегальной печати извѣстія о томъ, что арестованный на прусской границѣ съ транспортомъ литературы нашей „Лиги“ рабочій-еврей (къ сожалѣнію, мы не знаемъ фамиліи погибшаго товарища) на второй же день по заключеніи въ тюрьму въ Вилькомирѣ найденъ повѣсившимся. Доведенъ-ли нашъ товарищъ до самоубійства жестокими истязаніями или онъ *замученъ ими до смерти*, а потомъ повѣшенъ, какъ это, очевидно, произошло не такъ давно съ лодзинскимъ рабочимъ Я. Пакула, — во всякомъ случаѣ, смерть его знаменуетъ новое преступленіе царской полиціи.

Дѣломъ чести всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ является энергичными протестами *заставить* самодержавіе обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ. Не надо забывать, что истязанія политическихъ заключенныхъ сыграли въ 70-хъ годахъ большую роль въ фактѣ перехода революціонеровъ къ *террористической* борьбѣ. Мы, соціальдемократы, сдѣлаемъ все возможное, чтобы не допустить такого поворота въ современномъ революціонномъ движеніи, который означалъ-бы его съуженіе и грозилъ-бы ему неудачей. Но наши усилія удержать движеніе на почвѣ массоваго народнаго движенія могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе и интеллигенція будутъ внимать призывамъ, подобнымъ тому, который сдѣланъ екатеринославскими товарищами, и покажутъ правительству, что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ борцовъ.

Кишиневъ. Приводимъ полностью сообщенный намъ документикъ, показывающій какъ готовилась (и можетъ быть продолжаетъ готовиться?) мѣстная администрація къ „встрѣчѣ весны“:

„Его Высокоблагородію Г—ну Ротному Командиру —скаго Пѣхотнаго Полка Отношеніе. Предлагаю В. В. назначить роту въ 32 ряда для подавленія могущихъ возникнуть въ городѣ безпорядковъ. Находиться въ вѣдѣніи г-на полиціймейстера. Выступать по приказу. Дѣйствовать рѣшительно и ни предъ чѣмъ не останавливаться. Каждому нижнему чину имѣть 15 боевыхъ патроновъ и 1 веревку. Дѣйствіе сего отношенія простирается до 1-го апрѣля с. г. Комендантъ (подпись) Кишиневъ, фев. 1902 г.“

Интересно-бы знать, сколько теперь по всей Россіи „ротъ“ и сколько „рядовъ“ стоитъ въ полной боевой готовности (съ боевыми патронами и съ веревками) для сраженія съ народомъ?

Правительственный юбилей.

Правительство праздновало недавно 100 лѣтіе присоединенія Гродненской губ. Мѣстный „Рабочій Комитетъ“ выпустилъ (на русскомъ языкѣ) по этому поводу прокламацію къ обществу, изъ которой приводимъ нѣкоторыя выдержки:

„За весь этотъ вѣковой періодъ народъ этого края остался на той-же чуть не варварской ступени экономическаго развитія, онъ до сихъ поръ ходитъ въ лаптяхъ и носитъ чуть не допотопную одежду, что онъ такъ-же грязенъ, такъ-же некультуренъ, такъ-же теменъ, если не принимать во вниманіе той псалтирной грамотности, отъ которой онъ не становится ни умнѣе, ни культурнѣе, такъ-же политически угнетенъ и экономически порабощенъ; край нашъ стонетъ подъ бременемъ налоговъ, военщины и исключительныхъ законовъ, что промышленное его развитіе тормозится бездной правительственныхъ стѣсненій по мобилизаціи земельной собственности, благодаря поддержкѣ отсталыхъ формъ промышленности и стѣсненію промышленной инициативы; населеніе края деморализовано чисто восточной подкупностью и моральной низости властей, городское еврейское населеніе постепенно доводится до крайней степени обѣдненія благодаря ненормальной скученности и безправію, святѣйшія чувства оскорбляются безцеремонностью заушеній, мѣстные интересы въ полномъ пренебреженіи, благодаря нашествію совершенно постороннихъ элементовъ, чуждыхъ пониманію запросовъ края, земская жизнь нормируется еще екатериновскими законами; вынося на своихъ плечахъ тяжесть содержанія войскъ, край въ вознагражденіе за столь огромную услугу не только лишенъ даже тѣни самоуправленія, но еще будетъ подвергнутъ татарскому нашествію земскихъ начальниковъ.“

„Въ тотъ моментъ, когда презрѣнные бюрократы, чуждые пониманію мѣстныхъ интересовъ и запросовъ народа, будутъ провозглашать тостъ за прочность системы, мы тоже поднимемъ тостъ — двойной тостъ — за ея уничтоженіе и за укрѣпленіе *народнаго самосознанія*. Разъ правительство введеніемъ военнаго положенія признаетъ ~~въ~~ народѣ своего внутренняго врага, мы крикнемъ свое первое ура! съ тѣмъ, чтобы второе ура! крикнуть въ моментъ начала военныхъ дѣйствій. Время единенія царя съ народомъ миновало безвозвратно, правительство въ этомъ убѣдилось, намъ остается только оправдать предчувствія правительства и собраться въ рать великую для борьбы за уничтоженіе царизма съ чиновничествомъ и водвореніе европейскихъ демократическихъ нормъ жизни, чуждыхъ безправія, беззаконности, бездны стѣсненій и заушеній. Да здравствуетъ свобода и самоуправленіе!!!“

г. Гродно, 1-го января 1902 года.

Гродненскій Рабочій Комитетъ.

ВЪ ХРОНИКУ КУРЬЕЗОВЪ.

Приводимъ съ сохраненіемъ орфографіи и стиля письмо солдата къ своему товарищу, учащемуся въ средне-учебномъ заведеніи.

Изъ письма унтеръ-офицера Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка къ своему товарищу:

...„Новаго у насъ много относительно такигъ господъ, какъ васъ, кто все законы знаетъ. Студенты разныхъ университѣтовъ, гимназисты и топорники, т е. техники 3-го сего года (въ Мартѣ) въ часъ ночи на выборгской сторонѣ С. П. Б. студенты здѣлали зверской поступокъ, взбунтовались и во время ихъ усмиренія зарѣзали одново городового, а 4-го марта въ 12 час. дня на одномъ изъ главныхъ проспектовъ петербурга т. н. Невскіи у казанскаго собора собрались много стуоентовъ, когда ихъ стали просить чтобы они разошлись то они выкинули свои флаги и знамена съ надписью Освобожденіе отъ Русскаго Бѣлаго царя. Но бросились бѣжать къ гостинному двору, гдѣ путь имъ былъ загражденъ моментально прибыли казаки жандармы 2 эскадрона и Л. Гв. Павловскій полкъ начали усмирять но били безъ всякаго стесненія какъ самыхъ важныхъ преступниковъ, всего забрали 600 студентовъ. одного студента убили наповалъ, сына полковника Бѣляева, жандармъ, который убилъ шашкой отъ государя получилъ личное спасибо. да еще было раньше 8-го февраля въ одномъ изъ театровъ т. н. Народный Домъ Императора Николая II на петербургской сторонѣ. послѣ гулянія около часа ночи собралась музыка на средину низа для того чтобы играть гимнъ Боже царя храни. половина уже была сыграна, а потомъ повалились сверху 3-го этажа кумпола желѣзные столы тубаретки диваны, много поранили бѣдныхъ гуляхъ, а особенно солдатишамъ попало, а посторопяя публика вся выбегала раздѣтая. Напустили дворниковъ и полицію и чуть не всѣхъ изувѣчили, но они главное разбили серебряный бокалъ изъ котораго пилъ государь при открытіи театра. теперь ихъ вышибаютъ изъ университетовъ и ково куда ково въ сибирь на сахалинъ въ тюрму и большому денежному взысканію штрафа и на амуръ въ солдаты, а намъ конечно обидно, неужели и мы служимъ по неволѣ и для исправленія. жестоко оскорбляютъ громкое званіе солдата и мы ругаемъ все высшее правительство.“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Изъ Батума. 31-го января, въ 8 час утра рабочіе завода Манташева (около 400 человѣкъ) бросили работу изъ за того, что управляющій завода Теръ Акоповъ разсчиталъ одного рабочаго за то только, что послѣдній разговаривалъ во время работы съ товарищами. Рабочіе рѣшили, что послѣ этого каждый изъ нихъ, каждый день можетъ быть разсчитанъ. Кулакъ-управляющій призвалъ на помощь полицію. Полиція пустила въ ходъ кулаки и нагайки и арестовала 112 человѣкъ. Не смотря на это рабочіе твердо держались; не повліяли на нихъ ни угрозы, ни сладкія обѣщанія, ни нужда, которую они терпѣли — они заявили, что не пойдутъ на работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены ихъ товарищи. Черезъ недѣлю полиція выслала цѣлую партію рабочихъ въ деревни. Но рабочіе на третій день-же вернулись въ Батумъ и опять потребовали немедленнаго освобожденія своихъ товарищей. Самъ Манташевъ (хозяинъ завода), терпя большія убытки отъ забастовки, рѣшился ходатайствовать объ освобожденіи арестованныхъ. Но полиція заупрямилась, говоря, что въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было просить объ арестѣ ихъ. 17-го февраля послѣ того, какъ пріѣхалъ фабричный инспекторъ, всѣхъ арестованныхъ освободили кромѣ двухъ. 18-го февраля рабочіе начали работать (приняли всѣхъ), такъ какъ требованія ихъ удовлетворили: обѣденный перерывъ увеличили съ одного часа до 1½ часа, управляющаго Теръ-Акопова и другихъ собакъ мастеровъ по требованію рабочихъ уволили. Кромѣ того обѣщали освободить остальныхъ двухъ рабочихъ и за все время, которое рабочіе не работали съ 31-го января по 18-ое февраля, заплатили сполна.

Въ это время на другомъ заводѣ Ротшильда рабочіе узнали, что директоръ этого завода Ванштейдъ отдалъ распоряженіе разсчитать старыхъ рабочихъ (около 420 чел.) какъ лицъ по его мнѣнію неблагонадежныхъ. Тогда 28-го февраля всѣ рабочіе этого завода (около 1500 ч.) — кромѣ рабочихъ лѣснаго заводскаго склада, гдѣ работаютъ преимущественно турки — забастовали. Второго марта рабочіе принудили бросить работу машинистовъ, кочегаровъ и рабочихъ электрическаго отдѣла и пріостановили этимъ наливъ керосина изъ резервуаровъ въ наливные проходы, которые отвозятъ керосинъ заграницу. 4-5-го числа рабочіе принудили прекратить работы въ матеріальномъ складѣ, гдѣ работаютъ татары. 6-го числа рабочихъ позвалъ для объясненія пріѣхавшій военный губернаторъ. Онъ выслушалъ рабочихъ, распорядился по военному: „если завтра не явитесь на работу, тогда приму строгія мѣры“. Рабочіе, конечно, не явились и тогда съ 7-го на 8-ое число было арестовано и посажено въ тюрьму 32 чел. Охранять заводъ пришла полиція, которую помѣстили въ склады и конторы. 8-го числа рабочіе числомъ около 600 человѣкъ собрались и въ 1 ч. дня, пошли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по главнымъ улицамъ города по направленію къ тюрьмѣ, гдѣ сидѣли арестованые товарищи. Дорогою къ нимъ присоединились многіе изъ публики. Придя къ тюрьмѣ, они потребовали, чтобы всѣхъ арестованныхъ освободили или, въ противномъ случаѣ, арестовать и ихъ. Полиція пыталась разогнать толпу, но безуспѣшно. Во время столкновенія одинъ рабочій былъ раненъ. Тогда полиція убѣдившись, что силою ничего не подѣлаешь, пустилась на хитрость: арестованныхъ освободили и стали просить рабочихъ возвратиться домой не черезъ городъ, а черезъ дворъ пересыльной части. Рабочіе наивно довѣрились и пошли по указанію, а тамъ въ засадѣ ихъ ждали двѣ роты солдатъ, которые, напавъ на рабочихъ, загнали ихъ въ казармы безъ сопротивленія со стороны рабочихъ. На другой день къ пересыльной части пошла толпа рабочихъ около 400 чел. Дорогою къ нимъ пристало много городской публики. Когда толпа подошла къ зданію пересыльной части, произошло столкновеніе съ солдатами. Изъ толпы, которая была ожесточена до глубины души поступкомъ съ ихъ товарищами, полетѣли въ солдатъ камни и грязь. Тогда по командѣ командира солдаты сдѣлали залпъ въ безоружную толпу. Толпа разсѣялась, но на мѣстѣ осталось одинъ убитый рабочій и 19 раненыхъ. Изъ нихъ вскорѣ умерло еще 9 человѣкъ. А сколько еще помрутъ, ибо пораненія тяжелыя — въ животъ! Изъ Тифлиса вытребованы еще 4 роты пѣхоты, 2 сотни казакъ и 2 сотни стражниковъ (чафары). Заводъ охраняется солдатами. Послѣ всего этого на всѣхъ заводахъ города и въ Русскомъ и въ Россійскомъ обществѣ рабочіе прекратили работу. Ихъ примѣру послѣдовали „дрогали“ (ломовые извощики) и другіе извощики.

Тула. Мѣстная группа соціальдемократовъ выпустила слѣдующее воззваніе, помѣченное мартомъ 1902 года:

„*Ко всѣмъ Тульскимъ рабочимъ.* Товарищи! Посмотрите, что дѣлается кругомъ! Со всѣхъ сторонъ несутся вѣсти о безработицѣ: по всей Россіи сокращаютъ производство, фабрики и заводы закрываются, рабочихъ разсчитываютъ и сотнями выбрасываютъ на улицу. Тысячи нашихъ голодныхъ товарищей бродятъ отъ фабрики къ фабрикѣ, не находя себѣ работы. Нужда все растетъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ наше положеніе становится отчаяннѣе. Нищета и голодная смерть носятся въ рабочихъ семьяхъ....

Безработица и голодъ въ то время, какъ магазины ломятся отъ хлѣба, цѣлые вагоны, нагруженные съѣстными припасами, отправляются заграницу, товары не распродаются! Въ рабочихъ семьяхъ дѣти сидятъ безъ куска хлѣба, въ деревняхъ крестьяне умираютъ и пухнутъ отъ голода, а во дворцѣ Николай со своей челядью пируетъ на народныя деньги!

Причиной нашихъ страданій товарищи, является прежде всего устройство нашего общества, въ которомъ кучка богачей пользуется всѣми благами міра, ничего не дѣлая, остальные же несутъ каторжный трудъ за грошевую плату. Капиталъ — это бездушный идолъ, въ жертву которому мы приносимъ свое здоровье, свою жизнь, радость и счастье. Для фабриканта мы — машины, необходимыя для полученія прибыли. Безъ насъ фабрикантъ не можетъ существовать, но лишь только мы ему стали не нужны, насъ выбрасываютъ на улицу, какъ ненужный хламъ. Фабрикантъ не знаетъ ни жалости, ни состраданія. Товарищи! гдѣ же справедливость? Тунеядцы живутъ и наслаждаются, а мы, руками которыхъ создаются всѣ богатства, должны умирать съ голоду на улицѣ! Неужели у васъ не поднимется чувство негодованія противъ всѣхъ тѣхъ піявокъ, которые сосутъ васъ со всѣхъ сторонъ?

Фабриканты — наши враги, поработители и мучители. И если мы не хотимъ вѣчно оставаться въ рабствѣ, вѣчно жить въ нищетѣ и невѣжествѣ, мы должны бороться со своими врагами. Многіе изъ васъ, быть можетъ, скажутъ: „Такъ было, есть и будетъ — сила солому ломитъ“. Да, товарищи, вѣрно, что фабриканты — сила, для борьбы съ которой мы должны тоже противопоставить свою силу. А сила наша — въ объединеніи, въ дружномъ товарищескомъ союзѣ. Наши товарищи заграницей раньше насъ поняли это и давно уже вступили въ борьбу со своими угнетателями, соединившись въ боевые товарищескіе союзы. И своей неустанной борьбой они отвоевали себѣ лучшую долю. Нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, кромѣ Турціи, гдѣ бы рабочему жилось такъ плохо, какъ у насъ въ Россіи. Товарищи! мы живемъ подъ двойнымъ гнетомъ; кромѣ фабрикантовъ, у насъ есть еще не менѣе злой врагъ, который не даетъ намъ сплачиваться и бороться за лучшее будущее.

онѣ разумѣется помнили про этотъ праздникъ. Прикащикъ, не ожидая конечно сопротивленія, по какимъ то ему одному извѣстнымъ причинамъ, *приказалъ*, наканунѣ 24 іюня 99 г., „завтра работать“. Работницы, противъ всякаго ожиданія, возмутились и рѣшили „завтра“ на работу не ходить. И дѣйствительно не не пошли, нашлись среди нихъ (125 человѣкъ) энергичныя женщины, которыя уговорили другихъ болѣе робкихъ не идти. Прикащикъ бѣсился, добивался „чье это дѣло“, но безуспѣшно. Стачку впрочемъ выдержали не всѣ и одна рамка пошла „съ повинной“. Свирѣпый прикащикъ извиненій принять не пожелалъ... На другой день прибылъ управляющій сказать оробѣвшимъ „бабамъ“ грозную рѣчь и за строптивость и „дѣйствіе скопомъ“ лишилъ виновныхъ чаю, ситнаго и лапши*) на будущее время. Затѣмъ добавилъ, что „отнынѣ“ работы урочныя отмѣняются, а будутъ продолжаться *весь день*. Конечно это была нелѣпость, которую г. управляющій, что называется „сбрехнулъ“, и уроки остались тѣ же, но лапши и пр. дѣйствительно два воскресенья не выдавали. Такъ грустно кончился этотъ „бабій бунтъ“, а все-жъ могли-бы сказать онѣ: „на Ивановъ то день мы не работали, значитъ даже и мы, коли вздумаемъ, можемъ кое что сдѣлать“.

„Хозяйскіе харчи“ сплошь да и рядомъ выдаются на болотахъ работницамъ отвратительные**) и очень скудные, но Хлудовское болото въ этомъ случаѣ поступаетъ лучше другихъ, тамъ харчи хорошіе. Впрочемъ за послѣднее мною проведенное тамъ время лѣто 1901 года, я былъ свидѣтелемъ, какъ работницамъ довольно часто „сплавляли“ изъ лавки не годное къ употребленію.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о помѣщеніяхъ для рабочихъ и работницъ. Почти вездѣ помѣщенія не выдерживаютъ даже снисходительной критики. У Хлудовыхъ напримѣръ, въ мужскихъ и женскихъ баракахъ устроены страшно холодные и очень скверные цементовые полы. У Викулы Морозова одно время женское помѣщеніе помѣщалось въ двухъ-этажномъ зданіи, причемъ на верху были спальни, а внизу кухня. Нечего и говорить, что подобное совмѣщеніе неудобно во всѣхъ отношеніяхъ и главнымъ образомъ конечно въ пожарномъ.

На этомъ я закончу. Я знаю, что мой очеркъ не полонъ, слабъ, цыфры даны приблизительно, но онъ правдивъ, какъ изображеніе вообще жизни рабочихъ, а это по моему самое важное и именно то, что я ставилъ себѣ задачей. Моею цѣлью было показать читателямъ жизнь этихъ забытыхъ тружениковъ, достигъ я это или нѣтъ судить не мнѣ. Я не даю никакихъ указаній какъ выйти изъ этого положенія, это не въ моихъ силахъ, но я все же надѣюсь, что долю извѣстнаго участія, интереса и сочувствія къ рабочимъ на торфяныхъ болотахъ я возбудилъ, а для меня и этого довольно....

---

*) Эти три вещи выдавались по праздникамъ, какъ лакомство.

**) На одномъ изъ болотъ (я слышалъ это отъ работницы) хозяинъ цѣлое лѣто кормилъ „*манной кашей*“. Причиной этому было то, что у него откуда то скопилось много манной крупы.

Подобно китайской стѣнѣ, передъ нами стоитъ царское правительство съ его штыкомъ и нагайкой. Оно — лютый врагъ рабочаго люда, и пока мы не раздѣлаемся съ нимъ невозможна будетъ никакая успѣшная борьба за улучшеніе нашей жизни. Товарищи, безработица теперь не только въ Россіи — наши товарищи на западѣ тоже переживаютъ тяжелое время; но нигдѣ нѣтъ такой нужды, какъ у насъ. Прежде всего потому, что мы — безгласные, забитые рабы царскаго правительства. Насъ бьютъ нагайками, сажаютъ въ тюрьмы, ссылаютъ въ Сибирь за всякую попытку улучшить свое положеніе. Тысячи борцовъ за свободу — рабочихъ и ихъ друзей — томятся въ тюрьмахъ, рудникахъ и снѣжныхъ пустыняхъ Сибири; они страдаютъ только потому, что не хотѣли мириться съ своимъ безправіемъ и жить въ рабствѣ. Мы позволяемъ царскому правительству обирать насъ всевозможными налогами и поборами, а сами не знаемъ, куда идутъ наши деньги. Правительство пользуется нашей безгласностью; на наши деньги задаются пиры и балы для потѣхи царя и его опричины, содержится милліонное войско, нужное для защиты интересовъ богачей и правительства, послѣднія крохи выколачиваются изъ пухнущихъ отъ голода крестьянъ для содержанія цѣлой своры жандармовъ, шпіоновъ и полиціи. Наше безправіе дошло до того, что мы не смѣемъ заявить правительству, что намъ нечего ѣсть, и готовы лучше сидѣть по домамъ и умирать съ голоду. По всей Западной Европѣ рабочіе во время безработицы тысячными толпами выходятъ на улицу и требуютъ у правительства помощи. Правительство боится этихъ грозныхъ сборищъ безработныхъ и удовлетворяетъ ихъ требованія. Выборные отъ народа заявляютъ правительству о народныхъ нуждахъ и заставляютъ его оказывать поддержку безработнымъ. У насъ же нѣтъ выборныхъ отъ народа, а государственная власть находится въ рукахъ царя-деспота и цѣлой орды царскихъ чиновниковъ, произволъ которыхъ не знаетъ границъ.

Правительство держитъ народъ во тьмѣ и невѣжествѣ, стараясь всѣми силами не пускать лучъ свѣта въ народную массу. Оно знаетъ, что достаточно народу сознать свое безправіе, какъ рухнетъ царскій тронъ, а съ нимъ придетъ конецъ царству кнута и нагайки. Правительство не пускаетъ хорошія книги въ народъ, запрещаетъ писать правду, отчего плохо живется на Руси, запрещаетъ писать о голодѣ и безработицѣ, не пускаетъ хорошихъ людей въ деревню, искренно желающихъ помочь голодающему народу, называя ихъ бунтовщиками. Правительство желаетъ передать школы въ руки поповъ, которые умѣютъ такъ хорошо замазывать глаза народу разными баснями, ссылаясь на Бога.

Товарищи, политическая свобода для насъ есть вопросъ жизни и смерти. Она необходима намъ, какъ свѣжій воздухъ для дыханія. Только низвергнувъ царя съ его опричиной, мы сможемъ успѣшно бороться за лучшее будущее. Наши товарищи въ другихъ городахъ Россіи уже поняли свое безправное положеніе и дружно выступили на борьбу съ царскимъ правительствомъ, требуя себѣ правъ и свободы. Товарищи, примыкайте же и вы къ тѣсной семьѣ рабочихъ, заявляйте правительству, что и вы не хотите больше быть безгласными рабами, требуйте низверженія царскаго правительства, которое мѣшаетъ вамъ бороться за лучшую долю.

Товарищи, пользуйтесь теперешнимъ временемъ. Наше правительство бьетъ тревогу и прибѣгаетъ къ послѣднимъ средствамъ, чтобы оставить за собою власть, обагренную кровью. Оно издаетъ циркуляръ за циркуляромъ, старается заткнуть всѣ форточки, всѣ щели, въ которыя можетъ проникнуть свободная мысль. Правительство чувствуетъ себя непрочнымъ и хочетъ силой задавить поднимающееся со всѣхъ сторонъ возмущеніе. Негодованіе противъ царскаго правительства растетъ во всѣхъ слояхъ русскаго населенія: все живое, мыслящее, все, что способно чувствовать гнетъ и ненавидѣть произволъ — рабочіе, литераторы, студенты —, пробуждается, и близокъ тотъ моментъ, когда всѣ недовольные возстанутъ, какъ одинъ человѣкъ, и бурное пламя революціи охватитъ всю Россію. Товарищи, пользуйтесь же временемъ, чтобы предъявить свои требованія царскому правительству. Товарищи-безработные, выходите толпами на улицу и требуйте себѣ хлѣба и работы. Требуйте созыва выборныхъ отъ народа.

Долой самодержавнаго царя, жандармовъ и полицію. Требуемъ хлѣба и работы. Да здравствуетъ борьба за политическую свободу"!

Заводъ Брянскій (Орловской губ.). Съ пріѣздомъ новаго директора Андерсона (въ августѣ 1901 г.) администрація нашего завода стала очень и очень экономить; начала увольнять рабочихъ, желая сберечь копѣйки, но эта скаредность сейчасъ-же очень тяжело отозвалась на рабочихъ, такъ какъ благодаря ей произошли несчастные случаи, описанные въ № 15 „Искры".

Между прочимъ несчастіе съ двумя рабочими, обваренными расплавленнымъ чугуномъ (одинъ изъ нихъ умеръ, промучавшись около сутокъ, а другой до сихъ поръ тяжко боленъ), произошло потому, что была уволена часть слесарей, занимавшихся обсѣчкой краевъ опокъ и ихъ пригонкой и вотъ при отливкѣ изложницы расплавленная чугунная масса въ 250 п. вѣсомъ, прорвавшись между неплотно пригнанными краями верхней и нижней опоки, хлынула наружу и залила двухъ рабочихъ. Рабочіе буквально плавали въ чугунѣ.

Съ февраля мѣсяца нынѣшняго года стали сбавлять расцѣнки и начали съ вагоннаго цеха, сбавивъ расцѣнки въ половину, что и заставило рабочихъ забастовать въ числѣ 400 человѣкъ.

Забастовка продолжалась со 2-го по 6-ое февраля и рабочимъ удалось на половину уменьшить сбавку. Какъ еще наивны наши брянскіе рабочіе, видно изъ того, что первымъ долгомъ послѣ уменьшенія расцѣнокъ они пошли жаловаться приставу, и этотъ господинъ, очевидно усвоившій „новый курсъ", изъявилъ полную готовность помочь рабочимъ и призывалъ всякія бѣды на голову заводской администраціи. Кончилось дѣло тѣмъ, что 70 человѣкъ изъ стачечниковъ было уволено и изъ нихъ 20 человѣкъ старыхъ рабочихъ, которые не должны-бы быть уволены, такъ какъ остались поступившіе позднѣе ихъ; очевидно разсчитаны они, какъ зачинщики.

1-го марта въ конторѣ механическаго цеха было секретное засѣданіе мастеровъ (2) и подмастерьевъ (6) этого цеха подъ предсѣдательствомъ директора. На этомъ совѣщаніи рѣшено было сбавить расцѣнки. Надо замѣтить, что двое изъ участвовавшихъ отказались сбавлять расцѣнки; одинъ изъ нихъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ соображеніемъ что у него „одна голова на плечахъ", а другой заявилъ, что по его мнѣнію расцѣнки и такъ низки и просилъ лучше перевести его въ рабочіе, чѣмъ заставлять уменьшать расцѣнки. Въ результатѣ этого засѣданія съ 4-го марта расцѣнки сбавили отъ 4-хъ до 40%. Въ 5 часовъ вечера въ этотъ день 200 человѣкъ рабочихъ механическаго цеха, преимущественно молодежи, бросили работу, подошли къ конторѣ и стали жаловаться на своего подмастерья завѣдывающему механической мастерской, требуя его замѣны.

Начальство струсило и очень скоро уступило, были оставлены старые расцѣнки и назначенъ новый подмастерье для производства расцѣнокъ; но старый все-таки былъ оставленъ для наблюденія за работой. Здѣсь необходимо отмѣтить, какъ легко уступаетъ наша заводская администрація какъ она труслива и какъ много, сравнительно, могли-бы добиться отъ нея брянскіе рабочіе, если бы проявили больше смѣлости, настойчивости и солидарности въ защитѣ своихъ интересовъ.

Надо сказать, что всю зиму настроеніе на заводѣ было очень тревожное. Волненіе вызывалось, съ одной стороны, увольненіемъ рабочихъ, начавшемся съ осени и продолжавшемся всю зиму. Съ другой стороны — заводская администрація *), желая вѣроятно сразу отдѣлаться отъ значительнаго числа рабочихъ, упорно распространяла слухъ, что на заводѣ будетъ бунтъ и назначала даже день 19-го марта.

Настроеніе рабочихъ было такое напряженное, что „достаточно было-бы бросить пустую бумажку, что-бы молва превратила ее въ цѣлый возъ прокламацій".

Сколько-нибудь широкій призывъ къ стачкѣ непремѣнно закончился-бы бунтомъ. Въ теченіи зимы раза три на заводѣ была разбросана брошюра „Заработная плата", каждый разъ экземпляровъ по 50.

8-го марта утромъ по мастерскимъ было разбросано до 800 экземпляровъ брошюръ „Кто чѣмъ живетъ", „Заработная плата" и номеровъ „Искры". Это страшно перепугало заводское начальство и полицію *). Начались обыски и аресты, перерыли весь Брянскъ, при чемъ преимущественно искали у евреевъ, такъ какъ на брошюрахъ была помѣтка „Бунда".

Тверь. На Вагоностроительномъ заводѣ французскаго анонимнаго общества въ концѣ февраля были волненія изъ за предполагавшагося измѣненія порядка работъ. Прежде работали отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера, а подъ праздникъ съ 7 часовъ до 5 час., при 2-хъ часовомъ перерывѣ; а передъ 1 марта директоръ завода Бѣлоножкинъ (котораго еще въ 1899 году избили рабочіе въ Екатеринославлѣ) вывѣсилъ объявленіе, что работа будетъ кончаться на ½ часа раньше, но за то и перерывъ положенъ былъ только въ 1½ часа. Руководствовался онъ при этомъ соображеніями „экономіи" на освѣщеніи огромныхъ заводскихъ зданій въ сумерки, но, какъ видно, не прочь былъ „съэкономить" и на заработкѣ рабочихъ, заставляя ихъ наканунѣ воскресеній и праздниковъ работать на полчаса больше. Но вышло не такъ, какъ ему хотѣлось: рабочіе кузнечнаго и слесарнаго цеховъ поднялись, какъ одинъ человѣкъ, двинулись къ конторѣ, настояли на своемъ — и Бѣлоножкинъ уступилъ. — Теперь все тихо, но врядъ-ли такое настроеніе долго продержится: послѣ сильнаго пожара — осенью 1900 года — заводъ долго работалъ при неполномъ комплектѣ; теперь усиленно принимаютъ новыхъ рабочихъ и — сбавляютъ расцѣнки.

Въ концѣ-же февраля произошли волненія на Тверской Рождественской мануфактурѣ Берга. Началось дѣло съ того, что въ среду на масляной рабочіе всѣхъ отдѣленій фабрики заявили администраціи о своемъ нежеланіи работать въ пятницу, ссылаясь на примѣръ Морозовской фабрики, гдѣ работа кончается въ четвергъ. Директоръ отказалъ наотрѣзъ. Въ четвергъ утромъ рабочіе повторили свое требованіе и, получивъ вторичный отказъ, заволновались. Раздались жалобы и на другіе фабричные непорядки: на низкіе расцѣнки, запрещеніе пить чай въ мастерской, запрещеніе отлучаться въ рабочіе дни изъ фабрики даже въ больницу, или для вѣнчанія, или на похороны, — на дурное отношеніе къ женщинамъ со стороны директора и мастеровъ и. т. д. Рѣшили бросить работу. Сперва бросила ее часть ткачей, потомъ пристали остальные ткачи и ткачихи (всѣхъ ткачей 200 человѣкъ, ткачихъ 1300 человѣкъ), но прядильщики измѣнили уговору и остались въ мастерской. Ткачи двинулись къ прядильной, чтобы прервать работы, но у дверей ихъ встрѣтила кулаками полиція, заготовленная еще съ вечера. Била она звѣрски, а сопротивлявшихся тащила въ участокъ. Но, не смотря на ея охрану послѣ обѣда къ ткачамъ пристала половина прядильщиковъ и катушницы.

Явился г. фабричный инспекторъ; ему предъявили разныя жалобы.

Выслушивать ихъ онъ не сталъ, сказавъ, что „не въ жалобахъ дѣло, а въ томъ, что они должны опять стать на работу." Скоро ткачи опять остались одни. Подъ вечеръ небольшая ихъ кучка собралась у воротъ фабрики. Полиція немедленно стала ихъ разгонять, арестовала одного, но товарищи отбили и въ свою очередь основательно поколотили ретивыхъ царскихъ слугъ. Особенно досталось усердному не по разуму приставу Знаменскому. Вечеромъ многіе изъ ткачей разъѣхались по деревнямъ, а ночью появилось объявленіе за подписью вице-губернатора и фабричнаго инспектора, приглашавшее явиться на работу въ пятницу и грозившее увольненіемъ въ случаѣ неявки. Эти объявленія полиція ночью разносила по квартирамъ, а изъ казармъ гнала утромъ насильно на работу. Кто не шелъ, тѣхъ забирали въ участокъ. Не смотря на всѣ эти старанія изъ ткацкаго цеха вышли на работу всего 20 женщинъ, и администрація фабрики невольно принуждена была уступить: съ 8-ми часовъ фабрика остановилась на праздникъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что почти всѣхъ ткачей разсчитали, а обратно на работу принимали только женщинъ.

При разсчетѣ въ фабричной конторѣ рядомъ съ директоромъ засѣдалъ полиціймейстеръ Кирѣевскій и на всѣ протесты рабочихъ заявлялъ неизмѣнно: „не твое дѣло разсуждать! если я тебя высылаю, то и самъ директоръ не можетъ принять тебя обратно!"

Дѣйствительно, разсчитаннымъ пришлось получить деньги и паспорта въ волости. Видно, лишній разъ хотѣли показать рабочему, что слуги царя и фабриканты всегда за одно.

На Тверской мануфактурѣ Морозовыхъ съ мая прошлаго года сбавляли расцѣнки, и, — особенно среди ткачей, шло глухое броженіе. Въ началѣ марта начали циркулировать и на фабрикѣ, и среди тверской интеллигенціи слухи о готовящейся стачкѣ. Назначали даже срокъ ея — 20-го марта. Подлежащія вѣдомства, разумѣется, всполошились и проявили чрезвычайную дѣятельность. Вездѣ зашныряли городовые и жандармы; фабричный приставъ (онъ же оберъ-сыщикъ) Подольскій приставалъ ко всѣмъ встрѣчнымъ рабочимъ съ разспросами, не знаютъ-ли они что нибудь о стачкѣ (sic!)....

Наконецъ въ ночь съ 18 на 19 марта былъ произведенъ рядъ обысковъ среди намѣченныхъ рабочихъ, но ничего не нашли. — Стачка мѣста не имѣла (по рѣшенію самихъ рабочихъ), и сейчасъ все тихо, но глухое броженіе продолжается.

Россійскія событія этого и прошлаго года не прошли безслѣдно для тверскихъ рабочихъ, и можно было-бы привести цѣнные факты, доказывающіе, что сознаніе враждебности интересовъ самодержавія и пролетаріата и необходимости борьбы за политическую свободу проникаетъ и въ здѣшнюю рабочую среду, но по „внѣшнимъ обстоятельствамъ" разсказъ объ этомъ приходится отложить до другого раза. —

Гомель. Недавно здѣсь была стачка 35 работницъ на тряпичной фабрикѣ Ловьянова, продолжавшаяся почти 2 недѣли. Онѣ требовали сокращенія рабочаго дня, удаленія одного прикащика и нѣкоторыхъ другихъ облегченій. Часть этихъ требованій удовлетворена.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Бельгія. Конгрессъ соціалистической партіи.

30 и 31-го марта (новаго стиля) происходили въ Бельгіи засѣданія годичнаго конгресса бельгійской соціалистической партіи (17-ый со времени основанія). Впрочемъ, еще наканунѣ (20-го марта) собрался въ Брюсселѣ-же конгрессъ кооперативныхъ обществъ. Оба эти конгресса тѣсно связаны одинъ съ другимъ, а потому я остановлюсь немного на первомъ изъ нихъ.

Кооперативное движеніе въ Бельгіи имѣетъ характеръ, совершенно отличный отъ того, который приданъ ему въ другихъ странахъ, въ особенности въ Англіи. Для англичанъ кооперація представляетъ цѣнное учрежденіе просто какъ средство улучшить положеніе рабочихъ, давая имъ возможность покупать всѣ нужные для нихъ продукты лучшаго качества и по болѣе дешевой цѣнѣ. При такомъ взглядѣ на кооперацію она не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ, отвлекаетъ даже отъ соціализма, направляя все вниманіе рабочихъ на возможность улучшенія ихъ положенія путемъ образованія кооперативныхъ обществъ и чуть не обѣщая все рѣшеніе соціальнаго вопроса этимъ мирнымъ путемъ. Неудивительно поэтому, что многіе буржуазные экономисты вѣрно оцѣнили значеніе такой коопераціи, какъ средства отвлеченія рабочихъ отъ соціализма и изо всѣхъ силъ стараются пропагандировать это движеніе.

Въ Бельгіи дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Для бельгійскихъ соціалистовъ кооперативы важны главнымъ образомъ, какъ средство объединенія рабочихъ въ соціалистическую партію. Правда, помимо соціалистическихъ кооперативовъ въ Бельгіи существуетъ очень много и такихъ, которые не принадлежатъ ни къ какой партіи, которые на манеръ англичанъ видятъ въ потребительныхъ и производительныхъ обществахъ только средство, позволяющее рабочимъ и мелкой буржуазіи улучшить условія жизни, давъ имъ возможность покупать за болѣе дешевую цѣну лучшіе доброкачественные товары. Но такіе „нейтральные" кооперативы далеко не играютъ той роли, какъ соціалистическіе. Одинъ изъ первыхъ пунктовъ устава всякаго бельгійскаго соціалистическаго кооператива говоритъ, что членомъ его можетъ быть только лицо, признающее программу бельгійской рабочей (соціалистической) партіи. Всякій такой кооперативъ входитъ въ составъ партіи, уплачивая въ партійную кассу членскіе взносы за всѣхъ своихъ членовъ. Такимъ образомъ всякій членъ соціалистическаго кооператива дѣлается членомъ партіи. А такъ какъ кооперативы приносятъ своимъ членамъ много выгодъ, то число членовъ, вводимыхъ въ партію, очень значительно. Но кромѣ этого кооперативы оказываютъ другія громадныя услуги партіи. Каждый кооперативъ владѣетъ обыкновенно домомъ, спеціально предназначеннымъ для цѣлей партіи. Вокругъ такого кооператива, какъ пчелы вокругъ улья, группируются всѣ другія учрежденія партіи: рабочіе союзы, кассы взаимопомощи, рабочія лиги, кружки пропаганды и самообразованія, пѣвческія и музыкальныя общества и. т. п. Въ помѣщеніи кооператива они устраиваютъ свои собранія, тамъ же хранится ихъ знамя, ихъ архивы, тутъ же получается и вся корреспонденція на имя общества. При многихъ большихъ кооперативахъ имѣются библіотеки, доступныя для всѣхъ членовъ партіи.

Всякое соціалистическое потребительное общество управляется лицами, избранными собраніемъ членовъ и находящимися подъ контролемъ собранія. При всякой крупной стачкѣ или во время избирательной агитаціи соціалистическіе кооперативы выдаютъ всегда партіи или стачечникамъ денежныя субсидіи для борьбы. Вообще же потребительныя общества являются такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ бельгійскихъ соціалистовъ, что за послѣднее время бельгійскіе католики, составляющіе самую реакціонную партію въ Бельгіи, поняли удобство этого оружія и рѣшили воспользоваться имъ сами въ борьбѣ съ соціалистами. Они также начали устраивать свои кооперативы, завлекая въ нихъ еще не доросшихъ до соціализма рабочихъ и главнымъ образомъ невѣжественныхъ крестьянъ.

Въ этихъ католическихъ кооперативахъ все завѣдываніе дѣлами находится обыкновенно въ рукахъ католическихъ поповъ, имѣющихъ большое вліяніе на крестьянъ. А если въ городахъ рабочіе и имѣютъ право избирать сами администрацію, то избраніе это совершается всегда подъ бдительнымъ надзоромъ поповъ и фабрикантовъ — католиковъ, принуждающихъ рабочихъ избирать угодное и удобное для нихъ лицо. Происходитъ нѣчто подобное тому, что творится у насъ въ Москвѣ на собраніяхъ рабочихъ механическаго производства или въ независимой еврейской рабочей партіи, гдѣ роль поповъ исполняютъ жандармы и шпіоны.

Не смотря на то, что мысль о тѣсной связи, которая должна существовать между потребительными обществами и соціалистической партіей, признавалась всѣми делегатами послѣдняго конгресса, многіе ораторы заявляли, что кооперативы должны еще больше работать въ пользу партіи, приносить ей возможно большія жертвы. „Кооперативное общество", замѣтилъ одинъ изъ ораторовъ: „должно быть прежде всего орудіемъ соціалистической пропаганды". Слова эти были покрыты единодушнымъ одобреніемъ всего конгресса.

Засѣданія конгресса партіи происходили въ такъ называемой „залѣ празднествъ" Брюссельскаго кооператива (Maison du Peuple), который наравнѣ съ Гентскимъ (Voornit) составляетъ гордость бельгійской соціалистической партіи.

Конгрессу предстояло рѣшить чрезвычайно важный вопросъ о тактикѣ въ начатой уже въ настоящее время бельгійскими соціалистами борьбѣ за всеобщее избирательное право. Важностью этихъ вопросовъ и объясняется многолюдность конгресса: участвовало около 700 делегатовъ, представлявшихъ 478 группъ партіи.

Въ самомъ началѣ конгресса делегатъ Трокле (депутатъ отъ Льежа) предложилъ конгрессу выразить свое сочувствіе и пожеланіе успѣховъ въ борьбѣ русскимъ соціаль-демократамъ, ведущимъ трудную борьбу противъ царизма. Предложеніе было принято при аплодисментахъ всего собранія. Другой делегатъ предложилъ, при всеобщемъ смѣхѣ, переслать это привѣтствіе черезъ посредство гражданина Мильерана. Наиболѣе интереснымъ и важнымъ было второе (послѣобѣденное) засѣданіе конгресса, на которомъ обсуждались вопросы о тактикѣ соціалистовъ въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ и о пропорціональномъ представительствѣ при выборахъ. — До 1893 г. въ Бельгіи существовала система выборовъ, основанная на довольно высокомъ цензѣ, такъ что только небольшая часть населенія могла принимать участіе въ выборахъ депутатовъ. Послѣ долгой и упорной борьбы, сопровождавшейся цѣлымъ рядомъ манифестацій и закончившейся всеобщей стачкой, при чемъ рабочіе всѣхъ промышленныхъ округовъ двинулись было на Брюссель, чтобы тамъ силой добыть себѣ избирательныя права, реакціонное католическое министерство должно было уступить.

Между партіями состоялся компромиссъ, и въ Бельгіи была введена такъ называемая система множественныхъ вотумовъ. (Vote plural.) При этой системѣ всѣ граждане достигшіе 25 лѣтъ имѣютъ право голоса, но лица, имѣющіе недвижимую собственность, за которую платятъ извѣстный налогъ, отцы семействъ, лица, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣютъ дополнительные голоса. Такимъ образомъ при этой системѣ громадное большинство рабочихъ, не имѣющихъ никакой недвижимой собственности, имѣетъ только одинъ голосъ, крестьяне и мелкая буржуазія имѣютъ по два голоса, крупная-же и средняя буржуазія имѣетъ даже по три голоса (а при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты даже по четыре голоса). Такой порядокъ, конечно, очень невыгоденъ для рабочихъ — соціалистовъ и очень выгоденъ для католиковъ, опирающихся главнымъ образомъ на крестьянъ и на буржуазію. И дѣйствительно при первыхъ же выборахъ въ палату депутатовъ 1894 г. католики получили громадное большинство (болѣе 100 депутатовъ), соціалистамъ удалось провести 29 депутатовъ, либералы же были почти совсѣмъ вытѣснены изъ палаты: ихъ осталось менѣе 20 депутатовъ. И только введеніе пропорціональнаго представительства (въ 1899 г.) поправило ихъ дѣла. Вотъ нѣсколько цыфръ, приведенныхъ соціалистическимъ депутатомъ Вандервельдомъ въ его рѣчи въ палатѣ депутатовъ 14-го февраля при обсужденіи законопроэкта о введеніи всеобщаго для всѣхъ избирательнаго права при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты.

Въ пригородахъ Брюсселя 1620 рабочихъ при выборахъ въ палату депутатовъ имѣли 1771 голосъ и 1642 не-рабочихъ имѣли 2596 голосовъ, т. е. 100 рабочихъ имѣютъ 110 голосовъ и 100 буржуа — 183 голоса. Въ „Haut-Fayt" 100 рабочихъ имѣютъ 113 голосовъ и 100 не-рабочихъ — 239 голосовъ. Въ „La Hulpe" 100 рабочихъ имѣютъ 124 голоса, 100 не-рабочихъ — 216 голосовъ и въ „Pâturage" 2466 рабочихъ имѣютъ 3319 гол. и 439 не-рабочихъ 919 голосовъ. Въ „La Louviere" 385 рабоч. имѣютъ 480 гол. и 115 не-рабочихъ 280 голосовъ.

При такой системѣ выборовъ соціалисты послѣ своей первой побѣды при выборахъ 1894 г. при всѣхъ своихъ усиліяхъ могли очень мало увеличить число своихъ депутатовъ въ палатѣ, не смотря на то, что соціализмъ сдѣлалъ съ того времени гормадн успѣхи. Такимъ образомъ передъ бельгійскими соціалистами встала необходимость во что бы то ни стало добиться отмѣны множественныхъ вотумовъ и введенія въ Бельгіи всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права. Рѣшеніе это было принято ими на конгрессѣ въ Льежѣ въ прошломъ году. Соціалистамъ пришлось начать борьбу при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Прежде всего они были почти совсѣмъ одни. Ихъ союзникомъ были только прогрессисты (партія радикальной буржуазной демократіи). Всѣ же умѣренные либералы относились даже враждебно къ начатой ими борьбѣ. По всей странѣ былъ организованъ цѣлый рядъ собраній, на которыхъ ораторы-соціалисты разъясняли народу какъ несправедливъ и невыгоденъ для него существующій законъ, при которомъ одинъ богатый буржуа имѣетъ столько же силы и значенія, что 3 или 4 рабочихъ. Мало по малу имъ удалось создать въ странѣ на столько сильное движеніе въ пользу пересмотра конституціи, что скоро у нихъ стали появляться союзники въ борьбѣ. Одними изъ первыхъ присоединились къ нимъ, такъ называемые, католики — демократы: небольшая партія, пытающаяся найти рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ въ демократическомъ толкованіи христіанства. Какъ умные и практичные люди бельгійскіе соціалисты знаютъ, что въ борьбѣ съ противниками нельзя пренебрегать никакими союзниками, а потому они и постарались всѣми силами привлечь на свою сторону либеральную буржуазію. Вначалѣ либералы и слышать не хотѣли о введеніи всеобщаго и равнаго для всѣхъ избирательнаго права, но движеніе приняло такіе внушительные размѣры, что они стали побаиваться потерять многихъ своихъ избирателей на предстоящихъ въ маѣ этого года выборахъ въ палату депутатовъ, если будутъ также враждебно или даже равнодушно относиться къ начатой соціалистами борьбѣ. Съ другой стороны уничтоженіе множественныхъ вотумовъ поведетъ за собою паденіе реакціоннаго католическаго министерства и либералы далеко не прочь принять это наслѣдство. Но не смотря на заманчивость такой перспективы либералы, скрѣпя сердце, соглашаются отказаться отъ своихъ избирательныхъ привиллегій и робко и неохотно одинъ за другимъ переходятъ въ ряды защитниковъ реформы, обставляя свой переходъ цѣлымъ рядомъ оговорокъ и ограниченій. Такая робкая, неувѣренная, полная уступчивости политика, либераловъ еще болѣе оттѣняетъ мужественную борьбу соціалистовъ, не побоявшихся, когда они были совсѣмъ одиноки, начать борьбу, въ которой, какъ они не разъ заявляли, они „пойдутъ до конца, не останавливаясь ни передъ чѣмъ“.

---

*) Между прочимъ для характеристики директора Андерсона приведемъ слѣдующій фактъ. Какъ-то къ нему пришла женщина съ мальчикомъ и просила взять его на работу, ссылаясь на свою бѣдность, на что Андерсонъ цинично замѣтилъ: „ты еще молода, я первый полтинникъ дамъ; на улицѣ любому предложи, не откажется — еще можешь заработать".

*) Губернаторъ, бывшій въ это время на ревизіи въ Брянскѣ и 9-го числа собиравшійся на заводъ, отложилъ свою поѣздку.

Этотъ великій революціонный духъ бельгійскихъ рабочихъ былъ въ прошломъ причиной ихъ побѣдъ. Онъ и въ будущемъ спасетъ ихъ отъ все сильнѣе и сильнѣе проникающаго въ партію бернштейніанства. Трудность борьбы усиливается еще тѣмъ, что въ Бельгіи въ настоящее время свирѣпствуетъ страшный промышленный кризисъ. Повсюду имѣются массы безработныхъ, что дѣлаетъ всеобщую стачку очень трудной и едва-ли возможной. И не смотря на это, на конгрессѣ делегаты отъ угольнаго округа Боринажа заявили, что они не остановятся передъ стачкой и пойдутъ въ Брюссель добывать себѣ свободу.

При такихъ трудныхъ обстоятельствахъ помощь либераловъ становится еще нужнѣе. Католики съ своей стороны употребили всѣ усилія, чтобы помѣшать соглашенію между соціалистами и либералами. Съ этой цѣлью они выдвинули на сцену вопросъ о распространеніи избирательныхъ правъ на женщинъ — реформу, которая вписана въ программу бельгійскихъ соціалистовъ, но которой рѣшительно не хотятъ либерали и прогрессисты. Бельгійская женщина до сихъ поръ стоитъ еще на очень низкомъ уровнѣ развитія, находясь почти всегда (часто даже въ соціалистическихъ и либеральныхъ семьяхъ) подъ сильнымъ вліяніемъ католическихъ поповъ. Соціалисты, правда, ведутъ пропаганду среди женщинъ, но ведутъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ среди мущинъ и, надо сознаться, что на этой почвѣ до сихъ поръ они сдѣлали еще очень мало. На этой почвѣ католики и вздумали разъединить соціалистовъ и либераловъ. Часть католиковъ заявила что они согласятся дать Бельгіи всеобщее и равное для всѣхъ избирательное право только съ условіемъ распространенія этого права и на женщинъ, разсчитывая увлечь за собою соціалистовъ. Либералы отвѣтили, что они никогда не согласятся на такую реформу. А при этихъ условіяхъ никакое измѣненіе конституціи было бы невозможно. И вдобавокъ если-бы было принято предложеніе католиковъ, то католическое большинство въ палатѣ было бы упрочено на много лѣтъ, благодаря голосамъ женщинъ, которыя въ большинствѣ случаевъ подавали бы голоса за католиковъ. Среди соціалистовъ мнѣнія раздѣлились по вопросу о расширеніи избирательныхъ правъ на женщинъ. Одни изъ нихъ (Вандервельдъ, Дени и друг.) настаивали, что нужно поддерживать это предложеніе, такъ какъ оно внесено въ программу партіи, такъ какъ рано или поздно соціалисты привлекутъ женщинъ-работницъ на свою сторону. Другіе, указывая на реакціонное католическое министерство, говорили, что женщины помогутъ ему удержаться у власти и еще долгое время отуплять страну при помощи поповъ. Впрочемъ, скоро соціалисты поняли, что „женскій вопросъ“ возбужденъ католиками единственно съ цѣлью испугать либераловъ, вызвать расколъ среди соціалистовъ и провалить такимъ образомъ въ палатѣ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Выясненію этого много помогъ отказъ католиковъ дать право голоса женщинамъ при выборахъ въ городскіе и провинціальные совѣты. Въ палатѣ католики голосовали противъ этого законопроэкта, предложеннаго соціалистами. Понявъ хитрость католиковъ, соціалисты рѣшились отказаться временно отъ распространенія избирательныхъ правъ на женщинъ и сосредоточить всѣ свои усилія на достиженіе, въ союзѣ съ либералами, всеобщаго избирательнаго права для мущинъ. Либералы съ своей стороны поставили соціалистамъ условія: 1) Соціалисты должны при пересмотрѣ конституціи голосовать противъ расширенія избирательныхъ правъ на женщинъ. 2) Внесеніе въ конституцію пропорціональнаго представительства при выборахъ въ палату депутатовъ. Сверхъ того они изо всѣхъ силъ настаивали на томъ, что соціалисты не должны ни въ какомъ случаѣ прибѣгать къ революціоннымъ средствамъ въ борьбѣ за избирательную реформу. Что касается первыхъ двухъ вопросовъ, то соціалисты, послѣ долгихъ обсужденій по группамъ, рѣшили согласиться на оба требованія. Въ этомъ смыслѣ и внесъ на конгрессъ предложеніе генеральный совѣтъ партіи. Что — же касается средствъ въ борьбѣ, то они заявили, что отъ всей души желаютъ мирнаго рѣшенія вопроса, но если министерство не уступитъ, то они не отвѣчаютъ ни за что, такъ какъ при всемъ желаніи не въ силахъ удержать народъ, требующій реформъ. Конгрессу предстояло обсудить эти вопросы и высказать по нимъ окончательное рѣшеніе. Въ томъ, что необходимо сдѣлать либераламъ требуемыя ими двѣ уступки — сходились всѣ члены конгресса. Но многіе ораторы упрекали генеральный совѣтъ партіи въ томъ, что въ своемъ предложеніи онъ недостаточно оттѣняетъ прицицы партіи, ея революціонность. „Мы должны показать своими преніями либераламъ“, сказалъ въ блестящей рѣчи одинъ изъ лучшихъ ораторовъ партіи Дестре: „что мы дѣлаемъ имъ громадныя успупки, взамѣнъ которыхъ мы требуемъ отъ нихъ, чтобы они не измѣнили намъ въ борьбѣ за всеобщее избирательное право. Но пусть они знаютъ, что мы не отказываемся ни отъ одной буквы своей программы. Мы только временно откладываемъ ея примѣненіе. Что же касается требованія о примѣненіи **только** мирныхъ средствъ, то мы должны сказать либераламъ, что обращаясь къ намъ съ такимъ предложеніемъ, они ошиблись адресомъ. Мы никогда не можемъ отказаться отъ своей революціонной тактики, въ особенности когда мы имѣемъ дѣло съ правительствомъ, вся сила котораго основана на избирательныхъ злоупотребленіяхъ. Сверхъ того пусть знаютъ либералы“, закончилъ онъ свою рѣчь: „что первой реформой, которую мы потребуемъ послѣ избирательной реформы, будетъ установленіе 8-ми часового рабочаго дня“. Принявъ предложеніе генеральнаго совѣта, конгрессъ въ закрытомъ (не публичномъ) засѣданіи приступилъ къ выработкѣ средствъ борьбы съ правительствомъ. Всѣ принятыя постановленія по этому вопросу постановлено не опубликовывать изъ конспиративныхъ соображеній. Во всякомъ случаѣ борьба начнется немедленно послѣ открытія засѣданій палаты (8-го апрѣля), и уже теперь можно предвидѣть, что борьба будетъ очень бурная. Несмотря на страшно неблагопріятныя условія (промышленный кризисъ) бельгійскіе соціалисты увѣрены, что побѣда будетъ на ихъ сторонѣ. Революціоный духъ бельгійскихъ рабочихъ представляетъ ихъ самое могучее оружіе въ предстоящей борьбѣ. Но на ряду съ этой чертой, при обсужденіи цѣлаго ряда другихъ вопросовъ можно было замѣтить и другую характерную черту бельгійскихъ соціалистовъ: это необыкновенная слабость ихъ въ теоріи. Недостатокъ этотъ былъ завѣщенъ имъ основателемъ партіи Ц. де Папомъ, прошедшимъ черезъ анархическую школу и до конца сохранившимъ многія полуанархическія воззрѣнія. Бациллы новой, „модной болѣзни“ — бернштейніанства, попадая на эту больную почву, замѣтно начинаютъ развиваться въ партіи. Завоеваніе всеобщаго избирательнаго права увеличитъ силу бельгійскихъ соціалистовъ въ палатѣ и соединенное либерально-соціалистическое министерство, о которомъ уже мечтаютъ многіе члены партіи, станетъ возможнымъ. Тогда и должна разгорѣться та борьба „Горы съ Жирондой“, этотъ „кризисъ въ соціализмѣ“, который уже раньше предсказывалъ Плехановъ въ своемъ письмѣ изъ Брюсселя („Искра“ № 15). Но въ этой борьбѣ единственнымъ оружіемъ въ рукахъ Горы можетъ быть революціонный „ортодоксальный марксизмъ“. Поэтому настоятельно необходимымъ является въ Бельгіи возникновеніе „ортодоксальной“ группы, которая поставила бы себѣ цѣлью борьбу съ все болѣе развивающимся въ Бельгіи бернштейніанствомъ и министеріализмомъ.

Отъ редакціи.

Корреспонденція была уже набрана, когда принявшее открыто-революціонный характеръ бельгійское движеніе внезапно прекращено рѣшеніемъ Генеральнаго Совѣта Партіи. Къ всеобщей стачкѣ уже примкнули 400,000 рабочихъ, но правительственное большинство въ парламентѣ не уступило этому давленію и отвергло предложеніе соціалистовъ и либераловъ о пересмотрѣ конституціи. Въ отвѣтъ на этотъ отказъ послѣдовало приглашеніе Генеральнаго Совѣта Партіи прекратить стачку и отсрочить новый штурмъ на буржуазное государство. Можно только сожалѣть о томъ, что столь блестяще начатая бельгійскими товарищами компанія закончилась такой (конечно, временной) неудачей. Откладываемъ до слѣдующихъ №№ разсказъ о ходѣ борьбы бельгійскихъ рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ органѣ Петербургскаго Комитета Партіи, „Рабочей Мысли“ въ № 13-омъ сообщенъ былъ текстъ „договора“, заключеннаго между этимъ Комитетомъ и петербургскимъ отдѣломъ „Искры“. Ко времени опубликованія въ „Рабочей Мысли“ этого договора наши петербургскіе товарищи сообщили намъ, что соглашеніе ихъ съ Петербургскимъ Комитетомъ считается ими несуществующимъ, такъ какъ Комитетъ не желаетъ выполнить тѣ условія договора, которыя не подлежатъ опубликованію и которыя, по ихъ словамъ, были оговорены во время переговоровъ о соглашеніи. Въ виду этого обстоятельства мы просили Петербургскій Комитетъ считать опубликованный имъ договоръ расторгнутымъ и не настаивать на его соблюденіи при тѣхъ — хорошо извѣстныхъ Петербургскому Комитету — условіяхъ, когда безпристрастная провѣрка всѣхъ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ возможнымъ недоразумѣніе въ толкованіи заключеннаго договора, для нашей организаціи стала невозможной.

Въ настоящее время Петербургскій Комитетъ въ № 14 „Рабочей Мысли“ заявляетъ, что расторгаетъ пресловутый договоръ и „снимаетъ съ себя всякую нравственную отвѣтственность за послѣдствія этого расторженія“, причемъ указываетъ на тѣ спеціально — выдвинутыя нашими петербургскими товарищами требованія, неудовлетвореніе которыхъ заставило ихъ отказаться отъ организаціоннаго слiянiя съ Комитетомъ. Послѣдній заявляетъ, что требованія нашихъ петербургскихъ товарищей (присоединеніе одного изъ ихъ группы въ центральный Комитетъ Союза и въ редакцію „Рабочей Мысли“) противорѣчило-бы основнымъ принципамъ всякой организаціи, почему Комитетъ не могъ ихъ одобрить.

Договоръ, заключенный между Петербургскимъ Комитетомъ и отдѣломъ нашей организаціи, подлежалъ расторженію по желанію одной изъ договаривающихся сторонъ. Слѣдовательно, съ формальной стороны петербургскіе члены нашей организаціи были вправѣ поступить такъ, какъ прступили. Поэтому, совершенно непонятна намъ аппеляція Петербургскаго Комитета къ публикѣ: публика, вѣдь, не можетъ знать мотивовъ, побудившихъ петербургскій отдѣлъ „Искры“ настаивать на **особыхъ** гарантіяхъ того, что его сліяніе съ Комитетомъ не будетъ означать для него обязательство нести отвѣтственность за такіе шаги Комитета, которые противорѣчатъ принципамъ нашей организаціи. Всякій опытный человѣкъ знаетъ, что требованіе, кажущееся Петербургскому Комитету, столь неслыханнымъ, выдвигается только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ надлежащей увѣренности въ полной принципіальной солидарности договаривающихся сторонъ. Направленіе организаціи „Искры“ достаточно опредѣленно и не заявило себя какими — нибудь шатаніями. Пусть Петербургскій Комитетъ проявитъ достаточно твердости и постоянства въ дѣлѣ слѣдованія принципамъ революціонной соціаль-демократіи и онъ можетъ быть увѣренъ, что мѣстные члены нашей организаціи войдутъ въ его ряды безъ особыхъ гарантій, какъ это и бываетъ въ другихъ городахъ. До тѣхъ поръ непонятныя для постороннихъ жалобы на то, что отдѣлъ „Искры“ сначала подписалъ соглашеніе, а послѣ поставилъ новыя условія, могутъ содѣйствовать только затемненію дѣйствительнаго положенія дѣлъ и всего менѣе способствуютъ тѣмъ мирнымъ, союзнымъ отношеніямъ между работающими въ Петербургѣ членами нашей организаціи и Комитетомъ, которыя мы всегда считали и теперь считаемъ вполнѣ возможными и желательными.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Москва. Выѣхала партія изъ Московской Пересыльной тюрьмы въ субботу 23-го марта въ 3 часа ночи въ количествѣ 15 чел. и одной добровольно слѣдующей за мужемъ. До утра кружили по запаснымъ путямъ. Въ 7 час. утра съ товарнымъ двинули на Тулу. Вечеромъ на ст. Протопопово прицѣпили къ поѣзду № 4, вышедшему изъ Москвы въ субботу въ 3 часа дня.

Партія состоитъ изъ:

1) Бабковъ Владиміръ, 3 года Вост.Сибири.
2) Бончъ-Асмоловскій Анатолій, 5 лѣтъ Степн.Края.
3) Бончъ-Асмоловскій Иванъ, сынъ предыдущ. 4 г. Степн.Края.
4) Вигдорчикъ Натанъ, 3 г. Вост.Сибири съ нимъ жена и дочь.
5) Волошкевичъ Сергѣй, Западн.Сибирь до приговора.
6) Гольблатъ Аронъ, 3 г. Вост.Сибири.
7) Жирмундскій Цадикъ, 3 г. Вост.Сибири.
8) Карасикъ Файвель. 3 г. Вост.Сибири.
9) Лалаянцъ Исаакъ, Вост.Сиб. до приговора.
10) Музыкантъ Берке, 3 г. Вост.Сибири.
11) Покровскій Павелъ, 3 г. Степн.Края.
12) Сладкопѣвцевъ Михаилъ Вост.Сибирь до приговора.
13) Урицкій Моисей, 8 лѣтъ Вост.Сибири.
14) Хатьковъ Мовша, 3 г. Вост.Сибири.
15) Эпштейнъ Герша, 4 г. Вост.Сибири.

Гольдблатъ, Музыкантъ и Хатьковъ — ковенцы идутъ охраннымъ порядкомъ за стачку, малосознательные, отношенія къ революціонному движенію не имѣли, подавали на Высочайшее имя прошеніе о помилованіи.

Охраннымъ порядкомъ идутъ №№ 1, 2, 3, 6, 7, 10, 11, 14 и 15.
По Высочайшему утвержденію №№ 4, 8, 13.

Имѣютъ еще дѣло, ведущееся жандармскимъ пор. № 1, 8.

У №№ 5, 9, 12 дѣло находится въ Петербургѣ въ Мин. Юст. или въ Мин. Внутр. Дѣлъ.

Съ тѣмъ же поѣздомъ за свой счетъ ѣдетъ въ Якутскую область на 5 лѣтъ инженеръ Поповъ, Владиміръ.

Арестованы: въ **Курскѣ** — статистикъ Н. А. Никитинъ. Въ Щигровскомъ уѣздѣ земскій учитель Масленниковъ. По распоряженію Курскаго губернатора удалены отъ службы учителя Соловьевъ и Ахрамовскій (послѣдній послѣ обыска и незаконнаго ареста).

Кишиневъ. Изъ числа арестованныхъ 8-го февраля выпущены 2-го марта: 1) Годлевскій съ женой, 2) Капцанъ, 3) Баргъ, 4) Батушанскій, 5) Броско, просидѣвъ безъ обвиненій 3 недѣли

Остались еще: 1) Розенблюмъ (бывш. ссыльн.), 2) Маня Школьникъ (работница) рабочіе, 3) Аронъ, 4) Ханмъ, 5) Шлемка, 6) Бѣленькій (прикащикъ), 7) Бронтманъ старикъ 60 лѣтъ, 8) Баневуръ — учитель.

Говорятъ, что нѣкоторыхъ отпустятъ на дняхъ.

Сюда пріѣхалъ изъ С. Петербурга чиновникъ изъ Департамента Полиціи, чтобы разобраться въ здѣшнихъ дѣлахъ.

Брянскъ. Арестованы 10 человѣкъ, изъ нихъ называютъ: Семена Нудельмана (рабочій — выпущенъ), Степанова (конторщикъ-арестованъ 2-ой разъ), Быковцева (типографщикъ), Носоводову и Шемяцкую (швеи); обыски были у военнаго доктора Гуровича, у нѣсколькихъ гимназистокъ, у вольноопредѣляющихся (обыскали между прочимъ солдатскіе казармы) и у многихъ евреевъ ремесленниковъ.

Въ **Бѣжицѣ** (Брянскій заводъ — тожъ) арестованы: Тихонъ Нудельманъ (рабочій), Вас. Ив. Федосовъ (рабочій), Мелиховъ. Карасевъ (бывш. студентъ ветер.) арестованъ, кажется, главнымъ образомъ за то, что на танцевальномъ вечерѣ, устроенномъ имъ для рабочихъ, назвалъ шпіономъ Ивана Николаевича Почадзе, начальника двороваго цеха и оберъ-шефа всѣхъ заводскихъ сыщиковъ. Затѣмъ арестованъ К. Антоновъ (рабочій), единственная вина, кажется, та, что у него нашли и отобрали карточку Горькаго. Черезъ два дня арестованъ Марковъ (рабочій).

Въ **Воронежѣ** 1-го апрѣля арестованы: Карповъ, Любимовъ, Коростенковъ, Кардашевъ, Махновецъ, Бутковскій и Губарева, послѣдніе 4-го выпущены безъ вызова на допросъ.

Въ **Уфѣ** было 8 обысковъ, 2 ареста: Бойковъ и студ. Сазоновъ.

Въ **Ярославлѣ** въ ночь на 13-ое апрѣля произведено много обысковъ, нѣсколько человѣкъ арестовано, фамиліи арестованныхъ извѣстны только 3: Тучитскій, Пресениченко, Кузнецовъ: былъ обыскъ у писателя Е. Н. Чирикова.

Въ Кіевскую тюрьму привезены:

изъ **Петербурга**: Степанъ Радченко инженеръ, Люб. Радченко, Сокольскій инженеръ, Казанцева.

изъ **Москвы**: Ветеринарн. врачъ Бауманъ, Меерсонъ, Ногинъ; дѣвицы: Рукина, Уварова, Санина, Сипатовская.

изъ **Вильны**: портной Тарсисъ.

На границѣ арестованы: Блюменфельдъ и Фишманъ.

Въ **Нижнемъ-Новгородѣ** выпущены всѣ, кромѣ Сысина, но 4-го апрѣля вновь взята Софья Доброхотова; 11-12 апр. взяты: наборщикъ Гордѣевъ, Сазоновъ (швейцаръ въ ред. „Волгаря“, торговецъ Большаковъ, студ. Малицкій, Федосѣевъ и др.

Въ **Херсонѣ** въ ночь на 20-ое марта было 12 обысковъ, арестованы: студ. Шахъ и Привѣтовъ и раб. Линцеръ, послѣдній черезъ 2 дня былъ выпущенъ.

Въ **Ростовѣ**. Послѣднее время арестованы 7 чел.: Корявинъ (раб.), Коносовъ (раб.), Шпакины (мужъ и жена, съ ребенкомъ, инт.), Серебряковъ (бывш. студ.), Анановъ (бывш. студ), Рафаиловъ (бывш. студ.).

Изъ села **Богучаны** Енисейскаго уѣзда бѣжалъ товарищъ Михаилъ Даргольцъ и благополучно прибылъ заграницу. Даргольцъ, арестованный въ мартѣ 1898 г. въ Одессѣ по дѣлу Южнорусскаго Рабочаго Союза, былъ сосланъ въ Сибирь на 4 года.

Въ **Бѣлостокѣ** большіе аресты въ концѣ марта.

Рига. (Отъ организаціи Латышск. соціальдем.)

Въ ночь 12-13 марта (стар. ст.) была у насъ облава. Обыскали человѣкъ сто. Изъ латышей арестовали: студентовъ: Н. Куршевицъ, И. Гринбергъ, Е. Лекисъ, конторщикъ Анскеневицъ, писатель И. Шмитсъ, бывш. студенты: И. Азарсъ, И. Бернмансъ, А. Фрейбергсъ, Е. Бульмансъ, К. Зутисъ, Х. Розентальсъ; учительница Лекисъ, Рипасъ, лавочникъ Меднисъ.

Взято еще нѣсколько лицъ, имена которыхъ пока неизвѣстны.

Были обыски у сотрудниковъ „Deenas Lapas“: у доктора К. Баллодсъ, Видиньшъ и др.

Было взято много евреевъ, о фамиліяхъ которыхъ сообщатъ позднѣе.

Насъ просятъ огласить слѣдующій позорный фактъ:

„Просимъ огласить слѣдующій фактъ: Бѣжавшій въ 1899 г. изъ Вятской губ. Бауманъ (Ветеринарный врачъ, служившій въ Саратовскомъ земствѣ въ 95-96 г.) удачно скрывшись отъ преслѣдованій шпіоновъ, попалъ случайно въ совершенно незнакомую мѣстность, село Хлѣбное, Задонскаго уѣзда, Воронежской губ. Измученный голодомъ и продолжительной дорогой пѣшкомъ, онъ рѣшилъ обратиться за содѣйствіемъ къ самому интеллигентному представителю деревни, къ земскому врачу Валеріану474Вележеву. Продолжать путь пѣшкомъ не представлялось возможнымъ, такъ какъ городской костюмъ обращалъ всеобщее вниманіе, кромѣ того Бауману не удалось въ теченіе сутокъ встрѣтить человѣка, который могъ указать на ближайшую станцію желѣзной дороги. Явившись къ Вележеву, онъ разсказалъ въ какомъ затруднительномъ положеніи онъ находится, навелъ справки о желѣзной дорогѣ и попросилъ накормить. Великодушный врачъ отвѣтилъ, что обѣдъ у него будетъ только черезъ три часа и вообще выразилъ удивленіе, что къ нему обращаются съ подобными просьбами. Черезъ нѣкоторое время онъ удалился подъ предлогомъ пріема больныхъ. Вслѣдъ за этимъ явилась прислуга и потребовала, отъ имени барина, чтобы Бауманъ немедленно удалился. Вележевъ донесъ полиціи. Какъ только Бауманъ вышелъ изъ села, его арестовали и отвезли въ г. Задонскъ. Въ началѣ было рѣшено препроводить Баумана этапомъ въ Вятскую губ., въ мѣсто прежней его ссылки. Такъ онъ прослѣдовалъ до Уфы. Въ Уфѣ его задержали и отправили въ Кіевъ. Теперь онъ сидитъ въ Кіевской тюрьмѣ. Арестованъ онъ былъ 10-го февраля“.

Долгъ сослуживцевъ Вележева наказать предателя открытымъ выраженіемъ презрѣнія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тульской группой Соціаль-демократической Рабочей Партіи получено отъ Г. И. 100 руб.

Заграничной Лигой Русской Революціонной Соціаль-демократіи получено:

изъ **Льежа** 53 фр. Черезъ **Кольцова**: отъ Женевской группы 48 фр. 50 с.; изъ Вѣны черезъ В. 10 кр.; изъ О. (изъ головы) 5 руб.; изъ Н. отъ одного изъ 1. 500 — 5 руб.; за валенки 2 рубля.

Изъ **Брюсселя** 44 фр.; отъ „Русскаго Соціаль-демократическаго Общества“ въ **Ньюйоркѣ** 15 дол. за литературу; изъ **Петербурга** — отъ М.О.С. — 150 руб.; спеціально пожертвовано для „Искры“ черезъ Союзъ Борьбы 50 руб.; за литературу черезъ Гом. 50 руб.; отъ Кіевскаго Комитета 100 руб.; отъ Башкирки 100 руб.; отъ О. В. 10 мар.

Цюрихской группой собрано въ пользу жертвъ всеобщей стачки въ Бельгіи 28 фр. 65 с.

Черезъ Плеханова получено 22 франка, собранныхъ на рабочемъ собраніи въ Шо-де-Фонѣ, во время реферата доктора Н. Васильева.

Письмо отъ ѣ получено. Пишите чаще.

Типографія „Искры“.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 21 1-го ІЮНЯ 1902 ГОДА. № 21

ПРОЕКТЪ ПРОГРАММЫ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ.

(Выработанный редакціей „Искры" и „Зари".)

Развитіе обмѣна установило такую тѣсную связь между всѣми народами цивилизованнаго міра, что великое освободительное движеніе пролетаріата должно было стать и давно уже стало международнымъ.

Считая свою Партію однимъ изъ отрядовъ всемірной арміи пролетаріата, русская соціаль-демократія преслѣдуетъ ту же конечную цѣль, къ которой стремятся соціаль-демократы всѣхъ другихъ странъ.

Эта конечная цѣль опредѣляется характеромъ буржуазнаго общества и ходомъ его развитія. Главную особенность такого общества составляетъ товарное производство на основѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній, при которыхъ самая важная и значительная часть средствъ производства и обращенія товаровъ принадлежитъ небольшому по своей численности классу лицъ, между тѣмъ какъ огромное большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и полупролетаріевъ, вынужденныхъ своимъ экономическимъ положеніемъ постоянно или періодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать въ наемники къ капиталистамъ и своимъ трудомъ создавать доходъ высшихъ классовъ общества.

Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни, и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала.

Тотъ-же техническій прогрессъ даетъ кромѣ того предпринимателямъ возможность все въ большихъ размѣрахъ примѣнять женскій и дѣтскій трудъ въ процессѣ производства и обращенія товаровъ. А такъ какъ, съ другой стороны, онъ приводитъ къ относительному уменьшенію потребности предпринимателей въ живомъ трудѣ рабочихъ, то спросъ на рабочую силу необходимо отстаетъ отъ ея предложенія, вслѣдствіе чего увеличивается зависимость наемнаго труда отъ капитала и повышается уровень его эксплуатаціи.

Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся взаимное ихъ соперничество на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающемъ количествѣ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ промышленныхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще больше увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса.

Такимъ образомъ, усовершенствованіе техники, означающее увеличеніе производительности труда и ростъ общественнаго богатства, обусловливаетъ собою въ буржуазномъ обществѣ возрастаніе общественнаго неравенства, увеличеніе разстоянія между имущими и неимущими и ростъ необезпеченности существованія, безработицы и разнаго рода лишеній для все болѣе широкихъ слоевъ трудящихся массъ.

Но по мѣрѣ того, какъ растутъ и развиваются всѣ эти противорѣчія, свойственныя буржуазному обществу, растетъ также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующимъ порядкомъ вещей, растетъ число и сплоченность пролетаріевъ и обостряется борьба ихъ съ ихъ эксплуататорами. Въ то-же время усовершенствованіе техники, концентрируя средства производства и обращенія и обобществляя процессъ труда въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, все быстрѣе и быстрѣе создаетъ матеріальную возможность замѣны капиталистическихъ производственныхъ отношеній соціалистическими — т. е. той соціальной революціи, которая представляетъ собою конечную цѣль всей дѣятельности международной соціаль-демократіи, какъ сознательной выразительницы классоваго движенія пролетаріата.

Замѣнивъ частную собственность на средства производства и обращенія общественною и введя планомѣрную организацію общественно-производительнаго процесса для обезпеченія благосостоянія и всесторонняго развитія всѣхъ членовъ общества, соціальная революція пролетаріата уничтожитъ дѣленіе общества на классы и тѣмъ освободитъ все угнетенное человѣчество, такъ какъ положитъ конецъ всѣмъ видамъ эксплуатаціи одной части общества другою.

Необходимое условіе этой соціальной революціи составляетъ диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ.

Ставя себѣ задачу сдѣлать пролетаріатъ способнымъ выполнить свою великую историческую миссію, международная соціаль-демократія организуетъ его въ самостоятельную политическую партію, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ, руководитъ всѣми проявленіями его классовой борьбы, разоблачаетъ передъ нимъ непримиримую противоположность интересовъ эксплуататоровъ интересамъ эксплуатируемыхъ и выясняетъ ему историческое значеніе и необходимыя условія предстоящей соціальной революціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обнаруживаетъ предъ всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ея положенія въ капиталистическомъ обществѣ и необходимость соціальной революціи въ интересахъ ея собственнаго освобожденія отъ гнета капитала. Партія рабочаго класса, соціаль-демократія, зоветъ въ свои ряды всѣ слои трудящагося и эксплуатируемаго населенія, поскольку они переходятъ на точку зрѣнія пролетаріата.

На пути къ ихъ общей конечной цѣли, обусловленной господствомъ капиталистическаго способа производства во всемъ цивилизованномъ мірѣ, соціаль-демократы разныхъ странъ вынуждены ставить себѣ неодинаковыя ближайшія задачи какъ потому, что этотъ способъ не вездѣ развитъ въ одинаковой степени, такъ и потому, что его развитіе въ разныхъ странахъ совершается въ различной соціально-политической обстановкѣ.

Въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются еще остатки нашего стараго, до-капиталистическаго общественнаго порядка, который основывался на закрѣпощеніи трудящихся массъ помѣщикамъ, государству или главѣ государства. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускаютъ всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи многомилліоннаго крестьянства государствомъ и имущими классами и держатъ въ темнотѣ и безправіи весь народъ.

Самымъ значительнымъ изъ всѣхъ этихъ пережитковъ и самымъ могучимъ оплотомъ всего этого варварства является царское самодержавіе. По самой природѣ своей оно враждебно всякому общественному движенію и не можетъ не быть злѣйшимъ противникомъ всѣхъ освободительныхъ стремленій пролетаріата.

Поэтому, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія ставитъ своей ближайшей политической задачей низверженіе царскаго самодержавія и замѣну его республикой на основѣ демократической конституціи, обезпечивающей:

1. Самодержавіе народа, т. е. сосредоточеніе всей верховной государственной власти въ рукахъ законодательнаго собранія, составленнаго изъ представителей народа;

2) Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборахъ какъ въ законодательное собраніе, такъ и во всѣ мѣстные органы самоуправленія для всякаго гражданина, достигшаго 20 лѣтъ; тайное голосованіе при выборахъ; право каждаго избирателя быть избраннымъ во всѣ представительныя собранія; жалованье народнымъ представителямъ;

3) Неприкосновенность личности и жилища гражданъ;

4) Неограниченную свободу совѣсти, слова, печати, собраній, стачекъ и союзовъ;

5) Свободу передвиженія и промысловъ;

6) Уничтоженіе сословій и полную равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи и расы;

7) Признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями входящими въ составъ государства;

8) Предоставленіе всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству;

9) Замѣну постояннаго войска всеобщимъ вооруженіемъ народа;

10) Отдѣленіе церкви отъ государства и школы отъ церкви;

11) Даровое и обязательное общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ. Снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства.

Какъ основного условія демократизаціи нашего государственнаго хозяйства, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія требуетъ: отмѣны всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленія прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства.

Въ интересахъ охраны рабочаго класса отъ физическаго и нравственнаго вырожденія, а также и въ интересахъ развитія его способности къ освободительной борьбѣ, партія требуетъ:

1) Ограниченія рабочаго дня 8-ью час. въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ;

2) Установленія закономъ еженедѣльнаго отдыха, непрерывно продолжающагося не менѣе 36 часовъ, для наемныхъ рабочихъ обоего пола во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства;

3) Полнаго запрещенія сверхурочныхъ работъ;

4) Воспрещенія ночнаго труда (отъ 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, за исключеніемъ тѣхъ, гдѣ онъ безусловно необходимъ по техническимъ соображеніямъ, одобреннымъ рабочими организаціями;

5) Воспрещенія предпринимателямъ пользоваться наемнымъ трудомъ дѣтей до 16-лѣтняго возраста;

6) Воспрещенія женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма; освобожденіе рожениць отъ работы въ теченіе 2-хъ недѣль до и 4-хъ недѣль послѣ родовъ.

7) Установленія закономъ гражданской отвѣтственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности къ труду, происшедшую вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ или вредныхъ условій производства, и освобожденія рабочаго отъ обязательства доказывать, что потеря эта произошла по винѣ капиталиста;

8) Воспрещенія выдачи заработной платы товарами; установленія еженедѣльнаго срока расплаты по всѣмъ договорамъ о наймѣ рабочихъ и выдачи заработка въ рабочее время;

9) Выдачи государственной пенсіи престарѣлымъ рабочимъ;

10) Увеличенія числа фабричныхъ инспекторовъ; назначенія инспектрисъ въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ преобладаетъ женскій трудъ; надзора выбранныхъ рабочими и оплаченныхъ государствомъ представителей за исполненіемъ фабричныхъ законовъ а также за составленіемъ расцѣнковъ и браковкой товаровъ;

11) Надзора органовъ мѣстнаго самоуправленія, съ участіемъ выборныхъ отъ рабочихъ, за санитарнымъ состояніемъ жилыхъ помѣщеній, отводимыхъ рабочимъ предпринимателями, равно какъ за внутреннимъ распорядкомъ этихъ помѣщеній и за условіями отдачи ихъ въ наймы, — въ цѣляхъ огражденія наемныхъ рабочихъ отъ вмѣшательства предпринимателей въ жизнь и дѣятельность ихъ, какъ частныхъ лицъ и гражданъ;

12) Учрежденія правильно организованнаго санитарнаго надзора во всѣхъ предпріятіяхъ, употребляющихъ наемный трудъ и безплатной медицинской помощи для рабочихъ за счетъ предпринимателей;

13) Распространенія надзора фабричной инспекціи на всѣ отрасли народнаго хозяйства и на всѣ предпріятія, употребляющія наемный трудъ, не исключая и казенныхъ;

14) Установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда;

15) Запрещенія предпринимателямъ производить денежные вычеты изъ заработной платы по какому-бы поводу и для какого-бы назначенія они ни дѣлались (штрафы, браковка и проч.);

16) Учрежденія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства промысловыхъ судовъ, составленныхъ поровну изъ представителей отъ рабочихъ и предпринимателей;

17) Возложенія на органы мѣстнаго самоуправленія обязанности учредить посредническія конторы по найму мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ (биржи труда) во всѣхъ отрасляхъ производства съ участіемъ въ ихъ управленіи представителей отъ рабочихъ организацій.

Въ цѣляхъ же устраненія остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и въ интересахъ свободнаго развитія классовой борьбы въ деревнѣ Партія будетъ добиваться:

1) Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе;

2) Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей;

3) Возвращенія народу денежныхъ суммъ, взятыхъ съ него въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей: конфискаціи съ этой цѣлью монастырскихъ имуществъ и удѣльныхъ имѣній; а равно обложенія особымъ налогомъ земель крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ;

4) Учрежденія крестьянскихъ комитетовъ: а) для возвращенія сельскимъ обществамъ (посредствомъ экспропріаціи или — въ томъ случаѣ, если земли переходили изъ рукъ въ руки, — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія) тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для ихъ закабаленія; б) для устраненія остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ Западномъ Краѣ и въ другихъ областяхъ государства;

5) Предоставленія судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Стремясь къ достиженію своихъ ближайшихъ политическихъ и экономическихъ цѣлей, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка, рѣшительно отвергая въ то же время всѣ тѣ реформаторскіе проекты, которые связаны съ какимъ-бы то ни было расширеніемъ или упроченіемъ полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами.

Съ своей стороны, Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія твердо убѣждена въ томъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе указанныхъ политическихъ и соціальныхъ преобразованій достижимо лишь путемъ низверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

* * *

Намъ нечего здѣсь распространяться о томъ, каково значеніе программы въ дѣятельности политической партіи. Только объединенная общей программой, партія можетъ вести планомѣрную и плодотворную работу въ интересахъ дѣла, которому служитъ; только формулировавъ въ стройной программѣ свое общее соціально-политическое міровоззрѣніе и предъявляемыя ею къ современному обществу политическія требованія, партія пролетаріата можетъ вести глубокую и успѣшную пропаганду революціоннаго соціализма и внести объединяющую струю въ широкое народное движеніе противъ существующаго строя. Безъ политической программы нѣтъ еще, строго говоря, политической партіи, имѣются на лицо только элементы слагающейся партіи.

Русское соціаль-демократическое движеніе, такъ неудержимо-широко разлившееся за послѣдніе годы и въ силу этой самой широты своего развитія пережившее такъ много внутреннихъ кризисовъ, — русское соціаль-демократическое движеніе уже давно стоитъ передъ неотложной задачей дѣйствительнаго партійнаго объединенія. Не рѣшивъ этой задачи, оно рискуетъ потерять уже завоеванную имъ позицію въ русской общественной жизни — къ невыгодѣ какъ для интересовъ пролетаріата, такъ и для дѣла русской свободы.

„Прежде чѣмъ объединиться, намъ необходимо сначала размежеваться“, писала „Искра“ 1½ года назадъ при первомъ своемъ вступленіи передъ читателями. Появившись въ моментъ одного изъ самыхъ глубокихъ внутреннихъ кризисовъ, переживавшихся нашимъ движеніемъ, „Искра“ и „Заря“ должны были выдвинуть на первый планъ задачу подготовленія элементовъ единства въ нашей партіи путемъ идейной борьбы за очищеніе пролетарскаго движенія отъ всѣхъ чуждыхъ, историческими судьбами привнесенныхъ въ него, элементовъ.

Поскольку упомянутый идейный кризисъ, переживавшійся движеніемъ, начинаетъ, видимо, приходить къ концу, поскольку логика революціонной борьбы сильнѣе логики печатнаго слова внѣдряетъ въ сознаніе временно-забытыя истины революціонной соціаль-демократіи, постольку мы можемъ надѣяться на близость окончательнаго объединенія партіи. И мы думаемъ, что процессъ выработки партійной программы самъ по себѣ сдѣлаетъ много для этого окончательнаго объединенія.

Программа партіи должна выражать коллективную мысль партіи. Это значитъ, что въ выработкѣ ея должны принять участіе всѣ дѣйствующія группы партіи. И обсужденіе предлагаемаго проекта въ разныхъ группахъ и кружкахъ должно послужить прекрасной школой политическаго воспитанія для мѣстныхъ дѣятелей.

Печатая свой проектъ, мы разсчитываемъ на то, что каждый соціаль-демократическій комитетъ, каждый рабочій кружокъ, каждая примыкающая къ соціаль-демократіи группа интеллигентовъ сочтутъ своимъ долгомъ обсудить его и въ той или иной формѣ опредѣлить свое отношеніе къ нему. Мы просимъ товарищей не медлить съ этимъ дѣломъ, ибо на 2-мъ съѣздѣ партіи, необходимость созыва котораго при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ представиться каждую минуту, программа партіи должна быть утверждена.

Всѣ критическія замѣчанія, проекты поправокъ, резолюціи и т. п., присланныя въ нашу редакцію, будутъ, по мѣрѣ возможности, печататься въ „Искрѣ“ или „Зарѣ“, все же, не нашедшее себѣ мѣста въ печати, будетъ нами представлено на 2-ой съѣздъ партіи.

Въ рядѣ статей въ „Зарѣ“ и въ „Искрѣ“ мы разсчитываемъ дать подробную обосновку предлагаемаго нами проекта.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Есть такіе признаки, по которымъ знакомый съ исторіей человѣкъ безошибочно можетъ заключить о неминуемомъ и близкомъ наступленіи кореннаго общественнаго переворота. Для эпохи, когда старый крѣпостнически-самодержавный строй идетъ навстрѣчу своему разрушенію такимъ признакомъ являются стихійные крестьянскіе „бунты“. Когда черезъ посредство своего наиболѣе обдѣленнаго пасынка — мужика исторія предъявляетъ классовому обществу залитый кровью и слезами многовѣковой вексель, тогда вы можете быть увѣрены, что день развязки близокъ. Зарево пылающихъ дворянскихъ усадьбъ всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революціи, наносившей послѣдній ударъ крѣпостнически-самодержавному порядку и „красный пѣтухъ“ крестьянскаго мятежа долженъ былъ съиграть въ послѣдній разъ свою революціонную роль прежде, чѣмъ смогло на просторѣ развернуться красное знамя революціи пролетаріата.

Революція, на встрѣчу которой быстро идетъ современная Россія, будетъ буржуазной революціей въ томъ смыслѣ, что она окончательно очиститъ путь общественнаго развитія отъ всѣхъ историческихъ пережитковъ крѣпостнаго строя и дастъ полный просторъ развитію капитализма и порождаемой имъ классовой борьбѣ. Изъ всѣхъ признаковъ приближающейся революціонной катастрофы намъ до сихъ поръ не доставало только серьезныхъ взрывовъ „крестьянской войны“. Вспыхнувшее въ мартѣ широкое крестьянское движеніе въ южныхъ губерніяхъ заполнило этотъ пробѣлъ и дало возможность съ безошибочной увѣренностью подсчитать всѣ факторы надвигающагося на страну общественнаго переворота. Въ этомъ — крупное историческое значеніе недавнихъ крестьянскихъ волненій.

Правительственное сообщеніе объ этихъ волненіяхъ тщательно старается скрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія южно-русскихъ крестьянъ, была блестящая „продовольственная компанія“ Сипягина и его присныхъ, устранившихъ земство отъ заботъ по прокормленію голодающихъ. Послѣ того, какъ правительство бросило вызовъ всему обществу, отобравъ отъ земства продовольственное дѣло и запретивъ частную благотворительность, — послѣ этого ему, конечно, неудобно разоблачать тотъ фактъ, что его политика борьбы противъ помѣщичьяго земства привела къ столь непріятнымъ для помѣщиковъ послѣдствіямъ, какъ опустошеніе 80-ти съ лишнимъ имѣній. Тѣмъ усерднѣе правительственное сообщеніе старается остановить вниманіе публики на связи крестьянскихъ волненій съ революціонной пропагандой, причемъ, противъ обыкновенія, не умаляетъ значенія послѣдней, но, напротивъ, сильно раздуваетъ. Повѣрить правительственному сообщенію, такъ всѣ безпорядки и возникли-то только благодаря „книжкамъ“. Цѣль такого изображенія дѣла ясна сама собой — воспользоваться шкурнымъ страхомъ помѣщиковъ и возстановить ихъ противъ революціонныхъ партій. Ту же цѣль преслѣдуетъ и служащая какъ-бы комментаріемъ къ сообщенію статья „Московск. Вѣдом.“, озаглавленная „Плоды революціоной идеи“. Статья рисуетъ „образованнымъ классамъ“ всѣ ужасы „русскаго бунта безсмысленнаго и безпощаднаго“ и пытается, играя на струнѣ шкурнаго страха г. г. собственниковъ, убѣдить ихъ сплотиться около престола и порвать не только съ революціонерами, разжигающими соціальную борьбу, но и съ либералами, которые своими разговорами о законности и свободѣ только подрываютъ ту „соціальную дисциплину“, въ силу которой полагающіеся въ каждомъ благоустроенномъ — т. е. основанномъ на нищетѣ народа — обществѣ милліоны „варваровъ“ (на благозвучномъ языкѣ реакціонеровъ это имя означаетъ трудящуюся массу) не смѣютъ, даже будучи доведены до голода, посягать на собственность „культурныхъ людей“.

Называя крестьянскій бунтъ „безсмысленнымъ“, реакціонная газета утверждаетъ неправду. Не такъ ужъ нелѣпо что изголодавшійся человѣкъ, забывъ всякую „соціальную дисциплину“, отбираетъ хлѣбъ у тѣхъ, кому этотъ хлѣбъ служитъ средствомъ для ростовщически-кабальной эксплуатаціи. Но, можетъ быть, „Московск. Вѣдомости“ имѣютъ въ виду „безсмысленность“ стихійнаго, неорганизованнаго движенія, дающаго временный исходъ накипѣвшимъ чувствамъ, но не измѣняющаго ни на волосъ общественныхъ отношеній? Если такъ, то мы можемъ обнадежить „Московск. Вѣдомости“ ссылкой на русское рабочее движеніе. И оно нѣкогда начиналось съ „безсмысленныхъ“, т. е. неоформленныхъ движеній и въ немъ на первыхъ порахъ его развитія не было недостатка въ такихъ происшествіяхъ, какъ стихійный и разрушительный взрывъ ярости, вызванный появленіемъ первой соціалистической прокламаціи... Тѣмъ не менѣе, прошло всего нѣсколько лѣтъ и этотъ „безсмысленный“ элементъ исчезъ изъ рабочаго движенія и теперь уже каждое его крупное проявленіе означаетъ дальнѣйшее перераспредѣленіе общественныхъ силъ, усиленіе пролетаріата и ослабленіе буржуазіи и самодержавія. Исчезнетъ „безсмысленный“ элементъ и изъ крестьянскаго движенія.

Но что сказать о тѣхъ людяхъ, которые позволяютъ себѣ называть „безпощаднымъ“ возстаніе голодающихъ крестьянъ? Послѣ грандіозныхъ истязаній „бунтовщиковъ“, произведенныхъ кн. Оболенскимъ, послѣ разстрѣла крестьянъ подъ Полтавой только цинической насмѣшкой можетъ звучать это упоминаніе о „безпощадности“ бунта тѣхъ, кто согласно правительственному сообщенію, не совершили ни одного насилія во всемъ районѣ движенія, несмотря на то, что въ ихъ рукахъ находились жизнь и честь помѣщиковъ и ихъ семействъ. Но пусть остерегаются реакціонеры издѣваться надъ такой „безпощадностью. Послѣ Нарвскаго пораженія Петръ I благодарилъ своихъ „учителей“ шведовъ за то, что они научили его побѣждать врага. Одинъ два такихъ урока, какъ крестовый походъ князя Оболенскаго, сопровождаемый роскошными пиршествами господъ офицеровъ съ помѣщиками по случаю „побѣды и одолѣнія“ — и можно поручиться, что крестьяне усвоятъ себѣ въ совершенствѣ науку быть „безпощадными“ по отношенію къ побѣжденному врагу. Не даромъ, разсказываютъ, Воронежскіе крестьяне собрали розги, послужившія цѣлямъ возстановленія „соціальной дисциплины“, говоря, что онѣ имъ пригодятся, когда придется пороть нынѣшнихъ кнутобойцевъ.

Объ этомъ слѣдовало-бы подумать тѣмъ полтавскимъ и харьковскимъ помѣщикамъ, которые вопятъ о недостаточной свирѣпости царскихъ лакеевъ и требуютъ новыхъ и новыхъ жертвъ. Имъ не требуется большой проницательности и вовсе не нужно поступиться своими интересами, чтобы понять, что предстоящая реформа общественныхъ отношеній, которой сочувствуютъ всѣ сколько нибудь образованные слои ихъ класса, не можетъ не сопровождаться ликвидаціей всѣхъ запутанныхъ поземельныхъ отношеній, унаслѣдованныхъ отъ половинчатой „великой реформы“ 61-го года и порождающихъ всѣ тѣ поводы, которые вызываютъ и дѣлаютъ неизбѣжными всѣ большіе и малые крестьянскіе „бунты“. А разъ эта ликвидація неизбѣжна, разъ передъ Россіей ставится дилемма — или разрубить гордіевъ узелъ „крестьянскаго вопроса“, или обречь себя на вырожденіе, то политически-мыслящая часть землевладѣльцевъ поступила-бы благоразумнѣе, если-бы воспользовалась фактомъ крестьянскаго возстанія для усиленія своего натиска на правительство, для расширенія своей борьбы съ существующимъ режимомъ, вмѣсто того, чтобы молчаливымъ одобреніемъ совершенныхъ надъ крестьянами жестокостей сѣять въ побѣжденныхъ нынѣшняго дня жажду мщенія. Конечно, дѣло русской революціи и, въ частности, дѣло русскаго крестьянства обстояло-бы довольно плохо, если-бы его исходъ зависѣлъ отъ степени политическаго развитія тѣхъ классовъ, которые любятъ себя называть „образованными“ и которые въ соотвѣтствующій періодъ исторіи Западно-Европейскихъ странъ играли руководящую роль въ дѣлѣ общенаціональной борьбы за уничтоженіе сословно-крѣпостнаго и самодержавнаго режима. Къ счастью, у насъ положеніе иное. Послѣдній актъ великой исторической борьбы за превращеніе сословно-крѣпостнаго строя въ строй буржуазный разъигрывается у насъ въ такой моментъ, когда уже успѣлъ сильно подвинуться впередъ процессъ формированія того класса, который является „прирожденнымъ“ могильщикомъ этого буржуазнаго строя. Русскій пролетаріатъ уже стоитъ на ногахъ; онъ уже пріобрѣлъ значеніе важнаго фактора въ общественной жизни. 20 лѣтъ назадъ, указывая революціонерамъ на этотъ классъ, русскіе соціаль-демократы говорили: наша программа не жертвуетъ ни деревней, ни городомъ. Она указываетъ на лучшее средство для вовлеченія деревни въ русло историческаго движенія города.

Этимъ средствомъ было развитіе рабочаго движенія. И практика показала, какъ много дало это средство. То, чего не могла сдѣлать самоотверженная борьба людей 70-ыхъ г. г., то достигнуто „само собой“, какъ результатъ той „встряски“, какую задало всей Россіи рабочее движеніе, развивавшееся подъ знаменемъ программы, которая, если вѣрить ея противникамъ, „игнорировала“ деревню. Стоило только рабочему движенію охватить всѣ городскіе центры Россіи, стоило ему только революціонизировать всю окружающую городскую среду для того, чтобы и деревни коснулся пожаръ „разрушительныхъ“ идей, чтобы и деревенскій людъ услышалъ о „городской“ борьбѣ за свободу и отозвался на нее борьбой противъ своего вѣковаго угнетенія. Конечно, это воздѣйствіе городской революціи на деревенскіе „устои“ — устои рабскаго смиренія и азіатской пассивности — проявляется пока слишкомъ недостаточно. Сельскому люду пока еще достаются только крохи революціонныхъ идей, распространяющихся въ городѣ. Но важно уже и то, что не отвлекая значительной части своихъ силъ на непосредственную пропаганду въ деревнѣ, рабочее движеніе все же много сдѣлало косвенно для революціонизированія послѣдней. Сознавая это, русскіе соціаль-демократы должны возможно интенсивнѣе использовать для своей агитаціи тѣ новые элементы революціоннаго броженія, которые обнаружились въ мартовскихъ „бунтахъ“.

Это не значитъ, что мы должны непремѣнно перераспредѣлить свои организованныя силы и отрядить часть ихъ въ деревню. Для этого у насъ едва-ли хватитъ силъ, а задачи дня требуютъ концентраціи главнѣйшихъ силъ на борьбѣ въ городѣ. Но въ этой послѣдней борьбѣ мы должны больше прежняго заняться „крестьянскимъ дѣломъ“. Мы должны разоблачать передъ рабочими и другими недовольными группами преступность политики царизма по отношенію къ крестьянству, должны пригвождать къ позорному столбу всякое новое насиліе надъ крестьянами, каждое новое преступленіе противъ голодающихъ. Мы должны сдѣлать извѣстными всѣмъ рабочимъ массамъ всѣ подробности недавняго крестьянскаго возстанія, всѣ ужасы правительственныхъ расправъ надъ „бунтовщиками“. Мы должны, наконецъ, всячески пропагандировать ту программу политическихъ и соціальныхъ реформъ, проведеніе которой одно только радикально излечитъ русскую деревню отъ всѣхъ язвъ, порождающихъ ея нынѣшнюю безпомощность и нищету. Разумѣется, гдѣ можно, мы должны обращаться съ этой агитаціей и прямо къ сельскому населенію.*) Такъ, комитеты тѣхъ городовъ, въ которые лѣтомъ стекаются десятки тысячъ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, могли-бы безъ особыхъ затрудненій распространить среди нихъ рядъ воззваній и этимъ, между прочимъ, ознакомить большую массу крестьянъ съ Харьковскими и Полтавскими событіями.

Только партія пролетаріата можетъ выдвинуть противъ угнетающихъ русское крестьянство золъ сколько нибудь дѣйствительныя средства. Противъ бѣдствій, происходящихъ отъ совмѣщенія крѣпостнической, капиталистической и фискальной (казенной) эксплуатаціи, серьезно бороться можетъ лишь та партія, которой программа является по существу наиболѣе революціонной въ соціальномъ отношеніи, наиболѣе демократической въ политическомъ смыслѣ. Половинчатымъ реформамъ, которыя могутъ предложить крестьянамъ связанныя съ буржуазнымъ обществомъ либеральныя или народническія партіи, рабочая партія должна противопоставить программу коренной ломки всѣхъ „патріархальныхъ“ отношеній кабалы и опеки, программу полной демократизаціи деревенскаго строя. Читателю въ этомъ-же № предлагается проектъ соціаль-демократической аграрной программы, осуществленіе которой во всей полнотѣ сразу вырветъ крестьянство изъ обстановки крѣпостнаго варварства и создастъ для него условія нормальнаго развитія. Въ союзѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ крестьянство сможетъ добиться осуществленія этой программы, хотя-бы противъ него по желанію „Московск. Вѣдомостей“ — соединились всѣ силы классовъ, именующихъ себя образованными.

„Городское“ революціонное движеніе, вылившееся въ форму массовыхъ демонстрацій, поставило передъ пролетаріатомъ и примыкающей къ нему интеллигенціей вопросъ о конечномъ предѣлѣ этого движенія, о заключительномъ его моментѣ. Конечно, возможно, что самодержавіе уступитъ еще до приближенія этого заключительнаго момента. Но самая возможность такихъ уступокъ обусловливается реальностью этого момента, возможностью угрозы имъ. Такимъ моментомъ для движенія, подобнаго современному, является всероссійское возстаніе. Тѣ, кто считаютъ это послѣднее неосуществимымъ, ссылаются на мнимую непобѣдимость современнаго правительства въ уличной борьбѣ, вытекающую изъ чисто-техническаго военнаго превосходства. Но съ всероссійскимъ возстаніемъ въ городахъ, поддержаннымъ открытой революціей въ деревнѣ, едва-ли справится самодержавіе. Стоитъ только просмотрѣть описаніе событій въ южныхъ губерніяхъ, хотя-бы по правительственному сообщенію, чтобы убѣдиться, что разлившись по всей „сермяжной Руси“, крестьянское движеніе легко обезсилитъ самодержавіе и дастъ возможность нанести ему въ городѣ смертельный ударъ....

КРЕСТЬЯНСКІЯ ВОЛНЕНІЯ.

Въ дополненіе къ сообщенію, напечатанному въ № 20, приводимъ новыя письма о тѣхъ-же событіяхъ:

„Начинается крестьянская революція“, говорятъ мѣстные люди, и, право, я, какъ Вы знаете, до нѣкоторой степени скептикъ, колебался, какимъ именемъ назвать крестьянское движеніе въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. и Валковскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. Стану описывать событія такъ, какъ я слышалъ, предупреждая, что между различными разсказами, которые мнѣ пришлось слышать, есть противорѣчія. Чтобы судить о размѣрахъ движенія, скажу только, что изъ Харькова въ бунтующія деревни вывели всѣ войска, оставивъ только небольшіе отряды для караульной службы. Губернаторъ Оболенскій изъ Харькова и Полтавскій все время на мѣстѣ въ бунтующихъ деревняхъ. По словамъ одного лица, движеніе охватило 18 волостей; Помѣщики уѣзжаютъ не только изъ деревень, но и изъ города Валокъ. Обыватели забираютъ, что могутъ, и трогаются въ путь, бросая почти все имущество. Всѣ гостинницы въ Харьковѣ переполнены пріѣзжими помѣщиками. Мнѣ удалось видѣть одно лицо, пріѣхавшее изъ Валокъ. Эта особа видѣла всѣхъ Коробочекъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, двинувшихся со своихъ насиженныхъ мѣстъ. Какъ видите, уже по этимъ фактамъ можно судить, что явленіе это совершенно исключительное, тѣмъ болѣе, что несмотря на всѣ прилагаемыя мѣры, по словамъ нѣкоторыхъ лицъ, оно не прекращается, а правильной волной двигается съ юга на сѣверъ. Эту мѣстность поразилъ недородъ. Уже съ осени крестьяне стали чувствовать острую нужду, составляли общественные приговоры еще въ октябрѣ мѣсяцѣ и подавали по начальству. Какъ Вы знаете, по предложенію Мин. Внутр. Дѣлъ, продовольственное дѣло все было сосредоточено въ рукахъ администраціи, главнымъ образомъ въ рукахъ земскихъ начальниковъ, и всѣ единогласно признаютъ теперь, что единственная причина крестьянскаго движенія это то обстоятельство, что несмотря на всѣ ихъ просьбы и ходатайства, до сихъ поръ всѣ приговоры не получили дальнѣйшаго движенія. Изголодавшись, крестьяне, наконецъ, возстали, начали собираться огромными толпами въ нѣсколько тысячъ (это видѣли пріѣзжіе). Подойдетъ толпа къ барской усадьбѣ, вызоветъ хозяина и требуетъ, чтобы онъ со всѣмъ своимъ семействомъ сейчасъ-же уѣзжалъ: земля остается крестьянамъ, хлѣбъ и скотъ тутъ же дѣлится, все остальное имущество разламывается, а усадьба сжигается. И такъ повторяется всюду. Только одного помѣщика во всемъ Валковскомъ уѣздѣ пощадили, не тронули вовсе, потому что были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Но убивать — никого не убиваютъ. Говорятъ, избили одного земскаго начальника и онъ умеръ, какого-то управляющаго, но лицо, пріѣхавшее изъ Валокъ и слышавшее непосредственно изъ устъ администраціи, утверждаетъ, что это невѣрно, что крестьяне ведутъ себя замѣчательно корректно, за нѣсколько времени до всѣхъ этихъ событій они предупреждали нѣкоторыхъ помѣщиковъ, къ которымъ не питали особенной ненависти, чтобы они уѣзжали по добру, по здорову. Какъ началось это движеніе?

Вотъ вопросъ, который я задавалъ очень многимъ и получилъ разнорѣчивые отвѣты. Какъ я уже говорилъ, все движеніе имѣетъ своимъ основаніемъ полное невниманіе со стороны бюрократіи къ насущнѣйшей нуждѣ населенія, поводомъ-же въ различныхъ мѣстахъ были разныя явленія: этимъ я объясняю разнорѣчивость, но не противорѣчіе отвѣтовъ на вопросъ, какъ началось движеніе. По времени прежде всего оно проявилось, какъ кажется, въ селѣ Карловкѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Земли около этого села принадлежатъ Велик. Княг. Мекленбургской. Всего земли тысячъ 150-200 десятинъ. Изголодавшись, крестьяне стали домогаться отъ управленія, чтобы оно удовлетворило ихъ нужды; все больше и больше волновался народъ, такъ что подъ конецъ пріѣхалъ исправникъ усмирять волненіе. Исправникъ повелъ политику такъ, что крестьяне видимо съ нимъ согласились и даже отслужили молебенъ. Успокоенный администраторъ уѣхалъ, а черезъ день или два крестьяне обложили экономію, разгромили сахарный, винокуренный и еще какой-то заводъ и все сожгли, пригласивъ администрацію удалиться. Хлѣбъ и скотъ они подѣлили. Въ другихъ мѣстахъ были свои поводы: отказъ въ арендѣ, увеличеніе цѣнъ хлѣба и т. д. Волна движенія все растетъ и растетъ. О вліяніи какихъ-либо „вредныхъ“ элементовъ существуютъ только догадки, хотя, говорятъ, въ Харьковъ въ тюрьму привезли какихъ-то личностей, не то студентовъ, не то просто разночинцевъ. Говорятъ, среди крестьянъ ѣздила какая-то личность въ офицерской формѣ и читала, что крестьяне должны отнять землю. Легенды я слышалъ такого рода: будто осталось завѣщаніе Александра III, что землю крестьяне должны взять себѣ. Другая легенда: Николай II бѣжалъ заграницу, теперь царствуетъ Михаилъ, который объявилъ, чтобы крестьяне добывали себѣ землю своими средствами. Остается сказать мнѣ нѣсколько словъ еще относительно способовъ усмиренія. Безпощадная бойня, какъ опредѣлилъ пріѣзжій; сѣкутъ ужаснѣйшимъ образомъ. Валкская больница завалена человѣческимъ мясомъ. Ходятъ слухи о повѣшенныхъ, объ убитыхъ, называютъ числа 6-36 и болѣе, но достовѣрно узнать что-либо нельзя. Въ этотъ уѣздъ (Валковскій) никого не пускаютъ. На станціи желѣзной дор. стоятъ жандармы и солдаты, возвращаютъ пассажировъ обратно. Иногда обыскиваютъ и арестовываютъ. Такъ арестована фельдшерица Дьяченко“.

Другой корреспондентъ пишетъ:

Недѣли двѣ какъ Полтава занята разговорами о крестьянскихъ волненіяхъ. Волненія начались съ селеній, расположенныхъ вокругъ громадной Карловской экономіи, управляющій которой захотѣлъ повысить арендную плату за землю, и мало-по-малу распространялись по сосѣднимъ селеніямъ и волостямъ, скоро охвативъ четыре волости (цѣликомъ) Константиноградскаго уѣзда. Значительный районъ захваченъ и въ Полтавскомъ уѣз., менѣе широкіе размѣры имѣло движеніе въ Лубенскомъ и Харьковскомъ уѣз. Настоящій „бунтъ“ однако былъ довольно оригинальнымъ: сравнительно мало было даже поджоговъ (помѣщичьихъ амбаровъ, сушиленъ и т. д.), о насиліяхъ надъ кѣмъ бы то ни было со стороны крестьянъ говорить не приходится: развѣ только въ самой Карловкѣ управляющій, бросившійся на крестьянъ съ руганью и кулаками, подвергся избіенію. Все вниманіе изголодавшихся крестьянъ обращено было на хлѣбъ, даромъ валявшійся въ громадномъ количествѣ въ амбарахъ экономіи. Они являлись къ послѣднимъ съ повозками, обращались къ помѣщикамъ или управляющимъ съ предложеніемъ отпереть амбаръ и добровольно выдать имъ часть хлѣба и только въ случаѣ отказа сами отбивали замки, наполняли свои телѣги и отвозили домой. Въ этомъ въ сущности и состоялъ весь „бунтъ". Въ Чутовѣ, правда, были кромѣ того разбиты двѣ русскихъ лавки, но повторяю факты такого насильственнаго характера были совсѣмъ рѣдки, единичны. А, напримѣръ, помѣщика Чеснока, всегда хорошо относившагося къ крестьянамъ и постоянно помогавшаго имъ, они совсѣмъ не тронули. Въ другомъ мѣстѣ, около с. Коломака (Полт. уѣз) помѣщикъ спрашивалъ крестьянъ, когда же они къ нему придутъ за хлѣбомъ, но послѣдніе отвѣчали, что они его трогать не будутъ, т. к. онъ имъ полезенъ своими хлопотами по открытію школъ и др. просвѣтительныхъ учрежденій. Все это неподлежащіе сомнѣнію факты, опредѣленно рисующіе настроеніе крестьянъ и ихъ планъ дѣйствій.

---

*) Кстати. Неизвѣстный намъ корреспондентъ сообщаетъ объ успѣхѣ, которымъ пользуется среди крестьянъ Харьковской, Полтавской и др. губерній изданная нашей организаціей брошюра „Правда о бѣдствіяхъ простого народа“.

Ну, конечно, власти всполошились и тотчасъ же вызвали войска, которыхъ настойчиво требовали перепуганные и озлобленные помѣщики. Губернаторъ, прокурорскія и жандармскія власти, большая часть полицейскаго начальства, забравъ съ собою большую половину войска, находившагося въ городѣ, покинули Полтаву и разбрелись по губерніи. Ежедневно являлись въ Полтаву новые „ограбленные" помѣщики: они громко обвиняли губернатора въ бездѣйствіи, увѣряли, что среди крестьянъ давно ведется пропаганда — уже года. два, что всѣ знали о подготовлявшемся бунтѣ, что давно уже надо было принять строгія мѣры, что и теперь, если бы съ перваго же дня приняться за стрѣльбу и сѣченіе, то бунтъ тотчасъ же бы прекратился, а не началъ распространяться.

Если бы эти помѣщики могли на минутку оказаться отъ близорукого взгляда на вещи, то въ крестьянскомъ бунтѣ они увидѣли не актъ чьей либо злой воли, а стихійное движеніе, вызванное постоянными голодовками, крайней степенью нищеты крестьянскаго населенія, безвыходностью ихъ положенія. Не даромъ же когда губернаторъ обратился къ толпѣ крестьянъ съ требованіемъ разойтись подъ угрозой стрѣльбы, эта толпа лицомъ къ лицу съ войскомъ отвѣчала: „Стрѣляйте, намъ нечего терять." Не даромъ на вопросъ того же губернатора о зачинщикахъ и руководителяхъ, крестьяне отвѣчали, что у нихъ нѣтъ вожаковъ, что пусть наказываютъ всѣхъ. Не даромъ, наконецъ, крестьяне, зная, что въ другихъ мѣстахъ на самомъ дѣлѣ была стрѣльба, что тамъ тоже началась порка, и порка ужасная, что и на нихъ идетъ войско, остаются совершенно спокойными и продолжаютъ увозить изъ экономій хлѣбъ, продолжаютъ „грабить несчастныхъ помѣщиковъ", и новыя селенія назначаютъ день, когда имъ ѣхать въ еще нетронутую экономію за хлѣбомъ. Что этотъ грабежъ есть слѣдствіе просто голода, на это указываетъ и то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне предлагали помѣщикамъ плату за хлѣбъ (правда очень низкую), — что же имъ дѣлать, если они не могутъ предложить имъ большей? Вѣдь выбирать приходится между смертью и „грабежемъ".

А что касается до „недостатка строгихъ мѣръ" (по словамъ г. г. помѣщиковъ), то пусть говорятъ факты: Въ Ковалевкѣ напр., когда на требованіе властей возвратить забранный хлѣбъ, со стороны крестьянъ послѣдовалъ отказъ, войску отданъ былъ приказъ стрѣлять: убиты тутъ же три человѣка, одинъ раненый двумя пулями и проколотый штыкомъ, привезенный въ Полтавскую больницу чрезъ нѣсколько часовъ умеръ; а съ другимъ тяжело раненымъ не знаю что случилось. Затѣмъ началось сѣченіе. Порка происходила и въ Васильевкѣ: лозинокъ искать некогда было, поэтому били первыми попавшимися сучковатыми вѣтвями достаточной длины и толщины и въ силу этого (пользуясь деликатнымъ выраженіемъ доктора) „цѣлость кожи у всѣхъ наказанныхъ нарушена". Пороли такъ, что изо рта, изъ носа обильно текла кровь, — послѣ порки крестьяне вставали сплошь почернѣвшіе: иногда давали по сотнѣ и по двѣ ударовъ.

Упорно утверждаютъ — и повидимому, это такъ и есть — что нѣсколько человѣкъ, глубоко униженные сѣченіемъ, предпочли повѣситься. Порка была въ той же самой Карловкѣ, хотя и послѣ нея, по уходѣ войскъ крестьяне вновь принялись за свое. Сѣкли не всегда по назначенію: привели (въ Карловкѣ) къ губернатору старосту, котораго тотъ приказалъ тутъ же высѣчь. Послѣ экзекуціи староста спрашиваетъ, кого же хотѣли сѣчь: оказалось, совсѣмъ не то лицо. Сѣкли и женщинъ... Но все это недостаточно строго по мнѣнію помѣщиковъ. Они то и дѣло обращаются къ начальнику жандармскаго управленія, а тотъ даетъ имъ честное слово „доискаться корней" хотя и сознается, что теперь у нихъ свѣдѣній никакихъ не имѣется. Однако, отсутствіе какихъ-либо данныхъ не помѣшало ему заключить въ тюрьму пять человѣкъ. Затѣмъ — какъ разъ наканунѣ славной смерти Сипягина — здѣшніе помѣщики послали ему одиннадцать телеграммъ, взывая о помощи. Они же собрались подъ предсѣдательствомъ кн. Эристова (предводителя) и послали на высочайшее имя жалобу. Ихъ слѣпота доходитъ до такой степени, что жена одного земскаго начальника и помѣщика г-жа Бѣлевичъ (въ театрѣ) сообщаетъ: „Знаете, поймали 25 самыхъ что ни на есть главныхъ зачинщиковъ, а губернаторъ ихъ отпустилъ; да и понятно: онъ вѣдь и самъ изъ нихъ" (это фактъ, я его привожу, какъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ, быть можетъ, нѣсколько каррикатурныхъ иллюстрацій безсмысленной фантазіи). Фактическая подкладка этого сообщенія такова: были арестованы сорокъ пять „зачинщиковъ", изъ нихъ двадцать пять человѣкъ убѣжали; остальные двадцать сидятъ въ тюрьмѣ.

Вотъ, собственно говоря, все крестьянское возстаніе. Вполнѣ оно еще не закончилось, но новаго ничего, конечно, болѣе не произойдетъ. Какъ же реагировалъ на него нашъ городъ? Несомнѣнно, нѣкоторая часть очень волновалась, — безпокоилась и въ головахъ бродили неспокойныя и немирныя мысли. Но внѣшнимъ проявленіемъ такого психическаго состоянія до сего времени было только выпущенное воззваніе къ обществу, производящее, кажется, хорошее впечатлѣніе. Тамъ и сямъ поговаривали объ уличной манифестаціи, — но тѣмъ дѣло пока ограничилось, какъ ни сознавали многіе ея полезность, умѣстность и даже сравнительную легкость (въ виду отсутствія въ городѣ большей части войска и нѣкоторой растерянности властей.). Бездѣятельность эта, можетъ быть, объясняется неопредѣленностью положенія, незнаніемъ въ сущности, какъ держать себя по отношенію къ такимъ крестьянскимъ движеніямъ, въ которыхъ или совсѣмъ никакія требованія не выставляются или же выставляются требованія, вполнѣ неосуществимыя при данныхъ условіяхъ. Ясно одно только: нужно симпатизировать крестьянамъ, но что нужно дѣлать, чтобы такого рода недовольство крестьянъ не пропадало даромъ и шло на пользу революціонному дѣлу, это вызываетъ много споровъ и сомнѣній. Мнѣ кажется, что все это движеніе лишній разъ подчеркиваетъ возможность и необходимость революціонной планомѣрной работы въ деревнѣ, — лишній разъ напоминаетъ о томъ, что нужно на столбцахъ революціонной газеты отводить больше мѣста вопросамъ и нуждамъ крестьянскаго положенія.

Еще сообщеніе:

„Въ Ковалевкѣ солдатъ встрѣтили мужики. Толпѣ предложено было разойтись, крестьяне отказались это сдѣлать. Когда офицеръ Перейша, командовавшій ротою, сказалъ, что будетъ стрѣлять, крестьяне ему отвѣтили: „Нѣтъ, теперь не такое время, чтобы въ насъ стрѣлять". А солдатамъ они сказали: „Мы васъ кормили до 21 года, а теперь вы будете убивать вашихъ отцовъ! А потомъ опять къ намъ-же придете хлѣбъ ѣсть". По командѣ офицера раздался залпъ — трое убито, 20 ранено, изъ нихъ двое уже умерли въ больницѣ.

Полтавскій губернаторъ, пріѣхавъ въ одну изъ деревень близь Полтавы, потребовалъ къ себѣ старосту. Тотъ сидитъ у себя дома и что-то работаетъ. Ему говорятъ: „Тебя губернаторъ зоветъ". Крестьянинъ отвѣчаетъ: „Теперь другія времена пришли; коли ему нужно, пусть ко мнѣ идетъ, я его не звалъ". Губернаторъ, отправился въ хату и говоритъ: „Ты знаешь, кто я?" Староста отвѣчаетъ: „Панъ". Губернаторъ на это: „Не только панъ, но и полтавскій губернаторъ". Староста: „А мнѣ что за дѣло. Если пришли, то говорите, что нужно — а я васъ не звалъ". Его забрали и увезли въ полтавскую тюрьму.

Сегодня одинъ солдатъ орловскаго полка, вернувшійся въ Полтаву, разсказывалъ, что войско съ губернаторомъ Бельгардомъ во главѣ успѣло пройти 13 деревень. Когда является губернаторъ, вся деревня становится на колѣни и проситъ о пощадѣ, — говорятъ: „Студенты насъ научили". Потомъ происходитъ порка. Сперва порятъ чиновъ сельской администраціи, потомъ „зачинщиковъ", если таковые находятся — даютъ по 200-250 розогъ. Въ Ковалевкѣ перепороли зачинщиковъ, крестьяне поклялись убить управителя, который ихъ выдалъ. Войско, по словамъ солдата, всю Пасху остается въ губерніи.

Все стоявшее въ Полтавѣ войско ушло въ губернію, въ Полтаву перевезены драгуны изъ Харькова и сотни три харьковскихъ казаковъ.

Въ Полтаву пріѣзжаютъ на базаръ много крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень. На вопросъ о прокламаціяхъ, распространявшихся у нихъ, одни говорятъ: „У насъ не было никакихъ прокламацій, а была бумага отъ царя, въ которой написано: по указу Его Императорскаго Величества". Эти крестьяне разсказываютъ слѣдующее: Еще Александръ II хотѣлъ подѣлить поровну землю, но ему сначала помѣшали паны, а потомъ онъ самъ не захотѣлъ дѣлить. Позже имъ всетаки была написана бумага о дѣлежѣ земли, но Александръ III спряталъ ее. За Николая наша царица потому не хотѣла выходить замужъ, что требовала, чтобы у насъ все было подѣлено, какъ у нихъ — земли у всѣхъ поровну, но Николай этого не хотѣлъ. Теперь царь уѣхалъ на три мѣсяца заграницу и говоритъ: вы теперь все подѣлите, а я пріѣду и все оформлю. Другіе-же крестьяне разсказывали дѣло иначе: Въ прокламаціяхъ, говорятъ они, у насъ было сказано: земля должна принадлежать всему трудящемуся населенію, т. е. мужикамъ, которые трудятся. Но она несправедливо принадлежитъ панамъ. Выводъ отсюда тотъ, что нужно отнять землю у пановъ и подѣлить между трудящимся населеніемъ. Но этому будутъ мѣшать всѣ тѣ, кому это невыгодно: а невыгодно это панамъ, войсковымъ начальникамъ, министрамъ, царю. Для того, чтобы отнять землю, надо силой дѣйствовать (по другой версіи — надо ихъ всѣхъ убивать).

Относительно того, откуда имъ данъ толчекъ къ волненіямъ, одни крестьяне говорятъ: намъ царь велѣлъ, — другіе говорятъ: „намъ централъ нашъ велѣлъ", „централка наша велѣла". Бабы разсказывали, что видѣли, какъ студенты ходили по полямъ, раскидывали прокламаціи. Были среди крестьянъ и такіе, напримѣръ разговоры, что они ждутъ отрядъ въ 300 студентовъ на помощь.

Теперь крестьяне всѣхъ деревень, въ которыхъ производилась порка, заявляютъ, что на Пасху они сравняютъ съ землею Полтаву, Харьковъ, Кіевъ. „Казна распашетъ, а мы подѣлимъ". Послѣ порки озлобленіе у крестьянъ повышается. Приходится слышать отъ крестьянъ и слѣдующія заявленія: „Мы будемъ праздновать 1-ое Мая, къ намъ рабочіе и студенты придутъ изъ города".

Въ связи съ крестьянскими волненіями въ Полтавѣ арестованы студенты Баумштейнъ и Алексеенко. Баумштейнъ былъ репетиторомъ въ Карловкѣ, занимался съ сыномъ управляющаго Шейдемана. Когда начались волненія Шейдеманъ посовѣтовалъ ему уѣхать въ Полтаву. Черезъ полчаса по пріѣздѣ въ Полтаву къ нему явились власти и арестовали его. Алексеенко — сынъ богатаго помѣщика, къ которому крестьяне также явились съ требованіемъ ключей. Арестованы были еще двое поднадзорныхъ, которые изъ любопытства поѣхали въ Карловку.

Волненіемъ, характера совершенно аналогичнаго съ Полтавской губерніей, охвачены, кромѣ Харьковской губерніи, еще слѣдующія: Саратовская, Кіевская, Черниговская, Воронежская, Тамбовская, Тульская и Московская. Въ Тамбовской губерніи волненія начались раньше чѣмъ въ другихъ, но войска стоятъ тамъ еще по сію пору. Безпорядки вездѣ одного характера — крестьяне требуютъ ключи, дѣлятъ припасы, землю — же дѣлить не успѣваютъ, потому что является войско и этому мѣшаетъ".

„**Крестьянское движеніе** — пишутъ намъ еще — началось у въ послѣднихъ числахъ марта 1902 г. сперва въ Карловкѣ Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губ., гдѣ находится имѣніе великихъ князей Мекленбургъ-Стрелицкихъ (около 40.000 дес.). Незадолго передъ этимъ въ с. Карловку возвратилось 300 чел. крестьянъ, послѣ крайне неудачной попытки переселиться въ Уфимскую губ. Нечего и говорить, что положеніе обратныхъ переселенцевъ было по истинѣ ужаснымъ. Они остались почти безъ всякихъ средствъ къ жизни. Многимъ однако удалось кой-какъ устроиться и даже вспахать себѣ съ осени немного земли. Весной-же они надѣялись получить сѣмянную ссуду для посѣва... но ссуды не дождались и принуждены были на занятыя деньги покупать сѣмена для уже вспаханныхъ полей. Обратились они между прочимъ и къ управляющему великокняжескимъ имѣніемъ Шейдеману. Тотъ, пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, заломилъ съ нихъ страшную цѣну, а затѣмъ даже и совсѣмъ отказалъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, продать сѣмянъ. На этой почвѣ и возникла первая попытка крестьянъ возстановить нарушенную справедливость. Они выѣхали съ плугами и запахали 2000 дес. княжеской земли и набрали себѣ изъ княжескихъ-же амбаровъ сѣмянъ для посѣва.

Затѣмъ крестьянское волненіе съ поразительной быстротой разлилось по Константиноградскому уѣзду, проникло въ Валковскій уѣздъ Харьковской губ. и охватило его почти цѣликомъ. Въ Полтавской губ. почва для такого сильнаго движенія отчасти была подготовлена ходившей среди крестьянъ нелегальной литературой. Быстрое — же развитіе волненій въ Валковскомъ уѣздѣ объясняется новой продовольственной системой. Этотъ уѣздъ, и безъ того стоящій на низкомъ уровнѣ экономическаго благосостоянія, постигъ сильный неурожай. Были составлены по волостямъ списки нуждающихся въ ссудахъ на обсѣмененіе полей, но эти списки до сихъ поръ еще лежатъ въ г. Валкахъ, хотя время посѣва давно уже прошло. Такъ ведутся въ Россіи „продовольственныя компаніи".

Всюду крестьянскія волненія вылились въ одну форму — забиранія изъ помѣщичьихъ экономій сѣмянъ, орудій, скота и т. п. и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разграбленія и сожженія самихъ усадебъ. Сцены происходили оригинальныя: являются мужики въ имѣніе (обыкновенно верстъ за 10-12) и безъ всякаго насилія, драки, шума начинаютъ разбирать „панское добро", какъ-бы возвращая этимъ себѣ отнятую у нихъ прибавочную стоимость. Помѣщики-же или загодя удираютъ, или сидятъ смирно. А вслѣдъ удирающему помѣщику несутся насмѣшливые крики: тикай, панъ, тикай! Достовѣрно извѣстно о такомъ разбираніи слѣдующихъ имѣній: Воликова (Полтавск. губ.), Павлова (с. Нагорное, Полт. губ.), Глушкова (земск. нач. Валковск. уѣзда), Орлова (с. Михайловка, Валк. уѣзда), Задонскаго, Сухомлинова (близь Миньковки), Кузьминова (близь Снѣжкова), Почтеннаго (близь села Ковучъ), Корсуна (богатѣй мужикъ, близь Огульцовъ, сожжено все до тла), Духовскаго (с. Мерчикъ), Фюлера (земск. нач. около Валокъ, усадьба сожжена) сахарный заводъ, Молдавскаго (близь Коломака) паровая мельница Кузьминова (близь Валокъ), сахарный заводъ Кенига (с. Гуты, Богодуховск. у.). Списокъ этотъ во всякомъ случаѣ не полонъ, въ особенности для Полтавской губерніи. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ на выручку помѣщиковъ подоспѣли войска (всего изъ Харькова послано болѣе 2 полковъ и почти весь казачій полкъ). Такъ, казаки охранили имѣнія кн. Голицына и Ширкова (Стар. Водолачи), Шидловскаго (с. Знаменское); здѣсь становой до прибытія казаковъ успѣлъ поссорить „ближнихъ" и „дальнихъ" крестьянъ), фабрику Кузнецова (с. Буды) и нѣсколько экономій вокругъ с. Гуляй-поле (Зміевск. уѣзда). Въ имѣніи кн. Святополка Мірскаго (близь Люботина) даже стояла артиллерія.

Съ прибытіемъ войскъ картина быстро мѣняется и начинается массовое и звѣрское избіеніе крестьянъ. Казаки даже прибѣгали къ обманамъ. Явившись, напр., въ с. Знаменское они заявили что сейчасъ губернаторъ будетъ читать „манифестъ" и чтобы крестьяне собрались для этого въ одно мѣсто. Когда мужики собрались, ихъ оцѣпили и избили самымъ звѣрскимъ образомъ. Въ селѣ Стар. Водолачѣ харьковскій губернаторъ кн. Оболенскій, пробывшій на мѣстѣ волненій болѣе недѣли, выбралъ 15 крестьянъ, болѣе виновныхъ по его мнѣнію, и велѣлъ высѣчь. Это продолжается и теперь. Отбираютъ у крестьянъ помѣщичье добро и сѣкутъ безпощадно. Иные приходили съ повинной и возвращать „награбленное", но и ихъ не жалѣли. Теперь крестьяне ночью вывозятъ все, что нельзя спрятать, въ овраги и т. п. и бросаютъ. Вообще-же настроеніе очень приподнятое. Крестьяне сами поражены такимъ необыкновеннымъ явленіемъ въ своей жизни. Многіе успѣли передѣлать попавшіе имъ нелегальные листки въ „манифестъ" отъ царя, написанный золотыми буквами (иначе непонятны всѣ толки и царской золотой грамотѣ, отдающей имъ всю помѣщичью землю). Но жестокости и безнаказанныя буйства казаковъ заставляютъ ихъ думать, что всѣ „начальства" за помѣщиковъ, а не за крестьянъ. О вооруженномъ сопротивленіи войскамъ ничего не слышно. Извѣстны только 2 случая, когда застрѣлили подъ убѣгавшими крестьянами лошадей. Казаки вели себя ужасно: сами били крестьянъ, грабили ихъ, насильничали надъ женщинами. Никакія жалобы, конечно, не помогали. Да и какія тутъ жалобы, когда само его сіятельство кн. Оболенскій заявлялъ высѣченнымъ крестьянамъ: „Это вамъ, мерзавцы, по 30 плетей за то, что грабили, а еще по 30 отъ меня!" Этотъ Оболенскій такъ зарвался, что перешелъ границы Высочайше ввѣренной ему губерніи: началъ пороть крестьянъ Полтавской губ. и высѣкъ даже одного старшину, не пожелавшаго къ нему явиться. Полтавскій же губернаторъ Бельградъ велъ себя человѣчнѣе за что, по слухамъ, будетъ смѣщенъ. По крайней мѣрѣ нѣсколько полтавскихъ помѣщиковъ послали министру Внутр. Дѣлъ телеграфную жалобу на бездѣйствіе властей. Питерскія власти всѣмъ этимъ сильно встревожены."

Послѣ пріѣзда Плеве въ Полтаву, Бельгардъ уволенъ отъ должности (Ред.).

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изъ Полтавы (отъ 17-го апрѣля).

„У насъ министръ (Плеве). Пока онъ еще ничѣмъ не проявилъ себя. Съ пятницы (стар. ст.) здѣсь и вице-директоръ Департ. Полиціи Поярковъ и членъ консультаціи при Министерст. Юстиціи. Происходятъ какія-то таинственныя совѣщанія въ Жандармскомъ Управленіи. По всему вѣроятію дѣло о демонстраціи въ театрѣ будетъ разрѣшено здѣсь теперь же, и нѣтъ сомнѣнія, что приговоръ не будетъ отличаться мягкостью; надо думать, что многимъ придется уѣхать отсюда. О деревнѣ ничего не слышно, войска еще тамъ, но городъ, городъ совсѣмъ на военномъ положеніи! Днемъ и ночью непрерывно ходятъ патрули. Населеніе терроризировано и клянетъ „студентовъ". Право, по глубинѣ пониманія событій здѣшнее интеллигентное общество хуже мужиковъ. Никогда не случалось видѣть такой грязи. Вотъ, напр., въ субботу былъ пойманъ какой-то молодой человѣкъ, бросавшій ночью прокламаціи въ ящики для писемъ, пойманъ офицеромъ, который 4 ночи караулилъ съ 4-мя солдатами у дверей своей квартиры. Каковъ? Арестованный былъ побитъ городовыми и помощникомъ пристава въ части, затѣмъ отправленъ въ тюрьму. Привезли много крестьянъ и возятъ еще; всѣ въ тюрьмѣ.

Въ день пріѣзда министра правитель его канцеляріи нагрянулъ съ ревизіей въ статистическое бюро и затребовалъ списки служащихъ, регистраторовъ и проч"....

Изъ Константинограда (Полтавской губ.).

„Имѣніе Трепке разнесли и разграбили, даже постройки. Имѣніе С. И. Гриневича тоже, но построекъ не тронули. Карловку тоже. О карловскомъ управляющемъ Шейдеманѣ говорятъ разно: то, что онъ убитъ, — то, что онъ бѣжалъ и скрылся. Въ Константиноградъ вытребованы солдаты, въ Карловку тоже. Губернск. предвод. Джунковскій и вся мѣстная администрація собрались въ Карловкѣ.... Климовцы приходили къ земскому начальнику, у котораго они арендуютъ землю за совѣтомъ, что имъ предпринять. Они получили письма, что если они не примутъ участія въ бунтѣ, то Климовка 15-го числа будетъ горѣть со всѣхъ сторонъ.

На сходкахъ, не стѣсняясь говорятъ, что судовъ не будетъ, что будетъ такъ, какъ во Франціи(?) и что землю всю раздѣлятъ. Тяжелое время переживается теперь, много погибнетъ народу. Въ Карловкѣ были пущены въ ходъ ружья. Было нѣсколько убитыхъ, но, говорятъ, что это мало повліяло; говорятъ, если теперь не удастся, то когда поспѣетъ пшеница, будемъ возить ее съ экономической земли себѣ. Чернещане начинаютъ также волноваться".....

Объ усмиреніи крестьянъ въ Валковскомъ у. Харьковской губ. разсказываютъ такія вещи:

„Губернаторъ кн. Оболенскій (русскій Китчинеръ) сжегъ деревню, три деревни пересѣкъ поголовно: и мужиковъ, и стариковъ, дѣтей и дѣвушекъ. Было нѣсколько случаевъ самоубійствъ. Пріѣхавшій съ „театра военныхъ дѣйствій" офицеръ, говорилъ, что сѣкутъ такъ, что куски мяса отваливаются. Нѣкоторыхъ засѣкли до смерти. Сѣкутъ полицейскія власти и казаки. Солдаты расквартированы по деревнямъ. Питаются за счетъ крестьянъ. Отряды ходятъ по крестьянамъ, обыскиваютъ, отбираютъ взятый у помѣщиковъ хлѣбъ. Занимаются этимъ солдаты неохотно, иногда чисто формальнымъ образомъ.

О крестьянскихъ волненіяхъ у насъ въ городѣ ходитъ масса слуховъ. Распространеніемъ таковыхъ, между прочимъ, занимаются и жандармы. Такъ, будто-бы Плеве разсказывалъ въ присутствіи нашего ротмистра, что крестьяне, разочаровавшись въ исходѣ бунта, повѣсили 12 „агитаторовъ".

Отъ жандармовъ-же исходятъ слухи о „генералахъ на бѣлыхъ лошадяхъ", распространявшихъ среди крестьянъ „манифесты" и пр.

Воронежъ. Намъ пишутъ по поводу бывшихъ недавно крестьянскихъ волненій:

Крестьяне села Новаго и Стараго Курлака при выходѣ на волю получили даровой нищенскій надѣлъ: на каждую ревизскую душу во всѣхъ трехъ поляхъ имъ было дано всего только двѣ трети десятины (20 саж. на 80 саж.). Передѣлъ земли въ этихъ селахъ не производится и потому здѣсь нерѣдко встрѣчаются многосемейные дворы, у которыхъ всего 1-2 душевыхъ надѣла, а болѣе молодыя семьи, отдѣлившіяся отъ старыхъ, сидятъ совсѣмъ безъ земли. При такомъ страшномъ малоземельѣ вполнѣ понятна та крѣпостническая зависимость, въ которой находятся эти крестьяне отъ большой экономіи Станкевича съ ея 23 тысячами десят. земли. Нужно обладать особымъ расположеніемъ и благоволеніемъ экономіи, чтобы получить небольшой клочекъ барской земли въ аренду. До нынѣшняго года у Станкевича практиковалась такая система сдачи земли: крестьянинъ получалъ въ аренду 1 десятину земли безъ денегъ и за это долженъ былъ обработать (т. е. вспахать, посѣять и убрать хлѣбъ) въ пользу Станкевича одну десятину и 13 саж. на 80 саж., т. е. почти полторы десятины. И только тогда, въ видѣ особой милости, онъ получалъ въ аренду 1-2 десят. уже за деньги: по 8-10 руб. за десятину. Теперь, съ поступленіемъ новаго управляющаго, крестьяне должны обработать за каждую десятину только одну десятину въ пользу помѣщика, но за то денежная арендная плата за каждую излишнюю десятину повышена до 12 руб. 50 коп. Такимъ образомъ выходитъ, что для Курлакскихъ крестьянъ крѣпостное право не отмѣнено: изъ каждыхъ 6-ти дней въ недѣлю они 3-4 дня должны быть заняты барской работой и только остальное время они тратятъ на себя. И въ прежнее время, при существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ не могъ заставлять своихъ крестьянъ работать на барщинѣ болѣе 3 дней въ недѣлю.

А между тѣмъ было время, когда Курлакскіе крестьяне были вольные люди, всѣ 23 тысячи десятинъ барской земли принадлежали только имъ, но въ 1797 г. полоумный русскій императоръ Павелъ 1-ый подарилъ крестьянъ и всю ихъ землю своему любимцу Кушелеву-Безбородко, который впослѣдствіи продалъ за безцѣнокъ Станкевичамъ эту пожалованную землю. Считая, что они пожалованы были только на сто лѣтъ, крестьяне и требуютъ теперь у Станкевича возвращенія 23 тысячъ десятинъ земли, а правительство на это требованіе отвѣтило имъ розгой и арестами... Стало быть одинъ императоръ отдалъ Курлакскихъ крестьянъ въ неволю, а теперь, съ вѣдома другого, проливается крестьянская кровь... Приведемъ нѣкоторыя подробности, касающіяся самой экзекуціи.

Первоначальный списокъ, крестьянъ, подлежащихъ экзекуціи, былъ составленъ уѣзднымъ исправникомъ Клокачевымъ,*) а затѣмъ онъ былъ утвержденъ вице-губернаторомъ Хвостовымъ. Въ качествѣ палачей были приглашены: урядникъ Алексѣй Ивановъ (живетъ въ селѣ Щучьѣ, Бобровскаго уѣзда) и городовой Григорій Кошелевъ, причемъ оба они были переодѣты въ штатское платье. Этимъ переодѣваніемъ начальство, очевидно, хотѣло избавить палачей отъ грозящей имъ народной мести, но палачи скоро были узнаны. При исполненіи своихъ гнусныхъ обязанностей особеннымъ звѣрствомъ отличался урядникъ Алексѣй Ивановъ; наоборотъ, Кошелевъ упорно отказывался отъ возлагаемаго на него порученія и даже плакалъ.

По заявленію очевидцевъ, наказывали таловыми прутьями съ плохо обрѣзанными сучками, и эти сучки причиняли страшную боль. Всѣ наказываемые, кромѣ одного, громко стонали: у всѣхъ тѣло послѣ первыхъ ударовъ дѣлалось черно-багровымъ, а у многихъ текла кровь. У несчастнаго Малахова было потомъ вынуто изъ тѣла его женою до 40 заноsъ. Съ нѣкоторыми сдѣлался во время экзекуціи обморокъ, такъ что ихъ подняли потомъ на рукахъ. Какъ до экзекуціи, такъ и послѣ никто не былъ осмотрѣнъ врачемъ, хотя передъ началомъ экзекуціи одинъ офицеръ громко сказалъ, что по закону нужно предварительно всѣхъ осмотрѣть. Слова офицера произвели было замѣшательство; но стоявшій возлѣ вицегубернатора военный врачъ Чериковѣръ отвѣтилъ: „нѣтъ, этого по закону не полагается“, и протестующаго офицера оттѣснили подальше отъ толпы. Понесъ-ли какую кару этотъ офицеръ за высказанное имъ участіе, неизвѣстно, но только дознано, что одинъ изъ офицеровъ потомъ 3 дня сидѣлъ въ арестанской при Курлаковскомъ Волостномъ правленіи. Во время экзекуціи одинъ изъ унтеръ-офицеровъ нѣсколько разъ говорилъ окружающимъ крестьянамъ, что солдаты стрѣлять въ народъ не станутъ. Сообщимъ кстати еще одинъ характерный фактъ: когда офицера ѣхали въ Курлакъ по желѣзной дорогѣ изъ Воронежа, то двое подвыпившихъ офицеровъ подошли къ вице-губернатору и сказали ему заплетающимся языкомъ: „Ваше Превосходительство, мы надѣемся, что справедливость восторжествуетъ благодаря гуманности, а не жестокости!“

На другой день послѣ экзекуціи по просьбѣ крестьянъ былъ отслуженъ молебенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ говорили крестьяне, „пролита была наша кровь“. Начальство, видя въ этой просьбѣ нѣчто въ родѣ раскаянія, разрѣшило этотъ молебенъ и только послѣ спохватилось, что молебенъ „на мѣстѣ пролитой крови“ носилъ демонстративный характеръ.

Крестьяне до сихъ поръ отъ притязаній на землю не отказываются, а предполагаютъ весною пахать барскую землю.

Войска продолжаютъ проживать въ Курлакѣ на счетъ Станкевича, который устраиваетъ въ честь начальства роскошныя пиршества. „Усмирители“ (въ особенности 17 человѣкъ офицеровъ) пьянствуютъ, цѣлый день и ночь сидятъ за картами и развратничаютъ.

Кромѣ уполномоченныхъ Я. И. Баранникова и Малахова по распоряженію вице-губернатора еще арестованы уполномоченные села Верхо-Тишанки: Варнавскій и 80-ти лѣтній старикъ Петръ Степановичъ Михѣевъ. Послѣдній долго былъ сначала волостнымъ писаремъ, а потомъ крестьянскимъ ходатаемъ; по распоряженію администраціи онъ былъ уже въ ссылкѣ за подстрекательство крестьянъ къ веденію процессовъ.

Дѣло Курлакскихъ крестьянъ теперь передано въ руки судебныхъ властей, по распоряженію которыхъ восемь человѣкъ подвергнуты предварительному заключенію въ тюрьмѣ. Такимъ образомъ теперь арестовано всего двѣнадцать крестьянъ.

Недовольство крестьянъ все болѣе увеличивается и захватываетъ все большее количество селеній.

Въ селѣ Мартынѣ, получившимъ тоже нищенскій надѣлъ, крестьяне требуютъ полнаго надѣла. Въ селѣ Старой-Тойдѣ крестьяне требуютъ возстановленія прежняго ихъ права въѣзда въ лѣсъ Хрѣнникова и т. д.

Воронежскій губернаторъ Слѣпцовъ весьма недоволенъ спокойнымъ поведеніемъ Курлакскихъ крестьянъ: ему хотѣлось-бы вызвать ихъ на сопротивленіе, чтобы имѣть возможность пустить въ ходъ оружіе. Губернаторъ говорилъ своимъ подчиненнымъ: „неужели вы не могли пожертвовать какимъ-либо урядникомъ, чтобы устроить настоящую расправу“...

ВЪ ХРОНИКУ „ЗУБАТОВЩИНЫ“.

На Московскихъ собраніяхъ рабочихъ г. г. Слѣповы, Красивскіе и Ко. продолжаютъ свою проповѣдь примиренія рабочихъ съ полиціей. Громятъ „студентовъ“ за ихъ „безбожіе“ и т. п., увѣряютъ, что „студенты“ презираютъ рабочихъ и хотятъ ихъ руками жаръ загребать, добиваясь конституціи, которая де совсѣмъ не нужна рабочимъ. Такія рѣчи велись и 14-го марта на районномъ собраніи на Зацѣпѣ (предсѣдательствовалъ Жилкинъ). На районное собраніе механическихъ рабочихъ и ткачей 22-го марта (на Бутыркахъ) была принесена книга: „Почему я пересталъ быть революціонеромъ?“ Л. Тихомірова. Предсѣдатель Соколовъ предлагалъ ее усиленно покупать. Онъ-же читалъ статью „Московскихъ Вѣдомостей“: „Низверженный кумиръ“. „На Западѣ — говорилъ онъ — уже давно бросили соціализмъ“. Замѣтимъ отъ себя, что статья или вѣрнѣе длинный рядъ статей Московскихъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ „Низверженный кумиръ“ былъ посвященъ главнымъ образомъ изложенію взглядовъ Бернштейна, который будто-бы низвергнулъ кумиръ марксизма!! Вотъ въ какой формѣ „пошла въ народъ“ модная „критика марксизма“!...

Собраніе 22-го марта началось тѣмъ, что Соколовъ прочелъ изъ газетъ о покушеніи на жизнь Трепова и сказалъ „прочувствованное“ слово о томъ, что буржуазія подкупила такихъ лицъ, которыя хотятъ убить друга рабочихъ. На молебенъ по случаю избавленія отъ опасности этого „друга“ тутъ-же собрали съ рабочихъ около 3-хъ рублей. Особенно усердно ссылаются г. г. Соколовы и другіе зубатовцы на примѣръ рабочихъ фабрики Мусси (см. № 19 „Искры“), — примѣръ, доказывающій де заботливость полиціи о рабочихъ. „А вотъ на Мещеринской мануфактурѣ бунтовали и ничего не добились“. (На самомъ дѣлѣ мещеринскіе рабочіе шесть разъ подавали заявленія, но безуспѣшно и добились своего только борьбой, причемъ громили склады красильщики, а ткачи только бастовали). Объ этомъ происшествіи на фабрикѣ Мусси намъ сообщаютъ такія подробности:

„Рабочіе на шелковой фабрикѣ Мусси предъявили представителю этой фабрики Гужону требованіе, чтобы онъ уплатилъ имъ всѣ ихъ убытки за прошлые года, насчитавъ всего 45 тысячъ. Онъ имъ сказалъ, что съ этимъ требованіемъ они могутъ обратиться сначала къ фабричному инспектору, и если онъ найдетъ ихъ требованія правильными, пусть подаютъ въ судъ. Рабочіе заявили, что они прекращаютъ работать, а Гужонъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ, онъ ихъ всѣхъ увольняетъ съ фабрики и написалъ увольненіе въ разсчетныя книжки 1200 ткачамъ. По правиламъ въ теченіи 2-хъ недѣль, рабочіе имѣютъ право жить на фабрикѣ и послѣ увольненія. Гужонъ позволилъ имъ жить. Не задолго до истеченія срока, Гужонъ отправляетъ Трепову бумагу, приблизительно слѣдующаго содержанія: рабочіе предъявили ко мнѣ рядъ требованій, изъ которыхъ одни я исполнилъ, другіе безъ суда исполнить отказался: такъ какъ они работать не пожелали, я уволилъ ихъ съ фабрики, предоставивъ имъ 2-хъ недѣльный срокъ для пріисканія работы и квартиръ. Срокъ подходитъ къ концу. Среди рабочихъ я замѣчаю волненіе, по двору фабрики шмыгаютъ какія-то темныя личности съ бумагами охраннаго отдѣленія. Доводя обо всемъ этомъ до свѣдѣнія В. П., имѣю честь предупредить, что за дальнѣйшее я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. — Внизу выноска: Копія съ этой бумаги препровождается въ Министерство Финансовъ.

Треповъ, говорятъ, самъ явился на фабрику, наговорилъ Гужону дерзостей и грозилъ посадить его въ тюрьму за безпорядочное содержаніе фабрики, если онъ не уплатитъ рабочимъ 45 тыс. Гужонъ твердо стоитъ на своемъ: уплачу, если присудятъ по суду, а на дерзости пожаловался консулу. Полиція окончательно взяла рабочихъ подъ свое покровительство; Треповъ выдалъ имъ 6000 руб. Они наняли помѣщеніе для склада вещей, часть ихъ уѣхала на родину, другіе остались. Адвокаты предлагали третейскій судъ, но они отказались, сказавши, что они такого суда не знаютъ.“

Плоды „зубатовщины“.

Намъ пишутъ:

Какъ извѣстно, московская администрація въ лицѣ кн. Сергія и его присныхъ приняла сторону рабочихъ Гужона и другихъ и требовала отъ хозяевъ удовлетворенія ихъ требованій. Послѣ того, какъ жалобы отдѣльныхъ капиталистовъ въ Петербургъ не имѣли успѣха, московская биржа послала Витте заявленіе, въ которомъ говоритъ, что фабриканты принуждены будутъ закрыть фабрики, если дѣло не измѣнится. Они-де просятъ избавить ихъ отъ полицейской опеки и отъ цѣлой массы шпіоновъ и провокаторовъ, которымъ они должны платить громадное жалованье и которые только мѣшаютъ работѣ.

Для улаженія этихъ раздоровъ между полиціей и капиталистами новый министръ Плеве ѣздилъ въ Москву.

Майскій праздникъ въ Варшавѣ.

Полиція начала готовиться къ дню перваго Мая гораздо раньше самихъ рабочихъ. Уже съ ночи 3-4 апрѣля начались аресты и обыски среди польскихъ и еврейскихъ рабочихъ и интеллигентовъ, продолжавшіеся до 14-го апрѣля) Сколько было сдѣлано за это время обысковъ — сказать не могу, а арестовано около 200 человѣкъ. Большая часть арестовъ выпала на долю рабочихъ: революціонная интеллигенція здѣсь незначительна. Вскорѣ послѣ того были распространены по городу прокламаціи Польской Соціалистической Партіи, Польской Соціаль-демократической партіи, Бунда и комитетовъ Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи. Съ 10-го числа стало распространяться въ громадномъ количествѣ экземпляровъ приглашеніе на демонстрацію. Оно не только попало на фабрики и заводы, но въ рабочихъ кварталахъ было разбросано и расклеено по улицамъ, а мальчишки даже прикалывали его къ одеждѣ прохожихъ. Въ виду крайне стѣсненнаго, благодаря кризису, положенія рабочихъ демонстрацію необходимо было назначить въ воскресенье, чтобы избѣжать хотя-бы и однодневной забастовки. Но слѣдующее за 1-мъ Мая воскресенье приходилось на 4-ое число, а въ этотъ день предполагалась патріатическая демонстрація по случаю годовщины польской конституціи (3-ье Мая). Поэтому демонстрація и была назначена на 14-ое апрѣля по ст. ст., т. е. въ самый день русской Пасхи. Въ этотъ день администраціей были приняты самыя энергичныя мѣры: всѣ общественные сады, выходящіе на Уяздовскую аллею (предполагаемое мѣсто демонстраціи) были закрыты для публики „по случаю ремонта“ на всю недѣлю 14-21 апр. Мокотовская застава, изъ за которой вошли въ городъ такъ удачно демонстрировавшіе два года тому назадъ рабочіе, была охраняема полиціей и за черту города изъ за заставы рѣшительно никого не пропускали; Прага точно также была отдѣлена отъ города. На всѣхъ улицахъ, пересѣкающихъ Уяздовскую аллею, стояла полиція и казаки и въ аллею пропускали только „избранныхъ“ ... Послѣ 6-ти часовъ вечера въ число этихъ избранныхъ попадали только военные.

Не смотря на всѣ эти мѣры, незначительное, впрочемъ, число рабочихъ проникло на Уяздовскую аллею, въ часть ея между площадью Св. Александра и Бенкной улицей. Въ этомъ же мѣстѣ собралась въ значительномъ количествѣ и не-рабочая публика — студенты, интеллигенты, гимназисты, женщины — сочувствовавшая демонстраціи. Не смотря на постоянныя убѣжденія высшихъ полицейскихъ чиновъ разойтись, не смотря на частые аресты отдѣльныхъ лицъ изъ числа собравшейся публики, не смотря на то, что среди нея ѣздили по-двое, по-трое казаки, безразлично, и по самой улицѣ и по панели и разгоняли публику нагайками — публика не расходилась съ 4 ч. до 7 ч. вечера. Лихачева (оберъ-полиціймейстеръ), Зейферта (полиціймейстеръ), Свинарскаго встрѣчали свистками и криками. Около 7 час. вечера на толпу были направлены чел. 50 казаковъ въ карьеръ, но почему то, не доѣзжая до толпы, свернули въ боковую Институтскую улицу и жестоко избили собравшуюся въ ней небольшую толпу человѣкъ въ 100. Вслѣдъ за ними уже прямо на толпу, собравшуюся на Уяздовской аллеѣ была направлена сотня казаковъ. Толпа, спасаясь, бросилась въ кондитерскую и ресторанъ Версаль... Казаки окружили кондитерскую и пытались верхомъ проникнуть на ея веранду, но были отбиты энергично защищавшимися чѣмъ попало осажденными. Казаки спѣшились, проникли въ кондитерскую изнутри и всѣ бывшіе тамъ (около 250 ч.) были арестованы и отведены въ кольцѣ изъ полиціи и казаковъ въ казармы Литовскаго полка. Остальную толпу стала тѣснить густая цѣпь полиціи, расположившаяся во всю ширину улицы и мало по малу вытѣснила толпу изъ Уяздовской аллеи на площадь Св. Александра. Здѣсь толпа собралась на паперти Александровскаго собора и не расходилась, не смотря на угрозы, до 9 ч. вечера. Толпа требовала, чтобы казаки не смѣли входить на паперть и поснимали передъ соборомъ шапки. Въ 9 час вечера толпа разошлась и тутъ на нее еще разъ напали съ нагайками казаки на углу улицы Новый Свитъ.

Часть рабочихъ собралась около 6 ч. вечера на углу Іерусалимской аллеи и Маршалковской улицы, собираясь идти вмѣстѣ на Уяздовскую аллею. Но здѣсь напала на нихъ полиція и казаки и всѣхъ загнали въ садъ Ульриха (противъ Вѣнскаго вокзала). Евреи рабочіе въ то же время собрались „за Желѣзной Брамой“ и пошли оттуда по Королевской улицѣ, желая проникнуть на Новый Свитъ и Уяздовскую аллею. У угла Маршалковской улицы на нихъ напали казаки и полиція и разогнали ихъ; впрочемъ нѣсколькимъ ихъ кучкамъ удалось дойти до памятника Мицкевича на Краковскомъ Предмѣстьѣ.

Въ общемъ демонстрація не удалась; толпа нигдѣ не держалась стойко, нигдѣ не давала значительнаго отпора полиціи.

Весь день, до поздняго вечера, по городу ѣздили усиленные патрули; а въ прилежащихъ къ мѣстамъ происшествій улицахъ въѣзжали на тротуары и разгоняли собравшіяся толпы.

Поздно вечеромъ всѣхъ арестованныхъ за этотъ день (14 апр.) разсортировали: около 150-170 человѣкъ задержали, а остальныхъ переписали о отпустили на свободу.

Всю Пасхальную недѣлю Варшава была неспокойна. 18-го числа снова были попытки устроить демонстраціи на улицахъ Новый Свитъ и Маршалковской. 21 и 22-го опять были попытки устроить патріотическія демонстраціи (годовщина польской конституціи) на тѣхъ-же улицахъ. Всѣ эти демонстраціи очень быстро были разсѣяны полиціей и казаками, яростно пускавшими въ ходъ нагайки. Такъ, напр., 22-го на Маршалковскую улицу потребовали послѣ демонстраціи 15 каретъ скорой медицинской помощи.

Во всякомъ случаѣ неудачи этихъ дней нельзя приписать отсутствію солидарности и сознанія своихъ интересовъ среди здѣшнихъ рабочихъ. Слѣдующій случай показываетъ, наоборотъ, какъ сильно эти качества развиты: въ февралѣ мѣсяцѣ рабочіе одного изъ небольшихъ кожевенныхъ заводовъ (около 200 чел.) устроили стачку съ цѣлью повысить свой заработокъ. Разсчитывая на огромное количество безработныхъ, населяющее въ настоящее время Варшаву (работы здѣсь вездѣ сокращены почти на половину), хозяинъ разсчиталъ всѣхъ рабочихъ поголовно. Но безработные, которымъ онъ предложилъ работу, потребовали отъ него платы въ $1\frac{1}{2}$ раза больше той, которой добивались стачечники. Хозяинъ, понятно, уступилъ и принялъ назадъ своихъ прежнихъ рабочихъ, вполнѣ удовлетворивъ ихъ требованія.

Варшава, 25-го апрѣля 1902 года.

* * *

Въ Майской прокламаціи центральнаго управленія „Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы“ говорится, между прочимъ:

„Рабочіе, товарищи! Никогда еще манифестація рабочаго класса въ день перваго Мая не имѣла такого значенія въ русскомъ государствѣ, какъ въ этомъ году. Наступило въ высшей степени важное время, требующее отъ васъ вполнѣ сознательнаго отношенія, всей энергіи, всего богатырскаго самоотверженія, доказательствъ котораго вы дали уже такъ много. Вѣдь приближается великій, историческій моментъ, когда предъ движеніемъ цивилизаціи и свободы рухнетъ дикій царскій абсолютизмъ. Вѣдь русскій рабочій классъ принялъ въ этомъ году настоящее революціонное крещеніе и все въ большихъ и въ большихъ массахъ вступаетъ въ борьбу съ нашимъ общимъ врагомъ — царскимъ правительствомъ....

Въ нынѣшнемъ году въ Россіи мы являемся свидѣтелями начала великой русской рабочей революціи, которая должна сперва покончить съ деспотическимъ правительствомъ, чтобы имѣть возможность потомъ справиться съ капиталистическимъ строемъ. Весь цивилизованный міръ удивляется теперь геройству русскихъ рабочихъ и революціонеровъ и ожидаетъ ихъ побѣды...

Польскіе рабочіе! Въ Россіи наступаетъ революція — и вы должны принять участіе въ этой революціи, направленной противъ правительства, которое является и вашимъ правительствомъ, въ этой революціи противъ дикости, которая свирѣпствуетъ и надъ вами, противъ гнета, который и васъ держитъ въ оковахъ! Борьба русскихъ рабочихъ должна быть и вашей борьбой, такъ какъ дѣло русскихъ рабочихъ и ваше дѣло!...

Польскіе рабочіе! Вы знаете кто вашъ врагъ и кто вашъ братъ. Вашъ врагъ — царскій абсолютизмъ и польско-русскій классъ капиталистовъ. Вашъ братъ — русскій революціонный рабочій классъ. И, какъ всегда, такъ и въ этомъ году, вы пойдете на майскую манифестацію, помня о томъ, что тамъ, гдѣ общій врагъ, — тамъ и общій лозунгъ: да здравствуетъ конституція! на здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день! да здравствуетъ соціализмъ!“

Напротивъ того, въ прокламаціи Центральнаго Комитета „Польской Соціалистической Партіи“ нѣтъ ни слова о борьбѣ русскихъ рабочихъ, а призывъ польскихъ рабочихъ къ политической борьбѣ выраженъ словами: долой иго завоевателей (**Precz z najazdem**).

Изъ Вильны:

„Въ день 1-го Мая съ утра всѣ дворники дежурили у воротъ съ дубинками въ рукахъ. На каждомъ перекресткѣ въ наиболѣе оживленныхъ центрахъ, кромѣ городовыхъ, стояли также и околодочные надзиратели. Вообще весь городъ въ этотъ день принялъ какой-то особый видъ: не то праздничный, не то рабочій — словомъ, каждый какъ-бы ждалъ чего то. Интересно было наблюдать за прохожими въ этотъ день: всякій ходилъ, какъ-бы озираясь по сторонамъ: тихаго и мирнаго обывателя, повидимому, сильно смущало обиліе церберовъ и столь неожиданная бдительность полицейскихъ.

Въ $5\frac{1}{2}$ часовъ вечера Валь впереди полусотни казаковъ выѣхалъ осматривать „позиціи“. Проѣхавъ Большую и Нѣмецкую и, найдя все спокойнымъ, тутъ-же отдалъ нѣсколько распоряженій приставамъ и уѣхалъ. Демонстрація назначена была въ 8 часовъ на Нѣмецкой улицѣ; но въ виду того, что городъ былъ терроризованъ, разъѣзжавшими казаками, многіе думали, что въ этотъ день ничего ужъ не произойдетъ; тѣмъ не менѣе къ 7 часамъ стало собираться много народу.

Отправившись по Большой въ Пушкинскій скверъ и, прогулявъ тамъ нѣсколько разъ по главной аллеѣ, я къ 8 часамъ двинулся обратно на Большую. Въ скверѣ было сравнительно мало-гуляющихъ, но на Большой тротуары положительно запружены народомъ. Главное — масса военщины и чиновниковъ всевозможныхъ вѣдомствъ. Полиціймейстеръ проѣзжалъ нѣсколько разъ по Большой и останавливался у сквера, но ничего пока еще не произошло. Дойдя до почты, я направился по Благовѣщенской, чтобы оттуда выйти какъ разъ во время на Нѣмецкую. Выйдя на Нѣмецкую улицу, я положительно былъ изумленъ: всѣ окна домовъ были раскрыты, балконы положительно черны отъ стоявшей на нихъ публики. Но вотъ наступаетъ $8\frac{1}{2}$ час. вечера. Полиціймейстеръ приказываетъ запирать всѣ магазины. На улицѣ показываются отдѣльные патрули (кромѣ полицейскихъ). Около Малаго театра выстраиваются человѣкъ 70 казаковъ, а за ними пѣхота. Пристава снуютъ и какъ будто разыскиваютъ кого-то.

Вдругъ изъ Еврейской улицы выскакиваютъ 3 смѣльчака. Одинъ съ краснымъ фонаремъ кричитъ: „Долой самодержавіе“. „Да здравствуетъ свобода“!

Но въ ту же минуту на него набросилось нѣсколько башибузуковъ: онъ былъ сбитъ съ ногъ и въ буквальномъ смыслѣ истерзанъ. Это послужило сигналомъ. Изъ толпы стали выходить лица съ красными флагами. Они моментально были схвачены и избиты, а затѣмъ отправлены въ полицію. Одного изъ нихъ убили: это столяръ — еврей, когда его привезли въ госпиталь Савичъ, онъ скончался. Вслѣдъ за этимъ изъ толпы стали выхватывать отдѣльныхъ личностей или просто рубили съ плеча.

Въ тотъ же вечеръ въ городскомъ театрѣ шла „Родина“. Въ серединѣ второго дѣйствія посыпались сверху въ публику разноцвѣтныя бумажки и прокламаціи съ надписями: „Поздравляемъ народъ съ праздникомъ 1-го Мая“. Публика оживленно стала собирать падавшіе сверху билетики себѣ на память. Валь былъ также въ театрѣ и къ нему въ ложу также попало нѣсколько такихъ „штучекъ“. Черезъ нѣсколько минутъ раекъ ужъ былъ оцѣпленъ и забрали человѣкъ 35.

На слѣдующій день къ тѣмъ, которые были арестованы на улицѣ примѣнили тѣлесное наказаніе. Это вполнѣ достовѣрный фактъ и это практиковалось не только у насъ, но и въ Ковнѣ, и въ Витебскѣ. Тѣ, которыхъ арестовали въ театрѣ сидятъ еще теперь въ полиціи, хотя нѣкоторыхъ уже выпустили, но по всей вѣроятности ихъ скоро всѣхъ освободятъ, такъ какъ на квартирахъ ничего не нашли. Общество сильно взбудоражено, особенно тѣмъ, что было примѣнено тѣлесное наказаніе — этимъ возмущены всѣ. Вообще поводовъ къ недовольству полиціей за этотъ день было много.

Возбужденіе въ городѣ сильное. Въ общемъ при тѣхъ мѣрахъ, которыя принялъ мѣстный сатрапъ, демонстрацію можно считать удавшейся.“

* * *

Ниже читатель найдетъ сообщеніе о не менѣе возмутительномъ истязаніи рабочихъ въ Воткинскомъ заводѣ. Режимъ массоваго примѣненія розги, смѣнившій собой режимъ массоваго примѣненія казацкой нагайки, одновременно проявился на западѣ, на востокѣ и на югѣ Россіи, среди великорусскаго, малорусскаго и еврейскаго населенія...

Вполнѣ достойнымъ и при данныхъ условіяхъ неизбѣжнымъ отвѣтомъ явилось произведенное 5-го Мая покушеніе на жизнь фонъ-Валя. Радостное чувство сознанія, что безпримѣрное правительственное преступленіе не осталось безнаказаннымъ, омра чается у насъ только сожалѣніемъ, что покушеніе не вполнѣ удачно. Смѣлый мститель — Гиршъ Лекертъ — преданъ военному суду.

---

*) Клокачевъ раньше былъ полиціймейстеромъ въ Воронежѣ и сейчасъ состоитъ подъ судомъ. Вотъ его дѣянія: заставлялъ писцовъ полицейскаго управленія расписываться въ полученіи большей суммы, чѣмъ выдавалъ (напр. выдавалъ 20 руб., а писцы расписывались въ 40 руб.). Полицейскихъ и пожарныхъ держалъ много меньше, чѣмъ значилось по его вѣдомостямъ, и полученную такимъ образомъ экономію клалъ себѣ въ карманъ и т. д.

По поводу новаго подвига фонъ-Валя 4 виленскія соціалистическія организаціи издали прекрасно написанную прокламацію, въ которой разоблачаютъ имена всѣхъ негодяевъ, участвовавшихъ въ позорной расправѣ. По поводу-же покушенія на фонъ-Валя царь прислалъ „мученику“ розги сочувственную телеграмму. Цинизмъ коронованнаго идіота уже не можетъ удивлять кого-бы то ни было.

Нижегородскій Комитетъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о майской демонстраціи въ Сормовѣ:

„Товарищи! Всѣ только и говорятъ о томъ, что произошло въ Сормовѣ 1-го мая. Что-же произошло тамъ? Дадимъ себѣ отчетъ въ случившемся и постараемся извлечь изъ него урокъ на будущее время. Много недовольства накопилось въ душѣ рабочихъ и не разъ это недовольство прорывалось наружу въ безпорядкахъ и разгромахъ. И на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ разгрома. Въ 5 час. вечера толпа рабочихъ направилась къ заводской конторѣ и уничтожила тамъ разныя бумаги. Тоже произошло и въ канцеляріи пристава. Но вскорѣ на мѣсто происшествія явилась толпа сознательныхъ рабочихъ. „Что вы дѣлаете, говорили они, разгромомъ заводской конторы мы не добьемся ничего. Мы должны другими путями добиваться уничтоженія теперешняго несправедливаго порядка.“ Толпа послушались увѣщаній. Послѣ этого, сплотившись толпой, сознательные товарищи направились по Большой улицѣ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ были выставлены требованія рабочихъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!

Народъ сплошной толпой стоялъ по обѣ стороны улицы. Видъ демонстраціи такъ дѣйствовалъ на нее, что нѣкоторые, слыша стройное пѣніе, не могли удерживаться отъ слезъ. Были вызваны солдаты. Демонстранты вплотную подошли къ нимъ, и затѣмъ повернувшись назадъ, продолжали свое шествіе. Солдаты бросились за ними и начали разгонять толпу прикладами. Безоружные рабочіе должны были уступить. Только одинъ товарищъ остался до конца не выпуская изъ рукъ знамени. „Я не трусъ, и не побѣгу“, крикнулъ онъ, высоко поднимая знамя, и всѣ могли прочесть на немъ грозныя слова: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!

Товарищи! Кто изъ васъ не преклонится передъ мужествомъ этого человѣка, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо остался на своемъ посту. Мы никогда не забудемъ его примѣра, товарищи! И пусть всѣ твердо запомнятъ тѣ слова, что стояли на знамени. Примѣръ его возбудитъ въ насъ горячее, неудержимое желаніе до конца бороться за свободу. Выставимъ вновь наши требованія и пропоемъ свои пѣсни о свободѣ и мы твердо вѣримъ, что къ будущей демонстраціи присоединится большая часть рабочихъ. Итакъ, будемъ бороться до конца!

А пока предлагаемъ вамъ, товарищи, дѣлать сборы въ пользу арестованныхъ, пострадавшихъ за наше общее дѣло.“

Нижегородскій Комитетъ
Россійск. Соціаль-Демокр. Рабочей Партіи.

Въ самомъ Нижнемъ были 2 попытки устроить демонстрацію — обѣ неудачны.

Екатеринославъ. Въ прошлый разъ*) мы пытались охарактеризовать вамъ тотъ специфическій мѣстный колоритъ, въ какой окрасился у насъ всероссійскій усиленно-охранный режимъ, мы пытались показать вамъ, какъ цѣлое населеніе большого цвѣтущаго города очутилось беззащитнымъ на большой дорогѣ, гдѣ всякое отребье въ видимомъ или невидимомъ полицейскомъ мундирѣ, нежданно-негаданно оглушая васъ кистенемъ, васъ же волочитъ потомъ въ чащу-тюрьму за нарушеніе порядка на этой большой дорогѣ. Въ этомъ мѣстномъ колоритѣ, вполнѣ отражающемъ общій колоритъ современной россійской дѣйствительности, не доставало, однако, одного мазка.

То былъ нашъ періодъ до-демонстраціонный, а въ декабрѣ у насъ имѣла мѣсто первая открытая демонстрація, и тутъ наши мѣстные рыцари самодержавнаго кистеня, съ нашимъ сіятельнымъ губернаторомъ во главѣ, уже воочію и, такъ сказать, всенародно показали и показываютъ, что, собственно, на языкѣ самодержавія называется охраненіемъ „порядка“ и возстановленіемъ „порядка“.

Прежде всего солдатъ, отправляемыхъ на храбрый подвигъ, нашли нужнымъ подкрѣпить съ двухъ сторонъ, согласно двойной природѣ человѣка: съ одной стороны духовно-при содѣйствіи напутственной рѣчи изъ богобоязныхъ устъ православнаго попа, а съ другой матеріально, при содѣйствіи солидной чарки водки изъ царскаго кабака.

Съ своей стороны сіятельный губернаторъ нашелъ нужнымъ личнымъ примѣромъ поддержать бодрость своихъ пѣшихъ и конныхъ молодцовъ: въ его сіятельныхъ рукахъ гарцовала нагайка, ничѣмъ не отличавшаяся отъ нагаекъ „молодцевъ“ и большая публика воочію убѣдилась въ томъ кровномъ родствѣ, которое существуетъ между нагайкой и короной, будетъ ли то корона графская или царская.

Подготовительныя работы были закончены и всѣ приступили къ дѣлу. Собственно сомкнутой толпы демонстрантовъ, какъ это обыкновенно и бываетъ въ первый моментъ, не было. По бульвару проспекта, противъ губернаторскаго дома, какъ и по смежнымъ бульварамъ, въ неопредѣленномъ, но инстинктивно-напряженномъ состояніи ходила взадъ и впередъ большая толпа людей, въ которой помимо демонстрантовъ, полу-демонстрантовъ и всякаго рода робко сочувствующихъ, было много людей, которыхъ просто-на-просто заинтересовало это скопленіе солдатъ и городовыхъ съ губернаторской нагайкой во-главѣ. Когда раздалось требованіе очистить бульвары, затерроризованные обыватели сейчасъ-же, конечно, поспѣшили убраться. Но демонстранты и такъ или иначе примыкающіе элементы, инстинктивно сомкнувшись тѣснѣе, не обратили вниманія на это требованіе. Гарцнула ли раньше нагайка Келлера, а ужъ потомъ раздался многоголосый боевой кличъ „долой самодержавіе!“ причемъ надъ головами толпы развернулось нѣсколько знаменъ, или же дѣло происходило въ обратномъ порядкѣ, — установить было трудно. Во всякомъ случаѣ знакъ былъ поданъ, и средь бѣлаго дня ночная сцѣна на большой дорогѣ началась. Очевидно, по предварительнымъ наставленіямъ прежде всего оглушали студентовъ: бросится нѣсколько царскихъ мясниковъ на студента, оглушатъ его въ восемь-десять кулаковъ и выволакиваютъ за предѣлы бульвара, гдѣ лишь начинается настоящая бойня. Поднимаются вопли терзаемыхъ; толпа охваченная ужасомъ, бѣжитъ съ криками: „убили!“, но въ безпамятствѣ бѣжитъ какъ разъ въ ту сторону, гдѣ дѣйствуютъ разсвирѣпѣвшіе мясники, и получаетъ свою долю прикладовъ, кулаковъ или нагаекъ, не будучи, однако, задерживаема. Но вотъ въ этой же толпѣ показывается студентъ: его оглушаютъ и начинаютъ терзать. Вдругъ раздается нечеловѣческій визгъ какой-то женщины. Убѣгающая толпа, съ расширенными отъ двойнаго ужаса зрачками, на бѣгу же озирается назадъ и видитъ какую-то бѣгущую барышню со скрещенными на груди руками: ее хватили по груди нагайкой, которая разсѣкла теплую кофточку, платье, корсетъ и рубашку, оставивъ кровавый слѣдъ во всю грудь**). Какъ и всѣ ночныя сцены на большой дорогѣ, длящіяся для оглушеннаго путника цѣлую вѣчность все это было дѣломъ какихъ-нибудь 15-20 минутъ. Истерзанныхъ и изувѣченныхъ царскіе разбойники уволокли въ чащу-тюрьму, проспектъ обезлюдѣлъ, и „порядокъ“ былъ „возстановленъ“.

Въ городѣ тотчасъ же установилось убѣжденіе, что нѣсколько студентовъ убито. Если вы попробуете мысленно воспроизвести во всей полнотѣ бойню, о которой мы могли сказать только нѣсколько словъ, то вы поймете, что это убѣжденіе должно было показаться всѣмъ полной достовѣрностью. Къ счастью, это оказалось не такъ. Даже наиболѣе звѣрски истерзаннаго и бездыханно уложеннаго на тюремную койку студента Каргина привели въ чувство (правда послѣ неимовѣрныхъ усилій) три врача, которыхъ Келлеръ тотчасъ же прислалъ къ избитымъ въ тюремную больницу-камеру. Черезъ недѣлю его, какъ и многихъ другихъ выпустили, а недѣли черезъ три онъ совершенно оправился.

Одержавъ эту блестящую побѣду, храбрый генералъ поскакалъ въ Петербургъ за Георгіемъ, а тѣмъ временемъ въ Екатеринославъ присланы были двѣ сотни кубанскихъ казаковъ (гдѣ же тутъ, подумайте, справиться собственными силами?), которыхъ отъ времени до времени стали „проминать“ по всѣмъ улицамъ города, въ рабочихъ слободкахъ и на виду всѣхъ заводовъ: попробуй, дескать, шевельнуться. Откуда то вынырнула огромная масса ночныхъ сторожей, которыхъ снабдили дубинами въ человѣческій ростъ и которымъ вмѣнено было неукоснительно хватать всякаго „подозрительнаго“ прохожаго: это ночное по скифски организованное войско охраняетъ стѣны, заборы и просто мостовую отъ моря прокламацій и воззваній, циркулирующихъ какъ въ городѣ, такъ и въ рабочихъ кварталахъ. Одинъ-два примѣра покажутъ вамъ, какъ дѣйствуетъ эта ночная народная милиція.

Въ одинъ прекрасный день канцелярская мелюзга матеріальной службы Екат. Жел. Дор. была поражена необыкновеннымъ случаемъ: пробыло десять часовъ, а одного изъ ихъ сослуживцевъ все нѣтъ какъ нѣтъ, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что онъ приходилъ чуть-ли не въ восемь и что даже праздничные дни онъ, звѣрски скучая дома, за своимъ правленскимъ перышкомъ проводитъ на своемъ мѣстѣ въ управленіи. Никому, конечно, и въ голову не могло прійти, что въ жизнь этого бѣднаго Акакія Акакіевича ворвалась усиленно-охранная волна, а между тѣмъ дѣло такъ именно и обстояло. Вышелъ себѣ вечеромъ сей Акакій Акакіевичъ погулять по проспекту и, охваченный быстрой пульсаціей проспектной жизни, рѣшилъ себѣ пиръ на оба пяти алтынныхъ, которые имѣлись у него въ карманѣ. Купилъ себѣ у Метцгера полфунта колбасы, купилъ въ кондиторской вкусныхъ пирожковъ, далъ и царю поторговать за осьмушку и напередъ предвкушая столь рѣдкія въ его жизни лукулловскія наслажденія направился домой, въ одну изъ окрайныхъ улицъ города (Короткая). Случаю угодно было, что-бы несовершенство человѣческой организаціи вынудило его остановиться у одного изъ заборовъ своей улицы. Моментально его шиворотъ очутился въ чьихъ-то дюжихъ рукахъ, передъ его смертельно испуганными глазами выросла огромная дубина, а въ оглушенныхъ ушахъ раздался свирѣпый окрикъ: „что дѣлаешь?“ Какъ ни ошалѣлъ бѣдняга, какъ ни давилъ его шею стянутый шиворотъ, онъ все-же сообразилъ, что это не босякъ съ пристани, а босякъ изъ ночной царской охраны. На раздавшійся свистокъ моментально прискакалъ городовой и мнимаго расклеивателя прокламацій поволокли въ участокъ, гдѣ снабдивъ его шею на ночь парой здоровенныхъ, чисто царскихъ „лещей“, его самаго бросили въ какую-то затхлую яму. Весь слѣдующій день онъ отлеживалъ свой испугъ дома, и вотъ почему его мѣсто въ канцеляріи такъ уныло и такъ непривычно пустовало въ этотъ день.

А вотъ шнырялъ босякъ по пристани цѣлый день, ничего не промыслилъ и, не солоно хлебавши, направился вечеромъ въ ночлежный домъ. Вдругъ онъ увидѣлъ на мостовой бѣлѣющій листъ бумаги, очевидно кѣмъ-то утерянный. Поднялъ босякъ бумагу и поднесъ къ ближайшему фонарю: бумага не грязная, и даже пыли на ней нѣтъ. И вотъ онъ вынулъ изъ-за пазухи свой полуисклокоченный паспортъ, тщательно укуталъ его поднятой бумагой и ехидно думаетъ себѣ: ну, теперь „идолы“ при обмѣнѣ паспорта ужъ не станутъ глумиться надъ нимъ, что, молъ, достается, видно, на пристани не только его шеѣ, но и его паспорту, что онъ всегда въ двадцати клочкахъ. Но не успѣлъ онъ еще вызвать въ своемъ воображеніи „идоловъ“, которыхъ онъ собирался оставить въ дуракахъ, какъ два дѣйствительныхъ идола оглушили его буквально тѣмъ же маннеромъ, какъ и правленскаго Акакія Акакіевича. „Вашекобродъ“ докладываютъ въ участкѣ дежурному надзирателю царскіе ястребы: „вотъ... листки... бросаетъ!“ Босяка обыскиваютъ и оказывается, что паспортъ завороченъ въ прокламацію. „Тр-р-рахъ! Тр-р-рахъ! Тр-р-рахъ!“ Поблагословили, бросили въ яму, а на другое утро предали жандармамъ въ тюрьму.*) Дѣло длилось цѣлую недѣлю, абсолютно безграмотнаго босяка терзали, терзали, пока, наконецъ, и Делло увидѣлъ, что на сей разъ россійское самодержавіе внѣ опасности. Такъ чѣмъ же вы тутъ не ночью въ темномъ лѣсу подъ ежеминутными взмахами кистеня?

Въ Петербургѣ Келлеръ за свое декабрьское геройство получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, личную царскую благодарность и поощреніе; но, вернувшись къ своему посту, узналъ между прочимъ, что въ научномъ обществѣ противъ него составился комплотъ. Нашлась тамъ группа, которая задумала освободить общество отъ его почетнаго предсѣдательства, для чего необходимо было свергнуть весь распорядительный комитетъ, съ молодымъ, но экзотически раннимъ, профессоромъ химіи (онъ же инспекторъ студентовъ) Куриловымъ во главѣ. „Посмотримъ“, сказалъ Келлеръ, и въ ближайшее засѣданіе общества наука имѣла наслажденіе увидѣть въ своей тихой пристани нетолько его самаго, но и почувствовавшихъ неодолимую жажду напиться изъ ея свѣтлаго источника приставовъ и околоточныхъ. Комплотъ, конечно, умеръ отъ апоплексическаго удара.

Приближалось 19 февраля. Въ воздухѣ и въ прокламаціяхъ опять запахло демонстраціей, и Келлеръ довольно быстро сталъ вводить что-то въ родѣ осаднаго положенія. Казаковъ уже „проминали“ раза два-три въ день, а рабочихъ все туже и туже стали держать въ ихъ рабочемъ гетто, ставя имъ всяческія препятствія проникнуть въ городъ. Когда же онъ вдругъ узналъ, что демонстрація придвинута на 17-число, то онъ уже поступилъ совсѣмъ по военному времени. 16 числа изъ Нижне-Днѣпровска черезъ днѣпровскій мостъ пропускали въ городъ только женщинъ на базаръ, а сухопутную границу (со стороны Брянскаго и другихъ заводовъ) совсѣмъ заперли конной и пѣшей полиціей. Впрочемъ, кое-кто изъ Нижнеднѣпровскихъ рабочихъ напали на счастливую мысль: одѣлись бабами и проникли таки въ городъ. Полиція узнала объ этомъ и 17-го утромъ стала пропускать на базаръ бабъ только послѣ самаго безцеремоннаго „ощупыванія“. Тогда рабочіе рѣшили попытать счастья на лодкахъ. Моментально появился крейсирующій пароходикъ, съ бортовъ котораго полиція объявила, что она немедленно и даже безъ второго окрика пуститъ ко дну каждую лодку, которая осмѣлится выѣхать на рѣку.

Прибавьте къ этому, что съ 16-го на 17-ое число, Делло арестовалъ въ городѣ массу публики, и вы поймете, что, дѣйствительно, происходившія 17 и 18-го демонстраціи были до крайности урѣзаны. Не обошлось безъ бойни и эти дни, но въ памяти еще слишкомъ жива была декабрьская бойня, что-бы обратить особое вниманіе на новую. Тѣмъ удачнѣе прошла демонстрація въ прилегающей къ Брянскому заводу слободѣ, которая тоже отрѣзана была Келлеромъ отъ города. Здѣсь ряды рабочихъ со знаменами, приготовленными для шествія по городу, стройно прошлись при крикахъ „долой самодержавіе!“ передъ самимъ носомъ ошарашенной, но немногочисленной полиціи, — прошлись по всѣмъ четыремъ Чечеловкамъ (улицы) и къ нимъ безпрепятственно присоединялись выбѣгавшіе изъ своихъ квартиръ рабочіе и даже ихъ жены.

Послѣ 17 и 18-го городъ уже очутился въ настоящемъ осадномъ положеніи. Повсюду пѣшая и конная полиція, которая угрожаетъ нагайкой даже дѣтямъ, собравшимся въ кучку поиграть, и тѣ бѣгутъ, куда глаза глядятъ. Куда вы ни оглянитесь, передъ вами, словно изъ подъ земли какіе-то полуоборванные, съ совершенно дикими лицами и съ нагайками за поясомъ кубанцы способные вызвать въ васъ кошмаръ нашествія фиджійцевъ. Такъ и кажется, что вотъ-вотъ раздастся: „въ нагайки!“ и эти фиджійцы не оставятъ кости на кости. Передъ воротами двора губернскаго правленія (въ центрѣ проспекта) и въ самомъ дворѣ стоитъ кучками батальонъ солдатъ съ боевыми сумками, а въ глубинѣ двора грозно торчатъ штыки поставленныхъ въ козлы ружей. Бульвары, обыкновенно съ шести часовъ вечера кишащіе беззаботной публикой, теперь въ этотъ же часъ мертвенно пусты, а люди, нервно озираясь и словно чувствуя за спиной готовую ошарашить ихъ нагайку, пробираются по тротуарамъ и, кажется, только и думаютъ о томъ, какъ-бы поскорѣй добраться до дому. И въ такомъ тягостно-напряженномъ состояніи держали городъ всю масляную недѣлю.

А въ это время безпрерывно переливается волна обысковъ и арестовъ, причемъ даже знаменитой лапласовской головѣ врядъ-ли бы понятны были хотя бы самыя элементарныя ихъ основанія; развѣ только остановиться на принципѣ „черезъ десятаго“.....

Если вѣрно, что для плохого правительства самый плохой моментъ наступаетъ тогда, когда оно начинаетъ исправляться (а „сердечное“ исправленіе Ванновскаго вѣдь лишній разъ подтвердило эту истину), то лучшимъ ли для него является моментъ, когда на ряду со жгучимъ негодованіемъ оно вызываетъ и невольный смѣхъ? Поживемъ — увидимъ.

Городъ Кременчугъ вполнѣ оправдываетъ на себѣ извѣстный афоризмъ Маркса: „мы страдаемъ не столько отъ развитія капитализма, сколько отъ его недостаточнаго развитія“. Крупное производство здѣсь мало развито и преобладающей формой промышленности является ремесло, если же и имѣются фабрики, то по условіямъ производства и господствующимъ на нихъ формамъ эксплоатаціи труда онѣ мало отличаются отъ ремесленныхъ заведеній. Здѣсь можно встрѣтить фабрики, на которыхъ рабочій день продолжается 14-15 час. въ сутки, заработная плата крайне низка. Въ видѣ исключенія можно упомянуть о нѣкоторыхъ табачныхъ фабрикахъ, лѣсопилкахъ, чугунно-литейныхъ заводахъ, желѣзнодорожномъ депо и паровозостроительномъ заводѣ въ посадѣ Крюковѣ, капиталистическій характеръ которыхъ обнаруживается гораздо болѣе рѣзкими чертами. До самаго послѣдняго времени мѣстное рабочее движеніе ограничивалось почти исключительно ремесленнымъ слоемъ населенія, преимущественно евреями, и внѣшними проявленіями хроника здѣшней борьбы не была богата; изрѣдка на фонѣ сѣрой дѣйствительности появлялась прокламація или возникала мелкая стачка, что нѣсколько нарушало мирный сонъ обывателей и тревожило покой нашихъ церберовъ, которые, какъ бы спросонья, начинали метаться изъ стороны въ сторону, производить повальные обыски, арестовывать ни въ чемъ неповинныхъ людей, не брезгуя даже дѣтьми.

Переживаемый въ настоящее время Россіей революціонный Sturm und Drang (буря и натискъ) отразился и на нашемъ движеніи. За послѣднее время среди здѣшнихъ рабочихъ какъ ремеслъ, такъ и фабрикъ, замѣтенъ подъемъ революціоннаго духа и развитіе политическаго самосознанія; движеніе мало по малу начинаетъ охватывать широкіе круги фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, насчитывающихъ въ своихъ рядахъ не мало русскихъ; спросъ на легальную и нелегальную литературу растетъ очень быстро; съ особеннымъ интересомъ читаются „Искра“ и „Южный Рабочій“, всякія свѣдѣнія о происходящихъ въ послѣднее время демонстраціяхъ схватываются на лету и съ необычайнымъ энтузіазмомъ передаются другъ другу.

Мѣстное общество также начинаетъ обнаруживать нѣкоторый интересъ и сочувствіе къ революціонному движенію. Такъ напр., разосланныя здѣшнимъ Комитетомъ печатныя прокламаціи „Къ обществу“ Харьковскаго Комитета произвели большое впечатлѣніе; нѣсколько дней послѣ этого только и разговору было, что о нихъ. Въ нѣкоторыя общественныя учрежденія (Городскую Управу, Земскую Больницу) явилась полиція и потребовала у нѣкоторыхъ служащихъ (членовъ управы, врачей) выдачи прокламаціи. Многіе отказались это сдѣлать, хотя нѣкоторые и вернули ее.

Незадолго до 19-го февраля по городу разнеслись слухи о предполагающейся, будто-бы демонстраціи; многіе обыватели представляли себѣ послѣднюю не иначе какъ въ видѣ бунта или еврейскаго погрома и потому въ этотъ день опасались появляться на улицѣ, пускать дѣтей своихъ въ школы и гимназіи; возбужденіе росло по мѣрѣ того, какъ становилось извѣстнымъ, что для предупрежденія или подавленія демонстраціи полиціей предпринимаются чрезвычайныя мѣры; дѣйствительно, войскамъ заранѣе были розданы боевые патроны, въ нѣкоторыхъ казармахъ офицеры разъясняли солдатамъ, какъ стрѣлять въ толпу; въ день 19-го февраля въ разныхъ концахъ города были спрятаны отряды солдатъ; по городу вплоть до конца масляницы ходили патрули, главныя улицы были сплошь усѣяны полицейскими и шпіонами; мостъ, соединяющій Кременчугъ съ Крюковымъ, былъ оцѣпленъ солдатами и сообщеніе прервано. Населеніе было крайне взволновано, и, казалось, не доставало лишь искры, чтобы вспыхнуло пламя... Тѣмъ не менѣе Комитетъ считалъ преждевременнымъ вызывать рабочихъ на демонстрацію, такъ какъ въ силу недостаточныхъ связей съ заводскими рабочими она могла носить неорганизованный характеръ и, принимая во вниманіе низкій уровень развитія большинства рабочихъ и отсутствіе интеллигенціи, могла легко принять нежелательный характеръ бунта или погрома. Въ этотъ день были лишь распространены прокламаціи Цент. Комитета объедин. организ. юга Россіи и различнаго содержанія листки. Понятно, полиція послѣ этого удвоила свою бдительность и стала всюду искать крамолу. Такъ недавно она съ шумомъ и трескомъ накрыла нѣсколько невинныхъ вечеринокъ носившихъ исключительно танцовально-увеселительный характеръ, причемъ на одной были переписаны всѣ присутствовавшія на ней, главнымъ образомъ, гимназистки 6-7 класса; что касается другой облавы, то ея исторія такова по случаю еврейскаго праздника „Пуримъ“ дѣти-подростки (12-16 лѣтъ) ставили въ частномъ домѣ пьесу Шиллера „Разбойники“. Передъ самымъ началомъ спектакля врывается полиція въ необыкновенномъ количествѣ (2 пристава съ помощниками и 6 полицейскими, а къ концу и самъ полиціймейстеръ) обыскиваютъ всѣхъ, въ видѣ вещественныхъ доказательствъ отбираютъ декораціи, оружіе, костюмы, деньги и т. д. Двоихъ изъ участниковъ конвой полицейскихъ ведетъ въ участокъ, гдѣ ихъ задерживаютъ на сутки. На слѣдующій день въ участкѣ собирается грозный судейскій трибуналъ изъ всѣхъ Кременчугскихъ держимордъ, во главѣ съ полиціймейстеромъ, туда же призываются всѣ дѣти, которыя подвергаются допросу отъ 4 час. дня до 12 час. ночи; полицію крайне смущаетъ названіе пьесы (Разбойники) и найденное у артистовъ (правда деревянное) оружіе: очевидно дѣти являются агентами какой-то революціонной партіи и къ этому сводится весь допросъ, полиція то ласками, то угрозами требуетъ у дѣтей назвать эту партію. Нѣкоторыя дѣти плачутъ, но большинство держится съ сознаніемъ собственнаго достоинства; такъ напр., когда полиція врывается въ „театръ“ и приставъ обращается къ „артистамъ“ съ вопросомъ, кто изъ нихъ главный участникъ, одинъ карапузъ выступаетъ впередъ и мужественно восклицаетъ: „берите меня, я участникъ!“ Во время допроса приставъ предлагаетъ одной гимназисткѣ назвать ему фамиліи всѣхъ ея товарокъ-соціалистокъ, обѣщая въ награду за это потушить дѣло о спектаклѣ. Чѣмъ кончится весь этотъ фарсъ, неизвѣстно. „Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно“.

13 Марта по городу были распространены въ количествѣ 1200 экземп. прокламаціи: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Кременчуга и Крюкова“, боевого политическаго характера, въ которыхъ были выставлены требованія свободы слова, печати, собраній, гарантіи неприкосновенности личности и созыва народ-

---

*) См. номеръ 12 „Искры“.

**) Въ послѣдствіи выяснилось, что это француженка, невѣста одного изъ студентовъ, котораго оглушили и начали терзать. Храбрая француженка было бросилась спасать своего жениха, но ее звѣрски хватили нагайкой и, наступая на нее верхами, заставили бѣжать.

*) Тамъ онъ и разсказалъ свою напасть нашимъ товарищамъ, въ камеру которыхъ онъ попалъ.

ныхъ представителей въ парламентъ. Прокламаціи произвели довольно сильное впечатлѣніе на рабочихъ; къ сожалѣнію, значительная ихъ часть попала въ руки полиціи. Недавно здѣсь произошла стачка портныхъ (18 чел.) окончившаяся полной побѣдой рабочихъ.

Профессорскіе нравы.

(Корресп. изъ Кіева).

„Профессора — не сало для мышеловокъ!“ — за эту точную, какъ математическая формула, фразу получилъ въ министерствѣ нагоняй Кіевскій профессоръ физики Шиллеръ. Однако, этотъ точный въ предѣлахъ своей науки профессоръ и его почтенные коллеги съ большимъ правомъ могли-бы выставить лозунгомъ своей дѣятельности за текущій семестръ формулу: „профессора — сало для мышеловокъ“. Что заставляло ихъ, въ самомъ дѣлѣ, читать во что-бы то ни стало лекціи и всѣми силами содѣйствовать сыску?

Поѣздка въ Петербургъ трехъ профессоровъ — „делегатовъ“ воочію доказала вздорность какихъ-либо надеждъ на „реформы Ванновскаго“. Мечты Кіевскихъ профессоровъ объ „особомъ совѣщаніи“ министра съ представителями всѣхъ университетовъ, надежды ихъ на „профессорскій съѣздъ“ разлетѣлись, какъ дымъ передъ суровой дѣйствительностью: вызваны были профессора только изъ Кіева, причемъ 2-ое изъ нихъ для выговора за ихъ несогласіе съ товарищемъ министра (теперь министромъ) Зенгеромъ, сторонникомъ политики мышеловокъ. Министръ на всѣ заявленія о необходимости автономіи университета неуклонно отвѣчалъ, что онъ — противъ автономіи*) и считаетъ необходимымъ замѣщать должность ректора по назначенію; вся причина упорства безпорядковъ заключается — де въ его — министра, неосвѣдомленности и отсутствіи у него энергичныхъ сотрудниковъ въ учебной администраціи. На замѣчаніе профессора князя Трубецкого, что автономія только въ томъ случаѣ будетъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ студенческихъ безпорядковъ, если административныя власти будутъ лишены возможности вторгаться въ университетскую жизнь, министръ заявилъ, что всѣ полицейскія мѣры предпринимаются лишь съ его согласія; отвѣтомъ на это заявленіе послужилъ пріѣздъ черезъ 2 дня изъ Москвы того-же князя Трубецкого съ братомъ его — профессоромъ Московскаго университета, который къ изумленію генерала разсказалъ ему, какъ наканунѣ ихъ отъѣзда увезено изъ Москвы по направленію въ Вяткѣ 2 вагона съ запертыми въ нихъ 60-ю студентами. Какія безобразія учиняетъ въ томъ императорскомъ заведеніи, который называется университетомъ, самъ министръ, какія — жандармерія, трудно разобрать.

Во всякомъ случаѣ поѣздка профессоровъ имѣла два осязательныхъ результата: 1) для нихъ вполнѣ выяснилось, что обѣщанія коренной реформы съ опросомъ въ лѣтніе мѣсяцы прошлаго года совѣтовъ всѣхъ университетовъ — политическій обманъ, 2) профессора Кіевскаго университета получили право рѣшать вопросъ о закрытіи университета. Но профессора не захотѣли, закрывши университетъ, присоединиться къ требованіямъ студенчества. Они затѣяли подлую травлю своихъ болѣе честныхъ учениковъ и добились того, что университетъ закрытъ только на половину.

Университетъ по рѣшеніямъ совѣта въ теченіе февраля и половины марта открывался и закрывался, занятія не шли. Профессора съ помощью инспекціи вылавливали обструкцію, всячески препятствуя выраженію общаго мнѣнія. Профессора Политехническаго института за ихъ открытый, математически точный, образъ дѣйствій, основанный на подсчетѣ студенческаго большинства, признаннаго теперь даже „временными правилами“, подвергались не меньшей травлѣ со стороны своихъ университетскихъ коллегъ, чѣмъ студенты. Студентовъ послѣ закрытія университета впускали только по билетамъ постепенно, начиная со старшихъ курсовъ. Массовое дѣйствіе было невозможно, и въ это время инспекція ловила болѣе смѣлыхъ единичныхъ забастовщиковъ. Такъ стараніями г. г. профессоровъ въ разное время уволено около 100 студентовъ, часть которыхъ кромѣ того попала въ тюрьму за обструкцію.

Университетъ былъ закрытъ 5-го февраля, 4-го марта открытъ и въ тотъ — же день закрытъ; затѣмъ — открытъ 7-го, чтобы послѣ энергичной обструкціи ворвавшейся безъ билетовъ съ пѣснями толпы студентовъ, быть закрытымъ съ 9-го по 18-ое марта. Профессора рѣшили тутъ на дикую массовую мѣру, — исключить всѣ первые курсы — около 600 человѣкъ безъ опроса ихъ, безъ подсчета даже большинства, хотя-бы курсовыми сходками. Для вторыхъ курсовъ университетъ закрытъ до осени. Нечего и говорить, что теперь лекціи шли лишь соединенными силами „оппозиціи“, собиравшейся „изъ принципа“ со всѣхъ факультетовъ на какую-нибудь лекцію. Въ теченіе недѣли съ лишкомъ съ 18-го марта университетъ оцѣплялся полиціей, на парадной лѣстницѣ науколюбивыхъ юношей встрѣчали толпы шпіоновъ-педелей, контролировавшихъ билеты; на площади, какъ на парадѣ, дефилировали колонны городовыхъ (наряда 3-4 по 80 чел.) съ десятками околоточныхъ, прогуливались казацкіе офицеры, сотни которыхъ спрятаны были по сосѣднимъ дворамъ. Самъ полиціймейстеръ съ помощниками мобилизировали силы. Тротуары полны были студентами, освистывавшими шедшихъ на лекціи профессоровъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ (г. Челпановъ) уходили изъ „храма науки“ задворками. Большинство старшихъ курсовъ (юристы 4-го, медики 3-го и 4-го, естественники 4-го) рѣшили прекратить занятія, нѣкоторые изъ нихъ проводили свое рѣшеніе обструкціей, но энергія „добронравной“ оппозиціи и г. г. профессоровъ, привела къ тому, что на старшихъ курсахъ теперь уже, къ самому концу учебнаго года, лекціи идутъ. Такъ, на одномъ курсѣ поднятъ былъ четырьмя студентами вопросъ о забастовкѣ, тою-же ночью трое изъ нихъ арестованы — „по поклепу ихъ-же коллегъ“, какъ объяснилъ жандармскій офицеръ. Г. Морозовъ одинъ изъ „порядочныхъ“ до сихъ поръ въ Кіевѣ профессоровъ увелъ на дняхъ меньшинство 3-го курса медиковъ отъ обструкціи большинства и заперся съ нимъ въ другой аудиторіи на ключъ; тѣмъ временемъ забастовщиковъ переписали. Вполнѣ оправдалась, отнынѣ не менѣе знаменитая, чѣмъ самъ проф. Сикорскій, фраза его: „пусть въ университетѣ останется 25 студентовъ, а всетаки наука будетъ процвѣтать!!“ Надо было слышать подленькій, хамскій смѣхъ, которымъ сопровождалось это изрѣченіе Кіевскаго науколюбца, предсѣдательствующаго въ попечительствѣ о неимущихъ студентахъ и участвующаго во многихъ мѣстныхъ филантропическихъ обществахъ. Много подобныхъ образцовъ фарисейскаго цинизма можно было-бы привести для характеристики профессорскихъ нравовъ. Вотъ какими правдивыми и сильными словами характеризуютъ своихъ наставниковъ сами студенты: (см. прокламацію Кіевскаго Союзнаго Совѣта отъ 26-го марта). Обрисовавъ типъ студента — Молчалина и карьериста, — вполнѣ опредѣлившійся въ студенческой средѣ, Кіевскій Союзный Совѣтъ восклицаетъ: „И въ эту то трудную минуту, переживаемую студенчествомъ, профессора только разжигаютъ дикія страсти, вызываютъ низменные инстинкты. Люди изгоняются сотнями изъ университетовъ, томятся въ тюрьмахъ, ссылаются въ Сибирь, а наши наставники, нравственный обликъ которыхъ долженъ быть примѣромъ для подражанія, идутъ читать лекціи въ зловонныя (отъ вонючихъ газовъ) аудиторіи. Къ рабамъ можно относиться съ состраданіемъ, но лакей вызываетъ презрѣніе. Вашъ же поступокъ вполнѣ лакейскій: подвергаясь оскорбленіямъ, вы имѣли-бы вполнѣ основательныя причины не читать лекцій и не вызывать новыхъ жертвъ. Вы же предпочли подъ охраной нагаекъ просвѣщать своихъ достойныхъ питомцевъ. Вы трусливо забѣгаете впередъ и падаете ницъ передъ правительствомъ, осквернившемъ себя кровью замученныхъ жертвъ. Вы закрываете и открываете университетъ, чтобы парализовать наши силы, вы играете съ нами въ кошку и мышку, изобрѣтаете различные шахматные ходы, чтобъ дать намъ матъ. Тѣ подленькія чувства, которыя дремали-бы на днѣ души многихъ студентовъ изъ оппозиціи, вы вызываете къ жизни, облекаете въ плоть и кровь. Вы производите провокаторовъ и шпіоновъ среди студенчества, развиваете самыя дурныя чувства и, если нравственный уровень части студенчества понизился и понижается, то въ этомъ виноваты вы. Во что обратился университетъ? — Въ полицейскій застѣнокъ, въ отдѣленіе жандармскаго управленія. Тамъ больше шпіонятъ и провокаторствуютъ, чѣмъ занимаются. Товарищъ хватаетъ за бортъ товарища, отнимаетъ у него билетъ. Самое дѣятельное участіе въ университетской жизни принимаютъ теперь субъинспектора и педеля, и ваши-же лекціи служатъ шпіонскимъ цѣлямъ,*) чтобы можно было выловить обструкціонистовъ и отличить благонравныхъ. И послѣ этого вы смѣете говорить о чистотѣ науки! Наука, защищаемая штыками, покупаемая цѣной массовыхъ увольненій, развивающая предательство, такая наука-чистая, святая!?.. Прежде чѣмъ учить насъ о томъ, что наука должна быть свободна отъ политики, — освободите вы сами науку отъ вашей политики, — политики преступленія, позора и предательства, освободите себя отъ мелкихъ побужденій, отъ рабскихъ чувствъ, отъ полицейскихъ интересовъ, ничего общаго ни съ чистотой, ни съ наукой не имѣющихъ“.

Рвеніе г. г. профессоровъ на почвѣ умиротворенія студентовъ путемъ ихъ полицейской фильтраціи и политическаго развращенія объясняется словами проф. Сикорскаго, произнесенными также, какъ и предыдущія публично и заслуживающія того, чтобы быть опубликованными. Признавая вмѣстѣ съ проф. Морозовымъ, что „временныя правила“ Ванновскаго — „шагъ назадъ“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ навязывая ихъ студенчеству, онъ сказалъ:

„Недовольство навѣвается на васъ извнѣ агитаторами. Соціализмъ, какъ сифилисъ, губитъ много молодыхъ людей“...

Лучшихъ слугъ, чѣмъ Кіевскіе профессора, нашему дикому, тупому самовластью, — не надо.

Академія наукъ и М. Горькій,

Намъ присланъ слѣдующій интересный документъ:

„А. Н. Веселовскому (предсѣдателю 11 Отд. Академіи Наукъ).

Глубокоуважаемый
Александръ Николаевичъ.

Въ концѣ прошлаго года я получилъ приглашеніе участвовать въ выборахъ по Отдѣл. Русскаго языка и Словесности и Разряду Изящной Словесности и, слѣдуя этому приглашенію, подалъ свой голосъ, между другими, и за А. М. Пѣшкова (Горькаго), который былъ избранъ и, какъ мнѣ извѣстно, получилъ обычное въ такихъ случаяхъ извѣщеніе о выборѣ.

Затѣмъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и всѣхъ русскихъ газетахъ напечатано объявленіе „отъ Академіи Наукъ“, въ которомъ сообщалось, что, выбирая А. М. Пѣшкова — Горькаго, мы не знали о фактѣ его привлеченія къ дознанію по 1035 ст. и, узнавъ объ этомъ, какъ бы признаемъ (сами) выборы недѣйствительными.

Мнѣ кажется, что, учавствуя въ выборахъ, я имѣлъ право быть приглашеннымъ также къ обсужденію вопроса объ ихъ отмѣнѣ, если эта отмѣна должна быть произведена отъ имени Академіи. Тогда я имѣлъ бы возможность осуществить свое неотъемлемое право на заявленіе особаго къ этому предмету мнѣнія, такъ какъ, подавая свой голосъ, зналъ о привлеченіи А. М. Пѣшкова къ дознанію по политическому дѣлу (это извѣстно очень широко) и не считалъ это препятствіемъ для его выбора. Мое мнѣніе можетъ быть ошибочно, но и до сихъ поръ оно состоитъ въ томъ, что Академія должна сообразоваться лишь съ литературной дѣятельностью избираемаго, не справляясь съ негласнымъ производствомъ посторонняго вѣдомства. Иначе самый характеръ академическихъ выборовъ существенно искажается и теряетъ всякое значеніе.

Выборы почетныхъ академиковъ по существу своему представляютъ гласное выраженіе мнѣнія Академіи о выдающихся явленіяхъ родной литературы. Всякое мнѣніе, по своей природѣ, имѣетъ цѣну лишь тогда, когда оно независимо и свободно. Отмѣнѣ или ограниченію могутъ подлежать лишь формы его обнаруженія и его послѣдствія, но не самое мнѣніе, которое, по природѣ своей, чуждо внѣшнему воздѣйствію. Только я самъ могу правильно изложить мотивы моего мнѣнія и измѣнить его, а тѣмъ болѣе объявить объ этомъ измѣненіи. Всякая человѣческая власть кончается у порога личной совѣсти и личнаго убѣжденія. Даже существующіе у насъ законы о печати признаютъ это непререкаемое начало. Цензурѣ предоставлено право остановить оглашеніе того или другого взгляда, но законъ воспрещаетъ цензору всякія постороннія вставки и заявленія отъ имени автора. Мнѣ горько думать, что объявленію, сдѣланному отъ имени Академіи, суждено, впервые, кажется, ввести прецедентъ другого рода, передъ сущностью котораго совершенно блѣднѣетъ самый вопросъ о присутствіи того или другого лица въ составѣ почетныхъ академиковъ. Если бы этотъ обычай установился, то мы рискуемъ, что намъ могутъ быть диктуемы тѣ или другіе обязательные взгляды и что о перемѣнѣ нашихъ взглядовъ на тѣ или другіе вопросы (жизни и литературы) можетъ быть объявляемо отъ нашего имени, совершенно назависимо отъ нашихъ дѣйствительныхъ убѣжденій. А это — величайшая опасность въ глазахъ всякаго, кто дорожитъ независимостью (и значитъ) искренностью и достоинствомъ своего убѣжденія. Смѣю думать, что это — величайшая опасность также для русской науки, литературы и искусства.

Въ виду изложенныхъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени важныхъ принципіальныхъ соображеній, я и считалъ необходимымъ обратиться къ Вамъ съ просьбой извѣстить меня о времени засѣданія Отдѣла и Разряда по этому поводу. Къ сожалѣнію, моя просьба запоздала и уже тогда, къ крайнему моему прискорбію, я предвидѣлъ, что мнѣ останется только сложить съ себя званіе почетнаго Академика, такъ какъ по совѣсти я не могу раздѣлить отвѣтственности за содержаніе сдѣланнаго отъ имени Академіи объявленія. Но я считаю своей нравственной обязанностью передъ уважаемымъ учрежденіемъ прежде изложить свои соображенія въ собраніи Отдѣла и Разряда, которое, быть можетъ, указало бы мнѣ другой выходъ, согласный съ моей совѣстью и достойный высшаго въ нашемъ отечествѣ научнаго учрежденія. Оставаясь при этомъ мнѣніи, я прошу Васъ, глубокоуважаемый А. Н., сообщить мнѣ, находите ли Вы возможнымъ созвать въ ближайшемъ времени собраніе Отдѣла русскаго языка и словесности и Разряда изящной словесности для выслушанія моего заявленія, которое я въ такомъ случаѣ буду имѣть честь представить“.

Примите и пр. Вл. Короленко.

6 апрѣля 1902 г.

Какъ-же думаетъ поступить Академія Наукъ?

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Воткинскій заводъ. (Начало апрѣля). На немъ около 5000 рабочихъ, всѣхъ же жителей около 25,000. Числа 26-го марта все населеніе Воткинскаго завода приняло праздничный видъ. Рабочіе бросили работу выкинули красный флагъ съ надписью: всѣ какъ одинъ!“ и предъявили управляющему требованія: 8-ми часовой рабочій день и повышеніе расцѣнковъ. Все было такъ хорошо организовано, что ни полиція, ни начальство и не подозрѣвало о готовящихся событіяхъ. Руководителями движенія начальство считало какихъ то двухъ рабочихъ, которыхъ звали тамъ „студентами“. Бросивъ работу, рабочіе прежде всего оборвали всѣ телеграфныя проволоки, потомъ проникли въ контору. Оттуда они вывели управляющаго и доктора, держа надъ ихъ головою красное знамя и, несмотря на долгое сопротивленіе, заставили управляющаго подписать ихъ требованія — 8-ми часовой день и повышеніе расцѣнковъ. Какой-то мѣлкій служащій (по слухамъ телеграфный чиновникъ) отправилъ депешу съ нарочнымъ куда слѣдуетъ. Когда на мѣсто прибылъ исправникъ, рабочіе его арестовали. Говорятъ управляющій и докторъ (большой мерзавецъ) отпрашивались у рабочихъ „пообѣдать“. Послѣдніе бросили имъ кусокъ гнилого хлѣба со словами: „покушайте-ка того, чѣмъ принуждены кормиться рабочіе“. Когда среди рабочихъ прошелъ слухъ, что ихъ „студенты“ исчезли, они кинулись къ квартирѣ становаго (это было еще до пріѣзда исправника), разгромили ее, вытащили становаго и начали требовать у него указанія, гдѣ „студенты“. Тотъ долго не соглашался, но, наконецъ, сказалъ: „ну, хорошо, пойдемте, я вамъ покажу“. Онъ привелъ ихъ въ камеру судьи, гдѣ дѣйствительно находились арестованные „студенты“. Рабочіе освободили ихъ. Въ концѣ концовъ управляющій ускользнулъ, а доктора и одного лѣсничаго держатъ подъ арестомъ. Теперь туда отправился вятскій губернаторъ и посланы войска изъ Казани. На дняхъ прошелъ слухъ, что къ Воткинскимъ рабочимъ присоединился и Ижевскій Казенный Заводъ. Тамъ рабочихъ до 30,000. Народъ отчаянный. У нихъ много оружія. Воткинскіе рабочіе забаррикадировали плотину своего пруда (единственный путь, ведущій къ нимъ) и поставили на немъ пушку (благо онѣ изготовляются на заводѣ).

• • •

Объ окончаніи безпорядковъ сообщаютъ слѣдующія возмутительныя подробности:

„Слѣдствіемъ, произведеннымъ губернаторомъ (вкупѣ съ Сарапульск. прокуроромъ, Вятскимъ жандармскимъ полковникомъ и Вятскимъ полиціймейстеромъ), обнаружено было, что „зачинщиками“ безпорядковъ была заводская молодежь, а вдохновителемъ ея — недавно прибывшій въ заводы (и, кажется, поступившій на нихъ въ качествѣ рабочаго) одинъ родственникъ Воткинскаго торговца нѣкто Ааронъ Зюсманъ (молодой человѣкъ, очень интеллигентный). Слѣдствіемъ этимъ установлено было также, что рабочіе въ послѣднее время устраивали сходки, что среди нихъ циркулировала нелегальная литература и т. д.

Результатами этого предварительнаго слѣдствія были: 1) арестъ и отправка въ Сарапульскую тюрьму 69 чел. рабочихъ и 2) наказаніе розгами 35 человѣкъ изъ нихъ. Наказанію розгами подвергнуты были яко-бы несовершеннолѣтніе изъ рабочихъ, но въ первую голову — Зюсманъ (человѣкъ, какъ я уже сказалъ, пришлый и интеллигентный), и рабочій Шадринъ (то же, кажется, пришлый), которому около 40 лѣтъ. Послѣдній пострадалъ за то, что хранилъ у себя и не хотѣлъ отдать губернатору подписанное Трояномъ требованіе рабочихъ.

Экзекуція происходила на базарной площади и .... „народъ безмолствовалъ“.....

Бѣжица (Орловской губ. Брянскаго уѣзда).

Положеніе на заводѣ страшно натянутое. По разсказу мѣстнаго жителя, принадлежащаго къ заводской администраціи и являющагося по отношенію къ рабочей массѣ, такъ сказать, посторонниимъ наблюдателемъ, весь заводъ находится въ броженіи. По заводскимъ улицамъ и паркамъ то и дѣло видишь кучки рабочихъ съ мрачными лицами и съ сдержанной страстностью обсуждающихъ жгучіе для нихъ вопросы о безработицѣ. Вся мѣстная буржуазія чуетъ приближающуюся грозу и страшно перепугана. До чего доходитъ страхъ видно изъ того, что всѣ причастныя къ заводской администраціи лица спѣшатъ застраховать жизнь, а нѣкоторые даже отправляютъ цѣнныя вещи на храненіе за предѣлы завода. Настроеніе рабочихъ дѣйствительно таково, что достаточно спички, чтобы запылалъ самый хаотическій пожаръ въ видѣ разгрома завода или бунта.

Такое настроеніе неудивительно при тѣхъ возмутительныхъ притѣсненіяхъ со стороны администраціи завода, которымъ, кажется, не предвидится конца. Заводское начальство повидимому хочетъ намѣренно вызвать бунтъ, чтобы разсчитать многихъ рабочихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ возмутительнаго поведенія заводской администраціи.

1-го апрѣля въ кузнечномъ цехѣ у прессовщиковъ сбавили расцѣнку съ 80 коп. — на 50 к. за 1 тысячу заклепокъ. Кромѣ того, при учетѣ работы 45 тысячъ заклепокъ „замотали“, т. е. попросту говоря украли, не проставивши ихъ въ учетъ. Всѣ 70 прессовщиковъ послѣ такихъ возмутительныхъ фактовъ заявили, что не будутъ работать и берутъ разсчетъ. Въ виду наступающихъ праздниковъ многіе рабочіе пошли къ начальнику чугуннаго цеха Галину просить выдать плату (которую заводское начальство держитъ больше мѣсяца) нѣсколькими днями раньше назначеннаго для выдачи платы срока. Пошли просить потому, что этимъ рабочимъ буквально ѣсть нечего, и кромѣ того плату назначили выдавать въ пятницу страстной, а въ субботу все многотысячное заводское населеніе должно успѣть закупить въ мѣстномъ магазинѣ продукты къ празднику — понятно, какая неурядица должна будетъ отъ этого произойти. Галинъ просителей оштрафовалъ, а иниціаторовъ просьбы уволилъ. — Мастеръ кузнечнаго цеха Демосфеновъ проявилъ особенное усердіе въ отысканіи у рабочихъ нелегальныхъ брошюръ. Замѣтивши, кто изъ рабочихъ имѣлъ таковыя онъ набрасывался на этихъ рабочихъ, вырывалъ брошюры и билъ ими по лицу злополучныхъ читателей. А двухъ рабочихъ за чтеніе брошюръ — назначилъ къ разсчету. — Одинъ изъ приставовъ мѣстной полиціи проявляетъ свое холопское усердіе, занимаясь распечатываніемъ писемъ подозрительныхъ рабочихъ.

Терпѣніе рабочихъ отъ всѣхъ такихъ безобразій начинаетъ лопаться. Въ началѣ апрѣля они сильно избили шпіона Мартиренко, такъ что послѣдняго отправили въ больницу. Урокъ былъ хорошъ, потому что побитый агентъ говоритъ, что ни за что не останется теперь въ Бѣжицѣ. (Его колотятъ уже второй разъ; но первый разъ легко.) Недѣлей раньше побили стекла въ домѣ и самаго поколотили одного подмастерья, занимающагося провокаціей. — Къ 1-му маю хотятъ разсчитать до 3-хъ тысячъ рабочихъ. Упраздняютъ мостовой, литейный цехи и вальцовку, оставляютъ только механическій и вагонный съ комплектомъ въ 6 тысячъ рабочихъ. — На случай волненій принимаютъ мѣры: 1 роту солдатъ уже пригнали изъ Брянска и спрятали на хуторѣ. Ждутъ еще 7 ротъ.

Изъ жизни глухихъ заводкихъ угловъ.

Каменный Бродъ, Волынской губ. Фаянсовый Заводъ **Зусмана** съ 400 рабочихъ (евреевъ и христіанъ) расположенъ въ лѣсу среди топкихъ болотъ. Кругомъ этого завода имѣются только нѣсколько деревень, а ближайшее мѣстечко находится на разстояніи 10 верстъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ на этомъ заводѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: малолѣтній рабочій, „надѣвая ремень на ходу“, былъ захваченъ транцмисіоннымъ валомъ и едва не убитъ. Только благодаря тому, что тотчасъ-же былъ вызванъ врачъ, мальчика удалось привести въ чувства. Оказалось, что у него переломаны лѣвая нога и 3 ребра, вывихъ праваго плеча и значительно повреждена черепная полость. Понятно какой переполохъ поднялся на заводѣ и въ конторѣ. Особенно волновалась администрація въ виду того, что только въ прошломъ году былъ убитъ рабочій на этомъ-же заводѣ при смазываніи машины на ходу, а также въ виду того, что фабричный инспекторъ В. А. Козьминъ за послѣднее время уже написалъ нѣсколько протоколовъ и уже нѣсколько разъ оштрафовалъ администрацію за небрежное отнощеніе ко всякаго рода огражденіямъ. Дѣло въ томъ, что фабричная инспекція строго запрещаетъ надѣваніе ремней на ходу, а такъ какъ частое пріостонавливаніе главнаго двигателя сопряжено съ сравнительно большой затратой, то на всѣхъ фабрикахъ стараются разными путями обходить этотъ законъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, гдѣ завѣдующіе — люди болѣе или менѣе добросовѣстные, устраиваются такъ называемые „холостые шкивы“, но это удается устроить только тамъ, гдѣ мѣсто позволяетъ, на другихъ же фабрикахъ стараются о томъ, чтобы „шпонки“ едва выступали изъ втулки шкива и тогда надѣваніе ремня на ходу представляетъ меньше опасности. На заводѣ же Зусмана, завѣдующій Литинскій, человѣкъ необразованный, грубый, простой практикъ, рѣшилъ обойти этотъ законъ инымъ способомъ. Онъ намѣчалъ себѣ среди рабочихъ наиболѣе смѣлаго и разъ навсегда поручалъ ему надѣваніе ремней на ходу. Такой рабочій получалъ за эту обязанность конечно особую плату. Этотъ способъ практикуется Литинскимъ уже давно, но обраружилось только теперь, послѣ этого несчастнаго случая съ злополучнымъ 15-ти лѣтнимъ рабочимъ, единственнымъ сыномъ у своихъ родителей. Теперь уже извѣстно, что этотъ мальчикъ получалъ за „надѣваніе ремней на ходу“ по 1 рублю въ недѣлю. Администрація больше всего боялась, какъ бы объ этомъ не узналъ фабричный инспекторъ Козьминъ и поэтому заставила рабочихъ свидѣтелей разсказать приставу, что несчастный мальчикъ вовсе не надѣвалъ ремень, а нагнулся за тѣмъ, чтобы поднять упавшее пальто. которое раньше висѣло на транцмисіонномъ валѣ. Не успокоившись на этомъ и еще сильно дрожа надъ своей шкурой, управляющій въ тотъ же день поѣхалъ къ судебному слѣдователю Поливодѣ, захвативъ съ собою пару роскошныхъ колоннъ съ не менѣе роскошными вазами. Поливода, которому приходится не въ первой „брать“, очень благосклонно принялъ этотъ подарокъ и посовѣтовалъ ему „соврать получше“, такъ какъ ему и за пальто (ибо вѣшать пальто на машинѣ воспрещено) можетъ влетѣть отъ фабричнаго инспектора. Прискакавъ обратно въ Каменный Бродъ, управляющій засталъ уже тамъ фабричнаго инспектора и ему трудно было уговорить всѣхъ рабочихъ врать по новому. Показанія получились противорѣчивыя изъ чего Козьминъ понялъ почти все. Дѣло пока передано суду. По закону (за надѣваніе ремня во время хода машины) Литинскій долженъ сидѣть 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, но будетъ ли онъ въ тюрьмѣ — покажетъ будущее.

---

*) Профессоръ Сикорскій, извѣстный типъ хамелеона, сравнивалъ передъ студентами опросъ совѣтовъ и „реформу“ Ванновскаго съ историческимъ лѣченіемъ Алексѣя Михайловича, когда опрашивали многихъ врачей, а затѣмъ ихъ писанныя мнѣнія передавали думнымъ боярамъ, которые, уставя брады свои, и назначали лѣченіе по своему

*) Вотъ объясненіе, которое далъ въ Петербургѣ жандармъ родственнику одного старосты: „господа старосты вели себя очень неосторожно и откровенно высказывались въ бесѣдахъ съ профессорами“ (см. изд. „Кассы Радикаловъ“ отъ 11-го марта).

Волынецъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ Франціи. (Конецъ апрѣля.)

Предстоящіе во Франціи выборы крайне знаменательны какъ по тому характеру, который приняла здѣсь партійная борьба, такъ и по отношенію соціалистовъ къ буржуазнымъ фракціямъ.

Всякій внимательный наблюдатель внутренней политики „дружественной“ страны легко замѣтитъ изъ за чего ведется споръ между двумя фракціями буржуазіи, изъ которыхъ одна называетъ себя республиканской, другая націоналистической; замѣтитъ также, какъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ крайній правый, монархическій элементъ въ послѣднемъ лагерѣ. Пусть Деруледъ мечтаетъ о коронѣ, пусть Дрюмонъ симпатизируетъ монархистамъ, пусть поэтъ Коппэ и критикъ Лемэтръ славославятъ престолы, пусть всѣ они будутъ въ душѣ самыми ярыми и завзятыми анти-республиканцами, фактъ тотъ, что въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ, въ своихъ органахъ, на собраніяхъ, передъ своими сторонниками они должны выступать республиканцами, а это является самымъ лучшимъ, самымъ яркимъ доказательствомъ того, что пресловутая опасность, угрожающая буржуазной республикѣ со стороны реакціонныхъ партій — чистая фантазія, а говорить и въ особенности кричать объ этой опасности — политическій маневръ. Надо дать исходъ революціонному настроенію французскаго пролетаріата, надо отвести его громы, готовые разразиться надъ всѣмъ буржуазнымъ строемъ — и сознающая свои классовые интересы, т. е. республиканская, буржуазія пускается со всѣхъ силъ запугивать рабочій классъ призракомъ монархіи. Нѣтъ спора, между двумя частями французской буржуазіи ведется упорная борьба изъ-за экономическихъ интересовъ; то борьба торговой буржуазіи съ финансовой, промышленной съ аграрной; нѣтъ спора, въ этой борьбѣ и той и другой сторонѣ выгодно въ интересахъ побѣды привлечь на свою сторону сильный численностью пролетаріатъ; но постоянно прогрессирующее развитіе классоваго сознанія рабочихъ, значительно усилившееся за послѣдніе годы рабочее движеніе заставляютъ ту сторону, которая хочетъ опираться на рабочій классъ, быть на-сторожѣ, и пользуясь громомъ, въ то-же время отводить его.

Пусть гремитъ, пусть очищаетъ воздухъ, пусть уничтожаетъ соперниковъ, но только... не затрагиваетъ корней... Больше по поверхности и меньше въ глубь!... Такова тактика всякой буржуазной партіи по отношенію къ рабочему классу, такова его система политическаго воспитанія... Всячески угрожая, одна партія — опасностью, которой подвергается республика, другая — разореніемъ крахомъ, къ которому будто-бы идетъ Франція, благодаря республикѣ, обѣ онѣ сходятся на признаніи необходимости борьбы съ соціалистами. Одни твердятъ: мы должны бороться съ клерикалами и соціалистами; другіе варьируютъ: мы должны бороться съ франкъ-массонами и соціалистами.

Вытекающее отсюда поведеніе революціонныхъ соціалистовъ было просто и ясно.

Тщетно пытались Жоресъ, Мильеранъ, Вивьяни и Ко. уговорить пролетаріатъ, что нитка, на которой держится теперь республика, такъ тонка, что рабочіе должны временно оставить всякій соціализмъ и прійти на помощь спасителямъ республики; послѣ Турскаго конгресса многимъ, даже изъ вчерашнихъ закадычныхъ друзей упомянутыхъ господъ, стало ясно, что эти рѣчи вели не соціалисты, а чистѣйшіе представители буржуазнаго класса, правда, очень умные и знакомые съ слабою стороною французскаго пролетаріата.

Тщетно пытаются здѣшніе Зубатовы вродѣ Лануара и Бьетри, организаторовъ „желтыхъ синдикатовъ“ *) удерживать рабочихъ отъ... политики (конечно, соціалистической); поведеніе „желтыхъ“, ихъ тѣсный союзъ съ такимъ буржуазнымъ политикомъ, какъ Мелинъ, ихъ слишкомъ явная умѣренная политика, ихъ борьба съ революціонерами раскрываютъ мало по малу глаза даже самымъ недальновиднымъ рабочимъ.

Объединившись послѣ прошлогодняго Ліонскаго конгресса въ одну „Соціалистическую партію“ („Союзъ соціалистовъ-революціонеровъ“), гедисты, бланкисты и нѣсколько приставшихъ къ нимъ автономныхъ федерацій выработали общій планъ дѣйствій и одинаковыя избирательныя заявленія всѣхъ кандидатовъ, выступающихъ отъ имени партіи. Впервые въ исторіи соціалистическаго движенія Франціи, партія выставляетъ кандидатовъ почти во всѣхъ 589 избирательныхъ округахъ. Партіи неважно пріобрѣсти столько-то и столько-то депутатскихъ мѣстъ; ей важно, пользуясь избирательной компаніей, вести самую широкую пропаганду своихъ революціонно-соціалистическихъ идей. Она выставляетъ своихъ кандидатовъ всюду, какъ во всѣхъ округахъ Парижа, такъ и во всѣхъ, самыхъ глухихъ и отдаленныхъ деревушкахъ, куда еще ни разу не проникалъ соціализмъ; она выставляетъ своихъ кандидатовъ одинаково какъ противъ націоналистовъ-реакціонеровъ всякихъ оттѣнковъ, такъ и противъ такъ называемыхъ „республиканцевъ“ всѣхъ оттѣнковъ, отъ Барту и Бриссона до Жореса.

Не боясь обвиненій въ антипатріотизмѣ, партія вездѣ подчеркиваетъ свой интернаціонализмъ, заявляя себя „частью международной организованной соціаль-демократіи“.

Республиканцы въ политикѣ, кандидаты партіи хотятъ истинно демократической республики, а таковой можетъ быть только общество, построенное на соціалистическихъ основахъ; они отказываются защищать и осуждаютъ современную плутократическую республику, колѣнопреклоняющуюся передъ русскимъ царемъ, разстрѣливающую рабочихъ-стачечниковъ, заигрывающую съ папой, словомъ республику буржуазную со всей ея антидемократической политикой.

Будучи соціалистами, они выступаютъ противъ тѣхъ ничтожныхъ соціальныхъ реформъ, которыя, отнюдь не облегчая положенія рабочаго класса, напротивъ, ложатся на него тяжелымъ бременемъ. Таково пресловутое сокращеніе рабочаго дня до 10½ часовъ, введеніе котораго съ 1-го апрѣля сопровождается всюду пониженіемъ заработной платы;**) таковъ проэктъ пенсіи старикамъ-рабочимъ, только облагающій рабочихъ новымъ налогомъ путемъ вычета изъ заработка опредѣленныхъ процентовъ въ пенсіонную кассу, и помогающій имъ въ такомъ возрастѣ,... до котораго не доживаютъ 94% рабочихъ; таковъ, напр., функціонирующій теперь налогъ на окна и двери, который долженъ въ силу закона падать на домовладѣльца, а завершился лишь повышеніемъ цѣнъ на квартиры... таковъ... но было-бы слишкомъ долго перечислять всѣ тѣ реформаторскіе миражи, которыми французская радикальная буржуазія пытается склонить на свою сторону рабочій классъ.

Революціонеры, кандидаты партіи заявляютъ себя въ рѣшительной оппозиціи ко всѣмъ буржуазнымъ партіямъ; они отказываются отъ временныхъ ничтожныхъ успѣховъ, купленныхъ цѣной компромиссовъ, и видятъ единственный исходъ изъ современнаго положенія вещей въ революціи, которою руководилъ-бы организованный и сознательный пролетаріатъ.

Ясно, что при такой постановкѣ дѣла борьба между буржуазными партіями и соціалистической будетъ горячей, и для послѣдней трудной. Соціалисты не располагаютъ ни деньгами, необходимыми для широкой избирательной компаніи, ни правительственными агентами, пускающими въ ходъ въ интересахъ своихъ кандидатовъ всѣ колеса государственнаго механизма, ни средствами давленія со стороны хозяевъ, которыми такъ широко пользуются буржуазныя партіи во время выборовъ. Недаромъ также прошелъ для партіи только что пережитый кризисъ; измѣна партіи со стороны разныхъ Жоресовъ, Мильерановъ и Ко, увлеченіе ими части рабочаго класса, дезорганизація партіи и т. д.

Особенный интересъ представляютъ теперь кандидатуры Жюль Геда и Рэнэ Шовэна. Первый борется въ Рубэ противъ всемогущаго заводчика депутата Мотта, котораго поддерживаютъ правительство, хозяева и псевдо-соціалисты Жоресовскаго лагеря. Кандидатура Шовэна (парикмахера), выставлена партіей въ 12-омъ округѣ Парижа противъ министра торговли Мильерана, сжегшаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ у кормила власти, все, чему поклонялся раньше.

Нѣтъ сомнѣнія, что не соціалисты выйдутъ побѣдителями изъ предстоящей схватки, побѣдителями въ смыслѣ числа пріобрѣтенныхъ мѣстъ. Матеріальная побѣда останется не за ними. Но за ними останется другая, въ тысячу разъ большая моральная побѣда: ростъ классоваго сознанія рабочихъ, пріобрѣтеніе новыхъ сторонниковъ, окончательное пораженіе оппортюнистическаго соціализма, какъ соціализма, и широкое распространеніе въ странѣ принциповъ соціализма революціоннаго.

P. S. Корреспонденція была уже набрана, когда стали извѣстны результаты выборовъ. Какъ слѣдовало ожидать не революціонные соціалисты вышли побѣдителями изъ борьбы; они сохранили позицію, которую занимали до выборовъ — и только. Жюль Гедъ палъ жертвою невѣроятнаго давленія хозяевъ и правительства. Все-же однако число голосовъ, поданныхъ за него теперь, возросло на 700 сравнительно съ тѣмъ, что онъ получилъ въ 1898 г. (тогда 7998 голосовъ, теперь 8728). Чувствительную потерю потерпѣли гедисты въ лицѣ молодого депутата и неутомимаго пропагандиста Зеваэса. За то выбранъ въ депутаты Делори, мэръ Лилля. Въ 12-мъ округѣ Парижа, въ которомъ раньше не было ни одной гедистской группы, Шовэнъ получилъ 27-го апр. 1094 голоса, тогда какъ Мильеранъ получилъ около 5000 голосовъ (въ 1898 г. онъ былъ избранъ 8000 голосовъ), и націоналистъ Пешенъ 4000 гол. Произошла перебаллотировка и прошелъ министръ Мильеранъ незначительнымъ большинствомъ. Парламентская группа „Союза революціонныхъ соціалистовъ“ будетъ состоять теперь изъ членовъ, среди которыхъ 3 гедиста: Делори, Дюфуръ, Констанъ, 6 бланкистовъ: Вальянъ, Самба, Вальтеръ, Шовьеръ, Котанъ, Аляръ и 3 изъ другихъ организацій: Дежантъ, Тиврье и Буври. Два депутата Бенезекъ и Баронъ, выставившіе свою кандидатуру какъ гедисты, намѣрены теперь войти въ группу жоресистовъ. Послѣдніе, пользовавшіеся правительственной поддержкой и заключившіе передъ перебаллотировкой союзъ съ радикалами и даже умѣренными (вродѣ Ивъ Гюйо), вышли, конечно, побѣдителями. Они потеряли нѣсколькихъ выдающихся вожаковъ, какъ Вивіани, Фурньера, Альмана, но провели за то въ палату Прессансэ, Жореса, Жеро-Ришара, Бріана и др... Если Бенезекъ и Баронъ окончательно войдутъ въ ихъ группу, у жоресистовъ будетъ въ парламентѣ 35 человѣкъ, т. е. на 6 больше, чѣмъ было въ прошлой палатѣ.

Всеобщая стачка въ Бельгіи.

Уже 18 лѣтъ католическая партія управляетъ Бельгіей. Всѣми средствами старается она укрѣпить свое положеніе. Не смотря на то, что эту партію поддерживаетъ меньшинство населенія, не смотря на то, что при послѣднихъ выборахъ за нее было подано на 30.000 голосовъ менѣе, чѣмъ за либераловъ, демократовъ и соціалистовъ въ совокупности (даже при настоящей системѣ выборовъ, о которой говорилось въ предъидущей корреспонденціи), она продолжаетъ управлять страною, — продолжаетъ управлять ею въ интересахъ небольшой группы капиталистовъ, опираясь на поповъ, аристократовъ и на невѣжественную, забитую массу крестьянства.

Политика этой партіи ложится прежде всего на плечи рабочаго класса. Въ Бельгіи до сихъ поръ почти нѣтъ фабричныхъ законовъ, до сихъ поръ значительная часть рабочихъ и крестьянская масса оказываются неграмотными (30% населенія), до сихъ поръ старики и больные рабочіе должны нищенствовать. Понятно, поэтому, что именно рабочая партія рѣшилась во что бы то ни стало освободиться отъ гнета правящей клики. Несомнѣнно, что только введеніемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, не искаженнаго никакими компромиссами, можно подорвать силу торжествующей реакціи. XVI-ый конгрессъ рабочей партіи рѣшилъ добиваться уравненія политическихъ правъ и сосредоточить на этомъ требованіи всѣ силы партіи. Весь послѣдній годъ партія посвятила организаціи своихъ силъ въ виду этого требованія, устраивая цѣлый рядъ демонстрацій, сотни митинговъ, распространяя тысячами брошюры и воззванія.

Къ этой агитаціи сочувственно относились передовые слои буржуазіи, такъ какъ политика католиковъ вредитъ въ концѣ концовъ экономическому развитію всей страны. Либеральная и демократическая партіи присоединились наконецъ къ требованію рабочей партіи.

Къ сожалѣнію, это присоединеніе либераловъ къ соціалистамъ было связано съ компромиссомъ. Вмѣсто того, чтобы неуклонно идти своимъ революціоннымъ путемъ, привлекая къ себѣ союзниковъ изъ буржуазіи, но не подчиняясь имъ, бельгійскіе соціалисты начали съ уступокъ либераламъ, согласились отодвинуть вопросъ объ избирательномъ правѣ женщинъ, связали требованіе всеобщаго избирательнаго права съ требованіемъ пропорціональнаго представительства. И послѣдствія показали еще разъ всю гибельность этой политики подчиненія рабочей партіи либераламъ.

19-го марта было внесено въ парламентъ предложеніе пересмотрѣть конституцію, подписанное вождями всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій.

Католическая партія не можетъ разсчитывать на то, что она сохранитъ власть въ своихъ рукахъ послѣ пересмотра конституціи. Поэтому она съ самаго начала обнаружила рѣзко отрицательное отношеніе къ новому движенію. Пользуясь большинствомъ голосовъ въ парламентѣ, она рѣшила воспротивиться всякому пересмотру.

Вождямъ рабочей партіи оставалось только обратиться къ странѣ, опереться на самихъ рабочихъ. Они обратились къ нимъ съ горячимъ призывомъ начать борьбу „за будущее рабочаго класса, за самый хлѣбъ насущный, за душу дѣтей своихъ“. Они выражали свою увѣренность въ томъ, что рабочіе, бросивъ работу на фабрикахъ, заводахъ и шахтахъ, съумѣютъ побѣдить „безумное и упорное сопротивленіе католиковъ“. На всеобщую стачку они смотрѣли, какъ на вѣрное и единственное возможное средство заставить католиковъ удовлетворить ихъ требованія. Словами „да здравствуетъ всеобщая стачка!“ они заканчивали всякое свое обращеніе къ рабочимъ, указывая имъ въ то же время на то, что средство это является вполнѣ законнымъ средствомъ борьбы.

Единодушіе рабочихъ, ихъ готовность вступить въ рѣшительный бой съ правительствомъ превзошли самыя смѣлыя ожиданія вождей партіи. Тысячи рабочихъ немедленно бросили работу во всѣхъ городахъ и вышли на улицу. Грандіозныя демонстраціи развертывались ежедневно во всѣхъ уголкахъ Бельгіи. Во главѣ демонстрантовъ двигались не только красныя знамена международной соціаль-демократіи, но и синія знамена демократіи либеральной. Число стачечниковъ быстро увеличивалось.

Правительство почувствовало смертельную опасность. Оно запрещаетъ демонстраціи, всякія сборища на улицахъ и площадяхъ, она выдвигаетъ всѣ свои силы: полицію, которую вооружаетъ спеціально для этой борьбы, жандармерію и гражданскую гвардію, состоящую изъ вооруженныхъ представителей буржуазіи. Хотя армія неоднократно выражала свое сочувствіе движенію, правительство держитъ на готовѣ и ее, созывая въ то же время въ казармы два послѣдніе класса резервовъ и выражая устами военнаго министра „убѣжденіе“, что „60.000 вооруженныхъ солдатъ исполнятъ свой долгъ“. Правительство, подавляя революціонное движеніе, рѣшило не останавливаться ни предъ какими мѣрами.

Двѣ враждебныя силы сталкиваются. Раздаются выстрѣлы, течетъ кровь. На улицахъ Брюсселя воздвигаются баррикады. Народный Домъ подвергается правильной осадѣ. Движеніе на улицахъ, прегражденныхъ батальонами гражданской гвардіи, пріостанавливается... Изъ разныхъ концовъ Бельгіи приходятъ извѣстія о раненыхъ и убитыхъ. Тюрьмы наполняются арестованными. Католическихъ депутатовъ и ихъ дома приходится охранять вооруженною силою. 12-16-го апрѣля движеніе крѣпнетъ и разливается по всей Бельгіи. Число стачечниковъ быстро растетъ, достигая небывалой цыфры 350.000.

Образъ соціальной революціи носится въ воздухѣ. Либералы, разумѣется, приходятъ въ ужасъ и требуютъ прежде всего и больше всего, требуютъ безусловно законности, отказываясь (какъ и подобаетъ представителямъ благороднаго денежнаго мѣшка) отъ борьбы за только что принятую ими программу, если эта борьба выйдетъ изъ рамокъ законности. А вожди бельгійскихъ соціалистовъ и здѣсь идутъ на уступку, принося въ жертву все движеніе интересамъ „мирной“ буржуазной... реакціи. Вожаки боятся, видете-ли, той отвѣтственности, которая можетъ лечь на нихъ въ случаѣ неудачнаго исхода борьбы (не боясь почему-то той отвѣтственности, которая уже ложится на нихъ за отказъ довести до конца начатую всѣмъ рабочимъ классомъ борьбу).

Рѣзко критикуютъ они всякое проявленіе дѣйствительно революціоннаго настроенія и, вмѣсто того чтобы организовать движеніе, выростающее на почвѣ этого настроенія, они стараются, пользуясь всею силой своего авторитета, потушить его. Они приглашаютъ продолжать лишь мирную, пассивную всеобщую стачку и совѣтуютъ стачечникамъ оставаться по домамъ, пользуясь своимъ досугомъ... для чего? — для того чтобы „копать гряды на своихъ огородахъ“, какъ выразился центральный органъ партіи.

Нѣкоторое время рабочіе все-таки выходятъ на улицу, но они не могутъ оказать организованнаго сопротивленія цѣлому ряду насилій и униженій, которому ихъ подвергаютъ: ихъ организація признаетъ только „законныя“ формы и осуждаетъ всякое сопротивленіе, не пытаясь даже выдвинуть хоть какой нибудь планъ активной борьбы.

Рабочіе сознавали, что неорганизованная борьба поведетъ только къ цѣлому ряду безполезныхъ жертвъ. Они отказывались отъ активной борьбы, скрывая въ себѣ тяжелое сознаніе своего безсилія и униженія. Улицы опустѣли.

Между тѣмъ обсужденіе предложенія о пересмотрѣ конституціи въ парламентѣ началось 17-го апрѣля. Правительство, благодаря тому, что соціалисты-депутаты не имѣли возможности примѣнить парламентскую обструкцію, уже 12 апрѣля получило нужныя ему 7/12 бюджета на 1902 годъ. Оно чувствовало, что оппозиція теряетъ всякую возможность серьезно бороться съ нимъ и съ самаго начала отказалось даже „принять къ разсмотрѣнію“ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Блестящія рѣчи Анселя, Вандервельда и Жансона не повели ни къ чему. 18-го апрѣля большинствомъ 20-ти голосовъ палата узаконила отказъ правительства.

Генеральный Совѣтъ рабочей партіи обратился къ рабочимъ съ предложеніемъ продолжать стачку.

Но какое значеніе могло имѣть подобное приглашеніе послѣ того, какъ самъ же Генеральный Совѣтъ постарался потушить революцію, начавшуюся уже разгораться изъ всеобщей стачки, послѣ того, какъ заявилъ о своемъ рѣшеніи ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ предѣловъ законности? Кого могла устрашить эта, — по мѣткому выраженію Розы Люксембургъ — военная демонстрація съ разряженными передъ лицомъ врага пушками? На что разсчитывалъ Генеральный Совѣтъ? Только развѣ на ..... короля, какъ показываютъ слѣдующія цитаты изъ центральнаго органа партіи: „Пусть же король со свойственною ему мудростью и мужествомъ скажетъ свое слово. Опираясь на соціальную и либеральную демократію, онъ будетъ выше всякихъ грязныхъ и подлыхъ происковъ клерикальной партіи (см. „Le Peuple“ № 108). Такого рода фразъ можно найти не мало въ офиціальномъ органѣ партіи, Да! вожди партіи разсчитывали, что король, распустивъ палату, дастъ возможность высказаться всей странѣ.

Бельгійскій король, со свойственною ему трусостью, за все это время не произнесъ ни одного слова.

Партія потеряла свою послѣднюю и очень хрупкую, надо сознаться, надежду, и Генеральный Совѣтъ, приглашавшій 18-го апрѣля продолжать всеобщую стачку, черезъ день, 20-го апрѣля, постановляетъ прекратить ее.... Соціалисты оказываются въ силу всей своей тактики вынужденными идти на поводу у либеральной буржуазіи, которая именно 19-го апрѣля высказалась противъ стачки (устами либеральной партіи).... И того же 20-го апрѣля происходитъ послѣдняя бойня въ Лувэнѣ, жертвами которой пало 8 рабочихъ.

Борьба за политическое равенство вообще, конечно, не кончилась и кончится только съ полнымъ удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, — но тотъ періодъ борьбы, который мы описали окончился пораженіемъ бельгійской рабочей партіи.

Рабочіе не сразу подчинились рѣшенію Генеральнаго Совѣта своей партіи: стачечное движеніе ослабѣвало только мало по малу. Горячо протестовали противъ поведенія партіи въ этой борьбѣ рабочія Центра и Боринажа. Многіе поняли, что необходимо преобразовать партію. Анархисты подняли голову.

Для того чтобы объяснить свое поведеніе, Генеральный Совѣтъ партіи созвалъ общій съѣздъ на 4-ое Мая. На этомъ съѣздѣ члены Генеральнаго Совѣта утверждали, что за все время борьбы они подчинялись только голосу своей совѣсти и не подвергались какому-бы то ни было давленію со стороны либеральной партіи; они старались доказать, что „Генеральный

---

*) Такъ называютъ французскіе рабочіе тѣ организаціи, которыя буржуазія создаетъ изъ мастеровъ, надсмотрщиковъ, шпіоновъ и забитыхъ простаковъ для борьбы съ рабочимъ движеніемъ.

**) При обсужденіи этого закона соціалисты требовали одновременнаго введенія и минимальной заработной платы.

Совѣтъ исполнилъ свой долгъ, весь свой долгъ по отношенію къ партіи", что при существующихъ условіяхъ онъ не могъ поступать иначе.

Всѣ делегаты согласились, что при существующихъ условіяхъ „всеобщая стачка" не могла окончиться побѣдой, но для многихъ было ясно, что, тѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ велась стачка, созданы въ значительной степени самими вождями движенія. Громадное впечатлѣніе произвела рѣчь Дестрэ, делегата изъ Шарлеруа. „Въ рядахъ нашей партіи, говорилъ онъ, стоятъ другъ противъ друга представители двухъ теченій: одни признаютъ только легальныя формы борьбы, — мы же, признавая эти формы, считаемъ необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать революціонно. Рабочая партія, какъ партія революціонная, всегда должна быть готова силою поддержать свои права и требованія: только въ такомъ случаѣ мы можемъ ожидать уступокъ отъ правительства, только при такихъ условіяхъ мы можемъ увѣренно идти по направленію къ нашему идеалу. Намъ говорятъ, что въ настоящее время уличная борьба невозможна... Значитъ, мы принуждены будемъ сидѣть по домамъ даже тогда, когда нарушатъ права наши, арестуютъ нашихъ делегатовъ!" — Единодушные крики „нѣтъ!" „нѣтъ!" объединили, повидимому всѣхъ членовъ съѣзда.

Далѣе Дестрэ предлагалъ преобразавать Генеральный Совѣтъ партіи такъ, чтобы его настроеніе болѣе соотвѣтствовало-бы настроенію всей партіи; указывая на то, что союзы съ буржуазными партіями до сихъ поръ только ослабляли рабочую партію, онъ совѣтовалъ впредь уклоняться отъ всякихъ союзовъ съ ними; онъ требовалъ, наконецъ, чтобы объявленіе начала и конца всеобщей стачки зависѣло не отъ рѣшенія комитета партіи, а отъ рѣшенія всей партіи.

Выражая готовность въ ближайшемъ будущемъ снова приступить къ борьбѣ за политическое равенство и желая объединить всѣ свои силы въ предстоящей выборной борьбѣ, делегаты съѣзда не рѣшились выразить порицаніе комитету: но около сотни делегатовъ вотировали противъ него.

На международный соціалистическій міръ неудача бельгійскаго движенія произвела сильное впечатлѣніе; какъ говоритъ Мерингъ, она набросила мрачную тѣнь на майскій праздникъ этого года. Слѣдуетъ надѣяться, что урокъ бельгійскихъ событій не пройдетъ безслѣдно для всемірнаго рабочаго движенія. Соціалистическій пролетаріатъ увидитъ къ какимъ практическимъ результатамъ ведетъ оппортюнистская тактика, жертвующая революціонными принципами въ надеждѣ на скорый успѣхъ. Пролетаріатъ еще разъ убѣдится, что ни одно изъ примѣняемыхъ имъ средствъ политическаго давленія на врага не можетъ достигнуть цѣли, если у него нѣтъ готовности довести это средство до логическаго конца. Если вѣрно, что для политической революціи бельгійскій пролетаріатъ не имѣлъ достаточно силъ (чему противорѣчатъ многія заявленія вождей движенія на первыхъ порахъ), то не слѣдовало прибѣгать къ всеобщей стачкѣ, т. е. къ такому средству, все значеніе котораго именно въ угрозѣ революціей и съ примѣненіемъ котораго слѣдуетъ быть особенно осторожнымъ въ моментъ промышленнаго кризиса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

ПРОГРАММА

Уральскаго союза соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ.

„Исходя изъ принциповъ научнаго соціализма, „Уральскій союзъ соціаль-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ" ставитъ своей конечной цѣлью уничтоженіе буржуазнаго строя, который характеризуется тѣмъ что орудія и продукты труда находятся въ распоряженіи господствующихъ классовъ.

Непремѣннымъ условіемъ осуществленія конечныхъ идеаловъ соціализма „Уральскій Союзъ" признаетъ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ.

При этомъ „Уральскій Союзъ" ни на минуту не забываетъ, что по условіямъ историческаго момента ближайшимъ и главнымъ врагомъ трудящейся массы въ Россіи является самодержавіе.

Полагая, что полное политическое и экономическое освобожденіе пролетаріата можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ „Уральскій Союзъ" ставитъ своей ближайшей цѣлью революціонную организацію пролетаріата на Уралѣ и пріобщеніе его къ великой борьбѣ всемірнаго пролетаріата.

Формами борьбы во имя намѣченныхъ цѣлей являются стачки, забастовки, политическія манифестаціи и другіе виды протеста.

Примѣчаніе. „Уральскій Союзъ" не вводя въ программу терроръ, какъ средство партійной борьбы, допускаетъ однако террористическіе поступки отдѣльныхъ лицъ (хотя-бы они были и членами союза), совершаемые за ихъ собственный страхъ и рискъ.

Считаясь съ особенностями положенія рабочаго класса на Уралѣ и ведя пропаганду и агитацію на почвѣ повседневныхъ нуждъ и запросовъ мы должны всегда ставить частные случаи въ зависимость отъ общаго политическаго и экономическаго режима и съ этой точки зрѣнія освѣщать ихъ, памятуя, что мы боремся, не за палліативы, но за коренное измѣненіе существующаго строя.

Ближайшими нашими завоеваніями должны быть политическая свобода и 8-ми часовой рабочій день.

Параллельно съ этимъ должны идти требованія постояннаго повышенія заработанной платы и улучшенія условій труда.

Мѣстные рабочіе кружки, возникая на почвѣ кассъ, библіотекъ и самообразованія объединяются въ мѣстныя группы, которыя въ свою очередь объединяются въ районныя организаціи: совокупность районныхъ организацій образуетъ „Уральскій Союзъ".

Рѣшенія общаго характера вырабатываются на съѣздѣ представителей всѣхъ районныхъ организацій. Редакція общаго органа назначается съѣздомъ представителей всѣхъ районныхъ организацій. Изданіе-же мѣстныхъ агитаціонныхъ листковъ предоставляется мѣстнымъ группамъ въ духѣ общей программы".

1901 годъ.

УРАЛЬСКІЙ СОЮЗЪ

Соціалъ-демократовъ и Соціалистовъ-революціонеровъ.

Изъ настоящей программы не видно въ какомъ отношеніи стоитъ „Уральскій Союзъ" къ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, равно какъ не ясно, входитъ-ли онъ въ партію соціалистовъ-революціонеровъ? Невольно, поэтому, является вопросъ не означаетъ-ли появленіе такого „смѣшаннаго" союза, въ сущности, возникновенія третьей соціалистической фракціи вмѣсто того, чтобы служить предвѣстникомъ сближенія между двумя, уже существующими?

Въ самомъ дѣлѣ: „смѣшанныя" организаціи подобнаго типа возникаютъ не на одномъ лишь Уралѣ. Въ Саратовѣ дѣйствуетъ подобная-же группа, но входящіе въ нее соціаль-демократы, стоятъ внѣ существующаго въ этомъ городѣ комитета нашей партіи. О такомъ-же фактѣ сообщаютъ намъ еще изъ одного города. Такимъ образомъ, соединеніе части мѣстныхъ соціаль-демократовъ съ соціалистами-революціонерами означаетъ въ то-же время отсутствіе единства между мѣстными соціаль-демократами, которыхъ желательно видѣть соединившимися между собой прежде, чѣмъ приступлено къ соединенію съ другими фракціями.

Съ другой стороны, мы видимъ, что уральскіе соціаль-демократы, вступая въ общую организацію съ соціалистами-революціонерами, признаютъ — хотя и въ очень странной формулировкѣ — цѣлесообразность террора. Въ то же время, напр., южные комитеты партіи на своей конференціи приняли резолюцію, признающую терроръ нецѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы. Однородное отношеніе къ террору проявили и Бундъ, и другія соціаль-демократическія организаціи. Такимъ образомъ, уральскіе товарищи, рѣшая для себя тактическіе вопросы совмѣстно съ соціалистами-революціонерами, тѣмъ самымъ отдалились въ очень важномъ вопросѣ тактики отъ большинства русскихъ соціаль-демократовъ...

А отъ всего этого въ накладѣ остается прежде всего русскій пролетарій, въ интересахъ котораго рѣшаются всѣ эти вопросы и создаются всѣ эти организаціонныя постройки. Работалъ человѣкъ на югѣ и слышалъ, что соціаль-демократія отвергаетъ террористическую борьбу, считая ее идущей въ разрѣзъ съ интересами развитія классоваго движенія. Перенесла судьба на Уралъ — и онъ слышитъ, что соціаль-демократія совѣтуетъ членамъ своей партіи практиковать терроръ „за свой собственный страхъ и рискъ".

Не пора-ли, товарищи, серьезно взяться за устраненіе причинъ, которыя создаютъ столь ненормальное положеніе дѣлъ и до извѣстной степени объясняютъ этотъ разбродъ среди соціаль-демократовъ, слишкомъ много предпринимающихъ за свой страхъ и рискъ?

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Изъ Москвы пишутъ:

„Уже два мѣсяца, какъ тюрьма завладѣла всѣми нашими мыслями и чувствами. Куда ни придешь, только и слышишь: „на 6 мѣс. въ тюрьму", „на 4 года въ Сибирь" или какіе нибудь невеселые комментаріи по этому поводу. Въ концѣ концовъ все это больше похоже на какой-то ужасный, мучительный кошмаръ, чѣмъ на реальную дѣйствительность. Едва успѣли уѣхать въ Сибирь первые 95 чел. (ихъ отправили 19-го марта), какъ прилетѣли изъ Петербурга новые приговоры по дѣламъ лицъ, взятыхъ отдѣльно по домамъ, приговоры, которыхъ не могло ожидать самое пылкое воображеніе обывателей. Такъ, напр., ссылается на 3 года въ Восточн. Сибирь молоденькая и довольно безпомощная дѣвушка, уличенная лишь въ томъ, что она за нѣсколько дней до сходки пріѣхала въ Москву къ родителямъ (она арестована 6-го февраля), ее обвиняли въ томъ, что она участвовала въ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью подготовленіе безпорядковъ, и о существованіи котораго она ничего не знала. Ссылается туда-же въ качествѣ „возможнаго руководителя" и студентъ, уѣхавшій за мѣсяцъ изъ Москвы къ больной матери (ссылается на 4 года). Сколько всего будетъ послано въ Сибирь второй серіей приговоровъ, пока не выяснилось, но, вѣроятно, ихъ не мало. Вотъ списокъ попавшихъ въ первую партію (въ немъ пропущено 13 чел.):

На 5 лѣтъ: 1) Церетелли, 2) Будиловичъ Игорь.

На 4 года: 1) Ховринъ, 2) Чулковъ, 3) Швейцеръ, 4) Сыромятниковъ, 5) Охримовичъ, 6) Будиловичъ Георгій, 7) Эбергель, 8) Батуринъ, 9) Баевъ, 10) Залыгинъ (или Зальминъ), 11) Коропачевъ Иванъ, 12) Висекъ, 13) Свѣшниковъ, 14) Теръ-Ивановъ, 15) Игнатьевъ, 16) Метальниковъ, 17) Переломовъ, 18) Боголюбовъ, 19) Бѣлоуховъ, 20) Голике, 21) Дрейеръ Николай, 22) Дрейеръ Сергѣй, 23) Добровъ, 24) Загорскій, 25) Костюнинъ, 26), Кашкаревъ, 27) Костецкій, 28) Корякинъ, 29) Лучининъ, 30) Токаревъ, 31) Мейеровичъ, 32) Половинцынъ, 33) Парновъ (или Парковъ), 34) Соболевскій, 35) Саврасовъ, 36) Соленовъ, 37) Сегеда, 38) Совковъ, 39) Тереховъ, 40) Царикъ, 41) Шебуевъ, 42) Кудрявцевъ, 43) Король, 44) Бѣловъ, 45) Котельниковъ, 46) Добровъ Вл., 47) Кожевниковъ, 48) Колокольниковъ, 49) Масалитиновъ, 50) Ратнеръ, 51) Кирѣевскій, 52) Николаева Людмила, 53) Андреевская, 54) Иковъ Вл., 55) Урисонъ Исаакъ, 56) Шугамъ Александръ, 57) Щеголевъ, 58) Сбытниковъ, 59) Барталонъ, 60) Барцевъ (или Барсовъ), 61) Батурина Ек., 62) Зайцева Анна, 63) Нейгедауеръ, 64) Второва, 65) Мечникова, 66) Панфилова (17-ти лѣтняя чахоточная дѣвушка).

На три года: 1) Орловъ, 2) Панейшвили, 3) Перьмикинъ, 4) Лазаревъ, 5) Рудневъ, 6) Турусовъ, 7) Целикманъ, 8) Волковъ Сергѣй, 9) Пикокъ (Великобританскій подданный — ему подлежитъ выборъ между Сибирью и вѣчнымъ изгнаніемъ изъ Россіи, избралъ первое; его мать — Бакунина).

На два года: 1) Коропачевъ, 2) Шалыттъ, 3) Ященко, 4) Глѣбовъ, 5) Алексѣева, 6) Позернъ.

Изъ осужденныхъ новой серіей приговоровъ пока извѣстны: на шесть лѣтъ въ Якутскую область — Богдановъ, техникъ, сынъ очень богатаго купца, на четыре года — Зильбербергъ, студентъ, сынъ богача, на три года: 1) Зотова, 2) Пинегина, 3) Устинова, 4) Новодворская, 5) Фелицына, 6) д-ца Пекуръ. Несомнѣнно, что общее число гораздо больше, это только случайныя свѣдѣнія.

Москва. Въ ночь съ 20-го на 21-ое апрѣля были обыски и аресты. Пока удалось узнать слѣдующія фамиліи арестованныхъ:

Анаст. Потоцкая, Екат. Жидкова, Мелан. Жидкова, Флерова, Попова, Заварыкина, Лобачева, Боголюбовъ (стат. Губ. Земства), Гавриловъ и Никитинъ, служ. въ статист., Нейфельдъ (двѣ сестры). Были обыски и аресты среди рабочихъ

Теофиполь, Волынской губ. Арестованы Мальцманъ съ женой и отвезены въ Кіевскую тюрьму.

Вологда. 23-го апр. арестованъ ссыльный П. Щеголевъ, содержится въ Вологдѣ, 24-го — ссыльная Третьякова, увезена въ Кострому.

Малмыжъ, Вятской губ. За майское праздненство разосланы по деревнямъ ссыльные г. Малмыжа: Андреевъ, Березинъ, Величкинъ, Горбачевъ и Сверчевскій.

Нижній-Новгородъ. На 30-ое апрѣля было много обысковъ; арестованы бывш. курсистка Герингъ и Романенко. За демонстрацію на похоронахъ умершаго здѣсь товарища Рюрикова 12 лицъ подвергнуто аресту отъ 2 недѣль до 2 мѣс. За майскую демонстрацію въ Сормовѣ арестованы рабочіе: Петръ Заломовъ, Тимофеевъ, Совинъ, Пысинъ, Мих. и Петръ Дружкины, Шабаевъ, Самылинъ, Матвѣитевъ, Шишкинъ и еще 8 человѣкъ.

Пенза. Въ началѣ февраля арестованъ бывш. студентъ Ново-Александровск. Института Стрѣлковъ (увезенъ въ Саратовъ). Въ концѣ февраля взятъ бывшій гимназистъ Черновъ; въ началѣ марта реалистъ Найдичъ, одновременно съ этимъ обыскъ у семинариста Архангельскаго; 16-го апр. былъ обыскъ у семинариста Гумилевскаго въ пенсіонѣ семинаріи, найдена нелегальная литература; вслѣдъ за чѣмъ всѣ семинаристы обысканы. Гумилевскій скрылся. Въ тотъ же день обыскъ у техника В. Соболева. 18-го апрѣля арестованъ бывш. студентъ Харьковск. Ветеринарнаго Института Николай Студенцовъ и произведенъ обыскъ у солдатъ 5 роты резервнаго Мокшанскаго батальона. 20-го апр. обыскъ у гимназиста Соколова, 21-го у гимназиста Мушанова. Семинарія закрыта.

Пензенскій уѣздъ. Въ селѣ Безсоновкѣ въ срединѣ апрѣля произведены жандармами обыски у крестьянъ. Взята нелегальная литература.

Чембарскій уѣздъ, Пензенской губ. уѣздная полиція нашла въ нѣсколькихъ селахъ нелегальную литературу. Арестованъ ученикъ Саратовск. Земледѣльч. школы Ивановъ и съ нимъ нѣсколько крестьянъ.

Оренбургъ. Арестованъ ссыльный Доливо-Добровольскій.

Баку. Послѣ демонстраціи 21-го апр. взяты: Е. Голикова (бывш. слуш Высш. Женск. Кур), Р. Бабикова (фельдшерица), Л. Кнуньянцъ (студ. Кіевск. Политех.), Б. Кнуньянцъ (вольноопр.), Т. Кнуньянцъ (художникъ), А. Бекзадьянцъ (студ. Кіевск. Политех.), А. Инокидзе (техникъ), И. Меликъ-Іосифьянцъ (бывш. студ. технол.), Н. Казаренко, гимназисты Назарьянцъ и Чикнаворьянцъ и нѣсколько рабочихъ (фамиліи неизвѣстны). Всего сидятъ въ тюрьмѣ 31 муж. и 3 женщины.

Пермь. 27-го апрѣля въ Мотовилихѣ произведены обыски, арестовано 11 рабочихъ (6 уже выпущено). 3-го мая арестованъ крестьянинъ Вас. Балахнинъ съ Юговскаго завода (бывшій школьный сторожъ). Тамъ-же арестованъ казанскій студентъ Шнееровъ.

Воронежъ. Кардашевъ, Рудковскій и Махновецъ, арестованные 1-го апрѣля и выпущенные черезъ недѣлю, взяты вновь и отвезены вмѣстѣ съ остальными лицами, арестованными 1-го апрѣля, въ Москву. Юлія Махновецъ содержится въ мѣстной тюрьмѣ.

Въ концѣ апрѣля арестованы: Чернышевъ, Земинъ, Рудневъ, Савинъ.

На границѣ арестованы: Квятковскій, Мальчевскій, Нарочницкая.

Во Владимірѣ — Багаевъ.

Въ Ярославлѣ — Варенцова.

Изъ Вятки отъ 27-го марта сообщаютъ:

„Здѣсь новый синій офицеръ изъ зубатовской школы навезъ провокаторовъ и шпіоновъ; одинъ провокаторъ въ формѣ студента политехника даже устроилъ порядочную сходку. На этихъ дняхъ былъ пойманъ съ поличнымъ (съ письмомъ къ полиціймейстеру) одинъ ссыльный по фамиліи Вильямсонъ. Онъ сознался во всемъ рѣшительно, до мельчайшихъ подробностей, и оказалось, что высылкой ссыльныхъ изъ Вятки, обысками и послѣдними арестами обязаны ему. За все это онъ успѣлъ получить 60 руб Ему остается до конца ссылки 2 мѣсяца, и онъ уѣзжаетъ изъ Вятки, такъ что это нужно имѣть въ виду другимъ."

Петербургъ, 7-го апрѣля 1902 г. (стар. стил.).

Передъ 19-ымъ февраля въ виду ожидавшейся демонстраціи, слухи о которой впослѣдствіи оказались ложными, въ Петербургѣ были произведены аресты. Въ числѣ прочихъ былъ арестованъ статистикъ Орловъ, жившій въ Петербургѣ и принимавшій дѣятельное участіе въ соціаль-демократической организаціи.

Всѣ арестованные были посажены въ Домъ Предварительнаго Заключенія, гдѣ о нихъ повидимому, совершенно забыли, такъ какъ не присылали слѣдователя. Въ 10-хъ числахъ марта рѣшили голодать.

Орловъ также принималъ участіе въ голодовкѣ, но по слабости здоровья не выдержалъ и заболѣлъ. Тогда тюремное начальство примѣнило къ нему искусственное питаніе, — состоящее въ насильственномъ введеніи пищи черезъ зондъ, способъ, которымъ оно нерѣдко пользуется за послѣднее время.

Неизвѣстно, это-ли было причиной или еще что-нибудь подобное повліяло на психическое состояніе Орлова, но въ ночь съ 22-го на 23-ье марта онъ повѣсился. Сейчасъ-же явился прокуроръ, слѣдователь; обѣщали разсмотрѣть дѣло, но до послѣднихъ дней никакихъ результатовъ этого обѣщанія еще нѣтъ.

Изъ Кіева. Одинъ арестованный, не желая, чтобы бумажка, на которой были записаны адреса рабочихъ, попала въ руки жандармовъ, проглотилъ ее у нихъ на глазахъ. Тогда его связали и били по всему тѣлу, а главное по животу, чтобы вызвать рвоту.

Некрологъ.

1) Въ Сольвычегодскѣ, Вологодской губ. отравился товарищъ Казиміръ Людвиговичъ Тышко....

Арестовали его въ Дерптѣ 10-го апрѣля 1899 г. въ самый разгаръ студенческаго движенія, въ которомъ онъ принималъ участіе; обвиняли въ принадлежности къ „Дерптскому Союзному Совѣту объединенныхъ землячествъ и организацій" и къ „Дерптской кассѣ помощи революціонному дѣлу", продержали въ тюрьмѣ больше года и затѣмъ выслали въ Вологодскую губ. на три года. Узнавъ о приговорѣ надъ товарищемъ Езіоровскомъ, сосланнымъ въ каторжныя работы, съ которымъ онъ былъ близокъ по Варшавѣ, гдѣ былъ студентомъ до 1895 г., онъ сдѣлалъ попытку бѣжать. Потытка не удалась... Жизнь тяжело доставалась покойному. Сынъ мелкаго почтоваго чиновника изъ царства Польскаго онъ еще на классической скамьѣ долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Человѣкъ съ рѣзко выраженнымъ революціоннымъ темпераментомъ, пылкій и горячій, онъ всегда и прежде всего цѣнилъ въ людяхъ ихъ готовность „животъ свой положить за други своя", ихъ вѣру въ торжество революціоннаго дѣла, ихъ любовь къ нему, ихъ способность безавѣтно отдаваться борьбѣ. И самъ онъ беззавѣтно отдавался революціонной работѣ. Отдавался и совсѣмъ мальчикомъ-гимназистомъ и юношей-студентомъ, и теперь въ ссылкѣ, гдѣ всѣ его мечты и всѣ надежды заключались въ томъ, чтобы вернуться туда, гдѣ кипитъ жизнь и борются люди. Для этого онъ и пытался бѣжать.... Ему, страстно любившему революціонное дѣло, горячо вѣрившему въ него, были вдвойнѣ и втройнѣ тяжелы угрюмые „хромоногіе" дни ссылки... Онъ хотѣлъ заглушить свою жажду жизни и борьбы книгой, научными занятіями, литературной работой и не могъ... Рукописи сжигались, тянулись тѣ же однообразные дни съ тысячью и одной пошлостью маленькаго городишки, впереди, казалось, долго, долго ничего иного не будетъ... И покойный рѣшилъ сразу покончить съ тяжелой, черезчуръ тяжелой для него — человѣка борьбы — жизнью...

„Хорошо умереть молодымъ"... сказалъ Некрасовъ. Хорошо-ли? И крестъ надъ могилой Тышко не явится-ли лишнимъ живымъ укоромъ всѣмъ знавшимъ и не знавшимъ его, тѣмъ, которые смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ....

2) Въ Ростовѣ на Дону покончилъ жизнь самоубійствомъ бывшій петербургск. студентъ Георгій Поповъ, высланный послѣ демонстраціи 4-го марта 1901 г.

3) Въ Нижнемъ Новгородѣ въ концѣ апрѣля умеръ отъ разрыва сердца бывшій студентъ Казанскаго Ветеринарнаго Института Борисъ Ивановичъ Рюриковъ, арестованный въ Казани въ февралѣ 1901 г. по соціаль-демократическому дѣлу и высланный послѣ 7-ми мѣсячнаго заключенія, подорвавшаго его силы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Заграничной Лигой Русской Революціонной Соціаль-Демократіи получено:

Отъ Зп. 46. 100 руб., отъ Ж. Ж. — обычный годичный взносъ — 360 руб., отъ организаціи Юга 10 руб., отъ Архаровца 15 руб., черезъ Архаровца за Искру 31 руб., отъ З. Ж. 2 руб. 75 коп., отъ Кременчугскаго Комитета 25 руб., отъ В. В. 9 руб., черезъ Ѣ. С. отъ Я. 25 руб., отъ рабочихъ сахарн. завода 37 руб. 25 коп., отъ Д. К. 150 мар., 118 фр. съ Волги черезъ Цюрихъ, отъ велосипедиста изъ Льежа 21 фр., изъ Женевы черезъ Г. 20 фр., съ реферата 32 фр. 50 с., за литературу 100 фр., отъ Горняковъ въ Л. 23 мар.

Черезъ А. Аксельрода: съ реферата Долина 10 фр., съ реферата Арсеньева 12 фр., за майскую литературу 13.30 фр., на изданіе Туна 10 фр., на „Искру" за апрѣль 38.30 фр., за литературу изъ гор. Л—а 50 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ за границы по адресу: **Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse 9/II.**

По поводу многократныхъ обращеній къ намъ съ вопросомъ о томъ, какъ сноситься съ „Искрой" людямъ, попадающимъ заграницу, мы повторяемъ, что изъ за границы слѣдуетъ посылать всѣ и всякія письма, матеріалы и деньги на адресъ Дитца въ Штуттгартѣ:

Verl. J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакціи „Зари".

Редакція „Зари" будетъ всегда немедленно пересылать намъ все, получаемое ею для „Искры".

Убѣдительно просимъ всѣхъ, пользующихся этимъ адресомъ, на внѣшнемъ конвертѣ писать только адресъ Дитца: указаніе же о передачѣ (для ред. „Зари") должно дѣлаться на внутреннемъ конвертѣ.

Типографія „Искры".

ВТОРОИ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 22

ІЮЛЬ 1902 ГОДА.

№ 22

РУССКІЙ РАБОЧІЙ КЛАССЪ И ПОЛИЦЕЙСКІЯ РОЗГИ.

День перваго мая есть день международной рабочей демонстраціи. Въ этотъ день рабочіе всѣхъ странъ выступаютъ подъ однимъ знаменемъ — подъ краснымъ знаменемъ международной соціаль-демократіи. Въ этотъ день они наглядно показываютъ всѣмъ, имѣющимъ очи, что боевой кличъ авторовъ Коммунистическаго Манифеста: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ этотъ день даже очень близорукіе люди видятъ, что мыслящіе пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились и что число немыслящихъ, — тѣхъ темныхъ тружениковъ, которые еще не пробудились къ сознательной соціально-политической жизни, — будетъ уменьшаться именно въ той мѣрѣ, въ какой сознательные рабочіе будутъ продолжать влiять на безсознательныхъ. День перваго мая показываетъ намъ, что уже сдѣлано въ рабочей средѣ и призываетъ насъ съ новой энергіей продолжать дѣйствовать въ ней, если только наша цѣль для насъ не пустое слово и если мы не забыли, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть лишь дѣломъ самихъ рабоихъ.

Въ этотъ великій день господствующіе классы всѣхъ странъ чувствуютъ себя очень нехорошо: онъ напоминаетъ имъ о приближающейся соціальной революціи. И вотъ почему ихъ газеты злобно издѣваются надъ демонстрантами, а ихъ охранители „порядка“ — полицейскіе всѣхъ вѣдомствъ и всякихъ наименованій, — придираются къ рабочимъ гораздо усерднѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. *A la guerre comme à la guerre* (на войнѣ — по военному). Но война имѣетъ свои законы. Законы этой войны, которая называется борьбой классовъ, опредѣляется — по крайней мѣрѣ тогда, когда дѣло еще не дошло до окончательной развязки, — политическимъ устройствомъ тѣхъ странъ, гдѣ она происходитъ. Въ конституціонныхъ странахъ, пользующихся благами политической свободы, рабочій классъ имѣетъ право печатно защищаться отъ нападокъ враждебной ему печати, а полиція сдерживаетъ свое охранительное рвеніе въ виду того, что и на нее есть законная управа. Не то у насъ въ Россіи. Рабочій классъ лишенъ у насъ всякой законной возможности открыто обсуждать и защищать свои интересы, полиція же наша прекрасно знаетъ, что воля начальства есть для нея высшій законъ, и что нѣтъ такого безчинства, за которое ее могли бы притянуть къ отвѣственности, если только это безчинство совершено ею по приказанію свыше.

Самодержавіе главы государства на практикѣ равносильно самодержавію администрапіи, это старая истина. Но и эта истина имѣетъ свои оттѣнки. Еще Герценъ замѣтилъ, что абсолютизмъ существовалъ когда-то и на западѣ, однако на западѣ никому въ голову не пришло высѣчь Спинозу или отдать Лессинга въ солдаты, въ Россіи же непремѣнно сдѣлали бы и то и другое. До какой степени справедливо это замѣчаніе, показываетъ вся исторія русской литературы, а еще лучше показываютъ это событія послѣднихъ лѣтъ. Отдача въ солдаты цѣлыхъ сотенъ студентовъ представляютъ собой фактъ, небывалый въ исторіи западно-европейскихъ университетовъ, а слухъ о сѣченіи участниковъ майской демонстраціи кажется тенденціозной ложью даже тѣмъ изъ людей Запада, которые хорошо помнятъ подвиги западно-европейскаго абсолютизма.

Унизительныя истязанія, которымъ подверглись наши товарищи не только въ Вильнѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, чрезвычано ярко характеризуютъ отношеніе царизма къ рабочему движенію. Царизмъ, — основывающійся на полномъ безправіи подданныхъ, — предполагаетъ, какъ свое непремѣнное условіе, ихъ совершенное безличіе и ихъ полную безсознательность. Майская демонстрація — дѣло сознательныхъ рабочихъ — громче, чѣмъ всѣ другія демонстраціи, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ русскую рабочую среду уже проникъ свѣтъ сознанія, что въ немъ уже пробудилось чувство собственнаго достоинства. Столкновеніе было неизбѣжно и оно приняло ту форму, которую оно должно было принять, сообразно всему характеру царскаго правительства. Этому правительству нужны рабы. Въ лицѣ демонстрантовъ передъ нимъ явились смѣлые граждане. И вотъ оно схватилось за розгу, чтобы напомнить этимъ гражданамъ, что чувства, ихъ воодушевляющія, составляютъ у насъ запрещенный товаръ, и что тѣхъ, кто его распространяетъ, ждетъ послѣдняя степень униженія.

Свистъ розогъ харатеризуетъ нынѣшній нашъ политическій порядокъ несравненно лучше, чѣмъ могъ бы характеризовать его громъ выстрѣловъ. Сѣченіе — наказаніе, придуманное для рабовъ, — показываетъ, что самодержавіе царя, равносильное самодержавію администраціи, означаетъ въ то же время полное рабство пролетаріата. Оно разоблачаетъ колоссальную, по своему безстыдству, ложь зубатовской политики: чего ждать русскимъ рабочимъ отъ правительства, которое порѣтъ ихъ розгами за участіе въ такой демонстраціи, которая совершенно свободно совершается тамъ, гдѣ трудящаяся масса завоевала себѣ политическія права? ничего, кромѣ новыхъ цѣпей, ничего, кромѣ новыхъ униженій! Русскіе рабочіе не могутъ возлагать на него ни самомалѣйшей надежды. Русскіе рабочіе должны проникнуться самой горячей, самой непримиримой ненавистью къ царизму.

„Теперь мы достаточно знаемъ, что такое нашъ старый абсолютизмъ, — говорилъ Фердинандъ Лассаль въ одной изъ своихъ громовыхъ рѣчей. — Потому прочь всякія колебанія, прочь всякая нерѣшительность! За горло его и колѣно ему на грудь!“

Многіе и многіе изъ тѣхъ русскихъ рабочихъ, которые уже начали задумываться объ интересахъ своего класса, но которые еще не рѣшались выйти на путь революціонной борьбы съ правительствомъ, теперь, подъ вліяніемъ извѣстія о расправѣ съ участниками майской демонстраціи, навѣрно перестали колебаться, навѣрно разстались со всякой нерѣшительностью и прониклись страстнымъ желаніемъ поскорѣе положить конецъ нашему позорному политическому порядку, сдѣлавшему возможнымъ грубое издѣвательство надъ ихъ братьями рабочими. Они поняли, что первымъ крупнымъ шагомъ къ освобожденію русскаго рабочаго класса отъ его многочисленныхъ бѣдствій должно быть низверженіе царизма.

Нѣтъ, долженъ быть насилію предѣлъ!
Коль угнетенный права не находитъ,
Коль для него несносно стало бремя
. . . .
Когда ничто помочь ему не можетъ,
Тогда ему остался острый мечъ!..

Полицейская расправа съ участниками майской демонстраціи громко вопіетъ о мщеніи. Ни одинъ сознательный русскій пролетарій, ни одинъ искренній другъ русскаго пролетаріата не имѣютъ права успокоиться до тѣхъ поръ, пока месть не совершилась. Но какъ мстить? Кого карать? Вотъ вопросъ, настоятельно требующій отъ насъ отвѣта.

Самоотверженный Лкеертъ рѣшилъ его по своему, направивъ нѣсколько пуль въ виленскаго оберъ-палача. Вѣчная память герою. Но герой погибъ, а иго царизма попрежнему давитъ на израненныя плечи руссчаго рабочаго класса, и по прежнему позоръ розги угрожаетъ всему трудящемуся населенію Россіи за самомалѣйшее проявленіе самосознанія и независимости. Какъ избавиться отъ этой угрозы, одно существованіе которой есть уже кровная обида всему трудящемуся населенію Россіи?

По нашему мнѣнію, къ этой цѣли ведетъ только одинъ путь, но за то этотъ путь вполнѣ вѣренъ и наша партія не можетъ миновать его въ настоящее время.

Если вчера Иванъ подвергнутъ былъ тѣлесному истязанію въ участкѣ, а сегодня Петръ убьетъ кого-нибудь изъ полицейскихъ, то человѣческое достоинство Ивана все таки останется поруганнымъ. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ Трепова, приказавшаго высѣчь Боголюбова розгами. Этотъ поступокъ сдѣлалъ честь Вѣрѣ Засуличъ, но, къ сожалѣнію, онъ не вывелъ Боголюбова изъ невыносимаго нравственнаго состоянія. Наша ближайшая практическая задача заключается не въ томъ, чтобы карать отдѣльныхъ слугъ царя, — мы все равно не въ состояніи были бы покарать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, — а въ томъ, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами. А этого мы не достигнемъ самоотверженными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ; этого можно достигнуть только отчаяннымъ сопротивленіемъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ тѣлесное истязаніе.

Администрація имѣла законное право сѣчь революціонеровъ, заключенныхъ въ Шлиссельбургскую крѣпость: она не пользовалась этимъ правомъ, она хорошо знала, что шлиссельбургскихъ узниковъ можно повѣсить, можно задушить подушками, можно заколоть штыками или убить прикладами, но нельзя наказать розгами. Она понимала, что они будутъ сопротивляться до послѣдней крайности и что вслѣдствіе этого вмѣсто „наказанія“ произойдетъ просто на просто изувѣченіе, или даже убійство одного или нѣсколькихъ заключенныхъ — фактъ, способный надѣлать много непріятнаго шуму въ Россіи и за-границей. Отчаянная рѣшимость предохраняла шлиссельбургскихъ узниковъ отъ поруганія. Она же предохранитъ отъ него и нынѣшнихъ участниковъ демонстрацій.

И пусть не говорятъ намъ, что въ Шлиссельбургѣ заключены революціонеры, энергія которыхъ была закалена цѣлыми годами борьбы, между тѣмъ какъ въ демонстраціяхъ могутъ принимать участіе обыкновенные, „средніе“ люди, только что вышедшіе на путь протеста. Между арестованными демонстрантами, навѣрное, всегда найдется нѣсколько закаленныхъ и испытанныхъ борцовъ, способныхъ взять на себя починъ сопротивленія и увлечь за собой среднихъ людей „толпы“. Русская трудящаяся масса, — рабочій городской и сельскій, — уже пережилъ тотъ періодъ дѣтства, въ теченіе котораго онъ легко мирился съ розгой. Теперь она глубоко оскорбляетъ его нравственное достоинство, и его уже не трудно заразить примѣромъ самозащиты.

Сопротивленіе палачамъ; сопротивленіе во что бы то ни стало; сопротивленіе до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія, — вотъ необходимый теперь отвѣтъ на полицейскія розги. Благодаря такому сопротивленію, сцены „исправительнаго наказанія“ уступятъ мѣсто гораздо болѣе драматическимъ сценамъ геройской самозащиты революціонеровъ въ полицейскихъ застѣнкахъ. И если послѣ такой самозащиты, — которая, разумѣется, поведетъ за собою многія „непріятности“ и даже опасности для руководителей полицейской расправы, — если даже и послѣ нея полицейскимъ варварамъ удастся таки подвергнуть истязанію своихъ побѣжденныхъ плѣнниковъ, то изъ такого истязанія совершенно исчезнетъ элементъ „наказанія“, ломающаго волю наказуемаго и заставляющаго его, подобно рабу, покорно ложаться подъ розги побѣдителя, останется только элементъ живодерства, напоминающій тѣ мученія, которымъ краснокожіе дикари Америки подвергали своихъ враговъ. И это мучительство окажется такимъ могучимъ агитаціоннымъ средстомъ; оно покроетъ правительство такимъ позоромъ; оно вызоветъ къ нему такую жестокую ненависть во всѣхъ слояхъ населенія, что отъ него вынуждены будутъ отказаться даже самые допотопные помпадуры.

Отдѣльныя лица, способныя на самоотверженный подвигъ, бывали у насъ прежде; они есть и теперь. Но самоотверженные подвиги отдѣльныхъ лицъ не устранятъ нынѣшней нащей политической системы; а намъ нужно устранить именно всю эту систему, потому что только ея полное крушеніе, только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ достойно отомстить за всѣ притѣсненія и за всѣ униженія, испытываемыя русскимъ пролетаріатомъ со стороны нашего полицейскаго государства. Намъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія пролетаріата, необходимо вдохнуть духъ героизма въ рабочую массу. И мы вдохнемъ его въ нее, потому что русскій рабочій уже не рабъ по своему настроенію, потому что онъ уже сознаетъ свое достоинство и способенъ носить съ честью „гражданина санъ“.

Итакъ, надо сопротивляться розгѣ. Но этого недостаточно. Надо умѣть также сопротивляться и арестамъ во время демонстрацій. „Искра“ давно уже указывала на то, что необходимо организовать такое сопротивленіе. Она указывала отчасти и на то, какъ можно, по ея мнѣнію, организовать его. Но этотъ послѣдній вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые лучше всего рѣшатся на мѣстѣ соединенными силами сознательныхъ рабочихъ. Мы же скажемъ теперь одно: эти сознательные рабочіе должны помнить, что на нихъ лежитъ теперь великая обязанность: обязанность помѣшать полиціи остановить революціонное воспитаніе массы.

СОЦІАЛИЗМЪ И ЦЕРКОВЬ.

Соціализмъ и церковь.

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ мы напечатали проэктъ партійной программы. Какъ это ни покажется удивительнымъ нашимъ читателямъ, однимъ изъ первыхъ на наше предложеніе высказаться о проектѣ, отозвался... одинъ священникъ. Вотъ что пишетъ онъ въ письмѣ въ редакцію:

М. Г. г-нъ Редакторъ!

Прошу помѣстить въ „Искрѣ“ это письмо.

Прочитавъ программу требованій „Искры“, я нашелъ, что всѣ эти требованія соотвѣтствуютъ смыслу религіи и духу православной церкви, болѣе же всего отдѣленіе церкви отъ государства.

Мы, намѣстники апостоловъ, призванные руководиться ниспосланнымъ на насъ Святымъ Духомъ и нашей совѣстью, не имѣемъ права выбирать изъ своей среды наиболѣе одаренныхъ и уважаемыхъ братьевъ, какъ нашихъ руководителей, — это право русское правительство, состоящее изъ убогихъ людей, гордецовъ, доносчикоъ и убійцъ, оставило за собой. Оставшіеся со временъ патріарховъ безъ руководителей, не имѣющіе свободы совѣсти священники, мы отъ поколѣнія къ поколѣнію забывали наши обязанности, вдались въ пороки — и слѣдствіемъ было, что многіе неразумные люди смѣшивали настоящій порядокъ вещей и дѣйствія духовныхъ лицъ, недостойныхъ своего званія, съ ученіемъ православной церкви. Воспитаніе будущихъ священнослужителей поставлено благодаря правительству изъ рукъ вонъ плохо, мы выходимъ изъ школъ, неподготовленные къ нашему высокому званію и вмѣсто служителей Бога и совѣсти мы дѣлаемся какъ бы чиновниками государства.

Мы знаемъ слова Господа Апостолу Петру, но объясняемъ сомнѣвающимся людямъ, что война — печальная необходимость; мало того, мы, призванные охранять людей отъ братоубійства, носимъ на груди около священнаго воспоминанія о кончинѣ убитаго Іисуса Христа — креста медали, которыя жалуетъ убійцамъ-солдатамъ правительство за ихъ преступленіе. Благодаря неразумію и неподготовленности мы даже помогаемъ правительству въ его преступленіяхъ (приходскія школы).

Я не буду перечислять этихъ больныхъ для меня свойствъ русскаго духовенства, но только укажу на то, что все это дѣло рукъ правительства, которому права совѣсти были неудобны (вспомнимъ Филиппа) и которое теперь, сдѣлавъ изъ своего противника — пособника, смѣетъ уже совершать свои преступленія именемъ православной церкви.

Я протестую противъ этого самозванства. Я сочувствую соціализму, какъ имѣющему цѣлью свободу совѣсти и братство людей и идущему къ ней мивнымъ путемъ безъ пролитія крови ближняго, но осуждаю отношеніе русскихъ соціалистовъ къ духовенству. Соціалисты издаютъ свободное слово къ рабочимъ, къ интеллигенціи, къ крестьянству, но для угнетенныхъ и затемненныхъ священнослужителей, которые только благодаря своему непониманію тормозятъ честное и хорошее дѣло, у нихъ не находится освѣщающаго событія и факты слова.

Я самъ читалъ воззванія къ солдатамъ, но никогда не видѣлъ обращенія къ духовнымъ лицамъ.

Я повторяю, что мы находимся въ исключительныхъ условіяхъ; чтобы изъ прежняго православнаго духовенства, защитника слабыхъ, укорителя притѣснителей, выработать такихъ затемненныхъ людей, какіе мы сейчасъ въ большинствѣ, нужны были исключительныя ухищренія и, слѣдовательно, теперь нужны исключительныя мѣры, чтобы привлечь на вашу сторону вашихъ естественныхъ союзниковъ — священнослужителей, которые противопоставятъ тогда разбойникамъ, направляющимъ оружіе на беззащитную и мирную толпу негодующій взглядъ намѣстника Христа. Передъ этимъ взглядомъ опустится оружіе и для русскихъ людей настанетъ время свободнаго самоуправленія безъ царей и ихъ наушниковъ.

Прошу другія соціалистическія газеты перепечатать это письмо.

Духовный.

С. Петербургъ іюнь 1902 года.

• • •

Съ большимъ удовольствіемъ печатаемъ мы это письмо, хотя и не можемъ согласиться со многими мыслями, наложенными въ немъ. Авторъ письма протестуетъ противъ нынѣшняго положенія православной церкви, являющейся однимъ изъ органовъ всемогущей чиновничьей машины, преслѣдующей цѣли укрѣпленія самодержавія и порабощенія народа. Совершенно справедливо онъ находитъ, что такая связь церкви съ государствомъ неминуемо развращаетъ ея служителей. Мы привѣтствуемъ откровенное заявленіе одного изъ послѣднихъ объ этомъ несомнѣнномъ фактѣ и находимъ вполнѣ послѣдовательнымъ требованіе автора объ отдѣленіи церкви отъ государства. Это требованіе должно быть написано на знамени каждой прогрессивной партіи, его должна отстаивать во что бы то ни стало партія рабочаго класса — соціальдемократія.

Мы несогласны съ авторомъ постольку, поскольку онъ, повидимому, ожидаетъ, что освобожденіе церкви отъ связи съ государствомъ превратитъ ее въ прогрессивное учрежденіе, способное отстаивать дѣло свободы и соціальнаго преобразованія, и поскольку онъ идеализируетъ прошлое православнаго духовенства которое, по его мнѣнію, было „защитникомъ слабыхъ, укорителемъ притѣснителей“ до тѣхъ поръ, пока духовенство не было подчинено правительству.

Правда, что въ прошломъ русскаго духовенства встрѣчались отдѣльные дѣятели, защищавшіе во имя христіанскихъ началъ интересы слабыхъ и притѣсненныхъ; но такіе идеалисты были рѣдкими исключеніями, въ громадномъ же большинствѣ православное духовенство, какъ и всякое другое духовенство, во всѣ времена было прихвостнемъ угнетающихъ и эксплуатирующихъ классовъ. Какъ и вездѣ, въ Россіи церковь всегда играла роль охранительной силы; какъ и вездѣ, она была врагомъ прогрессивной мысли, отстаивала приниженность человѣческой личности передъ неразгаданными тайнами природы и общественнаго порядка; какъ и вездѣ, на этой приниженности человѣка основывались ея власть и матеріальные интересы ея членовъ. И такой всегда будетъ роль церкви, какъ представительницы религіозной идеи, непримиримо враждебной знанію и истинно- человѣческой нравственности.

Соціализмъ, какъ борьба за освбожденіе человѣка отъ всякаго рабства, въ томъ числѣ и отъ рабства духовнаго, объявляетъ войну религіозной идеѣ и ея представительницѣ — церкви И если въ рядахъ служителей современнаго духовенства встрѣчаются люди, которые, несмотря на все развращающее вліяніе своей среды, проникаются симпатіей къ освободительному движенію рабочаго класса, то они — если они искренни, послѣдовательны и безстрашны — послѣ тщетныхъ попытокъ примирить дѣло религіи съ дѣломъ страждущаго человѣчества, оказываются вынуждены бросить церковь, убѣдившись въ томъ, что она служитъ интересамъ эксплуататоровъ, и войти въ ряды революціонныхъ борцовъ. Такъ поступили нѣмецкій пасторъ Гере, голландскій — Домела Ньювенгайсъ, фрацузскій аббатъ Шарбоннель и нѣкоторые другіе. Тѣ же изъ священниковъ, которые не нашли въ себѣ силъ оторваться отъ церкви, при всей готовности работать для народа, въ концѣ концовъ остались жалкими приспѣшниками господствующихъ классовъ и врагами народнаго движенія. Такъ было съ аббатомъ Дансомъ въ Бельгіи, съ пасторомъ Науманомъ въ Германіи и съ ксендзомъ Стояловскимъ въ Галиціи.

Соціальдемократія будетъ бороться за полное отдѣленіе церкви отъ государства, за устраненіе церкви отъ руководства народнымъ обученіемъ и за полную свободу совѣсти.

Проведеніе этихъ реформъ лишитъ государство одного изъ орудій угнетенія народа и дастъ возможность свободной критикѣ бороться за освобожденіе народнаго сознанія отъ ига поддерживаемыхъ церковью предразсудковъ. При свободѣ совѣсти рвущаяся впередъ мысль народныхъ массъ не будетъ приковываться къ религіознымъ вопросамъ, какъ это бываетъ теперь (сектантство), а направится на тѣ вопросы „земной“ жизни, на которые она наталкивается всѣмъ ходомъ общественнаго развитія.

Значитъ ли это, что въ дѣлѣ борьбы за свою политическую программу рабочій классъ не можетъ ожидать поддержки со стороны лучшей части русскаго духовенства? Отнюдь нѣтъ. Мертвящая неограниченная власть русскаго правительства способна вызвать протестъ среди самыхъ отсталыхъ слоевъ общества и, какъ видно изъ письма, она вызываетъ даже среди священниковъ стремленіе освободиться отъ позорной связи съ нею. Мы можемъ только привѣтствовать это стремленіе, какъ бы мы ни относились отрицательно ко всѣмъ надеждамъ на духовное возрожденіе церкви. И мы согласны съ авторомъ письма, что долгъ революціонеровъ занести пропаганду и въ эту среду. Сильно развившееся въ этомъ году движеніе среди воспитанниковъ духовныхъ семинарій показываетъ, что эта пропаганда не будетъ безплодной. Она пробьетъ брешь въ одномъ изъ устоевъ современнаго политическаго строя. Она привлечетъ къ революціонному движенію пролетаріата сочувствіе такихъ элементовъ, которые до сихъ поръ прятались въ глубинѣ вражескаго лагеря. А если она пріобрѣтетъ движенію хотя бы десятки честныхъ священниковъ, то услуги, которыя они смогутъ оказать нашему дѣлу (особенно въ деревнѣ) окупятъ затраченные на нее труды.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Покойный егеръ-мейстеръ Сипягинъ въ роли римскаго папы, а виленскій губернаторъ фонъ-Валь въ роли епископа римско-католической церкви.

Изъ легальныхъ газетъ извѣстно, что Виленскій епископъ высланъ русскимъ правительствомъ на 5 лѣтъ въ городъ Тверь за свой циркуляръ, запрещающій родителямъ и воспитателямъ, подъ страхомъ лишенія покаянія, посылать своихъ дѣтей и питомцевъ въ русскія церковно-приходскія школы, такъ какъ въ нихъ съ нѣкоторыхъ поръ законъ Божій для католиковъ преподаютъ православные священники, которые вооружаютъ дѣтей противъ отцовской вѣры. Правительство обвинило епископа въ превышеніи власти и сослало. Епархія осталась безъ Епископа, но связанная, какъ его послѣднимъ циркуляромъ, такъ и всѣми его постановленіями, изданными за время своего правленія. Разрѣшить отъ нихъ, объявить ихъ недѣйствительными можетъ только одинъ папа, но и то, разсмотрѣвъ предварительно все дѣло и констатировавъ со своей стороны превышеніе власти епископомъ. Но такъ какъ въ данномъ случаѣ ничего подобнаго быть не могло, папа ни подъ какимъ видомъ не удалилъ бы епископа, мужественно защищавшаго исконныя права римско-католической церкви, и не нарушилъ бы его постановлонія, то... (въ Россіи и невозможное возможно!) роль и право римскаго папы, съ обычной своей развязностью, взялъ на себя покойный егермейстеръ Сипягинъ. Онъ приказалъ виленскому губернатору фонъ-Валю (въ данномъ случаѣ по ходу дѣла — своему епископу), наложить запрещеніе на послѣдній циркуляръ своего удаленнаго предшественника. Фонъ-Валь 2-го апрѣля сего года разослалъ ксендзамъ приказъ, требуя отъ нихъ подписки въ томъ, что примѣнять послѣднее циркулярное распоряженіе бывшаго епископа они не будутъ. Но по смыслу законовъ своего каноническаго права, ксендзы дать такой подписки не могли. Лишь одинъ необдуманно подписался. Потомъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, взялъ свою подпись обратно. За это фонъ-Валь выслалъ его изъ Вильно. Казалось бы, теперь ужъ все кончено, ослушники напуганы, и повинныя подписи сами собой потекутъ въ канцелярію губернатора. Но не тутъ то было. Капелланъ Виленскаго костела св. Стефана, 60 лѣтній старикъ, прислалъ фонъ-Валю мотивированный отвѣтъ, въ которомъ подробно разъяснялъ, почему именно распоряженіе его отъ 2-го апрѣля, касающееся вопросовъ церкви, для ксендзовъ необязательно. Свое заявленіе капелланъ закончилъ словами:

...„Кто не дорожитъ единствомъ съ католической церковью, тотъ безъ затрудненія исполнитъ объявленное циркуляромъ Вашего Превосходительства требованіе бывшаго министра Вн. Дѣлъ; кому единство церкви и долгъ совѣсти дороже временныхъ выгодъ и благъ земныхъ, тотъ предпочтетъ ссылку или другое наказаніе.“

Чѣмъ кончится это дѣло, — неизвѣстно. Вѣроятно начнутся длинные переговоры между римской куріей и русскимъ правительствомъ, не обойдется безъ сдѣлокъ и компромисовъ... Но фактъ остается фактомъ — наше правительство, повидимому, серьезно взялось и за религіозные вопросы... Ему мало духоборовъ, евреевъ, оно нарушаетъ уже исконные права католичества. Зачѣмъ это? Вѣроятно для того, чтобы было больше недовольныхъ.

Н. Н.

БЛЮСТИТЕЛИ ПРАВОСУДІЯ.

Ст. Тихорѣцкая. (Владикавказск. желѣзной дороги).

Въ началѣ мая здѣсь произошли крупные рабочіе безпорядки, вызванные слѣдующимъ трагическимъ происшествіемъ. Изъ Екатеринодара ѣхала въ Ростовъ какая-то дѣвушка, дочь чиновника. Она приглянулась ѣхавшему вмѣстѣ оъ ней судебному слѣдователю (впрочемъ, говорятъ, что вмѣстѣ съ нимъ былъ и какой то офицеръ). Дѣло дошло до того, что г. судебный слѣдователь, ѣхавшій прямо изъ округа, гдѣ онъ представлялся по начальству, сдѣлалъ дѣвушкѣ гнусное предложеніе. Она съ негодованіемъ отвергла его. Тогда блюститель правосудія подкинулъ въ ея чемоданъ кое-что изъ своихъ вещей и сдѣлалъ на ст. Тихорѣцкой заявленіе, что спутница воровка, обокравшая его. Жандармы хватаютъ мнимую воровку, не смотря на ея протесты и требованіе телеграфировать отцу, котораго знаютъ всѣ въ Екатеринодарѣ, и препровождаютъ черезъ станичную полицію въ станичное управленіе. Здѣсь г. судебный слѣдователь былъ хозяиномъ положенія. Онъ изнасиловалъ несчастную дѣвушку, а затѣмъ предоставилъ ее въ распоряженіе чиновъ полиціи и вообще всѣхъ желающихъ. За слѣдователемъ очередъ перешла къ станичному атаману, далѣе къ станціоннымъ жандармамъ, писарямъ... Всѣ телеграммы, которыя несчастная пыталась отправить къ отцу, были задержаны на телеграфѣ, такъ какъ телеграфисты тоже приняли участіе въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ несчастную задушили в влили ей въ горло карболки! подкупили врача, который далъ свидѣтельство, что она сама лишила себя жизни. Всѣ окружающіе были въ заговорѣ противъ одинокой дѣвушки—вся мѣстная „интеллигенція“ приняла участіе въ этомъ. Неоткуда было ждать помощи. Но вотъ грянулъ громъ и надъ головами всей этой разнузданной шайки разразилась гроза. Вѣсть объ ужасахъ, творящихся въ стѣнахъ станичнаго управленія дошла до рабочихъ (на ст. Тихорѣцкой имѣются громадныя желѣзнодорожныя мастерскія). Только въ средѣ простого рабочаго люда судьба несчастной встрѣтила сочувствіе и народъ отомстилъ за поруганную честь и загубленную жизнь ея.

Всѣ рабочіе сбѣжались въ станицу и бросились преслѣдовать негодяевъ: разгромили станичное правленіе, разгромили почтово-телеграфную контору, разбили желѣзнодорожную станцію и канцелярію жандармовъ, избили страшно всю полицію и другихъ виновниковъ всей этой гнусной исторіи. Только тогда кто-то наконецъ далъ знать отцу. По его настоянію начато разслѣдованіе. Арестовано около 30 человѣкъ Начато и другое дѣло—разумѣется противъ рабочихъ. Арестовано много народу Аресты продолжаются. Всѣ фамиліи и подробности въ слѣдующій разъ.

Этотъ непосредственный и немедленный протестъ рабочихъ противъ гнусностей мѣстной жизни захолустій заслуживаетъ особаго вниманія. Онъ показываетъ, какая еще широкая область активнаго вмѣшательства пролетаріата во всю современную жизнь лежитъ передъ нами открытою. И когда пролетаріатъ, съ полнымъ сознаніемъ своей всемірно-освободительной задачи, возьмется за свое дѣло, онъ сумѣетъ найти тысячи поводовъ и тысячи новыхъ формъ для такого вмѣшательства во имя свободы, равенства и братства!

Ред.

Художники — и борьба за свободу (документъ изъ недавняго прошлаго).

Приводимъ интересную прокламацію, изданную въ Спб-ѣ „Союзомъ свободныхъ художниковъ“ по поводу назначенной на 3-ье марта демонстраціи:

„Насиліе и произволъ, полиція, санкціонируемые правительствомъ, слишкомъ рельефны, чтобы пройти безслѣдно для насъ служителей искусства.

Быть можетъ, требованіе политической свободы пугаетъ насъ, привыкшихъ безропотно подчиняться прихотямъ власть и деньги имущихъ, отдавать свои творческія силы на служеніе абстрактному искусству, чуждому общественныхъ тенденцій.

Всмотримся ближе въ нащихъ коллегъ по искусству: поэтовъ, писателей, журналистовъ. Развѣ Толстой, Некрасовъ Тургеневъ такіе узкіе служители искусства, какъ мы?

Только тогда мы будемъ друзьями народа, тогда будемъ имъ понимаемы и любимы, когда сроднимся съ нимъ и явимся выразителями общественнаго настроенія.

Не пугайтась свободы, она лишь развяжетъ намъ руки и дастъ сильное оружіе въ борьбѣ со зломъ.

Свободное общество скорѣе будетъ въ состояніи оцѣнить нашу работу, задача художника расширится.

Вмѣсто никому ненужнаго расписыванія церквей, изображенія сосны во всѣхъ видахъ и проч. явятся болѣе солидныя и болѣе нужныя публикѣ произведенія.

Свобода — нашъ братъ и сила, нужная намъ еше больше, чѣмъ врачамъ и инженерамъ.

Протестуйте противъ всякихъ оковъ и цѣпей!

Протестуйте открыто всѣми силами, не гнушайтесь демонстраціей! Это единственное средство заставить высшую власть призадуматься. Демонстрація и забастовка не простыя дѣтскія забавы. Это скрытый протестъ, вынесенный на улицу съ цѣлью сдѣлать его общимъ достояніемъ.

„Если даже и низринуто будетъ начинаніе ваше, пусть и тогда раздается побѣдная пѣснь вашей честности.“

„Такъ говорилъ Заратустра.“

Изъ писемъ ссыльныхъ студентовъ.

Красноярскъ 2-го апрѣля 1902года.

Еще за нѣсколько дней до нащего отъѣзда у насъ въ пересыльной чувствовалось, что насъ отправляютъ въ Сибирь. Былъ прощальный обѣдъ въ нашей камерѣ. Затѣмъ вечеромъ за нѣсколько часовъ до нашего прощанія всѣ съ разрѣшенія начальства собрались въ нашей 4-й камерѣ. Говорили стихи, пѣли. Около 10ч. пришелъ конвой. Всѣ отъѣзжающіе стали собираться, одѣлись. Начались рѣчи, прямо и безъ обиняковъ назвавшія, кто нашъ врагъ, за что мы боремся, чего желаемъ. Это все при начальствѣ и надзирателяхъ, державшихъ себя очень тактично. Затѣмъ началось тяжелое прощаніе съ товарищами на много лѣтъ. Впечатлѣніе отъ этой минуты осталось тяжелое... Выйдя за рѣшетку, раздѣлившую насъ отъ оставшихся, мы просовывали имъ руки, жали еще разъ руки людей, съ которыми боролись вмѣстѣ. Внизу стояли конвойные солдаты... начался пріемъ вещей и людей. Насъ свѣряли съ карточками, приложенными къ документамъ „политическаго ссыльнаго“ такого-то. Затѣмъ поздно ночью мы столпились въ коридорѣ внизу. За рѣшеткой съ улицы пришелъ какой-то полицейскій офицеръ. Рядъ насмѣшекъ, парализовать которыя онъ уже былъ не въ силахъ (ибо мы уже были во власти конвоя, которому не было дѣла до почтеннаго полисмэна) заставилъ негодяя удалиться во свояси. Тихо запѣли затѣмъ мы какую-то пѣсню, соотвѣтствовавшую положенію. (Если погибнуть придется въ тюрьмахъ и шахтахъ сырыхъ, дѣло всегда отзовется на поколѣньяхъ живыхъ... и. т. д.) Наше, хотя и негромкое, пѣніе услыхали наверху оставшіеся товарищи и отвѣтили въ послѣдній разъ пѣніемъ „Марсельезы“. Насъ стали разсаживать по каретамъ. Нѣсколько лишь курсистокъ проводили насъ у воротъ тюрьмы. Затѣмъ началось нескончаемое путешествіе по Россіи въ двухъ вагонахъ, наполненныхъ новоиспеченными „преступниками“, разсаженными за рѣшетку, какъ вредные люди... По пріѣздѣ сюда (въ Красноярскъ), насъ отвели въ здѣшнюю пересыльную тюрьму. Но мы отказались жить въ той тѣснотѣ, какую нашли. Насъ поэтому отвели въ хирургическій баракъ здѣшней тюремной больницы, очистивъ его, конечно, отъ больныхъ. Одну ночь, впрочемъ, мы проспали съ больными. Москвичей здѣсь много и ихъ уже развозятъ на мѣста жительства, около 30ч. изъ нихъ отправляютъ въ якутскую область, 6 курсистокъ отправляются туда на 4 года. Поймите весь ужасъ положенія, когда каждую изъ нихъ посадятъ въ какой-нибудь, въ лучшемъ случаѣ, городъ Якутки — одну — въ глуши, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни почтъ... Только здѣсь можно понять, что это значитъ. Посмотрѣли бы вы, въ какой грязи держатъ здѣсь арестантовъ. Двое изъ москвичей — одинъ студентъ и одна курсистка — заболѣли здѣсь тифомъ. Ихъ посадили въ больницу

ФЕЛЬЕТОНЪ

„ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ ПО СВОЕЙ ДЕРЗОСТИ СЛУЧАЙ.“

Въ редакціи получены копіи съ нѣскольких документовъ относящихся до одного незначительнаго происшествія, случившагося еще въ 1898 году, при чемъ самый позднѣйшій изъ этихъ документовъ помѣченъ маемъ 1900 года, но не смотря на незначительность всей этой исторіи и ея запоздалое оглашеніе, въ ней такъ много характернаго и поучительнаго, что мы не можемъ не подѣлиться ею съ читателями. Начнемъ съ „всеподданнѣйшаго министерскаго доклада отъ 26 октября 1898 г.,“ вводящаго насъ прямо въ курсъ дѣла.

„Директоръ Полтавской земской школы садоводства и огородничества поручикъ запаса Налимовъ, возвратясь въ іюлѣ сего года изъ отпуска, усмотрѣлъ по вступленіи вновь въ должность нѣкоторый упадокъ дисциплины среди учениковъ и обнаружилъ запрещенную брошюру. Убѣдившись, путемъ произведеннаго имъ лично по сему поводу разслѣдованія, что виновникомъ намѣченныхъ нарушеній является сторожъ школы крестьянинъ Сѣрашъ, имѣющій на воспитанниковъ вредное дліяніе, Налимовъ устранилъ послѣдняго отъ должности. Затѣмъ, въ виду стремленія Сѣраша поддерживать сношенія съ воспитанниками и по увольненіи со службы, Налимовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія начальника мѣстнаго губернскаго жандармскаго управлпнія, по распоряженію коего Сѣрашъ былъ обысканъ и вслѣдствіе обнаруженія у него революціонныхъ сочиненій былъ подвергнутъ аресту. Произведеннымъ по сему поводу дознаніемъ выяснено, что отобранная у воспитанника школы садоводства подпольная брошюра дана ему Сѣрашемъ, который во время службы своей при школѣ велъ среди учениковъ антирелигіозную и противоправительственнаго характера пропаганду. Вслѣдъ за увольненіемъ Сѣраша отъ должности и его арестомъ нѣкоторые служащі въ Полтавской губернской управѣ собрались въ числѣ 26 лицъ въ квартирѣ завѣдующаго музеемъ управы кандидата естественныхъ наукъ Олѣховскаго, гдѣ составили и подписали нижеслѣдуещее постановленіе.

„„Мы нижеподписавшіеся, обсудивъ поступокъ управляющаго Полтавской школы садоводства и огородничества Полтавскаго губернскаго земства В. П. Налимова, заключающійся въ доносѣ жандармскому управленію на лицо, доставившее одному изъ учениковъ школы произведеніе нелегальной литературы, нашли: 1) въ распоряженіи г. Налимова, какъ управляющаго школой, имѣлся цѣлый рядъ средствъ для предупрежденія случаевъ подобныхъ указанному. Изъ этихъ средствъ г. Налимовъ выбралъ и примѣнилъ то, которое наименѣе согласуется съ требованіями элементарной порядочности: именно доносъ жандармскому управленію, слѣдствіемъ чего былъ арестъ означеннаго лица.

2) Такой образъ дѣйствій г. Налимова, не соотвѣтствуя общему представленію о порядочности, въ частности находится въ совершенномъ противорѣчіи съ лучшими традиціями земской дѣятельности, постояннымъ орудіемъ которой было и должно быть развитіе знаній, а не административное воздѣйствіе.

Усматривая въ виду изложеннаго въ поступкѣ г. Налимова ничѣмъ не оправданное нарушеніе важнѣйшихъ обязанностей каждаго порядочнаго человѣка, въ частности каждаго земскаго служащаго, налагающее пятно позора на всю окружающую среду, мы рѣшили: исключить г. Налимова изъ нашей товарищеской среды“ (подписи 26 лицъ).

Постановленіе это было препровождено Налимову при письмѣ слѣдующаго содержанія за подписью тѣхъ же 26 лицъ: „„Мы нижеподписавшіеся собравшись въ товарищескомъ кружкѣ сочли своимъ долгомъ довести до вашего свѣдѣнія, что всѣ мы глубоко возмущены вашимъ поступкомъ, которому не находимъ никакого оправданія. Мы рѣшили, что не можемъ больше считать васъ своимъ сотрудникомъ по службѣ Полтавскому губернскому земству, которое также опозорено вашимъ поступкомъ, какъ всѣ мы, считавшіеся вашими товарищами. Мы исключаемъ васъ вмѣстѣ съ этимъ изъ нашей товарищеской среды и разъ навсегда отказываемся отъ всякой солидарности съ вами, предоставляя вамъ самимъ судить о неизбѣжныхъ практическихъ послѣдствіяхъ этого исключенія““ (сѣдуетъ подписи 26 лицъ).

При этомъ означенныя лица поручили Олѣховскому потребовать отъ Налимова объясненія по поводу его образа дѣйствій, а одинъ изъ подписавшихъ вышеприведенное постановленіе старшій врачъ Полтавскихъ богоугодныхъ заведеній статскій совѣтникъ Святловскій заявилъ предсѣдателю губернской земской управы требованіе о немедленномъ увольненіи Налимова отъ должности, каковое требованіе было однако предсѣдателемъ отклонено. Послѣ того Налимовъ сталъ получать по почтѣ оскорбительныя себѣ письма, а явившись однажды въ канцелярію управы, подвергся ескорбленію со стороны одного из сужащихъ.

Принимая во вниманіе, что вся обстановка этого дѣла, а также мотивы, изложенные въ постановленіи, представляютъ со стороны лицъ его подписавшихъ крайне дерзкое выраженіе противоправительственнаго образа мыслей, что большинство этихъ лицъ по прежней своей дѣятельности было уже замѣчено въ политической неблагонадежности и что такое коллективное заявленіе въ достаточной мѣрѣ указываетъ на крайне нежелательный духъ и нахожденіе въ составѣ служащихъ въ Полтавской губернской земской управѣ лицъ, кои тамъ терпимы быть не могутъ, я не нашелъ возможнымъ оставить этого случая безъ принятія чрезвычайной мѣры, почему и призналъ необходимымъ, на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, воспретить 26 лицамъ, подписавшимъ постановленіе, а также кандидату естественныхъ наукъ Олѣховскому, въ квартирѣ коего состоялось означенное постановленіе, жительство въ предѣлахъ Полтавской губ. срокомъ на три года съ предупрежденіемъ ихъ, что они впредь ни на какую земскую службу нигдѣ приняты быть не могутъ....

Объ изложенномъ съ представленіемъ списка 27 лицъ коимъ воспрещено пребываніе въ Полтавской губерніи въ теченіи указаннаго срока всеподданнѣйшимъ долгомъ поставляю себѣ доложить Вашему Императорскому Величеству.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ“•

Распоряженіе Министра было приведено въ исполненіе, но изъ числа высланныхъ девять человѣкъ подали жалбы въ Правительствующій Сенатъ. Въ этихъ жалобахъ они заявляютъ, что ихъ неодобреніе поступка Налимова, сообщенное ему въ закрытомъ письмѣ, носило совершенно частный характеръ, что вызванное этимъ письмомъ распоряженіе министра неправильно по существу и кромѣ того нарушаетъ предписанныя закономъ формы и выходитъ за предѣлы предоставленной министру власти. Оно обосновано исключительно на двухъ статьяхъ „положенія объ усиленной охранѣ“, но во первыхъ, эти статьи относятся лишь къ губерніямъ объявленнкмъ на такомъ положеніи, къ числу которыхъ Полтавская губ. не принадлежитъ, и, во вторыхъ, въ настоящемъ случаѣ не былъ соблюденъ даже узаконенный порядокъ разрѣшенія дѣлъ о высылкѣ вредныхъ для государственнаго спокойствія лицъ, на основаніи положенія объ усиленной охранѣ: ни разслѣдованія, ни представленія о высылкѣ просителей со стороны мѣстнаго губернатора вовсе не было сдѣлано и въ особомъ совѣщаніи министровъ вопросъ не разсматривался. Кромѣ того, сдѣланное министромъ предупрежденіе о томъ, что просители никогда не будутъ приняты на земскую службу, равносильное ограниченію ихъ гражданскихъ правъ, совершенно неправильно и можетъ быть наложено только по суду.

Разсмотрѣвъ эти прошенія, Правительствующій Сенатъ потребовалъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ свѣдѣній и объясненія относительно заключающихся въ нихъ указаній на несогласіе его распоряженій съ закономъ. Въ своемъ отвѣтѣ министръ заявляетъ, что высылка изъ Полтавской губ. 27 лицъ, признанныхъ имъ, министромъ, политически неблагонадежными послѣдовало по непосредственному его распоряженію, поэтому и не разсматривалась въ особомъ совѣщаніи министровъ. Въ это совѣщаніе должно вноситься лишь „представленіе подлежащихъ властей“ о высылкѣ того или другого лица, но не личныя соображенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія онъ приводитъ то соображеніе, что постановленія особаго совѣщанія пріобрѣтаютъ законную силу лишь при условіи утвержденія оныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и что слѣдовательно онъ, министръ, можетъ сослать человѣка и въ томъ случаѣ, „когда совѣщаніе встрѣтило бы какое либо затрудненіе согласиться съ представленіемъ о семъ мѣстной власти“. Чтобы окончательно убѣдить, наконецъ, Правительствующій Сенатъ въ томъ, что для него, Горемыкина, законъ не писанъ и высочайшее повелѣніе 7 октября 1895 года относится лишь къ мѣстнымъ властямъ, а до него не касается, онъ сообщаетъ Сенату, что „испрашивая означенное Высочайшее Повелѣніе, Мин. Внитр Дѣлъ имѣлъ въ виду лишь упорядочить административную высылку, не умаляя собственныхъ полномочій“. Такое же всевластіе признаетъ онъ за собою и по вопросу о запрещеніи тѣмъ или другимъ лицамъ земской службы. Министръ сообщаетъ при этомъ, что изъ лицъ подвергшихся означенной мѣрѣ, всѣ „принесшіе раскаяніе въ ихъ дурномъ поступкѣ возвращены на прежнее мѣсто жительства и допущены вновь на земскую службу“. Такихъ раскаявшихся, какъ видно изъ другого документа, было человѣкъ 5 или 6.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Сенатъ согласился съ просителями, какъ относительно непримѣнимости къ нимъ „Положенія обѣ усиленной охранѣ“, такъ и относительно того обстоятельства, что въ данномъ случаѣ порядокъ административной высылки, предписываемый этимъ „положеніемъ“, соблюденъ не былъ. Правильность толкованія Министра, признающаго предписанный порядокъ обязательнымъ лишь для дѣлъ, начатыхъ по иниціативѣ мѣстныхъ властей, а не по его личному усмотрѣнію, Сенатъ отрицаетъ. Министръ можетъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ нарушать всѣ предписанные порядки и принимать всѣ мѣры, какія ему заблагоразсудятся, но не иначе, какъ испросивъ на нихъ предварительно Высочайшее повелѣніе. Въ данномъ же случаѣ, хотя и довелъ о своемъ распоряженіи до высочайшаго свѣдѣнія, но повелѣнія не испросилъ, почему его распоряженіе о высылкѣ не можетъ быть оставлено въ силѣ. Превышаетъ предѣлы предоставленной Министру Внутреннихъ Дѣлъ власти также и его но ухода за курсисткой почти не было. На ночь ее запирали на замокъ въ баракъ, лишая всякой медицинской помощи. Студентъ очень плохъ. Навѣрно, не безъ слѣда для нихъ прошла 6-ти дневная голодовка въ московской тюрьмѣ. Пищу даютъ гнилую даже больнымъ, что же даютъ здоровымъ арестантамъ? 95проц. больныхъ болѣютъ катарромъ желудка... О сибирскихъ ужасахъ распространяться не буду. Главная тема все тотъ же произволъ насиліе, беззаконіе и проч. Жизнь человѣческая не цѣнится... Что впрочемъ и говорить объ этомъ. Гдѣ все сплошь наглость и полицейскій грабежъ, чего же тамъ и ждать. На дняхъ еще партія политическихъ прибыла изъ Москвы; много рабочихъ... Съ дороги почти нельзя писать: насъ не выпускали изъ вагона. Москвичамъ же даже не разрѣшили открывать окна.

По поводу назначенія **Лопухина** освѣдомлнные юристы сообщаютъ слѣдующее: во время пребыванія Плеве въ Харьковѣ Лопухинъ выяснилъ ему невыгоды, проистекающія отъ крайнихъ предѣловъ произвола, до которыхъ въ настоящее время дошла охрана, благодаря цѣлому ряду случайно взятыхъ безъ достаточныхъ уликъ элементовъ, искуственно расширяется контингентъ недовольныхъ. По провѣркѣ въ Петербургѣ въ Департаментѣ Полиціи выяснилось, что за послѣдній годъ черезъ охрану прошло 60,000 дѣлъ. Эта цифра показалась Плеве подозрительной и онъ, будто, рѣшилъ принять мѣры къ ограниченію дѣйствій охраны, для чего и назначилъ Лопухина, какъ лицо оріентированное въ положеніи дѣла. Эти свѣдѣнія подтверждаются теперь; дѣло Скирмунта, между прочимъ, ведется новымъ порядкомъ и прямо поступило въ жандармское отдѣленіе.

Изъ Перми. Члены Пермской Губернской Земской Управы Селивановъ, Тугариновъ и Кирпищиковъ прониклись вслѣдствіе смерти Сипягина „патріотической грустью“ и рѣшили проявить ее (ибо такія драгоцѣнныя чувства не скрываются) въ панихидѣ.*) Часть служащихъ земства, увидя приготовленія къ чему-то и ожидающихъ чего то двухъ священниковъ, догадались, что, вѣроятно, „наши инвалиды“ рѣшили не отставать отъ губернскихъ властей по части проливанія слезъ, печали и горя по столь незамѣнимой утратѣ, и, утвердившись въ истинности своихъ предположеній, порѣшили не обходить этого факта молчаніемъ, но выразить порицаніе иниціаторамъ устройства панихиды и не явиться, конечно, въ залъ на панихиду. Какъ только она началась, были сейчасъ-же закрыты двери въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ Управы и работа продолжалась обычнымъ порядкомъ. Еще часть служащихъ, не рѣшившаяся присоединиться къ протесту, но не желавшая все же присутствовать на панихидѣ, ушла „отъ грѣха“ домой или въ клубъ „завтракать“.

На панихидѣ присутствовали: 3 члена управы, экономъ Луневъ, бухгалтеръ, два сторожа, и, кажется, челвѣкъ 4—5 мелкихъ служащихъ. Послѣ панихиды отправились къ членамъ Управы и выразили имъ порицаніе въ слѣдующей приблизительно формѣ: „хотя христіанскій долгъ требуетъ молиться и за враговъ своихъ, но въ данномъ случаѣ панихида, устраиваемая вами въ помѣщеніи земства, будетъ имѣть большое общественное значеніе въ смыслѣ выраженія сочувствія той внутренней политикѣ и, въ частности, нетерпимому отношенію къ земству и самоуправленію, выразителемъ которыхъ являлся покойный Д. С. Сипягинъ. Мы, близко принимающіе къ сердцу интересы земства, которому служимъ, не можемъ не выразить вамъ своего сожалѣнія по поводу столь нетактичнаго распоряженія вашего, какъ служеніе панихиды по Сипягинѣ въ помѣщеніи земства“.

Слухъ о протестѣ земцевъ распространился по городу. Дошелъ онъ и до жандармскаго управленія, которое обѣщало сдѣлать черезъ губернатора по этому поводу оффиціальный запросъ Управѣ. Былъ ли сдѣланъ запросъ, или нѣтъ, пока остается невыясненнкмъ. Если будетъ продолженіе,—сообщимъ.

---

*) Предсѣдатель Управы былъ въ отъѣздѣ. Оффиціальнаго предписанія служить панихиду со стороны „властей“ не было, иниціатива служить панихиду всецѣло принадлежала означеннымъ тремъ членамъ.

Смоленскъ.

Кажется, изъ всѣхъ губернскихъ городовъ только Смоленскъ остается не на военномъ положеніи. Но и у насъ далеко не спокойно. По городу разбрасываются и расклеиваются пропагандистскіе листки на злободневныя темы; такъ напр., послѣдній листокъ былъ посвященъ приговору надъ Балмашевымъ. Долго спавшій жандармскій полковникъ, Громека, встрепенулся, начались обыски, аресты, слѣжка. Арестовалъ всѣхъ высланныхъ рабочихъ и многихъ интеллигентовъ, преимущественно изъ статистическаго бюро (около 11 человѣкъ), а затѣмъ началъ „дѣло“ и почилъ на лаврахъ, мечтая о наградѣ за полное искорененіе крамолы. Какова же была его злоба, когда черезъ нѣкоторое время обнаружилось, что крамола не уничтожилась, а наоборотъ усилилась, когда на Ярцевской фабрикѣ (8000 раб.) такъ зорко охраняемой отъ заразы, былъ арестованъ съ прокламаціями поднадзорный студентъ, Герасимовичъ, и когда въ одинъ прекрасный день забастовали всѣ заготовщики, требуя сокращенія рабочаго дня, а съ ними нѣкоторыя мастерскія портныхъ и переплетчиковъ! Громека озвѣрѣлъ. Призваннаго на допросъ рабочаго Берестинскаго, который осмѣлился сѣсть въ его присутствіи, онъ схватываетъ за волосы и колотитъ головой объ полъ, приговаривая „я тебѣ покажу, мерзавецъ!“ На возраженіе „вы не имѣете права бить, а если я виновенъ въ нарушеніи закона, то судите“, онъ со словами „а, начитался!“ продолжалъ звѣрскую расправу. Вмѣшательство жандармовъ не остановило стачекъ, но озлобило рабочихъ, показавъ имъ несовмѣстимость самодержавія съ ихъ интересами. Стачка выиграна, и всѣ требованія удовлетворены. Тогда какъ раньше работали отъ 6ч. утра до 9ч. (и позже) вечера, теперь время работы установлено отъ 8ч. утра до 8ч. вечера, при чемъ соблюдается обѣденное время (2часа) Хозяева стали обращаться очень вѣжливо и улучшили пищу. Между прочимъ, ярко характеризуетъ бѣдственное положеніе здѣшнихъ рабочихъ выставленное въ одной мастерской требованіе: держать хлѣбъ не запертымъ и подавать его къ обѣду больше.

Теперь Громека посылаетъ жандармовъ по мастерскимъ переписывать стачечниковъ; очевидно, онъ рѣшилъ еще разъ перемѣнить тактику, но какую выберетъ теперь — пока неизвѣстно.

Смоленскъ наводненъ шпіонами, которыхъ очень легко узнать и которые своимъ неуклюжимъ слѣженіемъ вызываютъ хохотъ у преслѣдуемаго. Очевидно Громека ставитъ себѣ цѣлью посмѣшить здѣшнихъ крамольниковъ, такъ какъ въ подмогу этимъ медвѣдеобразнымъ шпіонамъ переодѣлъ урядниковъ и городовыхъ: они уморительно-смѣшно расхаживаютъ въ непривычномъ партикулярномъ платьѣ, и того и гляди отдадутъ подъ козырекъ офицеру.

По городу расклеены „обязательныя постановленія“, запрещающія устраивать демонстраціи, что навело на размышленія здѣшнихъ сонныхъ обывателей.

Въ здѣшней тюрьмѣ политическіе заключенные устроили голодовку, требуя ускоренія слѣдствія. На третій день голодовки уголовные устроили „бунтъ“ изъ за пищи и мыла, на которыхъ ихъ обкрадывалъ смотритель. „Бунтъ“ состоялъ въ томъ, что они вывѣсили изъ оконъ 3 флага съ надписями: „за мыло!„ „за пищу!“ и... „за свободу!“ и осыпали камнями окна квартиръ начальства.

Въ городѣ **Рославлѣ** рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ толпой въ нѣсколько сотъ прошли мимо тюрьмы, въ которой были заключены политическіе съ криками „свобода“.

Въ Ельнинскомъ уѣздѣ появились прокламаціи къ крестьнамъ. Поѣздка Громеки не привела къ открытію „корней и нитей“.

Ковно.

Въ ночь на 29-ое апрѣля въ Ковенской тюрьмѣ былъ бунтъ. Поводомъ послужило слѣдующее: надзиратели вели въ карцеръ одного уголовнаго, въ корридорѣ между ними и заключеннымъ завязалась какая-то ссора, кончившаяся тѣмъ, что надзиратели набросились на него и стали наносить ему удары. Избиваемый закричалъ: „на помощь! Выручайте!“ Вмигъ дружнымъ напоромъ были высажены двери камеръ, толпа арестантовъ избила надзирателей, избила и другихъ, прибѣжавшихъ узнать въ чемъ дѣло. Затѣмъ въ какомъ то стихійномъ порывѣ арестанты стали ломать нары, высаживать окна, бить стекла... Были присланы солдаты, казаки, пріѣхалъ губернаторъ, прокуроръ.

По командѣ солдаты со штыками и казаки съ нагайками ворвались въ тюрьмы, началась расправа и арестанты были усмирены. А на другой день усмиренныхъ поодиночкѣ водили въ баню, — и сѣкли...

Москва. (Зубатовцы.)

Наряду съ „Обществомъ взаимопомощи рабочихъ механическаго производства“ въ Москвѣ образовалось за послѣднее время „Общество взаимопомощи ткачей“.

Образовалось это общество не безъ содѣйствія „Охраннаго Отдѣленія“ и предсѣдателемъ его былъ утвержденъ рабочій, Жилкинъ, изъ компаніи Афанасьева, Слѣпцова, Красивскаго и другихъ кліентовъ Зубатова.

Этотъ Жилкинъ игралъ крупную роль въ стачкѣ ткачей на шелкоткацкой фабрикѣ „Гужона и Мусси.“

Въ №19 Искры уже упоминалось об ъэтой стачкѣ, но ея подробности такъ характерны для политики Зубатова, что мы постараемся изложить ихъ возможно полнѣе.

Въ началѣ февраля ткачи фабрики „Гужона и Мусси“ заявили хозяину, что черезъ двѣ недѣли они бросятъ работу, если каждому изъ нихъ не будетъ выдано единовременно 25% заработка за весь прошлый годъ. Основаніями для такого требованія ими были выставлены: частый простой не по винѣ рабочихъ (плата сдѣльная), выполненіе работъ не входившихъ въ расцѣнокъ и обмѣриваніе при измѣреніи кусковъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ предъявленія этого требованія къ хозяину фабрики для переговоровъ явился Жилкинъ въ качествѣ предсѣдателя „Общества взаимопомощи ткачей“. Хозяинъ фабрики отказался разговаривать съ нимъ, такъ какъ Жилкинъ у него не работаетъ.

На слѣдующій день Жилкинъ снова явился, на этотъ разъ запасшись удостовѣреніемъ отъ полицеймейстера Трепова, что онъ дѣйствительно состоитъ предсѣдателемъ „Общества взаимопомощи ткачей.“

Удостовѣреніе возымѣло свое дѣйствіе, и хозяинъ фабрики согласился вступить съ нимъ въ переговоры. Поговоривъ съ хозяиномъ, Жилкинъ отправился было разговаривать и съ рабочими. Но этого стерпѣть хозяйское сердце ужъ не могло, и Жилкинъ былъ выпровоженъ за ворота.

Завѣдующій фабрикой предложилъ рабочимъ выбрать изъ своей среды представителей, чтобы совмѣстно разобрать ихъ требованія. Тѣ отказались.

Былъ на фабрикѣ и фабричный инспекторъ, опросилъ рабочихъ и нашелъ ихъ требованіе не подлежащимъ удвлетворенію,

Хозяева фабрики рѣшили не уступать ни въ какомъ случаѣ и черезъ двѣ недѣли ткачи забастовали.

Рабочіе у „Гужона и Мусси“ живутъ въ фабричныхъ казармахъ. На повторенное нѣсколько разъ требованіе хозяина выселить забастовавшихъ полиція не обращала никакого вниманія. Фабрикантъ не уступилъ, и полиція рѣшила принять иныя мѣры, чтобы склонить строптиваго къ уступчивости.

Собственниковъ фабрики вызываютъ къ Трепову, и тотъ имъ предлагаетъ удовлетворить требованія рабочихъ. Фабриканты соглашаются подвергнуть дѣло совмѣстному разбору, но Треповъ никакихъ разборовъ признавать не желаетъ и настаиваетъ, чтобы требованіе рабочихъ было удовлетворено. Тѣ отказываются.

Тогда Треповъ начинаетъ кричать на нихъ и грозитъ этимъ мирнымъ буржуа арестомъ, обѣщаетъ доѣхать ихъ санитарными осмотрами. Тѣ пострадать готовы, но уступить несогласны.

На слѣдующій же день на фабрикѣ появляется санитарная комиссія и составляетъ 3 протокола.

Хозяева фабрики посылаютъ жалобу Витте, а копію съ нея — Трепову,

Это заставляетъ Трепова признать оффиціально стачку, и на фабрику пріѣзжаетъ комиссія изъ представителей полиціи и фабричной инспекціи, опрашиваетъ рабочихъ и предлагаетъ забастовавшимъ выселиться изъ фабричныхъ казармъ.

Значительная часть рабочихъ уѣзжаетъ въ деревню, другая остается въ Москвѣ и ей Жилкинъ, изъ средствъ „Охраннаго отдѣленія“, выдаетъ по четвертаку на человѣка въ день.

Попробовали было хозяева фабрики выписать новыхъ рабочихъ. Жилкинъ пригласилъ этихъ рабочихъ въ „Охранное отдѣ-

воспрещеніе высланнымъ изъ Полтавы лицамъ впредь поступать на земскую службу. Поручить Полтавскому губернатору потребовать удаленія со службы въ Полтавскомъ земствѣ лицъ признанныхъ неблагонадежными онъ могъ. „Однако Министръ Внутр. Дѣлъ этимъ не ограничился, а распорядился о недопущеніи просителей и впредь на земскую службу, не испросивъ на эту мѣру, не предусмотрѣнную закономъ и ограничавающую безъ суда права просителей Выоочайшаго соизволенія порядкомъ, опредѣленнымъ въ ст. 3 положенія объ охранѣ. А потому на основаніи изложенныхъ соображеній Правительствующіи Сенатъ, не входя въ существо дѣла, предложилъ: распоряженіе Министра Внутр. Дѣтъ о высылкѣ просителей изъ Полтавской губ. и о воспрещеніи имъ впредь поступать на земскую службу, какъ не основанное на законѣ, отмѣнить.“

Такимъ образомъ, разногласіе между Сенатомъ и Горемыкинымъ сводится къ тому, что по мнѣнію Сената, дѣйствуя собственной властью, Министръ обязанъ руководствоваться изданными законами, Горемыкинъ же находитъ это совершенно неумѣстнымъ. И, дѣйствительно, даже „Положеніе объ усиленной охранѣ“, изданноэ со спеціальной цѣлью узаконить административный произволъ, все таки стѣсняетъ, какъ всякое установленное правило. Руководствуясь имъ надо помнить, какая губернія обаявлена на положеніи усиленной охраны, какая нѣтъ и предпринимая что нибудь экстра-ординарное въ необъявлеоной губерніи надо предварительно распорядиться объ объявленіи. „Положеніе“ предписываетъ къ тому же нѣкоторыя формальности, правда пустыя, такъ какъ, чтобы ни говорилъ въ особомъ совѣщаніи представитель министерства юстиціи, Министръ Внутр. Дѣлъ все же можетъ расказнить кого ему угодно и за что угодно, но что за охота тратить время на выслушиваніе пустыхъ рѣчей? Къ тому же по „Положенію объ усиленной охранѣ“ приходится примѣнять однѣ и тѣ же рутинныя кары: тюрьму да ссылку, а министру можетъ придти въ голову нѣчто оригинальное вродѣ запрещенія „навсегда“ земской службы 27 лицамъ, избравшимъ эту службу своей спеціальностью. Съ своей стороны, Сенатъ напоминаетъ министру, что онъ имѣетъ полную возможность оригинальничать и нарушать всѣ правила, подъ единственнымъ условіемъ дѣлать это не отъ своего имени. Всякій разъ, когда ему захочется совершить какое-нибудь экстраординарное беззаконіе, онъ долженъ „предварительно испросить Высочайшее повелѣніе“. При теперешнемъ царѣ это не представляетъ, казалось бы, никакихъ затрудненій, но Горемыкинъ не чуждъ, повидимому, нѣкотораго тщеславія. Въ своемъ отвѣтѣ онъ стремится возсіять передъ Сенатомъ во всей красѣ не фактической только, но также и формальной неограниченности своего всевластія.

Проэктъ своего опредѣленія Правительствующій Сенатъ сообщилъ для подписи Министру Внутр. Дѣлъ, который къ этому времени (май 1900 г.) успѣлъ уже смѣниться. Вмѣсто Горемыкина теперь властвовалъ Сипягинъ. Опредѣленіе Сената онъ возвратилъ не подписаннымъ при слѣдующемъ отзывѣ:

„Министръ Внутр. Дѣлъ прежде всего останавливается на томъ соображеніи, что Полтавская губ. въ 1898 г. дѣйствительно не была въ установленномъ порядкѣ объявлена въ исключительномъ положеніи. По сему и заключеніе Правительствующаго Сената о томъ, что принятыя, на основаніи означеннаго положенія, въ отношеніи просителей мѣры представляются не вытекающими изъ закона, является совершенно основательнымъ и съ его, министра, стороны какихъ либо возраженій вызвать не можетъ. Признавая преподанныя Правительствующимъ Сенатомъ въ проэктѣ опредѣленія соображенія, при обычномъ теченіи дѣлъ, безусловно обязательными къ исполненію Мин. Внутр. Дѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ присовокупляетъ, что соображенія эти и основанное на нихъ заключеніе, по его мнѣнію, не могутъ однако имѣть примѣненія къ настоящему случаю. Въ семъ отношеніи нельзя не остановиться на томъ положеніи, что, на основаніи ст. 1 положенія объ охранѣ, высшее направленіе дѣйствій по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія принадлежитъ Мин. Внутр. Дѣлъ, коему независимо сего... предоставлены особыя полномочія по охраненію ввѣренной ему внутренней безопасности, въ силу коихъ онъ, при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, вправѣ дѣйствовать всѣми ввѣренными ему способами, не ожидая высшаго разрѣшенія, но лишь донося о принятыхъ мѣрахъ и причинахъ ихъ настоятельности. Наличность такихъ обстоятельствъ въ разсматриваемомъ случаѣ Мин. Внутр. Дѣлъ въ настоящее время *удостовѣрена быть не можетъ*, (курсивъ нашъ) но онъ полагаетъ, что обстоятельства эти несомнѣнно существовали, ибо предмѣстникъ его Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Горемыкинъ призналъ необходимымъ принять въ отношеніи просителей указанныя выше исключительныя мѣры, въ качествѣ мѣръ чрезвычайныхъ и въ то же время о сдѣланномъ распоряженіи довелъ до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія. Его Императорское Величество не только не соизволилъ отмѣнить означенную мѣру, но собственноручно на всеподданнѣйшемъ по саму предмету докладѣ начерталъ слѣдующую резолюцію: „Возмутительный по своей дерзости случай. Желалъ бы знать, по какой причинѣ такая компанія поднадзорныхъ лицъ находилась одновременно на службѣ въ Полтавскомъ земствѣ.“

Основываясь на этой „резолюціи“, министръ заключаетъ, что распоряженіе его предшественника должно остаться въ силѣ, и прошеніе высланныхъ полтавцевъ удовлетворено быть не можетъ.

Такъ иронизировалъ Сипягинъ надъ своимъ предшественникомъ, надъ русской законностью и надъ самой высочайшей волей. Что предшественникъ нарушилъ всѣ законы, исполненіе которыхъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ „безусловно обязательно“, онъ согласенъ. Чтобы въ 1898 г. въ Полтавѣ были „чрезвычайныя обстоятельства“ онъ удостовѣрить не можетъ и тѣмъ самымъ удостовѣряетъ, что по его мнѣнію ничего тамъ чрезвычайнаго не было, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что было, такъ какъ Горемыкинъ доложилъ о своей злой продѣлкѣ высочайшему усмотрѣнію и оно не только не отмѣнило ее, а еще начертало что-то тоже довольно злое, почему-то именуемое „резолюціей“.

⁂

Эта маленькая картинка пораженія Сената, пытавшагося отстоять „положеніе объ усиленной охранѣ“ въ качествѣ послѣдняго палладіума русскихъ вольностей, такъ комически рельефно обрисовываетъ всю безпардонность нашего самодержавія, что производитъ впечатлѣніе каррикатуры. Но рядомъ съ увеселительной стороной она заключаетъ въ себѣ и нѣкоторое нравоученіе, правда азбучное, но въ настоящій моментъ, пожалуй, и небезполезное.

Не отъ жандармовъ только и не отъ однихъ нововременцевъ русскимъ революціонерамъ приходится слышать по временамъ, что именно они-то и мѣшаютъ правительству вести себя прилично, что своими крайностями они препятствуютъ умѣреннымъ людямъ испрашивать умѣренныя реформы и. т. д.

Изъ всѣхъ лѣтъ, какіе, начиная съ половины девяностыхъ годовъ, переживало русское правительство, 1898г. былъ для него самымъ спокойнымъ. Такихъ благополучныхъ годнвъ — мы на это твердо надѣемся — самодержавному правительству ужа никогда не видать. Безпокоившія столицу массовыя стачки съ начала 1897г. прекратились, а массовыхъ студенческихъ протестовъ, съ которыхъ начался новый, обостренныи періодъ революціоннаго движенія, осенью 1898г. нельзя было еще и предвидѣть. Нелегальныя изданія, продолжавшія попадаться въ руки жандармовъ, были въ большинствѣ случаевъ „чисто экономическими“ и именно въ этомъ году часть такихъ изданій приняла даже тотъ антиполитическій характеръ, который теперь, когда честная литература этого направленія почти перестала появляться, зубатовцы пытаются возродить для своихъ безчестныхъ цѣлей. И вотъ въ такое-то благополучное время 27 лицъ выразили свое негодованіе сослуживцу-доносчику. Сдѣлали они это въ самой летальной и умѣренной формѣ. Не побили они Нелимова, не устроили ему публичнаго посрамленія, а только довѣрчиво извѣстили въ закрытомъ письмѣ, что не считаютъ его товарищемъ и отказываются отъ солидарности съ нимъ. Никакого выраженія „противоправительственнаго образа мыслей“ въ письмахъ нѣтъ. Подписавшіеся вовсе не отрицаютъ обязанности Налимова заботиться о томъ, чтобы нелегальныя брошюры не попадали въ руки учениковъ они утверждаютъ только, что у него были для этого средства, кромѣ доноса. Письма не выражаютъ ничего, кромѣ отвращенія къ доносчику, но это чувство такъ всеобще, что исключеніемъ являются люди, которые его не испытываютъ. Доносчикъ слишкомъ близко соприкасается съ предателемъ и его историческимъ прототипомъ Іудой, слишкомъ напоминаетъ собою шпіона, а всѣ эти званія считались и считаются позорными чуть-ли не на всемъ земномъ шарѣ,—тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ доносчикъ можетъ сдѣлать своей жертвѣ всего больше зла. Царь можетъ и не знать этой элементарной истины—вѣдь ихъ такъ „дурно воспитываютъ“—и по всему вѣроятію онъ ее дѣйствительно не знаетъ, иначе не братался бы такъ торжественно съ жандармами. Но министры къ царской фамиліи не принадлежатъ и конечно знаютъ, если не по воспоминаніямъ молодости, то хоть по наслышкѣ, что отвращеніе къ доносчикамъ свойственно не однимъ революціонерамъ.

Не содержаніе письма возмутило министра, а единственно и исключительно недостатокъ страха и трепета въ Полтавцахъ, — ихъ „крайняя дерзость“, какъ онъ выражается. „Возмутительный по своей дерзости случай“ вторитъ ему самодержецъ. Именно „дерзость“—любимое словцо сердитыхъ барынь, бранящихъ црислугу. Въ своемъ стремленіи искоренить „дерзость“ и водворять трепетъ всякій деспотизмъ всегда ненасытенъ, за каждой степенью приниженности существуетъ еще большая, къ которой по самой природѣ своей онъ долженъ стремиться. Иллюстраціей къ этому можетъ служить исторія постепеннаго развращенія и приниженія учительскаго персонала нашихъ гимназій. Въ шестидесятыхъ годахъ званіе учителя гимназіи по меньшей мѣрѣ настолько же ручалось за порядочность, какъ теперь занятіе статистикой. За исключеніемъ вывезенныхъ изъ Австріи братушекъ, учителя также и въ 70-хъ годахъ были въ огромномъ большинствѣ случаевъ совершенно неспособны заниматься сыскомъ и между ними было еще не мало людей, о которыхъ ученики сохраняли самыя добрыя воспоминанія. Изъ ленiе“ и тамъ послѣ разговоровъ они исчезли изъ Москвы.*)

Эта стачка не осталась безъ вліянія на остальныхъ московскихъ рабочихъ. На многихъ фабрикахъ ткачами были предъявлены требованія, очень схожія съ требованіемъ ткачей „Гужона и Мусси.“

Кромѣ того всѣ московскіе ткачи рѣшили передъ Пасхой заявить расчетъ и послѣ Пасхи наниматься не иначе, какъ артелями, а на тѣ фабрики, гдѣ будетъ нанятъ хоть одинъ рабочій не изъ артели, не поступать вовсе.

Такова одна сторона Зубатовской политики. Другая — массовая высылка неблагонадежныхъ. Фабриканты разсказываютъ: явится ночью полиція, заберетъ человѣкъ 50-60 рабочихъ и выпроводитъ изъ Москвы. Просто и скоро, безъ шуму и волокиты, хотя бы даже упрощеннаго административнаго производства въ охранномъ порядкѣ.

Пока Зубатовская политика возбуждаетъ вь рабочей массѣ кучу смутныхъ надеждъ и ожиданій. Среди рабочихъ носятся слухи, будто скоро царь отниметъ у хозяевъ фабрики и надѣлитъ ими рабочихъ; что рабочіе будутъ переведены на государево жалованье. Около лицъ, участвующихъ въ Зубатовской эпопеѣ, складываются цѣлыя легенды. Про Слѣцова идетъ молва, что онъ побочный сынъ Александра II и что 19 февраля произошла при всемъ народѣ трогательная встрѣча между нимъ и Сергіемъ Александровичемъ.

Но долго такъ продолжаться не будетъ. Фабриканты шлютъ Витте жалобу за жалобой и если въ настоящій моментъ возбужденія рабочихъ массъ правительство ради своей безопасности заигрываетъ съ рабочими, то — уляжется народное море, и вся сила полицейскаго самодержавія пойдетъ на защиту собственниковъ отъ „незаконныхъ“ притязаній рабочихъ.

Нижній-Новгородъ. Май.

„Послѣднее время мы, нижегородцы, живемъ нелегальными новостями. Недавно здѣсь хоронили студента-ветеринара Рюрикова. Онъ умеръ отъ разрыва сердца. Хоронили его на четвертый день, потому что на третій день не разрѣшилъ прокуроръ, боясь стеченія рабочихъ по случаю праздника (воскресенье 22-го апрѣля). Въ церкви были почти всѣ нижегородскіе интеллигенты и сочувствующіе. Одинъ изъ присутствовавшихъ прочелъ задушевное надгробное слово, называя умершаго борцомъ за свободу и высказалъ надежду на скорое свобожденіе русскаго общества отъ административнаго произвола. Почти то же было сказано кѣмъ-то на могилѣ. Когда зарывали могилу, молодежь пѣла вѣчную память и студенческія пѣсни, а по выходѣ съ кладбища — марсельезу. У церковныхъ воротъ толпу уже ожидала свора человѣкъ въ 50 полиціи. Сплотившіеся были переписаны. Теперь начались опять обыски и аресты“.

Борьба съ крамолой во флотѣ.

Чтобы бороться съ врагомъ, полезно знать и то, что врагъ о насъ думаетъ и какъ о насъ говоритъ. Мы думаемъ, поэтому, что не безъ пользы можно будетъ читать и разъяснять въ кружкахъ нижеслѣдующій документикъ:

Приказъ №27.

Старшаго флагмана Черноморской флотской дивизіи.
Апрѣля 19-го дня 1902г.

Въ послѣднее время часто находятъ разбросанными повсюду противузаконные, возмутительные листки, попадающіе иногда въ руки нижнихъ чиновъ. Эти листки клевещутъ на Правительство, призываютъ народъ къ непослушанію властямъ и самовольнымъ дѣйствіямъ. Распространять эти писанія есть самое безчестное дѣло, потому что ими сѣется смута въ умахъ, часто ведущая къ безпорядкамъ, нетерпимымъ ни въ какомъ государствѣ. Сами эти писатели и распространители листковъ, прячущіеся какъ душегубы отъ людей, выходятъ сухими изъ воды и со стороны любуются на расправу съ несчастными, поддавшимися необдуманно ихъ безбожнымъ, безсовѣстнымъ наущеніямъ. Русское государство стоитъ не со вчерашняго дня, чтобы можно было его перестроить; оно слишкомъ сильно, чтобы не терпѣть въ себѣ никакихъ смутъ, безпорядковъ и самовольства посѣянныхъ не призванными благодѣтелями — лукавыми смутьянами. — Не должно, не слѣдуетъ слушать этихъ безсовѣстныхъ проповѣдниковъ, такъ какъ мы, христіане православные, имѣемъ руководство въ жизни Божій Законъ, которому мы съ дѣтства научены, что — „всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ“; ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Потому противящіяся власти противятся Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро и получишь похвалу отъ нея: ибо она не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надо повиноваться не только изъ страха, но и по совѣсти. (Посл. Римл. XIII ст. 1-5). И до тѣхъ поръ пока русскій народъ будетъ вѣренъ Господу Богу своему въ церкви православной, будетъ по прежнему чтить своего Царя — Государя и слушаться поставленныхъ отъ него властей, Русское государство будетъ по прежнему же сильно, могуче въ своемъ единствѣ, которому никакой врагъ страшенъ не будетъ. Внѣшніе, заграничные враги нашей родины не дремлютъ и прилагаютъ всевозможныя старанія, такъ или иначе ослабить наше отечество: одни, чтобы Церковь Божію, главную силу Руси, выкурить изъ народа, оторвать народъ отъ нея и увлекаютъ слабыхъ въ штунду и всякія другія ереси, другіе — смущаютъ умы людей всякими беззаконными подметными листками и другими гнусными сочиненіями, при помощи нашихъ измѣнниковъ, растравляя неудовольствія и призывая прямо къ бунту противъ государственнаго порядка, обѣщаютъ свободу, но какую? Свободу разнузданности, самоуправства, непослушанія власти. Но такая свобода ведетъ къ тяжкому грѣху, нужна же свобода отъ грѣха, о чемъ непосредственно молитъ Бога Православный народъ и всячески трудится въ своей жизни, чтобы спасти душу отъ грѣха. Всѣмъ этимъ зловреднымъ людямъ, такъ настойчиво сѣющимъ смуту, нужно же жить на какія нибудь денежныя средства. Деньги же нужны и на разбрасываемые листки. Откуда же какъ не отъ заграничныхъ друзей своихъ, враговъ нашего отечества, получаются ими эти средства? Итакъ, эти смутьяны являются вѣрными слугами нашихъ враговъ, для которыхъ весьма удобно находить среди нашихъ недоучекъ и безбожниковъ измѣнниковъ своей родинѣ и при страшномъ стараніи насаждать на Руси всяческія безпорядки и беззаконія. Стыдъ и позоръ Русскимъ людямъ, что среди насъ находятся такіе гнусные измѣнники на вражескомъ содержаніи, тѣмъ болѣе гнусные, что въ своихъ преступныхъ листкахъ и тетрадкахъ представляютъ себя заботящимися о благѣ народномъ. О лицемѣры лукавые! Изъ безпорядковъ и бунтовъ, проповѣдуемыхъ ими, ничего выросте не можетъ, кромѣ нечестія и бѣдствія для самихъ бунтовщиковъ. Они-то, проповѣдники бунтовъ и непослушанія, можетъ быть и останутся цѣлы, а увлеченные ими вынесутъ на себѣ всѣ бѣдствія своего увлеченія... Иначе и быть не можетъ. Если считать ихъ измѣнниковъ — смутьяновъ десятками даже сотнями, то на каждую сотню ихъ останется сотня тысячъ честныхъ, благоразумныхъ христіанъ, которымъ тошна всякая смута ихняя, и не допуститъ къ себѣ учителями этихъ измѣнниковъ своему отечеству, отъ наученій которыхъ выростаютъ только одни бѣдствія. Слѣдовательно, всѣ тайные листки, тетрадки, книжки, что бы изъ этой пагубы не попало въ руки, представлять начальству, не читая, чтобы не грязнить своего ума этой нечистью безбожною. А если бы пришлось встрѣтить самого такого смутьяна — сейчасъ же задержать его и представить начальству въ цѣлости. Приказъ этотъ раздать по экземпляру всѣмъ нижнимъ чинамъ дивизіи; находящимся въ отсутствіи и въ командировкахъ выдать по возвращеніи ихъ въ наличіе экипажа и команды.

Вице-адмиралъ Гильтебрандтъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Въ Новгородской губ. крестьяне, не обращая вниманія на новый продоольственный уставъ, придуманный Сипягинымъ, самовластно разбираютъ въ настоящее время хлѣбные магазины. Такіе случаи пріобрѣли массовой характеръ въ уѣздахъ Кириловскомъ, Бѣлозерскомъ и другихъ. Около 1-го мая были такіе случаи и въ Новгородскомъ уѣздѣ (Раковской волости, деревни Сергово и Заолешье). Крестьяне этихъ послѣднихъ деревень, еще въ мартѣ ходатайствовали у земскаго начальникн Меркулова, о выдачѣ ссуды на сѣмена. Меркуловъ не разрѣшилъ и уѣхалъ въ отпускъ. Въ апрѣлѣ крестьяне, въ числѣ 150—100 человѣкъ ходили къ губернатору просить ссуду и даже вели довольно грубые и рѣшительные разговоры съ нимъ: „чего-же не даешь? Мы вѣдь не будемъ и подати платить“! говорили они. Возвратившись отъ губернатора, крестьяне потребовали ключи отъ магазиновъ у старосты. Тотъ, не имѣвъ ключей, послалъ за ними магазиннаго. Тогда крестьяне составили приговоръ и списокъ, кому сколько дать, и распредѣлили хлѣбъ сами. Чтобы прикрыть это дѣло, уѣздный съѣздъ далъ разрѣшеніе крестьянамъ заднимъ числомъ.

Въ Демьянскѣ (Новг. губ.) были расклеены прокламаціи (въ городѣ и уѣздѣ) на телеграфныхъ столбахъ, приглашавшія бить помѣщиковъ.

Изъ Обоянскаго у. Курск. губ. отъ 28 апрѣля 1902г.

...„Вѣсть о разгромленіи заводовъ несется съ удивительной быстротой (рѣчь идетъ о полтавскихъ и харьковскихъ волненіяхъ).

Тутъ много толковъ. Говорятъ, что въ заводы являлись студенты, переодѣтые генералами въ орденахъ, читали царскія граматы и этимъ убѣждали народъ въ томъ, что они посланы отъ царя, чтобъ онъ поднимался. Изъ другихъ волостей идутъ слухи о полученіи тамъ какихъ-то подметныхъ писемъ и граматъ. Народъ ждетъ чего-то. „Посмотрите, вотъ черезъ пять лѣтъ, что будетъ...“ Случилось совпаденіе. Въ нашемъ уѣздѣ въ одно время была продана 4-мя помѣщиками земля крестьянамъ. Послѣдніе рѣшаютъ, что это не спроста паны землю продаютъ; „боятся...“ Среди торговаго люда такое мнѣніе, что Сипягина убилъ торговый человѣкъ, такъ какъ казна и земство всю торговлю по его милости забрали и торговцамъ ущербъ большой.... Одна старая помѣщица была очевидицей полтавской порки и хоть она крѣпостница, но и то ужасалась, что „крестьянъ обращали въ куски мяса, которые бросали на телѣги.“ Она вѣроятно преувеличиваетъ, что по 200 розогъ давали... Яичники, коновалы и пр., которыхъ ремесло заставляетъ путешествовать, служатъ невольными распространителями вѣстей и легендъ. Говорятъ, будто въ 15 верстахъ отъ насъ провозили 2 хъ студентовъ, которые разговариваривали съ народомъ и оповѣстили его, что поднявшіеся идутъ, будутъ и на нашихъ сахарныхъ заводахъ. Будто, проходя, они спрашиваютъ: „чья земля“? Если скажутъ, помѣщичья и сдается крестьянамъ, идутъ мимо, а если — „сдается подъ бураки“ — погромъ...

Изъ Льговскаго уѣзда (Курск. губ. отъ 16 мая)

„На многолюдномъ сахарномъ заводѣ близь ст. ИванинoМоск.-К.-Вор.ж.д., принадлежащемъ Баховскому и гр. Клейнмихелю, напряженное и томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ разразится гроза. И рабочіе, и крестьяне, и служащіе завода въ нервномъ напряженіи. Всѣ ждутъ, что кто-то придетъ и дастъ сигналъ къ разгрому. Служащіе уложили серебро и приготовились покинуть заводъ при первой тревогѣ. Къ одному изъ администраціи приходитъ лакей, долго служившій у него, и проситъ расчета. „Почему“, удивляется господинъ. „Да неловко какъ-то служить, запинаясь отвѣчаетъ слуга, — скоро противъ васъ же придется идти...“

Изъ Обоянскаго уѣзда (Курской губ. отъ 10мая 1902г.)

...„Ждутъ съ трепетомъ (крестьяне съ трепетомъ надежды, а землевладѣльцы — страха) — „что-то будетъ?“ Подбрасываются письма, „грамоты“, устрашающія и обѣщающія... Между крестьянами циркулируютъ разныя легенды... Одно письмо обѣщаетъ нашествіе на заводъ въ нашей мѣстности на 21 мая, а также и на тѣхъ владѣльцевъ, которые отдаютъ землю подъ бураки. „Раздѣвать будутъ (слѣдуютъ прозвища помѣщиковъ), „разносить (именуются усадьбы)“. Одни говорятъ „придутъ студенты“, а другіе — „разбойники“ — „Ну а вы пойдете громить заводы?“ спрашиваютъ одного. „Нѣтъ, а то выпорятъ, какъ въ Полтавской губ.“. Ждутъ, что сдѣлается что-то чужими руками. Студентамъ придается какое-то мистическое понятіе, а что такое въ самомъ дѣлѣ студентъ — ровно ничего не знаютъ. Потомъ твердѣйшее убѣжденіе, что письма идутъ отъ царя, хотя ихъ находили въ лѣсу и за околицей селъ. А то ходили слухи, что „Царь за господъ, а землю хочетъ дѣлить царица“. Разсказываютъ, что кѣмъ то была поднесена икона царю, „а въ ней оказались два непріятеля захованы (спрятаны), такая большая... „И что предупредилъ объ этомъ государя святой человѣкъ и „разстрѣляли ту икону“. „Помѣщики иные такого труса празднуютъ, а также и служащіе на заводахъ, что на конюшняхъ, все равно какъ въ пожарной части, лошадей на готовѣ держатъ...“

По циркулирующимъ въ Курскѣ слухамъ въ Бѣлгородскій уѣздъ вызваны войска. На 16 мая были назначены(?) безпорядки на Глушковской суконной мануфактурѣ Рыльскаго уѣзда. Ходятъ слухи, что неспокойно въ Льговскомъ и Суджанскомъ уѣздахъ... Въ виду тревожнаго настроенія крестьянъ отправившіеся на изслѣдованіе въ Корочанскій уѣздъ статистики Земской управы по распоряженію губернатора возвращены въ Курскъ.

Курскій исправникъ разослалъ циркулярное распоряженіе сельскимъ старостамъ и волостнымъ старшинамъ, въ которомъ предписывается крестьянамъ немедленно доставлять по начальству всѣхъ лицъ, которые будутъ требовать созыва сельскихъ сходовъ, хотя бы эти лица были одѣты въ форменное платье и представляли бы документы и удостовѣренія въ правѣ своемъ созывать сходъ. Исключенія допускаются только для чиновниковъ, лично извѣстныхъ сельскимъ властямъ.

По другимъ слухамъ (изъ комп. источн.) по губерніи издано распоряженіе созывать селькіе сходы только съ вѣдома и распоряженія земскихъ начальниковъ.

Въ февралѣ текущаго года крестьяне села Майданъ Инсарскаго уѣзда Пензенской губерніи всѣ поголовно заявили сельскому начальству, что платить подати они больше не будутъ. Побудили ихъ къ этому слѣдующія соображенія. Во первыхъ, положеніе крестьянъ очень бѣдственное, вслѣдствіе чего платить установленныя для нихъ громадныя подати они не въ силахъ. Чтобы выплатить подати, крестьянамъ приходится продавать послѣдній хозяйственный скарбъ, сводить со двора послѣднюю овцу, корову. Съ другой стороны, на Руси много богатыхъ людей: помѣщиковъ, купцовъ. Съ нихъ нужно требовать больше податей, чѣмъ съ бѣдняковъ крестьянъ. Въ дѣйствительности же они почти совсѣмъ освобождены отъ налоговъ. Такіе порядки крестьяне считаютъ несправедливыми и, поэтому, подчиняться имъ не желаютъ. Во вторыхъ, крестьяне совсѣмъ не знаютъ, куда, на какія дѣла идутъ сбираемыя съ нихъ трудовыя денежки, „можетъ быть на худыя дѣла?“

Эти соображенія были представлены крестьянами сельскому начальству, которое тотчасъ же дало знать о случившемся земскому начальнику, становому, исправнику. Послѣдніе явились, созвали сельскій сходъ и пытались на немъ сначала угрозами, а потомъ „мягкими просьбами“ убѣдить крестьянъ отказаться отъ по его рѣшенія и платить подати. Но ни угрозы, ни „мягкія просьбы“ не произвели на крестьянъ никакого впечатлѣнія: они непреклонно стояли на своемъ. Тогда была послана Пензенскому губернатору телеграмма съ запросомъ, что дѣлать съ крестьянами. Губернаторъ приказалъ пустить въ дѣло силу. Становой, исправникъ собрали со всего уѣзда урядниковъ, вооружили ихъ плетками, подпоили ихъ водкой, не надѣясь, что въ трезвомъ видѣ они исполнятъ въ точности ихъ приказанія и явились съ этой шайкой въ злополучное село. Попытавшись еще разъ образумить непокорныхъ и не достигши и въ этотъ разъ своей цѣли, начальство приказало урядникамъ тузить и хлестать крестьянъ. Крестьяне не сопротивлялись. Они спокойно переносили сыпавшіеся на нихъ удары — они говорили: „мы стерпимъ, но платить подати не будемъ.“ Снова послана телеграмма губернатору, и на этотъ разъ губернаторъ явился самъ въ село съ жандармами и ротой солдатъ. Сельчане были созваны на сходъ. Губернаторъ потребовалъ, чтобы крестьяне выбрали изъ своей среды нѣсколько человѣкъ для переговоровъ, такъ какъ говорить сразу со всѣми нѣтъ никакой возможности. Крестьяне отказались сдѣлать это, заявивъ: „мы знаемъ, что Вы съ ними сдѣлаете, Вы арестуете ихъ.“ Тогда губернаторъ далъ имъ слово, что онъ не арестуетъ ихъ выборныхъ крестьянъ и будетъ бесѣдовать съ ними въ присуствіи всего схода. Крестьяне подались... Изъ толпы выступило нѣсколько человѣкъ, но едва они сдѣлали это, какъ на нихъ набросились жандармы, окружили и повели было въ хату. Крестьяне, видя, какъ они гнусно были обмануты, бросились на жандармовъ и освободили своихъ товарищей. Губернаторъ разсвирѣпѣлъ. Онъ приказалъ солдатамъ готовиться къ бою, а крестьянамъ заявилъ: если они не выдадутъ своихъ товарищей — зачинщиковъ и если въ знакъ этого не станутъ на колѣни, то онъ сейчасъ же прикажетъ солдатамъ стрѣлять.... Солдаты приготовились, еще моментъ и десятки ни въ чемъ не повинныхъ людей погибли бы... Но шесть товарищей не захотѣли губить людей... Они сами, доборвольно вышли и отдались

---

*) На что Охранка готова, чтобы привлечь къ себѣ сердца рабочихъ, показываетъ слѣдующій случай: какъ-то нѣсколько рабочихъ наскандалили. Былъ составленъ протоколъ, и мировой судья приговорилъ ихъ къ 16руб. штрафу каждаго. Адвокаты, къ которымъ обратились за помощью рабочіе, отвѣтили, что ничего не подѣлаешь — надо платить или отсиживать. Но рабочіе добрались черезъ кого-то до Охранки и та уплатила наложенный штрафъ, а околоточный, осмѣлившійся составить протоколъ, былъ переведенъ въ другую часть.

недавнихъ разоблаченій всѣ увидѣли, до какой степени развращенія и приниженія былъ доведенъ весь составъ гимназическаго начальства въ періодъ „умиротворенія“. О протестахъ противъ изслѣдованія политической благанадежности гимназистовъ и ихъ родителей давно уже не было и рѣчи, но правительство все еще продолжало совершенствовать свое орудіе, находя уже подозрительнымъ, почти „дерзкимъ“ простое уклоненіе отъ активнаго участія въ сыскѣ. Общество всегда ненавидѣло эти гимназіи и высказывало свою ненависть, по скольку могло, не прибѣгая къ рискованнымъ средствамъ. Но въ мирныя времена ненависть „либераловъ“ къ какому нибудь учрежденію всегда служила его лучшей рекомендаціей. „Голосомъ общественнаго мнѣнія“ правительство руководствуется, да только въ обратномъ смыслѣ. Теперь господствовавшая въ гимназіяхъ система, наконецъ, разбита и послѣ цѣлаго года публичной выставки къ позорному столбу, за которой жадно слѣдили, конечно, и гимназисты всѣхъ классовъ и родители всѣхъ званій, она уже не можетъ быть возстановлена въ прежней красѣ, несмотря на угрозы высочайшаго рескрипта „подобрать въ воспитатели лучшихъ людей.“ Но вся честь этого дѣла принадлежитъ исключительно студенчеству. Смѣлостью и упорствомъ своихъ протестовъ, встрѣтившихъ поддержку въ рабочихъ, своимъ презрѣніемъ къ „легальности“, своей революціонностью, однимъ словомъ, студенты воочію доказали правительству, что всѣ его педагогическіе труды послѣднихъ десятилѣтій дали результаты какъ разъ противоположные намѣченнымъ и изъ лабораторій, спеціально устроенныхъ для приготовленія отупѣлыхъ лакеевъ, снова вышло поколѣніе безстрашныхъ борцовъ. Правительству, держащемуся по его же собственному убѣжденію, одной запуганностью населенія только и страшенъ, что ростъ безстрашія. Оно отлично знаетъ, что въ странѣ, гдѣ нѣтъ законовъ, обязательныхъ для администраціи, не можетъ быть и безопасной, легальной, оппозиціонной (въ противоположность революціонной) борьбы какъ съ правительствомъ, такъ и съ малѣйшимъ изъ его агентовъ. Вѣдь Полтавцы не нарушили никакого закона и самое большее, что могло бы ихъ постигнуть по законамъ, хотя бы и россійской имперіи — это жалоба Налимова мировому судьѣ на оскорбленіе его въ частномъ письмѣ. Изъ этого ничуть не слѣдуетъ, конечно, чтобы мы не считали полезными всякія проявленія „дерзости“ русскихъ обывателей, даже умѣренно либеральныя, къ которымъ письма Полтавцевъ мы не причисляемъ. Слѣдуетъ изъ этого другое.

Не далеко, вѣроятно, то время, когда правительство, потерявъ надежду разсажать по тюрьмамъ, запугать или истребить своихъ непрерывно умножающихся враговъ, почувствуетъ — выбирая изъ двухъ золъ меньшее — нѣкоторую склонность „прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія“ и на этотъ разъ уже не для того только, чтобы сдѣлать діаметрально противуположное его требованіямъ, а чтобы, полакомивъ кое какими обѣщаніями, заставить кричать противъ крайностей революціонеровъ и прославлять „благія намѣренія правительства“.

Такъ вотъ, если „умѣренность“ къ чему нибудь „обязываетъ“, такъ именно къ тому, чтобы всегда знать, а въ такой моментъ въ особенности не забывать, что въ деспотическомъ государствѣ легальная оппозиція не можетъ имѣть ни малѣйшей самостоятельной силы, за отсутствіемъ тѣхъ законовъ, на которые она могла бы опереться; что тотъ минутный фаворъ, въ который она попала зависитъ единственно и исключительно отъ контраста съ крайней смѣлостью и стойкостью людей борящихся революціонными средствами; что еслибы замолкли революціонные голоса и умѣренность осталась наединѣ съ недобитымъ самодержвіемъ, ея собственный голосъ тотчасъ же снова показался бы ему „дерзкимъ“ и требующимъ строгихъ мѣропріятій. А помня это, либеральнымъ людямъ серьезно желающимъ разъ навсегда покончить съ самодержавіемъ, пришлось бы признать, что въ интересахъ своего дѣла имъ слѣдуетъ не противуставлять себя революціонерамъ въ качествѣ самостоятельной силы, не собираться удерживать ихъ отъ „крайностей и насилій,“ а помогать имъ всѣми сообразными со своей умѣренностью средствами. Мы предполагаемъ, конечно, такую умѣренность, которая заключается не въ принципіальномъ отрицаніи правомѣрности нелегальной борьбы съ непризнающимъ законовъ правительствомъ, а въ личной неспособности къ „военной службѣ,“ къ слишкомъ опасной революціонной дѣятельности. Но въ революціонной борьбѣ, какъ и въ обыкновенной войнѣ, для успѣха военнаго дѣла нужна масса штатской работы по снабженію арміи оружіемъ, провіантомъ, квартирами и свѣдѣніями не говоря уже о красномъ крестѣ. Въ настоящее время именно эта часть освободительной работы выполняется всего хуже. По сравненію съ семидесятыми годами дѣйствующая армія выросла безконечно, а штатская помощь, уменьшающая опасность революціонной работы и увеличивающая ея производительность, едва ли достигла даже тѣхъ размѣровъ, какіе имѣла тогда.

въ руки властей... а крестьяне стали на колѣни... Такъ кончилась эта первая попытка крестьянъ бороться...

Въ селѣ Ключевкѣ Пензенской губерніи Инсарскаго уѣзда крестьяне, недовольные своимъ хищникомъ попомъ, нѣсколько разъ жаловались на него архіерею. Эти жалобы не имѣли никакого успѣха, и попъ продолжалъ сидѣть на своемъ тепломъ мѣстечкѣ и обирать крестьянъ. Тогда они рѣшили удалить его изъ села сами силою; попъ узналъ объ этомъ замыслѣ и донесъ объ этомъ земскому начальнику; послѣдній присудилъ къ трехдневному аресту при волостномъ правленіи 176 крестьянъ. — Возбужденіе въ селѣ противъ попа и начальника громадное.

Въ деревнѣ Васильевкѣ (Полт. уѣз.) проживаютъ помѣщики Чесноки — земскій начальникъ съ семействомъ. Чесноки владѣютъ имѣніемъ дес. въ 500., при чемъ землю сдаютъ въ аренду. Люди они добрые, благожелательные и пользуются уваженіемъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ никогда не отказываютъ ни въ помощи, ни въ совѣтѣ. Когда вспыхнуло крестьянское движеніе, Васильевцы получили подметное письмо, въ которомъ говорилось, что такого-то числа Чесноковская усадьба будетъ подвергнута разгрому. Получивъ письмо, Васильевцы немедленно подѣлились его содержаніемъ съ Чесноками, сосѣдямъ же крестьянамъ заявили: „нашего пана не троньте, его въ обиду не дадимъ; а если сунетесь, то васъ самихъ возьмемъ въ колья“. Усадьба встревожилась. Хозяева метались по комнатамъ, укладывая пожитки. Пошли слезы, жалобы, истерики и пр. Самъ же Чеснокъ рѣшилъ: „Ну придутъ, такъ придутъ“, и приказалъ приказчику отпереть амбаръ. Сидятъ — ждутъ. Приходятъ бунтари. Васильевцы еще разъ заявили, что громить Чесноковъ не дадутъ, какъ-то поладили съ бунтарями, и вмѣстѣ съ ними, оставивъ усадьбу въ покоѣ, пошли и разгромили лежавшее невдалекѣ отъ Васильевки цѣлое гнѣздо помѣщичьихъ усадьбъ.

А вотъ иная картина:

Въ д. Ковалевкѣ Полтавскаго же уѣзда послѣ обѣдни крестьяне предложили священнику громогласно прочесть прокламацію. Священникъ отказался и тогда ковалевцы, вытащивъ бѣднаго пастыря изъ церкви, тутъ же въ оградѣ избили его, приговаривая: „А такъ ты за пановъ, за одно пьете нашу кровь. Нѣтъ, будетъ, довольно панствовали вы, пора и намъ пановать!“ Еле еле отлежался священникъ въ больницѣ. Настроеніе крестьянъ сказывается даже въ мелочахъ:

У шлагбаума крестьянскій обозъ съѣхался съ помѣщичьимъ экипажемъ. Прежде чѣмъ пропустить помѣщика, какъ это полагается по деревенскому этикету, обозъ проѣхалъ впередъ, при чемъ возчики иронически замѣчали: „прежде вы были паны, а теперь нашъ чередъ пановать...“

Изъ Орловской губерніи.

Мѣсто дѣйствія захолустная деревня Шепелевка Кромскаго уѣзда. До освобожденія крестьянъ Шепелевкой искони владѣлъ старинный родъ дворянъ Шепелевыхъ. Не такъ давно умеръ послѣдній отпрыскъ фамиліи, и помѣщичья земля перешла къ новому владѣльцу. Въ началѣ апрѣля на сельскомъ сходѣ Шепелевцы всѣмъ міромъ постановили приговоръ: такъ какъ де шепелевской землей съ поконъ вѣку владѣли они, шепелевцы, то земля — ихъ крестьянская собственность, и новому владѣльцу землей пользоваться они не позволятъ. Губернское начальство очень встревожено этимъ фактомъ, помѣщикъ же думаетъ продать землю крестьянамъ. Кстати сказать, по слухамъ, въ Кромскомъ уѣздѣ были распространены прокламаціи.

Изъ Курской губерніи.

Въ слободѣ Николаевкѣ Суджанскаго уѣзда кѣмъ-то изъ крестьянъ была получена революціонная брошюра. Брошюра была прочитана на сельскомъ сходѣ и возбудила массу разговоровъ и толковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что о полученіи брошюры узналъ Суджанскій исправникъ, и вотъ въ одинъ прекрасный день „хозяинъ уѣзда“, въ сопровожденіи орды полиціи прибылъ въ Николаевку на розыски „преступной книжки“. Послѣ долгихъ поисковъ брошюра объявилась и съ торжествомъ была отвезена оъ Суджу, а огорченные мужички почесывали затылки и толковали, что видно въ книжкѣ правда написана, если самъ исправникъ пріѣхалъ за нею и поднялъ такую бучу. Потолковали да и рѣшили: надо идти къ исправнику книжку назадъ требовать. Надумали и сдѣлали: передъ временной квартирой исправника въ селѣ Николаевкѣ, въ скорости послѣ увоза книжки собирается толпа николаевцевъ человѣкъ 100-150. Выходитъ исправникъ: „Что вамъ, ребята, надо? — „Да вотъ, вашескородіе, книжку, вы у насъ взяли... Такъ мы за книжкой пришли. Отдайте намъ книжку.“ Принялся исправникъ урезонивать крестьянъ. „Книжка, говоритъ, лживая, если станете поступать по книжкѣ, такъ худо вамъ будетъ: пошлютъ на васъ солдатъ, станутъ васъ сѣчь, а глядишь и перестрѣляютъ малость“. Не слушаютъ крестьяне исправника и стоятъ на своемъ: „Отдай книжку, а тамъ видно будетъ... Въ концѣ концовъ, исправникъ настоялъ на своемъ, и крестьяне вернулись по домамъ съ пустыми руками, еще болѣе увѣренные въ томъ, что свободное слово несетъ съ собою правду и свѣтъ, которыхъ такъ боится начальство.

Г.г. либеральные буржуа! Темные николаевцы сдѣлали попытку постоять за свободу печати.

Способны ли вы на такую попытку?

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

5-ое (18) апрѣля навсегда сохранитъ печальную память въ лѣтописяхъ Финляндіи, Въ этотъ день въ ея столицѣ произошло зрѣлище, немыслимое до сихъ поръ въ этой культурной странѣ, въ которой въ теченіе почти цѣлаго столѣтія вѣковая финляндская конституція сдерживала дикій произволъ россійскаго самодержавія. 5-ое апрѣля ознаменовано первымъ въ Финляндіи избіеніемъ безоружныхъ гражданъ разъяренными казаками, которые, не разбирая ни возраста, ни пола, „работали“ своими нагайками во славу самодержавія такъ же усердно, какъ постоянно дѣйствуютъ у насъ въ Россіи царскіе опричники. Это азіатское побоище является самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ преступности всей возмртительной „обрусительной“ политики русскаго правительства, которую оно ведетъ съ конца 1898 г., и оно находится въ тѣснѣйшей связи съ новымъ, такъ называемымъ „закономъ“ о „воинской повинности“, утвержденнымъ, вопреки основнымъ законамъ, безъ согласія финляндскаго сейма царемъ-клятвопреступникомъ 29-го іюня (12-го іюля) 1901 года. Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ описанію апрѣльскихъ событій, мы находимъ не лишнимъ въ нѣсколькихъ словахъ познакомить читателя съ отношеніемъ финскаго народа къ этому административному декрету, грубо попирающему финляндскую конституцію.

Еще чрезвычайный сеймъ 1899 г., созванный для разсмотрѣнія законопроектовъ г. Куропаткина, въ своемъ мужественномъ отвѣтѣ, который самодержцу совершенно беззаконно „было благоугодно оставить безъ послѣдствій“, вполнѣ опредѣленно указалъ, что изданный административно новый законъ о воинской повинности, въ правовомъ отношеніи не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ, а въ глазахъ финляндскаго народа покажется лишь насиліемъ. Законные представители народа, какъ доказываютъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ, не ошиблись. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на самомъ „законѣ“, достаточно ясно коментированномъ во внушительномъ протестѣ-адресѣ финскаго народа, который былъ опубликованъ въ № 11 „Искры“. Мы укажемъ лишь, что въ силу этого незаконнаго постановленія были упразднены всѣ финскія войска, за исключеніемъ финскаго гвардейскаго баталіона, и что въ ближайшемъ будущемъ послѣдуютъ неограниченные закономъ призывы новобранцевъ въ русскія войска, въ которыхъ ихъ ожидаетъ обращеніе, какое подобаетъ не съ свободнымъ гражданиномъ, а жалкимъ рабомъ тирана. Всѣмъ извѣстно грубое отношеніе „всероссійскаго самодержца“ къ благородному адресу финскаго народа, покрытому 473,363 подписями: онъ въ „неизрѣченной милости“ рѣшилъ оставить этотъ могучій всенародный протестъ безъ вниманія. Такъ „милостиво“ царь отнесся къ подобному адресу финляндцевъ и всѣмъ адресамъ наиболѣе выдающихся представителей науки и искуства всей Европы 1899 г. Упомянутый адресъ прекрасно характеризуетъ взглядъ финскаго народа на преступный „законъ“, въ которомъ онъ вполнѣ справедливо лишь видитъ актъ насилія. Такое же отношеніе онъ встрѣтилъ къ себѣ со стороны многихъ пасторовъ, приходовъ, городскихъ и сельскихъ общинъ и, наконецъ, самихъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. 16 пасторовъ, не смотря на всякія угрозы и увѣщеванія епископа, наотрѣзъ отказались обнародовать въ киркахъ „законъ“ клятвопреступника; теперь эти пасторы лишены въ наказаніе своего жалованья срокомъ отъ 1 до 3 мѣсяцевъ. Прихожане въ очень многихъ церквахъ не допустили обнародованія царскаго манифеста. Особенно грандіозныхъ размѣровъ этотъ народный протестъ достигъ въ маленькомъ городкѣ Ловизѣ и въ Гельсинфорсѣ, гдѣ 3-го и 10-го (16-го и 23-го) февраля попытался прочесть „законъ“, отправленный архіепископомъ во всѣ кирки, въ которыхъ пасторы отказались исполнить беззаконіе, отставной пасторъ Хальме. Въ Гельсинфорсѣ въ эти дни самымъ возмутительнымъ и вызывающимъ образомъ вела себя полиція, схватывавшая многихъ лицъ и тащившая ихъ въ участки безъ малѣйшаго повода съ ихъ стороны. Гельсинфорскій судъ приговорилъ трехъ полицейскихъ башибузуковъ къ аресту отъ 1 до 3 мѣсяцевъ, а генералъ-губернаторъ Бобриковъ выразилъ этимъ господамъ свою особую благодарность, незаконно же занимающій постъ ньюландскаго губернатора генералъ Кайгородовъ обѣщалъ въ крайнемъ случаѣ у царя выхлопотать освобожденіе отъ наказанія. Въ нынѣшнемъ году призывъ въ видѣ особой милости царя происходитъ, по наглому увѣренію правительства, согласно съ закономъ 1878 г. но это—грубѣйшая ложь, такъ какъ многія постановленія этого закона постоянно нарушаются. Въ силу „неизрѣченной монаршей милости“ въ нынѣшнемъ году на активную военную служау будетъ принято всего 280 финляндцевъ, которые всѣ поступятъ въ финскій гвардейскій батальонъ. Подобныя облегченія „монархъ“ обѣщалъ дѣлать въ теченіе такъ называемаго переходнаго времени. Однако и „этой „льготой“ ему не удалось обмануть финскій народъ, что краснорѣчиво доказалъ, между прочимъ, отказъ городскихъ и сельскихъ общинъ (общее число которыхъ въ Финляндіи достигаетъ 513) избрать членовъ въ призывныя по воинской повинности присутствія, при чемъ не подѣйствовали угрозы губернаторовъ совершенно незаконным иштрафами. Послѣдніе прибѣгли къ такой странной мѣрѣ по секретному предписанію финляндскаго сената. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ вообще о положеніи „финляндскаго мѣстнаго правительства“. Сенатъ въ настоящее время послѣ выхода половины всего числа его членовъ въ отставку въ 1900 году вслѣдствіе отказа обнародовать беззаконные „законы“ и „Высочайшаго“ увольненія осенью 1900 г. 4 лучшихъ его членовъ, осмѣлившихся протестовать противъ царскато „закона“ о воинской повинности, состоитъ изъ людей самыхъ слабыхъ продажныхъ и даже настоящихъ измѣнниковъ. Поэтому, вполнѣ понятно съ одной стороны уступчивость сената при исполненіи различныхъ „предначертаній“ Николая II и его агентовъ въ Финляндіи, а съ другой стороны та ненависть и презрѣніе, которыя питаютъ къ Сенату всѣ честные финляндцы. Это славное учрежденіе въ угоду царю и его наглымъ сподвижникамъ пытается всячески обходить и нарушать финляндскіе законы. По инціативѣ Сената состоялось „Высочайшее“ постановленіе о дѣйствительности состава призывныхъ по воинской повинности присутствій и безъ выборныхъ общинами членовъ.

2-го (15) апрѣля наконецъ открыли свои засѣданія оригинальныя „присутствія“. Бобриковъ заручился „правомъ“ удерживать на службѣ офицеровъ и врачей упраздненныхъ финскихъ войскъ, чтобы насильно пользоваться ихъ услугами въ засѣданіяхъ этихъ присутствій. По имѣющимся за первую недѣлю свѣдѣніямъ о 40 призывныхъ присутствіяхъ, въ 8 не явилось ни одного человѣка, въ 7 общинахъ вовсе не состоялось засѣданій, въ одной общинѣ всѣ призываемые, представивъ рѣзкій писменный протестъ, удалились. Въ большую часть присутствій явился незначительный процентъ призываемыхъ. Такъ напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ изъ 870 оказалось въ присутствіи 57, при чемъ изъ студентовъ явилось 2 (одинъ сынъ сенатора Генетца), на медицинскій осмотръ прибыло всего 38; въ Таммерфорсѣ изъ 327 явилось всего 25, въ Бьернеборгѣ изъ 120—20 и т. п. Подобный процентъ явившихся замѣчался во многихъ сельскихъ общинахъ, что краснорѣчиво говоритъ о взглядѣ самого „народа“—крестьянъ.

Чтобы правительству не оказаться въ очень ужъ некрасивомъ положеніи, мудрые совѣтники самодержца научили его прибѣгнуть къ комическому манифесту, въ которомъ причины стойкаго поведенія призываемыхъ объясняются „ложными слухами“, установленный срокъ призыва удлиняется и, наконецъ, приводится курьезная угроза: „уклоненіе отъ призыва приведетъ насъ къ убѣжденію, что установившійся въ теченіе истекшаго столѣтія порядокъ управленія Финляндіею не обезпечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ“. Для такой явной лжи требуется изъ ряда выдающееся нахальство: этотъ „порядокъ“ уже 4-ый годъ самодержецъ ежедневно нарушаетъ, и на него теперь онъ сваливаетъ мнимую вину!! Отъ этого порядка уже и теперь осталось крайне немного, такъ что клятвопреступнику не въ чемъ будетъ убѣждаться. Этотъ актъ насилія до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ особеннаго эффекта въ Финляндіи. По полученнымъ свѣдѣніямъ съ 1 по 7-ое мая (нов. ст.) около 50 призывныхъ присутствій, въ которыхъ засѣданія происходили уже послѣ обнародованія манифеста отъ 7-го (20) апрѣля въ 15 присутствій никто не явился, въ 7 всѣ призываемые послѣ принесенія протестовъ демонстративно удалились, въ большей же части присутствій по прежнему являлся лишь незначительный процентъ. Правительство могло бы уже убѣдиться, что въ Финляндіи оно далеко не уйдетъ со своими беззаконіями.

Въ Гельсингфорсѣ 4-го и 5-го апрѣля происходили засѣданія „присутствій“. За отказомъ въ помѣщеніи это присутствіе открыло свои засѣданія скромно въ гарнизонномъ манежѣ и въ казармахъ гвардейскаго батальона. Въ первый день многочисленная публика выражала свое негодованіе свистками, насмѣшливыми возгласами и пр., которыми она провожала явившихся въ присутствіе. Полиція вела себя самымъ вызывающимъ образомъ. Между прочимъ, особенно отличался приговоренный судомъ къ тюрьмѣ коммисаръ Кайтокангасъ, котораго отъ ярости публики, бросавшей въ него каменьями и кусками льда, спасъ помощникъ полицмейстера Максимовъ и бравый коммисаръ пустился въ бѣгство на извозчикѣ. 5-го апрѣля снова собралась на казарменной площади многочисленная толпа, которую въ этотъ день вывела изъ терпѣнія дикая выходка одного жандарма, начавшаго безъ всякаго повода дѣйствовать шашкой. Онъ сначала поранилъ одного финскаго рабочаго, а потомъ угодилъ въ лицо упомянутому Максимову. Между тѣмъ по Гельсингфорсу распространился слухъ, что Сенатъ наканунѣ откомандировалъ въ „присутствія“ русскихъ военныхъ врачей, что является грубымъ нарушеніемъ финляндской конституціи, которая допускаетъ на финляндскія должности назначеніе однихъ финляндскихъ гражданъ. Поэтому, публика начала собираться на огромной сенатской площади и къ 3 часамъ, когда сенаторы выходятъ изъ сената, чтобы протестовать противъ поведенія этихъ измѣнниковъ. Лишь 3 сенатора осмѣлились отправиться домой. Ихъ многочисленные граждане встрѣтили свисттами и криками. Толпа между тѣмъ быстро росла. На Сенатской площади полиція съ полицмейстеромъ крайне темной личностью. Карлстедтомъ во главѣ, лишь раздражала публику, не перестававшую свистать и кричать. На увѣщанія Карлстедта „во имя государственнаго закона“ разойтись раздались крики: „у насъ нѣтъ больше закона!“ Не имѣли успѣха и нападенія полиціи съ шашками наголо на публику, встрѣтившую ее каменьями и снѣжками. Около 4-хъ часовъ вдругъ прибыла сотня Оренбургскихъ казаковъ, вызванная губернаторомъ Кайгородовымъ. Мы не будемъ подробно описывать всѣ безчинства храбрыхъ воиновъ, избивавшихъ нагайками безоружныхъ людей съ нѣкоторыми перерывами до 9 часовъ вечера. Кайгородовъ, сидѣвшій верхомъ на лошади и окруженный нѣсколькими русскими офицерами также на лошадяхъ, руководилъ этимъ побоищемъ. Казаки, по своему обыкновенію, били всѣхъ подвернувшихся имъ людей: они избили многихъ женщинъ и дѣтей, сгоняли публику нагайками со ступеней Николаевскаго собора, университета и памятника Александра III; они съ особымъ рвеніемъ истязали сбитыхъ ими съ ногъ людей, которые уже не могли обороняться. Многіе казаки даже преслѣдовали со своими нагайками лицъ, спасавшихся въ какія-либо зданія, и здѣсь продолжали свои подвиги. На просьбы нѣкоторыхъ уважаемыхъ гражданъ отослать казаковъ, Кайгородовъ давалъ самые циническіе отвѣты и, между прочимъ, сваливалъ всю вину на какого-то сенатора, вызвавшаго будто-бы казаковъ. Пока мы оставляемъ вопросъ открытымъ, виновны ли какіе либо сенаторы непосредственно въ избіеніи мирныхъ гражданъ. Избитыхъ 5-го апрѣля очень много. Въ хирургическую клинику въ этотъ день обратилось 13 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ тяжело раненъ; многимъ же оказали медицинскую помощь частные врачи. Изъ „блюстителей порядка“ также ранено нѣсколько человѣкъ. Всѣ звѣрства казаковъ не могли удалить публику, которая добровольно разошлась лишь послѣ отзыва опричниковъ. Кайгородовъ вызвалъ, кромѣ казаковъ, вечеромъ 4 роты войска, которыя, однако, не были пущены въ ходъ. Возмутительная тактика губернатора, разумѣется, не могла водворить порядка въ странѣ, въ которой до послѣдняго времени всѣ граждане сами поддерживали образцовый порядокъ. Въ слѣдующіе за 5 апрѣля дни порядокъ былъ водворенъ увѣщаніями уполномоченныхъ и другихъ гражданъ, а отнюдь не угрозой Кайгородова и безсмысленнымъ вызовомъ войскъ изъ другихъ городовъ. Органъ генералъ-губернатора поспѣшилъ опубликовать ложныя „оффиціальныя„ сообщенія объ этихъ событіяхъ; также во многихъ иностранныхъ газетахъ появились, благодаря стараніямъ г.г. обрусителей, самыя нелѣпыя извѣстія. Любовь финляндцевъ къ порядку доказываетъ лучше всего слѣдующій фактъ: по предложенію городскихъ уполномоченныхъ, вызвались охранять порядокъ сотни студентовъ и рабочихъ, сумѣвшихъ водворить безъ оружія самый примѣрный порядокъ въ ночь на русскую пасху. Столкновенія публики съ полиціей по поводу засѣданій беззаконныхъ присутствій произошли въ двухъ-трехъ другихъ городахъ, но окончились довольно мирно, такъ какъ губернаторы тамъ не выводили своимъ нахальствомъ изъ терпѣнія гражданъ, какъ дѣлалъ Кайгородовъ. Въ демонстраціяхъ принималъ участіе самъ „народъ“, а отнюдь не одна лишь интеллигенція, которая, по нахальнымъ увѣреніямъ русскаго правительства, одна будто бы только недовольна новыми порядками, тогда какъ низшіе классы будто бы благодарны монарху. Изложенныя нами событія превосходно доказываютъ необходимость постоянной, самой упорной борьбы съ самодержавіемъ за политическую свободу, которую оно всячески старается уничтожить въ свободной до сихъ поръ Финляндіи. Послѣднія финляндскія событія призываютъ всѣхъ русскихъ гражданъ къ быстрому сверженію позорнаго ига деспотизма, старающагося задушить проявленіе всякой свободной мысли и всякаго свободнаго слова.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ПЕРВОЕ МАЯ 1902 Г.

Первые шаги.

(Письмо рабочаго о демонстраціи въ Баку).

Мы, бакинскіе рабочіе, чтобы не отстать отъ рабочихъ другихъ городовъ, сообща рѣшили сдѣлать первый шагъ къ святому дѣлу. Но въ виду того, что наши товарищи еще не такъ сплочены, т. е. наша организація еще очень слаба, у насъ возникъ вопросъ: быть или не быть? Мнѣнія рабочихъ были различны. Одни, напр., говорили: „если будемъ праздновать открыто, то безъ арестовъ дѣло не обойдется, и наши лучшія силы пропадутъ; тогда наше движеніе пріостановится. Не лучше ли намъ продолжать по прежнему тайную пропаганду и агитацію, пока движеніе наше усилится и глубоко пуститъ корни? Тогда и мы, какъ наши братья другихъ городовъ, смѣло выступимъ, открыто заявляя наши силы.“ Другіе совѣтовали собрать массу и пойти на поле праздновать тайно, чтобы не отстать отъ другихъ городовъ. Но тутъ намъ вспомнился отвѣтъ декабристовъ Пушкину: „Изъ искры возгорится пламя“... Но для того, чтобы возгорѣлось сильное пламя, нужно, чтобы наши искры разлетѣлись по всему городу, чтобы сразу вспыхнулъ большой огонь. Такъ какъ открытое празднованіе станетъ извѣстно всему городу, то безъ сомнѣнія, наши искорки западутъ не только въ души рабочихъ, но и въ души всѣхъ гражданъ нашего города (какъ потомъ и оказалось). Тутъ мы рѣшили: „быть“. Стали не жалѣть силъ и времени, устраивать массовыя собранія и вести пропаганду, говорить по поводу открытаго празднованія 1-го мая. Рѣшено и сдѣлано! Но вотъ наступилъ назначенный день 21-го апрѣля! Всѣ съ охотой явились на назначенное мѣсто. Каждый въ отдѣльности поднималъ голову и глазами чего-то искалъ вверху. А сердце такъ жмется отъ радости, что вотъ настанетъ минута, когда мы будемъ чувствовать себя героями святаго дѣла и мы сможемъ сказать, что это нашъ праздникъ, и что это знамя тоже наше. А вотъ и то, что такъ жадно искали наши глаза — это наши сигнальные шары! Каждый, кто только увидѣлъ шары, сейчасъ бѣжалъ къ назначенному мѣсту, а нашъ бравый знаменосецъ быдъ настолько разгоряченъ, кровь въ немъ такъ закипѣла, что онъ даже не вытерпѣлъ и минутъ на пять раньше, чѣмъ пустили третій шаръ, развернулъ знамя гордо и смѣло и произнесъ: „Товарищи! Сегодня великій праздникъ, въ который мы выступаемъ противъ неправды, невѣжества и нищеты! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Я долженъ замѣтить, что около знаменосца было всего человѣкъ 8—10, изъ которыхъ трое разбрасывали маленькія прокламаціи, въ которыхъ были написаны требованія: „Свобода, 8-ми часовой рабочій день“ и т. п. Разбрасывая листки, всѣ крикнули: „Ура!“ На ихъ крикъ раздался по всѣмъ улицамъ отвѣтъ „ура“! „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Со всѣхъ улицъ громадной толпой пустились бѣжать къ „парапету“, гдѣ знамя гордо развѣвалось. Постовой городовой, увидя это, до того испугался, что не зналъ, что дѣлать: отнять ли знамя или убѣжать, и какъ бѣшеный, метался во всѣ стороны и какъ разъ попалъ въ толпу демонстрантовъ. Когда онъ вырвался, онъ побѣжалъ безъ оглядки, желтый, какъ мертвецъ. Приставъ же, который здѣсь стоялъ для охраны, помчался, неизвѣстно куда. А демонстранты все прибавляются и прибавляются, а ура все усиливается и усиливается. Съ громкимъ крикомъ „ура“ мы двигались вокругъ парапета, къ назначенному мѣсту; но какъ только хотѣли завернуть на Николаевскую улицу, мимо насъ проѣхали: полицмейстеръ, его помощникъ и приставъ. Молча направились они туда же, куда и мы. Но мы начали имъ угрожать кулаками съ крикомъ: „долой самодержавіе, долой полицію, долой собакъ“! А толпа тысячная кричитъ „ура“! Это ихъ задѣло, какъ видно, за живое, и они соскочили съ извозчика и подошли къ намъ, блѣдные, какъ мертвецы, они тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Приставъ заговорилъ телячьимъ голосомъ: „Что вы хотите?“ а полицмейстеръ заревѣлъ какъ быкъ — „разойтись!“ Но товарищи не пали духомъ и угрожали палками — „Долой самодержавіе! Долой полицію!“ а я подошелъ къ знаменоносцу и говорю: „товарищи, бросьте собакъ и вернемся обратно.“ Такъ и было: „ура“ усиливается все больше и больше. Появилась учащаяся молодежь, пожилые и дѣти съ крикомъ „ура! Да здравствуетъ свобода!“ На крышахъ и балконахъ появились люди разныхъ сословій, толстобрюхіе и т. п. господа. Мы имъ угрожали кулаками и криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“ Но съ балконовъ и крышъ эти толстобрюхіе сочувственно отвѣтили: — „Да здравствуетъ, да здравствуетъ!“ Всѣ проходящіе съ сіяющими лицами кричали: — молодцы, молодцы! Держитесь дружно! Не робѣйте! и т. д.

Такъ мы дошли до того самаго мѣста, гдѣ начали, но тутъ опять тѣ же собаки начали кричать — „разойтись“. Мы не противились и сейчасъ же направились по Татарской улицѣ къ гимназіи; за нами бѣжала вся толпа съ криками „ура“, а знаменосецъ тутъ же сложилъ знамя и ушелъ домой. Были два маленькихъ флага: ихъ несъ какой-то мальчикъ 10-ти лѣтъ, и когда приставъ подошелъ къ нему и хотѣлъ отнять, онъ крикнулъ: „долой собакъ, подлецовъ!“ и, спрятавъ въ карманъ флаги, побѣжалъ. Я забылъ замѣтить, что когда полицмейстеръ спросилъ, что мы хотимъ, одинъ рабочій подскочилъ къ нему, развернулъ флагъ и показалъ ему, что мы хотимъ. Всю дорогу держалъ онъ знамя, чтобы вѣтеръ не скручивалъ его, такъ, что мы минутъ 20 ходили со знаменемъ, а на Гимназической мы стояли также минутъ 20 или больше (но безъ знамени) и кричали „ура“. Хотѣли пѣть, но у насъ ужъ силъ не было. Одинъ грузинъ началъ танцовать, и всѣ хлопали руками, а когда приставъ прибѣжалъ, то его освистали и прогнали. Ни одной улицы не было, чтобы не была полна народу. На крышахъ и балконахъ кричали: долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода! и т. д. Ни одинъ ребенокъ не остался дома. Всѣ повыходили изъ домовъ. Народу было около 5,000, такъ, что крики и мертвыхъ могли бы поднять... Мнѣ невольно вспомнилась французская революція...

Постоявъ около $^1/_2$ часа близъ гимназіи, мы начали расходиться, довольные тѣмъ, что маленькая искра дѣйствительно разгорѣлась, и весь городъ закипѣлъ, зашумѣлъ...

Успѣли арестовать одного рабочаго, но парень, какъ говорится, не промахъ: будучи уже въ рукахъ злодѣевъ, самъ себѣ далъ свободу, т. е. поколотилъ двухъ городовыхъ, вырвался и удралъ. Кромѣ этого на мѣстѣ демонстраціи арестовъ не было. Потомъ мы опять всѣ направились къ парапету въ качествѣ зритлей; и нашимъ глазамъ представилось небывалое зрѣлище: громадная толпа, солдаты, казаки, вся бакинская полиція, флотскіе солдаты, пожарная команда и много разныхъ собакъ. Полицмейстеръ, какъ бѣшеный, бѣжитъ то туда, то сюда, не зная что дѣлать? разогнать ли толпу или самому уйти? а жандармскій песъ нюхалъ всюду, авось найдется добыча, но не тутъ-то было. Брандмейстеръ командовалъ пожарнымъ, а казаки уже по доброй волѣ просили публику: „разойдитесь, пожалуйста“. Разошлись не скоро. Теперь многіе рабочіе просятъ дать имъ такихъ людей, которые бы имъ разъяснили ихъ положеніе. Многіе съ нетерпѣніемъ ждутъ новой демонстраціи, и слова нашего великаго учителя Маркса: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ запечатлѣлись въ душахъ всѣхъ рабочихъ, такъ что теперь всякій говоритъ, что только „первый шагъ“ труденъ былъ, а теперь будемъ шагать прямо и смѣло! и вездѣ, гдѣ мы только будемъ, тамъ и забросимъ искру, а отъ искры возгорится пламя. Теперь я вижу, что невозможнаго нѣтъ. Когда мнѣ кто нибудь бывало скажетъ: „что мы маленькіе люди можемъ сдѣлать?„ я всегда отвѣчалъ, что изъ маленькаго зерна выростаетъ большое дерево. Теперь я вижу передъ собой, что только недавно было заброшено маленькое зерно, а теперь у насъ выросло могучее дерево; и вотъ ужъ даже нѣкоторые пользуются готовыми плодами, въ видѣ удачныхъ забастовокъ. Теперь только остается пожелать всѣмъ товарищамъ всей Россіи, начиная съ перваго шага и на всю жизнь выступать твердо и смѣло и показать всѣмъ врагамъ нашимъ, что нашу семью никто не можетъ искоренить, а наоборотъ, кто захочетъ искоренить нашу семью, тотъ останется въ дуракахъ, потому что — пролетаріи всѣхъ странъ соединились.

Харьковъ. Майская демонстрація у насъ не осуществилась, что и можно было ожидать, такъ какъ массовые аресты въ значительной степени подорвали силы партіи. За послѣдніе 2-3 мѣсяца было арестовано свыше 100 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, день 1-го Мая ознаменовался волненіями на паровозостроительномъ заводѣ, хотя непродолжительными, но принявшими довольно обостренную форму. Дѣло обстояло такъ. Организованные рабочіе выработали на предварительныхъ собраніяхъ два плана дѣйствій.

1) Собравшись утромъ у воротъ завода, не пускать на работу.

2) Собравшись въ верхней части снаряднаго цеха, господствующей надъ частью завода, объявить рабочимъ, чтобы они бросали работу и запѣть революціонныя пѣсни.

Оба эти проэкта, вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ, остались неосуществленными. Въ обычное время рабочіе спокойно стали на работу, но уже около 9-ти часовъ въ сборномъ цехѣ началось сильное броженіе: со всѣхъ сторонъ послышались протесты, работа бросалась, раздалось пѣніе дубинушки... Человѣкъ 15-20 отправились изъ сборнаго цеха въ котельный, чтобы тамъ поднять волненіе. Первый изъ нихъ, значительно опередившій своихъ товарищей, обратился къ котельнымъ рабочимъ съ требованіемъ бросить работу. Тогда мастеръ крикнулъ: „бейте этого мерзавца“. Нѣсколько заводскихъ холоповъ бросились на него, но онъ былъ быстро освобожденъ подоспѣвшими товарищами. Мастеръ Булгаковъ, не пользующійся популярностью среди рабочихъ, въ надеждѣ прекратить безпорядокъ, обратился къ нимъ съ увѣщеваніями и угрозами, но брошенной кѣмъ-то гайкой былъ довольно серьезно раненъ въ голову. Черезъ нѣсколько минутъ котельный цехъ уже не работалъ, а черезъ полчаса была прекращена работа на всемъ заводѣ. Всѣ рабочіе вышли на заводской дворъ. Нарядъ полиціи, пытавшійся водворить порядокъ, былъ быстро разсѣянъ разбушевавшейся толпой. Вскорѣ на мѣсто дѣйствія прибылъ отрядъ казаковъ; съ большимъ трудомъ удалось ему пробиться во дворъ и оттѣснить рабочихъ обратно въ заводъ, но здѣсь казаковъ встрѣтилъ такой градъ гаекъ и заклепокъ, что они принуждены были отступить. Одинъ казачій офицеръ и нѣсколько казаковъ получили тяжелые ушибы. Работники опять заняли дворъ. Наконецъ, появился губернаторъ свѣтлѣйшій князь Оболенскій, пріобрѣвшій всероссійскую извѣстность варварской расправой съ крестьянами Валковскаго уѣзда. Онъ произнесъ краткую, но вразумительную рѣчь, въ которой рабочимъ „ставилъ на видъ“, что во ввѣренномъ ему городѣ онъ не потерпитъ подобныхъ безчинствъ, что его трудно запугать, что въ крайнемъ случаѣ онъ соберетъ не только все Харьковское войско, но призоветъ войска со всей Россіи... Въ заключеніе онъ предложилъ рабочимъ изложить ихъ требованія. Но они на столь милостивое предложеніе отвѣтили глубокимъ молчаніемъ. Губернаторъ постоялъ, помолчалъ и уѣхалъ, а работники разбрелись по домамъ. Послѣ обѣда многіе изъ нихъ, подъ прикрытіемъ войскъ, разставленныхъ вокругъ завода, пошли опять на работу; такъ что къ вечеру работало громадное большинство. Этимъ и закончились безпорядки. Говорятъ, что за заводомъ стоялъ отрядъ казаковъ съ розгами. По „нонѣшнимъ“ временамъ этому не трудно повѣрить.

Ростовъ на Дону 25-го мая 1902 г.

Наше рабочее движеніе растетъ и ширится, несмотря на то, что въ этомъ году кризисъ сильно задержалъ ростъ его.

6-го мая прошлаго года начали сокращать количество рабочихъ на мѣстныхъ заводахъ, и въ первую голову, конечно, разсчитывались сознательные рабочіе, какъ неудобный элементъ, отъ котораго всегда стремятся избавиться хозяева и мастера. Благодаря кризису, Донской комитетъ лишился 60—70 процентовъ съорганизованныхъ рабочихъ. На ихъ мѣста явились уже новые, хотя пока еще въ меньшемъ количествѣ. Тѣмъ не менѣе движеніе по размѣрамъ превзошло прошлогоднее. Были устроены двѣ демонстраціи (19-го февраля на Садовой улицѣ и 30-го марта въ театрѣ); попытка устроить демонстрацію 18-го апрѣля окончилась неудачей.

Прокламацій распространялось огромное количество. За послѣднее время выпущены: 22-го марта — о значеніи демонстраціи (1,300 шт. печатныхъ); 30-го марта — 300 прокламацій и 600—700 билетиковъ съ надписями „Долой самодержавіе,“ „Да здравствуетъ политическая свобода! „Долой Обмановыхъ“; 5-го апрѣля — на смерть Сипягина (100 шт.; эти же прокламаціи раздавались по церквамъ въ ночь подъ пасху;) 9 и 10 распространялись майскія брошюрки и прокламаціи. Выпущено 1,000 брошюрокъ (перепечатано съ измѣненіями и дополненіями изд. Южнаго Рабочаго 1901 г. о значеніи перваго мая и отрывокъ изъ исторіи австрійскаго рабочаго движенія) и 2,500 прокламацій; 18-го апрѣля распространены майскія прокламаціи въ новой редакціи — 2,000 шт. и 700 плакатовъ съ призывами къ демонстраціи; 26-го апрѣля распространены прокламаціи Центральнаго Комитета — около 1,000 шт.; 3-го мая 1,000 шт. прокламацій партіи (изд. „Искры“). Кромѣ того получено 1,000 „Сонъ подъ первое мая“, но по конспиративнымъ условіямъ не могли быть распространены. Запоздали и потому не были распространены майскія прокламаціи изд. „Южнаго Рабочаго“ въ количествѣ свыше 3,000 шт.; 9-го мая распространено въ обществѣ и къ рабочимъ 2,000 прокламацій на смерть Балмашева. Благодаря такому обилію прокламацій, настроеніе во всѣхъ слояхъ общества было тревожно выжидательное. Этому также способствовали принятыя полиціей и жандармами мѣры. Аресты и обыски шли безпрерывно; на заводахъ по ночамъ оставлялись спеціальные сторожа для ловли распространителей прокламацій. У заподозрѣнныхъ рабочихъ по ночамъ взламывали станки и ящики, разыскивая тамъ прокламаціи. На вокзалѣ ж. д. нѣсколькихъ человѣкъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ арестовывали, обыскивали, записывали адреса и отпускали съ миромъ. Всѣ посылки осматривались жандармами; многія вскрывались въ тщетныхъ поискахъ транспортовъ нелегальной литературы. Наряды полицейскіе были усилены, шпіоновъ расплодилось, что навозныхъ мухъ. 14-го апрѣля на помощь мѣстной казачьей сотнѣ (173 ч.) прибыли казаки Новочеркасскаго гарнизона. Казаки эти въ полномъ вооруженіи съ пиками, ружьями, саблями и нагайками, въ теченіе трехъ дней разъѣзжали съ пѣснями по городу, терроризируя этимъ населеніе. Кромѣ конныхъ, пѣшая казачья сотня и солдаты мѣстной конвойной команды въ теченіе нѣсколькихъ дней стояли въ казармахъ въ полной боевой готовности. 18-го на демонстрацію явилось человѣкъ 500 рабочихъ; толпа собралась тысячъ въ 7-8, вся Ростово-Нахичеванская полиція и жандармерія была тутъ-же въ полномъ сборѣ. Но демонстрація не удалась, къ величайшему изумленію всѣхъ собравшихся.

Трудно объяснить эту неудачу. Донской Комитетъ 22-го апрѣля устроилъ спеціальную большую сходку рабочихъ для выясненія причинъ неудачи, но и она мало выяснила этотъ печальный случай. Дѣло въ томъ, что по конспиративнымъ соображеніямъ очень ограниченное число лицъ знало планъ демонстраціи, что вызвало сильное замѣшательство, которое особенно усиливалось тѣмъ, что густая толпа гуляющихъ мѣшала свободному движенію и въ ней организованные рабочіе съ большимъ трудомъ находили другъ-друга. Первая группа демонстрантовъ очень хорошо начала, пропѣвъ куплетъ марсельезы и за тѣмъ, по условію, разсѣялась. Вторая же группа, долженствовавшая начать на другомъ концѣ улицы, по непонятной и не выясненной причинѣ своевременно не начала и потомъ не могла начать, такъ какъ не успѣвало сойтись 15—20 рабочихъ, какъ среди нихъ появлялось нѣсколько полицейскихъ, при которыхъ начинать было невозможно. Наконецъ уже въ новомъ мѣстѣ рабочіе подняли знамя. Но къ нему моментально подбѣжалъ шпіонъ и перервалъ его. Въ суматохѣ его приняли за „своего“, расправляющаго знамя. Шпіонъ безнаказанно удралъ, а остатки знамени были разодраны уже на рукахъ у полиціи. Случай этотъ произвелъ прямо таки ошеломляющее впечатлѣніе. Итакъ проявленіе политическаго недовольства у нашихъ рабочихъ задушили, но надолго ли?

Пока что полиція неистовствуетъ, охраняя гнилыя основы самодержавія. 5-го мая, напримѣръ, у театра собралась публика устроить овацію отъѣзжающему гастролеру Баттистини. Полиція начала разгонять собравшихся и вызвала конныхъ казаковъ. Казаки, между прочимъ, ни за что, ни про что, жестоко исколотили одного извозчика. Вокругъ города до сихъ поръ разъѣзжаютъ верховые, выискивая, не грозитъ ли что полицейскому произволу. Между прочимъ, полиціей было запрещено устройство каруселей и балагановъ за городомъ на такъ называемой „зеленой балкѣ“, что существовало издавна.

Прокламаціи Донского Комитета въ этомъ году распространялись, помимо Ростова и Нахичевани, въ Таганрогѣ, Новочеркасскѣ, заводѣ Пастухова при ст. Сулинъ, въ Александровскѣ-Грушевскомъ и окружающихъ его шахтахъ, Новороссійскѣ и Армавирѣ. Вездѣ прокламаціи вызывали, по большей части, восторженный пріемъ. Шахтари, среди которыхъ прокламаціи появились впервые, собрали между собою нѣсколько рублей на покупку „писемъ“. Въ Сулинѣ рабочіе собирались группами, читали прокламаціи и кричали „ура“. Обезпокоенный этимъ директоръ завода собралъ рабочихъ и произнесъ имъ приблизительно слѣдующую рѣчь: „Вотъ господа, въ послѣднее время вы ведете себя очень нехорошо, и отъ этого чрезвычайно огорчается хозяинъ нашъ. То вы заводъ били, а теперь читаете эти подлыя прокламаціи. Отъ этого хозяинъ нашъ дошелъ до такого огорченія, что сказалъ: „пускай они всѣ передохнутъ — я закрою заводъ, разъ они меня не цѣнятъ. Вотъ видите, до чего васъ доведутъ нѣкоторые подлецы подстрекатели. Давайте подписку, что больше у насъ ни бунтовъ, ни прокламацій не будетъ. Станемъ жить мирно и выгонять тѣхъ подлецовъ, которые мутятъ“. Въ это время кто-то, должно быть изъ „подлецовъ“, свистнулъ и толпа перестала внимать словамъ директора. Начались крики, вспоминали разныя несправедливости и браковку работы, изъ-за чего недавно бунтъ былъ. Дѣло чуть не закончилось новымъ битьемъ квартиръ администраціи.

Итакъ, несмотря на неудачу 18-го апрѣля, мы вступаемъ въ новый годъ существованія съ глубокой вѣрой въ свои силы и въ близкій конецъ ненавистнаго самодержавія.

Крымъ. Изъ Ялты сообщаютъ, что 1-го мая тамъ появились социаль-демократическія прокламаціи, обращенныя къ ялтинскимъ рабочимъ. Прокламаціи эти въ большомъ количествѣ были распространены по городу, рабочимъ слободкамъ и въ окрестныхъ царскихъ имѣніяхъ. Такимъ образомъ, еслибы всероссійскій недоросль Ника-Милуша находился теперь въ Крыму, онъ могъ бы съ ужасомъ найти у себя во дворцѣ свободное соціальдемократическое слово. Мѣстные обыватели говорятъ, что въ Ялтѣ соціальдемократическія прокламаціи появились впервые. Прокламаціи эти были составлены въ высшей степени популярно и разсчитаны на распространеніе въ массѣ. Характеръ они носили соціалистическій съ рѣзко выраженной политической окраской. Ялтинская полиція цѣлый день рыскала по городу и слободкамъ, съ трудомъ срывая крѣпко приклеенныя прокламаціи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней улицы Ялты кишѣли полицейщиной. Квартирующій въ Ливадіи (имѣніе царя) батальонъ былъ „на готовѣ“, въ ночь предшествовавшую 1-е мая по городу ходили солдатскіе патрули. Словомъ, царскіе холопы усердно старались подавить и запугать словно съ неба упавшую „крамолу“.

Прокламаціи произвели въ Ялтѣ громадный шумъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней всюду только и слышны были разговоры на эту тему. Многочисленные Ялтинскіе шпіоны шныряли по базарамъ, трактирамъ и т. д., прислушивались къ разговорамъ рабочихъ и арестовывали десятками тѣхъ, кто выражалъ сочувствіе прокламаціямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней было арестовано 60 рабочихъ, но въ результатѣ полиція осталась, конечно, съ носомъ, и постепенно всѣ рабочіе были ею освобождены за полнымъ отсутствіемъ уликъ. Вѣдь нельзя же даже въ Россіи запрещать уличные разговоры на тему, интересующую весь городъ.

Желая вызвать среди мѣстнаго общества отрицательное отношеніе къ прокламціямъ, Ялтинскіе полицейскіе, шпіоны и жандармы начали распускать по городу слухъ, будто прокламаціи призывали къ грабежамъ, разгрому домовъ и магазиновъ и т. д. Эта гнусная выдумка подлыхъ царскихъ опричниковъ имѣла небольшой успѣхъ среди нѣкоторыхъ слоевъ буржуазіи, совершенно еще „невмѣняемыхъ“ въ политическомъ отношеніи. Но въ общемъ ялтинское общество, конечно, не повѣрило нелѣпой сказкѣ полицейскаго участка. Впрочемъ, полицейскій участокъ самъ поспѣшилъ опровергнуть свою глупую выдумку, набросившись съ обысками не на „грабителей“, а на Ялтинскую интеллигенцію.

Да, Ялтинскіе холопы всероссійскаго хана! Вы лишній разъ доказали воочію, что не мы, соціальдемократы, борющіеся за свободу и счастье угнетеннаго человѣчества, а вы, царскіе коршуны, вы, царскіе башибузуки, занимаетесь ночными грабежами и разбоями. Это вы втеченіе двухъ недѣль держали Ялту въ осадѣ, вы врывались по ночамъ въ квартиры мирныхъ Ялтинскихъ гражданъ, нарушая неприкосновенность семейнаго очага, залѣзая своими грязными продажными лапами въ святая святыхъ личной жизни человѣка, читая самыя интимныя письма, оскверняя самые дорогіе сувениры. Вы — разбойники, вы — грабители, вы — святотатцы!

Полицейско-жандармская сволочь произвела въ Ялтѣ цѣлый рядъ обысковъ: у Алексина (врачъ), у Гондарева (студентъ), у Петрова (рабочій), у Ветютиневой (земская фельдшерица), у Алексѣева (рабочій), у Бѣльцова (городской лаборантъ), у Рудина (художникъ), въ городской лабораторіи, въ помѣщеніи малярной артели и на квартирахъ всѣхъ рабочихъ, имѣющихъ отношеніе къ этой артели. Обыскъ увѣнчался успѣхомъ только у одного лица — у Рудина. Но какой это былъ оригинальный успѣхъ! Царскіе холопы нашли дневникъ, въ которомъ художникъ отмѣтилъ, что видѣлъ царя Николая и что у царя очень глупая и пошлая морда... Этотъ дневникъ взятъ въ жандармское управленіе, вѣроятно для нагляднаго доказательства того, что даже художники стали на Руси неблагонамѣренными!...

Объ успѣхахъ прокламаціи среди рабочихъ не будемъ распространяться по причинамъ конспиративнаго свойства. Отмѣтимъ лишь, что въ нѣкоторыхъ мастерскихъ 1-го мая работы были брошены. Ялтинское общество, испытавъ на себѣ весь ужасъ того произвола, который господствуетъ на Руси, справедливо негодуетъ на безобразія царскихъ башибузуковъ, нарушающихъ ночной покой гражданъ.

Что же гг. Ялтинцы, докажите свое негодованіе дѣломъ! Если вы не можете принять активное участіе въ революціонной борьбѣ съ гнуснымъ царизмомъ, этимъ наслѣдіемъ золотой орды, оказывайте помощь посильную, давайте адреса для конспиративныхъ цѣлей, давайте для тѣхъ же цѣлей квартиры, дѣлайте пожертвованія и сборы среди знакомыхъ! эти деньги пойдутъ на устройство тайныхъ типографій, на изданія свободнаго революціоннаго слова, на улучшеніе революціонныхъ сношеній между городами и поддержку тѣхъ борцовъ, что выбыли изъ строя и томятся въ царскихъ тюрьмахъ.

Докажите свою политическую зрѣлость! Пріобщитесь къ великому дѣлу свободы!

Шосткенскій пороховой заводъ. Черниговской губерніи. Выпущены мѣстной рабочей организаціей 3 прокламаціи мѣстнаго и общаго характера. Начальство въ смятеніи. На страстной вызванъ, помимо имѣющагося тамъ батальона солдатъ, еще батальонъ. Настроеніе рабочихъ возбужденное. Стрѣляли въ завѣдомаго негодяя — мастера Криворученко. Арестовъ не было. Открытый характеръ организованное движеніе приняло впервые. Всего въ мѣстечкѣ жителей около 8,000 человѣкъ.

Двинскъ. 16-го апрѣля вечеромъ была демонстрація въ Двинскѣ. Началась отъ дома реальнаго училища и двигалась безпрепятственно по направленію къ синагогѣ. Полиція и войска были отвлечены на другую улицу. Принимало участіе около 3,000 человѣкъ, среди нихъ около 200 — 300 христіанъ (прошлый годъ около 2—3 десятковъ) главнымъ образомъ желѣзнодорожные рабочіе. Шествіе продолжалось около 8 мин. Было одно красное знамя съ надписями: „Да здравствуетъ демократическая конституція,“ „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ 1-е мая“! У синагоги толпу разсѣяли. Скрывшіеся въ синагогу были арестованы (около 30 челов.) вмѣстѣ съ находившимися тамъ стариками. Всего арестовано около 100 человѣкъ. Широкая публика отнеслась сочувственно. Выпущена прокламація на 3 языкахъ (жаргонѣ, польскомъ и русскомъ).

Саратовъ. 5-го мая у насъ произошла демонстрація — явленіе до сихъ поръ здѣсь невиданное, породившее много разговоровъ, часто самыхъ нелѣпыхъ. У обывателя еще живо воспоминаніе о бывшемъ здѣсь въ 91 году холерномъ бунтѣ, и потому, первое чувство, охватившее его, было паника. Всетаки эту демонстрацію нельзя назвать неудачной. Демонстрантамъ удалось пройти съ развернутыми знаменами довольно значительное пространство, и знамена развѣвались, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 20 минутъ. За нѣсколько дней до демонстраціи были распространены майскіе листки Россійск. Соц.-дем. Рабочей Партіи, а также соціалистовъ-революціонеровъ въ большомъ количествѣ, а наканунѣ — призывныя съ требованіями 8-ми часоваго рабочаго дня, политической свободы и отмѣны постоянной арміи, выпущенныя сообща мѣстнымъ соц-дем. комитетомъ, объединенной группой соц.-дем. и соц.- революц. и соц.-демократическимъ ремесленнымъ „союзомъ, приглашающія на демонстрацію къ 12 часамъ 5-го мая на Соборную площадь. Наканунѣ была выпущена мѣстнымъ „Комитетомъ сношеній“ прокламація по поводу казни Балмашева: „Казнь Балмашева“. Полиція, конечно, знала о готовящейся демонстраціи и приняла соотвѣтствующія мѣры: во дворахъ Соборной площади и Нѣмецкой улицы была спрятана конная и пѣшая (большей частью переодѣтая — это фактъ, потвержденный многими лицами) полиція, войска также были наготовѣ. Но демонстранты очень ловко провели полицію. Вмѣсто назначенной Соборной площади, они собрались на Верхнемъ базарѣ, гдѣ ихъ никто не ожидалъ. Полиція здѣсь была представлена лишь въ лицѣ одного околоточнаго и одного полицейскаго. Правда, кое гдѣ виднѣлись подозрительныя рожи шпіоновъ. Около половины перваго кучка демонстрантовъ незамѣтно сгруппировалась и выкинула два красныхъ знамени, одно съ надписью: „8-ми часовой рабочій день! Да здравствуетъ соціализмъ!“ На другомъ знамени надпись не разобрала. Какъ только были выброшены знамена, кто-то крикнулъ: Долой самодержавіе, раздался пронзительный свистъ (это шпіоны перекликнулись между собой), крикъ: „бунтъ“, торговки подхватили свои лотки и моментально разбѣжались въ разныя стороны. На минуту посреди почти опустѣвшаго базара осталась небольшая (человѣкъ въ 30) кучка демонстрантовъ. Но это продолжалось лишь нѣсколько мгновеній, скоро публика стала прибывать и демонстранты, уже значительной толпой, двинулись, пересѣкши Московскую улицу, на Театральную площадь. Полиція была застигнута врасплохъ и не знала, что предпринять, единственный городовой растерянно шелъ рядомъ съ демонстрантами. На Театральной площади было выброшено черное знамя съ надписью бѣлыми буквами: „Балмашевъ казненъ, вѣчная память герою! Долой палачей!“ Демонстранты благополучно пересѣкли Театральную площадь, прошли по Александровской улицѣ, и лишь когда завернули на Нѣмецкую улицу по направлонію къ Соборной площади, на нихъ бросилась изъ дворовъ переодѣтая полиція, солдаты, шпіоны, а также добровольцы изъ обывателей Произошла ужасная свалка. Впечатлѣніе получалось такое, будто происходитъ драка среди самой публики, такъ какъ полиція въ „формѣ“ дѣйствовала довольно корректно, избіеніемъ же занималась, главнымъ образомъ, переодѣтая полиція и шпіоны. Арестовывали по указанію шпіоновъ лицъ имъ раньше извѣстныхъ „своимъ неблагонадежнымъ поведеніемъ“, а также всякаго, возмущавшагося этимъ безобразнымъ избіеніемъ. При этомъ арестовано нѣсколько обывателей. Изъ демонстрантовъ сильно избито душъ 7, нѣкоторые изъ нихъ съ сильными поврежденіями. Полиціи тоже порядочно досталось. Кучку демонстрантовъ, человѣкъ въ 50, оцѣпили и заперли во дворѣ. Когда на Театральной площади уже не было никого изъ демонстрантовъ туда прибыли войска и грозно выстроились по обѣ стороны площади. Прибыли войска и на Нѣмецкую улицу; сюда же явились полицмейстеръ и губернаторъ. Часа въ три арестованныхъ перевели въ часть на Ильинскую улицу, а ночью въ тюрьму. Публика во множествѣ, но молча провожала демонстрантовъ. Кое-гдѣ привѣтливо махали платками и раздавалось слабое ура. Чаще всего на лицахъ замѣчалось любопытство и недоумѣніе. 6-го утромъ число арестованныхъ равнялось приблизительно 68 человѣкъ. 2-хъ или 3-хъ выпустили на другой день.

Жандармы особенно доискивались знаменоносцевъ, но, очевидно, на этотъ счетъ у нихъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, такъ какъ они чуть ли не каждому арестованному предъявляютъ подобное обвиненіе, даже случайно попавшимъ, не принимавшимъ участія въ демонстраціи. Не смотря на свои небольшіе размѣры (благодаря приглашенію на Соборную площадь, не всѣ демонстранты попали на Верхній базаръ), демонстрація произвела большое впечатлѣніе и встряхнула обывателей. (Мнѣ передавали за фактъ, что немного спустя послѣ того, какъ прошла первая группа демонстрантовъ, на Московской улицѣ появилась другая группа демонсгрантовъ съ краснымъ знаменемъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, завернула на Николаевскую улицу и направилась къ Соборной площади, гдѣ и была задержана полиціей). Разговоровъ масса, обыватели въ полномъ недоумѣніи. — „Бунтъ“ чаще всего приходится слышать. Ходятъ также нелѣпые слухи о разграбленныхъ лоткахъ, разбитыхъ магазинахъ, о намѣреніи студентовъ убить министровъ, царя и вернуть крѣпостное право. Полиція, конечно, поощряетъ ихъ.

Дворникамъ отдано строгое приказаніе слѣдить за неблагонадежными лицами, узнавать фамиліи посѣщающихъ ихъ лицъ и обо всемъ подозрительномъ доносить полиціи. Имъ внушаютъ, что это для нихъ „царская служба“, и что ихъ будутъ приводить даже къ присягѣ

Пермь. 25-го апрѣля по заводамъ Перми, Мотовилихинскомъ Озесскомъ и др. появились майскія прокламаціи. 27-го были сдѣланы обыски въ Мотовилихѣ, при чемъ арестовано 11 человѣкъ, изъ которыхъ 5 уже выпущено. При обыскахъ руководствовались указаніями управляющаго, инженера и мѣстнаго пристава. Настроеніе въ Мотовилихѣ было настолько бодро, что послѣ арестовъ черезъ 2-3 дня снова появились листки призывающіе товарищей къ поддержкѣ семей арестованныхъ. Во время арестовъ рабочіе пытались даже отбить одного товарища изъ рукъ полиціи. Рабочіе высмѣивали полицію, гукая при появленіи конныхъ и пѣшихъ полицейскихъ, называя ихъ фараонами и т. п. Большинство рабочихъ все же работало въ этотъ день. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ арестовано 2, изъ которыхъ одинъ уже выпущенъ.

Положеніе арестованныхъ политическихъ въ Перми далеко не завидное (ихъ теперь сидитъ до 25, — вмѣстѣ съ майскими арестованными, которыхъ послѣ допросовъ выпускаютъ). Жандармское управленіе вмѣшивается въ тѣ области тюремной жизни, которыя вовсе не подлежатъ его вѣдѣнію. Происходятъ отъ этого недоразумѣнія съ одной стороны между заключенными и тюремнымъ начльствомъ, съ другой—между жандармскимъ управленіемъ и тюремной администраціей. Начальникъ тюрьмы уже второй при политическихъ. На окна заключенныхъ заказаны щиты (за счетъ жандармск. управл.), съ отверстіемъ въ небо и землю; пища ухудшена... режимъ настолько тяжелъ, что всѣ заключенные рѣшили открыть голодовку съ 5-го мая...

12-го марта взяты помощ. прис. пов. Трапездниковъ (2-ой разъ), зуб. врачъ Эмдинъ. Въ Мотовилихѣ передъ 1-мъ мая взяты рабочіе Черновъ, Авдѣевъ, Аристовъ, Новиковъ, Коншинъ и др. служащій Канторовичъ. Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидитъ до 20 человѣкъ.

Въ Новозыбковѣ, Черниговской губ. мѣстной соц.-демократической группой были распространены передъ 1-мъ мая воззванія, вызвавшія чрезвычайный переполохъ среди полиціи и обывателей.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, усиленная майская агитація велась еще въ Екатеринославѣ (была неудачная попытка демонстраціи), Одессѣ, Николаевѣ, Кременчугѣ, Твери и другихъ мѣстахъ.

Томскъ. (1-ое мая)

18-ое апрѣля прошло въ Томскѣ довольно спокойно, хотя полиція ждала демонстраціи и приняла мѣры. Дѣло ограничилось тѣмъ, что на Почтамтской (одной изъ главныхъ улицъ города) были выброшены два красныхъ знамени (одинъ съ надписью „долой самодержавіе“), на другихъ улицахъ еще два, да вездѣ были расклеены прокламаціи. Обыватели усердно ходили по Почтамтской, но ничего не дождались. Говорятъ, что томскій архіерей Макарій оказался навольнымъ пособникомъ преступленія: въ раздаваемыя, на ведушихся подъ его руководствоаъ духовно-нравственныя чтенія—книжки какимъ-то чудомъ попали первомайскія прокламаціи.

Красноярскъ, Енисейск. губ. 9-го мая.

„Хочу подѣлиться съ вами своими майскими впечатлѣніями. Въ Сибири 1-е мая, по крайней мѣрѣ, насколько извѣстно мнѣ, прошло довольно спокойно. Кой-гдѣ, впрочемъ, благодаря „распорядительности“ администраціи получались довольно занимательныя картинки. Такъ, напримѣръ, въ нашемъ Красноярскѣ. Передъ 18-го апрѣля (1-е мая) въ послѣдніе 3 или 4 дня почти каждую ночь по городу и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ появлялись прокламаціи, разъясняющія значеніе рабочаго праздника. 17-го апрѣля, какъ говорятъ, къ утру улицы города были красными отъ прокламацій (прокламаціи эти были на красной бумагѣ). Ихъ таскали ребятишки, торговки, извозчики. Передаютъ, что только полиціей было собрано въ это утро 3,000 листковъ, Листки эти были небольшіе четырехугольники, на которыхъ были означены лишь первомайскія требованія. Но кромѣ того, были и большіе красные, изящной формы, въ родѣ афишъ, которыя продаютъ обыкновенно въ театрѣ. Полиція, разумѣется, была въ большой тревогѣ. За послѣднее время она здѣсь вообще очень обезпокоена, и то и дѣло производитъ набѣги. О нихъ стоитъ сказать пару словъ. 18-го появились прокламаціи Сибирскаго Союза и вотъ вдругъ полиція (уѣздная) понеслась отыскивать типографію—куда бы вы думали?! — На „Столбы“. Это большія скалы въ 12 верстахъ отъ города, въ довольно глухомъ лѣсу—мѣсто прогулокъ любителей природы. И въ результатѣ: привели 4-хъ арестованныхъ — какихъ-то любителей „столбистовъ“, воспользовавшихся пасхой и забравшихся туда въ избушку (тамъ есть такая). Привели ихъ подъ конвоемъ, посадили, продержали день и выпустили. Теперь говорятъ, что „Столбы“ взяты подъ надзоръ, ибо тамъ, на одномъ изъ неприступнѣйшихъ мѣстъ, въ прошломъ году еще—какой-то любитель начерталъ масляной краской саженными буквами ужасное слово „Свобода“.

Затѣмъ былъ арестованъ, какъ говорятъ, по доносу, приказчикъ купца Гадалова. Недавно выпущенъ на поруки. Затѣмъ обыскали нѣсколько лицъ самаго различнаго общественнаго положенія. Былъ обысканъ соборный дьяконъ за то, что нашелъ нѣсколько прокламацій и съ перепугу безъ объясненій передалъ ихъ постовому городовому, который принялъ ихъ и донесъ на дьякона, какъ на распространителя. Далѣе. (Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ!) Былъ обысканъ одинъ полицейскій чиновникъ. И наконецъ былъ заподозрѣнъ и допрашиваемъ одинъ молодой недавно поступившій желѣзнодорожный жандармъ!.. Послѣ всего этого полицмейстеръ нашъ бросился въ округъ — уѣхалъ въ Канскъ искать тамъ Комитетъ. Кстати о Канскѣ. Тамъ недавно умеръ одинъ высланный студентъ. Колонія ссыльныхъ торжественно хоронила его. Былъ вѣнокъ съ „преступными надписями“ и красными лентами. Въ результатѣ всю колонію арестовали. Теперь уже всѣ выпущены, но дѣло, кажется, не кончено. Вѣроятно, всѣхъ ихъ разошлютъ по разнымъ селамъ.

Въ апрѣлѣ сюда прибылъ транспортъ студентовъ. Для встрѣчи ихъ собралась многотысячная толпа рабочихъ и интеллигентовъ и устроила цѣлое тріумфальное шествіе отъ вокзала до острога, куда направляли бывшихъ студентовъ.

По дорогѣ были выкинуты красные флаги съ надписями: „долой самодержавіе“, и пѣлись революціонные пѣсни.

Другая картина при прибытіи слѣдующихъ партій. За полчаса до прихода поѣзда прибыли двѣ роты казаковъ; съ прибытіемъ поѣзда онѣ окружили вагонъ со студентами, зарядивъ предварительно на глазахъ публики свои револьверы. Публика держалась на почтительномъ разстояніи.

Теперь о самомъ 18 апрѣля въ нашемъ Красноярскѣ. День былъ теплый, ясный. По главной улицѣ съ самаго утра потянулась разнокалиберная (преимущественно либеральная) публика. Всѣ, буквально всѣ говорили объ одномъ: о предстоящей демонстраціи или о „бунтѣ рабочихъ“. Я самъ слышалъ, какъ кучка чиновниковъ разсуждала, сможетъ-ли здѣшній батальонъ отразить рабочихъ, и рѣшили, что едва-ли, если всѣ рабочіе выйдутъ на улицу. По улицамъ то и дѣло скакали кучкой казаки въ полномъ вооруженіи съ винтовками за плечами (винтовки были вынуты изъ чехловъ—это боевая форма). Рота солдатъ была подъ ружьемъ. Солдатамъ было выдано по 10 боевыхъ патроновъ. Скакали пристава то верхами, то на извозчикахъ. Расхаживали и выглядывали жандармы. Ходили солдатскіе патрули. Передъ тѣмъ, среди здѣшняго военнаго начальства произвела переполохъ прокламація къ солдатамъ, которая въ массѣ была распространена по всѣмъ ротамъ. По этому случаю было экстренное собраніе офицеровъ, а потомъ — 17-го — Губернскаго Управленія. Командиръ былъ возмущенъ тѣмъ фактомъ, что почти всѣ солдаты прочли листокъ и изъ всѣхъ ротъ нашелся лишь одинъ сообщившій и принесшій начальству нѣсколько экземпляровъ листковъ (и то вольноопредѣляющійся). О впечатлѣніи, произведенномъ листками на солдатъ, передаютъ такъ: „Всѣ прочли, всѣ интересуются, нѣкоторые жалѣютъ, что мало понятно. Многіе рѣшаютъ, что если заставятъ стрѣлять въ рабочихъ, то „прицѣлъ, ребята, ставь выше“... Иные желаютъ еще листковъ, только не бѣлыхъ, а красныхъ, — тѣ примѣтнѣе, а на бѣлые не смотришь и проходишь мимо и т. п.

Такъ цѣлый день 18 апрѣля по главной улицѣ ходила публика въ „усиленномъ составѣ“ и ждала демонстраціи, развлекаемая маневрами казаковъ и полиціи. Впрочемъ, болѣе чистая и корректная часть общества предпочитала сидѣть дома. Такъ одинъ мировой судья, говорятъ, спрашивалъ своего письмоводителя: „Скажите, пожалуйста, какъ тамъ на улицѣ—ничего не видно? Мнѣ вѣдь ѣхать надо, дѣло есть. Не знаю, ѣхать-ли ужъ?!“ Кажется, не осталось ни одного уличнаго мальчишки, ни одной кухарки, которые не говорили бы о „бунтѣ рабочихъ“. Одинъ изъ „политиковъ“ былъ свидѣтелемъ такого діалога двухъ горничныхъ: „Неужели такъ таки ничего и не будетъ?— говоритъ одна.—„Видно не будетъ,—отвѣчаетъ другая—главный сицилистъ уже прошелъ—я его знаю!“ На слѣдующіе дни мальчики на улицахъ перебрасывались „преступными“ восклицаніями, взятыми изъ прокламацій.

Часамъ къ 4-мъ 18-го на улицѣ показалось нѣсколько десятковъ рабочихъ, провожаемыхъ жадными взорами публики и свирѣпыми взглядами полиціи... И такъ шло до глубокой ночи. Вечеромъ 2 театра и циркъ были заполнены полиціей и возлѣ нихъ стояли казаки. Это потому, что раза два въ театрѣ были распространены прокламаціи—правда по немногу (Въ Христову заутреню листки были распространяемы въ Каѳедральномъ Соборѣ). На вокзалѣ, говорятъ, была также сильная охрана, ибо тамъ собралось очень много рабочихъ. Но все прошло тихо, мирно безъ нарушенія общественнаго порядка и спокойствія, къ страшному разочарованію разлакомившихся отъ любопытства либераловъ. Да и странно было бы ждать. Правда, агитація была очень оживленная (10 листковъ до мая отъ Комитета и одинъ союзный, но вѣдь до сихъ поръ здѣсь всегда была „тишь да гладь, да божья благодать“.*) Кромѣ того, какъ я слышалъ, масса рабочихъ на Пасху была въ отъѣздѣ. Говорятъ, больше половины. Но агитація, несомнѣнно, оказала большое вліяніе и на рабочихъ и на городъ.

Послѣ 18-го апрѣля вышло еще три листка. Одинъ о прошедшемъ днѣ 18-го апрѣля съ призывомъ къ организаціи, другой —о двухъ предателяхъ рабочихъ, опять съ призывомъ къ организаціи, и третій, всего три дня назадъ—за № 13-ымъ—по поводу казни Балмашева (вышелъ отъ 5-го мая); и этотъ опять таки съ призывомъ къ организаціи.—Не даромъ про Красноярскъ говорятъ, что его затопили прокламаціями!...

Иркутскъ. Пролетарскій праздникъ въ далекой Сиб.

1-е мая, вопреки всеобщему ожиданію, прошло тихо. А между тѣмъ по всему городу ходили слухи о предстоящихъ ужасахъ. Куда бы вы ни зашли, только и разговору было, что о нихъ. Увѣряли, что городъ будетъ подожженъ со всѣхъ сторонъ, что произойдетъ избіеніе евреевъ и т. д.

Напуганные всѣми этими страхами обыватели нашей сибирской столицы повыѣхали съ семьями на дачи, хотя у насъ далеко еще до дачнаго сезона. Гимназическое начальство предложило родителямъ въ этотъ день не посылать дѣтей въ гимназію. Но въ особенности много тревогъ пережило еврейское общество.

Всѣ эти страхи вызваны распространенными въ городѣ прокламаціями трехъ группъ: соц.-демократовъ, соц.-революціонеровъ и экономистовъ крайняго направленія (вѣрнѣе было бы сказать —анархистовъ. Ред). Нужно сказать, что всѣ эти прокламаціи пишутся такъ, какъ будто они имѣютъ въ виду интеллигентнаго европейскаго или, по меньшей мѣрѣ, петербургскаго рабочаго. Среди иркутскихъ же жителей таковыхъ, конечно, мало, почему воззванія не могли быть правильно поняты массой.

Больше всего толковъ, хотя и крайне для нея нелестныхъ, вызвала прокламація экономистовъ. Она убѣждала массу не вѣрить революціонной интеллигенціи, которая стремится къ тому лишь, чтобы на трупахъ рабочихъ достичь собственнаго благополучія. Такова истинная цѣль всѣхъ ея „якобы“ народолюбивыхъ воззваній. Еврейская интеллигенція, стѣсняемая русскимъ правительствомъ въ своихъ вожделѣніяхъ, имѣетъ въ особенности основанія прикидываться соціалистической.

Это зубатовщина чистой воды, и можно только удивляться, что нашъ губернаторъ не приказалъ перепечатать ее въ губернскихъ вѣдомостяхъ, чѣмъ несомнѣнно какъ разъ попалъ бы въ тонъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что авторы этой прокламаціи люди вполнѣ честные и добронамѣренные, но, право, лучше имѣть дѣло съ умнымъ врагомъ, чѣмъ съ глупымъ союзникомъ, если только можно этихъ „экономистовъ“ считать союзниками. Они страдаютъ отсутствіемъ пониманія дѣйствительности и отчаяннымъ утопизмомъ. При этихъ дефектахъ ихъ услуги рабочимъ могутъ быть только медвѣжьими. Ихъ, напримѣръ, выходки противъ евреевъ были истолкованы въ смыслѣ призыва къ избіенію этихъ несчастныхъ людей. А одинъ торговецъ изъ этой же прокламаціи сдѣлалъ совершенно логическое заключеніе, что необходимо избивать не только „жидовъ“, но и „студентовъ“, которыхъ въ настоящее время въ Иркутскѣ не мало.

Какъ бы то ни было, тревога охватила весь нашъ городъ. До нельзя струсившая администрація своими мѣрами только подлила масла въ огонь. Къ полицейскимъ участкамъ были прикомандированы отряды солдатъ; двери колоколенъ были заколочены, чтобы не допустить набатной тревоги; батальону розданы боевые патроны, у юнкеровъ мѣстнаго училища, подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности, отобраны тесаки, якобы для точенія; въ ночь съ 30 апрѣля на 1-е мая по городу разъѣзжали конные патрули и пр.

День 1-го мая, между тѣмъ, прошелъ совершенно спокойно, —не потому, конечно, что испугались всѣхъ этихъ мѣръ пресѣченія, а потому, что никто у насъ и не собирался ни „поджигать городъ“, ни „убивать евреевъ“. Рабочіе желѣзнодорожнаго депо еще за нѣсколько дней заявили своему начальству, что 1-го мая работать не будутъ. Благоразумное начальство отвѣтило, что ничего противъ этого не имѣетъ. Рабочіе отправились на Кою (за городъ) и, въ виду сильнаго отряда полицейскихъ, провели тамъ время въ пѣсняхъ.

Какъ видите, и у насъ въ Сибири зашевелился рабочій Въ добрый часъ!

Забайкалье. (1-го мая)

Волна рабочаго движенія перекинулась вмѣстѣ съ желѣзной дорогой черезъ Уралъ и разлилась по необъятной Сибири. Первый валъ этой волны, еще слабый, уже начинаетъ пугать нашихъ правителей. Слишкомъ уже необычная это вещь; вдали отъ культурныхъ центровъ, въ глуши Сибири, въ горахъ Забайкалья слышится революціонная пѣсня, печатаются и распространяются прокламаціи, шевелится рабочій, привыкшій къ спокойной ничѣмъ не возмутимой жизни обыватель, начальство, кучка жандармовъ, присланныхъ къ намъ для порядка — все это въ страхѣ великомъ по поводу самаго незначительнаго факта.

Я опишу вамъ, какъ у насъ губернаторъ Надаровъ сдѣлалъ революцію. На Пасхѣ среди рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ на ст. Чита (около 800 чел.) были распространены прокламаціи, приглашающія къ празднованію 1-го мая. Прокламаціи не были никѣмъ подписаны, на рабочихъ произвели слабое впечатлѣніе, но въ высшихъ сферахъ вызвали тревогу и опасенія.

Надаровъ распорядился приготовить.... пушки. Но Пасха прошла, рабочіе принялись за работу и страхъ глупаго правителя улегся.

Въ ночь на 24-ое апрѣля были расклеены по городу и на вокзалѣ и разбросаны по мастерскимъ прокламаціи отъ мѣстнаго комитета Сибирск. Соц. Дем. Союза, рисующія общее положеніе рабочаго въ Россіи и приглашающія рабочихъ къ организаціи. Прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе на рабочихъ, но всего сильнѣе подѣйствовали они на губернатора Надарова и обывателей. Въ городѣ, на рынкѣ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ только и разговоровъ, что о прокламаціяхъ. Власти стали серьезно готовиться къ подавленію бунта, 30-го апрѣля появилась новая прокламація отъ Сибирск Соц. Дем. Союза — первомайская (запоздала), которая въ конецъ убѣдила начальство, что готовится „бунтъ“. Страхъ объялъ робкихъ и трусливыхъ людей: съ вокзала нѣкоторые переѣхали въ городъ, отправили туда своихъ дѣтей и просили защиты у генерала. Особенно дрожалъ отъ страха начальникъ мастерскихъ Мануилевичъ, недавно укравшій 1200 руб. и сознавшійся въ этомъ, теперь исполняющій роль добровольнаго шпіона. И вотъ представьте себѣ картину: Надаровъ отдаетъ приказъ по войскамъ: выдать двумъ сотнямъ казаковъ по 5-ти боевыхъ патроновъ и отточить шашки. Приготовить пушки, вооружить двѣ роты пѣхотинцевъ и.... никакой пощады! 1-го мая утромъ погода была отвратительная и рабочіе сами не захотѣли праздновать этотъ день. Но войска все же были высланы. По улицамъ города разъѣзжали вооруженные патрули, вызывая самые невѣроятные толки и слухи въ обывательской средѣ. Человѣкъ 150 рабочихъ устроили все же маевку, отправились съ краснымъ флагомъ въ лѣсъ, съ пѣніемъ. За ними были наряжены войска, которыя напрасно ожидали бунта: никакого бунта не было. Въ результатѣ получилось слѣдующее: рабочіе страшно заинтересовались теперь вниманіемъ къ нимъ начальства. Г. Надаровъ сослужилъ очень хорошую службу дѣлу революціи. Онъ вызвалъ у рабочихъ озлобленіе — вполнѣ понятное и законное. Всѣхъ возмущаетъ это негодяйство: приказъ стрѣлять при первой возможности. Негодуютъ, но больше смѣются. Большей глупости проявить нельзя было!.. Смѣются обыватели, смѣется чиновникъ, смѣется солдатъ. Такими выходками генералъ Надаровъ создаетъ очень хорошую почву для рабочаго движенія, и намъ, революціонерамъ, приходится сказать ему спасибо.

Среди солдатъ распространена была „Солдатская памятка“ Л. Н. Толстого. Солдаты резюмировали впечатлѣніе такимъ образомъ: получили мы отъ графа Толстого письмо, и графъ намъ не велитъ убивать рабочихъ, и что они такіе же какъ и мы люди, и что въ Евангеліи запрещено убивать.

Офицеры получили „Офицерскую памятку“ Л. Н. Толстого съ воззваніемъ мѣстнаго комитета Сибирск. Соц. Дем. Союза.

Теперь только и разговоровъ объ этомъ. Характерная вещь: за нѣсколько времени Надаровъ ассигновалъ (правительство очень охотно даетъ такія ассигновки) порядочную сумму на усиленіе тайной полиціи; наняты шпіоны, усиленъ штатъ городовыхъ.

Полиція усердствуетъ и, конечно, не по разуму, подражая въ этомъ генералу Надарову. За первую прокламацію полиція заплатила 10-ть руб. за экземпляръ.

Полицмейстеръ съ важнымъ и таинственнымъ видомъ говорилъ, никакъ, знаете, нельзя безъ войска: готовится грандіозный бунтъ: хотятъ поджечь городъ... вѣроятно будутъ жертвы съ той и другой стороны... Во всемъ этомъ очень много смѣшного, но рабочіе изъ этого должны почерпнуть поучительное указаніе на то, что самый мирный даже путь проявленія ихъ чувствъ и желаній наталкивается на кулакъ нашихъ правителей и угнетателей на штыкъ, пулю и тюрьму.

Соціалистъ.

---

*) Если не считать майской забастовки въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ 1900-мъ году и нынѣшнихъ проводовъ рабочими отъ вокзала до тюрьмы этаповъ съ „политическими.

Москва. Промышленный кризисъ продолжаетъ рости и охватываетъ все новыя и новыя сферы производства.

Въ настоящій моментъ въ московскомъ районѣ особенно рѣзко онъ сказывается на ткацкомъ, механическомъ и цементномъ производствахъ. На ткацкихъ фабрикахъ, однако, до самаго послѣдняго времени дѣло не доходило до рѣзкаго, сокращенія производства. Фабриканты дѣлали цѣлый рядъ попытокъ къ пониженію расцѣнковъ, что вызвало отпоръ со стороны рабочихъ въ формѣ забастовокъ: такихъ забастовокъ за минувшую зиму было много, какъ въ Москвѣ, такъ и въ уѣздахъ, особенно въ Серпуховскомъ уѣздѣ (фабрики Коншина, Рябова, Когейковой). Забастовки эти только, кажется, на одной Даниловской фабрикѣ приняли широкіе размѣры и сопровождались агрессивными дѣйствіями рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ они ограничивались пріостановкой работъ на день, на два и кончались большими или меньшими уступками со стороны фабрикантовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, на фабрикѣ Когейковой требованія рабочихъ были удовлетворены до начала заявленной забастовки. Послѣ пасхи владѣльцы ткацкихъ фабрикъ стали сокращать производство и уменьшать число рабочихъ: такъ на Прохоровской фабрикѣ число рабочихъ сокращено на 900, Реутовская мануфактура уменьшила число рабочихъ на 1200. Нѣкоторыя небольшія фабрики до сихъ поръ не возобновили работъ послѣ праздничной остановки, ссылаясь, между прочимъ, какъ мы слышали, на высокія требованія, которыя стали предъявлять ткачи при наймѣ. Дѣло въ томъ, что на окраинахъ Москвы есть много мелкихъ ткацкихъ фабрикъ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ форменныя фабрики съ роздаточными конторами; часть матеріаловъ они раздаютъ рабочимъ на дома. Такъ вотъ, эти домашніе ткачи минувшимъ постомъ рѣшили произвести реформу въ строѣ взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими и вытекающихъ изъ нихъ условіяхъ найма и работы. Сравнивая условія работы и разцѣнки ихъ, домашнихъ ткачей, съ таковыми-же рабочихъ въ корпусахъ, они пришли къ заключенію, что благодаря изстари установившемуся порядку и формѣ разцѣнковъ, фабриканты много имъ не доплачиваютъ; такъ: работы ткача на современныхъ крупныхъ фабрикахъ давно уже дифференцировались и рядъ мелкихъ манипуляцій (напр., присучка и др.) оплачивается отдѣльно, тогда какъ они получаютъ за всю работу безъ добавочной платы за отдѣльныя, оплачиваемыя на современныхъ фабрикахъ манипуляціи. Въ общемъ они выработали, кажется, 12 пунктовъ требованій къ фабрикантамъ, вычислили общую сумму недоплатъ со стороны фабрикантовъ за 10 лѣтъ и предложили возмѣстить ее. За отказомъ фибрикантовъ удовлетворить это требованіе они предъявили иски судебнымъ порядкомъ черезъ присяжныхъ повѣренныхъ. Всѣ дѣла эти въ судѣ были проиграны. Они предварительно были разсмотрѣны въ особомъ совѣщаніи мировыхъ судей, къ которымъ они поступили. Среди требованій, предъявленныхъ ткачами къ хозяевамъ, попадаются и курьезныя: напр., довольно крупныя суммы сравнительно вычислены за уничтоженіе клоповъ: на крупныхъ фабрикахъ уничтоженіе клоповъ въ спальняхъ рабочихъ призводится систематически за счетъ хозяина и расходъ на это дѣло доходитъ иногда до 400 руб. въ годъ. Домашніе ткачи рѣшили, что если борьба съ клопомъ лежитъ на обязанности фабриканта въ спальняхъ рабочихъ, то она должна лежать на обязанности хозяевъ и въ ихъ квартирахъ. Кромѣ предъявленія указанныхъ требованій, ткачи выработали форму условій найма и рѣшили эти условія предъявить при возобновленіи наймовъ, что обычно происходитъ послѣ пасхи. Сколько намъ извѣстно, на многихъ фабрикахъ пришлось поступиться ткачамъ нѣкоторыми пунктами, такъ какъ благодаря кризису угрозы фабрикантовъ прекратить производство во многихъ случаяхъ легко могли осуществиться. Въ цементномъ производствѣ кризисъ былъ вызванъ чрезвычайнымъ размноженіемъ заводовъ: за послѣдніе 3 года число ихъ въ Россіи почти учетверилось, между тѣмъ какъ спросъ на цементъ увеличился въ гораздо меньшей степени, получилось перепроизводство и рѣзкое пониженіе дивидентовъ, обычно очень высокихъ въ этомъ дѣлѣ. Въ Московскомъ районѣ послѣ Рождества почти всѣ заводы прекратили производство.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ заводовъ — Подольскій заводъ Московскаго акціонернаго общества разсчиталъ всѣ 2,000 рабочихъ, стоялъ въ теченіе почти 4-хъ мѣсяцевъ, и только въ маѣ, т. е. къ началу строительнаго сезона, снова возобновилъ работы.

Большинство механическихъ заводовъ тѣсно связано съ ткацкими фабриками, такъ какъ главнымъ ихъ продуктомъ являются ткацкіе станки, поэтому кризисъ въ ткацкомъ производствѣ не могъ не отразиться на механическихъ заводахъ. Закрытія хотя бы временнаго механическихъ заводовъ не было за послѣдній годъ, но сокращеніе производства наблюдается на всѣхъ заводахъ.

Зубатовъ и комп. продолжаетъ свою политику по отношенію къ рабочимъ, хотя въ болѣе скрытной формѣ. Знаменитые курсы прекратились; недавно, какъ мы слышали, было административное совѣщаніе по поводу организаціи рабочихъ, на которомъ большинство высказалось за прекращеніе дальнѣйшихъ дѣйствій и прикрытіи организаціи, но князь Ходынскій и Треповъ остались при особомъ мнѣніи.

Тверь. На Залогинской ткацкой фабрикѣ, находящейся въ 2 верстахъ отъ Твери, порядки ужасные, даже сравнительно съ другими тверскими фабриками. Глухое недовольство тамъ всегда на лицо, но оно рѣдко выливается наружу. Причиной тому — крайне низкій уровень Залогинскихъ рабочихъ, среди которыхъ совершенно отсутствуетъ всякая организація.

Въ концѣ февраля этого года было тамъ небольшое столкновеніе съ фабричной администраціей изъ за вычетовъ за простой машинъ, остановившихся по винѣ фабрики. Оно окончилось въ пользу рабочихъ. Затѣмъ все затихло вплоть до 4 го апрѣля. Наканунѣ этого дня залогинцы, выйдя вечеромъ изъ фабрики, порѣшили забастовать, выставивъ цѣлый рядъ требованій: повышеніе расцѣнковъ, уменьшеніе штрафовъ, увольненіе директора, лучшее обращеніе мастеровъ съ рабочими, введеніе возильщиковъ основъ (до тѣхъ поръ ихъ приходилось относить самимъ рабочимъ безъ различія пола и возраста, хотя вѣсятъ онѣ отъ 2-5 пудовъ) и нѣкоторыя другія. Утромъ рабочіе вышли къ фабрикѣ, но работать не пошли. Дали знать властямъ, и прямо съ панихиды по Сипягинѣ имъ пришлось ѣхать на усмиреніе бунтовщиковъ. Первымъ пріѣхалъ младшій фабричный инспекторъ Хмѣлевъ и направился прямо въ директорскій домъ. Рабочіе держались спокойно и пытались добиться того, чтобы Хмѣлевъ выслушалъ ихъ требованія. Но ни отъ него, ни отъ пріѣхавшаго вслѣдъ за нимъ губернатора, прокурора, жандармскаго генерала — они ничего не добились. Настроеніе ихъ начало повышаться, раздались голоса: „а, такъ вы къ хозяину чай пить пріѣхали, а насъ и слушать не хотите!“ — и наконецъ со стихійной силой вспыхнуло годами накопившееся раздраженіе: рабочіе бросились ломать дома, машины въ мастерскихъ, фабричную пекарню, избивать мастеровъ, полицейскихъ. Директоръ едва спасся, спрятавшись въ погребѣ, а исправникъ, сунувшійся „усмирять“, былъ сбитъ ударомъ кирпича. Осажденное въ директорскомъ домѣ начальство сидѣло ни живо ни мертво цѣлыхъ полтора часа. Наконецъ, на выручку ему явилось христолюбивое воинство. Немногихъ защищавшихся полѣньями и кирпичами рабочихъ схватили, большинство бѣжало — и „бунтъ“ былъ усмиренъ. По дѣлу этому арестовано около 35 человѣкъ (точная цифра еще неизвѣстна). Кое кого прокурорскій надзоръ, за недостаточностью уликъ, освободилъ; дѣло же остальныхъ передано судебному слѣдователю. Итакъ, въ перспективѣ новая судебная комедія...

Фабрику на праздникъ остановили, а остальныхъ рабочихъ подъ конвоемъ вызванныхъ изъ волостей понятыхъ разослали по деревнямъ. Этой мѣрой начальство хотѣло уберечь рабочихъ Тверскихъ фабрикъ отъ заразы дурного примѣра, но... въ ночь съ 8 на 9 и съ 9 на 10 апрѣля въ рабочихъ слободкахъ и на дворѣ Морозовской фабрики были разбросаны и расклеены гектографированныя прокламаціи, подчеркивающія антагонизмъ интересовъ рабочихъ и царскаго правительства, такъ ярко проявившійся въ поведеніи властей во время безпорядковъ, указывающія на причину неудачи залогинцевъ и призывающія рабочихъ къ организованной борьбѣ за лучшее будущее. Прокламаціи эти вышли за подписью „Тверской Группы Россійской Соціальдемократичсской Рабочей Партіи.“ Ими группа впервые открыто заявляетъ о своемъ существованіи.*) Онѣ произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе. Нѣкоторые провисѣли до 8-9 часовъ утра, и вокругъ нихъ кучками собирались, читали и говорили. Сами рабочіе передаютъ: „теперь вездѣ идутъ разговоры объ организаціи.“ Часть прокламацій, разбросанная въ одной изъ слободокъ, на слѣдующее утро оказалась расклеенной неизвѣстными добровольцами на столбахъ и заборахъ. Видѣли прокламаціи и въ деревнѣ, гдѣ онѣ читались рабочими, пришедшими на праздникъ, — своимъ односельчанамъ.

Неменьшую сенсацію прокламаціи произвели и въ полицейско жандармскомъ мірѣ. Забѣгали сыщики и жандармы, заволновался Тверской герой, полицмейстеръ Кирѣевскій, но, не смотря на страстное желаніе изловить и пресѣчь крамолу въ самомъ началѣ, данныхъ для такого подвига оказалось такъ мало, что не было даже обысковъ.

Циркулируютъ прокламаціи и среди Тверскихъ обывателей. Любопытно, что нѣкоторые экземпляры попали къ нимъ отъ лицъ, прямая обязанность которыхъ совершенно противуположнаго характера.

Еще о безпорядкахъ на Воткинскомъ зав., Вятск. губ.

Прежде чѣмъ передавать подробности, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ заводѣ. Воткинскій заводъ принадлежитъ казнѣ, занимается изготовленіемъ паровозовъ, судовъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, готовитъ сталь. Ежегодное производство этихъ предметовъ милліона на 2 рублей. По количеству населенія это третій пунктъ въ губерніи послѣ Ижевскаго завода и Вятки, въ немъ 25 тысячъ съ лишкомъ жителей, — онъ представляетъ одну волость и 4 сельскихъ общества; въ немъ 3,267 дворовъ. Землепашествомъ никто не занимается, такъ какъ земли мастеровымъ при освобожденіи ихъ нарѣзано всего 836 десятинъ съ усадьбой, слѣдовательно, на каждый дворъ не приходится и ¼ десятины.

Волненія въ заводѣ начались давно, устраивались сходки въ мастерскихъ, знали это и цеховые мастера. Возбудили движеніе: Зосманъ — интеллигентный рабочій, бывшій заграницей и работавшій раньше на югѣ, и два студента, личность котрыхъ не установлена. Помогалъ имъ одинъ изъ мѣстныхъ рабочихъ, котораго товарищи прозвали „студентомъ“. Недовольство начальствомъ было возбуждено: 1) грубымъ, дерзкимъ обращеніемъ съ рабочими, доходящимъ до сбиванія шапки съ головы рабочаго палкой и т. п. 2) слухами о мошенничествахъ начальства, весьма крупныхъ, сходящихъ ему съ рукъ, тогда какъ рабочихъ сажали въ тюрьму по одному подозрѣнію, что кѣмъ нибудь изъ нихъ украдена полоса желѣза; 3) самовольнымъ закрытіемъ начальникомъ завода, Трояномъ, тракта, издавна существовавшаго и ведущаго на заводскую базарную площадь; 4) уменьшеніемъ заработной платы до такихъ размѣровъ, что существованіе рабочихъ не было обезпечено даже насущнымъ хлѣбомъ; 5) увеличеніемъ рабочихъ часовъ при той же платѣ.

Полиція доказывала Трояну, что рабочіе „не спокойны“, но онъ, въ твердой увѣренности, что одинъ его взглядъ можетъ заставить рабочаго уйти на три аршина въ землю, не придавалъ значенія донесеніямъ полиціи.

Въ день „бунта“, въ 7 часовъ утра, рабочіе по звонку толпой повалили къ квартирѣ управляющаго Трояна и требовали, чтобы онъ вышелъ для объясненія съ ними. Троянъ со сна, не одѣвшись, вышелъ и грозно прикрикнулъ на толпу. Рабочіе, раздраженные окрикомъ, схватили Трояна и повели его на площадь, тамъ поставили его на табуретку и послали за земскимъ начальникомъ, чтобы онъ разсудилъ ихъ съ Трояномъ. Земскій начальникъ Кудрявцевъ со страху спрятался, и его не нашли. Тогда роль судьи на себя принялъ Зосманъ. И на площади начался судъ. Толпа отворила ворота на трактъ, порвала телефоны, но „царское“ имущество не тронула; не оборвала телеграфа, а къ казначейству и складамъ приставила 300 человѣкъ рабочихъ, заявивъ Трояну, что это сдѣлано для того, чтобы господа, разворовавъ сами деньги и имущество, не свалили на народъ. Надъ стоявшимъ на табуреткѣ Трояномъ толпа (мальчишки) издѣвались, бросали въ него грязью и снѣгомъ, тыкали ему въ лицо хлѣбъ изъ гнилой муки, купленной имъ, Трояномъ, для продажи заводскому населенію и кто-то подшибъ табуретъ, отчего Троянъ ушибся. Но въ общемъ рабочіе были не пьяны и по своему корректны. Вышелъ священникъ съ крестомъ изъ собора увѣщевать толпу, но встрѣченъ былъ возгласами: „айда, уходи, бачка! не твое это дѣло — и не суйся. Ты самъ пташникъ и обираешь насъ!“ Докторъ Спасскій выскочилъ на площадь и прикрикнулъ на толпу. Его повалили и избили. На его просьбу отпустить его обмыть окровавленное лицо, рабочіе обмазали его навозомъ, говоря: „Ты этимъ же насъ лѣчилъ“.

Пока шелъ судъ надъ Трояномъ, часть толпы побѣжала за лѣсничимъ Салалинымъ, и, найдя его спрятавшимся подъ кроватью, вытащила за ногу, его избили, выбили зубы, сломали ребра и выволокли на площадь, гдѣ поставили рядомъ вн Трояномъ и Спасскимъ подъ краснымъ флагомъ. Искали еще, чтобы избить, лѣсничаго Алябина, полицію, инженера Гуллета и Діомидовскаго, но не нашли ихъ. Избили заводскаго мастера Мокина. Зосманъ допрашивалъ Трояна по пунктамъ, при чемъ рабочіе требовали, чтобы Троянъ „хорошему человѣку“ отвѣчалъ стоя. Такъ они продержали ихъ здѣсь до ночи. Отъ Трояна отобрали подписку, что онъ соглашается на требованія рабочихъ и разошлись; при чемъ Зосманъ предупредилъ, что если его арестуютъ, то пусть рабочіе его вызволютъ.

Ночью изъ Сарапула пріѣхали и власти: прокуроръ и исправникъ и приказали становому немеденно арестовать Зосмана. Утромъ толпа отправилась къ становому, требуя отпустить Зосмана, при чемъ разгромили квартиры чиновъ полиціи. Становой сослался на распоряженіе прокурора и исправника объ арестѣ. Толпа бросилась въ номера и приступила къ властямъ съ требованіемъ выпустить Зосмана, произвела у нихъ обыскъ и коечто разгромила. Власти испугались и убѣжали сперва за 12 верстъ, а потомъ и за 20 въ деревню Перевозную и оттуда „наблюдали“ за событіями. Потомъ все утихло. Вызваны были войска изъ Перми, пріѣхалъ губернаторъ, (изъ Вятки) жандармы, и тогда же прибыли изъ своей „штабъ-квартиры“ власти. На допросѣ Зосманъ держалъ себя героемъ, отрицалъ виновность толпы, говоря, что она была лишь его слѣпымъ орудіемъ.

Пока шла разборка, Троянъ, желая повернуть дѣло выгоднымъ образомъ для себя, отрицалъ необходимость вмѣшательства власти и войска, утверждая, несмотря на очевидныя издѣвательства и оскорбленія толпы по отношенію къ нему, — что это дѣло домашнее, заводское и что они сами между собою могутъ покончить его къ общему благополучію.

Теперь есть извѣстія, что въ заводѣ идетъ экзекуція: рабочихъ сѣкутъ и т. д. Сдѣлалось извѣстнымъ, что 9 человѣкъ выслано изъ губерніи, 40 арестовано, и 50 было наказано розгами, въ томъ числѣ первымъ наказанъ Зосманъ.

---

*) Осенью ею были распространены на Морозовской мануфактурѣ листки, но безъ подписи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

На народномъ собраніи въ Аугсбургѣ, состоявшемся 28-го іюня товарищъ Клара Цеткинъ, неоднократно тратившая свой ораторскій талантъ на дѣло ознакомленія нѣмецкихъ рабочихъ съ нашимъ движеніемъ, прочла рефератъ, послѣ котораго собраніе (было свыше 2000 лицъ) приняло резолюцію протеста противъ „безстыднаго варварства“ царскаго правительства. „Собраніе привѣтствуетъ“ говорится въ резолюціи, „самоотверженныхъ борцовъ за политическую свободу въ царствѣ кнута, которые жертвуютъ своей личной свободой и жизнью для общаго блага, и посылаетъ имъ увѣреніе въ самой горячей симпатіи со стороны сознательнаго германскаго пролетаріата. Въ то же время собраніе выражаетъ надежду, что русская революціонная „интеллигенція“ въ своемъ стремленіи къ политической свбодѣ примкнетъ самымъ тѣснымъ образомъ къ русскому соціальдемократическому рабочему движенію, ибо только оно является надежнымъ ручательствомъ предстоящаго раньше или позже крушенія азіатскаго деспотизма въ Россіи.“

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее сообщеніе:

С. Галленъ. 3-го мая.

Дорогіе товарищи!

На майскомъ собраніи рабочихъ въ С. Галленѣ (Швейцарія) по предложенію Вашего соотечественника, студента коммерческой академіи Г. Перситца, была принята слѣдующая резолюція:

„Собравшіеся 1 го мая рабочіе С. Галлена протестуютъ противъ русскаго абсолютизма, варварски попирающаго чувства своего народа, и, выражая полную симпатію учащейся молодежи и сознательнымъ рабочимъ, борющимся за свободу, надѣются, что въ слѣдующій майскій день красное знамя будетъ свободно развиваться и въ Россіи.“

Посылая Вамъ эту резолюцію, мы просимъ Васъ сообщить ее Вашимъ борющимся товарищамъ.

Съ товарищескимъ привѣтомъ
Президентъ Арнольдъ Тейхеръ.
Секретарь А. Шу

Московскій Комитетъ проситъ напечатать, что имъ постановлено отчислять въ кассу „Искры“ 20 проц. со всѣхъ доходовъ. Моск. Ком. собрано въ пользу „Искры“ — 20 руб. отъ Суржанова, 25 руб. отъ слабой женщины, 10 руб. черезъ рабочаго отъ лавочника.

НЕКРОЛОГЪ.

Намъ пишутъ: въ Якутскѣ застрѣлился шлиссельбуржецъ Яновичъ Привлеченный по дѣлу „Пролетаріата“, Яновичъ 11 лѣтъ просидѣлъ въ Шлиссельбургѣ, послѣ чего былъ сосланъ на поселеніе въ Колымскъ. Въ Якутскъ онъ пріѣхалъ изъ Колымска по дѣлу Ергина. Яновичъ оставилъ нѣсколько писемъ — къ товарищамъ, къ одному своему товарищу — поляку, и въ полицію. Въ письмахъ къ товарищамъ онъ говоритъ, что 18-ть лѣтъ тюрьмы и ссылки изморили его душу и что ему хочется уже отдохнуть, а отдыхъ онъ можетъ найти лишь въ могилѣ. Письмо къ товарищамъ заканчивается трогательнымъ пожеланіемъ, чтобы скорѣе наступило время, когда надъ Зимнимъ Дворцомъ взовьется красное знамя. Въ письмѣ въ полицію Яновичъ проситъ никого не винить въ своей смерти и говоритъ, что „въ сущности моимъ убійцей является русское правительство“. Нечего говорить, что смерть эта произвела на всѣхъ товарищей страшное впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ высокой душевной красоты, котоый пользовался всеобщей любовью. Грустно и обидно, когда уходятъ такіе люди...

3-го мая казненъ въ Шлиссельбургѣ **Степанъ Балмашевъ**, а 27-го въ Вильчѣ — **Гиршъ Лекертъ**.

Оба умерли героями.

За недостаткомъ мѣста отлагаемъ хронику революціонной борьбы до слѣдующаго номера.

На дняхъ выходитъ въ свѣтъ № 4 „Зари“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ виду обысковъ, имѣвшихъ въ послѣднее время мѣсто въ Германіи и въ виду другихъ конспиративныхъ соображеній нѣкоторые наши (т. е. Искры) представители въ нѣмецкихъ городахъ вынуждены ограничиться при отчетахъ въ нашей газетѣ только иниц., о чемъ представители просятъ насъ заявить.

Получено: отъ Г. С. Д. 190.86 мар., изъ Х. черезъ Г. С. Д. 170 мар., отъ Ш. (Мюнхенъ) 40мар., получено изъ Берна черезъ Рудникова 230 фр., въ томъ числѣ отъ А. В. С. 51 фр. и черезъ Б. на „Искру“ 10 фр.

Изъ Льежа: 1) отъ новаго товарища 21 фр. 10 с., 2) еше отъ велосипедиста 9 фр., 3) На изданіе Туна 10 фр. 4) литер. и сборы 44 фр. 35 с.

Отъ группы сочувствующихъ Искрѣ въ городѣ Х. 150 фр., изъ нихъ 100 фр. отъ „судьбы“.

Отчетъ Б-ской группы за апрѣль — май: непосредственно Лигой за литературу получено — отъ Бунда 10.85 м., на библіотеку частному лицу 15.25 м., отъ продажи по мелочамъ В. 20 м.; за литературу изъ кружковъ въ Б... — 124.5о. въ фр. 50, черезъ частныхъ лицъ — 25.90; пожертвованія отъ Фанни изъ Л. — 70 м., отъ Ф. — 16.50 м. отъ Р. 6 м., отъ Л. — 20 м.

Помѣщаемъ также отчетъ этой группы за январь, который былъ нами своевременно полученъ, но не напечатанъ по ошибкѣ.

За литературу изъ Бе... 137.80 м., за покупку литер. изъ Тверск. губ. черезъ Л. — 30 м., на докупку библ. изъ Сибири 19.30 м., на покупку библ. отъ вятичей — 108 м. отъ К. изъ Н. — 106.82 м., изъ кассы Бе... кружка — 234.09 м.,

Черезъ „75 м.“ — 50 франковъ.

Отъ Ф. 3 фунта, изъ Лондона за литературу 2 фунта, отъ С. Ф. 50 кронъ, отъ М. П. 50 кронъ, отъ консула въ Винтертурѣ 8 фр. 33 с., изъ А. 168 руб., изъ Перми 25 р., изъ Тамбова 25 р., изъ Н. Н. 55 р., отъ Московскаго лавочника 10 р., отъ подписчика, письмо котораго не могли разобрать, 3 р.

„Изъ Петербурга черезъ тжа“ 30 рубл. „Отъ друзей изъ сѣвернаго захолустья“ 40 р. Отъ С.-Пб. Комитета за литер. 175 р., отъ подписчицы 5 р., черезъ Рош. 15 р., отъ Архаровца 37 р., отъ читательницы изъ Х. 15 р.,

4 MN. Корр. получены, дайте адресъ для писемъ и явки.

Матеріалы „Рабочей Мысли“, присланные Пет. Комитетомъ, получены слишкомъ поздно и будутъ использованы въ ближайшихъ №№. За недостеткомъ мѣста отлагаемъ также кореспонденціи изъ Перми, Новозыбкова, Витебска, Харькова, Томска, и др.

Настоятельно просимъ всѣхъ пользующихся для сношеній съ нами (и пересылки денегъ) адресомъ Дитца, отмѣчать на внутреннемъ конвертѣ, что письмо (корр. или деньги) предназначено для ред. „Зари“. Въ противномъ случаѣ матеріалы и письма могутъ не попасть къ намъ.

Вышли изъ печати: Пѣсни борьбы (съ нотами), Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи, Г. Плеханова (изданія „Искры“).

Со всѣми требованіями на нашу литерасуру просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: **Herrn P. Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.**

Сердечное попеченіе объ учащейся молодежи.

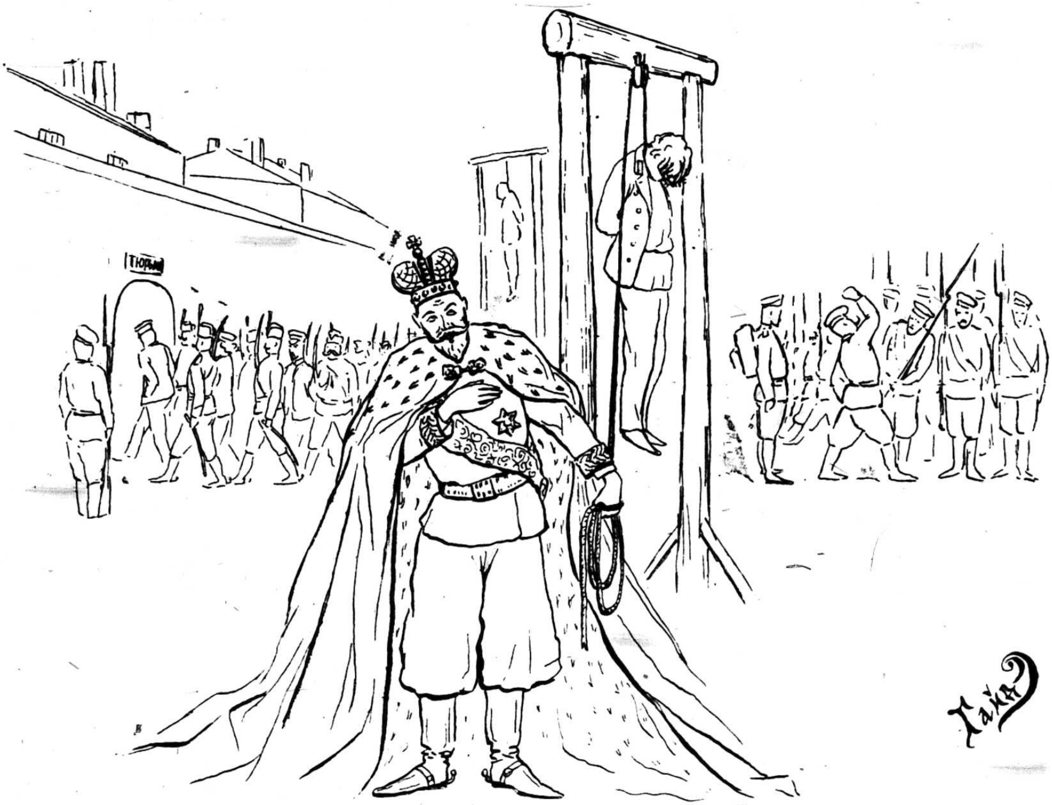

Высочайшій рескриптъ
на имя Зенгера:

„Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентовъ въ концѣ нынѣшняго учебнаго года въ самостоятельномъ сознаніи своего долга вернулось къ учебнымъ занятіямъ и порядку...“

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСКРѢ №. 22.

газетное извѣстіе:
Его Императорское Величество Николай II повелѣть соизволилъ: взыскать съ сельскихъ обществъ и селеній Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ 800 тысячъ рублей въ пользу землевладѣльцевъ тѣхъ же уѣздовъ.

Гей, не дывуйтесь, добріи люде
Що на Вкраини повстало . . .

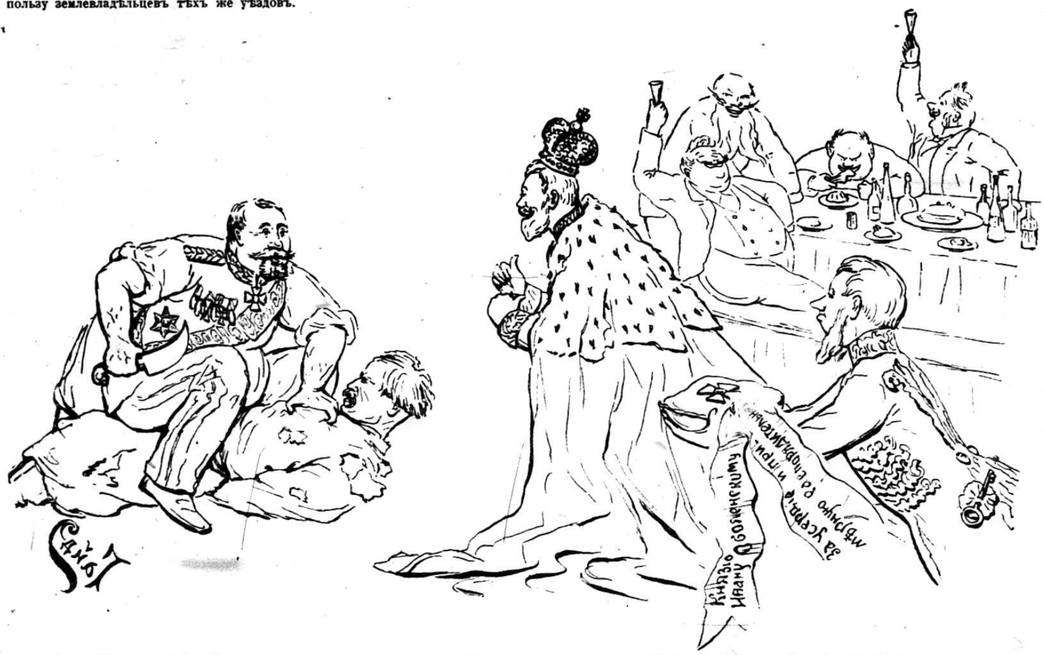

Царь Николай II.: А ну ка, отвали, дружище, моимъ вѣрноподданнымъ землевладѣльцамъ кусокъ свѣжаго человѣческаго мяса.
Князь Оболенскій: Царю и отечеству радъ служить до послѣдняго издыханія!
Помѣщики: Ур-рр-а-а-а!!! Да здравствуетъ царь-батюшка!! за него мы готовы стоять до послѣдней капли крови!

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 23 1 АВГУСТА 1902 ГОДА. № 23

Expedition der „Iskra“ für das Ausland
Axelrod
ZÜRICH IV

ПРОГРАММА РУССКИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ.

Подъ редакціей г-на Струве сталъ выходить въ Штутгартѣ либеральный органъ „Освобожденіе“. Послѣ 3-хъ лѣтней борьбы съ революціоннымъ марксизмомъ во имя бернштейніанства г-нъ Струве убрался, наконецъ, въ лагерь либеральной буржуазіи. Скатертью дорога!

Революціонный пролетаріатъ вынужденъ считаться съ тѣмъ, что отъ времени до времени иные захваченные волной его историческаго движенія интеллигенты отдѣляются отъ него и перебѣгаютъ въ тотъ политическій лагерь, гдѣ общественному дѣятелю легче разсчитывать на непосредственный успѣхъ его работы. И если бы эти перебѣжчики могли, уходя къ либеральной буржуазіи, внести въ ея среду хотя бы только то революціонное настроеніе, ту непреклонную ненависть къ царизму, которой одушевлены сознательный пролетаріатъ и соціалистическая интеллигенція, то мы могли бы еше, пожалуй, мириться съ фактами подобнаго дезертирства. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что бывшіе оппортунисты соціализма оказываются слишкомъ умѣренными, слишкомъ не-революціонными даже для того, чтобы двигать впередъ развитіе либерально-демократическихъ элементовъ.

Вотъ какъ опредѣляетъ г. Струве свою задачу, какъ литературнаго представителя либеральной партіи: „Дать этому уже готовому, уже созрѣвшему сознанію литературное выраженіе — вотъ на что мы притязаемъ. Мы были бы вполнѣ удовлетворены, если бы на нашу долю выпала лишь роль регистраторовъ свободной политической мысли въ Россіи, если бы мы здѣсь, за рубежемъ, могли только предавать тисненію идущее изъ Россіи свободное слово, являясь его простыми наборщиками и печатниками.“ И въ другомъ мѣстѣ: „Это не означаетъ, однако, что редакція отъ себя предложитъ читателямъ готовую программу, содержащую по пунктамъ рѣшеніе всѣхъ основныхъ вопросовъ необходимаго для страны коренного преобразованія. Такая программа должна быть еще выработана общественными дѣятелями нашей страны и, прежде всего, дѣятелями самоуправленія. Не дать программу имъ, а получить ее отъ нихъ — вотъ на что разсчитываетъ редакція „Освобожденія“.

Мы хорошо знаемъ, что всякая буржуазія, хотя бы и трижды либеральная, по отношенію къ своимъ „идеологамъ“ — къ политическимъ и литературнымъ представителямъ своего класса — является весьма строгимъ „хозяиномъ“, требующимъ, чтобы они были не болѣе, какъ „регистраторами“ ея „свободной политической мысли“, выражающей ея классовые интересы. Мы хорошо знаемъ, что экономическая необходимость или сила „общественнаго мнѣнія“ данной среды являются достаточно могучими средствами, чтобы достигнуть этой цѣли и превратить идеологовъ въ простыхъ „регистраторовъ“, въ простыхъ „куліевъ“ (поденщиковъ) на службѣ буржуазіи. Но объ этомъ не принято говорить. Напротивъ, принято дѣлать видъ, будто бы то, что диктуется „политической мыслью“ буржуазіи, выходитъ изъ подъ пера писателя или изъ устъ оратора, какъ свободное выраженіе его собственной политической мысли... Быть можетъ, своеобразность положенія г-на П. Струве, какъ вчерашняго марксиста, дѣлала неизбѣжными особыя съ его стороны гарантіи того, что его политическая мысль совпадетъ съ классовыми интересами... то бишь, съ свободной политической мыслью того класса, на служеніе которому онъ нынѣ отдаетъ свои труды, свои знанія и свои таланты.

Въ статьѣ „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“ мы находимъ ту политическую программу, которую г-нъ Струве „получилъ“ отъ русской „земской политической партіи“, какъ выражаются о себѣ авторы статьи. Г. Струве „всецѣло присоединяется“ къ этой программѣ. Два письма „земцевъ“ въ 1-мъ и 2-мъ №№ дополняютъ эту программу и даютъ намъ возможность составить себѣ довольно полное представленіе о характерѣ новаго литературно-политическаго предпріятія.

„Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій“, заявляютъ „конституціоналисты“, „заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ“.

Итакъ, либералы намѣрены и впредь оставаться внѣ сферы революціонной борьбы. Не вовлечь либеральную буржуазію на путь революціонной борьбы противъ царизма, а оставить ее на томъ пути не-революціонной оппозиціи царизму, на которомъ она топчется безъ всякаго успѣха 40 лѣтъ; не двигать либеральную буржуазію впередъ, а держать ее на одномъ мѣстѣ, — вотъ цѣль „земской политической партіи“.

„Мы вовсе не желаемъ порвать съ той мирной и легальной дѣятельностью, на почвѣ которой мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, работали до сихъ поръ“, говорятъ земцы въ №2 „Освобожденія“, а г. Струве въ редакціонномъ заявленіи съ большимъ усердіемъ защищаетъ эту позицію отъ критики тѣхъ „тенденціозныхъ“ соціалистовъ, которые думаютъ, что „мирная и легальная“ культурная дѣятельность не есть еще та политическая борьба съ царизмомъ, которая является обязанностью всякаго русскаго гражданина. „Такому движенію, говоритъ г. Струве, нельзя навязывать, въ качествѣ общеобязательныхъ, средства, пригодныя и пріемлемыя только для отдѣльныхъ крайнихъ группъ, нельзя внушать взглядовъ и настроеній, которыми оно въ цѣломъ и общемъ не можетъ проникнуться“ (курсивъ нашъ). Вмѣсто того, чтобы „глаголомъ жечь сердца“ россійскихъ обывателей, напоминая имъ, что борьба съ „національнымъ врагомъ“ — царизмомъ требуетъ „подвиговъ“ и героическихъ настроеній, вмѣсто этого имъ внушаютъ, что „выше лба уши не растутъ“ и что только „отдѣльныя крайнія группы“ могутъ стать выше жалкой „культурной“ и легальной работы въ современныхъ условіяхъ, массѣ-же позволительно застыть въ ея трусости, половинчатости и эгоизмѣ. Наши „критики марксизма“ и бернштейніанцы много старались о томъ, чтобы привить намъ, соціальдемократамъ, такое мнѣніе о правѣ рабочей массы оставаться вѣчно въ этомъ состояніи политическаго младенчества. Нашъ пролетаріатъ отказался отъ этой почетной позиціи. Неужели г. Струве будетъ имѣть больше успѣха съ той же проповѣдью, обращаемой имъ нынѣ къ массѣ либеральныхъ собственниковъ?

Какова же политическая задача новой партіи, если она такъ рѣшительно открещивается отъ задачи самостоятельной политической (т. е. при современныхъ русск. условіяхъ — революціонной) борьбы? Ни однимъ словомъ „Освобожденіе“ не даетъ намъ основанія думать, чтобы этой задачей было — содѣйствіе революціонной борьбѣ уже ведушейся, т. е. борьбѣ рабочаго класса, борьбѣ учащейся молодежи или загорающейся борьбѣ крестьянства. Задача новой партіи — „организовать политически ясное, солидарное и сильное своей сознательностью и сплоченностью общественное мнѣніе“. Очень хорошо. Но какова же будетъ роль этого организованнаго общественнаго мнѣнія? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ статья „отъ русскихъ конституціоналистовъ“.

„Многочисленные признаки показываютъ, что разложеніе нашей государственной формы идетъ быстрыми шагами впередъ“. Революціонное броженіе въ „низшихъ слояхъ населенія“, „широко развившееся рабочее движеніе“, студенческіе безпорядки, террористическіе факты и крестьянскіе бунты — всѣ эти активныя нападенія на самодержавіе должны, по мнѣнію нашихъ либераловъ, вынудить правительство „приступить къ серьезной политической реформѣ“ и для этой цѣли обратиться къ земству. И вотъ роль „организованнаго общественнаго мнѣнія“ либеральныхъ собственниковъ сводится къ тому, чтобы подготовиться къ этому важному моменту и намѣтить программу дѣйствій для этого момента. Другими словами, либералы организуются не столько для борьбы съ царизмомъ въ настоящее время, сколько для переговоровъ съ царизмомъ въ такое время, когда послѣдній, подъ вліяніемъ ужаса передъ рабочимъ движеніемъ и другими революціонными силами, станетъ думать о „серьезной политической реформѣ“. Какія же условія поставятъ въ этотъ моментъ наши либералы?

Они потребуютъ „принципіальнаго признанія“ (путемъ царскаго манифеста) цѣлаго ряда перечисленныхъ ими „основныхъ правъ“: свободы печати, собраній и союзовъ, личной неприкосновенности, равенства передъ закономъ и права петицій*. Когда царскій манифестъ дастъ народу всѣ эти права, отмѣнитъ всякія незаконныя административныя распоряженія и дастъ амнистію осужденнымъ за государственныя преступленія, тогда царь, признавъ въ принципѣ „безсословное народное представительство“, долженъ созвать представителей отъ земствъ и крупныхъ городовъ, которые и порѣшатъ вопросъ о проведеніи въ жизнь всѣхъ вышеперечисленныхъ принциповъ, т. е. выработаютъ конституцію.

Итакъ основная задача „земской политической партіи“ достаточно ясна: когда революціон. движеніе расшатаетъ царизмъ, она выступаетъ съ требованіемъ, чтобы ликвидація этого царизма и опредѣленіе основъ новаго свободно-конституціоннаго порядка было поручено никому иному, а представителямъ земства и городскихъ думъ т. е. извѣстной части земельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Стало быть, отказываясь принять участіе въ борьбѣ, направленной непосредственно на разрушеніе ненавистнаго всѣмъ порядка, наша либеральная буржуазія больше всего озабочена тѣмъ, какъ бы сдѣлать, чтобы дѣло установленія новаго порядка досталось цѣликомъ въ ея руки. Мы очень хорошо понимаемъ это стремленіе либеральной буржуазіи. Для насъ очевидно, что, отказываясь отъ участія въ классовой борьбѣ, направленной противъ царизма, она тѣмъ болѣе спѣшитъ подготовить свои силы для классовой борьбы противъ тѣхъ соціальныхъ группъ, которыя добиваются сверженія самодержавія, чтобы установить новый политическій порядокъ съ наибольшей выгодой для ихъ интересовъ. Конституціоналисты пытаются организовать либеральную буржуазію не столько для борьбы за низверженіе самодержавія, сколько для того, чтобы приготовить ее къ борьбѣ за право безраздѣльно хозяйничать въ Россіи послѣ побѣды народа надъ самодержавіемъ.

Г-нъ Струве скажетъ, что это — клевета. Онъ укажетъ намъ, что „конституціоналисты“ мотивируютъ необходимость передачи дѣлъ выработки новаго политическаго порядка земцамъ интересами... свободы. Они заявлютъ, что предоставить выработку этого новаго порядка какому-либо избранному для этого спеціальному собранію—внѣ земскихъ собраній—прямо-таки опасно. Кто будетъ созывать собраніе? То же самое—все еще самодержавное — правительство? Но „создать канцелярскимъ путемъ какія бы то ни было новыя избирательныя коллегіи для выбора обществомъ людей, призванныхъ осуществлять реформу, — значило бы начать съ нарушенія одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ реформы“. Конституціоналисты готовы признать, что собраніе представителей земства можетъ оказаться недостаточно демократичнымъ, но... „во всякомъ случаѣ, такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ „скачекъ въ неизвѣстное“, который представляла бы всякая попытка выборовъ ad hoc**), подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно-опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ“ (курсивъ нашъ). Итакъ, „Освобожденіе“ полагаетъ, что для дѣла свободы надежнѣе будетъ отдать реформу въ руки земства, такъ какъ кромѣ него на лицо будутъ только два фактора: опытная въ политическихъ мошенничествахъ бюрократія и „непривычныя къ политической жизни“ народныя массы. Такъ ли это, однако? А гдѣ же будетъ организованная сила революціонныхъ партій — авангарда народныхъ массъ? Неужели существованіе этихъ партій, которыя своей борьбой приведутъ къ паденію самодержавія, будетъ меньшей гарантіей свободы выборовъ, чѣмъ какую представятъ наши земства, отказывающіяся вести активную борьбу съ царизмомъ, чтобы „не сойти съ почвы легальной и мирной дѣятельности“? Мы полагаемъ, что въ революціонный періодъ — т. е. въ періодъ выработки новаго политическаго порядка единственно-надежной гарантіей противъ обмановъ и насилій реакціонеровъ можетъ быть только сознательность народныхъ массъ и организованность и рѣшительность тѣхъ партій, которыя вынесутъ на своихъ плечахъ дѣло освобожденія. И тотъ, кто серьезно заботится о томъ, чтобы политическій кризисъ, переживаемый Россіей, разрѣшился не новымъ правительственнымъ обманомъ, а дѣйствительнымъ политическимъ переворотомъ, тотъ долженъ, во 1-хъ, содѣйствовать политическому сознанію народныхъ массъ, а, слѣдовательно, развитію въ этихъ народныхъ массахъ интереса къ политической свободѣ, а, во 2-хъ, — способствовать усиленію тѣхъ, непосредственно борющихся съ современнымъ порядкомъ, революціонныхъ силъ, которые своимъ натискомъ свалятъ самодержавіе.

А, между тѣмъ, наши конституціоналисты не дѣлаютъ ни того, ни другого. Выступая довольно увѣренно, какъ представители всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ въ Россіи, они до такой степени проникнуты узко классовыми интересами одной соціальной группы — помѣщичьяго земства, — что не пытаются даже связать выставленныя на ихъ знамени политическія требованія съ соціальными требованіями того рабочаго класса, который по словамъ самого г-на Струве, „проснулся къ свободѣ, требуетъ ее и возьметъ ее“. Въ числѣ „свободъ“, признаніе которыхъ въ царскомъ манифестѣ требуется конституціоналистами, не упомянута свобода стачекъ. Даже это требованіе, въ принципѣ признаваемое либеральными буржуа во всѣхъ странахъ, даже оно должно быть добыто силами самого пролетаріата и только его — наши либералы не захотѣли, хотя бы изъ приличія, написать его на своемъ знамени! Требуя „самой широкой амнистіи по всякаго рода государственнымъ преступленіямъ“, они молчатъ объ амнистіи тѣхъ, кто осужденъ за стачки, рабочіе и крестьянскіе безпорядки. Въ „открытомъ письмѣ отъ группы земскихъ дѣятелей“ (№1) о недавнихъ крестьянскихъ волненіяхъ говорится въ слѣдующихъ фразахъ, которыя заслуживаютъ быть выжженными на лбу отставного соціалиста, завѣдующаго органомъ „земской партіи“:

„Очевидно, революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, невѣжества, непониманія элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права*), безправія и разобщенности культурныхъ, мирныхъ элементовъ общества отъ народа.“

Итакъ, агитація, впервые выводящая народныя массы изъ вѣкового политическаго сна, прививается и даетъ плоды на почвѣ невѣжества! Къ крестьянскому движенію, направленному противъ тѣхъ „основъ“ русскаго „гражданскаго права“, которыя узаконяютъ первобытнѣйшія формы кабалы и безправія, относятся, какъ къ какому-то нашествію варваровъ... Неудивительно, что тѣ же земцы говорятъ объ „общей почвѣ классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, вздымающійся подобно ужасному вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія“. Испугавшись этого страшнаго вулкана, который въ своемъ изверженіи, навѣрное, безвозвратно унесетъ въ область прошлаго и „аренду за отработки“ и почтительность „мужичка“ и много другихъ прелестей сельской жизни, наши свободолюбивые помѣщики обѣщаютъ содѣйствовать „устраненію правительственной и народной**) анархіи и царящихъ у насъ ужасныхъ недоразумѣній, которыя готовы толкнуть Россію на путь продолжительныхъ и совершенно излишнихъ страданій, насилій и кровопролитій“ и въ грозномъ негодованіи на „близорукую и неумѣлую бюрократію“ ставятъ ей въ вину, что она „все расшатываетъ, въ томъ числѣ и самодержавіе, которому она якобы служитъ“. Даже самодержавіе! Да, чтобы добиться себѣ нѣкоторыхъ правъ силами русскаго народа и не поступиться при этомъ въ пользу крестьянъ ни одной десятиной земли — для этого не слѣдуетъ окончательно разрывать „даже съ самодержавіемъ“!

А поступаться своими экономическими интересами гг. либеральные помѣщики, видимо, не думаютъ. Выговоривъ себѣ полномочіе устроить судьбы русскаго народа въ собраніи земскихъ представителей, они полагаютъ, что имъ въ свою программу вовсе не слѣдуетъ вводить тѣхъ „экономическихъ“ реформъ, тѣхъ мѣръ по „рабочему и аграрному вопросу“, которыя должны быть проведены послѣ политическаго освобожденія Россіи. Это — дѣло тѣхъ парламентовъ, которыми насъ наградитъ Земскій Соборъ. Въ настоящее время нужно говорить только о политическихъ вопросахъ. Но и не о всѣхъ политическихъ вопросахъ слѣдуетъ теперь говорить. Такъ, напр., вопросъ „объ избирательныхъ правахъ населенія“ — или объ отношеніи народныхъ представителей къ монарху имѣетъ несомнѣнно „не только техническое, но и принципіальное значеніе“. Но — „тѣмъ не менѣе, рѣшать эти вопросы въ томъ заявленіи, которое должно намѣтить лишь ближайшія перспективы для выполненія нашей программы, значило бы, какъ намъ кажется, дѣлить шкуру неубитаго еще медвѣдя“ (курсивъ нашъ). И въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ „дѣлить шкуру“ политическихъ правъ съ народомъ почему бы, какъ выражается одинъ товарищъ въ присланномъ намъ письмѣ, не взять ее цѣликомъ? — Выступая въ качествѣ представителей всей Россіи, наши помѣщики не только не хотятъ связать себя обѣщаніемъ поддержать народъ въ его насущнѣйшихъ экономическихъ требованіяхъ, они не берутъ на себя даже обязательства предоставить ему политическое равенство, немыслимое, безъ равнаго и всеобщаго избирательнаго права. И эти люди думаютъ, что народъ сочтетъ передачу „дѣла реформы“ въ ихъ руки надежной гарантіей того, что проливаемая имъ въ борьбѣ за свободу кровь прольется не даромъ!

Да и какое довѣріе могутъ питать народныя массы къ политическимъ дѣятелямъ, которые, собираясь „организовать общественное мнѣніе“, не только всячески открещиваются отъ званія „революціонеровъ“, но и не отказываютъ себѣ въ удовольствіи выразить свое порицаніе тѣмъ, кто своей самоотверженной борьбой пролагаетъ путь свободѣ? „Какъ раньше, такъ и теперь, пишутъ земцы (въ №2 „Освоб.“), мы остаемся противниками всякаго насилія***), откуда бы оно не исходило, сверху или снизу“.

Кокетничанье съ тѣмъ самымъ самодержавіемъ, которому объявляется война; страхъ собственника передъ тѣмъ самымъ народомъ, во имя интересовъ котораго требуется для „земской партіи“ роль представителя „націи“; плохо прикрытая защита классовыхъ интересовъ помѣщиковъ — наряду съ громкими фразами противъ классовой борьбы — и предательскія попытки дискредитировать революціонное движеніе въ то самое время, когда всѣ расчеты строятся на его успѣхѣ — таковы основные элементы политическаго направленія „конституціоналистовъ“.

Ни рабочій классъ, ни революціонная демократія вообще не могутъ оказать такой партіи никакого политическаго кредита.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОЛЕМИКА.

Передовая статья 20-го № „Искры“ вызвала неудовольствіе такъ называющейся „боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ.“ Эта организація упрекаетъ насъ въ томъ, что мы выставили въ невѣрномъ освѣщеніи событіе 2-го апрѣля, указавъ на связь между этимъ событіемъ и реакціонной политикой правительства по отношенію къ учащейся молодежи. С. В. Балмашевъ, — поправляетъ насъ эта „организація“, былъ прежде всего соціалистомъ и революціонеромъ... убійство министра внутреннихъ дѣлъ совершено имъ не какъ студентомъ, а какъ членомъ боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ, по ея постановленію и при ея непосредственномъ содѣйствіи... С. В. Балмашевъ явился исполнителемъ рѣшенія боевой организаціи партіи, и мотивовъ его рѣшенія нужно искать прежде всего въ оффиціальныхъ заявленіяхъ этой организаціи, а не въ какихъ бы то ни было догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ“.

Юпитеръ, ты сердишься, стало быть, ты неправъ.

Мотивовъ рѣшенія, принятаго покойнымъ С. В. Балмашевымъ, надо искать въ его собственныхъ словахъ: только обращаясь къ этому источнику, мы не рискуемъ попасть въ заблужденіе, благодаря произвольнымъ догадкамъ и „неизвѣстно на чемъ основаннымъ“ заявленіямъ.

Что же говорилъ самъ С. В. Балмашевъ?

Онъ категорически утверждалъ на судѣ, что его „единственнымъ сообщникомъ и помощникомъ было русское правительство“. Онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о „боевой организаціи

(* Повидимому до тѣхъ поръ, пока самодержавіе не „пожалуетъ“ имъ права петицій, наши либералы не намѣрены пользоваться даже этимъ обычнымъ средствомъ заявленія своихъ желаній. Вѣдь они „не намѣрены сходить съ легальной почвы“.

**) Для спеціальной цѣли.

*) Курсивъ нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

***) Въ майской книжкѣ либеральнаго „Вѣстника Европы“ г-нъ Слонимскій разсказываетъ о томъ, что всеобщее избирательное право грозитъ опасностями не реакціоннымъ, но „прогрессивнымъ партіямъ“.

партіи соц.-рев.“ и повидимому, ему осталось неизвѣстнымъ самое существованіе этой организаціи съ ея постановленіями.

Намъ говорятъ, что С. В. Балмашевъ былъ прежде всего соціалистомъ и революціонеромъ. Мы охотно вѣримъ тому, что онъ былъ соціалистомъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшей охоты и рѣшительно никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ революціонеромъ. Но мы не знаемъ, откуда видно, что онъ былъ „соціалистомъ-революціонеромъ“. Мы боимся, что именно это утвержденіе основано „на догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ“.

Далѣе, намъ ставятъ на видъ, что убійство министра внутреннихъ дѣлъ совершено Балмашевымъ не какъ студентомъ, а какъ членомъ „боевой организаціи“. Но еслибы принадлежность С. В. Балмашева къ этой организаціи и не подлежала сомнѣнію, — а мы уже знаемъ, что она болѣе, чѣмъ сомнительна, — то и тогда наша мысль о причинной зависимости между правительственными преслѣдованіями студентовъ и выстрѣломъ 2-го апрѣля осталась бы совсѣмъ не опровергнутой. Вѣдь Балмашевъ, дѣйствительно, былъ студентомъ и онъ, дѣйствительно, испыталъ на себѣ всю тяжесть преслѣдованій, направленныхъ противъ нашей учащейся молодежи Эти преслѣдованія сдѣлали изъ него революціонера, а, сдѣлавшись революціонеромъ, онъ могъ сойтись и съ „боевой организаціей“ (чему, однако, рѣшительно противорѣчитъ его собственное заявленіе); все это было очень естественно, но все это ни мало не показываетъ, что его рѣшеніе сложилось независимо отъ „сердечнаго попеченія“ нашихъ реакціонеровъ о нашихъ высшихъ школахъ, и все это ни мало не показываетъ, что мы ошибались.

„Сипягинъ убитъ, продолжаетъ „боевая организація“, — какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на отвѣтственности котораго лежатъ тысячи вопіющихъ злодѣяній, злодѣяній, передъ которыми меркнутъ даже всѣ драконовскія мѣропріятія, спеціально направленныя противъ волнующихся студентовъ“.

Но мы вовсе не утверждаемъ, что С. В. Балмашевъ хотѣлъ покарать Сипягина только за студентовъ. „Боевая организація“ совершенно не поняла нашей статьи. Заряжая свой карающій револьверъ, Балмашевъ имѣлъ въ виду бѣдствія всей угнетенной Россіи, но вѣдь эти же бѣдствія имѣетъ въ виду все наше передовое студенчество, давно уже переросшее узкія требованія „академической свободы“. Между тѣмъ, никто изъ мыслящихъ людей не удивится, если мы скажемъ, что революціонное настроеніе нашего студенчества (не исключая и самыхъ передовыхъ его элементовъ) вызывается прежде всего ненормальностью его собственнаго положенія, какъ учащагося „сословія“. Боевая организація почему-то не обратила вниманія на слова: „прежде всего“. Эти слова указываютъ на гоненія, испытываемыя нашимъ студенчествомъ, какъ на ближайшую причину пробужденія революціонной мысли этого студенчества. Но разъ революціонная мысль пробудилась, то совершенно естественно, что она не останавливается на чисто академическихъ требованіяхъ. Она открываетъ причинную зависимость между положеніемъ учащейся молодежи въ частности и положеніемъ всей страны вообще; она выставляетъ политическія или даже соціально политическія требованія. Это очень ясно видно на примѣрѣ самаго Балмашева. Обвинительный актъ по его дѣлу цитируетъ слѣдующее интересное мѣсто изъ одной его рукописи: „студенты сознаютъ,... что строй, при которомъ они живутъ, поддерживается маленькою горстью людей въ ея личныхъ, глубоко эгоистическихъ интересахъ. Студенчество дождалось сильнѣйшихъ репрессій... русское правительство желало имъ самимъ установленные драконовскіе законы мѣнять на еще болѣе безчеловѣчные... Измѣненіе академич. строя возможно исключительно лишь съ перемѣной всего общественнаго строя, почему студенты и должны стремиться къ уничтоженію современнаго монархическаго строя“.

Этотъ отрывокъ съ поразительной ясностью показываетъ, что именно ненормальное положеніе нашего студенчества было точкой отправленія революціонной мысли С. В. Балмашева*). „Боевая организація“ ссылается на то, что въ письмѣ къ своимъ родителямъ Балмашевъ говоритъ, что приноситъ свою жизнь „въ жертву великому дѣлу облегченія участи трудящихся и угнетенныхъ“. Это святыя слова; но и эти святыя слова ни мало насъ не опровергаютъ. Нѣмецкій студентъ Карлъ Зандъ, поразившій Коцебу въ мартѣ 1819 года, говорилъ себѣ словами тогдашней революціонной пѣсни: *Ein Christus sollst du sein*, т. е. ты долженъ быть Христомъ; ты долженъ пожертвовать своей жизнью для нуждающихся и обремененныхъ. Это какъ разъ то, что писалъ С. В. Балмашевъ. И тотъ же Зандъ, рѣшившись поразить Коцебу, вышелъ изъ студенческой организаціи, мотивируя свой выходъ тѣмъ, что онъ хочетъ стать мстителемъ за весь народъ.

Психологія Карла Занда, какъ двѣ капли воды, похожа на психологію С. В. Балмашева, а между тѣмъ давно уже даже всѣ школьники, — не исключая и самыхъ непонятливыхъ, — знаютъ, что въ смерти Коцебу виновато было прежде всего упорство той реакціонной клики, которая держала въ своихъ рукахъ судьбы тогдашней Германіи и которая отвѣчала полицейскими преслѣдованіями на самыя естественныя и самыя неизбѣжныя требованія тогдашняго нѣмецкаго студенчества.

Такъ называемая „боевая организація“ очень плохо поняла историческій смыслъ того самаго событія, которое она взялась выставить въ истинномъ свѣтѣ. Смѣемъ думать, что мы отчасти уже выяснили ей этотъ смыслъ. Но если ей и теперь что нибудь неясно, то мы и впредь готовы къ ея услугамъ.

---

*) Намъ замѣтятъ, пожалуй, что составитель обвинительнаго акта могъ неправильно процитировать рукопись С. В. Балмашева. Но этотъ послѣдній не нашелъ нужнымъ ни протестовать противъ приведеннаго отрывка (что онъ непремѣнно сдѣлалъ бы, еслибы отрывокъ былъ сочиненъ самимъ обвинителемъ), ни дополнить его какими никудь поясненіями. Слѣдовательно, мы имѣемъ право предположить, что этотъ отрывокъ правильно выражалъ его мысль.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Два земскихъ съѣзда.

Въ прошломъ году мы отмѣтили знаменательное явленіе въ жизни нашего земства: небольшой съѣздъ либеральныхъ земцевъ нѣсколькихъ губерній. Въ концѣ мая и въ іюнѣ нынѣшняго года состоялись новые съѣзды земскихъ дѣятелей при большемъ числѣ участниковъ и по болѣе широкой программѣ, чѣмъ прошлогодній. Въ занятіяхъ майскаго съѣзда принимали участіе представители 25 земскихъ губерній въ количествѣ 45—50 человѣкъ.

Занятія, продолжавшіяся 4 дня, посвящены были, главнымъ образомъ, вопросамъ, поднятымъ учрежденіемъ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: о составѣ Особаго Совѣщанія, объ отношеніи, въ которое должно стать къ совѣщанію земство, о правовомъ и экономическомъ положеніи крестьянства (равенство всѣхъ передъ закономъ, вопросъ объ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія). — Мы не считаемъ возможнымъ брать на себя починъ въ опубликованіи положительной части высказанныхъ на майскомъ съѣздѣ взглядовъ и желаній передовыхъ земскихъ-дѣятелей по этимъ важнымъ и интереснымъ вопросамъ.

Что касается отрицательной, критической части разсужденій земцевъ, то „закрытыя двери“ совѣщанія развязали языкъ ораторамъ и дали возможность въ страстныхъ, порою блестящихъ рѣчахъ вылиться всей ненависти представителей земства къ самодержавно-бюрократической опричнинѣ. Въ особенности досталось С. Ю. Витте и его финансовой политикѣ. Еслибъ онъ зналъ, какъ его не любятъ! Досталось и августѣйшей маріонеткѣ русскаго правительства, убогому, бѣдному Никѣ-Милушѣ.

Іюньскій съѣздъ земцевъ (или „слетъ“, какъ не безъ остроумія называютъ они свои совѣщанія) былъ непосредственнымъ продолженіемъ майскаго съѣзда. Въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ на югѣ говорилось о желательномъ реформированіи деревни, при чемъ въ виду разногласій между представителями сѣверныхъ губерній, которыхъ минула чаша сія—волненія крестьянъ—и южныхъ, рѣшено было вопросъ объ аграрныхъ реформахъ оставить пока что открытымъ... Въ общемъ, однако, ничего новаго ни по существу вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе, ни по отношенію ораторовъ къ этимъ вопросамъ и жгучимъ общимъ вопросамъ современности этотъ съѣздъ (кстати сказать, еще болѣе многолюдный, чѣмъ майскій)—не далъ.

Изъ другихъ источниковъ намъ сообщаютъ по этому поводу: Узнавъ, очевидно черезъ шпіоновъ, всѣ подробности совѣщанія, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ доложилъ объ этомъ царю и вотъ всѣ участники совѣщанія вызываются по одиночкѣ къ своимъ губернаторамъ и выслушиваютъ отъ нихъ (устно) выраженіе монаршаго неудовольсчвія ихъ поведеніемъ. Въ бумагѣ, которую губернаторы читаютъ, не давая на руки, провинившимся земцамъ, сказано, что Его Величество выражаетъ свое неудовольствіе по поводу участія такого-то на противузаконномъ съѣздѣ и предупреждаетъ, что, въ случаѣ повторенія подобнаго проступка, виновный немедленно будетъ устраненъ отъ занимаемой имъ должности. Болѣе видные земцы, какъ напримѣръ предсѣдатель Московской губернской Управы Шиповъ, вызываются въ Петербургъ, гдѣ они подобное же внушеніе выслушиваютъ отъ Плеве.

Орловскій предводитель дворянства Стаховичъ тоже былъ вызванъ въ Петербургъ. Плеве предложилъ ему подать въ отставку и избрать постоянное мѣстожительство. Стаховичъ отвѣтилъ, что какъ подчиненный непосредственно царю, онъ подчинится только его прямому приказу. Чѣмъ кончится дѣло — неизвѣстно.

Еще секретный документъ.

М. Ф.
Главное управленіе
неокладныхъ сборовъ
и
казенной продажи питей.
Канцелярія инсп. отд. I ст.
8-го мая 1902 г.
№ 897

Секретно
Циркулярно.

Г.г. Управляющимъ
акцизными сборами.

Въ одномъ изъ акцизныхъ управленій произошелъ случай арестованія и заключенія въ тюрьму одного вольнонаемнаго письца, при чемъ, изъ имѣющихся въ распоряженіи Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей свѣдѣній, усматривается, что помянутое лицо принято было на службу безъ надлежащаго сношенія съ мѣстной администраціей относительно его политической благонадежности.

Приведенный фактъ наглядно указываетъ на крайнюю желательность, предварительно зачисленія лицъ на службу въ акцизныя управленія по вольному найму, имѣть о такихъ лицахъ возможно точныя данныя, дабы избѣжать на будущее время повторенія случаевъ, подобныхъ вышеизложенному.

Вслѣдствіе этого предлагаю г.г. управляющимъ акцизными сборами къ непремѣнному руководству при выборѣ вольнонаемныхъ служащихъ, входить каждый разъ въ сношеніе съ надлежащими властями, для выясненія политической благонадежности и нравственныхъ качествъ лицъ, принимаемыхъ во ввѣренныхъ Вамъ Управленіяхъ въ число вольнонаемныхъ служащихъ.

Подлинный за надлежащими подписями.
Съ подлиннымъ вѣрно.

Директоръ Правленія.

Мужи науки въ роли добровольцевъ сыска.

Изъ Томска пишутъ, что ректоръ Томск. университета, Судаковъ, настрочилъ доносъ въ Мин. Нар. Пр Это — рукопись весьма почтенныхъ размѣровъ, случайно она попала въ руки публики. Почтенный ректоръ дѣлитъ томскихъ обывателей на три разряда. Первый, самый большой, это — либералы — лица, сочувствующія всякимъ протестамъ, въ томъ числѣ и студенческимъ безпорядкамъ, оказывающіе бунтарямъ всяческое содѣйствіе и преслѣдующіе истинныхъ сыновъ отечества, студентовъ, идущихъ противъ волненій. Въ число „либераловъ“ попалъ даже Томскій Губернаторъ Ломачевскій за то, что разрѣшилъ служить санитарнымъ врачемъ одному коноводу студентовъ — бунтарей (фамиліи не сообщаютъ). Конечно, продолжаетъ Судаковъ, есть и истинные вѣрноподданные, но „мало ихъ“, и либералы ихъ оттираютъ на задній планъ. Третій и самый опасный разрядъ, по мнѣнію его — это радикалы, т. сказать активно-бунтарскій элементъ, — но „холоденъ и бѣденъ нашъ языкъ“ для того, чтобы описать всю черноту замысловъ „радикаловъ“, и почтенный ректоръ въ ужасѣ замолкаетъ.

Къ доносу приложено и ходатайство профессоровъ Томскаго У-та „объ обузданіи мѣстной прессы“, во главѣ которой стоитъ „ничтожный еврей“ (Прейсманъ, редакторъ Сиб. Вѣстника), не дающій томскимъ профессорамъ покоя своими нападками. „Пробовалъ Судаковъ писать опроверженія (говорится въ ходатайствѣ), да еще хуже выходитъ“. — Кто подписался (или вѣрнѣе, кто не подписался — какъ иронически добавляетъ авторъ письма изъ Томска) подъ этимъ „ходатайствомъ“ — неизвѣстно.

Витебскъ. На послѣднемъ военномъ парадѣ, когда весь мѣстный гарнизонъ былъ выстроенъ на площади, гдѣ толпилась также жадная до зрѣлищъ публика, вдругъ раздается какая-то необычная для подобныхъ случаевъ команда: „Нижніе чины іудейскаго вѣроисповѣданія, впередъ!“ Происходитъ замѣшательство въ рядахъ войскъ; евреи-солдаты спѣшатъ выйти впередъ, еще не зная, на что ихъ требуетъ ихъ грозное „начальство“; въ публикѣ недоумѣніе и напряженное вниманіе. — „Когда вы пойдете куданибудь въ гости, — обращается корпусный командиръ Батьяновъ во всеуслышаніе къ солдатамъ — евреямъ, — или вы поѣдете домой, то передайте вашимъ единовѣрцамъ, чтобы они не вмѣшивались въ политику и противъ правительства не шли, потому что если правительство на одинъ день сниметъ съ нихъ глазъ, то не останется ни одного цѣлаго еврейскаго ребра!“

Поистинѣ трогательно отеческое отношеніе Батьянова къ евреямъ. Какъ корпусный командиръ, Батьяновъ является представителемъ военной власти, а не гражданской, и забота о спокойствіи въ городѣ и благополучіи его жителей лежитъ исключительно на плечахъ гражданскихъ властей. Батьяновъ спѣшитъ предупредить евреевъ, удержать ихъ отъ гибельнаго шага — не по долгу службы, а изъ чувства гуманности, доброжелательства и пр.

Впрочемъ, я сильно сомнѣваюсь, дѣйствительно ли въ такомъ духѣ поняло эту рѣчь еврейское общество. Этотъ крѣпковыйный народъ, не разъ уже выказавшій свою черную неблагодарность къ пекущемуся о немъ правительству, всячески охраняющему его отъ зловреднаго вліянія науки, отъ деморализаціи на государственной службѣ, отъ трудныхъ и неблагодарныхъ, при настоящихъ условіяхъ, занятій земледѣліемъ, отъ гибельныхъ для націи послѣдствій въ случаѣ разсѣянія по всей матушкѣ — Россіи и т. д., — этотъ неисправимый народъ, боюсь, и полную заботъ о немъ рѣчь Батьянова сумѣлъ перетолковать по своему: нашелъ

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ АВАНТЮРИЗМЪ.

Мы переживаемъ бурныя времена, когда исторія Россіи шагаетъ впередъ семимильными шагами, каждый годъ значитъ иногда болѣе, чѣмъ десятилѣтія мирныхъ періодовъ. Подводятся итоги полустолѣтію пореформенной эпохи, закладываются камни для соціально политическихъ построекъ, которыя будутъ долго-долго опредѣлять судьбы всей страны. Революціонное движеніе продолжаетъ расти съ поразительной быстротой, — и „наши направленія“ дозрѣваютъ (и отцвѣтаютъ) необычайно быстро. Направленія, имѣющія солидныя основанія въ классовомъ строѣ такой быстро развивающейся капиталистической страны, какъ Россія, находятъ почти сразу „свою полочку“ и нащупываютъ родственные имъ классы. Примѣръ: эволюція г-на Струве, съ котораго революціонеры-рабочіе всего $1^1/_2$ года тому назадъ предлагали „сорвать маску“ марксиста и который уже теперь выступилъ безъ маски самъ, какъ вождь (или прислужникъ?) либеральныхъ помѣщиковъ, гордыхъ своей почвенностью и трезвенностью. Наоборотъ, направленія, выражающія только традиціонную неустойчивость воззрѣній промежуточныхъ и неопредѣленныхъ слоевъ интеллигенціи, стараются замѣнить сближеніе съ опредѣленными классами тѣмъ болѣе шумнымъ выступленіемъ, чѣмъ громче гремятъ событія. „Шумимъ, братецъ, шумимъ“ — таковъ лозунгъ многихъ революціонно настроенныхъ личностей, увлеченныхъ вихремъ событій и не имѣющихъ ни теоретическихъ ни соціальныхъ устоевъ.

Къ такимъ „шумнымъ“ направленіямъ принадлежатъ и „соціалисты-революціонеры“, физіономія которыхъ вырисовывается все яснѣе и яснѣе. И пора уже пролетаріату внимательно присмотрѣться къ этой физіономіи, отдать себѣ точный отчетъ въ томъ, что представляютъ изъ себя въ дѣйствительности люди, которые тѣмъ настойчивѣе ищутъ его дружбы, чѣмъ ощутительнѣе становится для нихъ невозможность существовать, какъ особому направленію, безъ тѣснаго сближенія съ дѣйствительно революціоннымъ общественнымъ классомъ.

Троякаго рода обстоятельства всего болѣе посодѣйствовали выясненію настоящей физіономіи соц.-революціонеровъ. это, во первыхъ, расколъ между революціонной соц.-демократіей и оппортунизмомъ, поднимающимъ голову подъ знаменемъ „критики марксизма“. Это, во вторыхъ, убійство Балмашевымъ Сипягина и новый поворотъ къ террору въ настроеніи нѣкоторыхъ вреолюціонеровъ. Это, въ третьихъ и главнымъ образомъ, новѣйшее движеніе въ крестьянствѣ, заставившее людей, привыкшихъ сидѣть между 2-хъ стульевъ и не имѣющихъ никакой программы, выступить *post factum* хоть съ чѣмъ-нибудь похожимъ на программу. Разсмотримъ всѣ эти три обстоятельства, оговариваясь, что въ газетной статьѣ можно только вкратцѣ намѣтить основные пункты аргументаціи и что къ болѣе подробному ея изложенію намъ еще придется, вѣроятно, вернуться въ журнальной статьѣ или брошюрѣ.

Съ принципіально теоретическимъ заявленіемъ соц.-революціонеры собрались выступить только во 2-мъ № Вѣст. Русск. Рев. въ редакціонной неподписанной статьѣ: „Міровой ростъ и кризисъ соціализма“. Мы усердно рекомендуемъ эту статью всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ имѣть наглядное представленіе о полнѣйшей теоретической безпринципности и шаткости (а также объ искусствѣ прикрывать таковую потокомъ словъ). Все содержаніе этой высоко-замѣчательной статьи можетъ быть передано въ двухъ словахъ. Соціализмъ выросъ въ міровую силу, соціализмъ (-марксизмъ) раскалывается теперь вслѣдствіе войны революціонеровъ („ортодоксовъ“) съ оппортунистами („критиками“). Мы, соц.-революц., „конечно“, не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачемъ и играемъ по поводу „критики“, освободившей насъ отъ догмы, мы тоже беремся за пересмотръ этой догмы, — и, хотя мы еще ровно никакой (кромѣ буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрѣли, но эта наша свобода отъ теоріи и должна быть вмѣнена намъ въ нарочитую заслугу. Тѣмъ болѣе должна быть вмѣнена въ заслугу, что въ качествѣ свободныхъ отъ теоріи людей мы яро стоимъ за всеобщее объединеніе, мы горячо осуждаемъ всякіе принципіально-теоретическіе споры. „Серьезная революціонная организація“—пресерьезно увѣряетъ насъ В. Р. Р. (№ 2, стр. 127) — „отказалась бы отъ рѣшенія вѣчно разъединяющихъ спорныхъ вопросовъ соціальной теоріи, что, конечно, не должно мѣшать теоретикамъ искать ихъ рѣшенія“—или, прямѣе: писатель пусть пописываетъ, читатель — почитываетъ, а мы, пока судъ а дѣло, возрадуемся по случаю освобожденнаго пустого мѣста.

Серьезно разбирать эту теорію уклоненія (по случаю собственно споровъ) отъ соціализма, разумѣется, не доводится. По нашему мнѣнію, кризисъ соціализма обязываетъ сколько-нибудь серьезныхъ соціалистовъ именно къ тому, чтобы обратить усиленное вниманіе на теорію, — рѣшительнѣе занять строго опредѣленную позицію—рѣзче отмежеваться отъ шаткихъ и ненадежныхъ элементовъ. По мнѣнію же соц.-рев., разъ существуетъ „даже у нѣмцевъ“ расколъ да разбродъ, такъ намъ, россіянамъ, и самъ богъ велѣлъ гордиться тѣмъ, что мы сами не знаемъ, куда бредемъ. По нашему мнѣнію, отсутствіе теоріи отнимаетъ право существованія у революціоннаго направленія и неизбѣжно осуждаетъ его, рано или поздно, на политическій крахъ. По мнѣнію же соц.-рев., отсутствіе теоріи — весьма хорошая вещь, особливо удобная „для объединенія“. Какъ видите, намъ и имъ не столковаться, ибо и говоримъ то мы на разныхъ языкахъ. Одна надежда: не образумитъ ли ихъ г Струве, который тоже (только посерьезнѣе) говоритъ объ устраненіи догмы и о томъ, что „наше“ дѣло (какъ и дѣло всякой буржуазіи, обращающейся къ пролетаріату) не разъединить, а объединить. Не увидятъ ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое дѣйствительное значеніе имѣетъ ихъ позиція освобожденія отъ соціализма для объединенія и объединенія по случаю освобожденія отъ соціализма?

Перейдемъ къ второму пункту, къ вопросу о террорѣ.

Защищая терроръ, непригодность котораго такъ ясно доказана опытомъ русскаго революціоннаго движенія, соц.-рев. изъ кожи лѣзутъ, заявляя, что они признаютъ лишь терроръ вмѣстѣ съ работой въ массахъ и что поэтому тѣ доводы, которыми русскіе соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) цѣлесообразность такого пріема борьбы, къ нимъ не относятся. Тутъ повторяется исторія, очень похожая на ихъ отношеніе къ „критикѣ“. Мы не оппортунисты, — кричатъ соц.-рев., и въ тоже время сдаютъ въ архивъ догму пролетарскаго соціализма на основаніи одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяемъ ошибки террористовъ, мы не отвлекаемъ отъ работы въ массахъ, — увѣряютъ соц.-рев., и въ то же время усердно рекомендуютъ партіи такіе акты, какъ убійство Балмашевымъ Сипягина, хотя всякій прекрасно знаетъ и видитъ, что ни въ какой связи съ массами этотъ актъ не стоялъ и, по способу его совершенія, не могъ стоять, — что ни на какое опредѣленное выступленіе или поддержку толпы совершавшія этотъ актъ лица и не разсчитывали и не надѣялись. Соц.-рев. наивно не замѣчаютъ того, что ихъ склонность къ террору связана самой тѣсной причинной связью съ тѣмъ фактомъ, что они съ самаго начала стали и продолжаютъ стоять въ сторонѣ отъ рабочаго движенія, не стремясь даже сдѣлаться партіей ведущаго свою классовую борьбу революціоннаго класса. Усердная божба очень часто заставляетъ насторожиться и заподозрить въ ней грозное напоминаніе объ ужасныхъ 80-хъ г.г. съ антиеврейскими безпорядками на всемъ югѣ Россіи и указаніе на возможность повторенія этихъ безпорядковъ теперь.

Не очень то довольно осталось рѣчью Батьянова и мѣстное христіанское общество. Оно нашло для себя унизительнымъ и несоотвѣтственнымъ съ его человѣческимъ достоинствомъ взглядъ на него „генерала“, какъ на слѣпое орудіе въ рукахъ нашего реакціоннаго правительства, готовое будто бы по первому его указанію растерзать ни въ чемъ неповинныхъ людей. Да и то сказать, почетнаго въ подобной роли дѣйствительно мало.

Этимъ похожденія Батьянова еще не закончились. Вѣрноподданная буржуазная часть евр. интеллигенціи, поверженная выходкой Батьянова въ недоумѣніе (не въ негодованіе, о нѣтъ!) сочла нужнымъ отправить къ нему делегацію для переговоровъ и объясненія, но не для выраженія протеста, конечно. Батьяновъ милостиво принялъ делегатовъ, выслушалъ и, желая, должно быть, ихъ успокоить, сказалъ, между прочимъ, что стрѣлять онъ не будетъ, но непремѣнно будетъ сѣчь (чтобы, значитъ, ни въ чемъ не отстать отъ ф. Валя). Тогда г. Ц., одинъ изъ делегатовъ, какъ юристъ близко принимающій къ сердцу интересы правосудія, дипломатично замѣтилъ, что „его превосходительство будетъ, конечно, дѣйствовать на основаніи закона“. Но Батьяновъ снисходительно улыбнулся при видѣ наивности г. Ц. и сказалъ: „Нужно умѣть читать законы между строкъ.“

Тѣмъ аудіенція и кончилась.

Рославль Смоленск. губ. (Изъ матеріаловъ „Рабочей Мысли“). Въ началѣ этого года въ нѣсколькихъ мѣстахъ нашего уѣзда крестьяне начали отказываться платить новый налогъ въ 28 к. Въ февралѣ появилась популярно, живо и горячо написанная прокламація, призывавшая крестьянъ къ массовому отказу отъ уплаты податей и совѣтовавшая прибѣгать къ насилію противъ насилія властей. Прокламація была хорошо принята; ее даже читали на сходкахъ, какъ доказательство правоты своего дѣла. Въ нѣсколькихъ деревняхъ силой прогнали властей, явившихся описывать имущества. Власти града Рославля всполошились. Къ этому времени у нѣкоего Певзнера квартирный хозяинъ, имѣвшій съ нимъ личные счеты, замѣтилъ подозрительныя книги. Посовѣтовавшись съ нѣкіимъ дряннымъ мальчишкой, вольноопредѣляющимся Чижевскимъ, указавшимъ ему возможность насолить недругу, онъ стянулъ книги и принесъ въ полицію. Книги оказались нелегальными. Жандармы возликовали. Однако, допросъ, благодаря прекрасному поведенію Певзнера, ничего не далъ. Тогда полковникъ Громека прибѣгъ къ другой мѣрѣ: схвативъ двухъ крестьянъ, читавшихъ, не скрываясь, прокламаціи, онъ засадилъ ихъ въ кутузку и, почти не давая имъ ѣсть, съ угрозами требовалъ указать давшихъ прокламаціи. Предъ мужиками продемонстрировали всю мѣстную интеллигенцію, но, къ глубокому негодованію полковника, они упорно твердили свое: „не признаемъ“. Однако, мѣстный полицейскій надзиратель, страшный взяточникъ и оберъ-шпіонъ, Трусевичъ, какимъ-то путемъ заставилъ ихъ указать на ни въ чемъ неповиннаго столяра Павлова, который когда-то обидѣлъ г. надзирателя, пырнувъ его ножемъ въ публичномъ домѣ. Павловъ былъ арестованъ и безъ допросовъ содержится до сихъ поръ. За это время успѣла появиться новая прокламація къ обывателямъ, объяснявшая современное положеніе Россіи. Оскорбленные въ лучшихъ своихъ чувствахъ, жандармы произвели рядъ обысковъ въ наиболѣе интеллигентныхъ домахъ. Полная неудача; однако Петербургскій студентъ В. Ю. Фридолинъ арестуется „за оскорбленіе представителей власти“ (онъ заставилъ жандармовъ снова постелить разрытую ими кровать).

Между тѣмъ, неповиновеніе крестьянъ не только не прекратилось, но еще усугубилось разными слухами о передѣлѣ земли въ самомъ непродолжительномъ времени, „послѣ пасхи“. Передаютъ слѣдующій случай. Одинъ помѣщикъ подрубалъ въ своемъ саду деревья. Проходившіе мимо крестьяне, видя его усердіе, съ благодушнымъ сожалѣніемъ увѣщеваютъ его не маяться зря „на насъ“. — „Какъ такъ, такіе сякіе?“ возмущается помѣщикъ. — „Да все равно, земля-то наша вся послѣ Пасхи будетъ“, резонно объясняютъ мужики, и въ доказательство разсказываютъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ волненіяхъ. Все это заставляетъ г. полковника наводнить городъ шпіонами, которые, однако, вели себя такъ, что были менѣе опасны, чѣмъ добровольцы-доносчики изъ обывателей. По доносу одного „батюшки“, производится обыскъ у одного купца Матренина, у котораго на пчельникѣ, по остроумнымъ соображеніямъ г. полковника, должна была находиться… типографія. Типографіи не оказалось, но оказались пчелы, изрядно покусавшія жандармовъ за безпокойство, за что, однако, арестованы не были.

Чѣмъ ближе время шло къ маю, тѣмъ больше къ опасеніямъ насчетъ крестьянъ присоединялась боязнь „бунта“ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Именно „бунта“ съ поджогами, убійствами и подобными ужасами. Дѣйствительно, среди рабочихъ появилось броженіе, имѣвшее своимъ исходнымъ пунктомъ пониженіе заработка, дурное обращеніе, уменьшеніе пособій въ случаяхъ похоронъ, крестинъ, но о бунтѣ и рѣчи быть не могло. Въ апрѣлѣ появлялось еще нѣсколько прокламацій къ обывателямъ, рѣзко политическаго характера, и одна къ крестьянамъ по поводу убійства Сипягина. Хорошо составленныя и отгектографированныя, прокламаціи эти, разбросанныя хотя и въ небольшомъ количествѣ, производили большое впечатлѣніе на населеніе, преимущественно рабочее, у многихъ впервые вызывая сомнѣніе въ благополучіи Россіи, желаніе поближе познакомиться съ тѣми людьми, которые подписываются „ваши друзья и защитники“ и за которыми гонится жандармская свора. Подъ вліяніемъ слуховъ о какихъ-то людяхъ, которые „такъ тебѣ все какъ на ладони разскажутъ, что будто самъ ты всегда такъ думалъ“, многіе даже отсталые рабочіе искали всюду этихъ людей, чтобъ разспросить, кто на счетъ „божественнаго“ (вопросъ о Богѣ), кто — „какъ, значитъ, намъ теперь быть“. Вліяніе прокламацій было такъ велико, что начальникъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Шепелевъ (прозванный рабочими Шпилькой) добровольно надбавилъ отчасти расцѣнки, лишь бы избѣжать „бунта“.

Наконецъ перваго мая появилась первая прокламація чисто мѣстнаго характера, обращенная къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. Рисуя имъ жалкое ихъ существованіе, прокламація зоветъ ихъ къ организаціи для борьбы за лучшую свободную жизнь, совѣтуя, какъ первый шагъ, стачку въ пользу большихъ расцѣнокъ и лучшаго обращенія. Прокламація, смѣло и хорошо разбросанная, попала ко многимъ рабочимъ и произвела такое сильное впечатлѣніе на рабочихъ, что вмѣсто работы 1-го мая въ мастерскихъ читалась прокламація, сопровождаемая комментаріями лучшихъ рабочихъ. Перепуганная этимъ администрація сразу сдѣлала нѣкоторыя уступки, а своимъ заискивающимъ обращеніемъ вселила рабочимъ сознаніе своей силы и довѣріе къ революціонерамъ, произведшимъ такой эффектъ.

Но не только администрація мастерскихъ была перепугана — весь городъ ждалъ бунта съ поджогами, убійствами и подобными ужасами. Намъ извѣстны случаи, когда нѣкоторые изъ простыхъ смертныхъ обывателей и даже изъ лицъ, чей гербъ состоитъ изъ метлы и собачьей головы, просили лицъ, которыхъ они подозрѣвали въ участіи въ агитаціи, защитить ихъ присныхъ отъ насилій рабочихъ въ судный день — одинъ изъ первыхъ дней мая.

Вліяніе немногихъ прокламацій было такъ сильно, что рабочіе рѣшили выразить свое сочувствіе заключеннымъ и свой протестъ противъ произвола администраціи. 11-го и 12-го мая они устроили демонстраціи у тюрьмы. Со второй взяты курсистка Марциновская и дантистка Ривкина. Въ среднихъ числахъ мая появились прокламаціи къ крестьянамъ о Полтавскихъ и Харьковскихъ безпорядкахъ. Эти безпорядки вызываютъ живѣйшій интересъ среди крестьянъ и рабочихъ даже такой отсталой губерніи, какъ Смоленская.

Какъ зубатовскіе рабочіе ораторствуютъ съ „бумагами“ отъ охраннаго отдѣленія и какъ отъ этого фабрикантскія жены разрѣшаются отъ бремени „не доносивши“.

Господину фабричному инспектору X
Съ фабрики X

Донесеніе.

„Смѣю донести Вашему Высокоблагородію, что 1-го марта сего года въ 11 ч. у. ко мнѣ во время моего отсутствія безъ всякаго предупрежденія явились въ товарное отдѣленіе моей фабрики двѣ личности. Первый назвался Красивскій и, вынувъ изъ кармана бумагу, заявилъ, что онъ, Красивскій, присланъ изъ Канцеляріи Оберъ Полицмейстера. Второй назвался фабричнымъ предсѣдателемъ рабочихъ Жилкинымъ. Въ вышеозначенномъ товарномъ отдѣленіи въ то время находились завѣдующая фабрикой во время моего отсутствія моя жена и мастеръ Г… Конечно, моя жена и мастеръ крайне растерялись, т. к. въ товарное отдѣленіе никто, исключая рабочихъ, не входитъ. „Что вамъ угодно“, спросили ихъ, а они отвѣтили, что имъ нужно поговорить. Тогда ихъ попросили въ контору, въ которой они стали выставлять свое величіе, но имъ сказали, что величіе ваше до насъ не касается. Видятъ, что въ конторѣ разговаривать съ ними больше не желаютъ. Тогда они попросили вызвать нѣсколько рабочихъ, изъ которыхъ явились М. и Р. При входѣ въ контору Р. назвавшій себя Красивскимъ сталъ ему говорить рѣчь, которая къ конторѣ не относится. Р. далъ знать, чтобы они зашли въ фабричное отдѣленіе. Каковые немедленно, безъ всякаго на то позволенія со стороны конторы, пошли на фабрику. При входѣ въ вышеозначенную фабрику приказали оставить работу, остановились посреди фабрики и начали говорить пространныя рѣчи. Жена моя, бывшая въ конторѣ, видя ихъ дерзость, самоволье и хозяйничество въ чужихъ помѣщеніяхъ, крайне разстроилась, т. к. еле таскалась на ногахъ по случаю беременности въ послѣднемъ періодѣ, ушла въ домъ и слегла въ постель, а въ 4 ч. утра на 2-ое марта разрѣшилась отъ бремени, не донося нѣсколько дней, въ страшныхъ мученіяхъ и страданіяхъ. По моему: разрѣшеніе отъ беременности, не доносивши нѣсколько дней, было сопровождено по случаю самоволія вышеозначенныхъ Красивскаго и Жилкина. Въ виду всего вышеизложеннаго, я, какъ хозяинъ фабрики и помѣщенія, прошу Ваше Высокобл. донести объ этомъ поступкѣ куда слѣдуетъ по закону и меня впредь избавить отъ такихъ предсѣдателей и ораторовъ, которые не разбирая времени, мѣста, а врываются во дворъ и направляются въ первое попавшее имъ на глаза помѣщеніе.“

X.

(Съ подлиннымъ вѣрно. Ред.)

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Воронежа. Аграрныя волненія принимаютъ въ юго-восточной полосѣ Россіи эпидемическій характеръ. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года солдаты выѣзжали на работу въ одно имѣніе около станціи Графской, гдѣ имъ пришлось улаживать розгами гражданскій споръ крестьянъ съ помѣщикомъ. Всыпали по 20 розогъ. Никакого сопротивленія со стороны крестьянъ не было оказано. Теперь христолюбивое воинство стоитъ постоемъ въ имѣніи Станкевича (Воронежск. уѣзда), гдѣ крестьяне обратили въ свое пользованіе помѣщичій лугъ. Неподалеку отсюда въ сосѣдней Тамбовской губ. въ деревнѣ Андреевкѣ Усманск. уѣзда крестьяне подѣлили между собой землю окрестныхъ помѣщиковъ и уже засѣяли яровое поле. Они собирались подѣлить паръ, но 5-го мая къ нимъ совершилъ путешествіе Тамбовскій губернаторъ Ржевскій въ сопровожденіи свиты полицейскихъ и земскихъ начальниковъ для увѣщанія и вразумленія. Принадлежность земли той или другой сторонѣ оказалась спорный но пока судъ да дѣло, Ржевскій принялъ мѣры къ тому, чтобы 5 человѣкъ зачинщиковъ были высланы въ мѣста отдаленныя. Остальные, вѣроятно, будутъ преданы суду. Помѣщики озлоблены. Крики: драть, драть! — такъ и висятъ въ дворянскихъ гнѣздахъ. Однако, серьезнаго значенія „бунтамъ“ никто не придаетъ въ виду темноты и безсознательности массы. Крестьяне многимъ интересуются и многое слушаютъ изъ того, за что раньше стащили бы въ волость, но было бы опасно дѣлать отсюда слишкомъ поспѣшные выводы. Крестьянство, несомнѣнно, готовится стать одной изъ революціонныхъ силъ, но, чтобы оно вполнѣ стало таковой, надо много поработать надъ просвѣщеніемъ массы и внесеніемъ сознательности въ ея борьбу.

Судъ надъ Воронежскими крестьянами. Въ № 21 „Искры“ было упомянуто о томъ, что высѣченные крестьяне села Курлакъ, Воронежск. губ., преданы въ руки судебной власти. Вотъ нѣкоторыя подробности этого судебнаго дѣла, о которомъ отчетъ напечатанъ въ „Правѣ“ (въ очень искаженномъ видѣ).

12 человѣкъ крестьянъ обвиняли по статьѣ 273 Улож. о наказ., предусматривающей предумышленное неповиновеніе властямъ. Не говоря уже о томъ, что по разъясненію Сената*) (въ 70-ыхъ г.г.) лицо, однажды подвергнутое хотя бы административному наказанію, не можетъ быть вторично привлечено къ отвѣтственности за то же преступленіе, — не говоря уже объ этомъ, въ самомъ поступкѣ крестьянъ не было состава преступленія. На этомъ настаивалъ защитникъ. Въ отвѣтъ на это товарищъ прокурора, простирая руки къ судьямъ, горячо возражалъ: „Какіе могутъ быть тутъ разговоры о составѣ преступленія, когда вамъ извѣстно, г.г. судьи, что губернатору то и дѣло приходится посылать солдатъ“. — Въ результатѣ судоговоренія нѣсколько крестьянъ приговорены къ 5 мѣсяцамъ тюрьмы, остальные — на меньшіе сроки.

Документъ о крестьянскомъ движеніи.

М. В. Д.
Саратовскій Губернаторъ.
11-го Іюня 1902 г.
г. Саратовъ

Секретно.
Циркулярно.

Въ виду происходившихъ въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ южныхъ и юго-восточныхъ губ. крестьянскихъ безпорядковъ, сопровождавшихся нерѣдко вооруженнымъ нападеніемъ на экономіи и усадьбы землевладѣльцевъ, считаю нужнымъ напомнить, что въ циркулярныхъ предложеніяхъ на имя земскихъ начальниковъ отъ 11-го августа 98 г. за №32 были преподаны указанія по вопросу о принятіи

---

*) Ссылаться на это разъясненіе защитникъ не могъ, такъ какъ предсѣдатель ему не позволилъ.

правдивость того, что нуждается въ крѣпкой приправѣ. И мнѣ часто вспоминаются слова: какъ божиться-то не лѣнь? — когда я читаю увѣренія соц.-рев.: мы не отодвигаемъ терроромъ работы въ массахъ. Вѣдь это увѣряютъ тѣ самые люди, которые уже отодвинулись отъ соц.-демократическаго рабочаго движенія, дѣйствительно поднимающаго массы, и которые продолжаютъ отодвигаться отъ него, хватаясь за обрывки какихъ угодно теорій.

Прекрасной иллюстраціей сказаннаго можетъ служить прокламація 3-го апр. 1902 г., изданная „партіей соц.-рев.“ Это — самый живой, близкій къ непосредственнымъ дѣятелямъ, самый аутентичный источникъ. „Постановка вопроса о террористической борьбѣ“ въ этой прокламаціи „цѣликомъ совпадаетъ“ и „съ партійнымъ воззрѣніемъ“, по цѣнному свидѣтельству Рев. Россіи (№ 7 стр. 24*).

Прокламація 3-го апр. замѣчательно аккуратно копируетъ шаблонъ „новѣйшей“ аргументаціи террористовъ. Вамъ всего прежде бросаются въ глаза слова: „мы зовемъ къ террору не вмѣсто работы въ массахъ, а именно для этой самой работы и одновременно съ нею“. Бросаются же они въ глаза потому, что набраны шрифтомъ втрое болѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ остальной текстъ (пріемъ, повторяемый, конечно, и Рев. Россіей). Это вѣдь такъ просто, въ самомъ дѣлѣ! Напечатать жирнымъ шрифтомъ „не вмѣсто, а вмѣстѣ“ — и всѣ доводы соц.-демократовъ, весь урокъ исторіи сразу отпадетъ. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацію и вы увидите, что божба жирнаго шрифта всуе пріемлетъ имя массъ. — То время, „когда выйдетъ изъ тьмы рабочій народъ“ и „мощной народной волной въ куски разобьетъ желѣзныя ворота“ — „увы! (буквально такъ: увы!) еще не такъ скоро наступитъ и страшно подумать, сколько при этомъ будетъ жертвъ!“ Развѣ эти слова: „увы, еще не скоро“ не выражаютъ собой полнаго непониманія массоваго движенія и невѣрія въ него? Развѣ не выдуманъ нарочно этотъ доводъ въ насмѣшку надъ тѣмъ фактомъ, что рабочій народъ уже поднимается? И, наконецъ, еслибы даже этотъ избитый доводъ былъ также основателенъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ вздоренъ, — то изъ него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо безъ рабочаго народа безсильны, завѣдомо безсильны всякія бомбы.

Слушайте дальше: „Каждый террористическій ударъ какъ бы отнимаетъ часть силы у самодержавія и всю эту силу(!) перебрасываетъ(!) на сторону борцовъ за свободу“. „И разъ терроръ будетъ проведенъ систематически(!), то очевидно, что наша чаша вѣсовъ наконецъ перевѣситъ“. Да, да, для всякаго очевидно, что передъ нами въ самой грубой формѣ величайшій изъ предразсудковъ терроризма: политическое убійство само собой „перебрасываетъ силу“! Вотъ вамъ, съ одной стороны, теорія перебрасыванія силы, а съ другой — „не вмѣсто, а вмѣстѣ“… Какъ божиться-то не лѣнь?

Но это еще цвѣточки. Ягодки впереди будутъ. „Въ кого бить?“ спрашиваетъ партія соц.-рев. и отвѣчаетъ: въ министровъ, а не въ царя, ибо „царь не доведетъ дѣла до крайности“ (!! откуда это они узнали??), да притомъ же „это и легче“ (буквально такъ!): „никакой министръ не можетъ засѣсть во дворцѣ какъ въ крѣпости“. И эта аргументація заканчивается слѣдующимъ разсужденіемъ, которое заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ, какъ образецъ „теоріи“ соц.-рев. „Противъ войны у самодержавія есть солдаты, противъ революціонныхъ организацій — тайная и явная полиція, но что спасетъ его… (кого его? самодержавіе? авторъ незамѣтно для себя отождествилъ уже самодержавіе съ тѣмъ министромъ, въ котораго бить легче!)… „отъ отдѣльныхъ личностей или небольшихъ кружковъ, безпрерывно, неизвѣстно даже другъ отъ друга(!!) готовящихся къ нападенію и нападающихъ? Никакая сила не поможетъ противъ неуловимости. Значитъ, наша задача ясна: смѣщать всякаго властнаго насильника самодержавія единственнымъ способомъ, который оставило(!) намъ самодержавіе, — смертью.“ Какія бы горы бумаги не исписали соц.-рев., увѣряя, что они своей проповѣдью террора не отодвигаютъ, не дезорганизуютъ работы въ массахъ, — имъ не опровергнуть потоками словъ того факта, что дѣйствительная психологія современнаго террориста вѣрно передается именно цитируемой прокламаціей. Теорія перебрасыванія силы естественно дополняется теоріей неуловимости, теоріей, окончательно переворачивающей верхъ дномъ не только весь опытъ прошлаго, но и всякій здравый смыслъ. Что единственная „надежда“ революціи есть „толпа“, что бороться съ полиціей можетъ единственно революціонная организація, руководящая (на дѣлѣ, а не на словахъ) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли рѣшить „наоборотъ“, договорившись до баснословной, вопіющей нелѣпости, что „спасти“ самодержавіе отъ толпы могутъ солдаты, отъ революціонныхъ организацій — полиція, а отъ отдѣльныхъ личностей, охотящихся на министровъ, не спасетъ ничто!!

Это баснословное разсужденіе, которому, мы увѣрены, суждено сдѣлаться знаменитымъ, вовсе не простой только курьезъ. Нѣтъ, оно поучительно тѣмъ, что смѣлымъ доведеніемъ до абсурда разоблачаетъ основную ошибку террористовъ, общую имъ съ экономистами (можетъ быть надо уже сказать: съ бывшими представителями покойнаго экономизма?) Эта ошибка состоитъ, какъ мы уже много разъ указывали, въ непониманіи основного недостатка нашего движенія. Благодаря необычайно быстрому росту движенія, руководители отстали отъ массы, революціонныя организаціи оказались недоросшими до революціонной активности пролетаріата, не способными идти впереди и руководить массами. Что такого рода несоотвѣтствіе существуетъ, въ этомъ не усомнится ни одинъ добросовѣстный человѣкъ, сколько-нибудь знакомый съ движеніемъ. А разъ это такъ, то очевидно, что теперешніе террористы являются настоящими экономистами на изнанку, впадая въ столь же неумную, но противоположную крайность. Въ такое время, когда революціонерамъ не достаетъ силъ и средствъ для руководства поднимающейся уже массой, звать къ такому террору, какъ устройство отдѣльными личностями и неизвѣстными другъ другу кружками покушеній противъ министровъ — это значитъ тѣмъ самымъ не только обрывать работу въ массахъ, но и вносить въ нее прямую дезорганизацію. — Мы, революціонеры, „привыкли робко жаться въ кучу — читаемъ мы въ прокламаціи 3-го апрѣля — и даже (NB) тотъ новый, смѣлый духъ, который повѣялъ въ послѣдніе 3-4 года, создалъ пока болѣе подъемъ настроенія толпы, чѣмъ личностей“. Въ этихъ словахъ много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда на голову разбиваетъ проповѣдниковъ терроризма. Изъ этой правды всякій думающій соціалистъ дѣлаетъ выводъ: надо энергичнѣе, смѣлѣе и стройнѣе дѣйствовать кучей. А соц.-рев. умозаключаютъ: „стрѣляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты противъ кучи есть“. Совсѣмъ уже это неразумно, господа!

---

*) Правда, „Рев. Росс.“ и по этому пункту продѣлываетъ какую-то эквилибристику. Съ одной стороны, — „цѣликомъ совпадаетъ“, съ другой — намекъ на „преувеличенія“. Съ одной стороны, Рев. Росс. заявляетъ, что эта прокламація дѣло лишь „одной группы“ соц.-рев. Съ другой стороны, мы имѣемъ тотъ фактъ, что на прокламаціи стоитъ подпись: „изданіе партіи с.-рев.“ и кромѣ того повторенъ эпиграфъ той же Рев Росс. („въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“). Мы понимаемъ, что Рев. Росс. непріятно касаться этого щекотливаго пункта, но мы думаемъ, что играть въ прятки въ подобныхъ случаяхъ прямо неприлично. Революціонной соціалдемократіи тоже непріятно было существованіе экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить въ заблужденіе.

мѣръ къ предотвращенію и подавленію всякихъ насильственныхъ дѣйствій со стороны сельскаго населенія и привлеченія виновныхъ въ самоуправствѣ и насиліи къ законной отвѣтственности. Въ послѣднее время вь Полтав. губ. произошли серьезныя нарушенія крестьянскимъ населеніемъ общественнаго порядка и спокойствія, которыя вслѣдствіе недостаточно быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ подавленію успѣли распространиться и на смежный уѣздъ Харьк. губ. Въ виду сего, и принимая во вниманіе, что подобные крестьянскіе безпорядки, угрожая правильному теченію жизни сельскаго населенія, ни въ какомъ случаѣ терпимы быть не могутъ, я признаю необходимымъ вновь обратить вниманіе на необходимость неотступнаго исполненія изложенныхъ въ вышеуказанномъ циркулярѣ указаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаю земскимъ начальникамъ имѣть наблюденіе за настроеніемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и принимать самыя энергичныя мѣры къ возможно быстрому прекращенію возникающихъ волненій. При этомъ надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться ко всякимъ нежелательнымъ проявленіямъ въ общественной жизни мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ случаѣ замѣчаемаго учащенія этихъ проявленій принимать мѣры къ немедленному обслѣдованію обстоятельствъ, вызывающихъ таковыя явленія, и тѣмъ устранять возможность ихъ повторенія и развитія на почвѣ волненій и безпорядковъ. На ряду съ симъ я не лишнимъ считаю сообщить для свѣдѣнія и соображеній, что въ послѣднее время въ М. В. Д. получены указанія на стремленіе злонамѣренныхъ лицъ организовать кружковую пропаганду среди крестьянскаго населенія. Съ этой цѣлью въ кружокъ выбираются ими наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которымъ и сообщаются различныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, соціологіи и рабочему движенію, при чемъ главнымъ средствомъ ознакомленія членовъ кружковъ съ указанными свѣдѣніями является широкое распространеніе среди крестьянъ какъ тенденціозныхъ, такъ и нелегальныхъ изданій. Не касаясь того вреда, который имѣетъ для народа проникновеніе въ его среду изданій подпольной прессы, надлежитъ имѣть въ виду, что раздача сельскому населенію книгъ, даже вполнѣ легальныхъ, даетъ возможность неблагонадежнымъ лицамъ вступать въ частыя и тѣсныя сношенія съ народомъ, создаетъ между ними оживленный обмѣнъ мнѣній и сближаетъ ихъ съ крестьянами. Опредѣляя путемъ такого общенія развитіе крестьянъ даннаго села, ихъ отношеніе къ различнымъ сторонамъ общественной жизни, упомянутыя лица выбираютъ изъ среды крестьянъ наиболѣе даровитыхъ и склонныхъ къ усвоенію революціонныхъ началъ, ведутъ съ ними особыя занятія и подготовляютъ изъ нихъ вожаковъ крестьянскаго движенія. Кромѣ того, общедоступная народная литература, въ подборѣ тенденціозныхъ изданій, создаетъ искуственно политическое броженіе въ деревнѣ, такъ какъ изображаетъ различныя темныя стороны крестьянской жизни, бѣдствія и нищету народа и тѣмъ усиливаетъ въ крестьянствѣ элементы недовольства.

Затѣмъ усматривается, что неблагонадежныя лица заводятъ связи съ деревней въ большинствѣ случаевъ черезъ учащуюся молодежь духовныхъ и учительскихъ семинарій, фельдшерскихъ училищъ, учениковъ училищъ садоводства и др... Кромѣ того, преступные агитататоры для развитія пропаганды пользуются крестьянами тѣхъ селъ, гдѣ вредная ихъ дѣятельность уже окрѣпла, при чемъ для этой цѣли крестьяне разсылаются въ видѣ батраковъ, книгоношей, торговцевъ и. т. п. въ тѣ мѣстности, гдѣ предполагается посѣять противоправительственныя идеи. Давая знать объ изложенномъ, считаю нужнымъ добавить, что при всѣхъ случаяхъ проявленія безпорядковъ въ извѣстной мѣстности особенно строгое вниманіе будетъ обращено на отвѣтственность должностныхъ лицъ, на обязанности коихъ лежала ближайшая забота о предупрежденіи безпорядковъ.

Подписалъ губернаторъ Энгельгардтъ.
Скрѣпилъ управляющій канцеляріей Кнолль.

Подобный же циркуляръ, какъ намъ сообщаютъ, изданъ и по Курской губ. Обращаемъ вниманіе читателя на остроумныя соображенія Энгельгардта о томъ, какъ „вредно“ для крестьянъ узнать что-либо о „нищетѣ и бѣдствіяхъ народа“. Надо думать, что безъ „тенденціозныхъ„ книжекъ народъ никогда бы не узналъ, что онъ голодаетъ и бѣдствуетъ!

Въ селѣ Хованщинѣ Сердобскаго уѣзда Саратовск. губ. вспыхнуло народное волненіе. Здѣсь находится помѣстье дворянъ Беклемишевыхъ; за послѣднее время у крестьянъ установилось убѣжденіе, что земля Беклемишевыхъ принадлежитъ имъ, что таково рѣшеніе какой-то Московской Палаты. Документы, которые, по мнѣнію крестьянъ, удостовѣряли ихъ право на землю, находились у одного всѣми уважаемаго крестьянина и хранились у него въ особомъ ларцѣ. Услышавъ о притязаніяхъ крестьянъ, полиція рѣшила такъ или иначе познакомиться съ содержаніемъ этихъ документовъ. Она поручила старшинѣ и сотскому произвести обыскъ въ избѣ этого крестьянина, якобы по поводу случившейся кражи. Во время обыска они увидѣли, что передъ избой собирается громадная толпа. Старшина вскочилъ на дожидавшихся его ямскихъ лошадей, ударилъ кнутомъ и ускакалъ вмѣстѣ съ ларцемъ. Гнѣвъ крестьянъ обрушился на оставшагося сотскаго: его избили до полусмерти, такъ что жизнь его находится въ большой опасности. Досталось также и старостѣ, котораго тоже побили и засадили въ кутузку. Вскорѣ послѣ происшествія былъ произведенъ допросъ слѣдователемъ и товарищемъ прокурора; встрѣчены они были спокойно безъ всякой враждебности, имъ подробно разсказали ходъ событій. Затѣмъ туда прибыли Астраханскіе казаки и губернаторъ. Крестьяне объявили, что никакихъ зачинщиковъ между ними нѣтъ, что пусть судятъ ихъ всѣхъ. Крестьяне будто бы говорятъ: „пускай порютъ, пороли насъ и передъ волей.

Изъ Харьковской губ. Еще о подвигахъ кн. Оболенскаго.
(Доставлено Харьк. Ком. Рос. С. Д. Р. П.)

Событія, происшедшія въ нашихъ мѣстахъ, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія. Они указываютъ на то, какая масса горючаго матеріала лежитъ въ нашихъ деревняхъ, матеріала, который ждетъ искры, чтобы возгорѣться въ пламя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ и оборотную сторону медали — недостаточность пониманія или даже полнѣйшую безсознательность. Въ имѣніи Харитоненко — Алексѣевкѣ произошло слѣдующее. Въ двухъ верстахъ отъ этого имѣнія есть небольшая деревушка — Покровское. Она со всѣхъ сторонъ окружена помѣщичьими землями. Своей земли крестьяне этой деревни не имѣютъ ни клочка. Даже выгона нѣтъ, на которомъ могли бы пастись ихъ куры и гуси. Живутъ они заработками въ ближайшихъ экономіяхъ. Бѣдность ужасная. И вотъ 2-го апрѣля утромъ часовъ въ пять, когда завѣдующіе экономіями распредѣляютъ рабочихъ и даютъ имъ работу, къ Алексѣевской экономіи явились крестьяне Покровскаго — душъ около 500. Мужчины пѣшіе, а жены и дѣти на подводахъ. На возахъ лежали пустые мѣшки, кадки, топоры, вилы. На вопросъ одного изъ служащихъ, что вамъ угодно? крестьяне отвѣтили нежеланіемъ говорить съ ними. Тогда является къ нимъ главный управляющій, и на его вопросъ они отвѣтили, что теперь, дескать, въ Россіи всѣ бѣдные крестьяне, не имѣющіе хлѣба для пропитанія, забираютъ, по приказанію царя, у богачей все, что они имѣютъ и дѣлятъ поровну между собой. Поэтому, мы просимъ отдать намъ мирно ключи отъ амбаровъ, или въ противномъ случаѣ мы все заберемъ силой. Когда управляющій пригрозилъ крестьянамъ войсками, они отвѣтили: да, дѣйствительно, царь посылаетъ теперь войска на заводы и въ имѣнія, но не для того, чтобы защищать ихъ, а чтобы во время самаго дѣлежа не произошло ссоръ и безпорядковъ между самими крестьянами. Въ такомъ случаѣ обождите, говоритъ управляющій, прибытія войскъ (казаки, извѣщенные по телефону, въ это время мчались въ имѣніе изъ ближайшей жел. дор. станціи) и тогда можете дѣлать, что вамъ угодно. Крестьяне согласились. Не успѣли окончиться эти переговоры, какъ на горѣ показались казаки. Нѣкоторые изъ крестьянъ бросились казакамъ навстрѣчу, привѣтствуя ихъ появленіе восторженными криками. Другіе же бросились въ амбары, конюшни и начали брать себѣ воловъ, коровъ и лошадей... и вообще все, что попадалось имъ подъ руку. Казаки, встрѣтивъ идущихъ съ криками имъ навстрѣчу крестьянъ, разумѣется, бросились на нихъ и начали бить нагайками. Происходитъ замѣшательство между крестьянами. Крестьяне начинаютъ разбѣгаться въ разныя стороны, но казаки успѣваютъ окружить ихъ и загоняютъ во дворъ. Тутъ является и самъ Оболенскій, Харьк. губернаторъ. „Шапки долой, на колѣни“. Губернаторъ говоритъ имъ тогда о „незаконности“ и пр. „Вы бунтовщики, вы враги царя и отечества, а для враговъ Россіи у насъ имѣются пули, штыки и нагайки. Для васъ нагайки!“ И крестьяне съ обнаженными головами, стоя на колѣняхъ, безмолвно выслушали продолжительную рѣчь губернатора. Никто изъ толпы не проронилъ ни одного слова, ни одного звука. „Въ нагайки!“ раздается команда и начинается порка крестьянъ. Замѣчательно то, что во все время экзекуціи крестьяне стояли на колѣняхъ и ни одинъ не осмѣлился сдѣлать попытки къ побѣгу. Били немилосердно и притомъ нагайки у казаковъ снаружи обтянуты проволокой, а на концѣ кусокъ свинца. Били, пока губернаторъ не приказалъ прекратить. Затѣмъ, сказавъ соотвѣтствующее слово назиданія, губернаторъ приказалъ женщинамъ и дѣтямъ уйти домой, а мужчинамъ остаться. По указанію экономической администраціи изъ этой толпы были выбраны наиболѣе зажиточные крестьяне и старики. Губернаторъ приказалъ имъ снять верхнее платье и остаться въ одномъ бѣльѣ. Снова начали пороть нагайками. Затѣмъ, когда губернаторъ удовлетворился видомъ крови, всѣмъ мужикамъ приказано было снова встать на колѣни и ожидать, а если кто попытается бѣжать, въ того будутъ стрѣлять. Самъ Оболенскій отправился затѣмъ въ квартиру главнаго управляющаго пить чай и завтракать. Экзекуція продолжалась съ 6час. до 8час. утра. Занятый своими административными дѣлами и прекраснымъ обѣдомъ (вѣроятно, съ шампанскимъ) губернаторъ пробылъ въ домѣ управляющаго до 3час. пополудни. Крестьяне, охраняемые казаками, стояли все время на колѣняхъ съ обнаженными головами во дворѣ. Наконецъ, выходитъ къ нимъ губернаторъ. Изъ крестьянъ выбираются по указаніямъ администраціи зачинщики и губернаторъ снова въ третій разъ приказываетъ ихъ пороть, но па этотъ разъ розгами, обмокнутыми въ кипятокъ съ солью. По окончаніи этой третьей экзекуціи, всѣ крестьяне были загнаны въ пустые сараи, а тамъ уже производились аресты и отправка въ ближайшія тюрьмы.

По Житомірскому шоссе. (Корресп. изъ Кіева).

То напряженное вниманіе, съ какимъ прислушивается вся Россія къ пробужденію деревни, поддерживалось въ послѣднее время въ Кіевѣ, не говоря объ оффиціальныхъ сообщеніяхъ разнаго рода, вѣстями о мелкихъ крестьянскихъ волненіяхъ, происходившихъ на дняхъ въ Кіевскомъ, Чигиринскомъ, Липовецкомъ, Винницкомъ, Уманскомъ, Каневскомъ и другихъ уѣздахъ, расположенныхъ недалеко отъ Кіева. Собственно говоря, мало-мальски серьезныхъ волненій пока что не было и волновались не столько крестьяне, сколько административныя власти, которыя видятъ въ каждомъ мелкомъ столкновеніи начало мятежа. Такъ, незначительныя волненія крестьянъ въ м. Мотыжинѣ, которыя не вылились даже въ форму сопротивленія властямъ, (слѣдователь не нашелъ состава преступленія), — составляютъ предметъ особеннаго безпокойства администраціи. Дѣло это поручено слѣъователю по особо важнымъ дѣламъ, вопросъ о высылкѣ войскъ рѣшался дважды на особыхъ совѣщаніяхъ у генералъ-губернатора и губернатора. Перепуганная Полтавскими событіями, Кіевская администрація боится присылать по просьбѣ помѣщиковъ графа Бобринскаго и Савицкаго войска, чтобы не раздражать крестьянъ; рѣшено прибѣгнуть къ войскамъ лишь въ крайнемъ случаѣ и сразу-же при первой возможности пустить въ ходъ оружіе для устрашенія. На совѣщаніяхъ ген.-губернаторъ Драгоміровъ напоминалъ о томъ, что имъ уволенъ со службы полковой командиръ, приказавшій въ Полтавской губ. стрѣлять въ первый разъ холостыми зарядами и при этомъ заявилъ, что шутить съ войсками онъ не позволитъ. Отъ высылки войскъ уклоняется даже извѣстный поклонникъ розги, исполняющій теперь обязанности губернатора вице-губернаторъ баронъ Штакельбергъ, не постѣснявшійся звѣрски перепороть въ прошломъ году крестьянъ одного изъ селъ Липовецкаго уѣзда, приводя въ исполненіе рѣшеніе Судебной Палаты, которое было отмѣнено Сенатомъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ экзекуціи. Возбужденное въ Сенатѣ дѣло о преданіи Штбкельберга суду за превышеніе власти на дняхъ закончилось ничѣмъ.

„Безпорядки“ въ перечисленныхъ уѣздахъ принимаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ форму бойкота: крестьяне на тайномъ сходѣ рѣшаютъ не наниматься на работы къ помѣщику ихъ села, прогоняютъ и избиваютъ нанявшихся къ нему рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ были распространены прокламаціи и нелегальная литература, что произвело большой переполохъ среди нашихъ аграріевъ и администраціи. Такъ напримѣръ, В. А. Плесскій, помѣщикъ с. Баландино Чигиринск. уѣзда и въ то же время управляющій имѣніемъ Давыдовыхъ того-же уѣзда (историческая Каменка) — былъ на столько встревоженъ появленіемъ прокламаціи, что счелъ необходимымъ самолично привезти нѣсколько экземпляровъ ихъ Кіевскому губернатору. Что касается ближайшихъ къ Кіеву селъ, расположенныхъ по Житомірскому шоссе, то въ нихъ нѣкоторое броженіе было вызвано также прокламаціями, распространенными среди крестьянъ и расклеенными по телеграфнымъ столбамъ вдоль шоссе. Въ виду появленія прокламацій полиція за благо разсудила взять подъ подозрѣніе велосипедистовъ, разъѣзжающихъ по шоссе... Нѣкоторые изъ нихъ были даже арестованы, но вскорѣ были освобождены. Такъ, одинъ офицеръ былъ арестованъ въ с. Шпитки, куда онъ пріѣзжалъ иногда изъ Кіева на велосипедѣ. Трое велосипедистовъ были арестованы по указанію попа въ с. Копылово, куда они свернули съ шоссе, чтобы напиться молока. Вообще, въ Кіевѣ много разговоровъ о разныхъ случаяхъ такого рода и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ администраціей дляэ пресѣченія этого своеобразнаго хожденія въ народъ. Не мало курьезовъ вызвало также распоряженіе одного изъ благочинныхъ Кіевскаго уѣзда о задержаніи всѣхъ незнакомыхъ лицъ, приходящихъ въ село и разсказывающихъ небылицы: около Макарова, напримѣръ, толпа крестьянъ задержала секретаря Кіевской Мѣщанской Управы и даже слегка поколотила его, объяснивъ священнику, явившемуся на выручку злополучнаго путешественника, свой поступокъ тѣмъ, что, моль, благочинный приказывалъ бить всѣхъ незнакомыхъ людей, приходящихъ въ деревню. Болѣе интересныя событія произошли въ м. Мотыжинѣ. Здѣсь толпа крестьянъ воспротивилась производству межеванія и избила рабочихъ помѣщика, помогавшихъ, вопреки постановленію тайнаго схода, землемѣру при межеваніи. Прогоняя землемѣра, крестьяне заявили, что давно уже пора расправиться съ Мотыжинскимъ помѣщикомъ такъ, какъ это сдѣлали крестьяне въ Полтавщинѣ.

Какъ передаютъ, увѣщанія не оказали никакого вліянія на непокорныхъ мотыжинцевъ. Рѣчи мирового посредника они встрѣтили ироническими восклицаніями: — „не вѣримъ мы вамъ, говорили они, вѣдь извѣстно, что панъ пану, а чортъ чорту братъ!“ На его совѣтъ идти законнымъ путемъ и добиваться своего посредствомъ суда они отвѣчали отказомъ, говоря, что не хотятъ судиться съ помѣщикомъ, который больно счастливъ въ судахъ и поясняли при этомъ, что „русскіи законъ то-же, что паутина: — большая муха прорвется, а малая запутается.“ Кромѣ бойкота помѣщика, тайный сходъ крестьянъ, собирающійся ночью за мѣстечкомъ (по выстрѣлу одного изъ вожаковъ), постановилъ приговоръ, запрещающій кому-либо изъ односель-

---

Не обходится прокламація и безъ теоріи эксцитативнаго террора. „Каждый поединокъ героя будитъ во всѣхъ насъ духъ борьбы и отваги“, — говорятъ намъ. Но мы знаемъ изъ прошлаго и видимъ въ настоящемъ, что только новыя формы массового движенія или пробужденіе къ самостоятельной борьбѣ новыхъ слоевъ массы дѣйствительно будитъ во всѣхъ духъ борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевыхъ, непосредственно вызываютъ лишь скоропреходящую сенсацію, а посредственно ведутъ даже къ апатіи, къ пассивному ожиданію слѣдующаго поединка. Насъ увѣряютъ далѣе, что „каждая молнія террора просвѣщаетъ умъ“, чего мы, къ сожалѣнію, не замѣтили на проповѣдующей терроръ партіи соц.-рев. Намъ преподносятъ теорію крупной и мелкой работы: „У кого больше силъ, больше возможности и рѣшимости, тотъ пусть не успокаивается на мелкой(!) работѣ; пусть ищетъ и отдается крупному дѣлу, — пропагандѣ террора въ массахъ(!), подготовленію сложныхъ... (теорія неуловимости уже забыта!)... террористическихъ предпріятій“. Неправда-ли, какъ это удивительно умно: отдать жизнь революціонера за месть негодяю Сипягину и замѣщеніе его негодяемъ Плеве — это крупная работа. А готовить, напр., массу къ вооруженной демонстраціи — мелкая. Вотъ Рев. Россія въ №8 какъ разъ поясняетъ это, заявляя, что о вооруженныхъ демонстраціяхъ „легко писать и говорить, какъ о дѣлѣ неопредѣленно далекаго будущаго“, „но всѣ эти разговоры имѣли до сихъ поръ лишь теоретическій характеръ“. Какъ хорошо знакомъ намъ этотъ языкъ людей, свободныхъ отъ стѣснительности твердыхъ соціалистическихъ убѣжденій, отъ обременительнаго опыта всѣхъ и всякихъ народныхъ движеній! Непосредственную осязательность и сенсаціонность результатовъ они смѣшиваютъ съ практичностью. Требованіе нуклонно стоять на классовой точкѣ зрѣнія и блюсти массовой характеръ движенія является для нихъ „неопредѣленнымъ“ „теоретизированіемъ“. Опредѣленностью въ ихъ глазахъ является рабское слѣдованіе за каждымъ поворотомъ настроенія и... и неизбѣжная въ силу этого безпомощность при каждомъ поворотѣ. Начинаются демонстраціи — и отъ такихъ людей льются кровавыя фразы, толки о началѣ конца. Остановка демонстрацій — опускаются руки, и, не успѣвъ износить сапогъ, мы уже кричимъ: „народъ увы еще не скоро“. Новая гнусность царскихъ насильниковъ — и мы требуемъ, чтобы намъ указали такое „опредѣленное“ средство, которое бы служило исчерпывающимъ отвѣтомъ именно на это насиліе, такое средство, которое бы давало немедленное „перебрасываніе силы“, и мы гордо обѣщаемъ это перебрасываніе! Такіе люди не понимаютъ того, что одно уже это обѣщаніе „перебрасыванья“ силы является политическимъ авантюризмомъ и что ихъ авантюризмъ зависитъ отъ ихъ безпринципности.

Соціаль-демократія всегда будетъ предостерегать отъ авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзіи, неизбѣжно оканчивающіяся полнымъ разочарованіемъ. Мы должны помнить, что революціонная партія только тогда заслуживаетъ своего имени, когда она на дѣлѣ руководитъ движеніемъ революціоннаго класса. Мы должны помнить, что всякое народное движеніе принимаетъ безконечно разнообразныя формы, постоянно вырабатывая новыя, отбрасывая старыя, создавая видоизмѣненія или новыя комбинаціи старыхъ и новыхъ формъ. И нашъ долгъ активно участвовать въ этомъ процессѣ выработки пріемовъ и средствъ борьбы. Когда обострилось студенческое движеніе, мы стали звать рабочаго на помощь студенту (Искра №2), не берясь предсказывать формы демонстрацій, не обѣщая отъ нихъ ни немедленнаго перебрасыванія силы, ни просвѣщенія ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстраціи мы стали звать къ организаціи ихъ, къ вооруженію массъ, мы выдвинули задачу подготовки народнаго возстанія. Нисколько не отрицая въ принципѣ насилія и террора, мы требовали работы надъ подготовкой такихъ формъ насилія, которыя бы разсчитывали на непосредственное участіе массы и обезпечивали бы это участіе. Мы не закрываемъ глаза на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будемъ работать надъ ней, не смущаясь возраженіями, что это — „неопредѣленно-далекое будущее“. Да, господа, мы стоимъ и за будущія, а не за одни только прошлыя формы движенія. Мы предпочитаемъ долгую и трудную работу надъ тѣмъ, за чѣмъ есть будущее; „легкому“ повторенію того, что уже осуждено прошлымъ. Мы будемъ всегда разоблачать людей, у которыхъ на языкѣ воина съ шаблонами догмы, а на дѣлѣ только и есть, что шаблоны самыхъ обветшалыхъ и вредныхъ теорій перебрасыванія силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теоріи поединка и единоборства. „Какъ нѣкогда въ битвахъ народовъ вожди ихъ рѣшали бой единоборствомъ, такъ и террористы въ единоборствѣ съ самодержавіемъ завоюютъ Россіи свободу“. — такъ заканчивается прокламація 3-го апр. Такія фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть ихъ.

Кто дѣйствительно ведетъ свою революціонную работу въ связи съ классовой борьбой пролетаріата, тотъ прекрасно знаетъ, видитъ и чувствуетъ, какая масса непосредственныхъ и прямыхъ запросовъ пролетаріата (и способныхъ поддерживать его народныхъ слоевъ) остается неудовлетворенной. Тотъ знаетъ, что въ массѣ мѣстъ, въ цѣлыхъ громадныхъ районахъ рабочій народъ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадаютъ даромъ за недостаткомъ литературы, руководителей, за отсутствіемъ силъ и средствъ у революціонныхъ организацій. И мы оказываемся, — мы видимъ это, что мы оказываемся — въ томъ же проклятомъ порочномъ кругѣ, который, какъ злой рокъ, тяготѣлъ такъ долго надъ русской революціей. Съ одной стороны, пропадаетъ даромъ революціонный порывъ, недостаточно просвѣщенной и неорганизованной толпы. Съ другой стороны пропадаютъ даромъ выстрѣлы „неуловимыхъ личностей“, теряющихъ вѣру въ возможность идти въ ряду и шеренгѣ, работать рука объ руку съ массой.

Но дѣло еще вполнѣ поправимо, товарищи! Потеря вѣры въ настоящее дѣло — не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе. Увлеченіе терроромъ не болѣе, какъ скоропреходящее настроеніе. Пусть же сомкнутся плотнѣе ряды соціаль-демократовъ и мы сплотимъ въ одно цѣлое боевую организацію революціонеровъ и массовой героизмъ русскаго пролетаріата!

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ эграрную программу соціалистовъ-революціонеровъ.

чанъ ходить въ церковь. Послѣднее постановленіе объясняется тѣмъ, что шаманъ-попъ, котораго не разъ уже избивали бабы и мужики за сребролюбіе и донъ-жуанство, явно держащій руку помѣщика, объяснялъ крестьянамъ въ церкви, въ воскресной проповѣди, грѣховность ихъ насильственнаго образа дѣйствій и показалъ имъ для вящей убѣдительности извѣстную комбинацію изъ трехъ пальцевъ. Смыслъ его проповѣди былъ тотъ, что, согласно святому Писанію, — „Божіе воздастся Богови, кесарево — кесареви,“ крестьяне же получать, во всякомъ случаѣ, — лишь вотъ это... тутъ онъ сдѣлалъ вышеуказанный проповѣдническій жестъ.

Еще передъ этимъ общество посылало своихъ уполномоченныхъ къ Драгомірову, чтобы просить его объ отмѣнѣ межеванія. Драгоміровъ встрѣтилъ уполномоченныхъ грубой бранью и криками: прикажу перестрѣлять, бунтовщики! арестовать! и т. д. такъ что крестьяне еле спаслись бѣгствомъ, позабывъ даже свои шапки.

Въ настоящее время дѣло находится въ слѣдующемъ положеніи: подъ вліяніемъ сопротивленія, оказаннаго крестьянами, помѣщикъ былъ принужденъ отказаться отъ межеванія. Приблизительно человѣкъ 10 мотыжинцевъ административно высылаются губернаторомъ на 1-2 года за предѣлы Кіевской губ. Броженіе это—до сихъ поръ еще слабое, — благодаря такимъ мѣрамъ, внѣ всякаго сомнѣнія, лишь разовьется. Крестьянство, безсознательно протестующее противъ произвола администраціи, беззаконности и безправія, не можетъ, понятно, быть умиротворено мѣрами, которыя противорѣчатъ правовому чувству всякаго здороваго человѣка. Поэтому возникновеніе крупныхъ безпорядковъ ожидается въ настоящее время всѣми и ни для кого уже не покажется удивительнымъ. Условія, въ которыхъ приходится крестьянину жить, дѣлаютъ весьма затруднительнымъ цѣлесообразный и организованный протестъ, въ родѣ повсемѣстнаго отказа отъ платежа податей и исполненія всякихъ, въ томъ числѣ и воинской, повинностей — но духъ протеста въ немъ, все таки, живетъ и непрерывно наростаетъ.

Изъ Черниговской губерніи.

Разыгравшаяся недавно вблизи Новозыбкова драма, закончившаяся избіеніемъ 19 крестьянъ, представляетъ изъ себя еще одинъ печальный фактъ безконтрольнаго издѣвательства полиціи и въ частности Черниговскаго губернатора, Андреевскаго. Безпорядки въ деревняхъ вовсе не имѣли характера, сколько-нибудь опаснаго для помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что появившіяся неожиданно войска привели крестьянъ въ замѣшательство. Но губернаторъ поспѣшилъ не упустить удобнаго случая отличиться на службѣ усмиреніемъ „крестьянскаго бунта“. Дѣло было такъ: крестьяне деревень — Усчернье и Теремошка (имѣніе Листовскаго, Суражскаго уѣзда) — давно уже враждуютъ съ помѣщикомъ изъ-за границъ. Земля не размежевана съ 1861 года. Но особенно рѣзкій характеръ эти споры приняли въ послѣднее время, когда крестьяне стали сильнѣе дорожить землей. Въ прошломъ году Листовскому уже пришлось прибѣгнуть къ полиціи для водворенія порядка въ Усчерньѣ. Тогда же онъ обѣщалъ имъ прислать землемѣра, но не исполнилъ своего обѣщанія и крестьяне въ нынѣшнемъ году заняли спорный кусокъ земли. Теремошкинскіе крестьяне также рѣшили занять 40 десятинъ сѣнокоса, которыя они считали своими и которыя помѣщикъ хотѣлъ отдать въ аренду другимъ крестьянамъ деревни Гастенки. Они на сельскомъ сходѣ рѣшили такъ: „нужно заявить гастенцамъ, чтобы они не платили помѣщику аренды — этого сѣнокоса мы не уступимъ никому“. Гастенцы, прочитавъ заявленіе и рѣшивъ, что Теремошкинскіе крестьяне хотятъ учинить бунтъ, представили это заявленіе Листовскому. Къ крестьянамъ названныхъ двухъ деревень присоединились крестьяне Синяго-колодеза (имѣніе Черниговскаго предводителя дворянства, Муханова). Изъ старинной церковной записи они узнали, что лѣтъ полтораста тому назадъ они считались вольной казацкой общиной и владѣли всѣмъ обширнымъ участкомъ земли, который теперь представляетъ изъ себя прекрасное имѣніе Муханова. Рѣшили они жаловаться сначала на помѣщика царю, а если царь не уважитъ ихъ просьбы, то подавать жалобу на царя (?). Для этой цѣли они обратились за помощью къ какому-то адвокату, Середѣ, который оказался большимъ негодяемъ и только вымогалъ у нихъ деньги. Сине-Колодезцы посылали даже ходоковъ своихъ въ Петербургъ. Послѣдніе присылали своимъ односельчанамъ письма приблизительно такого содержанія: „вотъ, молъ, мы скоро всего добьемся; познакомились уже съ 4-мя генералами, еще съ однимъ генераломъ нужно познакомиться и тогда уже до самаго царя дойдемъ“. Наконецъ, они познакомились на половину съ 5-мъ генераломъ, но, по ихъ словамъ, Мухановъ все дѣло испортилъ, такъ какъ ихъ посадили въ кутузку, подержали въ ней, а потомъ велѣли ѣхать на родину. Но крестьяне далеко не оставили своей мысли. Къ тому же присоединились частыя стычки съ управляющимъ и объѣздчикомъ. Такимъ образомъ, три деревни согласились поддерживать другъ друга, не уступать помѣщикамъ, принимая въ соображеніе кромѣ всего сказаннаго еще одно основаніе: „наши батьки да дѣды служили панамъ; нехай же теперь паны насъ кормятъ“. Листовскій (сынъ его земскій начальникъ), услышавъ, что происходитъ среди крестьянъ, телеграфируетъ губернатору: „крестьяне забрали мою землю и гонятъ моихъ рабочихъ; прошу принять надлежащія мѣры для прекращенія безпорядковъ“. Губернаторъ, не долго думая, взялъ съ собой отрядъ пѣхотинцевъ и пять сотенъ казаковъ и нагрянулъ въ Ущернье, т. к. это село больше Теремошки и тамъ находится главное имѣніе Листовскаго. Здѣсь дѣло обошлось мирнымъ образомъ. Крестьяне, собравшись на сходъ, объявили, что они и не думаютъ бунтовать, а только требуютъ размежеванія земель. Теремошкинскіе крестьяне оказали сопротивленіе властямъ слѣдующимъ образомъ: губернаторъ, еще будучи въ Ущерньѣ, послалъ въ Теремошку распоряженіе, чтобы мужики собрались на сходъ и ждали его. Поѣхавъ же, онъ засталъ въ деревнѣ однѣхъ бабъ да дѣтей — все же мужское населеніе разбѣжалось. Наконецъ, собравшіеся крестьяне устроили еще „бунтъ“ въ церкви: во время богослуженія 8 крестьянъ подали губернатору прошеніе, въ которомъ просили оставить за ними ихъ землю. На вопросъ губернатора — какъ они смѣютъ бунтовать, — крестьяне этой деревни отвѣтили: „мы не хотимъ дѣлать ни какихъ безпорядковъ, но только укажите намъ нашу землю. Вся земля не размежевана, и помѣщикъ, гдѣ хочетъ, тамъ и беретъ“. Губернаторъ велѣлъ арестовать 8 человѣкъ, подававшихъ прошеніе. Тогда поднялся шумъ и начали раздаваться голоса: „бери же всѣхъ, коли нашихъ взялъ! Сажай насъ въ тюрьму, а тамъ студенты сидятъ; они научатъ насъ, что дѣлать!“ Забрали еще 11 человѣкъ. Деревня была оцѣплена солдатами. Экзекуція однако началась не сейчасъ, а губернаторъ поѣхалъ сначала въ Синій-Колодезъ. Собрались крестьяне и здѣсь въ церковь, а потомъ на сходъ выбрали уполномоченныхъ говорить съ губернаторомъ. Ни на чемъ не сошлись и губернаторъ велѣлъ сходу разойтись, но сходъ не расходился. Въ виду такого ослушанія губернаторъ забираетъ съ собой уполномоченныхъ и отправляется съ ними въ Теремошку, гдѣ дѣлаетъ ихъ свидѣтелями экзекуціи, произведенной надъ Теремошкинскими крестьянами. Послѣ этого „бунтъ“ былъ усмиренъ, и даже Сине-Колодезскіе крестьяне отказались отъ своей мысли тягаться съ богатымъ Мухановымъ; они даже дали подписку въ томъ, что не будутъ имѣть больше никакихъ притязаній на эту землю.

При экзекуціи, кромѣ губернатора и остальной полиціи, присутствовали врачи — Бурковъ (уѣздный врачъ) и Козинцовъ (городск. врачъ) Послѣдній впрочемъ хвастается своимъ либерализмомъ, — онъ не разрѣшилъ давать болѣе 40 ударовъ.

Давали же 6-ти человѣкамъ по 75 ударовъ, а остальнымъ отъ 35 до 45.

ВѢСТИ СЪ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА

(Сообщено Ростовской группой „Искры“.)

Въ Медвѣженскомъ уѣздѣ, Ставропольской губ., крестьяне начали проявлять недовольство. Въ Бѣлой Глинѣ, большомъ 20 тысячномъ торговомъ селѣ, крестьяне начали требовать прирѣзокъ земли и новой планировки, то же самое было въ Новоселицахъ. Когда земскій начальникъ Жуковъ началъ ихъ усмирять домашними средствами, крестьяне вытолкали его въ шею со схода и заявили, что ихъ дѣло правое. Губернаторъ Никифораки поѣхалъ самолично въ эти села и бесѣдовалъ съ крестьянами, угрожая имъ нагайками и казаками. Въ с. Терновкѣ также идутъ слухи о „новыхъ правахъ“. Губернаторъ ѣдетъ туда, удаляетъ волостного писаря и высылаетъ изъ предѣловъ губерніи одного крестьянина, заподозрѣннаго полиціей въ распространеніи тревожныхъ слуховъ. Жандармы и мѣстная уѣздная полицейская администрація разъѣзжаютъ по селамъ и хуторамъ всей губерніи — и ищутъ „крамолы“, допрашиваютъ крестьянъ, спаивая ихъ водкой. Всѣ эти допросы, конечно, окончились ничѣмъ, а въ сосѣдней Кубанской области и Сальскомъ округѣ Астраханской губ., между тѣмъ, шли уже настоящіе безпорядки, гдѣ крестьянъ били и уродовали за то, что они отказывались работать въ экономіяхъ по низкой цѣнѣ. Въ 5-ти экономіяхъ Кубанской Области недовольство крестьянъ низкой цѣной обрушилось на земледѣльческія машины, которыя были изломаны. Также были избиты и нѣкоторые владѣльцы экономій. Въ одной экономіи возлѣ станціи Кавказской Влад. жел. дор., а также возлѣ ст. Тифлисской крестьяне и мѣстные казаки поломанныя машины бросали въ рѣку Кубанх. Крестьянъ усмиряли нещадно казаки мѣстнаго станичнаго правленія. На ст. Розовой также были въ концѣ мая безпорядки на аграрной почвѣ, но здѣсь крестьяне, когда ихъ усмиряли казацкими нагайками, заявляли: „намъ нужны порядки такіе, о какихъ пишутъ въ книжкахъ“. Встревоженное начальство станицы также пыталось искать „корней и нитей“, но тщетно. На подмогу станичному начальству прискакали жандармы изъ Владикавказа, но они ничего не нашли.

Въ селеніи Армакиръ послѣ побоища армянъ, въ концѣ апрѣля, устроеннаго пьяной толпой, появились въ большомъ количествѣ прокламаціи, уясняющія истинный смыслъ происходившаго и указывавшія, что не армяне, какъ нація, виноваты, а виновато правительство, гнетущее весь народъ, и что нужно организоваться и бороться противъ всего соціальнаго строя и противъ опричнины. Выяснялось и значеніе рабочаго майскаго праздника. Прокламаціи были писаны и гектографированы безъ подписи и распространялись онѣ посредствомъ рогатокъ. Привязаны онѣ были къ камнямъ и такимъ образомъ бросались въ окна домовъ всѣхъ обывателей, которые были страшно встревожены необыкновеннымъ явленіемъ. О прокламаціяхъ знали и старъ и младъ. Школьники, напр., заявляли своимъ учителямъ 1-го мая, чтобы они ихъ отпустили, такъ какъ у нихъ „сегодня праздникъ“. Прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе. С. Армавиръ — одинъ изъ населеннѣйшихъ и торговыхъ пунктовъ Кубанской Области, жителей въ немъ около 20 тысячъ. Поиски за „крамолой“ не привели ни къ какимъ результатамъ, хотя и хватали отдѣльныхъ мѣщанъ. Обыскивали также многихъ.

Съ Кубани. Полтавско-Харковское броженіе перекинулось и къ намъ на Кубань. Здѣсь оно приняло не особено раціональныя формы. Дѣйствующими лицами и здѣсь явились тѣ же харьковцы, затѣмъ тамбовцы, пензенцы, куряне и т. п. косари, которые въ необыкновенно большомъ количествѣ плывутъ съ центральныхъ губерній на плодоносную и богатую Кубань. Раньше они находили еще себѣ кое-какой заработокъ въ обширныхъ хлѣбныхъ „экономіяхъ“ мѣстныхъ землевладѣльцевъ — Мордовцева, Петрова, Игнатьева и друг. Но нашъ вѣкъ пара и электричества произвелъ переворотъ. Чикагская фирма Макъ-Клачей за послѣдніе годы, говорятъ, милліоновъ на 10 поставила сельско-хозяйственныхъ машинъ на рынокъ Сѣвернаго Кавказа. Въ этомъ году образовался особый избытокъ косарей. Вмѣсто прежнихъ 3 руб. имъ стали платить теперь 70-80 коп. Естественно, что это косарямъ пришлось не по нраву и они прибѣгли къ помощи дубины, разбивали машины, били землевладѣльцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ машины были свалены въ Кубань и унесены теченіемъ въ Черноморье. Движеніе охватило цѣлый районъ станицъ въ 20. Рабочихъ, принимающихъ участіе въ немъ, насчитываютъ по всему району до 10,000. Мѣстами дѣйствія, преимущественно, являются станицы, лежащія по линіи желѣзнодорожной — отъ Тихорѣцкой до Екатеринодара и Майкопа. Движеніе носитъ чисто стихійный характеръ; недовольства накопилось касса, а гдѣ корни зла — неясно.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Положеніе рабочихъ на Невской пригородной конно-желѣзной дорогѣ. (Изъ матеріаловъ „Рабочей Мысли“).

Очень худо живется у насъ машинистамъ, такъ какъ штрафы ставятъ огромные и совсѣмъ ни за что: такъ, напримѣръ, сойдетъ съ рельсовъ вагонъ, оцарапаетъ паровозъ, собьетъ-ли извозчика гдѣ, ему штрафъ рублей 15 или 30. Были такіе случаи, что, кромѣ штрафа, поставленнаго правленіемъ, приходится платить по приговору мирового (по протоколу полиціи), такъ что съ одного вола дерутъ двѣ шкуры. Не лучше живется и кочегарамъ, которыхъ заставляютъ выполнять чужія работы, работать за молотобойца, печника и т. п. Проѣздивъ смѣну, кочегаръ ложится спать или собирается гулять, какъ вдругъ прибѣгаетъ сторожъ и говоритъ, что мастеръ зоветъ; кочегаръ идетъ къ мастеру и тотъ посылаетъ его куда-нибудь по своему дѣлу: въ городъ съѣздить, либо огородъ копать, или куръ кормить или пойти на рынокъ съ женой мастера и оттуда привезти покупки, — и все это въ то время, когда кочегаръ долженъ быть свободенъ. Живутъ кочегары въ казармѣ. Тамъ очень тѣсно, грязно и сыро.

Кондуктора должны подниматься въ половинѣ шестого утра, идти въ контору за билетами и во дворъ — смотрѣть нарядъ: на какой вагонъ и съ какимъ выпускомъ ѣхать. Выходятъ поѣзда въ 7 часовъ, идутъ черезъ каждые четверть часа и вотъ кондуктора съ половины шестого до 12-ти и 1 часу ночи находятся на линіи безъ горячей пищи, да и холодную некогда ѣсть, такъ какъ вагонъ только на карточной фабрикѣ стоитъ 10 или 15 минутъ. Штрафы тоже очень часты. Кондуктора по правиламъ должны быть свободны черезъ два дня въ третій, но на дѣлѣ ѣздить приходится 4-5 дней подрядъ, а потомъ день свободенъ. За этотъ каторжный трудъ они получаютъ 30-35-40 руб. въ мѣсяцъ.

Въ механической мастерской и въ кузницѣ приходится работать въ страшномъ дыму; вентиляціи никакой нѣтъ. Лѣстницы, которыя ставятъ для смазки приводовъ, не имѣютъ верхнихъ крючковъ и нижнихъ шпилекъ, какъ слѣдуетъ по правилу. — За увѣчья у насъ не платятъ; больницы нѣтъ, хотя работаетъ около 300 человѣкъ. Работаемъ съ 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера съ тремя перерывами (2 раза по полчаса и разъ полтора часа).

Въ малярной мастерской работаютъ 5 мальчиковъ, съ которыми страшно грубо обращается мастеръ Нуждинъ, иногда бьетъ ихъ прутьями, ремнемъ и т. д.

Главный мастеръ Петровъ прославился своимъ скотскимъ обращеніемъ съ рабочими; беретъ взятки съ машинистовъ деньгами, кочегары-же, уѣзжая въ деревню, по возвращеніи привозятъ ему и телятины, и баранины, и поросятъ и т. п.

Время проснуться ужъ, братья! Время требовать себѣ человѣческихъ правъ!

Рабочій.

Рязанская губ. Углекопы. (Изъ матерьял. „Раб. Мысли“).

Довольно яркую картину того, какъ живется нашему рабочему, можно найти въ положеніи рабочихъ въ горномъ промыслѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, живутъ рабочіе на Побѣдинскомъ рудникѣ Рязанской губерніи. Начну съ благоустройства шахтъ. Спускаться въ нихъ (30-50-60 аршинъ) приходится безъ помощи машины, такъ какъ таковая предназначена только для подъема угля и начальства. Лѣстницы — вертикальныя, деревянныя: сверху, съ боковъ течетъ цѣлыми ручьями грязь — смѣсь воды съ углемъ. Неудивительно, если, сдѣлавъ это путешествіе, окажешься достаточно измоченнымъ. Вода въ шахтѣ, вода и въ штольняхъ. По дну ихъ прорыты канавы, мѣстами до трехъ четвертей аршина, онѣ всегда наполнены водой и никогда не прикрыты. Въ нихъ часто приходится принимать холодную ванну. Такъ какъ шахты не „газовыя“, то работаютъ съ простыми лампочками, отъ которыхъ идетъ страшный чадъ и дымъ, что еще болѣе чувствительно, потому что вентиляція вездѣ „естественная“.

Часть рабочихъ живетъ въ окрестныхъ деревняхъ въ своихъ раззоренныхъ избахъ. (Работа на рудникѣ не только не улучшаетъ жизни крестьянъ, а, напротивъ, вытягиваетъ всѣ жилы). Другая часть живетъ въ казармахъ, при чемъ на 18 кв. аршинъ одноэтажнаго зданія приходится до 100 человѣкъ жильцовъ. Является вопросъ - гдѣ же собственно лучше этому рабочему — подъ землей или на землѣ? — Никакихъ развлеченій, ни одного просвѣтительнаго учрежденія, кромѣ близлежащей „казенки“. Нѣтъ даже близко школы — она стоитъ верстахъ въ семи. Въ добавленіе ко всему этому заработная плата нищенская. Забойщики (аристократія рудничныхъ рабочихъ) получаютъ за 12-ти часовой рабочій день 80 коп. зимой и 1 руб. лѣтомъ. Колебаніе платы обусловлено уходомъ части рабочихъ на лѣто домой. Этимъ же объясняется и измѣненіе количества рабочихъ: лѣтомъ ихъ 800-900, а зимой до 1500.

Немудрено, если при такихъ условіяхъ человѣкъ даже съ ничтожными потребностями, наконецъ, теряетъ терпѣніе, протестуетъ, хотя вспышками безъ надежды на выигрышъ. Такая вспышка была въ декабрѣ 1901 года. Рабочимъ выдали въ день получки плату по уменьшенной расцѣнкѣ. Моментально вспыхнуло бурное негодованіе. Рабочіе разбили лавку, снабжавшую ихъ продуктами сомнительнаго качества, контору, попортили машины; работа стала. Былъ вызванъ исправникъ, человѣкъ до извѣстной степени порядочный и только благодаря ему, быть можетъ, обошлось безъ крови. Черезъ 3 дня работы возобновились. Результатъ вспышки — 12 человѣкъ арестованныхъ во время грабежа лавки вечеромъ, когда толпа уже успокоилась.

Одесса. Рабочее движеніе въ Одессѣ съ начала нынѣшняго года приняло яркій политическій характеръ. Не говоря уже о листкахъ Южн. Рев. Гр. Соціал. дем., и въ листкахъ Комитета выдвигаются на первый планъ политическія требованія. Оживленная дѣятельность революціонной жизни вызвала соотвѣтствующія репрессіи со стороны администраціи. 8-го февраля были повальные аресты и обыски (арестовали болѣе 300 ч.). О. К. и Ю. Р. Г. С. назначили демонстрацію на 19-е февраля. Однако, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, демонстрація была отложена на 23-е февраля. Демонстрація произошла на Екатерининской площади, гдѣ рабочими были выкинуты 2 красныхъ знамени. Произошло избіеніе публики полиціей, за которымъ послѣдовало избіеніе арестованныхъ въ участкахъ.

Въ участкахъ были избиты лица, даже непричастныя къ демонстраціи. Била полиція, били и уголовные, которымъ предлагали за каждаго избитаго по 40 к. Послѣ 23-го продолжались все новые и новые аресты; тюрьма и участки переполнены. Особенно плохо жилось арестованнымъ въ участкахъ: тѣснота, грязь, вонь и впридачу грубое обращеніе и даже побои, вотъ что ждало ихъ тамъ. Въ тюрьмѣ живется не лучше: такъ, въ концѣ февраля жандармами избитъ былъ на прогулкѣ рабочій Бродскій. Политическіе протестовали, отказывались отъ дачи показаній и прогулокъ. Въ концѣ марта опять повторилось избіеніе, при чемъ начальникъ тюрьмы, отъ котораго потребовано было составленіе протокола и привлеченіе виновныхъ къ отвѣтстенности, раскричался на жандарма: ,,Какъ ты смѣлъ бить безъ моего позволенія" — очевидно, съ его позволенія бить можно. Многимъ рабочимъ выдавалась такъ наываемая уголовная пища, жидкій супъ съ кое гдѣ плавающими крупинками; благодаря настоятельнымъ требованіямъ политическихъ, стали въ послѣднее время выдавать всѣмъ улучшенную пищу, при чемъ требовали приплаты 90 к. въ мѣсяцъ.

Тотчасъ же послѣ демонстраціи 23-го фев. Ком. и Ю. Р. Г. выпущены были листки, въ которыхъ описывались всѣ событія 23-го февраля и сообщалось объ избіеніи демонстрантовъ въ участкахъ. 1-го мая распространены были майскіе листки ,,конференціи". Не смотря на то, что Комитетъ отказался отъ уличной демонстраціи на 1-е мая, Ю. Р. Гр. распространила воззваніе съ приглашеніемъ явиться 1-го мая къ 7-ми час. вечера на Бульваръ. Огромная толпа народа запрудила аллеи. 1-го мая всюду слышались разговоры о предстоящей демонстраціи. Администрація также приняла свои мѣры: во всѣхъ прилежащихъ домахъ спрятаны были дворники и ночные сторожа, готовые при первой тревогѣ броситься съ дубинами въ рукахъ на беззащитную толпу. Около 8 ч. вечера начали раздаваться мѣстами отдѣльные крики: ,, долой самодержавіе!", но скучиться демонстрантамъ не удалось. Полиція свирѣпствовала, при малѣйшемъ подозрѣніи, по указанію шпіоновъ, хватали и тащили въ участокъ, гдѣ опять повторилось февральское побоище. Арестовано было около 40 человѣкъ.

Комитетомъ выпущенъ былъ листокъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ: вскорѣ послѣ этого возобновились аресты, арестовано человѣкъ 10. Появились, наконецъ, въ Одессѣ. Зубатовскіе ,,независимые", человѣкъ 20. Недавно въ столовой одинъ изъ ,,независимыхъ" началъ доказывать, что рабочіе должны бороться только за улучшеніе своего экономическаго положенія, что правительство сочувствуетъ экономической борьбѣ и поддерживаетъ рабочихъ, что соціальдемократы враги рабочихъ. Какой-то рабочій, по наивности очевидно, завелъ съ нимъ споръ и вмѣстѣ съ ,,независимымъ" былъ арестованъ въ тотъ же день и продолжаетъ сидѣть до сихъ поръ, тогда какъ ,,независимый" на другой же день былъ выпущенъ.

Новозыбковъ, Черниговск. губ. Разговоры о предстоящемъ майскомъ праздникѣ начались на здѣшней Волковской спичечной фабрикѣ уже давно. Въ маленькомъ городкѣ всевозможные толки о днѣ 1-го мая вышли изъ предѣловъ фабрики и распространялись во всѣхъ слояхъ общества. Сами хозяева и фабричная администрація струсили не на шутку: когда, напримѣръ, сторожъ обратился къ управляющему Трошину съ просьбой выдать дровъ для казармы, Трошинъ отвѣтилъ: „теперь намъ не дровъ; скоро настанетъ 1-ый май — рабочіе всю фабрику разнесутъ!“

Съ 26-го на 27-ое апрѣля рабочіе разбросали въ большомъ количествѣ майскія прокламаціи. Тотчасъ-же забѣгали жандармы и городовые, фабричный дворъ наводнился „блюстителями порядка“. Рабочихъ вѣжливо уговаривали возвратить найденные листки, въ противномъ случаѣ грозили тюрьмой. Нѣкоторые рабочіе изъ крестьянъ) побоялись и возвратили, другіе выдавали товарищей, не желавшихъ отдавать листки. Но все же много осталось прокламацій и среди рабочихъ; читались также стихотворенія: „майскій праздникъ“ и „восемь часовъ“. Начались допросы; рабочихъ таскали по нѣсколько разъ каждаго. Полиція вела себя какъ нельзя лучше: очень нашумѣла и заинтересовала и безъ того относящееся съ участіемъ къ мѣстному рабочему движенію общество. Несмотря на усиленный надзоръ, на допросы и всю тревогу, которую подняла полиція на фабрикѣ и въ городѣ, 30-го апрѣля во время работъ еще больше было разбросано прокламацій „Ко всѣмъ рабочимъ Россіи“, а также поздравленій съ майскимъ праздникомъ. Листки быстро хватались и прятались. Рабочіе говорятъ, что Трошинъ почернѣлъ отъ злости. Полиція была взбѣшена; насколько могла—она усилила движеніе эти имъ очень смѣшила всѣхъ въ городѣ.

Въ городѣ прикащики тоже разбросали по магазинамъ майскія прокламаціи. Еврейскіе ремесленники, такъ какъ на нихъ очень много подозрѣній и вся вина всегда падаетъ на ихъ голову, на этотъ разъ осторожно передавали прокламаціи другъ другу. Но все же на разныхъ постройкахъ, среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, повсюду въ городѣ появились майскіе листки — это волковскіе рабочіе подѣлились своимъ избыткомъ — сами разбрасывали.

Въ день 1-го мая городъ имѣлъ праздничный видъ: великолѣпный день; на улицахъ движеніе: нарядные городовые и жандармы группами расхаживаютъ по улицамъ; городовые — съ нагайками; конная полиція тоже съ нагайками. У прохожихъ отбираютъ палки. О томъ, какъ общество ожидало этого дня, можно судить по слѣдующему факту: директоръ реальнаго училища созвалъ старшихъ учениковъ (сельскохозяйственниковъ) и сказалъ имъ рѣчь, въ которой выяснилъ, чего требуютъ рабочіе: онъ отнесся сочувственно (сердечное попеченіе!) къ рабочему вопросу, но выразилъ мнѣніе, что добиваться своихъ правъ рабочіе должны легальнымъ путемъ. Затѣмъ сказалъ, что сегодня рабочіе хотятъ учинить безпорядки и предупреждалъ своихъ учениковъ, чтобы они не ходили группами и особенно не заглядывали въ городской лѣсъ.

Цѣлый день ожидали отъ „демократовъ“ какихъ то необыкновенныхъ дѣйствій. Полиція очень взбѣсилась, когда узнала, что городскіе рабочіе (ремесленники) не пошли на работу. Весь день былъ проведенъ ею въ безполезныхъ поискахъ по полямъ; объѣздили всѣ лѣса, и къ вечеру, измученнные и обозленные, ни въ чемъ не успѣвшіе „блюстители порядка“, выведенные изъ терпѣнія „демократами“, стали производить аресты и обыски. Между тѣмъ, на улицахъ (особенно на Мильонной и Чугуновской) было много публики „все еще ожидавшей демонстраціи; молодежь даже слегка пѣла революціонныя пѣсни: слышашались упреки рабочимъ, не устроившимъ демонстраціи. Аресты происходили на глазахъ у публики. Все время полиція стерегла волковскихъ рабочихъ; группами нельзя было уходить съ фабрики.

Хотя майской забастовки не было, но 1-ое мая подняло настроеніе какъ ремесленнныхъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Неудачная ссылка на нашу исторію.

(Письмо въ редакцію)

Въ передовой статьѣ №8 „Революц. Россіи“, озаглавленной „Крестьянское движеніе“, авторъ, опровергая циркулирующіе слухи, будто во время послѣднихъ крестьянскихъ волненій въ Полтавской и Харьковской губ. кѣмъ-то распространялся „манифестъ“ или „царская грамота“, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Когда еще въ 70-хъ годахъ Стефановичемъ и Дейчемъ была произведена печальной памяти попытка взволновать чигиринскихъ крестьянъ подложной „золотой грамотой“, то она была встрѣчена всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра. Это заставило самихъ авторовъ попытки признать свою ошибку и горько раскаяться въ сдѣланномъ ложномъ шагѣ („Рев. Рос.“, стр. 2.)“.

Къ сожалѣнію, авторъ статьи не указываетъ, откуда онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія объ отношеніи „всего революціоннаго міра“ къ Чигиринской попыткѣ, а также и о впечатлѣніи, которое на меня и Стефановича произвело „всеобщее и рѣзкое осужденіе“ этого дѣла. Я же нахожу эти утвержденія автора несоотвѣтствующими истинѣ, что и постараюсь доказать.

Если-бы наша попытка, какъ онъ заявляетъ, дѣйствительно „встрѣчена была всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра“, то, несомнѣнно, такое отношеніе должно было-бы, между прочимъ, отразиться въ революціонной печати того времени. Въ годы, послѣдовавшіе за Чигиринской попыткой, кромѣ разныхъ летучихъ листковъ и нѣсколькихъ брошюръ, какъ извѣстно, выходили газеты: „Община“, „Земля и Воля“, „Народная Воля“ и „Черный Передѣлъ“. Но ни въ одномъ изъ этихъ изданій не было ничего похожаго на „рѣзкое осужденіе“ Чигиринскаго дѣла, а въ, „Черномъ Передѣлѣ“ въ №№1 и 2, за подписью Стефановича, помѣщенъ былъ даже его разсказъ объ этой попыткѣ. Устно въ указанное время тоже рѣшительно ни отъ кого изъ дѣйствовавшихъ въ то время революціонеровъ ни мнѣ, да и никому изъ моихъ товарищей, не приходилось слышать не только „рѣзкое“, но какое-бы то ни было „осужденіе“ этой попытки. Единственнымъ противникомъ примѣненнаго въ Чигир. уѣздѣ пріема явился въ эмиграціи Драгомановъ на собраніяхъ, происходившихъ въ Женевѣ зимою 1878-9г.г. Но тогда же противъ него и въ защиту Чигир. дѣла выступило нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и П. Крапоткинъ. Каково было отношеніе дѣйствовавшихъ въ Россіи революціонеровъ къ этой попыткѣ, отчасти можетъ, мнѣ кажется, показать свидѣтельство Степняка, который говоритъ, что „одно время Стефановичъ былъ едва-ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ партіи“ („Подп. Рос.“, стр. 30, изд. Ф. в. р. пр.). Если бы наша попытка „встрѣчена была всеобщимъ и рѣзкимъ осужденіемъ всего революціоннаго міра“, какъ утверждаетъ авторъ статьи, то какимъ образомъ главный иниціаторъ ея могъ быть „едва-ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ въ партіи“, по свидѣтельству столь компетентнаго человѣка, какъ Степнякъ? У послѣдняго же мы находимъ и вѣрное объясненіе популярности Стефановича: „это была — говоритъ Степнякъ —, первая и пока единственная попытка создать народную организацію на почвѣ не общихъ теорій, а мѣстныхъ стремленій, какими были въ Чигиринскомъ уѣздѣ борьба общинниковъ противъ индивидуалистовъ — душевиковъ (тамъ же).“

Столь же невѣрно утвержденіе автора статьи, будто „всеобщее и рѣзкое осужденіе“ заставило насъ „признать свою ошибку и горько раскаяться въ сдѣланномъ ложномъ шагѣ“. Положительно недоумѣваю, откуда авторъ заимствовалъ свои свѣдѣнія? Стефановичъ и я не только печатно, но и устно никогда и нигдѣ не „признавали своей ошибки“, а тѣмъ менѣе мы „раскаивались горько“ въ ней. Даже „въ сердцахъ нашихъ“ онъ не могъ этого прочитать, потому что, оставаясь „самобытными русскими соціалистами“, — какимъ отчасти является до сихъ поръ еще авторъ цитированной статьи, — мы и не могли раскаиваться въ этой попыткѣ. Только ставъ соціаль-демократомъ, я признаю теперь ошибочнымъ пріемъ, къ которому мы прибѣгли въ Чигиринскомъ дѣлѣ, какъ и вообще отвергаю всякія мистификаціи въ революціонномъ дѣлѣ; но даже и въ настоящее время я не могу „горько раскаиваться“ въ Чигиринской попыткѣ, такъ какъ въ то время мы иначе поступить не могли.

Изъ всего вышеизложеннаго, мнѣ кажется, вполнѣ очевидно, что указанныя утвержденія автора названной статьи — исключительно плодъ его воображенія и, какъ таковой, они ничего общаго не имѣютъ съ исторической истиной, въ интересахъ которой я только и взялся за перо.

Л. Дейчъ.

Отвѣтъ Петербургскаго Комитета Партіи на запросъ Батумскихъ рабочихъ.

(Петербургскій Комитетъ прислалъ намъ для опубликованія нижеслѣдующій свой отвѣтъ на запросъ, сдѣланный ему батумскими рабочими.)

Два или три мѣсяца тому назадъ товарищи изъ Батума обратились къ С. П. Б. Комитету съ предложеніемъ обсудить и высказать въ печати свое мнѣніе по тремъ нижеуказаннымъ вопросамъ. Исполняя предложеніе товарищей, С. П. К. выражаетъ свое сожалѣніе по поводу запозданія отвѣта и питаетъ надежду, что Батумскіе товарищи повѣрятъ, что запозданіе произошло по причинамъ, не зависящимъ отъ воли Комитета

Вотъ эти вопросы: „отношеніе интеллигенціи къ рабочему движенію — т. е. должна ли интеллигенція во время уличныхъ демонстрацій, районныхъ, мѣстныхъ, заводскихъ и фабричныхъ безпорядковъ и прочихъ открытыхъ протестовъ, какъ противъ эксплуатаціи капиталистовъ, такъ и противъ произвола правительства, идти впереди рабочихъ, какъ болѣе сознательная и революціонно настроенная часть населенія, или же должна ограничиться мирной кружковой пропагандой, а воодушевленіе и руководство движеніемъ предоставить самимъ рабочимъ, 2) если, по установившемуся общему мнѣнію всѣхъ комитетовъ, группъ и организацій всей Россіи единственнымъ главнымъ средствомъ протеста противъ существующаго въ Россіи произвола есть демонстрація отчасти экономическаго, но, главное, политическаго направленія, но въ томъ и другомъ случаѣ съ требованіями, предъявляемыми непосредственно къ правительству, то какъ должны вести себя демонстранты во время натиска полиціи: т. е. должны ли они сопротивляться всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами, или же должны при первомъ натискѣ разбѣгаться. Если они должны по силѣ возможности оказывать сопротивленіе, то какъ, какимъ образомъ и какимъ оружіемъ: не должны ли они въ открытой схваткѣ пустить въ дѣло обороны огнестрѣльное оружіе, ножи и кинжалы, или же довольствоваться камнями и палками. 3) Для большей послѣдовательности, для большей цѣлесообразности рабочаго движенія Батумцы выражаютъ желаніе учредить центральную Всероссійскую организацію, съ единымъ центральнымъ руководящимъ комитетомъ во главѣ. Если же къ созданію послѣдней не представляется возможности, то хотя на время устройство болѣе скораго и вѣрнаго способа сообщенія о всѣхъ намѣреніяхъ и событіяхъ различныхъ городовъ Россіи. — Отвѣчая на первый изъ поставленныхъ вопросовъ, С. П. Б. Комитетъ исходитъ изъ положенія, совершенно отвергающаго дѣленіе соціальдемократовъ на интеллигенцію и рабочихъ, такъ какъ соціаль-демократія, какъ политическая партія, объединяетъ всѣхъ борцовъ за торжество идеи рабочаго класса независимо отъ ихъ классоваго или сословнаго происхожденія. Наши учителя и основатели нашего „движенія“ интеллигенты Карлъ Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ были, конечно, не менѣе истинными соціаль-демократами и вождями рабочихъ, чѣмъ рабочіе Августъ Бебель и Игнатій Ауэръ, а наши Степанъ Халтуринъ или Петръ Алексѣевъ — въ полномъ смыслѣ слова интеллигентами. Поэтому, для П. Б. Комитета вопросъ о томъ, кто, то есть интеллигенція или рабочіе, должны вести „мирную кружковую пропаганду“, а кто — взять на себя „воодушевленіе и руководство движеніемъ“ разрѣшается очень просто, а вѣрнѣе вовсе отпадаетъ. Какъ во всякомъ вообще движеніи, разъ оно совершается сознательно и планомѣрно, роль руководителей и вдохновителей выпадаетъ на долю наиболѣе сознательныхъ, наиболѣе интеллигентныхъ представителей движенія, такъ и во главѣ нашего движенія должны стоять, да фактически и стоятъ наиболѣе сознательные, наиболѣе развитые его элементы, а происходятъ ли они изъ среды рабочихъ или изъ другихъ классовъ и сословій — это безразлично. Что касается 2-го вопроса, т. е. вопроса о томъ, какъ должны реагировать демонстранты на нападеніе полиціи, то П. Б. Комитетъ считаетъ невозможнымъ дать на этотъ вопросъ категорическій общій отвѣтъ до второго очередного съѣзда партіи, когда будетъ приведено въ извѣстность настоящее положеніе дѣлъ въ различныхъ уголкахъ Россіи и когда Партія на основаніи этихъ данныхъ получитъ возможность выработать общія формы боевой тактики. Но не рекомендуя и не осуждая вооруженнаго сопротивленія на уличныхъ демонстраціяхъ, П. Б. Комитетъ полагаетъ, что нападеніе вооруженной полиціи на демонстрантовъ можетъ быть не только сдерживаемо, но и парализуемо не только вооруженіемъ демонстрантовъ, но также ихъ организованностью. Если каждой демонстраціи будетъ предшествовать энергичная агитація, выясняющая цѣль предстоящей демонстраціи, если на демонстрацію будетъ идти не полусознательная толпа, а люди, отчетливо сознающіе всю серьезность предстоящей задачи, то наврядъ ли мысль — бѣжать при первомъ полицейскомъ натискѣ будетъ быстро овладѣвать демонстрантами, и полиція — такъ скоро очищать улицы, какъ это, къ сожалѣнію, происходитъ такъ часто въ настоящее время. Убѣдительнымъ подтвержденіемъ этого служатъ, съ одной стороны, ежегодныя майскія демонстраціи, устраиваемыя нашими польскими и еврейскими товарищами, съ другой, недавняя демонстрація въ Гельсингфорсѣ, когда невооруженная, но хорошо организованная толпа обратила въ бѣгство вооруженную казачью сотню. Наконецъ, по поводу 3-го вопроса П. Б. Комитетъ считаетъ долгомъ сообщить Батумскимъ товарищамъ, что нужда въ объединеніи дѣятельности всѣхъ рабочихъ соціаль-демократическихъ организацій является для него столь же насущной и не терпящей отлагательства, какъ и для Батумскихъ товарищей. Въ настоящее время П. Б. Комитетъ какъ разъ занятъ выработкой условій и мѣръ для возможно скорѣйшаго осуществленія указаннаго объединенія, а также и для скорѣйшаго созыва партійнаго съѣзда, на которомъ онъ надѣется встрѣтиться съ представителями и Батумскихъ товарищей.

С. П. Б. Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

На дняхъ вышелъ въ свѣтъ № 4 „Зари“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Симферополь. Въ теченіе весны здѣсь взяты: Зборовская, мать 6-ти дѣтей (вып. черезъ 40 дн.), студ. Мироновъ, стат. Васильевъ, одинъ столяръ. По дѣлу прошлогодней демонстр. сосланы въ В. Сиб.: на 4 г. статист. Громанъ (былъ въ ссылкѣ въ Вятск. губ.) и на 3 г. рабочіе Воловичъ, Кaймерсъ, Эншель и Шухеръ (просидѣли по 1 г. 2 м. въ тюрьмѣ). Срерхъ того, двое раб. подвергнуты тюр. закл. на 8 м. (въ Крестѣ) и 2—на 4 м. —Были обыски у стат. Браудо, Коломійцева, Краснова и др.

Самара. Въ сред. іюня арест. К. Бауэръ (только что вернувшійся изъ Спб.) и К. Газенбумъ. Обыски у С. и Н. Кранихфѣльдъ.

Полтава. Въ здѣшн. тюрьму привезены г-жа Приходько и Савиновъ изъ—Смоленска и г-жа Харикъ, взята на границѣ въ Александровѣ съ литерат.

Въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ 26 политическихъ, въ томъ числѣ крестьяне: Тютюнникъ, Наконечный, Буцкій, Коркичка, Стороженко.

Харьковъ. Въ началѣ іюля арестованы студ. Анненковъ и инж. Хотневъ (выпущенъ). Въ іюнѣ взятъ Ѳоминъ служащій въ бюро горнопромышленниковъ (увезенъ въ Москву). У его двухъ сослуживцевъ были обыски.

На границѣ въ разное время взяты ѣхавшіе въ Россію **Флегонтовъ** (увезенъ въ Петроп. крѣп.) и **Безруковъ**.

Донская область.

Списокъ лицъ, содержащихся подъ стражей къ 15 мая 1902г. Ростовск. тюрьма: рабочіе: Гущинъ, Терещенко, Скоробогатый, Кононовъ, Кравцовъ, обвиняются въ принадлежности къ тайнымъ сообществамъ и въ присутствіи на рабочей сходкѣ подъ новый годъ въ Нахичевани. Лиманъ обвиняется въ распространеніи прокламацій. Стуканевъ, Малицкій въ подстрекательствѣ къ демонстраціи 18-го апрѣля. Васильченко въ участіи въ театральной демонстраціи 30-го марта, въ держаніи революціонныхъ стиховъ и участіи въ тайныхъ сообществахъ. Самохинъ въ участіи въ демонстраціи 18-го апрѣля, Богдановъ въ томъ же и несеніи знамени, Мальцевъ отбываетъ приговоръ 4 мѣсяца тюремнаго заключенія, интелл: Н. Шпакъ землемѣръ, Е. Шпакъ акуш.-фельдш. въ предоставленіи конспиративной квартиры и участіи въ тайныхъ сообществахъ. А. Самойловъ въ пропагандѣ и подстрекательствѣ къ демонстраціи 19-го февраля. Мих. Чайченко учитель больн. час., Пол. Чайченко, участвовали и подстрекали къ демонстраціи 19-го февраля и присутствовали на рабочей сходкѣ подъ новый годъ. Г. Коваленко — учитель въ участіи въ демонстраціи 19 февраля. С. Итинъ по Харьковскому дѣлу Харченко по 250ст. Я. Житомірскій, репортеръ „Пріаз. Края“, по приговору отбываетъ 2-хъ мѣсячное тюремное заключеніе.

Таганрогская тюрьма: Фумели студ., Рафаиловъ студ. въ печатаніи прокламацій, Девинкъ, ученикъ лѣсникъ въ принадлежности къ тайному сообществу. Рабочіе: Давыдовъ, Солдатовъ и Жилинъ.

Новочеркасская тюрьма: М. Серебряковъ быв. студ. въ печатаніи прокламацій и принадлежности къ тайнымъ сообществамъ. Т. Шестопаловъ агрономъприговоръ 3 года Вятской губ. С. Кулагинъ, рабочій. Н. Ставскій, рабочій. М. Венгеровъ, интелл. приговоръ 3 года Восточной Сибири.

Рабочій Александръ Иноземцевъ — провокаторъ-шантажистъ.

Петербургъ. Съ 2 на 3 мая взяты Окуневичъ, д-ръ Окнова, фельдшеръ Храмовъ, земск. уч. Лаврова, уч-ца Кузнецова, двѣ Корзухины, Карановъ. Сосланы въ Сибирь: инж-тех. Селиберъ, Андреевъ, Соринъ, Петровъ, Тразовъ, Татаровъ (послѣдній по дѣлу „Раб. Знамени“). Аронъ Сольцъ (по дѣлу Раб. Библ.) сосланъ на 4-ре г. В. Сиб.

Севастополь. Въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ 13 матросовъ и рабочихъ.

Москва. 4-го апр. на вокзалѣ Ярославск. жел. д. взятъ врачъ Ф. Гурвичъ (нел.); въ концѣ апрѣля взяты: статистикъ Хинчукъ, (былъ въ Якутск об.), Лидія Канцель (нелег.), Наумова, фельдш.; Беззубовъ, рабочій; курсистки Екатерина Попова, Мел. Жидкова, Анас. Потоцкая, Дарья Лобанова, Пр. Флерова, Нейгебауэръ, Александровская, Богаева; фельдшерицы Екат. Жидкова, Августа Селюкъ; счетчицы Елиз. Попова, Люб. Нейфельдтъ, Анна Заславская, статистикъ Боголѣповъ, вернувшійся изъ Сибири Моисей Лурье (вып.), Александръ Савенковъ, Вагинъ, Кисъ (вып.), студ. медикъ Кожухаръ, акуш. Кутузова, Фортунатова (прив. изъ Петерб.), Козыревъ; съ фабрики Бонакеръ арестованы: корресп. Викторъ Вальтеръ, конторщ. Влад. Васильевъ: съ фабрики Матвѣева: конт. Петръ Алексѣевъ, фотографъ Тим. Морозовъ, фельдшеръ Пав. Карповъ.

Ярославль. 23-го апрѣля арестованы: статистики Дебюкъ, Гаеманъ, Локтинъ, Петровъ, Трегубовъ, Трефолевъ, Новицкая и др., конторщица М. Дидрикиль, студ. Клириковъ, Гладко, Петровскія; учительница Ольга Варенцова.

Рославль, Смоленск. губ. 5-го мая арестованы врачъ М. Ривкинъ и его жена, Р. Гинзбургъ, Пав. Турчаниновъ, 1-го мая — гимназистъ Меркинъ, а 19-го — его братъ.

Харьковъ. Въ маѣ въ здѣшней тюрьмѣ было 80 заключенныхъ, изъ нихъ 49 рабочихъ.

Николаевъ. Въ апрѣлѣ арестовано 47 лицъ: Калафати (интел.) Мирскій (рабочій), Марія Певзнеръ (акушерка), двѣ сестры Вонскія, Мошковичъ (провизоръ), Берлинъ (учитель), и другіе. При распространеніи „Летучаго листка“ мѣстнаго комитета взяты работница Екатерина Зубинская и одинъ рабочій.

Тверь. Въ ночь на 3-ье мая были обыски у бывшаго студ. Казанскаго, Александровскаго, бывш. курс. Рагозиной, статистика Букина, гимназистки Николаевской, рабочихъ Спиридонова, Соболева, Чеботарь, въ имѣніи Муравьевой. 30-го апрѣля случайно арестованъ рабочій Некрасовъ. Гласный твер. земства В. Н. Линдъ отданъ подъ гласный надзоръ на два года. 12-го апрѣля арестована г-жа Бушъ.

Александръ Ергинъ за убійство засѣдателя Калашникова (см. №2 Искры) присужденъ Якутскимъ судомъ къ 4-мъ годамъ арестантскихъ ротъ.

Иваново-Вознесенскъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ совмѣстно съ арестами въ сѣверномъ районѣ произведены аресты и здѣсь. Арестовано 90 рабочихъ, въ ихъ числѣ Н. Н. Панинъ, бывшій рабочій Путиловскаго завода, находившійся съ 1897 по 1900 г. въ Восточной Сибири. Всего по дѣлу „Сѣвернаго Союза“ арестовано 200 человѣкъ.

Арестованные по дѣлу „Сѣвернаго Союза“, сидящіе теперь въ Москвѣ, просятъ объявить статистика Владимірскаго земства **Дубровскаго** предателемъ.

Въ Вологдѣ арестованы: адвокатъ Ждановъ, служащая въ Статистическомъ Бюро Броновицкая, обоихъ увезли въ Москву.

Іюль. Въ Харковской тюрьмѣ и арестномъ домѣ голодовка, вызванная тѣмъ, что многіе сидятъ ½ года почти безъ допросовъ, безъ предъявленія обвиненій. Кромѣ того, грубое отношеніе администраціи къ заключеннымъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Цюрихѣ 9-го іюля лишила себя жизни **Юлія Видершаль**, членъ Соц.-демократической Партіи царства Польскаго и Литвы. Покойная родилась въ 1873 году и по окончаніи курса въ Цюрихскомъ Политехникумѣ поселилась въ 1899 г. въ г. Лодзи, гдѣ и работала въ мѣстной организаціи, которой оказала громадныя услуги. На могилу умершей возложено 4 вѣнка отъ польскихъ товарищей и одинъ — отъ группы „Искры“ въ Цюрихѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Аркадію безпаспортному. Корресп. получили, пойдетъ въ слѣдующ. №. Адреса пока не получены.

Отъ иностранца 50 руб., за майскіе листки 885 р., изъ Поволжья 50 р., отъ СПБ. Комитета за литератбру 200 р., черезъ Галю 15 р., черезъ Пѣвуна 10 р., отъ родителей 50 р., отъ О. С. черезъ Дитца 40 р., отъ Г. С. Д. 100 марокъ.

Отъ Цюрихскмго кружка на спеціальную цѣль получено 71 фр.

Отъ комитета Сибирской Кассы для отправки Енисейскимъ ссыльнымъ 44 фр. и 6руб., отъ Юлія 18 фр. 50 с. на изданіе Туна; отъ В. В. Беатенбергъ 15 фр., изъ Цюриха за литературу 44 фр. 20 с., отъ Женевской группы 23 фр., съ реферата Плеханова 76 фр. 80 с., Изъ Лозанны за литературу 85 фр. 65 с.; изъ К (б. к.) 50 марокъ, отъ Б. на литературу 183 фр.; за литературу 89 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: **Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9**

2/6
JUL 3 1935

Expedition der „Iskra" für das Ausland
Axelrod
ZÜRICH IV

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 25
15 СЕНТЯБРЯ 1902 ГОДА.
№ 25

НОВЫЙ ЗАХВАТЪ САМОДЕРЖАВІЯ.

Учрежденная въ началѣ года правительственная коммиссія по выработкѣ плана преобразованія Петербургскаго городского общественнаго управленія приходитъ къ концу своихъ работъ. Насколько долго работаютъ правительственныя коммисіи, занятыя общеполезными культурными задачами, настолько же быстро справляются съ своимъ дѣломъ тѣ, которыя подготовляютъ проэкты „упраздненія“.

Дѣло идетъ, дѣйствительно, о новомъ упраздненіи—объ упраздненіи для г. Петербурга того подобія городского самоуправленія, которое существуетъ по городовому положенію 1892 г.

Когда въ прошломъ году реакціонная печать во главѣ съ „Моск. Вѣд.“ начала походъ противъ городского самоуправленія вообще и въ столицѣ въ особенности, она прибѣгла къ нерѣдкому въ ея практикѣ пріему: въ интересахъ бюрократіи и самодержавія спекулировать на демократическое и либеральное недовольство тѣми сторонами нашего самоуправленія, которыя проникнуты сословнымъ и классовымъ духомъ. Подобно тому, какъ по отношенію къ Финляндіи реакціонныя газеты, замахиваясь на ея свободу, подчеркивали неравноправность финскаго крестьянина и пролетарія съ землевладѣльцемъ и буржуа, такъ и по отношенію къ городскому самоуправленію Россіи нападали на узко-буржуазную и плутократическую его подкладку и требовали передачи городскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ во имя интересовъ безправнаго большинства городского населенія. При этомъ реакціонная печать безстыдно умалчивала о томъ, что существующее городовое положеніе 1892 г.—по сравненію съ дѣйствовавшимъ до того—сильно съузило кругъ лицъ, имѣющихъ право на участіе въ городскихъ выборахъ и перемѣстило центръ вліянія на городскія дѣла въ сторону наиболѣе богатой буржуазіи. Реакція словно нарочно лишила общественное самоуправленіе всякихъ слѣдовъ связи съ широкой массой городского населенія для того, чтобы черезъ 10 лѣтъ потребовать его упраздненія въ интересахъ этихъ широкихъ массъ.

Къ счастью, уже безвозвратно прошли тѣ времена, когда въ русскомъ обществѣ еще могли находиться люди, искренно вѣрившіе въ какія-то „демократическія“ начала во внутренней политикѣ царизма. Благодаря, главнымъ образомъ, рѣзкой критикѣ (въ просторѣчіи именуемой „непозволительной полемикой“) русскихъ соціальдемократовъ, изъ репертуара либерально-народнической интеллигенціи должны были исчезнуть всѣ вздорныя пѣсни о „демократическомъ царѣ“, ведущемъ борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей. „Демократическія“ фразы реакціонеровъ принимаются уже всѣми за то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ: за безстыдную ложь, долженствующую прикрыть безнадежно-противуобщественныя стремленія самодержавія.

Выводы правительственной коммиссіи, о которой мы здѣсь говоримъ, проникнуты тою же гнусной тенденціей—провести „захватные“ планы самодержавія подъ шумокъ „демократической“ критики существующихъ (самодержавіемъ же и созданныхъ) золъ буржуазнаго хозяйничанья въ городскихъ думахъ. „Гласные являются представителями интересовъ преимущественно домовладѣльческаго и промышленнаго класса населенія. Интересы же прочихъ разрядовъ столичныхъ обывателей остаются мало обезпеченными“... „Гласные, въ большинствѣ ихъ состава, относятся совершенно безучастно къ принятымъ на себя обязанностямъ и очень неаккуратно посѣщаютъ засѣданія Думы...“ исполнительные органы петербургской Думы „нерѣдко оказываются не на высотѣ своего положенія; и ошибки ихъ, хотя бы граничащія съ злоупотребленіемъ, покрываются снисходительнымъ отношеніемъ къ нимъ Думы...“—таковъ отзывъ правительственной коммиссіи о грѣхахъ нынѣшняго городского самоуправленія столицы.

Для исцѣленія всѣхъ золъ нынѣшняго самоуправленія коммиссія, между прочимъ, предлагаетъ: распространеніе избирательныхъ правъ на „нѣкоторые разряды квартиронанимателей“; учрежденіе особой должности предсѣдателя думы, *назначеннаго высочайшей властью*; признаніе гласныхъ „должностными лицами“, включеніе въ составъ думы представителей отъ правительственныхъ вѣдомствъ; замѣну постоянныхъ засѣданій думы періодическими сессіями (по образцу земскихъ собраній); „сокращеніе круга предметовъ вѣдѣнія думы путемъ сохраненія за ней лишь обсужденія городской смѣты и отчетности... съ предоставленіемъ мелкихъ дѣлъ самостоятельному вѣдѣнію городской управы; предоставленіе городской управѣ въ кругу ея непосредственнаго вѣдѣнія большей, чѣмъ нынѣ, самостоятельности по отношенію къ городской Думѣ“; назначеніе городского головы, его товарищей и половины членовъ управы по выбору административной власти безъ срока и „предоставленіе администраціи права продолжать полномочіе выборныхъ членовъ управы, по усмотрѣнію своему, и на слѣдующіе сроки“; предоставленіе изданія обязательныхъ для жителей Петербурга постановленій власти министра вн. дѣлъ“ и т. д. въ томъ же родѣ.

Достаточно простого перечисленія этихъ предположеній, чтобы видѣть, какъ много мѣста самодержавіе согласно „уступить“ общественнымъ силамъ въ дѣлѣ городскаго хозяйства. Осуществленіе программы коммиссіи будетъ означать непосредственно полное уничтоженіе городского самоуправленія для Петербурга, а косвенно—и для всѣхъ русскихъ городовъ. Даже при Николаѣ 1-мъ Петербургъ пользовался, по сравненію съ большинствомъ русскихъ городовъ, болѣе широкимъ самоуправленіемъ. Лишеніе жителей главнаго городского центра права самоуправленія явится, безъ сомнѣнія, первымъ шагомъ по пути къ всероссійскому упраздненію городскаго самоуправленія. Кто сомнѣвается въ этомъ—пусть припомнитъ, что реакціонная печать въ періодъ подготовительныхъ работъ упразднительной коммиссіи въ своей полемикѣ противъ городского самоуправленія козыряла доводами, заимствованными изъ думской практики не одного лишь Петербурга, а и такихъ городовъ, какъ Одесса, Кіевъ, Тифлисъ, Иркутскъ. Доводы эти сводились къ двумъ: 1) пренебреженіе интересами населенія, доходящее до систематическихъ злоупотребленій со стороны городскихъ воротилъ; 2) политическая неблагонадежность (армянская оппозиція въ Тифлисѣ и либеральная въ Иркутскѣ).

Что касается доводовъ перваго рода, то прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть то указывавшееся уже въ нашей либеральной литературѣ и часто забываемое обстоятельство, что если мы очень часто слышимъ о думскихъ и управскихъ хищеніяхъ, злоупотребленіяхъ и т. п. „ошибкахъ“, то болѣе, чѣмъ легкомысленно было бы отсюда сдѣлать выводъ о преимущественной подкупности и развращенности тѣхъ дѣятелей, которые вѣдаютъ городскія дѣла. Было уже неоднократно указано, что сравнительно (для Россіи) широкая гласность, которою обставлено городское и земское хозяйство по сравненію съ хозяйствомъ государственнымъ, позволяютъ печати и частнымъ лицамъ гораздо чаще раскрывать и клеймить злоупотребленія земскихъ и думскихъ дѣятелей, чѣмъ злоупотребленія чиновниковъ. Вотъ почему стотысячныя хищенія городскихъ заправилъ становятся подчасъ извѣстны всѣмъ и каждому, а милліонныя хищенія Кривошеиныхъ и Сипягиныхъ остаются невыясненными, благодаря высочайшимъ указамъ о прекращеніи слѣдствія и цензурнымъ циркулярамъ, предписывающимъ газетамъ строгое молчаніе.

Не русской бюрократіи—этому воплощенію взяточничества и казнокрадства—„кивать на Петра“, на городское самоуправленіе. О томъ, какъ будетъ вестись городское хозяйство по упраздненіи нынѣшняго самоуправленія, достаточно краснорѣчиво говоритъ эпизодъ съ проэктомъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Москвѣ и Петербургѣ, взбудоражившій думскія сферы и печать обѣихъ столицъ.

Правительство—безъ согласія обѣихъ думъ и вопреки явному неодобренію съ ихъ стороны—намѣревается выдать концессію на проведеніе городскихъ желѣзныхъ дорогъ нѣсколькимъ подозрительнымъ спекулянтамъ, при чемъ особая правительственная коммисія должна „въ принципѣ рѣшить вопросъ объ отобраніи отъ города безъ его согласія принадлежащихъ ему конножелѣзныхъ дорогъ“ и объ отчужденіи—тоже безъ согласія города—городскихъ земель. И Петербургскіе, и Московскіе думцы довольно рѣзко отозвались объ этой попыткѣ „облагодѣтельствовать столицы безъ ихъ согласія“. Въ собраніи „общ. сод. русск. торг. и пром.“ извѣстный Петербургскій гласный Кедринъ разоблачалъ невыгодность для населенія тѣхъ условій, на которыхъ правительство намѣрено выдать русско-американскимъ гешефтмахерамъ концессію. Ни одинъ голосъ въ „обществѣ содѣйствія“ не высказался за проэктъ. Но правительство, не дожидаясь оффиціальнаго упраздненія городскаго самоуправленія, уже распоряжается такъ, какъ будто бы его вовсе не существовало. Петербургскія газеты недвусмысленно намекаютъ на то, что г.г. Балинскій, Вернеръ и К° достигли своей цѣли—поддержки правительства—не безъ посредства „барашка въ бумажкѣ“. Поучительное предзнаменованіе для будущаго городскаго хозяйства въ рукахъ назначенныхъ правительствомъ отцовъ-командировъ!

Мы упоминали выше, что „Моск. Вѣд.“ въ числѣ прочихъ доводовъ противъ городскаго самоуправленія приводили и политическую неблагонадежность нѣкоторыхъ думъ. Едва ли, однако, правительство въ серьезъ повѣрило хоть на минуту доносамъ Страстного Бульвара. Въ заключеніяхъ „упразднительной“ коммисіи ни словомъ не упомянуто о какихъ либо „крамолахъ“ среди думцевъ. И, дѣйствительно, даже самодержавная подозрительность не могла бы отыскать въ исторіи нашего городского самоуправленія какихъ либо „политическихъ тенденцій“. Но именно потому-то нынѣшній набѣгъ самодержавія и представляется намъ особенно характернымъ: въ разгарѣ борьбы на всѣ фронты съ цѣлыми полчищами „внутреннихъ враговъ“ оно удосуживается нападать на наиболѣе мирныя общественныя учрежденія; съ рискомъ посѣять новыя сѣмена недовольства, оно стремится съузить до крайнихъ предѣловъ тѣ рамки, въ которыхъ хотя бы часть „обывателей“ могла считать себя хозяиномъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Нехитрый политическій разсчетъ, казалось бы, долженъ былъ подсказать правительству, что набѣгъ его на лишенное политической окраски самоуправленіе городской буржуазіи неизбѣжно разъяснитъ этой послѣдней всю невозможность для общества „размежеванія“ съ всевластной бюрократіей. Но, очевидно, c'est plus fort que lui,*) самодержавіе не можетъ не вторгаться ежечасно въ имъ же самимъ признанныя права своихъ „подданныхъ“. Тѣмъ лучше: и слѣпые, наконецъ, увидятъ, что какія бы то ни было общественныя права могутъ быть сколько нибудь ограждены отъ захватовъ чиновничества только такимъ прочнымъ барьеромъ, какъ *завоеванная революціоннымъ путемъ конституція*.

Предчувствуя вспышку общественнаго негодованія, правительство желаетъ подсластить свой упразднительный проэктъ расширеніемъ круга избирателей. Въ безгласной думѣ, засѣдающей нѣсколько недѣль въ году подъ предсѣдательствомъ назначеннаго „высочайшей властью“ лица, правительству не опасны избранники нѣсколько болѣе широкаго круга населенія, чѣмъ тотъ, который теперь пользуется избирательными правами. Но само расширеніе предполагается очень мизернымъ. „Нѣкоторые разряды плательщиковъ квартирнаго налога“ т. е., плательщики высшей суммы налога,—это, въ сущности, лишь новый слой все того же класса, который нынѣ пользуется избирательнымъ правомъ. Рѣчь идетъ о лицахъ, платящихъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе 1000 р. въ годъ за квартиру—т. е. о чиновникахъ высшихъ ранговъ, о частныхъ служащихъ съ большими окладами и о вполнѣ буржуазной части интеллигентовъ изъ „вольныхъ профессій“.

Еслибъ даже избирательное право было распространено на всѣхъ плательщиковъ квартирнаго налога, то изъ всѣхъ квартиронанимателей столицы (134.413) этимъ правомъ воспользовались бы менѣе половины (61.561). И въ то время, какъ самодержавное правительство, собираясь упразднить послѣдніе остатки самоуправленія, щеголяетъ своимъ „демократизмомъ“ въ формѣ распространенія сомнительныхъ правъ на нѣсколько тысячъ буржуазныхъ избирателей, сами дѣятели нынѣшняго буржуазнаго самоуправленія выдвигаютъ гораздо болѣе демократическій принципъ. Какъ сообщаетъ г. Д. Семеновъ въ „Нов. Врем.“, (№ 9504), приглашенные въ правительственную коммисію „городскіе дѣятели... отмѣтили въ своихъ авторитетныхъ мнѣніяхъ крайнюю настоятельность распространенія городского избирательнаго права на квартирантовъ и намѣтили различные цензы: уплату квартирнаго налога, или опредѣленный минимумъ таковаго или, наконецъ, *наемъ квартиры независимо отъ уплаты налога*.“ (Курсивъ нашъ).

Если упомянутые городскіе дѣятели своими заявленіями имѣли въ виду опередить правительство въ его тактикѣ заигрыванія съ нынѣ лишенными избирательныхъ правъ обывателями, то они поступили какъ нельзя болѣе цѣлесообразно и мы можемъ лишь рекомендовать имъ въ неизбѣжной борьбѣ за право самоуправленія держаться постоянно этой тактики. На каждый шагъ въ сторону упраздненія свободы самоуправленія они должны отвѣчать агитаціей *въ пользу распространенія избирательныхъ правъ на все городское населеніе*. Только при этомъ условіи ихъ борьба за свои права привлечетъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе той „бѣдноты“, безъ которой они будутъ безсильны бороться съ завоевательными планами зазнавшейся бюрократіи. Опытъ прошлаго долженъ былъ имъ подсказать, что ни одно сколько нибудь свободное общественное учрежденіе не можетъ считать себя прочно утвердившимся въ странѣ самодержавнаго произвола, если оно не связало своего существованія съ интересами самыхъ широкихъ слоевъ трудящагося населенія, если на его защиту не готовы встать широкія массы самаго революціоннаго, самаго грознаго для реакціи общественнаго класса.

Свободное мѣстное самоуправленіе, организованное на основѣ всеобщаго избирательнаго права—таковъ принципъ рабочей партіи въ земскомъ и городскомъ вопросѣ. Этотъ демократическій принципъ можетъ быть осуществленъ только на развалинахъ самодержавія и именно потому рабочая партія заинтересована въ успѣхѣ борьбы каждой общественной группы противъ расширенія сферы всевластія этого самодержавія. Поэтому, либеральные элементы городской буржуазіи въ борьбѣ за права своего самоуправленія могутъ разсчитывать на сочувствіе соціальдемократіи. Но на успѣхъ своей борьбы за право общественной самодѣятельности они могутъ разсчитывать лишь постольку, поскольку поймутъ всю важность *для нихъ самихъ* сдѣлать вопросъ о городскомъ самоуправленіи *вопросомъ о правахъ всего населенія*.

Революціонная „беллетристика“.

Мы помнимъ время — всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ кружкахъ русскихъ соц.-демократовъ шли споры о томъ, не поторопился-ли съѣздъ мѣстныхъ организацій 1898 года, полагая основаніе Рос. Соц. Дем. Р. Партіи; не слишкомъ-ли были слабы еще силы, для того чтобы называться этимъ отвѣтственнымъ именемъ. Для насъ безразлично сейчасъ, кто былъ правъ изъ споривших. Для насъ этотъ споръ — *симптомъ* настроенія соц.-демократіи. Расходясь въ оцѣнкѣ факта, всѣ были согласны въ томъ, что дѣло соціаль-демократіи, дѣло организаціи и просвѣтленія массъ, не выноситъ иллюзій, не терпитъ миража преувеличеній. Всегда производить точный учетъ дѣйствительности, какъ бы горекъ онъ ни былъ, и пуще всего бояться мистифицировать и себя и другихъ — насчетъ собственныхъ силъ и собственной организованности! Партія, разсчитывающая исключительно на сознательность массъ и согласованность ихъ дѣйствій, не признаетъ и не можетъ признавать пріемовъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаетъ „сознательное меньшинство“, выступая самостоятельной силой. Партія массы par excellence, соц.-демократія, уже въ силу своего характера, застрахована отъ скользкаго пути игры въ темную, отъ соблазнительнаго желанія муссировать свое значеніе передъ противникомъ и казаться въ глазахъ „общественнаго мнѣнія“ тѣмъ, чѣмъ пока еще она быть не въ силахъ.

И мы не сомнѣваемся, — въ настоящій историческій моментъ общественнаго подъема и пробужденія массъ, когда революціонеръ, что городъ на горѣ, всѣмъ виденъ, и каждый шагъ его всенародно судится, — вѣрная своимъ традиціямъ соціаль-демократія дастъ должный отпоръ *такимъ* поползновеніямъ. Положеніе слишкомъ критическое, революціонная среда слишкомъ серьезно настроена, чтобы проходить съ одной лишь усмѣшкой мимо того спектакля, которымъ подчуетъ насъ — „Рев. Рос.“ и связанныя съ ней организаціи.

Универсальные люди подносятъ каждый день по новинкѣ: вчера — „партія“, сегодня — „боевая организація“, завтра — „крестьянскій союзъ“, послѣ завтра — еще что-нибудь. Ихъ органъ — „Рев. Рос.“ — изнемогаетъ подъ бременемъ притекающаго матеріала:*) „мы принуждены почти вдвое увеличить размѣръ“ номера, „громадный фактическій матеріалъ, скопившійся въ рукахъ редакціи“, „много рукописей лежитъ и ждетъ очереди“ — не перестаетъ плакаться газета. Дѣло за деньгами, но и это не бѣда: „если такъ много сочувствующихъ (аграрной) Лигѣ“, то найти деньги „будетъ не такъ трудно“. „Доставка литературы поставлена“ ими „хорошо“, прокламаціи ихъ распространяются — „благодаря имѣющимся связямъ“ — „очень удачно, или „съ чрезвычайной быстротой“; результаты ихъ пропаганды въ крестьянствѣ — „блистательны“, писанія ихъ имѣютъ — „большой успѣхъ“, и пишутъ они неизмѣнно талантливо: брошюра захватываетъ читателя и производитъ особенно сильное впечатлѣніе даже на самыхъ неподготовленныхъ“, „брошюра написана популярно и читается съ интересомъ“, прокламація „прекрасно составлена“ и т. д. и т. д.

Универсальные люди! Талантъ окрыляетъ ихъ, подымаетъ на высоты... беллетристики.

Знаете ли, читатель, почему Балмашевъ стрѣлялъ въ зданіи комитета министровъ? Объ этомъ вамъ разскажетъ „боевая организація“.

Онъ стрѣлялъ тамъ — „не случайно“, не потому, что для успѣшнаго выполненія своего плана нашелъ это мѣсто наиболѣе пригоднымъ, а потому, что Сипягинъ „въ этомъ Комитетѣ совершалъ свои преступленія“!..

Изъ отчетовъ о судѣ надъ Балмашевымъ намъ точно извѣстно его „послѣднее слово“. Онъ объявляетъ въ немъ убійство Сипягина своимъ единоличнымъ дѣломъ. Можно какъ угодно толковать мотивы его заявленія, но нужно обладать своеобразнымъ талантомъ для того, чтобы отвергнуть самый *фактъ* заявленія. И однако, это ухитрился продѣлать — 7-й номеръ „Рев. Рос.“. Полемизируя съ „Летучимъ листкомъ“ „Петерб. Союза Борьбы“**), онъ обозвалъ эти извѣстныя намъ данныя — „абсолютно невѣрнымъ сообщеніемъ“. Утвержденіе смѣлое, что и говорить, но понятное въ устахъ „беллетриста“. Правда „художественнаго“ произведенія для него выше подлинной правды дѣйствительности—поэма о систематическомъ террорѣ, практикуемомъ „боевой организаціей“, перевѣшиваетъ быль показаній свидѣтелей.

Искусство Балмашева, обдуманность его выступленія — есть та почва, на которой необходимо во что бы то ни стало построить престижъ организаціи. „Актъ революціонера былъ подготовленъ тщательной предварительной *работой выдвинувшей его организаціи*“. ...„Балмашевъ явился *исполнителемъ рѣшенія* боевой организаціи партіи“ — такія и подобныя имъ выраженія начинаютъ — со смерти Балмашева — пестрить страницы „Рев. Россіи.“

„Вотъ передъ нами Лаговскій — человѣкъ, рѣшившійся на подвигъ самоотверженія и вынужденный стрѣлять, вмѣсто Побѣдоносцева, въ стекло окна квартиры Побѣдоносцева“...

...„Вотъ Аллартъ, револьверъ котораго въ роковой критическій моментъ отказывается служить“, „вотъ Михалевичъ“...; „вотъ Гиршъ Лекертъ, который при сравнительно благопріятныхъ обстоятельствахъ достигаетъ лишь частичнаго успѣха“. Почему это? — вопрошаютъ соціалисты-революціонеры Да потому, что за ними не стояло „боевой организаціи“. Всѣ эти факты тѣмъ ярче оттѣняютъ казнь Сипягина... казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящимъ успѣхомъ производитъ глубочайшее впечатлѣніе на всѣхъ“.

И въ другомъ мѣстѣ: „не нашлось организаціи, которая бы обезпечила ихъ (т. е. Лекерта и его товарища) попыткѣ успѣхъ такъ, какъ былъ, напр., *обезпеченъ* успѣхъ попытки Балмашева“. Если въ одномъ случаѣ организація гарантируетъ „всѣ шансы на удачу“, то въ другомъ — успѣхъ покушенія „можетъ быть только счастливой случайностью“.

И въ твердомъ сознаніи, что „всѣ шансы на удачу гарантированы“, что успѣхъ покушенія — при организованномъ террорѣ — не есть „счастливая случайность“ — „боевая организація“ посылаетъ своего человѣка стрѣлять въ харьковскаго губернатора, кн. Оболенскаго.

Выстрѣлъ раздался. Пуля пролетѣла мимо... Не получилось даже и того „частичнаго успѣха“, котораго достигъ одиночка Лекертъ. И лишь въ видѣ символа „организованности“, „обезпечивающей всѣ шансы на успѣхъ“, остались намъ — кровавыя слова на стѣнкахъ револьвера, пучекъ прокламацій съ напечатанными на нихъ „смертнымъ приговоромъ“ Оболенскому, да „беллетристика“ сообщеній „боевой организаціи“, которыми она — тотчасъ же послѣ событія — возвѣщала міру о разговорахъ стрѣлявшаго съ допрашивавшей властью, и даже о чувствахъ его, въ самый моментъ покушенія („стрѣлявшій, опасаясь ранить стоявшую рядомъ даму, направилъ выстрѣлъ выше ея головы“).

---

*) Это ему не подъ силу.

*) Всѣ нижеслѣдующія цитаты заимствованы изъ различныхъ №№ „Рев. Россіи“, до 9-го № включительно.

**) Какъ намъ сообщаютъ петербургскіе товарищи, этотъ листокъ лишь напечатанъ въ типографіи „Союза“, но исходитъ отъ самостоятельной группы.

Est modus in rebus! и у „беллетристики“ есть свои правила, которыя нельзя переступать безнаказанно. „Безмѣрный“ „беллетристъ“ рискуетъ произвести — „антихудожественное“ впечатлѣніе.

Именно такое впечатлѣніе — думается намъ — получили наши нѣмецкіе товарищи, получилъ всякій сторонній наблюдатель, которому попали въ руки сообщенія „боевой организаціи“.

Такъ извѣстная Leipzig. Volkszeitung, „Лейпцигская Народная Газета“, издающаяся при ближайшемъ участіи Меринга и Розы Люксембургъ, въ статьѣ отъ 27-го августа с. г. „Къ вопросу о терроризмѣ въ Россіи“, говоритъ: „Замѣтимъ еще, что одно само по себѣ второстепенное обстоятельство подтверждаетъ, повидимому, нашу точку зрѣнія (отвергающую систематическій терроръ). Это тѣ шумъ и трескъ (Brimborium), которыми русскій террористическій комитетъ обставляетъ свою дѣятельность, та шумиха заранѣе приготовленныхъ приговоровъ, которые вручаются оставшимся въ живыхъ приговореннымъ, пистолеты съ выгравированными страшными словами, поспѣшный детальный отчетъ партіи о томъ, какъ держится заключенный, доступъ къ которому такъ затрудненъ, отчетъ, производящій впечатлѣніе, что онъ составленъ просто на просто на основаніи заранѣе условленныхъ съ покушавшимся словъ и жестовъ и т. д. Мы отнюдь не желаемъ на этомъ основаніи хотя бы сколько-нибудь унизить личное мужество, убѣжденность, готовность къ самопожертвованію того русскаго революціонера, который покушался на кн. Оболенскаго. Но вся обстановка покушенія, въ особенности же сообщенія террористическаго комитета производятъ невольно впечатлѣніе какой-то игры (spielerei), игра же въ самомъ началѣ террористической дѣятельности представляется намъ тонкимъ, но вѣрнымъ симптомомъ ошибочности самой тактики.“*)

Центральный органъ нѣмецкой соціаль-демократіи, который — по словамъ „Рев. Рос.“ (см. №7) — „всегда подробно, со знаніемъ дѣла и съ глубокой симпатіей знакомитъ нѣмецкихъ товарищей съ перипетіями русской революціонной борьбы“, съ своей стороны замѣчаетъ (см. Vorwaerts отъ 30 авг.): „Мы не отмѣтили этихъ сообщеній („боевой организаціи“) потому, что намъ казалось, — они слишкомъ явственно носятъ печать неправдоподобія. Если существуетъ террористическій комитетъ, по порученію котораго совершаются въ Россіи политическія покушенія, то онъ будетъ тщательно избѣгать попасть въ крайне стѣснительное положеніе, распространяя подобныя сенсаціонныя сообщенія“...

Нѣтъ сомнѣнія, стремительно хаотическій ростъ вовлекаетъ въ водоворотъ движенія накипь неразбирающихся и неразборчивыхъ элементовъ. Русскому революціонеру начинаетъ угрожать серьезная опасность — быть скомпрометтировану и лишиться того ореола довѣрія, которымъ донынѣ окружала имя его приходящая въ сознаніе масса. Безполезно замалчивать, надо бороться. Невозможно ждать до тѣхъ поръ, пока вражья рука ткнетъ перстомъ въ обнаженныя язвы.

Вотъ почему русская соціаль-демократія, не колеблясь, во всеуслышаніе скажетъ: прочь „беллетристику“! и да будетъ имъ стыдно!

КЪ ВОПРОСУ О РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ БАЦИЛЛАХЪ.

(Размышленія на бактеріологическую тему).

Хлопотамъ науки съ микроорганизмами не предвидится конца. Страшно подумать сколько неимовѣрныхъ усилій, сколько казенныхъ денегъ, сколько хитрости, изобрѣтательности, коварства человѣческаго ума потрачено было на борьбу съ этими микроскопическими существами. „Лови микроба“ — кричали намъ на всѣхъ перекресткахъ — „лови бациллу“ и у насъ не будетъ ни голодныхъ тифовъ, ни чахотки, ни холеры, ни чумы, ни болѣзней вообще. А оправдались ли эти розовыя мечты?

Благодаря самымъ утонченнымъ ухищреніямъ бактеріологической тактики, правда, удается съ грѣхомъ пополамъ усмирить тотъ или другой видъ не особенно строптивыхъ бациллъ, но за то сколько еще остается упорныхъ, закоренѣлыхъ, живучихъ, приводящихъ въ отчаяніе самыхъ искусныхъ бактеріологовъ...

Сколько, напримѣръ, ни старались истребить революціонную бациллу, а она, злодѣйка, живетъ, развивается, растетъ, множится, разбрасываетъ по всему свѣту милліоны своихъ споръ и вызываетъ, такое, по истинѣ, грандіозное броженіе, что весь синклитъ докторовъ, магистровъ и профессоровъ полицейской бактеріологіи теряетъ голову и рѣшительно безсиленъ пріостановить быстрый ходъ разрушительнаго процесса...

Чѣмъ обусловливается специфическая энергія этихъ своеобразныхъ микроорганизмовъ, каковы ихъ физіологическія и психическія особенности и какія мѣры должны считаться наиболѣе цѣлесообразными для ихъ поголовнаго истребленія — вотъ тѣ вопросы самой животрепещущей злобы дня, которые разрабатываются теперь въ специальной санитарной коммисіи Департамента Полиціи подъ предсѣдательствомъ г. Плеве.

Читатели „Искры“, принадлежащіе къ категоріи самыхъ зловредныхъ ортодоксальныхъ бациллъ, надѣюсь, не будутъ на меня въ претензіи, если я предприму маленькую экскурсію въ область отечественной бактеріологіи и подѣлюсь съ ними нѣкоторыми соображеніями о новѣйшихъ теченіяхъ въ этой, нынѣ модной, наукѣ безсмертнаго Пастера.

Г. Плеве, извѣстный своими трудами по истребленію революціонныхъ бацилъ народовольческой эпохи, выпустилъ лѣтъ двадцать тому назадъ книгу подъ заглавіемъ „Русская революціонная бацилла и борьба съ нею“, посвященную спеціалистамъ, работавшимъ подъ его руководствомъ въ Департаментѣ полиціи. Очень жаль, что эта замѣчательная книга, производившая въ свое время большую сенсацію въ мірѣ бактеріологовъ, изъята теперь изъ продажи и недоступна профанамъ. Она бросаетъ яркій свѣтъ на господствующіе въ оффиціальной наукѣ взгляды, — и революціонной бациллѣ, право, не мѣшаетъ знать, что про нее пишутъ авторитеты оффиціальной бактеріологіи.

Вотъ заключительные тезисы этого ученаго трактата:

1) Жизнеспособность и живучесть нераскаявшихся революціонныхъ бациллъ объясняется, главнымъ образомъ, ихъ специфическими революціонными свойствами и въ значительной степени ихъ семитическимъ происхожденіемъ.

2) Число имѣющихся въ наличности по всей имперіи настоящихъ революціонныхъ бациллъ весьма ограничено.

3) Смерть черезъ повѣшеніе каждой такой революціонной бациллы является самымъ безупречнымъ средствомъ противъ броженія вообще и потрясенія основъ въ особенности.

Не входя въ обсужденіе и оцѣнку этихъ тезисовъ, я констатирую прежде всего тотъ несомнѣнный фактъ, что эти руководящія начала въ борьбѣ съ революціонными бациллами, составлявшія квинтэссенцію оффиціальной бактеріологической мудрости начала восьмидесятыхъ годовъ, сохранили свою полную силу вплоть до нашихъ дней. А, между тѣмъ, какъ разъ за это послѣнее двадцатилѣтіе быстрый ростъ бактеріологическихъ знаній, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ произвелъ такой переворотъ въ нашихъ основныхъ воззрѣніяхъ на бациллу, на ея роль въ процессахъ броженія, на среду и законы ея эволюціи и т. д., что пришлось перевернуть вверхъ дномъ все зданіе научной бактеріологіи. Никому изъ серьезныхъ бактеріологовъ нашего времени не придетъ, напримѣръ, въ голову та дикая мысль, что можно пріостановить разъ начавшееся химическое броженіе, подвергнувъ смертной казни каждую бациллу въ отдѣльности и оставляя ея питательную среду при тѣхъ же условіяхъ неустойчиваго химическаго равновѣсія, при той же воспріимчивости къ бациллярному яду и т. д.

Всякій теперь понимаетъ, что разъ среда остается та же, то достаточно малѣйшаго зародыша, чтобы процессъ заигралъ снова; что какъ ни храбрись — всѣхъ зародышей не перебьешь, что было бы болото — черти всегда найдутся и т. д. да мало ли что можно еще сказать...

Но я не имѣю ни малѣйшей охоты полемизировать съ г. Плеве и предоставляю это моему либеральному коллегѣ изъ „Освобожденія“ г. Струве, который имѣетъ въ запасѣ цѣлый букетъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ. „И въ этомъ актѣ — пишетъ г. Струве по поводу казни Балмашева — сказалось либо опять таки полнѣйшее безмысліе, либо явно безнравственная и отвратительная задняя мысль. Смертною казнью Балмашевыхъ не устранишь и не отпугнешь отъ террористическихъ дѣйствій. Наоборотъ, такія казни только усиливаютъ общественное настроеніе, въ атмосферѣ которой зрѣютъ террористическіе планы; эти казни не способъ устрашенія, а методъ провокаціи. И если правительство, прибѣгая къ казнямъ, дѣйствуетъ такъ не по безмыслію, а вполнѣ осмысленно, то, очевидно, оно разсчитываетъ, всячески провоцируя терроръ, вызвать общественную реакцію, и такимъ образомъ остановить освободительное движеніе.“ Это совершенно справедливо. Г. Струве отгадалъ черную заднюю мысль правительства, только напрасно онъ такъ остороженъ и нерѣшителенъ и напрасно онъ портитъ свою прекрасную формулировку правительственной мысли этими совсѣмъ неумѣстными „либо“ да „если“. Неужели его смущаетъ то обстоятельство, что эта задняя мысль „явно безнравственная и отвратительная“? Г. Плеве, повѣрьте, этимъ не смущается; эта старая полицейская крыса прекрасно знаетъ, что дѣлаетъ. Нѣтъ, онъ дѣйствуетъ не по „безмыслію“, онъ остается вѣрнымъ своему любимому основному тезису и онъ не остановится ни предъ какой провокаціей, чтобы приложить его на практикѣ... Удастся-ли этому испытанному заплечныхъ дѣлъ мастеру затормозить на время быстрый ходъ революціоннаго броженія? Не думаемъ. Многое зависитъ отъ тебя, — о, родная бацилла, — отъ ясности твоего революціоннаго сознанія, отъ правильнаго пониманія твоей роли въ процессѣ революціоннаго броженія, отъ твоей организованности, отъ твоего единодушія, отъ твоей энергичной воли...

О, я знаю, хорошіе люди и плохіе музыканты поютъ тебѣ теперь дифирамбы, воспѣваютъ твою „готовность“ пойти по пути великомучениковъ, радостно отдающихъ свою жизнь въ поединкѣ съ самодержавіемъ; я не меньше ихъ благоговѣю передъ героизмомъ твоего чистаго сердца, но не возгордись, бацилла, и твердо помни, что ты только тогда — титаническая, грозная сила, когда ты связана съ массой пробуждающагося къ жизни пролетаріата, жаждущаго героическихъ подвиговъ; изолированная, отрѣзанная отъ твоей „среды“ — ты никому не страшна...

Старый испытанный въ бою боецъ Либкнехтъ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать анархистамъ, пристававшимъ къ нему съ вопросомъ: почему онъ, старый революціонеръ, не восхищается ихъ героическими подвигами, — слѣдующими словами: Die Faust meine Freunde, ist verteufelt nothwendig, aber der Kopf muss dabei klar sein.*) О, да, боевыя организаціи чертовски необходимы, нанести смертельные удары врагу крайне нужно, но поймите же, юныя бациллы, что все это только тогда имѣетъ смыслъ, когда эти героическія дѣйствія совершаются на виду, въ присутствіи волнующейся революціонной толпы, активно поддерживающей своихъ смѣлыхъ застрѣльщиковъ. Эта революціонная толпа, къ счастью, уже появилась, и вамъ, рвущимся на бой революціоннымъ бацилламъ, ничего другого не остается, какъ внести свою боевую организацію и свою революціонную энергію въ эту самую толпу.

Проповѣдывать же теперь анархическій образъ дѣйствія — это значитъ дѣйствовать въ руку г.г. Плеве и ихъ приснымъ, боящимся пуще огня массового характера революціоннаго движенія. Это до того ясно, что революціонныя бациллы, я въ этомъ увѣренъ, не поддадутся на эту удочку.

Замѣтьте, что я не строю себѣ никакихъ иллюзій. Я прекрасно знаю, что звѣрства царскихъ опричниковъ вызываютъ съ желѣзной необходимостью и будутъ вызывать и въ будущемъ индивидуальные акты мести, но это ничего общаго не имѣетъ и имѣть не можетъ съ дѣйствіями революціонной партіи. Это не способъ борьбы, а симптомъ разлагающагося самодержавнаго строя. Борьба начинается тамъ, гдѣ выступаетъ революціонная масса, и туда будутъ направлены всѣ силы революціонныхъ бациллъ.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

От редакціи: Предлагаемое письмо петербургскаго товарища касается жгучей темы — вопроса о томъ, какъ готовиться къ внушительнымъ политическимъ демонстраціямъ. Авторъ предпослалъ своей статьѣ общее введеніе по вопросу о невозможности успѣшной экономической борьбы для русскихъ рабочихъ, которое мы не помѣщаемъ здѣсь, за недостаткомъ мѣста и въ виду самостоятельнаго интереса главной темы статьи.

Взгляды автора, въ общемъ, совпадающіе съ нашими, сводятся къ тому, что поглощеніе нашихъ организацій экономической борьбой является невыгоднымъ для партіи и что основныя условія развитія русскаго рабочаго движенія требуютъ отъ насъ сосредоточенія главнаго вниманія на борьбѣ за политическую свободу. Отъ себя прибавимъ, что такимъ образомъ мы косвенно способствуемъ и успѣху той экономической борьбы, которую приходится вести рабочимъ массамъ при всякихъ условіяхъ: уступки въ области фабричнаго законодательства и т. п. дѣлаются правительствомъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе грозной представляется ему опасность политическаго возмущенія рабочихъ массъ. Цѣнныя указанія, даваемыя авторомъ относительно недостаточно совершенной подготовки нашихъ демонстрацій, во многихъ пунктахъ совпадаютъ съ тѣми мыслями, которыя по этому вопросу высказаны авторомъ интереснаго очерка о Кіевской демонстраціи 2-го февраля, помѣщеннаго въ 4 книжкѣ „Зари“. Можно только привѣтствовать, какъ признакъ революціоной зрѣлости нашихъ практиковъ-соц.-демократовъ, тотъ фактъ, что частныя неудачи нашей партіи побуждаютъ ихъ еще болѣе дѣятельно работать надъ усовершенствованіемъ нашихъ боевыхъ пріемовъ, а не слѣдовать за тѣми, кто кричитъ о полной неудачѣ массовой политической борьбы и призываютъ „пополнить“ ее вредной въ настоящее время тактикой „единоборства“.

Товарищи!

Этотъ вопросъ касается только насъ, сознательныхъ рабочихъ, студентовъ и интеллигентовъ; намъ нужно приготовить людей, т. е. не всю массу, а по возможности, кто сколько можетъ, къ будущей демонстраціи. Начнемъ съ того, что у насъ, чуть ли не на каждомъ заводѣ или фабрикѣ, существуютъ кружки организованныхъ рабочихъ, которые достаютъ или получаютъ литературу и распространяютъ ее между рабочими. Въ этихъ кружкахъ каждый изъ насъ долженъ говорить, что общій нашъ врагъ есть, главнымъ образомъ, наше самодержавное правительство, что главная наша задача есть свержение самодержавія. Притомъ, разъ мы довѣряемъ имъ литературу, то мы должны и сойтись съ этими людьми поближе, для того, чтобы воодушевить ихъ и постараться узнать ихъ мнѣніе, согласны ли они идти на демонстрацію; если же кто изъ нихъ откажется, то того нужно постараться убѣдить и, если онъ не соглашается ни на какіе доводы, то самое лучшее постепенно оставить его, но, конечно не сразу. Мы должны помнить слова Лассаля, перваго организатора нѣмецкой соціальдемократической партіи: „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“. И такимъ путемъ каждый изъ насъ пусть приготовитъ для этого дѣла двоихъ или троихъ, а тѣ въ свою очередь также могутъ постараться. При этомъ тѣ изъ организованныхъ товарищей, которые состоятъ въ кружкахъ, должны приготовлять товарищей только отъ своего имени, не пріобщая къ этому другихъ кружковыхъ; собственно каждый долженъ дѣлать такъ, какъ будто одинъ такой на заводѣ или на фабрикѣ; также должны поступать и тѣ рабочіе, которыхъ вы знакомите съ этимъ дѣломъ: они, въ свою очередь, должны посвящать также только отъ своего имени и т. д. Эта предосторожность относится къ провокаторамъ. Кружковые рабочіе могутъ, конечно, время отъ времени собираться и сообщать другъ другу о своихъ знакомствахъ, въ виду того, чтобы каждый изъ кружковыхъ при случаѣ могъ послѣдить и за тѣмъ изъ рабочихъ, котораго посвящаетъ одинъ изъ товарищей кружка. И вотъ такимъ путемъ мы можемъ раньше знать наши силы. Напримѣръ, Рабочій Комитетъ за недѣлю дѣлаетъ запросъ районнымъ представителямъ: можно ли назначить демонстрацію на 20 апрѣля или на другое какое либо число или мѣсяцъ. Районные представители отнесутся съ такимъ вопросомъ къ кружковымъ представителямъ, а тѣ въ свою очередь къ товарищамъ кружка. И каждый сознательный рабочій долженъ отдать вѣрный отчетъ сколько выйдутъ съ нимъ на демонстрацію — двое или трое. Эти свѣдѣнія нужно давать вѣрно, не преувеличивать, не нужно совѣститься, что одинъ приготовилъ 8-10, а другой 1-3 или даже того нѣтъ. Помните, что отъ этого зависитъ весь нашъ успѣхъ, мы можемъ начать только тогда, когда мы вѣрно знаемъ, что у насъ есть сила, а если нѣтъ то мы лучше отложимъ на время. Помните, если мы будемъ говорить вмѣсто одного 5 и такъ вмѣсто предлагаемыхъ 200 явятся 40, что же тогда будетъ? худшій позоръ! этотъ позоръ долженъ камнемъ лечь на тѣхъ, которые изъ стыда говорили вмѣсто одного — 5. Затѣмъ, когда комитетъ получитъ свѣдѣнія отъ всѣхъ организованныхъ рабочихъ о числѣ демонстрантовъ и найдетъ возможнымъ выйти на демонстрацію, тогда на нашей обязанности лежитъ: 1) выпустить прокламацію не раньше 2-хъ или 1-го дня къ призыву рабочей массы и также учащейся молодежи, выйти на демонстрацію на извѣстное мѣсто. 2) Назначить извѣстное мѣсто (уголъ или № дома) для каждаго завода или фабрики отдѣльно, если только кучка демонстрантовъ будетъ человѣкъ въ 40; если же менѣе, то можно назначить одно мѣсто для двухъ заводовъ. Каждая кучка должна знать еще одно, два мѣста на случай, если будетъ разогнана. Это, конечно, нужно передать на словахъ представителямъ, а тѣ въ свою очередь, передадутъ организованнымъ рабочимъ и т. д. Дѣленье на кучки важно потому, что каждый сознательный рабочій приходитъ въ назначенное мѣсто и видитъ своихъ товарищей, знакомыхъ по заводу, онъ видитъ въ нихъ не любопытныхъ зрителей, а своихъ единомышленниковъ, въ немъ прибавляется бодрость и сила; онъ знаетъ, что если нужно, то эти товарищи могутъ и постоять за него; затѣмъ еще потому, что такихъ кучекъ, предположимъ 10-12 полиція, во всякомъ случаѣ, не будетъ на столько освѣдомлена, чтобы сразу напасть на эти кучки. Допустимъ она нападетъ на 5, а остальныя 5 все таки будутъ держаться, когда же она бросится на остальныя 5, то первыя въ это время могутъ сойтись въ другомъ назначенномъ мѣстѣ и т. д.

Но представимъ себѣ, напротивъ, что мы оставимъ демонстрацію по старому, какъ было 3-го марта 1902 г., или 1-го мая. Напр., 3-го марта рабочихъ было много, которые сочувствовали этому дѣлу, но что они могли сдѣлать? рѣшительно ничего. Многіе изъ нихъ даже не знали мѣста, гдѣ должна была происходить демонстрація, во 2-хъ, они разрознены толпой совершенно незнакомыхъ лицъ, въ которой масса шпіоновъ, за одно слово человѣкъ долженъ попасть въ предварилку и никто за него не постоитъ, чтобы отбить его отъ полиціи, потому что каждый боится, каждый знаетъ, что онъ одинъ среди чуждой ему толпы. Также и на 1-е мая: вышли рабочіе въ довольно таки порядочномъ числѣ, погуляли съ 8-10 часовъ и ушли по домамъ ни съ чѣмъ, потому что каждый отдѣльно боялся начинать. Теперь, кажется, всѣмъ извѣстно, что рабочій Обуховскаго завода, знаменщикъ, хотѣлъ выкинуть знамя у Гостиннаго Двора, но, между прочимъ, шпіоны и полиція замѣтили это прежде, чѣмъ рабочій успѣлъ это сдѣлать, кинулись на него... онъ, было, бѣжать, но они съ криками „держи! карманникъ!“ за нимъ. Рабочіе замѣтили эту суматоху; конечно, бросились бѣжать туда съ крикомъ, со свистомъ, даже послышались крики: „ура!“ но, когда подбѣжали къ мѣсту и слышатъ крики „держи карманника!“, то сразу всѣ какъ то почувствовали себя неловко, они надѣялись увидѣть тутъ совсѣмъ другое, а не ловлю карманника. Полиція попросила разойтись, что, къ ея удовольствію, было исполнено. И такъ, рабочіе остались въ дуракахъ передъ самими собой, когда не могли воспользоваться тѣмъ, что собралась кучка и могла бы произойти демонстрація.

Такъ вотъ видите, товарищи, весь успѣхъ будущей демонстраціи зависитъ отъ нашей организаціи. Но мы, вѣдь, вполнѣ можемъ надѣяться еще на солидарность съ нами учащейся молодежи и на полное сочувствіе массы; если только мы будемъ такъ организованы, въ насъ будетъ сила, которую не въ состояніи разогнать жандармерія и полиція. Еще разъ говорю, въ насъ будетъ сила, наши десятки знаменъ будутъ развѣваться не по 10 или 20 минутъ, а по нѣскольку часовъ или по цѣлому дню. Наши требованія („долой самодержавіе!“ „8-ми часовой рабочій день и политическая свобода“) будутъ раздаваться не 10-20 мин., а также цѣлый день и притомъ же наши знаменщики и передовые люди будутъ цѣлы. Мы не дадимъ ихъ въ руки полиціи, отобьемъ ихъ и спрячемъ между собой. И еще: при такой организованной силѣ мы можемъ требовать не только словами, но и дѣйствіемъ. Въ насъ, рабочихъ — вся сила. Мы содержимъ царя и министровъ, мы содержимъ богачей-кровопійцевъ, мы содержимъ поповъ-тунеядцевъ, мы солдатовъ, — своихъ же братьевъ, — даемъ для царя и содержимъ для нихъ генераловъ и содержимъ для ихъ же пользы цѣлую свору паразитовъ, шпіоновъ, жандармовъ. Долой дармоѣдовъ! всѣмъ имъ сладко живется за нашей спиной. Такъ помните: въ насъ рабочихъ вся сила, такъ зачѣмъ же мы будемъ кормить дармоѣдовъ, цѣлую свору, милліонъ негодяевъ?!

---

*) Кстати отмѣтимъ еще одинъ „интересный фактъ“, подчеркиваемый авторомъ цитируемой статьи. „Въ то время какъ у насъ нѣмцевъ, — говоритъ онъ, — „ортодоксальныхъ марксистовъ подозрѣваютъ въ бланкистскихъ склонностяхъ и отыскиваютъ даже у Маркса бациллу бланкизма, — въ это время въ Россіи, — единственной странѣ, гдѣ бланкистская тактика могла бы найти практическое примѣненіе, за нее высказываются не „ортодоксальные марксисты“. Напротивъ, русская соціаль-демократія, какъ она представлена Вѣрой Засуличъ и другими, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ для даннаго момента систематическій терроръ. Террористическая же тактика, которая во всякомъ случаѣ очень сродни бланкизму, защищается и проводится той группой русскихъ соціалистовъ, которая, подобно нашимъ нѣмецкимъ ревизіонистамъ, ведетъ освободительную борьбу противъ „марксистской догмы“.

*) Кулакъ чертовски необходимъ, друзья мои, но, кромѣ того, и въ головѣ должно быть ясно.

Бесѣда съ „другомъ“-читателемъ.

Мы получили письмо за подписью „читателя-друга“, вызванное передовой статьей № 23 „Искры“ о полицейскихъ насиліяхъ надъ демонстрантами. Авторъ возмущенъ нашей статьей, которая рекомендуетъ „отчаянное сопротивленіе со стороны всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ тѣлесное наказаніе.“

Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу: „Люди, которыхъ подвергли поруганію въ застѣнкѣ, были взяты на улицѣ, во время демонстраціи, ихъ истязали за ихъ стремленіе къ свободѣ, за проявленіе клас. самосозн., за солидарность съ с.-дем. партіями и ихъ органами. Ихъ дѣло—дѣло всего рабочаго класса и революціонныхъ партій; ихъ поруганіе—поруганіе всего пролетаріата, всей соціальдемократіи.“ Поэтому, „отвѣтъ на вопросъ „какъ мстить“ долженъ былъ возложить долгъ мести на дѣйствующія организаціи, а не на самихъ и безъ того пострадавшихъ товарищей...“ Искра же „не видитъ надобности вмѣшательства дѣйствующихъ организацій. По крайней мѣрѣ, она ни однимъ словомъ не обмолвилась, какъ поступать остающимся на свободѣ товарищамъ. Вся тяжесть мести и защиты своего человѣческаго достоинства возлагается на самихъ заключенныхъ...“ „Господа, да, вѣдь, это похоже на издѣвательство! Вѣдь смѣшно говорить заключенному, котораго держатъ 4 дюжихъ городовыхъ: „защищайся“. Если Искра не находитъ рѣшенія вопроса въ той или иной формѣ активнаго вмѣшательства организацій, если она чувствуетъ себя безсильной передъ этимъ глубоко трагическимъ вопросомъ,... то пусть она будетъ искренной, пусть броситъ красивыя, но жалкія въ данномъ случаѣ, слова о „геройской самозащитѣ,“ о „борьбѣ“, и тогда для всякаго ясенъ будетъ единственный логическій и психологическій выводъ изъ сдѣланной „Искрой“ постановки вопроса: тѣ, кому угрожаетъ тѣлесное наказаніе, должны сопротивляться... путемъ самоубійства!“ „Есть, господа, вопросы, на которые та или иная организація можетъ оказаться не въ силахъ дать въ данную минуту удовлетворительный отвѣтъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы она имѣла нравственное право затыкать такую прорѣху первой попавшейся тряпкой. Предоставленіе арестованнымъ и истязуемымъ рабочимъ управляться, какъ они сами знаютъ, лишь бы прославлено было имя бога революціи, лишь бы можно было фактъ ихъ отчаянной борьбы использовать въ агитаціонныхъ и педагогическихъ цѣляхъ—и есть именно такое затыканіе дыръ сомнительнаго качества тряпками.“

Въ этомъ письмѣ насъ особенно поразило крайне невнимательное отношеніе его автора къ нашимъ мыслямъ. Отъ „друга“ мы могли бы ожидать нѣсколько большаго вниманія.

Мы сказали, что если А будетъ сегодня оскорбленъ въ участкѣ, а Б завтра, послѣзавтра или вообще впослѣдствіи убьетъ оскорбителя, то А врядъ ли почувствуетъ себя отомщеннымъ. Мы ссылались на примѣръ Боголюбова, тяжелое нравственное состояніе котораго не было, да и не могло быть разсѣяно выстрѣломъ Вѣры Засуличъ. Отсюда для насъ самъ собою слѣдовалъ тотъ практическій выводъ, что мстить покушеніями значитъ избирать наименѣе дѣйствительный способъ мести.

Если нашъ „другъ“ находитъ, что наши психологическія соображенія ошибочны, то ему слѣдовало сказать и доказать это. Онъ этого не сдѣлалъ. Почему? Потому, что онъ очень невнимательно,—совсѣмъ не по „дружески“,—отнесся къ нашему разсужденію и не понялъ, гдѣ лежитъ его исходная точка.

Мы снова обращаемъ вниманіе нашего „друга“ на эту точку и просимъ его сказать прямо: счелъ-ли бы онъ себя отомщеннымъ, если бы, подвергшись истязанію розгами въ участкѣ, онъ услыхалъ впослѣдствіи, что его товарищи убили того или тѣхъ, по чьему приказанію истязаніе совершилось?

Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ можно дать только отрицательный отвѣтъ. Мы увѣрены, что и самъ сердитый „другъ“ нашъ,—чуточку подумавъ,—тоже отвѣтитъ на него отрицательно. А если нашъ сердитый „другъ“ отвѣтитъ отрицательно, то онъ необходимо долженъ будетъ встать на нашу точку зрѣнія и... и смѣнитъ гнѣвъ на милость...

Далѣе. Если когда нибудь нашему сердитому „другу“ будутъ угрожать полицейскія розги, то мы увѣрены, что онъ, не уповая ни на какія послѣдующія дѣйствія оставшихся на свободѣ товарищей, скажетъ себѣ, что ему остается именно то и только то, на что указывала „Искра“, т. е. сопротивленіе палачамъ, сопротивленіе во что бы то ни стало, сопротивленіе до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія. И говоря себѣ это, онъ будетъ гораздо дальше, чѣмъ когда-либо, отъ всякой мысли объ издѣвательствѣ надъ самимъ собою. Напротивъ, сознаніе своего человѣческаго достоинства и сознаніе необходимости отстаивать это достоинство достигнутъ у него тогда высшей степени ясности.

Нашъ „другъ“ думаетъ, что сопротивленіе невозможно. Онъ думаетъ такъ потому, что не знаетъ исторіи нашего движенія.

Къ лучшимъ, наиболѣе ободряющимъ страницамъ нашей исторіи принадлежитъ то сопротивленіе нашихъ арестованныхъ товарищей самодурству тюремнаго начальства, та „борьба въ тюрьмѣ,“ о которой говоритъ Вѣра Засуличъ въ первой книжкѣ „Зари“. Издѣвается надъ товарищами не тотъ, кто совѣтуетъ продолжать эту борьбу, а тотъ, кто заговариваетъ объ ея невозможности. Неужели нѣсколькихъ пучковъ розогъ достаточно для того, чтобы разбить энергію русскихъ революціонеровъ?

Издѣвается надъ товарищами не тотъ, кто говоритъ имъ: „у васъ есть выходъ; вы можете отстоять свое достоинство энергичной борьбой,“—а тотъ, кто говоритъ имъ: „ваше положеніе безвыходно; вы ничего не можете сдѣлать для самозащиты; но на свободѣ у васъ найдутся самоотверженные товарищи, которые отомстятъ за васъ.“

Пассивная толпа, покорно ложащаяся подъ розги и самоотверженные герои—мстящіе за эти розги, вотъ въ какомъ видѣ представился бы намъ составъ нашей партіи, если бы былъ правъ авторъ письма. А такъ какъ исторія дѣлается не единицами, то въ этомъ зрѣлищѣ было бы очень мало привлекательнаго. Къ счастью, нашъ авторъ жестоко ошибается: героическое настроеніе перестаетъ быть удѣломъ единицъ; масса становится все болѣе и болѣе активной, и ея арестованные полиціей представители съумѣютъ постоять за себя въ участкѣ.

Мы указывали на Шлиссельбургскихъ узниковъ, которыхъ можно было убить,—говорили мы—но нельзя наказать розгами. Нашъ „другъ“ могъ не согласиться съ нами, но онъ не имѣлъ права обойти этотъ доводъ молчаніемъ. Почему же онъ обошелъ его? Онъ не вдумался въ его значеніе, онъ невнимательно,—повторяемъ, совсѣмъ не по „дружески“,—прочиталъ нашу статью. И только потому, что онъ невнимательно прочиталъ ее, онъ вообразилъ, что „Искра“ чувствуетъ себя безсильной передъ вопросомъ о полицейскихъ розгахъ. Какъ бы не такъ! Нашъ „другъ“, очевидно, проникнутъ взглядами нашихъ противниковъ: онъ думаетъ, что если мы не рекомендуемъ террора, то значитъ мы не рекомендуемъ ровно ничего. Но отъ такого взгляда давно пора отдѣлаться, потому что еслибы такой невѣроятно узкій взглядъ сдѣлался общимъ достояніемъ нашихъ революціонеровъ, то мы никогда не пришли бы къ побѣдѣ.

А что дѣлать остающимся на свободѣ товарищамъ? что дѣлать тѣмъ организаціямъ, арестованнымъ представителямъ которыхъ придется „до послѣдняго издыханія“ отстаивать свое достоинство въ участкахъ?

Имъ надо дѣлать то что они дѣлали до сихъ поръ: развивать классовое (т. е., слѣдовательно, и политическое) самосознаніе массы; способствовать росту массового движенія и въ ширь и въ глубь; всѣми зависящими отъ нихъ силами ускорять наступленіе того момента, когда одного слуха о томъ, что въ участкѣ истязуютъ арестованныхъ демонстрантовъ, будетъ достаточно для того, чтобы эти притоны полицейскихъ разбойниковъ были осаждены грозными толпами рабочаго народа; усиливать свою собственную партійную организацію до той степени, на которой она сможетъ повести эти грозныя толпы къ побѣдѣ.

Говоря это, мы,—въ интересахъ нашего невнимательнаго „друга-читателя“ ставимъ точку надъ і въ нашемъ отвѣтѣ на вопросъ: какъ мстить? Раздраженный „другъ“ не понялъ этого отвѣта; мы разъясняемъ ему нашу мысль и, разставаясь съ нимъ, мы говоримъ ему съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ: указанный способъ мести есть единственный способъ, достойный тѣхъ людей, которые принадлежатъ къ серьезной политической партіи, а не составляютъ простого общества взаимнаго отмщенія.

Говорятъ, что Пугачевъ, исполняя въ арміи свою казацкую военную повинность, былъ высѣченъ по приказанію начальства и что это униженіе впервые заронило въ его голову мысль о бунтѣ. Не знаемъ, правда ли это; должно быть, это—простая выдумка. Но—se non e vero e ben trovato (если и не вѣрно, то хорошо придумано). Месть à la Пугачевъ несравненно страшнѣе, чѣмъ месть à la Лекертъ.

„Полицейскіе всѣхъ странъ, соединяйтесь“.

Международно-шпіонскія услуги одного правительства другому дѣло довольно обычное. Услуги европейскихъ полицій полиціи русскаго самодержавія становятся все циничнѣе по мѣрѣ того, какъ растущая сила рабочаго класса въ Зап.-европейскихъ странахъ дѣлаетъ невозможнымъ для ихъ правительствъ систематическое преслѣдованіе собственныхъ „внутреннихъ враговъ“. Воспитанные долгимъ „подборомъ“, инстинкты охоты за человѣкомъ ищутъ себѣ примѣненія въ дѣлѣ добровольной травли „подданныхъ“ того правительства, которое еще удерживаетъ въ своихъ рукахъ право неограниченнаго преслѣдованія всякой свободной мысли. Положеніе русскихъ, живущихъ заграницей, становится все болѣе необезпеченнымъ отъ полицейскаго насилія. И всего хуже обстоитъ дѣло въ Германіи.

Нельзя, впрочемъ, умолчать о томъ, что усердіемъ нѣмецкихъ полиціантовъ не всегда руководитъ одно только безкорыстное служеніе идеѣ международной солидарности шпіоновъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ*) Л. Г. Дейчъ, подло выданный въ 1885 г. германскимъ правительствомъ Россіи, разсказываетъ о томъ, какъ нѣмецкіе чиновники, участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, интересовались вопросомъ о вещественной наградѣ, которую они получатъ отъ русскаго правительства.

Мы не знаемъ, кому изъ нѣмцевъ достанутся 30 серебренниковъ за выдачу бывшаго студента Калаева, арестованнаго недавно въ Мысловицахъ (Пруссія). Знаемъ только, что всѣ прежніе случаи предательскихъ услугъ германскаго правительства русскому (Дейчъ, Гр. Гуковскій, Славинскій, Владисл. Анелевскій)**) блѣднѣютъ передъ наглымъ, беззаконнымъ и истинно-русскимъ произволомъ дѣла Калаева.

Платонъ Калаевъ отправился изъ Австріи въ Берлинъ. На прусской границѣ таможенный чиновникъ подсмотрѣлъ въ его вещахъ русскія изданія. Онъ пригласилъ жандарма, который и арестовалъ Калаева. Послѣдній былъ показанъ вызванному для того жандармскому офицеру (русская граница находится вблизи отъ Мысловицъ) и затѣмъ отвезенъ къ русской границѣ, гдѣ его и приняли русскіе жандармы.

Когда германскія соціаль-демократическія газеты забили тревогу, реакціонная печать стала утверждать, что Калаевъ-де выданъ, какъ соучастникъ Балмашева. Но долго настаивать на этой лжи было невозможно и правительство поспѣшило съ полуоффиціальнымъ разъясненіемъ, представляющимъ любопытный образчикъ той смѣси цинизма и трусости, іезуитства и грубости, которой проникнута политика нынѣшнихъ германскихъ правителей.

Невѣрно, заявляется въ этомъ разъясненіи, что Калаевъ былъ „выданъ“ Россіи. Для „выдачи“ его не было никакихъ законныхъ основаній. Но онъ былъ задержанъ съ русскими изданіями анархическаго содержанія и, какъ анархистъ, высланъ на родину, въ Россію. Только и всего.

Не выданъ, а высланъ! Но высланъ не туда, куда онъ хотѣлъ ѣхать изъ гостепріимной Германіи, а туда, гдѣ его ждали предупрежденные о его „высылкѣ“ русскіе жандармы.

Мы почтительно просимъ германское правительство назвать намъ тѣ изданія, которыя были найдены при Калаевѣ. Тогда публика увидитъ, о какомъ „анархизмѣ“ идетъ здѣсь рѣчь. Съ своей стороны мы категорически утверждаемъ, что по собраннымъ нами вполнѣ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Калаевъ ничего общаго не имѣетъ не только съ анархизмомъ, но и съ русскимъ терроризмомъ, который, въ свою очередь, далекъ отъ анархизма. Мы утверждаемъ, что, какъ намъ теперь доподлинно извѣстно, Калаевъ—принципіальный противникъ русскаго терроризма.

Разумѣется, фактъ выдачи русскаго соціалиста не сталъ бы менѣе подлымъ отъ того, что былъ бы примѣненъ къ стороннику террора или принципіальному анархисту.—Но характерна эта ложь, употребляемая для возбужденія въ нѣмецкой публикѣ сочувствія къ проявленіямъ самаго недостойнаго пресмыкательства нѣмецкихъ правителей передъ русскимъ самодержавіемъ. И такая ложь примѣняется не впервые. Замученный 10 лѣтней пыткой несчастный Григорій Гуковскій былъ арестованъ въ Аахенѣ въ 1889г. по лживому обвиненію въ участіи въ террористическихъ предпріятіяхъ, несмотря на то, что онъ былъ соціаль-демократомъ и стоялъ въ сторонѣ отъ террористическихъ группъ.

Наши нѣмецкіе товарищи, безъ сомнѣнія, поднимутъ въ рейхстагѣ запросъ о поведеніи нѣмецкихъ властей въ дѣлѣ Калаева. Намъ же только остается пожелать германскому народу поскорѣе избавиться отъ тяготѣющаго надъ нимъ ига прусскихъ дворянчиковъ—Бюловыхъ и Позадовскихъ—которые у себя на родинѣ травятъ славянъ-поляковъ и въ то же время пресмыкаются передъ монгольско-славянскими сапожищами Романовыхъ.

---

*) Они будутъ изданы на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

**) Кстати замѣтимъ, что германскому правительству везетъ въ его травлѣ иностранныхъ соціалистовъ. Изъ перечисленныхъ нами лицъ студентъ Гуковскій и польскій каменьщикъ Анелевскій послѣ 5 лѣтъ тюрьмы и нѣсколькихъ лѣтъ Сибирской ссылки покончили съ собой въ 1899 году.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОГРАММѢ.

Намъ доставлено слѣдующее сообщеніе:

Обсудивъ проэктъ программы Рос. С.-Д. Партіи, выработанный редакціей „Искры“ и „Зари“, група соц.-дем. одного изъ южныхъ городовъ Россіи и лицъ, сочувствующихъ соц.-дем. (всего 15 чел.) пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

С.-Д. Р. П., возникла какъ таковая, необходимо должна дать программу, ясно и опредѣленно формулирующую теоретическое обоснованіе дѣятельности этой партіи, ея конечныя цѣли и ближайшія требованія.

Необходимость такой программы вообще обусловливается потребностью партійнаго объединенія для планомѣрной совмѣстной работы. Но при наличности одновременно дѣйствующихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ группъ, необходимость эта усугубляется потребностью отграниченія отъ указанныхъ группъ. Такъ какъ изъ различія основныхъ положеній вытекаютъ и различія въ практической дѣятельности, то Р. С.-Д. П., дѣйствуя среди разнородныхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ теченій, необходимо должна присоединить къ своей общей программѣ и точно опредѣленную программу практической дѣятельности, программу тактики.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, упомянутая група лицъ находитъ, что предложенный „Искрой“ проэктъ программы, удовлетворяя вполнѣ первому требованію, выполняетъ второе лишь формальнымъ образомъ, ибо даетъ только общія, неопредѣленныя указанія („соціаль-демократія организуетъ его (пролетаріатъ) въ самостоятельную политическую партію“ и т. д., отнюдь не касающіяся конкретныхъ вопросовъ практической дѣятельности, требующихъ отъ члена партіи опредѣленнаго и яснаго отношенія.

Переходя къ разсмотрѣнію программы ближайшихъ требованій, група считаетъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

Понятіе „ближайшія цѣли“, заимствованное изъ западно-европейскихъ соціальдемократическихъ программъ, въ этихъ послѣднихъ имѣетъ извѣстный опредѣленный смыслъ и не подаетъ повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ.

Ближайшими называются тѣ требованія, которыя непосредственно предъявляются партіей буржуазному правовому государству и могутъ быть осуществлены въ предѣлахъ его. Употребляя безъ оговорокъ тотъ же терминъ въ русской соц.-дем. программѣ, мы должны помнить, что въ этомъ западно-европейскомъ смыслѣ, перечисленныя въ проэктѣ политическія и экономическія требованія, въ цѣломъ, ближайшими названы быть не могутъ, ибо, ни въ предѣлахъ самодержавнаго строя, ни въ самый моментъ низверженія его, „послѣдовательно, полно и прочно“ эти требованія осуществлены быть не могутъ, и только форма правового государства сдѣлаетъ возможнымъ предъявленіе ихъ, какъ ближайшихъ. Поэтому, для Р. С.-Д. Р. П. ближайшей политической цѣлью будетъ самое осуществленіе правового государства, въ предѣлахъ котораго и могутъ быть осуществлены минимальныя экономическія и остальныя политическія требованія до требованія демократической республики включительно, что и должно быть оговорено въ программѣ.

Что касается самихъ требованій, то не разсматривая ихъ детально, група тѣмъ не менѣе предлагаетъ 1) дополнить ихъ пунктомъ объ амнистіи государственныхъ преступниковъ и прекращеніи всѣхъ политическихъ дѣлъ, самое возникновеніе которыхъ обязано существованію уничтоженнаго режима, и 2) вообще пересмотрѣть ихъ, пополнивъ существенные пробѣлы (напр. организаціи суда, администраціи, мѣстнаго самоуправленія и проч.).

Присоединяясь въ общемъ къ предложенной программѣ, група особо выдѣляетъ аграрную программу. Вполнѣ признавая важное значеніе аграрной программы въ программѣ всякой русской революціонной партіи, тѣмъ болѣе въ программѣ партіи, представляющей интересы трудящихся массъ, група полагаетъ, что и въ вопросѣ о крестьянствѣ должно руководствоваться основными научными положеніями и общими принципами соц.-демократической программы. Поэтому, національзацію земли она признаетъ конечнымъ пунктомъ аграрной программы, какъ вообще обобществленіе средствъ производства конечнымъ пунктомъ всей соціальдемократической программы. Отдѣльныя, частичныя аграрныя мѣропріятія, идущія въ разрѣзъ съ этой цѣлью, тѣмъ самымъ групою отвергаются.

Что же касается ближайшихъ требованій аграрной программы, предложенной „Искрой“ то часть ея (пункты I и II), представляющую детальное развитіе общедемократической программы (уничтоженіе сословій, равноправность всѣхъ гражданъ, прогрессивный подоходный налогъ, свобода передвиженія и промысловъ), група вполнѣ признаетъ и считаетъ цѣлесообразнымъ особое выдѣленіе ея. Съ пунктами же 3-мъ и 4-мъ група согласиться не можетъ, ибо лежащій въ основѣ ихъ принципъ исправленія исторической несправедливости основнымъ принципомъ революціонной партіи,—стремящейся подготовить условія будущаго, а не исправлять ошибки прошлаго,—признанъ быть не можетъ. Исходя изъ этого принципа, партія не должна бы остановиться передъ частичнымъ исправленіемъ (возвращеніемъ выкупныхъ платежей и прирѣзковъ), но потребовать возвращенія всей помѣщичьей земли, всѣхъ когда либо уплаченныхъ косвенныхъ и иныхъ налоговъ (какъ подушныя подати мѣщанства) и проч. Въ частности, проведеніе этого требованія, съ одной стороны, содѣйствовало бы укрѣпленію частной собственности (и притомъ ея наихудшаго вида—мелкой собственности), слѣдовательно, пришло бы въ противорѣчіе съ нашимъ основнымъ принципомъ; съ другой—практически явилось бы наименѣе пригоднымъ (и даже не вполнѣ справедливымъ) палліативомъ, распространяющимся не на все крестьянство и не устраняющимъ основной причины крестьянскихъ бѣдствій—малоземелья. Выставленіе этихъ двухъ пунктовъ (3 и 4) могло бы оправдываться чисто практическими соображеніями—интересами агитаціи, стремящейся найти доступъ къ крестьянину и потому избирающей въ качествѣ боевого лозунга излюбленный пунктъ его мечтаній. Но група полагаетъ, что именно интересы соціальдемократической агитаціи заставляютъ не приспособляться къ наличной психологіи трудящихся массъ, но всячески расширять и углублять ее. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія (принципіальности, практической осуществимости и радикальности и интересовъ агитаціи) група находитъ болѣе цѣлесообразнымъ на мѣсто 3 и 4 пунктовъ вставить приведенный ниже 3-й.

Предпосланный же перечисленію требованій текстъ група предлагаетъ измѣнить, согласно сдѣланнымъ замѣчаніямъ. Такимъ образомъ, вся аграрная программа представится въ слѣдующемъ видѣ:

Устраненія всѣхъ остатковъ крѣпостного порядка, тяжелымъ гнетомъ лежащихъ на крестьянахъ, и всѣхъ препятствій къ свободному развитію классовой борьбы въ деревнѣ партія достигаетъ путемъ проведенія своей демократической программы, требуя въ частности:

I Отмѣны выкупныхъ и оброчныхъ платежей, а также и всякихъ повинностей, падающихъ въ настоящее время на крестьянство, какъ на податное сословіе.

II Отмѣны круговой поруки и всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи землей.

III Отдачи въ долгосрочную аренду крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ государственныхъ удѣльныхъ и монастырскихъ земель; покупки за счетъ государства для той же цѣли частновладѣльческихъ земель; сосредоточенія операцій, какъ по покупкѣ, такъ и по раздачѣ земель крестьянамъ въ рукахъ органовъ мѣстнаго самоуправленія; установленія опредѣленныхъ условій аренды, ограничивающихъ количество государственной земли, приходящейся на отдѣльнаго арендатора, обезпечивающихъ возможность ея обработки и гарантирующихъ высокую степень культуры.

IV Устраненіе остатковъ крѣпостныхъ отношеній, уцѣлѣвшихъ на Уралѣ, на Алтаѣ, въ западномъ краѣ и другихъ областяхъ государства.

V Предоставленіе судамъ права понижать непомѣрно высокія арендныя цѣны и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ.

Въ заключеніе група намѣчаетъ рядъ вопросовъ тактики, которыя, по ея мнѣнію, должны быть выяснены въ программѣ тактики.

1) Дѣятельность среди городского пролетаріата: а) отношеніе къ экономической борьбѣ, б) отношеніе къ легальнымъ организаціямъ рабочихъ, с) отношеніе къ широкимъ нелегальнымъ организаціямъ, д) способы политическаго воспитанія и политической борьбы рабочаго класса (демонстраціи и пр.).

2) Дѣятельность среди крестьянъ, формы дѣятельности; отношеніе къ крестьянскимъ безпорядкамъ.

3) Дѣятельность въ арміи.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОБѢГЪ ИЗЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМЫ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ варварскаго избіенія политическихъ заключенныхъ въ Одесской тюрьмѣ соціаль-демократіи удалось „наказать“ правительство освобожденіемъ изъ Кіевской тюрьмы 11-ти „важныхъ преступниковъ“. Побѣгъ совершился 18-го августа, черезъ 3 недѣли послѣ удачнаго освобожденія изъ подъ ареста въ Екатеринославлѣ Бабушкина и Горвица (см. №24)

Въ февралѣ нынѣшняго года, въ самый разгаръ демонстрацій, по всей Россіи были произведены сотни арестовъ. Между прочимъ, не менѣе тридцати человѣкъ, арестованныхъ въ разныхъ концахъ Россіи по дѣлу „Искры, было свезено въ Кіевскую тюрьму, такъ какъ „знаменитый“ жандармъ Новицкій былъ уполномоченъ вести слѣдствіе по дѣлу о нашей организаціи. Въ числѣ этихъ товарищей были: Левъ Гальперинъ, бывшій уже въ ссылкѣ въ Астраханской губ.; Викторъ Крохмаль, вернувшійся изъ Уфимской ссылки въ 1900 г.; Іосифъ Тарсисъ, портной, арестованный въ Вильнѣ и двое нелегальныхъ — Николай Бауманъ, ветеринар. врачъ, сосланный въ 1898 г. въ Вятскую губ. по дѣлу С.П.Б. Союза Борьбы и бѣжавшій изъ ссылки черезъ годъ, и Іосифъ Басовскій (впервые привлекался въ Одессѣ въ 1897 г.)

Въ мартѣ къ тому же дѣлу присоединенъ наборщикъ Іосифъ Блюменфельдъ, взятый на границѣ съ германскимъ паспортомъ (былъ въ 1886 г. изгнанъ изъ Россіи), а въ апрѣлѣ — Бор. Мальцманъ, арестованный въ Теофиполѣ, Волынск. губ., гдѣ состоялъ подъ надзоромъ. Эти семь лицъ, на которыхъ концентрировались главныя обвиненія по дѣлу „Искры“, и бѣжали вмѣстѣ съ ветеринар. врачемъ Владиміромъ Бобровскимъ, обвинявшимся въ организаціи Кіевской демонстраціи 2-го февраля и еще тремя товарищами, сидѣвшими уже болѣе года (съ апр.-мая 1901 года): Маріаномъ Гурскимъ, М. Валлахъ и Болеславомъ Плесскимъ (первые двое по дѣлу Кіевскаго Комитета Партіи, а послѣдній по дѣлу Партіи Соц.-Рев.). О самыхъ подробностяхъ побѣга участники его сообщаютъ слѣдующее:

„Орудіями“ побѣга послужили сшитая изъ разрѣзанныхъ простынь лѣстница и полупудовый якорь. Какъ послѣдній очутился въ рукахъ бѣжавшихъ — это, конечно, секретъ организаторовъ побѣга. 18-го авг. вечеромъ, когда заключенные гуляли по двору около стѣны, нѣсколько изъ нихъ напали на стоявшаго вблизи часового, забили ему ротъ и связали его по рукамъ и ногамъ. Операція продѣлана была не вполнѣ совершенно, такъ что солдатъ могъ нѣсколько разъ крикнуть: „ратуйте, ратуйте!“ Къ счастью, заглушенный крикъ его не былъ услышанъ. Пока одни возились съ часовымъ, другіе образовали „живую пирамиду“, верхній конецъ которой доходилъ почти до вершины стѣны. Отсюда нетрудно было взлѣсть на стѣну и прикрѣпить якорь, къ которому съ одной стороны была привязана лѣстница, а съ другой — веревка, по которой спускались внизъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ благополучно спустился послѣдній изъ бѣглецовъ, изъ тюрьмы раздался выстрѣлъ, означавшій тревогу. Бѣжавшіе направились въ разныя стороны.

Немедленно во всѣ концы Россіи дано было циркулярно извѣщеніе о побѣгѣ и сообщены примѣты бѣжавшихъ. Двое изъ послѣднихъ черезъ нѣсколько дней попали было въ руки полиціи, но черезъ короткое время освободились... какимъ путемъ, объ этомъ умолчимъ, дабы не компрометировать того урядника, который, навѣрное, никому не разсказываетъ, какъ онъ упустилъ двоихъ изъ „одиннадцати“.

Не обошлось и безъ курьезовъ: двое бѣжавшихъ пролежали цѣлыя сутки въ полѣ недалеко отъ тюрьмы и имѣли удовольствіе видѣть суету, поднятую надзирателями послѣ того, какъ они хватились.

Послѣ того, какъ бѣглецы были доставлены „по назначенію“ (часть уже находится заграницей), Кіевскій Комитетъ Партіи и организація „Искры“ издали сообща (печатную) прокламацію (отъ 27 августа), изъ которой извлекаемъ слѣдующія строки:

„Сидѣніе по 2-3 года въ тюрьмѣ, долголѣтнее прозябаніе въ далекой ссылкѣ не можетъ имѣть мѣста въ настоящее время, когда все кипитъ, все волнуется, когда каждый революціонный работникъ имѣетъ передъ собой широкое поле для подотворнѣйшей дѣятельности. Побѣги изъ Сибири и тюремъ учащаются и начинаютъ принимать массовой характеръ. При чемъ бѣглецовъ вынуждаютъ къ этому не тяжести ссылки и тюремной жизни, а жажда кипучей дѣятельности, желаніе принять снова участіе въ горячей борьбѣ переживаемаго момента. И вотъ въ вечеръ 18-го августа изъ Кіевской тюрьмы былъ совершенъ чрезвычайно смѣлый и остроумный по замыслу побѣгъ 11-ти человѣкъ (слѣдуютъ фамиліи). При этомъ организаціей были употреблены всѣ усилія, чтобы бѣгство обошлось безъ малѣйшей капли крови со стороны тюремной стражи, что, къ счастью, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Кромѣ средствъ, отпущенныхъ изъ соотвѣтственныхъ суммъ организація, было собрано съ этой спеціальной цѣлью среди общества — 1795 руб.

Все это за крайне малый промежутокъ времени. Цѣль отовсюду вызывала живѣйшее сочувствіе и энтузіазмъ, что наиболѣе ярко указываетъ на то враждебное отношеніе, которое встрѣчаетъ русское правительство. Кіевскій Комитетъ и организація „Искры“ считаютъ нужнымъ въ особенности отмѣтить чрезвычайно цѣнное участіе общества, выразившееся въ полномъ содѣйствіи многимъ важнымъ конспиративнымъ мѣропріятіямъ настоящаго дѣла. Только при полномъ сочувствіи всѣхъ честно мыслящихъ общественныхъ элементовъ возможна побѣда надъ русскимъ самодержавіемъ, а это сочувствіе мы видимъ только на сторонѣ революціонной партіи.

Да здравствуетъ рабочее дѣло!

Кіевскій Комитетъ и организація „Искры“ Россійской Соціал-Демократической Рабочей Партіи.

Кіевъ, 27-го августа 1902 года.

Прибавимъ, съ своей стороны, что возвращеніе сосланныхъ и заключенныхъ революціонеровъ въ ряды дѣйствующей арміи потребовало отъ нашей организаціи и будетъ еще требовать большихъ денежныхъ средствъ. Читатель представляетъ себѣ, что значитъ работа „на нелегальномъ положеніи“. Организація „Искры“ надѣется, что лица, сочувствующія ея дѣятельности, дадутъ ей возможность обезпечить этой работѣ благопріятныя условія. Только при энергичной поддержкѣ со стороны всѣхъ, сознающихъ настоятельную необходимость созданія сильной революціонной организаціи, сможетъ правильно функціонировать такая организація, немыслимая безъ значительнаго числа „нелегальныхъ“.

Побоище въ Одесской тюрьмѣ.

Въ рядѣ сообщеній изъ Одессы намъ пишутъ о сценахъ, разыгравшихся въ мѣстной тюрьмѣ въ началѣ августа. Около 150 политическихъ заключенныхъ-мужчинъ постепенно примкнуло къ „голодовкѣ“, требуя, чтобы ихъ товарищъ, бывшій студентъ Кочурьянъ, заболѣвшій двустороннимъ плевритомъ, былъ перевезенъ въ больницу внѣ тюрьмы для производства операціи (на этомъ настаивалъ тюрем. врачъ Стадлицкій, но коммиссія изъ полиц. врачей постановила считать К. здоровымъ; Стадлицкій въ видѣ протеста вышелъ въ отставку). Въ тюрьму были введены двѣ роты солдатъ, къ заключеннымъ примѣнены разныя репрессивныя мѣры. На 11-ый день голодовки нѣсколько мнимыхъ „зачинщиковъ“ были увезены въ одинъ изъ участковъ. Товарищъ Гинзбургъ (арестов. въ Елизаветградѣ въ февралѣ 1902 года) отказался пойти добровольно и его стали „тащить“. Гинзбургъ оказалъ весьма энергичное сопротивленіе: несмотря на долгое голоданіе онъ одинъ оборонялся противъ нѣсколькихъ палачей, которые наносили ему жестокіе удары. Въ глубокомъ обморокѣ онъ былъ вытащенъ въ корридоръ. Сцена въ камерѣ Гинзбурга вызвала „бунтъ“ во всей мужской тюрьмѣ: заключенные уничтожили все въ камерахъ, стучали... Въ отвѣтъ на это разъяренная свора солдатъ и надзирателей ворвалась въ одиночки и стала производить методическое избіеніе. Одному заключенному (туберкулезному) болгарину пробили ключами голову, пострадали еще Штернбергъ, И. Ройзманъ, рабочій Анисимовъ и другіе. Нѣкоторые покушались на самоубійство, но неудачно... Заключенныя женщины разбили стекла и стали звать на помощь. Все это вызвало страшное возбужденіе среди уголовныхъ арестантовъ, которые произвели разгромъ въ своихъ камерахъ и бросали тяжелыми предметами въ солдатъ и надзирателей.

Всей бойней распоряжались бывшіе въ тюрьмѣ тов. прокурора Палаты Полланъ и исп. долж. градоначальника Старковъ. Бойня была подготовлена — былъ наряженъ усиленный составъ тюремной стражи. Все это происходило 7-го августа.

Результаты этой „Варфоломеевской ночи“ таковы: 35 человѣкъ развезены по провинціальнымъ тюрьмамъ въ Ломжу, Сѣдлецъ, Вильну и Гродно, оставшимся даны нѣкоторыя „послабленія“, уголовные-же подверглись варварской поркѣ.

Въ письмѣ одного заключеннаго указывается на то, что мѣстныя организація слишкомъ поздно — уже черезъ нѣсколько дней послѣ избіенія — издали прокламацію по этому поводу, а, между тѣмъ, общество съ самаго начала голодовки было въ напряженномъ настроеніи. Съ другой стороны, соціалисты-революціонеры въ одномъ листкѣ (Изъ матер. „Рев. Рос.“ №74) сопровождаютъ свой разсказъ такими словами: „больные, истерзанные и униженные, они ждутъ, что рука карающая загладитъ новыя раны“. Мы думаемъ, что соц.-рев. опять „не въ то мѣсто попадаютъ“. Найдется ли карающая рука, чтобы отвѣтить за насилія „Варфоломеевской ночи“ или нѣтъ — эти насилія останутся совершенными и повтореніе ихъ въ другомъ мѣстѣ — одинаково возможнымъ... до тѣхъ поръ, конечно, пока будетъ продолжаться нынѣшній режимъ. Вмѣсто того, чтобы толковать о „карающей рукѣ“, слѣдовало бы подумать о томъ, почему такъ часто мѣстныя революціонныя организаціи оказываются не въ состояніи оказать поддержку акту протеста своихъ заключенныхъ товарищей? А вѣдь только при такой поддержкѣ „съ воли“ такіе акты протеста смогутъ оказать серьезное агитаціонное вліяніе и безъ такой поддержки все учащающіяся тюремныя „голодовки“ рискуютъ потерять значеніе, какъ средства вынудить у притерпѣвшагося къ нимъ начальства какія-либо уступки.

Странное дѣло: вѣчно толкуютъ намъ о возможности — даже при террорѣ — сохранить связь революціонеровъ съ массой, а, между тѣмъ, каждый разъ, какъ практика показываетъ „маленькіе недостатки механизма“, дѣйствующаго на массы, мы слышимъ вздыханія о „карающей рукѣ“.

Съ своей стороны, мы еще разъ скажемъ товарищамъ: развивайте организацію, усиливайте ея воздѣйствіе на широкіе слои населенія и тогда акты „борьбы въ тюрьмѣ“ станутъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть — эпизодами нашей борьбы „на волѣ“.

Въ окрестностяхъ Риги имѣются городскія земли, захваченные денежными тузами города. Обыкновенно эти тузы состоятъ и членами городскаго управленія. Эти земли 30 лѣтъ тому назадъ представляли изъ себя или пустыню или болото. При начинающемся промышленномъ ростѣ города и дороговизнѣ жизни рабочихъ въ городѣ являлось очень соблазнительнымъ пріобрѣсти „свой уголокъ“ неподалеку отъ мѣста работы. Это стремленіе обзавестись своимъ уголкомъ было быстро понято владѣльцами капиталовъ и городскія земли были сняты ими въ аренду на 99 лѣтъ и т. п. Уже отъ себя эти крупные владѣльцы стали сдавать эту землю рабочимъ—обыкновенно одно „пурное мѣсто“ (1/3 десятины). При полномъ отсутствіи возможности обзавестись своимъ угломъ какъ либо иначе, рабочій быстро полѣзъ въ лапы владѣльцевъ. Забыли о томъ, что земля отдана въ аренду на сроки гораздо меньшіе, чѣмъ владѣльцамъ, что по истеченіи сроковъ владѣльцы имѣютъ „законное право“ повышать какъ угодно арендную плату, а при случаѣ просто согнать арендаторовъ рабочихъ. Началась дѣятельная работа по приведенію въ порядокъ снятыхъ участковъ. Въ настоящее время уже нѣтъ ни пустырей, ни болотъ: все сравнено, осушено, унавожено; вездѣ стоятъ домики съ огородикомъ и садикомъ. Одновременно проснулись аппетиты г.г. „владѣльцевъ“, арендная плата быстро повысилась. Земли отдавали на такихъ условіяхъ: три-четыре года безплатно, а потомъ по 6 руб. за пурное мѣсто (сами владѣльцы платятъ по 6-9 руб. за десятину). Въ настоящее время, тѣмъ у кого кончается аренда, предлагаютъ заключать новые контракты по 15-30 руб. за пурное мѣсто. Въ случаѣ несогласія процессъ очень простъ: оцѣниваютъ домъ, пріѣзжаетъ приставъ, описываютъ все и предлагаютъ убраться. При упорномъ несогласіи является полиція, домъ ломаютъ—и дѣло сдѣлано. Встревоженные рабочіе начали подавать просьбы городу, чтобы самъ городъ отдавалъ земли въ аренду. Городъ ужаснулся отсутствію законности у рабочихъ: какъ можно просить отнять у владѣльцевъ землю, заарендованную ими на 99 лѣтъ (разъ платятъ арендныя деньги). Обратились съ прошеніемъ на высочайшее имя. Увы! высочайшее имя не отозвалось (хорошо еще, не выдрало нагайками!). А время шло и никому не хотѣлось уходить съ насиженныхъ мѣстъ. Въ маѣ 1902 г. пріѣхалъ къ крестьянину Карлину судебный приставъ съ приказомъ выселиться съ земли, арендуемой г. Гакеномъ (членъ управы). Крестьянинъ, поддерживаемый сосѣдями, не уѣзжалъ. 4-го іюня явился приставъ Цитовичъ, I московскаго участка, 6 околоточныхъ надзирателей, 40 пѣшихъ и 10 конныхъ городовыхъ.. Собрались и сосѣди, человѣкъ 15; кромѣ того, собралась большая толпа народа—зрителей, явно сочувствующихъ выселяемому. На сопротивленіе полицейскіе отвѣтили силой, били нагайками, кого попало. Приставъ Цитовичъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ боя и вѣроятно, этой его заслуги не забудутъ рижскіе рабочіе.

13-го іюня предполагалось выселять крестьянина Зиверта съ земли того же владѣльца. Отличившійся приставъ естественно былъ во главѣ команды, усилившейся уже до 8 околоточныхъ, 60 пѣшихъ и 10 конныхъ городовыхъ. Явились въ 11 часовъ утра, истоптали всѣ овощи въ огородѣ, вынесли изъ дому мебель и начали ломать строеніе. Хозяина не было дома. Бревна и доски вывозили слуги Гакена въ его усадьбу. Между полиціей, насильничавшей надъ зрителями и слугами Гакена, съ одной стороны, и сосѣдями выселяемаго и публикой съ другой, поднялась драка. Былъ страшно избитъ крестьянинъ Янсонъ, ударившій вилой слугу Гакена. По приказу пьянаго уже пристава избитаго крестьянина снова приволокли, снова били и безчувственнаго отправили въ участокъ. Въ домѣ, куда спрятался этотъ крестьянинъ, былъ страшно избитъ какой-то старикъ. Побѣда въ 6 час. вечера снова за Цитовичемъ. Наступаетъ очередь конца аренды другимъ. Урокъ, данный полиціей, надѣемся, не пропадетъ даромъ. Вѣроятно, арендаторы теперь будутъ знать, что можно ждать отъ высочайшаго имени.

Отъ редакціи. Обращаемъ вниманіе читателей на то, что факты, здѣсь описанные, не представляютъ чего-либо, знакомаго

---

4) Дѣятельность совмѣстно съ другими оппозиціонными группами; формы отношеній.

5) Отношеніе къ соціалистическимъ группамъ другихъ національностей.

6) Вопросъ о террорѣ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ группа предполагаетъ представить рядъ соображеній.“

* * *

Поскольку товарищи, принявшіе эту резолюцію, несогласны съ нашимъ проэктомъ программы, ихъ несогласіе сводится къ двумъ пунктамъ:

1) Неправильная формулировка ближайшихъ политическихъ задачъ соціальдемократіи.

2) Непригодность §§ III и IV нашей аграрной программы.

Соображенія группы о формулировкѣ политической задачи русской рабочей партіи,—какъ задачи „осуществленія правового государства“ безъ дальнѣйшихъ опредѣленій (какъ данное нами: „республика на основѣ демократической конституціи“),—представляются намъ ошибочными.

Мы думаемъ, что въ интересахъ того „отграниченія“ отъ другихъ борющихся съ царизмомъ партій, о которомъ упоминаетъ южная группа, мы должны формулировать свою ближайшую политическую задачу достаточно опредѣленнымъ образомъ. Мы должны дать рабочимъ точный отвѣтъ на вопросъ: какой политической формой должна быть замѣнена современная государственная форма, противъ которой мы боремся? Формула: „правовое государство“ даетъ слишкомъ общій отвѣтъ и политическая агитація, которая ограничивалась бы такой формулой, не дала бы руководимымъ нами народнымъ массамъ отчетливаго представленія о тѣхъ политическихъ гарантіяхъ, которыя имъ необходимо отвоевать для свободной борьбы за свои классовые интересы. Точное опредѣленіе требуемой нами конституціи тѣмъ болѣе необходимо для соціальдемократіи, что другія политическія партіи, съ своей стороны, не ограничиваются простымъ требованіемъ устраненія самодержавія, а опредѣляютъ основныя черты желательнаго имъ „правового порядка“, при томъ съ той именно стороны, съ какой этотъ порядокъ не удовлетворяетъ законныхъ требованій пролетаріата. Такъ, „конституціоналисты“ въ газетѣ г. Струве настаиваютъ на томъ, что дѣло установленія конституціи должно быть поручено непремѣнно выборнымъ отъ земскихъ,—т. е. избранныхъ на основѣ сословнаго и имущественнаго ценза,—собраній. И они совершенно основательно указываютъ, что характеръ того правового порядка, который будетъ установленъ такимъ учредительнымъ собраніемъ, будетъ обусловленъ его составомъ, т. е., что степень демократизма конституціи, которая можетъ выйти изъ такого собранія, ограничена его классовымъ характеромъ.

Въ виду свойственной всякимъ буржуазно-либеральнымъ партіямъ склонности „смягчать“ переходъ отъ самодержавія къ правовому порядку и въ силу этого соглашаться украсить послѣдній всякого рода „ограниченіями“ и изъятіями, ведущими къ сохраненію въ новомъ режимѣ многихъ учрежденій и пережитковъ стараго; въ виду склонности мелкобуржуазныхъ демократовъ пасовать передъ подобными стремленіями либеральныхъ буржуа, по соображеніямъ „практическаго“ оппортюнизма („не разъединять оппозицію изъ-за второстепенныхъ вопросовъ“ или, какъ это дѣлаетъ „Рев. Рос.“ въ № 9, говоря объ органѣ г. Струве: „надо брать либераловъ такими, какими они есть“), — въ виду всего этого партія пролетаріата должна пропагандировать замѣну нынѣшняго порядка послѣдовательной демократіей. Только такой пропагандой она будетъ практически бороться противъ столь милаго всякимъ буржуазнымъ политиканамъ затушевыванія непримиримыхъ противорѣчій между интересами народныхъ массъ и нынѣшними политическими учрежденіями; только выставляя требованіе послѣдовательной и всесторонней демократизаціи, она оградитъ народныя массы отъ вліянія лицемѣрныхъ друзей свободы, которые подъ видомъ „правового порядка“ будутъ рекомендовать народу позолоченный и подновленный абсолютизмъ (вродѣ лорисъ-меликовской конституціи“).

Пропагандируя республиканскую политическую программу (самодержавіе народа, всеобщее и равное избирательное право), мы тѣмъ самымъ боремся за возможность проведенія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыхъ осуществленіе необходимо для прочнаго успѣха политическаго переворота, долженствующаго возродить нашу родину. Чѣмъ полнѣе и рѣшительнѣе будутъ проведены эти реформы, тѣмъ менѣе возможна станетъ „контръ-революція“. А полное и рѣшительное проведеніе этихъ реформъ требуетъ не просто „правового порядка“, а именно демократически-республиканскихъ учрежденій. Поэтому, крайній радикализмъ въ формулировкѣ нашихъ ближайшихъ политическихъ задачъ оправдывается и практическими соображеніями объ успѣхѣ „общенаціональной“ борьбы за свободу.

Съ другой стороны, наши соціальныя требованія, предъявляемыя нами къ современному строю, должны быть формулированы такъ, чтобы требовать для своего осуществленія, какъ неизбѣжнаго условія, рѣшительнаго разрыва съ нынѣшнимъ политическимъ режимомъ. Въ противномъ случаѣ, мы всегда рисковали бы тѣмъ, что недостаточно радикальныя соціальныя реформы, пропагандируемыя нами, послужатъ въ рукахъ реакціонеровъ средствомъ отвлеченія извѣстнаго слоя народныхъ массъ отъ дѣла революціи, орудіемъ примиренія народной массы съ господствующимъ режимомъ. Руководясь основнымъ принципомъ содѣйствія развитію классовой борьбы и кореннаго устраненія всѣхъ пережитковъ крѣпостныхъ отношеній—и дѣлая изъ этого принципа всѣ выводы, мы и строимъ свою соціальную программу ближайшихъ задачъ такъ, чтобы сдѣлать ее непріемлемой ни для какого реакціонера или якобы либерала. Соціальный радикализмъ нашей программы минимумъ, такимъ образомъ, является также одной изъ гарантій успѣха борьбы за свободу.

Съ этой точки зрѣнія мы должны—совершенно безотносительно къ тому пункту нашей программы, который предполагается отмѣнить—отрицательно отнестись къ §3 въ проэктѣ аграрныхъ требованій, предлагаемомъ южными товарищами. Отдача государственныхъ земель въ долгосрочную аренду крестьянамъ и покупка государствомъ въ этихъ видахъ частныхъ имѣній,—это такія мѣры, которыя, безъ сомнѣнія, напишутъ на своемъ знамени консервативные и либеральные соціаль-реформаторы, и которыя не помогутъ ни устраненію пережитковъ крѣпостного права, ни развитію классовой борьбы въ деревнѣ.

Разбирать возраженія южныхъ товарищей на нашу аграрную программу мы здѣсь не станемъ. Защита этой послѣдней дана нами въ № 4 „Зари“, котораго товарищи не могли видѣть въ моментъ составленія своей резолюціи. Въ „Зарѣ“ мы разобрали главныя возраженія, предъявляемыя къ пункту о возвращеніи крестьянамъ „отрѣзковъ“ и, въ значительной степени, совпадающія съ возраженіями южныхъ товарищей. Замѣтимъ только, что невѣрно предположеніе, будто авторы проэкта программы въ основу ея аграрной части ставили „принципъ исправленія исторической несправедливости“ (см. „Заря“ № 4 III стр. 174). Съ другой стороны, невѣрно, будто осуществленіе требованія возвращенія отрѣзковъ и выкупныхъ платежей означаетъ „укрѣпленіе частной собственности (и при томъ ея наихудшаго вида—мелкой собственности)“, невѣрно, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ такое укрѣпленіе признается соц.-демократами реакціоннымъ стремленіемъ. „Укрѣплять“ мелкую собственность противъ развивающагося капитализма соц.-дем. не должны; освобождая эту мелкую собственность отъ тяготѣющихъ надъ ней пережитковъ крѣпостныхъ отношеній, соц.-дем., напротивъ, способствуютъ ускоренію процесса общественнаго развитія и обостренію классовыхъ противорѣчій.

Что касается желанія товарищей видѣть въ проэктѣ программы формулировку основныхъ началъ тактики партіи, то намъ кажется, что эти основныя начала даются тѣми положеніями программы, которыя говорятъ о характерѣ конечной цѣли мірового движенія пролетаріата (интернаціонализмъ его; непримиримая противоположность интересовъ пролетаріата интересамъ другихъ классовъ; необходимость соціальной революціи), о революціонныхъ методахъ достиженія этой цѣли (развитіе классового самосознанія пролетаріата—организація его въ самостоятельную политическую партію—диктатура пролетаріата) и о національной задачѣ русскаго пролетаріата (завоеваніе политической свободы, устраненіе всѣхъ пережитковъ крѣпостныхъ отношеній, поддержка всѣхъ дѣйствительно освободительныхъ движеній). Конкретныя же формы, въ которыхъ должны выразиться на практикѣ эти основныя начала, умѣстнѣе формулировать особыми резолюціями, которыхъ проэкты будутъ, безъ сомнѣнія, представлены будущему съѣзду партіи.

одной только Ригѣ. Въ массѣ русскихъ городовъ происходитъ такая же, или подобная, беззастѣнчивая спекуляція общественными землями со стороны капиталистовъ, въ руки которыхъ самодержавіе отдало завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Всюду можно отыскать глухое недовольство бѣднѣйшихъ жителей города той эксплуатаціей, которая выростаетъ на этой почвѣ. Соц-дем. организаціямъ слѣдуетъ пользоваться всѣми этими поводами недовольства и развить планомѣрный протестъ безправнаго городского населенія противъ современныхъ „отцовъ города“ и противъ политической системы, на которую они опираются.

Поучительныя пренія. Въ засѣданіи Нижегородскаго Уѣзднаго Комитета о нуждахъ сельской промышленности зашла рѣчь объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей—этой дани, которую уже 42 годъ уплачиваютъ русскіе крестьяне за полученную ими часть ихъ собственной земли. Предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ было принято, однако, не безъ противодѣйствія со стороны ревнителей помѣщичьихъ интересовъ. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Н. Н. Каргеръ заявилъ, что „отмѣна выкупныхъ платежей несправедлива по принципу“, а другой г. Н. П. Щегловъ „указалъ, что часть крестьянъ въ настоящее время уже выкупила свои надѣлы, и если остальнымъ крестьянамъ простить (курсивъ нашъ) выкупные платежи, то этимъ выкупившимся крестьянамъ внесенные ими платежи надо по справедливости возвратить“.

Цѣнныя указанія для революціонеровъ заключаются въ этихъ помѣщичьихъ заявленіяхъ. Да, это вѣрно, что отмѣна выкупныхъ платежей „несправедлива“ съ точки зрѣнія „принципа“,... принципа крѣпостного строя, того принципа, который положенъ былъ въ основу препрославленной „крестьянской реформы“ 1861 г. Этотъ крѣпостническій принципъ требовалъ, чтобы сословіе душевладѣльцевъ было вознаграждено за потерю „законнаго“ права на львиную долю труда крестьянъ. Проведенный въ положеніи 19-го февраля, этотъ крѣпостническій принципъ наложилъ свою печать на все дальнѣйшее развитіе русской жизни и выкупные платежи до сихъ поръ служатъ какъ бы выраженіемъ этого крѣпостническаго „принципа“, принципа гражданскаго безправія стомилліонной крестьянской массы, обложенной особыми платежами, судящейся особымъ (волостнымъ) судомъ, подчиненной особымъ (земскимъ) начальникамъ, ведущей свои хозяйственныя дѣла на основаніи особыхъ законовъ. Черезъ 40 слишкомъ лѣтъ послѣ „освобожденія“ крестьянъ, послѣдніе являются въ Россіи не полноправными гражданами, а бывшими рабами и выкупные платежи являются одной изъ печатей этого вчерашняго рабства.

Но то, что представляется „несправедливостью“ съ точки зрѣнія крѣпостническаго „принципа“, то является требованіемъ справедливости съ точки зрѣнія принципа демократическаго, принципа гражданскаго равенства, принципа личной свбоды. И первымъ дѣломъ освобожденной Россіи должно быть уравненіе крестьянъ въ правахъ съ остальными сословіями (слѣдовательно, уничтоженіе сословій) и окончательное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая продолжаетъ сказываться, между прочимъ, и въ выкупныхъ платежахъ

Когда г-нъ Щегловъ говоритъ, что несправедливо „прощать“ крестьянамъ не выплаченную ими цѣну ихъ освобожденія отъ помѣщиковъ, онъ проговаривается очень удачнымъ словечкомъ. Да! для помѣщиковъ и помѣщичьяго правительства крестьяне все еще „виноваты“ тѣмъ, что экономическая необходимость вынудила 40 лѣтъ назадъ отказаться отъ крѣпостнаго права и, конечно, ростовщическая „справедливость“ правящихъ классовъ не допускаетъ и мысли о „прощеніи“ хотя бы гроша изъ той пени, которую они получили съ крестьянства за эту его „вину“.

Если г. Щегловъ безпокоится, что отмѣна выкупныхъ платежей будетъ несправедливымъ подаркомъ только тѣмъ крестьянамъ, которые еще не погасили ихъ, тогда какъ крестьяне, уже выплатившіе выкупъ за землю, останутся обдѣленными, то—по нашему мнѣнію—есть простое средство избѣжать этой „несправедливости“: возвратить всему сельскому населенію въ общественное пользованіе (напр., на культурныя и благотворительныя нужды деревни) всѣ суммы, собранныя государствомъ въ видѣ выкупныхъ платежей. Государство, уплатившее дворянамъ-землевладѣльцамъ въ счетъ этихъ платежей сотни милліоновъ постыднаго вознагражденія за отказъ отъ рабовладѣльческихъ правъ, съумѣетъ взыскать обратно съ этого сословія эти суммы, которыми воспользуется все нынѣшнее сельское населеніе для исцѣленія тѣхъ язвъ крайней нищеты, невѣжества и одичанія, которыя привиты ему грабительской политикой самодержавія.

Курскъ. Августъ. Въ виду ожидаемаго въ Курскѣ пріѣзда царя, принимаются экстраординарныя мѣры охраны. На главныхъ улицахъ полиція запечатываетъ подвальныя помѣщенія, (не тѣ, конечно, которыя заняты винными погребами, а гдѣ ютятся слесарныя и т. п. мастерскія). Изъ тѣхъ подваловъ, гдѣ вмѣстѣ съ мастерскими находятся и жилыя помѣщенія хозяевъ, послѣднимъ велѣно временно убраться. Запечатано, между прочимъ (если только это не шутка, пущенная въ оборотъ какимъ-нибудь юмористомъ-обывателемъ), неизвѣстно по какимъ мотивамъ и нѣсколько голубятень въ слоб. Казацкой, на территоріи которой состоится царскій смотръ войскамъ.

Жандармская коммиссія не ограничивается главными улицами, на которыхъ, кромѣ подваловъ, въ нѣкоторыхъ домахъ были осмотрѣны и квартиры верхнихъ этажей, и распространяетъ свое вниманіе и на боковыя улицы. Было произведено нѣсколько обысковъ. Между прочимъ, у административно высланной Ермоловой.

Былъ обыскъ у прислуги гостинницы Бель-Вю, одинъ изъ лакеевъ которой арестованъ по доносу.... непремѣннаго члена губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія г. Вишневскаго. Дѣло было такъ. Кто-то изъ останавливавшихся въ гостинницѣ забылъ въ номерѣ нелегальную брошюру. Брошюра попала къ лакею, была прочитана, повидимому, всей прислугой гостинницы, пока не попала, наконецъ, въ руки горничной, прислуживавшей г. Вишневскому. Горничная забыла книжку на столѣ у барина, баринъ нашелъ и по долгу присяги донесъ въ участокъ. Въ результатѣ—лакей сидитъ въ тюрьмѣ, а баринъ, надо думать, радуется, что однимъ крамольникомъ меньше стало. Стыдно, г. Вишневскій!

Во время торжественнаго слѣдованія царя по Московской улицѣ изъ оконъ домовъ разрѣшено смотрѣть на процессію только тѣмъ, кто получитъ на это спеціальные билеты за подписью губернатора. Знакомыхъ въ этотъ день приглашать къ себѣ не велѣно, въ чемъ и отобраны соотвѣтствующія подписки. Еще курьезъ (не вѣдаютъ, что творятъ!): организація добровольческой охраны высокой особы царя поручена мѣстному отдѣленію общества.... покровительства животныхъ.

20-го августа состоялось засѣданіе дворянскаго депутатскаго собранія, на обсужденіе котораго былъ поставленъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли представителямъ Курскаго дворянства, такъ или иначе, выразить свой протестъ по поводу инцидента съ Суджанскимъ предводителемъ дворянства А. В. Евреиновымъ. (Г. Евреиновъ, вызванный, какъ извѣстно, въ Департаментъ Полиціи былъ принятъ министромъ внутр. дѣлъ, отъ котораго и получилъ въ крайне грубой и рѣзкой формѣ внушеніе по поводу составленной имъ и принятой Суджанскимъ Уѣзднымъ Комитетомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности либеральной программы работъ. По представленію того же министра, за свою программу г. Евреиновъ получилъ затѣмъ и „высочайшій выговоръ“). Формой протеста депутатскому собранію было предложено избрать заявленіе всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства Курской губ. объ отказѣ отъ предсѣдательствованія въ Уѣздныхъ Комитетахъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности. Предложеніе это, однако, не прошло и представители дворянства ограничились лишь тѣмъ, что написали г. Евреинову коллективное письмо съ выраженіемъ соболѣзнованія и неудовольствія на неумѣстное и неприличное поведеніе г. фонъ-Плеве. Какъ слышно, предложеніе о выраженіи протеста, можетъ, и было бы принято, еслибы о немъ заранѣе не провѣдалъ губ. предводитель дворянства шталмейстеръ Дурново. Послѣдній нашелъ, что выражать протесты передъ пріѣздомъ государя неудобно Кромѣ того, царь, навѣрное, осчастливитъ представителей вѣрнаго Курскаго дворянства пожалованіемъ камергерскихъ ключей для ношенія на установленныхъ для того мѣстахъ и т. п. милостями. Въ случаѣ же выраженія протеста коллегамъ оскорбленнаго А. В. Евреинова отъ надежды получить эти милости придется отказаться. „Лукавый царедворецъ“ достигъ цѣли и поруганный царскимъ слугой представитель благороднаго дворянства остался неотмщеннымъ.

Крови, крови!

Англійскій „*Times*“ сообщаетъ, что между Харьковскимъ губернаторомъ кн. Оболенскимъ и мин. юстиціи Муравьевымъ произошло столкновеніе по вопросу о приговорѣ, который долженъ постичь рабочаго, стрѣлявшаго въ князя-сѣкутора. Муравьевъ-де противъ смертной казни, князь-же за нее. „Повѣсили для фонъ-Валя, повѣсьте и для меня“, проситъ добрый князь. Въ самомъ дѣлѣ: для полнаго блеска карьерѣ кн. Оболенскаго недостаетъ только висѣлицы. Пересѣчь сотни крестьянъ — это съумѣетъ сдѣлать любой полицейскій; получить по шеѣ отъ „боевой организаціи“ — это уже рѣдкая удача; но только трупъ революціонера можетъ поднять „престижъ власти“ на должную высоту.

Добрый Муравьевъ напрасно старается вырвать изъ рукъ харьковскаго сатрапа его „законную“ добычу. Невозможно не повѣсить одного человѣка за легкую контузію на губернаторской шеѣ, когда только что повѣсили троихъ за убійство „простого“ городового Лагутина. Повѣсили, несмотря на несовершеннолѣтній возрастъ обвиняемыхъ; повѣсили, несмотря на поданныя осужденными просьбы о помилованіи. Николай II отослалъ эти просьбы на усмотрѣніе донского наказного атамана, а послѣдній рѣшилъ, что повѣсить необходимо. Николай II рѣшительно входитъ во вкусъ человѣческой крови. Пять смертныхъ казней въ 4 мѣсяца — такой „урожай“ былъ рѣдкимъ и для „незабвеннаго родителя“!

Романовы въ роли пріобрѣтателей.

Крымъ. Здѣсь много говорятъ о новыхъ подвигахъ великаго князя Александра Михайловича по части „округленія“ своихъ владѣній. Этотъ царственный рыцарь первоначальнаго накопленія давно уже заглядывался на землю, смежную съ его имѣніемъ „Ай-Тодоръ“ и принадлежащую обществу Гаспринскихъ татаръ. Само собой разумѣется, что, еслибы татары были немножко болѣе „патріотами“ они догадались бы преподнести царскому зятю предметъ его вожделѣній; но татары не оказались на высотѣ положенія. Дѣлать нечего—пришлось покупать. Однако, покупать земли по ихъ настоящей цѣнѣ (отъ 3 до 7 тысячъ за десятину) великій князь все таки считалъ ниже своего достоинства.

Старики Гаспринскаго общества были подкуплены, остальное довершили угрозы, и земля была куплена по 600 руб. десятина. Но этого еще мало. Отнявъ у татаръ землю, великій князь пожелалъ избавиться и отъ самихъ татаръ, т. е., другими словами, отъ сосѣдства цѣлаго селенія Гаспры. Вѣдь „они“ невоспитаны, живутъ грязно, среди нихъ свирѣпствуютъ разнаго рода эпидеміи, а тутъ семья, дѣти, того и гляди кто-нибудь заразится. Нѣтъ, ужъ лучше подальше отъ этихъ сосѣдей. И подобно Щедринскому дикому помѣщику, Его Высочество рѣшилъ, если не совсѣмъ истребить, то, по крайней мѣрѣ изгнать „мужика“. Попытки привести это рѣшеніе въ исполненіе были уже сдѣланы. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Гаспру Таврическій Губернаторъ убѣждалъ Гаспринцевъ переселиться подальше въ горы, великодушно предлагая правительственное пособіе въ размѣрѣ... 10-15 руб. на дворъ! Само собой разумѣется, что гаспринцы не соблазнились подобными „щедрыми“ посулами и въ самомъ предложеніи помощи склонны скорѣе видѣть насмѣшку, чѣмъ искреннее желаніе помочь. Но губернаторъ угрожаетъ непокорнымъ татарамъ насильственнымъ переселеніемъ. Поживемъ—увидимъ.

Въ Москвѣ произошелъ курьезный инцидентъ, показывающій къ какимъ комичнымъ случаямъ можетъ приводить полицейскій произволъ на нашей безправной родинѣ. Въ іюлѣ на одной изъ улицъ Москвы, по приказанію оберъ-полицмейстера, былъ арестованъ... кто бы вы думали, товарищи?... Подольскій губернаторъ, камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ Эйлеръ. Дѣло было такъ. Губернаторъ съ дочерью шелъ по улицѣ. На встрѣчу ему мчался Треповъ. Желая быть по возможности менѣе обрызганнымъ грязью изъ подъ шинъ полицмейстерскаго экипажа, губернаторъ (бывшій, къ слову сказать, въ штатскомъ платьѣ) слегка ударилъ тростью пристяжную. Г. Треповъ въ этомъ дѣяніи усмотрѣлъ оскорбленіе собственнаго величества и ничто же сумняшеся кратко приказалъ постовому городовому: „взять“! Исполнительный городовой тотчасъ подскочилъ и потащилъ. Г. Эйлеру за 3 руб. удалось выкупить дочь (это еще недорого, г. Эйлеръ!) самъ же онъ вынужденъ былъ послѣдовать за городовымъ въ участокъ. Пришли. Какъ водится—протоколъ. „Ваше званіе?“ слѣдуетъ полный титулъ. Картина. Трясущейся рукой помощ. пристава звонитъ въ телефонъ.—Соедините съ оберъ-полицм.! Черезъ нѣсколько времени прилетаетъ смущенный, сконфуженный Треповъ.—Простите, Вашество! Ахъ, какое непріятное недоразумѣніе. — Не смущайтесь, генералъ, я вполнѣ понимаю ваше распоряженіе, но и вы, конечно, понимаете, что объ этомъ непріятномъ недоразумѣніи я не могу не довести до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства г. министра...

Дешево отдѣлались, Ваше Превосход.! Нашъ братъ, рабочій, такъ бы легко не отвертѣлся.

Пермь. У насъ жандармы выдумываютъ дѣло за дѣломъ... 15-го іюля въ Мотовилихинскомъ заводѣ ночью была подброшена граната управляющему сборнымъ цехомъ инженеру Назарову. Вмѣсто Назарова пострадалъ ночной сторожъ; его ранило въ шею. (Теперь въ больницѣ). Арестовали проходившихъ мимо 3-хъ рабочихъ: Постоногова, Мальцева и Дудина. Сначала арестованные сидѣли въ общей камерѣ, но послѣ допроса ихъ разсадили по одиночкамъ. Значитъ,—вздумали придать дѣлу политическій характеръ.

20-го іюля въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, въ Саранинскомъ заводѣ арестовали псаломщика Н. Г. Ряпасова и 3-хъ рабочихъ: одинъ изъ нихъ, будто бы, выдалъ Ряпасова, а двое другихъ притащили книги, данныя имъ, будто бы, Ряпасовымъ. Всѣ находятся въ Красноуфимской тюрьмѣ.

Со 2-го августа политическіе заключенные въ Пермской тюрьмѣ (изъ февр. и март. арестовъ), голодали 8 сутокъ, требуя отмѣны одиночки и совмѣстныхъ прогулокъ, т. к. слѣдствіе закончено. Общество волновалось. Обращались къ губернатору съ просьбами походатайствовать объ удовлетвореніи требованій заключенныхъ, по городу разбрасывались листки о голодовкѣ, отъ родныхъ посылались телеграммы въ Петербургъ.

Теперь голодавшіе переведены въ общую палату больницы, а на ихъ мѣсто въ одиночки посажены другіе...

10-го августа опять полетѣла жандармерія съ обысками и на этотъ разъ къ желѣзнодорожнымъ... Арестованы: Матвѣевъ, Каменевъ и Еленовъ. Причина обысковъ и арестовъ неизвѣстна. При обыскахъ ничего не нашли. Изъ сидѣвшихъ по „учительскому“ и Добрянскому дѣлу 7 выпущено въ концѣ іюля и немедленно высланы изъ Перми: Бокова, Глушковъ, Лихачевъ, Коптевскій, Мостовенко, Левинъ и Булатовъ, остальные (Рутманъ, Владимірскій, Ставровскій, Трапезниковъ и супруги Ягодниковы) сидятъ, жандармы обѣщаютъ не выпустить до приговора.

Ѳеодосія (Крымъ). 24 іюля 1902 г. въ г. Ѳеодосіи мѣстной рабочей организаціей были впервые распространены прокламаціи къ рабочимъ въ количествѣ 450 штукъ. Въ прокламаціяхъ выяснялось значеніе борьбы, въ которую вступилъ русскій рабочій съ капиталистомъ и царскимъ правительствомъ.

Прокламаціи были распространены очень удачно. По всѣмъ слободкамъ были разбросаны во дворахъ, а также расклеены на стѣнахъ многихъ зданій. На мѣстную табачную фабрику Стамболи прокламаціи были доставлены въ количествѣ 48 штукъ. Побывали также прокламаціи на механическомъ заводѣ Наделя, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на кирпичныхъ заводахъ (2) и пр.—всюду вызывая оживленный обмѣнъ мыслей.

На одномъ изъ кирпичныхъ заводовъ (Французск. Общ.) прокламаціи вызвали забастовку. Рабочіе добились небольшихъ уступокъ. Мѣстной же организаціей были распространены листки, перепечатанные съ изданія „Петербургскаго Союза Борьбы“, „О томъ, какъ берутъ съ насъ незамѣтно налоги“, въ количествѣ 150 шт. Объ этихъ листкахъ точно также говорилось очень много. По мнѣнію одного лодочника,—„быть сегодня бунту“. На вопросъ — почему? лодочникъ отвѣтилъ, что студенты будутъ требовать пониженія цѣнъ на продукты, которые у насъ стоятъ дороже, чѣмъ заграницей, а потому и не доступны для рабочихъ.

Листки и прокламаціи были также разбросаны на базарѣ, гдѣ они читались громогласно и обладающій листкомъ вступалъ въ пререканія съ полиціей, прежде чѣмъ отдавалъ листокъ городовому. Въ эту же ночь были распространены въ уѣздѣ (300 шт.) прокламацій къ крестьянству. Въ нихъ указывалось на бѣдственное положеніе крестьянъ, какъ слѣдствіе грабежа помѣщиковъ и правительства, которое, давши ничтожные надѣлы, стало выколачивать послѣдніе гроши изъ крестьянскаго кармана непомѣрными налогами и платежами.

Прокламаціи вездѣ читались съ большимъ интересомъ. Сосѣди собирались вмѣстѣ, вслухъ прочитывалась прокламація, а потомъ слышались возгласы—„вѣрно“, „такъ оно и есть“ и т. п.

Въ ту же ночь была разбросана „Солдатская памятка“ Л. Н. Толстого въ количествѣ 150 шт. на заднихъ рядахъ лагеря. Утромъ много солдатъ прочли и стали разсуждать о прочитанномъ. Только часовъ въ 10 или 11 было доложено дежурному офицеру, который распорядился отобрать книжки у солдатъ. Солдаты остались недовольны только тѣмъ, что брошюры не то писаны, не то печатаны (гектографиров.).

Мѣстныя власти всполошились. Вызванъ жандармскій генералъ изъ Симферополя и жандарм. подполковникъ изъ Керчи, которые на мѣстѣ изучаютъ „дѣло“. Былъ губернаторъ, объѣзжалъ уѣздъ и говорилъ рѣчи. Было нѣсколько обысковъ, которые ни къ чему не привели. Въ городъ присланы новые шпіоны. Кстати, можно упомянуть о шпіонской системѣ, которой держится жандармерія въ Крыму. Шпіоны долго не засиживаются въ одномъ городѣ, чтобы не обратить вниманіе мѣстныхъ жителей. Передъ 1-мъ мая было 25 обысковъ въ одну ночь. Въ обыскахъ принимали участіе приставъ и полицмейстеръ.

Въ г. Ялтѣ умеръ Г. В. Зуевъ, иниціаторъ и организаторъ мѣстнаго рабочаго движенія. Смерть его вызвала много знаковъ сочувствія, какъ въ мѣстномъ обществѣ, такъ и въ періодической печати—Спб. Вѣдом., Южн. Кур. и др. газетахъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ. Несмотря на съѣдавшую его чахотку (отъ которой онъ и умеръ), Г. В. почти до самаго конца принималъ горячее участіе въ мѣстной работѣ, служа блестящимъ примѣромъ для всѣхъ товарищей. Пусть будетъ легка ему земля!

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Путивля Курск. губ. сообщаютъ: недавно въ с. Крупецъ пріѣзжалъ Путивльскій исправникъ, который собралъ сходку и сказалъ рѣчь въ томъ духѣ, что теперь есть злые люди-студенты, которые распространяютъ „пропагонду“. „Такъ вотъ вамъ, ребята, правительство довѣрило охранять самихъ себя, и вы постойте за себя и за батюшку-царя. Вѣдь вы знаете, что мы имъ держимся и безъ него пропадемъ“. И еще говорилъ много, много въ томъ же духѣ... Однако „пропагонда“ Путивльскаго исправника достигла совершенно противоположныхъ его намѣреніямъ результатовъ. Послѣ рѣчи блюстителя порядка одинъ дѣдъ, по прозванію Корчага, такъ остервенѣлъ, что если бы самъ попъ заикнулся бы про студентовъ, то Корчага и попа бы растерзалъ.

По слухамъ изъ Полтавы, надо ожидать новыхъ крестьянскихъ волненій. Въ страдную пору, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, крестьяне поголовно отказывались отъ уборки помѣщичьяго хлѣба, не смотря на высокую плату, которая имъ предлагалась. За уборку десятины давали по 15-17 руб. „Убирайте сами, говорили крестьяне нанимателямъ. А не можете, такъ не жадничайте и сѣйте столько, сколько ваши бабы могутъ убрать“—это помѣщицы-то. Въ настоящее время полтавцы принялись, повидимому, своеобразно примѣнять свою трудовую теорію на дѣлѣ: по весьма достовѣрнымъ слухамъ крестьяне жгутъ помѣщичій хлѣбъ. Палить панскую пшеницу они обѣщали еще вскорѣ послѣ экзекуціи бывшаго губернатора Бельгарда. Теперь они сдерживаютъ свои обѣщанія.

Неспокойно и въ Суджанскомъ уѣздѣ Курск. губ. Крестьяне раздражены мѣрами, принимаемыми въ виду маневровъ. Такъ, между прочимъ, крестьянамъ велѣно довести проселочныя полевыя дороги до узаконенной ширины. Для этого пришлось скашивать еще недозрѣвшій хлѣбъ, посѣянный по краямъ дорогъ. „Ѣду я, разсказывалъ одинъ помѣщикъ, и вижу, какъ крестьяне, иные со слезами на глазахъ, косятъ зеленый хлѣбъ. — Что вы дѣлаете, спросилъ я, съ ума что ли сошли? — Что дѣлаемъ?, отвѣтилъ одинъ изъ косцовъ. А вотъ дороги прокладаемъ, по которымъ, какъ царь уѣдетъ съ маневровъ, — бунтъ пойдетъ. Дорогу, значитъ, для бунта.“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Еще стачка у бѣдаго царя. Въ Ливадіи въ срединѣ августа началась стачка рабочихъ, занятыхъ малярными работами. Требованіе—повышеніе заработной платы. Стачечники держатся стойко цѣлую недѣлю. Характерно, что забастовка въ царскомъ имѣніи происходитъ теперь, какъ разъ наканунѣ пріѣзда Николая II, когда въ имѣніи идутъ самыя спѣшныя работы.

Въ Симферополѣ—въ ночь съ 8-е на 9-е августа и днемъ 9-го—произведено 11 арестовъ и много обысковъ. Взято 3 портныхъ (изъ нихъ Мышкинъ—во второй разъ, первый въ Кіевѣ), 2 столяра, 2 сапожника, 1 модистка, 1 папиросница, 1 иконописецъ, 1 массажистка. Изъ нихъ 9 человѣкъ арестовано за городомъ. Окруженныхъ 30-40 городовыми, ихъ привели въ городъ и весь слѣдующій день водили то того, то другого въ жандарм. правленіе, въ участки, въ полицейское управленіе, на квартиры для обыска и т. п. Въ любое время дня можно было натолкнуться на такую процессію. Такимъ образомъ всполошился весь городъ и даже вышла своего рода демонстрація. Сочувствіе всеобще, даже среди самаго консервативнаго еврейскаго купечества (большая часть арестованныхъ—евреи). Много пожертвованій и добрыхъ пожеланій. Изъ арестованныхъ одного выпустили на слѣдующій день, а всѣхъ остальныхъ перевели въ губернскую тюрьму. Въ общемъ, надо признать, что жанд. генералъ Трубниковъ, руководящій военными дѣйствіями противъ соціалистовъ, на этотъ разъ потерпѣлъ неудачу: 1) онъ не разбилъ и даже не нанесъ значительнаго вреда организаціи, 2) онъ упустилъ одного намѣченнаго имъ субъекта, какъ ни старался словить его: сдѣлалъ обыски въ нѣсколькихъ домахъ, между прочимъ, въ городской еврейской больницѣ, требуя выдачи ему „важнаго преступника“, поставилъ специальныхъ шпіоновъ на всѣхъ выѣздахъ изъ Симферополя и все таки.... не словилъ его. Уже второй разъ въ этомъ году (въ маѣ и августѣ) дѣлаетъ Трубниковъ набѣги на организацію, но каждый разъ его неудачи только усиливаютъ ее нравственно и увеличиваютъ ея вліяніе.

Симф. С.-Д. Раб. Союзъ.

Одесса. Къ намъ пріѣхали члены Еврейской Независимой Раб. Партіи. Встрѣтили ихъ не очень-то дружелюбно, на другой же день по пріѣздѣ одного изъ „независимыхъ“ жестоко избили. На устраиваемыя ими собранія рабочіе не идутъ, т. к., говорятъ они, съ шпіонами жандармскаго управленія и Зубатова не желаемъ имѣть сношеній. На дняхъ, „Южная Революціонная Группа Соціальдемократовъ“ выпустила, по поводу пріѣзда „независимыхъ“, прокламацію подъ названіемъ „Новые союзники самодержавія“, которую въ громадномъ количествѣ распространила среди рабочихъ...

Въ чайной развѣсной Высоцкаго продолжаютъ разсчитывать рабочихъ мущинъ и взамѣнъ ихъ нанимаются дѣвочки-подростки съ платой 5-7 р. въ мѣсяцъ. Каждому рабочему при разсчетѣ выдается трехмѣсячное жалованье и этимъ дирекція обезопасила себя отъ стачки, т. к. оставшіеся рабочіе, изъ боязни лишиться наградныхъ денегъ при разсчетѣ, не желаютъ бастовать. Мнѣ рабочіе говорили, что посредствомъ замѣны мущинъ дѣвушками дирекція получитъ ежегодный доходъ въ 25-30000 руб. Хитроумная дирекція, разсчитавъ рабочихъ, обрекаетъ ихъ этимъ чуть ли не на голодную смерть...

Обыски и аресты продолжаются. На прошлой недѣлѣ арестовано 4 дѣвицъ и 3 мущинъ. Большинство арестованныхъ рабочіе.

Другой корреспондентъ сообщаетъ: предсѣдателемъ въ кружкѣ „зубатовцевъ“ состоитъ Елизаветградскій жандарм. полковникъ. —Въ концѣ іюля бастовала табачная фабрика Бабадыглы (160 ч.): стачечники требуютъ уменьшенія рабочаго дня, повышенія заработной платы и лучшаго обращенія. — Возмутительныя условія царятъ на фабрикѣ Вальтуха (500 рабочихъ): обращеніе звѣрское; особенно отличается завѣдующій фабрикой Атливаникъ (одинъ изъ столповъ мѣстныхъ сіонистовъ) и мастера—Ройтманъ и Табачниковъ (бывшій полицейскій надзиратель).

Тифлисъ. Послѣ маевки 1901 года, когда рабочіе прошли чрезъ весь почти городъ съ развѣвающимися знаменами, революціонное настроеніе у насъ все повышается. Увѣренный въ наличности благопріятной среды, мѣстный Комитетъ Партіи развилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ громадную организаторскую и пропагандистскую работу. Появилась — на грузинскомъ языкѣ—газета („Борьба“) и нѣсколько переводныхъ брошюръ. Прекрасно написанныя прокламаціи выходили на русскомъ, грузинскомъ и армянскомъ языкахъ и заполняли всѣ кварталы Тифлиса. Ежемѣсячно выходили отчеты рабочей кассы. Вліяніе пропаганды Комитета отразилось и на другихъ общественныхъ элементахъ. Учащаяся молодежь сдѣлала попытку создать организацію, обнимавшую все, довольно большое, число Тифлисскихъ среднеучебныхъ заведеній. Въ издававшемся ею бюллетенѣ общество освѣдомлялось о ходѣ студенческихъ волненій. За подписью „Комитета Тифлисской учащейся молодежи“ было выпущено нѣсколько уже отпечатанныхъ бюллетеней, касавшихся той системы забиванія личности учащагося, которою правительство думаетъ создавать себѣ рабовъ.

Жандармерія, успокоившаяся, казалось, на той добычѣ, которую она захватила весною 1901 года и которую терзаетъ до сихъ поръ (Франческо, Курнатовскій и др. сидятъ уже больше года безъ приговора), увидала, что срѣзать колосья не значитъ сдѣлать безплодной почву, на которой они выросли. Рѣшено было перемѣнить тактику. „Мы—друзья ваши: обращайтесь къ намъ,“ сказалъ рабочимъ-стачечникамъ одинъ изъ жандармскихъ дѣятелей. Но надо было видѣть то смущеніе и растерянность, которые охватили жандармское правленіе при видѣ сотни рабочихъ одной табачной фабрики, явившихся просить у начальства поддержки ихъ борьбы противъ эксплуатаціи... Послѣ недолгихъ переговоровъ рабочіе ушли, вѣроятно, сильно разочаровавшись въ силѣ жандармовъ.

Пользуясь смѣшаннымъ составомъ рабочихъ, особенно въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ много пришлыхъ русскихъ, жандармы вздумали поиграть на струнѣ „національизма“, но и это имъ плохо удалось. Толки о „грузинскомъ царствѣ“, за которое будто бы борются грузинскіе рабочіе, не могли поддѣть никого, кромѣ маленькой кучки пришлыхъ русскихъ, предводимыхъ намѣнникомъ С.

Весною, передъ 1-мъ мая, были произведены аресты. Въ тюрьмѣ сидѣло до 80 человѣкъ—рабочихъ и интеллигентовъ, въ томъ числѣ 2 гимназиста Спустя мѣсяцъ многихъ стали выпускать, но въ городѣ никого не оставили.

Потерявъ многихъ дѣятельныхъ работниковъ, организація осталась въ довольно тяжеломъ положеніи. Разросшееся въ ширь движеніе требуетъ много интеллигентныхъ силъ. Но Тифлисская организація оправилась отъ этого удара. Съ іюня Комитетъ опять началъ выпускъ бюллетеней. А жандармская тактика и аресты озлобили рабочихъ и оставили слѣдъ въ томъ смыслѣ, что съ этого времени начинается хроническое избіеніе шпіоновъ. Не проходитъ нѣсколькихъ дней, чтобы не былъ избитъ провокаторъ... Это закончилось убійствомъ въ началѣ августа мастера Платто. Ни одинъ изъ участниковъ, ни избіеній, ни убійства не найденъ. Въ озлобленіи рабочихъ виновата жандармерія, которая не довольствуясь тѣмъ, что продѣлываетъ на „волѣ“, задумала мстить заключеннымъ. Она рѣшила, что слишкомъ много свѣта и воздуха льется въ камеры заключенныхъ и потому полковникъ Девилль отдалъ приказъ закрыть окна колпаками. Товарищи, изъ которыхъ нѣкоторые томятся годъ въ ожиданіи приговора, рѣшили протестовать и сбили всѣ колпаки сразу.— Тюрьма была объявлена на военномъ положеніи. Колпаки возстановлены. Заключенные, которые за недостаткомъ мѣста, сидѣли вмѣстѣ, разсажены въ одиночки, лишены выписки припасовъ, свиданія, переписки, прогулки. Изъ камеръ все вынесено, кромѣ привинченной постели.

Хлудовская мануфактура (Смоленск. губ.). Общество для борьбы съ крамолой.

Въ концѣ Великаго поста на фабрику явилось человѣкъ 20 жандармовъ и произвели обыскъ у многихъ рабочихъ. На мосту, среди бѣла дня, они арестовали бывшаго студента и жителя фабрики. Арестованный выбросилъ изъ бокового кармана пальто пачку бумаги въ рѣку. Пачка эта моментально была поймана, спустившимся туда на лодкѣ жандармомъ. Арестованный студентъ служилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ на фабрикѣ рабочимъ и передъ арестомъ только что пріѣхалъ изъ города и передалъ фельдшерицѣ письмо ея подруги. Вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ фельдшерицы, которая, увидавъ жандармовъ, испугалась, растерялась и стала звать на помощь. На ея крики прибѣжалъ коллега-фельдшеръ и сталъ кричать на жандармовъ, тѣ напомнили ему, что онъ, по закону, долженъ остаться до конца обыска. Фельдшеръ не хотѣлъ и вырвался, ударивъ одного изъ жандармовъ. Немедленно по телефону было предложено уволить фельдшера и въ 24 часа выселить съ фабрики. И только послѣ выясненія полной невинности фельдшера, администрація больницы еле упросила простить фельдшера, который все таки долженъ былъ извиниться передъ жандармомъ.

Послѣ обыска фельдшерицѣ, у которой ничего не было найдено, предложено было фабрикой немедленно удалиться, за то, что она вышла совершенно правой изъ этой исторіи. Былъ арестованъ также и одинъ прядильщикъ, который впрочемъ скоро былъ отпущенъ.

Во вторникъ на страстной недѣлѣ съ колокольнымъ звономъ изъ церкви были вынесены иконы и хоругви и передъ ними совершенъ былъ молебенъ объ избавленіи фабрики отъ грозившей напасти. При этомъ директоръ фабрики старался выяснить значеніе надвигавшейся грозы и предложилъ основать на фабрикѣ общество охраны. Попъ со слезами въ голосѣ говорилъ о святости задачъ общества. Хозяинъ фабрики со своей стороны жертвовалъ выигрышный билетъ въ пользу общества. Рабочіе громко и дружно благодарили хозяина и около 300 человѣкъ записались членами общества. Съ тѣхъ поръ на фабрикѣ усиленный надзоръ: усиленная стража при входахъ и выходахъ, ночные обходы казармъ членами общества охраны и т. д.

Херсонъ.

У насъ есть фабрика Лермана, существующая лѣтъ 35. До 97 года условія работы тамъ были прямо ужасныя: работали 14-15 часовъ въ сутки за ничтожную плату при весьма плохой гигіенической обстановкѣ. Съ 97 года введенъ 11 часовой рабочій день и, по жалобѣ рабочихъ, постепенно улучшаются гигіеническія условія. Въ 1901 году введенъ даже 10 часовой рабочій день. Зато приблизительно съ этого времени управляющимъ фабрики дѣлается 19-и лѣтній сынишка г-на Лермана, тиранъ (рабочіе такъ и зовутъ его) въ полномъ смыслѣ слова, который на каждомъ шагу оскорбляетъ и ругаетъ работниковъ, а особенно работницъ. Съ 1901 года ко всему этому прибавляется еще постепенное пониженіе разцѣнковъ многимъ рабочимъ.

Рабочіе, между тѣмъ, становились все сознательнѣе и стали все болѣе возмущаться выходками Лермана-сына. Серьезныя стычки между г-мъ управляющимъ и рабочими все учащались. Особенно много стычекъ за послѣднее время происходило по слѣдующему поводу: жара стояла тутъ невыносимая, рабочіе открывали окна, но такъ какъ отъ этого сохъ табакъ, то г. управляющій запретилъ открывать окна. Рабочіе же не слушались его и все таки открывали. Происходили также стычки изъ-за выдаваемыхъ къ работѣ мелкаго табаку и плохихъ гильзъ, которыя очень легко рвались, такъ что рабочіе должны были тратить напрасно много времени. Нужно замѣтить вообще, что больше всего стычекъ выпало на долю папироснаго отдѣленія. Болѣе крупное столкновеніе произошло недавно изъ-за попытки Лермана снова ввести 11½ часовой рабочій день.

Рабочіе не хотѣли работать 11½ часовъ и послали за инспекторомъ. Вмѣсто послѣдняго явился какой-то помощникъ, который сталъ убѣждать рабочихъ работать 11½ ч. они де ничего отъ этого не потеряютъ, а если они посмѣютъ устроить забастовку (рабочіе писали инспектору, что если онъ не пріѣдетъ, то они забастуютъ), ихъ заберутъ въ острогъ. Рабочіе были возмущены инспекторомъ и стали серьезно толковать о стачкѣ.

На другой же день одинъ папиросникъ открылъ окно. Управляющій „приказалъ“ закрыть, тотъ не послушался — и ему объявили разсчетъ черезъ двѣ недѣли. Тогда всѣ рабочіе стали отдавать свои книжки, чтобы и ихъ уволили въ этотъ срокъ. Въ пятницу вечеромъ было отдано болѣе 150 книжекъ (вся фабрика за исключеніемъ 4 старшихъ мастеровъ и еще двухъ рабочихъ) съ требованіемъ разсчета.

Рабочіе выработали слѣдующая 6 требованій: 1) 10 часовой раб. день: 2) надбавка: поштучнымъ по 5 к. на тысячу, а помѣсячнымъ по 2 рубля; 3) обезпеченіе работы на годъ; 4) удаленіе управляющаго, сына-Лермана; 5) выдача мужчинамъ порцій по фунта табаку въ недѣлю и 6) гарантію на зиму опредѣленнаго минимума заработной платы. Требованія были отправлены инспектору и хозяину, но первый не явился. Надо сказать, что рабочіе рѣшили приготовлять во время 2-хъ недѣль по 5-8 сотенъ (вмѣсто 5-6 тысячъ) въ день, для того, чтобы къ началу стачки истощился у г-на Лермана весь его запасъ, который и безъ того былъ ничтоженъ.

По окончаніи 2-хъ недѣльнаго срока, началась стачка. Въ первый день никто не явился на работу. На другой день пріѣхало двое рабочихъ изъ Бессарабіи и эти вмѣстѣ со старшими мастерами пошли на работу и приготовили 5 пудовъ табаку. На 3-ій день пріѣхало еще двое рабочихъ, достали тутъ же на мѣстѣ какихъ-то работниковъ и общими силами (работали самъ хозяинъ и сынъ-управляющій) было приготовлено 15 пудовъ. Но несмотря на это, г. Л. чувствовалъ себя очень плохо: со всѣхъ сторонъ требовали табаку, за 10 папиросъ 3-го сорта брали уже 4 коп. вмѣсто трехъ, и онъ былъ принужденъ начать переговоры съ рабочими. Онъ заявилъ, что удовлетворяетъ всѣ требованія, только исключаетъ 22-хъ рабочихъ — „бунтовщиковъ“. Рабочіе и слушать не хотѣли объ этомъ. На другой день онъ сдался. Всѣ требованія были удовлетворены, управляющій же остался, только обѣщано съ его стороны вѣжливое человѣческое обращеніе. Весь городъ толкуетъ о стачкѣ и выражаетъ свои симпатіи рабочимъ.

Полиція и жандармерія, вслѣдствіе того, что стачка была устроена на „законной“ почвѣ, ничего не могли сдѣлать. Г. Лерманъ правда очень ужъ умолялъ жанд. полк. арестовать кого-нибо, да и охота помочь ему была у жандармовъ, но ничего нельзя было сдѣлать. Позвали даже двухъ трехъ рабочихъ — „сицилистовъ“ въ полицію, но ничего не получилось.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Бѣжали: изъ Верхоленска, Иркутск. губ. Горвицъ (по польскому дѣлу) и Ципкины (изъ Вильны): изъ Котельнича, Вятск. губ. — Горбачевъ (по дѣлу Пет. Союза борьбы 1899г.); изъ Вологод. губ. Левъ Гавриловичъ Волковъ, рабочій, привлекавшійся впервые въ С.П.Б. въ 1897г., а второй разъ — въ Тифлисѣ (въ тюрьмѣ сидѣлъ 19 мѣс.); изъ Вологды Станис. Густ. Петрашкевичъ, бывш. студентъ, привлекался по дѣлу Союза борьбы въ С.П.Б. (1901г.); изъ подъ надзора въ Кишиневѣ — Полина Горленъ (недавно привлекалась въ 3-й разъ по дѣлу „Искры“) и изъ Рязани бывш. студ. Евг. Тарасовъ (по дѣлу С.П.Б. Союза борьбы). Изъ тюрьмы въ Александровкѣ, Екатер. губ. бѣжалъ Наумъ Голубъ (рабочій).

Въ Полтавѣ арестованъ загран. студ. Сандомирскій — отвезенъ въ С.П.Б.

Сосланъ въ Вост. Сиб. по дѣлу типогр. „Южный Раб.“ Илья Виленскій (просидѣлъ 25 мѣс. въ одиночкѣ). Туда же ссылаются екатеринославскіе рабочіе Томигасъ, Кирилловъ и Лавриновичъ (всѣ сидѣли по два года) и бывш. студ. Сергѣй Харченко (просидѣлъ въ Харьковѣ 16мѣс.).

ИЗЪ ПАРТІИ.

Намъ пишутъ изъ Петербурга.

Среди наступившаго послѣ весеннихъ событій затишья вѣсть о сближеніи „Искры“ съ „Союзомъ Борьбы“ вызвала радостное и бодрое настроеніе среди петерб. рабочихъ. За послѣднее время „Искра“ пріобрѣла среди передовыхъ рабочихъ очень много приверженцевъ — ненавистниковъ „экономизма“ — и завоевала всеобщее сочувствіе рабочей массы... Еще до того момента, когда стало окончательно извѣстно, что сближеніе между „Искрой“ и „Союзомъ“ состоялось, рабочіе открыто заявляли, что „если нашъ комитетъ не объединится съ „Искрой“, мы сами объединимся“. Эти слова ясно показываютъ, по какому руслу течетъ мысль передовыхъ рабочихъ: революціонное настроеніе захватываетъ всѣ силы рабочаго люда, рабочіе рвутся на борьбу съ самодержавіемъ... Нерѣдко раздаются голоса рабочихъ на собраніяхъ, что экономическая борьба намъ ничего не дала... „Только тогда мы легче вздохнемъ, какъ свергнемъ самодержавнаго тирана...“ Въ рабочихъ кружкахъ рѣдко слышны разговоры о „заработной платѣ“ или о „прибавочной стоимости“ — врагъ русскаго народа приковалъ все вниманіе пролетарія... Передъ первымъ мая настроеніе рабочихъ было рѣзко-революціонное: всѣ рвались на Невскій, но... полнѣйшая дезорганизація и отсутствіе прокламацій не дали возможности вылиться накипѣвшему протесту.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что „Раб. Мысль“ не отвѣчала даже скромнымъ запросамъ массовыхъ рабочихъ, искавшихъ отвѣта на волновавшія всѣхъ событія. А само „направленіе“ „Раб. Мысли“ дало основаніе рабочимъ высказывать подозрѣніе, что „Раб. М.“ играетъ въ руку либераламъ“... Отсутствіе хорошей агитаціонной литературы, посвященной вопросамъ дня и освѣщавшей всѣ стороны русской жизни, еще болѣе усиливало этотъ крупный пробѣлъ. „Искра“ безусловно могла бы уничтожить этотъ пробѣлъ, но расходясь въ очень незначительномъ количествѣ, „Искра“ не могла удовлетворить назрѣвшую потребность. Но несмотря на это неблагопріятное условіе, „Искра“ оказала крупное вліяніе на петербургскихъ рабочихъ.

Мнѣ хотѣлось еще указать на тѣ нападки, которыя раздавались со стороны экономистовъ, на недоступность „Искры“ для рабочей массы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что совершенно темный рабочій, никогда ничего не читавшій, не разберется въ „Искрѣ“... Но „Искра“ врядъ ли можетъ быть предназначена для такихъ рабочихъ; для этой цѣли существуетъ агитаціонная литература въ видѣ листковъ, брошюръ и т. п. Являясь руководящимъ органомъ рабочей партіи, „Искра“ не можетъ и не должна „поддѣлываться“ подъ пониманіе даже самыхъ темныхъ слоевъ рабочей массы, потому что для ея сознательной части „Искра“ вполнѣ доступна. Наоборотъ, приходится слышать жалобы, что въ „Искрѣ“ нѣтъ напр. научнаго отдѣла (конечно, по вопросамъ научнаго соціализма и т. д.). Кстати, мнѣ приходилось указывать, что этотъ недостатокъ въ избыткѣ удовлетворяется „Зарей“, но... у насъ имѣются лишь единичные экземпляры. Журналъ же подобный „Зарѣ“ въ настоящее время является насущной потребностью. Передовая часть рабочихъ не можетъ удовлетвориться одной лишь „Искрой“ и поэтому сплошь да рядомъ прибѣгаютъ къ легальной литературѣ, въ которой безусловно царитъ буржуазное направленіе. „Заря“ должна энергично противодѣйствовать вліянію этого направленія на рабочихъ. Такимъ образомъ — резюмируя все вышесказанное — мы придемъ къ тому заключенію, что въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ насущной задачей является — регулярное распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ), какъ газеты „Искры“, такъ и журнала „Зари“. Только при этомъ условіи мы можемъ разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы.

Кіевскимъ Комитетомъ за періодъ съ 1-го марта по 25-е іюня издано 12 печатныхъ прокламацій: 1) о демонстраціи 2-го февраля (въ двухъ съ половиной тысячахъ экземпляровъ); 2) О значеніи демонстрацій (въ двухъ съ пол. тыс.); 3) къ слесарямъ; 4) къ столярамъ; 5) Къ рабочимъ стеклянныхъ заводовъ; о 1-омъ мая (въ двухъ съ пол. тыс.), призывавшая къ забастовкѣ; 7) о томъ же, призывавшая къ демонстраціи (въ 3-хъ тыс.); 8) къ парикмахерамъ; 9) о крестьянскихъ волненіяхъ (въ двухъ съ половиной тыс.); 10) о казни Балмашева и Лекерта (въ двухъ съ пол. тыс.); 11) къ рабочимъ завода Гретера и 12) къ портнихамъ и модисткамъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Въ прошломъ № мы сообщали свѣдѣнія объ Исаакѣ Персицѣ, который своимъ подозрительнымъ поведеніемъ обратилъ на себя вниманіе товарищей въ Швейцаріи. Въ настоящее время намъ доставлено печатное заявленіе отъ 22 авг. 1902г., подписанное тов. Штейномъ, Карминъ, Диттлеръ и Глико, въ которомъ сообщается, что собраніе уполномоченныхъ отъ разныхъ соціалистич. группъ въ Женевѣ разсмотрѣло объясненія Персица и признало, что „объясненія, данныя Персицемъ и разслѣдованіе объ его теперешнемъ поведеніи подтвердили, что г. Персицъ все еще остается такой личностью, которой должны остерегаться соціалистическія и революціонныя организаціи.“

Примѣты Персица: 28 лѣтъ, высокій ростъ, блондинъ, свѣтлые немного косые глаза, круглое лицо, крупный и горбатый носъ, знаетъ нѣмецкій, польскій, русскій, еврейскій, французскій, итальянскій и арабскій языки.

По поводу новаго назначенія Зубатова.

Какъ извѣстно изъ газетъ, пресловутый Зубатовъ переведенъ въ непосредственную близость къ Плеве, при которомъ онъ будетъ отнынѣ состоять чиновникомъ по особымъ (особо гнуснымъ) порученіямъ. Вѣроятно, фактически Зубатовъ явится руководителемъ политической полиціи, а слѣд., и руководителемъ борьбы съ соціалистами. Слѣдуетъ ожидать, что специфическіе пріемы „зубатовской“ провокаціи и болѣе тонкаго сыска станутъ примѣняться болѣе систематически по всей Россіи.

Въ виду этого обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость „подтянуться“ и подтянуть болѣе молодыхъ дѣятелей со стороны конспиративности постановки революціонной работы. Возможно больше осторожности съ адресами, въ выборѣ псевдонимовъ, въ устройствѣ конспиративныхъ квартиръ, въ употребленіи шифровъ! Возможно болѣе строгое отношеніе къ себѣ и къ своимъ сотрудникамъ, возможно болѣе активное воздѣйствіе на неопытныхъ товарищей со стороны болѣе опытныхъ—въ интересахъ революціоннаго воспитанія первыхъ.

Зубатовъ, конечно, не преминетъ повторить въ всероссійскомъ масштабѣ свои московскіе опыты дураченія рабочихъ. Кстати, московскіе „зубатовцы“ поднесли своему патрону адресъ, въ которомъ благодарили за его „попеченіе о рабочихъ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Васину. Несчастный случай уничтожилъ ваше прекрасное письмо, пришлось воспользоваться только сообщенными въ немъ фактами.

Сознательному шахтеру. Послѣднюю корресп. получили; прежнія—нѣтъ.

Въ отчетѣ прошлаго № вкралась ошибка, благодаря которой 100 фр. съ вечера, полученные Лигой, занесены въ отчетъ Цюрихской кассы.

Получено: отъ Ш. (Мюнхенъ) — 25 мар. и 10 руб.; черезъ Рудникова изъ Б-а 172фр. 45с. (за литературу 32фр. 50с., отъ Б-а 34фр., отъ А.Б.С. 45фр. 95с.). Отъ родителей 50руб., отъ подписчика 5руб., съ юга черезъ Ант. 25руб., черезъ Шурку 25руб.

Изъ Льежа — 24Фр., изъ S. (за литер.) — 96фр. 65с.

Изъ Д-а: съ 21 іюня по 11 сентября получено: за „Искру“ 15мар., „Зарю“ 32мар., брошюры 3мар. 10пф., изъ Штуттгарта 2мар. 85пф., отъ Г.С.Д. 172мар. (изъ нихъ изъ Х. 45руб. и отъ В.Л.С. 5руб.), разный приходъ 112мар. 30пф.

Въ организацію „Искры“ переданы полученные въ концѣ марта мѣстнымъ представителемъ отъ Кіевскаго Комитета 200р. съ декабря 1901г. по августъ 1902г. по 25руб., согласно напечатанному въ „Искрѣ“ постановленію Комитета.

Вышла въ свѣтъ брошюра: „Самодержавіе и стачки.“ (Записка мин. финансовъ о стачкахъ) съ приложеніемъ статьи Л. Мартова „Новая побѣда русскаго пролетаріата“. Женева 1902г. Изданіе Загр. Лиги русской революц. социаль-демократіи.

Вышла въ свѣтъ брошюра „Революціонный авантюризмъ“ (отдѣльный оттискъ изъ №№ 23-24 „Искры“)

Вышелъ №3 „*Echos de Russie*“ — бюллетеня на французскомъ яз. о русск. рев. движеніи, издаваемаго группой, примыкающей къ „Искрѣ“.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse 9

Второй годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 26

15-го октября 1902 года.

№ 26

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКАНСТВО.

Внутреннюю политику русскаго правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть въ настоящій моментъ въ недостаткѣ рѣшительности и опредѣленности. Борьба съ внутреннимъ врагомъ въ полномъ разгарѣ. Врядъ-ли когда-нибудь въ прошломъ бывали до такой степени переполнены арестованными крѣпости, замки, тюрьмы, особыя помѣщенія при полицейскихъ частяхъ и даже временно превращенные въ тюрьмы частные дома и квартиры. Нѣтъ мѣста, чтобы помѣстить всѣхъ хватаемыхъ, нѣтъ возможности, безъ снаряженія экстраординарныхъ „экспедицій“, пересылать въ Сибирь съ обычными „транспортами“ всѣхъ ссылаемыхъ, нѣтъ силъ и средствъ поставить въ одинаковый режимъ всѣхъ заключенныхъ, которыхъ особенно возмущаетъ и толкаетъ на протесты, борьбу и голодовки полный произволъ растерявшихся и самодурствующихъ мѣстныхъ властей. А высшія власти, предоставляя мелкимъ сошкамъ раздѣлываться съ пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжаютъ работать надъ „улучшеніемъ“ и реорганизаціей полиціи въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы съ корнями и нитями. Это — прямая и настоящая война, которую все большія и большія массы русскихъ обывателей не только наблюдаютъ, но и ощущаютъ болѣе или менѣе непосредственно. За авангардомъ летучихъ отрядовъ полиціи и жандармеріи медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная махина. Возьмите законы послѣдняго мѣсяца, — и вамъ прежде всего бросятся въ глаза новые указы, добивающіе послѣдніе остатки финляндскихъ свободъ, да еще, пожалуй, обширный законъ о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи. Первое изъ этихъ мѣропріятій совершенно подрываетъ самостоятельность финляндскихъ судовъ и сената, давая возможность генералъ-губернатору все знать, все вѣдать, т. е. фактически превращая Финляндію въ одну изъ многихъ безправныхъ и униженныхъ русскихъ провинцій. Отнынѣ — замѣчаетъ полицейски-оффиціальная „Финляндская Газета“ — есть надежда на „гармоническую“ дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ учрежденій... Не знаю уже, злорадная-ли это насмѣшка надъ получившимъ самый подлый и самый рѣшительный ударъ безоружнымъ непріятелемъ, или елейное пустословіе въ духѣ Іудушки Головлева.

Второй изъ названныхъ законовъ — новое дѣтище того самаго Особаго Совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія, которое уже одарило отечество разграбленіемъ сибирскихъ земель („насажденіе помѣстнаго землевладѣнія въ Сибири“). Во время жестокаго торгово-промышленнаго кризиса и полнаго обнищанія деревни, когда голодаютъ, недоѣдаютъ и бѣдствуютъ милліоны рабочихъ и крестьянъ, нельзя себѣ и представить, разумѣется, лучшаго употребленія народныхъ денегъ, какъ на подачки несчастнымъ гг. дворянамъ-землевладѣльцамъ. Правительство дастъ на каждую дворянскую кассу взаимопомощи, во-первыхъ, единовременно извѣстную сумму („по усмотрѣнію государя-императора“!), а, во-вторыхъ, въ теченіе десяти лѣтъ будетъ давать по стольку же, сколько будутъ собирать и сами мѣстные дворяне. Касса будетъ помогать тѣмъ, кто затрудняется платить проценты по долгамъ. Гг. дворяне могутъ безъ стѣсненій дѣлать займы, когда указанъ такой легкій путь брать на уплату деньги изъ народнаго кармана.

И какъ бы нарочно для подведенія итоговъ этой политикѣ травли, насилія и грабежа, для ея обобщенія и освященія явились царскія рѣчи къ дворянамъ, земцамъ, крестьянамъ и рабочимъ (въ Курскѣ и СПБ.). Дворянъ царь благодарилъ за службу ему, службу „не за страхъ, а за совѣсть“, и обѣщалъ непрестанныя заботы объ укрѣпленіи помѣстнаго землевладѣнія, „которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи“. Земцамъ царь ровно ни слова не сказалъ ни объ оплотѣ, ни о нравственной силѣ Россіи, ни о службѣ не за страхъ, а за совѣсть. Онъ объявилъ имъ коротко и ясно, что ихъ „призваніе — мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ“, и что только памятуя объ этомъ, только выполняя успѣшно это призваніе, они могутъ быть увѣрены въ его благоволеніи. Это былъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на конституціонныя поползновенія земцевъ, это было прямое предостереженіе (или вѣрнѣе, вызовъ) имъ, угроза отнятіемъ „благоволенія“ въ случаѣ малѣйшаго выхода за предѣлы „мѣстнаго устроительства въ области хозяйственныхъ нуждъ“.

Далѣе, крестьянамъ царь уже прямо выражалъ порицаніе за „безпорядки“ и „разграбленіе экономій“, назвавъ звѣрское избіеніе и истязаніе возставшихъ отъ голода и отчаянія мужиковъ „заслуженнымъ наказаніемъ“ и напомнивъ слова Александра III, повелѣвавшаго „слушаться предводителей дворянства“. Наконецъ, рабочимъ царь говорилъ не больше и не меньше, какъ „о врагахъ“, его врагахъ, которые должны быть и врагами рабочихъ.

Итакъ, дворяне — вѣрные слуги и исконный оплотъ порядка. Земцы (или земскіе дворяне?) — заслуживаютъ предостереженія. Крестьяне — порицанія и приказа слушаться дворянъ. Рабочимъ ребромъ ставится вопросъ о врагахъ. Поучительныя рѣчи. Поучительно сопоставленіе ихъ, и очень было бы желательно, чтобы посредствомъ прокламацій, листковъ, бесѣдъ въ кружкахъ и на собраніяхъ возможно большее количество народа было ознакомлено и съ точнымъ текстомъ и съ настоящимъ значеніемъ этихъ рѣчей. Простыя пояснительныя замѣчанія къ тексту этихъ рѣчей могли бы послужить великолѣпнымъ матеріаломъ для агитаціи среди самой темной части самыхъ неразвитыхъ слоевъ рабочаго класса, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, а также крестьянства. Но не только „темному“ народу, а и многимъ просвѣщеннымъ и образованнымъ русскимъ обывателямъ не мѣшало бы хорошенько вдуматься въ царскія рѣчи, — особенно обывателямъ изъ числа либераловъ вообще и земцевъ въ особенности. Не часто приходится слышать изъ устъ коронованныхъ особъ такое опредѣленное признаніе, подтвержденіе и объявленіе войны внутренней: войны разныхъ классовъ населенія, войны съ внутренними врагами. И открытое признаніе войны — весьма хорошее средство противъ всѣхъ и всяческихъ видовъ политиканства, т. е. попытокъ затушевать, обойти, затушить войну или попытокъ съузить и измельчить ея характеръ.

Политиканство, о которомъ мы говоримъ, проявляется и со стороны правительства и со стороны оппозиціи мирной и даже иногда со стороны революціонеровъ (правда, въ послѣднемъ случаѣ въ особой формѣ, не похожей на предъидущія). Со стороны правительства это — сознательное заигрываніе, подкупъ и развращеніе, однимъ словомъ, система, получившая названіе „зубатовщины“. Обѣщаніе болѣе или менѣе широкихъ реформъ, дѣйствительная готовность осуществить крохотную частичку обѣщаннаго, и требованіе за это отказаться отъ борьбы политической, — вотъ въ чемъ суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто изъ земцевъ видитъ уже, что разговоры министра внутреннихъ дѣлъ г. Плеве съ г. Д. Н. Шиповымъ (предсѣдатель моск. земск. управы) есть начало „зубатовщины земской“. Плеве обѣщаетъ „болѣе благопріятно“ относиться къ земству (ср. „Освоб.“ № 7), обѣщаетъ созвать въ началѣ будущаго года совѣщаніе изъ предсѣдателей земскихъ управъ для „разрѣшенія всѣхъ вопросовъ относительно постановки земскихъ учрежденій“, требуя за это, чтобы земцы „не говорили ничего о представительствѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ“. Казалось бы, дѣло яснѣе яснаго: обѣщаніе самое неопредѣленное, а требованіе таково, что при исполненіи его земскія вожделѣнія становятся неосуществимыми. Противъ этого политическаго обмана, фокусничества и разврата можетъ быть только одно средство: безпощадное разоблаченіе фокусниковъ и рѣшительная политическая, (т. е. по русскимъ условіямъ, революціонная) борьба съ полицейскимъ самодержавіемъ. Наши же земцы, насколько можно судить по „Освобожденію“, оказываются еще не на высотѣ этой задачи. На политиканство они отвѣчаютъ политиканствомъ, ихъ органъ проявляетъ полную неустойчивость. Въ № 7 „Осв.“ вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакція, но и нѣкоторые сотрудники, съ которыми редакція болѣе или менѣе несогласна. Въ передовой редакціонной статьѣ то мнѣніе, что обѣщанія Плеве есть ловушка и зубатовщина, выводится лишь какъ мнѣніе нѣкоторыхъ земцевъ, причемъ рядомъ съ нимъ сообщается и мнѣніе другихъ земцевъ, которые склонны послѣдовать указаніямъ г. министра (!!). Редакція далека отъ мысли поднять походъ противъ земской зубатовщины. Она предостерегала земцевъ отъ „уступокъ“ правительству (въ №№ 5 и 6), но она не выступаетъ съ рѣшительнымъ осужденіемъ г. Шипова и Ко., которые послушались совѣтовъ старой полицейской лисы и выкинули изъ программы весенняго земскаго съѣзда 4-й пунктъ (указывавшій на необходимость выборныхъ земскихъ дѣятелей для пополненія состава Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности). Редакція дѣлаетъ въ передовой статьѣ не тотъ выводъ, что земство унижено согласіемъ части земцевъ на подлыя приманки полиціи, а тотъ выводъ, что самый фактъ переговоровъ правительства съ земствомъ „доказываетъ, что земство уже и теперь есть „представительство““ (!!) и что обѣщанный г. Плеве „съѣздъ“ (г. Плеве говорилъ, кажется, только о „совѣщаніи“?) „во всякомъ случаѣ желателенъ“, ибо онъ „не можетъ не внести ясности въ отношенія между земствомъ и правительствомъ“. Редакція „твердо увѣрена, что земскіе дѣятели сумѣютъ заявить себя на немъ тѣмъ, чѣмъ они должны быть — представителями населенія, а не подручными министровъ по хозяйственной части“. Если судить только на основаніи одной передовой редакціонной статьи, то надо, наоборотъ, быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что земцы окажутся опять „подручными“ полицейскаго вѣдомства, какъ оказались гг. Шиповъ и Ко. (пока ихъ не оттѣснитъ или не видоизмѣнитъ другое земское теченіе).

Отъ политиканства передовой статьи съ удовольствіемъ отдыхаешь на дальнѣйшихъ статьяхъ сотрудниковъ: г. Антона Старицкаго и еще болѣе земскаго гласнаго г. Т. Первый называетъ поступокъ г. Шипова и Ко. „ложнымъ шагомъ“, совѣтуетъ земцамъ „не спѣшить учесть свое первородство въ видѣ какого-то съѣзда, который оформитъ г. Плеве“, совѣтуетъ не идти на приманку и не политиканить. Редакція дѣлаетъ примѣчаніе: „мы въ общемъ согласны съ авторомъ статьи“, очевидно находя, что въ частности нельзя такъ односторонне осуждать политиканство.*)

Второй сотрудникъ прямо уже возстаетъ противъ всей позиціи „Освобожденія“, нападая на незаконченность и нерѣшительность, осуждая такія фальшивыя фразы, какъ ссылка на „народную анархію“, заявляя, что „нельзя довольствоваться полумѣрами, что необходимо рѣшиться идти до конца“, что „необходимо покончить съ рабскими полумѣрами легальной оппозиціи“... „не останавливаясь передъ жертвами“, что „не ставъ революціонерами, мы (земцы) не сможемъ сдѣлать существеннаго вклада въ дѣло политическаго освобожденія Россіи“. Отъ всей души привѣтствуемъ эти честныя и твердыя рѣчи г. земскаго гласнаго и усиленно совѣтуемъ ознакомиться съ ними всѣмъ, кто интересуется разбираемымъ вопросомъ. Г. земскій гласный всецѣло подтверждаетъ данную нами въ „Искрѣ“ оцѣнку программы „Освобожденія“. Больше того: его статья доказываетъ не только правильность нашей точки зрѣнія, но и цѣлесообразность нашего рѣзкаго изобличенія половинчатости либерализма. Оказывается, что и въ самой земской средѣ есть люди, которымъ претитъ всякое виляніе и которыхъ мы особенно должны стараться поддержать безпощадной критикой этого виляния съ нашей точки зрѣнія.

Редакторъ „Освобожденія“, конечно, несогласенъ съ г. земскимъ гласнымъ Т. и — почтительно, но твердо — заявляетъ: „на многое мы смотримъ иначе“... Еще бы! И каковы же возраженія редакціи? — Они сводятся всѣ къ двумъ главнымъ пунктамъ: во 1-хъ, г. Струве „принципіально“ предпочитаетъ мирные пути въ отличіе, по его мнѣнію, отъ нѣкоторыхъ революціонеровъ; во 2-хъ, этихъ послѣднихъ онъ обвиняетъ въ недостаткѣ терпимости. Разсмотримъ эти возраженія.

Въ статьѣ „По поводу одного упрека“ г. Струве (статья подписана. Ред.) цитируетъ мою статью въ № 2-3 „Зари“ („Гонители земства и Аннибалы либерализма“). Ему особенно не понравились, разумѣется, слова: „еслибы народъ хоть разъ хорошенько проучилъ правительство“, то это имѣло бы „гигантское историческое значеніе“. Г. Струве, видите ли, рѣшительно и безусловно несогласенъ съ тѣмъ, что насильственная революція предпочтительнѣе мирной реформы. Самые рѣшительные русскіе революціонеры, — говоритъ онъ, — принципіально предпочитали мирный путь, и этой славной традиціи не заглушить никакими доктринами.

Трудно себѣ представить что-либо болѣе фальшивое и вымученное, чѣмъ это разсужденіе. Неужели г. Струве не понимаетъ, что возставшій рабъ вправѣ говорить о предпочтительности мира съ рабовладѣльцемъ, а рабъ, отказывающійся отъ возстанія, впадаетъ въ позорную фальшь, повторяя тѣ же слова? „Элементы революціи въ Россіи еще, къ сожалѣнію или къ счастью не созрѣли“ — говоритъ г. Струве, и эти слова „къ счастью“ выдаютъ его съ головой.

А насчетъ славныхъ традицій революціонной мысли лучше уже г. Струве помалкивать. Намъ достаточно указать на знаменитыя заключительныя слова „Ком. Манифеста“. Намъ достаточно напомнить, что тридцать лѣтъ спустя послѣ „Манифеста“, когда нѣмецкіе рабочіе были лишены частички тѣхъ правъ, которыхъ никогда не было у русскаго народа, Энгельсъ далъ такую отповѣдь Дюрингу:

„Для г. Дюринга насиліе есть нѣчто абсолютно злое. Первый актъ насилія былъ, по его мнѣнію, грѣхопаденіемъ. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этотъ актъ насилія запятналъ первороднымъ грѣхомъ всю исторію вплоть до настоящаго времени, что всѣ законы природы и законы соціальные позорно извращены этимъ орудіемъ дьявола — насиліемъ. О томъ, что насиліе играетъ также въ исторіи и совсѣмъ иную роль — революціонную, о томъ, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякаго стараго общества, когда это послѣднее беременно новымъ, о томъ, что насиліе является орудіемъ, посредствомъ котораго общественное движеніе прокладываетъ себѣ дорогу и разбиваетъ окоченѣлыя, отмирающія формы, — объ этомъ ни слова нѣтъ у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стенаніями допускаетъ онъ возможность того, что для ниспроверженія эксплуататорскаго хозяйства понадобится, къ сожалѣнію, насиліе, — къ сожалѣнію, ибо всякое насиліе развращаетъ, изволите видѣть, того, кто его примѣняетъ. И это говорится послѣ того, какъ всякая побѣдоносная революція сопровождалась высокимъ моральнымъ и духовнымъ подъемомъ! И это говорится въ Германіи, гдѣ насильственное столкновеніе, къ которому народъ можетъ быть вѣдь прямо вынужденъ, имѣло бы по крайней мѣрѣ то преимущество, что вытравило бы изъ народнаго характера лакейскій духъ, внѣдренный всѣми униженіями 30-лѣтней войны. И это тусклое, дряблое, безсильное поповское мышленіе смѣютъ навязывать самой революціонной партіи, какую только знаетъ исторія!“

Перейдемъ къ второму пункту насчетъ терпимости. Нужно „взаимное пониманіе“ „полная искренность“ и „широкая терпимость“ въ отношеніяхъ разныхъ направленій, — елейно поучаетъ насъ г. Струве (подобно многимъ соц.-рев. и представителямъ публики). Ну, а какъ быть — спросимъ мы его — если полная искренность наша покажется вамъ отсутствіемъ терпимости? Если мы, напр., находимъ, что въ „Освобожденіи“ есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязываетъ ли насъ полная искренность къ безпощадной борьбѣ съ этой шуйцей? Не обязываетъ-ли она насъ къ борьбѣ съ авантюризмомъ (политиканствомъ тожъ) соц.-революціонеровъ, когда они проявляютъ его и въ вопросахъ теоріи соціализма и въ отношеніи къ классовой борьбѣ во всей своей тактикѣ? Есть-ли хоть капля политическаго смысла въ требованіи обкарнать, сдѣлать дряблой эту борьбу въ угоду тому, что угодно называть терпимостью людямъ, противъ которыхъ борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничанье, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что дѣйствительная (а не словесная) совмѣстность борьбы съ общимъ врагомъ обезпечивается не политиканствомъ, не тѣмъ, что покойный Степнякъ однажды назвалъ самоурѣзываніемъ и самозапрятываньемъ, не условной ложью дипломатическаго взаимопризнанія, — а фактическимъ участіемъ въ борьбѣ, фактическимъ единствомъ борьбы. Когда у нѣмецкихъ соц.-дем. борьба противъ военно-полицейской и феодально-клерикальной реакціи дѣйствительно становилась общей съ борьбой какой-либо настоящей партіи, опирающійся на извѣстный классъ народа (напр., либеральную буржуазію), тогда совмѣстность дѣйствія устанавливалась безъ фразерства о взаимопризнаніи. О признаніи явнаго для всѣхъ и осязаемаго всѣми факта не говорятъ (не просимъ же мы ни у кого признанія рабочаго движенія!). Думать, что настоящему политическому союзу въ состояніи помѣшать „тонъ“ полемики, въ состояніи только люди, смѣшивающіе политику и политиканство. А пока вмѣсто дѣйствительнаго участія въ нашей борьбѣ мы видимъ уклончивыя фразы, вмѣсто дѣйствительнаго приближенія къ нашей борьбѣ другого какого-либо общественнаго слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, — до тѣхъ поръ никакіе ни грозные ни жалкіе потоки словъ ни на іоту не приблизятъ „взаимопризнанія“.

---

*) Въ только-что полученномъ № 8 „Освобожденія“ мы видимъ уже болѣе рѣшительное осужденіе политиканства и ложнаго шага г. Шипова. Въ добрый часъ! Можетъ быть, случай съ симъ почтеннымъ дѣятелемъ побудитъ редакцію поискать корней „политиканства“ въ основныхъ ея взглядахъ на отношеніе либерализма и революціонныхъ направленій?

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМАГО.

(Посвящается тѣмъ, кто не боится грозы.)

Будетъ буря... мы поспоримъ
И поборемся мы съ ней!

По нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что неугомонная „Искра“ снова (въ который уже разъ!) возбудила неудовольствіе многихъ читателей-друзей. Два-три протестующихъ письма, одинъ формальный протестъ, нѣсколько предостерегающихъ указаній отъ уважаемыхъ нами товарищей... при извѣстной неподвижности русскаго человѣка въ выраженіи своихъ чувствъ этого достаточно, чтобы признать, что наша газета опять напроказила и оттолкнула отъ себя тѣхъ, кто уже готовъ былъ, ну, совсѣмъ-таки былъ готовъ смѣнить старый гнѣвъ на милость и протянуть руку этой грѣшницѣ. И съ горестью приходится думать, что на этотъ разъ многіе мягкіе по природѣ люди даютъ себѣ строгій зарокъ: „ну, ужъ это въ послѣдній разъ, ужъ больше меня къ ней — къ „Искрѣ“ — и калачемъ не заманишь! впредь никакой поблажки ея нраву не полагается“.

Тяжело терять друга, съ которымъ долго шелъ рука объ руку; но въ своемъ родѣ не менѣе тяжело терять кандидата въ друзья, который не успѣлъ еще стать настоящимъ другомъ. Безспорно, старый другъ лучше новыхъ двухъ, но, принимая во вниманіе, что старый другъ отъ насъ никогда и никуда не уйдетъ, и что жадность присуща человѣческой природѣ вообще, а природѣ революціонера въ особенности, — вы поймете, что перспектива имѣть и старыхъ, и новыхъ друзей была заманчивой... Счастье было такъ близко, такъ возможно...

Но въ самомъ-ли дѣлѣ такъ близко? Вѣрно-ли, что читатель готовъ былъ уже забыть все старое огорченіе и стать подъ наше знамя, и что только неумѣренная наша драчливость его опять — свѣдующіе люди утверждаютъ, что въ послѣдній разъ — оттолкнула отъ насъ?

Одинъ за другимъ являлись къ намъ товарищи и заявляли: мы были бы съ вами, ибо мы принимаемъ вашу точку зрѣнія, но насъ отталкиваютъ ваши пріемы борьбы съ противниками, а потому... а потому... мы пойдемъ къ вашимъ противникамъ и будемъ вмѣстѣ съ ними бороться противъ васъ и вашей точки зрѣнія, которую, однако, мы считаемъ правильной точкой зрѣнія.

Признаемся, мы этого не понимаемъ. Мы, конечно, знаемъ, что въ нашъ вѣкъ общей разслабленности люди стали чрезвычайно чувствительны къ внѣшнимъ формамъ; но мы все же никакъ не можемъ повѣрить, чтобы серьезные революціонеры могли класть свою душу на борьбу съ тѣмъ самымъ дѣломъ, которое имъ представляется правымъ дѣломъ; чтобы могли такъ поступать только потому, что имъ не по душѣ форма, въ которой ведется борьба за правое дѣло. Говорятъ, Владиміръ Красное Солнышко, выбирая новую религію, остановился на православіи потому, что его прельстило благолѣпіе православной службы, но, вѣдь, такъ разсказывается только въ исторіи Иловайскаго и есть полное основаніе думать, что этого святого князя привлекла сравнительная близость между духомъ православія и языческими представленіями тогдашнихъ славянъ.

Нѣтъ, мнѣ положительно кажется, что дѣйствительный сторонникъ нашихъ взглядовъ не поссорится съ нами изъ-за несогласія о формѣ, въ которой мы ведемъ борьбу съ противниками этихъ взглядовъ; намъ кажется, что когда человѣкъ порываетъ съ нами изъ-за нашей „не-товарищеской полемики“ противъ такого-то направленія, онъ это дѣлаетъ лишь потому, что безсознательно для себя стоитъ ближе къ этому именно направленію, чѣмъ къ намъ; ему непонятна необходимость борьбы съ этимъ направленіемъ, а потому такъ болѣзненно рѣжутъ его ухо литературныя проявленія этой борьбы. Когда мы боролись съ бернштейніанствомъ, наша полемика казалась непозволительной тѣмъ, кто, самъ того не зная, стоялъ ближе къ Бернштейну, чѣмъ къ Марксу; то же было во время нашей полемики съ „экономистами“, то же происходитъ и теперь, когда ведется борьба съ терроризмомъ.

„Въ принципѣ“ всѣ согласны съ тѣмъ, что старая народовольческая тактика была бы пагубной для нашего современнаго движенія; „въ принципѣ“ всѣ соціалдемократы считаютъ нежелательнымъ развитіе терроризма и столь же рѣшительно большинство соц.-революціонеровъ признаетъ („въ принципѣ“), что всякій терроризмъ, развивающійся на счетъ массового движенія, грозитъ отдалить побѣду революціоннаго дѣла. И, тѣмъ не менѣе, всѣ соц.-революціонеры въ глубинѣ души не вѣрятъ въ жизнеспособность движенія народныхъ массъ и восторженное удивленіе передъ героическими актами отдѣльныхъ террористовъ дѣлаетъ въ ихъ глазахъ все болѣе ничтожнымъ значеніе великаго историческаго процесса революціоннаго пробужденія русскаго народа. И также безспоренъ, къ сожалѣнію, тотъ фактъ, что немалое количество соціалдемократовъ до такой степени не вѣритъ въ возможность для русскаго пролетаріата въ ближайшемъ будущемъ выступить сознательной, организованной и революціонно-непреклонной силой, что невольно склоняется къ мысли: а, можетъ быть, терроръ и вывезетъ?

Разумѣется, все это совершается безсознательно, и тѣ соц.-демократы, которые переживаютъ указанный процессъ, тщательно стараются скрыть отъ себя самихъ его значеніе. Отрицая слова, принимаютъ и признаютъ понятія, которымъ эти слова соотвѣтствуютъ; отвергая исходный пунктъ, не признаютъ логическихъ изъ него выводовъ; осуждая терроризмъ, протестуютъ противъ „слишкомъ рѣзкаго“ его осужденія. Въ № 27 „Arbeiterstimme“ — центральнаго органа „Бунда“ — редакція очень краснорѣчиво оспариваетъ тактику террористовъ. Мы боремся съ системой, а не съ отдѣльными личностями, говоритъ она. Но... у редакціи имѣется очень значительное „но“... но когда демонстрантовъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, то партія должна отвѣчать политическимъ убійствомъ. Такіе акты мести, организованные партіей — вовсе не терроръ, ибо терроръ есть тактика политической борьбы съ даннымъ режимомъ (а розги развѣ не представляютъ собой проявленія этого режима?). Вообще говоря, терроръ вреденъ потому, что отвлекаетъ партію отъ работы въ массахъ; но организованныя партіей политическія убійства по случаю каждаго примѣненія тѣлеснаго наказанія обладаютъ, повидимому, свойствомъ не отвлекать партійныхъ силъ отъ этой работы. Органъ „Бунда“ чувствуетъ, что тутъ что-то не ладно, и старается примирить свою пропаганду не-террористической системы политическихъ убійствъ съ принципами соціалдемократіи и съ резолюціей послѣдняго съѣзда „Бунда“, отвергающей терроръ*). Старанія эти не дѣлаютъ точки зрѣнія редакціи болѣе убѣдительной, и мы нисколько не удивимся, если редакція органа нашихъ еврейскихъ товарищей окажется въ числѣ недовольныхъ „не товарищескими пріемами“ нашей борьбы съ терроризмомъ.

Короче говоря, мы переживаемъ моментъ нѣкотораго шатанія умовъ по вопросу о террорѣ. Недовѣріе къ возможности развить революціонную энергію пролетаріата до той степени, при которой онъ съумѣетъ дать отпоръ всякимъ проявленіямъ реакціи; сомнѣніе въ возможности создать истинно-боевую и истинно-народную революціонно-соціаль-демократическую партію при наличныхъ условіяхъ — охватили не малую часть революціонной интеллигенціи и въ этой атмосферѣ безвѣрія и сомнѣнія не всегда можетъ устоять соціалдемократическое отрицаніе безполезной и безсмысленной тактики „единоборства сознательнаго меньшинства съ самодержавіемъ“. Люди, поддавшіеся роковому вліянію этой атмосферы, не могутъ не раздражаться при видѣ рѣшительной борьбы, которую ведетъ соціалдемократическая газета противъ террористической рекламы.

Дѣло осложняется тѣмъ элементомъ легкомыслія, который вносится въ эту атмосферу существованіемъ такъ-назыв. „тушинскихъ перелетовъ“. Подъ этимъ именемъ въ смутное время (въ XVII вѣкѣ) были извѣстны тѣ бунтари этой бурной эпохи, которые перебѣгали отъ одного изъ самозванцевъ къ другому, отъ послѣдняго къ полякамъ и т. д. Современники утверждаютъ, что эти перелеты составляли сущее бѣдствіе для всѣхъ боровшихся съ тогдашней Московой партіей. Такое же приблизительно бѣдствіе представляютъ эти „перелеты“ и въ настоящее время. Мы до сихъ поръ еще не покончили со своимъ собственнымъ смутнымъ временемъ, когда параллельное сосуществованіе стараго революціоннаго міровоззрѣнія въ различныхъ степеняхъ его разложенія и новаго въ различныхъ стадіяхъ его развитія создали рядъ соблазновъ для натуръ, одаренныхъ инстинктомъ кочевника. Переходя изъ лагеря въ лагерь, не подъ вліяніемъ коренного перелома въ убѣжденіяхъ, а подъ вліяніемъ этого безпокойнаго инстинкта, эти люди въ каждомъ проявленіи опредѣленности убѣжденій усматриваютъ почти личное для себя оскорбленіе и, въ свою очередь, деморализующе дѣйствуютъ на неустановившуюся молодежь, являясь несомнѣнными сѣятелями безпринципности и „многосторонности“.

Мы упоминали выше, что получили уже одинъ формальный протестъ противъ нашего поведенія. Протестъ этотъ исходитъ отъ „саратовской объединенной группы соціалистовъ-революціонеровъ и соціалдемократовъ“. Нашъ „способъ веденія полемики“ группа признаетъ „неприличнымъ и недостойнымъ званія революціонера“. „Такая полемика создаетъ огромныя препятствія къ объединенію всѣхъ революціонныхъ силъ въ Россіи въ одну партію или союзъ партій, дружно дѣйствующихъ въ одномъ направленіи по опредѣленному, сообща выработанному плану“. Поэтому, группа объявляетъ бойкотъ нашимъ изданіямъ и обращается ко всѣмъ „чисто-соціалдемократическимъ и смѣшаннымъ организаціямъ съ приглашеніемъ присоединиться“ къ ея постановленію.

Намъ кажется, что поведеніе „смѣшанной“ группы представляетъ характерное явленіе для нашего смутнаго времени. Что соціалисты-революціонеры, участвующіе въ „смѣшанной“ группѣ, желали бы бойкотировать соціалдемократическую литературу — это мы хорошо понимаемъ: соціалисты-революціонеры весьма и весьма заинтересованы въ томъ, чтобы наша критика ихъ частью реакціонной, частью утопической программы и ихъ частью наивной, частью развращающей революціонное сознаніе тактики осталась неизвѣстна широкой публикѣ. Гораздо легче и удобнѣе отрѣзать читателя отъ писателя, чѣмъ отвѣтить ему по существу вопроса. Хорошо понимаемъ мы также, что для такой цѣли весьма и весьма удобны всякаго рода „смѣшанныя“ группы, въ которую входятъ „соціалдемократы“, не нашедшіе себѣ мѣста въ рядахъ соціалдемократической партіи. Эти „соціалдемократы“ играютъ для нашихъ противниковъ роль того „народа“, который такъ нуженъ для „обстановки“, для того, чтобы то или другое крикливое выступленіе противъ соціалдемократіи могло быть перенесено на почву внѣпартійную, на почву нравственныхъ принциповъ и „нетоварищескихъ пріемовъ“, т. е. на почву, освобождающую отъ обязанности высказываться принципіально по принципіальнымъ вопросамъ. Чего мы никогда не могли понять, — это того, какъ люди, именующіе себя соціалдемократами, могутъ согласиться играть такую, выражаясь ихъ слогомъ, „неприличную и недостойную революціонера“ роль перебѣжчиковъ?

Намъ думается, что „смѣшанная группа“, которая существуетъ уже съ годъ, должна была бы прежде, чѣмъ приглашать организаціи нашей партіи къ дружному походу противъ „Искры“, прежде всего объясниться съ ними по вопросу: что собственно она собой представляетъ? въ какой пропорціи и какъ смѣшаны въ ней элементы пролетарскаго соціализма и той смѣси, которую, въ свою очередь, представляетъ собою программа соціалистовъ-революціонеровъ?

Энергичный стиль протеста „смѣшанной“ группы можетъ служить образчикомъ того возбужденія, которое въ данный моментъ царитъ въ нѣкоторыхъ слояхъ революціонной среды по отношенію къ дерзкой „сектѣ“ революціонныхъ соціалдемократовъ, осмѣлившихся поднять оружіе критики на кумиръ нынѣшняго дня. Неудивительно, поэтому, что многіе наши единомышленники, которымъ приходится отстаивать дорогое для насъ дѣло на мѣстѣ — среди разгоряченной публики — смущены поднявшейся бурей. Нѣкоторые изъ нихъ, сами мужественно борясь съ террористической фразой, въ то же время признаются намъ, что, хотя они самостоятельно отъ насъ пришли къ характеристикѣ тактики соц.-революціонеровъ, какъ „революціоннаго авантюризма“, тѣмъ не менѣе смутились, прочитавъ въ „Искрѣ“ эту характеристику. Мы понимаемъ хорошо этихъ товарищей, но мы думаемъ, что они ходомъ борьбы придутъ къ убѣжденію, что намъ необходимо сказать то, что есть, не смущаясь подымающимися отовсюду воплями. Буря будетъ, но изъ этой бури революціонная соціалдемократія еще разъ выйдетъ окрѣпшей и чѣмъ болѣе непопулярной въ извѣстный моментъ будетъ представляться небольшая кучка „ортодоксовъ“, тѣмъ болѣе популярны станутъ тѣ идеи, въ борьбѣ за которыя она пожертвуетъ своей популярностью. За это ручается недавнее прошлое.

Маленькой „сектой“ вступили мы въ борьбу съ бернштейніанствомъ и „экономизмомъ“ въ то время, когда „общественное мнѣніе“ революціонной среды было настроено въ пользу этихъ направленій. Бурю возмущенія вызвали наши писанія. Мы объявили бернштейніанство буржуазнымъ натискомъ на рабочее движеніе — въ отвѣтъ, вмѣсто разбора нашихъ доводовъ, раздавались крики о нашей ортодоксальной нетерпимости; мы объявили русскій „экономизмъ“ попыткой съузить силу и размахъ рабочаго движенія, намъ отвѣчали обвиненіемъ въ непочтеніи къ дѣйствующимъ организаціямъ, насъ печатно упрекали въ томъ, что мы позволяемъ себѣ говорить о комитетахъ партіи.. въ примѣчаніяхъ! Мы словомъ и дѣломъ пытались вывести партію изъ состоянія младенческаго „кустарничества“ — насъ обличали въ диктаторскихъ замашкахъ и въ посягательствѣ на демократическіе принципы... И хотя всѣ эти обвиненія и вопли создавали нашей „сектѣ“ большія затрудненія въ ея пропагандистской и организаціонной работѣ, тѣмъ не менѣе, самая рѣзкость нашего выступленія способствовала тому, что согласные съ нами принципіально, но не „скомпрометировавшіе“ себя „нетоварищескими пріемами“ наши товарищи могли съ меньшими трудностями проводить въ жизнь эти идеи. А вслѣдъ за нашими единомышленниками могли безвозбранно добивать нашихъ противниковъ и „тушинскіе перелеты“. Мы дожили, наконецъ, до той минуты, когда, напр., группа „Свободы“ могла заявить печатно, что пропаганда бер

---

*) Въ настоящее время опубликована резолюція, принятая конференціей комитетовъ Бунда, санкціонирующая эту точку зрѣнія „Arbeiterstimme“. Бюллетень, издаваемый Загр. Комитетомъ Бунда, выступилъ съ критикой этой резолюціи.

ЛОГИКА РУССКАГО „ТЕРРОРИЗМА“.

Не то хощу, что творю, но еже не
хощу, то содѣваю...

Передъ нами лежитъ вторая книжечка журнала „Свобода“ издаваемаго „революціонно-соціалистической“ группой того же имени. Объ этомъ „журналѣ для рабочихъ“ намъ хотѣлось бы подробно поговорить съ читателями; но мы вынуждены отложить это до того --- не знаемъ, близкаго-ли --- времени, когда ясно опредѣлится его направленіе, и когда мы увидимъ, въ чемъ же именно расходятся издающіе „Свободу“ „революціонеры-соціалисты“ съ „соціалистами-революціонерами“, издающими „Революціонную Россію“. Теперь же пока это остается неизвѣстнымъ, мы можемъ разсматривать лишь отдѣльныя мысли „Свободы“. Возьмемъ сначала мысль о такъ называемомъ терроризмѣ.

Въ статьѣ „Укрѣпленіе основъ... розгами (по поводу Виленскихъ истязаній)“ мы встрѣчаемъ слѣдующія строки:

„Разъ правительство вводитъ порку, избіенія въ тюрьмахъ, всяческія надругательства надъ движеніемъ въ постоянный обиходъ жизни, какъ орудія борьбы, --- намъ волей-неволей приходится придерживаться „террористическаго образа дѣйствій“. Если бы поступокъ фонъ-Валя былъ личною мерзостью обезумѣвшаго царскаго опричника, намъ не пришлось бы говорить ни о какой организаціи террористической борьбы съ правительствомъ: въ рабочей массѣ всегда найдется самоотверженный Лекертъ, который отомститъ за поруганную честь товарищей, и вынудитъ представителей правительства смирять свои варварскія наклонности. Но тутъ проявляется уже предрѣшенный взглядъ правительства, одно за другимъ слѣдуютъ дикія и гнусныя дѣйствія. На планъ приходится отвѣчать планомъ --- организаціей террористической дружины, мстящей правительству и наказывающей его“.

Организованная „террористическая“ борьба, борьба, ведомая по заранѣе составленному плану, это --- не что иное, какъ систематическій терроръ.

Группа „Свобода“ и прежде совсѣмъ не была чужда идеи систематическаго террора, но прежде значеніе этого рода борьбы представлялось ей въ другомъ свѣтѣ. Такъ напр., брошюра „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ рекомендуетъ терроръ лишь какъ „эксцитативное“ средство. По мнѣнію автора этой брошюры, терроръ нуженъ собственно только затѣмъ, чтобы вызвать усиленную политическую агитацію въ массахъ. „Разъ начнется усиленная, энергичная агитація въ массахъ—его эксцитативная*) (возбуждающая) роль сыграна и останется ли онъ тогда въ качествѣ дѣйствительнаго террора или сейчасъ же уступитъ мѣсто ряду вооруженныхъ массовыхъ нападеній на правительственныхъ властей,---рѣшатъ обстоятельства, рѣшитъ сама жизнь.“ (стр. 68 перваго изданія).

Что такое дѣйствительный терроръ?

По здравому разсужденію выходитъ, что дѣйствительный терроръ есть тотъ, дѣйствіе котораго соотвѣтствуетъ этимологическому смыслу слова терроръ. Это слово означаетъ, какъ извѣстно, страхъ, ужасъ. Поэтому приходится предположить, что по мнѣнію автора брошюры „Возрожденіе революціонизма“, терроръ, имѣющій теперь лишь „эксцитативное“ значеніе, можетъ пріобрѣсти современемъ значеніе устрашающее. Но этой естественной и, можно сказать, неизбѣжной гипотезѣ рѣзко противорѣчитъ то мнѣніе того же автора, что терроръ устрашающаго значенія имѣть совсѣмъ не можетъ. „Мы считаемъ нужнымъ,—говоритъ онъ,— ...возможно рѣзче подчеркнуть отсутствіе у насъ вѣры въ устрашающую роль террора, потому что такая вѣра въ иллюзіи будетъ разбита на первыхъ же порахъ работы реальными фактами дѣйствительности, а продуктомъ этого можетъ явиться самый безвыходный и разслабляющій пессимизмъ. Поэтому-то мы и отрицаемъ совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаемъ его эксцитативное (возбуждающее) значеніе“ (стр. 64 той же самой брошюры).

Послѣ этого категорическаго заявленія прямо таки невозможно защищать ту гипотезу, что—по мнѣнію группы „Свобода“—дѣйствительный терроръ есть терроръ устрашающій. Но въ такомъ случаѣ, какъ же мы должны понимать сей загадочный терроръ? Неизвѣстно. Это, очень жаль; но дѣло, собственно говоря, не въ этомъ. Оно въ томъ, что нашъ авторъ допускаетъ возможность наступленія у насъ такого періода революціонной борьбы, когда терроръ долженъ будетъ уступить мѣсто крайнимъ формамъ массовой борьбы съ правительствомъ. А вотъ „Свобода“.—издаваемая „для рабочихъ“ той же самой группой, которая издала названную брошюру,—думаетъ, какъ видно, что наступленіе такого періода невозможно. По крайней мѣрѣ, она ни однимъ словомъ не намекаетъ на то, что проповѣдуемый ею систематическій терроръ можетъ оказаться впослѣдствіи неумѣстнымъ. Чѣмъ объясняется эта разница? Скажутъ, разницей во времени: вторая книжечка „Свободы“ только что вышла, а брошюра „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ появилась года полтора тому назадъ. Это такъ; но что же измѣнилось за это время? Если повѣрить „Свободѣ“, то надо сказать, что измѣнилось отношеніе правительства къ революціонерамъ. Въ поступкѣ фонъ-Валя—говоритъ „Свобода“—появился уже предрѣшенный взглядъ правительства; вслѣдствіе чего на планъ приходится отвѣчать планомъ, — организаціей террористической дружины (стр. 188-189).

Допустимъ на минуту, что это такъ, т. е., что организація такой дружины дѣйствительно необходима. Но неужели группа „Свобода“ только теперь убѣдилась въ томъ, что „одно за другимъ будутъ слѣдовать гнусныя дѣйствія“ нашего правительства? Неужели она имѣла наивность сомнѣваться въ этомъ не далѣе, какъ полтора года тому назадъ?

Она отвѣтитъ намъ, пожалуй, что хотя она вообще никогда не сомнѣвалась въ гнусности русскаго правительства, но, что она не могла предвидѣть такихъ возмутительныхъ дѣйствій, какъ тѣлесное наказаніе участниковъ демонстрацій. Но внимательный читатель такимъ отвѣтомъ не удовлетворится. Во первыхъ, въ 1901 г.—когда вышла брошюра „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“—группа „Свобода“ могла и должна была знать, что уже въ 1894 г. правительство прибѣгало къ тѣлеснымъ наказаніямъ для подавленія „безпорядковъ“ на тагильскомъ заводѣ, а во вторыхъ посмотрите, какую перспективу рисуетъ намъ та самая брошюра „Возрожденіе революціонизма“, во время появленія которой будто бы нельзя было предвидѣть гнуснаго плана правительства:

„Теперь оно вводитъ разрядъ людей „порочнаго поведенія“, куда оно заноситъ непокорные ему элементы рабочихъ, смѣшивая ихъ съ грязью и обрекая на болѣе чѣмъ голодное существованіе въ ссылкѣ; скоро оно прекратитъ судебныя разбирательства стачекъ... Потомъ вмѣсто бичей введетъ скорпіоны, вмѣсто простыхъ устрашеній—смерчи вселенскіе (!), пообъявитъ всюду военное положеніе съ произволомъ, изумительнымъ даже и для русскихъ порядковъ (sic). Повыситъ всѣ степени наказанія, начнетъ буквально гноить людей по тюрьмамъ за всякое подстрекательство рабочихъ массъ къ политическимъ волненіямъ. Будетъ карать смертной казнью... Все жать, все крушить и гнуть въ бараній рогъ, чего бы это не стоило и чѣмъ бы это не грозило! При такой своей тактикѣ, русское правительство неминуемо должно ополчиться всѣми своими силами и самыми возмутительными средствами противъ рабочаго движенія, прокладывающаго себѣ политическую дорогу...“ стр. (15-16).

Если это не „планъ“,—то мы право не знаемъ, что и называется планомъ. А если это „планъ“, то почему же группа „Свобода“ только теперь убѣдилась въ томъ, что на „планъ“ правительственнаго террора необходимо отвѣтить планомъ революціоннымъ? Это тоже неизвѣстно.

Въ еще болѣе густомъ,—совершено уже непроницаемомъ—мракѣ неизвѣстности остается значеніе того террористическаго „плана“, который будто былъ столь необходимъ теперь, благодаря полицейскому террору. Будетъ-ли этотъ планомѣрный революціонный терроръ имѣть только „эксцитативное“ значеніе, или онъ будетъ устрашать правительство, вопреки мнѣнію группы „Свобода“ о томъ, что устрашающее значеніе террора есть пустая и вредная иллюзія, за которой необходимо должно послѣдовать тяжелое разочарованіе?

Многоглаголивая „Свобода“ не проронила на этотъ счетъ ни одного хотя бы самаго коротенькаго словечка. Почему? Потому, что она и сама не свела концовъ съ концами въ своемъ взглядѣ на терроръ, Ей хочется террора и она проповѣдуетъ его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, а почему собственно нуженъ терроръ, этого она и сама хорошенько не знаетъ. Бей, а на томъ свѣтѣ разберутъ, кого и зачѣмъ убили: для „возбужденія“, для устрашенія или для какой нибудь другой потребы.

Въ той же книжечкѣ „Свободы“ напечатана интересная корреспонденція объ извѣстной батумской бойнѣ. Редакція дополнила эту корреспонденцію своимъ собственнымъ разсужденіемъ, особенно наглядно показывающимъ, какъ запутаны и противорѣчивы ея взгляды на современное русское рабочее движеніе вообще и на терроръ въ частности.

„Батумскіе рабочіе—говоритъ она,—по кавказскому обычаю ходятъ при (?!) оружіи, являясь требовать освобожденія товарищей они не оставили дома не только револьверы и кинжалы, но штейніады большее оскорбленіе для революціонера, чѣмъ плевокъ въ лицо, — и эти слова, которыя за два года до того были бы объявлены кощунственными, уже не вызывали противорѣчія. Та же „Свобода“ могла заявить, что наши комитеты не больше, чѣмъ студенческіе кружки (и тутъ она, безспорно, хватила черезъ край); могла позволить себѣ издѣваться надъ тѣми, кто вѣчно увѣряетъ, что въ партіи все обстоитъ благополучно, — и „Свободу“ уже никто не рѣшился „призвать къ порядку“... ибо къ тому времени наши „нетоварищескіе пріемы“ притупили уже чрезмѣрную чувствительность читателей въ этомъ пунктѣ. Само собой разумѣется, что „Свобода“ должна была для облегченія своей задачи съ добродѣтельнымъ осужденіемъ отозваться о нашей манерѣ полемизировать*).

---

*) Смыслъ этого страннаго, по истинѣ варварскаго термина очень хорошо передается русскимъ словомъ: возбуждающее, какъ праведливо пояснилъ въ скобкахъ самъ авторъ.

Мы надѣемся, что по вопросу о полемикѣ съ терроризмомъ дѣло пройдетъ черезъ тѣ же стадіи. Мы — „секта ортодоксовъ“ — должны концентрировать на себѣ все то негодованіе, которое вызываетъ необходимая въ нашемъ дѣлѣ борьба съ модными въ данный моментъ предразсудками; мы должны этого достигнуть именно для того, чтобы облегчить массѣ участвующихъ въ нашемъ движеніи распространеніе общихъ нашихъ идей на расчищенномъ полемикой полѣ... Мы должны добиться, чтобы для „широкой“ публики все смѣшное предстало въ смѣшномъ видѣ, чтобы все пошлое предстало во всей наготѣ своей пошлости и чтобы всякій зародышъ реакціонной идеи, скрытой за революціонной фразой, уже за версту отпугивалъ отъ себя человѣка массы... И когда мы этого добьемся, тогда и „тушинскіе перелеты“, обругавъ насъ за „неприличную“ полемику и за братоубійственныя наклонности, начнутъ, наконецъ, отъ всего сердца отстаивать дорогія намъ идеи; и это будетъ значить, что мы уже достигли цѣли, ибо, когда „тушинскіе перелеты“ отстаиваютъ правое дѣло, это значитъ, что правому дѣлу уже не грозитъ никакая опасность...

„Всегда въ меньшинствѣ!“ объявляли мы въ прошломъ году, когда шла война изъ-за экономизма и бернштейніанства, и этимъ заявленіемъ доводили до бѣлаго каленія тѣхъ, кто привыкъ быть *всегда съ большинствомъ*... Наши друзья, смущенные воплями, вызванными нашей полемикой, съумѣютъ, въ случаѣ надобности, бросить этотъ вызовъ большинству возмущенныхъ.

Для этого имъ слѣдуетъ только проникнуться пониманіемъ всей трудности переживаемаго нами момента. Самыми рискованными средствами современные террористы стараются построить популярность террора, поставить его въ глазахъ революціонной массы на такую высоту, на которой террористическая партія была бы ограждена „общественнымъ мнѣніемъ“ отъ всякой критики. Допустить это — значило бы для соціалдемократіи совершить самоубійство. Не горячась и не теряя хладнокровія, она должна противопоставлять слѣпому увлеченію свою трезвую критику и низводить съ пьедестала все то, что незаконно пытается на него взгромоздиться.

Читателю-же-„другу“, стоящему еще въ нерѣшительности передъ убѣдительностью нашихъ доводовъ, съ одной стороны, и „возмутительностью“ и пр. съ другой, — мы скажемъ подружески: мы хорошо понимаемъ, что тебѣ никакъ невозможно устоять. Гряди-же съ миромъ въ станъ „протестующихъ“, ибо въ борьбѣ, нами предпринятой, не нужны (и скажемъ по секрету, даже вредны) люди твоего настроенія и твоего темперамента! Гряди-же, и съ спокойной совѣстью прими участіе въ составленіи протестовъ и резолюцій противъ насъ! Иди-же и пребывай въ состояніи негодованія до тѣхъ поръ, пока нынѣ для тебя горькія истины пріобрѣтутъ „прочность предразсудка“, и ты вернешься подъ наше знамя, не позабывъ обругать тѣхъ, кто во время бури до послѣднихъ силъ держался за его древко...

---

*) Недавно вышла книжка Д. Рязанова, посвященная строгой критикѣ программы „Рабочаго Дѣла“. Принимая во вниманіе, что всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ группа „Борьба“ издавшая эту брошюру, насъ упрекала (въ своемъ „Летучемъ Листкѣ“) въ томъ, что мы своей полемикой *обострили* существовавшія въ с.-дем. лагерѣ разногласія, — приходишь къ выводу, что одинъ фактъ появленія критики этой программы уже давно не выходящаго журнала свидѣтельствуетъ о полномъ исчезновеніи изъ вліятельныхъ круговъ нашей партіи тѣхъ идей, съ которыми мы боролись въ прошломъ году.

ПО ПОВОДУ ВѢРНОПОДДАННИЧЕСКОЙ ОПОЗИЦІИ НАШИХЪ ЗЕМЦЕВЪ.

Какъ всѣмъ извѣстно, русское правительство въ борьбѣ съ крамолой не останавливается ни передъ какими средствами. Чаще всего и больше всего оно пускаетъ въ ходъ, конечно, всякаго рода насилія и преступленія. Но за послѣднее время оно начинаетъ все больше и больше прибѣгать къ другому также излюбленному политическими деспотами способу. Сущность этого способа сводится къ тому, чтобы посѣять раздоръ въ средѣ самихъ тѣхъ, кому приходится солоно отъ нашего самодержавія, натравить одну общественную группу на другую, или, по крайней мѣрѣ, на время прикинуться, что оно беретъ подъ свое покровительство интересы какой-нибудь группы, пообѣщать ей какую-нибудь самодержавную милость и тѣмъ хотя бы на время умиротворить ее. Такую цѣль преслѣдовало правительство и по отношенію къ студентамъ своей политикой „сердечнаго попеченія“, и по отношенію къ рабочимъ въ формѣ пресловутой зубатовщины. Но въ этихъ слояхъ оно потерпѣло неудачу: и студенты, и рабочіе отвѣтили революціонными взрывами.

Теперь такую же политику правительство ведетъ по отношенію къ земцамъ и повидимому, въ этомъ случаѣ оно можетъ разсчитывать на большій успѣхъ, чѣмъ прежде. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что сама та общественная среда, съ которой теперь заигрываетъ самодержавіе, состоитъ изъ людей, у которыхъ отвращеніе къ самодержавію въ значительной мѣрѣ ослабляется страхомъ передъ дѣйствительной революціей и, значитъ, опасеніемъ, что „шкура убитаго медвѣдя“ достанется цѣликомъ не въ ихъ руки. Въ силу этого и та оппозиція, которую проявляютъ земцы, носитъ уже слишкомъ „вѣрноподданническій“ характеръ. Земцы, желающіе освободиться отъ опеки самодержавія, дѣйствуютъ до такой степени трусливо, до такой степени не хотятъ выступить съ возможно большей рѣзкостью, что при первомъ же заигрываніи со стороны Плеве готовы тотчасъ успокоиться и дать обѣщаніе быть вѣрными слугами своего коронованнаго идіота! Уже на самомъ своемъ совѣщаніи въ Москвѣ, 23-25 мая, земцы, рѣшая протестовать противъ того, что ихъ не пригласили въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, сохраняютъ въ то же время до такой степени вѣрноподданническія чувства, что не осмѣливаются предложить управамъ совершенно отказаться отъ участія въ комитетахъ, какъ не избранныхъ земскими собраніями, а назначенныхъ отъ правительства. „Полный отказъ явился бы нарушеніемъ Высочайшей воли“, — а вѣдь это такъ ужасно!.. И это было высказано въ томъ самомъ собраніи, на которомъ сами земцы признали, что „при нашемъ государственномъ строѣ едва-ли можно говорить объ обезпеченіи устойчивости земскихъ учрежденій“. Сами земцы, такимъ образомъ, признаютъ, что прочное существованіе земства несовмѣстимо съ самодержавіемъ, но нарушить приказъ этого самодержавія для нихъ кажется совершенно недопустимымъ... Неудивительно, поэтому, что уже теперь въ средѣ земцевъ замѣтно усиливается попятное движеніе. Во главѣ этого обратнаго движенія всталъ теперь предсѣдатель Моск. губ. земской управы Шиповъ, которому Плеве обѣщалъ въ награду „за тактъ и спокойствіе“, ожидаемые имъ отъ земцевъ, засѣдающихъ въ комитетахъ, — устраивать съѣзды предсѣдателей управъ при... министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и подъ предсѣдательствомъ его, г. Плеве. Шиповъ даже не замѣтилъ, что хитрый жандармъ очень недвусмысленно желаетъ обратить предсѣдателей земскихъ управъ въ своихъ собственныхъ чиновниковъ и, такимъ образомъ, сдѣлать ихъ менѣе зависимыми и нравственно обязанными передъ избравшими ихъ земскими собраніями. Иначе говоря, если даже затѣя Плеве осуществится, то она нанесетъ сильнѣйшій ударъ самимъ земствамъ, — ихъ независимости и самостоятельности, если только эти термины сколько-нибудь приложимы къ современнымъ земствамъ. Трудно думать, чтобы Шиповъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ тѣ земцы, которые поспѣшили присоединиться къ его мнѣнію и тактикѣ, не понимали внутренняго смысла этого новаго фокуса нашего самодержавія. Но духъ „благоразумія“ и ничѣмъ неискоренимая маниловская увѣренность въ томъ, что „волкъ, авось... ха-ха-ха! и помилуетъ“, заставляютъ ихъ становиться постыдными отступниками, и всю земскую оппозицію превратить въ ничтожную шумиху.

Теперь тѣ господа, которые на московскомъ съѣздѣ голосовали за либеральныя постановленія, ведутъ себя въ открывшихся комитетахъ тише воды, ниже травы, постоянно испуганно озираясь по сторонамъ, „какъ бы чего не вышло“, и когда имъ приходится касаться общихъ условій современнаго строя, то они бормочатъ про себя что-то такое неразборчивое, что даже самыя тонкія и настороженныя уши не въ состояніи ничего разобрать. Теперь уже вполнѣ ясно, что ожидать какого-нибудь серьезнаго результата отъ всей этой комедіи нѣтъ никакихъ основаній, и тѣ изъ земцевъ, которые не хотятъ быть участниками въ этой комедіи и сдѣлаться жертвами новой шулерской затѣи самодержавія, уже уклоняются отъ участія въ комитетахъ. Такъ, напр., одинъ изъ старыхъ земцевъ, отказываясь отъ участія въ засѣданіи уѣзднаго комитета, пишетъ своему предводителю: „...Я не могу воспользоваться Вашимъ приглашеніемъ, ибо на склонѣ лѣтъ утратилъ вѣру въ искренность заботъ, направленныхъ якобы на общественную пользу. Не нужды сельскаго хозяйства интересуютъ высшія сферы, а упадокъ общаго благосостоянія и наша отсталость отъ всѣхъ культурныхъ народовъ. Борьба съ этимъ хроническимъ недугомъ возможна только мѣрами общаго характера, — быть можетъ, нужно создать благопріятную почву для проявленія самодѣятельности въ обществѣ и дать просторъ личной иниціативѣ. Если бы общество пользовалось хотя немного свободой сходокъ, свободой печати и свободой совѣсти, — оно тотчасъ проявило бы свою дѣятельность въ интересахъ общаго блага. Но высказанныя мною мечтанія не соотвѣтствуютъ вкусамъ высшихъ сферъ, а потому и разговоры въ комитетахъ дадутъ только возможность чиновникамъ въ Петербургѣ, которые будутъ ихъ разрабатывать, получать очень долгое время хорошіе оклады. На этомъ дѣло и кончится“.

Если бы авторъ этого письма захотѣлъ и съумѣлъ договорить свою мысль до конца и сдѣлать изъ своихъ замѣчаній надлежащій выводъ, то таковымъ могло быть только одно: пора, давно пора земцамъ перестать надѣяться, чтобы наше самодержавіе само полѣзло въ петлю; и если земцы дѣйствительно хотятъ покончить съ нимъ, то они должны присоединить свои усилія и оказать содѣйствіе тѣмъ, которые уже взяли на себя трудъ сплетенія этой петли.

Не-земецъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Помпадурскія шалости или либералъ въ роли сѣкутора. За нынѣшнимъ Саратов. губернаторомъ Энгельгардтомъ установилась довольно прочная репутація „либерала“ и „просвѣщеннаго администратора“. Въ бытность архангельскимъ губернаторомъ онъ возбуждалъ противъ себя неудовольствіе департамента полиціи приличнымъ отношеніемъ къ политическимъ ссыльнымъ. Въ то время онъ проявлялъ стремленіе поднять экономическое положеніе поморскихъ рыболововъ и даже написалъ книгу объ ихъ нуждахъ. Въ качествѣ Саратовскаго губернатора онъ произнесъ рѣчь о необходимости провинціальной печати и, какъ передавали, очень волновался при видѣ избіенія демонстрантовъ полиціей 5-го мая.

Къ несчастью, губернаторствовать въ Саратовѣ Энгельгардту приходится въ такое время, когда крестьяне „волнуются“, а высшее начальство волнуется сугубо. Свыше данъ пароль—„сѣчь!“

Въ качествѣ губернатора Энгельгардтъ обязанъ распоряжаться поркой и присутствовать при этомъ неаппетитномъ зрѣлищѣ. Губернаторъ-реакціонеръ исполнилъ бы эту роль съ артистическимъ наслажденіемъ; губернаторъ-карьеристъ постарался бы „отзвонить, и съ колокольни долой“; либеральный же губернаторъ непремѣнно долженъ былъ внести въ порку элементъ „нравственнаго воздѣйствія“. Достаточно краснорѣчивый свистъ розги ему понадобилось осложнять краснорѣчіемъ либерально помпадурскаго катехизиса. Вопли истязуемыхъ должны быть дополнены слезами „искренняго раскаянія“, вызваннаго душеспасительнымъ словомъ. Высѣкъ—и сказалъ теплую рѣчь; сказалъ теплую рѣчь—и высѣкъ... А мужикамъ представляется опредѣлить, подъ какимъ соусомъ розга бьетъ больнѣе: подъ звуки „рассейской“ ругани администратора-крѣпостника или подъ журчаніе рѣчи администратора „гуманнаго“.

Энгельгардовская гуманность нашла самое полное выраженіе въ отчетахъ объ его тріумфальномъ шествіи съ розгой, печатаемыхъ въ мѣстныхъ „Губ. Вѣдомостяхъ“. Реакціонная „розга“ въ этихъ отчетахъ замѣнена гуманнымъ „наказаніемъ“. Реакціонеръ сѣчетъ, либералъ—наказываетъ. Говорятъ, тѣмъ не менѣе, что отъ „наказанія“ кожа чернѣетъ не менѣе, чѣмъ отъ розги.

Въ описаніи похода на деревню Глѣбовку, Балашовскаго уѣзда, „Вѣдомости“ сообщаютъ и о самомъ характерѣ „волненій“. Жители Глѣбовки „издавна отличались предосудительнымъ поведеніемъ“ и „позволили себѣ самоуправныя дѣйствія по отношенію къ имуществу сосѣднихъ владѣльцевъ“. Именно—о, ужасъ!—они „явились въ садъ г. Сафонова, гдѣ сбили всѣ яблоки, причемъ двое вошли въ кухню и ради озорства съѣли приготовленный обѣдъ. Другіе увезли снопы съ поля г. Кожевникова, а, проходя мимо народнаго училища, разбили въ немъ окна“.

По русскимъ законамъ все сіе—мелкіе проступки, подлежащіе вѣдѣнію волостнаго суда и земскаго начальника. Но „по нынѣшнимъ временамъ“ это—начало революціи. Въ сбитыхъ съ деревьевъ яблокахъ губернаторское око, очевидно, усмотрѣло прообразъ головъ, сбиваемыхъ съ плечъ ихъ владѣльцевъ возставшимъ народомъ. Ужасъ! ужасъ! и губернаторъ явился возстановлять порядокъ.

„Губернаторъ приказалъ задержать 15 главныхъ виновниковъ и подвергнуть ихъ наказанію, но когда, послѣ внушенія, сдѣланнаго губернаторомъ собравшимся крестьянамъ, виновные (лежа подъ розгами?) принесли повинную и выразили полное раскаяніе, а крестьяне, осѣнивъ себя крестомъ, дали торжественную клят-

даже и перочинные ножи... Этотъ фактъ—самое блестящее доказательство того, какъ высоко стоитъ самосознаніе батумцевъ. Ни на одну секунду ни у кого не можетъ зародиться мысль, что батумцы—трусы, ибо послѣдующія событія доказали совершенно противное. А если они не трусы, не изъ боязни столкновенія съ правительствомъ оставили дома оружіе и держались самымъ мирнымъ образомъ,—значитъ, они всей душой понимаютъ великое значеніе организованной толпы... При такомъ вліяніи мысли на всю натуру человѣка мы не найдемъ никакихъ тревожныхъ признаковъ въ словахъ автора корреспонденціи: „имъ, какъ борющимся при русскихъ условіяхъ, дозволительны всѣ и всякія средства“. Такое, само по себѣ рискованное убѣжденіе не является опаснымъ, если людьми все время руководитъ полная сознательность. Не будь этой сознательности, поджогъ дома Антадзе, покушеніе на жизнь Вайншейдта могли бы явиться весьма нежелательными и даже вредными для дѣла. Вмѣсто организованной, сознательной рабочей борьбы, просто месть нѣсколькихъ человѣкъ нѣсколькимъ человѣкамъ, хотя бы она и одобрялась всѣми!—Это, въ сущности, небольшой выигрышъ для революціоннаго дѣла, ибо завтра придетъ другой Антадзе и будетъ тоже самое продѣлывать (надъ) безсознательной толпой... Но чуть она сознательна, тутъ она думаетъ и дѣйствуетъ вся цѣликомъ. Всѣ тысячи понимаютъ, что ихъ гнететъ строй, и борятся противъ этого строя, и если необходимость вынуждаетъ убрать въ этой борьбѣ нѣсколькихъ зловредныхъ звѣрей, вообще наказать ихъ за ихъ гнусные поступки—это совершается, какъ одно изъ проявленій рабочей борьбы, ни мало не угрожая перевести самое борьбу на почву убійствъ и поджоговъ. Всѣ живутъ, всѣ дѣйствуютъ, и только въ крайнихъ случаяхъ, какъ бы по приговору самой сознательной толпы, организуется малымъ числомъ людей спеціальный урокъ какимъ нибудь Вайнштедтамъ и Антадзе.“ (стр. 216, 217, 218.)

Не сѣтуйте на насъ, читатель, за длинную выписку: ея длина съ избыткомъ искупается ея высокой поучительностью. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте то — по мнѣнію редакціи „Свободы“ — коренное условіе, наличность котораго необходима для того, чтобы „террористическія“ дѣйствія не вредили рабочему движенію. Это условіе можетъ быть выражено словами: *высокое развитіе классоваго самосознанія пролетаріата*. Когда это условіе еще не достигнуто, *тогда террористическія дѣйствія становятся очень опасными для рабочаго движенія*, такъ какъ ведутъ къ тому, что сознательная, организованная борьба рабочаго класса замѣняется „просто местью нѣсколькихъ человѣкъ нѣсколькимъ человѣкамъ.“ Очень хорошо! И очень рѣшительно! Теперь спрашивается: достигъ ли уже русскій пролетаріатъ *высокой степени развитія классоваго самосознанія*? Всякій тотъ, кто понимаетъ значеніе словъ: *классовое самосознаніе*, скажетъ, что хотя самосознаніе русскихъ рабочихъ дѣлаетъ теперь чрезвычайно быстрые успѣхи, но несмотря на это, только пустые и жалкіе льстецы могутъ увѣрять русскій пролетаріатъ въ томъ, что имъ уже достигнута высшая степень классоваго самосознанія. Само собою понятно, что группа „Свобода“ къ числу этихъ пустыхъ и жалкихъ льстецовъ не принадлежитъ. Авторъ брошюры „*Возрожденіе революціонизма*“ категорически заявляетъ (стр. 14), что въ нашей рабочей средѣ „*идея политической борьбы находится въ зачаточномъ состояніи.*“*)

Въ свою очередь „*Свобода*“, — повторяя высказанную „Искрой“ мысль о необходимости организаціи отпора полицейской силѣ во время демонстрацій,—замѣчаетъ: „Еслибы демонстраціи исходили отъ большинства населенія, то все же были бы полезны боевыя дружины... Услуга же такихъ отрядовъ въ настоящее время стоитъ выше какой угодно оцѣнки: громаднѣйшее большинство демонстрантовъ состоитъ изъ публики, изъ любопытныхъ, часто совсѣмъ случайнаго народа, пока еще не успѣвшаго въ должной мѣрѣ проникнуться враждебными чувствами къ правительству и не считающаго своимъ долгомъ наносить ему ударъ за ударомъ“ (кн. 2, стр. 95-96).

Рабочая масса еще не участвуетъ въ демонстраціяхъ. Это совершенная, хотя и очень печальная правда; но о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ фактъ? о томъ-ли, что самосознаніе русскаго пролетаріата *уже достигло высшей степени*, или о томъ, что такая степень, къ сожалѣнію, *еще далеко не достигнута*?

Въ другомъ мѣстѣ той же книжечки „*Свободы*“ говорится, что „наша“**) Рос. С.-Д. Партія „къ несчастью, еще мало захватываетъ рабочія массы... Многія изъ мыслей, твердо усвоенныхъ Партіей и легшихъ въ ея основаніе, еще не сдѣлались достояніемъ русскаго рабочаго люда“. (стр. 133). Это тоже—совершенная, хотя и весьма горькая истина. Но не эта горькая истина убѣдятъ насъ въ томъ, что русскій пролетаріатъ *уже* достигъ высокой степени классового самосознанія. Она свидѣтельствуетъ именно о томъ, что такая степень еще не достигнута.

А если это такъ, то значитъ у насъ пока еще нѣтъ на лицо того условія, которое,—по очень разумнымъ словамъ ред. „*Своб.*“,—*необходимо для того, чтобы „террористическая“* дѣятельность не вредила рабочему движенію; чтобы она не выродилась—по прекрасному выраженію той же ред.,—въ *простую месть нѣсколькихъ человѣкъ нѣсколькимъ человѣкамъ*. А отсюда слѣдуетъ, что „*Свобода*“ *должна была бы энергично* высказаться противъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ этой борьбѣ въ настоящее время. Должна была бы, если бы хотѣла и умѣла быть логичной. Но быть логичной она и не умѣетъ, и не хочетъ. Она не замѣчаетъ своихъ собственныхъ противорѣчій и не видитъ того, что въ „террористической“ борьбѣ,—какъ и во всякой другой,—есть своя собственная логика, неизбѣжно и неумолимо приводящая къ такимъ умозаключеніямъ, которыхъ подчасъ вовсе не ожидаютъ борцы. Вотъ посмотрите, что мы видимъ теперь.

Между тѣмъ, какъ „*Свобода*“, совѣтуя нашимъ революціонерамъ выступить на путь систематическаго террора, все таки находитъ, что главныя революціонныя силы должны быть направлены на дѣло агитаціи въ рабочей массѣ, болѣе послѣдовательные люди приходятъ къ другимъ выводамъ.

Карповичъ писалъ своимъ друзьямъ изъ тюрьмы: „Будетъ организація, сама жизнь заставитъ ее вступить въ политическую борьбу, т. е. борьбу непосредственную съ русскимъ правительствомъ. Безъ этого она растворится, растаетъ и упрется въ тупой уголъ, откуда выхода нѣтъ. *А другой борьбы, какъ террористической, я не знаю*“.*)

Людямъ „не знающимъ другой борьбы“, кромѣ „террористической“ освободительная *политическая* борьба рабочаго класса, очевидно, должна представляться просто на просто *немыслимой*, по крайней мѣрѣ, при современныхъ русскихъ условіяхъ. И самое существованіе такихъ людей безпощадно опровергаетъ ту мысль редакціи „*Свободы*“, что увлеченіе „терроромъ“ ни мало не угрожаетъ намъ ослабленіемъ притока революціонныхъ силъ въ рабочую массу. *Нѣтъ, очень угрожаетъ*. Если всѣ „террористы“ проникнутся на этотъ счетъ взглядами Карповича, и всѣ революціонеры сдѣлаются „террористами“, то массовое рабочее движеніе будетъ предоставлено на произволъ судьбы, въ полномъ смыслѣ этого слова.

А можно ли опасаться того, что взглядъ Карповича распространится среди нашихъ „терррористовъ“? Тѣмъ болѣе можно, что онъ и теперь уже очень распространенъ между ними. Балмашевъ заявилъ на слѣдствіи, что при тѣхъ репрессіяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ русское правительство въ борьбѣ съ революціонерами, „мирная“ *соціалистическая работа невозможна*“**) Принимая въ соображеніе, что подъ „*мирной*“ *работой* „террористы“, обыкновенно, понимаютъ *всякую* другую борьбу, кромѣ единоличной (собственно—„террористической“, и массовой борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, приходится признать, что и Балмашевъ, подобно Карповичу, считалъ политическую агитацію *въ массѣ* невозможной при современныхъ нашихъ условіяхъ. Это—новое опроверженіе мысли, высказанной „*Свободой*“, и новое указаніе на то, *чѣмъ угрожаетъ намъ увлеченіе „терроромъ.“*

Всякій имѣетъ право быть нелогичнымъ. Не лишена этого права и группа „*Свобода*“. Но жизнь не останавливается передъ промахами *субъективной* логики людей. У нея есть своя *объективная* логика, которая особенно больно бьетъ именно тѣхъ, кто не одаренъ большими логическими способностями. *Такимъ* людямъ она на каждомъ шагу преподноситъ крайне непріятные сюрпризы и заставляетъ ихъ сегодня дѣлать какъ разъ то, что они не далѣе, какъ вчера, объявляли ненужнымъ и невозможнымъ.

Именно такіе люди могутъ сказать о себѣ словами Писанія: не то хощу, что творю, но еже не хощу, то содѣваю...

---

*) Курсивъ нашъ.

**) Группа „Свобода“ иногда причисляетъ себя къ *русск.-соц.-дем.*; иногда говоритъ, что каждый изъ насъ долженъ чувствовать себя „членомъ единой соціалис. партіи (стр. 99), а иногда же говоритъ о *своей* партіи, какъ о партіи „революціонно-соціалистической“, (Возрожд. Революц, стр. 48, при чемъ самымъ яркимъ историческимъ выраженіемъ „революціонно-соціалистическихъ“ стремленій въ нашей революціонной исторіи, она считаетъ партію „Народной Воли“ (Возрожд. Революц. стр. 19)

*) См. брошюру Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ. Берлинъ 1902 г. стр. 27. **) Та же брошюра; курсивъ опять нашъ.

ву, что никогда не дозволятъ себѣ никакихъ самоуправствъ,... губернаторъ снизошелъ на просьбу крестьянъ о прощеніи и приказалъ остановить наказаніе. При этомъ Его Превосходительство сказалъ крестьянамъ, что онъ вѣритъ ихъ кресту, потому что сами они понимаютъ, что тогда отвѣтятъ не передъ закономъ только, но и передъ Богомъ.

„При этомъ нужно замѣтить, говорятъ „Губ. Вѣд.“, что экономическое положеніе крестьянъ деревни Глѣбовки вполнѣ удовлетворительное“.

Не понимаемъ значенія этого укоризненнаго замѣчанія. Мы полагали до сихъ поръ, что съѣдать чужіе обѣды и питаться яблоками, взрощенными чужимъ трудомъ, запрещается только людямъ, экономическое положеніе которыхъ вполнѣ „неудовлетворительно“. При такихъ условіяхъ эти поступки называются нарушеніемъ права собственности. Со стороны же лицъ, пользующихся удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ, съѣданіе чужаго обѣда и лакомство чужими яблоками принято называть „пользованіемъ плодами своего трудолюбія“, о чемъ любой сельскій батюшка съумѣетъ краснорѣчиво разсказать жертвамъ „неудовлетворительнаго экономическаго положенія“.

Въ Петровскомъ уѣздѣ нашъ либералъ произвелъ чудеса. Онъ „выяснилъ“, что на поведеніе населенія дурно вліяетъ „распущенность среди молодежи“ и по сему случаю прочелъ „предику“, въ которой заявилъ: „Смотрѣть сквозь пальцы на развратъ дѣтей—значитъ, потакать разврату... и прежде всего во вредъ самимъ же родителямъ, а затѣмъ во вредъ имъ самимъ и всему обществу.“ Рѣчь эта произвела, по словамъ лѣтописца изъ „Губ. Вѣд.“ „сильное впечатлѣніе“. Чего сильнѣе! Крестьяне тутъ же на сходѣ постановили извѣстныхъ среди нихъ „головорѣзовъ“, подвергнуть наказанію.“ Бѣдные крестьяне, какъ видно, рѣшили „откупаться“ отъ рѣчистаго помпадура опредѣленнымъ количествомъ добровольно выбранныхъ жертвъ... Они пошли даже дальше. „Затѣмъ, сами же крестьяне объяснили, что на молодежь и вообще лицъ порочнаго поведенія вредно вліяютъ разныя глупыя книги, и въ скоромъ же времени представили такія книги, изъ просмотра коихъ оказалось, что большинство ихъ по содержанію своему совершенно неподходящія къ умственному кругозору крестьянина и, дѣйствительно, легко могутъ вселять самыя превратныя понятія о жизни.“ Натурально, эти вполнѣ легальныя книги были изъяты изъ обращенія. Жаль, что лѣтописецъ не назвалъ ни одной изъ нихъ! Зато онъ обязательно пояснилъ, что „крестьяне объяснили—откуда и кѣмъ эти книги были получены ими.“ Но опять-таки умолчалъ, что сталось съ тѣми грѣшниками, которые давали крестьянамъ легальныя книги.

Дальше—больше. Крестьяне Чернышевскаго общества — 50 дворовъ!,—„на которыхъ по преимуществу падало подозрѣніе въ разныхъ противузаконныхъ поступкахъ, сознавая, что худая молва не приведетъ къ добру, стали просить губернатора, чтобъ имъ позволили переселиться въ Енисейскую губернію.“ Едва ли какой-либо реакціонный сѣкуторъ достигалъ такихъ блестящихъ результатовъ! Сами себя сѣкутъ, сами у себя дѣлаютъ обыски и выдаютъ „вредныя“ книги и, наконецъ, сами себя ссылаютъ въ Сибирь! Правъ былъ Плюшкинъ, говоря, что передъ душеспасительнымъ словомъ не устоишь!

Новый Полтавскій губернаторъ, князь Урусовъ, прибылъ въ „свою“ губернію послѣ того, какъ всѣ, подлежащіе поркѣ, были уже высѣчены „гуманнымъ“ Бельгардомъ. Князь, однако, не отсталъ въ изобрѣтательности отъ саратовскаго либерала и придумалъ себѣ оригинальную забаву: онъ разъѣзжаетъ по деревнямъ и крестьяне за версту становятся на колѣни. Князь произноситъ вразумительную рѣчь, послѣ которой возглашаетъ: пойте „Боже, царя храни!“, а затѣмъ: кричите: ура!

Заставить высѣченнаго „внутренняго врага“ спѣть гимнъ самодержавія—до этого не додумался бы никто, кромѣ развѣ князя Мещерскаго! Лѣтъ семь назадъ кн. Урусовъ былъ за излишнюю развязность побитъ однимъ московскимъ студентомъ-революціонеромъ С., но мы не слышали, чтобы товарищъ, примѣнившій къ князю мѣру физическаго воздѣйствія догадался послѣ этого заставить его спѣть „марсельезу“...

Новая пощечина русскому правительству. Протестъ защитниковъ на разборѣ первой серіи дѣлъ о крестьянскихъ безпорядкахъ въ г. Валкахъ, Харьк. г. Наканунѣ перваго засѣданія Палаты защита изъ разговоровъ съ предсѣдателемъ вынесла впечатлѣніе, что ей не дадутъ возможности выяснить тѣ средства, котррыми были подавлены безпорядки въ Харьк. губ. Въ день засѣданія предположенія защиты вполнѣ оправдались. Предсѣдатель запретилъ ей касаться неудобныхъ сторонъ дѣла. Одного за другимъ онъ оборвалъ нѣсколькихъ защитниковъ, пытавшихся поставить на своемъ. Тогда защита потребовала перерыва и внесла слѣд. заявленіе:

Въ Особое Присутствіе Харьк. Суд. Палаты.

Защитниковъ подсудимыхъ крестьянъ Степана Лозенка, Павла Летюка, Ѳедора Козерого и др., обвиняемыхъ по 269 ст. Улож. о наказ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Защита убѣдилась въ томъ, что подсудимые, прежде чѣмъ были преданы суду по обвиненію въ приписываемыхъ имъ дѣяніяхъ, потерпѣли слѣдующія наказанія: 1) были подвергнуты тяжелому тѣлесному наказанію розгами, 2) въ мѣстахъ дѣятельности подсудимыхъ былъ назначенъ постой войска, при чемъ мужчины подверглись со стороны солдатъ и казаковъ побоямъ, а женщины — изнасилованію, 3) на счетъ подсудимыхъ содержались расквартированныя по селамъ и деревнямъ войска. Защита находитъ, что по основному положенію уголовнаго права никто не можетъ быть дважды наказанъ за одно и тоже; между тѣмъ, подсудимые за дѣянія, составляющія предметъ настоящаго дѣла, подверглись карамъ, которыя несравненно превышаютъ кары, налагаемыя за тѣ же дѣянія по уголовнымъ законамъ. Защита полагаетъ, что выясненіе тѣхъ наказаній, которымъ уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобожденіе ихъ, въ случаѣ признанія виновнымо, отъ вторичнаго наказанія за одно и тоже дѣяніе. Значеніе наказаній, уже понесенныхъ подсудимыми по распоряженію административной власти, отчасти разъяснено и указано Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніи по дѣлу Алимова 1873 г. № 32

Защитѣ запрещено г. предсѣдателемъ касаться обстоятельствъ, клонящихся къ выясненію понесенныхъ подсудимыми наказаній; такимъ воспрещеніемъ изъ разсмотрѣнія особаго присутствія Палаты устранены доводы и соображенія, которыя должны были бы имѣть рѣшающее вліяніе на приговоръ. Это равносильно лишенію возможности защищать подсудимыхъ, а потому мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ объ отказѣ отъ дальнѣйшаго нашего участія въ дѣлѣ въ качествѣ защитниковъ, а настоящее заявленіе просимъ пріобщить къ дѣлу.

Прис. пов. Н. Тесленко, пр. пов. Н. К. Муравьевъ, кандидатъ правъ С. Е. Кальмановичъ, пр. пов. Н. Моревъ, пр. пов. Н. Раппъ, пр. пов. А. Ф. Стааль, помощ. пр. пов. Ф. Волькенштейнъ, помощ. прис. пов. А. Бѣлоусовъ.

Подавъ заявленіе, защита удалилась, а при дальнѣйшемъ разбирательствѣ ея обязанности были выполнены кандидатами на судебныя должности. Палата сообщила о поступкѣ защиты подлежащимъ совѣтамъ прис. повѣренныхъ. Такимъ образомъ, Петербургскому, Московскому и Харьковскому совѣтамъ придется установить то или иное отношеніе къ факту, безпримѣрному въ лѣтописяхъ русскаго суда.

Поживемъ — увидимъ... А пока что — мѣстныя власти усердно инсинуировали по поводу поступка адвокатовъ. Сперва били на то, чтобы внушить обвиняемымъ мысль, что „адвокаты ихъ продали.“ Тѣмъ не менѣе, при личномъ свиданіи съ обвиняемыми защитѣ удалось объяснить имъ мотивы отказа. Тогда пошли слухи о томъ, что „адвокатовъ Палата выгнала.“

Картина „усмиренія“, которую удалось возстановить путемъ разпросовъ обвиняемыхъ — по возмутительности превосходитъ все, что можетъ себѣ представить даже избалованный въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ. Въ то время, какъ мужчины — избитые сидѣли взаперти въ сараяхъ, цѣлые взводы солдатъ насиловали женщинъ... Были случаи самоубійства изнасилованныхъ и высѣченныхъ. Офицеры смотрѣли на все сквозь пальцы. Одному полковнику принадлежитъ такое выраженіе: „Ну, теперь мы съ мужиками покончили, теперь намъ бабъ надо!...“

Мы не узнали его фамиліи, но это безразлично: къ позорному столбу этого человѣка-звѣря, котораго вскормила проклятая русская дѣйствительность!

Какъ достовѣрный фактъ сообщаютъ, что убытковъ до сихъ поръ мѣстными помѣщиками заявлено только на 75.000. Причиной — боязнь мести со стороны крестьянъ.

Намъ нечего прибавлять къ протесту защитниковъ Харьковскихъ крестьянъ. Изъ него русское общество и весь цивилизованный міръ узнаетъ, что такое представляютъ собой тѣ строгія мѣры, которыми, по словамъ царя (въ его Курской рѣчи къ крестьянамъ), были заслуженно наказаны Валковскіе крестьяне. Послѣ словъ царя защитники имѣли полное право говорить объ изнасилованіи крестьянскихъ женщинъ, какъ о „карѣ“, которую русское самодержавіе примѣняетъ черезъ посредство своихъ слугъ къ нарушителямъ „общественнаго порядка“.

Батумскій процессъ. Намъ доставленъ обвинительный актъ по дѣлу 21 батумскихъ рабочихъ, преданныхъ кутаисскому окружному суду по дѣлу о бойнѣ, произведенной мѣстными властями 9 марта 1902 года. Согласно обвинительному акту, поводомъ къ безпорядкамъ въ Батумѣ послужило увольненіе 26 февраля 389 рабочихъ съ завода Ротшильда. Общее число рабочихъ на заводѣ равнялось 900; увольненіе столь значительной части рабочихъ объясняется „сокращеніемъ спроса на керосинъ въ жестянкахъ“. 27 февраля всѣ рабочіе завода бросили работу; „они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всѣхъ не хватитъ, то чтобы заводъ установилъ ихъ очередную смѣну, причемъ тѣ, которые были бы заняты работами, получали бы полную рабочую плату, а внѣочередные, остающіеся безъ работы, получали бы половину этой платы.“

Далѣе, обвинительный актъ сообщаетъ, что прибывшій въ Батумъ кутаисскій военный губернаторъ, собравъ стачечниковъ, пригрозилъ всѣмъ тѣмъ, которые не пойдутъ на работу, высылкой этапомъ на родину и, когда увѣщанія не возъимѣли дѣйствія, полиція „по указанію администраціи завода Ротшильда“ арестовала въ ночь на 8 марта 32 рабочихъ для высылки по этапу. 8 марта толпа человѣкъ въ 400 явилась къ полицейскому управленію, требуя „освобожденія задержанныхъ товарищей“. Отъ полицейскаго управленія толпа направилась къ зданію тюрьмы, куда прибывшій за ней пом. военнаго губернатора полк. Дрягинъ вызвалъ роту 7 кавказскаго стрѣлк. батальона. Толпа требовала, чтобы или арестованныхъ выпустили, или арестовали всѣхъ. Полк. Дрягинъ исполнилъ послѣднее и, арестовавъ 348 человѣкъ, вмѣстѣ съ 32 заключенными ранѣе въ тюрьмѣ, увезъ всѣхъ въ пересыльную тюрьму. На слѣдующее утро, 9 марта „въ девятомъ часу къ пересыльной части подошла огромная толпа рабочихъ съ вожаками впереди, шествуя правильными рядами съ пѣснями, шумомъ и свистомъ“. Вышедшему навстрѣчу полк. Дрягину стоявшіе во главѣ толпы рабочіе Мих. Хиримьянцъ и Теофилъ Гогиберидзе заявили отъ имени толпы то-же самое требованіе — или освободить заключенныхъ, или арестовать всѣхъ. На этотъ разъ полковникъ отвѣтилъ приказомъ расходиться. Въ виду отказа толпы исполнить это приказаніе, Дрягинъ вызвалъ въ подкрѣпленіе къ стоявшей здѣсь командѣ крѣпостного батальона роту 7 кавказск. стрѣлк. батал. На попытку солдатъ очистить площадь отъ рабочихъ, послѣдніе отвѣтили градомъ камней. „Рабочіе пытались отнять ружья у солдатъ и слышны были крики: бей ихъ, бери ружья, они не могутъ стрѣлять‘“. Къ рабочимъ, бывшимъ на площади, присоединились заключенные въ пересыльной части, бросавшіе оттуда камни и подъ конецъ вырвавшіеся изъ тюремнаго двора. Въ заключеніе войска стали стрѣлять и убили 14 рабочихъ и многихъ ранили. Задержанные въ толпѣ и позднѣе — по указаніямъ полицейскихъ — 21 рабочій обвиняются въ явномъ противодѣйствіи мѣстной административной власти съ цѣлью принудить ее освободить арестованныхъ рабочихъ, причемъ Гогиберидзе (26 л.) и Хиримьянцъ (31 г.) „управляли дѣйствіями толпы“, т. е. по 13-ой, 264 и 1-ой ч. 266 ст. Улож. о Наказ.

По поводу этого обвинительнаго акта нашъ корреспондентъ пишетъ:

По показанію жандармск. полк. Зейдлица толпа, хлынувшая изъ воротъ пересыльнаго пункта, оказалась между войсками и толпой, стоявшей на улицѣ. Зейдлицъ призналъ, что еслибы вышедшіе хотѣли бѣжать, то не могли-бы этого сдѣлать, такъ какъ выхода не было. Прокуроръ въ обвинительномъ актѣ почему-то предпочелъ показаніямъ полк. Зейдлица показанія переводчика Жанд. Упр. Кякива, который, напротивъ, утверждалъ, что у толпы былъ выходъ направо отъ воротъ.

Въ другомъ случаѣ обвин. власть поступила какъ разъ обратно. Никто изъ свидѣтелей, стоявшихъ около губернатора, въ томъ числѣ и Кякива, бывшій рядомъ съ Зейдлицемъ, не видѣлъ, что Гогеберидзе, разговаривавшій съ помощникомъ губернатора, при приближеніи стрѣлковъ бросился къ нимъ съ криками навстрѣчу. Это усмотрѣлъ только Зейдлицъ и только на основаніи его показаній Гогеберидзе привлеченъ, какъ вожакъ толпы, будто бы призывавшій ее къ насилію.

Обвинительный актъ совершенно игнорируетъ обстоятельство, установленное большинствомъ свидѣтелей: помощ. губер. Дрягинымъ, жанд. полк. Зейдлицемъ, офицерами и приставами, что во время всѣхъ волненій между рабочими замѣчалась группа, настойчиво требовавшая отъ губернатора освобожденія товарищей, но въ то же время сдерживавшая толпу отъ всякихъ насилій. Къ числу этихъ лицъ принадлежали Гогеберидзе и Хиримьянцъ, которые обвинительнымъ актомъ выставляются, какъ руководители насильственнаго сопротивленія.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на въ высшей степени странные пріемы слѣдственной власти для открытія виновныхъ. Не говоря уже о пользованіи агентурными свѣдѣніями, о которыхъ цинично говоритъ самъ обвинительный актъ, надо представить себѣ обстановку, при которой составлялся списокъ обвиняемыхъ. Когда 14 труповъ и десятка четыре раненыхъ были привезены съ мѣста побоища въ военный госпиталь, туда явился судебный слѣдователь Плетниковъ, который опросилъ всѣхъ раненыхъ и тѣхъ изъ нихъ, которые показали, что насиліе начато войсками, а не толпой, зачислилъ въ число обвиняемыхъ. Хорошій пріемъ для того, чтобы освободиться отъ свидѣтелей защиты, такъ какъ если они и будутъ оправданы, они не будутъ свидѣтельствовать.

О легкомысліи, съ которымъ люди привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ, можно судить по слѣдующему. — Околодочный надзиратель Кардашевъ заявилъ, что онъ видѣлъ, какъ Гогеберидзе дрался съ солдатами. Только на этомъ основаніи послѣдній былъ первоначально привлеченъ къ обвиненію. На другой день Кардашевъ арестовалъ на улицѣ Бахтадзе и заявилъ, что дрался не Гогеберидзе, а Бахтадзе. Въ результатѣ оба на скамьѣ подсудимыхъ. Слѣдователь въ порывѣ усердія привлекъ въ качествѣ обвиняемыхъ и посадилъ въ тюрьму около 10 человѣкъ только потому, что показанія ихъ были невыгодны для администраціи. Прокурорская власть распорядилась объ ихъ освобожденіи за отсутствіемъ какихъ бы то ни было уликъ къ ихъ обвиненію.

Нахальство слѣдователя доходило до того, что онъ ссылался въ своихъ постановленіяхъ о заключеніи подъ стражу на то, что за два дня до столкновенія администрація арестовала данное лицо и потому де одному оно является солидарнымъ съ рабочими, сопротивлявшимися войскамъ.“

Изложенная въ обвинительномъ актѣ исторія того, какъ правительственныя власти вызвали „безпорядки“ и закончили ихъ хладнокровнымъ убійствомъ 14 человѣкъ, можетъ служить иллюстраціей къ агитаціонной запискѣ г-на Витте о преступномъ отношеніи самодержавнаго правительства къ профессіональной борьбѣ рабочихъ.

Послѣдствія Кіевскаго побѣга. Какъ намъ сообщаютъ кіевскій губернаторъ получилъ выговоръ за дозволеніе политическимъ заключеннымъ гулять по вечерамъ. За то-же, по слухамъ тюремный инспекторъ уволенъ отъ должности. Отъ должности уволенъ и помощникъ смотрителя Сулима, забредшій вечеромъ 18 августа, на свое несчастье, въ тотъ корпусъ, откуда имѣлъ мѣсто побѣгъ; вина его только въ томъ, что, разговаривая съ заключенными въ корпусѣ, онъ не слышалъ, что дѣлалось на дворѣ. Другой помощникъ смотрителя Федоровъ — дежурный въ этотъ день — отданъ подъ судъ. Четыре жандармскихъ офицера подъ наблюденіемъ товарища прокурора Корсака ведутъ слѣдствіе о побѣгѣ. Не знаемъ, какой изъ нихъ варварски избилъ вызваннаго для дачи показаній надзирателя Войтова (предварительно избитаго тюремнымъ начальствомъ). По Кіеву ходятъ упорные слухи о томъ, что другой надзиратель Лука Степанычъ, предвидя ту же участь, повѣсился. Слухъ этотъ не провѣренъ и опровергается однимъ изъ нашихъ корреспондентовъ.

Что касается самихъ бѣжавшихъ, то всѣ они ускользнули отъ преслѣдованія полиціи, за исключеніемъ Б. Плесскаго, который вскорѣ послѣ побѣга былъ арестованъ въ Кременчугѣ въ ночлежномъ домѣ. Плесскій отвезенъ въ Кіевъ и помѣщенъ въ крѣпость. Черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга Кіевская полиція объявила дворникамъ, что въ случаѣ розыска I. Басовскаго, I. Блюменфельда и В. Крохмаля розыскавшій получитъ по 1000 р. за каждаго.

Курскъ. Въ теченіе недѣли нашъ городъ былъ „центромъ“ русской жизни. У насъ, или точнѣе, въ 6-ти верстахъ отъ насъ гостилъ царь, у насъ говорились „историческія рѣчи“ сословіямъ, у насъ всемогущій Плеве читалъ въ сердцахъ представителей этихъ сословій, чтобы впослѣдствіи... прописать имъ... Впрочемъ, г.г. дворянамъ онъ уже прописалъ тутъ же на мѣстѣ. — Какъ вамъ извѣстно, курскіе дворяне письмомъ на имя г. Евреинова выразили благородное негодованіе на неблагородный способъ обращенія министра Внутреннихъ Дѣлъ съ представителями „первенствующаго сословія“. Казалось бы, послѣ такого обращенія и такого письма г. Плеве не могъ разсчитывать на ласковый пріемъ со стороны курскаго дворянства. Нѣкоторые изъ дворянъ такъ именно и думали поступить и предлагали при пріемѣ государя въ дворянскомъ собраніи совершенно обойти г. Плеве и не посылать ему приглашенія.

Плеве легко разстроилъ эти козни. Узналъ ли онъ объ этомъ, почуялъ ли верхнимъ чутьемъ опытнаго сыщика, только незадолго до пріема выразилъ губернскому предводителю желаніе посѣтить дворянскій домъ. Дурново немедленно объ этомъ поспѣшилъ оповѣстить уѣздныхъ предводителей, предлагая достойно встрѣтить высокаго гостя. И они явились. Да не только они, но и самъ поруганный и обиженный А. В. Евреиновъ. Высокій посѣтитель былъ необычайно ласковъ и привѣтливъ. Хвалилъ домъ, хвалилъ дорогое убранство, на которое въ чаяніи новыхъ подачекъ не поскупились дворяне для царскаго пріѣзда (все изъ твоего кармана, товарищъ-рабочій, да на счетъ мужицкой мошны) и въ особенности остался доволенъ роскошнымъ главнымъ заломъ. — „Акустика плоха“, замѣтилъ кто-то изъ предводителей. — „Ну, у курскихъ дворянъ прекрасныя легкія,“ милостиво пошутилъ министръ, намекая на крупный и „громкій“ разговоръ, который онъ имѣлъ съ Евреиновымъ. — „Суджанскій предводитель не нуждается въ акустическихъ приспособленіяхъ для того, чтобы его слышали“... „А вы значительно поправились послѣ Петербурга, продолжалъ Плеве, обращаясь къ Евреинову, знаете... осанка у васъ... сдѣлалась какъ-то представительнѣе...“ — „Это Ал. Вл. завѣдовалъ убранствомъ,“ замѣтилъ Дурново, желая поспособствовать возстановленію репутаціи неблагонамѣреннаго коллеги. — „А! прекрасный, прекрасный вкусъ. Очевидно, вы большой знатокъ по части... эстетики.“ Ловкій человѣкъ г. Плеве! Отчиталъ въ Петербургѣ, высмѣялъ въ Курскѣ и оставилъ въ дуракахъ (простите! но не могу подыскать болѣе учтиваго выраженія) и г. Евреинова, и курскихъ дворянъ вообще.

За г. Плеве я чуть было не позабылъ о царѣ. Что дѣлать? Это обычный удѣлъ маленькаго Николая. Богъ забылъ надѣлить его разумомъ и волею — качествами, хотя и не безусловно необходимыми для человѣка въ его положеніи („самодержца полъ-міра“), но и не совсѣмъ лишними, — министры только потому не забываютъ, что приходится давать ему бумаги на подпись... Курская полиція, въ хлопотахъ объ охранѣ его особы, позабыла, что царь долженъ быть встрѣченъ не одними шпіонами, а какъ

Когда законы объективной логики общественнаго движенія остаются непонятными для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа сторонниковъ этого движенія, тогда „промахи незрѣлой мысли“ скорѣе смѣшны, чѣмъ страшны. Но когда этихъ законовъ не хочетъ или не можетъ понять значительная часть тѣхъ, которые такъ или иначе примыкаютъ къ движенію, тогда приходится признать, что дѣлу прогресса угрожаютъ тяжелыя пораженія. Это ярко подтверждаетъ исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Въ семидесятыхъ годахъ у насъ былъ періодъ, когда революціонеры, придя къ тому убѣжденію, что террористическая борьба неизбѣжна, твердо убѣждены были, однако, и въ томъ, что „террористы“ могутъ и должны составить лишь „охранительный отрядъ“ революціонной партіи, главныя силы которой должны идти „въ народъ“. Они разсуждали такъ, какъ разсуждаетъ теперь „Свобода“ и, къ сожалѣнію, не одна „Свобода“. Этотъ ихъ взглядъ былъ очень опредѣленно выраженъ въ передовой статьѣ перваго № „Земли и Воли“. Еслибы въ то время кто нибудь сказалъ нашимъ революціонерамъ, что ихъ „охранительный отрядъ“ скоро поглотитъ всѣ ихъ организованныя силы и тѣмъ положитъ конецъ ихъ дѣятельности „въ народѣ“, то они только пожали бы плечами: „Вѣдь мы прекрасно понимаемъ,—говорили они,—что безъ поддержки народа, мы, революціонеры, не имѣемъ ровно никакого значенія“. Но прошло едва полгода послѣ появленія перваго № названнаго органа, и въ организаціи „Земля и Воля“ стало брать верхъ то „террористическое“ направленіе, сторонники котораго со страстью доказывали, что работать въ народѣ при современныхъ русскихъ условіяхъ это—тоже, что „биться, какъ рыба объ ледъ“ (см. журналъ „Народная Воля“). Люди сѣли на верхній конецъ наклонной плоскости и надѣялись удержаться тамъ, съ убѣжденіемъ, повторяя, что спуститься къ нижнему концу ея значитъ совершить самоубійство т. е. погубить все революціонное дѣло. Но объективная логика разъ принятаго положенія столкнула ихъ внизъ, незамѣтно для нихъ самихъ и вопреки ихъ, повидимому, твердому рѣшенію остаться наверху. Avis для нынѣшнихъ нашихъ сторонниковъ „охранительныхъ отрядовъ“ „эксцитативнаго террора“ „террористической мести“ и т. п.

Повторяемъ еще разъ: „терроризмъ“, — какъ и всякій другой родъ борьбы, — имѣетъ свою собственную логику. Кто сегодня „признаетъ“ терроръ лишь какъ пріемъ самозащиты или какъ способъ „мести“, тотъ завтра или послѣ-завтра станетъ—подобно Карповичу или Балмашеву,—считать его единственно возможнымъ у насъ видомъ революціонной борьбы. А тогда прощай соціализмъ! Прощай всякая, сколько нибудь основательная надежда на близкую побѣду надъ правительствомъ. Все дѣло сведется тогда къ „мести нѣсколькихъ человѣкъ нѣсколькимъ человѣкамъ“, по прекрасному выраженію „Свободы“. Мстители погибнутъ. И пусть на ихъ мѣсто появляются временно все новыя и новыя кучки („дружины“). Такая борба не можетъ всетаки не быть безнадежной. Удары мстителей будутъ становиться все рѣже и рѣже, ихъ силы будутъ становиться все слабѣе и слабѣе, а злорадная клика реакціонеровъ, громко радуясь ихъ гибели, будетъ—по не менѣе удачному выраженію той же „Свободы“,—тоже, что и прежде, продѣлывать надъ безсознательной толпой...

Caveant consules!

это не безпокойно, но и настоящимъ народомъ. Товарищъ-читатель не вѣритъ, а между тѣмъ — это фактъ. Не придавайте значенія телеграммамъ Россійскаго агентства о несмѣтныхъ толпахъ, восторженныхъ, громовыхъ кликахъ, слезахъ умиленія и пр. Все это даже не обычныя гиперболы агентства, а прямая ложь. Былъ народъ, и то не въ такомъ количествѣ, котораго можно было ожидать отъ такого города съ 50 тысячами населенія, только въ мѣстахъ остановокъ царя. Вообще же на улицахъ, по которымъ слѣдовалъ царскій поѣздъ. народу было мало, „ура“ были жидки, а въ иныхъ мѣстахъ не было ни народа, ни ура... Признаюсь, мое республиканское сердце радовалось, видя такой пассажъ (отправляясь въ Курскъ на „маневры“, я ожидалъ „патріотическихъ“ неистовствъ). Радость мою отравляла мысль, что отсутствіе народа при проѣздѣ царя является не слѣдствіемъ антидинастическихъ чувствъ населенія, а результатомъ „мѣръ“ администраціи. Послѣдняя сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы охладить вѣрноподданическій пылъ курянъ. (Сердечное спасибо ей за это!) Предо мною билетъ, подаренный мнѣ однимъ почтеннымъ гражданиномъ на память о пребываніи моемъ въ родномъ городѣ. Билетъ этотъ выданъ ни болѣе ни менѣе, какъ „на право нахожденія на улицахъ, въ домахъ и вообще въ мѣстахъ по пути слѣдованія государя-императора въ г. Курскѣ“. А вы жалуетесь на отсутствіе правъ, товарищи! Какихъ еще правъ вамъ нужно. Шутка сказать: „право нахожденія на улицахъ!“ „Вотъ счастье, вотъ права!“ — сказалъ бы Пушкинъ. Кромѣ этихъ билетовъ, было придумано еще нѣсколько видовъ: кучерамъ и извощикамъ „на право проѣзда въ мѣстахъ пребыванія“ царя и другіе, значеніе которыхъ позабылъ... Ясное дѣло, что такіе билеты могли получить сравнительно немногіе. Въ большинствѣ же слухи о билетахъ вызывали раздраженіе и боязнь, что безъ билета „царя-то не увидишь, а въ шею накладутъ.“ А тутъ еще повальные осмотры подвальныхъ помѣщеній, по главнымъ улицамъ запечатываніе погребовъ. Въ еврейскихъ кварталахъ, гдѣ живетъ ремесленная бѣднота, передъ пріѣздомъ производились и совсѣмъ ужъ гнусныя изслѣдованія. Изъ дома въ домъ ночью шаталась шайка жандармовъ, перерывая все вверхъ днемъ, оскорбляя чувство стыдливости женщинъ и дѣвушекъ... По отношенію къ торговымъ помѣщеніямъ были придуманы также мѣры. Съ владѣльцевъ лавокъ и магазиновъ, расположенныхъ по главнымъ улицамъ, кромѣ подписки, взятой со всѣхъ вообще хозяевъ квартиръ о недопущеніи къ себѣ въ день пріѣзда лицъ, не снабженныхъ пресловутыми билетами, отобрана была еще и другая подписка, по которой они обязывались торговли не производить, но и магазиновъ не запирать. Иначе, молъ, видъ закрытыхъ ставнями дверей и оконъ произведетъ удручающее впечатлѣніе на императора.

Наканунѣ пріѣзда администрація поняла, что въ своемъ охранительномъ усердіи зашла слишкомъ далеко и рискуетъ вмѣсто „патріотическихъ“ манифестацій устроить комичное слѣдованіе царя по пустыннымъ улицамъ. И вотъ, высуня языки, помчались околодочные и пристава возвѣщать курянамъ, что царя всѣ увидятъ. Разсказываютъ, что эти благовѣстники прежде всего напали на оторопѣвшихъ и со сна (дѣло было ночью) ничего не понимавшихъ извощиковъ, справедливо полагая, что на лошадяхъ благая вѣсть быстрѣй распространится по городу. Было, однако, уже поздно, контръ-мѣры не помогли и „народныхъ массъ“ не создали.

Не забыты были, конечно, и „враги порядка“. Рано на зорькѣ были приглашены въ участки и тамъ задержаны до вечера: Ермолова, Фортунатова, Н. Никитинъ, Каллистратова (жена стат.) и бывш. стат. Поповъ. Къ нимъ присоединили задержанныхъ на улицѣ Воробьева (раб.) и Будякова (студ.). Въ участкахъ же сидѣло и 7 крестьянъ, задержанныхъ съ прошеніями на высочайшее имя. (Одинъ частный приставъ хвастался, что одинъ онъ отобралъ у крестьянъ болѣе 40 такихъ прошеній. Вотъ они, истинные-то самодержцы!)

Всѣхъ этихъ лицъ и задержали и выпустили самымъ безцеремоннымъ образомъ. Городовые взяли, городовые и выпустили, а за что, про что — начальство знаетъ. Глупые и смѣшные вы люди, г.г. охранители. Отъ кого вы оберегаете вашего царя? Кому онъ нуженъ, бѣдный, убогій Ника? Придетъ время мы, конечно, его уберемъ, но уберемъ безъ шума и треска выстрѣловъ, тихимъ манеромъ отправимъ на теплыя воды коротать остатки дней въ спиритическихъ гаданіяхъ да размышленіяхъ о великихъ, но невольныхъ грѣхахъ, совершенныхъ имъ передъ родиной и трудящимся людомъ. А пока пусть себѣ тѣшится, пусть себѣ катается, доказывая народу наглядно все убожество, до котораго дошло въ его лицѣ самодержавіе. Правда, это стоитъ денегъ, но даромъ ничего не дается... Курскіе мужики чешутъ себѣ въ затылкахъ, видя, какая уйма денегъ (до 16 мил., если вѣрить слухамъ) пошло на царскую поѣздку и маневры, въ которыхъ московскій дядя царя, вел. кн. Сергѣй воочію обнаружилъ, какими глупыми и безтолковыми людьми замѣщаются въ настоящее время высшія государственныя и военныя должности. Но тотъ же курскій мужикъ разсуждаетъ: „Вотъ жили себѣ тихо и царя не видали, а какъ забунтовали и царь пріѣхалъ. Къ новому году, слышь, будутъ землю дѣлить.“ Крестьяне, болѣе освѣдомленные о причинахъ царскаго пріѣзда и слышавшіе или читавшіе его рѣчь, разсуждаютъ не менѣе революціонно, но болѣе осмысленно. „Да, говорилъ одинъ, пріѣхалъ...“ „Помните, говоритъ, что богатѣютъ не захватомъ чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божьимъ.“ Мы-то, братъ, видали, какъ богатѣютъ, а ты, видно, не очень въ этомъ смыслишь... Тоже, нашелъ дураковъ учить.“

Не хочетъ, а учитъ, открываетъ глаза народу Ника. Пусть же себѣ ѣздитъ пока что. (Мы его не тронемъ. Красный.

Архангельскъ. („Стачка“ лѣсопромышленниковъ). Между Управленіемъ Государственныхъ Имуществъ и мѣстными лѣсопромышленниками возникли уже давно непріязненныя отношенія, вызвавшія, наконецъ, настоящій бойкотъ у мѣстныхъ буржуа лѣсопромышленниковъ по отношенію къ казенному лѣсу. Поводомъ для бойкота послужили установленныя казной цѣны на срубленный лѣсъ Всѣ лѣсопромышленники Архангельской, а за нимъ и Вологодской губ. отказались покупать казенный лѣсъ, такъ что на зиму совершенно почти нѣтъ заготовленнаго лѣса и всѣ со дня на день ждутъ пріостановки всѣхъ лѣсопильныхъ заводовъ. Казна терпитъ весьма чувствительмые убытки, особенно, если принять во вниманіе тѣ милліонные обороты, которыми ежегодно ворочаетъ лѣсопромышленность только одной Архангельской губ., не говоря уже о Вологодской.

Значительные бюджетные недоборы по Управленію Госуд. Им. сильно встревожили цербера казеннаго сундука г. Витте, и онъ теперь рветъ и мечетъ на Ермолова за то, что онъ добываетъ мало денегъ. Говорятъ, что создавшійся на этой почвѣ конфликтъ обѣщаетъ со стороны Витте переходъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Ермолова...

Но „паны дерутся, а у хлопцевъ чубы трещатъ“, искуственно созданный кризисъ въ нашей лѣсопромышленности выбрасываетъ на улицу тысячи рабочихъ, занятыхъ обыкновенно въ этой промышленности и какъ разъ въ такое время, когда некуда больше дѣться. Положеніе ужасное... Что будетъ здѣсь въ предстоящую зиму, трудно себѣ представить, такъ какъ лѣсопромышленность — единственный способъ добывать хлѣбъ для голодной архангельской деревни. Кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, на лѣсопильныхъ заводахъ въ Архангельскѣ, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги, работаетъ пришлый элементъ изъ центральныхъ разоренныхъ деревень. Обыкновенная заработная плата на мѣстныхъ заводахъ даже въ хорошій годъ почти нищенская, а если прибавить къ этому низкій культурный уровень здѣшняго рабочаго, не умѣющаго еще отстаивать и своихъ ближайшихъ экономическихъ интересовъ и всячески эксплуатируемаго „чумазыми“ лѣсопромышленности, то картина жизни мѣстнаго рабочаго, не втянувшагося еще въ классовую борьбу, получится довольно мрачная. Во всякомъ случаѣ, этотъ годъ съ „кризисомъ“, вызваннымъ бойкотомъ эксплуататаровъ, долженъ кое чему научить и здѣшняго забитаго полураба-рабочаго и создастъ довольно благопріятную почву для соціаль-демократической агитаціи и пропаганды. Попытки до сихъ поръ въ этомъ отношеніи были почти неудачны, такъ какъ онѣ волей неволей распространялись лишь на тѣсный кругъ болѣе культурнаго пришлаго рабочаго люда, масса же еще спала. Теперь же не то. Симптомовъ новаго настроенія массы здѣсь много. Недовольство распространяется и на загнаннаго и забитаго безпросвѣтной нуждой архангельскаго пролетарія.

Изъ области сыска.

М. В. Д.
....го Губернатора.
По канцелярія.
6-го іюня 1902 г. № 1559

Совершенно секретно.
Циркулярно.
Г.г. Полицмейстеру и уѣзднымъ
исправникамъ ... губерніи

Изъ полученныхъ въ департаментѣ полиціи свѣдѣній усматривается, что въ настоящее время наиболѣе серіознымъ значеніемъ среди членовъ революціоннаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе „партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ пользуются разыскиваемыя циркулярами Департамента Полиціи нижеслѣдующія лица:

1) Гершуни (онъ же Гершунъ, онъ же Гершунинъ) Григорій Андреевъ, изъ мѣщанъ гор. Шавли Ковенск. губ., врачъ бактеріологъ; подробныя свѣдѣнія о прошлой дѣятельности, о родственныхъ связяхъ, примѣтахъ изложены въ циркулярѣ отъ 22 іюня 1901 года за № 2234 и въ приложеніи къ циркуляру отъ 1 мая 1902 года за № 3362, при коемъ разослана и фотографическая карточка.

2) Василевскій Петръ Ивановъ (циркуляръ отъ 1-го апрѣля 1902 года за № 2447.)

3) Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна, урожденная Вериго, крестьянка Забайкальской области, Селегинскаго округа, Иволкинской волости, Зуевскаго селенія (циркуляры отъ 12 октября и 12 ноября 1901 год. и 1 мая 1902 год. за №№ 3362, 3947, 3392).

Департаментъ Полиіи придаетъ первостепенное значеніе аресту названныхъ лицъ, а потому предлагаетъ принять всѣ находящіяся въ распоряженіи полиціи мѣры къ розыску ихъ и съ этой цѣлью провѣрить всѣми способами подозрительныхъ лицъ и совокупными съ чинами общей и жандармской полиціи усиліями задержать названныхъ преступниковъ, подлежащихъ препровожденію въ распоряженіе Начальника С.-Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Поставляя объ изложенномъ въ извѣстность г.г. Полицмейстера и Уѣздныхъ Исправниковъ, предписываю имъ установить чрезъ подвѣдомственныхъ имъ чиновъ полиціи самое тщательное наблюденіе за появленіемъ означенныхъ личностей и, кромѣ того, провѣрить всѣхъ вообще подозрительныхъ лицъ въ подвѣдомственныхъ имъ районахъ, — съ цѣлью выясненія, не скрываются ли у нихъ Гершуни, Василевскій и Брешковская и въ случаѣ обнаруженія ихъ такимъ путемъ, — немедленно ихъ арестовать и поступить согласно указаній Департамента Полиціи.

Вмѣстѣ съ симъ предписываю г.г. Полицмейстеру и Уѣзднымъ Исправникамъ оказывать чинамъ жандармской полиціи всякое содѣйствіе, въ видахъ обнаруженія Гершуни, Василевскаго и Брешковской, фотографическія карточки которыхъ при семъ прилагаются.

Подписалъ: Губернаторъ ....въ
Скрѣпилъ: Управляющій Канцеляріей ....ъ
Вѣрно: за Помощ. Правит. Канцеляріи (подпись неразборчива).

Е. К. Брешко-Брешковская — извѣстная пропагандистка 70-хъ годовъ, осужденная на каторгу по дѣлу 193-хъ и нѣсколько лѣтъ назадъ вернувшаяся въ Россію.

Харьковъ. Намъ пишутъ: Въ городѣ распространенъ и ходитъ по рукамъ гектографированный листокъ „Долой соц.-демократію!“, подписанный „Группой независимыхъ“. Листокъ распространенъ среди машиностроительныхъ рабочихъ...

Общее его содержаніе — критика дѣятельности соц.-дем. Особеннымъ нападеніямъ подвергнуты „оппортунисты“ „измѣнники народнаго дѣла“, причемъ на ряду съ Фольмаромъ, Мильераномъ, Жоресомъ — стоятъ Бебель и Плехановъ.

„Независимые“ призываютъ рабочихъ къ личной иниціативѣ, къ личному почину, организаціи на началахъ „свободной ассоціаціи безъ авторитетовъ, безъ удушливой партійной дисциплины“ и приглашаютъ къ „открытому протесту, къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ съ врагами народа и тиранами.“ Воззваніе кончается словами: „Товарищи, будемъ же бороться, полагаясь только на самихъ себя и прочь предразсудки, прочь авторитеты. Долой деспотизмъ!“

Очевидно, „независимые“ (источникъ этихъ изданій для насъ очевиденъ) выступаютъ въ новой роли — западно-европейскихъ анархистовъ.

Не прогрессъ-ли это зубатовской политики новой формаціи?!

„Сторонній“.

P. S. Листокъ, въ общемъ, искусно составленный, произвелъ на читателей большое впечатлѣніе.

Ставрополь Кавказскій. 28 іюня арестованъ въ городской рощѣ мѣстный крупный землевладѣлецъ Н. Н. Безмѣновъ, живущій на хуторѣ Николина Пристань. Безмѣновъ сталъ извѣстенъ своей продолжительной борьбой съ мѣстнымъ судомъ и администраціей, возникшей на почвѣ огражденія имъ своихъ личныхъ имущественныхъ интересовъ. Въ этой борьбѣ Безмѣнову пришлось нѣсколько разъ судиться по обвиненію въ оскорбленіи должностныхъ лицъ, о чемъ онъ разсказываетъ въ изданной имъ брошюрѣ („Дѣло Безмѣновыхъ“). За нѣсколько дней до ареста Безмѣновъ судился въ Ставропольскомъ окружномъ судѣ за оскорбленіе словами товарища-предсѣдателя окружнаго суда Дадьянца и былъ присужденъ къ одному мѣсяцу ареста. Мѣстная администрація ликуетъ, а ей вторятъ тѣ обыватели, которые всегда идутъ впереди „видовъ начальства“. Къ числу такихъ, повидимому, принадлежатъ заправилы мѣстной газеты „Сѣверный Кавказъ“, который ополчился на Безмѣнова за то, что послѣдній вызывающе держался по отношенію къ предсѣдателю суда — этому представителю „законности“ (замѣтка объ этомъ была написана въ доносительномъ духѣ). Судъ въ Ставрополѣ — безъ присяжныхъ, а потому можно себѣ представить, какую „законность“ онъ выражаетъ.

Рабій духъ, одушевляющій мѣстную прессу, отличаетъ собой и мѣстную интеллигенцію. Недавно живущій здѣсь г. Кулябко-Корецкій, кричащій на всѣхъ перекресткахъ о своихъ передовыхъ взглядахъ, лобызался съ вице-губернаторомъ Ключаревымъ во время устроеннаго послѣднему прощальнаго обѣда (Ключаревъ переведенъ въ Витебскъ). Г. Кулябко-Корецкій провозгласилъ за него тостъ, какъ за „лучшаго цензора въ Россіи“. Вслѣдъ за Кулябко, редакторъ „Сѣв. Кавказа“, г. Евсѣевъ, старѣйшій представитель мѣстной адвокатуры, привѣтствовалъ все того же вице-помпадура. Таковы понятія о тактѣ у нашихъ мѣстныхъ либераловъ!

Неудивительно, что среди царящей здѣсь рабской тишины арестъ Н. Н. Безмѣнова долженъ былъ произвести сенсацію. Вслѣдъ за арестомъ Безмѣнова были арестованы на хуторѣ, гдѣ жилъ Безмѣновъ, двое крестьянъ. Жандармы изъ кожи лѣзутъ, чтобы во что бы то ни стало создать громкое дѣло. Крестьянъ, какъ говорятъ, хотѣли подкупить, чтобы добыть „данныя“ для дѣла. За ходомъ послѣдняго всѣ власти слѣдятъ съ неостывающимъ любопытствомъ, такъ какъ всѣ онѣ заинтересованы въ томъ, чтобы какимъ-нибудь способомъ избавиться отъ неспокойнаго человѣка въ своей губерніи.

Изъ сидѣвшихъ въ мѣстной тюрьмѣ двухъ московскихъ студентовъ, отбывавшихъ наказаніе за демонстрацію, одинъ — Корде — былъ выпущенъ до срока, а другой — Захаровъ — все еще сидитъ.

Намъ пишутъ изъ Перми. 20-го августа изъ мѣстной тюрьмы выпущены и оставлены въ городѣ впредь до окончанія дѣла 9 человѣкъ, обвиняющихся въ устройствѣ вечеринокъ во время учительскаго съѣзда: вечеринки устраивались съ преступною цѣлью пропаганды среди учителей. Шесть человѣкъ сидѣло съ февраля-марта, трое — сидѣло всего лишь 10 дней. Выпущены они были послѣ голодовки, въ которой участвовало 6 человѣкъ. Поводомъ къ голодовкѣ послужило введеніе болѣе строгаго режима въ распорядки тюрьмы, такъ что требованія ихъ сводились къ требованію, напр., возстановленія общихъ прогулокъ и т. д. Голодали они 8 дней, послѣ чего ихъ требованія были удовлетворены. Одному же изъ нихъ, — сотруднику „Пермск. Края“ — Трапезникову пришлось проголодать 14 дней, т. к. къ общимъ требованіямъ онъ присоединилъ еще требованіе своего освобожденія. Свою голодовку онъ прекратилъ лишь тогда, когда ему показали бумагу о скоромъ окончаніи его дѣла. На другой день онъ вмѣстѣ со всѣми другими былъ выпущенъ. Эта голодовка произвела глубокое впечатлѣніе на городское населеніе. Были распространены воззванія къ обществу, принятыя послѣднимъ сочувственно. Вообще въ обществѣ замѣчается увеличеніе революціонной „нервозности“.

Большіе толки также вызвало „покушеніе“ на инженера М. Д. Назарова: въ окно его квартиры былъ брошенъ патронъ. Дѣло было вечеромъ, патронъ ударился въ косякъ, упалъ на землю, гдѣ, разорвавшись, ранилъ подбѣжавшаго ночного сторожа (теперь онъ вполнѣ выздоровѣлъ). По этому дѣлу было арестовано 3 проходившихъ случайно рабочихъ, по общему мнѣнію, не имѣющихъ къ дѣлу никакого отношенія. Сначала они сидѣли въ общей камерѣ, но затѣмъ, послѣ посѣщенія тюрьмы жандармскимъ полковникомъ, разсажены по одиночкамъ. Жандармы потираютъ отъ удовольствія руки: вѣдь чуть не террористичекое дѣло наклевывается!

А самъ г. Назаровъ поспѣшилъ поскорѣе убраться, съ соблюденіемъ извѣстной помпы. Въ знакъ благодарности за свое патріархальное отношеніе къ рабочимъ (особенно склонность пускать въ ходъ кулаки) онъ устроилъ себѣ торжественные проводы, причемъ нашелъ рабочихъ, которые согласились сказать ему благодарственныя рѣчи и сдѣлать какія-то подношенія.

Красноярскъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Красн. Комитетомъ Сибир. С.-Д. Союза была распространена прокламація № 14 по поводу наказанія розгами Виленскихъ рабочихъ, покушенія и казни Лекерта. Эта первая печатная, съ обозначеніемъ: „Типографія Комитета“. Такимъ образомъ Красн. Комитетъ въ техническомъ отношеніи прогрессировалъ даже очень успѣшно. — За 6-7 мѣсяцевъ своего существованія онъ перешелъ отъ гектографа (2 прокл.) черезъ мимеографъ (11 прокл.) до печатнаго станка.

„Столбамъ“ (живописныя скалы въ 15-17 верстахъ отъ города), о которыхъ упоминалось уже въ 22 № „Искры“, еще разъ суждено было сыграть роль... идіотизмометра для нашей Красноярской полиціи. 28-29 іюня поклонники и любители природы и сильныхъ ощущеній (которыя, какъ извѣстно, получаются не только отъ головокружительной высоты, но и отъ головокружительныхъ напитковъ!) порѣшили справить юбилей избушки-пріюта, возведеннаго ровно 10 лѣтъ тому назадъ самими же „столбистами“. Сказано — сдѣлано. За нѣсколько дней до 29 іюня „столбисты“ наши начали уже дѣлать приготовленія къ предстоящему торжеству. Полиція, пронюхавъ о какихъ-то сборахъ, имѣющихъ касаніе къ „неблагонадежной“ мѣстности, постаралась, конечно, обезпокоиться и тоже стала снаряжаться въ походъ на „столбы“.

Ко дню Петра и Павла на „столбахъ“ кишьмя — кишѣлъ народъ. Скоро (иные говорятъ — и ранѣе) явилась туда и полиція съ жандармеріей. Недалеко отъ избушки-юбиляра былъ разбитъ непріятельскій станъ. Лазающіе по скаламъ и выпивающіе у скалъ „столбисты“, настроенные хотя ужъ и весело, но, однако, весьма еще мирно, — тутъ, естественно, не могли стерпѣть и вознегодовали... Синіе мундиры уже, конечно, совсѣмъ не входили въ программу празднества! И вотъ къ вечеру, когда немного стемнѣло, по адресу вражескаго лагеря понеслись со всѣхъ сосѣднихъ камней всевозможные возгласы: анафема, долой жандармерію, и даже — долой самодержавіе!

Полиціей былъ сорванъ красный флагъ съ надписью: „свобода“ съ одного изъ высочайшихъ столбовъ; избушка затѣмъ оцѣплена и всѣ въ ней присутствовавшіе, человѣкъ 12-14 заарестованы и подъ конвоемъ, — на крестьянскихъ повозкахъ изъ ближайшей деревни — торжественно препровождены до города въ тюремный замокъ.

Большинство изъ арестованныхъ было выпущено въ слѣдующіе же дни. Трое же, признанные почему-то за особо-опасныхъ, просидѣли 3-4 недѣли каждый. Шуму въ городѣ эта полицейски-азіатская исторія надѣлала ужасно много. Иные негодуютъ, иные смѣются. Красноярская полиція, кажется, потеряла теперь всякій кредитъ въ глазахъ даже... обывателя. Крестьяне ближайшей къ „столбамъ“ деревни, принужденные нежданно-негаданно нести „подводную“ повинность въ страдную пору, были порядкомъ возмущены полиціей и до сихъ поръ издѣваются надъ ней.

Енисейскъ. Въ одинъ прекрасный іюльскій день властями губернскаго города Красноярска получена была телеграмма изъ г. Енисейска, какъ говорятъ, такого содержанія: „городъ въ опасности“. Въ самомъ Енисейскѣ въ этотъ день былъ изрядный переполохъ. Пришли грозные слухи, что рабочіе Неробѣловскихъ пріисковъ, (которые верстъ за 100-120 отъ города), поднявши красныя знамена, двинулись на Енисейскъ. Энергичная сибирская администрація не растерялась и, быстро приведя въ боевой порядокъ свой жалкій гарнизонъ, выставила его передъ городомъ для отраженія... непріятельской арміи. И вотъ черезъ нѣкоторое время непріятель показался... Человѣкъ 70 рабочихъ въ сопровожденіи своихъ женъ и дѣтей мирно тянулись къ городу...

Храбрый гарнизонъ мужественно преградилъ „непріятелю“ дорогу и грозно вопросилъ; „Стой! Куда! Зачѣмъ?“

— „Въ городъ по начальству, жалобиться на хозяина“, — отвѣчали рабочіе.

Но не смотря на такое мирное настроеніе „врага“, вся „непріятельская армія“ была взята храбрымъ гарнизономъ... въ плѣнъ и отправлена въ тюремный замокъ.

Скоро всѣ страхи и все это дѣло объяснилось весьма просто. Неробѣловъ, хозяинъ пріисковъ — типъ таежнаго звѣря-человѣка, на душѣ котораго, какъ говорятъ, лежитъ не мало пролетарской крови, не одна пролетарская жизнь, намѣренно устроилъ весь этотъ переполохъ. Обладая необыкновенной физической силой, этотъ звѣрь нерѣдко собственными руками жестоко расправляется съ своими рабами-рабочими. И бывали случаи, когда бѣжавшіе изъ его „каторги“ исчезали безслѣдно... Вѣдь, тайга велика, темна и молчалива!

Но сей звѣроподобный субъектъ, какъ оказывается, однако, не лишенъ нѣкотораго рода „цивилизованной“ сметки. Когда рабочіе, выведенные изъ себя его придирками и истязаніями, рѣшили сообща бросить работу и идти въ городъ — жаловаться, сей таежный звѣрь доказалъ, что и онъ „плодъ“ современной культуры. Прослышавъ, что по Россіи за послѣдніе годы происходитъ что-то не ладное и что въ этомъ „неладномъ“ не малую роль играютъ именно — „рабочіе съ красными знаменами“, онъ пріѣхалъ въ городъ, обогнавъ шествующихъ рабочихъ, и перепугалъ нашихъ властей ужаснымъ заявленіемъ: „революція идетъ!“ И, конечно, ловко попалъ въ цѣль. — Передъ россійской полиціей, заброшенной въ глухой таежный уголъ, всталъ грозный призракъ — невѣдомый и страшный... И въ результатѣ — вся эта комедія. Арестованные рабочіе, конечно, скоро были выпущены, а администрація г. Енисейска постаралась замять всю эту исторію. (Вице-губернаторъ изъ Красноярска, однако, ѣздилъ зачѣмъ-то въ Енисейскъ).

Одно можно сказать: у страха глаза велики!

Приближающаяся къ Россіи исполинскими шагами политическая революція даетъ о себѣ вѣсточку и къ намъ въ глухую таежную Сибирь, заставляя представителей россійской самодержавно-полицейской власти то тутъ, то тамъ выкидывать самыя идіотскія исторіи.

Иркутскъ. Въ іюнѣ и въ началѣ августа мѣстнымъ комитетомъ Сиб. Соц.-Дем. Союза были распространены 2 прокла-

мація — № 4 и 5: № 4 по поводу маленькаго народнаго бунта, случившагося у насъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, а № 5 по поводу покушенія на Оболенскаго. Что касается бунта, то дѣло происходило такъ. — Одинъ мошенникъ-лавочникъ, изъ ссыльныхъ черкесовъ, обсчиталъ рабочаго (строительнаго). На требованія рабочаго онъ отвѣчалъ тѣмъ, что сталъ выгонять его изъ лавки. Началась ссора. Рабочій аппелировалъ къ присутствующимъ и къ толпѣ возвращающихся съ работы товарищей. Толпа стала грозить лавочнику, что разнесетъ все. Лавочникъ, видя, что дѣло плохо, выстрѣлилъ въ нападающихъ и всадилъ пулю въ горло одному изъ толпы, а самъ успѣлъ убѣжать и скрыться. Тогда толпа, подкрѣпленная новыми партіями возвращающихся съ работы, вознегодовала и устроила жестокую бомбардировку изъ камней. — Весь товаръ и самое зданіе, гдѣ помѣщалась лавка, черезъ нѣсколько минутъ представляли уже весьма жалкое зрѣлище. Народъ сбѣгался со всѣхъ улицъ сотнями. Новыя и новыя толпы вступали въ ряды разрушающихъ. Появился и нашъ иркутскій люмпенъ-пролетаріатъ, котораго здѣсь (благодаря желѣзнодорожному строительству) довольно много. Картина стала принимать видъ не только внушительный, но и грозный, — грохотъ камней, крики, гиканье, иногда выстрѣлы въ воздухъ — все это начинало походить далеко не на „большой скандалъ“, какъ постарались потомъ представить эту вспышку народнаго гнѣва представители полиціи.

Городовые сбѣжали со своихъ постовъ, кой-кто изъ нихъ былъ побитъ довольно основательно. Вскорѣ прибылъ и болѣе крупный представитель власти — полицейскій приставъ и, войдя въ толпу, властными жестами попробовалъ было разогнять ее. Но, — увы, — весь страхъ и почтительность толпы передъ полиціей исчезли куда-то безслѣдно... и приставъ былъ жестоко избитъ. Гиканьемъ, свистомъ и смѣхомъ были прогнаны затѣмъ еще какіе-то два представителя власти. Эти почтенные чиновники пресмѣшно улепетывали вдоль улицы! Наконецъ, явился и самъ хозяинъ города — губернаторъ... но и ему пришлось не сладко... Толпа встрѣтила его издѣвательствами и смѣхомъ. Сидя въ своей коляскѣ, обезкураженный, онъ разводилъ только руками, да растерянно бормоталъ: „Что станешь дѣлать? Войска въ городѣ нѣтъ“... (солдаты были увезены далеко на маневры) — Такъ, разводя руками, онъ и уѣхалъ.

Пригнали было для усмиренія нѣсколько пожарныхъ частей, но народъ пригрозилъ изорвать, изрѣзать рукава, если онѣ осмѣлятся разливать. И пожарныя части благоразумно покорились.

Народомъ были разбиты еще двѣ лавки, принадлежащія черкесамъ же, прославившимся своими мошенничествами и обманами. И только часамъ къ девяти (началось же съ 8 час. вечера), когда почти всѣ „бунтари“ устали и разошлись, прискакали казаки и, напрасно отыскивая „непріятеля“, отхлестали по пути койкого изъ любопытствующихъ обывателей. Такимъ образомъ день этотъ сталъ днемъ „крещенія“ иркутскаго обывателя и черезъ православную казацкую плеть онъ былъ введенъ и причисленъ, наконецъ-то, къ сонму истинно русскихъ и православныхъ...

Вся эта баталія, надо сказать, происходила въ еврейскомъ кварталѣ города и можно было опасаться, что стихійная вспышка эта можетъ легко превратиться въ анти-еврейскіе безпорядки. Но ничуть не бывало. Лавка черкеса, разбитая вдрызгъ, находилась рядомъ въ одномъ зданіи съ лавченкой еврея-ювелира и въ этой послѣдней не были разбиты даже стекла.

Весь этотъ „бунтъ“ скорѣе всего и справедливѣе всего можно назвать анти-полицейскими безпорядками, ибо негодованіе противъ полиціи выразилось здѣсь слишкомъ ярко и ощутительно... и не только въ толпѣ „бунтарей“, но и въ массѣ любопытствующей публики. — Иркутская полиція (конечно, по отношенію къ „простому“ народу) есть нѣчто невозможное по своей наглости и алчности. Всѣ мошенники (а также, значитъ, и потерпѣвшіе лавочники) подъ ея покровительствомъ и защитой. Многіе иркутяне не сомнѣваются, что не только нѣкоторыя воровства и грабежи произошли съ вѣдома и съ помощью мѣстной полиціи, но не мало и убійствъ (а они у насъ такъ часты, что наводятъ общую панику и иногда, по вечерамъ, обыватель только въ крайности вылѣзаетъ на улицу, дрожа и крестясь...), въ которыхъ полиція нагрѣвала руки.

Въ послѣдующіе дни за этимъ „бунтомъ“ не мало было шуму по городу. Но, поговоривъ немного, особенно когда появились листки по этому поводу отъ мѣстнаго С.-Д. Комитета — обыватели скоро забыли всю эту исторію. Листокъ Комитета разъяснялъ нецѣлесообразность такихъ протестовъ, указывая на злѣйшаго народнаго врага — самодержавіе съ его полиціей и на то, какъ слѣдуетъ бороться съ этимъ врагомъ.

[Къ сожалѣнію, листокъ Комитета не совсѣмъ удачно использовалъ этотъ случай въ агитаціонномъ смыслѣ. (Таково мое мнѣніе!) Миновавшая эпидемія экономизма, очевидно, помимо собственной воли писавшихъ, отразилась и въ этомъ листкѣ. — Фактъ ярко-политич. характера почему-то непремѣнно понадобилось скрѣпить и связать съ повседневной экономич. борьбой Не есть ли это приниженіе и съуженіе агитаціоннаго размаха?! Наши задачи (полагаю я) пользоваться подобными фактами именно, какъ таковыми, способствуя тѣмъ самымъ высвобожденію сознанія рабочаго класса изъ узкой сферы повседневныхъ отношеній работника и хозяина. Именно только такой способъ использованія фактовъ внѣфабричной жизни и способенъ воспитать политическое сознаніе рабочаго класса.]

Прокламація № 5 по случаю покушенія на Оболенскаго говоритъ, между прочимъ, — что изъ нашей среды всегда найдутся мстители и, опять таки, къ сожалѣнію, не указываетъ на единственную цѣлесообразную форму борьбы — борьбу массъ...

Обѣ прокламаціи были распространены въ жел. дор. депо, въ депо ст. Инокентьевской, въ город. типографіяхъ и по городу.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ*).

Нынѣшнія зима и лѣто ознаменованы въ Финляндіи безпримѣрнымъ массовымъ сопротивленіемъ беззаконіямъ царскаго правительства. Такого внушительнаго и вразумительнаго протеста массъ оно не встрѣчало еще нигдѣ. Николай II открылъ въ 1898 г. свой возмутительный походъ на финляндскую автономію проведеніемъ новаго устава о воинской повинности, утвержденнаго имъ 29 іюня 1901 г. вопреки рѣшенію чрезвычайнаго сейма 1899 г. Читателямъ „Искры“ (см. №№ 11 и 22) извѣстны суть этого т.-н. „закона“, состряпаннаго г. Куропаткинымъ, и грандіозные протесты всѣхъ классовъ населенія финскаго народа противъ этого грубаго насилія. Россійское самодержавіе, начавъ свою преступную „обрусительную“ политику въ Финляндіи съ вопроса, касающагося въ одинаковой степени всѣхъ слоевъ народа, сразу открыло глаза почти всѣмъ финляндцамъ на истинный характеръ своей „многосторонней“ дѣятельности и достигло ихъ быстраго сплоченія для упорной борьбы за свою конституціонную свободу, утвержденную пятью русскими царями. Дважды обращался весь финскій народъ къ жалкому клятвопреступнику съ лойяльными полумилліонными протестами-адресами, но „Его Величеству было благоугодно оставить ихъ безъ послѣдствій“; также онъ отнесся и къ представленіямъ финляндскаго Сената, единогласному рѣшенію Сейма, грандіознымъ, истинно-народнымъ демонстраціямъ во многихъ киркахъ при обнародованіи „закона“, солидарному отказу многихъ пасторовъ и большей части городскихъ и сельскихъ общинъ принять участіе въ этомъ царскомъ преступленіи, подачѣ въ отставку (въ видѣ протеста) многочисленныхъ секретарей воинскихъ присутствій и полнаго состава медицинскаго управленія и т. п. Царскіе совѣтники на все это отвѣчали однѣми лишь безсмысленными угрозами и репрессіями, исходящими отъ царскаго имени.

Второго апрѣля по всей Финляндіи открыли свои засѣданія незаконныя призывныя по воинской повинности присутствія, составленныя „съ Высочайшаго соизволенія“ впервые безъ участія выборныхъ общинами членовъ. Юноши всѣхъ классовъ общества оказались на высотѣ своего призванія — отважныхъ борцовъ за политическую свободу отчизны. Процентъ юношей, отказавшихся исполнить беззаконіе, подтвержденное приказаніемъ и угрозой клятвопреступника, достигаетъ въ Вазаской губ. внушительной цифры 85,9 и лишь въ трехъ губерніяхъ онъ ниже 50. Всего изъ 23,757 подлежавшихъ призыву молодыхъ людей явилось въ присутствія только 9753 чел. Русское правительство прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы добиться повиновенія въ столь важномъ для себя вопросѣ, какъ военная служба, и всѣ его старанія увѣнчались полнѣйшей неудачей. А чего только ни дѣлалъ царь со своими слугами! Проведеніе его произвольнаго „закона“ сопровождалось по всей Финляндіи рядомъ грандіозныхъ мирныхъ всенародныхъ демонстрацій, продолжавшихся въ теченіе 3-4 мѣсяцевъ. Въ одномъ лишь Гельсинфорсѣ вслѣдствіе неслыханной наглости нюландскаго губернатора Кайгородова, занимающаго этотъ постъ совершенно незаконно, произошло 5 (18) апрѣля описанное нами въ прошлой статьѣ избіеніе мирной публики казаками, окончившееся въ сущности настоящимъ пораженіемъ башибузуковъ. Г. Бобриковъ поспѣшилъ имъ выразить свою похвалу и закончилъ свою резолюцію откровеннымъ признаніемъ главнаго назначенія войска въ борьбѣ съ „внутренними врагами“. „Державный“ господинъ сатрапа пошелъ еще дальше и наградилъ главныхъ виновниковъ избіенія ко дню русской пасхи; такъ, за „отличіе по службѣ“ ген. Кайгородовъ получилъ брилліантовую табакерку, негодный полицмейстеръ Карлстедтъ произведенъ въ полковники, а четыре полицейскихъ чина, присужденныхъ гельсинфорскимъ судомъ за ложное обвиненіе, ложную клятву, незаконный арестъ и т. п. къ тюрьмѣ, „всемилостивѣйше награждены“ чинами и деньгами. Николай II „оставилъ безъ послѣдствій“ жалобу гельсинфорскихъ гласныхъ и магистрата на Кайгородова и Карлстедта, объявилъ „высочайшій“ выговоръ абоскому губернатору, осмѣлившемуся вмѣшаться 5 апрѣля въ распоряженія Кайгородова по просьбѣ публики, и, наконецъ, приказалъ финляндскому Сенату немедлечно выработать проектъ реорганизаціи гельсинфорской полиціи. Гельсинфорскіе гласные отклонили составленный въ такомъ духѣ безсыднѣйшій проектъ Карлстедта, предложившаго, между прочимъ, введеніе петербургскихъ дворниковъ и сыщиковъ, домовыхъ книгъ и т. п. И вотъ полицію беретъ подъ свою „августѣйшую“ защиту самъ царь, откровенно показывая всѣмъ финляндцамъ свои жандармскіе таланты и симпатіи. Насколько мало русскій сатрапъ въ Финляндіи заботится объ общемъ поддержаніи порядка, доказываетъ его упраздненіе организовавшагося изъ студентовъ и рабочихъ, по инціативѣ гельсинфорскихъ гласныхъ, добровольнаго отряда, съумѣвшаго безъ оружія водворить образцовый порядокъ въ ночь на русскую пасху.

Русское правительство само скоро убѣдилось въ своей ошибкѣ, но исправить ее уже было поздно. Солидарный протестъ новобранцевъ оно объяснило, разумѣется, „стараніями агитаторовъ“, однако, дѣло отъ этого не выигрывало. Массовый отказъ юношей свидѣтельствуетъ, понятно, не объ агитаціи, а о политической зрѣлости всего финскаго народа, котораго не могли сбить ни царь-батюшка своими „временными послабленіями“, ни его ревностные агенты, пускавшіе въ ходъ, дѣйствительно, „преступную“ агитацію. Если финскіе новобранцы отказались подчиниться незаконнымъ дѣйствіямъ правительства, когда „монархъ“ милостиво разрѣшилъ призвать всего 280 чел. въ финскій гвардейскій батальонъ, то какъ должны были бы они поступить, если бы ихъ безъ всякой „милости“ тысячами стали отправлять на основаніи „закона“ г. Куропаткина въ русскія войска въ Россію, гдѣ они даже не понимаютъ самого языка? А такая перспектива открывается передъ финляндской молодежью, если она не съумѣетъ во время оказать отчаяннаго сопротивленія. Агенты самодержавія были поставлены въ тупикъ мужественнымъ поведеніемъ большей части новобранцевъ. Генералъ губернаторъ еще въ іюнѣ безпомощно прибѣгъ къ изобрѣтательности финляндскаго Сената, настаивая на необходимости во-время принять энергичныя мѣры по отношенію къ неявившимся въ присутствія, чтобы внушительно повліять на благопріятный исходъ набора новобранцевъ въ 1903 г. Дѣло въ томъ, что выборгскій судъ, руководясь финляндскими законами, освободилъ отъ отвѣтственности неявившихся. Бобриковъ отлично сознавалъ преступность новаго „закона“ и потому былъ увѣренъ въ томъ, что любой финляндскій судъ поступилъ бы также. До сихъ поръ еще не состоялось никакихъ „мѣропріятій“ относительно не повинующейся молодежи. Единственный благоразумный выходъ изъ щекотливаго положенія, въ которомъ очутилось правительство, было бы „оставить безъ послѣдствій“ протестъ новобранцевъ и „временно“ отмѣнить призывы; затѣмъ поручить финляндскому сейму самостоятельно издать новый законъ о воинской повинности. Но русское самодержавіе благоразуміемъ никогда не отличалось, а потому оно и въ данномъ случаѣ измышляетъ себѣ на зло однѣ лишь репрессіи.

Въ связи съ новымъ „закономъ“ находится начавшаяся въ этомъ году „реорганизація“ финляндскаго кадетскаго корпуса — по просту постепенное превращеніе его въ русскій кадетскій корпусъ. Пока упразднены спеціальные классы корпуса, такъ что воспитанникамъ необходимо въ русскихъ военныхъ училищахъ заканчивать свое образованіе.*) Вообще обрусительная политика въ Финляндіи теперь въ полномъ разгарѣ. Такъ, въ іюлѣ изданъ „указъ“ о новомъ порядкѣ обнародованія законовъ; цѣль этого, въ сущности, второстепеннаго постановленія — формальное уничтоженіе сената и увеличеніе престижа власти генералъ-губернатора и министра статсъ-секретаря. Этотъ постъ, который все время Плеве занималъ противозаконно, не думаетъ все еще слагать съ себя министръ-палачъ, соединяющій въ своей особѣ „временно“ два министерскіе поста. Упомянутый „указъ“ безцеремонно, между прочимъ, повелѣваетъ: „Собраніе постановленій В. К. финляндскаго“ впредь издавать въ рускомъ оригиналѣ съ точнымъ переводомъ на оба мѣстные языка. До сихъ поръ было наоборотъ: русскій текстъ являлся переводомъ. Однако, и всѣмъ этимъ далеко не ограничивается „плодотворная“ обрусительная дѣятельность царскаго правительства. Въ началѣ сентября финляндскій Сенатъ, безъ всякихъ протестовъ, согласился признать законами 5 указовъ, состряпанныхъ совершенно противузаконно русской коммиссіей въ Петербургѣ. Такое грубое вѣроломство, какъ новѣйшіе царскіе „законы“, возможно только со стороны русскаго правительства, т. е. шайки разбойниковъ. Наша статья и такъ ужъ затянулась, поэтому, мы укажемъ пока лишь въ нѣсколькихъ словахъ суть новыхъ беззаконій, являющихся откровеннымъ попраніемъ основныхъ финляндскихъ законовъ. Къ этимъ указамъ мы, по всей вѣроятности, вернемся въ слѣдующихъ статьяхъ. Первый указъ превращаетъ и формально и практически финляндскій Сенатъ въ учрежденіе, подчиненное волѣ генералъ-губернатора или его помощника. На всѣхъ „наиболѣе важныхъ“ засѣданіяхъ хозяйственнаго департамента они будутъ присутствовать вмѣстѣ или по одному, будутъ предсѣдательствовать и „руководить“ преніями и т. п. Новый уставъ войдетъ въ силу съ октября 1903 г., когда будетъ введенъ въ этомъ департаментѣ русскій языкъ. Сенату, между прочимъ, запрещено принимать подписанныя нѣсколькими лицами петиціи, въ которыхъ порицаются дѣйствія правительства и т. п. Словомъ, въ благодарность финляндскому Сенату за всю его уступчивость передъ беззаконіями Николая II за послѣдніе 2 года онъ фактически будетъ превращенъ въ канцелярію агентовъ россійскаго самодержавія. Такъ какъ всѣ, за немногими исключеніями, финляндскіе чиновники и судьи выказали преданность конституціи, то царь повелѣваетъ всѣхъ неудобныхъ для него чиновниковъ смѣщать административнымъ путемъ и представить русскимъ тѣ же служебныя права, какими до сихъ поръ пользовались финляндскіе граждане. Послѣднимъ „указомъ“ санкціонируется практика, такъ какъ съ 1899 г. русскіе чиновники назначались на нѣкоторыя финляндскія должности. Самъ Плеве положилъ начало этимъ „мѣропріятіямъ“, занявъ высшій финляндскій постъ, и съ его легкой руки посыпались подобныя назначенія.

Недавно Выборгскимъ губернаторомъ назначенъ одинъ изъ прислужниковъ Плеве Мясоѣдовъ, и впервые учреждена новая должность „гражданскаго вѣдомства“ — помощникъ генералъ-губернатора, которую занялъ предсѣдатель Петербургской Судебной Палаты Дейтрихъ, одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ палача русскихъ революціонеровъ. Финляндскіе чиновники-граждане замѣняются покорными рабами россійскаго тирана. Наконецъ, одинъ царскій указъ запрещаетъ чиновниковъ привлекать къ отвѣтственности за злоупотребленія, совершенныя ими по должности, безъ разрѣшенія ихъ начальства. При чемъ этотъ „законъ“, какъ и указъ о смѣщеніи съ должности финляндскихъ чиновниковъ, имѣетъ и обратную силу, т. е. будетъ примѣняться заднимъ числомъ; поводомъ къ такой неслыханной доселѣ въ Финляндіи насмѣшкѣ надъ законами послужило справедливое осужденіе финляндскимъ судомъ нѣсколькихъ полицейскихъ чиновниковъ и цензоровъ-сыщиковъ, дѣйствовавшихъ во славу самодержавія. Всѣ новѣйшіе преступные указы Николая II, какъ видитъ читатель, находятся въ тѣсной связи и направлены къ уничтоженію законности и политической свободы въ Финляндіи. Они краснорѣчиво доказываютъ, насколько представители старо-фенноманской партіи заблуждались, довѣряя всякимъ обѣщаніямъ и намекамъ Плеве, который началъ заигрывать съ финляндскими близорукими оппортунистами, какъ напр., г.г. Иріо Коскиненъ, проф. Даніельсонъ, архіепископъ Іогансонъ и др. Послѣдніе, въ свою очередь, начали печатно въ своей реакціонной газетѣ „Nusi Suometar“ и устно распространять въ Финляндіи ложные слухи и надежды среди легковѣрныхъ людей. Но таковыхъ, къ счастью, оказалось сравнительно немного, тогда какъ подавляющее большинство всѣхъ слоевъ финскаго народа убѣдилось въ томъ, что ему нечего больше ожидать „милостей“ и справедливости отъ россійскаго самодержавнаго правительства. Всѣ сознательные финляндцы относятся съ истиннымъ сочувствіемъ и искренней, горячей симпатіей къ борьбѣ русскихъ революціонеровъ и пробуждающагося русскаго пролетаріата съ издыхающимъ чудовищемъ. Въ русскихъ семоотверженныхъ борцахъ за политическую свободу финскій народъ видитъ уже своихъ братьевъ, стремящихся къ той же цѣли, которую преслѣдуетъ и онъ. Для финляндцевъ дѣлается яснымъ, что его будущность связана съ судьбою всѣхъ борющихся съ однимъ и тѣмъ же врагомъ. Дни русскаго царизма, несомнѣнно, уже сочтены, и онъ самъ всячески ускоряетъ свою гибель, сѣя повсюду ненависть къ себѣ. Солидарный натискъ всѣхъ страдающихъ отъ позорнаго ига элементовъ свергнетъ русское самодержавіе.

P. S. Лѣтомъ примкнула къ Международному Соціалистическому Бюро въ Брюсселѣ Финская Рабочая Партія, число членовъ которой въ настоящее время достигаетъ приблизительно 10,000. Мы предполагаемъ вскорѣ посвятить особую статью финскому рабочему движенію.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Льговъ, Курск. губ. Въ с. Ольшанкѣ Льговскаго уѣзда одинъ крестьянинъ, зайдя въ лавку, вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ и бывшими въ лавкѣ покупателями на злобу дня — о большихъ маневрахъ. „Сколько это стоитъ денегъ, сколько стоитъ! И все это съ насъ мужиковъ сдеретъ потомъ, говорилъ крестьянинъ. — Да, съ насъ-то берутъ, а намъ-то ничего не даютъ, черти проклятые“, заключилъ онъ свою рѣчь и кстати запустилъ по адресу „возлюбленнаго монарха“ крылатое слово, неудобное для печати.

Лавочникъ оказался большимъ „патріотомъ“ и немедленно донесъ на разговорчиваго мужика становому. Тотъ исправнику, и началось „дѣло“ объ оскорбленіи Величества. И вотъ въ Ольшанку нагрянули власти: становой, жандармъ, тов. прокурора. Стали судить да рядить. Мужикъ не отпирается. „Ругалъ, говоритъ, было дѣло. Да и какъ не ругать, коли кожу съ нашего брата дерутъ и конца этому дранью не видно.“ Что дѣлать съ этакимъ упорнымъ злодѣемъ? Въ другое время власти не стали бы долго думать, какъ поступить. А тутъ маневры, петербургское начальство... призадумаешься: „какъ, молъ, допустили крамолу? распустили мужиковъ!“ И надумали власти предложить Ольшанцамъ, чтобы тѣ составили приговоръ объ исключеніи изъ общества поносителя царскаго имени, какъ порочнаго члена. Предлагаютъ, а Ольшанцы отказываются: „за что-жъ исключать? Онъ мужикъ хорошій, ничего дурного за нимъ не знаемъ.“ Такъ и не дали приговора. Тогда наиболѣе изобрѣтатальный товарищъ прокурора придумалъ исходъ: замять дѣло такимъ образомъ: предложили мужику подать заявленіе въ томъ смыслѣ, что, дескать, говорилъ онъ въ лавкѣ въ пьяномъ видѣ и очень можетъ быть, что по пьяному дѣлу и царя ругнуть случилось.

Ромны, Полтавской губ. Въ здѣшнюю тюрьму привезли изъ ближайшаго села политическую преступницу „Аришу“: у нея нашли нелегальную литературу. Увидѣли у одной дѣвушки брошюру, недозволенную цензурой, спросили, гдѣ достала, указала на „Аришу“. Отправились къ виновницѣ преступленія и ярко убѣдились въ вѣрности указанія, — нашли „Аришу“ съ поличнымъ. Откуда у „Ариши“ литература? Въ Кіевѣ была, барышня съѣзжала съ квартиры, приказала сжечь, а „Ариша“ рѣшила, что гораздо полезнѣе повезти въ деревню мужикамъ на „сигарки“. На вопросъ — грамотная? — „нѣтъ“ отвѣчаетъ. — Кто такая барыня? — „Не знаю“. — На какой квартирѣ? — Не помнитъ. Держатъ ее въ тюрьмѣ — все одинъ отвѣтъ. Ничего не знаю, ничего не вѣдаю, книжки привезла на сигарки мужикамъ. Рѣшили отпустить. Во время послѣдняго допроса ввели въ комнату фельдшера изъ ея деревни, она увидѣла его и лишилась чувствъ. Ее посадили опять. — Дальнѣйшая судьба „Ариши“ намъ неизвѣстна.

Въ имѣніи гр. Ламсдорфъ „Вѣтрищахъ“ были сильные крестьянскіе безпорядки. Крестьяне другого графскаго имѣнія въ Роменскомъ уѣздѣ ждутъ къ себѣ студентовъ, чтобы начать бунтовать.

На дняхъ вспыхнуло нѣсколько пожаровъ въ Роменскомъ уѣздѣ: крестьяне поджигаютъ убранный хлѣбъ у помѣщиковъ.

Съ Кавказа. Мѣсяца два тому назадъ крестьяне одного села Кутаисской губ. постановили на сходѣ: не платить попамъ установленной обычаемъ платы (по три руб. съ дома); не платить помѣщикамъ за аренду земли (большинство крестьянъ арендуетъ помѣщичьи земли) больше четверти урожая вмѣсто половины; ничего не платить помѣщикамъ за пользованіе пастбищами, лугами и лѣсомъ; не давать прислуги изъ своей среды дворянамъ и князьямъ, такъ какъ крестьяне находятъ очень унизительнымъ для себя прислуживать имъ. Очень скоро такія же требованія были выставлены почти во всемъ Озургетскомъ уѣздѣ. Крестьяне извѣстили поповъ и дворянъ о своихъ рѣшеніяхъ; тѣ сначала, конечно, и слушать не хотѣли крестьянъ и начали посылать своихъ представителей съ жалобами къ губернатору и дальше. Пріѣзжалъ губернаторъ и пробовалъ уговаривать крестьянъ отказаться отъ постановленія сходовъ, но безуспѣшно: придраться на „законномъ основаніи“ онъ не могъ и уѣхалъ ни съ чѣмъ. Тогда князья начали дѣйствовать сами, запросили еще больше арендной платы, не позволяя выгонять на свои земли скотъ и проч. Троихъ наиболѣе злыхъ князей и одного попа убили крестьяне. Губернаторъ явился вторично и арестовалъ очень много людей, между прочимъ, трехъ сельскихъ старшинъ, сельскихъ учителей, недавно выпущенныхъ изъ тифлисской тюрьмы литератора Ноя Джорданія и интеллигента Сил. Джибладзе, которые были высланы туда жандармами. По цѣлому уѣзду теперь размѣщены войска. Крестьяне упорно стоятъ на своихъ рѣшеніяхъ и не хотятъ ни въ чемъ уступить. Большинство поповъ и князей пошли на уступки и принимаютъ всѣ условія крестьянъ. Оживленіе большое. Батумская соц.-демократическая группа выпустила по этому поводу прокламацію на грузинскомъ языкѣ и обращеніе къ солдатамъ на русскомъ (печатное). Движеніе поражаетъ всякаго солидарностью крестьянъ и ихъ большой выдержкой.

---

*) Подъ этой рубрикой мы намѣрены впредь аккуратно, по возможности въ каждомъ № „Искры“, знакомить читателя на основаніи самаго точнаго и свѣжаго матеріала со всѣми наиболѣе возмутительными текущими мѣропріятіями русскаго правительства и борьбой финскаго народа за свою конституцію.

*) Разумѣется, финскіе кадеты спѣшатъ переходить въ университетъ, политехническій институтъ и въ среднія учебныя заведенія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Краткій очеркъ рабочаго движенія въ Бѣжицѣ.
(заводъ Брянскаго акціонернаго общества).

Бѣжица представляетъ собой огромный заводскій поселокъ въ 9-ти верстахъ отъ города Брянска, Орловской губ. Населеніе поселка по переписи 97-го года равнялось приблизительно 20-ти тысячамъ, рабочихъ же, работающихъ на заводѣ, считалось въ то время 10-12 тысячъ. Кромѣ того, посрединѣ между Брянскомъ и Бѣжицей находится вагоностроительный заводъ Мальцевскаго общества, а въ окрестностяхъ стекляный заводъ того же общества и другіе мелкіе заводы, такъ что весь районъ отъ Брянска до Бѣжицы является кипучимъ рабочимъ муравейникомъ... Первая попытка со стороны „интеллигентовъ“ завязать знакомство съ рабочими была сдѣлана въ 1896 году; но это была единоличная попытка, вызванная, такъ сказать, субъективнымъ желаніемъ познакомиться съ представителями нарождающейся въ Россіи общественно исторической силы... Иначе дѣло обстояло въ 1897 году. Въ это время среди Бѣжицкихъ рабочихъ замѣчается сильное оживленіе. Создается довольно обширный основной кружокъ развитыхъ рабочихъ; образуется кассовая организація съ писанымъ уставомъ; въ организацію въ самый моментъ ея возникновенія вошло 30-50 членовъ, и затѣмъ она стала быстро расширять свое вліяніе. Одновременно съ этимъ происходили не разъ собранія рабочихъ, иногда довольно многочисленныя; на этихъ собраніяхъ говорились рѣчи и происходилъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Нелегальная литература циркулировала среди всѣхъ причастныхъ къ организаціи на ряду съ усиленнымъ распространеніемъ хорошо подобранныхъ легальныхъ книгъ. Вскорѣ по возникновеніи организаціи, заводская администрація удалила съ завода (вся Бѣжица расположена на заводской землѣ) Б. А. Кварцева, котораго она заподозрѣла въ пропагандѣ среди рабочихъ. Однако, образовательное движеніе среди нихъ продолжало идти своимъ путемъ. Впервые настроеніе рабочихъ вырвалось наружу и всколыхнуло не только мѣстное, но и все губернское общество въ началѣ іюня 1898 года. Нужно замѣтить, что отсутствіе борьбы у Бѣжицкихъ рабочихъ съ администраціей завода въ теченіе 25 лѣтъ, на ряду съ блестящими дѣлами завода, побуждавшими послѣдній добровольно повысить заработокъ рабочаго до порядочныхъ размѣровъ (конечно, при соотвѣтствующемъ повышеніи интенсивности труда) — все это водворило на заводѣ такіе патріархальные порядки, что заводская администрація не могла даже представить себѣ возможности иначе регулировать жизнь рабочихъ, чѣмъ своимъ абсолютнымъ произволомъ. Поэтому въ веденіи работъ господствовала цѣлая масса самыхъ вопіющихъ нарушеній закона. О табеляхъ съ расцѣнками рабочіе не имѣли даже понятія; заработная плата выдавалась разъ въ мѣсяцъ; въ штрафахъ, конечно, полнѣйшій произволъ; дѣлались кромѣ того никому непонятные вычеты; купоны въ фабричныя лавки пользовались самымъ широкимъ распространеніемъ и пр. и пр., не говоря уже о безобразномъ обращеніи, о притѣсненіяхъ, связанныхъ съ арендой земли и вообще проживаніемъ на заводской территоріи. Въ маѣ 1898 г. заводъ праздновалъ 25-лѣтіе своего существованія. Высшее пріѣзжее начальство объявило рабочимъ, что по случаю праздника рабочимъ ассигновано 300 тыс. руб. на устройство праздника (или въ качествѣ наградныхъ: достовѣрно неизвѣстно — предполагалось-ли раздать ихъ рабочимъ или устроить празднество). Юбилей прошелъ, но никакого празднества, ни наградныхъ рабочіе не получили. 300 тысячъ канули, какъ въ воду. Уже одинъ этотъ фактъ сильно возмутилъ рабочихъ. Въ срединѣ мая по заводу были разбросаны листки съ двоякимъ содержаніемъ. Въ одномъ перечислялись всѣ тѣ беззаконія (съ указаніемъ соотвѣтствующихъ статей изъ правилъ о фабрикахъ и заводахъ), которыя дѣлала заводская администрація по отношенію къ рабочимъ, и послѣдніе призывались къ борьбѣ за свое матеріальное положеніе; другой листокъ былъ посвященъ майскому празднику; въ немъ разъяснялось значеніе 1-го мая для рабочихъ и необходимость борьбы съ правительствомъ за политическую свободу. И въ томъ и въ другомъ листкѣ были выставлены опредѣленныя требованія — въ первомъ мѣстныя экономическія, во второмъ — общія политическія. Листки произвели очень сильное впечатлѣніе на рабочую массу. Главное, она въ цѣломъ ни о чемъ подобномъ даже не слыхала. Конечно, толки эти листки вызвали самые разнообразные, но общее настроеніе стало еще болѣе приподнятымъ, потому что рабочіе почувствовали, что за ними стоитъ какая-то неизвѣстная имъ сила. Въ началѣ іюня это настроеніе разразилось хаотической бурей, такъ какъ въ цѣломъ рабочая масса въ Бѣжицѣ была еще слишкомъ сѣра. Случился инцидентъ, указывающій степень того деспотизма, который царилъ на заводѣ. Мальчикъ — сынъ рабочаго — вздумалъ подразнить собаку одного изъ заводскихъ сторожей; послѣдній послѣ одного двухъ окриковъ на этого мальчика, выхватилъ револьверъ и наповалъ убилъ имъ несчастнаго шалуна. Терпѣніе рабочихъ лопнуло. Мрачные собрались они вокругъ трупа. Сторожъ исчезъ, но явился изъ Брянска приставъ Квитницкій и велѣлъ нести убитаго въ больницу. Рабочіе сдержанно, но рѣшительно объявили, что нести въ больницу трупъ они не позволятъ, такъ какъ доктора тамъ запишутъ убійство несчастнымъ случаемъ по собственной неосторожности. Съ развязностью и пыломъ квартальнаго Квитницкій заругался по извозчичьи на рабочихъ съ приправой всевозможныхъ угрозъ. Тогда вдругъ раздался крикъ: „А, онъ еще ругаться! Бить его!“ И злополучный квартальный бросился бѣжать отъ ожесточенной толпы, забрался со страху въ попутную рабочую казарму, ухватилъ тамъ женскій костюмъ, пролѣзъ въ клозетъ и оттуда самымъ трагикомическимъ способомъ какъ-то улизнулъ во-свояси. Между тѣмъ, толпа бросилась громить лавки; разбила пивную, булочную; кто-то бросилъ при этомъ спичку или папиросу въ сѣни булочной. Булочная вспыхнула. Отъ нея загорѣлась механическая мастерская. тушить пожаръ рабочіе не позволили и перерѣзали одинъ или нѣсколько пожарныхъ рукавовъ. Пробовали разбить домъ директора. Разломали одинъ большой заводскій магазинъ. Бросились было къ потребительной лавкѣ, но ее отстояли рабочіе же, участвовавшіе въ потребительномъ обществѣ. Всю заводскую администрацію буквально охватила паника. Директоръ бѣжалъ въ Петербургъ, оставивъ весь домъ свой открытымъ. Другіе служащіе бѣжали тоже, куда попало, наскоро захватывая съ собой лишь самое необходимое изъ имущества, остальное же бросая на произволъ судьбы. Побоища не было, но не разъ дѣло обострялось настолько, что еще моментъ... раздалась бы команда: пли. Такъ, въ одномъ дворѣ рабочіе бросились къ выходу; оказалось, онъ занятъ солдатами подъ командой полковника и одного или двухъ офицеровъ. Офицеръ пустилъ въ ходъ обычное средство — самую отборную и самоувѣренную ругань. Въ этотъ моментъ какой-то рабочій изъ толпы огрѣваетъ его лопатой. Пораженный и сконфуженный, сынъ марса кричитъ команду къ прицѣлу, солдаты берутъ ружья въ плечо. Въ этотъ моментъ одинъ изъ рабочихъ обращается къ офицеру и солдатамъ съ горячей рѣчью. „Г. офицеръ! что вы хотите дѣлать; вы хотите устроить взаимное избіеніе братьевъ“. Офицеръ, взволнованный, говоритъ: „Проходите, скорѣй“! господа и открываетъ проходъ; въ то же время что-то объясняетъ полковнику. Рабочіе подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, сохранившихъ спокойствіе, товарищей рѣшили уйти, и катастрофа была предотвращена. Въ другомъ мѣстѣ около станціи „Бѣжица“ полиція посадила въ вагонъ нѣсколькихъ арестованныхъ рабочихъ. Какъ только остальная масса узнала объ этомъ, она двинулась къ вагону-тюрьмѣ. У солдатъ, приставленныхъ къ вагону, повырывали ружья и воткнули ихъ штыками въ песокъ, которымъ нѣкоторымъ изъ солдатъ засыпали глаза. Затѣмъ отъ случившагося здѣсь же на станціи пристава (другого — не Квитницкаго) потребовали немедленнаго освобожденія товарищей. Тотъ благоразумно исполнилъ это требованіе, арестованные вышли и толпа съ криками „ура“ приняла ихъ въ свою среду. Между прочимъ, рабочіе остановили одинъ изъ пассажирскихъ поѣздовъ, думая найти тамъ бѣглецовъ, но остановка закончилась лишь переполохомъ среди пассажировъ, такъ какъ поѣзду скоро позволили ѣхать дальше. Къ ночи весь заводъ былъ оцѣпленъ солдатами; дороги въ Брянскъ тоже были заперты кордономъ солдатъ, который тянулся версты на двѣ — на три отъ Бѣжицы. Ночью боялись возобновленія разгрома, и бѣдные солдаты дрожали на своихъ постахъ, такъ какъ ихъ горсть ничего не значила передъ многотысячной толпой. Къ тому же Бѣжица очень удобный пунктъ для разгромовъ, такъ какъ заводъ окруженъ лѣсомъ и парками. Къ слѣдующему дню, однако, все стихло. Черезъ недѣлю заводская работа шла уже своимъ чередомъ. Это была внезапная, стихійная вспышка негодованія и гнѣва рабочихъ противъ безсовѣстнаго 25-ти лѣтняго гнета со стороны заводской администраціи. Какъ водится, послѣ затишья начались аресты. Арестовали сначала громадную массу, но вскорѣ оставили только около 40 человѣкъ. Это были исключительно тѣ рабочіе, которые соблазнились валявшимся по дорогѣ или брошеннымъ въ настежь открытыхъ домахъ имуществомъ заводской администраціи и попытались сбыть его въ Брянскъ. Нѣкоторыхъ обвиняли, впрочемъ, какъ подстрекателей, произносившихъ во время разгрома зажигательныя и угрожающія фразы. Въ общемъ взяли самую сѣрую простодушную публику. Только одного или двухъ (Ефимова и еще кого-то) выдѣлили въ качествѣ руководителей и подвергли административному суду. Всѣхъ этихъ 40 человѣкъ продержали цѣлый годъ въ тюрьмѣ, затѣмъ судили и осудили очень сурово (до двухъ лѣтъ арестантскихъ ротъ съ лишеніемъ правъ), и здѣсь сказалась вся безчестность закрытаго, коронного суда.

На судѣ ясно было доказано и общепризнано, что „бунтъ“ былъ вызванъ самимъ заводомъ, что строго относиться къ „грабежу“ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ дѣйствовали обвиняемые, нельзя, и тѣмъ не менѣе послѣднихъ подвергли строгой карѣ, потому что нужно же было наказать кого-нибудь за такой безпримѣрный фактъ въ лѣтописяхъ Орловскаго суда, какъ „бунтъ рабочихъ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ст. Алмазная (Екатеринославской губ. Славяносербск. у.) На нашемъ Голубовскомъ каменноугольномъ рудникѣ за послѣднее время положеніе значительно ухудшилось: по случаю кризиса штатъ мастеровыхъ и шахтеровъ сокращаютъ. Литейный совершенно сталъ и около тысячи мастеровыхъ пущены по міру. Не лучше положеніе и на Максимовскихъ шахтахъ.

У насъ рабочихъ до 3000, не считая администраціи и цеха, кузнецовъ, мастеровъ и пр. Положеніе невыносимое: работаемъ 12-13 час.; съ утра до вечера въ сырыхъ подземельяхъ темной шахты. Работа страшно изнурительная и подчасъ не подъ силу. Темно, какъ въ могилѣ, холодно кругомъ, съ потолка капаетъ; часто приходится тратить часы не на выработку угля, а на ремонтъ во время обваловъ. Бываютъ взрывы газа, особенно трудно въ боковыхъ штольняхъ. Работаемъ цѣлую жизнь, какъ кроты, и нѣтъ намъ ни надежды, ни просвѣту въ нашемъ „темномъ царствѣ“.

На нашихъ шахтахъ не велась пока систематическая пропаганда, не было организаціи, а на литературу большой спросъ. Иниціаторами соціалистической пропаганды были здѣсь безработные, пришельцы съ Юзова, Бахмута, Луганска. Нашъ народъ все неподвижный, темный, большинство орловцы, либо курскіе. Мѣстные хохлы не идутъ на эту каторжную работу.

Исторія наша бѣдна событіями. Правда, въ 90 годахъ были бунты. Въ срединѣ 90 годовъ бунты, возникшіе на почвѣ эксплуатаціи рабочаго труда, приняли грандіозные размѣры. Шахтеры поднялись, изломали вагончики, спустили машину, сбили помпы, рубили лавки, контору. Пошли по сосѣднимъ шахтамъ, потомъ по селамъ. Мѣстныя власти съ земскимъ начальникомъ Сошальскимъ во главѣ пытались прекратить „бунтъ“, но безуспѣшно. Изъ селъ повызывали вооруженныхъ крестьянъ съ дубьемъ. Произошла свалка, было много ранено и десять чел. убито, при чемъ ни одного крестьянина, а всѣ наши. „Бунтъ“ былъ усмиренъ окончательно только по прибытіи войскъ, двухъ сотенъ казаковъ и роты пѣхоты Пенз. полка, во главѣ съ губернаторомъ Мартыновымъ. Главные „бунтовщики“ подверглись экзекуціи. Потомъ былъ въ Луганскѣ судъ, и 20 обвиненныхъ въ бунтѣ и убійствѣ пошли въ Сибирь, кто на поселеніе, кто на каторгу. Злая иронія: въ числѣ осужденныхъ на каторгу оказались и четыре крестьянина изъ селъ Голубовки и Михайловки, осужденные за особое рвеніе въ выполненіи приказа начальства.

Послѣ этихъ „бунтовъ“ у насъ было ничѣмъ не нарушенное затишье.

И эта „кровавая страничка“ изъ исторіи стушевывается на общемъ сѣромъ фонѣ будничной прозаической обстановки.

Темно, нѣтъ просвѣта нигдѣ, и мы ждемъ, не дождемся, когда и у насъ будетъ праздникъ, когда проникнетъ „свѣтлый лучъ“ въ это „темное царство“. Сознательный шахтеръ.

Херсонъ. Недавно окончившаяся съ такимъ успѣхомъ стачка на табачной фабрикѣ Лермана вызвала сильное броженіе среди херсонскихъ ремесленниковъ. У насъ въ Херсонѣ насчитывается около 500 ремесленниковъ—обувщиковъ, работающихъ по заказу на обувные магазины. Эта система домашней капиталистической промышленности и въ Херсонѣ проявила всѣ свойственныя ей прелести эксплуатаціи. Мастера, непосредственно получавшіе заказы отъ владѣльцевъ магазиновъ, эксплуатировались этими послѣдними, подмастерья — мастерами. Низкая заработная плата, невозможно длинный рабочій день (отъ 14 до 18 часовъ) —все это, стало, наконецъ, не въ моготу. Успѣхъ Лермановской стачки побудилъ и обувщиковъ, обладающихъ, правда, меньшей способностью сопротивленія, благодаря своей разбросанности во многихъ мастерскихъ,—бросить работу и требовать отъ владѣльцевъ магазиновъ повышенія заработной платы. Забастовали мастера вмѣстѣ съ подмастерьями. Требованіе мастеровъ о надбавкѣ по 40 к. на каждую пару обуви было черезъ нѣсколько дней удовлетворено, и сейчасъ же солидарности мастеровъ и подмастерьевъ настал конецъ. Мастера взялись за работу, въ то время какъ требованія подмастерьевъ еще не были удовлетворены. Будучи стихійной и неорганизованной, стачка подмастерьевъ, при отсутствіи денежныхъ средствъ, долго продержаться не могла и окончилась скоро, добившись не для всѣхъ, а лишь кое гдѣ незначительной надбавки на каждую пару обуви. Говорятъ, что мастера теперь удлинили рабочій день подмастерьевъ и выколачиваютъ такимъ образомъ добытую нѣкоторыми подмастерьями надбавку. Этого и надо было ожидать. Полиція, узнавъ о броженіи среди обувщиковъ, сильно всполошилась. Она даже было настигла одно собраніе мастеровъ (человѣкъ 10) и привела ихъ въ полицію, но сейчасъ же отпустила. Затѣмъ, говорятъ, что разъѣзжали патрули, искавшіе за городомъ рабочихъ собраній. Возбужденіе среди ремесленниковъ сильное, и, во всякомъ случаѣ, для возникающаго херсонскаго рабочаго движенія безслѣдно не пропадетъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Заявленіе С.-Петербургскаго Комитета.

КО ВСѢМЪ РОССІЙСКИМЪ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦІЯМЪ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революціонное движеніе ставитъ передъ нами каждый день все болѣе сложныя задачи, и отъ того, насколько намъ удастся выполнить ихъ, зависитъ въ значительной степени успѣхъ той освободительной борьбы, въ которой соціальдемократіи принадлежитъ передовая и самая отвѣтственная роль.

На С.П.Б. Комитетѣ тяжелѣе всего отзывались традиціи того направленія, которому присвоено было въ литературѣ названіе экономизма. И опытъ многихъ лѣтъ убѣдилъ насъ въ томъ, что мы сами себѣ связывали руки недостаточно широкой постановкой задачъ политической агитаціи и революціонной борьбы, тяжеловѣсными формами организаціи, неприспособленными къ русскимъ условіямъ. Сдѣлавъ все возможное, чтобы въ этихъ недостаточно широкихъ и недостаточно подвижныхъ рамкахъ работать надъ организаціей пролетаріата, С.П.Б. Комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры „Что дѣлать“, ликвидацію періода кустарничества, періода мѣстной раздробленности, организаціоннаго хаоса и программной разноголосицы.

Закончить эту ликвидацію тѣмъ болѣе необходимо, что всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ неминуемо пошло бы на пользу другимъ революціоннымъ или оппозиціоннымъ теченіямъ, дало бы имъ возможность усилиться за счетъ соціальдемократіи и тѣмъ самымъ сыграло бы въ руку интересамъ буржуазной демократіи. А между тѣмъ ни одно революціонное направленіе въ Россіи не обладаетъ и въ отдаленной степени такой революціонной теоріей и такими элементами массовой организаціи, какими обладаетъ соціальдемократія, которая упорной 10-ти лѣтней борьбой пробила первую брешь въ твердынѣ политической и общественной реакціи и которая самыми тѣсными узами связана съ наиболѣе революціоннымъ и непобѣдимымъ классомъ.

Приступая къ осуществленію намѣченныхъ выше задачъ, С.П.Б. Комитетъ заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями, тактическими взглядами и организаціонными идеями „Зари“ и „Искры“, которыя онъ признаетъ руководящими органами русской соціальдемократіи. Пусть придутъ на помощь намъ всѣ партійныя организаціи, пусть тѣснѣе сплотятся онѣ на общепартійной работѣ подъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи. Мы не можемъ пассивно ждать одного только формальнаго возстановленія всероссійской партійной организаціи, мы должны немедленно активно взяться со всѣхъ сторонъ за ея созиданіе, чтобы оказаться на высотѣ своей задачи: руководить рѣшительнымъ натискомъ массъ на русское самодержавіе.

С.П.Б. Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи —
Союзъ Борьбы за Освоб. Раб. Класса.

С.-Петербургъ, іюль 1902 г.

Заявленіе Московскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

„Признавая за литературной дѣятельностью Лиги Рус. Рев.С.-Д. исчерпывающее значеніе въ дѣлѣ теоретической борьбы съ многочисленными теченіями, стремящимися опошлить и исказить великіе революціонные принципы международной соціалдемократіи; раздѣляя и признавая вполнѣ отвѣчающей насущнымъ нуждамъ русскаго рабочаго движенія тѣ организаціонные планы и ту боевую тактику, убѣжденными защитниками которыхъ являются изданія Лиги и газета „Искра“; желая сблизить и объединить мѣстную работу съ общепартійными задачами и цѣлями, Моск. Ком. Рос. С.-Д. Р. П. объявляетъ:

1) Лигу своимъ заграничнымъ представителемъ,
2) „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ“.

Южные товарищи о террорѣ. Съ величайшимъ удовольствіемъ перепечатываемъ мы прокламацію, изданную группой „Южнаго Рабочаго“ — наиболѣе вліятельной въ нашей партіи южнорусской организаціи. Вѣское слово этой группы окажетъ, безъ сомнѣнія, плодотворное вліяніе на тѣхъ революціонеровъ, которые сбиты съ толку небывалымъ въ нашей исторіи — по своей крикливости — выступленіемъ представителей отжившаго революціоннаго міровоззрѣнія.

Прокламаціи предпослано слѣдующее заявленіе:

Необходимость опредѣленно и рѣзко высказаться по вопросу о террорѣ въ настоящій именно моментъ, когда импонирующая, бьющая на эффектъ тактика соціалистовъ-революціонеровъ вызвала шатаніе не только среди зеленой молодежи, но и среди дѣятелей, со стороны которыхъ можно было ожидать большей устойчивости, эта необходимость заставила группу „Южн. Раб.“ выступить съ настоящей прокламаціей, правда, не исчерпывающей всѣхъ доводовъ противъ террора (что и не вмѣстимо въ рамки прокламаціи), но раскрывающей передъ читателемъ сущность того, что для многихъ соц.-рев. скрыто „за порогомъ сознанія.“ Группа „Южн. Раб.“, солидарная съ „Искрой“ по всѣмъ почти программнымъ, организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ, надѣется, что „Искра“ поможетъ широкому распространенію этой прокламаціи, перепечатавъ ее въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ. Группа „Южнаго Рабочаго“.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

О ТЕРРОРѢ.

Революціонное движеніе въ Россіи началось съ такъ называемаго хожденія въ народъ. Первые русскіе революціонеры думали, что свобода народа можетъ быть добыта только самимъ народомъ; для этого, полагали они, нужно только, чтобы народъ усвоилъ соціалистическія идеи, и народъ считался способнымъ усвоить эти идеи. Считалось, что въ „мірѣ“ и общинѣ народъ обладаетъ учрежденіями, которыя носятъ въ себѣ сѣмена соціализма, что эти учрежденія могутъ стать основами устройства общества на соціалистическихъ началахъ; революціонеры надѣялись, что и въ проповѣди западно-европейскаго соціализма народъ узнаетъ свои же чаянія, получившія только болѣе опредѣленныя, болѣе зрѣлыя формы и радостно пойдетъ навстрѣчу этой проповѣди.

Но народъ не понялъ своихъ друзей и встрѣтилъ ихъ враждебно. Оказалось, что учрежденія, зародившіяся въ рабствѣ, не могутъ сдѣлаться основаніемъ новаго строя. Оказалось, что вчерашній крѣпостной способенъ на бунты, но не способенъ на сознательную революціонную работу. Съ болью въ сердцѣ революціонеры должны были признать, что они обманулись въ своихъ надеждахъ на народъ. Вокругъ нихъ не было революціонныхъ общественныхъ силъ, на которыя они могли бы опереться, а примириться съ существующимъ строемъ насилія и рабства они не могли. И вотъ загорается послѣдняя надежда, надежда утопающаго, который хватается за соломинку: кучка героическихъ и самоотверженныхъ личностей выполнитъ сама своими собственными силами трудное дѣло освобожденія Россіи отъ гнета самодержавія. Она должна это сдѣлать, потому что кромѣ нея нѣтъ другихъ силъ, пригодныхъ къ этому дѣлу. Но въ силахъ ли она выполнить свое рѣшеніе? Этотъ вопросъ для нея почти не существовалъ. Вѣдь борьба этой кучки противъ самодержавія — это послѣднее героическое средство, на которое рѣшается врачъ, когда нѣтъ надежды на выздоровленіе больного. Единственнымъ же средствомъ, на которое могла разсчитывать героическая кучка въ своей одинокой борьбѣ съ самодержавіемъ, былъ терроръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ давалъ естественный исходъ непосредственному чувству, являлся реакціей противъ жестокихъ преслѣдованій правительства. Образуется партія „Народная Воля“, и міръ въ теченія нѣсколькихъ лѣтъ былъ свидѣтелемъ невиданнаго въ исторіи зрѣлища: ничтожная по количеству, но сильная духомъ партія „Народной Воли“ вступила въ единоборство съ могущественнымъ русскимъ правительствомъ. Ни казни, ни каторга, ни тюрьма и ссылка не сокрушили энергіи революціонеровъ: подъ ихъ выстрѣлами падали одинъ за другимъ наиболѣе яркіе и типичные представители правительственнаго произвола и насилія; убитъ былъ, наконецъ, царь....

А многомилліонная масса крестьянства была по прежнему чужда всему этому движенію—невѣжественная, забитая, она не имѣла понятія о томъ, что какіе то чуждые ей люди жертвуютъ своей жизнью за ея благо. Рабочій классъ былъ почти таковъ же, какъ и крестьяне. Что касается культурнаго общества, оно способно было только втайнѣ рукоплескать подвигамъ революціонеровъ и... подавать рабскіе, вѣрноподданическіе адреса. Одинокая кучка самоотверженныхъ героевъ не могла замѣнить реальныхъ освободительныхъ силъ; со смертью лицъ не уничтожились ненавистныя учрежденія. Начинается царствованіе Александра III, время безпросвѣтнаго мрака и сугубнаго гоненія на всякую свободную мысль. Партія „Народной Воли" сошла со сцены.

Но жизнь не остановилась; зажатая въ тиски всевозможныхъ цензуръ, мысль не перестала работать. Россія независимо отъ чьей либо воли становилась все болѣе и болѣе европейскимъ цивилизованнымъ государствомъ. Потребности этого государства съ роковой необходимостью заставляли и заставляютъ правительство вызывать къ жизни враждебныя ему общественныя силы, силы, призванныя уничтожить самодержавный произволъ. По сравненію со временемъ „Народной Воли" многое въ Россіи существенно измѣнилось: культурное общество стало болѣе зрѣлымъ, крестьянство — болѣе сознательнымъ, а главное — выступилъ на арену исторіи, какъ активная и сознательная общественная сила, рабочій классъ. Въ лицѣ рабочаго класса русскіе революціонеры пріобрѣли тотъ народъ, котораго революціонеры 70-хъ годовъ не могли найти. Въ рядѣ демонстрацій русскій рабочій классъ засвидѣтельствовалъ свою способность стать активной политической силой, свою готовность бороться не только за свои непосредственные интересы, но и за дѣло народнаго освобожденія. Въ этомъ вѣрный залогъ лучшаго будущаго нашей родины: рабочій классъ нельзя истребить ни смертными казнями, ни каторгой.

Но какъ ни далеко ушла Россія по пути прогресса, преувеличенное мнѣніе о ея революціонныхъ силахъ можетъ быть пагубно для дѣла революціи. Мы должны помнить, что пока выступили на сцену только передовые отряды рабочаго класса, первыя ласточки грядущей революціи; мы должны помнить, что дѣло революціонной организаціи рабочаго класса еще только началось, что предстоитъ еще огромная работа пробужденія могучей политической силы, дремлющей въ массовомъ рабочемъ. Для русскаго революціонера-соціалиста теперь задача ясна: это пробужденіе самосознанія въ рабочемъ классѣ и организація разрозненныхъ революціонныхъ силъ въ большую могучую политическую партію. Политическая партія, опирающаяся на рабочій классъ, непобѣдима, и передъ ней должны будутъ отступить темныя силы, какъ бы грозны и сплочены они ни были.

Но пока созидается эта партія, путь революціонера по прежнему тернистъ: ему приходится имѣть дѣло съ врагомъ-азіатомъ, вооруженнымъ для борьбы всѣмъ, что дало послѣднее слово европейской цивилизаціи. Эти жестокія преслѣдованія по свойству человѣческой природы не могутъ не оказать своего вліянія на нѣкоторую часть революціонеровъ, на тѣхъ революціонеровъ, которыхъ сильное чувство возмущенія заставляетъ забывать обо всемъ другомъ. Глаза этой части революціонеровъ подъ вліяніемъ преслѣдованій заволакиваются туманомъ, и не видятъ единственнаго пути, ведущаго къ желанной цѣли. Измученные и ожесточенные травлей правительства, они хотѣли бы забыться въ сладкомъ чувствѣ мести врагамъ. Но революціонеръ не долженъ забывать изъ-за дѣла революціонеровъ дѣла революціи. Если мы твердо вѣримъ въ правоту своего дѣла, если мы знаемъ, что побѣда неизбѣжно будетъ на нашей сторонѣ, насъ не устрашатъ преслѣдованія и не заставятъ сойти съ избраннаго единственнаго вѣрнаго пути организаціи революціонныхъ общественныхъ силъ. Въ примѣрѣ нашихъ отцовъ и старшихъ братьевъ, сложившихъ свои головы за великое дѣло свободы, мы будемъ почерпать мужество для этой борьбы. Но мы обнаружили бы неблагодарность къ ихъ памяти и оскорбили бы ихъ, если бы стали повторять ихъ способъ борьбы, какъ будто за 20 лѣтъ мы ничему не научились. Мы показали бы этимъ, что жертвы ихъ были безплодны.

Но въ работѣ по пробужденію самосознанія и организаціи партіи революціонеру приходится сталкиваться съ такими отвратительными фактами, какъ сѣченіе розгами участниковъ демонстраціи въ Вильнѣ. Неужели можно не отвѣчать на эти возмутительные факты униженія человѣческаго достоинства? У всякаго живого человѣка невольно сжимаются кулаки и сознаніемъ овладѣваетъ гнетущая мысль: да какая же планомѣрная работа возможна при такихъ условіяхъ? Но истинный революціонеръ не долженъ давать какъ нельзя болѣе понятному чувству овладѣть собою. Если мы будемъ имѣть мужество заглянуть дальше внѣшней стороны этого возмутительнаго виленскаго факта, мы должны будемъ признать, что если бы виленскіе рабочіе были вполнѣ сознательными людьми, ихъ было бы невозможно, физически невозможно подвергнуть сѣченію: арестованныхъ въ Вильнѣ сѣкли по очереди, и въ то время какъ одного сѣкли, другіе тутъ же ждали своей очереди. Этого факта не уничтожилъ выстрѣлъ Леккерта. Но пусть рабочіе станутъ развитѣе и сознательнѣе, и такіе факты будутъ невозможны. Не нужна станетъ и смерть такихъ необходимыхъ для родины людей, какъ Лекертъ. Отдѣльныхъ фактовъ насилія и формъ оскорбленія человѣческаго достоинства безграничное множество, и революціонная партія погубила бы себя, если бы увлеклась партизанской борьбой съ единичными представителями этого насилія. Мы должны всегда помнить, что насиліе есть лишь проявленіе общаго строя, а измѣнить общественный строй можно единственнымъ путемъ политическаго воспитанія массъ. Каждый актъ насилія долженъ въ рукахъ революціонеровъ служить орудіемъ пропаганды, но революціонеръ не можетъ стать ни судьей, ни палачомъ. Если оскорбляется человѣческое достоинство, то только одинъ оскорбляемый можетъ возстановить его, но никто болѣе. Другіе люди могутъ создать новыя условія, при которыхъ оскорбленіе сдѣлается невозможнымъ, но не казнью оскорбителей создадутся эти новыя условія. Тотъ же, кто не можетъ овладѣть непосредственнымъ чувствомъ, пусть поступаетъ по указанію этого чувства. Мы не осудимъ его: неприкосновенно святы для насъ люди, своей кровью запечатлѣвающіе безконечную свою преданность великому дѣлу освобожденія. Но мы со всей энергіей протестуемъ противъ попытки бюрократической организаціи этого непосредственнаго, и потому по самой своей природѣ неподлежащаго такой организаціи, чувства, мы протестуемъ противъ литературной проповѣди организованнаго террора, какъ исхода этому непосредственному чувству.

Протестуя противъ террора, мы не должны забывать, что всякая неправда, каждое насиліе, мимо котораго мы проходимъ безъ непосредственнаго протеста, подсказываемаго чувствомъ, налагаютъ на насъ все новое и новое обязательство отдавать всю свою жизнь на созданіе такихъ условій существованія, при которыхъ эта неправда и насиліе станутъ невозможными.

Группа Южнаго Рабочаго.

Нижегородскимъ Комитетомъ выпущены за послѣднее время листки: 1) къ солдатамъ, 2) къ учителямъ и учительницамъ, 3) къ крестьянамъ двухъ волостей Балахнинскаго уѣзда, 4) къ рабочимъ села Городца, 5) къ раб. зав. Теръ-Акопова, 6) къ рабочимъ зав. Добровыхъ, 7) къ сормовскимъ рабочимъ, 8) „Почему крестьяне раззоряются"? 9) Отчетъ комитета за годъ, 10) Отвѣтъ „злыхъ наушниковъ" на „задушевное слово генерала Богдановича", 11) о самодержавіи. Листокъ къ солдатамъ хорошо распространенъ и имѣлъ успѣхъ.

Донскимъ Комитетомъ партіи въ сентябрѣ изданы прокламаціи: 1) по поводу казни трехъ рабочихъ за убійство городового (въ 950 экз.), 2) къ рабочимъ зав. Кекишева и фабрики Максимовыхъ, 3) къ раб. цементнаго завода, 4) къ рабочимъ табачной фабрики Асмолова.

Лодзинскимъ комитетомъ „Бунда" издана 9 сент. прокламація (на евр. языкѣ) по поводу покушенія, произведеннаго на директора одной мѣстной фабрики. Покушеніе было вызвано жестокимъ обращеніемъ директора съ рабочими. Какъ видно изъ воззванія, Лодзинскій комитетъ не раздѣляетъ точки зрѣнія, усвоенной недавней конференціей представителей „Бунда" и выразившейся въ признаніи необходимости организованныхъ единоличныхъ актовъ насилія противъ полицейскихъ насильниковъ. Напротивъ, Лодзинскій Комитетъ протестуетъ противъ такой точки зрѣнія, говоря: (цитируемъ по переводу, помѣщенному въ № 90 „Послѣднихъ извѣстій").

„Но достигается-ли такими средствами (обливаніе кислотой и пр.) цѣль защиты человѣческаго достоинства рабочихъ? Всякій, кто надъ этимъ поразмыслитъ, долженъ отвѣтить: нѣтъ, не достигается. Уже не говоря о томъ, что всѣхъ извергомъ, которыми кишитъ современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, человѣческое достоинство еще не защищается тѣмъ, что кто-нибудь изъ-за угла отомститъ за всѣхъ рабочихъ, наоборотъ, это еще притупляетъ ихъ человѣческое достоинство, пріучая ихъ вѣрить, что другіе за нихъ отомстятъ, и они остаются столь-же равнодушными къ оскорбленіямъ, какъ прежде."

Рекомендуя рабочимъ бороться противъ насилій массовыми протестами, воззваніе заканчивается слѣдующими словами: „Пусть каждый стоитъ за свою честь и всѣ за честь каждаго, тогда не будетъ болѣе надобности въ актахъ единоличной расправы, и мы гордо и побѣдоносно поведемъ нашу борьбу за честь и свободу рабочаго класса, за равенство всѣхъ людей."

Нѣмецкіе соціаль-демократы о террорѣ. Революціонное движеніе въ Россіи, нѣтъ сомнѣнія, начинаетъ привлекать къ себѣ все въ большей степени вниманіе западно-европейской — особенно нѣмецкой — соціаль-демократіи. Прежній скептицизмъ мало по малу уступаетъ мѣсто живому интересу, появляется тщательная регистрація событій, и наконецъ — за самое послѣднее время — мы находимъ уже не одинъ простой отчетъ о происходящемъ, но и критику того, что происходитъ, желаніе разобраться въ теченіяхъ русской соціалистической мысли, дать оцѣнку тактикѣ нашихъ революціонныхъ организацій.

Въ прошломъ номерѣ мы отмѣтили уже тотъ пріемъ, который оказала нѣмецкая печать „беллетристскимъ" аллюрамъ „боевой организаціи". Сейчасъ мы обращаемъ вниманіе читателей на передовую статью Лейпцигской Народной Газеты — „Новѣйшія теченія въ русской соціаль-демократіи" отъ 10 октября сего года. Статья говоритъ о той „большой опасности", которая грозитъ русской соціаль-демократіи отъ „оживленія" въ ея средѣ „террористическихъ тенденцій". Опасность была не велика до тѣхъ поръ, пока эти тенденціи находили себѣ мѣсто въ кругахъ, съ рабочей массой непосредственно не соприкасающихся. Другое дѣло, когда это теченіе начинаетъ обнаруживаться въ организаціи, стоящей въ тѣсномъ общеніи съ массой — духовно и матеріально — съ нею прочно связанной". Рѣчь идетъ о всеобщемъ еврейскомъ рабочемъ союзѣ и о резолюціи его сентябрьской конференціи — о „тактикѣ обезчещенія".

Эта резолюція — говоритъ Лейпц. Нар. Газ. — „ясно показываетъ, на какой опасный путь можетъ вступить партія, удаляясь съ твердой почвы основныхъ принциповъ и становясь на точку зрѣнія временныхъ настроеній и личной психологіи. Для партіи существуютъ только мотивы цѣлесообразности, ихъ дѣйствія должны соотвѣтствовать ихъ общимъ цѣлямъ, осуществляемымъ массовымъ движеніемъ и только въ немъ находящимъ себѣ выраженіе. Месть, какъ таковая, не можетъ быть руководящимъ принципомъ борющейся партіи... Въ партійномъ движеніи такіе акты (мести) неизбѣжно либо пріостанавливаются, либо превращаются мало по малу въ средства систематической борьбы. И разъ только соц.-дем. партія, приспособившая свою организацію для политической борьбы, захотѣла бы войти въ эту атмосферу мщенія, — мщеніе же непремѣнно стало бы въ скоромъ времени ежедневнымъ и повсемѣстнымъ, разъ только партія захотѣла бы всегда разыскивать виновныхъ — а списокъ виноватыхъ начинается городовымъ и жандармомъ и кончается царемъ, — ей бы ничего другого не оставалось дѣлать, какъ уйти цѣликомъ въ эту террористическую борьбу, постепенно потерять всякое общеніе съ массами и обречь эти массы на бездѣйствіе. Это значило бы на десятки лѣтъ вырвать почву изъ подъ ногъ у соц.-дем. Опасный, ложный путь, и мы надѣемся, что организаціи на него не вступятъ. Во всякомъ случаѣ характерно то, что иниціатива исходитъ отъ такой вліятельной группы, какъ центральный комитетъ евр. раб. союза, хотя, правда, точка зрѣнія его и не раздѣляется его заграничнымъ комитетомъ.

„Справились съ „экономизмомъ", и справятся съ этимъ опаснымъ теченіемъ, какъ только уляжется возбужденіе, и русская соціаль-демократія выйдетъ изъ этихъ внутреннихъ битвъ окрѣпшей, для того чтобы со всей силой, дружно и организованно, вести массовую борьбу противъ существующаго порядка".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изъ западно-европейской общественной жизни.

Стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галиціи обратила на себя всеобщее вниманіе. Въ этой стачкѣ одинаково приняли участіе какъ мелкіе крестьяне, такъ и настоящіе рабочіе-пролетаріи. Впрочемъ, галиційскій крестьянинъ является собственникомъ только по названію. Освобожденные отъ крѣпостной зависимости въ 1848 г., галиційскіе крестьяне за огромный выкупъ получили ровно столько земли, сколько необходимо было, чтобы гарантировать правильное поступленіе платежей и налоговъ. Такъ какъ всѣ лѣса и выгоны отошли къ помѣщикамъ, то крестьяне лишены были возможности вести сколько нибудь правильное хозяйство. Бремя налоговъ бросило ихъ въ объятія ростовщика, и скоро весь доходъ съ своего жалкаго участка стали они дѣлить между кулакомъ и казной. Имъ самимъ и ихъ семьямъ не оставалось ничего, и чтобы хоть какъ нибудь прокормиться, пришлось прибѣгнуть къ продажѣ своей рабочей силы. Покупателемъ явился жившій тутъ же подъ бокомъ помѣщикъ, который не преминулъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Длинный рабочій день, ничтожная заработная плата, плата поштучная и уплата натурою, система посредничества (сдача земли крестьянамъ, дробящимъ ее на мелкіе участки и сдающимъ ихъ болѣе бѣднымъ) и даже нѣчто въ родѣ фабричныхъ лавокъ—обязательная покупка дровъ изъ лѣса помѣщиковъ, словомъ, всѣ тонкости капиталистической эксплуатаціи были пущены въ ходъ, чтобы держать крестьянина въ матеріальной, а затѣмъ и политической зависимости. Помѣщики и попы являются полными господами этой австрійской провинціи: въ рукахъ однихъ вся власть, всѣ депутатскія мѣста, вся администрація, весь судъ; другіе завладѣли умомъ и душою крестьянина. И тѣ и другіе, и помѣщики и попы, связаны между собою крѣпкими узами – эксплуатаціей крестьянской нищеты и темноты.

Австрійская конституція не спасла крестьянина отъ раззоренія и угнетенія: права остаются на бумагѣ, пока масса не научается цѣнить ихъ и пользоваться ими. Но австрійская конституція дала возможность австрійской соціальдемократіи, выросшей и окрѣпшей при другихъ условіяхъ, въ другихъ болѣе промышленныхъ областяхъ Австріи, начать и здѣсь свою агитаціонно-организаторскую работу. Не соц.-дем. организовали стачку: она была скорѣе стихійнымъ движеніемъ, начавшимся въ одной деревнѣ и какъ бы по волшебству охватившимъ свыше 100 тысячъ человѣкъ въ 250 разныхъ деревняхъ. Но предварительная пропаганда соціальдемократіи содѣйствовала тому, что стачечники выступали съ сознаніемъ своихъ правъ, съ яснымъ пониманіемъ своихъ задачъ. Правда, этому движенію недоставало единства; въ разныхъ деревняхъ выставлялись различныя требованія относительно увеличенія заработной платы, относительно уменьшенія рабочаго дня (въ одномъ мѣстѣ требовали 1-ти часового рабочаго дня, въ другомъ—девятичасового, а въ третьемъ—даже восьмичасового), но всѣ безпристрастные наблюдатели принуждены были отнестись съ уваженіемъ къ выдержанности стачечниковъ, ихъ чувству солидарности, проявлявшемуся даже въ ме- лочахъ. Товарищъ Виттикъ, много поработавшій надъ организаціей стачечниковъ, такъ описывалъ ихъ настроеніе: „всякій, вновь прибывшій въ мѣста, охваченныя стачкой, будетъ пораженъ той торжественной тишиной, какая царитъ въ деревняхъ. Такъ бываетъ только въ дни большихъ праздниковъ. Образцовая солидарность и полное спокойствіе крестьянъ приводятъ въ изумленіе даже самихъ землевладѣльцевъ. Нигдѣ никакихъ дракъ, не видно нигдѣ пьяныхъ, не слышно музыки; кабаки остаются пустыми. Солидарность и спокойствіе! таковъ лозунгъ, передающійся изъ деревни въ деревню".

Но такъ продолжалось не долго. Было время жатвы, время горячее, и землевладѣльцамъ волей неволей приходилось уступать. И дѣйствительно въ очень многихъ округахъ побѣда осталась за стачечниками. Но наиболѣе богатые изъ пановъ считали униженіемъ уступку мужику. Надо сломить его упрямство и не дать ему возгордиться побѣдой — такъ гласила панская мудрость. Единственная надежда была на вмѣшательство правительства. Галиція была наводнена жандармами и солдатами. Жандармы получили приказаніе арестовывать, солдаты—стрѣлять. Послѣдовавшія затѣмъ сцены хорошо знакомы русскому читателю по личному опыту и вовсе не являются рѣдкостью въ стонущей подъ гнетомъ шляхты Галиціи. Успѣха, однако, эта гнусная политика запугиванія не имѣла, если не считать успѣхомъ нѣсколько десятковъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ и нѣсколько сотенъ арестованныхъ крестьянъ.

Съ концомъ жатвы стачка сама собой прекратилась. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ побѣда оставалась на сторонѣ крестьянъ, то надо думать, что стачечное движеніе возобновится и въ будущемъ году, хотя введеніе сельскохозяйственныхъ машинъ нѣсколько затруднитъ эту борьбу. Обязанность соціалдемократіи своевременно заняться необходимой для успѣха организаціей. А соціальдемократическимъ депутатамъ предстоитъ въ парламентѣ свести счеты съ правительствомъ и галиційскими помѣщиками за подлую расправу со стачечниками.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Петербургъ. Въ началѣ октября арестованы дантист А. Зельдовъ и курсистка Пантелеймонова. — Аресты въ Бак **Батумѣ и Тифлисѣ.** Въ Тифлисѣ арестованъ во второй раз Простосердовъ. — **Одесса.** Въ августѣ въ Холодной балк арестованы: земскій врачъ Ульяновъ, женщина-врачъ Могилевская, фельдшеръ Мѣденякъ и фельдшерица Нищеретова. — Въ **Кременчугѣ** на вокзалѣ арестована въ концѣ августа съ литературой Инна Леманъ (нелег.), бѣжавшая изъ Вятской губ. в 1899 г. Отвезена въ Кіевскую тюрьму.

Сосланы въ В.-Сибирь: Менкесъ (ткачъ, нелегальный, арестованъ въ 1902 г., по дѣлу „Раб. Знам."), Кузьминъ (стары ссыльный; жилъ въ Омскѣ); врачъ Бродскій изъ Кіева; бывші рядовой Берлинъ, обвинявшійся въ томъ, что намѣревался освободить изъ Кіевской крѣпости заключеннаго въ ней Урицкаго, на 8 лѣтъ.

Бѣжали изъ Вост. Сибири: Викторъ Вейнштокъ (изъ Забайкальской области, гдѣ былъ на поселеніи; въ 1892 г. былъ арестованъ за пропаганду въ СПБ. войскахъ и среди рабочихъ и какъ вольноопредѣляющійся, осужденъ военнымъ судомъ на 10 лѣтъ каторги), Николай Кудринъ (сосланъ на 5 лѣтъ по уральскому с.-д. дѣлу 1899 г.); Бронштейнъ (сосланъ на 4 г. въ 1899 г. по дѣлу южно-русскаго рабочаго союза въ Николаевѣ); Стач Полинскій (раб., арестованъ въ Варшавѣ въ 1893 г. и посл четырехъ лѣтъ тюремнаго заключенія сосланъ на 10 лѣтъ в Якутскую область); Евгенія Гуревичъ (сослана по дѣлу Бунд въ 1898 г.); Бергеръ (по польскому дѣлу); Скрипникъ (петерб технологъ); Файнъ (арест. въ СПБ, весной 1901 г.); І. Ленскі (учитель изъ Вильны).

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Приговоръ по дѣлу Михаила Ивановича Гуровича (онъ ж Гуревичъ), бывшаго государственнаго ссыльнаго, принимавшаг участіе въ изданіи журнала „Начало", около 40 лѣтъ отъ роду.

Въ теченіи лѣта и осени 1901 г. въ революціонныхъ кругахъ въ Россіи возникли весьма вѣскія обвиненія противъ М. И. Гуровича въ томъ, что онъ служитъ въ департаментѣ полиціи в качествѣ агента-провокатора. Разслѣдованіе этихъ обвиненій, по желанію какъ русскихъ товарищей, такъ и самого Гуровича, было поручено особой коммиссіи за-границей. Въ коммиссію вошли уполномоченные Заграничной лиги русской революціонной соціаль-демократіи, Союза русскихъ соц.-дем. заграницей соц.-демократической группы „Борьба"*).

Въ теченіи продолжительнаго и тщательнаго разслѣдованія дѣла коммиссія выслушала въ рядѣ засѣданій подробныя объясненія Гуровича, какъ отдѣльно, такъ и на очныхъ ставкахъ съ двумя свидѣтелями, выслушала показанія шести свидѣтелей рассмотрѣла письменныя сообщенія С.-Петербургскаго Комитета Рос. С.-Д. Р. Партіи и отдѣльныхъ товарищей. Всѣ добытыя этимъ слѣдствіемъ точныя и провѣренныя данныя вполнѣ подтверждаютъ предъявленныя къ Гуровичу обвиненія, вслѣдствіе чего коммиссія единогласно постановляетъ объявить М. И. Гуровича агентомъ-провокаторомъ.

Подробный мотивированный приговоръ по этому дѣлу коммиссія разошлетъ конфиденціально дѣйствующимъ въ Россіи и заграницей революціоннымъ организаціямъ.

Уполномоченные представители организацій:

Заграничной Лиги Револ. Соц.-Демократіи (слѣдуетъ подпись).
Союза Рус. Соц.-Демократовъ за-границей (слѣдуетъ подпись).
Соц.-Демократической группы „Борьба" (слѣдуетъ подпись).
5 октября (22 сентября) 1902 года.

---

*) Къ участію въ коммиссіи были приглашены и представители соц.-революціонеровъ, но они отъ этого отказались.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: черезъ Рудникова за литературу по 10 октяб 85 фр. 40 сант.; отъ „буддиста" 50 руб., отъ Е. А. 50 руб.; от друзей 50 руб., отъ Макара 506 руб.; отъ Ольги Юрь. 12 руб отъ Архаровца 23 руб., отъ А. 200 руб., изъ Льежа за литературу и сборы 77 фр. 36 сант.; изъ Брюсселя 25 фр. 20 сант изъ Гейдельберга 200 мар., отъ Каца сборъ въ пользу „Искры 5 м., отъ Орлова для „Искры" 20 мар., изъ Цюриха черезъ Д. 368 фр., изъ Ньюкастля 1 ф. ст.; изъ М. М. 10 мар., отъ К.К.-С. 150 руб. На революціонное предпріятіе („когда-бъ я былъ царе земнымъ") получено 800 руб. Отъ Юлія въ сибирскую кас 5 фр., съ Ронской долины для „Искры" 18 фр., отъ Юлія д „Искры" 13,50 фр., отъ кружка въ Цюрихѣ 10,70, за литературу 23,75 фр. Въ пользу бѣжавшихъ изъ Кіевской тюрьм изъ Льежа 59 фр. 80 сант., отъ общ. англійскихъ друзей русско свободы 11 ф. ст., отъ Гали 5 фр., отъ П. Б. Струве черезъ П. Аксельрода 10 кронъ, отъ Германна изъ Зофингена 5 ф отъ Е. А. Л. 10 ф., отъ Каца 3 фр., изъ Винтертура 5 ф. съ Ронской долины 10 фр., изъ города. Л.: отъ Митн 1 фр., отъ 2 фр., отъ олдъ фрэндъ 20 фр., отъ членовъ группы взносъ 7 ф

Въ пользу заключенныхъ въ Одесской тюрьмѣ получено от Сибирской кассы въ Цюрихѣ 150 фр.

Въ помѣщенномъ въ прошломъ № отчетѣ вкралась ошибк за литературу чер. Рудникова получено не 32.50, а 92 фр. 50

Зайчику. Письмо написано непонятнымъ ключемъ.

А. В. С. Прокламація Тверского Комитета не получена. „Дневникъ Ка—ца" полученъ.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ об щаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelro
Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".

Второй годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 27 1-го ноября 1902 года. № 27

КЪ ЭПИЛОГУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ БУНТОВЪ.

Съ харьковскими и полтавскими процессами закончится весь эпизодъ весеннихъ „бунтовъ“. Теперь уже всякому должно быть ясно, что чиновничья и помѣщичья Россія совершенно неправильно приписала революціонной агитаціи отвѣтственность за случившееся. Совершенно неправильно, — прежде всего потому, что, какъ ясно вытекаетъ даже изъ матеріала, собраннаго обвинительными актами по крестьянскимъ процессамъ, недавнее движеніе было непосредственно вызвано крайнимъ обостреніемъ хронической нужды систематически и безсовѣстно ограбляемыхъ крестьянъ.

Объ участіи „агитаторовъ“ въ возбужденіи крестьянскихъ „бунтовъ“ — обвинительные акты ничего не говорятъ, если не считать отмѣченнаго въ обвинительномъ актѣ по дѣлу о разгромѣ экономіи Рабича показанія подсудимыхъ крестьянъ, которые, „упоминая о своей крайней нуждѣ, высказались, что дѣйствовали по примѣру сосѣднихъ деревень Полтавской губ., гдѣ, какъ они слышали, появлялись ‚студенты‘, которые или учили народъ, — что ему дано право пользоваться имуществомъ ‚пановъ‘, или даже сами, предводительствуя толпой, производили взломы амбаровъ и приглашали крестьянъ къ ихъ расхищенію“. Нигдѣ въ актахъ нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы предводителями толпы при разгромахъ являлись революціонеры. Такими предводителями бывали или мѣстные же крестьяне, или прибывшіе изъ „бунтовавшихъ“ мѣстностей.

Что среди крестьянъ мѣстами велась пропаганда — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣрно и то, что вызванное крайней нуждой возбужденіе крестьянъ было значительно усилено смутными слухами о городскихъ волненіяхъ, отразившихся въ умахъ крестьянъ, какъ борьба „студентовъ“. Но все это говоритъ только о томъ, что русское крестьянство — несмотря на китайскую стѣну, которою самодержавіе его отрѣзало отъ культурной Россіи — начинаетъ, если еще не жить исторической жизнью, то уже прислушиваться къ ней. И если при этомъ вся вѣками воспитанная крестьянская темнота рѣзко даетъ себя знать въ формахъ проявленія мужицкаго недовольства. то нелѣпо отвѣтственность за эти формы взваливать на тѣ первые лучи политическаго сознанія, которые пыталась внести въ эту среду революціонная пропаганда. Не новая Россія съ ея гражданскими формами и съ ея классовымъ самосознаніемъ сказалась въ этихъ стихійныхъ вспышкахъ; въ нихъ проявила себя — вѣроятно, еще не въ послѣдній разъ — старая Россія съ ея азіатскими формами политическихъ отношеній, съ ея дореформенными политическими горизонтами, съ ея стадной импульсивностью, далекой отъ правильнаго представленія о соотношеніи между цѣлью и средствами.

Испуганному уму собственника картина расхищеній „панскаго“ имущества представляется первымъ практическимъ приложеніемъ ученій соціализма. Но это невѣрно. Соціализмъ никогда не призывалъ „дѣлить“ богатства эксплуататоровъ. „Дѣлежъ, говоритъ Каутскій (Эрфуртская программа) — это соціализмъ мелкихъ производителей, это соціализмъ такъ-называемыхъ „консервативныхъ“ слоевъ народа, это не есть соціализмъ пролетаріата крупной промышленности“. Не вышедшее еще изъ круга предразсудковъ, воспитанныхъ условіями существованія мелкаго самостоятельнаго хозяйства, крестьянство естественно видитъ свое спасеніе отъ нищеты въ раздѣлѣ тѣхъ земельныхъ богатствъ, которые захвачены помѣщиками и служатъ въ ихъ рукахъ ближайшимъ образомъ средствомъ закабаленія крестьянъ. Какъ отмѣчаетъ тамъ же Каутскій, этотъ пріемъ „дѣлежа“ захваченныхъ монополистами богатствъ крестьяне неоднократно примѣняли на дѣлѣ. „Всего только сто лѣтъ назадъ — во время французской революціи, которая такъ рѣзко подчеркивала право частной собственности, — ремесленники и крестьяне совершили раздѣлъ церковныхъ имѣній“. Этотъ раздѣлъ, какъ извѣстно, всего менѣе способствовалъ устраненію капитализма; напротивъ, онъ послужилъ однимъ изъ средствъ преобразованія феодальнаго строя въ буржуазно-капиталистическій. Не иначе отразился бы на современной Россіи и раздѣлъ между крестьянами даже всей помѣщичьей земли. Этотъ раздѣлъ послужилъ бы сильнѣйшимъ толчкомъ къ развитію товарнаго производства, внутренняго рынка для фабричной промышленности, а, слѣд., къ дальнѣйшему разложенію крестьянской массы, росту въ ней классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Въ конечномъ счетѣ онъ создалъ бы благопріятныя условія для развитія социалистическ. движенія, но самъ по себѣ онъ былъ бы не методомъ осуществленія соціализма, а методомъ развитія буржуазнаго строя на развалинахъ вымирающаго крѣпостного. Если, поэтому, организуемое соіалдемократіей классовое движеніе пролетаріата встрѣчаетъ на своемъ пути въ современной Россіи нерѣшенный исторіей вопросъ о стремленіи многомилліоннаго крестьянства рѣшительно развязаться съ вѣковымъ гнетомъ помѣстнаго землевладѣнія; если, въ этомъ своемъ стремленіи, крестьянство не выходитъ — и въ цѣломъ еще не можетъ выйти — изъ круга по существу буржуазныхъ представленій о раздѣлѣ, равненіи и т. п., то далекая отъ священнаго трепета собственниковъ передъ такою „грубостью простонародья“, соц.-демократія одинаково далека отъ вульгарно-„соціалистической“ идеализаціи этихъ стремленій. Съ точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы пролетаріата, — единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества, — она взвѣшиваетъ соціальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію, подхватываетъ всѣ тѣ требованія разныхъ общественныхъ классовъ, которыя таятъ въ себѣ революціонную борьбу противъ учрежденій и порядковъ, стоящихъ на пути развитія пролетарской классовой борьбы, освобождаетъ эти требованія отъ налипшаго на нихъ въ процессѣ историческаго развитія покрова мистическихъ и реакціонныхъ представленій, тѣмъ самымъ связывая эти требованія съ основнымъ великимъ „національнымъ“ требованіемъ дня — съ задачей гражданскаго и политическаго раскрѣпощенія русскаго народа, и доводитъ до логическаго конца революціонные и демократическіе элементы этихъ требованій. Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія, началомъ конца всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Она не скажетъ этого, потому что сказать это — значило бы вдаваться въ демагогію и дурачить крестьянство. Напротивъ, она скажетъ ему (и рабочему, и „обществу“), что осуществленіе его стремленій къ прирѣзкѣ земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической, кабальной эксплуатаціи, но не разрѣшитъ вопроса о той общей буржуазной эксплуатаціи, которая тяготѣетъ надъ всѣми трудящимися массами и обусловливаетъ собой содержаніе соціалистическаго рабочаго движенія. Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспропріаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній, и поможетъ раціональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой соціалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ исцѣлимость всѣхъ его соціальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства.

И съ той же точки зрѣнія соціалдемократія должна отнестись къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію „націонализаціи земли“. Въ этомъ требованіи она прежде всего усматриваетъ попытку прикрыть соціалистическимъ ореоломъ буржуазныя требованія „раздѣла“ и „равненія“, попытку дешевой цѣной откупиться отъ кажущагося противорѣчія между нашей соціалистической конечной цѣлью, требующей объединенія средствъ производства въ рукахъ общества, и ближайшими лозунгами дня, среди которыхъ всего громче раздается крестьянское требованіе о „прирѣзкѣ земли“.

Недавно, на одномъ русскомъ собраніи заграницей, ораторъ, громившій „Искру“ за ея аграрную программу, сказалъ, что въ настоящее время всякій политическій шарлатанъ, который предложитъ крестьянамъ націонализацію земли, будетъ имѣть успѣхъ. Очень можетъ быть. Но именно поэтому соціалдемократія имѣетъ всѣ основанія не спѣшить подхватывать этотъ соблазнительный лозунгъ. Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы пріобрѣтутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны. А, съ другой стороны, мы слишкомъ хорошо понимаемъ всю психологію требованія націонализаціи. Мы знаемъ, что большинство русскихъ соціалистовъ, говорящихъ о ней. не даютъ себѣ отчета, въ какомъ отношеніи это требованіе должно стоять къ конечной цѣли движенія. Сама по себѣ націонализація земли далека отъ того, чтобы быть преддверіемъ къ соціалистическому строю, подобно тому, какъ переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ или даже угольныхъ шахтъ не есть еще само по себѣ начало осуществленія соціализма. Не устраняя капиталистическихъ отношеній и порождаемой ею классовой борьбы, націонализація земли только измѣняетъ форму борьбы за владѣніе одной частью средствъ производства, превращая ее въ борьбу не съ классомъ землевладѣльцевъ, а со всѣмъ капиталистическимъ обществомъ, владѣющимъ землей (или рентой на землю). Поскольку такая перемѣна упрощаетъ механизмъ соціалистической борьбы пролетаріата, она можетъ считаться прогрессивной. Но другое дѣло, когда — а таковъ, несомнѣнно, нашъ случай — націонализація земли въ представленіи ея апостоловъ связана съ упроченіемъ и увѣковѣченіемъ мелкаго, изолированнаго крестьянскаго хозяйства, съ подмѣной пролетарскаго соціализма мелкобуржуазнымъ индивидуализмомъ или кооператизмомъ. Говоря, что націонализація обобщаетъ нынѣшнія требованія русскихъ крестьянъ о „прирѣзкѣ“ земли, наши демократы и „соц.-рев.“ тѣмъ самымъ признаются, что имъ эта націонализація нужна именно для поддержанія если не самого крестьянскаго „самостоятельнаго“ хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ. Если же при этомъ, полемизируя противъ насъ, говорятъ, что наша ближайшая революція будетъ не буржуазной, а демократической, хотя и не соціалистической, то это несравненное возраженіе окончательно выдаетъ съ головой возражающихъ, свидѣтельствуя, что ихъ ближайшимъ идеаломъ является мелкобуржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства, „ограничивающій“ (въ ихъ представленіи) господство капитализма, неизбѣжность дальнѣйшаго развитія какового уже не отрицаетъ ни одинъ „соц.-рев.“ Соціалдемократія не можетъ приложить своихъ рукъ къ дѣлу одурачиванія мужика увѣреніями, что ближайшій политическій переворотъ, при условіи націонализаціи земли, обезпечитъ ему безмятежную обитель въ царствѣ развивающагося капитализма. Поддерживая и помогая ему формулировать его требованія о „прирѣзкѣ“, она не станетъ скрывать ни отъ себя, ни отъ него, палліативнаго характера этихъ требованій и полной совмѣстимости съ нормами буржуазнаго строя тѣхъ методовъ „раздѣла“ и частичной экспропріаціи, которыми могутъ быть достигнуты эти прирѣзки; она не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для „трудового крестьянства“ задача соціальнаго освобожденія неразрѣшима внѣ задачи соціальнаго освобожденія пролетаріата, внѣ соціалистической революціи.

Русское рабочее движеніе начинаетъ политически формироваться въ то время, когда исторія еще не разрѣшила тѣхъ свойственныхъ до-капиталистической эпохѣ общественныхъ вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ примѣненія такихъ — непосредственно „несоціалистическихъ“ — методовъ политической борьбы, какъ „раздѣлъ“, частичная экспропріація, какъ сословное возстаніе противъ привилегированнаго сословія тунеядцевъ, какъ „общенаціональное“ движеніе „народа“ противъ учрежденій, одновременно пригнетающихъ и буржуазные, и пролетарскіе, и промежуточные элементы этого народа. Закрывать глаза на этотъ фактъ, значило бы проявлять крайнюю близорукость. Но выбрасывать изъ-за этого факта за бортъ все то, что даетъ намъ наше соціалистическое сознаніе, было бы политическимъ авантюризмомъ. Поддерживая борьбу революціонной и оппозиціонной интеллигенціи съ самодержавіемъ, мы никогда не опустимся до того, чтобы увѣрять (или вѣрить), будто ея политическое движеніе тождественно съ борьбой противъ классового господства; руководя стачечной (профессіональной) борьбой рабочихъ массъ, мы не станемъ поддерживать предразсудка, будто эта борьба сама по себѣ приведетъ къ освобожденію рабочаго класса. И помогая крестьянству вести успѣшную борьбу съ крѣпостниками, мы не станемъ сѣять вредныхъ иллюзій о значеніи этой борьбы, не станемъ повторять за соц.-револ., будто бы объединеніе этого крестьянскаго и нашего рабочаго движенія достигнуто „навѣки нерушимо“ тѣмъ фактомъ, что рабочій-революціонеръ стрѣлялъ въ палача крестьянъ Оболенскаго. „И отнынѣ чистой кровью Ѳомы Кочуренко навѣки связана крестьянская и рабочая борьба“, повторяетъ „Народное Дѣло“ (№ 2, стр. 19). Кровь рабочихъ смѣльчаковъ, какъ Кочуръ, очень дорога намъ, но мы позволимъ себѣ все же высказать ту кощунственную мысль, что такой дешевой цѣной та связь, о которой говорятъ соц.-револ., не можетъ быть достигнута даже въ дѣлѣ завоеванія одной только свободы. Фраза „Народнаго Дѣла“ выражаетъ вздорную и вредную мысль. Не потому только, что по ея точному смыслу, если г. Плеве вздумается не казнить Кочура, а заключить его въ Шлиссельбургъ, то связь между крестьянской и рабочей борьбой нѣсколько ослабѣетъ. Мысль, выраженная здѣсь, вздорна и вредна потому, что она является порожденіемъ все той же попытки спутать и воедино смѣшать задачи соціаль-демократическаго движенія рабочаго класса и демократической борьбы придавленныхъ самодержавіемъ другихъ слоевъ народа, порожденіемъ все того же пренебрежительнаго отношенія къ политическому воспитанію, извлекаемому народными массами изъ долгой, упорной и открытой классовой борьбы. Такъ просто, какъ у соц.-револ., только „сказка сказывается“, а не дѣло дѣлается. Надъ дѣломъ же созданія крѣпкой связи между „крестьянской и рабочей борьбой“ придется поработать и крестьянству, и рабочему классу. Рабочій классъ долженъ стать во главѣ освободительнаго движенія и громче и рѣшительнѣе всѣхъ другихъ борющихся отстаивать дѣйствительно прогрессивные интересы крестьянства. Крестьянство должно открыто поддержать политическую борьбу пролетаріата. Что же касается до связи между крестьянствомъ и пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы за соціализмъ, то эта связь будетъ создаваться по мѣрѣ того, какъ все большія и большія массы раззоряемаго капитализмомъ крестьянства будутъ переходить на классовую точку зрѣнія пролетаріата и сознавать, что только соціалистическій переворотъ освободитъ ихъ отъ экономическаго рабства.

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦ.-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ.

Насмѣшка оказываетъ свое полезное дѣйствіе. Въ статьяхъ подъ названіемъ „Революціонный авантюризмъ“ мы выразили твердую увѣренность, что наши соц.-рев. не пожелаютъ никогда прямо и точно опредѣлить свою теоретическую позицію. Чтобы опровергнуть сіе злостное и несправедливое предположеніе, „Рев. Россія“ начинаетъ въ № 11 серію статей подъ заглавіемъ „Програмные вопросы“. Въ добрый часъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Заранѣе привѣтствуемъ всѣ статьи „Рев. Россіи“ о „программныхъ вопросахъ“ и обѣщаемъ внимательно слѣдить за тѣмъ, можно-ли въ самомъ дѣлѣ вычитать изъ нихъ какую-либо программу.

Присмотримся съ этой цѣлью къ первой статьѣ: „Классовая борьба въ деревнѣ“, но сначала замѣтимъ, что наши противники паки и паки чрезчуръ... „увлекаются“, заявляя (№ 11, стр. 6) „наша программа выставлена“. Невѣрно вѣдь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченнаго и оффиціально-партійнаго изложенія своихъ взглядовъ (программы въ узкомъ смыслѣ слова или хотя бы проекта программы), но и не опредѣлили даже вовсе своего отношенія къ такимъ основнымъ „программнымъ вопросамъ“, какъ вопросъ о марксизмѣ и его оппортунистической критикѣ, о русскомъ капитализмѣ и о положеніи, значеніи и задачахъ порождаемаго этимъ капитализмомъ пролетаріата и т. д. Все, что мы знаемъ о „вашей программѣ“, это то, что вы занимаете совершенно неопредѣленную позицію между революціонной соціалдемократіей и оппортунистическимъ теченіемъ, съ одной стороны, между русскимъ марксизмомъ и русскимъ либерально-народническимъ направленіемъ, съ другой.

Въ какія безъисходныя противорѣчія запутываетесь вы, вслѣдствіе этой потуги сѣсть между 2 стульевъ, это мы вамъ сейчасъ покажемъ и на выбранномъ вами вопросѣ. „Мы не то что не понимаемъ, мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ“ — пишетъ „Револ. Россія“ (№ 11). „Для насъ крестьянство дѣлится на двѣ принципіально отличныя категоріи: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатаціей собственной рабочей силы (!??) и 2) сельскую буржуазію, — среднюю и мелкую, — въ большей или меньшей степени живущую эксплуатаціей чужой рабочей силы“. Видя „основной отличительный признакъ“ класса буржуазіи въ „источникѣ дохода“ (пользованіе неоплаченнымъ трудомъ другихъ людей), теоретики соц.-рев. усматриваютъ „огромное принципіальное сходство“ между сельскимъ пролетаріатомъ и „самостоятельными земледѣльцами“, живущими приложеніемъ собственнаго труда къ средствамъ производства. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія. Это разъ. Во-вторыхъ, тѣ и другіе въ современныхъ условіяхъ безжалостно эксплуатируются“. Они должны быть поэтому соединены въ одну категорію трудового крестьянства.“

Мы нарочно изложили разсужденіе „Рев. Рос.“ такъ подробно, чтобы читатель могъ хорошенько вдуматься въ него и оцѣнить его теоретическія посылки. Несостоятельность этихъ посылокъ бьетъ въ глаза. Искать основного отличительнаго признака различныхъ классовъ общества въ источникѣ дохода, значитъ выдвигать на первое мѣсто отношенія распредѣленія, которыя на самомъ дѣлѣ суть результатъ отношеній производства. Ошибку эту давно указалъ Марксъ, назвавшій не видящихъ ее людей вульгарными соціалистами. Основной признакъ различія между классами — ихъ мѣсто въ общественномъ производствѣ, а слѣдовательно, ихъ отношеніе къ средствамъ производства. Присвоеніе той или другой части общественныхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вотъ основное отличіе одного класса современнаго общества (буржуазіи) отъ пролетаріата, который лишенъ средствъ производства и продаетъ свою рабочую силу.

Пойдемъ дальше. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія“. Опредѣленной политико-экономической категоріей является не трудъ, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношенія между людьми по участію ихъ въ общественномъ трудѣ. Въ другой формѣ здѣсь повторяется та же ошибка вульгарнаго соціализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляютъ: „Существо взаимныхъ отношеній между сельскимъ хозяиномъ и батракомъ, съ одной стороны, между самостоятельнымъ земледѣльцемъ и заимодавцами, кулаками, съ другой стороны, совершенно одинаково“, то они цѣликомъ повторяютъ ошибку хотя бы нѣмецкаго вульгарнаго соціализма, который, напр., въ лицѣ Мюльбергера, заявилъ, что существо отношеній хозяина къ рабочему то же, что домовладѣльца къ квартиранту. Наши Мюльбергеры точно также не способны выдѣлить основныхъ и производныхъ формъ эксплуатаціи, ограничиваясь декламаціей по поводу „эксплуатаціи“ вообще. Наши Мюльбергеры точно также не понимаютъ, что именно эксплуатація наемнаго труда является базисомъ всего современнаго грабительскаго строя, именно она вызываетъ дѣленіе общества на непримиримо-противоположные классы и только съ точки зрѣнія этой классовой борьбы можно послѣдовательно оцѣнить всѣ остальныя проявленія эксплуатаціи, не впадая въ расплывчатость и безпринципность. Наши Мюльбергеры, поэтому, должны встрѣтить со стороны русскихъ соціалистовъ, дорожащихъ цѣльностью своего движенія и „добрымъ именемъ“ своего революціоннаго знамени, такой же рѣшительный, безпощадный отпоръ, какой встрѣтилъ Мюльбергеръ нѣмецкій.

Чтобы яснѣе показать путанность „теоріи“ нашихъ соц.-рев., мы подойдемъ еще къ тому же вопросу съ практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопросъ конкретными примѣрами. Во-первыхъ, трудится и эксплуатируется вездѣ, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазіи. Почему бы иначе и относить ее къ переходнымъ и промежуточнымъ слоямъ? Во вторыхъ, совершенно также, какъ крестьяне въ обществѣ товарнаго хозяйства, трудятся и эксплуатируются мелкіе ремесленники и торговцы. Не хотятъ-ли наши соц.-рев. создать также „категорію“ „трудового“ торгово-промышленнаго населенія вмѣсто „узкой“ категоріи пролетаріата? Въ третьихъ, пусть попробуютъ соц.-рев., чтобы понять значеніе столь нелюбимой ими „догмы“, представить себѣ подгороднаго крестьянина, который, не нанимая рабочихъ, живетъ своимъ трудомъ и продажей всякихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Смѣемъ надѣяться, что отрицать принадлежность такого крестьянина къ мелкой буржуазіи и невозможность „объединить“ его въ одинъ классъ (замѣтьте, рѣчь идетъ именно о классѣ, а не о партіи) съ наемнымъ рабочимъ, не рѣшатся даже ярые народники. А есть-ли какая нибудь принципіальная разница въ положеніи подгороднаго торгаша-земледѣльца и всякаго мелкаго земледѣльца въ обществѣ развивающагося товарнаго хозяйства?

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить это приближеніе (мягко выражаясь) г.г. соц.-рев. къ вульгарному соціализму? Можетъ быть, это случайная особенность даннаго автора? Чтобы опровергнуть такое предположеніе, достаточно привести слѣдующее мѣсто изъ № 11 „Рев. Рос.“ „Какъ будто — восклицаетъ авторъ — здѣсь все дѣло въ размѣрахъ одной и той же хозяйственной категоріи“ (крупный и мелкій буржуа) „а не въ принципіальномъ различіи“ (слушайте!) „двухъ категорій: трудового и буржуазно-капиталистическаго хозяйства“! Намъ трудно было бы и представить себѣ болѣе полное и наглядное подтвержденіе сказаннаго нами въ статьѣ „Револ. Авантюризмъ“: поскребите соц.-рев. и вы найдете г. В. В. Для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ эволюціей русской общественно-политической мысли, позиція соц.-рев. выясняется изъ одной этой фразы. Извѣстно, что основой того блѣдно-розоваго квази-соціализма, который украшалъ собой (да и сейчасъ еще украшаетъ) господствующее въ нашемъ образованномъ обществѣ либерально-народническое направленіе, лежала идея о діаметральной противоположности крестьянскаго „трудового хозяйства“ и буржуазнаго хозяйства. Эта идея, въ разныхъ оттѣнкахъ ея подробно разработанная г.г. Михайловскимъ, В. В., Ник.—ономъ и др., была одной изъ тѣхъ твердынь, противъ которыхъ направилась критика русскаго марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо умѣть отказаться отъ иллюзій и прямо взглянуть на дѣйствительность, разрушающую туманныя мечты о трудовомъ хозяйствѣ (или „народномъ производствѣ“?) и показывающую намъ мелко-буржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства. И у насъ, какъ и вездѣ, развитіе и упроченіе мелкаго трудового хозяйства возможно лишь путемъ превращенія его въ мелко-буржуазное хозяйство. Это превращеніе, дѣйствительно, происходитъ и настоящая реальная тенденція трудового крестьянина къ мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Какъ и всякіе мелкіе производители, наши крестьяне тѣмъ самымъ подходятъ подъ категорію мелкихъ буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетаріата, который связанъ съ „хозяйчиками“ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней полу-рабочихъ и полу-хозяевъ (эти переходныя формы существуютъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ промышленности).

Какъ же отнеслись соц.-револ. къ этой смѣнѣ двухъ теченій соціалистической мысли, къ борьбѣ стараго русскаго соціализма и марксизма? Они просто на просто пытались уклоняться, покуда можно было, отъ разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда отъ людей, пожелавшихъ создать особую „партію“, потребовали опредѣленныхъ объясненій, когда ихъ принудили къ отвѣту, принудили и насмѣшкой и прямымъ обвиненіемъ въ безпринципности, — тогда они только и стали повторять старую народническую теорію „трудового хозяйства“ и старыя ошибки вульгарнаго соціализма. Повторяемъ: лучшаго подтвержденія нашего обвиненія соц.-револ. въ полной безпринципности, какъ статья въ № 11, пытающаяся „соединить“ и теорію „трудового хозяйства“, и теорію классовой борьбы, — мы не могли и ждать.

* * *

Какъ курьезъ, отмѣтимъ еще, что въ № 11 „Рев. Рос“. дѣлаются попытки „благовидно“ объяснить рѣшеніе уклониться отъ принципіальной полемики. Въ статьѣ „Рев. авантюризмъ“ „Искра,“ видите-ли, невѣрно цитируетъ. Напримѣръ? Напримѣръ, опускаетъ слово „мѣстами“ (земля мѣстами перетекаетъ отъ капитала къ труду). Какой ужасъ! Опускаютъ не относящееся къ дѣлу слово! Или, можетъ быть, „Рев. Рос.“, вздумаетъ утверждать, что къ вопросу объ оцѣнкѣ перетеканія земли вообще (буржуазный это процессъ, или нѣтъ) хоть какое-либо отношеніе имѣетъ слово „мѣстами“. Пусть попробуетъ.

Далѣе. „Искра“ прекратила цитату на словѣ „государствомъ“, хотя дальше стоитъ „конечно, не нынѣшнимъ“. „Искра“ поступила даже еще злѣе (добавимъ отъ себя): она дерзнула назвать это государство классовымъ. Не станутъ-ли наши „обиженные въ лучшихъ чувствахъ“ противники утверждать, что въ разбираемой нами „программѣ-минимумъ“ рѣчь могла идти не о классовомъ государствѣ?

Наконецъ „Искра“ цитировала прокламацію 3 апр., въ которой сама „Рев. Россія“ нашла оцѣнку террора преувеличенной“. — Да, и мы привели эту оговорку „Рев. Рос.“, но добавили отъ себя, что видимъ тутъ „эквилибристику“ и неясные намеки. „Рев. Рос.“ этимъ очень не довольна и пускается въ объясненія и сообщеніе подробностей (подтверждая, такимъ образомъ, на дѣлѣ, что неясность, требующая объясненій, была). И каковы же эти объясненія? Въ прокламаціи 3 апр. были, видите-ли, сдѣланы поправки по требованію партіи. Эти поправки, однако, „были признаны недостаточными“, и потому слова „отъ партіи“ изъ прокламаціи были удалены. Но слова „изданіе партіи“ остались, и другая („настоящая“) прокламація отъ того же 3 апр. ни слова о разногласіяхъ или преувеличеніяхъ не упомянула. Приводя эти объясненія и чувствуя, что они только подтверждаютъ законность, предъявляемаго „Иск.“ (въ словахъ: эквилибристика и намеки) требованія объясненій, „Рев. Рос.“ сама задаетъ себѣ вопросъ: какъ партія могла издать въ своей типографіи прокламацію, съ которой она несогласна? Отвѣтъ „Рев. Россіи“ гласитъ: „Да совершенно такъ же, какъ подъ фирмой Рос. С.-Д. Раб. Партіи печатается Р. Дѣло, Искра, Р. Мысль и Борьба“. Очень хорошо. Но, во первыхъ, у насъ разнородныя изданія и печатаются не въ типографіи „партіи“, а въ типографіяхъ группъ. Во-вторыхъ, когда у насъ выходили „Р. Мысль“ и „Р. Д.“ и „Искра“ вмѣстѣ, мы это сами же и называли разбродомъ. Посмотрите же, что отсюда выходитъ: соц.-демократія сама вскрываетъ и бичуетъ разбродъ у себя и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинаютъ признавать свой разбродъ лишь послѣ того, какъ ихъ изобличатъ, и лишній разъ по этому случаю щеголяютъ своей широтой, позволившей имъ по поводу одного и того же политическаго событія издать въ одинъ и тотъ же день двѣ прокламаціи, въ которыхъ политическое значеніе этого событія (новаго террористическаго акта) толкуется прямо противоположно. — Зная, что изъ идейнаго разброда ничего добраго не выйдетъ, соц.-дем. предпочли „сначала размежеваться, а потомъ объединяться“, обезпечивая этимъ будущему объединенію и прочность, и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою „программу“ на разные лады „кто во что гораздъ“*), играютъ въ фикцію „практическаго“ единства и свысока заявляютъ намъ: это у васъ только, у соц.-демократовъ, разныя тамъ „группы“, у насъ же — Партія! Совершенно вѣрно, господа, но исторія учитъ насъ, что иногда отношеніе между „группами“ и партіями бываетъ подобно отношенію между тощими и тучными фараоновыми коровами. Разныя вѣдь бываютъ „партіи“. Была, напр., „Рабочая партія политич. освоб. Россіи“, а, между тѣмъ, ея двухъгодичное существованіе прошло столь же безслѣдно, какъ и ея исчезновеніе.

„ИСТОРІЯ ПОВТОРЯЕТСЯ“.

Органъ еврейскаго „Бунда“, „Голосъ Рабочихъ“ („Arbeiterstimme“), недоволенъ передовой статьей 22 № „Искры“. Въ № 28 этого органа напечатана статья, гдѣ насъ, между прочимъ, сравниваютъ съ талмудистами.

Приведя изъ указанной статьи нашей тѣ строки, гдѣ говорится, что полицейскія расправы съ участниками майскихъ демонстрацій вопіютъ о мщеніи, и указавъ, съ другой стороны, на то, что, по нашему мнѣнію, только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ явиться достойной местью за всѣ притѣсненія и за всѣ униженія, испытываемыя русскими пролетаріями, „Гол. Раб.“ замѣчаетъ: „это значитъ говорить языкомъ талмудиста, который учитъ, что Илья-пророкъ дастъ отвѣты на всѣ вопросы“.

Органъ „Бунда“ находитъ, какъ видно, что мы хотимъ отложить дѣло мести въ слишкомъ долгій ящикъ. Ему кажется, что, это дѣло не терпитъ отлагательствъ. Онъ не хочетъ ждать. Онъ хочетъ немедленнаго отмщенія.

Такой мести хочетъ не только „Гол. Раб.“ Подъ вліяніемъ новой тактики борющагося за свое существованіе правительства у насъ теперь очень быстро растетъ число тѣхъ людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать насъ не только въ талмудизмѣ, но и въ еще гораздо болѣе тяжкихъ прегрѣшеніяхъ. Иные доходятъ до того, что, повидимому, искренно считаютъ насъ... реакціонерами. Мы говоримъ не шутя и, если понадобится, докажемъ это ссылками на нѣкоторыя, недавно вышедшія, произведенія печати.

Что отвѣтимъ мы на нападки этихъ людей?

Мы скажемъ имъ такъ:

Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпѣть, пока не съумѣли вооружиться, не съумѣли внушить довѣріе народу! Вы не хотите ждать? Вы не хотите?. Право? Такъ изъ-за вашего революціоннаго зуда, изъ-за вашей барской революціонной фантазіи вы бросите на карту будущность народа? Года черезъ два народъ могъ бы побѣдить; но вотъ, видите-ли, русской революціонной молодежи не втерпежъ. Надо сейчасъ, сію минуту... Нѣтъ, если бы самыя скептическія мнѣнія о васъ были вѣрны, я все-таки не вѣрю въ существованіе революціонной партіи, которая не хочетъ, не можетъ ждать минуты, когда побѣда будетъ возможна, когда побѣда будетъ вѣроятна. Только за народъ, только съ народомъ имѣете вы право идти въ бой...

Какъ вамъ нравится наша отповѣдь, читатель? Навѣрное, совсѣмъ не нравится. Да мало того, что не нравится — мы видимъ внутреннимъ окомъ, какъ вы, прочитавъ слова: „слабонервные трусы“, судорожно сжимаете въ рукѣ нашу газету, а дойдя до словъ: „революціонный зудъ, барская революціонная фантазія“, съ негодованіемъ бросаете эту бѣдную газету на полъ и бѣжите составлять „протестъ“, стараясь присоединить къ себѣ какого-нибудь „объединеннаго“ соціаль-демократа, алчущаго попасть въ „трясину популярности“, и повторяя всѣмъ и каждому направо и налѣво, что „Искра“ полемизируетъ не по-товарищески, что она перешла всѣ предѣлы, что она посылаетъ своимъ противникамъ оскорбленія, безпримѣрныя въ исторіи нашей революціонной печати, что она и т. д. и т. д. и т. д. и пр. и пр. и пр. Мы заранѣе знаемъ, что вашъ „протестъ“ будетъ краснорѣчивъ и благороденъ, но прежде, чѣмъ вы возьметесь за перо для его составленія, обратите вниманіе вотъ на какое, далеко не маловажное обстоятельство.

Строки, вызвавшія ваше благородное негодованіе, отъ словъ: „вы не можете“ включительно до словъ: „идти въ бой“, принадлежатъ не намъ. Они взяты нами изъ брошюры П. Л. Лаврова „Русской соціально-революціонной молодежи“, вышедшей въ 1874 г. въ Лондонѣ. Мы только по разсѣянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало быть, если вы опубликуете вашъ протестъ, то онъ окажется направленнымъ противъ редактора „Впередъ“ и „Вѣстника Народной Воли“, и всѣ ваши обвиненія пойдутъ по его адресу. А это, пожалуй, вызоветъ неудовольствіе „Революціонной Россіи“, которая, если мы не ошибаемся, считаетъ себя состоящей въ нѣкоторомъ духовномъ родствѣ съ покойнымъ*). А что, если „Революціонная Россія“ напишетъ протестъ противъ вашего протеста, при чемъ тоже присогласитъ какихъ-нибудь захудалыхъ соціаль-демократовъ? Вѣдь тогда пойдетъ совсѣмъ уже нелѣпая неразбериха. Такъ ужъ не лучше-ли вамъ оставить всякую мысль о протестѣ? Не лучше-ли вамъ сдѣлать видъ, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятыя нами у Лаврова, васъ ни мало не возмущали, и что въ просакъ вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будетъ много превосходнѣе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти „протесты“ подчасъ являются не чѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ покушеніемъ на свободу революціонной печати, попыткой зажать ротъ противнику.

А теперь сядемъ рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ все о той же, не отмѣченной вносными знаками, цитатѣ.

Какъ царь Алексѣй Михайловичъ пользуется славой „тишайшаго“ царя, такъ и П. Л. Лавровъ имѣетъ репутацію „тишайшаго“ писателя. Но какъ Ал. Михайл., при всей своей „тихости“ иногда очень круто расправлялся со своими боярами, такъ и П. Л. Лавровъ, при всей своей литературной кротости, умѣлъ очень рѣзко говорить о тѣхъ явленіяхъ въ нашемъ революціонномъ мірѣ, которыя казались ему вредными для революціоннаго дѣла. И замѣчательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонниковъ Ткачева, — противъ котораго она и была направлена*), — но ни одного „протеста“ она не вызвала, никто не закатывалъ глазъ по ея поводу, никто не билъ себя въ грудь, и никто не кричалъ, что она содержитъ въ себѣ выраженія, безпримѣрныя по своей рѣзкости и т. д. и т. д. и проч. и пр. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что рѣзкость Лаврова была вызвана рѣзкостью Ткачева, который вызвалъ его на полемику? Но это не объясненіе. Развѣ нельзя было протестовать противъ обоихъ? По нынѣшнему времени это, вѣроятно, такъ бы и было.

А кромѣ того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (безъ вносныхъ знаковъ) мѣсто относилось у Лаврова не къ одному Ткачеву, а къ цѣлому теченію въ нашей революціонной средѣ, теченію, которое, разумѣется, нельзя было дѣлать отвѣтственнымъ за рѣзкость одного Ткачева. Въ чемъ же дѣло? Почему же тогда никто не протестовалъ? Ужъ не потому-ли, что „слабонервные“ люди были тогда не столь слабонервны, какъ теперь?

Но какъ бы тамъ ни было, а это — вопросъ, не лишенный интереса. Главнымъ образомъ въ виду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думаютъ наши товарищи изъ „Гол. Раб.“, что мы хотѣли примѣнить къ нимъ рѣзкія выраженія брошюры. Совсѣмъ нѣтъ. Мы хотѣли только поставить имъ на видъ то мнѣніе ея автора, что бываютъ обстоятельства, когда революціонеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпѣніе доводамъ разсудка, оцѣнивающаго дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и всей партіи съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и когда нежеланіе „ждать“ является преступнымъ. Редакція „Гол. Рабочихъ“ какъ будто позабыла объ этомъ.

Позабыла она также и о томъ, что месть мести — рознь. Она несогласна съ тѣмъ, что только полное политическое освобожденіе Россіи достойнымъ образомъ отомститъ за всѣ униженія и притѣсненія, выпавшія на долю русскихъ пролетаріевъ. Но, не соглашаясь съ нами въ этомъ случаѣ, она возстаетъ противъ совершенно очевидной истины. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ рѣчь? О притѣсненіяхъ и угнетеніяхъ, испытываемыхъ русскими пролетаріями отъ нынѣшняго политическаго порядка. Этимъ угнетеніямъ и притѣсненіямъ нѣтъ числа, потому что они падаютъ на головы русскихъ пролетаріевъ рѣшительно на всѣхъ шагахъ ихъ тяжелой жизни: въ шахтахъ и на фабрикахъ, на поляхъ и на дорогахъ, въ тюрьмахъ и острогахъ. Неужели редакція „Голоса Раб.“ думаетъ, что за эти униженія и оскорбленія можно отомстить нѣсколькими „террористическими“ пулями или нѣсколькими взрывами нѣсколькихъ пудовъ динамита? Думать такъ было бы верхомъ наивности; думать такъ значило бы покинуть не только точку зрѣнія рабочаго класса, но и вообще точку зрѣнія политической борьбы противъ даннаго политическаго порядка, и встать на точку зрѣнія личной мести отдѣльнымъ представителямъ этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсѣмъ не политическая борьба.

Наконецъ, позабыла редакція „Гол. Раб.“ еще и о томъ, что соц.-демократамъ не пристала та логика, которую Энгельсъ, вслѣдъ за Гегелемъ, называлъ метафизической, и которая характеризуется формулой: „или — или“. Людямъ, придерживающимся этой логики, дѣло представляется очень просто: или полная, окончательная побѣда надъ правительствомъ, или полная невозможность отомстить ему за испытанныя отъ него обиды. Марксисты же, стоящіе на діалектической точкѣ зрѣнія, знаютъ, что борьба за политическое освобожденіе страны есть длинный процессъ, въ продолженіе котораго революціонеровъ ожидаетъ цѣлый рядъ частичныхъ побѣдъ надъ ихъ смертельнымъ врагомъ, побѣдъ, несущихъ съ собою, слѣдовательно, и мщеніе. Съ этой точки зрѣнія месть вовсе не представляется отложенной въ долгій ящикъ: нѣтъ, къ отмщенію надо приступить сейчасъ, немедленно, не теряя ни минуты и — какъ мы сказали въ своей статьѣ — не считая себя въ правѣ хоть немного успокоиться до тѣхъ поръ, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тутъ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что понимать подъ местью. На этотъ вопросъ нѣтъ безспорнаго отвѣта. Все зависитъ здѣсь отъ степени нравственнаго и политическаго развитія отвѣчающаго: для одного лучшая, — наиболѣе „достойная“, — месть заключается въ успѣхѣ того дѣла, изъ-за котораго онъ и его близкіе подвергаются оскорбленіямъ; другой, будучи оскорбленъ, забываетъ о дѣлѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы наказать лицо, нанесшее оскорбленіе. Различные люди мстятъ различно. Но не трудно видѣть, какой родъ мести выгоднѣе для дѣла. Возьмемъ хоть разсужденія „Гол. Рабочихъ“. Правительство, устами Зубатова, говоритъ: „я васъ толкну на терроръ и потомъ раздавлю“. Чтобы добиться этой цѣли, оно оскорбляетъ революціонеровъ. А революціонеры, будучи оскорблены, говорятъ устами „Голоса Рабочаго“: „выступимъ же на путь террора!“ Не ясно-ли, что такой мести правительство не убоится?

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что у редакціи „Гол. Рабочихъ“ очень хорошія намѣренія. Но ея логика въ данномъ спорѣ слаба, такъ слаба, что надъ ней, навѣрно, очень посмѣялись бы даже талмудисты, если бы дали себѣ трудъ ознакомиться съ нею.

ВСЕ О ТОМЪ-ЖЕ.

Въ № 5 гектографированнаго изданія „Впередъ“, помѣченнаго „Петербургъ, 15 сентября 1902 г.“ и подписаннаго буквами С.-Р. (соц.-революціонеры?), мы — среди всякихъ восхваленій политическаго террора — прочли слѣд. строки:

„...За 1901-2 годъ было семь террористическихъ покушеній: на Боголѣпова, Побѣдоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя и Оболенскаго. Изъ этихъ дѣлъ послѣднее только произведено „боевой организаціей“. Остальныя шесть — личныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Эти шесть покушеній (сюда входятъ оба удавшихся [т. е., покушенія Карповича и Балмашева. Ред.]) — выраженіе общественнаго настроенія, выраженіе негодованія на существующій порядокъ и дѣйствія властей. Болѣе чуткіе, болѣе горячіе люди не могутъ жить въ существующихъ условіяхъ и смотрѣть равнодушно на всѣ безобразія русской дѣйствительности. Имъ душно жить, нечѣмъ дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берутъ револьверъ и идутъ убивать враговъ народа...“ Далѣе говорится: „Предположимъ, что Зубатовъ поймалъ всѣхъ членовъ „боевой организаціи“ и что вы, г. Плеве, всѣхъ ихъ уже повѣсили. Чего вы достигнете этимъ? За время погони вашей за „боевой организаціей“ жизнь выставитъ рядъ Карповичей, Балмашевыхъ, Леккертовъ, дѣйствую щихъ въ одиночку [Курсивъ везде нашъ. Ред.], смело и решительно".

---

*) Сравните только „Наши задачи“ бывшаго „Союза соц.-рев.“ съ „Манифестомъ“ бывшей „Партіи соц.-рев.“ (о немъ въ № 6 „Искры“), затѣмъ съ редак. заявленіемъ № 1 „Вѣст. Р. Рев.“ съ „программными“ статьями №№ 7-11 „Рев. Рос.“ и съ брошюрой „Свобода“, изданной такъ наз. „Раб. партіей политич. освобож. Россіи“, о соединеніи которой съ партіей соц.-рев. недавно сообщено въ „Рев. Россіи“.

*) Сторонниковъ Ткачева она не могла не раздосадовать, такъ какъ, независимо отъ рѣзкихъ мѣстъ, подобныхъ вышеприведенному, она въ заключеніе рисовала черной краской тотъ путь, на который послѣдователи Ткачева звали нашихъ революціонеровъ. „Это путь агитаціи безъ опредѣленной цѣли, безъ опредѣленной программы, — писалъ П. Л. Лавровъ. — путь, на которомъ всѣ интриганы, всѣ честолюбцы обманывали своихъ приверженцевъ“ и т. д. (стр. 60). Не правда-ли, читатель, это значительно рѣзче знакомаго вамъ термина „революціонный авантюризмъ“, столь сильно разстроившаго нервы нѣкорыхъ слабонервныхъ людей нашего времени?

Изъ этихъ строкъ читатель можетъ видѣть, что террористическій кружокъ, издающій „Впередъ", считаетъ выстрѣлъ Балмашева дѣломъ единоличнаго его рѣшенія, возникшаго, какъ выраженіе „общественнаго настроенія". Онъ говоритъ то же самое, что сказали мы въ передовой статьѣ № 20 „Искры". Мы только ближе опредѣлили это „общественное настроеніе", какъ настроеніе передовой части вовлеченнаго въ борьбу съ правительствомъ студенчества.

Рекомендуемъ „Рев. Рос." обрушиться на этихъ террористовъ, которые такъ „беспримѣрно" дерзновенны, что до сихъ поръ, вопреки всѣмъ заявленіямъ боевой организаціи, смѣютъ свое сужденіе имѣть, смѣютъ считать и называть убійство Сипягина единоличнымъ актомъ, выраженіемъ общественнаго настроенія, не болѣе того!

Наше мнѣніе по этому вопросу составилось, какъ знаетъ читатель, совершенно независимо отъ мнѣнія новаго изданія „Впередъ". „Рев. Россія" мечетъ громы и молніи противъ насъ, приглашая всю Рос. С.-Д. Раб. Партію осудить „Искру" за ея „дерзкія" мнѣнія. Мы не сомнѣваемся, что наша партія, при первыхъ же шагахъ къ возстановленію ея дѣйствительнаго единства, займется вопросомъ о партіи соц.-рев. и разсмотритъ жалобу „Рев. Россіи". Посмотримъ, удовлетворитъ-ли это разсмотрѣніе жалобщиковъ.

Отъ себя-же мы поставимъ „Р. Р." лишь такой вопросъ: не „беспримѣрно"-ли также въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, что иностранные революціонеры вынуждены заговорить объ „игрушкѣ" и „шумихѣ" по поводу актовъ политическаго террора? О „Нар. Волѣ" такъ не говорили. И не вызываетъ-ли крикливость сама собой сомнѣнія въ томъ, въ чемъ крикливо стараются увѣрить? Замѣтимъ при этомъ, что „Искра" сдѣлала съ своей стороны все возможное, чтобы не дать публикѣ вложить персты въ эти столь некстати обнаружившіяся язвы нашего современнаго движенія. „Искра" просто игнорировала противорѣчащія очевидности заявленія „боевой организаціи", какъ продолжаютъ ихъ до сихъ поръ игнорировать террористы изданія „Впередъ". И только высокомѣрное заявленіе „боевой организаціи", требовавшее, чтобы мы приняли „безъ разговоровъ" ея объясненіе выстрѣла Балмашева, заставило насъ формулировать наши сомнѣнія.

Мы опасаемся, что „Рев. Рос." не сможетъ отвѣтить на поставленные ей выше вопросы. Вѣдь ей строго запрещено продолжать полемику съ нами — въ интересахъ благопристойности. Это запрещеніе исходитъ отъ Центр. Ком. Партіи Соц.-Рев., каковой Комитетъ этимъ самымъ актомъ проявилъ впервые свое существованіе*). Мы очень сожалѣемъ о судьбѣ нашего литературнаго коллеги, павшаго жертвой строгости Центр. Ком. Но, съ другой стороны, мы — признаться — немного завидуемъ ему. Центр. Ком. нашей собственной партіи (когда онъ будетъ созданъ), несомнѣнно, будетъ обладать меньшей проницательностью и не догадается „запретить" намъ, бѣднымъ соц.-дем. публицистамъ, продолжать полемику, если намъ — отъ чего Боже сохрани? — случится въ ней... поскользнуться.

---

*) Общепартійныя прокламаціи соц.-рев. подписывались до сихъ поръ просто партіей. Ультиматумы правительству послѣ террористическихъ актовъ подписаны „боевой организаціей". „Искра" чувствуетъ себя безмѣрно польщенной: для борьбы съ ней партія примѣнила ту инстанцію, по отношенію къ которой является исполнительнымъ органомъ группа, уполномоченная послѣ покушеній „истину царямъ съ улыбкой говорить".

КОМИТЕТЫ ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ.

(Отъ редакціи: намъ доставлено „письмо въ редакцію Искры", за подписью А. и М. Авторы письма совершенно справедливо указываютъ, что соціаль-демократамъ „пора въ качествѣ полноправныхъ членовъ, принять участіе въ политической жизни страны", что мы должны, поэтому, слѣдить за работой „Особыхъ Совѣщаній", противопоставлять ихъ программѣ свою программу и развивать эту послѣднюю детальнѣе, внося ее въ агитацію среди массъ, примѣняя ее ко всѣмъ сторонамъ общественной и политической жизни, обращаясь, въ частности, съ мотивированными резолюціями къ комитетамъ Особаго Совѣщанія и т. д., и т. д. Мы приводимъ цѣликомъ ту часть письма, которая посвящена работѣ комитетовъ, позволяя себѣ опустить замѣчанія о партійной программѣ, ибо эти замѣчанія писаны, видимо, авторами до ознакомленія ихъ съ нашимъ проэктомъ программы.)

„Особое Совѣщаніе" возникло, какъ извѣстно, вслѣдствіе того, что Министерство Финансовъ, являющееся у насъ одновременно и Министерствомъ Промышленности и Торговли, въ своемъ стараніи развить отечественную промышленность и упорядочить государственные финансы, несмотря на „магію" г. Витте, уперлось какъ въ глухую стѣну, въ острую и все растущую нищету народа.

Развить производительныя силы страны, для этого создать крупное производство, густую желѣзнодорожную сѣть и металлическое денежное обращеніе — такова была экономическая программа Министерства Финансовъ въ теченіи послѣднихъ 15 л. Сосредоточивъ, какъ и подобаетъ бюрократическому Министерству, дѣло руководства промышленной жизнью страны въ своихъ рукахъ*), занятое грюндерствомъ, финансовой магіей и борьбой за убѣгавшее изъ страны золото**), Министерство Финансовъ было въ силахъ создать однако только иллюзію быстраго экономическаго развитія страны и цвѣтущихъ государственныхъ финансовъ, иллюзію, разбившуюся о ничтожную производительность общенароднаго труда. Такимъ образомъ возникло сознаніе необходимости обратить, наконецъ, вниманіе на развитіе производительности общенароднаго труда, а, слѣдовательно, кустарнаго производства и сельскаго хозяйства, какъ основного промысла массы населенія. Отсюда кустарный съѣздъ и, въ настоящее время, „Особое Совѣщаніе" трехъ министровъ и нѣсколькихъ сановниковъ, снабженное чрезвычайными полномочіями и свидѣтельствующее, что, по сознанію самого правительства, дѣло серіозно, чтобы не сказать больше.

Для всякаго, а слѣдовательно и для иниціаторовъ Совѣщанія, должно быть ясно, что тотъ или другой уровень производительности народнаго труда есть сложный результатъ хозяйственныхъ, политическихъ и культурныхъ условій народной жизни; — что затронуть этотъ вопросъ — значитъ затронуть всѣ соціальныя и политическія проблемы современности, — а въ русскихъ условіяхъ, — прежде всего проблему самодержавія. Но это значитъ рубить сукъ, на которомъ сидишь. Отсюда — трагикомическая попытка г.г. Витте и Сипягина, ограничить работу Совѣщанія сферой спеціально техническихъ вопросовъ и свести все дѣло къ разрѣшенію ряда мелкихъ задачъ: о сельскомъ кредитѣ, организаціи сельско-хоз. союзовъ, распространеніи сельско-хоз. умѣній и т. д. (Засѣданіе 2 февр.). Мотивировалось это предложеніе тѣмъ, что затрогивать вопросы общегосударственнаго значенія, хотя и связанные съ положеніемъ сельско-хоз. промышленности, значитъ нарушать прерогативы „вѣдомствъ" и лишать разборы Совѣщанія дѣлового характера. Но такъ какъ совсѣмъ обойти эти вопросы явно невозможно, то предлагалось ограничиться по нимъ составленіемъ общихъ предположеній, представляемыхъ на благоусмотрѣніе государя. — Нѣкоторую оппозицію такая постановка дѣла встрѣтила уже въ самомъ Совѣщаніи: Ермоловъ указалъ на рядъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, — исключительно экономическихъ, правда, — настолько тѣсно связанныхъ съ судьбами сельскаго хозяйства, что разработка ихъ совѣщаніемъ и обязательность выработанныхъ имъ руководящихъ началъ для „подлежащихъ вѣдомствъ", — неизбѣжна.

Еще шире были раздвинуты рамки Совѣщанія въ губернскихъ и затѣмъ уѣздныхъ Комитетахъ. Здѣсь вопросы государственнаго значенія, — а изъ нихъ политическіе, — совершенно заслонили собой спеціальные сельскохозяйственно-техническіе; вмѣсто разработки узко спеціальной программы, составленной бывшимъ радикаломъ Ковалевскимъ, Комитеты принялись за пересмотръ всѣхъ устоевъ русской гражданской, политической и хозяйственной жизни, не касаясь, правда, центральнаго пункта — самодержавія. Оно для нихъ, видимо, — запретная область.

Потребность выйти изъ границъ, намѣченныхъ для работы Комитетовъ Совѣщаніемъ, была такъ сильна, такъ единодушно заявлена, такъ очевидна, наконецъ, что наше правительство, подъ непосредственнымъ давленіемъ многочисленныхъ запросовъ предсѣдателей Комитетовъ — губернаторовъ и предводителей дворянства; — увидѣло невозможность противиться теченію; послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Комитетамъ касаться всѣхъ вопросовъ, связанныхъ, по мнѣнію ихъ, съ дѣломъ сельско-хоз. прогресса; это разрѣшеніе сопровождалось кучей жалкихъ словъ о тактѣ Комитетовъ, о довѣріи къ нимъ и надеждой, что они не злоупотребятъ этимъ довѣріемъ. — Невольно спрашиваешь себя — гдѣ мы? въ Россіи-ли? слыхано-ли, чтобы съ высоты престола говорили такимъ тономъ съ какимъ-ниб. Лохвицкимъ или Кобелякскимъ парламентомъ, составленнымъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, крестьянъ, поповъ, учителей и прочей мелкоты, одна изъ секцій котораго засѣдаетъ подъ предсѣдательствомъ административно-ссыльнаго, г. Туганъ-Барановскаго?

Еще болѣе тяжелое пораженіе понесло Особое Совѣщаніе по вопросу о личномъ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ Комитетовъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Земство было опрошено о нуждахъ сельскаго хозяйства въ 1894 г., въ связи съ учрежденіемъ Министерства Земледѣлія, — а въ сущности потому, что Земство разсматривается, какъ оппозиціонный элементъ, — Совѣщаніе устранило его отъ новаго обсужденія вопроса и ввело въ Комитеты въ подавляющемъ количествѣ высшую провинціальную администрацію, предоставивъ предсѣдателямъ право приглашать къ участію освѣдомленныхъ лицъ, — этимъ гарантируется по мнѣнію Совѣщанія чиновно-дворянскій составъ Комитетовъ. Но уже въ губернскіе, а еще въ большемъ числѣ въ уѣздные Комитеты начали поступать заявленія о томъ, что устраненіе земскихъ учрежденій неправильно*). Заявленія эти имѣли только значеніе протестовъ и кое-гдѣ послужили основаніемъ для возбужденія ходатайствъ. Фактическое же участіе Земства въ лицѣ гласныхъ осуществилось окольнымъ путемъ. Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, очевидно подъ вліяніемъ логики вещей и общественнаго мнѣнія, предсѣдатели Комитетовъ пригласили поголовно всѣхъ земскихъ гласныхъ, кромѣ того, членовъ экономическихъ совѣтовъ, народныхъ учителей, земскихъ агрономовъ, крестьянъ и др. Такимъ образомъ опредѣлился составъ провинціальныхъ Комитетовъ, оказавшійся, особенно въ уѣздахъ, не дворянско-чиновничеснимъ, а земскимъ въ широкомъ смыслѣ слова. При этомъ численный составъ уѣздныхъ Комитетовъ часто очень значителенъ: въ Суджанскомъ — 48 чел., въ Лохвицкомъ — 60 и т. д.

Такимъ-то образомъ, вопреки предположеніямъ Особаго Совѣщанія, Россія покрыта цѣлой сѣтью маленькихъ парламентовъ, обсуждающихъ, иногда гласно и публично, вопросы гражданскаго правопорядка и экономической политики.

Какія же идеи и тенденціи сказываются всего опредѣленнѣе?

Должно замѣтить, что работы Комитетовъ только что начаты и окончатся лишь въ началѣ будущаго года (срокъ окончанія продолженъ до 1 фев. 1903 г.) — вслѣдствіе этого пока можно говорить лишь объ общихъ принципахъ и тенденціяхъ Комитетовъ. Картина, тѣмъ не менѣе, получается внушительная.

Выше мы уже указали, что въ рядѣ Комитетовъ было заявлено о правѣ Земства принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ общенародное значеніе. — Въ связи съ этимъ стоитъ требованіе расширить кругъ земской дѣятельности; сдѣлать ее и болѣе устойчивой и независимой отъ администраціи; дать Земству право періодическихъ съѣздовъ; выслушивать его мнѣнія о всякомъ законопроектѣ, затрогивающемъ мѣстные интересы, ранѣе внесенія его въ законодательное учрежденіе; увеличить земскій бюджетъ на счетъ государственныхъ суммъ (Костромской Комитетъ). Все это старыя требованія Земствъ, много разъ высказанныя и сводящіяся къ расширенію мѣстной автономіи и компетенціи. Но одно — ново: это — требованіе обязательной передачи на обсужденіе Земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. Но какіе же не имѣютъ его? Эта попытка Земствъ пріобрѣсти политическое значеніе должна быть отмѣчена.

Довольно опредѣленно и всеобще требованіе установленія одного общаго для всѣхъ гражданскаго правопорядка. Такъ, Темниковскій Комитетъ требуетъ поднятія личности крестьянина, а, слѣдовательно, уравненія его съ другими сословіями въ личныхъ и гражданскихъ правахъ, путемъ подчиненія общей админ. и общимъ судебнымъ установленіямъ; Костромской --- указываетъ на необходимость ослабить общинную и административную опеку надъ крестьяниномъ; Суджанскій и Курскій --- высказываются въ томъ же смыслѣ, что и Темниковскій.

---

*) Нормировка производства; концессіонная система разрѣшенія акціонерныхъ предпріятій и др.

**) Нашъ разсчетный балансъ въ 1899 г., несмотря на продажу заграницу процентныхъ бумагъ на сумму около 150 милліоновъ, склонялся въ пользу послѣдней и обусловилъ отливъ золота на 250 милліоновъ приблизительно; въ 1900 году по оффиціальнымъ даннымъ золотой запасъ уменьшился на 74,1 милліона, цифра несомнѣнно уменьшена. — Къ срединѣ 1901 г. золотой запасъ Государственнаго банка спустился до 694 мил., уменьшившись въ полтора года на 145 мил., въ то время какъ кредитное обращеніе возрасло на 61 мил. Явно, что золото утекаетъ изъ страны.

*) Такъ напр. въ Темниковскій, Лохвицкій, Костромской, Рузскій Комитеты. Рядомъ съ этимъ въ Орлѣ члены и предсѣдатели управъ нѣсколько разъ заявляли, что, не имѣя полномочій отъ земскихъ собраній, они отказываются смотрѣть на себя какъ на представителей земствъ и присутствуютъ въ Комитетѣ въ качествѣ частныхъ лицъ. Мотивировка достойная вниманія

ПРИЗНАКИ „БЕЗВЛАСТІЯ" И „ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗЛОЖЕНІЯ" РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Письмо изъ Кіева.)

Подоспѣло удобное время —
И въ коммиссію мрачный доносъ
На погибшее, блудное племя
Въ три пріема доносчикъ принесъ.
И вѣщалъ онъ властямъ предержащимъ:
„Многолѣтній сей трудъ разсмотри
И мечемъ правосудья разящимъ
Буесловія гидру сотри!" Некрасовъ.

Передъ нами чрезвычайно интересное литературное произведеніе: секретная докладная записка бывшаго кіевскаго цензора Б. М. Юзефовича „о мѣрахъ къ прекращенію студенческихъ волненій и безпорядковъ и къ возстановленію нарушеннаго ими нормальнаго теченія школьной академической жизни". Эта записка издана въ количествѣ 25 экз., „вмѣсто рукописи", и, какъ упорно у насъ говорятъ, на казенный счетъ; она разослана министрамъ, членамъ „Коммиссіи по пересмотру Университетскаго Устава", засѣдающей теперь въ СПБ., и, само собою разумѣется, „повергнута къ стопамъ".

Интересъ этой „записки" заключается не въ проникающемъ ее беззастѣнчивомъ духѣ ничѣмъ не прикрытаго „негодяйства". Съ этой стороны, личность г. Юзефовича черезчуръ извѣстна и, въ этомъ отношеніи ему, — автору утвержденнаго Боголѣповымъ проекта „Временныхъ правилъ" о солдатчинѣ, — ничѣмъ никого не удивить. Пристрастіе у г. Юзефовича къ партизанской войнѣ съ внутреннимъ врагомъ, видимо, врожденное и перешло къ нему отъ его отца, обезславившаго себя мерзкимъ предательствомъ Костомарова и его друзей. Дѣятельность автора „записки" также изобилуетъ подобнаго рода проявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ. Такъ, хотя бы его недавній доносъ на директора Кіевской Конторы Государственнаго Банка, опальнаго профессора г. Афанасьева, показываетъ, какъ вѣренъ этотъ назойливый ретроградъ отцовскимъ завѣтамъ по части добровольнаго сыска. Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Кіевъ и случайно попавъ на лекцію г. Афанасьева о Мирабо, г. Юзефовичъ телеграфировалъ немедленно Сипягину, что, по пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ сразу наткнулся на призывъ къ революціи. Послѣдствіемъ этого доноса было запрещеніе г. Афанасьеву читать публичныя лекціи, отмѣненное лишь послѣ продолжительной переписки между министрами подъ вліяніемъ угрозъ г. Афанасьева оставить занимаемую имъ должность. Не брезгая мелкими доносами, г. Юзефовичъ занимается преимущественно писаніемъ доносовъ квалифицированныхъ, — докладныхъ записокъ, главнымъ образомъ, по университетскому вопросу. Судя по многочисленнымъ ссылкамъ въ настоящей „запискѣ" на другія подобнаго же рода произведенія его пера, они посылаются въ надлежащія учрежденія не „въ три пріема", а просто таки въ безчисленномъ количествѣ.

Однимъ словомъ, передъ нами характерная фигура профессіональнаго добровольца-доносчика, ярко очерченная Некрасовымъ:

Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
Поселился паническій страхъ,
Что погубитъ насъ Западъ зловредный.
. . . .
На журналы, на книги бросался,
Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ;
Поясненья, „записки", запросы
Составлялъ трудолюбецъ-старикъ;
Онъ на вывѣски даже доносы
Сочинялъ, если не было книгъ.

Въ данной „запискѣ" „трудолюбца-старика" наше вниманіе останавливаетъ на себѣ, повторяемъ, не беззастѣнчивость взглядовъ ея автора. Несравненно интереснѣе тѣ цѣнныя признанія, которыя дѣлаются въ ней усерднымъ защитникомъ самодержавія относительно расшатанности самодержавнаго строя, свидѣтельствуя о его безотрадномъ взглядѣ на существующее положеніе дѣлъ. Эти признанія, исходящія изъ устъ вліятельнаго „прозорливаго", по его собственному выраженію, и преданнаго самодержавію совѣтника, сами по себѣ являются симптомами разложенія и порчи правительственнаго механизма, расшатаннаго въ послѣдніе годы напоромъ живыхъ общественныхъ силъ, руководимыхъ въ борьбѣ съ правительствомъ русской соц.-демократіей. Положеніе вещей, по мнѣнію г. Юзефовича, очень серьезно:

„Болѣзнь, угрожающіе симптомы которой стали съ особенной силой проявляться въ послѣдніе годы минувшаго XIX столѣтія, съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи. Микробъ лжелиберализма, или, выражаясь по русски, свободомыслія, цѣлымъ столѣтіемъ раньше начавшій свою разрушительную работу въ Зап. Европѣ, вскорѣ перенесенъ былъ и къ намъ, а въ пореформенную эпоху нашелъ для себя благодарную почву въ нашей незрѣлой печати, въ нашихъ увлекающихся неразумнымъ милосердіемъ обновленныхъ судахъ, въ нашей близорукой педагогической практикѣ, въ нашемъ лицемѣрно-пристрастномъ народолюбіи и, подъ покровомъ благодушно настроеннаго правительства, нынѣ охватилъ почти весь государственный организмъ, оставивъ болѣе или менѣе нетронутыми весьма немногіе его органы" (62 стр.).

Отмѣтивъ роль „зловреднаго Запада", г. Юзефовичъ продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Заразой охвачены почти всѣ органы государственнаго организма; разлагающій микробъ свободомыслія, эгалитаризма, атеистическихъ, анархическихъ и соціалистическихъ идей проникъ повсюду — въ школу, правящія учрежденія отъ сената до уѣздной канцеляріи включительно, въ печать, въ городскую и сельскую жизнь и даже, отчасти, въ среду нашего духовенства. Единственнымъ болѣе или менѣе здоровымъ органомъ можетъ считаться армія, въ которую, однако-же, зараза всѣми силами старается проникнуть" (63 стр.).

...„Явленіе это очень серіозно, симптомы разложенія становятся все болѣе и болѣе угрожающими, и, если правительство не сознаетъ необходимости примѣнить къ больному государственному организму строжайшій гигіеническій режимъ и радикальную дезинфекцію, рекомендованную мною въ первой части записки, то организмъ можно считать погибшимъ — зараженіе крови и гангрена станутъ неизбѣжными" (62 стр.). „Поняло-ли это правительство — не знаю, но если поняло, то не слишкомъ-ли поздно?!" Вопросъ такъ и остается открытымъ.

Дѣлая такія откровенныя признанія въ секретной „запискѣ", г. Юзефовичъ пуще всего боится, какъ бы взгляды, подобные высказаннымъ имъ, не сдѣлались общимъ достояніемъ и съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что... „постоянныя колебанія, слишкомъ частая смѣна наказаній и милостей, заискивающія увѣщанія со стороны начальства и т. п. окончательно деморализовали эту сбитую съ толку молодежь и вселили въ нее не столько вѣру въ милосердіе и отеческое попеченіе о ней Верховной Власти, сколько убѣжденіе въ полномъ безвластіи и безволіи правительства"... убѣжденіе, добавимъ отъ себя, раздѣляемое и г. Юзефовичемъ, какъ это ясно видно, хотя бы изъ приведенныхъ выше мѣстъ его „записки".

Что же такъ дезорганизовало наше правительство и привело его къ состоянію, столь близкому къ банкротству и столь краснорѣчиво описанному г. Юзефовичемъ?

По его мнѣнію, причинъ этому очень много: и „распространяемыя среди молодежи анархическія, соціалистическія и иныя антикультурныя ученія", и „вліяніе незрѣлой антилиберальной печати", и „неумѣренное благодушіе и долготерпѣніе Правительства", и масса другихъ болѣе мелкихъ явленій... Одного только не примѣтилъ г. Юзефовичъ, это — вступленіе въ сознательную жизнь новаго общественнаго класса, способнаго бороться за свои политическія права, оживленіе въ силу этого общественной жизни, появленіе на очереди такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ съ исторической неизбѣжностью властно выдвигается общественнымъ развитіемъ страны и разрѣшить которые наше правительство не въ состояніи. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ г. Юзефовичъ упоминаетъ иронически о „либеральномъ духѣ времени", но рекомендуетъ правительству игнорировать его: ...„если мы будемъ въ данную весьма серьезную минуту считаться съ той фикціей, которая именуется духомъ времени, то это равносильно предоставленію государственнаго организма разрушительному дѣйствію разъѣдающихъ его силъ, ибо въ этомъ-то духѣ времени и заключается инфекціонная зараза, отъ которой мы такъ тщетно искали спасенія" (стр. 64).

Упрекая правительство въ отсутствіи энергіи и рѣшительности и указывая при этомъ на англо-бурскую войну и германизацію Познани, г. Юзефовичъ рекомендуетъ ему взять примѣръ съ западно-европейскихъ правительствъ, „которыя систематически дѣйствуютъ въ духѣ намѣченныхъ ими программъ *даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ*" (стр. 18; курс. г. Юзеф.).

* * *

Значеніе, придаваемое г. Юзефовичемъ „подпольной интригѣ" въ дѣлѣ дезорганизаціи правительства такъ велико, что русскій соц.-демократъ, какъ единственный серьезный врагъ правительства, невольно долженъ почувствовать себя польщеннымъ при чтеніи „записки". Особенно большое значеніе г. Юзефовичъ приписываетъ „тайной и явной пропагандѣ" въ дѣлѣ подготовленія студенческаго движенія. Первоначальной причиной студенческихъ волненій является, по его мнѣнію, какъ мы уже упомянули выше, „распространеніе среди школьной молодежи анархистскихъ, соціалистическихъ и иныхъ антикультурныхъ ученій".

„Люди прозорливые — пишетъ онъ — давно ужъ отмѣтили это прискорбное явленіе и не скрывали опасеній своихъ относительно неизбѣжныхъ послѣдствій такой пропаганды; но благожелательное и довѣрчивое правительство, опираясь на близорукое

Достойно вниманія совпаденіе требованій мѣстныхъ Комитетовъ съ требованіями, высказанными Кустарнымъ Съѣздомъ въ непропущенныхъ правительствомъ резолюціяхъ.

Единогласно и всеобще требованіе образованія для народа и освобожденія отъ стѣсненій и опеки культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Многіе Комитеты высказались по вопросамъ общей экономической политики правительства, характеризуя ее какъ политику покровительства меньшинству, въ ущербъ интересамъ большинства; при этомъ выражалось желаніе, чтобы въ основу податной системы легъ принципъ подоходности, а таможенная политика не служила бы цѣлямъ охраненія крупной промышленности въ ущербъ потребителю.

Таковы общія руководящія начала. Что многими Комитетами они будутъ разработаны детально, не смотря на циркулярное сообщеніе Министра Финансовъ, помѣщенное въ № отъ 10 авг. „Правительственнаго Вѣстника“, — объ этомъ можно судить по тому, какъ они приступили къ работамъ. — Комитеты разбились на коммиссіи по группамъ сродныхъ вопросовъ; выработаны детальныя программы, заключающія, напр., въ Суджанскомъ Комитетѣ такіе пункты: § 4 — отсутствіе явочнаго порядка для кооперацій и союзовъ; § 15 — вопросъ о прессѣ, какъ общей, такъ и спеціальной; § 16 — о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ; § 17 — о духовенствѣ и зависимости прихода отъ духовной Консисторіи и епархіальнаго начальства; § 20 — объ организаціи земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; § 53 — рабочій вопросъ.

Земскимъ Экономическимъ Совѣтомъ внесено въ тотъ же Комитетъ предложеніе разработать вопросы: 1) объ устраненіи крестьянскаго малоземелья на основаніи заранѣе опредѣленной нормы земельнаго участка, необходимаго для существованія средней крестьянской семьи; 5) объ ограниченіи скопленія въ однихъ рукахъ участковъ подворнаго землевладѣнія; о правѣ крестьянъ самимъ избирать форму зелевладѣнія — общинную или подворную.

Не всѣ, конечно, Комитеты взглянули на дѣло съ надлежащей широтой. Напр., Меленковскій Комитетъ, Владимірской губ., въ составѣ предводителя дворянства, 20 земскихъ начальниковъ и 1 землевладѣльца рѣшилъ, что дѣло будетъ сдѣлано, если въ уѣздѣ будетъ не одно, а 10 сельско-хозяйственныхъ обществъ, каждое — съ инструкторомъ и субсидіей, — и если кровельное желѣзо подешевѣетъ. Но вѣдь и Россія перестала бы быть Россіей, если бы въ ней перевелись добрые люди и плохіе музыканты.

Теперь — вопросъ: эти требованія, зрѣющія теперь въ Комитетахъ и въ сознаніи русскаго общества, требованія, которыя рано или поздно осуществятся, — явятся-ли они достаточно полнымъ и достаточно соотвѣтствующимъ интересамъ соціальдемократіи рѣшеніемъ поднятыхъ общественныхъ вопросовъ?

Съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ. — Вопросъ о самодержавіи едва-ли будетъ затронутъ, а, слѣдовательно, и вопросъ о гарантіяхъ того правопорядка, который признается желательнымъ и необходимымъ. Даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ какихъ онъ будетъ поставленъ, вопросъ объ избирательномъ правѣ и народномъ представительствѣ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи едва-ли получитъ демократическое рѣшеніе. Объ этомъ говорятъ слѣдующіе признаки: и въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ комитетахъ, и въ статьѣ „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“, помѣщенной въ № 1 „Освобожденія“, говорится только о „безсословности“ представительныхъ учрежденій и нигдѣ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ. Статья „Освобожденія“ мотивируетъ это свое воздержаніе нежеланіемъ дѣлить шкуру не убитаго еще медвѣдя, но оговаривается, что „болѣе подробное опредѣленіе избирательной системы будетъ предметомъ особаго обсужденія, при которомъ нельзя обойтись безъ техническихъ деталей и принципіальныхъ споровъ“. Мы хотѣли бы знать, что скрывается за этой оговоркой? Имущественный-ли цензъ? и высокій? И при томъ множественность голосовъ?... Что это — первые-ли провозвѣстники грядущихъ притязаній россійской буржуазіи и предстоящей намъ классовой борьбы за участіе въ государственномъ управленіи, или только выраженіе недовѣрія къ голосованіямъ крестьянской безграмотной массы? Такъ или иначе, но съ этимъ партіи придется считаться; скрытымъ пока врагамъ демократіи должно быть показано, что ихъ намѣренія разгаданы, и соціаль-демократическая партія должна взять на себя веденіе кампаніи въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права, какъ для органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и для парламента.

Требованіе уничтоженія опеки, общинной — для крестьянъ, и административной — для всѣхъ гражданъ и органовъ самоуправленія, есть наиболѣе скромная форма требованій элементарныхъ личныхъ и политическихъ правъ. Она потребуетъ, по всей вѣроятности, расширенія и углубленія. Особое вниманіе партіи долженъ привлечь вопросъ о союзахъ и о коалиціонномъ правѣ рабочихъ, какъ фабричныхъ, такъ и занятыхъ въ земледѣліи и отхожихъ промыслахъ. Вообще, интересы рабочихъ сельско-хозяйственной промышленности совершенно не представлены въ комитетахъ, а они, между тѣмъ, разнообразны и требуютъ усиленнаго вниманія, такъ какъ положеніе земледѣльческаго рабочаго до безконечности жалко и необезпечено. Явиться выразителемъ его нуждъ можетъ только соц.-демократія. **А. и М.**

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ.

Въ отдѣльной брошюрѣ мы помѣстили обвинительные акты по политическимъ процессамъ о демонстраціяхъ мая въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ. Какъ оказывается, третій такой же процессъ возбужденъ противъ 14 рабочихъ Сормовскаго завода (Нижегор. губ.), участвовавшихъ въ демонстраціи въ день 1 мая въ Сормовѣ. Сормовскій и Нижегородскій процессы назначены къ слушанію въ концѣ октября. Саратовскій уже назначался къ слушанію, но былъ отложенъ.

Возобновленіе судебныхъ процессовъ противъ участниковъ политическихъ демонстрацій свидѣтельствуетъ о крайнемъ озлобленіи царскаго правительства. Послѣ безсмысленной попытки подавить проявленія революціи полицейскими розгами оно схватилось за старое орудіе — подтасованный судъ*). Мы увѣрены, что наши товарищи съ честью выдержатъ новое испытаніе ихъ политической зрѣлости и используютъ въ интересахъ партіи процедуру судебнаго процесса.

Не имѣя возможности привести цѣликомъ обвинительный актъ по Сормовскому дѣлу, мы ограничимся наиболѣе характерными моментами:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянинѣ слободы Кошелевки Елькинской вол. Нижегородскаго у. П. А. Заломовѣ 25 л., мѣщ. г. Лукоянова А. И. Быковѣ 22 л. и М. И. Быковѣ 24 л., горнозаводскомъ мастеровомъ Воткинскаго зав. Вяткой губ. Е. Г. Наумовѣ 25 л., крестьянинѣ села Сормово Балахнинск. у. П. Д. Дружкинѣ 26 л., крест. Н.-Сергинской вол. Красноуфимскаго у. Пермской г. Н. В. Фроловѣ 28 л., горнозаводскомъ раб. Воткинскаго зав. Вятской г. М. Е. Богатыревѣ 27 л., крестьян. с. Сормова Балахнинскаго у. А. П. Ляпинѣ (Буренкинѣ) 26 л., горнозаводскомъ мастеровомъ с. Выксы Ардатовскаго у. М. И. Самылинѣ 24 л., горнозаводскомъ мастер. з. Дощатаго Меленковскаго у. Владимірской губ. И. Ф. Сутягинѣ 19 л., крестьян. с. Масловки Васильевскаго у. И. Д. Шибаевѣ 24 л., крестьян. с. Пиловальки Курмышскаго у. Симбирской губ. В. Н. Солдатовѣ 29 л., крестьянинѣ с. Козина Балахнинскаго у. А. П. Барановѣ 17 л. и крестьянинѣ с. Бахаревки Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. Я. С. Полозовѣ 25 л., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. Ул. о нак.

Въ концѣ 1901 г. въ с. Сормовѣ Балахнинскаго уѣзда и на Сормовскихъ заводахъ въ различное время были найдены преступныя воззванія, обращенныя къ рабочимъ. Съ наступленіемъ 1902 г. появленіе такихъ прокламацій возрасло и особенно усилилось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Запрещенные листки, изданные типографскимъ способомъ или воспроизведенные посредствомъ мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально въ чертѣ заводовъ, между 5 и 6 час. утра, послѣ окончанія ночной работы, и мастеровые находили ихъ на станкахъ и въ ящикахъ. Заводскою администраціею и полиціею было учреждено неослабное наблюденіе за цехами, вслѣдствіе чего появленіе воззваній въ нихъ прекратилось, но было замѣчено въ Сормовскомъ поселкѣ, преимущественно въ тѣхъ улицахъ, которыя идутъ къ заводу. Не ограничиваясь этимъ, неизвѣстные злоумышленники расклеивали свои произведенія на стѣнахъ заборовъ и столбахъ. Такимъ образомъ, въ заводахъ и с. Сормовѣ было найдено: 27 ноября 1901 г. нѣсколько воззваній „Нижегородскаго Ком. С.-Дем. Раб. Партіи“, отъ 25 ноября „Къ вагоннымъ кузнецамъ“ съ приглашеніемъ заявить требованія о введеніи порядка повышеній и объявленій расцѣнокъ и вѣжливомъ съ рабочими обращеніи мастера, при чемъ указывалось, что путемъ массовыхъ забастовокъ и бунтовъ рабочіе добились изданія законовъ о штрафахъ, расцѣнкахъ и введеніи одиннадцатичасоваго рабочаго дня. Въ этомъ же воззваніи обращается вниманіе рабочихъ на то, что имъ нечего разсчитывать на поддержку со стороны губернскихъ властей. Тамъ же обнаружена 6, 7, 8 и 9 декабря „Нижегород. Рабочая Газ.“, № 1, 11 декабря воззваніе „Ко всѣмъ Сормовскимъ рабочимъ“, 22 и 23 декабря 38 экз. листка, озаглавленнаго „Ко всѣмъ нижегородскимъ рабочимъ“, 5 и 6 марта 1902 г. „Нижегородская Рабочая Газета, № 2“, 31 марта та же газета № 3 въ количествѣ болѣе тысячи экз., 11 апрѣля та же газета № 4, а 26 апрѣля № 5 той же газеты, съ заголовкомъ „Первое мая“*). Характеръ этихъ изданій постепенно видоизмѣнялся; авторы не ограничивались только экономическими требованіями, но призывали рабочихъ къ политическимъ демонстраціямъ, имѣющимъ конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка управленія. Почти всѣ листки заканчиваются требованіями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ Кромѣ такихъ преступныхъ подстрекательствъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ помѣщены пѣсни революціоннаго содержанія: — „Дружно, товарищи, въ ногу!“, „Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами!“ — Въ № 5, озаглавленномъ „Первое мая“, Нижегородскій Комитетъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи, объясняя рабочимъ значеніе этого дня, приглашаетъ всѣхъ бросить работу, выходить на улицу и идти толпой съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ должны быть изображены перечисленныя выше дерзостныя восклицанія. Независимо отъ преступной пропаганды путемъ воззваній, на заводахъ стали распространяться слухи о готовящихся безпорядкахъ, при чемъ съ перваго января по первое мая назначались для таковыхъ тѣ или другіе дни. Всѣ описанныя дѣйствія злоумышленниковъ вызвали къ первому мая тревожное настроеніе среди рабочихъ, нѣкоторые изъ коихъ дня за три до этого числа получали приглашенія отъ своихъ товарищей, какъ напр., отъ крестьянина Алексѣя Быкова, бросить перваго мая работу. Совокупностью показаній свидѣтелей очевидцевъ (слѣдуютъ имена)... установлено, что перваго мая работы на заводѣ начались въ полномъ порядкѣ, послѣ 12 час. часть мастеровыхъ, согласно ихъ просьбѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ была освобождена отъ занятій, при чемъ на работахъ оставалось около 5400 чел. До двухъ часовъ дня въ Сормовѣ все было спокойно. Часу въ третьемъ на Большой улицѣ, по направленію отъ Дарьинскихъ выселковъ и Дарьинскаго лѣса стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышались игра на гармоніяхъ, брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ. Бывшій въ нарядѣ полицейскій надзиратель Высоцкій пытался остановить тѣхъ изъ упомянутыхъ лицъ, которые наиболѣе шумѣли, при чемъ обратилъ вниманіе, что крестьянинъ Егоръ Наумовъ, собравъ около себя толпу рабочихъ, шелъ по названной улицѣ, играя на гармоникѣ и особенно громко выкрикивая какую-то пѣсню. Въ другой группѣ выдѣлялся кр. Осипъ Матвѣичевъ, который, находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ. Вскорѣ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей, послѣ чего и былъ задержанъ. При обыскѣ у Матвѣичева оказалось въ карманѣ воззваніе „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, отпечатанное въ типографіи революціоннаго журнала „Искра“ и заключающее въ себѣ требованіе устроить перваго мая демонстрацію. Отдѣльныя группы рабочихъ соединялись между собой, толпа стала увеличиваться и настроеніе ея дѣлалось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Въ толпѣ начали раздаваться крики: „Долой царя! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ дружина соціалистовъ!“ Въ рукахъ и на палкахъ появились красные платки и, по показанію полицейскаго урядника Архипова, былъ выкинутъ красный флагъ съ какою-то надписью, которую онъ не могъ разобрать, такъ какъ въ него, свидѣтели, бросили камнемъ. Флагъ этотъ то поднимался, то опускался, и Архиповъ въ числѣ стоявшихъ около него рабочихъ замѣтилъ мастероваго Михаила Самылина. Среди шумѣвшей

---

*) Авторъ передовой статьи въ № 9 „Освобожденія“ ошибочно думаетъ, что новые политическіе процессы являются первыми со времени дѣла Софьи Гинзбургъ (1890 г.), если не считать послѣднихъ дѣлъ о террористическихъ покушеніяхъ. Хотя изрѣдка, но политическіе процессы происходили во все время 90 годовъ, являясь, конечно, рѣдкими исключеніями, только подтверждавшими общее правило „административной“ расправы. Намъ извѣстно дѣло Качурихина и Архангельскаго въ Казани (1892 г.) о покушеніи на губернатора; дѣло „пролетаріатца“ Славинскаго въ 1892 г. въ Варшавѣ; дѣла вольноопредѣляющихся Виктора Вейнштока и Биндера — въ СПБ. и Варшавѣ въ 1893 г.; дѣла рабочихъ Грубецкого, Клепсателя, двухъ Карчмарекъ и Циммермана — въ Лодзи въ 1895 г. и, наконецъ, 3 дѣла объ убійствѣ шпіоновъ въ Польшѣ въ 1900 году.

*) Это говорится про „Листки Нижегородской Рабочей Газеты.“ Ихъ было 5 номеровъ.

общественное мнѣніе, къ несчастію, слишкомъ долго лелѣяло себя иллюзіями и приписывало студенческія волненія юношескимъ увлеченіямъ, духу товарищества, недовольству нѣкоторыми распорядками школьной жизни и даже безтактности властей и педагогическаго персонала“ (стр. 5).

Мѣры „предупрежденія и пресѣченія“, употребляемыя правительствомъ для борьбы съ „преступной пропагандой“, г. Юзефовичъ находитъ неудовлетворительными и недостаточными: „Какими путями проникаетъ въ Россію крамола, свившая себѣ въ Зап. Европѣ (опять „зловредный Западъ“!) прочныя гнѣзда, какими ловкими и искусными пріемами раскидываетъ она свои сѣти, — судить не берусь; но въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, это въ томъ, что для борьбы съ ней правительство не располагаетъ ни удовлетворительно организованной силой, ни достаточными средствами. Какія тому причины, чѣмъ объяснить, что правительственная власть, затрачивающая сотни милліоновъ ежегодно на предупрежденіе возможныхъ въ будущемъ столкновеній съ врагомъ внѣшнимъ, въ то же время обнаруживаетъ столь преувеличенную бережливость(!?) въ дѣлѣ борьбы съ наличнымъ и несравненно болѣе опаснымъ врагомъ внутреннимъ, — все это вопросы, на которые человѣкъ посторонній, не посвященный во всѣ тайныя пружины правительственнаго механизма, отвѣтить не можетъ. Въ качествѣ такого посторонняго лица, могу засвидѣтельствовать только одно, что организація правительственнаго надзора не только за тайной, но даже за явной пропагандой на столько неудовлетворительна, что правительству какъ будто бы невѣдомы имена и факты, которые извѣстны всякому мало-мальски внимательному наблюдателю русской общественной жизни. Въ нашихъ среднихъ и высшихъ правительственныхъ школахъ, не исключая даже привилегированныхъ и военныхъ, не мало педагоговъ самаго сомнительнаго направленія, беззастѣнчиво вливающихъ ядъ зловредныхъ ученій въ умы и сердца русскаго юношества, и правительство не только терпитъ ихъ, но не дѣлаетъ никакого различія между ними и ихъ благонадежными сослуживцами, а нерѣдко даже, въ силу ихъ талантовъ и знаній, выдѣляетъ ихъ надъ этими послѣдними, вопреки неоспоримой истинѣ, что люди эти тѣмъ опаснѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ педагогическія дарованія и научный авторитетъ...“ (стр. 8).

„Радикальное очищеніе нашихъ профессорскихъ кафедръ отъ опасныхъ элементовъ является насущнѣйшимъ вопросомъ нашей государственной педагогіи и должно вестись безпощадно, хотя бы для замѣщенія ихъ пришлось временно прибѣгнуть къ, можетъ быть, не вполнѣ желательному приглашенію профессоровъ изъ-за границы... Незнакомство иностранныхъ ученыхъ съ русскимъ языкомъ не имѣетъ значенія“ (стр. 8). Въ чемъ, въ чемъ, а въ безстрашіи мысли г. Юзефовичу отказать нельзя!

Не менѣе любопытны взгляды г. Юзефовича на значеніе „лжелиберальной печати“: „Для того, чтобы духъ анархіи и соціалистическія идеи могли водвориться въ средѣ учащейся молодежи, — необходимо было, чтобы къ тому исподволь была подготовлена почва. Эту-то задачу приняла на себя наша лжелиберальная печать“. Такимъ духомъ лжелиберализма, по мнѣнію г. Юзефовича, проникнута вся наша печать: — „гдѣ въ настоящее время тѣ органы, къ которымъ могъ бы обратиться серіозный публицистъ, желающій независимо и безпристрастно обсудить любой изъ животрепещущихъ вопросовъ, затрагивающихъ нашу внутреннюю политическую жизнь и волнующихъ наше общество. Не вооружившись краснымъ знаменемъ, онъ ни въ одинъ изъ мало-мальски распространенныхъ органовъ лжелиберальной печати проникнуть не можетъ; въ лагерѣ же, такъ называемой, консервативной печати, онъ находитъ лишь „Моск. Вѣдомости“ и „Гражданинъ“. Обѣ эти газеты не удовлетворяютъ г. Юзефовича: первая „въ усердіи своемъ нерѣдко заходитъ за предѣлы того, чему можетъ сочувствовать человѣкъ, независимый въ своихъ сужденіяхъ“, вторая „въ свою очередь представляетъ собою органъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій его редактора и потому обращается лишь въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ князя Мещерскаго“. „Есть еще весьма распространенная газета „Новое Время“, которая позируетъ на благонамѣренность, весьма, впрочемъ, дешевую: въ дѣйствительности же газета эта представляетъ собою работу дружно сплоченной группы публицистовъ, готовыхъ продать себя тому, кто дороже заплатитъ“... Это-ли не знаменіе времени? Даже нашъ „внимательный наблюдатель нашей общественной жизни“ бросаетъ современной „Чего-изволите?“ упрекъ въ продажности.

Виною такому „безотрадному положенію нашей прессы“, проникнутой „тлетворнымъ ядомъ лжелиберализма“, является, по мнѣнію г. Юзефовича, „узко-формальное отношеніе къ дѣлу“ цензоровъ, „пропускающихъ безъ вниманія ядовитѣйшія книги и статьи, въ которыхъ между строками проводятся самыя отрицательныя ученія, разжигается національная и сословная вражда; растлѣваются нравы и подрываются священнѣйшіе авторитеты вѣры, закона, семьи и правительственной власти“. Тутъ же г. Юзефовичъ проводитъ оригинальную мысль, что слабость цензуры является въ то же время и причиной упадка современной литературы и оскудѣнія ея талантами: ..„въ самый разгаръ мнимыхъ гоненій на русскую печать... строгая расцѣнка литературныхъ и публицистическихъ дарованій выдвинула цѣлую плеяду талантливѣйшихъ именъ, и первая половина XIX столѣтія не безъ основанія можетъ считаться самой блестящей эпохой въ русской литературѣ. Не то явила намъ вторая половина того же столѣтія... Данныя въ это время русской печати широкія вольности не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: исчезли поименованные выше свѣточи русской литературы старой школы и оскудѣла вмѣстѣ съ ними русская печать. Подъ прикрытіемъ дарованныхъ вольностей на смѣну этихъ титановъ изъ всѣхъ щелей стали выползать литературныя букашки“... (стр. 11).

Итакъ, оживить русскую литературу можно, по мнѣнію г. Юзефовича, очень просто: стоитъ только усилить(?) цензуру и „подвергать ударамъ самой рѣшительной и настойчивой правительственной репрессіи...“ „все, что вноситъ въ жизнь духъ разлада и разложенія“. Кромѣ того, „трудолюбивый старикъ“ рекомендуетъ правительству оказать „матеріальную и нравственную поддержку“ — для изданія литературнаго органа — „Русскому Собранію“, вокругъ котораго сгруппировался кружокъ людей, искренно преданныхъ національной идеѣ, православію и принципу Самодержавія“...

Тогда, надо полагать, дѣло будетъ совсѣмъ въ шляпѣ!

* * *

Но особенно комичны упреки — „въ неумѣренномъ благодушіи и долготерпѣніи“, посылаемые г. Юзефовичемъ по адресу правительства. Ужъ оно-ли не старается?! Г-ну Юзефовичу все кажется мало: „къ сожалѣнію, такой недостатокъ рѣшительности и настойчивости со стороны правительственной власти до сихъ поръ обнаруживается не только къ вреднымъ тенденціямъ печати, но и въ сферѣ иныхъ прискорбныхъ явленій въ русской народной жизни. То же благодушіе и неумѣренное долготерпѣніе проявляло правительство и по отношенію къ длящимся нѣсколько лѣтъ школьнымъ волненіямъ и безпорядкамъ, чѣмъ нанесенъ значительный ущербъ русскому національному просвѣщенію, вообще, и личнымъ интересамъ большинства учащейся молодежи въ частности“ (стр. 17).

Недоволенъ г. Юзефовичъ и отсутствіемъ какой-либо опредѣленной системы въ дѣйствіяхъ правительства: „въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ мѣры строгости постоянно смѣнялись проявленіями Монаршаго Милосердія, къ которому лица, у власти стоящія, должны были бы прибѣгать съ гораздо большей осторожностью. Русскій народъ привыкъ къ тому, что всякое благо и милости изливаются съ высоты Престола, но потому-то именно со стороны ближайшихъ совѣтниковъ Царскихъ желательно, чтобы въ интересахъ законности и порядка они не обращали акты Царскаго Милосердія въ орудіе безнаказанности, влекущей за собой полную деморализацію въ средѣ кружковъ, преступившихъ законъ“. „Продолжительная безнаказанность привела къ тому еще, что школьные безпорядки вошли въ привычку, обратились въ явленіе заурядное; между тѣмъ, въ среду студенческой молодежи все чаще и свободнѣе стали проникать воззванія и листки возмутительнаго содержанія, радикально измѣнившіе самый характеръ волненій и придавшіе имъ небывалый прежде духъ политическихъ возмущеній“ (стр. 18). Упреки правительству въ бездѣятельности и „попустительствѣ“ „антикультурнымъ“ теченіямъ. Юзефовичъ заканчиваетъ совѣтомъ взять примѣръ съ Зап.-Европейскихъ правительствъ, систематически и настойчиво дѣйствующихъ „въ духѣ намѣченныхъ ими программъ даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ“.

Одними наставленіями общаго характера г. Юзефовичъ не ограничивается и предлагаетъ правительству „для оздоровленія государственнаго организма“ цѣлую программу практическихъ мѣропріятій, понятно, репрессивнаго свойства. Первымъ по важности онъ считаетъ: „значительное усиленіе рабочихъ силъ и матеріальныхъ средствъ нашей политической полиціи и организація полицейскихъ агентуръ соотвѣтственно современнымъ условіямъ борьбы съ анархіей и политическими лжеученіями“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ совѣтовъ, изложенныхъ въ 22 пунктахъ и непосредственно вытекающихъ изъ общихъ положеній его „записки“.

Особенно интересны мѣры, касающіяся непосредственно университета; изъ нихъ выдѣляется совѣтъ наказывать студентовъ за участіе въ безпорядкахъ лишеніемъ аттестата зрѣлости. Совѣтъ довольно ехидный, но далеко не столь удобоисполнимый, какъ это воображаетъ г. Юзефовичъ; онъ забываетъ, что лишеніе аттестата есть одинъ изъ видовъ лишенія правъ, налагаемый на преступника, даже по русскому законодательству, лишь по суду. Мы не сомнѣваемся, что эта незаконная мѣра, въ случаѣ ея примѣненія, раздѣлитъ участь „временныхъ правилъ“ Боголѣпова, предложенныхъ тѣмъ же „трудолюбцемъ-старикомъ“.

Еще курьезнѣе слѣдующіе совѣты г. Юзефовича: „ввѣрить внутренній распорядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ высокообразованнымъ офицерамъ, установивъ въ то же время для студентовъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“... организовать студенчество въ... „школьные батальоны“, произвести массовыя увольненія „профессоровъ сомнительнаго направленія“, „современемъ, *подъ предлогомъ* (курсивъ мой. -ъ) подготовки воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста къ предстоящей имъ лагерной службѣ, можно было бы ввести офицеровъ-инструкторовъ и въ среднюю школу“... (стр. 64). Однимъ словомъ, предъ нами стройная система утопическихъ мечтаній, представляющихъ изъ себя любопытный пережитокъ старины въ видѣ какой-то смѣхотворной отрыжки аракчеевщины. Два года тому назадъ г. Юзефовичъ предложилъ студентовъ отдавать въ казармы, теперь же онъ хочетъ казармы перенести въ университетъ. Всѣ мѣры, предлагаемыя г. Юзефовичемъ, глупы и ничтожны; пока онѣ на бумагѣ — способны вызвать лишь смѣхъ, при осуществленіи же — лишь всеобщее недовольство и взрывъ общественнаго возмущенія.

Мы совѣтуемъ г. Юзефовичу прочесть чудесную сказку Щедрина, описывающую подвиги Топтыгина, посланнаго Львомъ въ дальній лѣсъ „въ родѣ какъ бы воеводой, внутреннихъ супостатовъ усмирять“ („Новыя сказки для дѣтей изряднаго возраста“ изд. 1893 г.). Изъ этой сказки г. Ю. увидитъ, что *предлагаемыя имъ мѣропріятія вовсе не новы*. Въ самомъ дѣлѣ: Топтыгинъ по пріѣздѣ въ лѣсъ первымъ дѣломъ „университетъ въ полномъ составѣ разверсталъ въ *линейные батальоны*“..., а г. Юзефовичъ предлагаетъ отдать студентовъ въ „*школьные батальоны*“, „установивъ для нихъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“; Топтыгинъ Университетъ и Академію спалилъ, а „академиковъ въ дупло заточилъ, гдѣ они и поднесь въ летаргическомъ снѣ пребываютъ“, господинъ же Юзефовичъ предлагаетъ даже и при нынѣшнемъ низкомъ уровнѣ профессуры, „поднесь въ летаргическомъ снѣ пребывающей“, произвести „безпощадное“ „очищеніе кафедръ“ отъ лицъ „сомнительнаго направленія“ съ замѣной ихъ профессорами, не умѣющими говорить по русски. Топтыгинъ „забрался ночью въ типографію, станки разбилъ, шрифтъ смѣшалъ, а произведенія ума человѣческаго въ отхожую яму свалилъ; сдѣлавши это, сѣлъ, сукинъ сынъ, на корточки и ждетъ поощренія,“ — точь въ точь то же рекомендуетъ сдѣлать г. Юзефовичъ и, повидимому, также „ждетъ поощренія“... Кромѣ этого, г. Юзефовичъ найдетъ въ чудесной сказкѣ не мало для себя поучительнаго; онъ узнаетъ тамъ, что предлагаемыя имъ мѣропріятія принадлежатъ, по терминологіи Щедрина, къ числу злодѣйствъ „срамныхъ, малыхъ, шуточныхъ“, которыя „не только Исторію въ заблужденіе не вводятъ, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы“. Исторія лишь „отмѣннѣйшее кровопролитіе“ цѣнитъ, а о малыхъ, каково кровопролитіе, предлагаемое г. Юзефовичемъ, „упоминаетъ съ оплеваніемъ“.

„Проклятое то время, восклицаетъ сатирикъ, которое съ помощью крупныхъ злодѣяній цитадели общественнаго благоустройства сокрушаетъ, но срамное, срамное, тысячу разъ срамное то время, которое мнитъ той же цѣли достигнуть съ помощью злодѣяній срамныхъ и малыхъ!“ Такимъ-то дѣятелемъ тысяча разъ срамного времени и является г. Юзефовичъ, — яркій выразитель процесса вырожденія консерватизма и разложенія самодержавнаго режима подъ ударами общественныхъ силъ, руководимихъ соц.-демократіей. Ей, какъ передовому отряду прогресса, принадлежитъ будущее; темнымъ же дѣятелямъ „срамного времени“ суждено раствориться во мракѣ прошлаго. Будущее вспомнитъ о нихъ лишь „съ оплеваніемъ“. Память о дѣятеляхъ такого типа, какъ г. Юзефовичъ, будетъ увѣковѣчена лишь чѣмъ-либо въ родѣ извѣстной эпитафіи:

Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру
Мужъ злокачественъ, подлъ и плѣшивъ.
И оставилъ въ наслѣдіе міру
Образцовыхъ доносовъ архивъ.

—ъ.

толпы находилась Никифоръ Фроловъ, приглашавшій стоявшихъ на улицѣ лицъ присоединиться, Михаилъ Богатыревъ, Петръ Заломовъ, Алексѣй Быковъ, Иванъ Сутягинъ, Иванъ Шибаевъ, который махалъ краснымъ флагомъ, прикрѣпленнымъ къ палкѣ, и кричалъ: „собирайтесь сюда!“, а также Василій Солдатовъ и Алексѣй Барановъ. Всѣ эти лица расхаживали по улицѣ съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Въ это время на Большой улицѣ собралось около 2000 чел. Старанія полиціи водворить порядокъ оказались безуспѣшными, и толпа двигалась сплошною массою. На всѣ просьбы разойтись отвѣчали бранью и бросали камни; при чемъ получилъ ударъ въ лицо жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Рогалевъ. Возбужденіе толпы постоянно росло, и оскорбленія наносились не только полиціи, но даже и священнику, который, проходя съ иконой Владим. Божьей Матери, подвергся глумленію. Въ 6 час. на заводѣ окончилась денная работа, и послѣ свистка къ толпѣ примкнула значительная часть находившихся до этого на заводѣ мастеровыхъ. Участники безпорядка нѣсколько разъ прошлись по Большой ул., имѣя на палкахъ и въ рукахъ красные платки, распѣвая революціонныя пѣсни: „Собирайся народъ подъ знамя свободы“ и „Дружно, товарищи, въ ногу!“ Это пѣніе, которое, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Рогалевъ, начиналъ Михаилъ Самылинъ, неоднократно покрывалось криками Алексѣя Быкова, Наумова и др.: „Долой самодержавіе! Долой царя! Да здравствуетъ политическая свобода!“ На углу Ал.-Невской ул., на поворотѣ къ заводу, толпа, во главѣ которой шли Ал. Быковъ, Заломовъ, Дружкинъ и Наумовъ, остановилась, повидимому, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Раздались требованія „настоящаго знамени“, на что Заломовъ отвѣчалъ: „успѣемъ“. Одни предлагали идти къ заводу и заявить свои требованія объ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня, а Заломовъ, Самылинъ и Мих. Быковъ. по показанію свидѣтеля Колина, уговаривали продолжать демонстрацію. Послѣ этого толпа раздѣлилась, и часть ея, чел. въ сто, съ тѣми же преступными возгласами направилась къ городской конторѣ. Среди этой части участниковъ безпорядковъ крестьянинъ Сергѣй Тихоновъ замѣтилъ красный флагъ, который несъ на палкѣ неизвѣстный человѣкъ, а рядомъ съ нимъ шли Петръ Дружкинъ и Ал. Ляпинъ, кричавшіе: „Долой царя! Долой самодержавіе!“ Въ это же время Ал. Быковъ, заподозривъ въ Швилли полицейскаго агента, ударилъ его палкой по головѣ. Незадолго передъ нападеніемъ на заводъ, полицейскій надзиратель Высоцкій и урядникъ Комаровъ, замѣтивъ, что безпорядки принимаютъ угрожающій характеръ, передали объ этомъ дирекціи завода и распорядились запереть и укрѣпить ворота и входныя двери, а мѣстный исправникъ сообщилъ начальнику губерніи о возникшей опасности, вслѣдствіе чего къ заводу былъ немедленно отправленъ 238 Клязьминскій резервный батальонъ. Не смотря на то, что Заломовъ и Самылинъ продолжали настаивать на спокойномъ объявленіи заводской администраціи своихъ домогательствъ, часть безчинствовавшихъ, съ крикомъ: „Бей! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“, приступили послѣ 8 час. веч. къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ заводской конторѣ и въ канцеляріи полицейскаго пристава были выбиты окна. Нѣсколько камней было брошено въ окна директорскаго кабинета, расположеннаго во второмъ этажѣ, и, наконецъ, безчинствовавшіе рабочіе пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которыхъ завѣдующій матеріальнымъ отдѣломъ Матвѣевскій и инженеръ Заварицкій успѣли собрать для защиты завода.

Несолидарность товарищей и раздавшійся барабанный бой, указывавшій на появленіе войска, подѣйствовали на толпу, которая стала разбѣгаться. Во время безчинствъ у завода большая часть манифестантовъ оставалась на Большой ул., къ ней присоединились и возвращавшіеся отъ завода рабочіе, и толпа съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ подняла красное знамя, на которомъ бѣлой краской былъ написанъ тотъ же дерзостный призывъ, и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ Дарьинскому выселку. Знамя несъ на древкѣ Заломовъ; Алексѣй Быковъ, по показанію свидѣтеля Шмерли-Швилли, поддерживалъ другой его конецъ, чтобы яснѣе была видна надпись, около нихъ шелъ Мих. Самылинъ, а Яковъ Полозовъ выкинулъ красный флагъ меньшаго размѣра съ надписью: „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ Едва всѣ эти лица стали приближаться къ Дарьинской проходной, какъ показалась первая рота Клязьминскаго батальона. По командѣ ротнаго командира штабсъ-капитана Крылова, нижніе чины, взявъ ружье „на руку“, устремились на участниковъ демонстраціи, но послѣдніе съ крикомъ стали наступать на солдатъ, вслѣдствіе чего и были окружены. Вырвавъ у Заломова знамя, штабсъ-капитанъ Крыловъ задержалъ его и Дружкина, который, по показанію этого свидѣтеля, растягивалъ свободный конецъ флага, при чемъ Заломовъ сказалъ: „что вы меня держите? я вѣдь не убѣгу!“ Нижніе чины роты успѣли взять изъ толпы чел. 15-17, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Когда рота съ арестованными двинулась дальше, въ нее были брошены три или четыре камня, изъ которыхъ одинъ попалъ въ ногу фельдфебеля. Послѣ предупрежденія, что будутъ стрѣлять, бросаніе камней прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и самые безпорядки. Въ тотъ же вечеръ, по показанію свидѣтеля Лазарева, крестьянинъ Иванъ Шибаевъ, вернувшись домой, высказалъ удовольствіе по поводу того, что ему удалось ускользнуть отъ солдатъ и что они не всѣхъ задержали, вслѣдствіе чего онъ, Шибаевъ, и былъ арестованъ. По показанію управляющаго заводомъ инженера Мещерскаго, въ 1901 и 1902 гг. до дня безпорядковъ никто изъ рабочихъ не обращался къ нему съ требованіями объ увеличеніи заработка и уменьшеніи часовъ рабочаго дня. По удостовѣренію же свидѣтелей Старцева, Матвѣевскаго и Заварицкаго во все время безпорядковъ безчинствовавшіе рабочіе не требовали повышенія рабочей платы и не жаловались на заводскіе порядки. Событіе перваго мая не оказало никакого вліянія на ходъ работъ, такъ какъ на другой день на работу вышли всѣ люди, во всѣхъ мастерскихъ. 5 мая былъ разбросанъ листокъ, сообщающій о бывшихъ перваго мая безпорядкахъ, съ указаніемъ на вредъ, вызванный разгромомъ заводской конторы, послужившимъ поводомъ къ вызову войскъ, на доблестное поведеніе небольшой толпы, ограничившейся политической манифестаціей, и на геройское поведеніе несшаго красное знамя, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо стоялъ на своемъ посту. Сообщеніе заканчивалось выраженіемъ надежды, что примѣръ этого знаменоносца возбудитъ въ рабочихъ неудержимо твердое желаніе бороться за свободу и что къ будущей демонстраціи присоединится большая часть сормовскихъ рабочихъ, — а также призываетъ къ пожертвованіямъ въ пользу арестованныхъ.

„Изъ обвиняемыхъ виновнымъ призналъ себя лишь Яковъ Полозовъ, который показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ были Михаилъ Быковъ, Наумовъ, Самылинъ, Богатыревъ и Заломовъ. Сверхъ того, Полозовъ показалъ, что, въ концѣ 1901 г. до него дошли слухи, что въ Сормовѣ организовалась партія соціалистовъ. Желая узнать, что у нихъ дѣлается, Полозовъ стремился попасть въ возникшій кружокъ. Это ему удалось, и съ января 1902 г. онъ сталъ уплачивать по 2 коп. съ каждаго заработаннаго рубля, каковыя деньги, какъ онъ слышалъ отъ представителя кружка, рабочаго Дмитрія Углева, поступали къ казначею ассоціаціи Михаилу Самылину. Передъ масляной недѣлей, въ 10 час. вечера, въ деревнѣ Починкахъ, Балахнинскаго уѣзда было общее собраніе членовъ кружка: на собраніи этомъ среди другихъ лицъ присутствовали; Заламовъ, Самылинъ и Богатыревъ. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ 1 мая въ селѣ Сормовѣ демонстраціи, причемъ было высказано желаніе, чтобы она носила „мирный характеръ“ и т. д. — Словомъ, вполнѣ „чистосердечное“ признаніе. Полозовъ, не въ примѣръ прочимъ обвиняемымъ, до суда находится на свободѣ.

Всѣ остальные обвиняемые „отрицали безусловно свою виновность“, либо отвергая фактъ своего участія въ толпѣ, либо объясняя его посторонними причинами. Обвиняемый Ляпинъ, объясняя, что былъ во время демонстраціи только зрителемъ, показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ видѣлъ Дружкина.

Изъ числа свидѣтелей, на которыхъ ссылались обвиняемые, отрицавшіе свое участіе въ демонстраціи, часть подтвердила эти ссылки.

Заключеніе обвинительнаго акта гласитъ:

Такіе-то подсудимые „на основаніи всего вышеизложеннаго... обвиняются въ томъ, что 1 мая 1902 г. въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго у., съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго законами образа правленія учинили шествіе по Большой и Александро-Невской улицамъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красные флаги, на одномъ изъ которыхъ имѣлась надпись: „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, и дозволили себѣ, какъ во время этого шествія, такъ и при совершеніи насильственныхъ дѣйствій у Сормовскаго завода неоднократно кричать: „долой царя! долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, — т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о Нак. Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. Уг. Суд. всѣ вышепоименованныя лица подлежатъ суду Моск. Суд. Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Сентября 12 дня 1902 года, городъ Москва.

Тов. прок. Суд. Палаты П. Курловъ.“

БОБЧИНСКІЕ ВЪ ОППОЗИЦІИ.

Въ почтовомъ ящикѣ „Освобожденія“ (№ 9) г. Струве жалуется одному изъ своихъ корреспондентовъ на „непонятную враждебность, проявляемую нѣкоторыми ‚революціонерами‘“.

Намекъ слишкомъ ясенъ. Но намъ въ свою очередь непонятна „непонятливость“ г. Струве. Мы всегда указывали и готовы указать еще разъ, что наша „враждебность“ направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служитъ пріютомъ филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говоритъ голосомъ честнаго гражданина-демократа, мы всегда готовы его привѣтствовать.

Но къ крайнему ущербу для собственной политической физіономіи и къ великому вреду для дѣла, которому онъ хочетъ служить, г. Струве не находитъ въ себѣ отваги отказаться разъ на всегда отъ роли литературнаго представителя земско-политическаго Messigkeit verein'a (общества воздержанія) и увѣренной ногой стать на единственно-возможный, т. е. революціонный путь освобожденія родины.

Г. Струве тяготѣетъ къ тяжеловѣсной земской оппозиціи. Тутъ еще нѣтъ грѣха. Но чѣмъ авторитетнѣе „Освобожденіе“ въ земскихъ сферахъ, тѣмъ обязательнѣе для его редактора выступать со словомъ рѣшительнаго осужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда обслуживаемые имъ земскіе дѣятели пытаются упрятать свои гражданскія чувства въ расщелины междуминистерскихъ столкновеній.

Г. Струве энергично полемизируетъ съ „Моск. Вѣд.“, которыя, глумясь надъ суджанскимъ уѣзднымъ комитетомъ, уподобляютъ его дѣятелей Добчинскому и Бобчинскому. „Если г. Евреиновъ Добчинскій, — восклицаетъ г. Струве, — то что же такое объявленный ему Высочайшій выговоръ?“

Говорятъ, что истина нерѣдко открывается черезъ младенцевъ. Повидимому, иногда также и черезъ юродивыхъ алецовъ. Потому что „Моск. Вѣд.“, уподобляя г. Евреинова Добчинскому, поразительно близки къ истинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать рабье посланіе „почтеннаго земскаго дѣятеля“ министру финансовъ.*)

„4 августа. Ст. Вилейки; въ ожиданіи поѣзда.

„Ваше Высокопр—ство, глубокочтимый Сергѣй Юльевичъ!

„Чтобы указать, что я не былъ голословенъ, когда говорилъ Ваш. Высокопр—ству, что при тѣхъ условіяхъ, въ которые ставитъ мѣстные комитеты Мин. Вн. Дѣлъ, невозможно работать, позвольте Вамъ послать вырѣзку изъ газеты „Рус. Вѣд.“ о засѣданіи Пензенскаго губерн. ком. и Сарат. уѣздн. Изъ этого отчета Вы изволите усмотрѣть, что губернаторы не позволяютъ поднимать общихъ вопросовъ (тоже самое было въ курскомъ губерн. ком.), и уѣзды съ ретроградами во главѣ занимаются лишь изыскиваніемъ мѣръ упрятывать полегче мужика въ тюрьму. Очевидно, что при такихъ условіяхъ Особое Совѣщаніе немного узнаетъ объ общихъ нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и великое серіозное дѣло, Вами прекрасно задуманное, можетъ окончиться ничѣмъ, или очень малымъ. Мин. Вн. Дѣлъ поставилъ мнѣ въ вину, что я въ уѣздномъ комитетѣ поднялъ общіе вопросы, которые не входятъ въ виды правительства; но вѣдь общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности поставленъ Особымъ Совѣщаніемъ и его предсѣдателемъ. Кто же эти лица, какъ не то же правительство? И развѣ Ваше Высокопр—ство не такой же представитель высшаго правительства, какъ и другія министерства, и почему Ваши требованія для насъ менѣе обязательны, чѣмъ неизвѣстныя для насъ желанія другихъ? Здѣсь кроется, очевидно, недоразумѣніе, и мы за это платимся, а намъ вмѣстѣ съ тѣмъ видно очень ясно то плачевное положеніе, при которомъ приходится жить въ провинціи. Съ одной стороны, запуганное и запугиваемое, вынужденное къ молчанію, общество, съ другой — разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы, и между ними мечущееся министерство внутр. дѣлъ, безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные земледѣльцы, боимся не менѣе министерства внутр. дѣлъ. Всѣ эти убійства, волненія и погромы не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно. И вотъ, едва на сдѣланный правительствомъ же запросъ я и нашъ уѣздъ хотѣли правдиво отвѣтить, что тормозитъ нашу жизнь и главное наше занятіе, сельское хозяйство, какъ поднялись громы и молніи на осмѣлившихся сказать правду.

Простите великодушно мою смѣлость писать Ваш. Высокопрев—ству это частное письмо, но я считалъ своимъ долгомъ подтвердить фактами мои слова.

Глубоко Васъ почитающій и искренно глубоко Васъ уважающій, преданный Вамъ А. В. Евреиновъ.“

Мы оставляемъ въ сторонѣ цинично-откровенный страхъ собственника передъ „разнузданной кучкой анархистовъ, ничего не боящейся, даже висѣлицы“... Но и во всемъ остальномъ — какая поразительная смѣсь „долга“ и личнаго „достоинства“ съ лакейской угодливостью и лестью! Какая гражданская отвага въ этомъ стремленіи торопливо укрыться отъ громовъ „Его Высокопревосходительства“ отъ внутреннихъ дѣлъ за спину „Вашего Высокопревосходительства“ отъ финансовъ! Развѣ вы не видите Петра Ивановича Добчинскаго, который пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣжитъ за экипажемъ „искренно и глубоко почитаемаго и уважаемаго“ С. Ю. Витте и почтительно-торопливо докладываетъ ему, что если онъ, Петръ Ивановичъ, и прижилъ нѣкоторыя резолюціи внѣ легальнаго брака, то это ничего, „ибо все было такъ же, какъ бы и въ бракѣ“: развѣ, въ самомъ дѣлѣ, „Ваше Высокопревосходительство не такой же представитель высшаго правительства“? Развѣ Вы не наши отцы, и мы не Ваши дѣти?

О, это земское холопство и оппозиціонное лакейство!... Какія же египетскія казни, какіе россійскіе скорпіоны нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконецъ, угодливо согнутую спину либеральнаго земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручнымъ „представителей русскаго правительства“, но увѣреннымъ въ себѣ работникомъ народнаго освобожденія?!

---

*) См. бюллетень „Рев. Россіи“, № 76.

КЪ ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДѢ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Военный Министръ.
Главному Военно-Судному
Управленію
12 авг. 1902 г. № 236.

Копія съ копіи.
Секретно.

М. Г.
(Командующій войсками округа).

Попытки политическихъ агитаторовъ къ распространенію въ войскахъ пропаганды, составлявшія ранѣе сравнительно рѣдкое явленіе, за послѣднее время участились и сдѣлались настолько дерзкими, что вызываютъ необходимость обратить на нихъ серьезное вниманіе. — Такъ, изъ донесеній военныхъ начальниковъ и сообщеній М. В. Д. и Юстиціи видно, что въ маѣ 1901 г. были найдены покламаціи въ казармахъ 116 пѣх. Малоярославскаго полка; въ томъ же мѣсяцѣ на имя штабсъ-капитана 141 пѣх. Можайскаго полка Шереметева были присланы изъ-за границы двѣ возмутительнаго содержанія брошюры подъ заглавіемъ „Политика и офицеры“ и „Уничтоженіе постоянныхъ армій“; въ августѣ того же года всѣмъ офицерамъ 27 пѣх. дивизіи были доставлены подставными почталіонами воззванія къ „офицерамъ“ отъ „Виленской с.-д. группы“, упрекающія офицеровъ въ томъ, что они являются по приказу начальства „палачами честныхъ тружениковъ“ и призывающія ихъ „отказаться отъ этой позорной роли“; копія съ этого воззванія была затѣмъ (въ февр. 1902 г.) разослана по почтѣ офицерамъ Московскаго гарнизона и доставлена, также по почтѣ, въ офицерскую стрѣлковую школу; въ январѣ 1902 г. подпоручику 9 гренадерскаго Сибирскаго полка Шельминову было доставлено письмо противоправительственнаго содержанія, заключающее въ себѣ энергичный призывъ къ общему отказу отъ военной службы; въ томъ же мѣсяцѣ было обнаружено распространеніе, посредствомъ списыванія, и даже литографированія въ полковыхъ канцеляріяхъ, среди нижнихъ чиновъ 65 пѣх. Московскаго Его Величества 66 пѣх. Бутырскаго и 21 драгунскаго Бѣлорусскаго полковъ рукописи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ „Солдатское отче нашъ“, возбуждающей солдатъ противъ ихъ начальниковъ; въ февралѣ и мартѣ офицерамъ Петербургскаго гарнизона разсылались прокламаціи, приглашавшія ихъ стать вмѣстѣ со студентами въ ряды политическихъ демонстрантовъ; въ апрѣлѣ офицерамъ Виленскаго гарнизона снова разсылалась по почтѣ прокламація „Рос. С.-Дем. Раб. П.“, убѣждавшая ихъ примкнуть къ „общерусскому революціонному движенію“; въ томъ же мѣсяцѣ во дворахъ казарменнаго расположенія войскъ Красноярскаго гарнизона оказались подброшенными въ большомъ количествѣ прокламаціи „Сибирск. С.-Дем. Союза“, озаглавленныя „Войскамъ Красн. гарнизона“, убѣждающія нижнихъ чиновъ „не поднимать оружія противъ своихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, борющихся за правое дѣло“; въ томъ же апрѣлѣ и въ маѣ было замѣчено распространеніе въ значительномъ количествѣ среди нижнихъ чиновъ 13 пѣх. дивизіи прокламацій подъ заглавіемъ „Къ солдатамъ“ и такъ называемыхъ „памятокъ“, призывающихъ къ неповиновенію Царю и къ сверженію правительственныхъ властей, какъ беззаконныхъ и несправедливыхъ, а затѣмъ обнаружены и попытки личнаго воздѣйствія агитаторовъ на нижнихъ чиновъ дивизіи, при чемъ среди этихъ агитаторовъ оказалось не мало нижнихъ чиновъ расположенныхъ въ Севастополѣ морскихъ командъ. Наконецъ въ мартѣ 1902 г. была открыта организованная пропаганда среди нижнихъ чиновъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, веденная уже не посторонними только арміи лицами, но и самими нижними чинами, при чемъ во главѣ этой организаціи стоялъ рядовой (изъ дворянъ) названнаго полка Альшанскій, умышленно скрывшій при призывѣ свои права на сокращенный срокъ службы, чтобы имѣть возможность дольше вести пропаганду среди нижнихъ чиновъ; за время своего пребыванія въ полку Альшанскій энергично пропагандировалъ революціонныя идеи какъ посредствомъ личныхъ бесѣдъ съ нижними чинами, такъ и посредствомъ раздачи имъ значительнаго количества брошюръ, прокламацій и т. п., причемъ нѣкоторые нижніе чины являлись прямыми сотрудниками преступной дѣятельности Альшанскаго, другіе же являлись попустителями и недоносителями. Заслуживаетъ также особаго вниманія тотъ фактъ, что въ числѣ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о недавнихъ аграрныхъ безпорядкахъ въ южныхъ губерніяхъ оказался подпоручикъ 133 пѣх. Симферопольскаго полка, Пасько, изобличенный и сознавшійся въ распространеніи среди крестьянъ Полтавской губ. различныхъ брошюръ и воззваній преступнаго содержанія. Приведенные примѣры, по всей вѣроятности, далеко не исчерпываютъ еще всѣхъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, случаевъ проникновенія тѣмъ или инымъ путемъ пропаганды въ войска, такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что многіе изъ такихъ случаевъ, при достаточной осторожности и скрытности дѣйствій подпольныхъ агитаторовъ, остались неизвѣстными не только высшему, но и ближайшему военному начальству. Тѣмъ не менѣе, и эти примѣры достаточно свидѣтельствуютъ о весьма настойчивомъ стремленіи революціонныхъ и соціалистическихъ кружковъ къ распространенію своихъ идей среди военнослужащихъ, какъ посредствомъ разсылки по почтѣ на имя офицеровъ и нижнихъ чиновъ и разбрасыванія въ мѣстахъ расположенія частей войскъ преступныхъ воззваній, прокламацій и т. п., такъ и посредствомъ личныхъ сношеній съ нижними чинами агитаторовъ, въ числѣ которыхъ оказались даже лица, состоящія на дѣйствительной военной службѣ.

Признавая огражденіе арміи отъ тлетворнаго вліянія политическихъ лжеученій дѣломъ первостепенной государственой важности и возложивъ на Главное Военно-Судное Управленіе всестороннее обсужденіе вопроса о средствахъ борьбы съ вышеупомянутымъ прискорбнымъ явленіемъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, долгомъ считаю просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ Ваше мнѣніе о томъ, какія мѣры Вы, съ своей стороны, признавали бы въ семъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразными и необходимыми.

Подлинный подписалъ А. Куропаткинъ.

Циркуляръ разосланъ командующимъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ.

„Неблагопріятные слѣды“ правительственной мудрости

Командиръ ... армейскаго
корпуса.
Сентября .. дня 1902 г.
№ ...

Копія. Конфиденціально.
(Командирамъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отбывали солдатчину студенты по временнымъ правиламъ.)

По имѣющимся въ М. В. Д. свѣдѣніямъ, пребываніе въ войсковыхъ частяхъ студентовъ, зачисленныхъ на службу на основаніи временныхъ правилъ (указъ по Воен. Вѣд. 1899 г. № 297) оставило неблагопріятные слѣды во всѣхъ вообще войскахъ, гдѣ названныя лица служили. Независимо сего обнаружено, что одинъ изъ студентовъ, пользуясь будто бы, благодаря проявленной къ нему командиромъ полка слабости, большою свободой, вредно вліялъ не только на нижнихъ чиновъ, но даже и на офицеровъ полка; по увольненіи отъ службы означенный студентъ имѣлъ будто бы переписку, неполитическаго, впрочемъ, содержанія, какъ съ офицерами, такъ и съ нижними чинами той части войскъ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ. Вслѣдствіе запроса по сему предмету, за Воен. Министра Начальника Гл. Штаба Командующій Войсками Округа проситъ собрать и доставить самыя тщательныя свѣдѣнія о томъ, не наблюдалось-ли подобныхъ явленій во ввѣренномъ Вамъ полку.

Шемякинъ судъ въ Валкахъ.

Валки, Харьк. губ., 1 октяб. Харьковская Судебная Палата, въ особомъ присутствіи которой разсматривалось дѣло Валковскихъ крестьянъ, лишній разъ обнаружила холопскую зависимость нашего „скораго, праваго и милостиваго суда“ отъ велѣній свыше. Н. В. Муравьевъ (надо отдать ему дань удивленія) съ большимъ искуствомъ и знаніемъ человѣческой природы подобралъ личный составъ высшихъ судебныхъ учрежденій. Благодаря умѣлому выбору г. министра юстиціи, продѣланнымъ имъ и его предшественникомъ „исправленіямъ“ судебныхъ уставовъ, „исправленіямъ“, которыя въ значительной степени поколебали независимость и несмѣняемость нашихъ судей, послѣдніе, въ настоящее время, за весьма рѣдкими исключеніями, мало отличаются отъ прочей чиновничьей челяди и въ рукахъ самодержавныхъ министровъ являются такимъ же послушнымъ орудіемъ произвола и беззаконія, какъ какой-нибудь городовой или урядникъ. Валковскій процессъ можетъ послужить недурной иллюстраціей этой печальной и далеко не новой истины.

Къ дѣлу было привлечено 1090 обвиняемыхъ и около 500 свидѣтелей. Можно было бы, конечно, обойтись и безъ свидѣтелей, засадивъ ихъ также на скамью подсудимыхъ. Я думаю, что г.г. слѣдователи такъ бы и поступили, еслибы не вынесли изъ стѣнъ университета понятія о формальномъ различіи между судебнымъ процессомъ и административной расправой. Такъ какъ имъ велѣно было творить судъ, а не расправу, они и выдѣлили изъ поруганной, избитой крестьянской массы свидѣтелей и обвиняемыхъ. Раздѣляя участниковъ на овецъ и козлищъ, г.г. слѣдователи руководствовались, очевидно, количествомъ и качествомъ знаковъ, оставшихся на тѣлѣ привлеченныхъ къ дознанію, послѣ экзекуцій князя Ивана.

У кого тѣлесныхъ поврежденій было меньше, тотъ попалъ въ свидѣтели, у кого больше — въ обвиняемые. Я такъ смѣло говорю это потому, что въ числѣ послѣднихъ оказались завѣдомо невинные люди. Очевидно, что г.г. слѣдователи бросали въ тюрьму перваго встрѣчнаго, всякаго, кто попадался подъ руку. Ставить имъ это въ особую вину, конечно, нельзя: всѣ принимали участіе въ безпорядкахъ, сѣкли также всѣхъ, не разбирая, кто „разграбилъ“ помѣщичьи запасы, и кто „съ преступнымъ попустительствомъ“ смотрѣлъ на расхищеніе панскаго добра, не принимая въ немъ непосредственнаго участія. Такъ рѣшили и Плеве и великій государь: всѣ виноваты, на всѣхъ наложить дань. При томъ же необходимо было спѣшить для того, чтобы показать вышедшему изъ повиновенія народу и волнующемуся обществу, что свирѣпый князь Иванъ — это такъ, для порядка, и что, кромѣ него, есть на Руси скорый и милостивый судъ.

Подобно слѣдователямъ, дѣйствовали и судьи. Когда защитники обвиняемыхъ на судебномъ слѣдствіи попытались было выяснить обстоятельства, при которыхъ совершалось „возстановленіе порядка“ въ охваченныхъ волненіями селеніяхъ, т. е., попросту говоря, вывести на чистую воду всѣ гнусности и жестокости, совершенныя Оболенскимъ и его присными надъ крестьянами и напомнить суду исконное судебное правило — „не отмстиши дважды за едино“, — судъ рѣшительно запретилъ имъ касаться этой стороны дѣла. Да и, конечно, зачѣмъ? зачѣмъ волновать умы? (Судьи не очень полагаются на закрытыя двери своихъ залъ). Зачѣмъ напрасно смущать человѣческія сердца картинами нечеловѣческой расправы надъ безоружнымъ покорнымъ народомъ? Зачѣмъ раскрывать гнойныя язвы страны, истерзанной бѣшеными собаками самодержавія? До нихъ нѣтъ дѣла суду! Это „внутренняя политика“, которой должны быть чужды „безстрастные“ слуги закона!...

Защитники поняли, что оставаться дольше среди этихъ лакеевъ Муравьева, значило бы участвовать въ гнусной судебной комедіи, которую такъ цинично разыгрывала Харьковская Судебная Палата. Они поняли, что ихъ пѣсня спѣта и ихъ долгъ отказаться отъ защиты. Такъ они и поступили. Удалившись въ совѣщательную комнату, черезъ нѣсколько минутъ они вынесли оттуда заявленіе, прошедшее черезъ закрытыя двери суда и разлетѣвшееся по всей Россіи.*)

Смущенный, поблѣднѣвшій предсѣдатель принялъ это заявленіе, и защитники покинули судебное засѣданіе. Этимъ въ сущности закончился судебный процессъ, такъ какъ дальше уже началась ничѣмъ не прикрашенная, упрощенная судебная расправа. Говорилъ обвинитель. „Передъ вами, г.г. судьи, сказалъ онъ въ своей рѣчи, не бунтовщики, не революціонеры, а такіе же, какъ и мы, вѣрноподданные русскаго царя, только сбитые съ толку, обманутые врагами народа.“ Въ виду этого прокуроръ не настаивалъ на тяжеломъ наказаніи. Судъ отнесся къ подсудимымъ, по россійскимъ законамъ, довольно мягко и присудилъ ихъ подвергнуть годичному тюремному заключенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ верховной властью о сокращеніи заключенія до 6 мѣсяцевъ. Какъ видите, очень мягко, очень милостиво. Сначала разорили, искалѣчили нравственно и физически, а въ заключеніе милостивое царское рѣшеніе — полгода тюремнаго сидѣнья...

Обвинитель говорилъ объ обманѣ темнаго народа. Да, дѣйствительно, его обманули. Но обманули его не мы, революціонеры, и въ частности, не мы, соціаль-демократы. Обманули его вы, „защитники правды и порядка“, обманула его безпросвѣтная тьма, въ которой держите вы его и изъ которой не даете выбиться ему къ свѣту науки и правды.

Въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что всѣ слухи и толки о генералахъ, о подложныхъ манифестахъ — совершенная чепуха и ложь, первоисточника которой надо искать въ головахъ ошалѣвшихъ отъ злобы и страха г.г. помѣщиковъ и въ застѣнкахъ жандармскихъ управленій. Ни одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу крестьянъ ни словомъ не обмолвился о такомъ обманѣ.

Со словъ потерпѣвшихъ (вотъ настоящее имя для Валковскихъ „бунтовщиковъ“), мотивы, заставившіе ихъ „разбирать панскія экономіи“, какъ довольно точно называютъ они форму, въ которую вылилось крестьянское движеніе, заключаются въ слѣдующемъ: стали ходить по народу листки и книжки, въ которыхъ говорилось о томъ, что земля должна принадлежать трудящемуся люду, а не панамъ-дармоѣдамъ. Въ этихъ листкахъ говорилось и о многомъ другомъ: о неправильномъ распредѣленіи налоговъ, о невыносимомъ бремени податей, объ иномъ, не самодержавномъ, государственномъ строѣ, при которомъ народу легче будетъ выбиться изъ сѣтей пауковъ-помѣщиковъ и капиталистовъ, но это другое не могло воспринять большинство не привыкшей мыслить крестьянской массы. Всѣ думы и чувства мужика сосредоточились на одномъ, на необходимости земли и идея національзаціи земли, своеобразно преломившись въ крестьянскомъ сознаніи, одна запала въ умы, одна осталась въ нихъ изъ всѣхъ мыслей, которымъ были посвящены прокламаціи и брошюры. Если принять во вниманіе, что свободное печатное слово непосредственно было воспринято сравнительно немногими, до большинства же дошло въ перетолкованномъ и дополненномъ крестьянской фантазіей видѣ, то совершенно станетъ понятно, откуда взялось „разрѣшеніе разбирать панскія экономіи“, и какимъ образомъ прокламаціи, призывавшія крестьянъ свергнуть царя-самодержца, превратились въ „росписки“, въ которыхъ крестьянамъ этимъ самимъ царемъ давалось это разрѣшеніе. Однако сами по себѣ листки и книжки врядъ ли натолкнули бы валковскихъ крестьянъ начать свой, только въ Россіи возможный, „бунтъ“. Какъ указывалось въ свободной прессѣ, революціонное сѣмя упало на подготовленную почву. — Шутка сказать — на душу крестьянскаго населенія валковскаго уѣзда приходится въ среднемъ не болѣе одной десятины! При этомъ полное отсутствіе энергіи, глубокая косность и рутина. На заработки крестьяне почти не ходятъ. „Куда идти? Отцы не ходили и намъ не велѣли“.

Но, быть можетъ, несмотря на наличность этихъ тяжелыхъ условій, сами валковцы не двинулись бы въ помѣщичьи усадьбы, если бы не слухи о томъ, что поднялась полтавщина. Эти слухи окончательно взбудоражили валковцевъ и явились первой искрой, отъ которой запылалъ пожаръ въ уѣздѣ. Я не стану описывать самаго процесса „разбора“ экономій, такъ какъ объ этомъ достаточно говорилось въ печати. Скажу только, что разборъ совершался въ замѣчательномъ порядкѣ и чинился по самой строгой справедливости. Къ амбарамъ подходили голова въ голову, такъ, какъ это дѣлается передъ билетными кассами театровъ или желѣзнодорожныхъ вокзаловъ. Кому не хватало зерна, того вознаграждали чѣмъ-либо другимъ, равноцѣннымъ. Безлошадныхъ надѣляли лошадьми, безкоровныхъ — коровами. Въ самыхъ усадьбахъ отчуждали, въ большинствѣ случаевъ, только полы (очевидно считали, что это излишняя роскошь), утвари же, вообще говоря, не трогали, оставляя дома со всей движимостью, кромѣ хозяйственныхъ вещей, и „15 десятинъ“ въ пользованіе владѣльца.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что крестьяне отнюдь не думали, что совершаютъ уголовно наказуемыя дѣянія. Въ ихъ глазахъ „разборка экономій“ было такимъ же законнымъ, правомѣрнымъ дѣломъ, какъ передѣлъ полей и разверстка луговъ. Даже солдатъ на первыхъ порахъ они приняли не какъ усмирителей, а какъ военную силу, посланную наблюдать, чтобы при дѣлежѣ панской земли и добра не было бы между ними ссоръ и напрасныхъ пререканій. Скоро на своихъ спинахъ они поняли ошибку и немедленно покорно стали исправлять свой грѣхъ передъ царемъ. И усмиреніе было тѣмъ возмутительнѣе, что въ немъ не было никакой надобности. Сѣкшіе крестьянъ солдаты подъ руководствомъ офицеровъ (это фактъ!) сѣкли ихъ не въ цѣляхъ прекращенія движенія, а потому, что надо было наказать бунтовщиковъ, чтобы въ другой разъ они не посмѣли осуществлять своихъ мечтаній. Сѣкли ужъ тогда, когда крестьяне добровольно возвращали взятое у пановъ добро и хлѣбъ, обнаруживая этимъ полное и явное сознаніе ошибочности своихъ дѣйствій.

Къ 200-лѣтію присоединенія Шлиссельбурга. 11 октября Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ историческаго торжества: высочества, преосвященства и превосходительства праздновали двухсотлѣтіе того дня, когда Петръ I, взявъ „зѣло жестокій орѣхъ“ (Нотебургъ или Орѣхъ-городъ), поздравилъ подданныхъ „сею викторіею“. Съ тѣхъ поръ Шлиссельбургъ служитъ одновременно и „окномъ въ Европу“ и... важнѣйшей государственной тюрьмой.

Празднуйте, празднуйте, господа — сегодня вы еще хозяева положенія. Увы! Кто поручится за завтрашній день?

Но спокойно-ли вы пировали въ виду тюремныхъ камней, которые впитали въ себя трагическую повѣсть одинокихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ?

Не раскрылъ-ли вамъ очей страхъ предъ зловѣщимъ для васъ завтрашнимъ днемъ? Если такъ, то вы должны были видѣть, что по крѣпостнымъ стѣнамъ Шлиссельбурга до сего дня бродятъ неотомщенныя тѣни замученныхъ вами рыцарей свободы. Онѣ взываютъ о мести, эти страдальческія тѣни. Не о личной, но о революціонной мести. Не о казни министровъ, а о казни самодержавія.

Сколько негодованія будитъ въ груди это „патріотическое“ празднество, этотъ букетъ „высокихъ“ негодяевъ, эти лицемѣрныя рѣчи, эти лицемѣрные клики — на проклятомъ островѣ, который былъ мѣстомъ казни Минакова, Мышкина, Рогачева, Штромберга, Ульянова, Генералова, Осипанова, Андреюшкина и Шевырева, — въ виду каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ Клименко удушилъ себя веревкой, Грачевскій облилъ себя керосиномъ и сжегъ, Софья Гинсбургъ заколола себя ножницами, — подъ стѣнами, въ которыхъ Щедринъ, Ювачевъ, Коношевичъ, Похитоновъ, Игнатій Ивановъ, Арончикъ и Тихановичъ погрузились въ безысходную ночь безумія, а десятки другихъ погибли отъ истощенія, цынги и чахотки.

Предавайтесь же патріотическимъ вакханаліямъ, ибо сегодня вы еще господа въ Шлиссельбургѣ!

Черниговъ. „Умѣренность обязываетъ“, заявляетъ „Освобожденіе“, обращаясь къ россійскимъ либераламъ, или, какъ оно выражается, къ „отцамъ и умѣреннымъ“. У насъ, въ Черниговской губерніи, умѣренность, повидимому, нисколько не обязываетъ противиться царящему произволу... Среди черниговскихъ либераловъ не только нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы „бросить на вѣсы исторіи свои политическія дѣйствія, свое гражданское мужество“, тутъ даже не умѣютъ отстаивать и тѣ, по истинѣ, нищенски жалкія права, которыя значатся въ законѣ...

Существуетъ 286 ст. Общ. Губ. Учрежденія, которою должны руководствоваться и земства, и губернская администрація въ дѣлѣ приглашенія (функція земскихъ управъ) и утвержденія (функція губернаторовъ) служащихъ въ земствѣ. Въ силу этой статьи, губернаторъ обязанъ въ теченіи двухъ недѣль отвѣтить данной земской управѣ, встрѣчается-ли со стороны администраціи препятствіе къ пріему даннаго служащаго на мѣсто или нѣтъ? Никакія отсрочки или условные отвѣты закономъ не предусматриваются и, слѣд., не разрѣшаются. Но, какъ говорятъ остряки, если по закону всегда ходить, то его можно истоптать, и тогда закона вовсе не останется. Держась этого мнѣнія и памятуя, что онъ является въ Черниговской губ. представителемъ фирмы „Ника-Милуша“ и Ко.“, губернаторъ Андреевскій всякими способами доѣзжаетъ земство или, вѣрнѣе, тѣхъ его представителей, которые не отвѣчаютъ видамъ правительства. Представляетъ, напр., какая-нибудь земская управа губернатру на утвержденіе какой-нибудь „третій элементъ“. Губернаторъ или отвѣчаетъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — иногда даже черезъ 5 мѣс. — или отвѣчаетъ, хотя бы и черезъ двѣ недѣли, но условно, въ такомъ родѣ: „пріостановить съ назначеніемъ Х. впредь до особаго распоряженія“. Что губернаторъ поступаетъ такимъ образомъ, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: губернаторъ не былъ бы губернаторомъ, если бы онъ вздумалъ поступать по закону. Но едва-ли приличествуетъ представителямъ земства отказываться отъ правъ, уже предоставленныхъ имъ самимъ Николаемъ II. Чтобы защищать эти права, не приходится „бросать на вѣсы исторіи свое гражданское мужество“, нужны только самыя простыя, или, если угодно выразиться языкомъ „Освобожденія“, самыя „умѣренныя“ дѣйствія — въ данномъ случаѣ такія: данная земская управа посылаетъ губернатору „третье лицо“ на утвержденіе и если, по прошествіи двухъ недѣль, его превосходительство не соизволило дать никакого на это отвѣта, или дало отвѣтъ незаконный (напр., „пріостановить съ назначеніемъ впредь до особаго распоряженія“), она должна немедленно же — на основаніи 286 ст. — считать это „третье лицо“ утвержденнымъ и немедленно же допустить его къ исполненію своихъ обязанностей. Кажется, просто? Вѣдь нужно только „мужество“ дѣйствовать по статьѣ закона, спеціально на данный предметъ существующей и неотмѣненной... И однако же — ни одна изъ 16 земскихъ управъ Черниговской губ. (15 уѣздныхъ и одна губернская) такъ не поступаетъ!! Представители земствъ Черниговской губ. предпочитаютъ не раздражать законностью мѣстнаго царька-губернатора.

Разумѣется, въ случаѣ конфликта на этой почвѣ, губернаторъ, въ концѣ концовъ, поставилъ бы на своемъ. Но, вѣдь, важенъ здѣсь не „практическій“ результатъ, важно то, чтобы ни одинъ актъ произвола и насилія, учиняемый представителями самодержавія, не оставался безъ протеста, безъ отвѣта... Протестъ — вотъ вполнѣ реальный результатъ отъ предлагаемаго нами въ данномъ случаѣ способа дѣйствія. Черниговскіе же земцы предпочитаютъ покорно подчиняться нахальнымъ распоряженіямъ губернатора. Разскажемъ такой случай.

Приглашаетъ однажды губернская земская управа прежняго состава (съ января этого года дѣйствуетъ новая управа) нѣкоего Х. для завѣдыванія складомъ. Проходятъ двѣ недѣли — отвѣта нѣтъ отъ губернатора; проходитъ еще время — все нѣтъ и нѣтъ. Управа рѣшается вызвать приглашенное лицо въ Черниговъ, думая — и вполнѣ на законномъ основаніи, — что теперь неблагопріятнаго отвѣта отъ губернатора быть не можетъ. Х. пріѣзжаетъ, но... вдругъ отъ губернатора бумага: „не нахожу возможнымъ и т. д.“ Какъ тутъ быть? Сдвинули человѣка съ мѣста, гдѣ онъ, между прочимъ, оставилъ казенную службу (въ Мин. Земл. и Гос. Им.)... Куда же теперь дѣть Х.? Управа въ нерѣшительности. „Умѣренность“ никакъ не выручаетъ, но „обязываетъ“... молчать, отчего Х. нисколько не легче. Наконецъ, помощью какихъ-то протекцій, удалось добиться отъ губернатора разрѣшенія допустить Х. ко всѣмъ должностямъ, исключая службы въ книжномъ земскомъ складѣ. Чрезъ нѣкоторое время въ губернской управѣ открывается мѣсто дѣлопроизводителя, на которое и приглашается Х. Казалось бы, въ виду только что упомянутаго общаго распоряженія губернатора, не было никакой надобности дѣлать спеціальное представленіе объ Х. Но.. ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ — и представленіе дѣлается. Дѣлается такое же представленіе о томъ же Х., когда онъ вздумалъ перейти на другую должность въ томъ же земствѣ; дѣлается еще разъ представленіе о немъ же, когда онъ хотѣлъ занять должность секретаря „Земскаго Сборника“. Вотъ сколько разъ была взвѣшиваема благонадежность Х.! Но въ послѣдній разъ дѣло окончилось нѣсколько иначе: прошло болѣе двухъ недѣль со времени представленія губернатору, а отвѣта никакого не было... Тогда управа нашла въ себѣ „рѣшимость“ назначить Х. на службу. Вдругъ, черезъ нѣкоторое время послѣ того, губернаторъ соизволилъ отвѣтить отказомъ. И опять „умѣренность „обязала“... вытереть губернаторскій плевокъ, какъ говорится, неморгнувши... Х. былъ переведенъ на прежнюю службу.

Крымъ. Ялта. Въ половинѣ сентября сюда, въ царскую резиденцію ожидали пріѣзда гг. Обмановыхъ. Еще задолго до пріѣзда царя его свора, какъ мѣстная, такъ и наѣхавшая сюда въ массѣ, принялась очищать городъ отъ всякаго „неблагонадежнаго“ элемента. Какъ это всегда случается, царскіе лакеи и тутъ слишкомъ ужъ переусердствовали. Высылались не только поднадзорные, но и люди, завѣдомо не имѣющіе никакого отношенія къ революціонной дѣятельности, люди, которыхъ одинъ видъ прокламаціи приводитъ въ содроганіе. Вотъ нѣсколько курьезовъ этого чрезмѣрнаго старанія царской челяди. Одинъ изъ мѣстныхъ коренныхъ обывателей, бывшій редакторъ „Крымскаго Курьера“ г. Безчинскій былъ призванъ спеціально пріѣхавшимъ въ Ялту для очистки генераломъ Шмаковымъ. Можно себѣ представить крайнее недоумѣніе г. Безчинскаго, когда ему было предложено въ теченіе мѣсяца выѣхать изъ Ялты. А и вся-то вина его состоитъ въ томъ, что утромъ 1-го мая, идя по улицѣ, онъ встрѣтилъ мѣстнаго исправника съ кипой прокламацій подъ мышкой и полюбопытствовалъ узнать, что это такое.

А вотъ еще курьезъ: призываетъ тотъ же генералъ Шмаковъ проживающаго въ Ялтѣ бывшаго студента Кузьминскаго и объявляетъ ему, что онъ долженъ выѣхать изъ Ялты въ двѣ недѣли. Очевидно, царскіе холопы находятъ достаточной причиной его знакомство съ поднадзорной интеллигенціей. Мотивировку своимъ произвольнымъ дѣйствіямъ, какъ и всегда, они находятъ совершенно излишней. Весь этотъ штатъ опричниковъ еще болѣе встревожился послѣ похоронъ одного интеллигента Зуева, умершаго въ нашемъ городѣ. Дѣло въ томъ, что гробъ его несли рабочіе и, несмотря на то, что память умершаго почтила своимъ присутствіемъ и тайная и явная полиція, провожая его до могилы,—одинъ изъ несшихъ гробъ рабочихъ сказалъ рѣчь, въ которой назвалъ интеллигента товарищемъ-другомъ рабочихъ. Нѣкоторыхъ изъ провожавшихъ рабочихъ послѣ похоронъ призывали въ участокъ. Смерть этого интеллигента совпала съ слѣдующимъ инцидентомъ. Въ одну изъ мѣстныхъ типографій (Вахтипаза) явилась дама и заказала надпись на красной лентѣ такого содержанія: на одномъ концѣ ленты: „Даромъ ничто не дается... Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ!“ на другомъ: „Такъ не спите жъ силы новыя, встаньте, храбрые бойцы!“; въ мѣстѣ прикрѣпленья ленты было напечатано: „У могилы дорогого товарища.“ Полиція, узнавъ о заказѣ, воспретила выдачу уже напечатанной ленты и, связавъ этотъ инцидентъ съ похоронами Зуева, произвела обыскъ въ типографіи.

Мѣстные обыватели и пріѣзжая „курортная“ публика тоже не остаются безъ „отеческихъ“ заботъ и „сердечныхъ“ попеченій царскихъ прислужниковъ. Попеченія эти выражаются въ томъ, что въ Ялту нагнали цѣлую армію шпіоновъ и сыщиковъ, усилили штатъ жандармеріи, проэктируется увеличить штатъ портовой полиціи; словомъ, охрана, достойная самаго главнаго жандарма Николая II. Угодничающая челядь, не довольствуясь рабскою покорностью подданныхъ русскаго царя, старается развить въ нихъ и полицейскія наклонности. Такъ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ „благонамѣренныхъ“ обывателей призывали въ участки, гдѣ просили каждаго изъ нихъ съорганизовать человѣкъ 10-15 для охраны царской особы, уговаривая ихъ такими словами: „надо же послужить отечеству и царю-батюшкѣ.“ Роль всѣхъ этихъ добровольныхъ полицейскихъ должна заключаться въ томъ, чтобы стоять шеренгой въ первомъ ряду толпы вдоль тротуара той улицы, по которой проѣдетъ царь въ день пріѣзда. Кстати, всѣ подвалы по этой улицѣ были тщательно осмотрѣны царской полиціей.

---

*) См. № 26 „Искры“.

Самара. По требованію администраціи уволенъ завѣдующій оцѣночно-статистич. бюро Пѣгѣевъ. Вышли въ отставку предс. управы Карамзинъ и два члена управы, не желающіе подчиниться этому произвольному распоряженію. За образцовымъ завѣдующимъ-товарищемъ ушли и всѣ 18 статистиковъ.

Письмо изъ Вятки. Съ весны въ Вяткѣ начинаетъ чувствоваться сильнѣе, чѣмъ прежде, нѣкоторое политическое возбужденіе. По поводу Воткинской исторіи появились прокламаціи, расклеенныя по городу; затѣмъ появились прокламаціи по поводу смерти Сипягина. Часть прокламацій разсылалась и по губерніи. — По городу циркулировала масса слуховъ, которые усиленно поддерживались и распространялись полиціей. Одинъ обыватель чуть не умеръ отъ огорченья, найдя на воротахъ своего дома приклеенную прокламацію: „опозорили меня, говоритъ, да и только“. Полиціи не удалось ничего открыть: съ перепугу ей стали мерещиться всякіе ужасы, ей уже казалось, что въ Вяткѣ будутъ демонстраціи. Къ первому мая были приняты даже чрезвычайныя мѣры охраны, вызвали всѣхъ становыхъ и урядниковъ въ городъ. Урядниковъ размѣстили на заводѣ (подъ самымъ городомъ), а становые сидѣли въ номерахъ Ильина и ждали только сигнала. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ тоже были приняты усиленныя мѣры и чуть ли не сама полиція разъясняла, что будетъ демонстрація.

Въ маѣ же происходило въ Вяткѣ посвященіе въ архіереи. Полицмейстеръ предупреждалъ, что соборъ будетъ взорванъ и т. п. Еще большій переполохъ вызвала полиція въ день 21 мая. Въ этотъ день изъ Вятки въ село Великая-Рѣка ходитъ крестный ходъ, къ которому стекается народъ со всей губерніи. По пути слѣдованія процессіи были распространены прокламаціи двоякаго рода: однѣ изъ нихъ обращались къ крестьянамъ, другія — къ крестьянамъ и рабочимъ. Обѣ начинались словами: „православные христіане!“, а одна даже имѣла въ заголовкѣ крестъ и кончалась словами „аминь“. Въ прокламаціяхъ выставлены требованія отмѣны недоимокъ и выкупныхъ платежей и возврата хлѣбныхъ ссудъ пудъ за пудъ. Распространеніе было совершено настолько чисто, что полиціи не удалось захватить ни одного распространителя. Прокламаціи инымъ попадались цѣлыми пачками и поднявшіе иногда догадывались пустить ихъ въ продажу. На обратномъ пути крестнаго хода была выставлена чуть ли не охранная цѣпь. Получилась для крестьянъ новая натуральная повинность: отъ волости назначили человѣкъ по 8 на стражу: „листки тамъ какіе-то, такъ вотъ смотрѣть, кто бросать будетъ“. Десятскіе — безъ бляхъ — были расположены между богомольцами, чтобы оттуда смотрѣть, кто будетъ бросать. Прокламаціи урядники, дѣйствительно, пособрали, а распространителей такъ и не открыли. Когда потомъ икона Николая должна былъ двинуться изъ Вятки по городамъ, по тракту были разставлены пикеты изъ крестьянъ.

Въ началѣ августа въ Уржумскомъ уѣздѣ арестовали помощника волостного писаря, у него что-то нашли; жандармы скоро добились отъ него, кто ему далъ литературу; въ результатѣ арестованъ статистикъ Кислицынъ. Оба сидятъ въ Вяткѣ.

У страха глаза велики: въ Малмыжскомъ уѣздѣ власти, перепуганныя крестьянскими толками о раздѣлѣ земель мѣстныхъ богачей, отправили въ уѣздъ мѣстную команду, которая съ барабаннымъ боемъ обошла деревни.

Спросъ на нелегальную литературу значительный, особенно на литературу для крестьянъ.

Для многихъ изъ нашихъ товарищей событія послѣдняго времени явились большой неожиданностью. По отношенію къ вопросамъ, выдвинутымъ крестьянскимъ движеніемъ, приходится наблюдать всѣ переходныя ступени отъ полной растерянности и капитулированія предъ нимъ до вѣрнаго пониманія значенія этого движенія. Вообще, около этого вопроса вертятся споры и въ этомъ направленіи работаетъ мысль. Къ сожалѣнію, соц.-дем. литературы здѣсь всего меньше. Благодаря этому, въ понятіяхъ мѣстной радикальной публики царитъ сумбуръ, полное смѣшеніе всѣхъ программъ. Мѣстная молодежь формируется подъ вліяніемъ несоц.-демократическихъ идей и скорѣе склоняется къ соціал-революціонизму именно потому, что для послѣдняго ясность программы, дальнѣйшія перспективы не важны, важенъ ближайшій эффектъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Воронежская губ. Среди нашихъ земскихъ начальниковъ нерѣдко попадаются люди, лишенные самой обыденной добропорядочности. Такъ, напр., въ Землянскомъ уѣздѣ нашей губерніи въ теченіе 10 лѣтъ былъ земскимъ начальникомъ нѣкій Матвѣевъ, который бралъ взятки „съ живого и мертваго“, причемъ не брезговалъ даже курами и яйцами. Въ одномъ селѣ, по поводу передѣла земли, отношенія между крестьянами обострились на столько, что образовались двѣ враждующія партіи. Тогда одна партія стала открыто собирать деньги „на земскаго“ и вручила Матвѣеву 400 руб.; оказывается, что другая партія въ это время также не дремала: съ своей стороны собрала 400 руб. и передала ихъ тому же Матвѣеву черезъ его письмоводителя... Всѣ эти поборы въ теченіе 10 лѣтъ страшно возмущали крестьянъ, которые приносили много жалобъ на Матвѣева, но всѣ эти жалобы, какъ водится, не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, крестьяне отправили своихъ уполномоченныхъ въ Царское Село, гдѣ они вручили свою жалобу наслѣднику. Послѣ этого уже нельзя было прикрывать Матвѣева: ему предложено было выйти въ отставку, но за его усиленные труды по собиранію взятокъ ему дана увеличенная пенсія въ 1100 руб. въ годъ, вмѣсто 500 р. Такъ награждаетъ правительство даже такихъ негодяевъ, какъ Матвѣевъ.

Другой земскій начальникъ въ Землянскомъ уѣздѣ, Богдановичъ, не только обираетъ крестьянъ, но даже надулъ предводителя дворянства Алехина. Богдановичъ продалъ по частной роспискѣ свое имѣніе Алехину, а затѣмъ, получивъ съ него деньги, продалъ это же имѣніе другому лицу по крѣпостному документу. Когда Богдановичу послѣ этого замѣтили, что Алехинъ будетъ на него жаловаться, то Богдановичъ сказалъ: „Алехинъ не посмѣетъ жаловаться, у него самого рыльце въ пушку“. Дѣйствительно, Алехинъ, какъ говорятъ, много „хапнулъ“, когда возводилъ церковь на доброхотныя даянія.

Отношенія между крестьянами и помѣщиками все болѣе обостряются. Въ селѣ Петровскомъ Землянскаго уѣзда крестьяне просили владѣльца экономіи Стрижевскаго сдать имъ землю, но Стрижевскій не исполнилъ этой просьбы и сдалъ свое имѣніе въ одни руки какому-то арендатору. Вскорѣ послѣ этого загорѣлись сначала надворныя постройки, а потомъ черезъ нѣкоторое время сгорѣлъ громадный барскій домъ. Теперь арендаторъ уже самъ отказывается отъ аренды.

Въ настоящее время всѣ земскіе начальники Воронежской губерніи получили отъ своего губернатора секретное предписаніе: объѣхать свои участки и внушить крестьянамъ, что они не должны надѣяться на какія-либо нарѣзки земли или на передѣлы, что равнымъ образомъ крестьяне не должны слушаться „злонамѣренныхъ“ лицъ, распространяющихъ среди нихъ „вредныя“ книги и листки, а должны этихъ людей представлять по начальству!

Крестьянскія настроенія (изъ Чернигова). Передъ зданіемъ уѣзднаго съѣзда собралась толпа крестьянъ въ ожиданіи „праваго суда“. Среди одной группы какой-то грамотѣй громко читаетъ курскую рѣчь царя къ крестьянамъ, которую мѣстный помпадуръ издалъ отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Губ. Вѣд.“ и распространилъ чрезъ полицію въ большомъ количествѣ экземпляровъ. „Ты впередъ нагодуй (т. е., ты впередъ накорми!)“, раздается вдругъ голосъ одного крестьянина. „Да вінъ-же на кінці общае“..., иронически вторитъ какой-то другой слушатель...

Въ одномъ мѣстечкѣ Козелецкаго уѣзда во время Полтавскихъ событій сходъ рѣшилъ: подождемъ три недѣли... побачимъ, якъ буде въ Полтавской губ., а тади и сами начнемъ“... Въ другомъ селѣ того-же уѣзда, по поводу знаменитаго высочайшаго повелѣнія о наложеніи на крестьянъ контрибуціи, мѣстные мужики выражались такимъ образомъ: „де-жъ тутъ справедливость?! облагать тыхъ, котори маютъ землю и не бунтовали! За такую справедливость треба бунтовать... Це — разбой“. А вотъ что намъ пришлось услышать отъ одного крестьянина Переяславскаго уѣзда Полтавской губ., съ которымъ намъ случилось недавно бесѣдовать. Мой собесѣдникъ говорилъ, что тяжелое положеніе крестьянъ создается малоземельемъ, и на мой вопросъ, какъ думаютъ крестьяне жить дальше, отвѣтилъ буквально такъ: „А будетъ то, что за кѣмъ будетъ сила, за тѣмъ будетъ и право“. На замѣчаніе же наше, что одна сила вызываетъ другую силу — штыки, пули, нагайки, крестьянинъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „чего намъ бояться смерти?! Все равно, вѣдь, и такъ придется помирать отъ голода“.

Въ одномъ мѣстечкѣ того же Козелецкаго уѣзда были обыски у нѣкоторыхъ крестьянъ, окончившихъ (при содѣйствіи мѣстной интеллигенціи) разныя учебныя заведенія (фельдшерскую школу, учительскую семинарію и т. п.). По поводу этихъ обысковъ крестьяне громко, прямо на базарѣ, выражались такимъ образомъ: „жандармы обыскиваютъ тѣхъ изъ насъ, которые вышли въ люди... Имъ не нравится, что нашъ братъ становится паномъ“. Въ той же мѣстности имѣется попъ-доносчикъ. Съ нимъ у крестьянъ такая вражда, что однажды крестьяне чуть не вытащили его изъ алтаря. Противъ „зачинщиковъ“ возбуждено дѣло. Недавно тотъ же священникъ въ церкви, во время произнесенія имъ проповѣди, былъ ощиканъ народомъ.

Изъ Пермской губ. намъ пишутъ: Въ августѣ арестовано 100 чел. крестьянъ Ильинской вол. Пермскаго уѣзда за сопротивленіе властямъ. Администрація находящейся въ этой мѣстности дачи гр. Строганова начала принимать усиленныя мѣры противъ порубокъ въ лѣсахъ. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, такъ возмутили крестьянъ, что громадной толпой они двинулись въ лѣсъ и произвели порубку. Явившаяся лѣсная стража была разогнана. Въ результатѣ — дѣло; 18 чел. сидятъ въ Перми, остальные по уѣзднымъ тюрьмамъ.

Къ заботамъ о голодающихъ (изъ Вятской губ.). Голодъ и въ этомъ году грозитъ посѣтить нѣкоторые изъ нашихъ уѣздовъ, напр., Вятскій и Глазовскій: рожь почти совсѣмъ не уродилась. Особенно плохъ урожай въ послѣднемъ уѣздѣ: даже по разсчету земскихъ начальниковъ нужно выдать населенію болѣе милліона пудовъ. Рожь для посѣва страшно запоздала и частью пришла уже по истеченіи времени сѣва. Рожь доставлялась съ пристани Левшино на Камѣ; отправкой завѣдывалъ уполномоченный м-ва фин. Турбинъ. Турбинъ телеграфировалъ вятскимъ властямъ: „провѣрка вѣса не требуется; принимайте по счету мѣшковъ“. Но увы! Когда принимавшіе, по собственному, вѣроятно, опыту зная, какъ легко прилипаетъ къ рукамъ хлѣбъ для голодающихъ, отнеслись недовѣрчиво къ такому заявленію и начали пріемку по вѣсу, то оказалась въ каждомъ вагонѣ нехватка — въ 70 пуд., а всего не хватило около 15000 пуд.! Теперь очевидно, почему „нашъ обожаемый монархъ“ не совѣтовалъ въ своей Курской рѣчи къ крестьянамъ грабить чужое добро: эту профессію онъ монополизировалъ, видно, въ пользу свою и своихъ чиновниковъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

КРАТІКІЙ ОЧЕРКЪ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ БѢЖИЦѢ.

(Заводъ Брянскаго акціонернаго общества).

(Окончаніе).

II.

Въ средѣ самихъ рабочихъ „бунтъ“ 1898 г. остался всетаки нѣкоторымъ свѣтлымъ событіемъ, очевидно, потому, что здѣсь, хотя и въ грубой формѣ, рабочій далъ впервые почувствовать заводу свою личность. Во всякомъ случаѣ этотъ „бунтъ“ нисколько не обезкуражилъ рабочихъ и не прекратилъ рабочаго движенія на Брянскомъ заводѣ. Послѣдующіе факты ярко доказали это. Въ октябрѣ того же года, т. е. всего черезъ 4 мѣс. послѣ „бунта“, рабочіе нѣсколькихъ цѣховъ забастовали и выставили опредѣленныя требованія къ заводу. Стачка продолжалась около 8 дней; проведена она была очень единодушно и выдержанно и почти всѣ требованія рабочихъ удовлетворены. Былъ смѣненъ начальникъ механической мастерской, отличавшійся своими подлостями, Мускинъ; вывѣсили табель съ расцѣнками, хотя очень оригинальную: въ ней были расцѣнки для какого-нибудь десятка работъ, указанныхъ въ самой общей формѣ, такъ что реальнаго значенія эти табели никакого не имѣли. Плату стали выдавать два раза въ мѣсяцъ и т. д. Вскорѣ послѣ этой стачки былъ выпущенъ на заводѣ листокъ, въ которомъ подводились итоги стачкѣ и рабочіе приглашались продолжать удачно начатую борьбу съ хозяевами.

Въ началѣ сентября въ Орлѣ былъ арестованъ интеллигентъ Родзевичъ; затѣмъ изъ Москвы были привезены Русановъ и Островъ; далѣе въ Орлѣ былъ арестованъ Ильинскій, затѣмъ Квиткинъ, Смирновъ и Кварцевъ (привезенъ изъ Сумъ). Кромѣ того постепенно были привезены въ Орловскую тюрьму рабочіе Ефимовъ, Лавриновичъ и Жмуркинъ. Интеллигенты всѣ были арестованы по разнымъ дѣламъ, не имѣвшимъ отношенія къ дѣламъ Бѣжицы. Но затѣмъ у Родзевича было установлено какое то отношеніе къ Брянскимъ рабочимъ. Тогда слѣдователи рѣшили изъ всѣхъ арестованныхъ создать одно сообщество, на которое и возложить отвѣтственность за брянскія дѣла. Арестованныхъ терзали нелѣпыми вопросами, ничѣмъ необоснованными подозрѣніями и выпустили приблизительно въ мартѣ 1899 г., не приведши дѣло ни къ какому результату.

Между тѣмъ движеніе въ Бѣжицѣ вступило въ старую колею — кружковой пропаганды, кружковаго развитія. Спросъ на нелегальную литературу сильно возрастаетъ, но достаютъ ее рабочіе съ большимъ трудомъ. Рабочіе собираютъ между собой деньги на покупку книгъ и заводятъ довольно большую легальную библіотеку. Изрѣдка собираются большими компаніями и читаютъ сообща или бесѣдуютъ. Весь 1899 г. прошелъ въ такомъ постепенномъ и тихомъ развитіи. Въ январѣ 1900 г. дѣлаютъ обыскъ у трехъ интеллигентовъ въ Орлѣ: Квиткина, Острова и Русанова, и затѣмъ черезъ день Квиткина арестуютъ. Вскорѣ въ Орелъ изъ Бѣжицы увозятъ нѣсколькихъ рабочихъ (Жмуркина вторично, Ранкевича, Мишанова, Лосицкаго, Худосовцева, Сычева и др.). Оказывается одинъ изъ молодыхъ рабочихъ, у котораго при обыскѣ что-то нашли, испугался угрозъ брянскаго ротмистра Петрова и многое поразсказалъ.

Но съ этими арестами самостоятельное движеніе среди рабочихъ не прекращается. Оно вылилось въ опредѣленную нами форму и въ такомъ видѣ продолжалось въ теченіи 1900 г. Въ концѣ 1900 г., передъ Рождествомъ, были выпущены въ небольшомъ количествѣ маленькіе листки по поводу неуплаты администраціей завода заработанныхъ денегъ въ срокъ. Листки произвели свое дѣйствіе: рабочая плата была немедленно выдана.

Весь 1900 г. настроеніе рабочихъ прогрессивно обострялось. Промышленный кризисъ сказался и на Брянскомъ акціонерномъ обществѣ — этой одной изъ самыхъ прочныхъ акціонерныхъ компаній. Собственно при большей энергіи и дѣловитости администраторовъ компанія всегда могла обойтись безъ сокращенія производства. Но привычка получать огромные барыши (въ одномъ изъ отчетовъ общества, которые лежатъ на столѣ Бѣжицкаго клуба, было указано при валовомъ оборотѣ въ 56 мил. (валовой доходъ — 4 мил. чистой прибыли) при полной халатности побудила заводскую администрацію пополнять уменьшеніе кушей обычнымъ давленіемъ на рабочихъ: начались небывалые штрафы, небывалыя браковки; расцѣнки страшно упали; и наконецъ, стали распускать рабочихъ. Температура рабочей массы отъ всѣхъ этихъ стѣсненій поднималась. Рабочіе представляли изъ себя порохъ, въ который достаточно было бросить одинъ горячій „листокъ“, чтобы взорвать весь заводъ на воздухъ. Но листковъ не появлялось, и рабочіе терпѣли. Только стремленіе къ самообразованію проявлялось все сильнѣе, все лихорадочнѣе. Въ половинѣ апрѣля 1901 г. на заводѣ произведены были обыски и арестовано и отвезено въ Орелъ 6 человѣкъ рабочихъ: Степановъ, Самойловъ, Мишановъ (2 разъ); Лосицкій (2 разъ), Ранкевичъ (2 разъ), Сычевъ (2 разъ), одновременно съ этимъ были арестованы въ Орлѣ интеллигенты: Квиткинъ (3 разъ), Колышкевичъ (2 разъ), Русановъ (3 разъ) и Островъ (4 разъ). Обыски произведены были на основаніи временныхъ правилъ объ усиленной охранѣ въ виду ожидавшихся 1 мая повсемѣстныхъ рабочихъ демонстрацій. Поэтому арестованные черезъ 4 недѣли были выпущены, кромѣ Степанова, Самойлова и Острова, которые обвинялись по новому дѣлу, и Сычева, оставленнаго отбывать наказаніе по предыдущему дѣлу. Новое дѣло состояло въ томъ, что у Самойлова нашли нелегальную литературу и онъ выдалъ Петрова, Степанова и затѣмъ Острова, а также запачкалъ и другихъ. Былъ установленъ фактъ сношеній Острова съ рабочими и распространеніе имъ среди нихъ нелегальной литературы. Дѣло опять было оформлено. Такимъ образомъ 1901 г. закончился обысками и арестами.

Въ общемъ, если окинуть бѣгло всю исторію рабочаго движенія на Бѣжицѣ, начиная съ 1897 г., то это движеніе представится намъ въ видѣ медленнаго развитія рабочихъ путемъ пропаганды и отчасти неширокой устной агитаціи. Какихъ-либо крупныхъ организованныхъ демонстрацій въ Бѣжицѣ не было. Но одно можно отмѣтить въ этой исторіи: для наблюдателя, который видѣлъ рабочую Бѣжицкую массу въ 1897-98 г. и затѣмъ въ 1901-902 г.г., рѣзко замѣтенъ подъемъ сознательности этой массы, широкое распространеніе среди нея всѣхъ общественно-политическихъ запросовъ, которые возникали въ 90 годахъ лишь въ головахъ немногихъ рабочихъ. Безусловно, что въ настоящій моментъ Бѣжицкіе рабочіе представляютъ изъ себя чрезвычайно пригодный матеріалъ для воспріятія самыхъ широкихъ политическихъ идей...

Смоленскъ. Рабочее населеніе Смоленска — это преимущественно евреи изъ мелкихъ мастерскихъ ремесленнаго типа съ 2-3, рѣдко съ 8-10 рабочими. Большинство этихъ мастерскихъ работаетъ на магазины, что, конечно, сильно отражается на положеніи рабочихъ, такъ какъ изъ одной и той же шкуры приходится выдѣлывать двѣ шубы: одну — хозяину-посреднику, а другую — оптовому торговцу-заказчику. Особенно тяжело положеніе работницъ въ женскихъ мастерскихъ, гдѣ къ обычной эксплуатаціи труда присоединяются еще невозможно тяжелыя квартирныя условія и весь такъ-наз. „отеческій“ режимъ: почти всѣ работницы живутъ на квартирахъ хозяевъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями. О заработной платѣ и говорить, конечно, нечего: она „ниже всякаго минимума“, по выраженію одного рабочаго. Что касается рабочаго дня, то въ послѣдніе годы было нѣсколько попытокъ свести его къ законной десятичасовой нормѣ. Первая попытка относится къ 1898 г. Затѣмъ, въ 1900 г. рабочіе подавали губернатору коллективное заявленіе о тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ въ большинствѣ мастерскихъ и о рабочемъ днѣ. Въ результатѣ этого заявленія былъ устроенъ черезъ полицію осмотръ мастерскихъ и опросъ рабочихъ, но при осмотрѣ, конечно, многаго не разглядѣли, а при опросѣ большинство рабочихъ, особенно женскихъ мастерскихъ, было такъ запугано предварительно хозяевами, что не рѣшилось указать истинное положеніе дѣлъ, а для полиціи, конечно, чего же лучше, если „все обстоитъ благополучно“! Такъ изъ этого ничего и не вышло. Только съ прошлаго 1901 года здѣсь начинается болѣе или менѣе осмысленное движеніе среди евреевъ-ремесленниковъ, хотя оно все-таки напоминаетъ болѣе суетню, чѣмъ дѣйствительное движеніе. Съ того времени было нѣсколько стачекъ, но за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ онѣ были столь незначительны какъ по содержанію, такъ и по количеству участниковъ, что для нихъ слишкомъ громко даже названіе стачки. Требованія не выходили изъ обычныхъ границъ — рабочій день, плата, помѣщенія, обращеніе хозяевъ и т. п. Большинство еврейскихъ рабочихъ — народъ молодой, юноши и даже дѣти. Наиболѣе важными тормазами для развитія сознательнаго движенія является почти поголовное незнаніе рабочими русской грамоты — это во-первыхъ, а во-вторыхъ — безобразныя квартирныя условія: рабочіе почти все время проводятъ на глазахъ хозяина и его семьи, а хозяева даже къ чтенію обыкновенной книжки относятся съ большой подозрительностью, не говоря уже о нелегальныхъ изданіяхъ. Есть мастерскія со смѣшаннымъ составомъ рабочихъ — но русскіе ремесленники стоятъ еще ниже еврейскихъ — большинство изъ нихъ пьетъ горькую и до сихъ поръ проявляетъ мало склонности къ болѣе осмысленной жизни. Это роняетъ ихъ въ глазахъ евреевъ-рабочихъ и нерѣдко создаетъ взаимную вражду. Впрочемъ, нужно сказать, что за послѣднее время и въ этомъ отношеніи замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ: на бывшемъ здѣсь мирномъ первомайскомъ праздникѣ можно было видѣть и русскія физіономіи. Изъ болѣе крупныхъ заведеній съ исключительно почти русскимъ составомъ рабочихъ можно указать только на два: бабиночную фабрику Гергарда съ 200 рабочихъ и кафельный заводъ Будникова съ 150 раб. Но уже по самымъ техническимъ условіямъ этихъ производствъ уровень развитія рабочихъ не можетъ быть сколько-нибудь высокимъ. Это — по большей части полурабочіе-полукрестьяне, не порвавшіе еще довольно тѣсной связи съ деревней. Поставляютъ рабочихъ на эти фабрики ближайшія деревни, разбросанныя ок. Смоленска верстахъ въ 3-5.

Изъ другихъ элементовъ пролетарскаго типа можно указать на торговыхъ прикащиковъ, заявившихъ недавно, хотя и въ очень слабой степени, о своемъ существованіи. Трудно, конечно, ожидать, чтобы прикащичье движеніе приняло сколько-нибудь солидные размѣры, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ это какъ разъ та именно среда, гдѣ мѣщанство въ самыхъ свирѣпыхъ его формахъ свило себѣ наиболѣе прочное гнѣздо. Лѣтомъ этого года было нѣсколько стачекъ прикащиковъ (въ магазинахъ Якобсена, Ланина, Англійскомъ и др.) съ тѣми же требованіями, что и у ремесленниковъ.

Изъ наиболѣе интересныхъ событій мѣстной жизни послѣдняго времени нужно отмѣтить образованіе соц.-демократической группы, выпустившей въ августѣ и сентябрѣ этого года двѣ прокламаціи — одну къ прикащикамъ, а другую — къ обществу по поводу насилій надъ заключенными въ здѣшней тюрьмѣ. Подписаны онѣ были „Смоленскимъ соц.-демократ. комитетомъ“. Существеннымъ ихъ недостаткомъ была ихъ неудобочитаемость и крайне жалкій внѣшній видъ, вслѣдствіе чего онѣ совершенно не могли импонировать обывателю. Но надо надѣяться, что въ дальнѣйшей своей дѣятельности молодой комитетъ справится съ техническими затрудненіями.

Въ Нѣжинѣ, Черниговской губ., была стачка 65 чел. портныхъ ремесленниковъ (дамскихъ и мужскихъ). Требуютъ: одни сокращенія рабочаго дня до 12 и до 14 часовъ въ сутки, другіе — увеличенія поштучной платы. Четверо рабочихъ уже арестовано.

Астрахань. Въ нашемъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ замѣчаются проявленія рабочаго движенія. Пока это движеніе носитъ стихійный характеръ: стачки происходятъ безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, безъ руководства. Такія забастовки были устроены въ прошломъ году на лѣсныхъ пристаняхъ чернорабочими и грузчиками. Всего забастовало около 200 чел. Было выставлено требованіе увеличенія платы. Продержались около дня, и можно сказать, что выиграли. Хозяева не обращались къ полиціи и постарались сами уладить дѣло. Такая же забастовка была и на пристани Дембот. Пароходъ съ баржами были готовы, а команда отказалась идти на баржи. Въ этотъ разъ забастовало чел. 30-40. Въ виду того, что убытки отъ простоя парохода подъ парами огромны, администрація уже согласна была уступить, но нагрянула рѣчная и городская полиція и силой принудила рабочихъ пойти на баржи и занять свои мѣста. Рабочіе Дембота не выставляли никакихъ требованій улучшенія своего положенія, домогаясь окончательнаго разсчета. Слѣдуетъ замѣтить, что фирма Демботъ въ отношеніи обиранія рабочихъ перещеголяла здѣсь всѣ другія. Такое грубое обираніе, какъ у Дембота, рѣдко встрѣтишь, если не считать мелкихъ пароходчиковъ, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Какъ всегда бываетъ, эти случайныя и стихійныя забастовки заставили призадуматься многихъ рабочихъ. Призадумались и предприниматели и стали все чаще и чаще страховать рабочихъ, чтобы свалить съ своихъ плечъ на страховыя общества плату за увѣчья и прочіе несчастные случаи. Задумалась и администрація съ фабричнымъ инспекторомъ (изъ „либераловъ"). Задумалась и полиція, и въ результатѣ своихъ размышленій обратилась въ городскую думу съ предложеніемъ ассигновать извѣстную сумму на содержаніе нѣсколькихъ тайныхъ агентовъ и одного главнаго, въ виду того, что полиція больше не въ силахъ уже справляться съ врагами. Говорятъ, что лѣтомъ, проѣздомъ, былъ у насъ „самъ" архишпіонъ Зубатовъ и оставилъ здѣсь на время свой хвостикъ, главныя же свои „силы" онъ направилъ на гастроли въ Тифлисъ и Баку.

Интересный случай имѣлъ этимъ лѣтомъ мѣсто среди бондарей на форпостѣ. Въ бондарныхъ заведеніяхъ работаютъ по 200 и болѣе чел. Все это ужъ болѣе или менѣе „чистые" пролетаріи, но ряды ихъ постоянно пополняются выходцами съ верховьевъ Волги, элементомъ довольно коснымъ. Большимъ вліяніемъ пользуются старики. Проникнуть въ эту среду чрезвычайно трудно. Книга здѣсь тоже не въ ходу. Но хищническая эксплуатація, энергично охраняемая фабричнымъ инспекторомъ и полиціей, „раскачиваетъ" и эту среду. Хозяева бондарныхъ заведеній нанимаютъ своихъ рабочихъ на два срока: отъ 1 октября до 1 марта, на зимнія работы, и отъ марта до октября, на лѣтнія. Разница въ цѣнѣ бываетъ постоянно очень значительна. Но въ этомъ году, въ виду того, что было много наготовленнаго товара, въ рыбныхъ же дѣлахъ произошла заминка, крупные хозяева не стали дѣлать прибавокъ на лѣто. Рабочіе сначала отказались заключать условія, но нужда заставила пойти на уступки. Къ тому же они надѣялись, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получить значительные задатки. Оказалось, однако, что фабричный инспекторъ распорядился задатковъ не выдавать. Это ужъ превысило мѣру долготерпѣнія, и 28 іюля бросили работу на четырехъ заводахъ, всего чел. 250-300. Продержались они до 31 іюля. На одномъ заводѣ добились прибавки. „Побѣдители", ободренные своимъ успѣхомъ, стали подговаривать своихъ товарищей тоже бросить работу. Нашлось нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ изъ молодыхъ (кто говоритъ, что ихъ было чел. 50-60; другіе, — что болѣе ста), которые прошлись съ музыкой по главной улицѣ и требовали пріостановки работъ. Первый день прошелъ тихо, но на второй хозяева дали знать уѣздной полиціи и земскому начальнику. Полиція почему-то воздержалась отъ репрессалій (помнитъ, вѣроятно, „холерный бунтъ" 1892 г.), но за нарушеніе тишины было взято 11 чел. Изъ нихъ 10 чел. приговорены земскимъ начальникомъ къ аресту на семь сутокъ, а одинъ, за оскорбленіе городового, на три недѣли.

Красноярскъ. 13 сентября нашъ городъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ: черезъ весь городъ. отъ мастерскихъ до губернскаго правленія, прошли желѣзнодорожные рабочіе въ полномъ составѣ (полторы тысячи человѣкъ). Дѣло въ томъ, что по правиламъ „получка" въ здѣшнихъ мастерскихъ должна происходить два раза въ мѣсяцъ, 12 и 27 числа. Обыкновенно же платятъ 15-17 и 1-2; это всегда раздражало рабочихъ, и они не разъ уже выражали свое неудовольствіе, но на это не обращали вниманія. 11 сентября рабочіе напомнили начальнику мастерскихъ о предстоящей уплатѣ, и онъ обѣщалъ уплатить 13-го; утромъ 13 онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, а часовъ въ 10 объявилъ, что получки не будетъ. Сейчасъ же раздался свистокъ къ прекращенію работъ; рабочіе заволновались и послѣ совѣщаній, увѣщаній, а въ нѣсколькихъ случаяхъ и зуботычинъ, всѣ поголовно отправились къ губернатору. Попытки полиціи задержать шествіе (ограничивались увѣщаніями) окончились безуспѣшно, и процессія прибыла къ Губернскому Правленію. Здѣсь ее встрѣтилъ полиціймейстеръ и предложилъ рабочимъ избрать депутатовъ для переговоровъ; они отказались. Тогда полиціймейстеръ самъ выбралъ четырехъ человѣкъ, а остальнымъ предложилъ разойтись. Рабочіе не уходили, пока депутаты не вышли изъ Губ. Правленія и не предложили имъ уйти къ мастерскимъ и тамъ ждать отвѣта. Изъ Губ. Правленія депутаты были приглашены къ губернатору. Здѣсь былъ составленъ протоколъ о случившемся, причемъ вся вина возложена на администрацію мастерскихъ; затѣмъ губернаторъ просилъ депутатовъ успокоить товарищей и обѣщалъ, что съ 3 час. начнутъ уплату, при чемъ этотъ день не будетъ вычтенъ. Сейчасъ же былъ вытребованъ къ губернатору начальникъ мастерскихъ; губернаторъ далъ ему 6.000 руб. и предложилъ немедленно принять мѣры, чтобы всѣ рабочіе получили плату. Съ 3 час. началась уплата. На другой день появилась прокламація Комитета и еще одна, безъ подписи, гектографированная, по содержанію мало отличающаяся отъ комитетской.

Лѣтомъ здѣсь были убиты два ночныхъ сторожа. Вице-губернаторъ (и. д. губернатора) вошелъ съ докладомъ, чтобы убійцъ судили военно-полевымъ судомъ, такъ какъ убитые были чинами полиціи при исполненіи своихъ обязанностей. Ходатайство это уважено; 19-го убійцъ судили и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшенье! Осужденные — молодые люди 22-24 лѣтъ.

Намъ пишутъ изъ Сибири: 16 августа на ст. Еланское Енисейской губ. въ депо забастовали всѣ рабочіе, 93 чел., требуя удаленія монтера. Начальникъ тяги явился и сказалъ, что не можетъ ихъ удовлетворить. Однако, къ слѣдующему же дню дано было знать рабочимъ, что ихъ требованіе исполнено. Каково же было возмущеніе рабочихъ, когда, явившись на работу, они узнали, что десять ихъ товарищей удалены изъ депо. Всѣ снова бросили работу; стачка продолжалась еще три дня. Но къ 19-му были приглашены рабочіе запасные изъ Красноярска, и болѣе малодушные уступили, а за ними пошли работать и остальные. Въ результатѣ 27 чел. уволено, а 13 сами ушли.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОТЪ ГР. „ЮЖНАГО РАБОЧАГО"

Шатаніе въ области теоріи, хаосъ и разрозненность въ дѣятельности, господствующіе въ настоящее время среди дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, никогда еще не давали себя такъ сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись такъ рельефно, какъ въ данный моментъ. Если изолированная, ограниченная кружковая дѣятельность начала девяностыхъ годовъ и примитивныя формы рабочаго движенія середины тѣхъ же девяностыхъ годовъ по своей опредѣленности и несложности могли мириться съ подобнымъ состояніемъ дѣйствующихъ силъ, то въ настоящій моментъ, когда соціалдемократія можетъ и должна развернуть всю свою сложную дѣятельность, устраненіе подобной дезорганизованности является главнѣйшей и насущнѣйшей задачей, передъ которой блѣднѣетъ все остальное. Партія, долженствующая сыграть роль крупной общественной силы въ рѣшеніи будущности Россіи, такая партія не можетъ довольствоваться господствующимъ кустарничествомъ; она должна сложиться въ прочную, строго солидарную, централизованную и объединенную общей программой организацію, группирующуюся вокругъ извѣстнаго духовнаго ядра, дающаго общее направленіе дѣятельности. Только подобное оседминеніе можетъ дать партіи возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя беретъ. Нельзя сказать: „пусть устроятся мѣстныя дѣла, тогда позаботимся объ общихъ". Подобный взглядъ представляетъ упрощеніе дѣятельности. Необходимо проникнуться убѣжденіемъ, что не могутъ быть мѣстныя дѣла въ настоящее время внѣ общихъ, что пока не будутъ рѣшены общіе вопросы, пока не будетъ покончено съ нашей дезорганизованностью, всякая работа будетъ топтаніемъ на мѣстѣ. Но для этого недостаточно одного лишь призыва къ объединенію. Необходимо подойти къ вопросу болѣе конкретно, болѣе активно. Для этого прежде всего необходимо каждому дѣятелю, каждой группѣ, каждой организаціи, точно опредѣлить свое отношеніе къ цѣлому ряду вопросовъ, волнующихъ вотъ ужъ почти три года дѣйствующихъ товарищей.

Пора покончить съ неопредѣленностью. Пора каждому опредѣлить свое мѣсто, высказать въ недвусмысленной формѣ все, чего онъ хочетъ, къ чему стремится, и провести это на практикѣ. Мы думаемъ, что въ настоящее время достаточно рѣзко опредѣлились различныя теченія. Кто не смогъ разобраться въ нихъ до сихъ поръ, кто изъ-за внѣшней шелухи и личныхъ недоразумѣній, не видитъ сущности, тотъ, вѣроятно, уже не увидитъ ея. Не къ нимъ мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массѣ тѣхъ товарищей, которые горячо жаждутъ скорѣйшаго и прочнѣйшаго, не бумажнаго, но реальнаго объединенія силъ, которые глубоко чувствуютъ весь вредъ современной смуты.

Съ своей стороны, мы дѣлаемъ шагъ въ этомъ направленіи. Признавая организацію „Искры" единственной за послѣдніе два года организаціей, съумѣвшей при господствующихъ спутанности и шатаньи сохранить строгую принципіальность и безстрашно бороться противъ всякихъ теченій, стремившихся свернуть такъ блестяще начавшееся революціонное движеніе съ единственно правильнаго пути, мы, солидарные съ этой организаціей въ вопросахъ программы, тактики и организаціи, присоединяемся всецѣло къ ней, обязуясь работать совмѣстно надъ дѣломъ фактическаго возстановленія Россійской соц.-демократ. рабочей партіи.

Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы далеки отъ мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работѣ, которую выполнила за это время организація „Искры", не было никакихъ ошибокъ и пробѣловъ. Мы только думаемъ, что эти ошибки не на столько важны, чтобы онѣ могли служить препятствіемъ къ соединенію, что онѣ легко устранимы, если необходимость объединенія глубоко проникнетъ въ сознаніе всѣхъ дѣйствующихъ товарищей, и дѣло предпринятое „Искрой" за свой страхъ и рискъ, станетъ нашимъ общимъ дѣломъ.

Группа „Южнаго Рабочаго".

Изданы прокламаціи: **Кіевскимъ Комитетомъ** — къ кіевскимъ слесарямъ (отъ 16 сент.); **Одесскимъ Ком.** — „къ новобранцамъ" (печ.); **Екатеринославскимъ Ком.** — „Ко всѣмъ гражданамъ Екатеринослава (по поводу тюремныхъ насилій) и 2) Къ кондукторамъ и вагоновожатымъ трамвая (обѣ печатныя); **Красноярскимъ Ком.** — къ раб. жел.-дор. мастерскихъ (отъ 14 сент., печ.); **Харьковскимъ Ком.** — 1) о судѣ надъ крестьянами (въ 1.100 экз.) и 2) къ раб. жел.-дор. мастерск. (по поводу несчастнаго случая съ двумя рабочими), обѣ гектогр.; **Нижегородскимъ Ком.** — 1) „Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?" (печ.), 2) Ко всѣмъ рабочимъ (августъ), 3) О солдатчинѣ (къ крестьянамъ и рабочимъ), 4) По поводу назначенія фон-Валя, 5) Къ рабочимъ и работницамъ Куликовской фабрики въ гор. Васильсурскѣ; **Донскимъ Ком.** — Ко всѣмъ раб. главн. мастерскихъ Владикавказской ж. д. (отъ 3 октяяря, гектограф.); **Кишиневской** объединенной соц.-демокр. орган. — „Ко всѣмъ рабочимъ" (печ.).

Одесскимъ Комит. изданъ № 2 газ. „Раб. Слово" (15 окт.); печатано въ тип. Комитета.

Нижегородскимъ Комит. изданъ отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ его дѣятельности (1 окт. 1901 г. по 1 іюня 1902 г.). Заимствуемъ изъ него слѣдующія подробности объ агитаціонной дѣятельности Комит.: „Руководясь въ своей настоящей дѣятельности основными принципами революціонной соц.-демократіи, Комитетъ началъ массовую агитацію среди самыхъ широкихъ слоевъ рабочихъ Н.-Новгорода и нѣкоторыхъ заводовъ Нижегородской губерніи. Въ послѣднее же время Комитетъ роспространяетъ агитацію и на крестьянскіе слои населенія губерніи и солдатъ... Всего было распространено различныхъ прокламацій къ рабочимъ разныхъ заводовъ и къ крестьянамъ — 1515 экз., напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ собственной типографіи".

„Нижегородская Раб. Газ. (№ 1) была издана въ 350 экз. Затѣмъ газета была превращена въ „Лист. Ниж. Раб. Газ.", который печатался все въ большемъ количествѣ экз. (№ 2 1200, № 3 2000, № 4 2400, № 5, майскій, 3000). „Кромѣ того, Ком. распространялись газ. „Искра" и „Раб. Мысль" и прокламаціи нѣкоторыхъ организацій, какъ напр., „Искры", „Пет. Союза, и „Бунда" За восемь мѣсяцевъ бюджетъ Комитета былъ: прих. 1135 р. 40 к., расходъ 1330 р. 95 к.

Въ № 5 „Жизни" напечатана и ею же издана въ видѣ брошюры статья тов. Плохоцкаго; „Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ". Авторъ обвиняетъ насъ, русскихъ соц.-дем., въ „прискорбномъ незнакомствѣ съ самимъ польскимъ движеніемъ и его условіями". Онъ думаетъ, что именно это незнакомство порождаетъ среди насъ „рядъ странныхъ взглядовъ, совершенно напрасно нарушающихъ гармонію между двумя братскими по самому своему существу лагерями". Эти „странные взгляды" сводятся къ оцѣнкѣ той постановки вопроса о національной независимости Польши, которая дается въ программѣ „Польской соц. партіи".

Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ намъ удастся по существу разсмотрѣть вопросы, поднятые тов. Плохоцкимъ. Пока замѣтимъ, что можно только радоваться прямому обращенію польскихъ соціалистовъ къ русскимъ. Изъ брошюры тов. Плохоцкаго русскіе соціалдемократы смогутъ ближе познакомиться съ взглядами старѣйшей партіи польскихъ товарищей. Слово теперь за товарищами изъ польской соц.-демократіи, которая, какъ извѣстно, держится въ вопросахъ программы взглядовъ, отличныхъ отъ П. С. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ **Петербургѣ** арестованъ учитель гимназіи Эккъ. — Въ **Перми** 12 сентября были обыски у служащихъ въ губ. зем. упр.: Крысина, Вошевой, Житковой и Дубровинскаго. Крысинъ и Дубровинскій арестованы. 3 окт. былъ обыскъ у учителя Очерскаго зав. (Оханскаго уѣзда) Высотина и у волостного писаря Пашихина. Высотинъ арестованъ. Арестованный въ Красноуфимскомъ уѣздѣ 17 августа агрономъ Мальцевъ все еще сидитъ; псаломщикъ Ряпасовъ выпущенъ. Взятые съ нимъ крестьяне тоже сидятъ. — Въ **Севастопольской** тюрьмѣ сидятъ съ іюня рабочіе Бубновъ, Фирсовъ, Горкуновъ, Евтушенко, Братуха, Зубаревъ, Вороновъ, Копецъ, Грибовскій, Стефановскій, Тамбовцевъ, Черновъ, Бабенко, Чернышевъ и еще двое; кромѣ нихъ вольноопредѣляющійся Крюковъ, нѣсколько солдатъ и матросовъ и одинъ студентъ. Студентъ Щепетевъ перевезенъ въ Симферополь. — **Верхоленскъ** (Ирк. г.). Арестованъ раб. Залкиндъ (ссыльный). — Въ **Нижегородской** тюрьмѣ, кромѣ 21 обвиняемыхъ по дѣламъ о демонстраціи, сидятъ студентъ Сысинъ, техникъ Гусевъ, семинаристъ Никольскій, бывш. гимназистъ Даниловъ, сормовскіе рабочіе Углевъ и Рогалевъ и курсистка Софья Доброхотова. Изъ демонстрантовъ — 13 раб., 4 интел. и 4 курсистки. Въ Одессѣ 17 сент. арестованы рабочіе Хмельницкій, Дубъ и Надворный; 24-25 сент. фотогр. Шварцъ и уч. зубоврач. школы М. Львович — **Самара.** 15-16 окт. произведено 20 обысковъ, между прочимъ, въ аптекѣ Волянскаго (при этомъ кто-то арестованъ), в табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванов желѣзнодорожныхъ служащихъ Барыбина и др. Арестован желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, бывшіе статистики Ев мовичъ и Акромовскій, нѣкій земскій техникъ, одинъ гимназист. и семинаристъ. Въ уѣздѣ тоже были обыски, арестована одн земская учительница. Наши синіе мундиры проявляютъ большое самодурство: за отказъ давать показанія или же за нежелані выдать товарищей они мстятъ заключеннымъ отказомъ въ пропускѣ съѣстныхъ припасовъ и запрещеніемъ свиданій. — По дѣлу о безобидной прошлогодней вечеринкѣ мнимые ея устроители: бывш. студ. Кузнецовъ и учредитель курсовъ бухгалтері Севрукъ сосланы въ Вятскую губ. Барышни, танцовавшія на вечеринкѣ, заключены въ тюрьму.

Сосланы въ Восточную Сибирь: токарь Юзефъ Венхъ (изъ Олькуша, Кѣлецк. губ.) на 3 года; Влад. Вербицкій, хлѣбн. торг. (изъ Николаева), на 3 года; Яковъ Борисовъ, городской учитель (изъ СПБ., по дѣлу раб. орган.), до приговора; Залманъ Роякъ, чернораб. (изъ Кайданъ, Минской губ.), на 2 г.; Сем. Вейсбремъ, студ.-полит. (изъ Риги) на 3 г.; Викторъ Ногинъ, раб., и Сергѣй Антроповъ, быв. студ. (оба нелегальные, изъ СПБ.), до приговора; Конкордія Захарова и болгаринъ Закубанскій (по одесскому дѣлу), до приговора. — Въ Вологодскую губ.: Влад. Куницкій, инжен.-химикъ (изъ Домброва) и Дав. Самойловъ (изъ СПБ.), оба на 3 г.

Бѣжали: изъ Вятской губ. Рерихъ (студ.-лѣсникъ, сосланъ по дѣлу СПБ. Союза Борьбы 1901 г.); изъ Восточной Сиб., кромѣ упомянутыхъ въ прошломъ номерѣ, еще въ началѣ года изъ Олекминска, Якутской обл., Марія Розенбергъ (сослана по Уральскому дѣлу 1899 г.).

Предательство Н. К. Паули. Читатели помнятъ о впечатлѣніи, произведенномъ на революціонную среду слухомъ о предосудительныхъ сношеніяхъ эмигранта Н. К. Паули съ русской политической полиціей, распространившимся года полтор тому назадъ. Всѣ революціонеры ожидали результатовъ разслѣдованія по этому дѣлу, производившагося „Аграрно-соціалистической Лигой." Появившееся въ концѣ прошлаго года заявленіе упомянутой Лиги о дѣлѣ Паули не могло удовлетворить этихъ ожиданій. Лига нашла, что попытка Паули „была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного." Лига даже не исключила Паули изъ числа своихъ членовъ*), а лишь сообщила, что „Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ" и никакого *формальнаго* предложенія другимъ революціоннымъ организаціямъ о судѣ надъ обличеннымъ ею Паули не сдѣлала. Такимъ образомъ, вопросъ объ обязательномъ для всѣхъ вообще революціонеровъ отношеніи къ новому Дегаеву не былъ поставленъ и не получилъ должнаго рѣшенія.

Въ виду этого, редакція „Искры" (см. № 15 „Развратъ въ революціонной средѣ") сочла необходимымъ, въ согласіи с принципами, раздѣляемыми нашей организаціей, указать на недостаточность рѣшенія Аграрной Лиги и квалифицировать поведеніе Н. К. Паули, какъ „возмутительное и позорное." Въ то время наше заявленіе было многими признано излишне-жестокимъ по отношенію къ старому революціонеру, какимъ былъ Паули. Мы считали необходимымъ рѣзко высказаться, между прочимъ, для того, чтобы сдѣлать невозможными для Паули попытки вступленія въ какую либо новую группу, такъ какъ доступъ въ революціонную организацію ему не былъ закрытъ тономъ и содержаніемъ заявленія Лиги.

Эта предосторожность оказалась нелишней. Попавъ какимъ-то образомъ въ руки русской жандармеріи, Н. К. Паули, какъ это намъ *достовѣрно извѣстно*, даетъ въ настоящее время *самыя предательскія показанія* въ духѣ Гольденберга. Этими показаніями предатель даетъ жандармамъ богатый матеріалъ о революціонныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ членъ Агр. Лиги: такъ напр., имъ даны показанія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Карповичемъ. По указаніямъ Паули арестованы уже, повидимому, нѣкоторыя лица (называютъ московскаго издателя Чарушникова). Но, вѣроятно лица, имъ оговоренныя, не будутъ немедленно арестовываться а послужатъ отправной точкой для разставленія шпіонской сѣти (таковъ методъ Судейкина-Плеве). Поэтому, мы настоятельно приглашаемъ всѣхъ товарищей, имѣвшихъ революціонныя сношенія съ Паули, проявить самую крайнюю осторожность и, во всякомъ случаѣ, предупредить всѣхъ соприкасающихся съ ними лицъ о томъ, что такія сношенія у нихъ были. Поступивъ такъ, эти товарища смогутъ оградить себя отъ справедливыхъ упрековъ въ случаѣ, если окажется, что жандармы, заручившись цѣнными для нихъ указаніями Паули, готовятъ „основательный" разгромъ революціонныхъ организацій.

Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ указать, что въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Паули, неумѣстна никакая снисходительность. Суровый (вполнѣ заслуженный) приговоръ надъ Паули не оградилъ бы насъ, конечно, отъ окончательнаго его паденія, но онъ бы лучше обезпечилъ неприкосновенность *чести* революціонныхъ организацій.

---

*) Въ настоящее время „Рев. Рос." (№ 12) сообщаетъ, что Паули былъ исключенъ изъ „Аграрной Лиги". Если такъ, то почему въ прошлогоднемъ сообщеніи Лиги объ этомъ не было прямо сказано?

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Въ № 3 „Раб. Знамени", вышедшемъ въ прошломъ году, был помѣщена такая замѣтка: „Къ позорному столбу! Арабажинъ — петербургскій литераторъ и редакторъ. Выгораживаетъ себ въ глазахъ полиціи, выдавая неповинныхъ подчиненныхъ ему служащихъ".

Эта замѣтка, повидимому, относилась къ ходившему въ то время въ литературныхъ кругахъ опредѣленному слуху о томъ что г. К. Арабажинъ (быв. издатель „Сѣв. Курьера") прикрылс именемъ одного изъ своихъ сотрудниковъ для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности передъ полиціей за участіе въ одномъ невинномъ литературномъ собраніи.

По просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ г. Арабажина, мы разсмотрѣли доставленные ими документы и пришли къ заключенію что содержащееся въ вышеприведенной замѣткѣ обвиненіе основано на недоразумѣніи и что въ инцидентѣ, о которомъ упомянуто выше, г. Арабажинъ ничего предосудительнаго не совершилъ.

В. Засуличъ. Г. Плехановъ. Л. Мартовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: Черезъ моск. представ. отъ *.* 400 руб., через Бл. 200 р., отъ буддиста 125 р., чер. секретарей 30 р., отъ стараго друга 700 мар., отъ лондонскаго соц.-дем. кружка 1 ф. ст. отъ сочувствующаго чер. Л. 2 фр. 20 сант., изъ К—а 10 руб., чер Вас. Ник. отъ своихъ 200 руб., чер. Кольцова: за литерат. из Женевы 106 фр. 85 сант. и 81 фр. 85 сант., изъ Лозанны 12 фр. отъ лозанской группы 40 фр., отъ проѣзжаго 20 фр., за литературу 11 руб., изъ Льежа 80 фр., изъ Цюриха за литературу 32 ф за чтеніе отъ радикала А. 50 фр., отъ стараго соц.-демократа 50 ф изъ Москвы черезъ Мюнхенъ 50 фр.

Вышла въ изд. „Искры" новая брошюра: „Демонстрант передъ судомъ" (обвинительные акты по дѣл. о саратовско и нижегородской майской демонстраціяхъ, съ пред. редакціи).

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelro Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".

Второй годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 28

15-го ноября 1902 года.

№ 28

„МЕРТВЫЙ ХВАТАЕТЪ ЖИВОГО“.

(LE MORT SAISIT LE VIF.)

Соціалисты-революціонеры, стараясь убѣдить насъ въ спасительности политическихъ убійствъ для предохраненія демонстрантовъ отъ розогъ и нагаекъ, ссылались на „времена „Народной Воли‘“. Въ тѣ времена, говорится, напр., въ программной статьѣ № 7 „Рев. Рос.“, „правительство не осмѣливалось на такую наглость, какъ порка десятками своихъ политическихъ противниковъ“. Оно „втайнѣ боялось и уважало ихъ“. Ничего убѣдительнаго, положимъ, въ этой исторической ссылкѣ не было. Вѣдь во времена „Народной Воли“ не было и тѣни какихъ-нибудь открытыхъ проявленій народнаго недовольства, связанныхъ съ политикой. Даже начинавшія входить въ обычай демонстраціи на похоронахъ совершенно прекратились во времена террора. При народныхъ же „безпорядкахъ“ въ городахъ или деревняхъ, при всякихъ проявленіяхъ недовольства со стороны толпы, не принадлежащей къ „несѣкомымъ“ (какъ называлъ Герценъ наше привилегированное сословіе), національная розга гуляла на просторѣ во времена „Народной Воли“, какъ и во всѣ другія.

Теперь политика проникаетъ даже въ деревню, а въ городахъ нельзя представить себѣ „безпорядковъ“, совсѣмъ не связанныхъ съ политикой. Здѣсь народное недовольство слилось, срослось съ политикой, и въ этомъ именно заключается величайшее пріобрѣтеніе современнаго движенія и залогъ несомнѣнной побѣды. Положеніе не то, что иное, а прямо противоположное тому, что было во времена „Нар. Воли“. Но если ссылка на эти времена по поводу демонстрацій и не была убѣдительной, она, по крайней мѣрѣ, не находилась въ прямомъ противорѣчіи съ истиной. Во времена „Нар. Воли“ политическихъ заключенныхъ били кулаками, топтали ногами, изрѣдка колотили прикладами, но ни розгами, ни нагайками дѣйствительно не били. Теперь при проповѣди террора мѣсто демонстрацій заняли у соц.-рев. столкновенія въ тюрьмахъ, въ особенности же самое крупное изъ нихъ, одесское. Подробности этого жестокаго дѣла извѣстны нашимъ читателямъ.

Уже въ № 11 „Рев Рос.“, по его поводу, говорилось о необходимости „карающей руки“. Теперь передъ нами пріуроченное къ этой же исторіи воззваніе „Партіи соц.-рев.“, озаглавленное: „Что дѣлать?“ и отвѣчающее, разумѣется, на этотъ вопросъ призывомъ къ террору*). Въ этомъ воззваніи опять имѣется ссылка на времена „Н. Воли“, на этотъ разъ находящаяся въ діаметральной противоположности съ истиной.

Въ тѣ времена, говоритъ прокламація, правительство „никогда, въ минуты самыхъ яростныхъ разгромовъ и ужасающей реакціи, не рѣшалось оскорблять достоинство своихъ противниковъ. Отправляя въ ссылку, на каторгу и висѣлицу, оно все же вынуждено было держать себя такъ, какъ держатъ съ противникомъ, котораго хотятъ уничтожить, но котораго боятся. Правительство знало, что за малѣйшее оскорбленіе чести революціонеровъ оно отвѣтитъ жестоко передъ ихъ товарищами. И это сознаніе передъ дѣйствующей партіей сдерживало разнузданность властей. Теперь этой разнузданности данъ широкій просторъ. И если мы хотимъ охранить нашихъ товарищей отъ насилія и оскорбленій и поддержать честь и достоинство революціонной партіи, мы должны“... заняться терроромъ. „Пусть эти палачи, отдающіе приказы объ избіеніи, выполняютъ приказы верховной власти. Но пусть они знаютъ, что за каждое выполненіе надъ революціонерами, ихъ ждетъ смерть. И пусть они тогда выбираютъ“.

Итакъ, во времена „Нар. Воли“ правительство не рѣшалось на насилія надъ заключенными. Оно не позволяло себѣ оскорбленій по ихъ адресу, и изъ этого слѣдуетъ, что посредствомъ политическихъ убійствъ можно предохранить нашихъ товарищей отъ повторенія насилій того рода, какія произошли въ Одессѣ. Что это? умышленное-ли игнорированіе во славу террора ужасающаго мартиролога заключенныхъ революціонеровъ во времена „Н. В.“, или незнаніе „писанія“ той самой религіи, которая такъ усиленно проповѣдуется?

Въ этомъ „писаніи“ засвидѣтельствовано, что съ того момента, какъ терроръ начинаетъ систематизироваться, онъ вызываетъ со стороны правительства все новыя и новыя жестокости въ тюрьмахъ, сопровождаемыя систематическимъ третированіемъ, умышленными оскорбленіями заключенныхъ. Это не мы говоримъ, объ этомъ вопіетъ вся народовольческая литература того времени. Въ „Вѣстн. Нар. Воли“, напр., въ статьѣ „Надгробное слово Александру II“, подробно разсказано, какъ за каждое, буквально за каждое политическое убійство или покушеніе накладывались все новыя, жестокія наказанія на заключенныхъ въ Новобѣлгородской центральной тюрьмѣ. По этимъ жестокостямъ они узнавали, что на волѣ что-то сдѣлано. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обращеніе съ заключенными становилось все болѣе наглымъ и оскорбительнымъ, а малѣйшій протестъ вызывалъ дикія насилія.

Заключенные въ централкахъ не были террористами, но и несомнѣннымъ народовольцамъ въ Алексѣевск. равелинѣ свой „страхъ и уваженіе“ правительство выражало еще энергичнѣе. Тамъ систематическая грубость и цинизмъ по отношенію къ заключеннымъ превосходили всѣ предѣлы, а содержали ихъ такъ, что изъ 14, привезенныхъ туда по процессу А. Михайлова, въ первый же годъ умерло шестеро, а всѣ остальные были въ цынгѣ, истощены, совсѣмъ больны, „чего начальство упорно „не замѣчало“, а докторъ, тыча въ ихъ распухшія ноги, говорилъ: „это еще пустяки“. Въ Шлиссельбургъ ихъ привезли потомъ, по выраженію Вольксенштейнъ, „полусгнившими“.

Въ наиболѣе дикой и звѣрской формѣ разыгралось правительственное бѣшенство въ 1882 г. на Карѣ, при чемъ и тутъ также главное заключалось въ „канальскомъ третированіи“ заключенныхъ, „въ преднамѣренныхъ оскорбленіяхъ, въ звѣрскомъ и безчеловѣчномъ обращеніи съ больными“. Во время этой оргіи, — всюду, кромѣ Кары, гдѣ не было одиночекъ, — заключенные болѣли и умирали безъ всякаго ухода, въ полномъ одиночествѣ, запертые на замокъ въ тѣхъ же камерахъ, въ которыхъ жили. Такого систематическаго оскорбленія, третированія и вымариванія заключенныхъ какъ во времена „Н. Воли“, ни раньше, ни позже не практиковалось.

Мы никогда не приводили этого обстоятельства въ качествѣ аргумента противъ террора; не приводили потому, что, по нашему убѣжденію, революціонная соц.-демократія не можетъ и не должна руководствоваться предполагаемыми чувствами правительства. Она не должна добиваться ни его уваженія, ни снисходительности, ни бѣшенства, не должна позволить ему ни мягкостью, ни жестокостью вліять на свою тактику ни въ ту, ни въ другую сторону. Но когда насъ увѣряютъ, что „если мы хотимъ охранить нашихъ товарищей отъ насилій и оскорбленій“, то мы можемъ это сдѣлать посредствомъ политическихъ убійствъ, и при этомъ ссылаются на ту самую исторію, которая доказываетъ какъ разъ обратное, мы не имѣемъ права промолчать. Возможность помочь заключеннымъ товарищамъ такъ привлекательна, что для всѣхъ тѣхъ, кто на слово повѣрилъ бы социал.-революц., эта возможность была бы лучшимъ аргументомъ въ пользу террора. Но на дѣлѣ и было и не могло не быть какъ разъ обратное. Личный страхъ, личное бѣшенство, вызываемыя покушеніями, могутъ еще внушить стремленіе задабривать (чтобы потомъ надуть) предполагаемыхъ попустителей-либераловъ, но ужъ никакъ не прямыхъ враговъ — революціонеровъ.

„И пусть они тогда выбираютъ“, говоритъ „Пар. соц.рев.“

Въ такія времена, когда сверху идутъ экстраординарно жестокіе приказы, „выборъ“, или вѣрнѣе, „подборъ“, дѣйствительно происходитъ. Робкіе люди выходятъ въ отставку или ихъ смѣщаютъ. То же случается съ людьми сравнительно порядочными, какъ Кононовичъ, отказавшійся играть роль палача при казни карійцевъ за покушенія, происходящія въ Петербургѣ. Ихъ мѣста занимаютъ проходимцы, способные на нѣкоторый рискъ, вознаграждаемый большими выгодами.

* * *

„Р. Рос.“ желала бы, чтобы мы судили о взглядахъ „Парт. с.-рев.“ только по ея „программнымъ“ статьямъ. Такая статья о террорѣ (въ № 7) написана очень осторожно, старается не бить посуды, все оставить на мѣстѣ и только прибавить отдѣленную отъ этого всего, „боевую организацію“, занимающуюся „казнями“. Но у террора своя логика, заставляющая соц. рев., говоря о немъ, постоянно противорѣчить своей „програмѣ“ и выяснять постепенно самую сущность ихъ разногласій съ нами по этому вопросу.

Среди этихъ противорѣчащихъ „програмѣ“ статей и заявленій въ высшей степени характерными являются упомянутая уже нами прокламація и передовая статья въ № 12 „Рев. Рос.“. Эта прокламація начинается съ описанія одесскаго побоища и перечисленія ряда другихъ полицейскихъ безобразій, и затѣмъ объявляетъ, что во всемъ этомъ виноваты именно мы тѣмъ, что „въ теченіе 15 лѣтъ мы какъ бы старались убить въ себѣ духъ прежняго революціонера. Мы вытравляли въ себѣ и другихъ всякій протестъ и своимъ послушаніемъ дошли до какого-то непротивленія злу... Мы никогда не давали отпора... Мы только бумажными жалобами отвѣчали на всѣ мерзости и гнусности полиціи и жандармеріи.... Мы перестали быть въ ихъ глазахъ революціонерами, которые съ оружіемъ въ рукахъ готовы раньше всего защищать свое достоинство и честь, и насъ перестали бояться“.

Та же картина нашего ужасающаго нравственнаго паденія, отъ котораго насъ можетъ спасти только терроръ, рисуется и въ передовой статьѣ № 12 „Рев. Рос.“ Не отвѣчая единичными политическими убійствами на тюремныя безобразія, мы развиваемъ въ себѣ „рабью психологію“, подвергаемъ партію опасности „полной деморализаціи“.

Въ такомъ видѣ представляется соц.-революціонерамъ современное движеніе, если исключить изъ картины нѣсколько выстрѣловъ.

А мы убѣждены, что только за послѣдніе десять лѣтъ въ Россіи и началось настоящее революціонное движеніе.

Въ глазахъ соц.-рев. революціонно только дѣйствіе оружіемъ и, пока сраженія на улицахъ еще не начались, — только террористическіе факты, а мы именно потому-то и противъ террора, что онъ не революціоненъ, что его породила и вспоила въ концѣ 70-хъ годовъ не сила, а безсиліе революціонеровъ сдѣлать хоть что-либо для приближенія революціи. Террористы были, конечно, революціонерами, но жили въ ту нереволюціонную эпоху, когда выработавшійся въ революціонера студентъ постепенно убѣдился въ невозможности для него выйти за предѣлы все того же студенчества и соединиться съ народомъ. Вся его вѣра, всѣ надежды пріурочивались къ крестьянству, а въ результатѣ многолѣтнихъ страстныхъ усилій оказался только одинъ замѣтный и осязательный успѣхъ: Чигиринское дѣло, самымъ своимъ характеромъ говорившее все о той же невозможности вліять на крестьянъ. Революціонерамъ, оставшимся до мозга костей революціонерами и убѣдившимся, что упорствовать въ стремленіи сдѣлать хоть что-нибудь для приближенія народной революціи, значитъ „биться какъ рыба объ ледъ“, собственно говоря, ничего и не оставалось, какъ сосредоточить всѣ свои помыслы на себѣ самихъ, на мести за товарищей, на томъ, какъ подороже продать свою жизнь при арестахъ.

Революціонеръ это человѣкъ, готовый раньше всего съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое достоинство и свою честь, говоритъ „Партія соц.-рев.“; онъ долженъ убѣдить правительство, что въ его лицѣ оно имѣетъ дѣло не съ подданнымъ... Онъ долженъ стараться о томъ, чтобы правительство его боялось...

„Раньше всего“ и на первомъ планѣ все это можетъ стоять у революціонера лишь въ такое время, когда нѣтъ растущаго и развивающагося движенія, и вся революція „сводится на борьбу между полиціей и конспираторами“, какъ говоритъ Андрей Кожуховъ въ романѣ Степняка.

Когда поле движенія непрерывно расширяется, когда работы, направленной на это расширеніе, больше, чѣмъ возможно передѣлать, революціонеръ „раньше всего“ постоянный работникъ движенія, онъ его должностное лицо, отдающее работѣ всѣ свои силы. Въ качествѣ революціонера (а не частнаго лица), его „достоинство“ всецѣло сливается съ достоинствами его работы, а революціонная честь въ томъ, чтобы сдѣлать какъ можно больше. Ему нѣтъ никакого дѣла до чувствъ къ нему правительства. Уже болѣе ста лѣтъ, какъ это правительство постоянно боится революціонера, даже тогда, когда его почти нѣтъ и выражаетъ избытокъ страха въ усиленіи жандарменіи и избыткѣ всякихъ жестокостей. Это у него хроническая болѣзнь съ неизмѣннымъ лѣченіемъ. Этотъ страхъ намъ ни въ чемъ не поможетъ — нуженъ иной, дѣйствительно спасительный.

Для революціонера дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы убѣдить правительство въ своемъ персональномъ неподданствѣ ему, а въ томъ, чтобы безпрерывно уменьшать количество его подданныхъ, но ужъ никакъ не единичными убійствами, которыми, даже забросивши всякую другую дѣятельность, можно истребить лишь десятки, а разливомъ революціонной мысли и революціоннаго настроенія въ тысячахъ, пока они не превратятся въ милліоны.

Вѣра молодежи 60-хъ и 70-хъ годовъ въ близкую возможность крестьянскаго возстанія основывалась на незнаніи: чтобы сохраняться, ей нужно было оставаться слѣпою; отъ близкаго соприкосновенія съ дѣйствительностью она исчезала. Только теперь, когда въ Россіи началось дѣйствительное броженіе, распространяющееся во всѣ стороны, возникло впервые и серьезное убѣжденіе въ возможности революціи, въ ея неизбѣжности. И это убѣжденіе, выйдя далеко за предѣлы учащейся молодежи, распространяется все шире и шире, питаясь именно впечатлѣніями дѣйствительности. Оно побѣждаетъ скептиковъ, захватываетъ даже трезвенныхъ либераловъ (съ прибавленіемъ, конечно: „если раньше не будетъ дано конституціи“) и когда проникнетъ въ среду правительственныхъ слугъ, оно вызоветъ, наконецъ, тотъ спасительный страхъ, который ослабляетъ удары. Широкое распространеніе убѣжденія въ близости революціи — это уже само по себѣ половина побѣды.

Что терроръ тѣсно связанъ съ отчаяніемъ революціонеровъ въ возможности работать для приближенія революціи это какъ будто чувствуютъ сами писатели „Партіи соц.-рев.“. Только этимъ можно объяснить ихъ судорожныя (быть можетъ, безсознательныя) усилія создать атмосферу отчаянія также и вокругъ теперешняго бодраго а полнаго вѣры въ себя движенія. Позоръ, позоръ, позоръ! кричали они про демонстраціи. Партія обезчещена, унижена, оплевана, и какъ тамъ еще! Даже красное знамя, и то опозорено тѣмъ, что его отнимаетъ полиція, которая, на ихъ страницахъ, все хохочетъ, да хохочетъ, — ужъ такая смѣшливая! Аналогичное употребленіе дѣлаютъ они теперь и изъ тюремныхъ исторій. Что наша полиція вещь въ высшей степени дикая и звѣрская, а тюрьма очень непріятна — это что и говорить! Что голодовки въ высшей степени вредны для здоровья — это болѣе, чѣмъ вѣрно, и революціонерамъ слѣдуетъ серьезно подумать объ этомъ слишкомъ распространившемся способѣ тюремнаго протеста, подрывающаго силы, которыя слѣдуетъ беречь для работы. Но для соц.-рев. изъ тюремныхъ исторій и голодовокъ вытекаетъ такой вопросъ: „да стоитъ-ли отдаваться живыми въ руки, если въ тюрьмѣ, быть можетъ, ждетъ медленная смерть?... Зачѣмъ безсильно умирать медленною смертью въ рукахъ торжествующаго врага, зачѣмъ замучивать себя самого въ порывѣ отчаяннаго протеста? Коли смерть, такъ ужъ лучше смерть съ оружіемъ въ рукахъ, смерть, которая обходится не дешево и врагу!“ („Рев. Рос.“, № 12)

На такой отчаянный вопросъ простымъ отвѣтомъ служитъ переполненіе тюремъ, которое теперь происходитъ. Вѣдь не то что записного революціонера — трудно найти теперь просто порядочнаго человѣка, который не посидѣлъ бы разокъ-другой въ тюрьмѣ. Слишкомъ вульгаризировалось теперь политическое гоненіе, чтобы вселять такой ужасъ, въ особенности же „сильнымъ и мужественнымъ натурамъ“, у которыхъ, по увѣренію „Рев. Рос.“, возникаетъ вышеприведенный роковой вопросъ. Слишкомъ много теперь для такихъ натуръ конкретной работы, дающей осязательные результаты, чтобы онѣ могли предпочитать немедленное удаленіе въ иной міръ — жизни въ этомъ, хотя бы и съ перспективой тюремныхъ исторій и даже побоевъ за сопротивленіе. Чтобы такой вопросъ пришелъ въ голову „сильному и мужественному“ революціонеру, надо, чтобы его охватила, черезъ то или другое посредство, нравственная атмосфера былыхъ, безнадежныхъ, къ счастью навѣки миновавшихъ временъ, когда революціонеру ничего не оставалось, кромѣ такой смерти, „которая обходится недешево и врагу“, — надо, чтобы его „живого схватилъ мертвецъ“.

---

*) Кстати, въ томъ же воззваніи говорится, что „Искра“ „рекомендуетъ... сопротивленіе самими заключенными всѣми способами палачамъ и насильникамъ“, что это сопротивленіе влечетъ за собою дикія насилія, приводящія къ самоубійствамъ, — доказательствомъ чему служатъ ужасы, разыгравшіеся въ одесской тюрьмѣ, и, поэтому, партія не можетъ „не клеймить попытку возвести самоубійство въ систему“.

Это не болѣе, какъ попытка возвести на „Искру“ ложное обвиненіе. Она совѣтовала оказывать сопротивленіе наказанію розгами, съ которыми въ Россіи связанъ специфическій условно унизительный смыслъ. Сопротивленіе можетъ, несомнѣнно, отнять у него этотъ смыслъ, превращая „наказаніе“ въ простое избіеніе, которое является большимъ злодѣйствомъ, все же ничего унизительнаго для потерпѣвшаго въ себѣ не заключаетъ. Но „Искра“ никогда не совѣтовала оказывать сопротивленіе во всѣхъ случаяхъ тюремной жизни, хотя бы при переводѣ въ другую тюрьму или даже при перемѣщеніи въ карцеръ. Если въ такихъ случаяхъ сопротивленіе и можетъ иногда быть умѣстно, то возводить его въ правило было бы безуміемъ.

ШУЛЕРА СЛАВЯНОФИЛЬСТВА.

Если у васъ, читатель, недурное обоняніе, вы должны были обнаружить въ нашей атмосферѣ присутствіе подозрительныхъ токовъ „всеславянской“ политики...

Снова, о россійскій обыватель, дѣлается попытка открыть предохранительный клапанъ оффиціознаго славянофильства, чтобы дать выходъ избытку твоихъ гражданскихъ чувствъ. Снова, какъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, газетные подрядчики патріотизма извлекаютъ изъ своихъ архивовъ временно сданныя туда, на предметъ востребованія, идеи всеславянскаго братства и съ шумомъ и звономъ пускаютъ ихъ въ оборотъ...

Недавно Болгарія была мѣстомъ „шипкинскихъ“ юбилейныхъ празднествъ. Редакціямъ безцензурныхъ изданій былъ разосланъ циркуляръ, который предлагалъ представителямъ русской печати, какъ вообще русскимъ подданнымъ, которые будутъ присутствовать на означенныхъ торжествахъ, — „воздержаться отъ произнесенія рѣчей или тостовъ“, въ виду того, что эти права „предоставлены лишь Е. И. В. Вел. Кн. Николаю Николаевичу и ген.-адъютанту гр. Игнатьеву“... тому самому Игнатьеву, который, по наглому увѣренію „Нов. Вр.“, выступалъ въ Болгаріи исключительно, какъ частное лицо.

Графъ Игнатьевъ держалъ себя на юбилейныхъ празднествахъ съ дипломатическимъ искусствомъ агента-провокатора, который каждую минуту готовъ предать того, кого ему удалось завлечь своими рѣчами. Въ настоящее время „С.-Петерб. Вѣд.“ — газета, у которой много хорошихъ намѣреній, но обидно мало политическаго смысла — говорятъ: „Странно до нѣкоторой степени слышать мнѣніе о томъ, будто бы шипкинскія торжества толкнули Македонію на путь возстанія“... (курсивъ нашъ). Странно — только до нѣкоторой степени? Значитъ, „до нѣкоторой степени“ все-таки — понятно? Того же мнѣнія и мы. Правда, графъ-провокаторъ выразилъ ту мысль, что для освобожденія Македоніи еще не наступилъ благопріятный „психологическій моментъ“, — но тутъ же онъ указалъ, что „Россія — духовный и вещественный щитъ славянства. Въ ней живутъ еще великіе идеалы. Она способна еще на новый „крестовый“ походъ, какимъ была война 77-78 годовъ.“ Ораторъ-монополистъ, подъ лицемѣрно-двусмысленными словами котораго, по увѣренію „Нов. Вр.“ „подпишется всякій русскій человѣкъ“ (тотъ самый русскій человѣкъ, которому циркуляромъ за № 7784 предложено „воздержаться“ отъ рѣчей), гр. Игнатьевъ, сыгравъ свою провокаціонную роль, выразилъ затѣмъ въ особой телеграммѣ „сожалѣніе“ по поводу „напрасныхъ жертвъ македонскаго возстанія“: очевидно, нетерпѣливые болгары опередили „психологическій моментъ“.

Какъ же держатъ себя въ этомъ случаѣ наши газетные балканскихъ дѣлъ мастера?

Мы оставляемъ въ сторонѣ всеславянскую болтовню „СПБ. В.“, въ виду абсолютной невмѣняемости консервативно-либеральной газеты князя Ухтомскаго. „Бирж. В.“, которыя въ смыслѣ „отзывчивости“ и „впечатлительности“ стараются соперничать съ „Н. В.“, въ нѣсколько дней замѣтно измѣнили тонъ своихъ статей о балканскихъ дѣлахъ. Только вчера онѣ рѣзко отзывались о македонскомъ возстаніи, какъ о несвоевременной и безумной авантюрѣ. Сегодня онѣ говорятъ уже такія рѣчи: „Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо у насъ допускаютъ мысль о какихъ-либо аггрессивныхъ планахъ противъ Турціи, но нѣтъ также страны въ Европѣ, гдѣ вопли и стоны Македонскихъ христіанъ отзываются болѣе мучительнымъ эхо, чѣмъ въ Россіи. Политика, упорно не желавшая считаться съ естественнымъ сочувствіемъ Россіи къ ея единовѣрцамъ, всегда оказывалась губительной для имперіи османовъ“.

„Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, — іезуитствуетъ на ту же тему „Нов. Вр.“ — что каждый сознательный русскій искренно желаетъ мира... Но кто же можетъ не знать, что шипкинскіе памятники освѣжаютъ и укрѣпляютъ въ насъ ничѣмъ непоколебимую рѣшимость остаться навсегда вѣрнымъ завѣтамъ, въ нихъ содержимымъ, поддерживать и продолжать дѣло, за которое страдали и гибли чествуемые нами“.

На похоже-ли, читатель, на то, что разбитной газетной братіи заказано сверху изготовить „психологическій моментъ“? Но чему послужитъ этотъ „моментъ“? Дѣлу македонскаго освобожденія? Или эксплуатаціи „славянскихъ“ чувствъ въ цѣляхъ укрѣпленія позицій самодержавной бюрократіи? Вопросъ, у котораго можетъ быть только одно рѣшеніе.

Поэтому, какое бы сочувствіе ни возбудило въ насъ македонское возстаніе, мы не можемъ не отнестись отрицательно ко всякому движенію въ пользу его активной поддержки со стороны русскаго общества, лишеннаго тѣхъ органовъ, черезъ которые оно могло бы провести свою коллективную волю. Всякое національное движеніе, какъ только оно перестаетъ быть платоническимъ, неминуемо проходитъ у насъ черезъ грязныя руки царскаго правительства, которое съ собственнымъ народомъ обращается, какъ съ презрѣнной райей. Нельзя ни на минуту забывать, что „турецкіе порядки въ Россіи въ теченіи всего XIX в. были лучшею опорою турецкаго господства въ Константинополѣ“ (Драгомановъ, „Турки внутренніе и внѣшніе“).

Турки пытаютъ македонскихъ болгаръ въ казематахъ, истязуютъ ихъ въ домахъ, насилуютъ ихъ женъ, ихъ дочерей, ихъ сестеръ, избиваютъ ихъ дѣтей, грабятъ ихъ имущество... Долго-ли это можетъ продолжаться? негодующе спрашиваютъ „СПБ. Вѣд.“

Но почему же вы молчите, господа, когда ваши домашніе курды выполняютъ ту же турецкую программу на вашей несчастной родинѣ? Развѣ наши тюрьмы лучше турецкихъ? Развѣ тамъ не истязаютъ государственныхъ заключенныхъ, — нравственно, а въ послѣднее время и физически? Развѣ наши солдаты-усмирители не насиловали женъ и дочерей полтавскихъ крестьянъ? Развѣ они не грабили ихъ имущества? Почему же не призываете вы къ „крестовому“ походу противъ бусурмана царизма?

Графъ Игнатьевъ имѣлъ нахальство сказать чествовавшимъ его представителямъ оффиціальной Болгаріи: „Устройте ваши внутреннія дѣла, — и симпатіи Россіи будутъ съ вами“. Эти изумительно наглыя слова были сказаны, читатель, въ 1902 г. Въ томъ самомъ 1902 г., когда русское правительство, устроя „внутреннія дѣла“, вѣшало своихъ гражданъ, выражавшихъ ему недовѣріе при помощи пистолетныхъ выстрѣловъ, сражалось на улицахъ съ рабочими, заполняло тюрьмы и Сибирь своими студентами и пороло своихъ мужиковъ.

И это самое правительство парадируетъ въ тогѣ освободителя. А „руководящія“ русскія газеты создаютъ благопріятный „психологическій моментъ“ этимъ политическимъ шулерамъ, спекулирующимъ во внутренней политикѣ на македонскую кровь.

Тѣ изъ возставшихъ болгаръ, которымъ нужна свобода, а не замѣна турецкаго ятагана всероссійской нагайкой, поймутъ наше отношеніе къ ихъ дѣлу, какъ и мы вполнѣ понимаемъ слова генерала Цончева: „Возстаніе будетъ потоплено въ крови... Но встанетъ новый мститель, и освобожденный македонецъ сможетъ сказать, что онъ обошелся безъ помощи, которая часто стоитъ такъ дорого...“

Вотъ почему друзья свободы должны употребить всѣ усилія, чтобы славянофильское шарлатанство правящей клики и ея газетныхъ молодцовъ было оставлено революціонными и оппозиціонными силами нашего общества „безъ послѣдствій“.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ТЮРЕМНЫХЪ ЗАСТѢНКАХЪ.

Изъ разныхъ мѣстъ приходятъ новыя и новыя вѣсти о возмутительныхъ насиліяхъ, которымъ подвергаются политическіе заключенные. Нѣтъ никакой возможности помѣщать въ газетѣ всѣ описанія дикихъ беззаконій царскихъ холоповъ. Мы ограничиваемся, поэтому, для этого номера, двумя сообщеніями — изъ Александровска, Екатерин. губ., и изъ Гродно.

Бѣшенство, проявляемое нашими врагами по отношенію къ плѣннымъ, не можетъ, само собой разумѣется, служить достаточнымъ основаніемъ для перемѣны нашей партійной тактики. Но всѣ факты дикаго произвола политической и общей полиціи должны въ рукахъ нашихъ организацій послужить средствомъ агитаціи въ рабочихъ массахъ и въ обществѣ. Исчерпывающій отвѣтъ на бросаемые намъ врагами вызовы мы имъ дадимъ тогда, когда начнется разрушеніе народной толпой русскихъ Бастилій. Это время не за горами. Нашъ долгъ приблизить его наступленіе.

I. Истязаніе тов. Голуба въ Александровскѣ.

(Разсказано съ его словъ.)

30 апрѣля Голубъ пріѣхалъ въ Екатеринославъ и, оставивъ чемоданъ у Каплана, былъ арестованъ на улицѣ городовымъ по указанію шпіоновъ и препровожденъ во 2-й участокъ. При обыскѣ у Каплана, въ чемоданѣ, оставленномъ Голубомъ, оказались 844 первомайскихъ прокламацій. На вопросъ исправника, откуда и кому онъ это привезъ, Голубъ сказалъ, что будетъ отвѣчать только жандармскому офицеру. Исправникъ не ожидалъ такого отвѣта, а потому разразился цѣлымъ потокомъ нецензурныхъ ругательствъ. Видя, что и эта мѣра ни къ чему не приведетъ, надзиратель Поручко, послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ исправникомъ Бернадскимъ и достойнымъ помощникомъ Анфиловымъ, обращается къ Голубу, предлагая ему немедленное освобожденіе и 100 руб. денегъ отъ исправника, если только онъ скажетъ, гдѣ онъ взялъ прокламаціи и кому привезъ.

„Слишкомъ дешевый способъ, Вы предприняли, Милостивый Государь, съ улыбкой отвѣтилъ ему Голубъ, повторяю, что показанія буду давать только жандармскому офицеру“. Квартиру осаждала толпа любопытныхъ. Голуба отправили въ Полицейское Управленіе.

Въ полиціи, послѣ новаго отказа Голуба отвѣчать на вопросы, его избили. Били исправникъ Бернадскій, помощникъ его Анфиловъ и надзиратель Поручко, по лицу и головѣ кулаками; когда же и эта мѣра не привела ни къ чему, Анфиловъ, проявлявшій усердіе въ этомъ дѣлѣ больше всѣхъ, велѣлъ принести нагайку, говоря, что теперь Голубъ станетъ посговорчивѣе.

Голуба раздѣли до нага, положили на скамейку; городовымъ Гуртовскому и Киріенко и др. велѣно было держать голову и ноги. На этотъ разъ били только Анфиловъ и Поручко, Бернадскій же допрашивалъ. Истязанія длились часа два. При пощечинѣ Голубъ ступилъ было шагъ впередъ къ Анфилову, но сзади на него навалилось шесть городовыхъ и связали ему руки.

На требованіе Голуба о вызовѣ врача для освидѣтельствованія отвѣтили смѣхомъ.

3 мая былъ у насъ товарищъ прокурора Рейхеръ. Выслушавъ жалобу Голуба, онъ что-то записалъ у себя въ книжку и сдѣлалъ распоряженіе объ освидѣтельствованіи его. На слѣдующій день прибылъ городовой (полицейскій) врачъ, М. Л. Гаръ, освидѣтельствовалъ Голуба, но не нашелъ слѣдовъ истязаній(!), такъ, по крайней мѣрѣ, сказано въ протоколѣ освидѣтельствованія, тѣмъ не менѣе, Гаръ прописалъ Голубу лѣкарство.

II. Письмо рабочаго изъ Гродненской тюрьмы.

Намъ передаютъ, что въ Одессѣ циркулируютъ невѣрные слухи о жестокой администраціи нашей тюрьмы, что тамъ не знаютъ, вѣрить или не вѣрить этимъ слухамъ, которые представляются прямо таки чудовищными. Мы спѣшимъ настоящимъ письмомъ повѣдать товарищамъ дѣйствительное положеніе заключенныхъ въ гродненской тюрьмѣ. Насъ, 18 человѣкъ, послѣ 12 дневной голодовки въ Одесской тюрьмѣ, выслали въ Гродно. Уѣхали мы, не простившись съ родными, безъ платья, бѣлья, сапогъ и безъ денегъ на дорогу. Правительство, боясь сочувственныхъ демонстрацій со стороны товарищей во всѣхъ городахъ при встрѣчѣ съ нами, велѣло переправить насъ въ Гродно какъ можно поскорѣе и секретнѣе. Вслѣдствіе этого намъ не дали извѣстить родныхъ объ отъѣздѣ. Никакіе протесты и требованія не помогли. Жестокость этого поступка станетъ яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что большинству высланныхъ предстоитъ изъ Гродно отправиться въ Сибирь.

Во исполненіе приказанія „свыше“ — перевезти насъ безъ шума, — намъ не было объявлено, куда насъ отправляютъ. Узнали мы это только въ двухъ станціяхъ отъ Гродно. Въ конторѣ гродненской тюрьмы насъ начали поодиночкѣ обыскивать. Обыскивали въ присутствіи начальника въ отдѣльной комнатѣ. Вызвали первымъ товарища С. Р. Вскорѣ мы услышали шумъ изъ той комнаты, куда вошелъ Р. Мы подошли къ дверямъ и начали прислушиваться. Оказалось, что начальникъ вздумалъ обращаться съ товарищемъ на „ты“, послѣдній протестовалъ противъ этой грубости. Увидя, что мы возмущены и возбуждены его дерзостью, начальникъ шепнулъ что-то на ухо старшему надзирателю, и тотъ вышелъ. Черезъ четверть часа къ намъ въ контору вошло 20 вооруженныхъ солдатъ и надзирателей „на всякій случай“.

Р. увели. Мы въ тотъ моментъ думали, что его повели въ камеру, но, какъ оказалось впослѣдствіи, его прямо изъ конторы потащили въ карцеръ на 7 сутокъ. И это послѣ 12 дневной голодовки и 2 суточной ѣзды по желѣзной дорогѣ въ душномъ и тѣсномъ вагонѣ. Несмотря на то, что у насъ слѣдствіе у всѣхъ давно кончилось, и въ Одессѣ мы сидѣли въ общихъ камерахъ и гуляли вмѣстѣ, насъ здѣсь размѣстили по одиночнымъ камерамъ и постарались разорвать всякія сношенія между нами. Всякій революціонеръ, вступая въ движеніе, заранѣе знаетъ, что въ случаѣ ареста ему нечего ожидать себѣ пощады отъ царскаго правительства. Онъ знаетъ, что царскіе опричники постараются дать ему почувствовать всю тяжесть силы, орудующей штыками и нагайками. Знаетъ онъ также и то, что, попадая въ тюрьму, революціонеръ вынужденъ продолжать ту же тяжелую борьбу со своимъ заклятымъ врагомъ — правительствомъ, которую онъ ведетъ на свободѣ. Такая борьба ведется въ настоящее время во всѣхъ тюрьмахъ Россіи. Но успѣшна она бываетъ только тогда, когда она ведется дружными и общими силами. Примѣромъ такой доблестной борьбы можетъ послужить одесская тюрьма, которая за два года превратилась изъ ада въ „гостинницу“, какъ ее называютъ тѣ, которые сидѣли при ея строгомъ режимѣ. Неуспѣшность нашей борьбы въ гродненской тюрьмѣ объясняется сильнѣйшимъ физическимъ истощеніемъ послѣ 12 дневной голодовки и полнѣйшимъ невѣдѣніемъ объ участи другихъ товарищей. Бороться пришлось каждому въ отдѣльности, а потому было очень легко съ нами „сладить“.

А бороться было противъ чего.

Начать хотя бы съ того, что насъ лишили табаку, давали самую отвратительную пищу, сырой хлѣбъ, перемѣшанный съ пескомъ, вызывавшій такую тошноту, что многіе изъ насъ предпочитали ѣсть его разъ въ два дня, а остальное время голодать. Койку на цѣлый день закрывали, не смотря на то, что всѣ еле держались на ногахъ отъ страшной слабости послѣ голода. Но всѣ эти лишенія кажутся незначительными въ сравненіи съ наглымъ обращеніемъ начальника тюрьмы съ нами. Мы теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ такого обращенія. На другое утро по прибытіи въ гродненскую тюрьму большинство изъ насъ сидѣло по карцерамъ за нежеланіе подчиниться приказанію надзирателя сойти съ оконъ. Наказывали насъ, не предупреждая о „проступкахъ“, влекущихъ за собой наказаніе. Обыкновенно это происходило слѣдующимъ образомъ:

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ПРОПАГАНДИСТА.

I. Борьба.

Я пытаюсь намѣтить типъ рабочаго „книжника“, „идеалиста“. У меня было нѣсколько друзей въ этомъ родѣ. Двое изъ нихъ, насколько я знаю, находятся именно въ томъ положеніи, которое я описываю. Ужасное положеніе, хуже всякой „Якутки“. Хорошо, если они сохранятъ возможность писать или получать время отъ времени по нѣскольку рублей отъ „Краснаго Креста“. Нерѣдко, къ сожалѣнію, эти люди теряютъ всѣ связи.

Авторъ.

„И одинъ въ полѣ воинъ.“

Съ далекаго неба на сонную землю снова спустилась ласковая короткая весенняя ночь, накинувшая легкое прозрачное покрывало и на широко раскинувшійся лугъ, и на всплескивающую сквозь сонъ рѣчку, и на холмы, убѣгающіе вплоть до самаго горизонта и кое-гдѣ чернѣющіе таинственно затихшими перелѣсками. Послѣдняя, почти потухшая заря медленно подвигалась къ сѣверу. Чуткій воздухъ жадно подхватывалъ каждый звукъ: и торопливый посвистъ перепела, и настойчивый самоувѣренный крикъ коростеля. Съ рѣки благоговѣйно тянулись къ небу бѣлыя прозрачныя тѣни; онѣ нагибались къ берегу, наплывали на лугъ и медленно таяли въ воздухѣ.

Стреноженныя лошади, пофыркивая, щипали бѣлѣющую отъ росы траву. Пріѣхавшіе въ ночное ребята уже спали вокругъ дымившагося костра. Не спалъ только высланный изъ Петербурга ткачъ Василій, да дежурившій эту ночь молодой, здоровый мужикъ Степанъ, который обходилъ лошадей, и высокая фигура котораго мелькала въ прибрежномъ туманѣ.

Василій пристально смотрѣлъ на угли догоравшаго костра, и блѣдное, худое лицо его казалось еще блѣднѣе въ полусвѣтѣ сѣверной ночи. Онъ былъ еще молодъ: рѣдкая короткая бороденка слабо оттѣняла продолговатое лицо его, — но выраженіе серьезныхъ, впавшихъ глазъ и очертаніе безкровныхъ крѣпко сжатыхъ губъ ясно говорили о томъ, что ему пришлось пережить уже много тяжелыхъ дней, что жизнь не баюкала его, какъ мать, колыбельною пѣснью и не заглядывала любовно въ душу его, а какъ злая мачиха толкала его, рвала и метала его въ разныя стороны. Что-то скорбное, придавленное и безконечно усталое отражалось на этомъ лицѣ, которое на первый взглядъ казалось такимъ ординарнымъ...

Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ семьѣ своего дальняго родственника, которая косилась на его полугородской костюмъ, враждебно слѣдила за каждымъ его шагомъ, считая завистливо каждый кусокъ, достававшійся на его долю. Отъ хозяйства отца давно не осталось ни кола, ни двора, а землю на полторы души уже лѣтъ пятнадцать держалъ „за подати“ этотъ самый родственникъ, который круглый годъ перебивался съ хлѣба на квасъ. Опасаясь за „полторы души“, которыя онъ давно уже привыкъ считать своими, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы ему избавиться отъ неожиданно навязаннаго ему „барчука“. Василій никогда раньше въ деревнѣ не жилъ и не умѣлъ даже рукъ приложить къ деревенской работѣ. Отношеніе хозяина сдѣлалось прямо злобнымъ, когда онъ понялъ, что слабосильный, слабогрудый „барчукъ“ является рѣшительно ненужнымъ въ его хозяйствѣ. Василій живо чувствовалъ всю унизительность своего положенія, а мелкія придирки и насмѣшки, самое названіе „барчукъ“ часто выводили его изъ себя. Весь строй его жизни рѣзко измѣнился, и онъ до сихъ поръ не могъ привыкнуть къ тому, что въ карманѣ его никогда не было ни копѣйки своихъ денегъ: пришлось отказаться даже отъ махорки, приходилось привыкать къ лаптямъ. Но хуже всего было то, что онъ не видѣлъ кругомъ себя ни одного человѣка, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться душевнымъ словомъ; онъ чувствовалъ себя глубоко одинокимъ и затерявшимъ въ глухой деревушкѣ, къ которой былъ приписанъ его отецъ. Все это дѣлало его жизнь въ деревнѣ совершенно невыносимой, и онъ часто съ тоскою и сожалѣніемъ вспоминалъ о томъ времени, когда онъ изо дня въ день долженъ былъ задыхаться на пыльной фабрикѣ и на Петербургской квартирѣ, биткомъ набитой фабричными.

У костра снова выросла фигура Степана съ рванымъ армякомъ на плечахъ и съ смятымъ картузомъ на затылкѣ. Онъ поправилъ костеръ, подложилъ нѣсколько хворостинъ въ огонь, взялъ заскрузлыми пальцами уголекъ и закурилъ „цыгарку“, освѣтивъ на минуту сильно загорѣлое и изрытое оспою лицо. Онъ еще разъ оглянулся на широкій лугъ, который подъ туманной дымкой раздвинулся, казалось, чуть не до самаго горизонта, и глубоко вздохнулъ: „эхъ, простору-то, простору-то сколько! Благодать!“

„Ты чего, барчукъ, не спишь?“ обратился онъ къ Василію. „Чего тебя нынче урядникъ опять облаялъ? а?“ прибавилъ онъ, разстилая армякъ и растягиваясь на немъ во всю длину.

Василій зашевелился. „Урядникъ-то? сволочи! медленно, словно черезъ силу, проговорилъ онъ: за письмо; письмо, вишь, начальству не понравилось...“

„Братишка у меня въ Питерѣ остался. Мальцу девятый годъ пошелъ. Малый съ мозгомъ: все какъ есть понимаетъ...“

„Мать-то, какъ помирала, на меня оставила, — какъ сейчасъ помню, — Господомъ Богомъ молила... Ему тогда третій годъ шелъ. Отецъ, коли помнишь, всегда выпивалъ, а тогда началъ горькую пить. Мать на него и не понадѣялась.“

„Я съ мальцомъ, какъ съ сыномъ роднымъ: грамотѣ обучалъ и все... Ласковый былъ мальченка: обѣдъ мнѣ на фабрику таскалъ, чулки штопать обучился...“

„Бывало, соберутся ребята потолковать, сидишь до поздней ночи, никогда не уснетъ: слушаетъ. Какъ съ обыскомъ пришли, полѣзъ городовой къ нему подъ подушку, онъ городовому палецъ-то и укусилъ. Въ протоколъ занесли: „при исполненіи служебныхъ обязанностей“...

„Да! — И забрали малаго въ какой-то пріютъ, для исправленія. (Шибко, говорятъ, порютъ ребятъ тамъ.) Окромя его, у меня и родныхъ почитай и нѣту. Сердце у меня объ немъ каждый день болитъ: изуродуютъ, гляди, малаго: либо изъ него лакея, либо жандарма сдѣлаютъ, А я матери обѣтъ далъ. Ну, и нѣтъ мнѣ больше покою, — ни день, ни ночь...“

„И написалъ я ему, стало быть, письмо: помни, молъ, о нашихъ разговорахъ и на свою башку надѣйся, и знай, что обманывать тебя много будутъ. Письмо это и попадись по начальству: не понравилось! Уряднику безпокойство, онъ и норовитъ въ зубы. Ну, а я тоже виды видалъ...“

Василій замолчалъ.

„Пороть тебя, слышь, будутъ!“ — сквозь зубы пробурчалъ Степанъ.

Василій привсталъ и нервно запахнулъ свой армякъ. Усталое скорбное выраженіе исчезло съ лица, глаза оживились, а губы трогала насмѣшливая улыбка. „Насчетъ этого у васъ, дѣйствительно, просторно, — проговорилъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ, — только нѣтъ! — убить меня вы можете, а насчетъ тѣлеснаго наказанія... нѣ-ѣтъ! — посторонись...“

Онъ отодвинулся отъ огня и быстрымъ движеніемъ сдвинулъ картузъ на затылокъ.

„Просторно у васъ, что и говорить, — только благодать-то отъ простора этого не на васъ нисходитъ! Захотѣлъ писарь корову со двора свести — сведетъ! Приглянулась становому баба — изволь! Потому просторъ и препятствій никакихъ не полагается... Не понравился старичкамъ твой обычай, — ставь ведро очищенной! Надоѣла хозяину жена старуха, — а возжи на что? — бей, сколько влѣзетъ! Просторно — благодать!“

„А только у меня отъ этого простору вашего душа вся измаялась... На три версты человѣка не сыщешь, листа печатнаго съ огнемъ не найдешь! Либо бѣжать мнѣ отъ простору вашего, либо руки на себя наложить... Вотъ!“

Василій снова опустился на землю. Голосъ его сдѣлался ровнѣе и гуще, точно прямо изъ груди выходили слова.

„Тѣсно у насъ тамъ было, что и говорить. На квартирѣ народу напихано, — не продыхнешь. А только всѣ мы тамъ сгрудились, всѣ заодно. — И въ тѣснотѣ мы, и въ обидѣ, а только въ тѣснотѣ этой правда слышится... Слышь, Степанъ, правда... А вы тутъ правды этой никакъ понять не можете! А сколько про правду это написано, про все написано: и какъ человѣкъ

Заключенный стоитъ у окна и разговариваетъ съ товарищами. Открывается дверная форточка и надзиратель кричитъ: „слѣзай съ окна"!.. Слѣдуетъ отвѣтъ: „не хочу!"

Форточка захлопывается, и черезъ десять минутъ входитъ начальникъ въ сопровожденіи цѣлой толпы надзирателей, и непокорнаго тащатъ на 7-8 сутокъ въ душный, темный карцеръ, гдѣ воздухъ — за отсутствіемъ какой бы то ни было вентиляціи — весь отравленъ міазмами и гдѣ приходится питаться одной только вонючей водой, которая приносится одинъ разъ въ два дня, лежать на голомъ полу безъ одѣяла и пальто, отдавая себя на съѣденіе крысамъ, которыя покрываютъ твое тѣло и грызутъ его.

Начальникъ ведетъ себя при этомъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Входя въ камеру, не снимаетъ фуражки. Заключенный требуетъ, чтобы онъ ее снялъ — „Не тебѣ учить меня" — отвѣчаетъ онъ.

Выслушавъ такой отвѣтъ, товарищъ одѣваетъ демонстративно свою фуражку. За такую „дерзость" его сейчасъ же наказываютъ „лишеніемъ переписки съ родными на цѣлый мѣсяцъ". Вообще нужно замѣтить, что начальникъ очень „компетентенъ" (какъ онъ самъ сказалъ одному товарищу) и изобрѣтателенъ на всякія іезуитскія наказанія. Лишеніе прогулки, выписки провизіи изъ лавочки, письменныхъ принадлежностей и переписки съ родными и т. д. и т. д. служатъ ординарнымъ средствомъ для наказанія непослушнаго. Заходитъ онъ къ одному товарищу, чтобы наказать его за „перестукиваніе" съ сосѣдомъ, обращается при этомъ на „ты" по обыкновенію. — „Я требую, чтобы вы говорили мнѣ „вы", а не „ты", заявляетъ ему оскорбленный товарищъ. — „Я твой начальникъ, а ты мой подчиненный, поэтому не тебѣ учить меня", возражаетъ зарвавшійся опричникъ. Несмотря на тяжелое состояніе духа, товарищъ не можетъ удержаться отъ смѣха при мысли, до какихъ чертиковъ доходятъ „царскіе слуги" въ своихъ отношеніяхъ къ представителямъ „крамолы". Начальникъ, уже выходя изъ камеры, добавилъ: — „притомъ ты развѣ князь или графъ, что требуешь вѣжливаго обращенія? Ты вѣдь мѣщанинъ, а потому я буду обращаться съ тобой грубо и буду говорить тебѣ ‚ты'".

Въ другой разъ съ тѣмъ же товарищемъ приключился сильный припадокъ отъ долгаго сидѣнья въ карцерѣ и отъ сильнаго истощенія организма, вслѣдствіе питанія черезъ день сырымъ хлѣбомъ. Медицинской помощи не давали, и онъ въ конвульсіяхъ бился въ теченіи двухъ часовъ на холодномъ полу.

Пришелъ начальникъ и, видя, что больной не встаетъ, толкнулъ его ногой съ крикомъ: „встать, сказано вѣдь тебѣ, что нельзя валяться на полу"... Послѣдній очнулся, и вся его ненависть, все его негодованіе къ своимъ мучителямъ-тиранамъ вылилось въ одинъ душу раздирающій крикъ: „не мучьте меня, негодяи!.."

И онъ впалъ въ безпамятство... „Тащите его", послѣдовалъ отвѣтъ палача-начальника. И его потащили въ карцеръ...

Карцеры постоянно были переполнены. Захотѣли насъ насиловать — стричь подъ машинку № 1. Мы протестовали и не хотѣли идти въ контору, гдѣ находится цирульникъ; насъ посадили въ карцеръ и остригли.

Приказали на прогулкѣ вести себя чинно, т. е. не разговаривать, не смѣяться и складывать руки на груди и не размахивать ими; не соглашаемся — карцеръ.

Нужно замѣтить, что вершителемъ судебъ въ Гродненской тюрьмѣ является исключительно начальникъ. Никакія жалобы не ведутъ ни къ чему, отовсюду слѣдуетъ одинъ отвѣтъ — „нужно слушаться начальника". Начальникъ заявляетъ: „мнѣ приказано васъ исправить".

Мы закончимъ это краткое письмо упоминаніемъ о тюремномъ докторѣ. Этотъ господинъ является поистинѣ апокалиптическимъ чудовищемъ. Онъ не вѣритъ ни въ какія болѣзни. Зоветъ его одинъ товарищъ, страдающій порокомъ сердца. Докторъ беретъ его руку, смотритъ на нее и заявляетъ, что „еще ничего" и для такого пустяка очень глупо было его „безпокоить".

Другому на его заявленіе, что онъ страдаетъ невральгіей, слѣдствіемъ чего у него бываютъ частые припадки и обмороки, этотъ мужъ отвѣчаетъ, что онъ при его припадкахъ не присутствуетъ, а потому ничѣмъ ему не можетъ помочь — тутъ же велитъ надзирателю „подать себѣ другого". Посѣщаетъ онъ тюрьму одинъ разъ въ недѣлю, а то и разъ въ три недѣли. Въ остальные дни умирай — не умирай, а медицина въ лицѣ своего служителя находится въ отсутствіи.

Таково въ краткихъ словахъ положеніе заключенныхъ въ Гродненской тюрьмѣ. **Рабочій.**

P. S. Почти у всѣхъ заключенныхъ анемія мозга, самъ авторъ настолько разбитъ и слабъ, что даже вспомнить всего еще не въ силахъ. Потомъ только обнаружатся всѣ страданія, пережитыя товарищами, посланными по распоряженію г. Поллана на „исправленіе" гродненскому начальнику.

Протестъ защитниковъ. Кромѣ заявленія, помѣщеннаго въ № 26 „Искры", другими защитниками крестьянъ въ Валкахъ были поданы нѣсколько иныя заявленія:

I.

Въ Особое Присутствіе Харьк. Судебной Палаты

присяжныхъ повѣренныхъ Г. Г. Гонтарева и В. П. Куликова

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Правительствующій Сенатъ по Уголовному Кассаціонному Департаменту въ рѣшеніи 1873 г. № 32 по дѣлу Алимова разъяснилъ, что въ случаѣ, если подсудимые до суда понесли наказаніе за судимое дѣяніе въ иномъ, не судебномъ (дисциплинарномъ или административномъ) порядкѣ, то это послѣднее принимается судомъ во вниманіе при опредѣленіи судебной кары.

Изъ разъясненій, данныхъ намъ, какъ защитникамъ, подсудимыми, мы убѣдились, что они несудебное наказаніе уже претерпѣли въ формѣ сѣченія. Это обстоятельство мы считаемъ, по указаннымъ выше основаніямъ, настолько существеннымъ для дѣла, что въ безусловный долгъ себѣ поставляемъ принять къ полному выясненію его на судебномъ слѣдствіи всѣ мѣры, преподанныя Уст. Угол. Суд. Имп. Александра II. Принимая же затѣмъ во вниманіе, что этого долга защитниковъ мы не можемъ выполнить вслѣдствіе категорическаго запрещенія г. предсѣдателя касаться при допросѣ свидѣтелей этого важнѣйшаго съ нашей точки зрѣнія предмета, мы не находимъ возможнымъ лишь формально занимать мѣсто защиты, не исполняя ея священнѣйшей обязанности — принимать всѣ законныя мѣры къ облегченію участи подсудимыхъ, почему и считаемъ себя нравственно обязанными оставить залу засѣданія.

II.

Въ Особое Присутствіе Харьковской Суд. Палаты.

Бывшихъ защитниковъ крестьянъ Карловской волости Андрея Тарона и др.
прис. повѣр. Н. Н. Переверзева и пом. прис. пов. М. Б. Ратнера, М. В. Шейнмана и Б. Г. Барта

ПРОШЕНІЕ.

Въ засѣданіи Особ. Прис. Харьк. Суд. Палаты въ г. Константиноградѣ 5 октября 1902 г., по дѣлу объ обвиненіи крестьянъ Андрея Тарона и друг. по 269 ст. Ул. о нак. прис. пов. Н. Н. Переверзевъ отъ имени насъ всѣхъ, бывшихъ защитниковъ, заявилъ объ отказѣ нашемъ отъ защиты подсудимыхъ. Въ виду особенной важности для насъ этого момента судебнаго засѣданія, мы имѣемъ честь почтительнѣйше просить Особ. Прис. пріобщить къ протоколу по вышеозначенному дѣлу точный текстъ заявленія, сдѣланнаго отъ нашего имени Н. Н. Переверзевымъ: „Защита со словъ подсудимыхъ и изъ показаній свидѣтелей, данныхъ на судѣ, пришла къ убѣжденію, что обвиняемые совершили тайное похищеніе чужого движимаго имущества на сумму менѣе 50 руб., т. е. дѣяніе, предусм. 769 и 170 стт. Ул. о нак., налагаемыхъ мировыми судьями, далѣе, что дѣяніе это было совершено подсудимыми въ предѣлахъ ихъ волости и, какъ таковое, на основ. 17 ст. Врем. правилъ о волостныхъ судахъ, подлежитъ вѣдомству волостного суда. Съ другой стороны, защитѣ со словъ подсудимыхъ извѣстно, что за совершенныя ими дѣянія они, по распоряженію губернатора, подвергнуты [illegible] тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, далеко превосходящимъ высшую норму наказаній, налагаемыхъ по приговору волостныхъ судовъ — 20 ударамъ розогъ. Въ виду этого, защита, руководствуясь стт. 135, 153 и 1 44 Ул. о нак., рѣшеніями Правительствующаго Сената по дѣламъ Керьянова (1867 г. № 347), Алимова (1873 г. № 32) и Кучеркова (1871 г. № 1312) и въ силу основного принципа уголовнаго права, что никто не можетъ быть дважды наказанъ за одно и то же дѣяніе, считаетъ необходимымъ выяснить, кто изъ подсудимыхъ и въ какой мѣрѣ былъ подвергнутъ тѣлеснымъ наказаніямъ и просить Палату дополнить судебное слѣдствіе выясненіемъ этихъ обстоятельствъ", и послѣ того, какъ предсѣдательствующимъ изложенное ходатайство защиты было отклонено, Н. Н. Переверзевъ, отъ имени насъ всѣхъ, заявилъ слѣд.: „Такъ какъ обвиняемые признали себя виновными въ кражѣ сѣна изъ экономіи Карловки и такъ какъ это сознаніе ихъ вполнѣ подтверждается обстоятельствами настоящаго дѣла, то защита усматриваетъ единственное средство, могущее служить къ облегченію участи подсудимыхъ въ указаніи на то обстоятельство, что они понесли уже за свои дѣянія наказаніе, далеко превышающее мѣру ими содѣяннаго. Но Вы, г. предсѣдательствующій, запретили намъ касаться этого. Считая это запрещеніе стѣсненіемъ законныхъ правъ защиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишенные единственнаго средства, которое осталось въ нашихъ рукахъ для огражденія интересовъ этихъ несчастныхъ (защитникъ указалъ на подсудимыхъ), мы вынуждены заявить Особ. Прис. Харьк. Суд. Пал., что, не находя возможности съ настоящаго момента исполнить, согласно требованію закона и нашей совѣсти, обязанности наши по отношенію къ подсудимымъ, мы отказываемся отъ ихъ защиты". Прис. пов. Н. Н. **Переверзевъ** и пом. прис. пов. М. Б. **Ратнеръ**, М. В. **Шейнманъ** и Б. Г. **Бартъ**.

Духовенство старается. Копія.

Предложеніе духовенству херсонской епархіи. Конфиденціально.

Въ циркулярѣ херсонскаго губернатора отъ 22 мая сего года, напечатанномъ въ газетѣ „Югъ", находится слѣдующее сообщеніе: „По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ за послѣднее время въ предѣлахъ Херсонской губерніи въ селахъ и деревняхъ стали появляться злонамѣренныя лица съ цѣлью возбужденія крестьянъ къ аграрнымъ безпорядкамъ. Въ народѣ распространяются нелѣпые слухи о какомъ-то надѣленіи землей, возбуждаются превратные толки о значеніи частной собственности, а бывшіе безпорядки въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возводятся чуть-ли не на степень подвига крестьянъ, получившихъ будто бы при этомъ большія выгоды". — Такое опасное положеніе крестьянъ, конечно, не должно, да и не можетъ оставаться въ неизвѣстности для приходскихъ пастырей, которые, какъ ближайшіе приставники, благодатью Божіею призваны быть учителями народа и долгомъ своей священной службы обязаны предотвращать во ввѣренныхъ имъ приходахъ всякія неблагопріятныя, а тѣмъ болѣе преступныя, вліянія своевременнымъ разъясненіемъ ихъ незаконности, вразумленіемъ заблуждающихся и нравственнымъ умиротвореніемъ совѣсти совращенныхъ съ мирнаго пути общественной жизни. Для этого духовный пастырь, внимательный къ своему долгу и заботливый о нравственной пользѣ своихъ прихожанъ, можетъ воспользоваться церковною проповѣдью и внѣ-богослужебными собесѣдованіями и частными съ каждымъ изъ прихожанъ сношеніями, соблюдая однако-жъ при этомъ крайнюю осторожность, чтобы, разъясняя преступность и гибельность противообщественнаго направленія, преждевременно не ознакомить черезъ это людей, еще не зараженныхъ имъ, и, вмѣсто отклоненія отъ угрожающаго зла, не ввести ихъ въ соблазнъ и искушеніе, такъ какъ все запрещаемое, по нравственной порчѣ человѣка, сильно влечетъ къ себѣ, особенно если еще при этомъ имѣется разсчетъ на какія-нибудь матеріальныя выгоды или мнимое улучшеніе условій общественной жизни. Священникъ съ тѣмъ большимъ удобствомъ можетъ подмѣтить среди своихъ прихожанъ какое-либо недоброе направленіе, обусловливаемое ложными слухами или же тайными внушеніями разныхъ проходимцевъ, чѣмъ ближе онъ себя поставитъ къ нимъ не только въ служебныхъ (оффиціальныхъ) отношеніяхъ, но и въ самой жизни, когда будетъ стараться для нихъ быть внимательнымъ къ ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ наставникомъ и руководителемъ, добрымъ отцомъ, пекущимся объ ихъ благѣ и во всякое время готовымъ раздѣлить съ ними радость и горе. То довѣріе и даже любовь, которыя онъ возбудитъ къ себѣ въ прихожанахъ своею близостью къ нимъ и обходительностью, дадутъ пастырскому его слову не только твердость и убѣдительность, но и такую духовную силу, противъ которой не возмогутъ успѣшно дѣйствовать никакія подпольныя внушенія людей злонамѣренныхъ. Въ случаяхъ особенныхъ, когда или слово пастыря окажется безсильнымъ для нравственнаго воздѣйствія на заблуждающихся или вредныя внушенія глубоко пустятъ корни въ приходскую среду, священникъ обязанъ совершенно секретно доложить о томъ архіерею, обстоятельно изложивъ сущность дѣла и подробно описавъ положеніе своего прихода, присоединивъ къ сему и то, какія мѣры онъ самъ употребилъ къ исполненію лежащей на немъ обязанности духовнаго [illegible] своей паствы. Такимъ образомъ, при помощи свыше, возникающее зло, [illegible] не будетъ искоренено, по крайней мѣрѣ, будетъ, насколько возм[illegible] ограничено въ своемъ распространеніи и ослаблено въ своей силѣ. [illegible] на насъ всѣхъ — пастыряхъ духовнаго стада Христова — не сбу[illegible] слово Господа, реченное черезъ пророковъ (Іезекіиля 34 гл., Іереміи 23 гл., Захарія 11 гл.). — Іюня 11 дня 1902 г.

Іустинъ, архіепископъ херсонскій и одесскій.

Надо думать, что архіереи станутъ препровождать доносы священниковъ „совершенно секретно" въ соотвѣтственныя учрежденія, которыя будутъ ссылаться уже не на 34 гл. отъ Іезекіиля, а на подобающую статью „Уст. о пресѣч. и предупр. прест."

Вильно. Въ ноябрѣ прошлаго года, въѣзжая въ Вильно, фонъ-Валь въ своей „программной" рѣчи отрекомендовался „слугой царевымъ", обѣщая показать инородцамъ, что значитъ твердая власть. Задача выполнена блистательно. Теперь, въ вѣнцѣ изъ окровавленныхъ розогъ и ореолѣ висѣлицы, получивъ 16 тыс. рублей на лѣченіе ранъ, возведенный въ товарищи Плеве и сдѣланный начальникомъ жандармовъ, — онъ выѣхалъ изъ Вильны, оставивъ городъ и губернію на положеніи усиленной охраны. Передъ отъѣздомъ, однако, этотъ нравственный калѣка, вошедшій во вкусъ человѣческой крови, еще разъ потѣшилъ себя поркою: онъ приказалъ высѣчь 20 мальчугановъ-сиротъ, питомцевъ „Воспитательнаго Дома Младенца Іисуса" (sic!) за оскорбленіе смотрителя. Врачъ заведенія, Андреяшевъ, отказавшійся санкціонировать экзекуцію, отстраненъ отъ должности.

15 октября, при открытіи дѣйствій городского присутствія по набору новобранцевъ, военный врачъ Ерофеевъ отказался принять руку, протянутую ему сподвижникомъ Валя городовымъ врачемъ Михайловымъ, и заявилъ о нежеланіи знакомиться съ подобнымъ господиномъ; проглотивъ оплеуху, этотъ врачъ-городовой побѣжалъ къ военному начальству съ жалобой, въ резуль-

---

раньше жилъ, и какъ до нынѣшняго положенія дошелъ, и какъ жить будетъ, и какъ жизни новой добиваться надобно. Попадется книжка хорошая, — духъ захватываетъ, — и начинаешь это понимать, что и какъ, — словно просвѣтлѣніе тебя охватитъ, — геніальность твоя просыпается, слаще меду это показывается. И чуемъ мы силу въ себѣ, чуемъ силу промежду себя. Сегодня промолчимъ, завтра промолчимъ, а тамъ какъ одинъ человѣкъ поднимемся. И всякій это очень хорошо понимаетъ: и рабочій, и хозяинъ, и полиція... Ну, нахальники то и опасаются..."

„Толстая книжка есть, — трудно понимать, — а стараешься, понимаешь. Ночи сидишь — допытываешься. А прочиталъ одну книжку, другую, — пріобыкнешь и начинаешь это до корня все понимать. И ничего-то, ничего сладостнѣе этого и придумать невозможно..."

„Сложились мы: кто гривну, кто полтинникъ. Люди есть, которые и книжку тебѣ укажутъ, и растолкуютъ, ежели что. И поднимается душа твоя и человѣкомъ ты себя понимаешь. А потомъ настоящую книжку принесутъ, запрещенную, гдѣ она, правда, такъ вся и выписана."

„Накопилась у насъ этакъ цѣлая горка... книгъ то... И пришли они, и забрали... Все забрали до послѣдняго листочка, — и дозволенное, и недозволенное... Ничего не осталось, все пропало... Все разбили, все смяли... Всѣхъ разослали, — кого куда... Камня на камнѣ..."

Слезы подступили къ горлу Василію, и онъ уткнулся лицомъ въ мокрую траву. Онъ старался сдержать накопившіяся въ груди рыданія, судорожно хватаясь за траву и вырывая ее клочьями изъ земли.

Степанъ неподвижно лежалъ на армякѣ, закинувъ руки за голову, и смотрѣлъ на блѣднѣющія звѣзды. Ни одинъ мускулъ не двигался на его нахмуренномъ лицѣ. „Боятся они васъ, народъ-то вы того, самоувѣренно и тихо сказалъ онъ, — все мину, слышь, подводите подъ нихъ".

Василій быстро подвинулся къ Степану, слова котораго поразили его своею неожиданностью. Двѣ слезы остановились на его блѣдныхъ щекахъ, но плакать ему болѣе не хотѣлось.

„Мину? Какую мину?! Мы и думать-то объ минѣ не думали".

„И не насъ они боятся: сегодня мы здѣсь, а завтра и нѣту никого. Идеи они нашей боятся, правды нашей. Ты пойми..." Онъ вплотную придвинулся къ Степану; настойчиво, упрямо онъ передавалъ ему фразу за фразой, отчеканивая каждое слово, всю душу свою вкладывая въ свои рѣчи. „Вы вотъ здѣсь стоите и никакого пониманія не имѣете, и не видьте, какъ они паутиной то васъ кругомъ опутали, — хитро и очень даже остроумно"...

„Заслониться совсѣмъ отъ правды, какъ отъ солнца, не могутъ, — ну, и пиши ты объ ней такъ, чтобы и понять-то нельзя было, пиши толстыя книжки, да мудреныя, да дорогія, чтобы и подступу къ нимъ нашему брату не было. А напишешь попросту, и печатать не дадутъ, да и самого утопятъ. И топятъ, топятъ они людей"... Василій волновался все больше, все настойчивѣе разсказывалъ онъ, какъ „они" душатъ мысли и людей, — вездѣ: и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ деревенской школѣ, и въ академіи, и въ церкви, и въ театрѣ. „На каждое слово смраду напустятъ, надъ каждымъ человѣкомъ надсмѣются, надругаются".

„Свободы они боятся... вотъ! Отъ свободы смерть имъ... Для себя просторъ-отъ берегутъ, чтобы помѣхи имъ не было, чтобы имъ, толстопузымъ, безобразить вольготнѣй было. И безобразятъ они, и нахальничаютъ, и безобразному нахальству ихъ конца-краю не видно".

„Такъ пойми ты: вѣдь нужно ихъ нахальничанью предѣлъ положить? Нельзя, пойми, нельзя, силы нѣту это терпѣть! Ты пойми..." Онъ нагнулся къ Степану, крѣпко схватилъ его за армякъ; онъ старался заглянуть ему въ самые глаза, въ самую душу.

Степанъ приподнялся и грубо, злобно отбросилъ его въ сторону: „А ты не напирай! Чего навалился?"

Слова застряли въ горлѣ ткача, и онъ опять опустился на траву.

Мертвая тишина охватила ихъ. Послѣдніе звуки исчезли: затихъ даже неугомонный перепелъ. Вся природа съ изумленіемъ смотрѣла на эту страстную борьбу двухъ людей; точно понимала она, какая важная, огромная борьба ведется здѣсь, точно она внимательно слѣдила за этой борьбой и, затаясь, съ нетерпѣніемъ ждала исхода. Только туманъ по прежнему волнами поднимался съ рѣки и подвигался все ближе и ближе, да какая-то на смерть перепуганная пичуга съ тревожнымъ щебетомъ промелькнула надъ костромъ и снова исчезла въ темномъ воздухѣ.

Василій снова приподнялся. Нервная холодная дрожь пробѣгала по его тѣлу. Душа его, какъ птица, билась въ темнотѣ и искала выхода. Ему нужно было, чтобы кто-нибудь понялъ его, ему нужно было завоевать себѣ товарища: иначе (это было ему ясно) — иначе чувство одиночества и затерянности задушило бы его.

„Господи! и отчего вы не понимаете? (голосъ его звенѣлъ). Ты, Степанъ, глянь только, сколько обиды кругомъ, — сколько обиды кругомъ, сколько издѣвки. Вѣдь васъ, какъ скотину, обратали, хомутъ вамъ на шею надѣли: ворочай, гни, сѣй... изо дня въ день, изъ году въ годъ... А у васъ, какъ у скотины вашей, только ребра наружу. Сѣли вамъ на шею и кнутомъ погоняютъ — и десятскій, и сотскій, и земскій, и панъ: тащи, мужикъ, въ казну, тащи, мужикъ, въ кабакъ! Вѣдь и мысли всѣ ваши связали, и глотку грязью заткнули, и въ навозѣ васъ вываляли... А вы... а вы... а вы понимать не хотите, а вы понять не можете. И подходу къ вамъ нѣту: загородились... захоронились..." Его напряженный звенящій голосъ долго еще звучалъ среди ночной тишины.

Изъ-за костра приподнялась маленькая высохшая фигура старика съ желтымъ и сморщеннымъ, какъ выжатый лимонъ, лицомъ, съ маленькими злыми глазами и съ жесткой, рѣдкой, какъ у китайца, бородой. Казалось, онъ поднялся изъ-подъ земли, и земля прилипла и на согнутыхъ пальцахъ его, и между глубокими морщинами его лица. Онъ уставился глазами на Василія, и губы его быстро жевали. Черная, какъ смоль, бороденка клиномъ шевелилась, точно живая.

„Да! и въ навозѣ вываляли, и раззорили насъ... Это такъ! прошамкалъ онъ. А ты кто такой объявился, понятливый! Проповѣдь-то отчитываешь, а въ Бога не вѣруешь. Мимо храма Божьяго идешь, шапку на затылкѣ бережешь. По твоему, кто его, Бога-то, выдумалъ, а? Пор-р-роть тебя, парень, надыть, — вотъ что!"

Степанъ медленно поднялся на ноги и, не глядя на Василія, злобнымъ, измѣнившимся голосомъ сказалъ ему: „А ты не напирай! Навалился, какъ медвѣдь на козу. Не напирай, дай срокъ!"

Онъ медленно пошелъ къ рѣкѣ, и фигура его быстро потонула въ бѣломъ туманѣ, только черный слѣдъ остался на росистой травѣ.

„Вотъ! слышалъ, что тебѣ малый сказалъ? продолжалъ старикъ: не напирай — вотъ! А то плохо тебѣ, парень, будетъ: дай срокъ"...

„А ты, старая ворона, громко отвѣтилъ Василій, въ чужую бороду не лѣзь, своей придерживайся!"

Онъ быстро съ головою закутался въ армякъ и легъ на землю.

„Дай срокъ! дай срокъ!" ворчалъ старикъ, укладываясь въ свою очередь.

И природа перевела духъ: пахнуло вѣтеркомъ, гдѣ-то заквакала лягушка. Костеръ еле дымился.

Когда Василій проснулся, солнце уже торжественно поднималось надъ горизонтомъ. Ребята, громко перекликаясь, ловили лошадей. Степанъ угрюмо и сосредоточенно распутывалъ своего сѣраго мерина. Положивъ на него армякъ, онъ неуклюже взобрался на спину мерина и подъѣхалъ къ Василію.

„Вставай, Васька, день!" громко сказалъ онъ и, нагнувшись и глядя Василію прямо въ глаза, таинственно прибавилъ: „А ты не напирай: сроку дай. Да при старикахъ остерегись: бѣды наживешь. Снохачи!" прибавилъ онъ какъ бы въ поясненіе и ударилъ мерина веревкой. Мимо пронеслись съ топотомъ и криками возвращавшіеся домой ребята.

Василій глубоко вдохнулъ свѣжій воздухъ. Еще не высохшій лугъ весь сіялъ и переливался въ солнечныхъ лучахъ, гдѣ-то въ небѣ радостно трепеталъ жаворонокъ, а вдали звонко ржалъ отбившійся отъ табуна жеребенокъ.

Василій удивленно смотрѣлъ на все это, онъ какъ будто въ первый разъ замѣтилъ, сколько жизни розлито кругомъ, и онъ чувствовалъ, что и въ немъ прибыло и жизни, и вѣры, что и онъ не будетъ болѣе себя чувствовать такимъ одинокимъ среди зеленѣющихъ полей. Измученное лицо Василія нѣсколько оживилось.

Н. Л. К.

татѣ чего Е. устраненъ и замѣненъ другимъ, болѣе подкладистымъ. Это заявленіе элементарной порядочности трактуется либеральной частью общества, какъ актъ величайшаго гражданскаго мужества; всѣ рады, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, плюнувшій въ лицо этой гадинѣ; но открыто выразить сочувствіе и солидарность съ Е. не рѣшился до сихъ поръ никто даже изъ врачей. О, мудрые, дряблые либералы!!

Воронежъ (изъ частнаго письма). „У насъ тутъ въ Воронежѣ разыгралась недавно цѣлая исторія. Здѣшній уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности составилъ докладъ, гдѣ говорится о необходимости развитія мѣстнаго самоуправленія, и во главѣ его „всероссійское земство“ съ правомъ избирательной инниціативы; затѣмъ, о необходимости гарантій личной свободы, свободы совѣсти, печати, слова, собраній, о національизаціи земли и т. д. На засѣданіи комитета одинъ членъ его, С. В. Мартыновъ, уѣздный гласный и земскій врачъ, предлагалъ комитету признать себя некомпетентнымъ органомъ для рѣшенія вопроса о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, такъ какъ составъ комитета случайный, зависящій отъ благоусмотрѣнія администраціи и юридически не пользующійся никакими правами. Но, рекомендуя признать себя некомпетентными, Мартыновъ предлагалъ, въ виду крайне ненормальнаго положенія не только Воронежской губерніи, но и всей страны, рекомендовать правительству созвать совѣщаніе изъ выборныхъ отъ всего населенія, гарантировавъ выборнымъ неприкосновенность ихъ личности за все то, что они будутъ говорить въ представительномъ собраніи. Другой членъ комитета, гласный и извѣстный педагогъ Бунаковъ, предлагалъ комитету разойтись, такъ какъ положеніе страны настолько безотрадно, что безъ радикальныхъ перемѣнъ всего политико-экономическаго строя Россіи, говорить о частичныхъ агрикультурныхъ мѣропріятіяхъ не только безполезно, но и вредно, такъ какъ это только отвлекаетъ отъ насущныхъ вопросовъ. Комитетъ не согласился съ мнѣніями Мартынова и Бунакова и выработалъ упомянутый выше докладъ, принятый комитетомъ единогласно. Затѣмъ докладъ былъ переданъ, въ числѣ прочихъ, въ губернскій комитетъ, гдѣ его должны были обсуждать, такъ какъ губернаторъ допустилъ его въ число докладовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію губернскаго комитета. Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Публика, сразу заинтересовавшаяся всѣми этими вопросами, помаленьку приходила въ норму и стала уже забывать… какъ вдругъ, въ самыхъ послѣднихъ числахъ октября, губернаторъ получилъ запросъ, кто отвѣтственное лицо за докладъ Воронежскаго комитета. Алисовъ, уѣздный предводитель дворянства, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ, сказалъ, что всю отвѣтственность онъ принимаетъ на себя. Губернаторъ, только-что получившій двухмѣсячный отпускъ за-границу, скачетъ къ Плеве въ Ливадію. Оттуда телеграммой вызываютъ Алисова. 26 окт., по телеграммѣ изъ Питера, дѣлаютъ обыскъ у Бунакова и Мартынова. Отъ Бунакова берутъ подписку о немедленномъ выѣздѣ въ СПБ., а Мартынова арестуютъ и везутъ туда-же. 1 ноября пріѣхалъ сюда тов. мин. вн. дѣлъ Зиновьевъ для разслѣдованія всего этого дѣла. Губернаторъ уволенъ. Всѣ члены [illegible] составлявшей докладъ комитета, пригла[illegible] быть 1 и 2 ноября въ Воронежѣ для бесѣды [illegible] Зиновьевымъ…“

Херсо[illegible] давно уже (съ самаго 1899 г.) стало замѣчаться [illegible] старшихъ гимназистовъ Херсонской гимназіи броженіе. Учителя, эти продажные и омертвѣвшіе въ своей рутинѣ чиновники-педагоги, не на шутку встревожились: кружки, чтеніе литературы, живой обмѣнъ мыслей, идеальныя общественныя стремленія стать на защиту угнетенныхъ—вѣдь это такъ не похоже на то, что они привыкли сами создавать въ своихъ питомцахъ, такъ чуждо имъ. Отъ этого вѣетъ такимъ свѣжимъ, честнымъ и новымъ, что единственнымъ отношеніемъ „бывшихъ людей“ къ этимъ новымъ явленіямъ могла стать только травля, самая безстыдная и наглая травля. Учителя начали шпіонить за учениками, выпытывать ихъ убѣжденія, читать цѣлымъ классамъ о безсмысленности студенческихъ волненій, о злонамѣренныхъ людяхъ, о наказаніяхъ, которыя повлечетъ за собой малѣйшая замѣченная связь между учениками и поднадзорными и т. д. Зимою этого года одинъ изъ гимназистовъ 8-го класса въ пьяномъ видѣ (а надо сказать, что гимназисты рѣзко дѣлятся на меньшинство—серьезныхъ и мыслящихъ, и большинство — кутилъ, шшютовъ и будущихъ карьеристовъ) безъ всякаго намѣренія прострѣлилъ портретъ нашего Николая, и вѣдь экая шальная пуля: попала прямо въ сердце! Представьте себѣ переполохъ среди учителей и инспекціи. Въ этомъ фактѣ они увидѣли политическое преступленіе, учиненное неблагонадежнымъ гимназистомъ. Сейчасъ же всѣ восьмиклассники были призваны въ кабинетъ директора и самымъ строгимъ образомъ допрошены: кто и съ какой цѣлью совершилъ такой ужасный и дерзкій поступокъ. Директоръ ничего не добился и, такъ какъ онъ, очевидно, самъ сильно струсилъ, то рѣшилъ прикрыть это дѣло, приказавъ ученикамъ никому не говорить о случившемся. Прострѣленный портретъ былъ замѣненъ новымъ—и дѣло, кажется, обѣщало этимъ кончиться. Но вотъ пріѣхалъ къ намъ новый помпадуръ-губернаторъ. Узнавъ, по доносу отъ какого-то усерднаг… обывателя, о случившемся въ гимназіи, онъ предписалъ директору и всему педагогическому персоналу учинить форменный допросъ. И вотъ весь сонмъ учителей обратился въ форменныхъ жандармовъ. Во главѣ съ директоромъ, весь педагогическій персоналъ допрашивалъ учениковъ 8-го класса, каждаго поочередно, стараясь выпытать, кто прострѣлилъ. Пріемы допроса носили поистинѣ жандармскій характеръ. Учителя старались сбить учениковъ перекрестными вопросами, убѣждая выдать своего товарища, такъ какъ, дескать, уже и такъ извѣстно, кто стрѣлялъ. Усердно допытывались, не участвовали-ли въ кружкахъ, не читали ли соціалистической литературы, не носили ли ее въ классъ и т. п. Всѣ показанія записывались и подписывались учениками. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько учениковъ-собутыльниковъ стрѣлявшаго выдали его. Въ видѣ наказанія, стрѣлявшій получилъ 4 за поведеніе въ аттестатѣ, а всѣ „неблагонадежные“ — дурныя характеристики. Итакъ, наши учителя, воспитатели молодежи, съ покорностью, готовностью и ревностью прозелитовъ, взялись за новую службу царю и отечеству—службу жандармовъ и сыщиковъ. До большаго позора, продажности и своего „я“, кажется, дойти нельзя. Какими словами заклеймить это гнусное, мерзкое дѣло нашихъ учителей?

Позорное усердіе. (Изъ Чернигова). Бесѣда между черниговскимъ губ. Андреевскимъ съ предсѣдателемъ Глуховской земской управы Аммосовымъ:

Губернаторъ: У васъ тамъ есть фельдшерица Алексѣева… Присмотрите за нею… Ея отецъ былъ письмоводителемъ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ и теперь обвиняется въ государственномъ преступленіи. Сынъ его также человѣкъ политически неблагонадежный. Такъ вотъ и за дочкой нужно бы присматривать…

Аммосовъ отвѣчаетъ, что онъ не можетъ исполнить эту просьбу, объяснивъ этотъ свой отказъ не нежеланіемъ играть роль шпіона, а просто технической трудностью для него выполнять эту миссію. „Вотъ если бы В. П. дали мнѣ предписаніе уволить Алексѣеву со службы, это я бы мигомъ выполнилъ…“

Губернаторъ: Къ сожалѣнію, такого предписанія я Вамъ дать не могу… нѣтъ для этого у меня никакихъ основаній… Но я очень былъ бы доволенъ, если бы Вы сами уволили Алексѣеву со службы…

Аммосовъ: Если такъ… я готовъ…

Алексѣева была немедленно уволена… Неправда-ли, интересная картинка?! Губернаторъ не находитъ основаній увольнять Алексѣеву, а вотъ г. предсѣдатель уѣздной земской управы, представитель уѣзднаго земства… находитъ… Но нашъ земецъ захотѣлъ еще дальше пойти: слѣдуя, вѣроятно, завѣту стараго Іеговы („на васъ и дѣтей вашихъ“…) Аммосовъ рѣшилъ насолить и другой дочери того же Алексѣева: онъ хотѣлъ помѣшать ей получить стипендію отъ губ. земства на фельдшерскіе курсы; на вопросъ губ. управы, на какомъ основаніи глуховская уѣздная земская управа отклоняетъ просьбу Алексѣевой, земецъ грубо-полицейски отвѣтилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ объяснять это… — Чтобы читатель составилъ себѣ болѣе полное представленіе о личности предсѣдателя глуховской земской управы, мы разскажемъ о немъ слѣдующую исторію. Службу свою престолу Аммосовъ началъ еще на студенческой скамьѣ. Когда умеръ Александръ III, онъ вздумалъ собрать среди студентовъ деньги на вѣнокъ. Денегъ ему собрать не удалось. Тогда онъ купилъ вѣнокъ на свои деньги и повезъ его въ Москву — возложить на гробъ, гдѣ оффиціально заявилъ, что пріѣхалъ возложить вѣнокъ по порученію и отъ имени кіевскаго студенчества. Эта архи-подлая уловка надѣлала такого шума среди кіевскаго студенчества, что Аммос. предпочелъ убраться изъ университета.

„Черный кабинетъ.“

М. Ф.

Нач. Одес. почт.-телегр. окр.
Іюля 1902 г. № 75.

Секретно

Гг. начальникамъ почтово телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденій одесскаго округа.

И. Д. Директора Департамента Полиціи увѣдомилъ меня, что что за послѣднее время усилилась пересылка по почтѣ изъ-заграницы революціонныхъ изданій на имя разныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого и на основаніи предписанія г. Начальника Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ отъ 19 іюня сего года за № 197 подтверждаю Вамъ о неуклонномъ исполненіи данныхъ по сему предмету правилъ (циркуляръ 6 іюня 1895 г. за № аа), при чемъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на международную корреспонденцію, адресуемую въ сельскія мѣстности на имя крестьянъ. Нач. Окр. Маевскій, дѣлопроизводит. Пѣтуховъ.

И такъ, г. начальникъ почтово-телеграфнаго округа Маевскій состоитъ въ непосредственныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ директоромъ департамента полиціи! Какими законами это предусмотрѣно?

Результаты травли ссыльныхъ. Якутскъ. 20 авг. разбиралось здѣсь въ окружномъ судѣ, при закрытыхъ дверяхъ, дѣло политическаго ссыльнаго Николая Лузина (сосланъ изъ Тифлиса), по обвиненію его въ покушеніи на убійство верхоянскаго исправника въ февралѣ этого (1902) года (ст. 9 и 1 ч. 1454 Ул. о нак.). Послѣ судебнаго слѣдствія и рѣчи прокурора, требовавшаго наказать „безъ послабленія“ (отъ 12 до 15 лѣтъ каторжн. работы). Лузинъ сказалъ дословно слѣдующее:

„Объясняя причину своего покушенія на жизнь верхоянскаго исправника, — какъ на слѣдствіи предварительномъ, такъ и судебномъ, — я указалъ, что покушеніе это есть актъ открытой мести, вынужденный у меня произволомъ существующаго правительства. Произволъ этотъ мнѣ пришлось переносить на себѣ въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ ссылки и особенно весной 1901 г., когда якутская администрація производила надо мною чуть ли не истязанія. Такъ какъ это послѣднее обстоятельство не можетъ не быть извѣстнымъ каждому изъ присутствующихъ, то распространяться о немъ я нахожу излишнимъ (см. „Искру“ № 9); замѣчу только, что оно послужило послѣднимъ толчкомъ, вызвавшимъ мое покушеніе.

Верхоянскій исправникъ сдѣлался объектомъ моей мести только потому, что, живя въ Верхоянскѣ, я не имѣлъ возможности встрѣтить болѣе виднаго представителя администраціи.

Развивая свои показанія, я могъ бы доказать, что на покушеніе я былъ именно вынужденъ насиліемъ властей, — что въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ, подчиняясь лишь голосу справедливости, — и что, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ виновенъ не я, а существующее правительство. Суду пришлось бы, такимъ образомъ, оправдать меня, тѣмъ самымъ осудивъ правительство, вынуждающее на преступленія!

Но я знаю, что коронный судъ этого сдѣлать не можетъ ни въ какомъ случаѣ. Являясь органомъ того же правительства, онъ не имѣетъ даже права разсматривать дѣла между частнымъ лицомъ и правительствомъ, а если онъ это беретъ на себя, значитъ, ему нужно не выясненіе истины, а мое осужденіе во что бы то ни стало. При такихъ условіяхъ всякая защита явилась бы безплодной, — и мнѣ остается только одно: принять молчаливо какой бы то ни было обвинительный приговоръ суда, какъ насиліе, передъ которымъ безсильно слово истины“.

Судъ приговорилъ Лузина къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ. Аппелляціи отъ Лузина не поступило. 3 сент. приговоръ объявленъ въ окончат. формѣ, а 17 вошелъ въ законную силу.

Нами только недавно полученъ слѣдующій документъ, изданный Нижегородскимъ Комитетомъ Партіи въ іюнѣ сего года:

Адресъ Виленскимъ рабочимъ—полякамъ и евреямъ—по поводу звѣрствъ, совершенныхъ надъ ними нашимъ царскимъ правительствомъ:

Виленскіе товарищи, еврейскіе и польскіе рабочіе! Въ маѣ сего года нами, сормовскими рабочими, были получены извѣстія о вашей майской демонстраціи, девизъ которой былъ „политическая свобода“. Изъ этихъ же извѣстій мы, сормовцы, узнали, какъ звѣрски съ вами, товарищи, расправились наши деспоты, какъ васъ — борцовъ за свободу и честь угнетеннаго пролетаріата, — въ присутствіи представителя губерніи, изверга барона фонъ-Валя, сѣкли; какъ небывало-жестоко надъ вами издѣвались, причиняя вамъ физическія и нравственныя страданія, безконтрольно власть имущіе люди. Поэтому мы, сормовскіе рабочіе, слыша объ издѣвательствахъ надъ нашими братьями-рабочими поляками и евреями, и сознавая, что только объединяясь безъ различія націй и религій, подъ знаменемъ международнаго соціализма, мы, пролетаріи, будемъ способны сбросить рабство капитала и царство кнута и нагайки. — мы, сормовскіе рабочіе, спѣшимъ выразить свое горяче сочувствіе нашимъ братьямъ-рабочимъ, евреямъ и полякамъ, храбро борющимся и жертвующимъ своей жизнью за дорогую для всѣхъ угнетенныхъ свободу. Да будетъ вѣчная память герою-мстителю за оскорбленную честь пролетаріата — еврею Лекерту, павшему отъ рукъ палачей! Привѣтствуемъ васъ, товарищи, уже раздавшимся въ Сормовѣ 1 мая крикомъ: „долой самодержавіе,“ „да здравствуетъ политическая свобода!“, „да здравствуетъ международное братство.“

Организація Сормовскихъ рабочихъ.

Къ адресу присоединяется и Нижегородская Раб. Организація.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Озургетскаго уѣзда (Кутаисской губ.). Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ полтавскихъ и харьковскихъ событій, какъ наше забитое общество явилось свидѣтелемъ пробужденія крестьянской массы, на этотъ разъ на далекой окраинѣ, въ Закавказьѣ.

Довольно поздно вступила наша страна на путь революціоннаго движенія. Всего 5-6 лѣтъ тому назадъ у насъ ни о чемъ не было слышно. Но разъ вступивъ на этотъ путь, горячій южанинъ далеко и быстро разноситъ новыя идеи, даже въ деревенскую глушь, находя вездѣ и всюду, особенно среди молодежи, горячій пріемъ. Примѣромъ можетъ служить Озургетскій уѣздъ. Онъ давно считается у насъ бѣднѣйшимъ въ Закавказьѣ. Недостатокъ земли у крестьянъ сдѣлалъ невозможнымъ ихъ экономическое благосостояніе. Но это и вызвало сильное культурное поднятіе деревни. Не находя способовъ удовлетворенія потребностей на мѣстѣ, крестьяне бѣжали изъ деревень въ города въ наемные рабочіе и на разные другіе отхожіе промыслы. Такимъ образомъ, крестьянинъ приходилъ въ столкновеніе съ цивилизованнымъ міромъ, и всѣ выгоды культурныхъ пріобрѣтеній въ жизненной борьбѣ становились для него ясны. Это и вызвало въ деревнѣ насажденіе школъ, библіотекъ и т. п. просвѣтительныхъ учрежденій. Благодаря этому, Озургетскій уѣздъ очень рано поднялся въ культурномъ отношеніи, и онъ давно слыветъ у насъ передовымъ.

Къ этому присоединилось одно важное обстоятельство, которое окончательно встряхнуло крестьянъ. Въ мартѣ н. г. распоряженіемъ губернской администраціи, послѣ знаменитой стачки, изъ Батума были высланы въ деревни болѣе 300 раб., преимущественно изъ крестьянъ Озургетскаго уѣзда. Эти-то рабочіе и явились піонерами революціоннаго движенія въ деревнѣ. Такимъ образомъ, близорукость правительства, какъ весьма часто случается, послужила на пользу революціи. Рабочіе привнесли новыя идеи въ среду крестьянства, взбудораженнаго убійствами „христолюбивымъ воинствомъ“ 15 рабочихъ. Тотчасъ же крестьяне выступили противъ двухъ сословій, землевладѣльцевъ и духовенства.

Чтобы понять положеніе вещей, нужно обратить вниманіе на земельныя отношенія, существующія въ Озургетскомъ уѣздѣ. Болѣе трехъ-четвертей всей площади земли находится въ рукахъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Остальная часть населенія — огромная масса крестьянства — испытываетъ крайній недостатокъ въ землѣ, такъ что принуждена пользоваться помѣщичьей землей на арендныхъ условіяхъ. Землевладѣльческій классъ не преминулъ выжать послѣдніе соки изъ крестьянъ. Крестьянинъ-арендаторъ принужденъ треть, иногда даже половину урожая отдавать землевладѣльцу, при чемъ, что хуже всего, обязанъ доставлять на домъ помѣщику или его управляющему, хотя бы приходилось перевозить на разстояніе 30 верстъ и болѣе. Но главное зло въ томъ, что за единицу принимаются всегда обильные урожаи, хотя бы въ данномъ году совсѣмъ не было урожая, такъ что крестьянинъ въ такихъ случаяхъ обязанъ дать помѣщику изъ собственныхъ средствъ треть предполагаемаго урожая. Но зло и этимъ не ограничивается. У крестьянъ нѣтъ выгона для скота. Землевладѣлецъ, пользуясь этимъ, часто получаетъ за право выгона не меньше половины всей стоимости животнаго, не считая того, что часто помѣщики и ихъ управляющіе захватываютъ животныхъ, бьютъ, держатъ цѣлыми днями безъ корма и т. д. Однимъ словомъ, крестьянинъ закабаленъ землевладѣльцу. Добавить къ этому обычное притѣсненіе духовенства, тяжесть государственныхъ налоговъ и различныхъ сельскихъ повинностей, — и станетъ ясна картина бѣдственнаго положенія крестьянства.

Еще въ маѣ мѣсяцѣ крестьяне отказались обрабатывать помѣщичью землю, если земельная рента не будетъ понижена до одной шестой, а по мѣстамъ даже до одной десятой съ урожая, и не будутъ уничтожены всѣ злоупотребленія по выгону скота. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ поговаривали и объ уничтоженіи какихъ-то „драмовыхъ денегъ“, платимыхъ духовенству подымно въ размѣрѣ 2 руб. ежегодно. Но вдругъ разносится вѣсть о полтавскихъ и харковскихъ событіяхъ. Крестьяне съ радостью привѣтствовали своихъ новыхъ товарищей. Это еще болѣе ободрило по мѣстамъ еще безмолствовавшихъ крестьянъ, такъ что постепенно крестьяне цѣлаго уѣзда начали предъявлять вышеуказанныя условія, отказываясь, въ противномъ случаѣ, обрабатывать землю, и отказались платить „драмовыя деньги“ духовенству.

Разумѣется, и администрація не спала. Ей все мерещился „бунтъ“ противъ правительства, хотя нужно сказать, что крестьянская масса противъ правительства рѣдко что говорила, взваливая всю вину своего бѣдственнаго положенія на низшую администрацію, которая якобы не сообщаетъ высшему начальству о нуждахъ крестьянства и т. п.

На помощь администраціи явилась цѣлая свора добровольныхъ шпіоновъ изъ среды духовенства и дворянства, рѣшившихъ во что бы то ни стало не уступать „голышамъ“. Впрочемъ, бывали примѣры уступокъ со стороны какъ дворянъ, такъ и духовенства, примѣры, строго наказываемые администраціей. На это крестьянство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣтило убійствами и поджогами: возгорѣлась гражданская война.

Администрація — губернаторъ, помощникъ губернатора, уѣздный начальникъ, пристава — принялись искоренять „крамолу“, наказывать „зачинщиковъ“, требуя выдачи послѣднихъ отъ крестьянскихъ сходовъ при разъѣздахъ по деревнямъ. Получая отказъ, они арестовывали и арестовываютъ всѣхъ и всякаго. Арестовывали и арестовываютъ всѣхъ „приличныхъ“, по ихъ выраженію, людей хотя бы только что прибывшихъ изъ города или другого мѣста и совсѣмъ не знакомыхъ съ крестьянскими дѣлами. Въ своихъ стремленіяхъ устрашить крестьнство, администрація не различала больныхъ и здоровыхъ, арестовывая кого попало. Такъ, 8 сентября арестованъ фельдшеръ Ан. Рамишвили при 40° темп., въ злокачественной лихорадкѣ, не встававшій съ постели болѣе двухъ недѣль. Цѣлыми партіями — часто въ 60 чел. и болѣе — арестованные доставляются въ Озургеты, Батумъ и Кутаисъ, а за послѣднее время даже и въ Тифлисъ, при чемъ помѣщаются такими же партіями въ душной и небольшой камерѣ… Во многихъ селеніяхъ свирѣпствуетъ экзекуція. Закрыты всѣ библіотеки въ уѣздѣ.

Но все это послужило на пользу крестьянству. Оно лицомъ къ лицу столкнулось съ полиціей, жандармеріей и губернской властью; оно прежде и представить себѣ не могло, что правительство защищаетъ несправедливыя требованія землевладѣльцевъ и духовенства. Теперь, по крайней мѣрѣ, передовая часть крестьянства знаетъ, что главный его врагъ, — это царское самодержавіе, гнетущее „обывателя“.

Недовольный.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Скопинъ. Скопинъ, нѣкогда крупный центръ хлѣбной торговли, прогремѣвшій по всей Россіи Рыковской панамой, въ настоящее время небольшой пятнадцатитысячный городокъ. Онъ пережилъ и свое торговое значеніе, благодаря проведенію по сосѣдству желѣзныхъ дорогъ, оттянувшихъ отъ него хлѣбные грузы, пережилъ, можно сказать, и свою славу, отъ которой остался только милліонный долгъ, всей тяжестью падающій на городской бюджетъ. Верстъ за 15 отъ него самыя крупныя каменноугольныя копи московскаго бассейна съ пятьюстами рабочихъ-крестьянъ; принадлежатъ онѣ французской анонимной кампаніи. Лѣтъ 16 тому назадъ въ „шахтахъ“ былъ большой бунтъ, но съ тѣхъ поръ до прошлаго года рабочіе ничѣмъ себя не заявляли.

Прошлый годъ прошелъ неспокойно: въ небольшой промежутокъ времени „шахты“ были разгромлены два раза; готовился и третій бунтъ, но почему-то не состоялся. Любопытно, что наивность нѣкоторыхъ крестьянъ шла такъ далеко, что въ свои планы они посвящали даже земскаго начальника. Разгромы быстро подняли настроеніе рабочихъ: броженіе среди нихъ не прекращалось и къ сентябрю весьма обострилось.

На ряду съ этимъ начинаетъ проявляться сознательная революціонная работа. Къ первому мая текущаго года многіе мѣстные ремесленники, рабочіе и приказчики получили письма, раскрывающія передъ ними всю безвыходность положенія разрозненной трудящейся массы и призывающія къ объединенію и борьбѣ; къ письмамъ была приложена и прокламація на первое мая. И письма, и прокламація были безъ подписи, гектографированныя. Прокламаціи были разбросаны по всему городу также въ ночь на 19 апрѣля. Среди приказчиковъ въ настоящее время возникло движеніе, направленное на ограниченіе часовъ торговли. Въ думѣ уже разъ обсуждалась ихъ коллективная просьба; для окончательнаго рѣшенія вопроса дума постановила пригласить въ свое засѣданіе представителей отъ приказчиковъ.

Первое мая прошло, вообще говоря, тихо. Отказались отъ работы и праздновали маевку лишь рабочіе каретной мастерской Мызникова, силой принуждая присоединиться къ нимъ попавшихся на дорогѣ плотниковъ, да въ типографіи Благихъ работы были остановлены къ полудню.

Въ маѣ же мѣсяцѣ, по настоянію жандармской власти, квартирующемъ здѣсь Зарайскомъ полку былъ произведенъ по ловный обыскъ солдатъ, при чемъ у одного изъ нихъ были найдены нелегальныя изданія. Ходятъ слухи, что при допросѣ перепугавшійся солдатъ оговорилъ одного изъ восьми студентовъ, отбывавшихъ здѣсь на основаніи временныхъ правилъ воинскую повинность.

Лѣтомъ возникли „осложненія“ въ крестьянствѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ едва не были разобраны запасы въ хлѣбныхъ магазинахъ. Состоятельные крестьяне заявляли, что если правительство хочетъ кормить бѣдныхъ, пусть кормитъ на свой счетъ, а не на ихъ. Крестьяне упорно не соглашались также ссужать своими хлѣбными запасами другіе магазины, однако, въ концѣ концовъ, принуждены были уступить. Лѣтомъ же, въ одной изъ деревень, при покупкѣ у помѣщицы земли, благодаря юридическимъ недоразумѣніямъ, возникло весьма серьезное броженіе. Въ деревню послали полицію, которая успокоила крестьянъ угрозой казацкаго постоя.

Дабы выяснить воспріимчивость крестьянства къ агитаціи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ были распространены въ 15 деревняхъ Скопинскаго, Пронскаго и Ряжескаго уѣздовъ прокламація, составленныя въ весьма умѣренномъ тонѣ. Вотъ ихъ содержаніе вкратцѣ: Благосостояніе крестьянства — основа благостостоянія всей Россіи, положеніе же крестьянъ въ настоящее время крайне тяжело. Испытаннымъ исторически средствомъ въ такихъ затрудненіяхъ является не самовольный раздѣлъ чужого имущества, не насиліе: примѣръ полтавскихъ и харьковскихъ безпорядковъ показываетъ всю негодность такихъ мѣръ. Собраніе народныхъ представителей у трона, участіе народа въ дѣлѣ правленія — вотъ къ чему прибѣгали въ трудные моменты русскій народъ и его цари. Въ этомъ и послѣдняя, до сихъ поръ невыполненная воля царя-Освободителя Александра II (?!). Крестьяне призываются отправить 19 февраля къ государю депутацію (ходоковъ) съ ходатайствомъ о призваніи къ дѣлу правленія народныхъ избранниковъ.

Искоренители крамолы крайне встревожены и озадачены невидимымъ врагомъ. Остроумнѣе всѣхъ оказался мѣстный предводитель дворянства Гологуановъ, рѣшившій, что крамолу куетъ его родственникъ и однофамилецъ, 12 лѣтъ уже занимающій постъ земскаго начальника. Дворянская честь, передъ которой преклоняется руководитель благороднаго сословія, не помѣшала ему отправить губернатору соотвѣтствующій доносъ, глубоко возмутившій мѣстное общество. Не смотря на энергичное отпирательство Гологуанова, авторство его, какъ утверждаютъ, было выяснено документально. Губернаторъ находится, повидимому, въ совершенно естественномъ недоумѣніи, какимъ образомъ одно и то же лицо 12 лѣтъ охраняло государственный порядокъ и... крамольничало. Чѣмъ кончится вся эта курьезная исторія, еще не извѣстно. — Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ не далеко отъ Скопина былъ пойманъ прохожій, весьма неуважительно отзывавшійся о царѣ и его правительствѣ. Конечно, немедленно онъ былъ переданъ въ руки жандармской власти.

Екатеринославъ. Заготовщики устроили стачку, требуя 12-часовой рабочій день, увеличеніе платы. Послѣ четырехъ дней хозяева уступили, но только по той причинѣ, что наступали еврейскіе праздники, когда много работы. Но требованія ихъ не совсѣмъ точно выполнялись. Рабочіе снова объявили стачку, которая продолжалась три недѣли, при полномъ спокойствіи. Наконецъ, хозяева согласились признать 13 часовой рабочій день и увеличеніе платы.

Въ Новочеркасскѣ въ маѣ были разбросаты впервые майскіе листки. Появились они въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на желѣзодѣлательномъ заводѣ Отто и Миненкова и въ другихъ заведеніяхъ. Другіе листки около того же времени распространены въ мѣстной воинской командѣ. Листки вызвали переполохъ; въ юнкерскомъ училищѣ произвели обыскъ, но ничего не нашли. Теперь (въ сентябрѣ) начальникъ жандармскаго правленія вызывалъ къ себѣ для допроса о листкахъ хозяина слесарной мастерской Фесслера, управляющаго Неске и казаковъ мѣстной команды. „Разслѣдованіе“ не дало никакихъ результатовъ.

Изъ подмосковнаго района. На машиностроительномъ заводѣ Струве въ Коломнѣ идутъ волненія рабочихъ; заводъ падаетъ и, какъ говорятъ, съ новаго года вовсе закроется.

Очень ничтожны заработки на фабрикѣ Балашева (станція Куровская). Ткачи вырабатываютъ не болѣе 10 руб.

Не лучше дѣло и въ Егорьевскѣ. Рязанск. губ. Рабочее населеніе, доходящее здѣсь до 16.000 человѣкъ, еще крайне несознательно и враждебно иногда встрѣчаетъ попытки пропаганды. Нѣтъ здѣсь никакихъ просвѣтительныхъ учрежденій, масса живетъ въ полной темнотѣ. Въ апрѣлѣ этого года были здѣсь безпорядки на Хлудовской фабрикѣ. Причина — сокращеніе числа рабочихъ и отмѣна грошевой награды. Къ сожалѣнію, масса не слушалась совѣтовъ лучшихъ людей своей среды, а била окна и грабила. Тѣмъ не менѣе, кое-какія требованія были удовлетворены.

Въ Иркутскѣ въ 20 числахъ сент. распространенъ Иркутскимъ Комитетомъ Сиб. Соц.-демокр. Союза прокламація по поводу забастовки и демонстративнаго шествія красноярскихъ рабочихъ. Прокламація сначала подробно излагаетъ самое событіе, а затѣмъ, пользуясь имъ, указываетъ на необходимость объединенія, какъ на ту силу, которая всегда приведетъ къ побѣдѣ, какъ къ борьбѣ съ капиталистами-хозяевами, такъ и въ борьбѣ съ самодержавіемъ.

Черезъ 4-5 дней послѣ появленія этой прокламаціи (замѣчу въ скобкахъ, что составлена она очень неудачно) мѣстная жандармерія и полиція рѣшили сдѣлать и сдѣлали нашествіе.

Ночью было обыскано человѣкъ 8-10, главнымъ образомъ, высланные сюда студенты. Одинъ студентъ и одна старушка, тетка одного изъ студентовъ, присланная сюда изъ Москвы яко-бы за пособничество своему племяннику, были арестованы и, переночевавъ въ участкѣ, выпущены. Племянникъ же этой старушки, у котораго предполагался обыскъ, по оплошности полиціи, не былъ найденъ въ эту ночь, ибо полиція попала совсѣмъ не въ ту квартиру, гдѣ онъ жилъ. При обыскахъ, — у одного неарестованнаго студента найдена была нелегальная книжка, у арестованнаго — кое-что списанное его рукой изъ нелегальныхъ источниковъ; у старушки же — прокламація соц.-рев. „Ко всѣмъ подданнымъ русскаго царя“, — „явно противоправительственнаго содержанія“, — какъ записано въ полицейскомъ протоколѣ. Въ городѣ много толковъ объ этомъ случаѣ.

Результаты поѣздки „шефа“ начинаютъ сказываться. Изъ Департамента Полиціи получена бумага, освобождающая отъ ссылки и гласнаго надзора нѣкоторыхъ изъ студентовъ. Каждый получающій такую амнистію разѣваетъ ротъ и недоумѣвающе спрашиваетъ: почему же именно меня, а не другого-кого?! Повидимому, правительство, не получивъ отъ „шефа“ никакихъ особыхъ данныхъ, торопится освободить просто „каждаго десятаго“, лишь бы выказать передъ встревоженнымъ духомъ русскихъ отцовъ и матерей свою заботливость и добросердечіе и тѣмъ успокоить солиднаго русскаго обывателя. Но... изъ овечьей шкуры предательски торчитъ волчья пасть!...

Харьковъ. Первое мая на Паровозостроительномъ заводѣ*). Съ утра заводъ имѣлъ свою обычную физіономію. Дымились заводскія трубы, стучали молота, и далеко-далеко разносился грохотъ станковъ. Глухо стучали удары клепальщиковъ по котламъ, сливаясь въ безконечный гулъ, наполнявшій воздухъ. Рабочіе стали въ свое время на работу, и казалось, что сегодня, какъ всегда, пройдетъ безконечно длинный рабочій день. Но если внутри мастерскихъ, гдѣ за станками сосредоточенно стояли рабочіе, вы не могли бы узнать, что сегодня первое мая, то за то у подъѣзда конторы вы сразу увидѣли бы, что сегодняшній день — далеко не обычный заводскій день. Тамъ, въ мастерскихъ, стоялъ грязный, изнуренный рабочій, проклиная въ душѣ тотъ гнетъ, который не даетъ ему даже отпраздновать рабочій праздникъ; здѣсь, у подъѣзда, собралась полиція, разодѣтая въ блестящіе мундиры, лакированные ботфорты и бѣлыя перчатки, въ ожиданіи „бунта“. На улицѣ, сопровождаемый сыщиками завода, шнырялъ директоръ, отдавая приказанія полиціи и разставляя посты городовыхъ. И какъ мило выглядѣло это единеніе директора завода, человѣка самовластнаго, не терпящаго вмѣшательства постороннихъ въ заводскія дѣла, съ околодочнымъ надзирателемъ! Но чего не сдѣлаетъ первое мая, чего не сдѣлаетъ страхъ передъ силой трехъ тысячъ рабочихъ!

Уже 9 час. утра. Полиція торжествуетъ. Вотъ что значитъ полиція! Рабочіе боятся и потому продолжаютъ тянуть лямку. Но это только съ одной стороны. Съ другой стороны, нѣсколько жалко. Вѣдь если бы рабочіе забунтовали, можно бы себя показать! Она-ли не съумѣетъ усмирить рабочихъ! Конечно, нѣсколько боязно, но можно отличиться: получить орденокъ, благодарность, можно угощаться на счетъ завода. Впрочемъ, они это дѣлаютъ сейчасъ же, не дожидаясь бунта. Да оно и лучше. Храбрость полиціи растетъ пропорціонально числу выпитыхъ бутылокъ...

Но что за дьявольщина! Слышатся крики, шумъ; бѣгутъ рабочіе. До гудка еще далеко. Гудокъ дается въ 12 час., а теперь только половина десятаго. Группа рабочихъ съ крикомъ бросается по всѣмъ мастерскимъ, требуя пріостановки работы. „Что же, праздновать, такъ праздновать! Бросай, братцы!“ Тутъ и тамъ образуются группы рабочихъ. Около паровозной мастерской столпились выходящіе рабочіе. Туда спѣшитъ завѣдующій этой мастерской; онъ спѣшитъ увѣщевать рабочихъ, но въ это время шальная гайка, брошенная изъ толпы, попадаетъ ему прямо въ бровь и разрѣзываетъ ее почти до глаза, оставляя на всю жизнь глубокій шрамъ. Въ другомъ уголку рабочіе бьютъ монтера, обвиняемаго въ предательствѣ. Въ механической мастерской въ завѣдующаго бросаютъ шрапнелями; онъ спѣшитъ убраться, но въ это время встрѣтившійся рабочій полосой желѣза разрѣзываетъ ему кожу на верхней части черепа. Въ другихъ мастерскихъ рабочіе бросаются на мастеровъ, но послѣдніе ускользаютъ.

Не дремлетъ и полиція. Галопомъ несутся казаки. Широко раскрываются передъ ними ворота завода, и казаки съ остервенѣніемъ бросаются на толпу. Какъ велико это остервенѣніе! Намъ кажется, что было бы оскорбительно для голоднаго звѣря сказать, что онъ бросается на добычу съ такимъ же остервенѣніемъ, какъ казаки на толпу. Гдѣ ужь тамъ голодному волку взять такую свирѣпость! Лошади ржутъ, казаки гикаютъ, а нагайки свистятъ и свистятъ. Рабочіе бросаются въ разсыпную. Только часть рабочихъ забирается въ мастерскую, и когда казаки хотятъ ее очистить, отстрѣливаются гайками. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ проникнуть въ мастерскую, попытокъ, во время которыхъ казацкій офицеръ исчерпалъ всѣ военныя хитрости, предписываемыя и тактикой, и стратегіей, казаки отступили. Результатъ стычки — раненная лошадь и нѣсколько раненныхъ казаковъ.

Вскорѣ на заводъ прибыла пѣхота и была разставлена по всему двору постами.

Часовъ около десяти на заводъ, сопровождаемый эскортомъ казаковъ, прибылъ харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. Принявъ рапортъ отъ полицмейстера и полковника, онъ направился во дворъ, гдѣ помѣщаются мастерскія. Здѣсь передъ небольшой кучкой рабочихъ онъ произнесъ рѣчь. Вотъ приблизительно эта рѣчь:

„Кто бунтуетъ, это все люди, находящіеся на содержаніи у иностранцевъ, это они мутятъ. Гдѣ лучше? Нѣмцы сюда ѣдутъ кормиться... Вездѣ есть богатые и бѣдные. Такъ ужъ Богомъ положено, вездѣ... Покажите страну, гдѣ этого нѣтъ... А? не покажете! Я могу стрѣлять, но не хочу стрѣлять, на мнѣ крестъ (показываетъ на шею). Пойдите работать. Вы должны работать. Всѣ должны работать... Если не пойдете, то ужъ придется сдѣлать такъ, какъ требуютъ отъ меня долгъ и присяга“.

Губернаторъ этой рѣчью не ограничился и передъ другой кучкой рабочихъ произнесъ вторую рѣчь:

„Кто мутитъ, это все жиды, находящіеся на откупу у иностранцевъ... Это они... А вы, бараны, тоже за ними. А гдѣ лучше? Нѣмцы сюда ѣдутъ кормиться... Вездѣ есть бѣдные и богатые. Такъ ужъ Богомъ положено... Я не хочу стрѣлять... На мнѣ крестъ... Я крестьянъ сѣкъ, они ничего не понимаютъ, но вы сами можете разобрать... Вамъ я этого не хочу дѣлать... Вы читаете всякія прокламаціи. Я тоже читалъ и ничего не понялъ... Я не понялъ, значитъ, вы навѣрно не понимаете... Я могу стрѣлять, я не буду стрѣлять, на мнѣ крестъ. . Идите работать. Чего вы молчите? Я прибѣгну къ тѣмъ мѣрамъ, которыя найду нужными. Гдѣ бунтовщики?“

Вскорѣ, благодаря усиленнымъ хлопотамъ полиціи и заводской администраціи, среди глубокой тишины, царившей на заводѣ, уныло завертѣлись нѣкоторые станки. Послѣ полудня на заводѣ работало человѣкъ 50 изъ трехъ тысячъ. Черезъ день на работу стали почти всѣ рабочіе. Въ ночь на первое мая и перваго мая было арестовано много рабочихъ.

Если сравнить то, что было въ 1900 г., съ тѣмъ, что было въ этомъ году, то приходится констатировать фактъ, что въ то время какъ въ 1900 г. рабочіе выказали полнѣйшее спокойствіе и полную солидарность, въ этомъ году они обнаружили излишекъ стремительности и полную дезорганизованность. Оно и понятно. Въ 1900 г., когда промышленный застой еще не чувствовался, когда, наоборотъ, все предвѣщало пышный расцвѣтъ промышленности, рабочій себя чувствовалъ хозяиномъ положенія. Перваго мая, въ 8 час. утра, заводъ сталъ, какъ одинъ человѣкъ. Рабочіе выставили требованія и вели себя совершенно спокойно. Не то въ этомъ году. Заводы не дорожатъ рабочими. Промышленный застой заставляетъ заводы сокращать число рабочихъ, рабочая масса угнетена и физически, и морально. Она не можетъ устроить организованную стачку. За то она вымещаетъ свою злобу и ненависть на мастерахъ, монтерахъ и, при случаѣ, накидывается на нихъ, а въ пылу раздраженія рабочіе готовы и на разрушеніе.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.

22 октября пронзительные свистки нарушили мирную тишину, царившую въ поляхъ Пенсильваніи впродолженіе болѣе пяти мѣсяцевъ. 150.000 углекоповъ прекратили свой вынужденный покой и, опять отозвавшись на зовъ свистковъ, спустились въ кромѣшный адъ подземныхъ копей. Эта только-что кончившаяся великая стачка поучительна во многихъ отношеніяхъ.

Когда она около пяти мѣсяцевъ тому назадъ началась, трудно было предположить, что по своему развитію и исходу она будетъ чѣмъ-нибудь отличаться отъ многихъ другихъ крупныхъ стачекъ, которыя такъ часто здѣсь повторяются.

Интенсивный процессъ концентраціи капиталовъ и развитія трэстовъ, расширяющій съ головокружительной быстротой базисъ производства, хотя и увеличиваетъ въ такой же степени размѣры профессіональной организаціи рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно уменьшаетъ ихъ шансы на успѣхъ въ экономическихъ схваткахъ съ крупными капиталистами. Послѣдніе не стѣсняются обыкновенно никакими средствами, и для нихъ „политика“ въ этой борьбѣ такъ же хороша, какъ и „экономика“.

Въ началѣ стачки директоръ каменно-угольнаго трэста, г. Бэръ, слѣдующимъ образомъ характеризовалъ ходъ этого рода столкновеній: „Стачка, вѣроятно, скоро кончится, говорилъ онъ, желая успокоить общественное мнѣніе. Мы найдемъ достаточно рабочихъ, чтобы работы не прекратились совершенно; тѣмъ временемъ стачечники, изнуренные голодомъ и разными лишеніями, раздраженные присутствіемъ скэбовъ (замѣщающихъ стачечниковъ), начнутъ бунтовать. Тогда мы отъ правительства потребуемъ войскъ для водворенія порядка. Это сломитъ упорство рабочихъ“. Это откровенное заявленіе г. Бэра очень характерно. Оно ясно и рельефно обнаруживаетъ методы, къ которымъ въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ обыкновенно капиталисты. Но на этотъ разъ г. Бэръ ошибся. Углекопы не пожелали доставить ему удовольствіе и не давали повода для кровопролитія.

Милиція, правда, была вызвана, но, при всемъ ея стараніи пресловутый порядокъ не нарушался, хотя углекопы упорно отстаивали свои интересы и не сдавались. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ этомъ отношеніи организація углекоповъ находится въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ другія рабочія организаціи.

Одно изъ самыхъ главныхъ условій веденія крупной стачки, несомнѣнно — организованность, солидарность и, вообще, тѣсная связь между рабочими, составляющую армію борцовъ. Создать такую связь среди углекоповъ до сихъ поръ трудно удавалось. Въ погонѣ за дешевой рабочей силой и рабами, которыхъ можно было бы съ успѣхомъ противупоставить строптивымъ американцамъ, владѣльцы угольныхъ копей привлекали въ свои районы мало культурные элементы со всѣхъ концовъ земли. Въ результатѣ оказалось, что большинство углекоповъ — иностранцы, которые въ культурномъ отношеніи не только ниже американцевъ, не только не понимаютъ ихъ потребностей, привычекъ и обычаевъ, но не знаютъ и ихъ языка. Какъ тутъ объединить въ одну сильную организацію эти разнообразнѣйшіе элементы, когда поляки не понимаютъ венгерцевъ, венгерцы — итальянцевъ, послѣдніе — словаковъ, а всѣ вмѣстѣ не понимаютъ американцевъ, ихъ вождей и организаторовъ? Въ этомъ отчасти лежала причина почти постоянныхъ пораженій, которыя терпѣли углекопы въ борьбѣ за лучшія условія жизни. И если теперь „союзъ углекоповъ“, несмотря на такое разнообразіе составляющихъ его элементовъ, одержалъ блестящую побѣду надъ могущественнымъ трэстомъ, то главная заслуга въ этомъ по праву принадлежитъ президенту союза, энергичному вождю углекоповъ, Джону Митчелю.

Насколько можно видѣть изъ отчета, представленнаго секретаремъ на послѣднемъ конгрессѣ (1901 г.) этого союза, въ 1898 г. (когда Митчель былъ избранъ президентомъ) платящихъ членовъ организаціи было не болѣе 50.000, но съ 1898 г. по 1901 число это возрасло до 250.000. Въ этотъ союзъ входятъ рабочіе каменноугольныхъ и антрацитныхъ копей. Съ хозяевами первыхъ рабочіе живутъ сравнительно въ мирѣ. Благодаря тому, что хозяева признаютъ союзъ, рабочіе въ этомъ районѣ добились сравнительно болѣе сносныхъ условій какъ въ отношеніи платы, такъ и въ отношеніи рабочаго времени. Не то въ районѣ антрацитовыхъ копей, лежащихъ, главнымъ образомъ, въ штатѣ Пенсильваніи. Могучій трэстъ, владѣющій почти всѣми копями, упорно не признавалъ организаціи рабочихъ, предпочитая вести переговоры съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Не смотря на болѣе тяжелыя условія труда въ антрацитовыхъ копяхъ, рабочіе получали меньшую плату и имѣли болѣе длинный рабочій день. Всѣ старанія союза добиться какихъ-нибудь улучшеній кончились ничѣмъ. Рабочіе, теряя терпѣніе, рвались на борьбу, и если бы не энергичное противодѣйствіе Митчеля, стачка началась бы еще въ прошломъ году. Но Митчель требовалъ мира не для мира. Какъ талантливый организаторъ и дальновидный человѣкъ, онъ хотѣлъ мира, чтобы выиграть время для приготовленій къ войнѣ. Онъ зналъ силу и могущество своего предшественника; онъ зналъ, что отъ него онъ не можетъ ждать пощады. Когда позже состоялось рѣшеніе начать борьбу, углекопы были вполнѣ къ ней готовы.

Прежде, чѣмъ начать стачку, рабочіе передали свои требованія владѣльцамъ копей, предлагая имъ предоставить обсужденіе ихъ конференціи, составленной изъ выборныхъ трэста и союза. Капиталисты, конечно, на отрѣзъ отказались. Тогда рабочіе предложили имъ передать рѣшеніе спорнаго вопроса третейскому суду. Капиталисты и этого не захотѣли. Послѣ этого стачка была формально объявлена.

Рабочіе требовали, главнымъ образомъ: введенія 8-мичасоваго рабочаго дня, увеличенія платы на 20 проц. и точнаго взвѣшиванія количества угля, доставляемаго каждымъ углекопомъ. До сихъ поръ уголь принимался въ вагонеткахъ, наполненныхъ до верху. Капиталисты, конечно, ужъ заботились о томъ, чтобы содержащагося въ нихъ угля было вдвое больше требуемыхъ по уговору трехъ тоннъ. Требуя болѣе точнаго взвѣшиванія угля, рабочіе хотѣли также, чтобы при вѣсахъ находились ихъ представители, оплачиваемые изъ ихъ собственной кассы, которые слѣдили бы за тѣмъ, чтобы количество взвѣшиваемаго угля точно регистрировалось.

Стачка съ перваго же момента приняла крайне рѣшительный характеръ. Ни одна изъ сторонъ не проявляла склонности просить или давать пощаду. Во главѣ трэста стоялъ Бэръ, не только жестокій и неразборчивый въ средствахъ эксплуататоръ, но и принципіальный и непримиримый врагъ рабочихъ организацій. „Божественная премудрость, говорилъ онъ какъ-то разъ, снабдила капиталистовъ достаточными средствами, чтобы самимъ заботиться о своихъ рабочихъ“.

Вождемъ рабочей арміи былъ Джонъ Митчель. Еще молодой, но полный энергіи и силъ человѣкъ, онъ, по всей вѣроятности, будетъ играть очень крупную роль въ здѣшнемъ рабочемъ движеніи. Самъ углекопъ, онъ испыталъ на себѣ всю тяжесть условій этого труда и лучше всякаго знаетъ нужды и потребности углекоповъ.

Выше было указано, какъ благотворно его дѣятельность повліяла на ростъ союза углекоповъ; но его организаторскій талантъ и способности вождя проявились только во время описываемой стачки.

Какъ разумный тактикъ, онъ зналъ, что отъ рѣшительности и быстроты перваго натиска зависитъ, главнымъ образомъ, дальнѣйшее развитіе и, пожалуй, исходъ стачки; поэтому, не тратя времени на дипломатическіе переговоры съ хозяевами, не разбивая своей арміи на небольшіе отряды, какъ это дѣлалъ Шэфферъ въ стачкѣ рабочихъ по обработкѣ стали, онъ сразу вызвалъ болѣе 100.000 рабочихъ на стачку, оставивъ лишь машинистовъ и рабочихъ при насосахъ. Если бы послѣдніе сразу присоединились къ стачкѣ, копи наполнились бы водой Митчель оставилъ ихъ на время, надѣясь, что капиталисты сдадутся. Но они не сдавались; мало того: они разослали агентовъ по всей странѣ нанимать рабочихъ; они выписали тысячи частно-наемныхъ полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, якобы для обереганія ихъ собственности, но на самомъ дѣлѣ — для обереганія скэбовъ и провоцированія стачечниковъ.

Митчелю ничего другого не оставалось, какъ вызвать и остальныхъ рабочихъ на стачку, что онъ немедленно и сдѣлалъ.

Борьба стала разгораться все болѣе и болѣе. 150.000 рабочихъ, какъ грозная армія, стояли въ поляхъ Пенсильваніи, рѣшившись преодолѣвать и голодъ, и холодъ, и всяческія другія лишенія, чтобы добиться признанія своихъ правъ и улучшенія своего положенія. Ихъ противниками были только нѣсколько магнатовъ, но эти магнаты обладали несмѣтными богатствами и крупнымъ политическимъ вліяніемъ. Послѣдніе старались всякими способами дискредитировать рабочихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, они распространяли ложные слухи о буйствахъ, грабежахъ, пьянствѣ и т. д. Чтобы внести расколъ въ ряды стачечниковъ, они наводнили ихъ лагерь „рабочими газетами“, въ которыхъ поносились ихъ вожди, — но все было напрасно, и ихъ старанія ни къ чему не привели.

Въ стачку начали вмѣшиваться, какъ это всегда бываетъ здѣсь въ подобныхъ случаяхъ, филантропы и разные другіе господа, ищущіе популярности, предлагая свое посредничество. Все безуспѣшно. Стачка затягивалась. Углекопы начали поговаривать о генеральной стачкѣ. Какъ я выше замѣтилъ, въ организацію углекоповъ входили рабочіе не только антрацитовыхъ, но и каменноугольныхъ копей. Стачка охватывала лишь антрацитовый районъ; съ хозяевами другихъ копей рабочіе жили въ мирѣ. Для обсужденія вопроса о генеральной стачкѣ углекоповъ былъ созванъ спеціальный съѣздъ представителей всей организаціи. Благодаря, главнымъ образомъ, настоянію Митчеля и его штаба, вопросъ о генеральной стачкѣ былъ рѣшенъ отрицательно. Для этого были у углекоповъ очень серьезныя основанія. Лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы рабочимъ удалось заставить хозяевъ каменноугольныхъ копей признать союзъ и заключить съ нимъ договоры, сравнительно очень выгодные для рабочихъ. Начни теперь рабочіе этого района стачку, это означало бы нарушеніе контракта со стороны союза, что сильно подорвало бы его авторитетъ въ глазахъ капиталистовъ. Послѣдніе воспользовались бы этимъ въ борьбѣ противъ организаціи рабочихъ.

---

*) Отъ редакціи. Помѣщаемъ этотъ запоздалый разсказъ о маевкѣ нынѣшняго года въ Харьковѣ, какъ содержащій нѣкоторыя, не опубликованныя еще, подробности.

Рабочіе всей Америки съ большимъ интересомъ и участіемъ слѣдили за ходомъ этой борьбы. Никогда раньше не проявляли они такой солидарности, какъ теперь. Чуть-ли не во всѣхъ городахъ Америки организовывались комитеты изъ представителей разныхъ рабочихъ организацій, которые собирали деньги для стачечниковъ. Сотни тысячъ долларовъ отсылались въ ихъ кассу. Дѣло углекоповъ стало дѣломъ всего организованнаго пролетаріата Сѣв. Америки.

Чѣмъ дольше затягивалась стачка, тѣмъ больше стали чувствовать ея послѣдствія. Несмотря на постоянныя кичливыя увѣренія директоровъ трэста, что у нихъ есть достаточно рабочихъ, чтобы доставить на рынокъ сколько-угодно угля, нужда въ немъ начала сильно чувствоваться, и цѣна на тонну отъ 5 съ чѣмъ-то долларовъ дошла до 25-30 дол., да и за эту цѣну не всегда можно было достать уголь въ нужномъ количествѣ. Многіе торговцы угля въ большихъ городахъ должны были закрыть свои склады. Много фабрикъ и заводовъ должны были прекратить производство. Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ. Къ счастью, погода стояла теплая, но со дня на день ждали наступленія холодовъ, а тогда возмущенію и бунтамъ не было бы конца.

А борющіяся стороны сохраняли свои позиціи и не думали объ уступкахъ.

По инниціативѣ нѣсколькихъ мэровъ (городскихъ головъ) состоялся съѣздъ представителей многихъ городовъ Америки для обсужденія положенія, вызваннаго стачкой, и средствъ помочь ей. Характерно, что съѣздъ этотъ, состоящій изъ самыхъ благонамѣренныхъ гражданъ, солидныхъ буржуа, очень далекихъ отъ „разрушительныхъ" тенденцій соціалистовъ, не могъ придумать ничего другого, какъ захватъ государствомъ всѣхъ угольныхъ копей.

Заволновались также политиканы всѣхъ партій и фракцій. Имъ нужно было такъ или иначе выяснить свое отношеніе къ стачкѣ. Приближался день выборовъ — 4 ноября — и всѣ понимали, что стачка будетъ центральнымъ пунктомъ политической агитаціи всѣхъ партій. Въ виду этого, положеніе республиканцевъ было особенно критическое. Ихъ считали болѣе всего отвѣтственными за вызванное стачкой положеніе вещей не только потому, что она случайно въ данный моментъ господствующая партія въ странѣ, но, главнымъ образомъ, потому, что она партія крупнаго капитала вообще и партія трэстовъ, въ частности. Республиканцы прекрасно понимали, что если ими не будутъ приняты энергичныя мѣры, чтобы прекратить стачку, то 4 ноября принесетъ имъ такое пораженіе, отъ котораго имъ, быть можетъ, впослѣдствіи долго ужъ не оправиться. И вотъ начинается компанія политикановъ.

Прежде всего пенсильванскій губернаторъ и пенсильванскіе члены конгресса стали оббивать пороги магнатовъ трэста; къ нимъ присоединились скоро губернаторъ и крупные политиканы Нью-Іорка. Но всѣ ихъ конференціи, переговоры и совѣщанія ни къ чему не привели — стачка и возбужденіе продолжалось по прежнему. Оставалось одно средство и они рѣшили его испробовать: уговорить президента Соед. Штатовъ повліять на спорящія стороны.

Президентъ пригласилъ въ Вашингтонъ вождей рабочихъ и директоровъ трэста и обратился къ нимъ съ горячимъ воззваніемъ, указывая на то, что отъ стачки, кромѣ спорящихъ сторонъ, терпитъ еще третій элементъ — публика, въ интересахъ которой стачка должна прекратиться. Онъ аппелировалъ къ чувству патріотизма и человѣколюбія капиталистовъ. Въ отвѣтъ на это г. Бэръ заявилъ, что не капиталисты отвѣтственны за стачку и ея послѣдствія, а власти, которыя не исполняютъ своихъ обязанностей. Они могли бы де имѣть сколько угодно рабочихъ и добывать сколько угодно угля, если бы въ районѣ стачки было достаточно войска для охраны желающихъ работать отъ угрозъ и нападеній со стороны стачечниковъ. Митчель тутъ же назвалъ заявленіе Бэра полной ложью, такъ какъ солдатамъ некого было бы охранять, — у капиталистовъ нѣтъ рабочихъ.

На сколько сильна власть плутократіи въ современномъ государствѣ и на сколько услужливы власти, ясно видно изъ слѣдующаго обстоятельства.

Казалось, что президентъ послѣ такого рѣзкаго и возмутительнаго отвѣта Бэра, полнаго упрековъ ему, покажетъ свою власть господамъ капиталистамъ, или, во всякомъ случаѣ, не будетъ помогать имъ. Но увы! — не успѣла конференція разойтись, какъ губернаторъ Пенсильваніи вызвалъ всю милицію штата, и генералы, распредѣляя войска, отдали приказъ: слѣдить зорко, чтобы порядокъ не нарушался и, гдѣ надо, стрѣлять и убивать. Эта мѣра, поразившая всѣхъ своей безсмысленностью и неожиданностью, на стачку не имѣла никакого вліянія. Стачечники держались дружно и безукоризненно, а въ копяхъ по прежнему все оставалось мертво и безжизненно. Митчель былъ правъ: Бэръ, очевидно, лгалъ, когда говорилъ, что подъ сильной военной охраной нашлось бы достаточно углекоповъ, чтобы продолжать работы въ копяхъ.

Нужда въ углѣ тѣмъ временемъ все усиливалась. Всѣ ждали отъ президента рѣшительныхъ мѣръ, чтобы прекратить стачку.

Въ это время явился въ Нью-Іоркъ Рутъ, правая рука президента Рузевельта, министръ въ его кабинетѣ, для переговоровъ съ П. Морганомъ, однимъ изъ самыхъ крупныхъ финансовыхъ тузовъ Америки. Онъ имѣетъ безграничное вліяніе на биржѣ и связанъ со многими крупными трэстами. Всѣ знали, что одного слова Моргана было бы достаточно, чтобы заставить магнатовъ угольнаго трэста подчиниться требованію публики. О чемъ совѣщались Рутъ съ Морганомъ, публикѣ осталось неизвѣстнымъ. Но результатъ конференціи былъ ясенъ: капиталисты согласились на предложеніе президента — передать спорный вопросъ третейскому суду.

Они пытались, правда, ограничить свободу президента въ выборѣ суда; но Митчель категорически заявилъ, что онъ согласится на третейскій судъ лишь въ томъ случаѣ, если президентъ съумѣетъ выбрать членовъ суда не подъ диктовку капиталистовъ.

На это президентъ ему отвѣтилъ, что онъ совершенно свободенъ въ этомъ отношеніи, и передалъ ему списокъ лицъ, которыхъ онъ думаетъ пригласить. Тогда Митчель созвалъ представителей углекоповъ, которые послѣ непродолжительныхъ дебатовъ санкціонировали дѣйствія Митчеля.

Такимъ образомъ, эта громадная стачка окончилась блестящей побѣдой. Если даже не всѣ требованія рабочихъ будутъ удовлетворены судомъ, побѣда рабочихъ все таки громадна, въ виду того, что капиталисты, согласившись на третейскій судъ, косвенно признали союзъ углекоповъ.

Крупная промышленность развивается въ Америкѣ съ неимовѣрной быстротой. Трэсты и крупныя комбинаціи капиталистовъ возникаютъ вездѣ, овладѣвая одной отраслью ея за другой. Рядомъ и параллельно съ этимъ происходитъ процессъ все большаго сплачиванія рабочихъ массъ. Борьба, даже стачечная, принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ борьбы двухъ классовъ. Почти въ каждой крупной стачкѣ затрогиваются интересы съ одной стороны, всего рабочаго класса, а съ другой — класса капиталистовъ. Каждая такая стачка не только нарушаетъ мирное развитіе экономической и политической жизни страны, но также напоминаетъ, какъ подземный гулъ передъ изверженіемъ вулкана, приближеніе соціальной катастрофы. Буржуазные и вполнѣ благонамѣренные представители городовъ, застигнутые врасплохъ стачкой, не находятъ другого средства для предотвращенія вызваннаго стачкой общественнаго зла, какъ захватъ государствомъ копей — это въ моментъ стачки углекоповъ. Когда рабочіе по обработкѣ стали пойдутъ въ стачку, государству надо будетъ захватить въ свои руки стальной трэстъ и т. д. Но это одна сторона вопроса. Съ другой стороны, — рабочіе въ этой стачкѣ могли ясно видѣть, что государство — очень крупный факторъ для рѣшенія такъ называемаго рабочаго вопроса, и еще до захвата ими различныхъ отраслей промышленности рабочимъ не можетъ быть безразлично, кто владѣетъ государственной машиной. Сенаторы, губернаторы, самъ президентъ бѣгали, волновались, но ничего не могли сдѣлать по той простой причинѣ, что ничего существеннаго и не хотѣли сдѣлать. И республиканская и демократическая партіи — политическія организаціи капиталистовъ. Политиканы оказались въ такомъ безпомощномъ положеніи потому, что, съ одной стороны, хотѣли показать рабочимъ, что они ихъ друзья, но такъ, чтобы, съ другой стороны, интересы капиталистовъ не пострадали.

Рабочіе могутъ разсчитывать на государство лишь въ томъ случаѣ, если машина его будетъ въ ихъ рукахъ.

Соціалисты также не бездѣйствовали во время стачки. Въ то время, какъ республиканскіе и демократическіе политиканы фиглярничали передъ рабочими, притворяясь ихъ друзьями, соціалистическіе ораторы съ большимъ успѣхомъ агитировали въ районѣ стачки. Никогда еще соціалистическія собранія не посѣщались такими массами въ тѣхъ мѣстахъ; никогда тамъ слова соціалистовъ не вызывали такого энтузіазма! На сколько агитація соціалистовъ была успѣшна, видно изъ петиціи, которую филадельфійскіе купцы подали губернатору. Прося его, чтобы онъ употребилъ всю свою власть и вліяніе, чтобы прекратить стачку, они, между прочимъ, тамъ говорятъ: „Если стачка не прекратится немедленно, слѣдующіе выборы ознаменуются такимъ радикализмомъ, подобнаго которому нашъ штатъ никогда еще не видѣлъ. **Соціалистическая партія сдѣлалась могущественнымъ факторомъ въ политикѣ нашего района.**"

ИЗЪ ПАРТІИ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И ТЕРРОРЪ.

Слѣдующая резолюція о террорѣ принята одной изъ соц.-дем группъ на югѣ Россіи.

„По вопросу о террорѣ*) группа, которая представила критику проекта программы „Искры" и „Зари", полагаетъ, что

1) Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, признавая единственнымъ средствомъ ниспроверженія существующаго въ Россіи политическаго строя революціонную борьбу массъ, тѣмъ самымъ исключаетъ изъ своей программы-тактики терроръ, какъ средство борьбы. Не устраненіе того или иного представителя власти, не запугиваніе правительства является въ ея глазахъ средствомъ осуществленія ея политической задачи, но противопоставленіе силѣ правительства другой силы, болѣе грозной и могучей, силы сознательныхъ революціонныхъ массъ и общественныхъ слоевъ. Нигдѣ въ Зап. Европѣ терроръ не сыгралъ роли средства осуществленія государственнаго переворота. Поэтому, въ самомъ появленіи террора въ программахъ русскихъ революціонеровъ группа видитъ признакъ слабости и невольное признаніе неподготовленности почвы для политическаго переворота. Если масса и общество подготовлены условіями историческаго развитія къ выполненію ихъ исторической миссіи, если они доросли до пониманія необходимости для нихъ политической свободы, то они ее завоюютъ, если же они не въ состояніи оправдать возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, то никакіе террористическіе акты не могутъ помочь дѣлу революціи. Удачный выстрѣлъ можетъ напугать малодушнаго самодержца, но не самодержавіе, которое опирается на силу, слишкомъ серьезную, чтобы его можно было вспугнуть бомбами. Сила эта кроется, главнымъ образомъ, въ опредѣленномъ складѣ сознанія массъ. Преобразовать это сознаніе въ его противоположность, превратить вѣрноподданныхъ въ враговъ самодержавія — вотъ средство борьбы съ нимъ.

2) Но отрицая за терроромъ значеніе средства непосредственной борьбы, мы тѣмъ самымъ его вовсе исключаемъ изъ программы-тактики, такъ какъ побочной роли въ дѣятельности какой-бы то ни было партіи онъ играть не можетъ. Терроръ — слишкомъ чрезвычайное средство; онъ, какъ признаютъ сами сторонники его, „противенъ человѣческой природѣ" (см. рѣчи Желябова, Балмашева, прокламацію „боевой организаціи" отъ 3 апр. 1902 г.) и, поэтому, примѣненіе его можетъ быть оправдано лишь крайней необходимостью, безвыходностью и отсутствіемъ какихъ-либо другихъ мѣръ, а это исключаетъ возможность введенія террора въ программу, какъ побочнаго, второстепеннаго средства (эксцитативнаго, воспитательнаго и проч.). Кромѣ того, терроръ по самой своей сущности долженъ дезорганизовать всякую партію. Доступный лишь незначительному меньшинству избранниковъ, онъ принижаетъ дѣятельность всѣхъ остальныхъ революціонеровъ, такъ какъ въ сравненіи съ геройской, смѣлой и самоотверженной борьбой террориста, происходящей у всѣхъ на виду, всякая иная революціонная дѣятельность представляется жалкой, мелкой и ничтожной. Это приводитъ къ тому, что лучшія силы уходятъ въ эту бездонную пропасть, а всѣ остальные виды революціонной работы, гораздо болѣе важные и необходимые, постепенно падаютъ, глохнутъ и исчезаютъ. Вниманіе всѣхъ всегда сосредоточивается на кучкѣ борцовъ, водворяется атмосфера фантастическихъ мечтаній, подрывающая энергію работниковъ повседневной, упорной и самой главной революціонной работы. Послѣ сказаннаго группа считаетъ лишнимъ критиковать самую пригодность террора для тѣхъ побочныхъ цѣлей, для которыхъ онъ рекомендуется.

3) Но терроръ защищается еще, какъ естественная реакція противъ приниженія человѣческаго достоинства, приниженія, съ которымъ революціонеру приходится встрѣчаться особенно часто въ послѣдніе годы. По мнѣнію группы, въ такой постановкѣ вопроса кроется глубокое недоразумѣніе. Революціонеръ, прежде всего, человѣкъ, и на униженіе своего достоинства и достоинства близкихъ ему лицъ отвѣчаетъ, какъ всякій человѣкъ, т. е. согласно степени сознанія своего достоинства, темпераменту и условіямъ момента. На истязанія Сигиды карійцы отвѣчаютъ самоубійствомъ, на наказаніе розгами Боголюбова В. Засуличъ отвѣчаетъ выстрѣломъ. Могутъ быть самыя разнообразныя формы отвѣта, никакая партія не можетъ вносить въ свою программу пунктъ, обязывающій отвѣчать именно на всякое частное проявленіе насилія опредѣленнымъ образомъ, никакая организація (будь это „боевая орган." или „исполн. ком.") не можетъ взять на себя исключительную роль мстителя за попранную личность революціонера. Здѣсь, скажемъ, раздѣленіе труда и предварительный уговоръ противны человѣческой природѣ: здѣсь мы находимся исключительно въ области аффекта, не допускающаго никакой регламентаціи.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ соображеній, группа рѣзко и категорически высказывается противъ террора, признаетъ вредными всякія попытки къ возрожденію его и призываетъ организацію „Искры" и „Зари" и всѣ прочія соц.-дем. организаціи открыто высказаться противъ террора и всѣми возможными средствами бороться противъ него..."

Прокламація Нижегородскаго Комитета, помѣченная октябремъ н. г. и посвященная назначенію фонъ-Валя товарищемъ министра, заканчивается слѣдующими словами:

„Молодой, честный, самоотверженный Леккертъ не могъ совладѣть съ чувствомъ омерзѣнія при видѣ палача и явился мстителемъ за товарищей, рѣшивъ истребить вреднаго, ненавистнаго всѣмъ человѣка. Кто рѣшится осудить самоотверженнаго Леккерта и его праведный гнѣвъ? Но, вѣдь, и все русское правительство, со всѣми министрами и царемъ во главѣ, вмѣстѣ является жестокимъ палачемъ по отношенію ко всему народу. Не лежатъ-ли на немъ тысячи преступленій и убійствъ, можетъ быть, тысячи и десятки тысячи человѣческихъ жизней? А если такъ, то можетъ-ли обезвредить его уничтоженіе одной вредной личности? Мы убѣждены, что, вмѣсто уничтоженія отдѣльныхъ личностей, гораздо скорѣе можно обезвредить правительство, отнявъ силою его власть. На эту цѣль, товарищи, надо направить всю нашу энергію и всю самоотверженность".

---

*) Подъ терроромъ группа понимаетъ систематическія и организованныя убійства представителей правительственной власти съ цѣлью достиженія партійныхъ цѣлей.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Мы, Харьковскій Комитетъ, въ качествѣ представителя соц.-демократической организаціи, главной своей задачей считаетъ защиту классовыхъ интересовъ пролетаріата; всякая дѣятельность въ духѣ профессіональныхъ, „чисто-рабочихъ" интересовъ массы, а не класса, а также въ духѣ терроризма затемняетъ истинный смыслъ революціоннаго движенія и ослабляетъ его; поэтому, попытки такого рода должны вызвать рѣзкій протестъ съ нашей стороны. Особенности нашего положенія въ государствѣ съ самодержавно-бюрократическимъ устройствомъ и полицейскимъ произволомъ требуютъ, чтобы нами на первый планъ были выдвинуты широкія политическія задачи низверженія самодержавія и провозглашенія демократической республики. Осуществленіе этихъ основныхъ цѣлей можетъ быть возложено на партію, группирующую около себя всѣхъ сознательныхъ революціонеровъ соц.-демократовъ и ведущую работу по опредѣленному, строго обдуманному плану. Необходимость такого объединенія ощущается въ данный моментъ всѣми дѣйствующими группами. Практическое исполненіе этого возможно только путемъ группировки всѣхъ единомыслящихъ около одного принципіально выдержаннаго органа, руководящаго всѣмъ соц.-демократическимъ движеніемъ. Изъ этихъ основныхъ посылокъ ясно наше отношеніе къ органу „Искра": и принципіальность ея позиціи, ея рѣзкая критика узкаго экономизма и терроризма, ея борьба съ кустарничествомъ, ея стремленіе объединить дѣйствующія организаціи около широкихъ политическихъ задачъ и выработка плана для этого объединенія, — все это побудило насъ заявить о своей солидарности съ „Искрой" по вопросамъ принципіальнымъ, тактическимъ и организаціоннымъ. — Желательно, чтобы и другіе комитеты партіи высказали свое отношеніе къ „Искрѣ", такъ какъ такое заявленіе способствуетъ объединенію. Заявляя о своей солидарности съ „Искрой", мы всѣми силами будемъ оказывать этому органу и его объединительнымъ попыткамъ матеріальную и духовную поддержку.

Харьк. Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Кіевскимъ Комитетомъ изданы въ октябрѣ прокламаціи: 1) Къ новобранцамъ (съ приложеніемъ „Солдатской памятки" Толстого) и 2) Ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ — по поводу суда надъ харьковскими и полтавскими крестьянами (съ приложеніемъ заявленія защитниковъ). — Кишиневской объединенной организаціей выпущена прокламація „Къ новобранцамъ" (печ.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ 30 октября арестованы, между прочимъ, студенты Горнаго Инст. Гербаненко, Константовъ и Кострыкинъ, студ. Унив. Прорвичъ (выпущ.), Н. Полянская.

Вильна. 7 октября на вокзалѣ арестованъ рабочій литовецъ Матвѣй Батулайтисъ съ 3 пудами литературы.

Москва. Въ сентябрѣ арестованъ литераторъ Мамалыжскій.

Въ Костромѣ въ апрѣлѣ были арестованы, кромѣ поименованныхъ выше: завѣдующій статистикой Тихонъ Поповъ, статистики: Марья Александрова, Алексѣй Загайный (за расклейкой прокламацій), Анна Третьякова, Сем. Колокольцевъ (рецив.); поднадзорные: бывшіе студенты Ник. Маслянниковъ и Ник. Богдановъ, хозяинъ мастерской Василій Буяновъ (въ 7-ой разъ), раб. Потѣхинъ и Кирсановъ (старикъ 70 лѣтъ), чиновн. контрольной палаты Вас. Лебедевъ. Алексѣй Загайный взятъ по доносу статистика Кондратьева, который былъ арестованъ для виду, но черезъ пять дней выпущенъ. Въ августѣ арест. раб. Морозовъ, Петровскій и Галочкинъ; въ сентябрѣ 5 семинаристовъ: Краснухинъ, Невзоровъ, Чудецкій (выдавалъ) и еще двое. При апрѣльскомъ разгромѣ произведено 200 обысковъ (у статистиковъ Граціонскаго, Мушенко, Гинзбургъ, Сабанѣева, г-жи Шредеръ, учителей Виноградова, Смирнова, Виленской, Граціанской, завѣдующей земскимъ книжн. складомъ Лапотниковой, вдовы офицера Стратилатовой, продавщ. въ винной лавкѣ Сперанской, банковскаго чиновника Бѣляева, у многихъ учителей въ уѣздахъ, въ нѣкоторыхъ усадьбахъ и у многихъ рабочихъ). Провокаторъ (по дѣлу 1901 г.) техникъ Врублевскій нынѣ состоитъ шпіономъ при костромск. губ. жанд. упр. Примѣты не обнаруженнаго провокатора по дѣлу Сѣв. Союза: высокаго роста, полный, лѣтъ 30-35, блондинъ, сѣрые глаза, имѣетъ видъ ученый. Явился подъ именемъ Ивана Алексѣевича и выдавалъ себя за нелегальнаго и делегата отъ „Южнорус. Раб. Союза". Обращаемъ вниманіе товарищей на то, что въ настоящее время этотъ субъектъ, по слухамъ, находится въ томъ же сѣверномъ районѣ. — Въ Таганрогѣ 11 сентября на вокзалѣ, по пріѣздѣ харьковскаго поѣзда, арестованъ нѣкто Сапетовъ. Въ ту же ночь было около 12 обысковъ и арестовано еще двое рабочихъ. — Въ станицѣ Каменской въ срединѣ октября по телеграммѣ изъ СПБ. былъ обыскъ у г-жи Кунделековой. — Въ Екатеринодарѣ арестованы Як. Вас. Борисовъ (бывш. инспекторъ моск. студ. школы садоводства), въ Москвѣ по тому же дѣлу взяты ученики этой школы Ал. Никифорофъ, Вл. Медвѣдковъ, Н. Крыловъ-Барановъ, а пять учениковъ исключено. — Въ Воронежѣ арест. 12 окт. завѣдующій ветерин. бюро Грюнеръ.

Сосланы — Николай Богдановъ, бывш. ст. Лѣс. Инст. въ СПБ. — въ Вологод. губ. на три года (по Пет. и Кост. дѣламъ).

Бѣжали: Доливо-Добровольскій (Яросл. дѣло) изъ Оренбурга; бывш. Моск. студ. Радусъ-Зенковичъ изъ Балаганска.

О нижегор. демонстр. по частнымъ свѣдѣніямъ слышно слѣд.: по сормовск. дѣлу нѣсколько чел., признанные дѣйствовавшими сознательно, присуждены на поселеніе въ Вост. Сиб.; по дѣлу городскихъ демонстрантовъ высшая мѣра наказ. — 1 годъ тюрьмы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Уральскому Союзу соц.-дем. и соц.-рев. „Протестъ" полученъ. Отвѣтъ смотрите въ №№ 26 и 27, особенно въ статьяхъ „Послѣднее слово обвиняемаго" и „Все о томъ же". Мы вполнѣ понимаемъ, что самый сильный пунктъ въ позиціи соц.-рев. (да и вашей тоже) это тотъ, что ихъ „обидѣли" и что они могутъ горько „жаловаться" „на обиду" всѣмъ и каждому, даже совсѣмъ не понимающему дѣла, человѣку.

NNN. Письмо и корреспонденціи получены.

Рязань. А. С. Получено и пойдетъ. Пишите.

Отвѣтъ Л. Дейча на статью „Подложныя Грамоты" въ № 12 „Рев. Рос.", въ виду ея размѣровъ, отложенъ.

Получено: Изъ Л. въ пользу бѣжавшихъ 175 фр., отъ Х. 32 фр., за литер. 18,40 фр., съ реф. Ленина 64,60, всего 290 фр. Изъ Женевы съ реф. Инсарова 39,40 фр. Изъ Цюриха: черезъ Берлинъ изъ Россіи въ пользу бѣжавшихъ изъ кіевской тюрьмы 100 р., отъ тов. изъ Линде у Берна 50 фр., изъ мертваго города 26 р., тоже для закл. въ Москвѣ 15 р., тоже для того же чер. Казанца 16 р., изъ Гейдельберга для Красн. Кр. 13,53 фр., изъ Л. отъ М—ой въ пользу бѣжавш. изъ Кіева 40 фр., изъ Нью-Іорка отъ гр. одесскихъ товарищей для заключен. въ одесской тюрьмѣ 100 р. Изъ Парижа 100 фр. Въ Ліежѣ собрано 218 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".

Второй годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 29 1-го декабря 1902 года. № 29

НОВЫЯ СОБЫТІЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Повидимому, непродолжительное „затишье“, которое отличало послѣдніе полгода или три четверти года нашего революціоннаго движенія — по сравненію съ предшествующимъ быстрымъ и бурнымъ развитіемъ его, — начинаетъ приходить къ концу. Какъ ни кратко было это „затишье“, какъ ни очевидно было для всякаго внимательнаго и свѣдущаго наблюдателя, что отсутствіе (на такое небольшое время) открытыхъ проявленій массового возмущенія рабочихъ не означаетъ нисколько прекращенія роста этого возмущенія и вглубь и вширь, тѣмъ не менѣе среди нашей интеллигенціи, настроенной революціонно, но не имѣющей зачастую ни прочной связи съ рабочимъ классомъ, ни крѣпкихъ устоевъ опредѣленныхъ соціалистическихъ убѣжденій, стали раздаваться многочисленные голоса унынія и невѣрія въ массовое рабочее движеніе, съ одной стороны, а съ другой — голоса въ пользу повторенія старой тактики отдѣльныхъ политическихъ убійствъ, какъ необходимаго и обязательнаго въ настоящее время пріема политической борьбы. За тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, которые прошли со времени демонстрацій прошлогодняго сезона, у насъ успѣла уже образоваться „партія“ „соц.-революціонеровъ“, громко заговорившая объ обезкураживающемъ впечатлѣніи демонстрацій, о томъ, что „народъ, увы, еще не скоро“, что о вооруженіи массъ легко, конечно, говорить и писать, а теперь надо взяться за „индивидуальный отпоръ“, не отговариваясь отъ настоятельной необходимости единоличнаго террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и „неинтересную“ для интеллигента, свободнаго отъ „догматической“ вѣры въ рабочее движеніе!) задачу агитаціи среди массъ пролетаріата и организаціи массового натиска.

Но вотъ вспыхиваетъ въ Ростовѣ-на-Дону одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и „будничныхъ“, на первый взглядъ, стачекъ и приводитъ къ событіямъ, которыя показываютъ во-очію всю нелѣпость и весь вредъ предпринятой соц.-революціонерами попытки реставрировать народовольчество со всѣми его теоретическими и тактическими ошибками. Охвативъ многія тысячи рабочихъ, стачка, начатая изъ-за требованій чисто-экономическаго характера, быстро выростаетъ въ политическое событіе, несмотря на крайне недостаточное участіе въ ней организованныхъ революціонныхъ силъ. Толпы народа, доходившія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ участниковъ, до 20-30 тыс. чел., устраиваютъ поражающія своей серьезностью и организованностью политическія собранія, на которыхъ читаются и комментируются съ жадностью соц.-демократическія прокламаціи, говорятся политическія рѣчи, разъясняются самымъ случайнымъ и неподготовленнымъ представителямъ трудящагося народа азбучныя истины соціализма и политической борьбы, преподаются практическіе и „предметные“ уроки обращенія съ солдатами и обращенія къ солдатамъ. Администрація и полиція теряютъ голову (можетъ быть, отчасти вслѣдствіе ненадежности войска?) и оказываются не въ силахъ помѣшать устройству въ теченіе нѣсколькихъ дней невиданныхъ на Руси массовыхъ политическихъ сходокъ подъ открытымъ небомъ. И когда, наконецъ, пускается въ ходъ военная сила, толпа оказываетъ ей отчаянный отпоръ, и убійство товарища служитъ поводомъ для политической демонстраціи на другой день надъ его трупомъ... Впрочемъ, соц.-рев. дѣло представляется, вѣроятно, въ иномъ свѣтѣ, и, съ ихъ точки зрѣнія, было бы, должно быть, „цѣлесообразнѣе“, если бы шестеро убитыхъ въ Ростовѣ товарищей отдали свою жизнь на покушенія противъ тѣхъ или иныхъ полицейскихъ извергов?

Мы же думаемъ, что только такія массовыя движенія, связанныя съ наглядно выступающимъ передъ всѣми ростомъ политическаго сознанія и революціонной активности рабочаго класса заслуживаютъ названія дѣйствительно-революціонныхъ актовъ и способны внушить дѣйствительное ободреніе тѣмъ, кто борется за русскую революцію. Мы видимъ тутъ не пресловутый „индивидуальный отпоръ“, связь котораго съ массами состоитъ только въ словесныхъ заявленіяхъ, въ напечатанныхъ приговорахъ и т. п. Мы видимъ дѣйствительный отпоръ толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихійность этого отпора напоминаетъ намъ, какъ неумно преувеличивать свои революціонныя силы, какъ преступно пренебрегать задачей внесенія вотъ въ эту, настоящимъ образомъ борющуюся у насъ на глазахъ толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредствомъ выстрѣловъ поводы для возбужденія, матеріалъ для агитаціи и для политическаго мышленія, а научиться обрабатывать, использовать, брать въ свои руки тотъ матеріалъ, котораго слишкомъ достаточно даетъ русская жизнь, — вотъ задача, единственно достойная революціонера. Соц.-рев. не могутъ нахвалиться тѣмъ, какъ велико „агитирующее“ дѣйствіе политическихъ убійствъ, о которыхъ шушукаютъ такъ много и въ либеральныхъ гостиныхъ и въ простонародныхъ кабачкахъ. Для нихъ ничего не стоитъ (благо, они свободны отъ всякихъ узкихъ догмъ сколько-нибудь опредѣленной соціалистической теоріи!) замѣнить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитаніе пролетаріата произведеніемъ политической сенсаціи. Мы же считаемъ способными имѣть дѣйствительно и серьезно „агитирующее“ (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо болѣе важно) воспитывающее дѣйствіе только событія, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является сама масса, которыя порождаются ея настроеніемъ, а не инсценируются „съ спеціальной цѣлью“ той или иной организаціей. Мы думаемъ, что цѣлой сотнѣ цареубійствъ не произвести никогда такого возбуждающаго и воспитывающаго дѣйствія, какъ это одно участіе десятковъ тысячъ рабочаго народа въ собраніяхъ, обсуждающихъ ихъ насущные интересы и связь политики съ этими интересами, — какъ это участіе въ борьбѣ, дѣйствительно поднимающей новые и новые „непочатые“ слои пролетаріата къ болѣе сознательной жизни, къ болѣе широкой революціонной борьбѣ. Намъ говорятъ о дезорганизаціи правительства (вынужденнаго смѣнять господъ Сипягиныхъ господами Плеве и „подбирать“ себѣ на службу самыхъ гнусныхъ проходимцевъ), а мы убѣждены, что отдавать одного революціонера хотя бы за десять проходимцевъ значитъ дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и безъ этого рѣдки, такъ рѣдки, что не поспѣваютъ за всей работой, „спрашиваемой“ отъ нихъ рабочими. Мы думаемъ, что настоящей дезорганизаціей правительства являются такіе и только такіе случаи, когда дѣйствительно организуемыя самой борьбой широкія массы заставляютъ правительство растеряться, когда законность требованій передовыхъ людей рабочаго класса выясняется уличной толпѣ и начинаетъ даже выясняться части войска, призываемаго для „усмиренія“, когда военнымъ дѣйствіямъ противъ десятковъ тысячъ народа предшествуетъ колебаніе властей, не имѣющихъ никакой реальной возможности опредѣлить, до чего доведутъ эти военныя дѣйствія, — когда въ убитыхъ на полѣ гражданской войны толпа видитъ и чувствуетъ своихъ товарищей, своихъ сочленовъ и накопляетъ въ себѣ новый запасъ ненависти и желаніе болѣе рѣшительной схватки съ врагомъ. И не отдѣльный проходимецъ, а весь современный строй выступаетъ уже здѣсь врагомъ народа, противъ котораго ополчаются мѣстныя и петербургскія власти, полиція, казаки и войско, не говоря о жандармахъ и судахъ, дополняющихъ и завершающихъ, какъ всегда, всякія народныя возстанія.

Да, возстанія. Какъ ни далеко было отъ „настоящаго“ возстанія начало этого, повидимому, стачечнаго движенія въ далекомъ провинціальномъ городѣ, а его продолженіе и его финалъ невольно наводятъ на мысль именно о возстаніи. Обыденность повода къ стачкѣ, мелкій характеръ выставленныхъ рабочими требованій особенно сильно оттѣняютъ и могучую силу солидарности пролетаріата, увидѣвшаго сразу, что борьба желѣзнодорожныхъ рабочихъ есть его общее дѣло, и воспріимчивость его къ политическимъ идеямъ, къ политической проповѣди, и готовность отстаивать грудью въ прямомъ сраженіи съ войсками тѣ права на свободную жизнь, свободное развитіе, которыя успѣли уже стать общимъ и элементарнымъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ рабочихъ. И тысячу разъ правъ былъ Донской Комитетъ, который въ прокламаціи, цѣликомъ воспроизведенной нами ниже, говорилъ „всѣмъ гражданамъ“ о ростовской стачкѣ, какъ объ одномъ изъ приступовъ къ общему подъему русскихъ рабочихъ съ требованіемъ политической свободы. На событіяхъ такого рода мы дѣйствительно наблюдаемъ во-очію, какъ всенародное вооруженное возстаніе противъ самодержавнаго правительства созрѣваетъ не только какъ идея въ умахъ и программахъ революціонеровъ, но также и какъ неизбѣжный, практически-естественный, слѣдующій шагъ самого движенія, какъ результатъ растущаго возмущенія, растущаго опыта, растущей смѣлости массъ, получающихъ такіе цѣнные уроки, такое великолѣпное воспитаніе отъ русской дѣйствительности.

Неизбѣжный и естественный шагъ, сказалъ я — и спѣшу оговориться: если только мы не позволимъ себѣ ни на шагъ уклониться отъ надвигающейся на насъ, нависшей надъ нами задачи помочь этимъ поднимающимся уже массами подняться смѣлѣй и дружнѣй, дать имъ не двухъ, а десятки уличныхъ ораторовъ и руководителей, создать настоящую боевую организацію, способную направлять массы, а не такъ-называемую „боевую организацію“, которая направляетъ (если направляетъ) неуловимыхъ личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы съ полнымъ правомъ можемъ видоизмѣнить такъ часто и такъ неудачно приводившіяся въ послѣднее время слова Маркса и сказать: „каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины“ индивидуальныхъ покушеній и отпоровъ, важнѣе сотни только-интеллигентскихъ организацій и „партій“.

Наряду съ ростовской битвой выдвигаются на первый планъ изъ политическихъ фактовъ послѣдняго времени каторжные приговоры надъ демонстрантами. Правительство рѣшило запугивать всячески, начиная отъ розги и кончая каторгой. И какой замѣчательный отвѣтъ дали ему рабочіе, рѣчи которыхъ на судѣ мы приводимъ ниже, — какъ поучителенъ этотъ отвѣтъ для всѣхъ тѣхъ, кто особенно шумѣлъ по поводу обезкураживающаго дѣйствія демонстрацій не въ цѣляхъ поощренія къ дальнѣйшей работѣ на томъ же пути, а въ цѣляхъ проповѣди пресловутаго индивидуальнаго отпора! Эти рѣчи — превосходный, отъ самихъ глубинъ пролетаріата исходящій комментарій къ событіямъ вродѣ ростовскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательное заявленіе („публичное оказательство“, сказалъ бы я, еслибы это не былъ специфическій полицейскій терминъ), вносящее бездну бодрости въ длинную и трудную работу надъ „дѣйствительными“ шагами движенія. Замѣчательно въ этихъ рѣчахъ простое, доподлинно-точное изображеніе того, какъ совершается переходъ отъ самыхъ повседневныхъ, десятками и сотнями милліоновъ повторяющихся фактовъ „угнетенія, нищеты, рабства, униженія, эксплуатаціи“ рабочихъ въ современномъ обществѣ къ пробужденію ихъ сознанія, къ росту ихъ „возмущенія“, къ революціонному проявленію этого возмущенія (я поставилъ въ кавычки тѣ выраженія, которыя мнѣ пришлось употребить для характеристики рѣчей нижегородскихъ рабочихъ, ибо это — тѣ самыя знаменитыя слова Маркса изъ послѣднихъ страницъ перваго тома „Капитала“, которыя вызвали со стороны „критиковъ“, оппортунистовъ, ревизіонистовъ и т. п. столько шумныхъ и неудачныхъ попытокъ опроверженія и изобличенія соц.-дем. въ томъ, что они говорятъ неправду).

Именно потому, что говорили эти рѣчи простые рабочіе, вовсе не передовые по степени ихъ развитія, говорили даже не въ качествѣ членовъ какой-либо организаціи, а въ качествѣ людей толпы, именно потому, что напирали они не на ихъ личныя убѣжденія, а на факты изъ жизни каждаго пролетарія или полупролетарія въ Россіи — такое ободряющее впечатлѣніе производятъ ихъ выводы: „вотъ почему мы сознательно шли на демонстрацію противъ самодержавнаго правительства“. Обыденность и „массовидность“ тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ они дѣлали этотъ выводъ, ручается за то, что къ этому выводу могутъ придти и неизбѣжно придутъ тысячи, десятки и сотни тысячъ, если мы съумѣемъ продолжить, расширить и укрѣпить систематическое, принципіально-выдержанное и всестороннее революціонное (соціалдемократическое) воздѣйствіе на нихъ. Мы готовы идти на каторгу за борьбу противъ политическаго и экономическаго рабства, разъ мы почувствовали дуновеніе свободы, — говорили четверо нижегородскихъ рабочихъ. Мы готовы идти на смерть — какъ бы вторили имъ тысячи въ Ростовѣ, отвоевывая себѣ на нѣсколько дней свободу политическихъ сходокъ, отбивая цѣлый рядъ военныхъ аттакъ на безоружную толпу.

Симъ побѣдиши — остается намъ сказать по адресу тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать.

ЗАКОННАЯ ОППОЗИЦІЯ БЕЗЗАКОННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

Иностранныя газеты сообщаютъ, что фон-Плеве надоѣли широкія благопожеланія уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, и онъ предложилъ губернаторамъ обуздать зарвавшуюся земскую мысль и не позволять губернскимъ комитетамъ выходить за предѣлы... сравнительной оцѣнки методовъ удобренія. Въ такомъ „цыцъ!“, брошенномъ съ высотъ министерскаго трона, нѣтъ ничего неожиданнаго. Предполагалось, что комитеты оправдаютъ „драгоцѣнное довѣріе, имъ съ высоты престола оказанное“. Комитеты не „оправдали“. Имъ предложено замолчать. Все послѣдовательно.

Въ сущности, съ первыхъ же засѣданій уѣздныхъ комитетовъ стало ясно, что, вмѣсто „оправданія довѣрія“, произойдетъ судъ земствъ надъ политикой бюрократическаго абсолютизма. Но — такова одна изъ ненормальностей нашей политической жизни — подсудимый оказался въ роли предсѣдателя, который вправѣ закрыть засѣданіе суда въ любой моментъ. Конечно, подсудимый воспользовался своимъ правомъ.

Крайне поучительно отношеніе къ комитетамъ тѣхъ газетъ, которыя отражаютъ „взгляды“, излучающіеся изъ министерскихъ канцелярій. „Гражданинъ“ объявилъ комитеты „очагами оппозиціонной болтовни“. „Моск. Вѣд.“, съ годами не теряющія остроты взора, нашли среди комитетовъ лишь немногихъ праведниковъ, которые не вверглись въ „дебри самохвальства и либеральничанья“. Но комитеты нашли вліятельнаго покровителя въ лицѣ старой гетеры русской журналистики, А. С. Суворина. Правда, и „Новое Время“ признало, что большинство комитетовъ можно упрекнуть въ „нѣкоторой горячности охватить слишкомъ широко каждый вопросъ“. Но — оппозиція? недоумѣнно спрашиваетъ почтенная рептилія, — гдѣ? и кому? Просто „мѣстные дѣятели работаютъ потому, что имъ это поручено“. А оппозицію имъ дѣлать не поручено, значитъ, о ней не можетъ быть и рѣчи. Конечно, не обходилось безъ „болтовни“. Были и бестактности, вродѣ „недовольства порядками, указанными Особымъ Совѣщ.“ Было и либеральничанье и самохвальство. Но „въ громадномъ большинствѣ случаевъ на болтовню такихъ дѣятелей никто не обращаетъ вниманія“. „Съ какою замѣчательной деликатностью и съ какимъ политическимъ тактомъ, умиляется газета, обсуждались, напр., вопросы въ предварительномъ совѣщаніи предсѣдателей земскихъ управъ Моск. губ. Все, что могло подать лишь малѣйшій поводъ къ упреку, что земцы чего-либо домогаются отъ Особ. Совѣщ., тотчасъ было исключено изъ резолюція“ (курсивъ нашъ). Деликатные, почтительные, милые земцы! Добрая, снисходительная рептилія!

Точка зрѣнія „Нов. Вр.“, берущаго подъ свою опеку земцевъ, угнетаемыхъ Мещерскимъ и Грингмутомъ, можетъ быть формулирована такъ: Не бѣда, господа, что либеральный земецъ поиграетъ, это онъ отъ избытка преданности. Если онъ при этомъ слегка созоруетъ, то и это „по порученію“. Надо же застоявшемуся земцу дать время отъ времени политическій моціонъ. Опасаться нечего: вѣдь всѣ мы прекрасно знаемъ, что поступковъ отсюда никакихъ не произойдетъ.

Мы не утрируемъ. Въ № 9560 чернымъ по бѣлому напечатано: „чѣмъ больше шансовъ, что такъ или иначе работа будетъ оставлена безъ вниманія петербургскими канцеляріями, тѣмъ болѣе чести труженикамъ, которые не страшатся подобной перспективы, а дѣлаютъ свое дѣло“. И ту же мысль, съ восхитительной наивностью, переходящею въ самодовольную наглость, высказываетъ значительная часть нашей провинціальной либеральной прессы.

Такимъ образомъ, предполагается, что сами земцы знаютъ заранѣе о полной практической безрезультатности ихъ дебатовъ и резолюцій, но, „не страшась подобныхъ перспективъ“, съ достоинствомъ упражняются въ самодовлѣющей гражданской гимнастикѣ. Такъ-ли это, милостивые государи?

Мы хотѣли бы, мы страстно хотѣли бы думать, что это не такъ. Мы хотѣли бы вѣрить, что они, эти „милостивые государи“ земской оппозиціи, не позволятъ себя убаюкать тѣмъ изболтавшимся либеральнымъ публицистамъ легальной прессы, которые награждаютъ ихъ аттестатами гражданской зрѣлости въ утѣшеніе за ихъ безсиліе... Мы хотѣли бы надѣяться, что они съумѣютъ потребовать у „петербургскихъ канцелярій“ вниманія и уваженія къ своему оппозиціонному голосу.

Въ уѣздныхъ комитетахъ они старались сжаться въ комокъ, они наряжали свои нелойальныя желанія въ мундиръ полицейской легальности, они придавали своимъ конституціоннымъ требованіямъ абстрактную до безсодержательности форму, — и они достигли того, что „Нов. Время“ не замѣчаетъ въ ихъ „оппозиціонныхъ“ резолюціяхъ ничего, кромѣ похвальной вѣрнопреданности. Что, если фон-Плеве и г. Витте тоже „не замѣтятъ“ ихъ замаскированной оппозиціи? Найдутъ-ли они въ себѣ — они должны найти — достаточно рѣшимости, чтобы членораздѣльной политической рѣчью объявить агентамъ самодержавія, „какого они духа суть“?

Какой тактики они намѣрены держаться въ губернскихъ комитетахъ? Будутъ-ли они покорно идти на возжахъ у гг. губернаторовъ? Простятся — не въ первый и не въ послѣдній разъ — съ „безсмысленными мечтаніями“ и примутся за трезвенную оцѣнку удобрительныхъ матеріаловъ? Вновь оправдаютъ „довѣріе, съ высоты престола оказанное“, и заодно ужъ докажутъ, что заслужили тѣ покровительственные подзатыльники, которыми поощрилъ ихъ маститый сутенеръ „внутренней и внѣшней политики“?

Или они, наконецъ, почувствуютъ себя въ первый разъ гражданами, а не школьниками? Рѣшатся внести на обсужденіе губернскихъ комитетовъ и земскихъ собраній точно формулированную политическую программу? Съумѣютъ открыть засѣданія послѣ того, какъ губернаторы ихъ закроютъ, и подъ предсѣдательствомъ ими избранныхъ, а не имъ навязанныхъ лицъ, не убоятся оправдать довѣріе, имъ съ высоты исторіи оказанное?

Можно было бы отвѣтить утвердительно, если бы мужественное политическое поведеніе уѣзднаго воронежскаго комитета не оставалось пока безпримѣрнымъ, и если бы „Освобожденіе", рабски старательно отражающее господствующій тонъ земской среды, не ставило бы тактику оппозиціи въ зависимость отъ столкновеній фон-Плеве съ г. Витте, претендующимъ, по земской характеристикѣ, на амплуа русскаго Неккера (см. № 10).

Можно съ увѣренностью сказать, что если бы русская свобода должна была родиться отъ оппозиціоннаго земства, она никогда не увидѣла бы свѣта. Но къ счастью у нея есть болѣе надежные „предки": во-первыхъ, это революціонный пролетаріатъ, во-вторыхъ, это внутренняя, пожирающая себя логика русскаго абсолютизма.

* * *

Кто выигралъ отъ „прискорбныхъ явленій нашей жизни"? спрашиваетъ нѣкій публицистъ. И мужественно отвѣчаетъ: „Увы! выигралъ одинъ только мнимый другъ русскаго самодержавія, русскаго народа и русской свободы — централизующій бюрократизмъ, который росъ, подъ всѣми предлогами, пропорціонально ослабленію правильной и нормальной общественной жизни, подъ предлогомъ противодѣйствія эксцессамъ либерализма, подъ предлогомъ умаленія общественной и личной иниціативы (хорошъ „предлогъ"!), подъ предлогомъ экономическихъ кризисовъ, росъ и все шире захватывалъ въ свои сѣти всѣ свободныя функціи народной жизни".

Это не изъ заграничныхъ брошюръ г. Шарапова. Это не изъ послѣднихъ рѣчей г. Стаховича. Это и не со словъ конституціоналистовъ „Освобожденія". Нѣтъ и нѣтъ! Это редакторъ „Гражданина", конкуррентъ мага Филиппа, неутомимый князь Точка, безкорыстный (казенныя объявленія не въ счетъ) стражъ государственныхъ завѣтовъ Семибоярщины, взалкалъ свободы...

Скоро, читатель, настанетъ день на святой Руси. Ибо что же будетъ завтра, если ужъ сегодня самъ князь Мещерскій, старый пѣтухъ реакціонной полуночи, начинаетъ сбиваться и испускать чуть ли не „конституціоналистскія" ноты!

А вѣдь только вчера „Гражданинъ" грозилъ охранительнымъ перстомъ сельско-хозяйственнымъ комитетамъ, этимъ очагамъ „оппозиціонной болтовни"! Только вчера князю Мещерскому являлся въ кошмарно-патріотическомъ снѣ призракъ „образованнаго либеральнаго купца", опошляющаго вопросы русской государственности. А сегодня...

Что случилось, князь? Публицистическій lapsus (описка)? Резиньяція (покорность) передъ духомъ времени? Отошли-ли казенныя объявленія?

Или же и ты, старая крыса, замѣтила непоправимую течь въ кораблѣ русскаго самодержавія? Если такъ — торопись, торопись, ибо завтра, пожалуй, будетъ ужъ поздно...

Но мало того, что редакторъ „Гражданина" самъ становится на защиту „свободы" противъ бюрократическаго централизма, — онъ и Александра III превращаетъ въ тайнаго воздыхателя по свободѣ. Оказывается, что „великій Гатчинскій Отшельникъ" — да будетъ ему тяжела земля! — только и мечталъ объ освобожденіи Россіи „отъ гнета бюрократизма и централизаціи". Вотъ гдѣ иногда скрываются политическіе единомышленники!

„Благодаря мнимымъ союзникамъ Самодержавія — думалъ тайный коронованный конституціоналистъ — бюрократіи и централизаціи, ихъ всезахватывающая волна снизу все возноситъ къ верху, въ зародышѣ туша всякую свободу на мѣстѣ: не лучше-ли тихой волнѣ идти сверху книзу и приносить свободу для каждой плодотворной мысли, для каждаго жизненнаго труда?"

Въ самомъ дѣлѣ, — не лучше-ли абсолютизмъ, сочетавшійся со свободой морганатическимъ бракомъ? Нагайка, завернутая въ пергаментъ Великой Хартіи Вольностей?

Что значитъ „свобода" на публицистическомъ жаргонѣ князя Мещерскаго, мы разбирать не станемъ. Можетъ быть, это паточная славянофильская „свобода" отъ всякихъ „бумажныхъ", т. е. правовыхъ гарантій, роль которыхъ выполняетъ благожелательная деспотическая воля, „тихою волною" изливающаяся „сверху книзу"? Другими словами, можетъ быть, это просто свобода... отъ политической свободы? Вопросъ темный. Ясно одно: въ интересахъ самодержавія, а значитъ (у князя — значитъ!) и народа централизація и бюрократизмъ должны уступить мѣсто общественной самодѣятельности. Эту самую ноту — о самодержавіи, опирающемся на самодѣятельность гражданъ — вотъ ужъ нѣсколько десятилѣтій усердно тянутъ наши народнически-либеральные и славянофильски-либеральные публицисты. И усердіе ихъ по истинѣ самоубійственно! Вмѣсто того, чтобы демонстрировать на каждомъ общественномъ фактѣ ту несомнѣнную истину, что самодержавіе не по недоразумѣнію, но по своему внутреннему политическому содержанію есть не что иное, какъ властная, всезахватывающая и всепопирающая бюрократія, наши либеральные недоросли систематически развращали общественную мысль, отрицая противоположность интересовъ абсолютизма и земскаго самоуправленія. Одни дѣлали это по врожденному недомыслію, другіе — въ надеждѣ „обойти" самодержавіе двумя-тремя хитроумными силлогизмами. Но какъ политическая простота первыхъ, такъ и политиканская вороватость вторыхъ составляютъ самыя позорныя страницы въ исторіи нашей публицистической мысли. Никакія „независящія обстоятельства" не могутъ тутъ служить оправданіемъ. Не засорять обывательское сознаніе фикціями свободолюбиваго деспотизма и конституціоннаго кнута, но очищать это сознаніе отъ идеологическихъ переживаній патріархальной государственности, — вотъ задача, единственно достойная политическаго дѣятеля!

И надо сказать, что самодержавіе, дошедшее до самоотрицанія въ лицѣ князя Мещерскаго, до самопожиранія въ лицѣ Зубатовыхъ и Плеве, Оболенскихъ и Валей, само облегчаетъ нашу задачу. Нужно только, чтобы мы сами не отдалили часа своей побѣды, измѣняя планы оппозиціонныхъ и революціонныхъ кампаній въ зависимости отъ настроеній правительственныхъ сферъ. И мы увѣрены, что соц.-демократія пребудетъ вѣрна себѣ.

Въ этой политикѣ нервныхъ зигзаговъ, въ этой сутолокѣ административныхъ „единоборствъ", оппозиціонныхъ колебаній и революціонной растерянности, въ этомъ хаосѣ теченій и настроеній, которымъ кратковременность ихъ существованія не позволяетъ превратиться въ направленія, одна только партія революціоннаго пролетаріата, имѣетъ великое счастье сознавать прочность своей политической позиціи.

Заигрыванія бреттеровъ самодержавія такъ же мало способны бросить ее въ зубатовскія объятія, какъ издѣвательства самодержавныхъ камаринскихъ мужиковъ — въ азартную игру политическаго террора. И на предательскія заигрыванія и на бѣшенныя преслѣдованія она отвѣчаетъ однимъ и тѣмъ же: расширеніемъ и углубленіемъ своей революціонной работы. Смѣнится много политическихъ курсовъ, появится и исчезнетъ много „партій", претендующихъ на усовершенствованіе соц.-демократической программы и тактики, — но историкъ будущаго скажетъ: и эти курсы, и эти партіи были лишь незначительными, отраженными эпизодами великой борьбы пробужденнаго пролетаріата. Революціонный по своей общественной природѣ, но никакъ не вслѣдствіе преслѣдованій, всегда революціонизирующій и всегда революціонизирующійся, вѣрный своему классовому естеству при всякой политической конъюнктурѣ, онъ неизмѣнно шелъ тяжелыми, но вѣрными шагами по пути къ политическому и соціальному освобожденію.

ДВѢ КОМЕДІИ „ПОМИЛОВАНІЯ".

Ѳома Кочуръ, стрѣлявшій въ харьковскаго губернатора, присужденъ военнымъ судомъ къ смертной казни и затѣмъ „помилованъ" царемъ по просьбѣ самого князя Оболенскаго и приговоренъ къ безсрочной каторгѣ. Объ этой просьбѣ упомянуто спеціально въ оффиціальномъ сообщеніи о приговорѣ суда, а затѣмъ самое прошеніе кн. Оболенскаго опубликовано въ газетахъ. Князь Оболенскій, его жена, мать и двѣ дочери просятъ царя не допустить, чтобы князь, хотя бы косвенно, послужилъ причиной смерти другого человѣка. Такъ говорится въ прошеніи.

Все это звучитъ наглой фальшью въ устахъ человѣка, еще недавно засѣкавшаго крестьянъ съ утонченной жестокостью новѣйшаго Аракчеева. Конкуренту фонъ-Валя въ дѣлѣ кнутобойства не приходится останавливаться передъ лишнимъ трупомъ. Не остановился же передъ трупомъ Лекерта фонъ-Валь. Вся эта комедія съ ея рекламнымъ финаломъ имѣетъ лишь одинъ смыслъ: при помощи ея правительство пытается выйти изъ противорѣчиваго положенія. Съ одной стороны, новая висѣлица должна вызвать новое возмущеніе; съ другой, — въ эпоху Плеве — нельзя обнаруживать „колебаній" въ дѣлѣ расправы съ врагами. Едва-ли, однако, кого-нибудь собьетъ съ толку эта комедія. Правовое чувство политически-развитыхъ слоевъ русскаго народа, — вопреки всякимъ „помилованіямъ", — будетъ возмущаться тѣмъ фактомъ, что исключительный судъ на основаніи исключительныхъ законовъ приговариваетъ къ смерти и отправляетъ въ безсрочную каторгу тѣхъ, кто пытается единолично протестовать противъ такихъ преступленій царскихъ слугъ, за которыя въ свободной странѣ князю Оболенскому и фонъ-Валю грозила бы каторга.

Не успокоитъ этого возмущеннаго правового чувства и вѣсть объ освобожденіи изъ сибирской ссылки лицъ, арестованныхъ за участіе въ московскихъ и петербургскихъ прошлогоднихъ волненіяхъ (главнымъ образомъ, петерб. и моск. студентовъ). Послѣ того, какъ бывшій командиръ корпуса жандармовъ кн. Святополкъ-Мирскій потерпѣлъ позорное пораженіе въ своей попыткѣ личнымъ объѣздомъ склонить студентовъ къ подачѣ прошеній о помилованіи; послѣ того, какъ громадное большинство сосланныхъ отказалось построить самодержавію золотой мостъ для неизбѣжнаго отступленія и отвѣтило на заигрыванія жандарма съ подобающимъ его званію презрѣніемъ, — правительству пришлось — дабы отнять у студенчества поводъ къ непосредственному продолженію прошлогоднихъ безпорядковъ — „помиловать" студентовъ безъ всякихъ условій. Чтобы скрыть скандалъ своего пораженія, правительство не обошлось безъ обычнаго пріема дѣленія на овецъ и козлищъ: постановленіемъ императора всѣ сосланные въ Сибирь за участіе въ волненіяхъ прошлой зимы раздѣлены на три категоріи: въ первую вошли лица (14 мужч. и 3 женщ.), которыя теперь же освобождаются отъ всякаго надзора полиціи и лишь до 1 іюля 1903 г. имъ запрещено жительство въ столицахъ. Второй категоріи (32 мужч. и 8 женщ.) предстоитъ остаться подъ гласнымъ надзоромъ полиціи до 1 іюля 1903 г. съ тѣмъ, однако, что они могутъ избрать себѣ жительство въ Евр. Россіи внѣ университетскихъ городовъ, если „по семейнымъ и родственнымъ отношеніямъ, а также по условіямъ матерьяльнаго обезпеченія (??) переводъ ихъ представляется возможнымъ"! Наконецъ причисленные къ третьей категоріи (50 мужч. и 7 женщ.) освобождаются изъ Сибири 1 іюля 1903 г., съ оставленіемъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи на срокъ до 1 марта 1904 года.

„Освободительная" царская грамота, между прочимъ, сообщаетъ, что „тов. мин. вн. дѣлъ поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи этихъ (т. е. сосланныхъ въ Сибирь) лицъ на мѣстѣ ихъ пребыванія и личнымъ ихъ опросомъ опредѣлить, насколько наложенныя на нихъ административныя взысканія соотвѣтствуютъ учиненнымъ ими проступкамъ." Эти золотыя слова какъ нельзя лучше харатеризуютъ царящую у насъ гнусную систему административной замѣны суда. Черезъ полгода послѣ того, какъ 114 лицъ по приказамъ царя сосланы въ Сибирь, туда отправляется чиновникъ изслѣдовать, заслужили ли они — съ точки зрѣнія самого правительства — эту расправу. Этими несравненными словами правительство само признаетъ, что ссылало, не разбирая, праваго и виноватаго, что оно дѣйствовало въ своей борьбѣ съ общественнымъ движеніемъ, какъ шайка разбойниковъ, сбросившихъ съ себя послѣдній фиговый листокъ „законности". Эти слова должны заставить призадуматься каждаго самаго умѣреннаго обывателя о томъ, можно ли еще терпѣть то правительство, которое не стѣсняется при случаѣ разсказать, что оно сначала наказало, а потомъ разобрало!

Намъ соціаль-демократамъ приходится во всемъ этомъ эпизодѣ привѣтствовать лишній разъ услугу, оказанную правительственными мудрецами дѣлу русской революціи. Вынужденное путешествіе студентовъ въ Сибирь весною этого года обратилось въ сплошное торжество въ честь революціи: ссылаемыхъ демонстративно встрѣчали на пути ихъ слѣдованія въ ссылку. Черезъ полъ года они возвращаются съ запасомъ опыта достойной и мужественной политической борьбы возвращаются не какъ „помилованные" побѣжденные, но какъ нравственно побѣдившіе люди, заставившіе правительство выпустить ихъ изъ плѣна, несмотря на ихъ отказъ просить объ этомъ, несмотря на заявленія многихъ изъ нихъ, что они будутъ продолжать въ Россіи прежнюю борьбу. Въ добрый часъ! И пусть возвращенные не забываютъ, что ихъ возвращеніе не было бы столь скорымъ, если бы самодержавіе не имѣло всѣхъ основаній опасаться, что дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Сибири вызоветъ новыя волненія среди всѣхъ слоевъ общества и особенно въ пролетаріатѣ. Пролетаріатъ своимъ вмѣшательствомъ въ послѣднія событія заставилъ правительство серьезно бояться новыхъ поводовъ къ революціоннымъ протестамъ. Пусть же революціонное студенчество проникнется убѣжденіемъ, что его первый политическій долгъ въ настоящее время помогать партіи пролетаріата въ ея работѣ надъ революціонизированіемъ и организаціей широкой массы пролетаріата.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ИЛИ ОТСТУПЛЕНІЕ?

„Если бы Л. Дейчъ просто заявилъ, что нѣкоторыя наши выраженія, напр., о „всеобщемъ осужденіи" преувеличены и если бы доказалъ такое свое заявленіе фактами, очень возможно, что мы съ нимъ охотно согласились бы", — такъ разсуждаетъ авторъ статьи „Подложныя грамоты" въ № 12 „Рев. Рос.". Въ своемъ письмѣ, помѣщенномъ въ № 23 „Искры", я говорилъ всего о двухъ выраженіяхъ — о „всеобщемъ осужденіи" и о нашемъ „горькомъ раскаяніи", слѣд., мнѣ невозможно было заявить о „нѣкоторыхъ" изъ двухъ! Но далѣе, такъ какъ я не „заявилъ просто" и не „доказалъ этого фактами", то, значитъ, „Рев. Рос." остается при прежнемъ своемъ утвержденіи. Но въ слѣдующей же строкѣ авторъ говоритъ: „мы заявляли (?) и продолжаемъ утверждать, что подавляющее большинство русскихъ революціонеровъ и какъ разъ наиболѣе видные и авторитетные, отнеслись безусловно отрицательно къ принципу, на которомъ была построена чигиринская попытка".

Гдѣ и когда „Рев. Рос." раньше заявляла это, мнѣ неизвѣстно. Въ № 8, какъ мы знаемъ, она утверждаетъ, что „весь революціонный міръ" отнесся съ „рѣзкимъ осужденіемъ къ чигиринской попыткѣ", а теперь она „заявляетъ" уже о „подавляющимъ большинствѣ", хотя бы и состоявшемъ „изъ наиболѣе видныхъ и авторитетныхъ революціонеровъ", отнесшемся отрицательно къ „принципу", что уже далеко не одно и то же.

Этимъ, полагаю, авторъ самъ признаетъ, что онъ впалъ въ „преувеличеніе" въ № 8, когда говорилъ о „всемъ революціонномъ мірѣ". Такимъ образомъ, „огурецъ" оказывается уже не

Нижегородскіе рабочіе на судѣ.

Перепечатываемъ рѣчи нижегородскихъ рабочихъ съ литографированнаго листка, изданнаго Нижегородскимъ Комитетомъ Россійской Соц.-Демократической Рабочей Партіи. Прибавлять что-либо къ этимъ рѣчамъ значитъ лишь ослаблять впечатлѣніе, производимое этимъ безхитростнымъ разсказомъ о бѣдствіяхъ рабочихъ и о ростѣ среди нихъ возмущенія и готовности къ борьбѣ. Нашъ долгъ теперь — приложить всѣ усилія, чтобы эти рѣчи были прочтены десятками тысячъ русскихъ рабочихъ. Примѣръ Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и ихъ товарищей, геройски поддержавшихъ на судѣ боевой кличъ: „Долой самодержавіе!", воодушевитъ весь рабочій классъ Россіи для такой же геройской, рѣшительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклоннаго рабочаго движенія къ свѣтлому соціалистическому будущему.

РѢЧИ ОБВИНЯЕМЫХЪ ЗА УЧАСТІЕ ВЪ ДЕМОНСТРАЦІЯХЪ 1 И 5 МАЯ, ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ 28-31 ОКТ. 1902 Г.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, взваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здоровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни, — весь этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не видѣлъ выхода, приводилъ меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинаковаго съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы, дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы, жизни и личнаго счастья. Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ его довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, не смотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. На сколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличнаго платья. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе ютятся и въ коморкахъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты, напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой же цѣли предприниматели добиваются и запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но и этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я рѣшилъ принять въ ней участіе и сдѣлалъ знамена съ надписями

„съ гору“, а только „съ домъ“, но и „домъ“ этотъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, таковъ, что въ него „двоимъ за нужду валѣзать и то ни стать, ни сѣсть“.

Кропоткинъ говоритъ въ письмѣ, что „большинство чайковцевъ было противъ нихъ, но среди болѣе боевыхъ группъ, особенно на югѣ, Дейчъ и Стефановичъ имѣли не мало сторонниковъ“. Авторъ статьи, очевидно, не соглашается съ П. Крапоткинымъ; онъ, повидимому, думаетъ, что „болѣе боевыя группы“ не составляли тогда „большинства“, и среди нихъ не были „наиболѣе видные и авторитетные революціонеры“. Между тѣмъ, лицамъ, знакомымъ съ исторіей нашего движенія, извѣстно, что въ то время къ этимъ группамъ принадлежало преобладающее большинство кружковъ: на югѣ кружки Ив. Ковальскаго (въ Одессѣ и Херсонѣ), Виттенберга и Гобста въ Николаевѣ, Брантнера и Глушкова въ Харьковѣ, а въ Кіевѣ, какъ извѣстно, дѣйствовали В. Осинскій, Мих. Фроленко и др., принимавшіе самое активное участіе въ освобожденіи насъ изъ тюрьмы. На сѣверѣ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, по Волгѣ и Дону раскинула свою дѣятельность организація „Земля и Воля“, къ которой тогда принадлежали: Ал. Михайловъ, Ал. Квятковскій, Баранниковъ, Абалешинъ, Ольга Натансонъ, Мих. Поповъ, Г. Плехановъ и нѣкот. другіе. Эта организація не только не была противъ чигиринской попытки, но, главнымъ образомъ, на ея средства была совершена послѣдняя, а послѣ нашего побѣга изъ тюрьмы, лѣтомъ 1878 г., „Земля и Воля“ предложила Стефановичу и мнѣ отправиться въ ея поселенія, чтобы попытаться создать тамъ тайныя общества. Еще въ живыхъ Г. Плехановъ, „землеволецъ“, написавшій воспоминанія, и лицо, передавшее намъ значительную сумму денегъ для чигиринской попытки. Что же, всѣ эти кружки составляли тогда ничтожный контингентъ, а перечисленныя мною лица принадлежатъ къ наименѣе „виднымъ и авторитетнымъ“?

Но авторъ статьи имѣетъ „свидѣтельство тов. Е. Лазарева“, что „петербургскій кружокъ ‚радикаловъ‘ (прод. кружка чайковцевъ), въ которомъ участвовали Клеменцъ, Перовская, Степнякъ и др., подавляющимъ большинствомъ отклонилъ предложеніе оказать Стефановичу даже простую денежную помощь для осуществленія его проекта“. Все это — сплошной вымыселъ. Въ описываемое мною время, т. е. до нашего ареста (осенью 1877 г.) никакого кружка „радикаловъ (продолжатели кружка чайковцевъ)“ не было; Клеменцъ и Степнякъ были за-границей и не входили ни въ какой изъ дѣйствовавшихъ въ Россіи кружковъ. „Большинство“ же чайковцевъ, о которыхъ упоминаетъ П. Крапоткинъ, въ Россіи составляли: С. Перовская, А. Корнилова, Сердюкова, Чарушина и Л. Синегубъ — и только. Онѣ не представляли изъ себя никакого революціоннаго кружка, и все ихъ вниманіе было сосредоточено на оказываніи помощи заключеннымъ въ тюрьмахъ. Какъ „большинство“ это отнеслось къ чигиринской попыткѣ, мнѣ неизвѣстно, но что касается С. Перовской, то, на сколько я могъ заключить изъ разговоровъ съ нею осенью 1879 г., она сама готова была примкнуть къ новому предпріятію, если бы его затѣялъ Стефановичъ. Объ этомъ именно говорится въ концѣ ея біографіи, изд. загр. отд. Кр. Кр. Нар. В. (стр. 21-23).

Далѣе, этотъ же „свидѣтель“ Е. Лазаревъ заявляетъ еще, что среди сидѣвшихъ по дѣлу 193 „не раздалось ни одного голоса въ защиту операціи съ подложными манифестами“. Это заявленіе столь же правдиво, какъ и вышеуказанное. Сидя въ тюрьмѣ, зимой 1877-78 гг., мы переписывались съ Е. Брешковской, которая сообщала намъ, что ея товарищи — Коваликъ, Войнаральскій, Муравскій и др. — съ большимъ сочувствіемъ относятся къ чигиринской попыткѣ. При этомъ она пересылала намъ письма ея друзей, и ни въ одномъ изъ нихъ не было ничего похожаго на отрицательное отношеніе. Е. Брешковская и С. Коваликъ еще живы.

Сославшись на неимѣніе №№ выходившихъ въ то время революціонныхъ изданій, — о чемъ могу лишь пожалѣть, — авторъ все же пытается покрѣпить свое утвержденіе печатными источниками. Онъ указываетъ на воспоминанія Дебагорія-Мокріевича, печатавшіяся въ „Вѣст. Нар. Воли“, но въ срединѣ 80-хъ гг., — а не въ концѣ 70-хъ, что надо было бы автору для подкрѣпленія своихъ утвержденій, — и на статью Драгоманова въ „Общ.“, будто бы направленную противъ чигиринской попытки. Въ дѣйствительности же было слѣдующее. Въ отвѣтъ на напечатанный Стефановичемъ въ „Общ.“ разборъ малорусскихъ произведеній Драгоманова, котораго онъ упрекалъ за отрицательное отношеніе ко всему русскому революціон. движенію, Драгомановъ помѣстилъ тамъ же свою статью, въ которой, между прочимъ, сказано: „что же касается, въ частности, до нашего мнѣнія о такихъ вещахъ, какъ прибѣганія тѣхъ или другихъ изъ ‚русскихъ революціонеровъ‘ къ молебнамъ и къ другимъ подобнымъ пріемамъ для возбужденія къ себѣ вниманія ‚народа‘, напр., къ самозванству, подложнымъ грамотамъ отъ царя и т. п., то мы и послѣ возраженій Стефановича остаемся при томъ же своемъ мнѣніи, что во всемъ этомъ мы видимъ, примиреніе съ тѣмъ, съ чѣмъ слѣдуетъ бороться“ („Общ.“ № 8-9, стр. 55). Драгомановъ, какъ извѣстно, одинаково нападалъ на устройство демонстраціи на Казанской площади 6 дек. 1876 г., какъ и на убійство Мезенцева „изъ-за угла“, и на многое другое, если не сказать — на все русское революціонное движеніе. Но нужно полное незнаніе нашего прошлаго или очень богатое воображеніе, чтобы ссылаться на приведенный даже Драгомановымъ только примѣръ, какъ на доказательство, что въ изданіяхъ конца 70-хъ годовъ была, молъ, статья Драгоманова противъ чигиринской попытки!

Столь же удачны и вѣрны рѣшительно всѣ ссылки и доводы нашего автора. Такъ, онъ приводитъ кое-что изъ заявленія редакціи „Черн. Перед.“, гдѣ говорится, что она „не думаетъ пропагандировать тѣхъ средствъ, которыя практиковались въ чигиринскомъ дѣлѣ“. Но что въ этомъ заявленіи не заключается „рѣзкаго осужденія“ чигиринскаго дѣла, видно уже изъ отзыва посторонняго человѣка, историка нашего движенія, проф. Туна, который прямо упрекаетъ редакцію „Черн. Перед.“ въ томъ, что она „ни единымъ словомъ не высказала своего порицанія“ и что „оправдываетъ“ (entschuldigt) прибѣганіе въ этомъ дѣлѣ къ царскому авторитету (Gesch. d. rev. Bew., стр. 137).

Совершенно таковъ же, какъ и редакціи „Черн. Пер.“, былъ мой и Стефановича взглядъ на эту попытку: мы рѣшительно стояли противъ пропаганды „авторитарнаго принципа“, — мы говорили только, что при сложившихся въ чигиринскомъ уѣздѣ условіяхъ, во время происходившихъ тамъ волненій (1875-76 гг.), инымъ способомъ намъ нельзя было тамъ дѣйствовать. Это, думаю, подтвердитъ, и П. Кропоткинъ, теперь утверждающій, что онъ тогда уже указывалъ на другіе способы и пріемы.

Но далѣе. Нѣсколькими вырванными изъ общей связи фразами изъ „Подп. Россіи“ авторъ желаетъ увѣрить читателя, что Степнякъ относился „безусловно отрицательно“ къ чигиринскому дѣлу. Нѣкоторыя рѣзкія выраженія, встрѣчающіяся въ книгѣ Степняка, на ряду съ восторженными, по поводу чигиринской попытки, объясняются тѣмъ, что онъ писалъ свои „профили“ много лѣтъ спустя, а главное, что онъ предназначалъ ихъ первоначально для иностранной публики и лишь въ 1893 г. выпустилъ ихъ по русски. Глава о Стефановичѣ составлена къ тому же изъ частей, писанныхъ въ разныя эпохи. Но что въ концѣ 70-хъ годовъ Степнякъ не относился къ чигиринской попыткѣ, какъ къ „безсовѣстной мистификаціи“, знаютъ находящіеся въ живыхъ друзья его. Наоборотъ, они смогутъ „засвидѣтельствовать“, что отношеніе его тогда было скорѣе — восторженное и что онъ самъ просилъ Стефановича привлечь и его къ дѣлу созданія гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ организаціи среди крестьянъ.

Еще болѣе вѣски и убѣдительны доводы, приведенные въ доказательство того, что мы со Стефановичемъ „горько раскаивались“. Для этого авторъ ссылается на еще ненапечатанное сообщеніе одного „Землевольца“, заявляющаго, что Стефановичъ отказался отъ „авторитарнаго принципа“. Допустимъ, что на этотъ разъ нашъ авторъ вполнѣ вѣрно цитируетъ находящуюся у него лишь въ рукахъ рукопись, по его словамъ, „одного изъ редакторовъ ‚Земли и Воли‘“, каковымъ, къ слову, „Землеволецъ“ написавшій записки, никогда не былъ. Что изъ этой цитаты слѣдуетъ? Только то, что и я выше сообщилъ, а именно, — Стефановичъ вовсе не стоялъ за „авторитарный принципъ“. Къ тому же изъ чигиринской попытки онъ вынесъ знаніе и опытъ, какъ взяться за устройство организаціи среди крестьянъ, уже не пользуясь именемъ царя. Но нужно обладать воображеніемъ „дворянина“ или „князя“, возвратившагося изъ „дальнихъ странствій“, чтобы, на основаніи сообщенія „Землевольца“, утверждать, что Стефановичъ „горько раскаялся въ своемъ ложномъ шагѣ“.

Второй доводъ въ доказательство нашего „горькаго раскаянія“ еще лучше указаннаго: одинъ, видите-ли, будто бы участникъ чигиринской попытки, Дебагорій-Мокріовичъ, говоритъ, что, попавъ въ тюрьму, онъ „чувствовалъ себя передъ крестьянами, какъ провинившійся мальчишка“. Но Дебагорій-Мокріевичъ къ числу участниковъ чигиринской попытки не принадлежалъ; онъ впервые узналъ о ней уже послѣ ареста насъ троихъ — меня, Стефановича и Бохановскаго, котораго авторъ почему-то упорно обходитъ молчаніемъ. По порученію Стефановича, переданному изъ тюрьмы, Дебагорій-Мокріевичъ поѣхалъ разыскивать одного скрывавшагося крестьянина, и въ этомъ состояло все его прикосновеніе къ нашей попыткѣ. Можно было выразить удивленіе или даже восхищеніе по поводу впечатлительности Мокріевича, почувствовавшаго себя виноватымъ за чужія дѣянія, но сдѣлать изъ его словъ заключеніе, что, слѣд., Стефановичъ и Дейчъ „горько раскаивались“, совершенно аналогично извѣстному силлогизму: „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька“.

Мнѣ слѣдовало бы еще остановиться на чудесной ссылкѣ на Бакунина — „духовнаго отца, отказавшагося отъ своихъ дѣтей“, надо полагать, отъ насъ, чигиринцевъ, что онъ сдѣлалъ, конечно, съ того ужъ свѣта, такъ какъ онъ умеръ въ іюнѣ 1876 г., а чигиринская попытка была затѣяна Стефановичемъ лишь зимой 1876-1877 гг.; я могъ бы кое-что сказать и о вольномъ комментаріи письма П. Кропоткина, будто бы находившаго лишь „смягчающія“ нашу вину „обстоятельства“; не мѣшало бы, наконецъ, показать автору, что онъ обнаруживаетъ полнѣйшее незнакомство съ „народничествомъ“, когда докторальнымъ тономъ поучаетъ читателей, что я, будто бы, желаю взвалить вину „отдѣльныхъ лицъ или незначительнаго кружка на все ‚народничество‘“; но мой отвѣтъ ужъ и безъ того черезчуръ растянулся. Скажу лишь, что рѣшительно ни одинъ изъ приведенныхъ авторомъ доводовъ не подтверждаетъ ни прежнихъ утвержденій, сдѣланныхъ въ № 8 „Рев. Рос.“, ни новаго его заявленія. Мало того, статья „Подложныя Грамоты“ переполнена сплошь массой совершенно неосновательныхъ и вполнѣ произвольныхъ утвержденій.

Я, поэтому, увѣренъ, что нашему автору придется сдѣлать еще одну уступку и признать, что въ новомъ его утвержденіи о „подавляющемъ большинствѣ“ имѣются также „нѣкоторыя преувеличенія“, и заявить, что, молъ, „были отдѣльныя лица и, въ лучшемъ случаѣ, незначительные кружки“, къ тому же состоявшіе изъ наименѣе „боевыхъ“, революціонныхъ членовъ, которые, въ концѣ 70-хъ годовъ, отнеслись отрицательно къ чигиринской попыткѣ. А если онъ къ тому же прямо признаетъ, что лишь на основаніи ложныхъ посылокъ и неправильныхъ сообщеній сдѣлалъ свою „аналогію“ о моемъ и Стефановича „горькомъ раскаяніи“, то и я „охотно соглашусь“ въ этомъ случаѣ съ нимъ.

Л. Дейчъ.

БОРЬБА РОСТОВСКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Грандіозная борьба вспыхнула въ Ростовѣ-на-Дону 2-4 ноября обнаруживъ еще и еще разъ, въ назиданіе всѣмъ маловѣрнымъ какая громадная революціонная энергія накоплена рабочимъ классомъ и какъ глубоко проникли сѣмена соц.-дем. пропаганды.

Приведемъ прежде всего сообщеніе нашихъ донскихъ товарищей.

„4 ноября, въ 10 час. утра, въ главныхъ мастерскихъ Влк. ж. д., въ которыхъ работаетъ около 4000 чел., вспыхнула стачка, въ которой приняли участіе всѣ рабочіе, почти безъ исключенія. Стачка была подготовлена. Въ этотъ день появилась прокламація мѣстнаго Комитета съ призывомъ къ стачкѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе. Съ утра началось броженіе, но рабочіе не могли начать. Въ 10 час. утра въ мастерскія ворвалось нѣсколько человѣкъ, не работающихъ въ мастерскихъ, съ крикомъ: „Бросай работу!“ Рабочіе нѣсколькихъ цѣховъ съ крикомъ „стачка“ высыпали на дворъ. Заранѣе подготовленный отрядъ организованныхъ рабочихъ бросился въ машинное отдѣленіе и далъ тревожный свистокъ. Инженеръ Голоцуцкій и кочегаръ, пытавшіеся воспротивиться этому, были избиты. Высыпавшимъ во дворъ послѣ гудка рабочимъ была прочитана прокламація. Произнесено нѣсколько краткихъ рѣчей. Рабочіе приняли всѣ требованія, выставленныя въ прокламаціи, именно: 1) 9-часовой рабочій день; 2) прекращеніе работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2 ч дня; 3) повышеніе жалованья на 20 проц.; 4) повышеніе расцѣнковъ, чтобы они составляли не менѣе 50 проц. жалованья; 5) полная отмѣна штрафовъ за неявку на работу; 6) удаленіе мерзавцевъ мастеровъ Вицкевича и Чернявскаго; 7) вѣжливое обращеніе мастеровъ; 8) устройство школы для дѣтей рабочихъ; 9) вывѣшиваніе табели расцѣнковъ во всѣхъ цѣхахъ. Къ этимъ основнымъ требованіямъ потомъ была прибавлена масса требованій второстепенныхъ, всего 25 пунктовъ. Въ виду того, что рабочіе являются сторонниками сдѣльныхъ работъ, Комитетъ долженъ былъ отказаться отъ агитаціи противъ сдѣльныхъ работъ. Стачкой предполагается воспользоваться для широкой политической агитаціи. Настроеніе среди рабочихъ хорошее; всѣ говорятъ, что будутъ держаться до конца. Власти поражены умѣлымъ поведеніемъ рабочихъ: не слышно ни одного ругательства, не разбито ни одного окна.“

На присланной намъ (печатной) прокламаціи отъ 4 ноября Донской Комитетъ добавляетъ слѣд.:

„5 ноября къ стачкѣ присоединились рабочіе депо, 6 ноября рабочіе завода Пастухова (400 чел.) бросили работу и присоединились къ стачкѣ. Возлѣ мастерскихъ собирается толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Произносятся рѣчи интеллигентами и рабочими. Ораторовъ выносятъ на рукахъ. На сходки рабочіе приходятъ всѣмъ семействомъ — съ женами и дѣтьми. До сихъ поръ (7/XI) ни одного ареста. Полиція и жандармы боятся дразнить голодающую толпу. На всѣхъ заводахъ страшное броженіе. Ожидаемъ всеобщей стачки. Прокламаціи выходятъ по двѣ въ день“.

6 ноября Донской Ком. обратился со слѣд. прокламаціей Ко всѣмъ гражданамъ:

„Первый снѣгъ, — и вмѣстѣ съ нимъ первый отдаленный раскатъ надвигающейся революціи. Рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ бросили работу и выставили свои требованія. Въ нихъ нѣтъ ничего политическаго, но самый фактъ такой крупной стачки своимъ могучимъ напоромъ рветъ старыя заржавленныя средневѣковыя цѣпи самодержавія. И не дождемся мы, быть можетъ, будущаго „перваго снѣга“, какъ тѣ же рабочіе стройной тысячной толпой пройдутъ подъ красными знаменами соц.-демократіи съ громкимъ крикомъ; „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ свобода!“, пройдутъ по улицамъ Ростова, которыя еще никогда не слышали вольныхъ криковъ свободы. Они — и только они — въ силахъ разрушить смрадное зданіе проклятаго самодержавія, они — и только они — въ силахъ дать свободу задушенной, голодной Руси.

„Придите же къ нимъ на помощь въ ихъ первыхъ трудныхъ шагахъ борьбы. Придите вы, втайнѣ ненавидящіе запятнанное кровью гнуснѣйшихъ преступленій самодержавіе, придите вы, втайнѣ болѣющіе за вымирающій отъ голода народъ; придите вы, втайнѣ робко мечтающіе о свободѣ. Придите на помощь, чѣмъ можете. Окажите борющимся хоть матеріальную поддержку!

„Проснитесь же, граждане!“

„Да здравствуетъ соціаль-демократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, принесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочихъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотритъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣд., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ свои силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса; что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно: что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ; что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Рѣчь сормовскаго рабочаго Алексѣя Быкова.

Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, сознательно, присоединился и заявилъ свои требованія. Отецъ мой всю жизнь провелъ въ весьма бѣдномъ положеніи. Насъ было четыре сына, онъ насъ не могъ даже воспитать, а не только дать намъ какое-нибудь маленькое образованіе. Когда отецъ отдалъ меня работать, то я увидалъ со стороны заводской администраціи одни только притѣсненія. Не только завѣдующіе цѣховъ, а даже нижніе чины, которымъ я былъ отданъ рабомъ, всѣ меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не въ состояніи былъ выполнить. Потребности, которыя касались моихъ душевныхъ силъ, я никогда не могъ удовлетворить. Я видѣлъ массу обирательствъ со стороны заводской администраціи, которыя касались нашего матеріальнаго положенія, существованія нашей жизни. Работалъ я на четырехъ заводахъ и ни на одномъ заводѣ нѣтъ честныхъ правилъ и честныхъ людей со стороны администраціи и вездѣ только сбавляютъ расцѣнки и стараются только оштрафовать, да лишній часъ заставить проработать — это нѣтъ слаще для хозяина. Я работалъ подъ управленіемъ Николая Леонидовича Мануилова. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ просить повышенія расцѣнковъ и поденнаго жалованья, но онъ не обращалъ на всѣ наши просьбы никакого вниманія, отвѣчалъ всегда грознымъ голосомъ и говорилъ, что если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю въ полицію или разсчитаю. И я сталъ опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться безъ куска хлѣба. Послѣ этого я проработалъ два мѣсяца. Этимъ не я одинъ былъ обиженъ, а всѣ и каждый. Собрались рабочіе и пошли къ конторѣ просить повышенія заработка. Завѣдующій обратился къ нимъ и сказалъ: если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиціи, что вы бунтуете, и васъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. А рабочіе сказали, что мы не бунтуемся, а просимъ свое, которое добывается нашимъ потомъ и кровью. „Если вы не будете работать, то я приведу полицію“. Они побоялись и стали работать. „А того человѣка, какъ Быкова, я отправлю къ мѣстному приставу, откуда будетъ онъ отправленъ въ первый тюремный корпусъ“. Когда я обратился къ нему и сталъ просить, то онъ за это меня постановилъ на тяжелую работу и на маленькое жалованье Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и „Восьмичасовой рабочій день!“, и присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Рѣчь сормовскаго рабочаго Самылина.

Въ 1896 г. я работалъ на заводѣ Курбатова. Здѣсь изъ молодежи образовался кружокъ, имѣющій цѣлью самообразованіе, и носилъ чисто экономическій характеръ. Нашъ кружокъ кто-то выдалъ и меня посадили въ тюрьму. Пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, семья моя страшно бѣдствовала... дойдя до степени нищеты. Я былъ старшимъ въ семьѣ, оставшейся безъ отца, состоявшей изъ пяти человѣкъ, и всѣ средства къ существованію добывалъ только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что можетъ заработать женщина на поденной работѣ? Жалкій грошъ. И вотъ за то, что я участвовалъ въ экономическомъ кружкѣ, меня продержали 15 мѣс. въ тюрьмѣ и выслали изъ Нижняго въ мѣсто приписки на годъ, выбросивъ меня на улицу незнакомаго мѣста, гдѣ я, лишенный работы, ходилъ положительно голодный. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, у меня родилась мысль, что если за то, что человѣкъ хочетъ защитить себя отъ насилія фабрикантовъ и старается пополнить свое образованіе совмѣстнымъ чтеніемъ, его сажаютъ въ тюрьму, то ясно, что фабрикантамъ покровительствуетъ кто-то свыше, и, что интересы промышленнаго класса не чужды правительству... Когда я пріѣхалъ изъ ссылки сюда въ Нижній и поступилъ работать на Сормовскій заводъ, здѣсь полиція стала являться подъ различными предлогами ко мнѣ на квартиру и высматривала, нѣтъ-ли чего подозрительнаго на моей квартирѣ. И достаточно было появленія на заводѣ или на улицѣ Сормова прокламацій, какъ полиція являлась съ обыскомъ ко мнѣ на квартиру. И хотя не находила ничего преступнаго, но это не мѣшало ей придти во второй и третій разъ и, можетъ быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли въ тюрьму. При обыскѣ у меня, находя научныя книги, спрашивали: „для чего вы имѣете у себя эти книги и тратите на нихъ деньги, не библіотека-ли у васъ какая?“.. А развѣ рабочій не долженъ пополнять своего скуднаго образованія чтеніемъ книгъ? Развѣ рабочему не нужно образованіе? Развѣ ему не нужно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?.. Работая на Сормовскомъ заводѣ, я видѣлъ, что крупныя промышленныя предпріятія эксплуатируютъ рабочаго еще больше, чѣмъ мелкія. Всякія притѣсненія со стороны администраціи, взяточничества со стороны мастеровъ доходятъ до наглости. Помню одинъ случай съ подаркомъ. Мастеръ той мастерской, въ которой работалъ и я, ввелъ въ правило, чтобы рабочіе подносили ему подарокъ въ день ангела. Деньги собирали старшіе рабочіе. Когда же одинъ рабочій воспротивился этому, то мастеръ, придравшись къ нему, разсчиталъ его съ завода, какъ бунтовщика, который подбиваетъ рабочихъ. Хотя эта исторія и дошла до фабричнаго инспектора, но все осталось по старому.

Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, то вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью. И, чтобы обратить вниманіе правительства на рабочихъ, нужно выходящее изъ ряда вонъ событіе — рѣзкое и энергичное.

Рѣчь столяра Михайлова.

Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія. Я, будучи еще 12-ти лѣтъ, былъ избитъ нагайками казаковъ. Въ то время я работалъ на вин-

„Приводимъ тѣ изъ многочисленныхъ сообщеній о событіи, которыя наиболѣе полно рисуютъ картину борьбы и впечатлѣніе, производимое ею:

„Ростовъ переживаетъ теперь тревожные дни. Онъ вышелъ, наконецъ, изъ своей спячки. 2 ноября началась стачка въ мастерскихъ Владикавказской жел. дор. Бросили работу котельщики, предполагалось это дѣло замять, но въ понедѣльникъ 4-го бросили и остальные цѣхи, 5-го вышли прокламаціи отъ Донск. Комитета съ программой дѣйствія и съ требованіями (требованія до 25 параграфовъ). Полиція пока бездѣйствуетъ, и 6-го происходитъ грандіозный митингъ. На дворѣ мастерскихъ (Вл. ж. д.) сошлось болѣе трехъ тысячъ однихъ рабочихъ, не считая пришлыхъ. Не взирая на присутствіе переодѣтыхъ и непереодѣтыхъ жандармовъ, начальника ихъ, жандармскаго полковника Артемьева и пр. и пр., произносятся громовыя рѣчи, поддерживаемыя громкими криками собравшихся. На 7-ое назначается новая сходка. Въ 12 часовъ на томъ же дворѣ, на прилегающихъ къ нему пустыряхъ собирается еще большее количество народу, т. к. наканунѣ были разбросаны и расклеены прокламаціи къ обществу и въ тотъ же день неизвѣстно по какимъ причинамъ вспыхнулъ пожаръ на заводѣ Пастухова. Зрѣлище было еще болѣе сильное. Рѣчи не умолкали, крики свободные тоже. Пока еще не предпринимаютъ ничего. На завтра назначена опять сходка, на которую ожидаются рабочіе другихъ заводовъ. Донской Комитетъ открылъ свою типографію и выпустилъ къ новобранцамъ массу прокламацій. Въ то же время обнаружилось странное и еще небывалое явленіе: въ учебныя заведенія были присланы прокламаціи отъ Южнорусской группы учащихся среднихъ школъ. Одна изъ такихъ прокламацій попала въ руки инспектора гимназіи, но онъ еще ничего не предпринялъ“...

„Къ рабочимъ Вл. ж. д. присоединились рабочіе завода Панина (жел. зав.); забастовали пекари. На ст. Тихорѣцкой Влад. ж. д. тоже побросали работу. Въ продолженіе пяти дней, рабочіе въ количествѣ 3-4 и болѣе тысячъ собираются за городомъ, разбрасываютъ прокламаціи, которыя тотчасъ же прочитываются, затѣмъ говорятъ рѣчи, прежде всего убѣждающія рабочихъ продолжать стачку и не сдаваться. Сегодня за городомъ, кромѣ рабочихъ Вл. ж. д. въ числѣ 4 тысячъ пришли съ другихъ фабрикъ и заводовъ, толпа собралась не меньше 10 тысячъ. Собрались въ предмѣстьи Темерникѣ на возвышеніи. Началъ говорить одинъ бывшій рабочій: говорилъ, что унизительно уступить капиталистамъ, толпа прокричала, что не пойдетъ на уступки, потомъ онъ говорилъ, что рабочіе въ отдѣльности не должны вести переговоры съ хозяевами, потому что рабочій обыкновенно не сможетъ ясно формулировать свои требованія, его убѣжденія не настолько ясно сложились, чтобы онъ могъ выложить все, что желаетъ, для этого необходимо дѣйствовать цѣлой массой, посредствомъ печатно выраженныхъ требованій, потомъ сообщилъ, какіе рабочіе на другихъ заводахъ забастовали, и сказалъ, что администрація очень труситъ, потому что забастовка Влад. ж. д. мастерскихъ грозитъ раздвинуться дальше и весь Ростовъ будетъ охваченъ стачечнымъ движеніемъ; онъ передалъ, что наказный атаманъ сказалъ, что если стачка еще продолжится 2 дня, то рабочіе будутъ удовлетворены. Это онъ узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Во все продолженіе этой рѣчи ему не мѣшали ни полиція, ни жандармы. Вотъ уже 5 дней, какъ у насъ свободно говорятъ обо всемъ, ободряютъ стачечниковъ и убѣждаютъ ихъ держаться стойко, и жандармерія даетъ собираться народу и обсуждать его интересы. Когда говорилъ другой ораторъ, понемногу стали наѣзжать казаки съ нагайками и пиками. Ораторъ, увидя, что начальство все больше приближается къ народу и тѣмъ пугаетъ людей, собравшихся не для какихъ-либо преступныхъ цѣлей, а мирно обсуждающихъ свои дѣла, спросилъ, зачѣмъ здѣсь жандармерія. Въ толпу въѣхалъ подполковникъ и сталъ читать рабочимъ отвѣтъ министра путей сообщенія Хилкова: требованія рабочихъ не могутъ быть удовлетворены, и если рабочему не нравятся условія найма и заработной платы, пусть беретъ разсчетъ и если чѣмъ-нибудь недовольны — обращается въ судъ. Ораторъ спросилъ, соглашаются-ли на это рабочіе, тѣ закричали: нѣтъ!!

„Полковникъ велѣлъ разойтись. Толпа, подстрекаемая ораторомъ, осталась на мѣстѣ. Тогда прискакали казаки и стали объѣзжать толпу, для запугиванія. Народъ велъ себя очень сдержанно, спокойно и слушалъ оратора, который говорилъ, что толпу не имѣютъ права трогать, потому что это мирная стачка, рабочіе не буйствуютъ и никого не оскорбляютъ. Начальство все больше убѣждало разойтись, но толпа не двигалась, а казаки все больше приближались къ ней. Ораторъ обратился къ казакамъ, говоря, что развѣ подъ ихъ мундирами не бьется человѣческое сердце? что они сами вышли изъ тѣхъ же крестьянъ и, окончивъ службу, попадутъ на фабрики и заводы, они не посмѣютъ избивать ни въ чемъ не повинныхъ людей, добивающихся только сносныхъ условій труда. Потомъ ораторъ закричалъ: пока казаки не удалятся, народъ не разойдется. Казакамъ велѣно было удалиться и народъ понемногу разошелся. Назначена сходка на завтра, на томъ же мѣстѣ“...

„По улицамъ встрѣчаются кучки рабочихъ, которыя горячо толкуютъ о стачкѣ. Пройдя Темерницкія ворота, поднимаемся на гору, со всѣхъ сторонъ идутъ рабочіе Все пространство площади было раздѣлено на двѣ части рвомъ. На одномъ краю его стояла масса рабочихъ, тамъ и сямъ читались прокламаціи, рабочіе, слушая ихъ, все болѣе возбуждались. Вдругъ всѣ закричали: товарищъ идетъ! и зашевелились; пришелъ вожакъ, всѣ очищали передъ нимъ дорогу и оживились. Онъ остановился на другой сторонѣ на площадкѣ, масса двинулась за нимъ и заняла собою оба откоса и громадное пространство на днѣ рва. Народъ все прибывалъ. Было около 8 тысячъ рабочихъ и около полуторы тысячъ женщинъ, наконецъ пришли ораторы и стали говорить рѣчи. Толпа слушала очень внимательно и единодушно отвѣчала на вопросы ораторовъ. Они рѣшили продолжать стачку и 13 числа взять получку за прошлый мѣсяцъ.

„Во время рѣчей толпа: рабочіе, учащіеся и публика, сидѣли на землѣ. Многія женщины сѣли на краю рва и невозмутимо сидѣли, несмотря на то, что на нихъ почти наѣзжали казаки. Оказалось, что казаки не уѣхали совсѣмъ, а только скрылись въ сторонѣ. На завтра назначена сходка въ 12 час. дня“...

„Ростовъ-на-Дону, 13 ноября. ...Сообщаю новыя подробности ростовскихъ „ноябрьскихъ дней“. Здѣсь творится нѣчто небывалое еще въ Россіи. Какъ только вспыхнула стачка въ мастерскихъ влд. ж. д., на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ началось невиданное броженіе. Во многихъ мѣстахъ рабочіе бросали работу и опять ее начинали, уходили съ работы смотрѣть, что дѣлается „на стачкѣ“, и потомъ приходили обратно. Забастовала и предъявила требованія по-настоящему только фабрика Токарева (свыше 300 чел.). Требованія эти удовлетворены, и 11 ноября на фабрикѣ началась работа. Теперь, кромѣ мастерскихъ ж. д., бастуютъ: плугостроительный заводъ „Аксай“, цементный „Союзъ“ и табачная фабрика Асмолова; предъявленныя требованія, въ общемъ, сходны съ требованіями желѣзнодорожниковъ. Не работаютъ на табачной фабрикѣ „Работникъ“, на плугостроительномъ Григорьева и Ко., на желѣзодѣлательномъ и чугунолитейномъ зав. Дутикова. Не работаетъ много мелкихъ мастерскихъ и отдѣльныхъ рабочихъ всевозможныхъ производствъ. Всѣ забастовавшіе и масса любопытныхъ стекаются къ одному центру — желѣзнодорожникамъ. Съ перваго дня стачки начались сходки, на которыхъ говорятъ два постоянныхъ оратора — интеллигентъ и рабочій. Рѣчи эти исключительно ярко политическаго характера. 4, 5 и 6 ноября сходки, вѣрнѣе митинги, происходили во дворѣ мастерскихъ ж. д., но когда количество участниковъ этихъ сборищъ превысило десять тысячъ человѣкъ, и дворъ мастерскихъ не могъ вмѣстить всѣхъ интересующихся, митинги были перенесены „на балку“. — въ огромный крутой оврагъ, находящійся между Ростовомъ и ст. Гниловской. Въ четвергъ, 7-го, было уже тысячъ 15 слушателей, и ораторы говорили съ горы къ народу, не смущаясь присутствіемъ войскъ. Въ четвергъ же въ Ростовъ прибыли еще войска, вмѣстѣ съ атаманомъ и всей областной администраціей. Вообще административная жизнь области какъ-то замерла: въ полиціи цѣлую недѣлю почта не вскрывается и не разсматривается. Срочныя бумаги лежатъ безъ исполненія, тогда какъ всѣ чины полиціи усердно посѣщаютъ митинги. Въ пятницу, 8-го, рабочимъ была прочитана телеграмма министра путей сообщенія, который призналъ всѣ требованія рабочихъ не заслуживающими удовлетворенія. Прочитавъ эту телеграмму, жандармскій полковникъ Артемьевъ приказалъ толпѣ разойтись и больше не собираться скопомъ. Тотъ же самый приказъ повторилъ и самъ войсковой наказный атаманъ и пригрозилъ рабочимъ разными бѣдами за непослушаніе. Поднимается тогда ораторъ и, не смущаясь присутствіемъ грознаго начальника области, спрашиваетъ: „Господа, боимся мы атамана?“ — Нѣтъ, не боимся, отвѣчаетъ толпа. — „Станемъ мы слушаться его приказаній?“ — Нѣтъ, не станемъ, ревутъ въ отвѣтъ тысячи голосовъ. — „Ну, тогда оставайтесь на мѣстѣ и будемъ продолжать наши разговоры“.

„Само собою разумѣется, казакамъ данъ былъ приказъ разогнать толпу нагайками. Но избіеніе на этотъ разъ не состоялось, благодаря замѣчательному маневру оратора. Онъ приказалъ всѣмъ сѣсть, и нѣсколько тысячъ человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, усѣлись на землю и смиренно ожидали своей участи. Казаки опѣшили и остановились въ недоумѣніи. Бить сидячаго съ сѣдла крайне неудобно, и казаки, погарцовавъ немного, прекратили это глупое занятіе. Въ серединѣ толпы встало нѣсколько человѣкъ и подняли на плечи оратора, который обратился съ рѣчью къ казакамъ. Тогда толпѣ объявили, что дальнѣйшія сходки запрещаются и съ участниками ихъ будутъ поступать по всѣмъ строгостямъ закона. Казаковъ убрали, и толпа разошлась.

„Въ субботу казаки заняли балку, но стачечники собрались недалеко отъ нея. Видя, что толпа велика и что съ нею трудно справиться, стачечникамъ объявили, что атаманъ разрѣшаетъ имъ на этотъ разъ сходку для того, чтобы они выбрали депутацію къ нему. Депутація была избрана, и политическій митингъ продолжался своимъ чередомъ. Характерно, что когда депутація явилась къ атаману, этотъ глупый бурбонъ заявилъ, что онъ не желаетъ съ ними разговаривать и соглашается ихъ выслушать въ видѣ особой милости. Депутаты держались солидно и съ большимъ достоинствомъ отвѣтили на эту нелѣпую выходку.

„Въ воскресенье атаманъ разрѣшилъ собраться только для выслушанія отвѣта депутатовъ. Тѣмъ не менѣе, митингъ продолжался отъ 11 до 3 час. дня. Народу собралось видимо-невидимо; мы опредѣляемъ толпу въ 25-30 тыс. чел. Торжественное, неслыханное еще въ Россіи зрѣлище представлялъ этотъ митингъ. Стояла прекрасная погода и солнце освѣщало многотысячную толпу, въ которой, тѣсно прижавшись другъ къ другу, стояли представители буквально всѣхъ слоевъ общества. Даже крупные буржуа на собственныхъ рысакахъ пріѣзжали взглянуть на своего пробуждающагося врага. Какъ и въ предыдущіе дни, рѣчи носили ярко политическій характеръ. Въ одной изъ нихъ сопоставлялось развитіе христіанства съ развитіемъ соціализма. Одна рѣчь была посвящена арміи, ея роли и значенію въ капиталистическомъ государствѣ вообще и въ Россіи въ частности. Комментировалось это примѣрами изъ китайской войны“. Въ виду того, что значительная часть рабочихъ относится все еще крайне враждебно къ политической агитаціи, а часть стачечниковъ даже угрожала стать на работу, если ихъ будутъ „запутывать въ политику“, — было произнесено нѣсколько рѣчей на тему: „Почему мы произносимъ политическія рѣчи“. Рѣчи эти произвели очень сильное впечатлѣніе на толпу. Дисциплина и порядокъ на митингахъ — образцовые, толпа повинуется каждому слову ораторовъ. Митингъ сопровождался возгласами массы: „Да здравствуетъ политическая свобода, свобода стачекъ, сходокъ и собраній, слова и печати. Мы требуемъ справедливыхъ законовъ и равенства всѣхъ передъ закономъ“. Несмотря на категорическое запрещеніе атамана, толпа рѣшила собраться на слѣдующій день. Въ этотъ же день было расклеено по городу обязательное постановленіе о воспрещеніи носить оружіе, останавливаться на улицахъ и т. д. Кромѣ того, было издано напечатанное крупнымъ шрифтомъ новое постановленіе, по которому всякія сходки безусловно воспрещаются, зачинщики будутъ немедленно арестованы, а войска будутъ безъ всякихъ церемоній дѣйствовать оружіемъ. Въ тотъ же день состоялось, подъ предсѣдательствомъ атамана, экстренное совѣщаніе чиновъ администраціи и представителей ж. д. Управляющій дороги готовъ былъ сдѣлать всѣ уступки, за исключеніемъ 9-часоваго раб. дня и отмѣны штрафовъ, но атаманъ возсталъ противъ этого, говоря, что тогда другіе рабочіе не успокоятся, пока не получатъ того же. Совѣщаніе рѣшило во что бы то ни стало арестовать ораторовъ и не допустить новой сходки, не останавливаясь даже передъ самыми крутыми мѣрами.

„Въ понедѣльникъ съ утра казачьи нагайки начали дружно дѣйствовать. Казаки напали на толпу женщинъ, шедшихъ на сходку, и начали ихъ колотить. Женщины героически защищались, отняли у казаковъ четыре пики, и все-таки явились на сходку. Въ самой балкѣ, едва только успѣла собраться небольшая толпа рабочихъ, какъ на нее напали казаки. Стачечники сѣли на землю, но и этотъ маневръ не удался: казаки скакали прямо на сидящихъ. Тогда рабочіе поднялись и оказали сопротивленіе. Камнями имъ удалось отбить казаковъ (во время свалки три казака съ лошадьми были сброшены въ оврагъ и казачій офицеръ пораненъ) и перейти на Темерикъ, гдѣ на перекресткѣ двухъ наиболѣе широкихъ улицъ собралась по прежнему громадная толпа рабочихъ и кучка интеллигенціи. Рѣшили не расходиться. Вскорѣ сюда явились солдаты и казаки, и началось сраженіе. Толпа разобрала нѣсколько заборовъ, выдергивала колья во дворахъ, ломала деревья, крыши и „слеги“ (для вывѣшиванія флаговъ), и вооружилась всѣмъ этимъ. Въ нѣсколько минутъ были наворочены цѣлыя груды камней. Рабочіе взбирались на крыши домовъ, накладывали тамъ груды камней и обстрѣливали ими казаковъ. Толпа вырывала у казаковъ пики и ломала ихъ. Всадниковъ стаскивали съ лошадей, отбирали у нихъ сабли и ружья, отнимали пики и нагайки. Шесть разъ войска нападали на толпу и отступали съ большимъ урономъ. Градъ камней обращалъ въ бѣгство казачьихъ лошадей А толпа все прибывала и становилась свирѣпѣе. Наконецъ, казаки окончательно отступили, и началась сходка. Съ обѣихъ сторонъ много раненыхъ; одну женщину страшно искололи пиками. Сходка продолжалась до двухъ часовъ дня, и толпа рѣшила разойтись съ тѣмъ, чтобы завтра сойтись на томъ же мѣстѣ. Въ половинѣ четвертаго, когда уже осталось совсѣмъ мало народа, мальчишки насмѣшками разозлили солдатъ, и тѣ бросились избивать ихъ. За мальчиковъ вступились взрослые и очень скоро обратили солдатъ въ бѣгство. Тогда въ толпу по командѣ данъ былъ залпъ, безъ предупрежденія. На мѣстѣ осталось 6 чел. убитыхъ наповалъ, 12 чел. тяжело раненыхъ: есть еще раненые, но число ихъ не установлено. Слухъ о выстрѣлахъ страшно наэлектризовалъ весь городъ. На улицахъ замѣтно было значительное оживленіе. Толпы людей ходили и громко выражали свое возмущеніе. Можно было ожидать какого-нибудь взрыва. По улицамъ вездѣ были разставлены усиленные наряды городовыхъ и патрули казаковъ (въ понедѣльникъ же былъ раненъ жандармскій полковникъ Артемьевъ и еще нѣсколько офицеровъ). Казаки съ пѣснями и гиканьемъ разъѣзжали по всѣмъ направленіямъ — на страхъ врагамъ. Перепуганная администрація ночью экстренно отпечатала и облѣпила весь городъ брошюрою Богдановича: „Русскимъ рабочимъ душевное слово“. Но русскіе рабочіе срываютъ „душевное слово“, не дочитавъ даже перваго столбца.

„Во вторникъ на сходку толпа шла вооруженная; всѣ ожидали страшнаго кровопролитія. Ночью прибыло изъ Екатеринослава 2000 солдатъ и масса кубанскихъ казаковъ. Комитетъ, какъ и въ первые дни, находилъ, что если администрація не допуститъ митинга, то стремиться прорвать цѣпь войскъ и идти въ городъ на демонстрацію. Войска преградили доступъ на Темеринскую сторону ростовскимъ и нахичеванскимъ рабочимъ. По Доломановскому пер. и Темеринскому проспекту много дворовъ было запружено войсками. Особенно много ихъ было во дворахъ фабрики Панченко и мельницы Филонова. Всѣ переѣзды черезъ Темерикъ были заняты войсками, но рабочіе все-таки умудрились перебраться черезъ замерзшую рѣчку. На мѣстѣ сходки народу собралось больше прежняго. Толпу выстрѣлы только озлобили, администрацію они испугали. Послѣ торжественныхъ обѣщаній, письменныхъ и устныхъ, ни за что не допустить сборища, — на мѣстѣ сходки не было ни одного городового. Произносились по прежнему политическія рѣчи. „Въ толпѣ лежалъ трупъ одного изъ разстрѣленныхъ, котораго не выдали полиціи. Хотѣли-было идти съ этимъ трупомъ демонстративно въ городъ, но потомъ отказались.

„14-го была новая сходка, на которой по прежнему не было полиціи. Войска со всѣхъ сторонъ стягиваются въ городъ. Среди казаковъ растетъ недовольство атаманомъ; прокламацій къ войскамъ не удается распространить. Нѣсколько дней уже закрыты всѣ винныя лавки, виноторговли, ренсковые погреба, даже увеселительное заведеніе „Палермо“. Торговыя операціи города страшно сократились. Торговцы просятъ атамана успокоить рабочихъ, фабриканты настаиваютъ на укрощеніи и подавлені

„Ежедневно выходятъ прокламаціи (печатныя) въ количествѣ 1500-2500 штукъ. Больше не успѣваетъ изготовлять типографія за ночь. Количества этого не хватаетъ, такъ какъ толпа набрасывается на прокламаціи съ большей жадностью, чѣмъ голодные на хлѣбъ. Распространяются они на виду у полиціи и жандармовъ. Въ началѣ, прокламаціи бросались въ толпу, но это вызывало слишкомъ большую суматоху. Тогда рѣшили ихъ раздавать, но и тутъ результаты не вполнѣ удачны. Одного распространителя чуть не задушили, на другомъ разодрали пальто. Изъ-за прокламацій происходятъ цѣлыя свалки.

„На сходкѣ и вообще на Темерникѣ не осмѣливаются никого арестовать, за то на улицахъ прямо-таки хватаютъ заподозрѣнныхъ лицъ. Производится масса обысковъ. Въ понедѣльникъ исчезъ одинъ изъ главныхъ ораторовъ. Вѣроятно, онъ арестованъ на улицѣ и увезенъ въ какую-то тюрьму. Во вторникъ въ двухъ случаяхъ толпа отбивала у полиціи арестованныхъ. Въ пользу стачечниковъ собрано уже 1300 руб.

„Повторяю, событія наши изобилуютъ массою любопытнѣйшихъ подробностей, но теперь буквально не въ состояніи описать ихъ. Событія на меня сильно повліяли, и я все время страдаю безсонницей, такъ что едва вожу перомъ по бумагѣ..

номъ заводѣ въ городѣ Бѣжецкѣ, и когда рабочіе стали просить съ хозяина прибавки жалованья, тотъ имъ отказалъ, а когда они прекратили работу, то хозяинъ обратился за полиціей къ правительству. Прислали сотни полторы дикихъ казаковъ, и прежде, чѣмъ приняться за дѣло, хозяинъ ихъ напоилъ водкой, и потомъ уже спустилъ на рабочихъ. На моихъ глазахъ одной дѣвицѣ вышибли глазъ, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза и я упалъ въ обморокъ. Многихъ разсчитали, а я и другіе немногіе остались, ожидая улучшенія, но ничего не было и я тоже ушелъ. Я пришелъ въ Нижній, чтобы и здѣсь найти, чѣмъ кормиться, но долго шлялся безъ куска хлѣба и однажды утромъ взялъ у ночного сторожа жестяный чайникъ, который хотѣлъ продать и купить хлѣба, но сторожъ замѣтилъ, и меня забрали и отправили въ Колонію. Жить тамъ было плохо, съ воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики изъ за этого дѣлали у себя въ погребахъ и амбарахъ кражи, чтобы быть сытыми, и другіе, какъ ястреба, бѣгали изъ колоніи въ деревню и ломали замки, а за то ихъ арестовывали и они сидѣли въ тюрьмѣ. Воспитаніе тоже въ колоніи было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вотъ, чтобы избавиться отъ Колоніи и отдохнуть, воспитанники часто бѣгали изъ Колоніи, а другіе, чтобы попасть въ больницу, нарочно толкли стекло и имъ засыпали себѣ глаза, а другіе, какъ Мишуковъ, ошпаривали себѣ кипяткомъ ноги и руки. Часто за всякіе пустяки сажали въ карцеръ. Я сидѣлъ часто въ карцерѣ, всего 17 разъ, не меньше 7 дней и не больше 16. Одинъ мальчикъ изъ за плохого карцера хотѣлъ покончить съ собой черезъ поджогъ, но его удалось спасти. Передъ моимъ выходомъ былъ бунтъ изъ за того, что директоръ изъ экономіи не выдавалъ теплой одежды. Насъ хотѣли силой гнать на ужинъ и для этого прислали рабочихъ, которыхъ мы встрѣтили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы такъ провели ночь и полъ дня; къ вечеру насъ стали осаждать по приказанію директора камнями. Многимъ моимъ товарищамъ проломили головы, и когда мы совсѣмъ изнемогли, насъ всѣхъ перевязали и отправили, кого въ карцеръ, кого въ овинъ и въ баню. Въ овинѣ привязали, стоя къ столбамъ, назадъ руки и такъ продержали цѣлыя сутки и не давали ѣсть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали подъ скамейкой и тоже продержали сутки голоднымъ, а потомъ перевели въ сушилку и продержали тамъ 16 дней, и все время давали лишь кусокъ небольшой хлѣба и стаканъ воды. Когда я вышелъ изъ карцера, директоръ меня наказалъ — безъ горячей пищи на двѣ недѣли. Я не захотѣлъ этого исполнить и меня опять посадили въ карцеръ на четыре дня, но скоро совсѣмъ меня выпустили изъ колоніи и почти голаго оставили на улицѣ осенью въ Нижнемъ и даже не дали мѣста, тогда какъ другихъ ставили на мѣста и одѣвали при выходѣ, но съ меня еще и свои заработанныя деньги вычли за бунтъ. Я началъ работать, но и хозяинъ меня притѣснялъ и плохо платилъ жалованье и, кромѣ того, часто штрафовалъ. Однажды пришли изъ ремесленной управы чиновники и стали всѣмъ выдавать разсчетныя книжки. Книжка стоитъ 1 р 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что когда я былъ маленькій и ходилъ безъ куска хлѣба и мерзъ, меня никто не видѣлъ, но когда теперь я могу работать, ко мнѣ тянутъ руки купецъ и чиновники въ лицѣ правительства и начинаютъ обирать, но на это не обратили вниманіе и вычли больше, чѣмъ слѣдуетъ, — 4 р. Я сталъ думать, неужели же я созданъ для того, чтобы содержать людей, а самому вѣчно биться изъ-за куска хлѣба... Я однажды нашелъ листокъ, и тамъ говорилось, что правительство собираетъ съ народа сотни милліоновъ съ табаку, спичекъ, керосина и вина, и эти деньги идутъ на армію и флотъ, никому ненужные, только для защиты своихъ мундировъ. Я часто находилъ листки и все болѣе сталъ убѣждаться въ произволѣ правительства. Потомъ и съ самимъ былъ случай: изъ деревни прислали бумагу, чтобы я заплатилъ подати, но я отказался, говоря, что отецъ мой не пахарь, а земля принадлежитъ пахарю, а я столяръ, и мнѣ нуженъ верстакъ. Но вотъ, когда я поступилъ къ другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человѣку, по донесенію шпіоновъ разъ ночью ворвались жандармы и полиція и, ничего не найдя, хозяина увели въ тюрьму, и я долженъ былъ содержать его семью, но жандармы мнѣ не велѣли, потому что такъ пришлось бы скорѣе разориться и идти шляться, но я этого не сдѣлалъ, и хозяина черезъ полтора мѣсяца выпустили. Наконецъ, я понадобился и въ солдаты, но и здѣсь я отошелъ кое-какъ отъ службы изъ-за маленькаго брата. Къ намъ часто въ мастерскую привозили мужички лѣсъ и жаловались, что у нихъ описываютъ послѣдніе самовары и даже у невѣстъ приданое. Конечно, испытавъ самъ много горя, я оставался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ. И вотъ передъ первымъ мая 1902 г. я нашелъ листокъ, гдѣ звали желающихъ на демонстрацію, и я пошелъ, но въ этотъ день ничего не было, а было 5 мая, и я взялъ красное знамя и пошелъ на назначенное мѣсто, но ничего не было. Я прошелъ на откосъ, гдѣ увидѣлъ группу людей и сталъ пѣть пѣсни, потомъ, когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“.

* * *

На вопросъ предсѣдателя палаты, кто ему далъ знамя, Михайловъ отвѣтилъ, что это его тайна, и онъ не желаетъ объяснять.

„Какъ бы ни кончилась стачка, воспитательное значеніе ея колоссально, и ужъ сейчасъ явился огромный спросъ на нелегальную литературу. Нужны буквально десятки пудовъ литературы, и заграничныя организаціи нравственно обязаны теперь же посылать сюда транспорты“.

Приводимъ еще одно письмо отъ 13 ноября въ нѣсколько сокращенномъ видѣ и опуская фамиліи ораторовъ: „На другой день (4 ноября) всѣ рабочіе (ж. д. мастерск.) не работали и собрались на дворѣ для совѣщанія. Одинъ рабочій сказалъ рѣчь на тему о силѣ единодушія, онъ пробовалъ указать и на политическую сторону стачки, но старики отнеслись неодобрительно. Къ этому дню вышла уже вторая прокламація, которая замѣчательно быстро расходилась. Городъ наводненъ жандармами и шпіонами, атаманъ съ 4 сотнями донскихъ казаковъ тамъ же. Недавно прибыли кубанскіе и терскіе казаки числомъ до 1000. Рабочіе хотѣли пройти по городу съ краснымъ знаменемъ, но старики протестовали. На слѣдующій день уже было до 8000 человѣкъ, масса рабочихъ съ другихъ фабрикъ и заводовъ, а также много интеллигентовъ и учащихся (несмотря на строгое запрещеніе посѣщать сходки). На этой сходкѣ нашелся новый ораторъ — интеллигентъ. Ясностью и пылкостью рѣчи онъ приковалъ вниманіе всѣхъ, такъ что ему удалось указать на политическую сторону, и его послѣдніе слова „долой самодержавіе“ были приняты дружными одобрительными возгласами толпы. Съ каждымъ днемъ бастуютъ все новые и новые рабочіе, даже булочники и переплетчики мелкихъ мастерскихъ. Сходки ежедневно отъ 11 утра до 5 вечера съ рѣчами указанныхъ ораторовъ. Полиція боится трогать ораторовъ на сходкахъ, но такъ рыщетъ по всѣмъ угламъ, а сыскать ихъ не можетъ.

„Слѣдующая сходка, которая была еще многолюднѣй, состоялась въ балкѣ за Темерникомъ, ибо во дворѣ было мало мѣста. Приставъ заявилъ, что атаманъ проситъ къ себѣ депутатовъ. На слѣдующій день количество народу на сходкѣ достигло до 20,000 ч. Ораторъ-рабочій объявилъ результаты переговоровъ съ атаманомъ: оказывается, что атаманъ не просилъ депутатовъ, онъ былъ грубъ и предложилъ выдать ораторовъ: тогда де онъ сдѣлаетъ уступки. При этомъ ораторъ заявилъ, что если народъ вѣритъ обѣщаніямъ атамана, то онъ и товарищи его сейчасъ, на глазахъ рабочихъ, отдадутся въ руки полиціи. Эти слова были заглушены единодушнымъ крикомъ: „не выдадимъ!“ (нѣкоторые изъ рабочихъ плакали). Уже вся 20,000-ная толпа подхватывала крикъ: „долой самодержавіе!“ Ораторы указывали на крестьянскія голодовки и истязанія и на тихорѣцкую драму. Послѣ рѣчи былъ устроенъ сборъ денегъ и было собрано 342 р. 80 к., но многіе не ожидали сбора и пришли безъ денегъ; на дняхъ въ обществѣ собрано свыше 1000 руб.; во время сходки разбрасывались прокламаціи. Чернь со времени Нерона не бросалась такъ на хлѣбъ, какъ присутствующіе на прокламаціи. Происходила ужасная давка. Одинъ рабочій, чуть не плача, кричалъ: „хоть одну прокламашку“. ...Описавъ слѣдующую сходку, рѣчь къ казакамъ, отраженіе ихъ аттаки и выстрѣлы въ толпу, авторъ заключаетъ: „Полиціей были вывѣшены объявленія о наказаніи за присутствіе на сходкахъ, но публика и рабочіе срывали ихъ, такъ что городовые не подпускали къ нимъ никого.

„9-го хотѣли устроить демонстрацію въ театрѣ: шли „Мѣщане“, но атаманъ велѣлъ эту піесу снять.

„Ожидаютъ тов. министра вн. дѣлъ Мясоѣдова-Иванова. На дняхъ было совѣщаніе атамана, жандармовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ. Послѣдніе хотѣли уступить, но атаманъ протестуетъ, особенно противъ 9-часового рабочаго дня. Онъ говоритъ: „Я ихъ нагайками заставлю работать!“ Хозяева предлагаютъ деньги на выписку войскъ. — Общество возмущено избіеніемъ рабочихъ и всецѣло сочувствуетъ имъ. Настроеніе бодрое и стойкое. Было получено сообщеніе, что въ Ростовъ идутъ шахтеры изъ Таганрога.“

Вотъ еще выдержка изъ письма:

„Уже восьмой день насъ треплетъ нервная лихорадка. Стачка продолжается; каждый день происходятъ собранія на Темерникѣ. Вчера было шесть конныхъ аттакъ на толпу. Били нещадно нагайками, саблями и пиками — масса раненныхъ. Однако толпа держалась стойко. Всѣ аттаки были встрѣчены градомъ камней и отбиты. Когда толпа уже начала расходиться, пришли пѣхотинцы и данъ былъ залпъ безъ всякихъ предостереженій. 7 чел. остались на мѣстѣ убитые, 15 сильно ранены и отвезены въ больницу. Убитыхъ толпа не дала подбирать. Несмотря на это, сегодня толпа опять собралась. Полиція не препятствовала, только устроила кордонъ вокругъ рѣки Темерника, желая воспрепятствовать толпѣ, если она двинется въ городъ. Обысковъ еще не было, но аресты были. Арестовали одного оратора и переодѣтаго гимназиста. По улицамъ разъѣзжаютъ и расхаживаютъ цѣлые отряды казаковъ. Пріѣхалъ атаманъ, кто-то изъ министерства Путей Сообщ. и многіе другіе.“

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н.-Новгородъ. ...„Сообщу, прежде всего, окончательную судьбу здѣшнихъ судебныхъ процессовъ: по сормовскому дѣлу шесть человѣкъ лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаются пожизненно на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири: Заломовъ, Самылинъ, Алексѣй Быковъ, Дружкинъ, Лишинъ, Фроловъ. Остальные семь оправданы.

По Нижегородскому дѣлу двое — Кислова и Георгіевскій — оправданы, двое — Моисеевъ и Лубоцкій — лишены всѣхъ правъ состоянія и ссылаются пожизненно на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири, остальные пять — Доброхотова, Синева, Лѣнивова, Михайловъ, Дертовъ — съ лишеніемъ всѣхъ правъ въ не столь отдаленныя мѣста. Михайлову всего 21 г., Лубоцкому 16.

Всѣ обвиняемые держались, какъ говорятъ, геройски, не только не отрицали своего участія, но говорили рѣчи, въ которыхъ открыто признавали себя революціонерами, и говорили, что таковыми всегда останутся. Особенное впечатлѣніе произвели рѣчи Заломова, Самылина и Моисеева. Они, да и всѣ остальные, говорили, какимъ путемъ пришли къ своимъ убѣжденіямъ.

Всѣ держались на общей почвѣ: во второмъ процессѣ почти ничего не говорили о самомъ фактѣ 5 мая. Защитникамъ мало что оставалось говорить; нѣкоторые даже жаловались, что обвиняемые такъ хорошо говорили, что трудно сказать лучше, да и опасно говорить лучше — самимъ можно попасть на скамью подсудимыхъ, хуже же говорить было бы стыдно.

Главная роль защитниковъ состояла въ поддѣваніи и уничтоженіи свидѣтелей. Надо имъ отдать справедливость, дѣлали они это артистически.

Теперь по городу масса анекдотовъ: напр., спрашиваютъ одного свидѣтеля, повидимому, сыщика; онъ отвѣчаетъ на всѣ вопросы все, какъ слѣдуетъ, кончаетъ, и предсѣдатель спрашиваетъ: „можете еще что-нибудь сказать, свидѣтель?“ и свидѣтель отвѣчаетъ: „нѣтъ, больше начальство не приказало“.

Поддѣли здорово также директора сормовскихъ заводовъ. Онъ хвастался, какъ хорошо живется рабочимъ, заводъ устроилъ больницу, школу. На одну школу тратится 3000 руб. въ годъ. Защитникъ спрашиваетъ, правда-ли, что съ жалованья рабочихъ берется опредѣленный процентъ. Директоръ успокаиваетъ, что процентъ не великъ, всего копѣйка съ рубля, жалованья же рабочимъ въ мѣсяцъ выдается очень много, слишкомъ 30 тысячъ. „Такъ вы думаете, что заводъ на свои средства содержитъ школу?“ спрашиваетъ защитникъ...

Обвинены всѣ по 252 ст., только со смягченіемъ на 2 степени. Говорятъ, рѣчь прокурора была очень коротка и странна; во второмъ процессѣ онъ сказалъ, что обвиняемые столько насказали о себѣ, на столько себя обвинили, что ему нечего прибавить. — На сколько свободно давали высказываться обвиняемымъ, показываетъ тотъ фактъ, что Моисеевъ кончилъ свою рѣчь словами: „Долой самодержавіе!“ “...

Саратовъ. Такихъ массовыхъ арестовъ, какъ въ ночь на 1 ноября здѣсь не запомнятъ. Очевидно, саратовское отдѣленіе Его Жандармскаго Величества предполагало ко дню суда надъ демонстрантами (4/XI) очистить городъ отъ „неблагонадежныхъ“ элементовъ. Однако, старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Погромъ мало затронулъ Комитетъ, и онъ продолжаетъ выпускать листокъ за листкомъ.

Судъ надъ демонстрантами (4-7/XI) прошелъ тихо. Безлюдно (если не считать за людей шнырявшихъ въ массѣ шпіоновъ и полицейскихъ) было на улицахъ вокругъ суда, какъ безлюдно было въ самой залѣ суда, — присутствовали однѣ женщины, матери и жены подсудимыхъ: воля монарха закрыла двери суда даже для членовъ палатъ и предсѣдателя окружнаго суда. Обвиняемые заранѣе предвидѣли, что судъ окажется трагикомедіей съ заранѣе предписаннымъ рѣшеніемъ, и нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ защиты (Воеводинъ, Ефимовъ, Фофановъ, Ошанина). И въ своемъ приговорѣ, въ своемъ отношеніи къ подсудимымъ, судъ оправдалъ это предвидѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ передъ нимъ словно носился призракъ грядущей революціи и заставлялъ его выказывать возможную нелицепріятность. Это особенно проявилось при допросѣ свидѣтелей обвиненія. Жандармское дознаніе, признанное судебнымъ слѣдствіемъ, на судѣ было окончательно уничтожено и даже изобличено въ подлогѣ. Судья Лазаревскій, подавшій потомъ голосъ за оправданіе подсудимыхъ, заставилъ свидѣтелей-полицейскихъ признаться во лжи и подтвердить, что приказанія „разойтись“ не было. Единственно это избавило товарища Ефимова отъ каторги. Одинъ изъ свидѣтелей обвиненія заявилъ, что его весеннія показанія были сочинены жандармомъ Зубовымъ. Всѣ свидѣтели обвиненія были изобличены въ прямомъ прикосновеніи къ сыску; ни одинъ не далъ тѣхъ же показаній, что весною, ни одинъ не призналъ въ лицо тѣхъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ лжесвидѣтельствовалъ.

И тѣмъ не менѣе, большинство членовъ суда (Стельмаковичъ, Ухтомскій, Арсеньевъ) высказалось за обвиненіе. Позорно велъ себя предсѣдатель суда, лишившій подсудимыхъ послѣдняго слова. Лишь только тов. Фофановъ, излагая мотивы своей дѣятельности, началъ свою рѣчь: „я соц.-демократъ...“, какъ сейчасъ же былъ прерванъ предсѣдателемъ: „мы знаемъ, что вы соц.-демократъ“. Ошанина была оборвана предсѣдателемъ послѣ двухъ-трехъ фразъ. Все это настолько возмутило всѣхъ подсудимыхъ, что Ефимовъ вскричалъ: „Я презираю эту судебную трагикомедію“, а Архангельская рѣзко протестовала противъ поведенія предсѣдателя и заявила о своемъ сочувствіи и солидарности съ товарищами. За это именно она и идетъ на вѣчное поселеніе, — изъ слѣдствія явствуетъ, что Архангельская не была на демонстраціи.

Говорить удалось одному только тов. Воеводину. „Два года тому назадъ, сказалъ онъ, когда я работалъ въ Екатеринославѣ, меня арестовали по причинѣ, которая и до сихъ поръ мнѣ неизвѣстна, и выслали подъ надзоръ полиціи въ чужой для меня городъ — Саратовъ. Здѣсь, терпя голодъ, холодъ и всяческія лишенія, тщетно выпрашивая работу и всякій разъ теряя ее вслѣдствіе настояній полиціи, испытывая униженія отъ любого городового и всякихъ другихъ прислужниковъ царскаго правительства, я 16-ти лѣтъ впервые понялъ, что моя бѣда лишь частица общаго горя и гнета, которые тяготѣютъ надъ всей рабочей массой, что наши враги — капиталисты, выжимающіе изъ насъ соки, царское правительство, всецѣло стоящее на ихъ сторонѣ и мѣшающее вести борьбу за наши интересы. Мнѣ, какъ и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, какъ выйти на улицу и кричать: „Долой капиталистовъ, долой самодержавіе!“ Участвуя въ демонстраціи, я исполнилъ свой долгъ, поэтому я требую для себя полнаго оправданія“.

Изъ рѣчей защитниковъ замѣчательна пылкая рѣчь спб. прис. пов. Волкенштейна. Указавъ на растущее сознаніе народныхъ массъ, на все учащающіяся проявленія народнаго протеста, на всю политику самодержавія, заставляющую бороться съ нимъ всѣхъ сознательныхъ людей, защитникъ сказалъ: ...„здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, сидятъ люди, принадлежащіе къ партіи, которая спасетъ Россію!“

Приговоръ: 1) Архангельская Надежда, б. курсистка, 2) Бочкаревъ, ветер. врачъ, 3) Ефимовъ Василій, раб., 4) Косовичъ, б. студ., 5) Ошанина, б. фельдш. 6) Губаровская Анисья, б. фельдш. и 7) Фортунатовъ, стат., — къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на вѣчное поселеніе; 8) Бударина, фельдш. и 9) Воеводинъ, раб. — $2\frac{1}{2}$ г. тюрьмы; 10) Сарапулова — $3\frac{1}{2}$ г. тюрьмы. Григорьева, Дьякова, Фоминыхъ и Штейнбергъ — освобождены.

Горько и тяжело здѣсь у всѣхъ на душѣ отъ этого приговора, но вмѣстѣ съ тѣмъ, весь этотъ судъ — и самый способъ суда, и эти закрытыя двери, все поведеніе ссылаемыхъ товарищей, защитниковъ и самихъ судей невольно заставляетъ убѣждаться, что это „вѣчное“ поселеніе не будетъ такимъ. Пусть самодержавіе прячется за закрытыми дверями судовъ, пусть оно въ послѣдней агоніи ссылаетъ и вѣшаетъ борцовъ за свободу, — наемной шайкѣ лживыхъ и гнусныхъ шпіоновъ, какая дефилировала въ судѣ, мы противопоставимъ сознательную и солидарную армію рабочаго класса, и раскроются, наконецъ двери всероссійской тюрьмы. Что приговоръ не запугаетъ, а лишь заставитъ съ еще большей энергіей бороться всякаго, въ комъ работаетъ мысль и живетъ чувство, — это слишкомъ ясно. И если теперь выхваченные жандармами изъ толпы демонстранты показали яркій примѣръ нравственной мощи, то близко уже время, когда большинство сознаетъ, что это его дѣло сказать послѣднее и рѣшительное: „Долой самодержавіе!“

Исключение подтверждаетъ правило. Мы не разъ уже высказывались по поводу уѣздныхъ комитетовъ и недостаточности ихъ законной оппозиціи беззаконному самодержавію. Тѣмъ болѣе необходимымъ считаемъ мы отмѣтить отрадное „исключеніе“ и привести цѣликомъ присланные намъ докладъ Мартынова и рѣчь Бунакова, которые нашли въ себѣ элементарное мужество высказать прямо и откровенно свои давнія, затаенныя убѣжденія. Проходитъ уже, къ счастью, такое время на Руси, когда затаенныя убѣжденія можно было считать дѣйствительными убѣжденіями...

„Докладъ въ Воронежскій Уѣздный Комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности члена Комитета С. Мартынова: Современное критическое положеніе сельско-хозяйственной промышленности и громадное значеніе этой отрасли народнаго хозяйства, какъ основы сельско-хозяйственной жизни Россіи, побудило правительство передать вопросъ о нуждахъ ея на обсужденіе мѣстныхъ полуоффиціальныхъ учрежденій и допустить къ участію въ послѣднихъ различные и случайные элементы общественные. Само собою разумѣется, что общество должно отнестись къ этому факту съ надлежащей осмотрительностью и не брать на себя такихъ задачъ, которыхъ оно при современныхъ условіяхъ выполнить не въ состояніи. Правительство уже однажды использовало этотъ путь, когда въ 1894 г. обратилось за выясненіемъ нуждъ с.-хозяйственныхъ къ земскимъ учрежденіямъ, и послѣднія, при помощи своихъ стат. и с.-хоз. организацій, собрали и представили по этимъ вопросамъ огромный матеріалъ, громадная цѣнность котораго, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, нашла себѣ надлежащую оцѣнку въ рѣчи, произнесенной бывшимъ мин. вн. дѣлъ въ первомъ засѣданіи Особ. Сов. Такимъ образомъ, фактическое положеніе дѣлъ въ настоящее время извѣстно правительству. Тѣмъ не менѣе, послѣднее нашло необходимымъ дополнить этотъ огромный фактическій матеріалъ, и въ инструкціяхъ мѣстнымъ комитетамъ указало, что, кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, предложенныхъ на ихъ обсужденіе, комитеты могутъ имѣть сужденіе также и объ общихъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ с.-хоз. промышленности. Такимъ образомъ, правительство само пришло къ убѣжденію, что нужды сельскаго хозяйства такъ тѣсно переплетаются съ вопросами общегосударственными и до такой степени зависятъ отъ того или иного рѣшенія послѣднихъ, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга невозможно, съ другой стороны, что огромный фактическій матеріалъ, собранный земствами, все-таки не даетъ ключа для разрѣшенія многихъ вопросовъ с.-хозяйствен. промышленности именно потому, что послѣдніе разсматривались изолированно, безъ отношенія къ современному политическому и финансовому положенію страны. Современный упадокъ с.-хоз промышленности отнюдь не является случайнымъ или мѣстнымъ. Хроническія голодовки населенія, уничтожающія огромныя количества сельскихъ хозяйствъ, захватывающія изъ года въ годъ огромные районы въ различныхъ полосахъ Россіи, а также аграрныя движенія, вспыхивающія со стихійной силой въ различныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга, мѣстностяхъ, доказываютъ, что причины с.-хоз. кризиса лежатъ глубоко въ основахъ современнаго политико-экономическаго строя страны и, завися въ незначительной степени отъ мѣстныхъ условій, не могутъ быть устранены мѣстными, случайными мѣропріятіями. Такимъ образомъ при обсужденія нуждъ с.-хоз. промышленности, въ комитетахъ неизбѣжно должны возникнуть и обсуждаться вопросы общегосударственные, а затѣмъ уже частные, спеціальные вопросы. Между тѣмъ, ни составъ мѣстныхъ комитетовъ, ни юридическія полномочія ихъ не могутъ дать ни правительству, ни обществу достаточной гарантіи въ томъ, что эти огромной важности вопросы будутъ поставлены и обсуждены съ надлежащей полнотой и всесторонностью. Благодаря устраненію выборнаго начала при составленіи комитетовъ и пополненію ихъ лицами, занимающими извѣстное административное положеніе, члены комитетовъ отнюдь не являются законными и уполномоченными представителями нуждъ мѣстнаго населенія, и потому, конечно, не могутъ взять на себя проектированіе частныхъ мѣропріятій, полезность которыхъ для мѣстнаго населенія можетъ оказаться въ значительной степени проблематичной. При своемъ случайномъ составѣ, въ значительной степени зависящемъ отъ благоусмотрѣнія администраціи, мѣстные комитеты, не располагая организаціей земскихъ учрежденій, не имѣютъ ни времени, ни возможности собрать и дополнить фактическій матеріалъ. который въ свое время былъ собранъ и представленъ земскими учрежденіями, а устраненіе выборнаго крестьянскаго элемента изъ состава комитетовъ лишаетъ ихъ прочной связи съ мѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ, нужды котораго они призваны выяснять. Наконецъ, при современныхъ условіяхъ, члены комитета не имѣютъ элементарныхъ гарантій личной безопасности для свободнаго и объективнаго обсужденія вопросовъ общегосударственнаго характера. При такихъ условіяхъ дѣятельность Воронежскаго уѣзднаго комитета не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ для выясненія нуждъ сельскаго хозяйства Воронежскаго уѣзда, а потому необходимо высказаться передъ правительствомъ за неотложность передачи вопроса о нуждахъ с.-хоз. промышленности и неразрывно связанныхъ съ нимъ общихъ вопросовъ правового и экономическаго благоустройства страны на обсужденіе законнаго всероссійскаго и всесословнаго представительнаго учрежденія съ тѣмъ, чтобы входящимъ въ составъ его выборнымъ людямъ была гарантирована закономъ необходимая для обсужденія государственныхъ вопросовъ свобода слова и личная безопасность. Подано 26 августа 1902 г. Гор. Воронежъ“.

Рѣчь Н. Ѳ. Бунакова: „Я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о предлагаемыхъ намъ занятіяхъ съ общей точки зрѣнія, но сказать искренно, откровенно. Думаю, что это и нужно въ настоящее время. Просматривая программу возложенныхъ на уѣздные комитеты занятій, я вижу, прежде всего, въ этой программѣ почти исключительно только частные практическіе вопросы о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ для поднятія въ Россіи погибающей с.-хоз. промышленности. Изъ этого ряда вопросовъ, болѣе или менѣе детально обнимающихъ всѣ стороны с.-хоз. промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, сознали печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ его угрожающіе результаты, но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это положеніе. А это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ причинъ никакими частными мѣропріятіями нельзя поправить дѣла и предупредить надвигающіяся грозныя послѣдствія его современнаго положенія. Вѣдь упадокъ с. хоз. промышленности въ Россіи только одинъ изъ симптомовъ общей отсталости нашего отечества отъ другихъ странъ, т. е. явленіе не самостоятельное, а необходимо вызываемое общимъ неудовлетворительнымъ строемъ русской жизни, государственной и народной, чуждымъ всей Европѣ, кромѣ развѣ Турціи: полное безправіе личности, подавленность всѣхъ общественныхъ силъ, отсутствіе свободнаго слова и независимой печати, антагонизмъ, даже вражда и взаимное недовѣріе сословій*), жалкое положеніе школы и ужасающее невѣжество массы. Болѣе четверти вѣка мы упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ, а то и пятимся назадъ, когда вокругъ насъ все и всѣ стремительно идутъ впередъ по пути освобожденія личности, расширенія общественной самодѣятельности, просвѣщенія и очеловѣченія народныхъ массъ. При этомъ общемъ стремительномъ движеніи впередъ уже и стояніе на одномъ мѣстѣ равносильно движенію назадъ. Общій застой русской жизни, какъ понятно само собой, не можетъ не сопровождаться и обѣднѣніемъ народа, и упадкомъ народной нравственности, и многими другими печальными явленіями, а между прочимъ, и упадкомъ с.-хоз. промышленности. При такихъ условіяхъ думать и толковать о какихъ-то частныхъ мѣропріятіяхъ, вродѣ учрежденія с.-хоз. инструкторовъ и коопераціи, опытныхъ полей, укрѣпленія овраговъ и т. п. — дѣло безплодное, скорѣе вредное, нежели полезное, потому что оно будетъ только отводить глаза отъ настоящаго дѣла. Понятно, что честные спеціалисты на такое предложеніе отвѣтятъ: „чего тутъ толковать о замкахъ и ватерклозетахъ, когда домъ валится. Надо его разобрать, да строить заново“. То же самое и въ нашемъ дѣлѣ: надо думать и толковать не объ инструкторахъ да опытныхъ поляхъ, а о коренномъ измѣненіи всего строя русской жизни. На мой взглядъ прежде всего необходимо немедленное возстановленіе въ полной мѣрѣ всѣхъ освободительныхъ начинаній, которыми ознаменовалась первая половина царствованія Имп. Алекс. II, которыя остались незаконченными въ свое время, а потомъ подверглись печальнымъ измѣненіямъ и урѣзкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хоть освобожденіе крестьянъ: развѣ оно было закончено, безъ достаточнаго земельнаго надѣла, безъ гарантированнаго крестьянскаго самоуправленія, благоустроенной народной школы, даже безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія... Предсѣд. Я прошу васъ, Н. Ѳ., держаться ближе къ с.-хоз. промышленности. Бунаковъ. Ее-то я и имѣлъ въ виду. Возьмемъ-ли нашъ новый судъ: что осталось въ немъ въ настоящее время отъ идеала, начертаннаго въ Суд. Уставахъ Александра II? Предсѣд. Я все-таки прошу васъ держаться ближе къ с.-хоз. промышленности. Бунаковъ. Возьмемъ-ли мы наши земскія учрежденія: какія черты истиннаго, а не призрачнаго самоуправленія сохранились въ настоящее время въ этихъ учрежденіяхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, отданныхъ въ полное распоряженіе административнаго произвола... Предс. Я, какъ предсѣдатель... мнѣ приходится руководить преніями, потому прошу васъ не уклоняться... Бунаковъ. Затѣмъ столь же необходимо неотложное и послѣдовательное развитіе тѣхъ освободительныхъ начинаній въ смыслѣ полнаго проведенія ихъ въ жизнь въ законченномъ видѣ, въ смыслѣ возбужденія личной иниціативы и привлеченія свободныхъ общественныхъ силъ ко всѣмъ сторонамъ народной жизни, чтобы въ Россіи создалось истинное, а не призрачное самоуправленіе. Тогда у насъ поправится сама собой и с.-хоз. промышленность. Пока мы рѣшительно и безповоротно не двинемся впередъ въ этомъ направленіи, до той поры русскимъ честнымъ людямъ приходится уклоняться отъ всякихъ совѣщаній о разныхъ частныхъ мѣропріятіяхъ, оставаться въ безотрадномъ положеніи зрителей постепеннаго, но неизбѣжнаго обѣднѣнія и увяданія отечества. Это очень тяжело, очень грустно, но что же дѣлать: какъ въ старину говаривали русскіе люди, „противъ рожна трудно прати“.

---

*) Антагонизмъ и вражда „сословій“, а тѣмъ болѣе классовъ, не чужда свободной Европѣ. Ораторъ, какъ и всѣ русскіе либералы, стоитъ на точкѣ зрѣнія буржуазной демократіи. Онъ хочетъ свободы, воображая или мечтая, что она расчиститъ дорогу для примиренія и гармоніи интересовъ „сословій“, а вѣрнѣе: классовъ. Соціалистическій пролетаріатъ борется за свободу, зная, что, уничтожая или подрывая сословныя перегородки, она обостритъ классовую борьбу, и желая не затушить эту борьбу, а сдѣлать ее болѣе широкой, болѣе открытой, болѣе сознательной.

Ред.

Это все, что я хотѣлъ сказать.“

Лицо, приславшее намъ докладъ Мартынова и рѣчь Бунакова, добавляетъ: „Засѣданіе комитета было бурно; рѣчь Бунакова произвела сильное впечатлѣніе Говорятъ, былъ очень хорошъ и докладъ Управы. Въ результатѣ „боевого натиска“ земцевъ получилось слѣд.: Бунаковъ арестованъ и отправленъ въ Питеръ; Мартыновъ арестованъ; Щербинѣ и какому-то гласному запрещенъ выѣздъ изъ Воронежа; у 12 гласныхъ произведены обыски; предсѣдатель Алисовъ, предводитель дворянства, смѣщенъ съ должности; губернаторъ Слѣпцовъ тоже. Устраненіе отъ должности предводителя Алисова возмутило другихъ предводителей, и большинство изъ нихъ подаетъ въ отставку. Говорятъ, что одинъ предводитель поѣхалъ въ Ливадію, чтобы побывать у государя, но жандармерія вернула его съ дороги.“

* * *

Дополненіе. Мы только что получили извѣстіе о финалѣ расправы съ воронежскими „крамольниками“: С. В. Мартынова продержали двѣ недѣли въ тюрьмѣ и выслали на три года въ одинъ изъ уѣздовъ Архангельской губ., Н. Ѳ. Бунаковъ высланъ на 3 года въ Новгородскую губ. Все воронежское дѣло разъигралось по доносу г. Бехтѣева, задонского гласнаго.

Избавленіе студентовъ отъ Сибири или, вѣрнѣе, Сибири отъ студентовъ. „Секретно.

„Во исполненіе Высочайшихъ указаній для выясненія степени возможнаго облегченія участи лицъ, подвергнутыхъ высылкѣ подъ гласный надзоръ полиціи въ предѣлѣ Азіатской Россіи за участіе въ безпорядкахъ, происшедшихъ весной 1902 г. въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга и Москвы, товарищу Мин. Внутр. Дѣлъ Святополку Мирскому поручено было собрать свѣдѣнія о поведеніи этихъ лицъ на мѣстѣ ихъ пребываній и личнымъ опросомъ опредѣлить, насколько наложенныя на означенныхъ лицъ административныя взысканія соотвѣтствуютъ учиненнымъ ими проступкамъ.

По Всеподданнѣйшему докладу Мин. Внутр. Дѣлъ представленныхъ Святоп. Мирскимъ свѣдѣній, Государь Импер. въ 13-й день сего сентября Всемилост. повелѣть соизволилъ: I. студентовъ С. П. Унив.: Аблова, Дыбовскаго и Таскина, студ. М. У. Тер. Авакова, В. Добросмыслова, С. Дрепера, А. Игнатьева. Кошкарева, В. Корякина, А. Фовицкаго, М. Переломова и Шальетъ. студ. М. Сельск. Ин. Ад. Мосалитинова, дв. Яценко, фельдш. Ф. Голякъ, А. Пинегину и дом. учит. М. Фелицину — освободить отъ гласнаго надзора полиціи и предоставить имъ повсемѣстное въ имперіи жительство, ограничивъ лишь доступъ въ обѣ столицы по 1 іюня 1903 г., если ранѣе на жительство въ этихъ городахъ не послѣдуетъ разрѣшеніе мѣстнаго начальства.

II. Студ. С. П. У. И. Соколову, студ. С. П. Тех. Инст. И. Китаеву, студ. Горн. Инст. В. Половникову и Глѣбу Бокію, студ. М. Ун. И. Урысону, Костецкому, Костюкевичу, В. Макарову, Л. Мееровичу, В. Ополовникову, В. Орлову, Л. Пересу, Г. Пиккоку, Г. Праздникову, Л. Саврасову, Соболевскому, П. Селенову, М. Терехову, Царику, Позерну, В. Гарбузову, А. Сыромятникову, Л. Залыгину, В. Савкову и Н. Сегеди, студ. М. Тех. Уч. Ю. Балталону, В. Добровольскому и В. Котельникову, студ. М. Сельск. Инст. В. Колокольникову, студ. Лазар. Инст. С. Кирѣевскому слуш. Моск. Кур. Е. Найгебауеръ, В. Зотовой, Е. Второвой, А. Зайцевой, Л. Пекуръ, фельдш. Н. Устиновой, двор. Н. Новодворской и Андреевской, помощн. прис. пов. Волкову, мѣщан. В. Икову, крестьян. В. Глѣбову — сократить гласный надзоръ полиціи съ таковымъ разсчетомъ, чтобы срокъ онаго истекалъ 1 іюля 1903 г., освободивъ ихъ отъ водворенія нынѣ же въ Сибирь, если по семейнымъ и родственнымъ отношеніямъ, а также по условіямъ матеріальнаго обезпеченія, переводъ ихъ въ одну изъ мѣстностей Евр. Россіи, за исключеніемъ универ. городовъ, Риги, Екатеринослава, Ярославля и Новой Александріи, представляется возможнымъ.

III. Студ. С. П. У. Ад. Корндорфу, ст. С. П. Техн. Инст. Н. Богатыреву и И. Трубѣ, студ М. У. И. Церетелли, В. Абрамовичу, И. Баеву, В. Волгину, В. Бибергалю, Ю. Будиловичу, И. Борисову, Л. Зильбербергу, Камрокову, Касаткину, Б. Бѣлоусову, А. Лосеву, Е. Первухину, Свѣшникову, А. Ховрину, Г. Чулкову, М. Швейцеру, А. Шугаму, Г. Щеголеву, Н. Алфееву, В. Боголюбову, И. Вейнштоку, А. Гейну, Н. Голике, П. Дрейеру, М. Киселеву, Л. Кушену, Н. Метальникову, К. Михееву, В. Нанейшвели, В. Пермикину, Радуа-Зенковичу, В. Рудневу, А. Соколову, А. Туманову, А. Турусову, У. Целикману, Е. Засореному, ст. М. Тех. Уч. С. Сбитникову, Н. Столыпину, Н. Бѣлову, И. Грабовникову, И. Ильину, И. Королю, И. Н. Кудрявцеву, ст. М. Сельск. Инст. И. Кожевникову, И. М...., студ. Моск. Инж. Уч. И. Ратнеру, слуш. М. Курс. А. Барсовой, А. Мечниковой, Л. Николаевой и К. Панфиловой, дом. учит. А. Поллякъ и Е. Алексѣевой, фельдш. А. Лосевой — разрѣшить съ 1 іюля 1903 г. переселиться въ Евр. Россію въ избранныя для жительства мѣста, помимо универ. городовъ, Риги, Ярославля, Екатеринослава и Новой Александріи, съ оставленіемъ ихъ подъ надзоромъ полиціи до 1 марта 1904 г.

О таковомъ Высочайшемъ Повелѣніи имѣю честь увѣдомить Ваш. Превосх. въ дополненіе къ телеграммѣ отъ 16 сент. с. г. для зависящихъ распоряженій и объявленія вышеуказаннымъ лицамъ, присовокупляя, что по вопросу о возможности представленія перевода въ Евр. Россію лицамъ, указаннымъ въ категоріи II, Мин. Внутр. Дѣлъ, войдетъ въ обсужденіе о каждомъ лицѣ особо, по полученіи соотвѣтствующихъ заявленій отъ ихъ родителей или родственниковъ и надлежащихъ свѣдѣній.“

Мы слышали, что наше министерство вн. дѣлъ, озабоченное изысканіемъ мѣръ по обезпеченію полнаго политическаго воспитанія учащейся молодежи, рѣшило отнынѣ всегда отправлять „бунтовщиковъ“ изъ ея среды на полгода или на годъ въ такія мѣста, гдѣ есть достаточное количество „политическихъ преступниковъ“.

Казань. Полиція зачѣмъ-то изъ кожи лѣзетъ, чтобы раздразнить студентовъ. Про нѣкоторыя ея продѣлки въ этомъ отношеніи намъ пишутъ: „Недѣли три тому назадъ здѣсь отравилась дѣвица Акшаева, невѣста захваченнаго въ тюрьму студента-технолога. Студенты и нѣкоторые профессора университета оказали большое участіе въ подготовкѣ ея погребенія. Но полиція узнала все это, утромъ рано взяла трупъ ея изъ клиники и похоронила его сама. Когда извѣстіе объ этомъ дошло до студентовъ, послѣдніе рѣшили отправиться на могилу и возложить вѣнокъ. Процессію встрѣтила полиція. Приставъ, предупредивъ, что не можетъ этого допустить, предложилъ передать вѣнокъ ему. Студенты отвѣчали, что имъ впервые приходится встрѣчаться съ фактомъ, гдѣ бы погребальный вѣнокъ возлагался не на могилу, а на благополучно здравствовавшаго полицейскаго чиновника. Въ это время изъ сараевъ и сторожки кладбища выбѣжали городовые, оцѣпили студентовъ и отправили въ часть.

5 ноября въ университетѣ былъ актъ. Полицмейстеръ приказалъ закрыть рестораны и пивныя. Вечеромъ было столкновеніе студентовъ съ полиціей; послѣдняя забрала въ часть 70 ч. универсантовъ, ветеринаровъ и штатскихъ. На другой день часть арестованныхъ была выпущена, а другая — 20 чел. сидятъ еще и теперь.

9 ноября, послѣ окончанія опернаго спектакла въ пользу студ. ветеринаровъ, было ожесточенное столкновеніе студентовъ съ полиціей. Были пущены въ ходъ нагайки, многихъ избили и подавили лошадьми. Особенно безчеловѣчно избили одного студ.-ветеринара. Было арестовано 50 чел., среди которыхъ попались: прис. пов. Петропавловскій съ женой, два военныхъ врача и мн. др. 8 студ.-ветеринаровъ задержали, остальныхъ выпустили. Повѣреннаго и военнаго врача оштрафовали — перваго на 100 р., второго на 50 р. Что будетъ съ остальными, — неизвѣстно.

Казань. 14 ноября 1902 года.“

„Къ учащимся среднихъ школъ“ обращается слѣдующее, недавно вышедшее на югѣ воззваніе:

„Товарищи! Все сильнѣе и сильнѣе разгорается борьба за освобожденіе нашей родины отъ гнетущаго ее ига самодержавія. Все громче и громче раздается могучій кличъ пролетаріата, сзывающаго подъ свои красныя знамена всѣхъ честныхъ и мыслящихъ гражданъ Россіи... Борьба разгорается... Движеніе разростается вглубь и вширь, захватывая все новые слои общества: крестьянство, студенчество, земство. Не могли ему остаться чуждыми и мы, учащіеся въ среднихъ школахъ. Въ послѣдніе годы, годы ожесточенной борьбы съ самодержавіемъ, учащіеся среднихъ школъ всей Россіи признали неотложною необходимостью организацію всѣхъ силъ школы. Въ мартѣ 1901 года появляются на югѣ Россіи три „письма къ учащимся среднихъ школъ“, выясняющія необходимость борьбы за политическую свободу, излагающія ходъ революціоннаго движенія и призывающія къ всестороннему изученію соціальнаго вопроса. Въ Петербургѣ и Тифлисѣ образуются „Комитеты средне-учебныхъ заведеній“, обращающіеся къ учащимся и обществу съ воззваніями, указывающими на положеніе нашей родины, на господствующую тенденцію въ дѣлѣ нашего средняго образованія и на ходъ революціоннаго движенія. Въ началѣ мая въ одномъ изъ южно-русскихъ городовъ было положено основаніе новому союзу учащейся молодежи — южнорусской группѣ учащихся среднихъ школъ. Образовавшись въ концѣ учебнаго года, она успѣла выпустить только одно воззваніе къ выпуску 1902 года. Все лѣто прошло въ живой агитаціонной работѣ, — и въ концѣ августа группѣ удалось созвать съѣздъ изъ представителей среднихъ школъ нѣсколькихъ южныхъ городовъ. Послѣ оживленныхъ преній съѣздомъ были приняты слѣдующія резолюціи: 1) съѣздъ признаетъ, что наша средняя школа не можетъ удовлетворить самымъ скромнымъ требованіямъ молодежи, жаждущей знанія, не даетъ ей ничего живого, бодрящаго душу, ничего не дѣлаетъ для пробужденія въ ней высшихъ интересовъ, для ея умственнаго и нравственнаго развитія; для подготовки ея къ общественной дѣятельности; — болѣе того, — она забиваетъ въ своихъ питомцахъ стремленіе къ свѣту и истинѣ, къ серьезному научному познанію. Съѣздъ признаетъ, что только собственными силами можетъ учащаяся молодежь достигнуть того, что должна была бы дать ей школа. 2) Съѣздъ видитъ коренную причину ненормальнаго положенія нашей средней школы въ соціально-политическомъ строѣ самодержавной Россіи, при которомъ интересамъ монархической власти приносятся въ жертву интересы народа вообще, интересы народнаго образованія въ частности. Съѣздъ считаетъ невозможнымъ коренную реформу средней школы безъ измѣненія всего соціально-политическаго строя Россіи. 3) Видя назначеніе интеллигенціи въ служеніи народу, съѣздъ считаетъ необходимымъ подготовить къ нему учащуюся молодежь. Съѣздъ признаетъ насущною задачею россійской интеллигенціи внесеніе въ среду трудящихся классовъ русскаго народа пропаганды соціалистическихъ принциповъ. 4) Признавая, что сила молодежи не только въ сознаніи, но и въ единеніи и считая пока неосуществимою мысль о созданіи всероссійской организаціи учащихся среднихъ школъ, съѣздъ признаетъ необходимымъ созданіе единой организаціи для всѣхъ южнорусскихъ среднихъ школъ. Съѣздъ признаетъ необходимою организацію Центральнаго Комитета группы, который вѣдалъ бы всѣ дѣла группы и сношенія ея мѣстныхъ комитетовъ. Съѣздъ поручаетъ Центральному Комитету вступить въ товарищескія сношенія съ другими порайонными организаціями учащихся среднихъ школъ. 5) Съѣздъ признаетъ необходимымъ изданіе журнала, посвященнаго нуждамъ и интересамъ учащейся молодежи. Съѣздъ поручаетъ изданіе журнала Центральному Комитету.

Къ началу октября Центральный Комитетъ окончательно сорганизовался и начинаетъ интенсивную революціонную работу. Широкая культурная работа, — организація кружковъ самообразованія, библіотекъ и читаленъ, которыя доставляли бы учащимся здоровую духовную пищу; — изданіе печатнаго органа, посвященнаго изученію соціальнаго вопроса, дающаго научное обоснованіе соціальнаго движенія; ознакомленіе учащихся съ ходомъ этого движенія, разъясненіе имъ соотношенія движущихъ его силъ, посредствомъ распространенія въ широкой массѣ учащихся нелегальной литературы, какъ своего изданія, такъ и обще-русской соціаль-демократической — вотъ основные пункты программы дѣятельности южнорусской группы и ея Центральнаго Комитета.

Центральный Комитетъ призываетъ всѣхъ товарищей-учащихся, въ комъ растлѣвающій режимъ средней школы не успѣлъ еще заглушить душу живую, оказать содѣйствіе начинаніямъ группы. Тѣхъ изъ нихъ, которые уже признали необходимость борьбы съ произволомъ и насиліемъ онъ призываетъ все болѣе и болѣе работать для ниспроверженія существующаго строя, занимаясь всестороннимъ изученіемъ соціальнаго вопроса и внося посильную лепту въ дѣло освобожденія нашей родины. И когда мы выйдемъ, наконецъ, изъ стѣнъ средней школы, не давшей намъ ни воспитанія, ни образованія, ни развитія, — когда мы вступимъ, наконецъ, въ новую жизнь, жизнь, полную борьбы съ могущественными и грозными врагами, — мы сможемъ смѣло, безъ страха и сомнѣній, вступить въ ряды активныхъ борцовъ святого воинства свободы, подъ гордо развѣвающіяся красныя знамена Россійской Соціаль-демократіи! Центральный Комитетъ южнорусской группы учащихся среднихъ школъ“.

* * *

Привѣтствуя отъ всей души энергичный почипъ учащихся, мы со своей стороны дадимъ имъ такой товарищескій совѣтъ. Старайтесь сдѣлать главной цѣлью своей организаціи самообразованіе, выработку изъ себя убѣжденныхъ, стойкихъ и выдержанныхъ соц. демократовъ. Отдѣляйте возможно болѣе строго эту крайне важную и необходимую подготовительную работу отъ непосредственной практической дѣятельности. Старайтесь при вступленіи (и до вступленія) въ ряды дѣйствующей арміи завязывать самыя тѣсныя (и самыя конспиративныя) сношенія съ мѣстными или обще-русскою соц.-дем. организаціями, чтобы вамъ не пришлось приступать къ дѣлу въ одиночку, чтобы вы могли начинать уже не сначала, а продолжать сдѣланное раньше, становиться сразу въ ряды и шеренги, двигать впередъ движеніе, поднимать его на высшую ступень.

Продѣлки зубатовцевъ. (Разсказъ рабоч.). С.-Петербургъ. ...„Въ мое отсутствіе приходитъ ко мнѣ на квартиру молодой человѣкъ и спрашиваетъ меня. Хозяйка знала, что меня дома нѣтъ, и спросила пришедшаго фамилію. Онъ отвѣтилъ: „Коноплевъ меня не знаетъ, но у насъ есть общіе знакомые, я пріѣзжій, тороплюсь, зайти сюда больше не могу, а повидаться со мной можно въ Юсуповскомъ саду; въ такой-то день и часъ пусть приходитъ въ садъ съ подвязанной бѣлымъ платкомъ щекой“. Хозяйка передала слова незнакомца и обрисовала мнѣ его наружность. Въ условленный часъ и день прихожу въ садъ, сажусь на скамейку съ подвязанной щекой. Подходитъ молодой человѣкъ и спрашиваетъ: „Вы будете Коноплевъ?“ — Я. — „Позвольте съ вами познакомиться, я отъ такихъ-то; пришелъ предупредить васъ, что у меня въ девять часовъ будетъ литература“. — Хорошо, сказалъ я. — „Какъ у васъ отзываются о смерти Сипягина?“ спрашиваетъ мой новый знакомый. — У насъ всѣ говорятъ: „туда ему и дорога“. — „Какъ у васъ въ массѣ движеніе рабочихъ?“ и еще нѣсколько вопросовъ въ этомъ духѣ. Не называя своихъ знакомыхъ, я сказалъ, что масса возбуждена. „Пойдемте ко мнѣ на квартиру,“ пригласилъ онъ меня. Мы отправились. На квартирѣ онъ знакомитъ меня съ товарищемъ (черный, какъ цыганъ). Тотъ начинаетъ разговоръ на тѣ же темы. Нѣсколько минутъ спустя, черный господинъ выходитъ, предупредивъ, что сейчасъ вернется. Минутъ черезъ пять является уже въ формѣ жандармскаго полковника. „Молодой человѣкъ, вы слишкомъ довѣрчивы, началъ жандармъ. Довѣряться такъ нельзя, видите, вы попали въ просакъ“. — Я говорилъ все прямо, какъ оно есть, а если вы меня обманули, то можете арестовать. Они были со мной очень любезны и даже не угрожали, что меня арестуютъ, а только пригласили куда-то поѣхать. Взяли извозчика и пріѣхали въ охранное отдѣленіе.

Тамъ со мной былъ уже только одинъ черный господинъ и былъ такъ любезенъ, что у него для меня явились и папиросы, и ужинъ и комната (съ дубовой дверью и съ рѣшеткой). — „Это васъ мутитъ все подпольная интеллигенція, началъ онъ, она всему виной... Вы ей довѣряете, но знайте, что вы отъ этого ничего не выиграете; она васъ вводитъ въ заблужденіе“. Продолжая въ такомъ же родѣ, жандармъ почти не давалъ мнѣ говорить. „Ну, пусть интеллигенты хлопочутъ, о чемъ знаютъ, но рабочимъ вовсе не къ чему мѣшаться въ эти дѣла. Правительство для рабочихъ сдѣлаетъ все: и восьмичасовой рабочій день и подыметъ заработную плату. Но вдругъ: „долой самодержавіе!“ это ужъ никуда не годится. Все время боролись за повышеніе заработной платы, и вдругъ ни съ того ни съ сего: „долой самодержавіе!“ Интеллигенцію мы знаемъ, какъ пальцы на рукахъ, и, если какой интеллигентъ идетъ въ рабочіе кварталы, то это намъ всегда извѣстно, но вѣдь рабочихъ выслѣживать трудно“. Это мы знаемъ и безъ васъ, замѣтилъ я. — „Знаете, бросьте все это, всю эту чушь, а мы вамъ дадимъ мѣсто, куда вамъ вздумается, вы дайте слово, что не будете больше распространять литературы“. Я отказался. Разговоръ продолжался до 12 час. ночи съ шести час. вечера, а на другой день опять тоже до четырехъ часовъ вечера.

Показывали „Искру“ и картинку „пирамиду“: „мы царствуемъ надъ вами, мы правимъ вами, мы морочимъ васъ“. Пирамидѣ давали такое объясненіе: „Видите, какъ далека масса народная отъ государя, а вѣдь, ему надо удовлетворить поочереди, сначала дворянство, поповъ, купцовъ и потомъ уже и рабочихъ“. Я отвѣтилъ: не лучше ли, чтобы маленькая кучка зависѣла отъ большой, а не большая отъ малой, т. е. не лучше-ли перевернуть вверхъ ногами эту картину?... Говорили потомъ и про Западную Европу и про парламентъ въ Германіи и о многомъ другомъ. „Если хотите, говоритъ потомъ, читать литературу, то можете брать у насъ, какую угодно. Мы получаемъ всегда раньше рабочихъ. Но только съ условіемъ: никогда не распространять“.

Усердно предлагали папиросы и еще усерднѣй давали понять, чтобы поступилъ къ нимъ на службу... Прямо, конечно, не говорили, что желаютъ имѣть своимъ коллегой, а понять давали.

Рязань. Наша монотонная провинціальная жизнь ничѣмъ не нарушается... революціонная дѣятельность, которую было проявили наши „соціалисты революціонеры“ среди городской интеллигенціи, учащейся молодежи и заводскихъ рабочихъ, временно заглохла — многіе рабочіе, пріѣхавшіе сюда изъ Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля, разбрелись въ разные концы Россіи въ поискахъ за работой — кризисъ все время даетъ знать о себѣ.

Положеніе мѣстныхъ заводовъ очень печальное — дѣла здѣсь идутъ очень плохо. На заводѣ „Рязанскаго товарищества“ осталось сто съ небольшимъ мастеровыхъ изъ всего числа около 400 человѣкъ. На заводѣ Антоновича положеніе дѣлъ не лучше: недавно сгорѣла котельная мастерская, такъ что контингентъ безработныхъ увеличился на новые десятки...

На заводъ Полякова и Ко. назначенъ новый управляющій Левонтинъ (бывшій начальникъ узко-колейной Тульской ж. д.) Этотъ господинъ слыветъ за ярого сіониста, участвуетъ на еврейскихъ собраніяхъ, гдѣ читаетъ рефераты „къ исторіи еврейства“, былъ на конгрессѣ сіонистовъ — однимъ словомъ „образованный и гуманный еврей“, успѣвшій уже зарекомендовать себя тѣмъ, — что былъ побитъ за свои продѣлки рабочими узко-кол. ж. д. Пока еще на заводѣ ничего новаго не предпринимаетъ. На заводѣ Полякова работаютъ $10\frac{1}{2}$ часовъ въ день, за послѣднее время была введена сдѣльная работа.

Благодаря прижимкамъ со стороны администраціи на заводѣ часто происходили волненія — мѣстная „соц.-дем. группа“ вела дѣятельную агитацію, распространяла среди заводскихъ рабочихъ соц.-дем. литературу, прокламаціи. Но послѣ январьскаго провала 1900 года, дѣятельность соц.-демократовъ была парализована, многіе сознательные рабочіе уѣхали изъ Рязани и движеніе на долго замерло. Послѣдніе годы агитація и пропаганда велась „соціалистами-революціонерами“.

Группа эта выпустила въ теченіе прошлаго года нѣсколько прокламацій „къ обществу“, „къ рабочимъ Полякова и Ко., „ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, призывая рабочихъ къ политической борьбѣ и возбуждая къ стачкамъ и волненіямъ, — но воззванія эти, благодаря своей отвлеченности и абстрактному характеру, не имѣли вліянія на рабочихъ и не вызвали сколько-нибудь серьезнаго движенія.

Въ мѣстныхъ соціалистическихъ кружкахъ, на рабочихъ собраніяхъ много говорилось о „террорѣ“, „анархизмѣ“, „Народной Волѣ“, — но мало удѣлялось вниманія насущной пропагандистской работѣ, — что особенно вредно отзывалось на молодомъ рабочемъ движеніи, не имѣющемъ опытныхъ руководителей, — а „кружки“ обыкновенно послѣ каждыхъ арестовъ и погромовъ прекращали окончательно свою дѣятельность, не имѣя глубокихъ корней въ рабочей массѣ.

Такъ мы можемъ видѣть это въ дѣятельности „соц.-револ.“: — эпидемія прокламацій, литературы, боевой агитаціи, волненій быстро смѣнилась, съ арестами 2-3 руководителей, всеобщей апатіей, и рабочее движеніе, начавшее было разростаться, надолго пріостановилось. Желаемъ отъ души нашимъ товарищамъ соц.-демократамъ избѣгать такихъ „ошибокъ“ и побольше удѣлять вниманія насущной работѣ среди пролетаріата

Что касается жизни „общества“, то посторонняго наблюдателя поражаетъ общая печальная картина — спячки, апатіи... оживленіе „мартовскихъ дней“ смѣнилось, кажется, долгимъ, непробуднымъ сномъ.

Такъ здѣсь недавно было земское уѣздное собраніе, на которомъ было постановлено: ежегодно устраивать съѣзды народныхъ учителей и учительницъ Рязанскаго уѣзда.

Первый съѣздъ происходилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, — понятно, что съѣздъ этотъ не имѣетъ права ничего „постановлять“, а лишь „высказываться“. Вотъ рѣшенія, къ которымъ онъ пришелъ: устройство безплатнаго пансіона-общежитія для дѣтей бѣдныхъ сельскихъ учителей, учащихся въ гимназіи, и устройство въ сельскихъ школахъ воскресныхъ вечернихъ занятій. А вотъ къ курьезамъ нашихъ съѣздовъ. Учителямъ былъ предложенъ вопросъ: желательно и возможно-ли устроить при земскихъ школахъ сберегательныя кассы для дѣтей. Всѣ учителя единогласно высказались „противъ. Тогда всталъ инспекторъ народныхъ училищъ Дроздовъ (онъ же и предсѣдатель съѣзда) и заявляетъ, что собственно нечего разбирать, желательно это или нѣтъ, такъ какъ „у насъ есть циркуляръ объ обязательномъ устройствѣ кассъ“, нужно лишь высказаться въ томъ смыслѣ, при какихъ школахъ это возможно устроить теперь. Бѣдные „земцы“, принужденные разыгрывать жалкую комедію депутатовъ въ земскомъ собраніи, и лишенные права „смѣть“ свое сужденіе имѣть!

Такъ же безцвѣтна и буднична обстановка и въ мѣстной военной средѣ. Въ учебн. командѣ офиц. Петровъ нѣжинскаго полка, обучая солдатъ, въ числѣ которыхъ было много вольноопредѣляющихся, нѣкоторые бывшіе студенты, — давалъ, между прочимъ, наставленія, какъ должны поступать рядовые, при выполненіи своихъ обязанностей, съ „внутренними врагами“. — Офицеръ Петровъ причисляетъ къ „внутреннимъ врагамъ“ „студентовъ, рабочихъ, разную сволочь... и еще дѣвченокъ — называющихся курсистками“. Говоря о курсисткахъ офицеръ разразился рядомъ циничныхъ, пошлыхъ замѣчаній по ихъ адресу, и, сообщая о расправѣ, которую производятъ надъ ними казаки нагайками, онъ давалъ рядъ совѣтовъ, сопровождая соотвѣтственными тѣлодвиженіями, выходящими по своему грязному цинизму изъ всякаго предѣла. Такихъ негодяевъ, какъ Петровъ, особенно много въ нашемъ провинціальномъ городѣ и они, конечно, никого не удивляютъ своей наглой безстыдностью, дан можно-ли ожидать иного отношенія къ „внутреннему врагу“, отъ постояннаго завсегдатая кабака и публичнаго дома!

Въ нашей тюрьмѣ содержатся въ настоящее время окончившій гимназію Виноградовъ и двое семинаристовъ по политическимъ дѣламъ — сидятъ, какъ обыкновенно, въ одиночкахъ-башняхъ.

Виноградовъ взятъ въ Сапожкѣ и, пробывъ нѣсколько времени подъ арестомъ, — перевезенъ въ Рязанскій тюремный замокъ.

Либава. Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе: Въ № 6 „Листковъ Жизни“ и во многихъ другихъ нелегальныхъ русскихъ изданіяхъ было напечатано или перепечатано сообщеніе изъ Либавы, что тамъ арестованныхъ на собраніи за городомъ 18 апрѣля 1902 г. женщинъ-работницъ подвергли медицинскому освидѣтельствованію и выдали имъ желтые билеты. Откуда взяли корреспонденты это сообщеніе, не знаю. Знаю только, что ничего подобнаго, ни освидѣтельствованія, ни желтыхъ билетовъ, ни даже намековъ на это, не было. Арестованныя были частью, сейчасъ же по приходѣ въ участокъ, освобождены, частью высланы на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ, а двѣ (одна акушерка, другая портниха) просидѣли — первая мѣсяцъ, а вторая отъ 2-3 мѣсяцевъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Тверской губ. Значительная часть тверскихъ рабочихъ не порвала окончательно связи съ деревней. Жители ближайшихъ къ городу волостей идутъ домой почти каждый праздникъ; многіе рабочіе, поставивъ за себя „смѣнщика“, уходятъ въ деревню на мѣсяцъ-два на полевыя работы. Въ лицѣ рабочихъ этого типа городское міровоззрѣніе пріобрѣтаетъ цѣнныхъ пропагандистовъ. Зачастую освоившіеся съ кругомъ тѣхъ „вредныхъ идей“, которыми такъ богата теперь жизнь даже провинціальныхъ городовъ, они не потеряли ключа къ пониманію жизни деревни, ея горя и радостей, ея запросовъ и потребностей, — и отрицательное отношеніе къ современному порядку вещей, и положительныя требованія, выработанныя городомъ, тысячами неуловимыхъ нитей идутъ въ деревню, и деревня чутко прислушивается къ тому, что говоритъ ей городъ, и начинаетъ шевелиться по-немногу и въ той или иной формѣ высказывать свое сочувственное отношеніе къ вѣяніямъ, идущимъ изъ города. Таково впечатлѣніе лицъ, близко стоящихъ къ деревенскому люду. Учесть безъ остатка огромную духовную работу, которая совершается въ деревнѣ, вывести непогрѣшимо точное обобщеніе, пока, при скудости фактовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, невозможно. Намъ придется ограничиться нѣсколькими примѣрами.

Использованная въ городѣ литература постоянно течетъ въ деревню, и не только брошюрки и газеты, но и такая специфически городская литература, какъ прокламаціи тверского Комитета по поводу стачекъ на той или иной фабрикѣ. Рѣдкій рабочій не уноситъ съ собой листка или книжки, и при встрѣчахъ съ рабочими передъ праздниками интеллигентамъ постоянно приходится слышать просьбу: „дайте для деревни что-нибудь почитать“. Неизвѣстные добровольцы часто раскидываютъ и расклеиваютъ городскія прокламаціи на телеграфныхъ столбахъ, воротахъ, колодцахъ. Такое распространеніе прокламацій вызвало даже набѣгъ голубыхъ мундировъ на одну деревню. Они поголовно всѣхъ допрашивали, но уѣхали ни съ чѣмъ. Нѣкоторые листки находятъ читателей; такъ, напр., майскіе (конференціи и тверского Комитета) охотно читались по деревенскимъ чайнымъ, и къ обладателямъ листковъ приходили съ просьбой дать на прочтеніе. Но вообще крестьяне противъ такихъ листковъ: „о насъ пишите, говорятъ они, а изъ-за этихъ листковъ только въ полицію тягаютъ“. Комитетомъ была сдѣлана попытка удовлетворить потребность деревни въ своихъ листкахъ; была издана листовочка: „Какъ царскіе слуги заботятся о крестьянахъ“. Въ одной деревнѣ ее прочитали на сходѣ, и крестьяне много толковали о ней. „Но чего же комитетъ о насъ не пишетъ, спрашивали они (въ листкѣ говорится о расправѣ съ тамбовскими и саратовскими крестьянами), вѣдь и насъ помѣщики притѣсняютъ за потравы“. За то отлично шли и идутъ изданія Аграрно-Соціалистической Лиги и многія произведенія городской нелегальной литературы. Случайно попавшій въ деревню экземпляръ „Ткачей“ Гауптмана шелъ буквально на расхватъ. Бойко шли переизданныя (подъ давленіемъ нужды въ литературѣ для деревни) на гектографѣ „Пауки и Мухи“ Либкнехта, „Стачка Лжи“, „Хитрая Механика“. Огромнымъ успѣхомъ пользуются „Пѣсни борьбы“. Нерѣдко въ деревнѣ можно услышать хоровое пѣніе пѣсенъ изъ этого сборника. Случается встрѣтить крестьянъ, цитирующихъ изъ него цѣлыя страницы. Лишній разъ приходится убѣдиться, какое могучее средство воздѣйствія имѣетъ на массу революціонная пѣсня. Она всегда проложитъ дорогу листку, брошюрѣ, книгѣ... Любопытно отмѣтить, что иногда нелегальная литература развиваетъ вкусъ къ хорошей легальной книжкѣ. Одно лицо, близко стоящее къ деревнѣ, разсказывало намъ о крестьянинѣ Андронѣ Т., который побывалъ въ Питерѣ извозчикомъ и вынесъ оттуда пристрастіе къ лубочнымъ изданіямъ. Попали ему въ руки „Пѣсни борьбы“ и нѣкоторыя другія вещи. Теперь онъ съ презрѣніемъ отзывается о своихъ прежнихъ литературныхъ вкусахъ и требуетъ хорошей, „заправской“ книжки.

Вотъ еще нѣсколько эпизодовъ изъ деревенской жизни. Въ одномъ изъ селъ во время богослуженія на дверь церкви была прибита извѣстная картина „На чемъ держится самодержавіе?“, и народъ тѣснился и комментировалъ ее до тѣхъ поръ, пока ее не убрали. Въ одномъ изъ селъ Х-ой волости нашей губерніи о. благочинный рѣшилъ вступить въ борьбу съ идейнымъ развратомъ, вносимомъ фабричными въ деревню. Въ воскресенье, послѣ обѣдни, онъ произнесъ проповѣдь на тему о грѣховности стачекъ (дѣло было въ „эру волненій“). „Будьте кротки и смиренны, говорилъ онъ собравшимся прихожанамъ, и довольствуйтесь малымъ“. — „А ты бы, батюшка, тоже малымъ довольствовался, бралъ бы за вѣнчаніе полтора рубля, вмѣсто пяти!“ раздался изъ толпы чей-то непочтительный голосъ. Бѣдный благочинный такъ растерялся, что, даже не кончивъ проповѣди, ушелъ въ алтарь... Въ одномъ изъ селъ южной части тверского уѣзда недавно возникло „политическое“ дѣло. Крестьянинъ въ трезвомъ видѣ въ клочки изрѣзалъ царскій портретъ. Туда ѣздили жандармы и арестовали, по слухамъ, 8 чел.

До чего заразительно вліяніе города, видно изъ того, что деревня начинаетъ реагировать на свои домашнія злобы дня своеобразными „прокламаціями“. Въ одномъ селѣ въ двухъ-трехъ экземплярахъ было расклеено юмористическое стихотвореніе, направленное противъ попа и богатѣевъ. Вкусы деревни тоже своеобразны: стихи эти изобиловали „крѣпкими“ словечками, но имѣли успѣхъ.

О разныхъ другихъ происшествіяхъ, о недородѣ, положеніи и настроеніи крестьянъ напишемъ въ другой разъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Русское правительство продолжаетъ посредствомъ беззаконій и насилія водворять въ Финляндіи самодержавіе и уничтожать всѣ слѣды вѣковой конституціи и политической свободы. Словомъ, оно вводитъ въ свободной до сихъ поръ странѣ именно тотъ разбойническій режимъ безцеремоннаго насилія и полнѣйшаго безправія „обывателей“, противъ котораго ведутъ отчаянную и самоотверженную борьбу всѣ сознательные русскіе граждане.

Въ сентябрѣ правительство опубликовало совершенно беззаконные царскіе указы о смѣщеніи финляндскихъ чиновниковъ и судей административнымъ путемъ, о превращеніи финляндскаго сената въ канцелярію русскаго сатрапа въ Финляндіи, объ увеличеніи власти губернаторовъ, о предоставленіи русскимъ чиновникамъ правъ государственной службы въ Финляндіи и о запрещеніи привлеченія чиновниковъ къ судебной отвѣтственности за проступки, совершенные ими по службѣ, безъ разрѣшенія ихъ начальства. Эти манифесты извѣстны читателямъ изъ русской легальной печати; кромѣ того, въ послѣдней нашей статьѣ мы выяснили уже ихъ значеніе. Эти царскія беззаконія являются грубымъ нарушеніемъ не только финляндскихъ основныхъ законовъ, но даже и пресловутаго манифеста 3 февраля 1899 г., который въ сущности отмѣнилъ финляндскую конституцію. Въ концѣ сентября Николай II, по представленію финляндскаго сената, „всемилостивѣйше“ уволилъ въ отставку безъ пенсіи двѣнадцать высокопоставленныхъ чиновниковъ, отказавшихся признать преступный новый уставъ о воинской повинности закономъ и исполнить требованіе сената, относившееся къ примѣненію этого царскаго „закона“. Нынѣшній вѣроломный финляндскій сенатъ „радъ стараться“ по указаніямъ гг. Плеве, Бобрикова и Ко и спѣшитъ проводить на практикѣ ихъ „благія преднадчертанія“. Неслыханный до временъ Николая II разгромъ честныхъ финляндскихъ чиновниковъ-гражданъ коснулся, главнымъ образомъ, высшихъ судовъ: изъ каждаго изъ трехъ гофгерихтовъ уволено по три члена. Агенты россійскаго самодержавія на первыхъ же порахъ столкнулись съ неподкупными финляндскими судьями, отказавшимися плясать по ихъ дудкѣ. Бобриковъ предлагалъ даже уменьшить число этихъ судовъ, а въ сентябрьскихъ указахъ говорится о предстоящихъ „реформахъ“ судебнаго вѣдомства въ Финляндіи. Вообще, г. Плеве оказался энергичнымъ „реформаторомъ“.

Не смотря на страшный голодъ въ Финляндіи, царь недавно приказалъ совершенно незаконнымъ образомъ отчислить два милліона марокъ изъ финляндскаго казначейства русскому военному министерству для покрытія издержекъ, связанныхъ съ проведеніемъ новой „военной реформы“ въ Финляндіи. Николай II привыкъ со своими опричниками грабить русскій народъ; теперь онъ вздумалъ расширить поле своей „благотворной“ дѣятельности.

Въ концѣ лѣта еще Плеве издалъ секретный циркуляръ о вскрываніи писемъ въ присутствіи адресата. Это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что „неблагонадежныя лица пользуются почтой для распространенія періодическихъ изданій и другихъ произведеній печати противоправительственнаго содержанія“. Однако, до сихъ поръ мудрая „реформа“ русскаго опричника остается лишь проектомъ, такъ какъ немыслимо заставить честныхъ финляндскихъ чиновниковъ совершать тяжкое преступленіе, за которое законъ караетъ тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ.

Старанія Бобрикова, его недавно назначеннаго помощника Дейтриха, Кайгородова и прочей братіи обрусить мирную культурную страну не имѣютъ границъ. Бобриковъ не утвердилъ программы торжественнаго открытія памятника извѣстному собирателю финской народной поэзіи Э. Ленроту, такъ какъ онъ запретилъ пѣть финляндскій національный гимнъ, который поется въ Финляндіи постоянно съ 1848 г. Во время оно Александры II и III слушали его, стоя съ обнаженной головой. Времена мѣняются. Финское литературное общество отказалось отъ всякихъ торжествъ. Самое открытіе 6 октября не состоялось, но „Нашъ край“ демонстративно распѣвался цѣлый день у памятника недовольной публикой.

Весь финскій народъ, за исключеніемъ все уменьшающейся консервативной старо-фенноманской партіи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости свержения самодержавія въ Россіи и совмѣстной борьбы съ русскими революціонерами за политическую свободу. Начавъ свой преступный походъ на Финляндію, россійское самодержавіе само ускоряетъ свою неминуемую погибель.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Въ началѣ текущаго года военный министръ запросилъ мнѣнія начальниковъ всѣхъ военныхъ заводовъ и мастерскихъ, поскольку они считаютъ нужнымъ и возможнымъ введеніе 8-часового рабоч. дня въ подвѣдомственныхъ имъ заведеніяхъ. На этотъ запросъ вѣдомства инженерное и артиллерійское отвѣтили, что проведеніе этой мѣры въ ихъ мастерскихъ и заводахъ считаютъ невыполнимымъ, такъ какъ громадное большинство занятыхъ у нихъ рабочихъ работаютъ отъ подрядчиковъ, и обязать этихъ послѣднихъ нормой рабочаго дня, значило бы сильно повысить цѣну подрядовъ, на что у нихъ не имѣется кредитовъ отъ министерства. Только отъ интендантскаго вѣдомства, гдѣ наемъ рабочихъ производится безъ посредниковъ и гдѣ слишкомъ широко и планомѣрно организовано расхищеніе казенныхъ денегъ, чтобы отъ нововведенія можно было опасаться личнаго ущерба, — полученъ былъ, хотя и съ оговорками, утвердительный отвѣтъ. И вотъ опубликованный въ октябрѣ мѣсяцѣ приказъ по военному вѣдомству вводитъ 8-час. раб. день (чистой работы) для рабочихъ интендантскихъ мастерскихъ. Служатся молебны о здравіи Царя, явившаго новое доказательство милостиваго попеченія о благѣ народа, произносятся рѣчи о томъ, какъ употребить свободное время, какъ остерегаться соціалистовъ, посѣщать храмы божіи и пр. Сколько же „народу“ облагодѣтельствовалъ новый приказъ? Ровнымъ счетомъ 600 человѣкъ изъ 100 тыс., всѣхъ занятыхъ въ военномъ вѣд. рабочихъ!! Вотъ ужъ, поистинѣ, гора мышь родила. Упрямаго вояку, Куропаткина, не обезкуражилъ, однако, полученный имъ отъ артиллеристовъ и инженеровъ афронтъ: на дняхъ онъ снова разослалъ секретный (и благодѣтельствовать надо съ осторожностью!) циркуляръ къ тѣмъ же начальникамъ, въ которомъ „съ Высочайшаго соизволенія“, озабочиваясь выработкой коренныхъ мѣръ къ прочному улучшенію положенія рабочихъ проситъ самыя подробныя и точныя данныя объ условіяхъ работы въ ихъ заведеніяхъ по предлагаемой имъ программѣ: о продолжительн. раб. дня, о высотѣ зараб. платы, о гигиеническихъ условіяхъ труда, о томъ, что сдѣлано для удовлетворенія духовныхъ интересовъ рабочихъ и пр., и о желательныхъ реформахъ въ этомъ направленіи, при чемъ неоднократно напоминаетъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду не кажущіяся и паллiативныя улучшенія, а коренное и прочное измѣненіе положенія рабочихъ. Въ заключеніе министръ сообщаетъ, что необходимые для реформы кредиты испрошены имъ на шесть лѣтъ.

Мы уже видѣли, какъ дебютировалъ съ „приказами“ коллега г. Куропаткина въ роли „коренного“ преобразователя нашего учебнаго строя, и что изъ этого вышло; теперь другой военный же мин. взялся за „коренныя“ измѣненія, только въ уже болѣе солидной и трудной области соціальныхъ задачъ. И во всякомъ случаѣ нельзя отказать русскимъ военнымъ министрамъ въ рѣшительности. Помѣщенный въ № 27 „Искры“ другой циркуляръ того же г. Куропаткина объясняетъ намъ источникъ его соціально-реформаторскихъ начинаній: въ его патріархальной, когда-то военной семьѣ, за послѣдніе годы частенько обнаруживаются случаи „преступной“ пропаганды; пріятно-ли родительскому сердцу при этакихъ условіяхъ видѣть въ своей семьѣ такого страшнаго урода, какъ рабочій, находящійся съ солдатомъ въ постоянномъ общеніи по условіямъ работы.

Что гг. интенданты найдутъ тысячу средствъ, чтобы свести къ нулю значеніе введенной реформы, — въ этомъ сомнѣваться не приходится. Но громадное агитаціонное значеніе начатой г. Куропаткинымъ компаніи не нуждается въ какихъ-либо доказательствахъ, и несомнѣнно, что дѣйствующія организаціи должны широко использовать эту новую правительственную попытку легализаціи рабочаго движенія.

Керчь, 16 октября. Какъ ни трудна работа въ маленькомъ провинціальномъ городѣ, но отсутствіе строгаго жандармскаго надзора позволило мѣстной интеллигенціи образовать рабочую организацію, дѣйствовавшую безъ перерыва съ самаго начала возникновенія въ Керчи металлургическаго завода. Даже полное прекращеніе производства на заводѣ, вызванное общимъ промышленнымъ кризисомъ, не могло пріостановить дѣятельность молодой рабочей организаціи, вынужденной, благодаря закрытію завода, перенести дѣятельность въ другую среду, менѣе благопріятную и доступную для массовой агитаціи. Въ періодъ этой работы рабочая организація, помимо образованія многихъ пропагандистскихъ кружковъ, успѣла выпустить девять прокламацій, въ которыхъ откликалась на важнѣйшіе вопросы, какъ мѣстные, такъ и вообще русской жизни. Такому успѣху дѣятельности рабочей организаціи, считавшей всего три года своего существованія и не располагавшей особенными средствами и силами, способствовало индиферентное отношеніе мѣстной жандармеріи, не произведшей за это время не только ни одного ареста, но даже и обыска. Это обстоятельство возбуждало недоумѣніе въ обществѣ, окружая имя подполковника Николаева нѣкоторой таинственностью. „Ужъ не служитъ-ли жандармъ революціи?“ спрашивали себя мѣстные Колупаевы и Разуваевы. Но вотъ въ ночь съ 14 на 15 октября жандармомъ Николаевымъ были произведены обыски среди мѣстныхъ обывателей, преимущественно изъ интеллигентной среды. Было произведено десять обысковъ, результатомъ которыхъ явился арестъ трехъ лицъ, и то арестованныхъ по какому-то странному недоразумѣнію. Такъ, рабочій Афанасовъ (на землечерпательномъ караванѣ) былъ признанъ неблагонадежнымъ и арестованъ за найденное у него стихотвореніе П. Я. „Восемь часовъ“! У бывшаго студента Москаленко найдено стихотвореніе „Богъ“ Беранже и басня по поводу отлученія Льва Толстого отъ церкви, и у третьяго, К. Верле, служащаго въ городскомъ банкѣ, найдено два разныхъ номера „Искры“. Вотъ и вся добыча послѣ десяти обысковъ, изъ-за которыхъ была поднята на ноги вся полиція и даже присланы жандармы-гастролеры изъ Симферополя. Обыску подверглись: бывш. студ. Гуссовъ, учитель соборной школы Зеленкевичъ, служащій въ городской управѣ Зубовъ, служ. на землечерпат. караванѣ И. Коганъ, учитель ремесл. училища Марьяненко, служ. въ городской управѣ Суворовъ и бывш. студ. И. Шикъ. У всѣхъ этихъ явно предосудительнаго ничего не оказалось. Такъ неудачно закончилось первое покушеніе на спокойствіе обывателей.

Съ юга. Дѣла на югѣ не блестящи. Металлургическіе заводы продолжаютъ сокращать работы или же пріостанавливаются совсѣмъ. Толпы голодныхъ безработныхъ рабочихъ высылаются на родину, на утѣшеніе и безъ того голодающихъ деревень. Что же — пусть голодаетъ лучше въ деревнѣ; въ городѣ безработный рабочій — горючій матеріалъ, въ деревнѣ не то: въ деревнѣ рабочій можетъ „спокойно“ издохнуть отъ голода.

И какая злая иронія судьбы надъ существующимъ строемъ! Имѣются фабричныя зданія, доменныя печи, станки, есть чугунъ, желѣзо, каменный уголь, въ странѣ есть излишекъ хлѣба, излишекъ русскаго сахара продается за границей за безцѣнокъ, толпы рабочихъ шатаются безъ дѣла, есть всѣ необходимые элементы для производства, — это съ одной стороны; съ другой, страна нуждается въ желѣзныхъ дорогахъ, въ орудіяхъ земледѣльческаго труда, — вмѣсто дорогъ болота, вмѣсто плуговъ деревяшки, потребности есть, но все мертво; печи разрушаются, станки ржавѣютъ, рабочіе издыхаютъ съ голоду, а крестьянинъ продолжаетъ себѣ пахать первобытной сохой, а питаться мякиной вмѣсто хлѣба. Что за дѣло капиталисту и современному государству до того, что есть потребности! Пока еще можно было драть съ крестьянина, государство расточало свои деньги на заказы частнымъ заводамъ, платя за все втридорога. Но Китайская война поглотила много милліоновъ, русскій флотъ, наша армія — довольно прожорливыя животныя, а всѣ десять шкуръ съ мужика содраны; остаются одни кости да кожа. Конечно, правительство не побрезгаетъ и послѣдними остатками, но давать, какъ прежде, заказы — дѣло трудное. Все-таки на югѣ надѣются на полученіе заказовъ. Финансовый геній Витте найдетъ средства на временныя подачки заводчикамъ. На долго-ли, однако, всего этого хватитъ?

ИЗЪ ПАРТІИ.

АГИТАЦІЯ СРЕДИ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ.

Починъ въ распространеніи соц.-дем. агитаціи на учительскую среду взялъ на себя нашъ Нижегородскій Комитетъ, агитаціонная дѣятельность котораго, вообще, отличается чрезвычайной разносторонностью (въ нашемъ распоряженіи имѣются его листки къ фабричнымъ и заводскимъ рабочимъ, къ ремесленникамъ, къ крестьянамъ, къ офицерамъ, солдатамъ и т. д.). Приводимъ полностью изданную имъ въ іюнѣ этого года прокламацію къ учителямъ, надѣясь, что другіе Комитеты воспользуются ею для того, чтобы съ своей стороны, обратиться къ этому важному слою общества.

КЪ НАРОДНЫМЪ УЧИТЕЛЯМЪ И УЧИТЕЛЬНИЦАМЪ.

Нижегородскому Комитету еще впервые приходится обращаться съ воззваніемъ къ вамъ, народные учителя и учительницы. Онъ дѣлаетъ это съ глубокой вѣрой въ то, что въ настоящій моментъ такое обращеніе слишкомъ своевременно, чтобы его можно было откладывать еще, и что въ васъ, народныхъ учителяхъ, онъ найдетъ друзей и единомышленниковъ.

Господа, та конечная и тѣ ближайшія цѣли, за которыя борется русская соціаль-демократическая рабочая партія, не могутъ и не должны быть чужды вамъ. Русскіе соціаль-демократы, какъ и соц.-демократы всего міра, ставятъ передъ собой, какъ конечную цѣль, торжество соціалистическаго строя, и какъ ближайшее и въ то же время единственное средство къ достиженію конечной — политическую свободу, самодержавіе русскаго народа. Русскіе соц.-демократы, какъ и соц.-демократы всего міра, борются и будутъ бороться за права, свободу и счастіе всего обездоленнаго пролетаріата, будь то пролетаріатъ фабрично-заводскій, сельскій, торговый или интеллигентный. Вы — такіе же пролетаріи, какъ и тѣ рабочіе или крестьяне, сыновей которыхъ вы учите, вы — родные братья ихъ, ваши интересы и ихъ интересы одинаковы и нераздѣльны. Вотъ почему торжество соціалистическихъ началъ должно въ то же время быть и вашимъ торжествомъ. Интеллигентные пролетаріи, — вы не можете не сочувствовать уничтоженію частной собственности и передачѣ земли и всѣхъ орудій производства въ руки всего общества, которые должны смести съ лица земли, съ одной стороны, нищету, голодъ и униженіе, съ другой стороны, праздное тунеядство и наглое измываніе надъ человѣческой личностью, которые должны создать общество равныхъ въ правахъ и обязанностяхъ тружениковъ. Вы не можете не сочувствовать такому общественному строю, при которомъ только и возможно главенство духовнаго начала надъ матеріальнымъ и полное развитіе духовной стороны человѣческой природы.

Но къ этому строю ведетъ сознательная политическая дѣятельность, которая возможна лишь при конституціонной формѣ правленія. И до тѣхъ поръ, пока въ Россіи не будетъ политической свободы, вы, какъ и весь русскій пролетаріатъ, будете рабами не только капиталистическаго строя, но и самодержавнаго правительства. Ниспроверженіе самодержавія — вотъ первая, насущнѣйшая задача русскаго пролетаріата, а потому и ваша.

Получая 20-25 руб. въ мѣсяцъ, а иногда и того менѣе, Вы, особенно семейные изъ васъ, должны влачить полуголодное существованіе. То самое правительство, которое сотни милліоновъ рублей бросаетъ каждый годъ на армію, флотъ, полицію, явную и тайную, тратитъ на народное просвѣщеніе жалкія и ничтожныя до смѣшного крохи. Обирая населеніе при помощи тяжелыхъ налоговъ, стѣсняя земскую и крестьянскую самодѣятельность и устанавливая трехъ-процентную норму для земскаго обложенія, оно тѣмъ самымъ подрываетъ ваше матеріальное благополучіе. Когда же Вы хотите помочь своей нуждѣ организаціей общества взаимопомощи, оно уже заранѣе подозрительно смотритъ на ваше намѣреніе и дѣятельность вашихъ обществъ подвергается полицейскимъ стѣсненіямъ. Оно запрещаетъ столь необходимое для успѣха дѣла объединеніе обществъ взаимопомощи, запрещаетъ съѣзды ихъ представителей и вообще учительскіе съѣзды.

Вы, земскіе учителя, только по имени являетесь земскими, ибо въ дѣйствительности правительственные чиновники владѣютъ правомъ казнить и миловать васъ. Вы окружены плотнымъ кольцомъ всевозможныхъ инспекторовъ и директоровъ, которые играютъ по отношенію къ вамъ роль явныхъ шпіоновъ. Они слѣдятъ за направленіемъ вашей педагогической дѣятельности, а кстати и за вашей личной жизнью, за вашими личными убѣжденіями, симпатіями и антипатіями. Вы въ буквальномъ смыслѣ слова принуждены плясать по ихъ дудкѣ, ибо съ перемѣной начальства вы обязаны мѣнять ваши педагогическіе пріемы. Вамъ запрещаютъ собираться другъ у друга (недавній случай въ Твер. губ.), слѣдятъ за чтеніемъ сами книгъ, за вашей перепиской. Но правительство не только смотритъ на васъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ гражданъ, а на себя, какъ на вашего опекуна; при помощи своей опеки оно хочетъ сдѣлать васъ орудіемъ своей противонародной, эксплоататорской политики. Стоя у источника знанія, вы, по его плану, должны играть позорную и преступную роль развратителей народнаго сознанія: оно требуетъ отъ васъ, чтобы вы давали народу то, что нужно ему, правительству, а не то, что нужно самому народу; оно требуетъ отъ васъ, чтобы вы скрывали отъ народа истинные источники знанія и просвѣщенія и воспитывали его въ духѣ покорности и тупого послушанія самодержавной коронѣ. Однако для этой цѣли однихъ явныхъ шпіоновъ оказывается недостаточно. И вотъ за вами имѣютъ еще неусыпный надзоръ чиновники „другихъ вѣдомствъ“: урядники, становые, земскіе начальники, попы-доносители и прочіе добровольцы. Васъ, учителей и учительницъ, весь этотъ сбродъ ставитъ ни во что и считаетъ долгомъ подвергать васъ всяческимъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Иногда сторожъ вашей школы играетъ большую роль, чѣмъ вы сами. Созданная для васъ правительствомъ обстановка сказывается и на отношеніи къ вамъ частныхъ лицъ — разныхъ деревенскихъ богатѣевъ и сосѣднихъ дикихъ помѣщиковъ. Ваше положеніе поистинѣ является безправнымъ и тяжелымъ.

Какъ народнымъ учителямъ, вамъ дорого дѣло народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ, это дѣло ежедневно и ежечасно распинаетъ и казнитъ русское правительство. Специальныя цензуры для народныхъ и школьныхъ библіотекъ и читаленъ, а также для вашихъ учительскихъ, нелѣпый надзоръ за народными чтеніями, требованіе разрѣшеній по начальству во всякомъ пустякѣ и мелочи, наконецъ предпочтеніе, оказываемое правительствомъ церковной школѣ, — все это создано и существуетъ за тѣмъ именно, чтобы истинное знаніе не могло какъ-нибудь проникнуть въ народную среду черезъ ваше посредство. И нѣтъ сомнѣнія, что удайся только правительству уничтожить земство, оно уничтожитъ и васъ вмѣстѣ съ нимъ.

Итакъ выводъ изъ сказаннаго ясенъ: и духовныя и матеріальныя условія вашей жизни могутъ измѣниться къ лучшему тогда и только тогда, когда падетъ довлѣющее себѣ самодержавіе русскаго правительства. Съ его паденіемъ падутъ съ народа и тѣ путы, которыя истощаютъ его матеріально и препятствуютъ ему насытить свой духовный голодъ. Да, рабочіе и крестьянскіе слои русскаго общества уже давно просятъ духовной пищи и, освобожденные отъ правительственной опеки, они съумѣютъ обставить ваше существованіе благопріятно и съ матеріальной и съ нравственной стороны. Нравственное и матеріальное благополучіе низшихъ слоевъ русскаго народа есть въ то же время и ваше благополучіе.

Но мы призываемъ васъ на борьбу съ правительствомъ не только ради вашихъ собственныхъ интересовъ. Поступать такъ — значило бы слишкомъ низко оцѣнивать васъ. Мы зовемъ васъ подъ красныя социаль-демократическія знамена во имя интересовъ всего русскаго пролетаріата, промышленнаго и сельскаго, во имя всего угнетеннаго русскаго народа. Жадная свора царствующихъ, правительствующихъ, карающихъ и пресѣкающихъ усердно работаетъ на благо свое и благо крупныхъ собственниковъ. Рабочіе и крестьяне въ потѣ лица трудятся на капиталистовъ, дворянъ и правительство; съ нихъ же это послѣднее собираетъ обильныя денежныя суммы въ видѣ всевозможныхъ налоговъ и, ничего не возвращая имъ обратно, тратитъ все на себя и буржуазію. Для крестьянъ же и рабочихъ оно держитъ многочисленные тюрьмы и суды, которые осуждаютъ людей низкаго званія и оправдываютъ людей „сверху“ (высочайшія помилованія проворовавшихся чиновниковъ и офицеровъ; Мамонтовъ и проч.). Такова современная система, несомнѣнно стройная и цѣльная, разсчитанная на самую удобную и беззастѣнчивую эксплуатацію трудящихся классовъ общества.

Но всему бываетъ конецъ. Приходитъ конецъ и этой стройной системѣ, ибо она сама пожираетъ себя. Ограбленное крестьянское населеніе обнищало въ настоящее время въ такой степени, что голодъ сталъ обычнымъ фактомъ деревенской жизни. Этотъ голодъ — повторяемъ — вызванъ не климатическими, но социальными условіями, и даже длинный рядъ хорошихъ урожаевъ не могъ бы возстановить надорванныхъ силъ деревни. Но голодъ деревни ведетъ къ кризису въ обрабатывающей промышленности, ибо крестьянину не на что покупать товаровъ. Промышленный же кризисъ ведетъ и къ голоду фабрично-заводскихъ рабочихъ. Съ другой стороны, привыкшіе къ запретительнымъ пошлинамъ, русскіе фабриканты совершенно не въ состояніи бороться съ промышленнымъ застоемъ. И вотъ правительство старается помочь имъ, торопливо захватывая восточные рынки. Но эти захваты съ оружіемъ въ рукахъ ведутъ къ огромнымъ расходамъ, а между тѣмъ обнищавшее населеніе отказывается уже платить подати, и недоимки все растутъ. Такъ правительство быстрыми шагами приближается къ краху. Современное положеніе дѣлъ въ Россіи въ сильной степени напоминаетъ предреволюціонное время въ западной Европѣ.

Неспособное ничему помочь и никого удовлетворить, русское правительство начинаетъ вызывать уже недовольство самой промышленной буржуазіи. Съ недовольствомъ помѣщиковъ ему приходится считаться давно, ибо уже давно госпожей положенія считается буржуазія. Въ настоящее время земская оппозиція несомнѣнно растетъ (выступленіе дворянскихъ собраній въ защиту земствъ, земскій районный съѣздъ). О недовольствѣ интеллигенціи (студенческіе безпорядки), о борьбѣ рабочихъ распространяться не приходится. Только деревня — казалось — остается спокойною. Но событія, имѣвшія мѣсто въ Полтавской и Харьковской губ. прошлой весной, показали, что среди крестьянъ существуетъ глухое недовольство, и что оно уже прорывается наружу.

Вовлеченіе же деревни въ революціонную борьбу имѣетъ огромное значеніе для успѣха всего революціоннаго дѣла. Оно должно разбить силы правительства и потому въ конецъ обезсилить его. Въ Полтавской и Харьковской губ. волновались всего лишь два уѣзда, и однако для усмиренія ихъ пришлось послать почти всѣ войска изъ Харькова и Полтавы. Отсюда видно, какую огромную роль должно сыграть возстаніе крестьянъ въ моментъ рѣшительной битвы съ правительствомъ. Благодаря этому возстанію, городу нетрудно будетъ захватить правительственную власть въ свои руки.

Но если деревня должна принять участіе въ революціонной борьбѣ, то возникаетъ вопросъ, въ какую форму должна вылиться эта борьба и выработалась-ли уже эта форма. Полтавскіе и харьковскіе крестьяне забирали себѣ помѣщичій хлѣбъ и помѣщичью землю присоединяли къ своей. Иначе — ихъ борьба носила экономическій характеръ, а не была направлена противъ правительства. Мы склонны поставить ее рядомъ съ стихійнымъ движеніемъ фабричныхъ рабочихъ, съ такъ называемыми фабричными погромами. Но какъ рабочее движеніе очень быстро достигло высшей формы — стачечной борьбы, точно также и крестьянское движеніе, поскольку имѣть въ виду экономическую борьбу, можно и должно направить въ эту сторону: въ сторону стачекъ за повышеніе заработной платы, за пониженіе арендныхъ цѣнъ и пр. Но гораздо важнѣе для крестьянскаго движенія выработать форму политической борьбы. Рабочее движеніе уже выработало ее: это демонстраціи и въ концѣ вооруженное возстаніе. Для крестьянскаго движенія также не трудно указать соотвѣтствующую форму: это отказъ всей деревней, волостью, или болѣе крупной единицей отъ уплаты государственныхъ податей. Такой отказъ будетъ самымъ непосредственнымъ и самымъ ощутительнымъ образомъ бить по правительству. Онъ окончательно подорветъ его силы, поставитъ его въ безвыходное положеніе, заставитъ его растеряться, ибо, повторяемъ, государственная касса находится и безъ того въ печальномъ состояніи. Если же правительство вздумало бы поправить свои дѣла обложеніемъ промышленной буржуазіи, оно тотчасъ вызоветъ взрывъ недовольства среди нея, какъ вызвало въ Москвѣ ея недовольство заигрываніе съ рабочими.

Господа! Вы вынуждены жить въ деревнѣ, и потому Нижегородскій Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ вамъ Вы можете быть истинными просвѣтителями, истинными учителями народа. Ежедневно соприкасаясь съ нимъ, вы можете сѣять въ его средѣ мысль о политической борьбѣ и о формахъ ея. Вы можете распространять въ деревнѣ нелегальную литературу, столь необходимую для выработки единства дѣйствій и сознанія въ крестьянской массѣ. Черезъ ваше посредство можетъ создаться живая связь между отдѣльными районами губерніи. Вы можете руководить крестьянами въ ихъ повседневныхъ столкновеніяхъ съ мѣстной администраціей и мѣстными кулаками и помѣщиками. Вы можете, наконецъ, собирать богатый матеріалъ экономическаго и юридическаго характера для агитаціи на почвѣ мѣстныхъ интересовъ — опыты такой агитаціи уже были сдѣланы Нижегородскимъ Комитетомъ. Вынужденный до настоящаго времени въ силу недостатка силъ и средствъ сосредоточиваться на агитаціи среди городского пролетаріата, Комитетъ приложитъ теперь всѣ старанія къ тому, чтобы развить широкую агитацію также въ деревнѣ. И, приступая къ ней, мы еще разъ обращаемся съ призывомъ къ вашему содѣйствію и къ вашей помощи. Мы убѣждены, что при желаніи всегда будутъ найдены пути для обращенія къ нашему Комитету.

Кончая свое обращеніе къ вамъ, мы повторяемъ еще разъ: во имя собственнаго блага и блага того народа, дѣлу просвѣщенія котораго вы хотѣли бы служить, становитесь подъ знамена международной социаль-демократіи, ибо, повторяемъ, — вы пролетаріи. Предоставьте либераламъ всѣхъ оттѣнковъ отъ умѣренныхъ до крайнихъ, накладывать заплаты на рубище современнаго общественнаго строя, предоставьте имъ филантропію и скромную культурническую дѣятельность. Вашъ же долгъ не просто бороться съ правительствомъ, но бороться въ рядахъ социаль-демократіи, и мы выражаемъ глубокую увѣренность въ томъ, что мы найдемъ въ васъ нашихъ друзей, единомышленниковъ и помощниковъ.

Іюнь 1902 года.

Нижегородскій Комитетъ
Росс. Соц.-Демократ. Раб. Партіи.

Ив.-Вознесенскъ. Весной привлекалось по дѣлу мѣстнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. 57 чел., въ томъ числѣ нелег. Ник. Ник. Панинъ. Найдена литература; на допросахъ нѣкоторые рабочіе „болтали“, особенно некрасиво вели себя рабочіе изъ Питера, Ѳед. Семенухинъ и Ив. Коротковъ, привлекавшіеся въ 1901 году въ Ярославлѣ, — они, мало того, что разсказали все, что имъ было извѣстно о дѣлѣ, но уговаривали, ссылаясь на свой прошлый опытъ, еще и другихъ давать показанія, — тогда, дескать, скорѣе выпустятъ, и нѣкоторыхъ имъ удалось убѣдить. Предлагаемъ товарищамъ прервать съ Семенухинымъ и Коротковымъ всякія сношенія, тѣмъ болѣе, что противъ Семенухина имѣется еще болѣе тяжелое обвиненіе, но опубликовать его не считаемъ возможнымъ до полученія нѣкоторыхъ справокъ и подтвержденій. Въ связи съ ив.-вознесенскими арестами находится и арестъ Доливо-Добровольскаго въ Оренбургѣ, сосланнаго туда въ 1901 г. по ярославскому дѣлу; въ маѣ Д.-Добровольскій и Панинъ, первый изъ Владиміра, второй изъ Покрова (Владим. губ.) перевезены въ Москву и присоединены къ дѣлу Сѣв. Раб. Союза. Во Владимірѣ по этому же дѣлу 24 апр. арестованы: статистики Панкратовъ, Дубровскій, Багаевъ, земскіе служащіе Александровъ, Перегаръ, Афиногеновъ — фельдш., Черный — агрон. Былъ обыскъ у члена земской управы Смирнова (?). Всѣ семеро арестованныхъ черезъ недѣлю перевезены въ Москву; изъ нихъ четверо послѣднихъ сравнительно скоро освобождены. Дубровскій вслѣдъ за обыскомъ на допросѣ заявилъ, что нелегальную литературу („Искру“, большое количество экз.) получилъ отъ Багаева; объ этомъ своемъ показаніи онъ сейчасъ же сообщилъ и Багаеву, объясняя его желаніемъ выгородить третье лицо Какая наивность!

Пора бы не только революціонерамъ, но и широкимъ слоямъ оппозиціонной публики, часто теперь попадающей въ тюрьмы, усвоить себѣ ту азбучную истину, что при современномъ застѣночномъ веденіи слѣдствія по политическимъ дѣламъ, давать какія-либо показанія значитъ играть на руку жандармамъ; въ лучшемъ случаѣ, если никого прямо не подведешь, все же даешь лишній матеріалъ для подтасовокъ гг. слѣдователямъ-сыщикамъ. Полный отказъ отъ показаній долженъ стать основнымъ правиломъ для каждаго политическаго арестанта. Этотъ принципъ входитъ уже въ нашу практику, чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе. Изъ лицъ, привлеченныхъ, по дѣлу Сѣв. Раб. Союза очень многіе принципіально отказались дать какія бы то ни было показанія, (нѣкоторые отказались даже ѣздить на допросы), что поставило жандармерію въ затруднительное положеніе. Всего арестовано было по этому дѣлу въ разныхъ городахъ чел. 60, всѣ они были свезены въ Москву. Дѣло создано провокаторомъ, у большинства арестованныхъ ничего не найдено. Слѣдователь, жандармскій ротмистръ Герарди, и тов. прокурора Поляковъ, оба порядочные мерзавцы, пустили въ ходъ Судейкинскій маневръ деморализаціи арестованныхъ. Съ чисто жандармскимъ безстыдствомъ они упорно каждому допрашиваемому въ той или иной формѣ предлагали выдачу товарищей, увѣряя, что остальные даютъ показанія: „намъ все уже извѣстно, о вашихъ же показаніяхъ никто не узнаетъ“. Этими честными представителями русскаго правительства были пущены въ ходъ и угрозы (многолѣтнимъ содержаніемъ въ одиночкѣ), и заманчивыя обѣщанія немедленной свободы съ предоставленіемъ возможности жить гдѣ угодно, даже въ Москвѣ. Предлагали и деньги... Коса нашла на камень. Возмущенные наглой гнусностью Герарди, сѣверяне въ серединѣ іюля объявили голодовку; первымъ пунктомъ ихъ требованій являлось огражденіе политическихъ отъ подобнаго обращенія при допросахъ, затѣмъ требовалось ускореніе слѣдствія (почти три мѣсяца держали безъ допросовъ) и смягченія драконовскихъ порядковъ Таганки — лучшаго обращенія со стороны тюремной администраціи (преслѣдованія за разговоры приводили ежедневно къ рѣзкимъ стычкамъ). Черезъ пять дней явился тов. прокурора и обѣщалъ исполнить всѣ требованія: слѣдствіе кончится черезъ шесть мѣсяцевъ, Герарди „исправится“, за разговоры не будутъ преслѣдовать. Дѣйствительно, обращеніе въ жандармскомъ управленіи измѣнилось къ лучшему, тюремная „прижимка обмякла“, Герарди былъ переведенъ вовсе изъ Москвы, а веденіе слѣдствія передано полковнику Бобчинскому, знакомому, вѣроятно, нашимъ кіевскимъ товарищамъ. Скоропалительный переводъ Герарди вызванъ былъ, какъ выяснилось затѣмъ изъ разговоровъ въ жандармскомъ управленіи, рядомъ жалобъ прокурору Моск.-Суд. Палаты на Герарди, гдѣ перечислялись всѣ пріемы его воздѣйствій на обвиняемыхъ для полученія показаній, подтверждающихъ всѣ провокаторскія басни. Стойкій, послѣдовательный отказъ отъ показаній привелъ къ тому, что слѣдователь признавался многимъ, что у нихъ уликъ нѣтъ, и буквально просилъ давать какія-нибудь показанія: „ну, что для Васъ выгодно, а на другіе вопросы не отвѣчайте“; но и на эту удочку онъ не поймалъ сѣверянъ; если бы всѣ привлекавшіеся, въ общемъ державшіе себя на допросахъ хорошо, совершенно отказались отъ показаній это обезкуражило бы жандармовъ и вырвало бы изъ-подъ нихъ и ту колеблющуюся почву, на которой они стояли.

Товарищи! Всегда и всѣ безъ исключенія отказывайтесь отъ показаній. Пусть, кромѣ шпіонскихъ свидѣтельствъ, у нихъ не будетъ ни слова. Такой тактикой мы заставимъ ихъ перей къ судебному разбирательству политическихъ процессовъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ московскихъ тюрьмахъ сидятъ изъ арестованныхъ по дѣлу Сѣвернаго Союза: учит. Ольга Варенцова, статистики Алек. Локтинъ, Ольга Дидрикиль, Новицкая, оконч. курсъ Лѣс. Инст. Евгеній Дюбюкъ, рабочій Глазуновъ, студ. Лицея Кедровъ, нелегальный (взятъ съ подлож. пасп.) Зараковичъ — всѣ изъ Ярославля; затѣмъ: стат. Ал. Заваринъ, семинаристъ Вас. Заваринъ, рабочіе Дм. Катковъ. Ив. Александровъ и Морозовъ, служащая въ статистикѣ Софья Загайная и нелегальный Григорій Вейсманъ („Александръ Порфирычъ“) — всѣ изъ Костромы; статис. Вал. Рудковскій — изъ Воронежа; раб. Мих. Багаевъ и агрономъ Дубровскій — изъ Владиміра; нелегальный (рабочій) Ник. Панинъ — изъ Иванова-Вознесенска; раб. Яшинъ изъ Харькова; врачъ Федоръ Гурвичъ (нелег.), взятый въ Москвѣ на вокзалѣ и Тагановъ, арестованный на границѣ.

Въ ночь на 1 ноября надъ Саратовымъ разразилась жандармская гроза — сразу произведено около 100 обысковъ и арестъ 34 чел. и, кромѣ нихъ въ уѣздѣ, Николаевскій Городокъ, 17 чел. Въ Саратовѣ арестованы: изъ земской статист.: Серебряковъ, старш. пом. зав., Россовъ, пом. зав., Норбековъ, статист. Обуховъ, стат., Рыковъ, вр. служ., б. студ., Сорокинъ, вр. служ., ветер. врачъ; изъ городск. упр.: Булановъ, столон. гор. управы, Оболдуевъ, гор. вет. вр.; изъ жел.-дор. упр.: Попова, Шиллеровъ, Васильевъ; ученицы фельдш. шк.: Слобнова, Устюгова (бывшая Фейдина) съ ребенкомъ, Костылецкая. Затѣмъ арест.: Корниловъ пом. пр. пов. и б. зав. ред. „Сар. Дн.“. Старынкевичъ и его жена, Мартыновскій — быв. карійцы, вернувшіеся изъ Сиб. въ началѣ лѣта, Полянскій, б. гимн., Мокруевъ, Огневъ, Мировичъ, Горѣлинъ, Морозовъ, Потаповъ, Гусевъ, Максимовъ, Каревъ, Ивановъ, Рейтлингъ, рабочіе. Арест. и освоб.: домовлад. Софинскій и акуш ячен. Кирьякова. Въ Никол. Гор.: изъ Маріинск. земледѣльч. уч. уехан. Григорьевъ, кузнецъ Шнейдеръ, служ. Столяровъ, и 10 уч. Кузнецовъ, Пискаревъ, Ткаченко и др.) и четыре крестьянина

Тула. За послѣднее время арестованъ раб. Кисловъ (сидитъ) раб. Синявинъ (выпущенъ), Дроновъ (воен. оруж. мастеръ, въ сумасшедшемъ домѣ). Кромѣ того сидитъ Иваницкая, съ 21 апр., всего человѣкъ 7-8. Харьковъ. 6 ноября въ Харьковѣ арестованъ Владиміръ Цедербаумъ, а нѣсколько дней раньше Доброхотовъ, съ товарищемъ, жившимъ съ нимъ на одной квартирѣ — фамилія неизвѣстна. — Самара. 15 и 16 окт. въ Самарѣ было 20 обысковъ. Арестованы желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, два бывшихъ статистика Акромовскій и Евтимовичъ, какой-то гимназистъ и семинаристъ, земскій техникъ. Были обыски въ аптекѣ Волянскаго, кто-то взятъ, въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожнаго служащаго Барыбина и др. Обыски захватили и уѣздъ: оттуда жандармы привезли одну земск. учительн. Псковъ. Арестованъ стат. Лепешинскій, было много обысковъ. — С.-Петербургъ. Было много обысковъ. Арестованъ врачъ Краснуха, с[illegible] у него фельдшерица, фельдш. Кожевникова и др. — Нижній Новгородъ, 10 октября. Въ тюрьмѣ на дняхъ была голодовка. Голодали мужчины 6 дней изъ-за того, что посадили въ карцеръ одного сормовскаго рабочаго. Голодовка удалась вполнѣ. — Пермь. Во второй половинѣ августа всѣ политическіе, арестованные въ февралѣ, мартѣ и августѣ этого года, были выпущены. (Фамиліи ихъ: Ставровскій, Владимірскій, Ягодниковы, супр., Трапезниковъ, Рутманъ, Каменевъ, Еленевъ и Матвѣевъ; остальные были выпущены раньше). Всѣ поименованныя лица оставлены до приговора въ Перми. Дѣло ихъ передано въ Казанскую Судебную Палату. 12 сентября были произведены новые обыски. Обысканы служащіе Губернской Управы: Вошева (бывш. лесгафт.), Крысинъ (бывш. медикъ), Дубровинскій и Житкова (слуш. жен. мед. инст.), причемъ Житкова и Дубровинскій 2 раза; Крысинъ арестованъ. Ровно черезъ недѣлю, 19 сентября, былъ снова произведенъ обыскъ у Дубровинскаго. При обыскѣ опять ничего не найдено, но Дубровинскій арестованъ. Обыскъ произведенъ былъ въ отсутствіе послѣдняго и домой онъ пущенъ не былъ, а прямо изъ Управы увезенъ сначала въ Жандармское управленіе, а потомъ въ тюрьму. 3 ноября былъ произведенъ обыскъ у учителя Очерскаго завода (Ѳханск. у.) Высотина и у волостного писаря изъ того же завода Пащихина. При обыскѣ, говорятъ, ничего не нашли, но Высотинъ арестованъ и привезенъ въ Пермскую тюрьму. Псаломщикъ Ряпасовъ, арестованъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ 20 іюля, теперь выпущенъ. Агрономъ Мальцевъ, арест. въ томъ же уѣздѣ 17 авг., сидитъ. Изъ арестьянъ тоже никто не выпущенъ. Недавно въ Красноуф. уѣздѣ были произведены 2 обыска.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Другу. № 1 не знаемъ, дѣло поручено Моск. Комитету.

М. У. Р. изъ Сибири. Зашифрованное письмо и шифръ получили, но до сихъ поръ не могли прочесть, такъ какъ никакъ не можемъ достать указанной книги. Кромѣ перваго, получены еще два письма. Спасибо за присланное.

Эдуарду Шмидту. Планъ и статья не получены, наше письмо, посланное по новому адресу, вѣроятно, пропало. Повторите еще разъ адресъ.

Иркутская г. В-л-к-н. Воспользуемся. Благодаримъ. Пишите 1900. Сообщите адресъ для писемъ Вамъ, нельзя отвѣтить въ двухъ словахъ.

Флоръ изъ О. Корреспонденція получена. Не помѣщаемъ ее потому, что въ ней разсказъ останавливается на концѣ октября, а въ другихъ подпольныхъ изданіяхъ есть уже извѣстія о дальнѣйшихъ событіяхъ. Но когда Вы пришлете обѣщанное „полное изложеніе“, мы имъ воспользуемся для тѣхъ „комментарій“, о желательности котор. говорили Вамъ участники исторіи

Комитетъ Сѣв. Союза горячо благодаритъ товарищей, оказавшихъ ему въ тяжелыя минуты существенную матеріальную помощь въ размѣрѣ 1000 руб. Также доводитъ до ихъ свѣдѣнія что, согласно ихъ желанію, другая тысяча передана въ редакцію „Искры“. Извиняемся за позднее увѣдомленіе.

Получено: Отъ С. Д. Г. В. 10 р., Ж. Ж. Ж. 150 р., от Скидки 20 р., отъ одного изъ сиб. ком. 30 р., отъ брянскаго ко на организац. дѣла „Искры“ 250 р., чер. Сѣв. Союзъ отъ Гр. 1000 р., отъ Гр. В. 25 р., отъ Е. А. 100 фр., изъ Ліежа 117,55 ф изъ Брюсселя 10 ф., изъ Женевы: за лит. 56,85 ф. и чер. Щу изъ Вильно 25 р.; изъ Нью-Іорка: отъ мѣстной гр. 25 дол., пользу бѣжавшихъ изъ кіевской тюрьмы 10 дол.; изъ Бер 200 ф., за лит. въ Лондонѣ 23 шил., изъ Цюриха: съ реф. въ 13,90 мар., изъ Л. съ веч. у К. С. для Красн. Кр. 30 ф. От московскаго представителя старый долгъ 100 руб., за чтен „Искры“ 25 руб., отъ студентовъ 18 руб. СПБ.: черезъ Гео гину 58 руб., черезъ Тону 12 руб., черезъ Жана 10 руб., чере Пѣвуна 7 руб., отъ Саши 15 руб.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обр щаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelro Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.

Отдѣльный оттискъ изъ № 29 „Искры“.

НИЖЕГОРОДСКІЕ РАБОЧІЕ НА СУДѢ.

Перепечатываемъ рѣчи нижегородскихъ рабочихъ съ литографированнаго листка, изданнаго Нижегородскимъ Комитетомъ Россійской Соц.-Демократической Рабочей Партіи. Прибавлять что-либо къ этимъ рѣчамъ, значитъ лишь ослаблять впечатлѣніе, производимое этимъ безхитростнымъ разсказомъ о бѣдствіяхъ рабочихъ и о ростѣ среди нихъ возмущенія и готовности къ борьбѣ. Нашъ долгъ теперь — приложить всѣ усилія, чтобы эти рѣчи были прочтены десятками тысячъ русскихъ рабочихъ. Примѣръ Заломова, Быкова, Самылина, Михайлова и ихъ товарищей, геройски поддержавшихъ на судѣ боевой кличъ: „Долой самодержавіе!“, воодушевитъ весь рабочій классъ Россіи для такой же геройской, рѣшительной борьбы за свободу всего народа, за свободу неуклоннаго рабочаго движенія къ свѣтлому соціалистическому будущему.

25 ноября 1902 года.

РЕДАКЦІЯ „ИСКРЫ“.

Рѣчи обвиняемыхъ за участіе въ демонстраціяхъ 1 и 5 мая, произнесенныя передъ судомъ Московской Судебной Палаты 28-31 октября 1902 года.

Рѣчь сормовскаго рабочаго Заломова.

Я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, но виновнымъ себя не признаю, потому что̀ считалъ себя вправѣ участвовать въ демонстраціи, посредствомъ которой былъ выраженъ протестъ противъ тѣхъ законовъ, которые, защищая интересы привилегированнаго класса богачей, не даютъ рабочимъ возможности улучшать условія своей жизни. А условія эти настолько ненормальны, что рабочіе принуждены во что-бы то ни стало бороться съ препятствіями, стоящими на ихъ пути, хотя бы эта борьба и была сопряжена съ потерей свободы и даже жизни. Я съ ранняго дѣтства чувствовалъ непосильную тяжесть, наваленную на трудящійся классъ. Благодаря преждевременной смерти отца, потратившаго всѣ свои силы на непосильную работу, нашему семейству пришлось вести полуголодное существованіе. Впослѣдствіи я самъ сталъ рабочимъ, самъ сталъ затрачивать свои силы и здоровье, содѣйствуя этимъ накопленію богатствъ въ рукахъ немногихъ людей. Я видѣлъ, что и членамъ моего семейства, если бы я пожелалъ имѣть таковое, грозитъ та же участь, что и мнѣ. Отсутствіе всякаго свѣта и пониманія дѣйствительности, осуждающее рабочихъ на вѣчное рабство, невозможность для рабочихъ не только жить, но и мечтать о культурной жизни. — весь этотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не видѣлъ выхода, приводила меня въ отчаяніе. Безсмысленность подобной жизни заставляла меня страстно мечтать о самоубійствѣ, какъ объ единственно возможномъ выходѣ изъ невозможнаго положенія. Но знакомство съ исторіей другихъ народовъ, трудящіеся классы которыхъ, благодаря неустанной борьбѣ, выбились изъ положенія, одинаковаго съ нашимъ, привело меня къ мысли, что такая борьба возможна и у насъ. Возможность хотя бы въ отдаленномъ будущемъ поднять экономическій и нравственный уровень трудящейся темной массы, дала мнѣ богатый запасъ жизненныхъ силъ. Я видѣлъ, что тяжела будетъ борьба для рабочихъ, трудно бороться съ безпросвѣтнымъ мракомъ невѣжества, въ которомъ насильственно держатъ рабочихъ и крестьянъ, что много, много будетъ жертвъ съ нашей стороны. Но какой человѣкъ, у котораго не вставленъ въ грудь камень вмѣсто сердца, котораго не удовлетворяетъ чисто животная жизнь, за дѣло своего народа не отдастъ свободы, жизни и личнаго счастья. Изъ личнаго опыта, вынесеннаго за 10 лѣтъ жизни по заводамъ, я пришелъ къ заключенію, что рабочій единичными усиліями не въ состояніи добиться нормальныхъ условій жизни, эксплуатація принуждаетъ его довольствоваться положеніемъ вьючнаго животнаго. Многіе думаютъ, что, благодаря задѣльнымъ работамъ, рабочіе имѣютъ возможность при стараніи заработать больше. Дѣйствительно, рабочій можетъ усиленно работать, но это ведетъ лишь къ преждевременному истощенію силъ, потому что невозможно до безконечности усиливать напряженность труда, а удержать на извѣстной высотѣ заработокъ возможно только при этомъ условіи, такъ какъ большій заработокъ, вызванный усиленнымъ трудомъ, ведетъ къ сбавкѣ расцѣнковъ, сбавлять же расцѣнки никогда не устанутъ. Дѣло сводится къ тому, что рабочіе, благодаря задѣльной платѣ и сбавкамъ расцѣнковъ, лишаются послѣдняго отдыха, будучи принуждены работать по ночамъ и по праздникамъ, сверхъ обычной денной работы, не имѣя въ то же время возможности при самомъ непосильномъ трудѣ заработать средства, необходимыя хотя бы для сносной жизни. Точно также не можетъ рабочій единичными усиліями поднять уровень расцѣнковъ и заработка до высоты, необходимой для удовлетворенія настоятельныхъ потребностей. А потребности эти все увеличиваются, такъ какъ просвѣщеніе, хотя и медленно, но все же проникаетъ въ народныя массы. Рабочіе всѣми силами стараются дать своимъ дѣтямъ образованіе. Народныя библіотеки могутъ доказать, насколько сильна жажда знаній среди рабочихъ. Во многихъ библіотекахъ, не смотря на то, что большинство полезныхъ книгъ запрещено, число подписчиковъ превышаетъ число книгъ. Рабочихъ не удовлетворяютъ грязныя, засаленныя тряпки, замѣняющія имъ одежду. На сколько сильно у рабочихъ желаніе прилично одѣваться, видно изъ того, что многіе отказываютъ себѣ даже въ пищѣ ради приличнаго платья. Разумѣется, не ради своего удовольствія рабочіе ютятся и въ коморкахъ, не удовлетворяющимъ самымъ примитивнымъ требованіямъ гигіены. Понимаютъ также рабочіе, что питательная пища и болѣе продолжительный отдыхъ лучше возстановляютъ затраченныя на тяжелый трудъ силы. Вообще рабочіе нуждаются въ культурныхъ условіяхъ жизни, и не видѣть этого могутъ только люди, нарочно закрывающіе глаза. Несоотвѣтствіе условій, въ которыхъ приходится жить рабочимъ, съ запросами, предъявляемыми къ жизни, заставляетъ ихъ сильно страдать и искать выхода изъ ненормальнаго положенія, въ которомъ они находятся, благодаря несовершенству существующаго порядка. На гуманность предпринимателей разсчитывать нельзя, такъ какъ они, признавая сами себя людьми, на рабочаго смотрятъ не какъ на человѣка, а какъ на орудіе, необходимое для личнаго обогащенія, и чѣмъ короче срокъ, въ который можно выжать всѣ соки изъ рабочаго, тѣмъ для нихъ выгоднѣе. Для болѣе успѣшной эксплуатаціи труда рабочихъ предприниматели соединяются въ акціонерныя общества. Для того, чтобы удержать на желательной высотѣ цѣны на продукты, производимые трудомъ рабочихъ, но принадлежащіе предпринимателямъ, образуются союзы и синдикаты. Напр., союзы сахарозаводчиковъ и нефтепромышленниковъ. Для этой же цѣли предприниматели добиваются и запретительныхъ пошлинъ на ввозимые въ Россію болѣе доброкачественные и дешевые иностранные товары. Отдѣльный рабочій, защищаясь отъ эксплуатаціи, не можетъ оказать предпринимателямъ большаго сопротивленія, чѣмъ кусокъ свинца давленію гидравлическаго пресса. Отдѣльный рабочій не можетъ не соглашаться на условія труда, предлагаемыя предпринимателемъ, такъ какъ безъ работы онъ существовать не можетъ. И даже соединенными силами, при отсутствіи благопріятныхъ условій, рабочіе не могутъ противостоять предпринимателю, которому отъ временной пріостановки производства не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ. Рабочіе не могутъ добиться участія въ прибыляхъ, получаемыхъ отъ ихъ труда, не соединившись всѣ вмѣстѣ въ одинъ братскій союзъ. Но и этого единственнаго выхода они лишены, такъ какъ законъ, разрѣшая предпринимателямъ эксплуатировать рабочихъ, запрещаетъ послѣднимъ защищаться отъ эксплуатаціи, преслѣдуя союзы и стачки. Чтобы добиться болѣе культурныхъ условій жизни, рабочимъ необходимо имѣть право устраивать стачки противъ предпринимателей, имѣть право организовать союзы, имѣть право свободно печатать и говорить на сходкахъ о своихъ нуждахъ и, наконецъ, черезъ своихъ выборныхъ принимать участіе въ законодательствѣ, такъ какъ всякая побѣда рабочихъ надъ предпринимателями можетъ быть прочной лишь послѣ ея узаконенія. Въ силу всѣхъ изложенныхъ причинъ, считая рабочихъ вправѣ добиваться за свой трудъ лучшихъ условій жизни, я сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ. Узнавъ о предполагаемой демонстраціи, я рѣшилъ принять въ ней участіе и сдѣлалъ знамена съ надписями „Да здравствуетъ соціаль-демократія!“ на одномъ, „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“ на другомъ и „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ на третьемъ. Знамена, съ которыми я пошелъ на демонстрацію, оказались очень кстати, такъ какъ у демонстрантовъ таковыхъ не имѣлось, и они выражали свой протестъ лишь криками: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Я зналъ, что за участіе въ демонстраціи грозитъ каторга. Наказаніе страшное, въ моихъ глазахъ хуже смерти, такъ какъ человѣческая личность тамъ совершенно уничтожается и безчеловѣчно унижается на каждомъ шагу. Но надежда на то, что, жертвуя собой, причесешь хоть микроскопическую пользу своимъ братьямъ, даетъ полнѣйшее удовлетвореніе за всѣ страданія, которыя пришлось и придется перенести. Личное несчастіе, какъ капля въ морѣ, тонетъ въ великомъ горѣ народномъ, за желаніе помочь которому можно отдать всю душу. Мелкими протестами рабочихъ до сихъ поръ не удалось добиться чего-нибудь существеннаго, начальство и общество сквозь пальцы смотритъ на злоупотребленія и на явное нарушеніе законовъ со стороны предпринимателей. Слѣд., требуется что-нибудь изъ ряду вонъ выходящее, чтобы обратить вниманіе общества на ненормальное положеніе рабочихъ и на игнорированіе ихъ интересовъ правительствомъ. Рабочіе, создавая богатства и защищая своей грудью общество отъ внѣшнихъ враговъ, всѣ свои силы отдаютъ государству, но имъ не дано никакихъ правъ, такъ что всякій, обладающій капиталомъ и покладистой совѣстью, можетъ обратить человѣка, не имѣющаго возможности жить безъ работы, въ рабство. Я видѣлъ, что существующій порядокъ выгоденъ лишь для меньшинства, для господствующаго правящаго класса. Что пока самодержавіе не будетъ замѣнено политической свободой, дальнѣйшее культурное развитіе русскаго народа невозможно. Что рабочіе въ борьбѣ съ предпринимателями на каждомъ шагу наталкиваются на ихъ союзниковъ въ лицѣ самодержавныхъ порядковъ. Что самодержавіе является врагомъ русскаго народа. И вотъ почему я написалъ на своемъ знамени: Долой самодержавіе и да здравствуетъ политическая свобода!

Рѣчь сормовскаго раб. Алексѣя Быкова.

Я не признаю себя виновнымъ, но вышелъ на Большую дорогу, гдѣ была демонстрація, сознательно, присоединился и заявилъ свои требованія. Отецъ мой всю жизнь провелъ въ весьма бѣдномъ положеніи. Насъ было четыре сына, онъ насъ не могъ даже воспитать, а не только дать намъ какое-нибудь маленькое образованіе. Когда отецъ отдалъ меня работать, то я увидалъ со стороны заводской администрація одни только притѣсненія. Не только завѣдующіе цѣховъ, а даже нижніе чины, которымъ я былъ отданъ рабомъ, всѣ меня били за каждую малость и давали самую грубую работу, которую я не въ состояніи былъ выполнить. Потребности, которыя касались моихъ душевныхъ силъ, я никогда не могъ удовлетворить. Я видѣлъ массу обирательствъ со стороны заводской администрація, которыя касались нашего матеріальнаго положенія, существованія нашей жизни. Работалъ я на четырехъ заводахъ и ни на одномъ заводѣ нѣтъ честныхъ правилъ и честныхъ людей со стороны администраці и вездѣ только сбавляютъ расцѣнки и стараются только оштрафовать, да лишній часъ заставить проработать — это нѣтъ слаще для хозяина. Я работалъ подъ управленіемъ Николая Леонидовича Мануилова. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ просить повышенія расцѣнковъ и поденнаго жалованья, но онъ не обращалъ на всѣ наши просьбы никакого вниманія, отвѣчалъ всегда грознымъ голосомъ и говорилъ, что если будешь требовать и смущать людей, то я тебя отправлю въ полицію или разсчитаю. И я сталъ опять работать за такую же плату, какая была предложена, чтобы не остаться безъ куска хлѣба. Послѣ этого я проработалъ два мѣсяца. Этимъ не я одинъ былъ обиженъ, а всѣ и каждый. Собрались рабочіе и пошли къ конторѣ просить повышенія заработка. Завѣдующій обратился къ нимъ и сказалъ: если вы не будете за эту плату работать, я пойду скажу полиціи, что вы бунтуете, и васъ арестуютъ и посадятъ въ тюрьму. А рабочіе сказали, что мы не бунтуемся, а просимъ свое, которое добывается нашимъ потомъ и кровью. „Если вы не будете работать, то я приведу полицію“. Они побоялись и стали работать. „А того человѣка, какъ Быкова, я отправлю къ мѣстному приставу, откуда будетъ онъ отправленъ въ первый тюремный корпусъ“. Когда я обратился къ нему и сталъ просить, то онъ за это меня постановилъ на тяжелую работу и на маленькое жалованье Когда я проработалъ одинъ мѣсяцъ и нашелъ прокламацію, въ которой было извѣстно про первое мая, то я не могъ дождаться этого дня. Когда дождался этого дня, пошелъ на Большую дорогу, гдѣ увидѣлъ партію демонстрантовъ и три знамени, на которыхъ было написано: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и „Восьмичасовой рабочій день!“, и присоединился къ этой группѣ сознательно и кричалъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“

Рѣчь сормовскаго рабочаго Самылина.

Въ 1896 г. я работалъ на заводѣ Курбатова. Здѣсь изъ молодежи образовался кружокъ, имѣющій цѣлью самообразованіе, и носилъ чисто экономическій характеръ. Нашъ кружокъ кто-то выдалъ и меня посадили въ тюрьму. Пока я сидѣлъ въ тюрьмѣ, семья моя страшно бѣдствовала... дойдя до степени нищеты. Я былъ старшимъ въ семьѣ, оставшейся безъ отца, состоявшей изъ пяти человѣкъ, и всѣ средства къ существованію добывалъ только я. Мать принуждена была ходить на поденную работу. А что можетъ заработать женщина на поденной работѣ? Жалкій грошъ. И вотъ за то, что я участвовалъ въ экономическомъ кружкѣ, меня продержали 15 мѣс. въ тюрьмѣ и выслали изъ Нижняго въ мѣсто приписки на годъ, выбросивъ меня на улицу незнакомаго мѣста, гдѣ я, лишенный работы, ходилъ положительно голодный. Когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, у меня родилась мысль, что если за то, что человѣкъ хочетъ защитить себя отъ насилія фабрикантовъ и старается пополнить свое образованіе совмѣстнымъ чтеніемъ, его сажаютъ въ тюрьму, то ясно, что фабрикантамъ покровительствуетъ кто-то свыше, и, что интересы промышленнаго класса не чужды правительству... Когда я пріѣхалъ изъ ссылки сюда въ Нижній и поступилъ работать на Сормовскій заводъ, здѣсь полиція стала являться подъ различными предлогами ко мнѣ на квартиру и высматривала, нѣтъ-ли чего подозрительнаго на моей квартирѣ. И достаточно было появленія на заводѣ или на улицѣ Сормова прокламацій, какъ полиція являлась съ обыскомъ ко мнѣ на квартиру. И хотя не находила ничего преступнаго, но это не мѣшало ей придти во второй и третій разъ и, можетъ быть, продолжала бы ходить и еще, но меня заперли въ тюрьму. При обыскѣ у меня, находя научныя книги, спрашивали: „для чего вы имѣете у себя эти книги и тратите на нихъ деньги, не библіотека-ли у васъ какая?“.. А развѣ рабочій не долженъ пополнять своего скуднаго образованія чтеніемъ книгъ? Развѣ рабочему не нужно образованіе? Развѣ ему не нужно знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?.. Работая на Сормовскомъ заводѣ, я видѣлъ, что крупныя промышленныя предпріятія эксплуатируютъ рабочаго еще больше, чѣмъ мелкія. Всякія притѣсненія со стороны администраціи, взяточничества со стороны мастеровъ доходятъ до наглости. Помню одинъ случай съ подаркомъ. Мастеръ той мастерской, въ которой работалъ и я, ввелъ въ правило, чтобы рабочіе подносили ему подарокъ въ день ангела. Деньги собирали старшіе рабочіе. Когда же одинъ рабочій воспротивился этому, то мастеръ, придравшись къ нему, разсчиталъ его съ завода, какъ бунтовщика, который подбиваетъ рабочихъ. Хотя эта исторія и дошла до фабричнаго инспектора, но все осталось по старому.

Когда я узналъ за нѣсколько дней до перваго мая, что въ Сормовѣ будетъ демонстрація, то вышелъ на Большую дорогу и сознательно примкнулъ къ демонстрантамъ, потому что считалъ себя въ правѣ протестовать противъ насилія надъ личностью. И, чтобы обратить вниманіе правительства на рабочихъ, нужно выходящее изъ ряда вонъ событіе — рѣзкое и энергичное.

Рѣчь столяра Михайлова.

Я пришелъ на демонстрацію сознательно, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ другими показать, что я недоволенъ нашими порядками и хочу ихъ измѣненія. Я, будучи еще 12-ти лѣтъ, былъ избитъ нагайками казаковъ. Въ то время я работалъ на винномъ заводѣ въ городѣ Бѣжецкѣ, и когда рабочіе стали просить съ хозяина прибавки жалованья, тотъ имъ отказалъ, а когда они прекратили работу, то хозяинъ обратился за полиціей къ правительству. Прислали сотни полторы дикихъ казаковъ, и прежде, чѣмъ приняться за дѣло, хозяинъ ихъ напоилъ водкой, и потомъ уже спустилъ на рабочихъ. На моихъ глазахъ одной дѣвицѣ вышибли глазъ, а другой перешибли руку. Дальше я не помню, что было, потому что меня ударили два раза и я упалъ въ обморокъ. Многихъ разсчитали, а я и другіе немногіе остались, ожидая улучшенія, но ничего не было и я тоже ушелъ. Я пришелъ въ Нижній, чтобы и здѣсь найти, чѣмъ кормиться, но долго шлялся безъ куска хлѣба и однажды утромъ взялъ у ночного сторожа жестяный чайникъ, который хотѣлъ продать и купить хлѣба, но сторожъ замѣтилъ, и меня забрали и отправили въ Колонію. Жить тамъ было плохо, съ воспитанниками обращались скверно, да и пища была плохая, мальчики изъ за этого дѣлали у себя въ погребахъ и амбарахъ кражи, чтобы быть сытыми, и другіе, какъ ястреба, бѣгали изъ колоніи въ деревню и ломали замки, а за то ихъ арестовывали и они сидѣли въ тюрьмѣ. Воспитаніе тоже въ колоніи было скверное. Работать заставляли много, а кормили плохо. Вотъ, чтобы избавиться отъ Колоніи и отдохнуть, воспитанники часто бѣгали изъ Колоніи, а другіе, чтобы попасть въ больницу, нарочно толкли стекло и имъ засыпали себѣ глаза, а другіе, какъ Мишуковъ, ошпаривали себѣ кипяткомъ ноги и руки. Часто за всякіе пустяки сажали въ карцеръ. Я сидѣлъ часто въ карцерѣ, всего 17 разъ, не меньше 7 дней и не больше 16. Одинъ мальчикъ изъ за плохого карцера хотѣлъ покончить съ собой черезъ поджогъ, но его удалось спасти. Передъ моимъ выходомъ былъ бунтъ изъ за того, что директоръ изъ экономіи не выдавалъ теплой одежды. Насъ хотѣли силой гнать на ужинъ и для этого прислали рабочихъ, которыхъ мы встрѣтили камнями и табуретками: тогда они ушли и больше не приходили. Мы такъ провели ночь и полъ дня; къ вечеру насъ стали осаждать по приказанію директора камнями. Многимъ моимъ товарищамъ проломили головы, и когда мы совсѣмъ изнемогли, насъ всѣхъ перевязали и отправили, кого въ карцеръ, кого въ овинъ и въ баню. Въ овинѣ привязали, стоя къ столбамъ, назадъ руки и такъ продержали цѣлыя сутки и не давали ѣсть. Меня же положили на скамейку, а руки и ноги завязали подъ скамейкой и тоже продержали сутки голоднымъ, а потомъ перевели въ сушилку и продержали тамъ 16 дней, и все время давали лишь кусокъ небольшой хлѣба и стаканъ воды. Когда я вышелъ изъ карцера, директоръ меня наказалъ — безъ горячей пищи на двѣ недѣли. Я не захотѣлъ этого исполнить и меня опять посадили въ карцеръ на четыре дня, но скоро совсѣмъ меня выпустили изъ колоніи и почти голаго оставили на улицѣ осенью въ Нижнемъ и даже не дали мѣста, тогда какъ другихъ ставили на мѣста и одѣвали при выходѣ, но съ меня еще и свои заработанныя деньги вычли за бунтъ. Я началъ работать, но и хозяинъ меня притѣснялъ и плохо платилъ жалованье и, кромѣ того, часто штрафовалъ. Однажды пришли изъ ремесленной управы чиновники и стали всѣмъ выдавать разсчетныя книжки. Книжка стоитъ 1 р 25 к. Я отказался ее взять, говоря, что когда я былъ маленькій и ходилъ безъ куска хлѣба и мерзъ, меня никто не видѣлъ, но когда теперь я могу работать, ко мнѣ тянутъ руки купецъ и чиновники въ лицѣ правительства и начинаютъ обирать, но на это не обратили вниманіе и вычли больше, чѣмъ слѣдуетъ, — 4 р. Я сталъ думать, неужели же я созданъ для того, чтобы содержать людей, а самому вѣчно биться изъ-за куска хлѣба... Я однажды нашелъ листокъ, и тамъ говорилось, что правительство собираетъ съ народа сотни милліоновъ съ табаку, спичекъ, керосина и вина, и эти деньги идутъ на армію и флотъ, никому ненужные, только для защиты своихъ мундировъ. Я часто находилъ листки и все болѣе сталъ убѣждаться въ произволѣ правительства. Потомъ и съ самимъ былъ случай: изъ деревни прислали бумагу, чтобы я заплатилъ подати, но я отказался, говоря, что отецъ мой не пахарь, а земля принадлежитъ пахарю, а я столяръ, и мнѣ нуженъ верстакъ. Но вотъ, когда я поступилъ къ другому хозяину, хотя и небогатому, но честному человѣку, по донесенію шпіоновъ разъ ночью ворвались жандармы и полиціи и. ничего не найдя, хозяина увели въ тюрьму, и я долженъ былъ содержать его семью, но жандармы мнѣ не велѣли, потому что такъ пришлось бы скорѣе разориться и идти шляться, но я этого не сдѣлалъ, и хозяина черезъ полтора мѣсяца выпустили. Наконецъ, я понадобился и въ солдаты, но и здѣсь я отошелъ кое-какъ отъ службы изъ-за маленькаго брата. Къ намъ часто въ мастерскую привозили мужички лѣсъ и жаловались, что у нихъ описываютъ послѣдніе самовары и даже у невѣстъ приданое. Конечно, испытавъ самъ много горя, я оставался недоволенъ насиліемъ правительства и ждалъ случая, чтобы высказать свой протестъ. И вотъ передъ первымъ мая 1902 г. я нашелъ листокъ, гдѣ звали желающихъ на демонстрацію, и я пошелъ, но въ этотъ день ничего не было, а было 5 мая, и я взялъ красное знамя и пошелъ на назначенное мѣсто, но ничего не было. Я прошелъ на откосъ, гдѣ увидѣлъ группу людей и сталъ пѣть пѣсни, потомъ, когда окружила полиція, выкинулъ красное знамя и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода и восьмичасовой рабочій день!“.

* * *

На вопросъ предсѣдателя палаты, кто ему далъ знамя, Михайловъ отвѣтилъ, что это его тайна, и онъ не желаетъ объяснять.

Типографія „Искры“.

Второй годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 30 | 15-го декабря 1902 года. | № 30

ОСЕННІЕ ИТОГИ.

Лѣто и осень самодержавіе посвятило судебнымъ расправамъ со своими политическими врагами. Шесть процессовъ противъ виновниковъ террористическихъ покушеній (Балмашовъ, Леккертъ, Чепегинъ, Качуръ, Ергинъ и Лувинъ), три процесса противъ участниковъ рабочихъ безпорядковъ (Батумъ, Сулинъ Донской обл. и дѣло о волненіяхъ на Залогинской фабрикѣ въ Твери), безконечное количество процессовъ противъ южныхъ крестьянъ и, наконецъ, — три судебныхъ дѣла о политическихъ демонстраціяхъ. Давно уже самодержавное „правосудіе“ не работало съ такой интенсивностью.

И давно уже это „правосудіе“ не оказывало такой услуги революціонному дѣлу развѣнчанія всѣхъ „святынь“ современнаго политическаго строя. Буржуазные идеологи посвоему правы, видя въ уваженіи къ судебнымъ учрежденіямъ страны залогъ устойчивости общественнаго порядка. Масса населенія готова многое простить своимъ правителямъ, если вѣритъ въ „безпристрастіе“ и законный образъ дѣйствій суда — хранителя закона. И, поистинѣ, безнадежно положеніе той политической системы, которая для своего поддержанія вынуждена неустанно развѣнчивать свое собственное „правосудіе“, примѣняя его для своихъ полицейскихъ цѣлей.

Новое „политическое“ выступленіе россійской юстиціи ознаменовалось рядомъ скандаловъ для самодержавія. Присужденіе къ смерти несовершеннолѣтняго Балмашева, окруженнаго ореоломъ всеобщаго сочувствія; присужденіе къ смерти Леккерта, который нанесъ легкую рану фонъ-Валю; присужденіе къ смерти Качура, который вовсе промахнулся; 20 лѣтъ каторги для Чепегина, несчастнаго юноши, который, изголодавшись, вздумалъ „убить“ кого-нибудь изъ представителей буржуазіи и напалъ на отставного генерала съ **тупымъ** перочиннымъ ножикомъ, не повредившимъ и генеральской шинели... Эти скандальные приговоры счастливо дополнялись скандальнымъ поведеніемъ суда въ харьковскихъ крестьянскихъ процессахъ, гдѣ съ цинической откровенностью запрещалось защитникамъ разспрашивать свидѣтелей о подвигахъ кн. Оболенскаго при „усмиреніи“ обвиняемыхъ крестьянъ. Знаменитые протесты адвокатовъ впервые заклеймили публично этитъ цинизмъ посѣдѣвшихъ въ попраніи закона россійскихъ чиновниковъ отъ правосудія. Этотъ смѣлый шагъ, который давно пора было сдѣлать представителямъ адвокатуры, не долженъ остаться безслѣднымъ для дѣла освобожденія Россіи отъ царящей надъ нами азіатчины. Дѣломъ чести всѣхъ, выступающихъ защитниками въ процессахъ, гдѣ фактическимъ преступникомъ является правительство, будетъ слѣдовать примѣру харьковскихъ защитниковъ, и на каждое насиліе надъ правомъ отвѣчать презрительнымъ протестомъ. Это, по нынѣшнимъ временамъ, единственно возможный для адвокатуры способъ служить дѣлу дѣйствительнаго правосудія, дѣлу освобожденія суда отъ властной опеки самодержавной бюрократіи.

Если крестьянскіе процессы разоблачили лишній разъ характеръ судебнаго слѣдствія въ процессахъ, устраиваемыхъ противъ „внутреннихъ враговъ“ самодержавія, то процессы противъ саратовскихъ и нижегородскихъ демонстрантовъ показали всю жестокость русскихъ карательныхъ законовъ. Хотя судъ и примѣнилъ одну изъ низшихъ мѣръ наказанія, тѣмъ не менѣе болѣе десятка мирныхъ демонстрантовъ оказались присужденными къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири. Только современный россійскій режимъ, безстыдно парадирующій своей свободой отъ европейскихъ „предразсудковъ“, можетъ еще выносить такіе приговоры. Дѣяніе, которое, по европейскимъ понятіямъ, является неотчуждаемымъ правомъ гражданина — коллективное выраженіе своего политическаго мнѣнія, по русскимъ условіямъ немыслимое иначе, какъ сборищемъ на улицѣ, — это дѣяніе карается лишеніемъ гражданскихъ правъ и безсрочной ссылкой, на ряду съ весьма тяжкими уголовными преступленіями! Двадцать почти лѣтъ правительство остерегалось примѣнять эти варварскіе законы о политическихъ „преступленіяхъ“, законы, позволяющіе примѣнять каторгу и **висѣлицу** за дѣянія, которыя по ту сторону Вержболова во всемъ цивилизованномъ мірѣ признаются законнымъ дѣломъ или, въ худшемъ случаѣ, причисляются къ мелкимъ полицейскимъ проступкамъ. Почти двадцать лѣтъ правительство, посредствомъ широкаго примѣненія административной ссылки и административнаго тюремнаго заключенія, уклонялось отъ необходимости каждымъ „законнымъ“ приговоромъ внушать обывателю идею: если то, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ совершается безпрепятственно, у насъ карается самыми тяжкими уголовными карами, — стало быть, нашъ политическій режимъ никуда не годенъ. И такова иронія судьбы: — въ тотъ именно моментъ, когда широкія массы обывателей впервые проснулись къ политической жизни, когда всякое злодѣяніе государственной власти весьма чувствительно воспринимается недавно еще равнодушной частью населенія, — именно въ такую минуту самодержавіе спѣшитъ живымъ примѣромъ напомнить обывателю объ азіатскомъ характерѣ своихъ карательныхъ законовъ.

Врядъ-ли вѣря серьезно въ устрашительную силу приговоровъ на поселеніе и на каторгу, самодержавіе, чтобы только порисоваться политикой „сильной власти“, доставляетъ своимъ врагамъ случай къ новой демонстраціи — къ демонстраціи со скамьи подсудимыхъ. И новые его революціонные враги — соціалдемократы — не преминули уже воспользоваться этимъ новымъ поводомъ.

Показавши себя въ тогѣ „судьи“, самодержавіе спѣшитъ начать зимній сезонъ въ испытанной роли палача. 11 ноября въ Ростовѣ н. Д., а 17 въ станціи Тихорѣцкой оно снова выступило въ наиболѣе современномъ изъ доступныхъ ему положеній — въ качествѣ наемнаго убійцы на службѣ у капитала.

Послѣ Ярославля — Домброво, послѣ Риги — Маріуполь, послѣ бойни на Выборгской сторонѣ въ СПБ. — сильнѣйшая — на Шлиссельбургскомъ трактѣ; и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Батумскихъ разстрѣловъ — на протяженіи одной недѣли два новыхъ преступленія во славу божка-капитала.

Громадная по размѣрамъ, замѣчательная по выдержкѣ рабочихъ, исключительно-удачная въ смыслѣ организованности участниковъ, руководимыхъ нашимъ Донскимъ Комитетомъ и безпримѣрная по рѣшительности господствовавшаго въ ней **политическаго** настроенія, — стачка ростовскихъ рабочихъ какъ нельзя лучше открываетъ боевую кампанію соціалдемократіи въ текущемъ году и — слѣдуетъ надѣяться — явится лишнимъ яркимъ доказательствомъ того, что единственно серьезнымъ революціоннымъ дѣломъ въ наше время является дѣло организаціи такъ быстро развивающагося, такъ блестяще доказывающаго свою революціонную зрѣлость русскаго пролетаріата.

Почти десять лѣтъ назадъ, зимой 1893-94 г., жел.-дор. рабочіе мастерскихъ Ростовско-Владикав. ж. д. умѣло проведенной стачкой обратили на себя вниманіе революціонеровъ, которые въ то время въ своей массѣ еще не выяснили себѣ всего значенія начинавшагося рабочаго движенія. Ростовская стачка 1893-94 гг. была первымъ, сколько намъ извѣстно, крупнымъ проявленіемъ массового рабочаго движенія 90-хъ гг., руководимаго соціалистами (въ числѣ многочисленныхъ жертвъ ея былъ, между прочимъ, извѣстный Мосеенко — бывшій организаторъ знаменитой Морозовской стачки, сосланный по ростовскому дѣлу въ третій разъ на три года). Послѣ этой стачки правильная революціонная работа въ Ростовѣ н. Д. временно оборвалась, и лишь съ 1898 г. подъ руководствомъ Донского Комитета она ведется систематически и все съ большимъ успѣхомъ. Въ ноябрскихъ событіяхъ съ ихъ громадными рабочими „митингами“ и впечатлѣніемъ, произведеннымъ ими на общество, — мѣстные товарищи могутъ видѣть достойный результатъ своихъ усилій.

На эту-то дисциплинированную, сознательную и стойкую массу правительство выпустило своихъ янычаровъ. Само правительственное сообщеніе, въ сущности, признаетъ, что бойня вызвана казаками, что стремленіе властей разогнать спокойную сходку рабочихъ явилось причиной столкновенія, въ результатѣ котораго нѣсколько человѣкъ убито. То же сообщеніе признаетъ, что и столкновеніе на Тихорѣцкой провоцировано казаками. Новые разстрѣлы стачечниковъ-рабочихъ являются новой краснорѣчивой иллюстраціей къ такъ-наз. „зубатовской“ политикѣ. Вчерашніе поощрители „экономической борьбы“ въ Москвѣ выступаютъ сегодня въ роли вульгарныхъ охранителей капиталистическихъ барышей, когда эта „экономическая“ борьба организована самими рабочими, безъ участія шпіоновъ-„легализаторовъ“. Только вчера г. Витте свидѣтельствовалъ о чудовищной несправедливости вмѣшательства правительственныхъ властей въ столкновенія труда съ капиталомъ. И уже сегодня правительство разоблачачаетъ лживость всѣхъ этихъ разговоровъ и тщету всякой попытки нашихъ самодержцевъ внушить рабочему классу довѣріе къ монархіи. Работайте же дальше въ этомъ направленіи, господа! Пролитая въ честномъ бою пролетарская кровь не пропадетъ даромъ и въ предстоящемъ рѣшительномъ столкновеніи монархіи съ народомъ первая встрѣтитъ въ рядахъ своихъ враговъ такую силу, передъ которыми окажутся одинаково безсильными и „твердая рука“ г. Плеве и лживый языкъ г. Витте.

На яркой сценѣ классовой пролетарской борьбы съ особенной рельефностью выступаетъ поразительная сѣрость того политическаго движенія „солидныхъ“ круговъ общества, центромъ котораго являются уѣздные и губернскіе „комитеты Особаго Совѣщанія“. Выразившаяся въ этихъ комитетахъ земская оппозиція пришла въ настоящее время къ тому пункту, за которымъ дальнѣйшая игра въ „лояльность“ становится невозможной. На первые разговоры о Земскомъ Соборѣ Плеве отвѣтилъ арестомъ и привлеченіемъ къ жандармскому дознанію представителей земства. И вѣрное эхо умѣренной земской оппозиціи — „Освобожденіе“ — не замедлило тотчасъ же отразить то политическое возмущеніе, которое охватило „вѣрноподданныхъ“ либераловъ при слухѣ объ этомъ насиліи.

Правда, г. Струве и на этотъ разъ старается во что бы то ни стало остаться позади своихъ сотрудниковъ-либераловъ. Въ то время, какъ послѣдніе все опредѣленнѣе ставятъ вопросъ о несовмѣстимости „законности“ съ существованіемъ самодержавія, г. Струве (№ 11 „Освоб.“) въ редакціонной замѣткѣ снова двусмысленно повторяетъ, что требованіе созыва Земскаго Собора „не противорѣчитъ само по себѣ существующему государственному строю“*). Тѣмъ не менѣе, и г. Струве почувствовалъ въ фактѣ жандармскаго набѣга на воронежскихъ либераловъ поводъ для болѣе рѣшительнаго нападенія на самодержавіе. Если, пишетъ онъ, правительство отвергнетъ требованія о созывѣ Земскаго Собора, то кличъ: „долой самодержавіе!“ неизбѣжно и окончательно станетъ всеобщимъ лозунгомъ національнаго освобожденія. Необычайнаго, конечно, нѣтъ ничего въ арестѣ г. Мартынова и въ обвиненіи его за умыселъ измѣнить существующую форму правленія. Абсолютная идея „права“, съ точки зрѣнія которой г. Струве не прочь „разносить“ „относительность“ нашихъ соціалистическихъ идей, разумѣется, оскорблена нынѣшнимъ произвольнымъ арестомъ г. Мартынова нисколько не въ большей мѣрѣ, чѣмъ она была поругана въ лицѣ хотя бы того же г. Мартынова, когда онъ (въ 80-хъ гг.) по **соціалистическому** дѣлу былъ арестованъ и сосланъ безъ суда въ Сибирь. Вѣроломство, проявленное нынѣ правительствомъ по отношенію къ членамъ уѣздныхъ комитетовъ, которые приглашались высказаться о мѣстныхъ нуждахъ и за открытое выраженіе своихъ нуждъ подвергаются арестамъ, — это вѣроломство (съ точки зрѣнія идеи „права“) ничѣмъ не гнуснѣе того, которое проявлялось самодержавіемъ безчисленное множество разъ по отношенію къ делегатамъ, выбиравшимся рабочими-стачечниками по приглашенію властей и потомъ подвергавшимся аресту по приказу тѣхъ же властей, или по отношенію къ выбраннымъ по приглашенію начальства студенческимъ „старостамъ“, когда послѣдніе „въ первую голову“ отправлялись въ Сибирь. „Поруганное и возмущенное чувство справедливости“, о которомъ говоритъ г. Струве, какъ о стимулѣ къ началу „политическихъ дѣйствій“, уже такъ давно привыкло къ подобнымъ заушеніямъ и оплеваніямъ, что врядъ-ли само по себѣ можетъ побудить „умѣренную“ оппозицію къ чему-нибудь, напоминающему „политическія дѣйствія“. Есть нѣчто другое въ воронежскихъ событіяхъ, что можетъ и должно расшевелить земскую оппозицію, — это явное свидѣтельство **растерянности** самодержавнаго правительства, полной его неспособности разсчитать заранѣе результаты своихъ дѣйствій, рѣшительнаго и окончательнаго банкротства обычныхъ методовъ его политики.

Созывъ мѣстныхъ комитетовъ имѣлъ совершенно опредѣленную и ясную цѣль — отвлечь вниманіе болѣе „солидныхъ“ круговъ общества отъ все сильнѣе разгорающейся борьбы болѣе радикальныхъ слоевъ его съ самодержавіемъ. На первые робкіе шаги земцевъ, намекавшіе на возможность ихъ присоединенія къ общему лозунгу: „долой самодержавіе!“, правительство отвѣчало приглашеніемъ „сѣсть рядкомъ и потолковать ладкомъ“ о „мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ“. Спекулируя на „умѣренность“ и „трезвенность“ земскихъ дѣятелей, правительство разсчитывало потопить ихъ растущее возбужденіе въ грудахъ коммиссіонныхъ докладовъ и игрой въ парламентъ занять ихъ въ то время, пока на улицахъ и въ застѣнкахъ будетъ г-омъ Плеве совершаться расправа съ гидрой революціи. Планъ былъ самъ по себѣ недуренъ, и инциденты съ гг. Шиповымъ и Евреиновымъ показали, что самодержавіе хорошо изучило русскаго либерала. Но самодержавіе не могло разсчитать одного фактора — той скорости, съ которой прогрессируетъ его собственное разложеніе. Планъ г. Плеве самъ по себѣ былъ остроуменъ, но онъ для своего успѣха предполагалъ сильную дозу самообладанія со стороны его авторовъ. Надо было — до поры, до времени — открыть шлюзы для либеральныхъ словопреній. Увы! въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія это самообладаніе не могло имѣть мѣста. Приближающаяся гигантскими шагами русская революція не даетъ самодержавію „ни отдыха, ни срока“ для приведенія въ дѣйствіе его іезуитскихъ плановъ. И, забывъ о всякой „государственной мудрости“, оно бросается, очертя голову, въ политику приключеній, однимъ грубымъ ударомъ сводя на нѣтъ плоды своей предшествующей работы. Казалось бы, весь ходъ работъ въ мѣстныхъ комитетахъ долженъ былъ подготовить правительство къ тому моменту, когда будетъ сказано это ужасное слово „земскій соборъ“. Казалось бы, правительству смотрѣть бы и радоваться тому, что это слово произносится либералами съ обычными оговорками о своей лояльности, съ проклятіемъ и осужденіемъ по адресу такъ-наз. „кучки анархистовъ“. Но самодержавіе уже не способно холодно разсчитывать. Оно способно только судорожно реагировать. И обрушиваясь всей силой полицейской репрессіи на мирныхъ либераловъ, открывшихъ ротъ, чтобы сказать первую букву своей политической азбуки, оно тѣмъ самымъ вынуждаетъ ихъ — во что бы то ни стало — пойти дальше.

Въ этой растерянности правительства либералы должны найти силу отрѣшиться отъ собственной своей „наслѣдственной“ растерянности. Въ борьбѣ между старой и новой Россіей нѣтъ мѣста никакимъ сентиментальнымъ соображеніямъ. [illegible] врагъ началъ явно шататься, — самое время участить удары и увеличить ихъ силу. Не дожидаться, пока онъ найдетъ себѣ новую точку опоры, а нападать и нападать, чтобы каждымъ мѣткимъ ударомъ увеличить смятеніе его духа!

Требованіе земскаго собора должны, какъ справедливо указываетъ г. Струве, подхватить всѣ уѣздные и губернскіе комитеты. Но этого мало. Арестомъ стоявшихъ на легальной почвѣ либераловъ правительство показало, какое призрачное значеніе имѣетъ при русскихъ условіяхъ сама легальность. Пусть же и либералы спѣшатъ разбить рамки легальности! Пусть не отгораживаются по прежнему китайской стѣной отъ того „внѣлегальнаго“ народнаго движенія, которое только и сдѣлало возможнымъ ихъ собственное выступленіе и которое выбило уже самодержавіе изъ его главныхъ позицій. И если земскіе комитеты уже превратились въ обвинительныя камеры по дѣламъ о многочисленныхъ преступленіяхъ самодержавія, то пусть въ раздающихся тамъ обвинительныхъ рѣчахъ мы услышимъ, наконецъ, о тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя самодержавіемъ совершаются надъ рабочимъ классомъ, надъ крестьянской массой, надъ революціоннымъ студенчествомъ! Нельзя долѣе молчать объ этихъ злодѣяніяхъ, когда каждый день приноситъ новыя извѣстія о „каторжныхъ“ приговорахъ, о массовыхъ поркахъ, о разстрѣлахъ безоружной толпы на улицахъ! Только заговоривши открыто объ этихъ событіяхъ, либеральные земцы покажутъ, что они поднялись на высоту тѣхъ историческихъ задачъ, которыя стоятъ передъ всѣми, серьезно работающими надъ освобожденіемъ нашей родины отъ позора самодержавія.

---

*) Передовая статья того же №, подписанная Senex, напротивъ, рѣзко высказывается о „славянской монархич. идилліи“ совмѣщенія самодержавія съ земскими соборами. Отчего бы г. Струве не высказать разъ навсегда свое отношеніе къ взглядамъ, развиваемымъ болѣе радикальными изъ его сотрудниковъ? — Кстати, г. Струве остается въ долгу передъ читателемъ: въ примѣчаніи къ статьѣ земскаго гласнаго въ № 7 „Освобожденія“ онъ обѣщалъ выяснить, въ чемъ расходится съ этимъ авторомъ въ вопросѣ объ отношеніи къ революціонной борьбѣ. Этого обѣщанія г. Струве все еще не выполнилъ.

ЗУБАТОВЩИНА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Хожденіе правительства „въ народъ“ продолжается. Самодержавіе, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ агентовъ, какъ извѣстно, разочаровалось въ административномъ террорѣ, какъ единоспасающемъ средствѣ противореволюціонной борьбы, и рѣшилось — не вмѣсто террора, а вмѣстѣ съ терроромъ — вести систематическую работу развращенія рабочихъ массъ.

Въ петербугской газетѣ „Свѣтъ“, находящейся въ интимномъ общеніи съ полицейской преисподней, напечатано слѣд. сообщеніе:

„За послѣднее время, по инициативѣ столичныхъ заводскихъ рабочихъ: В. И. Пикунова, С. А. Горшкова, И. С. Соколова, С. Е. Устюжанова, Д. В. Старожилова, Г. Н. Солодовникова, А. И. Егорова, Е. Ф. Пахомова, С. С. Семенова, А. И. Кузьмина и Н. А. Одинцова, въ мѣстномъ фабрично-заводскомъ населеніи получила распространеніе мысль о возможности очень серьезнаго улучшенія въ жизненныхъ условіяхъ рабочей среды путемъ развитія въ ней сословной самодѣятельности и взаимной помощи.

„Съ вѣдома столичной администраціи, 10 ноября, въ трактирѣ „Выборгъ“, на Финляндскомъ проспектѣ, иниціаторы дѣла имѣли по этому предмету частное собесѣдованіе съ нѣсколькими товарищами, а 13 ноября ими было подано прошеніе г. исправляющему должность с.-петербургскаго градоначальника камергеру В. Э. Фришу о разрѣшеніи товарищескаго собранія. Со стороны послѣдняго рабочіе встрѣтили внимательное и сочувственное отношеніе къ своей просьбѣ и получили обѣщаніе, что онъ окажетъ зависящее отъ него содѣйствіе для удовлетворительнаго разрѣшенія предпринятаго ходатайства. Ободренные пріемомъ г. исправляющаго должность градоначальника и успѣшнымъ началомъ своего дѣла, рабочіе отправились въ департаментъ полиціи министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы выяснить отношеніе министерства къ задуманному ими дѣлу. Директоръ департамента, статскій совѣтникъ А. А. Лопухинъ, выразилъ имъ свое сочувствіе и готовность помочь осуществленію ихъ намѣреній.

„Вслѣдствіе этого, въ воскресенье, 17 ноября, въ томъ же трактирѣ „Выборгъ“ состоялось первое въ Петербургѣ оффиціально-разрѣшенное собраніе рабочихъ, а 21 числа, въ 10 часовъ 30 мин. утра, рабочіе имѣли честь быть приняты г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, который выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться на товарищескія собесѣдованія по вопросамъ ихъ жизненнаго обихода и высказалъ свое намѣреніе поощрять ихъ дѣятельность въ усвоенномъ ими направленіи“.

Съ своей стороны, „Свѣтъ“ обѣщаетъ своимъ читателямъ, что „ходъ предпринятаго рабочими начинанія, а также и всестороннее обсужденіе рабочаго вопроса, въ чисто русскомъ духѣ, найдутъ на страницахъ газеты самое широкое мѣсто“.

Давно уже извѣстно, что „чисто русскій духъ“, патентъ на который выдается изъ департамента полиціи, включаетъ въ себѣ три составныя части: полицейское самодержавіе, полицейское православіе и полицейскую народность. Въ приведенномъ сообщеніи ничего не говорится о роли петербургскаго духовенства („православія“) въ этомъ трогательномъ примиреніи полицейскаго насильничества („самодержавіе“) съ „сословной самодѣятельностью и взаимной помощью“ петербургскаго пролетаріата („народность“?). Надо думать, что при современномъ настроеніи рабочихъ массъ попъ, даже въ глазахъ „высшихъ сферъ“, является слишкомъ устарѣлой и скомпрометтированной фигурой, чтобы направлять его съ пальмовой вѣтвью „соціальнаго мира“ въ рабочіе кварталы. Агенты г. Зубатова тутъ гораздо болѣе умѣстны. Они будутъ говорить рабочимъ не о смиреніи и покорности, а о „сословной самодѣятельности и взаимной помощи“. Къ зубатовскимъ агентамъ примкнетъ нѣсколько предателей и нѣсколько глупцовъ (смотри выше ихъ перечень), и разрѣшеніе рабочаго вопроса „въ чисто русскомъ духѣ“ будетъ на мази. И въ СПБ., какъ раньше въ Москвѣ, начнутся „легальныя“ раб. собранія, на которыхъ зубатовцы будутъ, съ одной стороны, примирять непримиримое (самодержавіе и пролетаріатъ), а съ другой — выслѣживать тѣхъ рабочихъ, которые станутъ высказываться не въ „чисто-русскомъ духѣ“. Пренія, начавшіяся на легальной сходкѣ, будутъ заканчиваться для рабочихъ-революціонеровъ въ Охранномъ Отдѣленіи. Такимъ образомъ, всѣ эти перечисленные выше Пикуновы, Горшковы, Соколовы и пр. будутъ, по примѣру своихъ московскихъ единомышленниковъ, играть роль агентовъ-подстрекателей въ рукахъ Зубатова. И тѣ изъ нихъ, которые не продали ему своей души, а попали къ нему лишь по недомыслію, должны понять, что быть безкорыстнымъ провокаторомъ ничуть не менѣе позорно, чѣмъ наемнымъ, — только гораздо глупѣе.

Наши петербургскіе товарищи будутъ, разумѣется, внимательно слѣдить за развитіемъ этого нечистаго предпріятія, которое встрѣтило „внимательное отношеніе“ и „готовность помочь“ со стороны такихъ испытанныхъ „друзей“ рабочаго класса, какъ петербургскій градоначальникъ и директоръ Департамента Полиціи. Правильно и широко освѣдомлять рабочихъ о причинѣ, цѣли и ходѣ этихъ полицейскихъ заигрываній значитъ уничтожить въ самомъ началѣ возможность хотя бы временнаго ихъ успѣха: подобныя авантюры разсчитаны исключительно на наши политическіе сумерки, въ которыхъ врагу подчасъ легко сойти за друга.

Мы не знаемъ еще, нашелъ-ли Зубатовъ и въ Петербургѣ профессоровъ, которые вступили бы съ нимъ въ сотрудничество въ цѣляхъ мирнаго профессорско-полицейскаго разрѣшенія соціальнаго вопроса. Думаемъ, что нѣтъ, — не потому, чтобы морально-политическій цензъ профессорской корпораціи въ Петербургѣ былъ выше, чѣмъ въ Москвѣ, а потому, что партія революціоннаго пролетаріата уже заклеймила въ глазахъ общественнаго мнѣнія эту форму „сотрудничества“, какъ позорное политическое предательство.

Если, тѣмъ не менѣе, петербургское Охранное Отдѣленіе отъ полиціи найдетъ откликъ въ петербургскомъ Охранномъ Отдѣленіи отъ науки, — мы надѣемся, что революціонное студенчество съумѣетъ — въ краткой, но выразительной формѣ — преподать своимъ профессорамъ элементарный курсъ гражданской нравственности.

КАКЪ СОЦ.-ДЕМ. „ПОВОРАЧИВАЮТЪ“ КЪ НАРОДНИЧЕСТВУ

Недавно на югѣ образовалась новая русская организація, назвавшая себя „Южнымъ Революц. Союзомъ соц.-демократовъ“. Въ первомъ же воззваніи этой организаціи говорилось, что она „безусловно раздѣляетъ направленіе ‚Искры‘“. Какого же было наше удивленіе. когда въ № 13 „Рев. Россіи“ мы прочитали, что новый „союзъ“ посрамилъ „Искру“ своимъ отношеніемъ къ аграрному вопросу, что данная имъ постановка этого вопроса „показываетъ, что готовъ рухнуть, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ части соц.-демократіи, одинъ изъ тѣхъ барьеровъ, которые раздѣляютъ русскихъ революціонеровъ на двѣ враждебныя фракціи и что отвѣтъ „союза“ на этотъ вопросъ „опрокидываетъ множество эфемерныхъ теоретическихъ преградъ, которыя досужіе люди понастроили между двумя фракціями соціально-революціон. арміи“ („По поводу одной прокламаціи“, „Рев. Россія“ № 13)! Необычайная „Ворошиловская“ развязность, характеризующая цитируемую статью, сама по себѣ достаточно говоритъ о томъ, насколько читатель можетъ довѣрять открытіямъ, сдѣланнымъ ея авторомъ. Въ такомъ тонѣ могутъ писать только очень невѣжественные и очень самодовольные люди. Бѣдный авторъ, конечно, и не догадывался, что редакція на 14 стр. того же № напечатаетъ корреспонденцію изъ Одессы, въ которой этотъ самый „союзъ“ характеризуется упомянутыми выше словами, какъ „безусловно раздѣляющій направленіе ‚Искры‘“. Какъ же это „безусловно“ солидарные съ нами товарищи въ прокламаціи къ крестьянамъ посрамили нашу соц.-демократическую точку зрѣнія? Слушайте: Во первыхъ, прокламація адресована „ко всему трудящемуся люду“ (курсивъ „Р. Рос“.), причемъ развязный авторъ дополняетъ это обращеніе своимъ собственнымъ объясненіемъ: „какъ къ одному классу, связанному общими интересами трудовой жизни.“ О принадлежности пролетаріевъ и собственниковъ къ одному „классу“ прокламація ничего не говоритъ и все сюда относящееся относится къ „беллетристикѣ“ „Рев. Россіи“. Во вторыхъ, прокламація заявляетъ: „весь трудящійся людъ — и крестьянъ, и рабочихъ, — и всѣхъ честныхъ людей мы зовемъ на кровавый бой съ царемъ“. Курсивъ опять принадлежитъ „Рев. Рос.“. Послѣдняя, повидимому, не слыхала, что на „бой съ царемъ“, на политическую борьбу за сверженіе самодержавія, мы, соц.-демократы, всегда звали и рабочихъ, и крестьянъ, и „всѣхъ честныхъ людей“. Что же новаго заключается въ южной прокламаціи? И какъ смѣхотворенъ — въ виду этой цитаты — выводъ автора: „нигдѣ въ социаль-демократич. литературѣ общность соціалистическихъ (курсивъ „Р. Рос.“) интересовъ рабочихъ и крестьянъ не выражена такъ сильно и ярко, какъ въ этой прокламаціи.“ Прокламація южной организаціи явно говоритъ объ общности демократическихъ интересовъ всѣхъ „честныхъ людей“, а соц.-рев. превращаютъ эти демократическіе интересы въ „соціалистическіе“. Лишнее доказательство того, что для нихъ соціализмъ является только фразой, которою замазывается фактъ классоваго антагонизма между собственниками и пролетаріями.

Въ третьихъ. Прокламація говоритъ: „Мы въ то же время боремся со всѣми врагами трудящагося народа, со всѣми грабителями народнаго труда... Мы требуемъ, чтобы земли, фабрики и заводы были отданы всему русскому народу, всѣмъ трудящимся людямъ.“ Вотъ онъ, отказъ соц.-демократовъ отъ „узкой“ пролетарской точки зрѣнія! Вѣдь, соц.-демократы доселѣ, повидимому, требовали, чтобы фабрики и земли были отданы не всѣмъ труженикамъ, а только фабричнымъ рабочимъ! Вѣдь, соц.-демократы, очевидно, до сихъ поръ боролись не со всѣми „врагами трудящагося народа“! Мы не рѣшаемся посовѣтовать бѣдному автору прочитать „Эрф. программу“, — это чтеніе будетъ для него слишкомъ утомительно, но, напр., изъ брошюры „Кто чѣмъ живетъ“ онъ узнаетъ, что соц.-демократы не нуждались въ „поворотѣ“ къ народничеству, чтобы написать на своемъ знамени передачу всѣхъ средствъ производства всѣмъ трудящимся.

Мы не знаемъ ничего о новой южной группѣ, кромѣ того, что дается ея немногими воззваніями. Въ этихъ послѣднихъ мы не усмотрѣли до сихъ поръ никакой „ереси“, которая шла бы въ разрѣзъ съ принципами нашей партіи. Но публика, не освѣдомленная объ истинномъ положеніи дѣлъ, можетъ, пожалуй, повѣрить развязнымъ людямъ, сочиняющимъ басни о небывалыхъ скачкахъ соц.-демократовъ въ сторону мелкобуржуазной благонамѣренности. Пора положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ правомъ перетолковывать по произволу наши заявленія. Долгъ новаго союза отвѣтить на оскорбительно-дружеское похлопываніе по плечу, допущенное по отношенію къ нему „Р. Рос.“ Мелкобуржуазные революціонеры, пытающіеся создать несуществующій антагонизмъ между отдѣльными группами соц.-дем., должны услышать въ отвѣтъ: „руки прочь!“

БОРЬБА НАПРАВЛЕНІЙ — ПОЖИВА ДЕМАГОГАМЪ.

Среди петербургскихъ товарищей снова произошелъ расколъ, являющійся однимъ изъ послѣднихъ эпизодовъ заканчивающейся тамъ долголѣтней борьбы между революціоннымъ и оппортунистическимъ (бернштейніанскимъ тожъ) теченіями въ с.-демократіи.

Въ силу причинъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, внутренній кризисъ, пережитый нашей партіей во второй половинѣ 90-хъ годовъ, съ особенной силой сказался въ СПБ. На развивающееся пролетарское самосознаніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, здѣсь давили безсознательныя и сознательныя вліянія буржуазно-демократической интеллигенціи, систематически внушавшей организованнымъ пролетаріямъ и ихъ товарищамъ-интеллигентамъ идеи, послѣдовательное усвоеніе которыхъ неизбѣжно должно было бы сдѣлать наше рабочее движеніе простымъ придаткомъ къ либерально-демократической буржуазіи, руководимой гг. Струве и Ко. На пути къ этому финалу многолѣтняя работа оппортунистовъ съумѣла затормозить революціонное развитіе спб. раб. движенія и втиснуть его въ такія организаціонныя формы, въ которыхъ оно задыхалось, не видя себѣ выхода. Въ то время, какъ мѣстныя организаціи другихъ городовъ, работавшія при гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, все же двигались впередъ въ дѣлѣ революціонизированія и воспитанія массъ, петербуржцы въ періодъ 1898-1902 гг. безпомощно топтались на мѣстѣ — отъ провала до провала.

Но подъ вліяніемъ обостренія борьбы съ самодержавіемъ и разгорѣвшейся въ с.-дем. печати идейной борьбы за принципы революціоннаго соціализма спб. соц.-демократы начали освобождаться отъ кошмара, нависшаго надъ ними въ періодъ безраздѣльнаго господства бернштейніанства и „экономизма“.

Послѣ длиннаго промежутка упорной внутренней борьбы Петербургскій Комитетъ Партіи пришелъ къ сознанію необходимости рѣшительно покончить со всѣми пережитками экономизма и стать на путь революціоннаго соц.-демократизма.

Необходимымъ условіемъ для этого перехода являлась коренная реформа мѣстной организаціи, совершенно непригодной для цѣлей руководства революціоннымъ движеніемъ пролетаріата.

Необходимо было, во-первыхъ, освободиться отъ громоздкой организаціи, нелѣпо совмѣщавшей въ себѣ задачи политической борьбы съ задачами профессіональнаго (цехового) движенія; необходимо было очистить политическую организацію отъ всякой игры въ „демократизмъ“, т. е. отъ „широкаго выборнаго начала“, которое должно было вести и вело къ ослабленію конспираціи. При указанномъ же смѣшеніи задачъ организаціи это „выборное начало“ ставило — по „уставу“ — ходъ ея работъ въ зависимость отъ воли наименѣе сознательныхъ участниковъ рабочаго движенія. А такъ какъ на практикѣ соображенія конспираціи не позволяли исполнять „уставъ“ во всей строгости, то на самомъ дѣлѣ произволъ и случай играли рѣшающую роль въ ходѣ мѣстной работы, и организація не давала своимъ членамъ того политическаго воспитанія, которое одно только можетъ выработать изъ рабочихъ дѣйствительныхъ руководителей.

Необходимо было, наконецъ, уничтожить нелѣпое раздѣленіе между „рабочимъ“ комитетомъ и комитетомъ партіи („интеллигентскимъ“). Раздѣленіе это, сложившееся во времена господства „экономизма“, вполнѣ соотвѣтствуетъ бернштейніанскимъ представленіямъ о задачахъ рабочаго движенія: рабочей группѣ надлежитъ заниматься „чисто рабочимъ“ движеніемъ, т. е. экономической борьбой, высшая же политика должна остаться въ рукахъ „интеллигентовъ“, которые тѣмъ смиреннѣе признаютъ себя простыми „слугами“ пролетаріата, чѣмъ болѣе на самомъ дѣлѣ они являются фактическими хозяевами движенія. А таковыми они неизбѣжно должны быть, когда въ соц.-дем. движеніи царитъ „экономизмъ“, когда рабочихъ тщательно оберегаютъ отъ всего, воспитывающаго ихъ политическую зрѣлость, когда ихъ (чтобы, сохрани Боже, не испортить) не знакомятъ съ ведущейся въ соціалистическихъ органахъ идейной борьбой по вопросамъ программы и тактики, когда ихъ, при помощи льстивыхъ фразъ объ ихъ самодержавіи въ кассахъ „мѣстной работы“, систематически держатъ въ сторонѣ отъ общихъ задачъ движенія.

СПБ. Комитетъ, приступивъ къ реорганизаціи мѣстнаго движенія, началъ съ уничтоженія своего раздѣленія на „рабочую“ и „не рабочую“ часть. Въ передовыхъ спб. рабочихъ онъ встрѣтилъ полное сочувствіе въ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ, если не ошибаемся, отъ нихъ и исходилъ починъ въ этомъ вопросѣ.

Въ результатѣ реформы самого комитета явилось то воззваніе „Ко всѣмъ соц.-демократическимъ организаціямъ“, которое закрѣпило окончательный переходъ петербургскаго движенія подъ знамя революціонной соц.-демократіи.

Приступая къ реформѣ, петербургскіе товарищи, конечно, понимали, что она вызоветъ возмущеніе всѣхъ тѣхъ, кто еще стоитъ на отжившей точкѣ зрѣнія, осужденной событіями, — всѣхъ тѣхъ, кто еще способенъ тѣшиться игрой въ „демократизмъ“; тѣхъ, кто долженъ былъ остаться обойденнымъ при этой организаціонной реформѣ, потребовавшей повышенія, такъ сказать, организаціоннаго ценза; всѣхъ тѣхъ, наконецъ, кто по своимъ партійнымъ интересамъ не можетъ не видѣть въ каждомъ шагѣ на пути къ революціонному объединенію партіи пролетаріата ущербъ для своего собственнаго дѣла. Было ясно что помощью всякаго рода демагогическихъ средствъ всѣ эти недовольные постараются вызвать смуту въ СПБ., чтобы затормозить дѣло Комитета. Не менѣе ясно было, что въ ходъ будетъ пущено старое орудіе натравливанія несознательныхъ рабочихъ противъ интеллигентовъ.

Соединеннымъ усиліямъ всѣхъ, кровно обиженнымъ Петерб. Комитетомъ, удалось вызвать раздѣленіе, и часть рабоч. группъ СПБ. отдѣлилась отъ Комитета. Во главѣ этихъ отдѣлившихся стоитъ новый (заново отдѣланный) „Комитетъ Раб. Организаціи“. Изъ двухъ (очень сдержанныхъ по формѣ) его заявленій (см. отд. „Изъ партіи“) слѣдуетъ, во-первыхъ, что онъ не признаетъ рѣшеній Комитета Партіи, опубликованныхъ въ воззваніи „Ко всѣмъ соц.-дем. организаціямъ“; во-вторыхъ, что онъ желаетъ, чтобы „Освобожденіе рабочихъ было дѣломъ самихъ рабочихъ“, т. е., какъ выяснила практика нашихъ „экономистовъ“, чтобы „интеллигенты“ не совались въ „чисто рабочія“ дѣла.

Эти объявленія новаго Комитета послужили главной темой для новой книжки, выпущенной группой „Свобода“. Книжка эта называется „№ 1-й приложенія къ соц.-демократической (??) газетѣ-журналу ‚Отклики‘“. Ни газеты, ни журнала, ни газеты-журнала съ такимъ именемъ мы еще не видали и не слышали, чтобы нѣчто подобное вышло въ свѣтъ. Не слыхали мы и о томъ, чтобы „революціонно-соціалистическая“ группа „Свобода“ перешла въ лагерь соц.-дем. Послѣднее, между прочимъ, и не требуется: чтобы издавать „для рабочихъ“ „с.-демократическую“ газету, по нынѣшнимъ временамъ, вовсе и не нужно принадлежать къ рабочей соц.-дем. партіи: достаточно нѣкоторой развязности и готовности надѣть на свою физіономію террористическаго авантюриста соц.-демократическую маску. А маска эта нужна для успѣха заигрыванія съ петербургскими сознательными рабочими, которые съ „рев.-соціалистическими“ группами террористовъ не пожелаютъ, пожалуй, и разговаравать.

Около половины книжки „Откликовъ“ заняты петербургскимъ расколомъ, вѣрнѣе, заняты демагогическимъ раздуваніемъ происшедшаго раскола. Раздуваніе это производится съ такой поспѣшностью и цинизмомъ, которые не позволяютъ читателю ни на одну минуту усумниться, что мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ, что нѣмцы называютъ попыткой „сколотить себѣ политическій капиталецъ“. „Дождались!“ кричитъ „Свобода“ въ заголовкѣ статьи, занятой петербургскимъ заявленіемъ о расколѣ, предварительно подготовивъ читателя другою статьею къ представленію объ этомъ расколѣ, какъ о возстаніи мускулистой руки рабочаго противъ „командировъ“ — интеллигенціи. Заявленія „Комитета Раб. Организаціи“, заключающія голый протестъ противъ рѣшеній партійнаго Комитета, „Отклики“ называютъ „очень важными документами, показывающими въ слишкомъ некрасивомъ свѣтѣ дѣйствія Петербургскаго интеллигентскаго Комитета“ (стр. 19) вину за расколъ они голословно заваливаютъ на „интеллигентовъ“ (стр. 26), при чемъ ни слова нигдѣ не говорится о томъ, на какой почвѣ происходитъ расколъ, и нигдѣ не видно, чтобы гг. Надеждинъ и Ко. имѣли какое-нибудь представленіе о томъ, что имѣло и имѣетъ мѣсто въ СПБ. Да и зачѣмъ ему это знать достаточно, вѣдь, ловкихъ инсинуацій, имѣющихъ цѣлью разжечь въ дѣятеляхъ-рабочихъ низменные инстинкты, которыми всегда пользуются политическіе авантюристы, достаточно посильнѣе замутить воду, чтобы половить въ ней рыбу.

Разговаривать съ гг. Надеждинымъ и Ко. намъ не приходится: его группа слишкомъ чужда нашей партіи, чтобы въ серьезъ считаться съ его попыткой вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла. Мы отмѣтимъ только двѣ любопытныя черточки въ новѣйшемъ изданіи двусмысленной группы. Во-первыхъ, укажемъ на то, что, расписавши въ самомъ черномъ свѣтѣ неизвѣстныя ему дѣянія петербургскихъ „интеллигентовъ“ (среди которыхъ имѣются и подлинные рабочіе) и наговоривъ кучу жалкихъ словъ объ обидахъ, чинимыхъ вообще рабочимъ интеллигенціей, авторъ вслѣдъ затѣмъ проливаетъ крокодиловы слезы по поводу готовности рабочихъ обобщить свои претензіи, распространивъ ихъ на всю революціонную интеллигенцію. Онъ объясняетъ петербургскимъ рабочимъ, что имъ тоже не обойтись безъ интеллигентовъ (они понадобятся для „составленія программы“, для „изданія газеты“). Короче говоря, послѣ рѣшительнаго „разноса“ всѣхъ дѣйствующихъ въ партійныхъ комитетахъ интеллигентовъ, послѣ прямого призыва, обращеннаго къ рабочимъ другихъ городовъ — бороться съ интеллигентами (стр. 27), авторъ ставитъ свою собственную кандидатуру на должность того „бѣлаго ворона“, которые, по увѣренію блаженной памяти „Раб. Мысли“, встрѣчаются среди „черной“ интеллигенціи. Прелестно. И въ заключеніи — „хочется и намъ, съ своей стороны, предложить вамъ посильную помощь... Если вы считаете неизбѣжнымъ существовать въ кочествѣ отдѣльной организаціи отъ Петербургскаго Комитета... группа „Свобода“ предлагаетъ вамъ воспользоваться ея литературными, денежными (курсивъ нашъ) и транспортными средствами, поскольку она сама располагаетъ всѣмъ этимъ“ (стр. 28). Работающіе на мѣстахъ товарищи, знающіе по опыту дѣйствительную обстановку нерѣдкихъ распрей рабочихъ съ интеллигентами, поймутъ безъ лишнихъ словъ, почему мы цитированную фразу считаемъ верхомъ политическаго неприличія.

Второе любопытное мѣсто въ „Откликахъ“ — замѣтка подъ названіемъ: „А дальше что?“. Она начинается характерными словами: „Сію секунду нами получено коротенькое письмо изъ Н.-Новгорода“. Падкая на сенсацію редакція не могла, конечно, за одну секунду, прошедшую отъ момента полученія письма до написанія статьи по ея поводу, отнестись критически къ ея содержанію. Этимъ, очевидно, объясняется тотъ фактъ, что въ замѣткѣ „А дальше что?“ шустрые „Свободовцы“ напечатали возмутительную клевету на нижегородскихъ товарищей-демон-

---

*) Какъ гг. „революціонеры-соціалисты“ относятся къ разбору разногласій по существу, видно изъ слѣдующаго. Въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ Ленинъ сдѣлалъ „Свободѣ“ прямой вызовъ, предлагая опровергнуть то положеніе, что „организація революціонеровъ“ необходима для распространенія и укрѣпленія работы въ массахъ. Тамъ же г. Надеждину обстоятельно разъяснялись весь вредъ и неприличіе теоретическаго легкомыслія, программной вертлявости („революціонеръ-соціалистъ“ и почитай-что соціалдемократъ вмѣстѣ съ тѣмъ!), тактическаго шатанія между революціонизмомъ и экономизмомъ, между терроризмомъ и классовой борьбой пролетаріата. Тамъ прямо указывалось и доказывалось, что „Своб.“ опускается до демагогіи. Г. Надеждинъ предпочелъ уклониться отъ прямого вызова. Вмѣсто открытой войны съ поднятымъ забраломъ сей благородный вояка предпочелъ дѣйствовать изъ-за угла организаціонной распри. Въ „журналѣ для рабочихъ“ (??) группа „Свобода“, не разъясняя своихъ взглядовъ, только шипитъ, науськивая „массы“ противъ „организаціи революціонеровъ“ и увѣряя ихъ, что „Искра“ рубитъ „здоровый стволъ“ экономизма. Спорить по существу — это, вѣдь, только интеллигентская затѣя. А для „массъ“ достаточно воплей противъ „командирства“ и прибаутокъ — о „голодномъ брюхѣ и святомъ духѣ“, о „вредномъ сапогѣ съ гвоздями“, о „свиньяхъ и мѣдныхъ лбахъ“, о „разслабленныхъ мозговыхъ желудочкахъ“ и „пятачкахъ на хрюкалѣ“, о „шиворотной и зубодробительной части“ и т. д. (см. „Отклики“, стр. 30-55). „Массовую“ литературу наши г-да революціонеры-соціалисты и соціалисты-революціонеры продолжаютъ принижать до лубочной литературы, и за эту свою заслугу они требуютъ себѣ права сѣять разбродъ и развратъ во всѣхъ серьезныхъ партійныхъ вопросахъ. Программа — двойная бухгалтерія, тактика — двойная бухгалтерія, практическая дѣятельность — демагогія, вотъ вамъ портретъ „револ.-соціалистической“ группы „Свобода“.

странтовъ. На основаніи „коротенькаго письма" они утверждаютъ, что сормовскіе рабочіе, за двумя исключеніями, недостойно вели себя на судѣ, и по сему поводу опять обрушиваются на интеллигентовъ, — на этотъ разъ за то, что они не съумѣли воспитать изъ рабочихъ такихъ дѣятелей, „за которыхъ никому не придется краснѣть" (стр. 64).

Опубликованныя нами рѣчи Заломова, Самылина, Михайлова и Быкова и появившіяся въ различныхъ нелегальныхъ изданіяхъ подробности о достойномъ поведеніи сормовцевъ на судѣ показываютъ достаточно, за кого „приходится краснѣть" въ этомъ случаѣ. Какъ это часто бываетъ, распинающіеся передъ несознательными рабочими „барчуки" обнаружили свое отношеніе сверху внизъ и тайное недовѣріе къ несознательнымъ рабочимъ, легкомысленно напечатавъ полученное „сію секунду" обвиненіе, которое они никогда не позволили бы себѣ пустить въ свѣтъ, не дождавшись его подтвержденія, если бы оно относилось къ революціонерамъ-интеллигентамъ.

Попытка гг. Надеждиныхъ эксплуатировать петербургскій расколъ не остановитъ нашихъ товарищей во взятой ими на себя трудной задачѣ революціонизированія мѣстнаго движенія. Совершающаяся повсюду въ Россіи работа по возстановленію единства нашей партіи будетъ, конечно, еще наталкиваться на всякіе подводные камни. И все-таки она будетъ доведена до конца. Объединенію русскихъ соц.-демократовъ подъ знаменемъ революціоннаго марксизма не смогутъ помѣшать никакіе демагоги, никакіе бернштейніанцы, прячущіеся за спинами „рабочихъ комитетовъ". Ихъ попытки затормозить это объединеніе приведутъ только къ ихъ собственному политическому банкротству, къ которому уже пришли ихъ предшественники въ дѣлѣ дезорганизаціи русской соціалдемократіи. И тѣ самые несознательные рабочіе, съ которыми эти господа такъ неприлично заигрываютъ, скоро уже поймутъ, чего имъ ждать отъ тѣхъ „интеллигентовъ", которые, натравливая рабочихъ на интеллигенцію, систематически стараются не дать этимъ рабочимъ никакой серьезной умственной пищи, могущей сдѣлать ихъ способными исполнять, когда понадобится, работу интеллигентовъ; к-рые кормятъ ихъ манной кашицей особыхъ „журналовъ для рабочихъ"; к-рые въ книжкахъ для „интеллигенціи" пропагандируютъ терроръ, а для рабочихъ издаютъ (не будучи соц.-демократами) „соц.-демократическія" газеты и которые тѣмъ больше твердятъ о развитіи самодѣятельности массъ, чѣмъ успѣшнѣе развращаютъ они нашу молодежь, отвлекая ее отъ работы въ массахъ къ авантюризму террористическихъ покушеній. Рабочіе уже начинаютъ понимать цѣну этихъ расшаркиваній передъ „мускулистымъ кулакомъ" и не далеко то время, когда господа, навострившіеся въ искусствѣ говорить „со слезой" объ обидахъ, чинимыхъ рабочимъ ихъ товарищами-интеллигентами, услышатъ внушительный отвѣтъ: „намъ не надо лакействующихъ".

НОВЫЙ „БЕЗПРИМѢРНЫЙ" ПОСТУПОКЪ „ИСКРЫ".

„„Искра", какъ извѣстно, рѣдко бросаетъ свой критическій взоръ на Бундъ, но когда это случается, вы можете быть заранѣе увѣрены, что тутъ дѣло не обойдется безъ нѣкотораго — парламентарно выражаясь — логическаго кунстштюка, обязывающаго читателя къ сугубой осторожности". Такими словами Загран. Ком. Бунда открываетъ № 96 своего бюллетеня („Послѣднія извѣстія" отъ 26 ноября 1902 г.). Затѣмъ слѣдуетъ рядъ „доказательствъ" непозволительнаго поведенія нашей газ. по отношенію къ Бунду.

„Голосъ Рабочихъ" („Arbeiterstimme", № 27) развивалъ ту мысль, что на полицейскія насилія революціонеры должны отвѣчать терроромъ. „Искра", передавая эту мысль, выразила ее словами: „партія должна отвѣчать политическ. убійствами". З. К. Б. видитъ „введеніе читателя въ заблужденіе" въ этой замѣнѣ слова „революціонеры" словомъ „партія". Къ сожалѣнію, мы и сейчасъ не понимаемъ, въ чемъ состоитъ наше преступленіе. Неужели „Гол. Раб." давалъ указаніе революціонерамъ чужой партіи, а не своей собственной? Не вѣрится.

Говоря о резолюціи V конференціи Бунда, „Искра" „нигдѣ не приводитъ ея текста". Не приводитъ, это вѣрно. Но „Искра" и не подрядилась приводить тексты всѣхъ резолюцій, представляющихся ей противорѣчащими задачамъ соц.-дем. Ставить ей это „умолчаніе" въ укоръ можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы „Искра" невѣрно толковала содержаніе резолюціи. Этого, однако, З. К. Б. не пытается утверждать. Онъ только говоритъ, что, не приведя текста, „Искра" „оставляетъ, такимъ образомъ, мѣсто самымъ дикимъ предположеніямъ относительно ея содержанія, въ родѣ того, что въ ней рекомендуется, между прочимъ, экономическій терроръ". Удивительно проницательные люди — редактора „Посл. Извѣстій". Въ „Искрѣ" прямо сказано, что резолюція Бунда „санкціонируетъ точку зрѣнія ‚Гол. Раб.'", а эта точка зрѣнія опредѣлена тамъ же, какъ систематическія убійства въ отвѣтъ на розги. Гдѣ же тутъ „мѣсто" для „экономическаго террора"? И не стыдно-ли редакторамъ „Посл. Изв." такъ неумно изворачиваться, чтобы доказать прямую неправду — будто бы „Искра" умышленно исказила характеръ послѣднихъ событій въ партійной жизни Бунда?

Далѣе, „Искра" „умалчиваетъ, что резолюція необязательна, а составляетъ предметъ свободной дискуссіи въ Бундѣ". Да, но „Искра" „умолчала" и о противоположномъ, т. е. она не утверждала, чтобы резолюція была обязательной. Указавъ, что резолюція принята „конференціей", т. е. совѣщаніемъ, „Искра" тѣмъ самымъ исключила возможность предположенія, что рѣчь идетъ объ обязательномъ рѣшеніи. Наконецъ, „Искра" назвала конференцію „конференціей комитетовъ Бунда", а между тѣмъ „V конференція была только частнымъ совѣщаніемъ изъ членовъ Бунда, по выбору Ц. К., и комитеты, какъ таковые, въ ней не участвовали". Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности знать внутреннія дѣла Бунда настолько хорошо, чтобы безошибочно отличать совѣщанія членовъ комитетовъ отъ совѣщанія представителей комитетовъ. Думаемъ, что, поскольку идетъ рѣчь о необязательной для Бунда резолюціи, это отличіе и не существенно. Если оно важнѣе, чѣмъ мы думаемъ, то въ такихъ случаяхъ среди порядочныхъ людей принято фактической поправкой выяснять неточность передачи дѣла, а не вышивать по этому поводу узоры „кунстштюковъ", „введенія въ заблужденіе" и т. п.

„А вотъ еще примѣръ", прибѣрегаетъ свой самый сильный ударъ ред. „Посл. Изв.". Рѣчь идетъ о статьѣ въ № 27 „Искры" „Исторія повторяется", вѣрнѣе, о „фокусъ-покусѣ", продѣланномъ „Искрой" по ея поводу. „Искра" привела слѣд. цитату изъ № 28 „Гол. Раб.": „сказать, съ одной стороны, что полицейская расправа съ участниками майской демонстраціи громко вопіетъ о мщеніи, и, съ другой стороны, что только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ достойно отомстить за всѣ притѣсненія, униженія и т. д. — это значитъ говорить языкомъ талмудиста, который учитъ, что Илья-пророкъ дастъ отвѣтъ на всѣ вопросы". Слова, подчеркнутыя курсивомъ, по мнѣнію ред. „Посл. Изв.", „присочинены ‚Искрой' и намѣренно вплетены ею въ цитату для того, чтобы имѣть возможность вывести пикантный узоръ для полемики съ Бундомъ".

По мнѣнію ред. „Посл. Изв.", словамъ, отмѣченнымъ курсивомъ, въ еврейскомъ текстѣ „Гол. Раб." соотвѣтствуетъ фраза, вполнѣ тождественная съ слѣдующей затѣмъ частью цитаты („Илья-пророкъ" и т. д.). Сначала фраза сказана на древне-еврейскомъ языкѣ, а затѣмъ данъ ея переводъ на жаргонѣ. Совершенно вѣрно. Но вѣрно также и то, что эта древне-еврейская фраза представляетъ обычный отвѣтъ Талмуда на хитросплетенные вопросы. Вопреки утвержденію „Посл. Изв.", эта древне-еврейская фраза вовсе не есть „обычный способъ выраженія у евреевъ безотносительно къ талмуду", это — обычный способъ, которымъ талмудъ отдѣлывается отъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, и нашъ переводчикъ имѣлъ полное основаніе, при передачѣ цитаты на русскій языкъ, тотъ оттѣнокъ, который „Голосъ Раб." вносилъ вплетеніемъ древне-еврейскаго выраженія въ жаргонную рѣчь, выразить словами: „говорить языкомъ талмудиста, который учитъ" и т. д. Говорить по поводу этого, вполнѣ законнаго объясненія читателямъ неизвѣстнаго имъ изреченія о „сочиненіи" и „намѣренномъ вплетеніи" — могутъ только люди, которымъ во что бы то ни стало хочется излить свое раздраженіе.

Предлагаемъ читателю судить, насколько раціонально было со стороны Загр. Комитета Бунда возбужденіе полемики по поводу отдѣльныхъ выраженій. По существу дѣла — З. К. Б. отлично знаетъ это — „Искра" была права, возставъ противъ террористическаго теченія въ Бундѣ. И мы надѣемся, что это теченіе исчезнетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ усерднѣе гг. соц.-рев. будутъ демонстрировать на своемъ примѣрѣ, какъ поступать не слѣдуетъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Вопросъ объ „отрѣзкахъ" въ Елецкомъ уѣздномъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Внесенное въ нашъ проектъ программы требованіе о возвращеніи крестьянамъ земель, отрѣзанныхъ отъ ихъ хозяйства такъ-называемой „великой реформой" 1861 г., вызвало, какъ извѣстно, много возраженій. Въ числѣ прочихъ доводовъ противъ этого требованія намъ пришлось слышать, что оно является плодомъ кабинетной мысли, далекой отъ дѣйствительной жизни (см. № 13 „Рев. Рос.")! На сколько знакомы съ дѣйствительной жизнью наши критики, видно изъ того, что такіе несомнѣнные „практики", какъ члены уѣздныхъ комитетовъ, начали уже подходить къ этому якобы „кабинетному" вопросу.

И подошли они къ нему вплотную, какъ только серьезно занялись вопросомъ о регулированіи арендныхъ отношеній.

Объ арендныхъ отношеніяхъ заговорили въ Елецкомъ комитетѣ. Было констатировано, что въ черноземной полосѣ громадный процентъ (чаще большинство) крестьянъ арендуетъ помѣщичьи земли и что сплошь и рядомъ арендныя цѣны превосходятъ чистый доходъ съ арендуемой земли. Такъ, въ Задонскомъ уѣздѣ, при среднемъ чистомъ доходѣ съ десятины въ 10 р. 46 к., средняя арендная плата (съ десятины) 14 р. 52 к. Въ Землянскомъ уѣздѣ доходъ — 16 р. 03 к., плата — 18 р. 53 к Для противодѣйствія этому ростовщическому вздуванію арендныхъ цѣнъ елецкіе земцы предлагаютъ „обязательный выкупъ тѣхъ земель, которыя необходимы крестьянамъ и въ то же время не имѣютъ никакого хозяйственнаго значенія для землевладѣльцевъ". Таковы такъ-называемыя „отрѣзныя" земли, прогоны, разные клинья и т. п. участки и клочки, безъ арендованія которыхъ крестьяне не въ состояніи обойтись" („Нов. Вр." № 9597 отъ 21 ноября).

Понятно, что, не имѣя для помѣщиковъ „хозяйственнаго" значенія въ смыслѣ производительнаго использованія, эти „отрѣзки" являются источникомъ кабальной, принудительной эксплуатаціи крестьянъ. Пользованіе именно этими землями придаетъ хозяйству нашихъ помѣщиковъ крѣпостническій характеръ, а ихъ самихъ дѣлаетъ господами надъ личностью „освобожденнаго" крестьянина. „Совершенно справедливо, говоритъ корреспондентъ „Нов. Вр.", что эти именно отрѣзки, прогоны и клинья идутъ всего дороже въ аренду, потому что крестьянское хозяйство прямо нельзя вести безъ нихъ. Снимай во что бы то ни стало, снимай въ прямой убытокъ... но снимай, потому что безъ нихъ ‚дохнуть нельзя'".

Мысль объ обязательномъ выкупѣ отрѣзковъ отстаивалъ въ Елецкомъ комитетѣ А. А. Стаховичъ. „Цѣлый рядъ сельскихъ хозяевъ" во главѣ съ А. Д. Полѣновымъ возсталъ противъ обязательнаго выкупа. По мнѣнію Полѣнова, „обязательное отчужденіе ‚отрѣзковъ' должно примѣняться только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ ‚общественной пользы'". „Нов. Вр." находитъ, что „съ этимъ умѣреннымъ и благоразумнымъ взглядомъ нельзя не согласиться" и предлагаетъ выкупить отрѣзки при помощи крестьянскаго банка, какъ „миролюбиваго посредника между обѣими сторонами".

Возвращеніе отрѣзныхъ земель и связанное съ нимъ урегулированіе арендныхъ цѣнъ представляютъ единственно возможныя средства нанести сильный ударъ крѣпостнически-кабальнымъ отношеніямъ въ деревнѣ — этому источнику нашей экономической, соціальной и культурной отсталости. Но обставлять эту необходимую реформу какой-нибудь „выкупной операціей" и проводить ее методами „полюбовной сдѣлки", — значило бы, пожалуй, еще больше запутать и безъ того сложную сѣть, въ которой бьется русскій крестьянинъ-собственникъ. Развивающійся капитализмъ со всѣхъ сторонъ напираетъ на мелкое крестьянское хозяйство, и процессъ его приспособленія къ создаваемымъ капитализмомъ условіямъ затруднятся чрезвычайно, если освобожденіе отъ послѣднихъ остатковъ крѣпостного права наградитъ крестьянина новыми платежами и повинностями. Только радикальное — безвозмездное, повсемѣстное и обязательное — отчужденіе отрѣзковъ можетъ принести крестьянамъ-собственникамъ замѣтное облегченіе.

И только рабочая партія, чуждая и оппортунистической трезвенности буржуазныхъ реформаторовъ и утопизма романтиковъ-революціонеровъ, воображающихъ, что, наклеивъ этикетку соціализма или „полусоціализма" на дюжинныя реформы, они создадутъ для крестьянства выходъ изъ теперешней нищеты внѣ широкой колеи классовой борьбы, — только рабочая партія сможетъ энергично агитировать въ пользу этой радикальной, необходимой и истинно революціонной мѣры, только она одна сможетъ собрать силы, необходимыя для ея проведенія въ жизнь.

Поднимаемые въ засѣданіи земскихъ комитетовъ важные общественные вопросы показываютъ всю настоятельную необходимость для нашей партіи поскорѣе выработать и утвердить свою программу, могущую служить опорнымъ базисомъ для воздѣйствія соц.-демократическихъ организацій на общественное мнѣніе страны.

Кострома. Присмирѣла наша Кострома: съ самой весны у жандармовъ никакъ не наклевываются „дѣла". Но связанныя вынужденной праздностью силы ищутъ себѣ исхода. И вотъ нашъ полковникъ Кемпе предстаетъ передъ нами въ роли любителя искусствъ... Въ СПБ. есть нѣкій жандармскій офицеръ изъ дѣлающихъ хорошую карьеру, Яновъ. Женѣ этого Янова, пѣвицѣ, вздумалось совершить артистическое турнэ. Въ маршрутъ этого турнэ включили и нашъ городокъ. Расклеили афиши, тамъ, гдѣ ихъ „полагается" расклеивать, а затѣмъ... тамъ, гдѣ ему совсѣмъ не подобало бы бывать, — въ гостиныхъ мѣстныхъ либераловъ появился Кемпе съ билетами въ рукахъ. Странныя рѣчи раздались въ либеральныхъ гостинныхъ! Онъ не спроста пришелъ съ билетами... О, нѣтъ! онъ хочетъ доказать „внутреннимъ врагамъ", какимъ сочувствіемъ общества пользуется его, Кемпе, дѣятельность. Нашимъ обывателямъ пришлось пережить непріятныя минуты. Они отнѣкивались, придумывали разные предлоги, но... большею частью брали билеты, и сборъ былъ почти полный. Треть чистаго сбора съ этого жандармскаго концерта пошла на дѣла благотворительности.

17 ноября въ мѣстномъ техническомъ училищѣ праздновали юбилей основателя, Чижева. Въ числѣ прочихъ прибылъ на юбилей и душеприказчикъ Чижева, извѣстный всей Россіи аферистъ Савва Мамонтовъ. Юбилей, какъ водится, закончился обѣдомъ съ обильными возліяніями. Въ самый разгаръ пира, когда затуманились уже буйныя головы гостей, явился нашъ новый „общественный" дѣятель — Кемпе. Мамонтовъ привѣтствовалъ его рѣчью о „подводныхъ камняхъ", угрожающихъ „кораблю жизни", и предложилъ тостъ за него, какъ за одинъ изъ этихъ „камней". Кемпе имѣлъ достаточно наивности или такта, чтобы принять тостъ благосклонно, но... больше никто тоста не поддержалъ. Хорошо же вышколенъ русскій обыватель, если онъ не отзывается даже на застольную шутку, мало-мальски щепетильную!

Впрочемъ, какъ видно, не всѣ у насъ довольны поведеніемъ общества. Недавно вышла прокламація „группы свободомыслящихъ", авторы которой, рѣзко клеймя дѣятельность Кемпе и тов. прок. Масальскаго, приглашаютъ общество бойкотировать ихъ.

Тоже недавно вышла другая прокламація „старыхъ земцевъ", подписанная „Группа Освобожденія". Въ этомъ воззваніи, разосланномъ гласнымъ костромского губернскаго земскаго собранія и гласнымъ нѣкоторыхъ другихъ городовъ, земскіе люди приглашаются — въ виду политическаго кризиса, переживаемаго Россіей, — перейти къ новымъ пріемамъ борьбы. Рекомендуется выставить лозунгомъ пресловутый четвертый пунктъ программы майскаго съѣзда земцевъ въ Москвѣ. Пунктъ этотъ содержалъ требованіе участія въ Особомъ Совѣщаніи выборныхъ земскихъ представителей и былъ вычеркнутъ Шиповымъ послѣ его разговора съ министромъ. Авторы предвидятъ, что „въ большинствѣ земскихъ собраній такое требованіе не будетъ допущено до обсужденія, — среди предсѣдателей губернскихъ собраній Стаховичей, къ сожалѣнію, немного". Но тогда остается еще одинъ путь: „легальный протестъ", и такой протестъ долженъ вылиться въ формѣ забастовки. Исполнимость доказывается примѣр. студ. и рабочихъ; возраженіе, что все земское хозяйство остановится при отказѣ отъ разсмотрѣнія смѣтъ, опровергается доводомъ о возможности вести его по прошлогодней смѣтѣ. Какъ ни какъ, — эта прокламація симптомъ броженія и въ земской средѣ. Чтобы охарактеризовать строй мыслей ея авторовъ, приведемъ слѣдующую выдержку. Рѣчь идетъ о признакахъ политическаго кризиса, „значеніе котораго неоцѣнено въ надлежащей его полнотѣ ни одной изъ существующихъ нашихъ партій. Самые факты, однако, указывающіе на существованіе кризиса, неоспоримы. Эти факты — непрерывно бѣднѣющее крестьянство съ явными признаками вырожденія, накопленіе въ городахъ громадныхъ массъ безнадежно безработныхъ, глубоко проникшее во всѣ слои недовольство, крайняя изнервленность и взвинченность всего общества, энергическая, вызываемая отчаяніемъ(?) дѣятельность крайнихъ партій, колебаніе дисциплины въ войскахъ и, наконецъ, самое важное — глухое броженіе среди народныхъ массъ, грозящее каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое можетъ вмѣстѣ съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности смести и самый принципъ (ого! Ред.) этой собственности".

Въ августѣ мѣсяцѣ въ „глухихъ мѣстахъ" нашей губерніи, по р. Вычугѣ, былъ большой переполохъ. Одинъ рабочій, пріѣхавшій изъ Н.-Новгорода, привезъ съ собой нѣсколько штукъ прокламацій. Онѣ быстро пошли по рукамъ, но скоро попали къ уряднику, а потомъ къ Кемпе. Голубые нагрянули и обыскали чел. 20. Виновника тоже обыскали и при немъ нашли двѣ прокламаціи, но такъ какъ онъ лежалъ въ больницѣ, его не арестовали. Около этого же времени усердно, но безуспѣшно искали одного интеллигента, нѣкоего Щеколдина.

Мѣсто это дикое, и подобныхъ исторій тамъ не бывало испоконъ вѣку. Теперь всѣ отъ мала до велика объ этомъ заговорили. Среди хозяевъ паника: „вотъ, молъ, и къ намъ крамола забралась!", а сѣрый народъ начинаетъ шевелиться и думать. Спасибо голубымъ „агитаторамъ по неволѣ"!

Самара городъ большой, но, какъ и за большими собаками, за ней смѣло могла бы сохраниться репутація отмѣнной тишины и спокойствія. Къ ней приложима та же характеристика, какую одинъ составитель образцоваго учебника по русской исторіи даетъ всей Россіи: чиновники тутъ управляютъ, купцы торгуютъ, рабочіе работаютъ, фабриканты и заводчики собираютъ барыши, учащіе учатъ, учащіеся учатся, интеллигенты совершенствуются въ саморазвитіи, словомъ, каждый занятъ своимъ дѣломъ, никто никому не мѣшаетъ и всѣ въ общемъ благоденствуютъ. Единственнымъ диссонансомъ въ общей гармоніи интересовъ и всякаго благополучія является самарская полиція, которая, наскучивъ сидѣть безъ дѣла, волнуется и интригуетъ, провоцируетъ, словомъ, всячески добивается приложенія своихъ силъ, создаетъ почву. Послѣ злополучнаго выстрѣла Логовскаго она упорно старается поддерживать въ высшихъ сферахъ взглядъ на Самару, какъ на очагъ всяческаго революціоннаго броженія.

Городъ, въ которомъ несмотря на безобразныя условія работы на заводахъ: низкій заработокъ, рабочій день, удлиняемый подъ видомъ добровольныхъ сверхурочныхъ работъ до 15-17 и 18 часовъ, полное отсутствіе мѣръ предосторожности (напр. въ экипажномъ заведеніи Флеккель пилы безъ деревянныхъ ручекъ), нахальное нарушеніе законовъ о штрафахъ (на заводѣ Лебедева рабочихъ, не потрафившихъ хозяину, разсчитываютъ вмѣсто 8 дней за 5 дней; тамъ же рабочаго, выработавшаго на сдѣльной работѣ нѣсколько больше, хозяинъ обзываетъ мошенникомъ и разсчитывается съ нимъ поденно); городъ, въ которомъ за нѣсколько лѣтъ не было ни единой стачки, не говоря уже о какой-либо болѣе серьезной вспышкѣ, административная фантазія обращаетъ въ очагъ революціи. Каждую весну богобоязненные обыватели со словъ знакомыхъ околодочныхъ разсказываютъ объ имѣющихъ быть въ томъ или другомъ мѣстѣ демонстраціяхъ. Въ извѣстныя числа солдатъ не выпускаютъ изъ казармъ, ожидая чего-то. Проходитъ весна, лѣто, осень, а на Шипкѣ все спокойно. И вотъ наша жандармерія нашлась. Изъ пустой вечеринки прошлаго года она съумѣла создать дѣло, сославъ въ Вятскую губ. двухъ якобы устроителей ея — Кузнецова, бывш. ветерин. студента и учредителя курсовъ бухгалтеріи — Севруха и посадивъ въ тюрьму барышенъ, повинныхъ лишь въ танцахъ на этой вечеринкѣ.

15 и 16 окт. этого года она вновь предприняла походъ, устроивъ до 20, по нѣкоторымъ извѣстіямъ до 35 обысковъ. Арестованы желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, два бывшихъ статистика Акромовскій и Евтимовичъ, какой-то семинаристъ и гимназистъ, земскій техникъ, были обыски въ Аптекѣ Волянскаго, кто-то взятъ въ ней, и въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожнаго служащаго Барыбина (мѣстнаго послѣдователя Левицкаго) и др.

Обыски захватили и уѣздъ; оттуда жандармы привезли одну земскую учительницу. О причинахъ обысковъ говорятъ разное. Одни говорятъ, что это результатъ введенія въ Саратовѣ охраннаго отдѣленія, другіе, что сыръ-боръ загорѣлся изъ за невиннаго произведенія пригородной музы соціалистовъ-революціонеровъ, попавшей въ наши заповѣдныя палестины. Въ произведеніи этомъ ставится на видъ, кому слѣдуетъ, что авторъ неудачнаго покушенія на харьковскаго губернатора принадлежитъ къ кругу заводскихъ рабочихъ и предлагается по этому поводу рабочимъ требовать себѣ фабрикъ, а крестьянамъ землю. Кстати, нельзя не упомянуть о проявляемомъ нашими синими мундирами самодурствѣ: за отказъ давать показанія или же за нежеланіе выдать товарищей они морятъ заключенныхъ отказомъ въ пропускѣ съѣстныхъ припасовъ и свѣдѣній. Прокурорскій надзоръ, повидимому, считаетъ это въ порядкѣ вещей.

Послѣдствія кіевскаго побѣга. Дѣло о побѣгѣ передано суд. слѣд. по важнѣйшимъ дѣламъ. Помощникъ начальника Сулема сидитъ въ крѣпости. Тюремное начальство предрекаетъ каторгу Плесскому и тѣмъ участникамъ побѣга, которые будутъ вновь пойманы. Извѣстіе о самоубійствѣ тюремнаго привратника Луки подтверждается. Жандармы пытались „доказать", что побѣгъ вовсе не совершенъ помощью лѣстницы, что этотъ привратникъ по одному выпустилъ бѣглецовъ черезъ ворота, лѣстницу же послѣ поставило тюремное начальство.

Курскъ. На земскомъ собраніи раздавалась гектографированная прокламація за подписью „Голосъ изъ публики", обращенная къ „Господамъ гласнымъ Курскаго губернскаго земства" съ эпиграфомъ: „Рожденный ползать — летать не можетъ" (Пѣснь о соколѣ). Приводимъ главныя мѣста этой прокламаціи:

„Возмущенная публика, собравшаяся въ большомъ количествѣ на открытіе земскаго собранія, не можетъ обойти молчаніемъ Вашего пассивнаго отношенія къ позорному событію — устраненію князя П. Д. Долгорукова отъ земской дѣятельности..."

Обрисовавъ эту дѣятельность, прокламація продолжаетъ:

...„Трудно прикрываться при данныхъ условіяхъ своею лояльностью, невозможно оправдываться тѣсными рамками закона, когда одна трусость, одинъ шкурный вопросъ соединилъ всѣхъ въ этой безучастности, въ этомъ почти индиферентномъ отношенiи къ самому факту дикаго произвола, царящаго у насъ на Руси. Высочайшiя соизволенiя, какъ извѣстно, находятся всецѣло въ рукахъ нахальнаго временщика, г. Плеве; на докладахъ министра синимъ карандашемъ ставится царемъ буква „С“, т. е. „согласенъ“; одинъ почеркъ пера отставляетъ отъ должности предсѣдателя управы, другой подписываетъ тому же лицу почетное гражданство. Не знать это губернскимъ гласнымъ, по меньшей мѣрѣ, наивно. Отрезвленные послѣдними катастрофами, совершившимися въ земской жизни (аресты Бунакова, Мартынова, смѣщенiе уѣздн. пред. двор. воронежскаго у. Алисова и т. п.), губернское земство должно было бы протестовать, и свой протестъ рѣзко и достойно заявить, чтобы съ поддержкой другихъ земствъ сбросить съ себя давящее иго министерскаго произвола. Вы робко поддержали робкое предложенiе г. Бѣлявскаго о выраженiи благодарности кн. Долгорукову; не было произнесено ни одной рѣчи, въ которой была бы сдѣлана достойная оцѣнка дѣятельности ушедшаго товарища. Наконецъ, Вы даже не поддержали предложенiе г. Жекулина послать князю сочувственную телеграмму — самая трусливая и безопасная форма протеста. Вы молча согласились на это, покорно выслушавъ запрещенiе Вашего „законнаго“ дворянскаго вождя, не смотря на его незаконныя требованiя. Мы не будемъ говорить о гг. Суковкиныхъ, Романовскихъ, Исаковыхъ, Касаткиныхъ-Ростовскихъ, Шпановыхъ, Говорухо-Отрокахъ, Мухановыхъ и т. п., но даже такiе, какъ гг. Евреиновъ, Якушкинъ, Рутценъ, Ширковъ, Раевскiй, Шагаровъ, Влигенгеймъ, Овсянико-Куликовскiй и др., за которыми публика слѣдила съ напряженнымъ вниманiемъ, думая, что они спасутъ честь земскаго собранiя, — остались безмолвны.

„Теперь администрацiя будетъ совершенно покойна: земскихъ гласныхъ можно напугать, они послушны, а такихъ бояться нечего. Не думайте, гг. гласные, что публика ушла съ хоръ, испугавшись неистоваго звонка предсѣдателя!! Нѣтъ! Громадное большинство удалилось вслѣдствiе того негодованiя, которое испытывалъ каждый, присутствуя на одномъ изъ позорныхъ засѣданiй Курскаго Губернскаго Земства“.

* * *

Обращаемъ вниманiе всѣхъ товарищей на эту, заслуживающую подражанiя и развитiя, попытку открытаго и организованнаго воздѣйствiя на господъ „цензовыхъ“ представителей „земли“ со стороны свободныхъ представителей общественнаго мнѣнiя вообще и мнѣнiя рабочаго класса въ особенности. Ред.

Еще о студентахъ въ Сибири. Намъ пишутъ:

...„По вопросу о томъ, какъ отнестись къ предлагаемому сокращенiю сроковъ и возвращенiю въ Россiю, студенческая публика сильно раскололась; сказать въ точности, за что стоитъ большинство, трудно. Первая категорiя почти цѣликомъ уѣхала; часть второй стоитъ за возвращенiе, часть противъ. Теперь одна группа взяла на себя инициативу опросить всѣхъ, подсчитать голоса и тогда, если будетъ большинство, послать отказъ. Этимъ путемъ надѣются добиться сравненiя II и III категорiй и возвращенiя всѣхъ.

„Ссылка и рядъ вопросовъ, связанныхъ съ ней (отношенiе къ правительственнымъ актамъ, возвращенiе и пр.), все это обнаружило рядъ совершенно различныхъ группъ въ средѣ сосланнаго студенчества: часть выдѣлила себя совершенно, заявивъ, что ей до студенчества въ массѣ нѣтъ дѣла; другiе заявили, что хотя они себя и вычеркиваютъ изъ студенческой среды, но по чувству товарищества присоединяются къ рѣшенiю и пр.

„У нѣкоторыхъ студентовъ замѣтна тенденцiя смотрѣть на сосланную группу, какъ на какой-то авангардъ студенческо-политической партiи (на одномъ изъ собранiй былъ даже заданъ вопросъ: „признаютъ-ли присутствующее студенчество партiей?“)“...

Мы получили также слѣдующее „письмо къ товарищамъ-студентамъ“, подписанное „группа ссыльныхъ студентовъ въ Сибири“ и свидѣтельствующее объ иныхъ взглядахъ:

„Изъ далекой Сибири. Письмо къ товарищамъ-студентамъ.

„Товарищи! Передъ нами — начало великой исторической драмы. Правительственная политика послѣднихъ лѣтъ — это не что иное, какъ предсмертныя конвульсiи умирающаго чудовища. Не по днямъ, а по часамъ растетъ та грозная сила, которой суждено стать его могильщикомъ. Это — русскiй рабочiй классъ, проснувшiйся и уже расправляющiй свои могучiе члены, какъ сказочный богатырь... А за нимъ и вмѣстѣ съ нимъ ожила и вся русская жизнь, ожили всѣ честныя и лучшiя силы Россiи. Даже темное крестьянство — темнотой своей издавна служившее надежнѣйшей опорой русскому деспотизму — вдругъ заколебалось и потеряло свою прочность и надежность.

„Чувствуя приближенiе конца, русское самодержавiе растерянно кидается отъ одного средства къ другому, напрасно ища спасенiя. Вѣрно почуявъ, съ какой стороны грозитъ ему неминучая гибель, гдѣ тотъ непобѣдимый противникъ, „мускулистая рука“ котораго подымется и „ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“, правительство наше испробовало уже не мало мѣръ и средствъ — подлыхъ и предательскихъ, — чтобы вновь усыпить проснувшагося богатыря. Но — напрасно. Пришлось бросить всѣ хитрыя уловки, какъ безполезныя. И самодержавное чудовище, принужденное скинуть съ себя фальшивую маску, явилось передъ всѣмъ русскимъ обществомъ — имѣющимъ очи и видящимъ — во всей своей отвратительной наготѣ. Пули, нагайки, висѣлицы, розги и море крови были отвѣтомъ рабочему классу на его первые шаги по пути самосознанiя.

„Точно также и къ намъ — студентамъ, послѣ цѣлаго ряда безнадежныхъ помахиванiй хвостомъ и неудачныхъ „сердечныхъ“ заигрыванiй, примѣнена была „мѣра пресѣченiя“, столь откровенно-циничная по своей беззаконности, столь грубо безцеремонная, что съумѣла вызвать нѣчто вродѣ ропота даже изъ устъ вѣчно замкнутыхъ и трепещущихъ...

„Скорый и правый“ судъ, произведенный надъ студентами царскимъ самодержавiемъ, расшевелилъ даже нашу, всегда столь благоразумную и осторожную обывательщину.

„Ссылка въ Сибирь — безъ излишнихъ разсужденiй и промедленiй, — эта грубая и жестокая расправа, не прикрытая даже и комедiей законности, растревожила, наконецъ-таки, и этого корректнаго, безчувственно-осторожнаго раба съ заячьей душой и съ сердцемъ пигмея. И поистинѣ надо признать, что это было послѣднее „героическое усилiе“ русскаго самодержавiя: не оставить ни единаго уголка нашей обширной родины, не забросивъ туда искры недовольства и справедливаго гнѣва къ его собственному беззаконiю. Дальше идти уже некуда. Единственными искренними друзьями русскаго царизма остались теперь развѣ шпiоны, жандармы и полицiя.

„Но вотъ, совершивъ пакость, самодержавiе, — по старой своей привычкѣ, вдругъ спохватилось и... для „успокоенiя умовъ“ порѣшило выкинуть свою старую испытанную штуку: подсластить совершенное преступленiе. Вѣдь русскiй обыватель глупъ и довѣрчивъ.

„И что же? Къ намъ въ Сибирь нежданно-негаданно является фон-Плевевскiй посланникъ — жандармскiй шефъ Святополкъ-Мирскiй съ цѣлью... совершить милосердiе, „облегчить участь“ сосланныхъ студентовъ.

„Подумайте только. Царское правительство шлетъ въ далекую Сибирь самого товарища министра (нынѣ, какъ извѣстно, уступившаго свою почетную должность достославному мерзавцу фон-Валю), и при томъ шефа жандармовъ, чтобы оказать свою „справедливость“ и свое добросердечiе Высокопоставленный жандармъ мягкимъ, отеческимъ тономъ говоритъ о „пересмотрѣ дѣла“, предлагаетъ раскаяться, обѣщаетъ всепрощенiе и за всѣ эти „милости“ требуетъ лишь одного маленькаго честнаго слова: отказаться быть порядочнымъ человѣкомъ и сдѣлаться свиньей (комментируемъ: Святополкъ-Мирскiй предлагалъ многимъ изъ товарищей дать слово не участвовать ни въ какой нелегальной дѣятельности).

„Но представьте себѣ: эти „крамольники“-студенты, эти „нераскаянные злодѣи“, всѣ, какъ одинъ, отказываются пойти на встрѣчу царскому заигрыванiю. Мало того: нѣкоторые изъ нихъ въ „непозволительно-дерзкомъ“ тонѣ заявляютъ свое нежеланiе вступать въ какiя-либо бесѣды съ царскимъ посланникомъ...

„Да, товарищи, мы не пошли на позорную сдѣлку. Мы рѣзко отвергли жандармское предложенiе. Пусть знаютъ всѣ, что мы вступили въ борьбу сознательную и безповоротную, въ которой нѣтъ мѣста соглашенiямъ съ врагомъ.

„Какое впечатлѣнiе произвела эта поѣздка жандарма на общество, мы не знаемъ, но нѣтъ сомнѣнiя, что безвозвратно прошло то время, когда русское правительство способно было „подавать надежды“ и порождать „безсмысленныя мечтанiя“ своимъ жалкимъ заигрыванiемъ у кого бы то ни было... Поздно. Теперь иное время. Близка уже развязка, когда захлебнувшееся въ крови русское правительство дастъ отвѣтъ за всѣ свои обманы, пытки и преступленiя передъ возставшимъ народомъ. Всѣ жалкiя заплаты-реформы, которыми оно растерянно силится умиротворить то возмущенiя рабочихъ, то бунтъ крестьянъ, то студенческiя волненiя, теперь никого не прельстятъ уже болѣе.

„Мы, студенты, не хуже другихъ знаемъ теперь всю цѣну хитрымъ и гнуснымъ уловкамъ. Русское самодержавiе, обезкураженное безостановочнымъ ростомъ революцiоннаго движенiя, бросается съ одного пути на другой, отъ одной крайности въ другую и, можетъ быть, еще не разъ русское студенчество испытаетъ на себѣ его тяжелую лапу — то заигрывающую, то звѣрски карающую... Но мы всегда и твердо будемъ помнить, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Мы всегда должны знать и помнить, что плодотворная научная работа, что истинная наука несовмѣстима съ царскимъ самодержавiемъ, какъ огонь и вода.

„Въ самодержавномъ государствѣ наука можетъ прозябать, но не процвѣтать.

„Пусть сколько угодно твердятъ намъ „ученые“ прихвостни самодержавiя, что „политика“ не наше дѣло, что наше дѣло, заткнувъ уши, сидѣть и зубрить, мы съ презрѣнiемъ отвернемся отъ нихъ. Нѣтъ, товарищи, мы не только учащiеся, не только студенты, мы прежде всего люди, и какъ люди, мы не можемъ примириться никогда съ нашимъ полнымъ безправiемъ, съ ежедневнымъ надѣвательствомъ и насилованiемъ всѣхъ добрыхъ порывовъ, всѣхъ честныхъ стремленiй... Прежде всего намъ необходимо стать гражданами, а не жить рабами, ежечасно рискующими быть униженными, оплеванными, втоптанными въ грязь. Тогда, и только тогда сможемъ мы думать о мирной и спокойной научной работѣ. Теперь же такое спокойствiе мы объявляемъ преступленiемъ. Въ то время, когда родина наша стонетъ и истекаетъ кровью подъ варварскимъ игомъ царизма, въ то время, когда то здѣсь, то тамъ славной смертью гибнутъ борцы за свободу; въ то время, когда проснувшiйся богатырь, русскiй рабочiй классъ, скованный двойною цѣпью — самодержавiя и капитализма — возсталъ на безпощадную борьбу и трупами своими усѣиваетъ путь, — мы... станемъ сидѣть за ретортой, копаться со скальпелемъ или, забившись въ аудиторiи, слушать лепетъ „ученыхъ“ чиновниковъ... Нѣтъ, товарищи, тысячу разъ нѣтъ. На борьбу, на безпощадную борьбу должны мы пойти. Тамъ наше мѣсто, тамъ теперь мѣсто и всѣхъ честныхъ русскихъ людей. Бываютъ въ жизни народа моменты, когда лишь одна наука — наука борьбы — обязательна для каждаго. И такой-то именно моментъ переживаетъ теперь наша родина. Борцамъ за свободу нечего бояться неудачъ и горькихъ разочарованiй. Ихъ ждетъ вѣрная побѣда: за современнымъ революцiоннымъ движенiемъ — все экономическое и культурное развитiе Россiи. Съ 80-хъ годовъ это развитiе сдѣлало исполинскiй шагъ впередъ и выдвинуло на историческую сцену новую, еще невиданную доселѣ и могучую силу, армiю русскаго пролетарiата, сконцентрированную и сплоченную безостановочнымъ ростомъ капитализма. И только онъ, этотъ новый, непобѣдимый борецъ, способенъ совершить многотрудное дѣло освобожденiя; только онъ — этотъ носитель великой идеи соцiализма, воодушевленный славной задачей, выпавшей на его долю — сотретъ съ лица земли позорное иго Россiи.

„Съ каждымъ днемъ растетъ самосознанiе русскаго рабочаго класса, съ каждымъ днемъ близится гибель царизма.

„Нашъ долгъ, товарищи, наша святая обязанность пойти на помощь къ этому проснувшемуся великану-освободителю, къ этому побѣдоносному борцу и могильщику самодержавiя. Къ нему, къ рабочему классу, должны мы снести всѣ крохи своихъ знанiй; ему, и только ему, должны мы отдать всѣ свои силы и самихъ себя. Тамъ, въ его рядахъ, въ рядахъ пролетарiата, воодушевленнаго великой идеей соцiализма, мы должны найти и мы найдемъ себѣ мѣсто. И вмѣстѣ съ нимъ, подъ краснымъ знаменемъ революцiонной соцiалдемократiи, съ негодованiемъ оттолкнувъ всякiя „ласки“ и заигрыванiя самодержавiя, смѣло и дружно двинемся впередъ на подгнившую, расшатанную крѣпость русскаго царизма.

„На борьбу же, товарищи! Къ вѣрной побѣдѣ! Долой царское самодержавiе! Да здравствуетъ соцiалдемократическое движенiе!

„Сентябрь 1902 г.

Группа ссыльныхъ студентовъ въ Сибири.

Французъ, какъ защитникъ русскаго „престола и отечества“. Въ московской 4-ой мужской гимназiи учитель франц. языка, вмѣсто преподаванiя ученикамъ своего предмета, занимается пропагандой антиреволюцiонныхъ идей и является защитникомъ монархическаго образа правленiя. Ведетъ онъ свои занятiя систематически съ учениками послѣднихъ классовъ, особенно съ выпускнымъ классомъ, и нельзя сказать, чтобы занятiя его были совсѣмъ неудачны: есть образчики его влiянiя и его успѣховъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ, онъ приноситъ въ классъ и даетъ читать ученикамъ сочиненiя Горькаго и „Воскресенiе“ (заграничное изданiе) Л. Толстого, третируя и ругая ихъ какъ идiотовъ, болвановъ и бездарныхъ писателей, искажающихъ дѣйствительность и приносящихъ вредъ настоящему образу правленiя. Доказываетъ ученикамъ, что Горькiй чуть-ли не анархистъ; что онъ защищаетъ всѣхъ пьяницъ, воровъ и бездѣльниковъ, потакая ихъ пьянству и бездѣльничанью; что всѣ эти хитровцы — пьяные бездѣльники, не желающiе работать, и что оттого-то они и голодаютъ, что хотятъ все получить въ даровщину; что крестьяне бунтуютъ подъ влiянiемъ „злой пропаганды революцiонеровъ“, что они вовсе не голодаютъ, а хотятъ лишь ограбить помѣщиковъ и воспользоваться, не трудясь, ихъ благосостоянiемъ; что революцiонеры изъ-за своихъ личныхъ выгодъ хотятъ воспользоваться крестьянами и рабочими, какъ пушечнымъ мясомъ. Личная же выгода революцiонеровъ состоитъ въ томъ, чтобы, воспользовавшись бунтами, самимъ захватить всѣ видные и богато оплачиваемые посты и сдѣлать такимъ легкимъ путемъ себѣ карьеру, сдѣлать же ее честнымъ путемъ у нихъ-де не хватаетъ способностей, да и нѣтъ желанiя работать на пользу отечества. Въ такомъ же духѣ онъ проповѣдуетъ имъ и о студенческихъ безпорядкахъ, что все это, дескать, происки бездарныхъ лѣнтяевъ, которые хотятъ кончить университетъ, не трудясь; не трудясь честно, создать себѣ карьеру. Въ доказательство своихъ разглагольствованiй онъ приноситъ въ классъ нелегальные листки и брошюры (вѣроятно, изъ охраннаго отдѣленiя), стараясь опровергать ихъ содержанiе. На учениковъ онъ производитъ сильное впечатлѣнiе, они отъ него въ первый, можетъ быть, разъ слышатъ разговоры на политическiя темы, а запросъ, конечно, у нихъ есть, и вотъ они, вмѣсто скучной зубристики неправильныхъ французскихъ глаголовъ, слышатъ разглагольствованiя на столь животрепещущiя темы; свободно могутъ задавать ему вопросы, слышать отвѣты, обсуждать совмѣстно ихъ и, подъ его предсѣдательствомъ, вырабатывать себѣ „трезвые“ взгляды. Ученики, 15-16-лѣтнiе мальчуганы, уже хвастаются, что они-де въ университетъ вступятъ уже созрѣвшими людьми съ опредѣленной, трезвой точкой зрѣнiя на всѣ вопросы.

Вотъ еще примѣръ той разлагающей атмосферы, подъ влiянiемъ которой воспитывается наше юное поколѣнiе. Въ женской гимназiи г-жи Пуссель (что на Покровкѣ, въ Москвѣ же) практикуется систематическое преслѣдованiе всѣхъ учащихся дѣвочекъ-евреекъ; русскiя дѣвочки рѣшили во что бы то ни стало выжить ихъ изъ гимназiи: онѣ съ ними не играютъ, не ведутъ знакомствъ, подстраиваютъ всякiя шалости и обвиняютъ въ нихъ евреекъ, наконецъ, кляузничаютъ, доносятъ на нихъ. Все это проводится съ молчаливаго согласiя школьнаго начальства. Были случаи, когда дѣвочкамъ-еврейкамъ становилось не втерпежъ дальнѣйшее пребыванiе въ гимназiи, всѣ эти издѣвательства и насмѣшки и прямо-таки преслѣдованiе каждаго шага и слова — и онѣ уходили изъ гимназiи. Есть такiе же случаи и въ мужскихъ гимназiяхъ; не особенно давно былъ случай, когда такимъ же способомъ выжили изъ гимназiи одного поляка. Здѣсь уже мальчуганы ухищрялись не только надѣваться, но прямо колотить его, чуть-ли не всѣмъ классомъ...

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНIЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. Мы можемъ теперь сообщить опущенныя въ № 29 имена ораторовъ на ростовскихъ рабочихъ сходкахъ: интеллигентъ Брагинъ (арестованъ) и рабочiй Ставскiй. Послѣднiй, вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими товарищами, счастливо спасся отъ полицiи и находится теперь заграницей. Онъ прислалъ намъ подробное описанiе всей стачки, которое мы, въ виду его размѣровъ, намѣрены издать отдѣльной брошюрой (вмѣстѣ съ собираемыми дополнительными матерiалами о стачкѣ).

Приводимъ корреспонденцiи объ окончанiи стачки, о впечатлѣнiи, производимомъ ею, и о событiяхъ въ Тихорѣцкой и Новороссiйскѣ.

„Ростовъ-на-Дону, 20 ноября 1902 г. Послѣднiе пять-шесть дней очень трудно было получить какiя-нибудь свѣдѣнiя съ „поля дѣйствiя“. Полицiя творила нѣчто невозможное. Прiѣхала масса войскъ, въ это же время нѣкоторыя фабрики удовлетворили незначительныя требованiя, выставленныя рабочими, и послѣднiе пошли на работу; осталось забастовавшихъ рабочихъ около трехъ тысячъ, которые, конечно, ничего не могли сдѣлать съ ордой полицiи; поэтому, не смотря на всѣ старанiя, общiя сходки не могли состояться, переносили ихъ въ разныя мѣста, но полицiя находила и разгоняла. Городъ имѣлъ видъ завоеваннаго какими-нибудь дикарями. По главнымъ улицамъ цѣлыми днями ходили огромные патрули казаковъ, у разныхъ учрежденiй стояли конные казаки, городъ былъ оцѣпленъ казаками, равно какъ и таможенные входы и выходы. На вокзалъ публику не пускали безъ вещей и лишь изъ дрожекъ. Нѣсколько рабочихъ Влдкавказ. ж. д. взялись за работу, но были избиты товарищами; вмѣшалась, конечно, полицiя, и было опять много раненыхъ. На улицахъ казаки хватали подмастерьевъ, непричастныхъ къ дѣлу, если они вели громко разговоръ о событiяхъ, и арестовывали ихъ. Пишущiй эти строки видѣлъ третьяго дня передъ вечеромъ, какъ нѣсколько сильно выпившихъ (а монопольки закрыты!) конныхъ казаковъ выѣхали на троттуаръ и ударили нагайками нѣсколькихъ дѣвочекъ подростковъ изъ работницъ за то, что онѣ будто бы ихъ дразнили. На улицѣ буквально невозможно стало ходить, чтобы не натолкнуться на какую-нибудь гадость. Полицмейстеръ расклеилъ очень „разумныя“ прокламацiи, гласящiя, что если у кого-либо найдены будутъ на дворѣ или въ домѣ камни, то онъ будетъ строго наказанъ. Дворники тоже за этимъ слѣдятъ. Третьяго дня полицмейстеръ объявилъ рабочимъ, что велитъ гудѣть къ работѣ; если они за работу не встанутъ, то онъ ихъ моментально вышлетъ на родину. Гудки третьяго дня гудѣли, и вчера тоже; рабочiе явились и спросили, удовлетворены-ли ихъ требованiя, и получивъ отрицательный отвѣтъ, ушли во-свояси. Вчера арестована масса рабочихъ, и уже началась ихъ высылка; вчера по главной улицѣ видна была масса женщинъ, стоявшихъ кучками, — это жены арестованныхъ.

„Сборы въ послѣднее время идутъ лучше, даютъ почти всѣ, ходятъ собирать по домамъ, въ учрежденiяхъ служащiе даютъ проценты съ жалованья. Сочуствiе необыкновенное, всѣ только о стачкѣ и говорятъ. Получаются вѣсти изъ Тихорѣцкой; тамъ происходило нѣчто ужасное; насчитываютъ болѣе 30(?) убитыхъ и 100 раненыхъ. Говорятъ, полицiя врывалась въ дома зажиточныхъ людей, грабила (нашли у полицiи массу краденныхъ вещей), колотила нагайками женщинъ и дѣтей. Говорятъ, полицiя предана суду. Отсюда отправлено туда много войскъ. Въ ростовскихъ рабочихъ, особенно владикавказскихъ, замѣтно желанiе бороться до послѣдней капли крови.

„Весь городъ проклинаетъ полицiю, которая своимъ поведенiемъ многихъ разозлила. Магазины пустѣютъ, прiѣзжихъ купцовъ совершенно нѣтъ, въ театрахъ пусто; запретили пока ставить „Мѣщане“, — боятся тамъ демонстрацiи. Собираютъ деньги даже среди маленькихъ гимназистокъ, въ разговорѣ которыхъ слышатся слова: забастовка, сходка, требованiя и т. п. Праздно гуляющихъ на улицахъ очень мало.

„24 ноября. Вчера уже рабочiе и Владикав. ж. д. принялись за работу. Атаманъ, бывшiй вчера нѣсколько часовъ здѣсь, сказалъ одному знакомому: „Да, если бы не сочувствiе публики, давно все кончилось бы, вотъ, если бы поймать тѣхъ, кто деньги давалъ, оштрафовалъ бы во сто разъ больше“.

„24 ноября вечеромъ. Сейчасъ уже точно извѣстно, что рабочiе начали работать. Главный управляющiй сказалъ, что почти всѣ требованiя будутъ удовлетворены (онъ имъ ручается своею жизнью), если они немедленно примутся за работу. Говорятъ, будто Хилковъ хочетъ, чтобы они первые взялись за работу, а потомъ требованiя будутъ удовлетворены“.

Вотъ также въ дополненiе нѣкоторыя выдержки изъ частнаго письма одной „мирной ростовской дамы“:

„Ростовъ-на-Дону, 12 ноября. ...Сочувствiе къ рабочимъ въ городѣ необыкновенное среди всѣхъ классовъ; нѣсколько приказчиковъ вчера говорили: „молодцы-ребята, что отстаиваютъ свое, не хорошо только сицилисты черезъ-чуръ много болтаютъ неприличнаго“. Сегодня одинъ извощикъ сказалъ такъ: „Мы не допустимъ, чтобы рѣзали, какъ въ Петербургѣ“...

„...Говорятъ въ банкахъ, театрѣ, дома только лишь объ этомъ, горячо сочувствуютъ рабочимъ, хотя сочувствiе у всѣхъ только пока въ душѣ. До чего теперь говорятъ объ этомъ, можно судить по тому, что одна маленькая дѣвочка сказала своей матери, которая собиралась уходить: „не ходи, голодовые и тебя засѣкутъ...“

„14 ноября. Сегодня удалось говорить съ женой забастовавшаго рабочаго, живущей на Темерникѣ. Женщина, 17 лѣтъ, поразила своимъ сознательнымъ отношенiемъ къ событiямъ. „Какое право имѣютъ въ насъ стрѣлять, вѣдь мы собрались, чтобы потолковать о нашихъ нуждахъ, вѣдь каждый самъ за себя не въ силахъ постоять“. Въ восторгѣ они всѣ, по ея словамъ, отъ рѣчей: „кажется, и сама это думаешь, а не выскажешь такъ...“

„...Много раненыхъ въ желѣзнодорожной больницѣ говорятъ врачамъ: „скорѣй подымайте насъ, насъ ждутъ товарищи“...

„...Цѣлыми днями замѣтно сильное движенiе къ Темернику кучками, горнорабочiе, босяки и т. п. Извощикъ сегодня, обернувъ спину, сказалъ: „Знаешь, куда идутъ все?“ и засмѣялся. Сборъ денегъ теперь идетъ гораздо лучше, нѣсколько богачей русскихъ (это особенно интересно) фабрикантовъ дали по 100 и по 50 руб. Воспитательное значенiе этихъ событiй въ Ростовѣ необыкновенное. Они создаютъ не одного революцiонера, пробуждаютъ мысль и готовность хоть чѣмъ-нибудь служить. Это не выстрѣлъ, который дѣйствуетъ на чувство, который быстро забывается. Люди, которые совершенно ничѣмъ не интересовались, цѣлыми днями объ этомъ говорятъ, ни о чемъ другомъ невозможно думать. Молодцы-комитетцы, ихъ можно теперь смѣло поздравить и пожелать въ дальнѣйшемъ успѣха“.

Интересно также слѣд. сообщенiе (изъ одного частнаго письма), провѣрить которое мы не имѣли еще возможности. „На первой сходкѣ было постановлено: не пить водки во время забастовки, и это постановленiе свято всѣми исполняется“.

Послѣднее наше извѣстіе изъ Ростова гласитъ:

„Здѣсь происходитъ безпощадная высылка рабочихъ: мужчинъ отрываютъ отъ семей и отправляютъ поѣздомъ верстъ за сто, а потомъ выпускаютъ на всѣ четыре стороны — доходи самъ до родины пѣшкомъ. — Брагинъ (ораторъ на сходкахъ) сидитъ въ тюрьмѣ на ст. Каменской. Арестовано пока много рабочихъ. Около [illegible] чел. выслано. Въ пятницу, 29 ноября, взятъ, по доносу родственника, С. Мелешко, а 2 декабря выпущенъ послѣ допроса, выяснившаго всю лживость доноса. — Съ 1 по 19 ноября Донской Комитетъ выпустилъ 17 разныхъ прокламацій, — числомъ 30 тысячъ штукъ! Собрано денегъ 2200 руб.

„Сюда ожидается фон-Валь, а съ нимъ новые обыски, аресты и высылка поднадзорныхъ. По квартирамъ учащихся рыщутъ инспектора и директора и производятъ обыски. Гимназистъ 7 кл. Долженко, арестованный вмѣстѣ съ Брагинымъ, выпущенъ.

„Въ ж. д. мастерскихъ удалили двухъ мастеровъ; остальныя требованія пока не удовлетворены. Докторъ подалъ въ отставку. Пришлые казаки уже уѣхали изъ города“.

Тихорѣцкая. „Здѣсь вышло такъ: 15-го бросили работу; требованія тѣ же, что и въ Ростовѣ. 16-го явились казаки съ Маламою (атаманъ изъ Екатеринодара) во главѣ. 17-го созвали рабочихъ и приказали идти на работу. Когда тѣ настаивали на своихъ требованіяхъ, Малама приказалъ напасть на толпу. Рабочіе сѣли и поснимали шапки. Но казаки, съ обнаженными шашками и съ нагайкали, врѣзались въ лежащую груду людей, давя ихъ копытами и рубя направо и налѣво. Рабочіе голыми руками пытались защищаться, но все было напрасно: на мѣстѣ бойни осталась масса отрубленныхъ частей тѣла, куча раненыхъ. Въ бѣгущую толпу дано нѣсколько залповъ. 5 убито на мѣстѣ, 17 тяжело ранено. Двое убиты такъ: одинъ рабочій несъ на коромыслѣ два ведра воды домой: казакъ прицѣлился въ несчастнаго и убилъ его наповалъ, а затѣмъ и жену, выбѣжавшую спасать мужа. Затѣмъ начался грабежъ. Малама скомандовалъ очищать ж.-д. казармы, въ которыхъ жили рабочіе; казаки стали выкидывать на улицу все имущество рабочихъ, разбивать сундуки и грабить. „У васъ недавно была получка, давайте деньги!“, кричали озвѣрѣвшіе башибузуки. Одна женщина пыталась оборонить свое добро: ей разсѣкли шашкой животъ... Что дальше творилось, неизвѣстно“.

„Казаки неистовствовали, какъ звѣри, врывались въ дома рабочихъ, били всѣхъ — дѣтей, женщинъ, стариковъ. Женщинъ и дѣвушекъ насиловали, имущество грабили. Въ одной квартирѣ на полу найденъ ребенокъ, пригвожденный кинжаломъ. Убитыхъ и раненыхъ отправляютъ въ разныя мѣста. Въ Новороссійскъ отправлено 18 чел., изъ которыхъ шестеро умерли въ дорогѣ. Такъ расправляются царскіе башибузуки съ рабочими. Звѣрства дошли до того, что рабочіе послали въ Ростовъ телеграмму управл. дорогой: ‚защитите насъ отъ казаковъ‘“.

Новороссійскъ. Вѣсть о ростовской стачкѣ сильно взволновала рабочихъ гор. Новороссійска. На приглашеніе принять участіе и поддержать товарищей они отвѣтили полнымъ согласіемъ. 17 ноября, послѣ завтрака, рабочіе стали звонить въ колоколъ, давать гудокъ и т. п. Бросили работать всѣ, работающіе въ мастерскихъ (около 600 чел.), и пошли толпой по пристани и заводамъ. Работа пріостановилась всюду: на мелкихъ заводахъ, на элеваторахъ и на пристани, а на цементномъ заводѣ администрація, испугавшись погрома, сама выпустила рабочихъ и — „мигъ ворота на запоръ“. Къ сожалѣнію, между рабочими не было опытнаго человѣка, который руководилъ бы толпой. Всѣ, однако, держали себя тихо и спокойно. На слѣдующій день пріѣхалъ на сходку вице-губернаторъ, появилась полиція и жандармы. Въ отвѣтъ на глумленія вице-губернатора изъ толпы выступилъ юноша лѣтъ 16, быв. гимназистъ Калинскій, и повелъ съ нимъ бесѣду въ такомъ духѣ: Вице-губ. Что вы заступаетесь за рабочихъ и требуете увеличенія платы! Они, вѣдь, и такъ ее пропиваютъ. Кал. Рабочій получаетъ 25-30 руб. въ мѣсяцъ и иногда большую часть пропиваетъ. А вы получаете десятки тысячъ и тоже пропиваете или проигрываете въ карты. И т. д. На рабочихъ его рѣчь произвела наилучшее впечатлѣніе. Они предъявили властямъ писанныя требованія, однородныя съ ростовскими, къ которымъ были добавлены еще мѣстныя. Сперва ихъ не хотѣли принять, но потомъ приняли и обѣщали отвѣтъ на завтра, 19 ноября, въ 3 часа дня. Въ назначенный срокъ рабочіе собрались около мастерскихъ. Тутъ же стояли казаки, числомъ около 500 чел., полиція, жандармерія. Администрація объявила, что требованій удовлетворить не можетъ. Кто не желаетъ работать, получитъ разсчетъ и будетъ высланъ на родину. Жандармы пытались арестовать Калинскаго, но толпа не дала... Были и прокламаціи (гектографир.)... Но настроенія рабочихъ хватило не надолго. Узнавъ, что въ Ростовѣ стали уже работать, въ субботу 23 ноября новороссійскіе рабочіе тоже пошли на работу. Все же маленькія уступки были сдѣланы. На цементномъ заводѣ немного увеличена плата за нагрузку, а въ мастерскихъ рабочимъ предоставлено вырабатывать неограниченное количество сдѣльной платы. По городу ѣздятъ казаки, которые не допускаютъ новыхъ собраній. Теперь производятся аресты, главнымъ образомъ, среди рабочихъ. Калинскій скрылся...

Новочеркасскъ. Въ маѣ въ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, на желѣзодѣлательномъ заводѣ Отто и Миненкова, въ слесарно-механической мастерской Фаслера, Ѳ. Х. и немного по городу были разбросаны и расклеены майскіе листки (первый разъ). Разговоровъ по ихъ поводу было много. Приблизительно въ то же время листки (другіе) были и въ мѣстной воинской командѣ, но тамъ ихъ скоро отдали начальству (уряднику). Переполоху было много. Въ мѣстномъ юнкерскомъ училищѣ весной былъ обыскъ, но ничего не найдено. 28 сент. начальникъ мѣстнаго жандармскаго управленія Тихановичъ вызывалъ хозяина слесарно-механической мастер. Фаслера, Ѳ. Х. и управляющаго Ѳ. Ѳ. Неске для разговоровъ о майскихъ листкахъ. Приблизительно въ то же время вызывали туда же и казаковъ мѣстной команды, у которыхъ нашли листки. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ничего не добились.

Сибирь. Съ проведеніемъ жел. дор. въ Сибири и съ возникновеніемъ соц.-дем. комитетовъ рабочее движеніе здѣсь растетъ и растетъ и изъ стихійнаго начинаетъ уже превращаться въ болѣе организованное, сознательное. Особенно знаменательнымъ временемъ въ исторіи сибирскаго рабочаго движенія нужно признать осенніе мѣсяцы нынѣшняго года. Такъ, въ концѣ сентября въ г. Красноярскѣ забастовали рабочіе ж.-д. мастерскихъ вслѣдствіе того, что имъ во-время не выдали разсчета (см. объ этомъ № 27 „Искры“). 9 октября въ г. Иркутскѣ произошла подобная же исторія. Тамъ тоже въ назначенный срокъ не выдали разсчета рабочимъ ж.-д. депо. Эти рабочіе поступили такъ же, какъ ихъ товарищи — красноярцы: бросили работу и толпой — чел. въ 200 — пошли по разнымъ ж.-д. „службамъ“, въ поискахъ причинъ невыдачи имъ разсчета. Не добившись никакихъ результатовъ, они въ этомъ же количествѣ направились къ губернатору, который, видимо, тоже по примѣру своего красноярскаго товарища, перетрусилъ и сейчасъ же телефонировалъ начальнику депо, чтобы разсчетъ былъ произведенъ. Требованіе было выполнено. (Форма протеста, пишетъ по этому поводу другой корреспондентъ, совершенная копія красноярской. Очень возможно, что листки иркутскаго комитета, оповѣщавшіе о происшедшемъ въ Красноярскѣ и незадолго до этого распространенные, возымѣли въ данномъ случаѣ дѣйствіе.). По поводу красноярской и иркутской забастовокъ какъ мѣстными комитетами, такъ и томскимъ были выпущены соотвѣтственныя прокламаціи (прокламація иркутскаго комитета, какъ сообщаетъ намъ третій корреспондентъ, помѣчена № 10).

9 сентября начальникъ Сиб. ж. д. отдалъ приказъ за № 192, по которому „низшимъ агентамъ, слесарямъ мастерскихъ и депо и рабочимъ вообще“, не приглашеннымъ съ другихъ дорогъ или вообще изъ Россіи, а нанятымъ на мѣстѣ работъ, проѣздныхъ билетовъ и нарядовъ совсѣмъ не будутъ давать. Если же кто-нибудь изъ этой категоріи лицъ будетъ приглашенъ съ Сиб. на другую дорогу, то билетъ и наряды выдаетъ ему та дорога, которая приглашаетъ, а не Сиб., какъ это дѣлалось раньше. Относительно же тѣхъ, которымъ слѣдуетъ выдать билетъ и наряды, какъ приглашеннымъ Сиб. ж. д., будутъ наводиться предварительныя справки о мѣстѣ ихъ приписки, постояннаго жительства.

Этотъ приказъ не объявлялся сразу, а вводился постепенно. И когда онъ, благодаря практическому примѣненію, обнаружился во всей своей цѣлости, рабочіе красноярскихъ мастерскихъ не замедлили дать ему дружный отпоръ. Съ 1 ноября они устроили стачку и стали требовать отмѣны новаго приказа. Стачка эта была подготовлена, главнымъ образомъ, красноярскимъ соц.-дем. комитетомъ. Протестъ свой рабочіе, между прочимъ, выражали и въ томъ, что не пускали на поѣзда бригады и задерживали станціонныхъ сторожей, такъ что начальнику станціи Красноярскъ пришлось дать телеграмму такого содержанія: „въ виду бунта рабочихъ и ихъ воздѣйствія на поѣздныя бригады, я слагаю съ себя отвѣтственность въ случаѣ пріостановки движенія“. Къ несчастію, дольше восьми дней красноярскіе рабочіе не продержались, такъ какъ у нихъ истощилась касса. Были и аресты, но о нихъ послѣ.

8 ноября въ омскихъ мастерскихъ по поводу того же приказа рабочіе тоже забастовали. Они цѣлыми массами (всѣхъ ихъ тамъ болѣе 3000 чел.) ходили по станціи и даже отцѣпили паровозъ у стоявшаго на станціи почтоваго поѣзда, охладили этотъ паровозъ и угнали его въ депо; затѣмъ выгнали со станціи телеграфистовъ (ходятъ слухи, что тамъ „дѣйствовали“ казаки, но точными данными это еще не подтверждено*). Этимъ рабочимъ пришлось не долго бастовать, потому что 11 числа по всей Сиб. ж. д. была дана телеграмма такого содержанія: „По распоряженію мин. путей сообщенія приказъ за № 192 отмѣняется“.

На станціи Нижне-Удинскъ Сиб. ж. д. въ депо тоже готовилась по поводу этого же приказа стачка рабочихъ, но, видимо, запоздала.

Эти удачи очень приподняли настроеніе сиб. раб. и заставили ихъ относиться съ особеннымъ довѣріемъ и къ мѣстнымъ соц.-демократическимъ комитетамъ.

Томскій комитетъ, кромѣ злободневныхъ прокламацій, выпускалъ еще бюллетени съ выдержками изъ статей „Искры“, „Зари“, со своими предисловіями или же собственныя статьи.

По поводу изложенныхъ выше фактовъ другой корреспондентъ пишетъ:

Почва для плодотворной дѣятельности сиб. соц.-дем. комитетовъ — создана. Широкая и всесторонняя политическая агитація теперь — болѣе, чѣмъ когда-либо прежде — является настоятельной необходимостью. Чтобы рабочее движеніе не застыло на своей первой ступени, надо вдохнуть въ него душу живую, — вдохнуть сознаніе необходимости революціоннаго сверженія самодержавія для свободнаго развитія пролетаріата. Каждая забастовка, каждый протестъ, каждая вспышка недовольства должна быть использована въ этомъ смыслѣ. Только въ такомъ случаѣ всякая стачка, всякій протестъ, всякая вспышка возмущенія послужатъ могучимъ средствомъ для революціоннаго воспитанія рабочей массы.

Въ половинѣ октября, пишетъ тотъ же корреспондентъ, въ стѣнахъ красноярской тюрьмы были повѣшены четыре человѣка, убившіе двухъ „пикетчиковъ“ (ночныхъ караульныхъ). Не мало нашихъ красноярскихъ чиновниковъ усиленно добивались „счастья“ присутствовать при совершеніи казни. И нѣкоторые добились своего. Послѣ казни они явились въ свои учрежденія и съ развеселымъ видомъ, пересыпая шутками и прибаутками, разглагольствовали о полученномъ „сильномъ ощущеніи“...

Ярославль. 1902 г. прошелъ въ Ярославлѣ крайне бурно, аресты продолжались весь годъ. Тотчасъ же по объявленіи усиленной охраны передъ Рождествомъ въ городѣ были расклеены прокламаціи соц.-рев.; по этому поводу были произведены обыски у студ.-костромичей и арестованъ студ. Захаровъ. Въ январѣ послѣ разброса листковъ Ярославскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. были произведены массовые аресты студентовъ, причемъ раб. Калининъ оказался провокаторомъ. Затѣмъ было взято нѣсколько наборщиковъ и слѣд. лица: служащіе въ ред. газ. „Сѣв. Край“: Яшновъ, Лаптевъ, Леоновъ и Смирновъ, студ.: Першачевъ (плохо держался на допросахъ), Рабиновичъ и Локтевъ, раб.: Потѣхинъ и Григорій Глазуновъ, Залманъ Захаровичъ, который проживалъ подъ подложнымъ видомъ. Великимъ постомъ были новые аресты среди рабочихъ, которыхъ было всего взято около ста человѣкъ. Въ февралѣ, кромѣ листковъ с.-дем. Ком., стали выходить еще прокламаціи студ. Ком. Одна изъ нихъ была обращена къ офицерамъ и, говорятъ, имѣла среди нихъ большой успѣхъ. По студенческому дѣлу въ февралѣ были взяты трое лицеистовъ: Кедровъ, Зезюлинскій и Покровскій, по доносу инспекціи, но скоро выпущены. Въ апрѣлѣ были грандіозные обыски и аресты по дѣлу Сѣв. Раб. Союза и Студ. Орган. Изъ арестованныхъ извѣстны слѣд. лица: Ольга Варенцова, учительница, статистики: Ольга Дидрикиль, Ек. Новицкая, Ал. Локтинъ, Бор. Трефолевъ, Гавеманъ, Трегубовъ, Леонидъ Петровъ, Флеровъ и Евг. Дюбюкъ, окончившій Лѣсн. Институтъ, Марія Дидрикиль, служ. въ ред., студ.: Клириковъ, Завадскій, Прѣснѣченко и Алексинскій. Лѣтомъ были арестованы юрьевскій студ. Крыловъ и чел. 30 семинаристовъ; Кедровъ арестованъ въ концѣ августа подъ Москвой. Арестованные сѣверяне въ маѣ перевезены въ Москву.

29 августа, во время народнаго гулянья, рабочіе сильно побили завѣдующаго сыскной полиціей пристава Петровскаго и нѣкоторыхъ шпіоновъ и городовыхъ. Для усмиренія рабочихъ были вызваны войска (фанагорійцы), но дѣло обошлось безъ кровопролитія.

Москва. Въ концѣ октября вышелъ приговоръ арестованному перваго мая за разбросъ прокламацій ж.-дор. машинисту Якову Иноземцеву — 7 мѣс. тюрьмы. Въ концѣ сентября арестованы ученики земледѣльческаго училища: Медвѣдковъ, Никифоровъ, Барановъ и Яблоновскій и раб. Прохор. ман. Кречетовъ. Лѣтомъ отравился волостной старшина Мелитопольской волости Московскаго уѣзда, потому что былъ замѣшанъ въ политическія дѣла, а волостной писарь и его помощникъ успѣли скрыться до прибытія жандармовъ. Въ Таганскую тюрьму привезенъ техникъ Романовскій, присужденный къ 1 г. 8 м. тюрьмы, какъ уголовный, за Маріупольскую стачку на зав. „Провидансъ“.

Вологда. Массовые обыски и аресты, производившіеся въ въ этомъ году по всей Россіи, не миновали и нашей мирной Вологды. Все лѣто въ ней то и дѣло шли обыски и аресты. Весной была арестована по костромскому дѣлу жена ссыльнаго Анна Третьякова и ссыльный Щеголевъ, быв. петерб. студ. Послѣдній былъ взятъ по полтавскому дѣлу и безъ всякихъ допросовъ продержанъ три мѣсяца въ вологодской тюрьмѣ, а затѣмъ освобожденъ. Лѣтомъ были арестованы и увезены въ Москву: адвокаты Ждановъ и Шенъ и служ. въ стат. Брановицкая. Затѣмъ были обыски у ссыльныхъ Ник. Малинина (изъ Саратова) и Саммера (изъ СПБ.); противъ послѣдняго возбуждено дѣло, такъ какъ у него нашли литературу. Кромѣ того, были привлечены, какъ обвиняемые, ссыльный Поморцевъ, техникъ изъ Кунгура и бывш. студ. изъ Нов. Александріи Шемякинъ. Поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что при перестройкѣ на одной изъ вологодскихъ улицъ мостковъ плотники нашли подъ послѣдними нелегальную литературу и письма, изъ которыхъ выяснилось, что къ этой находкѣ имѣли отношеніе Поморцевъ и Шемякинъ. Затѣмъ мѣстная жандармерія возбудила еще дѣло, довольно комичнаго характера, противъ стат. Зюкова, основаніемъ для чего послужилъ доносъ. Въ октябрѣ былъ обыскъ у ссыльнаго Савенкова (изъ СПБ.). Вообще, за послѣднее время усиленъ надзоръ за ссыльными, у воротъ многихъ квартиръ по вечерамъ торчатъ шпіоны.

Крымъ. Ялта. Въ одной изъ мѣстныхъ аптекъ Левентонъ-Гофшнейдеръ, служащими этой аптеки была устроена небольшая стачка. За нѣсколько дней до 1 сент. фармацевты потребовали для улучшенія пищи, выдачи кормовыхъ денегъ. Черезъ двѣ недѣли требованіе было удовлетворено.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА ФРАНЦУЗСКИХЪ УГЛЕКОПОВЪ.

Еще въ прошломъ году французскіе углекопы пытались начать всеобщую стачку. Но въ то время г. Миллеранъ былъ еще министромъ, а его друзья, оппортунисты партіи Жореса, только-что начали закрѣплять свою дружбу съ буржуазными партіями, и въ ихъ разсчеты такая стачка не входила. Въ ходъ пущено было все возможное, чтобы не дать разгорѣться стачкѣ. Хотя большинство углекоповъ высказалось за немедленное объявленіе стачки, хотя національный комитетъ уже назначилъ срокъ общаго прекращенія работы, — стачка не состоялась. Сѣверные синдикаты, находящіеся подъ вліяніемъ депутата Бали, — бывшаго нѣкогда рудокопомъ и ставшаго называть себя соціалистомъ съ тѣхъ поръ, какъ соціалисты типа Жореса стали вульгарными радикалами, — заявили, что не оставятъ работы; политиканствующіе оппортунисты грозили призракомъ разгрома, неудачи, несочувствія общества, сулили широкія реформы, добытыя законодательнымъ путемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, палата депутатовъ вскорѣ приступила къ разбору двухъ существенныхъ требованій рудокоповъ: сокращенія рабочаго дня и пенсіи престарѣлымъ углекопамъ. Назначены были даже коммиссіи, и „дѣло“ углекоповъ изъ-подъ зеленаго сукна Палаты перешло подъ зеленое сукно коммиссій... Углекопамъ отъ этого легче не становилось, а въ это время компаніи обогащались. Акціи повышались, дивиденды росли.

Чистая прибыль акціонерныхъ обществъ, владѣющихъ угольными копями, поднялась съ 26 мил. фр. въ 1897 г. до 35,5 мил. фр. въ 1898 г., 55 мил. фр. въ 1899, 97 мил. въ 1900 и, наконецъ, до 110 мил. фр. въ 1901 г. Такой колоссальный ростъ прибыли происходилъ не на счетъ увеличенія количества добываемаго угля, а на счетъ повышенія цѣны его. Одна тонна угля стоила въ 1897 году 10,84 фр., въ 1898 г. 11,22 фр., въ 1899 г. 12,41фр., въ 1900 г. 14,95 фр., въ 1901 г. 15,1 фр. Каждый занятый рабочій добывалъ компаніямъ угля: въ 1897 г. на 184 фр., въ 1898 г. на 238 фр., въ 1899 г. на 370 фр., въ 1900 г. на 600 фр., въ 1901 г. на 635 фр. Такимъ образомъ, производительность каждаго рабочаго возрасла за 4 года на 450 фр., а жалованье не возрастало, если даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не уменьшалось. Отъ 1877 г. до 1901 средняя заработная плата углекопа поднялась всего съ 6,20 фр. до 6,35, т. е. на 15 сант.

Понятно, что такое положеніе вещей не могло не вызывать ропота среди углекоповъ. Правда, частичными стачками или мирными переговорами съ отдѣльными компаніями, владѣльцами рудниковъ, кое-гдѣ удавалось добиться повышенія заработной платы, но повышеніе это держалось не долго. Въ наиболѣе благопріятномъ положеніи находились сѣверные синдикаты, которымъ удалось добиться повышенія заработной платы на 40% выше средней нормы. Въ апрѣлѣ текущаго года, однако, истекъ срокъ контракту, въ силу котораго компаніи обязались повысить заработную плату. Компаніи воспользовались этимъ истеченіемъ срока, чтобы понизить ее на 10%. Теперь запротестовали и сѣверные синдикаты, и рѣшили присоединиться къ общему теченію.

Стачка становилась неминуемой, и волей-неволей Жоресу, Бали и Ко. пришлось склониться передъ единодушно-выраженнымъ желаніемъ массъ. Они склонились, но не помирились съ характеромъ движенія. Послѣдовательные оппортунисты, они сдѣлали все возможное, чтобы — хотя бы цѣною неудачи движенія — лишить его политической окраски. А таковую, какъ мы уже видѣли, стачка неизбѣжно носила. Помимо двухъ уже вышеуказанныхъ требованій (государственныя пенсіи и закономъ установленный рабочій день), выставлено было еще одно — третье требованіе: закономъ установленный минимумъ заработной платы.

Замѣтивъ, что единодушно начатая стачка (въ одинъ день забастовало до 160 тыс. углекоповъ) грозитъ принять характеръ широкаго соціально-политическаго движенія, Бали и находящіеся подъ его вліяніемъ сѣверные синдикаты заявили, что они намѣрены настаивать исключительно на третьемъ требованіи и, какъ только оно будутъ удовлетворено, примутся за работу, хотя бы другіе районы и продолжали еще бастовать. Такое заявленіе и послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ поведеніе сѣверныхъ синдикатовъ съ самаго начала уже подкашивало цѣльность и успѣшность движенія. Слѣдуетъ замѣтить, что именно третье требованіе, сведенное, въ концѣ концовъ, къ простому требованію повышенія заработной платы, помимо того, что оно носитъ чисто экономическій характеръ, менѣе всего способно объединить углекоповъ разныхъ районовъ, такъ какъ уровень заработной платы различенъ. Есть районы, гдѣ рабочіе имъ довольны, въ другихъ онъ слишкомъ низокъ. Между тѣмъ, первыя два требованія и третье требованіе въ первоначальномъ его видѣ (минимумъ заработной платы) одинаково заинтересовываютъ углекоповъ всѣхъ районовъ.

Мало того. Въ то время, какъ національный комитетъ всѣхъ синдикатовъ началъ въ интересахъ цѣльности движенія переговоры съ центральнымъ для всей Франціи бюро акціонерныхъ компаній, владѣющихъ угольными копями; сѣверные синдикаты и синдикаты района Кармо, находящіеся подъ вліяніемъ Жореса, начали вести переговоры отдѣльно со своими компаніями. Такимъ образомъ, движеніе мало-по-малу теряло характеръ солидарности и цѣльности. Компаніямъ оставалось только торжествовать, присутствуя при этомъ зрѣлищѣ разноголосицъ и разъединенности въ средѣ стачечниковъ. Стачка начата была въ такой моментъ, когда угольный рынокъ былъ переполненъ заказами, когда компаніи должны были рано или поздно уступить требованіямъ рабочихъ. Только недостаточно развитое классовое сознаніе въ средѣ углекоповъ и использовавшее это обстоятельство политиканство оппортунистовъ могли погубить такъ хорошо начатое движеніе.

Что могъ сдѣлать національный комитетъ при такихъ обстоятельствахъ? Тщетно призывалъ онъ къ порядку, напоминалъ о дисциплинѣ бунтующимъ синдикатамъ, тщетно угрожалъ исключеніемъ изъ федераціи, — уже въ самыхъ рядахъ его начинались разногласія. За сѣвернымъ и кармоскимъ синдикатами вскорѣ послѣдовали и другіе синдикаты.

---

*) Мы тоже слышали, что въ Омскѣ было цѣлое сраженіе войска съ рабочими, что убитые и раненые были съ обѣихъ сторонъ и, конечно, въ неизмѣримо большемъ числѣ со стороны рабочихъ. Подробныхъ сообщеній еще не имѣемъ. Ред.

Борьба велась въ одиночку. Делегаты углекоповъ вели переговоры съ делегатами компаній. На сѣверѣ делегатъ углекоповъ измѣнилъ своимъ поручителямъ и призналъ вмѣстѣ съ хозяевами требованія рабочихъ неосновательными. Сѣверъ заволновался, запротестовалъ; цинично обманутый, онъ обратился уже за помощью къ другимъ организаціямъ, но стачечники, измученные голодомъ, изнуренные, разочарованные, начали мало-по-малу приниматься за работу. Въ Луарѣ, гдѣ делегатомъ углекоповъ былъ жоресистъ Аристидъ Бріанъ, выбранный обѣими сторонами третейскій судья (предсѣдатель кассаціоннаго суда) высказался за незначительное повышеніе заработной платы. Въ Кармо переговоры ведутся еще до сихъ поръ; тамъ делегатомъ рабочихъ является Ренэ Вивіяни, бывшій секретарь Мильерана.

Всеобщая стачка закончилась неудачей. Тщетно проливала республиканская „демократія“ крокодиловы слезы надъ горькою участью черныхъ тружениковъ, тщетно обѣщала она стачечникамъ побѣду и реформы, если они не выйдутъ только за предѣлы экономическихъ организацій и экономическихъ требованій... Въ то время, какъ Жоресъ съ компаніей убѣждали стачечниковъ относиться съ довѣріемъ къ этой республиканской „демократіи“, послѣдняя показала буржуазіи, что она умѣетъ поддерживать „порядокъ“ обычными „мѣрами насилія“. Въ Терръ-Нуарѣ жандармъ застрѣлилъ стачечника, и это глупое, безсмысленное убійство чуть-было не разстроило всей съ такимъ трудомъ созданной фикціи правительственнаго попеченія о рабочемъ классѣ. Горькой ироніей звучали послѣ этого убійства слова мин. Комба о священной свободѣ стачекъ... Дружно проваливаетъ республиканская демократія въ палатѣ резолюцію революціонныхъ соціалистовъ. Она гласила: „Палата депутатовъ осуждаетъ вооруженное вмѣшательство, которое, подъ предлогомъ защиты свободы труда, всецѣло направлено противъ стачки и стачечниковъ; Палата приглашаетъ правительство немедленно удалить всѣ военныя силы и полицію изъ областей, гдѣ углекопы прекратили работу, и рѣшаетъ немедленно заняться разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ вопросовъ, выдвинутыхъ требованіями стачечниковъ“. Вмѣсто этой резолюціи „демократическое“ большинство Палаты приняло другую резолюцію, подписанную представителями всѣхъ буржуазно-республиканскихъ группъ Палаты, въ томъ числѣ и Жоресомъ: „Принимая во вниманіе заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ, гласитъ резолюція, что онъ поторопитъ въ обѣихъ палатахъ обсужденіе и голосованіе реформъ въ пользу рабочихъ-углекоповъ, Палата депутатовъ вполнѣ полагается на твердость и благоразуміе правительства для одинаковой охраны — какъ свободы труда, такъ и свободы стачекъ“. Жандармъ-убійца можетъ быть спокоенъ: убивъ стачечника, онъ только охранялъ ту священную свободу труда, о которой такъ пекутся Жоресъ и Комбъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ
1903 г. ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

Обращаемъ вниманіе товарищей на нижеслѣдующій циркуляръ международнаго секретаріата. Всѣмъ комитетамъ, группамъ и организаціямъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи слѣдуетъ немедленно и энергично приняться за подготовку докладовъ о ходѣ и успѣхахъ движенія съ 1900 по 1903 годъ. Въ виду нашихъ русскихъ условій желательно бы возможно аккуратнѣе (и хотя бы по частямъ) переправлять эти доклады за границу. Надо также заблаговременно подумать о серьезномъ представительствѣ на конгрессѣ. Что касается до вопросовъ, поднимаемыхъ западно-европейскими соціалистическими партіями и группами, то они могли бы послужить темами для очень полезныхъ собесѣдованій въ рабочихъ кружкахъ и собраніяхъ.

Международное Соціалистическое Бюро

Секретаріатъ: Maison du Peuple Брюссель, 30/XI 1902 г.
(Народный Домъ) Брюссель.

Международный Соціалистическій Конгрессъ въ Амстердамѣ.

Международный Соціалистическій Секретаріатъ, засѣдающій въ Брюсселѣ, получилъ нижеслѣдующія предложенія для включенія ихъ въ порядокъ дня Международнаго Соціалистическаго Конгресса, который соберется въ Амстердамѣ въ будущемъ годѣ, 16 августа (новаго стиля):

Отъ „Федеративной Уніи Центра“ (Франція): 1) всеобщая стачка; 2) уничтоженіе постоянныхъ армій; 3) расширеніе международнаго секретаріата въ соотвѣтствіи съ современымъ положеніемъ; 4) ограниченіе рабочаго дня девятью часами въ странахъ, гдѣ это ограниченіе не существуетъ.

Отъ „Соціалистической Партіи Франціи“ (Соціалистско-революціонная унія): 5) международныя правила соціалистич. политики.

„Соціалистическая Партія Аргентинской Республики“ ставитъ на разсмотрѣніе Конгресса вопросъ: 6) національное и международное законодательство объ эмиграціи и иммиграціи.

„Національный Союзъ женщинъ-соціалистокъ въ Австріи“ предлагаетъ, чтобы: 7) избирательное право женщинъ — фигурировалъ въ порядкѣ дня Конгресса.

„Фабіанское Общество“ (Англія) предлагаетъ вниманію Конгресса слѣд. вопросы: 8) обязательные третейскіе суды; 9) законодательный минимумъ заработной платы; 10) трэдъ-юніонизмъ и политика; 11) муниципальная торговля спиртными напитками.

„Независимая Рабочая Партія“ (Англія) ставитъ въ порядокъ дня вопросъ: 12) соціализмъ и муниципальная дѣятельность.

Чешскіе соціалисты Австріи предлагаютъ включить въ порядокъ дня слѣдующій пунктъ: 13) поведніе международнаго пролетаріата въ національномъ вопросѣ.

„Голландская Соціалистическая Партія“ предлагаетъ внести вопросъ: 14) пенсія старикамъ и инвалидамъ труда.

„Французская Соціалистическая Партія“ (Федерація Жиронды) проситъ обсудить слѣдующій предметъ: 15) желательно, чтобы корреспонденты иностранныхъ соціалистическихъ журналовъ избирались изъ среды активныхъ членовъ конституированныхъ соціалистско-революціонныхъ организацій или были ими аккредитованы, и во всякомъ случаѣ поставлены подъ ихъ контроль.

Мы просимъ всѣ соціалистическія организаціи разсмотрѣть возможно скорѣе эти многочисленные и важные вопросы и доставить намъ заблаговременно доклады по нимъ.

Мы приглашаемъ равнымъ образомъ соціалистическія партіи всѣхъ странъ прислать намъ до 1 мая слѣдующаго года докладъ о рабочемъ и соціалистическомъ движеніи, объ успѣхахъ партіи данной страны со времени парижскаго интернаціональнаго соціалистическаго конгресса 1900 г. Секретарь Викторъ Серви.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ РАСКОЛЪ.

Въ Петербургѣ произошелъ расколъ между соц.-демократами, сторонниками „Искры“ (С.П.Б. Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П.), и сторонниками стараго, болѣе или менѣе близкаго къ экономизму направленія. Послѣдніе привлекли на свою сторону часть рабочихъ и теперь выступаютъ отъ имени „Комитета Рабочей Организаціи“. Намъ доставленъ одинъ листокъ этого Комитета (октябрьскій), но если вѣрить „революціонно-соціалистической“ группѣ „Свобода“ (см. выше ст. „Борьба направленій — пожива демагогамъ“), то былъ еще сентябрьскій листокъ слѣд. содержанія:

„С.П.Б. Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

„Комитетъ Рабочей Организаціи протестуетъ противъ всякихъ постановленій, сдѣланныхъ безъ его вѣдома — въ томъ числѣ противъ постановленія о признаніи „Искры“ и „Зари“ руководящими органами, о чемъ объявлено въ прокламаціи отъ имени С.П.Б. Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса „Ко всѣмъ россійскимъ соціаль-демократическимъ организаціямъ“, помѣченной іюлемъ мѣсяцемъ 1902 года. Мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можемъ признать выражающимъ наше направленіе и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ. С.П.Б. Сент. 1902 г.

Комитетъ Рабочей Организаціи.“

Замѣтимъ по поводу этого, что прокламація С.П.Б. Комитета выпущена была Организаціонной Коммиссіей его, которая была избрана съ самыми широкими полномочіями и въ составъ которой входили делегаты и отъ Рабочей Организаціи. Мы можемъ заявить самымъ положительнымъ образомъ, на основаніи сообщеній одного изъ членовъ вышеупомянутой Орган. Коммиссіи, что въ іюнѣ мѣсяцѣ на одномъ изъ загородныхъ собраній въ Петербургѣ, на которомъ присутствовали рабочіе-представители всѣхъ пяти районовъ рабочей организаціи (составлявшіе высшую инстанцію тогдашней „Рабоч. Организаціи“), — были поставлены два вопроса: 1) о двухъ направленіяхъ въ русской соціаль-демократіи, о старомъ (экономическомъ), которое господствовало до тѣхъ поръ въ Петербургѣ, и о революціонномъ, какъ оно представлено „Искрой“ и „Зарей“, и 2) о принципахъ организаціи (такъ наз. демократизмъ или „организація революціонеровъ“). По обоимъ вопросамъ всѣ рабочіе единогласно высказались противъ „экономизма“ и „демократизма“ и за направленіе „Искры“. Послѣ этого рѣшенія тутъ же были выбраны двое рабочихъ въ Орган. Коммиссію, учрежденную для проведенія въ жизнь вышеуказанныхъ принциповъ. Прокламація Комитета о солидарности съ „Искрой“ и была заявленіемъ о приступѣ къ работѣ на этихъ началахъ. Новый „Комитетъ Раб. Организаціи“ имѣетъ право быть недовольнымъ чѣмъ угодно, и становиться на чью угодно сторону, но „протестовать“ противъ прокламаціи С.П.Б. Комитета онъ совершенно не въ правѣ.

Полученный нами листокъ слѣдующаго содержанія:

„Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. (Уставъ интернаціонала). Признавая, что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха нашей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса, мы находимъ, что отнынѣ Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы, — и съ настоящаго момента мы всѣми силами будемъ стремиться провести въ жизнь этотъ нашъ взглядъ. Отлагая подробное изложеніе нашей программы до выхода слѣдующаго номера газеты, мы пока ограничимся слѣдующимъ: По основнымъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соціаль-демократы: мы стремимся подготовить рабочій классъ къ соціальной революціи. Ближайшей цѣлью мы считаемъ завоеваніе политической свободы, — съ тѣмъ, чтобы рабочій классъ воспользовался всѣми правами, плодами своей побѣды, и добился возможно большихъ правъ въ будущей конституціонной Россіи. Мы требуемъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго избирательнаго права и стремимся теперь же пробудить въ рабочемъ классѣ ясное сознаніе тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены законодательнымъ путемъ непосредственно за введеніемъ конституціи. Всѣхъ, кто считаетъ правильной такую постановку дѣла, мы просимъ оказать намъ посильное содѣйствіе и помощь, особенно цѣнныя теперь, когда приходится исправлять недостатки прошлаго. Всякія заявленія, рукописи, книги, деньги и пр. просимъ направлять непосредственно для Рабочей Организаціи и требовать отчета за подписью ея Комитета. С.П.Б. Октябрь. 1902 г.

„Комитетъ Рабочей Организаціи.“

Какое негодованіе вызвалъ этотъ послѣдній листокъ среди работающихъ не вдали отъ Петербурга и близко интересующихся петербургскими дѣлами соціаль-демократовъ, — видно изъ слѣдующаго, полученнаго нами, заявленія, писанное, очевидно, въ пылу возмущенія подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія:

„Россійская Соціаль-Демократическая Рабочая Партія.“

„На съѣздѣ 1898 г. было положено основаніе Рос. С.-Д. Р. П., но, къ сожалѣнію, ея дальнѣйшій ростъ и развитіе были задержаны цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и только въ послѣднее время, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ разброда и шатаній, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ господства экономизма и революціоннаго кустарничества въ русской соціаль-домократіи, снова поставленъ вопросъ о созданіи единой общероссійской партійной организаціи: желѣзная логика жизни привела русскихъ соц.-демократовъ къ сознанію ея необходимости и полнѣйшей непригодности прежней тактики и прежнихъ методовъ организаціи. Событія послѣднихъ лѣтъ ясно показали всю неподготовленность нашей партіи къ ея исторической миссіи — быть руководителемъ народа въ его борьбѣ съ царизмомъ, — она была захвачена въ расплохъ бурнымъ движеніемъ 1901 и 1902 г.г. и оказалась не въ состояніи использовать его въ надлежащихъ размѣрахъ. Русскій пролетаріатъ въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ далъ блестящее доказательство тому, что онъ выросъ изъ узкихъ рамокъ борьбы за мелкія требованія, „сулящія осязательные результаты“, что она не можетъ удовлетворить проснувшихся въ немъ запросовъ, что ему нужно болѣе широкое поле дѣятельности. Результатомъ этого явился рѣшительный поворотъ русской соціаль-демократіи. Голоса экономистовъ, почти безраздѣльно господствовавшихъ въ 1898-1900 г.г., начинаютъ стихать; теорія стадій сдается въ архивъ; на первый планъ выдвигается вопросъ организаціи соц.-демократической партіи, не партіи „экономической борьбы съ фабрикантами и правительствомъ“, а партіи широкой политической борьбы. (Не послѣднее мѣсто занимаетъ здѣсь дѣятельность организаціи „Искры“, не мало содѣйствующей дѣлу объединенія наличныхъ революціонныхъ силъ и подготовляющей для него почву своей энергичной всероссійской агитаціей). И въ этотъ моментъ, когда русская соціаль-демократія стоитъ наканунѣ окончательнаго созданія и укрѣпленія партійной организаціи, когда на обязанности каждой соц.-дем. группы лежитъ посильное содѣйствіе дѣлу объединенія, Комитетъ Рабочей Организаціи выступаетъ отъ имени Петербургскаго Союза Борьбы съ программнымъ заявленіемъ, носящимъ совершенно противоположный характеръ. Авторы этого заявленія ни словомъ не упоминаютъ о своей принадлежности къ партіи, хотя Петербургскій Союзъ, отъ имени котораго они выступаютъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ основателей ея и принялъ названіе Мѣстнаго Комитета. Въ настоящее время, когда самой жизнью поставленъ вопросъ о завершеніи начинаній съѣзда 1898 г., когда начинаютъ оживать и поднимать голову несоціаль-демократич революціонныя организаціи, когда все въ обществѣ находится въ состояніи броженія, — въ высшей степени важно и необходимо сплоченіе всѣхъ русскихъ соц.-демократическихъ группъ вокругъ девиза Рос. С.-Дем. Раб. Пар., въ настоящее время уже нельзя ограничиваться общимъ заявленіемъ, что „по основнымъ убѣжденіямъ и цѣлямъ мы — соц.-демократы“, какъ это дѣлаетъ Комитетъ Рабочей Организаціи; теперь русскій соц.-демократъ обязанъ рѣзко и опредѣленно заявить о своей принадлежности къ партіи, и умалчивая объ этомъ, ограничиваясь въ своемъ заявленіи заголовкомъ „Союзъ Борьбы за освобожденіе раб. класса“, Комитетъ Раб. Организаціи тѣмъ самымъ, можетъ быть и невольно, отказывается отъ нея, подчеркиваетъ, что не принадлежитъ къ ней. Въ то время, когда передъ русской соц.-демокртіей стоитъ задача созданія политической партіи, которая взяла бы на себя гегемонію въ борьбѣ съ самодержавіемъ и высшее руководство борьбой пролетаріата противъ „всѣхъ формъ національнаго и политическаго угнетенія“, въ это время Ком. Раб. Орг. признаетъ, „что самымъ важнымъ условіемъ развитія рабочаго движенія и успѣха нашей борьбы является самодѣятельность рабочаго класса“ и находитъ, „что Рабочая Организація во главѣ со своимъ Комитетомъ должна имѣть руководящее значеніе въ дѣятельности Союза Борьбы“. Очевидно авторы заявленія ничего не забыли и ничему не научились; для нихъ совершенно безслѣдно прошелъ тяжелый періодъ всеобщаго разброда и шатаній, періодъ съуженія революціоннаго размаха партійной дѣятельности и борьбы революціонныхъ элементовъ партіи съ оппортюнизмомъ; для нихъ, какъ и для печальной памяти авторовъ „Credo“ — соціаль-демократія не революціонная политическая партія, а трэдъ-юніонистское бюро, обслуживающее исключительно нужды рабочаго движенія. Высшій принципъ „самодѣятельность“! Высшее учрежденіе „Рабочая Организація“!“ И это въ моментъ обостренія революціонной борьбы, когда рабочія массы рвутся на бой за свободу, когда по всей Россіи то и дѣло раздаются раскаты грома народнаго негодованія и до боли ощущается отсутствіе и необходимость крѣпкой революціонной организаціи, которая могла бы явиться руководителемъ этого всенароднаго движенія! Комитетъ Раб. Орган. забываетъ, что задачи нашей Партіи по существу революціонны и слѣдовательно во главѣ ея должна стоять не Раб. Орган., а организація революціонеровъ; что именно на обязанности соц.-демократіи — поднять рабочее движеніе съ узкаго русла трэдъ-юніонистской политики и направить на широкій путь соціаль-демократической борьбы противъ всего существующаго строя.

Выдвигая, какъ руководящій принципъ „самодѣятельность рабочаго класса“, отождествляя Раб. Орган. съ организаціей революціонеровъ, — онъ воскрешаетъ традиціи самаго грубаго экономизма и въ высшей степени вредное дѣленіе соц.-демократовъ на рабочихъ и интеллигентовъ. Ограничивая въ настоящее время свое воздѣйствіе на пролетаріатъ пробужденіемъ „въ рабочемъ классѣ яснаго сознанія тѣхъ его правъ, которыя должны быть осуществлены непосредственно за введеніемъ конституціи“ и умалчивая о тѣхъ „правахъ“, которыя не могутъ быть осуществлены въ ближайшемъ будущемъ, авторы заявленія тѣмъ самымъ выдвигаютъ пресловутую теорію стадій „сѣрой повседневной борьбы за требованія, сулящія осязательные результаты“ и ясно показываютъ, что совершенно всуе называютъ себя соц.-демократами. И они еще находятъ возможнымъ говорить объ исправленіи „недостатковъ прошлаго“! Какіе недостатки хотятъ они исправлять? Ужъ не отказъ-ли русской соц.-демократіи отъ программы „Credo“ считаютъ они подлежащимъ исправленію недостаткомъ?

Не возвратъ къ изжитымъ, самой жизнью отвергнутымъ методамъ тактики и организаціи, не преклоненіе передъ стихійнымъ движеніемъ полусознательныхъ массъ, а созданіе крѣпкой революціонной организаціи и пробужденіе въ рабочемъ классѣ всесторонняго классового сознанія, т. е. пріобщеніе его къ международному соціалистическому движенію, — такова задача русской соц.-демократіи, и всякія попытки совлечь ее съ этого широкаго пути на узкую тропинку трэдъ-юніонизма и борьбы „за требованія, сулящія осязательные результаты“ являются вредными и потому подлежащими самому строгому осужденію.

На основаніи этого, принимая во вниманіе: 1) что умалчивая о своей принадлежности къ партіи, Ком. Раб. Орг. тѣмъ самымъ отказывается отъ нея, и что такое отношеніе къ ней является совершенно недопустимымъ для людей, называющихъ себя соціаль-демократами; 2) что въ виду этого Ком. Раб. Орган. не имѣлъ права выступить отъ имени Петербургскаго Союза Борьбы, который до сихъ поръ принадлежитъ къ партіи и не объявлялъ о своемъ уходѣ изъ нея; 3) что К. Р. О. является выразителемъ самаго грубаго и узкаго экономизма, принижающаго соц.-дем. до трэдъ-юніонизма; 4) что такое толкованіе задачъ соц.-демократіи является крайне вреднымъ и недопустимымъ съ точки зрѣнія революціоннаго марксизма и совершенно противнымъ принципамъ Манифеста Рос. С.-Д. Р. П.; 5) что выступленіе Ком. Раб. Орг. съ такимъ толкованіемъ этихъ задачъ, заключая въ себѣ сѣмена новаго разлада и разъединенія, особенно вредно въ настоящее время, когда самой настоятельной потребностью русской соціаль-демократіи является созданіе общероссійской революціонной организаціи, мы считаемъ своимъ долгомъ выразить нашъ протестъ и самое рѣшительное осужденіе тактики и принципіальныхъ и организаціонныхъ взглядовъ Ком. Раб. Орг., поскольку они выразились въ его программномъ заявленіи.

Да здравствуетъ революціонная международная соц.-демократія!
Да здравствуетъ революціонная Рос. С.-Д. Р. П.!

Представители Комитета Латышской С.-Д. Организаціи въ Прибалтійскомъ краѣ и Русская С.-Д. группа.

Намъ прислано слѣдующее заявленіе:

„Нижегородскій Комитетъ, заявляя о своей солидарности съ „Искрой“ по вопросамъ программы, тактики и организаціи, признаетъ ее своимъ руководящимъ органомъ и желалъ бы видѣть ее общепартійнымъ органомъ.“

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Таганрогъ. Вечеромъ 11 сентября въ г. Таганрогѣ на вокзалѣ, по пріѣздѣ харьковскаго поѣзда, былъ арестованъ К. И. Сопетовъ. Въ ту же ночь были обыски (приблизительно 12), арестовано еще два рабочихъ. — Въ станицѣ Каменской около середины октября по телеграммѣ изъ Питера былъ произведенъ обыскъ у г-жи Кунделековой. При обыскѣ, кажется, найденъ только одинъ дневникъ. Прокуроромъ предложено ей было 48-49 вопросовъ. — На границѣ въ Александровѣ арестованъ студентъ Кириченко, ѣхавшій изъ Берлина.

Бѣжали за послѣдніе два мѣсяца изъ Вятской губ.: 1) Петерб. студ. Горбачевъ (изъ Котельнича), 2) Петерб. лѣсникъ Рерихъ, 3) дантистъ Керҗнеръ изъ Глазова. 4) Моск. студ. Величкинъ изъ с. Слудскаго, Орл. уѣзда. Въ СПБ. арест. инженеръ Сокольскій, Шапошникова, бестужевка Левицкая, рабочіе Петровъ и Гроздинскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Лаврушка. Получаемъ, пишите.

Изъ Цюриха: 1) за литературу 39 фр. 90 с., черезъ М-ую изъ Л.: отъ Маруси „Искрѣ“, созидающей Р. С.-Д. Р. П. 20 м., съ реферата 12 мар., для бѣж. изъ кіев. тюр. 7 м., для Сибир. кассы 3 м. 50 пф.; 2) Отъ Б-го кружка черезъ С. 10 р.; 3) изъ Ліон. кол. для Крас. Креста 25 фр. 80 с., 4) отъ Фанни 62 фр. 5) изъ Л. черезъ М-ую 100 мар.; 6) собрано цюрихск. групп. въ пользу семей убитыхъ и ранен. въ Ростовѣ 78 фр. 66 с.; 7) изъ Берна отъ Х. Р. въ пользу семей убитыхъ и ранен. въ Ростовѣ 15 фр.; 8) изъ Мюнхена 300 мар.; 9) отъ одес. тов. въ Нью-Іоркѣ для одес. арест. и ссыльн. 70 р.; Съ „реферата Ма“ 42 фр. Изъ Берна; за литературу 87 фр. 75 с. и отъ А.В.С. 12 фр. 30 сnт. Изъ Льежа: отъ группы уральс. соц.-дем. 52 р., отъ студентовъ поляковъ въ Льежѣ для бѣж. изъ кіев. тюр. 20 фр. Изъ Женевы: съ реферата Ленина 151 фр. 40 с., отъ спектакля 148 ф. за литературу 73 ф. 25 с., по подпис. лис. 15 фр. и член. взносы мѣст. группы 6 фр. Изъ Парижа; сборъ съ веч., по подпис. лис. и за литерат. 615 фр.; изъ Южн. Африки отъ С. И. К. 15 фр. За лит. изъ Лонд. 10 ш. 8 п. Въ № 27 „Искры“ пропущ. 25 дол. за лит. изъ Н.-Іорка. Чер. Г. С. Д. 420 м. 84 п. изъ нихъ для бѣжавш. 37 м., для ростовц. 92 30 м. Отъ Харьковск. Ком. 125 р. Съ предпріятія 100 р. Отъ сибиряка В. 15 р. Въ Берлинѣ гр. „Искры“ собрано въ пользу ростовцевъ и отправлено въ Донск. Ком. 28 м.

Вышла вторымъ изданіемъ брошюра Н. Ленина „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“ съ предисловіями П. Б. Аксельрода (къ первому изданію) и автора (ко второму изданію).

Печатается брошюра К. Каутскаго: „Соціальная революція“ (I. Соціальная революція и соціальная реформа. II. На другой день послѣ соціальной революціи). Переводъ съ нѣмецкаго.

Въ нѣмецкомъ соціаль-демократическомъ журналѣ „Die Neue Zeit“ напечатана въ двухъ номерахъ (№№ 11 и 12) статья В. И. Засуличъ: „Террористическое теченіе въ Россіи“. Мы надѣемся познакомить съ этой статьей и русскихъ читателей.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 31 1-го января 1903 года. № 31

ИДЕЙНЫЯ ТРАДИЦІИ И ИДЕЙНЫЯ ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРСКАГО СОЦІАЛИЗМА.

„Не надо полемики!“ кричатъ намъ противники соціалдемократіи изъ другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ теченій. Надо бороться съ общимъ врагомъ — самодержавіемъ, а не растрачивать силы на „братоубійственную“ войну.

И въ то же время почти каждый номеръ газетъ, издаваемыхъ этими противниками, приноситъ съ собой новое нападеніе на ту или иную идею, составляющую основной элементъ нашего соц.-демократическаго міровоззрѣнія. Люди, видимо, хотятъ „объединенія“ или „сближенія“, но практика политической дѣятельности неудержимо заставляетъ ихъ вырабатывать свою собственную программу, которая стала бы идейнымъ центромъ для сплоченія пробуждающихся силъ тѣхъ классовъ, которыхъ интересы они стремятся выразить. А такъ какъ эти интересы не совпадаютъ съ интересами пролетаріата, такъ какъ, поэтому, политическія партіи, служащія этимъ интересамъ, стоятъ во всѣхъ основныхъ соціально-политическихъ вопросахъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ какую занимаетъ партія пролетаріата, и такъ какъ, по условіямъ русскаго общественнаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, партія пролетаріата успѣла раньше другихъ классовыхъ партій опредѣлить основные элементы своего міровоззрѣнія и утвердить ихъ вліяніе на всю революціонную среду, то естественно, что каждый шагъ въ формированіи вновь выступающихъ партій долженъ сопровождаться аттакой на то или иное — программное или тактическое — положеніе пролетарской партіи.

Благодаря всему ходу русскаго политическаго развитія общественныя идеи, выражающія собой классовые интересы русскаго пролетаріата, на время стали достояніемъ всей серьезно-революціонной части русской интеллигенціи. Знаменемъ для всѣхъ серьезныхъ враговъ самодержавія сталъ научный „марксистскій“ соціализмъ — эта идеологія классовой борьбы пролетаріата. Было время — и еще недавно — когда активно бороться съ основами самодержавія можно было только во имя рабочаго движенія. Въ легальной печати и въ ученыхъ обществахъ — конечно, въ обезцвѣченномъ видѣ — марксизмъ задавалъ тонъ всей передовой части интеллигенціи.

Не особенными талантами русскихъ соціалдемократовъ объяснялось это явленіе. Оно коренилось въ томъ фактѣ, что въ эпоху общественной реакціи 15-ти лѣтъ, послѣдовавшихъ за 1 марта, одинъ только русскій пролетаріатъ, какъ классъ, проявилъ политическій смыслъ, одинъ только онъ неудержимо развивался и оказался способнымъ не только вести общественную борьбу, но и — въ силу этого — поглощать общественныя симпатіи всѣхъ активно революціонныхъ элементовъ, выдѣлявшихся нашимъ обществомъ. Старый русскій соціализмъ, разбитый на голову въ лицѣ Нар. Воли, не могъ уже возродиться въ видѣ особаго политическаго направленія внѣклассовой интеллигенціи, отражавшей въ своихъ воззрѣніяхъ интересы еще не диференцировавшейся, еще не разложившейся массы „трудящагося народа“. Вмѣстѣ съ этой не дифференцированной массой, которую капитализмъ быстро разлагалъ на мелкую буржуазію и пролетаріатъ, исчезла и соціальная почва для стараго народническаго соціализма. Интеллигенція, тяготѣвшая къ еще не пролетаризированной массѣ „народа“, все болѣе пропитывалась мелкобуржуазными взглядами и въ эпоху общественной реакціи все болѣе подпадала подъ вліяніе буржуазнаго либерализма. Подъ флагомъ „традицій 70-хъ годовъ“ эта интеллигенція къ 90-мъ годамъ сохранила чистобуржуазную программу крошечныхъ соціальныхъ реформъ для „спасенія“ кустаря и крестьянина отъ впаденія въ пролетаріатъ, т. е. въ сущности, отъ присоединенія къ классовой борьбѣ пролетаріата. По мѣрѣ того, какъ эта классовая борьба росла и крѣпла, демократическая интеллигенція вынуждалась занять опредѣленное положеніе на сторонѣ того или другого класса, — и революціонная ея часть усваивала идеи научнаго соціализма, а нереволюціонная масса навсегда прощалась съ соціализмомъ, плетясь во хвостѣ либеральной буржуазіи съ ея платоническими вздохами о конституціи и съ ея вѣрой въ соціальное чудо грошовыхъ реформъ.

И въ то время, какъ почтенные „хранители завѣтовъ Желябовыхъ и Перовскихъ“, болтая о террорѣ и ворча по поводу „узости“ и „черствости“ соц.-демократической программы, тихо-смирно сидѣли по провинціальнымъ уголкамъ, ограничивая свою „политическую“ дѣятельность содѣйствіемъ всякимъ „культурнымъ начинаніямъ“ либеральныхъ пѣнкоснимателей, въ то время, какъ въ унисонъ съ либералами они хныкали по поводу „безъидейности молодого поколѣнія“, — это самое молодое поколѣніе дѣлало единственно-революціонное дѣло, шло „въ народъ“, въ фабричную среду и — часто неумѣло, часто примитивно-кустарными способами, безъ какого бы то ни было опыта, безъ знанія объ опытѣ своихъ предшественниковъ, — неуклонно все же сѣяло въ широкихъ массахъ пролетаріата жажду борьбы съ современной дѣйствительностью и возбуждало въ нихъ стремленіе къ классовой организаціи. Тысячи рабочихъ и интеллигентовъ должны были наполнить собою тюрьмы и мѣста ссылки, чтобы вырвать страну изъ того состоянія безнадежнаго унынія и политической придавленности, въ которомъ мы, русскіе соц.-демократы, получили ее въ наслѣдіе отъ нашихъ политическихъ предшественниковъ.

Такимъ образомъ, когда подъ вліяніемъ той же классовой борьбы русскаго пролетаріата радикально измѣнилась вся атмосфера нашей общественной жизни, когда революціонное броженіе, созданное этой борьбой, стало выдвигать на политическую арену новые и новые общественные слои, къ этому времени въ русской интеллигенціи сложилась довольно прочная идейная традиція пролетарскаго соціализма, и всякій шагъ по пути образованія новыхъ партій, которыя выразили бы интересы не-пролетарскихъ классовъ, могъ совершаться только за счетъ этой традиціи, только путемъ вытравленія ея изъ сознанія революціонно-настроенныхъ элементовъ.

Открытому политическому выступленію новыхъ общественныхъ силъ всегда предшествуетъ чисто-идейная борьба, расчищающая имъ дорогу. Отраженное вліяніе пролетарскаго движенія на массу демократіи и на либеральную буржуазію проявлялось еще только въ первомъ обще-студенческомъ движеніи зимы 1898-99 годовъ и въ оживленіи оппозиціоннаго теченія въ земствахъ, когда въ „передовой“ нашей литературѣ начался открытый походъ противъ пролетарскаго соціализма подъ знаменемъ „критики марксизма“ или бернштейніанства.

Появленіе этой новой струи не означало — какъ казалось ея апостоламъ, — что мысль русскаго интеллигента переросла „узкія“ рамки удовлетворившаго ее на время пролетарскаго ученія. Этотъ фактъ означалъ только, что подъ вліяніемъ освѣжающей струи, внесенной въ русскую жизнь борьбой пролетаріата, политическое броженіе охватило настолько широкіе общественные слои, что создалась уже почва для новаго оживленія буржуазныхъ и мелкобуржуазныхъ программъ, что буржуазный либерализмъ и мелкобуржуазная демократія могла уже пытаться отколоться въ самостоятельныя политическія партіи.

Противъ партіи пролетаріата крупная и мелкая, эксплуатирующая капиталистическое развитіе и угнетенная имъ, буржуазія связана общей солидарностью интересовъ имущихъ противъ интересовъ неимущихъ. Противъ революціонной въ истинномъ смыслѣ слова программы соц.-демократовъ солидарно выступили идеологическіе представители русскаго либерализма и русскаго демократизма. „Критика“ объединила русскихъ „бернштейніанцевъ“ лагеря Струве съ народниками „Русскаго Богатства“. Исторической задачей „критическаго“ похода противъ пролетарской „догмы“ было отнять у пролетаріата часть примкнувшихъ къ нему демократическихъ элементовъ („интеллигенціи“). Изъ этой добычи вербуютъ себѣ нынче послѣдователей наши либеральная и „соц.-революціонная“ партіи. И по мѣрѣ того, какъ онѣ становятся на собственныя ноги, онѣ должны все болѣе энергично подчеркивать тѣ своеобразныя положенія своихъ программъ, которыя вырываютъ непроходимую пропасть между ними и партіей пролетаріата. Пока еще онѣ прикрываютъ эти свои шаги умилительными рѣчами объ общности ближайшихъ задачъ и т. п.; завтра, когда онѣ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы задаться прямой цѣлью уничтожить соціалдемократію, какъ самостоятельную партію русскаго пролетаріата, — завтра онѣ отбросятъ эти рѣчи и поведутъ съ нами войну „по настоящему“. Ибо существованіе такой партіи не въ интересахъ тѣхъ классовъ, интересы которыхъ выражаютъ эти партіи*).

Мы не должны дожидаться этого завтрашняго дня, чтобы начать борьбу противъ тѣхъ идей упомянутыхъ партій, которыя являются или могутъ явиться факторами, подтачивающими силу классового движенія пролетаріата. Для развитія этого классового движенія пролетаріата необходимо постоянное развитіе его самосознанія. А дѣло развитія классового самосознанія пролетаріата требуетъ критическаго отношенія ко всѣмъ и всякимъ общественнымъ программамъ, изъ какихъ бы классовъ таковыя ни выходили: оно требуетъ со стороны политическихъ представителей пролетаріата дѣятельнаго вмѣшательства въ процессъ выработки циркулирующихъ въ прогрессивной части общества политическихъ идей, дабы ни одна живая революціонная сила не была поглощена нереволюціоннымъ по существу движеніемъ, дабы ни одна частица собственныхъ силъ пролетаріата не была отвлечена въ сторону преслѣдованія безсмысленныхъ или реакціонныхъ задачъ.

Въ этомъ — оправданіе той борьбы за чистоту „догмы“, которая такъ часто ставится въ упрекъ намъ, революціоннымъ соц.-демократамъ. Въ этомъ — оправданіе нашей „принципіальной неуживчивости“ и нашей столь многимъ нелюбезной склонности къ „теоретизированію“ въ „наше время, когда“... когда всѣ не-пролетарскія партіи такъ кровно заинтересованы въ томъ, чтобы живыя силы русской революціи бросились вырывать у царизма политическую свободу, не имѣя ни собственнаго „плана“ политической борьбы, ни собственной активно-защищаемой политической программы. Мы не только не перестанемъ „теоретизировать“, но мы усиленно будемъ звать къ „теоріи“ всѣ живыя силы революціи, напоминая имъ, что цѣльное соціально-политическое міровоззрѣніе есть тотъ цементъ, которымъ активныя силы угнетеннаго общественнаго класса сплачиваются въ политическую партію.

Всѣ жалуются, что „людей много, и въ то же время людей нѣтъ“, что развитію революціоннаго броженія вширь не соотвѣтствуетъ ростъ умѣлыхъ руководителей движенія; что стихійно прорывающіяся вспышки пролетарской борьбы остаются неиспользованными для цѣлей агитаціи и политической организаціи. Но нужныя русскому пролетаріату агитаторскія и организаторскія силы не могутъ въ достаточномъ количествѣ выработаться на одной практикѣ нашей „будничной“ работы, такъ безжалостно втиснутой проклятымъ абсолютизмомъ въ рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частымъ выступленіемъ революціонныхъ организацій на арену открытой общественной борьбы, но и постояннымъ развитіемъ политической жизни въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, во всѣхъ группахъ и кружкахъ, составляющихъ нашу партію и тяготѣющихъ къ ней. Учить другихъ и самимъ учиться политической наукѣ, т. е. наукѣ разбираться въ выдвигаемыхъ общественнымъ движеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ — это такое дѣло соц.-демократа, которое онъ не можетъ запустить ни для какихъ „практическихъ“ задачъ, иначе онъ нанесетъ ущербъ этимъ самымъ практическимъ задачамъ. И той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несетъ на себѣ главное бремя нашей революціонной работы, мы не устанемъ повторять: вопреки всѣмъ стихіямъ, вопреки всѣмъ — хорошо намъ извѣстнымъ — трудностямъ вашей практической работы, отвоевывайте себѣ время и силы для выработки того главнаго орудія, безъ котораго вы безсильны будете служить своему знамени, — оружія революціоннаго міровоззрѣнія, революціонной программы. Помните, что въ моментъ, когда будетъ происходить ликвидація теперешняго, въ сущности подготовительнаго періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ самодержавія аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными соціальными силами, — что въ этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задастъ пролетаріату жизнь, — будетъ время безъ остатка отдать свои силы на борьбу за отвѣты, уже найденные.

ЗНАКОМЫЯ РѢЧИ.

Кто читаетъ „Освобожденіе“, тотъ помнитъ, вѣроятно, въ № 7 этого журнала статью земскаго гласнаго г. Т. озаглавленную „Мирная оппозиція или революціонная борьба?“ Въ каждомъ революціонерѣ эта статья неизбѣжно вызываетъ пожеланіе: вотъ кабы побольше было земцевъ, думающихъ и чувствующихъ, какъ г. Т., такъ ярко отличающійся отъ трезвенныхъ и осмотрительныхъ земскихъ голосовъ, обыкновенно раздающихся въ „Освобожденіи“. Въ № 12 этого журнала одинъ изъ такихъ голосовъ — самый осмотрительный — дѣлаетъ г. Т. „серьезныя“ (по его собственному убѣжденію) возраженія. Странное впечатлѣніе производитъ эта статья („Голосъ изъ земства“ за подписью „Гласный“) при первомъ бѣгломъ просмотрѣ: впечатлѣніе чего-то давнымъ-давно знакомаго чуть не наизусть, чего-то чрезвычайно типичнаго и въ то же время несерьезнаго. Если попытаться всмотрѣться въ это впечатлѣніе, то въ головѣ начинаетъ мелькать цѣлый рядъ какъ литературныхъ, такъ и личныхъ воспоминаній, отъ „Либерала на rendez-vous“ Чернышевскаго, различныхъ мѣстъ изъ Щедрина, множества второстепенныхъ лицъ изъ различныхъ романовъ и повѣстей, до подлинныхъ рѣчей солидныхъ и осмотрительныхъ, чуть-чуть либеральныхъ практиковъ, читающихъ обиженно-кислымъ тономъ не то нотацію своему несолидному, обыкновенно младшему по возрасту слушателю, не то панегирикъ своимъ собственнымъ достоинствамъ, въ непризнаніи которыхъ заподозрѣнъ собесѣдникъ. Эти рѣчи типичны вовсе не для однихъ земцевъ. Другимъ слогомъ, съ другими данными, но съ тѣмъ же духомъ ихъ можно услышать во всякой другой „просвѣщенной“ средѣ. Но какъ ни часто слышатся эти рѣчи, въ серьезъ ихъ обыкновенно не принимаютъ. Въ литературѣ онѣ никогда не вкладываются въ уста положительныхъ типовъ. Въ качествѣ положительныхъ рѣчей онѣ не годятся ни для вѣрноподданнической, ни для оппозиціонной печати. Для первой онѣ недостаточно реакціонны, для второй слишкомъ консервативны. Онѣ „не холодны и не горячи“, и поэтому всякое хоть чуть-чуть опредѣленное направленіе не можетъ не „изблевать“ ихъ, какъ это и въ священномъ писаніи сказано. Но по своей распространенности, онѣ все же представляютъ собою нѣкоторую безсильную силу, ослабляющую, какъ сырость въ воздухѣ, силу „пожара“, о которомъ говоритъ г-нъ Т. Прислушаемся же къ одной изъ такихъ рѣчей, раздающейся на этотъ разъ съ необычной для нихъ трибуны свободнаго органа, редакторъ котораго рекомендуетъ ее въ качествѣ статьи „обильной мѣткими замѣчаніями“.

Приступая къ возраженію, авторъ „Голоса изъ земства“ прежде всего поднимаетъ одно личное замѣчаніе г. Т. Указывая своимъ земскимъ коллегамъ на все громадное значеніе начинающагося въ Россіи революціоннаго „пожара“, подъ дѣйствіемъ котораго „оппозиціонныя убѣжденія превращаются въ неудержимую потребность дѣйствовать“, г. Т. замѣчаетъ, что и его собственное „политическое воспитаніе“ завершилось подъ впечатлѣніемъ демонстрацій. Авторъ статьи „Голосъ изъ земства“ спѣшитъ, въ видѣ возраженія, сообщить данныя о своемъ собственномъ политическомъ воспитаніи. Ему для завершенія курса этого воспитанія никакихъ демонстрацій не понадобилось, а было „вполнѣ достаточно прочно сложившагося убѣжденія въ совершенной несовмѣстимости самодержавнаго строя съ современными потребностями русскаго общества“. Только такое убѣжденіе, поучаетъ онъ, и „можетъ создать ту Ганнибаловскую ненависть, при которой единственно возможна долгая и упорная борьба“.

За то при ненависти борьба, очевидно, возможна и вдобавокъ, болѣе долгая и упорная, чѣмъ у тѣхъ, которые получили менѣе солидное воспитаніе? Ничуть не бывало! Это такъ только вступленіе („мы, молодой человѣкъ, не такъ воспитывались, мы это лучше васъ знаемъ“ и проч.), а борьба, по мнѣнію автора „Голоса изъ земства“, совершенно невозможна, если не называть борьбой прошенія. Въ опроверженіе словъ г. Т., что „конституціи не выпрашиваютъ, а берутъ“, онъ снова ссылается на собственный опытъ земскаго гласнаго, пережившаго всѣ земскія „реформы Александра III“ и ни разу не видѣвшаго возможности бороться чѣмъ-либо инымъ, кромѣ прошеній. Но вѣдь реформы были произведены полностью и, повидимому, изъ собственнаго опыта г. „Гласнаго“ слѣдуетъ, что при отсутствіи революціоннаго „пожара“ нельзя „выпросить“ простой остановки „реформъ“, не говоря уже о новыхъ поблажкахъ. Но читатель сильно ошибется, если вообразитъ, что тотъ же выводъ сдѣлалъ и г. „Гласный“. Пригласивъ г. Т. „смотрѣть на положеніе вещей спокойно“ и „подсчитать силы“, онъ неожиданно объявляетъ, что „ходатайствами достигнуто уже многое“. А именно? „Невведеніе“ медицинскаго устава и непримѣненіе наказа Боголѣпова служатъ „блестящимъ доказательствомъ“ плодотворности ходатайствъ. Земство и впредь не должно сворачивать съ пути, на которомъ уже достигнуты такіе результаты. Г. „Гласный“ желалъ бы только, чтобы земскія ходатайства, „не измѣняя своей традиціонной формѣ“, продолжая пріурочиваться „къ потребностямъ даннаго района, уѣзда или губерніи“, становились болѣе категорическими по существу и подавались единодушнѣе. Другой роли для земства, по убѣжденію г. „Гласнаго“, „быть не можетъ“.

И г. Т., страстно призывая земскихъ дѣятелей принять участіе въ освободительной борьбѣ, допускаетъ мысль, что они останутся при своей традиціи и выйдутъ сказать свое „вѣское слово“ лишь послѣ крушенія стараго политическаго строя. „Но врядъ-ли такая роль птицъ небесныхъ, собирающихъ тамъ, гдѣ не сѣяли, говоритъ онъ, принесетъ много гражданской чести представителямъ земли“. Нравственной силы и красоты въ такомъ поведеніи онъ не видитъ.

---

*) Это не значитъ, чтобы либералы или соц.-революціонеры были заинтересованы въ уничтоженіи рабочаго движенія. И та, и другая партія понимаютъ, что въ ихъ собственныхъ интересахъ его усиленіе. Онѣ лишь заинтересованы въ томъ, чтобы пролетаріатъ не выдѣлялся въ особую политическую партію съ своей классовой программой.

Вотъ эти то заключительныя слова статьи г. Т. и вызвали, повидимому, къ жизни всю статью г. „Гласнаго“. Въ его глазахъ та роль мирныхъ тружениковъ въ немирное время, которая такъ возмущаетъ г. Т., является самой почтенной и достойной гг. земцевъ. Кѣмъ и какъ будетъ произведенъ въ Россіи государственный переворотъ, это, думаетъ г. „Гласный“, еще неизвѣстно, земство же уже и теперь своей прошлой и настоящей дѣятельностью „завоевало себѣ почетное мѣсто... въ дѣлѣ политическаго освобожденія Россіи“. А въ будущемъ, когда переворотъ совершится, именно отъ земцевъ, воспитанныхъ въ „школахъ парламентаризма“ (какъ называетъ реакціонная печать земскія собранія) „можно всего больше... ожидать необходимой осмотрительности и умѣнія при введеніи въ жизнь новаго политическаго строя... А что касается красоты и силы... ихъ не меньше въ мало замѣтной тяжелой и суровой работѣ земскаго труженика, чѣмъ въ яркой роли политическаго мученика“.

Странное противопоставленіе. „Мученичество“ — не роль, а личныя послѣдствія не мирнаго труда, какъ бываютъ послѣдствія — пріятныя или непріятныя — и у мирнаго труженичества: заработанный достатокъ или пріобрѣтенная въ трудахъ болѣзнь. Во всякомъ случаѣ активная „роль“ въ политическихъ преслѣдованіяхъ принадлежитъ не „мученику“, а правительству, которое часто мучаетъ людей, не успѣвшихъ сдѣлать ему никакого зла, и не можетъ поймать (правда, рѣже) и замучить своихъ активныхъ враговъ. Роль мирнаго земскаго труженика можетъ быть законнымъ образомъ противопоставлена лишь роли труженика не мирнаго — борца, воина. Какая же роль въ моментъ борьбы красивѣе для людей, „убѣжденныхъ въ несовмѣстимости самодержавія съ потребностями Россіи“? Требуетъ-ли такое убѣжденіе присоединенія къ борьбѣ (при чемъ для публичнаго выраженія своего убѣжденія земцамъ нѣтъ надобности выходить на улицу, какъ иронизируетъ г. „Гласный“: у нихъ есть для этого болѣе удобная арена) или совмѣстимо съ мирнымъ продолженіемъ въ военное время традиціоннаго труженичества подъ сѣнію самодержавія? Въ какой роли больше нравственной красоты и силы? Дѣло вкуса, а вкусъ всецѣло обусловливается положеніемъ въ борьбѣ, отношеніемъ къ этой борьбѣ того, кто оцѣниваетъ.

Какъ ни узка сфера земскаго труженичества, всякій признаетъ, что луженые рукомойники все же лучше нелуженыхъ. Само по себѣ, безотносительно къ борьбѣ, это труженичество также почтенно и необходимо, какъ и заводская работа тружениковъ, выдѣлывающихъ рукомойники, какъ чтеніе и слушаніе лекцій, приготовляющихъ докторовъ для земскихъ больницъ. Въ обычное время всякій добрый человѣкъ можетъ только пожелать успѣха всѣмъ этимъ трудамъ. Но началась борьба, и оцѣнка сразу мѣняется. Труженики изъ числа студентовъ, продолжающіе слушать лекціи во время забастовки, профессора, продолжающіе читать ихъ, тотчасъ же пріобрѣтаютъ симпатіи правительства и живѣйшее отвращеніе какъ протестующихъ студентовъ, такъ и сочувствующей имъ публики. Тоже съ рабочими, желающими трудиться, когда ихъ товарищи вступили въ борьбу, — этихъ иногда бьютъ. И это вовсе не такого рода „нетерпимость“, которой могло бы и не быть. Какъ ни солидна земская среда, но и она не застрахована отъ этихъ чувствъ, хотя здѣсь они выразились бы, конечно, дипломатичнѣе. Если бы изъ людей, какъ г. Т., завершившихъ свое политическое воспитаніе въ атмосферѣ современной борьбы, и изъ такихъ стариковъ, которымъ политическая атмосфера ихъ молодости помогла понять всю громадную важность теперешняго момента, образовалась партія борьбы, восьмидесятники-же, вступившіе въ жизнь въ моментъ общественной реакціи и не видавшіе ничего выше „малыхъ дѣлъ“ и холоднаго „подсчета силъ“, (въ которомъ пропущена сила революціоннаго подъема, „вызывающаго неудержимую потребность дѣйствовать“), рѣшили остаться при своихъ малыхъ дѣлахъ и большой осмотрительности, то и въ земской средѣ неизбѣжно произошло бы самое рѣзкое расхожденіе во взаимной оцѣнкѣ общественнаго поведенія обѣихъ партій и распространилось бы на всю окружающую среду. Правительство сразу поняло бы всю „красоту и силу“ земскаго „труженичества“, сравнивъ его съ безобразіемъ борьбы, вся же освобождающаяся Россія произвела бы діаметрально противоположную оцѣнку. А если бы все земство — чего, мы надѣемся, не случится — воспользовалось бы совершающейся внѣ его революціонной борьбой лишь для того, чтобы выпросить непримѣненія кое-какихъ частныхъ мѣропріятій, приберегая силы къ моменту „введенія въ жизнь новаго политическаго строя“, то весьма возможно, что тогда-то именно вся накопленная имъ осмотрительность и осталась бы безъ примѣненія. Чтобы направлять въ такое время жизнь только-что освободившейся страны, нужны симпатіи населенія, необходимо его довѣріе. А земцы стали бы къ волнующейся странѣ въ то же положеніе, въ какое становится слишкомъ осмотрительный студентъ къ своимъ неосмотрительнымъ товарищамъ и возбудили того же рода чувства. Такимъ образомъ, ихъ великая осмотрительность оказалась бы въ концѣ концовъ неосмотрительной.

А редакція „Освобожденія“? Напечатавъ въ № 7 статью г. Т. и похваливъ его за страстность и искренность, она прибавляетъ, что „на многое смотритъ иначе, чѣмъ авторъ статьи“ и обѣщается вернуться къ затронутымъ имъ вопросамъ въ слѣдующемъ номерѣ. Ни въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ до самаго 12-го о статьѣ г. Т. рѣчи не было. За то въ № 11 „Освобожденія“, предложивъ либеральнымъ элементамъ русскаго общества взять лозунгомъ борьбы созваніе Земскаго Собора, г. Струве утверждаетъ, что когда (г. Струве пишетъ: „если“) правительство отвѣтитъ на это требованіе отказомъ и насиліемъ, то „боевой кличъ: долой самодержавіе! неизбѣжно и окончательно станетъ всеобщимъ лозунгомъ національнаго освобожденія“. Именно этого присоединенія либеральныхъ элементовъ къ революціонному лозунгу требовалъ прежде всего и г. Т. Но вотъ въ 12 № появляется, безъ всякихъ оговорокъ о несогласіи и съ рекомендаціей редакціи, ворчливый отвѣтъ г. „Гласнаго“, и въ полной гармоніи съ нимъ въ редакціонной статьѣ программа борьбы вдругъ замѣняется старо-мужицкой мечтой сказать царю правду. Она такъ проста и потрясающа, мечтаетъ редакторъ „Освобожденія“, что „не понять ея огромнаго и ужаснаго смысла могъ бы только Павелъ I“.

А вотъ не понялъ же авторъ статьи „Голосъ изъ земства“ всего огромнаго значенія современнаго момента, не умѣетъ же отличить его отъ царствованія Александра III и не хочетъ разстаться со старой традиціей. На какомъ же основаніи можно ждать отъ Николая II большей понятливости и меньшей преданности традиціямъ, чѣмъ отъ г. „Гласнаго“, который читаетъ „Освобожденіе“ и съ Павломъ I не имѣетъ ровно ничего общаго?

МОСКОВСКІЕ ЗУБАТОВЦЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 345, отъ 15 дек. 1902 г.) помѣщено „письмо къ издателю“ рабочаго Ф. А. Слѣпова, которое мы перепечатываемъ цѣликомъ ниже. Во-первыхъ, намъ хочется поощрить нашего почтеннѣйшаго „собрата по перу“, г. редактора „М. Вѣд.“ Грингмута, помѣстившаго столь интересный документъ. А въ поощреніи г. Грингмутъ, несомнѣнно, нуждается, ибо его высокополезная дѣятельность по доставленію (и освѣщенію) матеріала для революціонной агитаціи за послѣднее время какъ то ослабѣла, потускнѣла... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторыхъ, петербургскимъ рабочимъ въ высшей степени важно теперь слѣдить за каждымъ шагомъ зубатовщины, регулярнѣе собирать, шире распространять и обстоятельнѣе разъяснять всѣмъ и каждому свѣдѣнія о томъ, какъ обнявшіеся съ шпіонами рабочіе бесѣдуютъ съ бывшими, настоящими и будущими генералами, великосвѣтскими дамами и „истинно-русскими“ интеллигентами.

Вотъ это письмо, которое мы снабжаемъ нѣкоторыми примѣчаніями въ скобкахъ:

„М. Г. Не найдете-ли вы возможнымъ напечатать въ уважаемыхъ истинно-Русскими людьми „Моск. Вѣдомостяхъ“ слѣдующее:

10 числа текущаго мѣсяца въ Петербургѣ, въ помѣщеніи „Рус. Собранія“, происходило засѣданіе членовъ Совѣта названнаго „Русскаго Собранія“, посвященное исключительно вопросамъ, касающимся быта русскихъ заводско-фабричныхъ рабочихъ. — Изъ наиболѣе видныхъ представителей петербургскаго общества были слѣдующія лица: бывшій помощникъ Варшавскаго генералъ-губернатора генералъ К. В. Комаровъ, генералъ-контролеръ А. В. Васильевъ, полковникъ А. П. Веретенниковъ, графъ Апраксинъ, бывшій Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ А. П. Игнатьевъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, генералъ Забудскій, адмиралъ Назимовъ, Николай Вячеславичъ фонъ-Плеве, членъ Совѣта при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія И. П. Хрущовъ, профессоръ Генеральнаго Штаба Золотаревъ, В. С. Кривенко, гр. Н. Ѳ. Гейденъ, ген. Демьяненковъ, протоіерей Орнасскій и др. представители церкви; были также дамы великосвѣтскаго петербургскаго общества, а также изъ Городского управленія — городской голова Леляновъ и гласный Дехтеревъ. Изъ представителей печати В. В. Комаровъ, редакторъ „Свѣта“, В. А. Величко, редакторъ „Русскаго Вѣстника“, Сыромятниковъ, сотрудникъ „Новаго Времени, К. К. Случевскій, бывшій редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“, Лейкинъ, редакторъ-издатель журн. „Осколки“, художникъ Каразинъ и др. — Засѣданіе открылось чтеніемъ доклада о положеніи рабочихъ заводско-фабричной промышленности, каковой былъ прочитанъ рабочимъ И. С. Соколовымъ (см. о немъ въ № 30 „Искры“, гдѣ данъ, со словъ „Свѣта“, болѣе полный списокъ петербургскихъ рабочихъ-зубатовцевъ. Ред.). Докладчикъ главнымъ образомъ выяснилъ современное состояніе рабочаго класса въ промышленныхъ городахъ, ихъ нужды матеріальныя и духовныя, ихъ стремленія къ знанію и т. д. (Жаль, что не напечатанъ докладъ г. Соколова! Интересно бы посмотрѣть, какъ онъ могъ „выяснить“ стремленія рабочихъ къ знанію, не говоря о полицейской травлѣ этого стремленія. Ред.). Затѣмъ представители рабочихъ Москвы (не правильнѣе-ли было сказать: представители моск. Охраннаго Отдѣленія? Не на полицейскія-ли денежки и съѣздили Вы съ Вашими товарищами въ Питеръ, г. Слѣповъ? Ред.), въ числѣ которыхъ былъ и я, также имѣли честь присутствовать на засѣданіи „Русскаго Собранія“ и докладывать почтенному собранію о положеніи дѣлъ въ рабочемъ мірѣ Москвы. Въ своемъ докладѣ мы, прежде всего, выразили глубокую благодарность отъ имени русскихъ рабочихъ членамъ „Русскаго Собранія“ за то, что они допустили ихъ представителей выяснить то состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время рабочій классъ въ Россіи. Далѣе мы просили представителей высшаго русскаго общества обратить серіозное вниманіе на образованіе русскихъ рабочихъ (ну, конечно! Именно отъ высшихъ классовъ надо ждать рабочему образованія — посредствомъ нагайки, вѣроятно! Ред.), находящееся далеко не въ удовлетворительномъ видѣ, чѣмъ съ успѣхомъ пользуются злонамѣренныя личности для проведенія соціалистической пропаганды (если соціалистамъ выгоденъ недостатокъ образованія, то почему же это правительство закрываетъ школы для рабочихъ и закрываетъ читальни? что-то тутъ не такъ, г. Слѣповъ! Ред.). нанося этимъ вредъ не только рабочимъ, но и всему Государству Русскому. — Затѣмъ мы старались обратить вниманіе почтеннаго собранія на несочувствіе московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ къ идеѣ рабочихъ Москвы объединиться въ тѣсную семью, для учрежденія своихъ кассъ взаимопомощи, столь важныхъ для избавленія отъ гнетущей ихъ нужды. Въ связи съ этимъ мы просили членовъ почтеннаго собранія возбудить въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о кредитѣ для рабочихъ кассъ взаимопомощи (см. рѣчь нижегородскаго рабочаго Самылина на судѣ, въ № 29 „Искры“, о томъ, какъ его арестовали за участіе въ экономическомъ кружкѣ. Вотъ вамъ и образованіе, вотъ вамъ и кассы! Ред.). Несомнѣнно, что поддержка въ матеріальныхъ нуждахъ рабочихъ составило бы лучшее опроверженіе злонамѣренной пропаганды въ ихъ средѣ (неужели г. Слѣповъ — и попалась же такая удачная фамилія! — серьезно думаетъ, что сознательный рабочій изъ-за жалкихъ подачекъ откажется отъ стремленія къ свободѣ? А несознательную, темную массу „поддержать въ матеріальныхъ нуждахъ“ не въ силахъ даже самые высокопоставленные покровители зубатовцевъ, ибо для такой поддержки надо сначала измѣнить весь общественный строй, покоящійся на обездоленіи массъ. Ред.). — Эти фальшивые „доброжелатели“ рабочихъ говорятъ обыкновенно, что жизнь улучшить они могутъ только посредствомъ бунтовъ, возмущеній, сопротивленіи власти и т. п. Къ несчастію нашему такое подстрекательство имѣетъ иногда успѣхъ, какъ всѣ знаютъ. Мирное улучшеніе быта рабочихъ лучше всего опровергаетъ агитаторовъ. — Затѣмъ мы имѣли честь докладывать почтенному собранію, что въ Москвѣ, не смотря на сильнѣйшую безработицу, соціалистическая пропаганда за послѣднее время потеряла всякій успѣхъ (а мы недавно только слышали о громадныхъ арестахъ въ Москвѣ! Къ чему бы было и кого бы было арестовывать, еслибы пропаганда теряла успѣхъ?? Ред.) именно потому, что рабочіе начинаютъ уже организоваться, имѣя у себя Общество взаимнаго вспомоществованія, Общество потребителей, и потому что сочувственное вниманіе власти обращено уже на нужды рабочихъ, давъ возможность устроить для нихъ общеобразовательныя чтенія и т. п. — Кромѣ всего вышесказаннаго, мы докладывали также собранію о случаяхъ, бывшихъ въ Москвѣ, гдѣ мы фигурировали въ качествѣ посредниковъ-примирителей рабочихъ съ заводчиками и не только устраняли, но и предупреждали могущіе вспыхнуть безпорядки, такъ, напр., было на заводѣ Гакенталь, на заводѣ бр. Бромлей, на заводѣ Добровъ-Набгольцъ. Мы упомянули также о стачкѣ рабочихъ металлургическаго завода Гужонъ, гдѣ рабочіе прокатнаго и гвоздильнаго отдѣленій, хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмѣшательству, не дошли до безпорядковъ, и рабочіе стали на работу, послушавъ нашихъ товарищескихъ совѣтовъ (такихъ „товарищескихъ“ совѣтовъ довольно уже слушаютъ рабочіе при каждой стачкѣ и отъ полиціи, и отъ фабричныхъ инспекторовъ, которые всегда упрашиваютъ „стать на работу“. Это не товарищескіе, а полицейскіе совѣты. Ред.).

„Члены „Русскаго Собранія“ выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочихъ, помогающихъ полиціи въ ея дѣлѣ! Ред.) наши доклады и многіе высказались въ томъ смыслѣ, что надо серіозно задуматься надъ вопросомъ о рабочихъ и дать рабочимъ возможность и способы выбиться изъ подъ вліянія соціалистическаго ученія, (интересная картина: генералы и попы, зубатовскіе шпіоны и вѣрные полицейскому духу писатели собрались „помогать“ рабочему выбиваться изъ подъ вліянія соціалистическаго ученія! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожныхъ рабоч., которые пойдутъ на удочку. Ред.), допустивъ ихъ самодѣятельность, подъ контролемъ правительственныхъ узаконеній и подъ руководствомъ той части интеллигенціи, которая истинно любитъ свою родину и стремится къ благу и процвѣтанію ея (хороша самодѣятельность подъ контролемъ полиціи! Нѣтъ, рабочіе уже требуютъ теперь самодѣятельности при условіи свободы отъ полиціи, свободы выбора въ руководители такихъ интеллигентовъ, которымъ, они, рабочіе, довѣряютъ. Ред.). — В. В. Комаровъ, А. В. Васильевъ, полковникъ Веретенниковъ, г. Дегтяревъ, художникъ Каразинъ, князь Д. П. Голицынъ, и многіе другіе чрезвычайно тепло отнеслись къ вопросу о рабочихъ. Были высказаны мысли о необходимости учрежденія особыхъ совѣтовъ отъ рабочихъ съ центральнымъ во главѣ, роль которыхъ была бы благотворною въ смыслѣ предупрежденія возникающихъ недоразумѣній между рабочими и заводчиками. По выраженію г. Дегтярева, это слѣдуетъ допустить потому, что толпа никогда не можетъ дѣйствовать сознательно и что повліять на толпу рабоч. могутъ лучше всего сами рабочіе, приведя для примѣра существующія во Франціи такого рода учрежденія, съ успѣхомъ выполняющія вышеуказанныя задачи (Да, совѣты отъ рабочихъ имѣютъ успѣхъ во Франціи и во всей Европѣ. Это правда. Но они имѣютъ успѣхъ потому, что рабочіе пользуются тамъ политической свободой, имѣютъ свои союзы, свои газеты, своихъ выборныхъ въ парламентахъ. Неужели г. Дегтяревъ думаетъ, что петербургскіе рабочіе всѣ такъ наивны, чтобы не знать объ этомъ? Ред.). — Вопросъ о правительственномъ кредитѣ кассамъ взаимопомощи раб. также былъ встрѣченъ сочувственно членами „Русскаго Собранія“. Засѣданіе закончилось тѣмъ, что постановлено было избрать особую коммиссію, для обсужденія мѣръ по данному вопросу. — Мы надѣемся, что вы, г. редакторъ, какъ истинно-Русскій человѣкъ, отнесетесь также сочувственно къ намъ, рабочимъ, и позволите сообщить въ газетѣ вашей вышеприведенное, дабы лучшіе наши люди соединились всѣ для совмѣстной борьбы съ врагами нашей родины, вносящими въ народныя массы смуты, сѣющими сѣмена междуусобицъ, и ослабляющими преданность къ завѣтамъ старины, освященнымъ вѣками, уваженіе и благоговѣніе предъ Верховною Властью. — Мы твердо вѣримъ, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служеніе отчизнѣ, положить на алтарь ея свои силы и способности, и дружно сплотясь, поставить непреодолимую преграду неправдѣ и злу на Руси.

Рабочій Ф. А. Слѣповъ.“

А въ концѣ не могъ не проговориться г. Слѣповъ! Вся поддержка рабочихъ нуждъ, все сочувствіе со стороны правительства свелась къ одному: изъ рабочихъ же образовать группы для борьбы съ соціализмомъ. Вотъ это правда. И рабочимъ очень интересно будетъ узнать, что кромѣ нагаекъ и тюремъ, ссылки и тюремъ въ нихъ будутъ еще внѣдрять „уваженіе и благоговѣніе предъ Верховной Властью“ гг. зубатовскіе рабочіе. На открытыхъ собраніяхъ ни одинъ разумный рабочій не станетъ говорить то, что онъ думаетъ, — это значило бы прямо отдаваться въ руки полиціи. А посредствомъ своихъ газетъ, своихъ листковъ и своихъ собраній мы можемъ и должны добиться того что новый зубатовскій походъ весь пойдетъ на пользу соціализму.

ОПЕКАЕМОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

Всероссійскій студенческій съѣздъ 1902 г. нашелъ, какъ извѣстно, желательнымъ, чтобы студенческіе организаціонные комитеты „состояли въ сношеніяхъ съ мѣстными комитетами Рос. С.-Д. Раб. Партіи“. Въ настоящее время Кіевскій Союзный Совѣтъ объед. земл. и орган. и Орган. Ком. Кіевскаго Полит. Института выступаютъ противъ резолюціи съѣзда съ „Открытымъ Письмомъ“. Своему протесту авторы его придаютъ почему-то дипломатически-замаскированную форму, заявляя, что они не думаютъ „вторгаться въ сферу компетенціи съѣзда“ и предлагаютъ лишь „болѣе широкое толкованіе“ одного изъ параграфовъ Манифеста Всероссійскаго Студенческаго Съѣзда. „Студенчество, какъ таковое, говорятъ авторы „Откр. Письма“, не можетъ примыкать всецѣло ни къ партіи соц.-рев., ни къ соц.-дем. Студенчество, какъ таковое, представляетъ изъ себя источникъ, изъ котораго вербуютъ себѣ членовъ какъ обѣ указанныя партіи, такъ и другія революціонныя организаціи и группы. Въ силу этого, студенчество не можетъ отдавать предпочтеніе той или иной революціонной фракціи“. Мы не можемъ согласиться съ мотивировкой авторовъ „Откр. Письма“. Предлагая студенческимъ организаціоннымъ комитетамъ вступать въ сношенія съ соц.-дем. комитетами, съѣздъ, разумѣется, не обязывалъ революціонное студенчество принимать всю программу соц.-демократіи. Соотвѣтственная резолюція имѣла въ виду сближеніе съ партіей, но не вступленіе въ партію. „Студенчество, какъ таковое“, т. е. какъ коллективный авторъ университетскихъ безпорядковъ, демонстрацій и политическихъ резолюцій, имѣетъ свою физіономію, независимую отъ взглядовъ тѣхъ или иныхъ входящихъ въ его составъ студентовъ. Эта физіономія — демократическая. На почвѣ революціонно-демократическихъ требованій „студенчества, какъ таковою“ (только отъ его имени и могъ говорить съѣздъ, не посягавшій, разумѣется, на убѣжденія отдѣльныхъ студентовъ-революціонеровъ), возможенъ и желателенъ его союзъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Въ виду того, что между соц.-дем. и соц.-рев. существуетъ такъ-наз. „междуфракціонная“ (въ сущности, гораздо болѣе глубокая) борьба, передъ демократическимъ студенчествомъ стоитъ задача политически разумнаго выбора, — а поскольку преобладающую роль въ рабочемъ движеніи играетъ соц.-демократія въ лицѣ своихъ мѣстныхъ комитетовъ, резолюція съѣзда является политически-цѣлесообразнымъ актомъ. Вопросъ, однако, поставленъ жизнью не такъ. Лучшая часть студенчества уже не удерживается на чисто-политической почвѣ февральскихъ „резолюцій“ этого года и проявляетъ все усиливающіяся тяготѣнія въ сторону соціализма. Мы можемъ лишь привѣтствовать это теченіе, и если оно связано съ расколомъ, — мы привѣтствуемъ расколъ!

Суевѣрный страхъ передъ „раздѣленіемъ“, хотя бы это раздѣленіе было глубоко-прогрессивно по существу, мы предоставляемъ соц.-револ. Тамъ онъ на своемъ мѣстѣ.

„Рев. Рос.“ (№ 13), вѣрная своимъ „соц.-револ.“ методамъ — погребенія реальныхъ противорѣчій подъ мавзолеями „объединительныхъ“ фразъ — и на этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы углубиться въ вопросъ, отдѣлывается общими добродѣтельными мѣстами и неустанно

„Льетъ примирительный елей...“

Газета „съ удовольствіемъ“ (еще бы!) печатаетъ „открытое письмо“ организованнаго кіевскаго студенчества и выражаетъ увѣренность, что „студенты другихъ городовъ вполнѣ согласятся съ кіевлянами, что не слѣдуетъ вводить въ студенчество междуфракціонной борьбы, столь вредной для успѣха революціонно-соціалистическаго дѣла“.

„Рев. Рос.“, какъ видимъ, говоритъ о студенчествѣ не только какъ о революціонно-демократической молодежи, но какъ объ отрядѣ, ведущемъ революціонно-соціалистическую (не просто демократическую) борьбу. Что же можетъ рекомендовать „Рев. Рос.“ этому студенчеству, стоящему передъ фактомъ „междуфракціонной“ борьбы соц.-дем. и соц.-рев.? Создать „для успѣха револ.-соціалистическаго дѣла“ какую-нибудь „объединенную организацію“ студентовъ соц.-рев. и студентовъ соц.-дем., рядомъ съ уже существующими и борющимися партіями? Или заранѣе отказаться отъ углубленія въ смыслъ фракціонныхъ разногласій, а значитъ и отъ соціалистической работы, ибо послѣдняя предполагаетъ выборъ партій, а слѣд., и расколъ, „столь вредный для успѣховъ“ примирительской политики мелкобуржазныхъ революціонеровъ. Итакъ — назадъ? Но вѣдь и та чисто-„политическая“ борьба студенчества, которая выразилась въ февральскихъ „резолюціяхъ“, повела къ расколу между академиками и политиками... Въ средѣ самихъ „политиковъ“ рядомъ съ демократическимъ большинствомъ могутъ оказаться студенты, тяготѣющіе, подъ вліяніемъ „отцовъ-умѣренныхъ“, въ сторону цензоваго либерализма, представленнаго г-номъ Струве. Не отойти-ли, во избѣжаніе раскола, назадъ и отъ политики?

Правда, „Рев. Рос.“ ограничиваетъ почему-то вредъ раскола лишь „революціонно-соціалистическимъ“ студенчествомъ. Но неужели же достаточно назвать глубокія и все углубляющіяся разногласія между соц.-дем. и соц.-рев. „междуфракціонной“ борьбой, чтобы утратилъ въ глазахъ мыслящей части студенчества весь смыслъ тотъ фактъ, что одна изъ „фракцій“ (чего?) считаетъ авантюристскую тактику другой „фракціи“ „вредной для успѣховъ революціонно-соціалистическаго дѣла?“ Не пора-ли, г-да соц.-рев., бросить эту негодную тактику недомолвокъ, этотъ языкъ „огорченности“, эту дипломатію... страуса!

А членамъ Союзнаго Совѣта, отъ которыхъ, конечно, нельзя требовать большой политической опытности, мы скажемъ такъ:

Въ области политики добрая ссора нерѣдко выгоднѣе худого міра. Политическіе союзы опираются на отчетливо сознанную общность интересовъ, а не на затушевываніе противорѣчій въ задачахъ и методахъ борьбы.

3 ноября, т. е. черезъ три недѣли послѣ изданія „открытаго письма“, Кіевскій Союзный Совѣтъ выпустилъ прокламацію въ память Балмашева, въ которой засвидѣтельствовалъ свое тяготѣніе къ партіи соц.-рев. Этотъ фактъ бросаетъ отраженный свѣтъ и на самое „открытое письмо“. Оно представляетъ собою не распространенное „толкованіе“ резолюціи общестуденческаго съѣзда (какая наивная „примирительская“ софистика!), а категорическій протестъ противъ стремленія этого съѣзда связать борьбу студентовъ съ борьбой соц.-демократіи. Насильно милъ не будешь! можемъ мы сказать Кіевскому Союзному Совѣту, — но негоже прикрывать свои истинныя симпатіи и антипатіи салонными, а не политическими рѣчами о томъ, что „студенчество не можетъ отдавать предпочтенія той или иной революціонной фракціи“. Не можетъ? Оно должно! Если только, конечно, оно не соглашается оставаться въ приготовительномъ классѣ школы революціоннаго развитія…

Оно должно, — а соц.-дем. остается только пожелать, чтобы академическая молодежь серьезно относилась къ вопросамъ революціонной теоріи, которую теперь въ модѣ третировать, какъ каналью. Знакомство съ царствомъ соціалистической мысли несомнѣнно убѣдитъ, что внѣ марксизма, какъ боевой теоріи пролетаріата, возможны революціонныя фразы, въ лучшемъ случаѣ — революціонное настроеніе, но невозможно научное революціонное мышленіе. Академическая молодежь могла снова удостовѣриться въ этомъ на примѣрѣ русскихъ „критиковъ“ революціоннаго марксизма, которые крайне ускореннымъ темпомъ прошли, казалось бы, не малый путь отъ соціализма до благоумѣреннаго либерализма (г. Струве) или даже до христіанской теософіи (г. Булгаковъ). Можно съ увѣренностью сказать, что своеобразный теоретическій „нигилизмъ“ нѣкоторыхъ революціонныхъ группъ скомпрометируетъ себя своею безпринципностью такъ же неоспоримо, какъ и „критическое“ неистовство — своимъ оппортунизмомъ и идейной реакціонностью. И тогда обновленный въ идейной борьбѣ научный соціализмъ снова безраздѣльно овладѣетъ умами мыслящей академической молодежи, какъ это было въ началѣ 90-хъ годовъ, когда марксизмъ эмансипировалъ прогрессивную общественную мысль отъ пережитковъ народничества.

Вступленіе „академика“ въ ряды соц.-демократіи налагаетъ на него серьезныя теоретическія обязательства. Марксизмъ не схватывается на лету. Онъ требуетъ углубленія и углубленія. Онъ требуетъ, далѣе, строго критическаго отношенія ко всякимъ якобы-„критическимъ“ посягательствамъ разложить революціонную доктрину пролетаріата привнесеніемъ въ нее некритическихъ элементовъ буржуазной идеологіи. Въ работѣ очищенія, охраненія и развитія пролетарскаго соціалистическаго ученія революціонеры-академики всегда найдутъ себѣ мѣсто, и революціонный пролетаріатъ всегда скажетъ имъ: „Добро пожаловать!“

ВМѢСТО ФЕЛЬЕТОНА.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

Былъ поздній вечеръ наканунѣ Новаго года. Сквозь узкія щелочки форточки струился въ мою камеру влажный зимній воздухъ. Пламя свѣчи колебалось и тускло освѣщало желѣзный столикъ, привинченный къ стѣнѣ, густо испещренный надписями. Тутъ были и фамиліи съ указаніемъ времени ареста, и революціонные стихи, и прощаніе съ тюрьмой, и привѣтъ и пожеланіе бодрости будущимъ узницамъ. Углы камеры утопали во мракѣ. Было тихо, ровно ни звука. Прислушаешься къ этому жуткому безмолвію, и тогда въ ушахъ переливается тихій мелодичный звонъ, какъ будто миріады легкихъ, прозрачныхъ крылышекъ невидимо трепещутъ въ воздухѣ. Изрѣдка доносился изъ-за стѣны глухой кашель уголовнаго арестанта и гулко отдавался подъ тюремными сводами. Хлопнетъ гдѣ-нибудь форточка, и снова все тихо. Быстро и нервно зашагалъ кто-то наверху въ дальней камерѣ — взадъ и впередъ, взадъ и впередъ…

Я сидѣла на маленькой желѣзной скамеечкѣ, тоже привинченной къ стѣнѣ, передъ раскрытой тетрадкой съ перомъ въ рукѣ и собиралась повѣдать дневнику свои думы подъ Новый годъ. Предо мной проносился рядъ послѣднихъ лѣтъ, другія встрѣчи Новаго года — сначала въ кругу семьи среди веселаго смѣха, шутокъ и шалостей братьевъ и сестеръ, позднѣе въ кругу друзей и товарищей. Оживленныя лица, горячіе споры, бодрыя рѣчи и пѣніе. Позднею ночью расходятся товарищи, унося съ вечеринки каждый частицу новыхъ надеждъ и новой энергіи на борьбу за дорогое завѣтное дѣло. Расходятся осторожно, по двое, по трое, чтобы не привлечь слишкомъ рано вниманія ночныхъ церберовъ и юркихъ шпіоновъ. И теперь, навѣрно, дружной семьей собираются на какой-нибудь конспиративной квартирѣ, дѣлаютъ подсчетъ недавно павшимъ товарищамъ…

Громкій, частый стукъ въ стѣну прервалъ мои мысли. Пауза, и правильные удары выстукивали мое имя. Я поднялась и сѣла въ углу у противоположной стѣнки, такъ какъ стучали изъ нижней, наискось лежащей отъ меня камеры. Нѣсколькими частыми ударами я дала знать, что слушаю. — Рѣшено встрѣчать Новый годъ всѣмъ вмѣстѣ, стучала сосѣдка. Мудрено что-то. Слушаю дальше. — Условились, какъ только пробьетъ двѣнадцать, запѣть марсельезу. Согласна-ли ты? Еще бы!

— Конечно, согласна! взволнованно простучала я. Сосѣдка длинной чертой по стѣнѣ дала знать, что разговоръ конченъ, и я быстро, взволнованно забѣгала по камерѣ. Такъ вотъ какъ мы Новый годъ-то встрѣчать будемъ. Славно придумали! Только удастся-ли? Трудно вѣдь пѣть всѣмъ вмѣстѣ, когда не видишь одинъ другого. И чѣмъ все это кончится? Я ясно представила себѣ недоумѣніе, злобу, ужасъ тощей, сухой надзирательницы, когда она, дремля внизу въ корридорѣ на своемъ посту, услышитъ вдругъ среди ночной тишины пѣніе изъ всѣхъ камеръ. А завтра день свиданій. Не только намъ принесутъ новости, но и мы будемъ имѣть, что разсказать.

Я долго ходила еще взадъ и впередъ, устала, присѣла, снова задумалась. Вдругъ среди гробовой тишины раздался бой корридорныхъ часовъ. Я вздрогнула, встала и, вобравъ въ себя воздухъ, пыталась затянуть знакомую пѣсню. Но дыханіе сперлось, и изъ горла — ни звука. Холодный потъ крупными каплями выступилъ у меня на лбу, сердце страшно колотится. Часы между тѣмъ продолжаютъ бить громко, протяжно… И вмѣстѣ съ боемъ часовъ донесся до меня чей-то голосъ — робкій, неувѣренный. За нимъ другой, третій, еще и еще, сверху, снизу, со всѣхъ сторонъ; я подхватила, пѣніе становилось все дружнѣе, ровнѣе, громче:

„Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ
Намъ враждебны златые кумиры,
Ненавистенъ намъ царскій чертогъ!“

торжественно и дерзко раздавалось подъ мрачными сводами.

„Это что такое? Вѣдь поютъ они! Да они съ ума сошли!“ послышался снизу испуганный, негодующій голосъ надзирательницы, и, звеня ключами, она поднялась по лѣстницѣ, чтобы унять дерзкихъ узницъ, такъ необычайно нарушившихъ тюремный покой. Хлопнула форточка въ двери, послышались сердитыя пререканія. Кошачьими шагами она обходила всѣ камеры, грозя и ругаясь. Пѣніе смолкало и только чей-то упрямый голосъ раздавался еще нѣкоторое время подъ сводами. И снова все стихло, только шумно кровь катилась по жиламъ, да сердце громко стучало. Часы давно пробили полночь. Новый годъ, Новый Революціонный Годъ наступилъ и былъ встрѣченъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Тифлисъ. 22 апрѣля 1901 г. за демонстрацію „перваго мая“, о которой своевременно были напечатаны подробныя свѣдѣнія въ вашей газетѣ, задержали 41 чел., изъ нихъ трехъ женщинъ-интеллигентокъ. Въ ноябрѣ этого года стало извѣстно, что оставшихся въ тюрьмѣ (большая часть была выпущена за недостаткомъ уликъ), ссылаютъ въ г. Харьковъ и въ другіе города внутренней Россіи. 21 ноября должны были сослать двухъ главныхъ обвиняемыхъ этапнымъ порядкомъ въ Харьковъ. Въ 9 ч. 20 мин. утра отходитъ поѣздъ. На платформѣ, кромѣ родныхъ и семействъ ссылаемыхъ, собрались неожиданно рабочіе, всего чел. триста. Передъ третьимъ звонкомъ рабочіе оттѣснили публику, размѣстились около арестантскаго вагона, затѣмъ запѣли: „Отречемся отъ стараго міра“ и выкинули красное знамя съ надписью: „Долой самодержавіе!“ Поѣздъ двинулся тихо, а наравнѣ съ нимъ, рядомъ съ арестантскимъ вагономъ, двигались стройной массой рабочіе, надъ головами которыхъ развѣвалось большое красное знамя. Вотъ оно склонилось и окутало рѣшетки окна, гдѣ сидѣли глубоко взволнованные уѣзжающіе въ ссылку товарищи. Пѣніе лилось стройно и внятно, всѣхъ охватило воодушевленіе, крики: „Долой самодержавіе!“ потрясали воздухъ, поѣздъ усиливалъ ходъ, рабочіе бѣжали рядомъ съ арестантскимъ вагономъ, гдѣ сидѣли тѣ, кто такъ много пострадалъ за общее дѣло борьбы за соціализмъ, за политическое освобожденіе Россіи отъ царскаго деспотизма… Такъ пробѣжали они всю платформу, поѣздъ разогнался и умчалъ нашихъ товарищей въ ссылку.

Полиція и жандармы были не подготовлены. Они растерялись и были отброшены толпой. По окончаніи демонстраціи знамя удалось свернуть и спрятать. Рабочіе, выйдя плотной массой съ вокзала безпрепятственно, быстро разсѣялись по прилегающимъ улицамъ. Впечатлѣніе на публику эта неожиданная демонстрація, столь стройно проведенная, произвела сильное. За демонстрацію пока еще никто не пострадалъ.

Москва. Здѣшнимъ Ком. Рос. С.-Д. Р. П. изданы листки: 1) „Письмо къ товарищамъ“ (октябрь 1902 г.) по поводу суда надъ демонстрантами и 2) „Письмо рабочаго объ обществѣ взаимопомощи механическихъ рабочихъ г. Москвы“. Перепечатываемъ цѣликомъ это письмо: оно пріобрѣтаетъ въ высшей степени современный интересъ теперь, когда Зубатовъ устраиваетъ провокаторское рабочее общество въ СПБ.

„Товарищи! Прошу васъ обратить вниманіе на общество рабочихъ Москвы и прошу: войдите въ защиту этихъ несчастныхъ членовъ общества, разубѣдите ихъ, кому придется встрѣтиться, словомъ и литературой. Посмотрите, что было и что стало это общество, и какая тонкая политика генералъ-провокатора Зубатова: рабочихъ можно теперь стричь, какъ овецъ. Зубатовъ съ мая 1901 года и до января 1902 года позволялъ рабочимъ говорить публично, что у нихъ болитъ и что ихъ допекаетъ, а профессорамъ читать лекціи. Рабочіе стали публично говорить, что у нихъ квартиры плохи, много времени работаютъ и очень много голодаютъ; когда и работа есть, такъ и то скверно питаются: мало получаютъ; плохо знаютъ грамоту, не по человѣчески съ ними обращаются и до невыносимости штрафуютъ, и подведя итоги всѣхъ невзгодъ, оказалось, что рабочихъ здорово эксплуатируютъ. Рабочіе начинаютъ совѣтоваться, какъ лучше имъ устроиться. Куда ни бросятся, за что ни возмутся, все законъ не позволяетъ. Чтобы обезпечить себя отъ голода, надо получать больше, а нельзя много получить, когда много безработныхъ, которые трудъ свой дешевле предлагаютъ. Сдѣлать стачку, чтобы меньше времени работать, тогда меньше будетъ безработныхъ, которые трудъ свой дешевле предлагаютъ, но законъ воспрещаетъ стачки. Въ обществѣ видную роль играютъ заправилы: Афанасьевъ, Слѣповъ, Красивскій — провокаторы. Вотъ эти провокаторы рекомендуютъ себя руководителями: Красивскій говоритъ, что безъ Афанасьева намъ ничего не сдѣлать, Афанасьевъ, — что безъ Слѣпова мы пропадемъ, Слѣповъ, — что безъ Красивскаго никакъ не обойдемся. Хотя рабочіе неоднократно просили Красивскаго не ходить на собранія, но онъ самымъ наглымъ образомъ опять ходилъ и продолжалъ свою дѣятельность.

„И вотъ наплакавшись до сыта на свое горе, рабочіе обращаются къ провокаторамъ: „что все говорить, да говорить, что мы плохо живемъ, надо устраивать, чтобы такъ не жить“. На такой щекотливый вопросъ провокаторы заявляютъ рабочимъ: „высказывайте свое мнѣніе, какъ лучше устроить, все это секретарь запишетъ, соберемъ матеріалъ, и тогда увидимъ, что дѣлать“. Рабочіе говорятъ, секретарь записываетъ и отдаетъ Афанасьеву, а тотъ, конечно, Зубатову. Зубатовъ краснымъ карандашомъ подчеркиваетъ, кто знаетъ, какъ это дѣло устроить. Рабочіе ожидаютъ устава кассы взаимопомощи каждый часъ. Вздыхаютъ, что долго не разрѣшаютъ. Между рабочими начинаетъ проявляться солидарность и сознательность. На провокаторовъ косятся. Между рабочими и провокаторами каждое собраніе полемика. Провокаторы къ Зубатову. Зубатовъ предлагаетъ устроить совѣтъ рабочихъ, противный духу устава общества. По уставу общества, дѣла рѣшаются общимъ собраніемъ большинствомъ голосовъ. По уставу Зубатовскаго совѣта, въ засѣданіе совѣта не могутъ входить рабочіе, не принадлежащіе къ совѣту. Совѣтъ безъ общаго собранія можетъ исключить изъ членовъ общества. Въ совѣтъ вошли три провокатора, четыре скептика, а остальные 13 чел. для мебели. Предсѣдатель — Афанасьевъ, секретарь — Слѣповъ, Красивскій — контролеръ на собраніяхъ. Уставъ потерялъ силу. Общее собраніе не играетъ никакой роли, потому что есть совѣтъ, который стоитъ выше общаго собранія. И вотъ изъ демократическаго общества получился какой то доселѣ небывалый полицейско-рабочій департаментъ. Директоръ Зубатовъ, а замѣститель Афанасьевъ и Ко. Власть общества перешла къ одному лицу — начальнику охраннаго отдѣленія.

„Я вамъ представлю работу совѣта въ декабрѣ прошлаго года. По приказанію Зубатова, Афанасьевъ и Ко. выгоняютъ изъ общества нѣсколькихъ рабочихъ. Рабочіе начинаютъ протестовать противъ такого произвола Афанасьева и Ко., говорятъ, что эти рабочіе не заслужили такой казни, чтобы ихъ выгонять. Провокаторы говорятъ, что эти рабочіе не по той дорогѣ пошли: они знакомы съ интеллигентами, которые наши враги. Они это врали: рабочіе, которые высказывались на собраніяхъ, говорили одну правду, которую они видѣли и безъ интеллигенціи, а если интеллигенція врагъ рабочихъ, то интересно знать, за кого они считаютъ профессоровъ, за жандармовъ, что-ли? Рабочіе начинаютъ доказывать невиновность этихъ рабочихъ и просятъ возвратить ихъ обратно въ общество. Афанасьевъ говоритъ, что ихъ выгнали на одинъ только мѣсяцъ, чтобы одумались, черезъ мѣсяцъ они будутъ посѣщать собранія. Но увы! не могли рабочіе-изгнанники дождаться этого срока: замѣститель Малюты Скуратова, Зубатовъ, бросилъ изгнанниковъ въ тюрьму. Дальше Зубатовъ организуетъ ткачей, булочниковъ, пуговичниковъ въ выше упомянутый департаментъ. Профессорамъ лекціи читать воспрещаютъ и заказываютъ цѣлыя кипы брошюръ самаго подозрительнаго свойства попамъ и буржуазнымъ мыслителямъ, какъ-то г. Тихомирову, который написалъ „Рабочій вопросъ и русскіе идеалы“, автору „Задушевнаго Слова“, не помню какъ фамилія, и еще кое-кому. Рабочіе читаютъ, — всѣ одного направленія: повинуйтесь властямъ яко даннымъ Богомъ. Итакъ, рабочіе кончили думать сами улучшить свое положеніе, стали надѣяться, что Богъ и безъ нихъ все устроитъ, а имъ надо только слушаться поповъ, да начальство. Книги, которыя раньше хвалили и совѣтовали другъ другу читать, какъ-то Маркса, Лассаля, Энгельса, Зомбарта (? Ред.), Толстого, Горькаго, Некрасова и др. смѣняютъ Тихомировъ, Пазухинъ и очень многіе попы. На смѣну профессорамъ, читавшимъ лекціи по экономикѣ, гигіенѣ и проч. выѣзжаютъ попы и цензоры. Я удивляюсь, почему Зубатовъ самъ не прочелъ рабочимъ лекціи, хотя бы членамъ совѣта, какъ должны вести себя опричники. Боже мой, что читаютъ лицемѣрные служители Христа рабочимъ! Такія фантастическія вещи, что просто изъ ума вонъ. Вотъ до чего дѣло дошло: рабочіе сдѣлались какъ будто загипнотизированными. Когда было неудачное покушеніе на Трепова, того самаго Трепова, который неоднократно приказывалъ стегать рабочихъ нагайками, то рабочіе, по приказанію совѣта, служили благодарственный молебенъ за избавленіе этого тирана. Дальше. Зубатовъ уѣзжаетъ въ СПБ. на новую должность, чуть-ли не на министерскій постъ. Конечно, самодержецъ дастъ, что угодно, людямъ, способнымъ защищать его интересы. Онъ видитъ, какъ справился Зубатовъ съ московскими рабочими: всѣ голодаютъ, а молчатъ, молятся только Богу за начальство. Что же, можетъ быть, Зубатовъ съ новаго поста и всѣхъ рабочихъ заставитъ работать, голодать, молчать и молить Бога за начальство. Проводить своего начальника на Николаевскій вокзалъ собрались жандармы, чиновники охраннаго отдѣленія, и рабочіе, члены совѣта, конечно, здѣсь были. Зубатовъ говорилъ рабочимъ рѣчь, отъ которой многіе плакали, желалъ процвѣтать обществу и жалъ руки своимъ провокаторамъ-рабочимъ. Бойтесь подобныхъ ловушекъ. Не допускайте въ это общество учениковъ, въ немъ всѣ — шпіоны“.

Борьба политическихъ въ митавской тюрьмѣ. Каждая тюрьма представляетъ собою нѣчто вродѣ особаго государства со своими особыми внутренними порядками. Уже съ давнихъ поръ уголовные преступники считаютъ наихудшей тюрьмой въ Прибалтійскомъ краѣ митавскую, такъ-наз. „царство тюремщика Гаазе“. Это знали и жандармы, и уже во время перваго дѣла латышскихъ соціалистовъ прибѣгали къ митавской тюрьмѣ, если нужно было вынудить показанія отъ упрямыхъ политическихъ. Такихъ тогда переводили изъ либавской и рижской тюремъ въ Митаву и отдавали въ полное распоряженіе палача Гаазе. Въ митавской тюрьмѣ политическіе сами чистили свои камеры. Ихъ кормили общими арестантскими супами, которые потомъ политическіе могли подправить, покупая на свой счетъ полфунта говядины. Каждый день приходилось выслушивать отъ Гаазе замѣчанія то за убитаго на стѣнѣ клопа, то за высунутый въ окно платокъ и другія подобнаго же рода преступленія противъ внутреннихъ правилъ. На жалобы политическихъ, что Гаазе не принимаетъ для нихъ отъ родственниковъ никакихъ вещей и съѣстныхъ припасовъ, прокуроръ отвѣчалъ, что это дѣло жандармеріи или начальника тюрьмы, т. е. самого Гаазе. Неудивительно, что въ такой тюрьмѣ гимназистъ Робертъ Крейеръ былъ доведенъ до такой степени отчаянія, что покончилъ самоубійствомъ. Тюремный врачъ Эйнерсъ неохотно посѣщаетъ больныхъ заключенныхъ, и если арестантъ лежитъ уже больной на постели и отплевывается кровью, то и тогда еще Эйнерсъ спрашиваетъ разрѣшенія у Гаазе прежде, чѣмъ отправить больного въ больницу. Политическому Бредису въ 1901 г. Эйнерсъ подъ конецъ заявилъ, что для него нѣтъ больше лѣкарствъ въ тюремной аптекѣ, и если онъ хочетъ получить лѣкарство, то долженъ выписать на свои деньги. Послѣ трагическаго случая съ Крейеромъ было отправлено много жалобъ на Гаазе въ Питеръ, но придирки его не прекращались. Гаазе попрежнему грубо обращался и вдобавокъ еще издѣвался надъ заключенными, указывая на безполезность ихъ жалобъ. Осенью 1901 г. въ митавской тюрьмѣ сидѣли политическіе: докторъ Вайнейкисъ изъ Полангена, ученикъ митавскаго реальнаго училища Линга, Янисъ Бредисъ и рабочій Ленцманъ. Въ октябрѣ перевели въ митавскую тюрьму изъ Либавы за подстрекательство политическихъ заключенныхъ бывшаго студента Э. Ролау, арестованнаго съ транспортомъ, и писателя К. Петерсона. Вскорѣ послѣ этого сюда же перевели изъ Либавы товарища Ролау, Э. Клява и цюрихскаго студента Тролле. Всѣ эти политическіе съумѣли завоевать себѣ въ Либавѣ кое-какія права и льготы, поэтому придирки Гаазе чувствовались ими еще сильнѣе. Не находя выхода, политическіе рѣшили прибѣгнуть къ голодовкѣ. Первымъ отказался отъ пищи К. Петерсонъ и на другой день къ нему присоединился Э. Ролау. Результатъ оказался лучше, чѣмъ можно было ожидать. Гаазе испугался, но все таки призвалъ прокурора и жаловался на Ролау, будто тотъ велъ себя съ нимъ грубо. На это Ролау отвѣтилъ, что по закону начальникъ тюрьмы не смѣетъ грубіанить, и потребовалъ, чтобы политическимъ были даны въ митавской тюрьмѣ такія же права, какъ вездѣ. Серьезный тонъ произвелъ впечатлѣніе. Вскорѣ заключеннымъ объявили, что они впредь могутъ гулять дважды въ день, что тюфяки останутся и днемъ въ комнатѣ, что можно выписывать на свой счетъ обѣды и получать съѣстное и вещи отъ родныхъ. Стали выпускать на прогулку тѣхъ, у кого кончилось дознаніе. Самъ Гаазе тоже въ это время значительно присмирѣлъ. Но борьба этимъ не кончилась. Ее подняли теперь уголовные. Они видѣли успѣхи политическихъ и перестали считать Гаазе непобѣдимымъ.

Въ мартѣ 1902 г. получилъ, наконецъ приговоръ докторъ Вайнейкисъ. Приговоръ, изготовленный по рецепту ротмистра Вонсяцкаго, былъ ужасно суровъ. Послѣ двухъ лѣтъ слѣдственной тюрьмы Вайнейкисъ получилъ 5 лѣтъ Вост. Сиб. Вайнейкису не разрѣшили ѣхать на свой счетъ, такъ какъ Гаазе доносилъ, что Вайнейкисъ хочетъ бѣжать. Гаазе не разрѣшилъ Вайнейкису взять съ собой вещей болѣе 30 фунтовъ. 5 іюля получился приговоръ по дѣлу Ролау и Клява, первому 6 лѣтъ, второму 4 года Восточной Сибири. Оба теперь находятся по пути въ мѣстечко Туруханскъ, при впаденіи Енисея въ Ледовитый океанъ. Энергичной борьбой Ролау добился разрѣшенія взять съ собой всѣ вещи и видѣться съ родными не черезъ рѣшетку. Въ первыхъ числахъ сентября послѣдовалъ приговоръ и оставшимся политическимъ. По нему Петерсонъ, Линга и Тролле идутъ на 3 года въ Вост. Сиб. Надо замѣтить, что Линга еще несовершеннолѣтній и что всѣ пробыли больше полутора лѣтъ подъ слѣдствіемъ

Изъ жизни сектантовъ на Сѣв. Кавказѣ. Сектанты, по преимуществу баптистскаго толка, разбросаны среди деревенскаго населенія Ставропольской губерніи повсюду, но наиболѣе сплоченной общиной баптисты живутъ по окраинамъ губернскаго города Ставрополя, гдѣ занимаются, главнымъ образомъ, различнаго рода ремеслами и нѣкоторые изъ нихъ садоводствомъ и огородничествомъ. Всѣ они, какъ въ губ., такъ особенно и въ городѣ составляютъ пришлый элементъ, многіе изъ нихъ отбываютъ полицейскій надзоръ: высланы они сюда преимущественно изъ Херсонской и Таврической губерній. Положеніе ихъ здѣсь особенно печальное. Несмотря на то, что они поражаютъ всѣхъ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ, чрезвычайно кроткимъ характеромъ и своимъ высокимъ культурнымъ уровнемъ по сравненію съ окружающимъ городскимъ населеніемъ, они время отъ времени, благодаря проискамъ мѣстной администраціи и духовенства, дѣлаются объектомъ различнаго рода варварскихъ издѣвательствъ со стороны нѣкоторой части православнаго невѣжественнаго населенія, разжигаемаго дикимъ безцеремоннымъ науськиваніемъ „пастырей христіанскаго стада“. Такого рода дикія „потѣхи“ устраиваются надъ мѣстными баптистами изъ года въ годъ, и всякій разъ послѣ того, какъ полицейскія провокаціи не достигаютъ желанныхъ результатовъ. Во что бы то ни стало мѣстнымъ полицейскимъ держимордамъ нужно ежегодно создать нѣсколько дѣлъ „сектантскихъ“ для того, чтобы передъ лицомъ центральнаго правительства выказать свою „рачительность по службѣ“, а кому неизвѣстно, что заработать на „крестъ и ордена“ легче всего можно, искореняя отечественную „крамолу“…

И вотъ въ извѣстное время, когда у мѣстныхъ помпадуровъ начинаютъ зудѣть руки, они науськиваютъ на беззащитныхъ баптистовъ свою полицейскую орду; — если это не приводитъ ни къ чему, принимается за дѣло мѣстный жандармскій ротмистръ, который пускаетъ въ ходъ своихъ „людей-шпіоновъ“, которые вынюхиваютъ слѣды „сектантскихъ преступленій“. Въ результатѣ — облава на мирныхъ сектантовъ, подрывающихъ основы „церкви и государства“. Въ этомъ году весной было произведено нѣсколько обысковъ среди сектантовъ, у одного или двухъ изъ нихъ были отобраны заграничныя изданія Льва Толстого и еще что-то въ томъ же родѣ. Но такіе плоды „охоты“ не удовлетворяютъ нашихъ держимордъ, и они, съ соизволенія губернагора Никифораки, устраиваютъ собесѣдованія православныхъ поповъ съ сектантами, на которыхъ обыкновенно легче бываетъ вылавливать наиболѣе вліятельныхъ сектантовъ. Это одно изъ наиболѣе могучихъ орудій, которыми пользуются наши полицейскіе въ борьбѣ съ сектантами. Для этого случая выдвигается на сцену мѣстный губернскій миссіонеръ, попъ Симеонъ Никольскій, типичный сколокъ, по своему безграничному ханжеству и лицемѣрію, съ знаменитаго Іоанна Кронштадскаго. Изувѣръ съ ногъ до головы, попъ Никольскій, вѣрный рабъ полицейской и жандармской своры, охотно устраиваетъ „собесѣдованія“, на которыхъ такъ ловко разжигаетъ темные инстинкты у невѣжественной православной толпы, что ему могъ бы позавидовать и знаменитый попъ-миссіонеръ Паисій (изъ романа Степняка „Штундистъ Павелъ Руденко“), объяснявшій мірянамъ всѣ стихійныя бѣды, какъ пожаръ и проч., тѣмъ, что въ ихъ средѣ живутъ штундисты, дѣлающіе „подговоры“ и „заговоры“ и тѣмъ натравляющій на штундистовъ толпу, безпощадно избивающую ни въ чемъ неповинныхъ людей. Къ сожалѣнію, въ нашихъ темныхъ деревенскихъ уголкахъ есть еще почва для дѣятельности такихъ изувѣровъ. Во всякомъ случаѣ нашъ ставропольскій миссіонеръ Симеонъ Никольскій очень часто достигаетъ своихъ гнусныхъ результатовъ. Какъ въ прошломъ году весной, такъ и въ этомъ году въ маѣ мѣсяцѣ его „собесѣдованія“ окончились дикимъ избіеніемъ сектантовъ пьяной толпой изъ его православной паствы, какъ только сектанты показались на улицѣ. Полиція, обыкновенно такъ чувствительно относящаяся ко всякому „нарушенію общественной тишины и порядка“, на этотъ разъ измѣнила и понизила свою „нервную впечатлительность“, такъ какъ на сей случай она имѣла „особыя инструкціи“... Мымрецовскій принципъ „тащить и не пущать“ остался въ силѣ только по отношенію къ сектантамъ, двое изъ которыхъ вскорѣ послѣ побоища были заперты въ участокъ по наущенію попа Никольскаго. Говорятъ, что этими побоищами всецѣло руководила полицейская орда, подкупившая нѣкоторыхъ изъ босяковъ, которые и были главными участниками избіеній. Платили, говорятъ, недорого, всего на „сороковку царской монополи“. Отецъ Симеонъ очень доволенъ своими „воздѣйствіями“. Такъ-то живется сектантамъ въ Ставрополѣ. Что же касается до деревенскихъ сектантовъ, то, говорятъ, имъ тоже не даютъ жить урядники и попы, придирающіеся ко всему и строчащіе доносы „по начальству“.

Станица Владимировская, Куб. Обл. (сообщено Донск. Комитетомъ). Постепенное уменьшеніе земельныхъ надѣловъ, недороды и, наряду съ этимъ, увеличеніе расходовъ на снаряженіе казаковъ все чаще и чаще заставляютъ кубанцевъ роптать на свою горькую нужду и на несправедливость „начальства“, которое не желаетъ входить въ положеніе казаковъ и предъявляетъ къ нимъ слишкомъ большія требованія по части „справки“ казаковъ на службу. Оно, бракуя коня или аммуницію, часто руководствуется не инструкціями, а собственнымъ произволомъ. Благодаря этому, снаряженіе казаковъ становится прямо таки разорительнымъ и непосильнымъ бременемъ для массы казаковъ. Недороды послѣднихъ лѣтъ окончательно подрываютъ благосостояніе массъ. На этой почвѣ и возрождается недовольство. Вотъ одинъ изъ такихъ фактовъ.

Въ ст. Владимирской происходитъ осмотръ казаковъ. Войсковой старшина, фамиліи котораго не удалось узнать, остался недовольнымъ „амуницией“ казаковъ и принялся распекать ихъ и мѣстныхъ властей: кричалъ, топалъ ногами, запугивалъ „кутузкой“ и проч. Надо замѣтить, что „казачье начальство“ не церемонится со своимъ братомъ, казакомъ. Нерѣдки случаи, когда за неисправность обмундировки казаковъ и за неимѣніе лошади сажали на недѣлю, на двѣ, а то и больше, не только отцовъ казаковъ, но и атамановъ станицъ. На этотъ разъ „начальству“ былъ данъ дружный отпоръ. Казаки подступили къ войсковому старшинѣ и „тыкая“ ему въ лицо кулаки, въ свою очередь кричали: „это вы насъ довели до этого; у насъ земли нѣтъ, а вы тысячи десятинъ отдаете принцу Ольденбургскому, у насъ дровъ нѣтъ, а вы отдаете наши лѣса тому же Ольденбургскому и Владимиру для охоты; у насъ не на что справить бѣднаго казака, нечѣмъ платить жалованье станичному атаману и писарямъ, а вы отобрали у насъ трактирные, питейные и земельные доходы и т. д. Такъ давайте же намъ средства на снаряженіе казаковъ“. Отъ Маламы (кубанскій наказный атаманъ) былъ затѣмъ полученъ приказъ, чтобы къ 23 ноября казаки были снаряжены. Станичные атаманы станицъ Вознесенской и Владимірской отвѣтили въ томъ духѣ, что „рады бы стараться, да денегъ нѣтъ“. Къ 23 ноября казаки опять явились неисправными. Тогда „начальство“ назначило окончательный осмотръ на 7 дек. и прочитало казакамъ такой „законъ“: кто къ 7 дек. не явится вполнѣ исправнымъ, тотъ будетъ заключенъ въ тюрьму отъ двухъ недѣль до двухъ мѣсяцевъ; кто послѣ этого въ теченіе семи сутокъ не выполнитъ требуемое отъ него, — будетъ заключенъ въ тюрьму отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ; кто же и въ третій разъ не будетъ исправенъ, — тотъ будетъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь или въ каторжныя работы. По прочтеніи этого „закона“ поднялся невообразимый шумъ. Недовольство и возбужденіе достигли крайнихъ предѣловъ. „Начальство“ не принимаетъ никакихъ репресивныхъ мѣръ, ограничиваясь лишь запугиваніемъ. Казаки же отчасти утѣшаютъ себя тѣмъ, что для усмиренія ихъ не пошлютъ же собратьевъ-казаковъ.

Обращеніе русскихъ рабочихъ-переселенцевъ въ Америкѣ къ русинамъ. Въ русинской газетѣ „Свобода“, издающейся въ Пенсильваніи, напечатано нижеслѣдующее, весьма характерное письмо русскихъ рабочихъ, переселившихся въ Америку и проживающихъ теперь въ Нью-Іоркѣ. Мы перепечатываемъ это письмо, не измѣняя въ немъ правописанія.

„Мы, переселившіеся съ родной нашей страны, Матушки Россіи, въ виду того, что тамъ подъ гнетомъ батюшки царя невозможно прожить; ибо, если мы — православные, по артельному обсужденію не рѣшаемся работать по 15 коп. ($7^1/_2$ цнт.) въ день (отъ восходъ солнца до запада), то царское — „Христолюбивое воинство“ заставляетъ насъ съ ружьями, саблями, нагайками и проч... Такъ, что въ послѣднихъ годахъ не только политическими преступниками наполняются многочисленныя тюрьмы, а даже и бѣдными работниками. Отсюда мы не признаемъ царскаго православія истиннымъ Христіянствомъ, но тиранскимъ и звѣрскимъ... Здѣсь, въ Ню-Іоркъ есть православная церковь, но мы въ ней не пойдемъ, мы хорошо понимаемъ, что то не церковь, а потъ и кровь россійскаго работника, который пухнетъ съ голода, а царю подать долженъ заплатить, ибо царю хочется, чтобы его имя не только почитали въ россійскихъ церквахъ, но и заграницей. А истинныя Христьяне подобнаго самолюбія и насилія не признаютъ... Поэтому, если вы, Русины, обитающи на вольной земли Вашингтона не имѣете намѣренія почитать за главу церкви ни папу римскаго ни „батюшку царя“ — мы готовы къ вамъ присоединиться“.

Харьковъ. 14 ноября здѣсь была назначена Харьковскимъ союзомъ учащихся (насчитывается около ста объединенныхъ кружковъ) демонстрація на кладбищѣ на могилѣ застрѣлившагося гимназиста — новой жертвы средней школы. Несмотря на строгое запрещеніе инспектора не участвовать на похоронахъ, товарищи покойнаго совмѣстно съ учащимися во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, торжественно — ученики въ мундирахъ, гимназистки въ бѣлыхъ фартукахъ — отправились на кладбище, устроить панихиду. Но честнымъ дѣтскимъ сердцамъ, жаждущимъ протеста, не удалось найти удовлетворенія — царскій попъ отказался служить панихиду въ царскій день!..

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Смоленскъ. Въ одномъ изъ номеровъ „Смоленскаго Вѣстника“ (отъ 12 ноября) было сообщено о волненіяхъ среди крестьянъ Бѣльскаго уѣзда Смоленской губ. Сообщеніе это лживо, что вполнѣ, впрочемъ, понятно, такъ какъ писалъ-то его самъ же Смоленскій губернаторъ (Н. Звягинцевъ), дѣйствовавшій при помощи штыковъ и розогъ на полѣ брани. Впрочемъ, почему же ему и не воспользоваться случаемъ, разъ мѣстная газета соглашается безъ всякихъ оговорокъ печатать завѣдуемую ложь? За то, авось, онъ же милостивой рукой и пропуститъ какую-нибудь „хорошенькую статейку“...

Дѣло съ „бунтующими“ крестьянами состояло вотъ въ чемъ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Поникольской волости, есть нѣсколько крупныхъ имѣній, принадлежащихъ бывшимъ владѣльцамъ крѣпостныхъ и охватывающихъ, какъ паутиной, крестьянскія земли сосѣднихъ девяти деревень. Черезполосица и неясность границъ владѣній — страшная. Осенью этого года одна изъ помѣщицъ, Рачинская, рѣшила обмежевать свои владѣнія, такъ какъ подозрѣвала, что сосѣдніе крестьяне уже лѣтъ 15 пользуются небольшимъ клочкомъ ея земли. Былъ приглашенъ казенный землемѣръ Грудзинскій, который и приступилъ къ дѣлу. Но крестьяне рѣшили не допускать межеванія, такъ какъ были увѣрены въ законности своего владѣнія. Нѣсколько разъ выѣзжалъ землемѣръ въ поле, но всякій разъ наталкивался на толпы мужиковъ, которые предлагали ему убираться по добру, по здорову. Грудзинскій сообщилъ о положеніи дѣлъ исправнику, а тотъ телеграфировалъ губернатору. Тотчасъ же на мѣсто „происшествія“ отправились тов. прокурора Чебышевъ и судебный слѣдователь. Мнѣнія раздѣлились: тов. прокурора указывалъ, что дѣло не такъ серьезно, чтобы пришлось прибѣгать къ силѣ, но землемѣръ Грудзинскій и исправникъ Жигманъ настаивали, что безъ военной силы не обойдешься, и въ этомъ смыслѣ была дана губернатору телеграмма. Немедленно же былъ снаряженъ батальонъ и во главѣ съ славнымъ Звягинцевымъ прибылъ на мѣсто дѣйствій. Губернаторъ приказалъ созвать мужиковъ изъ деревень (онѣ расположены неподалеку одна отъ другой), и когда тѣ собрались — велѣлъ имъ всей толпой отправиться въ лѣсъ и наломать воза два розогъ: „пороть васъ буду, с... дѣтей!“ Привезли мужички розогъ два воза, свалили ихъ въ кучу и по командѣ встали по одну сторону ея, а по другую расположились солдаты въ полномъ боевомъ порядкѣ. Между этими двумя людскими массами, рядомъ съ кучей розогъ, расположилось начальство, и Звягинцевъ сказалъ рѣчь къ мужикамъ. Говорилъ онъ о незаконности ихъ дѣйствій, о томъ, что они, такіе-сякіе, должны уважать всякое свое начальство, поставленное царемъ, и что ему, губернатору, ничего не стоитъ сейчасъ разложить ихъ всѣхъ и выпороть, а въ крайнемъ случаѣ — даже и подстрѣлить. Закончилъ напоминаніемъ извѣстнаго изреченія Александра III, „слушайтесь своихъ предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ“.

Зачинщиковъ указывалъ урядникъ. Когда его слѣдователь спросилъ, кто сказалъ, что межевать не надо, — онъ отвѣтилъ, что не знаетъ, „всѣхъ ихъ видалъ съ открытыми ртами“. Дѣло обошлось безъ порки: достаточно было мужичкамъ собственными руками наломать для самихъ же себя розогъ!

Губернаторъ настаивалъ, чтобы крестьяне были привлечены по обвиненію въ бунтѣ, но тов. прокурора указывалъ, что здѣсь нѣтъ даже простого сопротивленія властямъ, а тѣмъ болѣе бунта. Въ результатѣ — межеваніе производится подъ прикрытіемъ батальона солдатъ, которые расквартированы по крестьянскимъ дворамъ, на полномъ ихъ содержаніи. 28 чел. арестовано и посажено въ Бѣльскую тюрьму, а дѣло передано слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Къ чести доблестнаго дворянства нужно отмѣтить слѣдующую подробность. Когда власти расположились въ гостепріимномъ домѣ помѣщицы Рачинской, то туда явился бѣльскій уѣздный предводитель дворянства графъ Уваровъ и отъ имени бѣльскаго дворянства благодарилъ губернатора за энергичную поддержку интересовъ благороднаго сословія.

Замѣчу въ заключеніе, что крестьяне были правы не допускать межеванія, такъ какъ по „Положенію“ 1899 г. (стт. 19 и 20) такъ-наз. административное размежеваніе возможно лишь при полюбовномъ соглашеніи смежныхъ владѣльцевъ.

Изъ Полтавской губ. Настроеніе крестьянъ послѣ весеннихъ безпорядковъ повсюду тревожное. Крестьяне очень озлоблены противъ дворянъ и вообще противъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. У насъ въ имѣніи рабочіе прекратили работу просто потому, что ихъ посылали въ поле въ дождливую погоду. Организаціи у рабочихъ, разумѣется, нѣтъ никакой; это темные люди, и, можетъ-быть, только десятая часть изъ нихъ грамотны. Но тѣмъ не менѣе всѣ были очень солидарны. Холодно, дождь идетъ, работать не хочется, и они спокойно идутъ домой. За рабочими пошли домой и женщины. Не помогъ ни урядникъ съ угрозами, ни протоколъ. Даже отъ мальчишекъ я слышалъ такія разсужденія: „насъ ругаютъ, что мы не желаемъ работать. Но зачѣмъ же мы станемъ трудиться для другихъ? — Какой-то крестьянинъ судился съ помѣщикомъ и проигралъ дѣло. Крестьянинъ далъ какому-то мальчишкѣ полтинникъ, и тотъ поджегъ стогъ сѣна у помѣщика. На судѣ мальчишка показалъ, что самъ „баринъ“ далъ ему денегъ и просилъ его поджечь стогъ. Помѣщикъ радъ, что хлѣбъ не былъ застрахованъ, — иначе самому бы нагорѣло.

Еще примѣръ. Помѣщикъ сжигаетъ на полѣ солому. Крестьянинъ, работавшій у него лѣтомъ, проситъ дать ему немного соломы. Помѣщикъ отказываетъ, и крестьянинъ тутъ же палкой бьетъ его по головѣ. Подобныхъ фактовъ очень много, и они характерны для переживаемаго времени. Крестьянинъ лежитъ въ своей полуразвалившейся хатѣ, грызетъ сухой хлѣбъ, а на работу къ помѣщику не идетъ. Только голодъ выгоняетъ его изъ дому. Многіе называютъ это лѣнью. Но я думаю, что озлобленіе противъ помѣщиковъ не позволяетъ ему наниматься въ батраки. „Пусть намъ скверно безъ работы, но и помѣщику безъ нея не сладко. Все равно скоро все будетъ наше“, такъ разсуждаютъ они. Помѣщичьи хозяйства съ каждымъ годомъ ухудшаются. Въ Полтавской г. ежегодно 20 тыс. дес. переходитъ отъ дворянъ въ руки крестьянъ. Но крестьянство отъ этого почти ничего не выигрываетъ, такъ какъ землю пріобрѣтаютъ кулаки, точно также эксплуатирующіе крестьянъ, какъ дворяне. Условія труда крайне тяжелы: рабочій получаетъ 40-60 руб. въ годъ при „всемъ готовомъ“. Подъ „всѣмъ готовымъ“ надо понимать: голыя доски для спанья, 1 куб. арш. воздуха и 5 коп. ежедневно на прокормленіе. Рабочее время неограниченно. Такъ же и штрафы. И такъ какъ крестьяне не умѣютъ считать, то часто имъ уплачиваютъ только половину заработной платы, а иногда и того меньше.

Одинъ изъ нашихъ помѣщиковъ устроилъ слѣдующую исторію. Осенью, когда работы кончены, хлѣбъ собранъ и застрахованъ, онъ поджегъ сарай съ хлѣбомъ. Тамъ погибло и нѣсколько рабочихъ. Остальнымъ рабочимъ онъ не заплатилъ ничего на томъ основаніи, что хлѣбъ сгорѣлъ. Рабочіе такъ и не получили ничего.

Изъ Черноболотни (Ряз. губ.). Весеннія событія даже наше стоячее болото, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какого революціоннаго или хоть культурнаго центра не доскачешь, — взбаламутили до дна. Прежде всего еще по веснѣ сюда нагрянулъ урядникъ, которому предписано было предупреждать и пресѣкать революцію въ Черноболотнѣ, но онъ велъ свою пропаганду такъ невнятно, что крестьяне формулировали впослѣдствіи его рѣчи такъ: „теперь, де, ни пѣть, ни играть нельзя, потому по всей Россіи будто печаль идетъ“. Подробнѣе узнали объ этой „печали“ крестьяне гораздо позже, хотя все тоже отъ оффиціальныхъ же пропагандистовъ — земскихъ начальниковъ. Какъ извѣстно, имъ были разосланы тайныя предписанія объ антиреволюціонной агитаціи въ крестьянствѣ съ изложеніемъ вынуждающихъ къ этому фактовъ. Многіе изъ этихъ болѣе просвѣщенныхъ по сравненію съ урядниками оффиціозныхъ миссіонеровъ революціи — поняли все же свою роль очень просто: они собрали сходы и торжественно на нихъ „вычитывали“ совершенно секретный циркуляръ правительства. Для тѣхъ крестьянъ, которые были уже достаточно подготовлены этой предварительной агитацией, какъ нельзя болѣе кстати, явились вскорѣ и самородные апостолы, снабженные впрочемъ въ отличіе отъ апостоловъ библейскихъ, и примѣнительно къ специфическимъ русскимъ условіямъ извѣстной печатью оффиціальности — т. наз. „волчьими билетами“. Эти апостолы въ стилѣ горьковскаго „проходимца“, проходя по деревнямъ и заходя въ избы поѣсть и отдохнуть, говорили такія рѣчи: „Вы, молъ, спины не очень гните! Уже не долго царю студентовъ то бить, и съ нимъ скоро порасправятся, и на него управа найдется, вотъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мужики то бунтоваться начали“ и т. д.

Послѣ такихъ рѣчей мужичкамъ уже не трудно было, разумѣется, догадаться, что „печаль“, о которой по веснѣ возвѣщалъ урядникъ, была — господской печалью.

Въ іюлѣ по сосѣдству съ Черноболотней случилось небывалое происшествіе — „обыскъ у самого земскаго, у самого барина“ *). Это событіе вызвало массу толковъ, не свидѣтельствующихъ о высокой просвѣщенности или политическомъ смыслѣ нашей Черноболотни. Такъ одни объясняли обыскъ тѣмъ, что „земчиха очень много книгъ читала нехорошихъ, въ которыхъ можно научиться, какъ полонъ домъ воды напустить и какъ изъ собакъ людей сдѣлать“. Другіе догадывались, что „господа хотятъ опять себѣ крестьянъ взять, а царь сначала никакъ не соглашался, потомъ схитрилъ и согласился отдать насъ боярамъ на три года, только безъ права суда, въ надеждѣ, что, неподчиненные суду помѣщиковъ, крестьяне успѣютъ за это время всѣхъ бояръ перерѣзать. Господа на это не согласились, вотъ ихъ царь и преслѣдуетъ.“

Больше чѣмъ въ политикѣ смыслятъ и интересуются наши крестьяне вопросомъ о землицѣ.

Вотъ образчикъ разговоровъ на эту тему въ Черноболотнѣ. Двумъ мужичкамъ были подробно разсказаны происшествія на югѣ, о которыхъ они имѣли лишь самое общее представленіе. „Такъ-то такъ, соображалъ по этому поводу старшій изъ собесѣдниковъ, но ежели у насъ такъ устроить, не выдетъ, не подойдетъ“. — Почему же, спросили его. — „Да потому, я полагаю земли то тамъ больше, а у насъ что! — развелъ онъ руками, — примѣрно разнесемъ мы сейчасъ нашего Самодурова, ну раздѣлимъ промежъ себя, да нешто мы одни тутъ? Вѣдь къ намъ сейчасъ и Нећловскіе и Горѣловскіе пристанутъ, а земли-то гдѣ же взять, нешто на всѣхъ хватитъ?“ — „Ну да, не хватитъ, порывисто возразилъ ему его младшій товарищъ съ какимъ-то озлобленно-упрямымъ видомъ, а Собакевичъ**), а Разуваевъ***), небось, какъ пойдемъ качать-то, мало ихъ что-ли, всѣмъ хватитъ“.

Какъ видно, дебатируется у насъ вопросъ лишь о томъ, хватитъ или не хватитъ на всѣхъ землицы, о желательности же и возможности земельнаго равненія не возникаетъ и спора.

Характерно еще, что въ числѣ прочихъ сомнѣній, возникающихъ у крестьянъ высказывается опасеніе, что за отнятую у помѣщиковъ землю придется потомъ выплачивать новые выкупные платежи — „потому, вѣдь даромъ не дадутъ“.

Крестьяне чего-то ждутъ и иногда это проявляется по самымъ случайнымъ поводамъ. У одной помѣщицы, сдающей свою землю крестьянамъ, можно было наблюдать такую сценку. Помѣщица призвала къ себѣ своихъ арендаторовъ, чтобы поторопить ихъ со взносомъ слѣдуемой за истекшій срокъ платы и стала объяснять имъ, почему ей желательно было бы получить деньги поскорѣе. — „Да, да, конешно, а то какже, понимаю, — поддакивалъ „дядя Владиміръ“, вліятельнѣйшій въ деревнѣ хозяинъ, — понимаю, конешно, — повторялъ онъ, имѣя въ виду что-то совсѣмъ другое, и вдругъ неожиданно закончилъ свои успокоительныя поддакиванья такой репликой: „Вы, матушка, Пульхерія Ивановна, не сумлѣвайтесь, ежели въ случаѣ чего, мы васъ не выдадимъ, потому извѣстно, вы всегда добры къ намъ были.“

Классовое чувство ненависти къ „господамъ“ настолько уже назрѣло, что нерѣдко выливаются въ самыхъ рѣзкихъ формахъ.

„Ужъ и злоба же беретъ другой разъ на васъ, на господъ“, — прорывается вдругъ иногда какая-нибудь обычно забитая и смиренная Марфуня, и ея воодушевленно-карающее лицо горитъ пламенемъ жгучаго чувства негодованія и мести. — Вяжешь это въ полѣ, сверху солнышко такъ и жаритъ, такъ и обжигаетъ, а снизу тебѣ прямо въ лицо и грудь земля-матушка полымемъ пышетъ; поясницу разогнуть нельзя, вѣдь съ самаго утречка вдвое перегнувшись по полю ходишь; въ глоткѣ пересохло все и промочить-то ее нечѣмъ, въ кувшинѣ водицы-то ужъ ни званія нѣту; да въ пылищи вся, да грязная, потная вся, загорѣлая, руки растрескались, ломятъ, гудутъ, и глядишь это: вы идете себѣ полегоньку, потихоньку, подъ зонтикомъ, съ книжечкой, да полныя, да румяныя, да одѣты-то во все чистенькое, бѣлое, — ну будто вотъ рѣпка чистая, хорошая! Какъ увидишь это, такъ въ сердце-то все и перевернется. Господи, да что же это я то тутъ, какъ въ аду мучаюсь, мучаюсь, а они знай себѣ погуливаютъ! А другая-то изъ васъ пройдетъ это, да остановится и такъ ласково скажетъ: „а трудно тебѣ работать?“ — Ахъ идолъ те возьми! Взяла бы сама, да своими бѣлыми ручками-то повязала бы такъ, какъ я вотъ, до самаго солнышка... Да когда же это погибель на васъ, на господъ, придетъ!! Хучь бы моръ какой на васъ что-ли! Взяла бы палку, да выгнала бы всѣхъ бояръ на наше мѣсто — въ полѣ хоть денекъ поработать, небось жиръ бы спалъ, брюхо подвело бы у нихъ.

Нѣтъ, гремитъ уже Марфунька съ вѣрой и непоколебимой убѣжденностью пророчицы. Придетъ на васъ погибель, придетъ, ужъ покажемъ мы за наши обиды всѣмъ вамъ, боярамъ и господамъ, довольно вы надъ нами издѣвались!“

---

*) Кстати этотъ почему-то заподозрѣнный въ либерализмѣ земскій отданъ былъ подъ надзоръ крестьянъ своего участка, еще задолго до обыска, причемъ организовавшій этотъ надзоръ урядникъ соблазнялъ молодыхъ парней на амплуа добровольцевъ сыска красными кумачными рубашками и, разумѣется, продуктами отечественной „монополіи“.

**) Ех-предводитель первенствующаго сословія, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ.

***) Скупающій въ большомъ количествѣ дворянскія земли, рыцарь первоначальнаго накопленія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ-на-Дону. Въ прошломъ номерѣ мы сообщили краткія свѣдѣнія о концѣ стачки. Помѣщаемъ теперь болѣе подробное описаніе событій, сопровождавшихъ окончаніе „борьбы ростовскихъ рабочихъ“. Начнемъ съ 17 ноября, чтобы дать мѣсто изложенію одного важнаго эпизода, не отмѣченнаго еще до сихъ поръ въ печати:

Въ воскресенье, 17 ноября, администраціей были приняты самыя рѣшительныя мѣры, чтобы не допустить сходки „на балкѣ“. На Темерникъ повалила масса народу, но вся она не была пропущена. Въ одномъ мѣстѣ, близь фабрики Панченко, толпа пыталась прорвать цѣпь, но моментально прилетѣли казаки, исколотили и прогнали публику нагайками. На Темерникѣ на каждомъ поворотѣ были поставлены кордоны изъ казаковъ, солдатъ и полицейскихъ. Стоило только сойтись пяти человѣкамъ, какъ христолюбивое воинство моментально обнажало шашки и, разсѣкая ими воздухъ, устремлялось форсированнымъ маршемъ на собравшихся. Поэтому, на Темерникѣ было чрезвычайное обиліе одиноко расхаживающихъ рабочихъ. Только въ одномъ мѣстѣ удалось собраться чел. 60-70, но и они были немедленно разогнаны. Тогда одинъ изъ вожаковъ рѣшилъ перенести сходку въ другое рабочее предмѣстье — на Пахаловку (Новое Поселеніе). Стоило только проронить нѣсколько разъ слова: „На Пахаловку“, какъ немедленно они стали передаваться изъ устъ въ уста. Черезъ часъ на Пахаловкѣ собралась толпа чел. въ 600. Но не успѣлъ ораторъ произнести рѣчь, какъ туда же пожаловала сотня казаковъ и безъ предупрежденія начала хлестать нагайками толпу. Къ счастью, рабочіе собрались недалеко отъ пичнаго завода, гдѣ вся площадь усѣяна обломками кирпича. Градъ камней полетѣлъ въ казаковъ и заставилъ ихъ отступить. Оправившись отъ пораженія, казаки обнажили сабли и бросились рубить непокорныхъ, но градъ камней снова остановилъ ихъ воинственный натискъ. Оттѣснивъ казаковъ, рабочіе, опасаясь залповъ, бросились во дворы. Населеніе Нахичевани выступило имъ на помощь. Женщины и дѣти выносили рабочимъ ухваты и рогачи, собирали камни. Рабочіе изъ-за заборовъ очень удачно обстрѣливали казацкіе ряды. Казаки послали за подмогой, и скоро на мѣсто побоища примчались галопомъ еще четыре сотни казаковъ. Не дожидаясь ихъ прибытія, рабочіе поколотили еще казаковъ и разошлись. Послѣ этой битвы полицмейстеръ Колпиновъ издалъ распоряженіе, по которому жители Ростова обязаны были тщательно очистить свои дворы отъ камней и другихъ удобобросаемыхъ предметовъ. Виновные въ неисполненіи будутъ подлежать строгой отвѣтственности. Само собою разумѣется, что постановленія этого никто не исполнялъ. Въ городѣ даже распространился слухъ, что объявленіе это выпустилъ Донской Комитетъ, желая дискредитировать полицмейстера въ глазахъ населенія. Слухи эти, однако, ошибочны: это былъ не злостный памфлетъ, а подлинное распоряженіе начальства.

Въ тотъ же день было издано объявленіе, сообщавшее, что завтра, 18-го, въ мастерскихъ будетъ данъ призывной гудокъ на работу, по которому всѣ рабочіе должны явиться въ мастерскія, съ неявившимися будетъ поступлено по всей строгости закона. Можно было опасаться, что рабочіе станутъ на работу, но этого не произошло. Съ 6 час. утра до 2 час. дня 18 ноября нѣсколько разъ выли протяжные гудки. На работу стало всего чел. 60. Послѣ 2 час. по Темернику разъѣзжали „герольды“-казаки, громко кричавшіе: „Идите на работу! Горе вамъ будетъ! Вотъ увидите, какъ теперь съ вами поступать будутъ!“ и т. п.

19-го на зарѣ казаки стучали въ окна рабочимъ и звали ихъ на работу, грозя разными ужасами. Какъ и въ предыдущій день, было дано нѣсколько гудковъ и тѣмъ не менѣе на работу явилось всего 91 чел. У воротъ мастерскихъ стояло чел. 500, которые рѣшили не пускать на работу никого, но желающихъ идти работать было очень мало. Тутъ же рабочіе исколотили нѣсколькихъ мастеровъ за старые грѣхи.

20-го на работу явилось еще меньше рабочихъ, чѣмъ 19-го. Въ этотъ день началась административная высылка рабочихъ, обставленная варварскими подробностями. Громадные отряды полиціи, жандармовъ и казаковъ врывались въ квартиры рабочихъ и уводили кормильцевъ рабочихъ семей. Арестуемымъ не давали даже проститься съ семьей и не говорили, куда ихъ уводятъ. Ихъ вытаскивали изъ квартиръ, не давая собрать необходимыхъ пожитковъ, окружали казаками, державшими сабли наголо, и уводили межъ шпалерами конныхъ казаковъ, разставленныхъ отъ конца темерницкихъ улицъ до вокзала. Между рабочими стали распространяться разные дикіе слухи о судьбѣ арестуемыхъ (ссылка въ Сибирь, избіеніе и даже казнь стачечниковъ), при чемъ слухи поддерживались и старательно раздувались чинами полиціи. 21 и 22 ноября административныя высылки и аресты продолжались — брали безъ всякаго разбора. Высылки производили на рабочихъ удручающее впечатлѣніе. Къ тому же 22 ноября кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что масса рабочихъ выдаетъ расписки въ томъ, что она желаетъ стать на работу, но ей не позволяютъ это дѣлать вожаки. Говорили, что уже „записалось“ болѣе 1500 чел. и что нежелающимъ работать дорога выдаетъ разсчетъ, а полиція немедленно выселяетъ изъ города. Несмотря на усилія организованныхъ рабочихъ, разубѣдить массу въ томъ, что все это неправда, не удалось. Вдобавокъ въ этотъ день прибыли солдаты ж.-дор. батальона Закаспійской ж. д., въ количествѣ 250 чел. Власти распространяли слухи, что сюда прибудутъ еще 1500 солдатъ, при помощи которыхъ работы будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе сдадутся. Тѣмъ не менѣе, была полная увѣренность, что рабочіе продержатся еще нѣсколько дней. Вопреки этимъ ожиданіямъ, 23 ноября въ мастерскія на работу явилось около тысячи чел. Тогда организованные и наиболѣе боевые рабочіе явились въ мастерскія якобы на работу. Но работать они не стали, а стали расхаживать по цехамъ и отпускать по адресу работающихъ язвительныя словечки; іуды, измѣнники, предатели, трусы и т. д. На работающихъ крики эти производили очень сильное впечатлѣніе, и днемъ всѣ рабочіе, за исключеніемъ электро-механическаго цеха, бросили работу и собрались на сходку въ сборный цехъ. Послѣ рѣчи, сказанной однимъ изъ рабочихъ, большинство высказывалось за то, чтобы продолжать стачку. Въ это время на сходку явился начальникъ мастерскихъ Дзевонскій и началъ убѣждать рабочихъ прекратить стачку, обѣщая удовлетворить главнѣйшія требованія, за исключеніемъ 9-час. раб. дня. До тѣхъ поръ, пока рабочіе не станутъ на работу, говорилъ Дзевонскій, мы не имѣемъ права, согласно распоряженію мин. путей сообщенія, вступать съ вами въ переговоры, такъ какъ законъ признаетъ васъ мятежниками и бунтовщиками. Дзевонскій тутъ же поклялся, что часть требованій будетъ удовлетворена; въ противномъ случаѣ онъ отдаетъ себя на судъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ, между Дзевонскимъ и рабочими было достигнуто соглашеніе: рабочіе должны стать на работу, а черезъ недѣлю имъ будетъ объявлено, какія требованія удовлетворены. На воскресенье, 24 ноября, былъ назначенъ молебенъ по случаю достигнутаго соглашенія. На молебнѣ депутаты отъ рабочихъ требовали, чтобы была отслужена панихида „по невинноубіеннымъ“ во время стачки. Священникъ отказался служить.

Несмотря на все это, 25 ноября около тысячи рабочихъ не явились въ мастерскія. Но продолжать дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно; это значило бы произвести расколъ между рабочими, который закончился бы междоусобнымъ побоищемъ. И Комитетъ въ вышедшей 26 ноября прокламаціи не призывалъ къ продолженію стачки, но предупреждалъ рабочихъ, что здѣсь можетъ быть ловушка, и потому совѣтовалъ, какъ только дорога начнетъ оттягивать отвѣтъ, немедленно вновь бросать работу. 26 ноября, на 23 день, всѣ стачечники работали. Въ этотъ же день Дзевонскій заявилъ во всѣхъ цехахъ, что могутъ быть удовлетворены слѣд. требованія: повышеніе платы на 20 проц.; повышеніе платы чернорабочимъ на 67 проц. (съ 60 коп. до 1 руб.), прекращеніе работъ по субботамъ и наканунѣ праздниковъ въ 2 часа дня; выдача по 15 руб. въ случаѣ рожденія ребенка или смерти кого-либо изъ членовъ семьи рабочаго; выдача шести проѣздныхъ билетовъ въ годъ: устройство новыхъ проходныхъ будокъ и еще пара мелкихъ требованій.

Въ субботу должны были объявить окончательно, какія требованія удовлетворены, но вмѣсто объявленія одинъ изъ мастеровъ, Фонинетти, отъ имени управленія дороги заявилъ, что рабочіе все еще волнуются, а потому дорога откладываетъ отвѣтъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе не успокоятся. Комитетъ выпустилъ новую прокламацію и, указывая, что рабочихъ нагло надули, призывалъ ихъ къ новой стачкѣ и къ демонстраціи. Но вызвать новой стачки не удалось: рабочіе слишкомъ изголодались и задолжали, къ тому же приближаются праздники, что настраиваетъ умы совсѣмъ не на боевой ладъ, особенно въ виду того, что за все время, въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца, среди рабочихъ не видно было ни одного пьянаго.

Требованій до сихъ поръ не удовлетворяютъ, не видя надлежащаго успокоенія. Пока-что, удалены мастера Вицкевичъ и Чернявскій и врачъ Поповъ; въ мастерскихъ начинаютъ строить проходныя будки.

Послѣ такого конца стачки естественно было ожидать сильной реакціи, но ея не замѣчается. Большинство рабочихъ говоритъ о новой стачкѣ. Одни предлагаютъ начать ее въ январѣ; другіе находятъ необходимымъ хорошо подготовиться и пріурочиваютъ ее къ первому мая. Весной, говорятъ рабочіе, мы сможемъ три мѣсяца держаться.

Политическое недовольство замѣчается даже у самыхъ отсталыхъ, религіозныхъ стариковъ-рабочихъ.

Только среди нѣкоторой части рабочихъ (преимущественно электро-механическій цехъ) наступила реакція, сказавшаяся въ томъ, что часть послѣднихъ прокламацій была унесена въ конгтору. Эти рабочіе ругаютъ Комитетъ за то, что онъ ихъ „впуталъ въ политику“. Не будь „политики“ и, главнымъ образомъ, словъ: „Долой самодержавіе“, — все было бы хорошо, и всѣ требованія были бы удовлетворены. Къ счастью, такихъ рабочихъ ничтожный процентъ; нѣсколько больше такихъ, которые думаютъ, что царь ничего о ростовскихъ событіяхъ не знаетъ; въ противномъ случаѣ, онъ сослалъ бы атамана на каторгу.

Почва для работы теперь великолѣпная; къ сожалѣнію, сѣятелей нѣтъ или ихъ слишкомъ мало. — — —

Вотъ еще выдержки изъ письма въ „Искру“, доставленнаго намъ нѣсколько кружнымъ путемъ:

„Хочу подѣлиться съ вами впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня Ростовъ послѣ колоссальныхъ митинговъ, происходившихъ тамъ въ теченіе 8-9 дней и преобразившихъ въ извѣстномъ смыслѣ физіономію города. Населеніе его иначе не понимало движенія, какъ чего-то, что должно вылиться въ погромъ. А тутъ, стекаясь ежедневно на сходки рабочихъ, оно увидѣло сознательную, благородную, дисциплинированную массу, съ напряженнымъ вниманіемъ слушавшую рѣчи вождей и повиновавшуюся ихъ приказаніямъ. Населеніе услыхало здѣсь свободное слово, вылившееся изъ глубины души, почувствовало, на чьей сторонѣ правда, и, что всего важнѣе, увидѣло силу, которой боится полиція. Оно увидѣло, что полиція далеко не такъ всесильна, какъ это раньше казалось, и подняло голову: перестало трусить, открыто давало деньги для стачечниковъ и открыто выражало имъ свое сочувствіе. Съ другой стороны, оно увидѣло защитниковъ престола — дикихъ казаковъ, и врядъ-ли найдется кто-либо, кто не говоритъ съ ненавистью о казакахъ. Былъ, напр., такой случай. Вагоновожатый отказался вести вагонъ трамвая, пока не слѣзетъ сѣвшій казакъ, и тотъ принужденъ былъ слѣзть. Выстрѣлы не произвели угнетающее впечатлѣніе, а наоборотъ, озлобили населеніе. Вообще, населеніе не узнать. Очень важно то обстоятельство, что движеніе было вполнѣ организованнымъ. Комитетъ заранѣе распредѣлилъ роли, кому дать свистокъ, кому позвать оратора, кому отбить мастеровъ и пропустить оратора. И въ тотъ же день, т. е. 4 ноября, вышла первая печатная прокламація Комитета съ призывомъ къ стачкѣ и съ выставленными требованіями. Комитетъ во время ноябрьскихъ дней выпустилъ около 26 тыс. экз. прокламацій. Типографія жива и здорова, хотя ходятъ слухи объ арестѣ ея то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ. Съ особеннымъ удовольствіемъ разсказываютъ, что она найдена подъ той гостинницей, гдѣ останавливался атаманъ. Интересно, что всѣ называютъ ее „типографія Донского Комитета“. Типографія была устроена незадолго до стачки. Обошлась она недорого, благодаря активному участію въ дѣлѣ нѣкоторыхъ очень ловкихъ рабочихъ. До стачки въ Комитетѣ шла усиленная организаціонная работа. Было, кажется, 13 кружковъ, въ нихъ представители разныхъ фабрикъ и заводовъ. Всѣхъ организованныхъ рабочихъ было, должно быть, чел. 120. Уставъ кружковый налагалъ извѣстныя обязательства, неисполненіе которыхъ наказывалось исключеніемъ и т. п. Человѣкъ восемь бѣжало изъ Ростова. Изъ нихъ часть имѣла отношеніе къ Комит., который нѣсколько ослабленъ, но продолжаетъ энергично дѣйствовать. Тяжелое впечатлѣніе производитъ массовая высылка рабочихъ на родину. Остаются семьи безъ хлѣба, безъ топлива. Высылаютъ безъ особеннаго разбора. Выслано уже свыше 200 чел. Въ числѣ высланныхъ есть и организ. раб.“.

Дальнѣйшія извѣстія: Пріѣхавшій въ Ростовъ фонъ-Валь (подробности его пребыванія сообщимъ) приказалъ принять обратно на службу уволенныхъ мастеровъ — Вицкевича и Чернявскаго. Появленіе ихъ въ мастерскихъ вызвало цѣлую бурю негодованія. Чернявскій забрался въ контору и не высовывалъ оттуда носа. Вицкевичъ же осмѣлился въ сопровожденіи казаковъ пойти въ котельный цехъ, которымъ онъ завѣдывалъ. Какъ только онъ переступилъ порогъ цеха, сейчасъ же работа пошла значительно тише, а въ воздухѣ начали циркулировать по всѣмъ направленіямъ гайки, заклепки и т. п. предметы, съ зловѣщимъ стукомъ ударявшіеся о стѣнки цеховъ, Вицкевичъ благоразумно поспѣшилъ ретироваться.

Послѣ этого, рабочіе отправили къ управляющему дорогой депутацію съ категорическимъ требованіемъ сообщить, какія именно требованія дорога удовлетворитъ и когда именно. Въ отвѣтъ на требованіе, управляющій вывѣсилъ объявленіе слѣдующаго содержанія: „Объявленіе. Сегодня, 12 декабря, мною лично объявлено выборнымъ отъ мастеровыхъ и рабочихъ ростовскихъ мастерскихъ, что настоящимъ подтверждаю: что въ виду той формы, въ какой были заявлены желанія и претензіи мастеровыхъ и рабочихъ, я давать этимъ претензіямъ дальнѣйшаго хода не имѣю права и не могу. Мастеровые и рабочіе должны работать на основаніи добровольно принятыхъ ими существующихъ условій и требованій рабочей книжки, съ соблюденіемъ полнаго порядка и дисциплины и что только убѣдившись въ строгомъ, точномъ и спокойномъ исполненіи мастеровыми и рабочими принятыхъ ими по рабочей книжкѣ обязанностей, я получу право разсмотрѣть въ законномъ порядкѣ выраженныя желанія и претензіи и дать дальнѣйшій ходъ ходатайству мастеровыхъ и рабочихъ. Декабря 12 дня 1902 года. Подлинное: управляющій дорогой Иноземцевъ. Съ подлиннымъ вѣрно: начальникъ главныхъ мастерскихъ Дзевонскій.“

На это объявленіе будетъ немедленно отвѣчено прокламаціей.

Перепечатываемая нами прокламація Донского Комитета подводитъ итогъ замѣчательнымъ событіямъ, даетъ въ высшей степени яркую и вѣрную оцѣнку имъ и дѣлаетъ практическіе выводы, которые никогда не устанетъ повторять соц.-демократія. Прокламація эта была издана въ 6500 экз. и разослана въ декабрѣ въ разные города Россіи:

КЪ ГРАЖДАНАМЪ ВСЕЙ РОССІИ.

Правительство измѣнило своей обычной тактикѣ — замалчивать рабочія волненія или сообщать о нихъ тогда, когда уже вся Россія знаетъ о происшедшихъ событіяхъ изъ частныхъ слуховъ, писемъ или подпольной печати. 4 ноября рабочіе мастерскихъ Влквк. ж. д. въ Ростовѣ забастовали, а 19-го, въ разгаръ стачки, въ „Прав. Вѣстникѣ“ появляется оффиціальное сообщеніе, по обыкновенію полное лжи и лицемѣрія; оно стремится приписать „буйной толпѣ“ рабочихъ „назойливость“, „глумленіе“ и полную безсознательность требованій, а войско и администрацію представить въ умилительномъ образѣ ангела-хранителя порядка и законности. Дипломированные писатели департамента полиціи пытаются придать рабочимъ „безпорядкамъ“ въ Ростовѣ и Тихорѣцкой исключительно экономическій характеръ, — и въ этомъ первая, самая грубая и возмутительная ложь оффиціальнаго сообщенія. Правда, начавъ стачку, ростовскіе рабочіе предъявили рядъ требованій, не заключавшихъ въ себѣ политической тенденціи, — иного характера и не могла носить ихъ первоначальная борьба съ хозяевами. Но достаточно было агитаторамъ приложить усилія, — и смутное политическое броженіе превратилось въ ясное политическое сознаніе. Да и само правительство способствовало этому. Уже на третій день стачки рабочимъ стало извѣстно, что въ ихъ борьбу съ предпринимателями вмѣшалось правительство, что ихъ требованія встрѣтили отказъ не въ управленіи дороги, а со стороны правительства, въ лицѣ министра путей сообщенія. Рабочіе увидѣли, какъ вся несмѣтная стая царскихъ слугъ слетѣлась для того, чтобы задушить рабочее движеніе, подавить стремленіе рабочихъ къ счастью и свободѣ. Тысячи казаковъ были мобилизированы противъ ростовскихъ рабочихъ. Весь городъ превратился въ военный лагерь, двинули даже артиллерію... Пользуясь смятеніемъ властей, растерявшихся въ первое время, Донской Комитетъ, пока не прибыли войска, организовалъ народныя собранія, какихъ еще не знало революціонное движеніе въ Россіи. Въ теченіе цѣлой недѣли, сперва въ мастерскихъ, а затѣмъ въ громадной „балкѣ“, самой природой предназначенной для народныхъ митинговъ, собиралась многотысячная толпа рабочихъ, чтобы впервые услышать свободное, смѣлое слово о рабочей нуждѣ, о политическомъ гнетѣ, давящемъ Россію, чтобы впервые открыто читать ежедневно появлявшіяся прокламаціи. Нѣсколько ораторовъ въ рядѣ рѣчей разъясняли рабочимъ значеніе выставленныхъ стачечниками требованій, подвергали рѣзкой критикѣ самодержавно-полицейскій строй, выясняли сущность политической борьбы, ея необходимость для рабочихъ. Собранія эти, протекавшія въ изумительномъ порядкѣ и ничѣмъ не отличавшіяся отъ митинговъ на западѣ, не могли не оставить глубокаго слѣда въ рабочихъ, не могли не вывести экономической борьбы на широкую дорогу политической демонстраціи и протеста всего рабочаго населенія Ростова. Проклятія по адресу самодержавнаго правительства и призывъ къ полит. свободѣ встрѣчали взрывъ энтузіазма въ раб. массѣ, которую не теорія, не фраза, а сама жизнь приближала къ сознанію необходимости свободы стачекъ и союзовъ, собраній и печати, къ сознанію, что безъ участія народныхъ представителей въ управленіи страной масса никогда не добьется лучшихъ условій жизни. Удивительно-ли, что правительственное сообщеніе ни словомъ не обмолвилось объ истинномъ характерѣ ростовской стачки? Организованныя 20-ти и даже 30-титысячныя собранія рабочихъ, политическія рѣчи, строгая дисциплина стачечниковъ и единодушныя резолюціи въ пользу политическихъ правъ народа, — какъ все это далеко отъ „буйной“ шайки нарушителей „общественой тишины и спокойствія“, — этого трафарета, по которому строятся всѣ сообщенія правительства объ освободительномъ движеніи народныхъ массъ!

Зато для восхваленія храбраго воинства правительственное посланіе не жалѣетъ словъ и красокъ... „Рабочіе позволяли себѣ глумиться надъ войсками“... „назойливость рабочихъ достигла крайнихъ предѣловъ“... „Рабочіе не только не пожелали разойтись, но даже стали бросать въ войска камни“... — этимъ правительство пытается оправдать ружейные залпы въ беззащитную толпу. Здѣсь все отъ перваго до послѣдняго слова гнусная ложь!

Въ Ростовѣ бойня была произведена 11 ноября. Съ ранняго утра казаки стали разгонять прикладами и пиками являвшихся на сходку. И тогда началась героическая борьба. Въ кровавомъ бою, цѣною человѣческихъ жизней, — рабочіе покупали себѣ свободу сходокъ и свободу слова. Десять разъ они отбивали и обращали въ бѣгство казаковъ. Въ концѣ концовъ казаки отступили, обычный митингъ состоялся. И уже послѣ собранія, когда на мѣстѣ сходки остались дѣти, да кучка любопытныхъ, брошенный мальчишкой камень попалъ въ казака, и этого было достаточно, чтобы воспламенить воинственный пылъ донскихъ башибузуковъ. Казаки врѣзались въ кучу женщинъ и дѣтей, началось избіеніе; и вотъ среди этой свалки, безъ всякаго предупрежденія, раздался внезапно залпъ, разсѣявшій толпу. Убитыхъ оказалось вопреки сообщенію правительства, не 4, а 6, а раненыхъ болѣе двухъ десятковъ.

Еще ужаснѣй были дѣйствія войскъ въ Тихорѣцкой: здѣсь, въ малонаселенномъ поселкѣ, среди пустынной степи, вдали отъ нескромныхъ взоровъ любопытствующихъ горожанъ, звѣрства царскихъ опричниковъ достигли высшихъ размѣровъ. 17 ноября не успѣли рабочіе собраться, какъ на нихъ была пущена дикая рать казаковъ. Рабочіе, по примѣру ростовскихъ товарищей, сѣли, а потомъ даже легли на землю въ надеждѣ, что казацкая нагайка не коснется лежачаго. Но напрасная надежда: казаки врѣзались въ груду человѣческихъ тѣлъ, разсѣкая ее шашками и нагайками. Рабочіе поднялись на ноги, съ безпримѣрнымъ мужествомъ отбивались отъ казаковъ и обратили ихъ въ бѣгство. Тогда въ толпу посыпались ружейные выстрѣлы. Подавленные силой, рабочіе разбѣгаются по домамъ, но казаки, опьяненные жаждой крови, преслѣдуютъ ихъ, какъ загнанныхъ звѣрей, и колотятъ, никого и ничего не разбирая...

Рабочій Обоенко, не бывшій даже на сходкѣ, идетъ домой съ ведрами воды на плечахъ, — казакъ выстрѣломъ въ упоръ убиваетъ его наповалъ; другой, преслѣдуя рабочаго, врывается въ его домишко, жена рабочаго пытается остановить бандита, но тотъ выхватываетъ шашку и однимъ взмахомъ распарываетъ ей животъ... Не довольствуясь дикой расправой, атаманъ отдаетъ приказъ выселить всѣхъ рабочихъ изъ желѣзнодорожныхъ казармъ. Начинается настоящій погромъ... Убогіе пожитки пролетаріевъ летятъ на улицу, грудныхъ младенцевъ швыряютъ черезъ окно, кубанцы ломаютъ сундуки и грабятъ имущество бѣдняковъ!.. На мѣстѣ сраженія валяются отрубленныя части человѣческаго тѣла, нѣсколько труповъ и масса тяжело раненыхъ. Такъ дѣйствовало славное русское воинство, такъ расправлялось со стачечниками народолюбивое правительство! Такъ правда глаголетъ устами департамента полиціи!*)

Тяжела и самоотверженна борьба рабочихъ, многими жертвами и пораженіями сопровождается она, но каждый день приближаетъ насъ къ побѣдѣ, все больше и больше появляется фактовъ, свидѣтельствующихъ о силѣ революціонной энергіи, скрывающейся въ нѣдрахъ ихъ массы. Кто могъ предвидѣть, что въ 1900 году харьковскіе рабочіе впервые поднимутъ красное знамя политической демонстраціи? Кто за недѣлю до стачки могъ предсказать, что рабочіе почти всѣхъ ростовскихъ фабрикъ обнаружатъ чисто европейскую дисциплину, съ сочувствіемъ будутъ слушать политическія рѣчи и на вопросъ, поставленный собранію, „нужна-ли политическая свобода?“ — единодушно отвѣтитъ: „да, нужна!“ Вихрь событій, пронесшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней по юго-востоку Россіи, показалъ пробужденіе рабочаго класса, силу развившейся въ немъ классовой солидарности и политическаго сознанія. Достаточно было возникнуть стачкѣ на ростовскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, чтобы забастовали рабочіе еще нѣсколькихъ крупныхъ фабрикъ; стоило проникнуть прокламаціямъ въ Тихорѣцкую и Новороссійскъ, какъ тамъ всѣ рабочіе бросили работу. Движеніе сразу приняло ярко политическій характеръ; тысячи рабочихъ, до того слабо затронутые пропагандой, воочію убѣждались въ истинномъ значеніи самодержавнаго строя и до боли осязательно почувствовали насущность политической свободы. Такой характеръ ростовской стачки, охватившей нѣсколько тысячъ рабочихъ, не долженъ пройти безслѣдно, теперь, въ минуту крайней реакціи, общественной растерянности и предсмертныхъ судорогъ самодержавія. Въ то время, какъ университетская молодежь колеблется и готова примириться съ объѣдками жалкой „автономіи“, а либералы, польщенные учрежденіемъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, изобрѣтаютъ подпорки для гнилого зданія самодержавія и униженно выслушиваютъ издѣвательства лейб-жандарма Плеве, — одинъ только пролетаріатъ высоко держитъ знамя борьбы и среди всеобщаго мрака не угашаетъ свѣточа свободы. Эта позорная трусость командующихъ классовъ въ настоящую минуту особенно рельефно оттѣняетъ революціонную и соціально-прогрессивную роль пролетаріата. Политическая тенденція ростовскихъ событій даетъ лишній поводъ подчеркнуть первенствующее значеніе пролетаріата въ освободительномъ движеніи и потому должны повсюду вызвать сочувствіе и поддержку, чтобы этимъ подкрѣпить ихъ значеніе и показать солидарность всего раб. класса Россіи; звѣрская расправа со стачечниками, трупы убитыхъ борцовъ и страданія сотни раненыхъ взываютъ къ протесту и открытому негодованію. Стыдно сказать — насилія противъ рабочихъ проходили до сихъ поръ для правительства безнаказанно. Мученическая смерть Маріи Вѣтровой, избіеніе московскихъ студентовъ дворниками, побоище на Казанской площади въ Петербургѣ — приводили къ протесту и даже демонстраціямъ, въ то время, какъ смертоносные выстрѣлы въ рабочихъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“, кубанскихъ и донскихъ зулусовъ замирали съ послѣднимъ вздохомъ жертвъ... Пора положить конецъ столь постыдному равнодушію! Пора дать почувствовать правительству, что каждый выстрѣлъ въ рабочихъ, каждая пущенная въ ходъ нагайка всколыхнетъ революціонную волну, которая съ увеличенной силой прокатится по всей Руси, какъ грозное напоминаніе о смерти дряхлому самодержавію, какъ заря грядущей молодой Россіи...

---

*) Подробное описаніе стачки и сопровождавшихъ ее событій Комитетъ издастъ въ видѣ брошюры въ непродолжительномъ времени.

Ростовская стачка, какъ частное дѣло ростовскихъ рабочихъ закончена; требованія рабочихъ, по всей вѣроятности, будутъ удовлетворены, а политическое значеніе происшедшихъ волненій не замедлитъ сказаться въ будущемъ. Но того, конечно, мало. Для великаго дѣла политическаго освобожденія страны ростовская стачка только тогда сыграетъ свою роль, когда она встрѣтитъ сочувствіе среди всѣхъ протестующихъ элементовъ, когда въ той или иной формѣ ее поддержатъ революціонныя организаціи русскаго пролетаріата. Пусть же пожаръ, вспыхнувшій на Дону, разгорится грознымъ пламенемъ, пусть въ отвѣтъ на ружейные залпы могучимъ эхомъ прогремятъ демонстраціи, пусть стоны жертвъ покроетъ громъ протеста, пусть повсюду такъ же единодушно, какъ въ Ростовѣ, вынесутъ смертный приговоръ самодержавію, гнетущему страну.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ грядущая революція!

Ростовъ-на-Дону, ноябрь 1902 г.

Донской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Тверь. Здѣшній Ком. Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ „Летучій листокъ № 2“, помѣченный 14 декабря и озаглавленный „Памяти декабристовъ“. Разсказавъ вкратцѣ о событіи 14 дек. 1825 г., листокъ отмѣчаетъ, что изъ двухъ главныхъ требованій декабристовъ выполнено за 76 лѣтъ только одно: отмѣна крѣпостного права. Второе же ихъ требованіе — участіе народа въ управленіи государствомъ, другими словами — политическая свобода, до сихъ поръ остается невыполненнымъ. „Товарищи-рабочіе! — заканчиваетъ листокъ. Сегодняшій день — день памяти первыхъ мучениковъ русской свободы! Пусть имена ихъ будутъ вамъ близки и дороги, пусть дѣло, за которое они погибли, сдѣлается вашимъ собственнымъ дѣломъ! Когда массы рабочихъ людей станутъ вокругъ знамени, на которомъ написано: „Да здравствуетъ политическая свобода!“, тогда падетъ твердыня царскаго самодержавія. Подъ страхомъ крестьянскихъ восстаній оно было вынуждено отмѣнить крѣпостное право; упорной борьбой мы добьемся и политической свободы. Разносите же, товарищи, во всѣ стороны нашъ боевой кличъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія!“ Чѣмъ скорѣе онъ будетъ извѣстенъ всей Россіи отъ мала до велика, тѣмъ скорѣе мы побѣдимъ!“

Изъ Ставрополя-Кавказскаго. По линіи Владикавказской ж. д. въ сентябрѣ пришлые на заработки крестьяне въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ поломали машины вслѣдствіе безработицы. Администрація напугана и цѣлыми вагонами отправляетъ „бунтовщиковъ“ на родину. Настроеніе среди безработныхъ крайне приподнятое. Въ мѣстныхъ деревняхъ очень много толкуютъ объ этихъ происшествіяхъ; во многихъ случаяхъ выражаются симпатіи къ безработнымъ. Среди безработныхъ много крестьянъ Черниговской и Харьковской губ.

Приводимъ „Постановленіе“ пом. нач. жандармскаго Терскаго Областного Управленія, на основаніи котораго былъ арестованъ 28 іюня 1902 г. Н. П. Безсмѣновъ:

„Постановленіе № 4. Губ. Гор. Ставрополь.

„Пом. нач. жанд. Терск. Областн. Упр. въ Ставрополѣ, ротмистръ Скальковскій, усматривая, что еще въ 1897 г. Николай Безсмѣновъ обвинялся въ возмущеніи крестьянъ противъ властей и что по этому поводу, по распоряженію главнокомандующаго на Кавказѣ, произведено было дознаніе, что Ник. Безсмѣновъ въ устроенномъ имъ поселкѣ „Николина Пристань“ внушалъ крестьянамъ превратныя понятія, — совѣтуя имъ сопротивляться администраціи и суду, что въ февралѣ 1902 г. онъ участвовалъ въ преступныхъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Москвѣ и Петербургѣ, что есть основаніе предполагать его участіе въ возмущеніи крестьянъ, бывшихъ въ мартѣ с. г. въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, въ апрѣлѣ въ Альмавирѣ, въ маѣ въ Тихорѣцкой, Кутаисской обл., что по донесенія полиціи Ставропольскаго и Новогригорьевскаго уѣздовъ Ставропольской губ. въ февралѣ 1902 г. онъ привезъ и распространилъ среди населенія 500 экз. брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ „Вторая воля“, что при личномъ обыскѣ, произведенномъ силой (добровольно Николай Безсмѣновъ обыскивать себя не далъ) у него найдены тенденціознаго содержанія рукописныя произведенія подъ заглавіемъ: „Разрушенный молъ“ и „Есть на Волгѣ утесъ“, что на вопросъ о сообщникахъ отвѣтилъ съ глумленіемъ: „съ собой ихъ у меня нѣтъ“, — въ виду означеннаго постановлено: Ник. Ник. Безсмѣнова, какъ изобличеннаго въ госуд. прест., на основ. 27 ст. полож. о Госуд. Охранѣ, заключить въ секретную камеру Ставропольской Губ. Тюрьмы, строго предписавъ смотрителю оной имѣть особое наблюденіе надъ означеннымъ секретнымъ арестантомъ и ключъ отъ камеры имѣть у себя. Скальковскій.

„Объявлено 28 іюня 1902 г., 11 час. ночи“.

Севастополь. Наканунѣ пріѣзда царя изъ Ливадіи въ нашъ городъ была выпущена здѣсь прокламація, разъясняющая рабочимъ непримиримость ихъ интересовъ съ самодержавіемъ. Прокламація заканчивается словами: „Не крикомъ „ура“, а крикомъ „это злодѣй и кровопійцы“ встрѣчай ихъ (царя и министровъ), русскій народъ, гдѣ бы они ни показались! Долой самодержавіе! Довольно самоуправства!“

Изъ Посада Азова, Донской Области. Нѣтъ, кажется, въ настоящее время на Руси такого глухого уголка, куда бы не достигали отголоски тѣхъ раскатовъ политической борьбы, которые изъ конца въ конецъ проносятся по странѣ, взбудораживая сонную мысль обитателя темныхъ медвѣжьихъ берлогъ и вселяя собой страхъ и трепетъ въ сердца лакействующей царской провинціальной рати. Такъ въ началѣ октября утромъ (около 9-10 часовъ) обыватели тихаго города Азова, населеннаго невѣжественными донскими казаками, которые издавна славились своими особенно „дикообразными“ нравами, прочитали на фонарныхъ столбахъ и заборахъ „диковинное“ „объявленіе“. Обыкновенно они привыкли читать разныя „объявленія“ отъ своего наказного атамана Максимовича, а здѣсь и не разобрать было, отъ кого. Не то отъ „атамана“, не то не „отъ него“... Въ этомъ объявленіи говорилось о политическихъ правахъ, за которыя нужно „бороться“ и вырывать ихъ изъ рукъ „царя и его слугъ“, для того, чтобы стать народу свободнымъ и сильнымъ, чтобы никто надъ нимъ не издѣвался и т. д. Слова въ „объявленіи“ были все „мудреныя“, отъ которыхъ азовчанъ бросало въ потъ и въ жаръ, такъ какъ никогда имъ раньше о такихъ „словахъ“ не приходилося не только слышать, но даже и читать. И къ столбамъ и заборамъ собирались мало-по-малу кучки народа, а такъ какъ день былъ базарный и вся площадь была запружена народомъ, то вскорѣ почти вся базарная толпа хлынала сюда. Въ толпѣ были казаки изъ станицъ близь лежащихъ къ Азову. Нашлись такіе изъ толпы, которые бывали въ Ростовѣ, слыхали про соціалистовъ и рабочихъ, которые хотятъ „народу волю дать“ и, прочитавши такія „объявленія“, срывали ихъ и прятали по карманамъ, чтобы прочитать ихъ своимъ станичникамъ. Говорятъ, что почти всюду по посаду были расклеены до полуторы тысячъ прокламацій, а также и разбросаны. Посадскія власти вначалѣ не обращали никакого вниманія, но около полудня распорядились ихъ сорвать, но многія прокламаціи были такъ крѣпко приклеены, что ихъ пришлось замазывать, разгоняя при этомъ любопытную толпу. Прокламаціи всѣ были соц.-демократическія. Въ посадѣ послѣ этого событія только и разговоровъ, что про „объявленія“, которыя „больно хорошо написаны“, какъ говорятъ обыватели-азовчане. Власти, по обыкновенію, растерялись. Пріѣзжали изъ Ростова жандармы, но никакихъ „корней и нитей“ имъ въ богоспасаемомъ градѣ отыскать не удалось. Послѣ же пріѣзда жандармовъ здѣшнія власти совершенно взвинтились и страшно „нервничали“, что выразилось, между прочимъ, въ томъ, что они устроили ночные патрули съ цѣлью накрыть и выловить „всѣхъ соціалистовъ“. Особенно сильное впечатлѣніе прокламаціи произвели на мѣстныхъ ремесленниковъ, которые послѣ этого начали разговаривать на ту тему, что не пора-ли „молъ и намъ за умъ взяться“ и подобно ростовскимъ рабочимъ добиваться правъ

ИЗЪ ПАРТІИ.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ БРЮССЕЛѢ 29 ДЕК. 1902 Г.

На одной изъ предыдущихъ конференцій рѣшено было, что каждая партія можетъ, кромѣ избраннаго на международномъ конгрессѣ делегата, послать въ международное бюро своего секретаря-корреспондента. Въ качествѣ таковаго я замѣнялъ товарища Плеханова на послѣдней конференціи, съ рѣшеніями которой я и намѣренъ познакомить вкратцѣ нашихъ товарищей.

Всѣ вопросы, подлежавшіе обсужденію конференціи, касались будущаго международнаго конгресса. Прежде всего, самый конгрессъ отложенъ на одинъ годъ, т. е. до 1904 г. Предложеніе объ отсрочкѣ конгресса было внесено Зингеромъ, мотивировавшимъ его предстоящей въ ближайшемъ году для нѣмецкой соц.-демократіи избирательной борьбой (въ 1903 г. предстоятъ выборы въ рейхстагъ, въ прусскій ландтагъ, а также коммунальные выборы во многихъ мѣстахъ Пруссіи), которая потребуетъ огромнаго напряженія силъ партіи и лишитъ ее возможности быть представленной достойнымъ для нея образомъ на международномъ конгрессѣ. Предложеніе Зингера почти не встрѣтило возраженій. Напротивъ, очень многіе делегаты выражали надежду, что конгрессъ въ 1904 г. будетъ болѣе внушителенъ, чѣмъ онъ былъ бы въ 1903 г. Указывали, между прочимъ, на то, что во многихъ странахъ происходитъ, какъ въ рядахъ пролетаріата, такъ и въ слояхъ, близко къ нему стоящихъ, броженіе, которое должно закончиться усиленіемъ рядовъ соціалистической партіи. Такія заявленія были сдѣланы голландскимъ делегатомъ Трульстра и представителемъ соц.-дем. федераціи Гайндманомъ. Послѣдній обратилъ вниманіе на новыя теченія въ средѣ англійскаго трэд-юніонизма, начинающаго понимать необходимость образованія политической рабочей партіи, и на огромный ростъ соціализма въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки. Съ своей стороны, и мы, русскіе, можемъ надѣяться, что до конгресса 1904 г. будетъ завершена та внутренняя организаціонная работа, которая теперь ведется въ нашей партіи, и мы явимся на конгрессъ, какъ представители одной партіи, объединенной фактически общей программой и тактикой.

Предложеніе Зингера было принято единогласно, съ той оговоркой, что окончательное рѣшеніе будетъ зависѣть отъ результата опроса всѣхъ партійныхъ организацій. Рѣшено было также, что отнынѣ расходы по устройству международныхъ конгрессовъ должны нести всѣ соціалистическія партіи, что каждый делегатъ на будущемъ конгрессѣ долженъ внести для покрытія этихъ расходовъ по 10 франковъ.

Другой пунктъ, вызвавшій оживленные дебаты и приведшій къ принятію предложенной Жоресомъ резолюціи, касался вопроса о международной политикѣ пролетаріата. Резолюція гласитъ:

„Международное бюро полагаетъ, что политическимъ партіямъ всѣхъ странъ и самому бюро необходимо заняться болѣе точнымъ и болѣе постояннымъ изученіемъ вопросовъ международной политики. Бюро считаетъ весьма важнымъ, чтобы на будущій конгрессъ въ Амстердамѣ соціалистическими партіями всѣхъ странъ были представлены доклады о международномъ положеніи, о народныхъ предразсудкахъ или правительственныхъ комбинаціяхъ, могущихъ служить угрозой миру, и о лучшихъ средствахъ къ уничтоженію вражды между народами и къ предупрежденію международныхъ конфликтовъ“.

Какъ видите, этотъ вопросъ будетъ въ той или иной формѣ дебатироваться и на будущемъ конгрессѣ, и будутъ нелишнее сказать пару словъ о томъ, какъ смотритъ на него самъ авторъ резолюціи. Говорю только объ авторѣ, потому что, насколько я могу судить, резолюція была принята какъ одно изъ тѣхъ добрыхъ пожеланій, которымъ особеннаго значенія не придаютъ, но противъ которыхъ много спорить не приходится. Другое дѣло — самъ авторъ. Кто слѣдилъ въ послѣднее время за писаніями и дѣятельностью Жореса, тотъ знаетъ, что онъ носится съ мыслью о всеобщемъ мирѣ и всеобщемъ разоруженіи. Это будетъ одинъ изъ тѣхъ кусковъ соціализма, которые мало по-малу вносятся въ жизнь и незамѣтно для насъ самихъ вводятъ насъ въ соціалистическій строй. До сихъ поръ международные конгрессы заявляли, что „милитаризмъ есть фатальный результатъ современнаго порядка вещей“, что только „созданіе соціалистическаго строя положитъ конецъ милитаризму и обезпечитъ окончательно миръ“. Но такое рѣшеніе, по мнѣнію Жореса, слишкомъ обще. Ему нуженъ готовый рецептъ на всякій данный случай, и онъ надѣется изъ международныхъ докладовъ почерпнуть весь матеріалъ, необходимый для его стряпни. Мы очень сомнѣваемся, чтобы выполненіе соотвѣтствовало желаніямъ Жореса. Можно быть увѣреннымъ, что никакихъ другихъ, кромѣ общихъ рѣшеній по вопросамъ о милитаризмѣ, о войнѣ и мирѣ, представители интернаціональнаго пролетаріата не примутъ и въ Амстердамѣ, и что та внушительная демонстрація пролетаріата, какой несомнѣнно будетъ Амстердамскій конгрессъ, гораздо больше приблизитъ насъ къ всеобщему миру, чѣмъ всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ буржуазныхъ идеологовъ.

Брюссель, 31 (18) декабря 1902 г.

Б. Гинцбургъ (Д. Кольцовъ).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Соц.-демократическое движеніе въ Россіи растетъ и ширится. Это признаютъ и враги его. Но активная соц.-демократическая работа до сихъ поръ носитъ на себѣ печать разрозненности и кустарничества. Мѣстные интересы, мѣстный колоритъ преобладаютъ надъ общими задачами. Въ области теоретической мысли въ нѣдрахъ соц.-демократической партіи замѣтно шатаніе и неустойчивость. Разбродъ мыслей и дѣйствій соц.-демократовъ въ значительной степени объясняютъ возрожденіе группы соц.-рев.; эта группа, хотя и называетъ себя соціалистической, но по существу является группой демократическихъ реформъ на основѣ буржуазнаго строя и способна затемнить въ умахъ многихъ конечную цѣль движенія пролетаріата, какъ класса. — Теперь для всѣхъ ясно, что настала пора размежеваться и придать соціал-демократическому движенію организованность и стройность. Необходимо создать сильную своею сплоченностью и принципіальнымъ единствомъ соц.-дем. партію. Эта партія должна стать во главѣ русскаго рабочаго класса и руководить его движеніемъ.

Исходя изъ этой мысли, Саратовскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи полагаетъ, что группа „Искры“ можетъ быть тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго слѣдуетъ группироваться отдѣльнымъ соц.-дем ячейкамъ для организаціи и развитія общероссійской соц.-демократической партіи. Поэтому Саратовскій Комитетъ считаетъ необходимымъ признать „Искру“ своимъ партійнымъ органомъ и ставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность помогать ей по мѣрѣ силъ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовскій Ком. признаетъ существенно важнымъ, чтобы въ непродолжительномъ времени былъ созванъ общероссійскій соц.-демократическій съѣздъ или найденъ былъ какой-либо другой путь для окончательнаго рѣшенія вопросовъ организаціи и тактики партіи. — Признавая „Искру“ руководящимъ партійнымъ органомъ, Саратовскій Комитетъ полагаетъ, что назрѣваетъ жизненная потребность поставить на очереди вопросъ о расширеніи литературнаго дѣла партіи. Кромѣ руководящаго органа, необходимо создать общерусскую популярную рабочую газету. Рабочей массѣ необходимо дать подходящій матеріалъ, руководясь которымъ она сама дошла бы до желательныхъ для насъ революціонныхъ выводовъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ необходимо созданіе популярной брошюрной литературы. Во избѣжаніе недоразумѣній, Сарат. Ком. считаетъ необходимымъ заявить, что онъ вполнѣ присоединяется къ основнымъ принципамъ, высказываемымъ „Искрой“, расходится же съ ней по нѣкоторымъ второстепеннымъ вопросамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Саратовскій Комитетъ заявляетъ, что съ іюня 1902 г. въ Саратовѣ прекратилъ свое существованіе Саратовскій Соц.-Дем. Ремесл. Союзъ. Всѣ члены его вошли полностью въ составъ Саратовскаго Комитета. Въ сентябрѣ этого же года распалась „Объединенная группа соц.-дем. и соц.-рев. г. Саратова“. Соц.-демократическіе члены этой группы цѣликомъ вошли въ составъ Комитета. — Саратовъ, декабрь 1902 года.

Саратовскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Въ началѣ сентября этого года въ Одессѣ изъ мѣстнаго Комитета нашей партіи выдѣлилась группа лицъ и образовала самостоятельную организацію подъ названіемъ „Южнаго Революціоннаго Союза Соц.-Демократовъ“. Эта организація издала цѣлый рядъ прокламацій (манифестъ объ образованіи организаціи, Ко всему русскому народу, Къ новобранцамъ, Къ сельской интеллигенціи, 14 декабря), брошюры: „Голодъ и самодержавіе“ и „Къ ростовскимъ событіямъ“, съ послѣсловіемъ: „Чему учитъ ростовская стачка“. Отъ этой организаціи мы только что получили слѣдующее заявленіе: „Ю. Р. С. С.-Д. заявляетъ всѣмъ товарищамъ, что, сходясь во всѣхъ своихъ взглядахъ съ „Искрой“, считая насущной задачей нашей партіи возможно скорое и прочное объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ и видя въ „Искрѣ“ единственную организацію, способную довести до конца начатую ею громадную работу по организаціи партіи, Ю. Р. С. С.-Д., по предложенію „Искры“, рѣшилъ прекратить свое существованіе въ качествѣ самостоятельной организаціи и, сливаясь съ организаціей „Искры“, будетъ всѣми силами содѣйствовать ей въ ея организаціонной работѣ“.

Въ теченіе октября и ноября Нижегородскимъ Комитетомъ изданы слѣдующія прокламаціи: 1) „Къ обществу“ (судъ надъ демонстрантами) — печатная. 2) „Ко всѣмъ нижегородцамъ“ (о томъ же) печат. 3) „О солдатчинѣ“ (къ рабочимъ и крестьянамъ) — мимеографъ. 4) „Судъ надъ сормовскими демонстрантами“ по поводу приговора надъ Заломовымъ и друг. — мимеогр.) 5) „Судъ надъ городскими демонстрантами“ (мимеогр.). 6) Отчетъ сормов. с. д. раб. организаціи (гектогр.).

Одной группой соц.-дем. (какъ намъ сообщаютъ, сибиряковъ) издана гектографированная брошюрка, содержащая проектъ партійной программы, выработанный редакціей „Зари“ и „Искры“, и обстоятельное введеніе, въ которомъ сочувственно характеризуется проектъ и дается общій обзоръ современнаго положенія революціонной соціаль-демократіи и ея задачъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ удачная попытка авторовъ брошюры точно и ясно опредѣлить свою „революціонно-пролетарскую точку зрѣнія“ и свое отношеніе ко всѣмъ современнымъ „экономическимъ“, „критическимъ“ и „соціалистско революціон.“ шатаніямъ.

Полтавскій Ком. Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ прокламацію къ полтавскимъ рабочимъ (помѣченную ноябремъ 1902 г.) по поводу ростовскихъ событій съ разъясненіемъ ихъ значенія и призываетъ къ нравственной и матеріальной поддержкѣ.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующую резолюцію:

„Россійская учащаяся молодежь въ Бернѣ выражаетъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политическов зрѣлости русскаго пролетаріата.

„Она считаетъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ то же время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи“.

Свѣдѣнія о Персицѣ. Намъ сообщили, что провокаторъ Персицъ (см. о немъ № 24 „Искры“) запасся въ Женевѣ русскимъ паспортомъ, выданнымъ на имя Александра Кушелевскаго, крестьянина изъ Бѣлостока, 21 года отъ роду. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію всѣ товарищи!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Съ 6 на 7 дек. въ г. Харьковѣ были аресты. Арестованы: Павелъ Крафтъ, интел., Лагутинъ, интел., студ. унив.: Пустовойтовъ, Бабуникъ; студ.-техн. Ефименко, интеллигентки: Протопопова, Кириллова, Левандовская; акушерки Пузанова и Крамаровская, раб. Ивановъ. Высланы въ Восточн. Сибирь: Крушель, Антоновъ, Бакшеева. — 28 октября въ Черниговѣ были арестованы: г-жи Брегина (интел.) и Брандтъ (акушерка). Въ срединѣ ноября были освобождены. Были арестованы по провокаціи рабочаго Шостинскаго порохового завода, по фамиліи Рудый. Изъ слѣдствія оказалось, что обѣ онѣ совершенно непричастны къ дѣлу. 3 дек. въ томъ же городѣ арестована типографія, при этомъ взято двое мужчинъ и одна женщина (люди не мѣстные). Кромѣ того арестованъ въ ту же ночь ученикъ земской фельдшерской школы Мстиславскій. Всѣ четверо увезены въ СПБ. Открыта была типографія не мѣстными жандармами. Какъ была открыта типографія, точно неизвѣстно. Говорятъ, что прослѣдили одну даму, проѣзжавшую границу, и будто что-то везшую съ собою. Ее пропустили на границѣ и поѣхали вслѣдъ за ней. По слухамъ, взято 7 пудовъ шрифта и уже отпечатанныя прокламаціи. — Въ ноябрѣ въ Перми произведены обыски у служащихъ въ Губ. Упр.: Житковой (вторично) и Наумова. По распоряженію губернатора оба эти лица удалены со службы. Устраненъ отъ должности также статист. Владимірскій и г-жа Мутныхъ. Мотивъ увольненія тотъ, что названныя лица привлечены къ дознанію жандармскимъ управленіемъ. 10 дек. арестованы два воспитанника Промышл. Учил., но черезъ три дня выпущены.

Въ Тобольской губ. арестованъ еще въ августѣ отбывшій свой срокъ политическій ссыльный Пигнатій, пріѣхавшій сюда по своимъ дѣламъ. У него найдено при обыскѣ много адресовъ различныхъ лицъ. По всѣмъ этимъ адресамъ сдѣлано распоряженіе произвести обыски. Намъ извѣстно объ обыскѣ въ Орловской губ. у одного помѣщика, адресъ котораго былъ найденъ у Пигнатія. Гдѣ теперь Пигнатій и что съ нимъ, намъ неизвѣстно

Бѣжалъ изъ с. Вехне-Острожскаго, Балаганскаго уѣзда, и прибылъ заграницу Л. Стоцикъ. Былъ сосланъ туда до приговора по дѣлу Петерб. „Раб. Библіотеки“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Rb. Sp. Pn. Пришлите подробности. Вѣроятно, Вы правы

Zero. Дайте адресъ для отвѣта.

Мазепа. Корреспонденція получена. Спасибо.

Б. „Неудачный дебютъ“ и остальное получ., пойдетъ въ № 32.

1900. Мы не можемъ считать Васъ своимъ представителемъ, такъ какъ для этого требуется полная солидарность и работа исключительно для одной организаціи.

Насъ просятъ заявить, что Инсаровъ, читавшій рефератъ въ Женевѣ, не то лицо, которое помѣщаетъ статьи подъ этой фамиліей въ легальныхъ журналахъ.

Получено: изъ Карлсруэ съ веч. 92,60 мар., за лит. 25 фр., для ростовцевъ 125,45 фр., отъ гр. Берне 150 р., изъ Гейдельберга 260 фр., изъ Мюнхена 200 мар., съ реферата въ Цюрихѣ 25,70 фр., оттуда же за литер. 40,20 фр., въ пользу ростовцевъ чер. Ф. 50 фр., черезъ Юлія 5,40 фр., для Красн. Креста черезъ него же 10 фр., изъ Г. 155 мар. для „И“, оттуда же въ пользу ростовцевъ 56,20 мар., отъ новаго товарища 20 фр., изъ Льежа для ростовцевъ 35 фр., для нихъ же изъ Лондона 3 фунта (въ томъ числѣ изъ кассы русскаго рабочаго кружка 1 ф. 5 шил.), отъ Ч-евъ 50 р., отъ сибирскаго кружка 65 р., на Дитца отъ Г. на литературу 25 р. Отъ организаціи юга 20 руб., отъ Филиппа черезъ организацію Ю. 15 руб.

Къ этому номеру прилагается иллюстрированное приложеніе.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod. Zürich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 32. 15-го января 1903 года. № 32.

Россійская Соц.-Демократ. Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Декабрь 1902 года.

Извѣщеніе
объ образованіи „ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМИТЕТА“.

Четыре года тому назадъ нѣсколько русскихъ соц.-демократическихъ организацій объединились въ „Россійскую Соц.-демократическую Рабочую Партію“, выработавъ нѣкоторый планъ организаціи и общіе принципы дѣятельности, изложенные въ изданномъ партіей „Манифестѣ“. Къ сожалѣнію, эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ: не было еще на лицо необходимыхъ элементовъ для созданія единой, сильной соціалдемократической партіи, борющейся непреклонно за освобожденіе пролетаріата отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи. Съ одной стороны, самыя формы практической дѣятельности русской соціалдемократіи еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы, с.-демократія еще искала путей для наилучшаго проведенія своихъ теоретическихъ взглядовъ, она шла еще робкими, неувѣренными шагами. Лежащее въ основѣ ея дѣятельности рабочее движеніе, вылившееся въ грандіозныя стачки, только-что вспыхнуло тѣмъ яркимъ блескомъ, который ослѣпилъ глаза многимъ, затмивъ для нихъ столь ясныя и опредѣленныя задачи и цѣли революціонной соц.-демократіи, заставивъ увлечься узко-профессіональной борьбой. Съ другой стороны, непрестанныя репрессіи правительства, обрушиваясь на соц.-демократическія организаціи, еще не окрѣпшія, еще не успѣвшія пустить прочныхъ корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякія традиціи въ дѣятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла безслѣдно. Сама идея организаціонной политической партіи пролетаріата, руководившая нашими предшественниками, стала съ тѣхъ поръ путеводной звѣздой и желанной цѣлью всѣхъ сознательныхъ соц.-демократическихъ дѣятелей. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ дѣлались неоднократныя попытки осуществить эту завѣщанную намъ первыми соц.-демократическими дѣятелями идею. Но до сихъ поръ мы все еще стоимъ передъ нашей дезорганизованностью такъ же, какъ и четыре года тому назадъ.

А между тѣмъ жизнь предъявляетъ намъ все большія и большія требованія. Если первые дѣятели партіи ставили своей задачей пробужденіе дремлющихъ въ рабочихъ массахъ революціонныхъ силъ, то передъ нами стоитъ гораздо болѣе сложная задача — направить пробуждающіяся силы туда, куда нужно, стать во главѣ этихъ силъ и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный кличъ: „Ведите насъ, куда вы насъ звали!“, и страшно, если этотъ мигъ застанетъ насъ врасплохъ, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, какъ въ настоящій моментъ. Пусть намъ не говорятъ, что мы преувеличиваемъ серьезность момента. Кто способенъ заглядывать дальше поверхности ряби, кто способенъ распознавать совершающійся въ глубинѣ процессъ, тотъ не заподозритъ насъ въ преувеличеніи.

Но серьезность положенія усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаемъ знаменательный историческій моментъ. Пробужденіе рабочаго класса въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни вызвало къ дѣятельности различные общественные слои. Съ большей или меньшей сознательностью они стремятся съорганизоваться, чтобы такъ или иначе примкнуть къ борьбѣ съ отжившимъ режимомъ. Въ добрый часъ! Соціалдемократія можетъ только привѣтствовать всякаго примкнувшаго къ такой борьбѣ. Но она должна зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные союзники не сдѣлали ее молотомъ въ своихъ рукахъ, не отодвинули ее отъ главной арены дѣятельности, не лишили бы руководящей роли въ борьбѣ съ самодержавіемъ и, главное, не повредили бы поступательному ходу революціонной борьбы, отклонивъ ее отъ правильнаго пути. Что подобная опасность не призракъ воображенія — ясно для всякаго, внимательно слѣдившаго за революціонной борьбой послѣднихъ лѣтъ.

Итакъ, въ настоящій моментъ передъ русской соціалдемократіей стоитъ громадная задача, которая не по плечу никакимъ мѣстнымъ комитетамъ, никакимъ даже районнымъ организаціямъ. Какъ бы совершенны ни были мѣстныя организаціи, онѣ не смогутъ справиться съ этой задачей, ибо она уже переросла мѣстныя рамки. Она можетъ быть выполнена только коллективными силами всѣхъ русскихъ соц.-демократовъ, сплоченныхъ въ одну централизованную, дисциплинированную армію. Но кому же взять на себя иниціативу объединенія?

Вопросъ этотъ обсуждался въ прошломъ году на конференціи представителей: Петербургскаго Союза Борьбы, Центральнаго Комитета объединенныхъ южныхъ комитетовъ и организацій, организаціи „Искры“, Центральныхъ Комитетовъ (русскаго и заграничнаго) „Бунда“, Союза Русскихъ Соціалдемократовъ заграницей и нѣкоторыхъ другихъ организацій. Конференціей поручено было представителямъ нѣкоторыхъ организацій образовать организаціонный комитетъ, который взялъ бы на себя задачу фактическаго возстановленія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Во исполненіе этого постановленія представители: Петербургскаго Союза Борьбы, организаціи „Искры“ и группы „Южнаго Рабочаго“*) образовали „Организаціонный Комитетъ“, который ставитъ своей первой и главной задачей подготовку условій для созыва партійнаго съѣзда.

Но въ виду того, что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени, Организаціонный Комитетъ впредь до возстановленія центральной организаціи партіи беретъ на себя выполненіе нѣкоторыхъ общихъ функцій (выпускъ общерусскихъ листковъ, общій транспортъ и техника, установленіе связей между комитетами и проч.).

Само собою разумѣется, что Организаціонный Комитетъ, возникшій по частной иниціативѣ нѣкоторыхъ организацій, находится въ обязательныхъ отношеніяхъ только къ тѣмъ организаціямъ, которыя его уже уполномочили или дадутъ свои полномочія. Для всѣхъ же прочихъ Комитетовъ и группъ онъ представляетъ частную организацію, предлагающую имъ свои услуги.

Велика и отвѣтственна задача, которую рѣшается взять на себя Организаціонный Комитетъ, и если онъ все же дерзаетъ сдѣлать это, то лишь потому, что необходимость объединенія слишкомъ настоятельна, разбродъ слишкомъ даетъ себя чувствовать, дальнѣйшая дезорганизованность слишкомъ угрожаетъ общему дѣлу. Приступая къ дѣятельности, Организаціонный Комитетъ полагаетъ, что успѣшность этой дѣятельности въ значительной степени будетъ обусловливаться отношеніемъ къ нему соціалдемократическихъ комитетовъ и организацій, и само это отношеніе будетъ для него критеріемъ того, насколько правильно оцѣнилъ онъ настоящій моментъ.

ОРГАНИЗАЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ.

Печатано въ типографіи Организаціоннаго Комитета.

* * *

Заявленіе вновь образовавшагося Организаціоннаго Комитета нашей партіи достаточно ясно говоритъ само за себя, и намъ нечего тратить много словъ о важномъ значеніи сдѣланнаго шага. Объединеніе, возстановленіе цѣлостности партіи — самая насущная, настоятельно требующая немедленнаго рѣшенія задача русскихъ соц.-демократовъ. Эта задача очень трудна, потому что намъ нужно не объединеніе нѣсколькихъ кучекъ революціонно настроенныхъ интеллигентовъ, а объединеніе всѣхъ руководителей рабочаго движенія, поднявшаго къ самостоятельной жизни и борьбѣ цѣлый широкій классъ населенія. Намъ нужно объединеніе на почвѣ строгаго принципіальнаго единства, къ которому должны сознательно и твердо придти всѣ или громадное большинство комитетовъ, организацій и группъ, интеллигентовъ и рабочихъ, дѣйствующихъ въ различной обстановкѣ при различныхъ условіяхъ, пришедшихъ иногда самыми различными путями къ своимъ соціаль-демократическимъ убѣжденіямъ. Такого объединенія нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, однѣми резолюціями собравшихся делегатовъ, его надо систематически и исподволь подготовить и выработать, такъ чтобы съѣздъ всей партіи закрѣплялъ и исправлялъ уже сдѣланное, продолжалъ начатое, заканчивалъ и формально утверждалъ прочный фундаментъ для дальнѣйшей, болѣе широкой и глубокой, работы. И мы особенно привѣтствуемъ поэтому разумно-осторожный и скромный приступъ О. К. къ своей работѣ. Не претендуя ни на какія обязательныя отношенія ко всей массѣ русскихъ соц.-демократовъ, О. К. ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ свои услуги всѣмъ имъ. Пусть же всѣ русскіе соц.-демократы безъ исключенія, комитеты и кружки, организаціи и группы, люди, состоящіе на дѣйствительной службѣ, и временно отставные (ссыльные и т. п.) поспѣшатъ отвѣтить на этотъ призывъ, постараются завязать непосредственныя и живыя сношенія съ О. К., примутся самымъ энергичнымъ образомъ за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Намъ надо добиться, чтобы не было ни одной группы русскихъ соціаль-демократовъ, которая не была бы связана съ О. К., которая бы не работала въ товарищескомъ единеніи съ нимъ. Далѣе, считая своей первой и главной задачей подготовку и созывъ общепартійнаго съѣзда, О. К. беретъ на себя и нѣкоторыя общія функціи по обслуживанію движенія. Мы увѣрены, что не найдется ни одного соціаль-демократа, который бы не призналъ настоятельной необходимости этого расширенія функцій О. К., ибо это есть лишь расширенное предложеніе услугъ, — предложеніе, которое идетъ навстрѣчу заявленнымъ уже тысячи и тысячи разъ запросамъ, — предложеніе не отказаться отъ какихъ-либо „правъ“, а отказаться лишь поскорѣе на практикѣ отъ обособленности, взяться сообща за постановку ряда общихъ предпріятій. Наконецъ, мы считаемъ также совершенно правильнымъ и умѣстнымъ рѣшительное заявленіе О. К., что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени. Это отнюдь не значитъ, конечно, чтобы созывъ съѣзда откладывался. Ничего подобнаго. Если говорить о настоятельности съѣзда, то мы признали бы и мѣсячный срокъ для его созыва черезчуръ „значительнымъ“. Но если вспомнить наши условія работы и необходимость серьезнаго представительства всего движенія на съѣздѣ, то и срокъ впятеро, вдесятеро большій не заставитъ еще придти въ уныніе ни одного сколько-нибудь опытнаго работника.

Пожелаемъ же всякаго успѣха дѣлу скорѣйшаго объединенія и возстановленія партіи, докажемъ свое сочувствіе не только словами, но и немедленными дѣлами всѣхъ и каждаго, и да здравствуетъ русская, да здравствуетъ международная революціонная соціаль-демократія!

ЗНАЧЕНІЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякій новый шагъ, сдѣланный русскимъ пролетаріатомъ на пути своего политическаго развитія, вызываетъ въ нашей революціонной средѣ новые споры по тактическимъ вопросамъ. Это вполнѣ естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочаго движенія служатъ для насъ новыми „уроками жизни“, а уроки жизни настоятельно требуютъ своего истолкованія. Хорошо — потому, что тактическіе споры содѣйствуютъ этому истолкованію и тѣмъ избавляютъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ практическихъ ошибокъ и отъ тяжелыхъ разочарованій, неизбѣжно слѣдующихъ за практическими ошибками. „Практика“ — великая и ничѣмъ незамѣнимая вещь. Но сама по себѣ она еще ровно ничему не учитъ. Чтобы пользоваться ея указаніями, надо умѣть замѣчать и понимать ихъ.

О недавнихъ ростовскихъ событіяхъ много и горячо спорятъ теперь русскіе революціонеры. Мы отъ души радуемся этимъ спорамъ, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что иное дѣло судить о какомъ-нибудь общественномъ явленіи, а иное дѣло судачить по его поводу. Судаченье безплодно по самой природѣ своей. Оно не только ничего не выясняетъ, но, напротивъ, затемняетъ даже и то, что было ясно съ самаго начала. Къ сожалѣнію, о ростовскихъ событіяхъ многіе именно не судятъ, а судачатъ, и это очень, очень жаль, ибо эти событія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Результатомъ судаченья являются, между прочимъ, тѣ обвиненія, которыя выдвигаются противъ нашего Донского Комитета. Эти обвиненія подчасъ поистинѣ комичны. Такъ, напримѣръ, одинъ „интеллигентъ“ (какъ видно весьма неинтеллигентный) публично (т. е. на большомъ собраніи революціонеровъ) упрекалъ названный Комитетъ въ томъ, что тотъ не поддержалъ группы молодыхъ людей, явившихся съ революціонными пѣснями на одно изъ первыхъ собраній стачечниковъ. Передъ такими упреками можно не останавливаться. Всякій дѣльный революціонеръ безъ труда пойметъ, что бываютъ положенія, когда агитаторамъ совсѣмъ не до пѣсенъ. Но есть обвиненія, имѣющія болѣе серьезную видимость.

Нѣкоторые сторонники политической агитаціи находятъ, что Донской Комитетъ дурно поступилъ, не воспользовавшись волненіемъ ростовской рабочей массы для устройства демонстраціи. А иные идутъ такъ далеко, что приписываютъ ему, на этомъ основаніи, склонность къ печальной памяти „экономизму“. Передъ этимъ обвиненіемъ нельзя не остановиться, такъ какъ оно не только несправедливо, но и способно посѣять рядъ самыхъ опасныхъ тактическихъ недоразумѣній.

Несправедливость его состоитъ въ томъ, что оно совершенно невѣрно изображаетъ дѣло. Демонстрація въ Ростовѣ была и притомъ очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась въ четвергъ, 7 ноября, и окончилась только въ слѣдующій четвергъ, т. е. въ тотъ день, когда состоялось послѣднее массовое собраніе подъ открытымъ небомъ. Число участниковъ этой величественной и необычайно продолжительной демонстраціи, разумѣется, не оставалось неизмѣннымъ, но несмотря на всѣ колебанія оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысячъ. Такихъ демонстрацій у насъ еще никогда не бывало, и вотъ почему ростовскія событія составляютъ эпоху въ исторіи нашего рабочаго движенія. Не понимать этого могутъ только тѣ, которымъ вообще не ясны значеніе и задачи нашей агитаціи въ рабочей массѣ.

Обвинителей ввела въ ошибку внѣшность явленія. Они привыкли думать, что уличное шествіе составляетъ необходимый признакъ демонстраціи, и потому, услыхавъ, что въ Ростовѣ уличнаго шествія не было, они умозаключили, что не было и демонстраціи. Но названное шествіе вовсе не составляетъ необходимаго признака демонстраціи. Его не было во время демонстраціи передъ Казанскимъ соборомъ въ 1901 г.; его не было и во время демонстраціи передъ тѣмъ же соборомъ въ декабрѣ 1876 года. Скажутъ-ли намъ, что тогда не было и демонстрацій? Наконецъ, если бы ростовскія народныя собранія подъ открытымъ небомъ и не были демонстраціями въ собственномъ смыслѣ этого слова; если бы намъ доказали, что [illegible] правильнѣе назвать, напримѣръ, митингами, для выраженія народнаго [illegible] вольствія, то мы и въ этомъ не видимъ бѣды. [illegible] говоритъ [illegible], что какъ бы мы ни назвали [illegible] она не утратитъ своего запаха. О [illegible] какое бы имя мы имъ ни дали, мы все-таки [illegible] признать, что они имѣли колоссальное вліяніе на развитіе классоваго самосознанія ростовскихъ рабочихъ [illegible] развитіе классоваго самосознанія въ рабочемъ классѣ и есть та великая цѣль, которую мы преслѣдуемъ въ своей агитаціи, и если Донской Ком. достигъ ея, не прибѣгая къ демонстраціи, то отъ этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорятъ, что Донской Комитетъ долженъ былъ вести собравшихся „въ балкѣ“ рабочихъ въ городъ. Но мы не понимаемъ, почему это было обязательно. Зачѣмъ было идти изъ „балки“ въ городъ, когда весь городъ шелъ „въ балку“? Почему Магометъ непремѣнно долженъ идти къ горѣ даже въ томъ случаѣ, когда гора сама идетъ къ Магомету? Агитація агитаціи рознь. Есть агитація, плодотворная съ точки зрѣнія соціаль-демократовъ, и есть агитація, полезная съ точки зрѣнія другихъ партій, напримѣръ, анархистовъ или такъ-называющихъ себя соціалистовъ-революціонеровъ. Агитаціей занимались люди, говорившіе политическія рѣчи собравшимся „въ балкѣ“ ростовскимъ рабочимъ. И агитаціей занимались бы люди, которые воспользовались первымъ загороднымъ собраніемъ рабочихъ для того, чтобы вести ихъ въ городъ. Но между тѣмъ какъ огромныя собранія „въ балкѣ“ послужили превосходнѣйшей школой политическаго воспитанія ростовскаго пролетаріата, демонстративное движеніе въ городъ могло бы закончиться такимъ столкновеніемъ съ военной силой, на которое потратилась бы вся энергія совершавшагося тогда массоваго движенія и которое не только не подвинуло бы впередъ самосознанія массы, но надолго задержало бы его развитіе. Съ точки зрѣнія соціаль-демократіи такое столкновеніе было бы вредно. Мы должны не бояться жертвъ, когда онѣ полезны для дѣла, но мы обязаны избѣгать ихъ, когда онѣ не приносятъ пользы дѣлу или даже, — какъ было въ разбираемомъ случаѣ, — отодвигаютъ его далеко назадъ. Но если бы мы не были соціаль-демократами, если бы неизмѣннымъ критеріемъ въ нашихъ сужденіяхъ намъ не служилъ вопросъ о томъ, какъ повліяетъ данный шагъ революціонеровъ на развитіе классоваго самосознанія рабочаго класса, то мы разсуждали бы иначе. Мы твердили бы: „надо идти въ городъ“. А если бы шествіе въ городъ закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вотъ новое доказательство того, что демонстраціи ни къ чему хорошему не ведутъ. Да здравствуетъ терроръ! Да здравствуетъ „боевая организація“, которая завоюетъ рабочему классу политическую свободу! (ср. опубликованныя „Рев. Рос.“ письма Кочура). По своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имѣла бы ничего общаго съ логикой освободительнаго движенія пролетаріата.

Колоссальныя ростовскія собранія „въ балкѣ“ не только представляютъ въ своей совокупности чрезвычайно внушительную демонстрацію, но и свидѣтельствуютъ о томъ, что наша политическая агитація можетъ и должна войти теперь въ новую необходимую и плодотворную фазу.

До сихъ поръ у насъ и въ демонстраціяхъ обыкновенно обнаруживалось то раздѣленіе и та отчужденность „героевъ“ отъ „толпы“, которыя были въ одно и то же время и слѣдствіемъ, и причиной слабости нашего революціоннаго движенія. „Герои“ прохаживались передъ „толпой“, крича: „Долой самодержавіе!“, махая красными флагами и, по мѣрѣ возможности, отбиваясь отъ полицейскихъ бандитовъ. „Толпа“ прислушивалась къ „возмутительнымъ“ возгласамъ „героевъ“, читала надписи на красныхъ флагахъ, болѣе или менѣе сильно возмущалась полицейскими звѣрствами и болѣе или менѣе громко выражала свое сочувствіе демонстрантамъ. Но дальше этого дѣло не шло или шло очень рѣдко. Чаще всего „толпа“ оставалась сама по себѣ, а „герои“ сами по себѣ, и именно потому, что эти послѣдніе оставались сами по себѣ, имъ приходилось со стыдомъ уступать первому серьезному натиску со стороны полиціи. А это приводило ихъ къ сомнѣнію въ цѣлесообразности демонстрацій, какъ агитаціоннаго средства. Они — или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, — говорили себѣ и другимъ: „стоитъ-ли выходить на улицу для того, чтобы послѣ самаго непродолжительнаго сопро

---

*) „Бунду“ также было предложено прислать своего представителя въ Организ. Комитетъ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Бундъ не отозвался на это приглашеніе. Надѣемся, что причины эти были чисто случайныя, и Бундъ не замедлитъ прислать своего представителя.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 32. 15-го января 1903 года. № 32.

Россійская Соц.-Демократ. Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Декабрь 1902 года.

Извѣщеніе
объ образованіи „ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМИТЕТА“.

Четыре года тому назадъ нѣсколько русскихъ соц.-демократическихъ организацій объединились въ „Россійскую Соц.-демократическую Рабочую Партію“, выработавъ нѣкоторый планъ организаціи и общіе принципы дѣятельности, изложенные въ изданномъ партіей „Манифестѣ“. Къ сожалѣнію, эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ: не было еще на лицо необходимыхъ элементовъ для созданія единой, сильной соціалдемократической партіи, борющейся непреклонно за освобожденіе пролетаріата отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи. Съ одной стороны, самыя формы практической дѣятельности русской соціалдемократіи еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы, с.-демократія еще искала путей для наилучшаго проведенія своихъ теоретическихъ взглядовъ, она шла еще робкими, неувѣренными шагами. Лежащее въ основѣ ея дѣятельности рабочее движеніе, вылившееся въ грандіозныя стачки, только-что вспыхнуло тѣмъ яркимъ блескомъ, который ослѣпилъ глаза многимъ, затмивъ для нихъ столь ясныя и опредѣленныя задачи и цѣли революціонной соц.-демократіи, заставивъ увлечься уако-профессіональной борьбой. Съ другой стороны, непрестанныя репрессіи правительства, обрушиваясь на соц.-демократическія организаціи, еще не окрѣпшія, еще не успѣвшія пустить прочныхъ корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякія традиціи въ дѣятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла безслѣдно. Сама идея организаціонной политической партіи пролетаріата, руководившая нашими предшественниками, стала съ тѣхъ поръ путеводной звѣздой и желанной цѣлью всѣхъ сознательныхъ соц.-демократическихъ дѣятелей. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ дѣлались неоднократныя попытки осуществить эту завѣщанную намъ первыми соц.-демократическими дѣятелями идею. Но до сихъ поръ мы все еще стоимъ передъ нашей дезорганизованностью такъ же, какъ и четыре года тому назадъ.

А между тѣмъ жизнь предъявляетъ намъ все большія и большія требованія. Если первые дѣятели партіи ставили своей задачей пробужденіе дремлющихъ въ рабочихъ массахъ революціонныхъ силъ, то передъ нами стоитъ гораздо болѣе сложная задача — направить пробуждающіяся силы туда, куда нужно, стать во главѣ этихъ силъ и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный кличъ: „Ведите насъ, куда вы насъ звали!“, и страшно, если этотъ мигъ застанетъ насъ врасплохъ, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, какъ въ настоящій моментъ. Пусть намъ не говорятъ, что мы преувеличиваемъ серьезность момента. Кто способенъ заглядывать дальше поверхности ряби, кто способенъ распознавать совершающійся въ глубинѣ процессъ, тотъ не заподозритъ насъ въ преувеличеніи.

Но серьезность положенія усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаемъ знаменательный историческій моментъ. Пробужденіе рабочаго класса въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни вызвало къ дѣятельности различные общественные слои. Съ большей или меньшей сознательностью они стремятся съорганизоваться, чтобы такъ или иначе примкнуть къ борьбѣ съ отжившимъ режимомъ. Въ добрый часъ! Соціалдемократія можетъ только привѣтствовать всякаго примкнувшаго къ такой борьбѣ. Но она должна зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы подобные союзники не сдѣлали ее молотомъ въ своихъ рукахъ, не отодвинули ее отъ главной арены дѣятельности, не лишили бы руководящей роли въ борьбѣ съ самодержавіемъ и, главное, не повредили бы поступательному ходу революціонной борьбы, отклонивъ ее отъ правильнаго пути. Что подобная опасность не призракъ воображенія — ясно для всякаго, внимательно слѣдившаго за революціонной борьбой послѣднихъ лѣтъ.

Итакъ, въ настоящій моментъ передъ русской соціалдемократіей стоитъ громадная задача, которая не по плечу никакимъ мѣстнымъ комитетамъ, никакимъ даже районнымъ организаціямъ. Какъ бы совершенны ни были мѣстныя организаціи, онѣ не смогутъ справиться съ этой задачей, ибо она уже переросла мѣстныя рамки. Она можетъ быть выполнена только коллективными силами всѣхъ русскихъ соц.-демократовъ, сплоченныхъ въ одну централизованную, дисциплинированную армію. Но кому же взять на себя иниціативу объединенія?

Вопросъ этотъ обсуждался въ прошломъ году на конференціи представителей: Петербургскаго Союза Борьбы, Центральнаго Комитета объединенныхъ южныхъ комитетовъ и организацій, организаціи „Искры“, Центральныхъ Комитетовъ (русскаго и заграничнаго) „Бунда“, Союза Русскихъ Соціалдемократовъ заграницей и нѣкоторыхъ другихъ организацій. Конференціей поручено было представителямъ нѣкоторыхъ организацій образовать организаціонный комитетъ, который взялъ бы на себя задачу фактическаго возстановленія Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

Во исполненіе этого постановленія представители: Петербургскаго Союза Борьбы, организаціи „Искры“ и группы „Южнаго Рабочаго“*) образовали „Организаціонный Комитетъ“, который ставитъ своей первой и главной задачей *подготовку условій для созыва партійнаго съѣзда*.

Но въ виду того, что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени, Организаціонный Комитетъ впредь до возстановленія центральной организаціи партіи беретъ на себя выполненіе нѣкоторыхъ общихъ функцій (выпускъ общерусскихъ листковъ, общій транспортъ и техника, установленіе связей между комитетами и проч.).

Само собою разумѣется, что Организаціонный Комитетъ, возникшій по частной иниціативѣ нѣкоторыхъ организацій, находится въ обязательныхъ отношеніяхъ только къ тѣмъ организаціямъ, которыя его уже уполномочили или дадутъ свои полномочія. Для всѣхъ же прочихъ Комитетовъ и группъ онъ представляетъ частную организацію, предлагающую имъ свои услуги.

Велика и отвѣтственна задача, которую рѣшается взять на себя Организаціонный Комитетъ, и если онъ все же дерзаетъ сдѣлать это, то лишь потому, что необходимость объединенія слишкомъ настоятельна, разбродъ слишкомъ даетъ себя чувствовать, дальнѣйшая дезорганизованность слишкомъ угрожаетъ общему дѣлу. Приступая къ дѣятельности, Организаціонный Комитетъ полагаетъ, что успѣшность этой дѣятельности въ значительной степени будетъ обусловливаться отношеніемъ къ нему соціалдемократическихъ комитетовъ и организацій, и само это отношеніе будетъ для него критеріемъ того, насколько правильно оцѣнилъ онъ настоящій моментъ.

ОРГАНИЗАЦІОННЫЙ КОМИТЕТЪ.

Печатано въ типографіи Организаціоннаго Комитета.

* * *

Заявленіе вновь образовавшагося Организаціоннаго Комитета нашей партіи достаточно ясно говоритъ само за себя, и намъ нечего тратить много словъ о важномъ значеніи сдѣланнаго шага. Объединеніе, возстановленіе цѣлостности партіи — самая насущная, настоятельно требующая немедленнаго рѣшенія задача русскихъ соц.-демократовъ. Эта задача очень трудна, потому что намъ нужно не объединеніе нѣсколькихъ кучекъ революціонно настроенныхъ интеллигентовъ, а объединеніе всѣхъ руководителей рабочаго движенія, поднявшаго къ самостоятельной жизни и борьбѣ цѣлый широкій классъ населенія. Намъ нужно объединеніе на почвѣ строгаго принципіальнаго единства, къ которому должны сознательно и твердо придти всѣ или громадное большинство комитетовъ, организацій и группъ, интеллигентовъ и рабочихъ, дѣйствующихъ въ различной обстановкѣ при различныхъ условіяхъ, пришедшихъ иногда самыми различными путями къ своимъ соціаль-демократическимъ убѣжденіямъ. Такого объединенія нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, однѣми резолюціями собравшихся делегатовъ, его надо систематически и исподволь подготовить и выработать, такъ чтобы съѣздъ всей партіи закрѣплялъ и исправлялъ уже сдѣланное, продолжалъ начатое, заканчивалъ и формально утверждалъ прочный фундаментъ для дальнѣйшей, болѣе широкой и глубокой, работы. И мы особенно привѣтствуемъ поэтому разумно-осторожный и скромный приступъ О. К. къ своей работѣ. Не претендуя ни на какія обязательныя отношенія ко всей массѣ русскихъ соц.-демократовъ, О. К. ограничивается тѣмъ, что *предлагаетъ свои услуги* всѣмъ имъ. Пусть же всѣ русскіе соц.-демократы безъ исключенія, комитеты и кружки, организаціи и группы, люди, состоящіе на дѣйствительной службѣ, и временно отставные (ссыльные и т. п.) поспѣшатъ отвѣтить на этотъ призывъ, постараются завязать непосредственныя и живыя сношенія съ О. К., примутся самымъ энергичнымъ образомъ за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Намъ надо добиться, чтобы не было *ни одной* группы русскихъ соціаль-демократовъ, которая не была бы связана съ О. К., которая бы не работала въ товарищескомъ единеніи съ нимъ. Далѣе, считая своей первой и главной задачей подготовку и созывъ общепартійнаго съѣзда, О. К. беретъ на себя и нѣкоторыя общія функціи *по обслуживанію движенія*. Мы увѣрены, что не найдется ни одного соціаль-демократа, который бы не призналъ настоятельной необходимости этого расширенія функцій О. К., ибо это есть лишь расширенное *предложеніе услугъ*, — предложеніе, которое идетъ навстрѣчу заявленнымъ уже тысячи и тысячи разъ запросамъ, — предложеніе не отказаться отъ какихъ-либо „правъ“, а отказаться лишь поскорѣе на практикѣ отъ обособленности, взяться сообща за постановку ряда общихъ предпріятій. Наконецъ, мы считаемъ также совершенно правильнымъ и умѣстнымъ рѣшительное заявленіе О. К., что дѣло созыва съѣзда представляется въ высшей степени сложнымъ и требуетъ для своего осуществленія значительнаго времени. Это отнюдь не значитъ, конечно, чтобы созывъ съѣзда откладывался. Ничего подобнаго. Если говорить о настоятельности съѣзда, то мы признали бы и мѣсячный срокъ для его созыва черезчуръ „значительнымъ“. Но если вспомнить наши условія работы и необходимость серьезнаго представительства всего движенія на съѣздѣ, то и срокъ впятеро, вдесятеро большій не заставитъ еще придти въ уныніе ни одного сколько-нибудь опытнаго работника.

Пожелаемъ же всякаго успѣха дѣлу скорѣйшаго объединенія и возстановленія партіи, докажемъ свое сочувствіе не только словами, но и немедленными дѣлами всѣхъ и каждаго, и да здравствуетъ русская, да здравствуетъ международная революціонная соціаль-демократія!

ЗНАЧЕНІЕ РОСТОВСКОЙ СТАЧКИ.

Всякій новый шагъ, сдѣланный русскимъ пролетаріатомъ на пути своего политическаго развитія, вызываетъ въ нашей революціонной средѣ новые споры по тактическимъ вопросамъ. Это вполнѣ естественно и очень хорошо. Естественно — потому, что новые шаги рабочаго движенія служатъ для насъ новыми „уроками жизни“, а уроки жизни настоятельно требуютъ своего истолкованія. Хорошо — потому, что тактическіе споры содѣйствуютъ этому истолкованію и тѣмъ избавляютъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ практическихъ ошибокъ и отъ тяжелыхъ разочарованій, неизбѣжно слѣдующихъ за практическими ошибками. „Практика“ — великая и ничѣмъ незамѣнимая вещь. Но сама по себѣ она еще ровно ничему не учитъ. Чтобы пользоваться ея указаніями, надо умѣть *замѣчать* и *понимать* ихъ.

О недавнихъ ростовскихъ событіяхъ много и горячо спорятъ теперь русскіе революціонеры. Мы отъ души радуемся этимъ спорамъ, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что иное дѣло *судить* о какомъ-нибудь общественномъ явленіи, а иное дѣло *судачить* по его поводу. Судаченье безплодно по самой природѣ своей. Оно не только ничего не выясняетъ, но, напротивъ, затемняетъ даже и то, что было ясно съ самаго начала. Къ сожалѣнію, о ростовскихъ событіяхъ многіе именно не *судятъ*, а *судачатъ*, и это очень, очень жаль, ибо эти событія заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Результатомъ судаченья являются, между прочимъ, тѣ обвиненія, которыя выдвигаются противъ нашего Донского Комитета. Эти обвиненія подчасъ поистинѣ комичны. Такъ, напримѣръ, одинъ „интеллигентъ“ (какъ видно весьма *неинтеллигентный*) публично (т. е. на большомъ собраніи революціонеровъ) упрекалъ названный Комитетъ въ томъ, что тотъ не поддержалъ группы молодыхъ людей, явившихся съ революціонными *пѣснями* на одно изъ первыхъ собраній стачечниковъ. Передъ такими упреками можно не останавливаться. Всякій дѣльный революціонеръ безъ труда пойметъ, что бываютъ положенія, когда агитаторамъ совсѣмъ не до пѣсенъ. Но есть обвиненія, имѣющія болѣе серьезную *видимость*.

Нѣкоторые сторонники политической агитаціи находятъ, что Донской Комитетъ дурно поступилъ, не воспользовавшись волненіемъ ростовской рабочей массы для устройства демонстраціи. А иные идутъ такъ далеко, что приписываютъ ему, на этомъ основаніи, склонность къ печальной памяти „*экономизму*“. Передъ *этимъ* обвиненіемъ нельзя не остановиться, такъ какъ оно не только несправедливо, но и способно посѣять рядъ самыхъ опасныхъ тактическихъ недоразумѣній.

Несправедливость его состоитъ въ томъ, что оно совершенно невѣрно изображаетъ дѣло. Демонстрація въ Ростовѣ была и притомъ очень величественная и необычайно продолжительная. Она началась въ четвергъ, 7 ноября, и окончилась только въ слѣдующій четвергъ, т. е. въ тотъ день, когда состоялось послѣднее *массовое* собраніе подъ открытымъ небомъ. Число участниковъ этой величественной и необычайно продолжительной демонстраціи, разумѣется, не оставалось неизмѣннымъ, но несмотря на всѣ колебанія оно было очень велико, временами достигая до 20 и даже до 30 тысячъ. Такихъ демонстрацій у насъ еще никогда не бывало, и вотъ почему ростовскія событія составляютъ эпоху въ исторіи нашего рабочаго движенія. Не понимать этого могутъ только тѣ, которымъ вообще не ясны значеніе и задачи нашей агитаціи въ рабочей массѣ.

Обвинителей ввела въ ошибку внѣшность явленія. Они привыкли думать, что уличное шествіе составляетъ необходимый признакъ демонстраціи, и потому, услыхавъ, что въ Ростовѣ уличнаго шествія не было, они умозаключили, что не было и демонстраціи. Но названное шествіе вовсе не составляетъ необходимаго признака демонстраціи. Его не было во время *демонстраціи* передъ Казанскимъ соборомъ въ 1901 г.; его не было и во время демонстраціи передъ тѣмъ же соборомъ въ декабрѣ 1876 года. Скажутъ-ли намъ, что тогда не было и демонстрацій? Наконецъ, если бы ростовскія народныя собранія подъ открытымъ небомъ и не были демонстраціями въ собственномъ смыслѣ этого слова; если бы намъ доказали, что ихъ правильнѣе называть, напримѣръ, митингами, для выраженія народнаго неудовольствія, то мы и въ этомъ не видимъ бѣды. Шекспиръ говоритъ гдѣ-то, что какъ бы мы ни назвали розу, она не утратитъ своего запаха. О ростовскихъ собраніяхъ мы скажемъ, что какое бы имя мы имъ ни дали, мы все-таки должны будемъ признать, что они имѣли колоссальное вліяніе на развитіе классоваго самосознанія ростовскихъ рабочихъ. А развитіе классоваго самосознанія въ рабочемъ классѣ и есть та великая цѣль, которую мы преслѣдуемъ въ своей агитаціи, и если Донской Ком. достигъ ея, не прибѣгая къ демонстраціи, то отъ этого не уменьшилась его заслуга. Обвинители говорятъ, что Донской Комитетъ долженъ былъ вести собравшихся „въ балкѣ“ рабочихъ въ городъ. Но мы не понимаемъ, почему это было обязательно. Зачѣмъ было идти изъ „балки“ въ городъ, когда весь городъ пришелъ „въ балку“? Почему Магометъ непремѣнно долженъ идти къ горѣ даже въ томъ случаѣ, когда гора сама идетъ къ Магомету? Агитація агитаціи рознь. Есть агитація, плодотворная съ точки зрѣнія *соціаль-демократовъ*, и есть агитація, полезная съ точки зрѣнія другихъ партій, напримѣръ, *анархистовъ* или такъ-называющихъ себя *соціалистовъ-революціонеровъ*. Агитаціей занимались люди, говорившіе политическія рѣчи собравшимся „въ балкѣ“ ростовскимъ рабочимъ. И агитаціей занимались бы люди, которые воспользовались первымъ загороднымъ собраніемъ рабочихъ для того, чтобы вести ихъ въ городъ. Но между тѣмъ какъ огромныя собранія „въ балкѣ“ послужили превосходнѣйшей школой политическаго воспитанія ростовскаго пролетаріата, демонстративное движеніе въ городъ могло бы закончиться такимъ столкновеніемъ съ военной силой, на которое потратилась бы вся энергія совершавшагося тогда массового движенія и которое не только не подвинуло бы впередъ самосознанія массы, но надолго задержало бы его развитіе. Съ точки зрѣнія соціаль-демократіи такое столкновеніе было бы *вредно*. Мы должны не бояться жертвъ, когда онѣ полезны для дѣла, но мы обязаны избѣгать ихъ, когда онѣ не приносятъ пользы дѣлу или даже, — какъ было въ разбираемомъ случаѣ, — отодвигаютъ его далеко назадъ. Но если бы мы не были соціаль-демократами, если бы неизмѣннымъ критеріемъ въ нашихъ сужденіяхъ намъ не служилъ вопросъ о томъ, какъ повліяетъ данный шагъ революціонеровъ на развитіе классового самосознанія рабочаго класса, то мы разсуждали бы иначе. Мы твердили бы: „надо идти въ городъ“. А если бы шествіе въ городъ закончилось кровавой неудачей, мы сказали бы: вотъ новое доказательство того, что демонстраціи ни къ чему хорошему не ведутъ. Да здравствуетъ терроръ! Да здравствуетъ „боевая организація“, которая завоюетъ рабочему классу политическую свободу! (ср. опубликованныя „Рев. Рос.“ письма Кочура). По своему мы были бы очень логичны, но наша логика не имѣла бы ничего общаго съ логикой освободительнаго движенія пролетаріата.

Колоссальныя ростовскія собранія „въ балкѣ“ не только представляютъ въ своей совокупности чрезвычайно внушительную *демонстрацію*, но и свидѣтельствуютъ о томъ, что наша политическая агитація можетъ и должна войти теперь въ новую необходимую и плодотворную фазу.

До сихъ поръ у насъ и въ демонстраціяхъ обыкновенно обнаруживалось то раздѣленіе и та отчужденность „героевъ“ отъ „толпы“, которыя были въ одно и то же время и слѣдствіемъ, и причиной слабости нашего революціоннаго движенія. „Герои“ прохаживались передъ „толпой“, крича: „Долой самодержавіе!“, махая красными флагами и, по мѣрѣ возможности, отбиваясь отъ полицейскихъ бандитовъ. „Толпа“ прислушивалась къ „возмутительнымъ“ возгласамъ „героевъ“, читала надписи на красныхъ флагахъ, болѣе или менѣе сильно возмущалась полицейскими звѣрствами и болѣе или менѣе громко выражала свое сочувствіе демонстрантамъ. Но дальше этого дѣло не шло или шло очень рѣдко. Чаще всего „толпа“ оставалась сама по себѣ, а „герои“ сами по себѣ, и именно потому, что эти послѣдніе оставались сами по себѣ, имъ приходилось со стыдомъ уступать первому серьезному натиску со стороны полиціи. А это приводило ихъ къ сомнѣнію въ цѣлесообразности демонстрацій, какъ агитаціоннаго средства. Они — или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, — говорили себѣ и другимъ: „стоитъ-ли выходить на улицу для того, чтобы послѣ самаго непродолжительнаго сопро тивленія улепетывать отъ полицейскихъ кулаковъ и казацкихъ нагаекъ? Не лучше-ли, не цѣлесообразнѣе-ли давать единоличный отпоръ наиболѣе зарвавшимся царскимъ опричникамъ?" И многимъ начало казаться, что поступать такъ будетъ дѣйствительно лучше и цѣлесообразнѣе. А разъ они приходили къ этому убѣжденію, — они начинали смотрѣть на такъ-называемый (на самомъ дѣлѣ никого не пугающій) терроръ, какъ на самое дѣйствительное средство революціонной борьбы, приписывая демонстраціямъ лишь второстепенное, подчиненное значеніе. А терроръ роковымъ образомъ привелъ бы къ еще большему отчужденію „героевъ" отъ „толпы" и къ еще большему ослабленію силъ „героевъ". Такимъ образомъ, весь ходъ нашей политической агитаціи неизбѣжно приводилъ насъ къ слѣдующему противорѣчію: въ интересахъ развитія политическаго самосознанія въ массѣ мы должны были прибѣгать къ демонстраціямъ, а прибѣгая къ демонстраціямъ, мы, противъ всякаго ожиданія, укрѣпляли то настроеніе въ революціонной средѣ, въ результатѣ котораго явился бы фактическій отказъ отъ непосредственнаго воздѣйствія на массу. Разрѣшить это противорѣчіе можно было только однимъ путемъ: путемъ устраненія той причины, которая вызывала слабость силъ демонстрантовъ. А такъ какъ эта причина заключалась въ томъ, что демонстраціи были дѣломъ не „толпы", а однихъ только „героевъ", то нужно было, чтобы „герои" перестали существовать въ качествѣ отдѣльнаго отъ „толпы" элемента. Другими словами, необходимо было придать демонстраціямъ массовый характеръ. На эту необходимость мы указывали еще въ № 14 нашего органа.

---

*) „Бунду“ также было предложено прислать своего представителя въ Организ. Комитетъ, но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Бундъ не отозвался на это приглашеніе. Надѣемся, что причины эти были чисто случайныя, и Бундъ не замедлитъ прислать своего представителя.

И вотъ ростовскія событія показали, что мысль о сліяніи „героевъ" съ „толпой" не имѣетъ въ себѣ ничего несбыточнаго. Въ ноябрѣ прошлаго года въ Ростовѣ-на-Дону не было ни „героевъ", ни „толпы", а была огромная, многотысячная масса рабочихъ, неудержимо рвавшаяся въ новую сознательную жизнь и готовая самоотверженно бороться со своими угнетателями и усыпителями. „Герои" исчезли въ „толпѣ", „толпа" слилась съ „героями". Она сама прониклась героическимъ самосознаніемъ и потому перестала быть „толпою", превратившись въ сознательный отрядъ сознательной арміи международнаго пролетаріата.

И какъ только состоялось это превращеніе, сейчасъ же всѣмъ стало ясно, что теперь полицейскіе бандиты совсѣмъ не такъ сильны и страшны, какъ были прежде. „Боимся-ли мы атамана?" спросилъ одинъ изъ ораторовъ у рабочихъ, собравшихся на балкѣ. — „Нѣтъ, не боимся!", дружно отвѣчали рабочіе. — „Стало быть, мы будемъ продолжать наше собраніе?" спросилъ онъ опять. — „Да, будемъ продолжать!", какъ одинъ человѣкъ отвѣчала вся огромная масса. И собраніе продолжалось на глазахъ у удивленныхъ и испуганныхъ бандитовъ полицейскаго „порядка", которые должны были понять тогда, — если они еще не совсѣмъ утратили способность пониманія, — что на общественную сцену Россіи выступаетъ новая, могучая сила.

Если дѣло приняло такой счастливый и многознаменательный оборотъ, то этимъ мы въ значительной степени обязаны находчивости, благоразумію и такту нашего Донского Комитета, который съумѣлъ избѣжать тактическихъ односторонностей и извлечь изъ событій наибольшую долю того, что можно было извлечь изъ нихъ для политическаго воспитанія рабочихъ. Этимъ онъ оказалъ нашему движенію большую услугу. И чѣмъ скорѣе распространится въ русской соц.-демократической средѣ сознаніе важности этой услуги, тѣмъ болѣе очевидно станетъ для каждаго изъ насъ, до какой степени неосновательны нападки*), сыплющіеся на Донской Комитетъ со стороны тѣхъ людей или даже цѣлыхъ направленій, у которыхъ очень слаба сила сужденія, но за то очень сильна потребность судачить.

Да, ростовскія событія открыли собою новую эпоху, эпоху массовыхъ демонстрацій. Демонстраціи „героевъ", прохаживающихся передъ „толпою", отжили свое время и утратили свое значеніе. Теперь демонстраціи должны быть массовыми или ихъ вовсе не должно быть. Говоря это, мы ни на минуту не позабываемъ о томъ, что массовыя движенія не могутъ быть вызываемы по произволу той или другой революціонной организаціей. Они подготовляются общимъ ходомъ соціальнаго развитія. Но люди, понимающіе ходъ этого развитія, могутъ способствовать его ускоренію. Въ томъ и состоитъ отличіе соціальной демократіи отъ другихъ политическихъ партій, что ея дѣятельность является сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго общественнаго процесса, который дѣлаетъ изъ пролетаріата передовую общественную силу. Разъ мы убѣдились въ томъ, что теперь начинается эпоха массовыхъ демонстрацій, мы должны сообразно съ этимъ убѣжденіемъ направить всю свою подготовительную агитаціонную работу. „Искра" уже указывала на агитацію въ студенческой средѣ, какъ на такую, которая въ извѣстной мѣрѣ можетъ служить образцомъ для агитаціи въ средѣ пролетаріата. Студенческимъ „волненіямъ" послѣднихъ лѣтъ предшествовала обыкновенно систематическая, подготовительная работа, выяснявшая смыслъ начинавшейся борьбы и значеніе выставляемыхъ требованій. Извѣстно, что даже и такая систематическая работа не приводила къ полному единодушію между студентами. Въ ихъ средѣ всегда находились элементы, относившіеся къ движенію несочувственно или просто равнодушно. Это не удивительно; такіе элементы найдутся всегда и везде. Но важно то, что, благодаря систематической подготовкѣ движенія, къ нему присоединялись всѣ студенты, по своему умственному развитію и по своимъ нравственнымъ свойствамъ способные къ нему присоединиться. Студенческое движеніе располагало, вслѣдствіе этого, наибольшимъ числомъ тѣхъ силъ, которыми оно могло располагать. И потому съ нимъ такъ трудно было справиться. А то политическое движеніе, которое должно увлечь за собою всѣ живые элементы пролетаріата, до сихъ поръ увлекало только незначительный его слой, между тѣмъ какъ другіе его слои оставались неподвижны, несмотря на то, что и въ нихъ накопился уже не малый запасъ революціонной энергіи. До нихъ не достигали политическіе призывы соціальной демократіи, и потому они не давали на нихъ никакого отклика. А этимъ неизбѣжно обусловливалась слабость нашего политическаго движенія. Чтобы устранить ее, намъ нужно подготовить свои демонстраціи такъ же старательно, какъ подготовляетъ передовое студенчество свои „волненія" въ средѣ учащейся молодежи. Намъ нужно звать на борьбу всѣ тѣ элементы рабочей массы, которые уже способны примкнуть къ ней. Въ этомъ случаѣ намъ помогутъ „возмутительныя воззванія", если только мы съумѣемъ — а мы обязаны съумѣть — придать имъ дѣйствительно массовое распространеніе. Наконецъ, намъ необходимо способствовать развитію тѣхъ элементовъ пролетаріата, которые еще не пробудились отъ своей политической дремоты. Это наши товарищи будущаго времени. Сегодня они еще боятся „политики" и потому неохотно слушаютъ политическихъ агитаторовъ. Но скоро, — можетъ быть, не далѣе, какъ завтра, — они поймутъ, что „политика" соц.-демократіи есть политика ихъ собственныхъ, насущныхъ и осязательныхъ классовыхъ интересовъ, — и тогда они будутъ отвѣчать восторженнымъ „ура!" на наши политическія рѣчи. А чтобы имъ сталъ понятенъ смыслъ нашей „политики", мы, принимаясь за агитацію въ ихъ средѣ, должны исходить именно изъ насущныхъ и осязательныхъ интересовъ, всѣми силами стараясь, въ тоже время, обнаружить противорѣчіе этихъ интересовъ съ интересами существующаго порядка. Ростовскія событія показали, между прочимъ, что при умѣломъ веденіи дѣла насъ ждетъ здѣсь вѣрный и скорый успѣхъ. А успѣхъ означаетъ въ этомъ случаѣ не болѣе, не менѣе, какъ то, что къ революціонной арміи постоянно будутъ примыкать свѣжія, все болѣе и болѣе густыя, все болѣе и болѣе многочисленныя колонны, и политическая борьба, начатая „революціонной бациллой", все болѣе и болѣе будетъ становиться массовымъ движеніемъ, борьбой цѣлаго класса.

Много тяжелой работы предстоитъ намъ впереди! Но это-то и хорошо! Даромъ ничто не дается, а наша тяжелая работа быстро приближаетъ насъ къ нашей великой цѣли. Весело жить въ такое время!

---

*) Эта статья была уже набрана, когда мы получили № 15 „Рев. Россіи", дающій замѣчательные образчики этихъ неосновательныхъ нападокъ.

НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Какъ и слѣдовало ожидать, съ переводомъ Зубатова въ Петербургъ, Петербургъ будетъ лицезрѣть зубатовскія собранія рабочихъ по типу московскихъ. Союзъ московскихъ рабочихъ механическаго производства такъ удачно поставленъ былъ при самомъ началѣ, при томъ при особомъ участіи московскихъ профессоровъ, что онъ слишкомъ заманчиво рисовалъ Зубатову перспективу петербургскихъ рабочихъ собраній. Въ Москвѣ простакъ-рабочій думалъ и даже думаетъ: все это, молъ, для нашего блага; а простакъ-профессоръ думаетъ: вотъ, молъ, наконецъ, и мы призваны указать, какъ слѣдуетъ встать на слабыя ножки нашему некультурному рабочему, и тогда-то пошли поученія, на подобіе тѣхъ, что не потому, молъ, мельничное колесо стоитъ, что воды нѣтъ, а потому, что мельникъ некультуренъ и не понимаетъ, что такое гигіена. Ловко была задумана махинація Зубатовымъ, но не всегда и всюду ее легко удается проводить въ жизнь безъ всякой задоринки. Мы знаемъ, что жандармскому полковнику Васильеву не повезло съ подобными собраніями. Это — благодаря неумѣнію поставить дѣло, думалъ Зубатовъ, и вотъ теперь онъ самъ чуть не плачетъ отъ неудачи перваго выхода, да и есть отъ чего.

Вернемся къ началу предпріятія.

Піонерами зубатовщины въ Петербургѣ являются: Горшковъ (работаетъ на зав. Растеряева), Пикуновъ (на зав. Лемериха), Старожиловъ (на зав. Леснера), Устюжанинъ (то-же), Кузьминъ (то-же), Солодовниковъ (на Обуховскомъ зав.), Соколовъ (московскій раб., безъ дѣла, живетъ на средства моск. раб.), Егоровъ, Пахомовъ, Семеновъ, Одинцовъ. Хлопотали они объ этомъ давно, и Горшковъ ѣздилъ въ Москву знакомиться съ этимъ дѣломъ и, очевидно, суть московскихъ собраній понимаетъ въ духѣ Афанасьева. Какъ смотритъ на это дѣло Соколовъ, мы знаемъ по его дѣятельности въ Москвѣ: онъ самый крайній и ярый ненавистникъ интеллигенціи, и на первыхъ же собраніяхъ здѣсь онъ говорилъ противъ интеллигенціи, при чемъ, конечно, старался говорить такъ, что своя своихъ не познаша: приводитъ для примѣра какого-нибудь буржуа-прохвоста и потомъ называетъ его интеллигентомъ. При помощи такихъ примѣровъ стараются зубатовцы натравить на истинную интеллигенцію, и имъ въ этомъ дѣлѣ помогаютъ тѣ же узкодумцы, иногда ради какого-либо крестика. Конечно, теперь уже и рѣчи быть не можетъ о томъ, что зубатовщину не всякій пойметъ сразу. Горшковъ резюмировалъ свою мысль на одномъ собраніи такъ: „Мы обязаны передавать въ руки полиціи всѣхъ, кто противодѣйствуетъ нашему благому начинанію". Гг. Озеровы, поскребите въ своей памяти, и вы, можетъ быть, послѣ подобныхъ формулировокъ откровенно сознаетесь, что работали вмѣстѣ съ жандармами и въ ихъ же пользу — не будемъ говорить, что сознательно, но съ профессора достаточно и этого! Пикуновъ говорилъ такъ: „Мы должны заручиться благоволеніемъ какой-либо высокопоставленной особы и защититься крестомъ и подойти подъ священную рясу". Мысль тоже очень понятная, и такой высокопоставленной особы, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ г. Плеве и градоначальникъ Клейгельсъ, вполнѣ достаточно, а въ защитѣ крестомъ и рясой можетъ быть полезенъ хотя бы оберъ-плутъ, то бишь оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода г. Побѣдоносцевъ или митрополитъ изъ Лавры. Оказалось, что петербургскіе товарищи не особенно хватаются за крестъ и священную рясу и говорятъ: „Ну, куда намъ еще поповъ, мы и безъ нихъ обойдемся". Насчетъ же высокопоставленной особы, то Слѣповъ постарался стащить піонеровъ къ г. Плеве, который „милостиво бесѣдовалъ" или „выслушалъ благодарность рабочихъ за данное имъ разрѣшеніе собираться". Плохо только, что Слѣповъ не выдержалъ роли до конца, и тамъ же, оставивъ своихъ товарищей по представленію внѣ учрежденія, самъ отправился къ какому-то чиновнику въ этомъ же учрежденіи, якобы занять денегъ. Это породило неудовольствіе противъ него, и по этому поводу слѣдующее собраніе много шумѣло, и шумъ кончился не въ пользу Слѣпова; даже больше, — раздоръ проникъ въ среду самихъ организаторовъ-піонеровъ этого дѣла.

Да, и сторублевая лошадь спотыкается, говоритъ русская пословица. И самый ловкій и опытный врагъ рус. рев. соц.-дем. споткнулся, скажемъ мы. Представьте себѣ, что Зубатовъ призвалъ изъ Москвы самыхъ опытныхъ организаторовъ и самыхъ вліятельныхъ лицъ изъ московскихъ рабочихъ собраній, — лицъ, которыхъ московскіе рабочіе послали на свои средства. И вдругъ наши петербургскіе товарищи не только не питаютъ къ этимъ лицамъ уваженія, но относятся съ большимъ недовѣріемъ къ ихъ рѣчамъ и дѣйствіямъ! И если нѣкоторые товарищи не вполнѣ точно понимаютъ зубатовщину, то они инстинктивно чувствуютъ омерзительность истинной цѣли. Благодаря этому, и вышло то, что самаго главнаго зубатовскаго агента, Слѣпова, почти выгнали изъ собранія, послѣ того какъ онъ пришелъ изъ общества Комаровыхъ и Богдановичей (см. № 31 „Искры". Ред.), очевидно, услышавши отъ нихъ слова Александра III, что „Россія для русскихъ". И какъ только Слѣповъ произнесъ эту фразу, какъ ее тотчасъ же перефразировали и сказали: „А Петербургъ для петербуржцевъ, но не для москвичей, долой москвичей, вонъ ихъ, вонъ отсюда!" И послѣ этого Слѣпову не позволили говорить, и дѣло даже дошло до того, что было основаніе опасаться за кости господъ Слѣповыхъ и Соколовыхъ. И вотъ, когда Слѣповъ доложилъ объ этомъ Зубатову, то послѣдній пришелъ въ самое крайнее отчаяніе, просто не зналъ, что ему предпринять, и остановился на старомъ способѣ, такъ часто выводившемъ его изъ затрудненій. Призвалъ одного рабочаго изъ сторонниковъ этихъ собраній, только говорившаго противъ Слѣпова и Соколова, предлагалъ ему жалованье и хорошее мѣсто и еще кое-что, только бы онъ согласился говорить за этихъ господъ, т. е. за Соколова и Слѣпова. Рабочій отказывался и приводилъ въ оправданіе себя невозможность говорить за нихъ, когда только вчера говорилъ противъ. Злые языки говорятъ, что Зубатовъ горько плакалъ по своемъ дѣтищѣ... На отказъ рабочаго защищать этихъ господъ, Зубатовъ пообѣщалъ силой ввести ихъ, на что рабочій отвѣтилъ не менѣе грозно, что нельзя вводить силой, ибо тогда, чего добраго, разнесутъ въ дребезги и ихъ, и собраніе, и ничего нельзя будетъ сдѣлать. Вотъ когда оказалось, что съ огнемъ шутить нельзя! Вотъ какъ обстоятъ дѣла Зубатова въ данный моментъ, и есть отъ чего прійти въ отчаяніе, особенно если взять во вниманіе необходимость считаться съ режимомъ: говорить да не проговариваться. Совсѣмъ не то было въ Москвѣ, гдѣ Красивскій и Игнатовъ говорили очень рѣзко противъ капиталистовъ, разныхъ „піавокъ", какъ они выражались, противъ монтеровъ на желѣзныхъ дорогахъ и

Пролетаріатъ и крестьянство.

I. Небольшая историческая справка.

Въ № 8 „Революц. Россіи" въ статьѣ: „Изъ партійной дѣятельности" мы читаемъ:

„Массовыя волненія крестьянъ въ Полтавской, Харьковской и другихъ губерніяхъ выдвинули и поставили ребромъ передъ всѣми русскими революціонерами вопросъ о воздѣйствіи революціонныхъ организацій на крестьянство. Теперь не остается уже мѣста для какихъ-либо сомнѣній въ необходимости, возможности и цѣлесообразности этого воздѣйствія. Даже тѣ теченія русской революціонно-соціалистической мысли, которыя прежде категорически отрицали возможность и цѣлесообразность работы въ крестьянствѣ, теперь начинаютъ признавать насущную необходимость ея".

Недавнія крестьянскія волненія дѣйствительно придали новый интересъ вопросу о практическихъ задачахъ соціалистовъ въ русской деревнѣ. Это само собою понятно, и этого никто оспаривать не станетъ. Но именно потому, что названный вопросъ пріобрѣтаетъ теперь новый интересъ, полезно хорошенько выяснить себѣ, какъ рѣшался онъ русскими соціалистами въ прежнее время. И прежде всего слѣдуетъ спросить себя, какія именно „теченія русской революціонно-соціалистической мысли" отрицали у насъ „возможность и цѣлесообразность работы въ крестьянствѣ". Что говоритъ объ этомъ „Рев. Россія"?

Она говоритъ вотъ что: „Партія соціалистовъ-революціонеровъ и тѣ организаціи, которыя объединились въ ней, всегда ставили одной изъ основныхъ задачъ своей дѣятельности — революціонизированіе деревни и пріобщеніе крестьянства къ общему соціально-революціонному движенію. Въ этомъ и состояло одно изъ самыхъ основныхъ ея отличій отъ соц.-демократическихъ организацій, въ этомъ и заключался одинъ изъ самыхъ основныхъ пунктовъ разногласій съ ними. Признаніе необходимости и своевременности планомѣрнаго революціоннаго воздѣйствія сплошь и рядомъ дѣлало для соц.-революціонеровъ даже во времена ихъ крайней численной слабости практически невозможнымъ войти въ тѣ соц.-демократическія группы, съ которыми вмѣстѣ приходилось все время работать, и раствориться въ нихъ. Приходилось отдѣляться и начинать самостоятельное дѣло".

Кажется, ясно. Именно русская соц.-демократія была тѣмъ теченіемъ, которое прежде „категорически отрицало" возможность и цѣлесообразность дѣятельности между крестьянами. И въ этомъ состояла черта, отличавшая нашу соц.-демократическую партію отъ соц.-революціонеровъ, „всегда" (курсивъ „Рев. Рос.") имѣвшихъ непреодолимое влеченіе къ названной дѣятельности. „Рев. Рос." не упускаетъ случая поставить читателямъ на видъ эту счастливую особенность своей „партіи" и не перестаетъ, какъ говорится, шпынять русскихъ соціаль-демократовъ за ихъ пренебреженіе къ крестьянству.

„Тяжелы были условія, — сочувственно повѣствуетъ она, — при которыхъ приходилось начинать и вести эту работу. Сверху, съ высотъ теорій и программъ, громко и рѣшительно заявлялось о невозможности и даже нецѣлесообразности какой бы то ни было революціонной работы въ крестьянствѣ. Въ 1896 г. на Лондонскомъ конгрессѣ, передъ лицомъ международнаго пролетаріата, представители русской соціаль-демократіи, одни составлявшіе всю русскую секцію конгресса*), торжественно заявили, что при современныхъ политическихъ условіяхъ русскимъ революціонерамъ нечего и думать о воздѣйствіи на сельское населеніе. Манифестъ Рос. Соц.-Дем. Партіи 1898 г. ни словомъ не затрогиваетъ вопроса о работѣ среди крестьянства, какъ будто послѣдняго совсѣмъ и не существуетъ. И неудивительно, ибо съѣздъ южнорусскихъ соц.-дем. организацій, состоявшійся въ январѣ 1902 г., можно сказать, наканунѣ грандіознѣйшихъ крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи, совершенно не счелъ нужнымъ поставить въ программу своихъ занятій вопросъ объ отношеніи къ крестьянству, опять-таки, какъ будто его и не бывало".

Перечисливъ прегрѣшенія русскихъ соціаль-демократовъ передъ крестьянствомъ, „Рев. Рос." замѣчаетъ: „Эти примѣры достаточно ярко показываютъ, что на крестьянство смотрѣли, какъ на quantité negligeable, какъ на чистый нуль въ политическомъ отношеніи. Въ лучшемъ случаѣ работа въ крестьянствѣ лишь допускалась и то лишь для лицъ, силою обстоятельствъ прикрѣпленныхъ къ деревнѣ".

Мы скоро увидимъ, насколько въ самомъ дѣлѣ „ярки" приведенные „Рев. Рос." примѣры. Теперь же скажемъ, что они ни въ какомъ случаѣ не „достаточно" характеризуютъ взгляды русскихъ соціалистовъ на крестьянство. Для полноты картины „Р. Рос." должна была бы нѣсколько подальше заглянуть въ прошлое и вспомнить, какъ смотрѣло на работу въ крестьянской средѣ „теченіе", непосредственно предшествовавшее у насъ соц.-демократіи. Такъ какъ она почему-то не пожелала или не съумѣла сдѣлать эту историческую справку, то мы вынуждены взяться за нее сами.

Еще въ 1879 г., — т. е. въ то время, когда русская соц.-демократія не существовала даже и въ зачаткѣ, — въ первомъ же номерѣ „Нар. Воли" (выходившаго въ Россіи органа очень извѣстной партіи того же имени) была весьма „категорически" высказана та мысль, что при современныхъ нашихъ политическихъ условіяхъ работать въ народѣ значитъ биться, какъ рыба объ ледъ. „Нар. Воля" тогда же заявила, что она считаетъ себя обязанной настойчиво повторять эту мысль, раздѣляя то мнѣніе Прудона, что повтореніе служитъ незамѣнимымъ средствомъ распространенія истины. И она, дѣйствительно, „категорически" повторяла ее каждый разъ, когда ей приходилось формулировать свой взглядъ на практическія задачи русскихъ революціонеровъ. И чѣмъ болѣе распространялись въ нашей революціонной средѣ идеи „Партіи Нар. Воли", тѣмъ болѣе „категорическимъ" становилось отрицательное отношеніе ко всякимъ попыткамъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности въ крестьянствѣ. Это знаетъ всякій, кто хоть немного знакомъ съ исторіей нашего революціоннаго движенія. И это подтверждается „народовольческой" литературой. „Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, — говоритъ „Календарь Народной Воли", — конечно, всегда признавалось очень желательнымъ... Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы*) совершенной фантазіей, и если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ"**).

---

*) Въ примѣчаніи „Револ. Рос." поясняетъ: „Представитель ‚Союза Соц.-Рев.' тогда не былъ ими допущенъ на конгрессъ, а представитель ‚Группы старыхъ народовольцевъ" удалился въ видѣ протеста противъ этого ‚исключенія". Это неправда: представитель „Группы старыхъ народовольцевъ" удалился совершенно по другому поводу, что же касается представителя „Союза Соц.-Рев.", то онъ явился съ мандатомъ, подписаннымъ лишь нѣсколькими заграничными русскими студентами и былъ „не допущенъ" (конгрессомъ, а не только русскими соц.-демократами) именно потому, что не представлялъ ничего серьезнаго. Объ этомъ см. брошюру Г. Плеханова „Новый походъ противъ русской соц.-демократіи".

*) Рѣчь идетъ о программѣ „Партіи Нар. Воли".

**) Календарь стр. 129, примѣчаніе.

прибавляли при этомъ, что правительство, де, ничего не имѣетъ противъ устраненія „кровососовъ", словомъ, говорили очень красно, чѣмъ и ввели въ заблужденіе нѣкоторыхъ московскихъ рабочихъ. Теперь же здѣсь въ Петербургѣ совсѣмъ не то начинаютъ говорить: противъ стачекъ, противъ соціализма, противъ интеллигенціи, а на этомъ далеко не уѣдешь, почему и приходится зубатовцамъ играть на національныхъ чувствахъ, разжигая страсти противъ иностранцевъ и другихъ народностей, дабы отвести этимъ способомъ петербургскихъ рабочихъ отъ политики противъ самодержавія. Что будетъ дальше, посмотримъ, а пока намъ пришлось наблюдать однѣ неудачныя попытки его дѣтища хоть какъ-нибудь встать на ноги въ резиденціи „Обмановыхъ". Между прочимъ, довольно не безъинтересно видѣть способы зубатовщины. Когда Соколова исключили изъ членовъ общества, какъ шпіона, Слѣпову же не позволили говорить и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать обратно въ Москву, то Соколовъ — полагаемъ, по совѣту Зубатова — послалъ письмо въ рабочее собраніе, якобы писанное и посланное рабочими патроннаго завода. Въ этомъ письмѣ мнимые рабочіе патроннаго завода особенно защищаютъ Соколова и просятъ не гнать его съ собранія, потому что они его знаютъ, какъ очень хорошаго человѣка. Только эта штука дѣла не поправила, и одинъ изъ ораторовъ прямо указалъ, что письмо послалъ не кто иной, какъ самъ Соколовъ, и почти все собраніе было того же мнѣнія, такъ какъ горячо защищало этого оратора.

Очевидно, самое интересное будетъ то, какъ опять передъ рабочими, но теперь не передъ московскими, а передъ петербургскими, съ трибуны появится буржуазная наука, и весьма вѣроятно, что даже съ примѣсью человѣконенавистической націоналистической окраски. Какъ поймутъ и какъ оцѣнятъ ее петербургскіе товарищи? и отъ этого, думаемъ мы, зависитъ судьба дальнѣйшаго зубатовскаго предпріятія въ Петербургѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ РАБОЧІЕ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Н.-Новгородъ. Въ дополненіе къ корреспонденціи, помѣщенной въ № 29 нашей газеты, приводимъ еще небезъинтересныя данныя о впечатлѣніи, произведенномъ здѣшнимъ судомъ надъ демонстрантами. Изъ одного письма:

„Нечего говорить о томъ, что полиція страшно боялась, что будетъ демонстрація передъ судомъ. Штаты шпіоновъ и конныхъ были увеличены, всюду по городу число „скромныхъ наблюдателей" увеличилось, околодочные и пристава разгуливали по городу въ удвоенномъ количествѣ. Даже тюремный начальникъ стороной старался вывѣдать у пришедшихъ просить свиданія съ заключенными, не ожидается-ли 28-го демонстрація. Но Комитетъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать, такъ какъ разсчитывать на большое количество участниковъ было трудно (самый фактъ назначенія суда былъ долго неизвѣстенъ и подготовить массу къ пониманію этого факта не удалось: листокъ о судѣ вышелъ только за два дня до суда). Кромѣ того, наибольшая масса сознательной публики — въ Сормовѣ, которое лежитъ въ шести верстахъ отъ города при очень неправильной переправѣ исключительно на пароходахъ. До суда были также выпущены листки, гдѣ говорилось, что Ком. демонстраціи не устраиваетъ.

По городу было очень много разговоровъ о судѣ, по крайней мѣрѣ, въ интеллигентныхъ слояхъ цѣлую недѣлю только объ этомъ и говорили. Но и на конкахъ, на улицахъ, особенно въ дни суда (четыре дня) слышно было много толковъ объ этомъ фактѣ. Нечего и говорить, что отношеніе у всѣхъ было сочувственное. Во многихъ мѣстахъ собирались деньги путемъ лоттерей, подписки. Въ нихъ принимали участіе и люди, кажется, по своему положенію ничего общаго съ протестомъ и демонстраціей не имѣющіе.

Обвиняемыхъ привезли въ судъ въ 4 часа утра въ вагонахъ трамвая, по бокамъ котораго скакали во весь опоръ конные, такъ какъ трамвай везли съ быстротой молніи. Увезли ихъ изъ суда въ 2-3 ч. ночи, при чемъ даже ночью немногихъ обывателей, случившихся на совершенно пустынной улицѣ, полиція просила не останавливаться и идти дальше.

Въ день суда на Покровкѣ публику усиленно просили не замедлять шаги, а многихъ, шедшихъ по той сторонѣ улицы, гдѣ былъ судъ, околодочные лаконически просили „перейти на другую сторону". И, какъ разсказываетъ одинъ обыватель, „вспомнивъ, что у меня жена и дѣти, я покорно перешелъ на другую сторону".

Въ общемъ, судъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе. Онъ имѣлъ громадное агитаціонное значеніе. Среди рабочихъ очень интересуются имъ и рѣчами товарищей. Въ Сормовѣ говорятъ: „теперь мы не побоимся пойти на демонстрацію". Несомнѣнно, что будущая демонстрація привлечетъ, вѣроятно, очень много народу; настроеніе очень бодрое, и всѣ жаждутъ настоящаго дѣла и борьбы".

Изъ другого письма:

„Еще наканунѣ зданіе суда было основательно укрѣплено. Тщательно заколочено большинство выходовъ; у каждаго изъ незаколоченныхъ выходовъ поставлена сильная стража. Въ ночь передъ судомъ въ зданіе введенъ отрядъ солдатъ, который занялъ на всѣ четыре дня одну изъ комнатъ канцеляріи. На заднемъ (второмъ) дворѣ, невидимомъ съ улицы, устроена засада изъ 60 городовыхъ. Въ день суда, еще задолго до разсвѣта, обвиняемыхъ подъ сильнымъ конвоемъ привезли въ вагонѣ электрическаго трамвая въ зданіе суда. Снаружи впродолженіе всѣхъ четырехъ дней засѣданія палаты зданіе охраняли высшіе чины города, да по улицѣ растянулась линія бравыхъ усачей, одѣтыхъ въ разнообразные штатскіе костюмы и вооруженныхъ, неизвѣстно зачѣмъ, дворницкими метлами. Всѣми этими приготовленіями распоряжался самъ „генералъ" (т. е. губернаторъ), который, какъ передавалъ одинъ помощникъ пристава, „самъ наканунѣ прибылъ въ судъ и долго тамъ оставался, взволнованно осматривая всѣ двери и отдавая приказанія". Повидимому, ожидали демострація у зданія суда, хотя прокламація, изданная Комитетомъ и разбросанная по всему городу въ ночь на 28-ое, заканчивается ясными словами: „Комитетъ увѣдомляетъ всѣхъ интересующихся, что имъ не будетъ предпринято никакой демонстраціи 28 числа. Поэтому предлагаемъ всѣмъ, кто будетъ стоять въ этотъ день у входа въ судъ или проходить мимо, держаться по возможности спокойно и осторожно, не произносить рѣчей, не выкидывать флага, чтобы избѣгнуть напрасныхъ жертвъ. Демонстрацію Комитетъ откладываетъ до другого случая". Въ день суда въ городѣ чувствовалось какое-то особенное настроеніе, но демонстраціи все же не было. Только на улицѣ противъ суда гуляющей публики было болѣе обыкновеннаго.

Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель московской суд. палаты Поповъ. Защищали: Маклаковъ, Молянтовичъ, Муравьевъ, Тесленко, Изъ нижегородцевъ Ланинъ и др. Въ качествѣ свидѣтелей выступила теплая компанія, состоящая изъ жандармовъ, чиновъ полиціи, сыщиковъ, провокаторовъ. Пустынныя комнаты сильно укрѣпленнаго зданія, шныряющая свора „свидѣтелей" — создавали обстановку застѣнка. Кажется, сановные судьи, убѣленные сѣдинами старики и въ особенности сословные представители чувствовали себя неловко въ такой обстановкѣ и въ такой роли. Съ первыхъ же шаговъ свидѣтели обнаружили свою цѣнность, какъ свидѣтелей. На вопросъ предсѣдателя: „не имѣете-ли еще чего сказать, свидѣтель?" одинъ жандармскій унтеръ-офицеръ, не подумавъ, брякнулъ по военному: „Никакъ нѣтъ, больше сказать не приказано". За нимъ выступилъ помощникъ пристава. Прежде, чѣмъ отвѣтить на заданный вопросъ, онъ вынулъ изъ кармана записку, развернулъ ее и по ней сталъ читать свой отвѣтъ, причемъ всѣ сразу почувствовали близкое сходство его показаній съ текстомъ обвинительнаго акта. „Почему Вы читаете по запискѣ?" спросили его. „На память не могу", былъ отвѣтъ. Когда свидѣтеля ловили и уличали въ подтасовкѣ, онъ отказывался дальше говорить, ссылаясь на служебныя тайны. Вотъ діалогъ, образецъ своеобразнаго отношенія свидѣтелей къ законному судебному допросу. Передаю не дословно, но почти точно:

Защ. Свидѣтель, скажите, въ то время, къ которому относятся Ваши показанія, Вы состояли агентомъ жандармскаго управленія? — Свид. (говорившій съ апломбомъ на вопросы прокурора). Я этого не могу отвѣтить. — Защ. Очень хорошо. Можетъ быть, Вы можете отвѣтить, не получали-ли Вы тогда наградъ отъ жанд. упр.? — Свид. молчитъ. — Предсѣд. Свидѣтель, по закону Вы обязаны отвѣчать не только на вопросы обвиненія, но и на вопросы защиты. — Свид. молчитъ. — Защ. Скажите, въ такомъ случаѣ, не Вы-ли это давали тогда такому-то нелегальную брошюрку? — Свид. Да. — Защ. Очень хорошо. Скажите, не являлось-ли какъ бы Вашимъ постояннымъ занятіемъ давать товарищамъ нелегальныя брошюрки. — Прок. Я не понимаю подобныхъ вопросовъ! — Предс. Нѣтъ, вопросъ заданъ понятно. Г. защитникъ спрашиваетъ свидѣтеля: не являлось-ли его постояннымъ занятіемъ раздача нелегальныхъ брошюръ? — Свид. Не могу отвѣтить.

Съ первыхъ шаговъ ясно чувствовалось, что судъ одна только пошлая комедія. Одно время даже казалось, что самъ предсѣдатель (70-лѣтній чиновникъ) почувствовалъ безконечную разницу между высокой степенью личнаго достоинства обвиняемыхъ и ярко бьющей въ глаза низостью свидѣтелей. Такъ, когда обвиняемый Быковъ (оправданный) разсказывалъ длинную исторію, какъ его подкупали, склоняя къ доносу на товарищей, какъ грозили арестомъ, какъ потомъ осуществили угрозу, какъ безобразно обращались во время заключенія, какъ послѣ этого опять приступили къ подкупу, — предсѣдатель спросилъ: „Вы говорите, Вамъ потомъ опять предлагали 200 руб. единовременно?" — Да. — „Вы, конечно, отказались?", и слово, „конечно" было такъ сказано, что отвѣтъ самъ собой вылился: Конечно, я живу честнымъ трудомъ.

Рѣчи сормовскихъ рабочихъ вамъ извѣстны, поэтому сообщаю только кратко и притомъ далеко не дословно содержаніе рѣчей интеллигентовъ въ процессѣ 5 мая. Моисеевъ проводилъ, между прочимъ, параллель между Россіей до паденія крѣпостного права и Россіей теперь. Какъ тогда всякое благое намѣреніе, всякая попытка облегчить участь обездоленнаго народа разбивались объ одно и то же препятствіе — крѣпостное право еще не отмѣнено, такъ и теперь: самодержавіе еще не свергнуто. Самая простая, естественная логика, самая жизнь ежедневно и ежечасно толкаетъ на этотъ простой и ясный выходъ изъ всѣхъ затрудненій... Далѣе Моисѣевъ разсказалъ подробно о томъ, какъ пришелъ къ теперешнимъ убѣжденіямъ, и закончилъ рѣчь словами, что онъ убѣжденный, сознательный революціонеръ, что дѣлу борьбы съ самодержавіемъ онъ посвятилъ свою жизнь и куда бы ни послалъ его приговоръ суда, всюду его завѣтнымъ, святымъ желаніемъ будетъ: „Да здравствуетъ политическая свобода, долой самодержавіе!" Послѣднія слова ораторъ произнесъ громко и ими закончилъ одночасовую рѣчь. — Доброхотова вспомнила Вѣтровскую исторію, 4 марта, голодъ въ Самарской губерніи и помощь правительства голодающимъ, выражавшуюся въ томъ, что чиновники пили шампанское на деньги Кр. Креста, говорила о своей жизни заграницей, провела параллель между уваженіемъ личности тамъ и у насъ. — Синева говорила о положеніи просвѣщенія и печати. Закончила горячо. Приблизительно такъ: Я не боюсь никакихъ каръ, никакого наказанія, какое только придумаетъ мнѣ судъ, потому что я твердо вѣрю, что самодержавіе будетъ свергнуто и политическая свобода восторжествуетъ! — Дертевъ говорилъ о русскомъ духовенствѣ и о преподаваніи въ семинаріяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Рѣчи произвели, повидимому, на всѣхъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Предсѣдатель почти не прерывалъ обвиняемыхъ, иногда даже задавая вопросы и останавливая только тогда, когда ораторы, по его мнѣнію, повторялись. Обрывалъ только часто Дертева, и то, повидимому, потому, что его хотѣли оправдать за неимѣніемъ уликъ.

Защитникъ Ланинъ угадалъ, повидимому, общее настроеніе залы. Дрожащимъ голосомъ онъ говорилъ съ большою искренностью. „Я, гг. судьи, уже старикъ, совсѣмъ сѣдой. Вы тоже. Намъ уже недолго жить. Передъ нами же лучшая, симпатичная молодежь. Ей еще предстоитъ долгая жизнь, которую мы сейчасъ готовимся искалѣчить своими приговорами. Подумаемъ же теперь, чѣмъ живетъ эта молодежь, что она чувствуетъ*). Вѣдь, въ сущности, всѣ мы, Вы, гг. судьи, Вы, г. прокуроръ, и Вы, гг. защитники, спутаны съ ними толстѣйшими веревками. Мы читали тѣ же книги, воспитывались на тѣхъ же идеяхъ, выросли въ той же обстановкѣ, въ той же атмосферѣ. Только то, что у насъ остается въ головѣ, то у молодежи неизбѣжно переходитъ въ дѣло. Ея-ли вина, что она честна, искрення, самоотверженна, что она не такъ „благоразумна" и осторожна, какъ мы, старики..." Рѣчь Ланина привожу далеко не дословно, но за общій тонъ ея ручаюсь вполнѣ. Его рѣчь еще усилила впечатлѣніе отъ всего процесса и, несомнѣнно, усилила неловкое чувство судей. И, правда, что имъ было дѣлать? Ясно было, что всѣ хотѣли оправдать побольше человѣкъ, хотѣли выказать побольше мягкости, но... разумѣется, въ предѣлахъ законности и примѣнительно... Въ совѣщательной комнатѣ, по слухамъ, судьи въ недоумѣніи разводили руками. Вѣдь если судить по закону за все то, что наговорили на себя обвиняемые, — ихъ надо приговорить чуть-ли не къ смертной казни, а если судить по совѣсти... то при чемъ останутся законы. Кончилось не оправданіемъ и не „всей строгостью закона", а чѣмъ-то среднимъ, что, очевидно, было указано сверху.

Нижегородскій судъ оказалъ революціонному дѣлу громадную услугу. Посредствомъ суда правительство само дало революціонерамъ рѣдкій случай одержать громадную моральную побѣду. На сценѣ суда фигурировало гнусное и грязное насиліе (свидѣтели), слабое, колеблющееся правосудіе (судьи) и смѣлые, чистые, сильные духомъ представители свѣтлой и жизненной идеи — обвиняемые. Казалось, точно нарочно создали такой черный, грязный фонъ изъ отрепьевъ старой, отживающей Россіи съ острымъ полицейски-шпіонскимъ букетомъ, нарочно поставили дряхлыхъ статистовъ-судей, чтобы выдѣлить, поднять представителей молодой и честной Россіи, чтобы контрастъ былъ больше, чтобы моральная побѣда была сильнѣе. Какъ ни дорого куплена побѣда, мы можемъ быть довольны судомъ, а обвиненнымъ товарищамъ онъ далъ такое наглядное нравственное удовлетвореніе, какое рѣдко кому изъ ссылаемыхъ приходится переживать."

Изъ частнаго письма одной изъ осужденныхъ за Саратовскую демонстрацію. „...Скажу нѣсколько словъ о своемъ положеніи. 7 ноября меня осудили по процессу о Саратовской демонстраціи на поселеніе съ лишеніемъ правъ и навѣчно. Конечно, ничего не бываетъ вѣчнаго, и я въ это не

---

*) Ланинъ выступалъ по дѣлу 5 мая, и потому рѣчь его относилась только къ интеллигентамъ.

Эти строки „достаточно ярко показываютъ", что „Партія Нар. Воли" смотрѣла на крестьянство, „какъ на quantité negligeable, какъ на чистый нуль въ политическомъ отношеніи". Онѣ показываютъ также — и не менѣе „ярко" — что если русская соц.-демократія въ самомъ дѣлѣ всегда смотрѣла на работу въ крестьянской средѣ, какъ на безусловно безполезную трату революціонныхъ силъ (мы еще посмотримъ, въ какой мѣрѣ справедливъ этотъ упрекъ), то въ этомъ случаѣ она совершенно сходилась со своей предшественницей, „Партіей Нар. Воли", и что, слѣд., сваливать вину такого взгляда исключительно на русскія соц.-демократическія „программы и теоріи", значитъ жестоко искажать истину. „Р. Рос." именно и предается такому искаженію. Очень можетъ быть, что она дѣлаетъ это совершенно неумышленно. Но невѣжество — плохое извиненіе.

Факты, приведенные нами, „достаточно ярко показываютъ" еще и то, что на лондонскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ представитель „Группы старыхъ народовольцевъ" отнюдь не могъ бы разойтись съ русскими соц.-демократами по вопросу о своевременности революціонной работы въ крестьянской средѣ, если бы только онъ остался вѣренъ взглядамъ старой „Партіи Нар. Воли". Делегатъ соц.-революціонеровъ, можетъ быть, высказался бы по этому вопросу въ другомъ смыслѣ. Но какое практическое значеніе могъ бы имѣть взглядъ человѣка, представлявшаго микроскопическую горсточку русскихъ юношей, жившихъ заграницей?

Дальше. Передъ нами лежитъ первая книжка „Вѣстн. Русской Революціи", гдѣ, въ статьѣ „Наша программа" (замѣтьте, читатель: программа), мы встрѣчаемъ слѣдующія интересныя строки:

„Каково должно быть наше отношеніе къ крестьянству? Не забудемъ, что въ числѣ политическихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ „Нар. Волей" въ періодъ ея героической борьбы и завѣщанныхъ ею русскому движенію, былъ отрицательный взглядъ на деревню, какъ на исходную точку демократическаго переворота, какъ на инииціативную силу революціи. Народная Воля подчеркивала важность общинныхъ идеаловъ мужика, указывала на громадное значеніе аграрнаго вопроса для Россіи. Но она не думала, чтобы революціонная дѣятельность могла, по примѣру прежнихъ лѣтъ, искать отправного пункта для себя въ деревнѣ и непосредственно опереться на мужика. И, по нашему крайнему убѣжденію, съ тѣхъ поръ не произошло здѣсь ничего существенно новаго, что заставило бы насъ отказаться отъ такого взгляда".

Редакція „Вѣстника" признаетъ, что „возникновеніе сельской интеллигенціи" сдѣлало деревню доступнѣе для революціонной пропаганды. Она не сомнѣвается также въ томъ, что „демократическій переворотъ, начатый въ центрахъ интеллигенціей и рабочими", былъ бы теперь болѣе сознательно поддержанъ деревней. Но она твердо стоитъ на томъ, что иниціатива переворота должна исходить отъ „рабочихъ и интеллигенціи городовъ". И она думаетъ, что неумѣстно было бы отдѣлять революціонныя силы, работающія въ городѣ, на пропаганду въ деревнѣ. Такое отдѣленіе „пока" представляется „операціей, рѣшительно невыгодной, разбивающей дружный натискъ революціонной арміи на самодержавіе".

Эти строки тоже „достаточно ярко показываютъ", что если русскіе соц.-демократы и въ самомъ дѣлѣ провинились передъ „мужикомъ" (а это, повторяемъ, покажетъ намъ новая историческая справка), то вину ихъ вполнѣ раздѣляютъ люди, занимающіе теперь очень видное мѣсто въ „Партіи социал.-рев.", и что этой партіи очень полезно будетъ вспомнить слова медвѣдя въ баснѣ „Зеркало и обезьяна":

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

„Рев. Рос." негодуетъ на съѣздъ южно-русскихъ соц.-дем. организацій, который состоялся „можно сказать наканунѣ грандіознѣйшихъ крестьянскихъ волненій на югѣ Россіи" и который не нашелъ нужнымъ заниматься крестьянскимъ вопросомъ. Допустимъ, что ея негодованіе совершенно основательно, но вы помните, читатель, когда вышла первая книга „Вѣстника Русской Револ."? Она вышла въ іюлѣ 1901 года. Это тоже „можно сказать наканунѣ" все тѣхъ же „грандіознѣйшихъ крестьянскихъ волненій". Мы знаемъ, что сказала — въ своей программной статьѣ, — редакція „Вѣстника" по поводу крестьянскаго вопроса: она признала политическимъ пріобрѣтеніемъ уже извѣстный намъ отрицательный взглядъ „Партіи Нар. Воли" на деревню и „категорически" высказалась противъ направленія въ крестьянство хотя бы нѣкоторой части революціонныхъ силъ, работающихъ теперь въ городахъ. Это очень ясно и совсѣмъ недвусмысленно. Казалось бы, что „Рев. Рос." не могла пройти мимо такого заявленія: казалось бы, что ей слѣдовало обратить серьезное вниманіе на „политическое пріобрѣтенье", унаслѣдованное „Вѣстникомъ Русской Рев." отъ „Партіи Нар. Воли" и рекомендуемое редакціей этого изданія русскимъ революціонерамъ нашихъ дней; казалось бы, наконецъ, что, обративъ на это „пріобрѣтеніе" свое просвѣщенное вниманіе, она должна была отнести „теченіе", выраженное „Вѣстникомъ", къ числу тѣхъ „теченій русской революц.-соціалистической мысли", которыя „категорически отрицали возможность и цѣлесообразность работы въ деревнѣ". Но вышло совсѣмъ иначе. „Шпыняя" соц.-демократовъ, „Рев. Рос." ни однимъ словомъ не обмолвилась о „Вѣст. Русск. Рев.". Почему? Не потому-ли, что ей непріятно было „на себя оборотиться"? Можетъ быть. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же справедливость?

Намъ скажутъ, пожалуй, что редакція „Вѣст. Р. Рев." все таки не совсѣмъ отрицала возможность и цѣлесообразность работы въ деревнѣ": вѣдь она „горячо привѣтствовала однако пропаганду въ деревнѣ со стороны тѣхъ элементовъ, которые самымъ образомъ своихъ занятій прикрѣплены, такъ сказать, къ ней"*). Вѣроятно, на основаніи этого горячаго привѣтствованія редакція „Вѣстника" сочла даже возможнымъ сказать, что „ея отношеніе къ земледѣльческому классу не основано на отрицаніи революціонной дѣятельности въ деревнѣ", хотя „чуждо преувеличенія результатовъ ея при теперешнихъ условіяхъ"**). Читатель подумаетъ, можетъ быть, что именно на этомъ основаніи „Рев. Рос." и не зачислила редакціи „Вѣст." по вѣдомству „тѣхъ теченій русской революціонно-соціалистической мысли, которыя" и проч. и проч. Но въ такомъ случаѣ читатель ошибется. Дѣло въ томъ, что, признавая желательность революціонной пропаганды въ крестьянствѣ со стороны революціонныхъ элементовъ, которые привязаны къ деревнѣ по своей профессіи, редакція „Вѣстника" только повторила, въ 1901 году, то, что сказано было шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ программѣ группы „Освобожденіе Труда", родоначальницы русской соц.-демократіи. Стало быть, съ этой стороны взглядъ „Вѣстника" не отличается отъ взгляда указанной группы. И если ужь миловать редакцію „Вѣстника", то надо было помиловать и группу. А „Рев. Рос." не только не милуетъ этой группы", но кидаетъ въ ея огородъ камушекъ презрительной ироніи, замѣчая, что нѣкоторыя изъ „теченій", сбитыхъ съ толку своими „теоріями и программами", въ лучшемъ случаѣ допускали работу въ крестьянствѣ „лишь для лицъ, силою обстоятельствъ прикрѣпленныхъ къ деревнѣ". Ясно, стало быть, что такое допущеніе не составляетъ въ ея глазахъ даже и самомалѣйшаго смягчающаго обстоятельства. Но тогда почему же

---

*) Вѣстн., кн. 1, назв. статья, стр. 12-13. **) Тамъ же, стр. 13.

вѣрю, но все же, когда произносится это слово, то что-то скребетъ на сердцѣ. Человѣкъ — удивительное существо, онъ больше всего боится страшныхъ словъ. Вотъ и слова „вѣчно“ и „никогда“ имѣютъ какую-то магическую власть надъ его душой, вопреки всѣмъ доводамъ разсудка. Я теперь сижу въ саратовской тюрьмѣ и дожидаюсь утвержденія приговора, такъ какъ, вѣроятно, будетъ еще кассація нашего дѣла, то отправимся въ Сибирь только весной. На поселеніе насъ всѣхъ осуждено семь человѣкъ: четверо мужчинъ и три женщины. Процессъ нашъ длился три дня, и эти три дня, я думаю, навсегда оставятъ глубокій слѣдъ въ моей жизни. Все это время мы жили какой-то особенной жизнью; все время оставались въ страшномъ напряженіи всѣ чувства, когда слѣдили за состязаніемъ сторонъ, потомъ, когда произносились прекрасныя рѣчи защитниками. Вообще, все время этотъ открытый и рѣзкій контрастъ и противоположеніе двухъ лагерей. Даже свидѣтели дѣлились прокуратурой на „нашихъ“ и „вашихъ“, — съ одной стороны, выступили чины полиціи, агенты тайной полиціи и чины жандармеріи, а съ другой — интеллигентная публика — фельдшерицы, статистики, поднадзорные; нѣкоторые свидѣтели были раньше арестованы и приводились подъ конвоемъ въ залу суда. И знаете, какъ хорошо было чувствовать все время, что на нашей сторонѣ правда и свѣтъ, а на той?... она олицетворяется теперь для меня въ образѣ мрачнаго сифилитика, агента тайной полиціи Купріанова, съ отталкивающей физіономіей и съ шипящимъ и свистящимъ голосомъ, и злобнаго жандарма Гринюшина, который сорвалъ на демонстраціи шляпу съ одной дѣвицы и на судѣ со злобой заявилъ, что въ ту пору слѣдовало бы и кофту сорвать, а когда онъ сказалъ, что демонстранты пѣли: „Вставай, подымайся, черный народъ!“, то долженъ былъ перевести духъ отъ душившаго его злопыхательства. И вотъ мнѣ казалось тогда, что и сами судьи (у которыхъ, конечно, еще не совсѣмъ заглохло все человѣческое подъ сословными предразсудками и страхомъ начальства) чувствовали, что мы правы, что, осуждая насъ, они являются поборниками той тьмы, изъ которой выползали Купріановъ, Гринюшинъ. Когда подсудимые стали говорить свои послѣднія слова, я не могла удержаться и сказала, что раздѣляю ихъ убѣжденія. Можетъ быть, за это только меня и осудили, ибо я не была на демонстраціи, и это было доказано свидѣтелями. За одно слово иду на поселеніе, но я не жалѣю и не раскаиваюсь въ этомъ“.

Изъ студенческой жизни. Подъ такимъ заглавіемъ помѣстилъ „Кіевскій Соц.-Дем. Листокъ. № 1“ (изд. Кіев. Ком. Рос. С.-Д. Р. П.) замѣтку о чествованіи памяти Балмашева 4 ноября. „Въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ — читаемъ мы о Политехн. Инст. и Университѣ — въ этотъ день раздавалось революціонное пѣніе. Взволнованное воспоминаніями, студенчество торжественнымъ шествіемъ по старинному зданію Николаевской постройки заставило умолкнуть казенныя лекціи, замалчивающія правду жизни. Шесть студентовъ университета, по желанію министра, преданы за это теперь суду, состоящему изъ ихъ же учителей, подъ предсѣдательствомъ проф. Гуляева, къ тому же и члена Окружнаго Суда. Одинъ изъ судей, проф. Черновъ, допрашивая 25 ноября обвиняемыхъ, ставилъ имъ вопросъ, не пѣли-ли они 4 ноября революціонныхъ пѣсенъ въ пьяномъ видѣ? Вотъ какъ профессора относятся къ лучшимъ чувствамъ своихъ учениковъ. Понятно, что судъ этотъ можетъ повести къ новымъ демонстраціямъ. — Признавая за студенческимъ движеніемъ политическое значеніе, мы предполагаемъ въ нашемъ „Листкѣ“ слѣдить за его развитіемъ въ Кіевѣ и знакомить соц.-демократовъ съ сущностью его. Однихъ, подобно Балмашеву, студенческое движеніе наталкиваетъ на мысль о покушеніи, какъ единственномъ способѣ борьбы съ нашимъ чудовищнымъ самодержавнымъ строемъ; на ту же мысль наталкиваются представители различныхъ классовъ русскаго народа, и покушенія тѣмъ чаще будутъ повторяться, чѣмъ свирѣпѣе и невыносимѣе будетъ становиться гнетъ царскаго правительства. Другіе студенты въ борьбѣ за политическую свободу приходятъ къ увѣренности, что, только примкнувши къ рабочему классу, организованному въ партію, они достигнутъ своей цѣли. Признавая путь политическихъ убійствъ ложнымъ, способнымъ завести русскую революцію въ тупой уголъ отчаяннаго, но геройскаго единоборства съ царизмомъ кучки революціонеровъ, мы считаемъ увлеченіе терроромъ опасной помѣхой для роста соціалдемократіи. — Однако для насъ, с.-демократовъ, чуткій, самоотверженный — революціонеръ Балмашевъ, не видѣвшій иного исхода изъ окружающаго зла, долженъ быть близокъ и понятенъ своею жаждой свободы и справедливости, своею рѣшимостью, своею ненавистью къ угнетателямъ русскаго народа. Этотъ безстрашный мститель вдвойнѣ намъ близокъ, такъ какъ незадолго до покушенія на Сипягина онъ просилъ Кіевскій Комитетъ о принятіи его въ соц.-дем. партію“.

Обращаемъ вниманіе читателей на это послѣднее заявленіе, бросающее нѣкоторый свѣтъ на „спорный“ вопросъ о такъ-наз. „боевой организаціи“ соц.-революціонеровъ.

С.-Петербургъ. На дняхъ здѣсь, въ стѣнахъ дворянскаго собранія, какъ пишутъ, былъ данъ студенческій благотворительный концертъ, окончившійся демонстраціей въ память убитыхъ въ Ростовѣ и станціи Тихорѣцкой. Дѣло было такъ. На эстрадѣ появились студенты и стали пѣть, затѣмъ появилась артистка Яворская, продекламировавшая нѣсколько стихотвореній. Должны были начаться танцы, играла музыка, но она была внезапно заглушена громкимъ, стройнымъ, заунывнымъ, общимъ пѣніемъ „вѣчной памяти“ погибшимъ ростовцамъ и на Тихорѣцкой. Къ этому времени явилось полчище конныхъ жандармовъ и пѣшихъ городовыхъ. Кончилось тѣмъ, что всѣхъ присутствовавшихъ конвоировали и развели по домамъ. Говорятъ, были большіе аресты.

Буржуазное самоуправленіе въ когтяхъ у двуглаваго орла. Русскій царизмъ, всегда подозрительный къ разумнымъ начинаніямъ своихъ „подданныхъ“, относится вдвое подозрительнѣе къ тому, что исходитъ отъ обитателей имперскихъ окраинъ. Между тифлисской городской думой и главноначальствующимъ (нынѣ кн. Голицынъ) идетъ постоянная война, въ которой послѣднее слово („цыцъ“), конечно, всегда остается за помпадуромъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ каждой схватки среди здѣшняго населенія растетъ негодованіе и возмущеніе противъ самодержавныхъ порядковъ.

Школьное дѣло въ Тифлисѣ находилось до сихъ поръ въ рукахъ Училищнаго Комитета, состоящаго при городской Думѣ въ качествѣ довольно самостоятельнаго органа. Введенное „миротворцемъ“, Городовое Положеніе 1892 г. упраздняло Комитеты, какъ независимые отъ городской Управы органы, замѣнивъ ихъ подчиненными Управѣ коммиссіями. Либеральная тифлисская Дума до послѣдняго времени оставляла неизмѣннымъ старый порядокъ. Членъ Управы г. Шестаковъ, одинъ изъ тѣхъ представителей „самоуправленія“, которые дѣлаютъ себѣ карьеру путемъ забѣганія передъ администраціей, вступивъ за смертью головы въ временное исправленіе его должности, счелъ нужнымъ донести кн. Голицыну о незаконномъ существованіи Училищнаго Комитета. Въ бумагѣ, адресованной губернаторомъ Управѣ по этому поводу, значилось: „на основаніи Вашихъ донесеній... предлагается упразднить Комитетъ“. Управа заявила, что она донесеній не дѣлала и передала вопросъ въ Думу. Въ Думѣ произошло бурное засѣданіе, г. Шестакова многіе гласные публично обозвали „доносчикомъ“ и требовали предъявленія текста его донесенія. Г. Шестаковъ отъ этого уклонился и, въ качествѣ предсѣдателя, закрылъ бурное засѣданіе.

По поводу этой исторіи, имѣвшей мѣсто въ сентябрѣ, мѣстная социаль-демокр. группа выпустила прокламацію на армянскомъ и русскомъ языкахъ подъ заглавіемъ: „Самодержавная лапа въ городской думѣ“.

Гродно. Въ здѣшнюю тюрьму привезли изъ Ѳеодоссы 15 человѣкъ политическихъ, участвовавшихъ въ тамошнемъ бунтѣ. Положеніе ихъ отвратительно прямо до ужаса. Тюремное начальство обходится съ ними въ высшей степени грубо; дѣло не обходится безъ издѣвательствъ со стороны сторожей.

Всѣхъ заключенныхъ брѣютъ еженедѣльно; во время процесса бритья сторожа завязываютъ арестантамъ руки за спину и тогда только, убѣдившись, что заключенный не имѣетъ возможности оказывать сопротивленія, приступаютъ къ этой операціи. До сихъ поръ бритье (для политическихъ), сколько намъ извѣстно, не практиковалось даже на этапныхъ пунктахъ по всему сибирскому тракту. Заключенные (преимущественно молодые люди) неоднократно выражали свой протестъ. Ихъ родные заявляли объ этомъ товарищу прокурора и губернатору, но на всѣ заявленія слѣдовалъ одинъ отвѣтъ: Не ваше дѣло насъ учить; мы имѣемъ право (?) брить и брѣемъ. Не мы виноваты, что мальчишкамъ не нравится законъ, дающій намъ на это право.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ (они сидятъ 11 мѣс.) начали голодовку, объявивъ, что перестанутъ голодать только въ случаѣ отмѣны бритья. Въ случаѣ же, если къ нимъ будутъ примѣнены мѣры искусственнаго кормленія, они покончатъ съ собой. Когда объ этомъ доложили помпадуру г. Гродно, то онъ, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, сказалъ: „Что же, въ жизни и смерти воленъ только одинъ богъ“.

Затруднительное положеніе администратора или кто управляетъ въ Россіи. Черниговскій губернаторъ Андреевскій, узнавъ, что въ одномъ изъ уѣздныхъ комитетовъ высказываются очень либерально, шлетъ циркуляръ исправнику, съ приказаніемъ немедленно донести, кто и о чемъ говорилъ. Циркуляръ пришелъ послѣ закрытія засѣданій комитета. Исправникъ поручаетъ своему помощнику собрать нужныя свѣдѣнія. Помощникъ, добродушный хохолъ, поставленный въ затруднительное положеніе, почесавъ затылокъ, только и могъ сказать: „Ну ще его робить, Витте каже, чтобъ увсе казали, Плеве каже, что нельзя, да чего-жъ доси мовчалъ Андреевскій?“

Ставрополь-Кавказскій. Весь ноябрь мѣсяцъ въ мѣстной реальной и классической гимназіи среди воспитанниковъ этихъ учебныхъ заведеній происходило сильное броженіе, которое переполошило не только начальство этихъ учебныхъ заведеній, но доставило не мало „безсонныхъ ночей“ и губернской полицейской администраціи, во главѣ съ мѣстнымъ жандармскимъ ротмистромъ Скальковскимъ. Дѣло началось со слѣдующаго. На квартиру мѣстнаго учителя словесности Россикова было совершено „вооруженное нападеніе“. Стрѣляли холостыми. Этотъ фактъ напугалъ начальство гимназіи настолько, что оно боялось показываться по вечерамъ на улицахъ. Подозрѣніе пало, конечно, на гимназистовъ, такъ какъ Россиковъ не мало испортилъ жизней гимназистовъ своимъ особенно ретивымъ „опеканіемъ“. Лица, напавшія на квартиру педагога, были загримированы и переодѣты. Въ тотъ же день, вечеромъ, были выбиты стекла въ квартирѣ директора гимназіи Мельникова-Разведенкова, въ квартирѣ инспектора Лоріонова, недавно переведеннаго въ Ставрополь изъ Екатеринодара. Кромѣ этого, одного педагога, Коніева, только что окончившаго университетъ и прозваннаго гимназистами „джигитуй нога“, взяли такъ въ этотъ же вечеръ, что онъ недѣли двѣ не показывалъ своихъ „очей“ въ гимназію. Возлѣ бань въ тотъ же вечеръ новобранцы избили четырехъ педагоговъ. Но на этихъ событіяхъ не окончилось броженіе, оно перенеслось въ стѣны гимназій. Такъ, на другой день послѣ описаннаго гимназистами старшихъ классовъ (реальнаго и классическаго отдѣленій) были взяты подъ носомъ у инспектора кондуитные журналы, которые и были сожжены. Объясняютъ происходившее „празднованіемъ годовщины 6 ноября“. Для того, чтобы найти подоплеку описанныхъ событій, я долженъ остановиться подробно на прошлогоднихъ ставропольскихъ гимназическихъ волненіяхъ. Такія волненія неизбѣжны, покуда царитъ бюрократизмъ и самодержавіе, накладывающія и на наши гимназіи специфическую печать зачумленности, вытравливающія изъ школы всякую независимую мысль. Педагоговъ, съ особеннымъ усердіемъ калѣчащихъ мысль и душу своихъ питомцевъ, особенно много въ далекихъ провинціяхъ, гдѣ и даровитый нашъ писатель Антонъ Чеховъ взялъ несомнѣнно своего „человѣка въ футлярѣ“. Такихъ экземпляровъ много и въ ставропольской гимназіи. Достаточно только указать на бывшаго директора гимназіи Гнипова, чтобы придти въ ужасъ отъ того, кого только не назначаетъ въ руководители юношества наше выродившееся самодержавно-бюрократическое правительство, боящееся, какъ огня, всякаго свободнаго слова, всякой свободной мысли.

На Гнипова было нѣсколько покушеній со стороны воспитанниковъ за 25-лѣтнее его правленіе гимназіей. Этотъ циничный представитель катковскаго классическаго режима прилагалъ всѣ свои старанія, чтобы сдѣлать изъ гимназіи военные казармы, а изъ воспитанниковъ „преданныхъ царю и отечеству“ раболѣпныхъ слугъ. Онъ не останавливался ни передъ чѣмъ. Для того, чтобы вытравить изъ гимназіи „душу живу“, онъ часто прибѣгалъ къ трогательному единенію съ представителями жандармскаго застѣнка. Но въ прошломъ 1901 г., когда стѣсненія гимназистовъ дошли до геркулесовыхъ столбовъ, особенно живущихъ въ пансіонѣ, старшіе классы гимназіи рѣшили протестовать. Дѣло было осенью. Гимназистовъ, какъ пансіонеровъ, такъ и приходящихъ, Гниповъ рѣшилъ совершенно не пускать въ театръ, а пансіонеровъ кромѣ того въ отпускъ, такъ какъ де они „на свободѣ“ набираются „преступныхъ идей“. Боязнь „крамольныхъ идей“ особенно усилилась у Гнипова послѣ того, какъ онъ узналъ черезъ своихъ фискаловъ, что въ гимназіи читаются революц. изданія и послѣ того, какъ въ седьмомъ классѣ послѣ ухода изъ классовъ былъ найденъ № 1 „Искры“, ходившей, какъ говорятъ, во время уроковъ по рукамъ. Гниповъ рѣшилъ „пресѣчь крамолу“ посредствомъ замуравливанія въ четырехъ стѣнахъ гимназіи своихъ воспитанниковъ. Но воспитанники рѣшили протестовать. Къ этому еще присоединились и другія стѣсненія. Всѣхъ водили гулять по парамъ, подъ неослабнымъ наблюденіемъ педелей и благонадежныхъ учителей, имѣющихъ „сыскной образъ мыслей и нюхъ“. Въ отпускъ изъ пансіона пускали только тѣхъ, кто имѣлъ родныхъ, а остальныхъ пускали только въ праздники на 1 часъ по 4 человѣка изъ класса по алфавиту. Въ театръ, какъ я сказалъ, запретили всѣмъ ходить. Особенно противъ театра возсталъ законоучитель, очень ехидный попъ, котораго даже изъ семинаріи прогнали за тайную продажу казенныхъ сухарей и по этой причинѣ его прозвали „сухарникомъ“. Чтобы отвлечь отъ театра, попъ этотъ, Петръ Руткевичъ, совѣтовалъ директору подъ праздники устраивать чтенія „божественнаго характера“. Помимо этого пансіонеровъ кормили какой-то дрянью: картофель, напримѣръ, терялъ свой природный запахъ и получалъ запахъ стеарина. Тараканы, мухи и тому подобныя насѣкомыя въ пищѣ — это обыкновенная вещь. Жизнь въ гимназическомъ пансіонѣ превратилась въ цѣлую систему исправительныхъ испытаній, каждый шагъ регламентировался цѣлой сѣтью заведенныхъ шпіоновъ, какъ въ пансіонѣ изъ среды воспитанниковъ, такъ и за стѣнами гимназіи. „Сердечное попеченіе“ выразилось въ томъ, что Гниповъ, желая „идти рука объ руку съ родителями“, предложилъ имъ взять на себя обязанности шпіоновъ, такъ какъ де для осуществленія „сердечнаго попеченія“ не хватаетъ педелей. Словомъ „сердечное попеченіе“ здѣсь приняло форму усовершенствованнаго сыска и ежевыхъ рукавицъ, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать.

Собравшись вмѣстѣ, гимназисты выработали форму протеста противъ хлынувшей на нихъ волны „сердечныхъ попеченій“. Они потребовали на поданной Гнипову бумагѣ: чтобы отпусками пользовались всѣ каждый день отъ обѣда до первыхъ занятій т. е. отъ 4 до 6 час. вечера, безъ педелей и дядекъ, и въ праздники на цѣлый день, чтобы пользованіе театромъ не было обставлены никакими „усмотрѣніями начальства“, а было доступно всякому гимназисту безъ разрѣшенія на это начальства. А чтобы устранить злоупотребленія на кухнѣ, гимназисты потребовали присутствія въ кухнѣ выборныхъ изъ своей же среды. Всѣ эти требованія и еще нѣсколько другихъ подали директору Гнипову 1 ноября 1901 г. Прошла недѣля, а отвѣта все нѣтъ, какъ нѣтъ. Тогда 6 ноября всѣ старшіе классы собрались въ сборный залъ и потребовали для объясненія къ себѣ директора Гнипова. Директоръ вышелъ, но остался около двери учительской. Дальше Гниповъ не рѣшался подойти, а передалъ черезъ инспектора, что разговаривать съ „бунтовщиками“ не будетъ. Въ это время кто-то изъ гимназистовъ закричалъ, что Гниповъ назвалъ ихъ толпой негодяевъ. Не долго думая, кто-то изъ толпы бросилъ камень въ окно, послѣ чего начался настоящій разгромъ гимназическаго зала. Все это продолжалось до 2 час. ночи. Испуганный директоръ и педагоги на другой день дали знать полиціи и жандармеріи, которые начали „сыскъ“ по всѣмъ правиламъ застѣночнаго искусства, съ цѣлью найти „корни и нити“. Между тѣмъ безпорядки въ гимназіи все продолжались и принимали угрожающій характеръ. Тогда телеграммой былъ вызванъ попечитель Кавказскаго Округа Завадскій, который и приказалъ удовлетворить требованія гимназистовъ. Искали подстрекателей „со стороны“, но неудачно, поиски были основаны на песцѣ. Послѣ отъѣзда Завадскаго, безпорядки не прекращались, такъ какъ Гниповъ гнулъ свою линію: онъ пользовался благоволеніемъ свыше и прерогативами, какъ самый опытный и нужный педагогъ-инквизиторъ. Гимназисты стали ему бить окна, тогда Гниповъ сдался, удовлетворилъ требованія, но за то самъ бѣжалъ ночью изъ Ставрополя неизвѣстно — куда. Исчезновеніе директора произвело въ городѣ сильное впечатлѣніе. Оказалось потомъ, что онъ подалъ въ отставку, не имѣя силъ дальше бороться съ гимназической „крамолой“. Послѣ него гимназисты было вздохнули свободно, тѣмъ болѣе, что намѣстникъ Гнипова былъ подъ вліяніемъ Ванновскаго. Но потомъ, когда пошли другія вѣянія, то новый директоръ вспомнилъ „гниповское время“ и сталъ прибирать возжи къ рукамъ довольно круто. И вотъ гимназисты 6 ноября этого года вспомнили также и свой прошлогодній протестъ.

Харьковскій союзъ учащихся прислалъ намъ свою прокламацію „Ко всѣмъ учащимся среднихъ учебныхъ заведеній

щадитъ она „Вѣст. Рус. Рев.“? Не потому-ли, что она предпочитаетъ „считать кумушекъ“? Очень на то похоже!

Правда, въ эпоху появленія первой книжки „Вѣст. Русской Революціи“ этотъ журналъ еще не былъ оффиціальнымъ органомъ „соціалистовъ-революціонеровъ“. Его объявили таковымъ лишь впослѣдствіи. Но впослѣдствіи его редакція нигдѣ и ничего не сообщала своимъ читателямъ о томъ, что она измѣнила свой взглядъ на „политическое пріобрѣтеніе“, сдѣланное „Партіей Нар. Воли“. Приходится думать, поэтому, что она и теперь очень дорожитъ имъ. А изъ этого слѣдуетъ, что ее и до сихъ поръ надо относить къ числу тѣхъ „теченій“, которыя такъ строго осуждаются „Рев. Рос.“ за ихъ отрицательное отношеніе къ деревнѣ.

Это — довольно интересный выводъ. А еще болѣе интересенъ слѣдующій. „Рев. Рос.“, говоритъ, что „Партія соц.-революціонеровъ и тѣ организаціи, которыя объединились съ ней, всегда (курсивъ „Рев. Рос.“) ставили одной изъ основныхъ задачъ своей дѣятельности — революціонизированіе деревни“. Теперь оказывается, что это неправда, по крайней мѣрѣ, въ примѣненіи къ той группѣ, которой принадлежалъ починъ изданія „Вѣст. Рус. Рев.“: эта группа, очевидно, никогда (курсивъ нашъ) не относила работы въ крестьянствѣ къ числу „основныхъ задачъ“ своей дѣятельности. Такъ пишутъ исторію!

Но и это еще не все. Если писанная исторія отличается подчасъ нѣкоторыми странностями, то дѣйствительная исторія идетъ иногда совершенно невѣроятными путями, какъ это было засвидѣтельствовано еще покойнымъ Тихомировымъ въ покойномъ „Вѣст. Нар. Воли“.

Указывая на извѣстное намъ „политическое пріобрѣтеніе“, сдѣланное „Нар. Вол.“, редакція „Вѣст. Рус. Рев.“ утверждала, какъ мы видѣли, что и до сихъ поръ — т. е. до іюля 1901 года — „не произошло здѣсь (т. е. въ деревнѣ) ничего существенно новаго, что заставило бы насъ отказаться отъ такого взгляда“, т. е. отъ того же „пріобрѣтенія“. Не видя этого новаго, она думала, что не цѣлесообразно отдѣлять часть революц. силъ на пропаганду въ деревнѣ. А новое, оказывается, давно уже было. Соц.-революціонеры, — какъ мы узнаемъ это изъ „Рев. Рос.“, — дѣятельно работали въ крестьянской средѣ. „Во многихъ мѣстахъ отзывчивость крестьянъ превосходила самыя смѣлыя надежды революціонеровъ“. И скоро „обнаружилось, что работа въ деревнѣ требуетъ болѣе широкой постановки, которая была уже не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ и кружкамъ“, и потому „идея о необходимости и неотложности работы въ крестьянствѣ охватывала все большіе круги революціонныхъ дѣятелей, не удовлетворявшихся соц.-демократической постановкой вопроса“. А редакція „Вѣст. Рус. Рев.“ ровнехонько ничего объ этомъ не знала! Развѣ это не поразительно? И впослѣдствіи, когда „Вѣстникъ“ сдѣлался органомъ „Партіи соц.-революціонеровъ“, его редакція не сочла нужнымъ открыто покаяться въ томъ, что она совершенно даже и не подозрѣвала столь плодотворной дѣятельности тѣхъ самыхъ элементовъ, изъ соединенія которыхъ составилась ея новая партія. Развѣ это не изумительно?!

Но извѣстно, что невѣжество — вовсе не доказательство. Если редакція „Вѣст. Рус. Рев.“ ничего не знала о засвидѣтельствованныхъ „Рев. Рос.“ и по истинѣ невѣроятныхъ успѣхахъ соц.-революціонеровъ въ крестьянской средѣ, то успѣхи эти все таки существовали — развѣ „Вѣст. Р. Р.“ осмѣлится усомниться въ этомъ? — и росли не по днямъ, а по часамъ. Со времени объединенія соц.-рев. въ одну партію дѣло пошло по истинѣ гигантскими шагами. Въ качествѣ увѣнчанія зданія возникъ недавно „Крестьянскій Союзъ“, опубликовавшій воззваніе: „Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи“, чрезвычайно замѣчательное тѣмъ, что оно написано слогомъ передовыхъ статей „Р. Р.“. Это важное обстоятельство „ярко“ доказываетъ, что упомянутыя статьи производятъ на крестьянскіе умы не только сильное, но прямо неизгладимое впечатлѣніе. И это, разумѣется, прекрасно. Но плохо то, что, ослѣпленная невѣроятными успѣхами своей партіи, „Рев. Рос.“ совсѣмъ, какъ видно, позабыла исторію революціонной мысли въ Россіи.

Мы напомнили ей эту исторію, поскольку она касается „Партіи Нар. Воли“, и группы, начавшей изданіе „Вѣстника Рус. Рев.“. Мы скоро напомнимъ ей и исторію отношеній къ „земледѣльческому классу“ русской соц.-демократіи. Но предварительно намъ нужно опредѣлить, въ чемъ именно понятіе: пролетарій отличается отъ понятія: крестьянинъ. Такое выясненіе необходимо именно затѣмъ, чтобы мы могли точнѣе опредѣлить наши практическія задачи въ крестьянствѣ.

Харькова“ (сент. 1902 г.) и три номера „Летучаго Листка“ вмѣстѣ съ слѣд. письмомъ: „Въ маѣ мѣсяцѣ 1902 г. было издано и распространено въ довольно большомъ количествѣ воззваніе съ призывомъ къ устройству ученическихъ организацій среднихъ школъ, какъ безусловно необходимаго противодѣйствія губительному вліянію школьной жизни. Воззваніе это было подписано „Организаціонный кружокъ харьковскихъ учащихся“. Съ начала настоящаго учебнаго года кружокъ этотъ дѣятельно принялся за устройство предполагаемой имъ организаціи и, встрѣтивъ со стороны многихъ своихъ товарищей очень сочувственное отношеніе къ затѣваемому дѣлу, быстро привлекъ къ себѣ довольно многочисленныя силы. Въ настоящее время эта организація, принявшая названіе „Харьковскаго Союза Учащихся“, объединяетъ дѣятельность значительнаго количества кружковъ и всѣ средне-учебныя заведенія г. Харькова. Союзъ выпустилъ три номера „Летучаго Листка“, за ноябрь и декабрь мѣсяцы, изъ которыхъ каждый расходился въ количествѣ 400-500 экз. Въ № 2 помѣщена выработанная Союзомъ программа его дѣятельности, или вѣрнѣе, направленія его дѣятельности. Констатируя, въ конечномъ результатѣ, значительные успѣхи, которыхъ ему удалось достигнуть, Союзъ не можетъ не упомянуть о томъ сочувственномъ отношеніи и поддержкѣ, которыя онъ встрѣтилъ со стороны мѣстныхъ революціонныхъ организацій. Союзъ приноситъ свою искреннюю благодарность всѣмъ, оказавшимъ ему помощь въ трудномъ для него сначала дѣлѣ, и надѣется, что эта помощь не пропадетъ даромъ. Союзъ приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы выработать изъ своихъ членовъ убѣжденныхъ и стойкихъ борцовъ за идеи соціализма“.

Изъ статьи № 2 „Листка“ „Наша программа“ отмѣтимъ слѣд. вполнѣ справедливое, мѣсто: „Намъ, товарищи, надо держаться съ величайшей осторожностью и хранить всѣ дѣла въ Союзѣ въ строгой тайнѣ. Наша работа исключительно подготовительная“... Отъ души желаемъ успѣха „Союзу“ въ этой серьезной работѣ. Въ № 3 „Листка“ сообщается о глупомъ и позорномъ фактѣ исключенія ученика VI кл. Иваницкаго, который „оказался, къ величайшему нашему удивленію (пишетъ „Союзъ“), редакторомъ „Листка“!!! Сознавая свой промахъ, педагоги-сыщики (ярость ихъ по поводу удачнаго выхода и распространенія „Листка“ безгранична) обѣляютъ себя въ глазахъ общества тѣмъ, что Иваницкаго, молъ, не „уволили“, а „посовѣтовали“ (!) ему выйти изъ гимназіи“.

Владикавказъ. Почти одновременно съ празднованіемъ протеста 6 ноября въ ставропольской гимназіи, во Владикавказѣ, въ реальномъ училищѣ, учащіеся также обнаружили тенденцію къ протесту. Такъ въ началѣ ноября они разгромили весь пансіонъ, разнесли все въ стѣнахъ училища и все повыкидывали на улицу. Мебель, стекла — все перебито. Директоръ училища, какъ говорятъ, застрѣлился (? Ред.). Причины волненій во владикавказскомъ реальномъ училищѣ: сырое бѣлье пансіонерамъ, отвратительная пища и скверное обращеніе съ учащимися.

Одесса. У насъ недавно былъ провалъ въ трактирѣ „Орлѣ“ (что на углу Б.-Арнаутской и Треугольной улицъ). Арестовано 19 чел. Имена всѣхъ пока не извѣстны, кромѣ одного, Айзенберга (интел.), при которомъ найдены были революціонныя рукописи. При всѣхъ остальныхъ найдена нелегальная литература, приблизительно, какъ говорятъ, около десяти фунтовъ. Всѣ арестованы. Трактиръ закрытъ. — Арестованъ Кричевскій (инт.). При немъ найдено 120 экз. брошюръ Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ“. Обыскъ и арестъ случайный. Въ томъ домѣ, гдѣ лежала литература, произошла кража у околодочнаго надзирателя, живущаго тамъ же. Надзиратель началъ обыскивать всѣхъ жильцовъ дома. Кричевскій, желая спасти литературу, обложилъ себя всѣми 120 экз. Дикштейна и вышелъ со двора. Это замѣтилъ дворникъ и при первомъ городовомъ арестовалъ его. Кричевскій боленъ чахоткой; говорятъ, что онъ не въ силахъ подняться съ койки, — до того его положеніе плохо.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Саратовъ (изъ частнаго письма). ...„Здѣсь происходитъ теперь сессія Саратовской Суд. Палаты, которая разбираетъ нѣкоторыя интересныя дѣла. Между прочимъ, 16-го разбирается дѣло по обвиненію 15 крестьянъ д. Федоровки, Кирсановскаго уѣзда, въ томъ, что они силой попытались воспрепятствовать исполненію судебнаго приговора надъ ихъ одноообщественникомъ Цидиленковымъ. По приказу министра юстиціи дѣло это слушается при закрытыхъ дверяхъ, слѣд., въ печать объ этомъ ничего не попадетъ. Въ немъ есть нѣкоторыя любопытныя подробности. Въ двухъ словахъ, суть въ слѣдующемъ. Среди земли, принадлежащей федоровцамъ, есть кусокъ въ 70 дес., принадлежащій княг. Барятинской. Землю эту крестьяне арендовали у княгини. Почему-то вышло такъ, что нѣсколько лѣтъ подрядъ они пользовались этой землей, но обычной платы въ въ видѣ земледѣльческихъ работъ (барщина!) не давали. Среди нихъ распространилась мысль, что земля эта принадлежитъ имъ, а княгиня владѣетъ ею неправильно. Началось у нихъ съ княгиней судебное дѣло, которое, конечно, было крестьянами проиграно. Повѣренными крестьянъ были Цидиленковъ и Гаврюшкинъ. Въ одной изъ бумагъ, которыя они подали въ судъ, они употребили невѣжливыя выраженія, вродѣ того, что назвали одного судью глупымъ. За это Гаврюшкинъ и Цидиленковъ были преданы уголовному суду за оскорбленіе и приговорены къ ничтожному наказанію — не болѣе двухъ недѣль ареста. Но до этого суда и безъ всякаго суда ихъ постигла большая непріятность: кирсановскій исправникъ рѣшилъ, что эти повѣренные — люди опасные, могущіе произвести смуту и волненія. Результатомъ этого рѣшенія вышло то, что оба они были высланы административнымъ порядкомъ въ Балашовъ. Цидиленковъ былъ отправленъ туда этапнымъ порядкомъ изъ Петербурга, куда онъ отправился хлопотать по дѣлу своихъ одноообщественниковъ. Послѣ того, какъ состоялся надъ повѣренными уголовный судъ, они ушли къ себѣ въ деревню, и крестьяне рѣшили не выдавать ихъ, по всей вѣроятности, зная, что, кромѣ двухъ недѣль ареста, имъ предстоитъ еще административная ссылка. Исправникъ же, чтобы захватить ихъ и сослать, рѣшилъ воспользоваться состоявшимся надъ ними приговоромъ объ арестѣ и внушалъ крестьянамъ, что Цидиленковъ и Гаврюшкинъ должны отбыть наказаніе, наложенное на нихъ по суду, и чтобы, поэтому, ихъ выдали. Но крестьяне упорствовали. Послѣ долгихъ убѣжденій Гаврюшкинъ, наконецъ, согласился подвергнуться аресту и ссылкѣ. Цидиленкова же три раза безуспѣшно пытались арестовать: всякій разъ крестьяне собирались толпой и прогоняли урядниковъ. Наконецъ, имъ удалось обманомъ, при помощи „рѣшительныхъ людей, т. е. мелкихъ воришекъ“ (по выраженію урядника) захватить Цидиленкова. На время до отхода поѣзда (дѣло происходитъ около станціи Краснослободскъ) урядники помѣстили Цидиленкова въ домѣ управляющаго на хуторѣ Барятинской. Крестьяне деревни Федоровки моментально узнали объ этомъ и, собравшись толпой чел. въ сто, явились на хуторъ, потребовали освобожденія и, когда урядники медлили, стали ломать окна, кидать полѣньями и т. д. Урядники испугались и выпустили Цидиленкова, котораго крестьяне съ пѣснями и криками „ура“ повезли съ торжествомъ къ себѣ. Черезъ недѣлю въ Федоровку прибылъ губернаторъ съ двумя ротами солдатъ и, послѣ долгихъ и напрасныхъ убѣжденій, арестовалъ человѣкъ 15 „зачинщиковъ“ и Цидиленкова. Крестьяне объявили, что они всѣ освобождали и защищали Ц. и требовали, чтобы арестовали ихъ всѣхъ. Исправникъ обѣщалъ имъ это, но когда изъ толпы вышли вызванные по именамъ „зачинщики“, то они были схвачены солдатами и отведены, а толпа разогнана.

„У насъ теперь новый губернаторъ, который производитъ на всѣхъ весьма „отрадное“ впечатлѣніе... Въ рѣчи, обращенной къ собраннымъ имъ земскимъ начальникамъ, онъ, говорятъ, рекомендовалъ примѣнять тѣлесныя наказанія къ крестьянамъ, при чемъ уподобилъ ихъ разнаго рода лошадямъ: англійскую лошадь нельзя бить, а битюга можно и слѣдуетъ. Такъ и среди крестьянъ есть разные сорта. Нельзя ставить на одну доску зажиточнаго, почтеннаго крестьянина, у котораго, можетъ быть, дѣти учатся въ гимназіяхъ, который можетъ ссужать деньгами и является истинной опорой порядка, смѣшивать ихъ съ бѣднотой, которая такъ и вожделѣетъ кого-нибудь ограбить изъ состоятельныхъ...“

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. Городъ нашъ въ настоящее время принялъ уже свой обычный видъ. Стачка окончилась, работы производятся повсюду. Изъ требованій, выставленныхъ рабочими во время забастовки, удовлетворены самыя ничтожныя. Смѣнили только двухъ мастеровъ Вицкевича и Чернявскаго, доктора Попова, расширили проходную будку въ мастерскія. Не смотря на это, а также на жестокія репрессіи, которымъ подверглись забастовщики во время стачки и послѣ нея (масса изъ нихъ была выслана этапнымъ порядкомъ изъ Ростова), настроеніе среди рабочихъ въ высшей степени приподнятое. Сознаніе моральной побѣды, а также необходимости сильной политической организаціи окрыляетъ болѣе передовую часть рабочихъ. Остальная часть массовыхъ рабочихъ также разбужена стачечными событіями, которыя воочію показали, что сила рабочихъ — въ ихъ организованности. Послѣднія событія всколыхнули и наше обывательское болото. Администрація выбита изъ своей позиціи и до сихъ поръ не можетъ оправиться. Хотя стачечныя событія и закончились, но администрація все ждетъ ихъ осложненій: такъ, здѣсь и до сихъ поръ живутъ солдаты желѣзнодорожнаго батальона, въ вагонахъ; ихъ пригнали сюда на работу, боясь полнѣйшаго застоя. 6 декабря здѣсь на парадѣ присутствовалъ знаменитый фонъ-Валь со своей свитой. По окончаніи всей процедуры, онъ обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ обывателямъ о томъ, что они не должны были принимать такого близкаго участія въ „бунтѣ“ и выражать свои симпатіи „бунтовщикамъ“. Этотъ царскій сатрапъ выразилъ дальше свое удивленіе по поводу того извѣстнаго факта, что жители Ростова „подданные царя“, не смотря на то, что подъ каждымъ листкомъ было напечатано „долой самодержавіе!“ давали деньги и оказывали всякую помощь бунтовавшимъ. „Этого“, молъ „не слѣдуетъ больше дѣлать“, такъ какъ „мы, т. е. я (фонъ-Баль) и всѣ вѣрные царю, не въ силахъ будемъ справиться съ „крамолой“, если только ее будетъ поддерживать самъ же обыватель.“ Такъ поучалъ фонъ-Валь на парадѣ 6 декабря своихъ „вѣрноподданныхъ“, предлагая имъ свой союзъ для борьбы съ „бунтовщиками“.

Вообще симпатіи обывателей къ стачечникамъ страшно обезкуражили администрацію, какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Питерѣ и фонъ-Валь, очевидно, былъ подосланъ фонъ-Плеве въ Ростовъ со спеціальной цѣлью выразить „высочайшее неудовольствіе“ жителямъ, осмѣлившимся поддерживать „внутреннихъ враговъ“. „Высочайшіе выговоры“, какъ извѣстно, теперь въ модѣ...

Извѣстно также, куда жандармы, туда и попы. Такъ, попъ на Темерникѣ, очевидно, чтобы подслужиться, подогрѣваемый свыше вздумалъ въ церкви также обличать крамолу. Онъ сталъ всячески чернить и забрасывать грязью рабочихъ, осмѣлившихся требовать себѣ правъ и лучшей доли въ жизни. Рѣчь его была встрѣчена глухимъ ропотомъ и онъ сократился, не сталъ дальше пытаться „обличать“. Во всякомъ случаѣ такіе попы намъ на руку, они открываютъ глаза и постороннимъ людямъ на безправное положеніе русскаго народа.

Л-й.

Одесса. Въ нашемъ городѣ въ послѣднее время подвергаются большому обсужденію обывателей, — по преимуществу бѣдняковъ, — коренныя реформы у извѣстнаго одесскаго чаеторговца Высоцкаго. Этотъ „столпъ промышленности“ задумалъ и выполнилъ весьма остроумный планъ дѣйствія, чтобы избавиться отъ сознательныхъ рабочихъ, освободиться разъ и навсегда отъ стачекъ и требованій увеличенія заработной платы. Высоцкій считается у насъ за одного изъ самыхъ юркихъ дѣльцовъ, умѣющаго кого угодно обернуть вокругъ пальца да еще такъ, что онъ, Высоцкій, всегда выйдетъ не только сухъ изъ воды, но пріобрѣтетъ еще славу отца-благодѣтеля „труждающихся и обремененныхъ“. Такъ и въ этотъ разъ. Онъ рѣшилъ замѣнить всѣхъ рабочихъ въ разсыпочномъ отдѣленіи дѣвочками-подростками не старше 15 лѣтъ. Уволенные рабочіе получали небольшое вознагражденіе сверхъ жалованья, но за это они принуждены были давать подписку, что никакихъ претензій не имѣютъ на своего „хозяина“ за этотъ неожиданный разсчетъ. Это увольненіе рабочихъ произвело на нихъ удручающее впечатлѣніе. Перспектива безработицы, а стало быть и голода для себя и для семьи, — достать работу особенно по чайному дѣлу у насъ теперь очень трудно, — повергла нѣкоторыхъ въ полное отчаяніе и двое изъ уволенныхъ покончили съ собой: одинъ повѣсился, а другой распоролъ себѣ животъ ножемъ. Вотъ одна сторона „реформы“ Высоцкаго. Другая же заключается въ томъ, что вся еврейская бѣднота, которая здѣсь, особенно въ послѣдніе годы благодаря кризису и застою въ дѣлахъ, дошла до невѣроятныхъ размѣровъ, бросилась въ объятія алчнаго Высоцкаго и привела къ нему толпы своихъ дѣтей — дѣвочекъ, начиная съ 12 лѣтъ. Высоцкій даетъ имъ нищенское жалованье въ 7 руб. въ мѣсяцъ и кромѣ того обѣщаетъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ службы, — кажется десяти, — выдавать 200 руб. на приданое. Эти обѣщанія столь заманчивы, что, повторяю, дѣти повалили валомъ со всѣхъ сторонъ къ Высоцкому. Конкурренція такъ велика, что Высоцкій имѣетъ возможность дѣлать тщательный выборъ. Ребенокъ разсматривается со стороны здоровья, чистоплотности, аккуратности въ одеждѣ и даже со стороны образованія. Теперь принимаютъ только со свидѣтельствомъ объ окончаніи народнаго, а то и четырехкласнаго училища. Мнѣ извѣстна одна еврейская школа, образцово поставленная, гдѣ дѣтямъ выдаютъ безплатно пищу, одежду, лекарство, безплатно обучаютъ какъ общимъ предметамъ, такъ и ремеслу, и вотъ эта то школа пользуется особеннымъ „покровительствомъ“ Высоцкаго: онъ принимаетъ изъ нея дѣвочекъ даже не окончившихъ полнаго курса, „безъ аттестата“. Соблазнъ заработка такъ великъ, а нищета и нужда такъ безисходны, что изъ этой школы уже взяты родителями двадцать восемь дѣвочекъ и отданы на эксплуатацію „благодѣтельному“ Высоцкому. И вотъ вмѣсто того, чтобы получить болѣе или менѣе сносное образованіе, аттестатъ, дающій права на повсемѣстное учительство въ Россіи — (огромное право для еврейскаго пролетарія!) — эти несчастныя дѣвочки вытащены Высоцкимъ изъ училища, будутъ подвергнуты жестокой эксплуатаціи и черезъ 3-4 года, несомнѣнно, какъ „износившіяся“, ничего не знающія, ни къ чему не годныя, больныя и изнуренныя, — будутъ выкинуты этимъ „благотворителемъ“-капиталистомъ на улицу...

Какъ читатель видѣлъ выше, „благотворительность“ Высоцкаго уже повлекла за собой самоубійство двухъ кормильцевъ семей, и эти ужасные случаи не были опубликованы въ одесскихъ легальныхъ газетахъ, благодаря содѣйствію нашего директора института дворниковъ — графа П. П. Шувалова, передъ которымъ Высоцкій всячески угодничаетъ.

Кіевъ. (Изъ „Кіевскаго Соц.-Дем. Листка“, № 1.). Положеніе типографскихъ рабочихъ. Въ настоящее время въ средѣ типографскихъ рабочихъ наступило временное затишье. Не смотря на то, что условія труда въ большей части кіевскихъ типографій крайне неудовлетворительны, въ виду непомѣрной длины рабочаго дня и низкой платы, — притѣсненія хозяевъ не встрѣчаютъ со стороны рабочихъ надлежащаго отпора. Мало того, недостатокъ товарищества и готовности начать борьбу сказался на дняхъ хотя бы въ томъ, что 12 кіевскихъ типографщиковъ поѣхали въ Житоміръ, по приглашенію владѣльцевъ житомірскихъ типографій, для того, чтобы замѣнить забастовавшихъ тамъ рабочихъ (см. особ. листокъ ком.). Причиной такого затишья и отсутствія дружнаго товарищества среди кіевскихъ типографщиковъ являются, отчасти, преслѣдованія правительства. Произведенные этой осенью аресты рабочихъ собраній въ Голосѣевскомъ лѣсу и на Кожемякской улицѣ, видимо, не прошли безслѣдно. Лишь организовавшись и примкнувъ къ соц.-демократической партіи, типографщики, какъ и всѣ рабочіе, получатъ возможность дружно отстаивать свои права противъ посягательствъ хозяевъ и начать борьбу съ правительствомъ, которое стоитъ имъ на пути къ лучшей жизни.

Кіевъ (изъ „Кіевскаго С.-Д. Листка“, № 1). Положеніе рабочихъ во многихъ переплетныхъ мастерскихъ совершенно невозможное; такъ, напр., въ переплетной Панько, нанимая рабочихъ, уславливаются съ ними на одинъ мѣсяцъ, но черезъ недѣлю отказываютъ въ работѣ. Обращеніе съ рабочими ужасное: въ переплетной Кушнарева работаютъ на одинъ часъ больше положеннаго, помѣщеніе для 10 чел., работаютъ же въ немъ 18, плата не во время. Въ другихъ переплетныхъ мастерскихъ положеніе рабочихъ также невыносимо. Много безработныхъ среди мастеровъ, такъ какъ повсюду работаетъ много мальчиковъ, — по 18-20 час. въ сутки. Нечего и говорить, что недавно опубликованныя Кіевскимъ губернаторомъ Треповымъ правила о 10-часовомъ рабочемъ днѣ нигдѣ не исполняются. Да оно и понятно, такъ какъ единственной цѣлью ихъ изданія было, очевидно, желаніе губернатора выказать лицемѣрную заботливость о рабочихъ для предупрежденія ихъ недовольства. Ближайшимъ же поводомъ ихъ опубликованія была стачка портныхъ. Г. Трепову не мѣшало бы вспомнить, все-таки, что даже градоначальникъ города Глупова руководствовался мудрымъ правиломъ: „всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять“.

Черниговъ. Стачка портныхъ въ г. Нѣжинѣ, о которой было сообщено въ № 27 „Искры“, окончилась побѣдой рабочихъ. Моментъ для стачки былъ выбранъ очень удачно: сезонъ заказовъ побудилъ нѣкоторыхъ хозяевъ уступить немедленно; другіе же хозяева, подождавъ нѣкоторое время въ надеждѣ, что полиція имъ поможетъ, также въ концѣ концовъ должны были уступить требованіямъ рабочихъ. Сочувствіе публики было на сторонѣ рабочихъ. Поступили со стороны пожертвованія въ пользу стачечниковъ. Между прочимъ, въ числѣ пожертвованій изъ Чернигова поступило 10 руб. „отъ офицера“. Среди стачечниковъ обращали на себя вниманіе двѣ нѣмыя работницы, съ большою охотою и энергіей примкнувшія къ забастовавшимъ. Разсказываютъ, что эти нѣмыя проявили необычайный интересъ къ стачкѣ и вообще къ дѣлу забастовавшихъ рабочихъ. Возбужденіе и повышенное настроеніе, проявлявшіяся во время стачки среди рабочихъ-портныхъ г. Нѣжина, передались и этимъ двумъ работницамъ, обиженнымъ природой... Стачка была ведена самими рабочими. По словамъ рабочихъ, тамъ сильно чувствуется отсутствіе интеллигентнаго руководителя. Требуется агитаціонная литература, а ея какъ разъ въ городѣ и нѣтъ.

Тифлисъ. Въ концѣ августа здѣсь бастовали рабочіе механической обуви Адельханова. Поводомъ послужилъ вычетъ изъ заработной платы, произведенный за „самовольное“ празднованіе рабочими одного праздника. Въ сентябрѣ забастовали рабочіе табачной фабрики Базарджьянца. Причина стачки неизвѣстна.

Въ сентябрѣ же была стачка портныхъ, занятыхъ въ пяти главныхъ здѣшнихъ мастерскихъ дамскаго платья. Рабочіе — въ числѣ 130 (грузины и армяне) — одновременно пріостановили работу, предъявивъ мастерамъ рядъ точно формулированныхъ требованій. Главными изъ нихъ были: установленіе постоянныхъ расцѣнковъ, распредѣленіе работы между всѣми рабочими такъ, чтобы холостымъ былъ обезпеченъ еженедѣльный минимумъ въ 4, а женатымъ въ 5 руб.; болѣе правильное распредѣленіе работы между „сезоннымъ“ и „мертвымъ“ временемъ, такъ чтобы на послѣднее время было перенесено производство „готовыхъ“ платьевъ и, наконецъ, обязательство не увольнять рабочаго безъ предупрежденія за 2 недѣли. Рабочіе проявили большую солидарность и держались три недѣли. Въ концѣ концовъ хозяева уступили по всѣмъ пунктамъ, настоявъ только на томъ, чтобы обязательство о предупрежденіи за 2 недѣли о нарушеніи договора было принято на себя и рабочими.

Стачкой портныхъ руководили Комитетъ Партіи и армянская соціаль-демокр. группа, позднѣе вступившая въ комитетъ.

Тифлисъ. Послѣдніе мѣсяцы у насъ въ Тифлисѣ ознаменовались цѣлымъ рядомъ покушеній выведенныхъ изъ терпѣнія рабочихъ на старшихъ мастеровъ. Читателямъ нашимъ уже извѣстна достойная казнь начальника Закавказскихъ жел. дор. Веденѣева. До сихъ поръ лицо, убившее его, не разыскано, не смотря на всѣ старанія мѣстной полиціи. Достойный замѣститель его, инженеръ Ивановскій, началъ свою дѣятельность съ того, что приказалъ ограничить пріемъ на службу по желѣзной дорогѣ женщинъ и, если возможно, то вытѣснить женщинъ изъ наличнаго состава. Второй мѣрой, не уступающей первой по своей культурности, было ограниченіе въ пріемѣ въ мастерскія желѣзной дороги рабочихъ-кавказцевъ и запрещеніе назначать ихъ на должность старшихъ мастеровъ.

Боясь подвергнуться участи своего блаженной памяти предшественника, Ивановскій пытался расположить къ себѣ мѣстныхъ рабочихъ жалкими подачками въ видѣ проведенія водопроводовъ на заводы и прочихъ мелочей. Однако, эти жалкія палліативы не возымѣли желаннаго дѣйствія.

Возмущенные самодурнымъ произволомъ старшихъ мастеровъ и администраціи, рабочіе послали предостерегающія письма наиболѣе отличавшимся самодурамъ. Однако это не подѣйствовало. Тогда рабочіе прибѣгли къ расправѣ „своими средствіями“. Вмѣсто изложенія послѣдующихъ событій, мы приведемъ пресловутый приказъ по этому поводу, циркулярно пущенный Ивановскимъ:

„М. П. С. Закавказскія жел. дор. Приказъ по главнымъ тифлисскимъ мастерскимъ. № 280, 3 августа 1902 г., г. Тифлисъ.

„Въ теченіи послѣдняго времени въ жизни главныхъ мастерскихъ произошли крайне прискорбныя событія: толпой вооруженныхъ людей избитъ бригадиръ столярнаго цеха Царевъ; такимъ же образомъ избили бригадира кузнеца Данилюка, намѣревались избить старшаго рабочаго товарнаго цеха Сошкина и, наконецъ, 31 іюля злодѣйски убитъ старшій литейщикъ Плотто. Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ нападенія были произведены не съ цѣлью ограбленія, то очевидно, что нападающіе были руководимы какими-то особыми цѣлями и несомнѣнно принадлежали къ составу незначительной части рабочихъ или мастеровыхъ главныхъ мастерскихъ. Всѣ эти случаи повергаютъ меня въ глубокое огорченіе. Вступая въ управленіе дорогами, я посѣтилъ мастерскія, гдѣ былъ радушно (?? Ред.) встрѣченъ хлѣбомъ-солью и надѣялся, что жизнь въ мастерскихъ будетъ протекать мирно. За короткое время управленія моего дорогами мастеровые могли убѣдиться, что начальство вникло въ ихъ нужды (похоже на то! Ред.). Я укажу на три ближайшіе примѣра, которые, разумѣется, извѣстны мастеровымъ:

„1) 640 чел., замѣшанныхъ въ безпорядкахъ 1900 г., прощены и имъ возвращены утерянныя ими весьма цѣнныя права (а администраціи возвращено цѣнное право эксплуатировать рабочихъ по старому! Рабочихъ вернули, потому что безъ рабочихъ дорога встала, а г. Ивановскій нашелъ тутъ какую-то заслугу. Ред.); 2) Какъ только оказалось, что вода, привозимая со ст. Мцхетъ въ мастерскія, не вполнѣ прохладна и прозрачна, — начальство не остановилось передъ крупнымъ расходомъ, чтобы въ теченіи десяти дней организовать привозъ прекрасной воды со станціи Ксанка, а пока это было устроено — вода доставлялась бочками изъ тифлисскаго городского водопровода; 3) Лишь только сдѣлалось извѣстнымъ, по заявленію одного изъ цеховъ, что не всѣ мастеровые и рабочіе желаютъ посѣщать вечернія работы, тотчасъ же сдѣлано распоряженіе, чтобы по возможности (т. е. по усмотрѣнію тѣхъ же мастеровъ? Да это же прямое нарушеніе закона, который требуетъ, чтобы всегда и исключительно, а не только „по возможности“ привлекали лишь добровольно желающихъ на вечернія работы! Г. Ивановскій самъ признается въ нарушеніи закона и имѣетъ еще дерзость хвастаться тѣмъ, что онъ велѣлъ нарушать законъ „по возможности“ рѣже. Ред.) къ таковымъ привлекать лишь добровольно желающихъ выполнять эти работы.

„Кромѣ того начальство озабочено открытіемъ съ осени настоящаго года обширной дешевой столовой въ вагонномъ сараѣ (сарай, конечно, самое мѣсто для столовой „чернаго народа“! А не хочетъ-ли также г. Ивановскій воспользоваться „столовой“ для провокаторства и шпіонства? Ред.) на станціи Тифлисъ, съ цѣлью дать возможность безсемейнымъ и вообще всѣмъ желающимъ мастеровымъ и рабочимъ получать дешевую, здоровую пищу, даже въ кредитъ (не хочетъ-ли еще г. Ивановскій облагодѣтельствовать рабочихъ новымъ видомъ расплаты товаромъ? Ред.).

„Но всѣ эти заботы и старанія начальства остаются какъ бы безъ всякаго пониманія, и я съ горечью вижу, что преступная работа злонамѣренныхъ лицъ приноситъ печальные плоды. Обращаюсь къ благоразумію всѣхъ и въ особенности старѣйшихъ мастеровыхъ и прошу оказать вліяніе на ту часть, надѣюсь, немногихъ, которая бросаетъ на наши главныя мастерскія тѣнь, какъ на какой-то притонъ, гдѣ изъ-за угла убиваютъ и даже убиваютъ своихъ же сотоварищей(?? Ред.). Считаю необходимымъ предупредить, что такое положеніе дѣла можетъ привести къ неисчислимымъ бѣдствіямъ и потерямъ самихъ же мастеровыхъ и рабочихъ. — Начальникъ дорогъ, инженеръ И. Ивановскій, правитель канцеляріи Григорьевъ“.

Однако этотъ приказъ подлилъ масла въ огонь. Не далѣе, какъ 23 ноября былъ раненъ пулей въ столярной мастерской старшій мастеръ Блюмбергъ за выдачу товарищей рабочихъ организацій. Въ воскресенье, 24 ноября, на вокзалѣ собралась тысячная толпа провожать высылаемыхъ изъ мѣстной Метехской тюрьмы товарищей. Не обошлось при этомъ безъ стычекъ съ жандармами, изъ которыхъ одинъ серьезно раненъ пулей. Арестовать не удалось никого, такъ какъ толпа энергично защищала товарищей. Въ четвергъ, 28 ноября, былъ контуженъ пулей мастеръ Чепурновъ, тоже за провокаторство. И, наконецъ, въ среду, 4 дек., контуженъ пулей начальникъ депо Шпигановичъ. Настроеніе крайне приподнятое. Паника среди чиновъ администраціи. Ожидаются болѣе серьезныя событія. Начальникъ дорогъ Ивановскій экстренно вызванъ въ Петербургъ.

Крайне печально, что вся эта стихійная сила неудовольствія не находитъ болѣе цѣлесообразнаго выраженія. Чувствуется сильный недостатокъ въ интеллигентныхъ руководителяхъ, чтобы направить всѣ эти ключомъ бьющія силы въ одно общее русло всероссійскаго рабочаго движенія.

Полиція начала повальные обыски, но все мимо. Иногда прямо-таки смѣшно, у кого только не дѣлаетъ она обысковъ, иногда даже съ арестами.

Мы надѣемся, что русская рабочая партія обратитъ вниманіе на положеніе дѣлъ въ Тифлисѣ и выдѣлитъ изъ своихъ рядовъ опытныхъ руководителей для пополненія нашего Комитета, оставляющаго еще многаго желать, такъ какъ отъ этого зависитъ успѣхъ дѣла на всемъ Кавказѣ.

Екатеринбургъ (Пермской губ.). Среди заводскихъ рабочихъ въ концѣ ноября замѣчено сильное броженіе, вызванное сокращеніемъ работъ на горныхъ заводахъ. Масса осталась безъ работы, на улицѣ. Кризисъ въ этомъ году здѣсь жестокій. Ждутъ осложненій недовольства среди рабочихъ. Полагаютъ, что возможно ждать повторенія „ростовскихъ событій“, поэтому предупредительное начальство „на случай чего ежели“ двинуло въ Екатеринбургъ цѣлую дивизію солдатъ, которые, очевидно, будутъ насыщать голодныхъ прикладами и пулями...

Алопаевскій заводъ (Верхотурскаго уѣзда, Пермской губ.). Приводимъ цѣликомъ (исправивъ лишь орѳографію) письмо одного мѣстнаго рабочаго, пересланное намъ безъ всякихъ дополнительныхъ свѣдѣній: „Увѣдомляю, товарищи, что здѣсь, въ д. Алапаихѣ, разыгралась одна изъ драмъ, безъ которыхъ не обходится ни одно движеніе: они напали на нѣсколько частей рудниковъ, сдѣлали разрушенія и грабежи; никакіе вѣскіе доводы ни къ чему не привели: довольно, говорятъ, натерпѣлись. Что впередъ будетъ, не знаю. Первые удары грома и молніи революціонеровъ стоятъ жертвъ. Взято пять человѣкъ, въ томъ числѣ Гав. Ив. Кабаковъ, патріархальный типъ крестьянина. Да, кулакъ самодержавія бьетъ прямо сверху... Народъ обездоленъ; не можетъ выносить экономической борьбы (авторъ хотѣлъ, видимо, сказать: не можетъ ограничиваться экономической борьбой. Ред.), да и вѣрно. Братья, она не по силамъ, вездѣ слышится глухой рокотъ волнъ народныхъ. Братья, у насъ не хватаетъ литературы. Уральскій Союзъ молчитъ; вездѣ просятъ почитать книжонокъ, въ которыхъ описывается про жизнь рабочихъ. Шпіоновъ много, —здорово слѣдятъ, но да я еще покуда на свободѣ, на зло врагамъ народа. Работа плохая, заработокъ малъ, кое-какъ бьемся, да покуда не помремъ, все равно будемъ бороться. Братья, пишите, что Уралъ движется, посылайте „Искру“ или „Жизнь“. Наши обрадуются, что дѣло наше извѣстно всѣмъ товарищамъ“.

Вильна. (Изъ № 104 „Послѣднихъ Извѣстій“ „Бунда“). Драконовскій приговоръ виленскимъ демонстрантамъ. Ботвинникъ и приказчикъ Вейнбремъ, обвиняемые въ ношеніи знамени, приговорены къ двумъ годамъ Креста; 4 человѣка, подозрѣваемые въ разбрасываніи первомайскихъ карточекъ въ театрѣ, ссылаются въ Сибирь; Певзнеръ (акуш.), Немзеръ (акуш.), Рехесъ (дантистъ) — на 5 лѣтъ, Альфесъ (дантистъ) — на 9 лѣтъ.

Ковно. (Изъ № 104 „Посл. Изв.“ „Бунда“). 14 декабря у насъ были два собранія (по 160 на каждомъ), посвященныя памяти декабристовъ. Первая рѣчь была на тему: „Декабристы и ихъ время“. Были и другія рѣчи. Сошло очень живо. Собрано на нужды политической агитаціи 20 руб.

ИЗЪ ПАРТІИ.

КЪ ВОПРОСУ О МѢСТНОЙ РАБОТѢ.

Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу только теперь, по пріѣздѣ заграницу, попавшагося мнѣ въ руки „письма къ товарищамъ-пропагандистамъ“ — авось черезчуръ нескорый откликъ, можетъ быть, все-таки не будетъ запоздалымъ.

Съ живымъ интересомъ читается эта брошюра, въ которой рисуется непригдядное положеніе у насъ дѣла устной пропаганды и дается посильное рѣшеніе вопроса о постановкѣ этого дѣла, но рѣшеніе это, близко подходящее къ истинѣ, къ сожалѣнію, страдаетъ большой незаконченностью и не совсѣмъ еще отдѣлалось отъ традиціоннаго взгляда на устную пропаганду.

Авторы „Письма“, руководя до поры — до времени кружками рабочихъ, вдругъ въ одно прекрасное время были смущены тѣмъ, что интеллигенты, находившіеся къ рабочимъ въ отношеніи пропагандистовъ, не знали, что дѣлать и какъ быть, когда въ февралѣ и мартѣ всколыхнувшіяся массы, „толпы народа, точно выросшія изъ нѣдръ земли, съ восторгомъ встрѣчали (насъ) — „студентовъ“, какъ вождей своихъ, предлагали (намъ) силу и руки“. Обратившись къ причинамъ, которыя не дали „студентамъ“ откликнуться на этотъ призывъ, авторы „Письма“ увидѣли ихъ въ томъ, что, при настоящемъ положеніи дѣла кружковой пропаганды среди рабочихъ, пропагандисты не только ничего не даютъ рабочимъ — авторы „письма“ изображаютъ безрезультатность занятій въ кружкахъ, — но настолько далеки отъ нихъ, настолько не близки съ ними, что совершенно незнакомы съ ихъ настроеніемъ и въ силу этого, разумѣется, откликнуться на него во время не въ состояніи, съ другой стороны, благодаря такой постановкѣ пропаганды, комитеты не могли создать подходящей организаціи рабочихъ, которыми могли бы воспользоваться въ каждый данный моментъ. Слѣд., остается извѣстнымъ образомъ измѣнить постановку пропаганды, чтобъ достичь и одного, и другого, и особенно третьяго. Что же для этого предлагаютъ авторы „письма“? Вмѣсто теперешней кружковой работы, при которой пропагандистъ подолгу засиживается въ одномъ и томъ же кружкѣ и лишенъ вслѣдствіе этого возможности видѣть настолько достаточное количество рабочихъ, чтобы познакомиться съ ними хорошо, — вмѣсто такой работы авторы „письма“ рекомендуютъ, раздѣливъ рабочихъ на „агитаторовъ“ и на „массу“, съ первыми заниматься по самой широкой программѣ, а среди широкой массы устраивать кружки, въ которыхъ читать 3-4 лекціи (на темы: 1) Борьба классовъ, 2) необходимость борьбы съ правительствомъ, 3) Росс. С.-Д. Раб. Партія и тактика ея) и затѣмъ передавать эти кружки рабочимъ-агитаторамъ, черезъ которыхъ интеллигенты сносятся потомъ съ этими кружками, передавая туда литературу отъ комитета, подготовляя ихъ черезъ рабочихъ-агитаторовъ къ демонстраціямъ, протестамъ и т. д. Члены массовыхъ кружковъ, въ свою очередь, привлекаютъ въ партію лицъ — изъ неорганизованной рабочей массы. Такимъ образомъ къ услугамъ комитетовъ будутъ революціонныя организаціи, которыми они и пользуются. Это создало бы „постоянную и не фиктивную революціонную организацію, охватывающую десятки тысячъ рабочихъ, опираясь на которую можно было бы начать штурмовать крѣпость самодержавія...“, говорятъ авторы „письма“. Значитъ, комитетамъ нужно создать такихъ два типа кружковъ рабочихъ съ цѣлью личной въ нихъ пропаганды, удѣляя много личнаго вниманія первому типу и второму очень небольшое личное, а воздѣйствуя главнымъ образомъ путемъ соотвѣтствующей литературы. Вотъ въ краткихъ чертахъ „письмо“, если отустить нѣкоторыя детали его.

Раньше всего скажу мимоходомъ, что тотъ переполохъ, который произошелъ среди интеллигентовъ, когда рабочіе предложили имъ „вести“ ихъ, и отсутствіе отклика, послѣдовавшее въ силу этого, произошелъ, правда, благодаря отсутствію соотвѣтствующей организаціи, но не рабочей, а организаціи вообще, всей дѣйствующей организаціи.

Постановка пропаганды, такимъ образомъ, не можетъ рѣшить вопроса о готовности и возможности комитета откликаться на требованія жизни — это скорѣе вопросъ объ организованности, приспособленности организаціи къ формамъ дѣятельности. Что же касается утвержденія „авторовъ“, что быстрые переходы интеллигенціи изъ кружка въ кружокъ дадутъ имъ возможность познакомиться съ массой, улавливать ея настроеніе, то врядъ ли такія мимолетныя столкновенія съ рабочими дадутъ такую возможность — если полъ года работы въ кружкѣ не даетъ этой возможности, то чего ожидать отъ 3-4 лекцій! Но это все мимоходомъ.

Мнѣ хочется высказаться спеціально по вопросу о пропагандѣ, такъ какъ думаю, что точкой зрѣнія при рѣшеніи вопроса о пропагандѣ должна быть совсѣмъ другая, нежели та, которую выставляютъ авторы „письма“.

Авторы „письма“ несомнѣнно сдѣлали громадный шагъ впередъ, ставъ съ одной стороны, въ отрицательное отношеніе къ той постановкѣ пропаганды, которая у насъ практикуется, и съ другой стороны, предлагая ввести кружки „агитаторовъ“. Совершенно вѣрно, что постановка пропаганды требуетъ реорганизаціи. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ, можетъ быть, еще хуже, чѣмъ рисуетъ „письмо“. Мало того, что, какъ признаетъ и „письмо“, это долгое засиживаніе въ кружкахъ при занятіяхъ по широкой программѣ даетъ очень мало въ результатѣ даже при томъ благопріятномъ условіи, которое присутствуетъ у „авторовъ“ въ ихъ разсужденіяхъ объ интересующемъ насъ вопросѣ, — я имѣю въ виду занятія, которыя ведутся людьми, достаточно подготовленными для этого, по программѣ, въ той или иной мѣрѣ систематическія — мало того, что мы даже и при этомъ условіи, надо признаться, топчемся на одномъ мѣстѣ, — если вспомнить, что въ дѣйствительности большинство молодежи, выступающей въ роли пропагандистовъ, мало подготовлены къ ней, просто таки въ смыслѣ знаній, что занятія ведутся часто безсистемно, безъ яснаго представленія цѣли ихъ и тѣхъ задачъ, которыя пропаганда должна преслѣдовать, подчасъ безъ программы или придерживаясь уже устарѣлой системы передачи рабочимъ разрозненныхъ свѣдѣній по политической экономіи или просто вертясь вокругъ да около неизмѣнныхъ „Кто чѣмъ живетъ“, „Рабочій день“ и т. д. въ этомъ родѣ, то можно представить себѣ насколько дѣло обстоитъ плохо. Необходима реформа этой области, необходимо установить даже систему занятій. Но въ какомъ направленіи произвести реформу? Что принять за исходный пунктъ?

Та форма, въ которую вылилась рекомендуемая брошюрой организація этого дѣла, могла бы съ оговорками, впрочемъ, можетъ быть, существенными, показаться удовлетворительной. Но нужно, повторяю, существенно видоизмѣнить точку зрѣнія на пропаганду личную, кружковую, а ее то именно и имѣли въ виду авторы „письма“ — и ужъ во всякомъ случаѣ точно формулировать ее. Мы до сихъ поръ плохо уяснили себѣ, что теперь, когда фактически — какъ бы она ни была поставлена плохо — имѣетъ и можетъ имѣть мѣсто только широкая литературная пропаганда въ массахъ, что теперь кружковая пропаганда не можетъ имѣть того значенія, какое придавалось ей въ то время, когда широкая массовая пропаганда еще не велась. Фактически она вытѣсняется все больше и больше, но мы все еще, не смотря на наше тяготѣніе къ массовой пропагандѣ, не отдѣлались отъ стараго, традиціоннаго взгляда на кружковую пропаганду. Все это происходитъ отъ нашей неорганизованности, въ силу которой мы не умѣемъ еще обнять весь дѣйствующій механизмъ, составныя части котораго занимаютъ то или другое мѣсто.

И авторы „письма“, съ одной стороны, какъ бы отказываются отъ старой точки зрѣнія на пропаганду, когда указываютъ на невозможность заниматься по обширной программѣ, и предлагаютъ серьезную работу только съ „агитаторами“, но, съ другой стороны, они ее вновь незамѣтнымъ образомъ вводятъ, когда разсматриваютъ кружковую пропаганду съ точки зрѣнія задачи комитетовъ, которую они опредѣляютъ, какъ „вліяніе на массы и организацію этихъ массъ въ революціонную партію“. Что это такое, какъ не старозавѣтный взглядъ? Конечно, теперь не тѣ времена, когда можно думать, что эта задача можетъ быть достигнута путемъ пропаганды въ кружкахъ. Авторы „письма“ и выдвигаютъ литературную пропаганду, но это не заставило ихъ, повидимому, отрѣшиться еще и отъ стараго взгляда на кружковую пропаганду, А смутность, невыясненность точки зрѣнія не позволила имъ дать и выраженное, законченное рѣшеніе вопроса, хоть они все-таки нѣсколько подошли къ нему, когда имѣли въ виду образованіе „агитаторовъ“. И хотя вопросъ не исключительно къ выработкѣ „агитаторовъ“, но въ выработкѣ среди рабочихъ лицъ, сознательно дѣйствующихъ въ организаціи, чѣмъ бы они въ ней ни были, но только подойдя къ этой точкѣ зрѣнія, авторы „письма“ становятся на правильный путь. Кружковую пропаганду можно разсматривать только съ точки зрѣнія образованія и постояннаго поддерживанія извѣстнаго контингента лицъ среди рабочихъ, лицъ, которыя въ состояніи войти въ организацію, какъ сознательно дѣйствующія въ ней. Но если это такъ, то по вопросу о личной пропагандѣ необходимо, поэтому, точно и ясно высказаться въ томъ смыслѣ, что вопросъ о кружковой пропагандѣ есть, въ сущности, вопросъ организаціонный; сама по себѣ, какъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ и „письмо“, какъ пропаганда по существу, кружковая пропаганда значенія не имѣетъ и должна быть изгнана изъ практики, ибо вопросъ о поднятіи массъ на довольно значительный умственый уровень мы съ нашими силами рѣшить не можемъ, но за ней остается значеніе въ томъ смыслѣ, что при ея посредствѣ мы можемъ выработать извѣстный контингентъ сознательныхъ рабочихъ для дѣйствующей организаціи изъ подходящихъ для этого лицъ.

И съ этой точки зрѣнія, точки зрѣнія организаціонной, а не съ точки зрѣнія „развитія“, и приходится ее разсматривать и такъ или иначе пріурочить къ ней и программу занятій, въ которой, можетъ быть, непропорціонально видное мѣсто придется удѣлить вопросамъ тактики, организаціи, конспираціи, а вообще не очень засиживаться въ кружкѣ, ограничиваясь лишь извѣстной болѣе или менѣе минимальной программой. Мимоходомъ, скажу, что гораздо больше широкой программы имѣетъ значеніе пріученіе къ самостоятельной работѣ, которая одна и гарантируетъ успѣхъ работы и продолженіе ея по выходѣ изъ кружка.

Отъ этихъ колебаній и неясности взгляда на кружковую пропаганду необходимо отдѣлаться. Если можно такъ или иначе принять выставляемую „письмомъ“ вторую сторону вопроса — организацію, только не рабочей массы, а „агитаторовъ“, — то приходится наотрѣзъ отказаться отъ первой — кружковой пропаганды въ массахъ — и рѣзко формулировать свое отношеніе къ вопросу. Такимъ образомъ, кружковая пропаганда войдетъ въ довольно тѣсные предѣлы. Точно уяснивъ себѣ эту точку зрѣнія, отрѣшившись отъ всякихъ въ ея отношеніи колебаній, мы не станемъ тратить лишнія силы на кружки. Опредѣлить количество нужныхъ для этого интеллигентныхъ силъ — дѣло руководящихъ организацій, комитетовъ. Но правильную перспективу при распредѣленіи работающихъ силъ и въ томъ числѣ и силъ, направляемыхъ въ кружки, можно будетъ соблюсти только тогда, если мы будемъ обладать хорошо сформированной дѣйствующей организаціей. Такимъ образомъ, разрѣшеніе вопроса о кружковой пропагандѣ на практикѣ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ разрѣшенія вопроса объ организаціи вообще, которое еще ждетъ своей очереди. Пока не будетъ рѣшенъ этотъ вопросъ, до тѣхъ поръ и кружковая пропаганда, вмѣстѣ съ другими видами революціонной дѣятельности, будутъ идти вразбродъ. Надо начать съ организаціи — это первый и самый насущный для насъ вопросъ.

Послѣ всего изложеннаго понятно, что въ отношеніи кружковой пропаганды можно говорить только о рабочихъ кружкахъ перваго типа, совершенно отказавшись отъ кружковъ второго типа, въ которыхъ, къ слову сказать, прочтеніе 3-4 популярныхъ лекцій дадутъ очень, очень мало, такъ какъ тамъ необходимо долгое и постоянное воздѣйствіе. Это возможно только при помощи подходящей популярной литературы.

Что эта же „масса“ можетъ въ извѣстной своей части быть съорганизована въ кружки рабочими съ цѣлью созданія сознательнаго ядра, которое можетъ проявлять планомѣрныя дѣйствія — это уже другой вопросъ, и поскольку авторы „письма“ имѣли это въ виду, они, конечно, правы“.

Мы напечатали безъ всякихъ измѣненій эту статью, желая дать подробнѣе высказаться всѣмъ оттѣнкамъ мнѣній по важному практическому вопросу. Авторъ правъ, по нашему мнѣнію, поскольку подчеркиваетъ необходимость особенно имѣть въ виду цѣль выработки изъ „кружковыхъ“ рабочихъ лицъ, способныхъ войти въ организацію. Эта сторона дѣла дѣйствительно наиболѣе отстала у насъ, и ее стоитъ особенно подчеркнуть, но при этомъ не надо забывать, конечно, и о цѣляхъ пропаганды самой по себѣ. Авторъ, въ слишкомъ абсолютной формѣ, осуждаетъ кружковую пропаганду вообще, сводитъ ее исключительно къ „организаціонному вопросу“, отвергаетъ совершенно чтеніе по 3-4 лекціи во многихъ кружкахъ и т. п. Это невѣрно въ такой абсолютной формѣ, но это, конечно, не какое-либо разногласіе, по существу, а только результатъ желанія особенно выпукло оттѣнить одну сторону дѣла. И именно эта сторона дѣйствительно пріобрѣтаетъ теперь особенное значеніе въ общепартійной работѣ. Ред.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее сообщеніе изъ Женевы:

16 января, послѣ окончанія дебатовъ по поводу сообщеній, сдѣланныхъ ростовскими товарищами-рабочими о послѣднихъ событіяхъ въ г. Ростовѣ-на-Дону, присутствовавшемъ въ залѣ засѣданія, большинствомъ, состоящимъ изъ 93 человѣкъ, была принята нижеслѣдующая резолюція:

„Присутствующіе на собраніи въ г. Женевѣ 16 января 1905 г. выражаютъ самое полное и самое искреннее сочувствіе свое ростовскимъ рабочимъ, которые своей энергической борьбой дали новое, блестящее доказательство политической зрѣлости русскаго пролетаріата. Они считаютъ своей нравственной обязанностью всѣми своими силами служить дѣлу политическаго и экономическаго освобожденія этого пролетаріата, которое является въ тоже время дѣломъ освобожденія всего трудящагося населенія Россіи. Они выражаютъ свое презрѣніе и свою ненависть къ царскому правительству, которое держится лишь посредствомъ грубаго насилія и вопіющаго нарушенія всѣхъ правъ человѣка и гражданина.“

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Съ 23 на 24 декабря въ **Нижнемъ-Новгородѣ** были обыски и аресты. Взяты: бывш. курс. Герингъ, учит. Никитина, женщ.-врачъ Бродская, купецъ Познякъ, хоз. часового магазина Перельманъ. Еще сельскій учитель Бочкаревъ (изъ подгороднаго села Пегоръ). Былъ обыскъ у хозяевъ аптекарскаго магазина Зуль. Публика по поводу этихъ арестовъ недоумѣваетъ. Недавно взятъ на улицѣ съ прокламаціями реалистъ 5 кл. Нефедовъ. Въ декабрѣ было взято 6 рабочихъ изъ молитовской льнопрядильни, но вскорѣ выпущены, за исключеніемъ двухъ. Недавно же взятъ сормовскій рабочій Шоринъ. — **Рига.** Въ теченіе октября и ноября 1902 г. въ мѣстныя тюрьмы прибыли и выбыли изъ нихъ слѣдующія лица: слѣдств. тюрьма: Израиль Абелевъ, мясникъ, прибылъ 21 окт. и выбылъ 15 нояб., Шмуйла Янкелевъ Гольдкинъ выбылъ 6 нояб., Шоломъ Янкелевъ Барканъ выбылъ 15 нояб.; губернск. тюрьма: Генегъ Янкелевъ Каганъ 12 окт. прибылъ и выбылъ 15 нояб., Сруль Абрамовъ Хмѣльницкій арест. 14 окт. на пароходѣ „Остзе“ по прибытію въ Ригу (по слух. съ литер.), выбылъ 19 нояб.; женск. тюрьма: Наталія Циритъ съ 3 нояб. — 6 мѣс. тюремнаго заключенія. 18 дек. арест. въ Ригѣ ученикъ митавск. Горнаго Учил. Дикманъ, по распоряженію Митавск. жанд. Кладо, по доносу анненбургскаго урядника за Некрасовское стих., 24 дек. выпущенъ подъ залогъ 500 р. — 5 нояб. на Финл. ж. д. съ нѣкоторымъ количествомъ № 10 „Рев· Рос.“ учитель Скаличевъ и курсистки Госкова и Надбель. — **Казань.** Въ ночь съ 22 на 23 декабря произведены нѣсколько обысковъ, результатомъ которыхъ былъ арестъ слѣдующихъ лицъ: бывш. студ. Н. А. Кроленицкій, бывш. студ. Ю. А. Кроленицкій, бывш. студ. Кибардинъ, студ.-мед. Витманъ, студ. Харьков. техн. инст. А. М. Гороховъ, раб. Бѣляевскій, курс. зубоврач. школы Солонина и Деканова, слушат-ца фельдш. курсовъ Леви.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Автору корреспонденціи изъ Панютина. Просимъ писать. По поводу Вашей жалобы немедленно сдѣлали запросъ въ тотъ городъ, гдѣ былъ товарищъ за литературой. Надѣемся, что это ошибка или недоразумѣніе.

Дусъ. Письмо получено. Первый адресъ неразобранъ. Повторите. Сообщите также адресъ для писемъ Вамъ, а то не можемъ отвѣтить.

Шварцу. Къ сожалѣнію, не можемъ пока исполнить Вашей просьбы, такъ какъ не имѣемъ еще Вашего ключа.

Недоумѣвающему (въ Либавѣ). Повидимому, Вы очень неправильно поняли то, о чемъ пишете. Выскажитесь обстоятельнѣе и постарайтесь дать адресъ для отвѣта.

Получено: отъ Ф. Р. 9,65 м., отъ Ш. 20 мар., отъ Кост. 20 фр. „отъ земляковъ“ 100 р., отъ NNN 15 р., изъ Ма. 33 мар., собранныя на рефератѣ. Изъ Л. черезъ Матвѣевскую 16 м. въ пользу ростовцевъ, за литер. 148,75 м., отъ X. 8 мар., отъ Матв—ой 5 м., съ реферата 11,25 мар. Черезъ Цюрихъ: для Сиб. Кассы изъ Давоса черезъ Г. А., по листу № 94 100 фр. Изъ Вѣны черезъ В.: съ вечеринки 14 фр., за литературу 13,62 фр., нѣмцы — ростовцамъ 11 фр., съ реферата 8,34 фр. Изъ Давоса за литературу 4,60 фр. Изъ Назарета отъ друга „Искры“ 50 р. Изъ Цюриха съ реферата 75,10 фр. Отъ барона 22,15 фр. Изъ Цюриха за литературу 38,60 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelrod Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

Россійская социаль-
демократическая
рабочая партія

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 33. 1-го февраля 1903 года. № 33.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York.

ЗА СОРОКЪ ЛѢТЪ.

Минуло сорокъ лѣтъ со времени начала послѣдняго польскаго возстанія. Польская демократія, разсѣянная по всѣмъ концамъ Европы и Америки, вспоминаетъ о своихъ славныхъ герояхъ, о безчисленныхъ жертвахъ своей національной борьбы. А для русскаго человѣка день сорокалѣтія польскаго возстанія говоритъ объ одномъ изъ печальнѣйшихъ моментовъ исторіи его родины, напоминаетъ о неискупленныхъ преступленіяхъ, о позорныхъ подвигахъ, совершенныхъ во имя русскаго народа.

Феодальная Европа покоилась не только на порабощеніи всѣхъ „низшихъ" классовъ дворянствомъ, церковью и монархами, но и на порабощеніи цѣлыхъ націй нѣсколькими сильными государствами. Сословный гнетъ внутри этихъ „счастливыхъ" государствъ поддерживался ихъ тиранническимъ господствомъ надъ частью завоеванными, частью поставленными въ полную политическую зависимость, слабыми націями. И когда буря великой французской революціи разбудила отъ политической дремоты западноевропейскіе народы, она одновременно вызвала къ жизни и демократическое движеніе противъ монархіи, противъ дворянства и церкви, и — національно-освободительное движеніе націй порабощенныхъ противъ чужеземныхъ государствъ-поработителей.

Исторической задачей политическихъ движеній XIX вѣка стало утвердить въ соціально-политическомъ устройствѣ государствъ принципы демократической свободы, а вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить старую, феодально-бюрократическими интересами обусловленную національную группировку, чтобы водворить на ея мѣстѣ начала свободнаго самоопредѣленія и самоуправленія европейскихъ народностей. Идея демократіи слилась съ идеей національнаго освобожденія и европейская демократія съ полнымъ правомъ увидѣла своихъ главныхъ враговъ въ Австрiской, Прусской и Россійской монархіяхъ, основавшихъ свое могущество на раздробленіи, уничтоженіи и порабощеніи нѣмецкой, итальянской, польской и другихъ націй.

Освобожденіе Польши, раздѣленной между тремя отсталыми государствами, стало въ сознаніи европейской демократіи важнѣйшимъ моментомъ въ дѣлѣ освобожденія всего угнетеннаго человѣчества. Освобожденіе Польши означало освобожденіе всей Европы отъ реакціоннаго кошмара, отъ тиранническаго владычества пропитанныхъ средневѣковьемъ монархій и прежде всего — Россіи, этого „европейскаго жандарма", могущество котораго означало вѣчную опасность для дѣла свободы. Раздробить, уничтожить, „отбросить въ Азію" русское чудовище — значило безконечно ослабить силу сопротивленія европейской реакціи передъ революціоннымъ напоромъ.

И когда польскій народъ въ 1863 г. вновь попытался свергнуть съ себя владычество русской короны, къ его отчаянной героической борьбѣ съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнеслась вся революціонная Европа. Но къ этому времени сама европейская демократія перестала быть единой, а потому и утратила часть своей прежней силы. Буржуазія, стоявшая въ первой половинѣ XIX вѣка во главѣ демократическихъ движеній, измѣнила дѣлу свободы, когда увидала позади себя быстро формировавшійся пролетаріатъ. Передъ краснымъ призракомъ соціализма не устояло свободолюбіе буржуазіи и она, отказавшись отъ завершенія начатаго ею историческаго дѣла, спѣшила заключить союзъ съ недобитымъ своимъ врагомъ — съ дворянствомъ, монархіей и церковью, съ бюрократическимъ и военнымъ государствомъ. Она предала реакціоннымъ силамъ борцовъ за политическую свободу, она предала имъ и борцовъ за національное освобожденіе. Оставленные буржуазной Европой, поляки должны были на своихъ плечахъ вынести борьбу съ чудовищемъ русскаго царизма. Освободившись отъ страха передъ Европой, царизмъ съ неслыханнымъ варварствомъ подавилъ возстаніе. Разстрѣлы и висѣлицы, конфискаціи и массовыя ссылки, нагайка и изгнаніе — этими обычными мѣрами водворялся въ Польшѣ „порядокъ". Послѣ 16 мѣсяцевъ борьбы, исполненной удивительнаго героизма, поляки были побѣждены.

Они пытались перебросить возстаніе въ самое сердце своего поработителя. Они обратились къ только что освободившейся отъ крѣпостного ига молодой Россіи, къ русской демократіи. „За вольность нашу и вашу!" писали повстанцы на своемъ боевомъ знамени. Тщетно! Напрасно властитель думъ тогдашнихъ передовыхъ русскихъ людей — А. И. Герценъ — призывалъ русское общество понять, что успѣхъ польскаго возстанія двинетъ впередъ дѣло русской свободы. Напрасно немногіе русскіе революціонные кружки того времени пытались разбудить крестьянскую массу, чтобы парализовать силу правительства. Только небольшой слой русской революціонной молодежи и офицерства всталъ на помощь повстанцамъ. Русское „либеральное" общество пошло не за Герценомъ, а за Катковымъ, его демократизмъ не выдержалъ испытанія; пропитанное рабскими традиціями, русское общество дало себя опьянить лживой пѣснью о „русскомъ національномъ дѣлѣ". И немногіе русскіе демократы-революціонеры — Потебня и друг, — остались одинокими. Они сложили свои головы въ рядахъ польскихъ повстанцевъ или на эшафотѣ, спасая честь русскаго народа.

Еще разъ Польша была раздавлена, еще разъ надежда польскихъ патріотовъ была безжалостно обманута. Еще разъ реакціонная волна прокатилась по Европѣ и Россіи. Вернувшіеся съ театра возстанія россійскіе „ташкентцы" стали искоренять русскую „крамолу" и обрызганный польской кровью Муравьевъ-Вѣшатель вскорѣ сталъ всероссійскимъ жандармскимъ диктаторомъ. А на Западѣ опозорившая себя еще однимъ предательствомъ буржуазія продолжала идти по пути сдѣлокъ съ абсолютизмомъ и въ союзѣ съ нимъ — бороться съ демократіей. Дѣло свободы отнынѣ имѣло за себя только одну міровую силу, но за то такую, которая способна довести его до конца. Этой силой явился пролетаріатъ.

Собранная для выраженія сочувствія Польскому возстанію, конференція изъ представителей рабочихъ разныхъ странъ положила въ 1864 году начало „Международному Обществу Рабочихъ", благодаря которому идеи революціоннаго соціализма въ короткое время овладѣли европейскимъ и американскимъ пролетаріатотъ. Объединяясь въ самостоятельную политическую партію, международный пролетаріатъ бралъ на себя осуществленіе историческихъ задачъ, оставшихся невыполненными буржуазіей, и въ числѣ ихъ — освобожденіе національностей, порабощенныхъ реакціонными государствами.

Освободить Европу отъ владычества главнѣйшаго изъ этихъ государствъ — Россіи, а для этого освободить Польшу, такъ формулировалась эта демократическая задача международнаго соціализма. Дѣло Польши стало дѣломъ пролетаріата, и дѣло европейскаго пролетаріата стало своимъ для передовыхъ польскихъ революціонеровъ, какъ Домбровскій и друг., боровшіеся и павшіе въ рядахъ парижскихъ коммунаровъ.

Рабочему движенію Европы не удалось до сихъ поръ поразить русское самодержавіе и освободить цивилизованный міръ отъ этого оплота всякой реакціи. Но то, чего не сдѣлала революціонная сила международнаго пролетаріата, отчасти уже сдѣлано силой экономическаго развитія. Оно проложило себѣ путь въ Россію и преобразовало ея общественныя отношенія. Оно расшатало старинный соціальный укладъ и создало условія, въ которыхъ могло развиться современное революціонное движеніе. Прошло тридцать лѣтъ со времени польскаго возстанія и русское самодержавіе пріобрѣло себѣ опаснаго врага въ собственной странѣ — россійскій пролетаріатъ, который такъ быстро формируется въ громадную революціонную силу.

Эта сила сломитъ царское самодержавіе, она сдѣлаетъ то, чего не удалось сдѣлать европейской демократіи и польской революціи.

Хозяйничающая въ европейскихъ странахъ буржуазія все болѣе и болѣе сближается съ общественной реакціей и забываетъ интересы свободы. И пока эта буржуазія господствуетъ въ политической жизни Европы — нѣтъ никакой надежды па радикальное рѣшеніе тѣхъ національныхъ вопросовъ, которые исторія оставила пролетаріату въ наслѣдство. Только соціальная революція пролетаріата положитъ конецъ всѣмъ видамъ общественнаго гнета, въ томъ числѣ и гнета національнаго.

Сверженіе русскаго самодержавія нанесетъ сильный ударъ европейской реакціи и будетъ прологомъ пролетарской соціальной революціи. Надежда европейской демократіи на то, что ея побѣда надъ царизмомъ будетъ достигнута въ Варшавѣ, не оправдалась исторіей. Ей не удалось „отбросить за Уралъ" русскій абсолютизмъ. Но та самая сила, которая предала дѣло демократіи — европейскій капитализмъ — подточила могущество россійскаго колосса и сдѣлала то, что царизмъ получилъ непобѣдимыхъ внутреннихъ враговъ во всѣхъ концахъ Россіи — вплоть до Урала и даже за Ураломъ. Смертельный ударъ царизму будетъ нанесенъ одновременно и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ въ имперіи, гдѣ армія международнаго соціализма имѣетъ свои отряды. Историческая миссія освобожденія Европы отъ царистскаго чудовища перешла отъ демократической Польши къ пролетаріату всей Россіи.

Лелѣянный повстанцами 1863 г, Герценомъ и борцами „Земли и Воли" союзъ русскихъ и польскихъ демократовъ не осуществился въ тѣ годы. Спустя полвѣка онъ осуществится, какъ союзъ польскаго и русскаго пролетаріата во имя требованія демократической республики, которая обезпечитъ всѣмъ націямъ право свободнаго самоопредѣленія.

ЕЩЕ О РОСТОВСКОЙ СТАЧКѢ.

„Революціонная Россія", которая находитъ, что непозволительно пользоваться ростовскими событіями, какъ предлогомъ для сведенія счетовъ между разными фракціями нашей революціонной партіи, не устояла. однако, передъ искушеніемъ кинуть, по поводу этихъ событій, нѣсколько камешковъ въ огородъ русской соціаль-демократіи. Она помѣстила корресподенцію, изображающую дѣйствія нашего Донского Комитета въ совершенно ложномъ свѣтѣ, а въ передовой статьѣ преподнесла читателямъ длинное разсужденіе о томъ, какъ не слѣдуетъ поступать во время движеній, подобныхъ ростовскому. Изъ этого разсужденія безо всякихъ „счетовъ", какъ бы само собою выходитъ, что не слѣдуетъ поступать именно такъ, какъ поступалъ нашъ Донской Комитетъ... если вѣрить г. корреспонденту.

Вотъ посмотрите сами. Корреспондетъ „Р. Р." утверждаетъ, что Донской Комитетъ въ своей агитаціи не выходилъ изъ рамокъ чисто экономическихъ вопросовъ; съ своей стороны, авторъ передовой статьи, совершенно позабывъ всѣ „минутные разсчеты междуфракціонной политики", а просто желая объяснить, какую тактику рекомендовали бы его единомышленники, пишетъ: „Для тысячныхъ толпъ рабочихъ изъѣзженная колея мирной, „чисто-экономической" стачки теперь слишкомъ узка, и если ее не покидаютъ сами рабочіе — является полиція, являются войска и выгоняютъ ихъ силою изъ этой колеи". Корреспондентъ повѣствуетъ о томъ, что на одной изъ сходокъ Комитетъ старался „сдерживать рабочихъ, водворить полное спокойствіе и хладнокровіе", между тѣмъ какъ настроеніе участниковъ сходки „сильно подымалось, искало выхода въ чемъ-нибудь активномъ"; авторъ передовой статьи, отнюдь не желая намекать на кого бы то ни было, а такъ себѣ, вообще, подпѣваетъ: „Говорить рабочей массѣ: веди себя смирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требованія, — симъ побѣдишь!" — теперь не приходится". Корреспондентъ очень недоволенъ тѣмъ, что нашъ Комитетъ не повелъ рабочихъ въ городъ на демонстрацію; авторъ передовой статьи „Революціонной Россіи" очень кстати высказываетъ такую общую мысль: „Положеніе вовсе не таково, чтобы намъ представлялось на выборъ — или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновеніемъ демонстрація". Видите, какъ удивительно тонко выходитъ? Авторъ передовой статьи не порицаетъ никого изъ дѣйствовавшихъ въ Ростовѣ. Онъ просто высказываетъ свое мнѣніе о томъ, какъ надо пользоваться событіями, вродѣ ростовскихъ, и какъ воспользовались бы ими соц.-рев. А корреспондентъ описываетъ, какъ повели дѣло ростовскіе соц.-дем. и каждую, вообще высказанную мысль передовой статьи подтверждаетъ примѣромъ того или другого тактическаго промаха Донского Комитета. И подтверждаетъ совсѣмъ неумышленно. Помилуйте! Онъ тоже чуждъ „минутныхъ разсчетовъ междуфракціонной распри". Тутъ не болѣе, какъ совпаденіе, полная гармонія между тѣмъ, что описываетъ одинъ, и тѣмъ, что думаетъ вслухъ другой. И эта гармонія такъ поражаетъ читателя, такъ настраиваетъ его противъ с.-дем. и въ пользу ихъ противниковъ, что онъ восклицаетъ: „Жаль, очень жаль, что вліяніе Д. К. на рабочихъ было такъ сильно! Досадно, очень досадно, что соц.-рев. блистали своимъ отсутствіемъ именно тамъ, гдѣ они были такъ нужны!" И разстроенный читатель отдыхаетъ душой только тогда, когда прочитываетъ слѣд. успокоительныя строки: „Придавая весьма важное значеніе экономической борьбѣ пролетаріата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать передъ рабочими обманчивыхъ, слишкомъ радужно окрашенныхъ перспективъ". „Р. Р." не только придаетъ важное значеніе экономической борьбѣ пролетаріата, но и „принимаетъ на себя руководство" ею. Какое счастье! Теперь все пойдетъ хорошо!

Плохо только то, что описаніе ростовскихъ событій, сдѣланное корреспондентомъ „Р. Р.", не соотвѣтствуетъ истинѣ, а потому указанная нами отрадная и поучительная гармонія пріобрѣтаетъ такой видъ, какъ будто она была предустановлена — и предустановлена не при сотвореніи міра, а совсѣмъ, совсѣмъ недавно, почти на дняхъ, и не въ силу тѣхъ общихъ метафизическихъ причинъ, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ гармонія, открытая Лейбницемъ, а именно ради „минутныхъ разсчетовъ междуфракціонной политики". А потому и впечатлѣніе, производимое ею, получаетъ совсѣмъ другой и вовсе не „радужный" характеръ Кто знаетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ агитировалъ нашъ Донской Комитетъ, тотъ ясно видитъ, что публицисты „Р. Р." больше руководствуются „минутными разсчетчи междуфракціонной политики" именно тогда, когда они закатываютъ глаза вверхъ, бьютъ себя въ перси и кричатъ, что они не думаютъ ни о чемъ, кромѣ истины. „Р. Р." выразила однажды рѣзкое отвращеніе къ полемикѣ à la Буренинъ. Мы понимаемъ ее. Она предпочитаетъ полемизировать въ духѣ одного изъ славныхъ представителей славнаго рода Головлевыхъ...

Правдолюбивый и хорошо освѣдомленный корреспондентъ „Рев. Рос." сообщаетъ, что Донской Комитетъ „поспѣшилъ вмѣшаться" въ стачку, когда она уже началась безъ его вѣдома. Это не вѣрно. Не говоря уже о томъ, что стачкѣ предшествовали многочисленныя прокламаціи Комитета, призывавшія рабочихъ къ борьбѣ съ ихъ эксплуататорами, надо замѣтить, что едва заволновались рабочіе котельнаго цеха, Комитетъ тотчасъ же былъ извѣщенъ объ этомъ своимъ человѣкомъ и немедленно принялся агитировать въ пользу забастовки во всѣхъ мастерскихъ. Если его агитація не осталась безуспѣшной, то этимъ онъ обязанъ былъ организованнымъ рабочимъ, которые находились съ нимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ. Такъ-ли ведутъ себя люди, „идущіе въ хвостѣ событій"? Совсѣмъ не такъ. Но какое дѣло до всего этого корреспонденту „Р. Р."? Какое дѣло до всего этого ея редакціи? Какъ бы ни велъ себя нашъ Донской Комитетъ; какъ бы ни были трудны тѣ условія, при которыхъ происходила его многолѣтняя, упорная и плодотворная работа, — въ глазахъ „товарищей" изъ лагеря такъ-называющихся соціалистовъ-революціонеровъ онъ всегда будетъ виновенъ уже однимъ тѣмъ, что носитъ названіе соц.-демократическаго Комитета. Соц.-демократы всегда идутъ „во хвостѣ событій"; они всегда преисполнены „квіетизма". Это извѣстно всѣмъ беззубымъ старушкамъ русской легальной и нелегальной литературы.

„Правда, въ Ростовѣ не было Комитета нашей Партіи, — разсказываетъ авторъ передовой статьи; — но были тамъ, какъ и вездѣ, элементы, тяготѣющіе ко взглядамъ и методу дѣйствій, которымъ теперь обычно присваивается имя „соціаль-революціонныхъ". Тамъ даже образовался было небольшой кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться въ стачку и выпустившій прокламацію за подписью „группы соц.-революціонеровъ". Какъ ни была мимолетна эта попытка, но и въ ней обнаружилась одна характерная особенность всѣхъ людей и кружковъ, тяготѣющихъ — не смотря на тѣ или иные индивидуальные оттѣнки — къ соціально-революціоннымъ теченіямъ".

Во всей этой тирадѣ несомнѣнно только то, что „элементы", симпатичные „Р. Р.", не имѣли никакихъ связей въ ростовской рабочей средѣ, ничего въ ней не дѣлали и никого вліянія на нее не имѣли. Стало быть, знать о томъ, когда, что и какъ дѣлалось и дѣлается въ этой средѣ, они въ лучшемъ случаѣ могли только „съ пятаго на десятое". А отсюда слѣдуетъ, что если редакція „Рев. Россіи" хотѣла дать своимъ читателямъ достовѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Ростовѣ, то ей надо было внимательно относиться къ показаніямъ существовавшей тамъ серьезной революціонной организаціи, т. е. организаціи все тѣхъ же соціаль-демократовъ. Это представляется тѣмъ болѣе обязательнымъ, что, — по собственному признанію собственнаго корреспондента „Рев. Рос." — всѣ ораторы, выступавшіе передъ стачечниками, по крайней мѣрѣ, со вторника, пятаго ноября, должны были заручиться полномочіемъ отъ нашего Комитета: такъ велико было его вліяніе! Но уже знакомая намъ предустановленная гармонія и нетерпѣливая, хотя и великодушная, готовность „принять на себя" руководство экономической и всякой другой борьбой пролетаріата заставляетъ „Рев. Рос." поступать иначе. Вотъ яркій примѣръ. О прокламаціи соц.-революціонеровъ въ приведенной нами тирадѣ говорится, очевидно, со словъ корреспондента, который пишетъ, что на сходкѣ стачечниковъ 5 ноября „была разбросана среди рабочихъ гектографированная прокламація за подписью группы соц.-рев." Но на сходкѣ 5 ноября не было разбросано никакой прокламаціи, кромѣ той, которую написало отъ имени нашего Комитета, но безъ его согласія, лицо, обозначенное въ корресподенціи букой X. Эту прокламацію стачечники разорвали, даже не давъ себѣ труда прочесть ее, потому что на ней не было такъ хорошо извѣстной имъ печати Донского Комитета. Именно этотъ фактъ и убѣдилъ лицо, обозначенное буквой X., въ томъ, что ему слѣдуетъ выступить не иначе, какъ по соглашенію съ Комитетомъ*). Очевидецъ-корреспондентъ „Рев. Рос." изобразилъ все это дѣло совершенно невѣрно, — грѣхъ, тысячи разъ случавшійся съ тысячью другихъ корреспондентовъ-очевидцевъ. Желая поправить ошибку корреспондента, одинъ изъ членовъ Комитета написалъ въ „Р. Р." письмо, изображавшее инцидентъ съ прокламаціей въ его истинномъ свѣтѣ. Но эта поправка разрушала предустановленную гармонію, и потому явилась незваннымъ гостемъ, который, какъ извѣстно, хуже татарина. Редакція напечатала по ея поводу, — на послѣдней страницѣ, мелкимъ шрифтомъ, — лишь слѣд. двусмысленную замѣтку: „Нами получено письмо за подписью: „членъ Донского Комитета Амвросій“. Г. Амвросій заявляетъ, что гектографированная прокламація, носившая, по словамъ нашего корреспондента, подпись „Группа соціалистовъ-революціонеровъ“, была подписана: „Донской Комитетъ“. Нашъ корреспондентъ настаиваетъ на правильности своего сообщенія“. Очень хорошо! „Корреспондентъ настаиваетъ“. Но желательно было бы знать, что думаетъ объ его настойчивости сама редакція и „настаиваетъ“-ли она, въ свою очередь, „на правильности“ того мѣста передовой статьи № 15, гдѣ о небывалой прокламація группы соц.-рев. говорится какъ разъ то, что сообщилъ о ней настойчивый корреспондентъ. Къ сожалѣнію, о семъ редакція умалчиваетъ. „Обычно“ крайне многорѣчивая, она вдругъ стала чрезвычайно скупа на слова. Оно и понятно. Письмо товарища Амвросія противорѣчило „минутнымъ разсчетамъ междуфракціонной политики“, такъ что смущенной редакціи оставалось только умыть руки, подобно Понтію Пилату. И она совершила этотъ обрядъ съ большимъ искусствомъ въ одной изъ самыхъ заднихъ комнатъ своего обширнаго помѣщенія. А на переднемъ фонѣ, на глазахъ у большой публики, осталось все то же показаніе корреспондента. И все та же предустановленная гармонія, заставляющая читателя терпѣливо ждать того счастливаго времени, когда „Р. Р.“ и ея единомышленники въ самомъ дѣлѣ — а не только въ безсильной мечтѣ — примутъ на себя руководство борьбой пролетаріата.

---

*) Замѣтимъ кстати, что X. можетъ быть заподозрѣнъ въ симпатіи къ соц.-рев. развѣ только потому, что онъ слегка сочувствовалъ Эд. Бернштейну. Другихъ указаній на эту симпатію не имѣется.

Очень хорошо. Но эта очень хорошая исторія имѣетъ свою мораль, на которой не мѣшаетъ остановиться.

Редакція „Р. Р.“ не сочла себя обязанной во всеуслышаніе повторить вслѣдъ за нашимъ Донскимъ Комитетомъ, что прокламація, распространенная 5 ноября, была подписана его именемъ, хотя и безъ его согласія. Это ея дѣло, — дѣло ея логики, ея здраваго смысла. Ея недовѣрчивое отношеніе къ свидѣтельству Донского Комитета можетъ наводить на нѣкоторыя невыгодныя для нея мысли, но собственно вины оно не составляетъ. И однако... Однако,

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!

Когда мы не сочли себя обязанными повторить, вслѣдъ за такъ-называемой „Боевой Организаціей“, что Балмашовъ стрѣлялъ въ Сипягина по ея порученію, то съ „Р. Р.“ сдѣлалась жесточайшая литературная истерика, а симпатизирующіе ей „элементы“ стали на всѣ голоса и на „всѣ Европы“ жалобно кричать о томъ, что мы совершили какую-то неслыханную провинность, неслыханнымъ образомъ погрѣшивъ противъ какого-то обычнаго революціоннаго права. Такъ „возмущались“ они, когда дѣло коснулось свидѣтельства *ихъ* товарищей. А теперь всѣ они находятъ, повидимому, что въ поведеніи „Р. Р.“ нѣтъ ничего „возмутительнаго“. Гдѣ же справедливость?

Корреспондентъ „Р. Р.“ очень сожалѣетъ о томъ, что Донской Комитетъ не организовалъ демонстраціи. Ему и въ голову не приходитъ, что въ Ростовѣ впродолженіе нѣсколькихъ дней, и при томъ именно благодаря умѣлости и такту соц.-дем. вожаковъ рабочихъ, происходила колоссальная, еще небывалая въ Россіи демонстрація. Корреспондентъ „Р. Р.“ подобенъ Крыловскому чудаку, слона-то и не замѣтившему. Но чудачество, доводящее людей до того, что они не замѣчаютъ самыхъ величественныхъ явленій, имѣетъ, какъ и все на свѣтѣ, свою причину. Въ политикѣ оно „обычно“ вызывается дѣтской слабостью силы сужденія. Человѣкъ запоминаетъ какой-нибудь внѣшній, вовсе не необходимый признакъ явленія и воображаетъ, что дѣло именно въ этомъ признакѣ. Тамъ, гдѣ онъ его не видитъ, онъ не замѣчаетъ и явленія, хотя бы оно было и настоящимъ „слономъ“ между другими явленіями. Жертвой такого... „промаха незрѣлой мысли“ сдѣлался и корреспондентъ „Рев. Рос.“. Онъ запомнилъ одинъ изъ внѣшнихъ признаковъ демонстраціи — шествіе по улицамъ, сопровождаемое противоправительственными возгласами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, рѣшилъ, что демонстраціи не было, такъ какъ стачечники по улицамъ не ходили и пѣсенъ не пѣли (отсутствіе пѣсенъ огорчило его, повидимому, особанно сильно). Кромѣ того, онъ слыхалъ, что ведущіе политическую борьбу прибѣгаютъ къ демонстраціямъ, и рѣшилъ, что, такъ какъ демонстраціи въ Ростовѣ не было, то Донской Комит. склоненъ къ „экономизму“. А редакція „Р. Р.“ охотно повѣрила этой удивительной цѣпи силлогизмовъ, такъ какъ ей давно уже хочется „принять на себя руководство“ борьбой русскаго пролетаріата.

Какъ именно велъ себя нашъ Донской Комитетъ, это отчасти уже знаютъ наши читатели изъ опубликованныхъ нами извѣстій; а еще больше выяснится имъ это изъ извѣстій, которыя будутъ опубликованы нами въ самомъ непродолжительномъ времени. А теперь мы спѣшимъ успокоить „Рев. Рос.“ на счетъ характера нашей агитаціонной дѣятельности въ средѣ рабочихъ.

Не безпокойтесь, господа, и не торопитесь „принять на себя руководство“ освободительнымъ движеніемъ этого класса. Безпокоиться вамъ рѣшительно нечего, а въ руководители пролетаріата вы рѣшительно не годитесь. Вы охотно и часто повторяете, что мы идемъ „въ хвостѣ“ событій и что мы задерживаемъ движеніе, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать его ускоренію. Вы ссылаетесь при этомъ на наши собственныя признанія. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ вы отчасти говорите правду. Очень не рѣдко, критикуя свою собственную дѣятельность, мы говоримъ: „событія опередили насъ; мы идемъ въ ихъ хвостѣ“ и т. п. Но эти самообличенія — къ слову сказать, свидѣтельствующія о томъ, что мы вовсе не такіе самодовольные доктринеры, какими вы насъ изображаете — не только не говорятъ противъ нашихъ воззрѣній, а, наоборотъ, представляютъ собою блестящее, хотя и косвенное подтвержденіе ихъ неоспоримой правильности. Въ самомъ дѣлѣ, о какихъ событіяхъ здѣсь говорится и въ какомъ смыслѣ они насъ обгоняютъ? Здѣсь говорится о тѣхъ событіяхъ, совокупность которыхъ обусловливается быстрымъ ростомъ классового сознанія русскаго пролетаріата. Число и значеніе этихъ событій увеличиваются такъ бытро, что часто мы оказываемся не въ состояніи использовать ихъ во всей ихъ полнотѣ. И мы, разумѣется, очень жалѣемъ объ этомъ обстоятельствѣ; мы указываемъ на него, чтобы побудить себя и другихъ къ новой работѣ, къ новымъ усиліямъ. Но самый фактъ этого быстраго роста классового самосознанія въ средѣ русскихъ пролетаріевъ показываетъ, что правда на нашей сторонѣ, а не на сторонѣ тѣхъ стародумовъ русской революціи, которые еще такъ недавно съ упорствомъ закоснѣлыхъ старообрядцевъ твердили, что такъ какъ капитализму не суждено у насъ развиться, то нелѣпо видѣть въ пролетаріатѣ главнаго и самаго надежнаго носителя революціонной идеи въ Россіи. Когда мы говорили нашимъ революціонерамъ: „идите къ рабочимъ“, надъ нами смѣялись, на насъ смотрѣли почти какъ на безумцевъ. Не далѣе, какъ въ 1889 г. издававшаяся въ Женевѣ „Свободная Россія“, оспаривая насъ, писала: „Если даже въ Германіи, гдѣ соц.-демократы представляютъ уже извѣстную политическую силу, результаты, достигнутые ими, далеко не блестящи, то у насъ, конечно, нельзя даже думать серьезно о томъ, что наши рабочіе будутъ служить en masse активными и сознательными борцами за добываніе политической свободы“. И затѣмъ, развивая свою мысль, она прибавляла, что „даже успѣшная пропаганда среди отдѣльныхъ даровитыхъ рабочихъ не окупаетъ той массы жертвъ, которыхъ требуетъ“. Въ редактированіи „Свободной Россіи“ принималъ участіе г. Вл. Бурцевъ, отчаянный террористъ и, если не ошибаемся, единомышленникъ нынѣшнихъ соц.-рев. Конечно, въ настоящее время г. Вл. Бурцевъ ужя не согласился бы напечатать цитированныя нами строки. Но не согласился бы только потому, что теперь уже слишкомъ очевидна нелѣпость высказанной въ ней мысли и слишкомъ уже ясно теперь, что мы были правы. Теперь насъ уже не смѣютъ увѣрять, что русскій пролетаріатъ не способенъ на борьбу за политическую свободу; но теперь насъ пытаются понимать на словѣ, когда мы говоримъ, что силы пролетаріата растутъ быстрѣе, чѣмъ могли ожидать даже очень многіе изъ насъ. Жалкая попытка! Наши противники не понимаютъ, что чѣмъ болѣе событія опережаютъ соц.-демократовъ, тѣмъ злѣе и безпощаднѣе насмѣхаются они, эти событія, надъ ними, нашими противниками. Да, событія опережаютъ насъ. Но какія событія? Тѣ самыя, которыя мы давно уже считали неизбѣжными и которыя вамъ и вашимъ духовныхъ предкамъ представлялись несоотвѣтствующими „судьбамъ русскаго капитализма“. Вы не замѣчаете, какъ жестоко насмѣялась надъ вами та самая „жизнь“, которую вы объявляете единственной учительницей. Вы до такой степени не сознаете глубочайшаго комизма своего положенія, что выражаете благосклонную готовность стать руководителями того самаго общественнаго класса, историческаго значенія котораго вы не понимали прежде и не поняли до сихъ поръ, какъ это доказывается вашими усиліями отождествить понятіе: пролетарій съ понятіемъ: крестьянинъ. Нечего сказать, хорошіе вышли бы изъ васъ руководители. Письма Качура, подпавшаго подъ ваше вліяніе, ясно показываютъ, какъ отразилось бы ваше руководительство на самосознаніи рабочихъ. Благодаря вамъ, онъ совершенно позабылъ ту истину, — составляющую основное положеніе всей политики современныхъ соціалистовъ, что освобожденіе пролетаріата должно быть дѣломъ самого пролетаріата. Вмѣсто сознанія этой истины, вы сообщили ему дѣтскую вѣру въ чудотворную силу вашей „Боевой Организаціи“. *Чѣмъ такъ вліять* на рабочихъ, лучше, по евангельскому выраженію, навязать себѣ жерновъ на шею и броситься въ воду. *Такое* вліяніе не принесетъ ничего, кромѣ непоправимаго вреда для русскаго пролетаріата и для всей вообще русской революціи. И вотъ почему глубоко правъ былъ нашъ товарищъ, сказавшій въ „Зарѣ“, что ваша партія носитъ двойное названіе соціалистовъ-революціонеровъ по двумъ причинамъ: потому, что вашъ соціализмъ не революціоненъ и еще потому, что ваша революціонность не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ. И поэтому же вы напрасно думаете, что вы и мы составляемъ лишь двѣ фракціи одной и той революціонной партіи: нѣтъ, господа; намъ нельзя съ вами „родными счесться“; соціаль-демократы не могутъ принадлежать къ одной партіи съ „соціалистами-революціонерами“. Первые представляютъ въ революціонномъ движеніи *пролетаріатъ*; вторые — *мелкую буржуазію*.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Каждый день русское правительство наноситъ одинъ ударъ за другимъ небольшой, но культурной странѣ, пользовавшейся до 1899 г. политической свободой и не имѣвшей до самаго послѣдняго времени ни малѣйшаго представленія о всѣхъ прелестяхъ россійскаго самодержавія. Царскіе опричники со своимъ жалкимъ господиномъ во главѣ самымъ грубымъ образомъ попираютъ вѣковыя права и вольности финскаго народа; сознавая приближеніе конца своего разбойническаго хозяйничанья и въ самой Россіи, эта шайка бандитовъ спѣшитъ насладиться въ Финляндіи самымъ дикимъ вандализмомъ — уничтоженіемъ созданнаго вѣками свободнаго политическаго и общественнаго строя. Словно изъ рога изобилія, сыпятся на эту несчастную страну новые „законы“, „распоряженія“, „преднадчертанія“ и „мѣропріятія“ Ники-Милуши и его вѣрныхъ слугъ. Нѣтъ никакой возможности въ газетной статьѣ познакомить читателя со всѣми возмутительными подвигами Плеве, Бобрикова и прочей братіи за послѣдніе два мѣсяца; поэтому мы ограничимся лишь наиболѣе тяжкими политическими преступленіями издыхающаго самодержавія.

Въ послѣдній разъ (№ 29) мы говорили о лѣтнемъ секретномъ циркулярѣ Плеве о вскрытіи писемъ. Финляндская почта была во всѣхъ отношеніяхъ поставлена превосходно, и до сихъ поръ никому не приходилось въ Финляндіи опасаться за судьбу своихъ писемъ. Уже вскорѣ по пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, Бобриковъ началъ дѣлать попытки введенія русскихъ почтовыхъ порядковъ, но финляндцы были увѣрены въ несбыточности дерзкихъ „мечтаній“ сатрапа, пока постъ почтъ-директора занимаетъ г. Лагерборгъ. Заранѣе предвидя невозможность устройства въ Финляндіи черныхъ кабинетовъ при финляндскихъ почтмейстерахъ и прочихъ почтовыхъ чиновникахъ, Плеве рѣшилъ постепенно пріучать финляндцевъ къ жандармскимъ обычаямъ. Поэтому для начала „реформы“ онъ вздумалъ избрать „честный“ образъ дѣйствій, повелѣвъ почтовымъ учрежденіямъ „вскрывать подобныя отправленія (т. е. относительно которыхъ возникнетъ подозрѣніе) *въ присутствіи адресата* и направлять недозволенныя произведенія печати губернатору для дальнѣйшихъ мѣропріятій“. Финляндскій почтъ-директоръ наотрѣзъ отказался отъ проведенія этой „реформы“, не смотря на неоднократныя напоминанія Бобрикова. Въ концѣ ноября г. Лагерборга вызвали для объясненій въ Петербургъ, и онъ тотчасъ же подалъ въ отставку. Представленіе финляндскаго сената по вопросу о „реформѣ“ было г-омъ Плеве оставлено „безъ послѣдствій“. 27 дек. Николай II „всемилостивѣйше уволилъ, согласно прошенію“, г. Лагерборга въ отставку. Его помощникъ и слѣдующій за нимъ высшій чиновникъ финляндскаго почтоваго вѣдомства „по болѣзни“ одновременно отказались отъ исполненія служебныхъ обязанностей. Бобриковъ, не долго думая, приказалъ одному изъ чиновниковъ своей канцеляріи исполнять должность почтъ-директора. Повидимому, приближается въ Финляндіи осуществленіе почтовыхъ идеаловъ Плеве, но можно смѣло предсказать, что проведеніе его „реформы“ встрѣтитъ упорное сопротивленіе какъ со стороны всѣхъ честныхъ почтовыхъ чиновниковъ, такъ и со стороны публики, которая не дозволитъ безнаказанно совершать надъ собой такого наглаго насилія. Независимо отъ проведенія „реформы“, какъ мы слышали, ѣздитъ особый русскій чиновникъ между Петербургомъ и Бѣло-Островомъ для надзора за „подозрительными“ письмами. Нелегальной же литературы не поймаютъ опричники даже и при осуществленіи жандармскихъ вожделѣній относительно почты. Правда, одинъ изъ сентябрскихъ царскихъ преступныхъ „законовъ“ позволяетъ замѣнять финляндскихъ чиновниковъ „русскими уроженцами“, которымъ, вопреки финляндской конституціи, предоставлены въ Финляндіи права государственной службы. Не правда-ли, коротко и ясно? Обрусители начали примѣнять этотъ законъ еще за долго до его существованія и, по всей вѣроятности, его въ будущемъ ждетъ самое широкое примѣненіе. Въ финляндскихъ газетахъ 8, 9, 12 и 22 января сообщается, что подали въ отставку четыре финляндскихъ губернатора-гражданина, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ и оставшихся вѣрными конституціи, пятый же губернаторъ вышелъ въ отставку очень недавно. Такъ они дѣйствовали по приказанію свыше. Губернатору же Абоской губ., которому недавно былъ объявленъ „Высочайшій“ выговоръ за вмѣшательство въ распоряженія Кайгородова во время избіенія мирной публики на сенатской площади 5(18) апрѣля, оффиціально повелѣно подать въ отставку. Ближайшій поводъ къ такому мѣропріятію пока намъ неизвѣстенъ, причина же его ясна: Плеве замѣнитъ финляндскихъ губернаторовъ-гражданъ русскими помпадурами и послушными финляндцами-рабами. Изъ остальныхъ же трехъ губернаторовъ (русскихъ уроженцевъ) финляндскихъ губерній особенно отличался нюландскій губернаторъ Кайгородовъ и недавно назначенный выборгскій губернаторъ Мясоѣдовъ, прозванный финляндцами Каннибаловымъ. Послѣдній попросту превращаетъ губернское управленіе въ жандармское и во всемъ слѣдуетъ мудрымъ указаніямъ жандармскаго ротмистра Крамаренки. Сей славный помпадуръ совершенно произвольно смѣщаетъ годныхъ сельскихъ и городскихъ полицейскихъ чиновниковъ и вообще не знаетъ никакихъ границъ въ своихъ возмутительныхъ выходкахъ. Между прочимъ, онъ недавно потребовалъ отъ всѣхъ обществъ и союзовъ ихъ уставы; видно, онъ мечтаетъ вмѣшаться въ ихъ порядки. Подобные сатрапы въ ближайшемъ будущемъ займутъ всѣ губернаторскіе посты въ Финляндіи.

Кромѣ губернаторовъ, за послѣднее время подали въ отставку нѣсколько членовъ судовъ второй инстанціи. Въ прошлой статьѣ мы говорили о разгромѣ Николаемъ II этихъ учрежденій. Нынѣшній рабскій финляндскій сенатъ, стараясь во всемъ угодить Плеве и Бобрикову, поспѣшилъ 7(20) декабря обратиться къ послѣднему съ покорнѣйшей просьбой о разрѣшеніи примѣнить сентябрскій „законъ“ (о смѣщеніи административнымъ путемъ чиновниковъ) къ протокольному секретарю Столбергу, отказавшемуся отъ доклада въ сенатъ противозаконнаго распоряженія по вопросу о воинской повинности. Само собой разумѣется, что милостивый отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать. На дняхъ было приказано въ теченіе трехъ сутокъ подать въ отставку другому протокольному секретарю Фуругельму за участіе въ демонстраціи 10(23) февраля въ Новой киркѣ при попыткѣ обнародованія пресловутаго „закона“ о воинской повинности. Это дѣло весной разбиралось судомъ, который приговорилъ полицейскаго коммиссара за неправильное задержаніе г. Фуругельма къ аресту на два мѣсяца, а г. Фуругельма за ударъ коммиссара къ штрафу въ 25 м. Въ обоихъ этихъ случаяхъ незаконнаго смѣщенія чиновниковъ-гражданъ выказалъ свою энергію новый помощникъ Бобрикова, Дейтрихъ. Какъ видитъ читатель изъ приведенныхъ нами фактовъ, лучшая часть финляндскихъ чиновниковъ не подчиняется беззаконнымъ приказаніямъ царя и его вѣрныхъ сподвижниковъ; это доказываютъ, между прочимъ, и правильные приговоры весной финляндскихъ судовъ, на которые не могли оказать давленіе обрусители. Положеніе всѣхъ честныхъ финляндскихъ чиновниковъ, разумѣется, при новомъ режимѣ съ каждымъ днемъ становится невыносимѣе и имъ постоянно угрожаетъ лишеніе мѣста.

Къ сожалѣнію, русское правительство нашло себѣ союзниковъ въ оппортунистической консервативной старофенноманской партіи, отличающейся преступной недальновидностью. Члены этой партіи за нѣкоторыя уступки, дѣлаемыя опричниками, напр., за введеніе въ разныхъ учрежденіяхъ финскаго языка, а, главнымъ образомъ, конечно, за назначеніе на разныя должности старофинномановъ и т. п., — въ буквальномъ смыслѣ продаютъ за чечевичную похлебку свободу своей родины. Изъ этой среды Плеве вербуетъ себѣ покорныхъ рабовъ среди финляндцевъ, такъ какъ пока немыслимо всѣ должности замѣстить русскими, не знающими ни языковъ, ни обычаевъ и нравовъ финскаго народа. Благодаря лишь стараніямъ и агитаціи членовъ этой все уменьшающейся партіи, въ прошломъ году въ воинскія присутствія, по самымъ послѣднимъ и точнымъ даннымъ, явилось 41,6 проц. или 10,438 юношей, тогда какъ 14,642 юноши избрали благую часть и, не смотря на приказъ царя, не явились. Представители старофенноманской партіи и теперь продолжаютъ употреблять всѣ усилія для достиженія благихъ результатовъ. Для такой великой цѣли превратился въ публициста даже самъ архіепископъ Іогансонъ, нерѣдко украшающій своими плавными статьями столбцы лейбъ-органа этой партіи. Этотъ почтенный мужъ не брезгаетъ распускать подъ часъ самые нелѣпые слухи о великодушіи Плеве, царя и т. п. Члены старо фенноманской партіи, пользующейся за послѣднее время расположеніемъ опричниковъ и ихъ достойной „оффиціальной“ „Финляндск Газ.“, являются, дѣйствительно, опасными „агитаторами“, о вредномъ вліяніи которыхъ постоянно съ пѣной во рту кричитъ жандармскій органъ, а отнюдь не тѣ благородные граждане, которые принадлежатъ къ „партіи протеста и противодѣйствія“, къ „подпольнымъ сторонникамъ дерзкаго протеста“ и т. п. 12 ноября въ Гельсингфорсѣ состоялся съѣздъ 235 финляндскихъ гражданъ, среди которыхъ было много крестьянъ. Эти граждане изъ всѣхъ классовъ и изъ разныхъ мѣстностей страны единогласно признали необходимымъ продолжать во всѣхъ областяхъ энергичное „пассивное“ сопротивленіе для спасенія государственнаго и національнаго бытія финскаго народа до тѣхъ поръ, пока не будутъ возстановленъ въ странѣ законный порядокъ; далѣе, собраніе постановило, что должно продолжать непрерывную, интенсивную работу по распространенію среди широкихъ слоевъ народа яснаго пониманія необходимости „пассивнаго“ сопротивленія. Собраніе увѣщеваетъ всѣхъ гражданъ уважать интересы рабочаго класса, чтобы такимъ образомъ разсѣялись недоразумѣнія и недовѣріе среди различныхъ общественныхъ классовъ и весь народъ могъ единодушно принимать участіе въ защитѣ своихъ самыхъ дорогихъ правъ. Собраніе признало необходимымъ, чтобы народъ ясно выражалъ неодобреніе тѣмъ газетамъ и лицамъ, которые проповѣдуютъ необходимость подчиненія обрусительной политикѣ русскаго правительства. Далѣе, собраніе постановило, чтобы на всѣ выборныя должности избирались лишь такіе граждане, которые, не смотря на давленіе правительства, твердо стояли за исполненіе законовъ и за права финскаго народа. Мы не будемъ излагать всѣхъ пунктовъ рѣшенія; упомянемъ только о постановленіи относительно чиновниковъ, которымъ вмѣнено въ обязанность, не смотря ни на какія препятствія, не отступать отъ соблюденія конституціи. Долгомъ общества является матеріальная поддержка пострадавшихъ чиновниковъ. Постановленія этого съѣзда были изданы въ видѣ особаго листка и получили самое широкое распространеніе. Сама „Фин. Газета“ очень недипломатично жалуется на то, что въ иностранной прессѣ было опубликовано рѣшеніе этого съѣзда. Бобриковъ узналъ о немъ лишь на слѣдующій день и пригрозилъ отставкой полицмейстеру, если онъ впредь не будетъ пресѣкать подобныя „беззаконныя и преступныя сборища“. Не смотря, однако, на гнѣвъ Бобрикова, подобныхъ съѣздовъ и собраній за послѣднее время состоялось, какъ я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, до двадцати въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи.

Старо-фенноманская партія, въ противовѣсъ истиннымъ гражданамъ Финляндіи, также имѣла въ двухъ-трехъ мѣстахъ съѣзды и собранія, которые отличались вялостью и очень мало посѣщались. Особенно трагикомичнымъ является ихъ партійное собраніе въ Выборгѣ, гдѣ оно происходило по программѣ, одобренной Мясоѣдовымъ, который вначалѣ было рѣшилъ разогнать фенномановъ. Однако, читатель сдѣлалъ бы совершенно неправильное заключеніе, если бы онъ причислилъ всѣхъ членовъ этой партіи къ измѣнникамъ. Большая часть изъ нихъ, несомнѣнно, ослѣплена своими узкими партійными и классовыми интересами и сама не сознаетъ причиняемаго вреда. Эта партія на развалинахъ свободы отечества, которую она якобы спасаетъ, торжествуетъ „побѣду“ надъ своими политическими противниками. Это страшно недальновидно: русское правительство намѣревается впослѣдствіи, справившись съ оппозиціей, раздѣлаться и со своими нынѣшними союзниками.

Тѣмъ нелѣпѣе вся эта агитація за подчиненіе, что результаты сопротивленія имѣются на лицо. Только дружный отпоръ, оказанный новобранцами и другими элементами финскаго народа въ прошломъ году, могъ поставить втупикъ правительство и заставить его медленнѣе проводить военную „реформу“. Куропаткинъ на 1903 годъ рѣшилъ призвать къ активной службѣ еще меньше новобранцевъ въ Финляндіи, чѣмъ въ прошломъ году — всего 190 чел. для пополненія одного лишь финскаго гвардейскаго батальона. Это распоряженіе превосходно доказываетъ все безсиліе русскаго правительства передъ единодушнымъ народнымъ сопротивленіемъ. „Фин. Газ.“ постоянно разглагольствуетъ о „царской милости“. „По уставу 1878 г. ежегодно призывалось на службу отъ 2.000 до 2,300 новобранцевъ; нынѣ же требуется отъ Финляндіи *впредь до измѣненія* (курсивъ нашъ) лишь меньше десятой этого послѣдняго числа, хотя населеніе возрасло до 2,700,000 и, по общеимперскому уровню, съ края причислялось бы свыше 2,7000 новобранцевъ“. Въ томъ то и штука, что финскій народъ не надуешь такъ легко, какъ хотѣлось бы гр. Бобрикову и Ко. Онъ понимаетъ, какія милости его ожидаютъ въ будущемъ, если онъ теперь согласится подчиниться незаконнымъ требованіямъ клятвопреступника. Дружное сопротивленіе финскихъ юношей въ этомъ году должно быть еще сильнѣе и внушительнѣе, тогда правительство будетъ вынуждено совершенно отказаться отъ „реформы“. Не будучи въ состояніи придумать наказанія для всѣхъ новобранцевъ, опричники Николая II хотѣли было сорвать гнѣвъ за свое безсиліе на нѣсколькихъ стахъ интеллигентныхъ юношей, т. е. на студентахъ. Начальство

Гельсинфорсскаго университета отказалось содѣйствовать выполненію „благихъ предначертаній“ г. Плеве. За это на-днях въ Петербургѣ приказано было подать въ отставку вице-канцлеру университета, проф. Рейну, который вполнѣ правильно отказался подчиниться и этому беззаконному требованію. Его преемникъ уже избранъ: это проф. Даніельсонъ, одинъ изъ руководителей старо-финноманской партіи. Онъ, несомнѣнно, согласится на всѣ подлости, но, понятно, лишь „для спасенія отечества“, а не по другимъ мотивамъ. Во имя патріотизма во всемъ мірѣ продѣлываются разныя гадости. Но на примѣрѣ Финляндіи мы видимъ, что патріотизмъ при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ вести истинныхъ гражданъ и къ самоотверженной борьбѣ съ поборниками мракобѣсія и героями висѣлицы и застѣнка.

Политическій гнетъ въ Финляндіи вызвалъ страшную эмиграцію. Число лицъ, эмигрировавшихъ лишь черезъ Ганге, за 1902 г. достигаетъ, по словамъ „Своб. Слова“, до 22,265 чел. Всю цыфру эмигрантовъ за 1902 г. эта свободная финляндская газета исчисляетъ приблизительно въ 25 тыс. чел. Среднее же число эмигрантовъ въ годъ, уѣхавшихъ черезъ Ганге, за періодъ времени отъ 1891 до 1898 гг., составляло лишь 3,378 чел. Разница, по истинѣ, ужасающая! Эмиграція начала сильно возрастать немедленно съ введенія новаго режима въ странѣ: объ этомъ краснорѣчиво говорятъ слѣдующія цыфры: за 1899 г. — 12,357, за 1900 — 10,642, за 1901 — 12,659 (всѣ эти данныя мы заимствуемъ изъ того же источника). Само собой разумѣется, виновникомъ этого соціальнаго бѣдствія являются мудрые совѣтники Ники-Милуши; но въ этомъ они не хотятъ ни за что сознаться, а потому все валятъ на экономическія причины. Не дурны „Фин. Газ.“, „Нов. Время“ и проч. въ роли политико-экономическихъ органовъ!

Гг. обрусители давно уже хотятъ ввести въ Финляндіи всѣ усовершенствованія жандармско-полицейской цивилизаціи. Въ одной изъ предыдущихъ статей мы говорили о проектѣ введенія дворницкаго ига въ Гельсингфорсѣ. Теперь, по царскому приказанію, проектъ этотъ обсуждался финляндскимъ сенатомъ, который временно ассигновалъ значительную сумму въ 42,200 мар. на усиленіе состава гельсингфорской полиціи. Во главѣ ея, по прежнему стоитъ отчаянный взяточникъ и настоящій шутъ гороховый Карлстедтъ, который такъ печально отличился во время демонстраціи 5(18) апрѣля*).

Жандармскій режимъ, сопровождающійся неслыханнымъ разгромомъ періодической печати, вызвалъ въ Финляндіи быстрое развитіе всевозможной нелегальной прессы, о которой до 1900 года никто не имѣлъ никакого представленія. Теперь „Фин. Газ.“ постоянно вопитъ о „подпольной“ печати. Въ шведскихъ и финскихъ газетахъ, печатающихся въ Стокгольмѣ, много сравнительно мѣста и вниманія удѣляется революціонной борьбѣ въ Россіи. Финляндцы съ большимъ сочувствіемъ слѣдятъ за ея развитіемъ, понимая, что будущность ихъ страны тѣсно связана съ грядущей революціей въ нашемъ отечествѣ. Русское правительство энергично содѣйствуетъ революціонизированію цѣлаго народа, гордившагося до послѣдняго времени своею лойяльностью. Теперь же въ свободной финляндской прессѣ начинаетъ обсуждаться столь важный вопросъ, какъ вопросъ объ отношеніи финляндской оппозиціи къ русскому революціонному движенію и о необходимости совмѣстной борьбы финскаго народа и русскихъ революціонныхъ элементовъ. Правда, въ финляндскихъ свободныхъ (оппозиціонныхъ, но только умѣренныхъ и отнюдь не революціонныхъ) изданіяхъ высказываются мнѣнія за и противъ этого вопроса. Но уже важенъ самый фактъ обсужденія его. Открытое выраженіе нашихъ симпатій къ народу, страдающему подъ гнетомъ той же шайки разбойниковъ, которая безконтрольно и безнаказанно распоряжается судьбой милліоновъ русскихъ гражданъ, несомнѣнно, усилило бы мужество финляндскихъ борцовъ и вселило бы въ нихъ довѣріе къ русскимъ революціонерамъ. Мы, подобно автору прекрасной брошюры: „Рабочее дѣло въ Россіи“, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ выраженіе русскимъ пролетаріатомъ своего мнѣнія по финляндскому вопросу во время демонстрацій. Соотвѣтствующія надписи на знаменахъ и дружные крики борцовъ-рабочихъ произведутъ, по нашему мнѣнію, сильное впечатлѣніе не только на финскій народъ, но и на правительство, которое увидитъ въ этомъ политическую зрѣлость русскаго пролетаріата, умѣющаго протестовать противъ водворенія самодержавія въ свободной доселѣ странѣ. Я не настаиваю теперь же на необходимости устройства спеціальныхъ демонстрацій по финляндскому вопросу, но предлагаю соединить протесты противъ русскаго безправія съ протестами противъ грубаго произвола въ Финляндіи. Это наглядно показало бы финляндцамъ, кто ихъ истинные друзья въ Россіи, и съ достаточной силой подчеркнуло бы разницу между симпатіями русскихъ либераловъ, осмѣливающихся, въ лучшемъ случаѣ, про себя вздохнуть, и симпатіями русскихъ революціонеровъ. Многіе финляндцы, къ сожалѣнію, еще отожествляютъ различныя фракціи русскихъ революціонеровъ съ легальной оппозиціей нашихъ, по большей части, беззубыхъ либераловъ. Нашъ открытый протестъ по поводу коварной политики русскаго правительства въ Финляндіи былъ бы въ одно и то же время протестомъ противъ нынѣшняго фактическаго главы самодержавія, Плеве, главнаго палача русскихъ революціонеровъ и палача финляндской свободы. Финляндцы тогда еще лучше поняли бы, что нашъ девизъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ демократическая республика!“ долженъ быть и ихъ девизомъ. Лишь когда осуществится нашъ девизъ, лучи политической свободы снова и уже навсегда засіяютъ въ Финляндіи.

* * *

Въ дополненіе къ письму нашего финляндскаго корреспондента сообщаемъ доставленный намъ однимъ товарищемъ переводъ „Программы финской рабочей партіи“, принятой на рабочемъ конгрессѣ въ Або въ іюлѣ 1899 г. (Эта же программа принята и всеобщимъ Союзомъ по-шведски говорящихъ рабоч. Финляндіи, изъ органа котораго „Arbetaren“ мы и заимствуемъ ее).

Финская Рабочая Партія, исходя изъ основныхъ положеній рабочаго движенія въ вопросѣ о развитіи общества, стремится къ экономическому и соціальному освобожденію финскихъ рабочихъ. Подчеркивая, что главнымъ условіемъ этого освобожденія является сохраненіе и защита національной самостоятельности Финляндіи, Партія поставила своей ближайшей задачей выполненіе слѣд. программы:

1) Всеобщее, равное и прямое избирательное право во всѣхъ выборахъ и голосованіяхъ для каждаго финскаго гражданина, достигшаго 21-лѣтняго возраста, и безразлично какого пола. Пропорціональная система выборовъ. Двухъ-годичные законодательные періоды. Производство выборовъ и перебаллотировокъ въ опредѣленный закономъ праздничный день.

2) Право народа черезъ представительство издавать законы и самому облагать себя податями (право законодательства и самообложенія).

3) Полная свобода союзовъ, собраній, слова и печати.

4) Рабочій день не долженъ превышать восьми часовъ. Максимумъ рабочаго дня и минимумъ заработной платы должны быть немедленно установлены при государственныхъ и коммунальныхъ работахъ.

5) Всеобщее обязательное школьное обученіе. Безплатное обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Народная школа должна быть преобразована въ подготовительную школу для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

6) Военные расходы должны быть въ высшей степени уменьшены, идея мира развита и осуществлена въ дѣйствительности.

7) Полное равноправіе мужчинъ и женщинъ.

8) Законъ объ общемъ запрещеніи изготовленія и продажи спиртныхъ напитковъ.

9) Развитіе фабричнаго законодательства. Число фабричныхъ инспекторовъ сильно увеличено; назначеніе помощниковъ фабричныхъ инспекторовъ изъ среды рабочаго класса. Назначеніе женскихъ фабричныхъ инспектрисъ.

10) Равномѣрно увеличивающійся подоходный налогъ и налогъ на наслѣдства. Уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ.

11) Страхованіе рабочихъ государствомъ.

12) Безплатная юридическая и медицинская помощь.

13) Улучшеніе положенія безземельнаго населенія, арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ

БЛАГОРОДСТВО, ВМѢСТО ПРОГРАММЫ, И НЕРВНОСТЬ, ВМѢСТО ТАКТИКИ.

Давая политическую оцѣнку ростовскихъ событій, наша газета, между прочимъ, писала: „Впрочемъ, соц.-рев. дѣло представляется, вѣроятно, въ иномъ свѣтѣ и, съ ихъ точки зрѣнія, было бы, должно быть, „цѣлесообразнѣе“, если бы шестеро убитыхъ въ Ростовѣ товарищей отдали свою жизнь на покушенія противъ тѣхъ или иныхъ полицейскихъ извергов?“ По поводу этихъ словъ „Рев. Рос.“ дѣлаетъ попытку обварить читателя лавой клокочущаго благородства: „Трудно себѣ представить, чтобы послѣ только-что разгромленнаго, подавленнаго движенія, надъ свѣжеусыпанными могилами погибшихъ борцовъ, надъ ихъ пролитой и едва успѣвшей высохнуть кровью революціонеры двухъ фракцій могли поднимать между собою споръ о томъ, въ какомъ видѣ они предпочли бы смерть своихъ товарищей. Такія кощунственныя (какъ я благороденъ!) пререканія — если бы они были возможны — свидѣтельствовали о томъ, что въ сектантскомъ ослѣпленіи люди способны забыть, до какой степени является для нихъ драгоцѣнной эта кровь, святыми — эти жертвы, серьезными и подавляюще-трагичными — эти событія... Что за извращенное, что за изумительное представленіе о революціонерахъ!„ (№ 15).

Свѣжеусыпанныя могилы... кровь... кощунство... трупы... жертвы... сектантское ослѣпленіе... а надъ всѣмъ этимъ — сверкающія молніи „внѣфракціоннаго“ благородства. Благочестивый читатель ослѣпленъ и оглушенъ, и въ результатѣ — вопросъ благополучно эскамотированъ.

А вопросъ, между тѣмъ, требуетъ категорическаго отвѣта. Въ № 12 „Рев Рос.“ мы читали, что невооруженныя демонстраціи въ будущемъ „врядъ-ли могутъ оказывать то же воодушевляющее, бодрящее дѣйствіе... Наростаетъ опасность, что онѣ иногда окажутъ деморализующее дѣйствіе“ (курсивъ автора). Но къ массовому вооруженному отпору мы еще не готовы — разсуждала далѣе „Рев. Рос.“, — остается терроръ, сколько бы противъ него ни возставали „противники рѣшительныхъ способовъ дѣйствія“. Конечно, терроръ стоитъ жертвъ. „Но вотъ, во время одной только Батумской рабочей демонстраціи перебито около тридцати человѣкъ изъ безоружной толпы. Мирная демонстрація во время Обуховской забастовки также оканчивается побоищемъ, льется кровь“. Пора перестать быть „только наковальней, миссія которой — принимать удары молота“, пора отвѣчать на удары по массѣ... револьверными выстрѣлами (не всегда, какъ извѣстно, попадающими въ цѣль).

Логика истинно-революціонныхъ событій, разыгравшихся въ Ростовѣ, сдунула, какъ карточный домикъ, хрупкую террористическую логику „Р. Р.“. Значеніе ростовскихъ дней неоцѣнимо, между прочимъ, потому, что при ихъ свѣтѣ террористическіе акты должны были получить настоящую, не романтическую оцѣнку... Мы предложили нашимъ противникамъ, сторонникамъ „рѣшительныхъ способовъ дѣйствія“, приложить соображенія, развитыя въ № 12, къ конкретному факту, — и рѣшить: не лучше-ли было бы для дѣла теперь, когда вооруженная демонстрація въ Ростовѣ была еще невозможной, чтобы шесть погибшихъ товарищей сложили свою жизнь въ шести террористическихъ актахъ. „Коли смерть, такъ ужъ лучше смерть съ оружіемъ въ рукахъ, смерть, которая обходится недешево и врагу“.

И въ отвѣтъ — шумный потокъ неотразимо-благородныхъ словъ. Конечно, господа, вы благородны. Конечно, вы выше „минутныхъ разсчетовъ междуфракціонной борьбы“, но неужели же это лишало насъ права надѣяться, что великій наглядный урокъ ростовскихъ событій внушитъ вамъ истинно-революціонный отвѣтъ на вопросъ: „Какъ отвѣчать на правительственныя звѣрства?“ (заглавіе цитированной статьи въ № 12 „Р. Р.“). — подготовленіемъ-ли массоваго отпора, или же символизаціей революціи при помощи отдѣльныхъ ударовъ? Вы находите, что „ростовскія событія слишкомъ сложны, чтобы избрать ихъ поводомъ для сведенія счетовъ съ другими фракціями“? Что значитъ эта банальная увертка? Ростовскія событія сложны, ростовскія событія важны, — ихъ нужно понять, ихъ нужно оцѣнить. Но оцѣнка зависитъ отъ классовой точки зрѣнія, пониманіе зависитъ отъ доктрины. Гдѣ же еще мѣсто „для сведенія счетовъ“ съ революціоннымъ авантюризмомъ, съ принципіальной безпринципностью, какъ не здѣсь, въ оцѣнкѣ этихъ сложныхъ и важныхъ событій?

Вамъ не нравится наша соц.-дем. оцѣнка? Это понятно, если принять во вниманіе вашу собственную „демократическую“ природу. Давайте намъ вашу оцѣнку. Разбивайте нашу. Это будетъ полезной борьбой взглядовъ. Но это прятаніе головы въ песокъ „объединительства“; но эта эквилибристика со словомъ „фракція“; но это стремленіе прикрыть плющемъ фразеологіи коренныя разногласія по вопросамъ программы и тактики, — что, кромѣ вящщей путаницы, можетъ произвести подобная „тактика“?

Да и сами вы, при всей вашей „внѣфракціонной“ добродѣтели, не удерживаетесь вѣдь отъ „кощунственныхъ пререканій“ по поводу ростовскихъ событій. И хорошо дѣлаете, что не удерживаетесь. Желая противопоставить свою тактику тактикѣ соц.-демократической, вы договариваетесь въ той же статьѣ до крайне поучительныхъ вещей. Въ Ростовѣ, разсказываете вы, „образовался было небольшой кружокъ, пытавшійся самостоятельно вмѣшаться въ стачку и выпустившій прокламацію за подписью „группы соц.-рев.“. Какъ ни мимолетна была эта попытка — говорите вы, — но и въ ней все-таки обнаружилась одна характерная особенность всѣхъ людей и кружковъ, тяготѣющихъ... къ соціально-революціонному теченію. Это — стремленіе не идти въ хвостѣ событій, а толкать ихъ впередъ, требованіе смѣлой революціонной иниціативы“ и пр. и пр.

Образовался было кружокъ... попробовалъ вмѣшаться... но попытка оказалась „мимолетной“. Это, дѣйствительно, довольно „характерная особенность“! Когда идетъ систематическая работа революціонизированья массъ — соц.-демократія одинока. Но какъ только поднятая ею общественная температура даетъ мѣсто революціонной „мимолетности“, — появляется группа соц.-революціонеровъ и пытается „самостоятельно вмѣшаться“. Эта характеристика, данная соц.-рев. публицистомъ, по-истинѣ превосходна. Она полна глубокаго значенія. Въ нѣсколькихъ строкахъ съ самоубійственной ясностью вскрытъ историческій „смыслъ“ возникновенія всей партіи соц.-рев.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ соц.-дем. въ полномъ одиночествѣ разрыхляла общественную почву, внося революціонныя

---

*) Интересующимся этимъ вопросомъ можно рекомендовать небольшую брошюру: „Растлѣніе гельсинфоргской полиціи“, Берлинъ 1902 года.

Пролетаріатъ и крестьянство.

II. Пролетаріатъ и крестьянство „на Западѣ“.

Мы начинаемъ съ „Запада“. Почему? Это выяснится самимъ ходомъ изслѣдованія. Теперь же мы просимъ читателя удовольствоваться пока тѣмъ общимъ соображеніемъ, что западныя страны болѣе „развиты“, чѣмъ наше отечество, а болѣе развитыя страны до нѣкоторой степени показываютъ то, что предстоитъ „отсталымъ“.

Что такое пролетарій? Это производитель, который не имѣетъ никакихъ средствъ производства и потому вынужденъ продавать свою рабочую силу обладателю таковыхъ, капиталисту, т. е. долженъ работать по найму.

А что такое крестьянинъ? Это, прежде всего, землевладѣлецъ. Но прусскій юнкеръ тоже — землевладѣлецъ, а между тѣмъ его никто не назоветъ крестьяниномъ. Стало быть, землевладѣніе составляетъ хотя необходимый, но еще недостаточный признакъ того общественнаго слоя, который называется крестьянствомъ.

Каковы же его другіе признаки? Прежде, въ то доброе старое время, когда „западныя“ страны, — напр., хоть та же Пруссія, — были отсталыми въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ мы назвали отсталой Россію, крестьянская поземельная собственность отличалась тамъ отъ дворянской правовымъ положеніемъ собственника. Теперь правовыя различія этого рода, можно сказать, совсѣмъ исчезли даже въ наименѣе „передовыхъ“ изъ западно-европейскихъ странъ, и потому крестьянское землевладѣніе характеризуется тамъ лишь своими размѣрами.

Согласно опредѣленію, даваемому извѣстнымъ нѣмецкимъ экономистомъ Конрадомъ, крестьянскимъ считается такой участокъ, который достаточно великъ для того, чтобы занять своей обработкой всю рабочую силу своего обладателя и его семьи, но слишкомъ малъ для того, чтобы его обладатель могъ не принимать личнаго участія въ его воздѣлываніи и ограничиться трудомъ управленія и надзора за наемными рабочими*).

Конрадъ противопоставляетъ крестьянина обладателю парцеллы, который не можетъ жить доходомъ со своего клочка земли и вынужденъ искать заработка на сторонѣ (тамъ же, стр. 438).

Если мы послѣдуемъ за Конрадомъ въ этомъ противопоставленіи, — а послѣдовать полезно въ интересахъ точнаго разграниченія понятій, — то крестьянское землевладѣніе все-таки окажется у насъ охватывающимъ участки весьма неодинаковой величины. Въ Германіи называютъ крестьянскими такіе участки, которые простираются отъ 2 до 100 гектаровъ (гектаръ — 0,9 десятины). Въ виду этого нельзя не согласиться съ А. Толстымъ, утверждавшимъ, что „есть мужикъ и мужикъ“. Крестьянинъ, владѣющій двумя-тремя гектарами, живетъ „трудами рукъ своихъ“ и въ лучшемъ случаѣ кое-какъ сводитъ концы съ концами; а крестьянинъ, имѣющій сто гектаровъ, не только пользуется благосостояніемъ, но — и это для насъ главное — не можетъ обойтись въ своемъ хозяйствѣ безъ наемныхъ рабочихъ. Поэтому онъ принадлежитъ къ классу предпринимателей, эксплуататоровъ.

Но эти двѣ категоріи крестьянъ соединяются между собою множествомъ промежуточныхъ ступеней, дѣлающихъ почти незамѣтнымъ переходъ отъ одной изъ нихъ къ другой. При томъ же крестьянинъ, эксплуатирующій наемныхъ рабочихъ, самъ принимаетъ участіе въ ихъ трудѣ и этимъ отличается отъ крупнаго предпринимателя, который только распоряжается и управляетъ „дѣломъ“. Характеръ крестьянина, имѣющаго батраковъ, отличается, стало быть, двойственностью: такой крестьянинъ не только эксплуататоръ; онъ также и производитель.

Чѣмъ больше у него батраковъ, тѣмъ меньше, обыкновенно, его личное участіе въ ихъ трудѣ и тѣмъ болѣе въ его характерѣ преобладаютъ черты эксплуататора; а чѣмъ незначительнѣе число его батраковъ, тѣмъ больше приходится работать ему самому и тѣмъ болѣе онъ приближается къ мелкимъ, самостоятельнымъ производителямъ.

Такъ какъ его характеръ опредѣляется этими двумя чертами, то для пониманія этого характера надо имѣть ясное представленіе: 1) о томъ, что такое эксплуататоръ; 2) о томъ, что такое самостоятельный производитель.

Всякій соціалистъ хорошо знаетъ, что такое эксплуататоръ. На этотъ счетъ распространяться излишне. Поэтому мы прямо переходимъ къ выясненію того, что такое мелкій самостоятельный производитель. Выяснить это намъ тѣмъ болѣе полезно, что значительная часть крестьянства цѣликомъ принадлежитъ къ этой категоріи, обрабатывая свои участки своими собственными силами и вовсе не прибѣгая къ покупкѣ чужой рабочей силы.

Прежде всего мы наталкиваемся здѣсь на такіе вопросы: имѣемъ-ли мы право отождествить понятіе: мелкій самостоятельный производитель съ понятіемъ: пролетарій? А если для ихъ отождествленія нѣтъ достаточнаго основанія, то не можемъ-ли мы, по крайней мѣрѣ, объединить ихъ въ одномъ общемъ, болѣе широкомъ понятіи, напр., въ понятіи: трудящееся населеніе?

И да, и нѣтъ! Здѣсь все зависитъ отъ точки зрѣнія.

Если мы станемъ на точку зрѣнія морали и, объявивъ эксплуатацію чужого труда безнравственной, будемъ классифицировать членовъ современнаго цивилизованнаго общества сообразно тому, живутъ или не живутъ они такой эксплуатаціей, то у насъ непремѣнно выйдетъ, что и пролетарій, работающій по найму, и ремесленникъ, не имѣющій наемныхъ рабочихъ, и крестьянинъ, собственнымъ трудомъ воздѣлывающій свое поле, принадлежатъ къ одному общественному классу, — классу производителей, неповинныхъ въ эксплуатаціи своихъ согражданъ. И этому классу будетъ противостоять у насъ классъ эксплуататоровъ.

Но можемъ-ли мы довольствоваться точкой зрѣнія морали?

Намъ опять приходится отвѣтить: и да, и нѣтъ. Здѣсь все зависитъ отъ нашей умственной требовательности.

Было время, когда многіе соціалисты совершенно довольствовались точкой зрѣнія морали. Это время было временемъ утопическаго соціализма. А потомъ соціалисты перестали довольствоваться точкой зрѣнія морали и перешли на точку зрѣнія науки. Тогда началась эпоха научнаго соціализма*).

Послѣдователи научнаго соціализма стремятся къ научному пониманію и къ научной классификаціи явленій. А научная классификація явленій основывается на ихъ свойствахъ или на ихъ происхожденіи, а не на тѣхъ моральныхъ сужденіяхъ, которыя мы произносимъ по ихъ поводу. Мы можемъ сколько-угодно порицать волка и хвалить соидеи въ рабочіе кварталы, подъ громомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ всего такъ-наз. прогрессивнаго общества. Доктринеры, догматики, фанатики, фаталисты, соціал-буржуа... цѣлая свита такихъ эпитетовъ сопровождала русскихъ „учениковъ“. Эти эпитеты фабриковались отставными вождями и пророками, съ которыми гг. соц.-рев. состоятъ въ несомнѣнномъ духовномъ родствѣ. И что же? Всѣ формы оппозиціонной и революціонной борьбы, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе годы, являются производными или отраженными эпизодами основного революціоннаго процесса: политическаго пробужденія рабочаго класса. Черезъ его посредство соц.-дем. вызвала студентовъ на улицу. Крестьянство, поскольку въ его бунтахъ имѣются зародыши политической идеи, восприняло ихъ отъ революціонизированнаго соц.-дем. пролетаріата. Она же оживила эту бѣдную земскую оппозицію, подаривъ ей подъ конецъ въ качествѣ вождя ex-соціалиста, воспитаннаго на марксизмѣ. И, наконецъ, — это не парадоксъ — сама партія соц.-рев. обязана соц.-демократіи своимъ существованіемъ.

---

*) Handwörtererbuch d. Staatsw., B. II., S. 437.

*) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что многіе соціалисты-утописты уже понимали неудовлетворительность моральной точки зрѣнія и стремились къ научному анализу общественной жизни. Но они еще не знали, гдѣ искать основы этой жизни, и потому ихъ анализъ не могъ идти далеко.

Эмансипированные отъ революціонной доктрины, лишенные классовой силы, соц.-рев. не способны на самостоятельную революціонную роль. Все, на что они уполномочены своей природой, — это „мимолетная“ попытка „самостоятельно вмѣшаться“ въ ходъ событій, не ими вызванный, съ ихъ работой не связанный. Они хотятъ сразу „сорвать банкъ“. Это вполнѣ естественное желаніе для безпринципной, политически-нервной группы интеллигентовъ. Сегодня, послѣ ростовскихъ событій, она говоритъ о необходимости знать, гдѣ лежитъ оружіе, гдѣ расположены войска, дабы, „воспользовавшись стачкой, овладѣть городомъ“, а завтра, когда попытка овладѣть городомъ окажется неудачной, она будетъ призывать насъ („пока!“) къ террористическимъ экзерсисамъ. Ва-банкъ! Это называется „требованіемъ смѣлой революціонной инициативы“, „стремленіемъ не идти въ хвостѣ событій, а толкать ихъ впередъ“! Отъ кого вы требуете революціонной инициативы? Проявите ее! Какія событія вы толкали впередъ? Мы не знаемъ такихъ событій! Весь вашъ революціонизмъ есть оборотная сторона оппортунизма. Вся ваша практика — полное отсутствіе революціонной инициативы и безпомощное, рабье заигрываніе съ революціоннымъ моментомъ...

ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНІЯ БУНДА.

Мы только-что получили № 106 „Послѣднихъ Извѣстій“ Бунда (отъ 3/21 января), содержащій сообщеніе о чрезвычайно важномъ, рѣшительномъ и до послѣдней степени печальномъ шагѣ Бунда. Оказывается, что въ Россіи вышло заявленіе Центральнаго Комитета Бунда по поводу извѣщенія Организаціоннаго Комитета. Вѣрнѣе, впрочемъ, было бы сказать: заявленіе по поводу примѣчанія въ извѣщеніи О. К., ибо главнымъ образомъ по поводу одного этого примѣчанія и разсуждаетъ Бундъ въ своемъ заявленіи.

Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ знаютъ наши читатели, О. К. сказалъ въ этомъ ужасномъ „примѣчаніи“, изъ котораго (будто бы изъ котораго!) загорѣлся сыръ-боръ, буквально слѣдующее:

„Бунду также было предложено прислать своего представителя въ О. К., но по неизвѣстнымъ намъ причинамъ Бундъ не отозвался на наше предложеніе. Надѣемся, что причины эти были чисто случайныя, и Бундъ не замедлитъ прислать своего представителя“.

Спрашивается, что можетъ быть естественнѣе и невиннѣе этого примѣчанія? Какъ могъ поступить иначе О. К.? Умолчать о Бундѣ было бы неправдой, ибо О. К. не игнорировалъ его, да и не могъ игнорировать, пока Бундъ, на основаніи рѣшенія партійнаго съѣзда 1898 г., входитъ въ Росс. С.-Д. Р. Партію. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали. Кажется, это ясно? И еще болѣе ясно, что если причины молчанія Бунда были неизвѣстны О. К., то онъ долженъ былъ именно такъ и сказать: „по неизвѣстнымъ намъ причинамъ“. Прибавкой словъ: надѣемся, что причины были чисто случайныя и что Бундъ не замедлитъ прислать представителя, — О. К. заявлялъ открыто и прямо о своемъ желаніи работать вмѣстѣ съ Бундомъ надъ организаціей съѣзда и возстановленіемъ Партіи.

Очевидно, что если бы Бундъ тоже раздѣлялъ это желаніе, то ему оставалось только послать своего представителя, котораго приглашали и конспиративнымъ путемъ и въ печатномъ заявленіи. Вмѣсто этого, Бундъ вступаетъ въ полемику съ примѣчаніемъ(!!) и въ печатномъ заявленіи излагаетъ отдѣльно и особо свои мнѣнія и свои взгляды на задачи О. К., на условія созыва съѣзда. Прежде, чѣмъ разсматривать „полемику“ Бунда, прежде, чѣмъ разбирать его взгляды, мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ выступленія Бунда съ особымъ печатнымъ заявленіемъ, ибо это выступленіе нарушаетъ элементарнѣйшія правила совмѣстнаго веденія революціоннаго дѣла, и особенно организаціоннаго дѣла. Одно изъ двухъ, господа: или вы не хотите работать въ одномъ общемъ О. К., и тогда никто не посѣтуетъ, конечно, на ваши отдѣльныя выступленія. Или вы хотите работать сообща, и тогда вы обязаны заявлять свои мнѣнія не отдѣльно передъ публикой, а передъ товарищами по О. К., каковой О. К. лишь какъ цѣлое выступаетъ уже публично.

Бундъ самъ прекрасно видитъ, конечно, что его выступленіе бьетъ въ лицо всѣмъ правиламъ товарищескаго веденія общаго дѣла, и онъ пытается прибѣгнуть къ слѣд., совсѣмъ уже слабому, оправданію: „Не имѣвъ возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящаго съѣзда ни путемъ личнаго участія въ совѣщаніи, ни путемъ участія въ редактированіи „Извѣщенія“, мы вынуждены хотя бы до нѣкоторой степени восполнить этотъ пробѣлъ въ настоящемъ заявленіи“. Спрашивается, неужели Бундъ серьезно вздумаетъ увѣрять, что онъ „не имѣлъ возможности“ послать письма въ О. К.? или послать письмо въ СПБ. Комитетъ? въ организацію „Искры“, въ „Южный Рабочій“? А послать своего делегата въ одну изъ этихъ организацій тоже не было возможности? Пытался-ли Бундъ сдѣлать хоть одинъ изъ этихъ „невозможно“-трудныхъ шаговъ, особенно, вѣроятно, трудныхъ для такой слабенькой, неопытной и лишенной всякихъ связей организаціи, какъ Бундъ?

Нечего играть въ прятки, господа! Это и неумно, и недостойно. Вы выступили отдѣльно, потому что вы захотѣли выступить отдѣльно. А захотѣли вы выступить отдѣльно, чтобы сразу же показать и провести свое рѣшеніе поставить на новую почву отношенія къ русскимъ товарищамъ: не входить въ Росс. С.-Д. Раб. Партію на основаніи устава 1898 г., а быть въ федеративномъ союзѣ съ нею. Вмѣсто того, чтобы обсудить этотъ вопросъ обстоятельно и всесторонне передъ всѣмъ съѣздомъ, какъ хотѣли это сдѣлать мы, воздерживавшіеся очень уже долго отъ продолженія начатой нами полемики по вопросу о федеративности и національности, — какъ хотѣли сдѣлать, несомнѣнно, всѣ или громадное большинство русскихъ товарищей, вмѣсто этого вы сорвали совмѣстное обсужденіе. Вы выступили не какъ товарищъ Петербурга, Юга, „Искры“, желающій сообща съ ними обсудить (и до съѣзда и на съѣздѣ) наилучшую форму отношеній, — вы выступили прямо какъ сторона, отдѣльно отъ всѣхъ членовъ Р. С.-Д. Р. П. ставящая всей этой Партіи свои условія.

Насильно милъ не будешь, говоритъ русская пословица. Если Бундъ не хочетъ оставаться въ той тѣснѣйшей связи съ Росс. С.-Д. Р. П., которую правильно намѣтилъ съѣздъ 1898 года, то, конечно, онъ не останется въ старыхъ отношеніяхъ. Мы не отрицаемъ его „право“ проводить свое мнѣніе и свое желаніе (мы вообще не прибѣгаемъ, безъ крайней нужды, къ разговорамъ о „правахъ“ въ революціонномъ дѣлѣ). Но мы очень жалѣемъ, что Бундъ потерялъ всякое чувство такта, проводя свое мнѣніе путемъ отдѣльнаго публичнаго выступленія въ то самое время, когда его пригласили въ общую организацію (О. К.), не высказывающую заранѣе никакого категорическаго мнѣнія по данному вопросу и созывающую съѣздъ именно для обсужденія всѣхъ и всякихъ мнѣній.

Бундъ пожелалъ провоцировать на немедленное заявленіе своего мнѣнія всѣхъ, кто иначе смотритъ на вопросъ. Ну что-жъ! Отъ этого мы, разумѣется, не откажемся. Мы скажемъ русскому и спеціально повторимъ еврейскому пролетаріату, что теперешніе вожди Бунда дѣлаютъ серьезную политическую ошибку, которую, несомнѣнно, исправитъ время, исправитъ опытъ, исправитъ ростъ движенія. Нѣкогда Бундъ поддерживалъ экономизмъ, содѣйствовалъ расколу заграницей, принималъ рѣшенія, что экономическая борьба есть лучшее средство политической агитаціи. Мы возставали противъ этого и боролись. И борьба помогла исправленію старыхъ ошибокъ, отъ которыхъ теперь, вѣроятно, не осталось и слѣда. Мы боролись противъ террористическихъ увлеченій, которыя миновали, повидимому, еще гораздо скорѣе. Мы увѣрены, что минуютъ и увлеченія националистическія. Еврейскій пролетаріатъ пойметъ, въ концѣ концовъ, что тѣснѣйшее единеніе съ русскимъ въ одной партіи требуется самыми насущными его интересами, что верхъ неразумія предрѣшать заранѣе, будетъ-ли эволюція еврейства въ свободной Россіи отличаться отъ его эволюціи въ свободной Европѣ, что Бунду не слѣдуетъ идти дальше требованія (въ Росс. С.-Д. Раб. Партіи) той полной автономіи въ дѣлахъ, касающихся еврейскаго пролетаріата, которая вполнѣ признана съѣздомъ 1898 г. и никогда никѣмъ не была отрицаема.

Но вернемся къ заявленію Бунда. Примѣчаніе къ „Извѣщенію“ О. К. онъ называетъ „двусмысленнымъ“. Это — неправда, стоящая на границѣ инсинуаціи. Ц. К. Бунда самъ признаетъ парой строкъ далѣе, что „причины отсутствія нашего представителя на совѣщаніи были чисто случайныя“. А что сказалъ О. К.? Онъ выразилъ надежду, что представитель Бунда не явился по случайной причинѣ. Вы сами подтверждаете его предположеніе и сами же сердитесь. За что? Далѣе. Случайнаго никому не дано знать напередъ. Значитъ, слова Заграничнаго Комитета Бунда, будто О. К. зналъ помѣшавшія явкѣ причины, совсѣмъ неосновательны. З. К. Бунда играетъ вообще самую неприличную роль въ этой исторіи: З. К. Б. добавляетъ къ заявленію Ц. К. Бунда свои измышленія, прямо противорѣчащія даже словамъ самого Ц. К.! Какимъ образомъ З. К. Бунда могъ освѣдомиться, что О. К. зналъ причины отсутствія Бунда, когда приглашенъ былъ Ц. К. (а не З. К.) Бунда? когда самъ Ц. К. Бунда называетъ эти причины отсутствія чисто случайными??

„Мы увѣрены, — говоритъ Ц. К. Бунда, — что употреби иниціаторы совѣщанія нѣсколько больше усилій, эти случайныя причины не могли бы помѣшать намъ отозваться“... Мы спросили бы всякаго безпристрастнаго человѣка: если два товарища, собирающіеся съѣхаться въ О. К., признаютъ въ одинъ голосъ, что причины, помѣшавшія свиданію, были „чисто случайныя“, то умѣстно-ли, прилично-ли поднимать публичную полемику о томъ, кто больше виноватъ въ неявкѣ? Съ своей стороны замѣтимъ, что мы уже давно выражали (конечно, не въ печати, а въ письмѣ) сожалѣніе по поводу отсутствія Бунда и намъ было сообщено, что Бундъ былъ приглашенъ дважды: во-первыхъ, письмомъ, и, во-вторыхъ, личнымъ сообщеніемъ черезъ ...скій Комитетъ Бунда.

Делегатъ явился почти мѣсяцъ спустя послѣ совѣщанія, жалуется Бундъ. Да, это ужасное преступленіе, достойное, конечно, пропечатанія, ибо оно особенно рельефно оттѣняетъ аккуратность Бунда, не собравшагося послать делегата даже и два мѣсяца спустя!

Делегатъ „не выполнилъ своего обѣщанія“ прислать „Извѣщеніе О. К. въ рукописи или въ печати, но обязательно до распространенія... Мы совѣтуемъ нашимъ русскимъ товарищамъ не разговаривать съ нѣкоторыми людьми безъ протоколовъ. Мы вотъ тоже имѣли обѣщаніе отъ организаціи „Искры“ прислать намъ и рукопись, и печатный экземпляръ Извѣщенія, но, тѣмъ не менѣе, рукописи не имѣли вовсе, а печатный экземпляръ увидали гораздо позднѣе, чѣмъ члены организацій, не имѣющихъ сношеній съ организаціей „Искры“. Пусть рѣшатъ бундисты вопросъ о томъ, прилично-ли было бы съ нашей стороны, если бы мы печатно стали обвинять организацію „Искры“ въ нарушеніи обѣщанія? Делегатъ О. К. обѣщалъ Ц. К. Бунда немедленно написать товарищу, распоряжавшемуся печатаніемъ Извѣщенія, о задержаніи этого печатанія: вотъ каково было настоящее обѣщаніе (насколько мы можемъ судить по нашимъ свѣдѣніямъ). Оно было выполнено, но задержать печатаніе оказалось уже невозможнымъ, ибо снестись съ техникой не оставалось времени.

Резюмируемъ: иниціаторы О. К. писали письма, дѣлали сообщеніе лично черезъ ...скій Комитетъ, посылали делегата въ Ц. К. Бунда, а Бундъ въ теченіи мѣсяцевъ не послалъ ни одного письма, не говоря о посылкѣ делегата! И Бундъ же выступаетъ печатно съ обвиненіями! И З. К. Бунда имѣетъ странность увѣрять, что „странно“ вели себя иниціаторы совѣщанія, что ихъ дѣйствія стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ихъ цѣлью, что они проявили „поспѣшность“ (Ц. К. Бунда, наоборотъ, обвиняетъ въ медленности!), что они хотятъ „произвести впечатлѣніе“, будто Бундъ „отнесся индифферентно“!!

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу обвиненія О. К. въ томъ, что онъ не сдѣлалъ „единственно правильнаго вывода“, состоящаго въ слѣдующемъ: „Разъ Партіи фактически не существуетъ, то предстоящій съѣздъ долженъ носить характеръ учредительнаго, а потому право участія въ немъ должно принадлежать всѣмъ существующимъ въ Россіи соц.-демокр. организаціямъ какъ русской, такъ и всѣхъ другихъ національностей“. Бундъ пытается обойти тотъ непріятный для него фактъ, что, не имѣя единаго центра, Рос. С.-Д. Раб. Партія существуетъ въ рядѣ комитетовъ и органовъ, имѣетъ „Манифестъ“ и рѣшенія перваго съѣзда, на которомъ, между прочимъ, и отъ имени еврейскаго пролетаріата дѣйствовали люди, не преуспѣвшіе еще въ экономическихъ, террористическихъ и националистическихъ шатаніяхъ. Выдвинувши формально „права“ „всѣхъ“ національностей на учрежденіе давно ужъ учрежденной Росс. С.-Д. Раб. Партіи, Бундъ наглядно подтверждаетъ этимъ, что именно изъ-за вопроса о пресловутой „федераціи“ и поднялъ онъ всю исторію. Но не Бунду бы объ этомъ вопросѣ заговаривать, и не о „правахъ“ должна тутъ идти рѣчь между серьезными революціонерами. Что на очереди дня стоитъ сплоченіе и объединеніе главнаго ядра Росс. С.-Д. Раб. Партіи, это всѣмъ извѣстно. Нельзя не сочувствовать представительству на съѣздѣ „всѣхъ“ національностей, но нельзя и забывать, что о расширеніи ядра или о союзѣ его съ другими организаціями можно думать только послѣ завершенія образованія (или, по крайней мѣрѣ, послѣ несомнѣннаго упроченія) этого ядра. Пока мы сами не стали едины организаціонно и не встали твердо на вѣрный путь, соединеніе съ нами ничего не дастъ „всѣмъ другимъ“ національностямъ! И рѣшеніе вопроса о возможности (а не о „правѣ“, господа!) представительства на нашемъ съѣздѣ „всѣхъ другихъ“ національностей, зависитъ отъ цѣлаго ряда тактическихъ и организаціонныхъ шаговъ О. К. и русскихъ комитетовъ, зависитъ, однимъ словомъ, отъ успѣха дѣятельности О. К. А что Бундъ съ самаго начала постарался бросить палки подъ колеса О. К., это — историческій фактъ.

баку. Это не помѣшаетъ зоологу отнести и того, и другую къ одному роду canis.

Какъ же представляется дѣло съ научной точки зрѣнія? Чтобы понять это, надо сначала разрѣшить вопросъ о томъ, что именно называется классомъ въ современной общественной наукѣ.

Марксъ задался этимъ вопросомъ въ послѣдней главѣ третьяго тома „Капитала“, причемъ формулировалъ его такъ: почему наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы составляютъ три великихъ класса современнаго общества? Указанная глава осталась неоконченной, и потому не даетъ полнаго отвѣта. Однако, даже и то, что сказано тамъ, достаточно опредѣляетъ мысль автора, если не съ положительной, то съ отрицательной ея стороны. Именно, мы узнаемъ, что, по мнѣнію Маркса, только на первый взглядъ кажется, будто дѣло тутъ (въ вышеприведенной классификаціи) заключается въ одинаковости дохода и источника дохода; дальнѣйшій анализъ приводитъ къ другому выводу. Каковъ этотъ выводъ, осталось, повидимому, неизвѣстнымъ, такъ какъ именно въ этомъ мѣстѣ оборвалась рукопись третьяго тома. Но совершенно ясно, по крайней мѣрѣ, то что не распредѣленіемъ общественнаго дохода, — т. е. не подраздѣленіемъ его на заработную плату, предпринимательскую прибыль и поземельную ренту, — обусловливается раздѣленіе современнаго общества на три великихъ класса: наемныхъ рабочихъ, капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Распредѣленіе дохода не можетъ, стало быть, служить научной основой классификаціи этого рода.

Если это такъ, — а мы сейчасъ увидимъ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, — то очевидно, что очень ошибаются тѣ люди, которые относятъ крестьянина или вообще мелкаго самостоятельнаго производителя къ одному классу съ пролетаріемъ на томъ основаніи, что доходъ такого производителя не выше, а иногда и ниже, чѣмъ доходъ пролетарія, или же въ силу того соображенія, что крупный капиталъ эксплуатируетъ не только пролетарія, но также и мелкаго производителя. Факты, на которые при этомъ указываютъ, очень часто совершенно неоспоримы; но они имѣютъ совсѣмъ не то общественное значеніе, какое имъ обыкновенно приписываютъ.

Чѣмъ же обусловливается раздѣленіе общества на классы? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ другая, предпослѣдняя глава „Капитала“.

Общій выводъ, который изъ нея вытекаетъ, можетъ быть выраженъ словами самого Маркса: данныя отношенія распредѣленія являются выраженіемъ исторически опредѣленныхъ отношеній производства.

Но выраженіе предполагаетъ существованіе того, что выражается. Поэтому, данныя отношенія распредѣленія — т. е. данный способъ распредѣленія продукта, — предполагаетъ извѣстныя производственныя отношенія. Предполагаетъ не только логически, но и исторически. Наемный рабочій получаетъ извѣстный доходъ въ видѣ заработной платы. Это — фактъ, характеризующій собой отношенія распредѣленія. Наемный рабочій не имѣетъ ничего, кромѣ своей рабочей силы; всѣ средства производства принадлежатъ другимъ классамъ: капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Это — фактъ, относящійся къ области производственныхъ отношеній. Но почему же рабочій получаетъ только заработную плату, т. е. только часть продукта, созданнаго его трудомъ? Именно потому, что у него нѣтъ ничего, кромѣ рабочей силы. Отношенія распредѣленія выражаютъ собой отношенія производства. Но они не только выражаютъ ихъ, а также и обусловливаются ими. Если бы не было свойственныхъ капиталистическому обществу производственныхъ отношеній, то и не было бы свойственныхъ ему отношеній распредѣленія. А его производственныя отношенія представляютъ собою лишь одинъ періодъ въ экономической исторіи человѣчества. Они возникли вслѣдствіе экономическаго развитія и исчезнутъ подъ его же вліяніемъ. Кто хочетъ понять судьбу, ожидающую нынѣшнее, буржуазное общество, тотъ ни на шагъ не приблизится къ своей цѣли, когда узнаетъ, какъ совершается въ немъ распредѣленіе продукта; дѣло станетъ ему ясно только тогда, когда онъ пойметъ историческій характеръ, переходное, временное значеніе свойственныхъ этому обществу отношеній производства.

Теперь мы знаемъ, что такое общестсенный классъ. Это — болѣе или менѣе обширный разрядъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ отношеніяхъ производства къ другимъ разрядамъ. Раздѣленіе общества на классы обусловливается существующими въ немъ производственными отношеніями. Стало быть, къ этимъ отношеніямъ мы должны обратиться и при рѣшеніи вопроса о томъ, принадлежатъ-ли мелкіе самостоятельные производители къ одному классу съ пролетаріями.

Съ точки зрѣнія производственныхъ отношеній пролетарій совсѣмъ не то, что мелкій самостоятельный производитель. И тотъ, и другой трудятся; это такъ. Но одинъ трудится для себя, а другой — для хозяина; въ этомъ существенная разница. Если мелкій производитель трудится для себя, а не для хозяина, то этимъ онъ обязанъ не своему труду, а своему положенію обладателя извѣстныхъ средствъ производства. Это положеніе составляетъ отличительный признакъ этой категоріи производителей, заставляющій выдѣлить ее въ особый общественный классъ.

Кто думаетъ, что понятіе: пролетарій должно раствориться въ болѣе „широкомъ“ понятіи: трудящійся, тотъ или ничего не понимаетъ въ современномъ соціализмѣ, или умышленно насаждаетъ теоретическую путаницу ради какой-нибудь практической цѣли, не имѣющей ровно ничего общаго съ дѣломъ истиннаго освобожденія „трудящихся“.

Производственныя отношенія всякаго даннаго общества не только обусловливаютъ собою раздѣленіе его на классы и свойственное ему распредѣленіе продукта. Ими опредѣляется также направленіе всѣхъ великихъ общественныхъ движеній. Производственными отношеніями капиталистическаго общества обусловливается то обстоятельство, что пролетарій не можетъ сбросить съ себя ига капитала иначе, какъ совершивъ соціальную революцію. Поэтому пролетаріатъ является теперь классомъ революціоннымъ по преимуществу. Не то съ мелкими производителями. Принадлежность имъ средствъ производства является, какъ мы видѣли, залогомъ ихъ экономической самостоятельности. Поэтому ихъ жизненный интересъ требуетъ сохранія частной собственности на средства производства. Если производственныя отношенія дѣлаютъ изъ пролетарія революціонера, то изъ мелкаго производителя они дѣлаютъ консерватора. Само собою разумѣется, что этотъ консерваторъ далеко не всегда доволенъ своимъ положеніемъ. Онъ тоже можетъ роптать и волноваться. Но пока онъ стоитъ на своей собственной точкѣ зрѣнія; пока онъ усиливается защитить или возстановить характерныя для него отношенія производства, до тѣхъ поръ его недовольство пропитано духомъ консерватизма или даже реакціи: оно направляется не противъ частной собственности на средства производства, а противъ того, что мѣшаетъ ему пользоваться выгодами такой собственности. Онъ хотѣлъ бы остановить или повернуть назадъ колесо исторіи. И это давно и хорошо сознали гг. „охранители“. Такъ, уже цитированный нами

ИДЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ГАММА.

Русскій интеллигентъ скоро захлебнется въ волнахъ идеализма. Съ 1 марта въ Петербургѣ начнетъ выходить ежедневная газета „Заря“, очевидно, въ противовѣсъ штуттгартской „Зарѣ“. Редактировать ее будетъ Ярмонкинъ, авторъ „Писемъ идеалиста“. Цѣль газеты, по словамъ объявленія, — „проводить въ сознаніе образованнаго общества идеи правды и добра“. Благородная цѣль попала въ надежныя руки.

Не слагаетъ идеалистическаго оружія и авторъ „Письма къ ближнимъ“, г. Меньшиковъ, состоящій на содержаніи у г. Суворина, который въ свою очередь состоитъ на содержаніи у министерства финансовъ, а впрочемъ и у другихъ лицъ и вѣдомствъ...

Г. Минскій, г. Мережковскій, г. Розановъ, г. Перцевъ... вѣдь это все идеалисты, все божьи работнички по части проведенія, куда слѣдуетъ, идей правды и добра.

Черезъ христіанскую теософію Булгакова эта плеяда связывается съ созвѣздіемъ „Проблемъ идеализма“... Ихъ двѣнадцать, этихъ звѣздъ болѣе или менѣе первой величины.

Идеализмъ критико-философскій, идеализмъ христіанскій, идеализмъ нововременскій... Который изъ нихъ достолюбезнѣе?..

Мы готовы, впрочемъ, думать, что это не разные *типы*, а лишь разныя *степени*. Бѣдный г. Бердяевъ быстро, точно котъ въ сапогахъ, шагаетъ въ сторону гг. Волынскихъ, Минскихъ и Мережковскихъ...*) Различные этапы „ищущаго духа“ мелькаютъ передъ взорами читателя, точно въ панорамѣ. Кто знаетъ, что будетъ завтра?

Пріятно послѣ этой скачки отдохнуть душой на вполнѣ законченномъ идеализмѣ г. Сигмы и его коллеги г. Меньшикова. Здѣсь нѣтъ мѣста ни опасеніямъ, ни надеждамъ. Все ясно.

Узколобые матеріалисты — жалуется г. Сигма — утверждаютъ, что „человѣкъ есть химическое соединеніе, вскисшее на особыхъ дрожжахъ жизни, и все это говорится для того, чтобы сказать, что Бога нѣтъ, что нѣтъ ничего выше человѣка и что обязательно только то, чего желаетъ человѣкъ. А если человѣкъ — Богъ, то ему некому молиться, не передъ кѣмъ каяться, не изъ-за чего страдать. На мѣсто закона ставится человѣческая воля, на мѣсто міроваго разума — разсудокъ человѣческій, вмѣсто космоса — анархія, вмѣсто лада разбродъ.“ Съ глубокимъ раздумьемъ останавливается г. Сигма передъ двумя „лѣстницами мысли“: „или точныя науки, развитіе мышленія, обоготвореніе человѣческаго ума, *анархія*; — или гармоническое развитіе духа, свобода совѣсти, *общинность, гармонія жизни*“ (патріархальное грабительство)?

Вспомнивъ, очевидно, о призывѣ г. Булгакова отъ Маркса назадъ къ Николѣ Чудотворцу (отъ „ограниченной западной науки“ — къ „христіанской теософіи“), г. Сигма справедливо замѣчаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ, что такое современныя попытки спиритуалистовъ, какъ не примиреніе точныхъ наукъ съ умозрительными выводами церковнаго знанія. Возьмите, продолжаетъ благочестивый построчный идеалистъ, увѣщанія Антонія Великаго, пустынника IV вѣка, старавшагося обожить, сдѣлать богоподобными**) египетскихъ рыбаковъ и ребятъ... Способъ уразумѣть Бога, училъ пустынножитель, есть благость. Дѣло благого человѣка не продавать свободное произволеніе, внимая пріятію богатства, еслибы и вельми много было ему даваемо („ни за какія блага міра, ниже за власть и успѣхъ въ жизни“ вторитъ г. Бердяевъ). *Ибо сну подобны суть житейскія вещи и богатство есть только безвѣстная и маловременная мечта*“.

„...единственно, чѣмъ народъ воспитывается — дополняетъ г. Меньшиковъ своего товарища — это религіей; кроткая религія, серьезно проповѣданная темнымъ массамъ, въ состояніи дать человѣческой душѣ облики самаго высокаго благородства.“

Какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ разъ на всегда внушить этимъ „темнымъ массамъ“ черезъ посредство „кроткой религіи“, что „богатство есть безвѣстная и маловременная мечта“, а гнетъ и эксплуатація, [illegible] „житейскія вещи“, суть подобны сну!..

Тутъ мы подходимъ къ блаженной памяти идеалисту государственно-полицейскому Леонтьеву, который просто и ясно говорилъ: „религія — это великое ученіе... столь практическое и вѣрное для сдерживанія людскихъ массъ желѣзною рукавицею.“

Вотъ она полная идеалистическая гамма.

— Прочь грязныя руки! вопитъ г. Бердяевъ***), замѣтивъ, что въ „храмѣ“ идеализма его окружаетъ не весьма опрятное общество... А Всемірный Духъ смотритъ на маленькаго растеряннаго г. Бердяева съ высоты храма и иронически смѣется...

---

*) Въ своей статьѣ г. Бердяевъ съ гордостью заявляетъ, что со времени появленія его книги онъ „далеко ушелъ впередъ“ — въ сторону „метафизическаго идеализма и спиритуализма“.

**) Точь въ точь, какъ и г. Бердяевъ, который учитъ насъ, что „своего права на *образъ и подобіе Божества* (курсивъ вт.) нельзя уступить ни за какія блага міра, ни за счастіе и довольство..., ни за власть и успѣхъ въ жизни“ („Пробл. идеализма“, стр. 136).

***) См. его книжку.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Москва. (Изъ частнаго письма). Сообщаю Вамъ сейчасъ полученныя свѣдѣнія о состоявшемся на Рождество въ Москвѣ учительскомъ съѣздѣ. Эти свѣдѣнія принадлежатъ голосу изъ публики. ...„О съѣздѣ Вы, вѣроятно, читали уже и представляете себѣ, въ чемъ онъ заключался. Дѣло не обошлось безъ скандала, но за то скандала очень и очень поучительнаго. Изъ-за него чуть было не закрыли съѣзда раньше времени. Событія происходили въ слѣдующемъ порядкѣ: еще на одномъ прежде бывшемъ засѣданіи читался докладъ г-жи Вагнеръ „Правовое положеніе учителя“; на засѣданіи секціи съѣзда его разбирать не стали, а передали въ коммиссію. Коммиссія разработала этотъ докладъ и намѣтила цѣлый рядъ коренныхъ измѣненій въ положеніи учителей, который и представила на разсмотрѣніе съѣзда — въ слѣдующее засѣданіе предсѣдатель, послѣ чтенія доклада коммиссіи, заявилъ, что онъ не можетъ допустить обсужденіе всѣхъ затронутыхъ имъ вопросовъ, въ виду извѣстныхъ законоположеній. Одинъ изъ делегатовъ отвѣтилъ на заявленіе предсѣдателя горячей рѣчью, полною горькой правды о безправномъ положеніи нашего учителя, котораго лишаютъ кромѣ того еще права говорить объ этомъ положеніи. Кончивъ свою рѣчь, онъ демонстративно удалился изъ залы засѣданія; за нимъ послѣдовали почти всѣ делегаты и публика. Настроеніе было бодрое, приподнятое; всѣ дѣйствовали дружно. Тотчасъ былъ написанъ протестъ противъ предсѣдателя за такое веденіе дѣлъ. На другой день въ началѣ засѣданія одинъ изъ делегатовъ просилъ слова для объясненія по поводу вчерашняго инцидента. Предсѣдатель не далъ ему слова и настаивалъ на переходѣ къ чтенію слѣдующаго доклада. Делегаты и публика протестуютъ, предсѣдатель звонитъ, но ничего не можетъ сдѣлать. Наконецъ, дѣло кончается голосованіемъ, причемъ 40 голосовъ оказалось за предложеніе предсѣдателя и 34 — противъ. Высказавшіеся отрицательно покинули залъ засѣданія. Они собрались въ одной аудиторіи и начали говорить о томъ, какъ нужно дѣйствовать дальше. Каждый высказывалъ свое мнѣніе и наконецъ договорились до того, что было предложено выразить порицаніе министру за такіе ужасные законы, что нельзя говорить о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ; высказывались за закрытіе съѣзда, разъ нельзя говорить свободно, и многое, многое кое-что говорилось. Кн. Долгоруковъ высказался за то, что гораздо благоразумнѣе довести дѣло до конца, — остался всего одинъ день, что нужно дорожить, что при современныхъ условіяхъ удалось добиться хотя и такого съѣзда и т. п. При этомъ онъ замѣтилъ, что нужно было дѣйствовать не такъ, какъ они это сдѣлали, т. е. открыто заявили свой протестъ и отказались присутствовать на засѣданіи. — „Это напоминаетъ собой дѣйствія студентовъ“. — Многихъ задѣло это заявленіе. Одинъ изъ присутствовавшихъ отвѣтилъ кн. Долгорукову, что они не только не выражаютъ порицанія студенческимъ волненіямъ, а наоборотъ, высказываютъ имъ полное сочувствіе. (Браво! изъ публики.) Завтра будетъ закрытіе съѣзда...

Отъ редакціи. Мы еще въ первомъ номерѣ „Искры“ обращались съ призывомъ къ народнымъ учителямъ. Поздравимъ же ихъ съ тѣмъ, что они удостоились выслушать отъ благоразумныхъ пискарей сравненіе ихъ съ протестующими студентами. Пожелаемъ имъ поскорѣе заслужить своей политической борьбой сравненіе и съ революціоннымъ пролетаріатомъ!

Къ юбилею В. Д. Новицкаго. Адресъ. Кіевскій Комитетъ Россійской соц.-демократической раб. партіи генералу Новицкому по поводу двадцатипятилѣтія его жандармской дѣятельности и предполагаемаго оставленія имъ поста начальника Кіевскаго губернскаго жандармскаго Управленія.

Ваше Пр—ство, Высокопочитаемый Василій Дементьевичъ!

До насъ дошли вѣсти, что Вы, Ваше Превосходительство, собираетесь покинуть тотъ постъ, на которомъ Вы со славой подвизались уже четверть вѣка, она повергла насъ въ глубочайшую скорбь. Не думайте, Ваше Превосходительство, что это — шаблонная фраза, столь обычная при проводахъ высокопоставленныхъ лицъ. Нѣтъ, не имѣя высокой, хотя, можетъ быть, нѣсколько опасной чести, быть лично извѣстными Вашему Превосходительству, мы не видимъ нужды заискивать передъ Вами и говоримъ отъ полноты сердца.

Четверть вѣка стояли Вы на своемъ посту. Многія тысячи лицъ подвергнуты Вами за это время аресту, еще большее число — обыскамъ, нѣсколько сотенъ людей отправили Вы въ болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Европейской и Азіатской Россіи. При этомъ у Васъ была своя система. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ Вы искали себѣ жертвъ въ рядахъ той или другой революціонной фракціи, и систематически избѣгали трогать насъ, — членовъ комитета соціаль-демократической партіи, уже по многу лѣтъ принадлежащихъ къ его составу. Наша новая типографія существуетъ въ Кіевѣ уже почти четыре года, за эти годы безпрерывной работы шрифтъ успѣлъ стереться, и хотя за это время Вы обшарили не менѣе тысячи квартиръ, но при этомъ Вы всегда выбирали именно тѣ, гдѣ типографіи нѣтъ и быть не можетъ. За то Вы охотно направляли Ваши удары на умѣренно-либеральныхъ представителей интеллигентнаго и буржуазнаго общества, когда тѣ какимъ-либо образомъ, основательно или неосновательно, пріобрѣтали себѣ репутацію людей неблагонамѣренныхъ; Ваши удары падали на студентовъ, недовольныхъ университетскими порядками; всего же чаще — на рабочихъ, при чемъ Вы никогда не считали нужнымъ разбирать, кто изъ нихъ принадлежитъ къ соціаль-демократической партіи, кто ей только сочувствуетъ, а кто даже и вовсе не сочувствуетъ.

Намъ не дано проникнуть въ глубокій, но сокровенный смыслъ Вашихъ цѣлей, но мы хорошо знаемъ, что сотни людей изъ интеллигентнаго общества, ранѣе бывшихъ либералами, колеблющимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочихъ, никогда ранѣе не задумавшихся о своемъ положеніи, на которыхъ не дѣйствовали самыя горячія наши убѣжденія, — приходили къ намъ послѣ того, какъ они оканчивали курсъ въ школѣ Вашего Превосходительства. Васъ упрекаютъ за жестокость, многіе говорятъ о Вашемъ бездушіи и свирѣпости, нѣкоторые по поводу Вашей дѣятельности вспоминали того Щедринскаго генерала Топтыгина, котораго послали „учинять кровопролитія“ и который вмѣсто того „чижика съѣлъ“, но мы считаемъ такое сравненіе неправильнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, Вы не разъ учиняли дѣйствительныя „кровопролитія“, а во-вторыхъ, и съѣденный Вами чижикъ своимъ предсмертнымъ пискомъ не мало содѣйствовалъ пробужденію кіевскихъ обывателей отъ ихъ вѣковѣчнаго сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Кіева говорятъ о Васъ съ ужасомъ и ненавистью, чуть-ли не пугая Вами маленькихъ дѣтей; съ ненавистью и злорадствомъ они повторяютъ слухи о Вашемъ покровительствѣ притонамъ тайнаго разврата. Но мы не имѣемъ основанія ни ненавидѣть Васъ, ни бояться. Напротивъ, именно Вы, благодаря всѣмъ только что отмѣченнымъ чертамъ Вашей дѣятельности помогли намъ стать на ноги, окрѣпнуть и развернуть нашу дѣятельность, во всей ея нынѣшней широтѣ.

Глубоко благодарные Вамъ за всѣ Ваши услуги, мы не безъ зависти смотримъ на нашихъ московскихъ товарищей, которые отнынѣ, судя по газетнымъ слухамъ, будутъ осчастливлены Вашей помощью и шлемъ Вамъ пожеланіе еще многіе годы продолжать Вашу столь же цѣлесообразную дѣятельность, хотя и вдали отъ насъ. Мы увѣрены, что высшее начальство и впредь будетъ оказывать Вамъ свое благоволеніе, какъ оно его оказало въ текущемъ году, ввѣривъ Вамъ веденіе Всероссійскаго дѣла о революціонной организаціи „Искры“. Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемымъ по этому дѣлу уйти изъ Кіевской тюрьмы и, затѣмъ, благоразумно направили слѣдствіе по ложному слѣду. Если слухъ о переводѣ Вашемъ въ Москву не окажется газетной уткой и Вы, дѣйствительно, покинете насъ, смѣемъ надѣяться, что Вашъ замѣститель окажется достойнымъ Васъ. Преданный Вамъ

Кіевскій Комитетъ Росс. Соц.-Демократической Раб. Партіи.

Новый успѣхъ генерала Новицкаго. Генералу рѣшительно не везетъ въ его борьбѣ съ „Искрой“. Незадолго до августовскаго побѣга изъ кіевской тюрьмы туда была привезена нелегальная, арестованная 7 августа въ Кременчугѣ на вокзалѣ съ литературой „Искры“. Нелегальная оказалась Ириной Леманъ (урожден. Смедовичъ) раньше сосланной по дѣламъ СПБ. Союза на 4 г. въ Вятск. губ., откуда бѣжала въ 1899 г. Привлеченная къ дѣлу „Искры“, И. Леманъ была подвергнута, не въ примѣръ прочимъ, „строгому одиночному заключенію“, которое, конечно, усилилось послѣ августовскаго побѣга. 13 января И. Леманъ послѣдовала примѣру своихъ товарищей и покинула гостепріимную кіевскую тюрьму, причемъ для совершенія своего побѣга избрала логовище самого генерала Новицкаго — жандармское управленіе. О подробностяхъ побѣга сообщимъ въ слѣдующемъ номерѣ. Пока же выразимъ надежду, что администрація, которая за августовскій побѣгъ привлекла къ суду помощ. начальника тюрьмы Сулиму, заподозрѣвъ его соучастіе, не замедлитъ нынѣ обратить свое подозрѣніе и на жандармскаго юбиляра.

Печать патріотическаго доноса о Финляндіи. Леонтьевъ, „знаменитый“ наперсникъ „знаменитаго“ Каткова, говорилъ: „Пора перестать слову доносъ придавать унизительное значеніе“. Эта фраза была не простой цинической выходкой, но удачной формулировкой политической программы нашей реакціонной печати. „Моск. Вѣд.“, „Свѣтъ“, „Гражданинъ“, „Новое Время“ всей своей газетной практикой стараются привить обывателю эту срамную мысль, что благовременный доносъ есть естественная функція человѣка и гражданина.

„Политическій горизонтъ“ Финляндіи, читаемъ мы въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Нов. Вр.“, попрежнему покрытъ тучами... Всюду наблюдается внѣшнее спокойствіе, но подпольная работа мѣстныхъ крамольниковъ въ полномъ ходу... Агенты шведской партіи разошлись по краю и удвоили свое усердіе въ дѣлѣ распространенія смуты. Нелегальныя сходки продолжаются.., Суда въ Финляндіи, въ сущности, теперь нѣтъ, ибо политиканствующіе судьи не жрецы закона, а слуги партіи смуты. На свободѣ по той же причинѣ остаются и главари агитаціи, *но съ ними недолго справиться путемъ нѣкоторыхъ административныхъ полномочій*, предоставленныхъ начальнику края (№ 9648).“ Что это? Газетная статья или секретное донесеніе полицейскаго агента, по недоразумѣнію попавшее въ печать? И это въ такое время, когда у насъ даже „главари“ мирной земской „агитаціи“ устраняются при помощи „административныхъ полномочій“, когда вся страна изнываетъ въ борьбѣ съ тѣмъ самымъ режимомъ, который теперь стремятся ввести въ Финляндіи... И петербургская газета открыто служитъ дѣлу самодержавнаго сыска въ непокорной Финляндіи! И русское образованное общество не находитъ средствъ, чтобы заставить замолчать эту похотливую тварь!

Позоръ, позоръ, позоръ!!!

„Моск. Вѣдомости“, ратуя за введеніе въ Финляндіи русскихъ судовъ вмѣсто финляндскихъ, „потакающихъ крамолѣ“, говорятъ: „...нигдѣ такъ близко не узнаетъ финскій народъ русской сердечности, русской справедливости и русскаго великодушія, какъ въ русскихъ судахъ, дѣйствующихъ Именемъ Россійскаго Монарха!“ Вотъ именно!.. Послѣдніе политическіе процессы могутъ служить для финляндцевъ превосходной иллюстраціей этой „патріотической“ мысли. Безпощадная жизнь! Охранительный паѳосъ она съ тонкимъ коварствомъ превращаетъ въ революціонную сатиру.

Юбилейное холопство. Одесскій городской голова отправилъ президенту Академіи Наукъ вел. кн. Константину Константиновичу слѣдующую телеграмму:

„Представители печати, Общества вспомоществованія Литераторамъ и Общества любителей науки, совмѣстно съ 400 наборщиками, празднуя двухсотлѣтіе періодической печати и вспоминая неусыпные(!) труды вашего высочества на пользу просвѣщенія и въ честь литературы, единодушно(!!) почтительно привѣтствуютъ ваше высочество, прося принять сердечныя пожеланія многихъ лѣтъ и многихъ силъ для процвѣтанія и славы(!) родной литературы.“

„Слава родной литературы“ — это князь Константинъ, исключившій по полицейско-сыскнымъ соображеніямъ М. Горькаго изъ Академіи Наукъ. И одесскіе литераторы въ союзѣ съ наборщиками „единодушно и почтительно“ склоняются предъ однимъ изъ насильниковъ „просвѣщенія и литературы“. Что это? Фальсификація „единодушія“ со стороны одесскаго городского головы? Или политическое растлѣніе дѣятелей одесской печати?

Самара. Въ концѣ 1902 г. въ Самарѣ впервые появились прокламаціи за подписью Самарскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Прокламацій съ этой подписью было всего три.

Конрадъ говоритъ о крестьянахъ: „Крестьянство всегда было консервативнѣйшимъ элементомъ государства; оно всегда упорно держалось за старое и защищало его съ величайшей энергіей. Пониманіе важнаго значенія имущества и любовь къ отечеству дѣлаютъ его естественнымъ противникомъ свойственныхъ городамъ революціонныхъ идей и твердымъ оплотомъ противъ соц.-дем. стремленій (тамъ-же, стр. 439). Такое же отрадное упованіе на консерватизмъ крестьянина не разъ высказывали „охранители“ другихъ западно-европейскихъ странъ: для примѣра укажемъ на книгу французскаго экономиста Сушона*).

Правда, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ соціалистической литературѣ все чаще и чаще раздаются голоса, выражающіе твердое убѣжденіе въ томъ, что крестьянинъ можетъ и долженъ быть привлеченъ къ соціализму. И не въ одной только европейской литературѣ высказывается подобная увѣренность. Совсѣмъ недавно въ Чикаго вышла книга „The american Farmer“, авторъ которой, американскій соціаль-демократъ Саймонсъ, полагаетъ, что мелкій фермеръ является теперь естественнымъ союзникомъ промышленнаго пролетарія. Но это мнѣніе Саймонса не противорѣчитъ нашей мысли. Его только надо понять, какъ слѣдуетъ.

Капиталистическія производственныя отношенія все болѣе и болѣе расширяютъ область своего господства въ передовыхъ странахъ нашего времени. Это расширеніе области господства названныхъ отношеній дѣлаетъ положеніе мелкаго производителя, — какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, — все болѣе и болѣе непрочнымъ, зависимымъ и тяжелымъ. Саймонсъ приводитъ много интересныхъ примѣровъ, показывающихъ, что мелкій американскій фермеръ часто кругомъ опутанъ сѣтями капитала. Въ виду этого сѣверо-американская соціаль-демократія можетъ найти и должна искать себѣ сторонниковъ также и между мелкими фермерами. Но для того, чтобы мелкій фермеръ пошелъ подъ ея знамя, безусловно необходимо одно важнѣйшее психологическое условіе: онъ долженъ убѣдиться въ томъ, что мелкое землевладѣніе отжило свой вѣкъ и что частная собственность на средства производства должна уступить мѣсто — общественной. Другими словами, ему надо покинуть точку зрѣнія мелкаго производителя и встать на точку зрѣнія пролетаріата. При наличности этого условія соціаль-демократія, разумѣется, обязана принять его въ свои ряды. Болѣе того, она обязана облегчить ему своей пропагандой и агитаціей переходъ на новую, непривычную для него точку зрѣнія. Но до тѣхъ поръ, пока такой переходъ не состоялся; пока фермеръ требуетъ такихъ мѣръ, которыя обезпечили бы его существованіе, какъ мелкаго производителя; пока онъ стремится не къ соціальной революціи, а лишь къ нѣкоторымъ соціальнымъ реформамъ, которыя задержали бы побѣдоносное шествіе крупнаго капитала, или ограничили бы область его вторженія, до тѣхъ поръ онъ не соціалистъ и ему нечего дѣлать между соціалистами. И если бы соціальная демократія вздумала поддерживать эти его стремленія, то она тѣмъ самымъ пришла бы въ непримиримое противорѣчіе со своей собственной коренной задачей, которая заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобы задерживать развитіе капитализма, а въ томъ, чтобы воспользоваться этимъ развитіемъ въ интересахъ соціальной революціи.

Мы знаемъ, что въ соціалистическихъ партіяхъ всего цивилизованнаго міра есть теперь „товарищи“, изображающіе этотъ вопросъ въ другомъ свѣтѣ. Эти „товарищи“ говорятъ, что соціализмъ нисколько не измѣнитъ себѣ, взявъ на себя отстаиваніе интересовъ крестьянства, какъ таковаго. Но своими доводами эти господа обнаруживаютъ лишь неясность и непослѣдовательность своихъ собственныхъ воззрѣній.

Святой Бернаръ, споря съ людьми, утверждавшими, что взгляды Аристотеля тождественны съ ученіемъ Іисуса, воскликнулъ: вы доказали не то, что Аристотель былъ христіаниномъ, а то, что вы сами язычники.

Подобно этому мы можемъ сказать о многихъ и многихъ изъ „товарищей“, которые рекомендуютъ западнымъ соціалистамъ „новую тактику“ по отношенію къ крестьянству: они доказали не то, что предлагаемыя ими мѣры облегчатъ торжество соціализма, а то, что это торжество имъ, нашимъ будто бы товарищамъ, совсѣмъ не нужно.

Пора кончить. Разставаясь съ читателемъ до слѣдующей статьи, мы настоятельно просимъ его твердо помнить, что мы говоримъ пока только о „Западѣ“, а о Россіи рѣчь у насъ впереди.

---

*) „La propriété paysanne, Paris, 1899

Одна, коротенькая, на полулистѣ, обращала вниманіе товарищей на примѣръ рабочихъ другихъ городовъ, поднявшихся противъ экономическаго и политическаго гнета, и указывала на демонстраціи, какъ на средство политическаго протеста, заканчиваясь призывомъ въ свѣтлое царство соціализма. Другая выпущена была спеціально на винный заводъ, гдѣ въ то время намѣчались слѣдующіе поводы недовольства: сокращеніе числа праздниковъ (отняты были Срѣтеніе, Николинъ донь, третій день Рождества и Пасхи и др.); принудительная безвозмездная работа для устройства сцены и декорацій для домашнихъ спектаклей и, наконецъ, несправедливо наложенный штрафъ. Прокламація говорила о всѣхъ этихъ притѣсненіяхъ и призывала къ протесту. Въ третьей, программной, разъяснялось значеніе соц.-демократіи и намѣчалась въ общихъ чертахъ программа дѣятельности Самарскаго Комитета: освѣщать всѣ назрѣвающія нужды самарскаго пролетаріата, не теряя изъ виду общаго дѣла партіи, пробуждать политическое самосознаніе въ тяготѣющихъ къ Самарѣ крестьянскихъ массахъ, пробуждать самарское либеральное общество отъ его постыднаго равнодушія къ дѣлу народнаго освобожденія.

Непосредственно практическій результатъ листки эти дали на винномъ заводѣ, гдѣ послѣ третьей прокламаціи администрація завода вернула праздники, отмѣнила несправедливый штрафъ и назначила плату за работу по устройству театра. Учесть эффектъ, произведенный прокламаціей въ другихъ мѣстахъ, не представляется возможнымъ, такъ какъ никакихъ ближайшихъ непосредственныхъ нуждъ листки не касались. Къ числу недостатковъ перваго опыта систематической агитаціи въ мѣстныхъ массахъ слѣдуетъ отнести недостаточно популярное изложеніе задачъ соц.-демократіи въ третьей прокламаціи, на что со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы. Надо надѣяться, что Комитетъ впослѣдствіи приметъ болѣе вѣрный тонъ въ разговорѣ съ массами. Некультурность и малоподвижность мѣстнаго рабочаго, въ массѣ принадлежащаго къ имѣющему осѣдлость въ Самарѣ мѣщанству и недавно оторванному отъ земли крестьянству, сказалась въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., на спичечной фабрикѣ Зелихмана (всѣ) и въ ж.-д. мастерскихъ (часть рабочихъ) доставили найденные листки въ контору. Въ другихъ мѣстахъ (тип. Левенсона, на мельницѣ Бобермана и на зав. Журавлева) мастера и нѣкоторые рабочіе указывали полиціи на подозрительныхъ рабочихъ. Особенно отличился въ этомъ отношеніи мастеръ токарнаго цеха Журавлевскаго завода Райковъ, и раньше проявлявшій свои шпіонскія способности. По его навѣтамъ арестованы два брата Мальковы, Хальцовъ и еще одинъ рабочій. Прокламація найдена лишь у одного изъ Мальковыхъ. Обыски были на трехъ мельницахъ: Бобермана, Щадрина и Ромашева. У перваго взято трое рабочихъ. По оговору одного изъ нихъ арестованъ и выпущенъ черезъ три дня бывшій раб. тип. Яковлева Баловъ. При допросѣ квартирной хозяйки одного изъ рабочихъ жандармы разыграли комедію приведенія къ присягѣ (безъ священника): поставили икону и портретъ царя и велѣли говорить правду и никому не разсказывать о допросѣ.

Въ декабрѣ же вышла прокламація „Группы объединеннаго протеста“ по поводу небольшого волненія на фельдшерскихъ курсахъ изъ-за грубаго обращенія одного изъ врачей съ учащимися. Прокламація призывала всѣхъ учащихся къ объединенію на почвѣ борьбы противъ притѣсненій непосредственнаго начальства.

Иркутскъ. Нами получены четыре прокламаціи Иркутскаго Комитета Сибирскаго С.-Дем. Союза, №№ 12, 15, 16 и 17. Первая, отъ 10 ноября, „Къ новобранцамъ“, описываетъ борьбу рабочихъ, возстаніе крестьянъ и заканчивается словами: „Какъ въ тюрьм[illegible] вся Россія. И не въ моготу стало это: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Батумѣ и многихъ [illegible] другихъ городахъ, пошелъ народъ толпой на улицы. Впереди несли знамена, на которыхъ выставилъ народъ свои требованія и желанія; было тамъ написано: „Долой царское самодержавіе, да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ соціализмъ!“ Всполошилось правительство и послало солдатъ. И темные солдаты стрѣляли въ народъ. Въ кого стрѣляли солдаты? Въ своихъ друзей, своихъ близкихъ, въ рабочихъ, въ [illegible] крестьянъ. Кого защищали они? Своихъ враговъ: царя, хозяевъ, помѣщиковъ. Новобранцы! На такія же позорныя дѣла, на такую же позорную бойню могутъ васъ послать; и когда вы, съ ружьями въ рукахъ, будете стоять передъ толпой своихъ же братьевъ и услышите команду „стрѣляй!“, вспомните тогда, кто вы? въ кого должны стрѣлять? кого защищаете? Вспомните, что до службы вы были такими же людьми, какъ тѣ, въ кого вамъ велятъ стрѣлять; что послѣ службы вы опять вернетесь въ ихъ среду. Вспомните, что ваши братья и сестры борятся за счастье рабочаго народа, за ваше собственное счастье. И когда вы это вспомните, вы повернете дула вашихъ ружей противъ тѣхъ, кто приказываетъ вамъ стрѣлять въ вашихъ друзей — противъ царскихъ слугъ, противъ защитниковъ хозяевъ богачей“.

Вторая, „Еще о ростовской и тихорѣцкой бойняхъ“, посвящена ростовскимъ событіямъ. „Смотрите, говоритъ прокламація сибирскимъ рабочимъ. Они (правительство и его слуги) напали на нашихъ безоружныхъ ростовскихъ товарищей, и десять разъ они, вооруженные, должны были позорно отступать. А, вѣдь, у рабочихъ были только голыя, мозолистыя руки, да правдивое, смѣлое сердце. Но придетъ время, и въ мозолистыхъ рукахъ рабочаго люда окажется не камень, а оружіе. Рабочій съумѣетъ взяться за него и раздавитъ тогда своихъ убійцъ. Товарищи! Готовьтесь же повсюду, гдѣ бы вы ни были, къ великой, славной борьбѣ. Царское самодержавіе должно пасть: русскій рабочій, хоть онъ измученъ и задавленъ неволей, умѣетъ бороться, какъ герой. Привѣтъ нашъ изъ далекой Сибири товарищамъ-борцамъ! Вѣчная память погибшимъ въ бою братьямъ! И будь-же ты проклятъ, царь-убійца!

Но страшись, грозный царь,
Мы не будемъ, какъ встарь,
Безотвѣтно сносить свое горе;
За волною волной, подымаясь отъ сна,
Людъ рабочій бушуетъ, какъ море.

Твой роскошный дворецъ
Мы разрушимъ въ конецъ,
И лишь пепелъ оставимъ отъ трона;
А порфиру твою мы отымемъ въ бою
И порѣжемъ себѣ на знамена.

Фабрикантовъ-купцовъ,
Твоихъ вѣрныхъ сыновъ,
Мы, какъ тучи, развѣемъ по полю;
А на мѣсто вражды, да суровой нужды
Установимъ мы счастье и волю.“

Третья прокламація сообщаетъ о борьбѣ омскихъ и красноярскихъ ж.-д. рабочихъ (о ней уже было извѣстіе въ „Искрѣ“), призывая готовиться повсемѣстно къ борьбѣ за политическую свободу и за соціализмъ.

Прокламація № 17 отъ 6 дек. посвящена „именинамъ“ Николая Романова.

Какъ строятся наши желѣзныя дороги. Постройка ташкентской ж. д. за послѣднее время быстро подвинулась впередъ: такъ, по крайней мѣрѣ, сообщаютъ газеты; но чѣмъ сопровождается это „подвинулась впередъ“, въ газетахъ ни-гугу. Не стоитъ говорить объ обсчитываніи рядчиками рабочихъ, о чрезмѣрной эксплуатаціи, о ямахъ, покрытыхъ соломою, носящихъ названіе бараковъ, о щахъ изъ гнилыхъ сушеныхъ овощей — все это слишкомъ заурядныя явленія, чтобы объ этомъ стоило говорить. Ни одна постройка жел. дороги не обошлась безъ этого: примѣромъ могутъ служить порядки на постройкѣ Волго-Донской жел. дор., увѣковѣченные статьей Добролюбова: „Опытъ отученія людей отъ пищи“. Но на постройкѣ ташкентской дороги недавно произошелъ случай, который заставилъ многихъ задуматься. Однимъ изъ крупныхъ подрядчиковъ на постройкѣ этой дороги былъ нѣкій Калита, осенью 1902 года обанкротившійся. Многіе тогда укоризненно покачивали головами и жалѣли о „бѣдныхъ“ пострадавшихъ кредиторахъ Калиты. Никто не зналъ о той трагедіи, которая разыгрывалась въ средѣ его рабочихъ на седьмомъ участкѣ, закончившейся страшной катастрофой. Выдачу денегъ рабочимъ Калита подъ разными предлогами затягивалъ и, обанкротившись, совсѣмъ перестал платить. Ограбленные такимъ образомъ, рабочіе рѣшили двинуться пѣшкомъ за 450 верстъ въ Оренбургъ. Это было въ то время, когда въ степи морозы достигали 30 градусовъ, и многіе рабочіе въ ситцевыхъ рубахахъ, въ дырявыхъ сапогахъ отправились въ дальній путь. Калита, по договору, къ наступленію холоднаго времени долженъ былъ доставить рабочимъ теплую одежду и обувь и, конечно, этого не исполнилъ. Рабочимъ путешествіе въ такую стужу, чуть не нагишемъ, даромъ не обошлось: многіе себѣ отморозили руки, ноги и лицо, а 46 чел. за Акъ-Тюбе замерзли совсѣмъ (по другимъ источникамъ, число мертвыхъ отъ 25 до 35 чел.). Рабочій отдалъ Калитѣ свою рабочую силу, — другими словами, все свое существованіе, а взамѣнъ этого получилъ систематическое голоданіе и, въ концѣ концовъ, смерть, вдали отъ родной деревни, въ киргизской степи. Вотъ благодѣянія, которыми капиталъ даритъ родъ человѣческій... Постройка ташкентской дороги будетъ скоро закончена, и первый поѣздъ, послѣ торжественнаго молебствія, съ громкими рѣчами о культурной миссіи желѣзнодорожныхъ жандармовъ, двинется по трупамъ убитыхъ адской эксплуатаціей рабочихъ. Говорятъ, что Калита обанкротился, благодаря вымогательствамъ казенныхъ инженеровъ. Если это такъ, то въ смерти 46 рабочихъ, кромѣ Калиты, виновно наше самодержавно-попечительное правительство. Еще одна капля въ томъ морѣ крови, которое оно пролило и проливаетъ.

Тифлисъ. Здѣшній Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи выпустилъ печатную прокламацію слѣдующаго содержанія:

„Товарищи! Правительство, этотъ ярый врагъ народа, не дремлетъ! Оно о томъ только и думаетъ, какъ подавить народныя движенія, какъ заглушить голосъ правды, и тѣмъ дать больше простору своему звѣрскому произволу. Ему уже недостаточны полиція, войско, жандармы и тюрьмы, оно переходитъ къ высылкѣ нашихъ братьевъ. Тифлискимъ манифестантамъ 22 апрѣля объявлено изгнаніе изъ отечества. Да, изгоняютъ, и за что? За то, что они героически противостояли врагамъ, за то, что они публично подняли знамя истины и благосостоянія. И вотъ правительство объявляетъ имъ: мы не желаемъ для васъ ни истины, ни благососоянія, вы родились рабами и оставайтесь ими! Они открыто потребовали свободы слова и собраній. На это правительство отвѣчаетъ: ваша свобода — ограниченіе нашего произвола, а облегченіе вашего ига — наша могила. Рабочіе! вы видите, какъ безжалостно обращается съ нами правительство, какими звѣрскими мѣрами хочетъ затушить пробуждающееся въ насъ сознаніе человѣческаго достоинства и воскресить старое холопство. Нѣтъ! не хотимъ мы прежнихъ кандаловъ — они ужъ сброшены, разрушены, и никакая сила насъ къ нимъ не вернетъ, въ нихъ [illegible] не закуетъ. Нѣтъ! насъ не вернуть къ старинному невѣдѣнію, оно уже разсѣяно лучами истины. Пусть насъ ссылаютъ, пусть наказываютъ; это насъ не сломитъ, ни на мигъ не остановитъ и не заставитъ свернуть съ нашего пути. Будемъ помнить, что за нами правда, за насъ весь рабочій Кавказъ и вся рабочая Россія. Пусть насъ гонятъ съ родины, мы и въ Россіи найдемъ почву для своей работы, — въ Россіи, гдѣ давно уже поднято знамя революціи и весь народъ волнуется. Мы съ еще большей энергіей пойдемъ съ ними и, разрушивъ существующій „порядокъ“, съ торжествомъ вернемся на родину. Товарищи! теперь больше, чѣмъ когда-либо, нужна работа, работа дружная, съ удвоенной энергіей, теперь-то и нужны сила воли и рѣшимость, чтобы ускорить окончательное паденіе произвола и тѣмъ приблизить часъ освобожденія нашихъ изгнанныхъ товарищей. Изгнанные товарищи! какъ видите, ваше возвращеніе на родину зависитъ отъ разрушенія существующаго деспотизма, а потому, гдѣ бы вы ни были, въ какомъ бы положеніи вы ни очутились, не забывайте ни на минуту нашей общей цѣли, не измѣняйте общему дѣлу и продолжайте борьбу противъ царизма. Въ этой надеждѣ прощаемся мы съ вами, наши самоотверженные друзья, съ пожеланіями счастливаго пути, туда, для продолженія борьбы и — побѣдоноснаго возвращенія сюда... Да здравствуетъ свобода! Долой царизмъ!“

Саратовъ. Въ ночь на 1 ноября въ Маріинскомъ земскомъ училищѣ произведенъ поголовный обыскъ у учениковъ и четырехъ преподавателей. Забрали 10 учениковъ. Въ ночь на 19 декабря обыскъ снова повторился. Арестовали еще 4 учен. Преподаватели на свободѣ. У нихъ забрали переписку, которая возвращена. Кромѣ этого въ томъ же селѣ (училище въ 40 верст. отъ Саратова) арестованы крестьянинъ Александръ Кузнецовъ, одинъ рабочій и предсѣдатель артели кузнечно-слесарной мастерской; много учениковъ отдано подъ надзоръ полиціи до суда.

„Надежды Ростова-на-Дону“. Такъ въ „Нов. Вр.“ озаглавлена корреспонденція изъ Ростова. Надежды — на что? На учрежденіе въ Ростовѣ... особаго градоначальства. Вопросъ о самостоятельномъ ростовскомъ градоначальствѣ поднимался не разъ. Но только теперь вопросъ получитъ, повидимому, практическое разрѣшеніе, „своевременность“ котораго несомнѣнно доказана ростовскими событіями. Недаромъ корреспондентъ вскользь упоминаетъ о „кочующихъ рабочихъ“ и выражаетъ жалобу на то, что Ростовъ въ полицейскомъ отношеніи лишенъ необходимой развязности и свободы административныхъ тѣлодвиженій, такъ какъ соединенъ съ Нахичеванью.

Одинъ отвѣтъ на всѣ запросы жизни, одно разрѣшеніе всѣхъ задачъ — еще жандармъ, еще шпіонъ, еще приставъ, еще градоначальникъ!

Письмо въ редакцію. Не имѣя возможности снестись съ органами литовскихъ организацій, обращаюсь къ Вамъ съ просьбой обратить вниманіе лицъ, коимъ близки и знакомы интересы литовскаго народа, на слѣд. обстоятельство.

Всѣ пограничныя тюрьмы (литовскаго района) полны крестьянъ „политическихъ“ преступниковъ, обвиняемыхъ и обвиненныхъ за транспортъ, распространеніе и даже одно пользованіе литовскими молитвенниками, напечатанными латинскимъ шрифтомъ. Преслѣдуется самый шрифтъ, такъ какъ въ молитвенникахъ этихъ ничего „предосудительнаго“ не находятъ даже учрежденія, преслѣдующія ихъ.*)

Въ россійскомъ законодательствѣ существуютъ „пункты и параграфы“, ограничивающіе и дозволяющіе печатаніе литовскихъ книгъ латинскимъ шрифтомъ. Существуетъ объ этомъ и Высочайшее повелѣніе и даже какое-то особенное, коему хотя и „придается сила и форма закона“, но оно „не публикуется ко всеобщему руководству“ (судьба всѣхъ остальныхъ Высочайшихъ повелѣній!). Вотъ газетное сообщеніе объ одномъ не лишенномъ интереса дѣлѣ:

„14 дек. 1902 г. въ соединенномъ присутствіи перваго и гражданскаго кассаціоннаго департаментовъ сената слушалось дѣло инженера Маціевскаго съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати княземъ Н. В. Шаховскимъ по поводу конфискаціи послѣднимъ географической карты Литвы. Докладывалъ дѣло сенаторъ Эйденъ, заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Щербачевъ. Со стороны истца выступилъ прис. пов. А. В. Каминка, со стороны отвѣтчика — прис. пов. Чистяковъ. Изъ преній сторонъ выяснилось, что въ 1900 г. инженеромъ Маціевскимъ была издана и напечатана у братьевъ Ильиныхъ въ Петербургѣ совершенно легальнымъ путемъ географическая карта Литвы, на которой литовскія названія рѣкъ и селеній изображены латинскимъ шрифтомъ. Карта эта безпрепятственно распространялась восемь мѣсяцевъ. Затѣмъ князь Шаховскій распорядился изъять эту карту изъ обращенія по Россіи повсемѣстно. На это распоряженіе Маціевскій принесъ кассаціонную жалобу въ сенатъ, доказывая, что князь Шаховской превысилъ свою власть, что конфискація подобнаго изданія могла бы исходить только отъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ разрѣшенія комитета министровъ. Въ случаѣ появленія въ свѣтъ изданій, опасныхъ въ государственномъ или общественномъ смыслѣ, совѣту управленія по дѣламъ печати предоставляется право арестовывать изданіе, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы противъ издателя было возбуждено немедленно уголовное преслѣдованіе. Въ данномъ случаѣ и это условіе не было выполнено. Князь Шаховской въ оправданіе своихъ дѣйствій представилъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 13 сентября 1865 г. за № 141 и ссылался на Высочайшее повелѣніе о воспрещеніи частныхъ литовскихъ изданій съ латинскимъ шрифтомъ. Повѣренный истца на судѣ подчеркнулъ, что Высочайшее повелѣніе печатать литовскія изданія русскимъ шрифтомъ существуетъ только для казенныхъ изданій, что, согласно разъясненію сената, Высочайшія мнѣнія, которымъ придается форма и сила закона, непремѣнно публикуются ко всеобщему руководству, чего нѣтъ по отношенію къ литовскимъ изданіямъ. Даже если бы признать наличность ограничительныхъ мѣръ по отношенію къ литовскимъ изданіямъ, то ихъ слѣдовало бы примѣнять при выходѣ изданій въ свѣтъ, а не спустя восемь мѣсяцевъ. Правительствующій сенатъ внялъ доводамъ истца и вынесъ резолюцію: признать за инженеромъ Маціевскимъ право взыскать съ князя Шаховскаго убытки въ размѣрѣ 1,200 руб.“

Повѣренный истца подчеркивалъ на судѣ разныя стороны узаконеній о печатаніи литовскихъ изданій, указывая, что запрещеніе не относится къ частнымъ изданіямъ. Трудно сказать, чтобы именно эти указанія послужили мотивомъ рѣшенія суда въ пользу истца, но, во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ не мѣшало бы детально разсмотрѣть, такъ какъ, если проводить послѣдовательно неопровергнутое сенатомъ толкованіе Высочайшаго повелѣнія повѣреннымъ Маціевскаго, то, быть можетъ, судебнымъ порядкомъ можно было бы добиться освобожденія изъ тюремныхъ камеръ массы людей и открыть возможность распространенія изданій, печатанныхъ знакомымъ народу шрифтомъ.

Повторяю: „темна вода во облацѣхъ“, и краткія свѣдѣнія о Высочайшемъ повелѣніи въ связи съ циркулярами, упомянутыми отвѣтчикомъ, даютъ очень мало, но детальное разслѣдованіе ихъ быть можетъ, дастъ основаніе для судебныхъ преслѣдованій нежелательнаго явленія. Тѣмъ болѣе, что опытъ г. Маціевскаго можетъ послужить нѣкоторымъ источникомъ знаній въ этой области. Быть можетъ, удастся возстановить попранныя права латинскаго шрифта!

Письмо въ редакцію. Фактъ предательства Вележева вполнѣ правильно изложенъ въ № 20 „Искры“. Къ этому могу добавить только слѣдующее: Передъ началомъ разговора съ Вележевымъ я спросилъ его, одни ли мы въ квартирѣ? Вележевъ отвѣтилъ утвердительно, что въ квартирѣ, кромѣ насъ, никого нѣтъ, и что я могу говорить вполнѣ откровенно. Въ теченіе нашего разговора, Вележевъ выходилъ два или три раза подъ предлогомъ посѣщенія амбуляторіи.

Вскорѣ по уходѣ Вележева въ послѣдній разъ, явилась женская прислуга и потребовала отъ имени барина, чтобы я немедленно удалился. Уходя, я замѣтилъ въ одной изъ комнатъ находящагося въ засадѣ дворника, который старательно прятался отъ моихъ взоровъ. Не прошло и восьми минутъ, какъ я вышелъ изъ квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести могъ только Вележевъ.

Женева. 20 декабря н. с., 1902 г. Н. Бауманъ.

Городовой и политика. Ѣхалъ я изъ Екатеринослава. Около меня усѣлся дѣтина громаднаго роста, который вскорѣ вступилъ со мной въ разговоръ. Какъ оказалось, онъ служилъ городовымъ въ Екатеринославѣ, теперь же разсчитался и ѣхалъ искать себѣ мѣста. „Почему же Вы бросили службу?“ спрашиваю я его. — Какая наша служба! Что городовой, что собака — одинъ чертъ! Губернаторъ нашъ такъ просто звѣрь: человѣка совсѣмъ не жалѣетъ; полицмейстеръ тоже с— — с— — и прямо шкуру деретъ съ нашего брата. Напр., въ нашей части 44 человѣка, такъ 24 въ деньщикахъ у губернатора, у полицмейстера, у приставовъ и у другихъ, а тебѣ нѣтъ ни дня, ни ночи. То пожаръ въ городѣ, то воровъ ловить надо, то политическихъ. — „Какихъ-такихъ политическихъ?“ — Какъ какихъ, а которые политику разную пущаютъ. — „Что же они дѣлаютъ?“ — А бумажки разныя бросаютъ. Вотъ вчера насъ 50 чел. погнали политическихъ ловить; оцѣпили домъ и пробрались въ квартеру, а тамъ въ одной комнатѣ 12 чел. и сидитъ. А бумажокъ, бумажокъ тьма тьмуща и много разныхъ плантовъ. Счастье ихъ, что они смирно сдались, а то намъ было приказаніе: чуть-что, лупи ихъ, подлецовъ, отвѣтственности за это никакой, еще награду получишь. — „Чего же хотятъ политическіе?“ Онъ почесалъ затылокъ. — Они хотятъ, чтобы я, напр., былъ три года царемъ, а потомъ къ черту; послѣ меня, напр., вы. А не понравился я, другого на мое мѣсто. Да! — „А кто же это все бунтуетъ?“ — Студенты больше всего. Вотъ я, напр., знаю, одного барина полковника, у него 12 тыс. десятинъ земли и еще жалованье ему отъ казни, сыны его такъ тѣ на военной службѣ, чего-жъ ему бунтовать?! А вотъ студенты, они всякую науку превзошли, всякіе такіе курсы учили и всякое происшествіе знаютъ, а вотъ дѣловъ никакихъ, вотъ они и бунтовать, чтобы, значитъ, мѣстовъ имъ хорошихъ дать, такъ-то! — „Неужто только студенты бунтуютъ?“ Городовой въ недоумѣніи развелъ руками. — Да нѣтъ, мѣщане и нашъ братъ мужикъ лѣзетъ, а все должно быть оттого, что плохо имъ живется, отъ хорошаго житья не станешь бунтовать. — „За что вы ихъ ловите?“ — Какъ же ихъ не ловить! Государь, значитъ, хочетъ сдѣлать разныя облегченія нашему брату мужику, а они бунтуютъ и мѣшаютъ ему. Онъ ихъ боится и ничего для насъ не дѣлаетъ, а какъ всѣхъ бунтовщиковъ перебьемъ, тогда облегченіе и выйдетъ. Намъ наше начальство такъ говорило...

Вотъ какъ царскіе чиновники возстановляютъ „пушечное мясо“ противъ его защитниковъ! Бунтовщикъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Пріозернаго Края. Полтавско-Харьковскіе страхи задаютъ тревогу полицейскому начальству и нашего пріозернаго края. Въ Старорусскомъ у. имѣется помѣстье дворянина Сократа Николаевича Дирина. Этотъ человѣкъ, извѣстный у насъ, какъ мотъ и прощалыга, служитъ вицегубернаторомъ въ Курляндской губ., въ помѣстье же назначилъ крестьянина за 20 руб. въ годъ. Крестьянинъ оказался съ знаніемъ всѣхъ четырехъ правилъ арифметики и, видя свою нужду и нужду мужицкую, смекнулъ, какъ можно эту нужду подправить. Онъ предложилъ крестьянамъ воровать помѣщичій лѣсъ, съ платой ему за уворованныя бревна. Такса оказалась настолько дешевой, что съ ней не могли конкуррировать таксы извѣстныхъ нашихъ казнокрадовъ-чиновниковъ лѣсного вѣдомства. Дѣло пошло ходко, и крестьяне ѣздили за помѣщичьимъ лѣсомъ, какъ за своимъ. За эти продѣлки сметливаго управляющаго замѣняютъ другимъ. Новоиспеченный управляющій въ холопскомъ усердіи посылаетъ своему барину въ Курляндію описаніе, какъ прежде у него крестьяне скопомъ лѣсъ воровали. Вицегубернаторъ Диринъ на основаніи этого письма даетъ телеграмму новгородскому губернатору, что у него крестьяне воруютъ лѣсъ скопомъ, и чтобы онъ защитилъ его. Послѣдній шлетъ телеграмму старорусскому исправнику съ приказаніемъ принять мѣры и усмирить бунтовщиковъ. Не знавшій ничего исправникъ, перепугался на смерть, тою же ночью собралъ полицейскихъ и выѣхалъ усмирять бунтовщиковъ. Подъѣзжаетъ къ назначенному мѣсту, — тамъ тишина, вся деревня въ глубокомъ снѣ, только изрѣдка слышится вой голодной собаки. Черезъ нѣкоторое время вся деревня приходитъ въ движеніе, собирается въ кучу безъ шапокъ предъ допросомъ исправника, а черезъ нѣсколько часовъ губернаторъ получаетъ телеграмму: „бунта нѣтъ, въ уѣздѣ все обстоитъ благополучно“.

---

*) Правда, въ нихъ находятъ часто листки „преступнаго“ содержанія, но надо полагать, что это вызвано лишь нелегальнымъ положеніемъ этихъ книгъ вообще.

По части классическаго выраженія: „все обстоитъ благополучно“ слѣдуетъ сказать, что въ дѣйствительности это далеко не такъ. Минувшій годъ для крестьянъ нашего края болѣе всѣхъ прочихъ оказался тяжелымъ и разорительнымъ. Безкормица и безхлѣбица поголовная. Начальство съ дикимъ упорствомъ выколачиваетъ подати, но успѣха имѣетъ мало. Голодные и замученные крестьяне чрезвычайно озлоблены. — Настроеніе умовъ крестьянства благопріятствуетъ развитію въ немъ самосознанія. Крестьяне пытливо стараются разгадать причину своего каторжнаго житья. Всякая книжка, помогающая разъяснить эту причину, принимается и читается чрезвычайно охотно и съ усердіемъ, читается на глазахъ у начальства и послѣднее ничего не можетъ подѣлать. Въ одномъ селеніи крестьяне читали такую книжку цѣлымъ сходомъ и она очень понравилась имъ. Узнавъ про это, полиція нагрянула въ селеніе, потребовала выдать книжку, но крестьяне отвѣтили: „не видать вамъ этой книжки, какъ ушей своихъ“. Такъ книжка и до сихъ поръ гуляетъ, переходя изъ рукъ въ руки, словно молитвенникъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что начальство становится ласковымъ по отношенію къ крестьянамъ. Въ одномъ городѣ крестьяне принесли исправнику картинку о современныхъ соціальныхъ порядкахъ, прося разъяснить, что эта картинка означаетъ. Исправникъ, по выраженію самихъ крестьянъ, сдѣлался шелковымъ и все твердилъ: „братцы, не бунтуйтесь, не деритесь, обращайтесь за всѣмъ къ начальству“. Крестьяне это обращеніе понимаютъ и смекаютъ.

Борисоглѣбскій у. (Тамбов. губ.). 21 декабря были произведены обыски въ Уваровской земской школѣ, въ больницѣ и въ квартирѣ земскаго учителя Трескина. Кромѣ Трескина, у котораго была найдена кое-какая рукописная литература, обыски ничего не дали. Такъ какъ въ это время самъ Трескинъ гостилъ у своего отца, священника села Чуево-Алабушки (въ 20 в. отъ Уварова), то былъ произведенъ сбыскъ и тамъ. Обыски опять не остались безрезультатными, и Трескинъ былъ отправленъ въ Тамбовъ. Обвиняется Трескинъ въ томъ, что на одномъ изъ публичныхъ чтеній въ школѣ онъ прочелъ крестьянамъ сказку о царѣ Ахреянѣ. Доносъ былъ сдѣланъ мѣстнымъ священникомъ о. Яхонтовымъ, который передъ этимъ посылалъ своихъ шпіоновъ на чтенія.

Къ этому дѣлу въ качествѣ свидѣтельницы была привлечена учительница Петрова, но когда жандармы сказали ей, что Трескинъ всю вину взялъ на себя, то она призналась въ томъ, что половину этой сказки читала и она. Этимъ признаніемъ она думала снять половину вины съ Трескина, а слѣдовательно уменьшить ему и наказаніе. Теперь она привлекается къ дѣлу уже въ качествѣ обвиняемой.

Интересная подробность: на допросѣ жандармскій полковникъ, между прочимъ, сказалъ Петровой, что она, какъ интеллигентная особа, имѣетъ право держать у себя литературу, но только для личнаго чтенія, а не для распространенія среди крестьянъ.

Одновременно съ уваровскимъ обыскомъ были произведены обыски въ с. Шибряѣ у земскихъ учителей. Обыски объясняются доносами Рклицкаго, прославившагося столкновеніемъ съ шибряевскими крестьянами. Всего въ обыскахъ участвовало около 25 жандармовъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ст. Панютино. (К. Х. С. ж. д.) Наши порядки. Дорога наша принадлежитъ казнѣ. Не знаю, гдѣ лучше служить, на частной или казенной дорогѣ, но знаю, что намъ житья нѣтъ. Особенно достается у насъ помощникамъ и машинистамъ. Нашъ маршрутъ Харьковъ, Синельниково и Славянскъ. Между каждыми двумя поѣздками долженъ быть восьмичасовой отдыхъ, но въ настоящее время по случаю усиленнаго движенія его сократили до 2 час. и менѣе, такъ что машинистамъ и помощникамъ приходится прямо съ поѣзда на поѣздъ. Черезъ каждыя пять поѣздокъ полагается отдыхъ въ 36 час. или поставить, какъ говорятъ, паровозъ „на простывку“. Теперь часто паровозъ ставятъ на отдыхъ, а людей посылаютъ на другомъ паровозѣ. Если же и даютъ отдыхъ, такъ не 36 час., а 20 или менѣе. Посчитаемъ же, сколько приходится отдыхать машинистамъ и помощникамъ. Пріѣхавъ на мѣсто, нужно сейчасъ же пойти „подъ воду“, затѣмъ „подъ уголь“ на это уходитъ не менѣе двухъ часовъ. Затѣмъ нужно отправить паровозъ въ депо. Здѣсь нужно почистить арматуру, движеніе, почистить мѣдныя части, вездѣ просалить и промаслить, осмотрѣть паровозъ со всѣхъ сторонъ, нѣтъ-ли гдѣ починки. На всѣ это уходитъ 8-10 час. Передъ тѣмъ, что выѣзжать, нужно растопить паровозъ, приготовить его къ поѣздкѣ, для чего нужно, самое меньшее, два часа. Такимъ образомъ изъ 20 час. дѣйствительнаго отдыха остается 6-8 час. Всѣмъ извѣстно, что товарные поѣзда стоятъ подолгу на всѣхъ станціяхъ и разъѣздахъ. Часто намъ, напримѣръ, до Синельникова (разстояніе 92 версты) приходится ѣхать больше трехъ сутокъ. Стоишь на каждомъ полустанкѣ отъ 6-и час. и болѣе; отлучиться отъ паровоза нельзя: паровозъ нужно топить, чтобы во всякое время быть готовымъ въ дорогу, конечно, въ такую поѣздку угля уходитъ больше, чѣмъ полагается по росписанію, а за „пережегъ угля“ высчитываютъ съ машинистовъ и помощниковъ. Недостаточно того, что они по трое сутокъ пропадаютъ въ степи, не видятъ живого человѣка и не получаютъ поверстныхъ, съ нихъ же вычетъ за пережегъ угля. Но это еще не все. Кто больше опредѣленнаго времени былъ въ дорогѣ, тотъ не имѣетъ права пользоваться отдыхомъ. Это покажется лишеннымъ всякаго смысла, но, къ сожалѣнію, это такъ.

Администрація наша всѣми силами проводитъ систему „выжиманія пота“. Еще одинъ примѣръ. Недалеко отъ Славянска есть разъѣздъ № 15. Отсюда на разстояніи нѣсколькихъ верстъ дорога идетъ въ гору. Одинъ паровозъ не въ состояніи тащить поѣздъ на гору, поэтому сзади идетъ еще одинъ и подталкиваетъ поѣздъ. Пароходы эти называются „толкачами“. Администрація дороги обязана здѣсь держать два дежурныхъ паровоза, которые и исполняютъ это. Показывая въ отчетѣ расходъ по содержанію двухъ паровозовъ и штата къ нимъ, администрація дороги ихъ тамъ не держитъ, а сбереженія прячетъ въ свои бездонные карманы. Но вѣдь „паровозы-толкачи“ нужны, а потому практикуется слѣд. способъ: всѣ паровозы изъ Славянска (товарные) задерживаются на 15 разъѣздѣ. Здѣсь они ждутъ нѣсколько часовъ, пока придетъ товарный поѣздъ, подталкиваютъ этотъ поѣздъ до слѣдующей станціи, возвращаются назадъ и только послѣ этого отправляются во свояси. На все это уходитъ отъ 6-8 час., которые пропадаютъ совершенно непроизводительно, конечно, для помощниковъ и машинистовъ, а не для желѣзнодорожной администраціи. Куда ни взглянуть, всюду эксплуатація на законномъ основаніи. — Посылаю также первую распространенную у насъ прокламацію, успѣхъ которой былъ громадный. Всѣ читали и были довольны, что нашлись люди, не постѣснявшіеся обнаружить злоупотребленія администраціи. Прокламаціи эти попали также въ окрестныя деревни, гдѣ встрѣтили сочувствіе. Вся бѣда, что у насъ литературы почти ничего нѣтъ, а между тѣмъ она необходима.

Одинъ изъ многихъ.

От редакціи. Полученная нами прокламація превосходно издана Екатер Ком. Росс. С.-Д. Р. П. въ его типографіи и подписана „Организованные рабочіе панютинской жел.-дор. мастерской“. Прокламація описываетъ тяжелое житье рабочихъ и безсовѣстную эксплуатацію ихъ, зоветъ къ товарищескому единенію и заканчивается восклицаніями: „Да здравствуетъ солидарность среди рабочихъ! — Долой царское правительство, правительство насилія и произвола, правительство хищниковъ и грабителей! — Да здравствуетъ Земскій Соборъ изъ выборныхъ отъ всего народа, издающій законы и управляющій страной!“

Движеніе среди прикащиковъ. Одесса. 5 янв. здѣсь вышла слѣдующая прокламація, подписанная „Организованные прикащики“:

„Товарищи! Новый годъ ознаменовался уже новымъ проявленіемъ нашего духовнаго порабощенія!.. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что 2 января въ магазинѣ Ландесмана прикащикъ Бродскій отравился нашатырнымъ спиртомъ. Случайно его удалось спасти и въ настоящее время онъ помѣщенъ въ больницѣ. Какъ оказалось, сынъ Ландесмана, „современный либералъ“, утромъ позвавъ Бродскаго въ контору, далъ ему пощечину... Преступленіе товарища заключалось въ томъ, что въ день Новаго Года онъ, желая пополнить свои скудныя средства, воспользовался штемпелемъ фирмы Ландесманъ для поздравительной карточки, предназначенной кредитору магазина. Бродскій смылъ съ себя пятно позора самоубійствомъ... Товарищи! Можемъ-ли мы смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на единичный случай? Не приноситъ-ли намъ наша будничная жизнь тысячи такихъ примѣровъ оскорбленія, топтанія въ грязь нашей человѣческой личности? Принизить, подавить въ насъ всякое сознаніе своего „я“, привести насъ къ потерѣ самоуваженія, создать безотвѣтнаго, пассивнаго къ обидамъ, неспособнаго на самозащиту человѣка-слугу — вотъ цѣль всѣхъ капиталистовъ для облегченія своей цѣли — эксплуатаціи. Вотъ что они преслѣдуютъ своимъ невѣроятно грубымъ обращеніемъ съ ними. „Какъ — удивляется даже г. Ландесманъ, узнавши о поступкѣ Бродскаго — какъ могъ я думать, что такой мальчишка, который еще долженъ добиваться своей карьеры, будетъ способенъ на самоубійство изъ-за оскорбленія его чести!“ Пройти школу пощечинъ, послѣднихъ ругательствъ и обидъ — это значитъ на языкѣ Ландесмановъ „создавать себѣ карьеру“! Привыкшіе къ нашей безотвѣтности, они даже удивляются, что мы способны чувствовать наносимыя намъ оскорбленія, какъ люди, и предпочитаемъ имъ смерть... Но вы ошиблись, гг. Ландесманъ и Ко. Уже и мы, одесскіе прикащики, начинаемъ пробуждаться отъ тяжелаго сна. Мы стряхиваемъ съ себя то непростительное равнодушіе къ нашему положенію, которое до сихъ поръ насъ отличало. И мы привѣтствуемъ поэтому поступокъ товарища Бродскаго, поступокъ, который такъ ярко намъ говоритъ о пробуждающемся человѣкѣ и въ прикащикѣ. Но, привѣтствуя это пробужденіе, мы должны сказать, что не молчаніемъ, не самоуничтоженіемъ мы должны отвѣчать на подобныя дикія выходки всѣхъ нашихъ враговъ. Сопротивленіе, сопротивленіе тутъ же на мѣстѣ, всегда и повсюду, гдѣ бы и отъ кого бы оскорбленіе ни исходило, отъ хозяина ли кулака, отъ царскаго ли чиновника самодура — вотъ нашъ отвѣтъ этой кулачной расправѣ! И не только оскорбленіе со стороны оскорбляемой личности; стойкая поддержка, заступничество за честь нашихъ товарищей — нравственная обязанность каждаго изъ насъ. Но мало умѣть защищать себя отъ поношеній, надо уничтожить и самую возможность подобнаго насилія надъ человѣкомъ. И только совмѣстная организованная борьба въ рядахъ пролетаріата можетъ внушить нашимъ врагамъ уваженіе къ нашей личности и ея священнѣйшему праву — неприкосновенности. Она одна освободитъ насъ отъ оковъ капитала и, искоренивъ весь гнетъ и произволъ современнаго общества, приведетъ въ царство справедливости и свободы — царство соціализма.“

Въ Кишиневѣ образовался „Комитетъ Кишин. С.-Д. Организиціи“. Въ прокламаціи „Къ товарищамъ“ онъ сообщаетъ объ этомъ и намѣчаетъ широкую программу работы. Комитетомъ выпущена также печатная прокламація (декабрь 1902 г.) по поводу ростовскихъ событій. Прокламація подводитъ итоги вооруженной борьбѣ нашего правительства съ народомъ, кровопролитіямъ въ Ригѣ и Ярославлѣ, въ Домбровѣ и Батумѣ, въ деревняхъ и рабочихъ кварталахъ, и зоветъ рабочій людъ на борьбу съ „преступнымъ правительствомъ“, на сверженіе „проклятаго самодержавія“. — Тѣмъ же Комитетомъ выпущена отъ 18 дек. печатная прокламація по поводу „несчастнаго случая“ на фабрикѣ Двантмана: „слабаго, 14-лѣтняго мальчика хозяинъ заставилъ надѣть на движущійся валъ пасъ, и вотъ его, неопытнаго, ослабѣвшаго, захватываетъ трансмиссіей, и въ одну секунду живой человѣкъ превращается въ безформенную груду мяса... Хозяева жалѣютъ лишній грошъ, чтобы хоть сколько-нибудь оградить дешевую жизнь рабочихъ... Вотъ Двантманъ, когда по его винѣ погибъ мальчикъ, заперъ на ключъ всѣхъ своихъ рабочихъ, а самъ побѣжалъ поговорить, попросить, кланяться, купить кого надо и все вышло чинно и благородно“. Покламація обстоятно разъясняетъ связь этого случая со всѣмъ современнымъ капиталистическимъ строемъ и зоветъ къ борьбѣ за соціализмъ. Обѣ послѣднія прокламаціи были распространены очень удачно.

Новороссійскъ. Забастовавшіе здѣсь рабочіе стали уже на работу. Стачка продолжалась всего пять дней. Дѣло обошлось безъ кровопролитія. Бастовали рабочіе цементнаго завода, нѣкоторыя требованія рабочихъ удовлетворены.

Батумъ (изъ частнаго письма). Съ 9 декабря 1902 г. здѣсь большая стачка. Забастовало 1500 чел. раб. на промыслахъ у Ротшильда. Требуютъ, между прочимъ, возвращенія всѣхъ штрафныхъ денегъ и наградныхъ къ Рождеству въ размѣрѣ мѣсячной заработной платы. Сообщаетъ объ этомъ крупный служащій въ конторѣ промысловъ. Какъ близко стоящій къ дѣламъ предпріятія, добавляетъ отъ себя, что штрафныхъ денегъ накопилось около 600 тыс. руб. По его словамъ, предпріятіе считаетъ требованіе вернуть подобную сумму безуміемъ. 21-го всѣ рабочіе уволены. Въ конторѣ дежурятъ солдаты. Рѣшено не принимать назадъ ни одного выгнаннаго рабочаго и набрать совершенно новый составъ. Среди стачечниковъ появляются предатели: выдаютъ вожаковъ, надѣясь заслужить прощеніе.

Рига. На Рождество, во время богослуженія у насъ во всѣхъ церквахъ были распространены прокламаціи отъ соц.-демократ. прибалтійской рабочей организаціи. Пастора, узнавъ про это, съ кафедръ „громили“ соціалистовъ и тѣмъ оказали нашимъ агитаторамъ большую услугу. Масса народа, ранѣе не тронутая соціалистической пропагандой, заинтересовалась узнать, какіе такіе люди эти „соціалисты“ и чему они учатъ?... Въ городѣ много разговоровъ и о распространенной прокламаціи и о пасторской „пропагандѣ“.

„Симъ побѣдиши“! (письмо въ редакцію). Такъ заканчивается передовая статья въ № 29 „Искры“. Какимъ глубокимъ смысломъ, правдой вѣетъ отъ этихъ словъ. Правдой, вытекающей изъ самой жизни. Еще разъ разбираясь въ результатахъ ростовской стачки, въ этихъ только что полученныхъ нами урокахъ — богатыхъ урокахъ! — невольно хочется вскрикнуть: товарищи-рабочіе, за насъ никто не заступится, кромѣ насъ самихъ! Да и некому заступиться, потому интересы нашего рабочаго класса противоположны другимъ группамъ населенія. Что имъ до насъ! И потому не очевидно-ли вамъ, товарищи, что только въ соціализмѣ наша сила! подъ его свободными красными знаменами съ требованіемъ политической свободы, равенства и справедливости, мы, организованная Рабочая Партія, страшны современному царскому правительству. Товарищи, вы видѣли, какъ наше царское правительство усердно заступилось за ростовскихъ фабрикантовъ и за правленіе ж. д. Вы видѣли, какъ оно отнеслось къ нашимъ требованіямъ объ улучшеніи условій труда и платы, какъ оно запрещало намъ сообща обсуждать наши дѣла! Самодержавное правительство и не могло поступить иначе, товарищи, оно не могло уступить намъ. Ему это не выгодно. Потому ужъ очень ему вольготно на нашей спинѣ. Куда и какъ привольно всѣмъ тѣмъ полковникамъ, офицерамъ съ царемъ во главѣ, проживать на хорошемъ жалованьи, ничего не дѣлая, благо русскій народъ теменъ, покорно голодаетъ, покорно платитъ большія подати. Вотъ и выходитъ: уступи намъ, — значитъ, прощай теплыя мѣста, даровыя денежки. Потому наше царское правительство и подавило стачку оружіемъ.

Но настанетъ время, когда оно не въ силахъ будетъ это дѣлать. И это время наступитъ тѣмъ раньше, чѣмъ чаще у насъ будутъ стачки и демонстраціи, подобно ростовской. Сколько тысячъ изъ насъ, мало думающихъ надъ своимъ политическимъ положеніемъ, увидали, что наше благополучіе немыслимо безъ политической свободы. Потому только она можетъ защитить насъ отъ царскихъ пуль и нагаекъ, принуждающихъ насъ покорно работать по несходнымъ намъ цѣнамъ, на тяжкихъ условіяхъ. Это правительству на руку. — чѣмъ покорнѣй мы, тѣмъ больше выжмутъ изъ насъ капиталисты, тѣмъ больше перепадетъ и на долю правительства.

Итакъ, стачки и демонстраціи для насъ очень полезны. Они осаживаютъ черезчуръ жадные аппетиты капиталистовъ, вынуждаютъ правительство играть въ открытую, изъ чего видно, что намъ отъ него ждать нечего и чѣмъ скорѣй ему капутъ, тѣмъ лучше для насъ. Съ каждой такой стачкой или демонстраціей нашего полку будетъ прибывать все больше и больше и, наконецъ, наступитъ то время, когда будутъ уничтожены грозной, справедливой силой рабочаго народа царь со своей ордой чиновниковъ-палачей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ наступитъ нашъ праздникъ „первое мая“, праздникъ рабочаго класса. Въ этотъ день тѣ, кто хочетъ лучшей участи въ жизни, тѣ, кто хочетъ съ нами бороться за свободу рабочаго класса, должны не работать, должны показать мирной демонстраціей, какъ велика, какъ могуча наша рабочая рать. Но мы должны также не забыть погибшихъ товарищей въ ростовской стачкѣ. Общимъ протестомъ, всѣ русскіе рабочіе, должны мы выразить нашу ненависть царскому правительству за пролитую кровь товарищей-борцовъ за нашу свободу.

Босякъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Письмо въ редакцію. Въ заявленіи Центральнаго Комитета Бунда Организаціонный Комитетъ обвиняется въ томъ, что не исполнилъ обѣщанія своего делегата, даннаго предварительно Ц. К. Бунда — прислать извѣщеніе о конституированіи О. К., чтобы Ц. К. Бунда могъ принять участіе въ редактированіи этого заявленія обязательно до распространенія его. Это фактически невѣрно. Делегатъ О. К., узнавъ изъ личныхъ переговоровъ съ представителемъ Ц. К., что, не смотря на письмо, посланное Ц-у К-у Б. по данному Ц. К. адресу съ извѣщеніемъ о времени и мѣстѣ совѣщанія, не смотря на то, что это же извѣщеніе, для большей вѣрности, было передано лично одному изъ Комитетовъ Бунда съ просьбой передать Ц. К., — все же не получилъ извѣщенія, заявилъ, что онъ сдѣлаетъ попытку, если еще возможно, чтобы Ц. К. Бунда могъ ознакомиться съ текстомъ „Извѣщенія“ до его выхода и далъ бы свою подпись въ случаѣ согласія. При этомъ представителю Ц. К. было указано, что если почему-либо этого сдѣлать будетъ уже нельзя, то это никоимъ образомъ не можетъ служить препятствіемъ для дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій и не устраняетъ нисколько возможности участія Бунда въ работахъ по подготовкѣ съѣзда Партіи. Такимъ образомъ, объ обязательствѣ не выпускать „Извѣщенія“ до просмотра его Ц. К. Б не могло быть и рѣчи. Зачѣмъ понадобилось представителю Ц. К. извращать смыслъ словъ делегата О. К., а Ц. К. Б., не провѣривъ ихъ болѣе объективнымъ путемъ, возвѣстить всему міру, что его изобидѣли, мы не знаемъ, — можетъ быть, это необходимо для дѣла объединенія.

Делегатъ Орг. Комитета.

На Кавказѣ появилась новая соц.-дем. организація: „Союзъ армянскихъ соціаль-демократовъ“. Союзъ этотъ, какъ намъ извѣстно, болѣе полугода, какъ началъ свою практическую дѣятельность и имѣетъ уже свой органъ на армянскомъ языкѣ. Нами полученъ № 1 этого органа, называемаго „Пролетаріатъ“ и помѣченнаго въ заголовкѣ: „Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія“. Онъ заключаетъ въ себѣ рядъ статей, замѣтокъ и корреспонденцій, выясняющихъ общественныя и политическія условія, вызвавшія къ существованію „Союзъ армянскимъ соц.-демократовъ“ и намѣчающихъ, въ общихъ чертахъ, программу его дѣятельности.

Въ передовой статьѣ, называемой „Манифестъ арм. соц.-дем.“, мы читаемъ: „Являясь одною изъ вѣтвей Рос. С.-Д. Р. П., широко раскинувшей свою сѣть на всемъ пространствѣ Россіи, Союзъ арм. соц.-дем. вполнѣ съ нею солидаренъ въ своей дѣятельности и будетъ бороться вмѣстѣ съ нею за интересы россійскаго пролетаріата вообще и армянскаго въ частности“. Далѣе, указывая на быстрое развитіе капитализма на Кавказѣ и на тѣ чудовищные, по своей силѣ и многосторонности, результаты, которыми сопровождается этотъ процессъ, авторы переходятъ къ вопросу о современномъ положеніи рабочаго движенія на Кавказѣ. Въ промышленныхъ центрахъ Кавказа, каковыми являются Баку, Тифлисъ и Батумъ, съ ихъ крупными капиталистическими предпріятіями и многочисленнымъ фабричнымъ пролетаріатомъ, движеніе это пустило уже глубокіе корни. Но борьба кавказскихъ рабочихъ съ хозяевами, въ виду ихъ крайне низкаго культурнаго уровня, естественно, носила до сихъ поръ болѣе или менѣе безсознательный, стихійный характеръ. Необходима была сила, которая могла бы объединить разрозненныя силы рабочихъ, придать ихъ требованіямъ членораздѣльную форму и выработать въ нихъ классовое самосознаніе. Такой силой является соціализмъ. — Изложивъ затѣмъ вкратцѣ основныя положенія научнаго соціализма, Союзъ выясняетъ свою позицію по отношенію къ современнымъ теченіямъ въ международной, и въ частности русской, соц.-демократіи. „Осуществленіе соціалистическаго идеала — говорится въ Манифестѣ — немыслимо, по нашему мнѣнію, ни экономической самодѣятельностью рабочаго класса, ни частичными политическими и соціальными реформами; оно возможно лишь посредствомъ коренной ломки всего существующаго строя, посредствомъ соціальной революціи, необходимымъ прологомъ къ которой должна служить политическая диктатура пролетаріата“. Далѣе, указывая на существующій въ Россіи политическій строй, какъ враждебный всякому общественному и въ особенности рабочему движенію, Союзъ заявляетъ, что онъ ставитъ своей ближайшей задачей политическое воспитаніе армянскаго пролетаріата и пріобщеніе его къ борьбѣ всего россійскаго пролетаріата для сверженія царскаго самодержавія. Не отрицая вполнѣ необходимости частичной экономической борьбы рабочихъ съ хозяевами, Союзъ не придаетъ ей, однако, самостоятельнаго значенія. Онъ признаетъ эту борьбу, поскольку она улучшаетъ матеріальное положеніе рабочихъ и способствуетъ выработкѣ въ нихъ политическаго самосознанія и классовой солидарности.

Особенно интереснымъ для насъ является отношеніе Союза къ національному вопросу. „Принимая во вниманіе, — говорится въ Манифестѣ, что въ составъ русскаго государства входитъ много различныхъ народностей, находящихся на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, и полагая, что только широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія можетъ обезпечить интересы этихъ разнородныхъ элементовъ, мы считаемъ необходимымъ въ будущей свободной Россіи учрежденіе федеративной (курсивъ нашъ) республики. Что же касается Кавказа, то, имѣя въ виду крайнюю разноплеменность его населенія, мы будемъ стремиться къ объединенію всѣхъ мѣстныхъ соціалистическихъ элементовъ и всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ; мы будемъ стремиться къ созданію единой крѣпкой соц.-дем. организаціи, для болѣе успѣшной борьбы съ самодержавіемъ. Въ будущей Россіи мы признаемъ за всѣми націями право на свободное самоопредѣленіе, такъ какъ въ національной свободѣ мы усматриваемъ только одинъ изъ видовъ гражданской свободы вообще. Исходя изъ этого положенія и считаясь, какъ мы указывали выше, съ разноплеменнымъ составомъ Кавказа и съ отсутствіемъ географическаго раздѣленія между отдѣльными племенами, мы не находимъ возможнымъ внести въ нашу программу требованіе политической автономіи для кавказскихъ народностей; мы требуемъ только автономіи относительно культурной жизни, т. е. свободу языка, школъ, образованія и т. п.“

Мы отъ всей души привѣтствуемъ „Манифестъ“ Союза арм. соц-дем. и особенно замѣчательную попытку его дать правильную постановку по національному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основныхъ принципа, которыми должны руководиться всѣ соц.-демокр. Россіи національнаго вопроса, намѣчены Союзомъ совершенно правильно. Это, во-первыхъ, требованіе не національной автономіи, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторыхъ, требованіе права на самоопредѣленіе для каждой національности, входящей въ составъ государства. Но оба эти принципа не вполнѣ еще послѣдовательно проведены Союзомъ арм. соц.-дем. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли съ ихъ точки зрѣнія говорить о требованіи федеративной республики? Федерація предполагаетъ автономныя національныя политическія цѣлыя, а Союзъ отказывается отъ требованія національной автономіи. Чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, Союзъ долженъ устранить изъ своей программы требованіе федеративной республики, ограничиваясь требованіемъ демократической республики вообще. Не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію, не дѣло пролетаріата выставлять подобныя требованія, неминуемо сводящіяся къ требованію создать автономное классовое государство. Дѣло пролетаріата — тѣснѣе сплачивать какъ можно болѣе широкія массы рабочихъ всѣхъ и всякихъ національностей, сплачивать для борьбы на возможно болѣе широкой аренѣ за демократическую республику и за соціализмъ. И если данная намъ въ настоящее время государственная арена создана, поддерживается и расширяется посредствомъ ряда возмутельныхъ насилій, то мы должны именно для успѣшной борьбы со всѣми видами эксплуатаціи и гнета не раздроблять, а соединять силы наиболѣе угнетеннаго и наиболѣе способнаго къ борьбѣ рабочаго класса. Требованіе признанія права на самоопредѣленіе за каждой національностью означаетъ само по себѣ лишь то, что мы, партія пролетаріата, должны быть всегда и безусловно противъ всякой попытки насиліемъ или несправедливостью вліять извнѣ на народное самоопредѣленія. Исполняя всегда этотъ свой отрицательный долгъ (борьбы и протеста противъ насилія), мы сами со своей стороны заботимся о самоопредѣленіи не народовъ и націй, а пролетаріата въ каждой національности. Такимъ образомъ, общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. Россіи должна состоять лишь въ требованіи полнаго равноправія гражданъ (независимо отъ пола, языка, религіи, расы, націи и т. д.) и права ихъ на свободное демократическое самоопредѣленіе. Что же касается до поддержки требованій національной автономіи, то эта поддержка отнюдь не является постоянной, программной обязанностью пролетаріата. Эта поддержка можетъ стать для него необходимой лишь въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. По отношенію къ армянской соц.-дем. отсутствіе такихъ исключительныхъ обстоятельствъ признано самимъ Союзомъ арм. с.-д.

Мы надѣемся еще вернуться къ вопросу о федеративности и національности. А теперь закончимъ еще разъ привѣтствіемъ новому члену Рос. С.-Д. Р. П. — Союзу армянскихъ соц.-дем.

Открытое письмо „Организаціонному Комитету“.

Мы горячо привѣтствуемъ призывъ „Организаціоннаго Комитета“ къ дѣлу созданія у насъ „единой, сильной соціаль-демократической партіи“. Мы глубоко убѣждены, что время не терпитъ и жизнь не ждетъ. Настоящій моментъ болѣе, чѣмъ когда либо, настоятельно требуетъ объединенія всѣхъ сознательныхъ участниковъ нашего рабочаго движенія подъ знаменемъ единой и сильной соціаль-демократической рабочей партіи.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что пора, наконецъ, положить предѣлъ той розни, которая такъ мѣшаетъ успѣху нашей и безъ того трудной партійной дѣятельности. Пусть всѣ чувства прежнихъ обидъ и недоброжелательства, вызванныя нашей внутренней взаимной борьбой, заглушатся скорѣе и окончательно тѣмъ чувствомъ ненависти, которыя вызываются въ насъ свистомъ нагаекъ и пуль, посылаемыхъ въ безоружныя толпы рабочихъ и голодающихъ крестьянъ, торжествующимъ видомъ жандармовъ и несмолкаемымъ лязгомъ замковъ тюремъ, въ которыя бросаютъ нашихъ товарищей. И пусть чувство смертельной, заклятой вражды къ давящему всю нашу жизнь произволу вольетъ въ насъ лишь новыя силы для той освободительной пролетарской борьбы, высшее руководство которой долженъ взять на себя Центральный Комитетъ нашей партіи!

Движимые этими чувствами, мы — старые участники петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ, бывшіе члены центральной группы Петербургскаго Союза Борьбы и одни изъ главныхъ сотрудниковъ прежней „Рабочей Мысли“, — хотимъ откликнуться на призывъ Организаціоннаго Комитета и присоединиться къ организаціи „Искры“, которая больше всѣхъ другихъ соціаль-демократическихъ организацій настаивала на необходимости созданія у насъ центральнаго руководящаго учрежденія партіи, и которая такъ сильно содѣйствовала появленію „Организаціоннаго Комитета“.

Въ настоящее время выступленія на поле русской политической дѣятельности двухъ новыхъ партій — партіи либераловъ и партіи революціонныхъ радикаловъ („соціалистовъ-революціонеровъ“), мы болѣе, чѣмъ когда-либо, являемся убѣжденными, что только соціаль-демократическое движеніе, тожественное въ нашихъ глазахъ съ сознательнымъ движеніемъ рабочаго класса, руководимымъ соціаль-демократическою рабочею партіею, можетъ обезпечить нашей родинѣ всѣ выгоды рѣшительной и полной побѣды надъ самодержавіемъ.

Мы остаемся попрежнему убѣжденными въ томъ, что единственно вѣрною тактикой партіи будетъ лишь та, руководясь которою, Комитеты нашей Партіи, относясь самымъ внимательнымъ образомъ къ самодѣятельности рабочихъ, сочувствуя каждому прогрессивному начинаію съ ихъ стороны, будутъ сознательно объединять вокругъ себя всѣ самостоятельно возникающія рабочія организаціи черезъ посредство своихъ членовъ, входящихъ въ эти организаціи и дѣятельно участвующихъ въ ихъ работѣ. Тогда эти организаціи, видя въ Комитетахъ Партіи лучшихъ защитниковъ интересовъ рабочаго класса, будутъ невольно стремиться стать подъ общепартійное знамя. Только такая тактика можетъ дѣйствительно упорядочить отношенія между Комитетомъ и рабочими организаціями и даже уничтожить самую почву для повторенія впредь тѣхъ нежелательныхъ столкновеній, отъ которыхъ, наравнѣ съ движеніемъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, такъ сильно страдало наше петербургское рабочее движеніе.

Но цѣлесообразное отношеніе Комитетовъ къ рабочимъ организаціямъ, такъ и другъ къ другу и къ своей общей дѣятельности, конечно, можетъ быть обезпечено лишь созданіемъ сильной центральной организаціи партіи. Созданіе же и прочное существованіе самой общепартійной организаціи можетъ быть обезпечено лишь въ томъ случаѣ, если каждый Комитетъ, отказавшись отъ узкаго, чисто группового эгоизма и, проникнувшись общепартійными цѣлями, введетъ болѣе правильное раздѣленіе труда среди своихъ членовъ, и немедленно и разъ навсегда сдѣлаетъ одною изъ своихъ важнѣйшихъ задачъ подготовленіе и выдѣленіе изъ своего личнаго состава работниковъ для общепартійнаго дѣла, т. е. кандидатовъ въ дѣятели центральнаго комитета партіи. Ничѣмъ другимъ, какъ учрежденіемъ этой новой функціи комитетской работы, можетъ быть обезпечено прочное, постоянное существованіе центральной партійной организаціи. И ничѣмъ другимъ, какъ прочнымъ и постояннымъ существованіемъ такой центральной организаціи, можетъ быть обезпечена цѣлесообразная тактика и плодотворная общая и мѣстная дѣятельность Партіи.

Мы естественно кончаемъ тѣмъ, съ чего начали, — самымъ горячимъ и самымъ искреннимъ пожеланіемъ успѣха „Организаціонному Комитету“. Мы надѣемся, что на его своевременный призывъ дѣятельно откликнутся всѣ тѣ, кто считаетъ дѣло самоосвобожденія рабочаго класса своимъ собственнымъ дѣломъ; откликнутся всѣ, кому дѣйствительно дороги интересы нашего соціаль-демократическаго рабочаго движенія и откликнутся такъ, что слова „да здравствуетъ наша соціаль-демократическая рабочая партія“ изъ простого лозунга превратятся въ грозный, боевой кличъ!

Бывшіе члены центр. группы Петербургскаго Союза Борьбы и сотрудники прежней „Рабочей Мысли“.

Мы получили слѣдующее письмо:

Въ редакцію „Искры“. Товарищи! Я послалъ въ „Союзъ Русскихъ Соціаль-демократовъ“ мотивированное заявленіе о своемъ выходѣ изъ членовъ этой организаціи. Въ заявленіи я говорю о роли „Союза“ послѣдняго времени въ нашемъ движеніи и со своею оцѣнкою его хотѣлъ бы познакомить возможно большее число товарищей. Съ этою цѣлью я посылаю Вамъ полную копію моего заявленія въ „Союзъ“ и прошу напечатать его въ вашей газетѣ въ тѣхъ или другихъ выдержкахъ, такъ какъ размѣры заявленія не позволяютъ думать о полномъ воспроизведеніи его на страницахъ „Искры“. — 8 февр. 1903 года.

Съ товарищескимъ привѣтомъ В. Иванщинъ.

Отъ Редакціи: Отмѣчая съ удовольствіемъ, что товарищъ В. Иванщинъ солидаренъ съ нами въ главнѣйшихъ вопросахъ программы и тактики, мы не считаемъ въ настоящее время возможнымъ опубликовать его письма „Союзу“, такъ какъ продолжаемъ надѣяться, что ходъ событій окончательно приблизитъ оставшихся въ этой организаціи товарищей къ нашей точкѣ зрѣнія и сдѣлаетъ ненужнымъ продолженіе внутренней борьбы въ нашей партіи въ такое время, когда для громаднаго большинства дѣйствующихъ соціаль-демократовъ основныя партійныя задачи представляются вполнѣ выясненными.

Нами полученъ № 2 Кіевскаго С.-Д. Лист., отъ 9 дек. 1902 г., содержащій двѣ статейки. Первая — „движеніе ж.-дор. рабочихъ“ — даетъ общій сводъ послѣднимъ извѣстіямъ о движеніи ж.-дор. рабочихъ въ Ростовѣ-на-Дону, Тихорѣцкой, Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, въ Сибири и характеризуетъ звѣрскую политику правительства по отношенію къ безправному рабочему люду. Вторая статья представляетъ изъ себя письмо раб. изъ мастерск. Ю.-З ж. д., дающее яркую картину той бездны угнетенія, въ которую погружены рабочіе; въ немъ обрисовано то ужасное положеніе, когда „честь, свобода и совѣсть человѣка зависятъ отъ какой-либо мелкой сошки и оберъ-шпіона въ родѣ мастера Голембіовскаго, самодержавнаго начальника надъ сотнями людей“.

Листокъ изданъ очень хорошо въ типографскомъ отношеніи. Замѣтимъ со своей стороны, что вышеозначенное содержаніе „Листка“ дѣлаетъ изъ него чрезвычайно удачно составленную прокламацію къ рабочимъ, обобщающую данныя о движеніи рабочихъ различныхъ мѣстностей въ извѣстной отрасли промышленности и пытающуюся вызвать соотвѣтствующее движеніе и въ Кіевѣ. Пожелаемъ успѣха Комитету въ изданіи подобныхъ прокламацій, которыя, по нашему мнѣнію, совершенно необходимы для оживленія, расширенія и углубленія мѣстной работы.

Съ 14 декабря по 18 января вышло еще пять номеровъ того-же Листка“ съ разнообразнымъ содержаніемъ. Отмѣтимъ статьи: „Памяти декабристовъ“, „Цѣнное признаніе ген. Драгомирова“, „Къ евреямъ рабочимъ“. Кромѣ того Кіевск. Комитетъ издалъ еще листки: „Къ рабочимъ южнорусскаго завода“, „Ко всѣмъ типографщикамъ“, „Къ юбилею ген. Новицкаго“ (перепечатываемъ его выше) и Отчетъ Комитета за сентябрь — ноябрь. — За время съ 1 іюля по 1 декабря Комитетъ выпустилъ 15 воззваній въ 11.460 экзем. Доходъ Комитета за время отъ 1 сент. до 1 дек. составилъ 1320 руб. 15 коп., расходъ 1622 руб. 15 коп.

Организаціоннымъ Комитетомъ Партіи издана прокламація „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ и работницамъ“, заключающая разсказъ о ростовскихъ событіяхъ и освѣщающая ихъ значеніе. Прокламація напечатана въ типографіи О. К.

„Южный Рабочій“, организація котораго теперь объединилась съ нашей, вышелъ десятымъ номеромъ.

Печатную прокламацію издала Елизаветградская организація по поводу ростовскихъ событій

Екатеринославскимъ Комитетомъ выпущена прокламація „къ еврейскимъ рабочимъ“, весьма удачно составленная.

Николаевскій Комитетъ возобновилъ газету „Наше Дѣло“ выходившую въ концѣ 1897 г. отъ имени тогдашней николаевской группы соціаль-демократовъ. Комитетомъ изданы (печатно) №№ 4, 5 и 6 газеты.

Петербургскимъ Комитетомъ партіи изданъ и распространенъ листокъ (отъ 3 янв. 1903 г.) „двухсотлѣтіе подневольной печати“. Въ листкѣ клеймится позорная система цензуры, существующая въ Россіи, описывается борьба за свободное слово (начиная съ Радищева и продолжая Герценомъ), широкое развитіе революціонной печати въ послѣднее время и дѣлается призывъ къ борьбѣ за свободное слово, за уничтоженіе самодержавія. Другая прокламація издана Комит. по тому же поводу гектографскимъ способомъ. Тѣмъ же Комит. изданы семь „Листковъ Раб. Мысли“ и прокламація „Царь въ Курскѣ“.

Воронежскій Комитетъ Росс. С.-Д. Р. П. издалъ печатную прокламацію „Ко всѣмъ воронежскимъ рабочимъ“ по поводу извѣстнаго ареста Мартынова и Бунакова. Прокламація очень толково, просто и ясно разсказываетъ о нашихъ политическихъ порядкахъ, о содержаніи „преступныхъ“ рѣчей арестованныхъ, объ эксплуатаціи и угнетеніи рабочаго народа въ Россіи и призываетъ къ борьбѣ за политическую свободу въ рядахъ Росс. С.-Д. Р. П. Привѣтствуемъ прекрасный почипъ Воронежскаго Комитета въ широкой политической агитаціи!

Донскимъ Ком. выпущена прокламація „О самодержавіи“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Нижній-Новгородъ. Январь. На дняхъ были аресты среди рабочихъ (въ Канавинѣ на другомъ берегу Оки). Арестованы также нѣкоторые интеллигенты: Познякъ, Никифорова, Бродская, Герингъ и мн. друг. Среди интеллигентовъ попались многіе сіонисты. — Ростовъ-на-Дону. 31 дек. выпущены изъ тюрьмы Рейсманъ (высланъ въ Екатеринославъ), Охнянскій, Миндлинъ (тоже въ Екатеринославъ). Кромѣ того Котелевецъ, Шпитальный и Тавлиновъ (взятые въ Азовѣ). Сидятъ: Серебряковъ (инт.), Скоробогатый (раб.), Синицынъ (раб.) и Анна Зиммель (инт.) по приговору изъ Либавы. 24 декабря было 8 обысковъ. — Одесса. Сидѣвшіе по севастопольскому дѣлу о распространеніи нелегаль. литературы Як. Бейзерманъ, Мойс. Шулькройтъ и Сергѣй Андреевъ сосланы на 5 л. въ В. Сибирь. Высланы туда 6 января. 17 янв. изъ Одесск. тюрьмы выслано 20 чел. (въ томъ числѣ К. Захарова и еще двѣ женщины), куда — неизвѣстно. Черезъ нѣсколько дней ожидалась высылка остальныхъ, сидящихъ съ февр. прошл. года. 17 и 18 янв. были большіе аресты. — Кіевъ. 10 дек. арестованъ врачь Фруминъ (отвезенъ въ Петербургъ), 17-го пом. пр. пов. С. Волосевичъ (выпущенъ 23-го), 23-го рабочіе А. Лола и Н. Барановскій. Въ ночь съ 1 на 2 янв. арестовано нѣсколько рабочихъ на Степановской улицѣ, а въ слѣдующую ночь — около 12 рабочихъ въ другихъ мѣстахъ. Согласно отчету Кіевск. „Красн. Креста“ въ теченіе минувшаго года въ кіевскихъ тюрьмахъ перебывало 453 (четыреста пятьдесятъ три) человѣка, которые вмѣстѣ просидѣли 28.368 дней или 77,7 лѣтъ. Въ 1901 г. число заключенныхъ составляло 285, число дней ареста 14335 или 39,27 лѣтъ. Вмѣстѣ съ числомъ арестуемыхъ растетъ и среднее число дней ареста, приходящееся на одного (въ 1901 г. — 50, въ 1902 г. — 62 г. и это не смотря на то, что десять бѣжавшихъ въ августѣ „похитили“ у тюремнаго чудовища около 500 дней — считая до конца года). По мѣсяцамъ число заключенныхъ колебалось отъ 25 (въ январѣ) до 255 (въ февралѣ) и 205 (въ апрѣлѣ). Все это въ отчетѣ „Кр. Кр.“ воспроизведено на очень интересной картограммѣ. Желательно, чтобы другія общества помощи заключеннымъ также подробно регистрировали борьбу жертвъ революціонной борьбы. — Рязань. По предписанію изъ Симбирска былъ обыскъ у рабочаго И. Гольцмана.

Орелъ. Въ концѣ января въ Орловскомъ у. былъ арестованъ учитель земской сельско-хоз. школы Александръ Акуратовъ, привезенъ въ Орелъ. У народнаго учителя Скворцова и его брата семинариста были обыски. Семинаристъ подъ домашнимъ арестомъ. Обвиняются въ распространеніи прокламацій среди крестьянъ. — С.-Петербургъ. Арестованъ Федоръ Шипулинскій, медичка Фокарева, лѣс. Алексѣенко, инт Грожанъ, былъ обыскъ у Хмѣлевцева. Новгородъ. Арест. М. Ю. Гольдштейнъ.

Бѣжалъ удачно изъ Омска ссыльный В. Вановскій (бывш. офицеръ), который съ 1892 г. почти непрерывно переходитъ изъ тюрьмы въ ссылку.

Изъ Сибири сообщаютъ о благополучномъ бѣгствѣ изъ Нижне Удинска Арона Сольцъ и работницы Зевинъ. Оба привлекались по дѣлу „Раб. Знамени“ и „Раб. Библіотеки“ Оба находятся заграницей.

Приводимъ главныя мѣста изъ обращеннаго къ намъ неизвѣстнымъ намъ товарищемъ письма, которое еще разъ поднимаетъ одинъ изъ дѣйствительно больныхъ вопросовъ нашей практики.

„Товарищи! Мы хотимъ предложить вамъ одну мѣру, которая кажется намъ весьма важной для русской практической революціонной дѣятельности. Вы, навѣрное, согласитесь съ нами, что русскіе революціонеры въ массѣ не обладаютъ большой конспиративностью, большимъ практическимъ чутьемъ. Частые провалы, частые массовые аресты, крупныя пораженія пропаганды въ отдѣльныхъ городахъ, парализованіе дѣятельности революціонеровъ на продолжительное время вмѣстѣ съ крупной потерей людей, связей и средствъ, имѣли причиной очень часто какое-нибудь непростительное легкомысліе одного изъ участниковъ дѣла, напр., излишнюю откровенность, вѣрнѣе, болтливость, которая имѣла слѣдствіемъ то, что предметъ строгой тайны становится извѣстнымъ улицѣ. Революціонеры, въ большинствѣ случаевъ, народъ молодой, относятся недостаточно благоразумно, недостаточно обдуманно къ своему практическому дѣлу... Такое поверхностное отношеніе къ дѣлу станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что молодому революціонеру буквально неоткуда набраться революціонной практической мудрости, такъ какъ опытныхъ революціонеровъ въ Россіи всюду весьма немного, и эти внѣ возможности руководить всѣми дѣйствіями своихъ молодыхъ товарищей; затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ молодые совершенно внѣ вліянія опытныхъ революціонеровъ. Въ нелегальной литературѣ, насколько намъ извѣстно, совершенно нѣтъ руководствъ или книжекъ съ изложеніемъ конспиративныхъ правилъ, добытыхъ долголѣтнимъ опытомъ русской революціи. Изданіе такой книжки и ея широкое распространеніе въ Россіи и за-границей — въ русскихъ колоніяхъ — было бы чрезвычайно полезно... Вспомните завѣщаніе А. Михайлова. Эти краткія, выразительныя правила драгоцѣннаго революціоннаго опыта почти совершенно неизвѣстны, а между тѣмъ тотъ фактъ, что Михайловъ, этотъ удивительный организаторъ, въ своемъ завѣщаніи излагаетъ почти исключительно правила конспираціи, говоритъ самъ за себя. Краткость и сила этихъ заповѣдей также очень характерны. Необходимо, наконецъ, позаботиться объ исполненіи его завѣщанія, т. е., прежде всего, о широкомъ распространеніи его правилъ. Къ этимъ могутъ и должны присоединиться и другія правила, приноровленныя къ условіямъ рабочей и студенческой жизни... На ряду съ такими правилами брошюры, обстоятельно трактующія о практикѣ революціоннаго дѣла вродѣ книжки, изданной Союзомъ: „Какъ держать себя на допросахъ“, крайне необходимы...“

Замѣтимъ, съ своей стороны, что однимъ изъ лучшихъ средствъ распространенія въ массѣ конспиративныхъ правилъ является ознакомленіе въ деталяхъ съ исторіей русскаго революціоннаго движенія. Далѣе, совершенно незамѣнимы въ нашемъ дѣлѣ личное воздѣйствіе на молодежь со стороны профессіональныхъ революціонеровъ и систематизація этого воздѣйствія (вродѣ обязательнаго чтенія рефератовъ на эту тему въ рабочихъ и студенческихъ кружкахъ, обмѣнъ между организаціями выработанной практики подбора и „искуса“ членовъ и т. п.). Наконецъ, и изданіе брошюры о правилахъ поведенія тоже очень желательно, ибо поразительно быстрый ростъ нашего движенія вширь исключаетъ всякую мысль о возможности ограничиться однимъ личнымъ воздѣйствіемъ. Не какъ единственное или главное средство, а какъ одно изъ средствъ, — такая брошюра сыграла бы, несомнѣнно, свою роль. Можетъ быть, слѣдовало мы начать прямо съ перевода или передѣлки той брошюры на эту тему, которая имѣется, если мы не ошибаемся, въ польской литературѣ.

А. О. Либрехтъ (Некрологъ). Весной этого года умеръ въ Сухумъ-Кале отъ туберкулеза Александръ Осиповичъ Либрехтъ. Покойному было всего лѣтъ 20 съ небольшимъ. 1 марта 1901 г. онъ былъ арестованъ, въ числѣ прочихъ, по дѣлу Московскаго Комитета Партіи. На квартирѣ у него нашли (спрятанныя подъ поломъ) мимеографъ, прокламаціи и рукописи перваго номера предполагавшагося къ изданію соц.-демократическаго журнала „Рабочее Слово“. Уликъ этихъ оказалось достаточно для того, чтобы продержать его въ тюрьмѣ 9 мѣс. Тюрьма сломила его силы и здоровье: онъ вышелъ изъ нея обреченнымъ на смерть. Еще однимъ вѣрнымъ товарищемъ стало меньше, еще однимъ именемъ больше въ синодикѣ мучениковъ русской свободы... Пусть же будетъ ему легка земля, а мы — живые — будемъ бороться за то дѣло, за которое онъ погибъ!

Кіевскій Комитетъ объявляетъ предателемъ булочника Ивана Точилова, арестованнаго 22 іюля 1901 г. и оговорившаго Шнипера и булочника Эбергарда, арестованнаго 30 нояб. 1902 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отъ ред. Отлагается до слѣд. ном. отвѣтъ на № 105 „Посл. Изв.“ Бунда, такъ какъ прокламація Екатеринославскаго Комитета Партіи, вызвавшая гнѣвъ Бунда, получена нами, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно.

Лѣкарству. Письмо получено. Ключъ и адресъ переданы. Очень рады. Пишите.

А. И. Письмо объ аграрной программѣ получено. Дайте адресъ для отвѣта.

Господамъ a, b, c, d. Объяснявшійся съ Вами „Питэръ“ дѣйствительно находится въ связи съ нашимъ представителемъ въ городѣ „СП“ и вполнѣ компетентенъ устанавливать, кто не принадлежитъ къ орган. „Искра“ въ этомъ городѣ.

Льву Львовичу. Письмо получено и разобрано.

Василію. Пора бы написать намъ: не имѣли отъ васъ ни одного письма.

Заканчивается печатаніемъ и скоро выйдетъ въ свѣтѣ „Эрфуртская программа“ Каутскаго.

Получено: Чер. Цюрихъ: изъ Давоса для Сиб. кас. по лис. № 93 чер. НН. 84 фр., оттуда же за литер. 10 фр. и отъ друга 15 фр., изъ Ма за лит. 14.77 фр., изъ Ліона для Сиб. кас. 15 ф. и отъ № 62 фр. Изъ Берна экстренный сборъ 263 фр. и за лит. 182 фр. Изъ Парижа въ пользу ростовс. стачечниковъ 122.40 ф. Изъ Брюсселя 53.65 фр. и на изд. зап. Павлова 18.20 фр. Изъ „мягкаго знака“ 154.10 фр., отъ нов. тов. за „И.“ 20 фр., въ п. рост. стач. 15 фр и отъ больной Кати изъ Брюсселя 30 фр. Изъ Нью-Іорка отъ мѣстной гр. рев. соц.-дем. 300 дол. Отъ Без-ной 3 руб. Изъ Женевы: за лит. 53.55 и 90.85 фр., съ реф. Плеханова 145 фр. Изъ Вост. Сиб. 35 р. Изъ Мюнхена чер. Линдова 30 руб. Отъ Др. Юн. въ два пріема 1000 руб. Чер. Орг. Ком. перед. рост. стач. отъ П. 60 р., отъ Настойчивого изъ Б. 20 р., на орг. дѣла 60 р. Отъ земляковъ 100 р., отъ А А. 50 р., „Крысой“ получено: 100 р. отъ Союза Борьбы, 100 р. отъ Пт., 220 р. отъ С. С., отъ „своего“ 22 р., отъ А. С. за 2 №№ 32 р., отъ пріятельницы 10 р., занято Л-во 100 р. Итого 455 р.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 34. 15-го февраля 1903 года. № 34.

„ИЗВОЛЯТЪ ТѢШИТЬСЯ“.

„Изволятъ тѣшиться“ — такъ переводила подцензурная русская печать сороковыхъ годовъ названіе извѣстной драмы Виктора Гюго „Le roi s'amuse“ („государь забавляется“). Драма была проникнута сильнымъ анти-монархическимъ настроеніемъ, въ ней изображалась баззащитность чести „вѣрноподданныхъ“ отъ посягательствъ коронованнаго самодержца; пьеса была запрещена тогдашнимъ французскимъ правительствомъ; — немудрено, что благочестивая русская цензура того времени запретила даже при передачѣ заглавія драмы упоминать, что рѣчь въ ней идетъ о „Высочайшей Особѣ“.

Когда самодержцы изволятъ тѣшиться, вѣрноподданнымъ приходится плохо. На верхахъ общественной лѣстницы люди чувствуютъ себя свободными отъ тѣхъ узъ обычной морали, которыя, худо-ли, хорошо-ли, сдерживаютъ въ „простыхъ“ смертныхъ не вытравленные культурой инстинкты и которыя у простыхъ смертныхъ поддерживаются условіями труда и жизни, развивающими въ тѣхъ или иныхъ, болѣе или менѣе узкихъ, предѣлахъ чувства человѣческой солидарности; а сознаніе безнаказанности „самодержавнаго“ положенія эмансипируетъ вѣнценосцевъ отъ спасительнаго страха передъ людскимъ „правосудіемъ“, воплощеннымъ въ полицейскомъ чиновникѣ.

Благодать самодержавія — что бы ни говорили противъ этого славянофилы въ родѣ Шарапова — благодать самодержавія не пребываетъ концентрированной въ одномъ „помазанникѣ божіемъ“; нѣтъ, эта благодать царскимъ соизволеніемъ переносится на всю армію „царскихъ представителей“ — отъ министра и губернатора до послѣдняго урядника и жандарма. Каждый изъ нихъ носитель той божественной и безотвѣтственной самодержавной власти, источникомъ которой является власть царя. Это положеніе еще недавно съ полной опредѣленностью провозгласили „Моск. Вѣд.“ въ передовой статьѣ отъ 16 января. А при передачѣ самодержавной благодати на „царскихъ представителей“ переносится и свойственная самодержцамъ привычка „тѣшиться“ за счетъ обывательской чести, обывательскихъ слезъ, а подчасъ и обывательской жизни.

Девять мѣсяцевъ назадъ на станціи Тихорѣцкой разыгралась мрачная драма. Облеченный частицей самодержавной власти, слѣдователь Пуссепъ арестовалъ по лживому обвиненію въ кражѣ, изнасиловалъ и передалъ въ распоряженіе казаковъ и полицейскихъ приглянувшуюся ему пассажирку Золотову. 6 мая несчастная „лишила себя жизни“. 9 мая желѣзнодорожные рабочіе ст. Тихорѣцкой пытались сурово наказать гнусныхъ убійцъ неизвѣстной имъ женщины. Произведенные ими „безпорядки“ были подавлены начальствомъ, суд. слѣдователь Пуссепъ временно уѣхалъ съ мѣста, гдѣ такъ жестоко „потѣшился“ надъ одной изъ русскихъ обывательницъ. Но дѣло не заглохло. Бурное выступленіе тихорѣцкихъ рабочихъ разъ навсегда извлекло его изъ-подъ груды протоколовъ и донесеній, которыя должны были его похоронить.

Вслѣдъ за нелегальной печатью (см. № 22 „Искры“) отозвалась и подцензурная. „Пет. Вѣд.“ открыто объявили, что Золотова была незаконно арестована Пуссепомъ, что онъ же запретилъ ей снестись со своими родными, что онъ изнасиловалъ ее, послѣ чего ею торговали станичные казаки и что все это побудило ее къ самоубійству.

Молчать было нельзя. Министерство юстиціи выступило съ категорическимъ опроверженіемъ утвержденій „Пет. Вѣд.“ Оно признало дѣйствія Пуссепа законными, разсказало, что покойная Золотова была проституткой, состоявшей подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ, что у нея въ арестантской камерѣ происходили попойки и оргіи (такъ что, очевидно, ей сидѣть было достаточно весело) и что виновные въ безпорядкахъ желѣзнодорожные рабочіе преданы суду.

Газета не сдалась. Посланный ею корреспондентъ собралъ на мѣстѣ новыя данныя и 16 января за полной подписью опубликовалъ результаты своего собственнаго дознанія. Съ необычайной для нашей печати рѣшительностью и смѣлостью кн. Андронниковъ утверждаетъ, что произведенное посланными М-ствомъ юстиціи чиновниками разслѣдованіе было направлено къ тому, чтобы схоронить всѣ концы совершеннаго тихорѣцкими самодержцами преступленія. Самое преступленіе, какъ теперь оказывается, еще болѣе ужасно, чѣмъ предполагалось раньше: Золотова была замучена до смерти и ей влили въ ротъ карболовую кислоту, чтобы симулировать самоубійство. Присланный для вскрытія (казенный!) врачъ заявилъ, что на тѣлѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ насилія, тогда какъ частныя лица, видѣвшія трупъ, свидѣтельствуютъ о слѣдахъ истязаній. Утвержденіе министерства, что Золотова была проституткой, кн. М. Андронниковъ объявляетъ сознательной ложью: онъ выяснилъ, что Золотова нигдѣ въ списки проститутокъ не занесена. Гг. слѣдователи хотѣли „успокоить“ публику насчетъ того, что жертва тихорѣцкой драмы не заслуживаетъ, вообще, ея вниманія, а для этого записали ее послѣ смерти въ сословіе отверженныхъ.

Въ горячей статьѣ подъ названіемъ „Нельзя молчать“ „СПБ. Вѣд.“ требуютъ выясненія дѣла и наказанія виновныхъ. При этомъ газета констатируетъ, что хотя Пуссепъ и возбудилъ обвиненіе въ клеветѣ противъ кн. Ухтомскаго, но всячески оттягиваетъ разборъ дѣла.

Неслыханный у насъ фактъ обвиненія газетой цѣлаго вѣдомства въ сознательномъ укрываніи слѣдовъ преступленія, совершеннаго однимъ изъ чиновниковъ, прошелъ для газеты безнаказанно*). Никакой кары со стороны цензурнаго вѣдомства. Появляется вскорѣ новое „правительственное сообщеніе“.

Ни слова о томъ, была-ли Золотова проституткой, какъ утверждалось въ іюнѣ, или это — лживая выдумка. Ни слова о томъ, имѣлъ-ли Пуссепъ право задержать Золотову послѣ снятія съ нея показанія и отказать ей въ освобожденіи безъ залога. Передъ нами только перечисленіе тѣхъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства, которые поочередно отправлялись для „переразслѣдованія“ уже якобы разслѣдованнаго дѣла. Первое сообщеніе „СПБ. Вѣд.“ „вполнѣ опроверглось доставленными въ М-ство юстиціи мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ свѣдѣніями о результатахъ“ трехъ разслѣдованій (по обвиненію Золотовой въ кражѣ, по обвиненію Пуссепа отцомъ Золотовой и по обвиненію рабочихъ въ учиненіи „безпорядковъ“). Однако „въ видахъ всесторонней провѣрки газетныхъ сообщеній и слуховъ“ министерство послало для новаго разслѣдованія товар. прок. Петер. Палаты Заруднаго, а сверхъ того, произвели свои разслѣдованія „предсѣдатель и прокуроръ Екатеринодарск. окружн. суда, а ровно и исправляющій должн. прок. тифлис. суд. палаты Лемерманъ.“ Цѣлый букетъ служителей правосудія! И всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что дѣйствія Пуссепа были вполнѣ законны, что Золотова проститутка, покончившая съ собой неизвѣстно почему и что единственные преступники въ тихорѣцкой драмѣ, это — желѣзнодорожные рабочіе. Всѣ начатыя разслѣдованія прекращены — одно за смертью Золотовой, другое — за отсутствіемъ состава преступленія въ дѣйствіяхъ Пуссепа и только „дѣло о безпорядкахъ рабочихъ на хуторѣ Тихорѣцкомъ заканчивается и въ непродолжительномъ времени будетъ направлено съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду лицъ, изобличенныхъ въ безпорядкахъ“. Все оформлено и округлено, но такъ какъ публика все же не вѣритъ правительственнымъ сообщеніямъ, то „хотя означенныя (въ „Пет. Вѣд“.) указанія находятся въ полномъ противорѣчіи съ результатами произведенныхъ по настоящему дѣлу предварительныхъ слѣдствій и со всѣми другими имѣющимися въ распоряженіи мин. юстиціи подробными и тщательно провѣренными по сему дѣлу свѣдѣніями“, то министръ „призналъ нужнымъ въ цѣляхъ окончательнаго разслѣдованія“ командировать на мѣсто еще двухъ чиновниковъ и обѣщаетъ опубликовать впослѣдствіи все производство по новому слѣдствію, т. е. новую ложь.

Для русской публики достаточно, однако, уже и того, что сдѣлано. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что весь аппаратъ бюрократической машины старательно занятъ сокрытіемъ слѣдовъ гнуснаго дѣла, произведеннаго однимъ изъ мелкихъ носителей самодержавной благодати. Не останавливаясь передъ такой подлостью, какъ позореніе памяти своей несчастной жертвы, передъ фальсификаціей и явной ложью, чины м-ства юстиціи въ теченіе почти года „округляютъ“ дѣло, такъ некстати извлеченное изъ области канцелярской тайны честнымъ пролетарскимъ порывомъ. Вокругъ трупа замученной молодой женщины уже образовалась та густая сѣть лжи, въ которой неминуемо запутается всякій новый посланецъ министра, даже если бы таковой искренно желалъ „окончательно разслѣдовать“ дѣло. Но о какомъ искреннемъ желаніи можетъ идти рѣчь у чиновника, который знаетъ, что его высшее начальство провозглашаетъ послѣ новыхъ разоблаченій печати результаты старыхъ слѣдствій „тщательно провѣренными“? Для министерствъ дѣло идетъ теперь о „сохраненіи престижа власти“ во что бы то ни стало, и ради его сохраненія новые слѣдователи покажутъ новую ложь, совершатъ, если нужно, новыя преступленія.

И у общества нѣтъ никакихъ средствъ прорвать эту паутину лжи. У него нѣтъ ни парламента, черезъ посредство котораго могутъ быть притянуты къ отвѣту носители благодати самодержавія, у него нѣтъ свободной печати, у него нѣтъ права сходокъ. У него нѣтъ права громко кричать, когда совершилось преступленіе, затрагивающее самые интимные интересы самаго мирнаго обывателя, когда передъ нимъ стала воочію опасность, угрожающая чести и жизни каждаго, имѣвшаго несчастье подвергнуться нападенію на большой дорогѣ россійскаго „правосудія“.

Начальство „изволитъ тѣшиться“. Потѣшившись досыта надъ выхваченной изъ толпы обывателей жертвой, оно продолжаетъ свою потѣху надъ ея трупомъ. Оно чинитъ — для потѣхи — рядъ „слѣдствій“, одно другого „полнѣе“, одно другое подтверждающее — каждое, снабженное печатью болѣе высокаго по табели о рангахъ чиновника — и каждое слѣдствіе нагромождаетъ на старую кучу лжи новую ложь, пополняетъ рядъ служебныхъ подлоговъ и лжесвидѣтельствъ — новыми, еще болѣе безстыдными. Для потѣхи правительственное сообщеніе хватается за ничтожную ошибку въ газетной корреспонденціи и заявляетъ, что никакой „дочери чиновника Золотовой“ Пуссепъ не арестовывалъ и что все сюда относящееся — утка — для того, чтобы затѣмъ заявить, что была имъ арестована „румынская подданная Золотова“, которая украла какія-то вещи. Начальство продолжаетъ тѣшиться — и возвѣщаетъ всему міру, что эта Золотова была проституткой и послѣ смерти заноситъ ее въ казенные списки женщинъ, состоящихъ подъ врачебнымъ надзоромъ. Начальство, улыбаясь, разсказываетъ, что Золотовой жилось въ тюрьмѣ совсѣмъ хорошо, о чемъ свидѣтельствуетъ фактъ, что въ ея камерѣ казаки пили водку (тѣ самые казаки, которые надъ ней надругались послѣ судебнаго слѣдователя и затѣмъ продавали ее по 40 к. любому желающему!). И веселость тѣшащаго себя начальства доходитъ до сардоническаго хохота, когда оно „успокаиваетъ“ публику, что единственные обнаруженные по тремъ слѣдствіямъ виновные — ж.-д. рабочіе — вскорѣ предстанутъ передъ судомъ.

Начальство изволитъ тѣшиться и обыватель, у котораго есть жена, сестра или дочь, лишенъ всякихъ законныхъ средствъ отстаивать себя противъ этой громадной орды любителей потѣхи. А къ средствамъ „незаконнымъ“ буржуазный обыватель питаетъ либеральное отвращеніе.

Вотъ тихорѣцкіе пролетаріи, — тѣ не замедлили вмѣшаться въ „естественный ходъ вещей“, когда услыхали о происшедшемъ злодѣяніи. Не въ примѣръ просвѣщеннымъ людямъ во фракахъ и перчаткахъ, эти люди въ рабочихъ блузахъ безъ всякихъ экивоковъ представили агентамъ самодержавія счетъ за загубленную человѣческую жизнь. Они манифестировали на могилѣ замученной жертвы и разгромили казенныя зданія глухого поселка, — и счастіе г. Пуссепа, что онъ успѣлъ во время ускользнуть изъ рукъ грозной народной толпы. Но мужественное выступленіе тихорѣцкихъ пролетаріевъ осталось одинокимъ. Люди во фракахъ и перчаткахъ не отозвались на громко заявленный протестъ. И безвѣстные рыцари, вступившіеся за поруганную честь незнакомой имъ женщины, теперь въ рукахъ тѣхъ самыхъ Пуссеповъ, тѣхъ самыхъ убійцъ и фальсификаторовъ судебнаго и жандармскаго вѣдомствъ, противъ которыхъ они демонстрировали. Они — на скамьѣ подсудимыхъ и тюрьма для нихъ, разореніе — для ихъ семей, — вотъ та награда, которая ждетъ ихъ безкорыстный поступокъ. Но еще до суда они успѣли понести жестокую кару. 9 мая тихорѣцкіе рабочіе подняли свой голосъ въ защиту неприкосновенности личности. 15 ноября тѣ же тихорѣцкіе рабочіе — и опять безкорыстно — демонстрировали во имя классовой солидарности: поголовной стачкой они выразили свое сочувствіе ростовскимъ рабочимъ. Башибузуки самодержавія сразу отплатили рабочимъ за оба протеста. Послѣ бойни 17 ноября (6 убитыхъ и нѣсколько десятковъ раненныхъ) казаки произвели разгромъ Тихорѣцкаго поселка. Пролетаріи протестовали въ маѣ противъ изнасилованія башибузуками женщины изъ общества, теперь — въ ноябрѣ — казаки насиловали и убивали женъ и дочерей пролетаріевъ (см. „Искру“ № 30). Судя по всѣмъ сообщеніямъ въ печати, то, что происходило въ ноябрѣ на Тихорѣцкой, превышаетъ все доселѣ совершенное „христолюбивымъ воинствомъ“. И тѣ изъ рабочихъ, которые избѣгли суда по дѣлу Золотовой, теперь будутъ преданы суду за то, что защищались отъ казацкихъ насилій.

Жертвы гнуснѣйшаго изъ самодержавій, тѣ и другіе займутъ свое мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ съ поднятымъ челомъ. Они исполнили свой долгъ. Исполнитъ-ли свой русское „общество“, за высшіе интересы котораго боролись эти „темные“ пролетаріи? Поддержитъ-ли оно своимъ открытымъ сочувствіемъ и матерьяльной помощью тѣхъ, кто цѣной своей свободы протестовалъ противъ „разбойницкой моды“ начальства, которое изволитъ тѣшиться?

НОВЫЙ ПОХОДЪ Г. ФОНЪ-ПЛЕВЕ.

(По поводу юбилейно-программной рѣчи мин. вн. дѣлъ).

Старый заплечныхъ дѣлъ мастеръ заговорилъ о предстоящихъ „реформахъ“ чуть-ли не слогомъ либерала „Рус. Вѣд.“ Въ ближайшемъ будущемъ, видите-ли, предстоитъ серьезное „крестьянское преобразованіе“ „по образцу, завѣщанному намъ эпохой составленія крестьянскаго положенія 1861 года“.

„Было бы, скромничаетъ Плеве, легкомысленнымъ самомнѣніемъ полагать, что съ этими вопросами министерство вн. дѣлъ можетъ справиться своими силами; оно желало бы внести свой трудъ, какъ лепту, въ сокровищницу всѣхъ творческихъ духовныхъ силъ страны“. Къ работѣ „будутъ привлечены лучшіе знатоки крестьянскаго дѣла на мѣстѣ“.

Будутъ „привлечены“! Очень пикантное, по нынѣшнимъ временамъ, слово! Не напомнитъ-ли это двусмысленное выраженіе о гг. Бунаковѣ, Мартыновѣ, Щербинѣ, Новиковѣ и другихъ, которые за „лепту“, внесенную ими „въ сокровищницу духовныхъ силъ страны“ были мин. вн. дѣлъ (по департаменту гос. полиціи) „привлечены“... по всей строгости статей Улож. о наказаніяхъ!

Но россійскіе общественные дѣятели одарены удивительнымъ... безстыдствомъ, если они реакціонны, и удивительной незлопамятностью, когда они либеральны. Краткость „тронной“ рѣчи г. Плеве позволила россійской печати, живущей выморочными темами, проявить бездну находчивости и остроумія въ толкованіи посуловъ министра. Либералы толкуютъ ихъ либерально, реакціонеры — реакціонно. „Боже!“ умиляется „Нов. Время“, „что можетъ сдѣлать со скучными людьми надежда, хотя бы обманчивая, какъ сонъ!“

Подойдемъ, однако, къ надеждѣ нѣсколько ближе. „Престарѣлый“ писатель К. Ф. Головинъ слѣдующимъ образомъ представляетъ себѣ „единеніе“ между страной и управляющимъ Петербургомъ.

„Губернскіе предводители дворянства и выборные отъ земскихъ собраній, по два отъ каждаго, составили бы „контингентъ въ 130 лицъ приблизительно, вполнѣ достаточный для образованія совѣщательныхъ учрежденій при трехъ министерствахъ, завѣдующихъ экономическими вопросами, т. е. при министерствахъ вн. дѣлъ, финансовъ и земледѣлія“. Это — увѣнчаніе зданія. А „на мѣстахъ, въ самой губерніи нужно создать инстанцію смѣшаннаго состава, гдѣ дѣйствовали бы заодно выборныя и административныя лица“ — подъ компетентнымъ предсѣдательствомъ гг. губернаторовъ.

Этотъ объединительный проектъ, представляющій варіацію Лорисъ-Меликовской „конституціи“ (конституціей она, какъ извѣстно, называется потому, что имѣла своей задачей спасти самодержавіе отъ конституціонныхъ ограниченій), этотъ счастливый плодъ политическаго шарлатанства встрѣтилъ теплый пріемъ у г. Сигмы, у первой скрипки суворинскаго оркестра. Побольше дружелюбія, побольше вѣры въ „государственный смыслъ сословій“ — и расколотая Русь объединится, зло смѣнится добромъ, а „идея самодержавія получитъ новый ореолъ въ странѣ, населеніе которой инстинктивно стремится приблизиться къ своему Государю“.

Не нужно, конечно, думать, пресмыкается другой „изъ стан славныхъ“, что „свѣдующіе люди“ могутъ дѣствительно чему-нибудь научить гг. министровъ. Гдѣ ужъ!.. Но у каждаго человѣка существуетъ неодолимое требованіе — посмотрѣть, что выходитъ изъ его работы. Оказывается, что „и бюрократы несвободны отъ этой потребности“. Изъ этой бюрократической и общечеловѣческой черты и исходитъ будто бы идея призвать къ тремъ министерскимъ тронамъ 130 „свѣдующихъ людей“.

Смыслъ этой грубой „политики“ ясенъ: Существуютъ строптивыя общественныя силы. Попробуемъ ихъ усмирить: орудіями репрессіи не оскудѣла царская десница. Онѣ не усмиряются? Попробуемъ ихъ политически подкупить. Пошлемъ къ рабочимъ

---

*) Циркуляромъ отъ 17 января газетамъ запрещено перепечатывать сообщ. „СПБ. Вѣд.“ и вообще говорить о дѣлѣ Золотовой.

Зубатова, къ студентамъ — Ванновскаго, къ земцамъ — Плеве. „Привлечемъ“ земскихъ вождей въ нѣдра министерскихъ канцелярій, если понадобится, оплатимъ ихъ „совѣщательный“ трудъ, развратимъ ихъ гражданскую совѣсть чинами, усыпимъ ихъ оппозиціонную честь орденами... и вчерашніе земскіе строптивцы превратятся въ прихвостней „подлежащихъ“ вѣдомствъ. Въ итогѣ — животворное единеніе власти съ „творческими силами страны“.

Разумѣется, этотъ проектъ не что иное, какъ попытка г. Плеве обокрасть общество. Но попытка съ негодными средствами. Ибо отъ того, что ничтожная доля земщины уйдетъ (если уйдетъ) въ опричину — не исчезнетъ бездонная пропасть между русскимъ самодержавіемъ и русскимъ народомъ.

НУЖНА-ЛИ „САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТІЯ“ ЕВРЕЙСКОМУ ПРОЛЕТАРІАТУ.

Въ № 105 „Послѣднихъ Извѣстій“ (отъ 28/15 января 1903 г.), издаваемыхъ „Заграничнымъ Комитетомъ Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“, въ статейкѣ „По поводу одной прокламаціи“ (именно прокламація Екатеринославскаго Комитета Росс. С.-Д. Р. П.) мы находимъ слѣдующее, столь же удивительное, сколько важное и поистинѣ „чреватое послѣдствіями“ утвержденіе: „еврейскій пролетаріатъ сложился (sic!) въ самостоятельную (sic!) политическую партію Бундъ“.

Мы этого до сихъ поръ не знали. Это новость.

До сихъ поръ Бундъ былъ составной частью Росс. С.-Д. Р. П. и еще (еще!) въ № 106 „Посл. Изв.“ мы встрѣчаемъ заявленіе Центральнаго Комитета Бунда съ заголовкомъ на этомъ заявленіи: „Росс. С.-Д. Р. П.“. Правда, Бундъ постановилъ на своемъ послѣднемъ, IV съѣздѣ измѣнить свое названіе (безъ оговорки о желаніи выслушать мнѣніе русскихъ товарищей по вопросу о названіи той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и „провести“ новыя федеративныя отношенія въ уставъ Рос. Партіи. Заграничный Комитетъ Бунда даже и „провелъ“ уже эти отношенія, если можно назвать этимъ словомъ его выходъ изъ заграничнаго Союза Рус. С.-Д. и заключеніе федеративнаго договора съ этимъ Союзомъ.

Но самъ же Бундъ, когда „Искра“ полемизировала съ рѣшеніями его IV съѣзда, заявилъ совершенно опредѣленно, что онъ намѣренъ лишь провести въ Росс. С.-Д. Р. П. свои желанія и рѣшенія, т. е. прямо и категорически признавалъ, что остается частью Р. С.-Д. Р. П. впредь до принятія этой Партіей новаго устава, впредь до выработки ею новыхъ формъ отношеній къ Бунду.

И вдругъ теперь оказывается, что еврейскій пролетаріатъ сложился уже въ самостоятельную политическую партію! Повторяемъ еще разъ: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападеніе З. К. Бунда на Екатеринославскій Комитетъ. Мы получили, наконецъ (хотя, къ сожалѣнію, съ большимъ опозданіемъ), эту прокламацію и, не колеблясь, скажемъ, что нападеніе на такую прокламацію представляетъ изъ себя, несомнѣнно, крупный политическій шагъ со стороны Бунда*). Этотъ шагъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ объявленіемъ Бунда самостоятельною политическою партіею и проливаетъ, съ своей стороны, много свѣта на физіономію и образъ дѣйствій этой новой партіи.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ воспроизвести цѣликомъ Екат. прокламацію (она заняла бы около двухъ столбцовъ „Искры“**), и мы ограничимся замѣчаніемъ, что эта прекрасная прокламація превосходно разъясняетъ еврейскимъ рабочимъ города Екатеринослава (мы сейчасъ объяснимъ, почему мы подчеркиваемъ эти слова) соц.-демокр. отношеніе къ сіонизму и антисемитизму. При этомъ прокламація настолько заботливо, товарищески-заботливо относится къ чувствамъ, настроеніямъ и желаніямъ евр. рабочихъ, что спеціально оговариваетъ и подчеркиваетъ необходимость борьбы подъ знаменемъ Рос. С.-Д. Р. П. „даже для сохраненія и дальнѣйшаго развитія вашей (прокламація обращается къ евреямъ-рабочимъ) національной культуры“, „даже въ интересахъ чисто-національныхъ“ (подчеркнуто и набрано курсивомъ въ самой прокламаціи).

И тѣмъ не менѣе З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партіи) обрушился на эту прокламацію за то, что она ни словомъ не упоминаетъ о Бундѣ. Вотъ ея единственное, но за то непростительное, ужасное, преступленіе. Вотъ почему Ек. Ком. обвиняется въ недостаткѣ „политическаго смысла“. Ек. товарищи караются за то, что они не „переварили все еще мысли о необходимости отдѣльной организаціи (глубокая и важная мысль!) силъ(!!) еврейскаго пролетаріата“, за то, что они „все еще носятся съ безсмысленной мечтой какъ-нибудь отъ него (Бунда) отдѣлаться“, что они распространяютъ „не менѣе вредную (чѣмъ сіонистская) сказку“ о связи антисемитизма съ буржуазными, а не рабочими слоями и интересами этихъ слоевъ. Вотъ почему Ек. Комитету совѣтуютъ „бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движеніе“ и примириться съ фактомъ существованія Бунда“.

Спрашивается теперь: дѣйствительно-ли есть тутъ преступленіе со стороны Ек. Ком.? дѣйствительно-ли слѣдовало ему непремѣнно упомянуть о Бундѣ? На эти вопросы можно отвѣтить только отрицательно уже по той простой причинѣ, что прокламація обращена не къ „евреямъ-рабочимъ“ вообще (какъ обозначаетъ ее совершенно невѣрно З. К. Б.), а „къ еврейскимъ рабочимъ г. Екатеринослава“ (З. К. Бунда позабылъ цитировать два послѣднихъ слова!). Въ Екатеринославѣ нѣтъ никакой бундовской организаціи. (И вообще относительно юга Россіи IV съѣздъ Бунда постановилъ отдѣльныхъ комитетовъ Бунда не устраивать въ тѣхъ городахъ, гдѣ еврейскія организаціи входятъ въ составъ комитетовъ партіи, гдѣ ихъ нужды могутъ быть вполнѣ удовлетворены безъ выдѣленія изъ этихъ комитетовъ). Разъ евреи-рабочіе организованы въ Екатеринославѣ въ особый комитетъ, то, значитъ, ихъ движеніе (нераздѣльно со всѣмъ рабочимъ движеніемъ данной мѣстности) вѣдаетъ всецѣло Ек. Ком., который непосредственно соподчиняетъ ихъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи, которая должна звать ихъ къ работѣ на всю партію, а не на отдѣльныя части ея. Очевидно, что при такихъ условіяхъ Ек. Ком. не только не обязанъ былъ упоминать о Бундѣ, а напротивъ, если бы онъ вадумалъ проповѣдывать „необходимость отдѣльной организаціи силъ (это была бы вѣрнѣе и вѣроятнѣе, организація безсилія*) еврейскаго пролетаріата“ (чего хотятъ бундовцы), то это было бы съ его стороны величайшей ошибкой и прямымъ нарушеніемъ не только устава партіи, но и интересовъ единства пролетарской классвой борьбы.

Далѣе. Обвиняется Ек. Ком. въ недостаткѣ „оріентированности“ въ вопросѣ объ антисемитизмѣ. З. К. Бунда обнаруживаетъ по-истинѣ ребяческія воззрѣнія на крупныя соціальныя движенія. Ек. Ком. говоритъ о международномъ антисемитическомъ движеніи послѣднихъ десятилѣтій и замѣчаетъ, что „изъ Германіи это движеніе перекочевало въ другія страны и повсюду нашло сторонниковъ именно среди буржуазныхъ, а не рабочихъ слоевъ населенія“. — „Это не менѣе вредная сказка“ (чѣмъ сіонистскія сказки) — выпаливаетъ совсѣмъ сердито З. К. Б. Антисемитизмъ „пустилъ корни въ рабочей массѣ“, въ доказательство чего „оріентированный“ Бундъ приводитъ два факта: 1) участіе рабочихъ въ ченстоховскомъ погромѣ и 2) поступокъ 12 (двѣнадцати!) рабочихъ-христіанъ въ Житомірѣ, которые заняли мѣста стачечниковъ и грозили „вырѣзать всѣхъ жидовъ“. — Доказательства, дѣйствительно, вѣскія, особенно послѣднее! Ред. „П. И.“ такъ привыкла оперировать съ крупными стачками въ 5 или 10 чел., что поступокъ 12 темныхъ рабочихъ въ Житомірѣ вытаскивается для оцѣнки связи международнаго антисемитизма съ тѣми или другими „слоями населенія“. Это, право, великолѣпно! Если бы бундовцы, вмѣсто своего неумнаго и смѣшного гнѣва противъ Ек. Ком., подумали немного надъ этимъ вопросомъ и справились хотя бы съ изданной ими недавно на жаргонѣ брошюрой Каутскаго о соціальной революціи, то они поняли бы несомнѣнную связь антисемитизма съ интересами именно буржуазныхъ, а не рабочихъ слоевъ населенія. Подумавъ еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характеръ современнаго антисемитизма не измѣняется отъ факта участія въ томъ или иномъ погромѣ не только десятковъ, но и сотенъ неорганизованныхъ и на девять-десятыхъ совершенно еще темныхъ рабочихъ.

Ек. Ком. возсталъ (и законно возсталъ) противъ сказки сіонистовъ о вѣчности антисемитизма, Бундъ же своей сердитой поправкой только запуталъ вопросъ и посѣялъ среди еврейскихъ рабоч. идеи, ведущія къ затемненію ихъ классового сознанія.

Съ точки зрѣнія борьбы всего рабочаго класса Россіи за политическую свободу и за соціализмъ выходка Бунда противъ Ек. Ком. есть верхъ неразумія. Съ точки зрѣнія „самостоятельной политической партіи Бунда“ выходка эта становится понятной: не смѣйте нигдѣ организовать „еврейскихъ“ рабочихъ вмѣстѣ и нераздѣльно съ „христіанскими“! не смѣйте отъ имени Росс. С.-Д. Р П. или ея комитетовъ обращаться къ еврейскимъ рабочимъ прямо, „мимо ряду“, не черезъ посредство Бунда, безъ упоминанія о Бундѣ!

И, вѣдь, этотъ глубоко-прискорбный фактъ — не случайность. Разъ вмѣсто автономіи въ дѣлахъ, касающихся еврейскаго пролетаріата, вы потребовали „федераціи“, — вамъ пришлось объявить Бундъ „самостоятельной политической партіей“, чтобы имѣть возможность провести эту федерацію во что бы то ни стало. Но объявленіе Бунда самостоятельной политической партіей есть именно то доведеніе до абсурда основной ошибки по національному вопросу, которое непремѣнно и неизбѣжно послужитъ исходнымъ пунктомъ поворота въ воззрѣніяхъ еврейскаго пролетаріата и еврейскихъ соціаль-демократовъ вообще. „Автономія“ устава 1898 г. обезпечиваетъ еврейскому рабочему движенію все, что можетъ быть ему нужно: пропаганду и агитацію на жаргонѣ, литературу и съѣзды, выставленіе особыхъ требованій въ развитіе одной общей с.-дем. программы и удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ и запросовъ, вытекающихъ изъ особенностей еврейскаго быта. Во всемъ остальномъ необходимо полное и тѣснѣйшее сліяніе съ пролетаріатомъ русскимъ, необходимо въ интересахъ борьбы всего пролетаріата Россіи. И неосновательна, по самому существу дѣла, боязнь всякаго „майоризированія“ при такомъ сліяніи, ибо отъ майоризированія въ особыхъ вопросахъ еврейскаго движенія гарантируетъ именно автономія, а въ вопросахъ борьбы съ самодержавіемъ, борьбы съ буржуазіей всей Россіи мы должны выступать какъ единая, централизованная, боевая организація, мы должны опираться на весь пролетаріатъ, безъ различія языка и національности, сплоченный совмѣстнымъ постояннымъ рѣшеніемъ теоретическихъ и практическихъ, тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ, а не создавать отдѣльно идущихъ, каждая своимъ путемъ, организацій, не ослаблять силы своего натиска дробленіемъ на многочисленныя самостоятельныя политическія партіи, не вносить отчужденность и обособленность, съ тѣмъ, чтобы потомъ лѣчить искусственно привитую себѣ болѣзнь пластырями пресловутой „федераціи“.

---

*) Если, конечно, З. К. Бунда въ этомъ вопросѣ выражаетъ взгляды „Бунда“, какъ цѣлаго.

**) Мы намѣрены перепечатать цѣликомъ эту прокламацію и нападеніе на нее З. К. Бунда въ брошюрѣ, подготовляемой нами къ печати.

*) Именно такому дѣлу „организаціи безсилія“ служитъ Бундъ, употребляя, напр., выраженіе: наши товарищи изъ „христіанскихъ рабочихъ организацій“. Это такъ же дико, какъ и вся выходка противъ Екат. Ком. Мы никакихъ „христіанскихъ“ рабочихъ организацій не знаемъ. Организаціи, принадлежащія къ Рос. С.-Д. Р. П., никогда не дѣлали различія между своими членами по ихъ религіи, никогда не спрашивали объ ихъ религіи и никогда не будутъ дѣлать этого, — даже и тогда, когда Бундъ на самомъ дѣлѣ „сложится въ самостоятельную политическую партію“.

ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ“.

Мы прочли въ № 10 „Революціонной Россіи“ сообщенныя „Боевой Организаціей“ данныя относительно участія въ ней С. В. Балмашева. Изъ этого номера мы узнаемъ, что „въ сентябрѣ 1901 г. боевая организація была совершенно сформирована“, тогда же было рѣшено убить Сипягина и Побѣдоносцева и имъ былъ посланъ смертный приговоръ; „когда члены организаціи, которые должны были произвести нападеніе, были уже намѣчены, поступило (въ сентябрѣ 1901 г.) [курсивъ нашъ. Кіев. Ком.] предложеніе принять новаго члена на активную роль С. В. Балмашова“ („Р. Р.“, № 10, стр. 27). „Свиданіе члена организаціи со С. В. произвело на перваго сильное, неотразимое впечатлѣніе“. „При первомъ же свиданіи выяснилось, что одинъ изъ предназначавшихся къ нападенію долженъ былъ уступить на время свой мученическій вѣнецъ Ст. Вал-чу“.

Пролетаріатъ и крестьянство.

III. Пролетаріатъ и крестьянство „на Западѣ“.

(Продолженіе.)

Мы видѣли, что по ученію Маркса раздѣленіе общества на классы обусловливается существующими въ немъ производственными отношеніями, и что съ точки зрѣнія этихъ отношеній пролетарій совсѣмъ не то, что мелкій самостоятельный производитель: ремесленникъ или крестьянинъ. И теперь намъ легко рѣшить, много-ли правды въ словахъ г. Виктора Чернова, который, въ статьѣ: „Крестьянинъ и рабочій, какъ категоріи хозяйственнаго строя“, развязно утверждаетъ, что въ своемъ взглядѣ на крестьянина Марксъ гораздо ближе къ оппортюнисту Фольмару, чѣмъ къ „ортодоксальному ,,марксисту Каутскому“*). Г. В. Черновъ ссылается на тѣ слова Маркса, что въ рукахъ мелкаго крестьянина земля есть простое средство производства. Онъ не понимаетъ того, что въ глазахъ автора „Капитала“ именно это обстоятельство — обладаніе средствами производства — и составляетъ признакъ, не позволяющій причислить крестьянина, — и вообще мелкаго производителя, — къ одному классу съ пролетаріемъ. По Марксу, земля въ рукахъ мелкаго крестьянина есть не только простое средство производства; въ этихъ рукахъ она является самымъ главнымъ средствомъ производства, необходимымъ полемъ крестьянкаго труда и капитала. Г. В. Черновъ не замѣтилъ этого, непріятнаго для него словечка, — „капитала“, — а его полезно было бы замѣтить: оно уясняетъ, какимъ образомъ крупный капиталъ можетъ эксплуатировать мелкаго крестьянина. Марксъ хорошо зналъ фактъ такой эксплуатаціи, но онъ столь-же хорошо зналъ и то, въ чемъ она заключается. А заключается она въ томъ, что крупный капиталъ ухитряется тѣмъ или другимъ способомъ отнять у крестьянина ту прибавочную стоимость, которую при другихъ, болѣе благопріятныхъ условіяхъ получилъ бы этотъ послѣдній, какъ обладатель необходимой для производства движимости и недвижимости, какъ „мелкій капиталистъ“ и „землевладѣлецъ“.**) И вотъ почему крестьянинъ, подвергающійся такой эксплуатаціи, возстаетъ, — какъ мы сказали въ предыдущей статьѣ, — не противъ частной собственности на средства производства, а только противъ тѣхъ неблагопріятныхъ для него условій, которыя мѣшаютъ ему воспользоваться преимуществами своего положенія, какъ собственника. Вотъ почему онъ склоняется не къ соціальной революціи, а къ соціальнымъ реформамъ, которыя ограничили бы власть крупнаго капитала и вообще замедлила бы ходъ экономическаго развитія современнаго общества. Короче, вотъ почему его положеніе дѣлаетъ его не революціонеромъ, а консерваторомъ или даже реакціонеромъ. Революціонеромъ онъ дѣлается только тогда, когда, — отчаявшись въ возможности защитить или вернуть свою экономическую независимость, — переходитъ на точку зрѣнія пролетарія и стремится уже не отстоять мелкую собственность на средства производства, а устранить присвоеніе этихъ средствъ частными лицами.

Указанная нами статья г. В. Чернова напечатана въ сборникѣ: „На славномъ посту“, посвященномъ г. Н. Михайловскому по случаю сороковой годовщины его литературной дѣятельности. Такимъ образомъ, статья является какъ бы „вещественнымъ выраженіемъ невещественныхъ отношеній“. И, признаемся, насъ поражаетъ мысль г. Чернова — снабдить фальшивой ссылкой на Маркса литературный подарокъ юбиляру. Неужели г. Михайловскій не заслуживаетъ правдиваго приношенія? Правда и то, что г. В. Чернову невозможно было обойтись безъ фальшивой ссылки: слишкомъ уже слаба его теоретическая позиція. Но если г. Михайловскій удосужился прочитать третій томъ „Капитала“, — что кажется намъ, впрочемъ, довольно невѣроятнымъ, — то онъ и самъ, конечно, замѣтилъ фальшь и, навѣрно, очень огорчился ею: она должна была лишній разъ напомнить ему о томъ, что дѣло, которое онъ защищалъ такъ долго и такъ упорно, въ сущности безвозвратно проиграно. Умѣстно-ли, деликатно-ли было наводить маститаго юбиляра на такія безотрадныя размышленія?

Но оставимъ г. Чернова „на славномъ посту“ его фальшивой ссылки и вернемся къ нашей темѣ. Постараемся пояснить наши общія положенія нѣсколькими отдѣльными примѣрами.

Возьмемъ сначала ремесленниковъ, этихъ типичныхъ представителей мелкаго производства въ области обрабатывающей промышленности. Ихъ положеніе въ Германіи, какъ и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ: крупный капиталъ безпощадно отнимаетъ у нихъ одну позицію за другою. Они недовольны; они ропщутъ; имъ хочется завоевать себѣ лучшее будущее. Но что-же дѣлаютъ они съ этого цѣлью? Они стараются замедлить ходъ экономическаго развитія. Ихъ соціально-политическія программы насквозь проникнуты консервативнымъ, — болѣе того: реакціоннымъ духомъ. Чтобы не идти „въ глубь временъ“, укажемъ хоть на программу существующаго съ 1882 г. „Всеобщаго нѣмецкаго союза ремесленниковъ“: отъ нея несетъ средними вѣками. Съ другой стороны, неоспоримъ тотъ фактъ, что въ рядахъ нѣмецкой соц.-демократіи встрѣчается не мало ремесленниковъ. Но эти ремесленники уже не защищаютъ интересовъ мелкой собственности: они уже покинули точку зрѣнія мелкаго самостоятельнаго производителя и перешли на точку зрѣнія пролетарія.

Теперь обратимся къ земледѣльцамъ. Сѣверо-американскіе фермеры давно уже чувствуютъ, что ихъ дѣло обстоитъ не очень благополучно, и давно уже пытаются объединиться въ борьбѣ противъ крупнаго капитала. Очень интересной и, въ свое время, довольно вліятельной организаціей фермеровъ является союзъ т.-н. „Patrons of Husbandry“ или „Grangers“ (,,фермеровъ“ или ,,земледѣльцевъ“). Наивысшей точки своего процвѣтанія эта организація достигла, повидимому, около 1876 года, когда ей принадлежало пять пароходовъ, тридцать два элеватора и двадцать-два магазина для склада товаровъ. Она охотно называла себя рабочей организаціей*) и находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ съ такъ-наз. ,,Рыцарями Труда“. Но ея программа не заключала въ себѣ даже и намека на необходимость устраненія капитализма. Напротивъ, въ ней категорически сказано: ,,Мы не враги капитала, но мы возстаемъ противъ тиранніи монополій“**). И это понятно: крупный капиталъ подчиняетъ себѣ фермера не въ процессѣ производства продуктовъ, а въ процессѣ ихъ обращенія, а также въ области кредита. Поэтому и усилія ,,Грэнджеровъ“ направлялись не противъ производственныхъ отношеній, свойственныхъ капиталистическому обществу, а только противъ нѣкоторыхъ капиталистическихъ ,,монополій“, касающихся кредита, перевозки товаровъ и торговли ими. Иляй надѣется, что сближеніе ,,деревни съ городомъ“ сообщитъ рабочему движенію ,,здоровый консерватизмъ“ (тамъ-же, стр. 73-74). Онъ правъ въ томъ смыслѣ, что пока фермеры не покинутъ точки зрѣнія мелкаго производителя и не перейдутъ на точку зрѣнія пролетарія, ихъ сближеніе съ рабочими будетъ замедлять успѣхи соціализма. Вся исторія рабочаго движенія въ С.-Американскихъ Штатахъ подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

А что мы видимъ въ нашей старой Европѣ? Гг. ,,критики“ Маркса усердно твердятъ, что экономическая и соціально-политическая жизнь западно-европейской деревни рѣзко противорѣчитъ марксовой ,,догмѣ“. Посмотримъ же, вѣрно-ли это въ примѣненіи къ безусловно-,,ортодоксальной“ догмѣ, лежащей въ основѣ всей нашей статьи.

Какъ ведутъ себя, напр., нѣмецкіе ,,крестьянскіе союзы“? Каковы ихъ программы? Каково ихъ отношеніе къ освободительному движенію пролетаріата? Эти союзы тоже борются съ ,,монополіями“ капитала въ области товарнаго обращенія и кредита и въ то же время всѣми силами защищаютъ ,,монополію“ частной собственности. Ихъ соціально-политическія тенденціи достаточно характеризуются тѣмъ, что во многіе изъ нихъ закрытъ доступъ евреямъ и пролетаріямъ***).

---

*) Излишне прибавлять, что взглядъ Фольмара представляется г. В. Чернову очень близкимъ по взгляду на крестьянство нашихъ субъективистовъ и народниковъ. Въ аграрномъ вопросѣ всѣ симпатіи этихъ господъ принадлежатъ Фольмарамъ, Бернштейнамъ, Герцамъ и прочимъ жрецамъ оппортюнизма.

**) Ср. стр. 339 и 340 второй части третьяго тома „Капитала“.

*) M. R. Ely, "The Labour Movement in America." New York, p.p 178 and 73.

**) Тамъ же, стр. 74.

***) Georges Blondel, "Etudes sur les Populations Rurales de l'Allemagne." Paris, 1896, pp. 239, 241.

Въ №№ 20, 23 и 24 „Искры“ помѣщены статьи, въ которыхъ высказывается принципіальное осужденіе террору, какъ партійному средству борьбы съ произволомъ и беззаконіемъ и мимоходомъ выражено сомнѣніе въ правильности того освѣщенія единоличнаго террористическаго акта Балмашева, какое даетъ ему „Боев. Орг.“, какъ акту боевому, партійному; въ статьяхъ этихъ „Искра“ заявляетъ, что утвержденіе „Боевой Орг.“ о принадлежности къ ней Балмашева покоится „на догадкахъ и предположеніяхъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ“ и что „принадлежность Балм. къ этой организаціи... болѣе чѣмъ сомнительна“.

Эти статьи „Искры“ и въ особенности выраженное ею сомнѣніе въ принадлежности Балмашева къ фиктивной на нашъ взглядъ „Боевой Организаціи“ крайне возмутили „Р. Рос.“. Въ № 11 этого изданія помѣщены по этому поводу: статья „Безпримѣрный поступокъ“ (такъ аттестуется поступокъ „Искры“), протестъ противъ „Искры“ саратовской объединенной группы с.-р-овъ и с.-д.-овъ, статья „По поводу полемики Искры“ и постановленіе центральнаго комитета партіи с.-р.-овъ. Авторы всѣхъ этихъ статей и постановленій не скупятся на выраженія, порицая образъ дѣйствія „Искры“, во всѣхъ этихъ статьяхъ подтверждается принадлежность Балмашева къ „Боевой Орг.“ и, въ заключеніе, предлагается соц.-дем. комитетамъ „подтвердить или съ негодованіемъ отвергнуть всякую солидарность съ поведеніемъ этого органа“.

Кіевскій соц.-дем. Комитетъ охотно принимаетъ это приглашеніе откликнуться, такъ какъ, помимо удовольствія лишній разъ подтвердить свою солидарность съ „Искрой“, онъ радъ случаю сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни С. В. Балмашева въ Кіевѣ въ послѣдніе мѣсяцы передъ убійствомъ Сипягина. Комитетъ дѣлаетъ это не для того, чтобы изобличить „Боев. Орг.“ и „Рев. Рос.“ въ мистификаціи, а чтобы защитить „Искру“ отъ неосновательныхъ обвиненій, доказать законность ея сомнѣній въ принадлежности Балмашева къ „Боевой Орг.“ и добавить нѣсколько данныхъ къ характеристикѣ такого выдающагося и самоотверженнаго человѣка, какимъ былъ Балмашевъ.

Въ октябрѣ и ноябрѣ 1901 г., т. е. значительно позднѣе того, какъ, по увѣренію „Боевой Организаціи“, Балмашевъ предложилъ ей себя „на активную роль“, Кіев. Ком. С.-Д. Раб. П. велись переговоры по поводу просьбы Балмашева о причятіи его и пятерыхъ его друзей въ Комитетъ на правахъ пропагандистовъ. Тому лицу, черезъ котораго Балмашовъ велъ переговоры съ Комитетомъ, онъ передалъ собственноручно написанный имъ списокъ кандидатовъ въ пропагандисты съ обозначеніемъ ихъ адресовъ и указаніемъ на предшествующую революціонную дѣятельность каждаго изъ нихъ. Въ концѣ списка сообщалось, что перечисленныя въ немъ лица признаютъ начала международной соц.-дем. и предполагаютъ вести пропаганду среди рабочихъ, руководствуясь общими принципами научнаго соціализма. То же самое заявлялось имъ и въ устныхъ бесѣдахъ. Вопросъ о принятіи Балмашова и его друзей затянулся, такъ какъ первыя же попытки поближе познакомиться съ ними не увѣнчались успѣхомъ: когда членъ Комитета явился по одному изъ указанныхъ въ спискѣ адресовъ и познакомился со студентомъ, отрекомендованнымъ Балмашевымъ, то изъ разговора съ нимъ относительно основныхъ положеній соц.-дем. программы выяснилось, что онъ далеко не раздѣляетъ всѣхъ ея положеній и приближается по своимъ взглядамъ къ соц.-революціонерамъ.

Балмашевъ и его товарищи показались Комитету слишкомъ молодыми, экспансивными и неподходящими для успѣшнаго исполненія соц.-дем. повседневной работы, требующей, помимо непримиримаго идеализма, значительной опытности, конспиративности и революціонной выдержки. Поэтому, приблизительно въ концѣ ноября вопросъ о принятіи Балмашева и его товарищей въ Комитетъ въ качествѣ пропагандистовъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ (о чемъ послѣ его покушенія и было сообщено „Искрѣ“). Вскорѣ послѣ того Балмашевъ уѣхалъ изъ Кіева.

Насколько намъ удалось познакомиться съ этимъ героически-самоотверженнымъ юношей, намъ представляется совершенно невѣроятнымъ то освѣщеніе, какое даетъ его личности „Рев. Рос.“ и то громадное значеніе, какое она приписываетъ „Боевой Орг.“ въ дѣлѣ 2 апрѣля. Общее впечатлѣніе отъ ея писаній получается такое, что центральнымъ лицомъ въ дѣлѣ 2 апрѣля является вовсе не Балмашевъ, а сама „Боевая Орг.“: она рѣшила убійство Сипягина еще въ сентябрѣ 1901 г., одинъ изъ ея членовъ уступилъ „на время свой мученическій вѣнецъ С. В-чу“, ею выбранъ моментъ для убійства, ею выработанъ до мельчайшихъ подробностей планъ его, ея участіе гарантировало успѣхъ покушенія... Балмашевъ же представленъ какой-то пѣшкой въ рукахъ „Боевой Орг.“, какимъ то персонажемъ „на активныя роли“, который съ трепетомъ ждетъ приказа... На дѣлѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, центральнымъ лицомъ всего этого событія былъ С. В. Балмашовъ, всей своей предшествовавшей жизнью и борьбой, которую онъ велъ, какъ студентъ русскаго университета, съ психологичиской неизбѣжностью пришедшій къ осуществленному имъ рѣшенію. Несомнѣнно, что безъ посторонней помощи онъ обойтись не могъ, и около него — личности сильной и убѣжденной — немедленно образовался соотвѣтствующій антуражъ изъ склонныхъ къ террору лицъ; они раздобыли ему деньги, заготовили листокъ, помогали совѣтомъ и нравственной поддержкой; но отъ этого, понятно, еще далеко до той роли, какую приписываетъ себѣ „Боевая Орг.“ въ ущербъ значенію Балмашева.

Кіевскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

P. S. Присылая настоящее фактическое сообщеніе, Кіевскій Комитетъ проситъ „Искру“ прекратить всякую полемику съ с.-р.

Отъ редакціи. Въ свою очередь, мы надѣемся, что инцидентъ съ „Боевой Организаціей“ настоящими заявленіями Кіевскаго Комитета и саратовскихъ товарищей вполнѣ исчерпанъ.

НѢКОТОРЫЕ ФАКТЫ О СТЕПАНѢ ВАЛЕРІЯН. БАЛМАШЕВѢ.

Самоотверженный поступокъ Степ. Валер. Балмашева возбудилъ и всколыхнулъ русское общество. Понятый, какъ актъ индивидуальной воли, онъ возбудилъ симпатіи всѣхъ, кто угнетенъ и возмущенъ игомъ деспотизма, даже принципіальныхъ враговъ терора — соц.-демократовъ. При современныхъ русскихъ условіяхъ являются весьма понятными и даже неизбѣжными какъ подобная форма мщенія оскорбленной въ лучшихъ чувствахъ личности, такъ и такое широкое сочувствіе. Понятно также, что такимъ актамъ мщенія особенно должна радоваться та группа людей, которая называетъ себя „соц.-рев.“ и признаетъ какъ индивидуальный, такъ и организованный террорь, какъ средство политической борьбы. Но является нѣсколько непонятнымъ то недоразумѣніе, въ которое ввели общество соц.-революціонеры, назвавъ С. В. Балмашева своимъ и приписавъ ему не индивидуальныя дѣйствія, а дѣйствія отъ организаціи соц.-рев. Это недоразумѣніе до сихъ поръ не разъяснено окончательно, и будетъ нелишнимъ привести по этому поводу нѣсколько фактовъ, насколько это возможно пока по различнымъ причинамъ.

Факты, которые будутъ изложены, касаются времени, когда С. В. Балмашевъ жилъ въ Саратовѣ, пріѣхавъ сюда изъ Кіева, — т. е. приблизительно съ конца января по апрѣль 1902 года. Пріѣхавъ въ Саратовъ, С. В. Балмашевъ, по своей энергичной и дѣятельной натурѣ, не могъ сидѣть сложа руки. Въ то время было здѣсь нѣсколько — теперь соединившихся — организацій, но Балмашевъ, не присоединившись ни къ одной изъ нихъ, а также и къ соц.-рев., началъ работу одиночкой въ незатронутой еще тогда движеніемъ ремесленной средѣ. Черезъ короткое время онъ нашелъ себѣ нѣсколькихъ товарищей, и они рѣшили организовать ремесленный соц.-демократическій Союзъ и, въ виду отсутствія спеціально ремесленной литературы, издавать свой органъ. Таковой вскорѣ и появился подъ заглавіемъ: „Ремесленный Листокъ. Изданіе саратовскаго соціалистическаго ремесленнаго союза. 1902 г.“ (безъ №). — изд. гектограф. „Листокъ“ имѣлъ цѣлью, главнымъ образомъ, заинтересовать ремесленниковъ мѣстной хроникой. Здѣсь можно обратить вниманіе на названіе ремесленнаго Союза соціалистическимъ. Въ данномъ случаѣ иниціаторы Союза не при чемъ: названіе соціалистическій принято по предложенію нѣкоторыхъ ремесленниковъ, мотивировавшихъ свое предложеніе тѣмъ, что въ такой нетронутой средѣ это слово извѣстно хоть по наслышкѣ и больше возбудитъ вниманія. Самое содержаніе этого выпуска „Листка“ не можетъ возбуждать сомнѣній въ томъ, что ремесленникамъ отнюдь не проповѣдывались „истины“ соц.-рев. Въ немъ статья „Какъ наши ремесленники могутъ улучшить свое положеніе?“ принадлежитъ перу С. В. Балмашева, и въ ней изложена вкратцѣ исторія ремесленнаго движенія въ городахъ южной и западной Россіи (каковое движеніе всегда было с.-дем.). Самъ С. В. Балмашевъ говорилъ, что участвовалъ въ Кіевѣ въ соц.-дем. ремесленномъ движеніи. Черезъ нѣкоторое время иниціаторы Союза нашли возможность увеличить число членовъ нѣкоторымъ числомъ интеллигентовъ соц.-демокротовъ и тогда была окончательно выработана программа организаціонной и литературной дѣятельности Союза, который, принявъ названіе соц.-дем., выпустилъ нѣсколько изданій, въ томъ числѣ иллюстрированный (гектогр.) № 1 „Ремесл. Листка“, экз. котораго своевременно былъ посланъ въ ред. „Искры“.

Собственно дѣятельность С. В. Балмашева въ ремесл. Союзѣ была весьма энергична. Онъ сразу занимался съ нѣсколькими кружками ремесленниковъ и имѣлъ у нихъ успѣхъ, пріобрѣтя, какъ лекторъ и руководитель, полное уваженіе. Между прочимъ, можно привести такой случай, который характеризуетъ отношеніе С. В. Балмашева къ дѣлу рем. Союза. Однажды онъ назначилъ собраться большому кружку рабочихъ, чел. въ 30, на одной квартирѣ. Придя туда раньше всѣхъ, С. В., къ огорченію своему, узналъ, что въ данное время они не могутъ заниматься на этой квартирѣ. Что было дѣлать? Онъ сталъ ждать на улицѣ и первымъ прибывшимъ разсказалъ, въ чемъ дѣло, и предложилъ идти къ нему, чтобы не пропадалъ вечеръ, хотя это и было не совсѣмъ удобно. Пріунывшіе было рабочіе оживились, пошли на встрѣчу другимъ, и всѣ направились на квартиру къ Ст. Вал., принявъ извѣстныя мѣры предосторожности. И по сейчасъ многіе изъ нихъ съ грустью вспоминаютъ своего учителя, котораго постигла такая мученическая участь. Ни товарищи по организаціи, ни ремесленники, никогда не слыхали отъ С. В. Балмашева проповѣди идей соц.-рев.

Его отъѣздъ изъ Саратова собственно не былъ неожиданностью для членовъ Союза; въ послѣднее время его стала безпокоить полиція по Кіевскимъ дѣламъ, и онъ нѣсколько разъ говорилъ, что ему, пожалуй, придется уѣхать. Но никто не слыхалъ отъ него объ его замыслахъ. Правда, онъ говорилъ, что ему надоѣла жизнь, что онъ усталъ, — и весьма вѣроятно, что это и имѣло вліяніе на его рѣшимость. Нѣкоторое время жилъ онъ въ Саратовѣ нелегально, а затѣмъ, доставъ частнымъ образомъ 350 руб., уѣхалъ. И услышали о немъ только на второй день послѣ выстрѣла въ министра, хотя еще долгое время не вѣрили, что стрѣлялъ именно Ст. Вал. Обошелся-ли онъ въ своемъ предпріятіи этой суммой или досталъ еще гдѣ-нибудь, кромѣ Саратова, неизвѣстно.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду эти факты и другіе, которыхъ пока оглашать неудобно, является полная возможность заявить, что Ст. Балмашевъ не былъ соц.-рев. и дѣйствовалъ не отъ организаціи, а по чисто субъективнымъ побужденіямъ и личному чувству.

Члены бывшаго Сарат. Соц.-Дем. Ремесл. Союза.

О ПОСТАНОВКѢ ПРОПАГАНДЫ ВЪ КРУЖКАХЪ.

(Письмо къ товарищамъ.)

„Намъ нужны товарищи, которые смотрѣли бы на насъ, какъ на равныхъ и учили бы всему“ („Приложеніе къ Откликамъ № 1) — прочелъ я недавно эти слова рабочихъ и лишній разъ задумался о постановкѣ занятій въ рабочихъ кружкахъ. Захотѣлось подѣлиться запросто съ товарищами своими мыслями на этотъ счетъ. Кого собственно хотимъ мы выработать изъ своихъ слушателей? Не ясно-ли, что революціонеровъ, соц.-демократовъ? Отъ революціонера же соц.-демократа мы вправѣ ожидать правильнаго пониманія задачъ партіи и, кромѣ того, какъ отъ члена боевой арміи — умѣнія проводить эти задачи въ жизнь, бороться за нихъ. Занятія въ кружкахъ обычно носятъ слишкомъ академическій характеръ. Вспомните слова рабочаго: „Учи насъ, какъ въ бой идти!“ Рабочій, который, не смотря на опасность, идетъ въ наши кружки, прежде всего — борецъ, у котораго уже много накипѣло на душѣ, и наша задача развернуть силы и способности этого борца, вложить въ его руки остро-отточенное орудіе революціоннаго соціализма, научить пользоваться имъ. Я опускаю періодъ предварительнаго знакомства съ рабочимъ, когда убѣждаются въ его благонадежности, и беру періодъ начала систематическихъ занятій въ кружкѣ. Замѣтьте себѣ психологію рабочаго, вступающаго въ кружокъ. Еще ранѣе онъ почувствовалъ всю безысходность своего положенія, порой въ его душу закрадывалось отчаяніе и уныніе отъ сѣрой, тусклой жизни раба капитала; онъ не могъ примириться съ своей долей и, быть можетъ, долго тщетно искалъ выхода. Это желаніе

А Франція? Здѣсь очень распространены сельско-хозяйственные синдикаты, громадное большинство членовъ которыхъ состоитъ изъ крестьянъ. Но и эти организаціи, за ничтожными исключеніями, легко объясняемыми нашей „догмой“, чужды всякой мысли о революціонной борьбѣ съ капиталомъ, т. е. объ устраненіи капитализма и замѣнѣ его соціализмомъ. Съ этой стороны они могутъ служить образцами мелкобуржуазной умѣренности и консервативнаго благоразумія. И потому французскіе охранители видятъ въ нихъ лучшій оплотъ противъ соціализма*).

Но есть же въ Зап. Европѣ такіе счастливые уголки, въ которыхъ крестьяне оказываются очень доступными для соціалистической пропаганды и агитаціи? Развѣ крестьяне не пристаютъ къ соціалистамъ въ Венгріи и въ Италіи? И развѣ г. Юрій Гарденинъ не показалъ намъ, что соціалистическое движеніе между итальянскими и венгерскими крестьянами въ пухъ и прахъ бьетъ относящуюся къ крестьянскому вопросу „догму“ марксистовъ?**)

Г. Ю. Гарденинъ, дѣйствительно, показалъ намъ нѣчто весьма поучительное. Жаль только, что это нѣчто говоритъ не противъ нашей „догмы“, а, наоборотъ, противъ него самого и его единомышленниковъ.

Взглянемъ хоть на Венгрію. Здѣсь прежде всего надо замѣтить, что огромное большинство крестьянъ обладаетъ совершенно незначительными поземельными участками и потому не можетъ существовать доходомъ со своихъ участковъ. Венгерскіе крестьяне вынуждены продавать свою рабочую силу крупнымъ землевладѣльцамъ. По знакомой уже намъ терминологіи Конрада ихъ надо называть не крестьянами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а обладателями парцеллъ. Но поскольку обладатель парцеллы продаетъ другимъ свою рабочую силу, постольку онъ перестаетъ быть самостоятельнымъ производителемъ и дѣлается пролетаріемъ. И именно по этой причинѣ ему вообще гораздо легче цѣликомъ перейти на точку зрѣнія пролетарія. Чтобы перейти на нее, ему надо только потерять надежду на улучшеніе своего положенія въ качествѣ собственника микроскопическихъ средствъ производства и сосредоточить свои усилія на защитѣ своихъ интересовъ, какъ продавца рабочей силы. А разъ онъ перешелъ на точку зрѣнія пролетарія, сама логика борьбы рано или поздно приводитъ его къ мысли объ устраненіи капиталистическихъ производственныхъ отношеній, т. е. къ соціальной революціи. Примѣръ венгерскихъ обладателей парцеллъ***) подтверждаетъ это съ изумительной ясностью.

Въ 1890 году въ Венгріи считалось 1,440,000 крестьянъ, участки которыхъ были меньше пяти іоховъ (іохъ — полдесятины съ небольшимъ). Но тамошнія сельско-хозяйственныя условія таковы, что даже десяти іоховъ недостаточно для прокормленія средней крестьянской семьи. Венгерскіе крестьяне — какъ мы уже сказали — полупролетаріи по своему экономическому положенію. Эти полупролетаріи арендуютъ у крупныхъ землевладѣльцевъ землю изъ-за доли урожая или за отработки или же нанимаются на земляныя работы, предпринимаемыя для регулированія теченія рѣкъ. Однако, условія арендованія земли все болѣе измѣнялись въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій къ невыгодѣ крестьянъ. Развитіе сельско-хозяйственнаго капитализма уничтожило старыя полупатріархальныя отношенія между крестьянами и крупными землевладѣльцами и научило нѣкогда неразсчетливыхъ магнатовъ разсчетливости: отработки становились все тяжелѣе, а достававшаяся крестьянамъ доля урожая постоянно уменьшалась.*) На этой экономической основѣ и возникла та, временами очень ожесточенная борьба классовъ, которая чрезвычайно сильно содѣйствовала проникновенію въ крестьянскую среду соціалистическихъ ученій. Мы видимъ, что во всемъ этомъ пока еще нѣтъ ровно ничего, противорѣчащаго нашей „догмѣ“. Но главный вопросъ заключается въ томъ, какія требованія выставляютъ въ своей борьбѣ венгерскіе полупролетаріи. Характеромъ этихъ требованій опредѣляется весь характеръ ихъ движенія. А эти требованія были очень опредѣленно формулированы двумя крестьянскими конгрессами, одинъ изъ которыхъ состоялся 31 января — 2 февраля 1897 г. въ Будапештѣ, а другой 14-16 февр. того же года въ Чегледѣ.

Будапештскій конгрессъ выставилъ требованія двоякаго характера: одни изъ нихъ касались правового положенія венгерскаго сельско-хозяйственнаго работника (всеобщее, равное и прямое избирательное право; свобода стачекъ; свобода передвиженія; уничтоженіе устава о наймѣ прислуги и т. п.); другія — относились къ условіямъ продажи работникомъ своей рабочей силы (сокращеніе рабочаго дня; расширеніе законодательства, охраняющаго интересы рабочаго, и распространеніе его на сельское хозяйство; назначеніе сельско-хозяйственныхъ инспекторовъ и т. д.). Въ обоихъ случаяхъ представители мелкаго крестьянства цѣликомъ становились на точку зрѣнія пролетаріата, и во всемъ ихъ поведеніи не было ровнехонько ничего, могущаго хоть немного поколебать марксову „догму“. Совершенно наоборотъ: когда эти представители, заканчивая списокъ своихъ требованій, объявили себя соціалистами, венгерскіе соціалдемократы могли безъ всякихъ колебаній и оговорокъ признать ихъ своими „ортодоксальными“ товарищами.

То же приходится сказать и о конгрессѣ въ Чегледѣ. Хотя нѣкоторые изъ засѣдавшихъ тамъ представителей мелкаго крестьянства, повидимому, были отчасти заражены анархизмомъ и даже антисемитизмомъ*), но въ своихъ рѣшеніяхъ и этотъ конгрессъ показалъ себя чуждымъ того мелко-буржуазнаго соціализма, точкой отправленія котораго является утопическое стремленіе поддержать мелкую собственность на средства производства. Выставленныя этимъ конгрессомъ требованія имѣли въ виду интересы сельско-хозяйственнаго рабочаго какъ пролетарія, а не какъ мелкаго собственника. Это хорошо видно изъ категорическаго заявленія чегледскаго конгресса на счетъ того, что всѣ рецепты, придумываемые для спасенія мелкаго землевладѣнія, являются пустыми обѣщаніями или въ лучшемъ случаѣ, безсильными палліативами. Конгрессъ объявилъ себя солидарнымъ съ соціалдемократіей именно потому, что убѣдился въ невозможности остановить упадокъ мелкаго землевладѣнія.**) Въ качествѣ закоренѣлаго „догматика“, пишущій эти строки очень хотѣлъ бы, чтобы защищаемая имъ „догма“ почаще опровергалась (такъ, какъ опровергли ее мелкіе крестьяне Венгріи не будапештскомъ и чегледскомъ конгрессахъ.

Впрочемъ, зачѣмъ ограничиваться этими двумя конгрессами? Все послѣдующее движеніе венгерскихъ крестьянъ совершилось именно въ томъ направленіи, которое такъ ясно обозначилось въ Будапештѣ и Чегледѣ. И не удивительно, что на своихъ позднѣйшихъ конгрессахъ они съумѣли сохранить точку зрѣнія пролетаріевъ. Для примѣра укажемъ на второй будапештскій конгрессъ (25-27 дек. 1897 г.) и на конгрессъ южно-венгерскихъ крестьянъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Темешварѣ (въ янв. 1898 г.)***)

Если, не смотря на всѣ эти, совершенно неоспоримые факты, г. Ю. Гарденинъ все-таки пытается сконфузить русскихъ марксистовъ ссылками на Венгрію, то намъ остается предположить одно изъ двухъ: или этотъ развязный сочинитель не понимаетъ ни того, что онъ оспариваетъ, ни того, на что ссылается, или онъ разсчитываетъ на легковѣріе своихъ читателей. Какое бы изъ этихъ двухъ предположеній ни было ближе къ истинѣ, несомнѣнно то, что его статья посрамляетъ его самого, а вовсе не сторонниковъ марксовой „догмы“.

---

*) "Les Syndicats agricoles et leur œuvre," par le Cte de Rocquigny. Paris, 1900, p. 302.

**) См. его статью: „Чему насъ учитъ соціалистическое движеніе въ Венгріи и Италіи“ во второй книжкѣ „Вѣстника Русской революціи“.

***) Французы называютъ очень маленькіе земельные участки носовыми платками.

*) "Zwei Sozialdemokratische Bauern Kongresse," "Neue Zeit," 15 Jahrgang, I Band, S. 811, sq.

*) "Von der Bauernbewegung in Ungarn," XVI. Jahrgang, I Band, S. 691.

**) Paul Engelmann, l. c., S. 817.

***) "Von der Bauernbewegung in Ungarn." 11, 691, u 591.

Замѣтимъ однако, что на второмъ будапештскомъ конгрессѣ большинство представителей состояло изъ безземельныхъ сельско-хозяйственныхъ поденщиковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

превратилось въ его страсть... Онъ слышалъ не то правду, не то легенды о старыхъ революціонерахъ, о какихъ-то кружкахъ, а можетъ-быть, и о нашемъ комитетѣ. Революціонная дѣятельность рисуется чѣмъ-то таинственнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ высокимъ, захватывающимъ, отъ чего такъ легко забыть муку жизни... И вотъ онъ, наконецъ, въ кружкѣ, онъ ждетъ вашего слова. Многимъ пропагандистамъ, навѣрное, памятно это выраженіе ожиданія на лицахъ многихъ слушателей. Начните же съ того, чего онъ ждетъ, съ исторіи нашей борьбы. Страницу за страницей раскрывайте передъ слушателемъ исторію нашей борьбы, дышащую кровью, зовущую къ отмщенію. Двѣ вѣчно враждебныя силы встаютъ передъ нимъ: самодержавное правительство и революціонеры, два чуждыхъ другъ другу міра. Чѣмъ дальше идетъ разсказъ, тѣмъ сильнѣй разгорается ненависть слушателей къ этому проклятію нашей родины; мысленно пережитая жизнь революціонеровъ тѣснѣй привяжетъ ихъ къ революціонной семьѣ. „То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть". Сколько надеждъ, мечтаній, сколько страданій пронесется передъ кружкомъ! Разсказъ слѣдуетъ сопровождать чтеніемъ отрывковъ изъ нелегальной литературы*). То, что слушатель считалъ полулегендой, оказывается дѣйствительностью; вотъ онъ — тотъ міръ, о которомъ мечтала его честная душа, къ которому онъ рвался... Быстро сроднится онъ съ этимъ міромъ. Передъ нимъ пройдутъ образы настоящихъ, закаленныхъ революціонеровъ; онъ увидитъ примѣры революціонной стойкости на допросахъ, судахъ, при самыхъ тяжелыхъ минутахъ (жизнь Халтурина во дворцѣ, послѣдніе дни работы С. Перовской) вплоть до смертной казни (Осинскій, Желябовъ и др.). Самая атмосфера этой жизни, которая такъ или иначе сообщается слушателямъ, закаляетъ ихъ... Но вотъ первое марта 1881 г. и быстрая за тѣмъ гибель партіи Н. В. Партія, казавшаяся могучей, блиставшая самоотверженными борцами, разбита на голову правительствомъ; оно торжествуетъ, справляетъ дикую вакханалію надъ трупомъ поверженнаго врага**). Аудиторія замерла. Она пережила начало борьбы, подъемъ дѣятельности, она ждала конца этой борьбы, всѣмъ сердцемъ желала побѣды... и проводила героевъ на казнь. Вотъ и послѣднее письмо С. Перовской къ ея матери... Многое пережила аудиторія, и если въ ней царитъ теперь молчаніе, то это не молчаніе засыпающихъ. Этотъ моментъ подобенъ моменту мертвой точки маховаго колеса. Почему же, почему ихъ разбили? не разобьютъ-ли и насъ? читаете вы въ глазахъ слушателей, и вы раскрываете причины неудачъ прежнихъ революціонеровъ, освѣщаете отдѣльные моменты борьбы и показываете логическую неизбѣжность подобнаго конца***). Вы указываете на необходимость для революціонно-соціалистической партіи опираться на массы, на широкое массовое движеніе. Это послужитъ переходомъ къ исторіи и ученію соціаль-демократіи. Давъ отрицательный анализъ, вы указываете необходимые элементы побѣднаго движенія. Короткая, но уже богатая исторія соц.-дем. движенія убѣдитъ въ томъ, какъ много успѣла сдѣлать русская соц.-демократія. Въ исторіи соц.-демократіи слѣдуетъ остановиться на періодѣ экономизма, когда русскіе соц.-демократы, исходя изъ абстрактныхъ понятій марксизма, выводили упрощенную программу борьбы, забывъ о національныхъ задачахъ русской соц.-дем., даже о главной изъ нихъ — сверженіи самодержавія. Понятіе борьбы за сверженіе самодержавія слѣдуетъ расширить до пониманія борьбы со всѣмъ отживающимъ полукрѣпостническимъ порядкомъ нашей страны. Впослѣдствіи, исходя изъ этого положенія, вы разовьете передъ слушателями аграрную программу русскихъ соц.-дем. Послѣ этого вы подробно излагаете ученіе научнаго соціализма. Это не требуетъ поясненій, такъ какъ болѣе или менѣе удачно ведется и теперь. Но наше движеніе не ведется въ пустотѣ. Рабочая партія это — одна изъ политическихъ силъ Россіи, наряду съ ней существуютъ другія. Въ краткихъ чертахъ слѣдуетъ обрисовать задачу и тактику этихъ несоц.-демократическихъ направленій, особенно ихъ отношеніе къ освободительной борьбѣ пролетаріата. Параллельное сравненіе еще рѣзче оттѣнитъ точку зрѣнія соц.-дем. партіи, партіи пролетаріата. Говоря о современной Россіи, особенно серьезное вниманіе слѣдуетъ обратить на тѣ „межсословные узлы политическихъ интересовъ" различныхъ слоевъ населенія, въ которыхъ эти интересы переплетаются*). Разсмотрѣвъ мотивы, руководящіе въ борьбѣ, казалось бы, часто за одни и тѣ же требованія, слѣдуетъ показать все величіе стремленій борющагося пролетаріата и его передового отряда, соц.-дем. рабочей партіи, — этого авангарда русской оппозиціи. Ваши слушатели должны глубоко это продумать.

Итакъ, вы прослѣдили историческій генезисъ русской соц.-демократіи, вы раскрыли задачи и содержаніе нашей партіи, подвергнувъ ее, такъ сказать, перекрестному допросу со стороны другихъ фракцій. Этимъ вы дали вашей аудиторіи теоретическое оружіе, но вы не должны забыть еще, что наша партія есть борющаяся армія, а не клубъ для собесѣдованій. Уяснивъ, за что бороться, вы должны детально показать, какъ бороться. Исходя изъ принципіальныхъ положеній соц.-дем., вы развертываете тактику партіи въ ея цѣломъ. Внутренній характеръ дѣятельности партіи опредѣляетъ ея отношеніе къ непролетарскимъ слоямъ населенія. Особенно отчетливо слѣдуетъ представить отношеніе русскихъ соц.-демократовъ къ крестьянству и въ этомъ мѣстѣ будетъ вполнѣ умѣстно изложеніе аграрной программы, при чемъ хорошо бы посвятить особую бесѣду какъ теоретическому разсмотрѣнію вопроса, такъ и возможной практической работѣ въ деревнѣ. Во многихъ мѣстахъ нашего отечества эти бесѣды должны вызвать самое оживленное отношеніе, какъ это можно заключить по нѣкоторымъ письмамъ въ „Искрѣ" (см., напримѣръ, письмо изъ Орѣхово-Зуева).

Послѣ этого остается разсмотрѣть орудія борьбы. Значеніе каждаго орудія (газета, листки, стачки, демонстраціи и проч.) разсматривается, какъ отдѣльно, независимо отъ другихъ, такъ и въ ихъ общей связи; легче всего послѣднее изобразить въ видѣ примѣрной дѣятельности комитета въ частности и партіи въ общемъ, вплоть хотя бы до момента вооруженнаго народнаго возстанія, къ возможности котораго мы должны теперь же подготовлять рабочихъ. Выражаясь, можетъ быть, шире, мы скажемъ: послѣдняя часть нашихъ занятій сводится къ выясненію организаціонныхъ и техническихъ вопросовъ нашей партіи. Какъ извѣстно, обсужденіе этихъ вопросовъ всегда принимается съ живѣйшимъ интересомъ. Остановимся также на моментѣ сверженія самодержавія, съ цѣлью показать и уяснить всю его серьезность и важность для пролетаріата. Здѣсь передъ слушателями откроется созидательная работа нашей партіи и ея борьба за окончательное освобожденіе пролетаріата. Рабочимъ должно стать яснымъ все огромное значеніе для классового пробужденія пролетаріата организованной соц.-дем., вся ея необходимость въ дѣлѣ отстаиванія его интересовъ*). Выразителемъ идейныхъ стремленій партіи служитъ газета, и рабочій долженъ знать ее, умѣть понимать ее. Поэтому, въ связи съ изложеннымъ планомъ занятій я ставлю систематическое чтеніе газеты въ кружкѣ. Чтеніе газеты даетъ возможность лишній разъ вспомнить сказанное уже на занятіяхъ или же при помощи фактовъ, сообщаемыхъ газетой, живѣе освѣтить нѣкоторые вопросы. Это чтеніе устраивается не въ очередь обычныхъ занятій, пользуясь для этого хотя бы днемъ полученія свѣжаго номера газеты. Полученный номеръ сначала прочитывается комитетомъ и обсуждается, какимъ образомъ наилучше использовать полученный номеръ въ цѣляхъ пропаганды и агитаціи. То же дѣлается въ рабочемъ подкомитетѣ и пропагандистскомъ совѣтѣ. Запасшись совѣтами товарищей, пропагандистъ устраиваетъ чтеніе. Богатый по содержанію, каждый номеръ „Искры" даетъ пропагандисту возможность ввести своихъ слушателей въ кругъ замѣчательно широкихъ интересовъ. Возьмите хоть 30 № „Искры". Прочтите „Осенніе итоги" и подумайте, сколько вы можете сообщить кстати своимъ слушателямъ. Вы можете изложить передъ ними неудачную попытку Александра II ввести „судъ скорый, правый и милостивый для всѣхъ"; послѣдовавшее затѣмъ уродованіе и безъ того не идеальнаго суда и подробнѣе освѣтить мысль автора, что законность и самодержавіе — исключающія другъ друга понятія, а дойдя, при концѣ номера, до иностраннаго обозрѣнія, стачки французскихъ рабочихъ, укажите, что рабочій внѣ закона вообще въ буржуазномъ обществѣ. Рядъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ даетъ поводъ вспомнить исторію судебныхъ политическихъ процессовъ. Прочтите кстати рѣчь на судѣ когонибудь изъ товарищей, напр., рѣчь Мышкина. Идетъ дѣло о либеральномъ теченіи, познакомьте подробнѣе съ нимъ, выясните взаимное наше положеніе, сошлитесь на факты. Зубатовщина въ Петербургѣ — поставьте вопросъ, какъ слѣдуетъ бороться съ ней. Рабочіе, понявъ вредное значеніе зубатовщины для ихъ освободительнаго движенія, съумѣютъ многое найти противъ нея. Но самое главное, что рабочій уже въ кружкѣ будетъ думать о задачахъ комитета и стремиться помочь осуществить ихъ. — „Борьба направленій — пожива демагогамъ" вскрываетъ больное мѣсто въ жизни нашей партіи въ настоящій моментъ ея роста; не разъ и не два принуждены вы будете остановиться на этомъ, чтобы слушатели по достоинству могли оцѣнить этихъ людей, которые, по вѣрному замѣчанію одного товарища, „свою судьбу строятъ на несчастіи партіи". Полемика съ этими элементами, главнымъ образомъ, затрагиваетъ чрезвычайно важную область вопросовъ, организаціонныхъ; полемика значительно уясняетъ эти вопросы. Замѣтка о террорѣ, по всей вѣроятности, еще и еще разъ возбудитъ пренія; такъ же, какъ и замѣтка объ „отрѣзкахъ". Ростовскія событія сами собой просятъ вашей оцѣнки. Пропагандисту должна быть хорошо извѣстна исторія соц.-дем. движенія, особенно внимательно онъ долженъ слѣдить за дѣятельностью всей партіи въ настоящій моментъ. Онъ долженъ подвергать разбору дѣятельность комитетовъ въ частности и партіи вообще, не останавливаясь, когда нужно, и передъ рѣзкой критикой; но, критикуя, онъ долженъ, по возможности, указать и надлежащій путь. Въ отдѣлѣ корреспонденцій вы всегда найдете достаточно матеріала о томъ, какъ и что слѣдовало бы сдѣлать въ такомъ-то и такомъ-то случаѣ. Это будетъ развивать въ рабочихъ смѣтливость, и они яснѣе поймутъ тактическую точку зрѣнія соц.-дем., преломленную въ русской дѣйствительности. Извѣщеніе соціалистическаго Бюро можно связать съ исторіей Интернаціонала и новѣйшими попытками закрѣпить моральную связь между отдѣльными членами нашей великой международной семьи. Петербургскій расколъ конкретнѣе уяснитъ намъ организаціонныя разногласія... Я далеко не исчерпалъ всего, что можно и должно сказать при чтеніи взятаго номера „Искры". Пересмотрите нѣсколько номеровъ, и вы увидите, что каждый номеръ даетъ подобную возможность. Вечеръ не только не можетъ быть скучнымъ, но у васъ едва хватитъ времени отвѣтить на все и всѣмъ. Разумѣется, въ одинъ вечеръ вы это не сможете сдѣлать, но систематическое чтеніе нѣсколькихъ номеровъ позволитъ это, и черезъ нѣсколько вечеровъ вы многое будете уже только вспоминать, останавливаясь подробно лишь на новыхъ вопросахъ. Слѣдя за жизнью партіи, вы оцѣните способность „Искры" отзываться на нее; когда же почувствуете недочетъ, спѣшите, какъ настоящіе друзья вашей газеты, указать ей на него. Кромѣ того, обращайте вниманіе членовъ кружка на удачныя корреспонденціи или на ихъ недостатки: научить обслуживать газету матеріаломъ — одна изъ нашихъ задачъ; тѣмъ самымъ рабочимъ еще ближе будетъ газета, когда они будутъ работать надъ ней. Такъ, тѣснѣй и тѣснѣй жизнь вашего кружка будетъ сплетаться съ жизнью партіи.

Таковъ общій основной планъ занятій. Предлагая его, я не хочу сказать, что не надо говорить о дарвинизмѣ, о томъ, какъ созданъ міръ, о крестовыхъ походахъ и другихъ вещахъ. Я хочу лишь указать на то, что мы обязаны, какъ соц.-демократы, сообщать нашимъ слушателямъ. Учите всему! Но надо принять во вниманіе, что времени-то обычно у насъ немного и рѣдко удается провести полный законченный курсъ, поэтому не слѣдуетъ его чрезмѣрно расширять. Закончивъ же основной курсъ, не только можно, но желательно сдѣлать къ нему рядъ дополненій: изъ исторіи европейской соц.-дем. и революціоннаго движенія, нѣсколько очерковъ изъ исторіи, о религіи и т. п. При такомъ способѣ прекращеніе лекцій (что все-таки случается обыкновенно не въ самомъ началѣ) не лишитъ ихъ своей цѣльности. Конечно, эти отдѣльныя бесѣды должны связываться съ общимъ курсомъ. Пользуясь набросанными общими положеніями, вы сможете расширять или съужать вашъ курсъ по условіямъ мѣста и времени. Но, сохраняя остовъ этихъ занятій, вы всегда сможете дать слушателямъ законченное цѣлое.

Чтеніе „Искры" указаннымъ способомъ должно рекомендовать и внѣ связи съ правильными занятіями въ кружкахъ. Такъ и дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ этомъ случаѣ чтеніе, соединенное съ бесѣдой, является способомъ занятій по кружкамъ. Ваши слушатели послѣ прочтенія „Искры" въ кружкѣ могутъ съ успѣхомъ организовать чтеніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ (по числу участниковъ), могутъ воспользоваться „Искрой", какъ агитаціоннымъ орудіемъ. Этимъ самымъ ваши слушатели будутъ двинуты по пути развитія въ нихъ самодѣятельности, о которой такъ много толкуютъ тѣ, кто для этого ничего не дѣлаютъ; съ другой стороны, агитація пойдетъ глубже, живѣе. Учите пользоваться газетой, какъ орудіемъ борьбы, возможно большій кругъ революціонныхъ работниковъ. Такъ, сопровождаемая живымъ словомъ, „Искра" пойдетъ, начиная съ фабрики большого города, вплоть до самой глухой деревушки.

Сѣверянинъ.

⁂

Отъ редакціи. Мы надѣемся, что работающіе на мѣстахъ товарищи обратятъ на это въ высшей степени содержательное письмо все то вниманіе, какого заслуживаетъ предлагаемый въ немъ оригинальный планъ пропаганды въ рабочихъ кружкахъ. Было бы очень желательно. чтобы пропагандисты и рабочіе, занимающіеся въ кружкахъ, подѣлились на столбцахъ „Искры" съ товарищами тѣми доводами въ пользу или противъ деталей этого плана, которые могли быть вынесены ими изъ личнаго опыта.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Въ мірѣ мерзости и запустѣнія. 14 января Петербургская Судебная Палата приступила къ разсмотрѣнію дѣла о бывшемъ кронштадтскомъ полицмейстерѣ подполковникѣ Шафровѣ.

Мы не будемъ излагать подробностей этого замѣчательнаго дѣла, — отсылаемъ нашихъ читателей къ „легальной" русской прессѣ, гдѣ процессъ Шафрова изложенъ очень обстоятельно. Мы остановимся только на особенно выразительныхъ сторонахъ въ дѣлѣ бывшаго полицмейстера и на нѣкоторыхъ выводахъ, которыхъ подцензурная печать сдѣлать не можетъ, еслибы и хотѣла.

Въ теченіе долгаго ряда лѣтъ Шафровъ служилъ въ петербургской и въ московской полиціи. Его поведеніе было таково, что оберъ-полицмейстеръ отзывался о немъ, какъ о „первомъ взяточникѣ среди московскихъ приставовъ" (остальные пристава отличались, слѣдовательно, отъ Шафрова только меньшей смѣлостью размаха). Изъ петербургской полиціи Шафровъ былъ удаленъ за взятку, въ результатѣ которой половой Огневъ, избитый хозяиномъ, былъ высланъ на родину, вмѣсто того, чтобы получить удовлетвореніе. Эта небольшая „заминка" въ карьерѣ не помѣшала Шафрову занять въ 1896 г. постъ кронштадскаго полицмейстера. На запросъ кронштадтскаго губернатора о Шафровѣ петербургское градоначальство отвѣтило: „вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ". Въ Кронштадтѣ Шафровъ получилъ возможность развернуть всѣ данные ему отъ бога таланты. Онъ распоряжался казеннымъ денежнымъ сундукомъ съ такой непринужденностью, какъ если бы это былъ его собственный кошелекъ. Пристава, подъ страхомъ исключенія, были обложены въ пользу полицмейстера серьезной данью. Наградныя деньги, поступавшія въ пользу служащихъ пожарной команды, стекались къ Шафрову. Городовые штрафовались на каждомъ шагу, — и штрафныя суммы поглощались полицмейстеромъ. Но особеннымъ вниманіемъ его пользовались дома терпимости. Онъ ихъ лелѣялъ, по собственному выраженію, какъ отецъ родныхъ дѣтей. Разумѣется, нѣжность полицмейстера не была платонической. Содержательницы притоновъ умѣли быть благодарными Шафрову за его „отеческое" отношеніе къ безпатентной продажѣ спиртныхъ напитковъ, ночной торговлѣ и нерѣдкимъ уголовнымъ „осложненіямъ". По остроумному замѣчанію одного изъ свидѣтелей, кронштадтскіе обыватели еще при жизни поставили своему полицмейстеру памятникъ, наименовавъ одинъ изъ публичныхъ домовъ, основанныхъ при содѣйствіи полицмейстера, „Шафровкой"...

Чего же смотрѣли обыватели? Почему не жаловались? Нѣкоторые жаловались. Но на чиновника у насъ можно жаловаться только „по начальству", а не въ судъ. Начальство же неизмѣнно оставляло жалобы „безъ послѣдствій". Лишь на четвертомъ году отъ начала его царствованія прокурорскій надзоръ произвелъ негласное разслѣдованіе, которое подтвердило всѣ жалобы. Казалось бы, теперь Шафрову ужъ навѣрное мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ? Нисколько. Нужно добиться распоряженія начальника Шафрова, кронштадтскаго военнаго губернатора, на производство предварительнаго слѣдствія. Но губернаторъ нашелъ, что предъявленныя противъ Шафрова обвиненія „недостаточны" и — что особенно великолѣпно — „основаны лишь на доносахъ неблагонамѣренныхъ людей". Губернаторъ все же произвелъ административное (т. е. полицейское, а не судебное) „разслѣдованіе" обвиненій, въ результатѣ которыхъ Шафровъ оказался чище голубя. На этомъ дѣло могло бы и закончиться, какъ въ большинствѣ случаевъ у насъ бываетъ. Но прокуроръ судебной палаты не успокоился и обратился въ правительствующій сенатъ. Не знаемъ, что побудило прокурора сдѣлать этотъ шагъ (весьма вѣроятно, что простые нелады съ губернаторомъ), — но Шафровъ все-таки оказался на скамьѣ подсудимыхъ.

Взаимное укрывательство не прекратилось и на судѣ. Допрошенный на дому въ качествѣ свидѣтеля, вице-адмиралъ Казнаковъ далъ отъ своего имени и со словъ бывшаго петербургскаго градоначальника фонъ Валя о Шафровѣ лучшую аттестацію.

Шафровъ не выродокъ въ своей полицейской „семьѣ"*). Нѣтъ, въ лучшемъ случаѣ онъ лишь „первый среди равныхъ". Да, вѣдь, почти такими словами характеризовалъ оступившагося кронштадтскаго полицмейстера его бывшій начальникъ!

И всѣ эти Шафровы соединены во всесильный орденъ, связанный круговой порукой во имя взятки, во имя привилегіи безнаказанно издѣваться надъ обывателемъ. Столь частыя теперь попытки „очищенія" полицейскихъ управленій ничего не измѣнятъ въ „славныхъ" традиціяхъ вѣдомства. Честный человѣкъ, попавъ въ полицію, или развратится или уйдетъ изъ нея. „Орденъ" сильнѣе входящихъ въ его составъ членовъ. Спасеніе одно — въ „предоставленіи всякому гражданину права преслѣдовать всякаго чиновника предъ судомъ безъ жалобы по начальству" („Проектъ программы Р. С.-Д. Р. П." „Искра", № 21).

„Представители земли" противъ рабочихъ. Теперь, когда работы „Комитетовъ Особаго Совѣщанія" приходятъ къ концу, никто не станетъ отрицать, что наши земскіе либералы, въ общемъ, проявили чрезвычайную сдержанность и умѣренность въ выраженіи своихъ политическихъ пожеланій. Нельзя того же сказать о земцахъ реакціонныхъ. Тамъ, гдѣ они имѣли за собой большинство, реакціонеры громогласно провозгласили свои крѣпостническія вожделѣнія.

Въ Смоленск. губ. комитетѣ, по словамъ „Русс. Вѣд." (отъ 20 янв.) разсматривалось предложеніе уѣзднаго Гжатскаго комитета въ томъ смыслѣ, что „высылка на родину рабочихъ, замѣшанныхъ въ фабричныхъ, а тѣмъ болѣе политическихъ безпорядкахъ, должна бы быть безусловно воспрещена, ибо вредный элементъ развращаетъ иногда населеніе цѣлыхъ волостей. Если проживаніе такихъ лицъ въ большихъ центрахъ нежелательно, то въ деревняхъ оно совершенно нетерпимо." „Самымъ справедливымъ, по мнѣнію гжатскаго комитета, было бы пребываніе такихъ лицъ въ рабочихъ домахъ англійскаго типа, содержаніе которыхъ должно ложиться на счетъ фабрикъ и заводовъ, создавшихъ этотъ никому ненужный, вредный элементъ."

Принудительное водвореніе въ рабочіе дома „англійскаго типа" тѣхъ, кто отказывается покорно подчиняться капиталу — вотъ какъ думаютъ разрѣшить соціальный вопросъ представители реакціонной помѣщичьей партіи. И это въ то самое время, когда органъ этой партіи — „Моск. Вѣд." — грубо заигрываетъ съ русскими рабочими и зоветъ ихъ подъ ея знамена. Мы очень благодарны гжатскимъ Собакевичамъ за ихъ откровенность. Старайтесь, господа!

Поучительно также авторитетное указаніе на то, какъ вліяетъ „городская" пропаганда на политическое пробужденіе (по выраженію Собакевичей — „развращеніе") русской деревни. Русская соціаль-демократія никогда не „шумѣла" о „мужикѣ", не сочиняла для него особаго „соціализма" (за что и подвергается обвиненію въ безчувственности), — а, между тѣмъ, именно ея работа „въ городѣ" пролагаетъ пути политическому движенію въ деревнѣ.

Варшава. Въ годовщину казни пролетаріатцевъ состоялись демонстраціи въ театрахъ. Въ Большомъ театрѣ, во время оперы „Тангейзеръ", нѣсколько разъ съ галлереи раздались крики „долой царизмъ!", „да здравствуетъ свобода!" и партеръ былъ засыпанъ листками политическаго содержанія. Полиція сидѣла тихо. Въ другомъ театрѣ, послѣ того какъ были брошены листки, городовой арестовалъ дѣвушку и повелъ было ее въ участокъ; какой-то молодой человѣкъ потребовалъ отъ городового отпустить арестованную и, получивъ отказъ, пырнулъ полицейскаго ножемъ; тотъ упалъ, и оба молодые люди скрылись. Арестовано на галлереѣ 40 чел., изъ нихъ черезъ два дня 35 выпустили, остальные сидятъ.

Саратовъ, январь 1903 г. Политика „сильной" власти г-на фонъ-Плеве прочно водворилась въ Саратовѣ. Все больше и больше стали практиковаться обычные пріемы этой политики: провокаторство, шпіонство, массовые аресты и обыски и подавленіе малѣйшихъ проявленій общественной жизни. Не успѣло въ обществѣ улечься волненіе и смолкнуть разговоры по поводу массовыхъ ноябрьскихъ арестовъ и суда надъ демонстрантами, какъ опять городъ былъ взволнованъ обыскомъ городской управы и арестомъ очень уважаемаго жителями члена управы, А. В. Милашевскаго. Жандармы и шпіоны дошли до страшной наглости: за нѣкоторыми изъ обывателей сыщики ходили по пятамъ, пробирались на кухню и ловили на улицахъ прислугу, чтобы отъ нея узнать что-нибудь о подозрѣваемыхъ; иногда шпіоны переодѣвались женщинами и вступали въ бесѣду съ кухарками и горничными, стараясь вывѣдать, что дѣлаютъ ихъ хозяева. У матери одного изъ арестованныхъ (Буланова) шпіоны высмотрѣли при обыскѣ, гдѣ лежатъ деньги, и черезъ нѣсколько дней послѣ ареста сына выкрали болѣе тысячи рублей изъ шкатулки съ двойнымъ дномъ.

---

*) Тунъ, „Исторія рев. движенія въ Россіи"; Степнякъ, „Подпольная Россія", „Андрей Кожуковъ"; Бурцевъ, „За сто лѣтъ"; Деб.-Мокрієвичъ, „Воспоминанія".

**) Чтобы соблюсти послѣдовательность въ разсказѣ, можете справляться по брошюрѣ „Красное знамя въ Россіи".

***) Съ этого мѣста пособіемъ можетъ быть „Красное знамя въ Россіи". Можно прямо читать по ней съ объясненіемъ.

*) Аксельродъ, „Взаимное положеніе либеральной и соціалистической демократіи"; „Современная Россія".

*) Въ помощь пропагандистамъ, комитетъ долженъ озаботиться составленіемъ надлежащей библіотеки.

*) Въ серединѣ 80-хъ годовъ прошумѣлъ процессъ другого кронштадтскаго же полицмейстера Головачева, осужденнаго въ Сибирь за цѣлый рядъ преступленій, изъ которыхъ не послѣднее мѣсто занимали тоже сдѣлки съ домами терпимости.

Послѣ ареста Милашевскаго по городу стали распространяться самые невѣроятные слухи. Говорили, между прочимъ, что въ скоромъ времени предстоятъ обыски и аресты, которые захватятъ широкіе либеральные круги. Вѣроятно, сами жандармы распространяютъ подобные слухи, чтобы терроризировать либеральное общество; послѣднее послѣ убійства Сипягина боится, что, чего добраго, начнется чтеніе мыслей, и жандармы узнаютъ, какимъ сочувствіемъ встрѣтило оно выстрѣлъ С. Балмашева. Губернаторъ Энгельгартъ по поводу ареста Милашевскаго воскликнулъ: „Вотъ послѣ этого и утверждай ихъ членами управъ! А еще жалуются, что за ними слѣдятъ шпіоны".

Изъ арестованныхъ 1 ноября многіе были выпущены черезъ три недѣли, при чемъ ихъ даже не допрашивали, а только сняли фотографическія карточки и предъявили ко всѣмъ обвиненіе въ принадлежности къ тайному сообществу, образовавшемуся въ Саратовѣ. Говорятъ, что начальникъ жандармскаго управленія Померанцевъ былъ противъ освобожденія арестованныхъ, ссылаясь на то, что если продержать ихъ въ тюрьмѣ мѣсяца три, то противъ каждаго изъ нихъ найдутся улики; въ противномъ случаѣ, онъ въ скоромъ времени опять принужденъ будетъ произвести массовые аресты. Выходило, какъ въ донесеніи губернатору Чеховскаго градоправителя: „Виновные за недостаткомъ уликъ посажены въ кутузку"... Впрочемъ, г. Померанцевъ отчасти правъ, полагая, что противъ каждаго обывателя, продержавъ его мѣсяца три-четыре въ тюрьмѣ, въ настоящее время можно найти улики въ неблагонадежности. Кто не читаетъ теперь нелегальныхъ газетъ? Кто не возмущается современной политикой „сильной" власти? Кто изъ честныхъ людей не желаетъ, чтобы Россія наконецъ избавилась отъ своры шпіоновъ, жандармовъ и провокаторовъ съ Плеве во главѣ? Вотъ въ Пензѣ, напр., арестовали вполнѣ благонамѣреннаго прис. пов. Балдина только за то, что прис. пов. Тарасовъ, на квартирѣ котораго обнаружена была тайная типографія, уѣзжая изъ Пензы, передалъ свои адвокатскія дѣла Балдину. Послѣдняго увезли въ Петербургъ и обвинили въ участіи въ тайной типографіи. Балдинъ струсилъ и, оправдывая себя, разсказалъ, кто изъ его знакомыхъ читалъ нелегальную литературу, кто собиралъ деньги и проч. Его оговоръ опять вызвалъ массовые арестѣ въ Пензѣ. — Изъ арестованныхъ въ Саратовѣ 1 ноября увезены въ Петербургъ: В. Хотемкина, А. Рыковъ, Ф. Рыкова, Булановъ, Милашевскій, Сорокинъ, Шиллеровъ и два ученика Земледѣльческаго Училища. Шесть учениковъ Земледѣльческаго Училища перевезены въ Царицынскую тюрьму. Воеводинъ, осужденный на $2^1/_2$ года, увезенъ на-дняхъ въ Крестъ. Доктора Ченыкаева отправили на пять лѣтъ въ Вологодскую губ. только за то, что онъ пользовался вліяніемъ среди либеральныхъ помѣщиковъ. Тюрьма очищается, чтобы принять новыя жертвы во славу самодержавія.

Усиленная охрана у насъ съ 1 декабря не возобновлена*), но тѣмъ не менѣе обыски, аресты и высылки практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Высылаютъ, даже не предъявляя обвиненій, безъ всякихъ допросовъ, — просто по распоряженію „законника" фонъ-Плеве. Такъ, высылаютъ Дьякову, мать многочисленнаго семейства, съ запрещеніемъ ей жить въ Саратовской и смежныхъ губ.; ей не разрѣшили даже поѣхать въ ея имѣніе Тамбовской губ. Высылаютъ Каратаева и доктора Окиншевича, тоже безъ всякаго допроса и съ запрещеніемъ жить въ 30 губ Европ. Россіи. Говорятъ, что это только начало. Предстоятъ массовыя высылки. Жандармская оргія у насъ въ Саратовѣ продолжается уже болѣе года. Чего же она достигла? Въ самый разгаръ ноябрьскихъ погромовъ оба, существующіе здѣсь, комитета продолжали свою работу. Соц.-демократическій Комитетъ даже проявилъ именно въ это время усиленную дѣятельность, — имъ выпущена была масса прокламацій: по поводу суда надъ демонстрантами, очень хорошо написанная прокламація къ солдатамъ, прокламація о массовыхъ арестахъ и проч.

Революціонное настроеніе начинаетъ захватывать все болѣе широкіе круги народа, и это не смотря на то, что существующія въ Саратовѣ организаціи слишкомъ ушли въ мелкую и случайную работу пропаганды. Полицейско-жандармскій режимъ давитъ не только радикальные элементы общества, но одинаково даетъ себя чувствовать всему народу и все болѣе становится ненавистенъ самымъ мирнымъ обывателямъ. При каждомъ удобномъ случаѣ это вырывается наружу. Такъ, недавно, на студенческомъ вечерѣ, гдѣ было болѣе тысячи человѣкъ самой разнообразной публики, читалось воззваніе студентовъ, сосланныхъ въ Сибирь (см. № 30 „Искры"), и 250-300 чел. съ энтузіазмомъ подхватывали крикъ: „Долой самодержавіе!" Вслѣдъ за этимъ вечеромъ, по распоряженію изъ Петербурга, былъ арестованъ пом. прис. пов. К. К. Мауеровъ по обвиненію въ томъ, что онъ произнесъ на вечерѣ рѣчь и кричалъ „долой самодержавіе". Въ этомъ случаѣ козломъ отпущенія явился самый обыкновенный клубный кутила.

Въ январѣ же арестованы сестры Кудряшевы и произведенъ обыскъ у В. А. Балмашева; у него отобрали бѣлье съ мѣтками сына; полицмейстеръ отъ имени губернатора просилъ Балмашева не бывать на вечерахъ, т. к. его присутствіе возбуждаетъ публику.

Легальная общественная жизнь у насъ вполнѣ подавлена; писать изъ этой области почти нечего. Предполагавшееся празднованіе 200-лѣтняго юбилея печати не состоялось, — литераторы рѣшили въ видѣ демонстраціи отъ него отказаться, такъ какъ губернаторъ по распоряженію Плеве вычеркнулъ изъ программы празднованія чтеніе резолюціи съ указаніемъ на неотложную необходимость свободы печати. — Работы губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности свелись къ чтенію и обсужденію записокъ губернатора Энгельгарта о травосѣяніи, облѣсеніи, пьянствѣ и тому подобныхъ вопросахъ, излюбленныхъ въ настоящее время русской бюрократіей.

Самара. Мѣстные либералы не проявляютъ особеннаго гражданскаго мужества. Правда, самарскій уѣздный комитетъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности поднялъ вопросъ чуть-ли не о земскомъ соборѣ, но сдѣлалъ это въ крайне робкой формѣ и такимъ эзоповскимъ языкомъ, что усмотрѣть конституціонную тенденцію въ его резолюціи можно было только черезъ весьма и весьма увеличительныя стекла. Судите сами: въ виду насущности нѣкоторыхъ общеземскихъ нуждъ, какъ то борьба съ эпидеміями, эпизоотіями и пр. (буквальныя выраженія проекта), юридическая коммиссія комитета выразила пожеланіе объ учрежденіи общеземскаго органа. Когда представители особаго мнѣнія приперли къ стѣнѣ авторовъ проекта, они заявили, что подъ общеземскимъ органомъ разумѣли періодическіе съѣзды земскихъ дѣятелей. Глаже прошелъ вопросъ о свободѣ печати и обученія. Этотъ же вопросъ, поднятый въ новоиспеченномъ мѣстномъ либеральномъ учрежденіи — семейно педагогическомъ кружкѣ — вызвалъ бурю протестовъ со стороны людей, находившихъ, что поднимать „такіе вопросы" — не тактично. Поднятъ же вопросъ о ходатайствѣ въ пользу свободы печати въ виду того, что совѣтъ общества затѣялъ справлять 200-лѣтній юбилей рабства русской печати. По мнѣнію всѣхъ порядочныхъ людей, единственно приличной формой чествованія печати является демонстрація въ пользу ея освобожденія отъ цензурной кабалы. Но господствующіе въ кружкѣ акцизные и банковые чиновники-либералы думаютъ иначе и тѣхъ, у кого не атрофировано гражданское самочувствіе, попросту отстраняютъ отъ обсужденія щекотливаго вопроса о чествованіи.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что губерн. предводитель дворянства (онъ же по закону и председатель земскаго собранія) Чемодуровъ принимаетъ участіе въ юбилейномъ праздникѣ жандармовъ и поднимаетъ тостъ „за утирающихъ слезы вдовамъ и сиротамъ". Правда, положеніе земскаго дѣятеля обязываетъ, но странно было бы требовать политическаго такта отъ человѣка, пытавшагося въ послѣднемъ земскомъ собраніи провалить вопросъ о земскихъ книгоношахъ изъ-за опасенія заноса ими въ деревню политической и соціальной заразы. Гораздо болѣе странно видѣть въ компаніи съ жандармскими офицерами новаго избранника земства, избраннаго чуть-ли не единогласно и при громѣ рукоплесканій въ предсѣдатели управы — г. Ушакова. Но поистинѣ достоинъ занесенія на позорныя скрижали нашей общественности слѣдующій фактъ. Есть въ нашемъ городѣ земская фельдшерская школа, въ которой преподаютъ разныя мѣстныя медицинскія свѣтила. Свѣтила эти, исходя, очевидно, изъ того соображенія, что ихъ ученики и ученицы вѣчно будутъ у нихъ въ повиновеніи въ качествѣ фельдшеровъ и фельдшерицъ, третируютъ ихъ, какъ низшую касту, ругая „скотами", „коровами", „болванами" и т. п. Мѣсяца два тому назадъ ученики одного класса не выдержали и заявили протестъ. Въ результатѣ — увольненіе трехъ „коноводовъ". Одновременно съ этимъ, по требованію жандармовъ, изъ школы изгоняется за пропаганду среди товарищей ученикъ другого класса, причемъ увольненіе мотивируется якобы нетрезвымъ поведеніемъ уволеннаго. Засѣдающіе въ разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ медики не постѣснились оказать пріятельскую услугу жандармамъ. Исключеніе было санкціонировано предс. Управы Племянниковымъ. Но жертва произвола не пожелала молчать и наградила пощечиной директора школы доктора Гожанскаго. Въ результатѣ — матеріалъ для уголовнаго дѣла.

Не отстаетъ въ выраженіи симпатій къ полицейскому мундиру и молодое поколѣніе. На вечерѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университетовъ молодежь „качала" мѣстнаго полицмейстера.

Вышла и распространена четвертая прокламація Комитета Партіи „Къ самарскимъ рабочимъ, крестьянамъ и всему самарскому обществу", написанная по поводу рѣчи мѣстнаго архіепископа, въ которой разносились революціонеры за то, что учатъ народъ своеволію и грабежамъ. Кромѣ заводовъ и мастерскихъ, прокламаціи были разбросаны на рыночныхъ площадяхъ, ходили по рукамъ въ фельдшерской школѣ. Были обыски въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Арестованные на заводѣ Журавлева выпущены.

Томскъ. 6 декабря происходилъ балъ технологовъ. Это день тезоименитства ихъ имп. вел. и т. д. и балъ долженъ былъ открыться гимномъ „Боже, царя..." и дѣйствительно съ эстрады собранія грянулъ хоръ съ оркестромъ — всѣ встали; но въ это время изъ противоположнаго конца зала, гдѣ столпилась масса студентовъ, послышались звуки другого мотива; не менѣе сильный хоръ запѣлъ „Сбейте оковы". Публика, удивленная и испуганная, повернулась спиной къ исполнителямъ царскаго гимна. Оба хора пѣли дружно и когда первый кончилъ, второй еще кончалъ и когда онъ смолкъ, то раздались дружные апплодисменты. Манифестація прошла безнаказанно. Она была устроена Комитетомъ объединеныхъ землячествъ и организацій.

Иркутскъ. Въ первыхъ числахъ января пріѣхалъ сюда Кулябко-Корецкій — старикъ, совершенно слѣпой. Онъ прочиталъ въ общественномъ собраніи цѣлый рядъ лекцій о положеніи Европы въ XVIII и XIX вѣкѣ. Первыя три лекціи о Франціи: до революціи, во время ея и послѣ революціи; одну — о состояніи Германіи до конституціи; одну — о Сербіи и одну лекцію объ Австріи. Послѣдняя лекція была о французской коммунѣ. На послѣднюю собралось до 1500 чел., настроеніе было приподнятое. Сейчасъ же послѣ окончанія лекціи, одинъ студентъ изъ толпы сталъ читать адресъ лектору. Окончить ему не пришлось, такъ какъ полицмейстеръ вскочилъ на сцену и потребовалъ прекратить чтеніе. Въ это время по всему собранію раздались революціонные возгласы и посыпались прокламаціи иркутскаго Комитета. Полиціи было мало — полицмейстеръ и нѣсколько городовыхъ. Арестовъ не было. Читавшій адресъ скрылся. Теперь всѣхъ ссыльныхъ зовутъ въ полицію и распрашиваютъ — кто читалъ адресъ. Демонстрація надѣлала много шуму — всюду говорятъ объ ней.

Изъ Красноярска отъ 21 января сообщаютъ: Кулябко-Корецкій, читавшій лекціи въ Томскѣ и Иркутскѣ, хотѣлъ прочитать ихъ и здѣсь, но, благодаря иркутской демонстраціи, намъ не пришлось его услышать, такъ какъ онъ арестованъ и сидитъ въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ.

Екатеринодаръ. У насъ въ послѣднее время нѣсколько разъ были расклеены прокламаціи по поводу разныхъ событій, между прочимъ, и по поводу ростовскихъ событій. 3 декабря произошелъ такой случай. Недалеко отъ полицейскаго управленія шелъ молодой человѣкъ въ казацкой буркѣ. Навстрѣчу ему попался полицмейстеръ. Молодой человѣкъ уронилъ свертокъ, завернутый въ платокъ; увидавъ полицмейстера, онъ сильно смутился и такъ неловко поднялъ, что изъ платка высыпалась масса (до 150) запечатанныхъ писемъ. Полицмейстеръ остановилъ его: что это у васъ? — А тебѣ какое дѣло? — Полицмейстеръ взялъ одно письмо, другое... Оказались прокламаціи къ казакамъ на малорусскомъ языкѣ, подписанныя Р. У. П. (революціонная украинска партія) съ надписанными адресами по всѣмъ станицамъ. Молодой человѣкъ оказался служащимъ на городской бойнѣ, Григоріемъ Ткаченко, перекочевавшимъ нынѣшнимъ лѣтомъ изъ Полтавской губ. Его арестовали и сейчасъ же сдѣлали обыскъ еще у нѣсколькихъ полтавцевъ. У учителя Семена Васильевича Петлюра нашли еще полтораста такихъ же прокламацій съ надписанными тоже адресами. Обыски были еще у служащаго въ городской управѣ Ив. Парфентьевича Бородыня, бывшаго студента Н. В. Маслова, у городского ветеринарнаго врача И. Е. Крутикова (нашли нелегальную литературу) и пом. прис. пов. П. С. Ширскаго.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Въ послѣдней статьѣ мы уже упомянули объ одновременной вынужденной подачѣ въ отставку пяти финляндскихъ губернаторовъ, отказавшихся превратиться въ послушное орудіе русскаго сатрапа — Бобрикова. Изъ опубликованнаго на-дняхъ въ финляндской свободной газетѣ „Свободное Слово" текста прошенія объ отставкѣ четырехъ губернаторовъ мы видимъ, что злополучный вопросъ о воинской повинности является причиной устраненія и лучшихъ финляндскихъ губернаторовъ-гражданъ, какъ осенью онъ далъ поводъ Плеве и его державному владыкѣ произвести массовый разгромъ всѣхъ трехъ финляндскихъ судовъ второй инстанціи (гофгерихтовъ). Обрусители, уже заранѣе увѣренные въ томъ, что состряпанный ими новый „законъ" о воинской повинности снова встрѣтитъ достойный финскаго народа солидарный отвѣтъ, рѣшили во-время принять надлежащія мѣры для его проведенія. Бобриковъ еще въ ноябрѣ настрочилъ два секретныхъ циркуляра губернаторамъ, въ которыхъ онъ предписываетъ имъ энергично бороться съ „подпольной агитаціей и пропагандой" противъ проведенія беззаконнаго постановленія о воинской повинности въ нынѣшнемъ году (одинъ изъ этихъ цирк. опубликованъ въ № 15 „Освобожденія"). Въ отвѣтъ на эти азіатскіе циркуляры упомянутые губернаторы вошли къ сатрапу съ достойными представленіями, которыя, по ихъ требованію, были доложены Николаю II. Послѣдній, по наущенію Плеве, приказалъ имъ подать въ теченіе недѣли въ отставку.

Мы уже упоминали въ прошлый разъ о предательской дѣятельности такъ-наз. старо-фенноманской партіи, которая на развалинахъ свободы своей отчизны сводитъ неумѣстные старинные счеты съ либеральной „свеноманской" (шведской) партіей и принимаетъ милости и подачки отъ враговъ своего народа. Такой своей политикой эта партія въ значительной степени способствуетъ уничтоженію вѣковой финской конституціи. Къ счастью, сія славная партія теперь находитъ приверженцевъ почти только среди карьеристовъ, спокойно занимающихъ должности только что увольняемыхъ чиновниковъ-гражданъ. Русское правительство уже давно почуяло будущихъ союзниковъ въ этой ожесточенной консервативной партіи, которая всегда опиралась на такіе реакціонные соціальные слои, какъ духовенство, мелкая буржуазія и крестьянство. Начавъ свой разбойническій походъ, оно разсчитывало на могущественную поддержку старо-фенномановъ, иначе оно врядъ-ли бы отважилось на такую безумную травлю маленькаго культурнаго народа. Еще правительство Александра III въ своей финляндской политикѣ слѣдовало коварному принципу россійскаго самодержавія: „раздѣляй и господствуй". Наглость нынѣшнихъ бандитовъ, величающихъ себя русскимъ правительствомъ, въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, не знаетъ границъ. Въ началѣ января жандармское „Росс. телегр. агентство" осчастливило нашу легальную прессу телеграммой о вышедшей въ Парижѣ на французскомъ языкѣ брошюрѣ шефа тайной русской полиціи въ Парижѣ Эммануеля „Россія и Финляндія". Это изслѣдованіе написано оберъ-сыщикомъ по приказанію главы сыщиковъ, Плеве.*) Напомнимъ читателямъ конецъ этой телеграммы: „Въ Финляндіи Россія является освободительницей**) народности, угнетенной и обездоленной впродолженіе вѣковъ завоевателями-шведами". Въ такомъ родѣ все это произведеніе „Росс. тел. агентства", неоднократно уже игравшаго провокаторскую роль въ финляндскомъ вопросѣ***).

Какъ на отрадный противовѣсъ недальновидной и позорной дѣятельности старо-фенноманской партіи, мы укажемъ на происходящій въ настоящее время усиленный процессъ демократизаціи финляндской интеллигенціи, начинающей, въ лицѣ своей передовой молодежи, интересоваться соціализмомъ и примыкать къ рабочей партіи. Справедливость, однако, требуетъ сказать, что финляндская рабочая партія, стоящая на легальной почвѣ, до сихъ поръ отнюдь еще не занимаетъ особенно виднаго мѣста въ борьбѣ финскаго народа за свою конституцію. Несомнѣнно, настанетъ моментъ, когда и финляндская соц.-демократія, подобно россійской, пойдетъ въ авангардѣ освободительнаго движенія своей страны. Мы надѣемся впередъ больше посвящать вниманія рабочему движенію въ Финляндіи.

На-дняхъ вновь назначенный почтъ-директоръ Финляндіи, бывшій помощникъ начальника отдѣленія канцеляріи Бобрикова, эстонецъ Ямалайценъ разослалъ по всѣмъ финляндскимъ почтовымъ учрежденіямъ секретный рескриптъ о вскрытіи писемъ. Онъ не „могъ найти себѣ помощника среди чиновниковъ почтоваго" вѣдомства, и, поэтому, назначилъ одного чиновника изъ губернской канцеляріи, отъявленнаго негодяя. Однако, почтовая „реформа" Плеве еще далеко не проведена и, безъ сомнѣнія, встрѣтитъ упорное сопротивленіе со стороны всѣхъ честныхъ финляндскихъ почтовыхъ чиновниковъ.

Режимъ Бобрикова и Плеве построенъ исключительно на деморализаціи служащаго класса и, въ особенности, полиціи. Достойный приверженецъ временщиковъ, нынѣшній гельсинфоргскій полицмейстеръ Карлстетъ ухитрился въ короткое время наполнить ввѣренную ему полицію настоящими бандитами, не останавливающимися передъ грубымъ насиліемъ и провокаторскими выходками. 5 февраля (нов. стиля), въ національный праздникъ Финляндіи, день рожденія знаменитаго поэта Рунеберга, полиція грубо, хотя и безъ успѣха, старалась помѣшать грандіозной иллюминаціи. Ей, правда, удалось потушить газовыя „солнца" у памятника поэта, но за то она потерпѣла полное пораженіе при подобныхъ попыткахъ въ частныхъ домахъ.

Дикій произволъ самодержавія въ Финляндіи побуждаетъ, по нашему мнѣнію, русскій пролетаріатъ открыто выражать свои симпатіи этому энергично борящемуся съ русскимъ правительствомъ маленькому народу. Финляндцы могутъ окончательно свергнуть съ себя дикое, звѣрское иго лишь при совмѣстной борьбѣ съ россійской соціальдемократіей противъ азіатскаго деспотизма. — Девизъ нашъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода!" долженъ сдѣлаться девизомъ всѣхъ жаждущихъ освободиться отъ невыносимаго произвола русскаго правительства. Эти слова должны быть написаны на знаменахъ всѣхъ враговъ россійской тиранніи. Симъ побѣдишь!

1 февраля 1903 г.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На ниточной фабрикѣ Штиглица 23 января началась забастовка. Причины — длинный рабочій день (съ 5 ч. утра до 8 ч. веч., одинъ часъ на обѣдъ) и сокращеніе расцѣнковъ. Требуютъ обычныхъ 13 час. работы съ полуторачасовымъ перерывомъ на обѣдъ, а также прибавки 1 коп. на аршинъ. Контора первоначально вступила въ переговоры, но вмѣшался Клейгельсъ, и „по приказу градоначальника" 3.000 раб. разсчитано. Это не помѣшало другой фабрикѣ того же общества примкнуть 28 января къ забастовкѣ.

Тверь. Тяжело положеніе тверскихъ стеклянщиковъ. Всѣ условія ихъ жизни таковы, что хуже трудно представить. Обстановка, въ которой имъ приходится работать, норма заработка — заставляютъ многихъ даже въ періодъ безработицы предпочесть нищенское существованіе работѣ на стеклянномъ заводѣ Куровой. „Стеклянщикъ" въ устахъ обывателей почти равносильно слову — золоторотецъ. Всего на стеклянномъ заводѣ Куровой работаетъ около 200 человѣкъ. Большинство — взрослые мужчины — мастера. Работаютъ мальчики отъ 12 лѣтъ и женщины. Длина дня для разныхъ родовъ труда различна: отъ 8 до 12 часовъ. Работаютъ они сдѣльно, по преимуществу бутылки, по расцѣнку, утвержденному фабричной инспекціей. Высота заработка очень непостоянна, полтора рубля — максимумъ того, что можно выработать за день. Но часто выработка падаетъ до нѣсколькихъ копѣекъ въ день. Много посуды бракуется и уничтожается. Сплошь и рядомъ тому виной недоброкачественность матеріала, поломка горшка, въ которомъ плавится стекло, или атмосферическіе осадки, которые протекаютъ сквозь дырявую крышу, падаютъ на неостывшую еще посуду, отчего та даетъ трещины. Не малое значеніе имѣетъ, конечно, и прямая недобросовѣстность пріемщика. За послѣднее время браковка сдѣлалась совсѣмъ обычнымъ явленіемъ. Семейные мастера вырабатываютъ едва 20 к. въ день. Кромѣ того на заводѣ установлены „череды", въ теченіе которыхъ рабочіе, замѣненные запасными, остаются безъ заработка. Гигіеническія условія ужасны. Заводъ представляетъ изъ себя грязный, темный сарай, въ которомъ безъ помѣхи гуляетъ вѣтеръ, а работать приходится въ адской жарѣ.

Простужаются постоянно. Лѣтомъ рабочимъ дозволялось въ жары (чтобы предупредить полный упадокъ силъ) купаться въ небольшомъ прудикѣ около завода. Прудикъ этотъ отравленъ нефтью (рядомъ нефтяной складъ). Собственно, въ немъ нельзя даже бѣлье полоскать, а рабочіе вынуждены купаться по 5-6 разъ въ день. Бѣлье рабочихъ, купающихся въ пруду, дѣлается твердымъ, какъ крахмальное, и покрывается кристаллами какой-то соли. Эту соль — по общему мнѣнію рабочихъ — выдѣляетъ изъ себя потъ (!). И вотъ — когда униженные и ограбленные люди сдѣлали попытку отстоять свои права, тверскіе представители власти усмирили ихъ немедленно. Дѣло было такъ: на заводѣ издавна существовалъ „обычай" уплачивать не за все количество выработанныхъ бутылокъ, а за произвольно взятое (изъ-за этого теперь ведется дѣло судебнымъ порядкомъ). Кромѣ того, какъ уже было сказано, сильно браковали при пріемкѣ, но бутылки не уничтожались, какъ полагается по закону, а подъ видомъ „третьяго сорта“ шли въ продажу. Наконецъ терпѣніе рабочихъ лопнуло. Началось броженіе, стали они собираться жаловаться фабричной инспекціи. Администрація завода, очевидно, нашла такой исходъ для себя невыгоднымъ. Рабочихъ позвали въ контору и спросили, хотятъ-ли они работать „третій сортъ“ безплатно. Тѣ, конечно, отказались. Дѣло было въ концѣ іюня, кончался срокъ найма. Несмотря на отрицательный отвѣтъ, данный рабочими, ихъ всѣхъ записали на новый мѣсяцъ... и все пошло по старому. 2 іюля рабочіе сами отправились въ контору и заявили, что они не намѣрены работать безплатно „третій сортъ“. Управляющій предложилъ имъ не приходить на работу на слѣдующій день. 3-го числа рабочіе въ обычное время пошли на заводъ и нашли тамъ полицію, жандармовъ, прокурора и фабричнаго инспектора. Городовые ходили по квартирамъ и собирали запоздавшихъ рабочихъ. Удивленію рабочихъ не было границъ: шли мирно на работу — и вдругъ полиція!.. Та стала разспрашивать, какой поводъ для стачки. Рабочіе отвѣчали, что никакой стачки нѣтъ; что если они не идутъ на работу, то потому только, что заводъ оцѣпленъ. Потребовали управляющаго, тогда выступилъ полицмейстеръ Кирѣевскій, отъявленный мерзавецъ, изругалъ рабочихъ и, сбивъ одного съ ногъ ударомъ кулака, онъ сказалъ, что теперь на заводѣ управляющій онъ, Кирѣевскій, и съ нимъ надо вести переговоры. Затѣмъ рабочихъ скоро оцѣпили и отправили въ тюрьму. Тамъ ихъ продержали нѣкоторое время (110 чел.), допрашивали, но не нашли состава преступленія и выслали по мѣсту жительства. Позднѣе ихъ приняли всѣхъ обратно. Слѣдуетъ отмѣтить сочувственное отношеніе обывателей къ стеклянщикамъ. Полицію ругали на всѣхъ углахъ, въ вагонахъ трамвая, на вокзалѣ. Она сама чувствовала себя неловко. Мѣстный Комитетъ выпустилъ гектографированную прокламацію по поводу этой исторіи.

---

*) Теперь уже возобновлена. Ред

*) Главный палачъ финляндской свободы давно уже занимается подобнымъ заграничнымъ и домашнимъ издательствомъ по финляндскому вопросу. Этимъ онъ старается противодѣйствовать тѣмъ симпатіямъ, съ которыми всемірная пресса слѣдитъ за борьбой финскаго народа.

**) Подобной „освободительницей" являлось правительство уже неоднократно: въ Польшѣ, Остзейскомъ краѣ и т. п.

***) Чрезвычайно интересный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ партій мы обстоятельно разсмотримъ въ особой главѣ нашей брошюры о событіяхъ въ Финляндіи.

Вильна. 2 февраля еврейскіе рабочіе хоронили своего умершаго отъ чахотки товарища. Около 4 час. кладбище было наполнено толпою рабочихъ, достигшею 800 чел. Смотритель кладбища, почуявши, что въ его мирномъ, мертвомъ городѣ предстоитъ нарушеніе общественной тишины и спокойствія, сдѣлалъ поползновеніе извѣстить полицію. Обѣщаніе немедленно перерѣзать телефонную проволоку, соединяющую кладбище съ городомъ и угроза самого его „лишить свободы“ — успокоили смотрителя. Ворота были заперты на ключъ, и одинъ изъ рабочихъ произнесъ горячую рѣчь надъ могилой покойнаго; рѣчь была покрыта возгласами: „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ пролетаріатъ!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“. Посторонніе слушатели, оказавшіеся на кладбищѣ, рыдали, слушая эту рѣчь и зараженные приподнятымъ настроеніемъ пролетарской толпы, собравшейся надъ могилой пролетарія. Съ кладбища собравшіеся направились въ городъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и „возмутительными“ возгласами. Оторопѣвшіе городовые не дѣлали даже попытокъ остановить шествіе и убѣдительно просили „не шумѣть въ ихъ участкѣ“. Черезъ центръ города демонстранты безпрепятственно достигли рабочаго квартала и здѣсь разошлись. Арестовъ не было. „Это рабочіе добываютъ себѣ свободу!“ пояснилъ какой-то обыватель заинтересовавшейся публикѣ. Если принять во вниманіе поводъ къ демонстраціи, не позволявшій заблаговременно оповѣстить о ней широкіе круги, и то, что похороны состоялись въ будній для евреевъ день — то ее слѣдуетъ признать вполнѣ удавшейся.

Ростовъ-на-Дону. Соціаль-демократическая работа въ средѣ ростовскихъ рабочихъ послѣ окончанія стачки замѣтно возрастаетъ, не смотря на усиленный дозоръ „царевыхъ очей“. Особенно, конечно, работа идетъ быстрыми шагами среди жел.-дорожныхъ рабочихъ, сыгравшихъ въ послѣднихъ событіяхъ роль передового отряда. Такъ, желѣзнодорожныя мастерскія буквально наводнены „листками“ Донского Комитета. Ежедневно старые „листки“ смѣняются „новыми“. Продуктивность въ этомъ отношеніи изумительная. Старики-рабочіе давно уже не запомнятъ такого наплыва „листковъ“ въ будничное время. „Листки“ производятъ на рабочихъ сильное, бодрящее впечатлѣніе. Но особенно сильное впечатлѣніе произвели на рабочихъ „листки“ 3 января, выпущенные по поводу 200-лѣтняго юбилея печати. Листки эти были озаглавлены „Къ гражданамъ“ и въ многочисленныхъ экземплярахъ циркулировали также и среди обывателей-горожанъ. Они были разбросаны всюду и какъ бы знаменовали собой поздравленіе „съ новымъ“ революціоннымъ годомъ... „Листки“ эти возбудили массу толковъ и разговоровъ среди разнообразныхъ слоевъ мѣстнаго городского населенія, въ глазахъ которыхъ мало по малу „гидра ростовской революціи“ — Донской Комит. — принимаетъ импозантный характеръ. Среди мѣщанства, особенно, Донской Комитетъ окруженъ почти что мистическимъ ореоломъ. Совершенно противоположное настроеніе царитъ среди жандармеріи. Здѣсь господствуетъ уныніе и растерянность. Подполковникъ Артемьевъ убранъ отсюда въ Кишиневъ за „ненадобностью“, вслѣдствіе того, что не съумѣлъ „предотвратить“ рабочихъ митинговъ и не успѣлъ „во время“ перехватать „ораторовъ“. Л-й.

Таганрогъ. Здѣсь забастовало 16 янв. изъ общаго числа 850 чел. — 750 чел. на металлургическомъ заводѣ Вильде и Невсъ и Ко. Поводомъ послужилъ несвоевременный разсчетъ (черезъ 3 недѣли), практиковавшійся заводомъ уже не одинъ разъ. Рабочіе требовали немедленнаго разсчета за двухнедѣльный срокъ. Заводъ отказалъ. Тогда большинство оставило работы. Стачка продолжалась до полудня 20 января. Заводъ уступилъ. Стачка прошла мирно и безъ особенныхъ хлопотъ для полиціи, такъ какъ здѣсь не оказалось никакихъ комитетовъ и даже просто „злоумышленниковъ“.

Томскъ, 22 января. Забастовка типографскихъ рабочихъ. Въ типографіи Орлова всѣ рабочіе взяли разсчетъ, не работаютъ уже недѣлю, въ другихъ типографіяхъ только отдѣлами не работаютъ. Требованія: сокращеніе рабочаго дня, уничтоженіе сверхъурочныхъ работъ, хорошее обращеніе; кромѣ того, въ типографіи Орлова — увольненіе управляющаго. У Яковлева сверхъурочныя работы отмѣнены и во всѣхъ типографіяхъ введено хорошее обращеніе. Было шесть арестовъ, послѣ допроса всѣ арестованные выпущены. Настроеніе рабочихъ приподнятое, во всѣхъ типографіяхъ ежедневно разбрасываются прокламаціи.

Изъ бюллетеня стачки, издаваемаго Томскимъ Комитетомъ Сиб. Союза (№ 4 отъ 19 янв.) мы узнаемъ, что въ типографіи Яковлева въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сверхурочныя работы были обязательными (еще лишнее доказательство полной несостоятельности той части закона 2 іюня 1897 г., которая „регулируетъ“ сверхурочныя работы!). Другими поводами для недовольства являлись грубая ругань и, мѣстами, кулачныя расправы со стороны завѣдующихъ.

„Томскій Ком.“, говорится въ бюллетенѣ, „въ интересахъ развитія политическаго сознанія массъ, рѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для массовой агитаціи моментомъ и за послѣднее время усилилъ свою дѣятельность среди типографщиковъ. Среди нихъ во множествѣ распространялись прокламаціи, какъ спеціально имъ посвященныя, такъ и предназначенныя для заводовъ и общія; среди нихъ распространялась литература и работало нѣсколько агитаторовъ. Эта работа комитета привела къ тому, что его призывъ къ стачкѣ нашелъ живой откликъ въ сердцахъ рабочихъ“.

Кромѣ рабочихъ типографіи Орлова и Яковлева, въ стачкѣ участвовали переплетчики типографіи Макушина.

По словамъ Комитета, несмотря на частно-экономическіе поводы къ стачкѣ, настроеніе рабочихъ революціонное и „на сходкахъ, въ которыхъ обыкновенно принимаютъ участіе всѣ стачечники, сами стачечники держатъ политическія рѣчи, говорятъ о настоятельности и необходимости политической борьбы съ самодержавіемъ. Стачечники со второго дня забастовки настаиваютъ на уличной демонстраціи и Комитету приходится изъ силъ выбиваться, уговаривая рабочихъ выждать болѣе удобнаго времени. Отдѣльные демонстративные возгласы, вродѣ „долой самодержавіе!“ на глазахъ полиціи — обычное теперь явленіе.“

Пермь. Начиная съ сентября, въ Мотовилихинскомъ заводѣ начали появляться прокламаціи Пермскаго Комитета Росс. С.-Д. Р. П. Издано три прокламаціи: о поднесеніи подарковъ мастерамъ, о заигрываніи начальства съ рабочими и объ усиленіи жандармской полиціи въ Перми и въ Мотовилихѣ. Начальство, замѣтивъ несомнѣнные признаки возрастающаго рабочаго движенія въ Перми и въ особенности въ Мотовилихѣ, встревожилось. Съ одной стороны рѣшили задобрить рабочихъ нѣкоторыми мелкими уступками: уволили или перевели на другія мѣста наиболѣе ненавистныхъ мастеровъ, устраиваютъ похоронную кассу и проч.; съ другой стороны, въ противовѣсъ революціонной пропагандѣ и агитаціи, повели свою: попы говорятъ проповѣди о пагубныхъ увлеченіяхъ вредными идеями, инженеры на народныхъ чтеніяхъ читаютъ пресловутую брошюру генерала Богдановича „Душевное Слово русскимъ рабочимъ“, земскій начальникъ на волостномъ сходѣ въ Мотовилихѣ произноситъ рѣчь о смутьянахъ, разбрасывающихъ и расклеивающихъ прокламаціи, угрожаетъ тюрьмой, ссылкой и даже кровопролитіемъ. Составъ жандармскаго управленія въ Перми усиленъ тремя офицерами и пятью унтеръ-офицерами. Изъ Московскаго охраннаго отдѣленія выписанъ отрядъ сыщиковъ въ девять человѣкъ. Въ Мотовилихѣ значительно усилена сельская полиція.

Одесса. 14 дек. прошлаго года въ память декабристовъ у насъ былъ устроенъ агитаціонный вечеръ, на которомъ присутствовало около ста человѣкъ. Ораторъ говорилъ о декабристахъ, послѣ чего, въ краткихъ чертахъ охарактеризовавъ всю революціонную дѣятельность въ Россіи, перешелъ къ современному соц.-дем. движенію. Рѣчь свою ораторъ закончилъ слѣд. словами: „Мы — правовѣрные соц.-демократы, будемъ продолжать нашу борьбу тѣми же средствами, которыя употребляли до сихъ поръ“. Пѣли революціонныя пѣсни, читали стихотворенія и разошлись поздно ночью.

Недавно у насъ произошла стачка на зав. Бродскаго, которая была подготовлена соц.-революціонерами. Стачка эта носила скорѣе стихійный характеръ, чѣмъ сознательный. Агитація велась здѣсь крайне нетактично. Агитаторы не старались подготовить нѣкоторыхъ сознательныхъ, активныхъ работниковъ, которые въ случаѣ вспышки могли бы сознательно повести свое дѣло. А вспышки могутъ очень часто возникнуть при малѣйшемъ броженіи въ недовольныхъ массахъ. Долго такой вспышки на заводѣ ожидать не пришлось. Директоръ завода выгналъ одного рабочаго за то, что тотъ просилъ слѣдуемыя ему залоговыя деньги. Когда рабочій прибѣжалъ къ своимъ товарищамъ и разсказалъ имъ обо всемъ происшедшемъ, всѣ вспылили, и рѣшено было, что они не пойдутъ на работу до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены залоговыя и наградныя (такъ какъ заведено, что съ каждаго рабочаго удерживаютъ залоговыя съ получки для того, чтобы онъ былъ прикованъ къ заводу и не могъ уходить, когда ему заблагоразсудится; а наградныя даютъ ему тогда, когда рабочій производитъ больше установленной нормы) и вмѣсто двухъ смѣнъ введены три, чтобы рабочіе работали по 8 ч. въ сутки.

Если бы тамъ было сознательное активное ядро, которое все могло бы ясно формулировать и поддерживать въ массахъ дисциплину, то могли бы все это превратить въ политическій протестъ, какъ въ Ростовѣ. Но этого, къ сожалѣнію, не было. Прибыла полиція, казаки, жандармы; рабочіе стояли три дня, а затѣмъ пошли на работу, ничего не выигравъ. Около ста человѣкъ, которые упорствовали и не хотѣли идти на работу, выслано на родину. Человѣкъ двадцать-пять арестовано. Рабочіе выдаютъ многихъ изъ интеллигентовъ. По этому поводу арестовали человѣкъ десять интеллигентовъ. Многіе скрылись. Въ послѣднее время у насъ были частые обыски; арестовано человѣкъ пятнадцать. На этой недѣлѣ выслали изъ тюрьмы многихъ арестованныхъ. 17 января была выслана группа въ 18 мужчинъ и 6 женщинъ. Когда ихъ привезли на Большой вокзалъ, они были встрѣчены желѣзнодорожными рабочими, которые въ числѣ 70 чел. пришли туда съ цѣлью устроить манифестацію по этому поводу. Манифестація при крикахъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ состоялась. Вмѣшались жандармы; арестовали шесть человѣкъ, которыхъ на слѣдующій день освободили.

Много шуму въ городѣ надѣлалъ бунтъ уголовныхъ въ тюрьмѣ. Онъ начался 2 января въ 2 часа дня. Всѣ камеры у уголовныхъ были открыты. Когда нѣкоторые политическіе хотѣли выйти разузнать обо всемъ, то уголовные не пускали ихъ и крича: „Мы сами справимся съ ними“, запретили имъ вмѣшиваться. Одинъ изъ уголовныхъ былъ убитъ, а одинъ раненъ. Черезъ два часа прибыли войска и водворили порядокъ. 3 янв. женщины-уголовныя также устроили бунтъ, причемъ двѣ изъ нихъ поплатились жизнью. Изъ тюрьмы пишутъ, что „весь этотъ бунтъ былъ подготовленъ низшей тюремной администраціею, чтобы этимъ показать высшему начальству города, что новый начальникъ тюрьмы на свою должность не годится. Къ тюремнымъ надзирателямъ онъ относится очень строго и взыскательно“.

У насъ въ Одессѣ неоффиціально началъ свою дѣятельность Бундъ. Прикащики, вчерашніе сіонисты, сегодня стали бундистами. Бундъ собирается пѣть у насъ на югѣ національные мотивы. О немъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Комитетомъ С.-Д. Р. П. были выпущены листки: „Къ прикащикамъ“, „Къ рабочимъ пробочныхъ заводовъ“ и „Къ рабочимъ завода Бродскаго“ (послѣ стачки).

Г. Колѣнцы. (Пронск. у. Рязанск. губ.) Въ Пронскомъ у. есть села Истье, Столпцы, Колѣнцы... До 1861 года ими владѣли помѣщики и завели въ этихъ селахъ фабрики и заводы.

Съ 1861 года крестьяне этихъ селъ попрежнему остались на фабрикахъ, потому что земли имъ не дали и хлѣбопашествомъ они заниматься не могли. Въ настоящее время Столпянская и Истьинская фабрики и заводы закрываются и рабочіе остаются безъ всякой возможности жить и существовать въ селахъ. Начинается голодовка, часть рабочихъ идетъ въ города на фабрики, другіе остаются влачить нищенское существованіе, пробавляясь кое-какими заработками. Въ Колѣнцахъ фабрики просуществовали дольше всѣхъ и только въ послѣднее время начали сокращать штатъ рабочихъ, число которыхъ теперь доведено до десятка, да и тѣ держатся для того, чтобы можно было сказать крестьянамъ, что де фабрика еще пойдетъ, и тѣмъ избѣжать разгрома. Благодаря такому постепенному сокращенію числа раб., число безработныхъ дошло до высокой цифры и они въ надеждѣ на работу не пріискивали себѣ занятій и не уѣзжали.

Теперь здѣсь царитъ ужасная голодовка. Всѣ окрестныя села наводнены нищими, въ селѣ разламываются жилыя помѣщенія для топлива. Крестьяне обращаются за помощью къ земскому, собираютъ ежедневно сходы, но изъ этого ничего не выходитъ и голодовка принимаетъ грандіозные размѣры.

Недавно съ колѣнецкой фабрики отправили депутацію въ Рязань къ губернатору. Рабочіе просили „хлѣба и работы“, но нашъ помпадуръ ничего не нашелся отвѣтить и отослалъ ихъ къ фабричному инспектору.

Положеніе безвыходное и можно ожидать печальныхъ осложненій... возможно новое столкновеніе рабочихъ съ войсками, на подобіе бунта на Чулковскихъ шахтахъ.

Въ настоящее время колѣнецкіе рабочіе наиболѣе воспріимчивы къ соц.-демократическимъ идеямъ и желательно было бы, чтобы наши рязанскіе товарищи использовали моментъ въ интересахъ соціалистической пропаганды.

Ранѣе здѣсь велась агитація, на Истьѣ и въ Колѣнцахъ заводились кружки, циркулировала литература, но за послѣднее время движеніе заглохло, а, между тѣмъ, здѣсь богатая почва...

ИЗЪ ПАРТІИ.

Организаціонный Комитетъ извѣщаетъ:

1) Что представитель „Бунда“ вошелъ въ его составъ.

2) Что кромѣ организацій, принявшихъ участіе въ его образованіи (орг. „Искры“, „Бундъ“, Петерб. Комитетъ и группа „Южн. Рабочаго“), его исключительную иниціативу по созыву съѣзда признали къ 1 февраля слѣд. Комитеты: Московскій, Кіевскій, Харьковскій, Екатеринославскій, Донской, Сѣв. Союзъ, Одесскій и Николаевскій.

Вторую же часть его задачи (выполненіе временно — до образованія Центральнаго Комитета — общепартійныхъ функцій) признали всѣ упомянутыя организаціи, за исключеніемъ Одесскаго и Николаевскаго Комитетовъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ“.

Важнѣйшей задачей настоящаго времени Сѣверный Раб. Союзъ считаетъ объединеніе россійской соц.-дем. въ партію, существующую фактически, не только номинально. Увѣренность въ благопріятныхъ результатахъ объединительнаго движенія могла стать общей, могла расшевелить мѣстные комитеты и вывести ихъ изъ доселѣ замкнутаго состоянія мало продуктивной, исключительно мѣстной работы лишь послѣ того, какъ экономизмъ, оппортунизмъ и прочіе факторы нашей неурядицы стали стыдливо прятаться по немногимъ, еще не вполнѣ освѣщеннымъ, угламъ. Такое положеніе вещей, позволяющее русскимъ революціоннымъ соц.-демократамъ съ надеждою смотрѣть на будущее и побуждающее ихъ къ работѣ съ удвоенной энергіей, создано въ значительной степени, если не всецѣло, организаціей „Искры“ и „Зари“ и ея литературными органами. Сѣв. Союзъ, будучи всецѣло солидаренъ съ принципіальной и тактической частью программы „Искры“ и „Зари“ и съ брошюрой Ленина: „Что дѣлать?“ и, за малыми, быть можетъ, исключеніями, съ организаціонными ихъ взглядами, — признаетъ „Искру“ и „Зарю“ органами Р. С.-Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сѣв. Союзъ беретъ на себя задачу всяческаго содѣйствія организаціонной работѣ настоящаго О. К. въ дѣлѣ объединенія и укрѣпленія Росс. С.-Д. Р. П.

Считаемъ нужнымъ заявить, что вообще мы не видимъ основанія для существованія всякихъ порайонныхъ организацій при наличности хорошо организованнаго партійнаго центра, способнаго равномѣрно выполнять организаціонныя задачи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, въ томъ числѣ и на сѣверѣ, въ районѣ вліянія Сѣв. Союза. Однако же, за отсутствіемъ таковаго центра и отчасти благодаря мѣстнымъ особенностямъ и революціонному прошлому сѣвера (части сѣвера, объединеннаго Сѣв. Союзомъ) существованіе объединенной организаціи послѣдняго не только не должно вредить дѣлу объединенія россійской соц.-демократіи въ единую партію, а, напротивъ, облегчитъ эту задачу, поскольку отдѣльные сѣверные комитеты находятся въ сферѣ вліянія Сѣв. Союза.

Сѣверный Рабочій Союзъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Александрово. 25 дек. арестована и увезена въ Петербургъ студ-ка Брюссельскаго университета Софья Файнбергъ. — Ревель. 15 янв. арест. раб. Мих. Калининъ (въ третій разъ), аптек. помощникъ И. Эліонъ и М. Блюмбергъ и желѣзнодорож. техникъ А. Титвелитъ (трое послѣднихъ выпущены). — Петербургъ. Въ декабрѣ арест. раб. Петерсонъ. — Въ Меленков. и Муромск. уѣздахъ Владимірской губ. лѣтомъ 1902 г. были арестованы народные учителя Діевъ, Киселевъ и Ивановъ; студентъ Соловьевъ, интеллигентка Шокина и еще нѣсколько интеллигентовъ, крестьянъ и рабочихъ села Гусь. У крестьянъ найдена литература. Въ концѣ октября въ Муромѣ произведенъ рядъ обысковъ послѣ появленія на улицахъ города прокламацій. — Рига. 1 февр. арестованъ Эд. Штейнъ.

Сосланы по дѣлу СПБ. Союза борьбы (янв. 1901 г.) на 3 г. въ Вологодск. губ. технологъ Самойловъ, лѣсникъ Богдановъ, акушерка Щепотева; на 4 г. въ Вятскую электротехникъ Мавромати; на 1 г. въ Крестъ рабочій Егоровъ, курсистки Колачевская и Өессалоницкая приговорены къ тюремному заключенію. Въ Вологодск. губ. сосланы въ послѣднее время: Алек. Лебедева, бывшая курсистка, по дѣлу о „террористическомъ сообществѣ въ Самарѣ“ (1901 г.) на 5 лѣтъ, нелегальная Марья Иваницкая по соц.-дем. дѣламъ въ Тулѣ и Твери на 3 г., врачъ Ченыкаевъ и фельдшерица Обухова на 5 л. по дѣлу о пропагандѣ среди крестьянъ Балашевск. уѣзда (февр. 1902 г.), по тому же дѣлу сослано въ Архангельскую губ. нѣсколько крестьянъ, въ ихъ числѣ Арефьевъ, 70-лѣтній старикъ (отецъ покойнаго революціонера Арефьева), Борисъ Мойсеенко, студ.-горнякъ на 3 г. по петерб. дѣлу „Раб. Знамени“ въ февр. 1901 г., ученикъ земледѣльческаго училища Ивановъ на 3 г. по дѣлу о пропагандѣ среди крестьянъ Чембарскаго уѣзда, Вячеславъ Карпинскій, арест. въ апр. 1902 г. по дѣлу Харьков. „Союза борьбы“ подъ особ. надзоръ до приговора.

Бѣжали: изъ Вост. Сиб., изъ села Елани рабочій Илья Виленскій, сосланный, какъ наборщикъ „Южн. Рабочаго“, послѣ $2^{1/2}$ л. тюрьмы. Изъ Вятск. губ. Замятинъ, арест. въ 1901 году въ Кіевѣ и приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Эмбріону. Корреспонденція получена, отчего ничего не пишете?

Тоб... изъ Сиб. Ключъ непонятенъ, а потому не разобрали письма, посланнаго вами на Вас... Пошлите по тому же адресу разъясненіе.

Кашне. Просимъ возобновить сношенія по старому ключу. Л. Х. Ч. передалъ намъ временный адресъ, по которому пишетъ Вамъ. Ваше письмо получено, но не разобрано: сообщите ключъ.

Лаврушкѣ: Ваши адреса и свой ключъ съ Вами намъ передалъ Б., такъ что можете писать намъ его ключемъ.

Одесскому рабочему. Письмо ваше получили — пойдетъ въ слѣдующій №.

Товарищамъ, обратившимся черезъ посредство Ф.: всѣ матеріалы по исторіи донского казачества и объ его современномъ положеніи просимъ направить въ редакцію. Постараемся удовлетворить всѣ ваши пожеланія.

Прокламація „Военно-революціонной Группы“ получена къ концу настоящаго номера и будетъ напечатана въ слѣдующемъ.

Заканчивается печатаніемъ и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ Тунъ, Исторія революціоннаго движенія въ Россіи.

За недостаткомъ мѣста отложенъ до слѣд. номера отчетъ Сибирской кассы въ Цюрихѣ.

Получено: Отъ нѣмецкаго соціаль-демократа черезъ латышскаго: для Организаціоннаго Комитета 200 мар., для „Искры“ 100 мар.; отъ Ш. 112,05 фр.; тоже за литературу 17,30 фр.; изъ Винтертура 10 фр.; отъ Б-й 20 фр.; изъ Лондона 10 мар.; изъ Базеля сборъ 4 фр.; отъ Цюрихской груп. отъ предпріятія 21 фр.; изъ Москвы черезъ Парижъ 100 р. и 8 р.; изъ Лозанны за литературу 175 фр.; отъ друзей для Орг. Ком. 101 р.; съ 1 дек. поступило отъ Ю. Г. 75 р.; черезъ Ю. Г. для „Искры“ 82 р.; за литературу изъ Кременчуга 10 р.; за то же отъ Полт. Ком. 11 р.; „отъ друзей сѣв. захолустья“ 80 р.; рабочіе г. Полтавы передали въ Ростовъ для ростовск. товарищей 23 руб. 55 к.; туда же передано отъ группы интеллигентовъ 36 р.; отъ Ив. Петр. получено 20 р.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:
Herrn Axelrod. Zurich. Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры“

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 35. 1-го марта 1903 года. № 35.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

Тридцать-пятый номеръ „Искры" выходитъ въ свѣтъ въ день двадцатилѣтія смерти Карла Маркса, которому и принадлежитъ въ немъ первое мѣсто.

Если вѣрно то, что великое международное движеніе пролетаріата было самымъ замѣчательнымъ общественнымъ явленіемъ девятнадцатаго столѣтія, то нельзя не признать, что основатель Международнаго Товарищества Рабочихъ былъ самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ этого столѣтія. Борецъ и мыслитель въ одно и тоже время, онъ не только организовалъ первые кадры международной арміи рабочихъ, но и выковалъ для нея, въ сотрудничествѣ со своимъ неизмѣннымъ другомъ Фридрихомъ Энгельсомъ, то могучее духовное оружіе, съ помощью котораго она уже нанесла множество пораженій непріятелю и которое современемъ дастъ ей полную побѣду. Если соціализмъ сталъ наукой, то этимъ мы обязаны Карлу Марксу. И если сознательные пролетаріи хорошо понимаютъ теперь, что для окончательнаго освобожденія рабочаго класса необходима соціальная революція, и что эта революція должна быть дѣломъ самого рабочаго класса; если они являются теперь непримиримыми и неутомимыми врагами буржуазнаго порядка, то въ этомъ сказывается вліяніе научнаго соціализма. Съ точки зрѣнія „практическаго разума" научный соціализмъ отличается отъ утопическаго именно тѣмъ, что рѣшительно разоблачаетъ коренныя противорѣчія капиталистическаго общества и безпощадно обнаруживаетъ всю наивную тщету всѣхъ тѣхъ, иногда очень остроумныхъ и всегда вполнѣ благожелательныхъ плановъ общественной рефрмы, которые предлагались соціалистами-утопистами разныхъ школъ, какъ вѣрнѣйшее средство прекращенія борьбы классовъ и примиренія пролетаріата съ буржуазіей. Современный пролетарій, усвоившій теорію научнаго соціализма и остающійся вѣрнымъ ея духу, не можетъ не быть революціонеромъ и по логикѣ, и по чувству, т. е. не можетъ не принадлежать къ самой „опасной" разновидности революціонеровъ.

Марксу досталась великая честь сдѣлаться наиболѣе ненавистнымъ для буржуазіи соціалистомъ девятнадцатаго вѣка. Но ему же выпало на долю завидное счастье стать наиболѣе уважаемымъ учителемъ пролетаріата той же эпохи. Въ то время, какъ вокругъ него сосредоточивалась злоба эксплуататоровъ, его имя пріобрѣтало все болѣе и болѣе почетную извѣстность въ средѣ эксплуатируемыхъ. И теперь, въ началѣ двадцатаго вѣка, сознательные пролетаріи всѣхъ странъ видятъ въ немъ своего учителя и гордятся имъ, какъ однимъ изъ самыхъ всеобъемлющихъ и глубокихъ умовъ, однимъ изъ самыхъ благородныхъ и самоотверженныхъ характеровъ, какіе только знаетъ исторія.

„Святой, память котораго празднуется перваго мая, называется Карлъ Марксъ" — писала одна буржуазная вѣнская газета въ концѣ апрѣля 1890 года. И, дѣйствительно, ежегодная майская демонстрація рабочихъ всего міра представляетъ собою величественное, хотя и не предумышленное, чествованіе памяти геніальнаго человѣка, программа котораго объединила въ одно стройное цѣлое повседневную борьбу рабочихъ за лучшія условія продажи своей рабочей силы съ революціонной борьбой противъ существующаго экономическаго строя. Только чествованіе это не имѣетъ ничего общаго съ религіозными праздниками; современный пролетаріатъ тѣмъ больше чтитъ своихъ „святыхъ", чѣмъ больше ихъ дѣятельность способствовала приближенію того счастливаго времени, когда освобожденное человѣчество устроитъ свое царство небесное на землѣ, а небо предоставитъ въ распоряженіе ангеловъ и птицъ...

Къ числу злыхъ нелѣпостей, распространявшихся на счетъ Маркса, принадлежитъ сказка о томъ, что авторъ „Капитала" относился враждебно къ русскимъ. На самомъ дѣлѣ онъ ненавидѣлъ русскій царизмъ, — всегда игравшій гнусную роль международнаго жандарма, готоваго давить всякое освободительное движеніе, гдѣ бы оно ни начиналось.

За всѣми серьезными проявленіями внутренняго развитія Россіи Марксъ слѣдилъ съ такимъ глубокимъ интересомъ и, — главное, — съ такимъ основательнымъ знаніемъ предмета, какіе едва-ли можно было встрѣтить у кого-нибудь изъ его западно-европейскихъ современниковъ. Нѣмецкій рабочій Лесснеръ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, какъ радовался онъ появленію русскаго перевода „Капитала", и какъ пріятно было ему вѣрить, что въ Россіи появляются уже люди, способные понимать и распространять идеи научнаго соціализма. Изъ предисловія къ русскому переводу „Манифеста Коммунистической Партіи", — [illegible]ннаго имъ и Энгельсомъ, — видно, что сочувствіе русскимъ революціонерамъ и нетерпѣливое желаніе поскорѣе у[illegible] побѣдителями приводило его даже къ значительной [illegible]ѣнкѣ тогдашняго нашего революціоннаго движенія. А какой радушный пріемъ встрѣчали въ его гостепріимномъ домѣ*) русскіе изгнанники, показываютъ его отношенія къ Лопатину и Г[illegible]ману. Его разладъ съ Герценомъ вызванъ былъ частью случайнымъ недоразумѣніемъ, а частью вполнѣ заслуженнымъ не[illegible]ріемъ къ тому славянофильскому соціализму, провозвѣстникомъ котораго въ западно-европейской литературѣ, къ сожалѣнію, сдѣлался нашъ блестящій соотечественникъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ разочарованій 1848-1851 годовъ. Рѣзкая выходка Маркса противъ этого славянофильскаго соціализма въ первомъ изданіи перваго тома „Капитала" заслуживаетъ не осужденія, а похвалы, особенно въ настоящее время, когда этотъ соціализмъ возрождается у насъ въ видѣ программы партіи такъ называющихся соціалистовъ-революціонеровъ. Наконецъ, что касается ожесточенной борьбы Маркса съ Бакунинымъ въ Международномъ Товариществѣ Рабочихъ, то она не имѣетъ ни самомалѣйшаго отношенія къ русскому происхожденію этого анархиста и очень просто объясняется непримиримой противоположностью взглядовъ**). Когда изданія группы „Освобожденіе Труда" положили начало распространенію соціаль-демократическихъ идей между русскими революціонерами, Энгельсъ, въ письмѣ къ В. И. Засуличъ, выразилъ сожалѣніе о томъ, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словамъ, радостно привѣтствовалъ бы литературное предпріятіе этой группы. Что же сказалъ бы великій авторъ „Капитала", если бы ему довелось дожить до настоящаго времени и узнать, что у него есть уже много и много послѣдователей въ средѣ русскихъ рабочихъ! Какою радостью наполнилось бы его сердце, если бы ему пришлось услыхать о событіяхъ, подобныхъ недавнимъ событіямъ въ Ростовѣ-на-Дону? Въ его время русскій марксистъ былъ рѣдкостью, и передовые русскіе люди посматривали на эту рѣдкость въ лучшемъ случаѣ съ улыбкой добродушнаго сожалѣнія; теперь идеи Маркса господствуютъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, а тѣ русскіе революціонеры, которые, по старой привычкѣ, отвергаютъ ихъ вполнѣ или отчасти, въ дѣйствительности давно уже, — и несмотря на свою, по большей части, очень громкую революціонную фразеологію, — перестали быть передовыми и незамѣтно для себя перешли въ обширный лагерь отсталыхъ.

Не мало пустяковъ говорилось и повторялось также объ его частыхъ полемическихъ стычкахъ съ противниками. Миролюбивые, но недалекіе люди объясняли эти стычки его будто бы неудержимой страстью къ полемикѣ, которая, въ свою очередь, будто бы порождалась его будто бы злымъ характеромъ. На самомъ дѣлѣ, та почти безпрерывная литературная борьба, которую ему приходилось вести особенно въ началѣ своей общественной дѣятельности, вызывалась не свойствами его личнаго характера, а общественнымъ значеніемъ защищаемой имъ идеи. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ соціалистовъ, съумѣвшихъ и въ теоріи, и на практикѣ, всецѣло встать на точку зрѣнія классовой борьбы и отдѣлить интересы пролетаріата отъ интересовъ мелкой буржуазіи. Неудивительно, поэтому, что ему приходилось часто и враждебно сталкиваться съ теоретиками мелко-буржуазнаго соціализма, очень многочисленными тогда особенно въ средѣ германской „интеллигенціи". Прекращеніе полемики съ этими теоретиками означало бы отказъ отъ мысли сплотить пролетаріатъ въ особую партію, имѣющую свою собственную историческую цѣль, а не плетущуюся во хвостѣ мелкой буржуазіи. „Наша задача, — говорилъ журналъ Маркса „Новая Рейнская Газета" въ апрѣлѣ 1850 года — состоитъ въ безпощадной критикѣ, направляемой даже болѣе противъ нашихъ мнимыхъ друзей, чѣмъ противъ нашихъ явныхъ враговъ; и, занимая такую позицію, мы съ удовольствіемъ отказываемся отъ дешевой демократической популярности". Явные враги были менѣе опасны именно потому, что они уже не могли затемнить классовое самосознаніе пролетаріевъ, между тѣмъ какъ мелкобуржуазные соціалисты съ ихъ „внѣклассовыми" программами продолжали вести за собой многихъ и многихъ рабочихъ. Борьба съ ними была неизбѣжна, и Марксъ велъ ее со свойственнымъ ему неподражаемымъ умѣньемъ. Его примѣра не должны забывать мы, русскіе соціальдемократы, которымъ приходится дѣйствовать при условіяхъ, очень похожихъ на условія, существовавшія въ до-революціонной Германіи. Мы, можно сказать, со всѣхъ сторонъ окруженные мелкобуржуазными теоретиками специфическаго „русскаго соціализма", должны твердо помнить, что интересы пролетаріата и насъ обязываютъ безпощадно критиковать нашихъ мнимыхъ друзей, — напр., хорошо извѣстныхъ нашимъ читателямъ „соц.-революціонеровъ", — какъ бы ни возмущала наша безпощадная критика добродушныхъ, но недалекихъ друзей мира и согласія между различными революціонными „фракціями".

Ученіе Маркса — современная „алгебра революціи". Пониманіе его необходимо для всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ вести сознательную борьбу съ существующимъ у насъ порядкомъ вещей. И это до такой степени вѣрно, что даже многіе идеологи русской буржуазіи одно время чувствовали потребность сдѣлаться марксистами. Идеи Маркса были незамѣнимы для нихъ въ ихъ борьбѣ съ допотопными теоріями народничества, пришедшими въ рѣзкое противорѣчіе съ новыми экономическими отношеніями Россіи. Это хорошо поняли тѣ наши молодые буржуазные идеологи, которые лучше другихъ были знакомы съ современной литературой общественныхъ наукъ. Они стали подъ знамя марксизма и, борясь подъ этимъ знаменемъ, пріобрѣли довольно громкую извѣстность. А когда народники были разбиты на голову, когда ихъ старо-завѣтныя теоріи превратились въ груду безобразныхъ развалинъ, тогда наши новоявленные марксисты рѣшили, что марксизмъ уже сдѣлалъ свое дѣло, и что пора подвергнуть его строгой критикѣ. Эта „критика" совершалась подъ тѣмъ предлогомъ, что общественная мысль должна идти впередъ, но единственнымъ ея результатомъ оказалось то, что подъ ея прикрытіемъ наши недавніе союзники совершили попятное движеніе и расположились на теоретическихъ позиціяхъ западно-европейскихъ буржуа соціаль-реформаторскаго оттѣнка. Какъ ни жалокъ былъ этотъ результатъ столь крикливо возвѣщеннаго „критическаго" похода и какъ ни тяжело было русскимъ соц.-демократамъ присутствовать при этихъ „критическихъ" превращеніяхъ людей, вмѣстѣ съ которыми они только-что выступали противъ одного общаго врага и съ которыми они надѣялись впослѣдствіи окончательно сблизиться, но по зрѣломъ разсужденіи они должны были сознаться, что отступленіе нашихъ неомарксистовъ на „священную гору" буржуазнаго реформаторства не только вполнѣ естественно, но еще является косвеннымъ подтвержденіемъ правильности выработаннаго Марксомъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Въ 1895-96 гг. у насъ увлекались марксизмомъ такія лица, которыя ни по общественному своему положенію, ни по умственному и нравственному своему складу не имѣли ничего общаго ни съ пролетаріатомъ, ни съ его освободительной борьбой. Одно время на марксизмъ была мода во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ. Если бы такое положеніе дѣлъ могло продолжаться, то оно доказывало бы, что основатели научнаго соціализма ошибались, утверждая, что образъ мыслей опредѣляется образомъ жизни, и что высшіе классы не могутъ стать носителями соціально-революціонныхъ идей нашего времени. Но „критика Маркса", начавшаяся немедленно послѣ того, какъ закончилась борьба противъ реакціонныхъ стремленій народничества, лишній разъ подтвердила, что Марксъ и Энгельсъ были правы: образъ мыслей „критиковъ" опредѣлился ихъ общественнымъ положеніемъ; возставая противъ „фанатизма догмы", они въ дѣйствительности возставали только противъ соціально-революціоннаго содержанія Марксовой теоріи. Имъ нуженъ былъ не тотъ Марксъ, который въ теченіе всей своей жизни, — полной труда, борьбы и лишеній, — горѣлъ священнымъ огнемъ ненависти противъ капиталистической эксплуатаціи: Марксъ — вожакъ революціоннаго пролетаріата казался имъ неприличнымъ и „ненаучнымъ". Имъ нуженъ былъ только тотъ Марксъ, который въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи" объявилъ, что онъ готовъ поддерживать буржуазію, поскольку она является революціонной въ своей борьбѣ съ абсолютной монархіей и мелкимъ мѣщанствомъ. Ихъ интересовала только демократическая половина соціально-демократической программы Маркса. Это было какъ нельзя болѣе естественно; но именно эти совершенно естественныя стремленія нашихъ „критиковъ" дѣлали очевидной полную неосновательность всякихъ расчетовъ на нихъ, какъ на соціалистовъ. Ихъ мѣсто — въ рядахъ либеральной оппозиціи, которой они и дали — въ лицѣ редактора „Освобожденія", г. П. Струве, — внимательнаго, старательнаго и талантливаго литературнаго выразителя.

Судьба марксовой теоріи доказываетъ ея вѣрность. И это не только въ Россіи. Извѣстно, что западные ученые долго пренебрегали ею, какъ неудачнымъ плодомъ соціально-революціоннаго фанатизма, но время шло и съ теченіемъ времени дѣлалось все болѣе и болѣе яснымъ даже и для глазъ, смотрѣвшихъ сквозь очки буржуазной ограниченности, что плодъ соціально-революціоннаго фанатизма имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одно неоспоримое преимущество: онъ даетъ чрезвычайно плодотворный методъ изслѣдованія общественной жизни. Чѣмъ болѣе подвигалось впередъ научное изученіе первобытной культуры, исторіи, права, литературы и искусства, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе подходили изслѣдователи къ историческому матеріализму*), несмотря на то, что большинство изъ нихъ, или совсѣмъ ничего не знало объ исторической теоріи Маркса, или, какъ огня, боялось его матеріалистическихъ, — т. е., въ глазахъ современной буржуазіи, безнравственныхъ и опасныхъ для общественнаго спокойствія — взглядовъ. И мы видимъ, что матеріалистическое объясненіе уже начинаетъ пріобрѣтать себѣ въ ученомъ мірѣ право гражданства. Недавно появившееся на англійскомъ языкѣ сочиненіе американскаго профессора Зелигмана „Экономическое объясненіе исторіи" свидѣтельствуетъ о томъ, что оффиціальные жрецы науки понемногу проникаются сознаніемъ великаго научнаго значенія исторической теоріи Маркса. Зелигманъ даетъ намъ понять, между прочимъ, и тѣ психологическія причины, которыя препятствовали до сихъ поръ правильному признанію и пониманію этой теоріи буржуазнымъ ученымъ міромъ. Онъ прямо и откровенно говоритъ, что ученыхъ пугали соціалистическіе выводы Маркса. И онъ старается растолковать своимъ собратьямъ по наукѣ, что соціалистическіе выводы можно отбросить, усвоивъ себѣ только лежащую въ ихъ основаніи историческую теорію. Это остроумное соображеніе, которое, замѣтимъ кстати, хотя и робко, но совершенно ясно было высказано уже въ „Критич. замѣткахъ" г. П. Струве, — служитъ новымъ доказательствомъ той, не новой уже истины, что легче верблюду пролѣзть сквозь игольное ушко, чѣмъ идеологу буржуазіи перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Марксъ былъ революціонеромъ до конца ногтей. Онъ возставалъ противъ бога капитала, какъ гетевскій Прометей возставалъ противъ Зевса. И, подобно этому Прометею, онъ могъ сказать о себѣ, что его задача заключается въ воспитаніи такихъ людей, которые, умѣя по человѣчески страдать и по человѣчески наслаждаться, съумѣли бы „не уважать тебя", божество, враждебное людямъ. А буржуазные идеологи именно этому-то божеству и служатъ. Ихъ задача именно въ томъ и заключается, чтобы отстаивать его права духовнымъ оружіемъ, какъ полиція и войско поддерживаютъ ихъ оружіемъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ. Признаніемъ буржуазныхъ ученыхъ будетъ пользоваться только такая теорія, которая не покажется имъ опасной для бога капитала. Ученые Франціи и вообще странъ французскаго языка въ этомъ отношеніи гораздо откровеннѣе всѣхъ другихъ. Такъ, еще извѣстный Лавеле говорилъ, что экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначенію съ тѣхъ поръ, какъ легкомысленный Бастіа компрометировалъ защиту существующаго порядка. А совсѣмъ недавно А. Бэшо въ книгѣ, посвященной французской школѣ политической экономіи, нисколько не конфузясь, оцѣнивалъ различныя экономическія ученія съ той точки зрѣнія, какое изъ нихъ „даетъ болѣе дѣйствительное оружіе противникамъ соціализма". Въ виду этого понятно, что идеологи буржуазіи, усваивающіе себѣ идеи Маркса, непремѣнно будутъ стоять „подъ знакомъ критики". Мѣра ихъ „критическаго" отношенія къ Марксу является мѣрой несоотвѣтствія взглядовъ этого непримиримаго и неутомимаго революціонера съ интересами господствующаго класса. Понятно также и то, что послѣдовательно мыслящій буржуа скорѣе признаетъ вѣрными историческія идеи Маркса, чѣмъ его экономическую теорію: историческій матеріализмъ легче обезвредить, чѣмъ, напримѣръ, ученіе о прибавочной стоимости. Это послѣднее, — которому одинъ изъ самыхъ выдающихся буржуазныхъ „критиковъ" Маркса далъ выразительное названіе теоріи эксплуатаціи, — навсегда сохранитъ за собой въ образованныхъ и ученыхъ кругахъ буржуазіи репутацію неосновательнаго. Экономической теоріи Маркса ученые и образованные буржуа нашего времени предпочитаютъ „субъективную" экономическую теорію, имѣющую то хорошее свойство, что явленія экономической жизни общества разсматриваются ею внѣ всякой связи ихъ съ его производственными отношеніями, въ которыхъ коренится источникъ эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, и напоминать о которыхъ очень неудобно, поэтому, теперь, когда классовое самосознаніе рабочихъ подвигается впередъ такими быстрыми шагами.

Экономическія, историческія и философскія идеи Маркса могутъ быть приняты во всей грозной полнотѣ ихъ революціоннаго содержанія только идеологами пролетаріата, классовой интересъ котораго связанъ не съ сохраненіемъ, а съ устраненіемъ капиталистическаго порядка, съ соціальной революціей...

САМОДЕРЖАВІЕ КОЛЕБЛЕТСЯ...

Самодержавіе колеблется. Самодержецъ самъ признается въ этомъ публично передъ народомъ. Таково громадное значеніе царскаго манифеста отъ 26 февраля, и никакія условныя фразы, никакія оговорки и отговорки, переполняющія манифестъ, не измѣнятъ историческаго значенія сдѣланнаго шага.

Царь начинаетъ по старому — пока еще по старому: „божіею милостью"... и кончаетъ полу-трусливымъ, полулицемѣрнымъ обращеніемъ за помощью къ людямъ, облеченнымъ довѣріемъ общественнымъ. Царь чувствуетъ уже самъ, что безвозвратно проходятъ тѣ времена, когда могло держаться на Руси правительство божіею милостію, что единственнымъ прочнымъ правительствомъ въ Россіи можетъ быть отнынѣ правительство волею народа.

Царь подтверждаетъ свой священный обѣтъ хранить вѣковые устои россійской державы. Въ переводѣ съ казеннаго на русскій языкъ это значитъ: хранить самодержавіе. Нѣкогда Александръ III заявилъ это не обинуясь и прямо (въ манифестѣ отъ 29 апрѣля 1881 года), — когда революціонное движеніе шло на убыль и падало. Нынѣ, когда боевой кличъ „долой самодержавіе“ раздается все громче и все внушительнѣе, Николай II предпочитаетъ прикрывать свое заявленіе маленькимъ фиговымъ листкомъ и стыдливо ссылаться на незабвеннаго родителя. Безсмысленная и презрѣнная уловка! Вопросъ поставленъ прямо и вынесенъ на улицу: быть или не быть самодержавію. И всякое обѣщаніе „реформъ“, — съ позволенія сказать, „реформъ“! — начинающееся обѣщаніемъ хранить самодержавіе, есть вопіющая ложь, издѣвка надъ русскимъ народомъ. Но нѣтъ лучшаго повода для всенароднаго изобличенія правительственной власти, какъ обращеніе самой этой власти ко всему народу съ лицемѣрными и фальшивыми обѣщаніями.

---

*) Тотъ же рабочій Лесснеръ говоритъ, что домъ Маркса „всегда былъ открытъ для всѣхъ надежныхъ товарищей".

**) Бывшій „марксистъ", а нынѣ вульгарный экономистъ г. М. Туганъ-Барановскій въ своихъ „Очеркахъ изъ новѣйшей исторіи политической экономіи" (стр. 294) повторяетъ анархическую сплетню о томъ, что Марксъ, будто бы, содѣйствовалъ распространенію печатной клеветы на Бакунина. Здѣсь не мѣсто разбирать доводы, приводимые обыкновенно въ подкрѣпленіе этой выдумки. Мы подробно поговоримъ о нихъ въ „Зарѣ", гдѣ легкомысленное произведеніе г. Туганъ-Барановскаго получитъ достойную оцѣнку. Но [illegible]е мѣшаетъ замѣтить, что нашъ бывшій „марксистъ" вовсе не потрудился подвергнуть критикѣ свои источники. Онъ голословно повторяетъ обвиненіе, которое, не будучи доказано, въ свою очередь, становится клеветой.

*) Изъ новѣйшихъ авторовъ упомянемъ Бюхера, фонъ-деръ-Штейнена, Гильдебранда, Эспинаса, Гёрнеса, Фейергерда, Гроссе, Чикотти и цѣлую школу американскихъ этнологовъ.

Царь говоритъ (опять-таки съ фиговымъ листкомъ) о революціонномъ движеніи, жалуясь на то, что „смута“ мѣшаетъ работѣ надъ улучшеніемъ народнаго благосостоянія, что она волнуетъ умы, что она отрываетъ народъ отъ производительнаго труда, что она губитъ силы, дорогія царскому сердцу, губитъ молодыя силы, необходимыя для родины. И вотъ, такъ какъ гибнущіе участники революціоннаго движенія дороги царскому сердцу, поэтому, царь тутъ же и обѣщаетъ строго пресѣкать всякое уклоненіе отъ нормальнаго хода общественной жизни, т. е. свирѣпо преслѣдовать за свободное слово, за рабочія стачки, за народныя демонстраціи.

Этого довольно. Этого слишкомъ довольно. Іезуитская рѣчь говоритъ сама за себя. Мы осмѣлимся только выразить увѣренность, что это „царское слово“, разойдясь по всѣмъ уголкамъ и захолустьямъ Россіи, будетъ самой великолѣпной агитаціей въ пользу революціонныхъ требованій. У кого осталась хоть капля чести, въ томъ это царское слово можетъ вызвать одинъ отвѣтъ: требованіе безусловнаго и немедленнаго освобожденія всѣхъ, отбывающихъ по суду или безъ суда, послѣ приговора или до приговора, тюремное заключеніе, ссылку или арестъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ и дѣламъ о стачкахъ и сопротивленіи властямъ.

Мы видѣли, какимъ двуличнымъ языкомъ говоритъ царь. Посмотримъ теперь, о чемъ онъ говоритъ.

Главнымъ образомъ, о трехъ предметахъ. Во-первыхъ, о вѣротерпимости. Должны быть подтверждены и закрѣплены наши основные законы, обезпечивающіе свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣроученій. Но православное вѣроисповѣданіе должно пребыть господствующимъ. Во-вторыхъ, царь говоритъ о пересмотрѣ законовъ, касающихся сельскаго состоянія, объ участіи въ этомъ пересмотрѣ лицъ, пользующихся довѣріемъ общества, о совмѣстной работѣ всѣхъ подданныхъ надъ укрѣпленіемъ нравственныхъ началъ въ семьѣ, школѣ и общественной жизни. Въ-третьихъ, объ облегченіи выхода крестьянъ изъ ихъ обществъ, объ освобожденіи крестьянъ отъ стѣснительной круговой поруки.

На три заявленія, обѣщанія, предложенія Николая II русская соціалдемократія отвѣчаетъ тремя требованіями, которыя она давно уже выставила, всегда защищала и всѣми силами распространяла и которыя надо особенно внушительно подтвердить теперь въ связи съ царскимъ манифестомъ и въ отвѣтъ на него.

Во-первыхъ, мы требуемъ немедленнаго и безусловнаго признанія закономъ свободы сходокъ, свободы печати и амнистіи всѣхъ „политиковъ“ и всѣхъ сектантовъ. Пока этого не сдѣлано, всякія слова о терпимости, о свободѣ вѣроисповѣданія останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходокъ, слова и печати, — до тѣхъ поръ не исчезнетъ позорная русская инквизиція, травящая исповѣданіе неказенной вѣры, неказенныхъ мнѣній, неказенныхъ ученій. Долой цензуру! долой полицейскую и жандармскую охрану „господствующей“ церкви! За эти требованія русскій сознательный пролетаріатъ будетъ биться до послѣдней капли крови.

Во-вторыхъ, мы требуемъ созыва всенароднаго учредительнаго собранія, которое должно быть выбрано всѣми гражданами безъ изъятій, и которое должно установить въ Россіи выборную форму правленія. Довольно этой игры въ совѣщанія мѣстныхъ людей, въ помѣщичьи парламенты при губернаторахъ, въ представительное правленіе господъ предводителей (а, можетъ быть, и делегатовъ еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами, какъ кошка съ мышью, то отпуская, то лаская ихъ своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собраніе депутатовъ, — до тѣхъ поръ ложью и ложью будутъ всякія слова о довѣріи общества, о нравственныхъ началахъ общественной жизни. До тѣхъ поръ не ослабнетъ революціонная борьба русскаго рабочаго класса съ русскимъ самодержавіемъ.

Въ-третьихъ, мы требуемъ немедленнаго и безусловнаго признанія закономъ полной равноправности крестьянъ со всѣми остальными сословіями и созыва крестьянскихъ комитетовъ для уничтоженія всѣхъ остатковъ крѣпостного права въ деревнѣ, для принятія серьезныхъ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянства.

Безправіе крестьянства, составляющаго девять-десятыхъ населенія Россіи, не можетъ быть терпимо ни одного дня далѣе. Отъ этого безправія страдаетъ и весь рабочій классъ и вся страна; на этомъ безправіи держится вся азіатчина въ русской жизни; отъ этого безправія проходятъ безслѣдно (или со вредомъ для крестьянъ) всѣ и всяческія совѣщанія и коммиссіи. Царь и теперь хочетъ отдѣлаться прежними „совѣщаніями“ чиновниковъ и дворянъ, царь говоритъ даже о „сильной власти“ для руководства трудами мѣстныхъ людей. Крестьяне знаютъ очень хорошо на примѣрѣ земскихъ начальниковъ, что значитъ эта „сильная власть“. Крестьяне не даромъ прожили сорокъ лѣтъ нужды, нищеты и постояннаго голоданія послѣ благодѣянія дворянскихъ комитетовъ. Крестьяне поймутъ теперь, что всякія „реформы“ и улучшенія останутся обманомъ, если онѣ не проведены самими крестьянами-же. Крестьяне поймутъ, — и мы поможемъ имъ понять, — что только крестьянскіе комитеты способны уничтожить дѣйствительно не одну круговую поруку, а всѣ и всякіе остатки барщины и крѣпостного права, гнетущіе вплоть до двадцатаго вѣка десятки милліоновъ народа. Городскимъ рабочимъ вполнѣ достаточно свободы сходокъ и свободы печати: мы уже съумѣемъ использовать эти свободы!! Но крестьянамъ, разбросаннымъ по захолустьямъ, забитымъ и одичалымъ, этого мало, — и рабочіе должны помочь имъ, должны разъяснить имъ, что они неминуемо и неизбѣжно останутся жалкими рабами, пока не возьмутъ сами въ свои руки своей судьбы, пока не добьются, какъ перваго и основного шага, учрежденія крестьянскихъ комитетовъ для дѣйствительнаго, а не обманнаго освобожденія крестьянства.

Давно уже замѣчено опытными и умными людьми, что нѣтъ опаснѣе момента для правительства въ революціонную эпоху, какъ начало уступокъ, начало колебаній. Русская политическая жизнь послѣднихъ лѣтъ блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебаніе въ вопросѣ о рабочемъ движеніи, давъ ходъ зубатовщинѣ, — и оскандалилось, сыгравъ прекрасно на руку революціонной агитаціи. Правительство хотѣло было уступить въ студенческомъ вопросѣ, — и оскандалилось, подвинувъ семимильными шагами революціонизированіе студенчества. Правительство повторяетъ теперь тотъ же пріемъ въ широкихъ размѣрахъ, по отношенію ко всѣмъ вопросамъ внутренн политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуе облегчитъ, усилитъ и разовьетъ революціонный натискъ самодержавіе!

* * *

Намъ необходимо еще остановиться на практическо вопросѣ о томъ, какъ воспользоваться царскимъ маниф стомъ 26 февраля для агитаціи. Русскіе соціалдемократ давно уже давали этотъ отвѣтъ на вопросъ о средствах борьбы: организація и агитація, — и ихъ не смущали н смѣшки наивныхъ людей, находившихъ это „неопредѣле нымъ“ и считающихъ „опредѣленными“ средствами тольк выстрѣлы. И вотъ въ такіе моменты, какъ теперь, когд передъ нами внезапно встаетъ такой благодарный, так настоятельно требующій напряженія всѣхъ силъ повод для всенародной агитаціи, — въ такія минуты особен чувствуется недочетъ въ этомъ, по прежнему въ этом все въ этомъ же самомъ: въ организованности, въ спосо ности быстро развернуть агитацію.

Но мы еще наверстаемъ и не разъ наверстаемъ потерянно

Мы должны прежде всего отвѣтить на манифестъ 26 фе листками общерусскими и мѣстными. Если прежде листк выходили по всей Руси въ десяткахъ тысячъ экземпляров пусть теперь они будутъ распространены въ милліонах экземпляровъ, чтобы весь народъ узналъ отвѣтъ русска сознательнаго пролетаріата на царское обращеніе къ н роду, чтобы всѣ видѣли наши опредѣленныя, практическ требованія въ сопоставленіи съ рѣчью царя на ту же тем

Далѣе. Мы не должны допустить, чтобы одни тольк легальныя собранія благонамѣренныхъ земцевъ и дворян купцовъ и профессоровъ и пр. и пр. отвѣчали съ благог вѣйнымъ восторгомъ на манифестъ 26 февраля. Недост точно и тѣхъ отвѣтовъ, которые въ листкахъ дадутъ орг низаціи соціалдемократовъ. Пусть въ каждомъ кружк на каждомъ собраніи рабочихъ вырабатывается сво отвѣтъ, подтверждаются формально и торжественно треб ванія соціалдемократіи. Пусть рѣшенія этихъ рабочихъ (если и удастся, и крестьянскихъ) собраній публикуются в мѣстныхъ листкахъ и сообщаются въ наши газеты. Пуст всѣ знаютъ, что только отвѣты самихъ рабочихъ и крест янъ мы считаемъ народнымъ отвѣтомъ. Пусть теперь ж начнутъ готовиться всѣ кружки къ тому, чтобы поддержат наши основныя требованія силою.

Затѣмъ, мы не должны допустить, чтобы благодарстве ные адресы царю вырабатывались на всякихъ собраніях безъ противодѣйствія. Довольно уже подделывали русско народное мнѣніе наши гг. либералы! Довольно лгали он говоря не то, что они думаютъ, говоря не то, что думает вся мыслящая и готовая къ борьбѣ часть народа! На стараться проникать въ ихъ собранія, заявлять и тамъ, во можно болѣе широко, публично и открыто свои мнѣні свой протестъ противъ холопской благодарности, свой н стоящій отвѣтъ царю, заявлять и распространеніемъ л стковъ и, по мѣрѣ возможности, публичными рѣчами н всякихъ такихъ собраніяхъ (хотя бы гг. предсѣдатели и п тались остановить такія рѣчи).

Наконецъ, мы должны стараться вынести отвѣтъ раб чихъ и на улицу, заявить свои требованія путемъ демо страціи, показать открыто численность и силу рабочи сознательность и рѣшительность ихъ. Пусть предстояща маевка вмѣстѣ съ общимъ заявленіемъ нашихъ пролета скихъ требованій будетъ и особымъ, спеціальнымъ, опред леннымъ отвѣтомъ на манифестъ 26 февраля!

Пролетаріатъ и крестьянство.

IV. Пролетаріатъ и крестьянство „на Западѣ“.

(Продолженіе)

Теперь перенесемся въ Италію и посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ движеніемъ тамошняго крестьянства.

Изъ очень извѣстной книги Наполеона Колаянни мы узнаемъ (стр. 19), что „оффиціальной“ программой сицилійскихъ рабочихъ союзовъ служитъ „программа итальянскихъ рабочихъ, программа марксовой школы“.*) Надѣемся, что это обстоятельство даже расторопнымъ г. Ю. Гардениным не можетъ быть использовано, какъ доводъ противъ марксизма. Но вѣдь тутъ говорится объ оффиціальной программѣ: ясно, что, по мнѣнію Колаянни, есть еще какая-то другая программа, не признанная вожаками движенія, но за то, можетъ быть, болѣе соотвѣтствующая взглядамъ и стремленіямъ сицилійскаго крестьянства. Каково же содержаніе этой программы? Колаянни характеризуетъ ее словами нѣкоего Энея Кавальери, который говоритъ, что въ сущности сицилійскіе Fasci являются „обществами сопротивленія“ въ родѣ англійскихъ трэдъ-юніоновъ (стр. 21). Но что же такое — англійскій трэдъ-юніонъ? Это — организація, имѣющая цѣлью улучшить положеніе рабочаго, какъ продавца рабочей силы. Если рабочіе, принадлежащіе къ такой организаціи, не идутъ въ своихъ стремленіяхъ дальше этой цѣли, то они тѣмъ самымъ показываютъ, что ими еще не сознается истинное положеніе ихъ класса и опредѣляемая этимъ положеніемъ революціонная общественная задача. Такихъ рабочихъ можно и должно признать людьми ограниченными; но и этимъ ограниченнымъ людямъ не слѣдуетъ приписывать такихъ стремленій, какихъ они вовсе не имѣютъ: нельзя выставлять ихъ защитниками мелкаго производства. „Чистый трэдъ-юніонистъ“ стоитъ на пролетарской точкѣ зрѣнія, хотя по свойственной ему близорукости онъ и не способенъ охватить своимъ взглядомъ всю, открывающуюся оттуда величественную перспективу. Слѣдовательно, даже если Колаянни правъ; если „оффиціальная“ марксистская программа признавалась только вожаками сицилійскихъ союзовъ, между тѣмъ какъ масса не шла дальше своеобразнаго трэдъ-юніонизма, то и тогда наша „догма“ остается незыблемой; и тогда мы сохраняемъ полное право повторить, что въ нынѣшнемъ обществѣ движеніе земледѣльцевъ можетъ быть прогрессивнымъ только въ томъ случаѣ, если они покидаютъ точку зрѣнія мелкихъ собственниковъ и переходятъ на точку зрѣнія пролетаріевъ.

Вообще необходимо помнить, что сицилійское движеніе можетъ быть названо крестьянскимъ только съ большими оговорками. За исключеніемъ небольшой береговой полосы, которая идетъ отъ Марсалы черезъ Палермо и Мессину до Катаніи и отъ Катаніи до Этны, и въ которой преобладаетъ мелкая поземельная собственность и половничество, на всемъ остальномъ пространствѣ „благодатнаго острова“ господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣльцы являются настоящими пролетаріями**). Замѣтьте еще, что въ области, отличающейся преобладаніемъ половничества и мелкой собственности, союзы были распространены гораздо менѣе, чѣмъ въ пролетарскихъ мѣстностяхъ (тамъ же, стр. 59). Это интересное явленіе, кажется, говоритъ то же не противъ марксизма; вѣроятно, по этой причинѣ г. Гарденинъ и не счелъ нужнымъ довести о немъ до свѣдѣнія своихъ читателей.

Такъ-назыв. крестьянское движеніе на итальянскомъ полуостровѣ тоже въ весьма значительной степени имѣетъ чисто пролетарскій характеръ: союзы крестьянъ и тамъ чаще всего являются обществами сопротивленія, стремящимися обезпечить сельско-хозяйственному рабочему возможно болѣе выгодныя условія продажи его рабочей силы. Въ доказательство сошлемся на брошюру Иваное Бономи и Карло Веццани*) и на брошюру Джіожани Монтемартини**) „Крестьянскіе“ союзы всего чаще и называются союзами „для улучшенія“ (условій найма)***).

Обо всемъ этомъ г. Ю. Гарденинъ хранитъ въ своей статьѣ самое глубокое молчаніе, а редакція „Вѣстника русской революціи“ тоже не находитъ нужнымъ сказать по этому поводу хотя бы одно маленькое словечко. Молчаливость доходитъ у нихъ въ этомъ случаѣ до курьеза, который не мѣшаетъ отмѣтить.

Желая пристыдить насъ той „позиціей“, которую „заняли въ аграрномъ вопросѣ“ итальянскіе соціалисты, г. Ю. Гарденинъ указываетъ на рѣшеніе, принятое болонскимъ конгрессомъ сельскихъ рабочихъ, состоявшимся въ концѣ 1901 года. Вотъ какой видъ принимаетъ у него это рѣшеніе:

„Принимая во вниманіе, что не смотря на очевидныя различія, раздѣляющія земледѣльческихъ работниковъ — трудящихся за плату, трудящихся изъ доли урожая, мелкихъ арендаторовъ и мелкихъ крестьянъ собственниковъ — всѣ земледѣльческіе работники подвергаются одинаковой эксплуатаціи какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и со стороны государства;

„Принимая во вниманіе, что только дѣятельность всѣхъ эксплуатируемыхъ, основанная на гуманистическомъ и цивилизующемъ принципѣ солидарности, можетъ обезпечить дѣлу моральнаго, политическаго и хозяйственнаго освобожденія трудящагося класса достаточную силу и вѣсъ, —

„Конгрессъ сельскихъ работниковъ высказывается за необходимость объединить въ одномъ національномъ союзѣ всѣ кооперативныя и профессіональныя товарищества: именно, организаціи тѣхъ работниковъ. которыя охватываютъ на основѣ классовой борьбы совокупность слѣдующихъ трудящихся классовъ: сельскихъ батраковъ и чернорабочихъ, издольщиковъ, мелкихъ арендаторовъ и крестьянъ, если послѣдніе самолично обработываютъ свою собственную или арендованную землю“.(*)

Тутъ на первый взглядъ кажется, что „позиція“ итальянскихъ соціалистовъ рѣзко расходится съ „позиціей“ марксистовъ: мелкіе производители должны быть объединены въ одномъ союзѣ съ пролетаріями. Но такъ кажется только на первый взглядъ.

Во-первыхъ, г. Гарденинъ привелъ не полный текстъ рѣшенія болонскаго конгресса. Въ полномъ текстѣ находятся еще слѣд., очень важныя строки: „что касается мелкихъ арендаторовъ, издольщиковъ и арендаторовъ, то ихъ пріемъ въ отдѣльныя организаціи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ долженъ зависѣть отъ того, насколько они заинтересованы въ тѣхъ улучшеніяхъ, которыхъ эти организаціи добиваются“(**).

На самомъ дѣлѣ выходитъ, стало быть, такъ: существую организаціи для защиты интересовъ сельско-хозяйственныхъ ботниковъ, какъ продавцовъ рабочей силы; и въ эти организа принимаются не только сельскіе пролетаріи, но также и мел арендаторы, издольщики и собственники, поскольку они заин ресованы въ борьбѣ этихъ организацій, т. е. поскольку имъ мимъ приходится продавать свою силу. Это совершенно ес ственно и необходимо. Но тѣ лица, т. е. докладчики болонск конгресса, которыя предложили это рѣшеніе, отнюдь не смѣш вали понятіе: мелкій крестьянинъ съ понятіемъ: пролетар Если бы они были повинны въ такомъ смѣшеніи, то они не с лали бы оговорки, приведенной нами и опущенной г. Гарде нымъ по свойственной ему молчаливост; они не сказали что мелкіе собственники и пр. принимаются лишь постольку и

Во-вторыхъ, дополненіе, предложенное Гатти и принятое г маднѣйшимъ большинствомъ конгресса, предписываетъ, чтобы требительныя организаціи мелкихъ собственниковъ дѣйствовали возможности солидарно съ организаціями сельско-хозяйственны работниковъ, но отдѣльно отъ нихъ**) Это дополненіе, о ко ромъ ни г. Гарденинъ, ни редакція „Вѣстника Р. Р.“ тоже сказали ни одного слова, съ полной ясностью показываетъ, итальянскіе соціалисты очень хорошо понимаютъ, какъ вел разница между пролетаріями съ одной стороны и мелкими крес янами съ другой.

До какой степени ясно они понимаютъ это, — видно изъ пр исходившихъ на болонскомъ конгрессѣ преній. Во время эт преній Энрико Ферри — вождь лѣваго крыла итальянскихъ с ціалистовъ — прямо требовалъ, чтобы мелкихъ собственнико совсѣмъ не принимали въ рабочія организаціи, а Филиппо Т рати, — вождь праваго крыла, — хотя и возсталъ противъ это требованія, но единственно потому, что, по его его словам мелкій собственникъ — на половину рыба, на половину пти что иногда въ немъ преобладаетъ одинъ характеръ, а иногда другой и что въ каждомъ данномъ случаѣ преобладаніе того или д гого характера зависитъ отъ мѣстныхъ условій*). Принятое к грессомъ рѣшеніе ближе къ „позиціи“ Турати. Но эта „позиц вполнѣ согласна съ нашей „догмой“. Основная мысль хотя нашихъ статей о пролетаріатѣ и крестьянствѣ на Западѣ име къ тому и сводится, что сельско-хозяйственный производит представляетъ собой „рыбу“, пока имѣющіяся у него средст производства обезпечиваютъ ему экономическую самостоятел ность, и становится отчасти „птицей“, когда оказывается нуждённымъ время отъ времени продават свою рабочую сил И тогда въ немъ преобладаетъ то характеръ „рыбы“, то хара теръ „птицы“, смотря по тому, въ какой мѣрѣ онъ производит самостоятельно и въ какой мѣрѣ ему приходится работать найму. Кто понялъ это, тотъ никогда не скажетъ — какъ говорятъ наши такъ-называющіеся соц.-революціонеры, — мелкій крестьянинъ и пролетарій принадлежатъ къ одному об ственному классу. А именно это и „требуется доказать“.

Партія, старающаяся отождествить мелкаго производите съ пролетаріемъ, есть партія, мѣшающа пролетаріату отдѣл свою „позицію“ отъ „позиціи“ мелкой буржуазіи. А мѣша пролетаріату сдѣлать это — значитъ работать на пользу мелк буржуа и во вредъ рабочему классу. Поэтому... но выв ясенъ даже и для тѣхъ, которые были удивлены тѣмъ, „Искра“ назвала нашихъ „соц.-революціонеровъ“ мелко-бу жуазной партіей.

---

*) " Il programnea della scuola marxista."

**) Colajani, gli Avvenimenti, pp. 58-65.

*) Il movimento proletario nil mantovano, Milano, 1901.

**) " Le leghe di miglioramento fra i contadini nell'oltrepo pavese "

***) Le leghe di miglioramento.

(*) Вѣстникъ русской революціи, кн. 2-ая, стр. 207-208.

(**) Quanto ai piccoli fittavoli, mezzadrie proprietori, la loro accetazione nelle singole organizzazioni dei lavarotori della ferra deve essere subordinata alfatto che essi siano interessati al miglioramento di quelle categorie cui le dette organizzazione si riferiscouo. Avanti, 26, xi. 1901.

*) Ma in sezione separata da essi.

**) Avanti, No. di 25/xi., 19

ИЗЪ ЗА РѢШЕТКИ.

Отъ редакціи. Печатаемъ письмо одного изъ осужденныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ рабочихъ-демонстрантовъ. Мы не рѣшаемся назвать его имя, чтобы не подвергнуть опасности новыхъ репрессалій со стороны враговъ, во власти которыхъ находится нынѣ нашъ самоотверженный товарищъ. Близкіе друзья, безъ сомнѣнія, и безъ подписи узнаютъ свѣтлую личность писавшаго. Для тѣхъ же, кто не зналъ автора лично, печатаемое здѣсь письмо явится завѣщаніемъ всѣхъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ нимъ вырванъ изъ нашихъ рядовъ, кто съ такой же смѣлостью и беззавѣтностью продолжалъ на скамьѣ подсудимыхъ бороться за дѣло соціаль-демократіи.

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ по поводу взглядовъ автора на роль подсудимыхъ въ политическомъ процессѣ. Теперь, когда правительство начало мѣнять свою тактику въ политическихъ дѣлахъ и судебное разбирательство можетъ предстоять каждому соціалисту, — весьма важно намѣтить правильную тактику, которой должны держаться на судѣ революціонеры.

Протестъ противъ всякаго чиновничьяго суда долженъ быть заявленъ нами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — въ этомъ авторъ правъ. Но такой протестъ не требуетъ „отказа отъ всякой защиты“ и, тѣмъ болѣе, отъ произнесенія рѣчей на судѣ. Наше участіе въ судѣ есть продолженіе нашей борьбы на волѣ и, какъ въ этой борьбѣ мы не ограничиваемся тѣмъ, что протестуемъ, но и разоблачаемъ въ подробностяхъ политику нашего врага и агитируемъ противъ него и въ пользу нашихъ идей, — такъ и на судѣ мы должны активно раскрывать всю гниль царскаго „правосудія“ и развивать нашу программу. Вотъ почему участіе въ судебномъ слѣдствіи въ цѣляхъ разоблаченія пріемовъ жандармскаго дознанія и пользованіе правомъ послѣдняго слова — для защиты своихъ убѣжденій, — представляются важнымъ орудіемъ политической борьбы нашей партіи, отъ употребленія котораго намъ не приходится отказываться. Мы укажемъ здѣсь на примѣръ такого политическаго дѣятеля, какъ Желябовъ. Въ процессѣ 1 марта Желябовъ протестовалъ противъ самого суда, но это ему не помѣшало воспользоваться всѣми своими правами для продолженія борьбы и въ теченіе судебнаго слѣдствія и въ защитительной рѣчи. И было бы большимъ урономъ для дѣла, если бы Воеводинъ, Заломовъ, Самылинъ и др. осужденные сошли со сцены, не сказавъ своихъ послѣднихъ агитаціонныхъ рѣчей. Что касается взгляда тѣхъ, которые подчеркиваютъ необходимость „беречь силы для будущаго“, то само собой разумѣется, что руководство исключительно однимъ этимъ соображеніемъ не можетъ быть признано правильнымъ. На судѣ революціонеръ представляетъ, какъ ни какъ, передъ извѣстной частью общества свою партію и обязанъ выполнить эту роль съ достоинствомъ. Но это, конечно, еще не значитъ, что революціонеръ при всякихъ условіяхъ долженъ идти навстрѣчу обвиненію и собственными признаніями выручать судей изъ затруднительнаго положенія, въ какое они часто попадаютъ, благодаря отсутствію матеріальныхъ уликъ. А безцеремонность нашихъ обвинителей такова, что они не отказываются и не будутъ отказываться отъ привлеченія къ суду тѣхъ или другихъ лицъ на основаніи одного „внутренняго убѣжденія“. Извѣстно, что въ саратовск. процессѣ одна изъ обвиняемыхъ была осуждена, благодаря тому, что заявила о своей солидарности съ товарищами, хотя прокуроръ отказался отъ тѣхъ данныхъ жандармскаго дознанія, которыя только имѣлись противъ нея. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ добиваться (кассаціей) оправданія. Тамъ, гдѣ можно судъ заставить оправдать обвиняемаго за недостаткомъ уликъ, это должно быть сдѣлано, ибо мы слишкомъ бѣдны силами, чтобы отдавать ихъ добровольно во власть врага. Дѣло такта революціонера, дѣло его революціоннаго чутья — понять, когда чисто-юридическая почва самозащиты должна быть покинута...

Мы надѣемся, что партія наша займется этимъ важнымъ вопросомъ. Пока же пожелаемъ широкаго распространенія печатаемому нами письму „изъ за рѣшетки“, которое не одного молодого борца заразитъ своимъ идеалистическимъ энтузіазмомъ.

* * *

„Здравствуйте товарищи! Шлю вамъ свой горячій привѣтъ и лучшія пожеланія. Насъ долго занималъ вопросъ о кассаціи. Думали, что кассація необходима для того, чтобы лишній разъ показать, что у насъ нѣтъ законовъ, что у насъ царитъ произволъ и что даже такое высшее судебное учрежденіе, какъ сенатъ, является простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и что онъ готовъ каждую минуту въ корень нарушить даже тѣ законы, хранителемъ которыхъ онъ является. Разбирая полезность кассаціи съ этой стороны, мы упустили изъ виду, что она можетъ дурно подѣйствовать на малосознательныя массы, которыя не смогутъ разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ и припишутъ намъ желаніе, котораго у насъ нѣтъ и не было, а именно желаніе смягчить свою участь. Подобное послѣдствіе, какъ роняющее настроеніе, созданное демонстраціей, разумѣется, для насъ страшно нежелательно и когда мы лучше разобрались въ этомъ вопросѣ, то рѣшительно отказались отъ кассаціи. Подали кассацію только тѣ лица, которыя на судѣ не признали себя сознательными участниками демонстраціи. Не знаю, какъ вы находите мою рѣчь; я, со своей стороны, очень ею недоволенъ. Она недостаточно продумана и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо натянута. Постараюсь объяснить вамъ, отчего она вышла у меня неудовлетворительной. Надо вамъ сказать, что я вообще противъ тактики, которой мы держались на судѣ, и примкнулъ къ ней чисто изъ чувства товарищества. Я сначала вдвоемъ, а потомъ одинъ противъ всѣхъ, отстаивалъ совершенно противоположную тактику. Я настаивалъ на томъ, что мы должны отказаться отъ всякой защиты, что должны сами заявить на судѣ о томъ, что не признаемъ надъ собой никакого суда, что всякій судъ надъ собой признаемъ насиліемъ, а судей — простымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, которое не останавливается ни передъ какими средствами, чтобы сломить своихъ враговъ. Я думалъ раньше и теперь такъ думаю, что при такой тактикѣ получилось бы болѣе яркое и сильнѣе впечатлѣніе отъ всего нашего процесса. И мой совѣтъ товарищамъ держаться въ будущемъ подобной тактики. Вамъ, навѣрное, интересно знать, какъ пришло большинство осужденныхъ теперь къ рѣшенію говорить на судѣ и какъ бы признать законность суда? У насъ было три направленія: первое, котораго я придерживаюсь, я уже описалъ; второе заключалось въ томъ, что мы, дескать, должны беречь свои силы для будущаго и сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы получить болѣе мягкое наказаніе; третьимъ направленіемъ было то, котораго придержалось на судѣ большинство осужденныхъ. Споровъ, и самыхъ оживленныхъ, конечно, была масса, такъ что долго не могли придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію. Одно время думали, что само собой выйдетъ такъ, что мы окажемся безъ защитниковъ. Какъ вамъ уже извѣстно, въ самый разгаръ нашихъ разногласій у насъ произошло столкновеніе съ тюремной администраціей, кончившееся голодовкой. Мы отказались тогда не только отъ пищи, но и отъ прогулокъ, и отъ свиданій, а, слѣдовательно, связь наша съ внѣшнимъ міромъ была нарушена. Для подачи заявленія о желаніи имѣть защитника намъ дали недѣльный срокъ и онъ могъ пройти раньше того времени, когда мы вновь могли бы сноситься съ внѣшнимъ міромъ. Итакъ, мы думали, что голодовка затянется и мы не будемъ имѣть возможности снестись съ адвокатами и вопросъ о защитѣ падетъ самъ собой. Я былъ отправленъ въ больницу и попалъ въ тюрьму какъ разъ въ послѣдній день срока, въ который можно заявить о желаніи имѣть защиту. Прибывъ въ тюрьму, я узналъ, что всѣ уже подали заявленія и что, слѣдовательно, въ обоихъ процессахъ будетъ защита. Мое предложеніе было провалено и я тоже присоединился къ остальнымъ. У насъ было очень мало времени для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, обдумать свои рѣчи на судѣ. Я, напримѣръ, набросалъ свою рѣчь въ самое послѣднее время въ теченіе сутокъ. О серьезной ея обработкѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ въ воскресенье у насъ были защитники, съ которыми мы провели большую часть дня, а въ понедѣльникъ насъ подняли въ четыре часа утра и отвели въ судъ. Еще одно обстоятельство мнѣ сильно повредило. Защитники увѣряли насъ, что мы не должны допускать въ своихъ рѣчахъ никакой рѣзкости и что въ противномъ случаѣ насъ совсѣмъ могутъ лишить слова. Разумѣется, разъ уже мы пригласили защитниковъ и рѣшили говорить на судѣ, то намъ во чтобы то ни стало надо было высказаться. Пришлось приспособляться, стараться придать рѣчи болѣе мягкую форму и въ то же время все сказать. А знаете вы басню Крылова, въ которой говорится: „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ?“ Такъ и мы до нѣкоторой степени взялись не за свое дѣло. Гдѣ же тамъ у чертей мы привыкли рѣчи говорить, а тутъ хочешь не хочешь, пришлось говорить! Мнѣ теперь страшно досадно, что я не смогъ провести свой взглядъ на судъ и что не употребилъ всѣ возможныя, находящіяся у меня въ рукахъ средства. Ну, да теперь ужъ поздно, — „снявши голову, по волосамъ не плачутъ!“ Вотъ если бы снова пришлось намъ судиться! Я думаю, что нашимъ опытомъ воспользуются другіе — идущіе за нами.

Мы теперь вычеркнуты изъ списка живыхъ и опасаемся, что на менѣе сознательныхъ рабочихъ полученное нами наказаніе произведетъ дурное впечатлѣніе, запугаетъ ихъ до нѣкоторой степени. Я бы дорого далъ за то, чтобы опасенія эти не оправдались. Тамъ, на волѣ, все представляется въ болѣе ужасномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ всѣ ихъ наказанія — сущіе пустяки. Самое большее, что въ ихъ власти, это то, что они могутъ отнять у насъ жизнь. Вотъ если бы они могли отнять у насъ наши убѣжденія, — это было бы, дѣйствительно, ужасно. У насъ противъ нашихъ враговъ имѣется сильнѣйшее оружіе, — это вѣра въ правоту нашего дѣла, вѣра въ близкую побѣду, вѣра, что на наше мѣсто встанутъ товарищи, болѣе сильные духомъ, чѣмъ мы, вѣра въ то, что съ каждымъ днемъ число борцовъ за свободу и справедливость увеличивается и что борцы эти на полдорогѣ не остановятся, доведутъ свое дѣло до конца и отдадутъ всю свою кровь до капли за наше дѣло. Я скажу вамъ, что за все время моего сидѣнія въ тюрьмѣ ни разу мной не овладѣвала слабость, — напротивъ, настроеніе все время повышенное. Я только жалѣлъ, что не получилъ образованія, такъ какъ образованный человѣкъ можетъ сдѣлать гораздо больше, чѣмъ мало развитый, а я чувствую за собой слабость въ этомъ отношеніи. Я теперь совершенно убѣдился, что тюрьма не въ состояніи сломить ни энергіи, ни силы убѣжденія; она, напротивъ, закаляетъ человѣка, дѣлаетъ его болѣе непримиримымъ — и я говорю не по теоріи, а самъ на себѣ испытавши все это. Я жалѣю объ одномъ: что такъ мало могу дать нашему родному дѣлу — дать только одну жизнь!... Я бы пошелъ теперь на муки, на пытки, а мнѣ дали... всего вѣчную ссылку.

Шлю я всѣмъ товарищамъ свой горячій, братскій привѣтъ. Пусть меня лихомъ не поминаютъ. Я знаю, что дѣлалъ много ошибокъ, знаю, что мной многіе были недовольны. Меня можно упрекнуть во многомъ, но если я и поступалъ иногда, не согласуясь съ мнѣніемъ своихъ товарищей, то мной руководило исключительно желаніе больше сдѣлать для общаго великаго дѣла. Въ этомъ дѣлѣ заключается весь смыслъ, вся цѣль, всѣ наиболѣе страстныя желанія моей жизни.

Да! Я теперь вычеркнутъ изъ жизни! Но пока у меня останется хоть капля крови, во мнѣ не умретъ неудержимо-страстное стремленіе къ свободѣ, не умретъ твердая вѣра въ нашу неизбѣжную побѣду надъ врагомъ. Да! Жизнь идетъ впередъ. Она требуетъ все больше и больше самоотверженности и стойкости у борцовъ за свободу. И мы пойдемъ ей на встрѣчу, товарищи; мы отдадимъ ей всѣ наши лучшія силы безъ остатка. Счастливцы мы, что живемъ въ такое славное время. Намъ не приходится искать пути въ безпросвѣтномъ мракѣ, какъ приходилось это дѣлать людямъ, расчищавшимъ намъ путь. Насъ не мучаютъ сомнѣнія, то-ли дѣло мы дѣлаемъ, которое нужно, необходимо для блага народа. Передъ нами лежитъ широкая прямая дорога, въ концѣ которой виденъ входъ въ болѣе свѣтлую жизнь. Правда, — на этой дорогѣ много препятствій, но мы польемъ эту дорогу своею кровью и заполнимъ рытвины своими тѣлами, и ничто ужъ не остановитъ побѣднаго шествія борцовъ за народное счастье и свободу. Да! счастливы мы, что не родились сотней лѣтъ позднѣе, что имѣемъ возможность отдать свои слабыя силы за дѣло и счастье всего человѣчества!

Что еще сказать вамъ? Я отъ всей души обнимаю своихъ товарищей по дѣлу и желаю имъ больше счастья, больше успѣха въ ихъ дѣлѣ. Нравственная связь между нами никогда не порвется, хотя насъ будутъ раздѣлять громадныя пространства. Крѣпко жму руки. Привѣтъ вамъ, смѣлыя сердца!“

О ДВУЛИКОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Грандіозные митинги, изо дня въ день сходящіеся подъ открытымъ небомъ, въ виду лѣя штыковъ. Тысячи народа, внимающія рѣчамъ оратора. Громада-толпа, сомкнувшая ряды вокругъ трупа товарища. Громада, дерущаяся какъ левъ, ломая казацкія пики, обезоруживая непріятеля...

Мы не знаемъ въ исторіи нашего движенія другого момента, равнаго — по трагической красотѣ и историческому смыслу — этой провинціальной стачкѣ!

А между тѣмъ, посмотрите: ростовская стачка проходитъ, на добрую долю, мимо сознанія современнаго зрителя. Какъ напряженно слѣдила оппозиціонная Россія 1896 года за всѣми перипетіями петербургскихъ событій. Стачка ткачей казалась своего рода откровеніемъ, прообразомъ возможнаго и близкаго освобожденія. Рабочій человѣкъ сталъ вдругъ à l'ordre du jour, тѣмъ магнитомъ, къ которому влекутся сердца и тянутся мысли.

Прошло шесть съ половиною лѣтъ. Молодое движеніе разрослось, окрѣпло. Одинокіе когда-то побѣги развѣтвились и покрыли своей сѣтью Россію. Гдѣ только высится фабричное зданіе и раздается заводскій гудокъ, тамъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе шевелится трудящаяся масса и все болѣе разгорается революціонный протестъ. И вотъ, наконецъ, эпопея въ Ростовѣ...

О происшедшемъ въ Ростовѣ говорятъ, какъ говорятъ и о многомъ другомъ въ наше богатое новинками время: о сельскохозяйственныхъ комитетахъ, о воронежскихъ земцахъ, о выстрѣлѣ Качура, объ амнистіи ссыльнымъ студентамъ. Но странное дѣло: вниманіе демократіи — вообще взбудораженное — регистрируетъ наше событіе, не связывая съ нимъ какихъ-либо повышенныхъ надеждъ.

Почему же? — Да потому, что вчерашній „магнитъ“ потерялъ свою силу, потому что широкіе слои интеллигенціи, даже революціонно-настроенной, ушли изъ сферы его притяженія. Конечно, пробуждающійся пролетаріатъ — не прежнее неподвижное крестьянство, и нынѣ переживаемое демократіей настроеніе во многомъ не походитъ на старый эпизодъ интеллигентнаго отказа отъ народа. Пролетаріата — по нынѣшнимъ временамъ — нельзя скинуть со счетовъ ни одной изъ разновидностей современныхъ теченій. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе — специфическая форма новѣйшаго „разочарованія“: идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, смѣняется идеей освободительной борьбы, въ которой пролетаріату отведено подчиненное мѣсто.

„Культурное и политическое освобожденіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія“ — говоритъ демократія устами литературнаго своего представителя — „разочарованнаго“ г. Струве (см. „Освобожденіе“ № 1).

„Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ безъ крестьянства, а тѣмъ болѣе вопреки крестьянству?“ — спрашиваетъ болѣе активная часть той же демократіи, такъ называемые соціалисты-революціонеры. И отвѣтъ гласитъ — ничего. Даже и въ томъ случаѣ, если крестьянство останется нейтральнымъ, оно въ лицѣ своихъ сыновъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры, затушитъ поднявшійся пожаръ. Тогда одинъ только „неуловимый и непобѣдимый“ терроръ, быть можетъ, спасетъ еще положеніе (см. „Революц. Россію“, № 8 „Отъ крестьянскаго союза партіи соціалистовъ-революціонеровъ“).

Поворотъ въ умахъ демократіи — совершившійся фактъ. Но подготовлялся этотъ поворотъ исподволь, долго, рядомъ воздѣйствій, бившихъ въ одну точку, измѣняя представленіе демократіи о возможномъ соотношеніи общественныхъ силъ. Демократія весьма скоро замѣтила начинающееся броженіе пролетаріата — уже при первыхъ его дебютахъ. Дебюты поразили ее, но не дали ей разумѣнія. Она не понимала и не могла понимать движенія, въ существенныхъ своихъ частяхъ невидимаго взору сторонняго зрителя. Только нарочито острые и сравнительно рѣдкіе — особенно въ началѣ движенія — моменты выступали на свѣтъ широкой общественности. Наоборотъ, повседневные, будничные факты, тѣ несчетныя слагаемыя, которыя, суммируясь, и составляютъ душу движенія, которыя ростятъ и формуютъ борцовъ, проходили, не оставляя слѣдовъ въ сознаніи, или представлялись малоинтересными, стоящими внѣ связи съ основною мечтой демократіи. И даже тогда, когда революціонно-настроенная часть ея, уже много позже, сдѣлала попытку подойти къ рабочимъ массамъ, она принесла прежде всего — свой грузъ демократическаго непониманія. Въ гордомъ сознаніи „революціоннаго“ превосходства, она сумѣла лишь сверху внизъ взглянуть на всю предшествовавшую ей „муравьиную“ „почти культурную“, „съ двухвершковымъ размахомъ“ работу и всѣ „формы“ многолѣтней пролетарской „борьбы“ — ничто же сумняся — приравнять къ „экономизму“*).

У демократіи не нашлось элементарныхъ предпосылокъ для пониманія того механизма, при посредствѣ котораго совершается ростъ политическаго сознанія въ массахъ. У нея не оказалось и надлежащаго масштаба для опредѣленія темпа рабочаго движенія. Движеніе выросло вширь и вглубь, но не произвело еще осязательнаго для всѣхъ эффекта. Рабочій становился съ каждымъ днемъ все сознательнѣе, но готовый революціонный боецъ не выходилъ изъ него — со вчера на сегодня — какъ Минерва изъ Юпитера. Вѣдь, рабочій народъ не демократическая интеллигенція, такъ легко воспламеняющаяся и такъ же легко потухающая. Идея, чтобы стать достояніемъ массы, должна войти въ плоть и кровь этой массы, ощутиться ею, какъ нѣчто конкретное. Естественно, что — при такихъ условіяхъ — пробужденіе рабочаго класса казалось нестерпимо медлительнымъ и уже, конечно, не отвѣчающимъ на тѣ запросы, которые предъявляла къ нему ищущая опоры демократія. Улита ѣдетъ, когда то будетъ! Интересъ, первоначально возбужденный пролетаріатомъ, слабѣлъ, и надежды, къ нему пріуроченныя, облетали, что засохшіе листья, по мѣрѣ того, какъ демократія сама начала шевелиться, а вновь возникающіе центры броженія все болѣе отвлекали къ себѣ вниманіе. Студенческая среда явилась первымъ подобнымъ центромъ. Какъ и вся демократія, она впитала въ себя то возбужденіе, которое шло къ ней изъ рядовъ пролетаріата, но, разъ впитавъ, развила его въ самостоятельное движеніе съ большой притягательной силой и съ долгое время нароставшимъ вліяніемъ. Въ противоположность броженію рабочихъ массъ, здѣсь все было значительно и важно для демократіи. Каждый шагъ находилъ себѣ резонансъ, всякая мелочь подхватывалась молвою. Тысячи нитей пролегали между учащейся молодежью и оппозиціонно-настроеннымъ обществомъ. Все было свое, близкое, въ чемъ каждый членъ этого общества заинтересованъ кровно, а не только отраженно, черезъ посредство болѣе или менѣе отдаленныхъ цѣлей. Что дальше, то больше дѣло молодежи становилось дѣломъ всей демократіи. Вмѣстѣ со студентами спустилась демократія на улицу. Вмѣстѣ со студентами прошла черезъ эволюцію борьбы обостряющейся и несвязанной органически съ массами. Вмѣстѣ болѣла она и вмѣстѣ радовалась. Дѣйствительные или кажущіеся успѣхи движенія подымали духъ демократіи, измѣняли ея представленіе о собственныхъ силахъ, о ея возможномъ значеніи.

Правда, полицейскія репрессаліи сыпались градомъ. Свободолюбивое студенчество исключалось, сдавалось въ солдаты, ссылалось въ Сибирь. И тѣмъ не менѣе, въ правительственной машинѣ — при полномъ ходѣ назадъ — начинали чувствоваться какъ бы колебанія. Послѣ хлещущей нагайки — эра сердечнаго попеченія. Посреди оргіи политическихъ процессовъ — внезапная „амнистія“ московскимъ студентамъ. Врагъ не только крушитъ, но и обхаживаетъ; не только куражится властью, но и пускается на военныя хитрости — вѣрный симптомъ не вполнѣ увѣренной въ себѣ силы!

Опытъ студенческаго движенія, обнадеживая, казалось, говорилъ о возможности самостоятельнаго пути демократическаго развитія. Демократіи нѣтъ необходимости приспособляться во что бы то ни стало къ движенію массъ и ждать отъ массъ рѣшающаго слова. Напротивъ того, — умѣло пользуясь массами и развивая въ то же время собственную независимую программу дѣйствій, демократія скорѣе всего пристанетъ къ завѣтной пристани конституціоннаго режима.

И въ самомъ дѣлѣ, въ связи съ этимъ „опытомъ“, привившимся на почвѣ, удобренной разочарованіемъ, стоитъ появленіе новѣйшихъ вѣяній въ русской демократіи. Только освободивъ сознаніе отъ угнетавшаго ее призрака пролетарской гегемоніи и демократическаго безсилія, демократія ощутила, наконецъ, въ себѣ силы — освободить и свою логику изъ плѣна соціалистической теоріи.

Вмѣстѣ съ ростомъ политическаго возбужденія, шедшаго изъ очаговъ университетскихъ волненій, демократію все сильнѣе охватывало равнодушно-скептическое отношеніе къ интересамъ соціалистическаго развитія. Эманципированному отъ пролетаріата общественному слою не надо было болѣе приспособлять соціалистическаго ученія къ потребностямъ своей психологіи. Вступивъ на путь „самостоятельнаго“ дѣйствія, демократія выбрасывала за бортъ, какъ ненужный для своего полета балластъ, всѣ ранѣе занимавшія ее положенія. Ненавистна, конечно, „ортодоксія“; но излишня, пожалуй, и „критика“ Освобожденная демократія не нуждается въ иномъ лозунгѣ, какъ — бей самодержавіе! — и признаетъ лишь велѣнія момента. Вотъ почему, какъ послѣдняя переходная ступень къ откровенному разрыву съ обветшалой традиціей, какъ своего рода приготовительный классъ для формирующейся либеральной демократіи, началъ распространяться и пріобрѣтать значеніе въ кругахъ интеллигенціи тотъ видъ покладистаго — съ позволенія сказать — „соціализма“, который удачно сочетаетъ размашистую революціонную внѣшность — столь существенно необходимую для успѣха въ наше бурно-подвижное время — съ пустопорожнимъ нутромъ, наполняемымъ каждымъ по желанію. Но въ то время, когда часть демократіи еще хранитъ — какъ хранятъ иногда ни къ чему непригодныя, но почему либо памятныя вещи — безразличную оболочку соціализма — во имя годами закрѣплявшейся связи между соціалистическими тенденціями и революціоннымъ настроеніемъ русской молодежи, другая ея часть шествуетъ бойко впередъ по пути ликвидаціи старыхъ понятій.

Мы рекомендуемъ товарищамъ обратить свое вниманіе на новѣйшую profession de foi этой эманципированной демократіи. Въ 14-мъ № „Освобожденія“ помѣщено „открытое письмо“ сосланныхъ въ В. Сибирь студентовъ Москвы и Петербурга, — „всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ“. Въ этомъ письмѣ нѣтъ, конечно, и зерна соціализма, но нѣтъ и его суррогатовъ, за то есть послѣдовательно проведенная точка зрѣнія либеральной демократіи, только что произведшей себя — подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ студенческихъ исторій — въ „авангардъ“ освободительной борьбы, въ „высшаго представителя русской культуры“.

„Студенческія волненія — говоритъ этотъ примѣчательный документъ — встряхиваютъ все русское общество отъ его самыхъ верхнихъ командующихъ до глубокихъ и угнетенныхъ слоевъ; ... Они дѣлаются яркимъ и истиннымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія... Они пріучаютъ общество къ тому, что создало славу и свободу Англіи, — къ мужественной борьбѣ за поруганное право; *они заставляютъ правительство со скрытою боязнью задуматься надъ положеніемъ дѣла; они ставятъ ему преграду въ его безпредѣльномъ и безудержномъ самовластіи*" (курсивъ нашъ). „*Неумирающее студенческое движеніе — одно изъ лучшихъ средствъ*" къ тому, чтобы „дать понять" правительству „*самымъ рѣшительнымъ образомъ*", что оно должно уступить *такъ или иначе*: кто не подчиняется исторической необходимости, тотъ сметается ею съ лица земли".

---

*) См. „Рев. Россію“, № 6 ст. „Прежде и теперь“, стр. 3 и 4.

Интеллигенція — „авангардъ", народъ — „армія" (тамъ же), идущая за нимъ слѣдомъ. Такова формула, подсказанная студенческимъ движеніемъ. Народъ есть „стихійная могучая сила", безъ содѣйствія которой не обойтись современному „авангарду", какъ нельзя войску, осаждающему вражескую крѣпость, обойтись безъ „стѣнобитныхъ машинъ" и всяческой пиротехники. Народъ — разящая дубина, демократическая интеллигенція — рука, направляющая эту дубину. И не только рука, но и самодовлѣющій политическій факторъ, который заставляетъ правительство съ „боязнью" задумываться, который „ставитъ преграды" его „самовластію", который представляетъ „одно изъ лучшихъ средствъ" „дать понять" правительству о необходимости уступокъ. А разъ это такъ, отчего бы демократіи, отходящей отъ массъ въ сферу самостоятельнаго дѣйствія, не усовершенствовать своей „программы" и не примѣнить къ противнику тактики, столь свойственной меньшинству, вступившему на путь единоборства. Демократіи, увидавшей въ студенческихъ волненіяхъ ни больше ни меньше, какъ „преграду безпредѣльному и безудержному самовластію", не трудно придти — рано или поздно — къ террористическимъ выводамъ.

И она, дѣйствительно, пришла къ этимъ выводамъ. Зрѣлище энергичныхъ студенческихъ группъ, дѣйствующихъ на собственный страхъ и производящихъ сенсацію въ „обществѣ", создало ту психологическую основу, на которой расцвѣли террористическія надежды демократіи. *Терроръ, явившійся въ результатѣ перемѣстившагося вниманія демократіи отъ пролетарскихъ массъ къ интеллигентному меньшинству, въ свою очередь, оказался весьма дѣйствительнымъ средствомъ для дальнѣйшаго отвлеченія демократіи отъ задачъ рабочаго движенія.* Не рабочее движеніе вынесетъ на плечахъ своихъ свободу Россіи, а кучка рѣшительныхъ людей: она — эта кучка — „не позволитъ проливать народную кровь", она „заступится" за крестьянъ и рабочихъ, она „добьется", чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло свободно развиваться" (слова соціалиста-революціонера Качура, см. „Р. Р". № 10).

Наконецъ, подъ впечатлѣніемъ крестьянскихъ бунтовъ, измѣнилось у демократіи и самое представленіе массы. Крестьянская масса стала массой по преимуществу. Что значатъ какія нибудь сотни тысячъ рабочихъ передъ многомилліонной громадой деревенскаго люда? Рабочій народъ незамѣтно уходилъ изъ кругозора демократіи, исчезая въ необъятномъ морѣ крестьянскихъ головъ, сократившись почти до размѣровъ демократической интеллигенціи. Демократія опять, какъ и въ старые годы, связала съ крестьяниномъ свои комбинаціи на будущее. Истинный характеръ начинающагося движенія, цѣли его и его отношеніе къ борьбѣ пролетаріата — эти вопросы стушевались всѣ передъ однимъ, основнымъ и для демократіи единственно важнымъ — передъ вопросомъ о политическомъ использованіи крестьянскаго движенія. Крестьянство — многоголосый хоръ, солистка-демократія, на фонѣ вторящаго хора поющая собственную арію — для такого политическаго сотрудничества годилось даже и стихійное, даже и малосознательное движеніе неорганизованныхъ массъ и *численность* крестьянской толпы становилось на первую очередь. Крестьянство пріобрѣтало для демократіи специфическое значеніе и сознательно или безсознательно — измѣнялось отношеніе демократіи къ крестьянству. Она заражалась, какъ и встарь, „народолюбіемъ" и обращалась къ давно отвергнутымъ тезисамъ, потому-что эти тезисы сплетались въ ея представленіи съ возможною ролью крестьянства въ предстоящемъ освобожденіи. Обрывки омертвѣлаго народничества оживали и завоевывали себѣ почву въ демократіи, въ средѣ, гдѣ — казалось — еще недавно покончили всѣ разсчеты съ отжившимъ ученіемъ.

* * *

Мы набросали въ предыдущемъ характеристику поворота, продѣланнаго за послѣдніе годы демократіей, — отъ пролетарской борьбы къ самостоятельной дѣятельности. Но сама демократія есть клубокъ разнородныхъ элементовъ, объединяемыхъ въ одно цѣлое общими чертами соціальнаго положенія и обусловленной имъ психологіи, съ присущими, однако, каждому элементу индивидуальными особенностями, со способностью по своему реагировать на приходящія измѣненія. Впечатлѣнія, вызвавшія демократическій поворотъ, осѣдали въ отдѣльныхъ слояхъ демократіи, своеобразно преломляясь въ каждомъ изъ нихъ и создавая то разнообразіе формъ и оттѣнковъ, которыми въ настоящій моментъ такъ пестритъ демократія. Все спутано въ этомъ калейдоскопѣ и не сразу улавливаетъ глазъ изъ-за поверхностныхъ и проходящихъ настроеній господствующія тенденціи основнаго процесса. Не улавливаетъ потому, что групповыя — оффиціальныя — перегородки далеко не во всемъ совпадаютъ съ тѣми живыми перегородками, которыя существуютъ между отдѣльными демократическими теченіями въ дѣйствительности, и случайныя комбинаціи сегодняшняго дня передвигаютъ перспективу, сближая разнородное и заставляя являться въ различныхъ партійныхъ сочетаніяхъ элементы одной формаціи. Демократія то еле виднѣется, заслоненная фигурою умѣреннаго земца, то утопаетъ въ потокахъ соціалистической фразеологіи. И все же, въ этомъ хаосѣ оттѣнковъ не трудно различить двѣ основныя разновидности — правый и лѣвый фланги демократіи.

Лица свободныхъ профессій — адвокаты, врачи, литераторы, служащіе въ земскихъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, — въ большинствѣ поколѣніе 90-хъ годовъ, — вотъ главный контингентъ демократической правой. Въ ней много бывшихъ „марксистовъ" и бывшихъ народниковъ, вообще много бывшихъ людей, растерявшихъ свое credo, но подхваченныхъ волной возбужденія. Не принимая непосредственнаго участія въ эксплуатаціи труда капиталомъ и крестьянина помѣщикомъ, эта „правая" готова смотрѣть на крестьянскія волненія, подобно тому, какъ уже раньше смотрѣла на движеніе рабочихъ, — какъ на серьезное подсобное средство при расшаткѣ самодержавныхъ устоевъ. Плоть отъ плоти буржуазнаго строя, она достаточная, однако, реалистка, чтобы не пугаться и не брать въ серьезъ какого бы то ни было „чернаго передѣла" и какихъ бы то ни было революціонныхъ декламацій „соціалистовъ-революціонеровъ"; и настолько въ то же время дипломатична, чтобы, сочувствуя террористической сенсаціи, не подымать щекотливаго вопроса о боевыхъ способностяхъ „боевой организаціи". Не вынося революціонную соціаль-демократію, она чувствуетъ, наоборотъ, извѣстную близость къ такъ называемымъ соціалистамъ-революціонерамъ, и, свободная отъ „предразсудковъ" соціализма, проявляетъ широкую терпимость къ этой слабости демократической лѣвой.

Но у нея есть свой путь и своя собственная форма дѣятельности. Величайшій скептикъ относительно массъ, она полна романтизма по отношенію къ представителямъ имущихъ классовъ. Она вѣритъ въ конституціонную подоплеку будирующаго аграрія и въ современныхъ общественныхъ организаціяхъ провидитъ тотъ единственный рычагъ, который сдвинетъ самодержавную твердыню, подточенную всенароднымъ движеніемъ. Стремясь приспособить къ своимъ цѣлямъ излюбленныхъ земскихъ людей, она — какъ истая оппортунистка — приспособляетъ свои цѣли къ этимъ людямъ, и, презрительно косясь на „мавровъ" соціаль-демократіи,*) съ восторгомъ идетъ на службу къ „умѣреннымъ земцамъ, — въ „регистраторы земской политической мысли."*) Фальцетомъ г. П. Струве она выводитъ рулады, умильно поглядывая на новыхъ друзей, въ ожиданіи движенія воды, и ради прекрасныхъ глазъ г.г. Стаховича и Шипова спѣшитъ заранѣе отречься отъ первичнаго требованія демократіи — отъ всеобщаго избирательнаго права.**)

Если на демократическую правую наложило свою печать поколѣніе 90-хъ годовъ, то характеризующими элементами для *лѣвой* являются тѣ слои интеллигенціи, которые родились для сознательной жизни уже въ бурный періодъ послѣднихъ лѣтъ, въ разгаръ описаннаго нами поворота: такова демократія, вовлеченная въ круговоротъ политическихъ интересовъ недавними событіями, а до этихъ событій мирно дремавшая по градамъ и весямъ, далекая отъ арены пролетарской борьбы, но близкая запросамъ провинціальнаго и деревенскаго укладовъ; такова же, въ особенности, молодежь, выроставшая въ атмосферѣ университетскихъ волненій, съ совершенно опредѣленною ненавистью къ самодержавно-полицейскому строю и со столь же неопредѣленнымъ желаніемъ — всего лучшаго для міра.

Слагавшаяся въ то время, когда событія уже слѣдовали за событіями и взволнованное чувство искало немедленнаго выхода, демократическая лѣвая свободна отъ теоріи, которая неизбѣжно рисуется ей въ видѣ мертвой абстракціи, камнемъ висящей на живомъ организмѣ борьбы. Она свободна и отъ идейной преемственности и не вѣдаетъ даже того, что недавно еще было достояніемъ всего молодого поколѣнія демократіи. Русская демократическая интеллигенція въ свое время очень много мудрила надъ революціоннымъ ученіемъ пролетаріата, но *одной* стороной этого ученія она воспользовалась въ полной мѣрѣ. Вооруженная его аргументаціей, она справилась, наконецъ, съ утопизмомъ, такъ долго тяготѣвшимъ надъ умами, и поколѣніе, прошедшее черезъ школу марксизма, навсегда застраховало себя отъ рецидива допотопнаго народничества. Многіе изъ нынѣшнихъ представителей демократической правой когда то проходили эту выучку. Теперь они вельми приспособились и не прочь — при случаѣ — воскурить ѳиміамъ тѣмъ „общественнымъ соединеніямъ" въ крестьянствѣ, которыя тамъ близки душѣ соціалиста-революціонера, и охотно развили бы окрашенную крестьянофильствомъ программу, еслибы только испытующій взоръ Стаховича съ компаніей, покоясь на нихъ, не прилѣплялъ языка ихъ къ гортани. Но, все-таки, они прошли эту выучку, не все позабыли и ужъ, конечно, не способны поддаться фантому крестьянскаго движенія, провозвѣщающаго, якобы, демократичекую — и совсѣмъ „не буржуазную революцію". Другое дѣло — демократическая лѣвая, новичокъ на общественной сценѣ. Но и она, чтобы дойти до положенія, въ какомъ она находится въ настоящій моментъ, принимая съ благодарностью все, что ни подносится ей прыткими перьями соціально-революціонныхъ писателей, должна была, выйдя изъ состоянія политическаго небытія, вступить въ полосу теоретическаго дѣтства и безпринципной одичалости.

Только при условіи такого „развитія" становились возможными разговоры о томъ, что „ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто политической борьбѣ, какъ именно крестьянство", что „экономическіе интересы крестьянства... все яснѣе имъ сознаются и складываются въ еще туманномъ, еще неясномъ соціальномъ идеалѣ, до извѣстной степени родственномъ своей тенденціей нашему собственному", что „погружаясь въ глубины крестьянскаго моря, мы какъ бы опускаемъ кристаллъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революціонной кристаллизаціи" (см. „Отъ Крестьянскаго Союза Парт. соц.-рев.", „Рев. Россія" № 8, стр. 8 и 13).

Всѣ эти „наглядныя несообразности" проникаютъ въ среду демократической лѣвой, проникаютъ, потому что представляются производными того пестраго и отнюдь *не* „догматическаго" направленія, которое господствуетъ надъ умами, являясь въ своемъ культѣ террористической борьбы и интеллигентнаго „авангарда" лишь выраженіемъ стихійнаго освободительнаго порыва модолой демократіи, а въ своей идеализаціи крестьянства — ея вспыхнувшей надеждей на новый операціонный базисъ. Терроръ и крестьянство — на этихъ двухъ устояхъ покоится идеологія демократической лѣвой.

Демократія умѣренная и демократія революціонно-настроенная — у каждой изъ нихъ свой практическій лозунгъ, свой излюбленный тактическій пріемъ. Онѣ говорятъ на различныхъ жаргонахъ и въ то время, какъ одна изощряется въ дипломатично размѣренныхъ рѣчахъ, другая — не устаетъ козырять своей революціонностью. Тѣмъ не менѣе — противоположности сходятся; подчеркнутыя въ литературѣ „противоположности" чувствуютъ общность той почвы, на которой стоятъ въ дѣйствительности. Мы уже видѣли характерный документъ — письмо ссыльныхъ студентовъ, которому рукоплещетъ г. Струве за его либерализмъ и въ которомъ, однако, такъ много мотивовъ, принадлежащихъ по праву „соціально-революціоннымъ" писателямъ. Жизнь сближаетъ отдѣльныя части двуликой демократіи и ставитъ зачастую наблюдателя передъ затруднительнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ кончается „соціалистъ-революціонеръ" и гдѣ начинается сторонникъ „Освобожденія".

Не такъ давно, объявляя объ изданіи своей газеты, г. Струве обронилъ афоризмъ — объ умѣренныхъ-отцахъ и революціонерахъ-дѣтяхъ. Какъ общее положеніе, афоризмъ не выдерживаетъ критики и не дѣлаетъ чести своему автору. Но онъ пріобрѣтаетъ неожиданный смыслъ, если ограничить его примѣненіе предѣлами современной демократіи. Въ самомъ дѣлѣ, если отцы могутъ служить для дѣтей въ извѣстной мѣрѣ живымъ предзнаменованіемъ ихъ собственнаго будущаго, то мы готовы признать „отцами" — „умѣренныхъ" и „соціалистовъ-революціонеровъ" — „дѣтьми". Ибо не подлежитъ сомнѣнію — демократическое развитіе идетъ къ выработкѣ типа, гораздо болѣе приближающагося къ правой, чѣмъ къ лѣвой демократіи.

Терроръ! Возможно-ли, однако, сомнѣваться въ томъ, что терроръ допѣваетъ свои пѣсни? Противники террора, мы можемъ еще понимать обаяніе народовольческой тактики, но мы изумились бы нетребовательности и терпѣливому чувству молодой демократіи, продолжающей хранить свою дѣтскую вѣру въ символическіе выстрѣлы такъ называемой „боевой организаціи". Одиноко, въ кои вѣки раздающійся револьверный разрядъ — есть ли что общаго у этого случайнаго гостя общественной сцены съ тѣмъ, что называется тактическими пріемами политической партіи?

Крестьянство! Но скажите — неужели демократія, которая въ свое время въ ростущемъ рабочемъ движеніи не нашла удовлетворенія своимъ запросамъ и лишь теперь, въ моментъ всеобщаго возбужденія, пытается сбоку къ нему примазаться, — неужели эта демократія когда либо удовлетворится настоящимъ ходомъ крестьянскаго движенія? Голодный крестьянинъ разбираетъ амбары, онъ жаждетъ прирѣзки земли, только кое гдѣ виднѣются мерцающіе проблески политическаго сознанія, занесеннаго волнующимся городомъ въ еще темную деревню. Но этого одного уже довольно: демократія кричитъ, захлебываясь, отъ имени „Крестьянскаго Союза" — о „пересыщенномъ революціонизмомъ растворѣ", о „небуржуазной" революціи. Не трудно предвидѣть, что послѣдуетъ: чѣмъ выше подъемъ неразборчивыхъ восторговъ, тѣмъ больнѣе паденіе, тѣмъ глубже деморализующая реакція грядущаго разочарованія.

И вотъ, когда исчезнутъ надежды на терроръ, полиняютъ мечты о крестьянствѣ, рабочіе дадутъ должный отпоръ легкомысленнымъ всныпкопускателямъ и опустятся крылья революціоннаго порыва, что тогда? — Тогда

Съ насмѣшкою горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ,

и ученика надъ обманувшими его учителями, наша бывшая революціонерка отвернется отъ своего шумнаго прошлаго для того, чтобы найти успокоеніе на груди демократической правой.

Реформизмъ вмѣсто революціонности, скромная конституція вмѣсто грандіозно-широкихъ перспективъ „не буржуазнаго" переворота, рабочелюбіе и вражда къ соціаль-демократіи, рѣчи отъ имени и во имя народа и принципіальныя уступки буржуазнымъ союзникамъ... Все придетъ въ свое время! „Дѣти" будутъ достойны „отцовъ", и современная двуликая демократія завершитъ, наконецъ, свое развитіе въ единомъ и нераздѣльномъ дѣйствіи.

---

*) „Никогда ни къ какой теоріи я ни въ „мавры", ни въ рабы или крѣпостные не поступалъ и *поступить не былъ бы способенъ*" (курсивъ нашъ) — писалъ г. Струве въ іюнѣ 1901 года, раскланиваясь съ русской соціаль-демократіей (см. „М. Б." ст. „Противъ ортодоксальной нетерпимости").

*) См. „Освобожденіе" № 1, „Отъ редактора", стр. 6.

**) Статья была уже набрана, когда мы прочли въ № 17 „Освоб." о попыткѣ демократической правой порвать свою компрометирующую связь съ гг. Стаховичемъ и Шиповымъ. О новомъ либерально-демократическомъ курсѣ скажемъ въ другой разъ.

КАКЪ ОНИ „ПРИМИРЯЮТЪ".

> „Горе тѣмъ, которые говорятъ: миръ, миръ, — а мира нѣтъ. Горе тѣмъ, которые называютъ горькое сладкимъ и сладкое — горькимъ."

Въ передовой статьѣ № 17 „Рев. Россіи" наша замѣтка (въ № 31) объ „опекаемомъ студенчествѣ" объявляется „безтактной". Почему? Мы стремимся научить студентовъ „легкому ремеслу разъединеній и расколовъ" вмѣсто того, чтобы преподать имъ курсъ „дружной и солидарной работы". Упрекъ старый, какъ соціаль-демократія! „Наиболѣе сознательная часть студенчества, говоритъ „Р. Р.", считала и возможнымъ и нужнымъ создать широкую организацію студенчества на нѣкоторомъ *общестуденческомъ* дѣлѣ"... „неужели же могутъ мѣшать, недоумѣваетъ газета, общестуденческія организаціи революціоннымъ организаціямъ?" Дѣйствительно, чѣмъ провинились передъ нами „общестуденческія организаціи"? За что мы хотимъ ихъ „уничтожить", внеся въ ихъ среду „раздѣленіе и разъединеніе, дезорганизацію", моръ, гладъ и все остальное?... Нашей дезорганизаторской маніи противопоставляется разумъ одесскаго студенчества, заявившаго, что „студенчество въ цѣломъ сходится съ обѣими партіями (соц.-дем. и соц.-рев.) на почвѣ борьбы *за политическую свободу*, видя въ нихъ крупнѣйшую силу въ дѣлѣ сверженія самодержавія". (Курсивъ нашъ).

Прекрасно. Но гдѣ и когда мы отрицали за студенчествомъ право организоваться на „общестуденческомъ дѣлѣ"? „Студенчество, какъ таковое, писали мы, т. е. какъ коллективный авторъ университетскихъ безпорядковъ, демонстрацій и политическихъ резолюцій, имѣетъ свою физіономію, независимую отъ взглядовъ тѣхъ или иныхъ входящихъ въ его составъ студентовъ. Эта физіономія — демократическая." Но если студенчество получило такую физіономію, если оно сдѣлалось агентомъ политическаго революціонизированія русскаго общества, то исключительно благодаря тому, что почувствовало за стѣнами университета революціонное дыханіе пролетаріата. Тяготѣніе революціоннаго студенчества къ рабочимъ есть глубокопоучительный фактъ послѣднихъ лѣтъ. Общестуденческій съѣздъ 1902 г. вполнѣ правильно отразилъ это тяготѣніе, когда выразилъ пожеланіе, чтобы студенческіе комитеты состояли въ сношеніяхъ съ комитетами соц.-демократіи, какъ *партіи пролетаріата*.*)

Вотъ подлинныя слова „Манифеста", которыя революціонное студенчество никогда не должно забывать: „Констатируя фактъ совмѣстныхъ дѣйствій за послѣднее время студентовъ и рабочихъ, привѣтствуя отъ души это явленіе и выражая желаніе большаго единенія учащейся молодежи и пролетаріата, идущихъ нога въ ногу по пути требованія политической свободы, являющагося первымъ пунктомъ соціалистической программы, съѣздъ находитъ желательнымъ возможно широкую пропаганду соціалистическихъ идей среди студентовъ. Послѣднее необходимо для яснаго пониманія *роли и степени участія пролетаріата въ нашемъ движеніи*. Для лучшаго достиженія этой цѣли съѣздъ находитъ желательнымъ учрежденіе при всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ постоянныхъ организаціонныхъ комитетовъ, состоящихъ въ сношеніяхъ съ мѣстными Комитетами Россійской Соціаль-Демократической Партіи, къ которымъ съѣздъ обращается съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проектируемымъ организаціямъ."

И эту резолюцію мы называли политически-цѣлесообразнымъ актомъ, — ибо поскольку студенчество выступаетъ „на почвѣ борьбы за *политическую свободу*", оно не можетъ не искать поддержки у революціонной партіи, которая боролась до него, которая борется впереди него, — по скольку оно вступаетъ въ міръ соціалистическихъ идей, оно не можетъ не искать руководства у партіи, опирающейся на принципы научнаго соціализма. Можетъ быть, соціалисты-революціонеры скажутъ, что такую политическую поддержку и такое идейное руководство могутъ представить они сами? Прекрасно! Но вѣдь этимъ не обходится вопросъ о *выборѣ*? Да и нельзя его обойти. Помните, что „революціонная партія" — только понятіе, только отвлеченіе. Такой партіи нѣтъ. Есть партія соціальдемократическая, есть партія соціалистовъ-революціонеровъ. Можно „сходиться съ обѣими партіями на почвѣ борьбы за полит. свободу", но нельзя заразъ становиться къ обѣимъ въ *опредѣленныя организаціонныя отношенія*, разъ между самими партіями не существуетъ организаціонной связи. Можно объ этомъ жалѣть, можно это порицать, но нельзя это *игнорировать*. Нельзя забывать, что политическій союзъ — какъ бы онъ скроменъ ни былъ — налагаетъ на обѣ стороны опредѣленныя политическія обязательства. Студенческій съѣздъ вполнѣ правильно поставилъ вопросъ на почву постоянныхъ „сношеній", на почву политическаго *союза*, сказали бы мы, еслибъ это не было слишкомъ громко. Отсюда онъ необходимо долженъ былъ придти къ вопросу: союза — съ кѣмъ? И политическій разумъ заставилъ его обратиться въ сторону соціаль-демократіи. Прежніе студенческіе съѣзды не дѣлали такихъ разграниченій, жалуется „Рос. Рев." Прежніе съѣзды... Но вѣдь они происходили до вашего рожденія, коллега. Тогда не было *необходимости* выбора, ибо не было *возможности* выбора. Васъ не было. Соціаль-демократія была одинокой.

Нѣтъ, мы совсѣмъ не джеки-потрошители всякихъ „самостоятельныхъ, намъ не подчиненныхъ" группъ — не пожиратели организацій, основанныхъ на „общестуденческомъ дѣлѣ" — „освободительной борьбѣ съ самодержавнымъ режимомъ". Но мы находимъ нужнымъ за комбинаціей словъ искать комбинаціи понятій. „Борьба съ самодержавнымъ режимомъ" — несомнѣнно эта задача лишь съ большими оговорками можетъ быть названа „общестуденческимъ дѣломъ". Когда союзные совѣты обслуживали нужды взаимопомощи студентовъ, — они не переходили за порогъ университета. Когда лозунгомъ организованнаго студенчества стало требованіе отмѣны временныхъ правилъ или возстановленія устава 1863 г. — движеніе все еще оставалось чисто „академическимъ". Но репрессіи совершали свое воспитующее дѣло. Школа русской военной службы сдѣлалось для студента военной школой русской революціи. Въ началѣ прошлаго года движеніе стало увѣренной ногою на революціонно-политическую почву. Съ этого момента оно перестало быть *общестуденческимъ*, оно стало общедемократическимъ. Но оно перестало быть и общестуденческимъ, такъ какъ выступленіе на широкую арену демократической борьбы было связано съ расколомъ среди оппозиціоннаго студенчества: „академики" съ протестомъ оставляли сходки, на которыя принимались революціонно-политическія резолюціи. И мы спрашиваемъ нашего грознаго, но несправедливаго обличителя со страницъ „Рев. Рос.": какъ онъ

---

*) Мы надѣемся, что и „Р. Р." согласится съ нами, что до сихъ поръ она — разумѣется, по независящимъ обстоятельствамъ — не успѣла взять въ свои руки „руководство" борьбой пролетаріата. Правда, въ брошюрѣ аграрно-соціалистич. Лиги „Воля царская и воля народная" говорится, что „городской фабричный и заводскій рабочій уже соединяется съ соціалистами и... образуетъ вмѣстѣ съ ними *соціалистическую рабочую партію*" (жирн. шрифт. въ под.), тогда какъ „точнѣе" было бы сказать: *соціально-демократическую партію*, — но здѣсь нельзя видѣть, разумѣется, ничего иного, кромѣ желанія не углублять междуфракціонныхъ разногласій.

оцѣниваетъ этотъ расколъ? И какая изъ расколовшихся сторонъ играла прогрессивную роль: та ли, которая требовала, чтобы во имя „студенческаго дѣла“ студенты не переходили на почву политики и не измѣняли „трудному дѣлу солидарной работы“, — или другая, съ легкимъ сердцемъ усвоившая „ремесло разъединеній и расколовъ“? Мы боимся, что этотъ вопросъ можетъ поселить „расколъ“ даже въ дѣвственно-примирительномъ сердцѣ нашего критика...

Пойдемъ далѣе. Кіевскій Союзный Совѣтъ не удержался на голой почвѣ резолюцій 1902 г., — да и не могъ удержаться: его толкала внутренняя логика революціонной работы. Выдвинувъ радикальную **демократическую** программу, студенчество стало лицомъ къ лицу съ задачами революціонной тактики. Къ этому времени благополучно родилась Боевая Организація, — и студенчеству пришлось рѣшать вопросъ о систематическомъ террорѣ. Кіевскій Союзный Совѣтъ сказалъ свое террористическое „да“.[*] Тѣмъ самымъ онъ сказалъ соціаль-демократіи свое „нѣтъ“. Это его право. Но не перенесъ ли онъ „междуфракціонныя“ разногласія въ „общестуденческое дѣло“? И могъ ли онъ ихъ не перенести? И нѣтъ ли тутъ ущерба такъ называемой „дружной и солидарной работѣ“? Или ущербъ устраняется наивно-политиканскимъ заявленіемъ, что „студенчество не можетъ отдавать предпочтенія“?...

А сама „Рев. Рос.“ объясняетъ ли она оберегаемому ею отъ раскольниковъ студенчеству весь вредъ террористическихъ тяготѣній, отъ нихъ же раздѣленіе, разъединеніе и дезорганизація, — ибо, насколько извѣстно, терроръ не составляетъ „общестуденческаго дѣла“? Нѣтъ, не объясняетъ. Наоборотъ, она находитъ, что студенчество „высказало политическое чутье, выдвинувъ изъ своей среды героя — Карповича“. Конечно, въ этой полумистической, полусимволической фразѣ нѣтъ никакого содержанія. Но цѣль ея, разумѣется, — поощрить студенчество къ дальнѣйшимъ проявленіямъ „политическаго чутья“. Насколько намъ извѣстно, терроръ не принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ революціонной тактики, которые способствуютъ всеобщему „примиренію“. Не думаетъ же „Рев. Рос.“, что террористическое „чутье“ успѣло сдѣлаться „внѣфракціоннымъ“ качествомъ.

Конечно, не думаетъ — и, тѣмъ не менѣе, выражаетъ надежду, что „соціалистическая часть студенчества будетъ стремиться... чтобы студенчество поддерживало всѣми силами всѣ проявленія освободительной и (?) революціонной борьбы — будутъ-ли то рабочія демонстраціи, **террористическіе акты**, (курсивъ нашъ), вродѣ Карповича или Балмашева и т. п.“ Далѣе отъ той же „Рев. Рос.“ мы слышали, что „рабочія демонстраціи“ могутъ оказывать деморализующее вліяніе и что до поры до времени ихъ умѣстно замѣнить „террористическими актами, вродѣ Карповича или Балмашева.“ Соціаль-демократія этого не думаетъ. Какъ же быть опекаемому студенчеству, которое не можетъ „отдавать предпочтеніе“?...

Да, пора читателямъ „Рев. Рос.“ расшифровать немудрые „примирительные“ шифры органа „партіи соц.-рев.“ Пора понять, какъ пустошны, какъ фальшивы безбрежныя рѣчи о „примиреніи“ и „объединеніи“ со стороны тѣхъ людей, которые по всей линіи ведутъ ожесточенную борьбу противъ пролетарскаго міровоззрѣнія!...

Всюду и вездѣ они стараются сѣять скептицизмъ, голый скептицизмъ къ основамъ научнаго соціализма и къ методамъ классовой пролетарской борьбы, — и эту свою „критическую“ работу они прикрываютъ глубокомысленно-авторитетными фразами на тему о томъ, что „самостоятельно выработанныя убѣжденія“ важнѣе „легко наклеиваемыхъ фракціоныхъ ярлыковъ,“ что „революціонныя организаціи (не въ примѣръ Искрѣ) могутъ привѣтствовать развитіе объединеннаго студенческаго движенія“ и пр. и пр. По поводу этихъ банальностей мы можемъ лишь съ недоумѣніемъ пожать плечами и подивиться, какъ это мыслящіе люди могутъ не задохнуться въ атмосферѣ, насквозь пропитанной азбучными испареніями?

ГОЛОСЪ РАБОЧАГО.

„Что намъ болѣе всего нужно?“, подъ этимъ заглавіемъ было помѣщено письмо въ изданной ред. „Свободы“ брошюрѣ: „Рабочіе и интеллигенція“. Авторы этого письма стараются доказать необходимость изгнанія интеллигенціи изъ рабочей среды и для этого приводятъ слова Маркса: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Замѣчательно то, что многія мѣста самой статьи отрицаютъ смыслъ всей оной. Возьмемъ хотя бы слова, которыми она начинается: освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Великолѣпная мысль! Да, было бы безуміемъ желать, чтобы въ рабочемъ дѣлѣ принимали участіе враги рабочаго класса; но это еще не значитъ, что мы должны выгнать всѣхъ тѣхъ соціалистовъ, которые не занимаются физическимъ трудомъ. Если мы такъ будемъ думать, то мы скорѣе окажемся сектантами, чѣмъ соціалистами. Мы, какъ партія соціалистовъ, принимаемъ всѣхъ тѣхъ, кто сочувствуетъ нашему дѣлу, мы не хотимъ знать, къ какому классу человѣкъ принадлежитъ по рожденію, разъ мы знаемъ, что онъ соціалистъ. Главная бѣда въ томъ, что многіе не понимаютъ, что такое рабочіе и интеллигенція, и проводятъ рѣзкую грань между ними. Но если мы себѣ выяснимъ, что подъ словомъ „интеллигентъ“ мы не подразумѣваемъ извѣстную форму, оболочку, ярлычекъ, а сознательнаго человѣка, т. е. человѣка, который могъ бы быть руководителемъ, организаторомъ, агитаторомъ, пропагандистомъ, тогда мы свободно эту грань можемъ стереть, и заколдованное слово „интеллигентъ“, что такъ пугаетъ питерскаго корреспондента, игнорировать. Конечно, въ нашу среду часто попадаютъ буржуазные интеллигенты, которые, дѣйствительно, не обращаютъ никакого вниманія на дѣло. Но, вѣдь, это только волки въ овчарнѣ! но если таковые оказываются въ нашихъ центрахъ, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ сказать, что мы должны выгнать всѣхъ соціалистовъ, которые не имѣютъ мозолей на рукахъ. Напрасно авторы стараются объяснить всѣ наши неустройства тѣмъ, что въ организаціяхъ сидятъ интеллигенты. Если бы авторы обвинительнаго акта не страдали куриной слѣпотой, то они весьма легко могли бы убѣдиться въ томъ, что наша организація получаетъ сильные тормазы не потому, что интеллигенты стоятъ во главѣ нашихъ центровъ, а потому что мы до сихъ поръ еще находимся на ступени кустарничества, у насъ нѣтъ надлежащей организаціи, организація наша не централистическая, а мелко-кустарническая. Но мысль о необходимости централизаціи разстраиваетъ автору нервы. Онъ знаетъ, что у насъ часто отсутствуетъ необходимая конспирація, онъ совѣтуетъ комитету дѣйствовать особенно осторожно, но это не мѣшаетъ ему патетически восклицать по адресу сторонниковъ централизаціи: „какъ можно вносить царизмъ въ дѣло свободы!“

Самый большой грѣхъ интеллигентовъ, по мнѣнію автора письма, состоитъ въ томъ, что они отрицаютъ самодѣятельность рабочихъ. Но если въ этомъ можно упрекнуть какой-либо изъ органовъ, то ужъ не „Искру“ и не „Зарю“, ибо кто первый, если не „Искра“, указалъ на необходимость выработать изъ рабочей среды организаторовъ, агитаторовъ, пропагандистовъ? „Искра“ и говоритъ, что мы должны посвятить всѣ наши силы выработкѣ такихъ рабочихъ, которые могли бы съ успѣхомъ выполнять роль членовъ комитетовъ. Кто знаетъ, какъ сложна работа правильно дѣйствующей организаціи, какъ многообразны и разнообразны ея функціи, тотъ пойметъ, что въ такой работѣ, направляемой понимающимъ свои задачи Комитетомъ, масса будетъ принимать самое активное участіе. Поставьте правильно конспиративную организацію революціонеровъ, и вамъ будетъ не трудно заботиться о томъ, чтобы правильно развивалась самостоятельность массы.

Если наши петербургскіе товарищи настаиваютъ на томъ, чтобы всѣ конспиративныя дѣла вѣдала вся масса и всѣ были руководителями, то это только свидѣтельствуетъ о томъ, какъ плохо они знаютъ психологію массъ и то, при какихъ условіяхъ живетъ русскій соціалистъ... Если бы нашъ грозный судія не смотрѣлъ такъ узко на дѣло, онъ бы убѣдился, что централизація есть дѣло печальной необходимости.

Пойдемъ дальше. Наши организаціи еще слабы, но онѣ уже сила. Всѣ враги рабочаго класса боятся ихъ. Поэтому, надо стараться укрѣпить существующія организаціи, завязать новыя, гдѣ еще нѣтъ ихъ, и стараться связать ихъ въ одну рабочую партію. Истина неопровержимая! Но спрашивается, думаетъ-ли, работаетъ-ли въ этомъ направленіи кто-либо изъ всѣхъ органовъ, кромѣ „Искры“? Болѣе всего удивительно, что именно тѣ, кто такъ тонко поняли необходимость сплоченія всѣхъ группъ въ одну сплоченную партію, протестуютъ противъ постановленія о признаніи „Искры“ и „Зари“ руководящими органами! Протестъ ихъ есть только выраженіе необходимости „нянекъ“ и „командировъ“ для нихъ же, въ качествѣ каковыхъ и является почтеннѣйшій Л. Надеждинъ. Поощряемые имъ, они не стараются вникнуть въ суть дѣла и продолжаютъ кричать (и при этомъ довольно безсознательно), что мы въ настоящее время ни одинъ изъ существующихъ органовъ не можемъ признать выражающимъ наше направленіе, и желаемъ переорганизоваться и выработать собственную программу и уставъ. Да вѣдь это ребенокъ, который, желая показать, что онъ уже взрослый, одѣваетъ сапоги своей няньки и, получая отъ нея похвалы, не замѣчаетъ, какія мозоли натеръ онъ себѣ на ногахъ. Дѣло это большое и застоя не выноситъ, увѣряетъ насъ авторъ письма. Каждый потерянный день много значитъ, пора намъ, какъ слѣдуетъ, за дѣло взяться! Въ этомъ отношеніи и я вполнѣ согласенъ съ авторомъ, но не хочу быть такъ слѣпъ, какъ онъ, ибо наше дѣло, дѣйствительно, застоя не выноситъ, и мы должны принять самыя рѣшительныя мѣры. Поэтому, каждый честный соц.-дем. долженъ желать, чтобы во главѣ нашихъ организацій стояли самые сознательные товарищи, и при этомъ не спрашивать у нихъ паспорта и не смотрѣть имъ на ладони.

Л. Надеждинъ, какъ интеллигентъ, сильно оскорбленный петербургскимъ протестомъ противъ интеллигенціи вообще, употребляетъ всю свою мораль для пристыженія протестующихъ за узость ихъ пониманія, но при этомъ старается не раздражать капризнаго ребенка и пріобрѣсти его расположеніе. И вотъ онъ ему напѣваетъ колыбельную пѣсню на всѣ демагогическіе мотивы, какіе только есть въ его распоряженіи. Какъ пріятно это ласкаетъ его собственное ухо! и, зажмуривъ глаза, онъ не обращаетъ вниманіе на ту грязь, коей мажетъ свое собственное лицо. Надеждинъ, какъ демагогъ, улавливаетъ всѣ слабыя стороны читателя и желаетъ обратить ихъ въ сильное оружіе противъ своихъ оппонентовъ, но для приличія дѣлаетъ это такъ, чтобы не было замѣтно. Онъ начинаетъ громить интеллигенцію и между строкъ вставляетъ факты въ ея оправданіе. Потомъ опять нападаетъ на нее съ тылу, желая разбить на голову, но изъ великодушія этого не дѣлаетъ, и только такъ, слегка, толкаетъ ее въ загривокъ и уходитъ дальше. Главное его стремленіе, это — не подорвать довѣрія рабочихъ къ интеллигенціи, а указать, что если есть такіе интеллигенты, которые становятся поперекъ дороги рабочимъ, то это — искровцы. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что „Искра“, какъ руководящій органъ, ничего не дѣлаетъ въ пользу той массы, которую считаетъ главной своей опорой. Новая волна жизни, говоритъ истинный другъ рабочихъ, начавшись со студенческихъ безпорядковъ, подняла духъ интеллигенціи и въ то же время значительно искалѣчила мысль о самодѣятельности рабочихъ. Рабочая среда, какъ цѣлое, какъ-то потускнѣла, отступила на задній планъ; ярче сталъ вырисовываться тотъ рабочій, который выступаетъ на демонстраціяхъ, т. е. самые интеллигентные рабочіе, и на нихъ только и обращаютъ вниманіе! а масса, масса — ничто, масса — пигмей противъ маленькой кучки сознательныхъ рабочихъ, — отечески вздыхаетъ Надеждинъ. И, какъ видно, для того, чтобы окончательно унизить своего врага, сейчасъ же приводитъ конкретные факты, какъ-то цитаты изъ отдѣльныхъ номеровъ „Искры“. Этимъ выстрѣломъ, какъ видно, думалъ сразить врага въ самое сердце. Но, къ счастью „Искры“, онъ стрѣлокъ довольно неопытный. И если бы Надеждинъ не увлекался своей демагогіей, онъ бы убѣдился, что собственными словами онъ отрицаетъ самого себя. Когда въ „Искрѣ“ появилась замѣтка о томъ, что „Искра“ назначается для болѣе или менѣе интеллигентныхъ рабочихъ, а для сѣрой массы существуетъ агитаціонная литература въ видѣ листковъ, брошюръ и т. п., то Надеждинъ съ проніей подчеркнулъ: и является руководящимъ органомъ рабочей партіи! Словомъ, онъ изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы доказать, что „Искра“ существуетъ только для интеллигенціи, но ничуть не для рабочихъ, и продолжаетъ вопрошать: что за странное раздѣленіе рабочихъ на понимающихъ достаточно сложную для пониманія интеллигентскую „Искру“ и на ничего не читавшихъ. Это-де полное незнаніе рабочей среды, незнаніе того, что въ ней существуетъ очень обширный слой, берущій и изъ библіотекъ, и у знакомыхъ, и покупающій всякія, какія придется, книги и газеты. Этотъ слой достаточно развитъ, у него много запросовъ, и съ нимъ надо говорить серьезнымъ языкомъ. Но если такъ, о мудрѣйшій философъ, если у насъ, дѣйствительно, есть такой слой развитыхъ рабочихъ (и при томъ еще довольно обширный), то къ чему же кричать до изнеможенія, что „Искра“ никакъ не можетъ быть понята рабочими!? Для рабочихъ-середняковъ, говоритъ авторъ въ своей замѣткѣ, нужна своя толковая, ясная литература, и для подкрѣпленія этого факта прибавляетъ, что „Искра“ навязываетъ рабочимъ думы о какихъ-то университетахъ, земствахъ, земскихъ статистикахъ, и еще о какихъ-то учрежденіяхъ. Надѣюсь, что читатель пойметъ, какая здѣсь безсознательная иронія. Если не забыть, что мы, какъ общественное цѣлое, не можемъ разсчитывать на успѣхъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ критически относиться ко всѣмъ общественнымъ явленіямъ, т. е. пока мы не будемъ сознательно понимать отношеніе однихъ классовъ къ другимъ и всѣ въ совокупности по отношенію къ рабочимъ, — то о сюда будетъ ясно, почему „Искра“ обличаетъ всѣ общественныя явленія и всю закулисную жизнь. И рабочій это читаетъ съ жадностью, и часто, слишкомъ часто чувствуется недостатокъ въ такомъ матеріалѣ: какъ видно, рабочіе лучше понимаютъ, что имъ нужно, нежели Надеждинъ. Мы, которые стремимся къ соціализму, должны всколыхнуть народное море, нашими могучими волнами мы должны давить всей тяжестью на историческій молъ. Но не философіей, не астрономіей мы достигнемъ этого; для этого мы должны безпрестанно будить народныя массы, каждое общественное явленіе показать въ полномъ его видѣ, и чѣмъ интенсивнѣе будетъ наша работа въ этомъ направленіи, тѣмъ шире будетъ нашъ авангардъ, тѣмъ больше шансовъ у насъ на успѣхъ. „Искра“, и никто другой, задалась этой цѣлью...

При такихъ обстоятельствахъ ясно, что наша работа становится все сложнѣе и сложнѣе, все больше чувствуется недостатокъ въ руководящихъ силахъ, и поэтому-то „Искра“ обращаетъ вниманіе на наиболѣе способныхъ рабочихъ, и если нашъ другъ рабочихъ плачетъ надъ этимъ, то это еще разъ доказываетъ, какъ мало онъ понимаетъ интересы нашего дѣла. И, кажется, не лишними будутъ слова: „избави насъ, боже, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся“. ОДЕССКІЙ РАБОЧІЙ.

⁂

Выше мы помѣстили письмо Одесскаго рабочаго по поводу брошюры „Рабочіе и интеллигенція“ (повидимому, это не что иное, какъ пресловутое приложеніе къ „Откликамъ“). Той же брошюрѣ посвящена передовая статья № 11 „Южнаго Рабочаго“, озаглавленная: „Дѣло освобожденія рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Разъяснивъ значеніе этого девиза соціалистическаго движенія, редакція спрашиваетъ тѣхъ, кто, какъ авторы извѣстнаго петербургскаго воззванія, всуе употребляетъ эти слова: „Зачѣмъ же вы дѣлаете изъ нихъ такое употребленіе? зачѣмъ вы злоупотребляете дорогимъ для насъ всѣхъ именемъ? Рабочій классъ долженъ взять свою судьбу въ свои руки. Рабочій классъ... понимаете, а не вы: Иванъ, Степанъ и т. д.“ остроумно возражаетъ редакція той группѣ, которая вообразила, что противопоставленіе рабочаго класса буржуазіи можно подмѣнить противопоставленіемъ соціалиста-рабочаго соціалисту-интеллигенту.

„Въ рабочемъ классѣ, говорится далѣе, пробуждается стремленіе къ самодѣятельности: онъ сознаетъ себя гражданиномъ, человѣкомъ; но путы нашего самодержавнаго режима не даютъ выхода этимъ стремленіямъ. И прекрасно! Столкните рабочій классъ съ этими путами, и онъ разорвѣтъ ихъ. Обостряйте это противорѣчіе. А вы... что вы предлагаете? Вы предлагаете создать какія то миѳическія рабочія организаціи, которыя могутъ въ лучшемъ случаѣ охватить сотни сознательныхъ рабочихъ, и думаете, что вы призвали къ „самодѣятельности“ рабочій „классъ“. Другіе изъ вашихъ единомышленниковъ предлагаютъ всѣмъ рабочимъ объединиться въ кассы, внося „хоть двѣ копѣйки съ заработаннаго рубля“. Вы, сами того не зная, играете на руку врагамъ, такъ какъ вмѣсто обостренія противорѣчій, вмѣсто того, чтобы заставить рабочій классъ почувствовать во всей силѣ удары бьющихъ его по ногамъ оковъ, вы затуманиваете ему глаза какой-то мнимой „самодѣятельностью“. Или вы, дѣйствительно, настолько наивны, что думаете объединить значительную часть русскаго пролетаріата въ тайное общество?“

Призывая къ работѣ надъ организаціей Партіи, редакція замѣчаетъ по поводу нападокъ на „Что дѣлать?“ Ленина: „Къ сожалѣнію, его (Ленина) не только не поняли многіе изъ массы дѣйствующихъ товарищей, но даже такіе, которые претендуютъ на руководящую роль. Многіе приписывали Ленину и его товарищамъ свои собственныя желанія и помышленія. Насъ глубоко возмущаютъ всѣ тѣ разговоры о командованіи и диктатурѣ, которые всегда на устахъ господъ изъ „Борьбы“ и отчасти Надеждиныхъ и родственнаго имъ автора статьи въ брошюрѣ „Рабочіе и интеллигенція“... Бросьте всякія неприличныя фразы о командованіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ онѣ болѣе оскорбительны для произносящихъ, чѣмъ для того, противъ кого онѣ направлены. Вашей свободѣ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность“.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Нами получена вышедшая въ Россіи въ декабрѣ печатная прокламація „Къ офицерамъ“, за подписью „Военно-революціонная организація“. Приводимъ цѣликомъ текстъ прокламаціи для того, чтобы товарищи, имѣющіе къ этому возможность, ознакомили съ нею (напр., путемъ воспроизведенія) тѣ военные круги, въ которыхъ ее не удалось распространить издателямъ.

„Событія послѣднихъ лѣтъ, совершившіяся въ нашемъ отечествѣ, указываютъ, что революціонное движеніе широкой волной охватило всѣ слои русскаго общества. Явленіе это не новое и за послѣднія десятилѣтія выросли только его размѣры, измѣнились формы борьбы. Причины его коренятся въ тѣхъ ненормальностяхъ, которыя мы получили по наслѣдству отъ крѣпостного права, и тѣхъ, которыя создала современность. Самымъ вреднымъ и крупнымъ пережиткомъ „добраго стараго времени“, въ устраненіи котораго заинтересованы всѣ элементы нашего общества, является самодержавная власть, опирающаяся на невѣжество, произволъ и насиліе, враждебная всякому свободному культурному развитію.

„Въ „эпоху великихъ иллюзій“, когда Россія переживала еще медовый мѣсяцъ своей „свободы“ отъ крѣпостного права; когда общество еще ждало многаго отъ правительства, выступившаго въ роли „освободителя“, — недовольство самодержавнымъ режимомъ не могло захватить широкихъ круговъ населенія; противорѣчія его съ новымъ нарождающимся укладомъ жизни были понятны только тѣмъ, кто на себѣ чувствовалъ ихъ тяжесть; поэтому, и борьба съ самодержавіемъ носила характеръ героической схватки сравнительно немногочисленной группы интеллигентовъ, ряды которой пополнялись отдѣльными личностями изъ другой среды, яснѣе другихъ сознавшими и почувствовавшими всю неправду, вносимую въ жизнь деспотизмомъ царской власти. Время измѣнило условія и характеръ борьбы и вовлекло въ нее широкія массы: усложнились экономическія, а съ ними и правовыя отношенія, народились новые общественные классы, и передъ русской жизнью все настойчивѣе и неотложнѣе встаетъ вопросъ о необходимости гражданской свободы и законнаго правопорядка. Абсолютизмъ, исконный врагъ этихъ началъ общественной жизни, неизбѣжно долженъ былъ возстановить противъ себя всѣ слои населенія, даже тѣ общественныя группы, которыя пользовались поддержкой правительства и были до настоящаго времени его вѣрными союзниками. Сознаніе необходимости человѣческихъ правъ побороло суевѣріе о святости самодержавія, проникло въ народную среду; недовольство формулируется и выростаетъ въ ненависть, протестъ изъ стихійнаго становится организованнымъ, борьба принимаетъ массовый и планомѣрный характеръ, а правительство своими жестокими мѣропріятіями и тупымъ упрямствомъ вноситъ въ борьбу все болѣе озлобленія и страстности.

„Безправная, невѣжественная крестьянская масса, отданная во власть помѣщиковъ и администраціи, выносящая на своихъ плечахъ весь многомилліонный бюджетъ, страдающая отъ малоземелья, изнуренная голодовками, просыпается, тянется къ свѣту, къ знанію, предъявляетъ права на человѣческое существованіе и протестуетъ противъ общественной неурядицы. Послѣднія событія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, нашедшія откликъ во многихъ губерніяхъ, особенно на югѣ, указываютъ на размѣры этого протеста и на его характеръ; звѣрская расправа правительства надъ участниками крестьянскихъ волненій окончательно разбила жалкій остатокъ мужицкихъ иллюзій о царѣ-народолюбцѣ.

„Но если громадная масса крестьянства еще не вполнѣ ясно представляетъ себѣ всѣ детали гнетущаго ее государственнаго механизма, за то городской рабочій, поставленный жизнью въ условія наиболѣе частаго соприкосновенія съ властью, все яснѣе сознаетъ, что его борьбѣ за лучшее будущее, за освобожденіе отъ гнета капитала должна предшествовать борьба съ самодержавіемъ. Онъ первый сталъ пополнять ряды интеллигентныхъ бойцовъ, и въ настоящее время представляетъ правильно организованную силу, которая выступила въ борьбу, какъ классъ съ вполнѣ ясными и опредѣленными требованіями: на красномъ знамени рабочихъ, развѣвающемся во время демонстрацій, рядомъ съ требованіями 8-часоваго рабочаго дня, красуются надписи: „Долой самодержавіе! да здравствуетъ свобода!“ Всѣ усилія власти, всѣ заботы ея направлены къ тому, чтобы подавить это движеніе, растущее съ каждымъ днемъ; варварскія же средства, которыя для этого пускаетъ въ ходъ правительство, вносятъ въ борьбу лишь ожесточеніе и толкаютъ массу на путь кровопролитія, на путь террора.

„Къ тѣмъ же мѣрамъ прибѣгло правительство для подавленія студенческаго движенія, возникшаго сначала на почвѣ недовольства академическими порядками. На требованіе студентовъ правительство отвѣтило избіеніемъ ихъ въ аудиторіяхъ, на улицѣ, тюрьмой, отдачей въ солдаты, ссылкой въ Сибирь — и тѣмъ толкнуло ихъ въ ряды борющихся за попранныя права человѣка-гражданина, на путь общеполитической борьбы.

„Царское самовластье, полный административный произволъ, пренебреженіе интересами не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ общественныхъ группъ накопили много горечи даже ъ вѣрноподданническомъ сердцѣ буржуазіи и землевладѣльцевъ ство, которому правительство оставило лишь тѣнь самоуправія, уже организуетъ свои силы для борьбы, объявило заграичный органъ „Освобожденіе“ литературнымъ выразителемъ воихъ стремленій и, наконецъ, въ уѣздныхъ комитетахъ, созванныхъ для обсужденія мѣропріятій къ поднятію народнаго хозяйства, открыто высказалось за необходимость измѣненія всей правовой конституціи страны, за широкія общія мѣры къ поднятію всей ея культуры. Такимъ языкомъ говоритъ не „увлекающаяся“ молодежь, а землевладѣльцы, чуждые всякихъ „иллюзій“ и „увлеченій“.

---

[*] См. прокламацію Союзнаго Совѣта отъ 3 ноября, въ которой повѣствуется, какъ „партія соц.-рев., признающая, наряду съ другими средствами борьбы, терроръ, рѣшила выдѣлить изъ себя „Боевую Организацію“, которая занялась бы устраненіемъ наиболѣе вредныхъ представителей правительства“... Совсѣмъ, какъ въ передовицахъ „Рев. Рос.“. Но любопытно вотъ что: послѣдній студенческій съѣздъ, искавшій сближенія съ соц.-дем., оказался виновнымъ въ томъ, что „увлекся случайнымъ подборомъ лицъ извѣстнаго направленія на съѣздѣ“ (№ 17). Не виновенъ ли въ томъ же и Кіевскій Союзный Совѣтъ? Безпристрастное мнѣніе „Рев. Рос.“ значительно помогло бы уясненію этого интереснаго вопроса.

„Близорукое правительство, неспособное понимать запросы времени, вездѣ создаетъ себѣ враговъ. Политика „умиротворенія“ окраинъ вызываетъ лишь обостреніе отношеній, національный гнетъ воспитываетъ національную ненависть и сепаратныя стремленія. Вѣками созданная культура Финляндіи, отличная отъ русской и особая ея конституція показалась несовмѣстимой съ самодержавіемъ. Однимъ почеркомъ пера Николай II отмѣняетъ основные законы страны, на вѣрность которыхъ онъ самъ присягалъ. Финскій народъ, сжившійся со своей свободой, протестуетъ противъ такого грубаго попранія его правъ, и вотъ въ странѣ, гдѣ неприкосновенность личности — святое право каждаго, начинается казацкая расправа, и лойяльная до сихъ поръ Финляндія стала злѣйшимъ врагомъ русскаго деспота.

„Въ какой бы уголокъ вы ни заглянули, всюду встрѣчаетесь вы съ самымъ безшабашнымъ произволомъ, съ самымъ грубымъ насиліемъ, но и всюду вы чувствуете, что находитесь въ атмосферѣ общаго недовольства, протеста, сознательныхъ желаній, требованій; всюду встрѣчаете элементы борьбы, присутствуете при самой борьбѣ. Правительство видитъ, что почва уходитъ изъ подъ его ногъ, — теряетъ голову, бросается изъ стороны въ сторону, и то идетъ на уступки, то опять хватается за насиліе, какъ единственное средство спасенія, не замѣчая, что само подрываетъ свои основы и увеличиваетъ пропасть между собой и страной.

„Бюрократія и армія — вотъ тѣ силы, на которыя возлагаетъ надежды правительство въ своей борьбѣ съ народомъ; въ нихъ оно видитъ себѣ опору, на нихъ покоится тронъ...

„Но жизнь ясно показываетъ, что бюрократія, поскольку она связана съ землей или капиталомъ, сама способна стать и дѣйствительно становится въ ряды недовольныхъ; что же касается той ея части, которая пополняется изъ среды выгнанныхъ офицеровъ и разорившихся помѣщиковъ, то ея дикая разнузданость оказываетъ правительству плохую услугу, толкая его въ ту пропасть, гдѣ суждено погибнуть всему теперешнему правовому строю.

„Посмотримъ теперь, насколько правильны разсчеты правительства на другую свою опору — армію, и въ правѣ-ли оно считать ее настолько надежной и преданной, чтобы относиться съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественнымъ требованіямъ; можетъ-ли оно и впредь за охраной штыковъ такъ безнаказанно и цинично попирать права народа, какъ оно поступаетъ до сихъ поръ?

„Въ сѣрую „дисциплинированную“ солдатскую массу все чаще и чаще проникаетъ правдивое слово жизни и находитъ себѣ откликъ; участіе арміи совмѣстно съ полиціей въ прекращеніи безпорядковъ, близкое соприкосновеніе ея съ рабочими и сознаніе солдатомъ своей кровной связи съ ними ставитъ передъ нимъ цѣлый рядъ вопросовъ и кто можетъ ручаться, какая мысль роится, какое рѣшеніе сложится въ этихъ съ виду покорныхъ головахъ? Не даромъ военный министръ въ письмѣ къ командующимъ войсками призываетъ къ охраненію арміи „отъ тлетворнаго вліянія противоправительственной пропаганды“, считая это дѣломъ „первостепенной важности“.

„И если присмотримся къ жизни повнимательнѣе, то мы замѣтимъ много такихъ явленій, которыя указываютъ, что опасенія Его Высокопревосходительства небезосновательны.

„Четыре года твердятъ солдату о „святости присяги“, о дисциплинѣ, объ его обязанностяхъ, воспитываютъ въ немъ преданность престолу, и тотъ же самый солдатъ въ запасѣ — стоитъ въ рядахъ „внутреннихъ враговъ“ во время стачекъ, демонстрацій, безпорядковъ. Вотъ еще фактъ того же рода. М. В. Д. въ письмѣ къ старшимъ войсковымъ начальникамъ предупреждаетъ ихъ, что, по его свѣдѣніямъ, пребываніе въ войскахъ студентовъ, сданныхъ за безпорядки, оставило „неблагопріятные слѣды“ на офицерахъ и нижнихъ чинахъ и что съ уходомъ ихъ со службы связь не порвалась. Не ясно-ли отсюда, что вся солдатская выучка не можетъ проникнуть глубоко въ сознаніе, что жизнь сильнѣе ея, и все искусственно привитое при столкновеніи съ жизнью исчезаетъ быстро, безъ слѣда? Не крѣпка, значитъ, солдатская муштровка, если жалкая горсть молодежи, въ большинствѣ случаевъ и сама плохо освѣдомленная, за краткій періодъ службы, находясь подъ усиленнымъ надзоромъ, вмѣсто собственнаго „исправленія“, могла оставить слѣды своего вліянія!

„Трудно создать изъ солдата живую машину, которая только и разсуждала бы въ предѣлахъ отданнаго приказанія: всегда въ немъ кроется способность критическаго отношенія къ этому приказанію и протеста при его исполненіи, а какую форму онъ приметъ, — все зависитъ отъ условій мѣста и времени. Кто близко соприкасается съ этой средой, кто старается проникнуть въ солдатскую психологію, допускаетъ въ солдатѣ наличность человѣка, а не третируетъ его, какъ существо низшаго порядка, — тотъ знаетъ, насколько мы правы. Жизнь богата фактами этого рода и на нихъ нельзя закрывать глаза, съ ними надо считаться.

„Вы, безъ сомнѣнія, неоднократно читали правительственныя сообщенія о безпорядкахъ, въ прекращеніи которыхъ на долю арміи выпадала позорнѣйшая роль; обратили-ли вы вниманіе, что послѣ нѣсколькихъ залповъ въ упоръ въ толпу число убитыхъ и раненныхъ весьма незначительно? Когда одинъ изъ начальниковъ дивизіи, указывая на это, ставилъ въ вину офицерамъ слабую подготовку къ стрѣльбѣ ихъ частей, ни у кого изъ присутствовавшихъ не хватило достаточно мужества сказать, — хотя всѣ это сознавали, — что въ народъ стрѣляли только безнадежныя тупицы, которыхъ въ каждой ротѣ найдется до десятка; что только они безпрекословно исполняютъ всякое приказаніе, — только они „настоящіе“ солдаты, а всѣ прочіе стрѣляли черезъ головы, потому что они прежде всего люди. И это совершенно понятно. Солдаты — дѣти народа, и если находятся среди нихъ такіе, у которыхъ не дрогнетъ сердце, когда они посылаютъ смерть въ своихъ близкихъ, то вся вина, весь позоръ за это падаетъ не на этихъ несчастныхъ, а на ихъ руководителей. Правительство понимаетъ это, и чтобы подавить въ солдатѣ чувство кровной связи, отправляетъ его на службу подальше отъ родины.

„Мы обращаемся къ вамъ, товарищи, и предлагаемъ вамъ вникнуть въ совершающіяся передъ вами событія; мы убѣждены, что роль, назначенная вамъ правительствомъ, найдетъ протестъ въ вашей средѣ; что и вы раздѣляете ненависть всего народа къ царю-самодержцу, сдѣлавшему изъ васъ покорное оружіе національнаго порабощенія и политическаго гнета, участниками его преступленій и виновниковъ за пролитую кровь и слезы, загубленныя жизни, разбитыя надежды; вы не можетъ забыть, что офицеръ прежде всего гражданинъ и сынъ народа, что у васъ есть обязанности передъ родиной, изголодавшейся, засѣченной, избитой. Мы знаемъ, что только недоразумѣніе, да малое знакомство съ законами соціальной жизни держитъ васъ въ лагерѣ правительства; мы предлагаемъ вамъ изучать историческія судьбы нашего отечества и ознакомиться съ текущей дѣйствительностью, такъ какъ только знаніе поможетъ найти правду, лишь оно одно укажетъ, какое мѣсто въ рядахъ борющихся вы, какъ общественныя личности, должны занять; только оно одно дастъ вамъ возможность разобраться въ совершающихся событіяхъ нашей эпохи, когда старое рушится, а на его развалинахъ создается новое.

„Наши свободные станки, которые растутъ, не смотря на всѣ преслѣдованія правительства, придутъ вамъ на помощь; ихъ свободное слово будетъ проникать къ вамъ, не смотря на рогатки жандармовъ; мы хотимъ говорить правду не подъяремнымъ языкомъ, не въ освѣщеніи правительства, такъ какъ право на это мы окупаемъ годами тюрьмы и ссылки; но мы просимъ васъ лишь объ одномъ — выслушать это слово, и мы знаемъ, куда направятся ваши симпатіи.

„Товарищи! Армія, эта плоть отъ плоти, кость отъ костей народа, не должна и не можетъ быть чуждой народу и его интересамъ; ея мѣсто не въ средѣ тѣхъ, кто куетъ цѣпи, а тамъ, гдѣ ихъ разбиваютъ. Народъ въ союзѣ съ арміей вырветъ съ корнемъ вѣковую неправду и найдетъ дорогу къ своему счастью! Ваше участіе необходимо, но ваше сопротивленіе не можетъ спасти того, что обречено на гибель, оно создастъ только лишнія могилы бойцовъ.

„Самодержавіе должно погибнуть — это его историческая судьба, ибо „нельзя влить молодое вино въ мѣхи старые“!...

„Размѣры настоящаго письма не позволяютъ намъ подробно остановиться ни на одномъ изъ затронутыхъ нами вопросовъ, указать на ихъ литературу, статистическія и другія данныя; это мы сдѣлаемъ въ нашихъ отдѣльныхъ изданіяхъ. Тамъ мы познакомимъ васъ съ законами соціальной жизни, обратимъ вниманіе на тѣ явленія, которыя лишь мелькомъ попадаютъ или вовсе не попадаютъ въ нашу подцензурную печать и мимо которыхъ нетрудно пройти; мы соберемъ ихъ вмѣстѣ и дадимъ имъ надлежащее освѣщеніе.

„Мы увѣрены, что товарищи, сочувствующіе освободительному движенію, не останутся безучастными зрителями кипящей вокругъ нихъ „битвы жизни“, ибо „кто не за насъ, тотъ противъ насъ“, а примутъ въ ней дѣятельное участіе, вліяя на своихъ товарищей словомъ, примѣромъ, организуя кружки, помогая работающимъ уже революціоннымъ организаціямъ, распространяя литературу и т. д. — Декабрь 1902 г.

Военно-Революціонная Группа“.

Отъ всей души привѣтствуемъ новую революціонную организацію и желаемъ ей успѣха въ ея трудномъ и очень важномъ дѣлѣ. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ серьезность тона и убѣдительность и ясность изложенія, характеризующія это литературное произведеніе. И съ полнымъ удовлетвореніемъ мы констатируемъ, что наши военные товарищи съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ и съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслись къ революціонному пробужденію пролетаріата и съумѣли оцѣнить политическое значеніе русскаго рабочаго движенія. Это обстоятельство позволяетъ надѣяться на то, что революціонное дѣло, начатое „военно-революціонной группой“, будетъ ею вестись въ тѣсномъ согласіи съ русской соц.-демократіей.

Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ о новой организаціи, позволяютъ утверждать, что поднятое ею знамя находится въ надежныхъ рукахъ и что она приступила къ открытой агитаціи не прежде, чѣмъ укрѣпила свои силы и стала твердо въ организаціонномъ отношеніи.

Намъ пишутъ, что прокламація была распространена среди офицеровъ въ городахъ: Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Двинскѣ, Троднѣ, Гомелѣ, Варшавѣ, Житомірѣ, Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ.

Привѣтъ отъ партіи русскаго пролетаріата піонерамъ революціонной идеи въ самой цитадели нашего заклятаго врага!

Петербургъ. На студенческомъ собраніи въ день университетской годовщины 8 февраля было прочитано слѣдующее воззваніе нашихъ петербургскихъ товарищей:

Россійская соціаль-демократическая рабочая партія.

Открытое письмо къ студенчеству.

„Къ 8 февраля 1903 г. мы принуждены констатировать „заминку“ въ студенческой жизни. Затихли споры въ кружкахъ, затихла жизнь землячествъ, затихли протесты противъ университетской неурядицы... Эту „заминку“ мы объясняемъ себѣ не столько децимированіемъ студенчества въ послѣдніе три-четыре года, не столько усиленіемъ реакціи, сколько основнымъ настроеніемъ студенчества. Какое то уныніе и растерянность охватили его. И хотя въ жизни эти настроенія являются лишними и ненужными, психологически и исторически они вполнѣ понятны. Они вытекаютъ изъ отсутствія стройнаго революціоннаго міропониманія, изъ отсутствія солиднаго теоретическаго обоснованія Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что наша молодежь въ массѣ своей отошла отъ научнаго соціализма, увлекаемая чортъ знаетъ въ какія дебри и метафизики, и религіи, и эстетики разными дипломированными и недипломированными пророками нашего времени, отличительнымъ и общимъ признакомъ которыхъ служитъ, однако, отступничество отъ убѣжденій золотого періода ихъ жизни.

„Товарищи! По отношенію къ вамъ, мы старое поколѣніе. Начало нашей сознательной жизни относится къ началу девяностыхъ годовъ. Наше вдохновеніе и міропониманіе мы черпали изъ первоисточниковъ. Нашимъ евангеліемъ былъ „Капиталъ“ Карла Маркса, комментаріями къ нему была почти вся библіотека научнаго соціализма — соціализма, не прошедшаго черезъ русскую цензуру, не обезцвѣченнаго примѣнительно къ обстоятельствамъ. Выступленіе теорій научнаго соціализма изъ студенческихъ кружковъ въ оффиціальную литературу было началомъ упадка по сравненію съ тѣмъ временемъ. Принужденный пользоваться эзоповскимъ языкомъ нашей литературы, принужденный къ недомолвкамъ, научный соціализмъ долженъ былъ естественно исказиться въ проповѣди русскихъ оффиціальныхъ глашатаевъ его. Кромѣ всего этого онъ, въ силу политическихъ условій русской жизни, не могъ итти рука объ руку съ рабочимъ движеніемъ и черпать изъ него свое воодушевленіе, свой революціонный пылъ, свою энергію, онъ по неволѣ становился академичнымъ т. е. лишался своего исходнаго пункта, своей жизни, что такъ хорошо выразилъ Либкнехтъ: мы хотимъ сражаться, мы хотимъ побѣдить. Лишенный души, научный соціализмъ неизбѣжно долженъ былъ превратиться въ русской литературѣ въ схоластику, въ фразеологію. Вполнѣ естественно, конечно, что увлеченіе оффиціальной литературой отвлекало силы отъ разработки теоріи въ литературѣ подпольной. Дальнѣйшую эволюцію вы знаете... Оффиціальная литература, не имѣя ни возможности, ни силъ заняться уясненіемъ, разработкой широкими штрихами намѣченной теоріи, ударилась въ „критику,“ — благо критика вообще легка, — да и въ критику одностороннюю, которая была болѣе всего по зубамъ, болѣе всего соотвѣтствовала настроенію: выше лба уши не растутъ... Молодое поколѣніе, пріѣхавшее въ столицы, скоро стало питаться исключительно критикой теоріи, критикой такой плодовитой, что изъ-за нея уже некогда было заняться самой теоріей. Съ тѣхъ поръ вожди литературы этого направленія пошли дальше... И критику смѣнили свои теоріи. На сценѣ появились и метафизика, и мистика... и все это въ оригинальномъ русскомъ переложеніи съ нѣмецкаго, какъ у большинства, или въ менѣе оригинальномъ богословскомъ стилѣ, какъ у Булгакова... А жизнь тѣмъ временемъ шла и развивалась своимъ путемъ, стихійно и быстро... Молодому участнику быстро текущей жизни предыдущихъ лѣтъ не могло не казаться, что наконецъ то революція началась: народъ, доселѣ тупо смотрѣвшій на студенческія сходки, пошелъ, наконецъ, въ лицѣ городскихъ рабочихъ вмѣстѣ съ ними... на демонстраціи и даже впереди ихъ... Но этотъ народъ нѣсколько поубавился на слѣдующихъ демонстраціяхъ и, повидимому, сталъ снова уходить отъ студенчества. Естественно въ умѣ зарождается мысль, что „разъ счастье было такъ близко, такъ возможно,“ то еще напоръ и... врагъ бѣжитъ... Что начато демонстраціями, то докончитъ терроръ... Но терроръ не пошелъ... терроръ не приводитъ къ желаннымъ результатамъ... Что же дѣлать? Молодые люди должны были растеряться, настолько, конечно, насколько у нихъ не было точнаго и яснаго пониманія законовъ развитія всякаго общества и, въ частности, общества русскаго. Если бы у нихъ была хорошая теоретическая подготовка, они бы знали, что безъ широкаго участія въ движеніи рабочаго класса, городского пролетаріата, никакая революція невозможна (кромѣ дворцовой, конечно). Если бы они знали дѣйствительную жизнь, они должны были бы быть далеко отъ всякихъ очарованій, а, слѣдовательно, и разочарованій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рабочій классъ въ Россіи не по днямъ, а по часамъ растетъ умственно, нравственно и численно. Однако, одного роста не достаточно для революціи, для этого еще нужна организація его въ одну большую партію, сильную своимъ единствомъ, сильную своимъ единодушіемъ. 15 лѣтъ упорной работы соціаль-демократовъ въ рабочей средѣ создали массу оазисовъ въ ней, массу сознательныхъ рабочихъ... Это была необходимая подготовительная работа... И эти то сознательные рабочіе и пришли на демонстраціи. Децимированіе ихъ рядовъ сильно отразилось не на рабочемъ движеніи, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, а на ходѣ организаціонной работы... Съ другой стороны, и студенчество создало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ относительнаго затишья въ своей средѣ довольно стойкія организаціи... Вся эта незамѣтная, кропотливая подготовительная работа и сдѣлала возможными тѣ демонстраціи, которыя такъ удивили всѣхъ, начиная съ оффиціальной Россіи, своею грандіозностью. Дальнѣйшій путь былъ намѣченъ всей предыдущей жизнью: надо было усиливать пропаганду и организацію и избытокъ силъ вести на демонстраціи. Между тѣмъ произошло наоборотъ: демонстраціи стали главной цѣлью и отвлекли отъ будничной работы — изученія, пропаганды и организаціи... Отсюда не далеко и отъ нетерпѣливаго молодечества и отъ мрачнаго отчаянія — выразителями которыхъ является терроръ.

„И вотъ теперь мы стоимъ передъ страннымъ на первый взглядъ явленіемъ: волнуется крестьянство, волнуется городской рабочій, поднимаютъ голосъ забитые либералы, а русское студенчество, этотъ „барометръ русской жизни“, безмолвствуетъ... Затихла революціонная мысль... Марксъ и Энгельсъ и вся библіотека научнаго соціализма отодвинуты въ сторону и покрылись пылью, а на первомъ мѣстѣ красуются „Проблемы Идеализма.“ Чуткій къ общественной неправдѣ, страстный въ осуществленіи идеаловъ матеріализмъ смѣнился равнодушнымъ ко всему на свѣтѣ дряблымъ резонирующимъ идеализмомъ...

„8 февраля мы пришли сказать вамъ отъ имени рабочаго класса: Проснитесь, готовьтесь къ жизни — васъ ждутъ на работу...

С. Петербургскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.“

Собраніе отвѣтило на это воззваніе слѣдующей резолюціей: Постановленіе собранія, происходившаго 8 февраля въ студенческой столовой въ количествѣ 2500 чел. (Принято единогласно).

„Привѣтствуя призывъ соціаль-демократическаго комитета къ совмѣстной работѣ и сознавая свой долгъ оправдать надежды, возлагаемыя на интеллигенцію, какъ активную революціонную силу, собраніе 8 февраля выражаетъ готовность всѣми средствами содѣйствовать росту революціоннаго движенія, а въ ближайшемъ будущемъ надѣется принять активное участіе въ открытыхъ заявленіяхъ протеста въ той формѣ, въ какой къ этому призовутъ авторитетныя организаціи, и приглашаетъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ собраться на слѣдующей недѣлѣ на сходки для обсужденія мѣръ протеста противъ арестовъ товарищей, расправы съ донцами и рабочими Штиглицкой фабрики.“

По этому поводу очевидецъ пишетъ: „Подъ слов. „авторитетныхъ организацій“ должно подразумѣвать соц.-дем. партію и ея боевую организацію. 8 февраля на вопросъ, заданный однимъ изъ присутствовавшихъ о томъ, что подразумѣвается подъ понятіемъ „авторитетныхъ организацій“, бюро отвѣтило, что подъ „авторитетными организаціями“ надо подразумѣвать соц.-дем. партію и ея боевую организацію. Число человѣкъ на этомъ собраніи было по моему и, насколько подтверждаютъ мое заключеніе другіе — 2500 чел. или около этого.

На этомъ собраніи попробовалъ говорить и очень красиво умѣренный; начавши съ восхваленія всего, чѣмъ, молъ, мы должны гордиться: земцы работаютъ, крестьяне работаютъ, интеллигенція работаетъ, про рабочихъ — и говорить нечего, а, поэтому, незачѣмъ намъ идти противъ кого слѣдуетъ открытымъ возстаніемъ, что, де, бунты и демонстраціи ни къ чему не приведутъ... Рѣчь его была покрыта такимъ зловѣщимъ свистомъ, какого я уже давно не слыхалъ.“

Къ побѣгу Инны Леманъ. О своемъ удивительно-удавшемся побѣгѣ изъ Жанд. Управленія при Старо-Кіевскомъ участкѣ И. Г. Леманъ намъ пишетъ: „Все до мелочей вышло такъ, какъ я намѣтила заранѣе, какъ по писанному. О моемъ планѣ знало сравнительно очень много людей, потому что я обращалась за помощью и совѣтомъ. На волѣ отнеслись очень отрицательно, приблизительно какъ къ безумнымъ фантазіямъ разстроеннаго тюрьмой воображенія. Я и сама почти потеряла надежду, что представится благопріятный случай для исполненія моего плана (войти въ ватеръ и затѣмъ моментально выйти, измѣнивъ нѣсколько костюмъ, и пройти мимо часовыхъ, стоящихъ тутъ же у дверей). Надо было, чтобы до нашего прихода около ватера не было другихъ полицейскихъ чиновъ: зная, что до меня никто не входилъ, они не могли бы не обратить на меня вниманія. Какъ на зло, въ тѣ дни, когда брали меня, больше никого не брали (очень часто берутъ на допросы по два и по три человѣка), и карета со всѣмъ штатомъ (съ кучеромъ — три или четыре человѣка) все время оставалась тутъ же на дворѣ, въ томъ же углу, гдѣ и ватеръ. Кромѣ того, за два шага отъ ватера всегда оказывались одинъ или два городовика. Я заподозрила даже, что въ жандармскомъ провѣдали о моемъ предпріятіи. Слишкомъ много народу знало, и намъ передавали даже, что въ жандармскомъ „что-то“ знаютъ о предпріятіи на женскомъ отдѣленіи. Въ понедѣльникъ 13 января, идя съ допроса по лѣстницѣ, въ сопровожденіи, какъ обыкновенно, одного конвойнаго впереди, другого сзади, я еще на лѣстницѣ заглянула въ окно и увидѣла, что карета, хотя и стоитъ во дворѣ, но безъ штата. Было очень холодно, очевидно, ушли погрѣться. Какъ обыкновенно, меня хотѣли завести въ камеру, тутъ же въ подвальномъ этажѣ, въ ожиданіи, когда приготовятъ или позовутъ карету. Я запротестовала. „Зачѣмъ, молъ, мнѣ еще ждать въ камерѣ, карета на дворѣ, можно сейчасъ же ѣхать“. Выходимъ на дворъ; смотрю — и городовика на обычномъ мѣстѣ нѣтъ. Дворъ громаднѣйшій, и въ другихъ концахъ были люди, но этотъ уголъ оказался чистъ. Одинъ часовой побѣжалъ за „штатомъ“, а я, ни слова не говоря, направилась въ ватеръ. Подъ накидкой у меня была осенняя драповая черная кофточка (на допросѣ я сидѣла передъ жандармомъ въ ней) и на плечахъ небольшой вязанный платокъ изъ сѣрой шерсти. Чтобы сбросить накидку и шапку, набросить на голову платокъ и снять пенснэ, понадобился одинъ моментъ — часовому должно было показаться, что я вошла, а другая вышла въ одно и то же время. По двору я шла медленнымъ шагомъ, немного въ развалку, чтобы измѣнить походку. Дворъ мнѣ показался прямо безконечнымъ. Каждую минуту я ждала, что меня схватятъ сзади за плечи (за Старо-Кіевскимъ участкомъ установилась слава, что въ немъ избиваютъ арестуемыхъ, въ прошломъ году страшно избили демонстрантовъ — это фактъ). Только подойдя къ воротамъ, каменнымъ, широкимъ, шаговъ въ пять, я почувствовала нѣчто вродѣ надежды. „Неужели, неужели? Да не можетъ быть!“ У воротъ, точно нарочно для этого случая, оказалось нѣсколько извощиковъ (обыкновенно ихъ тутъ не бываетъ). Я сѣла на крайняго и велѣла ему ѣхать на первую пришедшую въ голову улицу — на „историческій“ Крещатикъ. „Неужели, неужели? Не можетъ быть!“ не переставая, продолжало звучать въ головѣ. Я прямо отказывалась вѣрить, что это не сонъ, тѣмъ болѣе, что въ тюрьмѣ, благодаря тому, что мысли работали въ этомъ направленіи, часто видѣла подобные и поразительно яркіе сны, такъ что, проснувшись, не сразу догадывалась, что это только сонъ. Только на Крещатикѣ, по обыкновенію многолюдномъ, когда меня подхватила толпа, мной овладѣла жгучая радость. И тутъ только я заволновалась и потеряла самообладаніе. Все время я была совершенно спокойна, и если бы меня взяли, нисколько бы не удивилась. Я была готова къ этому и отнеслась бы, какъ къ неизбѣжному, совершенно спокойно (бить себя я бы конечно, не допустила). Но теперь на меня точно пахнуло свободой и вспыхнула страшная жажда затеряться, замѣшаться въ толпѣ, избѣжать того отвратительнаго, неизбѣжнаго. Я, какъ бомба, вылетѣла съ извощика и, пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, влетѣла въ какой-то магазинъ. Изумленныя лица прикащиковъ заставили меня опомниться; я что-то спросила, выслушала, что этого нѣтъ и, сдѣлавъ усиліе воли, снова взяла себя въ руки. Выйдя на улицу, я себя почувствовала отчасти обывательницей. Все еще не вѣря, что это не сонъ, я сѣла на конку и уѣхала съ Крещатика (это самая опасная улица, всегда масса шпіоновъ и полиціи) куда-то на окраину. Только тутъ, въ одномъ небольшомъ магазинѣ, я купила большой байковый платокъ, замѣтивъ, что на улицѣ много женщинъ въ такихъ платкахъ (было очень холодно), и надѣла его на ихъ манеръ, такъ что отъ всего лица торчалъ только одинъ носъ. Тутъ я почувствовала себя въ полной безопасности и отправилась на розыски — частью пѣшкомъ, частью на извощикахъ. Вы видите, что во всемъ этомъ происшествіи громадную роль сыгралъ случай. Къ неудачѣ я была вполнѣ готова и заранѣе рѣшила отнестись съ философскимъ спокойствіемъ ко всѣмъ тѣмъ нареканіямъ, которыя должны были посыпаться на мою голову со стороны „скептиковъ на волѣ“! Но вотъ, неожиданно для всѣхъ и даже для меня самой, удача... Случай, счастливая звѣзда... Несмотря на захватывающую радость и блаженство сознанія, что ты свободна, несмотря на невыразимо-сладкое чувство торжества при мысли о бѣшенствѣ Новицкаго и комп. (онъ, говорятъ, ужасно бѣсновался, будто бы самъ выбѣжалъ на улицу въ одномъ мундирѣ и кричалъ: „лови ее, лови ее!“, когда меня уже давно не было; потомъ будто бы отдалъ приказъ: „достать ее во что бы то ни стало.“ Можетъ быть, это и выдумки, масса сплетенъ ходила по городу, но если это и выдумки, то онѣ характерны. Въ первый день, когда меня, очевидно, надѣялись еще поймать гдѣнибудь на улицѣ, многіе, не зная, въ чемъ дѣло, обратили вниманіе на массу конныхъ городовыхъ по всѣмъ улицамъ, — думали, что опять студенческіе безпорядки начинаются), — несмотря на все это, я все-таки не могла не сознавать, что я обязана всѣмъ этимъ счастливому случаю. Между прочимъ, въ „Освобожденіи“ сказано, что побѣгъ совершился „безъ всякой помощи со стороны“. Это фактически невѣрно — помощь со стороны была... Хотѣлось бы подчеркнуть громадное сочувствіе и готовность оказать активную помощь со стороны общества. Только при такихъ условіяхъ, когда мы оказываемся окруженными друзьями, а полиція во вражескомъ лагерѣ, подобныя вещи могутъ оканчиваться успѣхомъ...“

Москва, 15 февр. Въ Москвѣ тихо... Тихо въ рабочихъ слояхъ, тихо въ „обществѣ“ и въ средѣ учащейся молодежи. Г. Треповъ можетъ съ довольной увѣренностью повторять: „у меня чистота, у меня порядокъ“... Быть можетъ, это тишина передъ бурей и въ зловѣщемъ затишьи первопрестольной незримо, незамѣтно для тысячъ шпіонскихъ глазъ молчаливо идетъ молекулярный процессъ переоцѣнки цѣнностей самодержавія. Это возможно, это — навѣрно. Но вѣрно и то, что на поверхности московской жизни въ данный моментъ царитъ молчаніе и покой. Молчаніе, въ которомъ, словно подъ колоколомъ воздушнаго насоса, беззвучно замеръ и погасъ протестъ бутырскихъ заключенныхъ, голодовкой хотѣвшихъ принудить инквизиторовъ самодержавія смягчить суровый, возмутительный режимъ, измышленный ими для тов. Гурвича. Покой, котораго „не возмутили“ ни прокламаціи студ. группы „Буревѣстникъ, ни воззваніе „протестующихъ интеллигентовъ“ — правду сказать воззваніе весьма спокойное, сонное... даже и для мирно дремлющихъ либераловъ. „Буревѣстникъ“ призывалъ учащихся однодневной забастовкой почтить годовщину прошлогодняго университетскаго сидѣнья, протестующіе же интеллигенты — не вѣрить заигрываніямъ бюрократовъ, якобы идущихъ на уступки и даже облегчающихъ участь своихъ плѣнниковъ-революціонеровъ. Но студенчество не вняло зову товарищей. Въ университетѣ сходки не состоялось, лекціи продолжались, а вечеромъ 9 февр. тихо и смирно прошло общее собраніе студентовъ филолог. общества, каковое собраніе предполагалось отложить во избѣжаніе „нежелательныхъ инцидентовъ“. На высшихъ женскихъ курсахъ, на лекціяхъ 8 февраля, народу было даже больше, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ многія дѣвицы шли на нихъ „принципіально“ — есть и такія „принципіальныя дѣвицы“. Словомъ, московской администрація пока что бояться и нечего она безбоязненно можетъ продолжать наводить чистоту и порядокъ среди московскихъ „людей и человѣковъ“, что она отъ времени до времени и дѣлаетъ. Не такъ давно арестована на одномъ изъ вокзаловъ дама, вмѣстѣ съ которой былъ взятъ ящикъ съ литературой, на дняхъ арестовано, какъ говорятъ, нѣсколько студентовъ Межевого Института, при чемъ взяты тоже милыя жандармскому сердцу приложенія.

Конецъ студенческой трагикомедіи. Во второй половинѣ декабря объявлено было въ Якутской Области объ окончательной амнистіи всѣхъ студентовъ, выраженной въ телеграммѣ отъ 6 декабря. На этотъ разъ они ее приняли и двинулись въ путь отдѣльными группами. При возвращеніи съ ними было поступлено неизмѣримо „милостивѣе“, чѣмъ съ обыкновенными, кончающими срокъ политическими ссыльными. Ихъ снабдили деньгами для покупки теплой одежды и выдали всѣмъ прогоны, вмѣсто того, чтобы отправлять на „обывательскихъ“ въ сопровожденіи казака. Въ Иркутскъ съѣхалось множество студентовъ и тамъ возникла новая исторія. У нѣсколькихъ студентовъ, жившихъ въ Нижне-Удинскѣ, произведены были обыски; найдена нелегальная литература и уставъ кассы. Въ результатѣ пятеро изъ нихъ были арестованы и посажены въ Иркутскую тюрьму. Съѣхавшіеся студенты стали требовать ихъ освобожденія, но, конечно, безуспѣшно. Тогда часть рѣшила протестовать отказомъ вернуться въ Россію. Большинство же къ протесту не примкнуло и разъѣхалось по домамъ — „учиться порядку“ подъ кровомъ родительскимъ. Впрочемъ, въ самое послѣднее время прошелъ слухъ, что арестованные въ Иркутскѣ выпущены и что, поэтому, послѣдніе упрямые могикане тоже возвращаются домой. Такъ окончилась „студенческая революція“. 1 Февраля 1902 г.

Бѣлостокъ. (Изъ частнаго письма). Въ театрѣ на „Мѣщанахъ“ была громадная демонстрація. Кричали: „долой самодержавіе, произволъ, долой Метленко (полицмейстеръ), да здравствуетъ свобода“! Бросали карточки съ тѣми же надписями. Городовые съ шашками наголо въ театрѣ же начали бить, куда попало. Произошла схватка. Въ театрѣ стоялъ крикъ, шумъ, нѣкоторые зрители падали въ обморокъ, такъ что не окончили играть. Потомъ перенесли демонстрацію на улицу. Было сильное возбужденіе. Озвѣрѣвшая полиція начала стрѣлять. Полицмейстеръ съ револьверомъ въ рукахъ метался, какъ разъяренный звѣрь, по городу. Были вызваны войска, закрыли всѣ магазины (въ 6 час. веч.). Убитъ одинъ рабочій, есть и раненные. Арестовали до 30 человѣкъ: рабочихъ, гимназистокъ и учениковъ Коммер. училища. Возмущенная этими звѣрствами, учащаяся молодежь энергично протестовала. Вообще, демонстрація имѣла громадное воспитательное значеніе. „Публика“ воочію увидѣла, къ чему приводитъ произволъ грубой полиціи. Демонстрація продолжалась 4 часа, охвативъ почти всѣ улицы. Возбужденіе въ городѣ громадное. Со всѣхъ фабрикъ начали собираться рабочіе, вооруженные палками. Все это было 15 февраля.

Ярославль. Этой осенью было небольшое столкновеніе рабочихъ съ полиціей. Барабанщикъ фанагорійскаго полка, рота котораго была выслана для усмиренія, съ опасностью для жизни бросился выручать городового, на котораго надвигалась толпа, и получилъ рану въ голову. Царь прислалъ ему свое „спасибо“ и пожаловалъ пять рублей. Приказъ, въ которомъ излагается этотъ поступокъ, велѣно прочесть по три раза всѣмъ солдатамъ Московск. военнаго округа. Такая нетактичность вызвала ироническое отношеніе даже у самыхъ умѣренныхъ офицеровъ.

Екатеринославъ. Не успѣли наши екатеринославцы придти въ себя послѣ декабрьскаго нашествія на соц.-революц., какъ на дняхъ весь городъ былъ взбудораженъ новыми подвигами „средиземной эскадры“. 2 февраля, въ 9 час. вечера, на квартиру инженера-технолога Иловайскаго явилось множество полиціи: тамъ оказалось собраніе человѣкъ въ 30 35, все изъ мѣстнаго „общества“. Ихъ стали переписывать и обыскивать, производя въ то же время обыски и на квартирахъ. Такимъ образомъ было перерыто около 35 квартиръ. Но жатва для полиціи была не особенно обильная: на квартирѣ найдено немного нелегальной литературы, да у одного изъ гостей найдена дома литература. Арестованы четверо: хозяинъ квартиры Иловайскій, занимавшій видную должность въ мин. пут. сообщенія, Шапошниковъ, поднадзорный Полонскій и одинъ нелегальный, назвавшійся сначала Славинымъ, а потомъ, когда обнаружилось, что такого не существуетъ, заявившій, что въ жандармскомъ управленіи назоветъ свою настоящую фамилію.

Часть публики отпустили въ 4 часа утра, а остальныхъ лишь въ 8 час. Паспорта, у кого были, отобраны, и до сихъ поръ не возвращаются.

По поводу Иловайскаго завязалась, говорятъ, переписка между мин. пут. сообщенія и жандармскимъ упр. Послѣднее написало, чтобы Иловайскому искали замѣстителя.

Намъ пишутъ: Въ харьковскихъ „Губ. Вѣдом.“ появился въ концѣ января циркуляръ начальника Курско-Харьк.-Севастоп. ж. д. о томъ, чтобы старшіе кондуктора, обходя поѣзда для провѣрки билетовъ, „приглашали станціонныхъ жандармовъ для ознакомленія съ пассажирами“. Пассажиры уже испытали на себѣ дѣйствіе этой новой выдумки оберъ-ищейки Плеве или Зубатова: по вечерамъ жандармъ идетъ вслѣдъ за кондукторомъ, и послѣдній наводитъ фонарь прямо на физіономію пассажировъ.

Любопытная справка. Въ мартѣ 1876 г. Министерство Юстиціи конфиденціально разослало прокурорамъ Судебныхъ Палатъ слѣдующій циркуляръ: „Бывшіе случаи показали, что весьма часто въ качествѣ свидѣтелей въ процессахъ по государственнымъ преступленіямъ привлекаются лица, услугами которыхъ пользуется тайный дозоръ, столь необходимый при открытіи и преслѣдованіи преступленій этого рода. Принимая во вниманіе, что судъ по государственнымъ преступленіямъ чинится особымъ порядкомъ, причемъ функціи судей исполняютъ лица, удостоенныя монаршаго довѣрія, и дабы одно присутствіе на этомъ судѣ лицъ, которыхъ извѣстные слои нашего общества по своей малой развитости и непониманію важности задачъ, преслѣдуемыхъ тайными правительственными агентами, могутъ пятнать нелестнымъ (sic) эпитетомъ шпіоновъ, — не могло навлечь и малѣйшей тѣни подозрѣнія относительно безпристрастія въ выполненіи великаго святого долга суда, или поколебать въ слояхъ лучшей части истинно развитого русскаго общества то довѣріе, на которое безспорно имѣетъ право этотъ высшій судъ, вмѣняю В. Пр—ству въ обязанность принять къ руководству и исполненію привлекать вышеупомянутыхъ лицъ въ качествѣ свидѣтелей въ дѣлахъ подобнаго рода только въ исключительныхъ случаяхъ, о чемъ уполномачиваю Васъ, м. г., сообщить отъ моего имени и всѣмъ подвѣдомственнымъ В. П. лицамъ прокурорскаго надзора. Министръ юстиціи, ст.-секретарь гр. Паленъ“. („Община“. 1878, № 1, стр. 7).

Прошло 26 лѣтъ — и на послѣднихъ политическихъ процессахъ передъ нами открыто дефилировали Купріяновы, Осиповы, Саловы и пр. „лица“, которыхъ принято называть „нелестными эпитетами шпіоновъ“. Какъ понять это? Думаетъ-ли теперешній Министръ Юстиціи, что русское общество развилось, наконецъ, до такой высокой степени, что прониклось уваженіемъ къ „важности задачъ“, выполняемыхъ шпіонами? Или русское самодержавіе попало въ такія „исключительныя“ условія, что ему не до заботъ объ уваженіи общества къ суду, облеченному „монаршимъ довѣріемъ“?..

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Грубый произволъ и возмутительныя беззаконія русскаго правительства въ Финляндіи переходятъ уже всякую границу. Царю, какъ извѣстно уже читателямъ изъ легальныхъ газетъ, „благоугодно было“ уволить недавно отъ службы, „согласно прошеніямъ“, тѣхъ четырехъ финляндскихъ губернаторовъ, которые отказались исполнить жандармскіе циркуляры Бобрикова о борьбѣ съ „крамолой“ въ Финляндіи. На мѣсто двухъ изъ нихъ уже назначены русскіе „вѣрноподанные“; въ настоящее время, такимъ образомъ, совершенно противозаконно пять русскихъ помпадуровъ занимаютъ финляндскіе посты. Недавнее назначеніе на должность ландссекретаря Нюландской губ. (эта должность, первая послѣ губернаторской въ губернскомъ правленіи, требуетъ спеціально-юридическаго образованія) одного изъ руссификаторовъ — русскаго офицера Рейнбота — вызвала негодованіе даже и консервативной оппортунистической старо-феннoманской партіи. Органъ этой партіи посвятилъ этому инциденту рѣзкую передовую статью, за что сразу получилъ предостереженіе, Словомъ, эти временщики широко пользуются сентябрскимъ беззаконнымъ царскимъ указомъ о назначеніи на финляндскія должности и „русскихъ уроженцевъ“. Такъ же щедро примѣняются и другіе сентябрскіе указы, о которыхъ мы уже неоднократно говорили въ предыдущихъ статьяхъ. Наглымъ руссификаторамъ очень важно отдѣлаться отъ всѣхъ финляндскихъ чиновниковъ, преданныхъ конституціи и основнымъ законамъ своей отчизны, и окружить себя одними лишь покорными рабами, ревностными исполнителями „Высочайшихъ предначертаній“. Почти съ самаго начала своего разбойническаго похода на Финляндію, царское правительство проводитъ на практикѣ этотъ преступный „принципъ“. Оно, разумѣется, начало, по своему обыкновенію, проводить его постепенно: сначала былъ очищенъ финляндскій сенатъ*), затѣмъ гельсингфорская полиція; эту осень, по царскому повелѣнію, было уволено: тринадцать чиновниковъ, въ томъ числѣ по три старшихъ члена всѣхъ трехъ гофгерихтовъ, т. е. аппеляціонныхъ судовъ второй инстанціи и т. д. На-дняхъ наглость русскаго правительства въ этомъ отношеніи достигла кульминаціонной точки: царю-клятвопреступнику „благоугодно было“ 10(23) февраля уволить отъ службы безъ пенсіи 16 чиновъ абоскаго гофгерихта, т. е. всѣхъ, за исключеніемъ трехъ его членовъ. Поводомъ къ такому „Всемилостивѣйшему“ мѣропріятію является слѣд. обстоятельство: послѣ грубаго избіенія на Сенатской площади въ Гельсингфорсѣ безоружныхъ гражданъ 5(18) апрѣля 1901 г. (см. № 22 „Искры“) нѣкоторые изъ пострадавшихъ подали въ началѣ лѣта жалобы на незаконныя дѣйствія губернатора Кайгородова въ абоскій гофгерихтъ. Видя, что вѣрнымъ исполнителямъ его приказаній грозитъ законный судъ, Плеве и состряпалъ осенніе царскіе указы, запрещающіе, между прочимъ, привлекать къ суду чиновниковъ безъ особаго разрѣшенія ихъ начальства (этимъ указамъ была дана обратная сила). Абоскій гофгерихтъ, не обративъ вниманія на эти преступные „законы“, разсмотрѣлъ жалобы на Кайгородова и въ началѣ февраля (н. ст.) отправилъ гельсингфорскому ратгаузскому суду приказъ произвести слѣдствіе по этому дѣлу и слушать показанія многочисленныхъ свидѣтелей (около ста чел.). Гельсингфорскій судъ назначилъ опросъ свидѣтелей на 13(26) и 14(27) февраля. Убѣдившись, что финляндскіе суды не подчиняются, подобно нашимъ коронннымъ судамъ, административному воздѣйствію, Плеве, Бобриковъ и финляндскій сенатъ всполошились; они прекрасно сознавали, что судъ осудилъ бы Кайгородова „по всей строгости законовъ“ и отнесся бы къ нему, какъ къ тяжкому преступнику. 11(24) февраля въ сенатъ прибыло отъ Бобрикова слѣд. отношеніе:

„Финляндскій Генералъ-Губернаторъ. Въ Гельсингфорсѣ. 11(24) февраля 1903 г. № 1139. Экстренно. Въ Императорскій Финляндскій Сенатъ.

„Препровождая при семъ въ Сенатъ, для надлежащаго исполненія, телеграмму Министра Статсъ-Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго отъ 10(23) февраля о Высочайшемъ повелѣніи объ отмѣнѣ всѣхъ послѣдовавшихъ, въ нарушеніи закона 1(14) августа 1902 г., распоряженій судебныхъ мѣстъ по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ и о принятіи мною, совмѣстно съ Сенатомъ, мѣръ къ недопущенію нарушеній Высочайшихъ по сему повелѣній, во исполненіе таковой Монаршей воли съ своей стороны признавалъ бы необходимымъ: 1) безотлагательно-же поставить о таковомъ Высочайшемъ повелѣніи въ извѣстность всѣ судебныя установленія и Губернаторовъ въ Финляндіи; 2) объявить о семъ въ оффиціальныхъ газетахъ края, и 3) предписать Губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ недопущенію отступленій отъ изъясненной Высочайшей воли, обращаясь въ необходимыхъ случаяхъ къ содѣйствію военнаго начальства. Къ сему присовокупляю, что для выигрыша во времени и въ видахъ недопущенія засѣданій Гельсингфорскаго ратгаузскаго суда, назначенныхъ на 13(26) и 14(27) сего феврали, мною даны соотвѣтствующія приказанія Нюландскому Губернатору. Въ случаѣ уклоненія подлежащихъ лицъ отъ своевременнаго исполненія распоряженія Сената, въ предупрежденіе возможныхъ случайностей, полагалъ бы мѣрами полиціи закрыть входъ въ залъ засѣданій и вывѣсить объявленіе согласно прилагаемаго для того проэкта. Генералъ-адъютантъ Бобриковъ. Директоръ канцеляріи Генеральнаго Штаба полковникъ Зейнъ.

„Проектъ объявленія*). Симъ объявляется, что во исполненіе Высочайшаго повелѣнія отъ 20(23) февраля 1903 г., распоряженіемъ Генералъ-Губернатора и Императорскаго Финляндскаго Сената, назначенный по жалобамъ кандидата медицины Хофстрема, магистра философіи Термана и друг. лицъ на 13(26) и 14(27) сего февраля допросъ свидѣтелей отмѣненъ и засѣданія ратгаузскаго суда, какъ по этимъ, такъ и по другимъ однороднымъ съ нимъ дѣламъ, и впредь допущены не будутъ. Директоръ канцеляріи Финл. Г.-Губ. Штаба полк. Зейнъ. Начальн. Отдѣленія Ганскау.

„Телеграмма. Гельсингфорсъ. Ген.-Губернатору, № 820. Принята 10 фев. 1903 г. Государю Императору 10(23) фев. благоугодно было отмѣнить всѣ распоряженія, послѣдовавшія по дѣламъ о должностныхъ преступленіяхъ въ нарушеніе Высочайшихъ постановленій и повелѣнія отъ 1(14) августа 1902 года, и поручить Ген.-Губернатору и Сенату принять всѣ зависящія мѣры къ недопущенію какихъ-либо отъ сихъ постановленій и повелѣній отступленій. Министръ Статсъ-Секретарь Плеве.“

Сенатъ отправилъ подобное приказаніе ратгаузскому суду. Одновременно получено было извѣстіе и объ отставкѣ 16 членовъ абоскаго гофгерихта. 13(26) февраля, когда судъ явился въ 10 час. утра въ ратушу для опроса свидѣтелей, у дверей, на лѣстницахъ и въ корридорахъ были разставлены десятки полицейскихъ, не впускавшихъ публику въ помѣщеніе суда. Когда было объявлено слушаніе дѣла и сторожъ началъ призывать стороны и свидѣтелей, то оказалось, что полиція никого изъ нихъ не впускаетъ въ ратушу. „Блюстители порядка“ исполняли приказаніе Бобрикова и Кайгородова, мѣсто котораго должно было быть на скамьѣ подсудимыхъ. Суду осталось лишь занести въ протоколъ протестъ противъ насилія полиціи и довести до свѣдѣнія разгромленнаго гофгерихта о причинѣ временнаго отложенія дѣла. 14(27) февраля повторилась та же самая исторія. Россійскій самодержецъ снова нагло попираетъ ногами правосудіе въ Финляндіи, какъ онъ привыкъ это дѣлать въ Россіи, стонущей подъ гнетомъ полнѣйшаго безправія обывателя. При выходѣ уволенныхъ судей-гражданъ изъ помѣщенія гофгерихта публика устроила имъ на улицѣ овацію и поднесла цвѣты. За исключеніемъ двухъ, всѣ служащіе въ абоскомъ гофгерихтѣ, низшіе чиновники, писцы и даже сторожъ немедленно подали въ отставку. Нравственнымъ долгомъ всѣхъ честныхъ финляндскихъ гражданъ является матеріальная поддержка всѣхъ этихъ лишенныхъ царемъ куска хлѣба чиновниковъ, исполнившихъ долгъ по отношенію къ своему народу.

Въ Финляндіи, какъ извѣстно, въ настоящее время сильный голодъ. Финляндское общество отлично организовало подачу помощи. Выбранный центральный комитетъ вспомоществованія голодающимъ получаетъ значительныя пожертвованія не только изъ Финляндіи, но и изъ другихъ странъ, какъ, напр., изъ Америки, и дѣйствуетъ вполнѣ энергично. Бобрикову хотѣлось, по примѣру другихъ русскихъ администраторовъ, разыграть роль народнаго благодѣтеля, но собранныя въ Россіи средства продолжали преспокойно поступать въ центральный комитетъ. Это бѣсило русскаго сатрапа, канцелярія котораго также принимаетъ пожертвованія. На-дняхъ онъ обратился за содѣйствіемъ къ финляндскому сенату съ предложеніемъ „совмѣстной дѣятельности“ недавно образованныхъ имъ отдѣленій Краснаго Креста, предсѣдателемъ которыхъ состоитъ его жена. Намъ хорошо извѣстно, какъ у насъ Красный Крестъ обыкновенно оказываетъ помощь „пострадавшимъ отъ недорода“. Если въ Россіи это благотворительное учрежденіе почти совершенно безполезно, то въ Финляндіи оно лишь комично. Но надо же Бобрикову и его супругѣ фигурировать въ роли „благодѣтелей“, столь приличествующей высокопоставленнымъ разбойникамъ. Самъ царь пожертвовалъ въ пользу ограбленнаго имъ финскаго народа (см. № 28) изъ финляндской же казны всего 10 тыс. марокъ, его мать облагодѣтельствовала голодающихъ 5,000 руб., а наслѣдникъ — 3,000 руб. Какъ видитъ читатель, „августѣйшія“ пожертвовнія не велики.

---

*) Въ 1900 г. вышли въ отставку 12 сенаторовъ, отказавшихся обнародовать беззаконные указы царя, въ 1901 г. уволено четыре сенатора, протестовавшіе противъ „закона“ о воинской повин.

*) Этотъ „проэктъ“, за подписью гельсингфорскаго полицмейстера, 13(25) февраля былъ наклеенъ на стѣнѣ ратуши.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Казань. Прошло болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на страницахъ революціонной печати появилось послѣднее сообщеніе изъ Казани. Этотъ долгій перерывъ обязываетъ насъ дать краткій историческій очеркъ казанскаго движенія. Несомнѣнно, что и до 1898 года, съ котораго у насъ имѣются болѣе достовѣрныя данныя, пропаганда среди казанскихъ рабочихъ велась. Но, повидимому, она носила совершенно неорганизованный, такъ-сказать, кустарный характеръ: вели ее не группы, а отдѣльныя лица. Только въ 1898 г. организуется уже группа и ставитъ своею цѣлью пропаганду соц.-демократ. идей среди казанскихъ рабочихъ. Группа эта завязываетъ связи только съ однимъ изъ заводовъ, Алафузовскимъ, и городскими типографіями. Дѣло, не смотря на малочисленность группы, пошло довольно успѣшно; среди рабочихъ были организованы боевыя кассы, заведены библіотеки изъ легальныхъ и нелегальныхъ книгъ, а въ апрѣлѣ того же года была устроена маевка, правда, очень небольшая (до 40 раб.). На этой маевкѣ было сказано нѣсколько рѣчей по поводу рабочаго движенія вообще и, въ частности, по поводу начинающагося казанскаго. Послѣдовавшій въ началѣ слѣдующаго года провалъ (арестовано до 40 чел.) снова заставилъ казанское движеніе принять привычныя ему кустарныя формы. Но такая работа уже не удовлетворяла ни рабочихъ, ни интеллигентовъ, и осенью 1900 г. организуется вторая по счету „соц.-дем. группа". Она ставитъ дѣло шире предыдущей, завязываетъ сношенія почти со всѣми казанскими заводами и мастерскими. Дѣятельность ограничивается вначалѣ исключительно пропагандой, но уже въ началѣ 1901 г., благодаря росту движенія, возникаетъ вопросъ о переходѣ отъ пропаганды къ агитаціи. Однако, ни оформить, ни провести въ жизнь этого общаго желанія группѣ не удалось, такъ какъ 19 февраля жандармеріей были произведены необычайныя для Казани по своимъ размѣрамъ аресты (обыскано 100 чел., арестовано 70); не смотря на это, удачно возникла и прошла стачка булочниковъ, а къ 11 марта группой была выпущена прокламація ко всѣмъ казанскимъ рабочимъ съ предложеніемъ принять участіе въ уличномъ протестѣ студентовъ противъ произвола правительства (свѣдѣнія о демонстраціи и результатахъ ея своевременно были сообщены „Искрѣ"). Майскія прокламаціи не были выпущены группой по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ. Затѣмъ наступило снова затишье, всѣ усилія были направлены на поддержаніе оставшихся связей, и только осенью 1902 г. группа настолько усиливается, что, не ограничиваясь старыми связями, заводитъ новыя. Еще осенью группа постановила, не ограничиваясь пропагандой, перейти при первой же возможности къ широкой агитаціи въ массахъ. Поэтому, вся вторая половина 1902 года была посвящена пропагандѣ съ цѣлью создать въ средѣ казанскихъ рабочихъ революціонное ядро, которое совмѣстно съ членами группы вошло бы въ составъ предполагаемаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Дѣятельность группы была настолько успѣшна, что образовавшійся съ началомъ 1903 г. Комитетъ рѣшилъ немедленно привести въ исполненіе осеннее постановленіе группы о переходѣ къ агитаціи. Съ 20 на 21 января по всѣмъ заводамъ (Алафузовскій, Крестовниковскій, Свѣшниковскій, пороховой, Александровскій и др.), а также и почти по всѣмъ мастерскимъ и типографіямъ города были распространены прокламаціи Комитета „Къ казанскимъ рабочимъ" на русскомъ и татарскомъ языкѣ. Кромѣ того, въ это же время Комитетомъ была выпущена прокламація къ казанскому обществу. Прокламація эта была встрѣчена рабочими очень сочувственно, они усиленно разбирали ее и читали, несмотря на всю энергію заводской администраціи и полиціи, тщетно пытавшихся уничтожить неожиданно появившуюся крамолу. Энергичнѣе другихъ охраняли отъ полиціи первую выпущенную на ихъ языкѣ прокламацію рабочіе изъ татаръ. Мысль о необходимости прокламаціи на татарскомъ языкѣ принадлежитъ всецѣло самимъ казанскимъ рабочимъ, указавшимъ на національную рознь, которую усиленно раздуваютъ предприниматели, а также и на пренебрежительное отношеніе татаръ-рабочихъ къ прокламаціямъ на русскомъ языкѣ. Горячій пріемъ, оказанный татарами прокламаціи на ихъ языкѣ, даетъ надежду Комитету, что онъ параллельнымъ выпускомъ листковъ на обоихъ языкахъ не только внесетъ свѣтъ въ массы татаръ-рабочихъ, но и въ корнѣ подорветъ ту національную рознь, которая до сихъ поръ была выгодна только казанскимъ капиталистамъ, движенію же безусловно вредила.

Ростовъ-на-Дону. Въ своей корреспонденціи, помѣщенной въ № 32 „Искры", я сообщалъ о томъ, что нѣкоторыя незначительныя требованія желѣзнодорожныхъ рабочихъ были удовлетворены администраціей дороги. Въ настоящее время все опять возвратилось къ своему „первобытному состоянію". Мастера Вицкевичъ и Чернявскій опять возвращены къ своимъ „постамъ".

Ни одинъ пунктъ требованій рабочихъ не удовлетворенъ. „Обѣщали посулить", какъ говорилъ одинъ купецъ въ драмѣ Островскаго, а вышло „совсѣмъ напротивъ". Поворотъ къ старымъ „отеческимъ традиціямъ" въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ замѣтенъ полный послѣ пріѣзда сюда фонъ-Валя, который, очевидно, преподалъ въ совершенствѣ мѣстнымъ растерявшимся помпадурамъ полный курсъ современной политики центральнаго правительства по отношенію къ растущей „крамолѣ". Во всякомъ, случаѣ политика „ежевыхъ рукавицъ" по отношенію къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ въ настоящее время въ полномъ ходу. Съ рабочими стали обращаться гораздо свирѣпѣе, чѣмъ даже до „событій". Во всѣхъ дѣйствіяхъ желѣзнодорожной администраціи замѣтна скрытая Валевская провокація, желаніе во чтобы то ни стало убить въ рабочемъ всякое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ. Штрафы, какъ изъ рога изобилія, сыплются на головы рабочихъ. Въ довершеніе всего весь январь происходила „чистка" рабочихъ. Теперь недосчитывается уже больше ста человѣхъ. Кромѣ этого, упорно циркулируютъ слухи, что въ непродолжительномъ времени будетъ разсчитано около тысячи человѣкъ. Этотъ слухъ находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что большая часть работы сдана уже на частные заводы, въ мастерскихъ же только въ одномъ цѣхѣ производится работа. Разсчитывать рабочихъ предполагается небольшими группами, постепенно. Всѣ эти „реформы" предприняты съ тою, очевидно, цѣлью, чтобы предотвратить новый ожидающійся взрывъ негодованія среди рабочихъ, обманутыхъ администраціей дороги, дѣйствующей подъ руководствомъ жандармовъ и полиціи. Разсчетъ на то, что пришлые изъ другихъ городовъ рабочіе, которые займутъ мѣсто разсчитанныхъ, будутъ покорнѣе, окажется, вѣроятно, ошибочнымъ.

Что же касается ростовскихъ рабочихъ, то мѣры, предпринимаемыя по отношенію къ „умиротворенію" ихъ посредствомъ „ежевыхъ рукавицъ" и посредствомъ реставрированія „добрыхъ отеческихъ отношеній", страшно раздражаютъ ихъ и служатъ хорошимъ воспитательнымъ средствомъ даже и для такихъ слоевъ рабочихъ, которые раньше серьезно не задумывались надъ своимъ безвыходнымъ положеніемъ. Теперь всей массѣ рабочихъ становится яснымъ, гдѣ нужно искать своихъ враговъ, а гдѣ друзей. Настроеніе вслѣдствіе этого въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ крайне возбужденное; рабочіе страстно ищутъ подходящей формы, для того, чтобы цѣлесообразно излить свое возмущенное чувство. Всѣ говорятъ о необходимости повторить осеннія „событія". Въ городѣ также упорно циркулируютъ слухи, что повтореніе событій несомнѣнно будетъ въ день 19 фев. Боевое настроеніе среди рабочихъ поддерживается энергично и Донскимъ Комитетомъ, за январь мѣсяцъ выпустившимъ 15,000 прокламацій

Начальство также мобилизируетъ свои силы „на случай чего ежели", стягивая казаковъ въ Ростовъ, который постепенно превращается опять въ „военный лагерь". Оно тоже ждетъ 19 фев. Въ городѣ и среди рабочихъ говорятъ, что если 19 февраля не удастся, то все равно раньше даже 1 мая они ринутся въ „бой". Итакъ, несмотря на полицейскій и жандармскій терроръ, несмотря на всѣ репрессіи, ростовскій пролетаріатъ идетъ впередъ по пути развитія своего классового самосознанія. Вліяніе Донского Комитета на массу рабочихъ ростетъ съ каждымъ днемъ.

Недавно Донской Ком. опубликовалъ свой отчетъ за 1892 г., изъ котораго видно, что онъ выпустилъ 60,000 прокламацій и листковъ. Это произвело на всѣхъ бодрящее впечатлѣніе. Прошлыя ростовскія событія всколыхнули весь ростовскій пролетаріатъ, почва настолько разрыхлена, что не хватаетъ даже работниковъ соціализма, чтобы поспѣвать за требованіемъ массы. При этомъ необходимо отмѣтить одну любопытную черту. Прокламаціи читаются всѣми и вездѣ. Рабочіе прямо требуютъ „литературы", которая раскрывала бы глаза на всѣ соціальные и политическіе порядки страны; говорятъ открыто о „республикѣ" и т. д.

Однимъ изъ благопріятныхъ послѣдствій прошлыхъ ростовскихъ событій было то, что женщины-работницы, раньше, по большей части, остававшіяся пассивными, въ настоящее время присоединились къ общему рабочему движенію. Оживленіе среди работницъ небывалое. Организуются кружки, возбуждается масса животрепещущихъ вопросовъ. Словомъ, можно считать, что отнынѣ и женщины-работницы г. Ростова выступаютъ активно на политическую арену.

Какъ извѣстно, это оживленіе вздумали было поэксплуатировать въ свою пользу и соц.-революціонеры. Дѣло не ограничилось только ихъ органомъ „Рев. Россія", изображавшимъ „ростовскія событія", съ присущей этому органу хлестаковской развязностью. Разсказанныя органомъ соц. революціонеровъ, разныя „небылицы въ лицахъ" про ростовскія событія смутили души ихъ шустрыхъ послѣдователей. И вотъ они, ничто-же-сумняшеся, „сидя на рогожкѣ, а говоря съ ковра", налетѣли къ намъ въ Ростовъ, чтобы направить дѣло на „правильный" путь. Прежде всего они обратились къ „экономистскому" Донскому Комитету, чтобы послѣдній далъ имъ свою типографію. Но Комитетъ, конечно, отвѣтилъ, что „не сѣявшіе не имѣютъ права жать". И соц.-революціонеры уѣхали „во-свояси". Очевидно, пролетарскій Ростовъ не годится для скоропалительныхъ настроеній гг. соц.-революціонеровъ.

28 января изъ Ростова отправленъ на три года въ ссылку въ Вологодскую губ. по дѣлу Донского Ком. (въ 1901 г.) слесарь Ипатій Даниловичъ Ступниковъ.

Эксплуатація желѣзнодорожныхъ служащихъ. (Изъ „Кіевск. Соц.-Дем. Листка" № 7). Доставленныя намъ свѣдѣнія о положеніи служащихъ въ службѣ сборовъ Ю.-З. Ж. Д. показываютъ, какъ возмутительно эксплуатируются люди, трудомъ которыхъ создается богатство этой казенной дороги.

Трудъ служащихъ здѣсь опредѣленъ заранѣе, каждому назначается извѣстная работа, впередъ на цѣлый годъ, считая въ немъ 360 дней. Такимъ образомъ, въ разсчетъ не приняты праздники, даже такіе, какъ Рождество и Пасха. Подобная каторжная работа оплачивается нищенски: существуютъ оклады въ 180 руб. въ годъ, тогда какъ служители того же Управленія получаютъ 240 руб. въ годъ. За сверхурочную работу платятъ еще меньше (иногда вдвое меньше). Такъ, если положено за исполненіе трехъ съ половиною тыс. накладныхъ 60 руб., то за слѣдующія три съ полов. тыс., сдѣланныя вечеромъ, даютъ 30 руб. Многіе не выдерживаютъ, уходятъ со службы, подаютъ жалобы, но эти жалобы ни къ чему не приводятъ

Творцомъ этой прибыльной системы является начальникъ службы сборовъ. Управляющій Ю.-З. Ж. Д. Немѣшаевъ оказался не въ силахъ воспротивиться этой эксплуатаціи, мало чѣмъ отличающейся отъ фабричной. Благодѣтельное распоряженіе Его Превосходительства о прекращеніи работъ въ 2 часа дня наканунѣ праздниковъ осталось втунѣ и служащіе попрежнему должны корпѣть до тѣхъ поръ, пока не окончатъ назначеннаго имъ щедрой рукой „урока". Вотъ откуда набираются средства на громадные оклады господъ начальниковъ, столь ревниво высасывающихъ все, что можно высосать.

Стачка на сахарномъ заводѣ. Въ концѣ декабря на Александровскомъ сахарномъ заводѣ (въ с. Александровкѣ Чигиринск. у., Кіевск. г.) началась стачка всѣхъ рабочихъ — числомъ около 500 чел. Рабочіе держались дружно и энергично поддерживали свои требованія, среди которыхъ ими было выставлено требованіе 8-часового рабочаго дня.

1 января прибывшими на заводъ полиц. и жандарм. властями арестовано 180 ч. рабочихъ. Эта стачка, какъ и прошлогодняя на Черкасскомъ сахарно-рафинадномъ заводѣ, свидѣтельствуетъ о развитіи классового сознанія даже среди наиболѣе отсталыхъ слоевъ русскаго пролетаріата. (Изъ „Кіевск. С.-Д. Листка").

Мелитополь, Таврич. губ. Здѣсь съ 12 на 13 февр. была разбросана масса прокламацій и гектограф. брошюръ, обращенныхъ къ рабочимъ. Вся полиція и жандармерія на ногахъ; пока идутъ обыски только среди рабочихъ.

Чита. Здѣсь была забастовка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Стачка выиграна; всѣ требованія удовлетворены. Были выпущены четыре прокламаціи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Организаціоннымъ Комитетомъ къ 19 февраля издано воззваніе („4 августа 1789 г. — 19 февраля 1861 г."), въ которомъ проводится параллель между революціоннымъ способомъ освобожденія крестьянъ во Франціи и оппортунистическимъ — въ Россіи.

Вышедшій въ январѣ № 11 „Южнаго Рабочаго" содержитъ 36 столбцовъ довольно убористаго шрифта, такъ что по размѣрамъ превосходитъ прежніе №№ этого изданія. Содержаніе: „Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ". — Соц.-дем. движеніе въ Россіи въ 1902 г. — Двѣ стачки углекоповъ (Франція и Соед. Штаты). — Ростовскія событія. — Корреспонденціи изъ Екатеринослава и Харькова. — Фельетонъ: Въ борьбѣ.

Нижегородскимъ Комитетомъ изданы прокламаціи въ декабрѣ — „Къ крестьянамъ" и въ январѣ — „Ростовская стачка". Вновь образовавшійся Тульскій Комитетъ издалъ воззваніе „О правѣ сходокъ" (янв. 1903 г.). Въ теченіе января и февраля изданы Кіевск. Комитетомъ „Письмо раб. жел.-дор. мастерскихъ", „Ко всѣмъ булочникамъ и хлѣбопекамъ", „Ко всѣмъ типографщикамъ", „Голосъ кіевскихъ рабочихъ" и „Кіевск. С.-Д. Лист." № 7. Петербургскимъ Комит., кромѣ двухъ прокламацій по поводу стачки у Штиглица, изданы листокъ къ 19 февраля и два большихъ хорошо отпечатанныхъ листка: 1) О трэдъ-юніонизмѣ и соціализмѣ и 2) По поводу книжки ген. Богдановича. Иркутскій Комит. выпустилъ листокъ по поводу демонстраціи на лекціи Кулябко-Корецкаго. Одесскимъ Комит. издано: „Ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ и работницамъ" и „Къ раб. и работниц. на табачныхъ фабрикахъ". Донской Ком. издалъ въ 5000 экз. листокъ о бюджетѣ, весьма удачно составленный.

Ко всѣмъ соціаль-демократическимъ организаціямъ Россіи. Товарищи! Теоретическая приниженность программы, беззаботность и организаціонный разбродъ — составили длинный смутный періодъ въ жизни нашей партіи. Полная разобщенность соціаль-демократовъ и отсутствіе центральной руководящей группы — исключали всякую преемственность въ революціонной дѣятельности, порождали пренебреженіе къ вопросамъ теоріи, съуживали кругозоръ отдѣльныхъ практиковъ-товарищей. Въ связи съ частыми провалами, это приводило къ измельчанію типа революціонера, къ забвенію, извращенію и игнорированію руководящихъ началъ соціаль-демократической доктрины, поселяло и узаконяло младенческія формы дѣятельности и примитивныя формы борьбы. При такихъ условіяхъ, истинно революціонные соціаль-демократы естественно должны были выдѣлиться, чтобы очистить прекрасную, но засоренную ниву, чтобы начать безпощадную борьбу съ шатаніями теоріи и хаосомъ практики. Естественно, что они должны были выставитъ девизомъ: кто не за насъ, тотъ противъ насъ. И этотъ боевой кличъ раздался со страницъ „Искры"... Онъ заставилъ многихъ товарищей, плывшихъ по теченію, остановиться, забыть программное легкомысліе и отрѣшиться отъ взгляда на соціаль-демократическое движеніе — „съ точки зрѣнія своего прихода"... Не касаясь отдѣльныхъ эпизодовъ, мы должны признать, что принципіально выдержанная, чуждая неувѣренности и колебаній, — „Искра" значительно способствовала уменьшенію царившаго сумбура. Какъ врачъ и другъ, она вскрыла самыя тяжкія наши язвы...

Со своей стороны, мы солидарны съ „Искрой" и „Зарей" по всѣмъ вопросамъ программы, тактики и организаціи — и признаемъ ихъ своими руководящими органами, а „Лигу русской революціонной соціаль-демократіи" — нашимъ заграничнымъ представителемъ. Независимо отъ этого, мы признаемъ жгучую необходимость созыва партійнаго съѣзда.

Товарищи! Наблюдая жизнь у „источниковъ" ея, мы видимъ, какъ стихійный подъемъ революціонныхъ силъ опережаетъ ростъ организацій, какъ немощна соціаль-демократія для того, чтобы углубить и использовать революціонную энергію пролетаріата, превратить назрѣвающій смутный духъ мятежа въ ясное классовое сознаніе. Безспорно, что героическія усилія разрозненныхъ „кустарей" ни къ чему не приведутъ, и эту великую и сложную задачу можетъ взять на себя только централизованная партія, могучая своимъ единствомъ, несокрушимая своей теоретической устойчивостью, дисциплинированная и стройно съорганизованная. Неумолимая логика каждаго новаго факта нашей старой неподготовленности неизбѣжно приводитъ къ этому выводу. И мы присоединяемъ свой скромный голосъ къ хору голосовъ, взывающихъ къ скорѣйшей организаціи партіи.

Донской Комитетъ Россійской Соціаль-Демократической
Рабочей Партіи.

Въ помѣченной январемъ 1903 г. прокламаціи Сибирскій С.-Д. Союзъ объявляетъ о своемъ вступленіи въ Росс. С.-Д. Р. П. въ качествѣ ея Комитета. Союзъ объявляетъ о „своей солидарности съ организаціей „Искры" по вопросамъ принципіальнымъ, тактическимъ и организаціоннымъ" и о признаніи „Искры" руководящимъ органомъ.

На первомъ собраніи Казанскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. было внесено предложеніе о присоединеніи къ „Искрѣ"; послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса была выработана слѣд. резолюція: „Признавая отсутствіе между большинствомъ комитетовъ и группъ Р. С.-Д. Р. П. какъ теоретическаго, такъ и практическаго единенія, видя въ этомъ громадный вредъ для дальнѣйшаго развитія въ Россіи соц.-демократическаго дѣла, признавая въ то же время только программу „Искры" вполнѣ соотвѣтствующей чистотѣ соц.-дем. принциповъ, а также и практической потребности времени, считая, наконецъ, организацію „Искры" единственною, могущею объединить всѣ современные комитеты и группы подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П., Казанскій Комитетъ постановляетъ принять безъ измѣненія программу „Искры" и считать ее — „Искру" — своимъ руководящимъ органомъ.

Казанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П."

Намъ прислано слѣдующее печатное заявленіе:

Уфимскій рабочій комитетъ, отдѣлившись съ января 1903 г. отъ Уральскаго союза соц.-демократовъ и соц.-революціонеровъ, пришелъ къ заключенію о необходимости революціонной борьбы подъ руководствомъ единой общероссійской организаціи. Поэтому комитетъ привѣтствуетъ образованіе Организаціоннаго комитета, поставившаго цѣлью объединить въ одной организаціи и подъ однимъ знаменемъ русское рабочее движеніе. Онъ признаетъ авторитетными для себя дальнѣйшія рѣшенія Организаціоннаго комитета, такъ какъ задачи послѣдняго и направленіе дѣятельности отвѣчаютъ цѣлямъ, намѣченнымъ Уфимскимъ комитетомъ въ минувшемъ январѣ. Для осуществленія задачи объединенія мѣстныхъ рабочихъ организацій Уфимскій комитетъ въ настоящее время присоединяется къ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи и заявляетъ о своей солидарности съ теоретическими воззрѣніями и организаціонными идеями „Зари" и „Искры", признавая эти органы руководящими для русской соц.-демократіи.

Уфимскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ началѣ февр. арестованы: Щегловъ, Токаревъ, Полубояриновъ и мног. другіе. — Н.-Новгородъ. Начиная съ первыхъ чиселъ февраля здѣсь обыски и аресты чуть не каждый день. Еще въ январѣ арестовано нѣсколько сормовцевъ. 1 февр. взята М. С. Карасева (служ. въ стат.). Выѣхавшая въ этотъ же день изъ Нижняго фельдшерица А. М. Кекшева привезена изъ Москвы. 3 февр. арестов. Ив. П. Ладыжниковъ, завѣдующ. книжн. магазиномъ. Изъ рабочихъ арестованы Ѳадѣевъ, Тюменевъ, Замятинъ, Постоноговъ, Рыбниковъ, Вороновъ, Лебедевъ, Павловъ, Барановъ, Кузнецовъ — все сормовцы; въ городѣ хозяева столярныхъ мастерскихъ Комоловы (отецъ и два сына) и еще нѣсколько ремесленниковъ. Обыски были въ Бабушкинской больницѣ, магазинѣ „Книжный музей", у всѣхъ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ статистиковъ, а также въ У. З. Управѣ. — На Воткинскомъ заводѣ арестованъ учитель В. Е. Кривоноговъ. — Москва. 14-15 февр. арест. 40 лицъ: студ. Меж. Инст. и друг. — Ташкентъ. Въ концѣ декабря и началѣ января повальные обыски. Арестованъ бывшій студентъ Михинъ. — Ростовъ-на-Дону. 3 февр. вечеромъ на Сѣнной ул. арестов. случайно сапожникъ В. Безпаловъ съ литературой „Свободы". Перевезенъ въ Таганрогъ. Съ 1 февр. здѣсь дѣйствуетъ охранка.

Бѣжалъ изъ села Тютьковскаго, Енисейской губ. и благополучно прибылъ заграницу сосланный по дѣлу „Раб. Знамени" Давидъ Гершановичъ.

Намъ пишутъ: „Носятся слухи, что, въ виду учащающихся побѣговъ, съ проживаніемъ по чужимъ паспортамъ, образованы летучіе отряды шпіоновъ и жандармовъ, для разыскиванія нелегальныхъ. Въ числѣ шпіоновъ находится извѣстный на югѣ Усовъ, долгое время бывшій старшимъ жандармомъ при одесской тюрьмѣ и знающій въ лицо не одинъ десятокъ лицъ."

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поправка. Въ статьѣ „Нужна-ли самостоятельная политическая партія еврейскому пролетаріату" (№ 34 „Искры") вкрались слѣдующія, извращающія смыслъ, опечатки: на стр. 2, столб. 2, строка 34 сверху, пропущено слово „не" послѣ словъ евреи-рабочіе (вмѣсто „организованы" надо читать: не организованы). Тамъ же на строкѣ 48 сверху вмѣсто: „которая должна" слѣдуетъ читать: который долженъ.

Получено: Отъ Л.С.Т. на „Искру" 95 руб., изъ Берлина въ пользу бѣглыхъ и ссыльныхъ по подписнымъ листамъ 250 мар., изъ Парижа 303 фр., изъ —ь 210 фр. 30 с., изъ Антверпена на изданіе записокъ Павлова 18 фр. 50 с., изъ Цюриха за литературу 67 фр. 15 с., отъ Цюрихской группы 9 фр., изъ Винтертура за литературу 8 фр. 25 с.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:

Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9

Типографія „Искры"

Dec. 12 1911

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 36. 15-го марта 1903 года. № 36.

МАРТОВСКІЯ ИДЫ.

Говорятъ, что Мартовскія Иды неблагопріятны для тирановъ“ И если бы наука разъ навсегда не осудила астрологическихъ суевѣрій, то можно было бы, „съ фактами въ рукахъ“, доказывать, что тираны, единоличные и коллективные, имѣютъ полное основаніе трепетать не только въ теченіе Мартовскихъ Идъ, но и впродолженіе всего мѣсяца, посвященнаго Марсу. Въ мартѣ палъ Юлій Цезарь; въ мартѣ погибъ Александръ II; въ мартѣ вспыхнула вѣнская революція, положившая конецъ гнусному режиму Меттерниха; въ мартѣ произошло ломбардо-венеціанское возстаніе противъ австрійскаго ига, ознаменовавшееся героическими „пятью днями“ въ Миланѣ; въ мартѣ совершилась берлинская революція, нанесшая неизлѣчимую рану прусскому абсолютизму; въ мартѣ парижскій пролетаріатъ заставилъ бѣжать въ Версаль позорное правительство „національной обороны“. Можно подумать, что богъ войны, вопреки общераспространенному мнѣнію о немъ, очень неравнодушенъ къ свободѣ. Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о вкусахъ этого бога и о таинственномъ вліяніи посвященнаго ему мѣсяца на внутреннюю жизнь цивилизованныхъ странъ, приходится, независимо отъ какихъ бы то ни было суевѣрныхъ соображеній признать, что мѣсяцъ Мартъ всякому, не беззаботному на счетъ политики человѣку напоминаетъ о цѣломъ рядѣ такихъ историческихъ событій, которыя были и на долго останутся въ высшей степени интересными не только для ученаго, стремящагося обнаружить причинную связь общественныхъ явленій, но и для дѣятеля, старающагося извлечь изъ нихъ практическіе уроки. Достаточно назвать великое парижское революціонное движеніе 18 марта, которое обязанъ внимательно изучить и тотъ, кто хочетъ составить себѣ ясное понятіе о борьбѣ классовъ въ современномъ обществѣ, и тотъ, кто принимаетъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ и, отстаивая интересы пролетаріата, желаетъ знать, въ чемъ состоитъ сила этого класса и каковы слабыя стороны его революціонныхъ возстаній, затрудняющія его побѣду надъ непріятелемъ.

Революціонное движеніе 18 марта, извѣстное также подъ именемъ Парижской Коммуны 1871 года, является блестящимъ подтвержденіемъ той истины, которая лежитъ въ основѣ всей практической дѣятельности современныхъ соціалистовъ и которая была такъ хорошо формулирована въ уставѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ, вышедшемъ изъ-подъ пера Карла Маркса и гласящемъ, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Движеніе 18 марта было движеніемъ пролетарскимъ по преимуществу. Хотя въ немъ дѣятельно участвовала многочисленная мелкая буржуазія французской столицы, однако Парижская Коммуна не издала ни одного постановленія для защиты исключительныхъ интересовъ мелкихъ предпринимателей. Напротивъ, всѣ принятыя ею мѣры были пропитаны пролетарскимъ духомъ. Въ движеніи 18 марта мелкая буржуазія шла подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата.

Принятыя Парижской Коммуной постановленія соціально-экономическаго характера не отличались, правда, ни численностью, ни рѣшительностью. Ихъ было мало, и они представляли собою довольно робкіе шаги на пути рѣшенія вѣкового спора между трудомъ и капиталомъ. Но дѣйствовать рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи Парижской Коммунѣ помѣщали, во-первыхъ, внѣшнія условія: борьба съ бандитами буржуазной реакціи, укрѣпившейся въ Версали и начавшей оттуда безпрерывныя и безпощадныя нападенія на Парижъ, оставшійся во власти рабочихъ. А кромѣ того, — и это главное, — въ движеніи 18 марта не было всей той сознательности, которая необходима пролетаріату для того, чтобы онъ могъ не только убѣдиться въ непримиримой противоположности своихъ интересовъ съ интересами буржуазіи, но также и выработать себѣ послѣдовательную программу практическихъ дѣйствій. Тѣмъ нашимъ революціонерамъ разныхъ цвѣтовъ, которые еще такъ недавно съ упрекомъ говорили намъ, что мы придаемъ преувеличенное значеніе сознательности въ революціонномъ дѣйствіи рабочаго класса, полезно будетъ хорошенько поразмыслить надъ движеніемъ 18 марта. Его исторія съ ясностью покажетъ имъ, что стихійность, которую они представляютъ себѣ могучимъ ломовымъ конемъ, способнымъ вывести движеніе изъ всѣхъ затрудненій, на самомъ дѣлѣ является источникомъ промаховъ и пораженій. Шансы успѣха пролетаріата въ его борьбѣ съ защитниками существующаго порядка вещей растутъ въ той самой мѣрѣ, въ какой его движеніе утрачиваетъ стихійный характеръ и становится сознательнымъ. И въ той же самой мѣрѣ возрастаетъ вліяніе на него соціальной демократіи, планомѣрныя дѣйствія которой служатъ сознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго историческаго процесса.

Противопоставленіе стихійности сознательному дѣйствію революціонной партіи можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, когда сама эта партія, не умѣя встать на классовую точку зрѣнія, противопоставляетъ свои субъективныя пожеланія объективному ходу вещей. Въ этомъ случаѣ ходъ идей противорѣчитъ ходу вещей, и потому оказывается лишеннымъ всякой творческой силы. Мысль опережается жизнью и мало-по малу утрачиваетъ на нее всякое вліяніе. Такихъ случаевъ можно было бы не мало насчитать въ исторіи того добраго стараго времени, когда соціализмъ, стоявшій на почвѣ утопіи, распространялся почти исключительно въ средѣ такъ-называемой интеллигенціи. Стихійное движеніе рабочаго класса имѣло тогда за собою гораздо больше шансовъ практическаго успѣха, чѣмъ сознательныя усилія заговорщиковъ-революціонеровъ или соціалистовъ-реформистовъ. Но это доброе старое время само было лишь введеніемъ въ исторію современнаго революціоннаго движенія пролетаріата. Дальнѣйшее развитіе этого движенія вело къ тому, что стихійность все болѣе и болѣе отступала въ немъ передъ сознательностью, которая черпала свою творческую силу именно въ правильномъ пониманіи объективнаго хода вещей. Противорѣчіе между мыслью и жизнью оказалось тогда разрѣшеннымъ; соціализмъ переставалъ быть утопическимъ и становился научнымъ.

Исторія рабочаго движенія въ эпоху, предшествовавшую Парижской Коммунѣ 1871 года, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все это. Фридрихъ Энгельсъ, самъ жившій въ сороковыхъ годахъ въ Парижѣ и хорошо знакомый съ тѣмъ, что тамъ происходило, говоритъ, что уже скоро послѣ іюльской революціи пролетаріатъ, получившій свое конспиративное воспитаніе еще въ тайныхъ обществахъ временъ реставраціи, становится преобладающимъ элементомъ въ революціонныхъ организаціяхъ заговорщиковъ. Тайное общество „Временъ Года“, съ помощью котораго Бланки и Барбэсъ вызвали возстаніе 1839 года, было уже исключительно пролетарскимъ. И такимъ же пролетарскимъ было общество „Новыхъ Временъ Года“, которое было основано послѣ неудачи названнаго возстанія и которымъ руководилъ Альберъ. Но несмотря на то, что эти общества состояли почти исключительно изъ пролетаріевъ, ихъ пріемы и ихъ тактика имѣли въ себѣ очень мало пролетарскаго, будучи цѣликомъ заимствованы изъ эпохи заговоровъ, составлявшихся буржуазной интеллигенціей. „Само собой понятно. — замѣчаетъ Энгельсъ, — что заговорщики не ограничивались организаціей революціоннаго пролетаріата, они стремились именно къ тому, чтобы опередить революціонный процессъ развитія, вызвать въ немъ искусственный кризисъ, сдѣлать революцію въ такое время, когда еще не было на лицо необходимыхъ для нея условій“. Да имъ и не приходилось много думать о необходимыхъ для революціи условіяхъ, потому что единственнымъ ея условіемъ являлось въ ихъ глазахъ надлежащая организація заговора. „Они были алхимиками революціи, — продолжаетъ Энгельсъ, — и отличались такою же путаницей понятій и такою же ограниченностью взглядовъ, какія были свойственны алхимикамъ стараго времени. Они старались дѣлать открытія, которыя должны были совершить революціонныя чудеса: взрывчатые снаряды, адскія машины магической силы, возстанія, которыя должны были дѣйствовать тѣмъ сильнѣе и удивительнѣе, чѣмъ менѣе было у нихъ разумнаго основанія“. Поглощенные своей алхимической работой, заговорщики преслѣдовали только ближайшую цѣль низверженія существующаго правительства и пренебрежительно смотрѣли на дѣло развитія классового самосознанія рабочихъ. Они отличались обыкновенно отчаянной храбростью и значительной революціонной сноровкой, строили первыя баррикады, грабили оружейныя лавки, организовали сопротивленіе и руководили имъ, короче — были офицерами уличныхъ возстаній, но эти рѣшительные люди, эти герои баррикадныхъ битвъ и самоотверженные организаторы всякаго рода террористическихъ, — какъ сказали бы мы теперь, — дѣйствій, уже и тогда представляли собою не будущее пролетарскаго движенія, а его прошлое. По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ развитіе пролетаріата, заговорщики утрачивали свое вліяніе и находили себѣ опасныхъ конкуррентовъ въ тѣхъ тайныхъ обществахъ рабочихъ, которыя ставили себѣ цѣлью не непосредственное возстаніе, а организацію силъ рабочаго класса и развитіе его классового самосознанія. Коммунистическая пропаганда того времени, равно какъ и споры, происходившіе между коммунистами различныхъ направленій, остались такъ же мало понятны французскимъ заговорщикамъ стараго закала, какъ мало понятны были нашимъ нынѣшнимъ хранителямъ революціонныхъ преданій семидесятыхъ годовъ споры между представителями различныхъ направленій русской соціаль-демократіи.

Начатое въ 1847 г. правительствомъ Луи-Филиппа дѣло о бомбахъ разсѣяло, по свидѣтельству Энгельса, даже самыхъ упорныхъ и наименѣе осмысленныхъ заговорщиковъ и толкнуло шедшихъ за ними рабочихъ на путь чисто пролетарскаго движенія. Во время февральской революціи 1848 г. коммунисты были уже самой сильной фракціей революціоннаго пролетаріата. Однако, движеніе 1848 года потонуло въ крови іюньскихъ борцовъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ французскій рабочій классъ, подавленный своей великой неудачей и лишенный всѣхъ политическихъ правъ, не выходилъ изъ мертвой точки застоя. Только политическая оттепель шестидесятыхъ годовъ принесла съ собою возобновленіе его освободительной борьбы. Но теперь эта борьба дѣлаетъ новый шагъ впередъ. Теперь передовые представители французскихъ рабочихъ становятся подъ знамя руководимаго Марксомъ Международнаго Товарищества Рабочихъ. И хотя большинство этихъ представителей продолжаетъ подчиняться вліянію утопическаго соціализма, — преимущественно прудонизма, — но старая тактика заговорщиковъ, съ ихъ бунтарствомъ, политическими покушеніями и прочей „алхиміей“, не встрѣчаетъ между ними никакого сочувствія. Практической задачей дня становится выработка классового самосознанія рабочихъ. Эта выработка, безъ всякаго сомнѣнія, значительно замедляется многообразными утопическими пережитками, сохранившимися въ головахъ большинства тогдашнихъ руководителей французскаго Интернаціонала. И нельзя не признать, что полезнымъ противовѣсомъ этимъ пережиткамъ служила стихійность массового рабочаго движенія, которое было чуждо утопій уже по одному тому, что вообще мало справлялось съ какой бы то ни было теоріей.

Если въ мѣропріятіяхъ Парижской Коммуны не замѣтно слѣдовъ утопизма, то это объясняется тѣмъ, что объективная логика великаго революціоннаго движенія оказалась сильнѣе субъективной логики его вожаковъ, и зараженная утопизмомъ мысль подчинилась, такимъ образомъ, властнымъ указаніямъ общественной жизни. И это было, разумѣется, очень хорошо. Но дѣло приняло бы несравненно лучшій оборотъ, революція 18 марта было бы гораздо болѣе плодотворной, если бы субъективная логика людей не расходилась съ объективной логикой жизни, если бы стихійная сила событій вмѣсто того, чтобы сталкиваться съ человѣческимъ сознаніемъ, какъ съ элементомъ до извѣстной степени чуждымъ и противодѣйствующимъ ей, получила въ немъ свое точное и ясное выраженіе.

Успѣхи французскаго соціализма со времени парижской Коммуны именно въ томъ и состояли, что это несоотвѣтствіе между ходомъ вещей и ходомъ идей все болѣе и болѣе устранялось, благодаря вліянію современнаго научнаго соціализма. Идеи научнаго соціализма не противорѣчатъ стихійной силѣ вещей и вообще не расходятся съ ней, а служатъ ея сознательнымъ выраженіемъ. И чѣмъ больше распространяются эти идеи, тѣмъ больше приближается торжество этой силы. Вотъ почему сторонникамъ научнаго соціализма остается только пожимать плечами, когда имъ говорятъ, что они придаютъ преувеличенное значеніе сознательности и слишкомъ мало полагаются на силу стихійности.

Во время революціоннаго взрыва 1871 г. стихійная сила вещей, къ сожалѣнію, еще не получила надлежащаго выраженія въ человѣческомъ сознаніи. Этимъ объясняется, между прочимъ, какъ слабая организованность революціоннаго пролетаріата, такъ и недостаточно энергичное преслѣдованіе непріятеля, который былъ на голову разбитъ 18 марта. Лиссагарэ разсказываетъ въ своей исторіи парижской Коммуны, что въ этотъ день, около трехъ часовъ пополудни, многіе батальоны національнй гвардіи, состоявшіе изъ вооруженныхъ пролетаріевъ, спокойно проходили мимо зданія министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ совѣщались тогда Тьеръ и его министры. Если бы революціонеры арестовали „чудовищнаго карлика“, то этимъ предупреждено было бы много несчастій въ будущемъ. Тотъ же Лиссагарэ разсказываетъ, что въ ночь съ 18-го на 19-ое марта генералъ Винуа безпрепятственно вывелъ изъ Парижа линейные войска и вывезъ оттуда много оружія, аммуниціи и боевыхъ припасовъ. Революціонеры безъ большого труда могли бы склонить солдатъ генерала Винуа на свою сторону и овладѣть его военными припасами. Они этого не сдѣлали, чѣмъ опять ослабили свою силу. Наконецъ, необходимо было преслѣдовать разбитаго непріятеля по пятамъ, а не давать ему утвердиться и заново организоваться въ Версали. Объ этомъ тоже, какъ видно, никто не подумалъ. Великая стихійная сила движенія не нашла надлежащаго выраженія въ сознаніи людей. Отсюда — отсутствіе централизованной органи-заціи, напрасная трата драгоцѣннаго времени, неумѣнье пользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Но каковы бы ни были недостатки революціоннаго движенія, начавшагося 18 марта, оно покрыло своихъ участниковъ неувядаемой славой и показало, какой длинный путь развитія оставилъ за собою французскій рабочій съ тѣхъ поръ, какъ перестал увлекаться заговорщиками ветхаго завѣта. Историческое значеніе Парижской Коммуны 1871 г. по истинѣ колоссально. Только тотъ, кто сумѣлъ оцѣнить это значеніе, видитъ, какъ ничтожно въ сравненіи съ нимъ историческое значеніе гибели какого-нибудь отдѣльнаго представителя деспотической власти, живетъ-ли онъ въ Римѣ или въ Петербургѣ, называется-ли онъ Юліемъ Цезаремъ или Александромъ II.

„Кровавая“ майская недѣля, ознаменовавшая собою побѣду буржуазіи надъ возставшимъ парижскимъ пролетаріатомъ, даетъ намъ понять, между прочимъ, какъ много правды въ словахъ „критиковъ Маркса“, старающихся увѣрить насъ въ томъ, что борьба классовъ принимаетъ все болѣе и болѣе мягкія формы. На самомъ дѣлѣ формы этой борьбы болѣе или менѣе „мягки“ лишь до тѣхъ поръ, пока она не выходитъ изъ предѣловъ „законности“, хотя и тутъ можно указать весьма выразительныя исключенія. А какъ только пролетаріатъ перешагнетъ черту „законности“, буржуазія тотчасъ же забываетъ всѣ сладкія рѣчи своихъ идеологовъ о „мягкости“ и обнаруживаетъ такую ненасытную кровожадность, какой устыдились бы самые дикіе людоѣды.

Тьеръ и его пособники показали всю силу своей ненависти къ освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса. Революціонный пролетаріатъ Франціи хорошо понялъ общественный смыслъ этой ненависти. Но странное дѣло! Никому изъ сколько-нибудь видныхъ его представителей не пришло въ голову „отомстить“ Тьеру какимъ-нибудь „террористическимъ“ дѣйствіемъ. Только анархисты пытались впослѣдствіи взорвать его статую, подложивъ около нея наполненую порохомъ коробку изъ-подъ сардинокъ, но и эта мальчишеская выходка, какъ потомъ оказалось, была предпринята при любезномъ содѣйствіи парижскаго префекта полиціи Андріе. Почему безчеловѣчная жестокость „чудовищнаго карлика“ осталась безнаказанной? Ужь не потому ли, что между французскими пролетаріями не осталось ни одного самоотверженнаго человѣка? Нѣтъ, вовсе не потому! Самоотверженіе было въ такой же мѣрѣ свойственно передовымъ французскимъ работникамъ послѣ Коммуны 1871 г., какъ и въ ея время. И мысль о мести ни на минуту не покидала этихъ работниковъ. Но отомстить значило для нихъ повалить тотъ общественный порядокъ, защитниками котораго явились Тьеръ и его сподвижники, разрушить ту систему, которая основывается на эксплуатаціи наемнаго труда капиталомъ. Всякій другой родъ мести не останавливалъ на себѣ ихъ вниманія, какъ слишкомъ ничтожный. Вотъ почему никто изъ нихъ не поднялъ руки на Тьера. Французское рабочее движеніе давно уже вышло изъ пеленокъ. Сообразно съ этимъ его передовые представители давно уже переросли психологію ветхозавѣтныхъ заговорщиковъ. И въ этомъ отношеніи мы, русскіе революціонеры, можемъ многому научиться у героическихъ пролетаріевъ Франціи.

ПО ПОВОДУ НОВАГО ТАМОЖЕННАГО ТАРИФА.

23 января прошлаго года учреждено было Особое Совѣщаніе для выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и для соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Русскій либералъ, какъ подобаетъ либералу, умилился душой передъ величіемъ такого начинанія. Либералы забыли или не хотѣли припомнить, что то, что требовалось теперь правительству выяснить, было уже давнымъ давно на сотни ладовъ разъяснено десятками правительственныхъ коммиссій и сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, сотнями томовъ статистическихъ изслѣдованій. И вотъ свѣдущіе люди въ уѣздныхъ комитетахъ принялись повторять зады и опять и опять указывать правительству, что „никакія агрикультурныя техническія улучшенія, никакія воспособленія отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства частными мѣрами не въ состояніи улучшить положеніе сельско-хозяйственной промышленности, пока не будутъ устранены коренныя препятствія къ ея развитію“, которыя заключаются въ „малой культурности населенія, въ отсутствіи у него ясныхъ и прочныхъ правъ, въ чрезмѣрномъ развитіи административной опеки, въ излишнихъ ограниченіяхъ роли и задачъ мѣстнаго самоуправленія, въ неправильномъ распредѣленіи податного бремени, въ избыткѣ покровительства мѣрами финансовой политики обрабатывающей промышленности и, наконецъ, въ неудовлетворенности основныхъ нуждъ крестьянъ, объясняемой существенными недочетами въ области поземельной политики“ (См. „Рус. Вѣдом.“ № 1, 1903 г.). Кое-кто договорился даже до конституціи.

Конституціонныя вожделѣнія были задушены въ полицейскихъ застѣнкахъ, а всѣ другія заявленія будутъ съ такою же безцеремонностью изъяты губернскими комитетами, гдѣ подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ происходитъ выживаніе „неблагонадежныхъ“ лицъ и мыслей. Но еще раньше, чѣмъ губернскіе комитеты успѣли совершить свою очистительную работу, самъ иниціаторъ Особаго Совѣщанія, министръ финансовъ, далъ въ новомъ таможенномъ тарифѣ оригинальную иллюстрацію того, какъ наше правительство намѣрено придти на помощь сельскому хозяйству. Новый тарифъ значитъ, конечно, повышенный тарифъ. Это само собою разумѣется для русскаго министерства финансовъ. Изъ правительственнаго сообщенія мы узнаемъ только, что въ данный моментъ имѣется цѣлыхъ три мотива для повышенія ввозныхъ пошлинъ: 1) „общія соображенія о надобности усиленія рессурсовъ государственнаго казначейства“, 2) „необходимость оказать болѣе существенную поддержку той или другой отрасли производства“ и 3) „измѣнившіяся условія ввоза русскихъ товаровъ въ иностранныя государства подъ вліяніемъ извѣстныхъ правительственныхъ тамъ распоряженій“. Видите ли, какая это чудодѣйственная штука таможенный тарифъ: онъ долженъ наполнить пустые сундуки господина Витте, спасти отъ банкротства зарвавшихся заводчиковъ и наказать нѣмцевъ. Начнемъ съ нѣмцевъ, такъ какъ именно Германію, гдѣ недавно принятъ новый таможенный тарифъ, имѣетъ въ виду пунктъ третій правительственной мотивировки. Итакъ, удастся ли намъ наказать нѣмцевъ? Но такими принципами люди руководились развѣ только въ ту эпоху, когда кровавая месть была единственнымъ средствомъ возмездія, когда окомъ платили за око, зубомъ за зубъ. Повысить пошлины у себя только потому, что онѣ повышены въ другой странѣ, значитъ совершенно забывать объ интересахъ населенія своей страны. Россія вывозитъ въ Германію преимущественно хлѣбъ; въ виду повышенія пошлинъ въ Германіи вывозъ туда будетъ затрудненъ. Масса русскаго крестьянства, продающаго часть своего хлѣба не потому, что она сама въ немъ не нуждается, а потому что принуждена платить непосильные налоги, прямые и косвенные, не найдетъ на рынкѣ достаточнаго числа покупателей. Цѣны на хлѣбъ будутъ падать и крестьяне принуждены будутъ продавать больше хлѣба, чтобы покрыть всѣ требованія государства. А въ то же время цѣны на многіе предметы первой необходимости будутъ повышаться, благодаря увеличенію ввозныхъ пошлинъ въ Россіи. Если сравнить новый тарифъ съ старымъ тарифомъ 1891 года, то мы замѣтимъ, что во многихъ случаяхъ повышеніе достигаетъ 50 и больше процентовъ для многихъ предметовъ массового потребленія. Что такимъ путемъ можно поднять культурный уровень обнищавшаго населенія, этого не станетъ утверждать даже русское правительство. Но — говорятъ — протекціонизмъ необходимъ для развитія промышленности и то, что таможенный тарифъ беретъ у населенія одной рукой, онъ отдаетъ ему другой и сторицей, доставляя новые заработки. Поддержка промышленности — таковъ второй мотивъ министерства финансовъ. Но не правильнѣе ли будетъ сказать: поддержка немногихъ крупныхъ промышленниковъ? Не къ эксплуатаціи ли массы потребителей кучкой фабрикантовъ и заводчиковъ, не къ загребанію ли огромной, нигдѣ невиданной прибыли ведетъ нашъ протекціонизмъ? Зародившись въ такое время, когда покровительствовать собственно еще нечему было, когда близкія и постоянныя сношенія съ индустріальными странами могли бы только содѣйствовать развитію и росту втутренняго рынка, нашъ протекціонизмъ съ самаго начала задерживалъ, а не содѣйствовалъ росту промышленности. Въ интересахъ фиска, т. е. для веденія безполезныхъ войнъ, для развитія европейскаго милитаризма, пошлины все болѣе и болѣе увеличивались, и когда, казалось, промышленность достаточно выросла, чтобы стать на собственныя ноги, гипертрофія протекціонизма продолжала парализовать ея дальнѣйшій ростъ, доводя до минимума конкурренцію между предпринимателями, поддерживая дороговизну многихъ предметовъ, какъ личнаго, такъ и производительнаго потребленія. Съ начала пятидесятыхъ до середины семидесятыхъ годовъ пошлины у насъ взимались сравнительно низкія, и это оказало очень благодѣтельное вліяніе на развитіе нашей промышленности. Но затѣмъ стали руководствоваться „общими соображеніями о надобности усиленія ресcурсовъ государственнаго казначейства“. Такъ, въ 1877 году, въ самый разгаръ русско-турецкой войны, введена была уплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ, что сразу увеличило покровительственныя пошлины на 33 процента и соотвѣтственно подняло цѣны на ввозимые товары. Въ 1881 году пошлины увеличены на 10 процентовъ, въ 1885 — опять на 10 процентовъ и отчасти на 20 %, а въ 1890 г. послѣдовало всеобщее повышеніе опять на 20 %. Пересмотрѣнный въ 1891 г. тарифъ долженъ былъ объединить всѣ предыдущія повышенія и на дѣлѣ принесъ новыя повышенія. Тогда европейская печать находила, что Россія дошла до крайнихъ предѣловъ покровительства, но новый тарифъ показалъ, что Европа ошибалась. Уже въ 1889 году таможенный доходъ составлялъ 36 процента всей цѣнности ввоза, т. е. всякая вещь, стоившая за-границей 63 коп., пройдя черезъ русскую пограничную таможню, стоила одинъ рубль; въ то же время таможенный доходъ Германіи равнялся 8, а таможенный доходъ Австріи только 6 процен. всей цѣнности ввоза. Паразитомъ живущее на народномъ тѣлѣ самодержавіе высасываетъ послѣдніе соки изъ народа, заботясь лишь о собственныхъ интересахъ. Около 60 процентовъ государственныхъ доходовъ даютъ косвенные налоги, а четвертую часть этихъ послѣднихъ составляетъ таможенный доходъ. Очень небольшая часть этихъ денегъ выбрасывается самодержавіемъ на удовлетвореніе культурныхъ потребностей населенія, какъ собакѣ бросаютъ обглоданную кость; все остальное идетъ на содержаніе арміи и флота, на содержаніе двора, полиціи и чиновниковъ. Обобранное населеніе лишено возможности удовлетворять хотя бы насущнымъ потребностямъ, а когда оно поднимаетъ голосъ противъ своихъ разорителей, то получаетъ въ отвѣтъ новые налоги, новыя пошлины и казацкія нагайки. Впрочемъ, порядокъ обыкновенно бываетъ другой: сначала идутъ нагайки, а уже за ними вслѣдъ всякія другія казни. „Послѣ насъ хоть потопъ!“ — думаютъ министры его величества, но они не видятъ, что потопъ гораздо ближе, чѣмъ они полагаютъ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕАКЦІЯ У НОГЪ РУССКОЙ ПОЛИЦІИ.

19 и 20 марта новаго стиля въ германскомъ парламентѣ, при обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, товарищъ Граднауеръ, отъ имени социалдемократической партіи, запрашивалъ германское правительство о гнусныхъ услугахъ, оказываемыхъ имъ русскому самодержавію. Граднауеръ указалъ, что въ Берлинѣ существуетъ особое русское полицейское отдѣленіе, специально шпіонящее за русскими социалистами (добавимъ, что, по нашимъ свѣдѣніямъ, это отдѣленіе состоитъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ берлинскому полицейскому управленію), что съ нынѣшняго года при пріемѣ русскихъ въ германскіе университеты ихъ документы отсылаются на просмотръ русской полиціи и, соотвѣтственно ея отзыву, студентъ принимается или нѣтъ. Далѣе, Граднауеръ коснулся трехъ инцидентовъ, въ которыхъ проявился союзъ между русской и германской полиціей: это — дѣла г-жи Кугель, г-жи Бухгольцъ и П. Калаева. О послѣднемъ дѣлѣ мы уже сообщали въ № 25; г-жа Кугель, старуха 65 лѣтъ, германская подданная и жена ремесленника, жившаго у русской границы въ Мемелѣ, была лѣтомъ 1901 г. арестована на русской сторонѣ, куда перешла по пограничному билету, отвезена въ Либавскую тюрьму и выпущена лишь послѣ очень долгаго заключенія. Обвиняя ее въ содѣйствіи перевозкѣ русскихъ и латышскихъ соц.-дем. изданій (дѣло Ролау и Клявы), либавскіе жандармы требовали отъ г-жи Кугель, чтобы она дала показанія о русскихъ, навѣщавшихъ ея мужа. Германское правительство не только — не смотря на два запроса соц.-демократовъ въ рейхстагѣ — не вступилось за свою подданную, но германскій консулъ, навѣщая ее въ тюрьмѣ, самъ застращивалъ ее въ томъ смыслѣ, что если она не дастъ нужныхъ жандармамъ показаній, то будетъ сидѣть очень долго.

Дѣло г-жи Бухгольцъ еще характернѣе. Германская подданная, г-жа Бухгольцъ попала въ списки Деп. Полиціи, какъ „членъ берлинской организаціи ‚Искры‘“. Когда она поѣхала въ Россію, русскій консулъ, какъ водится, визировалъ ея паспортъ, какъ бы давая тѣмъ согласіе русскаго правительства на ея въѣздъ, что не помѣшало ей вскорѣ быть арестованной въ Казани и привезенной въ СПБ., гдѣ жандармы могли предъявить ей только обвиненія, касающіяся ея берлинской дѣятельности. Когда послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія ее рѣшили изгнать изъ Россіи, то, не смотря на данное германскому послу обѣщаніе, что она поѣдетъ на свой счетъ, русскія власти отправили ее этапнымъ порядкомъ.

Въ отвѣтъ на запросъ Граднауера, особенно напиравшаго на предательское поведеніе германской дипломатіи въ дѣлѣ огражденія интересовъ германскихъ подданныхъ, — мин. иностранныхъ дѣлъ самымъ циничнымъ образомъ подтвердилъ, что русская полиція, съ согласія германскаго правительства, слѣдитъ за русскими въ Берлинѣ. Онъ находилъ, что поведеніе русскихъ жандармовъ въ дѣлѣ г-жи Кугель и петербургскихъ властей въ дѣлѣ г-жи Бухгольцъ ни въ чемъ не затрагиваетъ чести Германіи, а относительно гнусной выдачи Калаева не далъ никакихъ объясненій, если не считать попытки причислить К. къ анархистамъ, на основаніи „ужасной“ фразы, взятой изъ одного найденнаго у него русскаго изданія (слова: „месть палачамъ“). На возраженіе о томъ, что преслѣдуемые русскіе не имѣютъ ничего общаго съ анархистами, министръ имѣетъ характерный отвѣтъ: теоретически, конечно, ихъ надо отличать отъ анархистовъ, но надо имѣть въ виду русскіе порядки, съ точки зрѣнія которыхъ соц.-демократы — государственные преступники. Очень хорошо! Лучше г. Рихтгофенъ не могъ бы выразить той несомнѣнной истины, что онъ готовъ бы выдавать турецкому деспоту армянскихъ мучениковъ и китайскому правительству интеллигентныхъ китайцевъ, ибо вѣдь и тѣ, и другіе, если принять во вниманіе турецкіе и китайскіе порядки, являются государственными преступниками! Словомъ, германское правительство недвусмысленно обѣщаетъ и впредь оказывать подлыя услуги русской жандармеріи. Оно сможетъ это дѣлать спокойно, ибо, кромѣ германской соц.-демократіи, никто въ странѣ не протестуетъ противъ этого позора. Граднауеръ заклеймилъ въ своей рѣчи нѣмецкихъ профессоровъ, которые терпятъ вмѣшательство русской полиціи въ дѣло пріема студентовъ въ университеты. Да что профессора! Въ рейхстагѣ ни одна буржуазная партія не подняла свой голосъ противъ травли русскихъ борцовъ за свободу. Только одинъ „свободомыслящій“ пропищалъ нѣсколько словъ о томъ, что напрасно г-жу Бухгольцъ маяли по этапамъ. Нѣмецкая буржуазія достаточно прогнила политически, чтобы относиться равнодушно къ дѣлу борцовъ за свободу и цивилизацію.

За нѣсколько дней до дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ, въ Австріи былъ арестованъ съ русскими соц.-демократическими изданіями одинъ русскій, котораго австрійская полиція готовилась уже выдать Россіи, чему помѣшало лишь вмѣшательство тов. Дашинскаго (депутата). Тогда арестованнаго заключили въ Тарнопольскую тюрьму, у русиновъ соц.-дем. въ Лембергѣ (Ганкевича и друг.) произвели обыски, и австрійская прокуратура начала слѣдствіе о провозѣ русской литературы въ Россію. Какъ водится, и тутъ дѣлаются попытки навязать намъ „анархическій“ образъ мыслей. И австрійскія власти, подобно германскимъ, проявляютъ при этомъ удивительное лакейство передъ „наслѣдственнымъ врагомъ“ — Россіей. Аресту русскаго предшествовала съ мѣсяцъ назадъ конфискація австрійскими властями груза литературы („Искры“), пришедшаго на одну пограничную станцію. Крестьяне, явившіеся за полученіемъ груза, были арестованы, для присутствія при допросѣ ихъ пріѣхалъ русскій жандармскій офицеръ. Этотъ господинъ, въ присутствіи австрійскихъ чиновниковъ, пытался подкупить крестьянъ, склоняя ихъ къ тому, чтобы они перешли границу съ заранѣе заготовленными для нихъ паспортами и указали жандармамъ лицъ, которымъ они намѣревались передать литературу. Крестьяне отказались, и ихъ пришлось выпустить.

Случившееся въ Австріи, несомнѣнно, представляетъ одинъ изъ результатовъ недавней поѣздки русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Ламсдорфа по Австріи и Балканскимъ странамъ. Графъ не только „умиротворялъ“ македонскую революцію, онъ еще договаривался съ правительствами о преслѣдованіи русскихъ соціалистовъ. Послѣ его поѣздки румынская полиція стала проявлять чрезвычайное усердіе въ этомъ направленіи, а Болгарія наводнилась русскими шпіонами. Послѣдніе стараются даже проникнуть въ болгарскую соц.-дем. партію.

Да что — Балканскій полуостровъ! Въ концѣ прошлаго года намъ пришлось испытать натискъ русской жандармеріи даже... въ Египтѣ. По доносу одного негодяя, русскій консулъ въ Александріи отправился на русскій пароходъ „Боржомъ“ (передъ его отходомъ) и произвелъ обыскъ вещей матросовъ, въ которыхъ нашелъ много изданій „Искры“ и, кажется, „Свободы“. Владѣлецъ груза, матросъ В., успѣлъ бѣжать. Въ декабрѣ консулъ узналъ, что В. живетъ въ Александріи въ домѣ американской миссіи, и потребовалъ его выдачи, какъ анархиста, обвиняющагося въ убійствѣ. Повидимому, были сфальсифицированы кое-какіе документы для убѣжденія мѣстныхъ властей. Послѣднія дали приказъ объ арестѣ, матросъ былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ допросу консула и какого то пріѣзжаго русскаго чиновника. Къ счастью, такъ какъ арестъ произошелъ въ зданіи миссіи, въ судьбѣ матроса, котораго собирались уже выдать на русскій пароходъ, принялъ участіе американскій консулъ, который, вкупѣ съ англійскимъ консуломъ, противопоставилъ лживымъ утвержденіямъ русской полиціи удостовѣреніе въ томъ, что В. — социалистъ и ни къ какому убійству не причастенъ. Матросъ былъ освобожденъ. Въ настоящее время въ Александріи множество русскихъ сыщиковъ, проявляющихъ великое нахальство.

Наконецъ, на этихъ дняхъ произошелъ арестъ гг. Гоца и Энгеля въ Италіи по обвиненію русской полиціей въ соучастіи съ Балмашевымъ. Итальянское правительство оказало любезную услугу русскимъ жандармамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе взятыхъ у Гоца бумагъ станетъ извѣстно русскому консулу.

Противъ русскаго революціоннаго движенія, повидимому, готовятся заключить союзъ реакціонныя правительства всѣхъ странъ. Что-жъ! Этотъ союзъ не остановитъ развитія нашего дѣла, хотя и отзовется на насъ новыми жертвами. Но полицейское сотрудничество буржуазной Европы съ русскимъ царизмомъ будетъ содѣйствовать усвоенію русскими революціонерами той истины, что внѣ социалистическаго пролетаріата дѣло русской свободы не имѣетъ надежныхъ друзей въ Европѣ. Предстоящая Россіи революція будетъ имѣть не національное только, а міровое значеніе. Она нанесетъ смертельный ударъ всеевропейской реакціи, зловреднѣйшимъ вдохновителемъ которой является русскій самодержецъ. Тѣмъ самымъ русская революція будетъ способствовать болѣе успѣшному, болѣе быстрому развитію дѣла социализма на Западѣ. Сознаніе великаго историческаго значенія нашего движенія поможетъ намъ легко перенести тѣ новыя испытанія, которыми грозитъ намъ поступленіе европейскихъ правительствъ на службу въ русскій департаментъ полиціи.

„СОЦІАЛИЗАЦІЯ“, „КООПЕРАЦІЯ“ И ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА „СОЦ.-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ“.

Въ ряду отличительныхъ чертъ т. н. „Партіи соц.-рев.“ стоятъ: „социализація“, „кооперація“ и обиліе популярной литературы. Какъ ни разноцѣнны эти качества, но мы ихъ объединили въ заголовкѣ нашей замѣтки, такъ какъ, во-первыхъ, хотимъ произвести краткую качественную оцѣнку популярной литературѣ соц.-рев., которая до сихъ поръ „оцѣнивалась“ только въ тысячахъ экземпляровъ и въ пудахъ, — и, во-вторыхъ, заодно ужъ посмотрѣть: въ какомъ видѣ доходятъ до мужика тѣ „программные“ пункты, которые въ „Рев. Рос.“ окружены частоколомъ хищнически надерганныхъ цитатъ и которые должны обезпечить „партіи соц.-рев.“ право на самобытное существованіе.

Эту непривлекательную работу мы нашли нужнымъ произвести въ предупрежденіе дѣйствующихъ въ Россіи товарищей. Недостатокъ соц.-демократической литературы, пригодной для обращенія среди крестьянъ, можетъ натолкнуть иныхъ изъ товарищей-практиковъ на популярную литературу соц.-рев. А качества этой послѣдней, говоря мягко, вызываютъ на размышленія. Распространять ее — значитъ подчасъ говорить мужику завѣдомую неправду. Мы ниже покажемъ это. А сейчасъ сдѣлаемъ указаніе на одну характерную черту соц.-революціонной литературы для „народа“, — ея нерѣдкое неприличіе, свидѣтельствующее о неуваженіи къ личности читателя. „Рев. Рос.“ много говорила о своемъ органическомъ отвращеніи къ „пріемамъ вульгарной и пошлой буржуазной прессы“

ЕДИНАЯ РУССКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ЕВРЕЙСКАГО ПРОЛЕТАРІАТА.

Сообщая (въ № 34) извѣстіе о томъ, что „Бундъ“ примкнулъ окончательно къ Орг. Ком. Рос. С.-Д. Р. П. (и что такимъ образомъ, инцидентъ, послужившій поводомъ къ протесту Ц. К. Б., можно считать благополучно законченнымъ), — мы надѣялись, что отнынѣ ставшая, очевидно, неизбѣжной полемика русскихъ соц.-дем. съ представителями „новыхъ теченій“ въ Бундѣ сможетъ вестись на чисто-принципіальной почвѣ. Такой чисто-принципіальной полемикѣ и была посвящена въ № 34 „Искры“ статья по вопросу о томъ, „нужна-ли самостоятельная политическая партія еврейскому пролетаріату“?

Наша надежда, къ сожалѣнію, не оправдалась. Въ №№ 109 и 112 „Послѣднихъ Извѣстій“ появились статьи, писанныя въ чрезвычайно-вульгарномъ тонѣ. Не „Искрѣ“, конечно, имѣть что либо противъ той рѣзкости полемики, которая естественно порождается страстностью отношенія спорящихъ къ той идеѣ, которую они отстаиваютъ. Но одно дѣло — подсказанная страстью рѣзкость тона или даже грубость выраженій, и другое дѣло — вульгарная ругань, источая которую, человѣкъ, правда, явно показываетъ, что его вывело изъ себя, но не старается даже объяснить, какого рода идеи (идеи, а не ругательства!) онъ можетъ противопоставить непріятнымъ ему взглядамъ своего противника.

„Искра“ „обрабатываетъ своего читателя“, она „вбарабаниваетъ ему въ голову“, что она „пупъ земли“, она „лишній разъ подтвердила, что плюетъ на всякія ‚законности‘“ и ея ссылки на Манифестъ Партіи „лицемѣрны“. „Искра“ занимается „открытой и подпольной травлей“ Бунда и тѣмъ довела нѣкоторыхъ своихъ сторонниковъ до „горячечнаго бреда“ анти-бундизма. „Искра“ повинна въ „имперіализмѣ“, и на ея „имперіалистскомъ лбу надо выжечь“ слова, долженствующія выражать ея „полнѣйшее презрѣніе къ еврейскому пролетаріату“. Если же „Искра“, испугавшись подобныхъ послѣднему обвиненій, спѣшитъ объяснить, что она къ антисемитизму непричастна и что такія подозрѣнія со стороны бундовцевъ результатъ „болѣзненно-мнительнаго чувства“, ей свирѣпо-грозно отвѣчаютъ: „Это не болѣе, какъ демагогическая пошлость“. Дѣло „не въ антисемитизмѣ, а въ организаціонной гегемоніи, къ которой вы упорно стремитесь, и для достиженія к-рой вы не разбираете никакихъ средствъ“. При чемъ же, все-таки, „презрѣніе къ еврейскому пролетаріату“, если дѣло „не въ антисемитизмѣ, въ которомъ никто никогда не думалъ васъ обвинять“? Быть можетъ, стремленіе къ „гегемоніи“ порождаетъ въ „Искрѣ“ „презрѣніе“ вообще къ пролетаріату, не только къ еврейскому? Подобное обвиненіе противъ „Искры“ было высказываемо г. Надеждинымъ и другими почтенными лицами. Если же мы повинны специально въ презрѣніи къ рабочимъ-евреямъ, то не объяснитъ-ли З. К. Б. намъ, какъ совмѣстить это обвиненіе съ утвержденіемъ о томъ, что „въ антисемитизмѣ васъ никто никогда не обвинялъ“? Было бы очень желательно, чтобъ З. К. Б. не уклонился отъ отвѣта на этотъ ясный вопросъ*).

„Искра“ даетъ своимъ корреспондентамъ „ордеръ“ — „гремѣть противъ Бунда“ (почему-бы, о, редакція „П. И.“, не пойти дальше и не предположить, что корреспонденціи просто сочиняются въ ред. „Искры“?); „Искра“, разумѣется, „завѣдомо невѣрно цитируетъ“, она „мутитъ воду и ловитъ рыбу“, для характеристики ея добросовѣстности ее позволительно сравнить съ „маститымъ сочинителемъ Буренинымъ“.

Мы не станемъ, конечно, разбирать шагъ за шагомъ статью „Посл. Изв.“, мы не станемъ разговаривать о томъ, является-ли „Искра“ „пупомъ земли“ (вмѣстѣ съ знаменитымъ „поганьемъ“, этотъ перлъ литературнаго вкуса З. К. Б. неминуемо перейдетъ въ исторію россійской словесности) и точно-ли она желаетъ эту „мысль“ „вбарабанить въ голову читателя“. Мы лишь вкратцѣ отвѣтимъ на нѣкоторыя изъ обвиненій З. К. Б., которыя построены на невѣрной передачѣ фактовъ или на забвеніи таковыхъ.

Во-первыхъ. „Искра“ въ № 33 сказала, что „Бундъ поддерживалъ расколъ заграницей“. Ред. „Посл. Изв.“ очень... разсержена этими словами и вопитъ: „До сихъ поръ намъ говорили, что ‚расколъ‘ вызванъ глубокими принципіальными разногласіями“, теперь же хотятъ свалить всю вину на Бундъ. „Это демагогія, господа, и худшаго сорта“. Гдѣ-же тутъ противорѣчіе? Да, „расколъ“ былъ вызванъ принципіальными разногласіями, но вѣдь вы — З. К. Б. — числились въ станѣ той изъ раздѣленныхъ принципіальными разногласіями фракцій, которая отстаивала „новое“ направленіе (экономизмъ), вызвавшее расколъ „Союза“. А послѣ раскола вы — до осени 1901 г. — состояли въ той изъ расколовшихся сторонъ, которая поддерживала русскій экономизмъ. Правда-ли это, господа? И если правда, то не вправѣ-ли мы сказать, что „вы поддерживали расколъ заграницей“, и отчасти постольку, поскольку сами были заражены „принципіальными разногласіями“? Но З. К. Б. находитъ, что наши слова объ „экономизмѣ“ Бунда — злостная клевета. Ибо, если бы „экономизмъ“ числился въ историческомъ пассивѣ Бунда, то „почему вы („Искра“) все время молчали? Почему вы въ теченіе двухъ лѣтъ своей страстной полемики съ ‚экономизмомъ‘ не проронили объ этомъ ни единаго словечка?“ Полно, такъ-ли мы уже молчали? Не припомнитъ-ли авторъ, что онъ самъ написалъ двумя столбцами раньше (стр. 3 № 109)? Тамъ онъ заявилъ, что въ книгѣ Ленина, стр. 44, имѣется „извращеніе“ смысла резолюціи IV съѣзда Бунда. Извращенія у Ленина, разумѣется, не было, но была полемика противъ этой резолюціи и доказательства того, что она продиктована традиціями „экономизма“. Ленинъ могъ быть правъ или нѣтъ, онъ могъ вѣрно передать или „извратить“ смыслъ резолюціи бундовскаго съѣзда, но никакъ нельзя сказать, чтобы онъ въ теченіе двухъ лѣтъ молчалъ о причастности Бунда къ „экономизму“. Согласится-ли ред. „П. И.“ съ нами въ этомъ, признается-ли она, что ея слова о нашемъ быломъ молчаніи, яко-бы доказывающемъ лживость нашихъ теперешнихъ утвержденій, основаны сами на плохой памяти?

Но не одинъ Ленинъ занимался „экономизмомъ“ Бунда. Въ статьѣ „Объ еврейскомъ рабочемъ движеніи“, появившейся въ № 3-4 „Зари“, обстоятельно доказывается, что весь-то русскій „экономизмъ“ явно-бундовскаго происхожденія. Вѣрно это или нѣтъ, но нельзя отрицать, что авторъ статьи не „молчалъ“, по крайней мѣрѣ, на протяженіи добраго десятка страницъ. Но что З. К. Б. промолчалъ всю эту статью, какъ въ той ея части, гдѣ она занимается вліяніемъ бундовской тактики первыхъ лѣтъ на созданіе русскаго „экономизма“, такъ и въ той, которая посвящена „національной программѣ“ Бунда — это несомнѣнный фактъ.

Можетъ быть, послѣ всѣхъ нашихъ доводовъ З. К. Б. все еще увѣренъ, что онъ съ „экономизмомъ“ ни въ какомъ родствѣ не состоитъ? Поищемъ для окончательнаго его убѣжденія вполнѣ безпристрастныхъ свидѣтелей. Мы, пожалуй, вызвали бы небезызвѣстнаго г. Г. (см. Vademecum), но боимся, что товарищи изъ З. К. Б. не захотятъ оказать намъ содѣйствія въ отысканіи этого свидѣтеля. Ограничимся, поэтому, всего однимъ свидѣтелемъ, который недавно произнесъ слѣд. слова: „До тѣхъ поръ, пока основой нашихъ организацій, какъ теперь въ нѣкоторыхъ городахъ, будетъ продолжать служить профессіональное движеніе, до тѣхъ поръ, пока ‚кассы‘ будутъ держать нашихъ наиболѣе активныхъ и развитыхъ рабочихъ въ умственномъ порабощеніи и отнимать у нихъ все время и всѣ силы, — до тѣхъ поръ у насъ такія (какія рекомендуются авторомъ) революціонныя организаціи не разовьются“. „Никто не станетъ отрицать, что до сихъ поръ мы отдавали слишкомъ много силъ экономическимъ организаціямъ и экономической борьбѣ“. „Наши организаціи до сихъ поръ тратили почти всѣ свои силы на исключительную поддержку этихъ (профессіональныхъ) союзовъ“. А о прошломъ времени свид. говоритъ: „Вездѣ агитація въ массѣ носила лишь экономическій характеръ... даже политическая агитація тоже велась только на экономической почвѣ“. Свидѣтель этотъ — авторъ статьи: „Наша ближайшая организаціонная задача“ въ № 28 „Arbeiterstimme“ за августъ 1902 г.**).

Не очевидно-ли послѣ всего этого, что „Искра“ „сочинила“ басню о быломъ „экономизмѣ“ Бунда? И тотъ, кто читалъ цитированную только-что статью, не согласится-ли съ ред. „П. И.“ что „Искра“ проявила удивительное самохвальство, давъ понять, что ея борьба съ экономизмомъ помогла вытравленію этой болѣзни и изъ нѣдръ самого Бунда? Не правда-ли, что эта статья, и клялась у алтаря соціализма проявить „созидательную силу, творящую новыя формы во всѣхъ областяхъ мысли и жизни" (№ 11). Но это, очевидно, для господъ. А въ литературѣ для народа „созидательная сила", направленная на „новыя формы", сказалась только въ нецензурныхъ выраженіяхъ, каковая нецензурность не имѣетъ никакого отношенія къ политикѣ.

---

*) На самомъ дѣлѣ, въ брошюрѣ „Къ вопросу о національной автономіи“ „Искра“ была обвинена въ содѣйствіи антисемитизму. З. К. Б. хорошо это знаетъ, но онъ знаетъ также, что слова „это демагогическая пошлость“ довольно сильныя слова. И онъ спѣшитъ проявить „силу“ своего стиля.

**) Русскій переводъ статьи изданъ З. К. Б.; см. стр 7, 11, 12, 13.

Смѣемъ думать, что „Центральный Комитетъ" Партіи соц.-рев., уже однажды (и притомъ единственный разъ) проявившій свою власть... въ цензурной области, долженъ былъ бы снова выйти изъ состоянія летаргіи и подвергнуть цензурному запрету нѣкоторыя литературныя произведенія своей партіи*). По „независящимъ обстоятельствамъ" воздерживаемся отъ цитатъ.

Теперь отъ формы къ содержанію.

Въ брошюрѣ „Воля Царская и Воля Народная", 1902 г., (изд. „Аграрно-Соціалистической Лиги", „примыкающей по своей программѣ къ Крестьянскому Союзу Партіи С.-Р." и состоящей съ этой партіей въ федеративныхъ отношеніяхъ) вотъ какъ резюмируется анализъ современныхъ соціальныхъ отношеній: „Итакъ, противъ рабочаго народа царь имѣетъ въ своихъ рукахъ двѣ огромныя силы: во-первыхъ — армію чиновниковъ, солдатъ, полицейскихъ и жандармовъ, и во-вторыхъ, — крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ-промышленниковъ, денежныхъ людей. Теперь всѣмъ стало ясно, что эти двѣ силы — тоже два родные брата, или двѣ руки самодержавнаго царя (курс. нашъ), а рука руку моетъ, и воронъ ворону глазъ не выклюетъ. И не кончится эта мука рабочаго народа до тѣхъ поръ, пока все начальство назначается царемъ, а не выбирается народомъ, т. е. пока будетъ на Руси царское самодержавіе".

„Нужно заставить царя, чтобы онъ созвалъ выборныхъ всего народа въ Земскій Соборъ, и какіе они порядки установятъ, такъ тому и быть, и чтобъ царю ихъ слушаться и безъ ихъ согласія не распоряжаться... Тогда только настанетъ миръ на Руси и тогда только можно будетъ народу лучше устроиться, ввести больше равненія и справедливости" (стр. 33).

Какъ все просто! Царь. У царя двѣ руки. Одна рука — землевладѣльцы, промышленники и денежные люди (капитализмъ?). Другая рука — жандармерія. Стоитъ „посадить царя и его министровъ на отчетъ" (стр. 41) — и „мука рабочаго народа" исчезнетъ, на Руси настанетъ желанный миръ. „Въ этомъ весь и секретъ!" говоритъ мужику Аграрно-Социал. Лига. (стр. 41).

Какъ все просто! Но вмѣстѣ съ тѣмъ: какъ все... смѣло! Впрочемъ, Крестьянскій Союзъ давно уже сказалъ: „Въ такія времена, какъ наши, цѣлесообразна одна смѣлость!" (Р. Р., № 8).

Въ брошюрѣ „Ко всему русскому крестьянству — отъ Крестьянскаго Союза П. С.-Р.", (1902 г.) развивается такая соціальная философія: „Отдѣльные помѣщики и богатые — это только малые медвѣжата. Ихъ можно бы всѣхъ побрать голыми руками, да сначала нужно одолѣть большого медвѣдя — царя и его правительство. Нужно приготовиться, собраться съ силами, сбить большую облаву, съ ружьями и рогатинами, чтобы покончить съ медвѣдемъ, а тамъ уже хозяйничай въ его берлогѣ, какъ умѣешь и какъ знаешь" (стр. 11 и 12). „Соціалисты-революціонеры, говоритъ та же брошюра, хотятъ во чтобы то ни стало добиться правды на землѣ" (стр. 15). Очень, очень похвальная цѣль. Но люди, которые сами говорятъ неправду, не годятся для осуществленія такой задачи.

Средства борьбы, рекомендуемыя Крестьянскимъ Союзомъ, очень разнообразны: „Тутъ могутъ послужить и потравы, и порубки, и пожары ‚отъ неизвѣстныхъ причинъ' и всякіе другіе способы..." (стр. 22). Кромѣ того міръ всегда можетъ... въ подрывъ кулаку-ростовщику завести свою общественную кассу, общественную сѣялку и тому подобное..." (стр. 22). Съ одной стороны пожары „отъ неизвѣстной причины", съ другой стороны — общественная сѣялка. Если не ошибаемся, это называется „широтою".

Кстати. Мы ничего не знаемъ о генеалогіи Крестьянскаго Союза. Но надо думать, что въ его составъ вошли организаціи, построенныя по „Уставу Братства для защиты народныхъ правъ", изданному въ 1899 г. „Союзомъ русскихъ Соціалист.-Революціонеровъ". Въ этомъ крайне поучительномъ документѣ имѣется, между прочимъ, такой пунктъ: „Всѣ члены даютъ присягу (sic!) или торжественное обѣщаніе свято хранить вѣрность братству" (стр. 16).

Присяга, лѣсная порубка, царь на учетѣ, общественныя сѣялки и „уравнительные" пожары отъ неизвѣстной причины... „Соціалисты-Революціонеры хотятъ во что бы то ни стало добиться правды на землѣ"!

Они такъ спѣшатъ къ своей высокой цѣли, что нерѣдко наступаютъ себѣ правой ногой на лѣвую. Они отказались, напр., выставить опредѣленную минимальную программу, дабы не впадать въ „безпочвенное прожектерство" (въ духѣ „Искры"). Доколѣ не уничтожено самодержавіе, „намъ еще рано болѣе детально выяснять будущій характеръ нашихъ положительныхъ государственныхъ работъ" („Рев. Рос.", № 15, курс. нашъ). Это для чистой публики. А для „рабочаго класса" соц.-революц. выставляютъ въ популярныхъ брошюрахъ детально разработанныя программы, не дожидаясь призыва (въ буржуазно-конституціонномъ государствѣ!) къ „положительнымъ государственнымъ работамъ".

Въ двухъ брошюрахъ Крестьянскаго Союза „Несправедливое устройство русскаго государства" (стр. 30) и „Ко всему русскому крестьянству" (стр. 28) выставлены двѣ программы (по пунктамъ), которыя только тѣмъ похожи другъ на друга, что обѣ смѣшиваютъ минимальныя требованія съ конечной цѣлью. Подробно разбирать эти плоды „безпочвеннаго прожектерства", долженствующаго лечь въ основу „соціаль-революціонныхъ" „государственныхъ работъ", было бы слишкомъ непроизводительно. Но въ обѣихъ программахъ заслуживаетъ вниманія одно обстоятельство, въ высокой степени поразительное.

Мы теперь ужъ доподлинно знаемъ, что „въ аграрной программѣ-минимумъ Партіи Соц.-Рев. особенно видное мѣсто занимаютъ два пункта: требованіе соціализаціи земли и стремленіе („пунктъ") къ развитію сельско-хозяйственныхъ трудовыхъ товариществъ или коопераціи" („Р. Р.", № 14).

Но если мы обратимся къ брошюрамъ и „программамъ", разсчитаннымъ на мужика, то коопераціи тутъ не сыщемъ и со свѣчей, а соціализація предстанетъ передъ нами въ самомъ неожиданномъ видѣ.

Въ программѣ брошюры „Несправедливое устройство..." говорится, правда, (п. 1), что землю должно „сдѣлать общественнымъ достояніемъ", но тутъ же указано, что „раньше, чѣмъ это дѣло будетъ закончено, необходимо даромъ прирѣзать крестьянамъ земли, сколько имъ надо, изъ лежащихъ пустыхъ или сдаваемыхъ частнымъ арендаторамъ земель".

Чтобы понять, какой „программный" смыслъ имѣетъ даровая прирѣзка, нужно взять п. 3, который гласитъ, что фабрики и заводы должны принадлежать „всему рабочему народу", причемъ прибавляется, что „пока удастся это исполнить", необходимо улучшить положеніе рабочихъ путемъ фабричнаго законодательства.

Такимъ образомъ, соціализація земли уравнивается съ соціализаціей фабрикъ и отходитъ въ область конечныхъ цѣлей. Въ минимальной программѣ, наряду съ фабричнымъ законодательствомъ, оказывается... даровая прирѣзка. Значитъ, г. Рудинъ*), противъ нашихъ „отрѣзковъ" стоятъ у васъ „прирѣзки", а не соціализація? Иначе, почему не противопоставлять нашему требованію 8-час. раб. дня вашей соціализаціи фабрикъ?

Еще поучительнѣе программа, выставленная въ брошюрѣ „Ко всему русскому крестьянству".

Пунктъ 10 требуетъ, чтобы наемныхъ рабочихъ „защищали особые законы отъ произвола и притѣсненій хозяевъ"... П. 11 — „Чтобы такую же законную защиту имѣли труженики-арендаторы помѣщичьихъ земель (значитъ — остаются?), и чтобы арендная плата могла браться только изъ чистаго дохода"... И п. 12 — „чтобы, наконецъ, былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для перехода всей земли, всѣхъ фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ изъ рукъ отдѣльныхъ хозяевъ въ руки всего народа". Послѣднее требованіе похоже на соціализмъ. Но тогда въ аграрной программѣ-минимумъ остается только контроль надъ арендными сдѣлками. Это требованіе имѣется и въ нашемъ проектѣ программы, рядомъ съ преслѣдующимъ ту же цѣль возвращеніемъ отрѣзковъ. Такимъ образомъ, нашимъ отрѣзкамъ соотвѣтствуетъ у васъ уже и не соціализація и не прирѣзка, а просто... пустое мѣсто.

Замѣчательное дѣло! Нашъ проектъ программы — „кабинетная выдумка". Соціализація же съ коопераціей вырваны съ корнемъ изъ крестьянской жизни. Но въ популяризаціи соціаль-революціонной „программы" для мужика кооперація либо совершенно проваливается, либо вмѣстѣ съ соціализаціей входитъ составной частью въ соціалистическій строй. Что жъ это значитъ? Г. Рудинъ, мечущій молніи, видомъ малыя и не смертельныя, рекомендуетъ намъ отказаться отъ „односторонней формулы соціализаціи сверху, черезъ пролетаризацію", — тогда какъ есть путь болѣе прямой: снизу, черезъ кооперацію. Казалось бы, этотъ путь необходимо, нимало не медля, указать „всему русскому крестьянству". А, между тѣмъ, Крестьянскій Союзъ тщательно конспирируетъ отъ мужика два „наиболѣе характерныхъ" пункта своей аграрной программы-минимумъ. Не придетъ ли такимъ путемъ „Партія соц.-рев." къ той же „односторонней формулѣ соціализаціи сверху", — но, разумѣется, не черезъ „пролетаризацію", а, напримѣръ, черезъ захватъ власти небезызвѣстной Боевой Организаціей?... Или, можетъ быть, Партія отложитъ „наиболѣе характерные" пункты своей программы-минимумъ до того момента, когда ее призовутъ къ „положительнымъ государственнымъ работамъ"? Разъясните это недоумѣніе, г. Рудинъ!

---

*) См., напр., разсказъ Сущинскаго въ № 2 „Народное Дѣло" или брошюру Ивана Вольнаго „За вѣру, царя и отечество".

*) См. въ № 3 „Вѣстника Рус. Рев." его статью „Къ крестьянскому вопросу".

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая демонстрація въ Ростовѣ-на-Дону. Сообщ
вамъ очень и очень интересную новость: вчера, 2 марта, око
5 часовъ вечера у насъ состоялась уличная демонстрація весь
внушительныхъ размѣровъ. Дѣло было такъ: въ 4 часа дня
Темерницкой балкѣ собралось, по обыкновенію, очень много н
роду поглазѣть на „кулачки", которыя устраиваются тамъ
праздникамъ. Такъ какъ демонстрацію заранѣе подготовилъ До
ской Комитетъ, то, по его призыву, туда же явилось нѣсколь
сотъ рабочихъ и послѣ коротенькой рѣчи развернули два кра
ныхъ знамени и двинулись въ городъ. На знаменахъ было н
писано очень ясно и четко бѣлою краскою, на одномъ: „Д
здравствуетъ восьмичасовый рабочій день", а на другомъ: „Д
здравствуетъ политическая свобода". Полиція, присутствовавша
на кулачкахъ, не будучи ни о чемъ освѣдомлена, страшно ра
терялась и сначала даже не догадалась, что ей дѣлать. Межд
тѣмъ, душъ 400 или даже больше рабочихъ, сопровождаемы
многочисленной толпой, вооруженные каменьями, палками и ещ
кое-чѣмъ, съ криками „ура", „долой самодержавіе" и пѣніем
марсельезы подошли къ Далматовскому переулку. Двое воен
ныхъ, ѣхавшихъ случайно по улицѣ, увидавъ шествіе, соскочил
съ извозчика, и одинъ изъ нихъ бросился въ толпу, желая о
нять знамя, но его здорово помяли и отбросили въ сторону. Т
же участь постигла нѣсколькихъ городовыхъ, пытавшихся сдѣ
лать то же самое. Въ нихъ бросали каменьями, которые, про
летая мимо, попадали въ окна магазиновъ, такъ что у Шпехт
и другихъ стекла совсѣмъ повыбивали. Такъ дошли до Таган
рогскаго переулка, гдѣ на время шествіе пріостановилось дл
того, чтобы собрать разсыпавшихся по сторонамъ рабочихъ,
затѣмъ, сплотившись, прошли до Соборнаго переулка, откуда по
вернули обратно, прошли до Таганрогскаго и затѣмъ снова под
нялись наверхъ вплоть до Большого проспекта. Все это врем
перепуганная и растерявшаяся полиція дѣлала попытки пріоста
новить демонстрацію, но, получивъ сильный и рѣшительный от
поръ, пошла, въ количествѣ 10 или 12 чел., впереди демонстран
товъ, изображая собою какъ бы вожаковъ демонстраціи. Зрѣ
лище получилось очень любопытное. Было сдѣлано два холо
стыхъ выстрѣла, какъ говорятъ, начальникомъ охраннаго отдѣ
ленія Верещагинымъ. Это произвело впечатлѣніе, и публик
пустилась бѣжать, но, увидѣвши, что выстрѣлы прекратились
тотчасъ же остановилась.

На Большомъ проспектѣ какой-то офицеръ приказалъ изво
чикамъ стать поперекъ Садовой, и только тогда знамена был
спрятаны и центръ понемногу исчезъ. Вся же остальная масс
продолжала оставаться на Садовой. Было уже около шести ча
совъ вечера, публика вышла какъ разъ на гулянье, и образова
лась толпа тысячъ въ 15-20. Тутъ только появилась кучка пѣ
шихъ казаковъ, а потомъ и конные. Казаки загнали публик
на Большой проспектъ, стали въѣзжать на троттуаръ и разгонят
толпу. Около Новаго Базара есть навѣсъ, подъ которымъ обы
новенно нанимаютъ прислугу. Подъ этотъ-то навѣсъ загнал
народъ и здорово, проклятые башибузуки, избили нѣсколько ч
ловѣкъ. Вообще полиція свирѣпствовала подъ конецъ ужасн
Незадолго еще до пріѣзда казаковъ, нѣсколько человѣкъ пол
цейскихъ, выхвативши шашки и держа ихъ горизонтально, бр
сились на толпу. Затѣмъ приставъ какой-то ни за что ни п
что сильно ударилъ ученика Пресманской школы, переходивша
дорогу. Публика толпилась на Садовой еще часовъ до восьм
Жандармскій полковникъ Артемьевъ пришелъ подъ конецъ
прижавшись къ будкѣ на Большомъ проспектѣ, смотрѣлъ какъ-
растерянно вокругъ. Особенно возмутительно велъ себя оди
шпикъ, рыжій такой, съ еврейской физіономіей. Вскочивъ
лошадь, онъ промчался по Садовой, вертя нагайкой и выставл
ее на показъ всей публикѣ. Вслѣдъ ему посыпались, конеч
угрозы, но онъ ужъ больше не появлялся... Озлобленіе и в
бужденіе среди рабочихъ было очень сильное: когда на бал
нахъ появились фигуры богачей, вышедшихъ посмотрѣть на
бывалое зрѣлище, то со всѣхъ сторонъ на нихъ посыпал
крики: „кровопійцы, буржуи, обжоры!", подымались кулаки,
дальше этого дѣло, къ счастью, не шло. Шпики мѣтили мѣло
подозрительныхъ... Въ общемъ, можно сказать, что демонст
ція удалась какъ нельзя лучше и впечатлѣніе произвела нев
вѣрное. Арестованныхъ на улицѣ рабочихъ человѣкъ двадц
Въ демонстраціи участвовали и женщины-работницы. Ранен
рабочихъ не знаю сколько, но, кажется, меньше, чѣмъ военны
Здорово влетѣло приставамъ Антонову и Петровскому и нѣско
кимъ офицерамъ. Но, что всего хуже, такъ это то, что арес
ванныхъ 2 марта на улицѣ рабочихъ полиція сильно избила
участкѣ.

Изъ письма другого корреспондента:

„Изъ года въ годъ, великимъ постомъ, по воскресеньям
насъ за Темерникомъ устраиваются „кулачки". Иногда соби

такъ рѣшительно порывающая со всякимъ экономизмомъ и кустарничествомъ, написана авторомъ совершенно самостоятельно и что встрѣчающіеся въ ней очень часто аргументы и даже выраженія, за полгода до того высказанныя Ленинымъ, лишній разъ свидѣтельствуютъ, что писатели „Искры", стремясь „не только къ идейной, но и къ организаціонной гегемоніи", узурпируютъ тѣ мысли, которыя имѣютъ еще высказать жертвы ея „диктаторскаго" честолюбія?

Второй пунктъ. „Искра" (въ № 34) обвинила З. К. Б. въ ребяческихъ воззрѣніяхъ на крупныя соціальныя явленія, именно на антисемитизмъ. „Такого лестнаго отзыва, отвѣчаетъ З. К. Б., мы удостоились за слѣд. мѣсто изъ № 105 „П. И.": „антисемитизмъ пустилъ корни и въ рабочей массѣ". Неправда это, господа! Не за это мѣсто васъ обвинили въ ребяческихъ воззрѣніяхъ, а за ваше утвержденіе, что взгляды Екат. Комитета на этотъ вопросъ, взгляды, раздѣляемые всей революц. соц.-дем. (именно, что антисемитизмъ есть выразитель интересовъ опредѣленныхъ буржуазныхъ слоевъ общества) являются „вредной сказкой". Сказали вы это, господа, въ № 105, да или нѣтъ? И если къ № 112 „П. И." вы до такой степени устыдились шовинистической своей выходки въ № 105, что не желаете напомнить о ней читателю, то поразительной... смѣлостью является ваша попытка обвинить насъ въ передержкѣ по этому пункту. Пустилъ-ли антисемитизмъ корни въ рабочей массѣ или нѣтъ, — объ этомъ мы съ вами не спорили ни единымъ словомъ, и ни на чемъ не основано ваше утвержденіе, будто мы вамъ приписали мысль о „связи антисемитизма съ интересами рабочихъ слоевъ населенія" (эти слова поставлены въ № 112 въ кавычки, а между тѣмъ ихъ нѣтъ въ текстѣ № 34 „Искры"). И вотъ, совершивъ такое... перемѣщеніе пункта спора, З. К. Б. заявляетъ, что передержка, якобы совершенная „Искрой", можетъ быть квалифицирована, какъ достойная Буренина! Воистину: медвѣдь козу деретъ, да самъ же и реветъ.

Пунктъ третій. „Искра" заявила, что самостоятельная организація еврейскаго пролетаріата будетъ „организаціей безсилія". З. К. Б. кажется, что, сказавъ это, „Искра" „забыла всякую осторожность и высказала нѣкоторыя свои сокровенныя(!) мысли, проливающія много свѣта на физіономію ‚общерусской организаціи'"; эти слова слѣдуетъ, поэтому, „выжечь на имперіалистскомъ(!!) лбу ‚Искры', какъ свидѣтельство ея полнѣйшаго презрѣнія къ еврейскому пролетаріату". Очень сердито. Но увѣряемъ васъ, что нѣтъ никакой надобности выжигать эти роковыя слова на нашемъ лбу: мы надѣемся ихъ часто еще повторять еврейскимъ рабочимъ. Мы всегда будемъ твердить имъ, что „самостоятельная политическая партія" еврейскаго пролетаріата обречена на безсиліе въ борьбѣ съ русскимъ царизмомъ; что весь россійскій пролетаріатъ обреченъ на такое же безсиліе, если распадется на рядъ „независимыхъ политическихъ партій", организованныхъ въ предѣлахъ одного района или среди одной народности.

Пунктъ четвертый, резюмирующій всѣ прочіе. „‚Искра' заговариваетъ о Бундѣ только тогда, когда ей представляется случай его лягнуть" (№ 109, стр. 1). Это до такой степени вѣрно, что на стр. 4 того же бюллетеня сказано, что „Искра" называла Бундъ „прочной", „большой", „образцовой" организаціей и „посылала русскихъ товарищей къ ней на выучку". „Ваши эпитеты, господа!" нравоучительно подчеркиваетъ авторъ, очевидно, желая „вбарабанить" (вашъ эпитетъ, господа!) читателю въ голову, что „Искра" не только „лягала" Бундъ, но и въ лестныхъ выраженіяхъ оцѣнивала его достоинства. Авторъ къ 4-ой страницѣ успѣлъ забыть, что ему нужно притворяться, будто бы „Искра" только и дѣлаетъ, что „лягаетъ". Слѣдуетъ лучше обдумывать, что пишешь, и сводить какъ-нибудь концы съ концами въ своей полемикѣ.

А теперь перейдемъ къ самой сути вопроса, вновь затемненнаго людьми, не желающими или не умѣющими объясниться, что называется, на чистоту. Нужна-ли, въ самомъ дѣлѣ, „самостоятельная политическая партія" еврейскому пролетаріату въ Россіи? Мы, такъ-называемые „имперіалисты", думаемъ, что такая отдѣльная партія не нужна еврейскимъ рабочимъ, какъ она не нужна рабочимъ Уральскаго или Сибирскаго района. З. К. Б. съ этимъ не согласенъ. Но онъ идетъ далѣе: онъ продолжаетъ утверждать, что такая отдѣльная политическая партія еврейскихъ рабочихъ уже существуетъ и что мы или проглядѣли ее по своей слѣпотѣ или злоумышленно ее игнорируемъ. Странно! А, между тѣмъ, несомнѣнный фактъ, что Бундъ примкнулъ къ Орг. К. Послѣдній есть „О. К. Рос. С.-Д. Р. П.", названіе каковой партіи значится до сихъ поръ въ заголовкѣ нѣкоторыхъ изданій Бунда. Задача О. К. — подготовить организаціонное единство Рос. С.-Д. Р. П. Входя въ его составъ, Бундъ тѣмъ самымъ берется содѣйствовать этому организаціонному объединенію. Какимъ же образомъ Бундъ можетъ одновременно составлять часть партіи и — „самостоятельную партію"? З. К. Б. отвѣчаетъ: фактически Бундъ является самостоятельной партіей. „Бундъ, со дня своего образованія вплоть до нашихъ дней, работалъ и развивался, какъ совершенно самостоятельная организація. Ни у кого не спрашивая (спрашивать не у кого было), справляясь съ интересами еврейскаго пролетаріата, онъ совершенствовалъ, мѣнялъ и умножалъ свои органы, расширялъ поле своей дѣятельности, разрѣшалъ всѣ(!) вопросы теоріи(!!) и практики, — какъ частные, такъ и общіе — выработалъ даже свою національную программу, и когда такимъ образомъ выросла самостоятельная партія еврейскаго пролетаріата, „Искра" таращитъ глаза отъ удивленія" и т. д. Но не замѣчаетъ-ли З. К. Б., что совершенно то же самое можетъ сказать о себѣ всякій комитетъ Рос. Партіи? Оглядываясь на свою исторію съ того времени, какъ только-что образовавшаяся партія оказалась организаціонно-разрозненной, каждый комитетъ можетъ сказать, что онъ „развивался, какъ совершенно самостоятельная организація", „ни у кого не спрашивая и справляясь съ интересами мѣстнаго пролетаріата", какъ онъ ихъ понималъ, конечно. Каждый комитетъ самостоятельно „разрѣшалъ", конечно, не „всѣ вопросы

теоріи и практики", какъ Бундъ, но, по крайней мѣрѣ, тѣ
просы политической практики, которые какъ-нибудь рѣшитъ п
силу отдѣльной районной или мѣстной организаціи. О раз
шеніи вопросовъ „теоріи" не могло быть для отдѣльнаго ко
тета рѣчи постольку, поскольку столь узкими рамками сдавл
ная работа и не требовала опредѣленнаго отвѣта
эти вопросы; и мы думаемъ, что болѣе согласно съ истин
и съ уваженіемъ къ теоріи будетъ сказать, что если Бундъ, ка
таковой, за время своего обособленнаго существованія, и „р
рѣшалъ всѣ вопросы теоріи", то лишь въ томъ смыслѣ, что пр
ходилъ мимо нихъ. Вѣдь Бундъ, какъ таковой, не выра
талъ своей особой политической программы — этой сводки
примѣненія къ политической практикѣ основныхъ положен
партійной „теоріи"... Нѣсколько программныхъ резолюцій, в
работанныхъ отдѣльными съѣздами по вопросамъ злободневна
характера, еще не позволяютъ говорить о своей „теоріи" или
своей программѣ.

И подобно Бунду, не одинъ русскій комитетъ могъ бы ск
зать себѣ, что, „рѣшая всѣ вопросы дня", онъ считался ли
съ интересами мѣстнаго движенія. Это было неизбѣжно пр
условіи раздробленности Партіи, но это-то обстоятельство и з
вело наше движеніе въ тотъ тупой переулокъ, изъ котораго не
обходимо выйти цѣной героическихъ усилій. Это-то и создал
въ партіи ту атмосферу кустарническихъ точекъ зрѣнія, мѣст
ныхъ интересовъ и микроскопическихъ „задачъ", въ которо
движеніе стало задыхаться и изъ которой наиболѣе сознательны
члены Партіи стараются его вывести. А чтобы вывести движе
ніе на новый путь, необходимо покончить съ той „самостоятель
ностью" своего „прихода", при которой каждая отдѣльная орга
низація „рѣшаетъ всѣ вопросы, ни у кого не спрашивая" и сч
таясь лишь съ „интересами своего пролетаріата", и когда важ
нѣйшіе вопросы теоріи и программы просто ускользаютъ из
поля зрѣнія мѣстныхъ дѣятелей или же „рѣшаются" примѣн
тельно къ убожеству мѣстныхъ „интересовъ". Вотъ почему пр
ходскій „патріотизмъ" заботы о дѣйствительномъ объединені
нашей партіи должны казаться злоумышленіемъ противъ ихъ
собственной „самостоятельности". Но къ счастью, такихъ „патріо
товъ" становится у насъ все меньше. Большинство мѣстныхъ
районныхъ организацій рѣшительно идетъ на встрѣчу такому
ограниченію своей „самостоятельности", которое связано с
функціонированіемъ единой партіи.

Въ числѣ прочихъ „обвиненій", выставленныхъ противъ нас
сердитымъ З. К. Б., стоитъ такое: вы стремитесь къ органи
ціонной гегемоніи. Друзья мои! Мы готовы открыто признат
что именно къ этому мы стремимся, только... къ гегемоніи чьей
Организація „Искры" взяла на себя подготовительную работ
необходимую для дѣйствія объединенной партіи. Съ заверш
ніемъ этой работы особая организація „Искры" не будетъ нужн
Плодомъ ея работы, въ которой теперь принимаетъ участіе бо
шинство мѣстныхъ организацій, явится централизованная „боев
организація" русской соціаль-демократіи, которая будетъ пре

ется масса народу отъ 5 до 6 тысячъ. Картина грубая, ужасная.

За нѣкоторое время до „кулачекъ“ Донской Комитетъ сталъ устраивать вечернія сходки рабочихъ въ степи. На одной изъ такихъ сходокъ, а именно за день до демонстраціи, рабочіе были приглашены на кулачки, разумѣется, не драться. На завтра рабочіе стали стекаться за Темерникъ на кулачки, это было часа въ три. На этотъ разъ кулачки были какъ разъ въ той балкѣ, гдѣ происходили сходки во время стачки. Собралась многотысячная толпа. Д. К. рѣшилъ использовать моментъ и вотъ когда кулачки пріутихли, были выкинуты знамена и ораторъ обратился съ рѣчью, въ которой приглашалъ рабочихъ пойти въ городъ на демонстрацію. Картина была величественная. Мы окружали оратора, держа его на плечахъ, надъ нами развѣвались знамена. Достаточно было нѣсколькихъ словъ оратора, чтобы вся эта толпа съ революціонными пѣснями и криками „долой самодержавіе“ и друг. двинулись демонстративно черезъ Темерникъ въ городъ.

Мы, человѣкъ восемъ съ ораторомъ посрединѣ, шли впереди, въ двухъ шагахъ за нами красныя знамена, а за ними многотысячная толпа съ организованными рабочими во главѣ... Черезъ часъ городъ оглашался революціонными пѣснями и возгласами: „долой самодержавіе!“ и т. д. Къ намъ присоединилась масса публики, толпа все росла и росла, сливаясь въ одинъ могучій организмъ. Вотъ на Братскомъ переулкѣ жандармы и полиція дѣлаютъ попытку отобрать знамена, но, пораженные градомъ камней, обращаются въ постыдное бѣгство. Мы продолжали шествовать побѣдоносно по Больш. Сад. и добираемся до Таганрогск. просп., здѣсь раздаются выстрѣлы, стрѣляли околоточные, но, къ счастью, никого не убили и не ранили

Но напрасно было ихъ усердіе. Демонстрацію все равно рѣшили прекратить; спрятали знамена и рѣшили расходиться. И вотъ только теперь полиція пустила въ ходъ свое искусство. Она выхватывала изъ толпы кого попало и за что попало. Мы защищались очень энергично, многихъ арестованныхъ отбили. Кромѣ того, намъ удалось хорошо отдѣлаться проволокой, которую мы протянули, когда убѣгали. Полиція, не видѣвшая ея, такъ и падала, путаясь въ ней. Вы помните, что намъ приходилось переживать во время стачки, теперь нѣчто еще большее, еще грандіознѣе. Я никогда не забуду 2 марта. Настроеніе рабочихъ и всѣхъ насъ прекрасное. Мы торжествуемъ побѣду“.

Томскъ. Дождался и Томскъ кровавыхъ дней. Вчера 18 февраля имѣла здѣсь мѣсто демонстрація, незначительная своими размѣрами, но могущая стать знаменательной своими послѣдствіями. Въ камерѣ мирового судьи разбиралось дѣло одного студента, привлеченнаго другимъ студентомъ, извѣстнымъ шпіономъ Соловкинымъ, къ отвѣтственности за клевету. При слушаніи этого дѣла присутствовало нѣсколько десятковъ студентовъ, которые своимъ явно враждебнымъ отношеніемъ къ шпіону, своими свистками вызвали столкновеніе съ мировымъ судьей. Возбужденная группа студентовъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ университету и технологическому институту, гдѣ къ нимъ примкнули многіе изъ товарищей. Всего собралось человѣкъ 200. Настроеніе собравшихся было слишкомъ приподнято, чтобъ разойтись по домамъ, и всѣ горячо привѣтствовали предложеніе направиться въ городъ. Красный флагъ (у кого то нашелся красный шарфъ) взвился надъ толпой. Раздалось стройное громкое пѣніе. Толпа росла и торжественно медленно подвигалась по главной улицѣ города. Явилась полиція, она присоединилась къ демонстрантамъ и тихо маршировала вмѣстѣ съ ними подъ звуки Марсельезы, Дубинушки, „Сбейте оковы“. Прошли версты полторы. Впереди шелъ полиціймейстеръ и нѣсколько приставовъ, къ концу пути явился и губернаторъ. Дорога лежала черезъ мостъ около городской полиціи и базарной площади. Здѣсь то и была устроена засада: выѣхавшая пожарная команда, сотни телѣгъ извощиковъ — легковыхъ и ломовыхъ, задержанные полиціей обозы, загородили большимъ полукругомъ дорогу, оставивъ значительную площадь для поля битвы. Еще далеко были демонстранты, какъ полиція заставила базарныхъ торговцевъ закрыть лавки и двинуть свою рать на битву съ бунтовщиками. Выстроились нѣсколько десятковъ служителей пожарной команды, десятка два-три жандармовъ, множество городовыхъ пѣшихъ и конныхъ. Замерли послѣдніе звуки „Дубинушки“; почти тысячная толпа медленно продолжала двигаться впередъ; высоко развѣвалось красное знамя; минута зловѣщей тишины, чья то команда „впередъ“ — и глазамъ представилась ужасная картина. Конные врѣзались въ толпу, топтали упавшихъ, свистѣли нагайки, въ воздухѣ мелькали шашки. Стали ловить отдѣльныхъ студентовъ, пойманныхъ отбивали товарищи, но силы озвѣрѣвшихъ башибузуковъ были велики. Въ этотъ моментъ правительство нашло себѣ поддержку въ мелкихъ торговцахъ и извощикахъ, обѣщанные рубли дѣлали свое дѣло — и избитая толпа, несмотря на горячее, упорное сопротивленіе, была разсѣяна. Много избитыхъ; пятерыхъ немедленно увезли въ больницу, одинъ, говорятъ, умираетъ. Захвачено было во дворъ городской полиціи 65 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько частныхъ лицъ. Нѣкоторыхъ, тяжело избитыхъ, потерявшихъ сознаніе, удалось вырвать и увезти. Много сильно избитыхъ и среди арестованныхъ. Поплатились и враги, но, къ сожалѣнію, не такъ тяжело. Побитъ полиціймейстеръ, пришлось на долю и губернатора. Одинъ полицейскій раненъ перочиннымъ ножемъ, другой получилъ тяжелый ударъ дубиной по головѣ. Арестованныхъ переписали, продержали во дворѣ до семи часовъ вечера, а затѣмъ отпустили, задержавъ частныхъ лицъ.

Намъ навѣрное извѣстно, что всѣхъ намѣревались отправить въ тюрьму, но тысячная толпа, стоявшая передъ полиціей и увеличивавшаяся съ часу въ часъ, заставила ожидать новой демонстраціи.

Настроеніе среди всѣхъ болѣе или менѣе сознательныхъ слоевъ общества напряженное.

Одинъ студентъ сообщаетъ о той же бойнѣ: „Я съ нѣсколькими вздумали убѣждать Вяземскаго (губернатора) прекратить бойню въ такихъ приблизительно выраженіяхъ: „стыдись, постыдись своей сѣдины, не отдавай безоружныхъ звѣрямъ; ты забылъ, что культура сѣется не кулакомъ“ и т. д. Только теперь я понимаю, насколько глупо было убѣждать Вяземскаго. Онъ молчалъ. Били не только студентовъ. избили прис. пов. Вознесенскаго; били всѣхъ, кого вздумается любому дворнику“.

Позднѣйшее сообщеніе изъ Томска говоритъ объ успѣшномъ отвѣтѣ студентовъ и рабочихъ на избіеніе 18 февраля: „День 19 февраля былъ посвященъ пропагандѣ среди рабочихъ, а вечеромъ во второмъ студенческомъ общежитіи была предварительная соединенная сходка съ участіемъ представителей отъ рабочихъ, которая постановила на завтра, т. е. на 20 февр., назначить въ Технол. Инст. и въ Университетѣ сходку, а послѣ оной демонстрацію. Въ 11 час. утра 20 февраля въ первой аудиторіи университета собралась грандіозная сходка, превышавшая по численности всѣ до сихъ поръ бывшія у насъ. Послѣ недолгихъ преній было рѣшено „выйти на мирную демонстрацію со знаменами, разбрасываніемъ прокламацій, революціонными возгласами и пѣніемъ, и, сказавъ подобающія рѣчи, разойтись“. Выйдя изъ Университета, студенты направились къ Технологическому, откуда вышли технологи. Всѣ направились очень медленнымъ шагомъ на Почтамтскую; толпа выросла до грандіозныхъ размѣровъ, сегодня явилась масса рабочихъ, типографщиковъ и прочей сочувствующей публики, такъ что подоспѣвшая полиція, не имѣя никакого подкрѣпленія, держала себя пока въ высшей степени корректно. Выйдя на Соборную площадь, толпа значительно увеличилась. Были вызваны солдаты въ полномъ вооруженіи, которые загородили дорогу около магазина Гадалова на Почтамтской ул. Толпа повернула назадъ. Попытка полиціи отдѣлить студентовъ и оцѣпить ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Солдаты начали оцѣплять студентовъ около клиники, но студенты вошли въ зданіе и прошли проходными дворами. Тогда солдаты были отпущены въ казармы, а вернувшіеся студенты сказали нѣсколько рѣчей публикѣ и разошлись. Демонстрацію можно считать удавшейся, какъ по количеству участвовавшихъ рабочихъ и публики, такъ и по тому воспитательному значенію, которое она имѣла. Была разбросана масса прокламацій. — Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ подалъ въ судъ заявленіе по поводу избіенія 18 февр. ихъ товарища Вознесенскаго, доктора Штейхера, студентовъ и публики. Въ Технологическомъ объявлена 20 февраля забастовка, и директоръ закрылъ институтъ.“

Обвинительный актъ

по дѣлу о Соничевѣ, Исаевѣ, Апальниковѣ, Никитасенко, Бѣлоусенко, Дмитріевѣ, Баскаковѣ, Чубаревѣ, Баскаковѣ, Коростылевѣ, Виноградовѣ, Бондаревѣ, Чичкинѣ, Лютовѣ, Левченко.

Въ началѣ ноября 1902 г. въ г. Ростовѣ-на-Дону среди рабочихъ мастерскихъ Владикавказской ж. д. возникла забастовка и безпорядки вслѣдствіе предъявленныхъ къ администраціи названной жел. дор. требованій о повышеніи заработной платы, уменьшеніи штрафовъ и вычетовъ и вообще на почвѣ отношеній экономическаго характера. Безпорядки эти вскорѣ отразились и на раб. жел.-дор. мастерскихъ ст. „Тихорѣцкая“, которые 15 ноября въ 8 час. утра самовольно прервали работы, покинули мастерскія и выразили намѣреніе угрозами и даже открытой силой заставить прекратить работы также въ депо, электрической станціи и вообще вызвать общую забастовку. Въ виду сего въ Тихорѣцкъ были вызваны изъ ближайшихъ станицъ двѣ сотни казаковъ льготнаго состава, не имѣющихъ огнестрѣльнаго оружія, и отправлена изъ г. Екатеринодара одна сотня 1-го Екатеринодарскаго казачьяго коннаго полка. 16 ноября пріѣхалъ въ Тихорѣцкую начальникъ Кубанской области, который собралъ рабочихъ на сходку. вышелъ къ нимъ и спросилъ ихъ о причинахъ забастовки. На это рабочіе заявили, что они недовольны жел.-дорожнымъ начальствомъ, такъ какъ имъ много вычитаютъ и т. п., при чемъ все время слышались общія заявленія толпы: „хотимъ того же, что и Ростовскіе; какъ Ростовъ, такъ и мы“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочіе категорически заявили Начальнику Области, что до удовлетворенія Владикавказской ж. д. предъявленныхъ ими требованій, никто на работы не встанетъ. Въ отвѣтъ на это Начальникъ Области объявилъ толпѣ, что заявленныя рабочими претензіи будутъ переданы на разсмотрѣніе жел.-дор. администраціи, при чемъ отъ себя лично онъ обѣщаетъ даже содѣйствіе къ ихъ удовлетворенію, но подъ условіемъ, чтобы не было произведено безпорядковъ и всѣ желающіе продолжать службу на дорогѣ стали бы на работы. При этомъ Начальникъ Области добавилъ, что отнынѣ онъ безусловно воспрещаетъ дальнѣйшія сходки и что тѣ изъ рабочихъ, кто ослушается таковаго его приказанія, будутъ немедленно высланы изъ области, на что изъ толпы раздался голосъ: „не вѣрьте, братцы, это онъ только пугаетъ“. Послѣ этого Начальникъ Области уѣхалъ изъ Тихорѣцка, оставивъ тамъ Атамана Кавказскаго отдѣла генералъ-майора Гетманова. Въ тотъ же день были вездѣ расклеены объявленія о томъ, что 18-го утромъ (17 ноября было воскресенье) послѣдуетъ въ мастерскихъ гудокъ, по которому тѣ изъ рабочихъ, кто желаетъ продолжать службу, обязанъ стать на работу, а остальные получатъ расчетъ. Тѣмъ не менѣе 17 утромъ атаману отдѣла доложили, что большая толпа рабочихъ собралась на сходку въ верстѣ отъ вокзала, на улицѣ, отдѣляющей хуторъ Тихорѣцкъ отъ жел.-дор. поселка, близъ угловой рабочей казармы № 91. Около 11 ч. дня онъ отправился туда въ сопровожденіи Атамана Кавк. отд. Ракузы и Нач. мѣстнаго отд. Владикавказскаго Жандармскаго Полиц. Упр. ж. д. Мартоса. За ними слѣдовали двѣ сотни коннаго полка, во главѣ съ командиромъ названнаго полка полковникомъ Хельмицкимъ. Подъѣхавъ къ толпѣ 700-800 чел., среди которыхъ, кромѣ жел.-дор. рабоч. и членовъ ихъ семействъ, находились и другіе жители Тихорѣцка, вообще тѣсно связанные съ служащими на дорогѣ свойствомъ, кумовствомъ и проч, Атаманъ отдѣла обратился къ толпѣ съ увѣщаніемъ разойтись, такъ какъ сходка запрещена, а когда въ отвѣтъ на это услышалъ дерзкіе крики ослушанія, объявилъ рабочимъ, что разгонитъ ихъ военною силой, послѣ чего предложилъ командиру полка Хельмицкому разстроить сборище. Послѣдній, поставивъ часть льготныхъ казаковъ вдоль улицы, отдѣляющей собственно-жел.-дор. поселокъ отъ хутора Тихорѣцка, дабы воспрепятствовать собравшемуся въ этой части хутора изъ любопытства народу присоединиться къ сходкѣ, двинулся къ ней съ конной сотней своего Екатеринодарскаго полка. Выѣхавъ сначала одинъ впередъ, полковникъ Хельмицкій попытался еще разъ уговорить рабочихъ разойтись во избѣжаніе боевыхъ дѣйствій. Но толпа, стоявшая кольцомъ передъ заборомъ палисадника означенной казармы № 91, будучи, повидимому, почему-то увѣрена въ томъ, что начальство ограничится одними угрозами, упорствовала и даже начала бранить казаковъ; причемъ откуда-то со двора казармы въ послѣднихъ полетѣли куски мерзлаго снѣга; тогда полковникъ Хельмицкій отъѣхалъ къ своимъ людямъ и скомандовавъ: „Шашки вонъ“, повелъ сотню прямо на толпу, приказавъ однако „не рубить во всю, а наносить удары плашмя“ или только „по ушамъ“. Между тѣмъ толпа тѣсно придвинулась къ забору палисадника казармы, стараясь выставлять впередъ женщинъ и дѣтей, причемъ, когда казаки начали наступать, передніе ряды садились или даже ложились на землю, дабы препятствовать дѣйствію конницы. Завязалась небольшая свалка, при которой рабочіе и женщины хватали подъ уздцы лошадей офицеровъ и казаковъ и бросали въ нихъ камни, въ то же время изъ толпы закричали командиру полка: „Отведите казаковъ, мы разойдемся“. Послѣдній приказалъ отступить и завернулъ сотню. Но какъ только казаки нѣсколько отошли, вся масса рабочихъ съ криками „ура! прогнали войско“, бросилась на казаковъ, осыпая ихъ градомъ кирпичей, полѣньевъ и всевозможныхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ были даже ухваты, ведра, доски, коромысла и т. п., причемъ дѣти раскалывали кирпичи, а женщины подносили ихъ въ подолахъ платья буйствовавшимъ рабочимъ для бросанія. Тогда полковникъ Хельмицкій опять вернулъ сотню на толпу и, спѣшивъ первый взводъ, скомандовалъ взять винтовки и приказалъ хватать главныхъ буяновъ. Тѣмъ временемъ толпа, подъ напоромъ казаковъ, почти вся успѣла перебраться черезъ заборъ и калитку казармы № 91 и сосѣднихъ съ нею, и командующій первымъ взводомъ хорунжій Ткачевъ бросился туда, чтобы задержать одного изъ вожаковъ толпы, указаннаго ему полковникомъ. Въ ту же минуту за Ткачевымъ захлопнули калитку и на него набросилось нѣсколько человѣкъ рабочихъ, при чемъ кто-то оглушилъ его ударомъ палки по головѣ, а другой топоромъ или какимъ-то другимъ острорѣжущимъ орудіемъ отсѣкъ ему кисть правой руки. Тогда командиръ полка приказалъ открыть огонь; но не залпомъ, а „по назначенію“, отдѣльными выстрѣлами, которыхъ и было выпущено всего 46, при томъ частью вверхъ. Вначалѣ въ толпѣ раздались-было крики „пугаютъ“, „не бойся, холостыми“, но когда увидали раненыхъ, всѣ моментально разбѣжались и попрятались въ казармахъ, гдѣ и было тутъ же задержано нѣсколько десятковъ человѣкъ. Кромѣ офицера Ткачева, получившаго тяжкое увѣчье, при описанномъ столкновеніи получили легкія раны и поврежденія 21 казакъ. Все наложенное установлено при слѣдствіи осмотромъ мѣста происшествія, а также показаніями свидѣтелей: Тарашкевича, Ракузы, Мартоса, Хельмецкаго, Щербины, Алексѣева, Захарьина, Ткачева, Мова, Ямпольскаго, Шумжина, Хоруженко, Сенянкина, Куликова, Меженнаго, Дыбова, Ляпина, Лиховицкаго, Ролика, Каменика, Хорошкова, Хализова, Золотарева, Коваленко, Буцкаго, Самойлова, Палія, Маторнаго и Величенко, а также протоколами предъявленія и суд.-медицинскаго освидѣтельствованія.

Предъявленіемъ при слѣдствіи нижепоименованныхъ задержанныхъ рабочихъ свидѣтелямъ очевидцамъ выяснилось нижеслѣд.

1) Относительно Соничева свидѣтели есаулъ Щербина и казаки Золотаревъ и Сенянкинъ удостовѣрили, что онъ бросалъ въ войска камнями, а свид. казакъ Лиховицкій, что Сон. хваталъ за поводъ лошадь хорунжаго Захарьина и хотѣлъ ударить послѣдняго. — 2) Относительно Исаева свидѣтели офицеры Щербина и Захарьинъ удостовѣрили, что онъ бросалъ въ войска камнями, а свид. казакъ Величко удостовѣрилъ, что онъ бросалъ камни въ войска, когда вели арестованныхъ. — 3) Относительно Апалькова свид. Щербина, Захарьинъ и Золотаревъ удостовѣрили, что онъ бросалъ въ войска камнями, а свид. Сенянкинъ, что ругалъ Ткачева. — 4) Относительно Никитасенко свид. Щербина, Коваленко и Роликъ удостовѣрили, что онъ швырялъ камнями въ войска, а свид. Хорошковъ, Коваленко и Хоруженко — что онъ бросалъ на послѣдняго изъ нихъ и ударилъ его лошадь камнемъ. — 5) Относительно Бѣлоусенко свид. Захарьинъ и Хорошковъ удостовѣрили, что онъ бросалъ въ войска камнями: Золотаревъ и Хализовъ, — что видѣли въ его рукахъ топоръ, и Щербина, — что видѣлъ его въ толпѣ. — 6) Относительно Димитріева оф. Щербина и казакъ Сенянкинъ удостовѣрили, что онъ билъ камнями лежащаго Ткачева, свид. Лиховицкій, Самойловъ и Маторный, — что когда Ткачевъ вбѣжалъ въ дворъ казармы, Димитріевъ бросился къ нему съ топоромъ въ рукѣ, а свид. Золотаревъ, — что Д. ударилъ топоромъ Ткачева. — 7) Относительно Баскакова свид. казаки Палій и Самойловъ удостовѣрили, что онъ бросалъ въ войска камни, казакъ Буцкій — что видѣлъ его въ толпѣ съ камнями въ рукахъ, а свид. оф. Щербина и Захарьинъ, — что видѣли его въ толпѣ. — 8) Относительно Чубарова свид. Щербина и Захарьинъ удостовѣрили, что онъ находился въ буйствовавшей толпѣ, свид. Лиховецкій, — что онъ бросилъ въ него, свидѣтеля, десятифунтовую гирю. — 9) Относительно Баскакова свидѣтели удостовѣрили, что онъ билъ камнями сбитаго съ ногъ хорунжаго Ткачева, свид. Щербина и Захарьинъ, — что видѣли его среди буйствовавшей толпы. — 10) и 11) Относительно Коростылева и Виноградова удостовѣрили свид. Ракуза и Колесникъ, какъ они бросали въ войска камни. — 12), 13 и 14) Относительно Чичкина, Лютова, Бондарева свидѣтели удостовѣрили, что ихъ видѣли въ буйствовавшей толпѣ и какъ они бросали камни въ войска. — 15) Относительно Левченки Синянкинъ удостовѣрилъ, что онъ бросилъ въ него, свидѣтеля, револьверъ, каковое показаніе подтверждаетъ свидѣтель Хализовъ, а Золотаревъ и Колесникъ

ставлять партію въ цѣломъ. Вотъ именно къ „гегемоніи“ партіи въ цѣломъ надъ ея многочисленными отдѣльными частями мы и стремимся. Партія должна руководить работой отдѣльныхъ своихъ частей. И Бундъ, какъ одна изъ такихъ частей, долженъ, по нашему мнѣнію, признать надъ собой такую „гегемонію“ всей партіи, въ опредѣленіи воли которой онъ, конечно, будетъ участвовать. Ставя такое требованіе, проявляемъ-ли мы „презрѣніе къ еврейскому пролетаріату“? Увѣренные въ томъ, что выдѣленіе еврейскихъ организацій въ особую партію будетъ „организаціей безсилія“ — какъ безсилія еврейскаго рабочаго движенія, такъ и безсилія всего расколовшагося россійскаго движенія, — говоря это, обижаемъ-ли мы какія-либо законныя чувства? Неужели вызванная партійной дезорганизованностью обособленность Бунда отъ прочихъ частей партіи уже успѣла вырыть между нами такую пропасть, что бундовцы не могутъ уже понять мотивовъ, руководящихъ русскими социаль-демократами въ ихъ борьбѣ за „гегемонію“ движенія въ цѣломъ надъ частными движеніями евреевъ, великоруссовъ, малоруссовъ, грузинъ и т. д.?

Отвѣчая на статью въ № 33 „Искры“, З. К. Б. заявилъ, что изъ всего въ ней сказаннаго онъ привѣтствуетъ только слѣд.: „пока мы не стали едины организаціонно и не встали твердо на вѣрный путь, соединеніе съ нами ничего не дастъ ‚всѣмъ другимъ‘ національностямъ“ З. К. Б. „готовъ подписаться подъ каждымъ словомъ этого заявленія“, но сожалѣетъ, что „Искра“ не сдѣлала необходимаго вывода изъ этихъ словъ въ примѣненіи къ предмету полемики. Мы не ошибемся, если скажемъ, что З. К. Б. имѣлъ въ виду такую мысль: пока русская соціаль-демократія не объединится, соединеніе съ ней „ничего не дастъ“ организованному еврейскому пролетаріату. Такъ разсуждать можетъ лишь тотъ, кто успѣлъ совершенно позабыть о всякой связи между Бундомъ и русскимъ движеніемъ, русской соц.-демократіей. Такъ думать можетъ лишь тотъ, кто стоитъ на точкѣ зрѣнія, выражаемой словами: „мое дѣло сторона“. Мы же думаемъ, что кровные интересы еврейскаго пролетаріата требуютъ отказа отъ такой точки зрѣнія, требуютъ рѣшительнаго, не со стороны, а непосредственнаго участія Бунда въ дѣлѣ организаціи единой Рос. Партіи. Съ точки зрѣнія интересовъ „прихода“, такое участіе требуетъ большихъ жертвъ, жертвъ и своей „самостоятельностью“, и силами своей организаціи, и ея денежными средствами. Но точка зрѣнія интересовъ прихода — ложная точка зрѣнія, оставшаяся, какъ наслѣдіе періода организацион[illegible]аго кустарничества. Съ точки зрѣнія дѣйствительно партій[illegible]й соціалистъ-еврей обязанъ, гдѣ бы онъ ни работалъ, активно [illegible]йствовать классовой борьбѣ русскаго пролетаріата въ цѣломъ, [illegible] дожидаться, пока онъ составитъ сильную партію, чтобы [illegible]пить съ нимъ въ „федеративную“ связь, а помогать ему [illegible]овать такую партію. Самодержавіе будетъ свалено натис[illegible] всѣхъ силъ русскаго пролетаріата, и какъ бы ни была со[illegible]на организація той относительно незначительной его части, [illegible]ю составляютъ евреи, — пока организація громаднаго большинства пролетаріата крупной промышленности хромаетъ на обѣ ноги, до тѣхъ поръ самая интенсивная, самоотверженная работа въ своемъ уголкѣ не приноситъ и десятой доли тѣхъ результатовъ, которые она могла бы принести. Развѣ вы не видѣли этого въ прошломъ году, когда дикій набѣгъ фонъ-Валя заставилъ васъ подумать даже о томъ, что правительственная „тактика обезчещенія“, не встрѣчая побѣдоноснаго отпора, сможетъ деморализовать еврейскій прол-тъ и когда въ стремленіи этому помѣшать вы схватились было за „организованную месть“? Неужели вы не подумали тогда о томъ, что, затративъ только часть своихъ силъ на планомѣрную и активную работу для партіи въ цѣломъ, вы, попавъ на наиболѣе обстрѣливаемый врагами пунктъ, а вмѣстѣ съ вами и всѣ мы, имѣли бы возможность отвѣчать правительству побѣдоноснымъ массовымъ отпоромъ пролетаріата всей страны?

Въ настоящее время въ „Бундѣ“ совершается реформа, имѣющая цѣлью освободить его отъ той связи съ профессіональными союзами, которая создалась въ періодъ экономизма. Бундъ, какъ онъ самъ заявляетъ, стремится стать организаціей „профессіональныхъ революціонеровъ“. Но такая организація, руководящая всей классовой борьбой пролетаріата и всей демократической борьбой съ царизмомъ, можетъ сложиться только на широкой аренѣ „общерусскаго“ дѣла. Ея политическая программа, ея планомѣрная тактика могутъ явиться только результатомъ коллективнаго творчества всѣхъ силъ русской соц.-демократіи. Близорукіе кустари могутъ, конечно, держаться того золотого правила, что „лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ Римѣ“, и въ виду этого желать распаденія Рима на нѣсколько болѣе или менѣе „самостоятельныхъ“ деревень. Но типъ кустаря вытѣсняется въ нашемъ движеніи типомъ дѣйствительнаго революціонера, который, не безпокоясь о томъ нумерѣ, который ему придется занять въ „Римѣ“, энергично работаетъ надъ достойной революціонера задачей — постройкой этого „единаго и нераздѣльнаго“ Рима. И никакіе искусственно придуманные ярлычки націонализма не устраняютъ того факта, что сказка о нашемъ такъ-наз. „имперіализмѣ“ сложилась, какъ результатъ все той же борьбы между революціонерами и кустарями въ нашемъ движеніи, которая ведется уже не первый годъ.

Борьба эта приходитъ къ концу. Жизнь своими уроками требуетъ торжества нашихъ „имперіалистскихъ“ принциповъ. Кустарныя точки зрѣнія должны быть сданы въ архивъ нашей партіи, иначе ихъ рыцарей ждетъ насмѣшка и несочувствіе со стороны большинства соц.-демократовъ. Въ этомъ и только въ этомъ причины того „широко разлитаго настроенія“ въ Партіи, которое З. К-ту кажется специфической враждой къ Бунду. Нѣтъ, не противники Бунда, не противники еврейскаго сознательнаго движенія тѣ, кто говоритъ ему: вы сдѣлали когда-то много для нашего общаго дѣла, сбросьте съ себя послѣднія путы организаціоннаго кустарничества и, занявъ мѣсто въ нашихъ рядахъ, работайте вмѣстѣ съ нами!

показали, что видѣли обвин. Левченко въ буйствовавшей толпѣ.

Будучи привлечены по 2 ч. 269 ст. Улож. о нак., всѣ вышеупомянутые обвиняемые виновными себя не признали и объяснили: 1) Соничевъ — служилъ въ Тихорѣцкихъ жел.-дор. мастерскихъ токаремъ, участія въ сборищѣ 17 ноября не принималъ, случайно столкнулся (съ войсками) во дворѣ казармы, гдѣ былъ и раненъ: въ войска камней не бросалъ. — 3) Апальковъ (прессовщикъ трубъ) пришелъ съ женой посмотрѣть на сборище, въ которомъ самъ не участвовалъ, а когда стали наступать казаки, спрятался въ казармы, гдѣ и былъ задержанъ. — 4) Никитасенко — на жел. дор. не служилъ; пришелъ посмотрѣть на сборище изъ любопытства, стоялъ на другой улицѣ и въ сборищѣ и въ сопротивленіи войскамъ участія не принималъ. — 5) Бѣлоусенко (смазчикъ) — на сходкѣ 17 ноября не былъ вовсе, а находился въ казармѣ № 113, гдѣ и былъ арестованъ казаками. — 6) Дмитріевъ — на жел. дорогѣ не служилъ. Попавъ случайно въ толпу, очутился въ палисадникѣ казармы, но топора въ рукахъ не имѣлъ и въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ войскъ не участвовалъ, а хотѣлъ только поднять убитаго около него рабочаго и былъ задержанъ. — 7) Баскаковъ (слесарный ученикъ) — на сходкѣ былъ, находился на дворѣ казармы № 91, но въ казаковъ ничѣмъ не бросалъ, а хотѣлъ только поднять раненаго товарища и былъ задержанъ. — 8) Чубаревъ (слесарь) — на сходкѣ не былъ, въ сборищѣ не участвовалъ, а былъ задержанъ казаками около церкви. — 9) Баскаковъ (слесарь) — попалъ въ палисадникъ казармы случайно. Одинъ офицеръ хотѣлъ арестовать его, но какія-то бабы оттащили его, и онъ скрылся въ казармы № 91, гдѣ и былъ задержанъ. — 10) Коростылевъ — служилъ раньше слесарнымъ ученикомъ, но былъ разсчитанъ; проживалъ у отца въ казармѣ № 91. Войскамъ не сопротивлялся, а лишь вышелъ на дворъ посмотрѣть на сходку. — 11) Виноградовъ — былъ котельнымъ ученикомъ; разсчитался, сталъ извозчикомъ; подъѣхалъ издали посмотрѣть на столкновеніе, былъ раненъ пулею въ руку и самъ отправился въ больницу для перевязки. — 12) Бондаревъ — войскамъ не сопротивлялся, хотѣлъ убѣжать, но былъ раненъ шашкой. — 13) Чичкинъ (котельщикъ) 17 ноября весь день просидѣлъ дома, въ казармѣ № 123. — 14) Лютовъ (слесарь) — камней не бросалъ, а, напротивъ, самъ былъ раненъ въ руку. — 15) Левченко (слесарь) — 17 ноября пошелъ въ гости къ знакомымъ, старался обойти мѣсто сборища, но въ это время его ранили въ руку и ногу, и онъ былъ отправленъ въ лазаретъ. Револьвера не имѣлъ. Въ насильственныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ.

На основаніи вышеизложеннаго вышеупомянутыя лица обвиняются въ томъ, что 17 ноября 1902 г. въ хуторѣ „Тихорѣцкомъ“ Кавказскаго отд., Кубанской области, принимая участіе въ публичномъ скопищѣ, образовавшемся вслѣдствіе побужденій экономическаго свойства, они, въ составѣ толпы въ нѣсколько сотъ человѣкъ, соединенными силами оказали насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія этой толпы, во время каковаго противодѣйствія участники означеннаго скопища бросали въ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 1-го Екатеринодарскаго казачьяго полка и казаковъ льготнаго состава камни, кирпичи, полѣнья и т. п., хватали казачьихъ лошадей за поводья и били казаковъ палками и другими предметами, при чемъ хорунжій Ткачевъ получилъ тяжкое увѣчье, а 21 казакъ легкія раны и тѣлесныя поврежденія, — т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269 ст. Улож. о наказ. Вслѣдствіе сего и на основаніи 200 и 300 и 1256 стт. Уст. угол. суд. они подлежатъ суду Екатеринодарскаго Окружнаго Суда.

Судъ назначенъ на 5 марта; изъ СПБ., Москвы и Харькова ѣдутъ адвокаты. Отмѣтимъ, что обвинительный актъ стыдливо умалчиваетъ о количествѣ убитыхъ рабочихъ.

Изъ Тихорѣцкой сообщаютъ: Слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Бурцевъ, о которомъ упоминается въ послѣднемъ правительственномъ сообщеніи, дѣятельно принялся за разслѣдованіе дѣла Золотовой и настолько выяснилъ его, что взялъ подъ стражу помощника станичнаго атамана и восемь казаковъ, къ которымъ Золотова перешла въ пользованіе отъ слѣд. Пуссепа.

А самъ Пуссепъ, слѣдовательно, все еще на свободѣ?

Новый удачный побѣгъ. (Письмо одесскаго рабочаго). Въ субботу 8 февраля настоящаго года были изданы въ Одессѣ листки „ко всѣмъ пекарямъ г. Одессы“. Я взялъ около 100 экз. для того, чтобы разнести по своимъ связямъ. Дѣло было въ 12 час. дня. Я отправился въ одно мѣсто, гдѣ оставилъ штукъ 15, а потомъ отправился въ коммиссію. (Была избрана коммиссія по устройству за городомъ массового собранія въ 1000 чел. на 19 февраля, въ каковую коммиссію и я былъ избранъ). Прійдя въ тотъ домъ, гдѣ должна была засѣдать коммиссія, я встрѣтился съ однимъ товарищемъ на лѣстницѣ, который мнѣ сказалъ, что еще никого нѣтъ, а потому то я предпочелъ пойти къ переплетчикамъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, для того, чтобы оставить тамъ листки. Отправляясь туда, я не предполагалъ даже, что тамъ возможенъ обыскъ посреди бѣлаго дня. Ничего подозрительнаго не замѣчая, ни на улицѣ, ни на дворѣ, я направился прямо въ квартиру, въ которой и былъ сейчасъ арестованъ, такъ какъ тамъ происходилъ обыскъ. При моемъ появленіи надзиратель обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Еще много людей должны сюда прійти на сходку“ (тамъ была назначена агитаціонная сходка), на что я ему, конечно, отвѣтилъ „не знаю, пока только я пришелъ“. Послѣ того надзиратель сталъ обыскивать и, конечно, забралъ у меня листки, записную книжку, брошюру „Что дѣлать“, и, кажется, нѣсколько номеровъ „Искры“. Вскорѣ туда явился еще одинъ надзиратель, которому первый надзиратель показалъ, что было у меня найдено, затѣмъ они стали между собою перешептываться, послѣ чего одинъ изъ нихъ вскорѣ удалился. Спустя нѣкоторое время ушедшій надзиратель вернулся и послѣ нѣкотораго перешептыванья съ другимъ надзирателемъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Васъ сейчасъ въ тюрьму отправимъ“. Я сейчасъ же поднялся и отправился съ надзирателемъ. Выйдя на улицу, мы сѣли на дрожки и поѣхали. Когда я замѣтилъ, что мы ѣдемъ не къ тюрьмѣ, а направляемся совсѣмъ въ другую сторону, то сейчасъ замѣтилъ своему вожатому, что, кажется, тюрьма не лежитъ въ той сторонѣ, куда мы направляемся, на что онъ мнѣ отвѣтилъ, что „мы ѣдемъ не въ тюрьму, а въ Жандармское Управленіе“. Пріѣхавъ въ Жандармское Управленіе, мы не застали тамъ ни одного ротмистра. Просидѣвъ около часу, мой вожатый обратился къ вѣстовому жандарму и сказалъ: „Вотъ, мнѣ некогда здѣсь ждать, поручаю вамъ этого человѣка и эту пачку, и когда явится ротмистръ, то передайте ему вотъ это письмо, пачку и человѣка“, прибавивъ, что это арестованный. По уходѣ его, я остался съ вѣстовымъ. Сколько мы тамъ просидѣли не, помню, потому, что я въ ожиданіи успѣлъ выспаться; когда же я проснулся, было уже темно на дворѣ. Въ скорости явился какой-то ротмистръ и крикнулъ, „вѣстовой“, мой сторожъ поднялся и отправился на зовъ, оставивъ меня одного. Оглянувшись и увидавъ, что возлѣ меня нѣтъ никого, я открылъ дверь, спустился по лѣстницѣ и выбѣжалъ на улицу, гдѣ вскочилъ въ случайно проѣзжавшій вагонъ конно-желѣзной дороги. Отъѣхавъ кварталъ, я соскочилъ и отправился по заднимъ улицамъ пѣшкомъ въ городъ, гдѣ я ужъ встрѣтился съ двумя товарищами, шедшими изъ коммиссіи, которымъ я передалъ все происшедшее со мной и которые поспѣшили меня спрятать на первое время.

Москва. (Сообщеніе изъ частнаго письма изъ московскихъ Бутырокъ). „Нервы, надо сознаться, немного расшатаны, но это немудрено, такъ какъ за послѣднее время пришлось многое вынести и много пережить. Протесты наши не ограничились голодовкой, а пошли дальше; на этотъ разъ дѣло заключалось въ слѣдующемъ. У насъ было 13 человѣкъ, приговоренныхъ за нижегородскую и сормовскую демонстраціи къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на вѣчное поселеніе. И вотъ, послѣ того, какъ ихъ продержали въ нашей тюрьмѣ слишкомъ два мѣсяца, ихъ начали отправлять въ Сибирь въ одиночку, а не одной спеціальной партіей, какъ они надѣялись. Послѣ того, какъ трое изъ нихъ были уже отправлены, остальные послали депутатовъ къ начальнику и заявили ему, въ присутствіи тюремнаго инспектора, что они добровольно въ разбродъ не пойдутъ, и въ такомъ случаѣ ихъ можно будетъ взять только силой. За рѣзкій разговоръ съ начальникомъ депутаты были посажены въ карцеръ. У насъ, понятно, всѣ заволновались, потребовали для объясненія начальника; пришелъ весь синклитъ въ полномъ составѣ. Послѣ недолгихъ разговоровъ къ намъ пожаловалъ вооруженный солдатскій конвой, но его живо убрали, и къ вечеру товарищи были освобождены. Дня черезъ три снова предназначалась отправка, начальство опять заявило, что пойдутъ только четверо изъ нижегородцевъ. Въ виду того, что уже было сдѣлано заявленіе тюремной администраціи, что они добровольно не пойдутъ въ одиночку, то началось обсужденіе, въ какую форму долженъ вылиться въ данномъ случаѣ протестъ. Рѣшено было забаррикадировать дверь и потребовать, чтобы въ партію были взяты всѣ; койками и столами двери были такъ ловко забаррикадированы, что въ камеру можно было проникнуть не иначе, какъ предварительно проломавъ дверь. Администрація раньше пробовала было увѣщевать, уговаривать, но ничто не помогло; снова былъ вызванъ вооруженный конвой, и дверь была выломана. Предназначенные къ отъѣзду взяты въ партію, а двое другихъ товарищей опять отправлены въ карцеръ, гдѣ они просидѣли три дня, послѣ чего ихъ изолировали отъ насъ. За то администрація проявила всю свою гнусную месть на уѣхавшихъ: въ припадкѣ бѣшенной злобы ихъ переодѣли въ арестантское платье, обыскали, какъ послѣднихъ воришекъ и, по выраженію начальства, ихъ не заковали и не обрили головъ только потому, что время не позволяло“...

Москва. Во время съѣзда представителей общества вспомоществованія учащимъ — мѣстнымъ Комитетомъ Партіи было распространено воззваніе къ делегатамъ. Въ воззваніи подробно излагается юридическое и фактическое положеніе народныхъ учителей, характеризуются тѣ стѣснительныя условія, при которыхъ происходилъ съѣздъ, освѣщается антагонизмъ между самодержавіемъ и культурнымъ развитіемъ страны, и выясняется историческое значеніе происходящаго въ Россіи политическаго движенія. Указавъ на то, что „базисомъ этой борьбы могутъ быть только рабочія массы, объединенныя въ одну общую Рос. С.-Д. Р. П.“. Комитетъ призываетъ учителей занять мѣсто въ рядахъ арміи борцовъ за политическое освобожденіе русскаго народа.

Полтава (конецъ февраля). Крестьяне, сидящіе въ мѣстной тюрьмѣ (осужденные за волненія прошлаго года), до послѣдняго времени пользовались тѣми же „привилегіями“, что и политическіе и, между прочимъ, получали, подобно имъ, личныя свиданія. Но на дняхъ нашимъ мѣстнымъ самодурамъ заблагоразсудилось запретить крестьянамъ личныя свиданія и давать имъ свиданія чрезъ рѣшетку (двойную), какъ уголовнымъ. Крестьяне рѣшили протестовать голодовкой. Черезъ нѣсколько дней примкнули политическіе, выставляя то же требованіе, т. е. чтобы крестьяне снова стали получать личныя свиданія. Въ настоящее время дѣло осложняется тѣмъ, что въ тюрьмѣ появился сыпной тифъ и потому начальство запретило всякія свиданія. Такимъ образомъ, теперь прерваны всякія сношенія съ тюрьмой и неизвѣстенъ результатъ голодовки.

Тверь. Недавно въ полицейскомъ уѣздномъ управленіи уволили за „неблагонадежность“ чиновника... Вина его состояла въ томъ, что онъ списалъ себѣ на память революціонное стихотвореніе, изданное Комитетомъ въ числѣ прочихъ мелочей. Листокъ былъ конфискованъ гдѣ-то въ уѣздѣ и препровождался при секретной бумагѣ и — какъ на зло — попалъ бѣдняку въ руки!..

Среди фабричныхъ конторщиковъ ходитъ курьезный слухъ, что тому, кто укажетъ членовъ Комитета, будетъ дано 2000 р. награды (!).

Красноярскъ. Недѣли три тому назадъ одна крестьянская дѣвушка дала въ Губернскомъ Управленіи на пріемѣ плюху губернатору. Ее немедленно, конечно, арестовали. Дѣвица эта — членъ одной инородческой семьи, принявшей православіе, живетъ въ деревнѣ Установой, въ 25 в. отъ Красноярска. Ея отецъ нарубилъ дровъ въ казенномъ лѣсу, за что его приговорили къ мѣсячному тюремному заключенію. Дочь аппелировала и кассировала, но изъ всего этого ничего не вышло. Тогда она рѣшила отомстить и подала прошеніе губернатору, въ которомъ выясняетъ всю несправедливость „псовъ“ (т. е. судей) и рисуетъ то ужасное положеніе, въ которое поставлены крестьяне „казной“. У нихъ все отняли, даже дровъ негдѣ нарубить. Такая несправедливость вынудила ее отомстить и она даетъ пощечину губернатору не какъ непосредственному виновнику, а какъ представителю администраціи.

Чита. Здѣсь произошли гимназическія волненія. Какъ сообщаютъ, читинскій помпадуръ Надаровъ устроилъ балъ для учащихся, но не пригласилъ евреевъ. Гимназисты возмутились и гимназія раздѣлилась на 2 партіи: — „губернаторцевъ“ и „антигубернаторцевъ“; первыхъ преслѣдовали ученики, вторыхъ — начальство (гимназическое). Группа учениковъ въ 30 чел. подала начальству заявленіе о прекращеніи преслѣдованій, подъ угрозой оставить гимназію. Нѣкоторые изъ группы протестантовъ исключены, благодаря чему волненія усилились.

Въ результатѣ — директоръ гимназіи Еленевъ и инспекторъ Сарычевъ получили отъ 2 гимназистовъ по пощечинѣ, были названы подлецами и разжигателями національныхъ чувствъ.

Эти два гимназиста арестованы и противъ нихъ возбуждено преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ

Директоръ Еленевъ назначилъ примирительную лекцію для гимназистовъ. Многіе не явились вовсе, а явившіеся освистали лектора. Въ результатѣ — изъ 6, 7 и 8 кл. исключено чел. 20.

Женская гимназія поддержала гимназистовъ. Тамъ, какъ только сталъ извѣстенъ инцидентъ съ директоромъ и инспекторомъ, сочувствіе гимназистокъ выразилось тѣмъ, что 6, 7 и 8 классы демонстративно удалились изъ гимназіи. Изъ гимназистокъ никто не пострадалъ, несмотря на то, что директоръ Еленевъ предложилъ удалить зачинщицъ, но онъ не встрѣтилъ сочувствія среди преподавателей гимназіи (женской).

Якутскъ, 5 февраля. Въ Якутскѣ былъ на дняхъ обыскъ у бывшаго студента Игоря Будиловича и 4 реалистовъ. Обыскъ былъ вызванъ слѣдующими обстоятельствами: Хозяинъ квартиры реалиста VI класса Родіонова рылся для чего-то въ его книгахъ и нашелъ докладъ Бунда соціалистическому конгрессу. Хозяинъ представилъ докладъ какому-то чиновнику Областного Правленія, а послѣдній вице-губернатору Миллеру. Послѣдній сейчасъ же телеграфировалъ Деп. Пол.; произведены были обыски у названныхъ лицъ, при чемъ найдены программа „Искры“ и нѣсколько рукописей революціоннаго содержанія. Обысканныя лица отданы подъ особый надзоръ полиціи. Родіоновъ исключенъ изъ реальнаго училища и взятъ подъ стражу. „Дѣло“ ведетъ полицеймейстеръ Зуевъ подъ наблюденіемъ тов. прокурора Сафоревича. Родіоновъ показалъ, что найденную у него нелегальщину ему далъ лѣтомъ какой-то студентъ въ Олекминскѣ, фамилію котораго онъ называть не желаетъ. Въ виду этого заявленія, прокуроръ Шульцъ „секретно“ пріѣхалъ въ Олекминскъ, велъ какіе-то конфиденціальные переговоры съ Олекминскимъ исправникомъ, вызывалъ изъ Солянки (въ 24 в. отъ Олекминска) отца Родіонова — крестьянина Н. Захаренко и, конечно, ничего не узналъ...

Миллеръ торжествуетъ: наконецъ-то обнаружена „крамола“ и въ Якутской области!... Торжествуютъ и крестьяне: „не все-же намъ „нучъ“ (русскихъ) возить, говорятъ они, наконецъ-то хоть одинъ и у насъ нашелся!...“

Изъ Якутской области просятъ сообщить, что помѣщанная въ одномъ изъ №№ „Искры“ (кажется, 25) корреспонденція изъ Якутска о дѣлѣ Лузина — произвела на всѣхъ, знавшихъ дѣло, крайне непріятное впечатлѣніе, которое можно сгладить нижеслѣдующей поправкой: въ корреспонденціи Лузинъ возведенъ чуть ли не въ герои, между тѣмъ какъ всѣмъ своимъ предыдущимъ поведеніемъ въ ссылкѣ, равно какъ и послѣднимъ покушеніемъ, которому онъ старался придать „политическій“ и даже „анархическій“ характеръ, лишь компрометировалъ въ глазахъ обывателей и администраціи почетное званіе „государственнаго ссыльнаго“. Къ поступку Ергина, убившаго засѣдателя, всѣ отнеслись сочувственно, всѣ оцѣняли его идейный характеръ, между тѣмъ какъ безпричинное и безсмысленное покушеніе Лузина вызвало всеобщее недоумѣніе и даже негодованіе.

КЪ ДВИЖЕНІЮ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

„Южнорусской группой учащихся среднихъ школъ“ издано воззваніе „Къ вопросу о программѣ“. Какъ слѣдуетъ изъ воззванія, направленіе группы, съ которымъ мы уже ознакомили читателя и къ которому примкнулъ другой — именно Харьковскій — союзъ учащихся, встрѣтило отрицательное отношеніе со стороны третьей однородной организаціи — „Кіевскаго Центральнаго отдѣленія объединенныхъ организацій и кружковъ“ и т. д. Полемика между „южной группой“ и кіевлянами достаточно поучительна и мы приводимъ почти цѣликомъ упомянутое воззваніе:

„Центр. Отд. несогласно съ основною тенденціею нашей программы. По его мнѣнію, „главною и ближайшею задачею каждаго кружка учащихся должно быть саморазвитіе, лишенное какого-бы то ни было политическаго оттѣнка, потому что навязывать неподготовленному человѣку политическія идеи, особенно идеи какой-нибудь дѣйствующей партіи, — значитъ догматически направлять его развитіе въ извѣстную сторону, съуживать его умственный кругозоръ, чего, — по мнѣнію Центр. Отд., — не имѣетъ права дѣлать никакая руководящая Группа, какъ-бы ни была сознана ею необходимость трактуемыхъ идей и какъ бы ни была она подготовлена. Яркая политическая окраска можетъ помѣшать желательному широкому распространенію Группы учащихся средне учебныхъ заведеній. Желательно, конечно, чтобы на ряду съ освѣщеніемъ всевозможныхъ вопросовъ давалось правильное освѣщеніе современныхъ революціонныхъ теченій, но освѣщеніе таковое отнюдь не должно быть преднамѣренно-тенденціознымъ. Намъ могутъ отвѣтить на это, что теперь само-собой выходитъ такъ, что благодаря положенію вещей всякая Группа носитъ ярко-радикальный характеръ. Мы на это отвѣтимъ, что то, что является само-собой, слѣдствіемъ чисто-общихъ причинъ, то является даже желательнымъ, нежелательнымъ же мы признаемъ придачу преднамѣренно тенденціознаго направленія саморазвитію въ такихъ кружкахъ ихъ устроителями“. — „Разсылая различныя изданія“, говорится въ воззваніи „Къ кружкамъ и организаціямъ среднихъ-учебныхъ заведеній“ — „Центр. Отд. не придерживается какой-нибудь опредѣленной политической точки зрѣнія и руководствуется исключительно общественнымъ интересомъ разсылаемыхъ изданій“.

„Разберемъ всѣ приведенные доводы нашихъ критиковъ: Всѣ воззванія организацій учащихся среднихъ школъ указываютъ на стихійныя стремленія къ самообразованію, охватывшія лучшую часть русской молодежи. Чѣмъ вызвана стихійность этихъ стремленій? Она вызвана, утверждаемъ мы, все растущимъ и обостряющимся русскимъ революціоннымъ движеніемъ, разлившимся въ послѣдніе годы широкой волною по всей Россіи, заставившимъ русскую учащуюся молодежь признать необходимость прійти на помощь ко всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ въ ихъ борьбѣ съ экономическимъ и политическимъ гнетомъ и эксплуатаціей. Увидѣвши всю свою неподговленность къ активной борьбѣ за свободу, русская молодежь энергично и настойчиво занялась самообразованіемъ, стремясь выработать изъ себя не просто честныхъ и нравственныхъ людей, а стойкихъ и выдержанныхъ общественныхъ дѣятелей. — „Русскому рабочему народу, говорилъ въ 70-хъ годахъ ткачъ Петръ Алексѣевъ — остается только надѣяться на самого себя и ни отъ кого не ожидать помощи, кромѣ одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна протянула намъ свою руку, она одна откликнулась на всѣ крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значатъ и отчего это повсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула намъ свою руку и отъ искренняго чувства желаетъ вытянуть насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ, раскрывая всѣ пути для вывода всѣхъ нашихъ собратьевъ, изъ этой лукаво построенной ловушки, до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа, и она неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока не подымется мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда и огражденное солдатскими штыками ярмо царскаго деспотизма разлетится въ прахъ!“ И вотъ, когда послѣ долгой, мрачной реакціи учащаяся молодежь снова начинаетъ готовиться къ вступленію въ ряды борцовъ за политическую свободу, за соціализмъ, — когда, подобно кружкамъ учащихся конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ, начинаютъ стихійно плодиться и множиться кружки самообразованія, когда учащаяся молодежь сама уже идетъ на помощь къ рабочимъ и рабочіе горячо привѣтствуютъ эту молодежь, — Кіевское Центральное Отдѣленіе клеймитъ „навязываніе этой молодежи политическихъ идей, догматическое направленіе его развитія въ извѣстную сторону“. Но въ чемъ-же состоитъ, — спросимъ мы, — роль сознательной части учащихся, выразителемъ мнѣній и стремленій которой явился нашъ Съѣздъ, какъ не въ томъ, чтобы ставши во главѣ стихійнаго стремленія молодежи, сдѣлать это стремленіе болѣе сознательнымъ, направить его въ извѣстную сторону? И не есть-ли отказъ Центр. Отд. отъ политической программы, отъ систематической пропаганды въ кружкахъ „служенія народу“, не есть-ли онъ результатъ стремленія насильно „съуживать умственный кругозоръ“ безсознательно жаждущей этого служенія молодежи, стремленія тащиться во хвостѣ движенія, а не руководить имъ?

„Яркая политическая окраска можетъ помѣшать желательному широкому распространенію Группы учащихся среднихъ учебныхъ заведеній“, и потому Центр. Отд. „отказывается отъ какой-нибудь опредѣленной политической точки зрѣнія“ и ограничивается скромнымъ пожеланіемъ, „чтобы въ кружкахъ давалось правильное освѣщеніе современныхъ революціонныхъ теченій“, которое, однако, ни въ коемъ случаѣ не должно быть „преднамѣренно-тенденціознымъ“. Это значитъ, что Центр. Отд. желаетъ сдѣлать свою программу достаточно широкою, чтобы никого не испугать, но охватить всѣ наличныя и „прогрессивныя теченія“ среди молодежи. И потому: „Долой принципы!“ но „да здравствуетъ за то широчайшее движеніе всего и всѣхъ!“ Мы отказываемся отъ подобнаго оппортунизма! Пусть „яркая политическая окраска помѣшаетъ широкому распространенію“ нашей Группы (чему мы, впрочемъ, не вѣримъ). Но тогда отъ нашего движенія отстанутъ „всѣ слабые и малодушные, всѣ тѣ, кто передъ лицомъ грозы отрицаетъ идущую грозу!“ И тогда намъ не прійдется тратить свои молодыя силы на созданіе „ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови“ — будущихъ россійскихъ „либераловъ“, а окончательно выйдемъ на дорогу тернистую и уйдемъ сами и поведемъ своихъ товарищей въ станъ борцовъ.*)

„Укажемъ еще на странное и поразительное въ программномъ заявленіи противорѣчіе: Центр. Отд. признаетъ, съ одной стороны, желательнымъ все, „что является само-собой, слѣдствіемъ чисто-общихъ причинъ“, признаетъ также, что „теперь всякая Группа, благодаря положенію вещей (само-собой), носитъ ярко „радикал ный“ характеръ,“ но все-же считаетъ вредною „яркую окраску“ нашей программы, считаетъ нашу пропаганду „служенія народу“ чѣмъ-то непозволительно узкимъ, догматическимъ. Но если бы Кіевское Центр. Отд. согласилось „навязывать“ молодежи политическія идеи, то оно сочло-бы все таки „непросительно-узкимъ „навязываніе“ ей идей „какой-нибудь дѣйствующей партіи“ и признало-бы достаточнымъ выработать въ молодежи только боевое „настроеніе“. Болѣе подробно развиваютъ ту-же мысль Кіевскій Союзный Совѣтъ студенческихъ организацій и Организаціонный Комитетъ Кіевскаго Политехникума въ воззваніи, вышедшемъ незадолго до программнаго заявленія Кіевскаго Центр. Отд. (студенческія организаціи говорятъ въ немъ только о студенчествѣ, но, по всей вѣроятности, онѣ держатся того-же мнѣнія и о всей русской учащейся молодежи). „Студенчество, какъ таковое, говорятъ онѣ — не можетъ примыкать всецѣло ни къ партіи соціаль-демократической, ни къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, студенчество, какъ таковое, представляетъ изъ себя источникъ, изъ котораго вербуютъ себѣ членовъ какъ обѣ указанныя партіи, такъ и всѣ другія революціонныя организаціи и группы. Въ силу этого, студенчество не можетъ отдавать предпочтенія той или иной революціонной фракціи“ (вѣрнѣе: партіи. Центр. Ком.).

---

*) Организуя кружки среди еще совершенно несознатель части молодежи, наша Группа не зоветъ ее, конечно, въ с организацію, но старается развивать въ нихъ жажду борьб освобожденіе пролетаріата.

Мы не можемъ согласиться со взглядами назван. организацій. Мы считаемъ, что „вступленіе въ революціонные ряды налагаетъ серьезныя теоретическія обязательства“. Мы признаемъ, что организаціи наши должны давать возможно болѣе полное и законченное политическое воспитаніе учащейся молодежи, снабдить ее „оружіемъ революціоннаго міровоззрѣнія, революціонной программы, тѣмъ главнымъ оружіемъ, безъ котораго она будетъ безсильна служить своему знамени“ („Искра“, 31 №). А „руководящія“ группы должны разъ навсегда покончить съ шатаніемъ въ области программы, чтобы быть достойными стать во главѣ движенія учащейся молодежи.

„Но почему — можетъ спросить насъ Центр. Отд. — Южно Русская Группа призываетъ учащуюся молодежь для „служенія народу“ подъ знамена Россійской Соціаль-демократіи, а не въ ряды мирныхъ культурныхъ дѣятелей или какой-нибудь другой революціонной партіи или организаціи (соціалистовъ-революціонеровъ или либераловъ)? Потому, отвѣтимъ мы, что, относясь съ уваженіемъ къ культурной дѣятельности, мы признаемъ, что въ настоящее время всѣ легальныя культурныя начинанія русской интеллигенціи, „напрасно старающейся чайною ложечкою вычерпать глубокое, безбрежное море народныхъ страданій“, неминуемо разбиваются о солдатскіе штыки самодержавія, существованіе котораго несовмѣстимо съ развитіемъ народа. Потому, что мы ясно видимъ всю дряблость и безсиліе русскаго либерализма, видимъ его недостойныя заигрыванія съ правительствомъ, потому, что мы твердо убѣждены въ томъ, что „русская революція восторжествуетъ только какъ рабочая революція или вовсе не восторжествуетъ“, что только рабочіе „могутъ разрушить смрадное зданіе проклятаго самодержавія, только они могутъ вернуть свободу голодной, задушенной Руси“. Потому, наконецъ, что мы убѣждены въ томъ, что программа Россійской Соціаль-демократіи наиболѣе полно выражаетъ интересы русскаго рабочаго класса, что знакомство съ царствомъ соціалистической мысли убѣдитъ всѣхъ нашихъ товарищей, что „внѣ марксизма, какъ боевой теоріи пролетаріата (которой придерживается Росс. Соц.-демократія), возможны революціонныя фразы, въ лучшемъ случаѣ революціонное настроеніе, но невозможно научное революціонное мышленіе“ („Искра“), какъ мы это и видимъ у соціалистовъ-революціонеровъ. „А только внимательное, научное изученіе общественныхъ явленій можетъ создать прочную основу для страстной дѣятельности самоотверженнаго политическаго борца, только оно способно предохранить его отъ разочарованій, только оно можетъ выработать такихъ революціонеровъ, которые не падутъ духомъ отъ (временныхъ. частныхъ) неудачъ (вродѣ неудачи демонстраціи. Ц. К.) и не смутятся временными успѣхами враговъ (вродѣ пока еще безнаказаннаго сѣченія демонстрантовъ. Ц. К.). Короче только оно одно создаетъ несокрушимыхъ и непобѣдимыхъ дѣятелей, революціонеровъ и по логикѣ, и по чувству“ (Плехановъ, „Задачи соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“. 1892 г., стр, 4). И мы никогда не перестанемъ утверждать, что цѣлью каждой организаціи учащейся молодежи должна быть подготовка возможно-большаго количества борцовъ за освобожденіе пролетаріата! — Январь 1903 г.

Центр. Комитетъ Южно-Русской Группы
Учащихся Среднихъ Школъ.“

Надо признаться, что инымъ революціонерамъ не мѣшало бы кое-чему поучиться у этой молодежи.

Изъ тайнъ департамента полиціи. Распоряженія департамента полиціи о розыскахъ нелегальныхъ, объ установленіи надзора за неподозрѣвающими того обывателями и т. п. становятся столь многочисленными, что у насъ нѣтъ возможности предупредить заинтересованныхъ въ томъ лицъ частнымъ путемъ. Поэтому, изъ доставленныхъ намъ нѣкоторыхъ секретныхъ циркуляровъ за прошлый годъ мы заимствуемъ для печати нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ циркулярѣ отъ 26 апрѣля 1902 г. за № 3083 извѣщается о томъ, что, по полученнымъ изъ агентурнаго источника свѣдѣніямъ, Нижегородскій мѣщанинъ Николай Сергѣевичъ Лукомскій и отставной подпоручикъ Коротоякск. резервн. батальона Семенъ Петровъ Мазуренко. находившіеся въ послѣднее время заграницей, въ первой половинѣ марта сего года тайно проникли въ Россію, причемъ Мазуренко прибылъ по болгарскому паспорту на имя Владиміра Стоянова. Передаются біографическія свѣдѣнія объ этихъ лицахъ и предписывается „въ случаѣ обнаруженія. учредить за дѣятельностью ихъ и сношеніями самое тщательное, но совершенно секретное наблюденіе и немедленно телеграфировать Депар. Пол.; въ случаѣ же Л. и М. дадутъ поводъ опасаться потерять ихъ изъ виду, то надлежитъ подвергнуть внимательному обыску, арестовать и телеграфировать Деп. для полученія дальнѣйшихъ распоряженій“.

Въ циркулярѣ отъ 1 марта 1902 г. за № 1514 такого же рода распоряженіе отдается о „выясненіи мѣстожительства Этки Вульфовой Абрамовичъ“. Въ томъ же циркулярѣ сообщается, что „разыскиваемый циркуляромъ 12 окт. 1901 г. за № 3392, списокъ I Голландскій, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ есть Шмуль Ицикъ Мордуховъ Голландскій“. Къ тому же циркуляру приложенъ списокъ лицъ, которыхъ слѣдуетъ — по обнаруженіи ихъ мѣстожительства — подвергнуть негласному надзору полиціи: 1) Екатерина Андреевна Андреева, она же Морозова; 2) Анаст. Семен. Ильяшева; 3) А. А. Куоронинъ; 4) Над. Тим. Крапоткина, урожд. Повало-Швейковская; 5) ея мужъ М. А. Крапоткинъ; 6) Осипъ Антоновъ Маркунасъ; 7) Даніилъ Архиповъ Мудрининъ; 8) Еф. Захаровъ Новаковскій; 9) Мих. Сергѣевъ Ракитинъ; 10) Шиммель Іохимовъ Рудый; 11) Анна Осип. Туральская; 12) Болес. Алекс. Воронъ; 13) Ѳед. Тим. Шевченко; 14) Іосель Гирш. Шнейдеръ. Прекратить розыски франц. гражданина Генриха Юліанова Пуаронъ („въ дальнѣйшемъ розыскѣ надобности не предвидится“). Въ приложеніи къ циркуляру отъ 1 апр. 1902 г. за № 2447 сообщается, что разыскиваемый по циркуляру отъ 1 марта 1902 г. за № 1514 мѣщанинъ Хаимъ-Гершъ Мовшевъ Вайсманъ „можетъ проживать по подложному паспорту на имя мѣщанина мѣстечка Окно, Балтск. у. Подольск. губ., Александра Парфентьева Волоха отъ 9 ноября 1901 г. за № 182; въ виду сего надлежитъ лицо, проживающее по упомянутому паспорту, подвергнуть обыску, арестовать и телеграфировать Деп. для полученія дальнѣйшихъ указаній“. Въ томъ же циркулярѣ предписывается прекратить розыскъ М. Ц. Кафіельса и Ал. Ал. Кина, которые-де, прибывъ изъ за границы и поселившись — первый въ Вильнѣ, а второй — въ Либавѣ, подчинены тамъ негласному надзору.

Въ циркул. отъ 1 окт. 1902 г. за № 6200 Деп. разыскиваетъ 1) бывш. студента СПБ. Ун. пот. поч. гражд. П. Ник. Васильева; 2) рабочаго-слесаря Никодима Никодимовича Вельтищева; 3) служившаго въ промыслахъ Европ. Нефт. Компаніи (бывш. „Вишау“) въ Сабунчахъ Трифона (Семена) Тагизова Енукидзе. По обнаруженіи установить секретный надзоръ за дѣятельностью и сношеніями.

Въ томъ же циркулярѣ сообщается, что „у одного изъ лицъ, привлеченныхъ по дѣлу „Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“ былъ обнаруженъ, между прочимъ, слѣдующій адресъ: „Ново-Романовская, Широкій пер., домъ Крымки № 8, кв. Брайнона, для Соломона; въ виду сего Д. П. проситъ принять мѣры къ установленію, къ какому именно городу можетъ относиться указанный адресъ и о послѣдующемъ увѣдомить“.

Въ томъ же циркулярѣ предписывается — по обнаруженіи мѣстожительства — установить негласный надзоръ за 1) Надеждой Митрофановной Барамовой, урожден. Стопани; 2) Іосифомъ Ивановымъ Барамовымъ; 3) Ив. Ив. Бурогоновымъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ работаетъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ; и 4) Францемъ Августовымъ Шморель, бывш. студ. Моск. Ун.

Циркуляромъ отъ 1 ноябр. 1902 г. за № 6900 разыскивается Петръ Лукьяновъ Бѣдникъ для привлеченія къ дознанію при Екат. Губ. Жанд. Упр. по ст. 251 Ул. о нак.

Изъ сопоставленія номеровъ циркуляровъ видно, что съ 1 мар. по 26 апр. 1902 г., т. е. менѣе, чѣмъ за два мѣс., департаментъ „по особому отдѣлу“ разослалъ 1500 съ лишнимъ секретныхъ циркуляровъ; съ 1 марта по 1 ноября — за 8 мѣс. — издано ихъ 5400. Выходитъ, слѣд., 700 циркуляровъ въ мѣсяцъ или свыше 20 въ день! Неудивительно, что прошлой осенью царь „призналъ за благо, въ виду значительнаго за послѣднее время увеличенія занятій (милое „занятіе“!) департамента полиціи, усилить дѣйствующій штатъ сего департамента“ 30 чиновниками стоимостью въ 59,500 руб. ежегодно. Спрашивается только, въ человѣческихъ-ли силахъ производить одновременно розыски такой массы лицъ?

Харьковъ. Въ февралѣ полиція здѣсь накрыла „тайное собраніе“. въ которомъ читался рефератъ о Ничше. Всѣхъ присутствовавшихъ (въ томъ числѣ одного профессора и члена суда Миклашевскаго) переписали. Дѣло замято. Въ драмат. театрѣ недавно брошены съ галлереи внизъ прокламаціи по поводу 200-лѣтія русской печати. Къ 19 февр. полиція и войско готовились очень дѣятельно. У казаковъ было даже нѣчто вродѣ маневровъ: боевая стрѣльба, аттака и т. д. Навостряли шашки. Въ городъ наѣхало много жандармовъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Насколько ложны постоянные вопли „оффиціальнаго“ органа руссификаторовъ о „преступной пропагандѣ и агитаціи“ въ Финляндіи, краснорѣчиво доказываетъ, между прочимъ, и нынѣшній „день мрака“. Вотъ уже третій годъ весь Гельсингфорсъ въ годовщину обнародованія преступнаго манифеста 3 (15) февраля 1899 г. Николая II погружается 5 (18) февраля въ глубокій мракъ. Съ 7 часовъ вечера одни лишь уличные фонари освѣщали улицы, всѣ магазины были закрыты, во всѣхъ окнахъ темно. По улицамъ прогуливалась многочисленная толпа. Огромная толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ мальчишекъ, останавливалась подъ тѣми рѣдкими окнами, въ которыхъ свѣтился огонь (по большей части передъ отелями), и свистомъ и криками требовала темноты. Грозно раздавались по мрачнымъ улицамъ эти справедливыя требованія, и вскорѣ они, поэтому, исполнялись. Толпа по временамъ разросталась въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Извѣстный и ненавистный всѣмъ финляндцамъ грубый сторонникъ Бобрикова, русскій книгопродавецъ — плутъ Рѣзвой демонстративно, какъ ни въ чемъ не бывало, не обращалъ вначалѣ вниманія на толпу, и электрическія лампочки освѣщали окна его магазина, но и этотъ негодяй, какъ говорятъ, по требованію полиціи, вынужденъ былъ, наконецъ, закрыть свою лавочку. По словамъ очевидцевъ, эта оригинальная ночная демонстрація, продолжавшаяся весь вечеръ, производила сильное впечатлѣніе на зрителей. Полиція арестовала нѣсколько представителей молодежи, которыхъ до слѣдующаго утра она продержала въ участкѣ.

Въ предыдущихъ статьяхъ я уже упоминалъ о покушеніи Плеве на финляндскую почту, теперь же я позволю себѣ сообщить нѣкоторыя секретныя подробности по этому важному вопросу. Для скрѣпленія подписи новаго главнаго почтъ-директора Ямалайнина въ его секретномъ циркулярѣ почтовымъ учрежденіямъ Финляндіи о вскрытіи писемъ, дословно воспроизводящемъ извѣстный уже читателю лѣтній циркуляръ Плеве, была спеціально прикомандирована въ почтовое управленіе темная личность Уотило, чиновникъ нюландскаго губернскаго управленія. Всѣ переписчицы главнаго почтоваго управленія отказались отъ воспроизведенія на пишущей машинѣ преступнаго циркуляра. Эти факты свидѣтельствуютъ о непреодолимыхъ трудностяхъ проведенія жандармской реформы въ Финляндіи. Передъ нами вся чрезвычайно интересная переписка бывшаго благороднаго почтъ-директора Лагерборга съ Бобриковымъ, его канцеляріей и сенатомъ по вопросу о борьбѣ почтоваго вѣдомства съ распространеніемъ „противоправительственной литературы“. Мы познакомились со всѣми документами руссификаторовъ и финляндскаго мужественнаго сановника, но, къ сожалѣнію, ограниченный объемъ газетной статьи намъ не позволяетъ почти совсѣмъ воспользоваться этимъ важнымъ и глубоко поучительнымъ матеріаломъ, показывающимъ всю ревность русскихъ администраторовъ-сыщиковъ. Уже съ весны 1901 г. Бобриковъ открылъ походъ на финляндскую почту. Здѣсь мы приведемъ съ нѣкоторыми сокращеніями лишь прошеніе объ отставкѣ Лагерборга.

„6 декабря (23 ноября) 1902 г. Его Высокопревосходительству Финляндскому Г.-Губернат. Секретно. Рапортъ.

„Въ отзывѣ отъ 17 (30) ноября сего года за № 5895 Канцелярія Ген.-Губернатора сообщила мнѣ заключеніе, которое В. В. соизволили выразить по докладѣ потребованнаго отъ меня объясненія вслѣдствіе того, что распоряженіе М. В. Дѣлъ о вскрываніи писемъ, подозрѣваемыхъ въ содержаніи запрещенныхъ произведеній печати, еще не приведено въ исполненіе.

„В. В. благоугодно было признать мои дѣйствія по сему дѣлу отступленіемъ отъ надлежащаго порядка и неисполненіемъ моей служебной обязанности. Горестно пораженый этими заключеніями, — первыми, которыя достались мнѣ за исполненіе службы въ 15 лѣтній періодъ, когда финляндское почтовое вѣдомство было мнѣ ввѣрено, почтительнѣйше испрашиваю разрѣшенія въ оправданіе моихъ дѣйствій доложить о причинахъ, на которыхъ оно было основано.

„Какъ бы обширно ни разумѣть власть, Высочайшимъ Манифестомъ 31 мая (12 іюня) 1890 г. присвоенную министру В. Д. Имперіи относительно сообщенія инструкцій чинамъ финляндскаго почтоваго вѣдомства, невозможно, однако, считать, чтобы М. В. Д. этимъ манифестомъ было представлено возлагать на почтовыхъ чиновъ дѣйствія, запрещенныя общимъ закономъ и за которыя опредѣлены наказанія. Въ § 14 Гл. 40 Уголовнаго Уложенія В. К. Ф. отъ 19 декабря 1889 г. постановлено: „Если состоящій на службѣ по почтовому вѣдомству самовольно вскроетъ письмо или что-либо иное ввѣренное почтѣ,… то онъ подвергнется тюремному заключенію не свыше 2 лѣтъ или денежному взысканію и вмѣстѣ съ тѣмъ, когда преступленіе сего заслуживаетъ, исключается изъ службы“. Такъ какъ законнымъ владѣльцемъ письма считается его податель впредь до выдачи сего письма адресату, то слово, „самовольно“ въ этомъ постановленіи неминуемо обозначаетъ: безъ дозволенія подателя или адресата. То, что въ общемъ законѣ названо преступленіемъ, не можетъ административнымъ распоряженіемъ превратиться въ законное дѣйствіе. Чтобы въ финляндскомъ почтовомъ вѣдомствѣ ввести опредѣленіе о вскрытіи закрытыхъ писемъ, хотя бы только такихъ, которыя подозрѣваются въ содержаніи произведеній печати, для этого примѣняется надлежащимъ образомъ установленный законъ. Порядокъ поступленія съ такою же цѣлью въ Имперіи не можетъ служить руководствомъ для соотвѣтствующаго распоряженія въ Финляндіи, законы коей измѣняются на другихъ основаніяхъ, нежели въ Имперіи.

„Вышеприведенное обстоятельство, именно, что распоряженіе М. В. Д. касалось правовыхъ вопросовъ, лежащихъ внѣ области почтовыхъ правилъ, вынудило меня стараться довести этотъ вопросъ до благоусмотрѣнія Высочайшей власти…

„Служебный долгъ также внушилъ мнѣ вышеупомянутымъ всеподданѣйшимъ обращеніемъ къ Е. И. В. стараться оградить финляндское почтовое вѣдомство отъ введенія порядка, который въ неисчислимой мѣрѣ повредилъ бы правильному и быстрому ходу почтовой службы и въ глазахъ публики унизилъ бы достоинство этого учрежденія въ то время, какъ спеціальная цѣль, которая этимъ имѣется въ виду, не достигалась бы въ сколько нибудь существенной степени. Въ положительномъ же результатѣ было бы возбужденіе у адресатовъ, часто напрасно вызываемыхъ въ почтовыя учрежденія для присутствованія при вскрытіи ихъ писемъ, острого неудовольствія противъ почтовыхъ чиновъ — тѣмъ болѣе основательнаго, если эти распоряженія противозаконны.

„Поэтому, считаю долгомъ В. В. откровенно высказать мое убѣжденіе, что то распоряженіе, отмѣну или, по крайней мѣрѣ, узаконеніе котораго… предсатвленіемъ я имѣлъ въ виду, не можетъ въ примѣненіи приносить ничего иного, кромѣ вредныхъ послѣдствій, даже если смотрѣть на это дѣло исключительно съ правительственной точки зрѣнія и не обращать никакого вниманія на интересы почтоваго вѣдомства, которые, однако, также заслуживали бы принятія въ соображеніе.

„Такъ какъ, между тѣмъ, выраженія въ отзывѣ Канцеляріи Генералъ-Губернатора за № 5895 даютъ понять, что В. В. разсчитываете на непосредственное исполненіе распоряженія М. В. Д. о вскрываніи писемъ и въ виду того, что уже въ настоящее время не смѣю питать надежду на воспослѣдованіе закона или измѣненія означеннаго распоряженія, въ такомъ направленіи, чтобы на почтовыхъ чиновъ не возлагалась какая бы то ни было собственная иниціатива при исполненіи предначертанныхъ свыше фискальныхъ мѣръ, а также принимая во вниманіе, что состояніе моего здоровья подорвано, я болѣе не въ состояніи исполнять крайне обременительную должность Главнаго Почтъ-директора въ Финляндіи.

„Почтительнѣйше докладываю В. В., что я сего числа въ подлежащее мѣсто подалъ всеподданѣйшее прошеніе объ увольненіи изъ службы.

Подписалъ: Главный Почтъ-директоръ Лагерборгъ.“

Этотъ рапортъ не требуетъ никакихъ комментарій.

* * *

Въ послѣдней статьѣ я сообщилъ нѣкоторыя подробности объ увольненіи царемъ 16 членовъ абоскаго гофгерихта (суда второй инстанціи). Теперь достовѣрно извѣстно, что въ этомъ разгромѣ принялъ видное участіе финляндскій Сенатъ, это послушное орудіе г.г. Плеве, Бобрикова и Ко. Судебный Департаментъ Сената вошелъ къ Николаю II съ докладомъ, или по просту доносомъ на непокорныхъ судей, не желавшихъ финляндскіе суды превратить въ шемякинъ судъ и считавшихъ своимъ долгомъ дать ходъ жалобѣ отдѣльныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ казацкаго побоища, на главнаго виновника его — незаконнаго губернатора — Кайгородова. Такимъ же „докладомъ“ сената былъ вызванъ осенній разгромъ всѣхъ трехъ финляндскихъ гофгерихтовъ. Президенту абоскаго гофгерихта, выказавшему себя измѣнникомъ, публика устроила шумныя демонстраціи — на вокзалѣ въ Гельсингфорсѣ и при возвращеніи его въ Або. Въ Гельсингфорсѣ въ отеляхъ „не оказалось мѣстъ“ этому славному тріумфатору — г. Стренгу. Къ ночи его пришлось пріютить другому измѣннику, бывшему его сослуживцу, прокурору сената Іонсону. Бобриковъ поспѣшилъ выразить свою „высочайшую“ благодарность новому абоскому губернатору и абоской полиціи за то, что послѣдняя якобы „предупредила“ своими энергичными мѣрами демонстрацію. Однако, „Фин. Газета“ успѣла раньше чистосердечно разболтать о „повтореніи дикихъ и оскорбительныхъ манифестацій“ по возвращеніи въ Або г. Стренга, котораго здѣсь встрѣтили свистками и оскорбительными криками; „нѣсколько человѣкъ гнались за нимъ на извозчикахъ съ ругательствами и свистомъ“, но были на полпути задержаны полиціей. Позже *кучка**) людей покушалась произвести манифестацію передъ квартирой президента, но попытка эта устранена мѣрами полиціи“. Какъ видитъ читатель, плохо вяжется сообщеніе органа Бобрикова съ констатированіемъ послѣднимъ мнимаго „предупрежденія“ демонстрацій. Вообще финскій народъ, какъ онъ уже имѣлъ нѣсколько случаевъ высказаться, умѣетъ достаточно почтить своихъ измѣнниковъ. Апрѣльская грозная демонстрація въ Гельсингфорсѣ, напр., была протестомъ противъ измѣнниковъ-сенаторовъ. Нѣсколько времени тому назадъ азіатскій сатрапъ Финляндіи открыто долженъ былъ принять подъ свою защиту главный органъ старо-феноманской партіи, который на ряду съ „Финляндской Газ.“ подвергался бойкоту: многія почтовыя конторы не принимали подписки на сіи почтенныя газеты. Подобныхъ случаевъ мы могли бы привести очень много.

Время приближается къ новому призыву новобранцевъ, и правительство чуетъ уже благіе результаты пассивнаго сопротивленія. Уже многія общины, по примѣру прошлаго года, отказались отъ выбора своихъ членовъ въ усиленныя призывныя присутствія. Снова состоялось, въ видѣ „временной мѣры“, прежнее „Высочайшее“ постановленіе о томъ, чтобы считать засѣданія присутствій по воинской повинности въ Финляндіи законными при наличности предсѣдателя и двухъ членовъ (назначаемыхъ правительствомъ).

---

*) Курсивъ нашъ. Обычное уменьшеніе числа въ „правительственныхъ“ сообщеніяхъ.

Вообще, временщики не стѣсняются дѣйствовать „упрощенными“ способами, но всѣ ихъ старанія въ этомъ году потерпятъ, несомнѣнно, еще большее фіаско, нежели въ 1902 г. Единственнымъ разумнымъ выходомъ былъ бы теперь для правительства отказъ отъ стряпни г. Куропаткина, названной „новымъ уставомъ о воинской повинности“, и предоставленіе финляндскому сейму законнымъ порядкомъ рѣшить вопросъ о воинской повинности. Разумѣется, отъ дряблаго царизма нельзя ожидать благоразумія, что хуже для него самого. — Милостивый пріемъ, конечно, былъ оказанъ временщиками въ Петербургѣ семи вліятельнымъ крестьянамъ, принадлежащимъ къ старо-феноманской партіи, которые явились съ неудачнымъ проектомъ объ отмѣнѣ призывовъ въ такихъ округахъ, гдѣ явится достаточное число добровольцевъ изъ призываемыхъ нынѣшняго года. Этимъ реакціонеры признали законность противозаконнаго устава 1901 г. о воинской повинности; словомъ, они поступили со свойственнымъ ихъ партіи недальновиднымъ оппортюнизмомъ. Сенатъ подалъ еще три подобныхъ петиціи. Особенно жалки ссылки старо-феномановъ въ своей петиціи на экономическія причины: на нынѣшній голодъ въ Финляндіи и связанные съ призывомъ огромные расходы. Разумѣется, безразсудно съ чисто экономической точки зрѣнія для набора 140 человѣкъ призывать около 20,000 призываемыхъ. Но въ данномъ случаѣ доминирующее значеніе имѣютъ политическія причины. Осуществленіе этого проекта облегчило бы правительству расправу съ оставшимися вѣрными конституціи своей родины молодыми людьми, такъ какъ оно имѣло бы дѣло лишь съ частью призываемой молодежи. Подобныя недобросовѣстныя вылазки старо-феномановъ встрѣчаются въ Финляндіи со стороны всѣхъ истинныхъ гражданъ рѣзкимъ осужденіемъ, такъ какъ всѣ разумные финляндцы успѣли уже убѣдиться въ томъ, что лишь упорная борьба производитъ должное дѣйствіе на царское правительство, а отнюдь не уступки и какіе-то неумѣстные переговоры.

На дняхъ одному изъ главарей старо-феноманской партіи, архіепископу Іогансону, былъ доставленъ адресъ-протестъ, покрытый 363 подписями женщинъ Эстерботніи. Въ немъ выражается протестъ противъ его политической неустойчивости и выражается пожеланіе, чтобы онъ снова примкнулъ къ оставшимся вѣрными ея основнымъ законамъ. Этому ловкому интригану женщины указываютъ, какъ онъ долженъ былъ воспользоваться въ прошломъ году своимъ исключительнымъ положеніемъ и не оказывать ложнаго давленія на пасторовъ при обнародованіи новаго устава о воинской повинности. При дружномъ отказѣ въ подчиненіи и правильномъ вліяніи духовенства на народъ новый „законъ“ непосредственно встрѣтилъ бы непреодолимое препятствіе. Врядъ ли на людей, подобныхъ Іогансону, могутъ подѣйствовать подобные протесты, но во всякомъ случаѣ они имѣютъ огромное общественное значеніе, такъ какъ они доводятся до всеобщаго свѣдѣнія вольной прессой.

Намъ постоянно приходится отмѣчать различныя преступныя выходки новой гельсингфорской полиціи. Въ началѣ марта (н. ст.) извѣстный уже читателю полицмейстеръ Карлстедтъ уволилъ двухъ городовыхъ за то, что они не воспользовались шашками при ночномъ столкновеніи съ компаніей молодежи. Почти одновременно съ приказомъ Карлстедта по полиціи объ этомъ увольненіи — губернаторъ Кайгородовъ собралъ гельсингфорскую полицію и выразилъ ей благодарность за ея дѣйствія 5, 18 и 27 февр. (н. ст.)*) и увѣщевалъ городовыхъ пользоваться своимъ оружіемъ. Онъ напоминалъ имъ, что они воины, а не полицейскіе, и обѣщалъ ихъ освободить отъ всякой отвѣтственности, въ случаѣ, если нѣкоторые изъ нихъ увлекутся и безъ нужды пустятъ въ ходъ шашку. Не правда-ли, характерная картина нравовъ русскихъ чиновниковъ, незаконно назначаемыхъ въ Финляндію? Изъ этихъ ташкентцевъ особенно отличается выборгскій губернаторъ Мясоѣдовъ, превратившійся въ глазахъ финляндцевъ въ шута гороховаго. Наша статья и такъ уже затянулась, поэтому, мы откладываемъ нѣкоторые эпизоды съ этимъ помпадуромъ до слѣдующаго №.

Недавно состоялся въ Выборгской губ. съѣздъ болѣе 200 представителей пассивнаго сопротивленія изъ различныхъ мѣстностей Финляндіи. Это собраніе истинныхъ гражданъ, принадлежащихъ ко всѣмъ общественнымъ классамъ, приняло резолюцію ноябрьскаго съѣзда въ Гельсингфорсѣ. Вообще финляндцы не думаютъ отказываться отъ стойкаго пассивнаго сопротивленія.

---

*) Объ этихъ дняхъ см. № 35 „Искры“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь. Верстахъ въ сорока отъ Твери, около ст. Завидово, Никол. ж. д. есть небольшая ковровая фабрика Попова. Это въ полномъ смыслѣ слова — „глухое мѣсто“. Но на дняхъ было получено извѣстіе, что тамъ вспыхнула стачка. Вслѣдъ затѣмъ удалось достать письмо, писанное однимъ тамошнимъ рабочимъ. Письмо это настолько интересно, какъ симптомъ наростающаго боевого настроенія рабочей массы, что его слѣдуетъ привести цѣликомъ: „Дорогой А.! Увѣдомляю Васъ, что мы прикончили работу въ понедѣльникъ 12 числа въ 12 час. дня; кончили работу очень дружно, безъ всякаго скандалу. Лавку у насъ заперли и хотятъ насъ приневолить работать голодомъ. Вы не повѣрите, насъ человѣкъ 200 или, можетъ быть, и больше — ходили на станцію собирать, лавка уже третій день заперта, но скандалу — Боже сохрани! всѣ другъ другу только и наказываютъ: ребята не шумѣть, не скандалить, — надо тихо и смирно себя вести. Намъ на станціи наподавали 2 руб. денегъ и 15 ф. баранокъ. Лавку намъ не отпираютъ, мы просили разъ двадцать, но намъ отказываютъ; говорятъ: идите на работу, тогда и отопрутъ. Вы видите теперь, что насъ хотятъ уморить голодомъ. Развѣ это не безчеловѣчность? А теперь съ 15 на 16 намъ прибыли бумаги, что завтра разсчетъ. Бумаги будто прислали отъ губернатора, но отъ разсчету отказываются, говоря: отдай намъ по Пасху, а на работу идти никто не хочетъ и не пойдетъ. Представьте себѣ теперь наше положеніе! Эта горсть богатырей и полуголодныхъ, какъ будто рѣшилась умереть, но не сдаваться и не поддаваться обманамъ!

Пермь. Февраль мѣсяцъ у насъ полонъ событій. Съ начала мѣсяца (второго) были произведены обыски у пяти человѣкъ: Е. Вошевой, В. Житковой, А. и Ѳ. Ягодниковыхъ и Ю. Хлыновой. 3 числа Вошева и Житкова были вызваны въ полицію, оттуда увезены въ Жанд. Упр. для допроса и взяты. 6 февр. были обыски въ Мотовилихѣ*) у шести рабочихъ. На 19 февр. въ городѣ, въ чертѣ близь лежащихъ заводовъ и въ Мотовилихѣ были въ большомъ количествѣ распространены прокламаціи Уральскаго Союза и Соц.-Дем. Комитета. При расклеиваніи прокламацій попались двое рабочихъ зав. Любимова. За ними взяли еще троихъ рабочихъ того же завода, а затѣмъ двоихъ ж.-дорожныхъ. Въ Мотовилихинскомъ заводѣ уже давно шло броженіе, за эту же зиму оно обострилось, и по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ изъ начальства (упр. Назаровъ) принимало даже рѣзкую форму. А тутъ еще 19 числа были понижены расцѣнки. Это послужило искрой и стачка вспыхнула раньше ожидаемаго времени (20 февр.). Забастовалъ прежде снарядный цехъ. Съ каждымъ днемъ число присоединявшихся цеховъ увеличивалось и 22 февраля не работало уже десять цеховъ. Администрація не дремала: изъ города были вызваны не только жандармы и полицейскіе, но и двѣ сотни солдатъ. Съ рабочими обращались грубо, вызывающе: били шашками, прикладами. До 22-го настроеніе забастовавшихъ было хорошее. Держались спокойно. Ежедневно, а то и два раза въ день, появлялись прокламаціи мотовилихин. рабочаго Комитета и пермскаго Комитета Уральск. Союза с. дем. и соц.-рев. Въ нихъ описывались событія дня (развитіе стачки) и излагались требованія рабочихъ — общія и по цехамъ. Въ воскресенье 23-го зав. начальство расклеило свои объявленія съ требованіемъ во вторникъ выходить на работу и не слушать агитаторовъ. Отъ вице-губернатора тоже появилось объявленіе, повторяющее требованіе зав. начальства и угрожающее поступить съ бунтующими со всею строгостью. Отсутствіе какихъ-ниб. сбереженій послѣ масляницы, а также и то, что общія требованія долго не были формулированы, арестъ 22 человѣкъ рабочихъ, все это сдѣлало свое дѣло и въ понедѣльникъ настроеніе уже пало, а во вторникъ уже значительное большинство вышло на работу. Теперь, говорятъ, начинаются увольненія — будто бы уволили 200 чел. 25 февр. взятъ техникъ губ. земства В. Н. Поповъ.

Екатеринославъ. Безработица продолжается, продолжается и систематическое ухудшеніе положенія рабочихъ, занятыхъ на заводахъ. Заимствуемъ изъ прокламацій мѣстнаго Комитета нѣкоторыя данныя, иллюстрирующія положеніе дѣлъ. На Брянскомъ заводѣ въ бессемеровскомъ цехѣ вмѣсто прежнихъ 600 рабочихъ теперь ту-же работу выполняютъ 300 человѣкъ, причемъ имъ часто приходится работать непрерывно 36 час.! Въ рельсо прокатномъ цехѣ рабочіе прежде работали 26-27 дней въ мѣсяцъ, теперь 10-12! Въ томъ же цехѣ щедро примѣняютъ „бракъ“ продукта (рельсы), за который ничего не платится. Прокламація приводитъ примѣръ, когда изъ прокатанныхъ 3600 пуд. 600 п. записали „въ бракъ“. Въ Нижнеднѣпровскихъ ж. д. мастерскихъ расцѣнки сильно понижены: за ремонтъ товарнаго вагона вмѣсто прежнихъ 7 руб. теперь платятъ 1 руб. 50 коп., на отдѣлку дверей въ столярномъ цехѣ вмѣсто 18 руб. — восемь. Нижнеднѣпровскіе рабочіе въ своей прокламаціи жалуются на отсутствіе бань, столовой, на то, что паровое отопленіе функціонируетъ лишь во время проѣздовъ какой либо коммиссіи, въ обычное же время рабочіе мерзнутъ. Плохо поставлена медицинская помощь, въ мастерскихъ царствуетъ ругань и грубость со стороны „начальства“. На гвоздильномъ заводѣ Гантке съ конца октября рабочій день сокращенъ на 3 часа (съ 12 до 9 ч.) и сильно понижена поденная плата. Расцѣнки тоже сильно понизились: въ механическомъ цехѣ за расточку и нарѣзку прессовой гайки плата спустилась съ 27 руб. до шести. Въ механическомъ цехѣ теперь одинъ рабочій замѣняетъ двухъ-трехъ и болѣе, на двухъ долбежныхъ работаетъ одинъ, на двухъ строгальныхъ — тоже одинъ, одинъ же рабочій работаетъ на двухъ фрезеровальныхъ и трехъ пилахъ, такъ что вмѣстѣ 4 человѣка выполняютъ работу прежнихъ десяти. На заводѣ процвѣтаетъ не только ругань, но и побои.

Въ прокламаціяхъ къ рабочимъ разныхъ заводовъ, изъ которыхъ мы взяли эти факты, рабочіе приглашаются давать отпоръ новымъ прижимкамъ капиталистовъ. Одновременно прокламаціи разъясняютъ рабочимъ значеніе политической борьбы за устраненіе режима, ограждающаго злоупотребленія эксплуататоровъ. Агитація ведется комит. очень энергично, не растрачиваясь по мелочамъ, но и не игнорируя этихъ мелочей, очень важныхъ для разъясненія рабочимъ на фактахъ ихъ повседневной жизни всѣхъ золъ и бѣдствій современнаго строя. Мы находимъ очень цѣлесообразнымъ, что, концентрируя въ своихъ рукахъ общую агитацію, Екатеринославскій Комитетъ представляетъ отдѣльнымъ группамъ организованныхъ рабочихъ составленіе этихъ частныхъ листковъ. Такое расширеніе самодѣятельности работающихъ подъ общимъ руководствомъ Комитета группъ весьма желательно и можетъ способствовать внесенію въ необходимую агитацію на почвѣ профессіональныхъ нуждъ разныхъ слоевъ пролетаріата больше оживленія и оригинальности. Насколько мы знаемъ, Кіевскій комитетъ установилъ недавно такой же порядокъ веденія агитаціи по ремесламъ.

Мѣстный Комитетъ продолжаетъ выпускать свой періодическій „Листокъ“ — родъ мѣстной газетки, наиболѣе, повидимому, приспособленный къ условіямъ нашей нелегальной работы. Въ приложеніи къ № 8 этого листка помѣщена хорошо написанная статья „По поводу одной катастрофы“. Рѣчь идетъ о пожарѣ въ Анненскомъ рудникѣ Успѣнскаго (около Юзовки), жертвой котораго погибъ шестьдесятъ одинъ рабочій. Только 16 изъ работавшихъ въ шахтѣ спаслись отъ ужаснаго бѣдствія.

„Кровь нашихъ бѣдныхъ товарищей, говорится въ статьѣ, падетъ на голову тѣхъ, для кого нажива и деньги дороже человѣческой жизни... кто изо дня въ день, изъ года въ годъ сосетъ рабочую кровь, кто даромъ живетъ рабочимъ трудомъ и стремится держать работника въ тупой покорности, въ рабскомъ подчиненіи.“

Далѣе разсказывается, что, когда начался пожаръ, то не оказалось никакихъ снарядовъ и инструментовъ для тушенія, не было даже кишки и ведра. Вентиляція шахты никуда негодная. Горная инспекція состоитъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ горнопромышленниками и сквозь пальцы смотритъ на всѣ безобразія въ техническомъ оборудованіи шахтъ. Законопроектъ объ отвѣтственности предпринимателей остается подъ сукномъ. Слѣдуемая осиротѣвшимъ семьямъ пенсія задерживается въ страховомъ обществѣ.

Всѣ изданія Екатеринославскаго Комитета напечатаны въ собственной типографіи очень недурно.

На ст. **Панютино** и **Лозовой** „Группой сознательныхъ рабочихъ“ распространено въ февралѣ воззваніе къ рабочимъ и крестьянамъ подъ заглавіемъ: „Что такое соціалистъ или соціалдемократъ?“ Въ воззваніи опровергаются буржуазныя клеветы на соціализмъ и объясняется сущность идеаловъ соціализма.

Въ **Тифлисѣ** въ январѣ забастовали раб. завода Яралова — требовали увеличенія платы. Требованія не удовлетворены; 30 чел. остались безъ работы.

Изъ Батума сообщаютъ, что передъ Рождествомъ рабочіе всѣхъ крупныхъ мастерскихъ и заводовъ объявили прекращеніе работъ и взяли разсчетъ. Они требовали повышенія платы. Но послѣ праздниковъ работы начались на прежнихъ основаніяхъ. Войско, двинутое отсюда въ Батумъ передъ праздниками, до сихъ поръ находится тамъ.

По свѣдѣніямъ легальныхъ газетъ, въ Тифлисѣ 23 фев. была демонстрація. Подробностей о ней мы, къ сожалѣнію, пока не получили.

Сувалки, 15 января (письмо рабочаго). Сегодня въ нашемъ городѣ была демонстрація; поводъ къ ней дала смерть 25-лѣтняго рабочаго Давида, по профессіи кожевника. Демонстрація продолжалась отъ 3 ч. пополудни до 8 ч. вечера. Рабочіе, узнавъ о смерти товарища, бросили работу и пришли отдать долгъ покойному. Собралось около 400 чел., въ томъ числѣ посторонніе, желавшіе посмотрѣть на зрѣлище. Въ 3 часа шествіе двинулось къ кладбищу. Покойнаго несли организованные рабочіе, — постороннихъ не пускали. Когда рабочіе очутились на кладбищѣ, они сгруппировались, и здѣсь были произнесены рѣчи, между прочимъ, о необходимости политической и экономической борьбы. Рѣчи продолжались около часу и закончились возгласами въ память покойнаго товарища, противъ самодержавія и въ честь политической свободы. Когда гробъ былъ засыпанъ землей, одинъ рабочій прочелъ стихотвореніе, другой сказалъ надгробное слово, и рабочіе хоромъ спѣли еврейскія революціонныя пѣсни. Съ кладбища рабочіе двинулись процессіей по четыре въ рядъ, прошли по всѣмъ главнымъ улицамъ съ пѣніемъ. Публика, никогда еще не видавшая ничего подобнаго, пришла въ недоумѣніе. Нѣкоторые встрѣчавшіеся офицеры снимали шапки и сочувственно насъ привѣтствовали. Демонстранты прошли до дома покойнаго съ возгласами: „долой полицію, да здравствуютъ сувалкскіе рабочіе, вѣчная борьба съ правительствомъ!“ Арестовъ не было.

Бѣлостокъ. На сталелитейномъ заводѣ Вечерека началась недавно стачка 500 чел. по слѣдующему поводу: на второй день послѣ демонстраціи городовые пришли на этотъ заводъ точить свои сабли. Рабочіе страшно возмутились и забастовали. Выставили еще слѣд. требованія: 1) увеличить плату; 2) не допускать къ работѣ малолѣтнихъ; 3) не обыскивать при выходѣ изъ фабрики... Городъ все еще находится въ состояніи возбужденія. Какъ днемъ, такъ и ночью маршируютъ патрули съ барабаннымъ боемъ. Между прочимъ характеренъ для переживаемаго нами момента такой фактъ: 15 солдатъ подъ командой офицера патрулируетъ по одной улицѣ. Нѣсколько рабочихъ стали бросать въ нихъ камнями, и всѣ солдаты моментально обратились въ бѣгство. Офицеръ закричалъ: „Солдаты, за мной!“, но никого ужъ не было. Командиръ этого (Казанскаго) полка получилъ строжайшій выговоръ, а двухъ офицеровъ арестовали на три недѣли на гауптвахтѣ.

Въ **Казани** 19 февр. на заводахъ Свѣшникова, Алафузова, Крестовникова и друг. распространено воззваніе Комит. Партіи. Въ воззваніи проводится параллель между рабствомъ помѣщичьимъ и современнымъ политическимъ рабствомъ русскаго народа. — Однородное воззваніе издано **Воронежской** „Кассой Борьбы“. Воззваніе заканчивается приглашеніемъ мѣстныхъ раб. примкнуть къ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Кострома. Въ концѣ января была стачка на фаб. Кашина. Бастовало около 500 чел. прядильщиковъ. Требовали увеличенія платы и времени для чая и завтрака. Забастовка продолжалась четыре дня. Арестовано семь рабочихъ. Требованія отчасти удовлетворены, и арестованные по требованію забастовщиковъ освобождены.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПО ПОВОДУ ПРОТЕСТА ВОРОНЕЖСКАГО КОМИТЕТА.

Недавно образовавшійся **Воронежскій** Комитетъ Партіи издалъ подробный протестъ противъ „Извѣщенія“ Орган. Ком. Помѣщая ниже обстоятельные отвѣты О. К. и группы „Южнаго Рабочаго“ на нападки, которымъ Вор. Ком. совершенно неосновательно подвергъ эти организаціи, мы, съ своей стороны, можемъ избавить читателя отъ опроверженія кое-какихъ любезностей, направленныхъ непосредственно противъ ред. „Искры“. Широко пользуясь методомъ „наведенія справокъ“ — иначе, собираніемъ непровѣренныхъ и не поддающихся провѣркѣ слуховъ. — Вор. Ком. пришелъ къ заключенію, что Орг. Ком. — плодъ интриги организаціи „Искры“. Мы сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести всѣ перлы относящихся сюда разсужденій Вор. Ком. Знакомство съ ними могло бы иллюстрировать выраженную въ письмѣ „Сѣв. Раб. Союза“ (въ № 34 „Искры“) мысль о „мало-освѣщенныхъ уголкахъ нашего отечества“.

Отвѣтъ Организаціоннаго Комитета.

Въ своемъ извѣщеніи Организаціонный Комитетъ писалъ: „отношеніе комитетовъ и организацій къ О. К. покажетъ, насколько правильно онъ понялъ потребность момента“. И О. К. въ этомъ отношеніи можетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. При поддержкѣ организаціи „Искры“, Бунда, группы „Южнаго Рабочаго“, С.-Петербугскаго Комитета, при признаніи его комитетами Московскимъ, Кіевскимъ, Харьковскимъ, Екатеринославскимъ, Донскимъ, Сѣверн. Союзомъ, Одесскимъ и Николаевскимъ онъ можетъ смѣло взяться за выполненіе поставленной имъ себѣ задачи, въ полной увѣренности, что онъ доведетъ ее до желаннаго конца. О. К., конечно, не скрывалъ отъ себя и тѣхъ препятствій, которыя ему придется встрѣтить на пути въ видѣ всевозможныхъ заподазриваній въ тайныхъ замыслахъ, въ видѣ инсинуацій и клеветы; но твердая увѣренность въ настоятельности поставленной себѣ задачи позволяла надѣяться, что въ большей своей части товарищи, работающіе надъ великимъ дѣломъ освобожденія пролетаріата, придутъ ему на помощь, забывъ всякіе счеты, если таковые имѣются. И надежда эта насъ не обманула. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ передъ нами одинъ только фактъ, который можетъ быть причисленъ къ указаннымъ выше препятствіямъ: мы имѣемъ въ виду листокъ Воронежск. Ком.

Вор. К., „получивъ листокъ, озаглавленный ‚Извѣщеніе объ образованіи Орг. Ком.‘... посвятилъ спеціальное собраніе на обсужденіе“ какъ самого листка, такъ и затронутыхъ имъ вопросовъ... Свои „мнѣнія и пренія“ Вор. Ком. рѣшилъ оповѣстить urbi et orbi. Мы, однако, не приведемъ здѣсь этого образца безграмотности, нелогичности и инсинуацій; мы ограничимся лишь резюмированіемъ тѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ О. К. (въ листкѣ достается всѣмъ организаціямъ, принимавшимъ участіе въ образованіи О. К., — эти организаціи, вѣроятно, не преминутъ отвѣтить Вор. Ком.). О. К., по мнѣнію Вор. К., составленъ тенденціозно, по кумовству; крайне опасно, что, помимо созыва съѣзда, Орг. К. взялся еще выполнять кое какія общепартійныя функціи; такое совмѣщеніе двухъ функцій („учредить временное правительство и ему же поручить ускорить себѣ смѣну созывомъ съѣзда“), по мнѣнію В. К. равно тому, „какъ нашимъ неотвѣтственнымъ министрамъ поручить собрать съѣздъ для ихъ контролированія“. Въ виду этого В. К. обращается ко всѣмъ съ предостереженіемъ: „Товарищи, пишетъ онъ, при ростѣ нашей партіи въ ея составѣ окажутся люди съ разными темпераментами, характерами, тенденціями и планами, надо зорко слѣдить, чтобы отдѣльныя лица или группы не дѣлали молотомъ въ своихъ рукахъ (кого?). Надо, чтобы способности товарищей были использованы партіей, но чтобы всѣ дѣятели руководствовались постановленіями съѣздовъ и работами конференцій. Въ знаменосцы партія должна выбирать не только людей теоретически освѣдомленныхъ, не только товарищей съ практическими способностями, преданныхъ революціонной соц.-дем., но и людей, стоящихъ на высотѣ этики, суммирующей культуру человѣчества.“*)

Было бы весьма интересно на примѣрѣ Вор. Ком. показать, какъ среда опредѣляетъ психологію человѣка: самодержавный режимъ наложилъ неизгладимую печать на весь образъ мыслей Вор. К. Въ каждомъ революціонерѣ или революціонной группѣ, стремящейся положить конецъ господствующему въ партіи хаосу, онъ видитъ „неотвѣтственныхъ министровъ“, „правительство“, стремленіе захватить власть и т. д. Жаргонъ его тоже взятъ изъ лексикона полицейскаго застѣнка. „Искра“ — опричникъ соц.-дем., полемика ея — плетка и т. д. Но какъ ни поучителенъ этотъ примѣръ отраженія общественно-политическаго строя въ сознаніи людей, О. К. не займется, однако, научными изысканіями, не займется онъ также разборомъ философскаго вопроса, долженъ-ли дѣйствительно высшій нравственный принципъ „суммировать культуру человѣчества“. Одно только ясно, что если этика Вор. К. „суммируетъ культуру человѣчества“, то самъ В. К. на собственномъ примѣрѣ показалъ всю несостоятельность этой этики. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, признать нравственнымъ не только съ точки зрѣнія „этики, суммирующей культуру человѣчества“, а вообще какой-угодно этики, обвиненіе въ безнравственности кого-бы то ни было безъ всякихъ на то данныхъ, тѣмъ болѣе цѣлой организаціи, которая уже теперь признана большинствомъ комитетовъ партіи и къ которой обращается съ предложеніемъ самъ В. К. (см. листокъ В. К.).

---

*) Пушечный заводъ близъ Перми.

*) Воронежцы, вѣроятно, найдутъ, что мы съ ними жестоко поступили, выхватывая отдѣльныя пикантныя мѣста ихъ литературнаго творенія. Думаемъ, что мы имѣемъ на то право. Каковъ бы ни былъ контекстъ, онъ ничего не можетъ измѣнить въ приведенныхъ словахъ: очень ужъ специфич. у нихъ запахъ.

Мы оставимъ безъ отвѣта всѣ эти и тому подобныя обвиненія и инсинуціи, надѣясь, что они найдутъ должную оцѣнку со стороны комитетовъ и организацій партіи, къ которымъ Вор. К. и обратился со своимъ посланіемъ. Здѣсь мы ограничимся лишь разъясненіемъ нѣкоторыхъ фактическихъ сторонъ, затронутыхъ листкомъ Вор. Комитета.

1) Въ „Извѣщеніи“ не указано было, какимъ организаціямъ поручено было составленіе О. К., какъ не указаны еще кое-какія подробности изъ чисто-конспиративныхъ соображеній. Въ настоящее время считаемъ необходимымъ сообщить, что ни одна изъ организацій, которымъ „Конференція“ поручила составленіе О. К., не обойдена, и въ настоящее время всѣ онѣ имѣютъ въ немъ своихъ представителей. Въ О К. Конференція выбрала представителей организацій, работающихъ въ Россіи. Поскольку рѣчь идетъ объ „Искрѣ“, то имѣлось въ виду русская организація „Искры“, поскольку о Бундѣ — представитель Ц. К. его. а не Загр. Ком. Бунда. Представитель Союза русскихъ соц.-дем. заграницей*) не былъ Конференціей избранъ въ О. К., что вполнѣ понятно, такъ какъ эта организація исключительно заграничная.

2) Временное выполненіе нѣкоторыхъ общепартійныхъ функцій было возложено на О. К. самой Конференціей, поэтому весь зарядъ остроумія В. К. по поводу совмѣщенія двухъ функцій — направленъ не по адресу: онъ всецѣло относится къ тѣмъ организаціямъ, которыя участвовали въ Конференціи. Впрочемъ, О. К. не откажется принять его и на свой счетъ. Въ своемъ „Извѣщеніи“ О. К. указывалъ, что на него необходимо смотрѣть, какъ на частное учрежденіе; особенно это относится ко второй части его задачи. Никому онъ своихъ услугъ не навязывалъ. Онъ полагалъ, что, доставляя комитетамъ литературу, листки, помогая имъ связаться между собой, онъ этимъ идетъ на встрѣчу настоятельной потребности. Онъ полагалъ, что было бы крайне плачевно, если бы избранныя на съѣздѣ центральныя учрежденія Партіи нашли бы tabula rasa, на которой имъ пришлось бы расписывать узоры. Необходимо для возможности дѣятельности будущаго Ц. К., чтобы онъ нашелъ, по крайней мѣрѣ, зачатки хотя бы технической организаціи, связывающей разрозненныя силы. Безъ этого мы рискуемъ опять получить бумажное объединеніе, а не фактическое, мы рискуемъ дискредитировать понятія: съѣздъ и Ц. К., такъ какъ безъ этого постановленія съѣзда надолго останутся невыполненными., Ц. К. — надолго не дѣеспособнымъ. Это трюизмъ для всѣхъ, кто знаетъ, какъ трудно и какъ много времени требуетъ эта техническая сторона нашей дѣятельности. Если же Вор. К. съ этимъ не согласенъ, никто не проситъ его пользоваться нашими услугами. Насильно милъ не будешь.

3) Майскій листокъ 1902 г. не былъ составленъ литературными организаціями за ихъ подписью, какъ утверждаетъ В. К. (гдѣ онъ былъ въ это время?), а ред. „Искры“, ею въ видѣ проекта отпечатанъ и разосланъ, а потомъ принятъ Конференціей, за подписью которой онъ и былъ распространенъ.

4) Что касается „кумовства“, то мы не послѣдуемъ за В. К. и не предпримемъ сыска и разслѣдованія въ консисторскихъ записяхъ. Но, быть можетъ, на языкѣ Вор. К. „кумовство“ означаетъ единомысліе? Въ такомъ случаѣ, каемся, есть такой грѣхъ. Въ О. К., дѣйствительно, господствуетъ солидарность по всѣмъ болѣе или менѣе важнымъ вопросамъ. Но мы отнюдь не думаемъ этого скрывать и не считаемъ это преступленіемъ. Наоборотъ, мы думаемъ, что только благодаря этому, возможно было составить дѣеспособную группу. О. К. думаетъ, что и существованіе Партіи возможно лишь при наличности, по крайней мѣрѣ, довольно значительнаго единомыслящаго большинства. Тѣмъ болѣе это относится къ небольшой замкнутой организаціи, все равно для какой функціи она ни создалась бы. Неужели Ворон. Ком. забылъ басню Крылова: „Лебедь, Щука и Ракъ“? Не мѣшало бы любителямъ винигретовъ по временамъ перечитывать эту поучительную басню. Въ назиданіе Вор. К. сообщимъ не басню, а быль. Когда прошлой весной Конференція хотѣла выработать общую резолюцію, опредѣляющую отношеніе присутствующихъ къ животрепещущимъ вопросамъ партійной дѣятельности, чтобы положить ее въ основу дальнѣйшаго обсужденія, то ни одна изъ предложенныхъ резолюцій не могла быть принята. Неужели подобная картина особенно пріятна сердцу Воронежскаго Ком.? Разные бываютъ вкусы. **Организац. Ком. Р. С.-Д. Р. П.**

---

*) Прим. редакціи: Воронежскій Комитетъ въ своемъ листкѣ жалуется на то, что „Союзъ“ не имѣетъ своего представителя въ Орг. Комитетѣ.

По поводу листка Воронежскаго Комитета.

Представляя Организаціонному Комитету и главнымъ образомъ редакціи „Искры“ отвѣтить на листокъ Воронежскаго Комитета въ цѣломъ, мы считаемъ необходимымъ отвѣтить на него только въ части, касающейся нашей группы. Въ виду того, что съ одной стороны мы не знаемъ, какъ далеко разошлось, „Воззваніе“ Вор. Ком., въ виду представляемаго этимъ воззваніемъ интереса, съ другой, мы полагаемъ необходимымъ привести полностью относящіяся къ намъ краткія, но выразительныя строки этого поистинѣ замѣчательнаго документа. „Ю. Р. очень уважаемая организація, но ея услуги не принадлежатъ только ея данному составу. Партійная точка зрѣнія Ю. Р., встрѣтившая общее сочувствіе, выразилась въ его первыхъ номерахъ, главный литературный работникъ которыхъ — теперь противникъ „Искры“, но теперешняя редакція Ю. Р. заявила, что признаетъ Искру своимъ руководящимъ органомъ (по наведеннымъ справкамъ оказывается, что въ такомъ постановленіи не участвовали ни южнорусскіе комитеты, ни даже всѣ литературны сотрудники Ю. Р.)“. Мы чрезвычайно благодарны Вор. Комитету за оказываемое имъ группѣ „Южнаго Рабочаго“ уваженіе, но, къ сожалѣнію, совершенно не можемъ выяснить, относится ли это уваженіе къ прошлому или же мы продолжаемъ пользоваться имъ и въ настоящемъ. Съ перваго взгляда кажется, что правильнѣе послѣднее пониманіе, такъ какъ говорится о „заслугахъ“ группы. Спорнымъ является только пунктъ о принадлежности этихъ заслугъ „данному составу группы“.**) Отдавая должное заслугамъ выбывшихъ уже товарищей, мы тѣмъ не менѣе предложили бы Вор. Ком. продолжить „наведеніе справокъ“, такъ какъ такимъ путемъ ему удалось бы установить; 1) что одинъ членъ изъ „даннаго состава группы“ (resp. редакціи) состоитъ редакторомъ съ 3 номера Ю. Р., другой принимаетъ въ немъ самое близкое участіе также съ 3 и, съ 8 номера состоитъ редакторомъ; 2) что лица эти и по настоящее время не измѣнили той, употребляя не вполнѣ вразумительную терминологію В. К. „партійной точки зрѣнія“, которая, по его словамъ, встрѣтила „общее сочувствіе“ и выразилась „въ первыхъ (курсивъ нашъ) номерахъ Ю. Р.“ Послѣднее чрезвычайно важно, такъ какъ „если вѣрить В. К., ему важны „не личности, а представительство принциповъ“ данной организаціи. И если заслуги Ю. Р., какъ органа, состояли въ проведеніи опредѣленныхъ „принциповъ“. то здѣсь и нашего „хоть капля меду есть“. Но, повторяемъ, мы охотно признаемъ, что „заслуги“ наши въ дѣлѣ пріобрѣтенія уваженія В. К. очень скромны по сравненію съ заслугами ушедшихъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ товарищей. Къ сожалѣнію, изъ дальнѣйшаго выходитъ какъ-будто, что и „заслуги“ наши весьма сомнительны по увѣренію В. К. „Теперешняя редакція Ю. Р. объявила „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ“, а „диктаторствующая“ Искра симпатіями и „уваженіемъ“ В. К. отнюдь не пользуется. Итакъ, теряемъ ли мы „уваженіе“ В. К.? Если важно, „представительство принциповъ“ и пр., то, конечно, нѣтъ, такъ какъ ни взгляды личнаго состава редакціи, ни направленіе редактируемаго ею (въ пополненномъ составѣ) органа не измѣнились отъ перваго до послѣдняго номера, въ чемъ можно убѣдиться сравнивши всѣ номера Ю. Р.*) Если же важны не опредѣленные взгляды, а нѣчто иное, скажемъ, извѣстный ярлычекъ, то, несомнѣнно, теряемъ. Продолжая проводить тѣ же, одинаковые съ ненавистной В. К. „Искрой“ взгляды, мы бы продолжали пользоваться его „уваженіемъ“ и по сіе время, если бы въ одинъ несчастный день не засвидѣтельствовали оффиціально того, что уже существовало фактически. Кстати, маленькое недоразумѣніе: откуда собственно В. К. вычиталъ, что „редакція Ю. Р. объявила своимъ руководящимъ органомъ Искру“. Если это „оказывается“ все по тѣмъ же „справкамъ“, то смѣемъ увѣрить В. К., что справки эти — самый недостовѣрный источникъ, такъ какъ „редакція“ Ю. Р. никогда подобнаго заявленія не дѣлала. Въ этомъ В. К. убѣдится, когда прочитаетъ, „пальчикомъ водя“, заявленіе „группы Ю. Р.“, помѣщенное въ 10 номерѣ органа того же имени и въ „Искрѣ“. Что же это? умышленно, невѣдомо въ какихъ цѣляхъ сдѣланное искаженіе или неизвинительное для выступающей съ публичными обвиненіями организаціи непониманіе? Допускаемъ послѣднее, такъ какъ вообще всѣ заключенія В. К. строются по принципу „въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька“. Не разбираясь въ такихъ тонкостяхъ, какъ литературное сотрудничество и редактированіе, В. К. съ угрожающимъ видомъ объявляетъ, что „главный литературный работникъ“ „первыхъ нумеровъ Ю. Р.“ — теперь противникъ „Искры“. Мы, конечно, не знаемъ, въ какомъ департаментѣ наводитъ свои „справки“ В. К. и, рѣшаясь положиться на его освѣдомленность въ данномъ случаѣ, допускаемъ, что кто-нибудь изъ бывшихъ сотрудниковъ или даже редакторовъ Ю. Р. въ настоящее время и объявилъ себя „противникомъ Искры“. Но, во-первыхъ, рискуя показаться нескромными, осмѣливаемся думать, что званіе „главнаго литературнаго работника“ по всей справедливости должно принадлежать работающему и по настоящее время среди насъ товарищу, принимавшему самое близкое и непосредственное литературное участіе во всѣхъ номерахъ Ю. Р., начиная съ 3. Во вторыхъ, если бы даже это было не такъ, то почему собственно В. К. полагаетъ, что взгляды лица (хотя бы и нѣкогда „главнаго“ литературнаго работника), ничѣмъ въ настоящее время не связаннаго съ редакціей, должны вліять на ея рѣшенія? И больше того: если бы даже это лицо состояло не только въ числѣ сотрудниковъ, но даже въ числѣ редакторовъ, то почему его именно мнѣніемъ должна была бы руководствоваться редакція? Повторяемъ, процессы мышленія въ головахъ „авторовъ“ листка В. К. идутъ какими-то невѣдомыми намъ путями. Въ интересахъ истины считаемъ долгомъ сообщить В. К. „отрывокъ изъ прошлаго“ Ю. Р. Было нѣкогда въ числѣ редакторовъ Ю. Р. лицо, не вполнѣ солидарное со взглядами Искры. Лицо это участвовало въ редактированіи четырехъ нумерахъ Ю. Р. (только не первыхъ), и, правда, занимало видное мѣсто по своимъ литературнымъ дарованіямъ. Но, какъ легко убѣдится всякій, внимательно читавшій нашу газету читатель, эти особенные взгляды названнаго лица ничѣмъ не отразились на направленіи органа. Въ настоящее время лицо это редакторомъ не состоитъ, и каковы его взгляды теперь — мы не знаемъ. Думаемъ, что это именно лицо имѣлъ въ виду В. К., когда съ грознымъ видомъ говорилъ о главномъ литературномъ работникѣ первыхъ нумеровъ, положившемъ будто бы такой отпечатокъ на первые нумера Ю. Р.

Въ заключеніе не можемъ не порекомендовать В. К. поставить дѣло революціоннаго сыска поакуратнѣе. Иначе ему съ „наведеніемъ справокъ“ придется еще не разъ садиться въ лужу. Думаемъ, что было бы гораздо приличнѣе и проще не „наводить“ этихъ таинственныхъ „справокъ“, а обратиться прямо къ группѣ Ю. Р. или къ южнымъ комитетамъ. Группа объяснила бы ему, что она никого въ заблужденіе вводить не желала (развѣ только людей, недостаточно умныхъ, чтобъ разобраться самимъ, или недостаточно добросовѣстныхъ, чтобъ обратиться за разъясненіями къ товарищамъ, а это ужъ не ея вина), объявляя отъ своего только лица о солидарности съ „Искрой“. А комитеты прибавили бы, что послѣ неудачной попытки объединенія южныхъ комитетовъ и организацій, редакція Ю. Р. объявила южнымъ комитетамъ, что она отказывается отъ наименованія себя „органомъ союза южныхъ комитетовъ и организацій“ и продолжаетъ существовать въ видѣ самостоятельнаго предпріятія, какъ существовала до возникновенія союза южныхъ комитетовъ и организацій. Что касается утвержденія, будто не всѣ литературные сотрудники Ю. Р. изъявили свое согласіе на опубликованіе заявленія группы, то это просто ложь. Всѣ сотрудничающіе въ Ю. Р. въ настоящее время лица приняли это заявленіе (что, впрочемъ, оффиціально и не обязательно, ибо заявленіе сдѣлано отъ имени группы, въ составъ которой „сотрудники“ не входятъ).

Группа „Южнаго Рабочаго“.

**) Во избѣжаніе недоразумній въ дальнѣйшемъ, считаемъ должнымъ разъяснить Вор. Ком., что „группа Южн. Раб.“ и „редакція“ его — понятія не совпадающія. Понятіе „группа“ шире.

*) 2-ой номеръ мы, пожалуй, совсѣмъ бы исключили изъ разсмотрѣнія въ виду того, что послѣ провала оригинала этого номера — онъ былъ по памяти воспроизведенъ завѣдующимъ техникой и, слѣдовательно, редактированію не подлежалъ.

Въ февралѣ этого года Главное Правленіе (Центр. Ком-тъ) „Социаль-демократіи Царства Польскаго и Литвы“ выпустило и распространило въ 2500 экз. прокламацію о ноябрскихъ событіяхъ въ Ростовѣ. Приводя полностью текстъ извѣстнаго воззванія Донского Комитета „ко всѣмъ гражданамъ въ Россіи“, польскіе товарищи разъясняютъ значеніе выступленія на политической аренѣ русскаго пролетаріата, какъ той силы, которая въ союзѣ съ пролетаріатомъ всѣхъ національностей, обитающихъ Россію, нанесетъ самодержавію смертельный ударъ. „И въ то время, какъ польскіе буржуазные классы за одно съ русскими эксплуатируютъ рабочій людъ во всемъ государствѣ, польскій пролетаріатъ въ братскомъ союзѣ съ рабочимъ классомъ всей Россіи сокрушитъ позорное, дикое самодержавіе царскаго правительства. Тогда-то соединенный пролетаріатъ всего государства не только освободитъ себя отъ политическаго рабства, пробивая себѣ путь къ соціализму, но и освободитъ весь польскій народъ и другіе подвластные царю народы отъ національнаго угнетенія, и проложитъ польской цивилизаціи путь къ развитію. . .Отъ имени борющагося польскаго рабочаго класса мы выражаемъ свою полную солидарность борющемуся пролетаріату русскому, героямъ-же рабочимъ Ростова и Тихорѣцкой и Донскому Комитету Р. С.-Д. Р. П. шлемъ братское поздравленіе“.

Вышли въ свѣтъ слѣд. новыя изданія Лиги Рев. Русс. Соц.Дем.

1) **Каутскій.** Эрфуртская программа.
2) **Тунъ.** Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Съ предисловіемъ Г. Плеханова и приложеніемъ статей Кольцова (о концѣ „Нар. Воли“), Плеханова (о русской соціалдемократіи), П. Лаврова и Стефановича (изъ „Чернаго Передѣла“ — о Чигиринскомъ дѣлѣ).
3) **Амвросій**, членъ Донского К. Росс. С.-Д. Р. П. Правда о ростовскихъ событіяхъ.
4) **Г. Плехановъ.** Н. А. Некрасовъ (къ 25-лѣтію его смерти).

Печатаются и вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ:

1) **Л. Мартовъ.** Рабочее движеніе въ Россіи. Второе переработанное изданіе.
2) Милитаризмъ и рабочій классъ.
3) **Ленинъ.** Къ деревенской бѣднотѣ (опытъ популяризація для крестьянъ сод.-дем. программы).
4) **К. Каутскій.** Соціальная реформа и революція.
5) Пролетарскій праздникъ.

Подготовляются къ печати:

1) Въ казармѣ (изъ записокъ солдата-соціалдемократа).
2) **Л. Мартовъ.** Красное знамя въ Россіи (второе изданіе).

ПОСЛѢДНІЯ_ИЗВѢСТІЯ.

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Въ европейскихъ газетахъ телеграмма отъ 28(15) марта сообщаетъ о новомъ ужасномъ побоищѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Златоустѣ во время стачки на казенномъ заводѣ. Судя по этому сообщенію, рабочіе напали на домъ, въ которомъ находился уфимскій губернаторъ, и требовали освобожденія трехъ арестованныхъ товарищей. Солдаты стрѣляли, убили 28 раб., ранили 50!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Екатеринославъ. Въ февралѣ арестована женщина-врачъ Вольфенсонъ (во второй разъ). — **Казань.** Еще въ концѣ декабря прошлаго года было около 70 обысковъ. Были арестованы наборщикъ Бѣляевскій, братья Кролюницкіе (студентъ и бывшій студ.), Витманъ, Кибардинъ (бывшій студ.), Краева (курс, вып.), Деханова (курс.), Леви (курс.), сестра ея и еще 12 раб. (почти всѣ выпущены). Роль провокатора игралъ наборщикъ губернской типографіи Купидоновъ, привлекавшійся въ 1901 г. по политическому дѣлу. 8 фераля арестованъ студ. Фортунатовъ, бывшій ученикъ мѣстнаго техническаго училища Залежанскій, два семинариста и еще два лица.

Кіевъ. На Деміевкѣ въ февралѣ арест. сходка изъ 47 раб. Толпа челов. въ 300 устроила демонстрацію передъ участкомъ, требуя ихъ освобожденія. — **Ростовъ-на-Дону.** Въ связи съ демонстраціей 2 марта арестов.: Браиловскій, Рейзманъ, Локерманъ, Елена Рогачева, рабочій Солом. Бороховъ и мн. др.

Москва. Въ ночь съ 14 на 15 февр. арестованы: курсистки Манасевичъ, Гефтеръ, Нина Баумштейнъ, Іевлева, Четверакова, Шарова: студенты Шмидтъ, Вендрихъ, Цыхановичъ, Львовъ, Андревъ, Четвераковъ, Славицкій, Подгорный, Кропачевъ, Лугинъ, Михайловъ, Никифоровъ, Кантакузенъ; землемѣры Гуровичъ и Шаровъ; прис. пов. Кохмеровъ, студентъ Межев. Инст. Плетневъ; быв. гимназ. Прозенъ; Кравцовъ, учитель Власовъ, Шибаевъ. — Во время недавнихъ волненій въ Межевомъ Институтѣ выслано человѣкъ 40 студентовъ. Студенты **Бурмисторвъ Балматовъ** и **Мантіевъ** выдѣлились въ качествѣ доносчиковъ. — Въ **Харьковѣ** арест.: телеграфисты Доброскокъ и Коняевъ, студенты Костяковъ и Якобсонъ (послѣдній по приказу изъ Варшавы), врачъ Леоновъ. Изъ тюрьмы выпущены Вл Цедербаумъ и студ.-технологъ Ефименко. Бывшій студ. Баумштейнъ по дѣлу о крестьянск. безпорядкахъ въ Полтавск. губ. сосланъ на 5 л. въ В. Сиб. Въ концѣ февраля арестованы г-жи Миргородская и Смирнова и 11 раб. — **Иркутскъ.** Въ 20-хъ числахъ января были обыски среди рабочихъ ж. д. депо и мелкихъ мастерскихъ. Арестовано около 10 раб. Взяты также кладовщикъ Общества потребителей Забайк. дор. Аншелесъ, его сестра и служащій въ о вѣ потребителей Рѣшетовъ. 11 февраля былъ обыскъ въ квартирѣ ученицъ фельдшерской школы Бажедомовой и А. Гершановичъ. — **Кишиневъ.** По дѣлу о пропагандѣ въ 1901 г. приговорены къ ссылкѣ въ В. Сибирь на 4 г. Григорій Финкельштейнъ и Алекс. Яндовскій; къ 6 мѣс. „Крестовъ“ Лейа. Либерманъ и Шика Кушниръ; къ 3 мѣс. тюрьмы — Тимофей Яндовскій. — **Ярославль.** 19 фев. распространялись листки, что вызвало аресты; взяты: студ. Соболевъ, Магистровъ и нѣсколько рабочихъ.

Содержавшійся въ ст. Каменской въ тюрьмѣ Ив. П. Брагинъ нервно разстроенъ и переведенъ въ новочеркасскій домъ умалишенныхъ. У него манія преслѣдованія. На развитіе болѣзни, несомнѣнно, оказали вліяніе скверныя условія Каменской тюрьмы, хотя обращеніе съ нимъ было сравнительно недурное. Уже больного Ив. П. держали 17 дней въ тюрьмѣ, гдѣ надъ нимъ потѣшались уголовные. Мать Брагина ходатайствуетъ о переводѣ больного въ Москву.

Сосланы: Лидія Маркова (по д. Пет. Союза Борьбы 1901 г.) на 3 года въ Волог. губ. и Герасимовичъ, студ. (по Смоленскому соц.-дем. дѣлу 1902 г.) на 3 года въ Архангельскую губ. Изъ Ростова на-Дону сосланъ въ Вост. Сибирь до приговора бывшій студ. Харьк. Унив. М. Серебряковъ, нѣсколько разъ уже привлекавшійся и въ послѣдній разъ арестованный въ мартѣ 1902 г. Изъ СПБ.: А. Хавскій въ Якут об., Чарушниковъ въ имѣніе брата, Александръ Крупскій — на 3 г. въ Вост. Сиб., Дм. Зайцевъ — на 5 лѣтъ въ Вост. Сиб., Дм. Тагѣевъ — на 3 г. въ Вост. Сиб., В. Семеновъ — въ Ковенск. губ. на 3 г., Фессалоницкая — на 5 л. изъ столицъ, Мойсей Лурье (бывшій эмигр.) — въ Вост. Сиб., Леонидъ Булановъ, бывшій прежде на поселеніи въ В. Сиб. по дѣлу „Земли и Воли“ и ар. въ 1902 г. въ Саратовѣ, увезенъ изъ Петр. Крѣп., неизвѣстно куда.

Изъ **Одессы** сообщаютъ, что извѣстный **провокаторъ** рабочій **Гандеръ** вновь появился на горизонтѣ. Не смотря на то, что этотъ господинъ уже неоднократно былъ опубликованъ, какъ шпіонъ, находятся люди, относящіеся къ нему по товарищески. Стыдно, господа!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Читателямъ. Въ мою статью „Соціальная демократія въ Россіи“, напечатанную въ приложеніи къ только-что вышедшей на русскомъ языкѣ книгѣ А. Туна „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“, закралась слѣдующая, искажающая смыслъ, опечатка. На стран. 271, въ послѣдней строкѣ напечатано: соціализма политикѣ. Бунгари отрицали ее во имя „агитаціи“. Должно быть: соціализма политикѣ. Лавристы защищали „пропаганду“; бунтари отрицали ее во имя „агитаціи“.

Исправить эту опечатку я очень прошу всѣхъ читателей, которымъ попадетъ въ руки книга Туна. **Г. Плехановъ.**

Осипу и Трудолюбцамъ. Пришлите новые адреса для писемъ: очевидно наши не доходятъ.

Жаку. Когда же вы свяжетесь непосредственно съ нами?

Искровцу. Статья объ ограниченіи самодержавія отложена за недостаткомъ мѣста.

Получено: Изъ Москвы чер. Е. 50 руб.; изъ Берна въ фев. за лит. 179,70 фр., съ бала 105 фр.; изъ Женевы 58,20 фр.; отъ друзей 20 руб.; изъ Томска отъ Ком. 30 р.; изъ Берлина собр. 19 февр. въ пользу арест. 18,20 м.; изъ Полтавы 130 м. Черезъ Женеву: изъ Вѣны за литер. 15 кронъ, изъ Ш. за лит. 10,55 ф., изъ Давоса по листу № 101 100 ф., изъ Карлсруэ съ веч. 70 м., съ реферата въ Фрейбергѣ 20 м., изъ Ма за лит. 37 ф., изъ Вост. Сиб. отъ врача Короткаго 10 р., отъ Цюр. Сиб. Кас 25 р. и 40 ф. Отъ Прибалтійцевъ на „Искру“ 27,80 р., Г. О. 7 р., отъ Гринъ ежемѣсячно 5 р.

Отчетъ Сибирской Кассы съ 22 іюля 1902 г. по 6 февраля 1903 года.

Приходъ: (Во франк. и сант.). Въ кассѣ къ 22 іюля оставалось 4 63. Изъ Цюриха: членскихъ взносовъ 69.00, собрано по листкамъ 103.25, пожертвовано 45.05, доходъ съ бала 763.26. Черезъ г. Аксельрода: отъ „друзей изъ Вяземской лавры“ 13.53, изъ Л. съ вечера у К. С. 30.00, изъ Ліона 25.80, изъ Л. черезъ М-скую 4,00, черезъ Юлія 10.00. Изъ Моритца отъ Фр. Бифи (по воззванію) 15.00, изъ Винтертура 66.80, изъ Давоса (12.50 и 15.00) 57.50, изъ Германіи по листку С. К. и Б. черезъ В. 21.00, изъ Льежа (77.00, плюсъ 250.00, плюсъ 120.00, изъ нихъ 100.00 „отъ старыхъ и молодыхъ революціонеровъ“) 477.00, изъ Нью-Іорка 87.50, изъ Берна чер. Ф. 8.00, изъ Давоса чер. г. Аксельрода 184.00, изъ Митвайды 89.00 (изъ нихъ 39.00 собрано за декабрь и 50.00 собрано въ пользу пострадавшихъ отъ стачки въ Ростовѣ, Новороссійскѣ и Тихорѣцкой), изъ Лозанны въ пользу пострадавшихъ отъ стачки по подписному листу 25.00, членскихъ взносовъ въ Цюрихѣ 14.00, пожертвовано въ пользу заключ. 2.40. Долги съ бала 15.40.

Расходъ: (Во франк. и сант.). Печатаніе воззваній 12.50, послано въ Одессу для ссыльн. и заключ. 15.00, въ Енисейскую губ. 40.00, черезъ „Бундъ“ эмигр. (въ счетъ буд. сбора) 100.00, въ Верхоленскъ ссыльному 45.00, то же 55.00, въ В. Сибирь чер. П. Соц.-Дем. 50.00, на Сахалинъ (75 руб.) 199.10, въ иркутскую губ. чер. К. (100 руб.) 265.50, 4 эмигрантамъ (въ счетъ будущаго сбора по разосланнымъ листкамъ) 100.00, больному рабочему эмигранту по подписному листу 76.75, въ Москву ссыльн. и заключ. черезъ Соц.-Дем. 200.00, почтовые расходы 17.10 и 3.25, въ Енис. губ. ссыльн. чер. „Бундъ“ 200.00, пострад. отъ стачки въ Ростовѣ, Новорос. и Тихорѣц. чер. „Свободу“ 50.00, пострад. отъ стачки чер. „Рев. Рос.“ 25.00, за локалъ 2.00.

Всего прихода 2101.12. Всего расхода 1591.20. Въ кассѣ къ 6 февраля 1903 г. 509.92.

Типографія „Искры“

Третій годъ изданія.

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
29 CLINTON ST. NEW YORK

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 37. 1-го апрѣля 1903 года. № 37.

РУССКІЕ БОНАПАРТИСТЫ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Геройская борьба, которую ведетъ небольшой финляндскій народъ противъ русскаго царизма, имѣетъ важное политическое значеніе для судебъ Россіи. Русскому обществу представляется возможность изучить на практикѣ, чѣмъ можетъ, чѣмъ должна быть упорная и стойкая борьба съ насиліемъ самодержавія, и какъ безсильно послѣднее въ борьбѣ съ мужественной и серьезной политической оппозиціей. Русскому либералу стоитъ также вдуматься въ значеніе финляндскихъ событій, чтобы понять, какъ безпочвенны всякія надежды на мирное сожительство самодержавія съ какими бы то ни было началами европейскаго правового порядка. И всей русской либеральной и соціалистической оппозиціи слѣдуетъ на финляндской политикѣ русскаго правительства изучать всѣ характерныя черты позорящаго Россію режима, того режима, который ухитрился совмѣстить въ себѣ азіатскую жестокость съ іезуитскимъ коварствомъ.

Съ первыхъ же дней той отчаянной борьбы, которая завязалась между финской націей и русскимъ самодержавіемъ, послѣднее прибѣгло къ тактикѣ заигрыванія съ неимущими классами Финляндіи, дабы приманить ихъ къ себѣ обѣщаніемъ „экономическихъ“ подачекъ и натравить противъ имущихъ классовъ Финляндіи, поскольку послѣдніе борятся за конституціонную свободу. Извѣстно, что подобной тактики въ теченіе извѣстнаго времени держался во Франціи Людовикъ Наполеонъ Бонапартъ (Наполеонъ III). Послѣ того, какъ Николай Романовъ, по его примѣру, растопталъ ногами ту самую конституцію, которой онъ торжественно поклялся въ вѣрности, — ему было совершенно къ лицу сдобрить „искони-русскую“ политику кнута и нагайки бонапартистской демагогіей.

Дѣло началось съ сельскаго финляндскаго пролетаріата (торпарей) и продолжилось среднимъ крестьянствомъ, которое шпіоны и агенты русскаго правительства бунтовали противъ городской буржуазіи, интеллигенціи и землевладѣльцевъ, боровшихся за конституцію. Послѣ того, какъ русскій царизмъ испробовалъ свои бонапартистскія способности въ отечественной „зубатовщинѣ“, онъ могъ дерзнуть на рѣшительный шагъ въ сторону финляндскаго городского пролетаріата.

Но въ Россіи размахъ зубатовскаго бонапартизма волей-неволей суживается подъ вліяніемъ страха передъ волью „всероссійскаго купечества“. Поэтому, при всей своей кричащей наглости зубатовскіе эксперименты носятъ довольно неувѣренный характеръ. Всѣ помнятъ, какъ струсилъ Зубатовъ, когда его агенты было не на шутку разожгли стачечное движеніе въ Москвѣ. Спекулируя на классовой враждѣ между русскимъ пролетаріатомъ и русской буржуазіей, самодержавіе не рѣшается позволить ей развиться до тѣхъ предѣловъ, за которыми эта буржуазія будетъ вынуждена поднять знамя возмущенія противъ устоевъ полицейскаго самодержавія. Другое дѣло — въ Финляндіи, гдѣ русскому самодержавію уже нечего терять въ симпатіяхъ какой бы то ни было части населенія, гдѣ глубокая, непримиримая ненависть къ нему уже стала первымъ требованіемъ гражданской чести. Въ Финляндіи бонапартисты царизма могутъ себѣ позволить пуститься во всѣ тяжкія.

Выждавъ удобный моментъ, шайка, предводительствуемая Бобриковымъ, на дняхъ протанцовала подъ звуки: „Боже, царя храни!“ самый разухабистый бонапартистскій канканъ.

Дѣло было 2 марта, въ то самое воскресенье, когда русскій пролетаріатъ въ Ростовѣ-на-Дону оглашалъ улицы города криками: „долой самодержавіе!“, а пролетаріатъ нашей южной окраины — въ Баку — при тѣхъ же крикахъ побѣдоносно отражалъ казаковъ, избивалъ представителя царской власти — вице-губернатора — и наглядно показывалъ русскому царизму, что кавказскій рабочій не вѣритъ сказкѣ о „демократической“ подкладкѣ той обрусительной политики, которую самодержавіе ведетъ на Кавказѣ такъ же, какъ и въ Финляндіи, въ борьбѣ съ армянской буржуазіей такъ же, какъ и съ финской и шведской.

Факты таковы. Безработные г. Гельсингфорса, обратившіеся въ городской магистратъ (городская управа) за помощью, получили въ ней отказъ. Тогда рабочіе направились къ назначенному русскимъ правительствомъ (незаконно, противоконституціонно назначенному) губернатору Кайгородову, тому самому губернатору, который въ прошломъ году устроилъ первое въ исторіи Финляндіи избіеніе мирныхъ демонстрантовъ (въ томъ числѣ и рабочихъ) и который за это — по финляндской конституціи наказуемое — преступленіе былъ бы непремѣнно осужденъ, если бы царь не запретилъ судьямъ его судить (см. №№ 35 и 36 „Искры“).

„Разумѣется, русскій губернаторъ по русски и встрѣтилъ финскихъ рабочихъ“, разсказываетъ корреспондентъ „Московскихъ Вѣд.“. Читатель ошибется, если подумаетъ, что г. Кайгородовъ „по русски“ обругалъ рабочихъ, обратившихся за помощью къ правительству. Нѣтъ, „онъ выразилъ прежде всего сожалѣніе, что къ нему такъ поздно обратились, и обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для облегченія нужды“. Дѣло было доложено оберъ-палачу Финляндіи, Бобрикову, и послѣдній приказалъ „Красному Кресту“ уже черезъ два дня открыть двѣ столовыя для раздачи горячей пищи нуждающимся рабочимъ. „Предположено также учредить раздачу денегъ для выкупа заложеннаго платья, бѣлья и рабочаго инструмента“. Во главѣ особой коммиссіи, завѣдующей этимъ дѣломъ, стоитъ помощникъ ген.-губернатора Дейтрихъ. Въ первый день обѣды выданы 300 чел., во второй — 600, а съ третьяго дня уже тысячѣ человѣкъ ежедневно.

Открытіе столовыхъ произошло 2 марта съ чрезвычайной торжественностью. Тайный совѣтникъ Дейтрихъ въ рѣчи къ рабочимъ сказалъ, что „сердцу русскаго царя столь же близки Его вѣрноподданные финны, какъ и жители среднихъ русскихъ губерній, и онъ не дозволитъ умереть съ голоду никому изъ своихъ вѣрноподданныхъ“. Въ отвѣтъ на эту рѣчь печникъ Филиппъ Лайне, „членъ Рабочаго Комитета“, „выражалъ глубокую благодарность за быструю и сердечную помощь“ и т. д. Словомъ, повидимому, „клюнуло“. Съ свойственнымъ имъ цинизмомъ, „Моск. Вѣд.“ указываютъ, что гельсингфоргскіе рабочіе долго крѣпились прежде, чѣмъ обратиться за помощью въ врагу своей родины, но, говорятъ онѣ, „голодъ не тетка, а нужда не свой братъ“, — и финляндскіе пролетаріи (предварительно отплюнувшись) пошли къ Кайгородову.

Буржуазія всегда остается буржуазіей, и насъ не удивляетъ то отношеніе, какое гельсингфорскіе рабочіе встрѣтили со стороны магистрата. Несомнѣнно, что на гельсингфорскую буржуазію падаетъ добрая доля отвѣтственности за происшедшій 2 марта политическій скандалъ, за то, что новая демагогическая выходка генерала Бобрикова увѣнчалась извѣстнымъ успѣхомъ. Но вина, падающая на буржуазію, нисколько не ослабляетъ печальнаго впечатлѣнія, которое производитъ поведеніе части гельсингфорскихъ рабочихъ. Что „голодъ не тетка“, мы хорошо знаемъ и мы послѣдними бросили бы камень въ того, кого крайняя нужда толкнула на невѣрный шагъ. И, тѣмъ не менѣе, мы должны выразить глубокое сожалѣніе, которое раздѣлитъ съ нами весь сознательный русскій пролетаріатъ, сожалѣніе о томъ, что часть финскихъ рабочихъ попалась въ ловушку, подставленную ей царскимъ правительствомъ.

Буржуазія всегда остается буржуазіей, и даже въ моменты крайняго патріотическаго и оппозиціоннаго напряженія она способна скорѣе рисковать потерей политической позиціи въ борьбѣ съ дикой реакціей, чѣмъ уступить голодному пролетарію крохи изъ прибавочной стоимости. Но политика сознательнаго пролетаріата не можетъ въ своихъ основныхъ чертахъ опредѣляться большей или меньшей черствостью, большей иля меньшей степенью классового эгоизма, который проявляетъ въ данный моментъ буржуазія. Политика сознательнаго пролетаріата имѣетъ болѣе глубокіе, болѣе устойчивые корни въ его классовыхъ интересахъ. Сознательный пролетаріатъ не становится менѣе революціоннымъ въ своемъ отношеніи къ имущимъ классамъ оттого, что эти послѣдніе по тѣмъ или другимъ соображеніямъ бросили ему подачку своей филантропической помощи; но онъ и не размѣниваетъ своего глубоко революціоннаго отношенія къ буржуазіи на мелкое и недостойное „подсиживаніе“ ея услугами ея политическому противнику (тѣмъ болѣе, если этотъ противникъ въ то же время и еще болѣе — врагъ самого пролетаріата). Словомъ, сознательный пролетаріатъ не превращаетъ своего классового протеста въ орудіе демагогической игры реакціонныхъ партій; онъ не продаетъ своего революціоннаго права за чечевичную похлебку „экономической помощи“.

Нѣтъ сомнѣнія, что передовые элементы финляндскаго пролетаріата укажутъ своимъ менѣе сознательнымъ товарищамъ на всю недостойность и политическую опасность той роли, какую они приняли на себя въ фарсѣ, разыгранномъ Бобриковымъ и его слугами. Финляндскій пролетаріатъ, доселѣ стоявшій въ первыхъ рядахъ борцовъ противъ царскаго произвола въ Финляндіи, обманетъ разсчеты высокопоставленныхъ зубатовцевъ.

Финляндская рабочая партія разъяснитъ также прогрессивной финской буржуазіи всю политическую опасность той деморализаціи народной массы, къ которой — на пользу Бобрикову и его шайкѣ — должно привести своекорыстно-кулацкое отношеніе къ бѣдствіямъ пролетаріата.

Наше дѣло — указать русскимъ рабочимъ на пріемы царской политики въ Финляндіи, на ея демагогическій характеръ. Наше дѣло — воспользоваться для просвѣщенія классового самосознанія русскаго пролетаріата тѣмъ агитаціоннымъ матеріаломъ, какой доставляетъ и еще будетъ доставлять политика царизма на окраинахъ.

Въ борьбѣ съ свободолюбивыми элементами Польши самодержавіе заигрывало съ польскимъ крестьянствомъ и, чтобы отрѣзать польскую революцію отъ польскаго мужика, облегчало ему условія освобожденія отъ крѣпостной зависимости въ то самое время, когда въ Россіи, подъ защитой царскихъ штыковъ, производилось ограбленіе крестьянъ дворянами и безсовѣстное урѣзываніе крестьянскихъ надѣловъ.

Чтобы ослабить оппозицію балтійскихъ помѣщиковъ и горожанъ-нѣмцевъ, самодержавіе выступало въ роли защитника эстонскихъ и латышскихъ крестьянъ, въ роли попечителя объ ихъ экономическихъ нуждахъ, объ ихъ національныхъ интересахъ.

Чтобы разстроить ряды единодушнаго въ борьбѣ за свои конституціонныя вольности финскаго народа, самодержавіе черезъ наемныхъ агентовъ раздувало классовую ненависть въ безземельномъ крестьянствѣ Финляндіи, тщетно пытаясь выступить въ роли его покровителя.

Теперь обагренное кровью русскихъ, польскихъ, латышскихъ, еврейскихъ, армянскихъ и грузинскихъ рабочихъ, самодержавіе думаетъ фигурировать передъ пролетаріатомъ финскимъ въ ореолѣ „соціальной политики“, — политики „сердечнаго попеченія“.

Вы забыли, господа, что теперь каждое ваше политическое дѣйствіе станетъ извѣстно сотнямъ тысячъ поднявшагося русскаго пролетаріата и что каждое слово, въ демагогическихъ цѣляхъ брошенное вами въ Финляндіи, станетъ исходной точкой для соц.-демократич. агитаціи въ Россіи.

„Русскій царь не дозволитъ умереть съ голоду ни одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ“, — сказалъ помощникъ ген.-губернатора Дейтрихъ 2 марта въ Гельсингфорсѣ. Запомните эти слова, русскіе рабочіе!

Несомнѣнно, царь не любитъ, чтобы голодающіе русскіе рабочіе умирали съ голоду. Онъ предпочитаетъ... чтобы они умирали отъ пуль и штыковъ христолюбиваго воинства, какъ это опять было въ Златоустѣ.

Царь не только „не дозволяетъ умереть съ голоду“ своимъ „вѣрноподаннымъ“, онъ „не дозволяетъ“ имъ думать о голодной смерти своихъ собратьевъ, онъ запрещаетъ всякую общественную самодѣятельность въ дѣлѣ помощи тѣмъ милліонамъ голодающихъ, которыхъ плодитъ его политика, его финансовая система, его покровительство эксплуататорамъ!

Чтобы не дать умереть съ голоду своимъ „вѣрноподданнымъ“ финскимъ рабочимъ, царь открываетъ въ Гельсингфорсѣ столовыя для безработныхъ. Почему же только въ Гельсингфорсѣ? Почему вдесятеро большія массы безработныхъ въ Петербургѣ и Кіевѣ, Москвѣ и Ивановѣ, Екатеринославѣ и Баку, Ростовѣ и Саратовѣ, — почему онѣ не слышатъ ничего о подобныхъ мѣрахъ помощи жертвамъ промышленнаго кризиса? Почему „Красный Крестъ“, вмѣсто того, чтобы употреблять собранныя по всей Россіи средства на дѣло политическаго подкупа въ Финляндіи, не затратитъ ихъ на устройство столовыхъ для безработныхъ въ русскихъ городахъ? Лицемѣріе царской двойной бухгалтеріи хорошо иллюстрируется тѣмъ фактомъ, что въ то самое время, какъ тысячѣ гельсингфорскихъ безработныхъ выдаются безплатные обѣды, казенный оружейный заводъ въ Тулѣ разомъ разсчитываетъ 1500 рабочихъ, обрекая ихъ на голодное существованіе (см. прокламацію Тульск. Ком.).

Въ достаточно отвратительномъ свѣтѣ выступаетъ „царское правительство“, когда оно полицейскимъ насиліемъ отводитъ руку помощи отъ голодающаго, когда оно запрещаетъ рабочимъ организовывать помощь своимъ нуждающимся товарищамъ. Но еще отвратительнѣе, когда то же самодержавіе, подобно старому развратнику, покупаетъ ласку своихъ „вѣрноподданныхъ“, выдавая голодному „пособіе“ подъ условіемъ присяги на измѣну дѣлу свободы.[*])

Для русскихъ рабочихъ будетъ также интересно узнать, что организацію раздачи безплатныхъ обѣдовъ русское правительство передало Гельсингфорскому Рабочему Союзу. Наши русскіе рабочіе союзы къ такой любезности со стороны властей не привыкли. Наши рабочіе союзы преслѣдуются, члены ихъ высылаются, деньги конфискуются. Несомнѣнно, такой же „порядокъ“ самодержавіе заведетъ въ Финляндіи, если ему удастся ее „обрусить“, упразднивъ ея конституцію и распространивъ на нее дѣйствіе всѣхъ русскихъ законовъ и всего самодержавнаго беззаконія. Но на пути къ этой благородной цѣли русское правительство, не моргнувъ глазомъ, вступаетъ въ оффиціальные переговоры съ финскимъ рабочимъ союзомъ, какъ съ легальнымъ представителемъ рабочаго класса. Это дѣлаетъ то самое правительство, которое въ Россіи не признаетъ за рабочими даже права выбирать оффиціальныхъ депутатовъ для передачи ихъ требованій во время стачекъ. Русскіе рабочіе увидятъ на этомъ фактѣ, что царизмъ не исповѣдуетъ никакихъ политическихъ принциповъ и что преслѣдуя профессіональную борьбу русскихъ рабочихъ, онъ просто обнаруживаетъ свою интимную близость съ интересами русскихъ капиталистовъ.

Политическая комедія, разыгранная въ Гельсингфорсѣ 2 марта, является новымъ эпизодомъ въ развитіи той „зубатовщины“, которая, ярко обличая безсиліе царизма въ его борьбѣ съ народомъ, въ свою очередь, чрезвычайно ускоряетъ разложеніе самодержавнаго порядка.

На зубатовскіе эксперименты въ Россіи пролетаріатъ снова далъ выразительный отвѣтъ политическими демонстраціями въ Ростовѣ и Томскѣ, Бѣлостокѣ и Батумѣ, Баку и Тифлисѣ. И мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать финской демократіи, противъ которой направленъ новый шахматный ходъ Бобрикова и Дейтриха: держитесь твердо и всѣми силами отстаивайте свою оборонительную позицію до тѣхъ поръ, пока русскій народъ могучимъ напоромъ свалитъ тронъ русскаго деспота и сниметъ осаду съ вашихъ крѣпостей. Этотъ моментъ не за горами.

* * *

P. S. Иностранная печать заговариваетъ о предстоящемъ введеніи въ Финляндіи, какъ выражаются газеты, „военной диктатуры“ — т. е. о предоставленіи финляндскому генералъ-губернатору Бобрикову неограниченныхъ полномочій по упраздненію всякой законности въ Финляндіи. Русскіе бонапартисты, какъ и подобаетъ вообще бонапартистамъ, быстро идутъ къ полному государственному перевороту, къ переведенію конституціонной страны на положеніе самыхъ безправныхъ русскихъ „окраинъ“. Финляндія не примирится съ такимъ позорнымъ положеніемъ. Пусть же она ищетъ изъ него выхода тамъ, гдѣ онъ только и возможенъ, въ дѣятельной поддержкѣ русской революціи!

ОГРАНИЧЕНІЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ.

Попытки ограниченія деспотизма предпринимались въ Россіи еще въ ея средневѣковый періодъ. Начало положено при Іоаннѣ IV въ видѣ „ближняго совѣта“, созданнаго кн. Курбскимъ, Адашевымъ и Сильвестромъ; это „дерзновенное“ предпріятіе ограничить „древле-богоданную“ власть блестяще изображено въ перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ, въ этой боевой полемикѣ русскаго самодержавія съ феодализмомъ.

Съ прекращеніемъ дома Рюриковичей, когда боярство начало возводить на престолъ царей, оно стало брать съ нихъ „опасныя грамоты“. До насъ дошли тексты грамотъ, данныхъ Иваномъ V Шуйскимъ и польскимъ королевичемъ Владиславомъ; онѣ гораздо выше первой англійской хартіи, данной Генрихомъ I, которая явилась основой Великой Хартіи Вольностей.

---

[*]) „Всѣ нуждающіеся — сказалъ, по словамъ „Моск. Вѣд.“, печникъ Лайне — постараются... повиновеніемъ властямъ отблагодарить за оказываемую помощь.“

О Михаилѣ Романовѣ сохранились лишь упоминанія у Котошихина, что съ него „грамотку брали“. Про Алексѣя Михайловича тотъ-же авторъ говоритъ, что „этого такъ на престолъ пустили, ибо тишайшимъ почитали“. Но у жены Тишайшаго царя родился сынъ,*) геній котораго, какъ обыкновенно считаютъ, далъ Россіи цивилизацію; теперь же можно съ увѣренностью сказать, что его самого вынесъ потокъ западническаго движенія, и Петръ только придалъ этому просвѣтительному движенію деспотическую окраску, — давъ Россіи главныхъ враговъ народа: централизацію правительственной власти и постоянныя войска, а первой ревизіей оффиціально закрѣпостивъ крестьянъ.

Со смертью Петра начались „происки честолюбцевъ“: былъ учрежденъ верховный совѣтъ, и въ 1730 г., при возведеніи на престолъ Анны Іоанновны, этотъ совѣтъ рѣшилъ „себѣ полегчить“ и „воли прибавить“. И сказка, распускаемая нѣкоторыми историками, что дворянство уничтожило ограничительные „пункты“, пожелавъ имѣть самодержавную государыню, не вѣрна, — дворянство представило свои проекты конституціи, только болѣе демократическіе, потому что верховный совѣтъ удѣлялъ слишкомъ мало мѣста простому шляхетству, а паденіе мѣсячной конституціи совершилось при содѣйствіи гвардіи и духовенства.

Большинство иностранныхъ пословъ привѣтствовали новое правленіе на манеръ „шведскаго и англійскаго“. Эта попытка могла бы, несомнѣнно, сыграть крупную роль въ русской исторіи, но она не удалась, благодаря забитости среднихъ классовъ, и невольно вспоминаются слова главы тогдашнихъ конституціонистовъ, Д. М. Голицына: „Трапеза была уготовлена, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть, пострадаю за отечество, — мнѣ уже не много осталось, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать далѣе моего“.

Послѣ сверженія миропомазаннаго „скомороха“ — Петра III, была сдѣлана послѣдняя временно-удачная попытка ограниченія самодержавія: по иниціативѣ гр. Панина Екатерина была возведена на престолъ съ титуломъ „правительницы“ и съ обязательствомъ организовать представительство; за образецъ была взята, какъ и при Аннѣ Іоанновнѣ, шведская конституція, — но и этотъ проэктъ остался подъ сукномъ.

Далѣе идутъ свободолюбивыя мечты Александра I, подарившаго [illegible] Аракчеевымъ; тѣни декабристовъ, тѣни тысячей замученныхъ жертвъ, и въ этомъ мракѣ свѣтлымъ лучомъ мелькаетъ лишь первое марта, взрывъ безсильной мести, послѣдній ударъ кучки героевъ, припертыхъ къ стѣнѣ.

Теперь снова поднимается старый вопросъ объ ограниченіи самодержавія, какъ намекаетъ манифестъ 26 февраля, объ его паденіи, скажемъ мы. „Новыя ноты звучатъ въ этомъ манифестѣ“, замѣчаютъ заграничная печать и русскій обыватель; „видна неизвѣстная рука“, размышляетъ либералъ, перебирая въ умѣ царедворцевъ. — „На этотъ манифестъ наложила печать рука революціонной партіи, это — мускулистыя руки милліоновъ рабочаго люда,“ скажемъ мы.

Давно мы не слыхали упоминаній о революціонной партіи въ высочайшихъ манифестахъ, да еще такимъ торжественнымъ тономъ. А вдумайтесь въ самый текстъ: на первомъ планѣ, такая широкая принципіальная мѣра, какъ свобода вѣроисповѣданій, рядомъ улучшеніе положенія духовенства. Что это значитъ? — то, что всѣ слои русскаго населенія недовольны, а потому нужно успокоить хоть нѣкоторые, — это новая политика; пріемъ Побѣдоносцева, отвлеченіе народа въ сторону религіи, — не удался; — пробуютъ другое**). Эта мѣра имѣетъ глубокій смыслъ: въ Россіи около 20 мил. раскольниковъ и около 7 мил. сектантовъ***), вѣротерпимость можетъ успокоить эту страшно раздраженную часть населенія(*). Но мать святая церковь живетъ безгрѣшными доходами съ еретиковъ, вотъ почему ей жалуютъ вспомоществованіе. Насколько удастся эта мѣра, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ соціально-мистическія секты, т. е. весь югъ Россіи, пойдутъ дальше къ революціонерамъ, а раскольники, если и успокоятся, то скоро получатъ временныя правила въ редакціи „лисицы православія.“

Еще принципіальный пунктъ: расширеніе мѣстнаго самоуправленія... подъ руководствомъ сильной власти. Этимъ и либераловъ не обманешь; бюрократическія вожделѣнія прикрыты слишкомъ наивно. Остальныя мѣры „улучшенія“, какъ-то: мелкій кредитъ, уничтоженіе круговой поруки, выходъ изъ общины, приходъ, какъ самостоятельная единица, — это мѣры фискально-экономическія, мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, замѣтимъ только, что учрежденіе приходовъ пахнетъ проектомъ Мещерскаго, — приходскіе начальники, т. е. умноженіе земскихъ до безконечности.

Да и все это только декораціи; центръ тяжести лежитъ въ строкахъ о „смутѣ“ и „крамолѣ“, — онѣ вызвали „историческое событіе“, по поводу котораго теперь скачутъ и ликуютъ нововременскіе публицисты; но въ голосахъ даже этихъ холоповъ слышится что-то особенное. Теперь уже не то блаженное время, когда послѣ подобныхъ манифестовъ, такъ же вызванныхъ революціонерами, въ газетахъ всѣхъ оттѣнковъ, отъ Каткова до Гаммы (г. Градовскій), раздавалось дружное: ату! души крамолу! Исторія не повторяется, утверждаемъ мы въ противуположность нѣкоторымъ доморощеннымъ теоретикамъ. Настоящій моментъ особенно связанъ „съ идеей рабочаго сословія“, оно недавно призвало къ порядку русскихъ чиновниковъ, насиловавшихъ личность, — близко время, когда оно призоветъ на судъ весь современный строй. Всѣ чувствуютъ это: съ высоты престола пишутъ объ успокоеніи возбужденныхъ умовъ. заграничныя газеты твердятъ о вступленіи Россіи на новый путь, либеральные сурки копошатся въ своихъ норахъ, оффиціозные публицисты вмѣсто призыва къ борьбѣ съ крамолой тонко намекаютъ на лучи восходящей зари и томно задумываются, а Николай II втихомолку заказываетъ своему учителю хоть куцую, а все-таки конституцію*). Ясно, что русское самодержавіе хочетъ вступить на путь компромиссовъ, но теперь уже поздно; есть лишь два выхода: демократическая конституція или столкновеніе, въ результатѣ котораго никто не сомнѣвается, и мы его предпочтемъ. — „Пролетаріи ничего не могутъ потерять въ борьбѣ, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтутъ же они цѣлый міръ.“

---

*) Петръ не былъ сыномъ А. М. и даже этотъ однажды онъ спросилъ Тихона Стрѣшнева: „Скажи по правдѣ, ты-ль мой отецъ“. — Кто его знаетъ, Петръ Алексѣевичъ, — отвѣтилъ бояринъ, въ тѣ времена многіе были вхожи къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ.

**) Черниговское и Саровское комедныя дѣйствія могутъ быть объяснены только стремленіемъ сѣять фанатизмъ.

***) По оффиціальнымъ даннымъ ихъ значится, конечно, меньше.

(*) Разумѣется, фразой о „вѣротерпимости“ самодержавіе думаетъ только надуть сектантовъ и раскольниковъ: какъ это хорошо разъяснили „Моск. Вѣд.“ и „Миссіонерское Обозрѣніе“, вѣротерпимость въ духѣ „основныхъ законовъ“ означаетъ самое изувѣрское преслѣдованіе „отпавшихъ отъ православія“ и распространяется (и то чуть-чуть) только на оффиціальныя внѣправославныя церкви. Прим. ред.

*) Намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что проф. Ключевскому оффиціально заказано написать исторію Земскихъ Соборовъ.

Г. СТРУВЕ, ИЗОБЛИЧЕННЫЙ СВОИМЪ СОТРУДНИКОМЪ.

№ 17 „Освобожденія“ принесъ много пріятнаго для „Искры“ вообще и для пишущаго эти строки въ особенности. Для „Искры“ потому, что ей пріятно было видѣть нѣкоторый результатъ своихъ усилій подвинуть г. Струве влѣво, пріятно встрѣтить рѣзкую критику половинчатости у г. сс., пріятно читать о намѣреніи „освобожденцевъ“ создать „открыто и рѣшительно конституціонную партію“ съ требованіемъ всеобщаго избирательнаго права въ программѣ. Для пишущаго эти строки — потому, что г. сс., „принимавшій выдающееся участіе въ выработкѣ заявленія ‚отъ русскихъ конституціоналистовъ‘ въ № 1 „Освобожденія“, и, слѣд., являющійся не простымъ даже сотрудникомъ, а до нѣкоторой степени хозяиномъ г. Струве, оказалъ неожиданно большую услугу въ полемикѣ противъ г. Струве. Я позволю себѣ начать съ этого, второго, пункта. Въ № 2-3 „Зари“ я полемизировалъ въ статьѣ „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ съ г. Р. Н. С., авторомъ предисловія къ извѣстной запискѣ Витте. Я показалъ тамъ двусмысленность всей позиціи г. Р. Н. С., говорившаго объ Аннибаловой клятвѣ борьбы съ самодержавіемъ и въ то же время обращавшагося съ елейными рѣчами къ власть имущимъ, къ мудрымъ консерваторамъ, въ то же время выдвигавшаго „формулу“: „права и властное земство“ и т. д. и т. д. Публика узнала теперь изъ второго изданія „записки“, что г-нъ Р. Н. С — это г. Струве. Моя критика въ высшей степени не понравилась г. Струве, и онъ обрушился на меня съ предлиннымъ и пресердитымъ „примѣчаніемъ къ примѣчанію“.

Посмотримъ на доводы г. Струве.

Первымъ примѣромъ „неосновательности и несправедливости“ моихъ „полемическихъ красотъ“ является то, что я говорилъ объ антипатіи г. Струве къ революціонерамъ, несмотря на его „совершенно, якобы, ясное заявленіе“. Приведемъ это заявленіе полностью. „Аттестатъ, выданный земству самой бюрократіей, — писалъ г. Струве, — служитъ превосходнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, кто по недостатку политическаго образованія или по увлеченію революціонной фразой не желалъ и не желаетъ видѣть крупнаго политическаго значенія русскаго земства и его легальной культурной дѣятельности“. Въ примѣчаніи къ этой тирадѣ г. Струве оговаривался: „этими словами мы вовсе не хотимъ задѣть революціонныхъ дѣятелей, въ которыхъ нельзя не цѣнить прежде всего нравственнаго мужества въ борьбѣ съ произволомъ.“

Таковы — „документы по дѣлу“ о неосновательной и несправедливой критикѣ. Предоставляемъ читателю судить, кто правъ: тотъ-ли, кто находилъ это заявленіе совершенно яснымъ, или тотъ, кто говорилъ, что г. Струве поправляется изъ кулька въ рогожку, „задѣвая“ (не названныхъ имъ точно) революціонеровъ „анонимнымъ“ (неизвѣстно противъ кого направленнымъ) не только обвиненіемъ въ невѣжествѣ, но еще и предположеніемъ, будто пилюлю обвиненія въ невѣжествѣ ихъ можно заставить проглотить, если позолотить ее признаніемъ ихъ „нравственнаго мужества“.

Я же, съ своей стороны, скажу лишь: разные бываютъ вкусы. Многіе либералы считаютъ верхомъ такта и мудрости раздавать революціонерамъ аттестаты за мужество, третируя въ то же время ихъ программу просто какъ фразу, какъ проявленіе недостаточнаго образованія, и не давая даже разбора по существу ихъ воззрѣній. По нашему, это не тактъ и не мудрость, а недостойная увертка. Дѣло вкуса. Русскимъ Тьерамъ, конечно, нравятся салонно-приличныя, парламентски-безупречныя оппортунистическія фразы настоящихъ Тьеровъ.

Пойдемъ дальше. Я, изволите видѣть, „притворился непонимающимъ, что формула ‚властное всероссійское земство‘ означаетъ требованіе конституціи“, и мои разсужденія объ этомъ „лишній разъ подтвердили (для г. Струве) широкое распространеніе въ нашей заграничной литературѣ подлинной революціонной фразы и притомъ еще злобно-тенденціозной (этотъ непривлекательный литературный стиль особенно процвѣтаетъ на страницахъ „Искры“ и „Зари“, стр. XII второго изданія „Записки“). Ну, что касается до злобной тенденціозности, то намъ объ этомъ трудно спорить съ г. Струве: для него попрекомъ кажется то, что намъ кажется комплиментомъ. Тенденціозностью называютъ либералы и многіе радикалы непреклонную твердость убѣжденій, а рѣзкую критику ошибочныхъ взглядовъ они называютъ „злобой“. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Mea culpa. mea maxima culpa! и былъ, и пребуду „злобно-тенденціознымъ“ по отношенію къ гг. Струве. А вотъ другое обвиненіе — по существу. Притворялся я непонимающимъ или не понималъ на самомъ дѣлѣ, да и нельзя было понять? Вотъ вопросъ.

Я утверждалъ, что формула „права и властное земство“ есть недостойное заигрываніе съ политическими предразсудками широкой массы русскихъ либераловъ, что это не „не знамя, позволяющее отдѣлять враговъ отъ союзниковъ“ (это замѣтьте!), а „тряпка, которая поможетъ только примазаться къ движенію самымъ ненадежнымъ людямъ“ (стр. 95 въ № 2 3 „Зари“). Я спрашиваю всѣхъ и каждаго: причемъ тутъ мое „притворство“?? Я прямо говорю, что считаю это знамя — тряпкой, а мнѣ отвѣчаютъ: вы притворяетесь непонимающимъ! Да вѣдь это не что иное, какъ новая увертка отъ разбора вопроса по существу. отъ разбора вопроса: годится-ли „формула“ больше для знамени или больше для тряпки!

Мало того. Я могу теперь, благодаря любезной помощи г. сс., доказать фактически нѣчто гораздо большее. Я могу доказать, что „недостойное заигрыванье“ было со стороны г. Струве не только въ смыслѣ филистерскаго доктринерства, желающаго умилить правительство своею скромностью. не только въ смыслѣ неразумнаго желанія объединить „либераловъ“ на минимумѣ, но и въ смыслѣ прямого, непосредственнаго „заигрыванія“ съ извѣстными г. Струве сторонниками самодержавія. Г. сс. разоблачаетъ г. Струве безпощадно и безповоротно, говоря, что „неясный и двусмысленный (слушайте!) славянофильскій лозунгъ ‚Земскій Соборъ‘“ выдвигается въ цѣляхъ удобства „ненатуральнаго союза“ либераловъ-конституціоналистовъ и либеральныхъ сторонниковъ идеальнаго самодержавія. Г. сс. называетъ это не больше, не меньше, какъ „политической эквилибристикой“!! И г. Струве расписывается въ полученіи..., называя лозунгъ Земскаго Собора „неопредѣленнымъ и своею неопредѣленностью цѣннымъ (курсивъ нашъ!) и въ то же время опаснымъ“.

Неправда-ли, хорошо? Когда социалдемократъ называлъ еще болѣе двусмысленный лозунгъ (властное земство) недостойнымъ заигрываньемъ, — тогда г. Струве рядился въ тогу оскорбленной невинности и жеманно говорилъ о притворномъ непониманіи. А когда либералъ, г. сс., повторилъ то же самое, — г. Струве любезно раскланялся и расписался въ полученіи! Неопредѣленный лозунгъ именно своею неопредѣленностью и былъ цѣненъ для г. Струве, который нисколько не стѣсняется признать, что онъ готовъ пускать въ ходъ и опасные лозунги, смотря по вѣтру. Кажется сильнымъ и авторитетнымъ г-нъ Шиповъ, и редакторъ либеральнаго органа будетъ говорить о властномъ земствѣ. Показался сильнымъ и авторитетнымъ г. сс., — и редакторъ либеральнаго органа будетъ говорить о конституціи и всеобщемъ избирательномъ правѣ! Недурная картинка политическихъ нравовъ и политической нравственности въ либеральномъ лагерѣ... Г. Струве забываетъ только подумать, какую

Убійство Сипягина — въ провинціи.

(Къ годовщинѣ второго апрѣля.)

Я жилъ въ одномъ провинціальномъ большомъ городѣ, когда совершено было убійство Сипягина. Оффиціальная вѣсть объ убійствѣ дошла въ нашъ городъ только къ полудню слѣдующаго дня, т. е. 3 апрѣля. Первый, изъ устъ котораго я услыхалъ объ убійствѣ, былъ прокуроръ мѣстнаго окружнаго суда, съ которымъ я встрѣтился случайно въ аптекѣ. „Сипягинъ убитъ“, сказалъ прокуроръ, обращаясь ко мнѣ почти на ухо, и въ голосѣ его дрогнула та неуловимая смѣшанная нотка, которой обыкновенно прикрываютъ русскіе бюрократы передъ обывателемъ свои настоящія чувства. Въ самомъ дѣлѣ, все лицо прокурора превратилось въ сплошную улыбку, а тонъ его словъ былъ іезуитски грустенъ. Но что меня особенно поразило, такъ это то, что прокуроръ ограничился только лаконическимъ сообщеніемъ факта безъ обычной въ такихъ случаяхъ квалификаціи поступка „преступника“. Я вышелъ изъ аптеки, ошеломленный не только извѣстіемъ, но и прокуроромъ, передавшимъ это извѣстіе. Прокуроръ этотъ среди горожанъ слылъ за „каторжнаго“, вслѣдствіе своихъ обвинительныхъ рѣчей и, значитъ, былъ далеко не изъ либеральствующихъ...

Въ мѣстныхъ газетахъ не было еще телеграммы объ убійствѣ, таковая пришла только къ вечеру этого дня, и потому таинственность, въ которую облекъ прокуроръ свои сообщенія, становилась для меня ясной. Когда я шелъ по улицамъ города, переживая впечатлѣнія только-что слышаннаго, на встрѣчу мнѣ шелъ городской мировой судья, и по сіяющему его лицу я могъ уже догадаться, что онъ намѣренъ передать мнѣ что-либо очень важное. Дѣйствительно, не успѣлъ онъ мнѣ еще подать руки, какъ изъ груди его вырвался восторженный звукъ голоса: „Знаете, батенька, новость! Сипягина убили! Вотъ это я понимаю, это не то, что ваши соціаль-демократы, марксисты!“ Судья былъ очень добродушный человѣкъ и часто любилъ уколоть въ моихъ глазахъ соціаль-демократію... Сангвиническій по своему темпераменту, судья засыпалъ меня цѣлымъ потокомъ своихъ чувствъ по поводу убійства. „Собакѣ собачья и смерть“, заключилъ онъ, озираясь по сторонамъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь „царевыхъ ушей“, какъ называлъ онъ шпіоновъ, которыхъ, къ слову сказать, въ нашемъ городѣ былъ особенно большой наплывъ.

Распрощавшись съ судьей, я сѣлъ на извозчика и поѣхалъ въ частный коммерческій банкъ, гдѣ у меня въ этотъ день было небольшое дѣло. Въ банкѣ было очень много самаго разнообразнаго народа. Я ожидалъ своей очереди и стоялъ въ хвостѣ кучки кліентовъ, но былъ неожиданно заинтересованъ довольно оживленной бесѣдой одного высокаго молодого человѣка съ служащимъ банка, стоявшимъ по сосѣдству со мной у отверстія небольшой банковой конторки. Какъ оказалось, бесѣда шла объ убійствѣ Сипягина, вѣсть о которомъ уже дошла и сюда. Молодой человѣкъ, какъ оказалось потомъ, былъ премьеръ мѣстной драматической труппы и передавалъ свои впечатлѣнія объ убійствѣ служащему банка. Мало-по-малу возлѣ разговаривающихъ образовалась порядочная кучка кліентовъ, заинтересованныхъ громкой и оживленной бесѣдой. „Сипягина убили за то, что больно крутъ былъ, произнесъ артистъ своимъ груднымъ высокимъ голосомъ, привыкшимъ къ декламаціи. Врядъ-ли кто пожалѣетъ о немъ, продолжалъ онъ дальше; кому его жалѣть? развѣ что дворянамъ, но, напр., хоть я и дворянинъ, но я всѣхъ людей люблю, а онъ жалѣлъ только дворянъ!“ закончилъ онъ. Служащій, видимо, испугавшись той откровенной почвы, на которую перешелъ неожиданно разговоръ съ артистомъ, ничего ему не отвѣчалъ. Но за то въ разговоръ вмѣшался стоявшій сзади артиста мѣстный купецъ, ведущій довольно широкую торговлю въ городѣ. „Да что и говорить, сказалъ онъ, министръ, царствіе ему небесное, заслужилъ своей смерти. Мы отъ него много натерпѣлись. Собачникъ, а не человѣкъ“, закончилъ купецъ свою реплику. Личность убившаго, повидимому, мало интересовала разговаривавшихъ. Но интереснѣе всего то, что среди собравшейся въ банкѣ публики не слышно было ни одного слова сожалѣнія и осужденія по поводу убійства Сипягина. Вѣсть здѣсь всѣ приняли, какъ должное, какъ нѣчто, чего ужъ ждали.

Артистъ, поразившій меня своею откровенностью и оцѣнкой факта, скоро ушелъ. Когда же я кончилъ свое дѣло и направился къ выходу, то меня остановилъ директоръ банка и началъ интерпеллировать по поводу „сенсаціоннаго убійства“. „Кто можетъ быть убійцей?“ спросилъ у меня директоръ. Я сказалъ, что знаю объ убійствѣ только отъ прокурора. „Знаете, кто бы онъ ни былъ, а важенъ фактъ, что такихъ личностей, какъ Сипягинъ, дѣйствительно нельзя ставить во главѣ такого отвѣтственнаго передъ страной министерства, какъ мин. вн. дѣлъ. Возьмите хотя бы его послѣдніе циркуляры о 600 высланныхъ въ Сибирь студентахъ московскаго университета, согласитесь, что это абсурдъ, дикій абсурдъ, чего не можетъ быть при умномъ министрѣ. Пусть этотъ фактъ послужитъ правительству предостереженіемъ при выборѣ замѣстителя“, закончилъ мой собесѣдникъ. Я ничего не возражалъ этому коммерческому дѣльцу, я зналъ его, какъ яраго поклонника Витте и его надувательской финансовой системы.

Возвращаясь изъ банка, я встрѣчалъ на улицѣ многихъ знакомыхъ, и оказывалось, что всѣ они уже были освѣдомлены объ убійствѣ Сипягина также изъ частныхъ источниковъ. Стоустая молва разнесла извѣстіе во всѣ концы города. Встрѣчаясь въ этотъ день со многими обывателями и дѣлясь впечатлѣніями, я вынесъ то убѣжденіе, что всѣ рады убійству и съ нескрываемыми симпатіями относятся къ своему неизвѣстному еще тогда по имени избавителю. Одинъ чиновникъ акцизнаго вѣдомства, у котораго я когда-то имѣлъ урокъ и котораго я никогда бы не заподозрилъ въ какихъ-либо „превратныхъ толкованіяхъ“, встрѣтившись со мной въ этой день, началъ передавать мнѣ свою радость по поводу убійства. „Однимъ мерзавцемъ меньше стало“, заключилъ онъ свое извѣстіе объ убійствѣ. „Когда мы узнали объ этомъ въ акцизномъ управленіи, то многіе согласны были отслужить молебенъ по случаю избавленія отъ супостата“. — „Да, но вѣдь другой негодяй займетъ его мѣсто“, сказалъ я, продолжая удивляться въ глубинѣ души такому неожиданному повороту въ моемъ акцизномъ. „Другой все же побоится такъ дѣлать, какъ убитый“, отвѣтилъ мнѣ на это мой акцизный. Заинтересовавшись дальше психологической эволюціей чиновника, я предложилъ ему вопросъ: „Да почему же вы недовольны Сипягинымъ-то были?“ „Какъ чѣмъ? развѣ мы ничего не видѣли? а „временныя правила“, а студенческія волненія, вѣдь и у меня, чай, сынъ студентъ и потерпѣлъ ни за что, ни про что“.

Я пытался возразить, что покуда будетъ жить извѣстная политическая система, съ необходимой послѣдовательностью рождающая Сипягиныхъ, до тѣхъ поръ надѣяться, что послѣ Сипягина будетъ легче, крайне неосновательно. Но чиновникъ мой былъ на этотъ разъ твердъ и непоколебимъ и стоялъ на своемъ. Мы разошлись. Впечатлѣнія этого дня были настолько разнообразны и, быть можетъ, новы для меня, что я положительно усталъ и до самаго вечера просидѣлъ у себя въ комнатѣ. Вечеромъ собрались ко мнѣ мои знакомые самыхъ разнообразныхъ общественныхъ ранговъ и настроеній. Былъ здѣсь и городской врачъ, сохранившій радикальный образъ мыслей до сѣдыхъ волосъ, человѣкъ очень преданный своему дѣлу, его жена, тоже изъ бывшихъ радикалокъ, мѣстные присяжные повѣренные, студентки и курсистки, одинъ служащій въ банкѣ, два провинціальныхъ журналиста, двое поднадзорныхъ изъ бывш. студентовъ.

Не смотря на разношерстность собравшейся у меня публики, бесѣда въ этотъ вечеръ завязалась сразу очень непринужденная и оживленная. Конечно, центромъ, около котораго вращались всѣ разговоры, было извѣстіе объ убійствѣ Сипягина, которое приподняло настроеніе у всѣхъ присутствующихъ. Всѣ чувствовали себя бодрѣе и живѣе, обычная сутолока сѣрыхъ обывательскихъ будней, державшая всѣхъ моихъ гостей въ своей нераздѣльной власти, куда-то отлетѣла далеко прочь въ этотъ памятный вечеръ. Большинство собравшихся склонялось къ той мысли, что убійство Сипягина должно собой знаменовать поворотъ въ русской революціонной дѣятельности къ традиціямъ стараго народовольчества, которыя находили себѣ симпатіи среди нѣкоторыхъ моихъ гостей и раньше этого. Докторъ, читавшій либеральную легальную газету, а изъ нелегальной прессы — „Искру“ и всегда восторженно отзывавшійся о послѣдней за ея серьезный и научный тонъ въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ, на этотъ разъ, подъ вліяніемъ событій, началъ возражать „Искрѣ“ на ея статью противъ террора, помѣщенную въ первыхъ номерахъ ея. Вообще нужно еще сказать, что докторъ этотъ, являвшійся поклонникомъ „Русскихъ Вѣд.“, мало слѣдилъ за общей прессой за отсутствіемъ у него свободнаго времени. Если же выдавалась свободная минута, то онъ посвящалъ ее по старой памяти нелегальной прессѣ, среди которой отличалъ только „Искру“ и часто съ нетерпѣніемъ ожидалъ эту газету и руководящую въ ней статью по одному изъ волнующихъ его вопросовъ, не удовлетворяясь постановкой ихъ въ „Р. Вѣд.“ „Посмотримъ, говорилъ онъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, что скажетъ по этому поводу „Искра“. Теперь же онъ рѣшицѣну будутъ имѣть его заявленія послѣ этой великолѣпной метаморфозы: въ январѣ 1901 г. г. Струве требуетъ „правъ и властнаго земства“; въ декабрѣ 1902 г. г. Струве объявляетъ „притворствомъ“ непониманіе того, что это означаетъ требованіе конституціи; въ февралѣ 1903 г. г. Струве заявляетъ, что по существу онъ никогда не сомнѣвался въ справедливости всеобщаго избирательнаго права и что неопредѣленный лозунгъ земскаго собора именно своею неопредѣленностью и былъ цѣненъ. **Спрашивается: какое право имѣетъ теперь любой политическій дѣятель, любой русскій гражданинъ утверждать, что завтра г. Струве не выдвинетъ новаго, „цѣннаго своею неопредѣленностью“, лозунга??**

Перейдемъ къ послѣднему пункту отвѣта г. Струве. „Развѣ не революціонная фраза, — спрашиваетъ онъ, — или совершенно безжизненное доктринерство разсужденія г. Т. П. о значеніи земства, какъ орудія укрѣпленія самодержавія?“ Г. Струве видитъ тутъ и усвоеніе идеи славянофиловъ, и согласіе съ Горемыкинымъ, и геркулесовы столбы мертвой доктрины. Г. Струве совершенно не въ состояніи понять революціоннаго отношенія къ половинчатымъ реформамъ, предпринимаемымъ для избѣжанія революціи. Г. Струве всякое указаніе на двойную игру реформаторовъ сверху — кажется славянофильствомъ и реакціонностью, — точь въ точь такъ, какъ всѣ европейскіе Ивы Гюйо объявляютъ реакціонной соціалистическую критику частной собственности! Неудивительно, конечно, что ставши реформаторомъ, г. Струве утратилъ способность понимать двусторонній характеръ реформъ и значеніе ихъ, какъ орудіе укрѣпленія господства правящихъ, укрѣпленія цѣной октроированія реформъ. Но... было время, когда г. Струве понималъ эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда онъ былъ „чуть-чуть марксистомъ“, и когда мы вмѣстѣ съ нимъ сражалась съ народниками на страницахъ покойнаго „Новаго Слова“. Въ іюльской книжкѣ этого журнала за 1897 годъ г. Струве писалъ про Н. В. Водовозова: „Я помню, въ 1890 г. у насъ на улицѣ — я только-что вернулся тогда изъ лѣтняго, обильнаго новыми и сильными впечатлѣніями путешествія по Германіи — зашелъ разговоръ о политикѣ и реформаторскихъ планахъ Вильгельма II. Водовозовъ придавалъ имъ значеніе и не соглашался со мной, для котораго уже тогда (а теперь и подавно) вопросъ о значеніи факта и идеи такъ-называемой ‚соціальной монархіи‘ былъ безповоротно рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Водовозовъ бралъ идею соціальной реформы отвлеченно отъ творящихъ ее реальныхъ общественныхъ силъ. Вотъ почему католическій соціализмъ для него главнымъ образомъ, — своеобразное идейное движеніе въ пользу соціальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакціи европейской буржуазіи и отчасти обломковъ европейскаго феодализма противъ растущаго рабочаго движенія“... Вотъ видите: въ давно-прошедшія времена, въ эпоху молодыхъ увлеченій, г. Струве понималъ, что реформы могутъ быть предохранительной реакціей, т. е. предохраняющей правящіе классы отъ паденія мѣрою, которая направлена противъ революціоннаго класса, хотя и улучшаетъ положеніе этого класса. И я спрашиваю теперь читателя: кто же правъ? Я-ли сказалъ „революціонную фразу“, разоблачая реформистскую однобокость въ отношеніи г. Струве къ такой реформѣ, какъ земство? или г. Струве поумнѣлъ и „безповоротно“ ушелъ отъ когда-то защищаемой имъ (безповоротно будто бы) позиціи революціонера? Я-ли сталъ сторонникомъ славянофиловъ и Горемыкина или у г. Струве „сильныхъ впечатлѣній“ отъ путешествія по соціалистической Германіи хватило всего на нѣсколько лѣтъ??

Да, да, разныя бываютъ представленія о силѣ впечатлѣній, о силѣ убѣжденій, о значеніи убѣжденій, о совмѣстимости политической нравственности и политической убѣжденности съ выставленіемъ цѣнныхъ своею неопредѣленностью лозунговъ...

Въ заключеніе не могу не отмѣтить нѣкоторыхъ заявленій г. Струве, значительно „омрачающихъ“ пріятное впечатлѣніе отъ его поворота влѣво. Выставивъ только одно демократическое требованіе (всеобщей подачи голосовъ), г. Струве спѣшитъ уже говорить о „либерально-демократической партіи“. Не раненько-ли? Не лучше-ли было бы сначала точно указать всѣ тѣ демократическія преобразованія, которыхъ безусловно требуетъ партія не только въ аграрной и рабочей, но и въ политической программѣ, а потомъ уже наклеивать ярлыкъ, потомъ уже претендовать на повышеніе изъ „ранга“ либераловъ въ рангъ либеральныхъ демократовъ? Вѣдь всеобщая подача голосовъ есть тотъ минимумъ демократизма, который признанъ даже нѣкоторыми консерваторами, примирившимися (въ Европѣ) съ выборами вообще. А дальше этого минимума г. Струве почему-то не идетъ ни въ № 17, ни въ № 18. Мы отмѣтимъ далѣе, мимоходомъ, курьезное замѣчаніе г. Струве, что проблема соціализма должна быть совершенно оставлена въ сторонѣ либерально-демократической партіей „прежде всего потому, что соціализмъ въ самомъ дѣлѣ только еще проблема“. А не потому, почтеннѣйшій г. Струве, что „либерально-демократическіе“ элементы русскаго общества выражаютъ интересы классовъ, противящихся соціалистическимъ требованіямъ пролетаріата? Это — мимоходомъ, повторяю, чтобы отмѣтить новые пріемы „отрицанія“ соціализма гг. либералами. По существу же дѣла, разумѣется, г. Струве правъ, что либерально-„демократическая“ партія не есть партія соціалистическая и не прилично было бы для нея корчить изъ себя таковую.

Насчетъ тактики новой партіи г. Струве выражается какъ нельзя болѣе уклончиво. Это очень жаль. И еще болѣе жаль, что онъ опять и опять повторяетъ и подчеркиваетъ необходимость „двуединой тактики“ въ смыслѣ „умѣлаго, гибкаго и неразрывнаго совмѣщенія“ легальнаго и нелегальнаго пріемовъ дѣйствія. Въ лучшемъ случаѣ, это — отговорка отъ настоятельныхъ вопросовъ о пріемахъ нелегальныхъ дѣйствій. А вопросъ этотъ настоятеленъ, потому что только систематическая нелегальная дѣятельность опредѣляетъ на дѣлѣ физіономію партіи. Въ худшемъ же случаѣ, это — повтореніе того вилянія, которымъ отдѣлывался г. Струве, когда онъ писалъ о „правахъ и властномъ земствѣ“, а не объ открыто и рѣшительно конституціонной и „демократической“ партіи. Всякая нелегальная партія „совмѣщаетъ“ нелегальныя и легальныя дѣйствія въ томъ смыслѣ, что она опирается на массы не участвующихъ прямо въ „нелегальщинѣ“ людей, что она поддерживаетъ легальные протесты, пользуется легальными возможностями пропаганды, организаціи и проч. Это общеизвѣстно, и не объ этомъ говорятъ, когда говорятъ о тактикѣ нелегальной партіи. Говорятъ о безповоротномъ признаніи этой партіей борьбы, о выработкѣ способовъ борьбы, объ обязанности членовъ партіи не ограничиваться легальными протестами, а все и вся подчинять интересамъ и требованіямъ революціоной борьбы. Если нѣтъ систематической нелегальной дѣятельности и революціонной борьбы, то нѣтъ и партіи, которая бы могла дѣйствительно быть конституціонною (не говоря уже о томъ, чтобы быть демократическою). И нельзя принести большаго вреда дѣлу борьбы, какъ смѣшивая революціонную работу, опирающуюся на широкую массу, использующую широкія организаціи, помогающую политическому воспитанію легальныхъ дѣятелей, съ работой, ограничивающейся рамками легальности.

СНОВА КРОВЬ...

9 марта батумскіе рабочіе демонстрировали противъ самодержавія, разстрѣлявшаго около года тому назадъ 13 ихъ товарищей, которые требовали освобожденія арестованныхъ стачечниковъ. А черезъ четыре дня на другомъ концѣ Россіи въ Златоустѣ — по такому же поводу солдаты убили 28 рабочихъ и ранили пятьдесятъ человѣкъ (по правительственному сообщенію!).

Уфимскій губернаторъ не только „превзошелъ“ Кутаисскаго въ дѣлѣ массового убійства безоружныхъ, но и вообще „побилъ рекордъ“ въ этомъ благородномъ спортѣ. Еще ни разу въ Россіи не убивали въ одинъ день такую массу рабочихъ во славу самодержавія!

Кровожадность большихъ и маленькихъ самодержцевъ, правящихъ Россіей, принимаетъ какой-то чудовищный „сверхчеловѣческій“ характеръ. И преступность терзающаго Россію правительства какъ нельзя лучше выступаетъ въ томъ поразительномъ фактѣ, что для совершенія своихъ самыхъ кровавыхъ оргій оно выбираетъ моменты экономической борьбы рабочихъ, борьбы, непосредственно не преслѣдующей политическихъ цѣлей. Одинъ этотъ фактъ лучше десятка статей разоблачаетъ гнусное лицемѣріе зубатовской сказки о томъ, что рабочіе, отказавшись отъ политики, избавятся отъ преслѣдованій правительства.

Вспомните наиболѣе яркія проявленія самодержавнаго разгула послѣднихъ [illegible] случаяхъ, гдѣ царское воинство кололо и стрѣляло, трагическій оборотъ событій неизбѣжно вызывался или — всего чаще — арестомъ участниковъ стачки, либо попыткой властей насильственно разогнать собранія стачечниковъ. Именно арестъ стачечниковъ вызвалъ тѣ „безпорядки“, которые привели къ первымъ убійствамъ рабочихъ въ теченіе этого царствованія (въ Ярославлѣ). Такіе же аресты привели къ трагическому концу стачки Домбровскую (1897 г.), Максвельскую (1898), Рижскую, Маріупольскую (1899), Батумскую (1902) и нынѣшнюю Златоустовскую. Съ другой стороны, стремленіе во что бы то ни стало помѣшать собраніямъ стачечниковъ было причиной бойни на Обуховскомъ заводѣ (1901) и въ Ростовѣ и Тихорѣцкой (ноябрь 1902 г.).

Всѣми мѣрами, вплоть до разстрѣла рабочихъ, самодержавіе стремится раздавить экономическую борьбу рабочихъ, вырвать съ корнемъ стачечное движеніе. Но, какъ свидѣтельствуетъ царскій министръ Витте въ своей прошлогодней запискѣ (см. „Самодержавіе и стачки“, изд. Лиги, стр. 17), „всякая забастовка, составляющая несомнѣнно нарушеніе обычнаго, нормальнаго порядка работъ въ промышленномъ заведеніи, не составляетъ еще нарушенія порядка общественнаго... Крайне трудно допустить, чтобы рабочіе рѣшились на столь убыточное для нихъ средство, какъ стачка, безъ достаточныхъ къ тому поводовъ“ (стр. 19) „Забастовка есть совершенно естественное явленіе, органически связанное съ современными экономическими условіями промышленной жизни, возможное вездѣ, гдѣ имѣетъ примѣненіе наемный трудъ и не могущее быть устраненнымъ при помощи подавленія и пресѣченія отдѣльныхъ случаевъ его проявленія“ (стр. 20). „Исторія забастовокъ, происходившихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, даетъ много примѣровъ того вреда, который является результатомъ стремленія къ быстрому подавленію возникающихъ осложненій какой бы то ни было цѣной“ (стр. 24).

Такъ говоритъ Витте, и эти слова безповоротно осуждаютъ преступное правительство, продолжающее убивать стачечниковъ. Лучше нельзя было, чѣмъ это сдѣлалъ Витте, признать, что русское самодержавіе стоитъ въ коренномъ противорѣчіи съ тѣми потребностями народной жизни, которыя неизбѣжно создаются современными экономическими условіями. И если правительство, уже сознавъ всю неизбѣжность стачекъ, какъ результата капиталистическихъ отношеній производства, продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, средствами дикаго насилія превращать всякое „мирное“ столкновеніе труда съ капиталомъ въ „безпорядки“, сопровождаемые кровавой бойней, — то оно лишь свидѣтельствуетъ о своей полнѣйшей неспособности обезпечить „порядокъ“ въ управляемой имъ странѣ. Устраненіе такого правительства является, поэтому, дѣломъ, въ которомъ заинтересованы всѣ классы населенія, какъ пролетаріатъ, такъ и буржуазія.

Еще ни одной освободительной революціи не предшествовало столько злодѣяній бьющейся въ агоніи реакціи, сколько ихъ предшествуетъ приближающейся русской революціи. И львиную долю въ издержкахъ этой послѣдней ставки реакціи приходится уплачивать своею кровью русскому пролетаріату. Тѣмъ неумолимѣе, тѣмъ грознѣе онъ выступитъ въ послѣдней схваткѣ между Россіей и царизмомъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ тотъ смертельный ударъ, который онъ нанесетъ монархіи.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ И НАЦІОНАЛЬНОСТИ.

От редакціи: Предлагаемая статья, написанная польскими товарищами для нашей газеты, даетъ цѣнныя указанія по важному для Партіи вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между соц.-демократами разныхъ націй въ предѣлахъ одного государства. Взгляды авторовъ статьи совпадаютъ съ нашими собственными.

* * *

Вопросъ о формахъ организаціи и объ отношеніи къ другимъ національностямъ, такъ живо интересующій теперь русскихъ соц.-демократовъ въ виду предстоящаго ихъ объединенія, занималъ недавно также и нѣмецкихъ соц.-демократовъ. Читателямъ „Искры“, навѣрно, небезинтересно будетъ, поэтому, познакомиться съ результатами, къ которымъ пришли наши товарищи въ Германіи, составляющіе авангардъ интернаціональнаго соціалистическаго пролетаріата.

Поводомъ для разбора этихъ вопросовъ послужили серьезныя разногласія съ группой польскихъ соціалистовъ, организованныхъ въ Польскую Соціалистическую Партію (П. П. С.). Исторія этихъ разногласій вкратцѣ слѣдующая.

Послѣ паденія исключительнаго закона о соціалистахъ, правленіе нѣмецкой соц.-демократіи рѣшило обратить серьезное вниманіе на агитацію среди польскихъ рабочихъ, которая до этого [illegible]. Конгрессъ въ Галле въ 1890 г. рѣшилъ по предложенію Бебеля основать еженедѣльную польскую газету, которая дѣйствительно, начала скоро выходить на средства нѣмецкой партіи. Въ первые годы польскіе соціалисты не составляли особой организаціи и входили, какъ отдѣльные члены, въ мѣстныя нѣмецкія политическія группы. Въ 1893 г. они создаютъ съ согласія правленія нѣмецкой партіи польскую организацію (П. П. С.), руководясь при этомъ соображеніями чисто практическаго характера — необходимостью урегулировать агитацію.

Съ середины девяностыхъ годовъ, однако, среди польскихъ товарищей, (которые до этого, уже имѣя, подобно баденскимъ, гессенскимъ и др. нѣмецкимъ соц.-демократамъ, свою собственную организацію, оставались вполнѣ на почвѣ программы и организаціи германской соціаль-демократической Партіи и признавали конгрессы и правленіе послѣдней высшими инстанціями), начинаетъ сказываться вліяніе теченія, охватившаго значительно

тельно утверждалъ, что „Искра“, навѣрное, должна будетъ перемѣнить свое отношеніе къ террору. Ему вторили его жена и одинъ изъ студентовъ. Жена доктора была извѣстной и завзятой культурницей, и не было, кажется, въ городѣ ни одного просвѣтительнаго учрежденія, въ которомъ бы она не принимала живѣйшаго участія. Служащій изъ банка, обыкновенно казавшійся мнѣ мало интереснымъ человѣкомъ и только изъ любопытства интересовавшійся время отъ времени „политикой“, свѣдѣнія о которой онъ черпалъ изъ московскаго „Курьера“, на этотъ разъ, однако, казался особенно возбужденнымъ. „У насъ въ Россіи, по моему мнѣнію, говорилъ онъ, только и возможно добиться чего-нибудь отъ правительства посредствомъ убійства лицъ, стоящихъ во главѣ правительства; поэтому, убійство Сипягина мы должны особенно привѣтствовать, какъ начало новой эры въ нашемъ освободительномъ движеніи, а пропаганда и агитація въ массахъ ни къ чему не приведутъ. Только терроръ и военные заговоры могутъ дать плодотворные результаты для всего общества и народа“. Со стороны слушателей посыпались разнаго рода возраженія. Докторъ и юристы утверждали, что безъ массъ ничего не подѣлаешь съ озвѣрѣвшимъ правительствомъ. Пусть идетъ агитація и пропаганда въ народѣ, но, говорили они, параллельно съ этой дѣятельностью, должна существовать дѣятельность по острасткѣ правительства. Вообще, говорили они, пора уже давно бросить ту, усвоенную русскими марксистами, узкую точку зрѣнія, по которой выходитъ, что только одинъ рабочій народъ въ состояніи произвести у насъ революцію. Надо напречь всѣ силы русскаго общества на борьбу съ царизмомъ, заключилъ одинъ присяжный повѣренный, славившійся своимъ либерализмомъ. Надо замѣтить, что всѣми присутствовавшими читались кое-какія нелегальныя изданія, хотя въ нашемъ городѣ „Рев. Россіи“, которая, навѣрное, нашла бы себѣ многихъ поклонниковъ среди обывателей своей пресловутой „программной широтой“, у насъ еще не было, за исключеніемъ № 4. Но этотъ № 4 „Рев. Рос.“ почти никому не понравился, главнымъ образомъ, своимъ, какъ говорили обыватели изъ либераловъ, ходульнымъ, неискреннимъ революціоннымъ паѳосомъ и сравнивали при этомъ ее съ „Нар. Волей“, причемъ сравненіе было далеко не въ пользу „Рев. Рос.“. „Искра“ же нравилась очень многимъ изъ читавшихъ ее, главнымъ образомъ, своею „серьезностью и дѣловитостью“ и потому она распространялась въ нѣсколькихъ экземплярахъ между либеральными элементами изъ горожанъ. Отнюдь того же нельзя сказать про постановку принципіальныхъ вопросовъ въ „Искрѣ“. Съ этой точки зрѣнія находили, что „Искра“ низводитъ всѣ классы, за исключеніемъ рабочаго, къ ничтожеству, и потому, молъ, не права, хотя, не смотря на это, всѣ ждали новаго номера „Искры“ съ особеннымъ интересомъ. Она даже читалась въ чиновничьей средѣ. Но здѣсь находили, что не хорошо, молъ, что „Искра“ ругаетъ всѣхъ министровъ безъ разбора и не подчеркиваетъ преимущества одного передъ другимъ.

Нѣкоторые мои знакомые, уходя отъ меня съ вечера и недовольные моими возраженіями по поводу террора, говорили: „посмотримъ, что скажетъ по этому поводу „Искра“.

На другой день, когда появились въ мѣстныхъ газетахъ телеграммы объ убійствѣ и обстановкѣ, при которой оно произошло, главный интересъ обывателей сконцентрировался уже не на личности убитаго министра, а на таинственной личности убившаго. Телеграмма сообщала столько неожиданнаго для обывательскаго ума, что дала ему обильную пищу для самыхъ нелѣпыхъ и фантастическихъ построеній. То обстоятельство, что фамилія убившаго не была сообщена, послужило къ тому, что обыватель глубокомысленно заключалъ: „тутъ что-нибудь не спроста“. И пошли догадки. На всѣхъ перекресткахъ провинціальные Добчинскіе и Бобчинскіе трубили, что въ убійствѣ Сипягина кроется какая-то „дворцовая интрига“, и что убившій, какъ многозначительно сообщилъ мнѣ мелочный торговецъ, — „самъ великій князь“... Были варіаціи на ту же тему впродолженіе почти цѣлаго мѣсяца. То говорили, что убившій, дѣйствительно, адъютантъ, то, что онъ армейскій офицеръ, то, что князь какой-то Оболенскій и т. п. Наконецъ, убійство объяснялось какими-то адюльтерными похожденіями министра, который и былъ убитъ своимъ соперникомъ. Этотъ послѣдній слухъ особенно упорно циркулировалъ среди мѣщанства и городской бѣдноты. Наконецъ, спустя уже недѣлю, когда я случайно попалъ на засѣданіе мѣстнаго общества грамотности, то тамъ уже говорилось, что убійца — Малышевъ, какъ сообщилъ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, и что убійство несомнѣнно политическое. Публика, около 150 чел., собравшихся на это засѣданіе, въ перерывахъ все время толковала объ этомъ извѣстіи на разные лады. Но всѣ сходились на томъ, что „такъ и нужно было поступить съ негодяемъ“, что общество „должно гордиться тѣмъ, что въ его средѣ еще находятся люди, способные протестовать“, какъ говорилъ одинъ довольно крупный судейскій чиновникъ, въ обычное время проводившій за карточнымъ столомъ весь свой досугъ. Не смотря на то, что на засѣданіи присутствовали и крупные чиновники, — ни слова осужденія убившему Сипягина здѣсь не было произнесено. Наоборотъ, со всѣхъ сторонъ сыпались осужденія убитому министру, начиная отъ самой осторожной, замаскированной формы до открытаго порицанія его образа дѣйствій. Мѣстное общество грамотности было центромъ, вокругъ котораго группировались самые различные элементы мѣстнаго интеллигентнаго общества, и потому, несомнѣнно, услышанныя здѣсь мнѣнія по поводу убійства являлись типичнымъ выраженіемъ мнѣній мѣстнаго интеллигентнаго общества. Но мнѣ хотѣлось бы отмѣтить здѣсь ту разницу впечатлѣній, которая сказалась на мѣстномъ обществѣ по поводу убійства Сипягина и бывшей за годъ демонстраціи у Казанскаго Собора и затѣмъ студенческихъ волненій. Помню, что когда дошли сюда первыя извѣстія о студенческихъ волненіяхъ и демонстраціи 4 марта, то общество мѣстное, съ верховъ и до низовъ его, все встрепенулось и какъ будто на мигъ готово было приступить къ самодѣятельности. Постоянныя сообщенія изъ Петербурга и другихъ городовъ о студенческихъ забастовкахъ въ связи съ поддержкой ихъ рабочими пробудили здѣсь столько розовыхъ иллюзій, что мѣстные старожилы не могли припомнить ничего подобнаго въ жизни мѣстнаго общества даже во времена самой горячей, самой страстной террористической борьбы. Дѣйствительно, возбужденность здѣсь дошла тогда до такой степени, что мѣстные адвокаты устроили нѣсколько вечеринокъ съ цѣлью собрать средства на помощь студентамъ и демонстрантамъ, — чего почти не встрѣчается въ лѣтописяхъ современнаго провинціальнаго города. Особенно возбужденность мѣстнаго общества возрасла послѣ того, какъ проникъ, оказавшійся потомъ ложнымъ, слухъ о томъ, что въ Москвѣ и Петербургѣ примкнули къ движенію всѣ мѣстные представители либеральныхъ профессій, образовавъ собой „Комитетъ общественной безопасности“, во главѣ съ однимъ выдающимся современнымъ литераторомъ. Говорилось, что уже набрано около 15 тыс. подписей подъ петиціей, требующей конституціи, и что подъ ней уже подписались всѣ литераторы. Это обстоятельство вызвало здѣсь настоящія приготовленія къ конституціи, и все почти мѣстное общество ждало и своей очереди. Всѣ жили лихорадочной, нервной жизнью. Даже среди мѣстныхъ педагоговъ возникли различнаго рода предположенія. Помню, одинъ учитель мѣстной духовной семинаріи, встрѣтивъ меня на улицѣ, сказалъ мнѣ: „Наконецъ-то мы подвигаемся къ конституціи“. Вездѣ шли денежные сборы, на засѣданіяхъ думы и въ благотворительныхъ обществахъ читались студенческія воззванія и воззванія, подписанныя „Группа старыхъ радикаловъ въ СПБ.“, частью отгектографированныя, частью отпечатанныя. По улицамъ были разбросаны переписанныя на мѣстѣ на пишущихъ машинахъ тѣ же воззванія, которыя читались даже въ офицерскомъ клубѣ. Сбитая съ толку полиція не знала, что дѣлать, и пустилась на тщетные поиски „крамолы“. Эти воззванія ходили по рукамъ и въ мѣстныхъ гимназіяхъ. То обстоятельство, что слухи, шедшіе черезъ мѣстныхъ студентовъ изъ Петербурга и Москвы, приписывали важное значеніе участію рабочихъ въ студенческихъ волненіяхъ, особенно сильно дѣйствовало на обывательскіе умы. Вездѣ говорилось о томъ, что мы переживаемъ „канунъ революціи“.

Теперь же происходило совершенно обратное. Обыватель, какъ громомъ пораженный убійствомъ Сипягина, старался выставить себя современнымъ, передовымъ человѣкомъ, и потому преклонялся передъ героизмомъ убившаго, но въ мысляхъ у него и тѣни того не было, что мы переживаемъ „канунъ революціи“. Онъ радъ избавленію отъ деспота-министра, но у него проскальзываетъ уже мысль, что „моя хата съ краю“; особенно ярко это сказалось послѣ того, какъ остыло первое впечатлѣніе послѣ извѣстія объ убійствѣ. Начала замѣчаться полная индифферентность даже къ случившемуся. Когда я встрѣтился съ однимъ довольно виднымъ обывателемъ города, играющимъ крупную роль въ мѣстной думѣ, то онъ, такъ симпатично отнесшійся къ факту убійства Сипягина въ первый моментъ, теперь, черезъ короткое время, совсѣмъ ужъ этимъ не интересовался и говорилъ довольно долго на тему о томъ, что мы „охъ, какъ далеки отъ конституціи“. То же приблизительно настроеніе царило почти во всѣхъ сферахъ мѣстнаго общества. Интересъ къ убійству Сипягина постепенно ослабѣвалъ и только въ великосвѣтскихъ гостиныхъ онъ давалъ обильную пищу для разговоровъ. Говорили тогда, раньше польскую соціалистическую эмиграцію заграницей и часть движенія въ Русской Польшѣ, теченія, которое считаетъ возстановленіе самостоятельнаго польскаго классового государства главной и ближайшей задачей польскаго пролетаріата. По мѣрѣ того, какъ это новое требованіе занимаетъ все болѣе видное мѣсто въ агитаціи, въ П. П. С. начинаетъ проявляться и усиливаться сепаратизмъ по отношенію къ нѣмецкимъ товарищамъ. Члены П. П. С. настаиваютъ въ 1897 г. на гамбургскомъ конгрессѣ на назначеніи спеціально польскихъ кандидатовъ при выборахъ въ рейхстагъ, ведутъ пропаганду въ пользу устройства особыхъ польскихъ отдѣленій рабочихъ союзовъ наперекоръ стараніямъ послѣднихъ постоянно соединять въ общихъ профессіональныхъ организаціяхъ всѣхъ рабочихъ независимо отъ національности, рѣзко выступаютъ противъ присылки нѣмецкихъ агитаторовъ въ польскія провинціи и ихъ дѣятельности, выставляя ихъ „агентами“ нѣмецкой партіи и кончаютъ обвиненіемъ нѣмецкой соц.-демократіи въ германизаторскихъ стремленіяхъ и шовинизмѣ по отношенію къ полякамъ.

Нападки эти заставили правленіе нѣмецкой партіи вникнуть, хотя и по частному поводу, въ дѣло и въ концѣ 1900 г. оно созвало для разбора разногласій спеціальную конференцію, состоявшую изъ польскихъ и нѣмецкихъ соц.-демократовъ въ Познани и горной Силезіи, изъ представителей отъ П. П. С., а также изъ делегатовъ Генеральной Коммиссіи (центральнаго комитета) соединенныхъ рабочихъ союзовъ. „Факты, которые были при этомъ (на конференціи) установлены, говоритъ Генеральная Коммиссія въ своемъ печатномъ отчетѣ штуттгартскому конгрессу рабочихъ союзовъ 1902 г. (см. прот. конгресса, стр. 12-13), говорили очень не въ пользу правленія польской Партіи“... „Ни рабочимъ союзамъ“, продолжаетъ она, „ни правленію (нѣмецкой) партіи никогда и въ голову не приходило дѣлать германизаторскія попытки. Они всегда выступали за то, чтобы каждому человѣку предоставлено было право свободнаго употребленія родного языка и чтобы національныя особенности были уважаемы и признаны. Угнетенные всѣхъ странъ нашли въ современномъ рабочемъ движеніи энергичнаго защитника. Но это рабочее движеніе стремится не къ созданію новыхъ государственныхъ формацій, а къ тому, чтобы обезпечить всему пролетаріату, независимо отъ искусственно созданныхъ политическихъ границъ, болѣе высокій уровень существованія и окончательное освобожденіе отъ ига капитализма. Оно не обращаетъ вниманія на то, къ какой націи принадлежитъ эксплуатирующій капиталистъ или эксплуатируемый рабочій, а борется противъ перваго и старается защитить послѣдняго, безразлично, принадлежатъ-ли они къ русской или японской національности. Поэтому, жалкой попыткой являются старанія правленія польской партіи создать антагонизмъ между говорящими по польски и говорящими по нѣмецки борцами за освобожденіе пролетаріата и заподазривать агитаторовъ нѣмецкаго рабочаго движенія“.

Правленіе нѣмецкой соц.-демократіи высказалось по этому поводу не менѣе рѣшительно. „На этой конференціи“, пишетъ оно въ своемъ отчетѣ любекскому конгрессу 1901 года (см. проток., стр. 26) „польскіе товарищи развивали взгляды, въ виду которыхъ для правленія партіи стало *обязанностью* прекратить всякую дальнѣйшую помощь польской организаціи. Объ успѣшной работѣ рядомъ и совмѣстно другъ съ другомъ нечего было и думать“.

Нужно замѣтить, что П. П. С. получила отъ нѣмецкихъ товарищей, какъ это констатировалъ Бебель на конгрессѣ, въ теченіе десяти лѣтъ около 40 тысячъ марокъ.

Въ 1901 г. П. П. С. сдѣлала послѣдній шагъ на пути сепаратизма, рѣшивъ на своемъ съѣздѣ порвать организаціонную связь съ нѣмецкой соц.-демократіей, и выступая отдѣльно, какъ самостоятельная независимая партія, выставить въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ при выборахъ въ рейхстагъ собственныя кандидатуры. Это рѣшеніе было направлено не только противъ нѣмецкихъ, но также противъ польскихъ соціалъ-демократовъ, такъ какъ, нужно замѣтить, что въ П. П. С. организована только часть польскихъ соціалистовъ въ Германіи, въ то время какъ другая ихъ часть, имѣющая за собою организацію въ сердцѣ нѣмецкой Польши — въ Познани, съ самаго начала рѣшительно выступила противъ внесенія въ программу требованія возстановленія Польши и сепаратизма П. П. С., и продолжала оставаться попрежнему въ тѣснѣйшей организаціонной связи съ нѣмецкой соц.-демократіей. Такимъ образомъ, когда въ прошломъ году П. П. С. назначила, согласно своему рѣшенію, въ восьми округахъ горной Силезіи своихъ кандидатовъ, а нѣмецкіе и польскіе товарищи, принадлежащіе къ общей партіи, назначили, какъ въ прежніе годы, своихъ — отчасти поляковъ, отчасти и нѣмцевъ — то получался фактъ небывалый въ исторіи соціалистическаго движенія въ Германіи со времени соединенія лассальянцевъ съ эйзенахцами: двойныя соціалистическія кандидатуры въ однихъ и тѣхъ же округахъ, причемъ въ нѣкоторыхъ польскіе кандидаты, выбранные нѣмецкими товарищами, противостояли польскимъ же кандидатамъ, поставленнымъ Польской Соціалистической Партіей (П. П. С.). Борьба національная между поляками и нѣмцами приняла форму борьбы между двумя фракціями польскаго соціализма.

На мюнхенскомъ конгрессѣ нѣмецкой соціаль-демократіи была принята резолюція Розы Люксембургъ съ прибавленіемъ Бебеля, указывающая на полную солидарность интересовъ польскаго и нѣмецкаго пролетаріата, на полную равноправность польскихъ соціалистовъ въ рядахъ германской соц.-демократіи и поддержку, которую они всегда находили въ нѣмецкихъ товарищахъ и объявляющая, въ виду всего этого, „отдѣленіе группы, называемой П. П. С., отъ общей партіи, поступкомъ, котораго нельзя оправдать“. Резолюція „строго осуждаетъ двойныя кандидатуры, выставленныя П. П. С., и поручаетъ правленію партіи попытаться достигнуть соглашенія“. Послѣднія слова представляютъ дополненіе къ резолюціи, предложенное Бебелемъ, которое объясняется тѣмъ, что П. П. С. обратилась наканунѣ конгресса къ правленію съ предложеніемъ войти въ соглашеніе.

Въ октябрѣ прошлаго года была созвана конференція представителей заинтересованныхъ въ дѣлѣ организацій для обсужденія спорныхъ вопросовъ и прежде всего вопроса объ организац. отношеніяхъ П. П. С. и нѣмецкой соціаль-демократіи. Представители первой добивались отъ нѣмецкихъ товарищей признанія ихъ организаціи **автономной** частью общегерманской партіи, рѣшающей свои внутреннія дѣла совершенно самостоятельно. Признавая рѣшенія общихъ конгрессовъ въ вопросахъ, касающихся всего государства“ обязательными также для себя, они требовали въ то же время чтобы на общихъ конгрессахъ нѣмецкіе делегаты воздерживались отъ голосованія въ дѣлахъ, которыя касаются поляковъ, причемъ послѣдніе, со своей стороны, отказываются отъ голоса въ дѣлахъ, касающихся только населенія нѣмецкой національности. Польскими дѣлами завѣдуетъ только правленіе польской партіи. Въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ полякамъ представляется право назначать своихъ делегатовъ на общіе конгрессы особо отъ мѣстныхъ нѣмецкихъ товарищей.

Трудно точно опредѣлить, какой формы организаціи добивались делегаты П. П. С. — автономной или федеративной, такъ какъ въ ихъ приведенныхъ нами окончательныхъ требованіяхъ недостаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ моментовъ партійной федераціи. Правленіе нѣмецкой партіи не сочло, однако, возможнымъ согласиться на предложеніе П. П. С., настаивая, со своей стороны, также по отношенію къ польскимъ членамъ партіи на строгомъ проведеніи централистическихъ началъ, на которыхъ построена организація германской соціаль-демократіи.

Сообразно съ этимъ оно предложило слѣдующую основу для соглашенія:

> „Признаніе польской организаціи подъ условіемъ, что она должна заниматься агитаціей и организаціей среди польскаго населенія Германіи.
>
> „Принадлежность Польской организаціи къ общей соціаль-демократической партіи Германіи. Признаніе ею программы нѣмецкой партіи и партійныхъ инстанцій (т. е. конгрессовъ и правленія).
>
> „Выборъ делегатовъ на нѣмецкіе конгрессы на основаніи нѣмецкаго организаціоннаго устава.
>
> „Право польской организаціи основывать свои секціи.“

Смыслъ приведенныхъ условій ясенъ: они распространяютъ на П. П. С. организаціонный уставъ германской соц.-демократіи, причемъ конгрессъ и правленіе послѣдней представляютъ высшую инстанцію также при рѣшеніи польскихъ дѣлъ и ограничиваютъ въ этомъ отношеніи компетенцію польскаго правленія и съѣздовъ.

Далѣе, польская организація, **какъ таковая**, не имѣетъ особаго представительства на общихъ конгрессахъ, такъ какъ по уставу партіи делегаты могутъ представлять только отдѣльные избирательные округа. Кромѣ того, во всѣхъ польскихъ округахъ населеніе смѣшанное, и потому делегаты, будь то поляки или нѣмцы, должны быть выбираемы нѣмецкими и польскими соц.-демократами **совмѣстно въ общихъ** собраніяхъ. То же самое относится къ кандидатурамъ при выборахъ въ рейхстагъ, которыя назначаются такимъ же способомъ. Какъ особая организація, поляки **кандидатуръ не выставляютъ**. Кандидаты-поляки выбираются также мѣстными нѣмецкими товарищами, а кандидаты-нѣмцы получаютъ голоса поляковъ.

Ставя эти условія, правленіе нѣмецкой партіи исходило изъ того взгляда, что интересы рабочихъ въ Германіи, поляки-ли они, или нѣмцы, совершенно однородны, и что въ рядахъ партіи они фигурируютъ, не какъ поляки или нѣмцы, а только какъ соц.-демократы. Германизаціонная политика прусскаго правительства по отношенію къ полякамъ не можетъ и не должна, по мнѣнію нѣмецкихъ товарищей, создавать въ глазахъ польскихъ соціалистовъ почву для программнаго и организаціоннаго сепаратизма, такъ какъ послѣдніе могутъ вести борьбу противъ насильственной германизаціи успѣшнѣе всего именно въ рядахъ общей партіи, которая „считаетъ своей обязанностью“, какъ это констатировала мюнхенская резолюція, „защищать польскій рабочій классъ также противъ національныхъ притѣсненій и всегда эту обязанность по мѣрѣ силъ исполняла.“

Уже въ 1900 году на своемъ майнцскомъ конгрессѣ нѣмецкая партія приняла безъ дебатовъ резолюцію Розы Люксембургъ, возлагающую на соц.-демократическую фракцію обязанность протестовать и бороться въ рейхстагѣ противъ безобразій прусскаго правительства въ польскихъ провинціяхъ и съ этихъ поръ фракція энергично выполняетъ полученный ею мандатъ. Въ 1902 г. представители отъ Германіи въ интернаціональномъ соціалистическомъ бюро провели въ засѣданіи послѣдняго протестъ противъ безобразій прусскихъ властей во время извѣстныхъ врешенскихъ событій.

Но эта борьба нѣмецкой соц.-демократіи противъ германизаціи не имѣетъ ничего общаго съ программнымъ сепаратизмомъ П. П. С. и ея требованіемъ возстановленія Польши. Это было доказано еще лишній разъ той же конференціей. Представители польскихъ соц.-демократовъ, принадлежащихъ къ нѣмецкой партіи, равно какъ и нѣмецкихъ товарищей въ Познани, Силезіи и Горной Силезіи, противопоставили на конференціи предложеніямъ П. П. С. свой проектъ соглашенія, сформулированный тов. Р. Люксембургъ.

Признавая, подобно правленію нѣмецкой партіи, необходимость подчиненія польской организаціи общепартійнымъ инстанціямъ, проектъ этотъ требовалъ кромѣ того отъ П. П. С. яснаго отказа отъ программнаго сепаратизма. Въ переговорахъ, послѣдовавшихъ за конференціей и имѣвшихъ цѣлью довести до конца начатое дѣло соглашенія, правленіе нѣмецкой партіи имѣло случай высказаться по этому вопросу. Въ сообщеніи познанскимъ и силезскимъ организаціямъ (мы заимствуемъ его изъ бреславльскаго партійнаго органа „Volkswacht“ отъ 12 января с. г.) оно заявляетъ:

„По поводу выраженнаго нѣмецкими и особенно энергично познанскими товарищами желанія, чтобы управленіе польской партіи признало 2-й пунктъ проекта Люксембургъ и тов., который гласитъ:

> „Программой польской партіи является Эрфуртская программа. Требованіе независимости польскаго государства не должно считаться обязательной политической программой партіи и не можетъ быть примѣняемо въ агитаціи“,

правленіе нѣмецкой партіи приняло слѣдующее рѣшеніе:

„Требованіе, формулированное во 2-мъ пунктѣ проекта Люксембургъ, заключается уже въ слѣдующихъ двухъ строкахъ проекта нѣмецкаго партійнаго правленія:

„Принадлежность польской организаціи къ общей партіи Германіи. Признаніе ею партійной программы и партійн. инстанцій.“

„Если польская организація представляетъ только составную часть нѣмецкой соц.-демократіи, то для нея, конечно, обязательна только нѣмецкая, т. е. эрфуртская программа. А такъ какъ послѣдняя ничего не знаетъ о независимомъ польскомъ государствѣ, то, слѣдовательно, это требованіе не можетъ быть ни выставляемо, ни примѣняемо польской организаціей. Всѣ какія бы то ни было рѣшенія, принятыя раньше польской организаціей и противорѣчащія эрфуртской программѣ, теряютъ съ момента соглашенія всякую силу.

„Такимъ образомъ правленіе нѣмецкой партіи вполнѣ раздѣляетъ взгляды тѣхъ товарищей, которые считаютъ важнымъ особое признаніе приведеннаго пункта въ проектѣ Люксембургъ, оно находитъ только излишнимъ подчеркивать вещь, которая сама собою разумѣется.“

На своемъ съѣздѣ во время Рождества 1902 г. П. П. С. рѣшила принять перечисленныя нами выше условія, поставленныя правленіемъ нѣмецкой партіи на конференціи. Послѣднее, однако, заявило въ Vorwärts'ѣ вскорѣ послѣ польскаго съѣзда, что соглашеніе можетъ считаться состоявшимся лишь тогда, когда объ этомъ появится съ его стороны оффиціальное сообщеніе. До сихъ поръ такого сообщенія не послѣдовало, но каковъ бы ни былъ результатъ всего дѣла, состоится-ли соглашеніе или нѣтъ, въ рѣшеніяхъ нѣмецкихъ товарищей мы находимъ точное выраженіе тѣхъ взглядовъ, которыхъ придерживается нѣмецкая соц.-демократія на счетъ организаціонныхъ отношеній разныхъ національностей, входящихъ въ ея составъ.

Впрочемъ, если взглядъ правленія нѣмецкой партіи на національный вопросъ, выразившійся по поводу столкновеній съ П. П. С., несомнѣнно, можетъ послужить цѣннымъ указаніемъ также соціалистамъ другихъ странъ уже въ виду высокаго моральнаго и политическаго авторитета этой партіи, доказавшей много разъ свое глубокое пониманіе требованій международнаго соціализма, то, конечно, дѣло обстоитъ не такъ просто по вопросу объ организаціонныхъ формахъ. Такъ какъ въ этомъ вопросѣ приходится считаться съ условіями совершенно различными въ разныхъ странахъ: со степенью территоріальной разграниченности національностей, съ политическими формами страны и ея государственной структурой и, наконецъ, со стадіей развитія самого рабочаго движенія въ данной странѣ, то шаблонное перенесеніе организаціонныхъ отношеній изъ одной страны въ другую врядъ ли возможно и желательно. Однако, и тутъ постановка вопроса у нѣмецкихъ товарищей, съ которой мы познакомились, настоятельно обращаетъ наше вниманіе на тотъ основной принципъ, отъ степени примѣненія котораго зависитъ совершенство каждой соц.-демократической партіи. Этотъ принципъ заключается въ **возможно болѣе тѣсномъ организаціонномъ сплоченіи пролетаріата данной страны, независимо отъ національности и отдѣльныхъ его частей.**

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ Ростовской демонстраціи 2 марта. Хорошо обдуманная и вполнѣ удачно проведенная, послѣдняя ростовская демонстрація имѣетъ всѣ шансы проложить новый путь въ практикѣ нашихъ организацій. Умѣло воспользовавшись опытомъ послѣднихъ лѣтъ движенія, наши донскіе товарищи второй уже разъ наглядно показали, въ какихъ разнообразныхъ формахъ можетъ проявиться массовое рабочее движеніе, руководимое соц.-демократіей и какъ нетрудно энергичнымъ революціонерамъ преодолѣть всѣ препятствія къ развитію движенія вширь, которыя нагромождаетъ передъ нами современный русскій режимъ. Въ виду выдающагося интереса ростовскихъ событій мы, въ дополненіе къ сообщеніямъ въ № 36, приведемъ выдержки изъ наиболѣе интересныхъ описаній, присланныхъ намъ очевидцами демонстраціи 2 марта.

„Желая провести демонстрацію удачно, Д. К. сообщилъ о своемъ планѣ только организованнымъ рабочимъ и знакомымъ лицамъ изъ городской интеллигенціи, пригласивъ ихъ въ „балку“. Такимъ образомъ, тайна была сохранена, и ни одинъ полицейскій, ни одинъ шпіонъ не зналъ о демонстраціи до тѣхъ поръ, пока не увидалъ на Садовой улицѣ тысячную толпу съ красными знаменами.

„Благодаря такой тактикѣ Комитета, полиція совершенно не была подготовлена къ отпору. (Полиція усердно „готовилась“ къ демонстраціи 19 февраля; о 2 марта она даже и не думала).

Въ назначенный для демонстраціи день, воскресенье 2 марта, установилась прекрасная погода. Къ тремъ часамъ въ „балку“ собралось для „кулачекъ“ 5-6 тысячъ ничего не подозрѣвавшаго народу, который и расположился по обѣимъ сторонамъ этого огромнаго амфитеатра. Зрѣлище очень напоминало знаменитые рабочіе митинги, которые происходили здѣсь же во время стачки, — но только „на стачкѣ“ толпа стекалась сюда послушать оратора, теперь же она, идя сюда, имѣла въ виду только лишь полюбоваться видомъ истязающихъ другъ друга „кулачниковъ“.

„Сверху былъ великолѣпный видъ на толпу: море человѣческихъ головъ по обоимъ склонамъ огромной балки съ жадными

что мѣстный губернаторъ и нѣкоторые высшіе чиновники изъ мин. вн. дѣлъ были особенно рады тому обстоятельству, что „карающая рука убрала съ ихъ дороги ненавистнаго министра“, и ждали отъ его ближайшаго замѣстителя очень многаго для своей служебной карьеры. Ждали здѣсь въ мѣстныхъ сферахъ, что слухъ о томъ, что министромъ будетъ назначенъ Витте, осуществится, и это обстоятельство приводило въ неописуемый восторгъ мѣстнаго управляющаго акцизными сборами, котораго мѣстные обыватели уже прочили на постъ губернатора въ одну изъ внутреннихъ губерній. Но когда стало извѣстнымъ, что министромъ назначенъ Плеве-вѣшатель, многіе изъ чиновничества были разочарованы, такъ какъ ихъ мечта относительно „повышеній“ оставалась неопредѣленной, какъ неопредѣленъ былъ для нихъ и самъ Плеве. Послѣ извѣстной „исторической“ рѣчи г. Плеве мѣстное общество начало ее комментировать на разные лады. Одни радовались назначенію Плеве, другіе же не высказывались по этому поводу опредѣленно. Нѣкоторые обыватели, даже изъ тѣхъ, кто привѣтствовалъ убійство Сипягина, усмотрѣли изъ знаменитой рѣчи Плеве „новый, болѣе легкій“ курсъ внутренней политики, и, поэтому, не менѣе рады были и этому обстоятельству. Когда же въ „Рус. Вѣд.“ появилась одна изъ тѣхъ характеристикъ Плеве, которыми русскіе либералы якобы спасаютъ свою шкуру, сдѣланная на спѣхъ по традиціонно-либеральному принципу: „примѣнительно къ подлости“, то мѣстное общество совершенно примирилось съ Плеве, а юристы увидѣли въ томъ, что Плеве юристъ по образованію, для себя нѣчто провиденціальное. Предсѣдатель мѣстнаго окружнаго суда, съ традиціями 60 годовъ, привѣтствовалъ вступленіе Плеве въ министерство, какъ „знаменіе времени“. Такъ смотрѣли на дѣло очень многіе даже и тогда, когда въ газетахъ появилось распоряженіе о преданіи дѣла объ убійствѣ Сипягина военно-окружному суду: и это въ глазахъ мѣстнаго общества нисколько не говорило противъ Плеве, такъ какъ къ этому времени здѣсь циркулировалъ упорный слухъ о нежеланіи Плеве приговаривать убившаго къ смертной казни.

Личностью убившаго стали еще меньше интересоваться, только изъ Малышева онъ превратился въ сына егермейстера Балашова. Правда, продолжали еще говорить о немъ, но тонъ разговоровъ даже въ либеральныхъ сферахъ постепенно сталъ понижаться, и только мои близкіе знакомые изъ революціонной среды, случайно и временно проживавшіе здѣсь, очень искренно относились къ той высоко-героической личности, имя которой правительство почему-то пожелало скрыть отъ общества до дня смертной казни.

Та эволюція настроеній мѣстнаго общества, которую оно пережило подъ вліяніемъ убійства Сипягина, повидимому, нисколько не отразилась на настроеніи мелкаго городского обывателя и ремесленника. По крайней мѣрѣ, тотъ индифферентизмъ къ этому событію, который былъ замѣтенъ въ этой средѣ въ самый моментъ извѣщенія объ убійствѣ, нисколько не измѣнился впослѣдствіи. Мнѣ пришлось столкнуться съ тремя ремесленниками-столярами, и они рѣшили почему-то, что Сипягинъ былъ убитъ не „изъ-за любовныхъ своихъ похожденій“, а изъ-за студентовъ... „Оно, должно быть, его студенты убили“, говорилъ мнѣ знакомый столяръ, „потому, стало быть, некому больше“. Когда я сталъ возражать, что Сипягина убили за то, что онъ мучилъ народъ и что убившій его — святой человѣкъ, столяръ, казалось, мало понялъ меня и перешелъ уже къ другимъ вопросамъ и сталъ разспрашивать у меня про харьковскіе и полтавскіе безпорядки, слухъ о которыхъ началъ проникать тогда въ мѣстную народную среду. Оказывалось, такимъ образомъ, что слухъ этотъ касался болѣе понятныхъ для моего собесѣдника вопросовъ... Пришлось мнѣ также говорить съ мужиками изъ близь лежащихъ къ городу деревень, но оказалось, что объ убійствѣ Сипягина они услыхали въ первый разъ только отъ меня. За недѣлю до смертной казни интересъ къ дѣлу объ убійствѣ Сипягина у мѣстнаго общества опять пробудился, но не на долго. Откуда-то, какъ говорили, черезъ мѣстныхъ студентовъ изъ Петербурга, проникъ слухъ, что убившій послѣ совершенія убійства бѣжалъ, что его не арестовали, а увезли его — его же товарищи, переодѣтые въ жандармовъ. Передавали, что когда Сипягинъ упалъ, то объ этомъ дали знать жандармамъ, черезъ десять минутъ уже подкатила карета съ жандармами и убившаго увезли. Всѣ будто бы думали, что его арестовали настоящіе жандармы, но когда черезъ нѣсколько минутъ послѣ мнимаго ареста явились другіе, уже настоящіе, жандармы, то всѣ увидѣли себя мистифицированными. Этотъ слухъ, какъ и другой, о томъ, что убившій въ моментъ ареста отравился, казался тогда правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что правительство упорно скрывало имя убившаго. Такъ думало все мѣстное общество. Ходили слухи послѣ этого о томъ, что въ убійствѣ Сипягина дѣйствовала какая то организація, но никто ничего положительнаго сказать не могъ. Вскорѣ послѣ этого, однако, правительственное сообщеніе лаконически увѣдомило русскаго обывателя о смертной казни надъ Степаномъ Валеріановичемъ Балмашевымъ, избавившимъ Россію отъ министра Сипягина. Это сообщеніе прошло здѣсь совершенно незамѣтно, никто на немъ не останавливался, только мѣстная университетская молодежь, учившаяся въ кіевскомъ университетѣ, узнала въ казненномъ своего товарища и послала русскому правительству не одно искреннее проклятіе. Либеральная публика была этимъ сообщеніемъ какъ будто пришиблена. Спустя немного времени, къ намъ дошли слухи, что поступокъ казненнаго взяла на себя партія соціалистовъ-революціонеровъ, о существованіи которой до тѣхъ поръ даже среди интересовавшихся теченіями революціонной общественной мысли были самыя смутныя представленія. Этотъ слухъ, однако, не произвелъ въ мѣстномъ обществѣ никакой перемѣны въ отношеніи къ казненному герою, поступокъ котораго здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, былъ признаваемъ за единоличное рѣшеніе глубоко-чувствующей молодой честной души, рѣшившей казнью Сипягина избавить русское общество отъ тѣхъ неслыханно-дерзкихъ преступленій, которыми запятналъ себя Сипягинъ въ глазахъ всѣхъ честно-мыслящихъ русскихъ людей.

А. Свѣтловъ.

вниманіемъ слѣдило за возникающеюся гдѣ то въ серединѣ кучкою „кулачниковъ“. Толпа громкими криками выражала свой восторгъ, когда кто либо изъ „кулачниковъ“ „угоститъ“ другого, или самъ упадетъ подъ „угощеніемъ“ другого...

„Вдругъ на одномъ склонѣ „балки“ раздались сильные крики „ура“. Когда толпа обернулась по направленію криковъ, она, къ удивленію своему, увидала, какъ въ воздухѣ вольно развѣвались три красныхъ знамени, съ надписью на одномъ — „Да здравствуетъ политическая свобода“, на другомъ — „Да здравствуетъ восьми-часовой рабочій день“ и на третьемъ — „Донской Комитетъ“, а между ними стоялъ поднятый на рукахъ ораторъ. Толпу съ трудомъ удалось успокоить, и ораторъ произнесъ небольшую рѣчь, въ которой заявилъ, что „силы у рабочихъ накопилось много, она тратится даромъ и Донской Комитетъ приглашаетъ рабочихъ въ городъ на демонстрацію“. Толпа возгласила „ура“, изъявивъ этимъ свое согласіе, и всѣ 5-6 тысячъ, какъ одинъ человѣкъ, съ революціонными пѣснями, криками „ура“ и пронзительнымъ свистомъ двинулась впередъ, предводительствуемая организованными рабочими съ знаменами въ центрѣ (третье знамя съ надписью „Донской Комитетъ“, неловко привязанное, сорвалось съ древка, его спрятали и пришлось демонстрировать съ двумя знаменами). Черезъ десять минутъ толпа безпрепятственно достигла города и торжественно, съ пѣніемъ, вступила на Садовую улицу. Въ эту минуту произошло первое столкновеніе съ полиціей: откуда ни возьмись, очутились передъ толпой приставъ, 8 городовыхъ и два жандарма (на мѣстномъ рабочемъ языкѣ — „жанглоты“); едва только приставъ съ увѣщеваніями подступилъ къ толпѣ, какъ въ него и его свору градомъ посыпались камни; избитый приставъ едва спасся отъ народной ярости, юркнувъ въ первую попавшуюся подворотню, а городовые и „жанглоты“, подобравъ свои полы, быстро пустились на утекъ. Побѣдоносная толпа шествуетъ дальше, уже не встрѣчая на своемъ пути препятствій.

„Слѣдуя дальше, число демонстрантовъ съ быстротой увеличивалось все новыми и новыми толпами гуляющей публики, вышедшей на Садовую по случаю прекрасной погоды, такъ что, когда подходили къ Городскому саду, въ толпѣ можно было смѣло насчитать до десяти тысячъ народу.

„Грандіозное зрѣлище: десятитысячная толпа, запрудившая широкую Садовую улицу во всю ея ширину, съ развѣвающимися красными знаменами, шествующими посреди дороги; — кого только тутъ не было! рабочіе въ праздничныхъ одеждахъ, „кулачники“, въ пылу увлеченія демонстраціей забывшіе застегнуть воротъ своей рубашки, какъ въ дракѣ, тутъ же около нихъ „публика“ въ котелкахъ, мягкихъ шляпахъ, женщины изъ интеллигентныхъ слоевъ, работницы, босяки, появившіеся во множествѣ съ базара, мальчишки (знаменитые мальчишки, сыгравшіе свою роль „на стачкѣ“, любители сильныхъ ощущеній; тутъ для нихъ былъ полнѣйшій праздникъ“) — все это пѣло, свистѣло, орало „ура“, „да здравствуетъ свобода“, „долой самодержавіе“... Появившійся красный околышъ тотчасъ же удалялся, сопровождаемый улюлюканьемъ, бранью и насмѣшками толпы; кругомъ раздавались возгласы „къ тюрьмѣ, къ тюрьмѣ!“, напоминавшіе сильно знаменитые возгласы „къ Бастиліи!“; у всѣхъ почти въ рукахъ были дубинки, камни...

„Демонстранты дошли до Городского сада, затѣмъ повернули назадъ и прошли до Таганрогскаго проспекта, откуда направились опять вверхъ по Садовой. Въ это время толпа на Садовой увеличилась новыми тучами народа, притекавшими со всѣхъ улицъ. На протяженіи почти двухъ кварталовъ Садовая улица во всю ширину была запружена народомъ. Не видно было ни одного казака.

„Улица уже полтора часа находилась въ рукахъ народа; демонстранты съ знаменами дошли уже до Большого проспекта; подъ давленіемъ толпы рѣшили идти къ тюрьмѣ, но дальше Большого проспекта не могли двинуться: полиція забаррикадировала Садовую: она поставила во всю ширину улицы въ нѣсколько рядовъ извозчичьи пролетки. Демонстранты не успѣли дойти до Большого проспекта, какъ послышались приказанія руководителя — „знамена убрать!“ Едва только успѣли спрятать знамена, какъ послышались военныя команды: „въ шашки“, „въ нагайки“, — и на толпу внезапно напали полицейскіе и стали рубить голыми шашками по головамъ, тотчасъ же наступили и конные казаки съ нагайками. Толпа оказала небольшое сопротивленіе: пошли въ ходъ дубинки, камни, подъ ноги полиціи бросали проволоку. Но двѣ сотни разсвирѣпѣвшихъ полицейскихъ и казаковъ были лучше вооружены: толпа обратилась въ бѣгство. Когда толпа убѣгала внизъ по Садовой, откуда то появился у Казацкаго переулка полицейскій приставъ Антоновъ и сталъ задерживать бѣжавшихъ, но въ это время одинъ изъ демонстрантовъ „задержалъ“ его изо всѣхъ силъ острымъ концомъ желѣзной палки прямо въ високъ, отчего тотъ тутъ же упалъ, обливаясь кровью (черезъ два дня приставъ, какъ говорятъ, умеръ въ больницѣ, какъ признаютъ врачи, отъ воспаленія мозга).

„Со стороны демонстрантовъ также много избитыхъ: разсвирѣпѣвшіе полицейскіе не жалѣли ударовъ, — но можно сказать, что полицію побили больше, чѣмъ демонстрантовъ.

„Знамена и знаменщики остались цѣлы; цѣлъ также и весь центръ, группировавшійся около знамени, состоявшій изъ организованныхъ рабочихъ; въ числѣ арестованныхъ и избитыхъ находится „публика“, босяки и „кулачники“, которыхъ, впрочемъ, на второй и третій день выпускали.

„Слѣдующіе два дня непрерывно шли обыски и аресты. Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидятъ 30 человѣкъ. Настроеніе въ городѣ очень оживленное; всѣ толкуютъ про демонстрацію, всѣ озлоблены на полицію и хвалятъ демонстрантовъ. Теперь по улицамъ положительно нельзя проходить: по указанію шпіоновъ массами берутъ прямо съ улицы.

„Демонстрація второго марта, въ своемъ родѣ, единственная въ Россіи: ея активными участниками явились не только организованные рабочіе или интеллигентная публика, какъ это вездѣ бываетъ, — здѣсь преобладающее число состояло изъ самой широкой „массы“, которой навсегда останутся памятны эти полтора часа народной воли.

„На другой день полиція ожидала стачку въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, для предупрежденія которой поставила въ кочегарнѣ около гудка десятокъ вооруженныхъ жандармовъ. Но никакихъ попытокъ со стороны рабочихъ къ стачкѣ не было...“

Другой очевидецъ пишетъ: „...Вотъ полный огня слесарь запѣваетъ „Варшавянку“ и знакомые революціонные звуки подхватываются тысячной толпой. Мы идемъ чуть ли не двѣ версты, безпрепятственно, побѣдоносно... „Долой самодержавіе! Кровопійцы! долой буржуазію!“ — вотъ крики, бросаемые по адресу буржуазіи, заполнившей балконы. „Вихри враждебные“... несется изъ одной группы, подхватывается другими и все сливается въ одну шумную, грозную пѣсню... Пора расходиться и предупредить возможныя жертвы, предложено опустить знамена и разойтись, но толпа рвется впередъ. „Къ тюрьмѣ! къ тюрьмѣ, къ товарищамъ!“ Вотъ приставъ начинаетъ что-то говорить знаменосцамъ и задерживаетъ движеніе: но ударомъ палки его сбиваютъ съ ногъ и онъ, окровавленный, падаетъ на землю, а толпа все идетъ и идетъ.“

О свалкѣ, происшедшей въ концѣ демонстраціи, между полиціей и рабочими, пишетъ еще одинъ корреспондентъ: „Трамвай рабочіе остановили, протянувъ черезъ улицу толстую проволоку. Пучки проволоки бросали подъ ноги полиціи, она путалась въ ней и при общей свалкѣ валилась съ ногъ... Рабочіе вырывали колья изъ оградъ, деревья и защищались, чѣмъ попало. Полиція остервенѣла и стала бросаться, какъ звѣрь, главнымъ образомъ, на рабочихъ. Казаки били нещадно всѣхъ безъ разбору. Рабочіе бросали камнями и защищались геройски; между ними было много женщинъ. Хотя демонстрація закончилась въ 7 час., но публика, несмотря на звѣрства полиціи, долго еще не расходилась.“

Интересно, что правительство, сообщивъ о демонстраціяхъ въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, Бѣлостокѣ и о бойнѣ въ Златоустѣ, ни словомъ не упомянуло въ печати о ростовской демонстраціи.

Баку. Второго марта этого года здѣсь была устроена политическая демонстрація въ ознаменованіе мартовскихъ событій предыдущихъ лѣтъ, подготовленная и организованная Бакинскимъ Комитетомъ. Мѣстное рабочее движеніе, несмотря на свою молодость (существуетъ только два года), успѣло уже два раза выразить свой открытый протестъ противъ самодержавнаго правительства, гнетъ котораго особенно ощутителенъ для насъ, окраинцевъ. Цѣль теперешней демонстраціи была — ясно и открыто заявить, насколько политически зрѣлъ нашъ пролетаріатъ и какъ онъ готовъ въ любой моментъ по первому призыву комитета выйти на улицу и подъ краснымъ революціоннымъ знаменемъ соціализма бросить открытый вызовъ самодержавію. Потому и днемъ демонстраціи было выбрано 2 марта такъ какъ съ этимъ мѣсяцемъ связаны воспоминанія о наиболѣе славныхъ періодахъ нашей революціонной борьбы противъ царскаго правительства.

Средствомъ для развитія въ массахъ классоваго и политическаго самосознанія служили главнымъ образомъ агитаціонныя массовыя собранія и мѣстные листки. Всего за періодъ съ конца декабря прошлаго года до дня демонстраціи было выпущено комитетомъ шесть листковъ, отпечатанныхъ въ типографіи комитета. Первымъ былъ изданъ, по 600 экземпляровъ на русскомъ и армянскомъ языкахъ, вступительный листокъ, напоминающій рабочимъ о ростовскихъ событіяхъ и призывающій ихъ къ политической борьбѣ. Затѣмъ, къ новому году былъ выпущенъ также по 600 экземпляровъ на русскомъ и армянскомъ языкахъ, второй листокъ, поздравительный, содержащій хронику рабочаго движенія въ Россіи за послѣдній годъ и указывающій на тѣ мѣры, которыя принимало правительство съ цѣлью задушить это движеніе. Перваго января въ мѣстномъ театрѣ Тагіева во время спектакля были разбросаны печатныя поздравительныя карточки съ надписями: „Съ новымъ годомъ“, „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ рабочее движеніе“. Въ январѣ же былъ выпущенъ листокъ въ количествѣ двухъ тысячъ экземпляровъ на русскомъ языкѣ, комментирующій докладъ министра финансовъ о государственной росписи. Слѣдующей была также въ числѣ 2000 экземпляровъ прокламація къ гражданамъ, призывающая ихъ къ активной политической борьбѣ съ самодержавіемъ. Къ 19 февраля былъ выпущенъ на двухъ языкахъ по 1500 экз. листокъ по поводу освобожденія крестьянъ. Наконецъ, передъ самой демонстраціей вышла прокламація въ количествѣ 3400 экземпляровъ (на двухъ языкахъ), указывающая на значеніе мартовскихъ дней въ революціонномъ движеніи Россіи и призывающая рабочихъ на политическую демонстрацію. Для разброски на демонстраціи были отпечатаны на красной бумагѣ въ числѣ 6000 экз. листки съ надписями на русскомъ и армянскомъ языкахъ: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ политическая свобода“, „Да здравствуетъ соціализмъ“ (эти же надписи были на знаменахъ), и кромѣ того, еще около двухъ тысячъ листковъ съ рисунками, изображающими рабочаго съ флагомъ въ одной рукѣ и молотомъ въ другой, одной ногой стоящаго на груди упавшаго съ трона Николая. Въ ночь на первое марта было произведено до 15 арестовъ, но это не повліяло на ходъ событій.

Въ назначенный день демонстрація началась въ городѣ шествіемъ рабочихъ подъ краснымъ флагомъ съ пѣніемъ марсельезы и разбрасываніемъ въ толпѣ листковъ. Полиція пыталась разогнать манифестантовъ, но была отброшена нѣсколько разъ градомъ камней. Со стороны казаковъ было сдѣлано нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ. Начавшись въ городѣ, демонстрація продолжалась въ Балаханскомъ районѣ, гдѣ почти двухъ-тысячная толпа въ продолженіи двухъ часовъ шла со знаменемъ подъ звуки марсельезы. Здѣсь полиція не только не вмѣшалась, но была невольнымъ участникомъ, такъ какъ приставъ и нѣсколько казаковъ осторожно подвигались за демонстрантами. Финаломъ событій этого дня была разброска въ театрѣ во время вечерняго спектакля листковъ съ упомянутыми надписями и рисунками. На четвертый день послѣ демонстраціи былъ выпущенъ на двухъ языкахъ краткій [illegible] по поводу совершившихся событій. На демонстраціи задержаны 10 человѣкъ, между прочимъ, 15 лѣтній мальчикъ, который страшно избитъ.

Въ настоящее время настроеніе рабочихъ очень бодрое. Чувствуется только большой недостатокъ въ періодической и агитаціонной литературѣ, кот. здѣсь не получалась за всю зиму.

Правительство въ безсильной злобѣ набросилось на мирныя культурныя учрежденія: черезъ недѣлю послѣ демонстраціи по приказу главноначальствующаго закрыли библіотеку-читальню Армянскаго Человѣколюбиваго общества впредь до особаго распоряженія. Вся вина этой читальни заключается въ томъ, что недалеко отъ нея происходила демонстрація. Въ городѣ сильное возбужденіе. **Бакинскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Р. П.**

Баку, 2 марта (частное письмо). Въ десять съ половиною часовъ толпа рабочихъ съ дубинами въ рукахъ стала собираться на площади „Парапетъ“. Человѣкъ 20 казаковъ, цѣлая рота солдатъ и масса полицейскихъ окружили весь Перапетъ. Весь г. Баку былъ тутъ. Но напрасно полицейскіе ждали тутъ демонстраціи. Они были обмануты. Большинство рабочихъ стало собираться у Молоканскаго сада, гдѣ, понятно, былъ и я. Въ 11 часовъ у Молоканскаго сада восемь барышенъ, безъ шляпъ и въ красныхъ кофтахъ, поднявъ красное знамя соціализма и съ криками: „товарищи, соединяйтесь подъ красное знамя!“ двинулись на площадь, гдѣ раньше стоялъ циркъ Василія Вятскаго. Рабочихъ было больше 2000. Здѣсь, взобравшись на возвышенности, стали держать народу рѣчи. Прокламаціи такъ и летѣли по воздуху. Всѣ улицы были наполнены ими. Казаки, стоявшіе у Парапета, узнавъ, что демонстрація у Молоканскаго сада началась, прискакали сюда. Но они тотчасъ же бросились въ бѣгство (сколько хохоту было, ты не можешь себѣ представить) передъ громадной толпой рабочихъ, поднявшихъ свои дубины и дружно пѣвшихъ. Между тѣмъ, другая партія рабочихъ, поднявъ красное знамя, двинулась на набережную. Казаки пустили въ ходъ свои нагайки. Тогда только рабочіе, разсвирѣпѣвъ и вынувъ свои револьверы, топоры и дубины, напали на казаковъ. Вице-губернатору разбили голову. Шествіе продолжалось около трехъ часовъ. Изъ рабочихъ арестованы около 12 человѣкъ, сверхъ того два реалиста и одинъ гимназистъ, остальные успѣли скрыться. Дорогой N., всего такъ не напишешь, какъ оно было въ дѣйствительности, да и словъ не найдется, но картина восхитительная. Вообрази себѣ! Нѣсколько красныхъ знаменъ съ надписями; громадная толпа рабочихъ, вооруженныхъ дубинами; камни сыплются градомъ и среди всего этого крики: „Ура! Да здравствуетъ соціализмъ!“ и т. д.

О демонстраціи въ Тифлисѣ 23 февр. очевидецъ пишетъ: „23 февраля въ Тифлисѣ имѣли мѣсто волненія. На Головинскомъ проспектѣ рабочіе жел.-дор. мастерскихъ и всѣхъ фабрикъ и заводовъ г. Тифлиса пытались устроить демонстрацію, но предупрежденное войско и полиція старались разгонять демонстрантовъ; къ счастью, въ это время шла похоронная процессія по Головинскому проспекту; рабочіе и демонстранты, какъ бы слѣдуя за процессіей, вышли на проспектъ, развернули знамя и кричали: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода!“. Полиція и казаки ворвались въ толпу демонстрантовъ. Произошла схватка, а въ это время въ другомъ мѣстѣ подняли другое знамя.“

Въ прокламаціи, изданной послѣ демонстраціи, мѣстный Комитетъ пишетъ:

„Кто бы могъ подумать, что почти всѣ рабочіе мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ, числомъ до 6.000, явятся на демонстрацію? Кто бы могъ допустить мысль, что наша либеральная и радикальная интеллигенція, учащаяся молодежь и другіе слои общества, до этого дня скептически относившіеся къ нашимъ силамъ и средствамъ борьбы, не оповѣщенные о днѣ и характерѣ демонстраціи, не только выйдутъ на улицы, но и упорно будутъ отказываться исполнять требованія полиціи разойтись?... Манифестація показала воочію, на какія наличныя силы мы можемъ разсчитывать... Ихъ организованность, какъ нельзя лучше, была доказана тѣмъ обстоятельствомъ, что эта громадная толпа подъ дождемъ стѣной гуляла по Головинскому проспекту въ теченіе болѣе двухъ часовъ, терпѣливо ожидая условленнаго сигнала, чтобы сплотиться и провозгласить анаѳему и смерть гнусному самодержавію и ни однимъ движеніемъ, неосторожнымъ словомъ или взглядомъ не дала повода полиціи начать наступленіе“.

Какъ сообщаетъ далѣе прокламація, „стоило только кучкѣ демонстрантовъ выкинуть знамя и крикнуть: „Долой самодержавіе!“, какъ усиленный составъ хваленной полиціи на Эриванской площади разбѣжался въ паникѣ въ противоположную сторону, призывая усиленную помощь свистками“.

Батумъ. 8 марта закончился разборъ дѣла о прошлогоднихъ батумскихъ безпорядкахъ. Благодаря блестящей защитѣ, даже царскіе слуги принуждены были почти оправдать рабочихъ. 9 марта, въ годовщину прошлогоднихъ безпорядковъ, рабочіе устроили грандіозную демонстрацію. Съ четырьмя развернутыми флагами рабочіе обошли весь городъ съ пѣніемъ и съ крикомъ: „да здравствуетъ политическая свобода!“, по дорогѣ разбрасывали прокламаціи и стрѣляли изъ револьверовъ; перебили стекла мѣстной человѣконенавистнической газетѣ „Черноморскій Вѣстникъ“. Послѣ этого рабочіе, числомъ свыше 3000 чел., направились къ вокзалу; остановили на ходу поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ весь составъ окружного суда и двое изъ защитниковъ рабочихъ; защитникамъ была устроена трогательная овація; поѣздъ стоялъ семь минутъ. Власти окончательно растерялись. Полиція и войско бѣгали за толпой, но ничего не могли подѣлать. Они не смѣли прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ, такъ какъ громадная часть рабочихъ была вооружена и предвидѣлось отчаянное съ ихъ стороны сопротивленіе. И въ концѣ концовъ рабочіе свернули знамена и мирно разошлись, празднуя свою побѣду надъ растерявшимися властями.

Томскія событія. Мы уже сообщали въ прошломъ номерѣ о попыткѣ демонстраціи, устроенной 18 февраля томскими студентами, о послѣдовавшемъ избіеніи студентовъ и публики и о внушительной демонстраціи, организованной студентами и рабочими 20 февр. въ видѣ протеста. Объ этой послѣдней сообщается въ изданной „Группой революціон. соц.-дем.“ прокламаціи:

„Студенчествомъ и соц.-дем. группами было [illegible] свыше 4000 прокламацій „къ народу“, „къ лишеннымъ правъ“, „къ рабочимъ“. Городской почтой разосланъ былъ рядъ писемъ съ призывомъ къ активному участію въ демонстраціи. 20 февраля въ десять часовъ утра въ технологическомъ институтѣ и университетѣ состоялись сходки, на которыхъ присутствовало въ общемъ до 1000 чел. Громаднымъ большинствомъ голосовъ было рѣшено немедленно устроить демонстрацію. Выйдя на улицу, технологи и универсанты съ восторженными возгласами соединились вмѣстѣ и, образовавъ толпу до 700 чел., двинулись съ революціонными пѣснями къ Соборной площади. Взвился принесенный рабочими красный флагъ, съ одной стороны котораго была надпись: „долой самодержавіе“, съ другой — „да здравствуетъ соціализмъ“. Собравшійся на площади народъ двинулся на встрѣчу студентамъ, толпа демонстрантовъ быстро росла и когда она приблизилась къ зданію желѣзнодорожнаго управленія, численность ея дошла до двухъ-трехъ тысячъ человѣкъ. Изъ открытой форточки окна Управленія послышался возгласъ: „долой самодержавіе“, подхваченный восторженными „ура“ толпы, и черезъ нѣсколько минутъ все зданіе управленія, вмѣщавшее нѣсколько сотъ служащихъ, опустѣло. У управленія была произнесена рѣчь, выяснявшая значеніе демонстраціи, а затѣмъ двинулись впередъ. Пройти пришлось немного, впереди показался мѣстный батальонъ, который вскорѣ тѣснымъ строемъ преградилъ дальнѣйшій путь. Оставалось или прорвать цѣпь, или идти назадъ. Толпа все болѣе и болѣе росла, число идущихъ достигло уже четырехъ-пяти тысячъ человѣкъ, всего же на площади было не менѣе 12-15 тысячъ чел. Неумолкаемые возгласы „долой самодержавіе“, „долой царизмъ“, „да здравствуетъ политическая свобода“, „да здравствуетъ соціализмъ“ поддерживались восторженнымъ „ура“ многочисленной толпы. Сбоку суетился вице-губернаторъ, баронъ Дельвигъ, революціонные возгласы были ему совсѣмъ не по душѣ. Время отъ времени слышался его отчаянный вопль: „они кричатъ долой самодержавіе, я не позволю кричать долой самодержавіе“, и слова „долой самодержавіе“ изъ устъ царскаго сатрапа уносились далеко, далеко въ толпу. Еще нѣсколько возгласовъ изъ толпы, и чаша терпѣнія барона переполнилась. Раздалась команда солдатамъ: „оцѣпляй ихъ, братцы“. Начала работать и полиція, усиленно расталкивая и прося постороннюю публику удалиться, — „будутъ стрѣлять“; въ результатѣ этого маневра, оцѣпленнымъ у дверей клиники оказалось небольшое ядро въ 400-500 человѣкъ. Казалось, не было никакого выхода, еще моментъ, оцѣпленные кинулись бы прорывать цѣпь, началась бы бойня, которая далеко затмила-бы собою бойню 18 февраля. Солдаты стояли съ заряженными ружьями, были вооруженные и среди оцѣпленныхъ. Но исходъ былъ найденъ. Двери клиники раскрылись и черезъ нѣсколько минутъ оцѣпленнымъ оказалось почти пустое пространство. Солдаты были отосланы, а прошедшіе черезъ клинику вышли въ университетскій дворъ, а оттуда на улицу и собрались передъ воротами университета. Туда же пришла и вся масса запоздавшихъ рабочихъ. Вскорѣ явились туда же баронъ Дельвигъ, баронъ Бруннов и полиція. Но увѣщеваніе бароновъ встрѣчалось громкимъ свистомъ. Требованіе со стороны демонстрантовъ объ удаленіи полиціи было удовлетворено, и весь полицейскій штатъ, подвергшись всяческому оплеванію и сраму, подъ оглушительнымъ свистомъ направился обратно къ клиникамъ. На этомъ обратномъ пути полицейскіе выдумали было арестовать одного рабочаго, но дружный напоръ демонстрантовъ заставилъ ихъ отказаться отъ своего намѣренія. Съ удаленіемъ полиціи, въ этой небольшой сравнительно толпѣ въ 700-800 чел., гдѣ не было зрителей, гдѣ оцѣпленный у клиники студенческій центръ слился воедино съ массой разночинцевъ и рабочихъ, всѣ чувствовали особый праздничный подъемъ духа. Здѣсь закрѣплялся крѣпкій союзъ между рабочими и студентами для дружной, совмѣстной борьбы на пути къ достиженію ближайшей общей цѣли — сверженія ненавистнаго ига деспотизма. На тему о необходимости этого единенія было произнесено много рѣчей съ той и съ другой стороны. Такимъ образомъ, демонстрація закончилась своего рода народнымъ собраніемъ, которое и разошлось совершенно добровольно около четырехъ часовъ вечера...

„Одновременно со второй демонстраціей было созвано экстренное засѣданіе профессоровъ университета и технологическаго института. Было рѣшено послать телеграмму въ Петербургъ о назначеніи судебнаго разбирательства по поводу насилій, совершенныхъ мѣстной полиціей надъ студентами высшихъ учебныхъ заведеній. Объ этомъ рѣшеніи гласили вывѣшенныя во всѣхъ витринахъ объявленія за подписью ректора. Такой-же протестъ выразили и мѣстные присяжные повѣренные... Наконецъ, подобное заявленіе подало и мѣстное общ. врачей. Только четыре человѣка изъ всего общ. протестовало противъ подачи заявленія“.

Студенты заявили, что, если власти начнутъ преслѣдованіе противъ демонстрантовъ, они приступятъ къ забастовкѣ, и потребовали увольненія изъ университета шпіона Соловкина, изъ за котораго поднялась вся эта буря. Ректоръ университета Судаковъ далъ слово, что совѣтъ займется этимъ вопросомъ. Между тѣмъ, въ Томскъ прибыли „для разбирательства“ фонъ Валь и тов. мин. нар просвѣщенія Лукьяновъ. „Знаменитый“ виленскій палачъ, разумѣется, предписалъ розыски „зачинщиковъ“. Человѣкъ восемь студентовъ было арестовано (по слухамъ, ихъ предаютъ суду по 252 ст.). Тогда 28 февраля въ технологическомъ институтѣ сходка въ 220 чел. объявила забастовку. О дальнѣйшемъ у насъ пока нѣтъ извѣстій.

Замѣчательный документъ.

Приказъ по войскамъ   Не подлежатъ оглашенію.
Московскаго Военнаго Округа
Москва. 28 февр. 1903 г. №...

Рядовой 238 Клязьминскаго резервнаго батальона Александръ

Панферовъ, идя въ управленіе 60 резервной бригады, куда былъ назначенъ дежурнымъ по телефону, встрѣтилъ на улицѣ прилично одѣтаго господина, который, заговаривая съ нимъ, повелъ рѣчь о тягости службы и о возможности выйти изъ этого положенія; изъ дальнѣйшаго разговора Панферовъ узналъ, что у незнакомца этого есть сообщники, которые въ ближайшее воскресенье соберутся у него на квартирѣ на совѣщаніе, куда незнакомецъ приглашалъ и Панферова, обѣщая снабдить запрещенными книгами для прочтенія и раздачи товарищамъ.

Придя въ управленіе бригады, Панферовъ разсказалъ о происшедшемъ старшему писарю, а на другой день, послѣ смѣны, доложилъ обо всемъ ротному командиру.

Въ слѣдующіе дни Панферовъ встрѣчался нѣсколько разъ съ тѣмъ же господиномъ. О каждой такой встрѣчѣ онъ подробно докладывалъ своему ротному командиру. Благодаря этому, могли быть приняты надлежащія мѣры мѣстной полиціей, которой удалось, при дѣятельномъ участіи Панферова, связанномъ съ большимъ рискомъ для него, проникнуть въ указанный имъ домъ и арестовать участниковъ преступнаго совѣщанія, среди которыхъ задержанъ важный политическій преступникъ.

Высоко цѣня правильное пониманіе Панферовымъ служебнаго долга и святости присяги на вѣрность Престолу и Отечеству, я вошелъ съ ходатайствомъ о награжденіи его знакомъ отличія Ордена св. Анны и о выдачѣ ему соотвѣтствующей денежной награды.

Стойкость убѣжденія и находчивость, проявленныя при этомъ Панферовымъ, свидѣтельствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ о прекрасномъ вліяніи ближайшихъ его начальниковъ и высокомъ воинскомъ духѣ той части, которая воспитала такого молодца.

Объявляя Панферову Мое сердечное спасибо за молодецкую службу, благодарю также командира Клязьминскаго резервнаго батальона, командира 1-ой роты и молодца фельдфебеля за образцовый порядокъ. По окружному Штабу. Подписалъ:

Командующій Войсками Генералъ-Адъютантъ Сергѣй."

Печатая этотъ удивительный документъ, мы не знаемъ, чему болѣе дивиться — наглости-ли правительства, объявляющаго самую гнусную провокацію высшей гражданской добродѣтелью, или той забитости и гражданской невмѣняемости офицерскаго корпуса, которая допускаетъ, чтобы власти обращались къ офицерамъ съ подобными позорящими ихъ похвалами.

Изъ офицерскаго источника, правда, сообщаютъ намъ, будто вся исторія, изложенная въ приказѣ, „подстроена нарочно, для ‚укрѣпленія‘ воинскаго духа". Какъ ни чудовищно такое предположеніе, оно не лишено вѣроятія, ибо въ Севастополѣ подобныя „подстроенныя" поимки „революціонеровъ" уже практиковались: роль революціонеровъ играли сыщики, за „поимку" которыхъ при раздачѣ прокламацій солдатъ получалъ награду, о чемъ и объявлялось войскамъ округа для возбужденія соревнованія.

Какъ видно, царское правительство при всей своей „приверженности" къ „вѣковымъ устоямъ Державы Россійской", не отказывается при случаѣ отъ пріемовъ настоящей „американской" рекламы!

Образчикъ генеральской „словесности".

Приказъ по войскамъ
Сибирскаго военнаго округа
Омскъ, 10 февр. 1903 г. № 36.

Не подлежитъ оглашенію

„Въ одномъ изъ городовъ ввѣреннаго мнѣ округа, въ помѣщеніи общественнаго собранія, по окончаніи чтенія лекціи, кучка злонамѣренныхъ людей произвела противоправительственную демонстрацію, вызывающе заявляя о ниспроверженіи основного устоя жизни Русскаго Государства — Самодержавія.

„Присутствовавшіе на лекціи офицеры гарнизона, судя по рапортамъ ихъ, мнѣ представленнымъ о семъ происшествіи, ничѣмъ другимъ не заявили себя, какъ торопливостью при началѣ безпорядка выбраться изъ зала и уйти домой.

„Нѣкоторые изъ офицеровъ даже видѣли, какъ одинокій представитель порядка, чиновникъ полиціи, ринулся въ толпу для прекращенія безпорядка, но и тогда ни у кого не екнуло солдатское сердце...

„Черезъ минуту", говорится въ одномъ рапортѣ „всѣ бывшіе въ залѣ офицеры очутились у вѣшалокъ!"

„Затѣмъ не могу не засвидѣтельствовать, что во всѣхъ рапортахъ достаточно „словесности", доказывающей заботливость каждаго подчеркнуть свое личное „тутъ не причемъ". Были даже такіе, что когда валился на нихъ дождь листковъ съ дерзкими словцами, то даже не поинтересовались ими и, не читая, рвали эти листки.

„Конечно, ни въ одномъ уставѣ, ни въ одномъ томѣ свода законовъ не найти точныхъ указаній — чтѣ должны были сдѣлать и какъ должны были поступить офицеры въ приключившейся обстановкѣ; но я былъ бы счастливъ объявить въ приказѣ, что присутствовавшіе офицеры со старшимъ во главѣ были у вѣшалокъ не въ числѣ первыхъ, а самыми послѣдними.

„Несомнѣнно, что безпорядокъ былъ произведенъ по сговору; несомнѣнно, что межеумки, недоучки и разные инородцы были сплочены въ кучу, дѣйствовали по лозунгу, — въ этомъ была ихъ сила; тогда какъ слушатели лекціи разныхъ классовъ и слоевъ общества, случайно собравшись, чтобы послушать талантливаго лектора, ничѣмъ не были объединены, и совершенно естественно, разъ начался безпорядокъ, что публика стала уходить, причемъ, какъ говорится въ одномъ рапортѣ, „держала себя скромно и спокойно". Но въ этой публикѣ были гг. офицеры, безъ всякихъ сговоровъ всегда объединенные воинскимъ мундиромъ и превыше сего тою особою клятвой, которая ими дана на присягѣ, которая должна побуждать ихъ при малѣйшемъ посягательствѣ на основные устои Россіи мгновенно сплачиваться и становиться на изготовку. Не скромно и спокойно уходить, какъ это сдѣлала публика, должны были гг. офицеры, а энергично и твердо выразить свою рѣшимость быть готовыми на всякія случайности, разъ нужно дѣломъ доказать исповѣданіе своей вѣры.

„Что могло затѣмъ послѣдовать? Кто можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ?

„Увѣренъ въ одномъ, что если бы благонамѣренные и благожелательные проявляли по личному почину сплоченность и рѣшительность, давно бы мы покончили съ безобразнымъ терроромъ кучекъ, дѣйствующихъ, шумящихъ, кричащихъ по вражескому лозунгу.

„Не сомнѣваюсь, что ни одинъ изъ бывшихъ на лекціи офицеровъ въ другихъ случаяхъ возможныхъ трудныхъ обстоятельствъ, когда задѣли бы честь жены, семьи, баталіона или мундира, не уклонились бы отъ риска потерять даже жизнь... Но не превыше ли всего этого — рисковать всѣмъ на защиту отъ дерзкаго поношенія основъ бытія нашей Россіи? Случайно бывшему на лекціи достойному и опытному служакѣ ставлю, какъ старшему, на видъ, что въ минуту испытанія онъ не оказался на высотѣ положенія и вмѣстѣ съ другими очутился среди публики, стремившейся къ вѣшалкамъ, а не на посту, т. е. ставлю ему въ упрекъ, что онъ не сталъ центромъ, возлѣ котораго сплотилось бы все, носящее военный мундиръ.

Подписалъ: Командующій войсками Округа Ген.-Лейтенантъ Сухотинъ."

* * *

Въ этомъ любопытномъ литературномъ произведеніи обращаетъ на себя особое вниманіе твердое намѣреніе ген. Сухотина во что бы то ни стало втянуть офицеровъ въ „политику", вопреки обычному взгляду, что армія должна быть чужда „политикѣ". Правда, армія примѣняется для усмиренія всякихъ народныхъ движеній, но въ этихъ случаяхъ она дѣйствуетъ каждый разъ на основаніи особаго приказанія, съ соблюденіемъ предписанныхъ закономъ условій, не на основаніи своихъ политическихъ симпатій, но въ силу своего подчиненія правительственной власти. Поэтому, если бы иркутскіе офицера (о которыхъ идетъ рѣчь въ приказѣ) утѣшили ген. Сухотина и бросились на помощь полиціи, водворявшей въ собраніи „порядокъ", то они поступили бы совершенно незаконно и такое участіе ихъ въ свалкѣ между гражданами и чинами полиціи было бы, по существу, самоуправствомъ и нарушеніемъ общественной тишины и порядка. Какого рода „работы" желалъ бы ген. Сухотинъ отъ подчиненныхъ ему офицеровъ, — объ этомъ даютъ представленіе разсказы о недавнихъ демонстраціяхъ въ Тифлисѣ и Ростовѣ-на-Дону, гдѣ ретивые офицера-добровольцы бросались въ толпу рабочихъ, рубили шашками и стремились выбить пролетарское знамя, словомъ, вели себя, какъ вульгарные забавники въ Томскѣ.

Изъ литературнаго произведенія ген. Сухотина явствуетъ также, что въ глазахъ убѣжденнаго и активнаго сторонника самодержавія не заслуживаютъ никакого уваженія тѣ офицера, которые до такой степени пассивны и индифферентны, что „даже не интересовались листками и, не читая, рвали эти листки". Такая пассивность и такой индифферентизмъ не понятны преданному слугѣ престола. Будь ген. Сухотинъ въ Иркутскомъ клубѣ, онъ сначала прочелъ бы „сыпавшіеся дождемъ листки", потомъ „сдѣлался-бы, какъ левъ" (какъ говорилъ о себѣ одинъ свидѣтель въ Саратовскомъ процессѣ демонстрантовъ) и бросился бы уничтожать внутренняго врага. Правда — какъ это знаетъ ген. Сухотинъ — такое поведеніе не предусмотрѣно никакими уставами, а потому онъ вынужденъ аппелировать къ смыслу воинской присяги (не къ ея буквѣ, ибо эта буква требуетъ лишь повиновенія приказамъ начальства, а никакъ не партизанской войны съ его врагами). Но когда рѣчь идетъ не о простомъ выполненіи „уставовъ", а о самостоятельномъ участіи офицера въ политикѣ, какъ о выполненіи гражданскаго долга, то нельзя уклониться и отъ вопроса о выборѣ между двумя враждующими сторонами. Тѣмъ болѣе нельзя, что, когда мы аппелируемъ къ „смыслу" присяги, то мы не можемъ забыть, что эта присяга дается на вѣрность не только престолу, но и отечеству. Но политическая борьба, въ которой ген. Сухотинъ предлагаетъ офицерамъ принять рукопашное участіе, есть именно борьба между царскимъ престоломъ и нашимъ русскимъ отечествомъ. Присоединяясь отъ всей души къ призыву ген. Сухотина выйти изъ пассивнаго состоянія и занять мѣсто въ политической борьбѣ, мы, съ своей стороны, предлагаемъ офицерамъ вникнуть въ цѣнность той и другой изъ враждующихъ сторонъ и сдѣлать свой выборъ. Въ одномъ случаѣ ихъ ждутъ лавры, которые теперь достаются „одинокимъ представителямъ порядка" — полицейскимъ и жандармамъ вплоть до ордена св. Анны, украшающаго нынѣ за полицейскія услуги іудину грудь рядового Панферова; въ другомъ случаѣ — „только" почетная слава сподвижниковъ Пестеля и Бестужева, Суханова и Штромберга.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

Вслѣдъ за демонстрантами — распространители „преступныхъ воззваній". Это вполнѣ логично, и мы, по этой логикѣ, благополучно катимся назадъ, къ тѣмъ блаженнымъ временамъ, когда за передачу одной брошюры приговаривали къ четыремъ годамъ каторги (Бутовская), за напечатаніе пары листковъ къ каторгѣ долгосрочной (Долгушинцы), а за храненіе „террористическихъ" изданій — просто вѣшали (Розовскій въ 1880 году).

Печатаемый нами обвинительный актъ открываетъ собой, очевидно, новую серію политическихъ процессовъ. Какъ пишетъ намъ нашъ корреспондентъ изъ Екатеринослава, обвинительный актъ врученъ уже четыремъ товарищамъ, арестованнымъ за прошлогоднюю майскую демонстрацію въ этомъ городѣ. Поговариваютъ о судѣ надъ студентами-участниками недавней томской демонстраціи. Нѣкоторымъ „нелегальнымъ", арестованнымъ въ прошломъ году по дѣлу „Искры", тоже упорно грозятъ судомъ, двое революціонеровъ-рабочихъ на Уралѣ попали на скамью подсудимыхъ въ процессѣ о нападеніи толпы безработныхъ на заводскія зданія, въ качествѣ, якобы, подстрекателей къ этому нападенію (обвин. актъ по этому дѣлу сообщимъ въ № 38).

Обвинительный актъ

о мѣщанинѣ Пантелеймонѣ Ивановѣ Денисовѣ, о крестьянахъ Павлѣ Степановѣ Тимашевѣ и Александрѣ Сильвестровѣ.

Въ виду наблюдавшагося весною 1902 г. распространенія въ г. Саратовѣ различнаго рода и въ весьма большомъ количествѣ сочиненій преступнаго содержанія, а также появившихся въ началѣ мая указаній о готовящейся 5 того же мая въ Саратовѣ уличной демонстраціи съ противуправительственными цѣлями, мѣстной полиціей былъ предпринятъ въ означенную ночь (съ 4 на 5 мая) усиленный уличный дозоръ, во время котораго выслѣжены и задержаны три человѣка, занимавшіеся расклеиваніемъ и разбрасываніемъ по улицамъ преступныхъ прокламацій и воззваній. Задержанные оказались: мѣщ. П. И. Денисовъ, и кр-не П. С. Тимашевъ и А. Р. Сильвестровъ. На произведенномъ по сему поводу въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Уг. Суд. дознаніи установлено, что около двухъ часовъ ночи на 5 мая 1902 г., на углу Казарменной и М.-Царыцинской улицъ г. Саратова, окол. надз. Шадринъ и унтер-квартальный Петровъ замѣтили троихъ неизвѣстныхъ, вышедшихъ изъ калитки одного дома и показавшихся имъ подозрительными. Слѣдуя за этими лицами и обративъ вниманіе, что они останавливались на нѣкоторое время у будки сада Сервье, Шадринъ и Петровъ вскорѣ потеряли ихъ, однако, изъ виду и вслѣдъ за этимъ встрѣтили околодочнаго надзирателя Синягина съ унт.-кварт. Шоринымъ, отъ которыхъ узнали, что ими снята сейчасъ свѣже-наклеенная на стѣну около завода Шиллера прокламація подъ названіемъ „1 мая". При этомъ караульщикъ означеннаго завода сообщилъ, что трое какихъ-то неизвѣстныхъ только-что передъ тѣмъ прошли отъ завода къ Московской площади. Продолжая преслѣдованіе въ этомъ направленіи, Синягинъ и Шоринъ на Нижней улицѣ, около ночлежнаго дома, настигли разыскиваемыхъ и задержали одного изъ нихъ, кр-на Ал. Сильвестрова, у котораго обнаружили въ рукѣ противоправительственное воззваніе „Ко всѣмъ саратовскимъ рабочимъ и ремесленникамъ". Вслѣдъ за симъ, на выстрѣлы, произведенные Шоринымъ, и крики его обратили вниманіе находившійся на Московской площади окол. надз. Кольбау и унтеръ-квартальный Винокуровъ, которые настигли убѣгавшихъ товарищей Сильверстова и арестовали ихъ, причемъ задержанные оказались мѣщ. П. Денисовымъ и кр. Тимашевымъ. Въ то время, когда послѣдніе бѣжали, они выбросили на Нижней улицѣ пачку прокламацій (приглашеніе на уличную демонстрацію 5 мая въ г. Саратовѣ) и стклянку съ клейстеромъ. Кромѣ того, по пути слѣдованія Денисова, Тимашева и Сильвестрова найдены: около будки сада Сервье свертокъ преступныхъ воззваній, у ночлежнаго дома наклеенное на красной бумагѣ большого формата объявленіе о готовящейся 5 мая демонстраціи; на Цыганской улицѣ наклеенные въ двухъ мѣстахъ противоправительственные листки „1 мая" и на Аткарской ул. такое же воззваніе. По осмотрѣ упомянутыхъ преступныхъ воззваній, они оказались слѣд.: 1) Большое гектографированное на красной бумагѣ объявленіе, приглашающее „рабочихъ и ремесленниковъ, и всѣхъ, кому дорога свобода и ненавистенъ произволъ и насиліе" на „демонстрацію 5 мая": на лѣвой сторонѣ этого объявленія изображенъ рабочій съ краснымъ знаменемъ въ одной рукѣ и флагомъ въ другой, на флагѣ помѣщена надпись „политическая свобода", а внизу: „свобода, равенство и братство! да здравствуетъ соціализмъ"; 2) печатное воззваніе: „1 мая, ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ", съ эпиграфомъ: „Вставай, подымайся, рабочій народъ" и съ подписью: „Типографія партіи соціалистовъ-революціонеровъ". Воззваніе это составлено по поводу празднованія рабочими перваго мая и заканчивается словами: „Самодержавная царская власть и полицейскій произволъ должны быть уничтожены прежде всего"; и 3) воспроизведенная на пишущей машинѣ и напечатанная при помощи мимеографа прокламація „Ко всѣмъ саратовскимъ рабочимъ и ремесленникамъ", со штемпелемъ: „Саратовскій Комитетъ Росс. С.-Д. Р. П. Апрѣль 1902 г.", заключающая въ себѣ весьма рѣзкое осужденіе существующаго государственнаго и общественнаго строя, утверждающая, что „русскій царь принадлежитъ къ классу милліонеровъ и эксплуататоровъ", и приглашающая къ борьбѣ съ самодержавіемъ „для достиженія политической свободы и народнаго правительства". — Привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, Денисовъ и Тимашевъ сознались въ совершеніи приписываемаго имъ преступленія, а Сильвестровъ свою виновность отрицалъ, и при этомъ они объяснили: 1) Денисовъ, — что, получивъ вечеромъ 4 мая отъ лица, назвать которое онъ не желаетъ, около 20 прокламацій для распространенія ихъ, онъ уговорилъ Тимашева и Сильвестрова пойти съ нимъ по улицамъ и расклеивать воззванія, при чемъ это и было ими исполнено въ эту ночь: 15 воззваній онъ успѣли расклеить и разбросать, пять остались у нихъ, а когда они замѣтили, что за ними слѣдитъ полиція, то бросили ихъ; 2) Тимашевъ — что Денисовъ, предупредивъ ихъ о предстоящей уличной демонстраціи и о содержаніи имѣвшихся у него воззваній, пригласилъ его и Сильвестрова участвовать въ расклейкѣ этихъ воззваній и что, когда они пошли ночью на 5 мая по улицамъ, то Денисовъ намазывалъ воззванія клеемъ, Тимашевъ прилѣплялъ ихъ къ стѣнамъ, а Сильвестровъ наблюдалъ, не идетъ-ли кто-нибудь и, кромѣ того, и самъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбрасывалъ прокламаціи; вмѣстѣ съ тѣмъ Тимашевъ призналъ, что во время преслѣдованія полиціей онъ, дѣйствительно, выкинулъ нѣсколько оставшихся у него листковъ; и 3) Сильвестровъ — что участія въ распространеніи воззваній не принималъ и хотя понялъ, что Денисовъ и Тимашевъ расклеиваютъ запрещенныя объявленія, но содержанія не зналъ; отобранную же у него прокламацію поднялъ на улицѣ и положилъ себѣ въ карманъ, чтобы прочитать ее утромъ. — Изъ дѣла усматривается, что всѣ они ранѣе сего привлекались къ дознаніямъ политическаго характера, а именно: 1) Денисовъ — при Моск. Г. Ж. У. по обвиненію въ принадлежности къ моск. кружку „Интеллигентовъ-пропагандистовъ", причемъ по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 31 день декабря 1900 года подчиненъ гласному надзору полиціи срокомъ на три года; 2) Тимашевъ — въ 1899 г. при СПБ. Г. Ж. У. по дѣлу о соціально-революціонной группѣ рабочихъ и, на основаніи Выс. повелѣнія отъ 21 февр. 1901 г. дознаніе это разрѣшено въ административномъ порядкѣ съ тѣмъ, чтобы подвергнуть Тимашева гласному надзору полиціи на два года въ избранномъ имъ мѣстѣ жительства, за исключеніемъ столицъ, столичной и Таврической губерній, университетскихъ городовъ и фабричныхъ мѣстностей, а за симъ въ томъ же 1901 г. Тимашевъ привлеченъ при Сар. Г. Ж. У., каковое дознаніе еще не разрѣшено; и 3) Сильвестровъ — при Моск. Г. Ж. У. по обвиненію въ пропагандѣ среди московскихъ рабочихъ, за что, согласно Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 2 мая 1901 г., подчиненъ гласному надзору полиціи на четыре года въ избранномъ имъ мѣстѣ жительства, за исключеніемъ столицъ, столичныхъ и Таврической губерній и мѣстностей фабричнаго района. — На основаніи вышеизложенныхъ данныхъ мѣщ. г. Тулы П. И. Денисовъ, 24 лѣтъ, и крестьяне: Тульской губ., Каширскаго уѣзда, Ростовецкой вол., дер. Гритчиной, П. С. Тимашевъ, 23 л., и Московской губ., Серпуховскаго уѣзда, Хатунской вол., деревни Глотоевской А. Р. Сильвестровъ 34 л. — обвиняются въ томъ, что по взаимному между собою уговору въ ночь съ 4 на 5 мая 1902 г. распространяли по улицамъ города Саратова посредствомъ наклеиванія и подбрасыванія прокламаціи и объявленія, завѣдомо для нихъ содержащія въ себѣ дерзостное порицаніе государственному порядку и законному образу правленія и даже оспариваніе неприкосновенности правъ Верховной власти, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 252 ст. Ул. о нак., а посему и на основаніи 2 п. 1030 ст. Уст. угол. суд., Денисовъ, Тимашевъ и Сильвестровъ подлежатъ суду Сарат. Судеб. Палаты въ усиленномъ составѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей. — Составленъ 22 фев. 1903 г. въ Саратовѣ. Подлинный за подлежащ. подписомъ. — Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію по дѣлу о Денисовѣ и другихъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи. Обвиняемые: 1) мѣщ. П. И. Денисовъ, подъ стражей въ Царицынской тюрьмѣ; 2) крестьянинъ П. С. Тимашевъ, въ г. Саратовѣ; 3) кр. Ал. Р. Сильвестровъ, — с. Зуево-Орѣхово, Моск. губ. Свидѣтели: 1) приставъ 1 части г. Саратова Поповъ; 2) окол. надз. Синягинъ; 3) унт.-кварт. Шоринъ; 4) окол. надз. Шадринъ; 5) крестьян. Петровъ; 6) окол. надз. Кольбау; 7) унт.-кварт. Винокуровъ; 8) цеховой Ширшовъ; 9) ночной караульщикъ староста Взовсковъ; 10) кр. Шепелевъ.

Екатеринославъ, 12 марта. Съ 4 марта началась забастовка въ Екатеринославскомъ Высшемъ Горномъ Училищѣ. Произошла она по слѣд. поводу: недѣли двѣ тому назадъ стали извѣстны приговоры екатеринославскимъ демонстрантамъ (декабрь 1901 г. и февраль 1902 г.): студ. Костюшко и Полушкинъ — 4 и 5 лѣтъ Вост. Сиб., дѣвицѣ Жмуркиной — 3 года, рабочимъ Косареву, Гольденбергъ (женщ.), Дворецкому и Ерманку по 4 и 5 лѣтъ Вост. Сиб. Всѣ эти лица до сихъ поръ содержались въ тюрьмѣ; и приговоръ, хотя и показался черезчуръ суровымъ, однако, никого не удивилъ. Но вдругъ 3 марта арестовываютъ студ. Горнаго Уч. Кравцова, обвинявшагося по дѣлу о демонстраціи, давно ужъ освобожденнаго и продолжающаго обучаться въ Уч., чтобы отправить его въ Вятку. Это событіе сильно подѣйствовало на студентовъ, и на 4 марта была созвана сходка, на которой изъ 240 студентовъ Горн. Уч. присутствовало 160 ч. Большинствомъ двухъ-третей голосовъ (113) была принята резолюція, рѣзко порицающая безсмысленный и жестокій приговоръ студентамъ-демонстрантамъ и объявляющая прекращеніе занятій впредь до удовлетворенія выставленнаго сходкой требованія — преданія демонстрантовъ гласному суду. Администрація Училища, во главѣ съ директоромъ, всполошилась, сама созвала сходку, на которой умоляла студентовъ вести себя лойяльно, обѣщая студентамъ содѣйствіе въ достиженіи ими легальными средствами ихъ требованій.

Видя, что ничего не помогаетъ, директоръ поѣхалъ къ губернатору (гр. Келлеру), прося какъ-нибудь помочь дѣлу. Губернаторъ отвѣтилъ директору, чтобы тотъ уговорилъ студентовъ успокоиться, пока еще не поздно, т. е. пока не начались уличные безпорядки, которыхъ, по мнѣнію гр. Кеплера, можно ожидать. Директоръ вмѣстѣ съ губернаторомъ отправляются къ жандармамъ, кот. объявляютъ, что для Полушкина и Костюшко ничего сдѣлать нельзя, но что Кравцовъ, Карповъ, Шахновичъ и Владыкинъ (послѣдніе трое находились въ такомъ же положеніи и должны были быть, какъ объявили жандармы, арестованы со дня на день) могутъ спасти себя только подачей телеграммы Мн. Вн. Дѣлъ съ просьбой ходатайствовать у царя о помилованіи. Убѣжденный губернаторомъ и жандармами, директоръ отправляется въ училище, зоветъ къ себѣ трехъ упомянутыхъ студентовъ въ кабинетъ и предлагаетъ имъ подать телеграмму Мн. Вн. Дѣлъ, говоря, что арестованный Кравцовъ тоже сдѣлалъ это (это фактъ). Тѣ, не долго думая, рѣшили подать телеграмму (вотъ ея текстъ: Мин. Вн. Дѣлъ. Покорнѣйше ходатайствую у Вашего Высокопрев. о предстательствѣ передъ Его Импер. Вел. о помилованіи меня отъ наказанія и дать возможность продолжать высшее образованіе), но это не прекратило забастовки: студенты были возмущены поведеніемъ своихъ четырехъ товарищей и рѣшили продолжать выставлять свое требованіе, — преданіе демонстрантовъ гласному суду. Все это время Орг. Ком. Учил. выпускалъ листки за своею подписью съ рѣзко политической окраской, а также другія революціонныя изданія (между прочимъ, прокламацію О. К. Росс. С.-Д. Р. П. о юбилеѣ печати). 10-го ночью демонстрантовъ должны были отправить въ Сибирь: студенты и рабочіе рѣшили пойти проводить ихъ. На вокзалѣ собралось около 50 чел. студентовъ, рабочихъ и прочей публики. Но проводить не удалось, такъ какъ отсылаемыхъ отправили не съ тѣмъ поѣздомъ. Тогда провожавшіе пошли толпой по проспекту и, пройдя два квартала, запѣли Варшавянку, но тотчасъ же были арестованы слѣдовавшими за ними съ вокзала казаками и полиціей. Всего арестовано 32 ч., которые административно приговорены къ аресту отъ 2 до 7 дней. Забастовка продолжается.

День 19 февр. прошелъ спокойно, хотя полиція довольно дѣятельно готовилась къ этому дню (были приготовлены солдаты и казаки). День этотъ былъ отпразднованъ двумя собраніями (одно въ 45, другое въ 70 чел.), на которыхъ ораторы говорили на тему о значеніи 19 февраля для Россіи, для пролетаріата и т. д. Собранія прошли оживленно.

Четыремъ рабочимъ, привлекавшимся по дѣлу о демонстраціи 5 мая 1902 г., врученъ обвинительный актъ по обвиненію ихъ по 252 ст.; дѣло будетъ разбираться въ Харьк. Суд. Палатѣ (когда, еще неизвѣстно). Остальные привлекавшіеся по этому дѣлу, за недостаткомъ уликъ, выключены изъ дѣла. Изъ обвиняемыхъ старшему 20 лѣтъ, младшему — 16

Тверская губ. Въ Новоторжкомъ уѣздѣ земскіе либералы вмѣстѣ съ своимъ предвод. дворянства — молодымъ Петрункевичемъ праздновали юбилей своего исправника. На юбилеѣ говорили ему комплименты въ томъ смыслѣ, что съ его властью онъ могъ-бы приносить вредъ, а, между тѣмъ, не приносилъ. Спустя короткое время, Уѣздная Управа по ошибкѣ получила изъ канцеляріи губернатора на свое имя пачку доносовъ исправника-юбиляра и инспектора народныхъ училищъ Лелянова. Въ доносахъ указывается на наличность „соціальнаго броженія“ въ уѣздѣ, на совѣщанія управы съ учителями и пропаганду земцевъ среди учителей и т. п. Управцы пожаловались губернатору, излили свою обиду, но губернаторъ расшаркался и уволилъ [illegible] человѣкъ изъ своей канцеляріи. Этотъ Леляновъ, вообще, отличается въ дѣлѣ сыска: онъ подговариваетъ квартирохозяевъ слѣдить за учителями, допрашиваетъ возницъ о томъ, куда учителя ѣздятъ на собранія, при ученикахъ распекаетъ учителей за безбожіе и т. п. Нѣкоторыхъ учителей онъ допрашивалъ объ ихъ участіи въ убійствѣ волостного старшины Василевской волости. Убѣдившись, что допрашиваемый учитель не причемъ, Леляновъ заявляетъ ему: „все же изъ разговора съ Вами я убѣдился, что придется Васъ удалить“.

Объ этомъ убійствѣ извѣстно слѣдующее: въ Василевской волости оказался убитымъ среди улицы новый старшина; деньги, часы и пр. оказались при немъ. Старшина былъ назначенъ земскимъ начальникомъ, вопреки желанію крестьянъ, и молва указываетъ на это обстоятельство, какъ на причину убійства.

Вообще, броженіе среди крестьянъ сильное. Недавно были расклеены самодѣльныя прокламаціи (произведены гектографомъ, сдѣланнымъ на клеѣ и дающимъ пять оттисковъ). Попы говорятъ проповѣди о фабричныхъ „мышахъ“, дурно вліяющихъ на деревню. Недавно въ одной изъ чайныхъ Тверской губ. арестованъ простой крестьянинъ за то, что читалъ „призывнымъ“ толстовскую „памятку“.

Москва, 12 марта. Мѣсяца полтора тому назадъ на Коломенскій вагонно-строительный заводъ пріѣхалъ министръ Хилковъ по случаю выпуска трехтысячнаго вагона (или паровоза?). Онъ произнесъ предъ собравшимися рабочими рѣчь, въ которой благодарилъ ихъ за то, что они всегда стояли въ сторонѣ отъ „злонамѣренныхъ элементовъ“, и увѣрялъ, что улучшенія своего положенія они могутъ добиться лишь законнымъ путемъ. Затѣмъ онъ проявилъ свою благосклонность тѣмъ, что уничтожилъ „стѣсняющіе ихъ“ обыски, сократилъ по субботамъ рабочій день на два часа и подарилъ всѣмъ, кто прослужилъ „безпорочно“ десять лѣтъ, — серебряные часы. Затѣмъ онъ ввелъ особую книгу, гдѣ будутъ записываться всѣ „безпорочно служащіе“ для соотвѣтственныхъ наградъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ въ газетахъ сообщалось, что у управляющаго Даниловской мануфактурой изчеала дочь. Затѣмъ въ „Московскихъ Вѣдомствахъ“ появилось письмо настоятеля сосѣдняго мужскаго монастыря, гдѣ „въ виду распространившихся слуховъ, будто исчезнувшая дѣвушка находится у нихъ въ монастырѣ“, это рѣшительно опровергается. Теперь выяснилось слѣдующее. Дѣвушка была похищена монахами, изнасилована и находилась въ монастырѣ. Когда рабочіе узнали объ этомъ (а новый управляющій, порядочный человѣкъ, пользуется ихъ расположеніемъ), они собрались толпой и хотѣли пойти разгромить монастырь. Но управляющій удержалъ ихъ, говоря, что онъ заявилъ уже прокурору и дѣлу данъ законный ходъ. Но на дняхъ, говорятъ, митрополитъ Владиміръ ѣздилъ къ царю и исходатайствовалъ прекращеніе дознанія по этому дѣлу. Между тѣмъ рабочіе остыли и дѣло, вѣроятно, кончится ничѣмъ. (Этотъ фактъ передаютъ со словъ одного изъ товарищей прокурора). Имя похищенной Роза Волей.

Теперь начинаются осложненія въ Бутыркахъ. Политическихъ вдругъ начали притѣснять при свиданіяхъ. Прекратили общія свиданія, наконецъ, прекратили личныя свиданія и теперь разрѣшаютъ только свиданія за двойной рѣшеткой, въ виду того, будто бы, что прежде на свиданіяхъ политическимъ передавалось много запрещеннаго. Всѣ заключенные отказались отъ свиданій, и теперь сообщеніе съ тюрьмой прервано.

Здѣсь обнаружился новый опасный провокаторъ — Петръ Глѣбовичъ Ярковъ (онъ же Гордѣевъ) — „раскаявшійся“ рабочій.

Вологда. Новый вол. губернаторъ, Ладыженскій, начавшій свою дѣятельность либеральной рѣчью въ земскомъ собраніи и заигрываніемъ съ политическими ссыльными, за послѣднее время все болѣе и болѣе выясняетъ свою настоящую физіономію, являясь такимъ же самодуромъ, какъ и его достойный предшественникъ Муравьевъ, прославившійся въ свое время закрытіемъ дворянскаго клуба.

Подвиги новаго помпадура начались слѣдующимъ инцидентомъ. Явившись на закрытіе земскаго собранія, Л. усмотрѣлъ великое оскорбленіе своему помпадурскому достоинству въ томъ, что находившаяся въ залѣ публика (бол. частью, ссыльные) сидѣла въ его присутствіи. Когда помпадуръ высказалъ свое недовольство поведеніемъ публики провожавшему его предсѣдателю собранія, Андрееву, послѣдній, возвратясь въ залъ, обратился къ публикѣ съ рѣчью, въ коей въ крайне грубой формѣ упрекалъ ее въ непониманія приличій. Въ отвѣтъ на это ссыльный Дрелингъ, бывшій въ числѣ публики, отъ лица послѣдней заявилъ: „Г. предсѣдатель! Мы не сочли нужнымъ вставать, ибо губернаторъ обращался съ рѣчью вовсе не къ намъ, а къ гласнымъ. Что же касается до правилъ вѣжливости, то они извѣстны намъ не менѣе, чѣмъ Вамъ и гг. гласнымъ.“ Андреевъ въ тотъ же день сообщилъ о поступкѣ Дрелинга губернатору, а послѣдній немедленно выслалъ Дрелинга въ Кадниковъ, — несмотря на то, что у него былъ опасно боленъ ребенокъ и, кромѣ того, оставался всего мѣсяцъ до окончанія срока ссылки. Эта высылка произвела большое возбужденіе не только среди товарищей Д., но и среди обывателей, также негодовавшихъ на доносъ Андреева и самодурство губернатора. „Мы думали, что Андреевъ только идіотъ, а онъ еще и мерзавецъ. Да и Ладыженскій хорошъ!“ — говорили многіе. Когда эти слухи дошли до А., то онъ началъ ѣздить по своимъ знакомымъ и увѣрять ихъ, что онъ, сообщивъ губернатору о поступкѣ Д., вовсе не желалъ принести Д. вредъ, а просто необдуманно сбрехнулъ и теперь готовъ искупить свою вину; если бы былъ какой-ниб. поводъ, то онъ охотно съѣздилъ бы къ губернатору и упросилъ бы его вернуть Д. въ Вологду. Но такъ какъ никакого повода для поѣздки къ помпадуру не нашлось, а безпокоить такое сіятельное лицо изъ-за одного только этого инцидента глубоко постигшій всѣ тонкости этикета А. не рѣшился, то онъ и ограничился только этимъ заявленіемъ въ кругу своихъ знакомыхъ. Повидимому, и на Л. слухи о возбужденіи среди ссыльныхъ и вол. интеллигенціи оказали свое дѣйствіе, и онъ, опасаясь скандала, началъ раскаиваться въ своемъ опрометчивомъ распоряженіи. Какъ разъ въ это время къ нему явилась жена Д. и объяснила, что публика не вставала въ собраніи не потому, что хотѣла устроить демонстрацію, а просто потому, что не считала это нужнымъ; что всякій на мѣстѣ ея мужа поступилъ бы также, какъ и онъ, ибо А. оскорбилъ публику; что она полагаетъ, что дѣло передано въ извращенномъ видѣ и надѣется, что теперь, когда она выяснила недоразумѣніе, ея мужъ будетъ возвращенъ, — тѣмъ болѣе, что самъ А. раскаивается въ своемъ поступкѣ. Черезъ три дня послѣ этого объясненія Д. былъ возвращенъ въ Вологду. Нужно замѣтить, что съ высылкой Д., повидимому, связано и слѣдующее обстоятельство: за нѣсколько дней до нея у ссыльныхъ была отобрана подписка въ томъ, что имъ воспрещается „посѣщеніе вокзаловъ и пароходныхъ пристаней для встрѣчи и проводовъ своихъ товарищей-ссыльныхъ“.

Вскорѣ послѣ исторіи съ Д. вызываютъ къ губернатору ссыльнаго А. Луначарскаго (литераторъ) и объявляютъ, что онъ высылается въ г. Тотьму за то, что его корреспонденціи въ „Сѣв. Краѣ“, какъ заявляетъ объ этомъ управляющій акцизнымъ округомъ Миквицъ, вносятъ недовольство въ среду рабочихъ Волог. виннаго склада. На самомъ дѣлѣ эти корреспонденціи носили совершенно невинный характеръ: касаясь спектаклей, устраиваемыхъ для рабочихъ вин. склада, и нося въ общемъ сочувственный имъ характеръ, корреспонденціи констатировали, что на этихъ спектакляхъ рабочіе стоятъ въ углу, а всѣ мѣста заняты администраціей и ея знакомыми*). Послѣ длиннаго объясненія съ губернат. послѣдній далъ слово Луначарскому, что его не вышлютъ изъ Вологды. Между прочимъ: Лунач. была назначена по приговору Вятск. губ., которая, согласно его прошенію, была замѣнена мин. вн. дѣлъ г. Вологдой. Черезъ два дня Луначарскій былъ снова вызванъ въ полицію, гдѣ ему вручили проходное свидѣтельство въ г. Тотьму. Когда онъ сталъ требовать объясненій, то ему сказали, что мотивы высылки можетъ знать только губернаторъ, который только что выѣхалъ въ Петербургъ. Луначарск. удается захватить помпадура на вокзалѣ. На вопросъ Лунач., почему его высылаютъ, когда ему было дано слово оставить его въ Вологдѣ, помпадуръ отвѣчалъ, что тогда онъ дѣйствительно обѣщалъ, а теперь „передумалъ“. „Имѣются новые факты“, добавилъ онъ многозначительно, но назвать эти факты отказался. На другой день Лунач., несмотря на его требованія отсрочки, чтобы собраться въ дорогу, долженъ былъ отправиться въ Тотьму.

Въ январѣ въ городскомъ театрѣ предполагалось поставить пьесу Амфитеатрова, о чемъ было уже заявлено въ афишахъ, но губернаторъ запретилъ ставить ее, опасаясь, что учащіеся устроятъ автору сочувственную демонстрацію.

Въ половинѣ февраля былъ арестованъ ссыльный Саммеръ для отбыванія наказанія. Лѣтомъ при обыскѣ у него нашли нелег. лит., возбудили по этому поводу дѣло, и въ настоящее время полученъ приговоръ — 1 мѣс. ареста при полиціи. Саммера помѣстили во 2 части въ кабинетѣ пристава, но черезъ два дня пріѣхалъ прокуроръ и приказалъ перевести его въ камеру для пьяныхъ, въ высшей степени грязную, темную и душную. Тогда Саммеръ объявилъ голодовку, отказался отъ книгъ и свиданій, требуя перемѣны камеры; черезъ два дня голодовки его пришлось отправить въ больницу въ виду сильнаго нервнаго разстройства.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Трагедія въ Златоустѣ. Вотъ что пишутъ намъ о бойнѣ 13 марта:

„Въ началѣ марта рабочимъ казеннаго завода въ Златоустѣ были предложены новыя разсчетныя книжки съ измѣненными правилами. Этими новыми правилами вводились денежныя взысканія за поломку инструментовъ, станковъ, машинъ; крупные штрафы за опозданіе и т. п., и угроза тюремнымъ заключеніемъ за разныя нарушенія правилъ. Рабочіе отказались принять книжки и бросили работу. 12 марта, послѣ нѣсколькихъ дней стачки, въ Златоустъ прибылъ уфимскій губернаторъ съ войсками и, запретивъ рабочимъ собираться, приказалъ выбрать депутатовъ для переговоровъ съ нимъ. Въ тотъ же день были выбраны четыре депутата, которые и изложили требованія рабочихъ о сохраненіи прежнихъ [illegible]. Въ ночь съ 12-го на 13-ое марта всѣ депутаты были арестованы и куда-то увезены изъ Златоуста. На утро возбужденная толпа, тысячъ въ пять, подкрѣпленная рабочими съ сосѣдняго Кусинскаго казеннаго завода, гдѣ также началась забастовка, (съ тѣми же требованіями), — собралась на площади. Когда вышелъ губернаторъ, рабочіе сняли шапки и заявили, что они просятъ возвратить арестованныхъ. Жена одного изъ арестованныхъ привела дѣтей и обратилась къ губернатору со словами: „вы взяли моего мужа, теперь мнѣ нечѣмъ кормить моихъ дѣтей, берите и ихъ“. Ее обругалъ какой-то офицеръ; она его ударила и была избита за это шашками. Возбужденіе росло. На отказъ губернатора вернуть депутатовъ, послышались изъ толпы угрожающіе возгласы: „мы васъ всѣхъ перебьемъ“ и т. п. Этого было достаточно, чтобы войскамъ былъ данъ знакъ стрѣлять. Сдѣлано было два залпа (двѣсти выстрѣловъ); въ результатѣ — болѣе ста раненыхъ и много убитыхъ (точная цифра убитыхъ пока неизвѣстна; въ разныхъ показаніяхъ она колеблется отъ 20 до 69!). Въ числѣ убитыхъ есть женщины и дѣти. Послѣ двухъ залповъ толпа разсѣялась, но когда трупы были свезены на кладбище, туда собрались рабочіе и разнесли ихъ по домамъ.

Въ Уфѣ, въ предупрежденіе безпорядковъ по поводу златоустовскихъ событій, предполагается расквартировать казаковъ. Въ рабочей части города — Софроновкѣ — былъ опросъ, сколько можетъ тамъ помѣститься казаковъ въ каждой квартирѣ. Запаснымъ чинамъ дано предписаніе быть готовыми къ оказанію содѣйствія войскамъ“.

Позднѣйшее сообщеніе:

„Во время переговоровъ рабочихъ съ губернаторомъ послѣдній схватилъ одного рабочаго, стоявшаго въ переднихъ рядахъ и пытался его вытащить изъ толпы, очевидно, чтобы арестовать. Толпа не дала его, причемъ, отнимая, повалила губернатора. Послѣ этого губернаторъ вбѣжалъ на крыльцо и далъ знакъ — стрѣлять. Стрѣляли съ двухъ сторонъ. Говорятъ, что и самъ губернаторъ стрѣлялъ изъ револьвера. Дѣйствительно, у мальчика Лысова была вынута изъ колѣна револьверная пуля.

Число убитыхъ выяснилось теперь точно: 15 марта похоронили шестьдесятъ девять (69) человѣкъ, убитыхъ на повалъ и умершихъ отъ ранъ. Передъ похоронами ихъ принесли на площадь, гдѣ жилъ губернаторъ, и тамъ отслужили панихиду. Присутствовало все населеніе завода и много пришлыхъ — до двадцати тысячъ человѣкъ. Чувствовалось, что въ воздухѣ собралась гроза. Достаточно было малѣйшаго повода, чтобы общее настроеніе вылилось въ самыя бурныя проявленія. „Не остановились бы ни передъ чѣмъ“ — говорили впослѣдствіи рабочіе. Но нигдѣ не было видно ни одного полицейскаго, ни одного солдата (ихъ спрятали во дворахъ и въ арсеналѣ). Губернаторъ не показывался.

Работа возобновилась съ 14 марта только потому, что было объявлено о закрытіи завода, если стачка продолжится. Но книжекъ рабочіе не принимаютъ.

Теперь по отношенію ко всѣмъ пріѣзжающимъ въ Златоустъ приняты исключительныя мѣры: на вокзалѣ ихъ останавливаютъ жандармы и требуютъ записи на особомъ листѣ цѣлаго ряда показаній (кто? откуда? къ кому? зачѣмъ пріѣхалъ? и пр.).“

* * *

От редакціи. Новое подробное правительственное сообщеніе о златоустовскомъ преступленіи показываетъ, что даже холопы самодержавія смущены неслыханнымъ по размѣрамъ кровопролитіемъ 13 марта. Губернаторъ пытаеся свалить вину на „подпольную агитацію“ и натравить общественное мнѣніе противъ агитаторовъ, какъ нравственныхъ виновниковъ происшедшаго. Представители этой агитаціи могутъ противопоставить этимъ утвержденіямъ тотъ, констатированный правительствомъ фактъ, что рабочіе Златоуста шли на штыки и подъ пули, требуя освобожденія этихъ „подпольныхъ агитаторовъ“, которыхъ они научились цѣнить, какъ своихъ предводителей. Они, по словамъ правительственнаго сообщенія, требовали выдачи агитаторовъ рабочимъ „подъ личное ихъ покровительство“. И находящимся подъ „покровительствомъ“ такой городской массы соціалистамъ-агитаторамъ не страшны клеветы и инсинуаціи, распускаемыя правительствомъ!

Губернаторское сообщеніе теперь уже признаетъ наличность 45 убитыхъ (28 на мѣстѣ и 17 отъ ранъ) и 100 раненыхъ (включая этихъ 17). Нашъ корреспондентъ сообщаетъ, что хоронили 69... Изъ числа убитыхъ двое и изъ числа раненыхъ 18 (шесть тяжело) — не рабочіе, а любопытные зрители, слѣдовательно, убитые за то, что „попались подъ руку“.

Наконецъ, губернаторъ, въ извращенномъ видѣ представивъ все дѣло, успокаиваетъ публику извѣстіемъ, что о всѣхъ раненыхъ тщательно заботится усиленный медицинскій персоналъ при содѣйствіи „Краснаго Креста“. О, ихъ постараются вылечить, это несомнѣнно! Постараются для того, чтобы предать продажному суду, не правда ли, ваше превосходительство?

Уфа. Уфимскій Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. по соглашенію съ Самарскимъ Комитетомъ 19 февраля выпустилъ на гектографѣ двѣ прокламаціи за одной общей подписью обоихъ комитетовъ; одна изъ нихъ составлена Уфимскимъ Комитетомъ, другая Самарскимъ. Прокламаціи въ ночь на 19-ое были расклеены и разбросаны по городу въ количествѣ болѣе 500 экземпляровъ и разосланы въ письмахъ по городу и губерніи въ количествѣ около ста экземпляровъ. Полиція ожидала, что 19 февраля не пройдетъ безъ революціонной агитаціи, и наканунѣ 19 съ вечера она уже сдѣлала свои набѣги на квартиры рабочихъ, произведя въ ночь на 19-ое съ восьми часовъ вечера до шести часовъ утра около десяти обысковъ; по городу въ эту ночь была усиленная слѣжка: ночью видѣли монаховъ, которые утромъ направлялись къ жандармскому управленію. Все это, однако, не помѣшало успѣшному распространенію прокламацій, хотя полиціи все-таки удалось задержать на улицахъ трехъ рабочихъ. Обыски въ квартирахъ оказались безрезультатны.

ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ“

Тульскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Съ начала 1902 года Тульская группа Партіи вступила на путь массовой пропаганды. Она стала заниматься собственнымъ издательствомъ листковъ на разныя темы. Это не были прокламаціи въ собственномъ смыслѣ, т. е. не были изрѣдка появляющіеся агитаціонные, призывающіе къ какому-либо дѣйствію, листки; это были въ большинствѣ случаевъ, хотя и приноровленные къ тѣмъ или другимъ злобамъ дня, листки, но скорѣй объясняющіе то или другое интересное явленіе, чѣмъ призывающіе къ тому или другому дѣйствію. Воспроизведеніе этихъ листковъ было поставлено плохо и обходилось неимовѣрно дорого, несмотря на всѣ усилія руководителей группы. Объясняется это той общей причиной, что всякой мѣстной группѣ, предоставленной самой себѣ, крайне трудно удовлетворять хорошо всѣмъ своимъ потребностямъ, такъ какъ этихъ потребностей очень много и съ каждымъ годомъ ихъ становится все больше и больше. Всего за годъ было выпущено около десяти листковъ. Считаемъ въ томъ числѣ такую брошюру, какъ „Пауки и мухи“ и нѣкоторыя другія важныя для мѣстной работы изданія. Въ началѣ года издавали преимущественно на мимеографѣ, а затѣмъ, къ сожалѣнію, пришлось перейти къ гектографу по разнымъ болѣе или менѣе случайнымъ, но достаточно серьезнымъ причинамъ. Весь годъ, съ самаго его начала и до самаго конца, сильнѣйшимъ образомъ ощущался недостатокъ въ общей (брошюрной и журнальной) литературѣ. На заботы о добычѣ литературы тратилось чрезвычайно много силъ, времени и денегъ, а литературы до самаго послѣдняго времени все-таки не было. Людямъ, стоящимъ не у самаго центра этихъ заботъ, казалось даже, что комитетъ бездѣйствовалъ. Такое мнѣніе высказывалось отчасти и потому, что комитетъ не считалъ правильнымъ выпускать много листковъ, не подготовивъ нѣкоторыхъ условій, обезпечивающихъ непрерывность мѣстной работы, напримѣръ, не организовавъ [illegible] въ этой работѣ. [illegible] перваго мая буквально все населеніе Тулы ждало въ этотъ день „бунта“. Никакого „бунта“, конечно, не было. Весь годъ настроеніе среди рабочихъ было очень подавленное, благодаря сильнѣйшей безработицѣ, все болѣе и болѣе обостряющейся. Въ городѣ чрезвычайно усилились нищенство и грабежи. А увольненія рабочихъ все продолжаются и конца этому не предвидится. Такъ, напримѣръ, съ оружейнаго завода увольняютъ постепенно цѣлыми тысячами. Кустари-же буквально голодаютъ. Сознательная часть рабочаго населенія лихорадочно слѣдитъ за ужаснымъ процессомъ усиливающейся безработицы и глухо волнуется; было два отдѣльныхъ случая расправы съ начальствомъ: въ начальника желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ Баумана стрѣлялъ кто-то изъ рабочихъ; мастера Конышева съ фабрики Теплова избили до полусмерти (ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ задержанъ никто не былъ). Въ то-же время сознательные рабочіе все болѣе и болѣе планомѣрно организуются, что, вѣроятно, въ скоромъ времени пригодится имъ на дѣлѣ. Во второмъ полугодіи мѣстный комитетъ партіи составилъ и издалъ (прилагаемый) „Планъ организаціи“ мѣстной группы, а въ самомъ концѣ года выработалъ и „планъ дѣйствій“ на слѣдующій 1903 годъ; этотъ планъ содержится, конечно, въ тайнѣ. Въ 1902 году Тульская полиція произвела два набѣга на мѣстныхъ жителей: въ апрѣлѣ и въ декабрѣ. Кромѣ того было арестовано нѣсколько человѣкъ въ разное время порознь. Въ январѣ былъ арестованъ Харахоринъ и скоро освобожденъ. Въ февралѣ былъ арестованъ конторщикъ оружейнаго завода Федоровъ (просидѣлъ восемь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, что и вмѣнено ему въ наказаніе). Въ апрѣлѣ были арестованы одновременно: Е. Литкенсъ, А. Литкенсъ, С. Луначарская, І. Розинъ, А. Шпановъ, А. Малевскій. Въ апрѣлѣ-же въ Тульскую тюрьму была привезена М. Иваницкая. Въ маѣ арестованъ Чудовъ. Въ августѣ — В. Кисловъ и Дроновъ. Въ декабрѣ — опять А. Шишковъ, Колюжный, Панченко и Мыщецкая. Кромѣ четырехъ послѣднихъ всѣ освобождены, просидѣвши въ тюрьмѣ разные сроки, отъ одной недѣли до восьми мѣсяцевъ.

Въ заключеніе просимъ васъ напечатать слѣдующее: еще въ первомъ полугодіи по всей Россіи распространился ни на чемъ не основанный слухъ, что въ Тулѣ солдаты отказались стрѣлять въ рабочихъ и „подняли на штыки“ своего офицера. Мы твердо убѣждены, что не далеко то время, когда солдаты такъ именно и будутъ поступать, но пока у насъ, по крайней мѣрѣ, въ Тулѣ этого не было, и кто сочинилъ эту довольно правдоподобную сказку — не знаемъ. Нашъ безотрадный обзоръ 1902 года не помѣшаетъ намъ бодро смотрѣть впередъ и работать съ твердой увѣренностью въ томъ, что лучшія времена не за горами.

Январь 1903 г. **Тульскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.**

Комитетъ проситъ опубликовать слѣдующую резолюцію, которая, по независящимъ обстоятельствамъ, попала къ намъ съ опозданіемъ: Тульскій Ком. Россійск. С.-Д. Рабоч. Партіи. постановилъ выразить черезъ „Искру“ всѣмъ ростовскимъ и тихорѣцкимъ товарищамъ, принимавшимъ участіе въ ноябрскихъ забастовкахъ и сходкахъ, свое искреннее сочувствіе, глубокое уваженіе и братское спасибо за хорошій примѣръ смѣлаго заявленія своихъ правильныхъ требованій.

Ростовъ-на-Дону (писано до демонстраціи 2 марта). Надежды мѣстной полицейской орды на 19 февраля, когда она ожидала пожать лавры и тѣмъ возмѣстить себя за „осеннія событія“, совершенно не оправдалась. А она ли не старалась для того, чтобы вызвать желанныя для нея въ настоящее время „событія“ и „поступки“. Въ самомъ дѣлѣ, ею, совмѣстно съ мѣстной „средиземной эскадрой“, были пущены въ ходъ всѣ мѣры провокаціи. Но въ результатѣ вышла одна смѣшная контръ-демонстрація, развеселившая всѣхъ обывателей города. Съ 9-10 часовъ вечера 19 февраля отъ Таганрогскаго проспекта до Соборнаго переулка сновали цѣлыя толпы городовыхъ и переодѣтыхъ жандармовъ. Настроеніе шпіоновъ было чрезвычайно приподнятое и они тались, какъ угорѣлые, выглядывая „непріятеля". Но „непріятеля" не было видно, несмотря на то, что для предполагавшагося „усмиренія" его было наготовѣ 6 сотенъ казаковъ, вызванныхъ къ 19 февраля. Растерявшееся начальство думало, что событія непремѣнно должны были произойти, какъ и въ прошломъ году, въ этотъ день. Но увы! напрасно помпадуры почесывали свои зудѣвшія руки. „Крамола ростовская", судя по возростающему революціонному настроенію среди рабочихъ, охарактеризованному отчасти въ прошлой моей корреспонденціи, несомнѣнно проявится, только не тогда и не въ томъ мѣстѣ, какъ это желательно „попечительной" жандармеріи, а только тогда, когда для этого будетъ достаточно революціонныхъ основаній. Не смотря на то, что здѣсь уже функціонируетъ охранное отдѣленіе, которое завело систему „стаціонарнаго выслѣживанія", работа революціонная среди рабочихъ кипитъ по всей линіи. Почти подъ носомъ шпіоновъ и жандармеріи происходятъ громадныя собранія, ростовская пролетарская революція рвется на поверхность общественно-политической жизни, вопреки всѣмъ жандармскимъ происканъ. На-дняхъ за городомъ были три сходки, каждая по 350-450 человѣкъ. На сходкахъ этихъ подъ открытымъ небомъ горячо дебатировались самыя разнообразныя политическія темы. На одной изъ нихъ обсуждалось значеніе 19 февраля для общественныхъ отношеній Россіи и, въ частности, значеніе его для рабочаго класса; указывалось въ рѣчахъ говорившихъ ораторовъ на особенно неблагопріятныя условія освобожденія въ Россіи, гдѣ оно произошло не революціоннымъ способомъ, а оппортунистическимъ и т. д. На послѣдней сходкѣ ораторъ знакомилъ рабочихъ съ пресловутой партіей соціалистовъ-революціонеровъ, указывалъ рабочимъ на оппортунистическій и буржуазный характеръ программы „неуловимыхъ" соціалистовъ-революціонеровъ и въ заключеніе своей рѣчи ораторъ указалъ тѣ позиціи, на которыхъ должны стоять рабочіе по отношенію къ соціалистамъ-революціонерамъ, которые для рабочихъ должны являться не идейными союзниками, а идейными противниками, пренебрегающими ихъ классовыми интересами и затемняющими ихъ соціальное сознаніе посредствомъ „неуловимаго" террора и тѣхъ жалкихъ оппортунистическихъ потугъ, которыя именуются у соц.-рев. революціонной программой. Рѣчь эта на [illegible]чихъ произвела громадное впечатлѣніе. Вообще, нужно [illegible] справедливость Донскому Комитету за умѣлое и толковое воздѣйствіе на рабочихъ. Нужно замѣтить, что о сходкахъ полиція узнала только черезъ нѣсколько дней, такъ какъ она была разстроена неудачей съ 19 февраля.

---

*) Помимо этого, установлено, что никакихъ волненій среди рабочихъ склада нѣтъ и не было.

Одесса. Здѣсь была въ день 19 февраля оживленная сходка 700 рабочихъ, на которой говорились рѣчи. Нагрянувшей полиціей задержано только 4 рабочихъ.

Харьковъ. На паровозостроительномъ заводѣ вновь назначено къ разсчету 300-400 человѣкъ. Рабочіе посылали къ новому фабричному инспектору Рюмин — ставленнику кн. Оболенскаго — своихъ делегатовъ, прося сдѣлать что-нибудь для смягченія нужды. Конечно, Рюминъ ничего не сдѣлалъ.

Мѣстный Комитетъ партіи издалъ прокламацію, приглашая рабочихъ завода требовать, чтобы наличный контигентъ не былъ сокращаемъ, а работа была распредѣлена между всѣми при устраненіи всякихъ сверхурочныхъ работъ и уменьшеніи рабочаго дня до 8 часовъ.

Съ Урала. Мартъ. На Михайловскомъ листопрокатномъ заводѣ (Екатеринб. у.) большая стачка: требуютъ увеличенія заработной платы до размѣровъ, при которыхъ возможно было бы существовать не только рабочему, но и его семьѣ. Держатся дружно, но трудно ожидать побѣды. Сбыта на листовое желѣзо почти нѣтъ, и заводоуправленіе можетъ вовсе прекратить на время работы.

Изъ Польши. (Изъ „Красн. Знамени" — орг. польск. соц.-дем. № 4). Въ Ченстоховѣ въ началѣ февраля забастовало въ ткацкомъ отдѣленіи джут[illegible] „Варта" 120 женщинъ и 20 мужчинъ. Рабочіе требовали прекращенія обсчитыванія, практиковавшагося, благодаря отсутствію точныхъ правилъ о расцѣнкахъ. Попытка полиціи разъединить стачечниковъ не привела ни къ чему. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ.

Такой же побѣдой кончилась трехнедѣльная стачка 120 еврейскихъ портныхъ въ г. Плоцкѣ.

Новочеркасскъ (мартъ). Здѣсь былъ арестованъ и сидѣлъ раб. Костылевъ, взятый по сулинскому дѣлу. Послѣ безпорядковъ на заводѣ Пастухова (ст. Сулинъ Ю. В. ж. д.), бывшихъ прошлогодней масляницей, тамъ были произведены аресты, не затронувшіе организованныхъ рабочихъ. Содержатель пивной, какъ-то вывѣдавъ у посѣтителей рабочихъ, что у нихъ есть кружокъ, выдалъ ихъ жандармамъ. Рабочіе, — народъ молодой и неопытный, — на допросахъ разговаривали и оговорили нѣкоторыхъ товарищей, въ томъ числѣ и Костылева, котораго взяли уже въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ тогда работалъ. Сидѣлъ онъ съ октября 1902 г. по 7 февраля 1903 г., когда его выпустили, подъ залогъ (500-1000 руб.). Желѣзнодорожныя мастерскія въ Новочеркасскѣ приняли его вновь на службу. — Въ здѣшнихъ мастерскихъ работаетъ до 300 чел Зданія мастерскихъ довольно ветхія, крытыя толемъ, сквозь который сильно протекаетъ вода, такъ что весной и осенью приходится работать, стоя въ водѣ или на мокромъ деревянномъ полу, въ которомъ многія доски прогнили. Въ холодное время топятъ (отопленіе паровое), но лишь съ приходомъ рабочихъ, такъ что воздухъ нагрѣвается только къ 5-6 часамъ, когда приходитъ пора уже расходиться. Штрафы не слишкомъ сильны, хотя всецѣло зависятъ отъ свaренія желудка мастера. Рабочій день — десять съ половиною часовъ, съ обѣдомъ и завтракомъ — 12 час. Ростъ сознательности замѣчается съ 1901-902 г., подъ вліяніемъ близости Ростова-на-Дону (2 часа по жел. дор.) и событій послѣднихъ лѣтъ. За послѣднее время ходко идутъ и требуются прокламаціи Донского Комитета. Носильщики на этой станціи получали пять руб. въ мѣсяцъ отъ дороги и чаевыя отъ кассировъ. Теперь получено отъ управляющаго дорогой предписаніе выгнать всѣхъ носильщиковъ и замѣнить ихъ новыми, но безъ всякой платы отъ дороги, а также перевести кондукторовъ на поденную плату, что равно сильному пониженію заработной платы. Распоряженіе это вызвало такой протестъ, что начальникъ не рѣшился привести его въ исполненіе и поѣхалъ въ Воронежъ за инструкціями. Ростовское охранное отдѣленіе прислало сюда своихъ агентовъ искать типографію Донского Комитета. Прокламація послѣдняго о 19 февраля „Предательское освобожденіе", развѣнчивающая царя-батюшку Александра II изъ его роли „безкорыстнаго" освободителя, — распространена была здѣсь въ большомъ количествѣ. Второго и третьяго марта было вызвано отсюда по сотнѣ казаковъ, а четвертаго послана еще сотня въ Ростовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ЗАЯВЛЕНІЕ ОРГАНИЗАЦІОННАГО КОМИТЕТА.

Въ послѣднее время между Центр. Комитетомъ „Бунда", Заграничнымъ Комитетомъ „Бунда" и „Искрой" по поводу образованія Организаціоннаго Комитета возникла полемика, которая можетъ бросить тѣнь на взаимныя отношенія Орг. Ком. и Бунда.

Въ виду этого Орг. Ком. въ совѣщаніи своемъ, въ которомъ принимали участіе представители всѣхъ образовавшихъ его организацій („Искры", „Бунда", „Южн. Раб." и Петербург. Комит.) обсуждалъ этотъ печальный инцидентъ и рѣшилъ довести до свѣдѣнія всѣхъ организацій Рос. С.-Д. Р. П., что весь этотъ инцидентъ является плодомъ недоразумѣнія. Ни со стороны Орг. Ком. не было намѣренія отстранить „Бундъ" отъ участія въ немъ, ни со стороны „Бунда" не было желанія мѣшать дѣятельности Орг. Ком. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній Орг. Ком. проситъ, чтобы отдѣльныя организаціи не выступали съ печатными заявленіями по организаціоннымъ дѣламъ Комитета, не снесясь съ нимъ и не испытавъ предварительно возможности выяснить недоразумѣнія организаціоннымъ путемъ.

13 марта 1903 г. **Орган. Ком. Рос. С.-Д. Р. П.**

Мы получили слѣд. заявленіе:

„Согласно постановленію Орг. Ком. отъ 13 марта не считаю возможнымъ отвѣтить на письмо въ редакцію „Искры" („Искра" № 33) делегата Орг. Ком., который велъ со мной переговоры по поводу присылки „Извѣщенія".

Членъ Центральнаго Комитета „Бунда" — членъ Орг. Комитета."

Заявленіе Тульскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Р. П

Будучи вполнѣ согласенъ съ „Искрой", какъ въ вопросѣ о террорѣ, такъ и въ аграрномъ вопросѣ, Тульскій Комитетъ считаетъ нужнымъ заявить „Искрѣ", что онъ, конечно, согласенъ съ принципами напечатаннаго ею въ № 21 „проэкта программы" (о деталяхъ въ другой разъ). Если-же по организаціоннымъ вопросамъ и оказались-бы какія-либо разногласія, то Комитетъ увѣренъ, что эти разногласія окажутся незначительными и лишь временными. Во всякомъ случаѣ Тульскій Комитетъ горячо привѣтствуетъ всѣ начинанія „Искры", направленныя къ скорѣйшей окончательной организаціи единой Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи, и желаетъ видѣть „Искру" и „Зарю" руководящими органами этой Партіи.

Два слова о „соціалистахъ-революціонерахъ": мы считаемъ, что полемика съ ними со стороны „Искры" болѣе, чѣмъ достаточно, корректна, считаемъ, что она полезна въ смыслѣ разжевыванія различныхъ теоретическихъ и тактическихъ вопросовъ, но совѣтуемъ не выдвигать эту полемику на первый планъ газеты, считая, что это слишкомъ почетно для такой несостоятельной теоретически партіи, какъ „партія соціалистовъ-революціонеровъ". Январь 1903 г. **Тульскій Ком. Р. С.-Д. Р. П.**

Привѣтствуя выступленіе Сибирскаго Соціаль-Демократическаго Союза, какъ Комитета Партіи съ опредѣленной, ясно выраженной, революціонно-соціаль-демократической программой, привѣтствуя заявленіе Союза о его полной „солидарности съ организаціей „Искры" по вопросамъ принципіальнымъ, тактическимъ и организаціоннымъ", — Иркутскій Комитетъ въ свою очередь открыто признаетъ газету „Искра" своимъ руководящимъ органомъ, выражаетъ полную готовность оказывать этому органу въ его агитаціонной и организаціонной работѣ, какъ матеріальную, такъ и духовную поддержку и всѣми силами способствовать Сибирскому Союзу — Комитету Партіи въ проведеніи имъ на практикѣ принциповъ революціонной соціаль-демократіи.

Привѣтствуя это заявленіе, по существу значительно разнящееся отъ программы Союза, опубликованной два года тому назадъ, Иркутскій Комитетъ выражаетъ полную увѣренность, что такое открытое, опредѣленное и рѣшительное заявленіе въ духѣ революціонной соціаль-демократіи послужитъ могучимъ толчкомъ къ оживленію и укрѣпленію соціаль-демократической работы въ Сибири.

Комитетъ рѣшилъ отчислять въ пользу организаціи „Искры" минимумъ 10 проц. ежемѣсячныхъ поступленій.

Февраль 1903 года, Иркутскъ.

Иркутскій Ком. Росс. С.-Д. Р. П.

Заимствуемъ нѣкоторыя интересныя данныя изъ „Отчета о дѣятельности Донского Ком. Р. С.-Д. Р. П. за 1902 г.". Комитетомъ было издано 46 прокламацій въ количествѣ 60,000 экз., изъ коихъ двѣ въ февралѣ, двѣ въ мартѣ, пять въ апрѣлѣ, одна въ маѣ, 12 въ сентябрѣ и октябрѣ до начала стачки и 23 въ теченіе стачки. Сверхъ того изданы майская брошюра и брошюра Либкнехта „Пауки и мухи" въ 4500 экз. „Надо замѣтить, что до 1902 года за все время существованія мѣстной соц.-дем. организаціей ею выпущено всего 19 прокламацій въ количествѣ приблизительно 10,000 экз."

Бюджетъ Комитета составилъ въ 1902 г. 5000 рублей. Связи Комитета сильно расширились, впервые положено основаніе организаціи женщинъ-работницъ, созданы небольшія рабочія организаціи въ тяготѣющихъ къ Ростову городахъ и заводскихъ поселеніяхъ образовано общество „Краснаго Креста" и заведена собственная типографія, такъ блестяще себя зарекомендовавшая во время стачки и послѣдовавшаго за ней пріода усиленнаго жандармскаго сыска.

Въ теченіе 1902 г. были устроены двѣ демонстраціи (19 февр. на улицѣ и 13 марта въ театрѣ) и сдѣлана неудачная попытка демонстраціи 19 апрѣля.

„Съ твердой вѣрой вступаемъ мы въ 1903 г. Мы глубоко вѣримъ, что этотъ годъ несетъ не только ростъ революціонныхъ силъ, но и раціональную организацію и использованіе этихъ силъ. Мы надѣемся, что этотъ годъ принесетъ намъ фактическое объединеніе нашей партіи, прекратитъ недостойное шатаніе умовъ въ рядахъ соц.-демократіи, положитъ предѣлъ внутреннимъ распрямъ и несогласіямъ, отъ которыхъ, какъ отъ жандармскихъ набѣговъ, страдаетъ наша дѣятельность." Такими словами заканчиваетъ Комитетъ свой обзоръ революціоннаго года, въ которомъ его дѣятельности принадлежитъ столь почетное мѣсто.

За послѣднее время дѣятельность **Екатеринославскаго** Комитета Рос. С. Д. Раб. Партіи выразилась въ распространеніи слѣд. листковъ: „19 февраля", „о ростовскихъ событіяхъ", „о юбилеѣ печати" (изд. Орг. Ком.), — первыя въ колич. 3-6 тыс. экз., третій — въ 1500 экз.; былъ изданъ № 8 „Летучаго Листка" (4 тыс.) и распространено по рукамъ большое количество всякаго рода нелегальной литературы (главнымъ образомъ, изд. „Искры" и „Южный Рабочій"). — Въ послѣднее время сильно ростетъ спросъ на нелег. литер. въ близъ лежащихъ городахъ (Кривой Рогъ, Александровскъ, Павлоградъ и др.). Екатер. Ком. по мѣрѣ возможности удовлетворяетъ эти требованія и разсылаетъ туда.

Петерб. Ком. изд. прокламаціи: 1) о Зубатовщинѣ („Волкъ-оборотень"), 2) о сельскохоз. ком. и 3) докладъ старшаго фабр. инспектора упр. отд. промышленности. О послѣднемъ документѣ, въ виду его интереса, мы разскажемъ подробнѣе въ слѣд. ном. — **Тифлискимъ** Ком. выпущены прокламація къ солдатамъ и листокъ о демонстр. 23 февр. — **Иркутскимъ** Комит. листокъ „Къ обществу" объ арестахъ въ Иркутскѣ. — **Сибирскимъ** Ком. (Ком. Партіи) переиздано въ собственной тип. „Извѣщеніе Орг. Ком." и изданъ листокъ о приказѣ ген. Сухотина.

Харьковскимъ Комитетомъ партіи изданы воззванія: 1) къ рабочимъ паровозостроит. завода, 2) по поводу перваго марта, 3) о ростовской демонстраціи, 4) „Маску долой" (о фаб. инспект. Рюминѣ), 5) „Откуда беретъ правительство деньги и на что ихъ тратитъ". — **Тульскимъ** С.-Д. Ком.: листокъ объ увольненіи 1500 рабочихъ съ оружейнаго завода и воззваніе: „къ крестьянамъ отъ тульскихъ рабочихъ"; **Нижегородскимъ** Ком.: письмо Заломова изъ тюрьмы (приведенное въ № 35 „Искры"); **Саратовскимъ** Ком.: о 19 февраля; **Сѣвернымъ** Союзомъ — по тому же поводу; Комитетомъ **Кишиневской** соц.-дем. организаціи: о первомъ марта; Соц.-дем. союзомъ **горнорабочихъ**: листокъ № 5 (о безработицѣ); другой листокъ, съ призывомъ къ поддержкѣ „Союза" (въ 2.000 экз.). и „Пауки и Мухи" Либкнехта (въ 8.000 экз.). Всѣ три листка, равно какъ и вышедшее раньше, хорошо отпечатаны въ собственной типографіи. — **Одесскимъ** Ком. изд. листокъ о 19 февр. **Бакинскимъ** Ком. въ мартѣ выпущена прокламація по поводу удавшейся демонстраціи. „**Бундомъ**" изданъ № 31 „Голосъ Рабочихъ" (янв. 1903 г.).

Вышелъ № 4 „**Краснаго Знамени**", органа „Соціаль-Демократіи Польши и Литвы" (мартъ, 1903 г.). Содержаніе: Памяти Маркса. — Бурный мѣсяцъ. — Рѣчи русскихъ рабочихъ на судѣ. Корресподенціи изъ Польши и изъ Россіи. Заграничная хроника.

Въ февралѣ изданъ № 2 „**Соц.-дем. Обозрѣнія**" научнаго органа той же партіи. Содержаніе: Польскіе почитатели царя. — Памяти "Пролетаріата", Розы Люксембургъ. — Профессіональные союзы въ Германіи, С. Адамскаго. — Русскіе соціаль-демократы о польскомъ и національномъ вопросѣ — Корреспонденціи. — Журнальное обозрѣніе. — Критика и библіографія. — Общественно-политическая хроника.

Вышли изданія „Лиги рев. русской соц.-дем.": 1) Милитаризмъ и рабочій классъ и 2) Пролетарскій праздникъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Тверь. Арест. Рагозинъ; въ Торжкѣ вторично арестов пом. земск. агронома Кузнецовъ (выпущенъ послѣ допроса). — **Екатеринославъ.** Въ февр. арест.: Яппольскій (поднадзорн выпущенъ), бывш. семин. Евгеній Беззабава (увезенъ въ СП и др. — **Новороссійскъ.** Изъ арестов. за ноябрьскую стач рабочихъ сидятъ до сихъ поръ: Величкинъ, Битнеръ, Шевел Кривомазовъ, Зозулинъ, Ермаковъ и др., всего 17 чел. Состо подъ особымъ надзоромъ Іосифъ Петрушкевичъ приговоренъ тремъ мѣсяц. тюрьмы. Кромѣ него, здѣсь отбываютъ надзор Ник. Ильинъ (дѣло Брянск. зав.), Павелъ Точисскій (дѣло мос Ком. Росс. С.-Д. Р. П. 1899 г.), Валентинъ Ѳоминъ (кіевское дѣ соц.-рев.). 17 февр. арест. Кристити, служащій Владикавск. ж. Говорятъ, найдено много литер. 18 февр. арестовано 7 раб. ж.-дор. маст. Всѣ отправлены въ Екатеринодаръ. — **Таганрогъ.** Въ половинѣ февраля пришелъ приговоръ по дѣлу рабочихъ, арестованныхъ 25 марта 1902 г. Преданы были Росляковы. Обвинялись въ организаціи кружковъ и пропагандѣ среди раб чихъ. Солдатову — ссылка въ Архангельскую губ. на 4 год Новикову, Жилину и Качанову — по 6 мѣс. тюремн. заключені — **Иркутскъ.** Арест. раб.: Стижинскій, Фураевъ, Яны Глушковъ и др.; гимназистъ 7 кл. Рубинштейнъ (вып.), учит фельдш. школы Суссеръ и ссыльная М. Гутовская. — **Якутскъ.** „Прощенный" моск. студ. Игорь Будиловичъ сосланъ на 5 лѣт въ отдаленнѣйшія мѣста области (по оговору мѣстнаго реалист — **Москва.** Въ тюремной больницѣ находится литераторъ Б нинъ. Въ февралѣ, кромѣ уже упомянутыхъ, арестованы: кур Андреева, студенты Гуровъ, Страховъ, Ануфріевъ; слуш-ца фел курс. С. Штаденъ; рабочіе: Филипповъ (съ Прохор. мануф.), Хи ровъ, Тумановъ, Истоминскій. — **Ярославль.** 10 февр., кром упомянутыхъ раньше, арестов. рабочій Грячинъ, ученики торгово промышленной школы Китаевъ и Дубининъ; обыски у Дидр киль и Воронина. — **Харьковъ.** Въ началѣ февраля арестов Крамаревская, Пузанова, Левандовская, Перли, Зайкинъ, Лагунъ рабочіе Карпенко и Никитинъ; въ концѣ февраля — акушерк Горячева. Съ 9 на 10 марта — Циглеръ. Огаревъ и нѣсколь рабочихъ. — **Одесса.** Въ янв. и февралѣ арестованы: Шуха (экстернъ), Копчинскій (сапожникъ), Баскинъ (цирюльникъ), Ви ницкій (переплетчикъ), Бѣликовъ (слесарь), Мильнеръ (портной Айзенбергъ (апт. учен.), Вильнеръ (наборщикъ), Аренштей (токарь), Грановскій (экстернъ), Ананченко Макаръ (заводск. р Басовъ (экстернъ), Горнштейнъ (электротехн.), Миллинъ (сапож. Шейнисъ (чернораб.), Людвинскій, Кацъ (портной), Сызранце (зав. раб.), Никифоръ Зерчукъ, (столяръ) А. Копилевичъ (пекар І. Копилевичъ (портной, Гройсманъ (столяръ). На дняхъ из здѣшной тюрьмы выслано 15 чел. (въ томъ числѣ одна дѣвица Изъ нихъ — Израиль Кочуровскій (по дѣлу о динамитѣ) Л. Гринблатъ — въ Москву, Іос. Кричевскій — въ Тулу, Ан Барышникъ — неизвѣстно куда. Выслали внезапно, не да возможности снестись съ родными. — **Кишиневъ.** Послѣдова новая столь же суровая серія приговоровъ по старымъ дѣлам Интел. Григ. Кофъ сосланъ на 5 л. въ В. Сиб., пятеро рабочихъ арестованныхъ вмѣстѣ съ нимъ, выслано въ Сибирь на 4 год Выпущенъ прикащикъ Бѣленькій. Режимъ въ тюрьмѣ все бол невыносимъ. 14 марта арест. Могилевскій съ 6 пудами лит. (соц.-рев.), тогда же взяты студ. Панфиловъ, Кречмарь, раб. Корнбли и еще 6 раб. — **Гродно.** 16 янв. арест. на улицѣ Ш. Качульскій; 22 февр. за демонстрацію на похоронахъ Бенецкаго — тр брата Вольгели и еще двое рабочихъ. Изъ Ковно въ здѣшню тюрьму привезенъ Орловскій, изъ Крынокъ — рабочіе Діамант Лидеръ и еще двое, изъ Бѣлостока — 26 демонстрантовъ (томъ числѣ учен. ком. училища Вольфсонъ и гимн-ка Розенталь Сидѣвшіе по одесскому дѣлу Бернштейнъ и Бронштейнъ сослан до пригов. въ Вост. Сиб. — **Козловскій уѣздъ,** Тамбовс. губ 14 февраля въ дер. Кочетовкѣ арестованъ А. Алешковскій братья Лукины, сестры Никитниковы, учителя Кошаровъ и Со лолановъ, д-ръ Никулинъ, студ. Семилѣтовъ и болѣе 20 крестьян — **Ростовъ-на-Дону.** Послѣ демонстраціи взяты Нагель, раб Нагель и д-ръ Азовъ. — **Елизаветградъ.** Въ срединѣ январ 10 обысковъ, 14 февраля на одной квартирѣ арест. 6 рабочихъ; седьмой скрылся. — **Екатеринбургъ.** Въ январѣ арестован 11 чел.: двое рабочихъ и учительница изъ Нижне-Таг. завод инт. В. Киснимскій, Медвѣдевъ, остальные — екатеринбургск и верхнеисетскіе рабочіе. Много обысковъ. Въ началѣ мар пять обысковъ на Алапаевск. заводѣ, арест. чертежникъ Мунчук — **Орловъ,** Вятской губ. Какіе-то мальчуганы расклеили здѣ „преступныя" прокламаціи. По этому случаю полиція сдѣла обыски у мальчугановъ. У двухъ изъ нихъ нашли двѣ нел брошюры и два листка. Одинъ началъ болтать, въ концѣ ко цовъ, произвели обыскъ у полит. ссыльнаго К. Попова. Въ Н линскѣ обыватель передалъ полиціи пришедшіе на его имя оди пудъ 14 фун. литературы, при чемъ оговорилъ ссыльнаго Николаева, какъ истиннаго, будто бы, адресата. Въ малмыжскомъ елабужскомъ уѣздахъ были аресты по деревнямъ, причемъ первомъ уѣздѣ нѣсколько крестьянъ арестовано. — **Баку.** С перваго на второе марта арест.: Богданъ Куньянцъ (въ четверты разъ), Тигринъ, вольноопред. (въ третій разъ), Голикова (во вт рой разъ), студентъ Хунтадзе, акушер. Данюшевская, Козаренк (рецид, сотрудникъ „Бак. Изв."), землемѣръ Соколовскій, Крей нумъ (сіонистъ), раб.: Вишневскій, Самараевъ (во второй разъ, Майнеръ, Гинзбургъ и др. Почти всѣ выпущены. — **Кременчугъ.** Въ срединѣ марта арест.: Анчилавскій, Виленскій и г-жа Залковеръ, пріѣхавшіе изъ Одессы; раб. Даниловъ, Брагинскій еще одинъ; въ арестахъ замѣшанъ провокаторъ-столяръ „Гришка".

Въ февралѣ изъ Александровской (въ Ирк. губ.) пересыльно тюрьмы отправлена „зимняя" партія въ девять чел.: рабочіе из Севастополя Трофимъ Коротковъ и Абрамъ Кремшеверъ — пять лѣтъ Якутск. об. по дѣлу соц.-рев. въ Севастополѣ, Гатовскій — на пять лѣтъ Якутск. об. по дѣлу Раб. партіи политич осв. Рос., раб. М. Граббъ — изъ Минска по дѣлу Бунда — четыре года, М. Берлинъ, вольноопред. изъ Кіева за попытку освободить заключ. Урицкаго — на четыре года, Ал. Крупскі — на пять лѣтъ въ Якутск. обл. по дѣлу Пауля, Аронъ Залкинд раб., былъ въ ссылкѣ въ с. Знаменкѣ, за храненіе нелег. ли набавленъ одинъ годъ ссылки; Голленштейнъ, одесс. рабочій с.-д. дѣлу и Бродская слѣдуетъ за муж. (по Николаевск. с.-д. дѣлу

Сосланы: изъ Уфимск. губ. на 5 л. Якутск. обл. пом. пр пов. М. Б. Смирновъ, бывшій въ ссылкѣ по дѣлу „Раб. Знам."; изъ Чернигова на 5 л. В. Сиб. г-жа Мандельштамъ (по пет. дѣлу „Искры" дек. 1901 г.).

Бѣжалъ изъ Иркутска и благополучно прибылъ заграниц студ. моск. унив. Киселевъ, котораго мѣстная жандармерія бросилась арестовать послѣ собранія, на которомъ Кулябко-Корецкій читалъ свою лекцію и гдѣ ему былъ прочитанъ адресъ от ссыльныхъ студентовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

—ъ. Отчего ничего не присылаете? Адресъ, которымъ Вы пользовались раньше, годится. — **Солдату.** Вырѣзка получен

Черильницѣ. Получено. Просимъ и впредь пользоват тѣмъ же адресомъ для всякихъ присылокъ и сообщеній.

Корресп. изъ Финляндіи отлагается за недостаткомъ мѣст

Получено: А. В. 90 р., ВС. 50 р., СД. 60 р., въ О. К. от искровца изъ П. 156 р., чер. Г. С. Д. 341,10 мар., изъ нихъ че Цеткину въ пользу О. К. 78,45 мар., изъ Лозанны съ рефера Александрова 20,55 фр. и съ веч. въ память Маркса 90 фр., Кольцова 150 р., изъ Брюсселя 67,50 фр., отъ русск. с.-д. круж въ Лондонѣ 1 ф. ст., отъ Ф. изъ Ньюкестля на „Искру" 10 ши за „Искру" изъ Россіи 3 р., чер. Женеву изъ Екатер. 3 р., Мюнхена 200 мар., изъ Монпелье для стачечниковъ фабр. Шти лица 25 фр., изъ Цюриха съ бала 100 фр., съ вечеринки 13 ф изъ Вѣны за лит. 23,95 фр., за майскую лит. 30,30 фр.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обр щаться по слѣд. адресу:

Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 38. 15-го апрѣля 1903 года. № 38.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

ОТМѢНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ.

Въ манифестѣ 26 февраля Николай II приказалъ „принять безотлагательныя мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки“.

Расторопный г. Витте немедленно принялъ эти мѣры, и въ настоящее время круговая порука уже не существуетъ: 12 марта она отмѣнена именнымъ указомъ сенату.

Въ этомъ указѣ самодержецъ увѣряетъ, что „въ непрестанныхъ попеченіяхъ о благоденствіи народа нашего ... не оставляли мы заботы объ упроченіи быта крестьянства посредствомъ облегченія лежащаго на немъ податнаго бремени“. Но если царскія попеченія о крестьянствѣ были въ самомъ дѣлѣ непрестанны, то почему же круговая порука отмѣнена только теперь? Попечительный монархъ говоритъ, правда, что „уже Державный Дѣдъ Нашъ, Императоръ Александръ II, приступилъ къ ограниченію этого начала, изъявъ отъ дѣйствія круговой поруки малолюдныя селенія“, и что, „исполняя завѣтъ“ своего дѣда, онъ, Николай II, въ положеніи 23 іюня 1899 г. о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ [illegible] значительно сократилъ дѣйствіе круговой поруки, а кромѣ того тогда же повелѣлъ министру финансовъ „войти въ соображеніе вопроса о совершенной отмѣнѣ круговой отвѣтственности по уплатѣ окладныхъ сборовъ“. Но почему же онъ только въ 1899 году рѣшилъ исполнить „завѣтъ царя-освободителя“? Неужели сдѣлать это раньше помѣшала ему та „смута“, о которой онъ говорилъ въ своемъ манифестѣ, и которая, по его словамъ, „препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія“? Но вѣдь въ настоящее время эта „смута“ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, а г. Витте все таки сумѣлъ раздѣлаться съ круговой порукой, какъ только получилъ рѣшительное „повелѣніе“ на ея счетъ. Отчего же это повелѣніе не было отдано раньше? Наконецъ, отчего же самъ „царь-освободитель“ избавилъ отъ круговой поруки одни только малоземельныя общества?

Все это произошло по причинамъ, не имѣющимъ ровно ничего общаго съ „непрестаннымъ попеченіемъ о благоденствіи народа нашего“. Въ своемъ отношеніи къ „стѣснительной для крестьянъ круговой порукѣ“ правительство всегда руководилось „непрестаннымъ попеченіемъ“ объ интересахъ казны, а въ эпоху „освобожденія“ крестьянъ къ этому „попеченію“ присоединилась также забота объ исправномъ отбываніи крестьянами своихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ.

Наша сельская община не всегда имѣла тотъ видъ, какой она имѣетъ теперь въ Великороссіи: прежде она не знала ни круговой поруки, ни **земельныхъ передѣловъ**. Еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ отвѣтственность за недоимки падала только [illegible] накоплялись. [illegible] правительствомъ сдѣланы были, правда, нѣкоторыя слабыя попытки взыскивать недоимки со всѣхъ безъ различія членовъ общины, но эти попытки, какъ видно, не привели ни къ чему и вскорѣ были оставлены. Въ XVIII вѣкѣ дѣло приняло другой оборотъ. Ростъ государственныхъ потребностей, далеко опережавшій ростъ народныхъ производительныхъ силъ и „непрестанно“ возрастающее закрѣпощеніе крестьянства мало по малу привели насъ къ той круговой отвѣтственности плательщиковъ другъ за друга, которая существовала въ куріяхъ Римской имперіи и которую Гегель-сынъ очень удачно назвалъ **самымъ худшимъ карательнымъ учрежденіемъ**. Ко времени „освобожденія“ крестьянъ принципъ круговой отвѣтственности плательщиковъ безраздѣльно господствовалъ во всѣхъ „казенныхъ селеніяхъ“. Помѣщики, отвѣчавшіе за взносъ податей, не имѣли въ немъ надобности, потому что, при своей неограниченной власти надъ крѣпостными, они и безъ него могли принимать всѣ нужныя мѣры для избѣжанія или покрытія недоимокъ.

Вмѣстѣ съ круговой порукой упрочивались и строгости **паспортной системы**, сильно стѣснявшей передвиженіе лицъ податныхъ сословій, а, слѣдовательно, и экономическое развитіе страны. Наконецъ, какъ „увѣнчаніе зданія“ явились **передѣлы общинныхъ полей** въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сказывался недостатокъ въ землѣ и гдѣ, поэтому, исправному взносу податей могло помѣшать малоземелье нѣкоторой части крестьянства. Система земельныхъ передѣловъ довершила закрѣпощеніе крестьянъ государству. Она означала не то, что крестьяне сообща владѣли землею, а то, что и крестьяне, и ихъ земля сдѣлались казенной собственностью. Неудивительно, что нерѣдко крестьяне, „собравшись скопомъ, съ дубьемъ и дреколіемъ“, открыто сопротивлялись ея введенію. Но государство было гораздо сильнѣе ихъ. Бунтовщиковъ усмиряли „воинскія команды“, которыя нещадно наказывали ихъ, „учиняя“ имъ „жестокое, съ публикою мѣста въ наказаніе“; не обошлось, разумѣется, и безъ ссылки непокорныхъ въ Сибирь, на поселеніе или даже въ каторжныя работы. Такими доводами можно убѣдить кого угодно. „Общинные идеалы“ были надолго привиты сельскому населенію, которое мѣстами и до сихъ поръ сохранило печальное воспоминаніе объ эпохѣ ихъ прививки. Самое полное и всестороннее торжество этихъ идеаловъ относится къ половинѣ 19 вѣка, т. е ко времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ и пребыванія на министерскомъ посту пресловутаго гр. Киселева. Вотъ какъ характеризуетъ установившуюся тогда систему одинъ изслѣдователь, который, надо замѣтить, самъ далеко не чуждъ народническихъ „идеаловъ“. „Вообразите крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца. Этотъ рабовладѣлецъ не кто иной, какъ само государство; графъ Киселевъ — это главный управляющій, министерство государственныхъ имуществъ — его вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры, дѣйствующіе на мѣстахъ. Ихъ дѣйствія подкрѣплялись зуботычинами, засадкой въ холодную, драньемъ и сверхъ того взиманіемъ „денежной молитвы“.**) Авторъ этой блестящей характеристики ошибается, однако, говоря, что „ничего подобнаго никогда и нигдѣ не было и не могло быть, кромѣ Россіи“. Нѣчто совершенно подобное существовало — и не могло не существовать, — на всемъ азіатскомъ Востокѣ. Выросши на почвѣ закрѣпощенія крестьянъ государствомъ, круговая порука и земельные передѣлы, въ свою очередь, становились тамъ самой прочной основой самаго варварскаго деспотизма.

Когда началось „освобожденіе“, наши помѣщики были прекрасно знакомы со всѣми удобствами и неудобствами круговой поруки. Нѣкоторые члены губернскихъ комитетовъ рѣзко высказались противъ нея*). Члены екатеринославскаго губернскаго комитета Поль и Миклашевскій заявили, что налагать на освобождаемыхъ крестьянъ, — при отбываніи ими ихъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ, — круговую поруку съ ея неизбѣжными послѣдствіями значило не только продолжать, но даже усиливать крѣпостное право съ тою только разницею, что вмѣсто власти помѣщика крестьяне дѣлаются крѣпостными чиновниковъ и сельскихъ начальствъ.*) Тѣмъ не менѣе, круговая порука была введена, потому что она являлась незамѣнимой гарантіей помѣщичьихъ интересовъ. На крестьянъ взваливались повинности, по своимъ размѣрамъ далеко превосходившія предоставленныя имъ „выгоды“. Въ виду этого у „освободителей“ естественно возникало опасеніе, что „освобождаемые“ предпочтутъ отказаться отъ „выгодъ“ и не станутъ отбывать повинности. Это опасеніе и привело къ тому, что крестьянъ посадили на цѣпь круговой поруки. А отъ помѣщиковъ, конечно, не захотѣло отстать и государство. Отмѣняя права помѣщика на личность крестьянина, оно вовсе не хотѣло дать этому послѣднему полную гражданскую свободу. Нѣтъ, оно только собиралось сдѣлать ихъ **своими собственными крѣпостными**, а въ этомъ случаѣ ему нельзя было обойтись и безъ круговой поруки.

Вмѣстѣ съ круговой порукой на „освобожденныхъ“ крестьянъ надѣты были и цѣпи паспортной системы. **Отсутствіе свободы передвиженія** было неизбѣжно тамъ, гдѣ главная масса населенія оставалась привязаннымъ къ землѣ, безправнымъ „податнымъ сословіемъ“.

„Малоземельныя“, т. е. собственно **малолюдныя** общества были избавлены „царемъ-освободителемъ“ отъ язвы круговой поруки единственно потому, что при ихъ малолюдствѣ эта порука не могла служить сколько нибудь надежнымъ обезпеченіемъ исправнаго отбыванія повинностей**).

Когда г. Николай — онъ писалъ въ своихъ „**Очеркахъ**“ (стр. 67), что положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, „было лебединою пѣснью стараго процесса производства“, онъ высказывалъ мысль, которая по своему **буквальному** значенію — **просто нелѣпа**: правовыя учрежденія обусловливаются не **процессомъ** производства, а **тѣми взаимными отношеніями, въ которыя становятся люди во время этого процесса**. Но будучи выражена надлежащимъ образомъ, мысль г. Николая — она можетъ быть признана до извѣстной степени правильной: „Положеніе“ 19 февраля представляетъ собою плодъ производственныхъ отношеній, существовавшихъ въ старой дореформенной Россіи. Но въ этомъ состоитъ не достоинство его, а **коренной недостатокъ**. Говорить объ **освобожденіи** и въ то же время подчинять освобождаемыхъ такимъ учрежденіямъ, которыя по всему своему значенію являлись пережиткомъ **крѣпостничества**, значило издѣваться надъ бѣднымъ крестьянствомъ, ожидавшимъ „воли“ съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ и съ такой глубокой вѣрой въ добрыя намѣренія Александра II.

„Новое крѣпостное право“ [illegible] когда развитіе экономической жизни, — получившей [illegible]ный толчекъ отъ той же реформы 1861 года, — разрушало старое натуральное хозяйство крестьянъ и превращало ихъ въ мелкихъ производителей, продукты которыхъ, становясь **товарами**, должны были конкуррировать **на всемірномъ рынкѣ** съ продуктами свободнаго труда свободныхъ заокеанскихъ странъ. Такимъ образомъ, наши крестьяне страдали какъ отъ экономическаго развитія, такъ и отъ тѣхъ препятствій, которыя ставились экономическому развитію Положеніемъ 19 февраля. Страшное обѣднѣніе крестьянской массы явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого противорѣчія между новыми условіями экономической жизни крестьянъ и ихъ правовымъ положеніемъ. Это обѣднѣніе не могло не броситься въ глаза правительству уже по одному тому, что его сопровождало огромное накопленіе **недоимокъ**. „Стѣснительная для крестьянъ круговая порука“, введенная именно для борьбы съ недоимками, не оправдывала ожиданій „попечительнаго“ начальства. Вотъ почему начальство скоро начало въ ней разочаровываться. Уже въ 1873 году валуевская коммиссія указала на нее, какъ на одно изъ крупнѣйшихъ золъ крестьянской жизни. И съ тѣхъ поръ такія указанія являлись съ самыхъ различныхъ сторонъ. Но правительство все таки не рѣшалось отмѣнить круговую поруку, понимая, что она составляла лишь одно изъ звеньевъ той цѣпи, на которой сидитъ русскій крестьянинъ и разбивать которую оно вовсе не желало. Мы уже знаемъ, что исторически круговая порука была тѣсно связана съ общиннымъ землевладѣніемъ. И мы видимъ, что вопросъ объ этомъ землевладѣніи постоянно вставалъ передъ правительствомъ всякій разъ, когда оно задумывалось о круговой порукѣ. Сами по себѣ періодическіе передѣлы полей не могли, разумѣется, быть для него привлекательными. Болѣе того, — они должны были заключать въ себѣ нѣчто непріятное для всякаго администратора, стоявшаго на „**охранительной**“ точкѣ зрѣнія и думающаго не объ одномъ только государственномъ казначействѣ. Время отъ времени между нашими администраторами являлись. поэтому, люди, осуждавшіе общинное землевладѣніе, между прочимъ потому, что оно, будто бы, воспитываетъ въ крестьянствѣ **соціалистическія стремленія**. Къ ихъ числу принадлежитъ, напримѣръ, бывшій министръ двора и удѣловъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, выступившій въ 1893 году съ цѣлой филиппикой противъ общины. Замѣчательно, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ г. Дурново не оспаривалъ по существу доводовъ гр. Воронцова-Дашкова, а **только осуждалъ его нетерпѣніе**. Г. Дурново утверждаетъ, что общинное землевладѣніе можетъ быть устранено лишь постепенно и что въ отношеніи къ нему необходима „крайняя осмотрительность и осторожность***). На это было нѣсколько причинъ, а главное — вотъ какая: „Въ частности и потому еще, что съ своей стороны затрудняюсь понять, какимъ образомъ возможно было бы примирить опытъ насажденія мелкой земельной собственности, въ приблизительно опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ, и послѣдующее исправленіе ея въ томъ и другомъ отношеніи съ началомъ неприкосновенности частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ, стоящимъ подъ одновременной охраной закона и всеобщаго признанія и, казалось бы, одинаково приложимымъ какъ къ крупному, такъ и къ мелкому землевладѣнію“(*). Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что, уничтоживъ общинное землевладѣніе, государство вынуждено будетъ поставить крестьянскую собственность подъ „**охрану законовъ**“, обезпечивающихъ „**неприкосновенность частной собственности и пріобрѣтенныхъ правъ**“. Поэтому, онъ и спрашивалъ графа Воронцова-Дашкова, — какъ спрашивалъ Маниловъ Чичикова, покупавшаго у него мертвыя души, — не повредитъ-ли это государственнымъ соображеніямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи. Устами г. Дурново наше деспотическое государство заявляло о своемъ нежеланіи отказаться отъ столь привычной ему роли „крупнѣйшаго въ мірѣ помѣщика-рабовладѣльца“, безконтрольно распоряжающагося надѣлами своихъ „вѣрныхъ подданныхъ“ крестьянскаго сословія. Въ этомъ нежеланіи и заключается разгадка всѣхъ колебаній нашего новѣйшаго законодательства о крестьянскомъ землевладѣніи. Имъ же объясняется, въ частности, и то обстоятельство, что Николай II, рѣшившись отмѣнить круговую поруку, посгѣшилъ обрадовать нашихъ соціалистовъ-реакціонеровъ обѣщаніемъ отстаивать „**неприкосновенность общиннаго землевладѣнія**“. Г. Витте, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пять твердилъ царю, что пора уничтожить и круговую поруку, и общину, такъ какъ при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи крестьянства эти учрежденія **уже не содѣйствуютъ, а мѣшаютъ борьбѣ съ недоимками**.*) Въ то же самое время г. Побѣдоносцевъ нашептывалъ ему, что консервативное законодательство „должно съ крайней осторожностью относиться къ вопросу о преобразованіи общиннаго землевладѣнія“. Находясь подъ этими противоположными вліяніями, нашъ коронованный недоросль, — подобно ослу Буридана, — долго не могъ ни на что рѣшиться. Наконецъ, онъ вышелъ изъ затрудненія, опубликовавъ манифестъ 26 февраля, которымъ, онъ, очевидно, надѣялся сразу угодить и г. Побѣдоносцеву, и г. Витте. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ исполнилась его надежда. Но мы очень хорошо знаемъ, что торжественно провозглашенная отмѣна круговой поруки далеко не удовлетворитъ „возникающихъ потребностей народной жизни“, о которыхъ не безъ краснорѣчія говорится въ манифестѣ. Фактически „неприкосновенность общиннаго землевладѣнія“ сведется къ тому, что государство сохранитъ за собою свои помѣщичьи права на крестьянскую землю, между тѣмъ какъ передѣлы будутъ все болѣе и болѣе затруднены, а бѣднѣйшіе члены общины все чаще и чаще будутъ лишаться своихъ надѣловъ**). „Неприкосновенность общиннаго землевладѣнія“ будетъ по прежнему означать, слѣдовательно, лишь неприкосновенность той цѣпи, на которой государство держитъ крестьянина.

И не только „**возникающимъ**“, но и давнымъ давно **возникшимъ** потребностямъ народа новая царская мѣра не принесетъ съ собой никакого удовлетворенія. Она плоха уже однимъ тѣмъ, что одинока. „Кто сказалъ: А, долженъ сказать: Б“, — говоритъ нѣмецкая пословица. Отмѣна круговой поруки имѣло бы серьезное значеніе [illegible] знаменовала собою **отказъ нашего государства** отъ своей **исторической роли „помѣщика-рабовладѣльца“ и дарованіе крестьянину полной гражданской свободы**. Но объ этомъ ни слова не говорится ни въ манифестѣ 26 февраля, ни въ указѣ 11 марта. Да и не могъ бы царскій манифестъ заговорить ни о чемъ подобномъ. **Деспотизмъ** по самой природѣ своей не способенъ взять на себя освободительную **миссію**. А русскій деспотизмъ способенъ къ ней теперь еще менѣе, чѣмъ когда либо прежде. Царская власть, вообще, можетъ въ настоящее время **только мѣшать развитію русской народной жизни**. Поэтому, развитіе русской народной жизни дѣлаетъ положеніе царской власти все болѣе и болѣе шаткимъ. **Гражданская свобода** можетъ быть принесена русскому крестьянину только **политическимъ освобожденіемъ** Россіи. Поэтому русскій крестьянинъ **вынужденъ** будетъ принять участіе въ политическомъ освобожденіи Россіи, если только захочетъ добиться гражданской свободы. А въ немъ пробуждается уже сильное стремленіе къ ней. Новыя условія его быта вызываютъ въ немъ новыя потребности и разбиваютъ его старые предразсудки. Крестьянскія волненія прошлаго года — только „**прологъ пролога**“ великой драмы, которая готовится къ постановкѣ на русской исторической сценѣ и которая озаглавлена двумя словами: **паденіе царизма**.

---

*) Н. А. Благовѣщенскій, „Четвертное право“, Москва, 1899, стр. 134.

**) Н. Бржескій. Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденія редакціонныхъ коммиссій по составленію положеній 19 ф. 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 г. С.-Петербургъ, 1896, стр. 12.

*) Бржескій, стр. 16.

**) Эту сторону дѣла разъяснили еще въ эпоху составленія положеній члены симбирскаго комитета, возстававшіе противъ круговой поруки.

***) Записка министра двора и удѣловъ графа Воронцова-Дашкова объ уничтоженіи крестьянской общины и возраженія на нее министра внутр. дѣлъ И. Н. Дурново. Женева — Каружъ. 1900, стр. 46. Интересно, что органъ соціалистовъ-реакціонеровъ „**Вѣстникъ русской революціи**“ тоже требуетъ бережнаго отношенія къ общинѣ (кн. I, стр. 12). Почти слово въ слово съ г. Дурново!

(*) Тамъ же, та же страница.

*) Въ продолженіе послѣдняго пятилѣтія эта мысль усердно развивалась органами министерства финансовъ, преимущественно „**Русскимъ Экономическимъ Обозрѣніемъ**“. Она очень обстоятельно развита также въ книгѣ г. Н. Бржескаго: „**Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ**“ (см. особенно послѣднія главы). Эта книга, вышедшая въ 1897 г., **посвящена г. Витте**. Напомнимъ здѣсь кстати, что въ 1893 г., когда въ государственномъ совѣтѣ происходили споры объ общинномъ землевладѣніи, министръ финансовъ выступилъ съ запиской, въ которой община защищалась доводами, цѣликомъ заимствованными у народниковъ. Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ намъ подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте **разочаровался въ общинѣ только съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ, что отъ нея теперь кулакамъ больше пользы, чѣмъ казнѣ**. Мы, можетъ быть, сдѣлаемъ это въ другой разъ.

) „Облегченіе отдѣльнымъ домохозяевамъ выхода изъ общины“ на практикѣ сведется, къ облегченію выхода изъ нея тѣмъ „хозяйственнымъ мужичкамъ“, которые найдутъ это для себя выгоднымъ. **Земледѣльческая бѣднота по прежнему останется **закрѣпощенной**. Именно для нея-то и сохраняются „**неприкосновенными**“ всѣ мнимыя благодѣянія общиннаго землевладѣнія.

„РЕФОРМИСТСКІЙ“ СОЦІАЛИЗМЪ Г. МИЛЛЬЕРАНА.

„Спасаемся, какъ можемъ!
И если висѣлицъ не строютъ больше —
Бунтовщиковъ министрами сажаютъ!
Все тотъ же результатъ, другой лишь
[способъ,
Пріятнѣйшій обѣимъ сторонамъ.“
Гедбергъ, „Гергардъ Гриммъ“.

Французскій министеріалистскій „соціализмъ“ неудержимо развиваетъ свое внутреннее содержаніе. Въ послѣдніе дни онъ ознаменовалъ себя нѣсколькими поразительными голосованіями г. Мильерана, бывшаго и будущаго министра, и его же брошюрой, носящей выразительное заглавіе „**Французскій реформистскій соціализмъ**“. Эта книжонка состоитъ изъ двѣнадцати разновременно произнесенныхъ рѣчей, снабженныхъ предисловіемъ, въ которомъ отдыхающій министръ, выжидая, пока его снова не призовутъ къ „священной жертвѣ“ сотрудничества съ г. Галиффе, подводитъ на досугѣ итоги „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ“...

„Безъ обиняковъ и недомолвокъ!“... Таковъ девизъ г. Милльерана. „Если, — не скажу — дозволено, но присуще прогрессу всякаго знанія — разсуждаетъ отставной министръ — пользоваться гипотезами, если коллективистская гипотеза, которой придерживаемся мы, заимствуетъ отъ самого капиталистическаго режима особенную цѣнность, — то нужно, однако, чтобы законное примѣненіе этой гипотезы не ослѣпляло насъ и не заставляло принимать средства за цѣль. Будемъ остерегаться стать плѣнниками формулъ, которыя необходимо должны измѣняться самимъ прогрессомъ человѣчества“ (p. 8).

Коллективизмъ — не соціальный строй, къ которому мы стремимся, не цѣль классового движенія пролетаріата. Коллективизмъ — гипотеза, средство... Но гдѣ же въ такомъ случаѣ цѣль? Какъ? А „идея демократическаго прогресса и соціальной справедливости“? Такимъ путемъ мы получаемъ очень благонравный салонно-министерскій „коллективизмъ“, который объявляется гипотезой и ставится подъ начало „демократическаго прогресса“... Революціоный соціализмъ, правда, думаетъ, что нужно буржуазный „прогрессъ“ отдать подъ контроль коллективизма... Но на то вѣдь революціонный соціализмъ и состоитъ въ плѣну у догматическихъ „формулъ“!

Присмотримся, однако, немного ближе къ „коллективистской гипотезѣ“ или вѣрнѣе, къ гипотетическому коллективизму г. Милльерана. Чего онъ хочетъ? Отнюдь „не того, чтобы въ новомъ человѣчествѣ частная собственность была уничтожена — такое предположеніе было бы непонятнымъ — но, напротивъ, чтобы она была преобразована и настолько расширена, чтобы служить какъ бы естественнымъ и непремѣннымъ вещнымъ дополненіемъ человѣка, необходимымъ орудіемъ жизни и развитія“ (стр. 7).

Безъ обиняковъ и недомолвокъ! Но какъ понять „коллективистскую гипотезу“, которая санкціонируетъ частную собственность? Конечно, коллективизмъ предполагаетъ частную собственность на *предметы личнаго потребленія*. Но въ чемъ же и состоитъ сущность коллективизма, какъ не въ томъ, что онъ хочетъ уничтожить частную собственность на *средства производства*? Г. Милльеранъ не дѣлаетъ этого необходимаго разграниченія. Теоретическій промахъ? Нѣтъ! Вся суть въ томъ, что г. Милльеранъ считаетъ полезнымъ — конечно, въ интересахъ „коллективизма“ — подчеркивать болѣе энергично тѣ стороны своей программы, которыя могутъ объединить „всѣ республиканскія фракціи“, чѣмъ тѣ, которыя могутъ ихъ раздѣлить (стр. 53). Но что можетъ глубже отдѣлить мелкобуржуазную демократію отъ соціалистической, чѣмъ идея коллективизма? Необходимо ее обезвредить. И мы находимъ у г. Милльерана не болѣе и не менѣе, какъ антиколлективистскую гипотезу коллективизма. Г. Милльеранъ становится безбожникомъ во имя Божье.

„Будемъ имѣть мужество — приглашаетъ онъ своихъ единомышленниковъ — называться настоящимъ нашимъ именемъ, именемъ *реформистовъ*“... Прекрасно! Но еще шагъ, еще немного мужества, — и вы сможете назваться настоящимъ вашимъ именемъ, именемъ антиколлективистовъ... во имя коллективизма.

Остается посмотрѣть, что представляетъ изъ себя тотъ „демократическій прогрессъ“ и та „соціальная справедливость“, на службу которымъ призывается (анти) коллективизмъ.

„Всѣ члены этой великой матеріальной и моральной ассоціаціи, которая составляетъ французскую націю — говорилъ г. Милльеранъ въ декабрѣ 1902 г. — заинтересованы — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше — въ тѣхъ соціальныхъ благахъ, которыя именуются національной устойчивостью, благосостояніемъ и независимостью во всѣхъ ихъ формахъ“...

„Да, французы, всѣ французы одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы Франція была богата, чтобъ она была сильна... (57, 58).

Итакъ, на мѣсто классовой борьбы — „національный интересъ и солидарность классовъ“. „Но имѣетъ ли соціалистъ право — спрашиваетъ себя авторъ — заботиться объ этихъ вещахъ, не измѣняя своему идеалу?..“ И отвѣчаетъ: „Соціалистическая партія не можетъ не быть заинтересована въ хорошей организаціи общественныхъ финансовъ и въ ихъ процвѣтаніи, въ этихъ первыхъ условіяхъ всякой соціальной реформы, а также въ поддержаніи и въ развитіи національнаго производства. Общественныя работы, меліораціи, обслуживающія индустрію, торговлю, земледѣліе, разумное лѣсное хозяйство и упорядоченіе нашихъ колоніальныхъ владѣній“ — все это должно составлять предметъ заботъ соціалистической партіи. Увы! Только соціализмъ не входитъ въ сферу ея политическихъ интересовъ!

Милльеранъ, видите ли, хочетъ завоевать буржуазную демократію для дѣла эмансипаціи рабочихъ массъ. Въ этой деликатной миссіи ему пришлось начать съ уступокъ. Вмѣсто соціальной революціи — реформы. Вмѣсто классовой борьбы — классовое сотрудничество. Вмѣсто пролетарскаго интереса — задачи соціальнаго преуспѣянія.

Но „реформы“ свелись къ... облегченію бремени патентовъ для мелкой торговли на 25 процентовъ (стр. 71). „Классовое сотрудничество“ опредѣлилось, какъ участіе г. Милльерана въ правительствѣ, которое стрѣляло въ стачечниковъ не менѣе мѣтко, чѣмъ всѣ другія французскія правительства. „Задачи національнаго преуспѣянія“ оказались задачами *поддержанія* капиталистическаго хозяйства и освященія буржуазныхъ интересовъ силой и авторитетомъ соціалистическаго пролетаріата. Итакъ: — безъ обиняковъ и недомолвокъ — отказъ отъ соціализма въ интересахъ его преуспѣянія, идейное и политическое закабаленіе пролетаріата въ цѣляхъ его эмансипаціи — такова своеобразная „діалектика“ „французскаго реформистскаго соціализма“, такова политическая платформа г. Александра Милльерана.

Программѣ соотвѣтствуетъ тактика. И мы видимъ г. Милльерана вотирующимъ въ единеніи съ націоналистами и клерикалами за бюджетъ исповѣданій... Соціалистъ, небрежно переступающій по пути къ министерскому портфелю черезъ элементарно-демократическое требованіе отдѣленія церкви отъ государства! Мы видимъ г. Милльерана вотирующимъ кредиты для конгреганистскихъ предпріятій на крайнемъ Востокѣ. Соціалистъ, прикладывающій свою депутатскую руку къ дѣлу экспорта французскаго клерикализма въ то время, когда даже морской министръ радикалъ Пельтанъ воздерживается отъ голосованія! Мы видимъ г. Милльерана вотирующимъ противъ уничтоженія французскаго посольства при Ватиканѣ. Соціалистъ, поддерживающій свѣтскую власть папы!

Мы видимъ г. Милльерана воздерживающимся отъ голосованія, когда часть палаты приглашаетъ правительство не посылать войскъ на мѣста стачекъ. Соціалистъ, апплодирующій „мирному почину“ русскаго самодержца и не отваживающійся поднять свой депутатскій голосъ противъ систематическихъ провокацій кровопролитія, сопровождающихъ экономическія столкновенія труда съ капиталомъ!

Мы видимъ г. Милльерана вотирующимъ довѣріе военному министру, возбудившему преслѣдованіе противъ авторовъ агитаціонной антимилитаристской брошюры „Руководство для солдата“, — и мы видимъ въ томъ же засѣданіи г. Милльерана воздерживающимся отъ голосованія, когда внесено предложеніе, приглашающее военнаго министра взять назадъ свой циркуляръ, запрещающій солдатамъ входъ въ Биржу Труда

Мы видимъ г. Милльерана... Но будемъ кратки: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о національномъ величіи Франціи (французской буржуазіи) — г. Милльеранъ въ первыхъ рядахъ. Когда же на очереди стоитъ защита свободы агитаціоннаго воздѣйствія или охрана пролетарскихъ жизней отъ солдатскихъ пуль, возвѣщающихъ сотрудничество классовъ — г. Милльеранъ съ достоинствомъ воздерживается отъ „безплодныхъ“ и „несвоевременныхъ“ манифестацій.

Такова практика „французскаго реформистскаго соціализма“ въ его полномъ, законченномъ выраженіи!

Но именно эта полнота и эта законченность отшатнули отъ Милльерана многихъ его сторонниковъ. Въ жоресистской средѣ раздаются возмущенные голоса... Многія жоресистскія федераціи требуютъ, чтобы ближайшій конгрессъ, который соберется на Пасху въ Бордо, исключилъ г. Милльерана изъ рядовъ соціалистической партіи.*) Пять другихъ требуютъ, чтобъ ему было выражено порицаніе.

Даже г. Жоресъ, котораго никто не упрекнетъ въ придирчивости къ Милльерану, призналъ нѣкоторые тактическіе шаги своего „дорогого друга“ „*опаснымъ примѣненіемъ* здоровой и плодотворной методы“ эволюціоннаго или реформистскаго соціализма. Даже Жоресъ!

Оправданія г. Милльерана превосходно дорисовываютъ характеръ „здоровой и плодотворной методы“.

[illegible] Милльеранъ, возражая Жоресу — въ томъ, что оно не уничтожило бюджета культовъ, который *ни вы, ни я не были бы, на его мѣстѣ, въ состояніи уничтожить*, было бы лучше, кажется, открыто сказать, съ высоты трибуны, странѣ, почему *мы не можемъ* въ настоящій моментъ уничтожить бюджетъ культовъ...“

Въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ своей программы и своей тактики г. Милльеранъ считаетъ себя обязаннымъ становиться на точку зрѣнія министерства, представляющаго интересы буржуазнаго „общества“, но не на точку зрѣнія соціалиста, отстаивающаго историческіе интересы пролетаріата *противъ* всего буржуазнаго общества.

Еще циничнѣе и наглѣе объясненія, данныя г. Милльераномъ на собраніи въ Верзонѣ по поводу инцидента съ Биржей Труда. Съ филистерскимъ негодованіемъ отозвавшись о „Руководствѣ для солдата“ (эта преступная книжка, нимало не заботясь о національномъ преуспѣяніи французской буржуазіи, осмѣливалась, видите ли, рекомендовать солдатамъ отказъ въ повиновеніи офицеру, когда послѣдній будетъ ихъ звать въ аттаку или прикажетъ *стрѣлять въ стачечниковъ*), г. Милльеранъ авторитетно заявилъ: „Такъ какъ я имѣю обыкновеніе согласовать свои поступки съ тѣмъ, что я думаю, то я утверждаю, что *еслибы я былъ на мѣстѣ генерала Андрэ*, я не могъ бы сдѣлать ничего иного, кромѣ того, что онъ сдѣлалъ.“

Революціонный соціалистъ скажетъ: Поэтому, *я не могу быть на мѣстѣ* ген. Андрэ. Милльеранъ говоритъ: Поэтому, я одобряю преслѣдованія за антимилитаристскую агитацію.

Таковъ французскій реформистскій „соціализмъ“ г. Милльерана со стороны теоріи, программы и тактики — „безъ недомолвокъ и обиняковъ“!

„Великій“ критикъ марксизма г. Эдуардъ Бернштейнъ нѣсколько лѣтъ назадъ приглашалъ партію пролетаріата отбросить всякій революціонизмъ и стать „соціаль-демократической партіей реформъ“. Г-нъ Ал. Милльеранъ показалъ воочію, какой видъ должна неизбѣжно принять такая партія. Картина получилась достаточно яркая, чтобы отрезвить тѣхъ, кого поколебало крикливое, рекламное „критическое“ выступленіе Бернштейна и Ко. За этотъ результатъ соціаль-демократія можетъ быть благодарна ловкому карьеристу.

---

*) Vorwärt, посвятившій недавно статью „Исповѣданію вѣры“ г. Милльерана, не безъ основанія сомнѣвается въ возможности исключенія бывшаго министра изъ партіи на ближайшемъ конгрессѣ. (Писано до конгресса, о немъ см. въ „Иностр. Обозр.).

LES BEAUX ESPRITS SE RENCONTRENT

(По русски примѣрно: свой своему поневолѣ братъ.)

Знаменитая аграрная программа-минимумъ нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ (кооперація и соціализація) обогатила русскую соціалистическую мысль и русское революціонное движеніе въ іюнѣ 1902 года. Нѣмецкая книга извѣстнаго оппортюниста (бернштейніанца тожъ) Эдуарда Давида: „Соціализмъ и сельское хозяйство“ вышла въ свѣтъ въ февралѣ 1903 года. Повидимому, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы послѣдующее произведеніе оппортунистической мысли заключало въ себѣ оригиналъ предидущихъ упражненій „соціалистско-революціонной“ мысли? Но какъ же объяснить тогда поразительное, бросающееся въ глаза сходство и даже принципіальное тождество программы русскихъ соц.-рев. и нѣмецкихъ оппортюнистовъ? Не является-ли уже „оригиналомъ“ „Рев. Россія“, а копіей — „капитальный“ (по отзыву корреспондента „Русск. Вѣд.“) трудъ Давида? Двѣ основныя идеи, и соотвѣтственно имъ два главныхъ пункта программы, проходятъ красной нитью черезъ весь „трудъ“ Давида. Онъ воспѣваетъ сельс.-хоз. коопераціи, ожидая отъ нихъ всѣхъ благъ, требуя содѣйствія ихъ развитію со стороны соц.-демократіи и не замѣчая (совсѣмъ какъ наши соц.-рев.) буржуазнаго характера этихъ союзовъ мелкихъ хозяйчиковъ съ мелкими и крупными капиталистами въ земледѣліи. Давидъ требуетъ превращенія крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ мелкія, восторгаясь выгодностью и раціональностью, экономностью и производительностью хозяйствъ „des arbeitsbauern“ — по русски буквально: „трудового крестьянина“, выставляя верховное право собственности общества на землю и пользованіе землею вотъ этихъ мелкихъ „трудовыхъ крестьянъ“. Положительно, нѣмецкій оппортюнистъ совершилъ плагіатъ у русскихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“! Мелкобуржуазности „трудового крестьянина“ въ современномъ обществѣ; его промежуточнаго, переходнаго положенія между буржуазіей и пролетаріатомъ, его стремленія „выйти въ люди“ (т. е. стать заправскимъ буржуа) путемъ бережливости, усердія, недоѣданія и чрезмѣрной работы, его стремленія къ эксплуатаціи труда сельскихъ „работниковъ“, — ничего этого не видитъ, конечно, ни нѣмецкій мелкій буржуа-оппортюнистъ, ни русскіе мелкіе буржуа — „соціалисты-революціонеры“.

Да, да, les beaux esprits se rencontrent, и въ этомъ заключается разгадка столь трудной, на первый взглядъ, задачи: опредѣлить, гдѣ копія и гдѣ оригиналъ. Идеи, выражающія потребности, интересы, стремленія и вожделѣнія извѣстнаго класса, носятся въ воздухѣ, и скрыть тождество этихъ идей не въ силахъ никакое разнообразіе костюма, никакіе варіанты то оппортюнисти-

Ростовская демонстрація 2 марта.

(Впечатлѣнія очевидца.)

Ежегодно, на время великаго поста, въ „исторической“ балкѣ, служившей стачечникамъ для ихъ огромныхъ митинговъ, по воскресеньямъ устраиваются „кулачки“, привлекающіе массы народу. Въ хорошую погоду на „кулачки“ сходятся до 20 тыс. человѣкъ. На это обстоятельство обратилъ вниманіе и рѣшилъ имъ воспользоваться Донской Комитетъ. Такъ какъ полиція либо совсѣмъ отсутствуетъ на „кулачкахъ“, либо присутствуетъ въ ничтожномъ числѣ, то, естественно, никакой трудности не представляло произнести рѣчь. Въ такомъ смыслѣ и было сообщено организованнымъ рабочимъ, и далеко не всѣ знали, что предполагается демонстрація. Къ тремъ часамъ дня въ воскресенье, 2 марта, всѣ организованные рабочіе явились на балку. Человѣкъ пятьдесятъ изъ нихъ образовали вокругъ оратора сплоченную группу, остальные же нарочно были разсѣяны въ толпѣ, чтобы въ нужный моментъ двинуть ее въ городъ. Трудно опредѣлить цыфры, но, судя „на глазъ“, на кулачкахъ было до десяти тысячъ человѣкъ. Внизу, въ глубинѣ балки, кулачники съ азартомъ подставляли другъ другу фонари, а по обоимъ склонамъ балки стояли толпы народа въ разноцвѣтныхъ праздничныхъ костюмахъ. Солнце ярко свѣтило, хотя временами оно заволакивалось густыми тучами пыли, благодаря сильному восточному вѣтру. Въ началѣ пятаго часа ораторъ распорядился развернуть знамя и въ то же время нѣсколько рабочихъ подняли его на плечи... „Товарищи!“ — понеслось надъ толпой... „Товарищи!“ — подхватили сотни организованныхъ рабочихъ. „Сюда, товарищи!“, „Тише!“, „Слушай!“, „Не пускать жандарма!“, „Долой полицію!“ — понеслись отовсюду крики, за которыми не слышно было оратора. Видъ знаменъ и крики сразу привлекли вниманіе толпы. Даже кулачники оставили „взаимный мордобой“ и бросились къ знаменамъ. „Въ городъ, идемъ въ городъ!“ — закричали сотни голосовъ. И тотчасъ же знамена, окруженныя густой толпой, поплыли по направленію къ городу. Сильный вѣтеръ подхватилъ ихъ, расправилъ, — и вся толпа увидѣла на нихъ надписи: „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ 8-часовой рабочій день!“. „Долой самодержавіе!“ раздалось въ балкѣ, и этотъ крикъ наполнилъ собою всю глубокую балку и разнесся по степи и по всему Темернику. И сразу, какъ изъ-подъ земли, тысячи хлынули къ демонстрантамъ. Возбужденіе огромное, крики „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“ оглушаютъ. Вотъ кулачникъ, съ разбитой физіономіей. „Мы — рабочіе, — кричитъ онъ, — идемъ бороться за свободу!“ Вотъ рабочій, котораго жена ухватила за руку и со слезами умоляетъ его не ходить въ городъ. „Тамъ казаки, они изобьютъ нагайками!“. „Ничего — отвѣчаетъ онъ — мы ихъ тоже угостимъ“. Вотъ неорганизованный рабочій. Лицо его блѣдно, глаза горятъ, шапку онъ гдѣ-то потерялъ, но не замѣчаетъ этого. Онъ обернулся къ заднимъ рядамъ, машетъ руками, и изъ его чахоточной груди со стономъ рвется крикъ „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“.

По рытвинамъ, по ухабамъ, по оврагамъ и обрывамъ толпа быстро движется впередъ и, какъ огромный потокъ, свергается внизъ съ горы къ желѣзнодорожной линіи. Наступаетъ рѣшительный моментъ. „Успѣли, или не успѣли?“ — мучительно копошится въ мозгу организаторовъ демонстраціи. Изъ-за кирпичнаго завода не видно, свободенъ-ли переѣздъ черезъ линію... Вотъ повернули за уголъ и... Ура! переѣздъ свободенъ, свободенъ и слѣдующій за нимъ мостъ! Ни одного городового, ни одного жандарма. „Впередъ, товарищи! Впередъ! Долой самодержавіе!“ Толпа раздѣляется на мосту на три рукава и вновь соединяется за мостомъ.

Какъ и предвидѣли организаторы, демонстрація явилась полнѣйшей неожиданностью для полиціи и казаковъ. Какъ и во всѣ другіе воскресные дни, всѣ городовые были отряжены для усиленія „нарядовъ“, разсѣяны, такимъ образомъ, по городу и не могутъ соединиться. Въ участкахъ по одному дежурному околодочному и нѣсколько городовыхъ. Всѣ пьяны и отъ скуки спятъ въ „канцеляріи“ на диванахъ. Казаки, по случаю праздника, распущены и не скоро соберутся.

„Впередъ, товарищи!“ и подъ нестройные, но мощные, звуки марсельезы и Варшавянки, смѣшивающіеся съ революціонными криками, толпа быстро шагаетъ на гору по Темерницкой улицѣ. Вотъ Доломановскій переулокъ. Знамена повернули налѣво, къ Садовой улицѣ (главная). Сонные обыватели выскочили изъ своихъ домовъ и съ изумленіемъ смотрятъ на огромную толпу демонстрантовъ. Тысячи мальчишекъ бѣгутъ впередъ съ крикомъ „Долой самодержавіе!“ и несутъ вѣсть о демонстраціи. Открытыя кое-гдѣ лавки быстро закрываются. На Садовой ждутъ уже демонстрантовъ. По тротуарамъ тянется тысячная толпа. Толпа ростетъ, какъ снѣжная лавина. Къ демонстрантамъ присоединяются новыя тысячи. Весь Ростовъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ, куда еще не дошла вѣсть о демонстраціи, быстро устремляется на Садовую. Но шубы и цилиндры благоразумно прячутся за воротами и въ пивныхъ.

Вотъ, наконецъ, и Садовая. Поперекъ улицы цѣпь... изъ пяти городовыхъ, трехъ околоточныхъ, пристава и его помощника. Страшный свист[illegible]рики „Долой самодержавіе!“, „Долой царя!“, „Долой царьковъ!“, встрѣчаютъ ихъ. Градъ камней сыплется на нихъ при первой попыткѣ „разсѣять“ толпу. Одинъ городовой раненъ въ голову, досталось и другимъ. Славные „донцы“ (вся полиція здѣсь изъ казаковъ) позорно отступаютъ и путь свободенъ. „Впередъ!“ И огромная толпа, подъ непрерывные крики „Долой самодержавіе!“, „Долой царя!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и подъ пѣніе марсельезы движется впередъ по главной улицѣ.

Сколько народу — опредѣлить невозможно. Но, несомнѣнно, десятки тысячъ. Не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что на демонстраціи присутствовало 45-50 тысячъ. Толпа, однако, раздѣлялась на три группы. Тутъ наглядно проявляются обычно употребляемыя подраздѣленія. Впереди, около знамени, группа передовыхъ (около 1000 чел.) и наиболѣе революціонно и смѣло настроенныхъ, готовыхъ на все. За ними тянется огромная толпа тысячъ въ двадцать „массовыхъ“ рабочихъ, молодежи, конторщиковъ и т. д. Настроеніе ихъ приподнято, они любуются знаменемъ, они поражены неслыханной смѣлостью демонстрантовъ, они сами кричатъ „долой самодержавіе!“, завтра многіе изъ нихъ станутъ революціонерами, но сегодня они еще не готовы въ бой. Революція въ ихъ взглядахъ только началась, благодаря стачкѣ, и, быть можетъ, будетъ завершена демонстраціей. Сегодня они еще, быть можетъ, уступятъ при первомъ натискѣ полиціи и казаковъ, уступятъ съ злобой и проклятіями, но безъ борьбы. Но завтра, черезъ годъ, черезъ полгода, они выйдутъ на улицу вооруженные и будутъ бороться за свою свободу. Они еще не поняли своей силы, но, благодаря демонстраціи, почувствовали ее, и скоро приложатъ ее къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Наконецъ, третья часть, это — на тротуарахъ. Ихъ будетъ тысячъ тридцать. Это — „втайне сочувствующіе“, съ одной стороны, и приверженцы самодержавія, съ другой. Съ злобой и ненавистью смотрятъ послѣдніе на знамена. Но ихъ злоба безсильна, и они скрежещутъ зубами, чувствуя свое безсиліе. Такихъ „враговъ“, впрочемъ, немного и полиція даже не пытается призвать добровольцевъ къ борьбѣ съ демонстрантами. Времена измѣнились. Когда-то мясники и приказчики Охотнаго ряда избили демонстрировавшихъ студентовъ, теперь самодержавію приходится опираться и надѣяться только на регулярныя силы. Полиція, видя свое безсиліе, пытается взять наглостью.

Вотъ какой-то приставъ бросается прямо на передовыхъ демонстрантовъ. „Разойдись!“ — нагло баситъ онъ своимъ хриплымъ отъ перепою голосомъ: „разойдись!“. Страшный ударъ по лицу валитъ его на одну сторону, но другой ударъ съ противуположной стороны поддерживаетъ. Какой-то карманный воришка, воспользовавшись моментомъ, подскакиваетъ къ нему сзади, запускаетъ на виду у всей толпы руку ческой, то „соціалистски-революціонной“ фразы. Шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Во всѣхъ европейскихъ странахъ, въ Россіи въ томъ числѣ, неуклонно идетъ впередъ и „утѣсненіе“ и упадокъ мелкой буржуазіи, не всегда выражающійся въ ея прямомъ и непосредственномъ вытѣсненіи, но въ громадной массѣ случаевъ ведущій къ суженію ея роли въ экономической жизни, къ ухудшенію ея условій существованія, къ усиленію ея необезпеченности. Все ополчается противъ нея: и техническій прогрессъ крупныхъ хозяйствъ въ промышленности и въ земледѣліи, и развитіе крупныхъ магазиновъ, и ростъ предпринимательскихъ союзовъ, картелей и трестовъ, и даже ростъ потребительныхъ товариществъ и муниципальныхъ предпріятій. А наряду съ этимъ „утѣсненіемъ“ мелкой буржуазіи въ земледѣліи и промышленности идетъ нарожденіе и развитіе „новаго средняго сословія“, какъ говорятъ нѣмцы, новаго слоя мелкой буржуазіи, интеллигенціи, которой тоже все труднѣе становится жить въ капиталистическомъ обществѣ и которая въ массѣ своей смотритъ на это общество съ точки зрѣнія мелкаго производителя. Совершенно естественно, что отсюда съ полной неизбѣжностью вытекаетъ широкое распространеніе и постоянное возрожденіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ мелкобуржуазныхъ идей и ученій. Совершенно естественно, что русскій „соціалистъ-революціонеръ“, всецѣло плѣненный идеями мелкобуржуазнаго народничества, оказывается „поневолѣ братомъ“ европейскаго реформиста и оппортюниста, который, когда хочетъ быть послѣдовательнымъ, неизбѣжно договаривается до прудонизма. Именно этимъ послѣднимъ терминомъ и характеризовалъ Каутскій совершенно справедливо программу и точку зрѣнія Давида.

Мы сказали: „когда хочетъ быть послѣдовательнымъ“ и подошли такимъ образомъ къ той существенной особенности, — отличающей современныхъ соц.-рев. и отъ стараго русскаго народника и отъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, европейскихъ оппортюнистовъ, — которую нельзя не назвать авантюризмомъ. Авантюризмъ не думаетъ о послѣдовательности, стараясь только уловить моментъ, воспользоваться борьбой идей для оправданія и сохраненія безидейности. Старый русскій народникъ хотѣлъ быть послѣдовательнымъ и отстаивалъ, проповѣдывалъ и исповѣдывалъ свою особую программу. Давидъ хочетъ быть послѣдовательнымъ и рѣшительно возстаетъ противъ всей „марксистской аграрной теоріи“, рѣшительно проповѣдуетъ и исповѣдуетъ превращеніе крупныхъ хозяйствъ въ мелкія, не боясь, по крайней мѣрѣ, имѣть смѣлость своего мнѣнія, не боясь открыто выступить сторонникомъ мелкаго хозяйства. Наши соц.-рев... какъ бы это помягче выразиться?... гораздо „благоразумнѣе“. Они никогда не возстаютъ рѣшительно противъ Маркса, — боже сохрани! Они, напротивъ, походя щиплютъ цитатами и Маркса и Энгельса, увѣряя со слезами на глазахъ, что они съ ними почти во всемъ согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутскаго, — напротивъ, они глубоко и искренно убѣждены, что Либкнехтъ былъ соц.-революціонеръ, — ей-богу былъ соц.-революціонеръ. Они не выступаютъ принципіально сторонниками мелкаго хозяйства, — напротивъ, они горой стоятъ за „соціализацію земли“, и только невзначай случается имъ проговориться, что эта всеобъемлющая, русско-голландская соціализація означаетъ все что угодно: и переходъ земли въ собственность общества и въ пользованіе трудящихся (совсѣмъ какъ у Давида!) и просто переходъ земли въ руки крестьянъ и, наконецъ, совсѣмъ уже „просто“: даровую прирѣзку...

„Благоразумные“ пріемы нашихъ соц.-рев. до такой степени уже знакомы намъ, что мы позволимъ себѣ, въ заключеніе, дать имъ одинъ благой совѣтъ.

Вы попали въ не очень ловкое положеніе, господа, что и говорить. Все время увѣряли, что не имѣете ничего общаго ни съ оппортюнизмомъ и реформизмомъ на западѣ, ни съ мелкобуржуазными симпатіями къ „выгодному“ мелкому хозяйству, — и вдругъ является книга завѣдомаго оппортюниста и сторонника мелкаго хозяйства, который съ трогательной скрупулезностью „копируетъ“ вашу „соціально-революціонную“ программу! Положеніе, можно сказать, хуже губернаторскаго. Но не смущайтесь: изъ него легко выпутаться. Стоитъ только.... цитировать Каутскаго.

Пусть не думаетъ читатель, что это описка. Нисколько. Каутскій ополчается противъ прудониста Давида, — именно поэтому солидарные съ Давидомъ соц.-рев. должны цитировать Каутскаго, совершенно такъ же, какъ они уже цитировали разъ Энгельса. Возьмите № 14 „Рев. Россіи“ и вы прочтете тамъ на страницѣ седьмой, что „перемѣна тактики“ у соц.-дем. по отношенію къ крестьянству „была узаконена“ (!!) однимъ изъ отцовъ научнаго соціализма, Энгельсомъ, — Энгельсомъ, который ополчился противъ мѣнявшихъ тактику французскихъ товарищей! Какъ можно доказать это фокусническое положеніе? Очень просто. Надо, во-первыхъ, „цитировать“ слова Энгельса, что онъ стоитъ рѣшительно на сторонѣ мелкаго крестьянина (и умолчать о томъ, что именно эту самую мысль выражаетъ программа русскихъ соц.-дем., зовущая всѣхъ трудящихся на сторону пролетаріата!). Надо, во-вторыхъ, по поводу „уступокъ бернштейніанству“ со стороны мѣнявшихъ тактику французскихъ товарищей, сказать: „смотри превосходную критику этихъ уступокъ у Энгельса“. Вотъ этотъ самый, испытанный, пріемъ, мы совѣтуемъ господамъ соц.-рев. употребить и теперь. Книга Давида узаконила перемѣну тактики въ аграрномъ вопросѣ. Теперь уже нельзя не сознаться, что можно оставаться въ рядахъ соц.-дем. партіи съ программной „кооперацiей и соціализацiей“; только догматики и ортодоксы могутъ не видѣть этого. Но съ другой стороны, надо признаться, что Давидъ, въ отличіе отъ благородныхъ соц.-рев., дѣлаетъ нѣкоторыя уступки бернштейніанству. „Смотри превосходную критику этихъ уступокъ у Каутскаго“.

Право, господа, попробуйте. Можетъ быть, и еще разокъ выгоритъ.

Г-жа БРЕШКОВСКАЯ И ЧИГИРИНСКОЕ ДѢЛО.

Полемика по поводу чигиринскаго дѣла не прекращается. Въ № 20 „Рев. Рос.“ г-жа Брешковская напечатала „Письмо въ редакцію“, въ которомъ она говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Для всѣхъ насъ, современниковъ чигиринскаго дѣла, оно явилось тяжелой неожиданностью... Большинство сидящихъ (кромѣ лицъ по нашему процессу, сидѣли еще не высланные по процессу 50-ти и многіе по небольшимъ отдѣльнымъ процессамъ) рѣзко высказывалось противъ способа дѣйствій Стефановича... Знавшіе Стефановича защищали его отъ рѣзкихъ нападокъ на его личность, кто сильнѣе, кто слабѣе, но *никто изъ извѣстныхъ мнѣ дѣятелей, въ томъ числѣ и я, не защищали пріема*[*]), который употребилъ Стефановичъ.“ Далѣе она ссылается на покойнаго Кибальчича, который, въ одномъ изъ писемъ къ ней, говоритъ, что лично познакомившись со Стефановичемъ въ кіевской тюрьмѣ, онъ хотя и „кончилъ тѣмъ, что личность Стефановича полюбилъ“, но попрежнему „ненавидѣлъ обманъ и проклиналъ золотую грамоту“.

Это показаніе г-жи Брешковской, безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ большого вниманія. Но именно по этой причинѣ его необходимо сопоставить съ другими данными, имѣющимися у насъ по тому же дѣлу.

И прежде всего я попрошу читателя вспомнить напечатанное въ № 12 „Рев. Рос.“ письмо г. П. Кропоткина. Въ немъ мы находимъ слѣдующія строки:

„Несомнѣнно, что въ 70-хъ годахъ мнѣнія русскихъ революціонеровъ на счетъ подложныхъ царскихъ манифестовъ, выпущенныхъ въ Чигиринѣ, были раздѣлены. Большинство чайковцевъ было противъ нихъ; но среди болѣе боевыхъ группъ, особенно на югѣ, Дейчъ и Стефановичъ имѣли не мало сторонниковъ“.

Показаніе г. П. Кропоткина противорѣчитъ показанію г-жи Брешковской. По словамъ этой послѣдней, ни одинъ тогдашній дѣятель не одобрялъ пріема, употребленнаго въ Чигиринѣ тов. Стефановичемъ и Дейчемъ, между тѣмъ какъ г. П. Кропоткинъ заявляетъ, что многіе революціонеры того времени, — особенно на югѣ, — сочувствовали этому пріему. Онъ свидѣтельствуетъ также о томъ, что революціонеры, относившіеся къ тов. Стефановичу и Дейчу съ безусловнымъ сочувствіемъ, принадлежали *къ болѣе боевымъ группамъ* (курсивъ мой). Это нужно замѣтить.

Чѣмъ же объясняется это противорѣчіе показаній? Вполнѣ достаточнымъ объясненіемъ ему могла бы служить простая ссылка на случайность. [illegible] ей извѣстныхъ дѣятеляхъ. Можно предположить, поэтому, что ей просто не случилось встрѣтиться съ людьми, безусловно одобрявшими „золотую грамоту“. И тогда остается спросить себя, нельзя-ли и этой, — на первый взглядъ очень странной, — случайности дать раціональное объясненіе? Мы сейчасъ увидимъ, что это возможно. Но прежде я хочу, въ свою очередь, сообщить читателю то, что извѣстно мнѣ самому объ отношеніи революціонеровъ семидесятыхъ годовъ къ чигиринскому дѣлу.

Ранней весной 1878 году въ средѣ „землевольцевъ“, находившихся въ Петербургѣ и принадлежавшихъ къ центральному ядру организаціи, — т. е. къ такъ-наз. основному кружку общества „Земля и Воля“, — при обсужденіи вопроса о наиболѣе цѣлесообразной для насъ тактикѣ, подавляющее большинство не только отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ пріему, употребленному въ Чигиринскомъ дѣлѣ, но и настаивало на томъ, что землевольцы должны примѣнять этотъ пріемъ въ своей агитаціи на Волгѣ. Противъ этой мысли говорили только два члена основного кружка: я и еще одинъ товарищъ, котораго я не назову „страха ради іудейска“.

Намъ обоимъ она показалась до такой степени идущей въ разрѣзъ съ задачами революціонной партіи, что мы рѣшили выйти изъ организаціи въ тотъ день, когда эта мысль приметъ характеръ обязательнаго для всѣхъ землевольцевъ постановленія. Объ этомъ нашемъ рѣшеніи мы тогда же сообщили нашимъ петербургскимъ товарищамъ, которымъ мы напомнили при этомъ, что никакія перемѣны въ тактикѣ не могутъ быть предприняты до тѣхъ поръ, пока не опрошены провинціальные члены нашей организаціи. Поэтому, окончаніе нашего спора было отложено до другого времени. Я не помню, чтобы „землевольцы“ возвращались къ нему впослѣдствіи. Поэтому я не могу съ полной увѣренностью сказать, что пріемъ, употребленный въ Чигиринскомъ дѣлѣ, одобрялся также большинствомъ провинціальныхъ „землевольцевъ“. И только поэтому въ моемъ предисловіи къ книгѣ Туна я, говоря объ этомъ пріемѣ, выразился нѣсколько неопредѣленно, сказавъ: „я думаю даже, что значительное большинство „землевольцевъ“ относилось къ нему вполнѣ одобрительно (стр. XVII). На счетъ мнѣній тогдашнихъ провинціальныхъ „землевольцевъ“ я могу только строить догадки. Изъ всѣхъ догадокъ, возможныхъ въ этомъ случаѣ, наиболѣе вѣроятной кажется мнѣ та, что и въ провинціи большинство моихъ товарищей безусловно сочувствовало Стефановичу и Дейчу. Но я оставляю догадки и перехожу къ фактамъ. Когда въ томъ же 1878 году начались волненія донскихъ казаковъ, то прежде всѣхъ насъ проникшій на Донъ товарищъ Р., — правда, формально не принадлежавшій къ обществу „Земля и Воля“, но безраздѣльно сочувствовавшій ему и принимавшій его программу, — хотѣлъ обратиться къ „Славному Войску Донскому“ съ революціоннымъ манифестомъ отъ царскаго имени. При этомъ онъ собирался выдать себя за царскаго посланца. Я очень часто встрѣчался съ нимъ именно въ то время, — такъ какъ я самъ принималъ участіе въ агитаціи между казаками, — и я очень хорошо помню мои ожесточенныя пренія съ нимъ по этому поводу. Мнѣ стоило очень большого труда отговорить его отъ его намѣренія.

Чѣмъ же вызывалось это безусловное сочувствіе Стефановичу и Дейчу? Тѣми самыми соображеніями, которыя приводилъ — по его собственнымъ словамъ, — г. Кропоткинъ, защищая чигиринскихъ агитаторовъ на собраніи русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ: „Во всей русской исторіи видно, — говоритъ онъ — какъ самъ народъ прибѣгаетъ къ подложнымъ указамъ, къ слухамъ о царскихъ манифестахъ, и даже къ самозванцамъ, чтобы расшевелить неподвижныя крестьянскія массы. Такіе слухи, такъ же, какъ и слухи о какомъ-нибудь Гарибальди, идущемъ освободить крѣпостныхъ, или о Стенькѣ Разинѣ, проявившемся на Волгѣ, всегда были излюбленнымъ средствомъ у зачинщиковъ изъ самого народа. Эти зачинщики пользовались, однако, слухами о царскихъ указахъ и грамотахъ и т. под. не ради обмана, а скорѣе, какъ средствомъ защиты или оправданія на случай неудачи. Извѣстно, что не только люди, близко стоявшіе къ Пугачеву, но и крестьяне внутри Россіи говорили про него: „будь онъ хоть чортовъ сынъ, лишь бы помогъ извести помѣщиковъ и чиновниковъ“. Кромѣ того я также указывалъ на крестьянское движеніе, начавшееся въ восточной Франціи въ 1788 г. и приведшее въ слѣдующемъ году, въ іюлѣ, къ возстанію въ городахъ и ко взятію Бастиліи, и на почвѣ котораго разыгралась вся политическая революція, вплоть до 1793 г. Изучая это движеніе, я нашелъ явные слѣды, что крестьяне поднимались весьма часто подъ предлогомъ, что король [illegible]скія усадьбы, а затѣмъ именемъ короля жгли уставныя грамоты (terriers) и отбирали у господъ землю, захваченную ими у сельскихъ общинъ. Были и „грамоты“, и есть даже слѣды самозванца, — что не помѣшало, однако, два года спустя, тѣмъ же крестьянамъ восточной Франціи стоять за своихъ депутатовъ, подавшихъ голосъ за казнь короля и за республику“. Читатель долженъ замѣтить эти соображенія. Хотя дѣйствовавшіе въ Россіи народники и не имѣли возможности подробно ознакомиться съ исторіей французскихъ крестьянскихъ движеній, но психологія русскихъ народныхъ бунтовъ объяснялась ими совершенно согласно съ тѣмъ, что говоритъ о ней здѣсь г. Кропоткинъ. И если эти народники рѣшались прибѣгать къ грамотамъ и манифестамъ отъ имени царя, — или одобряли такіе манифе

---

[*]) Курсивъ г. Брешковской.

въ карманъ шинели и что-то выхвативъ оттуда, немедленно удираетъ. Въ толпѣ громкій смѣхъ. „Сконфуженный“ приставъ ретируется. Вотъ какой-то околоточный бросается одинъ къ знамени съ цѣлью вырвать его. Десятки рукъ моментально схватываютъ его, срываютъ съ него шашку и портупею и ломаютъ и рвутъ ихъ. Удары сыплются на несчастнаго, который спасается только благодаря револьверу, выстрѣливъ раза три въ воздухъ[*]).

„Назадъ, товарищи!“ — вдругъ раздаются крики. Полиція, оказывается, подъ шумокъ употребила хитрый маневръ. Позади, на углу Таганрогской улицы, она кое-какъ устроила цѣпь, и такимъ образомъ, отдѣлила отъ демонстрантовъ значительную часть народа. Демонстранты поворачиваютъ назадъ, каменьями прогоняютъ полицію и вновь соединяются съ толпой. Здѣсь, на углу, у Грандъ-Отеля происходитъ значительная остановка, поется Марсельеза и Варшавянка, а затѣмъ подъ непрерывные крики „Долой самодержавіе!“ демонстранты вновь движутся впередъ.

Вдругъ на извощикѣ появляется сильно запоздавшій полицмейстеръ. Онъ летитъ навстрѣчу къ демонстрантамъ. Но, не доѣзжая до нихъ, останавливается. Свистъ и крики „Долой самодержавіе!“ встрѣчаютъ его. Какой-то рабочій подскакиваетъ къ нему и ломаетъ у него шашку. Подъ громкій хохотъ толпы извозчикъ поворачиваетъ и исчезаетъ со своимъ глупымъ и струсившимъ сѣдокомъ.

Впередъ! Впередъ! Долой самодержавіе! „Вставай, подымайся, рабочій народъ!“ И демонстранты движутся все впередъ и впередъ. Вотъ Николаевскій переулокъ — здѣсь самая центральная часть города. На балконы вылетѣла вся крупная буржуазія. Мужчины въ цилиндрахъ, дамы — въ роскошныхъ нарядахъ. Нужно видѣть съ какой злобой, съ какой ненавистью смотритъ на нихъ толпа, какъ грозно она подымаетъ противъ нихъ кулаки. „Долой буржуазію! долой проклятыхъ буржуа! да здравствуетъ соціализмъ!“ — кричатъ сотни голосовъ. И особенно грозны, особенно безпощадны женскіе голоса. Невозможно описать героизма и мужества женщинъ-работницъ. Онѣ все время впереди, онѣ непрерывно сзываютъ разстраивающіеся ряды. „Сюда, товарищи!“ — звонко раздаются ихъ голоса, выдѣляясь изъ непрерывныхъ, оглушительныхъ криковъ. „Долой буржуазію!“ — кричатъ онѣ, и въ ихъ крикахъ столько ненависти, столько силы, что сердце начинаетъ прыгать отъ радости въ груди, какъ будто уже занимается заря соціализма. Энергія удесятеряется, силы выростаютъ, — и изъ груди рвется непрерывный крикъ „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ соціализмъ!“.

Товарищи! Смотрите на спины! — раздается вдругъ крикъ — шпіоны мажутъ краской! Оказывается, что шпіоны, имѣющіе, повидимому, всегда про запасъ фуксинъ или мѣлъ, дѣйствуютъ въ толпѣ, отмѣчая демонстрантовъ. Шпіоны, въ полномъ составѣ, на лицо. Явился и жандармскій полковникъ Артемьевъ, въ сопровожденіи адъютанта и двухъ жандармовъ. Вся эта группа прячется отъ демонстрантовъ и при ихъ приближеніи улепетываетъ во всѣ лопатки. Къ Артемьеву подбѣгаетъ шпіонъ и о чемъ-то докладываетъ. Нѣкоторыхъ шпіоновъ, замѣченныхъ, когда они намѣчали спины, страшно избиваютъ.

Впередъ и впередъ! Миновали Николаевскій и Казанскій переулокъ. Демонстрація приближалась къ Большому проспекту. Отъ начала прошло полтора часа, настроеніе до того приподнято, что необходимъ выходъ, разрѣженіе... „Къ тюрьмѣ! къ тюрьмѣ!“ раздаются крики...

Но уже поздно... За полтора часа полиція успѣла собраться съ силами и вызвать казаковъ. Она не рѣшается еще дѣйствовать, хотя могла бы теперь разсѣять толпу. Двѣ силы стоятъ другъ противъ друга. Съ одной стороны, демонстранты съ красными знаменами, съ другой — двѣ сотни конныхъ казаковъ, а сверху, по Садовой, навстрѣчу демонстрантамъ, спѣшитъ съ ружьями на перевѣсъ пѣшая сотня. Часть казаковъ оцѣпила находящійся невдалекѣ государственный банкъ и казначейство, загородивъ кругомъ всѣ улицы. Повидимому, больше всего опасаются разгрома государственнаго банка, такъ какъ рядомъ находится новый базаръ — мѣсто скопленія босяковъ, береговыхъ рабочихъ и ломовыхъ извозчиковъ. Полиція, собравшись въ кружокъ, совѣщается.

Моментъ — и красныя знамена исчезаютъ и группа, тѣсно окружавшая ихъ разсѣивается во всѣ стороны. Полиція съ опозданіемъ бросается за ускользнувшими демонстрантами, но улица на протяженіи цѣлаго квартала немедленно опустѣваетъ. Казаки съ нагайками бросаются въ боковыя улицы, но толпа, хотя и разбѣгается передъ ними, однако, не безъ сопротивленія. На Садовой, куда почему-то казаковъ не пустили, дѣйствуетъ немногочисленная полиція. Съ ней ведется отчаянная борьба. Приставъ Антоновъ получилъ страшный ударъ по головѣ, у одного городового разбита камнемъ скула, другому ножемъ отхватили кусокъ носа, третій получилъ два удара по физіономіи. Одному перешиблена кистенькомъ рука. Толпа отбиваетъ арестованныхъ. Есть жертвы и со стороны демонстрантовъ. Какая-то старушка лежитъ на мостовой и надъ ней стоитъ городовой. Въ чемъ дѣло, узнать невозможно. Два городовыхъ повалили какого-то торговца на тротуаръ. „Не имѣешь права бить“ — кричитъ онъ. На углу Казанскаго переулка лежитъ, кажется, убитый, какой-то юноша лѣтъ восемнадцати, около него лужа крови. Есть арестованные, но ихъ, кажется, немного и все лица случайныя и постороннія организаціи. Знаменоносцы удачно скрылись.

Пишущему эти строки пришлось быть участникомъ извѣстной вѣтровской демонстраціи 4 марта 1897 года въ Петербургѣ. Въ этой демонстраціи принимало участіе до 5000 чел. и она была очень хорошо организована. Вся масса демонстрантовъ шла тѣсной, дружной толпой. Ростовская демонстрація значительно отличалась отъ вѣтровской. Число участниковъ демонстраціи превышало вѣтровскую демонстрацію въ 5-6 разъ, — и именно поэтому невозможно было добиться той стройности и сплоченности толпы, какая наблюдалась на вѣтровской демонстраціи. Организованные рабочіе, разсѣянные въ толпѣ въ числѣ до 150 чел., для того, чтобы постоянно притягивать массу къ знаменамъ, не въ силахъ были справиться съ этой задачей. За шумомъ, криками и пѣніемъ невозможно было устроить какой-нибудь порядокъ, сплотить массу и повести ее стройными рядами. Но внушительность демонстраціи не особенно потеряла отъ этого. Ростовская демонстрація, по сравненію съ другими демонстраціями, имѣетъ то огромное преимущество, что въ ней приняла участіе масса, въ количествѣ чуть-ли не тридцати тысячъ человѣкъ. И поэтому-то ея значеніе становится особенно крупнымъ. Ростовская демонстрація должна явиться началомъ ряда массовыхъ демонстрацій по всей Россіи.

Ростовская демонстрація явилась превосходнѣйшимъ отвѣтомъ на послѣдній царскій манифестъ и одновременно какъ бы крикомъ сочувствія партіи „Народной Воли“, 1 марта 1881 года, совершившей свой послѣдній героическій актъ. Наканунѣ демонстраціи состоялось три сходки, на которыхъ присутствовало до 500 человѣкъ. На сходкахъ были произнесены рѣчи, посвященныя памяти „Народной Воли“, террору, какъ средству борьбы, и послѣднему царскому манифесту. Въ заключеніе на сходкахъ была провозглашена вѣчная память героямъ „Народной Воли“ — Желябову и Перовской. Такимъ образомъ, многіе рабочіе хорошо знали, зачѣмъ они идутъ на демонстрацію и какой спеціальный смыслъ, сверхъ обычнаго, имѣетъ демонстрація. Настроеніе среди рабочихъ послѣ демонстраціи превосходно: организованные рабочіе отъ радости буквально прыгаютъ и пляшутъ. Отовсюду (и не только отъ рабочихъ) сильнѣйшее требованіе на литературу, прокламаціи и листки. Цѣлый рядъ рабочихъ до сихъ поръ враждебно относившихся къ организаціи, теперь сдѣлались самыми горячими ея приверженцами.

---

[*]) Очень характерно, что нѣкоторые именитые буржуа безъ отпора выслушивали грязную брань околоточныхъ, сыпавшуюся на нихъ. Брань на вороту не виснетъ...

сты и грамоты, то и они дѣлали это вовсе „не ради обмана“, а потому, что вѣрили въ революціонную логику стихійнаго крестьянскаго взрыва и думали, что, совершившись даже во имя царя, такой взрывъ неизбѣжно приведетъ къ отрицанію царской власти. Эта вѣра въ революціонную логику крестьянскаго движенія естественно должна была возникнуть, укрѣпиться и разрушиться вмѣстѣ съ народничествомъ. А такъ какъ народничество — т. е. тотъ самобытный русскій соціализмъ, о которомъ говоритъ тов. Дейчъ — возникло и окрѣпло лишь въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, то не удивительно, что этой вѣры не было у людей предшествовавшаго, до-народническаго революціоннаго періода, т. е. у людей, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ одновременно съ г-жей Брешковской. Вотъ почему между этими людьми и господствовало то отрицательное отношеніе къ чигиринскому пріему, о которомъ говоритъ г-жа Брешковская. Для нихъ это отрицательное отношеніе было такъ же естественно, какъ естественно было у ихъ непосредственныхъ преемниковъ — народниковъ-бунтарей, — безусловное сочувствіе Стефановичу и Дейчу. Если я и нѣкоторые другіе землевольцы не раздѣляли этого безусловнаго сочувствія, то надо сознаться, что наши тогдашніе товарищи разсуждали послѣдовательнѣе, чѣмъ мы.

Все дѣло объясняется, стало быть, очень просто содержаніемъ и смѣной идей въ нашемъ революціонномъ движеніи. Вопросъ о нравственности русскихъ революціонеровъ различныхъ періодовъ тутъ рѣшительно не причемъ, и напрасно поднимаетъ его г-жа Брешковская. Она показываетъ этимъ только то, чего ей отнюдь не слѣдовало показывать, т. е. что она слишкомъ плохо знакома съ исторіей той „соціально революціонной“ партіи, которую она вздумала защищать. И какъ странно, какъ неумѣло защищаетъ она эту партію! „Изъ совокупности нѣкоторыхъ заявленій ‚Искры‘ и ‚Зари‘ и литературныхъ предшественниковъ ихъ (изд. „Гр. Освоб. Труда“), — говоритъ она, — революціонной молодежи остается только заключить, что вся прошлая работа соціально-революціонной партіи въ Россіи была сплошной ошибкой“. Жаль, что г-жа Брешковская не говоритъ намъ, какая именно „совокупность нѣкоторыхъ положеній“ нашихъ можетъ оправдывать это странное умозаключеніе. Если бы она внимательно отнеслась къ нашимъ изданіямъ, то она и сама увидѣла бы, что ничего подобнаго нельзя заключить изъ нихъ. Въ доказательство я могу сослаться хотя бы на первое же литературное произведеніе первой же русской соціаль-демократической группы, — на мою брошюру „Соціализмъ и политическая борьба“. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ говорится: „Стремленіе работать **въ народѣ** и для народа, увѣренность въ томъ, что ‚освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самого рабочаго класса‘, — эта **практическая** тенденція нашего народничества дорога мнѣ попрежнему. **Теоретическія** же его положенія… кажутся мнѣ во многихъ отношеніяхъ ошибочными“. Неужели сказать это — значитъ утверждать, что „вся прошлая работа соціально-революціонной партіи въ Россіи была сплошной ошибкой“? Я не знаю, о какой именно „молодежи“ говоритъ г-жа Брешковская; но я думаю, что эта молодежь не лишена элементарнаго здраваго смысла, и благодаря этому, пойметъ, что несогласіе съ „теоретическими положеніями“ извѣстной партіи вовсе еще не равносильно „**сплошному**“ осужденію ея дѣятельности. При томъ же та „соціально-революціонная партія“, которую имѣетъ въ виду г-жа Брешковская, въ свою очередь, далеко не была „сплошною“. Въ ней тоже были разныя теченія, смѣнявшія другъ друга и не обходившіяся безъ критики. Народники не соглашались со своими предшественниками — пропагандистами; народовольцы рѣзко оспаривали народниковъ. Дурно было это или хорошо? Если дурно, то почему г-жа Брешковская не осуждаетъ ихъ? А если — хорошо, то почему критика, умѣстная и полезная въ томъ случаѣ, когда ее позволяетъ себѣ **народникъ** или **народоволецъ**, становится вредной, неумѣстной и безнравственной, когда за нее берется **соціаль-демократъ**?

Мы никогда не предаемъ никого анаѳемѣ. Мы только дер[illegible] обычаѣ у людей, которые **критикуютъ**, т. е. апеллируютъ къ разуму читателя. За „анаѳему“ охотно хватаются тѣ, которые возстаютъ противъ критики и, чтобы зажать ротъ своимъ противникамъ, стараются подѣйствовать на чувства своихъ читателей или на слушателей жалкими словами. На это есть тьма охотниковъ; мы не изъ ихъ числа.

Если кто преданъ анаѳемѣ, то преданы ей мы и преданы именно въ письмѣ г-жи Брешковской. Письмо это написано какъ разъ тѣмъ тономъ, которымъ говорятъ священники и первосвященники, отлучающіе грѣшниковъ отъ своей церкви. Насъ, конечно, не испугаютъ никакія анаѳемы. Но я замѣчу г-жѣ Брешковской, что ей слѣдовало бы помѣстить въ какую-нибудь другую статью анаѳему, приготовленную для „Гр. Освобожденіе Труда“ и „Искры“ съ „Зарею“. Вѣдь въ ея письмѣ рѣчь шла о томъ, ошибался или не ошибался тов. Дейчъ, утверждавшій, что пріемъ, употребленный въ Чигиринскомъ дѣлѣ, былъ сочувственно встрѣченъ русскими революціонерами. Г-жа Брешковская находила, что тов. Дейчъ ошибался. Ей и надо было просто заявить это. Но она вообразила, что тов. Дейчъ хотѣлъ набросить тѣнь на нравственность революціонеровъ 70-хъ годовъ, и потому она рѣшила, въ свою очередь, набросить тѣнь на тов. Дейча и его нынѣшнихъ единомышленниковъ. Она погорячилась, вслѣдствіе этого все ея показаніе приняло довольно странный видъ. Оно напоминаетъ слѣдующую сцену изъ очерка Г. И. Успенскаго „Тише воды, ниже травы“:

…„На вопросъ, знаетъ-ли она подсудимую, свидѣтельница отвѣчала:

— Какъ не знать-съ, ваше высокоблагородіе, она мнѣ по сей часъ два рубля серебромъ должна. Очень знаемъ-съ!

— Что вы скажете на счетъ ребенка?

— Да утопила она его, больше ничего-съ! Потому она имѣетъ очень вредный характеръ, ваше сіятельство… она по сейчасъ не можетъ мнѣ, хошь бы по гривеннику въ мѣсяцъ, двухъ рублей-съ“ и т. д., и т. д.

Изображенная Г. И. Успенскимъ мѣщанка свидѣтельница поступила бы много тактичнѣй, если бы не упоминала о томъ, что подсудимая не отдала ей своего долга; г-жа Брешковская поступила бы много тактичнѣй, если бы умолчала о томъ, что тов. Дейчъ и его нынѣшніе единомышленники задолжали ей… то бишь, — огорчили ее своимъ очень вреднымъ характеромъ, то бишь своей критикой старыхъ революціонныхъ программъ и воззрѣній.

Г. Плехановъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

НОВОЕ ПРОЯВЛЕНІЕ ЦАРСКАГО „ПРАВОСУДІЯ“.

Утверждаю. 3 января 1903 г. Членъ палаты Бабушкинъ.

Обвинительный актъ Копія.

о крестьянахъ Пермской губ., Кунгурскаго уѣзда, Серебрянской волости и завода Василіи Семеновѣ Киселевѣ и Верхотурскаго уѣзда, Нейво-Алапаевской волости, деревни Алапаихи: Гавріилѣ Ивановѣ Кабаковѣ, Иванѣ Григорьевѣ Глухихъ, Петрѣ Петровѣ, Димитріи Степановѣ, Иванѣ Емельяновѣ, Павлѣ Петровѣ и Яковѣ Ивановѣ Залѣсовыхъ, Иванѣ Александровѣ, Андреѣ Ивановѣ, Степанѣ Федоровѣ, Петрѣ Петровѣ, Андреѣ Потаповѣ, Александрѣ Ивановѣ, Николаѣ Федоровѣ, Василіи Федоровѣ и Николаѣ Николаевѣ Кабаковыхъ, Семенѣ Евгеньевѣ Глухихъ и Алапаевскомъ мѣщанинѣ Иванѣ Львовѣ Крыловѣ.

Въ 11 час. ночи 21 ноября 1902 г., на Верхне-Тягунскій рудникъ, Нейво-Алапаевскаго завода, Верхотурскаго у., образующій отдѣльный поселокъ, было сдѣлано нападеніе 18 злоумышленниками, пріѣхавшими на лошадяхъ, запряженныхъ въ коробки. Въ этомъ поселкѣ имѣются казармы и два магазина, въ которыхъ хранились различные горные инструменты, вагонныя оси, стрѣлки, пожарныя машины и др.; въ томъ же поселкѣ находится лавка принадлежащая крестьянину Тим. Вяткину, и пекарня, въ которой проживалъ Вяткинъ съ женой и два его работника, Яковъ и Михаилъ Борисовы. Напавшія на поселокъ лица имѣли при себѣ огнестрѣльное оружіе, топоры и ломы. Для устрашенія обитателей поселка, они стали стрѣлять, били въ стѣны пекарни, и въ то же время, сломавъ у двери лавки запоръ, разграбили весь оказавшійся тамъ товаръ, котораго, какъ видно изъ показаній Вяткина, было на 115 руб. На запертыхъ дверяхъ обоихъ магазиновъ были усмотрѣны у одного магазина — слѣды ударовъ ломомъ, у другого — расколъ дерева около замка и поврежденіе накладки запертаго замка, но проникнуть въ магазинъ злоумышленникамъ не удалось. Въ запертой казармѣ ими были сломаны рамы, и изъ казармы похищена пожарная машина. Уѣзжая съ награбленнымъ по направленію къ Нижне-Тягунскому руднику, грабители стучали въ двери пекарни и кричали Вяткину: „Гдѣ у тебя имѣнье? что мало въ лавкѣ? сказывай, а то убьемъ“, послѣ того разбили въ пекарнѣ стекла, и одинъ изъ нихъ кричалъ Вяткину: „не выходи до свѣта; а если выйдешь, то убьемъ; считай за счастье, что даемъ тебѣ душу на покаяніе“. Послѣ ихъ отъѣзда Вяткинъ и бывшіе съ нимъ услышали съ Н.-Тягунскаго рудника сильные крики и выстрѣлы. На этомъ послѣднемъ рудникѣ имѣется контора, два магазина съ горными инструментами, казармы, домъ смотрителя рудниковъ Пастухова, и еще нѣсколько построекъ. Въѣхавъ въ этотъ поселокъ, злоумышленники, какъ видно изъ показаній проживающихъ на рудникѣ штейгера Дѣева и караульнаго Кропанцева и кухарки отсутствовавшаго изъ дому Пастухова Марфы Пыриной, прежде всего стали стрѣлять и бить рамы и стекла въ конторѣ и домѣ Пастухова. Они стрѣляли прямо въ строенія: такъ, одна пуля ударила въ квартирѣ Пастухова съ улицы въ окно во внутреннюю дверь кухни и пробила ее, едва не задѣвъ Пырину, стоявшую въ кухнѣ около этой двери. Кромѣ сего, послѣ нападенія Дѣевъ видѣлъ въ стеклахъ оконъ Пастухова два круглыя отверстія отъ пуль, а по осмотру при слѣдствіи одного изъ магазиновъ рудника, на его двери оказалось семь пулевыхъ отверстій. Тѣмъ же осмотромъ установлено, что при нападеніи на Н.-Тягунскій рудникъ въ конторѣ были сломаны лѣтнія рамы и стекла въ зимнихъ, дверная дверь(?) разсѣчена топоромъ, дверная скоба изогнута, въ казармѣ въ двухъ окнахъ сломаны лѣтнія рамы, у дверей перваго магазина вырванъ у замка пробой, то же оказалось и у двери второго магазина, у которой, кромѣ того, былъ согнутъ внутренній запоръ и на косякѣ имѣлось болѣе десяти вдавлинъ отъ лома. Упомянутый выше караульный Кропанцевъ при слѣдствіи показалъ, что 21 ноября въ 11 час. ночи онъ увидѣлъ, что отъ В.-Тягунскаго рудника подъѣзжаетъ саней 15; онъ пошелъ къ нимъ, какъ вдругъ изъ кошевни выскочилъ мужикъ, выстрѣлилъ на встрѣчу ему изъ револьвера, а за нимъ стали стрѣлять и другіе, сидѣвшіе въ коробкахъ. Кропанцевъ побѣжалъ назадъ, къ квартирѣ штейгера Дѣева. Послѣдній приказалъ ему также выстрѣлить. Въ это время напавшіе стали громить контору и домъ Пастухова и грабить магазины, при чемъ крики, ругань и выстрѣлы продолжались часа полтора. Кропанцевъ побѣжалъ на сосѣдній Зыряновскій рудникъ № 12 и далъ знать о случившемся штейгеру Чернавину. Послѣдній съ нѣкоторыми рабочими тотчасъ же пріѣхалъ на Н.-Тягунскій рудникъ. Злоумышленники, занятые у магазиновъ нагрузкой въ коробки награбленнаго имущества, не замѣтили его прибытія. Онъ пытался подойти къ нимъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ на воздухъ, желая устрашить грабителей, но его ружье сдѣлало осѣчку грабители же, замѣтивъ, что защитниковъ рудника мало, стали сами стрѣлять и бросились на Чернавина, который долженъ былъ отступить съ сопровождавшими его лицами. Одинъ изъ нихъ, Г. Ф. Киселевъ, при слѣдствіи показалъ, что, убѣгая отъ погнавшихся за нимъ, онъ успѣлъ забѣжать въ ворота дома Пастухова и замкнуть ихъ. Гнавшійся ударилъ чѣмъ-то по воротамъ и сказалъ: „правъ, что успѣлъ забѣжать“. Призвать помощь противъ грабителей не представилось возможности, такъ какъ они передъ нападеніемъ [illegible] проволоку телефона, соединявшую рудники съ Ней[illegible]скимъ заводомъ.

Рабочій сосѣдняго [illegible]ряновскаго № 12 рудника Федоръ Борисихинъ, посланный тою же ночью Чернавинымъ въ Н.-Алап. зав. извѣстить администрацію послѣдняго о нападеніи на рудники, прослѣдилъ, что обозъ лицъ, совершившихъ разграбленіе рудниковъ, направился въ сторону дер. Алапаихи, отстоящей верстахъ въ восьми отъ Тягунскихъ рудниковъ и свернулъ съ проѣзжей дороги въ поле этой дер. къ овинамъ по цѣлому снѣгу.

При производствѣ полиціей въ ту же ночь розысковъ въ указанномъ Борисихинымъ направленіи были усмотрѣны свѣжіе санные слѣды по снѣгу, шедшіе къ полямъ кр-нъ д. Алап. въ разныхъ направленіяхъ и затѣмъ терявшіеся на улицахъ этой дер. Въ полѣ, вблизи означенныхъ слѣдовъ, оказалась зарытою въ снѣгъ часть похищенныхъ въ Тяг. рудн. вещей.

Утромъ 22 ноября по дорогѣ на Тяг. руд. проѣзжавшими туда лицами было замѣчено на деревѣ объявленіе, написанное карандашомъ на полулистѣ сѣрой бумаги, безъ подписи, гдѣ отъ имени неизвѣстныхъ лицъ, рабочихъ на рудникахъ, говорится, что они не воры, а только голодные, какъ волки, люди, что ихъ неволя заставляетъ воровать, что они будутъ грабить до тѣхъ поръ, пока работа не направится, и убьютъ смотрителей за то, что тѣ не уважаютъ народъ.

Такъ какъ почеркъ, которымъ написано это объявленіе, по объясненію Алап. вол. старшины Коробкина, оказался похожимъ на почеркъ кр-на Алап. Ив. Ю. Глухихъ, то при слѣдствіи произведено было сличеніе ихъ, при чемъ эксперты пришли къ заключенію, что объявленіе несомнѣнно писано Ив. Глухихъ.

Изложенныя данныя дали указаніе на то, что лицами, разграбившими Тяг. рудн., были [illegible] не дер. Алапаихи.

При розыскахъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ разграбленіи Т. руд. и похищенныхъ вещей, утромъ 22 ноября полиціей въ усадьбѣ кр. д. Ал. Дм. Залѣсова были найдены зарытыми въ снѣгъ 27 жел. шпалъ и др. предметы, а въ подвалѣ дома кр. П. Залѣсова — три лома; лошади того и другого оказались сильно вспотѣвшими. Упомянутый выше торговецъ, онъ же и сторожъ В.-Тяг. руд., Вяткинъ и его жена, находясь при разграбленіи рудника въ [illegible], признали по голосу, что въ числѣ злоумышленниковъ былъ кр. д. Ал. И. Залѣсовъ, что съ положительностью и удостовѣрили при производствѣ слѣдствія.

29 ноября полиц. урядникъ Бердышевъ, производя розыски, дознался, что кр-нъ И. Глухихъ и мѣщ. И. Крыловъ 25 ноября признались кр-кѣ Кабаковой, что они участвовали въ нападеніи на руд. и расхищеніи съ нихъ разнаго желѣза и указали мѣста, гдѣ это желѣзо лежитъ. Въ указанныхъ мѣстахъ полиціей было найдено три воза различныхъ вещей, похищенныхъ съ рудниковъ въ ночь на 22 ноября.

Привлеченный вслѣдствіе сего къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, Ив. Крыловъ призналъ себя виновнымъ въ нападеніи на рудники и участіи въ ихъ разграбленіи и объяснилъ, что кр-не д. Алап. вынуждены заниматься горными работами съ давнихъ поръ; отцы и дѣды ихъ этими работами „возвысили“ заводъ, но въ послѣднее время заводоуправленіе стало принимать на работы пришлыхъ людей и отдавать имъ самыя выгодныя, лучшія раб., какъ, напр., Вяткину, а имъ, жителямъ д. Алап., даютъ возку руды, — такую работу, которая плохо оплачивается. Доведенные всѣмъ этимъ, по объясненію Кр., до крайне бѣдственнаго положенія, кр-не дер. Алап. съ мѣсяцъ совѣщались, какъ имъ быть, и надумали добыть себѣ хлѣбъ и отомстить за обиду, расхитивъ желѣзо и пр. изъ рудничныхъ складовъ и „напакостить“ вмѣстѣ съ тѣмъ „иностранцу“ Вяткину, что и исполнили въ ночь на 22 ноября, выбравъ для этого Тяг. рудн. потому, что на нихъ работы самыя выгодныя. Желающихъ ѣхать на рудники было много, и поѣхали на 16 подводахъ, ни отъ кого не скрываясь. Въ нападеніи участвовали (такіе-то, 17 обвиняемыхъ — всѣ, кромѣ Киселева и Гавр. Кабакова).

Всѣ перечисленныя лица, допрошенныя въ качествѣ обвиняемыхъ, признали себя виновными въ нападеніи на В. и Н.-Тяг. рудн., при чемъ объяснили: И. Глухихъ, — что снятое съ дерева объявленіе написано имъ по уговору съ своими товарищами; П. Залѣсовъ, — что, пріѣхавъ на рудники, они стрѣляли, чтобы досадить рудничной администраціи; при разграбленіи магазиновъ замки на обоихъ рудникахъ ломали Ив. Крыловъ и И. Глухихъ; обв. Я. Залѣсовъ, — что онъ похитилъ три пилы и рельсы, всего до 15 пудовъ; И. Кабаковъ — взялъ себѣ изъ лавки Вяткина до 14 пуд. овса и 4 пуда сахара, большую часть этого издержалъ, а остатки выдалъ уряднику Бердышеву; А. Кабаковъ — что во время нападенія при немъ была пешня и что онъ привезъ домой и спряталъ на гумнѣ ок. 15 пуд. желѣза, которое и было найдено урядникомъ; С. Кабаковъ — имѣлъ при себѣ берданку, которую во время нападенія взялъ у него И. Глухихъ, Кабакову изъ похищеннаго также досталось ок. 15 пуд. жел. вещей, которыя онъ скрылъ въ полѣ, близъ дер. Алапаихи, гдѣ онѣ на другой же день и были найдены полиціей; П. Кабаковъ, — что во время грабежа на рудникахъ въ его сани была положена пожарная машина; А. Кабаковъ — что онъ во время нападенія не имѣлъ своей лошади, и ему досталась сыромятная кожа и рукавицы, похищенныя, по словамъ Вяткина, изъ лавки послѣдняго; Н. Кабаковъ — что дорогою на рудники Д. Залѣсовъ оборвалъ у телефона проволку и что ему, Кабакову, достались изъ похищеннаго десять ломовъ, найденные при розыскѣ; В. Кабаковъ, — что на рудникахъ били стекла и ломали замки Крыловъ и И. Глухихъ и что онъ, обвиняемый, получилъ 28 ломовъ и 7 осей; Н. Кабаковъ, — что во время похищенія ему набросали въ коробокъ стрѣлки, которыя онъ спряталъ у себя на огородѣ, гдѣ онѣ и были найдены; обв. С. Глухихъ, — взялъ, по его словамъ, до 10 п. желѣза и помнитъ, что бочку съ керосиномъ изъ лавки Вяткина увезъ И. Залѣсовъ.

При изслѣдованіи мотивовъ преступленія, составляющаго предметъ сего дѣла, выяснилось слѣд.: кр-не дер. Алапаихи, имѣя незначительные земельные надѣлы, съ давнихъ поръ добываютъ себѣ средства къ существованію преимущественно работою на рудникахъ Алап. зав., получая достаточную плату для того, чтобы могли жить безбѣдно(?!), хотя всегда были недовольны ею и просили постоянно прибавки. Въ 1902 г. плата за работу на рудникахъ стала понижаться, а, кромѣ того, къ осени работы на нѣкоторыхъ рудникахъ были сокращены или даже совсѣмъ прекращены до новаго года, благодаря чему заработокъ кр-нъ дер. Алапаихи уменьшился; это вызвало среди нихъ ропотъ, они стали высказывать неудоволствіе на заводскую администрацію. Къ этому присоединилось еще и то, что иногда разсчетъ съ рабочими стали производить не два раза въ мѣсяцъ, какъ было раньше, а только одинъ разъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣсто денегъ, рабочимъ нерѣдко выдавались администраціей рудниковъ купоны на полученіе, въ счетъ заработной платы, товара изъ общественной потребительской лавки Н.-Алап. зав., но въ ней рабочіе не всегда находили нужный для нихъ товаръ и принуждены бывали взятое ими въ лавкѣ, за ненадобностью, перепродавать съ убыткомъ для себя, чтобы выручить деньги на покупку необход. для себя предметовъ.

Съ октября мѣсяца кр-не дер. Алапаихи стали собираться на сходки, куда пускали не всѣхъ.

Какъ видно изъ показаній обвин. А. И. и А. П. Кабаковыхъ, П. Залѣсова и С. Глухихъ, — эти сходки собиралъ пользующійся среди алапаевскихъ крестьянъ исключительнымъ вліяніемъ и довѣріемъ крестьянинъ Гавріилъ Ивановъ Кабаковъ: сходки происходили въ его домѣ, а также въ домѣ И. Ф. Кабакова и въ пожарной. Въ этихъ сходкахъ участвовалъ пріѣзжавшій для сего въ Алапаиху кр-нъ Кунг. у. Серебр. зав. Василій Семеновъ Киселевъ, знакомый только Г. Кабакову и выдававшій себя за студента. На упомянутыхъ сходкахъ Киселевъ читалъ книжки крестьянамъ и давалъ объясненія. Такъ, на сходкѣ у И. Кабакова Киселевъ внушилъ собравшимся, что вся земля отдана капиталистамъ, что крестьяне должны отбирать у владѣльцевъ открытою силою все, что крестьянамъ надо, и грабить рудники(?). Къ тому же Киселевъ склонялъ крестьянъ и 30 октября на сходкѣ въ пожарной, причемъ Г. Кабаковъ говорилъ собравшимся, чтобы они слушались совѣтовъ этого человѣка. По словамъ А. Кабакова и С. Глухихъ, — алапаевцы и рѣшились напасть на рудники благодаря увѣщаніямъ и уговорамъ Киселева, по указаніямъ Г. Кабакова они поступали и сгубили себя тѣмъ. Эти объясненія обвиняемыхъ вполнѣ подтверждаются свидѣтелемъ, довѣреннымъ алапаевскаго общества О. С. Кабаковымъ, который показалъ, что сходку 30 октября собралъ Г. Кабаковъ и привелъ туда неизвѣстнаго молодого человѣка, оказавшагося впослѣдствіи Киселевымъ. Послѣдній сталъ бесѣдовать съ собравшимися крестьянами и говорилъ: „вотъ у васъ землю отбираютъ и отдаютъ капиталистамъ, у которыхъ надо отбирать все открытою силой и грабить ихъ. Вотъ вы получаете на рудникахъ за куб. саж. 1 р. 40 к. — какая это плата!? Надо выбивать съ нихъ плату какъ слѣдуетъ“. Онъ много еще толковалъ объ этомъ и поносилъ правительство, при чемъ предупреждалъ: „смотрите, братцы, если кто вынесетъ нашу бесѣду, того черезъ два дня не будетъ“. Свидѣтель также удостовѣряетъ, что Г. Кабаковъ говорилъ крестьянамъ, чтобы они слушались этого человѣка и слѣдовали его совѣтамъ. Послѣ этой сходки, по словамъ свидѣтеля, алапаевскіе крестьяне стали собираться и совѣщаться о чемъ-то и, наконецъ, въ ночь на 22 ноября совершили нападеніе на рудники.

Привлеченные къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, В. Киселевъ и Г. Кабаковъ не признали себя виновными въ подстрекательствѣ къ разбою и показали: Киселевъ, — что онъ бывалъ въ Алапаихѣ у своего знакомаго Г. Кабакова, и они иногда почитывали. О сходкѣ 30 октября онъ зналъ заранѣе и былъ на ней. Во время сходки онъ бесѣдовалъ съ крестьянами, интересуясь ихъ жизнью, распрашивалъ о заработной платѣ и читалъ имъ книжку о благоустройствѣ крестьянъ и объ обязанностяхъ волостного и сельскаго начальства. Г. Кабаковъ при допросѣ утверждалъ, что никакихъ сходокъ онъ не устраивалъ и крестьянъ къ нападенію на рудники не подстрекалъ; къ нему, дѣйствительно, ходилъ какой-то молодой человѣкъ, по имени Василій, который ухаживалъ за его дочерью; ни въ какія бесѣды онъ съ нимъ не входилъ и фамиліи его не зналъ. Но, кромѣ вышеизложеннаго, приведенное объясненіе Г. Кабакова опровергается показаніемъ десятскаго Евсѣева, который случайно попалъ въ октябрѣ на сходку въ домѣ И. Кабакова. При входѣ его Г. Кабаковъ сказалъ ему: „тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ, оно тебя не касается, ты полицейскій“. Евсѣевъ отвѣтилъ, что онъ никому не скажетъ того, что услышитъ. Тогда Г. Кабаковъ, очевидно, хорошо понимавшій преступность происходившаго, предупредилъ Евсѣева: „смотри, выбирай изъ двухъ любое, или тебѣ — крышка“.

На основаніи вышеизложеннаго, крест. д. Алапаихи И. Глухихъ, 21 г., Павелъ Залѣсовъ, 39 л., Д. Залѣсовъ, 24 л., Петръ Залѣсовъ, 39 л., И. Залѣсовъ, 25 л., А. Кабаковъ, 22 л., С. Кабаковъ, 24 л., Л. Кабаковъ, 22 л., А. П. Кабаковъ, 20 л., А. И. Кабаковъ, 23 л., Н. Кабаковъ, 30 л., И. Кабаковъ, 37 л., Я. Залѣсовъ, 24 л., В. Кабаковъ, 30 л. С. Глухихъ, 19 л., Н. Кабаковъ, 21 л., мѣщ. И. Крыловъ, 27 л., кр-нъ Гавр. Ив. Кабаковъ, 52 л., В. Киселевъ, 22 л., обвиняются: первые 17 чел. въ томъ, что, склоненные убѣжденіями Гавр. Кабакова и Вас. Киселева, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Н.-Алапаевскому заводоуправленію и администраціи заводскихъ рудниковъ, а также къ крестьянамъ другихъ деревень, работающихъ на этихъ рудникахъ, возникшихъ на почвѣ экономическихъ отношеній, они, по предварительному между собою соглашенію, 21 ноября 1902 г. въ дер. Алапаихѣ образовали публичное, на глазахъ жителей этой деревни скопище и соединенными силами совершили вооруженное нападеніе на поселеніе при В.- и Н-Тягунскомъ рудникахъ, гдѣ разбили рамы и стекла въ нѣсколькихъ жилыхъ зданіяхъ, сломали замки у лавки торговца на В.-Тягунскомъ рудникѣ и у матеріальныхъ складовъ на Н.-Тягунскомъ рудникѣ и открыто похитили изъ первой — товаръ торговца, а изъ вторыхъ — разное рудничное имущество, для совершенія каковаго похищенія, они, съ цѣлью устрашенія лицъ, проживающихъ въ означенныхъ поселкахъ и устраненія ихъ сопротивленія, производили выстрѣлы изъ огнестрѣльнаго оружія и произносили угрозы, явно опасныя(?) для жизни этихъ лицъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, I ч. 269¹, 1629 и 1632 ст. Улож. о нак.; Вас. Киселевъ и Гав. Кабаковъ въ томъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ описанномъ выше скопищѣ и похищенія имущества, убѣжденіями и подговоромъ склонили указанныхъ выше лицъ составить это скопище и совершить нападеніе на поселеніе при рудникахъ, съ цѣлью открытаго похищенія находившагося тамъ имущества, что этими лицами и было исполнено 21 ноября 1902 г., т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 3 ч. 269¹, 13, 1629 и 1632 ст. Улож. о наказ.

Вслѣдствіе сего и на основаніи 201¹ ст. Уст. Угол. судопр. всѣ вышепоименованные обвиняемые подлежатъ суду Казанской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Обвинительный актъ составленъ 28 дек. 1902 г. въ г. Казани.

Подлинный подписалъ Прок. Каз. Суд. Пал. **Кичинъ**.

Свидѣтелей — 35 чел., обвиняемыхъ — 19 чел.

* * *

Товарищъ, приславшій намъ этотъ документъ, пишетъ:

Насколько мнѣ извѣстно, Алапаевское дѣло является первымъ, въ которомъ самодержавное правительство, въ своей злобѣ на самоотверженныхъ борцовъ за народную долю, примѣняетъ къ нимъ обвиненія уголовнаго — и исключительно уголовнаго характера. Обвиненіе Ларіонова (процессъ 193-хъ) въ похищеніи лошади и телѣги у волостного старшины, когда ему необходимо было немедленно скрыться отъ угрожавшаго ареста, терялось въ массѣ политическихъ обвиненій и не производило никакого впечатлѣнія. Положеніе В. Киселева и Г. Кабакова существенно другое. Правительство обвиняетъ ихъ исключительно въ уголовныхъ преступленіяхъ — вопреки всѣмъ фактамъ, выяснившимся на слѣдствіи, какъ судебномъ, такъ и жандармскомъ, ведшемся параллельно. Стремясь не только каторжнымъ приговоромъ обезвредить своихъ политическихъ враговъ, но и „опозорить“ ихъ въ глазахъ общества кличкой уголовнаго преступника, правительство, въ лицѣ прокурора*), не обращаетъ вниманія даже на имъ же составленный обвинительный актъ. Г. Кабаковъ сносится съ революціонными дѣятелями, помогаетъ имъ и самъ участвуетъ въ ихъ революціонной дѣятельности, организуетъ рабочихъ и крестьянъ, устраиваетъ революціонныя собранія, находитъ для нихъ оратора, руководитъ ими и т. д. и т. д. В. Киселевъ сносится съ революціонерами, произноситъ революціонныя рѣчи на сходкахъ, агитируетъ среди рабочихъ и крестьянъ, говоритъ имъ о невыносимо-низкой заработной платѣ рабочихъ, объ обезземеленіи крестьянъ**) при помощи „закона о надѣленіи крестьянъ землею“, призываетъ ихъ ко всенародному возстанію за соціализмъ („отобрать все — у капиталистовъ — открытою силой“). Все это говоритъ правительство въ обвинительномъ актѣ, — и правительство же, подчеркнувъ, что Киселевъ и Кабаковъ знали „всю преступность“ своихъ дѣйствій, отдаетъ подъ судъ за подстрекательство къ разбою и грабежу! Революціонеръ открываетъ рабочимъ свѣтлую картину грядущаго соціализма, — самодержавіе обвиняетъ его въ подстрекательствѣ къ грабежу! Революціонеръ призываетъ ко всенародному возстанію — правительство ссылаетъ его на 14-лѣтнюю каторгу***) за „подстрекательство къ разбою“! Какое циничное лицемѣріе!

Ссылка на каторгу по уголовнымъ обвиненіямъ за пропаганду и агитацію и полевой судъ(*) за демонстрацію, переходящую въ возстаніе, — вотъ, на ряду со старымъ, изъѣданнымъ въ годину 1 марта, средствомъ лживо-либеральныхъ указовъ, тѣ новыя средства, которыми самодержавіе пытается отдалить свою неминуемую гибель. Но китайская стѣна, которою правительство старается замкнуть рабочій классъ въ невыносимой сѣти дикаго крѣпостничества, разнузданнаго капиталистическаго барышничества и всепроникающей бюрократической регламентаціи и заградить рабочимъ путь къ знанію вѣрныхъ и дѣйствительныхъ путей борьбы — эта китайская стѣна разрушается самою жизнью въ самыхъ глухихъ уголкахъ царской державы. И въ томъ же Алапаевскомъ заводѣ, изъ округа котораго сослано на каторгу два сознательныхъ революціонера и 17 рабочихъ и крестьянъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они „голодны, какъ волки“, что, благодаря самодержавному строю, они еще не сознали вѣрныхъ путей борьбы, — въ этомъ самомъ заводѣ правительство вынуждено снова бороться съ непрекращающимся движеніемъ, производить новые и новые обыски и аресты. „Уголовные“ приговоры не остановятъ революціонеровъ, знающихъ, за что они борятся и идутъ на каторгу и съ гордымъ презрѣніемъ отвергающихъ предложенія лицемѣрнаго правительства купить избавленіе отъ такого приговора цѣною измѣны дорогому дѣлу борьбы(**). Не революціонеры, а само правительство опозорится этимъ приговоромъ въ глазахъ всего народа, который теперь все яснѣе сознаетъ, гдѣ его друзья, кто его враги. Грозной волной движенія отзовутся томскіе полевые суды по всей Россіи и сдѣлаютъ еще ближе, еще грознѣе то желанное время, когда всѣ писанные и неписанные „обвинительные акты“, сочиненные самодержавіемъ противъ народа и его вождей — революціонеровъ, сложатся въ одинъ и безмѣрный обвинительный актъ о самодержавіи, когда въ отвѣтъ на лживыя слова царскихъ указовъ о вѣротерпимости, возставшій народъ скажетъ свое непреклонное: „нѣтъ терпимости для самодержавія и его носителей!“ . . .

У Г. И. Кабакова взято письмо его сына, студ. СПБ. Лѣсного Инст., въ которомъ тотъ говоритъ о революціонномъ движеніи и выражаетъ свою увѣренность въ томъ, что возстаніе неизбѣжно. По слухамъ. Кабаковъ-сынъ арестованъ въ СПБ.

По поводу дѣла Гоца. Сообщаемъ по просьбѣ нашего друга, извѣстнаго итальянскаго соціалиста Э. Ферри его письмо къ Плеханову.

Дорогой другъ, прошу Васъ сдѣлать слѣдующія поправки къ извѣстію, напечатанному въ № 36 „Искры“.

1) Энгель (Зильберфарбъ) не обвинялся въ сообщничествѣ съ Балмашевымъ: онъ былъ арестованъ въ административномъ порядкѣ и освобожденъ послѣ того, какъ ваше свидѣтельство въ его пользу, было сообщено мною министру Джіолитти.

Бумаги, взятыя у Гоца при арестѣ не были показаны ни русскому консулу, ни другимъ лицамъ. Вслѣдствіе протеста Гоца онѣ были положены въ запечатанный конвертъ и министръ Джіолитти обязался предо мною не сообщать ихъ никому. Онѣ будутъ сегодня же посланы Михаилу Гоцу, который только что освобожденъ, по постановленію обвинительной камеры, высказавшейся противъ выдачи.

Я счастливъ тѣмъ, что могъ содѣйствовать такому хорошему результату.

Шлю вамъ свои привѣтствія и остаюсь Вашъ Энрико Ферри.

Студенческія волненія въ С.-Петербургѣ. Сходка слушательницъ Женскаго Медиц. Института, имѣвшая цѣлью протестовать противъ новыхъ, стѣснительныхъ для студентокъ правилъ объ экзаменахъ, привела къ закрытію Института 11 марта. Это обстоятельство послужило толчкомъ къ движенію въ университетѣ. 18 марта студенты устроили сходку, на которой большинствомъ 496 голосовъ противъ шести принята резолюція, выражающая солидарность студенчества съ участниками февральскихъ и мартовскихъ демонстрацій этого года, протестующая противъ поведенія начальства медицинскаго института, отвергающая снова легальныя организаціи и приглашающая всѣхъ студентовъ къ устройству „общенароднаго“ митинга протеста противъ самодержавія.

Университетъ былъ закрытъ. Появилось правительственное сообщеніе, которое объявляетъ главнымъ виновникомъ безпорядковъ... студенческую столовую. Въ этой столовой-де происходятъ собранія, читается „подпольная“ литература, устраиваются конспиративныя свиданія... Закрытіе столовой рѣшено гг. Плеве и Зенгеромъ. Не нужно лучшей иллюстраціи къ усвоенной уже студенчествомъ истинѣ, что „легальныя организаціи“ при самодержавіи всегда висятъ на волоскѣ. Пресмыкающаяся пресса сочла своимъ долгомъ заняться увѣщаніемъ студентовъ. „Петербургскія Вѣдомости“ пытаются даже взывать къ „патріотизму“, туманно намекая на предстоящія важныя событія на Балканскомъ полуостровѣ. Намъ кажется, что кн. Ухтомскій, если ему непремѣнно хочется толковать о студенческомъ движеніи, долженъ былъ бы прежде всего разсказать своимъ читателямъ о первомъ актѣ или, вѣрнѣе, прологѣ мартовскихъ безпорядковъ. Такимъ прологомъ былъ протестъ, посланный ему почти 400 студентками медицинскаго института и клеймящій то недостойное отношеніе, которое „Петербургскія Вѣдомости“ проявили къ манифесту 26 февраля. Получивъ эту, заслуженную, впрочемъ, пощечину отъ учащейся молодежи, кн. Ухтомскій можетъ отказаться отъ мысли вліять на студенчество. Тамъ, гдѣ нѣтъ и тѣни уваженія, какая же можетъ быть рѣчь о вліяніи.

Екатеринославъ. Какъ сообщалось въ предыдущемъ №, студенты Высш. Гор. училища рѣшили продолжать забастовку, не обращая вниманія на то, что ихъ товарищи, изъ за которыхъ началось движеніе, недостойно повели себя, обратившись къ царю съ просьбой о помилованіи. Организаціонный комитетъ студентовъ, призывая къ продолженію движенія съ требованіемъ преданія студентовъ-демонстрантовъ гласному суду, съ достаточной рѣзкостью отозвался о поведеніи гг. Шахновича, Карпова и другихъ, подававшихъ слезницы. Въ отвѣтъ появилось протестующее письмо одного изъ нихъ, требовавшее, чтобы дѣло было разсмотрѣно судомъ чести.

19 марта въ училищѣ была довольно бурная сходка, продолжавшаяся съ 11 часовъ утра до шести часовъ вечера. На сходкѣ послѣ обсужденія вопроса о поведеніи студентовъ, пославшихъ телеграмму министру внутреннихъ дѣлъ, рѣшено было предать ихъ суду чести; при чемъ сходка признала, что хотя Организаціонный Комитетъ вполнѣ правъ принципіально въ своемъ осужденіи поведенія просившихъ о помилованіи, не долженъ былъ, однако, такъ рѣзко ихъ аттестовать въ своей прокламаціи (?). По вопросу о томъ, продолжать ли забастовку, сходка раздѣлилась на двѣ партіи: небольшая часть (человѣкъ 60) стояла за возобновленіе занятій и заявила, что не подчинится рѣшенію большинства, постановившаго продолжать забастовку. 20 февраля въ училище никто не пришелъ. Говорятъ, что училище закроютъ до осени.

Вотъ подлинная рѣчь одной учительницы мѣстной женской гимназіи, г-жи Г. В. Юрченко, сказанная ею 19 февр. въ одномъ изъ старшихъ классовъ гимназіи:

„Дѣти, вы, навѣрное, знаете, что сегодня день освобожденія крестьянъ. Ихъ освободилъ императоръ Александръ II и этому содѣйствовали многіе ученые люди; дѣлали они это не исподтишка, какъ это дѣлаютъ теперешніе глупые молодые люди, которые подбрасываютъ ночью подъ заборами прокламаціи и думаютъ, что изъ этого что-нибудь выйдетъ. Но напрасно: изъ этого ничего не выйдетъ. Если бы они были люди честные и дѣйствительно любящіе свой народъ, то они бы открыто написали царю, что онъ ошибается; ошибаться можетъ каждый человѣкъ, тѣмъ болѣе человѣкъ, которому нужно дѣлать не одно дѣло, а сто дѣлъ въ день. Какъ отецъ заботится о своемъ семействѣ, такъ и царь — о своемъ народѣ. [illegible] каждаго кубика земли, каждаго человѣка; поэтому, онъ постарался бы исправить ошибки. Но написать имъ не позволяютъ (!), потому что они не пишутъ, какъ люди хорошіе и честные, а поносятъ правительство; если имъ не нравится какой нибудь чиновникъ, они сейчасъ поносятъ все правительство и стараются пустить какому нибудь нашему благодѣтелю (!) пулю въ лобъ. Вы же, дѣти, старайтесь этого не дѣлать (!). Вамъ можетъ попасться человѣкъ старый, который своимъ краснорѣчіемъ завлечетъ и васъ, но вы не обращайте вниманія, ибо такіе люди не достойны уваженія, но достойны презрѣнія.“

Хорошо говоритъ г-жа Юрченко. Мы только опасаемся, что послѣ ея туманныхъ фразъ гимназистки должны были почувствовать непреодолимую потребность узнать, въ чемъ же собственно дѣло, — а для этого разыскать тѣ прокламаціи, которыя сочиняютъ „глупые молодые люди“, среди которыхъ, впрочемъ, по увѣренію г-жи Юрченко, бываютъ и совсѣмъ старые.

„Земщина“ у ногъ „опричнины“. Печатаемъ полностью позорный „всеподданѣйшій адресъ“, которымъ разразились орловскіе земцы, руководимые Стаховичемъ, въ отвѣтъ на царскій манифестъ отъ 26 февраля. Нелѣпый пискъ орловскихъ „излюбленныхъ людей“ не требуетъ никакихъ комментарій: своимъ пресмыкательствомъ передъ правительствомъ г-на Плеве, своимъ „киваніемъ на Петра“ — на „смуту“, якобы мѣшающую какимъ-то „царственнымъ трудамъ“ (можетъ быть, „трудамъ“, направленнымъ на окончательно культурное опустошеніе Россіи?) — всѣми этими, столь обычными для земцевъ свойствами ихъ политической „дѣятельности“, орловскій адресъ говоритъ самъ за себя. Скажемъ одно только: „оппозиція“, которая съ такой готовностью помогаетъ правительству одурачивать общественное мнѣніе, можетъ быть увѣрена, что ее, въ свою очередь, не преминетъ паки и паки надуть та чиновничья шайка, которой она оказываетъ эти недостойныя услуги.

Стаховичъ съ братіей нагло выступаютъ „какъ представители всего населенія“. Они хорошо знаютъ, что у „всего населенія“ нѣтъ легальныхъ средствъ протестовать противъ этого политическаго самозванства, противъ этой земской фальсификаціи истинныхъ мыслей и чувствъ большинства русскихъ гражданъ. Долгъ представителей той „смуты“, которая въ настоящее время является единственной блюстительницей чести русскаго народа, — добиться того, чтобы мнѣніе „всего населенія“ о царскомъ манифестѣ и о лакейскихъ отвѣтахъ на него гг. Стаховичей было выражено громогласно и недвусмысленно.

Вотъ этотъ позорный „адресъ“:

„Адресъ чрезвычайнаго Орловскаго Губернскаго Земскаго Собранія 18 марта 1903 г. Ваше Императорское Величество! Какъ торжественный благовѣстъ, пронесся надъ ширью Русской земли всемилостивѣйшій Манифестъ... И Губ. Зем. Собраніе, какъ представитель всего населенія, всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Вашего Величества на пространствѣ Орловской губ., считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что въ отвѣтъ ему сердца наши забились радостью и надеждой: радостью — за лучшее, предвозвѣщаемое съ престола, время; надеждой — на его незамедлительное наступленіе.

Чуть не четверть вѣка уже тяготѣетъ и гнететъ русское государство указанная Вашимъ Величествомъ смута, мѣшая царственнымъ трудамъ, задерживая свободный ростъ народный, угнетая дѣятельность общественную. Въ общемъ государственномъ дѣлѣ духовная неурядица, напуганное недовѣріе, незаслуженная обида отягчались сложными экономическими потрясеніями, многолѣтними невзгодами, видимымъ, яснымъ для огорченнаго нашего взора общимъ упадкомъ народнаго благосостоянія.

Но пуще страха, обиднѣе всѣхъ потерь принижалъ гражданскую бодрость самыхъ вѣрныхъ и рьяныхъ слугъ Вашего Величества гнетъ безнадежности передъ трудностью довести до вѣдома Вершителя всѣхъ жребіевъ отчизны многосложное разнотолкованное слово о накопившихся за эту четверть вѣка нуждахъ, о непосильной тяготѣ и неудовлетворенныхъ законныхъ потребностяхъ.

Вотъ почему, государь, воспрянули сердца радостью и надеждой при благой вѣсти, что сложныя многообразныя нужды земли достигли Царя и во имя священнаго обѣта, принесеннаго при вѣнчаніи передъ лицомъ Всевышняго, Вы съ непреклонной рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ изволили преподать свою незыблемую волю о водвореніи на Руси „порядка и правды въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни“, и первой изъ потребностей русской души — „завѣтовъ полной вѣротерпимости“ и самой основы русской земли — „упроченія народнаго хозяйства и всего сельскаго населенія“, и самой дорогой для русскаго вѣрнаго гражданина — „увѣренности каждаго въ прочности его правъ“.

Помня могущество ничѣмъ неограниченной воли Верховнаго Вождя Россіи, присоединяя свою молитву о благословеніи Богомъ Вашихъ царственныхъ трудовъ, неспособные уже смущаться и пламенно чающіе предвозвѣщеннаго, мы понесемъ съ обновленною бодростью и живымъ усердіемъ свою службу Государю и Родинѣ.

И не съ заносчивымъ дерзновеніемъ или дерзостнымъ притязаніемъ, а въ прямодушномъ усердіи отклика на милостивый призывъ Вашего Величества „къ единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества для исполненія Вашихъ помышленій объ усовершенствованіи государственнаго порядка“, мы просимъ Васъ, Государь, чтобъ по разработаннымъ предположеніямъ о переустройствѣ управленія въ приходѣ, уѣздѣ и губерніи, въ цѣляхъ „усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ сельской жизни“, предварительно внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, было опрошено самое земство. Чтобы Царемъ былъ услышанъ голосъ правимыхъ, надъ кѣмъ законы примѣняются, а не только голосъ создающихъ законы и правящихъ; голосъ земства, голосъ людей, призванныхъ по древнему Московскому слову, „Его, Государево земское дѣло укрѣпить и на вѣрѣ поставить“, голосъ земства, крѣпче чиновниковъ связаннаго съ землею и народомъ, безкорыстнѣе ихъ преданнаго самодержавію и неустанно несущаго свою присяжную службу.

Тогда передъ мудростью Царской, хотящей правды ради согласія съ ввѣренной Ей Промысломъ землей, предстанутъ единовременно: и усердныя предположенія правящей власти, и нелицемѣрныя выраженія мѣстныхъ пользъ и нуждъ народа какъ онѣ имъ понимаются. И закономъ, по волѣ Вашего Величества, станетъ самое пригодное ихъ сочетаніе, самое надежное для водворенія въ государствѣ и порядка и правды.

Повѣрьте, Государь, что земство выскажется тогда по столь близкому дѣлу, какъ мы высказываемся теперь: съ безтрепетнымъ усердіемъ, исходящимъ изъ сознанія долга и правды нашей вѣрности и преданности; съ желаніемъ добра и горячей любовью къ Родинѣ и Царю, всенародно свидѣтельствующему о Своей заботливой любви къ Ней и къ намъ.“

Откровенныя бесѣды между „друзьями“ русскихъ рабочихъ.

М. Ф.
Старшій фабр. инспект. Спб. губ.
11 янв. 1903 г. № 2.

Копія. Секретно.
Его Пр—ству г. Управляющему Отдѣл. Промышленности.

Имѣю честь донести Вашему Пр—ству, что 3 января сего года фабр. инсп. Спб. губ. 12 участка, А. П. Якимову, было сообщено завѣдующимъ Невской бумагопрядильной мануфактурой, что къ нему явились около 30 подручныхъ, работающихъ на мюляхъ, съ просьбой довести до свѣдѣнія мѣстнаго инспектора объ ихъ желаніи добиться увеличенія заработной платы, составляющей въ настоящее время 50 проц. заработка прядильщиковъ, до 75 проц.

9 числа мною полученъ отъ г. Градоначальника рапортъ пристава 3 уч. Рождественской части о томъ же событіи съ надписью г. Гр-ка явиться къ нему для доклада.

9-го вечеромъ фабр. инсп. Якимовъ увѣдомилъ меня по телефону, что, посѣтивъ въ этотъ день фабрику, онъ [illegible] указанное заявленіе отъ рабочихъ, которые при этомъ помянули, между прочимъ, что подобныя же требованія будутъ, вѣроятно, предъявлены и на другихъ фабрикахъ; съ рабочими онъ условился назначить подробные переговоры по поводу ихъ пожеланій въ субботу 11 января отъ 2 до 4 час. дня.

10 сего янв. я явился къ г. Гр-ку и имѣлъ съ нимъ разговоръ въ присутствіи начальника Охраннаго отд. ротмистра Сазонова; затѣмъ, по желанію г. Гр-ка, послѣдній въ краткихъ чертахъ освѣтилъ мнѣ дѣятельность народившихся въ СПБ. рабочихъ организацій, а затѣмъ нами троими былъ установленъ по взаимному соглашенію способъ дѣйствій на случай предъявленія подобныхъ вышеуказанному требованій со стороны рабочихъ и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ.

Такъ какъ сейчасъ упомянутый разговоръ о раб. организаціяхъ съ г. Гр-комъ явился продолженіемъ разговора, имѣвшаго мѣсто 3 января с. г., я считаю своимъ долгомъ представить Ваш. Пр—ству вкратцѣ и о томъ и о другомъ.

3 января г. Гр-къ, вызвавъ меня по телефону, спросилъ, знаю ли я что нибудь вѣрное о собраніяхъ рабочихъ, и, получивъ въ отвѣтъ: ничего, кромѣ слуховъ, заявилъ, что и самъ онъ въ этомъ отношеніи не въ курсѣ дѣла и первыя свѣдѣнія по этому поводу получилъ, будучи въ отпуску, изъ газетъ, прочтя о представленіи депутатовъ отъ рабочихъ г.г. И. Д. Гр-ка, директору Деп. Пол. и Мин. Вн. Дѣлъ; что такое положеніе дѣлъ, когда Гр-къ и фабричная инспекція не имѣютъ свѣдѣній о вопросахъ, интересующихъ въ данный моментъ рабочихъ, онъ считаетъ безусловно ненормальнымъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, никому другому, а имъ же придется разбирать недоразумѣнія, возникновеніе которыхъ всегда возможно при подобныхъ условіяхъ, вслѣдствіе чего онъ находитъ необходимымъ представить по сему поводу г. М. В. Д. приблизительно нижеслѣдующія свои соображенія: тѣ или иныя организаціи рабочихъ, имѣющія цѣлью добиться улучшенія ихъ быта и матеріальныхъ средствъ путемъ самопомощи, крайне желательны, и время для осуществленія ихъ настало, а потому, конечно, Государство должно стать во главѣ движенія и оказать рабочимъ возможное въ этомъ отношеніи содѣйствіе, но такъ какъ подобнымъ организаціямъ придется имѣть дѣло съ самыми разнообразными представителями капитала въ видѣ казенныхъ заводовъ, порядки на которыхъ неоднократно вызывали серьезныя недоразумѣнія, и съ частными предпринимателями, въ средѣ которыхъ весьма много иностранцевъ, едва-ли расположенныхъ вполнѣ доброжелательно къ нуждамъ русскихъ рабочихъ, то вопросъ о наилучшемъ устройствѣ рабоч. союзовъ, какъ затрагивающій самые разнообразные интересы, было бы необходимо обсудить въ самомъ незамедлительномъ времени въ совѣщаніи съ представителями всѣхъ вѣдомствъ, коими и могъ бы быть выработанъ подлежащій законопроектъ, причемъ, по его мнѣнію, законъ долженъ поставить всѣ организаціи въ строго опредѣленныя рамки, соотвѣтственно цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную гласность дѣлопроизводства; никоимъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководства какого-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны Департамента Полиціи, дѣятельность коего, въ силу особыхъ условій, ей присущихъ, всегда можетъ вызывать въ публикѣ нерѣдко совершенно незаслужен. инсинуаціи.

Согласившись съ нимъ относительно желательности рабочихъ организацій, установленныхъ въ законномъ порядкѣ съ строго опредѣленными цѣлями, и необходимости, чтобы всякія совѣщанія и засѣданія членовъ были гласны, я позволилъ себѣ добавить, что односторонняя организація, т. е. организація однихъ только рабочихъ, можетъ оказаться не достигающимъ своей цѣли учрежденіемъ, если не будетъ соотвѣтственной организаціи предпринимателей, представители которыхъ, совмѣстно съ делегатами отъ рабочихъ, могли бы устанавливать извѣстный modus vivendi не только для единичныхъ предпріятій, а и для цѣлаго ихъ ряда; въ противномъ случаѣ, условія быта, жизни и работы будутъ слишкомъ разнообразны, что всегда можетъ вызвать недовольство среди рабочихъ и вредно отражаться на промышл. предпріятіяхъ.

10 же января г. Гр-никъ, выслушавъ мой докладъ о Невской бумагопрядильнѣ и мое предположеніе, что рабочіе въ данномъ

---

*) Этотъ прокуроръ — „знаменитый“ Кичинъ, который въ 80-ыхъ годахъ прославился въ Петербургѣ, какъ свирѣпый и реакціонный предсѣдатель суда, а въ 90-ыхъ годахъ, какъ самый зловредный „политическій“ прокуроръ. Послѣ Вѣтровской исторіи, въ которой Кичину принадлежала главная роль, его пришлось убрать изъ Петербурга.

**) Объ этомъ невѣроятномъ даже въ Россіи законно-обставленномъ преступленіи уральскихъ заводчиковъ мы надѣемся поговорить въ особомъ письмѣ.

***) Приговоръ послѣдовалъ.

(*) Такъ, по утвержденію освѣдомленныхъ судебно-административныхъ властей, будетъ въ Томскѣ.

(**) В. Киселеву предлагали освободить его отъ каторги и не привлекать его къ этому дѣлу, если онъ подастъ на „Высочайшее имя“ прошеніе о помилованіи и выдастъ всѣхъ революціонеровъ, съ которыми имѣлъ дѣло и отъ которыхъ получилъ изданія „Искры“ и другія найденныя у него революціонныя изданія.

случаѣ дѣйствуютъ какъ будто подъ чьимъ-то руководствомъ, — быть можетъ, вновь организованныхъ союзовъ, попросилъ меня высказать откровенно всѣ тѣ слухи и свѣдѣнія о послѣднихъ, которыя дошли до меня. Тогда я доложилъ приблизительно нижеслѣд.: съ начала осени 1902 г. стали ходить слухи между фабрикантами, что кѣмъ-то подготовляются какіе-то рабочіе союзы; въ декабрѣ мѣсяцѣ послѣ появленія въ газетахъ извѣщенія о пріемѣ представителей отъ рабочихъ г. М. В. Д.. на фабрикѣ Паля рабочіе, съ рѣдкимъ до сихъ поръ единодушіемъ, отвергли предложеніе производить сверхурочныя необязательныя работы; на заводѣ у Лангензиппена появился призывъ, приглашающій рабочихъ къ тому же; къ фабр. инсп. 4 участка В. П. Литвинову-Фалинскому дважды приходили рабочіе, просившіе объяснить имъ, чего можно ждать отъ союзовъ, не опасно-ли это будетъ для наиболѣе видныхъ дѣятелей изъ рабочихъ и можно-ли ожидать, что они, дѣйствительно, получатъ тѣ золотыя горы, которыя имъ сулятъ организаторы, поставившіе, между прочимъ, условіе, чтобы представители тайной полиціи обязательно присутствовали на всѣхъ совѣщаніяхъ, безъ чего послѣднія ни въ какомъ случаѣ не будутъ допущены, и подбивающіе будто бы рабочихъ не ограничиваться бесѣдами только о кассахъ взаимопомощи, но и обсуждать всѣ свои нужды безъ исключенія, что, кажется, и имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ, такъ какъ по городу ходитъ упорный слухъ, будто бы было свиданіе представителей Московскаго и С.П-бургскаго союзовъ, на которомъ вышли между тѣми и другими серьезныя разногласія, а именно, первые настаивали на необходимости всецѣло отдаться подъ руководство агентовъ Деп. Полиціи, послѣдніе же находили болѣе цѣлесообразнымъ добиваться улучшенія своего быта исключительно путемъ самодѣятельности.

Въ виду изложеннаго, я опасаюсь, что если рабочіе Невской бумагопрядильни были настроены на предъявленіе требованій объ увеличеніи заработной платы кѣмъ-либо изъ представителей союза, то они не удовлетворятся объясненіемъ инспекціи, что просьба ихъ можетъ быть исполнена никѣмъ другимъ, какъ только правленіемъ фабрики; въ случаѣ отказа послѣдняго, они, вѣроятно, или сами вынуждены будутъ бросить работы или будутъ уволены черезъ нѣсколько времени, и тогда они примутся подбивать рабочихъ другихъ фабрикъ къ забастовкѣ или, увѣрившись въ невозможности добиться обѣщанныхъ имъ золотыхъ горъ путемъ мирныхъ переговоровъ, сдѣлаются легкимъ достояніемъ агитаціи. Ожидать же отказа въ исполненіи требованій, предъявленныхъ по внушенію организаціи рабочихъ, цѣль и образъ дѣйствій которыхъ неизвѣстны фабрикантамъ, въ особенности при отсутствіи соотвѣтственной организаціи послѣднихъ, есть полное основаніе, такъ какъ, удовлетворивъ первое требованіе, естественно каждый изъ нихъ будетъ ожидать появленія новыхъ, быть можетъ, чрезмѣрныхъ требованій, а удовлетворивъ въ одиночку, будутъ опасаться стать въ неодинаковыя со своими конкуррентами условія производства.

Тогда г. Градоначальникъ предложилъ начальнику охраны ротмистру Сазонову ознакомить меня съ сущностью теперешней организаціи рабочихъ.

Ротмистръ Сазоновъ, оговорившись, что онъ является только исполнителемъ предписаній Деп. Полиціи, разсказалъ мнѣ приблизительно слѣд.: рабочимъ приходится бороться съ силой въ лицѣ фабрикантовъ; дѣйствуя врозь, они обыкновенно проигрываютъ, чѣмъ пользуется противоправительственная агитація, подбивая ихъ на стачки и волненія и доказывая, что противъ силы нужно бороться только силою, почему естественно взять это дѣло въ свои руки Департаменту Полиціи и направить его къ постепенному и послѣдовательному удовлетворенію нуждъ рабочихъ; что путь взятъ въ данномъ случаѣ вѣрный, — видно изъ тѣхъ многочисленныхъ прокламацій, которыми рабочіе предостерегаются отъ „зубатовщины“ (одинъ изъ листковъ мнѣ былъ показанъ); что до сихъ поръ члены союза не позволяли себѣ ни на одномъ изъ пяти бывшихъ до января совѣщаній ни одного лишняго слова, а говорили только объ уставахъ кассъ, посторонніе же рабочіе, явившіеся изъ любопытства, а также противоправительственные агитаторы, изъ которыхъ нѣкоторые уже заарестованы, пытались увлечь участниковъ совѣщаній самыми разнообразными темами.

Идетъ-ли движеніе на Невской бумагопрядильнѣ отъ рабочихъ союзовъ, онъ не знаетъ, а потому предлагаетъ мнѣ, не хочу-ли я лично переговорить съ Зубатовымъ, для чего онъ вызоветъ его по телефону. Такъ какъ Зубатовъ не пріѣхалъ, то вопросъ остался невыясненнымъ. Послѣ этого мы вернулись къ г. Градоначальнику, который высказалъ необходимость изъятія этого дѣла изъ вѣдѣнія Деп. Пол. и передачи его въ руки или одного изъ гг. Товарищей Министра Вн. Дѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, въ Деп. общихъ дѣлъ, что нельзя Деп. полиціи одновременно быть и устроителями чего-либо, и наблюдателями за проведеніемъ его въ жизнь; въ особенности же это неудобно, когда въ ходѣ дѣла заинтересованъ фабричный инспекторъ, пока еще представитель другого вѣдомства, а потому дѣло пойдетъ правильно только въ случаѣ, если одно учрежденіе будетъ вести дѣло организаціи рабочихъ, а Градоначальникъ, фабр. инсп. и начальникъ охраны будутъ подавать свои по сему поводу мнѣнія; что же касается въ частности подручныхъ на Невской бумогопрядильнѣ, то, конечно, инспекція и онъ самъ будутъ дѣйствовать на основаніи существующихъ законоположеній. Начальникъ охраны въ свою очередь заявилъ, что онъ немедленно пойдетъ въ Деп. полиціи и заявитъ, что движеніе, начатое агентами послѣдняго, ими должно быть и закончено. Послѣ сего Градоначальникъ насъ отпустилъ, сказавъ, что вызоветъ на новое совѣщаніе въ самомъ непродолжительномъ времени.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о направленіи, которое дается организаціи рабочихъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство не отказать въ указаніяхъ, какъ поступать чинамъ фабричной инспекціи, если со стороны рабочихъ или представителей мѣстной администраціи будутъ предъявляться какія-либо просьбы о содѣйствіи къ развитію тѣхъ или иныхъ организацій рабочихъ.

* * *

Этотъ документъ, опубликованный СПБ. Комитетомъ Партіи, достаточно говоритъ самъ за себя. Старшій фабричный инспекторъ весьма недвусмысленнымъ образомъ раскрываетъ полицейскую подкладку современныхъ „легальныхъ союзовъ“. Надо надѣяться, что послѣ опубликованія этого документа станетъ окончательно невозможнымъ участіе въ зубатовскихъ предпріятіяхъ тѣхъ недалекихъ, но искреннихъ людей, которые своимъ присутствіемъ маскировали истинную физіономію „союзовъ“.

Документъ подтверждаетъ мысли, высказанныя въ „Искрѣ“ по поводу проекта Витте о „свободѣ“ стачекъ, именно ту мысль, что въ „зубатовской“ комедіи заигрыванія съ рабочими министерство финансовъ (и фабр. инспекція, слѣдовательно) заняло роль повѣреннаго гг. фабрикантовъ, который готовъ дать рабочимъ больше, чѣмъ даютъ зубатовцы, лишь бы вырвать „соціальную политику“ изъ рукъ жандармскихъ демагоговъ. Мы видимъ теперь, что даже Клейгельсъ готовъ признать неудобнымъ хозяйничанье Зубатова среди рабочихъ, подвѣдомственныхъ его, Клейгельса, сыску.

Смоленскъ. Въ концѣ января здѣсь въ Губернской Управѣ произошелъ небольшой скандалъ: въ Страховомъ отдѣлѣ въ шкафу былъ случайно найденъ однимъ изъ служащихъ свертокъ, въ которомъ оказалось нѣсколько паспортовъ (штукъ 10-12, по большой части, просроченныхъ), выданныхъ, кажется, изъ Рославльской мѣщанской управы, затѣмъ — нѣсколько рукописей — повидимому, приготовленныхъ корреспонденцій. Тайна находки быстро стала извѣстна всѣмъ. Когда узнала Управа, то она (въ лицѣ двухъ членовъ и предсѣдателя) устроила нѣчто въ родѣ предварительнаго слѣдствія, но „сознанія“ ни отъ кого не добилась. Существенно въ этомъ инцидентѣ то, что предсѣдатель Управы (Б. Т. Садовскій) въ тотъ-же день самолично свезъ найденное въ Жандармское Управленіе. Что онъ тамъ говорилъ съ „чинами“ — неизвѣстно, но съ того дня частенько таскаютъ на допросы то того, то другого изъ служащихъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что онъ донесъ на кого чибо, но иногда простой разговоръ съ „чинами“ бываетъ близокъ къ доносу. Во всякомъ случаѣ, фактъ холопства здѣсь на лицо! Пусть „Освобожденіе“ отмѣтитъ его на своихъ страницахъ къ вящщей славѣ „земской оппозиціи“. А вотъ еще фактъ: когда предсѣдатель Вяземской Уѣздной Управы П. П. Цызыревъ получилъ посланный на его имя номеръ „Освобожденія“, то онъ, не долго думая, снесъ его къ исправнику! Такъ какъ одновременно были получены №№ и другими лицами, то полиція, узнавши изъ доноса Цызырева о содержимомъ заграничныхъ конвертовъ, произвела нѣсколько обысковъ, а кое кто изъ офицеровъ попалъ на подозрѣніе.

Въ концѣ февраля этого года изъ смоленской психіатрической больницы сдѣлалъ попытку бѣжать содержащійся тамъ „на испытаніи“ солдатъ-еврей (Тираспольскій), который лѣтомъ былъ арестованъ по доносу офицера, заставшаго его за чтеніемъ „Искры“. Побѣгъ былъ совершенно не подготовленъ. Въ больномъ мозгу осталась только жажда свободы, а остальное все потеряно. Бѣжавшій въ три часа ночи явился въ казарму (!) къ своему знакомому и, конечно, на другой день былъ снова посаженъ, а товарищъ, пріютившій его, теперь отданъ подъ судъ.

Жизнь солдатъ въ расположенныхъ здѣсь полкахъ поистинѣ ужасна! Послѣдній циркуляръ министра Куропаткина, имѣющій цѣлью оградить воинство отъ злетворнаго вліянія идей, свелъ жизнь въ казармахъ буквально къ тюремному заключенію. Если и раньше свобода солдата была лишь нѣкоторой фикціей, то теперь тѣ отпуски, которыми пользуется солдатъ по праздникамъ, стали въ нѣкоторомъ родѣ испытаніемъ для него: въ силу циркуляра отпускаться съ казарменнаго двора могутъ только цѣлыя „команды“ подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ шпіоновъ-солдатъ; эти послѣдніе должны потомъ докладывать ротному, гдѣ кто изъ солдатъ былъ во время отпуска, кого встрѣчалъ на улицѣ, съ кѣмъ говорилъ и т. д. Такой азіатскій режимъ вызываетъ большой ропотъ даже въ сѣрой солдатской массѣ, которая раньше припѣваючи выносила всѣ тягости казармы. Нужно отмѣтить значительное возрастаніе за послѣднее время интереса къ книжкѣ и спеціально къ революціоннымъ изданіямъ. Особенно великъ спросъ на такія изданія, которыя касаются жизни солдатъ, значенія арміи въ освободительномъ движеніи, пропаганды и организаціи въ войскахъ. Такая спеціальная литература была-бы чрезвычайно полезна: она дала бы возможность привлечь къ движенію значительную массу солдатъ и организовать ихъ.

Чуютъ наши блюдолизы и грабители, что даже армія — основной и послѣдній оплотъ ихъ владычества — начинаетъ сильно подаваться подъ напоромъ новой жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ изданія упомянутаго выше циркуляра (октябрь) — на дняхъ былъ полученъ здѣсь новый циркуляръ, который рекомендуетъ начальству устраивать для солдатъ клубы съ читальней и невинными играми и развлеченіями, — чтобы солдату не думалось отъ вынужденной праздности! Оказалось, что драконовскія репрессіи въ казармахъ слишкомъ озлобляютъ солдатъ и создаютъ вкусъ къ революціонной мысли.

Тверскіе педагоги въ роли сыщиковъ. Недавно въ Твери разыгралась такая исторія. У нѣкоего Рагозина былъ сдѣланъ, по какой-то причинѣ, обыскъ. При обыскѣ забрали записочку съ перечнемъ нелегальныхъ брошюръ и указаніемъ на то, что онѣ переданы реалисту Крюкову. — Изъ-за этой записочки весь сыръ-боръ загорѣлся...

На другой-же день къ директору Реальнаго училища явился жандармскій адъютантъ съ требованіемъ произвести обыскъ у Крюкова. Директоръ, г. Смирновъ, запротестовалъ, — вы думаете, противъ обыска? О, нѣтъ! онъ просто полагалъ, что произошла ошибка, что не у Крюкова надо произвести обыскъ, а у Брейтвейта, ученика VII класса (Крюковъ — четвертоклассникъ).

Педагоги рѣшили обыскать обоихъ, чтобы исключить самую возможность ошибки. У Крюкова нашли и отобрали сочиненія Горькаго и Л. Андреева, у Брейтвейта даже и этого не нашли. Перваго выгнали изъ училища съ двойкой въ поведеніи. Рѣшили, что нужно искать дальше. И вотъ — вмѣсто урока физики инспекторъ училища учинилъ повальный обыскъ во всѣхъ партахъ VII класса. Ничего найдено не было, — и училищное начальство успокоилось.

Но черезъ день грянули обыски въ выпускномъ классѣ мужской гимназіи. Шарили усердно, шарили въ партахъ, шарили въ карманахъ учениковъ. И опять эту операцію съ большой природной ловкостью выполнили инспекторъ и надзиратели. Нашли... нѣсколько портсигаровъ. Назначили курильщикамъ нѣсколько соотвѣтствующихъ мѣръ взысканія — и, въ свою очередь, успокоились не въ мѣру ревностные педагоги. Тогда заволновалось начальство женской гимназіи. Старшимъ классамъ сдѣлали приличествующее случаю внушеніе на тему о злонамѣренныхъ людяхъ и необходимости ихъ остерегаться. Въ пятомъ классѣ, — на этотъ разъ классныя дамы, — произвели обыскъ. Единственнымъ трофеемъ былъ томъ Некрасова (!), отобранный, какъ контрабанда, очевидно. Не отстало и духовное начальство. Инспекторъ усердно искалъ слѣдовъ крамолы среди учениковъ, находящихся на положеніи „козлищъ“. Насколько слышно, — его поиски успѣхомъ не увѣнчались.

Херсонъ. 5 февраля изъ Исправительнаго Отдѣленія бѣжалъ арестантъ Пѣшковъ. Его скоро поймали, привели обратно и жестоко избили. Это возмутило товарищей Пѣшкова и они въ числѣ 500 чел. начали бунтовать. Немедленно пришла маршъ-маршемъ рота бахчисарайцевъ, вошла во внутрь зданія и начала стрѣлять. Убитъ по оффиціальнымъ даннымъ всего одинъ и нѣсколько человѣкъ ранено. По неоффиціальныхъ даннымъ убито нѣсколько и ранено еще больше. Зачинщиковъ около 40 человѣкъ перевели въ тюрьму, гдѣ они содержались до восьмого марта. А въ этотъ день произошло слѣдующее: во время вечерни въ тюремной церкви всѣхъ гулявшихъ по двору арестантовъ пригласили въ камеры, а затѣмъ вызвали подъ ворота 90 человѣкъ — участниковъ бунта въ Исправительномъ Отдѣленіи. Имъ сказали, что съ ними хочетъ говорить пріѣхавшій будто бы въ тюрьму губернаторъ. Едва они вышли подъ ворота, какъ ихъ окружила рота бахчисарайцевъ, спрятанныхъ въ надзирательской и, оцѣпивъ плотнымъ кольцомъ, увела. Въ тюрьмѣ поняли, что товарищей повели наказывать, и арестанты были возмущены, но благодаря только тому, что всѣ успѣли привязаться къ начальнику тюрьмы, бунта не было. Уведенныхъ привели въ арестанскую роту и здѣсь имъ было объявлено, что по соглашенію вице-губернатора съ прокуроромъ, они подлежатъ наказанію розгами по 90 ударовъ каждому. Присутствовали тюремный инспекторъ Звонниковъ и жандармскій полковникъ Пацевичъ. Свидѣтельствовалъ военный врачъ Рождественскій и, по его указаніямъ инымъ было уменьшено число ударовъ до 75-50. Только трое при наказаніи не потеряли сознанія. Остальные всѣ были въ обморокѣ. На слѣдующее утро всѣ ушли съ этапомъ, чтобы отправиться во всѣ концы Россіи: Архангельскъ, Харьковъ, Самару...

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Появившіеся въ газетахъ новые акты Плеве — Николая II отмѣняютъ въ Финляндіи послѣдніе слѣды конституціи и политической свободы и вводятъ въ ней, въ сущности, ничто иное, какъ положеніе объ усиленной охранѣ. Вотъ къ чему привелъ начатый въ 1898 году походъ царизма на Финляндію: шагъ за шагомъ самодержавная банда разбойниковъ отмѣняла въ странѣ одинъ законъ за другимъ, уничтожала одну вольность за другой, пока, наконецъ, теперь клятвопреступникъ, по представленію фактическаго самодержца Плеве, не упразднилъ вѣковую гарантію личной неприкосновенности. Всѣ эти разбойническіе указы — рескриптъ Николая II генералъ губернатору отъ 27 марта, „Высочайшее постановленіе относительно мѣропріятій для водворенія въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, „новая инструкція“ финляндскому ген.-губернатору и его помощнику, „постановленіе объ измѣненіи инструкціи губернаторамъ“ и постановленіе объ общественныхъ увеселеніяхъ и т. д. — выработаны, по внушенію Плеве, особой частной коммиссіей въ Петербургѣ. За нѣсколько дней до обнародованія „постановленій“ была выражена „царская благодарность“ всѣмъ палачамъ финляндской свободы, въ томъ числѣ двумъ финляндскимъ сенаторамъ и прокурору сената. Одна любопытная черта прежде всего бросается въ глаза при чтеніи царскихъ указовъ: они докладывались ему постепенно, повидимому, чтобы слишкомъ не обратить царское вниманіе на ихъ чисто террористическій характеръ; уже въ новой инструкціи (пунктъ 10) ген.-губернатору, утвержденной 13 марта, въ неясныхъ выраженіяхъ заключается весь смыслъ временнаго постановленія (на три года) съ чрезвычайными полномочіями сатрапу. Суть очень длинныхъ указовъ, (напримѣръ, въ инструкціи ген.-губернатору 29 пунктовъ, въ инструкціяхъ губернаторамъ — 15) можно резюмировать въ немногихъ словахъ: неограниченная власть ген.-губернатору и введеніе въ Финляндіи самодержавнаго режима.

Ему предоставляется право административнаго изгнанія „злонамѣренныхъ лицъ“ изъ Финляндіи, ссылки ихъ въ различныя мѣстности Россіи съ отдачей въ полное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ и подъ гласный полицейскій надзоръ, арестовъ и т. д. Достаточно одного письменнаго предписанія Бобрикова или даже мѣстнаго губернатора, чтобы то или другое лицо было посажено въ тюрьму до отправленія въ ссылку. Далѣе сатрапу поручается, по своему усмотрѣнію, закрывать вредные союзы и общества, библіотеки, гостинницы, книжные и другіе магазины; впредь ему подчиняются всѣ казенныя и общинныя учрежденія края, онъ можетъ отмѣнять рѣшенія министровъ, городскихъ и сельскихъ самоуправленій, смѣщать даже выборныхъ должностныхъ лицъ, слѣдить за преподаваніемъ въ школахъ, чтобы ученики и ученицы воспитывались въ духѣ благоговѣнія передъ царемъ клятвопреступникомъ и т. п. Генералъ-губернаторъ долженъ принимать мѣры къ пресѣченію распространенія вредныхъ ученій и т. д. Словомъ, авторы царскихъ преступныхъ указовъ не позабыли включить въ нихъ ни одной стороны общественной жизни; впредь русскій сатрапъ, „по закону“ будетъ препятствовать всякой культурной и просвѣтительной работѣ...

Вотъ-тѣ правомочія „начальнику края“, о которыхъ давно уже вопила наша реакціонная печать провокаторовъ и сыщиковъ (см., объ этомъ № 33 „Искры“). Еще до обнародованія указовъ клятвопреступнаго тирана, по приказанію губернаторовъ, было два политическихъ ареста въ Выборгѣ и въ Гельсингфорсѣ. Въ первомъ городѣ нѣсколько дней продержали въ полиціи одного купца, заподозрѣннаго въ распространеніи „нелегальной“ литературы, и уже двѣ недѣли сидитъ одинъ молодой человѣкъ, также по подобному подозрѣнію. Въ Гельсингфорсѣ въ ночь на 1 (14) апрѣля на станціи и по возвращенію съ нея домой полиція арестовала четырехъ юристовъ, троихъ изъ нихъ въ участкѣ продержали еще часть слѣдующаго дня, при чемъ у нихъ были отобраны разныя бумаги. Эти лица въ большой компаніи другихъ юристовъ возвращались на экстренномъ поѣздѣ отъ одного помѣщика, пригласившаго ихъ къ себѣ въ имѣніе (недалеко отъ Гельсингфорса).

Теперь Плеве и его недалекій господинъ доказали финляндскому сенату и старо-фенноманской партіи, насколько полезна ихъ безразсудная политика уступокъ. Эти мѣры правительства должны, наконецъ, пробудить даже самыхъ заскорузлыхъ капиталистовъ этой партіи.

Россійская соціаль-демократія, идущая въ авангардѣ всѣхъ борцовъ въ Россіи за политическую свободу, должна въ грозныхъ демонстраціяхъ протестовать противъ порабощенія культурной, свободной до сихъ поръ страны. Самодержавіе теперь доказываетъ всѣмъ, имѣющимъ очи, насколько оно несоединимо съ западно-европейской культурой и свободой: оно не можетъ переносить нигдѣ правоваго порядка: оно повсюду, гдѣ только позволяетъ его сила штыковъ, водворяетъ дикій произволъ и полнѣйшее безправіе обывателей-рабовъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Съ Урала. Въ Златоустѣ на казенномъ заводѣ давно уже рабочіе были недовольны ухудшеніемъ внутреннихъ распорядковъ, уменьшеніемъ заработной платы, увольненіями... Еще не такъ давно было уволено 500 рабочихъ, а безработица, царящая теперь на Уралѣ и доводящая нерѣдко до полнаго голоданія, всколыхнула рабочую массу и сдѣлала ее еще болѣе воспріимчивою къ революціоннымъ идеямъ... Невѣдомыми путями иной разъ пробираются идеи свободной борьбы въ самые глухіе уголки и радостно встрѣчаются рабочими, истомившимися своей нищетой. „Мы не въ состояніи переносить экономической борьбы“ — т. е. пассивной борьбы въ одиночку за свое существованіе — пишетъ Алапаевскій рабочій въ № 32 „Искры“. И дѣйствительно, впервые переживаемый Ураломъ острый кризисъ, сводящій заработокъ рабочаго къ голодному уровню 7-9 коп. (какъ, напримѣръ, въ Нейво-Шайтанскомъ заводѣ и многихъ другихъ), и выкидывающій сотни и тысячи рабочихъ на улицу въ распоряженіе голодной смерти, ставитъ передъ каждымъ рабочимъ мучительно неотвязный вопросъ какъ быть? что дѣлать? Экономическій терроръ, старое средство борьбы уральскихъ рабочихъ, и теперь, конечно, употребляется еще въ большихъ размѣрахъ — чуть-ли не каждую недѣлю слышишь, что на томъ или другомъ заводѣ пущены въ ходъ поджогъ, пуля, динамитъ или бомба. Иногда извѣстія объ этомъ проскальзываютъ даже въ легальныя газеты. Но рабочая масса начинаетъ сознавать, что этой борьбой отдѣльныхъ лицъ противъ отдѣльныхъ проявленій гнета она не можетъ хоть сколько нибудь улучшить свое положеніе, какъ не избавились отъ голода алапаевскіе крестьяне и рабочіе своимъ одиночнымъ нападеніемъ на заводское имущество. Дѣйствовать не въ одиночку или разрозненными кучками, а всѣмъ вмѣстѣ, дружно и солидарно — это первый урокъ, полученный уральскимъ рабочимъ отъ безработицы и кризиса. Но что же дѣлать? Просить? И рабочіе обращаются съ просьбами ко всѣмъ власть имущимъ, начиная съ мелкихъ полицейскихъ властей, какъ на Нижне-Салдинскомъ заводѣ, и кончая... архіереемъ, какъ на Верхне-Уфалейскомъ. Темныя, напрасныя надежды! Мелькаетъ, какъ послѣдняя надежда, стародавняя, временъ крѣпостного права, надежда на самого, на царя... И послѣ полиціи и администраціи, послѣ заводоуправленія и архіерея, рабочіе Соринскаго округа отправляютъ телеграмму царю, жалуясь на пониженіе на 20 процентовъ заработной платы, требуя „хлѣба и работы“.

Время идетъ, растетъ голодная армія безработныхъ, растутъ болѣзни и смерти (однихъ больныхъ инфекціонными болѣзнями въ Пермской губ. было 13 800; въ Уфимской губерніи умираетъ 56 процентовъ дѣтей), призракъ голодной смерти встаетъ предъ истомленнымъ рабочимъ... А помощи все нѣтъ ни откуда, ни отъ кого, ни отъ царя небеснаго, ни отъ царя земного...

И мучительнымъ, долгимъ путемъ вырабатывается въ сознаніи рабочаго убѣжденіе, самопроизвольное или подъ вліяніемъ невѣдомыми путями распространяющихся идей: „Если не могутъ намъ помочь царь небесный и земной, такъ остается намъ самимъ о себѣ промышлять! Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками — на Михайловскомъ заводѣ рабочіе забастовали, но управленіе закрыло заводъ, и рабочіе разбрелись, кто куда, въ поискахъ работы... „Не нужно экономической борьбы! Нужна революція!“ — писалъ осужденный на каторгу Киселевъ въ своемъ письмѣ ко всѣмъ рабочимъ, и эти слова выражаютъ все распространяющееся убѣжденіе всей большей массы. И первыя зарницы приближающейся живительной грозы уже блестятъ на нашемъ свинцовомъ небосклонѣ, предтечами грозныхъ громовыхъ раскатовъ раздаются выстрѣлы Златоустовскаго вооруженнаго столкновенія.

Въ началѣ марта въ Златоустѣ было арестовано четверо рабочихъ, по даннымъ сыска. Когда извѣстіе объ этомъ распространилось среди златоустовскихъ рабочихъ, волненіе, и до того бывшее сильнымъ среди нихъ, достигло большихъ размѣровъ. Настойчиво стали требовать они отъ начальника тамошняго горнаго управленія и другихъ властей освобожденія товарищей. Числа 12 пріѣхалъ губернаторъ. 13 марта передъ домомъ горнаго начальника, у котораго остановился губернаторъ, собралась тысячная толпа. Когда губернаторъ началъ требовать, чтобы они разошлись, ему не дали окончить рѣчи, забросавши его навозомъ. Остальное извѣстно...

На слѣдующій день послѣ полученія извѣстія о златоустовскихъ событіяхъ, 15 марта, поднялись рабочіе и въ Міассѣ... Что тамъ было, до сихъ поръ не знаю. Говорятъ, также было вооруженное столкновеніе...

Что будетъ дальше? Положеніе здѣсь на Уралѣ въ настоящее время критическое. Опутанные тяжелыми сѣтями крѣпостничества, административнаго произвола и „боярскаго“, посессіоннаго капитализма, уральскіе рабочіе на краю пропасти. И вѣроятность грознаго стихійнаго взрыва возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Задача революціонера соціаль-демократа переработать девизъ стихійнаго взрыва: „хлѣба и работы!“ — въ девизъ революціоннаго возстанія: „Жить въ свободѣ или умереть въ борьбѣ!“ Задача наша внести сознательность и организованность въ это движеніе, слить здѣшнее движеніе съ движеніемъ всего рабочаго класса Россіи и, ставъ во главѣ этого революціоннаго потока, повести его на штурмъ самодержавія. Правительство сознаетъ всю опасность этого возможнаго взрыва на Уралѣ. Увеличиваютъ полицію, увеличиваютъ сыскныя силы. Переводятъ сюда все новыя и новыя военныя силы (такъ, недавно въ Екатеринбургъ прибыла еще рота солдатъ, въ Вятку переведено для расквартированія по заводамъ 3-4 батальона и артиллерія), аресты въ Перми (въ серединѣ марта арестованы въ Перми: Трапезниковъ, лит., Владимірскій, пом. зав. Кустарнаго Банка, Вармундъ, редакторъ „Пермскаго Края“, Наумовъ, земск. нач. въ Нижне-Чусовскомъ городкѣ и еще одинъ пермскій присяжный повѣренный). Тѣмъ болѣе необходимо намъ интенсифицировать свою дѣятельность. А между тѣмъ „Уральскій Союзъ“, который въ Среднемъ Уралѣ (Екатеринбургскаго округа) пока дѣйствуетъ одинъ, явно показалъ свою неспособность быть во главѣ движенія. Сознательно не желая встать въ отношенія прочнаго и дѣйствительнаго организаціоннаго единенія съ сознательной революціонной арміей Россіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи былъ **хоть какъ нибудь** использовать даже Алапаевское дѣло. Судъ надъ алапаевскими рабочими, михайловская стачка, златоустовское вооруженное столкновеніе и др. уральскія событія, томскіе и другіе факты революціонной борьбы — все это волновало здѣшнихъ рабочихъ, звало на агитацію, — и ни на что не отозвался „Ур. Союзъ.“ Благоболтаніе на тему о вооруженномъ сопротивленіи — въ эпоху массовыхъ вооруженныхъ столкновеній, объ „открытой борьбѣ“ кучекъ террористовъ — въ виду приближающагося народнаго возстанія... Адъ мостить этими благопожеланіями, а не русло революціоннаго движенія!

Жизнь требуетъ здѣсь дѣйствительно революціонной организаціи, которая подъ ясно обозначеннымъ знаменемъ революціонной соціаль-демократіи объединитъ рабочій классъ на Уралѣ противъ всенароднаго врага и поведетъ его на борьбу и на побѣду.

Въ одномъ изъ изданныхъ Уфимскимъ Комитетомъ листковъ о бойнѣ въ Златоустѣ находимъ слѣдующія подробности, подтверждающія наше утвержденіе, что вся отвѣтственность за происшедшее кровопролитіе падаетъ на правительственныя власти.

„...Къ вечеру (11 марта) было выбрано рабочими трое депутатовъ: рабочіе Филимошкинъ, Симоновъ и Пономаревъ. Въ ночь на 12 марта съ самаго утра рабочіе начали требовать освобожденія товарищей. Они обращались къ исправнику, жандармамъ, горному начальнику Зеленцову, заявляя, что **согласны даже работать на новыхъ условіяхъ, лишь бы были освобождены арестованные.**“

А вотъ подробности самой бойни 13 марта: „Заигралъ рожокъ — сигналъ, совершенно не понятый толпою, первые ряды войска стали на колѣно: раздался залпъ. Толпа бросилась бѣжать, оставивъ на мѣстѣ до 50 человѣкъ: въ тылъ бѣгущихъ продолжались залпы, всего не меньше четырехъ. Конные городовые избивали бѣгущихъ шашками и пиками. Часть спасалась по направленію къ дому горнаго начальника: оттуда изъ оконъ ихъ встрѣтили градомъ выстрѣловъ изъ револьверовъ... Въ числѣ убитыхъ были и совершенно постороннія лица, не бывшія даже на площади: такъ, убита старуха, которая шла по улицѣ, довольно далеко отъ площади, изъ больницы, съ похоронъ своего мужа; убили мальчика съ разносной книжкой; старика, сидѣвшаго на крыльцѣ городского училища; крестьянинъ, пріѣхавшій на базаръ, прострѣленъ вмѣстѣ съ лошадью. Пули летѣли также въ окна городского училища. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, получаса послѣ выстрѣловъ полиція гнала всѣхъ съ площади и **не допускала подать первоначальную помощь раненымъ**, оставляя ихъ истекать кровью: такъ, одинъ изъ нихъ доползъ нѣсколько шаговъ до церковной ограды, прислонился къ ней и умеръ... Только черезъ полчаса стали собирать убитыхъ и раненыхъ. Безъ разбора клали ихъ въ угольные короба и развальни по четыре, шести и даже восьми человѣкъ и развозили ихъ по больницамъ... Часть златоустовскаго общества составила подробную протестующую телеграмму о звѣрствахъ администраціи для министра внутреннихъ дѣлъ, но телеграмма **не была принята.**“

„Хотя работы начались“, пишетъ нашъ корреспондентъ, „но настроеніе ничуть не подавлено. Возбуждены очень всѣ, особенно молодежь. Говорятъ: „были дураками, повѣрили начальству, пришли съ голыми руками“.

Нижній-Новгородъ. Послѣ суда надъ демонстрантами и усиленной агитаціи по поводу его наступало сравнительное затишье. Время отъ времени выходили листки. Такъ, были выпущены листки по поводу ростовской стачки и въ большомъ количествѣ распространенъ листокъ къ крестьянамъ по поводу царскихъ рѣчей. Недавно вышелъ листокъ о кризисѣ. Кризисъ все еще сильно даетъ себя знать. Такъ въ Сормовѣ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ цехахъ рабочихъ черезъ каждый мѣсяцъ отпускаютъ „гулять“ на мѣсяцъ. Въ Сормовѣ, кромѣ того, выпускались такъ называемые Сормовскіе бюллетени, листки, касавшіеся спеціально мѣстныхъ заводскихъ порядковъ, злоупотребленій администраціи, самоуправства мастеровъ и т. д. Полиція проявила эту зиму усиленную дѣятельность. Въ декабрѣ возникло новое учрежденіе — сыскное отдѣленіе съ ротмистромъ во главѣ. Количество шпіоновъ замѣтно увеличилось. Аресты почти не прекращаются, особенно въ Сормовѣ. А послѣднее время жандармы занялись и своей жандармской агитаціей. На всѣхъ заводахъ распространяются листки съ характерной подписью: „Нижегор. Комитетъ Слово и дѣло“. Вышло уже три такихъ листка. Всѣ они начинаются словами: „Господи, благослови“ и приглашаютъ рабочихъ на борьбу съ крамолой, которая объясняется очень просто — интригами иностранцевъ, которые завидуютъ могуществу Россіи. Листокъ за подписью, „Нижегор. Комитетъ“, написанный отъ имени оправданныхъ по суду демонстрантовъ, говоритъ о вредѣ демонстрацій. Особенно интересенъ листокъ „группы сормовской молодежи“, написанный въ отвѣтъ на воззваніе Комитета Партіи къ сормовской молодежи, гдѣ Комитетъ убѣждаетъ рабочихъ не тратить энергіи въ безсмысленныхъ дикихъ побоищахъ, а обратить ее на борьбу съ правительствомъ. „Группа сормовской молодежи“ находитъ, что единственнымъ средствомъ поднять уровень рабочихъ является общество взаимной помощи, объ устройствѣ которыхъ и надо позаботиться прежде всего. Какъ видите, литература довольно богатая, но дѣйствіе ея на рабочихъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ожиданіямъ полиціи. Даже малосознательные относятся скептически къ жандармскимъ листкамъ. „Видно, очень они боятся, если пошли на такія штуки“ — говорятъ нѣкоторые рабочіе. Что касается зубатовской тенденціи, то она проявилась пока только въ листкѣ „Группы сормовской молодежи“, изданномъ, надо полагать, не безъ участія жандармовъ. Комитетомъ недавно выпущенъ листокъ по поводу этой литературы.

Въ мартѣ опять были аресты и обыски. Взято восемь рабочихъ и два интеллигента, Гурвичъ и Пискуновъ (выпущены). Въ связи съ арестомъ Пискунова былъ обыскъ въ Городской Управѣ въ столѣ Пискунова. Въ тюрьмѣ только что окончилась голодовка, продолжавшаяся девять сутокъ. Это уже не первая голодовка въ здѣшней тюрьмѣ. Вызвана она новыми строгостями и прижимками тюремной администраціи. Особенно чувствительно на здоровьѣ заключенныхъ отражается запрещеніе приносить обѣды и вообще какіе бы то ни было припасы. Свиданія даютъ только за рѣшеткой. Кромѣ того совершенно произвольно отняты прогулки по субботамъ. Голодавшіе добились только ничтожныхъ уступокъ — возвращены прогулки по субботамъ и предоставлено „право не вставать съ постели при повѣркѣ“. Вотъ какія бываютъ „права“! Внутренняя жизнь организаціи была за это время болѣе интенсивна, чѣмъ внѣшняя. Очень усилился интересъ рабочихъ къ общепартійнымъ дѣламъ. Особенно много обсуждались вопросы организаціи, и система выборности была въ концѣ концовъ отвергнута, тѣмъ болѣе, что сама жизнь выдвигаетъ принципъ централизаціи.

Изъ Донского бассейна.

Маріуполь. На нашихъ заводахъ и въ городѣ распространены прокламаціи: 1000 — „Пауки и мухи“, 1000 — „Кто наши враги“, 1000 — „О безработицѣ“ въ мартѣ. Въ декабрѣ и январѣ были распространены „Къ организованнымъ товарищамъ“ очень мало и изданіе Донск. Ком. „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи“. Эти послѣднія не произвели ожидаемаго впечатлѣнія, за то мартовскіе листки очень понравились, особенно „Пауки и мухи“ и стихотвореніе „Сказка о попѣ и чертѣ“. Произошла, между прочимъ, очень курьезная сцена съ первой прокламаціей „П. и М.“. Человѣкъ двадцать рабочихъ, нѣсколько подвыпивши, читали и комментировали прокламацію и затѣмъ рѣшили разстрѣлять „всѣхъ пауковъ“. Компанія достала ружье и торжественной процессіей въ сопровожденіи полицейскаго отправились въ поле. Здѣсь приклеили прокламацію къ столбу и стали въ нее стрѣлять. На вопросъ собравшейся публики: „зачѣмъ они это дѣлаютъ“, компанія отвѣчала, что она практикуется, какъ удобнѣе перестрѣлять всѣхъ пауковъ. Полиція растерялась. Послѣ 9 часовъ вечера всѣхъ прохожихъ хватаютъ и тащатъ въ кутузку. Недавно схватили двухъ мастеровъ: Шишковскаго и еще одного; надзиратель далъ нахлобучку полицейскимъ, чтобы они тащили подходящихъ, а то тащатъ самыхъ благонамѣренныхъ. Полицейскіе ворчатъ и ругаютъ надзирателя и „соціалистовъ“, которые имъ надѣлали столько хлопотъ. Произведено нѣсколько неудачныхъ обысковъ, какъ въ заводахъ, такъ и въ городѣ. Сторожей и полицейскихъ масса. Шпіоновъ незамѣтно, арестовъ тоже нѣтъ. Рабочіе надѣются первое мая отпраздновать только однодневной забастовкой.

Юзовка. Распространенныя здѣсь прокламаціи произвели сенсацію. Рабочіе очень возбуждены и полиція очень встревожена. Прокламаціи: „Пауки и мухи“ (1200 экз.), „Кто наши враги?“ (1500 экз.), №№ 7 и 2 листковъ „Союза Горнорабочихъ“ (1500 экз.) — распространены въ мартѣ. Приставъ Левицкій увеличилъ штатъ городовыхъ, сторожей, шпіоновъ. Шпіоны: околоточный Львовъ, полиц. Воронцовъ, атлетъ Черновъ, бывшій жанд. Иваненко и мн. др., переодѣваются и бродятъ по ночамъ. Произведено нѣсколько арестовъ и обысковъ, но безрезультатно. Ходятъ слухи, что у двухъ лицъ нашли нелегальную литературу. Ждутъ всѣ „бунта“. Ожидается прибытіе войскъ. Обыватели очень обезпокоены этимъ: боятся, что солдатъ расквартируютъ по квартирамъ. Только [illegible] что о демонстраціи, „бунтѣ“ и прокламаціяхъ. Создались цѣлыя легенды о неуловимости „студентовъ“, о ихъ неустрашимости и пр. Вечеромъ ходить по Юзовкѣ опасно, останавливаютъ сторожа и того и гляди, потащатъ въ кутузку. Записываютъ адреса и фамиліи ночныхъ прохожихъ. Обыскиваютъ квартиры рабочихъ, отбирая прокламаціи и застращиваютъ рабочихъ тюрьмой, если они будутъ читать ихъ. Нѣкоторые рабочіе боятся читать прокламаціи.

Карповскій рудникъ. Здѣсь распространены прокламаціи „Пауки и мухи“ въ количествѣ 600 экз. въ мартѣ. Шахтеры зовутъ ихъ „письмами“. „Письма“ очень нравятся. Говорятъ о бунтѣ и о необходимости отомстить управляющему Штедину за всѣ притѣсненія рабочихъ.

Лидіевскій рудникъ. Распространены „П. и М.“ 900 экз. въ мартѣ.

Вѣтка (рудникъ Юзовск. зав.). Распр. „П. и М.“ 500 экз. въ мартѣ.

Рыковскій — распространены „П. и М.“ и „Кто наши враги?“ въ мартѣ.

Прохоровскій — распр. „П. и М.“ 300 экз. и „Кто наши враги“.

Чулковскій — распр. „П. и М.“ 300 экз.

Алчевскій — распр. „П. и М.“ 400 экз.

Ливенскій — распр. „Кто наши враги?“ 200 экз.

На послѣднихъ пяти рудникахъ прокламаціи такъ взбудоражили полицію, что она арестовываетъ направо и налѣво, обыскиваетъ почти всѣ квартиры, отбирая прокламаціи. Всѣхъ вновь появившихся лицъ на рудникахъ арестуютъ даже днемъ. Шахтеры боятся ходить вечеромъ на другіе рудники. При арестахъ полиція бьетъ рабочихъ, такъ на маленькой шахтѣ урядникъ экономіи Алчевскаго рудника до того избилъ одного рабочаго „рукоятчика“, что тотъ едва живъ остался. Попъ въ Рутченковской церкви, находящейся въ центрѣ этихъ пяти рудниковъ, громитъ „соціалистовъ“ съ амвона, ругая ихъ негодяями, недоучившимися студентами, прохвостами и т. д. Полиція тоже занимается аналогичной агитаціей. Шпіоновъ масса.

Рабочіе говорятъ, что съ прокламаціями запоздали, такъ какъ теперь „дѣла очень плохи“ (кризисъ) и поэтому воевать очень трудно. Вообще прокламаціи на шахтеровъ производятъ ошеломляющее впечатлѣніе и многое въ нихъ страшно перевирается и остается непонятымъ, это зависитъ еще отъ дурной печати (неразборчивой). Интересно отмѣтить слѣдующій фактъ: „мальчишки“, „глейщики“ разучили наизусть „Сказку о попѣ и чертѣ“, сочинили къ ней мотивъ и во время работы распѣваютъ эту очень обидную для поповъ пѣсенку.

Макѣевка. На заводахъ и рудникахъ близъ Макѣевки распространены „П. и М.“ и „Кто наши враги?“ въ количествѣ 1500 экз. Настроеніе рабочихъ очень хорошее. Полиція потеряла голову.

Константиновка. Въ мартѣ здѣсь распространены „П. и М.“ и „Кто наши враги?“ 1000 экз. Ждутъ „бунта“.

Славянскъ. Распространены „П. и М.“ (300 экз.) и „Кто наши враги?“ (300 экз.). Встрѣчены очень сочувственно.

(Отчетъ за мартъ „Летучаго Отряда“ С.-Д. Союза Горнорабочихъ.)

Кременчугъ. На табачной фабрикѣ Зарицкаго объявилась стачка. Бастовавшихъ около 400 работницъ. Бастовали всѣ отдѣленія. Причина забастовки кроется въ слѣдующемъ. На фабрикѣ сгорѣла сушка, а потому всѣ работницы махорочнаго отдѣленія остались безъ работы вплоть до постройки новой сушки. Черезъ двѣ недѣли сушка была готова, но когда работницы пришли на работу, хозяинъ отсылалъ домой тѣхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ еще съ прошлогодней стачки. Тогда все махорочное отдѣленіе, числомъ 48, рѣшило бастовать, пока не примутъ ихъ подругъ и заодно увеличатъ плату. Онѣ съ пуда получаютъ 10 коп., а требовали 15. Зарицкій объявилъ, что онъ въ нихъ не нуждается и всѣ разошлись по домамъ. Прошло цѣлыхъ двѣ недѣли. Работницы, не работавшія прежде двѣ недѣли по причинѣ сушки, а теперь еще двѣ недѣли по причинѣ стачки, стали въ буквальномъ смыслѣ терпѣть голодъ. Тогда вся фабрика рѣшила придти имъ на помощь и объявить стачку. Самое большое число работницъ приходится на папиросное отдѣленіе, а именно, 125, а съ подручницами 240. И вотъ 14 февраля въ восемь часовъ утра, когда звонъ колокола сталъ призывать къ работѣ, всѣ остались въ столовой. Черезъ часъ зашли самъ Зарицкій и управляющій Фельдманъ; первый сталъ усовѣщевать ихъ: „Вы, молъ, дѣвушки, скоро невѣстами станете: зачѣмъ вамъ все это, вѣдь вы за это въ тюрьму попадете“, но онѣ ему ничего не отвѣтили. Тогда онъ сталъ имъ угрожать, что запрячетъ ихъ въ тюрьму и т. д., и сталъ спрашивать, какія у нихъ требованія. Онѣ ему отвѣтили, что прежде всего требуютъ удаленія старшаго мастера, потомъ пріема всѣхъ махорочныхъ и увеличенія платы съ 24 коп. за тысячу на 35. Старшій мастеръ — это звѣрь въ полномъ смыслѣ слова. Онъ тиранитъ работницъ, бьетъ ихъ, за волосы деретъ и ругается, какъ пьяница. Много молодыхъ жизней онъ погубилъ, вогнавъ ихъ въ чахотку. Но Зарицкій въ немъ души не чаетъ, найдя въ немъ такого хорошаго исполнителя своей воли. Сейчасъ же явилась вся мѣстная полиція: исправникъ, приставы съ своими помощниками, фабричный инспекторъ, 25 городовыхъ, хотѣли заставить ихъ идти работать, но онѣ не соглашались. Тогда сдѣлали формальный допросъ, но всѣ заявляли одни и тѣ же требованія. Эта стройность не ускользнула отъ начальства и оно стало добиваться, кто руководитъ стачкой, но всѣ старанія остались тщетными. Работницъ переписали и отослали домой. Тогда онѣ рѣшили устроить мирную манифестацію и группами въ 50 и 100 человѣкъ, по мостовой, расхаживали по всѣмъ главнымъ улицамъ города. Разгоняли ихъ въ одномъ мѣстѣ, онѣ мигомъ оказывались вмѣстѣ же на другомъ перекресткѣ. На городъ эти манифестаціи произвели громадное впечатлѣніе. Никогда не было видно такого наплыва публики на улицахъ.

Зарицкому, однако, удалось вскорѣ внести расколъ въ среду работницъ и черезъ три дня на работу пошло 50 человѣкъ. Съ этого момента стачка пошла на убыль. Тѣмъ не менѣе, можно отмѣтить кое какіе положительные результаты. Уже и теперь обращеніе фабричной администраціи несравненно лучше, нѣкоторыхъ принимаютъ помѣсячно. А, главное, стачка многому научила работницъ; только теперь онѣ предъявляютъ спросъ на литературу и опытныхъ руководителей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

I.

Уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ портовые рабочіе Амстердама образуютъ сильную профессіональную организацію. Изъ довольно грубыхъ, некультурныхъ элементовъ удалось выработать хорошо дисциплинированные батальоны, которые повинуются волѣ большинства и выбраннымъ ими вождямъ. Эта организація состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ: грузчиковъ, занятыхъ въ складахъ, рабочихъ, которые по многочисленнымъ каналамъ отвозятъ товары въ складочные магазины, доковыхъ рабочихъ и проч.

Всѣ эти союзы, по рѣшенію интернаціональнаго парижскаго конгреса рабочихъ, занятыхъ въ транспортной промышленности, образуютъ федерацію. Въ 1893 г. дѣло дошло до столкновенія между этими союзами и акціонерными кампаніями, которымъ принадлежатъ склады. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ, которымъ дано было обѣщаніе не заставлять ихъ работать вмѣстѣ съ неорганизованными. Одно акціонерное общество стало въ послѣднее время систематически нарушать данное обѣщаніе, принимая на работу неорганизованныхъ, и даже предпочтительно передъ организованными. Послѣдніе, конечно, запротестовали, прекратили работу и потребовали разсчета неорганизованныхъ рабочихъ. Когда акціонерное общество отвергло ихъ требованія, то грузчики объявили себя солидарными съ товарищами и тоже бросили работу. Одна торговая фирма наняла тогда для нагрузки товаровъ 56 штрейкбрехеровъ (обычное названіе рабочихъ-измѣнниковъ, занимающихъ мѣста стачечниковъ); въ виду этого представители федеративныхъ союзовъ рѣшили, что ни одинъ организованный рабочій не будетъ дальше транспортировать тѣ товары, которые грузили штрейкбрехеры. Такъ какъ послѣдніе не были отпущены, то бойкотъ былъ распространенъ на склады всѣхъ тѣхъ акціонерныхъ обществъ, которыя заставляли своихъ рабочихъ работать для упомянутой фирмы. Между тѣмъ, продолжали прибывать суда съ товарами для бойкотированной фирмы и стачка распространялась вширь. Положеніе дѣлъ еще усложнилось, благодаря слѣд. обстоятельству. Въ Амстердамѣ одна гавань предназначена спеціально для грузки громоздкихъ товаровъ, какъ напр., испанская желѣзная руда. Эти товары грузятся въ вагоны прямо съ судовъ. Въ этой гавани работаютъ сотни желѣзнодорожныхъ рабочихъ: ранжировщиковъ (составителей поѣздовъ), стрѣлочниковъ. Тамъ составляются товарные поѣзда, идущіе въ Германію. Само собой возникалъ вопросъ, какъ поступятъ всѣ эти рабочіе, когда имъ придется составлять поѣзда какъ разъ изъ тѣхъ вагоновъ, которые грузили штрейкбрехеры. Этотъ вопросъ уже не подлежалъ компетенціи федеративнаго союза портовыхъ рабочихъ, его рѣшеніе зависѣло уже профессіональнаго союза жел.-дор. рабочихъ. Въ противоположность союзу доковыхъ рабочихъ, исторія котораго въ послѣднее время есть непрерывный рядъ побѣдъ, жел.-дор. рабочіе съумѣли упрочить свой союзъ лишь послѣ цѣлаго ряда неудачъ и пораженій. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ соціалистическаго движенія, образовался и первый союзъ жел.-дор. раб.; но давленіе предпринимателей и анархическія стремленія скоро подорвали его. Послѣ долгаго періода апатіи движеніе среди жел.-дор. раб. вновь ожило вмѣстѣ съ оживленіемъ соціалистическаго движенія вообще. Сначала организовались машинисты и кочегары, за ними кондуктора и др., и всѣ эти категоріи рабочихъ образовали вмѣстѣ одну федерацію. Движеніе пріобрѣло твердую точку опоры въ лицѣ союза рабочихъ, занятыхъ въ различныхъ жел.-дор. бюро. Этотъ союзъ образовался въ Утрехтѣ и скоро сильно разросся. Когда 29 января н. года нѣкоторые ранжировщики были командированы для составленія поѣздовъ изъ вагоновъ, нагруженныхъ измѣнниками-штрейкбрехерами, то они отказались идти. За такое нарушеніе дисциплины ихъ разсчитали; тогда всѣ жел.-дор. рабочіе, занятые въ этомъ порту, числомъ до 500, бросили работу.

Представители заинтересованныхъ рабочихъ союзовъ начали переговоры съ голландскими жел.-дор. обществами, — но они были безрезультатны. Въ тотъ же вечеръ собраніе жел.-дор. раб. въ Амстердамѣ рѣшило объявить забастовку, если дирекція не откажется отъ своихъ требованій (т. е. если не приметъ обратно разсчитанныхъ товарищей). Аналогичное рѣшеніе приняли многочисленныя собранія, происходившія въ ту же ночь въ другихъ крупныхъ и небольшихъ городахъ. Стачку рѣшили объявить исключительно изъ чувства солидарности; правда, жел.-дор. раб. выставили и нѣкоторыя собственныя требованія, но побудительнымъ мотивомъ съ начала и до конца было желаніе помочь товарищамъ другой профессіи, и по достиженіи этой цѣли работа возобновилась бы. Распространенію забастовки сильно содѣйствовало то обстоятельство, что и неорганизованные рабочіе приняли участіе въ движеніи (ихъ было 9000 изъ общаго числа 17.000), далѣе давно накопившаяся ненависть противъ жел.-дор. обществъ, которыя низвели плату до жалкаго уровня, непомѣрно удлинили рабочій день и пытались репрессаліями задушить всякое стремленіе къ организаціи.

Федераціей доковыхъ рабочихъ руководили анти-парламентарные соціалисты*), въ то время какъ большая часть организованныхъ жел.-дор. раб. примыкала къ соц.-дем. Въ данномъ случаѣ оба эти направленія, столь ожесточенно враждовавшія одно съ другимъ, дѣйствовали единодушно, и это единодушіе увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ.

---

*) Эта фракція голландскихъ соціалистовъ довольно близко примыкаетъ къ анархистамъ; она отвергаетъ политическую дѣятельность въ парламентѣ и главныя надежды возлагаетъ на экономическую борьбу.

На другой день послѣ собранія делегаты союзовъ вновь вступили въ переговоры съ дирекціей. Въ виду наступившей вслѣдствіе стачки заминки въ жел.-дор. движеніи дирекція измѣнила свой тонъ. Первая уступка, которую она сдѣлала, состояла въ признаніи организацій, какъ таковыхъ. Это было уже крупной побѣдой. Далѣе, дирекція разрѣшала своимъ рабочимъ до поры до времени не работать въ той гавани, гдѣ произошло столкновеніе; стачечники вознаграждались за всѣ дни стачки. Далѣе, — и это было самое главное, — дирекція брала на себя обязательство исхлопотать у правительства отмѣну той статьи ж.-д. устава, которая обязывала жел.-дор. общества перевозить всякіе грузы и отъ кого бы то ни было.

Стачка, между тѣмъ, продолжалась, какъ въ Амстердамѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Рѣшено было, въ случаѣ отказа правительства, распространить ее на всю страну. Вечеромъ снова состоялись собранія. Можно себѣ представить, какая тамъ царствовала радость. Побѣда была вѣроятной. Съ восторгомъ были одобрены всѣ пункты соглашенія, и въ полночь уже всѣ вокзалы пустовали. На слѣдующее утро ни одинъ поѣздъ не прибылъ въ Амстердамъ. Вокругъ города была намѣчена граница, черезъ которую не могъ проникнуть ни одинъ локомотивъ. Центральный комитетъ жел.-дор. раб. получалъ массами сочувственныя телеграммы изъ всѣхъ частей страны; рабочіе обѣщали по первому знаку бросить работу. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ стачка вспыхнула сама собой. Весь вопросъ заключался теперь въ томъ, какъ поступитъ правительство, согласится-ли оно отмѣнить статью желѣзно-дорожнаго устава и такимъ образомъ признать за рабочими право не составлять поѣздовъ изъ вагоновъ, нагруженныхъ бойкотированными товарами. Всюду царило лихорадочное возбужденіе. Директора ж.-дор. кампаній отправились въ Гаагу (резиденцію правительства) на спеціальномъ поѣздѣ, снаряженномъ съ разрѣшенія рабочихъ, чтобы посовѣтоваться съ министрами.

Между тѣмъ въ Амстердамъ прибывали войска. Получились тревожныя извѣстія, что поѣзда проникли въ бойкотированную территорію. Поздно вечеромъ рѣшено было распространить бойкотъ на восемь важнѣйшихъ узловыхъ пунктовъ сообщенія въ странѣ. Прежде чѣмъ были отправлены депеши соотвѣтствующимъ организаціямъ, въ послѣдній моментъ получился отвѣтъ отъ дирекціи слѣдующаго содержанія: Мы разрѣшаемъ нашему персоналу не составлять поѣздовъ изъ вагоновъ съ товарами того акціонернаго общества, рабочіе котораго устроили стачку и подтверждаемъ всѣ наши прежнія уступки. Итакъ, полная побѣда. На слѣдующій день состоялось четыре большихъ собранія, на которыхъ рѣшено было возобновить работу. Непосредственнымъ результатомъ этой побѣды былъ полный успѣхъ стачки портовыхъ рабочихъ. Штрейкбрехеры были разсчитаны, стачечники вновь приняты на работу, далѣе, за ними было рѣшительно признано право не работать съ измѣнниками общему рабочему дѣлу. Рѣшеніе остальныхъ спорныхъ пунктовъ предоставлено третейскому суду. Но этимъ борьба не закончилась. Желѣзнодорожные рабочіе не успокоились, они ждали дальнѣйшихъ поступковъ правительства, и потому оставались, выражаясь образно, подъ ружьемъ, готовые къ бою. Правительство нашло при данныхъ обстоятельствахъ наиболѣе легкій исходъ для себя. Оно объявило весь вопросъ частнымъ дѣломъ желѣзнодорожныхъ компаній и отвергло всякое вмѣшательство. Но буржуазное общественное мнѣніе не удовольствовалось такимъ рѣшеніемъ дѣла, оно стало требовать репрессій противъ мятежныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и привлеченія солдатъ, въ качествѣ штрейкбрехеровъ, на желѣзнодорожную работу. Съ другой стороны, организація рабочихъ, благодаря толчку, данному столь удачной стачкой, стала подвигаться впередъ съ такой быстротой, какъ никогда раньше. Боевое настроеніе сильно повысилось... Правительство, какъ и можно было предвидѣть, рѣшило драконовскими мѣропріятіями лишить рабочихъ плодовъ ихъ побѣды. Были призваны подъ ружье до 13,000 ополченцевъ. Съ какой цѣлью это было сдѣлано, прекрасно разъяснилъ въ своей рѣчи полковникъ гарнизона, квартирующаго въ Амерфорсѣ: „Намъ предстоитъ теперь тяжелая работа; какъ вы знаете, кучка праздныхъ и буйныхъ крикуновъ вызвала смятеніе во всей странѣ. Положеніе вещей одно время было хуже анархіи. Правительство должно этому положить конецъ. Вы призваны поддерживать порядокъ или возстановлять его, если онъ будетъ нарушенъ. Я надѣюсь, что вы сумѣете выполнить свой долгъ и если вамъ прикажутъ стрѣлять, то вы будете стрѣлять мѣтко“... Нужно замѣтить, что во главѣ правительства теперь стоитъ клерикалъ Кійперъ. Клерикальная партія Голландіи состоитъ изъ двухъ большихъ частей: кальвинистовъ и католиковъ. Обѣ партіи выставляютъ на видъ свои христіанскіе принципы, а въ сущности концентрируютъ вокругъ себя наиболѣе отсталые слои земледѣльческой и промышленной буржуазіи. Прежде господствовала въ Голландіи либеральная партія, но въ послѣднее время съ расширеніемъ избирательнаго права вліяніе клерикаловъ усилилось, что вполнѣ понятно, такъ какъ на ихъ сторонѣ всегда оказывались всякіе мелкіе буржуа пропитанные религіозными предразсудками и заинтересованные въ томъ, чтобы повернуть назадъ колесо исторіи. И часть либеральной буржуазіи была брошена въ объятія клерикаловъ ростущимъ соціалистическимъ движеніемъ въ странѣ. Мнимые христіане на почвѣ религіознаго фанатизма и ханжества успѣли привлечь на свою сторону и часть рабочаго класса и организовать преданныхъ имъ „овецъ“ ихъ класса въ особое рабочее общество, такъ-наз. „Патримоніумъ“ — послушное дитя кальвинистской фракціи. Это общество насчитываетъ до 10,000 членовъ. Кромѣ него существуетъ еще цѣлый рядъ христіанскихъ рабочихъ ферейновъ, противниковъ современнаго пролетарскаго движенія, основаннаго на классовой борьбѣ. И вотъ нынѣ христіанское правительство у власти. Годы усиленной соціалистической пропаганды не могли такъ ясно обнаружить все лицемѣріе клерикаловъ, какъ ихъ собственные поступки. Борьба желѣзнодоржныхъ обществъ заставила правительство сбросить съ себя маску и показаться въ своемъ настоящемъ видѣ. И вмѣсто фразъ о солидарности, правительство прибѣгло къ тому же кулаку, къ той же военной силѣ, чтобы задавить протестъ рабочаго класса въ зародышѣ. Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ имѣла такое же дѣйствіе, какъ и землетрясеніе. Она вырыла глубокую пропасть между двумя классами, классомъ эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ. Изъ этой пропасти прорвался наружу такъ долго тлѣвшій классовой антагонизмъ и широкимъ пламенемъ разлился по всей странѣ... Принужденныя разъ уступить, желѣзнодорожныя общества пытались вызвать расколъ въ существующемъ обществѣ рабочихъ. Особые агенты обращались къ рабочимъ съ предложеніемъ подписать заявленіе, что они возмущены послѣдней стачкой и обѣщаютъ больше никогда не бастовать. Изъ такихъ слабодушныхъ элементовъ агенты пытались создать новую организацію штрейкбрехеровъ въ противовѣсъ существующей. Ихъ попытки имѣли, однако, крайне жалкій успѣхъ, наоборотъ число членовъ организаціи послѣ стачки удвоилось и — что еще отраднѣе — существующія двѣ крупныхъ организаціи: одна изъ 2500 человѣкъ (машинистовъ и др.), находившаяся подъ вліяніемъ анархистовъ, и другая въ 5000 человѣкъ (кондуктора, рабочіе), руководимая соц.-демократами, находятся на пути къ слiянію. Въ настоящее время обѣ организаціи насчитываютъ до 12,000 человѣкъ.

Правительство, принявши всѣ необходимыя военныя мѣры, рѣшило разъ на всегда покончить съ возможностью повторенія тѣхъ событій, которыя разыгрались въ концѣ января. Въ серединѣ февраля стали распространяться упорные слухи, что правительство намѣрено внести въ палату законопроектъ, ограничивающій свободу стачекъ. 21 февраля была, поэтому, созвана конференція изъ представителей отъ профессіональныхъ и политическихъ союзовъ, которая приняла слѣдующую резолюцію: Выслушавъ заявленіе союзовъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, рѣшившихъ бросить работу для борьбы съ закономъ, посягающимъ на свободу стачекъ, и рѣшеніе федераціи рабочихъ, занятыхъ въ транспортной промышленности, и другихъ профессіональныхъ союзовъ поддержать своихъ товарищей забастовкой, собраніе рѣшаетъ создать особый комитетъ обороны. Задача этого комитета поднять самую широкую агитацію въ странѣ для защиты свободы рабочихъ; собраніе обращается ко всему нидерландскому пролетаріату съ воззваніемъ присоединиться къ организованнымъ рабочимъ для совмѣстной борьбы.

Комитетъ состоитъ изъ двухъ представителей отъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, двухъ представителей отъ рабочихъ, занятыхъ въ транспортной промышленности и по одному представителю отъ національнаго рабочаго секретаріата, соц.-демократической партіи и свободныхъ соціалистовъ (анархистовъ).

Комитетъ оправдалъ возложенныя на него надежды и повелъ усиленную агитацію въ странѣ.

Между тѣмъ правительство внесло свои законопроекты въ палату депутатовъ. Этими законопроектами вводится наказаніе (до 6 мѣс. тюрьмы) за всякаго рода „принужденія“ (принужденіе штрейкбрехера бросить работу), воспрещаются стачки всѣмъ желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ подъ страхомъ тюремнаго заключенія до 4-6 лѣтъ; за то и другое „преступленіе“, сверхъ того, можетъ быть постановлено судомъ лишеніе политическихъ избирательныхъ правъ, наконецъ, одинъ законопроектъ имѣлъ цѣлью образованіе особой военной „желѣзнодорожной бригады“ для занятія мѣстъ стачечниковъ. Буря возмущенія, вызванная опубликованіемъ правительственнаго законопроекта, не поддается описанію. „Комитетъ обороны“ рѣшилъ распространить по всей странѣ 200,000 воззваній и организовать мѣстные комитеты для руководства агитаціей на мѣстахъ.

4 марта въ Амстердамѣ состоялся колоссальный митингъ. Собралось болѣе 6000 человѣкъ. Сотни не могли попасть въ залъ и имъ пришлось собраться въ другомъ мѣстѣ. Въ воскресенье, 8 марта, состоялось по всей странѣ 42 собранія для протеста. Даже нидерландскій союзъ рабочихъ, находившійся подъ вліяніемъ либерально-демократической фракціи, подалъ протестъ въ палату депутатовъ. Различные профессіональные союзы рѣшили по первому знаку вступить въ стачку, если это понадобится. Въ Амстердамѣ состоялось собраніе, на которомъ присутствовало 10,000 человѣкъ. На этомъ собраніи было принято аналогичное рѣшеніе. Въ то же время репрессіи со стороны правительства и капиталистовъ шли своимъ чередомъ. Военныя приготовленія все усиливаются. Милиція обучается стрѣльбѣ. Чтобы отвратить солдатъ отъ посѣщенія народныхъ собраній, заботливое начальство стало устраивать для нихъ представленія съ музыкой въ казармахъ. Но это не всегда помогало. Соціаль-демократія, пользуясь удобнымъ моментомъ, стала усиленно распространять воззванія къ солдатамъ и милиціонерамъ. Въ этихъ воззваніяхъ выяснялось значеніе законопроектовъ и солдаты призывались не стрѣлять въ своихъ братьевъ въ блузѣ, борющихся за лучшую жизнь. Милиціонеры, призывавшіеся къ службѣ, иногда сами устраивали собранія и принимали резолюціи, въ которыхъ выражали сочувствіе возставшимъ рабочимъ. Нѣкоторыя отдѣленія союза матросовъ организовали тоже рядъ митинговъ для выраженія своего сочувствія. Распространители „возмутительныхъ“ прокламацій къ военнымъ и ораторы на собраніяхъ солдатъ — не только рабочіе, но и учителя — были привлечены къ суду; нѣкоторые были даже арестованы. Два народныхъ учителя, распространявшіе соц.-дем. воззванія, были смѣщены на мѣсяцъ со своихъ должностей, „за то, что занимались дѣломъ, не подобающимъ ихъ общественному положенію, какъ наставниковъ юношества“. Одно отдѣленіе „Союза учителей“ протестовало противъ такого насилія надъ политическими убѣжденіями своихъ членовъ.

Часть христіанскихъ рабочихъ союзовъ также присоединилась къ общимъ протестамъ. Въ то же время, благодаря усиліямъ клерикаловъ всюду стали возникать подъ христіанскимъ знаменемъ ферейны штрейкбрехеровъ, въ особенности среди желѣзнодор. рабочихъ. Эти попытки не увѣнчались, однако, желаннымъ успѣхомъ. Одно [illegible] желѣзнодорожныхъ рабочихъ „Право и обязанность“ собрало на трехъ собраніяхъ своихъ приверженцевъ со всей страны. Было не болѣе 500 человѣкъ. Собраніе послало привѣтственную телеграмму королевѣ съ увѣреніемъ, что оно употребитъ всѣ усилія, чтобы поддержать порядокъ на желѣзныхъ дорогахъ. На нѣкоторыхъ собраніяхъ (въ Ротердамѣ, Гарлемѣ и др. городахъ), созванныхъ аналогичными христіанскими(!) союзами, противникамъ законопроектовъ удавалось привлечь на свою сторону большинство собранія и провести резолюцію противоположнаго характера. По закрытіи такихъ собраній, присутствовавшіе расходились съ пѣніемъ соціалистическаго марша.

Противъ правительственнаго законопроекта высказались и нѣкоторые либерально-демократическіе элементы. Группа профессоровъ, ученыхъ и писателей опубликовала протестъ противъ законопроекта. Конечно, рабочіе не могли разсчитывать на активную поддержку со стороны этихъ заступниковъ, такъ какъ послѣдніе, протестуя противъ параграфовъ, запрещающихъ стачки, высказывались въ то же время за организацію желѣзнодорожной бригады для поддержанія правильности сообщенія въ случаѣ „безпорядковъ“, т. е. попросту говоря, за организацію штрейкбрехеровъ.

Чтобы нѣсколько успокоить возбужденное общественное мнѣніе, правительство смягчило нѣкоторыя статьи проекта, не измѣняя его по существу. И этого оказалось достаточнымъ, чтобы всѣ партіи, кромѣ соціалистовъ и нѣсколькихъ демократовъ, высказались въ палатѣ за законопроектъ.

Считаясь съ этимъ настроеніемъ палаты, Генеральный Комитетъ Обороны рѣшилъ прибѣгнуть къ всеобщей забастовкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ФРАНЦІЯ.

СЪѢЗДЪ ЖОРЕСИСТОВЪ ВЪ БОРДО.

Finita la comedia! — то-бишь, судъ надъ бывшимъ министромъ торговли Мильерановъ; а судить его собрался съѣздъ жоресистовъ или „французской соціалистической партіи“ (жоресисты — такіе-же соціалисты, какъ наши „соціалисты-революціонеры“ — соціалисты-революціонеры).

Когда среди сторонниковъ Мильерана „раздался кличъ отрадный“: на судъ его! на судъ, злодѣя! — всѣмъ истиннымъ друзьямъ французскаго пролетаріата казалось, что наконецъ-то, классовое сознаніе начинаетъ проникать въ умы и той части рабочихъ, которыхъ до сихъ поръ держали въ умственномъ и политическомъ плѣну всякіе Жоресы и Ко.; казалось, что рабочіе, заблудшіеся въ метафизическихъ бредняхъ и политическихъ интригахъ французскихъ оппортюнистовъ, вернутся, наконецъ, къ своей, классовой партіи т. е. объединенной партіи гедистовъ и бланкистовъ. Но, увы! видно, время этому еще не настало, видно, истиннымъ французскимъ соціалистамъ предстоитъ еще немалая работа пропаганды...

Собрались-же судить Мильерана, съ верховнаго согласія Жореса, вотъ за что: онъ вотировалъ въ палатѣ депутатовъ **за** — бюджетную статью по содержанію духовенства, **за** — запрещеніе солдатамъ посѣщать биржи труда, за судебное преслѣдованіе соціалистической книжки, которая вела агитацію среди солдатъ, **противъ** всеевропейскаго разоруженія (по иниціативѣ Франціи), и т. д.

Жоресъ, самъ Жоресъ, умѣренный, практичный, благоразумный Жоресъ не одобрилъ тактики Мильерана, выразилъ порицаніе его голосованіямъ. Какъ! какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда Жоресу удалось революціонной фразой усыпить революціонный духъ пролетаріевъ, когда послѣ долгихъ усилій ему удалось идеалъ революціи подмѣнить идеаломъ реформы! Какъ! какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда Жоресъ сводитъ классовую борьбу пролетаріата на... борьбу вмѣстѣ съ Комбомъ противъ монашескихъ конгрегацій, на... борьбу вмѣстѣ съ Николаемъ II за „всеобщій миръ“, на... борьбу съ Рейнакомъ и Ивъ-Гюйо... за Дрейфуса... въ этотъ самый моментъ откровенный Мильеранъ публично раскрываетъ тщету революціонной фразы, имѣетъ безтактность публично говорить и писать, что реформа значитъ — реформа, а не революція, что отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщій миръ и Дрейфусъ — такіе далекіе, далекіе идеалы, что осуществленіе ихъ возможны развѣ только въ трехъ-тысячномъ году, что въ данное время дѣло соціалистической партіи — собирать возможныя при данномъ строѣ крохотныя крошки крохотныхъ реформъ...

Вотъ за эту-то безтактность и рѣшили Жоресъ и Ко. предать бывшаго министра торговли суду.

214 делегатовъ со всѣхъ концовъ Франціи съѣхались въ Бордо судить Мильерана. Многимъ федераціямъ начало казаться слишкомъ подозрительнымъ это постоянное отдаленіе отъ соціалистическихъ принциповъ, это неуклонное спусканіе „со ступеньки на ступеньку“; воты Мильерана начали раскрывать имъ глаза на внутреннюю сущность „новаго метода“. Онѣ — эти федераціи — думали, что ради спасенія всего тѣла надо немедля ампутировать зараженную гангреной ногу, ради спасенія партіи надо исключить изъ нея Мильерана.

Но не такъ мыслили Жоресъ и солидарныя съ нимъ федераціи. Для нихъ исключеніе Мильерана означало въ принципіальномъ отношеніи — осужденіе всей реформистской тактики, основанной на заигрываніи съ буржуазными партіями и на участіи въ буржуазныхъ министерствахъ; въ организаціонномъ отношеніи — расколъ среди партіи, присоединеніе большинства федерацій къ партіи гедистовъ.

Предавая Мильерана суду. Жоресъ хотѣлъ лишь одного — обуздать во имя „партійной дисциплины“ откровеннаго до безтактности Мильерана, сгустить въ глазахъ пролетаріата начавшій немного разсѣиваться туманъ, упрочить позицію оппортюнизма.

Это ему и удалось. Послѣ долгихъ и довольно-таки безсвязныхъ дебатовъ за резолюцію Реноделя, предлагающую исключить Мильерана, высказались всего 89 голосовъ, а резолюцію Жореса, просто принимающую во вниманіе заявленіе Мильерана, что отнынѣ онъ явится образцомъ дисциплины, подано 109 голосовъ. Между прочимъ, Жоресъ не преминулъ еще разъ повторить въ резолюціи свою вѣчную пѣсню о томъ, что „соціалистическая партія есть партія свободной мысли и постоянныхъ научныхъ изысканій.“

ИЗЪ ПАРТІИ.

Одесскій Комитетъ проситъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Одесскій комитетъ считаетъ важнѣйшей задачей, выдвинутой въ настоящій моментъ передъ революціонной соціаль-демократіей Россіи, — программное, тактическое и организаціонное объединеніе дѣйствующихъ силъ, стоящихъ во главѣ борющагося пролетаріата. Это объединеніе даетъ возможность покончить съ остатками экономизма и кустарничества и придаетъ партіи прочность и силу.

„Искра“ съ первыхъ шаговъ шла навстрѣчу этому объединенію, вырабатывая принципіальную выдержанность и руководя дѣятельностью революціонной соціаль-демократіи.

Выражая полную свою солидарность со взглядами „Искры“ и признавая ее своимъ руководящимъ органомъ въ этихъ взглядахъ, Одесскій Комитетъ сожалѣетъ, что „Искра“ мало удѣляетъ вниманія вопросамъ о судьбахъ и задачахъ окраинъ и выражаетъ желаніе дальнѣйшей разработки аграрной программы.

Мы получили слѣдующее письмо:

По поводу одного заявленія.

Многоуважаемые товарищи! прошу не отказать мнѣ въ помѣщеніи этихъ строкъ въ вашемъ органѣ.

Въ № 114 „Послѣднихъ извѣстій“ Бунда напечатано заявленіе одесскихъ „организованныхъ прикащиковъ“, въ которомъ они утверждаютъ, что они вовсе не вчерашніе сіонисты (какъ они названы въ корреспонденціи № 34 „Искры“), а наоборотъ, даже участвовали въ составленіи Ю. Р. Г. С.-Д. Поэтому они, т. е. „организованные прикащики“, клеймятъ одесскаго корреспондента и „Искру“, — перваго за клевету, почему онъ ихъ назвалъ вчерашними сіонистами, а вторую за то, что она печатаетъ разныя измышленія, „компрементирующія Бундъ и подрывающія къ нему довѣріе“.

Позвольте мнѣ, товарищи, высказаться по поводу этого заявленія. Я, какъ жившій долгое время въ Одессѣ, знакомый съ ея движеніемъ, знающій даже среду прикащиковъ, не могу пройти этотъ фактъ молчаніемъ. Итакъ, весь сыръ боръ загорѣлся изъ за выраженія: „прикащики, вчерашніе сіонисты, сегодня сдѣлались бундистами“. Я не стану отрицать, что, дѣйствительно нѣкоторые прикащики принимали участіе въ Ю. Р. Г С.-Д., но численность ихъ была такъ незначительна, что самостоятельной организаціи прикащиковъ они никакъ не могли составлять. А, между тѣмъ, теперь такую организацію мы видимъ. Спрашивается, откуда же взялись остальные, гдѣ они были до сихъ поръ? Я отвѣчаю. Остальные были до сихъ поръ сіонистами. Я знаю, что, когда сіонистское движеніе въ Одессѣ находилось въ самомъ разгарѣ, главное участіе въ немъ принимали прикащики. Я знаю также, еще годъ тому назадъ, когда сіонизмъ въ Одессѣ уже почти сошелъ со сцены, когда рѣдко можно было встрѣтить сіониста изъ рабочей среды, единственными приверженцами сіонизма были прикащики. Затѣмъ, около полгода тому назадъ, когда сіонизмъ въ Одессѣ уже окончательно началъ разлагаться, нерѣдко можно было встрѣчать между прикащиками „разочарованныхъ сіонистовъ“, которые искали какую либо работу на другой, не сіонистской почвѣ. Скоро у нихъ начала замѣчаться нелегальная литература, а черезъ нѣкоторое время ихъ можно было даже и встрѣчать на рабочихъ собраніяхъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже около пяти мѣсяцевъ и вотъ въ 34 № узнаемъ, что они организовались и примкнули къ Бунду. Теперь все это ясно. „Организованные прикащики“ — это тѣ же (бывшіе) сіонисты. Такимъ образомъ, одесскій корреспондентъ былъ вполнѣ правъ, назвавъ одесскихъ бундистовъ „вчерашними сіонистами“, хотя въ этомъ ничего унизительнаго нѣтъ, даже наоборотъ. Суть дѣла только въ томъ, что слова „вчерашніе сіонисты“ не слѣдуетъ принимать въ буквальномъ смыслѣ. Теперь очевидно, что „организованные прикащики“ совершенно напрасно клеймятъ одесскаго корреспондента именемъ клеветника.

„Вчерашній“ одесситъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: Черезъ Женеву: 1) за литературу изъ Ма. 14 фр., 2) отъ Женевской группы 13,20 ф., 3) изъ Нанси 8 ф., тоже для Кр. Кр. 2 ф., 4) отъ Цюрихск. Сиб. Кассы для А-ка 40 ф. Изъ Брюсселя 199,20 ф., на изд. сборника стихотв. 146,60 ф. Получено изъ М. и передано по назначенію 870 ф.

Адресъ № 6 отмѣняется.

Ростовъ — письмо, корр. и листокъ получены, годенъ ли старый адресъ?

Л. Л. корр. и деньги получены. Пришлите новый адресъ для писемъ.

Эмбріону. Отчего ничего не пишете?

Автору письма за подписью Глассонъ. Большое спасибо за корр., письма не можемъ прочесть, перешлите скорѣе шифръ.

Аристократамъ. Письмо получено и прочтено. Листки тоже получ., все будетъ исполнено.

Букъ. Получено, используемъ по возможности.

Корреспонденціи изъ Москвы, Твери, Вильны, Астрахани, Воронежа, Прохоровскихъ рудниковъ, Луганска и Маріуполя отложены за недостаткомъ мѣста.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:

Herrn Axelrod, Zurich, Vogelsangstrasse 9

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя"…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 39. 1-го мая 1903 года. № 39.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Canton St. New York

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У насъ опять начинаются еврейскіе погромы. Всѣмъ извѣстно, какой отвратительный, жестокій и мрачный характеръ имѣютъ движенія такого рода. Религіозный фанатизмъ, племенная вражда, желаніе поживиться на чужой счетъ, насиліе, издѣвательство надъ слабыми, а подчасъ и звѣрская жестокость, — словомъ, самыя дикія страсти находятъ въ нихъ самое дикое выраженіе. Но только что совершившійся кишиневскій погромъ побилъ рекордъ дикости и звѣрства. Никогда еще „громилы" не были такъ предпріимчивы, никогда еще не были они такъ безпощадны, и никогда еще число ихъ жертвъ не доходило до такой высокой цифры. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эту статью, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ насчитывается уже болѣе ста. За ними отправятся на тотъ свѣтъ, вѣроятно, еще не мало страдальцевъ, изнывающихъ теперь въ тяжелыхъ мукахъ. „Разгромъ длился съ полудня 6-го до 8 апрѣля на разсвѣтѣ, — говоритъ комитетъ кишиневской соц.-демократической организаціи, — и, можно сказать, нѣтъ буквально ни одной еврейской квартиры, не пострадавшей такъ или иначе, ни одного цѣлаго стекла въ окнахъ. ..Море перьевъ на улицахъ; перьями, какъ инеемъ, облѣплены деревья, заборы; груды разбитой, уничтоженной, искрошенной рухляди и одежды; среди перьевъ, обрывковъ русскихъ и еврейскихъ книгъ, лоскутьевъ священныхъ еврейскихъ облаченій, кофточекъ, старыхъ брюкъ и обломковъ мебели, камни, обагренные, насквозь пропитанные человѣческой кровью; ручейки запекшейся крови на тротуарахъ, въ корридорахъ, въ домахъ... Пострадали болѣе всего бѣднѣйшіе еврейскіе кварталы. Уничтожены мелочныя лавочки, рундуки, разорена голь, убиты беззащитнѣйшіе изъ беззащитныхъ... Плачъ и стонъ виситъ надъ городомъ..."

Описывая тотъ же погромъ, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ говоритъ: „Врывались въ дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, а дѣтей бросали изъ оконъ третьяго этажа... Съ конокъ схватывали людей съ еврейскими лицами и тутъ же убивали. Евреи въ паникѣ бѣжали въ городъ, но ихъ ловили на улицѣ и убивали; нѣкоторымъ удалось достичь вокзала, они уѣзжали въ Одессу. Въ Одессу пріѣзжали цѣлые поѣзда полураздѣтыхъ евреевъ, не ѣвшихъ по два, по три дня... Многіе еще до сихъ поръ не нашли своихъ дѣтей, такъ какъ послѣдніе въ ужасѣ прятались въ погреба, въ бочки и, вѣроятно, умерли тамъ отъ голода. Родные не узнаютъ труповъ, такъ они изуродованы буянами"... Кто же совершалъ эти ужасы? Кто несъ плачъ и стоны въ среду „беззащитнѣйшихъ изъ беззащитныхъ"? Толпа „громилъ" отличалась очень пестрымъ характеромъ. Въ ней были и пришлые строительные рабочіе, и ремесленники, и земледѣльцы. Но замѣчательно, что во многихъ мѣстахъ толпой руководили „интеллигенты": нотаріусы, члены управы, врачи. „Мы не говоримъ уже, — прибавляетъ названный комитетъ въ своей прокламаціи, — о сочувственномъ отношеніи къ дѣйствіямъ толпы со стороны глазѣвшей публики, состоявшей главнымъ образомъ изъ чиновниковъ съ ихъ дамами, офицеровъ и буржуазіи. Своимъ вызывающимъ смѣхомъ, шуточками, одобрительнымъ понуканіемъ толпы, подбадриваніемъ ея, а подчасъ указаніями и совѣтами она морально воздѣйствовала на дикіе инстинкты толпы и приводила ее въ то непонятное остервенѣніе, послѣдствіемъ котораго явились выдернутыя съ животомъ ноги, отрѣзанные языки и губы и изнасилованныя дѣвушки и беременныя женщины. Учащіеся разъѣзжали на велосипедахъ и поддерживали сообщеніе между отдѣльными отрядами громилъ. Чиновники и „интеллигенты" запасались во время безпорядка письменными принадлежностями изъ разгромленнаго магазина Шаха."

Пусть же нравственная отвѣтственность за совершенныя въ Кишиневѣ неистовства падетъ прежде всего на эту жадную, испорченную и жестокую будто-бы интеллигенцію, лишенную самой элементарной гуманности, чуждую самомалѣйшаго сознанія своей обязанности передъ страною. Это отребье человѣчества, эта подлая чернь, облыжно именующаяся образованнымъ классомъ, покрыла себя несмываемымъ позоромъ передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Всякій, кто знаетъ имена этихъ „интеллигентныхъ" громилъ, долженъ довести ихъ до всеобщаго свѣдѣнія. Намъ извѣстно, напримѣръ, что нотаріусъ *Писаржевскій* и сынъ мѣстнаго богача *Синодино* отмѣчали мѣломъ еврейскіе дома и указывали квартиры тѣхъ христіанъ, которые укрывали евреевъ. Мы спѣшимъ прибить эти имена къ позорному столбу*).

Для темныхъ, безсознательныхъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ кишиневскихъ разбояхъ, еще не закрытъ путь прогресса. Нынѣшній „громило"-пролетарій можетъ со временемъ понять интересы своего класса, для отстаиванія которыхъ необходимы дружныя усилія рабочихъ безъ различія религіи и племеннаго происхожденія. И тогда въ его сердце проникнетъ жгучій стыдъ при воспоминаніи о тѣхъ звѣрствахъ, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе, вслѣдствіе своей темноты и неразвитости. Логика пролетарскаго движенія такова, что подъ ея неотразимымъ вліяніемъ будутъ все болѣе и болѣе исчезать въ рабочей средѣ національные и племенные предразсудки. А какова логика движенія той „образованной" и чиновной черни, которая наслаждалась зрѣлищемъ кишиневскаго разбоя или даже руководила имъ? Странный вопросъ! *Эта* среда знаетъ только движеніе товарныхъ цѣнъ, да еще движеніе по службѣ; она неспособна увлечься никакой широкой общественной идеей. Она рукоплещетъ насильственнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ противъ евреевъ, не потому, что не понимаетъ своихъ классовыхъ интересовъ, а потому, что она понимаетъ ихъ слишкомъ хорошо, и потому что эти интересы, по своей узкости и ограниченности, подсказываютъ ей политику злопыхательнаго мракобѣсія. Часть принадлежащихъ къ этому общественному слою лицъ ненавидитъ евреевъ по той причинѣ, что тѣ являются для нихъ возможными или дѣйствительными конкуррентами на разныхъ поприщахъ жизни; другая часть ихъ съ завистью, злобой и страхомъ видитъ въ евреяхъ представителей движимаго капитала, разлагающаго и размывающаго нашъ нынѣшній крѣпостническій государственный и общественный порядокъ; наконецъ, обѣ эти части, равно какъ и всѣ прочія разновидности нашихъ антисемитовъ, съ одинаковымъ удовольствіемъ готовы издѣваться и насильничать надъ *еврейскимъ рабочимъ*, который имъ, — привыкшимъ уважать лишь внѣшнее могущество, — кажется презрѣннымъ, во-первыхъ, потому, что онъ *пролетарій*, а во-вторыхъ, потому, что онъ пролетарій особой породы, пролетарій, лишенный даже того жалкаго подобія жалкихъ правъ, которымъ обладаютъ русскіе пролетаріи христіанскаго вѣроисповѣданія. Избавить евреевъ отъ преслѣдованій, идущихъ со стороны *этого* слоя нашего населенія, можетъ только *революція*, которая смететъ съ лица русской земли постыдные остатки средне-вѣковыхъ учрежденій и, уравнявъ еврея въ гражданскихъ и политическихъ правахъ со всѣми другими гражданами, поставитъ его подъ защиту *демократической конституціи*.

Но отличительную черту „образованной" черни составляетъ, какъ извѣстно, *трусость*, вслѣдствіе которой она, какъ говорится, *держитъ носъ по вѣтру*, т. е. чутко прислушивается ко всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ изъ „высшихъ сферъ". И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневскихъ буяновъ, то ясно, что она не опасалась вызвать этимъ неудовольствіе начальства; ясно, что еврейскіе погромы представлялись ей *согласными съ видами предержащей власти*. И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневскій еврейскій погромъ, но раздувало его всѣми зависящими отъ него средствами. Оно само забрызгано кровью замученныхъ въ Кишиневѣ евреевъ.

Это правительство, которое, какъ директоръ полиціи въ извѣстной опереткѣ, хочетъ все знать, все видѣть и совать свой носъ повсюду, притворилось, что оно ничего не знало о приготовленіяхъ къ погрому, о которыхъ зналъ весь Кишиневъ; это правительство, которое такъ заботится объ „общественномъ спокойствіи", что отвѣчаетъ казацкими нагайками и полицейскими шашками на самыя мирныя демонстраціи сторонниковъ политической свободы, сдѣлало видъ, что оно не можетъ справиться съ кишиневскими „громилами"; это правительство, неизмѣннымъ девизомъ котораго въ борьбѣ со всякимъ освободительнымъ движеніемъ является *быстрота и натискъ*, оказалось точно парализованнымъ, когда ему нужно было охранять имущество и жизнь кишиневскихъ евреевъ. Въ воскресенье, въ два часа пополудни кишиневскій губернаторъ, г. фонъ-Раабенъ, — который, навѣрное, зналъ бы, что ему надо дѣлать, если бы рѣчь шла объ усмиреніи „бунтовщиковъ", но который теперь, очевидно, боялся „не потрафить" и потому не рѣшался дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, — г. фонъ-Раабенъ телеграфировалъ въ Петербургъ, требуя указаній. Отвѣтъ на его запросъ пришелъ только въ шесть часовъ вечера въ понедѣльникъ. Намъ неизвѣстно, что именно отвѣчалъ г. Плеве, но уже одно то обстоятельство, что онъ не отвѣчалъ *болѣе сутокъ*, показываетъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ ничего не имѣло противъ погрома. Низшія полицейскія инстанціи очень хорошо поняли это и потому не только не защищали евреевъ, но прямо содѣйствовали ихъ избіенію. Въ „*Послѣднихъ Извѣстіяхъ*" Заграничнаго Комитета Бунда мы читаемъ: „Когда толпа нападала на какой-нибудь домъ, полиція придерживалась такой тактики: давъ толпѣ уничтожить все, что возможно было, она внезапно являлась и говорила: „довольно, идите дальше", руководя такимъ образомъ дѣйствіями толпы. Въ одномъ мѣстѣ толпа евреевъ собралась для защиты магазиновъ и чтобы оказать сопротивленіе. Является приставъ и велитъ толпѣ расходиться. Та отказывается, тогда призывается конный патруль, который врѣзывается въ толпу и нагайками разгоняетъ евреевъ. Черезъ нѣсколько минутъ туда же являются погромщики, а полиція и патруля и слѣдъ простылъ! Въ другомъ мѣстѣ евреи, спасаясь отъ мученической смерти, по крышамъ домовъ добрались до полицейскаго участка и почувствовали себя на минуту [illegible] на улицу и отдали на растерзаніе дикой толпѣ. Послѣ погрома въ саду найдена безграмотно написанная прокламація приблизительно такого содержанія: „Полиція начала грабить, а теперь, получивъ хабару отъ евреевъ, начала насъ сажать въ тюрьмы"... Въ народѣ читались грамоты, въ которыхъ по высочайшему повелѣнію приказывается избивать евреевъ". Въ словахъ найденной въ саду безграмотной прокламаціи врядъ-ли есть какое-нибудь преувеличеніе. Починъ грабежа, повидимому, дѣйствительно принадлежитъ полиціи. Только что цитированный нами № „*Послѣднихъ Извѣстій*" сообщаетъ, что еще *наканунѣ Пасхи* помощникъ пристава Добросельскій, зайдя въ табачный магазинъ Бендерскаго, безцеремонно запустилъ руку въ кассу и вынулъ оттуда пять рублей. Въ отвѣтъ на протестъ удивленнаго хозяина онъ замѣтилъ: „все равно мы васъ всѣхъ жидовъ на Пасху перерѣжемъ". Но это еще не все. Крестьянинъ Соловьевъ, принимавшій участіе въ погромѣ, пришелъ въ полицейскій участокъ и заявилъ, что имъ убитъ еврей. Его посадили въ арестантскую, но... *на другое утро онъ былъ найденъ мертвымъ.* Полиціи нужно было во что бы то ни стало воспрепятствовать ему давать показанія.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что она слишкомъ уже постаралась, и высшему начальству пришлось, для приличія, привлечь ее къ отвѣтственности. По окончаніи погрома, у приставовъ и надзирателей сдѣланы были обыски, и у многихъ изъ нихъ найдено было награбленное золото и серебро. Нечего сказать, хороши эти представители „порядка"! Само собою разумѣется, что заботливое начальство сдѣлаетъ все, чтобы скрыть слѣды ихъ преступленій. За это ручается хотя бы то, что въ слѣдствіи по этому дѣлу принимаютъ участіе, между прочимъ, такіе чиновники, *которые сами грабили евреевъ*.

Дальше этого издѣвательство надъ правосудіемъ идти не можетъ. Повторяемъ, царское правительство сверху до низу, отъ министра внутреннихъ дѣлъ до послѣдняго кишиневскаго сыщика, обагрено кровью замученныхъ въ дни Пасхи евреевъ. Это теперь видятъ всѣ и каждый, это повторяется теперь даже консервативной западной печатью, никакія „разъясненія" и „сообщенія" со стороны правительства не помогутъ ему скрыть истинное положеніе дѣла. Нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ такого ловкаго софиста, которому удалось бы снять съ него нравственную отвѣтственность *за организацію дневного разбоя, за соучастіе въ грабежѣ и убійствѣ!*...

Однако, зачѣмъ же понадобилось ему организовать разбой? Какую пользу принесло ему его соучастіе въ грабежѣ и убійствѣ?

На это легко отвѣтить.

Царскіе слуги хорошо понимаютъ, что чѣмъ больше растетъ наше рабочее движеніе, тѣмъ неустойчивѣе становится нашъ „старый порядокъ", и тѣмъ болѣе приближается тотъ день, когда они должны будутъ расплачиваться за свои безчисленныя преступленія передъ русскимъ народомъ. И они всѣми силами стараются отдалить наступленіе этого суднаго дня. Борьба съ постоянно растущимъ рабочимъ движеніемъ стала для всѣхъ нихъ отчаянной борьбой за свое собственное существованіе. И они ведутъ эту борьбу съ жестокостью и коварствомъ, достойными самой мрачной эпохи паденія Византіи. Нѣтъ такой подлой мѣры, передъ которой они остановились бы въ своей „охранительной" политикѣ. Сначала они попытались разрушить возникающія рабочія организаціи *путемъ проникновенія въ нихъ шпіоновъ и провокаторовъ всякаго рода*; они надѣялись воскресить въ этихъ организаціяхъ практику печальной памяти Дегаева, — *первый періодъ зубатовщины*. Потомъ, увидѣвъ, что этотъ пріемъ не приноситъ всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые отъ него ожидались спеціалистами полицейскаго развращенія; убѣдившись въ томъ, что самосознаніе нашего рабочаго класса безпрерывно дѣлаетъ все новые и новые шаги впередъ, и что соціалистическое движеніе все болѣе и болѣе грозитъ стать движеніемъ *массы*, они сдѣлали попытку *привлечь массу на свою сторону*, обѣщая ей нѣкоторыя экономическія уступки и оказывая ей нѣкоторую поддержку въ борьбѣ съ капиталистами, — *второй періодъ зубатовщины*. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаянія передовыхъ представителей пролетаріата и толкнуть ихъ на дорогу никого не терроризирующаго „террора", — *первомайскія розги прошлаго года*. Наконецъ, когда эта попытка оказалась такою же неудачною, какъ и усилія создать въ рабочей средѣ вліятельную „независимую" партію и остановить успѣхи соціаль-демократіи, правительство Николая Малоумнаго выкинуло на столъ свою *послѣднюю карту*: оно старается теперь затемнить быстро зрѣющее самосознаніе русскаго пролетаріата, *заразивъ его ядомъ племенной вражды и религіознаго фанатизма*. Своимъ преступнымъ поведеніемъ во время кишиневскаго разбоя русское правительство какъ бы говоритъ намъ, соціальдемократамъ: Вы хотите разбудить массу; вы стремитесь сдѣлать ее могущественнѣйшимъ факторомъ дальнѣйшаго историческаго развитія Россіи. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будетъ для васъ ея пробужденіе; помните, что масса есть кровожадный звѣрь, и что когда этого звѣря спускаютъ съ цѣпи, онъ безжалостно терзаетъ все его окружающее, не отличая своихъ отъ чужихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Вы взываете къ массѣ, повторяя свой боевой кличъ: „*Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!*", а въ ея средѣ загорится національная вражда, и русскій рабочій примется „разносить" своего же собственнаго товарища, если только этотъ товарищъ принадлежитъ къ другому племени или исповѣдуетъ другую вѣру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ея кровавые подвиги и сознайте безуміе своего замысла. Вотъ что говоритъ намъ русское правительство своей организаціей кишиневскаго разбоя, своимъ соучастіемъ въ кишиневскихъ убійствахъ. И надо сознаться, что эти его слова не лишены внушительнаго краснорѣчія. Они могутъ показаться тѣмъ болѣе убѣдительными, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ графу Игнатьеву удалось направить въ антисемитическое русло быстро усиливавшееся народное недовольство и тѣмъ надолго затормозить революціонное движеніе въ Россіи. Намъ, соціальдемократамъ, предстоитъ отвѣтить на внушительное краснорѣчіе антисемитическихъ разбоевъ еще болѣе внушительнымъ *краснорѣчіемъ революціоннаго дѣйствія*.

Намъ предстоитъ фактами убѣдить правительство въ томъ, что времена измѣнились, и что оно не знаетъ, *каковы русскіе рабочіе въ настоящее время*.

Наша партія, идущая во главѣ пролетаріата, обязана показать, что правительство ошибается въ разсчетѣ, полагая, что ему удастся развратить русскій рабочій классъ антисемитической травлей. Она обязана вызвать противодѣйствіе антисемитизму изъ самой рабочей среды. Она обязана собственными силами организовать отпоръ „громиламъ". Какъ именно нужно дѣлать это въ томъ или другомъ случаѣ, зависитъ, конечно, отъ мѣстныхъ условій. Тамъ, гдѣ наша партія уже такъ сильна, что она можетъ при первой надобности выдвинуть на улицу нѣсколько сотъ рѣшительныхъ рабочихъ, она должна немедленно силой подавлять всякія попытки анти-еврейскихъ „безпорядковъ". Тамъ, гдѣ ея вліяніе еще не такъ велико, ей слѣдуетъ отвлекать вниманіе волнующейся массы отъ евреевъ и направлять эту массу противъ полиціи путемъ устройства демонстрацій, нападенія на полицейскія зданія и т. п. Наконецъ, тамъ, гдѣ ей неудастся даже и это, наши комитеты должны, по крайней мѣрѣ, смѣло и самоотверженно выступать противъ бушующей толпы и защищать евреевъ, — и вообще избиваемыхъ инородцевъ, — не отступая ни передъ опасностью, ни передъ нелѣпыми упреками*). Они должны помнить, что, спасая избиваемыхъ, они будутъ спасать честь своей партіи, честь русскаго пролетаріата и будущность всего нашего движенія.

Царское правительство выкинуло на столъ свою послѣднюю карту. Отъ насъ зависитъ убить ее и тѣмъ отрѣзать ему послѣдній путь спасенія. Россійская Соціаль-демократическая Рабочая Партія свято исполнитъ свой долгъ передъ русскимъ рабочимъ классомъ, передъ всей страною. *На нее смотритъ теперь соціаль-демократія всего міра.*

---

*) Излишне называть редактора „Бессарабца" Крушевана, подготовлявшаго погромъ своей литературной проповѣдью. Постыдная извѣстность его имени и безъ того очень обширна.

*) Говорятъ, что въ Кишиневѣ нѣсколькимъ смѣлымъ людямъ удалось отстоять цѣлыхъ два квартала. Соціаль-демократы не должны никому уступать честь такого энергичнаго почина.

КИШИНЕВСКІЯ СОБЫТІЯ.

Передъ нами цѣлая масса описаній кишиневскихъ ужасовъ. Опубликовать ихъ всѣ нѣтъ возможности. Мы выбираемъ свидѣтельства очевидцевъ, проведшихъ въ Кишиневѣ 6 и 7 апрѣля или пріѣхавшихъ туда тотчасъ послѣ погрома.

Начнемъ съ письма, авторъ котораго разсказываетъ буквально лишь то, что видѣлъ своими глазами. „Въ воскресенье на первый день Пасхи приблизительно къ 2 часамъ я была на Пушкинской улицѣ вмѣстѣ съ женщ.-врачемъ глазной лечебницы и ея племянникомъ (христіанами). Мы услыхали, что на Гостинной ул. бьютъ окна и рѣшили отправиться туда посмотрѣть, въ чемъ дѣло. На Пушкинской, между Фонтаннымъ переулкомъ и Александровской, я со своими провожатыми услыша[illegible], какъ Писаржевскій, нотаріусъ, со смѣхомъ и злорадствомъ разсказывалъ другому господину, что у *жидовъ* бьютъ окна и между прочимъ у него также разбиты нѣсколько стеколъ: мы отправились внизъ по Пушкинской; начиная съ угла Александровской, всѣ окна магазиновъ, не закрытыя ставнями, были разбиты вдребезги. То же самое было и на всѣхъ улицахъ, по которымъ мы проходили. То тутъ, то тамъ шла толпа съ каменьями изъ мостовой и бросала ихъ въ окна. Полицейскихъ нигдѣ, если не считать нѣсколькихъ городовыхъ на постахъ, глазѣющихъ на толпу, какъ и мы. [illegible] уже часовъ 5-5½, когда усталая и съ тревогой въ душѣ я направилась домой и повсюду видѣла отсутствіе полиціи и присутствіе нѣсколькихъ городовыхъ съ надзирателями, которые [illegible] гнали евреевъ, не трогая православной толпы. [illegible] окна, состояла изъ 6-8 парней, похожихъ на [illegible] одѣтыхъ рабочихъ, которыхъ сопровождала толпа зрителей [illegible] изъ прилично одѣтыхъ дамъ въ шляпахъ и [illegible] которые [illegible] и съ тросточками. Зрители большей частью [illegible] сочувственно къ бьющимъ окна, что сопровождалось [illegible] „браво" [illegible] мѣткій ударъ камнемъ по стекламъ. Такое же [illegible], такое же поведеніе публики и пассивное отношеніе полиціи были въ другихъ частяхъ города, по разсказамъ моихъ [illegible], людей безусловно правдивыхъ. Въ понедѣльникъ въ 6 часовъ утра я отправилась въ городъ. Настроеніе еврейской публики было очень тревожное, ожидали чего-то страшнаго, [illegible] тихо. По улицѣ ходили патрули, состоящія изъ [illegible] съ ружьями. Я было даже успокоилась, [illegible]. [illegible] даромъ я выросла въ Россіи и [illegible] къ тому, чтобы [illegible] водворяли спокойствіе. Но мое спокойствіе скоро было нарушено. Часа черезъ два, т. е. въ 8 часовъ начался разгромъ. Не будучи въ состояніи сидѣть въ комнатѣ, я съ 8 час. утра была на улицахъ до 8 час. вечера. Погромъ, такимъ образомъ, продолжался всего 12 часовъ. Громили лавки и квартиры исключительно еврей-

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 39. 1-го мая 1903 года. № 39.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТА ЦАРИЗМА.

У насъ опять начинаются еврейскіе погромы. Всѣмъ извѣстно, какой отвратительный, жестокій и мрачный характеръ имѣютъ движенія такого рода. Религіозный фанатизмъ, племенная вражда, желаніе поживиться на чужой счетъ, насиліе, издѣвательство надъ слабыми, а подчасъ и звѣрская жестокость, — словомъ, самыя дикія страсти находятъ въ нихъ самое дикое выраженіе. Но только что совершившійся кишиневскій погромъ побилъ рекордъ дикости и звѣрства. Никогда еще „громилы" не были такъ предпріимчивы, никогда еще не были они такъ безпощадны, и никогда еще число ихъ жертвъ не доходило до такой высокой цифры. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эту статью, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ насчитывается уже болѣе ста. За ними отправится на тотъ свѣтъ, вѣроятно, еще не мало страдальцевъ, изнывающихъ теперь въ тяжелыхъ мукахъ. „Разгромъ длился съ полудня 6-го до 8 апрѣля на разсвѣтѣ, — говоритъ комитетъ кишиневской соц.-демократической организаціи [illegible] затѣмъ [illegible] еврейской квартиры [illegible] давшей [illegible] ...Море перьевъ [illegible] деревья [illegible] рухляди [illegible] русскихъ и еврейскихъ книгъ [illegible] точекъ [illegible] обагренные [illegible] кровви [illegible] Построили болѣе [illegible]

Опи[illegible] товъ [illegible] матерей [illegible] третій [illegible]

[illegible]

и, уравнявъ евреевъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ со всѣми другими гражданами, поставить его подъ защиту *демократической конституціи!*

Но отличительную черту „образованной" черни составляетъ, какъ извѣстно, *трусость*, вслѣдствіе которой она, какъ говорится, *держитъ носъ по вѣтру*, т. е. чутко прислушивается ко всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ изъ „высшихъ сферъ". И если эта трусливая чернь храбро поддерживала кишиневскихъ буяновъ, то ясно, что она не опасалась вызвать этимъ неудовольствіе начальства; ясно, что еврейскіе погромы представлялись ей *согласными съ видами предержащей власти.* И она не ошиблась. Правительство не только не торопилось остановить кишиневскій еврейскій погромъ, но раздувало его всѣми зависящими отъ него средствами. Оно само забрызгано кровью замученныхъ въ Кишиневѣ евреевъ.

Это правительство, которое, какъ директоръ полиціи въ извѣстной оперетѣ, хочетъ все знать, все видѣть и совать свой носъ повсюду, притворилось, что оно ничего не знало о приготовленіяхъ къ погрому, о которыхъ зналъ весь Кишиневъ. Это правительство, которое такъ заботится объ „общественномъ спокойствіи", что [illegible] казацкими нагайками и [illegible] шашками на самыя мирныя демонстраціи [illegible] политической свободы [illegible]

[illegible]

батовщины. Эта попытка сопровождалась и дополнялась попыткой довести до отчаянія передовыхъ представителей пролетаріата и толкнуть ихъ на дорогу никого не терроризирующаго „террора": [illegible] *первомайскія розги прошлаго года.* Наконецъ, когда эта попытка оказалась такою же неудачною, какъ и усилія создать въ рабочей средѣ вліятельную „независимую" партію и остановить успѣхи соціалъ-демократіи, правительство Николая Малоумнаго выкинуло на столъ свою *послѣднюю карту*: оно старается теперь затемнить быстро зрѣющее самосознаніе русскаго пролетаріата, *заразивъ его ядомъ племенной вражды и религіознаго фанатизма.* Своимъ преступнымъ поведеніемъ во время кишиневскаго разбоя русское правительство какъ бы говоритъ намъ, соціалъ-демократамъ: Вы хотите разбудить массу; вы стремитесь сдѣлать ее могущественнѣйшимъ факторомъ дальнѣйшаго историческаго развитія Россіи. Очень хорошо! Будите массу, но знайте, что нерадостно будетъ для васъ ея пробужденіе; помните, что масса есть кровожадный звѣрь, и что когда этого звѣря спускаютъ съ цѣпи, онъ *безжалостно* терзаетъ все его окружающее, не отличая своихъ отъ чужихъ, не разбирая ни праваго, ни виноватаго. Вы взываете къ массѣ, повторяя свой великій кличъ: *„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"*, а въ ея средѣ [illegible] національная вражда, и русскій рабочій примется „разносить" своего же собственнаго товарища, если только этотъ товарищъ принадлежитъ къ другому племени или исповѣдуетъ другую вѣру. Вы хотите разбудить массу. Посмотрите же на ея кровавые подвиги и сознайте безуміе своего замысла. Вотъ что говоритъ намъ русское правительство своей организаціей кишиневскаго разбоя, своимъ содѣйствіемъ въ кишиневскихъ убійствахъ. [illegible] что эти его слова не лишены [illegible] краснорѣчія. Они могутъ показаться тѣмъ болѣе убѣдительными [illegible] антисемитскихъ головъ графу И[illegible] антисемитическое [illegible] быстро [illegible] Намъ, соціалъ-демократамъ [illegible] краснорѣчіе антисемитическаго [illegible] *краснорѣчи*[illegible]

Намъ предстоитъ фактами [illegible] правительство [illegible] *каковы русскіе рабочіе* [illegible] *время.*

И [illegible] пролетаріатъ [illegible] обязана показать [illegible] что ему [illegible] антисемитической травли [illegible] антисемитизму изъ самой [illegible] организовать [illegible] томъ или [illegible] Тамъ [illegible] можетъ при первой [illegible] Заботливыхъ [illegible] попытки [illegible] ея вліяніе еще не [illegible] вниманіе волнующейся массы [illegible] путемъ устройства демонстрацій, нападенія на полицейскіе станы и т. п. Наконецъ [illegible] наши комитеты должны [illegible] выступать противъ [illegible] и вообще избиваемыхъ [illegible] мы передъ не[illegible] спасая избивае[illegible] нашей партіи честь русскаго [illegible]

[illegible] отрѣзать ему по[illegible] Демократическая Рабочая Партія [illegible] передъ русскимъ рабочимъ [illegible] *На все смотритъ теперь* [illegible]

[illegible]

КИШИНЕВСКІЯ СОБЫТІЯ.

Передъ нами цѣлая масса описаній кишиневскихъ ужасовъ; [illegible] ихъ всѣ нѣтъ возможности. Мы выбираемъ [illegible] очевидцевъ, проведшихъ въ Кишиневѣ 6 и 7 апрѣля или [illegible] тотчасъ послѣ погрома.

Извлекаемъ изъ письма, авторъ котораго разсказываетъ [illegible] своими глазами: „Въ воскресенье, на первый день Пасхи, приблизительно къ 2 часамъ, я была на Пушкинской улицѣ вмѣстѣ съ женщиной-врачемъ [illegible] лечебницы и ея племянникомъ, христіанами. Мы услыхали, что на Гостинной улицѣ бьютъ окна, и рѣшили отправиться туда посмотрѣть, въ чемъ дѣло. На Пушкинской, между Фонтаннымъ переулкомъ и Александровской, я со своими провожатыми услышала, [illegible] Писаржевскій, нотаріусъ, съ смѣхомъ и злорадствомъ [illegible] другому господину, что у *жидовъ* бьютъ окна и [illegible] противъ у него также разбиты нѣсколько стеколъ. Мы отправились внизъ по Пушкинской, начиная съ угла Александровской, [illegible] окна магазиновъ, не закрытыя ставнями, были разбиты [illegible] То же самое было и на всѣхъ улицахъ, по которымъ мы проходили. То тутъ, то тамъ [illegible] съ каменьями изъ мостовой и бросала ихъ въ окна. Полицейскихъ нигдѣ, если не считать нѣсколькихъ городовыхъ на постахъ, глазѣвшихъ на толпу, какъ и мы. Было уже [illegible] и съ тревогой въ душѣ я направилась домой и повсюду видѣла отсутствіе полиціи и присутствіе нѣсколькихъ [illegible] съ надзирателями, которые [illegible] строго [illegible] евреевъ, не трогая православной толпы. [illegible] бьющая окна, состояла изъ 6-8 парней, похожихъ на [illegible] одѣтыхъ рабочихъ, которыхъ сопровождала толпа зрителей, [illegible] изъ прилично одѣтыхъ дамъ въ шляпахъ, господъ [illegible] и съ тросточками. Зрители большей частью относились настолько сочувственно къ бьющимъ окна, что сопровождали [illegible] „браво" мѣткій ударъ камнемъ по стекламъ. Такое же битье стеколъ, такое же поведеніе публики и пассивное отношеніе полиціи были въ другихъ частяхъ города, по разсказамъ моихъ [illegible], людей безусловно правдивыхъ. Въ понедѣльникъ въ 6 часовъ утра я отправилась въ городъ. Настроеніе еврейской публики было очень тревожное, ожидали чего-то страшнаго, но пока было тихо. По улицѣ ходили патрули, состоявшіе изъ 3-4 солдатъ съ ружьями. Я было даже успокоилась, увидавъ солдатъ. Вѣдь не даромъ я выросла въ Россіи и привыкла къ тому, чтобы солдаты водворяли спокойствіе. Но мое спокойствіе скоро было нарушено. Часа черезъ два, т. е. въ 8 часовъ, начался разгромъ. Не будучи въ состояніи сидѣть въ комнатѣ, я съ 8 час. утра была на улицахъ до 8 час. вечера. Погромъ, такимъ образомъ, продолжался всего 12 часовъ. Громили лавки и квартиры исключительно еврейскихъ домовъ, т. е. тѣхъ, въ которыхъ вчера выбили окна. На Пушкинской ул., между Николаевской и Харлампіевской и по всей Харлампіевской не осталось ни одного магазина. Даже желѣзныя шторы не всегда спасали. Опять таки толпа состояла самое большее изъ 15-18 челов., не старше 20 лѣтъ, по костюму больше горожане. Они ломали камнями ставни и затѣмъ руками срывали уже поломанныя ставни, влѣзали въ магазины и начинали выбрасывать буквально все къ тѣмъ, кто оставался снаружи. Наружная толпа все рвала и бросала, дорогія мантильи, шляпы, перья, ленты, ботинки, золотыя вещи, книги, все было разрушено и разбросано. Куски матеріи рвались на узкія полосы и тутъ же топтались ногами. Духи, мыла разбрасывались въ разныя стороны. Въ числѣ зрителей были чиновники окружного суда, акцизнаго правленія и казенной палаты. Зрители или относились пассивно или буквально поощряли толпу. На протесты нѣкоторыхъ зрителей раздавались отвѣты вродѣ: „да оставьте, это — только жидовъ!“ Одновременно, когда на Пушкинской грабили лавки, другая толпа, состоящая также изъ 15-20 парней, громила Николаевскую, Гостинную, Александровскую, Подольскую, Кузнечную, Садовую, Остановскую и другія улицы, начиная съ Бендерской по направленію къ вокзалу, причемъ небольшія кучки врывались въ еврейскія квартиры, сорвавъ предварительно оконныя рамы, и первымъ дѣломъ разрывали всѣ подушки и выбрасывали ихъ на улицы. Далѣе ломали мебель на кусочки, кресла, диваны, этажерки, однимъ словомъ, все, что было въ домѣ. Но это еще не все. Разъяренная толпа тѣми же кусками мебели начала бить тѣхъ евреевъ и евреекъ, которыхъ заставала въ квартирахъ. Били куда попало: по головѣ, по рукамъ, и въ результатѣ уже похоронено до сегодняшняго дня (13 апр.) 43 покойника. 80 человѣкъ тяжело раненыхъ лежитъ въ еврейской больницѣ и каждый день дѣлается 180 перевязокъ приходящимъ, не считая тѣхъ, которые лѣчатся у частныхъ врачей. Что же дѣлали въ это время войско и полиція? Они стояли и смотрѣли; когда же домъ былъ совершенно разгромленъ, они обращались къ толпѣ: „будетъ — дальше, дальше!“, или патруль врывался въ центръ толпы съ крикомъ: „расходись, расходись!“, дѣлилъ толпу на двѣ части и уходилъ дальше, давая возможность толпѣ соединиться снова и дѣйствительно работать *дальше*. Когда же спрашивали офицера, почему патруль позволяетъ громить и разрушать, онъ отвѣчалъ: „мы должны ходить только для парада, вмѣшиваться намъ запрещено, не приказано“. Полиція тоже не мѣшала работать.

---

*) Излишне называть редактора „Бессарабца" Крушевана, подготовлявшаго погромъ [illegible] пропов[illegible]

Что еще писать? Пожалуй, нѣсколько отдѣльныхъ сценъ. Толпа въ 4 часа дня, усталая, подходитъ къ углу Николаевской и Минковскаго переулка. Одна дама въ шляпѣ, съ прилично одѣтымъ господиномъ, обращается къ одному изъ участниковъ съ вопросомъ: „что, Павликъ, работаешь? Но вотъ гдѣ нужно работать, тутъ два милліона (указываетъ при этомъ на домъ Перельмутера), а тутъ жидовская типографія Шліомовича, ничего, жидовъ много, отстроятся снова“. Толпа начинаетъ рвать и вырываетъ деревянныя двери въ типографіи, дальше наталкивается на желѣзныя двери и отъ усталости не можетъ совладѣть съ ними; тогда деревянная дверь ломается тутъ же на куски, стаскивается еврейская женщина съ извозчика, который въ эту минуту проѣзжаетъ, и ее начинаютъ буквально истязать и топтать ногами. Наконецъ, подходитъ патруль, и съ крикомъ „расходись!“ гонитъ дальше ту же толпу. Вотъ еще сцена. Толпа врывается въ еврейскую лавку бакалейщика и начинаетъ все разрушать. Какой-то сердобольный попъ подходитъ и начинаетъ просить толпу не трогать этой лавочки; ему отвѣчаетъ какой-то господинъ: „да не волнуйтесь, батюшка, вѣдь это только жидовъ бьютъ!“ Въ то время, какъ часть толпы била и разрушала, другая часть старалась что-нибудь захватить и унести. Женщины, похожія на горничныхъ и вообще прислугу, одѣвались въ мантильи-гейши и уходили; тащили также платки, бѣлье, серебро, брилліанты изъ еврейскихъ домовъ и уносили. Не безъ грѣха осталась и полиція въ смыслѣ утайки чужой собственности.

Втеченіе цѣлаго понедѣльника, когда происходили погромы, евреи неоднократно обращались къ губернатору за помощью. Но помощь была дана, когда уже треть евр. домовъ была разграблена. Съ 6 часовъ утра вторника городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Повсюду войска въ полной военной аммуниціи, и съ этого момента погромы прекратились. Городъ до сихъ поръ на военномъ положеніи. Разграбленныя улицы представляютъ одну груду щепокъ, квартиры зіяютъ своими дырами вмѣсто оконъ и дверей. Масса бездомныхъ и безпріютныхъ. Сняты пока нѣсколько залъ для помѣщенія этихъ безпріютныхъ. Вотъ и все, больше писать не могу, у меня какой-то хаосъ въ головѣ...

Другое письмо изъ Кишинева отъ 16-го апрѣля.

О погромѣ въ городѣ циркулировали слухи задолго до Пасхи. Я лично не придавалъ этимъ слухамъ никакого значенія и считалъ погромъ невозможнымъ. Я и теперь убѣжденъ, что еслибъ не полиція и войска, погромъ былъ бы немыслимъ; но именно этого послѣдняго обстоятельства я не принималъ во вниманіе... Благодаря присутствію военнаго доктора, нашъ домъ уцѣлѣлъ. Но что же дѣлалось во дворѣ, населенномъ почти одними евреями? Всѣ высыпали на дворъ, ходили взадъ и впередъ, тревожно съ минуты на минуту ожидая нападенія; начали сносить имущество въ погреба и сараи, или переносили его къ живущимъ во дворѣ русскимъ; ооообенная тревога ощущалась ночью, весь дворъ не спалъ, всѣ собирались въ одну комнату и бодрствовали цѣлыя ночи, женщины и дѣти плакали, ломали въ ужасѣ руки. Тревога и паника усиливались по мѣрѣ того, какъ до насъ доходили свѣдѣнія, что весь разбой совершался на глазахъ у полиціи и патрулей; слѣдовательно, неоткуда ждать защиты и все населеніе оставлено на произволъ судьбы. Надо Вамъ сказать, что о насиліяхъ надъ людьми мы узнали только въ концѣ второго дня, когда одинъ прибѣжалъ сказать, что въ больницу привозятъ раненыхъ. Объясняется это тѣмъ, что убійства происходили, главнымъ образомъ, на окраинахъ города. Только тогда, когда мы поспѣшили въ больницу предложить свои услуги, страшная картина развернулась во всей своей потрясающей наготѣ. Больничныя палаты, корридоры, пріемныя были наполнены ранеными съ семействами, маленькими грудными дѣтьми, а полъ „мертвецкой“ былъ усѣянъ свыше 30 трупами. Трупы были обезображены, ихъ одежда была покрыта перьями и пухомъ... Словомъ, это былъ плачъ и стонъ, это было огромное горе, которое не поддается абсолютно никакому описанію. Тотъ, кто не былъ свидѣтелемъ всего этого, кто не пережилъ тѣхъ дней, изъ описаній получаетъ одно лишь приблизительное и блѣдное представленіе. Люди, должно быть, будутъ читать обо всемъ этомъ приблизительно такъ же, какъ мы читаемъ о турецкихъ звѣрствахъ въ Македоніи. Это событіе застраховало меня навсегда отъ необходимости чѣмъ либо возмущаться. Ничего въ такой степени возмутительнаго, полагаю, уже не произойдетъ. Звѣрства, конечно, будутъ, войны также, но я разумѣю обстановку, при которой все это произошло: полиція, войско, чиновничество, учащіеся, лица либеральныхъ профессій и, наконецъ, темная, невѣжественная масса подали другъ другу руки и „вмѣстѣ двинулись впередъ“. Это была круговая порука цинизма, грубаго и жестокаго, общественной деморализаціи, низости и паденія.

Былъ ли организованъ погромъ? Несомнѣнно, да. Но какимъ образомъ это произошло — неизвѣстно. Есть основаніе предполагать, что въ предварительной организаціи погрома принимала участіе полиція. Во всякомъ случаѣ, она знала заранѣе о могущихъ произойти событіяхъ. И всѣ ужасы, всѣ звѣрства и убійства совершались на глазахъ приставовъ, околоточныхъ, солдатъ. Помощникъ пристава Добросельскій, на глазахъ котораго толпа убила старика еврея, крикнулъ толпѣ: „Убейте его сына“; сынъ случайно спасся и лежитъ теперь въ больницѣ. Арестованъ помощникъ пристава, у котораго нашли много золотыхъ вещей.

Несомнѣнно, дѣло приняло теперь очень громкій характеръ; полиція и слѣдователи ведутъ слѣдствіе; изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы замазать его постольку, поскольку въ немъ замѣшаны полиція и чиновничество. Да и могутъ-ли мѣстные судебные слѣдователи сколько нибудь безпристрастно вести слѣдствіе, когда всѣ они тоже антисемиты. Вотъ какъ они обращаются къ потерпѣвшимъ евреямъ: „Ну, жидовская морда, что ты скажешь“, или „Есть у тебя христіанскіе свидѣтели, хорошо, а нѣтъ — ступай“. Одинъ судебный слѣдователь постоянный сотрудникъ „Бессарабца“; слѣдователи ни за что не вносятъ въ протоколы фактовъ, могущихъ скомпрометировать полицію.

Сейчасъ же послѣ погрома появилось воззваніе дамскаго комитета Красн. Креста съ приглашеніемъ жертвовать въ пользу евреевъ. Дамскій комитетъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ жены вице-губернатора, — это тѣ же заклятые антисемиты, которые захлебывались отъ восторга Крушеваномъ и которые могутъ быть названы настоящими виновниками погрома; въ своемъ лицемѣрномъ воззваніи они обрушиваются съ упрекомъ на ту массу, которую они сами же науськивали. И вотъ, вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ отвергнуть помощь со стороны всѣхъ этихъ негодяевъ, евреи сами же поддерживаютъ этотъ гнусный „дамскій комитетъ“ матеріально. „Бессарабецъ“ имѣлъ наглость пожертвовать 50 руб. въ пользу евреевъ, но ему вернули ихъ обратно.

Приведу нѣсколько фактовъ; каждый изъ нихъ дополняетъ картину различныхъ моментовъ происшедшаго погрома.

Вчера нашли одного ребенка въ печкѣ убитымъ. На 108-ой верстѣ отъ Кишинева въ ящикѣ нашли законопаченнымъ трупъ еврея. У него оказались отрѣзанными губы и языкъ, которыя нашли у него въ карманѣ. Одинъ кузнецъ еврей случайно встрѣтилъ на улицѣ молодца, который убилъ трехъ евреевъ; онъ сейчасъ же заѣхалъ въ участокъ и заявилъ помощнику пристава: „Арестуйте такого-то и такого-то“. „У насъ мѣста ужъ нѣтъ, куда ихъ сажать; берите его себѣ, если вамъ хочется“ былъ отвѣтъ. Этотъ молодецъ до сихъ поръ разгуливаетъ, быть можетъ, на свободѣ.

Забылъ сказать, что пока извѣстно о 20 случаяхъ изнасилованія дѣвушекъ и женщинъ. 3-го дня умерла въ больницѣ 12-тилѣтняя дѣвочка, изнасилованная. Предполагаютъ, что количество изнасилованныхъ гораздо больше, т. к. пострадавшія скрываютъ. Мнѣ также извѣстно, что одна дѣвушка, когда ей пришлось скрыться отъ преслѣдованія въ амбаръ или сарай, запаслась карболовой кислотой, для того, чтобы отравиться въ случаѣ, если бы ее вздумали подвергнуть изнасилованію.

Ворвались въ одну семью, состоящую изъ старухи, замужней дочери и дѣтей. На нихъ набросились, били, кусали. Это было поздно. Несчастная мать схватила ребенка и почти голая въ отчаянномъ ужасѣ побѣжала по улицѣ искать спасенія. Она забѣжала въ первый попавшійся полицейскій участокъ: но передъ ея носомъ захлопнули дверь и вытолкнули ее. Я могъ бы писать безъ конца.

Въ одномъ изъ номеровъ „Бессарабца“ помѣщена статья подъ заглавіемъ „Жертвы стихіи“ за подписью Вич. (это и есть тотъ самый судебный слѣдователь). „Есть, говоритъ онъ, научная теорія, по которой землетрясенія ставятся въ связь съ увеличеніемъ числа и размѣровъ пятенъ на солнцѣ:.. Нельзя ли поставить въ связь съ ними, (т. е. съ солнечными пятнами) и стихійныя явленія изъ жизни народовъ, *въ родѣ, напримѣръ, послѣдняго погрома*. Такое предположеніе не будетъ слишкомъ смѣло“, говоритъ эта наглая газета.

Какая простая философія! Погромъ произошелъ подъ вліяніемъ какихъ то солнечныхъ пятенъ! Ужъ, конечно, совершенно излишни были какія нибудь мѣры со стороны властей; противъ солнечныхъ пятенъ вѣдь ничего не подѣлаешь. Но я думаю, что если ужъ говорить о пятнахъ, то не о солнечныхъ, а о болѣе близкихъ къ намъ; такимъ, напримѣръ, пятномъ является „Бессарабецъ“ съ его позорной кликой на фонѣ Бессарабіи.

Въ екатеринославской газетѣ „Вѣстникъ Юга“ отъ 13/IV есть передовая статья по поводу кишиневскаго погрома, въ которой дается достаточная оцѣнка Крушевану. „Кровью кишиневскихъ жертвъ обрызганы листки Крушеванской печати, съ которыхъ не перестаетъ звучать дикая травля“, говорится тамъ.

Въ письмѣ отъ 9 апрѣля разсказывается:

Въ понедѣльникъ 7 апр. утромъ начался настоящій разгромъ, начали въ нѣсколькихъ частяхъ города сразу, кучками по 15-20 человѣкъ. Врывались въ еврейскіе дома, грабили, убивали; убивали матерей, защищавшихъ своихъ дѣтей, а дѣтей бросали изъ оконъ третьяго этажа. Предводительствовали толпой нотаріусъ Писаржевскій и сынъ бессарабскаго богача Синадино: они помѣчали мѣломъ еврейскіе дома и указывали квартиры тѣхъ христіянъ, которые прятали еврейскія семьи. Этихъ русскихъ толпа обыкновенно убивала. На этомъ основаніи администрація Кишинева говоритъ, что громили не однихъ евреевъ; но въ сущности это была настоящая рѣзня евреевъ среди бѣла дня. Съ конокъ скидывали людей съ еврейскими лицами и тутъ же убивали. Евреи въ паникѣ бѣжали въ городъ, но ихъ ловили на улицѣ и убивали, нѣкоторымъ же удавалось достичь вокзала, они уѣзжали въ Одессу. Въ Одессу прибывали цѣлые поѣзда полураздѣтыхъ евреевъ, не ѣвшихъ по 2-3 дня. Между прочимъ, ихъ не пускали на курьерскіе поѣзда и въ кассѣ отвѣчали, что это дѣлается по распоряженію полиціи. Интересно поведеніе губернатора въ тотъ день, т. е. понедѣльникъ. Онъ отвѣтилъ еврейской депутаціи, что онъ ничего подѣлать не можетъ, пусть защищаются сами; тогда мясники и биндюжники (самые сильные изъ евреевъ) устроили защиту на Новомъ Базарѣ и, конечно, разогнали толпу по переулкамъ и разсѣяли ее въ нѣсколько минутъ; тогда Думскій (приставъ, извѣстный мерзавецъ и взяточникъ, который, между прочимъ, получалъ у кишиневскихъ богатыхъ евреевъ въ тѣ дни за охрану имущества отъ погрома 100, 200 и 300 руб. въ день; такъ напр. у милліонера Г.) крикнулъ евреямъ разойтись, а то онъ стрѣлять будетъ, а разсѣянную русскую толпу буяновъ городовые и надзиратели, не скрываясь, снова собирали изъ переулковъ. Въ грабежѣ участвовали солдаты и офицеры. При разгромѣ одного большого мануфактурнаго магазина офицерскія жены выбирали себѣ куски матеріи и кричали солдатамъ „стой, не поливай“, такъ какъ громилы поливали товаръ керосиномъ. На Александровской улицѣ большой магазинъ золотыхъ и серебрянныхъ вещей; хозяинъ его увидѣлъ изъ окна, что офицеръ и надзиратели наполняли свои карманы его драгоцѣнностями, выстрѣлилъ и уложилъ на мѣстѣ офицера; его тотчасъ же арестовали. Городской голова, Шмидтъ, скрывалъ у себя больше десяти семействъ евреевъ. Когда онъ попробовалъ увѣщевать толпу, то его чуть не разорвали. Когда предводитель дворянства Крупенскій обратился къ губернатору за разъясненіемъ насчетъ бездѣйствія полиціи, фонъ-Рабенъ отвѣтилъ, что его (т. е. Крупенскаго) молъ не трогаютъ, а что касается распоряженій полиціи, то это его дѣло. Крупенскій рѣшилъ телеграфировать въ министерство вн. дѣлъ, но на кишиневской почтѣ не приняли телеграммы безъ разрѣшенія губернатора, и она была, наконецъ, отправлена лишь изъ Бендеръ (1 часъ ѣзды отъ Кишинева).

Къ тому моменту, когда пришло распоряженіе объявить Кишиневъ на военномъ положеніи и приказать стрѣлять, полиція уже заблаговременно усмирила все. Когда пріѣхалъ прокуроръ, губернаторъ повезъ его вокругъ своего дома, чтобъ доказать, что „жиды мутятъ“, что въ сущности погрома не было. Явившейся къ нему, т. е. прокурору, еврейской депутаціи, онъ такъ и сказалъ, что евреи надѣлали шуму на всю Россію, между тѣмъ какъ ничего почти не произошло, но депутаты упросили его отправиться съ ними по Кишиневу, и тогда только онъ узналъ обо всемъ.

Пока, т. е. до среды, насчитывалось до ста убитыхъ и 480 раненыхъ, изъ которыхъ ежедневно многіе умираютъ. Многіе не нашли еще до сихъ поръ своихъ дѣтей, такъ какъ послѣдніе въ ужасѣ прятались въ погреба, въ бочки и, вѣроятно, умерли уже тамъ отъ голода. Родные не узнаютъ труповъ, такъ они изуродованы. Къ одному богатому еврею В. ворвалась толпа, нашла его въ каморкѣ, гдѣ онъ спрятался, потребовала деньги, онъ отдалъ ей нѣсколько тысячъ, затѣмъ его изуродовали сѣчкой, вырѣзали языкъ, затѣмъ убили, а сынъ его сошелъ съ ума.

Между прочимъ, губернаторъ и полиціймейстеръ будутъ смѣщены: должно быть, пересолили, а у приставовъ и надзирателей производили обыски, и у тѣхъ, у кого находили награбленнаго зо-

---

Пролетаріатъ и крестьянство.

V. *Пролетаріатъ и крестьянство на западѣ.*

(Окончаніе.)

Оппортюнисты западноевропейскаго соціализма, такъ называемые *критики Маркса*, много пишутъ и говорятъ теперь о *сельско-хозяйственной кооопераціи*. Они видятъ въ ней путь, по которому сельское населеніе можетъ придти къ *соціализму*, миновавъ *капиталистическую фазу*. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ этотъ путь имѣетъ то преимущество, что, выступивъ на него, сельское населеніе избѣжитъ не только *капитализма*, но также и *классовой борьбы*, которая съ успѣхомъ будетъ замѣнена *союзомъ классовъ**). Эта неожиданная для насъ перспектива настолько интересна, что мы [illegible] не лишнимъ остановиться на вопросѣ о названной кооопераціи.

Извѣстно, что между сельскими товариществами первое мѣсто по численности и по величинѣ оборотовъ почти вездѣ занимаютъ *кредитныя товарищества*. Такъ, напримѣръ, изъ 15054 товариществъ, числившихся въ Германіи къ 1-му іюля 1901 г. *было:*

Кредитныхъ	10487
Товариществъ для совмѣстной закупки	1294
Молочныхъ товариществъ	2047
Прочихъ	1206

Обороты [illegible] кредитныхъ товарищ. равняются приблизительно [illegible],000,000 мар. У русскаго читателя, сочувствующаго [illegible] *„ассоціаціямъ“* и знающаго, какъ плохо идетъ ихъ дѣло [illegible] отечествѣ, при видѣ этой цифры можетъ произойти даже легкое головокруженіе. Ее во всякомъ случаѣ нельзя не признать весьма почтенной. Но каковы могутъ быть *экономическія послѣдствія* развитія кредитныхъ товариществъ въ деревнѣ?

Товарищества этого рода очень облегчаютъ крестьянину дѣло *совершенія займовъ*, безъ которыхъ ему часто совсѣмъ нельзя обойтись въ своемъ хозяйствѣ. Нуждой крестьянина въ деньгахъ часто пользуется *ростовщикъ*, выжимающій изъ него послѣдніе соки. Деревенское ростовщичество представляетъ собою далеко не новое явленіе. Напротивъ, — по замѣчанію Маркса, — ростовщическій капиталъ принадлежитъ, вмѣстѣ со своимъ близнецомъ, — торговымъ капиталомъ, къ *допотопнымъ формамъ капитала*, возникающимъ задолго до появленія капиталистическаго способа производства и встрѣчающимся въ различныхъ экономическихъ формаціяхъ*). Но эта старинная форма отличается чрезвычайной живучестью. Изслѣдованіе, сдѣланное въ 1887 г. по почину *„Союза для соціальной политики“*, — показало, что ростовщикъ очень хорошо чувствовалъ себя даже въ современной германской деревнѣ. Мы не думаемъ, конечно, что теперь его царство въ нѣмецкой деревнѣ окончилось; но мы полагаемъ, что его власть была поколеблена распространеніемъ сельскихъ кредитныхъ товариществъ. И чѣмъ больше станетъ возникать такихъ товариществъ, тѣмъ легче будетъ нѣмецкому крестьянину *избѣгать сѣтей ростовщика*. Въ этомъ смыслѣ значеніе кредитныхъ товариществъ очень плодотворно. Но это ихъ плодотворное значеніе вовсе не дѣлаетъ изъ нихъ моста, по которому крестьяне могли бы перейти въ соціализмъ, минуя капиталистическія отношенія производства.

Какъ вліяетъ ростовщическій капиталъ *на экономику деревни? Онъ задерживаетъ ея развитіе*. Онъ разоряетъ и порабощаетъ себѣ *производителей*, но онъ не измѣняетъ *способа производства*. Этотъ способъ остается неизмѣннымъ; вліяніе ростовщика сказывается лишь въ томъ, что производственный процессъ совершается при условіяхъ все менѣе и менѣе благопріятныхъ для производителей. Поэтому устранить ростовщика изъ деревни значитъ *открыть для нея путь экономическаго развитія*. А открыть для нея этотъ путь не значитъ помѣшать вторженію въ нее капитализма. Наоборотъ, чѣмъ скорѣе пойдетъ она по этому пути, тѣмъ скорѣе разовьются въ ней капиталистическія отношенія. Устраненіе *допотопной формы* капитала приведетъ къ расцвѣту его *новѣйшей формы*.

Мы видимъ отсюда, что сельскія кредитныя товарищества не способны содѣйствовать появленію тѣхъ *„ячеекъ“*, изъ которыхъ, по словамъ „критиковъ“ — сложится соціалистическое общество. *Если они приведутъ къ соціализму*, то *не иначе, какъ черезъ капитализмъ* и путемъ *борьбы классовъ*. Пойдемъ далѣе.

Во многихъ государствахъ Западной Европы начинаютъ играть довольно значительную роль товарищества для закупки необходимыхъ земледѣльцу матеріаловъ и орудій, а также для сбыта продуктовъ земледѣлія. Въ Германіи общая сумма оборота такихъ товариществъ доходила въ 1900 г. до 100 милліоновъ. Это, конечно, далеко не то, что мы видѣли въ кредитныхъ товариществахъ, но и это — уже не маленькая цифра. Надо замѣтить еще, что въ будущемъ этимъ товариществамъ, очевидно, предстоитъ еще очень широкое развитіе. „Близнецы“ ростовщиковъ, — *торговцы*, — интересамъ которыхъ угрожаютъ эти товарищества, уже теперь приходятъ по ихъ поводу въ большое волненіе и стараются остановить ихъ успѣхи. Торговцы по своему совершенно правы. Этотъ видъ товариществъ можетъ нанести значительный ущербъ интересамъ *торговаго капитала*, значительно ограничивъ область его приложенія*). Но и ограниченіе области приложенія *торговаго капитала* не равносильно устраненію *капитализма*. Совсѣмъ нѣтъ. Лишая посредниковъ той роли, которую они играли до сихъ поръ въ сношеніяхъ между производителями указанныхъ выше предметовъ и ихъ потребителями, кооперація содѣйствуетъ уменьшенію численности *средняго класса* и тѣмъ самымъ расширяетъ пропасть между крупной буржуазіей съ одной стороны и пролетаріатомъ съ другой. Правда, исчезновеніе посредниковъ-торговцевъ можетъ быть возмѣщено ростомъ благосостоянія нѣкоторой *части крестьянства*, которая перейдетъ въ ряды *средней буржуазіи*. Но такой переходъ будетъ означать *слоеніе* крестьянской массы, которое подготовляетъ *проникновеніе въ деревню капиталистическихъ отношеній производства и связанной съ ними борьбы классовъ*, а это врядъ-ли можетъ быть признано надежнымъ путемъ избѣжанія капитализма и классовой борьбы.

Къ этому надо прибавить, что въ товарищества разсматриваемаго вида соединяются и могутъ соединяться исключительно *самостоятельные производители*. *Наемному труду* въ нихъ нечего дѣлать, и потому *сельскіе батраки* не принимаютъ въ нихъ никакого участія. Эл. Купэ совершенно справедливо замѣчаетъ, что солидарность, связывающая ихъ членовъ другъ съ другомъ, есть *солидарность собственниковъ*, и что такая солидарность не представляетъ собою чего либо свойственнаго одному *земледѣльческому* населенію: она не менѣе часто встрѣчается и въ *промышленности***).

Значитъ, мы здѣсь вынуждены сдѣлать выводъ, уже сдѣланный нами выше: *если кооперативныя товарищества приведутъ деревню къ соціализму*, то *они сдѣлаютъ это не иначе*, какъ *ускоривъ ея переходъ черезъ капитализмъ*.

А *производительныя* товарищества? Говоря о нихъ, надо прежде всего помнить, что *собственно въ земледѣліи* они въ настоящее время чрезвычайно рѣдки, вслѣдствіе чего даже самые убѣжденные сторонники „кооперативнаго принципа“ не возлагаютъ на нихъ почти никакихъ надеждъ или даже относятся къ нимъ совершенно отрицательно***). Несравненно большее значеніе имѣлота и серебра (а такихъ было много), арестовывали. Изъ Одессы вызвано нѣсколько кандидатовъ на судебн. должн. для допроса болѣе тысячи свидѣтелей.

---

*) См. Die moderne Agrarfrage, von Dr. A. Nossig. Berlin — Bern 1902, стр. 480 и многія другія.

*) Das Kapital, III. 2. 132.

*) См. интересную книгу Эли Купэ: Le mouvement syndical et coopératif dans l'agriculture française. Montpellier 1898.

**) Назв. соч., стр. 60.

***) Такъ, Давидъ въ своей недавно вышедшей книгѣ „Sozialismus und Landwirschaft“ высказываетъ (стр. 700) ту мысль, что

Тѣ изъ буяновъ, которыхъ арестовали, заявляютъ при допросѣ: насъ полиція послала, обѣщала намъ все, что мы хотѣли, и „работу“, и „защиту“, и „хлѣбъ“, а теперь насъ же сажаютъ въ кутузку.

Между прочимъ, Крушеванъ (редакторъ „Бессарабца“), который дѣятельно помогаетъ фонъ-Плеве въ его новой тактикѣ, заканчиваетъ свои гастроли въ Кишиневѣ и переѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ предполагаетъ издавать газету „Истина“.

Переходимъ къ разсказамъ людей, пріѣхавшихъ въ Кишиневъ 10-11 апрѣля при первыхъ извѣстіяхъ о погромѣ: „Я отправился, пишетъ одинъ, къ моимъ родственникамъ, но засталъ опустошенный домъ... Гдѣ обитатели этого дома, я такъ-таки и не могъ узнать по той простой причинѣ, что сосѣдніе дома также опустошены и имѣютъ такой же ужасный видъ.“ Не найдя также знакомыхъ, авторъ отправился бродить по разгромленному городу. „Проходя по страшно опустошенной мѣстности, я на разстояніи нѣсколькихъ кварталовъ не насчиталъ *ни единаго* человѣческаго жилья: все было пусто, страшно пусто съ зіяющими рамами въ домахъ... Въ городѣ, обыкновенно оживленномъ, теперь — рѣдкіе прохожіе, по большей части, раненые и частые патрули драгунъ и пѣхоты. Не знаю только, кого и что они охраняютъ.“ Возстановивъ изъ разсказовъ картину ужасныхъ убійствъ 7-го апрѣля, авторъ добавляетъ, что „еще и теперь, три дня послѣ этого, находятъ трупы въ клозетахъ, ямахъ и погребахъ.“ Въ согласіи со всѣми корреспондентами, онъ констатируетъ, что по общему свидѣтельству именно полиція порализовала самозащиту евреевъ и руководила убійцами. Въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ ея не было, „евреи защищались и очень успѣшно, а въ присутствіи полиціи они не смѣли и думать о самозащитѣ. Каждую собравшуюся кучку евреевъ она разгоняла или арестовывала. Какъ только было разрушено все, охранявшая полиція отгоняла или вѣрнѣе приглашала руководимыхъ ею звѣрей на другое мѣсто. При осмотрѣ опустошенныхъ домовъ сразу замѣтно, что тутъ дѣйствовали не боясь и не стѣсняясь временемъ, на что указываетъ тщательность отдѣлки и удивительная аккуратность въ ограбленіи исключительно еврейск. домовъ.“ Начавшееся слѣдствіе побуждаетъ полицію къ новымъ мерзостямъ: „Она ходитъ по домамъ и проситъ не обвинять ее, деликатно намекая на то, что въ противномъ случаѣ представитъ протоколы въ нежелательномъ для свидѣтелей смыслѣ. Нѣкоторые евреи дѣйствительно пугаются этой угрозы...“ „Тщательность отдѣлки“, „чистоту работы“ громилъ констатируетъ и другой корреспондентъ, пріѣхавшій въ Кишиневъ 10-го апр. Только безъ всякой помѣхи и подъ охраной полиціи небольшая кучка озвѣрѣвшихъ громилъ могла совершить въ короткое время такую работу. Всѣ мнѣнія сводятся къ тому, говоритъ корреспондентъ, что достаточно было бы десять вооруженныхъ людей, чтобы положить конецъ всѣмъ звѣрствамъ и разрушенію, и онъ не былъ положенъ лишь благодаря полиціи. „Любопытнѣе всего то, что почти всѣ арестованные въ одинъ голосъ заявляютъ, что они не виноваты, полиція имъ „велѣла“ и заявляютъ они это въ глаза полицейскимъ чинамъ.“ Это подтверждается и въ другихъ письмахъ и корреспонденціяхъ: арестованные громилы утверждаютъ, что сама полиція предложила имъ эту „работу“ и обѣщала „охрану“. Корреспонденту случилось попасть на кладбище въ тотъ моментъ, когда трупы замученныхъ лежали открытыми, такъ какъ ихъ фотографировали. „Нужны, говоритъ онъ, сильнѣйшіе нервы, чтобы это выдержать... Я видѣлъ среди убитыхъ старика, разорваннаго надвое, у одной женщины животъ распоротъ и внутренности вываливаются. Девятимѣсячный ребенокъ лежитъ съ раздробленной головой рядомъ съ матерью, у которой вырванъ языкъ и отрѣзаны груди...“ Мы не продолжаемъ ужасныхъ перечисленій...

Кишиневская полиція перестаралась. Ужасы вышли слишкомъ поражающими и неслыханными. Правительство спохватилось и уже начинаетъ умывать руки. Полиція Кишинева „устранена отъ исполненія своихъ обязанностей“ и нѣсколько полицейскихъ чиновъ арестовано. Но уже поздно. Ничто уже не поможетъ Плеве и его „охранительной партіи“ отмыться отъ своего преступленія. Вся совокупность обстоятельствъ этого преступленія слишкомъ очевидно свидѣтельствуетъ о томъ, что оно задумано, подготовлено и пущено въ ходъ, какъ одно изъ средствъ сохраненія самодержавія. Полиція перестаралась, средство вышло слишкомъ сильнымъ и паціенту отъ него не поздоровится, но дѣло сдѣлано и его не вычеркнешь. Адскія муки беззащитныхъ людей, вырванные языки, раздробленныя головки дѣтей, вырѣзанныя груди уже неотдѣлимо срослись съ самодержавіемъ. Теперь ужъ не поможетъ никакая ложь и никакія мѣры. Такіе бьющіе по нервамъ ужасы по самой природѣ своей не могутъ не пріобрѣсти всемірной извѣстности, не могутъ не врѣзаться въ память всѣхъ и каждаго.

ВРЕМЕНА МѢНЯЮТСЯ.

Теперь, когда кровавыя Кишиневскія событія поставили передъ нами на очередь чрезвычайно важный практическій вопросъ о томъ, какъ противодѣйствовать „анти-еврейскимъ безпорядкамъ“, не безполезно будетъ вспомнить, что въ 1881 г. почти на всемъ Югѣ Россіи происходили еврейскіе погромы, не только принесшіе съ собой много совершенно незаслуженнаго и ненужнаго горя множеству еврейскихъ семействъ, но и способствовавшіе возникновенію *національныхъ предразсудковъ* даже въ такихъ слояхъ нашего населенія, которымъ прежде они были совершенно чужды. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что *психологическія послѣдствія еврейскихъ погромовъ 1881 г. не переставали вредить нашему соціалистическому движенію въ теченіе всего послѣдняго двадцатилѣтія.* Уже одного этого, — помимо естественныхъ и неизбѣжныхъ побужденій гуманности, которыя у соціалистовъ должны быть гораздо сильнѣе, чѣмъ у людей „стараго міра“, — было достаточно для того, чтобы наша партія сдѣлала рѣшительно все зависящее отъ нея для борьбы съ антисемитическими „громилами.“

Кишиневскій погромъ былъ организованъ мѣстными юдофобами при любезномъ участіи полиціи. Бациллы антисемитизма усердно культивируются въ полицейскихъ участкахъ. Правительство, очевидно, хочетъ повторить пріемъ 1881 года, когда оно остановило начинавшееся революціонное броженіе въ народѣ, *своевременно открывъ предохранительный клапанъ еврейскихъ погромовъ.* Но двадцать два года, протекшихъ съ тѣхъ поръ, чрезвычайно измѣнили положеніе дѣлъ. Теперь въ русскомъ рабочемъ классѣ есть уже несравненно больше сознательныхъ элементовъ, чѣмъ было ихъ въ то время. Эти сознательные элементы съумѣютъ дать рѣшительный отпоръ нашимъ антисемитамъ.

Въ борьбѣ со стихійными движеніями, подобными еврейскимъ погромамъ, нѣсколько энергичныхъ и сознательныхъ революціонеровъ могутъ сдѣлать чрезвычайно много. Во время ростовскихъ безпорядковъ 1879 г. толпа, возбужденная и раздраженная дракой съ полицейскими, проходила мимо синагоги. Мальчики стали кидать каменья въ ея окна. Неизвѣстно, что произошло бы дальше, если бы изъ толпы не раздались голоса, рѣшительно протестовавшіе противъ этого и *звавшіе бить полицію.* Толпа послушалась этихъ голосовъ и дала полиціи такой превосходный урокъ, котораго та долго не забывала: нѣсколько полицейскихъ частей подверглось жестокому опустошенію. *Это хорошій примѣръ для подражанія.*

Не знаемъ, обратили-ли наши читатели вниманіе на тотъ фактъ, сообщенный нашими „легальными“ газетами, что въ то самое время, когда въ Кишиневѣ происходилъ еврейскій погромъ, въ Житомирѣ толпа едва не избила четырехъ *китайцевъ*, служившихъ въ мѣстномъ циркѣ и вышедшихъ посмотрѣть на праздничное гулянье. Зачѣмъ ей понадобилось бить китайцевъ? Очевидно, только затѣмъ, чтобы дать исходъ смутному недовольству, вызываемому тяжелыми условіями жизни, но еще не освѣщенному *революціоннымъ сознаніемъ.* Когда полиція замѣтитъ, что въ массѣ накопилось много такого недовольства, она, естественно, постарается отвратить его отъ себя и направить противъ „жидовъ“, татаръ, армянъ, китайцевъ, словомъ, противъ первыхъ встрѣчныхъ иностранцевъ или инородцевъ. Мы должны мѣшать ей открывать этотъ предохранительный клапанъ. На крики: *„бей жидовъ!“* (или другихъ инородцевъ) мы должны отвѣчать криками: *„бей полицію!“* Настроеніе массы теперь таково, что эти крики не останутся безъ сочувственнаго отзыва; намъ сдается, что житомирская толпа, собиравшаяся бить китайцевъ, очень охотно поколотила бы полицію.

Правительство играетъ очень опасную для него игру. Оно забыло, что теперь и пролетаріатъ уже не тотъ, да не тѣ и соціалисты. Въ 1881 г. фракція, господствовавшая въ нашемъ революціонномъ движеніи, *еще не стояла на точкѣ зрѣнія современнаго соціализма* и *потому не съумѣла правильно отнестись къ еврейскимъ погромамъ.* Она приняла ихъ *за начало соціальной революціи.* Это ясно видно изъ ея тогдашнихъ изданій.

Во внутреннемъ обозрѣніи № 6-го газеты *„Народная Воля“* *) еврейскимъ погромамъ было отведено значительное мѣсто. По словамъ обозрѣвателя, во всей Россіи народъ начинаетъ сознавать, что онъ довольно уже терпитъ, но пока это сознаніе проявляется лишь спорадически. „Только на югѣ, прежде чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, народное недовольство стало выражаться массовымъ революціоннымъ движеніемъ, получившимъ, въ силу мѣстныхъ условій, анти-еврейскій оттѣнокъ.“ Далѣе мы читаемъ, что въ настоящее время помѣщики, „какъ владѣющій классъ“, являются на югѣ Россіи чѣмъ-то совершенно уже отжившимъ, и что народъ уже не принимаетъ ихъ во вниманіе, относясь къ нимъ скорѣе снисходительно, чѣмъ враждебно. „Все вниманіе обороняющагося народа, продолжаетъ обозрѣватель, сосредоточено теперь на купцахъ, шинкаряхъ, ростовщикахъ, словомъ на евреяхъ, этой мѣстной буржуазіи, поспѣшно и страстно, какъ нигдѣ, обирающей рабочій людъ... Откровенный, подчасъ насмѣшливый цинизмъ евреевъ въ дѣлѣ обиранія не поддается описанію. Фигаро прошлаго вѣка (?) навѣрное былъ и менѣе смышленъ и болѣе совѣстливъ.“ Въ подтвержденіе своихъ словъ обозрѣватель ссылается на извѣстную реакціонную газету *„Кіевлянинъ“*, которая, конечно, не стѣсняется въ своихъ нападкахъ на евреевъ. Затѣмъ, приведя потрясающія душу описанія „революціонныхъ“ подвиговъ громилъ, обозрѣватель замѣчаетъ: „По поводу еврейскихъ погромовъ многіе интересовались ролью, которую мы, соціалисты-революціонеры (sic), оставляемъ за собою при подобныхъ народныхъ расправахъ. Во имя гуманности тяжело отвѣчать на это, но отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ. — Помните у Тэна одну сцену изъ французской революціи? Къ трупу женщины, только что задушенной разъяренной толпой, бросается одинъ изъ убійцъ, распарываетъ ей грудь, вырываетъ сердце и въ наступленіи впивается въ него зубами. Потрясающія сцены. — Но неужели Робеспьеръ, Дантонъ, С. Жюстъ и Демуленъ, въ виду крайностей разъяреннаго притѣсненіями народа, должны были отказаться отъ своей роли и своей обязанности въ исторіи Франціи? Проявленія революціоннаго движенія зависятъ отъ міросозерцанія извѣстнаго класса или извѣстнаго общества, но результаты его обусловливаются степенью его сознательности, причемъ направляющей силой является передовая, болѣе энергичная и болѣе сознательная революціонная группа. Во Франціи, во время революціи, такой группой были якобинцы; въ Россіи ею является Исполнительный Комитетъ. Относиться не только отрицательно, но даже индифферентно къ чисто-народному движенію мы не вправѣ; мы обязаны выражать общую формулу всѣхъ силъ, справедливо недовольныхъ и активно протестующихъ и сознательно направлять эти силы, удерживая при этомъ ихъ исходный пунктъ.“ — Эти строки сопровождаются подстрочнымъ примѣчаніемъ, въ которомъ говорится: „Авторъ здѣсь повторяетъ только взглядъ, высказанный Исполнительнымъ Комитетомъ въ прокламаціи къ Украинскому Народу, отъ 30 августа 1881 г.“ Этимъ примѣчаніемъ устраняются всѣ возможныя недоразумѣнія. *Приведенный нами взглядъ на еврейскіе погромы не былъ взглядомъ какого нибудь* отдѣльнаго народовольца; *въ 1881 г. онъ былъ, такъ сказать, оффиціальнымъ взглядомъ „Партіи Народной Воли.“*

Прокламація же Исполнительнаго Комитета, на которую ссылается газета *„Народная Воля“*, есть та самая, о которой говоритъ Тунъ въ своей книгѣ (см. стр. 178 нашего изданія) и которая призываетъ украинцевъ „метить панамъ, грабить жидовъ и убивать чиновниковъ.“

Мы не станемъ доказывать здѣсь, что наши „соціалисты-революціонеры“ начала восьмидесятыхъ годовъ жестоко ошибались, воображая, будто анти-еврейскія движенія похожи на тотъ могучій революціонный взрывъ, который положилъ конецъ существованію „стараго порядка“ во Франціи. Доказывать это значило бы обижать нынѣшняго читателя революціонныхъ изданій. Мы не станемъ и упрекать революціонныхъ дѣятелей прошлаго времени за эту ихъ жестокую ошибку: они уже сошли съ исторической сцены. Да мы не затѣмъ и отмѣтили ихъ ошибку, чтобы пускаться въ упреки. Мы только хотѣли сравнить прошлое съ настоящимъ и показать, *до какой степени нынѣшнее положеніе дѣлъ не похоже на то, которое существовало лѣтъ двадцать тому назадъ.* Теперь и пролетаріатъ совсѣмъ уже не тотъ, и соціалисты совсѣмъ другіе. Поэтому и пріемъ, удавшійся нашему правительству тогда, не удастся теперь. Времена мѣняются.

---

*) Этотъ № помѣченъ 23 октября 1881 г.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Златоустъ. Командированнымъ отъ О. К. спеціальнымъ лицомъ собраны слѣдующія данныя о Златоустовской бойнѣ.

До первыхъ чиселъ марта 1903 года Управленіе Златоустовскихъ Горныхъ Заводовъ руководствовалось при наймѣ рабочихъ правилами, редактированными согласно высочайшему манифесту 1861 года. Эти правила являлись для заводскихъ рабочихъ нѣкоторымъ **Habeas Corpus**: ими утверждались нѣкоторыя права и привилегіи заводского населенія, именно, рабочіе имѣли право на земельный надѣлъ; имъ разрѣшались сходки въ помѣщеніи завода для обсужденія ихъ текущихъ дѣлъ. Кромѣ того, этими правилами вмѣнялось въ обязанность заводской администраціи каждый разъ, когда вводятся измѣненія или дополненія въ условія найма, публиковать таковыя за 3 мѣсяца до вступленія ихъ въ силу, чтобы рабочіе, ознакомившись съ ними, могли въ случаѣ несогласія пріискать себѣ другую работу. На этотъ разъ поступили не такъ 6 марта рабочимъ были выданы разсчетныя книжки съ новыми условіями найма, выработанными на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 11 марта 1902 года. Выдавая эти книжки, Горный Начальникъ поставилъ условіемъ принять ихъ въ 3-хдневный срокъ. Новыя правила очень подробно предусматривали все, что касается *обязанностей* рабочихъ, но ни слова уже не говорилось объ *ихъ правахъ.* Получивъ эти книжки, рабочіе задумались. — „Эти книжки фальшивыя, рѣшили старики, — раньше правила были составлены по Высочайшему манифесту, а теперь о немъ и помину нѣтъ. Въ прежнихъ книжкахъ было написано все, на что мы имѣемъ право, а тутъ только о томъ говорится, на что мы *не* имѣемъ права“. Молодежь согласилась съ стариками и усмотрѣла въ новыхъ правилахъ существенное нарушеніе правъ и привилегій заводского населенія, признанныхъ Манифестомъ 8 марта 1861 года. Рабочіе большого прокатнаго цеха рѣшили книжекъ не принимать, и въ субботу 8 марта всѣ три неработавшія смѣны заявили полицеймейстеру завода, что съ новыми условіями найма они не согласны и что съ понедѣльника они, вопреки приказу, будутъ работать на старыхъ условіяхъ. 8-го марта рабочіе отправились къ предсѣдателю заводского приказа Глѣпову съ просьбой ходатайствовать объ отмѣнѣ новыхъ пра

ютъ товарищества *для обработки тѣхъ или другихъ продуктовъ земледѣлія или скотоводства:* напр., сыроварни, молочныя, маслодѣльные заводы, мельницы, булочныя, винокурни и т. п. предпріятія этого рода, безъ сомнѣнія, приносятъ своимъ участникамъ подчасъ очень значительныя выгоды, но никакихъ „ячеекъ“ соціалистическаго общества они собою не представляютъ по той простой причинѣ, что путь къ капитализму расчищается ими еще рѣшительнѣе, чѣмъ другими видами деревенской кооперацiи.

Чтобы убѣдиться въ томъ, намъ нѣтъ надобности отправляться „на Западъ“: достаточно взглянуть на русскія артельныя сыроварни и маслодѣльни. Вотъ наглядный примѣръ.

Въ 1896 г. въ селѣ Алсуфьевѣ Вологодской губ. образовалась маслодѣльня, въ которой приняло участіе 53 лица, владѣющихъ 250 коровами. Въ числѣ тѣхъ лишь было четыре землевладѣльца съ 124 коровами; 2 священника и 2 псаломщика съ 15 коровами и 45 крестьянъ изъ 10 селъ, окружающихъ Алсуфьево, со 111 коровами.*) Если дѣла маслодѣльни шли хорошо, то крестьяне, принявшіе въ ней участіе, навѣрно, живутъ теперь много лучше, чѣмъ жили прежде. Но вѣдь они и прежде не принадлежали къ *деревенской бѣднотѣ*: у каждаго изъ нихъ въ среднемъ было почти по $2^1/_2$ коровы. И если эти крестьяне живутъ теперь много лучше, чѣмъ прежде, то разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ деревенской бѣдноты, *значительно увеличилось.* А это и есть то слоеніе сельскаго населенія, которое такъ сильно способствуетъ развитію сельскохозяйственнаго капитализма. И не надо думать, что алсуфьевская артель представляетъ собою что либо исключительное. Нѣтъ, *въ разсматриваемомъ отношеніи* она какъ нельзя больше похожа на всѣ прочія артельныя предпріятія не только въ Россіи, но и заграницей. Вотъ опять примѣръ. Въ 1891 г. въ Винцигѣ, въ Силезіи, образовалось мукомольно-хлѣбопекарное товарищество; въ него вошло 23 домохозяина съ капиталомъ въ 85,000 марокъ. Это составляетъ въ среднемъ на каждаго товарища довольно круглую сумму, имѣющуюся далеко не у каждаго крестьянина. Въ Винцигскую артель вошла, стало быть, только мѣстная крестьянская *„аристократія“*. Если ея дѣла шли хорошо, то эта „аристократія“ стала еще больше отличаться по своей зажиточности отъ своихъ односельчанъ, чѣмъ это было до основанія товарищества. А ея дѣла шли такъ хорошо, что мукомольно-хлѣбопекарныя товарищества начали возникать и въ другихъ мѣстностяхъ Силезіи. Въ 189[illegible] г. подобная же „артель“ образовалась, напримѣръ, въ Гурау. Въ этой артели числилось 60 домохозяевъ различной степени зажиточности. На оборудованіе своего предпріятія она употребила въ дѣло 155,101 марку.*) Это опять составило настолько кругленькій капиталецъ, что деревенской „демократіи“ врядъ-ли можно было думать объ участіи въ „артели“. Если предпріятіе принесло выгоду, то оно увеличило *неравенство* между жителями Гурау. А это, какъ мы уже знаемъ, новый шагъ для развитія тамъ *капитализма.*

Но этого мало. Артели этого рода *въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ „работаютъ“ наемными руками*, что уже прямо превращаетъ ихъ въ *капиталистическія предпріятія.* Для примѣра укажемъ на *голландскія товарищества для обработки молочныхъ продуктовъ.*

Первоначально эти продукты обрабатывались въ Голландіи капиталистами **sans phrases**. Но скоро крестьяне увидѣли, какія большія выгоды приноситъ это дѣло, и стали заводить *артельныя* маслодѣльни. Первая артельная маслодѣльня появилась въ 1887 г. въ Варгѣ, а 1-го января 1900 г. такихъ маслодѣлень считалось уже 68, число же ихъ участниковъ было болѣе 400. Дѣла ихъ идутъ очень хорошо, и приносимыя ими выгоды служатъ крестьянамъ значительнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, можно, повидимому, сказать, что въ области обработки молока голландскій капитализмъ встрѣтилъ побѣдоноснаго соперника въ лицѣ крестьянскихъ артелей. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что крестьянскія маслодѣльни *сами эксплуатируютъ наемный трудъ* и потому *сами должны быть отнесены въ разрядъ капиталистическихъ предпріятій.*

По словамъ Кальсбеека, товарищество имѣетъ въ глазахъ крестьянина лишь то преимущество, что направляетъ въ его карманъ прибыль, прежде попадавшую въ руки капиталиста. „Крестьянинъ вступаетъ въ товарищество, чтобы получить какъ можно больше за свой товаръ. Его предпріятіе имѣетъ чисто капиталистическій характеръ. Его собственные интересы враждебно противостоятъ тамъ интересамъ рабочаго; онъ стремится къ тому, чтобы за возможно меньшую плату получить какъ можно больше труда, и въ борьбѣ классовъ играетъ роль капиталиста, обладателя средствъ производства.“ **) Выходитъ, что въ *капиталистическомъ* обществѣ нельзя отбояриться отъ капитала: *они его въ дверь, онъ влетитъ въ окно.*

Замѣтимъ, наконецъ, что и *внутри* товариществъ капиталъ умѣетъ находить себѣ мѣсто и отстаивать свое „право“. Вандервельдъ разсказываетъ, что, посѣтивъ одинъ изъ наиболѣе процвѣтающихъ артельныхъ заводовъ западной Фландріи, онъ засталъ тамъ слѣдующее положеніе дѣлъ: „Основанное въ 1880 г., это товарищество считаетъ теперь 465 членовъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ слоямъ деревенскаго населенія: тутъ есть и рабочіе, имѣющіе по одной коровѣ, и мелкіе крестьяне, имѣющіе ихъ по 2 и по 3 штуки, и крупные фермеры, имѣющіе ихъ до 50 штукъ. Капиталъ, взятый въ займы у богатаго землевладѣльца той же деревни, давно уже выплаченъ. Въ общемъ собраніи участвуютъ всѣ члены товарищества; ими выбирается распорядительный совѣтъ; повидимому, мы находимся здѣсь въ царствѣ полнѣйшей демократіи, и однако на самомъ дѣлѣ зависимость земледѣльцевъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ такъ велика, такъ безусловна, что никто изъ нихъ не осмѣлился бы возвысить голосъ и воспользоваться тѣми правами, которыя даются ему буквой устава; всѣмъ дѣломъ управляетъ — весьма, впрочемъ, ловко, его основатель.“ *)

И это вовсе не исключеніе. Вандервельдъ прибавляетъ, что въ товариществахъ, не обладающихъ собственнымъ капиталомъ, неимущіе члены еще болѣе порабощены капиталистами.**) А собственнаго капитала не имѣютъ всѣ тѣ товарищества, которыя ведутъ крупное дѣло и употребляютъ дорогія машины. „Конечно, пока дѣло идетъ о маленькихъ молочныхъ, въ которыхъ нѣтъ машинъ, крестьяне могутъ довольно легко собрать между собою необходимый капиталъ или занять его въ мѣстномъ товариществѣ, но теперь все болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что крупныя молочныя, примѣняющія паровыя машины, во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе мелкихъ... Для основанія паровой молочной необходимъ довольно значительный капиталъ: по крайней мѣрѣ, 30 или 40 тысячъ франковъ. Поэтому, часто, — чтобы не сказать всегда, — случается, что этотъ капиталъ ссужаетъ какой нибудь денежный человѣкъ — землевладѣлецъ или крупный фермеръ, которому принадлежитъ, — по договору или въ силу вещей, — верховное господство надъ всѣмъ предпріятіемъ, и которому достается также, подъ видомъ процентовъ, большая часть прибыли“.***)

Предпріятія, заводимыя будто бы для борьбы съ капиталомъ,

[illegible] добившись политической власти соціаль-демократія не должна была брать на себя организацію собственно земледѣльческихъ товариществъ. По отношенію къ земледѣлію въ собственномъ смыслѣ слова Давидъ оказывается чистѣйшимъ *индивидуалистомъ.* Труденъ только первый шагъ. Посмотримъ, остановится-ли на немъ этотъ „критикъ Маркса“.

*) Н. Пахомовъ, „Очеркъ современнаго состоянія молочнаго хозяйства въ Россіи.“ Москва 1900, стр. 22.

*) **Die geschichtliche Entwicklung des landwirtschaftlichen genossenschaftswesen in Deutschland, von Dr. F. Müller, Leipzig, 1901, S. 449.**

) „Die genossenschaftlichen Molkereien in Holland und ihre Arbeiter**“, „**Neue Zeit**“, отъ 18 октября 1902 г., стр. 91.

*) **Essais sur la question agraire en Belgique, Paris 1903, pp** 177 178. Основатель и есть мѣстный крупный землевладѣлецъ.

) **Ibid. p. 178.

***) Вандервельдъ, тамъ же, стр. 179.

вилъ. Предсѣдатель приказа по обыкновенію умылъ руки и посовѣтовалъ обратиться къ управляющему заводомъ. За позднимъ временемъ рабочіе мирно разошлись, ни минуты не сомнѣваясь, что новыя правила будутъ отмѣнены. 10-го марта, въ понедѣльникъ, они явились на заводъ, но нашли его со всѣхъ сторонъ запертымъ. Какъ выяснилось потомъ, управляющій завода, опасаясь бунта и не имѣя подъ рукой военной силы, отдалъ распоряженіе заводъ запереть; а горный начальникъ Зеленцовъ телеграфировалъ Уфимскому губернатору, прося выслать войска для усмиренія рабочихъ. Утромъ 11 марта рабочіе всѣхъ смѣнъ и всѣхъ цеховъ собрались на сходку во дворѣ завода. Послѣ незначительныхъ дебатовъ рѣшено было снова идти къ начальнику приказа Глѣпову и просить защиты. Часть рабочихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправилась къ исправнику съ тою же просьбой. Глѣповъ, выйдя къ рабочимъ, сказалъ: „По распоряженію г. Начальника Главнаго Управленія Заводовъ, я предлагаю вамъ избрать изъ своей среды уполномоченныхъ для переговоровъ.“ Тотчасъ же были выбраны делегатами рабочіе Симоновъ и Филимошкинъ. Когда они явились къ Глѣпову, тотъ накричалъ на нихъ, обозвалъ бунтовщиками и отправилъ въ тюрьму. Въ среду 12-го марта вечеромъ въ Златоустъ съ экстреннымъ поѣздъ прибылъ уфимскій губернаторъ Богдановичъ. Узнавъ объ участи делегатовъ, рабочіе опять направились къ Глѣпову и совершенно мирно спросили о причинѣ ареста ихъ выборныхъ. Онъ отвѣтилъ, что выборные арестованы жандармскимъ ротмистромъ Долговымъ. Тогда толпа направилась къ горному начальнику съ жалобой, какъ на Глѣпова, такъ и на Долгова. Все время настроеніе рабочихъ было мирное. Они совершенно не могли уяснить себѣ причины ареста ихъ выборныхъ, и ходили отъ горнаго начальника къ жандармскому ротмистру, отъ него къ исправнику, но ничего не добились. Вечеромъ 12-го они снова собрались передъ домомъ горнаго начальника и просили освободить делегатовъ. Ни угрозъ, ни дерзостей, ни вызывающихъ криковъ, ничего этого не было. Было видно только, что толпа ошеломлена поведеніемъ властей и сосредоточенно хочетъ уяснить себѣ ихъ поведеніе. Горный начальникъ, выслушавъ требованіе собравшихся, заявилъ имъ, что съ своей стороны онъ ничего сдѣлать не можетъ, все дѣло зависитъ отъ губернатора — и посовѣтовалъ обратиться къ нему. Тогда рабочіе потребовали губернатора и подали ему прошеніе, въ которомъ ходатайствовали: 1) о сохраненіи прежнихъ правилъ, редактированныхъ согласно Манифесту 1861 года и 2) объ освобожденіи выборныхъ товарищей. При появленіи губернатора толпа сняла шапки. Принявъ прошеніе, губернаторъ предложилъ толпѣ разойтись до утра. Толпа, совершенно мирно настроенная, тотчасъ начала расходиться. Утромъ 13-го въ четвергъ рабочіе снова стали стекаться къ дому горнаго начальника, гдѣ остановился губернаторъ и къ 9 часамъ заполнила площадь. Здѣсь было около 6 тысячъ челов. Пришли старые и малые. Собралось много посторонней, нерабочей публики. Около 10 ч. на крыльцѣ появился губернаторъ. При видѣ его вся масса, заполнявшая площадь, сняла шапки и одинъ за другимъ, перебивая другъ друга, заговорили: „Ваше превосходительство, явите божескую милость, отмѣните новыя правила. Оставьте насъ по Манифесту, не можемъ мы служить по новымъ правиламъ.“ — „Молчать — закричалъ Богдановичъ. Не могу я съ вами всѣми разговаривать. Выберите 3-4 потолковѣе и я поговорю съ ними!“ Стоявшій впереди рабочій закричалъ: Да мы, Ваше Превосходительство, уже выбирали уполномоченныхъ, да ихъ въ тюрьму садятъ. Губернаторъ бросился къ нему и схватилъ его за бороду: — пойдемъ-ка, я поговорю съ тобой! — Ну нѣтъ, Ваше Превосх., запротестовалъ рабочій, я еще не уполномоченный! Вмѣстѣ съ этимъ толпа моментально втянула его въ себя и онъ въ ней замѣшался. Губернаторъ снова потребовалъ уполномоченныхъ, крича, что ему дѣла нѣтъ до прежнихъ выборныхъ, потому что они избирались не по его требованію. Тотчасъ были выбраны Варгуновъ и Лоськовъ. Ихъ повели на заводъ, а оттуда въ тюрьму: черезъ нѣсколько минутъ прибѣжали ребятишки и закричали: — А вашихъ выборныхъ опять въ тюрьму отправили. Тогда въ толпѣ произошло движеніе. Послышался ропотъ. За что взяли уполномоченныхъ! Освободите! Сами же просили! Не хотимъ принимать новыхъ правилъ! Между тѣмъ, войска уже выстроились у собора по одной линіи съ домомъ горнаго начальника. Уѣздный начальникъ обратился къ ротамъ съ рѣчью: Ребята, помните, что вы не въ непріятельской странѣ. Васъ призвали сюда для того только, чтобы помѣшать насилію со стороны рабочихъ, если это случится. Къ оружію нужно прибѣгать только въ крайнемъ случаѣ — для самозащиты. А если будетъ отданъ приказъ стрѣлять, то помните, что надо избѣжать ненужнаго пролитія крови! — Полковникъ, закричалъ Богдановичъ, вы дискредитируете военный авторитетъ. Прошу васъ замолчать! — Я вамъ еще не сдавалъ команды, Ваше Превосх., отвѣтилъ уѣздный начальникъ и подалъ губернатору рапортъ. Онъ отошелъ въ сторону. Командованіе было передано поручику. Въ это время къ губернатору подошла съ двумя своими дѣвочками жена одного изъ арестованныхъ (первыхъ) Филимошкина и, указывая на дѣвочекъ, сказала: А кто теперь ихъ будетъ кормить? Освободите мужа или возьмите вотъ ихъ и кормите. Молодой поручикъ, принявшій гарнизонъ, оттолкнулъ ее слегка и крикнулъ: Уходи, что ты лѣзешь? — Я съ тобой не разговариваю, отвѣчала Филимошкина, чего тебѣ надо? — И снова обратилась къ губернатору. Поручикъ схватилъ одну изъ ея дѣвочекъ и толкнулъ со злостью и руганью. Филимошкина не выдержала и дала офицеру пощечину при смѣхѣ толпы. — Что, съѣлъ? съехидничала она. Ты что здѣсь? все равно, что кобылій хвостъ пришитъ. Взбѣшенный поручикъ бросился на Филимошкину съ обнаженной шашкой въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой, но воинскій начальникъ крикнулъ: поручикъ, что вы дѣлаете? На бабу съ шашкой! Тотъ остановился. А толпа шумѣла... Не хотимъ принимать новыхъ правилъ! Не надо! Возвратите намъ манифестъ! Губернаторъ заоралъ на толпу: Не галдѣть! Я пріѣхалъ сюда не просьбы ваши разбирать, а прекратить бунтъ. Въ моей губерніи должно быть тихо — и нечего съ вами тратить попусту время. Сказавъ это, онъ вынулъ шпагу и, обвязавъ ее платкомъ, махнулъ два раза. Вслѣдъ за этимъ рожокъ заигралъ сигналъ стрѣлять. Полиція бросилась къ толпѣ съ крикомъ: Посторонитесь, отойдите, разойдитесь, сейчасъ стрѣлять будутъ!... Въ толпѣ раздались крики: Не могутъ стрѣлять! За что стрѣлять! Мы сами солдатами были. Гдѣ это видано. Если бы мы насильничали!... Будутъ стрѣлять такъ только, холостыми! Не расходись, ребята! — Рожокъ проигралъ. Первой шеренгѣ роты было приказано стрѣлять съ колѣна, т. е. навѣрняка. Разстояніе до толпы было не болѣе 50 саженей, а пули бьютъ на разстояніи 6 верстъ. Солдаты подобраны были главнымъ образомъ инородцы — башкиры, мордва, чуваши и разсортированы такимъ образомъ: въ первой шеренгѣ были старые солдаты, а во второй, которая стрѣляла, стояла молодежь. Раздался залпъ задней шеренги. Толпа шарахнулась и съ крикомъ бросилась бѣжать. Но вслѣдъ ей раздался второй, третій и четвертый залпы. Моментально площадь покрылась кровью. Массы раненыхъ корчились въ предсмертныхъ судорогахъ. Первымъ залпомъ никого убито на площади не было, кромѣ башкирца съ 2-мя лошадьми, который ѣхалъ за горой, въ него пуля попала навѣснымъ огнемъ. Убита за горой также старуха, которая въ это время зажигала у иконы лампадку. Первымъ же залпомъ убито два ученика городского училища, въ которомъ продолжались уроки. Училище расположено на площади, и спокойное занятіе въ немъ учителей говорило за то, что на площади бунта не было. Когда раздался залпъ, учитель велѣлъ всѣмъ ученикамъ лечь на полъ и только поэтому число жертвъ тамъ было невелико. Когда дымъ отъ залповъ разсѣялся, на площади лежало 31 чел. убитыхъ и массы раненыхъ, всего до 250 чел. Одинъ молодой рабочій послѣ перваго залпа бросился на крыльцо дома горнаго начальника и упалъ здѣсь за колонной. Онъ видѣлъ, какъ чиновники Управленія стрѣляли въ бѣгущую толпу — изъ оконъ и дверей дома горнаго начальника и изъ прорѣзнаго окна надъ дверью. Какой-то чиновникъ въ формѣ лѣсничаго, стрѣляя въ толпу, увидалъ этого рабочаго и, прицѣлившись изъ окна, сдѣлалъ въ него два выстрѣла изъ револьвера. Рабочій считалъ себя погибшимъ и лишь переворачивался съ боку на бокъ, поднимая ноги. Въ то же время исправникъ, изрядно выпившій со всей свитой губернатора, собралъ полицейскихъ и приказалъ имъ стрѣлять въ бѣгущихъ. Часть полицейскихъ пуль попала въ соборъ и отбила кусокъ штукатурки. Это видѣлъ мѣстный протоіерей и настолько распалился гнѣвомъ, что заявилъ, что онъ донесетъ по духовному начальству. Что палачи были подогрѣты выпивкой и закуской, это видно изъ того, что губернаторъ выгналъ изъ дома горнаго начальника полицеймейстера, который очевидно переборщилъ. — Уйдите, сказалъ ему Богдановичъ, здѣсь вамъ не мѣсто. — Куда же я пойду, Ваше Прев., толпа возбуждена, взмолился полицеймейстеръ. — Это не мое дѣло... Но вамъ здѣсь не мѣсто! Полицеймейстеръ вышелъ и, подойдя къ толпѣ, сказалъ: — Братцы, вѣдь я за васъ... пропустите меня! И толпа, подсмѣиваясь, немедленно пропустила свое начальство, и начальство скрылось совсѣмъ, повидимому, подъ юбку жены и тѣмъ сняло съ себя вину въ пролитіи невинной человѣческой крови. Тамъ и сямъ погибали раненые, купаясь въ крови. Извозчики на требованіе полиціи везти убитыхъ и раненыхъ, отвѣчали: Не повеземъ... Не хотимъ мы марать саней невинной человѣческой кровью! Но послѣ угрозъ полиціи они повезли искалѣченный народъ. Скоро прибыла и пожарная команда и изъ рукавовъ начала мыть площадь, что удавалось съ трудомъ, т. к. снѣгъ напитался кровью. Въ этотъ же день на кладбище было подвезено 31 чел. убитыхъ. Кладбищенскій сторожъ разсказываетъ: Сижу я въ сторожкѣ и вижу, подъѣзжаетъ одна подвода, другая... Что такое? думаю. Вышелъ. — Принимай страдальцевъ-гостей, сказалъ мнѣ извозчикъ. — Господи, что такое? Меня такъ и ударило по головѣ. Помаленьку очнулся. Гляжу, пришла полиція. — Надо, говоритъ надзиратель, ихъ обыскать, — ты иди отсюда! — Думаю, я уйду, а они тутъ чего нибудь украдутъ у покойниковъ, а послѣ на меня свалятъ. — Не пойду, говорю. Стали обыскивать. Ни у кого ничего нѣтъ. Только у одного нашли кусокъ хлѣба и 6 печеныхъ картошекъ. Разсказъ сторожа характеренъ уже по тому одному, что онъ даже не зналъ, что случилось въ городѣ. Ясно, что ни вооруженнаго сопротивленія, ни дерзостной, шумящей и осаждающей уфимскаго бога-Богдановича толпы не было. Доказывается это и тѣмъ, что ни у одного въ убитыхъ не найдено никакого колющаго или рѣжущаго орудія. Родственники убитыхъ хотѣли всѣхъ похоронить въ одной общей братской могилѣ, но начальство не допустило и они должны были хоронить своихъ отцовъ, братьевъ, сестеръ, женъ и матерей въ разныхъ могилахъ. Могилы эти стоятъ кучкой и всѣ украшены искусственными цвѣтами. Раненые были размѣщены въ 3-хъ больницахъ: городской, земской и горнозаводской. Для всѣхъ не хватало мѣстъ, больные валялись всюду: въ корридорахъ, въ проходахъ, въ конторѣ. Въ городской и земской больницахъ немедленно была подана медицинская помощь, а въ горнозаводской трое сутокъ не дѣлали перевязокъ, вслѣдствіе чего нѣсколько раненыхъ умерло отъ кровоизліянія, а у нѣкоторыхъ произошло зараженіе крови и они не сегодня, завтра умрутъ. Помимо зарегистрированныхъ раненыхъ, многіе скрываются на дому и на перевязку не ходятъ изъ опасенія полиціи и начальства. Изъ скрывшихся одна женщина умерла отъ зараженія крови. Тщательный осмотръ нашимъ уполномоченнымъ дверей дома горнаго начальника далъ слѣдующіе результаты: часть пулевыхъ пробоинъ идетъ изнутри наружу, потому что выходныя отверстія съ расщепомъ, а входныя — гладкія. Такъ оно и должно быть, ибо по показанію самыхъ разнообразныхъ свидѣтелей, двери крыльца были полуотворены и если бы стрѣляли въ эти двери со стороны толпы, то на наружной сторонѣ дверей были бы входныя пулевыя отверстія гладкія, а внутреннія съ расщепомъ. Но этого нѣтъ. Кромѣ того, пробиты наискось косяки, что могло быть лишь въ томъ случаѣ, когда стрѣляющій, боясь высунуться изъ двери, стрѣляетъ изъ-за прикрытія. Дверь эта безпристрастная свидѣтельница охоты на людей.. По пробоинамъ нельзя не заключить и о томъ, что изнутри дома кто-то стрѣлялъ изъ охотничьяго ружья, повидимому штуцера крупнаго калибра, но не изъ 3-хлинейной солдатской винтовки. Характерно, между прочимъ, то, что учитель городского училища, напуганный залпомъ, приказалъ ученикамъ лечь подъ парты. Тѣмъ не менѣе, какъ сказано выше, двое учениковъ были ранены, а одинъ умеръ отъ нервнаго потрясенія. У городского училища пробита балясина на балконѣ, около вывѣски и въ двухъ мѣстахъ крыша. Не менѣе характерно и то, что отъ „бунтующей, буйствующей, угрожавшей“ толпы арсеналъ охранялся обычнымъ однимъ только часовымъ. И только послѣ бойни его заняла рота солдатъ. Златоустоустовское общество возмущено. Тотчасъ послѣ дикой бойни оно пыталось дать коллективную телеграмму въ Петербургъ, но богъ-Богдановичъ не позволилъ сдѣлать это. Среди убитыхъ и раненыхъ есть нѣсколько лицъ, совершенно непринадлежащихъ къ рабочему населенію завода; такъ, убитъ довѣренный уфимскаго лѣсопромышленника, складчикъ жел. дор. и одна телеграфистка. Буржуазная публика, отнеслась, насколько это позволяетъ ея психологія, очень симпатично къ раненымъ: она доставляла имъ закуски, фрукты, вино, и вообще проявляла большой интересъ къ нимъ и симпатію. Рабочее населеніе завода смотритъ волкомъ... Оно затихло снаружи, но внутри его горитъ бушующее пламя. На лицахъ рабочихъ можно прочесть только два слова: „недовѣріе и месть“. Что они съ нами сдѣлали? За что? — говорятъ болѣе экспансивные. Развѣ мы хотѣли буйствовать? Да если бы мы хотѣли это сдѣлать.... Насъ не выбили бы изъ этой ямы (городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами) въ теченіе года. — Бунтовать!... — говорятъ другіе — да намъ достаточно было бы взять нѣсколько гранатъ и отъ солдатъ осталось бы одно пустое мѣсто. Сами вѣдь мы дѣлали гранаты-то... Только починить да привернуть запальную трубку. Намъ стоило только крикнуть и въ одинъ мигъ мы могли бы разобрать арсеналъ. Вѣдь его только одинъ часовой охранялъ! — Горный начальникъ еще 10-го числа хотѣлъ сдѣлать бунтъ — говорилъ другой рабочій — ну и сдѣлалъ и добился своего. Но онъ получитъ свое... Теперь городъ на военномъ положеніи; всюду ходятъ солдаты, фланируетъ конная полиція и мечутся всюду сыщики, ища корней и нитей. Но корней и нитей не оказывается, и весь бунтъ придуманъ гг. Богдановичами, Зеленцовыми, Глѣповыми и прочей челядью палача-самодержца. Что будетъ впереди — трудно сказать, но съ увѣренностью можно сказать, что бывшая доселѣ на глазахъ рабочихъ повязка спала и они увидѣли вещи въ неприкрашенномъ видѣ.

Ростовъ н. Д.

(Изъ частнаго сообщенія). Послѣ того, какъ демонстранты (2-го марта), утомленные почти четырехверстнымъ шествіемъ, рѣшили прекратить демонстрацію, убрали знамена и начали расходиться, — на мѣстѣ дѣйствій появились войска. Только тогда, не слыша болѣе революціонныхъ криковъ, обезумѣвшая отъ ужаса полиція пришла нѣсколько въ себя и начала дѣйствовать. Подъ прикрытіемъ сотни казаковъ состоялся „военный совѣтъ“ во главѣ съ полицеймейстеромъ, у котораго демонстранты сорвали саблю, переломили ее и бросили въ воздухъ. Почувствовавъ себя въ безопасности, околоточные и пристава начали ловить „зачинщиковъ“, выхватывая изъ толпы наудачу отдѣльныхъ „политиковъ“. Нѣсколько человѣкъ удалось отбить, причемъ здѣсь-то былъ смертельно раненъ на дняхъ скончавшійся приставъ 4-го участка В. Антоновъ. Это значительно сократило пылъ полиціи. Тѣмъ не менѣе на улицѣ успѣли арестовать человѣкъ двадцать „зачинщиковъ“. Изъ нихъ 16 отправлено въ тотъ же день въ тюрьму. Среди этихъ лицъ нѣтъ буквально таки ни одного, имѣющаго хотя бы сколько-нибудь близкое понятіе о революціонномъ движеніи. Въ числѣ этихъ демонстрантовъ есть: уличный танцоръ, органщикъ (бродячій музыкантъ), уличный чистильщикъ сапоговъ, какой то восточный человѣкъ, не знающій русскаго языка и т. д. По случаю великаго поста большая часть демонстрантовъ этихъ скоромной пищи не вкушаетъ. Но жандармамъ нужны жертвы и они не освобождаютъ этихъ горемыкъ.

Вслѣдъ затѣмъ начинается эпидемія обысковъ и арестовъ. Въ ночь со 2 на 3 марта арестованы А. Брайловскій, А. Локерманъ и А. Логачева, у которыхъ найденъ *пепелъ*, изъ чего жандармы дѣлаютъ заключеніе, что „что-то“ было сожжено.

5-го марта арестованы дѣв. Р. Локерманъ и М. Нагель за то, что подходили къ тюрьмѣ „очевидно вести съ заключенными переговоры“. 8-го арестованы Миндлинъ, Охнянскій и Диковъ. У Дикова при обыскѣ „нашли“ казацкую одежду на двухъ человѣкъ, въ виду чего жандармы предъявили ему и Охнянскому обвиненіе въ пропагандѣ революціонныхъ идей среди вѣрноподданнаго донского казачества. Черезъ три дня Диковъ освобожденъ; обвиненіе съ него снято, т. к. ему удалось доказать, что казачья одежда была у него оставлена на храненіе. Затѣмъ были арестованы и отправлены въ таганрогскую тюрьму: Рейзманъ, Васильченко, Безпаловъ и Гликинъ. Всѣ 4 голодаютъ, требуя перевода въ Ростовъ.

А. Локерманъ переведенъ въ новочеркасскую тюрьму, гдѣ сидитъ до сихъ поръ безъ допроса и свиданій; Брайловскій переведенъ въ тюрьму Каменской станицы; къ нему также на свиданье никого не допускаютъ.

Послѣ 10-го марта арестованы и доставлены въ ростовскую тюрьму рабочіе: Скрипниченко (въ карманѣ найдены переписанныя Варшавянка и Марсельеза), Колосовъ, Ильинскій и Клещевъ.

Въ настоящее время изъ тюрьмы выпущено 8 чел., изъ нихъ двѣ дѣвушки, арестованныя на демонстраціи. Жандармерія ведетъ слѣдствіе возмутительно. Каждому въ отдѣльности жандармы заявляютъ, что онъ несъ знамя, убилъ пристава Антонова и, кромѣ того, состоялъ членомъ Донского Комитета. Но въ большинствѣ случаевъ жандармы не выдерживаютъ тона и начинаютъ на допросѣ вести пропаганду „Зачѣмъ вы съ жидами связались — говорилъ „демонстрантамъ“ шт.-ротмистръ Сѣдовъ — вѣдь это все они строятъ, а вы, православные, имъ помогаете“. Тѣмъ не менѣе, „православныхъ“ привлекаютъ по 252 и 318 статьямъ. Курьезовъ на допросахъ не оберешься. Приводятъ, напр., демонстрантовъ въ контору тюрьмы, на очную ставку съ городовыми. „Ты тоже политическій?“ — изумленно вопрошаетъ какой-то чинъ простоватаго мужичка, попавшаго съ пьяныхъ глазъ въ руки полиціи. — „Никакъ нѣтъ, Вашебродіе, я пензянскій“. — „Царьска горилка й мене зробила полытычеськимъ“, скромно заявляетъ одинъ малороссъ.

создаютъ широкое поприще для его подвиговъ. И капиталъ спѣшитъ устремиться на это новое для него поприще. Въ мартѣ 1900 г. подъ фирмой „*Центральная контора крупныхъ бельгійскихъ молочныхъ*“, въ Бельгіи было основано анонимное общество, главной цѣлью котораго является именно ссуда денегъ „кооперативнымъ“ предпріятіямъ. Значеніе этого шага было такъ ясно, что организованное бельгійское крестьянство пришло въ волненіе. Лёвенскій „*Крестьянскій Союзъ*“ постановилъ, что кооператоры не должны входить ни въ какія сношенія съ названной конторой. Но это не помѣшало ея успѣхамъ. „И уже теперь можно предвидѣть, — замѣчаетъ Вандервельдъ, — что при первомъ же кризисѣ множество мелкихъ молочныхъ, работающихъ съ недостаточнымъ капиталомъ, исчезнетъ, уступивъ мѣсто паровымъ молочнымъ, которыя очевидно превосходятъ ихъ и въ техническомъ, и въ коммерческомъ отношеніи“.*)

А между тѣмъ въ молочномъ хозяйствѣ дѣло бельгійскихъ кооперативныхъ товариществъ обстоитъ все таки лучше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Если для устройства паровой молочной нужны по крайней мѣрѣ 30 или 40 тысячъ франковъ, то для устройства хорошо оборудованнаго сахарнаго завода необходимо имѣть не менѣе 800 тысячъ. Поэтому, мы видимъ, что хотя сахарные заводы и носятъ иногда *кооперативную этикетку*, но въ сущности они имѣютъ чисто капиталистическій характеръ.**) То же приходится сказать и о винокурняхъ, пивоварняхъ и т. п. Въ виду всего этого Вандервельдъ, который еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — именно въ рефератѣ, озаглавленномъ: „*Золотая свадьба научнаго соціализма*“, — высказывалъ къ великой радости нашихъ народниковъ то убѣжденіе, что сельско-хозяйственная кооперація позволитъ деревнѣ миновать капиталистическую фазу, теперь пришелъ къ *противоположному взгляду*. Въ настоящее время онъ убѣжденъ, что сельско-хозяйственныя товарищества, размножающіяся въ бельгійской деревнѣ, „или будутъ прозябать въ зачаточныхъ формахъ, или, пріобрѣтая болѣе важное значеніе, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать капиталистическіе характеръ“.***) Это какъ разъ то, что говоримъ мы, „фанатическіе“ сторонники „марксовой догмы“.

Правда, Вандервельдъ думаетъ, что судьба сельско-хозяйственныхъ *товариществъ для производства и продажи продуктовъ* могла бы быть иная, если бы они были прочно соединены съ обширными *товариществами потребителей*. Онъ указываетъ на нѣкоторыя молочныя бельгійскихъ крестьянъ — соціалистовъ, сбывающія свои продукты потребительнымъ товариществамъ городскихъ рабочихъ и потому имѣющія обезпеченное существованіе. Но, во-первыхъ, и здѣсь „перспективы будущаго“ кажутся ему „довольно ограниченными“.*) А во-вторыхъ, — и это всего важнѣе, — здѣсь вопросъ о возможной роли сельско-хозяйственной коопераціи получаетъ совершенно другое содержаніе.

Что потребительныя товарищества при извѣстныхъ условіяхъ могутъ оказать значительныя услуги дѣлу освободительной борьбы пролетаріата, это убѣдительно доказано примѣромъ Бельгіи, и на этотъ счетъ теперь безполезно распространяться. Что организованная партія *пролетаріата* можетъ, — опять таки при наличности извѣстныхъ условій — привлечь къ себѣ болѣе или менѣе значительную часть мелкаго крестьянства, ни на минуту не покидая при этомъ своей классовой точки зрѣнія, въ этомъ тоже невозможно сомнѣваться. Наконецъ, что организованная партія пролетаріата можетъ, въ своемъ воздѣйствіи на крестьянство, опираться между прочимъ и на свои потребительныя товарищества, это мы допускаемъ безъ малѣйшаго колебанія. Но все это доказываетъ только то, что *пролетарій, выброшенный изъ деревни въ качествѣ обнищавшаго члена общины, можетъ и долженъ вернуться въ нее соціаль-демократическимъ агитаторомъ*. А это мы знаемъ по крайней мѣрѣ со времени появленія выработаннаго гр. „*Освобожденіе Труда*“ проекта программы русской соціаль-демократіи. И когда наши противники указываютъ на сельско-хозяйственную кооперацію, какъ на новый путь, по которому деревня можетъ придти къ соціализму, не испытывая непріятностей классовой борьбы, они имѣютъ въ виду вовсе не эти товарищества крестьянъ, цѣликомъ зависящія отъ *пролетарской поддержки*. Они утверждаютъ, что собственная внутренняя логика деревенской коопераціи приведетъ крестьянина къ соціализму. И тутъ они жестоко ошибаются: *эта* логика ведетъ къ капитализму.

Намъ полезно будетъ запомнить этотъ выводъ. Онъ поможетъ намъ разобрать программу русскихъ соціалистовъ-реакціонеровъ, которые возлагаютъ на сельско-хозяйственную кооперацію такія же огромныя и такія же неосновательныя надежды, какія связаны съ нею у ихъ родныхъ братьевъ, оппортунистовъ западно-европейскаго соціализма.

---

*) Тамъ же, стр. 179.

**) Ср. Вандервельдъ, тамъ же, стр. 189.

***) Тамъ же, стр. 194.

*) Тамъ же, та же страница.

Въ виду того, что демонстрація произошла безъ предварительнаго печатнаго оповѣщенія, всѣхъ арестованныхъ обвиняютъ по 318 ст. Улож. о наказ., т. е. въ участіи въ организаціи. Девять человѣкъ обвиняется, кромѣ 318 и 252 ст., еще и по 264 ст. — вооруженное сопротивленіе чинамъ полиціи. Въ виду этого жандармерія грозитъ перевести ихъ въ уголовныя камеры и вообще обращаться съ ними, какъ съ уголовными. Но это, вѣроятно, только угроза.

Кромѣ демонстрантовъ, въ тюрьмѣ сидятъ еще рабочіе: Чернышевъ, Собиновъ, Скоробогатовъ и дѣв. Сущенко (арест. во время распространенія прокламацій на табач. фаб. Асмолова), арест. въ пути казанскій студентъ Андреевскій. Въ началѣ марта отправленъ въ Петербургъ арестованный въ Ростовѣ по дѣлу Петерб. Ком. Раб. Орган. — Н. Афанасьевъ.

Совершенно случайно и неожиданно для самихъ себя сидящіе въ ростовской тюрьмѣ устроили шумную манифестацію, чреватую послѣдствіями.

От редакціи: Приводимъ полученное нами изъ Ростова н/Д. „Письмо къ товарищамъ отъ политическихъ заключенныхъ“ съ разсказомъ объ этой манифестаціи:

„Во вторникъ 25 марта часа въ 4 вечера мы всѣ у оконъ начали пѣть революціонныя пѣсни, привлекая къ тюрьмѣ проходящій народъ. Вслѣдъ за этимъ двое изъ нашихъ товарищей произнесли рѣчи, въ которыхъ призывали народъ къ освобожденію отчизны. Проводили параллель между своей неволей и неволей всего русскаго народа и т. д. въ томъ же духѣ. Со всѣхъ сторонъ сталъ сбѣгаться народъ и въ какія нибудь 10 минутъ вся площадь передъ тюрьмой со стороны трамвая была запружена народомъ. Собралось до 1000 человѣкъ (за вѣрность цифры орган-ія не ручается, но нѣсколько сотенъ — вполнѣ возможный фактъ).

Въ это самое время во дворѣ у оконъ камеръ политическихъ заключенныхъ появились два помощника начальника тюрьмы, причемъ одинъ сталъ уговаривать прекратить рѣчи, а другой прибѣжалъ съ угрожающими криками и сейчасъ же скрылся. Изъ тюрьмы немедленно извѣстили полицеймейстера и явилась сотня казаковъ разгонять толпу, которая до того времени привѣтственно отвѣчала криками „ура“ и „долой самодержавіе“. При появленіи казаковъ рѣчи прекратились, и народъ мало по малу сталъ расходиться.

На всю тюрьму эта сходка произвела отрезвляющее дѣйствіе. Всѣ уголовные какъ будто проснулись, какъ будто съ новой силой почувствовали весь произволъ, всю грубость и насиліе тюремной администраціи. Къ политическимъ отношеніе полно глубокаго уваженія и оно проявляется на каждомъ шагу.

На слѣдующій день, въ среду 26-го двухъ товарищей призывали въ контору объясняться по поводу происшедшей сходки, но онѣ отдѣлались незначительными фразами, вродѣ того, что народъ собрался, благодаря проходившимъ похоронамъ.

Среда и четвергъ до 4 часовъ прошли спокойно. Въ 4 часа въ камеру, въ которой помѣщались двѣ политическія, находящуюся въ лѣвомъ глаголѣ, явился помощникъ и заявилъ имъ, чтобы онѣ переходили въ другую камеру, занятую уже одной изъ политическихъ. Онѣ наотрѣзъ отказались, т. к. камера, куда ихъ хотѣли перевести, находится среди камеръ уголовныхъ и страшно загрязнена, полна клоповъ и таракановъ, а главное, она почти совершенно исключаетъ возможность сношеній съ другими политическими. Раза три приходилъ помощникъ, убѣждая ихъ перейти, т. к. камеры должны быть свободны по распоряженію Артеньева, въ виду новыхъ арестовъ.

Наконецъ, двумъ протестовавшимъ ничего не оставалось дѣлать, какъ перейти, т. к. надзиратели стали собирать ихъ вещи. Во время этихъ переговоровъ одинъ изъ надзирателей, Гацуцовъ, сталъ грубо издѣваться и осыпать ругательствами одну изъ дѣвицъ за то, что она крикнула, чтобы другія двѣ не соглашались переходить. Послѣ долгаго сопротивленія онѣ, наконецъ, перешли и водворились въ грязной, душной камерѣ.

Оставить безъ протеста такое грубое обращеніе и желаніе со стороны тюремной администраціи разъединить отдѣльныхъ политическихъ было невозможно и онѣ всѣ втроемъ у открытаго окна стали излагать все уголовнымъ, сидящимъ вокругъ въ камерахъ. Вслѣдъ затѣмъ онѣ стали пѣть революціонныя пѣсни, чѣмъ вызывали со стороны уголовныхъ явное одобреніе и сочувствіе, выражавшееся въ аплодисментахъ и крикахъ „спасибо, политическіе“. Со стороны администраціи иной разъ раздавались грубые крики прекратить пѣніе; одинъ старшій пригрозилъ кулакомъ, но пѣніе не прекращалось до поздняго вечера.

Чувствовалось приподнятое настроеніе у всѣхъ сидящихъ по камерамъ.

Въ пятницу 28 марта по обыкновенію стали выводить политическихъ на прогулку. Въ 9 часовъ вывели во дворъ одного изъ товарищей, причемъ появился начальникъ тюрьмы и человѣкъ 8 надзирателей. Товарищу объявили, что его сейчасъ должны отвести въ карцеръ. На его категорическій отказъ надзиратели схватили его за руки и стали тащить. Онъ сталъ сопротивляться, тогда еще двое стали бить его въ спину. Тогда нѣкоторые изъ товарищей, видѣвшіе это изъ окна, стали кричать, чтобы его не смѣли трогать. Ихъ крики привлекли къ окнамъ уголовныхъ, которые, увидя такую дикую сцену, поднялись сразу съ оглушительными криками „долой начальника“, „оставьте товарища!“ Моментально за этими криками раздался звонъ разбитаго стекла. Товарища, котораго вели въ карцеръ, оставили, онъ ушелъ гулять, но уголовные, со всей силой накопившейся злобы, обиды и горя, принялись бить все, что было у нихъ подъ руками.

Въ какіе нибудь полчаса были перебиты всѣ стекла до единаго, во всей тюрьмѣ столы, скамейки, нары, все было изломано въ куски и выброшено за окна. Тюрьма вся поднялась, какъ одинъ человѣкъ, требуя на расправу начальника, который скрылся сейчасъ же при первомъ звукѣ разбитаго стекла.

Женщины всѣ присоединились къ мужчинамъ и крики, проклятія, звонъ разбитыхъ оконъ, трескъ дерева продолжались добрый часъ. На волѣ, за тюремной стѣной собрался народъ и крики толпы сливались съ протестами заключенныхъ. Въ 11-мъ часу появились казаки съ ружьями. Явилась вся военная администрація, жандармы, вся клика мерзавцевъ. Казаковъ пришло около сотни. Они заняли первый дворъ и переднюю часть внутренняго двора.

Въ это время товарища уже увели обратно въ камеру и заявили другому, что его тоже отведутъ въ карцеръ.

Три десятка казаковъ съ заряженными ружьями, съ шашками на голо явились въ камеры и взяли обоихъ товарищей. Сопротивляться было немыслимо, и они должны были спуститься внизъ въ карцеры, причемъ они всю дорогу высказывали свое негодованіе.

Всѣ политическіе сегодня на повѣркѣ требовали ихъ освобожденія, но т. к. на повѣрку начальникъ не явился, то требованія были переданы помощнику.

Требованія были слѣдующія:

1) Освобожденіе нашихъ товарищей. 2) Чтобы завтра же явился товарищъ прокурора для того, чтобы выслушать нашу жалобу на тюремную администрацію.

Если же завтра въ 10 часовъ онъ не явится [illegible] не освободитъ товарищей, то мы объявляемъ голодовку до т[illegible]оръ, пока не исполнятъ нашихъ требованій.

Казаки оставались въ тюрьмѣ цѣлый д[illegible]тъ ихъ осталась и на ночь. Весь день жандармерія [illegible] оставались въ тюрьмѣ, но Артемьевъ (жанд. полк.) [illegible] въ камерахъ и не звалъ на допросъ.

На вопросъ полицеймейстера, почему уголов[illegible] будить, они прямо отвѣчали, что не могли допустить, чт[illegible] на ихъ глазахъ политическихъ вели въ карцеръ. Вообще [illegible] уголовныхъ къ политическ[illegible] настолько [illegible] ихъ и емый моментъ въ ростов[illegible] стѣны теперь совершенно не [illegible] бодрость народа [illegible]ствій, чтобы свободная рѣчь текла широкою [illegible] ставляютъ волной и находила бы себѣ откликъ у людей, сидящихъ за желѣзными рѣшетками.

По слухамъ въ тюрьмѣ началась голодовка и, повидимому, она еще не кончилась.

От редакціи: Позднѣйшее извѣстіе, только что полученное нами, гласитъ, что голодовка всей тюрьмы продолжалась три дня; кончалась неудачей; ни одного изъ требованій не удовлетворили. 3 апрѣля выпущенъ изъ тюрьмы А. Локерманъ.

Варшава, 14-го апрѣля. Въ отличіе отъ націоналистической польской „Народовой Демократіи“, празднующей день потери Польшей конституціи 20-го апрѣля (3-го мая нов. стиля), революціонныя группы г. Варшавы рѣшили отпраздновать 1-ое мая за недѣлю *до*, т. е. 13/26 апр. По городу начали усиленно циркулировать воззванія и листки, разъясняющіе значеніе для рабочей массы празднованія 1-го мая. Въ особенно значительномъ количествѣ были распространены прокламація Бунда (на евр. яз.), воззванія П. П. С. „Къ польскимъ и еврейскимъ рабочимъ и работницамъ“ (на польск. и евр. яз.), прокламаціи „1-ое мая“ и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ Организаціоннаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. (на русск. яз.), воззванія „Группы соціалистической молодежи“ — къ польской интеллигенціи и „Къ коллегамъ и коллежанкамъ“ (обѣ на польск. яз.) и масса другихъ, а дней за 5-6 были разбросаны по городу въ большомъ количествѣ приглашенія къ участію въ демонстраціи (на польск. и еврейск. яз.). Разбрасывали на лѣстницахъ домовъ, по библіотекамъ, по выставкамъ, на почтѣ и въ др. мѣстахъ.

Въ этомъ году въ Варшавѣ впервые были устроены двѣ демонстраціи. Исходя изъ взгляда, выраженнаго въ резолюціи послѣдняго съѣзда, что въ Польшѣ, на польской территоріи, могутъ вести агитацію и пропаганду *только* польскія партіи, а не партіи другихъ національностей, П. П. С., ставящая однимъ изъ главныхъ требованій — освобожденіе Польши, отказалась отъ совмѣстнаго участія въ демонстраціи съ организаціей Бунда; П. П. С. съ радостью приглашала еврейскихъ рабочихъ къ совмѣстному протесту, но съ организаціей Бунда — она не хотѣла имѣть никакихъ дѣлъ. Тогда Бундъ и присоединившіеся къ нему въ видѣ протеста „П. С.-Д.“ и „Пролетаріатъ“ рѣшили совмѣстно устроить отдѣльную демонстрацію на Маршалковской ул. (П. П. С. постоянно устраиваетъ въ Уяздовскихъ аллеяхъ).

Къ 5-ти часамъ, какъ Уяздовскія аллеи, такъ и Маршалковская улица на всемъ своемъ протяженіи были полны народу; останавливаться не позволяли, настойчиво разгоняя всякое болѣе или менѣе большое скопленіе народа. Все же около $5^1/_2$ час., на углу св. Креста и Маршалковск. улицъ, быстро соединилась толпа чел. 400-500 рабочихъ и учащейся молодежи высшихъ и среднихъ учебн. заведеній и съ высоко поднятыми двумя знаменами (одно Бунда, другое „Пролетаріата“), съ стройнымъ и громкимъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, при возгласахъ „долой самодержавіе!“, „долой царизмъ!“, „долой капитализмъ!“ (проѣзжавшимъ въ это время на извозчикѣ офицерамъ кричали „долой милитаризмъ!“, „да здравствуетъ соціалистическое общество, республиканскій строй“ и т. д.) прошла по Маршалковской ул.; не доходя до Сѣнной ул., толпа повернула и такъ же стройно, сильно увеличившись, благодаря вновь подоспѣвшей публикѣ, направилась обратно по направленію къ ул. св. Креста. Затѣмъ такимъ же порядкомъ повернули обратно. Полиція все время бездѣйствовала; находившіеся вблизи околоточные и городовые выхватили было шашки, но при видѣ угрожавшихъ палками демонстрантовъ, благоразумно вложили ихъ въ ножны и на почтительномъ разстояніи сопровождали демонстрантовъ. Но вдругъ, когда подходили въ третій разъ къ ул. св. Креста, изъ-за угла вылетѣла полсотня казаковъ, съ обнаженными шашками, съ нагайками въ рукахъ; они бросились на толпу; толпа разомъ подалась, разомъ бросилась въ разсыпную. О защитѣ, о сопротивленіи палками, которыми всѣ были вооружены, не было и рѣчи — всѣ бѣжали; въ суматохѣ избили одного околоточнаго, но передъ казацкой нагайкой всѣ бѣжали. Спасшіеся въ ворота тамъ были заперты и затѣмъ арестованы. Между тѣмъ полиція, жандармы и казаки все время разъѣзжали, не давая возможности снова соединиться въ болѣе и менѣе большую толпу; на углахъ толпу внезапно перерѣзывали ряды городовыхъ и заставляли одну часть возвращаться обратно. Не смотря на это, толпа демонстрантовъ еще разъ прошла (знаменосецъ со знаменами не былъ арестованъ) съ пѣснями по многимъ улицамъ и направилась къ тюрьмѣ — къ Павіаку. Передъ тюрьмой прошлись нѣсколько разъ, пѣли пѣсни, громкіе возгласы все время раздавались, начали стучать палками въ ворота тюрьмы... Изъ-подъ колпаковъ (щитовъ), которыми закрыты окна въ Павіакѣ, политическіе зажгли бумагу и крутили ею по воздуху, показывая своимъ товарищамъ, что они слышатъ біеніе жизни на волѣ, что ихъ сердца горятъ такимъ же сильнымъ и яркимъ пламенемъ, какъ и та бумага, которой они отвѣчали на привѣты товарищей. Моментъ былъ ужасный, тяжелый, но бодрый въ то же время: то былъ одинъ изъ валовъ, одна дерзкая волна, которая смѣло ударяла съ самую грудь каменной скалы. Прибывшими казаками товарищи были разогнаны.

Въ Уяздовскихъ аллеяхъ движеніе было грандіознѣе, сильнѣе, народу было несравненно болѣе. Каждую минуту, когда проѣзжало какое-либо начальствующее лицо, его сопровождали рѣзкимъ, оглушительнымъ свистомъ... Конечно, отвѣтомъ на это были только казацкія нагайки... Но П. П. С. не оставались все время на Уяздовскихъ аллеяхъ: часть демонстрантовъ направилась къ польскимъ (Воля) и еврейскимъ (Налевки) рабочимъ кварталамъ. Полиція, сконцентрированная на Маршалковской и Уяздовскихъ аллеяхъ, тамъ почти что отсутствовала. Демонстрація въ рабочихъ кварталахъ поэтому имъ удалась чудесно.

Вообще въ Варшавѣ теперь господствуетъ необычайное возбужденіе. Всѣ говорятъ только о демонстрантахъ, только о соціализмѣ и соціалистахъ. Почва взрыхлена — теперь только бы и сѣять... Демонстрація имѣла необычайное *агитаціонное* значеніе. Число арестованныхъ въ точности еще неизвѣстно; на Маршалковской ул. было арестовано 90-100 чел., а въ Уяздовскихъ аллеяхъ 300-500 чел.

На другой день послѣ демонстраціи въ Политехническомъ Институтѣ было вывѣшено объявленіе приблизительно слѣдующаго содержанія: на сходкѣ 28-го февраля, какъ извѣстно, институтъ выразилъ „моральный“ протестъ директору по поводу избіенія студентовъ, участвовавшихъ въ антигерманской демонстраціи; теперь же опять избили: 1) студ. ун. Домбровскаго; медицинскимъ освидѣтельствованіемъ констатировано, что ему перебили переносицу; при освидѣтельствованіи его врачъ констатировалъ, что пульсъ у него 120. 2) арестовали студ. политехникума Вайнштейна. На глазахъ у публики избили его до того, что это звѣрское избіеніе вызвало протестъ со стороны даже посторонней публики. 3) Студ. ун. Шапиро въ $11^1/_2$ ч. ночи проходилъ по Граничной ул.; проходившій мимо околодочный съ патрулемъ ударилъ его ножнами по спинѣ и, когда Шапиро потребовалъ объясненій, послѣдній отвѣтилъ: „такъ тебѣ, сволочь, и надо, не шляйся ночью“. Всѣхъ студентовъ призываютъ поддержать прежде принятое рѣшеніе и сообща выразить уже не моральный только протестъ. На дняхъ въ политехникумѣ будетъ сходка. Болѣе зрѣлые студенты полагаютъ, что ничего не выйдетъ. Политическая незрѣлость варшавскаго студенчества поразительна: въ своемъ воззваніи они говорятъ лишь объ избіеніи этихъ трехъ студентовъ, забывая о всей остальной избитой публикѣ, забывая, что эти избіенія есть проявленіе одного режима, противъ котораго слѣдуетъ одинаково бороться, какъ лицамъ безъ формы, такъ и съ формой.

Рига. Даже наша консервативная Рига выходитъ на улицу открыто заявлять свой протестъ противъ самодержавія.

У насъ въ Ригѣ произошли событія, которыя взволновали весь городъ и заставили всѣхъ говорить о нихъ. 26-го марта пріѣзжая труппа давала въ „Ульѣ“ драму Горькаго „На днѣ“. Послѣ [illegible]го акта съ правой стороны галлереи въ публику посыпались воззванія „Къ рижскому обществу“ за подписью „Объед. Комитета Рижск. Русской, Еврейской и Латышской Соц.-Дем. Рабочей Организаціи“, раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ полит. свобода!“, подхваченныя дружнымъ „ура“ публики. Возгласы и „ура“ не прекращались въ теченіе пяти минутъ. Полиція бросилась на галлерею и переписала всѣхъ сидѣвшихъ по лѣвую сторону, а сидѣвшихъ по правую сторону оцѣпила. Воззванія почти всѣ были расхвачены публикой. Сейчасъ же полиція увезла одного еврейскаго и одного латышскаго рабочаго, на которыхъ шпіоны указали, будто они бросали. Шпіоновъ, кстати сказать, было въ общемъ болѣе 40 человѣкъ, такъ какъ полиція ожидала манифестаціи въ театрѣ и приготовилась надлежащимъ образомъ.

Сейчасъ послѣ представленія небольшая группа молодежи собралась передъ входомъ въ галлерею, чтобы ожидать оцѣпленныхъ на правой сторонѣ галлереи товарищей. Набралась толпа человѣкъ въ 50-70; состояла она большею частью изъ учащихся въ средн. учебн. заведеніяхъ и зубоврачебной школѣ. Полиція все прибывала и прибывала. Вдругъ вышелъ жандармскій офицеръ и попросилъ толпу разойтись, но толпа въ отвѣтъ крикнула ему: „не разойдемся, отпустить сейчасъ арестованныхъ“. Жанд. офицеръ отвѣтилъ, что не можетъ этого сдѣлать и попросилъ во второй разъ разойтись, но толпа опять повторила то же самое; тогда онъ пригрозилъ, что примѣнитъ оружіе, но это не подѣйствовало.

Онъ сталъ тогда подходить къ отдѣльнымъ лицамъ, прося ихъ разойтись. Къ одной группѣ учениковъ онъ обратился со слѣдующими словами: „Господа гимназисты, васъ я прошу отдѣльно, разойдитесь!“ Толпа рѣшила пойти впередъ по Известковой, обогнуть ее по Рѣзницкой и черезъ проходную улицу опять собраться передъ входомъ въ галерею, чтобы отбить арестованныхъ. Направились по Рѣзницкой; толпа выстроилась въ ряды и съ пѣніемъ „Марсельезы“ прошлась по Рѣзницкой, но не завернула въ проходную улицу, чтобы не забрали всѣхъ (улица эта снабжена воротами и полиція, шедшая за демонстрантами, могла безпрепятственно забрать всѣхъ, заперевъ ворота). Остановились у входа въ Ткацкую, провозгласили „Долой самодержавіе!“, „Долой полицію!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“ и съ пѣніемъ „Варшавянки“ прошлись немного по Ткацкой, пока со всѣхъ сторонъ не были окружены полиціей и демонстранты тогда всѣ разбѣжались.

Въ рукахъ полиціи остались четыре случайныхъ прохожихъ, которыхъ она обвинила въ „нарушеніи обществен. тишины и порядка“. Всю ночь рыскала полиція въ погонѣ за демонстрантами и записала еще одного молодого человѣка и единственно потому только, что онъ еврей. Изъ забранныхъ на правой галлереѣ 22 человѣкъ были 5 солдатъ, которые сейчасъ же были отпущены, но предварительно были опрошены, не видали ли они, кто бросалъ прокламаціи, а на отрицательный отвѣтъ ихъ жандармскій офицеръ объяснилъ имъ, что они на то и солдаты, чтобы смотрѣть за этимъ; изъ остальныхъ 17 человѣкъ 13 были отпущены въ ту же ночь, а 4 еще сидятъ до сихъ поръ. — На другой день, 27-го марта, послѣ лекціи „Горькій и его произведенія“, прочитанной въ Александровской гимназіи, на публику, сходящую съ лѣстницы, посыпались воззванія и раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ поднадзорный Горькій!“ и „Да здравствуютъ арестованные вчера товарищи!“, подхваченные дружнымъ „ура“. Выйдя на улицу, выстроились въ ряды и съ пѣніемъ „Марсельезы“ толпа дошла до жандармскаго управленія и остановилась. Въ публику посыпались прокламаціи. Раздались возгласы: „Долой самодержавіе!“, „Долой царскихъ опричниковъ!“, „Долой жандармерію!“, „Да здравствуетъ революція!“, и толпа съ возгласами и пѣніемъ „Варшавянки“, „Смѣло, друзья, не теряйте“... и другихъ революціонныхъ пѣсенъ прошла Суворовскую улицу, повернула на Мельничную улицу, дошла до Александровской и тамъ разсѣялась. Было около 250 демонстрантовъ, а провожающей публики тоже было около 300 человѣкъ. Демонстрація произвела громадное впечатлѣніе, какъ на участниковъ, такъ и на постороннюю публику. Только объ этомъ и говорятъ въ городѣ и эта демонстрація разрастается до фантастическихъ размѣровъ въ устахъ общества. Нужно замѣтить, что обѣ демонстраціи не были организованы, а были случайныя. Принимала въ нихъ участіе только интеллигентная молодежь. Арестованъ никто не былъ. Только послѣ демонстраціи прибыла полиція и, въ тщетныхъ поискахъ за демонстрантами, обходила всю ночь патрулями городъ. На другой день давалась еще разъ „На днѣ“, и полиція, увѣренная въ демонстраціи на этотъ разъ, приняла чрезвычайныя мѣры: билеты на галлерею не продавались и на каждаго зрителя изъ публики было чуть-ли не по 3 шпіона. Опера была также наводнена полиціей, но, разумѣется, никакой демонстраціи не произошло и взбѣшенная полиція арестовала пять чел. студентовъ, которые говорили между собою, обвиняя ихъ въ томъ, что они сказали, что прокламаціи на этотъ разъ не были; конечно, полиція принуждена была ихъ сейчасъ выпустить. Въ ту же ночь были произведены обыски и арестованы бывшій студ. Браунъ и студ. Лекке. Ожидаются въ скоромъ времени массовые обыски.

Письмо изъ Тифлиса. Въ № 53 газеты „Кавказъ“ появилось правительственное сообщеніе о манифестаціи 23-го февраля. По обыкновенію, оно совершенно лживо. Въ немъ нельзя найти и отдаленнаго намека на истинный характеръ манифестаціи, на поводъ, который ее вызвалъ.

Желая ознаменовать годовщину 19-го февраля, рабочіе рѣшили въ этотъ день выйти на улицу и, сплотившись подъ знаменемъ съ надписью на трехъ языкахъ „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ соціализмъ“, съ пѣніемъ „Марсельезы“ пройтись по улицамъ города. Но, наученные горькимъ опытомъ, рабочіе для самообороны вооружились кизилевыми, и, какъ справедливо глаголютъ полицейскія уста въ сообщеніи, тяжелыми палками. Вслѣдствіе недоразумѣнія, возникшаго между различными группами рабочихъ относительно времени манифестаціи (а не вслѣдствіе бдительности полиціи, какъ говоритъ сообщеніе), рабочимъ, числомъ около 6,000, не удалось собраться въ одномъ мѣстѣ, и только небольшая группа манифестантовъ въ $12^1/_4$ час. выкинула знамя на углу Армянскаго базара и съ крикомъ „долой самодержавіе“ (а не „ура“) бросилась къ Армянскому базару. Здѣсь два офицера, отставной полковникъ Агаевъ и поручикъ Тифлисскаго полка Искандеръ-ханъ, сопровождавшіе похоронную процессію, были приняты за административныхъ лицъ, и толпа, предполагая, что попала въ полицейскую засаду, револьвернымъ выстрѣломъ и палкой поранила ихъ. При крикахъ толпы „долой самодержавіе“ усиленный нарядъ полиціи на Эриванской площади въ паникѣ бросился въ противоположный уголъ Эриванской площа призывая свистками казаковъ на помощь. Поле битвы ос за манифестантами. Когда выѣхали со двора военнаго казаки, то демонстрація уже была окончена. Но админи надо было искупить свой позоръ. Стали бить безъ разбор находившихся на улицѣ. Казаки и полиція группами нападали на одного и, избивъ, волокли въ участокъ, гдѣ жали свою звѣрскую расправу. Бойней распоряжались скій ротмистръ Лавровъ и полицеймейстеръ Ковалевъ. казывали рубить и сѣчь направо и налѣво, не щадя ни ни дѣтей. 10 казаковъ выволокли изъ подвала, что п линомъ Чичкина, служителя въ бѣломъ фартукѣ и стали жестоко бить, что дворники и тѣ вступились за не Ковалевъ, подъѣхавшій въ это время, любовался этой *Казаки врывались въ частные дома и, стегая обыват ками, подъ угрозой смерти требовали выдачи манифеста* женщины были жестоко избиты сперва на улицѣ участкѣ. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ тяжело раненъ шашкой городового; полиція выпроводила его изъ уч перевязки, не оказавъ даже первоначальной помощи въ этотъ день было до 150 чел. [illegible] ихъ теперь Метехскомъ замкѣ 42 человѣка.

„Сообщеніе“ обо всемъ этомъ не говоритъ ни слов реніямъ правительства, сами манифестанты били всѣхъ, кто попадался имъ на глаза. Что это ложь и гнусная клевета, видно изъ того, что за исключеніемъ упомянутыхъ двухъ офицеровъ, одѣтыхъ въ военную форму, а потому принятыхъ за враговъ, нѣтъ ни одного изувѣченнаго, или просто побитаго рабочими гражданина. Будь это не такъ, полиція, безъ сомнѣнія, уцѣпилась бы за такой фактъ для агитаціи противъ насъ.

Мы же, съ своей стороны, можемъ выставить сотни избитыхъ и изувѣченныхъ администраціей гражданъ.

Помощникъ главноначальствующаго, Фрезе, замѣнявшій его въ то время, требовалъ преданія арестованныхъ манифестантовъ военному суду за пораненіе двухъ офицеровъ, но прокуроръ, къ чести своей, отклонилъ это требованіе, заявивъ, что невозможно установить такую отвѣтственность арестованныхъ. Тогда Фрезе написалъ объ этомъ донесеніе главноначальствующему, и, по настоянію послѣдняго, Министръ Юстиціи вытребовалъ отъ прокурора все это дѣло къ себѣ.

Пока на арестованныхъ наложены административныя взысканія, тюремное заключеніе отъ одной недѣли до 3-хъ мѣсяцевъ, и сверхъ того, относительно нихъ ведется дѣло въ жандармскомъ порядкѣ. Таковы результаты демонстраціи.

Вотъ уже второй разъ улицы Тифлиса обагряются кровью рабочихъ. Но это обстоятельство еще сильнѣе воодушевитъ насъ ненавистью къ врагу, еще тѣснѣе сплотитъ для борьбы съ деспотическимъ царизмомъ и нашъ голосъ еще тверже и громче прокричитъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ грядущая революція!"

Тифлисъ. Послѣ манифестаціи 23 февраля начались усиленные аресты и обыски. Арестованы 23 и 24 февраля интеллигенты Джибладзе, Джугели три брата, фельдшеръ Чичуя, Долиеси, Цибадзе, ученикъ Учительскаго Института Ляпинъ, ученикъ желѣзнодорожнаго училища, ученикъ художественнаго училища и около 25 рабочихъ. Освобождены фельдшеръ Чичуа, одинъ наборщикъ и одинъ рабочій. Выпустили прокламаціи „къ гражданамъ", которыя разбрасывались повсюду. Въ армянскомъ соборѣ прокламаціи были переданы одному простолюдину со словами, что это „Патріаршее благословеніе". Тотъ, не подозрѣвая, выкрикивалъ: „Патріаршее благословеніе!" и раздавалъ направо и налѣво. Прокламаціи были разобраны и читались съ большимъ интересомъ, очень ужъ любитъ тифлисецъ даровое чтеніе... Въ этотъ же день (вечеромъ) 23 марта въ театрѣ Артистическаго Общества, въ бенефисъ одного изъ любимцевъ тифлисской публики сверху посыпались прокламаціи „Къ гражданамъ". Для администраціи это было такою неожиданностью, что полицеймейстеръ Ковалевъ и жандарскій ротмистръ Лавровъ кинулись исполнять роль театральной прислуги и быстро очистили весь полъ. Въ театрѣ былъ и помощникъ Голицына замѣститель его — Фрезе, который возмутился промедленіемъ, разругалъ администрацію, — результатомъ чего явилось глубокомысленное совѣщаніе Ковалева и Лаврова: откуда сыплются прокламаціи? Послѣ тщательного осмотра зданія театра рѣшили, что прокламаціи... могутъ являться *только* изъ отверстія надъ электрической люстрой. Такое геніальное открытіе было принято къ свѣдѣнію, и администрація театра получила предупрежденіе: въ случаѣ появленія прокламацій въ театрѣ отвѣчать будетъ она.

Вильно, 29 марта. Гимназисты-евреи (ст. классовъ) нашихъ обѣихъ гимназій были приглашены на сіонистское собраніе. Послѣднее происходило на квартирѣ Гольдберга (соучастникъ фирмы „И. Б. Сегаль", сіонистъ-„демократъ"), организатора кружковъ рабочихъ-сіонистовъ. Когда, однако, этой зимой произошла стачка въ магазинѣ „И. Б. Сегаль", онъ съ остервенѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, преслѣдовалъ служащихъ этого магазина и дѣйствовалъ заодно съ полиціей. Объ этой стачкѣ и о роли въ ней Гольдберга, какъ сіониста-демократа, какимъ онъ себя считаетъ, много уже писалось. На этомъ собраніи Г. оправдывался противъ нападокъ, сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ за его поведеніе во время стачки. Каково же было изумленіе гимназистовъ, когда на слѣдующій день инспекторъ 2-ой гимназіи показалъ двумъ гимназистамъ, говорившимъ противъ сіонизма, чуть ли не дословно записанныя ихъ вчерашнія рѣчи! Послѣдствія не замедлили обнаружиться: всѣмъ присутствовавшимъ на собраніи гимназистамъ 2-ой гимн. поставили *тройки* по поведенію и внесли имена ихъ въ кондуитный журналъ. На одного изъ нихъ, уч. 7-го класса, это наказаніе, равносильное потерѣ всякой надежды увидѣть русскій университетъ, такъ сильно подѣйствовало, что онъ 26 марта во время большой перемѣны въ гимназіи же выпилъ изрядную порцію нашатырнаго спирта и въ страшныхъ мученіяхъ скончался на слѣдующій день. Фамилія этого гимназиста — *Борконъ*.

28-го марта его хоронили. Въ 4 ч. процессія, сопровождаемая цѣлой оравой полицейскихъ, тронулась. За катафалкомъ шли товарищи съ вѣнками (отъ всѣхъ мужскихъ и женскихъ уч. зав.), за ними гимназисты несли гробъ съ покойникомъ весь дальній путь. Огромная толпа людей — „весь городъ" — присоединилась къ процессіи. Преобладала, конечно, молодежь. Сначала все шло благополучно. Прошли часть Завальной, повернули на Трокскую, затѣмъ на Нѣмецкую и Большую. Дойдя до Стеклянной, полиція потребовала, чтобы процессія повернула на Андреевскую — обычный путь еврейскихъ похоронныхъ процессій. Но товарищи хотѣли непремѣнно пройти мимо 2-ой гимназіи. Полиція однако хотѣла непремѣнно настоять на своемъ, такъ какъ по главной части Большой ул. проходить *еврейскимъ* похороннымъ процессіямъ *безусловно запрещено**), и направила катафалкъ къ Андреевской ул., увѣренная, что процессія послѣдуетъ за катафалкомъ. Но гимназисты продолжали свой путь, не обращая вниманія на весь этотъ маневръ. Полиція, не ожидавшая совершенно такого оборота, потеряла голову и бросилась уже прямо къ кладбищу, чтобы тамъ сконцентрировать свои силы. Еврейская похоронная процессія безъ катафалка (онъ остался позади), почти дѣти, идущіе съ такой тяжелой ношей черезъ самую оживленную часть города, огромная толпа людей — все это производило очень сильное впечатлѣніе. Наше еврейское кладбище расположено въ очень живописной мѣстности. Недалеко отъ него двѣ довольно высокія горы подъ угломъ образуютъ ущелья. И вотъ здѣсь то покойника ожидали почести, которыхъ въ Россіи еще кажется никакому еврею никогда не оказывали. Представьте себѣ слѣдующее: впереди полицеймейстеръ Майеръ въ полномъ парадѣ (въ тотъ же день утромъ хоронили какого-то генерала), его помощникъ, его правая рука Снитко и цѣлый сонмъ приставовъ, ихъ помощниковъ, околодочныхъ надзирателей и городовыхъ, а за ними понятые и отрядъ казаковъ съ начальникомъ во главѣ... Процессія въ удивительномъ порядкѣ идетъ своей дорогой...

Вотъ мы на кладбищѣ. Надъ покойникомъ производятъ послѣдній обрядъ и черезъ полчаса товарищи отдаютъ ему послѣдній долгъ, несутъ его къ „вырытой заступомъ ямѣ глубокой"... Между тѣмъ казаки, подъ предводительствомъ своего начальника успѣли осмотрѣть поле предстоящей битвы и попрятались подъ кусты въ одиночку недалеко отъ могилы... Послѣдняя окружена приставами и полицейскими, за ними громадная толпа, окруженная понятыми и охраняемая казаками... Гробовое молчаніе... Вся- [illegible] рѣчи запрещены... Канторъ читаетъ молитву и распоряди- [illegible] по требованію полиціи обращается къ публикѣ: „погребальный обрядъ конченъ, прошу всѣхъ расходиться". Никто не тро- [illegible] съ мѣста... Такъ простояли минутъ десять вмѣстѣ надъ [illegible] могилой, и было что-то торжественное и великое въ этой [illegible] въ своей безмолвности тишинѣ... Тронулись всѣ въ [illegible]атный путь... Опять мирное, торжественное шествіе, [illegible] сопровождаемое казаками... Такъ спокойно дошли [illegible] города и разошлись по разнымъ улицамъ.

[illegible] пишу подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ вчерашней [illegible]страціи равной которой по своей грандіозности Вильна [illegible] видала. Она показала все безсиліе мѣстной власти бороться противъ демонстрацій. Ей пришлось сконцентрировать всѣ свои силы на кладбищѣ, чтобы при первомъ крикѣ: „долой самодержавіе!" или въ этомъ родѣ, броситься на беззащитную толпу и истерзать ее, пользуясь тѣмъ, что спасаться не могло бы быть никакой возможности... А, между тѣмъ, публика, даже не сговорившись (про смерть гимназиста узнали только въ день похоронъ), сумѣла сплотиться въ огромную массу и своимъ безмолвіемъ и спокойствіемъ произвести такое сильное впечатлѣніе на городъ. И намъ кажется, что такія „мирныя" демонстраціи по своему впечатлѣнію не менѣе сильны, чѣмъ „шумныя"...

Воронежъ. Послѣ погрома 1897 г. до послѣдняго времени здѣсь не велось мѣстной революціонной работы. Даже широкая волна революціоннаго движенія 1900 и 1901 гг. не захватила нашего города. Съ осени 1902 г. картина начала мѣняться: засѣданія сельско-хозяйственнаго комитета, рѣчи Мартынова и Бунакова, пріѣздъ Зиновьева, допросы, учиненные имъ земскимъ дѣятелямъ, аресты и высылки нѣкоторыхъ изъ нихъ, — все это внесло оживленіе въ тусклую жизнь нашего города. Въ концѣ ноября вышли прокламаціи образовавшагося мѣстнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. 19-го февраля по городу были распространены прокламаціи с.-рев., а на заводахъ — листокъ соц.-дем. „Кассы Борьбы" (независимой отъ комитета организаціи). 1-го марта „Касса Борьбы" выпустила второй листокъ о террорѣ къ организованнымъ рабочимъ. Выпускъ каждаго листка вызывалъ оживленные разговоры и споры. Въ дебатахъ принимали участіе даже обыватели, чему не мало способствовала безнаказанность выпусковъ: не было не только арестовъ, но и обысковъ. Однако оказалось, что „живъ курилка". Нашествіе иноплеменныхъ (иноплеменныхъ — въ буквальномъ смыслѣ слова, такъ какъ для обысковъ было вызвано много жандармовъ изъ другихъ городовъ) произошло въ ночь съ 14 на 15-ое марта. Обыски производились отъ 3-хъ часовъ ночи до 2-хъ час. дня; возобновились въ ночь съ 15-го на 16-ое, продолжались съ 16 на 17-ое, 17-го вечеромъ были обыски въ губ. земск. управѣ. Изъ всѣхъ щелей повыползали шпіоны, и по ночамъ, кромѣ обычныхъ въ это время „отходниковъ" можно было видѣть жандармскихъ офицеровъ, въ сопровожденіи своры полицейскихъ, идущихъ на свой не менѣе грязный промыселъ. Число обысковъ*) установить трудно; во всякомъ случаѣ число ихъ не такъ велико, какъ можно было бы судить по времени, въ продолженіе котораго они производились. По одному выраженію, жандармы дѣлали обыски — словно „рыбу ловили". Закинутъ удочку и ждутъ. Сдѣлаютъ нѣсколько обысковъ, отдохнутъ, поѣдятъ, потомъ снова принимаются, и такъ днемъ, ночью и вечеромъ. Къ нѣкоторымъ приходили два раза. Ночью ничего не находили, придутъ днемъ — кое-что и найдутъ. Арестовано 5 человѣкъ: Ивановъ, Ширкинъ, Арефьевъ, Онисимовъ, Городничевъ. Всѣ, кромѣ послѣдняго, уже выпущены. Во время обысковъ вызывающе и грубо держалъ себя ротмистръ здѣшняго жандармскаго упр. Федоренко. Полковникъ Глоба велъ по обыкновенію свою хитрую политику. Этому жандарму удалось завоевать симпатіи не только обывателей, но и нѣкоторыхъ либераловъ. Ну, еще бы! Дѣлаютъ, напр., по его распоряженію обыскъ у одного изъ учащихся здѣшнихъ учебныхъ заведеній. Учебное начальство, послѣ этого, увольняетъ воспитанника. Естественно, не правда ли? Полковникъ узнаетъ объ этомъ и начинаетъ хлопотать о пріемѣ ученика обратно, ѣздитъ къ директору, попечителю, и вотъ вамъ тема для разговоровъ въ томъ родѣ, что Глоба служитъ лишь временно, что онъ прекрасный человѣкъ, что онъ удерживаетъ неистовые порывы прочихъ своихъ коллегъ по управленію и т. п. Однако все это не мѣшаетъ ему дѣлать нѣкоторымъ лицамъ предложенія о поступленіи, по просту говоря, въ провокаторы. Полковникъ выражался, конечно, болѣе иносказательно.

Въ разгаръ паники, 21-го марта, „Касса Борьбы" выпустила третій листокъ „къ рабочимъ воронежскихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ", по слѣдующему поводу: послѣ ноябрьской забастовки, сопровождавшейся арестами и высылками, въ Тихорѣцкихъ ж.-дор. мастерскихъ освободилось много мѣстъ и вотъ начальникъ здѣшнихъ мастерскихъ Безобразовъ предложилъ котельщикамъ отправиться въ Тихорѣцкъ, обѣщая платить вмѣсто 70 к. въ день, которыя они получаютъ здѣсь, — 1 р. 50 к. Благодаря особымъ условіямъ въ выдачѣ заработной платы, полный дневной заработокъ, какъ здѣсь, такъ и тамъ оказался почти одинаковымъ. Нѣсколько котельщиковъ отправились въ Тихорѣцкъ, но, узнавъ тамъ, въ чемъ дѣло, вернулись обратно. Въ прокламаціи раскрывались продѣлки Безобразова и указывалось на необходимость солидарности среди рабочихъ въ борьбѣ съ правительствомъ и капиталистами.

Вологда. Недавно по деревнямъ у крестьянъ произведенъ цѣлый рядъ обысковъ. У нѣкоторыхъ найдена литература. По этому поводу возбуждено дѣло и сдѣланы обыски въ уѣздныхъ городахъ: Грязовцѣ — у бывшаго ученика земледѣльческаго училища и въ В. Устюгѣ — у какого то фельдшера (найдена литература). Оба обысканные привлечены, какъ обвиняемые, хотя и не арестованы. Нелегальная литература производитъ на крестьянъ сильное впечатлѣніе и читается на расхватъ.

Въ мартѣ вышли приговоры: статистику *Зюкову* — 3 г. надзора съ воспрещеніемъ жительства въ губ.: Петербургской, Московской, Полтавск., Таврич., Саратовской (Зюковъ арестованъ въ Вологдѣ, въ августѣ 1902 г.) и обвинялся въ храненіи и распространеніи литературы); затѣмъ находившимся въ Вологдѣ подъ особымъ надзоромъ студенту *Ракову* (арестованъ въ СПБ. на демонстраціи 3 марта 1902 г., какъ знаменосецъ и при этомъ сильно избитъ) — 3 г. Вост. Сибири; бывш. моск. студ. Сергѣю *Щербакову* — 3 г. Витск. губ. и его женѣ Софьѣ Щ—ой — 2 г. Вят. губ. (Щербаковы арестованы по москов. соц.-дем. дѣлу. Весной 1901 г. Щербаковъ арестованъ вторично въ Вельскѣ, Волог. г., гдѣ онъ былъ въ ссылкѣ. Противъ него возбуждено было дѣло по обвиненію въ пропагандѣ среди товарищей по ссылкѣ — рабочихъ. Есть довольно вѣскія данныя предполагать, что поводомъ къ этому обвиненію послужилъ доносъ политическаго же ссыльнаго *Барановича* (чиновника изъ Вильны). Если это даже и не его рукъ дѣло, то во всякомъ случаѣ предупреждаемъ товарищей отъ всякихъ сношеній съ этимъ господиномъ, такъ какъ это личность безусловно сомнительная (теперь онъ, кажется, окончилъ ссылку, которую послѣднее время отбывалъ въ Астрахани). По этому же вельск. дѣлу обвинялся рабочій *Воткевичъ*, сосланный въ Вельскъ по виленскому дѣлу; ему теперь тоже вышелъ приговоръ — вмѣнено въ наказаніе предварительное заключеніе (4 мѣсяца).

Появленіе манифеста вызвало среди вологодскихъ крестьянъ оживленные толки, одинъ другого нелѣпѣе. Въ одномъ селѣ попъ читалъ манифестъ въ церкви впродолженіи $1\frac{1}{2}$ часа и ни онъ самъ, ни его слушатели ничего не поняли. Одни говорили, что наслѣдникъ родится, другіе — что будетъ война, третьи, — что земли прирѣжутъ, а четвертые, — что „купчую землю у крестьянъ отнимутъ, потому, значитъ, по нонѣшнимъ временамъ простому человѣку хода не даютъ". Среди обывателей Вологды манифестъ вызвалъ своей неопредѣленностью и комичнымъ тономъ то же недоумѣніе: въ общемъ почти никто ничего не понялъ, вынесли только впечатлѣніе, что въ нашемъ отечествѣ что-то неладно.

Недавно черезъ вологодскую тюрьму прошли трое сосланныхъ въ Вологодскую г. рабочихъ: Карлъ *Гоппе* (изъ Варшавы), *Медвѣдевъ* (изъ Нижняго) и *Ступниковъ*. При отправленіи партіи Медвѣдевъ повздорилъ съ конвойными, за что они заковали его въ кандалы, а такъ какъ онъ сопротивлялся, то избили. Все это происходило на тюремномъ дворѣ на глазахъ уголовныхъ арестантовъ.

Въ Вологду на 4 года прибылъ этапомъ и тоже въ кандалахъ бывшій рабочій Александровскаго завода въ Петербургѣ Иванъ *Прѣсняковъ*. Онъ былъ арестованъ въ сентябрѣ 1902 г. въ Калужской губ. за пропаганду среди крестьянъ. Когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ г. Жиздрѣ, съ нимъ произошелъ слѣдующій инцидентъ. Въ камеру къ нему явился посѣтившій Жиздру калужскій губернаторъ и сталъ его убѣждать, что негодится читать запрещенныя книжки и сидѣть за это въ тюрьмѣ. Прѣсняковъ отвѣтилъ на это: „Вы виноваты въ томъ, что я попалъ сюда. Если бы вашъ братъ — начальство не грабили да не обманывали народъ, то мнѣ не надо бы было вести пропаганды". Никогда, повидимому, не слыхавшій такой смѣлой рѣчи губернаторъ вылетѣлъ изъ камеры какъ ошпаренный и закричалъ: „Онъ сумасшедшій! Его надо лѣчить! Развѣ можно больныхъ держать въ тюрьмѣ!" На другой день Прѣснякова отправили въ Калугу въ психіатрическую лечебницу, гдѣ онъ и пробылъ два мѣсяца.

Извѣстны слѣдующіе приговоры. *Хавскому,* землемѣру 5 л. Вост. Сибири (арест. въ Петерб. лѣтомъ 1901 г. по дѣлу о террористическомъ сообществѣ); рабочему *Солдатову* по батумскому дѣлу 1902 года — 5 лѣтъ Арханг. губ.; портнихѣ *Булатовой* по нижегор. соц.-дем. дѣлу 1901 г. — 3 года Волог. губ.; *Дрешеру,* рабочему изъ Варшавы — 3 г. Волог. г.; бывш. студенту духовной академіи *Синайскому* по орловскому соц.-дем. дѣлу 1902 г. — 3 г. Волог. губ.; Ивану *Серебрякову* по дѣлу харьковск. соц.-дем. комитета — 3 г. Волог. губ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Обозрѣватель событій въ Финляндіи нерѣдко просто теряется передъ обиліемъ матеріала, доставляемаго ему лихорадочной дѣятельностью жалкаго Николая II, или вѣрнѣе, его достойныхъ сподвижниковъ. Послѣдніе, чуя приближеніе конца своего преступнаго хозяйничанія, торопятся ничего не упустить и тѣмъ увеличить свою и такъ уже безпредѣльную виновность, когда они раньше или позже очутятся на скамьѣ подсудимыхъ передъ своимъ грознымъ судьей — представителями всего русскаго народа.

2-го апрѣля (нов. ст.) царю „благоугодно было" смѣстить уважаемаго и любимаго профессорами и студентами вице-канцлера гельсингфорскаго университета извѣстнаго ученаго Т. Рейна, которому, какъ извѣстно читателямъ (см. № 33 „Искры"), было въ январѣ предложено подать въ отставку, отъ чего онъ вполнѣ справедливо отказался. Онъ пришелся не по вкусу Плеве, — „канцлера" университета, — за то, что онъ не согласился принять какія-либо мѣры по отношенію къ студентамъ, отказавшимся подчиниться царскому „закону" о воинской повинности, и вообще не способствовалъ какимъ-либо беззаконіямъ. На его мѣсто назначенъ одинъ изъ главарей консервативной, оппортунистической старо-финноманской партіи проф. Даніельсонъ, особенно угодившій русскому правительству своими брошюрами и статьями въ главномъ органѣ этой партіи „Uusi Suometar", въ которыхъ онъ со свойственной старо-финноманамъ недальновидностью говорилъ о необходимости подчиненія новой политикѣ, о вредѣ пассивнаго сопротивленія и т. под. Когда-то этотъ самый Даніельсонъ въ своихъ, дѣйствительно, цѣнныхъ научныхъ произведеніяхъ горячо полемизировалъ съ піонерами обрусѣнія Финляндіи. Не трудно предвидѣть, куда направляется новый курсъ по университетскому вопросу въ Финляндіи. До сихъ поръ финляндскіе студенты, пользующіеся, подобно заграничнымъ, всѣми благами академической свободы, не имѣютъ никакого понятія о „студенческихъ безпорядкахъ". Плеве, видимо, хочетъ явиться просвѣтителемъ ихъ въ революціонномъ духѣ. Студенты грандіозными, единодушными оваціями и чествованіями своего бывшаго начальника показали всю свою любовь къ нему. Проф. же Даніельсонъ еще въ февралѣ получилъ строгое предостереженіе, подписанное 87 университетскими преподавателями, приглашавшими его слѣдовать по стопамъ предшественника, отличавшагося истинной гуманностью, патріотизмомъ и преданностью конституціи. Насколько русскимъ опричникамъ подчасъ бываетъ стыдно признаться въ подобныхъ подвигахъ, доказываетъ продолжительное замалчиваніе „Фин. Газ." отставки вице-канцлера, про предстоящій *добровольный* уходъ котораго она нѣсколько времени тому назадъ усердно распускала нелѣпые слухи.

Въ прошлой статьѣ мы сообщали о разгромѣ выборгскаго и вазаскаго гофгерихтовъ. О уволенныхъ чиновъ перваго въ внушительныхъ выраженіяхъ, внесенныхъ въ протоколъ засѣданія, протестовали противъ произвола. Какъ судьи, они, по финляндскимъ законамъ, несмѣняемы безъ законнаго приговора суда. Въ видѣ протеста немедленно подали въ отставку пять членовъ того же гофгерихта.

Всѣ усилія русскихъ властей и финляндскаго сената, какъ мы уже знаемъ, направлены на проведеніе новаго „закона" о воинской повинности. Между прочимъ, главное финляндское управленіе по дѣламъ печати еще въ январѣ разослало цензорамъ опубликованный на дняхъ въ „Fria Ord" секретный циркуляръ, въ которомъ предписывается не пропускать никакихъ извѣстій относительно воинской повинности, имѣющихъ цѣлью „вести пропаганду въ видахъ пассивнаго сопротивленія", т. е. сообщающихъ объ отказахъ подчиненія куропаткинскому издѣлію. Всѣ же извѣстія противоположнаго характера цензоры должны разрѣшать печатать. Не логично-ли, на самомъ дѣлѣ? Упомянутое учрежденіе со своимъ начальникомъ-идіотомъ Кронгельсомъ во главѣ доходитъ иногда съ своемъ рвеніи до любопытнѣйшихъ курьезовъ. Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя, свидѣтельствующія объ усердіи жандармовъ-цензоровъ за 1902 г.: прекращено навсегда и временно пріостановлено 13 газетъ, „управленіемъ" объявлено 16 предостереженій, генералъ-губернаторомъ — 5; запрещено отчасти или всецѣло 16 книгъ финляндскихъ авторовъ и 104 иностранныхъ; конфисковано 7.996 отдѣльныхъ нумеровъ иностранныхъ газетъ и журналовъ. За первые три года бобриковскаго разбоя цензурныя кары были еще значительнѣе. Гоненія на пользовавшуюся до того времени сравнительной свободой періодическую прессу вызвали возникновеніе и свободное распространеніе свободной оппозиціонной, такъ наз. „нелегальной" печати, о которой раньше никто въ Финляндіи не имѣлъ никакого представленія.

Безцеремонный грабежъ финскаго народа начался съ водворенія Бобрикова въ Финляндіи. На дняхъ послѣднему удалось добиться отъ царя значительнаго увеличенія жалованія финляндскихъ губернаторовъ: въ трехъ губерніяхъ оно теперь доведено до 24.000 марокъ, а въ остальныхъ до 22.000 мар., черезъ 5 и 10 лѣтъ оно будетъ увеличено на 10%. Русскимъ помпадурамъ, видимо, хочется жить въ свое удовольствіе на финляндскія деньги. Независимо отъ этого постоянно усиливался штатъ канцеляріи генералъ-губернатора многочисленными „чиновниками особыхъ порученій", т. е. особыми сыщиками и шпіонами, увеличивались жалованія всѣхъ русскихъ ташкентцевъ, начиная съ самого сатрапа, учреждались тайные фонды и т. п. Но всего этого мало русскимъ опричникамъ: недавно утвержденъ новый штатъ канцеляріи генералъ-губернатора и пр. Бобриковъ, однако, не позабываетъ награждать и покорныхъ сенаторовъ: по его предложенію, сенату поручено составить проектъ увеличенія сенаторскихъ жалованій. Царь, видно, щедръ на награбленныя имъ народныя деньги. На дняхъ сенатъ получилъ проектъ ежегоднаго ассигнованія изъ финляндской казны средствъ въ общегосударственное казначейство на военные расходы. Размѣръ этой суммы будетъ впредь опредѣленъ министромъ финансовъ, министромъ-статсъ-секретаремъ Финляндіи (Плеве) и финляндскимъ сенатомъ. Подобный проектъ [illegible] былъ категорически отклоненъ чрезвычайнымъ сеймомъ 1899 г., [illegible] теперь онъ осуществляется административнымъ, слѣдовательно, [illegible] путемъ. Недавно, по царскому повелѣнію, [illegible] усилены средства на содержаніе гельсингфорской полиціи [illegible]

Этой мѣрой [illegible] надѣются успѣшно противодѣйствовать „крамолѣ"!

Съ [illegible] все наглѣе и наглѣе становится деморализованная [illegible] послѣдніе годы финляндская полиція, находящаяся подъ особымъ [illegible] царскихъ слугъ (см. № 36). Въ ночь [illegible] 11-ое [illegible] (нов. [illegible]) коварнымъ [illegible] арестованъ [illegible] повода былъ самымъ [illegible] адвокатъ и насильно отвезенъ въ участокъ [illegible] въ кафе [illegible] полицейскаго коммисара, его со связаннымъ [illegible] здѣсь, по при- [illegible]ручные оковы руками бросили въ темную камеру, гдѣ онъ пролежалъ до слѣдующаго утра. Въ 8 часовъ ему развязали сильно распухшія руки, но его снова заперли безъ пищи и питья въ той же камерѣ, и, наконецъ, въ $4^1/_2$ часа поп. коммисаръ-самодержецъ смилостивился и отпустилъ узника, объяснивъ ему, что онъ былъ арестованъ за „оскорбленіе при исполненіи обязанности коммисара, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей полиціи и чести формы". Этотъ „блюститель порядка" угрожалъ при этомъ привлеченіемъ къ отвѣтственности „виновнаго". На самомъ же дѣлѣ все „оскорбленіе" сводилось къ тому, что пьяный коммисаръ хотѣлъ во что бы то ни стало въ кафе сблизиться съ незнакомымъ ему адвокатомъ, который оказалъ ему отпоръ. Вотъ до какой степени дошла полицейскихъ полная безнаказанность, гарантируемая имъ осенними указами. Пострадѣвшій могъ бы подтвердить свою жалобу показаніями двухъ свидѣтелей, но врядъ-ли начальство коммисара допуститъ привлеченіе его къ суду.

---

*) Такова та „вѣротерпимость", обезпеченная „основными законами", о которой говорится въ царскомъ манифестѣ. Ред.

*) Обыски были почти исключительно среди учащейся молодежи, преимущественно среди учениковъ и ученицъ здѣшнихъ фельдшерскихъ школъ.

Въ г. Ганге недавно учреждена полицейская камера. Въ началѣ марта (нов. ст.) сильно подгулявшій секретарь полиціи, ревизуя паспорта эмигрантовъ передъ отходомъ парохода, вдругъ безъ всякой причины пришелъ въ ярость и началъ рвать паспорта. Дѣлу не помогло и вмѣшательство бургомистра, и многимъ пассажирамъ пришлось поэтому отложить свое путешествіе. Паспорты, между тѣмъ, были выданы по всѣмъ правиламъ, при чемъ было соблюдено даже и недавнее стѣснительное распоряженіе сената объ ограниченіи срока паспорта юношамъ, не отбывшимъ еще воинской повинности. Недѣлю спустя при отходѣ парохода повторилась подобная же исторія лишь съ той варіаціей, что полиція задержала по-просту паспорты нѣкоторыхъ пассажировъ, несмотря на то, что они были выданы подлежащими губернаторами. Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ объ эмиграціи. Въ № 33 мы приводили статистическія данныя по этому вопросу. Главная причина ужасной эмиграціи — царскій разгромъ Финляндіи и въ частности новый „законъ" о воинской повинности. Всѣ истинные и вліятельные финляндскіе патріоты всячески стараются удержать деревенскую молодежь, намѣревающуюся покинуть родину. Между тѣмъ, „Фин. Газ." имѣетъ нахальство увѣрять, что „злонамѣренные агитаторы" насильно посредствомъ обмана увозятъ изъ Финляндіи эту молодежь, желая, якобы, напугать русское правительство.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. 17 марта (во вторникъ) рабочіе фабрики тов. Механич. производства обуви (СПБ. Заставная, 15) прекратили работу вслѣдствіе пониженія расцѣнковъ 50% (при разговорѣ съ рабочими одинъ изъ директоровъ мотивировалъ пониженіе хозяйственными соображеніями). Первая забастовала въ три часа дня отдѣлочная мастерская, гдѣ большинство рабочихъ мужчины: они проникли въ другія мастерскія и вездѣ остановили работы. Въ 4 часа было прислано 50 казаковъ. Рабочіе разошлись. На другое утро женщины взялись за работу, но мужчины набросились на нихъ съ крикомъ „ура". Мастера грозили, что въ случаѣ отказа взяться за работу по указаннымъ расцѣнкамъ правленіе выпишетъ заграничныхъ рабочихъ. Раздраженные рабочіе начали бить мастеровъ и одного избили довольно сильно. Въ среду рабочіе собрались на фабрику, но за работу не взялись. Объявился фабричный инспекторъ и, выслушавъ требованія, заявилъ, что они не будутъ удовлетворены. Рабочіе заявили, что въ такомъ случаѣ они не будутъ работать. Въ тотъ же день градоначальникъ приказалъ выдать имъ разсчетъ. Отъ предложеннаго разсчета молодые рабочіе отказались, равно какъ отказались отъ немедленной денежной помощи со стороны рабочей организаціи. 26 марта забастовщики разсчитаны. Начальникъ мастерскихъ СПБ. Варш. жел. дор., Копьевъ, призывалъ къ себѣ рабочихъ по 2-3 человѣка изъ малярнаго отдѣленія (за входящими сторожъ запиралъ дверь на ключъ) и сообщалъ имъ „по секрету", что будутъ понижены расцѣнки, въ виду массы безработныхъ и желанія увеличить контингентъ рабочихъ мастерскихъ. Другихъ отдѣленій пока не трогали. Понижены расцѣнки на Обуховскомъ заводѣ.

Тверь. Мануфактура Морозовыхъ — это цѣлый городокъ. На ней работаетъ до тысячи рабочихъ. Для нихъ выстроены громадныя казармы. Есть больница. Есть прекрасная школа, большая библіотека съ читальней, которой могутъ пользоваться рабочіе. Есть чайная съ театромъ, вмѣщающимъ до 1500 зрителей, лучшимъ въ городѣ. Наконецъ, подъ руководствомъ извѣстнаго дѣятеля по народному образованію Вахтерова, уже второй годъ функціонируетъ торговая школа. Всѣ эти учрежденія возникли на средства Морозовыхъ. Денегъ не жалѣли: всѣ они устроены въ большомъ масштабѣ и вполнѣ доступны рабочимъ. „Чего жъ лучше?" скажетъ, можетъ быть, иной просвѣщенный и гуманный „другъ рабочаго класса". А все же не даромъ, — отвѣтитъ ему знающій поближе здѣшнія дѣла скептикъ, — кн. Сумбатовъ для своей пьесы „Джентльменъ" выбралъ прототипомъ одного изъ совладѣльцевъ фабрики Ивана Абрамовича Морозова. Недаромъ въ Твери не удается поставить этой пьесы, ибо администрація фабрики скупаетъ всѣ билеты.... Какъ подъ внѣшнимъ лоскомъ культурнаго европейца въ Сумбатовскомъ героѣ много азіатской дикости, такъ и весь блескъ образовательныхъ учрежденій „Тверской мануфактуры" не мѣшаетъ разглядѣть картину грубѣйшей эксплуатаціи, практикуемой фабричной администраціей, — возмутительныхъ порядковъ, ею сознательно поддерживаемыхъ!... Вотъ подлинное письмо рабочаго о порядкахъ *прядильнаго* отдѣленія: „директоръ Иванъ Семеновичъ Балашовъ сбавилъ расцѣнокъ до такой степени, что хватаетъ только на самое скудное содержаніе. Помощникъ директора Балыковъ, слѣпой въ очкахъ, но въ тоже время очень хорошо видитъ и разглядываетъ тѣ книги, по которымъ рабочіе вызываются за порчу утка и поломку машинъ, хотя бы это и произошло не по винѣ рабочихъ, и очень щедро штрафуетъ ихъ за это рублями и полтинниками. Мастеръ Рудольфъ Гунцигеръ, пузатый и обрюзглый, какъ сосновый пень. Съ рабочими обращается очень ужасно, напр., прядильщиковъ, первыхъ и вторыхъ мальчиковъ ругаетъ самыми отборными площадными словами, а ставильщиковъ бьетъ, когда къ нему кто приходитъ по какому либо дѣлу. Притѣсняетъ заболѣвшихъ рабочихъ въ запискахъ (не выдаетъ записокъ) для отпуска въ больницу.

Если рабочій пришелъ въ сортиръ, да застанетъ его мастеръ, то онъ — или обругаетъ или отдуетъ, а то запишетъ его къ директору или его помощнику. Эти два негодяя штафуютъ безпощадно. Нѣтъ никакихъ очередныхъ книгъ для переводки рабочихъ, когда они съ низшей должности переводятся на немного высшую. Этой переводкой занимаются мастера: Зарайскій, Сидоровъ, Цлевна. Вотъ эти то наушники Гунцигера и занимаются при переводкѣ рабочихъ обирательствомъ чистыми деньгами и виномъ. Ни одинъ рабочій, начиная со ставельщика не повысится, пока этимъ наушникамъ не пропоитъ 5-6 руб. Не проработаетъ онъ и 2-хъ часовъ, какъ является къ нему второй сортъ наушниковъ, — подмастерья, напр., Цыганъ, Николюшкинъ и др., предлагая безъ стѣсненія обычное, вошедшее въ законную силу, выраженіе: „нельзя ли смазать, а то заскрипитъ?", и рабочему волей-неволей приходится пропивать и этимъ 1-2 руб.

Прядильщикъ не уходитъ изъ рукъ даже шорника, такого же рабочаго, какъ и онъ самъ. Если шорникъ получитъ водку, то поставитъ на станокъ новый ремень, а если нѣтъ — придется работать старымъ, который рвется черезъ каждыя двѣ смѣны. Машины разбиты и часто разлаживаются. За простой не платятъ, а подмастерье безъ водки налаживать не придетъ.

Жалобъ же отъ рабочихъ на подмастерьевъ и смотрителей не принимается. Куда ни приди рабочій — къ директору, помощнику или мастеру, — вездѣ онъ слышитъ одно и тоже: „у меня тамъ есть люди, они распоряжаются". И все идетъ по старому. У ткачей дѣла обстоятъ не лучше. Пользуясь угнетеннымъ положеніемъ рынка и угрожая увольненіемъ, фабричной администраціи удалось сильно понизить расцѣнки противъ того уровня, который былъ достигнутъ стачками еще при старомъ директорѣ Алянчиковѣ. Осенью Балашовъ еще урѣзалъ заработокъ на 3-5 руб. въ мѣсяцъ. Не брезгаютъ грабить ткачей изподтишка, напр., перемѣняя наборныя колеса или называя данный сортъ товара именемъ другого, хуже оплачиваемаго. Усерднаго исполнителя онъ нашелъ въ лицѣ мастера Федора Маркова. По его иниціативѣ прекращенъ отпускъ ткачей въ предпраздничные дни и стали штрафовать за разные поступки, за которые прежде не штрафовали.

За время кризиса вмѣстѣ съ экономическимъ благосостояніемъ ухудшилось и правовое положеніе рабочихъ Морозовской фабрики. Въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года противъ желанія комитета и организованныхъ рабочихъ прядильщики устроили стачку. Она была проиграна отчасти потому, что полиція прибѣгла къ выселенію стачечниковъ изъ хозяйскихъ квартиръ. Вообще, наши опричники усердно, но неудачно разыскиваютъ крамолу, которая свила себѣ, повидимому, прочное гнѣздо среди морозовскихъ рабочихъ. Было нѣсколько арестовъ, до 40 обысковъ, ничего не давшихъ. Дѣлались повальныя обыски въ казармахъ. Наушниковъ и добровольныхъ шпіоновъ, старающихся выслѣдить связи комитета, развилось пропасть; таковъ мастеръ Любашевъ, усердно рыскающій по портернымъ и готовый — по собственнымъ словамъ — въ случаѣ надобности сдѣлаться „соціалистомъ до послѣдней крайности".

Либава, 27 марта 1903 г. Недѣлю тому назадъ, въ ночь съ 20 на 21 марта. Либава была точно обсыпана прокламаціями и на латышскомъ, русскомъ и еврейскомъ языкахъ, въ размѣрѣ одной тысячи. И на углахъ улицъ, по дворамъ и — что самое главное — въ фабрикахъ и мастерскихъ, гдѣ онѣ произвели столь большое впечатлѣніе, въ особенности латышскія, которыя были отдѣланы печатнымъ шрифтомъ, чего либавцы еще не запомнятъ. Прокламаціи распространялись на слѣдующихъ заводахъ: въ проволочномъ заводѣ (1300 раб.), въ Либаво-Роменской желѣзнодорожной мастерской (600 раб.), въ маслобойнѣ (300 раб.), въ линолейномъ заводѣ (100 раб.), въ паровой мельницѣ Берента, жестяной фабрикѣ Баегерта и въ цѣломъ рядѣ другихъ мастерскихъ. Полиція и жандармское управленіе совсѣмъ остервенѣли по поводу этого. Городовые только тѣмъ и занимались съ 4-хъ часовъ утра, что срывали и руками, и ножами, и зубами приклеенныя прокламаціи. Уже на слѣдующій день ходила масса переодѣтыхъ жандармовъ и верховыхъ городовыхъ, ожидая, не случится-ли что-нибудь снова. Приказано околоточнымъ надзирателямъ до двухъ часовъ ночи обходить свои участки: они слѣдятъ за квартирами подозрительныхъ политическихъ и даже у ихъ оконъ подслушиваютъ разговоры. Такимъ образомъ, распространеніе прокламацій удалось очень хорошо: такъ, напримѣръ, въ Либаво-Роменской желѣзнодорожной мастерской всѣмъ удалось прочесть расклеенныя прокламаціи. Радуются тому, что основался комитетъ, вѣдающій нужды рабочаго класса.

Происходили и ничего незначущіе аресты: арестовали одного литовца въ желѣзнодорожной мастерской за чтеніе прокламаціи, онъ освобожденъ послѣ пары дней; кромѣ того, въ циркѣ, гдѣ опять частное лицо 22-го марта разбросало пачку прокламацій, задержали сына одного либавскаго буржуа за чтеніе прокламаціи, упавшей передъ его носомъ. Жандармы сдѣлали допросъ и толстовцу Ландеру, обвиняя его въ томъ, будто бы прокламаціи составилъ онъ, что онѣ — продолженіе того письма, которое онъ написалъ Бекеру еще до устройства въ честь его манифестаціи. У страха глаза велики. Говорятъ, что было арестовано пять человѣкъ, которые въ настоящее время опять освобождены.

Астрахань Минувшая зима для нашего связаннаго съ воднымъ транспортомъ рабочаго населенія была временемъ особенно жестокимъ. Съ закрытіемъ навигаціи, когда пароходы длинной лентой вытянулись вдоль береговъ уснувшей на зиму рѣки, для пароходныхъ „рабочихъ рукъ" началась страда зимняя — ремонтъ судовъ. Масса безработныхъ хлынула къ пунктамъ зимней наемки. Счастливцы закабалились на условіяхъ, продиктованныхъ хозяевами (даже умѣлые слесаря становились „не рядясь"). Скоро механическіе заводы, утроивающіе и учетверяющіе на зиму свой рабочій составъ, захлопнули ворота передъ ищущими „хозяина". Прекратилась наемка и у болѣе мелкихъ судовладѣльцевъ, работающихъ (чужими руками) на открытомъ воздухѣ, и на мѣстной биржѣ все еще оставалась толпа изголодавшагося люда. „Народъ ропщетъ" — таковъ былъ единодушный отзывъ близкихъ наблюдателей. „Жить нечѣмъ, суда нѣтъ, правды нигдѣ нѣтъ" — „Да, это такъ, но дѣлать что же?" — „А что? камни скоро будемъ выворачивать и пойдемъ на богачей". Слышались первые смутные отклики народной борьбы, чувствовались напряженное ожиданіе и исканіе...

Прошла зима... Никакихъ серьезныхъ „оказательствъ" народнаго движенія не наблюдалось; но сердитое народное настроеніе царскіе слуги хоть однимъ ухомъ, видно, уловили. И вотъ выписываются тысячи экземпляровъ книжки небезызвѣстнаго генерала Богдановича „Русскому народу на добрую память", снабженной на 1-ой страницѣ пастырскимъ благословеніемъ Іоанна Кронштадскаго. Началась патріотическая выучка съ рабочихъ зав. Нобель. 26 февраля въ неурочное время раздался свистокъ. Рабочіе были собраны вмѣстѣ и передъ ними предсталъ нѣкій „членъ общества хоругвеносцевъ" Ширваховъ (конторскій служащій общ. „Кавказъ и Меркурій"). Раздачѣ брошюры предшествовало краткое „слово", чрезъ недѣлю вышедшее въ видѣ печатнаго листка. Брошюры — увѣряетъ ораторъ — онъ получилъ „отъ его Пр-ства Е. В. Богдановича, которому де поможетъ Богъ (и казна) издавать такія назидательныя брошюры". Ознакомленіе съ „назидательной" генеральской „доброй памятью" должно, по мнѣнію хоругвеносца, отшибить у рабочихъ память на всѣ униженія и муки, которыми наградили ихъ нынѣшніе хозяева жизни, и научить ихъ „повиноваться властямъ и не вдаваться въ распространеніе мнѣній лживыхъ людей, которые всѣми мѣрами стараются совратить съ пути темный народъ". „Бѣда вамъ, если посмѣете требовать и добиваться силой" — кричитъ рабочимъ рѣчистый Ширваховъ — „попадете въ руки правосудія за свои невѣдомыя дѣла, а что всѣ должны нести кару законную, утвержденную велѣніемъ монарха нашего". Рабочіе „могутъ легко своего достигнуть", ежели будутъ клянчить у механика, начальника завода, либо „въ крайнемъ случаѣ!" у фабричнаго инспектора. Стара побасенка! вѣками, чай, клянчили! Ника Милуша — тотъ „всегда старается умиротворить свою страну"... развѣ ему, государю, пріятно, чтобъ были смуты? (чего ужъ пріятнаго!), надѣйтесь на начальниковъ", и „будемъ трудиться во всѣхъ своихъ дѣлахъ, кому что предназначено (кому пахать и сѣять, кому кушать) и „тогда все будетъ хорошо" (тому, кому и нынѣ недурно) и смирно... и да будетъ съ нами Богъ"... попы, полицейскіе кулаки и цѣпкія хозяйскія лапы. Аминь! О впечатлѣніи этой затѣи на слушателей даетъ понятіе исторія благодарственной телеграммы Богдановичу. Предложеніе отправить телеграмму было встрѣчено молчаніемъ. Когда вопросъ былъ поставленъ ребромъ, нѣсколько разрозненныхъ голосовъ отвѣтили: „согласны", большинство опять молчало. Были еще разъ собраны рабочіе, на этотъ разъ предсталъ передъ ними заводскій инспекторъ съ готовой телеграммой въ рукахъ. Снова вопросъ о согласіи и еще разъ молчаніе большинства. На уклончивое пассивное сопротивленіе навязываемой мерзости пока еще хватило и того смутнаго чувства протеста, которое успѣло проникнуть въ рабочую массу отсталаго района. Не хватило его на болѣе рѣшительную защиту своей чести: на слѣдующій день обратились къ рабочимъ съ требованіемъ подписать текстъ телеграммы, и, насколько знаемъ, не посмѣлъ отказаться ни одинъ. [illegible] брошюрки и рабочимъ общества „Кавказъ и Меркурій".

Прохоровскій рудникъ (близъ Юзовки).

Углепромышленники и ихъ агенты (директора, управляющіе) преслѣдуютъ единственную цѣль — наживу. Ею обусловливается подборъ служащихъ на рудникахъ, отношеніе къ полиціи и инспекціи и т. д. Для достиженія ея всѣ средства хороши, начиная отъ удаленія служащихъ, которые не могутъ всецѣло проникнуться этою цѣлью, вплоть до подкупа. Расходы, потребные на это, считаются производительными — шахтеръ, опутанный со всѣхъ сторонъ, оплатитъ ихъ сторицею. И, какъ мы видимъ, разсчетъ этотъ вполнѣ правиленъ. Служащіе на рудникахъ доходятъ до полнаго обезличенія и готовы дѣлать все, что имъ ни прикажутъ. Не касаясь при этомъ инженеровъ, штейгеровъ и пр. (какъ отзывается ихъ угодливость и усердіе на шкурѣ рабочихъ, всякому шахтеру извѣстно). Я приведу два примѣра изъ дѣятельности рудничныхъ врачей. Такъ, на челковскомъ рудникѣ, когда увѣчный рабочій обратился къ врачу рудника Я. С. Гуровичу съ просьбой выдать ему свидѣтельство, тотъ отвѣтилъ буквально слѣдующее: „пожалѣй меня, голубчикъ; выдамъ я тебѣ свидѣтельство, меня съ рудника прогонятъ, обратись къ другому". Его преемникъ на томъ же рудникѣ Аксюкъ оказался еще подлѣе. Въ прошломъ году онъ выписалъ изъ больницы 4-хъ рабочихъ, получившихъ увѣчье на работѣ и при томъ недолѣченныхъ (экономія въ харчахъ?!). Калѣки отказываются уходить прежде, чѣмъ имъ будутъ выданы свидѣтельства. Аксюкъ велѣлъ вынести ихъ койки и больные валяются на полу. На слѣдующій день онъ лишаетъ ихъ пищи. — Больные голодаютъ цѣлыя сутки. Наконецъ, врачъ приглашаетъ урядника и калѣкъ удаляетъ изъ больницы. И только послѣ вмѣшательства инспекціи (по заявленію рабочихъ) ихъ требованія болѣе или менѣе удовлетворяются. Но и этой угодливости для углепромышленниковъ недостаточно, не у всѣхъ вѣдь такъ много усердія, какъ у Аксюка. Они стараются заинтересовать служащихъ матеріально въ усиленной эксплуатаціи шахтеровъ (прибавкой жалованія, процентами). Проценты инженерамъ и штейгерамъ назначаются отъ увеличенія добычи угля и отъ удешевленія его стоимости. Какъ это отражается на шахтерѣ (не говоря уже о пониженіи платы, сокращеніи числа рабочихъ, обремененіи оставшихся и т. д.) свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что число несчастныхъ случаевъ на шахтѣ вслѣдъ за назначеніемъ премій, тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, сразу и быстро растетъ (экономія на стойкахъ и пр.). Въ особенности это наблюдается тамъ, гдѣ рабочіе застрахованы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ нѣтъ и того задерживающаго стимула, что придется раскошеливаться въ пользу увѣчныхъ. Перейдемъ къ полиціи. Начальникъ Таганрогскаго округа Кадниковъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ занимается торговыми операціями. Онъ покупаетъ десятками тысячъ пудовъ уголь на рудникахъ и ему, какъ начальнику, дѣлается скидка въ 2-3 коп. съ пуда противъ рыночной цѣны угля, и этотъ уголь продаетъ на заводы ввѣреннаго ему округа по цѣнѣ копѣйки на двѣ выше рыночной цѣны; такимъ образомъ, каждый пудъ угля даетъ ему 4 коп. чистаго барыша, что при десяткахъ тысячъ пудовъ составляетъ порядочную прибавку къ жалованью и процентъ къ безгрѣшнымъ доходамъ. Подвѣдомственные начальнику округа полицейскіе чины — засѣдатели, надзиратели, урядники и пр. поступаютъ уже гораздо проще; они ежемѣсячно отъ заводовъ и рудниковъ получаютъ жалованье и въ полученіи таковаго расписываются и съ ними уже проще поступаютъ; имъ платятъ и говорятъ приблизительно слѣдующее: смотрите, никакихъ затрудненій руднику не причинять, соръ изъ избы не выносить, а то жалованья лишу и начальнику округа сообщу; онъ васъ уберетъ.

Теперь нѣсколько словъ о прочихъ правительственныхъ чиновникахъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ горному дѣлу — горной и врачебной инспекціи. Во главѣ горной инсп. Обл. В. Дон. стоитъ начальникъ юго-вост. горнаго управленія генералъ Вагнеръ. Онъ имѣетъ въ своихъ помѣстьяхъ дубовые лѣса и поставляетъ на крупные рудники „въ ввѣренной" ему области (напримѣръ, екатериносл. горнопром. общество, иначе — рудникъ Буроса) дубовыя стойки для крѣпленія въ шахтахъ. Стойки его не всегда имѣютъ установленные размѣры, но, выходя изъ лѣсовъ Вагнера, уже безпрепятственно идутъ въ шахты, а такъ что Богъ дастъ, можетъ и не будетъ обвала; а если и задавитъ 2-3 человѣка — не бѣда, новые на ихъ мѣста найдутся. Начальникъ южн. горн. управленія Зеленцовъ будетъ еще чище. Онъ беретъ „хабаръ" въ неприкрытомъ видѣ, и нерѣдко дѣлаетъ внушеніе подвѣдомственнымъ ему чинамъ горной инспекціи: „никакихъ дѣлъ съ углепромышленниками не возбуждать". Наблюденіе за санитарнымъ состояніемъ рудниковъ (въ таганрогскомъ округѣ) лежало на окружномъ врачѣ Ивановѣ. Инспектируетъ онъ такимъ образомъ. Пріѣзжаетъ на рудникъ, ходитъ по балаганамъ, нюхаетъ въ отхожихъ мѣстахъ и помойныхъ ямахъ и всюду находитъ вонь и безобразія, — до тѣхъ поръ, пока не получитъ такъ наз. „прогонныхъ". Такъ было, напримѣръ, въ прошломъ году въ франко-русскомъ обществѣ. Былъ Ивановъ съ „комисіей" и инженеръ Максимовъ все время увивался около него и хватался за свой карманъ, ожидая благопріятнаго момента. Наконецъ, комиссія куда то разбрелась (осталось только двое своихъ служащихъ, — а ихъ стѣсняться не стоитъ) Максимовъ вынимаетъ пакетъ и протягиваетъ его Иванову со словами: „Вотъ, ваше превосходительство — вамъ прогонныя". — „Я еще не ваше превосходительство, да и прогонныя отъ казны получаю". — „Ну а это, пожалуйста, отъ насъ". — „Благодарю", и при этомъ Ивановъ положилъ пакетъ къ себѣ въ карманъ (этотъ Ивановъ недавно получилъ повышеніе, — назначенъ областнымъ врачомъ Уральскихъ заводовъ и тамъ уже, какъ первое лицо въ своемъ вѣдомствѣ, вѣроятно, сорганизуетъ свои поборы на болѣе правильныхъ началахъ). Такимъ образомъ, подобравши подъ масть себѣ служащихъ и купивши всю администрацію и инспекцію, углепромышленники творятъ на своихъ рудникахъ, что хотятъ. Ихъ надувательству и издѣвательству надъ шахтеромъ нѣтъ границъ. Всякій протестъ со стороны рабочихъ, будь онъ самый мирный и законный, остается безъ всякихъ результатовъ. А на случай коллективныхъ протестовъ (безпорядковъ и такъ наз. „бунтовъ") у нихъ есть еще другія средства въ запасѣ. Тутъ уже они выступаютъ не по одиночкѣ, а организованно (скопомъ) — существуютъ ежегодные „съѣзды углепромышленниковъ Юга Россіи". На этихъ съѣздахъ они обсуждаютъ свои общія дѣла — ходатайствуютъ передъ правительствомъ о разныхъ льготахъ и подачкахъ. Здѣсь же рѣшаются вопросы и о томъ, какъ бороться съ шахтеромъ, если онъ паче чаянія вздумаетъ бунтовать. Такъ, года три тому назадъ (см. протоколы съѣзд. горнопромышл. Юга Россіи) они рѣшили ассигновать около 10,000 р. единовременно и около 10,000 тысячъ ежегодно на расквартированіе и содержаніе войскъ въ горномъ районѣ и обратились съ этой цѣлью къ правительству. Мотивировка этого ходатайства самая наглая — имъ нужны войска, какъ они выражаются „для правильнаго теченія промышленной жизни". Услужливое для капиталистовъ правительство, конечно, не отказало въ этой просьбѣ и дало въ распоряженіе казаковъ.

Иллюстраціей того, какимъ образомъ достигается это „правильное теченіе промышленной жизни", — служитъ усмиреніе безпорядковъ на прохоровскихъ копяхъ въ окт. 1900 г. Начались они изъ-за пониженія заработной платы. Въ 6 час. утра рабочіе собрались около шахты № 10 и дали тревожный гудокъ. Въ шахту не полѣзли и потребовали директора. Во время переговоровъ съ нимъ надзиратель съ урядниками и полицейскими на лошадяхъ врѣзались въ толпу женщинъ и ребятъ, находившихся поодаль. Послышались крики: „что мы будемъ разговаривать въ то время, когда бьютъ нашихъ женъ и дѣтей", и толпа немедленно обратила въ бѣгство полицію и начала разбивать [illegible] контору, дома служащихъ и пр.; къ полудню разошлись. [illegible] полдня прибыла сотня казаковъ и начальникъ округа Клунниковъ. Вечеромъ въ тотъ же день загудѣли тревожные гудки и на прочихъ шахтахъ, принадлежащихъ прох. общ. На слѣдующій день на шахтѣ № 10 надъ предполагаемыми зачинщиками (по списку полиціи) была экзекуція по распоряженію Клунникова и подъ его наблюденіемъ. Послѣ экзекуціи казаки съ начальникомъ округа во главѣ отправились на № 27, гдѣ били нагайками всѣхъ оказавшихся на улицѣ. По дорогѣ туда имъ встрѣтились партія мужиковъ съ котомками, идущихъ на заработки. Клунниковъ закричалъ имъ: „стой, бунтовщики“ — далѣе слѣдуетъ непечатная брань. Напрасно „бунтовщики“ утверждали, что они только что пріѣхали и идутъ со станціи — Клунниковъ скомандовалъ: „всыпать имъ с... с... м.“ и „всыпали“, а затѣмъ арестовали. Когда явившійся черезъ недѣлю слѣдователь, по разсмотрѣніи паспортовъ, убѣдился, что они, дѣйствительно, не могли принимать участія въ безпорядкахъ, и робко заявилъ Клунникову, что напрасно-де ихъ выпороли, тотъ отвѣтилъ: „ну, такъ пусть это имъ будетъ авансомъ“. На вопросъ, заданный этому слѣдователю, почему онъ не заноситъ въ протоколъ всѣхъ этихъ безобразій, онъ отвѣтилъ: „попробуй-ка я это сдѣлать, меня со службы выгонятъ, да и изъ предѣловъ таганрог. окр. вышлютъ въ три дня“. На прочихъ шахтахъ съ небольшимъ числомъ рабочихъ, гдѣ рабочіе не производили никакихъ безпорядковъ и не шли только на работу за пониженную плату, Клунниковъ являлся со своими казаками, сзывая шахтеровъ и подъ страхомъ порки немедленно отправлялъ ихъ на работы.

Г. Луганскъ, Екат. губ. Заводъ Гартмана. — Здѣсь работаетъ около 3000 рабочихъ. Прежде на этомъ заводѣ заработная плата средняго слесаря достигала 80-90 руб. въ мѣсяцъ. Но съ появленіемъ на нашемъ заводѣ начальника паровозо-строительнаго отдѣла Тауссопа, заработки значительно понижены и едва достигаютъ 35-40 рублей и если прибавить сюда тѣ многочисленные штрафы, которыми начальство любитъ такъ щедро награждать рабочихъ, то станетъ яснымъ то раздраженіе со стороны рабочихъ, которое чуть не выразилось въ убійствѣ Тауссопа. Луганскій Комитетъ (онъ солидаренъ съ Р.С.-Д. Р. П.) выпускомъ прокламаціи, указалъ, что убійствомъ дѣлу не поможешь, разоблачивъ всѣ продѣлки Т., онъ рекомендовалъ истинное средство борьбы за улучшеніе положенія рабочаго люда — стачку. Этимъ Комитетъ предупредилъ и уничтожилъ малѣйшую попытку совершить убійство. Но такъ какъ стачка, по нѣкоторымъ конспиративнымъ соображеніямъ, невозможна въ данномъ случаѣ, то нѣкоторымъ изъ организованныхъ рабочихъ было рѣшено поручить удалить Тауссопа другимъ способомъ, уже испытаннымъ и во многихъ случаяхъ удавшимся. На слѣдующій день, по рѣшенію, начальникъ Таусопъ честь-честью былъ вывезенъ на тачкѣ, подъ мѣшкомъ за ворота, подъ свистъ и крикъ „долой Тауссопа“ многочисленной толпы. Но Таус. не оскорбился, да и начальство вмѣстѣ съ фабричнымъ инспекторомъ только посмѣивалось, нарочно принявъ эту продѣлку за шутку и продолжали свои продѣлки. Комит. выпустилъ прокламацію „къ рабочимъ завода Гартмана“, гдѣ предупреждалъ рабочихъ, а также и Тауссопа, что если его продѣлки не прекратятся (пониженіе расцѣнковъ, грубое отношеніе къ рабочимъ), то пусть рабочіе готовятся къ стачкѣ и ждутъ комитетскаго листка. Таус., повидимому, струсилъ и на слѣдующій день вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

„Въ виду распространившихся слуховъ о томъ, что расцѣнки на сдѣльную работу будутъ понижены на 20%, я считаю нужнымъ предупредить, что расцѣнки на *сдѣльную работу* могутъ быть сбавлены лишь съ разрѣшенія *фабричной инспекціи*. Въ случаѣ же мастера самовольно будутъ сбавлять, — прошу немедленно заявить мнѣ объ этомъ.

Начальникъ паровозо-строительнаго отдѣла Таусопъ.“

Въ данное время на заводѣ практикуется такого рода тактика: — разчитываютъ тѣхъ рабочихъ, у которыхъ есть хоть что нибудь неблагонадежное, болѣе длинный волосъ, и начальство рѣшаетъ, что они изъ „этихъ — соціалистовъ“. А взамѣнъ ихъ принимаютъ безработныхъ по очень низкой заработной платѣ 75-85 коп. Далѣе переполнили городовыми и шпіонами весь заводъ. Да, кстати, Таусопъ боится показываться на улицѣ и выходитъ не иначе, какъ подъ прикрытіемъ двухъ „ангеловъ-хранителей“, а возлѣ квартиры оставляютъ постъ.

Не дремлетъ и „бдительное око“ нашихъ помпадуровъ: они подъ 1-ое апрѣля произвели нападеніе на городъ Луганскъ. Но наши „радѣтели“ жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Желая подкосить „крамолу“ въ корнѣ, производили обыски у людей совершенно непричастныхъ и этимъ только ихъ озлобили противъ себя.

Въ тюрьмѣ до 1-го апрѣля сидѣло 5 человѣкъ. И. И. Яковлевъ, А. Н. Крупницкая (акушерка) и три отбывающіе.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Къ 1 мая Организаціонный Комитетъ выпустилъ изъ партійной типографіи и распространилъ 300.000 майскихъ прокламацій трехъ текстовъ.

Нами получены листки, изданные по поводу Кишиневскихъ злодѣйствъ Кіевскимъ, Одесскимъ и Харьковскимъ Комитетами Росс. Соц. Дем. Раб. Партіи и Кишиневскимъ Комитетомъ Соціальдемократической Организаціи.

Въ Кіевскомъ листкѣ (заглавіе: „Кому нужны еврейскіе погромы“), полученномъ 16 апр., констатируется 1) что въ Кишиневѣ для устройства погрома и возбужденія Кишиневской голытьбы были посланы полицейскіе агенты (примѣты одного изъ нихъ — лицо, опаленное сѣрной кислотой; — *онъ теперь въ Кіевѣ*).

2) Что въ Кишиневѣ были разбросаны *прокламаціи полицейскаго происхожденія*, гдѣ упоминались всѣ басни о кровавыхъ еврейскихъ жертвоприношеніяхъ. 3) Что губернаторъ (уже послѣ погрома) угрожалъ богатымъ евреямъ еще большимъ избіеніемъ, если они будутъ упорствовать въ своихъ утвержденіяхъ о преступномъ поведеніи власти“. Далѣе говорится о признакахъ того, что полиція подготовляетъ погромы также и въ другихъ мѣстахъ и въ то же время занимается шантажемъ, вымогая угрозами погромовъ взятки съ евреевъ, какъ, напримѣръ, на дняхъ въ Аккерманѣ, гдѣ полиціймейстеръ потребовалъ у богатыхъ евреевъ взятку въ 600 руб. подъ угрозой устройства погрома“. Въ заключеніи говорится: „Въ виду того, что въ Кіевѣ полиція подготовляетъ еврейскій погромъ, Кіевскій соц.-дем. Комитетъ *отмѣняетъ демонстрацію*, назначенную имъ на 20-ое апрѣля и приглашаетъ товарищей защищать евреевъ въ случаѣ возникновенія погрома“. Такія приглашенія къ самой энергичной защитѣ должны дѣлать, по нашему мнѣнію, комитеты всѣхъ городовъ, въ которыхъ полиція имѣетъ хоть какіе нибудь шансы устроить погромъ.

„Подготовленіе погрома“ Кіевской полиціей заключается по полученнымъ нами извѣстіямъ, между прочимъ, въ распространеніи листка, напечатаннаго „съ разрѣшенія духовной цензуры“, „съ ликомъ Спасителя сверху, въ которомъ разсказывается, какъ гдѣ-то когда-то евреи забрались въ домъ благочестиваго христіанина, начали тамъ безчинствовать, стали рѣзать икону, изъ которой показалась кровь и т. д. Говорятъ, такіе листки продаются за 1½ коп. на базарѣ. Мало того, распространялась еще гектографированная прокламація, въ которой „православные христіане“ призываются „взяться за евреевъ“.

Депутатамъ отъ евреевъ, явившимся къ Новицкому, этотъ послѣдній отвѣчалъ, что если въ майской демонстраціи будутъ участвовать евреи, то онъ не дастъ ни одного городового для усмиренія погрома. Отвѣтъ той же депутаціи полицмейстера Цихоцкаго былъ (если это возможно) еще отвратительнѣе: полиція будетъ защищать евреевъ, если они сами не будутъ защищаться. Рядомъ съ картиной понятной паники, охватившей еврейское населеніе, корреспондентъ упоминаетъ и о болѣе отрадномъ явленіи: еврейская молодежь устроила „Комитетъ самообороны“, который насчитываетъ уже до 900 членовъ и дѣятельно вооружается. Намъ хотѣлось бы думать, что въ оборонѣ евреевъ, въ случаѣ погрома, приметъ энергичное участіе и русская учащаяся молодежь. Кромѣ чувства, которое должно толкнуть революціонно настроенную часть нашей молодежи, броситься на защиту жертвъ отъ палачей, ее могла бы побудить къ этому, потребность загладить позорное участіе молодыхъ негодяевъ (семинаристовъ, гимназистовъ и даже студентовъ!) въ кишиневскихъ злодѣяніяхъ.

Кромѣ вышеупомянутаго листка, намъ доставлены еще слѣдующія изданія Кіевскаго комитета за февраль и мартъ мѣсяцы: 1) „Голосъ кіевскихъ рабочихъ“ 3 февр., 2) № 8 „Кіевскаго соц.-дем. листка“ 22 февр., 3) „Ко всѣмъ кіевск. извозчикамъ“ 8 март., 4) „Царскій манифестъ“ 9 марта, 5) „Отвѣтъ на голосъ кіевск. рабочихъ“ 5 марта, 6) „Голосъ организованныхъ жел.-дор. рабочихъ“ 12 марта, 7) № 9 „Кіевскаго соц.-дем. листка“ 21 марта.

Ростовъ н./Д., 6-го апрѣля (отъ Донск. Комитета). Все время, прошедшее со дня окончанія стачки въ мастерскихъ Влк. жел. дор., Донской Комитетъ велъ широкую политическую агитацію среди всѣхъ слоевъ населенія Ростова и прилегающихъ мѣстностей. Имъ было распространено болѣе 20.000 воззваній, посвященныхъ всестороннему обличенію существующаго строя; такъ, имъ были изданы воззванія „О 200-лѣтіи печати“, „Кто придушилъ насъ“, „О самодержавіи“, „Какъ правительство грабитъ народъ“, „Предательское освобожденіе“, „Отчетъ о дѣятельности Комитета за 1902 г.“ 22-го февраля Комитетомъ были организованы три сходки рабочихъ, на которыхъ присутствовало болѣе 400 человѣкъ; на сходкахъ были произнесены рѣчи о паденіи крѣпостного права, о предательскомъ характерѣ освобожденія, объ аграрной программѣ русской соціальдемократіи и о пропагандѣ въ деревнѣ. 1-го марта снова были организованы три сходки, посвященныя исторіи революціоннаго движ. въ Россіи, дѣятельности партіи „Народной Воли“ и оцѣнкѣ террора, какъ средства борьбы съ самодержавіемъ. На одной, самой многолюдной, сходкѣ была произнесена еще рѣчь о взаимоотношеніи соціальныхъ классовъ въ Россіи. Противопоставивши „террористической“ борьбѣ отдѣльныхъ революціонеровъ съ правительствомъ — стройную борьбу рабочей арміи и выяснивши цѣль и значеніе демонстрацій, ораторы на всѣхъ трехъ сходкахъ призвали рабочихъ на демонстрацію въ воскресенье, 2-го марта. Сходки разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, привлекшихъ вниманіе ростовской „охраны“, благодаря которой въ настоящее время степь бдительно охраняется казачьими разъѣздами. — Въ настоящее время Комитетъ ведетъ энергичную майскую агитацію; выпустивши воззванія „о демонстраціи“, „о судѣ надъ тихорѣцкими рабочими“ „отвѣтъ книжкѣ Богдановича“, Комитетъ приступилъ къ изданію майскихъ листковъ. Въ ночь подъ Пасху распространено 4.000 листковъ „О соціализмѣ“, призывающихъ готовиться къ празднованію 1-го мая. 1-го апрѣля, несмотря на всѣ препятствія, удалось устроить двѣ сходки изъ 250 и 120 человѣкъ, на которыхъ произнесены были рѣчи о соціализмѣ и политической борьбѣ. „Демонстрація“ учащейся молодежи 23-го марта произвела сильное впечатлѣніе на рабочихъ, очень жалѣвшихъ, что не узнали о ней заблаговременно. Сильный спросъ на нелегальную литературу, въ десять разъ превышающій ея предложеніе.

Саратовскій Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. о своихъ дѣйствіяхъ за истекшую зиму извѣщаетъ:

Послѣ присоединенія къ Комитету Сарат. соц.-дем. ремесленнаго Союза и соц.-дем. членовъ Объед. Группы соц.-рев. и соц.-дем., Комитетомъ былъ составленъ общій планъ работы въ Саратовѣ. Въ числѣ задачъ Комитета на первый планъ была поставлена пропаганда и агитація среди мѣстнаго рабочаго населенія. Предполагалось, между прочимъ, упорядочить и болѣе приспособить къ организаціоннымъ цѣлямъ кружковую пропаганду Комитета. Комитетомъ былъ намѣченъ курсъ изъ девяти лекцій для кружковъ. Въ задачу этихъ лекцій ставилось выясненіе слушателямъ положеній научнаго соціализма и программы Рос. С.-Д. П. Далѣе предполагалось, что лучшія силы изъ слушателей этихъ кружковъ будутъ намѣчаться во время кружковыхъ занятій и съ ними будутъ вестись отдѣльныя занятія, какъ по теоретическимъ, такъ и по вопросамъ тактики и организаціи; въ результатѣ чего должны были вырабатываться вполнѣ сознательные работники революціоннаго дѣла, — основа и фундаментъ мѣстной организаціи. На практикѣ, однако, оказалось, что курсъ девяти лекцій (на дѣлѣ ихъ число сводилось даже къ пятнадцати) проводить не удавалось. Онъ оказался слишкомъ великъ и слушатели то и дѣло мѣнялись, не выслушивая его до конца, а недостатокъ квартиръ и частые ихъ провалы при усиленной слѣжкѣ страшно затрудняли собранія. Приходилось урѣзывать программу, сжиматься, и довольно большое по Саратову, число кружковыхъ рабочихъ (до 200 чел.) сильно сократилось. На первый планъ выдвинулась необходимость широкаго распространенія популярной революціонной литературы, какъ необходимаго условія поднятія политическаго сознанія въ рабочей массѣ. Распространеніе литературы должно было также пополнить и пробѣлъ въ пропагандистской работѣ комитета, образовавшійся послѣ уменьшенія числа кружковъ. Къ сожалѣнію, у Комитета не было въ распоряженіи достаточнаго количества популярной партійной литературы и всѣ попытки получить ее извнѣ долгое время не увѣнчивались успѣхомъ. Этой потребностью въ литературѣ въ значительной степени обусловливалось развитіе и издательской дѣятельности самого Комитета, и листки послѣдняго носятъ, поэтому, не только агитаціонный, но пропагандистскій, популяризаторскій характеръ. За зиму Комитетомъ были изданы прокламаціи и листки: „Ко всѣмъ сарат. жителямъ“ 300 экз., „Къ рабочимъ конки“ 200 экз., „Къ рабочимъ мельницы Шмидта“ съ прилож. Устава раб. кассы 100 экз., „Обвинительный актъ по дѣлу о саратовскихъ демонстрантахъ“ 600 экз., Прокламація о судѣ 3000 экз., „Ко всѣмъ сарат. рабочимъ“ (о крестьянскихъ волненіяхъ) 650 экз., Къ солдатамъ 2000 экз., Къ рекрутамъ 2000 экз., „Что же дѣлать?“ (по вопросу о террорѣ) 2000 экз., „Россія — тюрьма“ 1500 экз., „Варфоломеевская ночь“ (объ арестахъ на 1 ноября) 600 экз., „Извѣщеніе о приговорѣ надъ демонстрантами“ 600 экз., „Судебная трагикомедія“ 1500 экз., „О судѣ“ 600 экз., о томъ же 2000 экз., „Къ рабочимъ завода Бэринга“ 600 экз., „Открытое письмо въ „Искру““ (напечатанное въ № 32) 200 экз., „О ростовскихъ событіяхъ“ (по поводу правительственнаго сообщенія) 600 экз., о томъ же двѣ перепечатки изъ „Искры“ по 600 экз., рѣчь Заломова (изъ „Искры“) 600 экз., рѣчь Быкова 1500 экз., „О налогахъ“ 600 экз., „19 февраля“ 3000 экз., „О манифестѣ“ 1500 экз., стихотвореніе 600 экз., „О Златоустовской бойнѣ“ 1500 экз. Кромѣ того, были распространены въ количествѣ около 4000 экз. листки СПБ. Комитета партіи № 2-7 и листокъ „Что такое политическая свобода?“. Въ то же время Комитетъ распространялъ, помимо чтенія въ кружкахъ, и отдѣльныя брошюры.

Возгорѣвшаяся полемика между соц.-дем. и соц.-рев. поставила кружки въ новыя условія: со стороны слушателей настоятельно ставились требованія о разъясненіи различій между соц.-дем. и соц.-рев. Главными вопросами кружковыхъ занятій стали вопросы о выясненіи программы Рос. С.-Д. и отличія ея отъ программы соц.-рев., вопросы о террорѣ, классовой борьбѣ и пр. Спросъ на соц.-дем. литературу сильно растетъ, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, гдѣ у Комитета до прошлаго года было еще мало связей. И Комитету до сихъ поръ далеко неполно удается удовлетворить эти требованія.

За послѣдніе 6 мѣс. Комитетъ израсходовалъ за мѣстныя нужды 1139 руб. 55 коп., передалъ на партійныя дѣла 495 руб.

Одесскій Комитетъ тоже издалъ въ мартѣ листокъ „Царскій манифестъ 26-го февраля“ и въ апрѣлѣ „Воззваніе къ всѣмъ“ о той „смутѣ“ на которую жалуется тотъ-же манифестъ. Его воззваніе „Къ обществу“ по поводу Кишиневскихъ злодѣйствъ, совершенныхъ подъ руководствомъ полиціи, заканчивается словами: „Пусть тѣ, кому дорого человѣческое достоинство, свобода, даже жизнь, придутъ къ намъ на помощь. Въ настоящее время быть только зрителемъ — стыдно, даже болѣе того — преступно. Кто не противодѣйствуетъ, тотъ содѣйствуетъ“. Листокъ констатируетъ, что какъ въ Кишиневѣ, такъ и въ самой Одессѣ, жандармерія распространяла черезъ своихъ агентовъ прокламаціи противъ евреевъ „съ разжигающими дикіе инстинкты толпы картинками“.

Тѣмъ же комитетомъ изданы о тѣхъ же событіяхъ „письмо очевидца“ и еще одно воззваніе — оба печатныя. **Кишиневскій** комитетъ издалъ майское воззваніе (печат.); **Елизаветградскій** — прокламацію о положеніи рабочаго класса въ Россіи; **Союзъ горнорабочихъ** издалъ листокъ о стачкахъ и бунтахъ“ (4000 экзем), о первомъ мая (8000 экз.) и — въ 40[illegible] — призывъ къ празднованію 1 мая; **Брянскій** комитетъ издалъ также майское воззваніе; соц.-дем. группа въ гор. **Александровскѣ**, Екатеринославской губ. — два листка къ крестьянамъ села Вознесенки.

Николаевскимъ Комитетомъ изданы 1 янв. — № 6, 1 февр. — № 7 и 1 марта — № 8 газеты „Наше Дѣло“, очень богатой матеріаломъ изъ жизни мѣстныхъ рабочихъ. Газета (въ двѣ страницы большого формата) прекрасно отпечатана.

Саратовскій Комитетъ издалъ (на мимеографѣ) по поводу Златоустовской бойни листокъ подъ заглавіемъ „Шестой разстрѣлъ рабочихъ“. — Листокъ **Уфимскаго** Комитета о той же бойнѣ озаглавленный „Къ гражданамъ“ отпечатанъ въ „Урал. Соц. Дем. тип.“ Сверхъ того, изданъ еще одинъ листокъ о томъ же событіи „Письмо очевидца“. — **Сибирскій** Комитетъ выпустилъ изъ своей типографіи къ майскому празднику четыре прокламаціи разнаго содержанія. Сверхъ того, отдѣльное воззваніе издано имъ къ солдатамъ и казакамъ. — О майскомъ же праздникѣ издано воззваніе Ц. К-омъ учащихся средне-учебныхъ заведеній.

Томскъ. Вышелъ переизданный № 34 „Искры“ въ количествѣ 150 экз., распространенъ по всей Сибири.

Вышло въ количествѣ 300 экз. переизданное „Что случилось“ изъ первой книжки „Зари“.

Группа рев. соц.-дем. объединилась съ Сиб. Ком. Р. С.-Д. Р.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Кіевъ. 7 апрѣля взяты: студенты А. Гуревичъ, В. Бланки, Берлинъ, И. Прилежаевъ, Ф. Тимоѳеевъ; политехн. Ѳ. Казанскій, акуш. Фрумина, ученица зубовр. школы Анна Лувищукъ, женщ. врачъ Лидія Пекаръ, интеллигенты: Е. Диккеръ, Ольга Бланки, Сара Альтшулеръ, Ева Чернякъ, Екат. Кузнецова, Екат. Лисъ, Софья Любимцева, Анаст. Кузнецова, Над. Волкова, учитель Бабицкій, токарь Ив. Полозевъ, типогр. Федоръ Короленко, наборщ. Ив. Любимцевъ, рабочіе Марія Толмачева, Федоръ Алексѣевъ; 8-го апрѣля: инт-ты Королева, Леонтина Гринфельдъ, Берта Жижерова, Алекс. Берлинъ, Веньям. Гринфельдъ; 13-го апрѣля токарь М. Пружининъ, литейщ. Захарій Круцевъ, слесарь Р. Ефимовъ, портные Г. Каганъ, Ю. Златинъ, литейщ. М. Жижинъ, заготовщ. К. Гальперинъ, столяръ І. Райценъ, маляръ Пав. Глозманъ, слес. Аронъ Романовскій и Григ. Колтуновъ, модистка Анна Грицевичъ, электротех. Григ. Гусаковъ, учен. зубовр. школы Школьниковъ, ученица акуш. школы Р. Мунвезъ, политехн. Вольскій, Темкинъ, Марковичъ, Кауфманъ; 14-го — студ. Д. Потемкинъ, и В. Зеленко. По слухамъ, арестовано около того же времени 10 офицеровъ и отвезены въ С.-Петер-гъ. — **Екатеринославъ.** Въ срединѣ апр. арест. 18 человѣкъ, въ томъ числѣ г-жа Вульфовичъ и В. Цедербаумъ. — **Петербургъ.** Въ началѣ апрѣля взята типографія „Рабоч. организаціи“ и складъ изданій; 18 апрѣля были массовые аресты. — **Одесса.** Взятъ докторъ Богомолецъ. — **Москва.** Арестованъ Сладкопѣвцевъ, при немъ взято оружіе и адресъ домовладѣльца Кирѣевскаго. Послѣдній арестованъ и у него же арест. какая-то дама. Сладкопѣвцевъ увезенъ въ С.-Петербургъ. — **Ярославль.** Опять аресты (на Страстной или Пасхѣ). Арестовано человѣкъ 26, большею частью учащаяся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ молодежь. Арестованъ во второй разъ Соболевъ. ст. и Нина Дидрикиль. — **Кронштадтъ.** Арестовано 20 матросовъ и два офицера. — **Казань.** Арестовано 16 человѣкъ. — **Красноярскъ.** Въ мартѣ арестованы: Влд. Иковъ, рабочій Мацкевичъ, ссыльная Т. Аркусская.

Уфа. Въ ночь на 54 марта арестованы три интеллигента и одинъ рабочій. Въ уфимскую тюрьму изъ Златоуста привозятъ интеллигентовъ и рабочихъ. Штатъ жандармовъ увеличенъ.

Приговорены: по Нижегородскому дѣлу 1901 г.: Марія Тихомирова — 3 г. Вятск. губ., Анд. Войткевичъ и портниха Анна Булатова — 3 г. Вологод. губ.; по петербургскому дѣлу — Павелъ Торецовъ — 3 г. Арх. губ. по Петербургскому дѣлу „Искры“ (дек. 1901 г.) сосланы на 5 л. въ В. Сибирь: г-жи Рубинчикъ и Минская; на 3 г. въ Вятскую Екатерина Гуро, Соболевъ, Зайцевъ.

Прошли черезъ Красноярскъ сосланные въ В. Сибирь: Давидъ Кацъ и Ханмъ Законъ (по дѣлу Бунда 1901 г.) — до приговора, Екатеринослав. демонстранты А. Дворецкій (5 л.) Х. Ермановъ (5 л.) и Роза Гольдбергъ (4 г.), Алекс. Ядовскій изъ Кишинева (4 г.).

Бѣжали изъ Восточной Сибри: 1) Р. Заславская, сосланная изъ Москвы на 3 г. по дѣлу о перевозкѣ „Искры“; 2) быв. студ. Серг. Антроповъ и 3) раб. Викт. Ногинъ — нелегальные, арестованы въ 1901 г. по Петербургскому дѣлу „Искры“ и сосланные до приговора послѣ годичнаго заключенія и 4) Абрамъ Гаккельманъ изъ Пинска (по дѣлу 1901 г.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Вышла новая брошюра: „Въ казармѣ“ (изъ наблюденій солдата-соціальдемократа).

От ъ редакціи: Неожиданныя событія въ Кишиневѣ побудили насъ нѣсколько измѣнить содержаніе выпускаемаго номера. Благодаря этому, пріуроченный къ 1 мая обзоръ событій революціоннаго года пришлось отложить до слѣдующаго номера, который, если обстоятельства позволятъ, будетъ нами выпущенъ до обычнаго двухнедѣльнаго срока.

Изъ Парижа: въ февр. 100 фр., въ мартѣ 300 фр.; отъ „своего“ 50 фр. Изъ „ь“ (мягк. зн.): сборы 125.10 фр., за литер. 75.30 фр., отъ консума 34.40 фр., на изд. запис. Л. Дейча 44 фр., на попул. лит. 34 фр., всего 317.10 фр. Изъ Л. чрезъ М—ую за лит. 200 мар., пожертв. отъ № 10 мар., отъ Отскаго 1 м. и отъ Спорящихъ 1 м. Съ береговъ Женевск. оз. по подп. л. № 56 55 Фр. Изъ Вѣны за литер. 44 фр., изъ М—ка 200 мар., изъ М. за литер. 39 фр. Изъ Цюриха: за литер. 65 фр. и 5 р. отъ П. Изъ Брюсселя: 82 фр. и въ Сибирск. кас. 3.50 фр. Отъ Македонца для Златоустовцевъ 5.60 фр. Изъ Нью-Іорка 25 дол. Изъ Новочеркаска чрезъ Сем. Троф. 5 руб. Черезъ „Южн. Рабочій“ поступило на техническія нужды Орган. Ком.: отъ Х. 175 руб., отъ У. 125 руб., отъ 11 — 250 руб., отъ 27 — 200 руб., отъ Z. 250 руб., отъ Жоржа 100 руб., отъ 33 — 150 руб., отъ 49 — 100 руб. Всего 1350 руб. Получено крысой съ 20 III по 6 IV: отъ милыхъ сердцу 10 руб., долгъ племяши 10 руб., отъ молодого комитета 15 руб., отъ N. N. N. 79 руб., СПБ. 215 руб., отъ головотяповъ 50 руб. Всего 379 руб. Получено: отъ Аспида Васьки 100 руб. отъ Пушкина и Мартышки 80 руб., черезъ Надю 60 руб., отъ вѣтра 60 руб., 2 фунта за литер. изъ Лондона. Въ пользу арест. собрано въ Лейпцигѣ 9.50 мар., въ Дрезденѣ 16 мар. Отъ „не-искровца“ для Орг. Ком. 50 руб., изъ L-а 170 мар., черезъ Надю 25 руб., отъ Георгины Гали 210 руб., отъ Надежды Вас. 100 руб., отъ Пѣвуна 11 руб., черезъ Надю 65 р., отъ Піоны 14 руб., отъ Рузи 60 руб., отъ Жана 10 руб., сборъ чер. N. 13 р., отъ ребенка 20 р., отъ Воронеж. с.-д. „Кассы борьбы“ 100 р., изъ Спб. для „И.“ 350 мар., отъ № 10 13 р.

Въ почтов. ящ. № 38 вкрались слѣд. опечат.: отъ женевской группы напечатано 13.20 фр., должно быть 132.20 фр.; изъ Ма. напечатано 14 фр., должно быть 24 фр.

Памятникъ на могилѣ М. А. Бакунина. Группа нашихъ соотечественниковъ, живущихъ въ Швейцаріи, взяла на себя починъ постановки памятника на могилѣ покойнаго М. А. Бакунина, похороненнаго въ Бернѣ. Эта группа просила насъ напечатать воззваніе, написанное ею по этому поводу. Къ величайшему нашему сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ исполнить эту ихъ просьбу. Мы вынуждены ограничиться напечатаніемъ адреса, по которому лица, живущія заграницей, могутъ отсылать свои пожертвованія. Вотъ этотъ адресъ: Herrn Monumentoff, Russischer Leseverein, Bern, Schweiz. Пожертвованія могутъ быть передаваемы также черезъ редакцію „*Искры*“.

Намъ остается прибавить, что, несмотря на глубокія различія, отличающія наши взгляды отъ взглядовъ М. А. Бакунина, мы умѣемъ цѣнить въ немъ человѣка, въ теченіи всей своей жизни твердо и самоотверженно боровшагося за свои убѣжденія. Такихъ людей, къ сожалѣнію, слишкомъ мало еще у насъ въ Россіи, и память ихъ должна быть дорога даже для ихъ противниковъ. Вотъ почему „*Искра*“ вполнѣ готова содѣйствовать предпріятію г. Монументова и его товарищей.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 40. 15-го мая 1903 года. № 40.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ГОДЪ.

(1 мая 1902 — 1 мая 1903 г.).

Революціонный годъ, закончившійся нынѣшнимъ майскимъ праздникомъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ такими событіями, которыя не проходятъ безслѣдно для рабочаго движенія.

Цѣлый рядъ грандіозныхъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ развернулся въ теченіи истекшаго года. Никогда еще за одинъ годъ не происходило столько такъ называемыхъ „генеральныхъ“ стачекъ — стачекъ, устраиваемыхъ пролетаріями цѣлой отрасли производства во всей странѣ или всѣхъ отраслей — въ одномъ районѣ.

Майскій праздникъ прошлаго года справлялся пролетаріатомъ подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ крупной неудачи, только что понесенной бельгійскими рабочими во всеобщей стачкѣ апрѣля 1902 г., представлявшей одно изъ грандіознѣйшихъ выступленій международнаго пролетаріата. Не успѣли замолкнуть толки о бельгійской всеобщей стачкѣ, устроенной для борьбы за всеобщее избирательное право, какъ въ Швеціи началось такое-же движеніе и съ той-же цѣлью, на этотъ разъ увѣнчавшееся частичнымъ успѣхомъ. Съ этого момента болѣе или менѣе „всеобщія“ стачки смѣняютъ одна другую въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра.

Всеобщая стачка марсельскихъ рабочихъ, громадныя стачки углекоповъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галиціи, всеобщая стачка въ Женевѣ, ноябрьская стачка въ Ростовѣ на Дону и его районѣ, январская стачка въ Голландіи, мартовская — тамъ-же и, наконецъ, генеральная стачка въ Римѣ — таковъ итогъ революціонныхъ выступленій международнаго пролетаріата за послѣдній годъ, поскольку мы не выходимъ изъ сферы непосредственной экономической борьбы. А совсѣмъ на дняхъ въ далекой Австраліи имѣла мѣсто всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

„Всеобщая стачка“ представляетъ довольно элементарное средство классовой борьбы пролетаріата и отнюдь не можетъ считаться тѣмъ единоспасающимъ средствомъ, какимъ его провозглашаютъ анархисты и не освободившіеся отъ ихъ вліянія соціалисты въ разныхъ странахъ. Концентрируя всю боевую энергію революціоннаго пролетаріата въ той именно сферѣ, гдѣ буржуазія неизмѣримо сильнѣе его, противопоставляя колоссальной матеріальной силѣ капитала пассивный отказъ отъ работы, предполагая для своего успѣха такую степень организованности, которая недостижима при капитализмѣ, — такъ называемая, всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массового движенія, растрачиваетъ большую ея часть крайне непроизводительно.

Но если какъ средство борьбы за непосредственное освобожденіе пролетаріата или за увеличеніе его правъ въ современномъ обществѣ, всеобщая стачка является средствомъ неполнымъ, одностороннимъ и не экономнымъ, то велико ея значеніе симптоматическое, т. е. ея значеніе, какъ показателя наростающей, концентрирующейся и неудержимо проявляющейся революціонной энергіи класса, идущаго къ своему окончательному освобожденію. А то, такъ сказать, упражненіе чувства классовой солидарности и революціоннаго самоотверженія, которое для широкой массы рабочихъ связано съ всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнѣйшаго соціалистическаго развитія этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочаго класса, оказывающееся недостаточнымъ почти каждый разъ, когда ставкой въ данномъ актѣ борьбы является нѣчто хотя бы немного большее, чѣмъ интересы капитала одной какой-либо группы буржуа. Какъ только ставка превышаетъ этотъ невысокій уровень, передъ объединеннымъ всеобщей стачкой пролетаріатомъ встаетъ „богъ-капиталъ“ во всемъ своемъ величіи, во всей своей бездушной, безчеловѣчной и безпринципной силѣ, буржуазное общество въ его цѣломъ, одушевленное однимъ интересомъ интересомъ чистогана, преслѣдующее одну только цѣль самосохраненія и предъявляющее къ пролетаріату одно требованіе — требованіе покорности. И вотъ почему тѣ грандіозные конфликты труда съ капиталомъ, которые именуются всеобщими стачками, пріобрѣтаютъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества.

Это разоблаченіе становится тѣмъ поучительнѣе, и тѣмъ плодотворнѣе оно дѣйствуетъ на классовое самосознаніе пролетаріата, чѣмъ болѣе рѣзко противорѣчатъ разоблачаемые факты тѣмъ идеямъ, которыя въ предшествующій періодъ съ особенной силой работали надъ затемнѣніемъ пролетарскаго сознанія. Всѣмъ извѣстно, что именно послѣдніе годы отличались по истинѣ необузданнымъ распространеніемъ идей о такъ называемомъ „соціальномъ мирѣ“ между имущими и неимущими, который якобы подготовляется совершающимся якобы „притупленіемъ противорѣчій“, характеризующихъ капиталистическое общество. Оперируя съ немногочисленными фактами, характерными не для всего капиталистическаго развитія, а только для тѣхъ его моментовъ, когда промышленность находится въ періодѣ процвѣтанія, новѣйшіе апостолы „соціальнаго мира“ похоронили марксову „догму“ о постоянномъ развитіи соціальныхъ противорѣчій и о непримиримости классовыхъ интересовъ въ современномъ обществѣ, объявили соціальное освобожденіе пролетаріата возможнымъ безъ потрясенія самыхъ основъ буржуазнаго строя, провозгласили, что при демократическомъ режимѣ формы пролетарской борьбы могутъ „смягчиться“ въ виду якобы распространяющагося при такомъ строѣ среди всей „націи“ признанія за рабочимъ движеніемъ права на существованіе. Съ наступленіемъ промышленнаго кризиса всѣ карточные домики, построенные проповѣдниками „соціальнаго мира“ и ихъ легковѣрными послѣдователями изъ числа соціалистическихъ оппортунистовъ, мгновенно развалились, и капиталистическій строй вновь предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи. О томъ, какъ демократическія страны идутъ на встрѣчу „соціальному миру“ — повѣдали пролетаріату солдатскія ружья, выставленныя противъ стачечниковъ демократической государственной властью Франціи и Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Исключительные законы въ Голландіи и подсказанные грубыми классовыми интересами драконовскіе судебные приговоры въ Бельгіи и Женевѣ показали еще разъ, какое реальное значеніе имѣетъ для классового движенія пролетаріата демократизація государственной власти. При рукоплесканіяхъ большей части буржуазіи голландскіе государственные дѣятели провозгласили и провели въ жизнь принципъ, согласно которому право стачекъ кончается тамъ, гдѣ затрагиваются существенные интересы буржуазіи въ ея цѣломъ, и этотъ принципъ былъ тотчасъ-же перенесенъ на германскую почву въ рѣчи прусскаго министра; въ Англіи — этой прославленной всѣми соціаль-реформаторами и оппортунистами странѣ „соціальнаго мира“ по преимуществу — въ Англіи простыми судебными рѣшеніями у тредюніоновъ отнимается право пропаганды стачки и на нихъ-же возлагается отвѣтственность за убытки, причиненные капиталистамъ стачками... Болѣе того: на „дѣвственной“ почвѣ Австралійской демократіи всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ побуждаетъ правительство внести въ парламентъ проектъ по истинѣ „каторжнаго“ закона противъ стачекъ. Оказывается, что пока современный соціальный строй — несмотря на политическій прогрессъ — обезпечиваетъ классовую диктатуру буржуазіи, до тѣхъ поръ всѣ отвоеванныя пролетеріатомъ у буржуазіи политическія позиціи, всѣ свободы и права каждую минуту могутъ быть отвоеваны обратно; что только революціонная организація и революціонный отпоръ пролетаріата являются гарантіями сохраненія этихъ правъ. Пролетаріатъ видитъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ право „экономической борьбы“ признается за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не воспользуется этимъ правомъ для нанесенія буржуазіи сильныхъ ударовъ. И вотъ почему демократическая свобода, далекая отъ того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротивъ, доводитъ ихъ до наиболѣе остраго выраженія, по скольку съ бьющей въ глаза яркостью констатируетъ неизмѣнность пролетарскаго безправія передъ классовой диктатурой буржуазіи. И вотъ почему „соціальный миръ“ есть вредная и пустая фраза, а грозной дѣйствительностью является „война на жизнь и смерть“.

Право на стачку является основнымъ условіемъ сколько нибудь успѣшной экономической борьбы пролетаріата. Такимъ-же основнымъ условіемъ для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы въ послѣдніе годы (особенно во Франціи) сказокъ о томъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ для пролетаріата пропадаетъ необходимость готовиться къ завоеванію классовой диктатуры, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ за пролетаріатомъ обезпечена возможность достаточнаго и все растущаго вліянія на государственную машину. Истинную цѣну всѣмъ этимъ сказкамъ мы могли опредѣлить въ прошломъ году, когда германскій пролетаріатъ воспользовался своимъ избирательнымъ правомъ для того, чтобы дать рѣшительное сраженіе аграрной реакціи, предпринявшей опустошительный набѣгъ на карманы всей бѣдной части населенія. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться дѣйствительно серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата, защищающаго интересы культуры и всѣхъ трудящихся, — чтобы въ Германіи былъ поставленъ на очередь вопросъ объ упраздненіи этого права, объ отнятіи политическихъ правъ у неимущихъ, о водвореніи пролетаріата за предѣлы буржуазной „легальности“. Германскій пролетаріатъ долженъ былъ убѣдиться, что охраной его политическихъ правъ въ современномъ строѣ является только его готовность дать революціонный отпоръ всякой реакціонной попыткѣ, а эта готовность къ успѣшной оборонительной войнѣ прямо пропорціональна его готовности къ войнѣ наступательной, къ борьбѣ за государственную власть, къ борьбѣ за соціальную революцію. Буржуазное общество до тѣхъ поръ только допускаетъ участіе пролетаріата въ своей государственной власти, пока это участіе не затрагиваетъ основныхъ интересовъ руководящихъ въ современномъ обществѣ политическихъ силъ. За этими предѣлами никакая „легальность“ не можетъ удержать представителей буржуазнаго общества отъ перенесенія борьбы на „грубо-матерьялистическую“ почву, гдѣ рѣшаетъ сила.

Перипетіи борьбы германскаго пролетаріата противъ таможеннаго законопроекта показали также, какъ химеричны въ свободныхъ странахъ надежды на измѣненіе взаимныхъ отношеній между соціалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной демократіей. Эти надежды, составлявшія центральный пунктъ политики соціалистическихъ оппортунистовъ, снова посрамлены поведеніемъ нѣмецкой буржуазной демократіи въ такомъ именно вопросѣ, гдѣ дѣло шло не спеціально о классовыхъ интересахъ пролетаріата, а объ интересахъ всей демократической части націи, гдѣ, слѣдовательно, буржуазно-демократическія партіи могли-бы, не поступаясь интересами своихъ буржуазныхъ избирателей, вести политическую борьбу противъ реакціи рядомъ съ пролетаріатомъ. На дѣлѣ, за вычетомъ ничтожной кучки либераловъ, группирующихся около Барта, нѣмецкіе „свободомыслящіе“ всячески тормозили борьбу соціалистовъ и кончили тѣмъ, что предали ихъ. Поставленные между партіей реакціи и партіей пролетарской революціи буржуазные демократы еще разъ проявили свою политическую безхарактерность, свою неспособность отстаивать дѣло свободы, отстаивать тѣ самые идеалы, которые нѣкогда были провозглашены ихъ отцами. Дѣло защиты интересовъ культуры, интересовъ громаднаго большинства народа цѣликомъ падаетъ на революціонный пролетаріатъ.

Въ Бельгіи либералы измѣняютъ движенію въ пользу избирательной реформы въ тотъ именно моментъ, когда ихъ помощь, обѣщанная пролетаріату, могла бы быть полезной, и когда общее дѣло — борьба противъ клерикальнаго врага — оказывается проиграннымъ вслѣдствіе ихъ измѣны, они же малодушно предаютъ ярости побѣдителей борцовъ рабочаго класса. Въ Голландіи либералы почти въ полномъ составѣ участвуютъ въ травлѣ стачечниковъ-рабочихъ, помогаютъ проводить исключительные законы, кричатъ: „распни его“ капиталистамъ, увольняющимъ тысячами „своихъ“ наемныхъ рабовъ. Въ Англіи либералы измѣняютъ трэдъ-юніонистамъ, когда послѣдніе требуютъ огражденія правъ стачки. Въ Женевѣ „радикальное“ правительство высылаетъ военную силу противъ забастовщиковъ. Вездѣ та же картина.

Вездѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за интересы своего класса противостоитъ всему буржуазному обществу, которое, не смотря на раздирающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существенные интересы частной собственности. „Классъ противъ класса“ — таково, въ концѣ концѣ, положеніе вещей въ свободномъ европейскомъ государствѣ, и чѣмъ свободнѣе, чѣмъ демократичнѣе его форма, тѣмъ рѣзче въ извѣстный моментъ выступаетъ этотъ основной фактъ современной жизни. И передъ логикой этого факта, какъ карточные домики, разлетаются всѣ построенія оппортунистовъ, увлеченныхъ софизмами буржуазныхъ пророковъ. Бернштейніанская идиллія разрушается грубой капиталистической дѣйствительностью, и она — этотъ лучшій учитель — проясняетъ пролетарское самосознаніе и его революціонизируетъ.

Болѣзни, привитыя рабочему движенію бывшимъ еще недавно въ полномъ разгарѣ оппортунистическимъ „кризисомъ“, понемногу исцѣляются. Сильный ударъ нанесенъ оппортунизму бельгійскому урокомъ всеобщей стачки; германскій пролетаріатъ снова переживаетъ періодъ революціоннаго подъема; идея неумолимой классовой борьбы прививается къ швейцарскимъ соціалистамъ; недавно еще „реформистская“ въ большей своей части итальянская рабочая партія постановляетъ, наконецъ, разорвать компрометирующую связь съ буржуазнымъ правительствомъ, а французскій сознательный пролетаріатъ все тѣснѣе сплачивается около революціонно-соціалистической партіи, предоставляя Мильеранамъ и Жоресамъ ту среду лавочниковъ, которой интересы они въ сущности представляютъ. И не менѣе глубокая „размежевка“ быстро происходитъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ всѣ силы пролетарскаго движенія все рѣшительнѣе становятся подъ знамя революціонной „марксистской“ соціальдемократіи, въ то время, какъ соціализмъ оппортунистическій, вопреки своему злоупотребленію революціонной фразой, все яснѣе разоблачаетъ свою сущность, сущность мелкобуржуазнаго „демократизма“.

Русскимъ революціонерамъ приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введеніе въ Россіи тѣхъ конституціонныхъ учрежденій, которыя существуютъ въ Западной Европѣ и которыя, какъ мы упоминали, отнюдь не являются факторомъ, „смягчающимъ“ классовыя противорѣчія и классовую борьбу. Русскій пролетаріатъ беретъ на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократію, хорошо зная, что демократическій режимъ облегчитъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ основныхъ „устоевъ“ современнаго общества, которые вырываютъ все болѣе глубокую пропасть между неимущими и имущими, между пролетаріями и собственниками. Когда въ зап.-европейскихъ странахъ велась борьба за основныя демократическія вольности, тогдашніе революціонеры глубоко вѣрили въ то, что демократія создастъ дѣйствительное „равенство“, что она положитъ конецъ классовому гнету и классовой борьбѣ. Эта вѣра наполняла энтузіазмомъ сердца тогдашнихъ борцовъ, она сдѣлала тогдашнихъ демократовъ революціонерами по духу, она дала выходцамъ изъ буржуазіи ту идейную и моральную силу, которая позволила имъ увлечь за собой всѣ живые элементы народа, которая сплотила весь народъ въ революціонную армію.

Революціонеры современной Россіи лишены этой наивной вѣры европейскихъ людей недавняго прошлаго. Современнымъ русскимъ революціонерамъ извѣстно то, что оставалось закрытымъ для ихъ историческихъ предшественниковъ. Они знаютъ, что сверженіе „стараго порядка“ будетъ не концомъ, а всего лишь прологомъ великой соціальной борьбы; что демократія не уничтожитъ, а, наоборотъ, разовьетъ до конца классовыя противорѣчія нашего общества.

Старыя иллюзіи невозможны въ наши дни; онѣ и не нужны революціонному пролетаріату, ибо тамъ, гдѣ онъ ихъ раздѣлялъ въ извѣстную эпоху, ему много стоило освобожденіе отъ ихъ чарующей власти. Чтобы бороться всѣми своими силами за демократію, пролетаріатъ отнюдь не долженъ видѣть въ ней конечную цѣль своихъ стремленій; съ неменьшей страстностью будетъ онъ за нее бороться, если будетъ считать ее ближайшимъ этапомъ на пути къ своему полному освобожденію. Но другіе соціальные слои, заинтересованные въ демократическомъ переворотѣ, находятся въ иномъ положеніи: ихъ классовые интересы будутъ всецѣло удовлетворены болѣе или менѣе полной демократизаціей политическихъ формъ современнаго соціальнаго строя. Дальнѣйшее общественное развитіе несетъ этимъ слоямъ упадокъ ихъ соціальнаго значенія, и они не могутъ связывать свои идеалы съ этимъ развитіемъ. Для этихъ демократическихъ слоевъ, поэтому, борьба за политическую свободу не можетъ не отравляться мыслью о томъ, „что же дальше?“ Въ свойственномъ каждому борющемуся классу инстинктивномъ стремленіи достичь максимума революціоннаго напряженія представители этихъ слоевъ страстно хватаются за всякую представляющуюся имъ возможность создать себѣ ту иллюзію, которая 50 или 100 лѣтъ назадъ спаяла арміи революціонныхъ борцовъ на Западѣ.

Въ короткое время мы пережили цѣлый рядъ такихъ попытокъ со стороны русской демократіи выработать такую политическую „формулу" своего движенія къ свободѣ, которая устранила бы этотъ проклятый для нея вопросъ — „что же дальше?" Въ бернштейніанствѣ пыталась она снова возвести въ перлъ созданія политическій строй развитого капиталистическаго строя, „смягчающій" классовыя противорѣчія и устраняющій классовую борьбу. Въ новѣйшемъ якобы „идеализмѣ" ея представители ищутъ такой идеологіи, которая бы освятила либеральныя свободы, какъ „самоцѣль" и принизила бы значеніе революціонныхъ требованій соціализма… Въ „революціонномъ авантюризмѣ" крайнее крыло этой демократіи ищетъ такихъ формъ политической борьбы, которыя ослабили бы ея связь съ классовыми задачами пролетаріата.

Тщетны всѣ эти попытки бороться съ объективнымъ ходомъ вещей, перемѣщающимъ центръ русской революціи въ среду именно пролетарскаго движенія. Съ силой революціонной стихіи движеніе русскаго пролетаріата разрушаетъ старыя и не даетъ сложиться новымъ иллюзіямъ демократіи; въ виду обнаженной классовой борьбы въ свободныхъ странахъ Европы чахнутъ, не успѣвъ разсцвѣсть, всѣ побѣги новыхъ демократическихъ идеологій. Революціонно-концентрирующая сила всѣхъ демократическихъ паролей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба противъ революціоннаго соціализма, не создавая новыхъ революціонныхъ центровъ, только разслабляетъ общенаціональное движеніе противъ царизма. Быстро свершаетъ свое развитіе русское бернштейніанство, посѣявъ среди извѣстной части рабочихъ сѣмена „легализаторскихъ" стремленій, культивируемыхъ нынѣ полицейской реакціей, а въ политической жизни растворившись въ умѣренномъ, неспособномъ къ борьбѣ либерализмѣ. Быстро вянетъ и блекнетъ революціонизмъ фразы, и временный его успѣхъ ничѣмъ не отражается на общей борьбѣ съ царизмомъ, кромѣ посѣяннаго тамъ и сямъ скептицизма, кромѣ достигнутой кое-гдѣ дезорганизаціи боевыхъ силъ революціи. И новѣйшее „идеалистическое" движеніе не успѣваетъ еще оформиться, какъ уже явно для всѣхъ, желающихъ видѣть, его адепты являются проводниками политическаго индифферентизма и политической дряблости… Русскій революціонеръ нашего времени не можетъ проявить свой активный протестъ противъ существующаго режима, становясь подъ знамя борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ. Поскольку онъ самъ не становится соціалистомъ, онъ можетъ остаться борцомъ, лишь признавая надъ собой **гегемонію пролетарскаго движенія**. Только слѣдуя за революціоннымъ пролетаріатомъ, русская демократія можетъ успѣшно работать надъ сокрушеніемъ ненавистнаго царизма. Пониманіе этой истины, несомнѣнно, проникаетъ въ широкіе круги демократической интеллигенціи по мѣрѣ того, какъ мужаетъ и проявляетъ свою зрѣлость русское рабочее движеніе.

Истекшій революціонный годъ далъ въ этомъ отношеніи не мало. Понемногу сошло на нѣтъ либерально-земское движеніе, пріостановилось въ своемъ развитіи самостоятельное движеніе студенчества, обнаружилъ свое безсиліе терроризмъ, свой неоправданный оптимизмъ — новѣйшее революціонное крестьянофильство. Только революціонный пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно ускоряя темпъ своего развитія. Сормовскій и Саратовскій процессы, ноябрьскія событія въ Ростовѣ на Д., февральскія и мартовскія демонстраціи — показали, что революціонность пролетаріата неустанно растетъ даже въ моменты сравнительнаго политическаго затишья. Растетъ и организованность его авангарда — русской соціальдемокраіти. Вмѣстѣ съ расширеніемъ агитаціи и распространеніемъ ея на все новые слои пролетаріата, шла весьма интенсивная внутренняя организаціонная работа, которой удалось уже сдѣлать много для упроченія партіи и усиленія ея политическаго вліянія. Недалекое будущее завершитъ первую, труднѣйшую часть этой важной работы, и объединенная Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія во главѣ руководимыхъ ею народныхъ массъ поведетъ всесторонній и планомѣрный походъ на твердыню самодержавія.

Русская демократія за послѣдніе только годы испытала не мало политическихъ „увлеченій", въ результатѣ которыхъ остался осадокъ разочарованія. Только пролетаріатъ не обманулъ ничьихъ революціонныхъ надеждъ. Содѣйствовать успѣху **его** движенія — дѣло простого политическаго разсчета всѣхъ тѣхъ, кому дорога политическая свобода. Бороться **въ его** рядахъ — единственный исходъ для революціонера, желающаго неразрывно связать борьбу настоящаго съ высшими идеалами человѣчества.

ТАРТЮФЫ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОРАЛИ.

Съ появленіемъ такъ называемой „партіи" такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ" въ нашемъ революціонномъ движеніи заняло видное мѣсто революціонное декламаторство и фразерство, чуждое лучшимъ временамъ нашего движенія. Русскій революціонеръ какъ будто бы перестал *стыдиться* фразы, какъ будто бы разучился отличать паѳосъ, согрѣтый глубокимъ чувствомъ, отъ паѳоса вымученнаго, ходульнаго, неискренняго. Какъ просто держались тѣ герои революціи, тѣ дѣятели 70-хъ годовъ, которые такъ дороги намъ, ушедшимъ далеко отъ нихъ въ своихъ политическихъ взглядахъ! И какъ мизерны, какъ пошлы нынѣшніе ихъ „подражатели"! То, что первый разъ въ исторіи было трагедіей, во второй разъ оказывается фарсомъ!

Герои политической драмы всегда нравственны въ глубокомъ смыслѣ слова, а потому не любятъ много говорить о нравственности. Герой фарса любитъ „нравственные" разговоры. Онъ, подобно Грибоѣдовскому герою,

„Когда о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ;
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ,"

конечно, кромѣ тѣхъ, кто смѣется.

Солжетъ и, закативъ глазки, прочтетъ „предику" о „правдѣ-истинѣ", распространитъ клевету и, бія себя въ грудь, скажетъ прочувствованное слово о „правдѣ-справедливости"; пуститъ змѣиный шипъ ненависти — и распространится о согрѣвающей его пустое сердце „братской" любви, осрамитъ дѣло революціи опереточнымъ выступленіемъ — и напомнитъ о „славныхъ традиціяхъ". Онъ плодитъ невѣріе въ научное знаніе, презрительно третируетъ теорію и аппелируетъ къ инстинкту; это не мѣшаетъ ему говорить медовымъ голосомъ о „критической мысли". Онъ спекулируетъ на взвинченность настроенія своей революціонной аудиторіи, онъ строитъ свой временный успѣхъ на нетерпѣливости незрѣлыхъ умовъ, на благородномъ, но непродуманномъ порывѣ неустановившихся характеровъ; — это не мѣшаетъ ему съ пѣной у рта и со слезой въ голосѣ говорить о тѣхъ, кто развращаетъ „малыхъ сихъ"… И, заражая революціонную атмосферу міазмами базарной рекламы, шумихой фразъ и бездѣльнымъ пустословіемъ, онъ походя киваетъ на работниковъ пролетарской революціи, благочестиво благодаря своего Господа за то, что не сотворилъ его такимъ, какъ иные прочіе.

Годъ тому назадъ „революціонные беллетристы" сдѣлали неудачаую попытку подѣлиться славой, которая досталась юному герою, воспитанному русскимъ соціальдемократическимъ движеніемъ. Уличенные на мѣстѣ, наши Удушьевы и Репетиловы наговорили много фразъ о своей нравственности и „приказали" себѣ не отвѣчать на неудобные вопросы, задаваемые имъ соціальдемократами. „Но соблазнъ былъ великъ" — трудно было удержаться отъ того, чтобы еще разъ погрѣться въ лучахъ чужой славы, чтобы еще разъ покозырять мертвымъ тѣломъ въ борьбѣ съ пролетарскимъ соціализмомъ… Еще не омывшіе срама, которымъ покрыла ихъ неудавшаяся попытка „пристроиться" къ дѣлу 2-го апрѣля, они помѣщаютъ двѣ „юбилейныя" статьи, въ которыхъ съ безцеремонностью, отличающей эту породу политическихъ дѣятелей, брызгаютъ въ соціальдемократію дѣйствительно чистой кровью С. В. Балмашева. Чего стоитъ, напримѣръ, эта милая фраза въ № 22 „Рев. Россіи": „Пусть… содрогнется сердце всякаго борца за свободу, если онъ не всего себя отдаетъ дѣлу, если не всю силу своихъ мышцъ(!), не всю энергію своихъ нервовъ онъ напрягаетъ въ борьбѣ, — и на немъ лежитъ часть отвѣтственности за то, что еще проливается кровь, еще не стали лишними эти жертвы. *Пусть еще больше жгучимъ стыдомъ содрогнется(!) сердце тѣхъ, кто разстраиваетъ ряды борцовъ, кто увлекается междуусобными счетами, кто жертвуетъ фракціонному самолюбію интересами общаго дѣла, парализуя силу и единство общаго натиска — они вдвойнѣ повинны въ каждой лишней каплѣ пролитой крови*, какъ бы ни отходили они въ сторону, умывая руки на подобіе Понтійскаго Пилата… Пусть прозвучатъ въ ихъ ушахъ убійственнымъ укоромъ тѣ же евангельскія слова: *кровь его на васъ — и духовныхъ дѣтяхъ вашихъ*."

Соціалисты-революціонеры, какъ извѣстно, „ужасно" не любятъ „междуфракціонныхъ" распрей; они „съ болью въ сердцѣ" „вынуждены" отвѣчать своимъ заблудшимъ „братьямъ"… Ихъ умъ цѣпенѣетъ при мысли, что нашлись въ революціонной средѣ люди, усумнившіеся въ истинности заявленій никому невѣдомой „боевой организаціи", люди, предположившіе, что революціонеръ можетъ солгать. И, утирая слезы угнетенной невинности, они, никого не называя, инсинуируютъ на счетъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ самыхъ низкихъ мотивовъ („фракціонное самолюбіе") „разстраиваетъ ряды борцовъ". Съ душевнымъ прискорбіемъ они констатируютъ, что русская соціальдемократія обрызгана кровью Балмашева.

Разумѣется, что послѣ этой грязной выходки „Рев. Россія" должна была омыться въ пучинѣ революціонной декламаціи и возвышенной морали. „Только революціонный соціализмъ", говоритъ она, не смущаясь, „эта вѣчная правда нашего времени, въ которой нераздѣльно и неразрывно слились правда-истина и правда-справедливость, можетъ наполнять душу человѣка такимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, такимъ очистительнымъ пламенемъ. Но онъ *долженъ* наполнять имъ своихъ приверженцевъ, ибо иначе онъ выродится, онъ загрязнится, его кристальная чистота замутится наслоеніями, не имѣющими ничего общаго съ истиной. Мы вѣримъ, конечно, что соціализмъ можетъ пробивать себѣ дорогу даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. И тамъ, гдѣ незрѣлое состояніе общаго движенія, *культъ вождей, игра ихъ самолюбія, слѣпой отталкивающій фанатизмъ неофитовъ и братоубійственная ненависть сектантовъ* покрываютъ корой мелкихъ раздоровъ великое и могучее движеніе, — рано или поздно эта кора отпадетъ, отомретъ, и слѣпы будутъ тѣ, которые за этой грубой и грязной корой не увидятъ здороваго, могучаго ствола". Словомъ, возблагодаримъ Господа за то, что онъ не сотворилъ насъ такими, какъ эти многогрѣшные сектанты".

Незаконно присвоивъ себѣ имя Балмашева, революціонные беллетристы думаютъ, что заставятъ забыть о неудачѣ своей попытки присвоенія тѣмъ, что фамильярно называютъ его „нашимъ Степаномъ" или просто „Степаномъ". И, не смущаясь впечатлѣніемъ, которое должно вызвать такое запанибратство, они вновь закатываютъ глаза и (въ № 23) заявляютъ: „Все тѣснѣе и тѣснѣе связывали мы свою судьбу съ памятью о немъ — и теперь всякое прикосновеніе къ этой священной(!) памяти *нечистыхъ рукъ* болѣзненно отражается въ нашемъ сердцѣ". Мы, конечно, менѣе сентиментальны, но, признаемся, и насъ коробитъ „прикосновеніе нечистыхъ рукъ"…

№№ 22 и 23 „Рев. Россіи" полны всякаго рода инсинуацій противъ соціальдемократіи, противъ ея органовъ и комитетовъ*). Именно въ виду этого „Рев. Россія" „пользуется случаемъ сообщить своимъ читателямъ" о новомъ протестѣ противъ „Искры" ею полученномъ отъ ссыльныхъ, среди которыхъ были „и соціальдемократы" (тѣ, очевидно, которые забыли золотое правило Бѣлинскаго: „я жидъ и съ филистимлянами за одинъ столъ не сажусь"). „Объединенные" протестанты толкуютъ о „практикуемой теперь „Искрой" братоубійственной полемикѣ, возбуждающей въ читателяхъ крайне тяжелое чувство горечи, глубокаго негодованія и брезгливости".

Называть ложь и мистификацію своими именами, разоблачать шумиху фразъ и развѣнчивать опереточную революцію — это „братоубійственная полемика". Инсинуировать о томъ, что кровь Балмашева падаетъ на голову русской соціальдемократіи, это служить „правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости". Нѣтъ ли здѣсь какой-то несообразности, господа?

---

*) И даже противъ учащихся средне-учебныхъ заведеній, тяготѣющихъ къ соціальдемократіи. Отъ послѣднихъ требуется „сознательно-продуманное отношеніе къ нашей соціально-политической программѣ", каковой программы еще ни одинъ смертный не видѣлъ. Нашему Тартюфу „вдвойнѣ больно" видѣть, что „начинающая жить революціонной жизнью молодежь" подпадаетъ вліянію „антиреволюціонной проповѣди", направленной противъ затушевыванія классовыхъ противорѣчій и серьезныхъ партійныхъ разногласій. И все это, собственно, потому, что революціонные гимназисты критически отнеслись къ „программѣ" тѣхъ гимназистовъ отъ революціи, которые зовутъ къ „объединенію" всѣхъ и каждаго подъ знаменемъ „партіи соціалистовъ-революціонеровъ"

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ РОССІИ.

Первое мая въ Сибири. Томскъ. Недавно мы снова пережили великія минуты, снова учащенно билось сердце и замирало при видѣ совершавшихся событій… Первое мая (18 апрѣля) Томскъ достойно отпраздновалъ.

Томское рабочее движеніе еще молодое, хотя начало его и относится къ 1898 году. До послѣдняго года оно захватывало 3-4 типографіи, слегка одинъ заводъ и 3-4 мастерскія. Въ общемъ организованныхъ рабочихъ было немного. За послѣдній же годъ повелась массовая агитація, захватившая рѣшительно всѣ городскіе и ближайшіе къ городу заводы, болѣе крупныя мастерскія, различныя промышленныя заведенія, строительныхъ рабочихъ и чернорабочихъ, нѣкоторыя парикмахерскія, булочныя и проч. Мѣстный Комитетъ Р. С.-Д. Рабочей Партіи старался использовать въ цѣляхъ агитаціи различныя болѣе значительныя событія русской жизни и всѣ, имѣющія какое-либо агитаціонное значеніе изъ мѣстной жизни. Въ началѣ 1902 г. онъ выпускалъ прокламаціи еще въ ограниченномъ количествѣ на гектографѣ, къ концу перешли къ мимеографу, а съ начала нынѣшняго года къ станку. Выпускались прокламаціи къ рабочимъ вообще и къ рабочимъ той или иной отрасли труда въ частности, къ гражданамъ и бюллетени о событіяхъ русской жизни (по „Искрѣ"). Кромѣ того Комитетомъ организовано было нѣсколько постоянныхъ кружковъ, въ которыхъ велись занятія съ рабочими, устраивались сходки и вечеринки, гдѣ читались рефераты и произносились политическаго характера рѣчи. Помимо своихъ прокламацій Комитетъ распространялъ значительное число прокламацій Сибирскаго Союза-Комитета Р. С.-Д. Р. П., особенно интенсивно работающаго за послѣднее время. Широкая революціонная дѣятельность не прошла безслѣдно, и въ настоящее время среди мѣстныхъ рабочихъ замѣтно крѣпнетъ сознательное революціонное настроеніе. Большую воспитательную роль сыграли и двѣ демонстраціи, бывшія 18 и 20 февраля, тѣмъ болѣе, что послѣдняя къ концу превратилась скорѣе въ рабочую демонстрацію, когда большая толпа (до 1.000 чел.), состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, продолжала революціонные возгласы, пѣніе, рѣчи, чтеніе прокламацій, когда отбитъ былъ арестованный рабочій, когда администрація и полиція ушли по требованію демонстрантовъ, сопровождаемыя насмѣшками и свистомъ. Съ тѣхъ поръ рабочіе стали ждать того дня, когда они сами устроятъ демонстрацію, и такимъ днемъ, естественно для всѣхъ, было первое мая (18 апрѣля). За послѣдніе три дня до 18 апрѣля въ городѣ было распространено до десяти тысячъ прокламацій. Вездѣ только и слышны быми разговоры о предстоящемъ рабочемъ праздникѣ. Находились, конечно, и скептики, не вѣрившіе въ возможность со стороны рабочихъ что-либо устроить. Мѣстнымъ Комитетомъ было выпущено три прокламаціи своихъ: подготовительная майская (нѣсколько измѣненная статья изъ № 5 „Южнаго Рабочаго"), къ желѣзнодорожнымъ и строительнымъ рабочимъ. Кромѣ того были распространены прокламаціи Сибирскаго Союза-Комитета: „Зачѣмъ намъ нужна политическая свобода?", подготовительная майская (обѣ съ рисункомъ „пирамидъ"), о демонстраціяхъ, къ солдатамъ и казакамъ, первомайская (больше 3.000 шт.) и карточки съ требованіями. Всѣ прокламаціи были отпечатаны на бумагѣ пяти цвѣтовъ (преобладалъ красный).

Рѣшено было отпраздновать первое мая (18 апрѣля) демонстраціей и забастовкой. Успѣшно провести планъ празднества Комитету помѣшали такія условія, которыя едва ли гдѣ еще имѣли мѣсто, — это глубокій снѣгъ, покрывающій окрестности города, и грязь по колѣно на улицахъ. Комитету не было никакой возможности устроить большую сходку, пришлось ограничиться небольшими сходками на квартирахъ рабочихъ. Устраивая демонстрацію, Комитетъ надѣялся только на самихъ рабочихъ, на студенчество же, поддержанное 20 февраля рабочими, особенно нельзя было разсчитывать, такъ какъ значительная и вмѣстѣ лучшая часть его разъѣхалась уже изъ Томска.

18-го апрѣля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерскихъ съ количествомъ рабочихъ отъ 25 до 35 чел. каждая, нѣсколько мелкихъ ремесленныхъ заведеній и рабочіе на одной каменной постройкѣ. На нѣсколькихъ заводахъ, мастерскихъ, во всѣхъ типографіяхъ и на многихъ постройкахъ имѣла мѣсто лишь частичная забастовка. Во многихъ домахъ прислуга ушла съ полдня и возвратилать ночью, заявляя хозяевамъ, что „сегодня нашъ праздникъ". Съ 12 час. дня улицы приняли необычный видъ: на нихъ появились въ значительномъ количествѣ рабочіе, изъ нихъ многіе были одѣты по праздничному, масса любопытныхъ обывателей; шныряли шпіоны, городовые, жандармы. Къ двумъ часамъ тротуары съ обѣихъ сторонъ Почтамтской ул. на протяженіи нѣсколькихъ кварталовъ были покрыты густой толпой гуляющихъ. Тутъ же была вся полиція. Среди толпы можно было видѣть возбужденныя лица рабочихъ. Демонстрація, однако, не начиналась. Говорили, что Комитетъ ждетъ больше публики. Около 3-хъ часовъ вдругъ въ одномъ мѣстѣ выдѣлилась группа человѣкъ въ 30, запѣла революціонную пѣсню, выкинула красное знамя съ надписью „Долой самодержавіе!" и двинулась по улицѣ. Публика оставалась на тротуарахъ, не рѣшаясь пристать, другіе рабочіе разсыпались отдѣльными группами и не успѣли примкнуть. Полиція, какъ стая гончихъ, бросилась на демонстрантовъ, завязалась схватка и трое были арестованы. Знамя было спасено. Толпа росла и къ четыремъ часамъ передвинулась къ центру города. Уговоры полицейскихъ и угрозы ни къ чему не вели. Новыя попытки арестовъ не удавались, толпа отбивала. Изъ толпы все чаще и чаще стали раздаваться возгласы, покрываемые громкимъ „ура". Но открытая массовая демонстрація началась лишь въ 8-мъ часу, когда рабочіе съ горы отъ почтамта, усиленные нѣсколькими сотнями типографскихъ и строительныхъ рабочихъ, вдругъ побѣжали внизъ. Полиція вообразила, что рабочіе бросились на нее, и мгновенно исчезла съ улицы, тѣмъ болѣе, что только передъ этимъ рабочіе избили пом. пристава 5-ой части, околодочнаго и городового за вторичную попытку арестовать выслѣженнаго интеллигента. Спустившись съ горы, демонстранты выстроились, выкинули знамя и съ пѣснями двинулись къ 5-ой части, гдѣ сидѣли четверо арестованныхъ днемъ. Окруживъ часть, демонстранты потребовали освобожденія арестованныхъ. Перепуганные полицейскіе солгали и сказали, что арестованные увезены въ 3-ью часть, къ ней и направились демонстранты. Было уже около 9 часовъ вечера, стало темнѣть. Теперь демонстрантовъ было около 5.000 чел., въ томъ числѣ студентовъ сравнительно немного. Громкія пѣсни и громовое „ура" доносились, какъ говорятъ, до окраинъ города. Строительные рабочіе и чернорабочіе принимали дѣятельное участіе, при этомъ пѣли „Дубинушку" на свой ладъ, между прочимъ, одинъ куплетъ своего собственнаго сочиненія, что они за студентовъ пристанутъ и Кухтерину (мѣстный Крезъ, высылавшій своихъ мясниковъ бить студентовъ 18-го февраля) плохо станетъ. Но дорогѣ къ третьей части находится большой мостъ. На немъ была сдѣлана остановка, которой воспользовались, чтобы произнести рѣчи. Ораторовъ слушали въ глубокомъ молчаніи. Только послѣ второй рѣчи нѣсколько чернорабочихъ просили указать, что имъ дѣлать, чтобю не было теперешнихъ худыхъ порядковъ… Полиція стояла и тоже молчала. Было совсѣмъ темно. Вдругъ надъ головами блеснулъ яркій, все сразу освѣтившій электрическій свѣтъ фонарей. Передъ демонстрантами оказались солдаты. Солдаты бросились на толпу съ прикладами, полиція съ обнаженными шашками, объѣздные съ нагайками (объѣздные замѣняютъ у насъ казаковъ), но рабочіе, кинувшіеся было бѣжать, остановились и осыпали нападающихъ градомъ камней. Солдаты и полиція отступили. Демонстрація кончилась, хотя громадныя толпы народа не расходились до двухъ часовъ ночи, пришлось разгонять солдатами, которыхъ вызвано было двѣ роты. За ночь полиція еще захватила нѣсколько человѣкъ, такъ что всѣхъ арестовано 36 человѣкъ. Изъ демонстрантовъ пострадали двое: одному рабочему городовой отсѣкъ шашкой два пальца, сильно побили одну женщину и изрѣзали шашками на ней одежду. Изъ полиціи пострадали: пом. пристава 5-ой части избитъ и вываленъ въ грязевой канавѣ, сильно избиты два околодочныхъ; помощнику пристава второй части проломили камнемъ голову, отъ камней пострадали пять городовыхъ, одинъ объѣздной; зашиблено нѣсколько солдатъ.

Весь городъ взбудораженъ, повсюду безконечные толки о всемірномъ рабочемъ праздникѣ. Рабочіе довольны, что праздникъ прошелъ, „какъ должно", досадуютъ, что не удалось отбить всѣхъ арестованныхъ товарищей. Демонстрація несомнѣнно оказала громадную услугу въ дѣлѣ политическаго воспитанія мѣстныхъ рабочихъ массъ.

Тифлисъ, 27-го апрѣля. Пишу вамъ, только что возвратившись съ демонстраціи. По рѣшенію Кавказскаго Соціальдемократическаго Рабочаго Союза майская демонстрація въ одинъ и тотъ же день должна была произойти въ трехъ центрахъ Кавказа (Тифлисъ, Баку, Батумъ). Тифлисскій Комитетъ назначилъ на сегодняшній день; до сихъ поръ велась энергичная пропаганда и господствовало среди рабочихъ небывалое воодушевленіе. Демонстрировать должны были по назначенію на Головинскомъ проспектѣ, но, оказывается, полиція развѣдала планъ [illegible] и поэтому въ назначенный день Головинскій проспектъ былъ запруженъ войсками, казаками и дворниками (скажу въ скобкахъ, что большое число дворниковъ — турецкіе армяне, которые играютъ самую гнусную роль); [illegible] же занятъ былъ весь Солдатскій базаръ. Видя такое положеніе вещей, къ утру же перемѣнили планъ дѣйствій; спешно назначили мѣстомъ демонстраціи

Эриванскую площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо дворца, но и этотъ планъ оказался несостоятельнымъ; тогда моментально былъ данъ сигналъ рабочимъ собраться передъ артистическимъ театромъ, гдѣ полиція до послѣдняго городового отсутствовала. Къ 11¾ час. утра одинъ изъ рабочихъ развернулъ шелковое знамя съ вышитыми надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ свобода!“; „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“. Возлѣ знамени начали быстро собираться демонстранты, вначалѣ число послѣднихъ было 400, а затѣмъ съ каждой минутой все болѣе и болѣе это число расло. Демонстранты начали рядами двигаться по противоположному направленію проспекта, къ казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочіе двигались впередъ съ возгласами „ура!“, „долой самодержавіе!“ и такимъ образомъ, достигнувъ до кадетскаго корпуса и завернувъ на Саперную ул., начали расходиться. Полиція очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двухъ-трехъ десяткахъ отставшихъ позади рабочихъ; началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итакъ, Тифлисская демонстрація удалась. Арестовано много рабочихъ. Обыски и аресты продолжаются.

Баку. Майская агитація велась здѣсь усиленная. Было два большихъ загородныхъ рабоч. собранія. Распространены майскіе листки на русскомъ, армянск. и груз. языкахъ: отъ Ком. Кавк. Союза и мѣстн. Ком. Настроеніе со времени демонстр. 2 марта повышенное. Были двѣ забастовки: трамвайныхъ служащихъ и на табачн. фабрикѣ Мирзабекъянца (800 р.), обѣ успѣшныя; всѣ требованія были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрація назначена была Кавк. Союзомъ на 27-ое одновременно съ Тифл. и Батумск. На Парапетѣ группа рабочихъ челов. въ 300 въ 11½ час. выбрасываетъ красное знамя (бывшее уже теперь 3-й разъ въ бою) при крикахъ „ура“, „долой самодержавіе!“; на этотъ призывъ со всѣхъ прилегающихъ вѣеромъ къ площади ул. посыпались рабочіе и съ громкими криками, размахивая высоко надъ головой палками, ринулись къ знамени; тысячная толпа демонстрантовъ направилась по Велико-княжеской ул., чтобы съ нея повернуть на Николаевскую ул.; въ началѣ Никол. демонстранты встрѣчаютъ еще одну группу, которая выбросила знамя революціи. На Петровской площ. при общихъ крикахъ „ура“ и „долой самодержавіе“, полные ликованія и энтузіазма, демонстранты съ шестью красными знаменами*) направляются по Николаевск. ул. Толпой руководилъ рабочій (онъ не арестованъ). Нигдѣ по дорогѣ не видно ни казаковъ, ни городовыхъ: послѣдніе разбѣжались при приближеніи демонстрантовъ.

Толпа все растетъ да растетъ. Полагаю, что въ процессіи по Николаевской ул. принимало участіе до 10 тыс. чел., рабочихъ было отъ 3-5 тысячъ. Составъ толпы демократическій, чѣмъ она рѣзко отличается отъ толпы, наполнявшей улицы 2-го марта. Циркулирующіе по городу слухи, что будутъ стрѣлять, удержали любопытныхъ въ комнатѣ. Демонстранты уже дошли до губер. сада и думали уже разсѣяться, но въ это время взводъ городовыхъ преграждаетъ имъ дорогу вытянутыми впередъ обнаженными шашками, и сейчасъ-же раздается одинъ залпъ за другимъ; толпа разсыпается по сосѣднимъ улицамъ. Оказывается, стрѣляли холостыми. Городовые и казаки начинаютъ свою расправу надъ неуспѣвшими скрыться. Нѣсколько десятковъ арестованныхъ и 12 чел. раненныхъ шашками. Нагайки казаковъ и кулаки и шашки городовыхъ избиваютъ усмиреннаго непріятеля. Но, повидимому, демонстранты счастливо избѣгнули страшнаго кровопролитія. Отъ главнокоманд. на Кавказѣ полученъ былъ приказъ стрѣлять и дать такую острастку, чтобы „впредъ не повадно было“. Полиція, зная заранѣе планъ демонстраціи, устроила засаду: казаки и полицейскіе должны были пропустить демонстрантовъ и выскочить только тогда, когда хвостъ демонстр. будетъ у Краснаго Креста; главное войско было подъ предводительствомъ губернатора ниже губерн. сада у д. Арамянца; демонстранты оказались-бы тогда запертыми — спереди пѣхотой, сзади казаками и полиціей. Пѣхота должна была открыть огонь, заставить всю массу (кромѣ убитыхъ!) повернуть назадъ, [illegible] храбрые казаки ударили-бы въ нагайки. Можете себѣ представить, какъ хитрый полководецъ потиралъ руки отъ геніальности своего плана; но полицейскій взводъ поусердствовалъ немного и далъ залпъ, когда передніе ряды дошли до Кр. Крест. и тѣмъ разстроилъ весь планъ кампаніи, а губернатора лишилъ, вѣроятно, ордена и „сердечн. спасиба“. Въ 5 ч. дня демонстрація повторилась въ другомъ концѣ города: на Телеф., Станислав., Балах. и Каспійск. ул. съ знаменами и пѣснями, тамъ былъ убитъ городовой, раненъ серьезно приставъ (вчера говорили, что онъ умеръ), избиты городовые и шпики. Прибывшіе казаки избили демонстрантовъ и публику, но въ общемъ побѣда здѣсь осталась на сторонѣ рабочихъ.

Въ Балаханахъ (промысловый районъ въ 12 в. отъ Баку) въ 7 ч. веч. возлѣ темфійск. стана было выкинуто знамя, возлѣ котораго собралась около 3-хъ тысячъ человѣкъ; демонстр. съ пѣснями направились къ вокзалу, прошли одну улицу и хотѣли было уже разсѣяться, какъ изъ засады выскочили казаки; они были встрѣчены градомъ камней; полицеймейстеръ, получивъ ударъ камнемъ, ускакалъ, а казаки, не предупредивши толпу, открыли огонь; демонстранты разсыпались по сосѣднимъ дворамъ и промысламъ, оставивъ на мѣстѣ 5 чел. ранен. и одного убитаго. Въ городѣ во время демонстраціи на Николаев. ул. былъ схваченъ полицейскимъ одинъ знаменоносецъ; по словамъ пристава, никакими усиліями нельзя было его заставить выпустить знамя, и только когда они шашкой нанесли ему нѣсколько ранъ на рукѣ, они могли воспользоваться добычей. 18 апрѣля наборщики праздновали первое мая, такъ что ни одна газета не вышла 19-го.

Кутаисъ. (Изъ частнаго письма). Ты не можешь себѣ представить, что происходитъ теперь на Кавказѣ. Скажу о томъ, что я вижу и слышу въ Кутаисѣ... Всѣ готовятся къ 1-му мая, говорятъ, что будетъ „бунтъ“. Особенно объ этомъ говорятъ чиновники и больше всѣхъ ихъ жены; они думаютъ, что хотятъ избить чиновниковъ и богачей. Такое заключеніе они выводятъ изъ разбрасываемыхъ по городу въ присутственныхъ мѣстахъ и разсылаемыхъ разнымъ лицамъ прокламацій. Трусливая фантазія чиновниковъ и купцовъ рисуетъ многое, чего никогда навѣрное не снилось нигдѣ манифестантамъ. Говорятъ, что 1-го мая должны быть большія манифестаціи во всѣхъ крупныхъ центрахъ Кавказа. 18-го апрѣля была манифестація и столкновеніе съ полиціей въ сел. Кулаши (Кут. губ.). Въ Гуріи (Кут. губ.) крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатываютъ только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку въ духѣ Толстого. Губернаторъ ѣздилъ уговаривать крестьянъ, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улицѣ играютъ въ „бунтъ“. Вообще мы быстро двигаемся впередъ.

Ростовъ н/д. Не везетъ нашей полиціи! Только что улеглось волненіе послѣ неожиданной удачной демонстраціи 2-го марта, какъ снова полиція очутилась въ дуракахъ. Въ ночь подъ 26-го на Темерникѣ, въ самомъ городѣ, на верхней улицѣ, состоялась сходка съ цѣлью обсужденія демонстраціи 1 мая. Присутствовали около 200-250 человѣкъ. Ярко освѣщала луна ряды рабочихъ, расположившихся полукругомъ: на свѣтломъ фонѣ выпукло выдѣлялась фигура оратора, могучій голосъ котораго разносился во всѣ стороны. Онъ говорилъ о праздникѣ 1 мая, о его значеніи, развивалъ планъ демонстраціи, онъ призывалъ рабочихъ владикавказской дороги быть въ первыхъ рядахъ демонстрантовъ. Послѣ короткой рѣчи, подняли флагъ и съ пѣніемъ Марсельезы прошли по всей верхней улицѣ.

Снова ораторъ остановилъ демонстрантовъ, снова призвалъ ихъ къ борьбѣ съ правительствомъ. И еще два раза пошли демонстранты, распѣвая „Варшавянку“.

Въ заключеніе, ораторъ упомянулъ о томъ, что полиція хочетъ опозорить праздникъ перваго мая еврейскими погромами и призывалъ рабочихъ защищать евреевъ. „Смерть ворамъ и убійцамъ“ — такими словами рабочіе выразили свое отношеніе къ погромщикамъ.

Такъ разошлись.

Въ это время въ городѣ была тревога. Изъ театра вызвали всѣхъ властей, пролетѣли казаки, (кажется) двинули пѣхоту, но на Темерникѣ все уже было тихо.

Въ городѣ масса толковъ и слуховъ; обывательская фантазія разыгралась.

Характеренъ для пониманія движенія правительствомъ тотъ фактъ, что при первой тревогѣ раньше всего занялись охраной отдѣленія государственнаго банка.

Предмайская агитація идетъ усиленно! За апрѣль мѣсяцъ выпущены слѣдующія прокламаціи: 1) отвѣтъ на брошюру генерала Богдановича, 2) о соціализмѣ, 3) о политической свободѣ, 4) что такое демонстрація?, 5) хроника борьбы съ самодержавіемъ, 6) къ военнымъ, 7) по поводу кишиневскаго погрома, 8) къ береговымъ рабочимъ, 9, 10) майскіе листки Организаціоннаго Комитета и 11) (можетъ быть) въ день перваго мая будетъ разбрасываться листокъ, выясняющій значеніе праздника.

Каждый листокъ выходитъ въ количествѣ 5000-6000, кромѣ къ военнымъ (600) и къ береговымъ рабочимъ (еще не вышелъ). Листки Организаціоннаго Комитета напечатаны въ количествѣ 9000 и 10.500. Частью разосланы въ другіе города (Таганрогъ и др.) Сильныхъ проваловъ нѣтъ, аресты среди рабочихъ исключительно благодаря провокаторамъ (предполагаютъ троихъ).

Изъ интеллигентовъ за апрѣль арестованы Итинъ и Щербининъ. Обвиненіе предявляютъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Николаевъ. Незадолго до 1-го мая здѣсь были распространены предмайскія и майскія прокламаціи „Организаціоннаго Комитета“. На всѣхъ крупныхъ заводахъ рѣшено было праздновать 1-ое мая однодневной забастовкой. Но еще до 1-го мая здѣсь были распространены прокламаціи „Кишиневской Соц.-Дем. Орган.“ о кишиневскомъ погромѣ. Прокламація эта произвела на рабочихъ огромное впечатлѣніе. А тутъ еще въ Николаевѣ начали распространяться слухи о готовящемся и здѣсь погромѣ. Полиція усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочихъ, какъ на громилъ. Полиціи очень хотѣлось какихъ-нибудь коллективныхъ дѣйствій рабочихъ. Ей очень хотѣлось крови. Здѣсь еще свѣжо воспоминаніе погрома 1899 года, устроеннаго полиціей. А что онъ былъ устроенъ тогда полиціей, служитъ доказательствомъ то, что еще задолго до него мѣстный жандармскій подполковникъ. Дремлюга обѣщалъ, что евреи будутъ разгромлены.

Въ виду этого рабочіе рѣшили въ день перваго мая разсыпаться по городу и, если погромъ начнется, то изъ еврейскаго немедленно превратить его въ погромъ полиціи. Можетъ быть, кое-кому интересно будетъ знать, что рабочіе здѣсь почти сплошь христіане.

Полиція начала готовиться къ 1 мая. Днемъ и ночью дежурили батальоны въ полной походной формѣ, готовые выступить противъ „внутренняго врага“. Уже заранѣе было указано каждому офицеру, какое мѣсто въ городѣ онъ долженъ занять. У самаго большаго завода „Французскаго“ была устроена полиціей засада. Распространивши по городу слухи о томъ, что рабочіе, празднуя 1 мая, хотятъ въ этотъ день разгромить евреевъ, полиція этимъ старалась въ глазахъ населенія смѣшать рабочихъ съ громилами и заслужить одобреніе населенія, если она, полиція, пуститъ въ ходъ противъ рабочихъ военную силу въ случаѣ демонстративнаго празднованія 1 мая.

И въ публикѣ упорно циркулировали слухи, что начальство противъ рабочихъ принимаетъ мѣры, что празднующихъ рабочихъ будутъ увольнять съ заводовъ, что градоначальникъ по самому [illegible].

[illegible] самыхъ большихъ заводовъ на [illegible] „Французскій“ не работалъ. Также [illegible] работать [illegible] мастерскія Адмиралтейства [illegible] перечисленные три завода единственно больше [illegible]. Имѣются еще нѣсколько мелкихъ заводовъ, но и тамъ было празднованіе. Городъ имѣлъ очень праздничный видъ. Рабочіе съ самаго утра разгуливали по городу, по бульвару. Днемъ рабочіе собрались за городомъ. Въ одномъ мѣстѣ однимъ рабочимъ была произнесена рѣчь. Это первый случай празднованія майскаго праздника *большинствомъ* николаевскихъ рабочихъ.

Вильно. Здѣсь въ большомъ количествѣ были распространены майскіе листки Бунда и Польской Соц. Партіи. Листки Орган. Ком. не успѣли распространить въ большомъ количествѣ. Демонстраціи не было. Охрана была невѣроятная. Были случаи, что люди не могли попасть въ собственныя квартиры: „не велѣно ни впускать, ни выпускать“, говорили дворники. Послѣднихъ снабдили дубинами. На Завальной ул. 19 апрѣля въ 10 ч. утра пыталась было собраться группа чел. въ 30, но тотчасъ же прискакали казаки и разогнали.

Смоленскъ. 26 апр. рабочіе (больше 300 ч.) собрались верстъ за 7 отъ города, въ лѣсу, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; мѣстными интеллигентами (членами комитета) было произнесено нѣсколько рѣчей на различныя темы (о первомайскомъ праздникѣ, о соціализмѣ, о политической свободѣ и т. п.).

Около часа, когда уже нѣкоторые стали расходиться, собравшихся извѣстили, что нѣсколько человѣкъ арестовали на дорогѣ. Публика была встревожена и стала расходиться по разнымъ направленіямъ. Одна часть (86 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованныхъ составляютъ еврейскіе рабочіе, схваченъ одинъ гимназистъ. Никто, кромѣ гимназиста, еще не выпущенъ; у арестованныхъ были произведены обыски, и вчера былъ допросъ. Пока еще ничего не извѣстно. Смоленскъ встревоженъ этимъ неслыханнымъ здѣсь погромомъ. Полиція вся на ногахъ; нѣкоторыхъ интеллигентовъ губернаторъ высылаетъ изъ Смоленска въ глухіе уѣздные города; выданы уже проходныя свидѣтельства съ требованіемъ о немедленномъ выѣздѣ.

Либава. 17 апрѣля здѣсь распространенъ въ 800 экземпляровъ майскій листокъ на латышскомъ языкѣ; кромѣ него въ 150 экз. листокъ на жаргонѣ — изданіе Бунда и листокъ Организаціоннаго Ком. Въ ночь 30 на 31 марта здѣсь арестовано 20 человѣкъ, изъ нихъ большинство выпущено уже; осталось въ тюрьмѣ всего семь лицъ: портнихи Левинсонъ и Шлезъ и пять рабочихъ. Сидѣвшій въ мѣстной тюрьмѣ съ сентября 1902 г. портной Мельницъ, арестованный на вокзалѣ съ 20 еврейскими прокламаціями, переведенъ въ Газенпотскую тюрьму — сырую, темную вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОГРОМЫ.

Кишиневскіе ужасы на первое время смутили было антисемитовъ. Они попробовали сдѣлать видъ, что и имъ не чужды человѣческія чувства, что и они далеки отъ одобренія подвиговъ наемныхъ убійцъ, обагрившихъ улицы Кишинева кровью евреевъ, преданныхъ властями. „Новое Время“ — въ виду нападокъ нѣкоторыхъ газетъ на Крушевана — заговорило даже о необходимости особой осторожности въ такой моментъ, когда страсти возбуждены, о необходимости для печати содѣйствовать „умиротворенію“. Старая лиса почуяла, что въ русскомъ и европейскомъ обществѣ сочувствіе жертвамъ и негодованіе противъ убійцъ достигло высокой степени, и постаралась сбросить съ себя отвѣтственность за случившееся.

Но въ Россіи общественное мнѣніе ничего не значитъ передъ „усмотрѣніемъ“ правительства. А правительство Плеве слишкомъ незнакомо съ тѣмъ, что называютъ стыдомъ и совѣстью, чтобы не попытаться помощью утроенной наглости скрыть фактъ своего позора. Передъ лицомъ возмущенной Западной Европы Плеве выступилъ съ своимъ „разъясненіемъ“, которое по своей лживости, по своему провокаторскому характеру, можетъ фигурировать въ первомъ ряду этого рода произведеній „литературы“.

Евреи первые начали драку 6 апрѣля, евреи первые ранили русскаго 7 апрѣля — такова въ изложеніи г. Плеве, согласно даннымъ „разслѣдованія“ оберъ-шпіона Лопухина, исторія погрома. И, вмѣстѣ съ приказаніемъ, обращеннымъ къ властямъ — не допускать новыхъ безпорядковъ, г. Плеве запрещаетъ евреямъ вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство *хочетъ* новыхъ погромовъ, г. Плеве даетъ предостереженіе „Праву“ и „Восходу“ за ихъ статьи о кишиневскихъ злодѣяніяхъ и пріостанавливаетъ розничную продажу „Новостей“ и „Волыни“.

Антисемитская пресса поспѣшила пойти на встрѣчу столь ясно опредѣлившимся желаніямъ начальства. Въ номерѣ отъ 9 мая „Новое Время“ печатаетъ провокаторскую корреспонденцію, въ которой вся вина за погромъ сваливается на евреевъ: они грабятъ молдаванъ, они довели ихъ до отчаянія, они нападали, они стрѣляли. Правда, они же и пострадали, но.... всѣ свѣдѣнія объ истязаніяхъ, произведенныхъ погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грудныхъ младенца, но... но они убиты нечаянно *собственными матерями*, когда тѣ спасались отъ толпы. Мы не шутимъ: такъ напечатано въ „Новомъ Времени“. Остается узнать, не сами ли евреи вбивали гвозди въ черепа евреевъ, не они ли выкалывали глаза — все случаи, оффиціально засвидѣтельствованные врачами?

„Новое Время“ сознательно готовитъ новые погромы, распространяя новую ложь. Шайкѣ Сувориныхъ и Крушевана мало кишиневскихъ жертвъ: имъ нужны новыя. А русское общество — къ стыду своему — не съумѣло до сихъ поръ уничтожить эту гнойную язву нашей жизни — продажную антисемитскую прессу. Русское общество вяло кое-гдѣ выражаетъ свое отвращеніе къ подвигамъ антисемитовъ, устраивающихъ погромы; на рѣшительный протестъ его не хватаетъ. Резолюція литераторовъ въ Петербургѣ крайне блѣдна и тщательно прячетъ жало, направленное противъ правительства. И люди, которые въ любомъ европейскомъ городѣ, не смѣли бы выйти на улицу, люди, съ ногъ до головы обрызганные кровью, могутъ выступать съ гордо поднятой головой.

Харьковскіе студенты и рабочіе въ свое время наказали реакціонера Іозефовича, петербургское студенчество, а съ нимъ и вся передовая интеллигенція, въ 1899 году пригвоздила къ позорному столбу того же Суворина, когда онъ выступилъ въ роли защитника полицейской нагайки. Почему же теперь ничего не слышно ни о чемъ подобномъ? Почему Суворинъ и Крушеванъ еще не наказаны?

Кстати: правда-ли, что въ самое послѣднее время *Крушеванъ получилъ 50.000 рублей казенной субсидіи?*

Правда ли это? Въ итальянской соціалистической газетѣ „Avanti“ и въ англійскомъ консерវативномъ „Times“ напечатано — со словъ „одного русскаго корреспондента“ — приводимое нами ниже „совершенно секретное“ письмо Плеве къ бессарабскому губернатору, фонъ-Раабену.

Если сообщеніе это вѣрно, — *а мы не имѣли еще возможности провѣрить его достовѣрность*, — то оно появилось очень кстати, въ тотъ самый моментъ, когда русское правительство — этотъ зарвавшійся игрокъ — сдѣлало попытку спутать карты европейскаго общественнаго мнѣнія, уволивъ генерала фонъ-Раабена и, такимъ образомъ, сваливъ свою собственную отвѣтственность на мѣстную администрацію. Въ статьѣ, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали истиннаго виновника дневного разбоя — русское центральное правительство. Приводимое нами письмо, помѣченное 25 марта, т. е. *составленное за двѣ недѣли до погрома*, [illegible] подтвержденіемъ высказаннаго [illegible] по не [illegible]ному остроумію [illegible] Іоанномъ [illegible] письмо, напечатанное [illegible] царь надъ толпою кишиневскихъ убійцъ и рука его, обагренная кровью златоустовскихъ, [illegible] и другихъ безчисленныхъ жертвъ, милосердно опускалась передъ тѣми, кто замучивалъ еврейскихъ дѣтей и насиловалъ еврейскихъ женщинъ. Почему? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ небольшую частицу правды выбалтываетъ теперь „совершенно секретное“ письмо фонъ-Раабену. Мы даемъ переводъ этого письма съ англійскаго текста газеты „Times“:

Мин. Вн. Дѣлъ. № 341.
Канцелярія Министра. *Совершенно секретно.*
25 марта 1903 г.

Г. Бессарабскому губернатору.

До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной Вамъ губерніи готовятся обширные безпорядки, направленные противъ евреевъ, главнымъ образомъ, эксплуатирующихъ мѣстное населеніе. Въ виду всеобщаго безпокойнаго настроенія городского населенія, ищущаго исхода, а также и въ виду того обстоятельства, что, несомнѣнно, нежелательно слишкомъ строгими мѣрами вселить враждебныя правительству чувства въ незатронутой еще (революціонной) пропагандой населеніе, Ваше Превосходительство не преминете прибѣгнуть для немедленнаго прекращенія возможныхъ безпорядковъ къ мѣрамъ увѣщанія, отнюдь, однако, не обращаясь къ оружію.

В. Плеве.

Еще о кишиневскомъ погромѣ и о роли въ немъ правительства.

За двѣ недѣли до событій содержатель трактира „Москва“ Алексѣй Григорьевъ получилъ анонимное письмо съ требованіемъ распространить прокламаціи, которыя ему будутъ скоро доставлены, иначе онъ будетъ убитъ; за недѣлю до Пасхи эти направленныя противъ евреевъ прокламаціи ему были доставлены, и онъ распространилъ ихъ среди посѣтителей трактира. Прокламаціи, надо полагать, напечатаны въ типографіи „Бессарабца“. Хотя губернатору и заявилось объ этомъ, но трактиръ былъ закрытъ полиціей только на первые три дня Пасхи.

Изъ числа интеллигентовъ, руководившихъ громилами, упоминаютъ еще инженера Балинскаго, студента Малая, двухъ гимназистовъ Львовыхъ съ отцомъ — смотрителемъ военнаго госпиталя.

Начальникъ охраны жандармъ баронъ Левенталь заявилъ: „этимъ погромомъ русскій народъ отвѣтилъ на еврейскій соціализмъ“. Говорятъ, что командиръ корпуса Мыловъ, посѣтивъ Кишиневъ, рѣзко порицалъ офицеровъ за ихъ поведеніе. Слѣдствіе ведется слѣдователями Фрейгангомъ и Давидовичемъ самымъ пристрастнымъ образомъ: они отказываются записывать въ протоколы показанія потерпѣвшихъ противъ должностныхъ лицъ; поэтому, избитые отказываются отъ дачи показаній.

Еще до погрома въ Кишиневѣ полиція въ г. Аккерманѣ собирала съ евреевъ деньги на охрану ихъ въ случаѣ погрома. Собрано до 2000 рублей.

Въ г. Бѣльцахъ на Пасху на заборахъ появилась прокламація, звавшая „бить жидовъ, пьющихъ кровь народа“.

Кіевъ, апрѣль. Кіевъ въ административномъ отношеніи находится сейчасъ въ полной анархіи, что въ виду хаотическихъ слуховъ, паники, путаницы понятій и отношеній еще болѣе затрудняетъ положеніе вещей. Драгомировъ, говорятъ, выѣзжаетъ изъ Петербурга 18-го или 20-го, Треповъ назначенъ сенаторомъ, и свои полномочія передалъ барону Штакельбергу (вицегубернаторъ круглый дуракъ, спеціалистъ по поркѣ крестьянъ), такъ что, вѣроятно, вершить все будетъ изъ подполья Новицкій, а на улицѣ полицімейстеръ Цихоцкій (двоюродный братъ балерины Кшесинской). Евреи посылали депутацію 1) къ Новицкому съ просьбою предупредить погромъ; отвѣтилъ: „Вамъ извѣстно, что 20-го назначена демонстрація. Если въ ней не примутъ участія евреи, ни одинъ волосъ не упадетъ съ ихъ головы; если примутъ — я не дамъ ни одного городового въ ихъ защиту“; 2) къ Штакельбергу; тотъ отвѣтилъ: „во всякомъ случаѣ мы не допустимъ погрома до *такихъ* размѣровъ, какъ въ Кишиневѣ; 3) къ Цихоцкому; тотъ сказалъ: „если евреи сами не будутъ защищаться, полиція ихъ

---

*) Остальныя четыре были подняты при соединеніи двухъ группъ демонстрантовъ.

[illegible] площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо [illegible], но и этотъ планъ оказался несостоятельнымъ; тогда моментально былъ данъ сигналъ рабочимъ собраться передъ артистическимъ театромъ, гдѣ полиція до послѣдняго городового отсутствовала. Къ 11¾ час. утра одинъ изъ рабочихъ развернулъ шелковое знамя съ вышитыми надписями: „Долой самодержавіе!", „Да здравствуетъ свобода!"; „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!". Возлѣ знамени начали быстро собираться демонстранты, вначалѣ число послѣднихъ было 400, а затѣмъ съ каждой минутой все болѣе и болѣе это число расло. Демонстранты начали рядами двигаться по противоположному направленію проспекта, къ казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочіе двигались впередъ съ возгласами „ура!", „долой самодержавіе!" и такимъ образомъ, достигнувъ до кадетскаго корпуса и завернувъ на Саперную ул., начали расходиться. Полиція очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двухъ-трехъ десяткахъ отставшихъ позади рабочихъ; началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итакъ, Тифлисская демонстрація удалась. Арестовано много рабочихъ. Обыски и аресты продолжаются.

Баку. Майская агитація велась здѣсь усиленная. Было два большихъ загородныхъ рабоч. собранія. Распространены майскіе листки на русскомъ, армянск. и груз. языкахъ: отъ Ком. Кавк. Союза и мѣстн. Ком. Настроеніе со времени демонстр. 2 марта повышенное. Были двѣ забастовки: трамвайныхъ служащихъ и на табачн. фабрикѣ Мирзабекъянца (800 р.), обѣ успѣшныя; всѣ требованія были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрація назначена была Кавк. Союзомъ на 27-ое одновременно съ Тифл. и Батумск. На Парапетѣ группа рабочихъ челов. въ 300 въ 11½ час. выбрасываетъ красное знамя (бывшее уже теперь 3-й разъ въ бою) при крикахъ „ура", „долой самодержавіе!"; на этотъ призывъ со всѣхъ прилегающихъ вѣеромъ къ площади ул. посыпались рабочіе и съ громкими криками, размахивая высоко надъ головой палками, ринулись къ знамени; тысячная толпа демонстрантовъ направилась по Велико-княжеской ул., чтобы съ нея повернуть на Николаевскую ул.; въ началѣ Никол. демонстранты встрѣчаютъ еще одну группу, которая выбросила знамя революціи. На Петровской площ. при общихъ крикахъ „ура" и „долой самодержавіе", полные ликованія и энтузіазма, демонстранты съ шестью красными знаменами*) направляются по Николаевск. ул. Толпой руководилъ рабочій (онъ не арестованъ). Нигдѣ по дорогѣ не видно ни казаковъ, ни городовыхъ: послѣдніе разбѣжались при приближеніи демонстрантовъ.

Толпа все растетъ да растетъ. Полагаю, что въ процессіи по Николаевской ул. принимало участіе до 10 тыс. чел., рабочихъ было отъ 3-5 тысячъ. Составъ толпы демократическій, чѣмъ она рѣзко отличается отъ толпы, наполнявшей улицы 2-го марта. Циркулирующіе по городу слухи, что будутъ стрѣлять, удержали любопытныхъ въ комнатѣ. Демонстранты уже дошли до губер. сада и думали уже разсѣяться, но въ это время взводъ городовыхъ преграждаетъ имъ дорогу вытянутыми впередъ обнаженными шашками, и сейчасъ-же раздается одинъ залпъ за другимъ; толпа разсыпается по сосѣднимъ улицамъ. Оказывается, стрѣляли холостыми. Городовые и казаки начинаютъ свою расправу надъ неуспѣвшими скрыться. Нѣсколько десятковъ арестованныхъ и 12 чел. раненныхъ шашками. Нагайки казаковъ и кулаки и шашки городовыхъ избиваютъ усмиреннаго непріятеля. Но, повидимому, демонстранты счастливо избѣгнули страшнаго кровопролитія. Отъ главнокоманд. на Кавказѣ полученъ былъ приказъ стрѣлять и дать такую острастку, чтобы „впредъ не повадно было". Полиція, зная заранѣе планъ демонстраціи, устроила засаду: казаки и полицейскіе должны были пропустить демонстрантовъ и выскочить только тогда, когда хвостъ демонстр. будетъ у Краснаго Креста; главное войско было подъ предводительствомъ губернатора ниже губерн. сада у д. Араминца; демонстранты оказались-бы тогда запертыми — спереди пѣхотой, сзади казаками и полиціей. Пѣхота должна была открыть огонь, заставить всю массу (кромѣ убитыхъ!) повернуть назадъ и здѣсь храбрые казаки ударили-бы въ нагайки. Можете себѣ представить, какъ хитрый полководецъ потиралъ руки отъ геніальности своего плана; но полицейскій взводъ поусердствовалъ немного и далъ залпъ, когда передніе ряды дошли до Кр. Крест. и тѣмъ разстроилъ весь планъ кампаніи, а губернатора лишилъ, вѣроятно, ордена и „сердечн. спасиба". Въ 5 ч. дня демонстрація повторялась въ другомъ концѣ города: на Телеф., Станислав., Балах. и Каспійск. ул. съ знаменами и пѣснями, тамъ былъ убитъ городовой, раненъ серьезно приставъ (вчера говорили, что онъ умеръ), избиты городовые и шпики. Прибывшіе казаки избили демонстрантовъ и публику, но въ общемъ побѣда здѣсь осталась на сторонѣ рабочихъ.

Въ Балаханахъ (промысловый районъ въ 12 в. отъ Баку) въ 7 ч. веч. возлѣ темфійск. стана было выкинуто знамя, возлѣ котораго собралась около 3-хъ тысячъ человѣкъ; демонстр. съ пѣснями направились къ вокзалу, прошли одну улицу и хотѣли было уже разсѣяться, какъ изъ засады выскочили казаки; они были встрѣчены градомъ камней; полицеймейстеръ, получивъ ударъ камнемъ, ускакалъ, а казаки, не предупредивши толпу, открыли огонь; демонстранты разсыпались по сосѣднимъ дворамъ и промысламъ, оставивъ на мѣстѣ 5 чел. ранен. и одного убитаго. Въ городѣ во время демонстраціи на Николаев. ул. былъ схваченъ полицейскимъ одинъ знаменоносецъ; по словамъ пристава, никакими усиліями нельзя было его заставить выпустить знамя, и только когда они шашкой нанесли ему нѣсколько ранъ на рукѣ, они могли воспользоваться добычей. 18 апрѣля наборщики праздновали первое мая, такъ что ни одна газета не вышла 19-го.

Кутаисъ. (Изъ частнаго письма). Ты не можешь себѣ представить, что происходитъ теперь на Кавказѣ. Скажу о томъ, что я вижу и слышу въ Кутаисѣ... Всѣ готовятся къ 1-му мая, говорятъ, что будетъ „бунтъ". Особенно объ этомъ говорятъ чиновники и больше всѣхъ ихъ жены; они думаютъ, что хотятъ избить чиновниковъ и богачей. Такое заключеніе они выводятъ изъ разбрасываемыхъ по городу въ присутственныхъ мѣстахъ и разсылаемыхъ разнымъ лицамъ прокламацій. Трусливая фантазія чиновниковъ и купцовъ рисуетъ многое, чего никогда навѣрное не снилось нигдѣ манифестантамъ. Говорятъ, что 1-го мая должны быть большія манифестаціи во всѣхъ крупныхъ центрахъ Кавказа. 18-го апрѣля была манифестація и столкновеніе съ полиціей въ сел. Кулаши (Кут. губ.). Въ Гуріи (Кут. губ.) крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатываютъ только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку въ духѣ Толстого. Губернаторъ ѣздилъ уговаривать крестьянъ, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улицѣ играютъ въ „бунтъ". Вообще мы быстро двигаемся впередъ.

Ростовъ н/д. Не везетъ нашей полиціи! Только что улеглось волненіе послѣ неожиданной удачной демонстраціи 2-го марта, какъ снова полиція очутилась въ дуракахъ. Въ ночь подъ 26-го на Темерникѣ, въ самомъ городѣ, на верхней улицѣ, состоялась сходка съ цѣлью обсужденія демонстраціи 1 мая. Присутствовали около 200- 250 человѣкъ. Ярко освѣщала луна ряды рабочихъ, расположившихся полукругомъ: на свѣтломъ фонѣ выпукло выдѣлялась фигура оратора, могучій голосъ котораго разносился во всѣ стороны. Онъ говорилъ о праздникѣ 1 мая, о его значеніи, развивалъ планъ демонстраціи, онъ призывалъ рабочихъ владикавказской дороги быть въ первыхъ рядахъ демонстрантовъ. Послѣ короткой рѣчи, подняли флагъ и съ пѣніемъ Марсельезы прошли по всей верхней улицѣ.

Снова ораторъ остановилъ демонстрантовъ, снова призвалъ ихъ къ борьбѣ съ правительствомъ. И еще два раза пошли демонстранты, распѣвая „Варшавянку".

Въ заключеніе, ораторъ упомянулъ о томъ, что полиція хочетъ [illegible] праздникъ перваго [illegible] погромахъ и призывалъ рабочихъ защищать евреевъ. „Смерть ворамъ и убійцамъ" — такими словами рабочіе выражали свое отношеніе къ погромщикамъ.

Такъ разошлись.

Въ это время въ городѣ была тревога. Изъ театра вызвали всѣхъ властей, пролетѣли казаки, (кажется) двинули пѣхоту, но на Темерникѣ все уже было тихо.

Въ городѣ масса толковъ и слуховъ; обывательская фантазія разыгралась.

Характеренъ для пониманія движенія правительствомъ тотъ фактъ, что при первой тревогѣ раньше всего занялись охраной отдѣленія государственнаго банка.

Предмайская агитація идетъ усиленно! За апрѣль мѣсяцъ выпущены слѣдующія прокламаціи: 1) отвѣтъ на брошюру генерала Богдановича, 2) о соціализмѣ, 3) о политической свободѣ, 4) что такое демонстрація?, 5) хроника борьбы съ самодержавіемъ, 6) къ военнымъ, 7) по поводу кишиневскаго погрома, 8) къ береговымъ рабочимъ, 9, 10) майскіе листки Организаціоннаго Комитета и 11) (можетъ быть) въ день перваго мая будетъ разбрасываться листокъ, выясняющій значеніе праздника.

Каждый листокъ выходитъ въ количествѣ 5000 - 6000, кромѣ къ военнымъ (600) и къ береговымъ рабочимъ (еще не вышелъ). Листки Организаціоннаго Комитета напечатаны въ количествѣ 9000 и 10.500. Частью разосланы въ другіе города (Таганрогъ и др.) Сильныхъ проваловъ нѣтъ, аресты среди рабочихъ исключительно благодаря провокаторамъ (предполагаютъ троихъ).

Изъ интеллигентовъ за апрѣль арестованы Итинъ и Щербининъ. Обвиненіе предявляютъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Николаевъ. Незадолго до 1-го мая здѣсь были распространены предмайскія и майскія прокламаціи „Организаціоннаго Комитета". На всѣхъ крупныхъ заводахъ рѣшено было праздновать 1-ое мая однодневной забастовкой. Но еще до 1-го мая здѣсь были распространены прокламаціи „Кишиневской Соц.-Дем. Орган." о кишиневскомъ погромѣ. Прокламація эта произвела на рабочихъ огромное впечатлѣніе. А тутъ еще въ Николаевѣ начали распространяться слухи о готовящемся и здѣсь погромѣ. Полиція усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочихъ, какъ на громилъ. Полиціи очень хотѣлось какихъ-нибудь коллективныхъ дѣйствій рабочихъ. Ей очень хотѣлось крови. Здѣсь еще свѣжо воспоминаніе погрома 1899 года, устроеннаго полиціей. А что онъ былъ устроенъ тогда полиціей, служитъ доказательствомъ то, что еще задолго до него мѣстный жандармскій подполковникъ Дремлюга обѣщалъ, что евреи будутъ разгромлены.

Въ виду этого рабочіе рѣшили въ день перваго мая разсыпаться по городу и, если погромъ начнется, то изъ еврейскаго немедленно превратить его въ погромъ полиціи. Можетъ быть, кое-кому интересно будетъ знать, что рабочіе здѣсь почти сплошь христіане.

Полиція начала готовиться къ 1 мая. Днемъ и ночью дежурили батальоны въ полной походной формѣ, готовые выступить противъ „внутренняго врага". Уже заранѣе было указано каждому офицеру, какое мѣсто въ городѣ онъ долженъ занять. У самаго большаго завода „Французскаго" была устроена полиціей засада. Распространивши по городу слухи о томъ, что рабочіе, празднуя 1 мая, хотятъ въ этотъ день разгромить евреевъ, полиція этимъ старалась въ глазахъ населенія смѣшать рабочихъ съ громилами и заслужить одобреніе населенія, если она, полиція, пуститъ въ ходъ противъ рабочихъ военную силу въ случаѣ демонстративнаго празднованія 1 мая.

И въ публикѣ упорно циркулировали слухи, что начальство противъ рабочихъ принимаетъ мѣры, что празднующихъ рабочихъ будутъ увольнять съ заводовъ, что градоначальникъ по самому малѣйшему поводу пуститъ въ ходъ солдатъ.

Наступило 1 мая. Одинъ изъ самыхъ большихъ заводовъ на югѣ Россіи, „Французскій", не работалъ. Также совершенно не работалъ Черноморскій заводъ, въ мастерскія Адмиралтейства не явилась половина рабочихъ. Перечисленные три завода единственно большіе здѣсь. Имѣются еще нѣсколько мелкихъ заводовъ, но и тамъ были празднующіе. Городъ имѣлъ очень праздничный видъ. Рабочіе съ самаго утра разгуливали по городу по бульвару. Днемъ рабочіе собирались за городомъ. Въ одномъ мѣстѣ однимъ рабочимъ была произнесена рѣчь. Это первый случай празднованія майскаго праздника *большинствомъ* николаевскихъ рабочихъ.

Вильно. Здѣсь въ большомъ количествѣ были распространены майскіе листки Бунда и Польской Соц. Партіи. Листки Орган. Ком. не успѣли распространить въ большомъ количествѣ. Демонстраціи не было. Охрана была невѣроятная. Были случаи, что люди не могли попасть въ собственныя квартиры: „не велѣно ни впускать, ни выпускать", говорили дворники. Послѣднихъ снабдили дубинами. На Завальной ул. 19 апрѣля въ 10 ч. утра пыталась было собраться группа чел. въ 30, но тотчасъ же прискакали казаки и разогнали.

Смоленскъ. 26 апр. рабочіе (больше 300 ч.) собрались верстъ за 7 отъ города, въ лѣсу, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; мѣстными интеллигентами (членами комитета) было произнесено нѣсколько рѣчей на различныя темы (о первомайскомъ праздникѣ, о соціализмѣ, о политической свободѣ и т. п.).

Около часа, когда уже нѣкоторые стали расходиться, собравшихся извѣстили, что нѣсколько человѣкъ арестовали на дорогѣ. Публика была встревожена и стала расходиться по разнымъ направленіямъ. Одна часть (86 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованныхъ составляютъ еврейскіе рабочіе, схваченъ одинъ гимназистъ. Никто, кромѣ гимназиста, еще не выпущенъ; у арестованныхъ были произведены обыски, и вчера былъ допросъ. Пока еще ничего не извѣстно. Смоленскъ встревоженъ этимъ неслыханнымъ здѣсь погромомъ. Полиція вся на ногахъ; нѣкоторыхъ интеллигентовъ губернаторъ высылаетъ изъ Смоленска въ глухіе уѣздные города; выданы уже проходныя свидѣтельства съ требованіемъ о немедленномъ выѣздѣ.

Либава. 17 апрѣля здѣсь распространенъ въ 800 экземпляровъ майскій листокъ на латышскомъ языкѣ; кромѣ него въ 150 экз. листокъ на жаргонѣ — изданіе Бунда и листокъ Организаціоннаго Ком. — Въ ночь 30 на 31 марта здѣсь арестовано 20 человѣкъ, изъ нихъ большинство выпущено уже; осталось въ тюрьмѣ всего семь лицъ: портнихи Левинсонъ и Шлезъ и пять рабочихъ. Сидѣвшій въ мѣстной тюрьмѣ съ сентября 1902 г. портной Медницъ, арестованный на вокзалѣ съ 20 еврейскими прокламаціями, переведенъ въ Газенпотскую тюрьму — сырую, темную, вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОГРОМЫ.

Кишиневскіе ужасы на первое время смутили было антисемитовъ. Они попробовали сдѣлать видъ, что и имъ не чужды человѣческія чувства, что и они далеки отъ одобренія подвиговъ наемныхъ убійцъ, обагрившихъ улицы Кишинева кровью евреевъ, преданныхъ властями. „Новое Время" — въ виду нападокъ нѣкоторыхъ газетъ на Крушевана — заговорило даже о необходимости особой осторожности въ такой моментъ, когда страсти возбуждены, о необходимости для печати содѣйствовать „умиротворенію". Старая лиса почуяла, что въ русскомъ и европейскомъ обществѣ сочувствіе жертвамъ и негодованіе противъ убійцъ достигло высокой степени, и постаралась сбросить съ себя отвѣтственность за случившееся.

Но въ Россіи общественное мнѣніе ничего не значитъ передъ „усмотрѣніемъ" правительства. А правительство Плеве слишкомъ незнакомо съ тѣмъ, что называютъ стыдомъ и совѣстью, чтобы не попытаться помощью утроенной наглости скрыть фактъ своего позора. Передъ лицомъ возмущенной Западной Европы Плеве выступилъ съ своимъ „разъясненіемъ", которое по своей лживости, по своему провокаторскому характеру, можетъ фигурировать въ первомъ ряду этого рода произведеній „литературы".

Евреи первые начали драку 6 апрѣля, евреи первые ранили русскаго 7 апрѣля — такова въ изложеніи г. Плеве, согласно даннымъ „разслѣдованія" оберъ-шпіона Лопухина, исторія погрома. И, вмѣстѣ съ приказаніемъ, обращеннымъ къ властямъ — не допускать новыхъ безпорядковъ, г. Плеве запрещаетъ евреямъ вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство *хочетъ* новыхъ погромовъ, г. Плеве даетъ предостереженіе „Праву" и „Восходу" за ихъ статьи о кишиневскихъ злодѣяніяхъ и пріостанавливаетъ розничную продажу „Новостей" и „Волыни".

Антисемитская пресса поспѣшила пойти на встрѣчу столь ясно опредѣлившимся желаніямъ начальства. Въ номерѣ отъ 9 мая „Новое Время" печатаетъ провокаторскую корреспонденцію, въ которой вся вина за погромъ сваливается на евреевъ: они грабятъ молдаванъ, они довели ихъ до отчаянія, они нападали, они стрѣляли. Правда, они же и пострадали, но.... всѣ свѣдѣнія объ истязаніяхъ, произведенныхъ погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грудныхъ младенца, но... но они убиты нечаянно *собственными матерями*, когда тѣ спасались отъ толпы. Мы не шутимъ: такъ напечатано въ „Новомъ Времени". Остается узнать, не сами ли евреи вбивали гвозди въ черепа евреевъ, не они ли выкалывали глаза — все случаи, оффиціально засвидѣтельствованные врачами?

„Новое Время" сознательно готовитъ новые погромы, распространяя новую ложь. Шайкѣ Сувориныхъ и Крушевана мало кишиневскихъ жертвъ: имъ нужны новыя. А русское общество — къ стыду своему — не съумѣло до сихъ поръ уничтожить эту гнойную язву нашей жизни — продажную антисемитскую прессу. Русское общество вяло кое-гдѣ выражаетъ свое отвращеніе къ подвигамъ антисемитовъ, устраивающихъ погромы; на рѣшительный протестъ его не хватаетъ. Резолюція литераторовъ въ Петербургѣ крайне блѣдна и тщательно прячетъ жало, направленное противъ правительства. И люди, которые въ любомъ европейскомъ городѣ, не смѣли бы выйти на улицу, люди, съ ногъ до головы обрызганные кровью, могутъ выступать съ гордо поднятой головой.

Харьковскіе студенты и рабочіе въ свое время наказали реакціонера Іозефовича, петербургское студенчество, а съ нимъ и вся передовая интеллигенція, въ 1899 году пригвоздила къ позорному столбу того же Суворина, когда онъ выступилъ въ роли защитника полицейской нагайки. Почему же теперь ничего не слышно ни о чемъ подобномъ? Почему Суворинъ и Крушеванъ еще не наказаны?

Кстати: правда-ли, что въ самое послѣднее время *Крушеванъ получилъ 50.000 рублей казенной субсидіи?*

Правда ли это? Въ итальянской соціалистической газетѣ „Avanti" и въ англійскомъ консервативномъ „Times" напечатано — со словъ „одного русскаго корреспондента" — приводимое нами ниже „совершенно секретное" письмо Плеве къ бессарабскому губернатору, фонъ-Раабену.

Если сообщеніе это вѣрно, — *а мы не имѣли еще возможности провѣрить его достовѣрность,* — то оно появилось очень кстати, въ тотъ самый моментъ, когда русское правительство — этотъ зарвавшійся игрокъ — сдѣлало попытку спутать карты европейскаго общественнаго мнѣнія, уволивъ генерала фонъ-Раабена и, такимъ образомъ, сваливъ свою собственную отвѣтственность на мѣстную администрацію. Въ статьѣ, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали истиннаго виновника дневного разбоя — русское центральное правительство. Приводимое нами письмо, помѣченное 25 марта, т. е. *составленное за двѣ недѣли до погрома,* является лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами обвиненія. Духъ Плеве или — по не лишенному остроумія выраженію кронштадтскаго „чудотворца" Іоанна (см. письмо, напечатанное въ „Новостяхъ") — „духъ дьявола" царилъ надъ толпою кишиневскихъ убійцъ, и рука его, обагренная кровью златоустовскихъ, тихорѣцкихъ и другихъ безчисленныхъ жертвъ, милосердно опускалась передъ тѣми, кто замучивалъ еврейскихъ дѣтей и насиловалъ еврейскихъ женщинъ. Почему? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ небольшую частицу правды выбалтываетъ теперь „совершенно секретное" письмо фонъ-Раабену. Мы даемъ переводъ этого письма съ англійскаго текста газеты „Times":

Мин. Вн. Дѣлъ. № 341.
Канцелярія Министра. *Совершенно секретно.*
25 марта 1903 г.

Г. Бессарабскому губернатору.

До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной Вамъ губерніи готовятся обширные безпорядки, направленные противъ евреевъ, главнымъ образомъ, эксплуатирующихъ мѣстное населеніе. Въ виду всеобщаго безпокойнаго настроенія городского населенія, ищущаго исхода, а также и въ виду того обстоятельства, что, несомнѣнно, нежелательно слишкомъ строгими мѣрами вселить враждебныя правительству чувства въ незатронутое еще (революціонной) пропагандой населеніе, Ваше Превосходительство не преминете прибѣгнуть для немедленнаго прекращенія возможныхъ безпорядковъ къ мѣрамъ увѣщанія, отнюдь, однако, не обращаясь къ оружію.

В. Плеве.

Еще о кишиневскомъ погромѣ и о роли въ немъ правительства. За двѣ недѣли до событій содержатель трактира „Москва" Алексѣй Григорьевъ получилъ анонимное письмо съ требованіемъ распространить прокламаціи, которыя ему будутъ скоро доставлены, иначе онъ будетъ убитъ; за недѣлю до Пасхи эти направленныя противъ евреевъ прокламаціи ему были доставлены, и онъ распространилъ ихъ среди посѣтителей трактира. Прокламаціи, надо полагать, напечатаны въ типографіи „Бессарабца". Хотя губернатору и заявлялось объ этомъ, но трактиръ былъ закрытъ полиціей только на первые три дня Пасхи.

Изъ числа интеллигентовъ, руководившихъ громилами, упоминаютъ еще инженера Балинскаго, студента Малая, двухъ гимназистовъ Львовыхъ съ отцомъ — смотрителемъ военнаго госпиталя.

Начальникъ охраны жандармъ баронъ Левенталь заявилъ: „этимъ погромомъ русскій народъ(!) отвѣтилъ на еврейскій соціализмъ". Говорятъ, что командиръ корпуса Мыловъ, посѣтивъ Кишиневъ, рѣзко порицалъ офицеровъ за ихъ поведеніе. Слѣдствіе ведется слѣдователями Фрейгангомъ и Давидовичемъ самымъ пристрастнымъ образомъ: они отказываются записывать въ протоколы показанія потерпѣвшихъ противъ должностныхъ лицъ; поэтому, избитые отказываются отъ дачи показаній.

Еще до погрома въ Кишиневѣ полиція въ г. Аккерманѣ собирала съ евреевъ деньги на охрану ихъ въ случаѣ погрома. Собрано до 2000 рублей.

Въ г. Бѣльцахъ на Пасху на заборахъ появилась прокламація, звавшая „бить жидовъ, пьющихъ кровь народа".

Кіевъ, апрѣль. Кіевъ въ административномъ отношеніи находится сейчасъ въ полной анархіи, что въ виду хаотическихъ слуховъ, паники, путанницы понятій и отношеній еще болѣе затрудняетъ положеніе вещей. Драгомировъ, говорятъ, выѣзжаетъ изъ Петербурга 18-го или 20-го, Треповъ назначенъ сенаторомъ, и свои полномочія передалъ барону Штакельбергу (вицегубернаторъ круглый дуракъ, спеціалистъ по поркѣ крестьянъ), такъ что, вѣроятно, вершить все будетъ изъ подполья Новицкій, а на улицѣ полиціймейстеръ Цихоцкій (двоюродный братъ балерины Кшесинской). Евреи посылали депутацію 1) къ Новицкому съ просьбою предупредить погромъ; отвѣтилъ: „Вамъ извѣстно, что 20-го назначена демонстрація. Если въ ней не примутъ участія евреи, ни одинъ волосъ не упадетъ съ ихъ головы; если примутъ — я не дамъ ни одного городового въ ихъ защиту"; 2) къ Штакельбергу; тотъ отвѣтилъ: „во всякомъ случаѣ мы не допустимъ погрома до *такихъ* размѣровъ, какъ въ Кишиневѣ; 3) къ Цихоцкому; тотъ сказалъ: „если евреи сами не будутъ защищаться, полиція ихъ защититъ". Богатые евреи съ Александровской улицы (Подолъ — торговые еврейскіе кварталы, гдѣ ютятся во множествѣ кіевскіе еврейскіе ремесленники, гдѣ больше всего и босяковъ) поднесли приставу подольскаго участка нѣсколько тысячъ рублей съ просьбой не допустить погрома. Тотъ деньги положилъ въ карманъ и говоритъ: „при теперешнихъ обстоятельствахъ я ни за что во ввѣренномъ мнѣ участкѣ не могу ручаться. Во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ три дня не выходить на улицу". До чего въ виду сказаннаго доходитъ паника, можно судить по слѣдующему: въ Коммерческомъ банкѣ имѣются особые именные ящики въ несгораемыхъ шкапахъ для храненія цѣнныхъ бумагъ, — ящики, обычно пустующіе. Директоръ банка говорилъ вчера, что теперь они не только заняты собственниками, но что послѣдніе продаютъ своимъ соплеменникамъ углы въ ящикахъ. У ломбардовъ позавчера были густыя толпы еврейской бѣдноты, стягивавшей туда свои пожитки на сохраненіе; бросалось въ глаза обиліе швейныхъ машинъ. Молодежь еврейская устроила „временный комитетъ самозащиты и самообороны", проситъ демонстрацій не устраивать. Насчитываетъ, говорятъ, въ своихъ рядахъ до 900 челов.; вооружились. Среди учащихся многіе вообще запаслись револьверами — „на всякій случай". Аресты ежедневные на улицахъ, по домамъ. Позавчера ночью арестована рабочая сходка, вчера вечеринка интеллигентовъ (50 чел.). Въ лѣсу захватили шесть рабочихъ собраній.

---

*) Остальныя четыре были подняты при соединеніи двухъ группъ демонстрантовъ.

Кіевъ. Какъ сообщалось въ прошломъ номерѣ, Комитетъ отмѣнилъ назначенную на 20-ое апрѣля демонстрацію, такъ какъ узналъ, что полиція готовитъ на этотъ день погромъ евреевъ. Въ изданной 27-го апрѣля прокламаціи „Почему была отмѣнена демонстрація 20-го апрѣля?" Комитетъ разсказываетъ о томъ, какъ полиція распространяетъ слухи о готовящемся погромѣ. Между прочимъ, „на Пристани и на Крещатикѣ распространялись брошюры, въ которыхъ на евреевъ возводятся всякія небылицы, причемъ распространявшій ихъ *агентъ религіозно-просвѣтительнаго общества* выкрикивалъ: „средство отъ жидовъ!"

Приставъ подольскаго участка и полицеймейстеръ Цихоцкій получили отъ еврейской буржуазіи крупныя взятки. Полицеймейстеръ принялъ „мзду" подъ предлогомъ употребленія поднесенныхъ ему денегъ (отъ 6 до 10 тысячъ) „на усиленіе штата полиціи". Констатируя, что самодержавіе отказываетъ евреямъ въ охранѣ ихъ элементарнѣйшихъ правъ, Комитетъ пригласилъ всѣхъ гражданъ выразить свой протестъ противъ правительственнаго антисемитизма участіемъ въ майской демонстраціи, которую онъ перенесъ на 4-ое мая.

Комитетъ сообщаетъ намъ, что его агитація противъ политики „погромовъ" принесла плоды. „Все еврейское населеніе, что ни часъ, революціонизируется. Спросъ на наши листки о погромахъ громадный. Нѣкоторые, даже мирные евреи, хранятъ ихъ, какъ святыню". Прокламаціи о кишиневскихъ звѣрствахъ и отмѣнѣ демонстраціи въ одинъ день разлетѣлись по городу. Комитетская типографія издала ихъ три тысячи, но онѣ переиздавались „Комитетомъ самообороны", который для этого работалъ въ четыре смѣны.

Насколько намъ извѣстно, помѣщенныя въ № 23 „Рев. Рос." нападки на Комитетъ за отсрочку демонстраціи лишены всякаго основанія и лишній разъ свидѣтельствуютъ о недобросовѣстности столь же безсильной, сколько и претенціозной „партіи".

Одесса. Погромъ въ Кишиневѣ страшно поразилъ всѣхъ. Къ чести еврейской молодежи, нужно сказать, что она готовилась постоять за себя въ Одессѣ, и нужно полагать, постояла бы. Жаль только, что „Комитетъ національной обороны" воспользовался для своихъ цѣлей помѣщеніями, отведенными полиціей для „независимыхъ". Сіонисты*) на почвѣ погрома усиленно зовутъ въ Палестину, отвлекая евреевъ отъ борьбы съ самодержавіемъ. Мѣстный Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ прокламацію о погромѣ „Къ обществу" въ 2500 экз., половина ихъ была разбросана передъ театрами. Кромѣ того, о погромѣ была выпущена прокламація къ массѣ въ 3000 экз. Несомнѣнно, погромъ сыгралъ огромную агитаціонную роль. Всюду только и говорятъ о преступленіяхъ полиціи и правительства.

Ялта, 30 апрѣля. Ходятъ упорные слухи о предстоящемъ въ маѣ мѣсяцѣ еврейскомъ погромѣ. Семействъ тридцать зажиточныхъ евреевъ покинуло уже городъ. Еврейская мелкота, не имѣющая возможности слѣдовать за богатыми, живетъ въ непрерывномъ страхѣ, неувѣренная, что первый встрѣчный уличный мальчишка, которому придетъ въ голову фантазія бросить въ еврея камнемъ, не подастъ сигнала къ поголовному избіенію. Насколько напряжена атмосфера, показываетъ такой фактъ. Проходятъ по городу мѣстные солдаты, и сейчасъ же разносится слухъ, что на случай погрома прибыли войска — то изъ Севастополя, то изъ Ѳеодосіи.

С.-Петербургъ. 18-го апрѣля въ Домѣ Предварительнаго Заключенія около 12 часовъ дня всѣ политическіе заключенные вывѣсили въ окнахъ знамена и вся тюрьма огласилась пѣніемъ „Варшавянки", а затѣмъ „Марсельезы". Начальство совершенно переполошилось, выбѣжало на дворъ, не зная, какія мѣры принять противъ демонстрантовъ. Послѣ пѣнія раздались крики: „да здравствуетъ 1-ое мая!", „Долой самодержавіе!" и пр. революціонные возгласы, покрытые восторженными „ура" не только политическихъ, но и уголовныхъ. Вечеромъ того же дня послѣ молитвы уголовныхъ снова были выкинуты знамена, при чемъ всѣ окна были освѣщены свѣчами (своего рода иллюминація) и снова политическіе запѣли „Марсельезу" и „Варшавянку", раздались снова революціонные возгласы: „Долой самодержавіе!", „Да здравствуетъ соціализмъ!" и пр. На слѣдующій день тюремное начальство извѣстило жандармовъ, по распоряженію которыхъ большинство политическихъ лишено свиданій, переписки на мѣсяцъ. Всѣхъ заключенныхъ (политич.) насчитывается до 150 человѣкъ; 22-го апрѣля выпущены взятые по дѣлу „Искры" въ ноябрѣ: Шапошникова, Городинскій, Шнеерсонъ (былъ привезенъ изъ Кіева), а раньше Левитская, Краснуха.

Петербургъ 14-го апрѣля на Петербургской сторонѣ, по Бол. проспекту д. № 67 на кв. медички Барановой арестовано около 25 чел. Среди арестованныхъ - большинство медичекъ, 4 рабочихъ: Богдановъ, Коркинъ, Янкельсонъ, Авильяновъ, ст. Дюбуа, служащая въ о-вѣ „Надежда" Шнеерсонъ Ф., Д. Шнеерсонъ, курсистки: Денисова, Соболева, Косачъ и др. Полиція хватала всѣхъ, кто только поднимался по этой лѣстницѣ; напр., взяли какого-то субъекта, шедшаго изъ бани, женщину съ ребенкомъ, изъ любопытства заглянувшую. Аресты не прекращаются. На дняхъ арестованы двѣ сестры Дмитріевы — лесгафтички, шесть студ.-технологовъ, рабочій Стернинъ. Взяты двѣ типографіи.

Въ городѣ ходятъ слухи о несостоявшемся покушеніи на Николая. Разсказываютъ, что какой-то студентъ поджидалъ его на Екатерининскомъ каналѣ, но шпіонъ обратилъ на него вниманіе и отобралъ револьверъ. За достовѣрность не ручаюсь. Не полиція ли распространяетъ подобные слухи перед 1 мая?

Москва. Русское правительство съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи, проявляетъ свое „сердечное" отношеніе къ учащейся молодежи. Подъ шумокъ безконечныхъ разговоровъ всякихъ комисcій и подкомиссій о школьной реформѣ правительство исподволь „реформируетъ" тѣ учебныя заведенія, организація коихъ не соотвѣтствуетъ его зубатовскимъ требованіямъ. Какъ образчикъ того, чего можетъ [illegible] въ этомъ направленіи русское общество, сообщаемъ слѣдующій провѣренный фактъ. Существуетъ въ Москвѣ школа садоводства при дачѣ Студенецъ, много лѣтъ тому назадъ пожертвованной царемъ въ вѣчную собственность Россійскому Обществу Садоводства. По высочайше утвержденному уставу этой школы директоръ ея каждое трехлѣтіе избирался Совѣтомъ Р—аго О—ва С., директоръ съ утвержденіямъ Совѣта (Совѣтъ тоже избирается членами Общества) назначалъ инспектора, который отъ себя приглашалъ преподавателей. При такой организаціи школа эта, причисленная къ разряду низшихъ учебн. заведеній, но насчитывавшая среди своихъ воспитанниковъ немало молодыхъ людей въ призывномъ возрастѣ, была свободна отъ замораживающаго вліянія учебнаго округа и съ появленіемъ въ средѣ преподавателей людей съ передовыми взглядами стала быстро развиваться. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прежде отупѣлые, совершенно невѣжественные ученики, оканчивавшіе пятилѣтній курсъ школы чуть ли не безграмотными, измѣнились до неузнаваемости: установилось вполнѣ довѣрчивое отношеніе ихъ къ лучшимъ преподавателямъ, съ неудержимой силой пробудился въ нихъ интересъ къ вопросамъ науки и общественной жизни, и мало-по-малу лучшіе ученики активно примкнули къ разнымъ фракціямъ того общественнаго передоваго движенія, которое за послѣдніе годы широкой волной охватило Россію. Какъ водится, съ первыми ростками новой жизни въ школу проникли и сыщики. Сначала ихъ стали замѣчать во дворѣ и въ саду школы, затѣмъ распространились слухи, что они проникли и въ среду учениковъ. Подозрѣніе высказывалось противъ ученика Румянцева на томъ основаніи, что онъ поддерживалъ оживленныя сношенія со своимъ дядей, который состоитъ агентомъ охраннаго отдѣленія. Другихъ доказательствъ его виновности добыть не удалось. Какъ бы то ни было, но съ весны 1902 г. для школы наступило тяжелое время. Началось съ своевременно сообщеннаго ареста преподавателя С. И. Опенченки. Съ этимъ временемъ совпала начатая друзьями школы въ Р. Общ. С. выборная агитація противъ прежняго консервативнаго Совѣта, тормозившаго развитіе школы. Агитація эта закончилась побѣдой либеральной партіи и перемѣной всего состава Совѣта: директоромъ школы былъ избранъ проф. моск. с.-хоз. института С. И. Ростовцевъ, вице-директоромъ присяжн. повѣрен. А. Н. Марковъ. Очень спѣшно былъ произведенъ выпускъ учениковъ 1902 года, чтобы дать возможность закончить курсъ ученикамъ, надъ которыми собиралась гроза. Успѣли какъ разъ во время, такъ какъ вскорѣ послѣ экзаменовъ нѣсколько садоводовъ выпуска 1902 г. были арестованы (Никифоровъ и др.) и высланы изъ Москвы. Но и этимъ не ограничилось правительство, не оставлявшее съ тѣхъ поръ школы своимъ милостивымъ вниманіемъ. Былъ произведенъ повальный обыскъ въ пансіонѣ школы, въ классахъ, учительской комнатѣ и по всей площади сада, но ничего найдено не было. Во время обыска и на допросѣ ученики, даже младшіе, держали себя молодцами. На вопросъ жандармовъ, куда чаще всего ходили выпускные ученики, малыши указали имъ на прилегающіе къ саду давно заброшенныя каменоломни, гдѣ ученики лѣтомъ устроили себѣ отхожее мѣсто. Жандармы бросились туда, стали рыться подъ камнями и были очень непріятно поражены находкой. Затѣмъ стали тягать учениковъ на допросы. Но такъ какъ жандармы, не довѣрявшіе воспитателямъ, доставляли повѣстки непосредственно ученикамъ и обязывали молчаніемъ передъ учебнымъ начальствомъ, то директоръ, ссылаясь на уставъ школы, по коему ученики не имѣютъ права выходить изъ пансіона безъ особаго всякій разъ разрѣшенія инспектора, своей властью прекратилъ это хожденіе учениковъ на допросы. Далѣе по настоянію жандармовъ были уволены изъ школы 3 ученика, но благодаря заступничеству директора они вскорѣ были приняты обратно. На нападки жандармовъ ученики отвѣтили демонстраціей: были изрѣзаны и перепачканы царскіе портреты въ рекреаціонномъ залѣ. Тогда, очевидно, рѣшено было приняться за школу во всю. Въ январѣ было получено распоряженіе объ увольненіи немедленномъ всего штата преподавателей и замѣнѣ его новымъ (кромѣ директора и инспектора). Наконецъ, въ концѣ февраля с. г. президентъ Р. Общ. С. Цабель, созвавъ экстренное собраніе Совѣта общества, объявилъ ему, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ чиновникъ особыхъ порученій отъ Протасаева-Бахметьева, привезшій съ собою проектъ новаго устава школы съ требованіемъ утвердить его. Проектъ уничтожалъ въ школѣ всякіе слѣды самоуправленія и передавалъ школу въ вѣдѣніе учрежденій Маріи Федоровны. На предложеніе Цабеля члены Совѣта, преимущественно нѣмцы — садоводы, отвѣтили горячимъ протестомъ. Присяжный повѣренный Марковъ въ своей страстной рѣчи напомнилъ собранію, что Совѣтъ существуетъ для свободнаго сужденія о нуждахъ общества, а не для подписанія того, что прикажетъ свыше начальство, которое, если хочетъ, можетъ отнять у общества привилегіи, но подписаніе самому себѣ смертнаго приговора несовмѣстимо съ достоинствомъ общества. Совѣтъ громаднымъ большинствомъ отвергъ проектъ. Чиновникъ особыхъ порученій немедленно уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и черезъ двѣ недѣли было получено слѣдующее административное распоряженіе: 1) высочайше пожалованная дача Студенецъ вмѣстѣ со школой отбираются въ вѣдѣніе учрежденій Маріи Федоровны, за обществомъ оставляется лишь право избранія попечительнаго совѣта о школѣ, т. е. благотворительнаго учрежденія, 2) директоръ отнынѣ не избирается, а назначается вѣдомствомъ учреж. М. Ф., имъ же утверждаются и учителя школы, 3) въ текущемъ году ученики двухъ старшихъ (4 и 5-го) классовъ выпускаются одновременно безъ дипломовъ; дипломы могутъ быть ими получены: — первыми черезъ два года, а вторыми — черезъ годъ, если они представятъ къ тому времени свидѣтельство о благонадежности отъ полиціи, удостовѣреніе отъ садоваго заведенія о томъ, что они все это время практически занимались садоводствомъ, и аттестатъ о хорошемъ поведеніи отъ хозяевъ; въ противномъ случаѣ они лишаются дипломовъ. Для выясненія всей гнусности послѣдняго распоряженія необходимо еще указать, что большинство кончающихъ эту школу обыкновенно садоводствомъ не занимаются, а продолжаютъ свое образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или сдаютъ экзамены на званіе учителя. Практическую подготовку они уже получили: каникулъ въ этой школѣ нѣтъ, все лѣто ученики работаютъ въ саду школы, а зимою въ оранжереяхъ; принимаютъ и заказы на работы въ чужихъ садахъ. Въ довершеніе всего носятся упорные слухи, что будутъ распущены и всѣ ученики младшихъ трехъ классовъ, а осенью будетъ произведенъ новый пріемъ учениковъ — совсѣмъ какъ при разжалованіи впавшаго въ немилость полка. Такія проявленія самодержавнаго самодурства большей частью проходятъ незамѣченными, такъ какъ совершаются они подъ сурдинку, особенно когда гнѣвъ обрушивается на безотвѣтную низшую школу. Считаемъ нравственнымъ долгомъ своимъ доводить о подобныхъ фактахъ до свѣдѣнія русскаго общества, чтобы оно воочію убѣдилось, какъ русскій царь любитъ и отечески печется о дѣтяхъ своихъ вѣрноподанныхъ.

Москва. Сообщу Вамъ послѣднюю милость властей къ изгнаннымъ изъ Сибири студентамъ (имъ запрещено проживать въ предѣлахъ ея). Къ сожалѣнію, не могу списать дословно (слишкомъ много сердечнаго попеченія) и потому передаю самую суть подлинника.

Властями замѣчено, что возвращенные Высочайшимъ распоряженіемъ и разселенные вокругъ Москвы (какъ волки вокругъ овчарни) постоянно являются туда, проживаютъ и ведутъ агитацію, „съ цѣлью вновь устроить безпорядки на политической почвѣ". Посему приказывается мѣстнымъ властямъ, неослабно слѣдить за оными агитаторами и о выѣздѣ ихъ сообщать немедленно, по возможности, телеграммой. Московскимъ же властямъ считать ихъ появленіе достаточнымъ основаніемъ для ареста и заключенія.

Дальше приложенъ списокъ непринятыхъ въ университетъ и возвращенныхъ изъ Сибири, всего человѣкъ триста. Въ Москвѣ арестовали 12 января возвратившагося студента Карякина и только что выпустили на поруки подъ большой залогъ (5000 р.). Говорятъ, еще арестованъ возвращенный прис. повѣр. Волковъ. Арестовали студ. Карпачева, тоже возвращеннаго и принятаго въ Университетъ — но выпустили. Вотъ вамъ и милость царская — зачешешься!

Еще надо прибавить, что полиціи не особенно-то удается ея система, а то еще много уѣхало бы „на дачу".

Уже два раза провокаторы старались устроить безпорядки, понимая, конечно, что они вышли бы мизерными, и полиціи можно было бы проявить свою распорядительность.

Появились „охранныя" прокламаціи преступнаго содержанія — первый разъ передъ 19 февраля (сопровождались арестами). Другой разъ они приглашали на сходку въ среду 27 февраля(?), чтобы поддержать петербуржцевъ, заявившихъ, что теперь учиться невозможно.

Прокламація подписана N-скимъ землячествомъ, котораго при разслѣдованіи и подлежащемъ разсмотрѣніи не оказалось.

На сходку явилось около 50 человѣкъ и не смотря на усиленное приглашеніе *неизвѣстныхъ* студентовъ во что бы то ни стало устроить безпорядокъ, и не смотря на всѣ обвиненія въ трусости — сходка разошлась мирно. Очевидно, полиція думала, что при теперешнемъ настроеніи ей легко замѣтить всѣхъ главарей (а ихъ-то на ея разочарованіе и не было).

Начальство старается! Копія съ секретнаго письма начальника штаба кавказскаго военнаго округа Наказному Атаману Кубанскаго казачьяго войска отъ 26-го февраля 1903 года за № 639.

Военный министръ въ письмѣ своемъ къ командующему войсками округа отъ 21-го января с. г. за № 62, сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее:

По полученнымъ изъ Департамента Полиціи свѣдѣніямъ, за послѣднее время наблюдается усиленное стремленіе со стороны разныхъ революціонныхъ группъ къ организаціи противоправительственной пропаганды въ войскахъ. Послѣдняя выражается въ попыткахъ распространенія среди солдатъ и другихъ военныхъ чиновъ нелегальныхъ изданій, которыя для этой цѣли разсылаются въ войсковыя части по почтѣ, или, что наблюдается гораздо чаще, подбрасываются въ казармы, дворы при нихъ и другія мѣста, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства.

Однако, не смотря на принимаемыя чинами Отдѣльнаго Корпуса жандармовъ весьма энергичныя мѣры къ разъясненію подобныхъ событій, дознанія о распространеніи революціонныхъ изданій въ войскахъ обыкновенно прекращаются за необнаруженіемъ виновныхъ. По имѣющимся въ Департаментѣ Полиціи свѣдѣніямъ, въ числѣ причинъ, вызывающихъ такой нежелательный исходъ дѣлъ, немаловажное мѣсто занимаютъ нѣкоторыя обстоятельства, устраненіе которыхъ зависитъ отъ самого военнаго вѣдомства.

Изъ числа указанныхъ обстоятельствъ, прежде всего обращаетъ вниманіе медленность, иногда весьма значительная, въ увѣдомленіи чиновъ Корпуса Жандармовъ военными властями о случаяхъ обнаруженія въ мѣстахъ ихъ исключительнаго вѣдѣнія преступныхъ по содержанію сочиненій. Такая медленность происходитъ очень часто вслѣдствіе того, что мѣстное военное начальство производитъ вопреки 1035 12/13 ст. Уст. Угол. Судопр. своими средствами разслѣдованіе, которое затѣмъ передается въ надлежащее Жандармское Управленіе, иногда же объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нижніе чины не всегда своевременно доносятъ кому слѣдуетъ о найденныхъ ими нелегальныхъ изданіяхъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что начальники нѣкоторыхъ воинскихъ частей, изъ боязни скомпрометировать свою часть, намѣренно скрываютъ и уничтожаютъ находимые въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ революціонные листки, прокламаціи и т. п. Далѣе, при производствѣ нѣкоторыхъ дознаній было установлено, что распространеніе нелегальныхъ изданій можно было бы предупредить, если бы вездѣ признавалось одинаково необходимымъ имѣть смѣнныхъ дневальныхъ при входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, служащія исключительно для военнаго вѣдомства. Наконецъ, представляется весьма желательнымъ установленіе особо тщательнаго надзора за помѣщеніями, гдѣ находятся нижніе чины изъ евреевъ, а равно и за вещами послѣднихъ, т. к. практика показываетъ, что эти солдаты поддерживаютъ обыкновенно сношенія съ мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ, изъ среды котораго выходитъ вообще не мало лицъ, занимающихся революціонной пропагандой. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, Военный Министръ приказалъ подтвердить, въ интересахъ огражденія арміи отъ преступной пропаганды, по войскамъ округа: 1) чтобы начальники отдѣльныхъ частей отнюдь, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, не позволяли себѣ уничтожать или какимъ-либо образомъ скрывать отъ надлежащихъ властей находимые въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ революціонные листки и вообще изданія нелегальнаго характера; 2) чтобы о случаяхъ обнаруженія въ мѣстахъ, состоящихъ въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи, преступныхъ по содержанію сочиненій, они безъ всякаго замедленія сообщали бы подлежащимъ чинамъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, т. к. по закону производство дознаній по государственнымъ преступленіямъ, за исключеніемъ лишь случаевъ, точно указанныхъ ст. 1035 12 Уст. Угол. Судопр., возлагается именно на офицеровъ этого корпуса; 3) чтобы нижнимъ чинамъ вновь была подтверждена и постоянно напоминаема обязанность ихъ немедленно представлять по начальству всѣ находимыя ими нелегальныя изданія; 4) чтобы при всѣхъ входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства были наряжаемы дневальные изъ расторопныхъ и грамотныхъ нижнихъ чиновъ, на обязанности которыхъ лежало бы слѣдить за всѣми отдѣльными лицами, входящими и выходящими изъ этихъ дворовъ и помѣщеній, опрашивать, буде встрѣтится въ томъ надобность, о званіи ихъ, о цѣли прихода, съ отмѣткою о томъ, а также о времени ихъ прихода и ухода въ особую книгу, представляемую ежедневно дежурному по части офицеру; 5) Чтобы ближайшее начальство за нижними чинами изъ евреевъ и ихъ вещами, въ виду обстоятельствъ, указываемыхъ въ сообщеніи Департамента Полиціи, имѣло особо тщательный и неослабный, хотя и не гласный надзоръ.

Обо всемъ вышеизложенномъ имѣю честь сообщить, по приказанію Командующаго Войсками Округа, Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій о неуклонномъ исполненіи всѣми начальствующими лицами вышеприведенныхъ мѣръ, предписанныхъ Его Превосходительствомъ Военнымъ Министромъ.

Къ пропагандѣ въ арміи. За подписью „офицера русской арміи" намъ прислано сообщеніе о томъ, что въ мартѣ въ Кіевѣ была распространена гектографированная прокламація „Къ русскимъ офицерамъ". Прокламація обращаетъ вниманіе офицеровъ на недостойность ихъ положенія „усмирителей" освободительнаго движенія. Прокламація подписана „Союзомъ для пропаганды въ войскѣ".

Красноярскъ. апрѣль 1903 г. Вакханалія полицейской и жандармской разнузданности въ нашемъ городѣ все продолжается и растетъ.

Въ мартѣ насъ осчастливилъ своимъ пріѣздомъ фонъ-Валь, явившійся для личнаго разслѣдованія томскаго побоища и совершившій, воспользовавшись случаемъ, экскурсію по Сибири. Слѣды этого проѣзда сказались въ Красноярскѣ усиленной погоней за „революціонными бациллами". А такъ какъ здѣшніе спеціалисты весьма еще плохо освѣдомлены въ бактеріологіи, то естественно, что они по глупости хватаютъ первыхъ попавшихся имъ лицъ...

Вскорѣ послѣ послѣднихъ мартовскихъ арестовъ и обысковъ, пріѣхалъ въ Красноярскъ прокуроръ судебной палаты Яраковъ. Этотъ выученикъ школы гг. Муравьева-Плеве, рѣшилъ навести окончательно ужасъ на городъ и „революціонеровъ". Онъ распорядился объ арестѣ ссыльнаго Икова, у котораго нашли одну прокламацію; онъ призвалъ къ допросу фельдшерицу, у которой нашли текстъ адреса томичамъ, при чемъ былъ до крайности грубъ („вы все врете", „плетете, чортъ знаетъ, что" и пр. милыя выраженія такъ и сыпались съ устъ г. прокурора); невѣстѣ Икова,

---

*) Отъ ред. Кстати о сіонистахъ: намъ сообщаютъ, что эти господа уклонились отъ участія въ митингѣ, созванномъ парижскими профессорами, въ цѣляхъ протеста противъ кишиневскихъ звѣрствъ. Мотивировка: они не желаютъ портить своихъ отношеній съ правительствомъ Россійскаго султана. Парижскіе сіонисты оказались въ хорошей компаніи: либеральные профессора „Высшей русской школы" тоже не приняли участія въ этомъ митингѣ. Мотивы, конечно, столь же шкурнаго свойства.

[illegible] узнать объ участіи жениха, г. Яраковъ тоже нагово[illegible] дерзостей, заявилъ, что школа распущена, что онъ пріѣдетъ „подтянуть" и пр. и пр. Эта поучительная поѣздка несомнѣнно дала плоды.

25-го марта вечеромъ идетъ по улицѣ одинъ здѣшній рабочій. Вдругъ слышитъ сзади крикъ, шумъ. Оглядывается: къ нему бѣжитъ какая-то фигура, которая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стрѣляетъ въ воздухъ и свиститъ. Это — пикетчикъ. На его свистъ и выстрѣлъ сбѣгаются другіе стражи: парня арестуютъ, приводятъ въ участокъ. Пикетчикъ предъявляетъ двѣ прокламаціи, найденныя имъ на улицѣ, и объясняетъ, что, хотя онъ и не видѣлъ, чтобы арестованный бросилъ эти прокламаціи, но такъ какъ было поздно, а онъ шелъ по улицѣ, то пикетчикъ представилъ его въ участокъ. Рабочаго привлекаютъ къ дознанію въ порядкѣ 251 ст. и отправляютъ въ тюрьму, гдѣ, за неимѣніемъ мѣста, его помѣщаютъ вмѣстѣ въ уголовными, отбираютъ его платье, одѣваютъ въ арестантскій костюмъ и пр.! Тутъ ясно сказывается духъ фонъ-Валевской политики въ Вильно и Зап. Краѣ вообще, когда сторожа и городовые изъ-за награды хватали всѣхъ на улицѣ и тащили въ участокъ, какъ распространителей прокламацій. Ни при личномъ, ни при домашнемъ обыскѣ у арестованнаго ничего не нашли. Но такъ какъ онъ въ прошломъ году привлекался по той же статьѣ (дѣло его еще не рѣшено въ Питерѣ), то его и теперь держатъ...

Въ началѣ апрѣля арестуютъ фельдшерицу Натанзонъ, уже находившуюся подъ слѣдствіемъ по 251 ст. Новое обвиненіе (по той же статьѣ) основываютъ на томъ, что она, будто бы, отправляла съ вокзала въ Читу и Омскъ посылки, которыя при вскрытіи (!) оказались съ прокламаціями. Предъявили ее свидѣтелямъ (жандармамъ, конторщикамъ и проч.) Говорятъ: „не она". Тогда жандармерія, воспользовавшись тѣмъ, что въ городѣ есть ссыльная Аркусская, очень похожая лицомъ на фельдшерицу, освобождаетъ послѣднюю и арестуетъ Аркусскую. Свидѣтели расходятся въ показаніяхъ, тотъ говоритъ „она", другой „не она", третій „похожа" и т. д. и т. д. Но ее оставили въ тюрьмѣ и привлекли по 251 ст. 2-ой части. Зачѣмъ? Почему? Развѣ потерявшіе голову холопы азіатскаго самодержавія отдаютъ отчетъ въ своихъ поступкахъ? На вокзалѣ они арестуютъ и обыскиваютъ бывшаго ссыльнаго, пріѣхавшаго откуда-то въ Красноярскъ, ничего не находятъ и отпускаютъ. Зачѣмъ это сдѣлали? Навѣрное, самъ жандармскій ротмистръ не знаетъ: просто въ его отупѣвшую голову залетѣла шальная мысль „дай, дескать, обыщу", и обыскалъ.

„Ну, а что же общество? Что дѣлаетъ дирекція школы, надъ ученицами которой такъ безнаказанно издѣваются представители прокуратуры съ г. Яраковымъ во главѣ и жандармерія съ ротмистромъ Шпарковскимъ подъ началомъ?" О! обществу за этотъ мѣсяцъ было много работы: оно усиленно подъ шумокъ сплетничало, создавало цѣлыя легенды, увѣряло пресерьезно, что „типографія" въ фельдшерской школѣ (къ удивленію, это не иронія надъ полиціей, а серьезное убѣжденіе всѣхъ либеральныхъ кумушекъ мѣстнаго „культурнаго" общества!) и т. д. и т. д. „Общество", повѣрившее вмѣстѣ съ г. полиціймейстеромъ, объявившимъ послѣ манифеста 26-го февраля объ изданіи русской конституціонной хартіи, о скоромъ водвореніи „гарантіи личности", это общество, увидавъ, что основы русской конституціи — плеть и застѣнокъ, — конечно, струсило и начало показывать кукишъ въ карманѣ. Гг. врачи и дирекція школы, конечно, лишь выдали себѣ testimonium paupertatis (свидѣтельство о бѣдности)! Они трепетали за школу, забывъ о привлекаемыхъ ученицахъ, сидящихъ по участкамъ и пр. То, что страдаютъ дѣвушки ни за что, ни про что попадающія въ тюрьмы, что гибнутъ молодыя силы — это до нихъ не касается! Либералъ всегда любитъ дѣлать такъ, чтобы его карманъ и его репутація благонамѣреннаго фрондера оставались цѣлы! Конечно, о какомъ-либо протестѣ никто и не заикнулся; среди всеобщаго трепета („а вдругъ и меня въ часть?") спокойно распоряжались гг. Яраковы, Шпарковскіе и [illegible] нашего государственнаго болота. Пусть бы дѣло шло только объ арестахъ среди ссыльныхъ: „чужестранцы" [illegible] дѣйствительно чужды даже наиболѣе либеральнымъ кумушкамъ (въ Ачинскѣ отъ ссыльной дѣвушки перебѣгали на другую сторону, затворяли двери дома ачинскіе столпы либерализма), но дѣло идетъ о дочеряхъ и сыновьяхъ этого общества! Комитетъ настоятельно призывалъ все общество прійти на помощь революціонному движенію рабочихъ. Общество ясно доказало свое банкротство и неимѣніе самыхъ элементарныхъ понятій о чести, достоинствѣ и т. д. Оно въ безконечный разъ выдало наиболѣе молодыхъ и лучшихъ своихъ членовъ гг. гасителямъ мысли и слова въ Россіи.

Астрахань. — Педагоги-сыщики. При мѣстномъ управленіи калмыцкимъ народомъ есть пансіонъ, въ которомъ заботливое правительство призрѣваетъ обучающихся въ городѣ дѣтей калмыковъ-кочевниковъ. Кромѣ старшихъ воспитанниковъ, — учениковъ гимназіи и реальнаго училища, есть и малыши, для которыхъ здѣсь построено училище. Пансіономъ и училищемъ завѣдуетъ нѣкто Авровъ, бывшій классный надзиратель реальнаго училища. Этотъ господинъ, отличавшійся на прежнемъ поприщѣ склонностью къ сыску и доносамъ, устроилъ для своихъ питомцевъ такой режимъ, который довелъ ихъ до открытаго протеста. Скаредное и унизительное для мальчиковъ сбереганіе каждаго карандаша и листа бумаги, „экономія" на обѣдѣ воспитанниковъ, грубое и презрительное обращеніе, а съ наиболѣе беззащитными — маленькими — и ручная расправа, — въ такихъ формахъ проявилось здѣсь „сердечное попеченіе". Все это было поставлено на видъ г. Аврову въ письмѣ, поданному ему прямо и открыто однимъ изъ пансіонеровъ съ подписью: „Всѣ". Юные мечтатели оптимистически разсчитывали, что, выяснивъ надзирателю его негодность, они заставятъ его уйти. Но гг. Авровы стыда не знаютъ. Письмо передано по инстанціямъ съ подлежащими комментаріями „главному попечителю калмыцкаго народа" мѣстному губернатору Газенкамперу. Тотъ поручаетъ одному изъ чиновниковъ управленія Сусскому произвести дознаніе о бунтѣ въ стѣнахъ пансіона, и на основаніи составленнаго доклада образъ Аврова, по даннымъ доклада, конечно, сіялъ бѣлѣе и чище мѣла, а мальчики рисовались злостными бунтовщиками; послѣдовала попечительская резолюція: двухъ гимназистовъ, выставленныхъ организаторами „бунта" (писавшаго письмо и подавшаго), исключить не только изъ пансіона, но и изъ гимназіи. Только вмѣшательство гимназическаго начальства, возмутившагося, что его учениковъ исключаютъ безъ его согласія, смягчило участь обреченныхъ, и полное исключеніе было замѣнено временнымъ и ссылкой въ степь подъ надзоръ мѣстнаго попечительства. Среди гимназистовъ, русскихъ товарищей ссылаемыхъ, явилась было мысль вступиться за товарищей и отправить депутацію къ губернатору, но мысль эта заглохла, также и намѣреніе поднести опальнымъ въ знакъ сочувствія фотографическую группу. Начальство разъяснило гимназистамъ, что цѣнитъ ихъ сочувственное отношеніе къ товарищамъ, но отношеніе это можетъ быть „дурно истолковано". Въ настоящее время одинъ изъ „преступниковъ" уже водворенъ въ новомъ мѣстѣ жительства, высылка другого — 14-15 лѣтняго мальчика — отложена за его болѣзнью. Отосланный въ степь былъ аттестованъ губернатору директоромъ какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, никогда не проявлявшій бунтарскихъ наклонностей, притомъ какъ талантливый музыкантъ (крупная сила, по отзыву музыкальнаго училища).

Тифлисъ.

Неспокойное настроеніе отразилось и на нашихъ средне-учебн. заведеніяхъ. Поводомъ послужило какое-то требованіе учащихся 1-ой мужской клас. гимназіи министерскаго праздника, которое выразилось очень буйно: били скамьи, стекла — въ результатѣ 6 чел. уволены изъ гимназіи. Ученическій кружокъ сталъ выпускать листки, требуя возвращенія товарищей. Услужливое Жандармское Управленіе пришло на помощь „воспитателямъ" — начались повальные обыски среди гимназистовъ, находили у многихъ прокламаціи „Къ гражданамъ". И вотъ „враги отечества", „нарушители общественнаго порядка и спокойствія", гимназисты 4-5 класса сажаются въ Метехскій замокъ, запугиваютя всѣми средствами, имѣющимися въ рукахъ жандармовъ, — часть выпускаютъ, другая занимаетъ ихъ мѣста.

А „воспитатели" не только не стѣсняются, но даже усиленно помогаютъ въ плодотворныхъ трудахъ жандармскому управленію. Да и кто эти воспитатели? Характеристика ихъ приблизительно извѣстна многимъ по характеристикѣ учителя В. В. Агапьева и въ прокламаціи прошлаго года; можно дополнить ее указаніемъ на плодотворную дѣятельность директора Александровскаго Учительскаго Института Стрѣлецкаго, который дѣлалъ обыски на квартирахъ учениковъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ. Въ 1-ой мужской гимназіи учитель древнихъ языковъ Соловьевъ посвятилъ цѣлый урокъ въ 7 классѣ восхваленію дѣйствій администраціи, съ восхищеніемъ описывалъ, какъ городовые били одну изъ участницъ демонстраціи, молодую дѣвушку, старался внушить своимъ слушателямъ преклоненіе передъ идеей власти и указывалъ на себя, въ какомъ священномъ трепетѣ находился онъ, видя, какъ Александръ III милостиво разговаривалъ съ его отцомъ. Вообще эта гимназія замѣчательна своимъ подборомъ педагоговъ.

Учитель русскаго языка Забѣжкинъ попалъ въ литературу за довольно странное упражненіе: онъ училъ учениковъ (русскихъ) дразнить воспитанниковъ армянъ по латыни (армяшка соленный). Въ армянской газетѣ „Ардзаганъ" описывали воспитательные пріемы Забѣжкина подъ видомъ корреспонденціи изъ Ростова. За такое разоблаченіе газета поплатилась. Забѣжкинъ преподаетъ словесность въ Тифлисскомъ землемѣрномъ училищѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, войдя въ старшій классъ на одинъ изъ своихъ уроковъ, Забѣжкинъ замѣтилъ въ классѣ волненіе: онъ сѣлъ на кафедру и приготовился начать урокъ. Одинъ изъ учениковъ поднялся, подошелъ къ каѳедрѣ и сталъ перечислять всѣ „достоинства" Забѣжкина, какъ преподавателя и человѣка. Забѣжкинъ выбѣжалъ изъ класса, позвалъ директора и объявилъ ему, что оставляетъ учебное заведеніе, не обращая вниманія на усиленныя просьбы послѣдняго. Слѣдующій урокъ въ томъ же классѣ былъ директора, — съ нимъ повторилось то же самое, послѣ обличительной рѣчи его проводили шиканьемъ и свистками. Предупредительный воспитатель юношества, учитель математики Хевсуріанъ, поспѣшилъ на помощь съ двумя городовыми: ученикъ (обличитель) высказалъ директору удивленіе по поводу присутствія въ зданіи учебнаго заведенія полиціи, сказалъ, что не желаетъ больше оставаться въ учебномъ заведеніи и беретъ свои документы. Забѣжкинъ на другой день явился въ училище на уроки, но во всѣхъ классахъ его встрѣтили свистомъ, шиканьемъ и онъ былъ принужденъ оставить это мѣсто.

Ташкентъ. 27 марта. Пропаганда соціалистическихъ идей нашла себѣ почву и въ нашихъ палестинахъ, гдѣ два года назадъ нельзя было ничего ожидать.

За послѣднее же время и у насъ начинаются обыски, и у насъ правительство изволитъ съ корнемъ вырывать молодыя деревья. Лѣтомъ на удивленіе всѣхъ ташкентцевъ у ссыльнаго Шендрикова былъ произведенъ среди бѣла дня обыскъ (въ 3 ч. дня) гг. полиціймейстеромъ, 2 приставами и 2 околоточными. Нашли „Исповѣдь" Толстого и .... обрадовались. Занесли въ протоколъ и отослали ее въ Департаментъ Полиціи.

Теперь же, негаданно, гимназическое начальство пронюхало, что среди гимназистовъ циркулируютъ какіе то журналы (издаваемые гимназистами) и листки.

Начали по вечерамъ производить обыски у гимназистовъ, главнымъ образомъ. Обязанность сыщиковъ исполняли губернаторъ Корольковъ, инспекторъ Яхонтовъ, директоръ Преображенскій и прокуроръ (теплая компанія!). Въ результатѣ арестовали студ. Михина. Послѣдній сидитъ еще и теперь въ тюрьмѣ. Говорятъ, что на допросѣ одного гимназиста спросили, гдѣ онъ взялъ нелегальную литературу, онъ от[illegible] а потомъ, уставшіи начал[illegible] „мѣсто взялъ". Кромѣ того о[illegible] гимназиста 5-го класса исключили [illegible] 8-го класса поставили по 4 [illegible] въ „свидѣтельствахъ". Гимназисты [illegible] черезъ нѣсколько дней были выбиты помощниками [illegible] окна у физика и грека. Директору генеральгубернаторъ Ивановъ предложилъ подать въ отставку. Ждутъ новаго директора, который общими силами съ полиціей и нѣкоторыми учителями начнетъ изгонять крамолу за предѣлы Каспійскаго моря.

Настроеніе среди гимназистовъ бодрое. Чувствуется недостатокъ въ литературѣ.

Съ границы. Хронику удавшихся побѣговъ „политическихъ" изъ рукъ палачей самодержавія мы можемъ дополнить новымъ небезинтереснымъ фактомъ, происшедшимъ за самое послѣднее время.

Въ одномъ мѣстечкѣ жандармскій унтеръ получилъ по телеграфу приказъ арестовать человѣка съ опредѣленными, указанными въ телеграммѣ, примѣтами, если бы таковой тамъ появился. Жандарму дѣйствительно удалось задержать подходящаго человѣка. Онъ нанялъ возницу и повезъ свою добычу въ ближайшій городъ. По дорогѣ арестованный обильно угощалъ цареву собаку водкой и пивомъ; все таки напоить его не удалось. Но жандармъ вѣдь тоже человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, въ особенности послѣ того, какъ онъ принялъ въ желудокъ изрядное количество матеріи. Поэтому, естественно, что онъ долженъ былъ слѣзать съ повозки и удалиться на нѣсколько шаговъ. Возница воспользовался случаемъ и тоже слѣзъ. Отчаянная рѣшимость блеснула въ головѣ арестованнаго. Онъ дернулъ возжи. Лошади тронулись. Возница вскакиваетъ, но нѣсколько бѣшеныхъ ударовъ по спинѣ лошадей заставляютъ ихъ скакать во всю мочь, и повозка помчалась, сопровождаемая крикомъ возницы и жандарма. Справившись съ костюмомъ, жандармъ послалъ въ догонку бѣглецу четыре пули, изъ которыхъ одна его легко ранила. Въ первое время бѣглецъ раны вовсе не ощущалъ. Она, къ счастью, не помѣшала ему довести бѣгство до конца и теперь, когда нашъ товарищъ въ безопасности, она быстро заживаетъ. Надо полагать, что послѣ такой неудачи жандармъ вовсе не сообщитъ своему начальству о случившемся. Поэтому и мы не будемъ сообщать подробностей этого дѣла, чтобы не помѣшать товарищу въ дальнѣйшей работѣ.

Еще одинъ! Петръ Глѣбовичъ Ярковъ — таково имя одного изъ московскихъ провокаторовъ, „работающихъ" въ пролетарской средѣ. Нашему мѣстному Комитету удалось достать копію съ документа, подписаннаго этимъ Іудой. Документъ носитъ заглавіе: „Думы. Повѣсть о томъ, какъ у меня образовалось собственное міровоззрѣніе, выстраданное мною и стоившее мнѣ очень и очень много". Адресъ: „Въ московское жандармское управленіе, прилагается при прошеніи". Писано изъ московской губ. тюрьмы 27 мая 1902 г. Разсказавъ о томъ, какъ его „совратили" соціалисты и какъ онъ въ тюрьмѣ „въ своемъ заблужденіи искренно и чистосердечно раскаялся", облилъ помоями своихъ прежнихъ товарищей, Ярковъ заявляетъ: „какъ только я выйду на волю, я поставлю себѣ за правило, вмѣню въ обязанность всю свою жизнь бороться съ этимъ общественнымъ зломъ" — т. е. съ рабочимъ движеніемъ. „Первою и главною моей цѣлью будетъ искорененіе самыхъ вредныхъ личностей, распространяющихъ на русскій народъ свое тлетворное вліяніе". Проклиная соціалистовъ, авторъ, однако, „мало сожалѣетъ о своей ошибкѣ: она сослужила хорошую службу, была для меня практической школой и вывела на настоящую дорогу".

Голосъ былъ услышанъ и Петръ Ярковъ носитъ теперь на своемъ лицѣ Каинову печать. Остерегайтесь, московскіе товарищи!

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Не трудно было при чтеніи новыхъ беззаконныхъ указовъ Плеве и Николая II, предоставившихъ Бобрикову диктаторскую власть въ Финляндіи, предвидѣть, что оберъ-палачъ немедленно приступитъ къ энергичнымъ мѣропріятіямъ противъ „крамолы". Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія „высочайшихъ" рескриптовъ, въ ночь на 9 (22) апрѣля и въ этотъ день въ Финляндіи было произведено нѣсколько неслыханныхъ въ этой странѣ обысковъ и нѣсколькимъ лицамъ приказано въ теченіе семи дней оставить свою родину. Финляндская полиція и русскіе жандармы вели себя при производствѣ обысковъ даже еще грубѣе и наглѣе, чѣмъ ихъ братія обыкновенно дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ у насъ. Первыми жертвами царскаго террора пали наиболѣе выдающіеся представители финляндской интеллигенціи — представители шведской и младофенноманской партій.

Въ Финляндіи и въ заграничной прессѣ стало немедленно извѣстно 11 человѣкъ, не понравившихся Бобрикову, 29-го же апрѣля появилось оффиціальное сообщеніе, перечислившее семь лицъ. Пока назовемъ лишь этихъ „агитаторовъ". Вотъ они: директоръ банка графъ Маннергеймъ, адвокатъ І. Кастренъ, книготорговецъ В. Хагельстамъ, крупный помѣщикъ баронъ М. фонъ-Борнъ, консулъ Е. Вольфъ, фабрикантъ Р. Вольфъ и юристъ А. Феллъманъ. Всѣ эти лица открыто неоднократно протестовали противъ царскихъ преступленій, и теперь они отнесены русскими опричниками, разумѣется, совершенно произвольно къ „кагалу", ибо такого никогда не существовало въ Финляндіи. Въ слѣдующей статьѣ мы сообщимъ нѣкоторыя интересныя подробности о первыхъ жертвахъ царскаго произвола въ Финляндіи. Повсюду многочисленная публика проводила ихъ съ цвѣтами, пѣніемъ и громкимъ „ура!" Особенно грандіозными были проводы на Гельсингфоргскомъ вокзалѣ, наполненномъ туземными и русскими сыщиками. Читатель не долженъ понимать выраженіе: „первыя жертвы" въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Финляндіи пострадала такъ или иначе масса лицъ. Эти же финляндскіе граждане изгнаны изъ Финляндіи на основаніи диктаторской власти Бобрикова, тогда какъ раньше многіе лишились мѣстъ, пенсій и т. п.

Спасеніе Финляндіи теперь мыслимо лишь при сверженіи самодержавія въ Россіи.

17/30 апрѣля.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь (Вагоностроительный заводъ Анонимнаго общества).

Плохо идутъ дѣла нашего завода! Выстроили его въ годы грюндерской горячки, оборудовали, пустили въ ходъ, снабдивъ казенными заказами, — но скоро онъ сѣлъ на мель. Сильно задѣлъ его кризисъ, не стало заказовъ. Сильно повредила ему „несчастная случайность". Осенью 1900 года заводъ сильно пострадалъ отъ пожара. Были даже основанія подозрѣвать поджогъ, т. к. передъ тѣмъ на заводѣ шло броженіе, надвигалась стачка. Отъ пожара пострадалъ, правда, и хозяйскій карманъ, но хуже всего пришлось, конечно, рабочимъ: изъ 3000 слишкомъ чел. было разсчитано болѣе половины, а оставшіеся на своей шкурѣ узнали всю прелесть рѣзко измѣнившихся условій труда. Среди заводскихъ рабочихъ не мало заволжскихъ и затверецкихъ (такъ наз. часть города) мѣщанъ. Многіе владѣютъ домишками. Есть крестьяне, почти порвавшіе связи съ деревней, есть и такіе, которые каждый праздникъ идутъ домой на побывку. Хоть уровень жизненныхъ потребностей рабочихъ завода, какъ рабочихъ *обученныхъ*, и выше, напр., тверскихъ ткачей, но сила сопротивленія ихъ не велика. Причиной тому, быть можетъ, отчасти разнородность состава рабочаго персонала, отчасти общее угнетенное состояніе. Среди рабочихъ существуетъ даже мнѣніе, что заводская администрація будетъ рада стачкѣ и прикроетъ заводъ, и многія завоеванія, сдѣланныя ими въ тѣ времена, когда заводъ нуждался въ рабочихъ рукахъ, прахомъ пошли... Тогда [illegible] по субботамъ работали только до 3 час. Теперь работаютъ до вечерняго свистка. Расцѣнки понизились вдвое-втрое. Штрафы приняли безобразно широкіе размѣры: штрафуютъ за 3 минуты опозданія, куреніе во дворѣ, питье чая сидя. Отношеніе начальства [illegible] все хуже: обходятся съ рабочими грубо [illegible] подъ разсчетъ. Особенно [illegible] мастера *Ренанъ* и *Браке*, заправскіе хозяйскіе холопы. Послѣдній специалистъ грабить рабочихъ посредствомъ т. наз. „проработки". Существуетъ она на заводѣ давно, но Браке ее безспорно усовершенствовалъ.

Состоитъ она въ слѣдующемъ: плата за работу полагается сдѣльная, но для общаго мѣсячнаго заработка существуетъ граница въ формѣ „цеха", [illegible] „цеховой" платы. Если работы много, то, налегая, рабочій вырабатываетъ „проценты" — коп. 40-50 на рубль (сверхъ „цеха"), но сполна ему излишка не выдаютъ. Если же работы мало, то, несмотря на всѣ старанія, ему „цеха" не выработать; недостающая же сумма вычитается изъ процента слѣдующаго мѣсяца.

Былъ такой случай. За недостаткомъ работы одну партію столяровъ зданія Ж. заставили гулять. Другой же партіи изъ 45 чел. дали сдѣльную работу. Было ея такъ мало, что мастеръ убѣдительно просилъ не торопиться. При сдачѣ оказалось, что „цеху" у рабочихъ 950 руб., а на сдѣльной платѣ они выработали всего 460 руб. Значитъ, оказалось „проработки" 490 руб.

Затѣмъ, на мѣсто этой партіи вышли гулявшіе столяры. Они получили работы на 1500 руб. Сдали работу и эти столяры. Оказалось, что — по расцѣночной табели — каждый рабочій выработалъ процентовъ коп. 60 на рубль. Но изъ этого излишка ничего рабочимъ не попало; весь онъ пошелъ на покрытіе „проработки" *другой* партіи. Нагло ограбленные рабочіе пригрозили жалобой фабричному инспектору. Въ отвѣтъ на это уволили 5 человѣкъ. Вытребованный же инспекторъ переговорилъ съ мастеромъ и отказался вступиться за рабочихъ, ибо онъ-де условій заводской работы не знаетъ. Рабочіе обратились въ судъ.

Въ другомъ зданіи рабочіе по обшивкѣ вагоновъ желѣзомъ заработали въ мѣсяцъ 40 коп. на рубль; выдали имъ всего коп. 5-10. Они пошли къ Браке съ претензіей; тотъ нахально увернулся.

Вотъ какіе милые порядки на французскомъ заводѣ!...

Тверь. Мануфактура Берга. О нашей фабрикѣ найдется, что порасказать! много на ней порядковъ, которые всей своей тяжестью давятъ на плечи рабочаго. Вмѣсто законныхъ $11^1/_2$ часовъ рабочій день тянется 12 час.; паровую пускаютъ утромъ и послѣ обѣда раньше минутъ на семь, а останавливаютъ позже. Если же паровая остановится по какой-нибудь причинѣ, напримѣръ, изъ-за поломки, то приходится отрабатывать за 2 часа въ теченіи полмѣсяца ежедневно минутъ по десяти лишняго. Бываютъ также „курьезы". Во время проѣзда черезъ Тверь наслѣдника фабрику, по распоряженію директора, остановили, всѣмъ раб. велѣли пріодѣться и встрѣтить наслѣдника крикомъ „ура". Прождать рабоч. пришлось часа $2^1/_2$, — и тотчасъ по проѣздѣ ихъ вызвали свисткомъ на работу. За пропущенное же время директоръ велѣлъ отрабатывать цѣлый мѣсяцъ по 15 мин. ежедневно. Другими словами за свои патріотическія чувства фабрика взяла съ каждаго рабочаго часа по 7 мин. лишнихъ дарового труда. — Машины заставляютъ обметать на ходу. Въ случаѣ же увѣчья фабрика не отвѣчаетъ, такъ какъ при поступленіи съ каждаго рабочаго берется росписка, что претензіи на пособіе имѣть не будетъ. Станки стоятъ такъ тѣсно, что даже привычному человѣку надо идти съ опаской. Много увѣчій, гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, на Морозовской фабрикѣ. Извѣстны нѣсколько случаевъ выкидыша беременными работницами, послѣ того какъ ихъ „потрепало" приводомъ машины. Въ прядильной заставляютъ чистить станки два раза въ недѣлю, не во время работы, а въ обѣдъ. Конечно, ни гроша за это не платятъ.

Основу и утокъ даютъ худой, а бракуютъ очень усердно, либо ставятъ кресты за плохую работу. Тѣмъ, у кого ихъ много, грозятъ немедленный разсчетъ. Зато установлена цѣлая скала премій за усердіе. Введена она теперешнимъ директоромъ. О немъ даже пѣсенка сложена: „Нашъ Василій Яковлевичъ Кукъ произошелъ много наукъ, и сталъ онъ больше понимать, какъ съ рабочихъ шкуру драть".

Штрафы — безобразные. Пишутся они за малѣйшій пустякъ [illegible] узнать объ участи ученика, г. Яраковъ тоже наговорилъ дерзостей, заявилъ, что школа распущена, что онъ пріѣдетъ „подтянуть“ и пр. и пр. Эта поучительная поѣздка немедленно дала плоды.

[illegible]-го марта вечеромъ идетъ по улицѣ одинъ здѣшній рабочій. Вдругъ слышитъ сзади крикъ, шумъ. Оглядывается: къ нему бѣжитъ какая-то фигура, которая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стрѣляетъ въ воздухъ и свиститъ. Это — пикетчикъ. На его свистъ и выстрѣлъ сбѣгаются другіе стражи: парня арестуютъ, приводятъ въ участокъ. Пикетчикъ предъявляетъ двѣ прокламаціи, найденныя имъ на улицѣ, и объясняетъ, что, хотя онъ и не видѣлъ, чтобы арестованный бросилъ эти прокламаціи, но такъ какъ было поздно, а онъ шелъ по улицѣ, то пикетчикъ представилъ его въ участокъ. Рабочаго привлекаютъ къ дознанію въ порядкѣ 251 ст. и отправляютъ въ тюрьму, гдѣ, за неимѣніемъ мѣста, его помѣщаютъ вмѣстѣ въ уголовными, отбираютъ его платье, одѣваютъ въ арестантскій костюмъ и пр.! Тутъ ясно сказывается духъ фонъ-Валевской политики въ Вильно и Зап. Краѣ вообще, когда сторожа и городовые изъ-за награды хватали всѣхъ на улицѣ и тащили въ участокъ, какъ распространителей прокламацій. Ни при личномъ, ни при домашнемъ обыскѣ у арестованнаго ничего не нашли. Но такъ какъ онъ въ прошломъ году привлекался по той же статьѣ (дѣло его еще не рѣшено въ Питерѣ), то его и теперь держатъ...

Въ началѣ апрѣля арестуютъ фельдшерицу Натанзонъ, уже находившуюся подъ слѣдствіемъ по 251 ст. Новое обвиненіе (по той же статьѣ) основываютъ на томъ, что она, будто бы, отправляла съ вокзала въ Читу и Омскъ посылки, которыя при вскрытіи (!) оказались съ прокламаціями. Предъявили ее свидѣтелямъ (жандармамъ, конторщикамъ и проч.) Говорятъ: „не она“. Тогда жандармерія, воспользовавшись тѣмъ, что въ городѣ есть ссыльная Аркусская, очень похожая лицомъ на фельдшерицу, освобождаетъ послѣднюю и арестуетъ Аркусскую. Свидѣтели расходятся въ показаніяхъ, тотъ говоритъ „она“, другой „не она“, третій „похожа“ и т. д. и т. д. Но ее оставили въ тюрьмѣ и привлекли по 251 ст. 2-ой части. Зачѣмъ? Почему? Развѣ потерявшіе голову холопы азіатскаго самодержавія отдаютъ отчетъ въ своихъ поступкахъ? На вокзалѣ они арестуютъ и обыскиваютъ бывшаго ссыльнаго, пріѣхавшаго откуда-то въ Красноярскъ, ничего не находятъ и отпускаютъ. Зачѣмъ это сдѣлали? Навѣрное, самъ жандармскій ротмистръ не знаетъ: просто въ его отупѣвшую голову залетѣла шальная мысль „дай, дескать, обыщу“, и обыскалъ.

„Ну, а что же общество? Что дѣлаетъ дирекція школы, надъ ученицами которой такъ безнаказанно издѣваются представители прокуратуры съ г. Яраковымъ во главѣ и жандармерія съ ротмистромъ Шпарковскимъ подъ началомъ?“ О! обществу за этотъ мѣсяцъ было много работы: оно усиленно подъ шумокъ сплетничало, создавало цѣлыя легенды, увѣряло пресерьезно, что „типографія“ въ фельдшерской школѣ (къ удивленію, это не иронія надъ полиціей, а серьезное убѣжденіе всѣхъ либеральныхъ кумушекъ мѣстнаго „культурнаго“ общества!) и т. д. и т. д. „Общество“, повѣрившее вмѣстѣ съ г. полиціймейстеромъ, объявившимъ послѣ манифеста 26-го февраля объ изданіи русской конституціонной хартіи, о скоромъ водвореніи „гарантіи личности“, это общество, увидавъ, что основы русской конституціи — плеть и застѣнокъ, — конечно, струсило и начало показывать кукишъ въ карманѣ. Гг. врачи и дирекція школы, конечно, лишь выдали себѣ testimonium paupertatis (свидѣтельство о бѣдности)! Они трепетали за школу, забывъ о привлекаемыхъ ученицахъ, сидящихъ по участкамъ и пр. То, что страдаютъ дѣвушки ни за что, ни про что попадающія въ тюрьмы, что гибнутъ молодыя силы — это до нихъ не касается! Либералъ всегда любитъ дѣлать такъ, чтобы его карманъ и его репутація благонамѣреннаго фрондера оставались цѣлы! Конечно, о какомъ-либо протестѣ никто и не заикнулся; среди всеобщаго трепета („а вдругъ и меня въ часть?“) спокойно распоряжались гг. Яраковы, Шпарковскіе и пр. гады нашего государственнаго болота. Пусть бы дѣло шло только объ арестахъ среди ссыльныхъ: „чужестранцы“ дѣйствительно чужды даже наиболѣе либеральнымъ кумушкамъ, (въ Ачинскѣ отъ ссыльной дѣвушки перебѣгали на другую сторону, затворяли двери дома ачинскіе столпы либерализма), но дѣло идетъ о дочеряхъ и сыновьяхъ этого общества! Комитетъ настоятельно призывалъ все общество прійти на помощь революціонному движенію рабочихъ. Общество ясно доказало свое банкротство и непониманіе самыхъ элементарныхъ понятій о чести, достоинствѣ и т. д. Оно въ безконечный разъ выдало наиболѣе молодыхъ и лучшихъ своихъ членовъ гг. гасителямъ мысли и слова въ Россіи.

Астрахань. — Педагоги-сыщики. При мѣстномъ управленіи калмыцкимъ народомъ есть пансіонъ, въ которомъ заботливое правительство призрѣваетъ обучающихся въ городѣ дѣтей калмыковъ-кочевниковъ. Кромѣ старшихъ воспитанниковъ — учениковъ гимназіи и реальнаго училища, есть и малыши, для которыхъ здѣсь построено училище. Пансіономъ и училищемъ завѣдуетъ нѣкто Авровъ, бывшій классный надзиратель реальнаго училища. Этотъ господинъ, отличавшійся на прежнемъ поприщѣ склонностью къ сыску и доносамъ, устроилъ для своихъ питомцевъ такой режимъ, который довелъ ихъ до открытаго протеста. Скаредное и унизительное для мальчиковъ обереганіе каждаго карандаша и листа бумаги, „экономія“ на обѣдѣ воспитанниковъ, грубое и презрительное обращеніе, а съ наиболѣе беззащитными — маленькими — и ручная расправа, — въ такихъ формахъ проявилось здѣсь „сердечное попеченіе“. Все это было поставлено на видъ г. Аврову въ письмѣ, поданному ему прямо и открыто однимъ изъ пансіонеровъ съ подписью: „Всѣ“. Юные мечтатели оптимистически разсчитывали, что, выяснивъ надзирателю его негодность, они заставятъ его уйти. Но гг. Авровы стыда не знаютъ. Письмо передано по инстанціямъ съ подлежащими комментаріями „главному попечителю калмыцкаго народа“ мѣстному губернатору Газенкамферу. Тотъ поручаетъ одному изъ чиновниковъ управленія Сусскому произвести дознаніе о бунтѣ въ стѣнахъ пансіона, и на основаніи составленнаго доклада (образъ Аврова, по даннымъ доклада, конечно, сіялъ бѣлѣе и чище мѣла, а мальчики рисовались злостными бунтовщиками) послѣдовала попечительская резолюція: двухъ гимназистовъ, выставленныхъ организаторами „бунта“ (писавшаго письмо и подавшаго), исключить не только изъ пансіона, но и изъ гимназіи. Только вмѣшательство гимназическаго начальства, возмутившагося, что его учениковъ исключаютъ безъ его согласія, смягчило участь обреченныхъ, и полное исключеніе было замѣнено временнымъ и ссылкой въ степь подъ надзоръ мѣстнаго попечительства. Среди гимназистовъ, русскихъ товарищей ссылаемыхъ, явилась было мысль вступиться за товарищей и отправить депутацію къ губернатору, но мысль эта заглохла, также и намѣреніе поднести опальнымъ въ знакъ сочувствія фотографическую группу. Начальство разъяснило гимназистамъ, что цѣнитъ ихъ сочувственное отношеніе къ товарищамъ, но отношеніе это можетъ быть „дурно истолковано“. Въ настоящее время одинъ изъ „преступниковъ“ уже водворенъ въ новомъ мѣстѣ жительства, высылка другого — 14-15 лѣтняго мальчика — отложена за его болѣзнью. Отсыланный въ степь былъ аттестованъ губернатору директоромъ какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, никогда не проявлявшій бунтарскихъ наклонностей, притомъ какъ талантливый музыкантъ (крупная сила, по отзыву музыкальнаго училища).

Тифлисъ.

Неспокойное настроеніе отразилось и на нашихъ средне-учебн. заведеніяхъ. Поводомъ послужило какое-то требованіе учащихся 1-ой мужской клас. гимназіи министерскаго праздника, которое выразилось очень буйно: били скамьи, стекла — въ результатѣ 6 чел. уволены изъ гимназіи. Ученическій кружокъ сталъ выпускать листки, требуя возвращенія товарищей. Услужливое Жандармское Управленіе пришло на помощь „воспитателямъ“ — начались повальные обыски среди гимназистовъ, находили у многихъ прокламаціи „Къ гражданамъ“. И вотъ „враги отечества“, „нарушители общественнаго порядка и спокойствія“, гимназисты 4-5 класса сажаются въ Метехскій замокъ, запугиваются всѣми средствами, имѣющимися въ рукахъ жандармовъ, — часть выпускаютъ, другая занимаетъ ихъ мѣста.

А „воспитатели“ не только не стѣсняются, но даже усиленно помогаютъ въ плодотворныхъ трудахъ жандармскому управленію. Да и кто эти воспитатели? Характеристика ихъ приблизительно извѣстна многимъ по характеристикѣ учителя В. В. Агапьева и въ прокламаціи прошлаго года; можно дополнить ее указаніемъ на плодотворную дѣятельность директора Александровскаго Учительскаго Института Стрѣлецкаго, который дѣлалъ обыски на квартирахъ учениковъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ. Въ 1-ой мужской гимназіи учитель древнихъ языковъ Соловьевъ посвятилъ цѣлый урокъ въ 7 классѣ восхваленію дѣйствій администраціи, съ восхищеніемъ описывалъ, какъ городовые били одну изъ участницъ демонстраціи, молодую дѣвушку, старался внушить своимъ слушателямъ преклоненіе передъ идеей власти и указывалъ на себя, въ какомъ священномъ трепетѣ находился онъ, видя, какъ Александръ III милостиво разговаривалъ съ его отцомъ. Вообще эта гимназія замѣчательна своимъ подборомъ педагоговъ.

Учитель русскаго языка Забѣжкинъ попалъ въ литературу за довольно странное упражненіе: онъ училъ учениковъ (русскихъ) дразнить воспитанниковъ армянъ по латыни (армяшка соленный). Въ армянской газетѣ „Ардзаганъ“ описывали воспитательные пріемы Забѣжкина подъ видомъ корреспонденціи изъ Ростова. За такое разоблаченіе газета поплатилась. Забѣжкинъ преподаетъ словесность въ Тифлисскомъ землемѣрномъ училищѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, войдя въ старшій классъ на одинъ изъ своихъ уроковъ, Забѣжкинъ замѣтилъ въ классѣ волненіе; онъ сѣлъ на каѳедру и приготовился начать урокъ. Одинъ изъ учениковъ поднялся, подошелъ къ каѳедрѣ и сталъ перечислять всѣ „достоинства“ Забѣжкина, какъ преподавателя и человѣка. Забѣжкинъ выбѣжалъ изъ класса, позвалъ директора и объявилъ ему, что оставляетъ учебное заведеніе, не обращая вниманія на усиленныя просьбы послѣдняго. Слѣдующій урокъ въ томъ же классѣ былъ директора, — съ нимъ повторилось то же самое, послѣ обличительной рѣчи его проводили шиканьемъ и свистками. Предупредительный воспитатель юношества, учитель математики Хевсуріанъ, поспѣшилъ на помощь съ двумя городовыми; ученикъ (обличитель) высказалъ директору удивленіе по поводу присутствія въ зданіи учебнаго заведенія полиціи, сказалъ, что не желаетъ больше оставаться въ учебномъ заведеніи и беретъ свои документы. Забѣжкинъ на другой день явился въ училище на уроки, но во всѣхъ классахъ его встрѣтили свистомъ, шиканьемъ и онъ былъ принужденъ оставить это мѣсто.

Ташкентъ. 27 марта. Пропаганда соціалистическихъ идей нашла себѣ почву и въ нашихъ палестинахъ, гдѣ два года назадъ нельзя было ничего ожидать.

За послѣднее же время и у насъ начинаются обыски, и у насъ правительство изволитъ съ корнемъ вырывать молодыя деревья. Лѣтомъ на удивленіе всѣхъ ташкентцевъ у ссыльнаго Шендрикова былъ произведенъ среди бѣла дня обыскъ (въ 3 ч. дня) гг. полицеймейстеромъ, 2 приставами и 2 околодочными. Нашли „Исповѣдь“ Толстого и .... обрадовались. Занесли въ протоколъ и отослали ее въ Департаментъ Полиціи.

Теперь же, недавно, гимназическое начальство пронюхало, что среди гимназистовъ циркулируютъ какіе то журналы (издаваемые гимназистами) и листки.

Начали по вечерамъ производить обыски у гимназистовъ, главнымъ образомъ. Обязанность сыщиковъ исполняли губернаторъ Корольковъ, инспекторъ Яхонтовъ, директоръ Преображенскій и прокуроръ (теплая кампанія!). Въ результатѣ арестовали студ. Михина. Послѣдній сидитъ еще и теперь въ тюрьмѣ. Говорятъ, что на допросѣ одного гимназиста спросили, гдѣ онъ взялъ нелегальную литературу, онъ отвѣтилъ прежде: „купилъ на базарѣ“, а потомъ, увѣщанный начальствомъ, говоритъ: „студентъ Михинъ далъ“. — Кромѣ того, одинъ гимназистъ 6-го класса исключенъ, а четыремъ ученикамъ 7-го и 8-го класса поставили по 4 по поведенію въ „четвертныхъ свидѣтельствахъ“. Гимназисты рѣшили поколотить за это свое начальство: черезъ нѣсколько дней были избиты помощники классныхъ наставниковъ, выбиты окна у француза и грека. Директору генералъ-губернаторъ Ивановъ предложилъ подать въ отставку. Ждутъ новаго директора, который общими силами съ полиціей и нѣкоторыми учителями начнетъ изгонять крамолу за предѣлы Каспійскаго моря.

Настроеніе среди гимназистовъ бодрое. Чувствуется недостатокъ въ литературѣ.

Съ границы. Хронику удавшихся побѣговъ „политическихъ“ изъ рукъ палачей самодержавія мы можемъ дополнить новымъ небезинтереснымъ фактомъ, происшедшимъ за самое послѣднее время.

Въ одномъ мѣстечкѣ жандармскій унтеръ получилъ по телеграфу приказъ арестовать человѣка съ опредѣленными, указанными въ телеграммѣ, примѣтами, если бы таковой тамъ появился. Жандарму, дѣйствительно, удалось задержать подходящаго человѣка. Онъ нанялъ возницу и везъ свою добычу въ ближайшій городъ. По дорогѣ арестованный обильно угощалъ цареву собаку водкой и пивомъ; всетаки напоить его не удалось. Но жандармъ вѣдь тоже человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, въ особенности послѣ того, какъ онъ принялъ въ желудокъ изрядное количество матеріи. Поэтому, естественно, что онъ долженъ былъ слѣзть съ повозки и удалиться на нѣсколько шаговъ. Возница воспользовался случаемъ и тоже слѣзъ. Отчаянная рѣшимость блеснула въ головѣ арестованнаго. Онъ дернулъ вожжи. Лошади тронулись. Возница подскакиваетъ, но нѣсколько бѣшеныхъ ударовъ по спинѣ лошадей заставляютъ ихъ скакать во всю мочь, и повозка помчалась, сопровождаемая крикомъ возницы и жандарма. Справившись съ костюмомъ, жандармъ послалъ въ догонку бѣглецу четыре пули, изъ которыхъ одна его легко ранила. Въ первое время бѣглецъ раны вовсе не ощущалъ. Она, къ счастью, не помѣшала ему довести бѣгство до конца и теперь, когда нашъ товарищъ въ безопасности, она быстро заживаетъ. Надо полагать, что послѣ такой неудачи жандармъ вовсе не сообщитъ своему начальству о случившемся. Поэтому и мы не будемъ сообщать подробностей этого дѣла, чтобы не помѣшать товарищу въ дальнѣйшей работѣ.

Еще одинъ! Петръ Глѣбовичъ Ярковъ — таково имя одного изъ московскихъ провокаторовъ, „работающихъ“ въ пролетарской средѣ. Нашему мѣстному Комитету удалось достать копію съ документа, подписаннаго этимъ Іудой. Документъ носитъ заглавіе: „Думы. Повѣсть о томъ, какъ у меня образовалось собственное міровоззрѣніе, выстраданное мною и стоившее мнѣ очень и очень много“. Адресъ: „Въ московское жандармское управленіе, прилагается при прошеніи“. Писано изъ московской губ. тюрьмы 27 мая 1902 г. Разсказавъ о томъ, какъ его „совратили“ соціалисты и какъ онъ въ тюрьмѣ „въ своемъ заблужденіи искренно и чистосердечно раскаялся“, обливъ помоями своихъ прежнихъ товарищей, Ярковъ заявляетъ: „какъ только я выйду на волю, я поставлю себѣ за правило, вмѣню въ обязанность всю свою жизнь бороться съ этимъ общественнымъ зломъ“, — т. е. съ рабочимъ движеніемъ. „Первою и главною моей цѣлью будетъ искорененіе самыхъ вредныхъ личностей, распространяющихъ на русскій народъ свое тлетворное вліяніе“. Проклиная соціалистовъ, авторъ, однако, „мало сожалѣетъ о своей ошибкѣ: она сослужила хорошую службу, была для меня практической школой и вывела на настоящую дорогу“.

Голосъ былъ услышанъ и Петръ Ярковъ носитъ теперь на своемъ лицѣ Каинову печать. Остерегайтесь, московскіе товарищи!

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Не трудно было при чтеніи новыхъ беззаконныхъ указовъ Плеве и Николая II, предоставившихъ Бобрикову диктаторскую власть въ Финляндіи, предвидѣть, что оберъ-палачъ немедленно приступитъ къ энергичнымъ мѣропріятіямъ противъ „крамолы“. Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія „высочайшихъ“ рескриптовъ, въ ночь на 9 (22) апрѣля и въ этотъ день въ Финляндіи было произведено нѣсколько неслыханныхъ въ этой странѣ обысковъ и нѣсколькимъ лицамъ приказано въ теченіе семи дней оставить свою родину. Финляндская полиція и русскіе жандармы вели себя при производствѣ обысковъ даже еще грубѣе и наглѣе, чѣмъ ихъ братія обыкновенно дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ у насъ. Первыми жертвами царскаго террора пали наиболѣе выдающіеся представители финляндской интеллигенціи — представители шведской и младофенноманской партій.

Въ Финляндіи и въ заграничной прессѣ стало немедленно извѣстно 11 человѣкъ, не понравившихся Бобрикову, 29-го же апрѣля появилось оффиціальное сообщеніе, перечислившее семь лицъ. Пока назовемъ лишь этихъ „агитаторовъ“. Вотъ они: директоръ банка графъ Маннергеймъ, адвокатъ І. Кастренъ, книготорговецъ В. Хагельстамъ, крупный помѣщикъ баронъ М. фонъ-Борнъ, консулъ Е. Вольфъ, фабрикантъ Р. Вольфъ и юристъ А. Фелльманъ. Всѣ эти лица открыто неоднократно протестовали противъ царскихъ преступленій, и теперь они отнесены русскими опричниками, разумѣется, совершенно произвольно къ „кагалу“, ибо такого никогда не существовало въ Финляндіи. Въ слѣдующей статьѣ мы сообщимъ нѣкоторыя интересныя подробности о первыхъ жертвахъ царскаго произвола въ Финляндіи. Повсюду многочисленная публика проводила ихъ съ цвѣтами, пѣніемъ и громкимъ „ура!“ Особенно грандіозными были проводы на Гельсингфорсскомъ вокзалѣ, наполненномъ туземными и русскими сыщиками. Читатель не долженъ понимать выраженіе: „первыя жертвы“ въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Финляндіи пострадала такъ или иначе масса лицъ. Эти же финляндскіе граждане изгнаны изъ Финляндіи на основаніи диктаторской власти Бобрикова, тогда какъ раньше многіе лишились мѣстъ, пенсій и т. п.

Спасеніе Финляндіи теперь мыслимо лишь при сверженіи самодержавія въ Россіи.

17/30 апрѣля.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь (Вагоностроительный заводъ Анонимнаго общества).

Плохо идутъ дѣла нашего завода! Выстроили его въ годы грюндерской горячки, оборудовали, пустили въ ходъ, снабдивъ казенными заказами, — но скоро онъ сѣлъ на мель. Сильно задѣлъ его кризисъ, не стало заказовъ. Сильно повредила ему „несчастная случайность“. Осенью 1900 года заводъ сильно пострадалъ отъ пожара. Были даже основанія подозрѣвать поджогъ, т. к. передъ тѣмъ на заводѣ шло броженіе, надвигалась стачка. Отъ пожара пострадалъ, правда, и хозяйскій карманъ, но хуже всего пришлось, конечно, рабочимъ: изъ 3000 слишкомъ чел. было разсчитано болѣе половины, а оставшіеся на своей шкурѣ узнали всю прелесть рѣзко измѣнившихся условій труда. Среди заводскихъ рабочихъ не мало заволжскихъ и затверецкихъ (такъ наз. часть города) мѣщанъ. Многіе владѣютъ домишками. Есть крестьяне, почти порвавшіе связи съ деревней, есть и такіе, которые каждый праздникъ идутъ домой на побывку. Хоть уровень жизненныхъ потребностей рабочихъ завода, какъ рабочихъ *обученныхъ*, и выше, напр., тверскихъ ткачей, но сила сопротивленія ихъ не велика. Причиной тому, быть можетъ, отчасти разнородность состава рабочаго персонала, отчасти общее угнетенное состояніе. Среди рабочихъ существуетъ даже мнѣніе, что заводская администрація будетъ рада стачкѣ и прикроетъ заводъ, и многія завоеванія, сдѣланныя ими въ тѣ времена, когда заводъ нуждался въ рабочихъ рукахъ, прахомъ пошли... Такъ, прежде по субботамъ работали только до 3 час. Теперь работаютъ до вечерняго свистка. Расцѣнки понизились вдвое-втрое. Штрафы приняли безобразно широкіе размѣры: штрафуютъ за 3 минуты опозданія, куреніе во дворѣ, питье чая *сидя*. Отношеніе начальства становится все хуже: обходятся съ рабочими грубо, все норовятъ подвести подъ разсчетъ. Особенно скверной славой пользуются мастера *Ренанъ* и *Браке*, заправскіе хозяйскіе холопы. Послѣдній спеціалистъ грабитъ рабочихъ посредствомъ т. наз. „проработки“. Существуетъ она на заводѣ давно, но Браке ее безспорно усовершенствовалъ.

Состоитъ она въ слѣдующемъ: плата за работу полагается сдѣльная, но для общаго мѣсячнаго заработка существуетъ граница въ формѣ „цеха“, — „цеховой“ платы. Если работы много, то, налегая, рабочій вырабатываетъ „проценты“ — коп. 40-50 на рубль (сверхъ „цеха“), но сполна ему излишка не выдаютъ. Если же работы мало, то, несмотря на всѣ старанія, ему „цеха“ не выработать; недостающая же сумма вычитается изъ процента слѣдующаго мѣсяца.

Былъ такой случай. За недостаткомъ работы одну партію столяровъ зданія Ж. заставили гулять. Другой же партіи изъ 45 чел. дали сдѣльную работу. Было ея такъ мало, что мастеръ убѣдительно просилъ не торопиться. При сдачѣ оказалось, что „цеху“ у рабочихъ 950 руб., а на сдѣльной платѣ они выработали всего 460 руб. Значитъ, оказалось „проработки“ 490 руб.

Затѣмъ, на мѣсто этой партіи вышли гулявшіе столяры. Они получили работы на 1500 руб. Сдали работу и эти столяры. Оказалось, что — по расцѣночной табели — каждый рабочій выработалъ процентовъ коп. 60 на рубль. Но изъ этого излишка ничего рабочимъ не попало; весь онъ пошелъ на покрытіе „проработки“ *другой* партіи. Нагло ограбленные рабочіе пригрозили жалобой фабричному инспектору. Въ отвѣтъ на это уволили 5 человѣкъ. Вытребованный же инспекторъ переговорилъ съ мастеромъ и отказался вступиться за рабочихъ, ибо онъ-де условій заводской работы не знаетъ. Рабочіе обратились въ судъ.

Въ другомъ зданіи рабочіе по обшивкѣ вагоновъ желѣзомъ заработали въ мѣсяцъ 40 коп. на рубль; выдали имъ всего коп. 5-10. Они пошли къ Браке къ претензіей; тотъ нахально увернулся.

Вотъ какіе милые порядки на французскомъ заводѣ!...

Тверь. Мануфактура Берга. О нашей фабрикѣ найдется, что порассказать! много на ней порядковъ, которые всей своей тяжестью давятъ на плечи рабочаго. Вмѣсто законныхъ 11½ часовъ рабочій день тянется 12 час.; паровую пускаютъ утромъ и послѣ обѣда раньше минутъ на семь, а останавливаютъ позже. Если же паровая остановится по какой-нибудь причинѣ, напримѣръ, изъ-за поломки, то приходится отрабатывать за 2 часа въ теченіи полмѣсяца ежедневно минутъ по десяти лишняго. Бываютъ такіе „курьезы“. Во время проѣзда черезъ Тверь наслѣдника фабрику, по распоряженію директора, остановили, всѣмъ раб. велѣли пріодѣться и встрѣтить наслѣдника крикомъ „ура“. Прождать рабоч. пришлось часа 2½, — и тотчасъ по проѣздѣ ихъ вызвали свисткомъ на работу. За пропущенное же время директоръ велѣлъ отрабатывать цѣлый мѣсяцъ по 15 мин. ежедневно. Другими словами: за свои патріотическія чувства фабрика взяла съ каждаго рабочаго часа по 7 мин. лишнихъ дароваго труда. — Машины заставляютъ обметать на ходу. Въ случаѣ же увѣчья фабрика не отвѣчаетъ, такъ какъ при поступленіи съ каждаго рабочаго берется росписка, что претензіи на пособіе имѣть не будетъ. Станки стоятъ такъ тѣсно, что даже привычному человѣку надо идти съ опаской. Много увѣчій, гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, на Морозовской фабрикѣ. Извѣстны нѣсколько случаевъ выкидыша беременными работницами, послѣ того какъ ихъ „потрепало“ приводомъ машины. Въ прядильной заставляютъ чистить станки два раза въ недѣлю, не во время работы, а въ обѣдъ. Конечно, ни гроша за это не платятъ.

Основу и утокъ даютъ худой, а бракуютъ очень усердно, либо ставятъ кресты за плохую работу. Тѣмъ, у кого ихъ много, грозитъ немедленный разсчетъ. Зато установлена цѣлая скала премій за усердіе. Введена она теперешнимъ директоромъ. О немъ даже пѣсенка сложена. „Нашъ Василій Яковлевичъ Кукъ произошелъ много наукъ, и сталъ онъ больше понимать, какъ съ рабочихъ шкуру драть“.

Штрафы — безобразные. Пишутся они за малѣйшій пустякъ и съѣдаютъ порой половину заработка. Часто бываетъ такъ: приходитъ мальчикъ изъ конторы, беретъ книжку и уноситъ для вписыванія штрафа — а рабочій даже не можетъ добиться, за что его оштрафовали. Большинству рабочихъ приходится жить въ хозяйскихъ казармахъ. Тамъ рабочіе всецѣло въ рукахъ хожалыхъ, которые чувствуютъ себя господами положенія. Хожалый Григорій дерется и преслѣдуетъ женщинъ. Помощникъ его Василій ходитъ съ плетью и бьетъ рабочихъ. Изъ за одного такого подвига онъ даже подъ судъ попалъ, но директоръ пригрозилъ обычнымъ разсчетомъ — и тѣ помирились съ обидчикомъ. Жить въ хозяйскихъ квартирахъ скверно. Вотъ какъ описываютъ ихъ сами рабочіе: „Каморка — длиной 8 арш., шириной — 5. Окно — одно, глухое, вентилятора нѣтъ; есть какія-то отдушины, которыя не дѣйствуютъ. И въ эту каморку набиваютъ 7-8 человѣкъ съ платой по два рубля въ мѣсяцъ! Воздухъ всегда спертый и душный. Утромъ встаешь совсѣмъ больной. Полъ каменный, сырой, постоянно простужаешься. Продукты, за неимѣніемъ мѣста для храненія, приходится держать въ каморкахъ, отчего тамъ стоитъ зловоніе. Дѣти не переносятъ всего этого и очень мрутъ. Но всего безобразнѣе отношеніе администраціи къ рабочимъ. Брань, побои — заурядное явленіе. Женщинъ страшно преслѣдуютъ съ легкой руки директора Кука, который смотритъ на нихъ, какъ на свой гаремъ. Особенно отличаются по этой части мастеръ Крамптонъ, его помощникъ Дубровскій, хожалый Григорій. — Есть и свои домашніе шпіоны и наушники, въ родѣ конторщика Шанина, подмастерья Гордѣева и друг. Стоитъ отмѣтить еще исторію фабричной библіотеки. Основана она рабочими, на ихъ средства и съ большимъ трудомъ: дирекція долго не разрѣшала ея, пока рабочіе не догадались выбрать Кука попечителемъ. Тогда онъ разрѣшилъ ее, но помѣстилъ гдѣ-то въ подвалѣ. Завѣдуетъ ею Дубровскій и выдаетъ хорошія книги служащимъ, а рабочимъ — всякую дребедень. Да и то не просто, а съ издѣвательствами...

Уровень развитія рабочихъ невысокъ. Подавляющее большинство — женщины. Тѣмъ не менѣе можно указать на кое-какіе успѣхи на аренѣ борьбы съ фабрикантомъ. — Такъ, опасаясь повторенія волненій (смотри № 19 „Искры“), фабрику остановили въ четвергъ, на масляной даютъ отпуски рабочимъ безъ затрудненій. — 24-го декабря былъ распространенъ на фабрикѣ листокъ мѣстнаго комитета; онъ произвелъ нѣкоторую сенсацію. Одновременно былъ распространенъ среди общества бюллетень, въ которомъ были „пропечатаны“ фабричные порядки. Послѣ этого наѣзжали санитары и устранили кое-какія изъ болѣе вопіющихъ безобразій. Недавно зашевелились и работницы, ходили къ директору. Тотъ имъ набавилъ по 2 коп. на кусокъ и отмѣнилъ вычеты за баню. — Но настроеніе, по прежнему, напряженное. Показателемъ его можетъ служить фактъ покушенія на Кука. 2 марта рабочій Степанъ Сергѣевичъ Логиновъ, разсчитанный и оскорбленный имъ, ранилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Логиновъ самъ отдался въ руки полиціи. Комитетъ распространилъ по поводу покушенія прокламацію, въ которой вновь указалъ на то, что борьба должна быть *массовой*, чтобы быть успѣшной. Прокламація была хорошо принята рабочими.

Заводы „Никополь“ и „Русскій Провидансъ“ (близъ г. Маріуполя).

Кризисъ тяжело отозвался и до сихъ поръ даетъ себя чувствовать на нашихъ заводахъ. „Провидансъ“ въ маѣ и іюнѣ разсчиталъ до 500 ч. При этомъ разсчетѣ произошла маленькая забастовка листопрокатчиковъ. Имъ предложили проработать 10 дней, а получить за 15. Рабочіе отказались и требовали немедленный разсчетъ съ уплатою за 2 недѣли впередъ. Пріѣхалъ маріупольскій полиціймейстеръ и уговорилъ рабочихъ получить немедленный разсчетъ съ уплатою за 5 дней впередъ. Рабочіе согласились. Въ началѣ 1903 г. нѣкоторыя отдѣленія вновь пущены въ ходъ, но заработная плата понижена. „Никополь“ сокращалъ рабочихъ постепенно, въ декабрѣ же закрылъ доменное отдѣленіе и уволилъ до 300 ч., и тогда же рабочіе заволновались, требуя выдачи 2-хъ мѣсяч. жалованія и квартиръ до марта безплатно. Заводоуправленіе отказало и предлагало выдать 2-хъ недѣльную зар. плату. Рабочіе рѣшили послать Плеве телеграмму. Съ телеграммой было очень много хлопотъ. Мѣстная почт. контора отказалась послать ее. Ходили въ городъ и кой какъ послали, но отвѣта на нее не было. Заводоуправленіе забезпокоилось и набавило рабочимъ — безплатный проѣздъ на родину. Изголодавшіеся „доменные“ (большинство сѣрое крестьянство) согласились и разъѣхались. Вообще рабочихъ осталось на нашихъ заводахъ меньше половины. Заработная плата понижена вездѣ, гдѣ меньше, гдѣ больше; такъ напримѣръ: въ листопрокатномъ цехѣ „Никополь“ зараб. плата срѣзана уже 4 раза за время (5 лѣтъ) существованія завода, въ механическомъ цехѣ она упала до половины и больше по сравненію съ прежней. Преміи и аккорды понижаются произвольно каждымъ начальникомъ цеха или мастеромъ. Увеличилась напряженность труда: гдѣ раньше было 3, теперь 2 чел. Громадное число рабочихъ объясняетъ кризисъ тѣмъ, что правительство отдало заказы за границу. Общая картина голодной Россіи имъ недоступна. Безработица очень сильно индивидуализируетъ рабочихъ, и, какъ мало культурные люди, они иногда дѣлаютъ подлости, чтобы удержаться на мѣстѣ. Рабочіе „Ник.“ такъ наз. „муфторѣзы“ воруютъ сталь у рабочихъ другого цеха или покупаютъ, какъ и точилки, за свои деньги, и всѣ боятся протестовать противъ такого безобразія, межъ тѣмъ какъ эти „муфторѣзы“ наиболѣе интеллигентные и въ 1899 г. они первые заявили забастовку. Благодаря тому обстоятельству, что разсчетныя книжки рабочихъ всегда хранятся въ конторѣ завода — бывали такіе случаи злоупотребленій на „Никополѣ“: рабочему заднимъ числомъ проставляютъ разсчетъ и юридически рабочій при требованіи, въ случаѣ немедленнаго разсчета, 2-хъ нед. заработной платы теряетъ возможность доказать свой искъ на судѣ. Рабочій день 10-12 ч. въ сутки, смотря по роду работъ. Никопольскіе „муфторѣзы“ благодаря аккордной (сдѣльной) платѣ сами себѣ удлинили рабочій день: на ночной смѣнѣ они вмѣсто нормированныхъ закономъ 10 ч., работтютъ 11-12½ ч. Праздничная работа объязательна на доменныхъ, коксовыхъ печахъ, листопрокатномъ, трубномъ. Въ листопрокатномъ отдѣленіи „Никополя“ выходили нѣсколько разъ очень крупныя недоразумѣнія съ заводоуправленіемъ изъ-за праздничныхъ работъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что теперь листопрокатчики работаютъ по воскресеніямъ и свыклись съ этимъ. Обращеніе начальства съ рабочими на нашихъ заводахъ сносное, но есть отвратительныя исключенія. Такъ на „Ник.“ есть начальникъ трубнаго отдѣленія Тиль, страшно грубое животное, не одинъ разъ допускавшій кулачную расправу съ рабочими и однажды чуть не убившій одного рабочаго, ударивъ его ногою въ половые органы. На „Ник.“ же въ листопрокатномъ отд. мастеръ Мечинскій не пропускаетъ, чтобы кого нибудь не обругать или не оштрафовать. Большинство „Никопольской“ администраціи таково, какъ мастеръ механическаго цеха Шишковскій, который мягко стелетъ, да жестко спать. На „Провидансѣ“ отличается начальникъ бессемеровскихъ и мартеновскихъ цеховъ Шацманъ, недавно избившій одного десятника за то, что онъ жегъ въ жаровняхъ крупный по его, Шацмана, мнѣнію коксъ. Хорошъ также вицедиректоръ Провиданса Тумановъ, разсчитавшій избитаго десятника и еще 4-хъ рабочихъ, видѣвшихъ, какъ десятникъ защищался отъ побоевъ Шацмана и не помогшихъ ему избить десятника до смерти. Штрафы на нашихъ заводахъ очень значительны, но объявленія о размѣрѣ и движеніи суммъ штрафного капитала не вывѣшиваются. Наши школы неважныя. На „Провидансѣ“ учитель Михайловскій бьетъ дѣтей. Библіотеки для рабочихъ до сихъ поръ нѣтъ. На „Ник.“ за послѣднее время собираются что-то устроить въ этомъ родѣ, но улита ѣдетъ, когда то будетъ. Рабочіе (очень мало) выписываютъ „Бирж. Вѣд.“, „Ниву,“ „Родину“ и прочую ерунду. Много читается лубочной литературы. Развлеченій разумныхъ нѣтъ, пьянство развито очень сильно. Несчастные случаи не рѣдкость. Взрывъ домны на „Ник.“ 9 іюня 1902 г. произошелъ благодаря небрежности администраціи, которая въ союзѣ съ страховыми обществами, гдѣ застрахованы рабочіе, страшно эксплоатируетъ увѣчныхъ рабочихъ; особенно въ этомъ дѣлѣ отличается врачъ Яновскій, прохвостъ 96-ой пробы. Этотъ врачъ снялъ также у „Ник.“ больницу съ подряда и оказался на высотѣ подрядческаго призванія. Леченіе же больныхъ идетъ спустя рукава; такъ, рабочаго Зміевскаго этотъ эскулапъ, дѣлая операцію, заразилъ дифтиритомъ, отчего тотъ и умеръ.

Врачъ „Провиданса“ Медалье тоже очень халатно относится къ своей больницѣ, больше думаетъ о шахматахъ и преферансѣ, чѣмъ о больныхъ. Наряду съ больницами хромаетъ и санитарія; въ выстроенныхъ при заводахъ колоніяхъ, какъ и въ самыхъ заводахъ, отхожія мѣста и выгребныя ямы устроены такъ плохо, что зловоніе, особенно лѣтомъ, заражаетъ весь воздухъ колоніи, буквально нечѣмъ дышать. Грязь въ колоніяхъ, особенно на „Провидансѣ“ невылазная. Вода отъ дождей застаивается на улицахъ и гніетъ, распространяя міазмы.

Экономія заводоуправленія „Никоп.“ доходитъ до того, что въ жаркое лѣтнее время заводскій водовозъ развозитъ воду по квартирамъ рабочихъ только 2 ведра на семейство. Изъ за воды происходятъ цѣлыя сраженія между женщинами.

Плата введена за все: за дрова (17 к. за пудъ щепокъ), за уголь, за квартиры, межъ тѣмъ какъ когда заводы строились, то во многихъ газетахъ всѣ эти вещи въ объявленіяхъ обѣщались рабочимъ безплатно. Коротка, видно, память у заводоуправленія. Нельзя-ли ее немножко встряхнуть, братцы!

Изъ Донецкаго бассейна.

Маріуполь. (Отчетъ „Летучаго Отряда“ Соц.-Дем. Союза Горнозаводскихъ рабочихъ). Рабочіе заводовъ „Никополь“ и „Провидансъ“ настроены очень революціонно. Распространенная въ концѣ марта прокламація № 7 „Какъ шахтеры и заводскіе рабочіе боролись за свою свободу“ (въ 1000 экз.), произвела очень хорошее впечатлѣніе, хотя объясненіе формъ политической и экономической борьбы для большинства осталось непонятымъ. Изъ стихотвореній и пѣсенъ, напечатанныхъ въ прокламаціи, больше всего понравились „Сказка о попѣ и чертѣ“ и стих. „Пролетарій“, которыя заучивались наизусть. Любопытно отмѣтить одно явленіе: когда прокламаціи разбрасывались по домикамъ рабочихъ, то ихъ жены, обыкновенно поднимающіяся раньше своихъ мужей, подбирали прокламаціи и жгли ихъ. Въ виду этого, мѣстной организаціей рѣшено было распространить прокламаціи по мастерскимъ заводовъ, что и удалось выполнить: — изъ всѣхъ прокламацій попало въ руки полиціи едва 50 штукъ. Въ концѣ прокламаціи № 7 было написано, чтобы рабочіе не давали прокламацій въ контору и полицію. Одинъ мастеръ механическаго цеха приставалъ къ рабочимъ, чтобы они ему дали прочесть; но такъ ему никто и не далъ, хотя они признавались ему, что прокламаціи у нихъ есть.

У рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности, были произведены обыски, но безъ всякаго успѣха для полиціи. Распространять прокламаціи въ самомъ Маріуполѣ теперь почти невозможно, такъ какъ сторожей и полиціи масса на всѣхъ улицахъ и закоулкахъ.

Юзовка. Въ ночь съ 28 на 29 марта была распространена прокламація № 7. Во время разброса полиція захватила двухъ ремесленниковъ Рутуайта и Липкина, прогуливавшихся на рабочей улицѣ и, хотя при нихъ ничего не нашли, ихъ арестовали и отправили въ мѣстную кордегардію. На квартирѣ одного изъ арестованныхъ жилъ какой-то частный повѣренный, у котораго произвели обыскъ и тоже арестовали. Повѣреннаго продержали пять дней и выпустили, такъ какъ ничего компрометирующаго не оказалось, ремесленниковъ же отправили въ Бахмутскую тюрьму. Нахальство полиціи и произволъ не имѣютъ границъ. Арестуютъ и обыскиваютъ вполнѣ благонамѣренныхъ людей: такъ, обыски были у всѣхъ „сіонистовъ“, библіотека которыхъ по распоряженію полиціи закрыта. Среди заводскихъ рабочихъ идетъ глухое броженіе.

Рыковскій рудникъ. Въ концѣ марта были распространены прокламаціи (№№ 2 и 4) въ количествѣ 500 штукъ. Шахтеры многаго въ прокламаціяхъ не понимаютъ, но все таки прокламаціи ихъ интересуютъ. [illegible] рудникѣ эксплуатація идетъ во всю. Особенно отличается по части „выжиманія соковъ“ изъ рабочихъ нѣкій Леве, архи-прохвостъ 96 пробы.

Макѣевка. Директоръ Генеральнаго Общества Трубопрокат. и сталелитейнаго завода въ Макѣевкѣ обѣщалъ всякому, кто поймаетъ разбрасывателя, 100 руб. за голову, но пока 100 руб. никому не выданы, такъ какъ поймать разбрасывателя довольно мудрено.

Яновскій рудникъ. Здѣсь распространены прокламаціи „Пауки и Мухи“ и „Кто наши враги“ въ числѣ 500 штукъ. Отношеніе рабочихъ къ прокламаціямъ неопредѣленно.

Волынцево. (Петровскіе заводы.) Въ концѣ марта удалось распространить около 600 экз. „Пауки и Мухи“ и „Кто наши враги“. Полиція страшно встревожилась, и теперь тамъ военное положеніе. Вечеромъ нельзя поздно ходить по улицѣ, сейчасъ же забираютъ въ кутузку.

Ростовъ н. Д. Изъ изданныхъ Донскимъ Комитомъ двухъ воззваній мы узнаемъ о стачкахъ, начавшихся въ срединѣ апрѣля на двухъ мѣстныхъ фабрикахъ. На бумажной фабрикѣ Панченко рабочіе и работницы потребовали отмѣны воскресныхъ и праздничныхъ работъ, десятичасового рабочаго дня, повышенія заработной платы съ 60 до 80 коп., вѣжливаго обращенія и прекращенія практиковавшагося со стороны фабричной администраціи специфическаго преслѣдованія женщинъ-работницъ. Только на дняхъ приказчикъ Сѣчевой разсчиталъ работницу за отпоръ, данный ею на его приставанія.

Администрація фабрики пыталась прекратить стачку, выславъ на работу персоналъ другой своей фабрики. Воззваніе Комитета убѣждаетъ рабочихъ не измѣнять товарищамъ.

На картонной фабрикѣ Перельмана и Манусевичъ часть рабочихъ забастовала 17-го апрѣля. Стачечники требовали повышенія заработной платы на 20%, десятичасового рабочаго дня для взрослыхъ и девяти часового для дѣтей, прекращенія перевода часовой стрѣлки и опять таки вѣжливаго обращенія. Чѣмъ кончились обѣ стачки, намъ пока не извѣстно.

Петербургъ. Движеніе среди фармацевтовъ.

Послѣ годового слишкомъ перерыва снова мы встрѣчаемся съ признаками движенія среди пролетаріата петербургскихъ аптекъ. Помѣченный январемъ с. г. листокъ, подписанный „СПБ Комитетомъ соціальдемократической организаціи фармацевтовъ“, сообщаетъ о возникновеніи этой организаціи и зоветъ товарищей по профессіи поддержать ее. Сверхъ обще-политическихъ требованій соціальдемократіи, Комитетъ намѣчаетъ слѣдующіе пункты профессіональныхъ требованій: 1. Поднятіе уровня общаго и спеціальнаго образованія фармацевтовъ и удешевленіе его. 2. Отмѣна аптечной монополіи. 3. Двухсмѣнная система работъ. 4. Упраздненіе хозяйскаго пансіона и установленіе минимума заработной платы. 5. Нормировка аптечной работы въ смыслѣ установленія количественнаго максимума №№ на каждаго ассистента. 6. Учрежденіе постояннаго третейскаго суда обязательнаго характера съ оффиціальной юрисдикціей и выборными отъ аптекарей и фармацевтовъ-рабочихъ для разбора недоразумѣній между послѣдними и хозяевами. 7. Государственная пенсія для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду фармацевтовъ и ихъ семействъ.

Комитетъ ставитъ своей цѣлью „созданіе единаго всероссійскаго союза рабочихъ-фармацевтовъ“. Онъ констатируетъ полный неуспѣхъ зубатовскихъ попытокъ, выразившихся въ образованіи „Сѣвернаго Общества“ фармацевтовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ аналогичное воззваніе было издано соціалистической группой фармацевтовъ въ Бѣлостокѣ.

Самара. За нѣсколько дней до Пасхи здѣсь была стачка булочниковъ. Требовали 12 час. рабочаго дня, освобожденія отъ работы по воскресеньямъ и отдѣльныхъ отъ мастерскихъ спаленъ. Стачка прекратилась черезъ два дня при содѣйствіи полиціи, арестовавшей нѣсколькихъ булочниковъ.

Ѳеодосія (Крымъ). Въ послѣднее время Ѳеодосія пробудилась отъ своей спячки. На табачной фабрикѣ Стамболи три раза были разбросаны прокламаціи и два раза на улицѣ. На фабрикѣ Стамболи арестовали одного рабочаго. Его обвиняютъ въ распространеніи прокламацій. Полиціймейстръ рветъ на себѣ волосы отъ негодованія. Носятся слухи, что даже керченскія прокламаціи печатаются здѣсь. И вотъ, желая искоренить крамолу съ земли ѳеодосійской, полиціймейстеръ началъ дѣйствовать. Городъ кишмя-кишитъ шпіонами. Перваго марта представители здѣшней соціаль-демократіи устроили вечеринку, на которой было около 20 рабочихъ Читали рефораты по поводу событія 1 марта. Цѣлью вечеринки было, главнымъ образомъ, объединеніе имѣющихся силъ интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, для болѣе успѣшной борьбы съ давящимъ насъ гнетомъ. Воодушевленіе было большое, пѣли пѣсни. Все это происходило подъ самымъ носомъ у полиціймейстера. Недавно здѣсь былъ интересный арестъ. Идутъ по улицѣ молодой человѣкъ и дѣвица. За ними во весь духъ скачетъ, поднявъ полы, полиціймейстръ Романовскій и городовой. У памятника Александра III они нагнали ихъ и тутъ-же арестовали. Дѣвицу черезъ нѣсколько часовъ отпустили, а молодой человѣкъ скрылся на слѣдующій день.

Гомель. Если я не ошибаюсь, свѣдѣнія о гомельскомъ движеніи въ первый разъ появляются на страницахъ „Искры“. Мнѣ хотѣлось бы, поэтому, познакомить читателей „Искры“, хоть въ краткихъ чертахъ, съ исторіей этого движенія, являющагося во многихъ отношеніяхъ типичнымъ для городовъ западнаго края. Какъ и всюду въ „чертѣ осѣдлости“, гомельское рабочее движеніе развилось изъ кружковъ для самообразованія, преслѣдовавшихъ первоначально чисто культурныя цѣли. На субботнихъ полулегальныхъ групповыхъ чтеніяхъ Тургенева, Короленко, Мачтета очень скоро выяснилось, насколько воспріимчивъ средній еврейскій ремесленникъ къ революціонной пропагандѣ. Достаточно было появленія одного энергичнаго, беззавѣтно преданнаго дѣлу революціи человѣка, и характеръ субботнихъ собраній совершенно измѣнился, и на нихъ зазвучали совсѣмъ другія рѣчи. Гомельское рабочее движеніе многимъ обязано этому человѣку, и я считаю нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Прослуживши нѣкоторое время почтальономъ при гомельской почтовой конторѣ, *Исаакъ Захаринъ* уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ заграницу, работаетъ слесаремъ на крупныхъ заводахъ Лондона и Нью-Іорка, проникается тамъ ученіемъ соціализма и возвращается на родину съ одной мыслью, для одной цѣли — служить дѣлу соціализма у себя дома. У него мало знанія, онъ не особенно разбирается въ людяхъ, но за то онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ революціи, ничѣмъ не занимается, кромѣ нея. Благодаря его настойчивости, формируются кружки пропагандистовъ, устраивается нелегальная библіотека, ежемѣсячные сборы, и закипаетъ успѣшная борьба гомельскихъ ремесленниковъ за сокращеніе рабочаго дня до 10 час. Гомельскіе жандармы въ то время (годы 1894-1896) отличались еще первобытной невинностью по части „корней и нитей“, и работа велась совершенно открыто. Помню я, какъ на улицѣ передавали другъ другу литературу, какъ на бульварѣ громогласно велись теоретическіе и тактическіе споры. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, и въ 1896 г. И. Захаринъ очутился въ тюрьмѣ, гдѣ скоро заболѣлъ душевной болѣзнью. Больного его держали въ заключеніи больше года и выпустили совершенно помѣшавшимся. Часто можно встрѣтить теперь на улицахъ Гомеля его печальную фигуру съ блуждающими глазами, съ торопливыми движеніями и безсвязною рѣчью о давнопрошедшихъ тяжелыхъ временахъ, когда еще не всѣ были соціалистами, когда еще существовали тюрьмы и жандармы. Онъ воображаетъ, что коллективистическій строй уже наступилъ. Послѣ ареста Захарина работа не прекратилась. Образовался соц.-дем. комитетъ, вошедшій въ Бундъ. Развились и окрѣпли профессіональныя организаціи и боевыя кассы. Работа велась болѣе экстенсивно, чѣмъ интенсивно. Рабочіе проникались началами солидарности и товарищества, пріучались цѣнить организацію и умѣть защищать ее, подымалось революціонное настроеніе, росъ ихъ энтузіазмъ и жажда борьбы, но дѣлалось очень мало для распространія и укрѣпленія соціалистическаго сознанія.

Чувствовался недостатокъ въ интеллигентныхъ руководителяхъ, въ людяхъ съ интересами теоретическаго и программнаго характера. Этимъ объясняется то обстоятельство, что среди тысячи рабочихъ, въ той или иной мѣрѣ причастныхъ къ движенію, вы насчитаете не болѣе двухъ-трехъ десятковъ людей, имѣющихъ ясное представленіе о соціализмѣ. Здѣсь бывали, напр., такіе курьезы, что въ соц.-дем. комитетѣ участвовали... анархисты. Между прочимъ, нѣкоторое время членомъ гомельскаго комитета былъ Карповичъ (лѣтомъ 1899 года), признававшій въ то время соціальдемократическую программу. За послѣднее время дѣятельность мѣстной организаціи значительно оживилась. Уже болѣе мѣсяца здѣсь работаетъ хорошо поставленная типографія. За мартъ мѣсяцъ ею выпущено до 7.000 прокламацій и листковъ: по поводу 1-го марта, двѣ злободневныя прокламаціи, одна къ крестьянамъ, одна объ убійствѣ провокатора въ Бобруйскѣ, одна къ интеллигенціи и одна по поводу златоустовской бойни. Прокламаціи читаются всюду и вездѣ, въ парикмахерскихъ, въ ресторанахъ, на улицѣ. Полиція рветъ и мечетъ, разыскивая типографію, по улицамъ днемъ и ночью расхаживаютъ патрули солдатъ съ заряженными ружьями, за поднадзорными по пятамъ ходятъ сыщики, люди изъ общества возмущаются „демократами“, мѣстные чинодралы изъ судейскихъ не погнушались бы явиться въ роли спасителей отечества и стараются вынюхать мѣстопребываніе типографіи. Особеннымъ усердіемъ отличается въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ бывшій учитель гимназіи, а теперь мировой судья, А. Мельниковъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ препоны и преграды, гомельскіе рабочіе фактически обладаютъ свободой слова и свободой сходокъ. Часто здѣсь устраиваются массовыя собранія до 1.000 человѣкъ, сильно развита партійная дисциплина — достаточно было одной прокламаціи, чтобы болѣе 1.000 человѣкъ бросило работу, выражая свою солидарность съ златоустовскими рабочими. Объ этой политической забастовкѣ, о мѣстномъ обществѣ, о работѣ среди крестьянъ, о настроеніи публики — въ слѣдующій разъ. Ридъ.

Балта, 7 апрѣля. Вчера мы были поражены небывалымъ у насъ зрѣлищемъ, произведшимъ на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе. Въ пятницу на улицѣ былъ арестованъ рабочій (печатникъ) *Ривелисъ* и отвезенъ въ тюрьму, гдѣ онъ и выслушалъ приговоръ (Ривелисъ жилъ прежде въ городѣ Одессѣ, гдѣ былъ арестованъ), по которому его осудили на 4 года Восточной Сибири. Въ воскресенье съ утра по городу распространился слухъ, что Ривелиса увозятъ съ конвоемъ въ 3 ч. дня. Къ этому времени къ мѣстной тюрьмѣ, которая за все время своей жизни не видала въ своихъ стѣнахъ политическихъ преступниковъ, стали стекаться интеллигенты и рабочіе, чтобы еще разъ повидаться съ товарищемъ, выросшимъ вмѣстѣ съ нами и на глазахъ нашихъ отцовъ. Уже во время прощанія Ривелиса съ родными можно было замѣтить волненіе въ толпѣ. Когда старшій конвойный закончилъ свою инструкцію и конвой сдѣлалъ первый шагъ, совершенно неожиданно для всѣхъ насъ раздались крики: „Долой самодержавіе“ и „Прощай товарищъ, павшій жертвой царскаго произвола“. Эти возгласы были дружно поддержаны громкими криками „ура“. На лицахъ всей толпы было написано сочувствіе товарищу. Незначительный составъ полиціи не могъ остановить волненія, и шумъ продолжался около 20 минутъ. Наша импровизированная демонстрація обошлась безъ жертвъ. На другой день мѣстной *группой соціаль-демократовъ* была выпущена прокламація, посвященная товарищу Ривелису. Антиправительственные возгласы и распространенныя сегодня прокламаціи сильно воздѣйствовали въ смыслѣ агитаціи на нашу массу. Буржуазное общество сильно взволновано. Полиція грозитъ выслать изъ города всѣхъ „соціалистовъ“.

Мѣст. Паричи Могилев. губ. Съ осени 1902 г рабочее движеніе захватываетъ и наше глухое мѣстечко. Начинаются стачки ре-

[illegible] рабочихъ. Первыми стали бастовать портнихи. Въ результатѣ стачечнаго движенія повсемѣстное сокращеніе рабочаго дня до 12 час. (прежде онъ обыкновенно составлялъ 16-18 часовъ, а передъ праздниками и всѣ 24!) и улучшеніе въ обращеніи хозяевъ съ рабочими: въ область прошлаго отошли ругань и побои, царившіе еще недавно.

Сейчасъ же послѣ первой стачки къ намъ пріѣхалъ изъ Бобруйска жандармскій офицеръ въ сопровожденіи тов. прокурора и цѣлой своры жандармовъ. Были обыски, не давшіе ничего для жандармовъ. Тѣмъ не менѣе, 6 интеллигентовъ и 3 работницы были отданы подъ надзоръ. Набѣгъ жандармовъ оказалъ благотворное дѣйствіе: они успѣли возстановить противъ себя и рабочихъ и такъ называемое „общество“.

Вслѣдъ за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочій день которой здѣсь, какъ и вездѣ, ничѣмъ не ограниченъ. Въ одно прекрасное утро 25 служанокъ бросили работу и демонстративно прошлись по улицѣ. Ни угрозы, ни слезы(!) хозяекъ не помогали: прислуга требовала, чтобы въ 9 час. вечера она освобождалась отъ работы и чтобы мойка бѣлья не входила въ кругъ ея обязанностей. Черезъ два дня почти всѣ хозяйки сдались, къ остальнымъ былъ примѣненъ особаго рода „терроръ“, сломившій и ихъ сопротивленіе. Этотъ „терроръ“, къ которому раньше прибѣгали и ремесленные рабочіе, заключался въ выбиваніи всѣхъ стеколъ въ домахъ.

Въ праздникъ „Пуримъ“ здѣсь была небольшая демонстрація. По случаю свадьбы рабочаго, на улицѣ собралась толпа, провожавшая новобрачныхъ изъ синагоги. Проходя мимо казенныхъ учрежденій, толпа кричала „долой самодержавіе!“ и т. д. Крики эти испугали земскаго начальника, который бросился стремглавъ въ свой домъ и забаррикадировался. Полиція въ тревогѣ и требуетъ присылки казаковъ(!!) — Нужда въ литературѣ во всемъ нашемъ районѣ невообразимая. Каждая брошюра берется прямо съ бою. — 30-го апрѣля здѣсь на собраніи читался рефератъ о программѣ соціальдемократіи, о развитіи революціоннаго движенія въ Россіи, объ аграрной программѣ соц.-рев. и о террорѣ.

Одесса. Въ апрѣлѣ здѣсь забастовали гладильщики — 150 человѣкъ. Требовали увеличенія поштучной платы. Нѣкоторые хозяева сдались. Рабочіе стойко и сознательно отстаивали свои требованія.

Изъ Златоуста. Списокъ здѣшнихъ шпіоновъ: 1. Андрей Ѳедоровъ Жижинъ. 2. Китовъ (переодѣтый жандармъ), русый, 42 л., покупаетъ старое желѣзо. 3. Алексѣй Евг. Щергинъ (переодѣтый жандармъ). 4. Степанъ Лукашевъ, мастеръ. 5. Вас. Рябовъ, 6. Ник. Стариковъ. 7. Дмитрій Рябовъ, полиров. мастерск., 8. Ивановъ, инструмент. мастерск., 9. Вас. Середонинъ. 10. Пав. Прохоровъ, столярн. маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(Окончаніе).

Мы уже упоминали, что правительство своими мѣрами недвусмысленно давало понять рабочему классу, что оно готовитъ ему жестокій ударъ. Въ виду этого соц.-демокр. депутатъ Трельстра внесъ 1-го марта въ палату запросъ по поводу общаго положенія дѣлъ. Запросъ былъ составленъ въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ. Трельстра просилъ правительство отложить обсужденіе законопроектовъ противъ стачекъ до того момента, когда станутъ извѣстными результаты разслѣдованія, о которомъ упоминалось въ правительственныхъ же проектахъ (разслѣдованіе должно было коснуться условій труда желѣзнодорожнаго персонала.

Однако министръ отказался идти на уступки. Правительство во что бы то ни стало рѣшило отнять у желѣзнодорожныхъ рабочихъ [illegible] разслѣдованы ихъ жалобы.

Оставалась надежда на то, что, обсужденіе предложенныхъ правительствомъ законопроектовъ будетъ отложено хоть до послѣ пасхи. Въ этомъ случаѣ агитація и давленіе со стороны организованнаго пролетаріата могли бы, можетъ быть, вынудить у правительства дальнѣйшія уступки; съ другой стороны, значительно улеглась бы буря возмущенія среди господствующихъ классовъ, которые, находясь въ болѣе спокойномъ состояніи духа, согласились бы отложить обсужденіе дополнительныхъ статей уголовнаго кодекса до появленія въ свѣтъ результатовъ разслѣдованія. До конца марта никто не думалъ, чтобы обсужденіе новыхъ проектовъ могло начаться раньше пасхальныхъ каникулъ, т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? Въ концѣ марта внесены были правительственные законопроекты въ измѣненномъ видѣ. Либералы немедленно отшатнулись отъ общей оппозиціи. Вся ихъ пресса разразилась восторженными гимнами въ честь клерикальнаго правительства, которое было настолько разумно, что послушалось совѣтовъ либеральной партіи и нѣсколько смягчило „кары“, назначенныя за стачку на желѣзныхъ дорогахъ (вмѣсто 6 лѣтъ 4). Все лицемѣріе либеральной оппозиціи ярко сказалось въ этой внезапной перемѣнѣ фронта. Министръ-президентъ Кійперъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ ковать желѣзо, пока горячо. Когда 1-го апрѣля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсужденіе „каторжныхъ законовъ“ начнется уже въ ближайшіе дни. Такая поспѣшность нарушала обычный порядокъ обсужденія всякихъ новыхъ проектовъ и законовъ. Оппозиція нашихъ товарищей не имѣла никакого результата. Они и часть демократовъ вотировали противъ предложенія правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Коварная тактика правительства теперь стала всѣмъ ясна. Оно рѣшило дать улечься первой бурѣ народнаго возмущенія и показать видъ, что оно яко бы не намѣрено такъ ужъ торопиться со своими проектами, какъ это предполагали рабочіе. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда агитація нѣсколько ослабѣла, оно стремительно, какъ хищное животное, ринулось на свою добычу, увѣренное въ побѣдѣ. Въ четвергъ, 2-го апрѣля, представители организацій и ферейновъ, примкнувшихъ къ Комитету обороны, снова собрались для обсужденія положенія дѣлъ. Пораженіе было почти неминуемо. Обсужденіе законовъ уже началось и въ нѣсколько дней могло окончиться. Передъ рабочими стоялъ выборъ: или ограничиться борьбой въ парламентѣ и передать руководство ею соц.-дем. депутатамъ, или же избрать путь внѣпарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитетъ обороны рѣшилъ прибѣгнуть къ стачкѣ. Противъ стачки былъ товарищъ Ондегестъ, предсѣдатель союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Онъ указывалъ на серьезныя послѣдствія и большія жертвы, которыя могла за собою повлечь стачка. Правда, онъ самъ два мѣсяца тому назадъ издалъ знаменитое воззваніе къ членамъ своего Союза съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ, но положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ значительно измѣнилось. Желѣзнодорожныя общества приняли свои мѣры, организовали союзы изъ штрейкбрехеровъ, создали изъ „благонамѣренныхъ элементовъ“ цѣлые кадры, которые обязались никогда не бастовать; съ другой же стороны обѣщаніемъ различныхъ личныхъ преимуществъ, наградъ, повышеній и т. п. они лишили профессіональный союзъ извѣстнаго контингента членовъ, — конечно, изъ числа болѣе нерѣшительныхъ, слабыхъ или просто эгоистичныхъ. Въ то же время христіанскіе союзы пошли на встрѣчу этимъ стремленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ и стали пополнять свои ряды всякимъ сбродомъ.

Поведеніе христіанскихъ союзовъ во всей разыгравшейся борьбѣ является однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ ея. За немногими исключеніями эти своеобразные „христіане“ являлись форменными предателями своихъ борющихся товарищей и съ чисто собачьей преданностью къ своимъ правящимъ единовѣрцамъ объявляли себя за „каторжные законы“.

Съ другой стороны, желѣзнодорожныя общества могли разсчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была готова по первому знаку занять всѣ пассажирскіе и грузовые вокзалы, всѣ переходы черезъ рельсы и затруднить такимъ обр. всякія сношенія между бастующими и небастующими рабочими (что фактически и случилось въ первый день стачки).

Всѣ эти явленія, конечно, не остались безъ вліянія на союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ: число членовъ его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боевой духъ его сильно упалъ. Часть членовъ была запугана абсолютнымъ запрещеніемъ оставлять свои жилища, нѣкоторые были вовсе смѣщены, другіе переведены на низшія должности, въ то время какъ членамъ христіанскихъ ферейновъ оказывалось всякое покровительство и пропаганда ихъ всячески поощрялась.

На собраніи 2-го апрѣля заявленія Ондегеста, представителя соц.-дем. въ Комитетѣ обороны, оспаривались другими членами Комитета, которые смотрѣли болѣе оптимистически на положеніе вещей и хотѣли во что бы то ни стало провести стачку, что имъ и удалось. Рѣшено было сначала объявить стачку только желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ.

Рѣшеніе пока должно было остаться тайнымъ, начало же стачки пріурочили къ 5 апрѣля. Въ ночь съ 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. Въ первый же день стачки выяснилось, что настроеніе среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ было уже не то, что 3-го января. Амстердамъ, на который всѣ, въ томъ числѣ и Ондегестъ, особенно разсчитывали, выставилъ довольно много охотниковъ продолжать работу. Сообщеніе, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. И именно это обстоятельство, что изъ Амстердама продолжали отходить поѣзда по различнымъ направленіямъ, сильно обезкуражило рабочихъ, занятыхъ въ другихъ пунктахъ сообщенія, какъ Гаарлемъ, Гаага, Роттердамъ, Утрехтъ, гдѣ стачка была почти всеобщей. На второй день стачка разрослась, и на сѣверѣ и востокѣ положеніе было въ этомъ отношеніи довольно хорошее. На югѣ, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, бастовали лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Бѣда была еще въ томъ, что среди машинистовъ стачка далеко не была столь общей, какъ ждали; между тѣмъ, очевидно, что именно ихъ участіе имѣло бы рѣшающее значеніе, разъ стачкой имѣлось въ виду прервать всякое сообщеніе въ странѣ. Далѣе желѣзнодорожныя общества немедленно послали всѣмъ забастовщикамъ на домъ извѣщенія объ увольненіи ихъ, что произвело удручающее дѣйствіе на женъ рабочихъ. Среди рабочихъ оказалось довольно много измѣнниковъ общему дѣлу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также въ качествѣ рабочихъ. Правительство дало въ распоряженіе желѣзнодорожныхъ обществъ своихъ солдатъ не только для цѣлей охраны, но и для желѣзнодорожной службы, такъ что, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, но движеніе поѣздовъ шло по прежнему. Сношенія между стачечниками различныхъ мѣстъ были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщеніе путемъ велосипедовъ. Стачечники рѣшили не прибѣгать къ услугамъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, на которыхъ заняты были штрейкбрехеры, а телеграфамъ они не особенно довѣряли. Руководящій комитетъ былъ плохо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ внѣ Амстердама. Стачка портовыхъ рабочихъ повела въ Амстердамѣ ко всякаго рода замѣшательствамъ въ портовомъ дѣлѣ, и слѣдствіемъ ея было то, что всѣ занятые въ порту рабочіе (до 4000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, въ которую вступили портовые рабочіе Роттердама, приняла совершенно неожиданные размѣры, и этотъ фактъ является несомнѣнно однимъ изъ главныхъ моментовъ въ исторіи этой борьбы.

Въ среду, 8 апрѣля, было очевидно, что палата въ четвергъ закончитъ пренія по поводу проектовъ. Въ дебатахъ участвовали лишь одни соціаль-демократы; послѣдніе не пожелали, однако, прибѣгнуть къ обструкціи, такъ какъ стачка была слишкомъ слаба и не могла произвести [illegible] ламентъ. [illegible] желѣзнодорожнымъ рабочимъ и скрыть слабость ихъ стачки, Комитетъ обороны рѣшилъ объявить въ [illegible] ности. Въ Амстердамѣ забастовали [illegible] организованные во всей Голландіи и строительные рабочіе. Общей стачки пекарей и типографовъ не удалось устроить. Изъ рабочихъ, [illegible] ныя категоріи (газовые рабочіе и рабочіе по очисткѣ города) бросили работу. Внѣ Амстердама стачка охватила лишь отдѣльныя отрасли производства въ крупныхъ городахъ (строительное дѣло, обработка металловъ, типографское дѣло). Забастовка въ нихъ была либо общей, либо частичной. Нѣтъ сомнѣнія, что на слѣдующій день, 10 апрѣля, стачка получила бы большее распространеніе. Но въ четвергъ днемъ законъ былъ уже принятъ во второй палатѣ, въ пятницу онъ поступилъ на разсмотрѣніе первой палаты, въ субботу онъ былъ бы уже распубликованъ въ „Государственномъ Указателѣ“ и, такимъ образомъ, вступилъ бы немедленно въ законную силу. Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ должна была быть къ субботѣ закончена, иначе всѣмъ ея участникамъ, всѣмъ стачечникамъ, всѣмъ членамъ центральнаго и мѣстныхъ комитетовъ, всѣмъ тѣмъ, кто говорилъ или писалъ для движенія, грозило долголѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ. Въ виду этого комитетъ въ ночь съ 9 на 10 рѣшилъ отмѣнить всеобщую стачку, направленную противъ новаго закона. Въ пятницу утромъ это рѣшеніе было предано гласности и, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе отказались было вначалѣ прекратить забастовку, но въ концѣ концовъ все движеніе къ пасхѣ прекратилось.

Центральный комитетъ голландской соціальной демократіи опубликовалъ 21 апрѣля воззваніе ко всему интернаціональному пролетаріату съ просьбой о поддержкѣ забастовщиковъ. Въ этомъ воззваніи сказано слѣдующее: Если бы весь рабочій классъ имѣлъ избирательное право, если-бы онъ получилъ политическое воспитаніе, употребляя это право, какъ оружіе въ политической борьбѣ, если-бы далѣе, между рабочимъ классомъ въ цѣломъ и соціальдемократической фракціей существовала тѣсная связь, то очень вѣроятно, что можно было-бы избѣжать этой отчаянной борьбы внѣ парламента. Отвѣтственность за эту борьбу падаетъ раньше всего на господствующіе классы, которые держатъ все еще большую часть рабочихъ въ положеніи политически безгласныхъ и такимъ образомъ потворствуютъ разнымъ анархическимъ и бунтарскимъ склонностямъ въ рабочемъ движеніи. Далѣе отвѣтственность за происшедшее лежитъ на нынѣшнемъ реакціонномъ правительствѣ и буржуазныхъ партіяхъ, которыя пожелали какъ можно успѣшнѣе провести свой каторжный законъ и поставили передъ рабочими дилемму, либо совершить актъ отчаянія, либо позволить поработить себя безъ протеста. Голландскіе рабочіе вступили въ борьбу безъ достаточной профессіональной организаціи и политическаго воспитанія, но они боролись геройски. Теперь вся буржуазія упивается бѣшенными восторгами власти и только и думаетъ о мести организованному пролетаріату. Дирекція желѣзныхъ дорогъ временно разсчитала 1600 чел., и во всѣхъ тѣхъ производствахъ, гдѣ происходила забастовка, насчитываются многочисленныя жертвы: рабочіе лишаются куска хлѣба за свой гражданскій протестъ противъ порабощенія. Нищета велика, и голландскіе рабочіе одни не могутъ оказать достаточной поддержки своимъ пострадавшимъ товарищамъ. Въ этой нуждѣ мы обращаемся къ вамъ, товарищи, съ просьбой откликнуться. Голландская соц.-дем. въ этой борьбѣ шла рука объ руку съ профессіональными союзами и она ихъ теперь не оставитъ на произволъ судьбы. Правда, рабочіе совершали ошибки: они вступили въ борьбу слабо вооруженные; средства, употребленныя ими, не соотвѣтствовали ихъ фактической силѣ; но они доказали съ очевидностью, что лучшія добродѣтели пролетаріата боевой духъ и гордость, присущи имъ. Подумайте надъ тѣмъ, что наша борьба интернаціональна и что мужественное сопротивленіе одной части пролетаріата удержитъ, можетъ быть, капиталистическій классъ въ вашей собственной странѣ отъ нападенія на права рабочихъ. Помогите намъ, чтобы мы могли поддержать наши жертвы и съ новымъ мужествомъ и новой вѣрой въ свое дѣло приняться за организаціонную работу. Несомнѣнно, что пораженіе голландскаго пролетаріата можно было раньше предвидѣть. Слишкомъ слабымъ и разрозненнымъ ринулся онъ въ бой; часть рабочихъ, находясь подъ вліяніемъ духовенства, совершила гнусную измѣну по отношенію къ своимъ братьямъ, но движеніе въ цѣломъ имѣетъ свою поучительную сторону. Долгіе годы общественная жизнь въ Голландіи была какъ въ туманѣ и когда соц.-демократы проповѣдовали истины соціализма, то противники называли ихъ „догматиками“, чуждыми пониманія дѣйствительности. Даже рабочіе сомнѣвались. Благодаря внезапной вспышкѣ классовой борьбы, все, что было скрыто втеченіе ряда лѣтъ, ярко выступило наружу, и въ томъ пожарѣ, который уничтожилъ часть нидерландскихъ союзовъ, ясно обрисовались силуэты рабочаго класса и буржуазіи. Мы увидѣли, что рабочій классъ гораздо слабѣе, чѣмъ онъ самъ о себѣ думаетъ, въ упоеніи только что одержанной славной побѣды; но мы замѣтили и его мужество и его непреклонную готовность отстаивать свои права. Нынѣ рабочій классъ видитъ самого себя въ настоящемъ свѣтѣ и знаетъ, чего ему не достаетъ. Профессіональное движеніе должно теперь отказаться отъ преувеличенной оцѣнки своей силы и направить всѣ усилія на организаціонную работу. Мы видѣли и буржуазію и буржуазное государство въ ихъ истинномъ видѣ. Мы видѣли, что правительство прибѣгло къ грубой силѣ, чтобы провести реакціонные законы, и было поддержано всѣми партіями въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Мы видѣли, какъ „національное“ правительство демократическаго государства давало обществамъ своихъ солдатъ не только для охраны желѣзныхъ дорогъ, но и для замѣны стачечниковъ, и эти солдаты оставались на мѣстахъ разсчитанныхъ, выброшенныхъ за стачку рабочихъ еще цѣлыя недѣли послѣ окончанія стачки. Мы видѣли, какъ буржуазная пресса старалась выставить мужественныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, какъ самыхъ худшихъ злодѣевъ и какъ либеральные и христіанскіе листки подстрекали желѣзнодорожныя общества не давать никому пощады. Они, страшно сказать, находили законъ еще не достаточно суровымъ, а четыре года тюрьмы слишкимъ мягкимъ наказаніемъ. Они желали виновныхъ и ихъ семей наказать перспективой голодной смерти или ссылкой въ Остъ-Индію для отбыванія тамъ принудительной военной службы. Мы видѣли капиталъ во всей его холодной жестокости, его мнимое христіанство въ отвратительной наготѣ. Государство представилось намъ могучимъ орудіемъ закабаленія рабочаго класса, подавленія въ немъ стремленія къ смертному грѣху „покушенія на дивиденды капиталистовъ“.

Правительство и буржуазія дали нидерландской соц.-демокр. громадный матеріалъ для пропаганды, и нужно думать, что она сумѣетъ его использовать въ цѣляхъ привлеченія всего пролетаріата Голландіи въ ряды революціонной соціальдемократіи.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ ФУРМИ.

1-го мая 1891 г., согласно постановленію международнаго конгреса 1889 г., французскій пролетаріатъ вторично праздновалъ первомайскій праздникъ.

Стоявшее во главѣ Франціи такъ называемое „Министерство республиканской охраны“ г. Констана мобилизовало всѣ свои полицейскія и военныя силы противъ мирныхъ манифестантовъ. По всей Франціи подверглись манифестанты нападенію дикихъ ордъ, въ Ліонѣ и Марсели произошли довольно крупныя схватки, но событіе, отмѣтившее 1891 г. кровавымъ пятномъ на страницахъ исторіи третьей республики это — избіеніе рабочихъ въ Фурми, гдѣ девять мертвыхъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ пали подъ ничѣмъ не вызванными выстрѣлами республиканской арміи.*)

3 мая того-же года, надъ общей могилой девяти погибшихъ товарищей, рабочіе Фурми поклялись никогда не забыть той крови, которая навсегда отдѣлила ихъ отъ буржуазіи, и до сихъ поръ [illegible] этой клятвѣ.

Республиканцы, однако, не ограничились однимъ кровопролитіемъ. Министерство „республиканской охраны“ рѣшило судить, преслѣдовать наиболѣе энергичныхъ агитаторовъ, и буржуазное правосудіе присудило нѣкоторыхъ изъ нихъ, — въ томъ числѣ и одного изъ первыхъ французскихъ соціальдемократовъ, зятя Маркса, Лафарга — къ году тюрьмы. Урокъ, данный такимъ образомъ французскимъ рабочимъ, не прошелъ для нихъ даромъ, но принесъ совершенно другіе плоды, чѣмъ ожидалъ, вѣроятно, г. Констанъ. Въ 1892 г., при общихъ выборахъ въ палату депутатовъ, рабочіе Фурми выбрали своимъ представителемъ сидѣвшаго тогда еще въ тюрьмѣ Лафарга, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ они завоевали муниципалитетъ своего городка, который до тѣхъ поръ былъ въ рукахъ патроновъ.

Съ первыхъ же дней своей дѣятельности соціалистическій муниципалитетъ постановилъ воздвигнуть памятникъ на общей могилѣ девяти жертвъ 1-го мая 1891 г. и, въ виду крайней незначительности своего бюджета (въ Фурми насчитывалось въ 1891 г. около 16,000 жителей, а теперь всего около 13,000 жителей), рѣшилъ открыть публичный сборъ среди французскаго пролетаріата. Понимая, что этотъ памятникъ будетъ вѣчнымъ укоромъ, memento mori буржуазіи, и что онъ постоянно будетъ напоминать пролетаріату объ его революціонномъ долгѣ, — правительство поспѣшило запретить эту подписку, и муниципалитетъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ маленькимъ силамъ.

И вотъ въ началѣ апрѣля этого года французская соціалистическая партія (объединенные гедисты и бланкисты) обратилась къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ съ предложеніемъ прислать делегатовъ на открытіе этого памятника.

Соціалисты всѣхъ странъ откликнулись на это приглашеніе. Германскіе, американскіе, англійскіе, польскіе, испанскіе, италіанскіе соціальдемократы. Союзъ русскихъ соціальдемократовъ прислали адреса, Заграничная Лига Русс. Рев. Соціальдемократіи, бельгійская рабочая партія, Партія соц.-рев. прислали делегатовъ.

Въ субботу, 2-го мая, наканунѣ манифестаціи, состоялся митингъ, на которомъ присутствовало около полторы тысячи рабочихъ. За часъ до начала маленькій мѣстный театръ былъ переполненъ, густая толпа не нашедшихъ уже мѣста заняла площадь. Полиція отсутствуетъ, и порядокъ въ этой толпѣ образцовый. Стройные мощные звуки „Интернаціонала“, дружные возгласы „да здравствуетъ соціальная революція“ одни нарушаютъ тишину всегда столь спокойнаго городка и заставляютъ запоздавшихъ нѣсколькихъ делегатовъ прибавить шагу.

Появленіе ихъ на трибунѣ встрѣчается громомъ рукоплесканій, но совершенно невозможно описать восторженный пріемъ, сдѣланный красному знамени Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, которое привезъ и внесъ на трибуну делегатъ Заг. Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

Говорило на этомъ митингѣ около пятнадцати ораторовъ.

Делегатъ Лиги, Ремъ, принесъ французскому пролетаріату привѣтъ русскаго рабочаго класса, который борется съ самодержавіемъ, чтобы, свергнувъ его, ринуться въ послѣдній бой съ буржуазіей. „Когда россійское самодержавіе — этотъ спинной хребетъ европейской реакціи — падетъ подъ мощнымъ ударомъ рабочаго класса, Европа увидитъ стройную армію русскаго организованнаго пролетаріата, готоваго пойти подъ краснымъ знаменемъ Россійской Соціальдемократіи, развѣвающимся на этой трибунѣ рядомъ со знаменемъ Французской Соціалистической Партіи, на рѣшительный штурмъ буржуазнаго общества.“

Но что придаетъ этому митингу и всей манифестаціи ихъ крупное значеніе, это не рѣчи, не слова, произносившіяся съ трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которыя проявила рабочая масса. Трибуна и зала слились въ одномъ общемъ чувствѣ. Каждое слово, произносившееся съ трибуны, было точнымъ выраженіемъ мысли 1½ тысячной толпы, втеченіе нѣсколькихъ часовъ съ одинаковымъ вниманіемъ и полной сознательностью выслушивавшей всѣхъ ораторовъ. Корректность толпы проявилась въ особенности —

---

*) Характерная особенность: офицеръ, приказавшій стрѣлять (капитанъ Шапю), получилъ орденъ при министерствѣ Вальдекъ-Руссо-Миллеранъ!

ныхъ рабочихъ. Первыми стали бастовать портники. Въ результатѣ стачечнаго движенія повсемѣстное сокращеніе рабочаго дня до 12 час. (прежде онъ обыкновенно составлялъ 16-18 часовъ, а передъ праздниками и всѣ 24!) и улучшеніе въ обращеніи хозяевъ съ рабочими: въ область прошлаго отошли ругань и побои, царившіе еще недавно.

Сейчасъ же послѣ первой стачки къ намъ пріѣхалъ изъ Бобруйска жандармскій офицеръ въ сопровожденіи тов. прокурора и цѣлой своры жандармовъ. Были обыски, не давшіе ничего для жандармовъ. Тѣмъ не менѣе, 6 интеллигентовъ и 3 работницы были отданы подъ надзоръ. Набѣгъ жандармовъ оказалъ благотворное дѣйствіе: они успѣли возстановить противъ себя и рабочихъ и такъ называемое „общество“.

Вслѣдъ за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочій день которой здѣсь, какъ и вездѣ, ничѣмъ не ограниченъ. Въ одно прекрасное утро 25 служанокъ бросили работу и демонстративно прошлись по улицѣ. Ни угрозы, ни слезы(!) хозяекъ не помогали: прислуга требовала, чтобы въ 9 час. вечера она освобождалась отъ работы и чтобы мойка бѣлья не входила въ кругъ ея обязанностей. Черезъ два дня почти всѣ хозяйки сдались, къ остальнымъ былъ примѣненъ особаго рода „терроръ“, сломившій и ихъ сопротивленіе. Этотъ „терроръ“, къ которому раньше прибѣгали и ремесленные рабочіе, заключался въ выбиваніи всѣхъ стеколъ въ домахъ.

Въ праздникъ „Пуримъ“ здѣсь была небольшая демонстрація. По случаю свадьбы рабочаго, на улицѣ собралась толпа, провожавшая новобрачныхъ изъ синагоги. Проходя мимо казенныхъ учрежденій, толпа кричала „долой самодержавіе!“ и т. д. Крики эти испугали земскаго начальника, который бросился стремглавъ въ свой домъ и забаррикадировался. Полиція въ тревогѣ и требуетъ присылки казаковъ(!!) — Нужда въ литературѣ во всемъ нашемъ районѣ невообразимая. Каждая брошюра берется прямо съ бою. — 30-го апрѣля здѣсь на собраніи читался рефератъ о программѣ соціальдемократіи, о развитіи революціоннаго движенія въ Россіи, объ аграрной программѣ соц.-рев. и о террорѣ.

Одесса. Въ апрѣлѣ здѣсь забастовали гладильщики — 150 человѣкъ. Требовали увеличенія поштучной платы. Нѣкоторые хозяева сдались. Рабочіе стойко и сознательно отстаивали свои требованія.

Изъ Златоуста. Списокъ здѣшнихъ шпіоновъ: 1. Андрей Өедоровъ Жижинъ, 2. Китовъ (переодѣтый жандармъ), русый, 42 л., покупаетъ старое желѣзо, 3. Алексѣй Евг. Щергинъ (переодѣтый жандармъ), 4. Степанъ Лукашевъ, мастеръ, 5. Вас. Рябовъ, 6. Ник. Стариковъ, 7. Дмитрій Рябовъ, полиров. мастерск., 8. Ивановъ, инструмент. мастерск., 9. Вас. Середонинъ, 10. Пав. Про[illegible]ровъ, столярн. маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(Окончаніе).

Мы уже упоминали, что правительство своими мѣрами недвусмысленно давало понять рабочему классу, что оно готовитъ ему жестокій ударъ. Въ виду этого соц.-демокр. депутатъ Трельстра внесъ 1-го марта въ палату запросъ по поводу общаго положенія дѣлъ. Запросъ былъ составленъ въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ. Трельстра просилъ правительство отложить обсужденіе законопроектовъ противъ стачекъ до того момента, когда станутъ извѣстными результаты разслѣдованія, о которомъ упоминалось въ правительственныхъ же проектахъ (разслѣдованіе должно было коснуться условій труда желѣзнодорожнаго персонала).

Однако министръ отказался идти на уступки. Правительство во что бы то ни стало рѣшило отнять у желѣзнодорожныхъ рабочихъ ихъ права еще прежде, чѣмъ будутъ надлежащимъ образомъ разслѣдованы ихъ жалобы.

Оставалась надежда на то, что, обсужденіе предложенныхъ правительствомъ законопроектовъ будетъ отложено хоть до послѣ пасхи. Въ этомъ случаѣ агитація и давленіе со стороны организованнаго пролетаріата могли бы, можетъ быть, вынудить у правительства дальнѣйшія уступки; съ другой стороны, значительно улеглась бы буря возмущенія среди господствующихъ классовъ, которые, находясь въ болѣе спокойномъ состояніи духа, согласились бы отложить обсужденіе дополнительныхъ статей уголовнаго кодекса до появленія въ свѣтъ результатовъ разслѣдованія. До конца марта никто не думалъ, чтобы обсужденіе новыхъ проектовъ могло начаться раньше пасхальныхъ каникулъ. т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? Въ концѣ марта внесены были правительственные законопроекты въ измѣненномъ видѣ. Либералы немедленно отшатнулись отъ общей оппозиціи. Вся ихъ пресса разразилась восторженными гимнами въ честь клерикальнаго правительства, которое было настолько разумно, что послушалось совѣтовъ либеральной партіи и нѣсколько смягчило „кары“, назначенныя за стачку на желѣзныхъ дорогахъ (вмѣсто 6 лѣтъ — 4). Все лицемѣріе либеральной оппозиціи ярко сказалось въ этой внезапной перемѣнѣ фронта. Министръ-президентъ Кійперъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ ковать желѣзо, пока горячо. Когда 1-го апрѣля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсужденіе „каторжныхъ законовъ“ начнется уже въ ближайшіе дни. Такая поспѣшность нарушала обычный порядокъ обсужденія всякихъ новыхъ проектовъ и законовъ. Оппозиція нашихъ товарищей не имѣла никакого результата. Они и часть демократовъ вотировали противъ предложенія правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Коварная тактика правительства теперь стала всѣмъ ясна. Оно рѣшило дать улечься первой бурѣ народнаго возмущенія и показать видъ, что оно яко бы не намѣрено такъ ужъ торопиться со своими проектами, какъ это предполагали рабочіе. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда агитація нѣсколько ослабѣла, оно стремительно, какъ хищное животное, ринулось на свою добычу, увѣренное въ побѣдѣ. Въ четвергъ, 2-го апрѣля, представители организацій и ферейновъ, примкнувшихъ къ Комитету обороны, снова собрались для обсужденія положенія дѣлъ. Пораженіе было почти неминуемо. Обсужденіе законовъ уже началось и въ нѣсколько дней могло окончиться. Передъ рабочими стоялъ выборъ: или ограничиться борьбой въ парламентѣ и передать руководство ею соц.-дем. депутатамъ, или же избрать путь внѣпарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитетъ обороны рѣшилъ прибѣгнуть къ стачкѣ. Противъ стачки былъ товарищъ Ондегестъ, предсѣдатель союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Онъ указывалъ на серьезныя послѣдствія и большія жертвы, которыя могла за собою повлечь стачка. Правда, онъ самъ два мѣсяца тому назадъ издалъ знаменитое воззваніе къ членамъ своего Союза съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ, но положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ значительно измѣнилось. Желѣзнодорожныя общества приняли свои мѣры, организовали союзы изъ штрейкбрехеровъ, создали изъ „благонамѣренныхъ элементовъ“ цѣлые кадры, которые обязались никогда не бастовать; съ другой же стороны обѣщаніемъ различныхъ личныхъ преимуществъ, наградъ, повышеній и т. п. они лишили профессіональный союзъ извѣстнаго контингента членовъ, — конечно, изъ числа болѣе нерѣшительныхъ, слабыхъ или просто эгоистичныхъ. Въ то же время христіанскіе союзы пошли на встрѣчу этимъ стремленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ и стали пополнять свои ряды всякимъ сбродомъ.

Поведеніе христіанскихъ союзовъ во всей разыгравшейся борьбѣ является однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ ея. За немногими исключеніями эти своеобразные „христіане“ являлись форменными предателями своихъ борющихся товарищей и съ чисто собачьей преданностью къ своимъ правящимъ единовѣрцамъ объявляли себя за „каторжные законы“.

Съ другой стороны, желѣзнодорожныя общества могли разсчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была готова по первому знаку занять всѣ пассажирскіе и грузовые вокзалы, всѣ переходы черезъ рельсы и затруднить такимъ обр. всякія сношенія между бастующими и небастующими рабочими (что фактически и случилось въ первый день стачки).

Всѣ эти явленія, конечно, не остались безъ вліянія на союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ: число членовъ его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боевой духъ его сильно упалъ. Часть членовъ была запугана абсолютнымъ запрещеніемъ оставлять свои жилища, нѣкоторые были вовсе смѣщены, другіе переведены на низшія должности, въ то время какъ членамъ христіанскихъ ферейновъ оказывалось всякое покровительство и пропаганда ихъ всячески поощрялась.

На собраніи 2-го апрѣля заявленія Ондегеста, представителя соц.-дем. въ Комитетѣ обороны, оспаривались другими членами Комитета, которые смотрѣли болѣе оптимистически на положеніе вещей и хотѣли во что бы то ни стало провести стачку, что имъ и удалось. Рѣшено было сначала объявить стачку только желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ.

Рѣшеніе пока должно было остаться тайнымъ, начало же стачки пріурочили къ 5 апрѣля. Въ ночь съ 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. Въ первый же день стачки выяснилось, что настроеніе среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ было уже не то, что 3-го января. Амстердамъ, на который всѣ, въ томъ числѣ и Ондегестъ, особенно разсчитывали, выставилъ довольно много охотниковъ продолжать работу. Сообщеніе, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. И именно это обстоятельство, что изъ Амстердама продолжали отходить поѣзда по различнымъ направленіямъ, сильно обезкуражило рабочихъ, занятыхъ въ другихъ пунктахъ сообщенія, какъ Гаарлемъ, Гаага, Роттердамъ, Утрехтъ, гдѣ стачка была почти всеобщей. На второй день стачка разрослась, и на сѣверѣ и востокѣ положеніе было въ этомъ отношеніи довольно хорошее. На югѣ, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, бастовали лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Бѣда была еще въ томъ, что среди машинистовъ стачка далеко не была столь общей, какъ ждали; между тѣмъ, очевидно, что именно ихъ участіе имѣло бы рѣшающее значеніе, разъ стачкой имѣлось въ виду прервать всякое сообщеніе въ странѣ. Далѣе желѣзнодорожныя общества немедленно послали всѣмъ забастовщикамъ на домъ извѣщенія объ увольненіи ихъ, что произвело удручающее дѣйствіе на женъ рабочихъ. Среди рабочихъ оказалось довольно много измѣнниковъ общему дѣлу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также въ качествѣ рабочихъ. Правительство дало въ распоряженіе желѣзнодорожныхъ обществъ своихъ солдатъ не только для цѣлей охраны, но и для желѣзнодорожной службы, такъ что, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, но движеніе поѣздовъ шло по прежнему. Сношенія между стачечниками различныхъ мѣстъ были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщеніе путемъ велосипедовъ. Стачечники рѣшили не прибѣгать къ услугамъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, на которыхъ заняты были штрейкбрехеры, а телеграфамъ они не особенно довѣряли. Руководящій комитетъ былъ плохо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ внѣ Амстердама. Стачка портовыхъ рабочихъ повела въ Амстердамѣ ко всякаго рода замѣшательствамъ въ портовомъ дѣлѣ, и слѣдствіемъ ея было то, что всѣ занятые въ порту рабочіе (до 4000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, въ которую вступили портовые рабочіе Роттердама, приняла совершенно неожиданные размѣры, и этотъ фактъ является несомнѣнно однимъ изъ главныхъ моментовъ въ исторіи этой борьбы.

Въ среду, 8 апрѣля, было очевидно, что палата въ четвергъ закончитъ пренія по поводу проектовъ. Въ дебатахъ участвовали лишь одни соціаль-демократы; послѣдніе не пожелали, однако, прибѣгнуть къ обструкціи, такъ какъ стачка была слишкомъ слаба и не могла произвести соотвѣтствующаго давленія на парламентъ. Чтобы помочь желѣзнодорожнымъ рабочимъ и скрыть слабость ихъ стачки, Комитетъ обороны рѣшилъ объявить въ среду днемъ генеральную стачку всѣхъ отраслей промышленности. Въ Амстердамѣ забастовали рабочіе по алмазу (наилучше организованные во всей Голландіи) и строительные рабочіе. Общей стачки пекарей и типографовъ не удалось устроить. Изъ рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ предпріятіяхъ, только отдѣльныя категоріи (газовые рабочіе и рабочіе по очисткѣ города) бросили работу. Внѣ Амстердама стачка охватила лишь отдѣльныя отрасли производства въ крупныхъ городахъ (строительное дѣло, обработка металловъ, типографское дѣло). Забастовка въ нихъ была либо общей, либо частичной. Нѣтъ сомнѣнія, что на слѣдующій день, 10 апрѣля, стачка получила бы большее распространеніе. Но въ четвергъ днемъ законъ былъ уже принятъ во второй палатѣ, въ пятницу онъ поступилъ на разсмотрѣніе первой палаты, въ субботу онъ былъ бы уже распубликованъ въ „Государственномъ Указателѣ“ и, такимъ образомъ, вступилъ бы немедленно въ законную силу. Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ должна была быть къ субботѣ закончена, иначе всѣмъ ея участникамъ, всѣмъ стачечникамъ, всѣмъ членамъ центральнаго и мѣстныхъ комитетовъ, всѣмъ тѣмъ, кто говорилъ или писалъ для движенія, грозило долголѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ. Въ виду этого комитетъ въ ночь съ 9 на 10 рѣшилъ отмѣнить всеобщую стачку, направленную противъ новаго закона. Въ пятницу утромъ это рѣшеніе было предано гласности и, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе отказались было вначалѣ прекратить забастовку, но въ концѣ концовъ все движеніе къ пасхѣ прекратилось.

Центральный комитетъ голландской соціальной демократіи опубликовалъ 21 апрѣля воззваніе ко всему интернаціональному пролетаріату съ просьбой о поддержкѣ забастовщиковъ. Въ этомъ воззваніи сказано слѣдующее: Если бы весь рабочій классъ имѣлъ избирательное право, если-бы онъ получилъ политическое воспитаніе, употребляя это право, какъ оружіе въ политической борьбѣ, если-бы далѣе, между рабочимъ классомъ въ цѣломъ и соціальдемократической фракціей существовала тѣсная связь, то очень вѣроятно, что можно было-бы избѣжать этой отчаянной борьбы внѣ парламента. Отвѣтственность за эту борьбу падаетъ раньше всего на господствующіе классы, которые держатъ все еще большую часть рабочихъ въ положеніи политически безгласныхъ и такимъ образомъ потворствуютъ разнымъ анархическимъ и бунтарскимъ склонностямъ въ рабочемъ движеніи. Далѣе отвѣтственность за происшедшее лежитъ на нынѣшнемъ реакціонномъ правительствѣ и буржуазныхъ партіяхъ, которыя пожелали какъ можно успѣшнѣе провести свой каторжный законъ и поставили передъ рабочими дилемму, либо совершить актъ отчаянія, либо позволить поработить себя безъ протеста. Голландскіе рабочіе вступили въ борьбу безъ достаточной профессіональной организаціи и политическаго воспитанія, но они боролись геройски. Теперь вся буржуазія упивается бѣшенными восторгами власти и только и думаетъ о мести организованному пролетаріату. Дирекція желѣзныхъ дорогъ временно разсчитала 1600 чел., и во всѣхъ тѣхъ производствахъ, гдѣ происходила забастовка, насчитываются многочисленныя жертвы: рабочіе лишаются куска хлѣба за свой гражданскій протестъ противъ порабощенія. Нищета велика, и голландскіе рабочіе одни не могутъ оказать достаточной поддержки своимъ пострадавшимъ товарищамъ. Въ этой нуждѣ мы обращаемся, къ вамъ, товарищи, съ просьбой откликнуться. Голландская соц.-дем. въ этой борьбѣ шла рука объ руку съ професcіонельными союзами и она ихъ теперь не оставитъ на произволъ судьбы. Правда, рабочіе совершали ошибки; они вступили въ борьбу слабо вооруженные; средства, употребленныя ими, не соотвѣтствовали ихъ фактической силѣ; но они доказали съ очевидностью, что лучшія добродѣтели пролетаріата — боевой духъ и гордость, присущи имъ. Подумайте надъ тѣмъ, что наша борьба интернаціональна и что мужественное сопротивленіе одной части пролетаріата удержитъ, можетъ быть, капиталистическій классъ въ вашей собственной странѣ отъ нападенія на права рабочихъ. Помогите намъ, чтобы мы могли поддержать наши жертвы и съ новымъ мужествомъ и новой вѣрой въ свое дѣло приняться за организаціонную работу. Несомнѣнно, что пораженіе голландскаго пролетаріата можно было раньше предвидѣть. Слишкомъ слабымъ и раздробленнымъ ринулся онъ въ бой; часть рабочихъ, находясь подъ вліяніемъ духовенства, совершила гнусную измѣну по отношенію къ своимъ братьямъ, но движеніе въ цѣломъ имѣетъ свою поучительную сторону. Долгіе годы общественная жизнь въ Голландіи была какъ въ туманѣ и когда соц.-демократы проповѣдовали истины соціализма, то противники называли ихъ „догматиками“, чуждыми пониманія дѣйствительности. Даже рабочіе сомнѣвались. Благодаря внезапной вспышкѣ классовой борьбы, все, что было скрыто втеченіе ряда лѣтъ, ярко выступило наружу, и въ томъ пожарѣ, который уничтожилъ часть нидерландскихъ союзовъ, ясно обрисовались силуэты рабочаго класса и буржуазіи. Мы увидѣли, что рабочій классъ гораздо слабѣе, чѣмъ онъ самъ о себѣ думаетъ, въ упоеніи только что одержанной славной побѣды; но мы замѣтили и его мужество и его непреклонную готовность отстаивать свои права. Нынѣ рабочій классъ видитъ самого себя въ настоящемъ свѣтѣ и знаетъ, чего ему не достаетъ. Профессіональное движеніе должно теперь отказаться отъ преувеличенной оцѣнки своей силы и направить всѣ усилія на организаціонную работу. Мы видѣли и буржуазію и буржуазное государство въ ихъ истинномъ видѣ. Мы видѣли, что правительство прибѣгло къ грубой силѣ, чтобы провести реакціонные законы, и было поддержано всѣми партіями въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Мы видѣли, какъ „національное“ правительство демократическаго государства давало обществамъ своихъ солдатъ не только для охраны желѣзныхъ дорогъ, но и для замѣны стачечниковъ, и эти солдаты оставались на мѣстахъ разсчитанныхъ, выброшенныхъ за стачку рабочихъ еще цѣлыя недѣли послѣ окончанія стачки. Мы видѣли, какъ буржуазная пресса старалась выставить мужественныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, какъ самыхъ худшихъ злодѣевъ и какъ либеральные и христіанскіе листки подстрекали желѣзнодорожныя общества не давать никому пощады. Они, страшно сказать, находили законъ еще не достаточно суровымъ, а четыре года тюрьмы слишкимъ мягкимъ наказаніемъ. Они желали виновныхъ и ихъ семей наказать перспективой голодной смерти или ссылкой въ Остъ-Индію для отбыванія тамъ принудительной военной службы. Мы видѣли капиталъ во всей его холодной жестокости, его мнимое христіанство въ отвратительной наготѣ. Государство представилось намъ могучимъ орудіемъ закабаленія рабочаго класса, подавленія въ немъ стремленія къ смертному грѣху „покушенія на дивиденды капиталистовъ“.

Правительство и буржуазія дали нидерландской соц.-демокр. громадный матеріалъ для пропаганды, и нужно думать, что она сумѣетъ его использовать въ цѣляхъ привлеченія всего пролетаріата Голландіи въ ряды революціонной соціальдемократіи.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ ФУРМИ.

1-го мая 1891 г., согласно постановленію международнаго конгреса 1889 г., французскій пролетаріатъ вторично праздновалъ первомайскій праздникъ.

Стоявшее во главѣ Франціи такъ называемое „Министерство республиканской охраны“ г. Констана мобилизовало всѣ свои полицейскія и военныя силы противъ мирныхъ манифестантовъ. По всей Франціи подверглись манифестанты нападенію дикихъ ордъ, въ Ліонѣ и Марсели произошли довольно крупныя схватки, но событіе, отмѣтившее 1891 г. кровавымъ пятномъ на страницахъ исторіи третьей республики это — избіеніе рабочихъ въ Фурми, гдѣ девять мертвыхъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ пали подъ ничѣмъ не вызванными выстрѣлами республиканской арміи.*)

3 мая того-же года, надъ общей могилой девяти погибшихъ товарищей, рабочіе Фурми поклялись никогда не забыть той крови, которая навсегда отдѣлила ихъ отъ буржуазіи, и до сихъ поръ они вѣрны этой клятвѣ.

Репрессіи, однако, не ограничились однимъ кровопролитіемъ. Министерство „Республиканской охраны“ рѣшило судебно преслѣдовать наиболѣе энергичныхъ агитаторовъ, и буржуазное правосудіе присудило нѣкоторыхъ изъ нихъ, — въ томъ числѣ и одного изъ первыхъ французскихъ соціальдемократовъ, зятя Маркса, Лафарга, — къ году тюрьмы. Урокъ, данный такимъ образомъ французскимъ рабочимъ, не прошелъ для нихъ даромъ, но принесъ совершенно другіе плоды, чѣмъ ожидалъ, вѣроятно, г. Констанъ. Въ 1892 г., при общихъ выборахъ въ палату депутатовъ, рабочіе Фурми выбрали своимъ представителемъ сидѣвшаго тогда еще въ тюрьмѣ Лафарга, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ они завоевали муниципалитетъ своего городка, который до тѣхъ поръ былъ въ рукахъ патроновъ.

Съ первыхъ же дней своей дѣятельности соціалистическій муниципалитетъ постановилъ воздвигнуть памятникъ на общей могилѣ девяти жертвъ 1-го мая 1891 г. и, въ виду крайней незначительности своего бюджета (въ Фурми насчитывалось въ 1891 г. около 16.000 жителей, а теперь всего около 13.000 жителей), рѣшилъ открыть публичный сборъ среди французскаго пролетаріата. Понимая, что этотъ памятникъ будетъ вѣчнымъ укоромъ, memento mori буржуазіи, и что онъ постоянно будетъ напоминать пролетаріату объ его революціонномъ долгѣ, — правительство поспѣшило запретить эту подписку, и муниципалитетъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ маленькимъ силамъ.

И вотъ въ началѣ апрѣля этого года французская соціалистическая партія (объединенные гедисты и бланкисты) обратилась къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ съ предложеніемъ прислать делегатовъ на открытіе этого памятника.

Соціалисты всѣхъ странъ откликнулись на это приглашеніе. Германскіе, американскіе, англійскіе, польскіе, испанскіе, италіанскіе соціальдемократы, Союзъ русскихъ соціальдемократовъ прислали адреса, Заграничная Лига Русс. Рев. Соціальдемократіи, бельгійская рабочая партія, Партія соц.-рев. прислали делегатовъ.

Въ субботу, 2-го мая, наканунѣ манифестаціи, состоялся митингъ, на которомъ присутствовало около полторы тысячи рабочихъ. За часъ до начала маленькій мѣстный театръ былъ переполненъ, густая толпа не нашедшихъ уже мѣста заняла площадь. Полиція отсутствуетъ, и порядокъ въ этой толпѣ образцовый. Стройные мощные звуки „Интернаціонала“, дружные возгласы „да здравствуетъ соціальная революція“ одни нарушаютъ тишину всегда столь спокойнаго городка и заставляютъ запоздавшихъ нѣсколькихъ делегатовъ прибавить шагу.

Появленіе ихъ на трибунѣ встрѣчается громомъ рукоплесканій, но совершенно невозможно описать восторженный пріемъ, сдѣланный красному знамени Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, которое привезъ и внесъ на трибуну делегатъ Заг. Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

Говорило на этомъ митингѣ около пятнадцати ораторовъ.

Делегатъ Лиги, Ремэ, принесъ французскому пролетаріату привѣтъ русскаго рабочаго класса, который борется съ самодержавіемъ, чтобы, свергнувъ его, ринуться въ послѣдній бой съ буржуазіей. „Когда россійское самодержавіе — этотъ спинной хребетъ европейской реакціи — падетъ подъ мощнымъ ударомъ рабочаго класса, Европа увидитъ стройную армію русскаго организованнаго пролетаріата, готоваго пойти подъ краснымъ знаменемъ Россійской Соціальдемократіи, развѣвающимся на этой трибунѣ рядомъ со знаменемъ Французской Соціалистической Партіи, на рѣшительный штурмъ буржуазнаго общества.“

Но что придаетъ этому митингу и всей манифестаціи ихъ крупное значеніе, это не рѣчи, не слова, произносившіяся съ трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которыя проявила рабочая масса. Трибуна и зала слились въ одномъ общемъ чувствѣ. Каждое слово, произносившееся съ трибуны, было точнымъ выраженіемъ мысли $1^1/_2$ тысячной толпы, втеченіе нѣсколькихъ часовъ съ одинаковымъ вниманіемъ и полной сознательностью выслушивавшей всѣхъ ораторовъ. Корректность толпы проявилась въ особенности —

---

*) Характерная особенность: офицеръ, приказавшій стрѣлять (капитанъ Шапю), получилъ орденъ при министерствѣ Вальдекъ-Руссо-Мильеранъ!

какъ на этомъ митингѣ, такъ и во время манифестаціи на кладбищѣ — въ ея отношеніи къ безтактнымъ и неумѣстнымъ выходкамъ мэра Кузенъ-Корбьера, бывшаго члена партіи, отошедшаго къ „реформистамъ“. Въ двухъ своихъ довольно пространныхъ рѣчахъ г. Кузенъ-Корбьеръ пытался доказать, что, и уйдя въ ряды оппортюнизма, онъ остался искреннимъ соціалистомъ, и что во всемъ виноваты „сектанты“, не пошедшіе за нимъ по пути „сотрудничества классовъ“. Презрительное молчаніе толпы, давшей ему говорить, ни разу не прервавъ его, не поддавшейся ни на одну изъ его провокаціонныхъ выходокъ, было ему должнымъ отвѣтомъ.

На второй день съ утра начали съѣзжаться делегаты, такъ какъ многіе изъ нихъ, какъ, напр., Лафаргъ, Вальянъ и др., смогли пріѣхать лишь въ самый день манифестаціи. Въ три часа кортежъ двинулся изъ центра города и, пройдя по главнымъ улицамъ, направился къ кладбищу. Впереди несли вѣнки, за которыми слѣдовали делегаты иностранныхъ соціалистическихъ партій и провинціальныхъ федерацій.

За развернутыми красными знаменами областныхъ федерацій и Р. С.-Д. Р. П. шла густая толпа мѣстныхъ и пріѣхавшихъ изъ окрестностей членовъ партіи и манифестантовъ. Въ числѣ делегатовъ обращали на себя вниманіе рядомъ съ Лафаргомъ депутаты Вальянъ, Делори, Констанъ и Дюфуръ, нѣсколько мэровъ и муниципальныхъ сотѣтниковъ со своими шарфами, а также старикъ Блондо, дочь котораго, молодая дѣвушка, была одной изъ жертвъ первомайскаго избіенія 1891 года.

Улицы полны народа, члены партіи узнаются по металлическому жетону, который блеститъ почти во всѣхъ петличкахъ. Полиціи такъ же мало, какъ и наканунѣ, но у воротъ города стоитъ 145-ый пѣхотный полкъ (тотъ самый, который такъ мѣтко стрѣлялъ въ рабочихъ Фурми въ 1891 г.), приведенный сюда подъ предлогомъ маневровъ, и цѣлая бригада жандармовъ, а на телеграфѣ всю ночь дежурилъ чиновникъ, чтобы передавать возможныя приказанія коммиссара.

Маленькое кладбище было запружено народомъ, такъ что делегатамъ пришлось энергично дѣйствовать локтями, чтобы добраться до трибуны, воздвигнутой рядомъ съ памятникомъ. Памятника въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ: скромныхъ средствъ муниципалитета хватило только на то, чтобы надъ общей могилой павшихъ товарищей устроить небольшой палисадникъ съ металлической оградой и поставить двѣ мраморныхъ доски, которыя сохранятъ память о кровавомъ событіи и не дадутъ умереть именамъ жертвъ, покоящихся въ братской могилѣ.

Перечислить всѣ рѣчи нѣтъ возможности. Ораторовъ было около 20 человѣкъ. Общее содержаніе всѣхъ рѣчей сводится къ указанію на огромное политическое значеніе этой манифестціи, которая не такъ имѣетъ цѣлью почтить память павшихъ въ бою товарищей, какъ лишній разъ подчеркнуть непримиримость международнаго пролетаріата съ существующимъ буржуазнымъ строемъ и его боевую готовность.

Послѣ рѣчей, по предложенію Делори, мэра гор. Лилля, секретаря сѣверной федераціи партіи, присутствовавшіе въ молчаніи разошлись, и стоящимъ на готовѣ полицейскимъ и военнымъ силамъ не пришлось на этотъ разъ проявить на дѣлѣ свою ненависть къ освободительному рабочему движенію.

Цѣль манифестаціи была достигнута. Около семи тысячъ человѣкъ присутствовало на кладбищѣ, было прислано около пятидесяти делегатовъ, представлявшихъ 12 областныхъ федерацій и 20 муниципалитетовъ. Адресами и делегатами были представлены 21 федерація и болѣе 20 муниципалитетовъ. Къ этому надо еще прибавить нѣсколько синдикатовъ, кооперативныхъ товариществъ и цѣлый рядъ отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ партіи, группъ. Вся буржуазная пресса, обыкновенно систематически замалчивающая всѣ проявленія растущаго самосознанія французскаго рабочаго класса и его организаціи, отмѣтила манифестацію 3-го мая. Французская соціалистическая партія заставила заговорить о себѣ. Что же касается „реформистовъ“, то они по этому поводу показали, какъ имъ дорого и важно рабочее движеніе само по себѣ, а не поскольку оно приноситъ имъ личныя выгоды: изъ всей парижской прессы „La petite république“, органъ Жореса и Милльерана, была единственной газетой, не сказавшей ни слова о грандіозной манифестаціи пролетаріата въ Фурми. Въ ней появилось лишь краткое замѣчаніе о томъ, что „при открытіи памятника жертвамъ избіенія 1891 г. въ Фурми мэръ Корбьеръ произнесъ блестящую соціалистическую рѣчь“!

Намъ же манифестація Фурми должна лишній разъ доказать, что неправы тѣ, которые утверждаютъ, будто французы „органически неспособны къ организаціи“. Очистившись отъ пришедшихъ было къ ней чуждыхъ ей элементовъ, партія французскаго пролетаріата стала тѣмъ лишь сильнѣе, выдержанность ея классоваго характера отъ этого только выиграла. Лучшимъ доказательствомъ ея роста и сознательности организованнаго ею пролетаріата служитъ тотъ фактъ, что ни г. Кузенъ-Корбьеръ въ Фурми, ни г. Карретъ въ Рубэ, ни даже такой видный и популярный дѣятель, какъ бывшій депутатъ Зеваэсъ въ Греноблѣ, отошедшіе за послѣдніе годы отъ французской рабочей партіи, никого не увлекли за собой. Партія Геда, Лафарга и Вальяна, объединившая французскій пролетаріатъ вокругъ знамени революціоннаго марксизма, медленно, но увѣренно растетъ и составляетъ надежный оплотъ соціальной революціи во Франціи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Ко всѣмъ Россійскимъ Соціаль-Демократическимъ организаціямъ.

Товарищи! Условія политической борьбы чрезвычайно усложнились. Мѣстныя организаціи часто не въ силахъ справиться съ задачами, предъявляемыми ходомъ событій. Объединеніе всѣхъ революціонныхъ соціальдемократическихъ организацій въ единую централизованную Партію — насущнѣйшая задача настоящаго момента. „Организаціонный Комитетъ“ Р. С.-Д. Р. П. въ Россіи и за-границей взялъ на себя иниціативу этого объединенія. Общепартійный Съѣздъ — дѣло не особенно отдаленнаго момента. Въ виду этого особенно важно, чтобы всѣ революціонныя соц.-дем. группы выяснили свои взгляды на программу и задачи Партіи, опредѣлили свое отношеніе къ существующимъ въ революціонной средѣ теченіямъ. Соціаль-Демократическій Союзъ Горно-Заводскихъ Рабочихъ съ своей стороны полагаетъ, что за послѣдніе 2 года направленіе, представленное „Искрой“ (и „Зарею“), по праву завоевало себѣ въ соц.-дем. кругахъ доминирующее положеніе. Изъ всѣхъ революціонныхъ соц.-дем. органовъ „Искра“ наиболѣе полно и ярко сформулировала главныя задачи Россійской Соціаль-Демократіи и ея программу; „Искра“ наиболѣе удачно намѣтила основные принципы и планъ партійной организаціи. Ея настойчивое подчеркиваніе важности всесторонней политической агитаціи, ея рѣзкое осужденіе такъ называемаго „экономизма“ навсегда покончили съ періодомъ идейнаго разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы соціаль-демократіи, его неустанное подчеркиваніе классового и въ то же время общенаціональнаго характера рабочаго движенія, его энергичный протестъ противъ попытокъ внести въ наше движеніе буржуазные элементы. Если мы находимся въ настоящее время наканунѣ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго объединенія Партіи, то главная заслуга въ этомъ принадлежитъ „Искрѣ“. И это создало „Искрѣ“ фактическое положеніе руководящаго органа партіи.

Товарищи! Поскольку всѣ мы принципіально солидарны съ „Искрой“, мы обязаны въ интересахъ дѣла и нашей Партіи признать за нею формально то положеніе, которое создалось фактически! Пора признать „Искру“ нашимъ руководящимъ органомъ!

Сознавая всю важность скорѣйшаго объединенія мѣстныхъ организацій вокругъ центральнаго органа партіи, „Соціаль-Демократическій Союзъ Горно-Заводскихъ Рабочихъ“, отказываясь впредь до созыва съѣзда отъ обсужденія нѣкоторыхъ частныхъ разногласій своихъ съ „Искрой“, воздерживается отъ критики тѣхъ или иныхъ ея недостатковъ и, привѣтствуя заявленіе большинства Комитетовъ, присоединившихся къ „Искрѣ“, объявляетъ ее своимъ руководящимъ органомъ. 18-го апрѣля 1903 года.

Комитетъ Соц.-Демократ. Союза Горно-Заводскихъ Раб. (Юга Россіи).

Екатеринославскій Комитетъ проситъ помѣстить въ „Искрѣ“ слѣдующее заявленіе.

Всего два года прошло со времени появленія „Искры“, и за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени ею сдѣлано не мало. Ожесточенная борьба съ экономизмомъ и свойственнымъ ему шатаньемъ въ области мысли и практики, яркая критика другихъ несоціальдемократическихъ теченій, борьба съ націоналистическими увлеченіями въ нашей партіи, умѣнье будить мысль революціонера, призывъ къ широкому размаху революціонной работы, вотъ славная и вмѣстѣ съ тѣмъ сложная и трудная работа, выполняемая все время „Искрой“. И если теперь мы можемъ съ надеждой смотрѣть на предстоящій съѣздъ партіи, надѣяться, что объединеніе наше будетъ не фиктивнымъ, а вполнѣ дѣйствительнымъ, если мы можемъ думать, что мы наканунѣ созданія партіи, со строго научной программой, политически цѣлесообразной тактикой и прочной и крѣпкой организаціей, — то во всемъ этомъ мы въ немалой степени обязаны „Искрѣ“: ея настойчивый и страстный призывъ къ объединенію, выясненіе основъ истинно соціальдемократической тактики и программы, энергичный протестъ противъ всякаго замалчиванья и неопредѣленностей — все это подготовило, вѣрнѣе, создало почву для объединенія. Жизнь, дѣйствительность — лучшій учитель, и она намъ показала, какъ много вѣрнаго, глубоко правдиваго провозглашалось на страницахъ „Искры“ и „Зари“. Но ликвидація періода раздробленности, кустарничества, шатанья и разброда еще не совсѣмъ закончена: борьба еще ведется, и потому опредѣленное выраженіе своего отношенія къ этой ликвидаціонной работѣ со стороны каждой соціальдемократической организаціи имѣетъ немаловажное значеніе. Екатеринославскій Комитетъ, руководствуясь вышеупомянутыми соображеніями, считаетъ необходимымъ заявить о своей полной солидарности по всѣмъ вопросамъ программы, тактики и организацій со взглядами „Искры“ и „Зари“ и о признаніи „И.“ и „З.“ своими руководящими органами.

Передъ 1 мая распространены два воззванія „Военно-революціонной организаціи“ — къ офицерамъ и къ солдатамъ. Послѣднее говоритъ подробно о Златоустовскомъ побоищѣ и призываетъ солдатъ не стрѣлять въ рабочихъ.

Въ прокламаціи, изданной по поводу кишиневскихъ звѣрствъ, **Донской** Комитетъ говоритъ:

„Слушайте, граждане, что задумала полиція въ Ростовѣ! Въ день перваго мая, въ день нашего мирнаго праздника свободы она хочетъ обагрить улицы Ростова кровью беззащитныхъ евреевъ, она готовитъ еврейскій погромъ.

„Среди толпы, въ кабакахъ, на берегу она зоветъ бить евреевъ, такъ какъ евреи идутъ противъ царя, такъ какъ евреи — враги народа . . .

„Товарищи, выступая за правое дѣло, мы возьмемъ подъ свою защиту всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ, кто страдаетъ отъ нашего врага — правительства; — мы возьмемъ подъ свою защиту евреевъ!

„Вы, граждане, сознательные и передовые рабочіе съ презрѣніемъ оттолкнете гнусныя предложенія полиціи — вы не пойдете бить евреевъ.

„Но есть толпа, есть люди забитые, не знающіе, куда идти, съ кѣмъ бороться — тѣ люди могутъ послушать полицію, могутъ пойти на евреевъ. Товарищи, мы не допустимъ этого! Помните, какъ въ Тихорѣцкой станицѣ рабочіе выступили въ защиту поруганной чести незнакомой женщины. Они поднялись, какъ одинъ человѣкъ, они разнесли въ щепки полицію.

„Товарищи, ростовская полиція готовитъ еще худшее дѣло. Стремясь опозорить праздникъ перваго мая, она угрожаетъ жизни сотенъ беззащитныхъ людей.

„Товарищи, *мы не дозволимъ этого!*

„Открыто и смѣло возьмемъ мы подъ свою защиту евреевъ, мы грудью своей отразимъ нападеніе опьяненной и подкупленной толпы и полиціи.

„И горе ей! Пусть она знаетъ, что въ этотъ рѣшительный день мы сведемъ старые счеты!..

„Пусть она знаетъ, что въ этотъ рѣшительный часъ выльется на нее долго накоплявшіяся народное возмущеніе и злоба.

„Граждане ростовскіе рабочіе, въ нашей жизни еще не было такого великаго часа!

„Въ вашей власти теперь показать всему міру, что мы боремся за правду и справедливость, что боремся за права всѣхъ обиженныхъ, не различая ни племени, ни вѣры.

„. . . . Если мы услышимъ, что бьютъ евреевъ, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, пойдемъ защищать ихъ.

„Мы расправимся съ полиціей за всѣ ея преступленія, мы отомстимъ за кишиневскія звѣрства!“

Съ января по апрѣль **Одесскимъ Комитетомъ** были выпущены слѣдующіе листки: 1) Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Вальтуха. 2) Къ приказчикамъ. 3) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ пробочныхъ заводовъ г. Одессы. 4) Къ рабочимъ и работницамъ сахарнаго завода Бродскаго. 5) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ табачныхъ фабрикъ. 6) Ко всѣмъ рабочимъ (по поводу демонстраціи ж. д. рабочихъ при отправкѣ товарищей изъ тюрьмы). 7) 19 февраля. 8) Ко всѣмъ рабочимъ типографій. 9) Къ пекарямъ г. Одессы. 10) Ко всѣмъ „О манифестѣ 26-го февраля 11) „Воззваніе“. 12) Письмо изъ Томска. 13) Къ обществу (о погромѣ). 14) Къ рабочимъ (о погромѣ).

Въ апрѣлѣ **Петербургскимъ** Комитетомъ изданы листки: 1) къ рабочимъ фабрики Мельцера, 2) о собраніи „Зубатовскаго“ общества, 3) о манифестѣ 26 апрѣля. — **Екатеринославскимъ** Комитетомъ изданы листки, посвященные манифесту 26 апрѣля и майскому празднику.

На **Кавказѣ** передъ 1 мая была распространена въ большомъ количествѣ прокламація „Кавказскаго соціальдемократическаго рабочаго союза“, организовавшагося изъ слiянія трехъ комитетовъ партіи (Баку — Батумъ — Тифлисъ). Прокламація обращается, между прочимъ, къ кавказскимъ крестьянамъ, приглашая ихъ „выйти изъ жалкихъ деревушекъ и придти 1 мая въ города.“ Прокламація разъясняетъ крестьянамъ что спасеніе ихъ — въ присоединеніи къ пролетарскому движенію.

Тульскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ передать его сочувствіе еврейскимъ пролетаріямъ, которые сотнями и тысячами гибнутъ въ борьбѣ съ современнымъ капиталистическимъ порядкомъ и на которыхъ съ особенной силой обрушивается гнетъ всероссійскаго самодержавія съ его гнусной полиціей и гнусными органами печати — „Бессарабцемъ“, „Новымъ Временемъ“, „Свѣтомъ“, „Московскими Вѣдомостями“ и т. п. — этими проводниками началъ самодержавія, православія и народнаго невѣжества, этими фактическими виновниками такъ называемыхъ „еврейскихъ погромовъ“.

Центральный Комитетъ **Польской Соціальдемократіи** издалъ воззваніе къ рабочимъ по поводу кишиневскаго погрома и правительственныхъ провокацій въ томъ же духѣ на Литвѣ. „Берегитесь, рабочіе и работницы!“, говоритъ Центр. Ком., указывая на послѣдствія погромовъ, „не становитесь орудіемъ въ рукахъ подлыхъ слугъ царизма во вредъ рабочему дѣлу и для торжества царскаго угнетенія“.

„Рабочіе и работницы! Отразите маневры правительства, направленные противъ дѣла свободы! . . . Религіозныя и національныя распри — гибель рабочему дѣлу, и правительство нуждается въ нихъ, чтобы заставить насъ молчать и держать насъ въ рабствѣ.

Не позволяйте убивать евреевъ. И если въ случаѣ новыхъ антисемитскихъ безпорядковъ правительство еще разъ проявитъ бездѣятельность, возьмите сами на себя защиту своихъ братьевъ-еврейскихъ рабочихъ, защиту народа, преслѣдуемаго правительствомъ. Возстановляйте порядокъ, разъ правительство вызываетъ безпорядки.

. . . Наше спасеніе, спасеніе рабочаго народа — въ классовой борьбѣ всего рабочаго класса, включая и еврейскихъ, и русскихъ рабочихъ противъ царскаго ига и противъ эксплуатаціи.“

Митинги протеста противъ правительственныхъ и антисемитскихъ злодѣяній въ Кишиневѣ были организованы въ русскихъ колоніяхъ Парижа, Монпелье, Льежа, Женевы, Лозанны, Берна, Гейдельберга, Лондона, Цюриха, Кётена и Берлина.

На собраніи въ Парижѣ, созванномъ Лигой Рев. Соціальдемократіи и состоявшемся подъ предсѣдательствомъ В. И. Засуличъ, принята 400-ми присутствующими резолюція, клеймящая русское правительство и выражающая надежду на то, что организованный пролетаріатъ воспрепятствуетъ царизму въ дѣлѣ натравливанія одной части населенія на другую. Къ этой резолюціи присоединилось собраніе въ Монпелье; аналогичныя резолюціи приняты и въ другихъ колоніяхъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ моей брошюрѣ „Очеркъ петербурскаго рабочаго движенія девяностыхъ годовъ“ имѣется нѣсколько замѣчаній по поводу одного собранія въ Петербургѣ зимою 1897 года, на которомъ велся споръ объ участіи рабочихъ въ тогдашнемъ Союзѣ Борьбы и которое было описано товарищемъ Ленинымъ въ его „Что дѣлать?“. Въ настоящее время, благодаря личному свиданію еще съ однимъ участникомъ этого собранія и послѣ выясненія дѣла въ личной бесѣдѣ съ товарищемъ Ленинымъ, я считаю необходимымъ заявить слѣдующее.

Что касается до дѣленія споривших на старыхъ и молодыхъ, принимавшихъ впослѣдствіе участіе въ „Рабочей Мысли“, то товарищъ Ленинъ и самъ признаетъ, что это его дѣленіе не вполнѣ точно.*)

Съ своей стороны я согласенъ съ тѣмъ, что петербургское массовое рабочее движеніе 1896-97 годовъ и въ особенности столь неожиданная и величественная лѣтняя стачка 1896 г. и организованная январьская стачка 1897 г., потребовавшія крайняго напряженія всѣхъ силъ нашего союза, конечно, оставили свой слѣдъ и на нашемъ міросозерцаніи въ видѣ, быть можетъ, переоцѣнки значенія стачечнаго движенія. Это, разумѣется, даетъ товарищу Ленину нѣкоторое право искать въ сказанномъ времени начало зарожденія такъ называемаго „экономизма“. Но по моему мнѣнію то, чѣмъ мы тогда въ дѣйствительности увлекались, нельзя назвать „экономизмомъ“. Мы увлекались первыми проблесками самосознанія и самодѣятельности широкаго круга рабочихъ, ихъ стремленіемъ къ организованности и къ активной борьбѣ; а отсюда логически вытекало наше стремленіе непремѣнно организовать при Союзѣ группу рабочихъ-агитаторовъ, изъ среды которыхъ Союзъ могъ бы также пополнять свои силы. Впрочемъ, я теперь убѣдился, что наши прежніе споры на счетъ положенія агитаціонной группы въ Союзѣ въ значительной степени должны быть объяснены нѣкоторымъ взаимнымъ непониманіемъ, и я думаю, что дальнѣйшее выясненіе прежнихъ разногласій пора давно сдать въ архивъ, дабы не тратить на него силъ и времени, необходимыхъ для успѣха нашей общей работы.

Петербуржецъ.

---

*) Именно: неточность моего дѣленія состоитъ въ томъ, что „молодой“, какъ оказалось, защищалъ тогда (въ спорѣ) „старыхъ“, а одинъ „старый“ — „молодыхъ“. Прим. Ленина.

Вышли новыя изданія: 1) Н. Ленинъ. Къ деревенской бѣднотѣ. (Опытъ популяризаціи соц.-дем. программы). 2) Унтеръ-офицеръ. Разсказъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербургъ. Въ срединѣ мая, по свѣдѣніямъ Красн. Креста, арестовано до 400 чел. рабочихъ.

Въ Самарѣ въ ночь съ 15-го на 16-ое апрѣля были обыски и аресты. Взяты: Алексѣевъ, Аріева (вып.), Бекенскій, Губановъ, Егоровъ, Медвѣдковъ студ., Медвѣдковъ част. пов., Клыковъ раб., двое Морозовыхъ раб., Гурьяновъ раб., Полекъ раб. (вып.), Эрн. Попова акушерка (выпущена черезъ 2 дня), Полянскій студ., Протопоповъ, Свидерскій, Шепелевъ раб., Шепеляевъ раб., 6 булочниковъ, 2 рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ, 1 заготовщикъ обуви Сапожниковъ (вып.) и еще одинъ рабочій.

Москва. Лица, сидящія въ Таганской тюрьмѣ: по московскому дѣлу: Теодоровичъ, Вейнштейнъ, Мещеряковъ, Гурвичъ (женщ.), Биронтъ (женщ.), М. А. Олигеръ (женщ.), Акулова. По дѣлу Бѣлостокскаго съѣзда: два Когана, Гурвичъ, Зельдовъ. Одесситы: Красненская, Захарова, Розенфельдъ (женщ.), Гринбладъ, Каширъ, Бернштейнъ, Рудовскій, Барышникъ (женщ.) Изъ Нижняго: Даниловъ, Комоловъ, Кузнецовъ, Никифоровъ, П. Гусевъ, Авдѣевъ. По другимъ дѣламъ: Прозимъ, Градъ, Давыдовъ, Контаринъ, Рогова, Михалевскій.

Саратовъ. Арестованы въ Сердобскомъ уѣздѣ Степановъ, Гусевъ и учительницы Натръ и Андреева: обвиняются въ пропагандѣ среди крестьянъ. Въ Ртищевѣ взято 12 рабочихъ (въ февралѣ), въ связи съ этимъ въ Саратовѣ были обыски и арестованъ раб. Дацкевичъ. Въ Аткарскѣ арестована одна фельдшерица. Въ ночь на 21 марта въ Саратовѣ арестованы: раб. Громадный, Лукьяновъ, Нерсидовъ, Пав. Гусевъ, Вѣра Кесслеръ, Николаевъ (увезенъ въ Казань) и Ткачевъ. Обыски у Календа, Плотниковой, Смирнова и др.

Новочеркасскъ. Въ ночь съ 15 на 16 апрѣля былъ обыскъ у быв. студ. Петерб. Универс. В. П. Литова (сосланъ теперь на 3 года въ Арханг. губ.); на слѣдующую ночь сдѣланъ обыскъ у его брата студ. Харьк. Ун. въ Харьковѣ.

Ярославль. Въ концѣ апрѣля были распространены первомайскія прокламаціи Сѣвернаго Союза. — Арестованы студенты Кучеровъ, Иконниковъ, Немоловскій и др. всего до 8 человѣкъ. Обыскъ у бывшаго студента К. Крылова.

Минскъ. Въ ночь съ 13 на 14 состоялось подъ городомъ собраніе „Бунда“, нагрянула полиція и переписала 160 человѣкъ, изъ нихъ арестовано 60 человѣкъ.

Лодзь. Въ ночь съ 13 на 14 здѣсь было произведено много обысковъ и арестовъ преимущественно среди „Бунда“. Арестовано около 100 человѣкъ, главнымъ образомъ, рабочіе.

Бѣжали: изъ Иркутской губ. (село Верхнеострожское, Балаганскаго уѣзда) 17 апрѣля и благополучно прибылъ за-границу Самуилъ Шапиро, сосланный на 4 года Вост. Сиб. по Ковенскому дѣлу 1901 г.; Давидъ Кацъ, нелегальный, сосланный недавно въ Сибирь послѣ двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія (дѣло Бунда).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Недостатокъ мѣста препятствовалъ намъ до сихъ поръ напечатать нижеслѣдующее воззваніе, содержанію котораго мы, конечно, сочувствуемъ всей душой.

Касса „Помощь Эмигрантамъ“ въ Цюрихѣ.

Все больше разгорающаяся борьба Россіи съ самодержавнымъ строемъ вызываетъ многочисленные побѣги, вслѣдствіе чего политическая эмиграція изъ Россіи приняла систематическій характеръ. Всѣмъ извѣстно, насколько тяжелы для эмигрантовъ матеріальныя условія существованія. Въ виду этого, для возможно цѣлесообразной постановки дѣла помощи эмигрантамъ, въ Цюрихѣ образовалась Касса „Помощь Эмигрантамъ“, которая согласно § 1 устава имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь лицамъ, эмигрировавшимъ изъ Россіи по политическимъ условіямъ. Сюда относятся: а) политическіе преступники, бѣжавшіе изъ тюремъ, изъ мѣстъ ссылки и изъ-подъ надзора полиціи; б) лица, эмигрировавшія за границу въ виду грозившаго имъ ареста по политическому дѣлу.

Примѣч. Касса „Помощь Эмигрантамъ“ оказываетъ помощь нуждающимся эмигрантамъ, подходящихъ подъ § 1, безъ различія партій и организацій, къ которымъ они принадлежатъ.

Идя на встрѣчу настоятельной потребности, Касса „Помощь Эмигрантамъ“ проситъ всѣхъ сочувствующихъ откликнуться.

Адресъ: Zürich Hegibachstrasse, 22, Herrn Otto Lang.

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:

Axelrod, 9, Vogelsangstrasse, Zürich

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 41. 1-го іюня 1903 года. № 41.

МОБИЛИЗАЦІЯ РЕАКЦІОННЫХЪ СИЛЪ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Особенный характеръ кишиневскому погрому 6/7 апрѣля придаетъ, во-первыхъ, выдающееся въ немъ участіе извѣстнаго сорта „интеллигенціи“; во-вторыхъ, „выдающаяся“ роль, сыгранная въ немъ представителями русскаго правительства.

Не то, чтобы въ богатой исторіи еврейскихъ погромовъ было совершенно вновѣ участіе представителей „общества“ и государства. Нѣтъ! Слишкомъ извѣстно, что въ эпидеміи погромовъ, вспыхнувшей въ 1881 году, немаловажную роль сыграла гнусная пропаганда такихъ публицистовъ, какъ Суворинъ, Озмидовъ и тому подобные Крушеваны; что значительная часть буржуазнаго „общества“ рукоплескала погромамъ и кричала „ату его“ по адресу раззоряемаго и избиваемаго еврейскаго пролетарія; что министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Н. П. Игнатьевъ несомнѣнно вводилъ въ программу своей „народной политики“ поощреніе погромовъ и что его чиновники не мало способствовали раздуванію ихъ. И съ этой стороны, слѣдовательно, кишиневскій погромъ мало отличается отъ имѣвшихъ мѣсто прежде. Но въ то время, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ реакціонеры изъ „общества“ и правительство пользовались для своихъ цѣлей начавшимся стихійнымъ движеніемъ крестьянскихъ и городскихъ массъ, въ настоящее время они искусственно и, несомнѣнно, вполнѣ сознательно, съ хладнокровнымъ разсчетомъ, разжигаютъ племенную и религіозную борьбу для того, чтобы отвлечь народныя массы отъ соціальнаго и политическаго протеста, на путь котораго онѣ уже начали вступать.

Въ началѣ 80-хъ годовъ никакого политическаго движенія народныхъ массъ въ Россіи не было, на лицо было только смутное и совершенно не оформленное броженіе темныхъ еще массъ крестьянской и городской бѣдноты, питавшееся матеріальной нуждой и обострявшееся политическимъ возбужденіемъ, которое было создано гуломъ революціонной борьбы. Взявъ подъ свою плохо скрытую защиту погромы, правительство графа Игнатьева стремилось окончательно отрѣзать революціонеровъ отъ народной массы, съ одной стороны, а отъ либеральной части общества — съ другой.

Плеве, получившій свое политическое воспитаніе именно въ школѣ Игнатьева, и въ этомъ случаѣ показалъ себя жалкимъ эпигономъ, рабски копирующимъ и средства, которыя 20 лѣтъ тому назадъ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Тѣ орудія, за которыя 20-25 лѣтъ назадъ правительство хваталось подъ вліяніемъ инстинкта, Плеве и К° пытается теперь примѣнять „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“ — и терпятъ позорное пораженіе. 25 лѣтъ назадъ правительство, дѣйствовавшее подъ вліяніемъ слѣпой ярости, жестокими мѣрами толкнуло революціонную партію на путь террора и, оторвавъ ее отъ народной массы, въ нѣсколько лѣтъ ее задушило. Въ настоящее время правительство провоцируетъ терроръ жестокостями, заимствованными изъ арсенала Мезенцевыхъ, Лорисъ-Меликовыхъ и Тотлебеновъ, но оторвать революціонеровъ отъ народной массы ему не удается и не удастся. 20 лѣтъ назадъ Лорисъ-Меликовъ пытался заигрывать съ либералами, не задумываясь серьезно о томъ, что изъ этой политической комедіи выйдетъ и какъ потомъ раздѣлаться съ принятыми на себя обязательствами. Нынѣшніе Лорисъ-Меликовы заранѣе обдумываютъ свои роли въ затѣваемой ими комедіи, заранѣе даютъ обѣщанія, чтобы никогда ихъ не выполнять: но когда дѣло доходитъ до выполненія „хитроумнаго“ плана, они пугаются ими же самими вызванныхъ невинныхъ либеральныхъ манифестацій, забываютъ и перепутываютъ свои роли, не слушаются суфлера изъ „Новаго Времени“, выпускаютъ въ срединѣ дѣйствія на сцену жандарма, которому полагалось выйти въ послѣднемъ актѣ, и опускаютъ занавѣсъ при гомерическомъ смѣхѣ публики. Жалкіе актеры! Они слишкомъ хладнокровно-подлы, чтобы „отъ нутра“ разыграть пьесу, такъ бойко сыгранную ихъ болѣе невѣжественными, менѣе опытными, но зато и болѣе наивно входившими въ роль предшественниками. Но они — къ счастью для Россіи — достаточно невѣжественны, политически невоспитаны и реакціонно-тупы, чтобы провалиться при первой-же попыткѣ поставить на сцену болѣе сложное „комедійное дѣйствіе“, требующееся при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Не иначе подражаютъ своимъ предшественникамъ наши нынѣшніе правители и въ дѣлѣ раздуванія анти-еврейскаго движенія. Первое-же выведеніе на сцену „народа“ въ роли душителя евреевъ ознаменовалось такими гнусными явленіями, провокаторская роль полиціи, военныхъ, губернскихъ и центральныхъ властей выяснилась такъ недвусмысленно, что эффектъ, произведенный кишиневскими неистовствами, ужъ навѣрное не оправдалъ надежъ петербургской шайки. И если кишиневскій погромъ не останется единичнымъ явленіемъ, если преступленія, совершенныя 6/7 апрѣля, повторятся еще гдѣ нибудь, то во всякомъ случаѣ, той цѣли, которую ставили себѣ Плеве съ братіей, они не достигнутъ.

Эта цѣль очевидна: отвлечь вниманіе народныхъ массъ отъ борьбы съ самодержавіемъ, озлобить политически неразвитую часть населенія противъ революціонеровъ, внушивъ ей ужасъ передъ всякимъ „уличнымъ“ движеніемъ, создать для соціальдемократіи моральныя и техническія препятствія въ развитіи демонстраціоннаго движенія и, наконецъ, мобилизовать всѣ реакціонныя силы, которыя можно было-бы двинуть въ бой противъ революціоннаго пролетаріата и идущей рядомъ съ нимъ интеллигенціи.

Въ свѣтѣ этого несомнѣнно совершающагося очень быстро процесса мобилизаціи реакціонныхъ силъ новые погромы пріобрѣтаютъ особенно важное значеніе.

Самодержавіе классическое, самодержавіе, увѣренное въ своемъ матеріальномъ могуществѣ, требуетъ отъ своихъ подданныхъ лишь „смирнаго“ поведенія. Самодержавіе разлагающееся вынуждено отказаться отъ собственнаго принципа, согласно которому всякое политическое „оказательство“, хотя-бы въ благонамѣренномъ смыслѣ, считается наказуемымъ и недопустимымъ „нарушеніемъ государственнаго порядка“. Самодержавіе разлагающееся вынуждено пытаться силѣ сознательно-революціонныхъ элементовъ народа противопоставить общественную-же силу, силу организованныхъ его агентами темныхъ, продажныхъ и по природѣ своей реакціонныхъ элементовъ. И если неаполитанскій „король бомба“ для борьбы съ итальянскими революціонерами вступалъ въ сношенія съ простыми разбойниками, фигурировавшими въ роли „народа“, то агенты царскаго самодержавія вмѣстѣ съ добровольцами реакціи изъ клики Крушевана не стѣсняются организовывать боевыя дружины наемныхъ убійцъ и простыхъ грабителей, которыхъ не трудно найти „на днѣ жизни“ — въ трущобахъ большого города.

Организація реакціонныхъ лавочниковъ, прикащиковъ и темныхъ босяковъ подъ флагомъ, на которомъ написано: „бей жидовъ!“, является естественнымъ дополненіемъ къ той организаціи темныхъ рабочихъ, которою, съ легкой руки Зубатова, занимаются жандармы, попы и „націоналисты“ изъ общества. Боевыя дружины для избіенія евреевъ превращаются за предѣлами черты осѣдлости въ отряды мясниковъ и извощиковъ для избіенія „студентовъ“ и рабочихъ-демонстрантовъ, какъ это было въ Саратовѣ 5 мая 1902 г. и въ Томскѣ 19 февраля 1903 г. Реакціонная проповѣдь газетъ, издаваемыхъ Крушеваномъ дополняетъ ту, которая ведется генералами Богдановичами, Іоаннами Кронштадтскими, отцами Петровыми, сыщиками Слѣповыми и другими ораторами зубатовскихъ собраній. И единеніе „общества“ съ „народомъ“, такъ блестяще проявившееся на улицахъ Кишинева, въ Петербургѣ происходитъ въ „Русскомъ Собраніи“ и въ аристократическихъ салонахъ, куда приглашаются „самые настоящіе“ представители рабочихъ изъ числа сыщиковъ охраннаго отдѣленія.

Реакціонныя силы мобилизуются по всей линіи. Всюду провокаторъ и жандармъ является ихъ организаторомъ, продажный журналистъ и проституирующійся попъ — ихъ „идейными“ вдохновителями, — невѣжество, умственная темнота и зоологическіе инстинкты — спайкой, посредствомъ которой разношерстные соціальные элементы образуютъ „народную толпу“.

Вызывая революціонную [illegible] и вызывая новыя жертвы, эта реакціонная мобилизація въ конечномъ счетѣ только приближаетъ развязку. Продуктъ и симптомъ разложенія самодержавія, она не можетъ задержать этого процесса, обусловленнаго дѣйствіемъ объективныхъ законовъ историческаго развитія. Если она и можетъ на одномъ полюсѣ сгустить мракъ политическаго невѣжества, обострить реакціонныя анти-культурныя чувства и настроенія, — то на другомъ полюсѣ она содѣйствуетъ накопленію въ удвоенной мѣрѣ революціонныхъ чувствъ и „мятежныхъ“ настроеній, расчищаетъ политическое сознаніе и усиливаетъ революціонную активность. Собравъ подъ свои знамена десятки и сотни прежде индеферентныхъ, а отнынѣ активно-реакціонныхъ элементовъ, эта демагогическая политика въ то же время толкаетъ въ ряды борцовъ за освобожденіе тысячи людей, стоявшихъ дотолѣ внѣ политической борьбы. Реакціонная вакханалія, разыгрываемая царскими министрами, къ несчастію для нихъ, имѣетъ передъ собою сплоченные кадры рабочихъ — соціальдемократовъ, и это обстоятельство заранѣе обрекаетъ на позорный неуспѣхъ ихъ преступный походъ. Если въ еврейскомъ мѣщанскомъ населеніи подъ вліяніемъ кишиневскаго погрома кое-гдѣ раздались шумные голоса о томъ, что въ погромахъ виноваты соціалисты и особенно еврейскіе пролетаріи, если на встрѣчу этимъ воплямъ пошла гнусная реакціонная пропаганда сіонистовъ, фигурирующихъ въ роли патентованныхъ представителей „еврейской націи“, которые не постыдились воспользоваться психологическимъ вліяніемъ погрома на темную массу, чтобы внушать ей политическую пассивность — т. е. союзъ съ самодержавіемъ, союзъ съ кишиневскими убійцами, — то, съ другой стороны, та часть еврейской буржуазіи, которая сохранила еще какія-либо гражданскія чувства, стала вооружаться и готовиться къ отпору приводимымъ полиціей бандамъ. Въ добрый часъ! Если это вооруженіе не понадобится вамъ для обороны противъ громилъ, то оно пригодится для поддержки русскихъ, польскихъ и еврейскихъ пролетаріевъ, когда они дадутъ рѣшительное сраженіе царизму. Ибо только паденіе царизма дастъ евреямъ гражданское равноправіе.

Лучшая часть еврейской интеллигенціи и буржуазіи оказалась солидарной не съ реакціонерами сіонистами, а съ русскими соціальдемократами, которые при первыхъ вѣстяхъ о событіяхъ въ Кишиневѣ стали готовиться къ сопротивленію антисемитскимъ бандамъ. Съ удовольствіемъ констатируемъ мы, что наши южные комитеты безъ колебаній приняли ту тактику, которую мы, съ своей стороны, рекомендуемъ въ № 39 „Искры“. Уже теперь сказались результаты этой тактики. Престижъ соціальдемократіи и русскаго пролетаріата сильно поднятъ въ глазахъ обывателей, открылась новая широкая сфера для политической агитаціи и правительство вынуждено нѣсколько сократить пылъ своихъ агентовъ. Опасность погромовъ, конечно, еще не прошла, но уже теперь можно сказать съ увѣренностью, что въ выигрышѣ оказалась соціальдемократія и что новая попытка погрома покроетъ правительство двойнымъ позоромъ и пораженіемъ. Русскіе рабочіе бокъ о бокъ съ еврейскими будутъ отстаивать жертвы антисемитской травли. Тамъ, гдѣ правительство сѣяло вѣтеръ, оно пожнетъ бурю.

Мобилизація реакціонныхъ силъ содѣйствуетъ мобилизаціи силъ революціи. Но для успѣшной мобилизаціи по первому призыву жизни и въ частности, для успѣшной борьбы съ эпидеміей погромовъ требуется единство дѣйствій всѣхъ соціальдемократическихъ рабочихъ.

Единство-же дѣйствій всего лучше обезпечивается единствомъ организаціи при единствѣ программы. Мобилизуясь по всей линіи, реакціонныя силы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своего проявленія, выступаютъ организованно, дѣйствуютъ по общему плану и всей своей массой обрушиваются на ту или иную часть населенія, враждебнаго самодержавному „порядку“. Для успѣшнаго отпора погромамъ отнюдь не достаточно силъ еврейскаго пролетаріата, какъ склонны, повидимому, думать нѣкоторые недальновидные люди. Весь россійскій пролетаріатъ долженъ въ той или иной мѣрѣ принять участіе въ той гражданской войнѣ, которая организуется правительствомъ. И только при участіи въ ней всего россійскаго пролетаріата эта война перерастетъ тѣ рамки, въ которыхъ стремится удержать правительство; только въ этомъ случаѣ она станетъ эпизодомъ въ борьбѣ между старой и новой Россіей.

Можно судить, поэтому, насколько умѣстна попытка органа Загр. Комитета Бунда использовать погромы для цѣлей пропаганды организаціоннаго сепаратизма и — въ этихъ видахъ — для подрыва довѣрія еврейскихъ рабочихъ къ русской соціальдемократіи. Въ № 126 „послѣднихъ Извѣстій“ мы читаемъ:

„Вѣдь, стыдно сказать, до сихъ поръ одна лишь „Свобода“ выпустила брошюру о евреяхъ, а „Искра“, не жалѣвшая бумаги для очерненія „Бунда“, до сихъ поръ не нашла возможнымъ выпустить хоть что нибудь на эту тему. Русскіе комитеты больше интересуются просвѣщеніемъ еврейской массы и освобожденіемъ ея отъ предразсудковъ, выпуская, напримѣръ, прокламаціи о сіонизмѣ, чѣмъ искорененіемъ дикаго антисемитизма. Быть можетъ, такое внимательное отношеніе къ еврейской массѣ и дѣлаетъ имъ честь, но нѣтъ сомнѣнія, что съ революціонной точки зрѣнія это большой минусъ. Нужно надѣяться, что эта ошибка, наконецъ, будетъ, хотя и слишкомъ дорогой цѣной, сознана“. Подъ „слишкомъ дорогой цѣной“, какъ слѣдуетъ изъ текста, надо понимать цѣну кишиневскаго погрома и событій, имъ вызванныхъ.

Мы не станемъ здѣсь спорить о томъ, повинна ли русская соціальдемократія вообще и „Искра“ въ частности въ забвеніи одной изъ своихъ задачъ — борьбы съ антисемитизмомъ. Это завело-бы насъ слишкомъ далеко, хотя и показало-бы, что „Бундъ“ цѣликомъ не правъ въ своемъ легкомысленно брошенномъ обвиненіи. Скажемъ только, что главнымъ средствомъ борьбы съ антисемитизмомъ, какъ вообще съ реакціонными силами, является революціонное просвѣщеніе народной массы и организація ея передового элемента — пролетаріата. Поскольку русская соціальдемократія организуетъ пролетаріатъ и черезъ посредство этой организованной силы воздѣйствуетъ на широкіе круги населенія, — она дѣлаетъ все болѣе невозможнымъ сколько-нибудь широкій разливъ „погромнаго“ движенія. Если-же соціальдемократія въ настоящее время еще не располагаетъ достаточными силами, чтобы оказывать свое революціонное воздѣйствіе равномѣрно на всѣ слои населенія, если, поэтому, антисемитская демагогія имѣетъ еще кое-какую возможность натравить на евреевъ тѣ или другіе элементы пролетарской массы, то отсюда можетъ вытекать одинъ только выводъ: необходимо энергично работать надъ усиленіемъ нашей партіи, надъ такой концентраціей всѣхъ ея силъ, которая позволила-бы вытѣснить реакцію даже изъ самыхъ отсталыхъ сферъ населенія нашихъ городовъ и деревень. А чтобы достигнуть этой цѣли, наша партія должна имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ соціалистическія силы, къ какому-бы племени онѣ не принадлежали, какимъ-бы языкомъ онѣ не говорили. А это значитъ, что всякій соціальдемократъ въ Россіи долженъ не отграничивать поле своей революціонной работы однимъ райономъ или одной частью населенія одного района, но побольше силъ отдавать всероссійской соціальдемократической организаціи. Въ силу этихъ соображеній мы, русскіе соціальдемократы, понимающіе интересы нашего дѣла, боремся противъ тѣхъ тенденцій къ эгоистическому обособленію своего собственнаго „гнѣзда“, которыя такъ рельефно проявляются въ „Бундѣ“. Въ силу этихъ соображеній мы и не жалѣемъ бумаги для „очерненія“ Бунда, какъ послѣднему угодно называть нашу принципіальную борьбу съ его націонализмомъ, стоящимъ въ коренномъ противорѣчіи съ принципами соціализма. Что-же касается борьбы нашихъ комитетовъ съ еврейскимъ сіонизмомъ, то, подобно самому Бунду, они не могутъ отъ нея отказаться, разъ что сіонизмъ отвлекаетъ отъ рабочаго движенія извѣстные довольно культурные слои еврейскаго пролетаріата. Въ этомъ отношеніи сіонизмъ представляется болѣе, такъ сказать, близкимъ противникомъ соціальдемократіи, чѣмъ антисемитизмъ, который, повторяемъ, ведетъ за собой только совершенно темные въ культурномъ и политическомъ отношеніи элементы русскаго населенія. Иначе говоря: сіонистское движеніе непосредственно гораздо болѣе грозитъ развитію классовой организаціи пролетаріата, чѣмъ антисемитизмъ и, такъ какъ для насъ, соціальдемократовъ, не существуетъ „избранныхъ“ и „неизбранныхъ“ народовъ, то мы никакъ не можемъ отказаться отъ задачи борьбы съ „предразсудками еврейской массы“. Бундъ, повидимому, хотѣлъ-бы, чтобы эта задача была признана его спеціальной монополіей. Русскіе соціальдемократы уже потому не могутъ на это согласиться, что эту задачу „Бундъ“ выполняетъ далеко неудовлетворительно: на мѣсто разрушаемыхъ формъ еврейскаго націонализма онъ развиваетъ другія — на мѣсто „предразсудковъ“ сіонистскаго націонализма онъ сѣетъ предразсудки націонализма революціоннаго.*)

---

*) Примѣръ: на стр. 13 брошюры „Польская Соціалистическая Партія объ еврейскомъ рабочемъ движеніи“ можно прочесть: „Разрѣшить еврейскій вопросъ P. P. S. хотѣла *не съ точки зрѣнія еврейскаго пролетаріата* (курсивъ подлинника), а съ *своей польской* (курсивъ нашъ) точки зрѣнія. Она не могла и не хо-

Въ сердитомъ замѣчаніи корреспондента „Послѣднихъ Извѣстій" имѣется одна вѣрная мысль — это та, что борьба съ антисемитизмомъ можетъ быть по плечу только русской (или, вѣрнѣе, всероссійской) соціальдемократіи. Въ этомъ отношеніи онъ правъ и совершенно не правы авторы брошюры „П. П. С. объ еврейскомъ рабочемъ движеніи", когда (стр. 19) говорятъ: „хотя борьба съ антисемитизмомъ является прежде всего задачей христіанскихъ (?!) соціалистическихъ партій, но даже въ этомъ отношеніи (курсивъ подлинника) еврейскіе рабочіе не должны ни на кого полагаться. Еврейскій пролетаріатъ долженъ взять борьбу противъ антисемитизма въ свои руки".

Позоръ, что въ руководящемъ органѣ соціальдемократической организаціи („Arbeiter Stimme") могутъ печататься строки, проникнутыя такой націоналистической враждебностью къ „чужимъ" пролетаріямъ! Неважно, какія полемическія выходки со стороны П. П. С. побудили „Arbeiter Stimme" написать эти строки — важно, что мысль, здѣсь выраженная, высказана въ такой общей формѣ, что можетъ служить символомъ вѣры для любого „сіониста-соціалиста".

Какъ легко еврейскому пролетаріату взять борьбу съ антисемитизмомъ „въ свои руки" — это видно, между прочимъ, и изъ фактовъ послѣдняго времени. Если полицейское подстрекательство къ погромамъ могло быть чѣмъ нибудь остановлено, то только реальной угрозой со стороны русскихъ рабочихъ оказать сопротивленіе громиламъ. Если реакціонно-паническое настроеніе среди евреевъ могло быть чѣмъ нибудь успокоено, то только активнымъ вмѣшательствомъ русскихъ пролетаріевъ на ихъ защиту. Въ номерѣ 128 „Посл. Изв." сообщается, что въ Бердичевѣ майская агитація „Бунда" вызвала въ виду кишиневскаго погрома — сильную тревогу въ буржуазныхъ кругахъ и сильное озлобленіе ихъ противъ соціалдемократовъ, и что появленіе прокламаціи Орг. Комитета нѣсколько успокоило евреевъ, такъ какъ они убѣдились, что революціонное движеніе не есть „чисто еврейское" движеніе: Мы полагаемъ, что бердичевскіе евреи совершенно правы. Еслибъ революціонный отпоръ антисемитскимъ громиламъ сталъ дѣломъ однихъ евреевъ-соціалистовъ, то, какъ-бы ни былъ онъ успѣшенъ, онъ только обострилъ-бы взаимныя отношенія между пребывающимъ въ темнотѣ русскимъ и еврейскимъ населеніемъ: „безпорядки" сохранили-бы для широкой публики тотъ характеръ племенной вражды, какой они носятъ сейчасъ. Напротивъ, если-бы противъ громилъ выступили объединенные русскіе и еврейскіе пролетаріи, „безпорядки" сразу перешли-бы на другую почву, на почву политическую. А для того, чтобы это стало возможно во всѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, соціальдемократы-евреи должны всемѣрно (гораздо болѣе, чѣмъ они до сихъ поръ это дѣлали) работать для того „общерусскаго дѣла", упоминаніе о которомъ вызываетъ истерику у нѣкоторыхъ „патріотовъ" своей „фирмы".

Работать для общерусскаго дѣла — не значитъ отказаться отъ работы по развитію классового самосознанія еврейскихъ пролетаріевъ „черты осѣдлости". Для „общерусскаго дѣла" эта послѣдняя работа далеко не лишена значенія и никогда русскіе соціальдемократы не предлагали бундовцамъ бросить ее. Работать для „общерусскаго" дѣла значитъ только вездѣ и всегда содѣйствовать проведенію въ жизнь той „общерусской точки зрѣнія" которая есть точка зрѣнія мірового пролетарскаго движенія, не знающаго идейныхъ перегородокъ между эллинами и іудеями. Работать для „общерусскаго дѣла — это значитъ покинуть нелѣпую и реакціонную точку зрѣнія „самостоятельной національной рабочей партіи",**) разъединяющей пролетарія-еврея отъ поляка и русскаго, создающей искусственный антагонизмъ между такими работниками пролетарской революціи, которые связаны единствомъ конечной и ближайшихъ классовыхъ задачъ. Работать для общерусскаго дѣла въ тѣснѣйшемъ сліяніи съ русскимъ пролетаріатомъ — значитъ для еврейскаго пролетаріата самымъ дѣйствительнымъ образомъ ковать оружіе, которымъ будетъ окончательно разбито ярмо, тяготѣющее надъ русскими евреями.

тѣла понять психологіи еврейскаго пролетаріата и пыталась внести въ его движеніе *свою польскую* (курсивъ нашъ) психологію". Только съ точки зрѣнія откровеннаго націонализма еврейскій или какой-либо другой вопросъ допускаетъ различное рѣшеніе въ зависимость отъ „еврейской", „польской" и т. д. точки зрѣнія. Хороши-бы мы были, еслибъ, напримѣръ, вопросъ о сверженіи самодержавія рѣшали „съ русской точки зрѣнія", и противополагали это рѣшеніе какой-нибудь „нѣмецкой точкѣ зрѣнія"! Наши русскіе націоналисты ничего лучшаго не желали-бы, какъ признанія, что требованіе равноправія евреевъ, выдвигаемое соціальдемократіей, есть рѣшеніе вопроса съ „точки зрѣнія *еврейскаго* пролетаріата". Для соціальдемократіи не существуетъ русскихъ, польскихъ, еврейскихъ точекъ зрѣнія, она знаетъ только точку зрѣнія мірового пролетарскаго движенія.

**) Въ листкѣ „Автономія или федерація" мы читаемъ: „....мы *никогда* не говорили ни о „независимой политической партіи еврейскаго пролетаріата", ни о „федеративной связи" Бунда съ Россійской Партіей". Между тѣмъ, на стр. 14 вышецитированной брошюры сказано: „Партія, желающая объединить всѣхъ рабочихъ данной страны возможна только, какъ *федеративный союзъ національныхъ рабочихъ партій*... На эту точку зрѣнія сталъ нашъ IV Съѣздъ". Читатель видитъ, что у нѣкоторыхъ людей слова „никогда" не имѣютъ того категорическаго смысла, какой ему приписывается обычнымъ словоупотребленіемъ.

МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ И СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННАЯ „СТРАТЕГІЯ"

6 мая, въ городскомъ паркѣ въ Уфѣ, убитъ нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера уфимскій губернаторъ Богдановичъ. Мстительница-пуля свела счеты съ человѣкомъ, за два мѣсяца передъ тѣмъ приказавшимъ дать залпъ въ мирную толпу бастовавшихъ златоустовскихъ рабочихъ.

Безъ сомнѣнія, у многихъ революціонно настроенныхъ людей забилось учащеннѣе сердце при извѣстіи о томъ, что у русской революціи однимъ врагомъ стало меньше. Смутное чувство невольно говорило о какомъ-то удовлетвореніи, какъ когда-то то же чувство заставляло привѣтствовать карающую немезиду въ сорванномъ бурей флагштокѣ, убившемъ — во время спуска броненосца — начальника петербургскаго охраннаго отдѣленія, полковника Пирамидова. Но пуля, покончившая съ губернаторомъ Богдановичемъ, не стихійный флагштокъ, а партійный тактическій пріемъ, и, какъ таковой, подлежитъ нашему анализу, свободному отъ безотчетныхъ влеченій возмущеннаго сердца, анализу — съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Выстрѣлъ въ Богдановича долженъ былъ явиться эпилогомъ той драмы, которая разыгралась въ нѣдрахъ златоустовскаго рабочаго движенія. Вотъ почему передъ нами прежде всего встаетъ вопросъ: что же далъ этотъ выстрѣлъ рабочему движенію въ Златоустѣ?

Почти нетронутая пропагандой, — немногія единицы не въ счетъ, — совершенно неорганизованная масса рабочихъ на казенномъ заводѣ въ Златоустѣ всколыхнулась въ началѣ марта этого года при извѣстіи о томъ, что вводятся новыя разсчетныя книжки, сводящія на нѣтъ тѣ немногія права и привилегіи, которыми она пользовалась согласно манифесту 1861 г.

Не можетъ этого быть, — сказали себѣ рабочіе и пошли странствовать по начальству. Они обращались по всѣмъ инстанціямъ, къ исправнику, къ полицеймейстеру, къ предсѣдателю заводскаго приказа, къ горному начальнику. Они не перестали ходить и надѣяться даже и тогда, когда выбранные ими уполномоченные были взяты и посажены въ тюрьму. „Было только видно — пишетъ лицо, командированное Орг. Ком., — что толпа ошеломлена поведеніемъ властей и сосредоточенно хочетъ уяснить себѣ ихъ поведеніе". Снявъ шапку, говорила толпа съ губернаторомъ: „Ваше Превосходительство, явите божескую милость, отмѣните новыя правила". И только поразившій своею неожиданностью залпъ произвелъ, наконецъ, переворотъ въ головахъ златоустовцевъ.

„Рабочее населеніе затихло снаружи, — сообщаетъ тотъ же корреспондентъ, — но смотритъ волкомъ и внутри его горитъ бушующее пламя. Что они съ нами сдѣлали? за что? говорятъ болѣе экспансивные. Развѣ мы хотѣли буйствовать? Да если бы мы хотѣли это сдѣлать... насъ не выбили бы изъ этой ямы въ теченіе года. Бунтовать! говорятъ другіе, да намъ достаточно было взять нѣсколько гранатъ — и отъ солдатъ осталось бы одно пустое мѣсто. Сами мы вѣдь дѣлаемъ гранаты-то... Намъ стоило только крикнуть, и въ одинъ мигъ мы могли бы разобрать весь арсеналъ"... (см. „Искра", № 39).

И если никто не крикнулъ и если во взволнованной толпѣ не нашлось человѣка, который взялъ бы на себя починъ въ подобномъ дѣйствіи, то объясняется это именно тѣмъ, что толпа собралась не демонстрировать, а просить и почтительно объясняться съ начальствомъ. До самаго послѣдняго момента рабочая масса доподлинно не знала еще, кто ея недругъ и только тогда, когда, наконецъ, она это узнала, когда солдатскія пули заставили пройти ее эту кровавую выучку, ея мысль начала упорно работать надъ вопросомъ о томъ, что же дѣлать, какъ не дать врагу вновь застать себя врасплохъ, какъ устроить ему достойную встрѣчу, оказать надлежащій отпоръ.

Прежде темная, а теперь просвѣтленная масса, „смотритъ волкомъ", и внутри ея „бушуетъ пламя" — нѣтъ болѣе подходящаго момента, нѣтъ болѣе благодарной почвы для выступленія партійнаго сѣятеля. Подхватить и развить ея одиноко и вразбродъ идущія мысли о расправѣ съ врагомъ, сосредоточить вниманіе надъ выработкой формъ *коллективной* борьбы, подготовить ее къ отвѣтственной роли *коллективнаго* дѣятеля и дать необходимую организацію, вотъ тѣ ясныя и безспорныя требованія, которыя настоящее положеніе дѣлъ предъявляетъ всякой партіи, желающей руководить рабочимъ движеніемъ. Рабочая масса въ Златоустѣ проснулась и ищетъ путей, а въ отвѣтъ на свои запросы она слышитъ — выстрѣлъ, раздавшійся въ Уфѣ „по постановленію боевой организаціи", она слышитъ, что сама она еще не доросла до коллективнаго отпора, что толковать ей объ этомъ по нынѣшнимъ временамъ значитъ „замѣнять" „революціонное дѣло" „революціонной фразой", и что теперь этотъ психологически необходимый для нея отпоръ можетъ дать только выстрѣлъ „боевой организаціи", спасающій ее, такимъ образомъ, отъ „подавляющаго дѣйствія" „сознанія собственнаго безсилія" (см. „Рев. Россія", № 24, „Терроръ и массовое движеніе").

Масса была безсильна — утверждаютъ соц.-революціонеры.

Масса была несознательна, говоримъ мы. И только въ этомъ заключалось ея горе. Но посмотрите: стоило пробудиться ея сознанію, чтобы эта масса сама заговорила о коллективной борьбѣ. Разобрали бы арсеналъ, начали бы метать гранаты — говорили тѣ самые златоустовцы, которые — не случайно — на страницахъ „Рев. Рос." уже фигурировали — „убитые, безжизненные, подобные машинамъ, къ которымъ приковалъ ихъ рокъ", „подавленные отчаяніемъ"; подавленные не потому, что „пало много жертвъ", а потому, что невыносимо „быть въ борьбѣ только пассивной стороной и только получать удары, а не отдавать ихъ". Эти мертвыя тѣни, понятно, не могли обойтись безъ содѣйствія „боевой организаціи". Но подлинные, живые златоустовскіе рабочіе, какъ и все заводское населеніе Урала, не нуждались въ услугахъ „боевой организаціи" уже просто потому, что для устраненія отдѣльныхъ ненавистныхъ имъ лицъ заводской администраціи они съиздавна практикуютъ свой собственный, самодѣльный терроръ. Зачѣмъ же имъ еще привозный? „Чуть-ли не каждую недѣлю, пишетъ одинъ изъ корреспондентовъ съ Урала (см. „Искра", № 38), слышишь, что на томъ или другомъ заводѣ пущены въ ходъ поджогъ, пуля, динамитъ или бомба. Иногда извѣстія объ этомъ проскальзываютъ даже въ легальныя газеты. Но, прибавляетъ онъ же, рабочая масса начинаетъ сознавать, что этой борьбой отдѣльныхъ лицъ противъ отдѣльныхъ проявленій гнета она не можетъ хотя сколько-нибудь улучшить свое положеніе"... „Дѣйствовать не въ одиночку или разрозненными кучками, а всѣмъ вмѣстѣ, дружно и солидарно" — это сознаніе, по истинѣ великой важности для пробуждающагося пролетаріата, начало дѣлать въ послѣднее время завоеванія среди всѣхъ уральскихъ рабочихъ, оно — мы уже видѣли — проникло послѣ бойни и въ среду златоустовской массы. И вотъ, какъ разъ въ этотъ критическій періодъ пролетарскихъ исканій, когда на очереди стояла замѣна стародавнихъ пріемовъ индивидуальной расправы болѣе или менѣе планомѣрными дѣйствіями коллективнаго цѣлаго, раздался выстрѣлъ въ Уфѣ и тѣмъ самымъ была сдѣлана попытка передвинуть опять вниманіе находящейся въ броженіи массы отъ новыхъ, поставленныхъ самою жизнью, задачъ къ устарѣлой методѣ отомщенія отдѣльнымъ лицамъ. И если при вѣсти о гибели Богдановича сгущенная атмосфера въ Златоустѣ хотя сколько-нибудь разрядилась, то разрядилась она въ успокоительное чувство удовлетворенной мести, а не въ дѣйственный призывъ къ такимъ формамъ борьбы, при которыхъ и самая неудача лишь служитъ толчкомъ для подготовки массы къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Такъ, знаменитыя ноябрьскія стачки въ Ростовѣ и на станціи Тихорѣцкой были подавлены и подавлены со многими жертвами. Но онѣ явились исходомъ для грандіознаго подъема въ настроеніи массъ, нашедшаго себѣ выраженіе и въ демонстраціи 2 марта, и въ многочисленныхъ агитаціонныхъ собраніяхъ, и въ безпримѣрной литературной дѣятельности Комитета. Поэтому естественно, что всякій, кому истинно дороги интересы „массового движенія" и кто на дѣлѣ, а не только въ пылу полемической схватки, дѣйствительно отстаиваетъ выдвигаемыя этимъ движеніемъ организаціонныя и тактическія задачи, съ недоумѣніемъ будетъ слушать разговоры, ведущіеся въ связи

„Ортодоксальное" буквоѣдство.

Н. Рязановъ посвятилъ цѣлыхъ 302 страницы критикѣ нашего проекта программы Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.*) Это, конечно, очень хорошо, и я первый похвалилъ-бы его за трудолюбіе и поблагодарилъ-бы за вниманіе къ намъ, если-бы его критика проливала хоть немного новаго свѣта на наши програмные вопросы. Къ сожалѣнію, именно этого-то она и не дѣлаетъ. Рязановъ ничего не выясняетъ и очень многое запутываетъ. Его критика безплодна, какъ дѣвственница, посвятившая себя богу. Къ тому-же она невыносимо мелочна и манерна. Она чрезвычайно сильно напоминаетъ мольеровскихъ „précieuses ridicules". Можете судить, поэтому, какъ отрадно читать и какъ пріятно разбирать новое произведеніе Рязанова! Это по истинѣ мука; нѣчто въ родѣ докучливой зубной боли.

Да не подумаетъ, однако, читатель, что я плохо отзываюсь о книгѣ Рязанова просто въ отместку за его критику: „вотъ, молъ, тебѣ: ты насъ критикуешь, а мы надъ тобою смѣемся". Совсѣмъ нѣтъ! Если-бы мы даже и отличались мстительностью и если-бы мы способны были мстить за критическое отношеніе къ намъ со стороны товарищей, то и тогда сочиненіе Рязанова не внушило бы намъ мысли объ отместкѣ: представляемый имъ родъ критики намъ совсѣмъ не опасенъ, потому что всякій мало-мальски чуткій читатель, навѣрно, тотчасъ-же замѣтитъ въ ней полное отсутствіе серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ предмету. При томъ, что касается собственно меня, то если-бы я и былъ лицепріятенъ въ своихъ литературныхъ отзывахъ, то я скорѣе былъ-бы склоненъ хвалить, чѣмъ хулить книгу Рязанова. Онъ часто съ большимъ одобреніемъ ссылается на мои сочиненія, а въ одномъ мѣстѣ даже причисляетъ меня къ лучшимъ теоретикамъ современнаго соціализма. Это, согласитесь, очень большой комплиментъ. До такой степени большой, что я даже испугался и съ безпокойствомъ спросилъ себя: откуда мнѣ сіе? Ужъ не написалъ ли я чего нибудь педантическаго? Ужъ не похожъ-ли и я на мольеровскихъ précieuses ridicules? Но меня до нѣкоторой степени успокоило то соображеніе, что Рязановъ одобряетъ меня далеко не во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ хвалитъ собственно только прежнія мои произведенія, а то, что написано мною въ „*Зарѣ*" и „*Искрѣ*", не удостоивается его одобренія. По правдѣ сказать, я не равнодушенъ и къ прежнимъ своимъ работамъ, и мнѣ было-бы очень непріятно убѣдиться въ томъ, что, напримѣръ, моя книга „*Наши разногласія*" или мои статьи, напечатанныя въ „*Соціаль-Демократъ*", грѣшатъ въ сторону того смѣшного литературнаго педантизма, который такъ пышно цвѣтетъ на страницахъ книги Рязанова. Но и тутъ мнѣ во время пришла въ голову одна очень успокоительная мысль. Именно, я сказалъ себѣ, что если Рязановъ нашелъ нужнымъ похвалить мои прежнія работы и съ недоумѣніемъ пожать плечами по поводу позднѣйшихъ, то это обстоятельство не имѣло никакого отношенія къ *содержанію* и *достоинству* тѣхъ и другихъ. Нѣтъ.

... Умыселъ другой тутъ былъ
Хозяинъ музыку любилъ...

Не потому хвалитъ Рязановъ мои прежнія произведенія, что въ самомъ дѣлѣ находитъ ихъ хорошими, а просто потому, что ему *надо* похвалить ихъ по нѣкоторымъ причинамъ вполнѣ посторонняго и притомъ совершенно „музыкальнаго" свойства. Стало быть, мнѣ нечего и огорчаться его похвалою.

Но какую-же „музыку" любитъ Рязановъ? Въ данномъ случаѣ ему нравится вотъ какая.

Ему, изволите-ли видѣть, хочется доказать, что прародительница русской соціальдемократіи, группа „*Освобожденіе Труда*", стояла на правильной точкѣ зрѣнія до тѣхъ поръ, пока не была введена во искушеніе змѣемъ-искусителемъ Ленинымъ. Онъ сожалѣетъ объ ея грѣхопаденіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ понять, что признаетъ существованіе смягчающихъ ея вину обстоятельствъ и, — буде она, раскаявшись, возстанетъ противъ змія — готовъ даже стереть главу онаго. Онъ рекомендуетъ нашей партіи отклонить проектъ программы, выработанный редакціей „*Зари*" и „*Искры*", и принять старый проектъ Гр. „Освобожденіе Труда" съ соотвѣтствующими измѣненіями. Онъ, какъ видно, считаетъ свое предложеніе крайне лестнымъ для этой группы и надѣется, что она станетъ его поддерживать. Такая „музыка" была бы очень пріятна Рязанову. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго желанія услаждать его слухъ.

Во-первыхъ, Рязановъ жестоко ошибся, вообразивъ, что критикуемый имъ проектъ программы былъ навязанъ намъ, членамъ бывшей группы „Освобожденіе Труда," змѣемъ-искусителемъ. Змій-искуситель вообще никогда ничего не навязывалъ намъ, а всегда дѣйствовалъ въ идейномъ согласіи съ нами, какъ товарищъ-единомышленникъ, нисколько не хуже насъ понимавшій великое значеніе правильной теоріи въ нашемъ дѣлѣ и ни мало не склонный приносить ее въ жертву *практикѣ*. И если проектъ программы, предлагаемый нами россійской соціальдемократіи, имѣетъ свои недостатки, то за эти недостатки мы, — т. е. П. Аксельродъ, В. Засуличъ и я, — отвѣтственны ничуть не меньше, чѣмъ Ленинъ или какой нибудь другой членъ нашей редакціонной коллегіи. Рязановъ и иные проницательные „читатели", любящіе посудачить на счетъ „*Искры*" и „*Зари*", очень хорошо сдѣлаютъ, разъ навсегда запомнивъ это мое категорическое заявленіе. Легенда о змѣѣ-искусителѣ, довольно усердно культивируемая теперь нѣкоторыми любителями поэтическаго вымысла, должна быть окончательно оставлена.

Во-вторыхъ, нынѣшній нашъ проектъ программы есть именно не что иное, какъ *старый проектъ группы „Освобожденіе Труда"*, вновь изданный съ соотвѣтствующими измѣненіями. Рязановъ не одобряетъ этихъ измѣненій, но мы убѣждены, что безъ нихъ обойтись невозможно, и если-бы наша партія поручила намъ написать новую программу и при этомъ взять за точку исхода старый проектъ нашей группы, то мы немедленно и ни мало не колеблясь возстановили-бы, параграфъ за параграфомъ, проектъ, извѣстный теперь подъ именемъ проекта редакціи „*Искры*" и „*Зари*". Никакого другого проекта мы не могли-бы написать по той простой причинѣ, что всякій другой проектъ не такъ точно выражалъ бы наши взгляды.

Рязановъ находитъ въ проектѣ „*Искры*" и „*Зари*" большія и неумѣстныя уступки такъ называемымъ критикамъ Маркса. Теоретическая часть проекта кажется ему составленной подъ сильнымъ вліяніемъ г. Бернштейна. Но она кажется ему такою единственно вслѣдствіе того, что онъ не понимаетъ, въ чемъ заключается существенное содержаніе такъ называемаго теперь ортодоксальнаго марксизма. Въ своемъ правовѣріи онъ не идетъ дальше словъ и выраженій, и когда ему попадается въ разбираемомъ имъ проектѣ какое нибудь непривычное для него слово или выраженіе, онъ вопитъ: „Караулъ! Измѣна марксизму! Чего смотритъ Плехановъ! Почему онъ не разитъ оппортунистическаго змія — Ленина?" Такая приверженность къ ортодоксіи по своему даже трогательна, но въ то-же время она высоко комична. Она по истинѣ ждетъ своего Мольера.

Вотъ примѣръ. Рязановъ прочиталъ въ непріятномъ ему проектѣ слѣдующія строки: „Область господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній все болѣе и болѣе расширяется по мѣрѣ того, какъ постоянное усовершенствованіе техники, увеличивая хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій, ведетъ къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей, превращая часть ихъ въ пролетаріевъ, съуживая роль остальныхъ въ общественно-экономической жизни и мѣстами ставя ихъ въ болѣе или менѣе полную, болѣе или менѣе явную, болѣе или менѣе тяжелую зависимость отъ капитала".

Эти строки приводятъ Рязанова въ большое негодованіе, потому что онъ открываетъ въ нихъ „*кануперъ*", какъ называлъ вредныя идеи одинъ цензоръ у Некрасова. „Почему программа говоритъ о расширеніи области господства капиталистическихъ отношеній", когда можно было просто сказать о *ростѣ* или *развитіи* капитализма? — ехидно вопрошаетъ онъ — не потому-ли, что ростъ капитализма означаетъ ростъ пролетаріата, т. е. экспропріацію самостоятельныхъ производителей sans phrases, а слова „расширеніе области производства" и т. д. отличаются большой „гибкостью" и даютъ возможность лучше охватить живую дѣйствительность?" (ст. 21-22). На этотъ ехидный вопросъ отвѣтить очень не трудно. Если-бы мы почему-нибудь избѣгали говорить о „ростѣ пролетаріата" и объ экспропріаціи самостоятельныхъ производителей sans phrases", то мы не сказали-бы, что *усовершенствованіе техники превращаетъ часть мелкихъ самостоятельныхъ производителей въ пролетаріевъ*. Разъ мы сказали это, то ясно, что говорить о ростѣ пролетаріата мы ни капельки не боимся. А если мы считаемъ нужнымъ прибавить, что въ зависимость отъ капитала, кромѣ того, попадаютъ многіе изъ тѣхъ мели по поводу уфимскаго событія, — о террористическихъ актахъ, „опирающихся“ якобы „на нужды этого (массового) движенія“ и его „дополняющихъ“. Воистину, гг. соціалисты-революціонеры не могли выбрать моментъ менѣе удобный для *такихъ* разсужденій! Но еще съ большимъ изумленіемъ онъ услышитъ утвержденіе, что неподготовленная къ открытому сопротивленію масса „имѣетъ другой способъ отпора — *путемъ выдѣленія спеціальной террористической организаціи*“... Это говорятъ — все по поводу того же событія — люди, которые только-что передъ тѣмъ утверждали, что златоустовскіе рабочіе оказались неспособны защитить себя сами, что они угнетены сознаніемъ собственнаго безсилія и что именно потому къ нимъ на помощь поспѣшила всероссійская „боевая организація“. Теперь же выходитъ, что на одинъ и тотъ же террористическій актъ есть уже два претендента — „боевая организація“ „партіи“ соц.-рев. и „спеціальная террористическая организація“, выдѣленная массой! И это забавное qui pro quo случилось съ нашими газетными террористами, все благодаря ихъ тяготѣнію — на словахъ — къ массовому движенію!

---

*) См. его книгу: „Матеріалы для обработки партійной программы. Выпускъ II. Проектъ программы „Искры" и задачи русскихъ соціальдемократовъ. Изданіе группы „Борьба". Женева, 1903."

Послѣ златоустовской бойни, говорятъ соц.-революціонеры, чувствовалась необходимость „въ интересахъ массового движенія *доказать, что революціонное движеніе въ Россіи достаточно сильно* и рѣшительно для того, чтобы не оставить безъ отвѣта и безнаказанными такихъ вопіющихъ злодѣйствъ надъ рабочимъ народомъ“.

Знакомые мотивы! Мы уже слышали ихъ изъ устъ соц.-рев. Качура. „И народъ, и правительство, писалъ онъ, должны знать, что революціонеры не позволятъ проливать народную кровь... Я вѣрю, что ей (боевой организаціи) удастся заставить правительство не бороться съ нами кнутомъ и кулакомъ; я вѣрю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло свободно развиваться“. (см. „Рев. Рос.“, № 10).

Мы желали бы, чтобы эти слова обученнаго соц.-революціонерами *рабочаго* Качура сохранились въ памяти читателя и чтобы онъ помнилъ ихъ особенно тогда, когда ему придется услышать, будто нѣкіе злонамѣренные люди „клевещутъ“, утверждая, что террористическія тенденціи соц.-революціонеровъ ни въ коемъ отношеніи, кромѣ вреднаго, къ массовому движенію не стоятъ. А теперь, мы обратимъ его вниманіе на приведенную выше цитату и спросимъ: неужели уфимскій „террористическій актъ“ „доказалъ“ или могъ доказать сколько-ниб. сознательнымъ рабочимъ какую-либо „силу“ революціон. движенія въ Россіи? Среди мутныхъ водъ самодержавно-бюрократическаго моря въ террористическія сѣти наконецъ заплыла второстепенная рыбешка. Спрашивается, даетъ-ли это право говорить рабочей массѣ — объ удачѣ ловцовъ, о „доказанной“ „силѣ“ „революціоннаго движенія“ въ то самое время, когда главныя зубастыя щуки — и это не случайно, да и всѣхъ не переловишь — свободно гуляютъ на просторѣ? Черезъ годъ послѣ министра Сипягина — одинъ изъ безчисленныхъ клевретовъ самодержавія, губернаторъ Богдановичъ! На этомъ невозможно построить даже и той сенсаціи, которую — худо-ли хорошо-ли — могла, въ теченіе нѣкотораго времени, поддерживать въ *„обществѣ“* покойная „Нар. Воля“: вѣдь удары ея шли crescendo, по восходящей линіи, закончившись первымъ марта.*) Не о *силѣ* революціоннаго движенія говоритъ рабочимъ массамъ выстрѣлъ въ Уфѣ, а, наоборотъ, о его дезорганизующей *слабости*. Истинно-революціонное движеніе, опирающееся на массы, когда оно въ самомъ дѣлѣ будетъ настолько сильно, чтобы враговъ своихъ казнить или миловать, уже, конечно, направитъ свои усилія не на охоту за отдѣльными представителями проклятаго режима (имя же имъ легіонъ!), а на планомѣрную аттаку этого режима. Но у насъ въ Россіи пока еще нѣтъ революціонной партіи, которая не то что представляла бы собой казнящую или милующую „силу“, а даже просто — сплоченный организмъ, единообразно и правильно дѣйствующій, подчиняясь единому центру. Россійская соц.-демократія дѣлаетъ за послѣднее время величайшія усилія, для того чтобы, наконецъ, послѣ многолѣтней работы, превратиться въ подобный организмъ. Но какъ прикажете охарактеризовать тѣхъ писателей, которые, отправляясь отъ такой эфемериды, какъ *„партія“* соц.-революціонеровъ, до сихъ поръ не заявившая себя буквально ни однимъ коллективнымъ „дѣйствіемъ“, развязно ссылаются — въ подкрѣпленіе террористической тактики — на дѣйствующія арміи съ ихъ полками, „отрядами“, различными видами оружія и всенаправляющими полководцами.*)

„И въ войнахъ, говорятъ они, наряду съ отрядами, напирающими густымъ строемъ, бываютъ и раскинутыя цѣпи застрѣльщиковъ, и смѣлыя диверсіи небольшихъ дружинъ *добровольцевъ-охотниковъ*. И смѣшонъ былъ бы тотъ полководецъ, который во имя какого-то абстрактнаго... „массового принципа“ сталъ бы отрицать всякіе виды... военной тактики, кромѣ прямолинейнаго наступленія густыми колоннами, сомкнутымъ строемъ всей „массы“ войска“.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы нисколько не смѣшонъ, а преступенъ тотъ, съ позволенія сказать, „полководецъ“, который въ моментъ начинающейся мобилизаціи народнаго ополченія, когда еще нѣтъ дисциплинированнаго войска и такъ много хаотическаго возбужденія, вздумалъ устраивать „сраженія“ — съ двумя-тремя „охотничьими отрядами“. А затѣмъ, по меньшей мѣрѣ странно — и возможно лишь крайне условно — сравнивать революціонную партію, дѣйствующую при данныхъ въ Россіи условіяхъ, т. е. въ періодъ, *подготовительный* къ народному возстанію, — съ арміей на войнѣ. Арміи, идущей въ битву съ врагомъ, приходится прежде всего задаваться вопросомъ о томъ, какъ раціональнѣе распредѣлить, истратить, развернуть свои *наличныя* силы. Нѣчто совершенно другое представляетъ собой партія, опирающаяся на массы въ своемъ развитіи. Можно сказать: до окончательной схватки съ врагомъ она одерживаетъ свои главныя побѣды — надъ сознаніемъ рабочаго народа. Вся ея тактика, каждый ея шагъ разсчитанъ не столько на то, чтобы *непосредственно сломить* непріятеля, сколько на то, чтобы *массовыми движеніями подготовить* изъ необученной толпы своихъ сторонниковъ крѣпкіе кадры побѣдоноснаго войска. Но этого мало: каждымъ своимъ коллективнымъ дѣйствіемъ партія, будоража толпу, до тѣхъ поръ индифферентную, призываетъ эту массу къ участію въ дѣйствіи. Лишь по нуждѣ принимаетъ она — до времени — сраженія отъ врага, предпочитая, какъ буры въ войнѣ съ англичанами, своими вѣчно тревожащими маневрами держать его въ постоянномъ напряженіи.

Этого не понимаютъ и не могутъ понимать наши „соціально-революціонные“ противники. Потому-то и играютъ они такую „своеобразную“ роль въ *демонстраціяхъ* — этихъ типичныхъ проявленіяхъ *массового* дѣйствія. Сегодня они готовы кричать о ихъ непригодности, а завтра — дѣлать попытки звать неготовую толпу — на штыки непріятеля, чтобы тотчасъ же затѣмъ — подъ впечатлѣніемъ неудачи — опять взывать къ спасителю-террору. На ихъ языкѣ это называется разносторонностью!

Гг. соц.-революціонерамъ показалось, что уфимскій выстрѣлъ удобный случай для того, чтобы пристегнуть свое имя къ пролетарскому массовому движенію. Ну, что жъ? Если на минуту допустить эту связь и признать за ними „роль“ въ движеніи, то это будетъ лишь „роль“ — нелишенныхъ усердія *дезорганизаторовъ*.

---

*) Что геройская, „отчаянная“ борьба русскихъ революціонеровъ конца семидесятыхъ годовъ въ свое время изумляла и заражала Европу своимъ „воодушевленіемъ и самоотверженностью“, объ этомъ — и только объ этомъ — говоритъ Каутскій въ своей статьѣ „Славяне и революція“, ни словомъ не касаясь вопроса о *цѣлесообразности* систематическаго террора. Но тотъ же Каутскій, вскорѣ послѣ выстрѣла Карповича и мартовскихъ событій 1901 г. писалъ (см. № 30 „Neue Zeit“ за 1901 г., статью „Die neue Bewegung in Russland“):

„Мы надѣемся, что выступленіе пролетарской массы на арену борьбы придастъ движенію ту силу, которая сдѣлаетъ терроръ *устарѣлымъ и вреднымъ средствомъ борьбы*. Правда, пріемы борьбы царизма такіе варварскіе, что почти неизбѣжно вызываютъ съ противной стороны террористическія дѣйствія. Уже и теперь можно отмѣтить нѣсколько такихъ актовъ. Но отъ разрозненныхъ поступковъ отдѣльныхъ лицъ до систематическаго террора цѣлой партіи путь еще длинный, и мы надѣемся, что новое революціонное движеніе настолько *превзойдетъ по силѣ и зрѣлости* своего предшественника, что не будетъ вынуждено идти этой мучительной дорогой“.

Кажется, ясно и недвусмысленно, но это нисколько не мѣшаетъ гг. соціалистамъ-революціонерамъ — для подкрѣпленія своихъ доводовъ — всуе призывать имя Каутскаго.

*) Поэтому намъ болѣе чѣмъ странно слушать обычный припѣвъ соц.-революціонеровъ, будто *ихъ* терроръ находится подъ „контролемъ“ партіи, — другими словами, того безплотнаго существа, которое слѣдуетъ золотому правилу — кто въ лѣсъ, кто по дрова. Кстати, для того чтобы доказать „невозможность“ для „террористическаго отряда“ „оторваться“ отъ массы и „превратиться въ самодовлѣющее предпріятіе“, соц.-революціонеры, ни мало не смущаясь, проводятъ параллель между нимъ и „любой типографской и транспортной группой“. Эти смѣлые люди забываютъ или сознательно игнорируютъ одно: типографская или транспортная группа по самому своему характеру группы, имѣющей дѣло съ отдѣльными, подготовительными стадіями революціоннаго „производства“, ни въ коемъ случаѣ *не можетъ* зажить самостоятельной жизнью, не переставая быть — типографской или транспортной группой. Совершенно другое дѣло „террористическій отрядъ“, — онъ не только можетъ, но онъ всегда имѣетъ тенденцію развиться въ „самодовлѣющее предпріятіе“, о чемъ и говорятъ намъ факты прошлаго.

ПОЛЬСКІЕ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЫ О „БУНДѢ“.

Въ № 4 журнала „Przeglad Robotniczy“ въ замѣткѣ, подписанной Р. Л., дается оцѣнка изданной „Бундомъ“ брошюрѣ „Польская Соціалистическая Партія объ еврейскомъ рабочемъ движеніи“. Приводимъ ту ея часть, которая посвящена позиціи Бунда.

„Брошюра Бунда обнаруживаетъ, какъ намъ кажется, нѣкоторое шатаніе въ вопросахъ организаціонныхъ вообще.

Авторы брошюры обосновываютъ необходимость отдѣльной самостоятельной еврейской партіи въ Польшѣ и въ Россіи двоякими аргументами. Во-первыхъ, спеціальными политическими задачами, вытекающими изъ исключительнаго положенія евреевъ въ русскомъ государствѣ. „Еврейскій пролетаріатъ“, говорятъ они, „не составляетъ исключенія среди пролетаріата всѣхъ другихъ націй. Наряду съ общими требованіями пролетаріата тѣхъ націй, среди которыхъ онъ живетъ, онъ имѣетъ еще свои собственныя національныя требованія, свои собственныя историческія задачи“. Такой задачей, по мнѣнію Бунда, является достиженіе гражданскаго равноправія для евреевъ въ Россіи. Во вторыхъ, „пролетаріатъ каждой націи имѣетъ свою выработанную исторіей психологію, свои традиціи, привычки и т. п....“, что также дѣлаетъ, по мнѣнію авторовъ брошюры, необходимымъ созданіе самостоятельной партіи, которая „должна быть проникнута его (даннаго пролетаріата) идеалами, понимать его психологію“.

Намъ кажется, что оба аргумента недостаточны для обоснованія необходимости „*самостоятельной* еврейской *партіи*“.

Что касается перваго пункта, то мы полагаемъ, что товарищи „бундовцы“ ошибочно считаютъ достиженіе гражданскаго равноправія евреевъ спеціальной политической задачей еврейскихъ соціалистовъ. Наоборотъ, уничтоженіе исключительныхъ законовъ противъ евреевъ заключается въ программѣ какъ польской, такъ и русской соціальдемократіи, стремящейся къ политической свободѣ для всѣхъ „подданныхъ“ царя, безъ различія національности, пола и вѣроисповѣданія, точно такъ-же, какъ „черта осѣдлости“ и другія варварства царизма по отношенію къ евреямъ, представляютъ собою лишь одно изъ проявленій господствующей реакціи.

Если-бы спеціальные исключительные законы, касающіеся извѣстныхъ группъ пролетаріата, могли служить основаніемъ для отдѣленія ихъ въ самостоятельную партію, то мы въ Германіи пришли-бы къ выводу, что землѣдѣльческій пролетаріатъ, живущій подъ господствомъ пресловутаго Gesindeordnung (положеніе о прислугѣ) долженъ создать самостоятельную соціалистическую партію съ цѣлью завоеванія себѣ равноправія.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Собственно сущность соціальдемократической партіи составляетъ то, что по отношенію къ разрозненнымъ *групповымъ* и *временнымъ* интересамъ пролетаріата она представляетъ общіе и постоянные интересы рабочаго класса въ каждомъ государствѣ, и это соединеніе всѣхъ частичныхъ стремленій класса въ одну программу дѣйствій есть одновременно лучшій оселокъ и лучшее подтвержденіе этихъ стремленій. Если интересы извѣстной группы пролетаріата могутъ по природѣ своей составлять только программу этой группы и не могутъ быть обобщены какъ интересы пролетаріата всего государства, то это можетъ служить прямымъ доказательствомъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ стремленіями, ошибочно почтенными за классовые интересы рабочихъ. Это относится, напримѣръ, къ требованію возстановленія Польши.*) Если же стремленіе извѣстной группы пролетаріата входитъ какъ составная часть въ общую программу рабочей партіи и можетъ быть обобщено какъ требованіе всего пролетаріата данной страны, то это очевидное доказательство того, что мы имѣемъ дѣло съ извѣстной частичной формой классового интереса. Таково положеніе вопроса о достиженіи равноправія для евреевъ путемъ сверженія самодержавія. Поэтому, разъ пріобрѣтеніе евреями правъ гражданства не есть спеціальная задача еврейскихъ соціалистовъ, а задача общая для нихъ и для всѣхъ прочихъ борцовъ за политическую свободу въ русскомъ государствѣ, то спеціальная партія, построенная на основѣ этого требованія, была бы съ самаго начала создана въ разсчетѣ на измѣну, на предательство въ рѣшительный моментъ со стороны русскаго, польскаго и пр. пролетаріата по отношенію къ дѣлу еврейскаго пролетаріата.

Такая предусмотрительность, весьма похвальная въ частной жизни, могла-бы, однако, въ политической борьбѣ имѣть мѣсто лишь относительно буржуазныхъ партій, но отнюдь не относительно партіи пролетаріата, для которой дѣло гражданской свободы во всякомъ частичномъ проявленіи есть ея *собственное* классовое дѣло. По правилу hodie tibi, cras mihi**) — рабо-

---

*) Какъ извѣстно, польская соціальдемократія отрицаетъ всякую связь между требованіемъ отдѣленія Польши и интересами польскаго пролетаріата.

**) Сегодня твоя очередь, завтра — моя.

кихъ производителей, которые *еще не успѣли стать пролетаріями*, то нужна вся педантическая наивность Рязанова, чтобы увидѣть въ этомъ *прибавленіи уступку* оппортунистамъ. На самомъ дѣлѣ тутъ не уступка, а *нѣчто прямо противоположное*. Оппортунисты, — вмѣстѣ съ Рязановымъ, — измѣряютъ ростъ капитализма ростомъ пролетаризаціи производителей. А мы говоримъ, что они — т. е. оппортунисты и Рязановъ, — *употребляютъ неточную мѣру*, потому что мѣстами мелкіе производители, которые, повидимому, сохранили свою самостоятельность, а потому и не могутъ быть причислены къ пролетаріямъ, на самомъ дѣлѣ все таки попадаютъ въ зависимость отъ капитала. Стало быть, ростъ капитализма совершается быстрѣе, чѣмъ это кажется оппортунистамъ (и Рязанову). Вотъ что говорятъ не понравившіяся нашему критику строки. Гдѣ-же въ нихъ оппортунизмъ? Гдѣ страхъ передъ г. Бернштейномъ? Ничего этого въ нихъ нѣтъ и слѣда. А потому ни мало мы не боимся и тѣхъ насмѣшекъ, которыми осыпаетъ ихъ нашъ критикъ. Мы знаемъ, что эти насмѣшки — плодъ теоретической безпомощности Рязанова, *запомнившаго* извѣстныя „ортодоксальныя“ выраженія, но *не понявшаго* смысла „ортодоксальнаго“ марксизма. На его насмѣшки мы отвѣтимъ ему словами поэта:

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мнѣ прискорбно видѣть въ ней
Несчастье твоего разсудка
И счастье памяти твоей.

А почему мы называемъ упомянутую зависимость мелкихъ производителей отъ капитала болѣе или менѣе явной, болѣе или менѣе полной, болѣе или менѣе тяжелой? Нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь уступки оппортунистамъ? Нѣтъ, и эти строки написаны нами не потому, что мы хотѣли *отступить* передъ оппортунистами, а напротивъ, потому, что мы считали нужнымъ и возможнымъ *принудить* ихъ къ отступленію. Пока зависимость мелкаго производителя, — напримѣръ крестьянина, — отъ капитала не бьетъ еще въ тѣ близорукіе глаза, которые существуютъ главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы не видѣть, она неохотно принимается во вниманіе соціалистическими оппортунистами и апологетами капитализма, и попавшій въ нее производитель продолжаетъ считаться *самостоятельнымъ*. Въ виду этого факта, — хорошо извѣстнаго всѣмъ тѣмъ, которые знакомы съ современной соціально-политической литературой, — мы сочли нужнымъ напомнить, что болѣе или менѣе скрытая зависимость, есть *все таки зависимость*, и что ея возникновеніе знаменуетъ собою расширеніе области господства капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Это напоминаніе показалось опаснымъ новшествомъ Рязанову. Но что-же намъ дѣлать? Намъ по прежнему остается только скорбѣть о томъ, что его *память* счастливѣе его *силы сужденія*.

А почему мы говоримъ, что указанная зависимость бываетъ болѣе или менѣе полной и тяжелой? По причинѣ тождественной съ только-что приведенною. Зависимость „самостоятельнаго“ производителя отъ капитала обыкновенно не принимаютъ во вниманіе, пока она не очень тяжела или не дошла до своего крайняго предѣла. Поэтому и въ статистическихъ разсчетахъ, приводимыхъ для опроверженія „марксовой догмы“, производители, еще не успѣвшіе попасть въ полную и тяжелую зависимость отъ капитала фигурируютъ обыкновенно въ качествѣ самостоятельныхъ. Мы своей формулировкой напоминаемъ о томъ, что это не болѣе какъ апологетическій софизмъ, а Рязановъ кричитъ объ измѣнѣ ортодоксіи единственно потому, что въ ортодоксальныхъ программахъ другихъ странъ онъ съ подобной формулировкой не встрѣчается. Намъ прискорбно, очень прискорбно видѣть это счастье его памяти и это несчастье его разсудка.

„Что значитъ увеличивать „хозяйственное значеніе?“ — продолжаетъ ехидничать Рязановъ?

На этотъ вопросъ, свидѣтельствующій объ его полной научной невинности, тоже очень легко отвѣтить.

Если прежде стоимость годового продукта крупныхъ предпріятій составляла *половину* стоимости годового продукта данной націи, а теперь составляетъ *три четверти* ея, то *хозяйственное значеніе* названныхъ предпріятій *увеличилось*. Неужели это не ясно? Неужели это не просто? И неужели Рязановъ не знаетъ, что по мѣрѣ того, какъ растутъ производительныя силы буржуазнаго общества, хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій все болѣе и болѣе увеличивается? Если въ самомъ дѣлѣ не знаетъ, то я совѣтую ему обратиться, напримѣръ, къ германской статистикѣ: онъ найдетъ тамъ по этой части очень поучительныя данныя.

А какой цѣной покупается это *увеличеніе хозяйственнаго значенія крупныхъ предпріятій?* Отвѣтъ и здѣсь простъ и ясенъ: цѣной *уменьшенія значенія среднихъ и мелкихъ предпріятій*. При этомъ возможны, разумѣется, самыя различныя комбинаціи. Можетъ случиться, что *число* какъ мелкихъ, такъ и среднихъ предпринимателей не измѣнится. Можетъ тоже случиться, что оно увеличится въ большей или меньшей степени.*) Можетъ, наконецъ, случиться и то, что число производителей одного изъ этихъ разрядовъ *увеличится*, а число производителей другого разряда *уменьшится*. Такъ, напримѣръ, въ Германіи, за время отъ 1882 до 1895 г. число мелкихъ предпріятій (съ 1-5 лиц.) *уменьшилось* на 186,285, а число среднихъ (съ 5-50 лиц.) *увеличилось* на 54,458. Но это послѣднее обстоятельство, — т. е. *увеличеніе числа* среднихъ предпріятій, — не помѣшало *уменьшенію ихъ значенія въ хозяйствѣ страны*.**) Если уменьшеніе этого значенія сопровождается относительнымъ ухудшеніемъ положенія производителей даже въ томъ случаѣ, когда ихъ число *возрастаетъ*, то можно догадаться, что происходитъ въ томъ случаѣ, когда это число уменьшается. „Трудно себѣ представить, — справедливо говоритъ Каутскій въ своей „*Эрфуртской программѣ*“, — болѣе жалкое, болѣе бѣдственное существованіе, чѣмъ то, какое ведетъ мелкій ремесленникъ или мелкій крестьянинъ, конкуррирующій съ крупнымъ производствомъ“. Число мелкихъ производителей уменьшилось въ Германіи *въ періодъ 1882-1895 г.* именно потому, что часть ихъ не выдержала конкурренціи крупнаго производства (между тѣмъ какъ другая попала въ „болѣе или менѣе полную“ и т. д. зависимость отъ капитала, см. выше). Но побѣда крупнаго производства надъ мелкимъ знаменуетъ собою именно ростъ хозяйственнаго значенія крупныхъ предпріятій. Судите-же послѣ этого о глубокомысліи Рязанова, съ самодовольнымъ ехидствомъ вопрошающаго насъ: „Неужели постоянное усовершенствованіе *техники* ведетъ *къ вытѣсненію мелкихъ самостоятельныхъ производителей* только *потому, что увеличиваетъ хозяйственное значеніе крупныхъ предпріятій?*“ (стр. 22).

Нашъ глубокомысленный и ѣдкій Рязановъ не унимается: „Мелкіе самостоятельные производители вытѣсняются — *кѣмъ?*“ ехидно вопрошаетъ онъ. Но читатель согласится, что отвѣчать на этотъ вопросъ совершенно излишне: дѣло ясно и безъ того. Мы предпочитаемъ потолковать съ Рязановымъ о *кризисахъ*. Тутъ мы можемъ услышать отъ него нѣчто въ самомъ дѣлѣ пикантное.

Въ нашемъ проектѣ программы показано, какимъ образомъ *техническій прогрессъ* измѣняетъ производственныя отношенія современнаго общества *къ невыгодѣ пролетаріата*. Вслѣдъ за этимъ мы говоримъ: „Такое положеніе дѣлъ внутри буржуазныхъ странъ и постоянно обостряющееся соперничество этихъ странъ на всемірномъ рынкѣ дѣлаютъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ сбытъ товаровъ, производимыхъ въ постоянно возрастающихъ количествахъ. Перепроизводство, проявляющееся въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя, представляютъ собою неизбѣжное слѣдствіе развитія производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ. Кризисы и періоды промышленнаго застоя, въ свою очередь, еще болѣе разоряютъ мелкихъ производителей, еще болѣе увеличиваютъ зависимость наемнаго труда отъ капитала, еще быстрѣе ведутъ къ относительному или даже абсолютному ухудшенію положенія рабочаго класса“.

Эти строки приводятъ Рязанова въ очень веселое настроеніе духа. Онъ, какъ говорится, просто покатывается со смѣху и непрерывно блещетъ шутками. „Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“, — острить онъ. „Болѣе или менѣе острые кризисы“ и „болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя“ могутъ только еще „болѣе или менѣе“ разорять мелкихъ производителей, еще „болѣе или менѣе“ увеличивать зависимость наемнаго труда отъ капитала и т. д. Этотъ выводъ, конечно, „болѣе или менѣе“ нелѣпъ, но виноваты тутъ „болѣе или менѣе“ нелѣпыя посылки“ (стр. 33).

---

*) Пусть извинитъ мнѣ Рязановъ частое употребленіе словъ „болѣе или менѣе“. Я знаю, что онъ, при своемъ рѣшительномъ характерѣ, очень ихъ недолюбливаетъ. Но какъ обойтись безъ нихъ, не превращаясь въ метафизика, разсуждающаго по формулѣ: „да — да, нѣтъ — нѣтъ; что сверхъ того, то отъ лукаваго“?

**) То соображеніе, что хозяйственное значеніе предпріятій даннаго разряда можетъ уменьшиться, несмотря на увеличеніе ихъ числа, обыкновенно не приходитъ въ голову апологетамъ капитализма и критикамъ Маркса или замалчивается ими. Наша программа напоминаетъ о немъ. А Рязановъ, по своему обычаю, не разобравши дѣла, — кричитъ: „измѣна!“

чій классъ вынужденъ бороться съ реакціей во всѣхъ ея проявленіяхъ и охранять свободу — даже для іезуитовъ, какъ мы это видимъ на примѣрѣ нѣмецкой соціальдемократіи. Тѣмъ менѣе поводовъ имѣли-бы еврейскіе товарищи предполагать, что соціальдемократія русскаго государства будетъ пренебрегать дѣломъ эманципаціи евреевъ, если послѣдніе не отдѣлятся для борьбы за нее въ самостоятельную партію. Напротивъ, намъ кажется, что путемъ тѣснаго объединенія съ другими соціальдемократическими организаціями въ одну партію „Бундъ“ можетъ гораздо успѣшнѣй вліять въ томъ направленіи, чтобы наряду со всѣми политическими требованіями обращалось въ достаточной мѣрѣ вліяніе на дѣло равноправія евреевъ, нежели тогда, когда это дѣло выдѣляется „Бундомъ“ изъ совокупности требованій какъ его, „Бунда“, монополія.

Точно также слабымъ кажется намъ утвержденіе брошюры, что „если еврейскій пролетаріатъ захочетъ, чтобы *права его* (по достиженіи политической свободы) были дѣйствительными правами, если не хочетъ, чтобы они даны были ему изъ жалости, по добрымъ сосѣдскимъ чувствамъ, — онъ долженъ будетъ сорганизоваться и тогда въ *самостоятельную революціонную партію*“. Мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ еврейскіе товарищи являются жертвой простого недоразумѣнія. Вѣдь при достиженіи политической свободы еврейскій пролетаріатъ не получитъ никакихъ спеціальныхъ правъ, для использованія которыхъ онъ долженъ былъ-бы организоваться въ особую партію. Политическая свобода будетъ въ сущности *уничтоженіемъ* всякихъ исключительныхъ законовъ о евреяхъ, *уравненіемъ* ихъ въ гражданскихъ правахъ со всѣми прочими; для пользованія-же *общими* политическими правами, казалось-бы, еврейскій пролетаріатъ можетъ наилучшимъ образомъ соединиться въ общую партію со всѣмъ пролетаріатомъ русскаго государства.

Такъ-же обстоитъ дѣло и съ другимъ аргументомъ; національныя особенности недостаточны для обоснованія партійной обособленности. Психологія, національныя различія обусловливаютъ, разумѣется, спеціальные *способы агитаціи*, но отнюдь не требуютъ образованія особой партіи. Психологія рабочихъ на Уралѣ или въ Тифлисѣ въ высшей степени отличается отъ психологіи петербургскаго пролетарія, не меньшая разница и между психологіей баварскаго батрака и берлинскаго рабочаго.

Самымъ важнымъ для соціалиста національнымъ отличіемъ является, безъ сомнѣнія, языкъ, который вмѣстѣ съ спеціальной еврейской культурой требуетъ спеціальной агитаціонной литературы и особой устной агитаціи, что дѣлаетъ необходимой такую организацію, какъ „Бундъ“. Мы ничуть не сомнѣваемся, что тѣ блестящіе результаты, какихъ соціалистическая агитація достигла въ настоящее время среди еврейскаго пролетаріата Польши, Литвы и Россіи, были возможны лишь благодаря значительному приспособленію „Бунда“ къ средѣ, въ которой онъ работалъ. Отсюда вытекаетъ необходимость соотвѣтственной формы организаціи, которая-бы обезпечила „Бунду“ и на дальнѣйшее время самодѣятельность въ его агитаціи и достаточную свободу движеній въ предѣлахъ соціальдемократической партіи государства. Но мы полагаемъ, что такая свобода вполнѣ осуществима внутри общей партіи.

Словомъ, съ какой-бы стороны ни брать вопросъ, трудно обосновать необходимость совершенно *отдѣльной* еврейской *партіи* практическими цѣлями агитаціи или политической борьбы пролетаріата. Такое обоснованіе могла-бы дать лишь отдѣльная націоналистическая программа. Но „Бундъ“ самъ не признаетъ такой постановки вопроса, высказываясь, въ противоположность „P. P. S.“ совершенно справедливо, что „сверженіе самодержавія есть общая задача всего пролетаріата имперіи“ и что „общая борьба требуетъ общей тактики и общей минимальной программы“ въ выработкѣ которой „должны участвовать всѣ соціальдемократическія партіи, которыя борются противъ ига самодержавія“.

Наконецъ, авторы брошюры выставляютъ общее положеніе, что „партія, желающая объединить всѣхъ рабочихъ данной страны, безъ различія національностей, возможна только какъ *федеративный союзъ самостоятельныхъ національныхъ* рабочихъ *партій*“. Въ связи съ этимъ мы находимъ теорію, что единица, лежащая въ фундаментѣ международной организаціи пролетаріата, — это національная партія, второй этажъ, если можно такъ выразиться, составляетъ федеративный союзъ національныхъ партій въ каждомъ государствѣ, а связь этихъ федеративныхъ союзовъ между собою представляетъ вершину зданія.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что въ современномъ соціализмѣ эта *этнографическая* теорія международности вмѣсто *политической* впервые выставляется „Бундомъ“. И въ теоріи и въ жизни организаціонную единицу соціалистическаго пролетаріата представляетъ въ настоящее время не *нація*, а рабочій классъ, живущій въ извѣстныхъ общихъ *государственно-политическихъ* условіяхъ. Регулировка отношеній національныхъ группъ *внутри* этихъ партій есть только вопросъ практическихъ требованій агитаціи, неодинаковыхъ въ различныхъ государствахъ и въ разное время. Федерацію, какъ *принципъ* этихъ отношеній, впервые провозгласилъ собственно „Бундъ“. Изъ практики-же международнаго соціализма, какъ и изъ принциповъ его скорѣе можно было-бы, наоборотъ, вывести, какъ *принципъ* организаціи внутри каждаго государства, какъ можно болѣе строгую *централизацію*, особенно пригодную для націй, не отдѣленныхъ территоріально. Меньшее или большее примѣненіе федерализма является скорѣе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уступкой въ виду исключительныхъ условій, какъ, напр., въ Австріи“. Р. Л.

ЕЩЕ О ТАРТЮФАХЪ.

Можетъ быть, это слишкомъ громко — Тартюфы, — но, если прибавить: Тартюфы маленькаго роста и большой бездарности, — то будетъ приблизительно вѣрно. Ибо Тартюфъ, старый католическій Тартюфъ, былъ талантливъ въ лицемѣріи и его нравственный цинизмъ не былъ цинизмомъ безсилія. Другое дѣло — они, почтенные публицисты „Революціонной Россіи“.

Они противъ полемики, — это значитъ, что они оставляютъ за собою право не отвѣчать, когда ихъ уличаютъ въ мистификаціи, въ извращеніяхъ, въ популяризаціи буржуазной лжи...

Они противъ полемики, которая разстраиваетъ братскіе ряды. поселяя „колобродство, нелѣпыя умствованія и расколъ“, которая на руку гг. Плеве, которая вредитъ единой, священной, великой (много, очень много прилагательныхъ) цѣли... которая — говоря кратко — полагаетъ отчетливую грань между рекогносцировочнымъ отрядомъ буржуазной демократіи и партіей пролетаріата... И они съ жадностью, которая внушается имъ ихъ классовымъ инстинктомъ, хватаются за каждую рахитическую идейку, способную — на ихъ взглядъ — подорвать политическій вѣсъ соціальдемократіи. Ея „догмѣ“ они противопоставляютъ свой самодовольный, свой молодцоватый скептицизмъ, ея „небоевой“ тактикѣ — свою революціонную „мимолетность“...

„Мимолетность“... Вы помните краткую, но веселую повѣсть о скромныхъ похожденіяхъ ростовской группы лицъ, „тяготѣвшихъ ко взглядамъ и методу дѣйствій, которымъ теперь обычно присвоивается имя *„соціаль-революціонныхъ“*“ („Рев. Рос.“, № 15, „По поводу ростовскихъ событій“)?

Какъ игриво переплетаются шаловливые звуки этой повѣсти, повѣданной „Р. Р.“, съ торжественными аккордами ростовскихъ событій! „Образовалась было группа... Попробовала самостоятельно вмѣшаться... Попытка оказалась мимолетной“...

Увы, не въ послѣдній разъ!.. Кіевскій корреспондентъ „Р. Р.“ въ № 23 этого органа излагаетъ намъ печальную повѣсть новой *мимолетности* — разумѣется, „рѣзко-революціоннаго характера“.

Кіевское сообщеніе, цѣль котораго скомпрометировать Кіевскій Комитетъ нашей Партіи, построено съ глубокимъ знаніемъ интимныхъ пружинъ человѣческаго сердца. Читатель не сразу огорашивается суровыми нападками на соціальдемократическую организацію, нѣтъ, онъ проводится предварительно черезъ длинные пропилеи, предъ нимъ раскрываются свѣтозарныя возможности, и только потомъ, въ концѣ, когда „психологическій моментъ“ подготовленъ, читателю наносится рѣшительный ударъ.

Первое письмо изъ Кіева широкими смѣлыми мазками рисуетъ „соціально-революціонную дѣятельность среди нашихъ рабочихъ“. „Съ начала весны нашъ комитетъ по 2-3 раза въ недѣлю устраиваетъ массовыя собранія, небольшія человѣкъ въ 20-30, и болѣе крупныя въ 100-150 человѣкъ.“ „Темой была необходимость устроить демонстрацію.“ Второе письмо рисуетъ впечатлѣніе отъ Кишиневскихъ событій. Далѣе, изложеніе событій, съ чисто [illegible] разсчетомъ, прерывается письмомъ „политическихъ заключенныхъ кіев[illegible] къ „товарищамъ на волю“. Письмо представляетъ собою призывъ къ смѣлой энергичной борьбѣ. Затѣмъ повѣствованіе снова вступаетъ въ права. „Еще передъ 19 февраля Кіевскій Комитетъ Партіи С.-Р. организовалъ цѣлый рядъ массовыхъ сходокъ, на которыхъ обсуждался вопросъ о вооруженной демонстраціи 19 февраля“. И вотъ, несмотря на то, что „нашъ комитетъ“ велъ агитацію на цѣломъ рядѣ сходокъ, и не просто сходокъ, а массовыхъ въ пользу демонстраціи, и не просто демонстраціи, а вооруженной — 19 февраля ничего не состоялось. Почему? Не было, видите ли, достигнуто „необходимое для успѣха согласіе *другихъ организацій*“. Замѣтимъ это.

Такъ какъ „другія организаціи“ бездѣйствовали, то „рабочіе прямо истомились въ ожиданіи непосредственной борьбы“. Даже пассивность с. д. комитета не устояла: „считаясь съ такимъ настроеніемъ, Кіевск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. уже выпустилъ призывъ на демонстрацію 20 апрѣля“. А какъ же соціалисты-революціонеры? Разумѣется, они были на пушечный выстрѣлъ впереди событій. „Что касается нашего Комитета, то онъ рѣшилъ не только устроить (sic) демонстрацію, но и придать ей рѣзко-революціонный характеръ, организовавъ серьезный отпоръ полицейскимъ и казацкимъ безчинствамъ“. Читатель, все еще находящійся въ пропилеяхъ, испытываетъ приступъ радостнаго сердцебіенія: С.-Д. Комитетъ, наконецъ выведенный изъ состоянія летаргіи, рѣшилъ устроить 20 апрѣля демонстрацію, а, главное, с.-р. тоже „рѣшили устроить“ 20 апрѣля демонстрацію и притомъ „рѣзко-революціоннаго характера“. Будетъ буря!

„Передъ напоромъ революціонной энергіи рабочихъ умолкаетъ умѣренный и осторожный голосъ колеблющихся, и мы рѣшили въ пятницу (18 апрѣля) распространить нашу первомайскую прокламацію, а въ субботу — плакаты съ призывомъ на демонстрацію 20 апрѣля“.

„Пока что — все населеніе Кіева страшно взбудоражено. На лицахъ всѣхъ обывателей написана тревога, и въ воздухѣ пахнетъ событіями“. Все это, повидимому, въ ожиданіи соціаль-революціонныхъ „плакатовъ“. Будетъ буря!

Увы! Послѣднее письмо сообщаетъ намъ, что „событія, которыми пахнетъ въ воздухѣ“, отмѣнены. Кѣмъ? Властной рукой Кіевскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Опасаясь погрома, онъ отложилъ демонстрацію особымъ извѣщеніемъ.

Что же соціалисты-революціонеры? Они не раздѣляли этихъ опасеній. Они находили, что отмѣнить демонстрацію значитъ „склониться предъ угрозами гг. Плеве“. Они имѣли на лицо „настроеніе рабочихъ — лучшій залогъ того, что демонстрація будетъ носить рѣзко выраженный антиправительственный характеръ“, они имѣли за собой цѣлый рядъ массовыхъ собраній (2-3 раза въ недѣлю съ начала весны), они назначили демонстрацію „съ серьезнымъ отпоромъ“, они уже заготовили „плакаты“, они уже наполнили кіевскій воздухъ запахомъ событій... Уже все-все было готово. Но С.-Д. Комитетъ отмѣняетъ демонстрацію, — и соціаль-революціонные „плакаты“ (разумѣется, „рѣзко-революціоннаго характера“) остаются неиспользованными. „Какъ это ни было тяжело, повѣствуетъ корреспондентъ, пришлось отказаться отъ устройства демонстраціи“. Господа! Можно ли энергичнѣе расписаться въ своемъ безсильномъ желаніи „самостоятельно вмѣшаться“? Можно ли ярче выставить свою „мимолетность“?

Вы утверждаете, что „масса среднихъ рабочихъ, составляющая силу демонстраціи, мало обращаетъ вниманія и не особенно ясно понимаетъ фракціонныя различія“. Вы утверждаете, что „рабочіе прямо истомились въ ожиданіи непосредственной борьбы“.

Вы живописуете нерѣшительность и умѣренность нашего Комитета, становящагося поперекъ дороги крупнымъ событіямъ, — и вы неизбѣжно заставляете спросить: да почему же эти революціонно-настроенныя массы, мало обращающія вниманія на „фракціонныя“ различія, почему онѣ не пошли за вами, за вами, которые были, остаетесь и будете представителями смѣлой революціонной иниціативы. Почему? Не потому ли, что у васъ нѣтъ ничего, кромѣ вашего „рѣзко-революціоннаго характера“: ни связей съ пролетаріатомъ, ни вліянія, ни пониманія задачъ массоваго движенія... Спазматическій революціонизмъ — самое большее, на что вы способны.

Подъ острымъ впечатлѣніемъ Кишиневскихъ событій, подъ градомъ чудовищныхъ слуховъ, распространяемыхъ полиціей, Кіевъ ждетъ погрома и пріурочиваетъ его къ демонстраціи. Власти готовятся звѣрски расправиться съ демонстрантами *подъ предлогомъ усмиренія еврейскаго погрома*“.*) Все сдѣлано для подготовки этого погрома. Выйти въ этихъ условіяхъ на улицу — значило дать врагу сраженіе при спеціальныхъ условіяхъ, созданныхъ врагомъ. Уклониться отъ этого сраженія не значило признать себя побѣжденнымъ. Это значило оставить за собой право выбрать болѣе благопріятный моментъ. Конечно, великая побѣда — превратить подготовляемый погромъ въ поли[illegible] демонстрацію. Но горькое пораженіе — дать врагу возможность превратить подготовляемую демонстрацію въ еврейскій погромъ. Переждать острый моментъ при такихъ исключительно-неблагопріятныхъ обстоятельствахъ — тактическая обязанность революціонной организаціи, если, разумѣется, она смотритъ на демонстрацію, какъ на средство политическаго воспитанія массъ, а не какъ на исходъ чувствамъ спазматическаго революціонизма.

Вы старались сохранять на своей „демократической“ физіономіи мину снисходительнаго благодушія по адресу соціаль-демократіи, выключивъ лишь изъ нея „Искру“, какъ существо, которому все человѣческое чуждо. Но ваша благодушная мина все чаще превращается въ нетерпѣливую гримасу досады: соціальдемократія энергично отстаиваетъ свой классовый характеръ отъ вашихъ „внѣфракціонныхъ“ притязаній.

Кіевскій корреспондентъ „Р. Р.“ выражаетъ „полное недовѣріе съ своей стороны къ соціальдемократическимъ дѣятелямъ, переносящимъ въ Россію пріемы руководителей организаціи „Искры“ (№ 23).

Одесскій корреспондентъ въ томъ же № сопоставляетъ *нравственную* физіономію „Искры“ съ нравственной физіономіей „независимцевъ“ (очевидно, въ цѣляхъ уничтоженія „междуфракціонныхъ различій“), и, наконецъ, сама редакція, „пользуясь случаемъ“, сообщаетъ изъ подполья читателю, что у нея есть въ боковомъ карманѣ еще одинъ протестъ отъ революціонеровъ разныхъ фракцій противъ тактики „Искры“...

Ужасъ, ужасъ! Эфесъ горитъ, Дамаскъ пылаетъ, тремя Церберъ гортаньми лаетъ:
гортанью кіевскаго корреспондента, гортанью одесскаго корреспондента и коллективной гортанью братолюбивой редакціи.

И отведя душу тріединымъ лаемъ, нашъ Церберъ, „внутри раздираемый на части, извнѣ замолчитъ“, — а недѣли черезъ двѣ (къ выходу новаго №) снова заговоритъ, пожалуй, рѣчью революціоннаго Тартюфа о вредѣ идейныхъ колобродствъ и о пользѣ мирнаго братолюбиваго житія. И найдутся добрыя души, которыя прольютъ слезу.

„БЛАГОРОДСТВА СВОЕГО НЕ СОБЛЮЛА“.

Къ характеристикѣ революціонныхъ нравовъ.

(Письмо въ редакцію.)

„Дѣло, конечно, не въ критикѣ дѣйствовавшихъ на мѣстѣ революціонеровъ“ — писала „Рев. Рос.“ „по поводу ростовскихъ событій“ („Р. Р.“ № 15). „Не это важно и интересно, если отнестись къ вопросу съ точки зрѣнія общихъ интересовъ революціи, а не съ точки зрѣнія минутныхъ разсчетовъ междуфракціонной (!) распри... И тотъ фактъ, что въ ростовской стачкѣ принималъ участіе Дон. Ком. Рос. С.-Д. Р. П. для насъ, потому, есть лишній поводъ не вдаваться въ критику его поведенія и перенести центръ тяжести въ чисто-общую и принципіальную постановку вопроса.“ Вотъ какъ благородны соц.-рев.!

Не будемъ же забывать объ этомъ. Если „Р. Р.“, завѣривъ сначала, со словъ своего корреспондента, что въ Ростовѣ во время стачки „образовался было кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться и выпустившій прокламацію за подписью „Группа соц.-рев.“, будетъ затѣмъ изливать потоки наиблагороднѣйшаго негодованія на тов. Амвросія, на „Искру“ и Д. К. за то, что это „преступное сообщество“ осмѣлилось утверждать, будто эта прокламація была подписана „Дон. Ком.“, а, слѣдовательно, обвинять „кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться“ въ подлогѣ (см. № 20 „Р. Р.“); если „Р. Р.“ будетъ проливать скорбно-благородныя слезы по поводу попытокъ „забросать грязью“ оратора Брагина, причисливъ его подъ шумокъ

„Очень хорошо! Остра твоя, конечно, шутка! Но чѣмъ-же именно нелѣпъ тотъ выводъ, который подсказываетъ намъ нашъ остроумный критикъ? Тѣмъ-ли, что вредное вліяніе кризисовъ и періодовъ застоя на положеніе пролетаріата и мелкихъ производителей опредѣляется въ немъ лишь какъ *„болѣе или менѣе“ сильное?* Нѣтъ! Это совсѣмъ не нелѣпость, это — самая очевидная истина: кто-же не понимаетъ, что *не всѣ* кризисы и *не всѣ* періоды промышленнаго застоя *одинаково вредно* вліяютъ на положеніе наемныхъ рабочихъ и мелкихъ производителей? Нелѣпость не здѣсь. Она заключается въ томъ предположеніи, — молчаливо принимаемомъ въ остроумной шуткѣ Рязанова, — что *чѣмъ острѣе* кризисъ, тѣмъ вреднѣе его вліяніе на положеніе указанныхъ классовъ. Это предположеніе ни на чемъ не основано: при извѣстныхъ условіяхъ *менѣе острый* кризисъ можетъ оказаться *болѣе вреднымъ* для рабочихъ и для мелкихъ производителей, чѣмъ кризисъ *болѣе острый*. Тоже надо сказать и о періодахъ промышленнаго застоя. Ихъ вредное вліяніе не можетъ быть измѣряемо *одной ихъ продолжительностью*. Оба эти молчаливыя предположенія дѣйствительно нелѣпы. Но они не наши: они сдѣланы Рязановымъ. Значитъ и смѣется Рязановъ не надъ нами, а надъ самимъ собою.

Но это еще только цвѣточекъ, а вотъ ягодка — и довольно сочная. Со свойственною ему остротой и безпощадностью анализа Рязановъ разбираетъ строки, относящіяся у насъ къ кризисамъ и періодамъ застоя, можно сказать до самыхъ мелкихъ подробностей. Такъ, напримѣръ, услышавъ, что мы говоримъ *о кризисахъ и о періодахъ промышленнаго застоя*, онъ, нахмуривъ лобъ, наморщивши чело, немедленно ставитъ намъ слѣдующій тонкій и, по его мнѣнію, уничтожающій вопросъ: „Какое значеніе имѣетъ тутъ союзъ „и“? Противопоставляетъ или соединяетъ?“ И онъ не берется отвѣчать за насъ: „Трудно сказать опредѣленно, — говоритъ онъ, разводя руками. — Мы можемъ только сказать, что „и“, поставленное между этими двумя понятіями, должно показывать, что авторы отличаютъ кризисы отъ періодовъ промышленнаго застоя. Иначе они не сочли-бы нужнымъ выдѣлить второе явленіе“. Что вѣрно, то вѣрно! Мы въ самомъ дѣлѣ отличаемъ кризисы отъ періодовъ застоя и потому мы рукоплещемъ догадливости Рязанова. Но онъ не доволенъ нами; онъ сердится; онъ опять становится язвительнымъ. „Для чего они это сдѣлали? — спрашиваетъ онъ, грозя очами, и насмѣшливо отвѣчаетъ: „Для обстоятельности. И дѣйствительно если явится какой нибудь новый Бернштейнъ и докажетъ намъ, что „болѣе или менѣе острые кризисы“ уже исчезаютъ, то у насъ про запасъ останутся еще болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя! Мы такимъ образомъ побѣдоносно парируемъ возможное возраженіе возможнаго Бернштейна. Но, къ сожалѣнію, мы при этомъ „фотографичность“, конкретность тожъ, покупаемъ насчетъ логики и научности“ (стр. 32).

Вотъ оно какъ! Насчетъ логики и научности! Но не слишкомъ-ли это строго, нашъ остроумный критикъ? Почему вы вообразили, что мы убоялись *возможнаго* Бернштейна? Почему вы не хотите допустить, что мы просто на-просто хотѣли остаться вѣрными *дѣйствительному* взгляду *дѣйствительнаго* Маркса? Возьмите дѣйствительный первый томъ дѣйствительнаго сочиненія, называемаго: *„Капиталъ“* и тамъ, на дѣйствительной 374 страницѣ дѣйствительнаго русскаго перевода (подъ редакціей г. П. Струве) вы найдете вотъ что:

„Эта громадная, дающая себя знать въ толчкахъ растяжимость фабричнаго производства и его зависимость отъ міроваго рынка необходимо порождаютъ лихорадочное производство и слѣдующее за производственной горячкой переполненіе рынковъ, сокращеніе которыхъ производитъ параличъ. Промышленная жизнь такимъ образомъ превращается въ послѣдовательный рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и застоя.“ Какъ вы думаете, глубокомысленный критикъ, — какое значеніе имѣетъ тутъ союзъ „и“? Противопоставляетъ онъ или соединяетъ? Согласитесь, что это очень интересный вопросъ, и не скажете-ли вы намъ, какого именно „возможнаго Бернштейна“ боялся дѣйствительный Марксъ, когда дѣйствительно отличалъ кризисы отъ періодовъ промышленнаго застоя?

Подумайте объ этомъ, а мы пока отмѣтимъ какъ въ томъ-же (первомъ), такъ и въ *третьемъ* томѣ *„Капитала“* много подобныхъ мѣстъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самъ дѣйствительный Марксъ страдалъ ненавистной вамъ „обстоятельностью“.

До сихъ поръ я восхищался счастьемъ памяти Рязанова и оплакивалъ лишь несчастье его разсудка. Теперь я скажу, что въ злополучной борьбѣ его съ *союзомъ „и“* онъ былъ одновременно покинутъ *и разсудкомъ, и памятью*. И тутъ онъ потерпѣлъ окончательное крушеніе, погибъ во цвѣтѣ лѣтъ и несравненной литературной красоты. Рязановъ можетъ теперь воскликнуть, слегка видоизмѣняя слова Пушкинскаго Олега и произнося ихъ не съ ироніей, а съ самой неподдѣльной меланхоліей:

Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя,
Мнѣ смертію *„и“* угрожало!

Бѣдный Рязановъ! Мнѣ, право, васъ очень, очень жалко.

Вся книга нашего неугомоннаго критика написана въ такомъ духѣ. Рязановъ выдаетъ себя за ортодокса, но занимается онъ просто на-просто *буквоѣдствомъ*, при чемъ, какъ мы только что видѣли, — по временамъ очень сильно удаляется отъ ортодоксальной точки зрѣнія. Оно и понятно: чтобы стать „ортодоксомъ“, *одной* памяти на слова и выраженія недостаточно: нужна способность къ *діалектическому мышленію*, которой у Рязанова нѣтъ и слѣда. Увѣсистымъ плодомъ *болѣе или менѣе* „ортодоксальнаго“ буквоѣдства Рязанова явились три сотни печатныхъ страницъ рѣшительно никому, — кромѣ самого Рязанова, да развѣ еще его группы, — ненужныхъ и рѣшительно ни на что непригодныхъ, кромѣ развѣ служенія очень яркимъ примѣромъ того, что иное дѣло *критика*, а иное дѣло *буквоѣдство*. Скучно возиться съ буквоѣдствомъ. Но... долгъ прежде всего, и въ слѣдующемъ номерѣ, я по долгу службы буду продолжать свой разборъ *болѣе или менѣе* „ортодоксальныхъ“ критическихъ упражненій Рязанова.

Г. Плехановъ.

---

*) См. листокъ Кіевскаго Комитета: „Почему была отмѣнена демонстрація 20 апрѣля?“

къ лику соц.-рев. и тѣмъ самымъ пристегнувъ „партію“ соц.-рев. къ ростовскимъ событіямъ, — то да охранитъ васъ провидѣніе отъ нечестивой мысли заподозрить, что вся эта „жесточайшая литературная истерика“ понадобилась „Р. Р.“, чтобы присосаться къ ростовскимъ событіямъ и прорекламировать за ихъ счётъ „партію“ соц.-рев. О нѣтъ! Она только объ „общихъ интересахъ революціи“ и заботится.

Предостерегши, такимъ образомъ, читателей отъ вполнѣ возможныхъ и естественныхъ заблужденій, мы теперь можемъ со спокойной совѣстью перейти къ исторіи съ прокламаціей, выпущенной „кружкомъ, попытавшимся самостоятельно вмѣшаться“, въ количествѣ... нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ (кажется, 30 шт.), оттектографированной такъ, что прочитать ее было невозможно и, въ довершеніе всѣхъ несчастій, разорванной рабочими безъ прочтенія.

Тов. Амвросій и „Искра“ утверждали, что злосчастная прокламація была подписана „Д. К.“, а не „Гр. с.-р.“ А Д. К. пишетъ слѣдующее („Р. Р.“ № 20): „*Очень возможно*, что она была подписана „Д. К.“ и *труднѣе всего допустить*, что она была за подписью „Гр. соц.-рев.“*).

Эти „очень возможно“ и „труднѣе всего допустить“ особенно сильно взволновали „Р. Р.“ и дали ей поводъ съ удивительной безцеремонностью вмѣшаться во внутреннія дѣла совершенно чуждой ей организаціи и произвести Донск. Ком. допросъ съ пристрастіемъ.

„Что очень возможно, господа? — кричитъ „Р. Р.“ Что вы принимаете въ свою организацію людей, легкомысленныхъ до способности совершить подлоги? Что вы, когда вамъ не удается установить грязнаго обвиненія, отдѣлываетесь разными „очень возможно“ и „труднѣе всего допустить“?

Успокойтесь, гг. редакторы, умѣрьте немножко ваше благородство и постарайтесь выслушать слѣдующее.

Д. К. основывалъ свои утвержденія на томъ, что во-первыхъ, — „о существованіи въ Ростовѣ во время стачки соц.-рев. рѣшительно ничего неизвѣстно“ (а до стачки — смѣемъ добавить — о нихъ было извѣстно лишь то, что въ Ростовѣ ихъ никогда не было), и во-вторыхъ, какъ разъ наканунѣ выпуска прокламаціи одинъ изъ членовъ „кружка, попытавшагося самостоятельно вмѣшаться“, бѣгалъ по всему городу съ цѣлью „достать“ печать Д. К., которая, надо думать, нужна была „кружку“ не для того только, чтобы ею любоваться.

Но... предположимъ на время, что „Искра“, тов. Амвросій и Д. К. составили злостный комплотъ съ цѣлью „забросать грязью“ „кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться“, обвинивъ его въ подлогѣ. И, посмотримъ, къ какимъ выводамъ мы придемъ при такомъ предположеніи.

До 4 ноября, какъ уже указывалось, въ Ростовѣ на Дону не было совсѣмъ никакихъ соц.-рев. Но въ ночь съ 4 на 5 ноября — по безапелляціонному утвержденію „Р. Р.“ — въ Ростовѣ на Дону совершилось таинство рожденія и крещенія новой „Группы соц.-рев.“**). Въ таинствахъ, однако, оказалось очень мало таинственнаго, потому что о новорожденныхъ мы могли бы сказать словами Фамусова: „Ба! знакомыя все лица“. Какіе же это, въ самомъ дѣлѣ, новорожденные, когда еще вчера они были въ нашей *соціаль-демократической* организаціи? „Р. Р.“ старается увѣрить насъ, что новорожденные „тяготѣли ко взглядамъ и методу дѣйствій, которымъ теперь обычно присваивается имя „соціаль-революціонныхъ“. Но мы не можемъ согласиться съ нею, потому что новорожденные не только никогда не „тяготѣли“, а наоборотъ, *очень категорически высказывались противъ* „взглядовъ и метода дѣйствій, которымъ теперь обычно присваивается имя „соціаль-революціонныхъ“. И мы упорно продолжаемъ думать, что, если ужъ въ но[чь] съ 4 на 5 ноября что-нибудь и произошло, то во всякомъ случа[ѣ] [не] рожденіе, а скорѣе всего „внезапное перерожденіе“, которому теперь обыкновенно присваивается имя“ — *измѣна*.

Да не подумаетъ читатель, что выраженіе „измѣна“ употреблено для „игры словъ“ или въ пылу полемическаго задора. Пусть читатель самъ судитъ: въ *соц.-дем.* организаціи состоятъ „товарищи“, которые никогда не проявляли склонности къ „соціаль-революціонному методу“ и, наоборотъ, всегда относились къ нему отрицательно. И вдругъ, въ одну прекрасную ночь, они съ головокружительной быстротой „перерождаются“ въ соц.-рев. и дѣлаютъ „попытку самостоятельно вмѣшаться“, т. е. выступить съ своимъ собственнымъ „благородствомъ и нервностью“... то бишь программой и тактикой *противъ* комитета какъ разъ въ тотъ моментъ, когда необходимы дружныя и единыя дѣйствія. Это уже не легкомысліе, о которомъ писалъ товарищъ Амвросій: это измѣна — и факты говорятъ намъ, что она была подготовлена заранѣе.

А фактъ таковъ: еще задолго до стачки одинъ изъ членовъ „кружка, попытавшагося самостоятельно вмѣшаться“ (и, кажется, именно это и есть „товарищъ, принимавшій участіе(?!) въ движеніи), состоя въ организаціи Д. К. пропагандистомъ, въ то же время *тайно отъ организаціи* и со всякими предосторожностями находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ соц.-рев., получалъ отъ нихъ литературу и даже приступилъ къ устройству въ Ростовѣ на Дону одного крупнаго „соціаль-революціоннаго“ предпріятія. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что этотъ соц.-рев. въ соц.-дем. маскѣ прокрался въ нашу организацію съ благородной цѣлью разрушить этотъ никуда негодный Д. К. и воздвигнуть на его развалинахъ новое и, конечно, не въ примѣръ соц.-дем., прекрасное зданіе „соціализаціи, кооперацій и боевой организаціи“ (иначе зачѣмъ ему было такъ „законспирировать“ свои сношенія съ соц.-рев.).

Не знаемъ, какое имя „теперь обычно присваивается“ такому „методу дѣйствій“, но очевидно, что „минутные разсчеты междуфракціонной распри“ тутъ не при чемъ и что этотъ „методъ дѣйствій“ наиболѣе соотвѣтствуетъ „общимъ интересамъ революціи“.

И, однако, Д. К. не рѣшился утверждать, что „кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться“, совершилъ измѣну (а именно это-то и старается доказать „Р. Р.“). Д. К. и въ мысль не приходило, чтобы прокламація могла быть подписана иначе, какъ соц.-демократами. Но затѣмъ, когда злосчастная прокламація — по категорическому утвержденію „Р. Р.“ — превратилась въ капитальнѣйшій пунктъ ростовскихъ событій, несмотря на ея завѣренія, что необходимо „перенести центръ тяжести въ чисто-общую и принципіальную постановку вопроса“, тогда ужъ и Д. К. началъ сомнѣваться***). Въ самомъ дѣлѣ, не проявилась-ли въ его организаціи самая подлинная измѣна?

Мы боимся, что, прочитавъ все это, всякій безпристрастный читатель задастъ себѣ тревожный вопросъ: какъ бы съ „Р. Р.“ не произошло такого же грѣха, какой случился съ одной весьма благородной дѣвицей, которая „благородства своего не соблюла.“

Члены Д. К. **Амвросій. Зека, Иванъ и Павелъ.**

---

*) Гдѣ и въ чемъ противорѣчіе между тѣмъ, что утверждаетъ тов. Амвросій и „Искра“, и тѣмъ, что утверждаетъ Д. К., гдѣ противорѣчіе о которомъ съ торжествомъ и „во всеуслышаніе“ возвѣщаетъ „Р. Р.“?

**) „Р. Р.“ настолько освѣдомлена насчетъ этого деликатнаго обстоятельства, что знаетъ даже адресъ и имя хозяйки квартиры, гдѣ таинства совершались.

***) Большимъ курьезомъ звучитъ претензія „Р. Р.“ къ тов. Амвросію, что тотъ „поетъ съ чужого голоса“, утверждая, что злосчастная прокламація была подписана „Д. К.“. А она-то съ чьего голоса поетъ, какъ не съ голоса своего корреспондента? Или она, быть можетъ, будетъ утверждать, что это голосъ не чужой? Но тогда, стало быть, она также повинна въ „методѣ дѣйствій“ „товарища, принимавшаго участіе(?!) въ движеніи“?

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Какъ царское правительство готовится къ революціи. Въ доставленномъ намъ приказѣ по войскамъ *Одесскаго* гарнизона (отъ 7 апрѣля 1903 г.) читаемъ:

„Для предупрежденія и прекращенія могущихъ быть въ гор. Одессѣ безпорядковъ и волненій отъ войск. гарнизона устанавливается періодически особый нарядъ дежурныхъ частей, которыя должны находиться въ полной готовности къ немедленному выступленію по непосредственному вызову градоначальника, обращенному къ командирамъ отдѣльныхъ частей войскъ. При вызовѣ градоначальникомъ дежурныхъ частей по телефону требовать сообщенія секретнаго ключа.

Районы дѣйствій дежурныхъ частей, опредѣляемые нарядомъ, есть только примѣрные. Точное-же указаніе мѣста, куда должны слѣдовать дежурныя части, будетъ указываемо градоначальникомъ по вызовѣ. О вызовѣ дежурныхъ частей градоначальникомъ тотъ-часъ-же должно быть донесено непосредственно мнѣ, въ штабъ округа и сообщено и. об. гор. коменданта. Вызовъ прочихъ частей войскъ (кромѣ дежурныхъ), можетъ быть сдѣланъ не иначе, какъ по распоряженію начальника гарнизона. Распоряженіе это можетъ быть передано тремя способами: письменнымъ приказаніемъ, телефономъ (требуя ключъ) и вывѣшиваніемъ сигналовъ на городскихъ каланчахъ (днемъ — красный флагъ; ночью — красный фонарь). Для принятія приказанія, переданнаго симъ послѣднимъ способомъ командирамъ отдѣльныхъ частей, установить постоянное наблюденіе за каланчами. Въ случаѣ, *если обстоятельства вынудятъ для предупрежденія или прекращенія возникшихъ въ городѣ Одессѣ безпорядковъ вызвать всѣ войска гарнизона,* то при этомъ предписываю принять къ непремѣнному исполненію и руководству слѣдующее: 1) на этотъ случай городъ раздѣляется на два отдѣла: восточный и западный. Граница между обоими — по Преображенской и Приморской ул., причемъ обѣ эти улицы входятъ въ восточный отдѣлъ. Восточный отдѣлъ дѣлится въ свою очередь на 5 участковъ: №№ 1, 2, 3, 4 и 5, западный-же — на 4 участка: 6, 7, 8 и 9. Кромѣ того особый участокъ № 10, не входящій въ составъ отдѣловъ и учреждаемый лишь на періодъ года съ 1 мая по 1 октября“.

За симъ слѣдуетъ опредѣленіе границъ всѣхъ десяти участковъ и распредѣленіе военныхъ силъ между ними. Изъ послѣдняго мы узнаемъ, что противъ одесскихъ гражданъ мобилизуется около *ста ротъ* пѣхоты, двѣ артиллерійскія батареи, нѣсколько сотенъ казаковъ и составъ пѣхотнаго юнкерскаго училища. Крѣпостной артиллерійскій батальонъ „по полученіи распоряженія о вызовѣ войскъ для охраненія порядка“ долженъ выслать караулъ (не менѣе взвода) къ минному складу, „а остальной части изготовиться къ выступленію по первому приказанію“.

Сборными пунктами назначены: 1) памятникъ герц. Ришелье; 2) Греческій базаръ, 3) уголъ Польской улицы и Польскаго спуска, 4) Старый базаръ, 5) уголъ Канатной и Б. Арнаутской, 6) Новобазарная площадь, 7) уголъ Градонач. и Старо-Портофранковской, 8) уголъ Госпитальной и Мясоѣд. ул., 9) Лагерная площ., 10) Михайловская площадь. Резервы собираются на Привозн. площади, Старо-Конной площ. и Старо-Сѣнной площ. Юнкера должны стоять у ст. Куликово-Поле и у госпиталя. Полевые жандармы опредѣляются сторожить дворецъ.

Далѣе идутъ распоряженія о нарядѣ фельдшеровъ и врачей, о снабженіи солдатъ боевыми патронами и веревками и о распредѣленіи команды надъ войскомъ.

§ 13 гласитъ: „Начальники участковъ по прибытіи на сборные пункты немедленно должны назначить соотвѣтственные караулы ко всѣмъ казеннымъ зданіямъ, находящимся въ участкѣ, а именно, ко всѣмъ военно-окружнымъ управленіямъ, къ казначейству, государственному банку, почтово-телеграфной конторѣ и пр., а при необходимости къ большимъ частнымъ складамъ винъ, магазинамъ оружія и т. д.“ Войсковой складъ и пороховые погреба должны охраняться [illegible]“.

С[illegible] [illegible] сказанная умною рѣч[illegible] [illegible] слѣдуетъ припомнить случаямъ самодержавія. Послѣднее уже теперь опирается только на одни штыки. [illegible] лучшаго способа пробудить къ политической жизни солдатъ и офицеровъ, какъ эти постоянные приказы быть готовыми къ разстрѣлу согражданъ, какъ эти тщательно разработанные стратегическіе планы кампаніи противъ „внутренняго врага“. Соціаль-демократы не дадутъ правительству желаннаго повода выполнить эти планы при условіяхъ, неблагопріятныхъ для народа: они не примутъ генеральнаго сраженія до тѣхъ поръ, пока военная дисциплина и солдатская пассивность не будутъ въ корнѣ подорваны. Они заставятъ правительство расшатать эту дисциплину, дезорганизовать и деморализовать войско этимъ постояннымъ напряженіемъ, этой постоянной тревогой ожиданія тѣхъ событій, когда невольный рабъ самодержавія долженъ выступить въ роли палача своихъ собратій. Мы воспользуемся этимъ лихорадочно-тревожнымъ ожиданіемъ для того, чтобы проникнуть въ казармы и въ вражескомъ лагерѣ подготовить засаду врагу. И когда часъ генеральной битвы наступитъ, всякій лишній батальонъ, выведенный противъ народа, будетъ означать новый пунктъ, на которомъ самодержавію будетъ грозить пораженіе.

Старайтесь, господа, старайтесь! Выполняйте ту часть подготовительно-революціонной работы, къ которой вы наиболѣе пригодны: сѣйте въ войскахъ тревогу и неувѣренность, дезорганизуйте ихъ, показывайте имъ, что вы сами неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ! Уничтожайте въ нихъ вѣру въ ваше всемогущество, озлобляйте ихъ мелочностью вашего сыска, свирѣпостью вашего преслѣдованія солдатской и офицерской крамолы, недовѣріемъ къ войску, которое такъ ярко проявляется въ вашихъ секретныхъ приказахъ! Подготовляйте войско къ моменту революціи.

Балансировать на кончикахъ солдатскихъ штыковъ — еще можно въ теченіе извѣстнаго времени. Ерзать на нихъ, какъ это дѣлаетъ русское правительство, очень рискованно...

Петербургъ. 9 мая. Послѣдній мѣсяцъ, „майскій“, прошелъ въ этомъ году сравнительно спокойно. Комитетъ рѣшилъ демонстраціи не устраивать, такъ какъ было извѣстно, что полиція приняла угрожающія мѣры, а между тѣмъ и настроеніе массъ не обѣщало въ этомъ году сколько-нибудь внушительной демонстраціи, такъ что пошли бы одни организованные рабочіе и, конечно, стали бы жертвами полиціи. Кромѣ того, за нѣсколько дней до 18 апрѣля арестованы были чуть-ли не въ одну ночь три типографіи, гдѣ, между прочимъ, взяты уже приготовленныя майскія прокламаціи „Искры“ и Организац. Комитета; въ то же время въ субботу 12 апрѣля арестовано собраніе въ 30 чел., гдѣ было много посторонней публики, но было также нѣсколько рабочихъ.

Тѣмъ не менѣе, комитетъ успѣлъ издать на ротаторѣ (усовершенствованный мимеографъ) 13 тыс. прокламацій (10 тыс. „Искры“ и Орг. Ком., 3000 своихъ, приглашавшихъ къ забастовкѣ) и распространилъ ихъ въ 20-хъ числахъ апрѣля. Больше всего можно было ожидать забастовки 1 мая на Обуховскомъ заводѣ, гдѣ настроеніе у рабочихъ было очень боевое: на предмайскомъ собраніи (такихъ собраній, человѣкъ въ 20-30, было въ этомъ году нѣсколько въ разныхъ районахъ) представители обуховцевъ настаивали даже на демонстраціи. Но начальникъ завода ловкимъ маневромъ избѣжалъ забастовки: онъ первый предложилъ рабочимъ праздновать этотъ день, и они, застигнутые врасплохъ такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, спокойно разошлись*). Забастовали въ этотъ день резиновая мануфактура, фабрика механическаго производства обуви, заводъ Вестингауза и, кажется, еще кой-гдѣ. Во всякомъ случаѣ Мещерскій съ полнымъ правомъ писалъ тогда, что „этотъ день, слава Богу, прошелъ благополучно“. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая было арестовано нѣсколько курсистокъ, около 20 рабочихъ на Путиловскомъ заводѣ, нѣсколько рабочихъ съ Васильевскаго острова, съ Обуховскаго завода (человѣкъ 20, изъ нихъ одинъ съ краснымъ знаменемъ) и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Теперь обыватели ждутъ какихъ-то грозныхъ событій 16 мая, въ день 200-лѣтія Петербурга. По городу ходятъ самые чудовищные слухи, вплоть до того, что будутъ бросать въ народъ бомбы. О какихъ-то прокламаціяхъ, будто бы приглашающихъ къ вооруженному возстанію въ этотъ день, говорятъ давно и упорно, и это заставляетъ предполагать, не было-ли тутъ, дѣйствительно, какой-нибудь провокаторской штуки. Полицейскимъ творчествомъ отдаетъ и другой упорный слухъ о готовившемся покушеніи на Николая. Полиція настроена, во всякомъ случаѣ, нервно. Войска до сихъ поръ не уведены въ лагерь и остаются въ городѣ.

Кромѣ майскихъ листковъ СПБ. Комитетъ распространилъ за послѣднее время прокламацію о Златоустовской бойнѣ, о царскомъ манифестѣ и прокламацію Орг. Ком. о ростовской демонстраціи 2 марта. Распространено было также довольно много „Искры“ съ 29 до 37 №. Дѣятельность Комитета значительно ослаблялась до сихъ поръ обиліемъ существующихъ здѣсь революціонныхъ организацій. Такъ, кромѣ соц.-рев., имѣющихъ кой-гдѣ среди рабочихъ незначительныя связи, здѣсь дѣйствовалъ еще Комитетъ Рабочей Орган. (или „Союзъ Борьбы“), теперь, повидимому, почти исчезнувшій, затѣмъ небольшая группа лицъ, отколовшаяся отъ Комитета вслѣдствіе чисто личнаго честолюбія, и самозванно выпускавшая иногда листки тоже за подписью СПБ. Комитета, хотя ее не признаютъ ни Орг. Ком., ни одинъ изъ мѣстныхъ Комитетовъ партіи. Теперь у нея нѣтъ почти никакихъ связей; тѣмъ не менѣе она разослала на дняхъ по почтѣ листокъ къ обществу о кишиневскомъ погромѣ съ тою же подписью. Кой-гдѣ распространенъ былъ также майскій листокъ „Революц. соц.-дем. группы Воля“ (ею изданы еще листокъ къ солдатамъ и брошюра „Боевая тактика“).

Наконецъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ появилась прокламація „Независимой рабочей партіи“, чрезвычайно любопытное произведеніе, авторы котораго, навѣрное, *не* зубатовскіе агенты, не за страхъ, а за совѣсть стараются одурачить рабочихъ увѣреніями, что имъ удастся развить сильныя экономическія организаціи и даже участвовать въ законодательствѣ подъ сѣнію самодержавнаго правительства.

---

*) Между тѣмъ, на другомъ берегу Невы ждали наготовѣ солдаты, чтобы въ случаѣ надобности немедленно двинуться на пароходикахъ на Шлиссельбургскій трактъ.

Москва. Майскія прокламаціи Организаціоннаго Комитета и „Искры“ были удачно распространены на фабрикахъ и заводахъ, а 27 апрѣля были брошены съ галлереи въ Маломъ и Новомъ театрѣ. Среди рабочихъ было задержано всего 7 чел. — притомъ безусловно не изъ числа член. организаціи. Въ театрахъ ар. никто не былъ. Всѣ прокламаціи были подобраны публикой. Арестованные въ 1902 года по дѣлу о пропагандѣ среди солдатъ 1 лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, Альшанскій, Гольдблатъ, Никольскій, Аносовъ, Батурина и Соколовъ преданы военно-окружному суду по обв. въ преступленіи предусмотр. 2 ч. 250 ст. ул. о наказ. (извѣстіе вполнѣ достовѣрное).

Н.-Новгородъ. Мѣстнымъ комитетомъ, по примѣру прошлаго года, было рѣшено устроить и въ нынѣшнемъ году демонстрацію 1 мая. Подготовка къ ней, помимо обсужденія вопроса въ пропагандистскихъ и организаціонныхъ кружкахъ, выразилась въ распространеніи спеціальныхъ майскихъ листковъ и устройствѣ агитаціонныхъ собраній. Изъ листковъ были распространены: 1) листки Орг. „Искры“ и Орган. Ком. въ количествѣ 3000 экз., 2) листки Орг. Ком. (маленькіе) въ 4000 экз., 3) листокъ комитета съ первомайскими требованіями (всѣ требованія, сжато формулированныя и разъясненныя, были соединены въ одномъ листкѣ и [illegible] были изданы — каждое отдѣльно — для разбрасыванія во время демонстраціи въ количествѣ 3000 и 1500 экз., 4) листки, посвященные обзору событій текущаго года 1600 экз., 6) спеціально призывающіе съ указаніемъ мѣста и времени демонстраціи, [illegible] къ солдатамъ [illegible] гарнизона. Послѣдній вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе въ солдатской средѣ. Офицеры, [illegible] толпу, не отбирали листковъ. По заявленію солдатъ, [illegible] изъ нихъ стали бы стрѣлять въ толпу. На агитаціонныя предмайскія собранія приглашались не только затронутые пропагандой рабочіе, но и совершенно еще несознательные. Въ общемъ на всѣхъ собраніяхъ перебывало до 500 рабочихъ. Объ этихъ собраніяхъ было извѣстно въ Сормовѣ. Многолюдность собраній и условія мѣстности гарантировали почти полную ихъ безопасность. Подобныя же собранія устраивались и въ городѣ. Рабочіе шли на нихъ охотно. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе дни передъ 1 мая нѣсколько собраній по разнымъ причинамъ не могло состояться. Эти собранія сильно поднимали настроеніе, заставляли много говорить о себѣ въ Сормовѣ (часто приходилось слышать пожеланія, чтобы подобныя же собранія устраивались и въ мирное время), страшно безпокоили полицію, которой сильно не нравилось шарахаться ночью по лѣсамъ. Одинъ помощникъ пристава, который долженъ былъ отправиться въ подобную экспедицію, на колѣняхъ со слезами умолялъ полицмейстера уволить его отъ такой прогулки. „У меня, говоритъ, жена, дѣти...“ Былъ посланъ другой, который обладалъ большимъ полицейскимъ мужествомъ.

Демонстрація состоялась въ Сормовѣ 1 мая въ 8 веч. Группа рабочихъ числомъ около 60 чел. во главѣ съ организаторомъ, присланнымъ мѣстнымъ комитетомъ, прошлась нѣсколько разъ по главной улицѣ Сормова съ тремя знаменами, на которыхъ были надписи: „да здравствуетъ свобода, долой самодержавіе, да здравствуетъ 8-часовой рабочій день, да здравствуетъ международная соц.-демократія, да здравствуетъ Рос. С.-Д. Р. П., да здравствуетъ всемірный рабочій праздникъ 1 мая!“ Толпа тысячъ въ десять сплошной массой залила улицу, двигаясь за соціаль-демократами сбоковъ и сзади, но не сливаясь съ ними; присоединялись лишь отдѣльныя лица. Демонстранты разбрасывали прокламаціи, за которыми выбѣгали отдѣльныя лица изъ толпы, хватали ихъ и пускали ихъ по рукамъ. Было разбросано такъ около 2000 экз. Пройдя нѣсколько разъ улицу съ пѣніемъ пѣсни „Дружно, товарищи, въ ногу“, демонстранты послѣ краткой рѣчи руководителя разсѣялись въ толпѣ.

На мѣстѣ арестовъ не было. Конные полицейскіе врѣзались было въ кучку демонстрантовъ. Приставъ кричалъ: „расходитесь по домамъ, кому тутъ дѣлать нечего. Сѣчь будемъ!“ Толпа бросилась бѣжать. Женщины, дѣти закричали, началась суматоха. Одинъ урядникъ ударилъ рабочаго плетью. Тотъ закричалъ: „чего ты дерешься?“ — „Я тебѣ еще не такъ задамъ, [illegible]“, ощетинился было урядникъ, повернувъ къ нему лошадь. Въ это время изъ группы демонстрантовъ раздался голосъ: бей ихъ, негодяевъ! Бросившаяся было бѣжать толпа остановилась, на мгновеніе замерла и потомъ съ гикомъ и свистомъ бросилась на конную полицію. Полицейскіе попробовали было выдержать натискъ, но сообразивъ, что для нихъ это можетъ кончиться весьма печально, во весь карьеръ помчались прочь — лишь пыль взвилась столбомъ... Толпа бросилась преслѣдовать ихъ.

Это былъ единственный моментъ, когда толпа слилась съ соц.-демократами. Минуты черезъ три по окончаніи демонстраціи по улицѣ мчались казаки, полиція, жандармы. Минутъ черезъ десять прибылъ батальонъ пѣхоты. Но демонстрантовъ уже не было.

Нельзя отрицать вліянія на успѣхъ демонстраціи массовыхъ арестовъ передъ 1 мая. Въ общемъ, было арестовано около 100 чел. на квартирахъ, на улицахъ, въ лѣсу и т. д. Обысковъ же было безконечное множество. Детальный планъ демонстраціи, заранѣе разработанный, пришлось по причинамъ, о которыхъ мы не находимъ возможнымъ здѣсь говорить, снова переработать почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Благодаря этому, была потеряна связь между самими обязательными участниками демонстраціи, многіе изъ которыхъ и не приняли въ ней участія. Отмѣна нѣсколькихъ агитаціонныхъ собраній передъ самымъ 1 мая, широкое распространеніе слуховъ о переполненіи Сормова

...зыку соц.-рев. и тѣмъ самымъ пристегнувъ „партію“ соц.-рев. къ ростовскимъ событіямъ, — то да охранитъ насъ провидѣніе отъ нечестивой мысли заподозрить, что вся эта „жесточайшая литературная истерика“ понадобилась „Р. Р.“, чтобы присосаться къ ростовскимъ событіямъ и прорекламировать за ихъ счётъ „партію“ соц.-рев. О нѣтъ! Она только объ „общихъ интересахъ революціи“ и заботится.

Предостерегши, такимъ образомъ, читателей отъ вполнѣ возможныхъ и естественныхъ заблужденій, мы теперь можемъ со спокойной совѣстью перейти къ исторіи съ прокламаціей, выпущенной „кружкомъ, попытавшимся самостоятельно вмѣшаться“, въ количествѣ... нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ (кажется, 30 шт.), отгектографированной такъ, что прочитать ее было невозможно и, въ довершеніе всѣхъ несчастій, разорванной рабочими безъ прочтенія.

Тов. Амвросій и „Искра“ утверждали, что злосчастная прокламація была подписана „Д. К.“, а не „Гр. с.-р.“ А Д. К. пишетъ слѣдующее („Р. Р.“ № 20): „*Очень возможно*, что она была подписана „Д. К.“ и *труднѣе всего допустить*, что она была за подписью „Гр. соц.-рев.“*).

Эти „очень возможно“ и „труднѣе всего допустить“ особенно сильно взволновали „Р. Р.“ и дали ей поводъ съ удивительной безцеремонностью вмѣшаться во внутреннія дѣла совершенно чуждой ей организаціи и произвести Донск. Ком. допросъ съ пристрастіемъ.

„Что очень возможно, господа? — кричитъ „Р. Р.“ Что вы принимаете въ свою организацію людей, легкомысленныхъ до способности совершить подлоги? Что вы, когда вамъ не удается установить грязнаго обвиненія, отдѣлываетесь разными „очень возможно“ и „труднѣе всего допустить“?

Успокойтесь, гг. редакторы, умѣрьте немножко ваше благородство и постарайтесь выслушать слѣдующее.

Д. К. основывалъ свои утвержденія на томъ, что во-первыхъ, — „о существованіи въ Ростовѣ во время стачки соц.-рев. рѣшительно ничего неизвѣстно“ (а до стачки — смѣемъ добавить — о нихъ было извѣстно лишь то, что въ Ростовѣ ихъ никогда не было), и во-вторыхъ, какъ разъ наканунѣ выпуска прокламаціи одинъ изъ членовъ „кружка, попытавшагося самостоятельно вмѣшаться“, бѣгалъ по всему городу съ цѣлью „достать“ печать Д. К., которая, надо думать, нужна была „кружку“ не для того только, чтобы ею любоваться.

Но... предположимъ на время, что „Искра“, тов. Амвросій и Д. К. составили злостный комплотъ съ цѣлью „забросать грязью“ „кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться“, обвинивъ его въ подлогѣ. И посмотримъ, къ какимъ выводамъ мы придемъ при такомъ предположеніи.

До 4 ноября, какъ уже указывалось, въ Ростовѣ на Дону не было совсѣмъ никакихъ соц.-рев. Но въ ночь съ 4 на 5 ноября — по безапелляціонному утвержденію „Р. Р.“ — въ Ростовѣ на Дону совершилось таинство рожденія и крещенія новой „Группы соц.-рев.“**). Въ таинствахъ, однако, оказалось очень мало таинственнаго, потому что о новорожденныхъ мы могли бы сказать словами Фамусова: „Ба! знакомыя все лица“. Какіе же это, въ самомъ дѣлѣ, новорожденные, когда еще вчера они были въ нашей *соціаль-демократической* организаціи? „Р. Р.“ старается увѣрить насъ, что новорожденные „тяготѣли ко взглядамъ и методу дѣйствій, которымъ теперь обычно присваивается имя „соціаль-революціонныхъ“. Но мы не можемъ согласиться съ нею, потому что новорожденные не только никогда не „тяготѣли“, а наоборотъ, *очень категорически высказывались противъ* „взглядовъ и метода дѣйствій, которымъ теперь обычно присваивается имя „соціаль-революціонныхъ“. И мы упорно продолжаемъ думать, что, если ужъ въ но[illegible] съ 4 на 5 ноября что-нибудь и произошло, то во всякомъ случа[illegible] рожденіе, а скорѣе всего „внезапное перерожденіе“, которому „теперь обыкновенно присваивается имя“ — *измѣна*.

Да не подумаетъ читатель, что выраженіе „измѣна“ употреблено для „игры словъ“ или въ пылу полемическаго задора. Пусть читатель самъ судитъ: въ *соц.-дем.* организаціи состоятъ „товарищи“, которые никогда не проявляли склонности къ „соціаль-революціонному методу“ и, наоборотъ, всегда относились къ нему отрицательно. И вдругъ, въ одну прекрасную ночь, они съ головокружительной быстротой „перерождаются“ въ соц.-рев. и дѣлаютъ „попытку самостоятельно вмѣшаться“, т. е. выступить съ своимъ собственнымъ „благородствомъ и нервностью“... то бишь программой и тактикой *противъ* комитета какъ разъ въ тотъ моментъ, когда необходимы дружныя и единыя дѣйствія. Это уже не легкомысліе, о которомъ писалъ товарищъ Амвросій: это измѣна — и факты говорятъ намъ, что она была подготовлена заранѣе.

А фактъ таковъ: еще задолго до стачки одинъ изъ членовъ „кружка, попытавшагося самостоятельно вмѣшаться“ (и, кажется, именно это и есть „товарищъ, принимавшій участіе(?!) въ движеніи), состоя въ организаціи Д. К. пропагандистомъ, въ то же время *тайно отъ организаціи* и со всякими предосторожностями находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ соц.-рев., получалъ отъ нихъ литературу и даже приступилъ къ устройству въ Ростовѣ на Дону одного крупнаго „соціаль-революціоннаго“ предпріятія. Никакому сомнѣнію не подлежитъ, что этотъ соц.-рев. въ соц.-дем. маскѣ прокрался въ нашу организацію съ благородной цѣлью разрушить этотъ никуда негодный Д. К. и воздвигнуть на его развалинахъ новое и, конечно, не въ примѣръ соц.-дем., прекрасное зданіе „соціализаціи, коопераціи и боевой организаціи“ (иначе зачѣмъ ему было такъ „законспирировать“ свои сношенія съ соц.-рев.).

Не знаемъ, какое имя „теперь обычно присваивается“ такому „методу дѣйствій“, но очевидно, что „минутные разсчеты междуфракціонной распри“ тутъ не при чемъ и что этотъ „методъ дѣйствій“ наиболѣе соотвѣтствуетъ „общимъ интересамъ революціи“.

И, однако, Д. К. не рѣшился утверждать, что „кружокъ, попытавшійся самостоятельно вмѣшаться“, совершилъ измѣну (а именно это-то и старается доказать „Р. Р.“). Д. К. и въ мысль не приходило, чтобы прокламація могла быть подписана иначе, какъ соц.-демократами. Но затѣмъ, когда злосчастная прокламація — по категорическому утвержденію „Р. Р.“ — превратилась въ капитальнѣйшій пунктъ ростовскихъ событій, несмотря на ея завѣренія, что необходимо „перенести центръ тяжести въ чисто-общую и принципіальную постановку вопроса“, тогда ужъ и Д. К. началъ сомнѣваться***). Въ самомъ дѣлѣ, не проявилась-ли въ его организаціи самая подлинная измѣна?

Мы боимся, что, прочитавъ все это, всякій безпристрастный читатель задастъ себѣ тревожный вопросъ: какъ бы съ „Р. Р.“ не произошло такого же грѣха, какой случился съ одной весьма благородной дѣвицей, которая „благородства своего не соблюла.“

Члены Д. К. **Амвросій. Зека, Иванъ и Павелъ.**

---

*) Гдѣ и въ чемъ противорѣчіе между тѣмъ, что утверждаетъ тов. Амвросій и „Искра“, и тѣмъ, что утверждаетъ Д. К., гдѣ противорѣчіе о которомъ съ торжествомъ и „во всеуслышаніе“ возвѣщаетъ „Р. Р.“?

**) „Р. Р.“ настолько освѣдомлена насчетъ этого деликатнаго обстоятельства, что знаетъ даже адресъ и имя хозяйки квартиры, гдѣ таинства совершались.

***) Большимъ курьезомъ звучитъ претензія „Р. Р.“ къ тов. Амвросію, что тотъ „поетъ съ чужого голоса“, утверждая, что злосчастная прокламація была подписана „Д. К.“. А она-то съ чьего голоса поетъ, какъ не съ голоса своего корреспондента? Или она, быть можетъ, будетъ утверждать, что это голосъ не чужой? Но тогда, стало быть, она также повинна въ „методѣ дѣйствій“ „товарища, принимавшаго участіе(?!) въ движеніи“?

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Какъ царское правительство готовится къ революціи. Въ доставленномъ намъ приказѣ по войскамъ *Одесскаго* гарнизона (отъ 7 апрѣля 1903 г.) читаемъ:

„Для предупрежденія и прекращенія могущихъ быть въ гор. Одессѣ безпорядковъ и волненій отъ войск. гарнизона устанавливается періодически особый нарядъ дежурныхъ частей, которыя должны находиться въ полной готовности къ немедленному выступленію по непосредственному вызову градоначальника, обращенному къ командирамъ отдѣльныхъ частей войскъ. При вызовѣ градоначальникомъ дежурныхъ частей по телефону требовать сообщенія секретнаго ключа.

Районы дѣйствій дежурныхъ частей, опредѣляемые нарядомъ, есть только примѣрные. Точное-же указаніе мѣста, куда должны слѣдовать дежурныя части, будетъ указываемо градоначальникомъ по вызовѣ. О вызовѣ дежурныхъ частей градоначальникомъ тотъ-часъ-же должно быть донесено непосредственно мнѣ, въ штабъ округа и сообщено и. об. гор. коменданта. Вызовъ прочихъ частей войскъ (кромѣ дежурныхъ), можетъ быть сдѣланъ не иначе, какъ по распоряженію начальника гарнизона. Распоряженіе это можетъ быть передано тремя способами: письменнымъ приказаніемъ, телефономъ (требуя ключъ) и вывѣшиваніемъ сигналовъ на городскихъ каланчахъ (днемъ — красный флагъ; ночью — красный фонарь). Для принятія приказанія, переданнаго симъ послѣднимъ способомъ командирамъ отдѣльныхъ частей, установить постоянное наблюденіе за каланчами. Въ случаѣ, *если обстоятельства вынудятъ для предупрежденія или прекращенія возникшихъ въ городѣ Одессѣ безпорядковъ вызвать всѣ войска гарнизона*, то при этомъ предписываю принять къ непремѣнному исполненію и руководству слѣдующее: 1) на этотъ случай городъ раздѣляется на два отдѣла: восточный и западный. Граница между обоими — по Преображенской и Приморской ул., причемъ обѣ эти улицы входятъ въ восточный отдѣлъ. Восточный отдѣлъ дѣлится въ свою очередь на 5 участковъ: №№ 1, 2, 3, 4 и 5, западный-же — на 4 участка: 6, 7, 8 и 9. Кромѣ того особый участокъ № 10, не входящій въ составъ отдѣловъ и учреждаемый лишь на періодъ года съ 1 мая по 1 октября“.

За симъ слѣдуетъ опредѣленіе границъ всѣхъ десяти участковъ и распредѣленіе военныхъ силъ между ними. Изъ послѣдняго мы узнаемъ, что противъ одесскихъ гражданъ мобилизуется около *ста ротъ* пѣхоты, двѣ артиллерійскія батареи, нѣсколько сотенъ казаковъ и составъ пѣхотнаго юнкерскаго училища. Крѣпостной артиллерійскій батальонъ „по полученіи распоряженія о вызовѣ войскъ для охраненія порядка“ долженъ выслать караулъ (не менѣе взвода) къ минному складу, „а остальной части изготовиться къ выступленію по первому приказанію“.

Сборными пунктами назначены: 1) памятникъ герц. Ришелье; 2) Греческій базаръ, 3) уголъ Польской улицы и Польскаго спуска, 4) Старый базаръ, 5) уголъ Канатной и Б. Арнаутской, 6) Новобазарная площадь, 7) уголъ Градонач. и Старо-Портофранковской, 8) уголъ Госпитальной и Мясоѣд. ул., 9) Лагерная площ., 10) Михайловская площадь. Резервы собираются на Привозн. площади, Старо-Конной площ. и Старо-Сѣнной площ. Юнкера должны стоять у ст. Куликово-Поле и у госпиталя. Полевые жандармы опредѣляются сторожить дворецъ.

Далѣе идутъ распоряженія о нарядѣ фельдшеровъ и врачей, о снабженіи солдатъ боевыми патронами и веревками и о распредѣленіи команды надъ войскомъ.

§ 13 гласитъ: „Начальники участковъ по прибытіи на сборные пункты немедленно должны назначить соотвѣтственные караулы ко всѣмъ казеннымъ зданіямъ, находящимся въ участкѣ, а именно: ко всѣмъ военно-окружнымъ управленіямъ, къ казначейству, государственному банку, почтово-телеграфной конторѣ и пр., а при необходимости къ большимъ частнымъ складамъ винъ, магазинамъ оружія и т. д.“ Войсковой складъ и пороховые погреба должны охраняться у[illegible].

„Со штыками все мо[illegible] сидѣть на нихъ нельзя“, — эти 100 лѣтъ тому назадъ сказанныя умнымъ реакціонеромъ слова слѣдуетъ припомнить слугамъ самодержавія. Послѣднее уже теперь опирается только на одни штыки. Но нѣтъ лучшаго способа пробудить къ политической жизни солдатъ и офицеровъ, какъ эти постоянные приказы быть готовыми къ разстрѣлу согражданъ, какъ эти тщательно разработанные стратегическіе планы кампаніи противъ „внутренняго врага“. Соціаль-демократы не дадутъ правительству желаннаго повода выполнить эти планы при условіяхъ, неблагопріятныхъ для народа: они не примутъ генеральнаго сраженія до тѣхъ поръ, пока военная дисциплина и солдатская пассивность не будутъ въ корнѣ подорваны. Они заставятъ правительство расшатать эту дисциплину, дезорганизовать и деморализовать войско этимъ постояннымъ напряженіемъ, этой постоянной тревогой ожиданія тѣхъ событій, когда невольный рабъ самодержавія долженъ выступить въ роли палача своихъ собратій. Мы воспользуемся этимъ лихорадочно-тревожнымъ ожиданіемъ для того, чтобы проникнуть въ казармы и въ вражескомъ лагерѣ подготовить засаду врагу. И когда часъ генеральной битвы наступитъ, всякій лишній батальонъ, выведенный противъ народа, будетъ означать новый пунктъ, на которомъ самодержавію будетъ грозить пораженіе.

Старайтесь, господа, старайтесь! Выполняйте ту часть подготовительно-революціонной работы, къ которой вы наиболѣе пригодны: сѣйте въ войскахъ тревогу и неувѣренность, дезорганизуйте ихъ, показывайте имъ, что вы сами неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ! Уничтожайте въ нихъ вѣру въ ваше всемогущество, озлобляйте ихъ мелочностью вашего сыска, свирѣпостью вашего преслѣдованія солдатской и офицерской крамолы, недовѣріемъ къ войску, которое такъ ярко проявляется въ вашихъ секретныхъ приказахъ! Подготовляйте войско къ моменту революціи.

Балансировать на кончикахъ солдатскихъ штыковъ — еще можно въ теченіе извѣстнаго времени. Ерзать на нихъ, какъ это дѣлаетъ русское правительство, очень рискованно...

Петербургъ, 9 мая. Послѣдній мѣсяцъ, „майскій“, прошелъ въ этомъ году сравнительно спокойно. Комитетъ рѣшилъ демонстрціи не устраивать, такъ какъ было извѣстно, что полиція приняла угрожающія мѣры, а между тѣмъ и настроеніе массъ не обѣщало въ этомъ году сколько-нибудь внушительной демонстраціи, такъ что пошли бы одни организованные рабочіе и, конечно, стали бы жертвами полиціи. Кромѣ того, за нѣсколько дней до 18 апрѣля арестованы были чуть-ли не въ одну ночь три типографіи, гдѣ, между прочимъ, взяты уже приготовленныя майскія прокламаціи „Искры“ и Организац. Комитета; въ то же время въ субботу 12 апрѣля арестовано собраніе въ 30 чел., гдѣ было много посторонней публики, но было также нѣсколько рабочихъ.

Тѣмъ не менѣе, комитетъ успѣлъ издать на ротаторѣ (усовершенствованный мимеографъ) 13 тыс. прокламацій (10 тыс. „Искры“ и Орг. Ком., 3000 своихъ, приглашавшихъ къ забастовкѣ) и распространилъ ихъ въ 20-хъ числахъ апрѣля. Больше всего можно было ожидать забастовки 1 мая на Обуховскомъ заводѣ, гдѣ настроеніе у рабочихъ было очень боевое: на предмайскомъ собраніи (такихъ собраній, человѣкъ въ 20-30, было въ этомъ году нѣсколько въ разныхъ районахъ) представители обуховцевъ настаивали даже на демонстраціи. Но начальникъ завода ловкимъ маневромъ избѣжалъ забастовки: онъ первый предложилъ рабочимъ праздновать этотъ день, и они, застигнутые врасплохъ такимъ неожиданнымъ предложеніемъ, спокойно разошлись*). Забастовали въ этотъ день резиновая мануфактура, фабрика механическаго производства обуви, заводъ Вестингауза и, кажется, еще кой-гдѣ. Во всякомъ случаѣ Мещерскій съ полнымъ правомъ писалъ тогда, что „этотъ день, слава Богу, прошелъ благополучно“. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая было арестовано нѣсколько курсистокъ, около 20 рабочихъ съ Путиловскаго завода, нѣсколько рабочихъ съ Васильевскаго острова, съ Обуховскаго завода (человѣкъ 20, изъ нихъ одинъ съ краснымъ знаменемъ) и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Теперь обыватели ждутъ какихъ-то грозныхъ событій 16 мая, въ день 200-лѣтія Петербурга. По городу ходятъ самые чудовищные слухи, вплоть до того, что будутъ бросать въ народъ бомбы. О какихъ-то прокламаціяхъ, будто бы приглашающихъ къ вооруженному возстанію въ этотъ день, говорятъ давно и упорно, и это заставляетъ предполагать, не было-ли тутъ, дѣйствительно, какой-нибудь провокаторской штуки. Полицейскимъ творчествомъ отдаетъ и другой упорный слухъ о готовившемся покушеніи на Николая. Полиція настроена, во всякомъ случаѣ, нервно. Войска до сихъ поръ не уведены въ лагерь и остаются въ городѣ.

Кромѣ майскихъ листковъ СПБ. Комитетъ распространилъ за послѣднее время прокламацію о Златоустовской бойнѣ, о царскомъ манифестѣ и прокламацію Орг. Ком. о ростовской демонстраціи 2 марта. Распространено было также довольно много „Искры“ съ 29 до 37 №. Дѣятельность Комитета значительно ослаблялась до сихъ поръ обиліемъ существующихъ здѣсь революціонныхъ организацій. Такъ, кромѣ соц.-рев., имѣющихъ кой-гдѣ среди рабочихъ незначительныя связи, здѣсь дѣйствовалъ еще Комитетъ Рабочей Орган. (или „Союзъ Борьбы“), теперь, повидимому, почти исчезнувшій, затѣмъ небольшая группа лицъ, отколовшаяся отъ Комитета вслѣдствіе чисто личнаго честолюбія, и самозванно выпускавшая иногда листки тоже за подписью СПБ. Комитета, хотя ее не признаютъ ни Орг. Ком., ни одинъ изъ мѣстныхъ Комитетовъ партіи. Теперь у нея нѣтъ почти никакихъ связей: тѣмъ не менѣе она разослала на дняхъ по почтѣ листокъ къ обществу о кишиневскомъ погромѣ съ тою же подписью. Кой-гдѣ распространенъ былъ также майскій листокъ „Революц. соц.-дем. группы Воля“ (ею изданы еще листокъ къ солдатамъ и брошюра „Боевая тактика“).

Наконецъ, на нѣкоторыхъ фабрикахъ появилась прокламація „Независимой рабочей партіи“, чрезвычайно любопытное произведеніе, авторы котораго, навѣрное, *не* зубатовскіе агенты, не за страхъ, а за совѣсть стараются одурачить рабочихъ увѣреніями, что имъ удастся развить сильныя экономическія организаціи и даже участвовать въ законодательствѣ подъ сѣнію самодержавнаго правительства.

Москва. Майскія прокламаціи Организаціоннаго Комитета и „Искры“ были удачно распространены на фабрикахъ и заводахъ, а 27 апрѣля были брошены съ галлереи въ Маломъ и Новомъ театрѣ. Среди рабочихъ было задержано всего 7 чел. — притомъ безусловно не изъ числа член. организаціи. Въ театрахъ ар. никто не былъ. Всѣ прокламаціи были подобраны публикой. Арестованные въ 1902 года по дѣлу о пропагандѣ среди солдатъ 1 лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, Альшанскій, Гольдблатъ, Никольскій, Аносовъ, Батурина и Соколовъ преданы военно-окружному суду по обв. въ преступленіи предусмотр. 2 ч. 250 ст. ул. о наказ. (извѣстіе вполнѣ достовѣрное).

Н.-Новгородъ. Мѣстнымъ комитетомъ, по примѣру прошлаго года, было рѣшено устроить и въ нынѣшнемъ году демонстрацію 1 мая. Подготовка къ ней, помимо обсужденія вопроса въ пропагандистскихъ и организаціонныхъ кружкахъ, выразилась въ распространеніи спеціальныхъ майскихъ листковъ и устройствѣ агитаціонныхъ собраній. Изъ листковъ были распространены: 1) листки Орг. „Искры“ и Орган. Ком. въ количествѣ 3000 экз., 2) листки Орг. Ком. (маленькіе) въ 4000 экз., 3) листокъ комитета съ первомайскими требованіями (всѣ требованія, сжато формулированныя и разъясненныя, были соединены въ одномъ листкѣ и они же были изданы — каждое отдѣльно — для разбрасыванія во время демонстраціи въ количествѣ 3000 и 1500 экз.), 4) листки, посвященные обзору событій текущаго года 1600 экз., 6) спеціально призывной, съ указаніемъ мѣста и времени демонстраціи, 6) листокъ къ солдатамъ нижегородскаго гарнизона. Послѣдній вызвалъ сильнѣйшее возбужденіе въ солдатской средѣ. Офицеры, потерявшіе голову, не отбирали листковъ. По заявленію солдатъ, немногіе изъ нихъ стали бы стрѣлять въ толпу. На агитаціонныя предмайскія собранія приглашались не только затронутые пропагандой рабочіе, но и совершенно еще несознательные. Въ общемъ на всѣхъ собраніяхъ перебывало до 500 рабочихъ. Объ этихъ собраніяхъ было извѣстно въ Сормовѣ. Многолюдность собраній и условія мѣстности гарантировали почти полную ихъ безопасность. Подобныя же собранія устраивались и въ городѣ. Рабочіе шли на нихъ охотно. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе дни передъ 1 мая нѣсколько собраній по разнымъ причинамъ не могло состояться. Эти собранія сильно поднимали настроеніе, заставляли много говорить о себѣ въ Сормовѣ (часто приходилось слышать пожеланія, чтобы подобныя же собранія устраивались и въ мирное время), страшно безпокоили полицію, которой сильно не нравилось шарахаться ночью по лѣсамъ. Одинъ помощникъ пристава, который долженъ былъ отправиться въ подобную экспедицію, на колѣняхъ со слезами умолялъ полицмейстера уволить его отъ такой прогулки. „У меня, говоритъ, жена, дѣти...“ Былъ посланъ другой, который обладалъ большимъ полицейкимъ мужествомъ.

Демонстрація состоялась въ Сормовѣ 1 мая въ 8 веч. Группа рабочихъ числомъ около 60 чел. во главѣ съ организаторомъ, присланнымъ мѣстнымъ комитетомъ, прошлась нѣсколько разъ по главной улицѣ Сормова съ тремя знаменами, на которыхъ были надписи: „да здравствуетъ свобода, долой самодержавіе, да здравствуетъ 8-часовой рабочій день, да здравствуетъ международная соц.-демократія, да здравствуетъ Рос. С.-Д. Р. П., да здравствуетъ всемірный рабочій праздникъ 1 мая!“. Толпа тысячъ въ десять сплошной массой залила улицу, двигаясь за соціаль-демократами сбоковъ и сзади, но не сливаясь съ ними; присоединялись лишь отдѣльныя лица. Демонстранты разбрасывали прокламаціи, за которыми выбѣгали отдѣльныя лица изъ толпы, хватали ихъ и пускали ихъ по рукамъ. Было разбросано такъ около 2000 экз. Пройдя нѣсколько разъ улицу съ пѣніемъ пѣсни „Дружно, товарищи, въ ногу“, демонстранты послѣ краткой рѣчи руководителя разсѣялись въ толпѣ.

На мѣстѣ арестовъ не было. Конные полицейскіе врѣзались было въ кучку демонстрантовъ. Приставъ кричалъ: „расходитесь по домамъ, кому тутъ дѣлать нечего. Сѣчь будемъ!“ Толпа бросилась бѣжать. Женщины, дѣти закричали, началась суматоха. Одинъ урядникъ ударилъ рабочаго плетью. Тотъ закричалъ: „чего ты дерешься?“ — „Я тебѣ еще не такъ задамъ, с... с...“, ощетинился было урядникъ, повернувъ къ нему лошадь. Въ это время изъ группы демонстрантовъ раздался голосъ: бей ихъ, негодяевъ! Бросившаяся было бѣжать толпа остановилась, на мгновеніе замерла и потомъ съ гикомъ и свистомъ бросилась на конную полицію. Полицейскіе попробовали было выдержать натискъ, но сообразивъ, что для нихъ это можетъ кончиться весьма печально, во весь карьеръ помчались прочь — лишь пыль взвилась столбомъ... Толпа бросилась преслѣдовать ихъ.

Это былъ единственный моментъ, когда толпа слилась съ соц.-демократами. Минуты черезъ три по окончаніи демонстраціи по улицѣ мчались казаки, полиція, жандармы. Минутъ черезъ десять прибылъ батальонъ пѣхоты. Но демонстрантовъ уже не было.

Нельзя отрицать вліянія на успѣхъ демонстраціи массовыхъ арестовъ передъ 1 мая. Въ общемъ, было арестовано около 100 чел. на квартирахъ, на улицахъ, въ лѣсу и т. д. Обысковъ же было безконечное множество. Детальный планъ демонстраціи, заранѣе разработанный, пришлось по причинамъ, о которыхъ мы не находимъ возможнымъ здѣсь говорить, снова переработать почти на самомъ мѣстѣ дѣйствія. Благодаря этому, была потеряна связь между самими обязательными участниками демонстраціи, многіе изъ которыхъ и не приняли въ ней участія. Отмѣна нѣсколькихъ агитаціонныхъ собраній передъ самымъ 1 мая, широкое распространеніе слуховъ о переполненіи Сормова войсками и казаками отозвались неблагопріятно на настроеніи организованныхъ рабочихъ и отчасти послужило причиной необходимости заново переработать планъ демонстраціи. Въ самомъ городѣ демонстраціи не было. Полиція и жандармерія ждали ее и здѣсь. Рыскали вездѣ, арестовывали отдѣльныхъ лицъ изъ рабочихъ и интелл. молодежи, которые пѣли революціонныя пѣсни. Изъ Марьиной рощи (мѣсто праздничныхъ гуляній и чаепитія мирныхъ обывателей), гдѣ, какъ предполагаетъ полиція, часто бываютъ собранія рабочихъ, въ 4 ч. дня 1 мая выгнали рѣшительно всю публику. Какъ сознаются сами исполнители мудраго предписанія (чины полиціи), чувствовали они себя очень гнусно, маршируя лѣсомъ подъ градомъ ругани самоварной публики. Аресты продолжаются и послѣ 1 мая. Тюрьмы переполнены, но жандармы съ грустью сознаются, что никакого существеннаго урона комитету и рабочимъ организаціямъ они не могли нанести. Крамола остается по старому, и по старому имъ нужно хлопотать объ уничтоженіи ея къ возможному пріѣзду сюда, въ Нижній, Николая.

---

*) Между тѣмъ, на другомъ берегу Невы ждали наготовѣ солдаты, чтобы въ случаѣ надобности немедленно двинуться на пароходикахъ на Шлиссельбургскій трактъ.

Тверь. Въ ночь на 18 апрѣля весь городъ, рабочія слободки, фабрики и заводы были засыпаны листками Организаціоннаго Комитета. Полиція съ ногъ сбилась, собирая и конфискуя ихъ. До сихъ поръ, однако, ихъ ходитъ масса по рукамъ, не говоря уже о рабочихъ, но даже среди обывателей. Всю эту недѣлю каждую ночь находятъ нѣкоторое количество листковъ разбросанными и расклеенными: стараются какіе-то неизвѣстные добровольцы. Было подброшено и въ казармы гренадерскаго полка нѣсколько пачекъ листковъ. Хотя много было конфисковано переполошившимся начальствомъ, но какъ намъ достовѣрно извѣстно — среди солдатъ листки циркулировали. Пока ни обысковъ, ни арестовъ нигдѣ не было. Впрочемъ, одинъ „распространитель" едва не попалъ въ полицейскія лапы: ночной сторожъ накрылъ его въ ту минуту, когда онъ наклеивалъ прокламаціи на стѣну тюрьмы. Но задержанный не потерялся, ударилъ его камнемъ и скрылся. Среди обывателей идутъ разговоры о „бунтѣ". — Недавно по совершенно случайному поводу арестованъ журналистъ В. М. Шулятниковъ, проживавшій въ Твери подъ надзоромъ.

Тула. 1 мая было собраніе рабочихъ въ 60 человѣкъ, а 4 мая, въ воскресенье, было собраніе въ 120 человѣкъ съ красными знаменами, рѣчами, пѣснями, которыя заранѣе репетировались. Одушевленіе большое. Полиціи ничего не было извѣстно.

Самара. Еще задолго до 1 мая въ нашей богоспасаемой Самарѣ стали ходить слухи, что въ этотъ день будетъ „бунтъ", демонстрація, еврейскій погромъ. Слухи эти на нѣкоторыхъ нашихъ мирныхъ обывателей (особенно евреевъ) нагнали такой страхъ, что они сочли за лучшее на этотъ день совсѣмъ уѣхать изъ Самары на дачи или даже въ другіе города. А купцы-евреи отправили къ губернатору депутацію съ просьбой защитить ихъ. „Всѣ мѣры приняты, будьте покойны", отвѣтилъ онъ имъ. И, дѣйствительно, — полиція не дремала. Хоть и двухъ недѣль еще не прошло съ набѣга башибузуковъ, повлекшаго за собой арестъ 26 чел., какъ въ ночь съ 29 не 30 вновь было забрано 32 чел. — большей частью не имѣвшихъ никакого отношенія къ „красному призраку". (Всѣ они черезъ пять дней были выпущены. Говорятъ, мѣстное жандармское управленіе просило у Деп. Пол. разрѣшенія продержать этихъ лицъ еще недѣлю, но ему было отказано.) Кромѣ того всѣ участки были переполнены рабочими и босяками. Всего, говорятъ, было забрано 1050 чел. Переодѣтые босяками, шпіоны сновали всюду, сообщая, куда слѣдуетъ, о всѣхъ мало мальски подозрительныхъ „скопленіяхъ народа". Изъ Сызрани были вызваны войска и двѣ роты всю ночь съ 30 апрѣля на 1 мая и весь день 1 мая стояли у памятника Александру II и около тюрьмы. По городу дефилировали артиллерійцы и казаки съ нагайками, которыми они внушительно помахивали... О полиціи и говорить нечего: она была вездѣ на всѣхъ углахъ, въ конкахъ, въ театрѣ. Понятно обывателей такое небывалое оживленіе не мало интриговало и многіе изъ нихъ отправлялись смотрѣть на демонстрацію, но кромѣ демонстраціи полицейскихъ, такъ ничего и не видали... Самарскій Комитетъ 30 апр. и 1 мая распространилъ въ массѣ „предварительныя" и майскія прокламаціи „Искры", а также мѣстный майскій листокъ, въ которомъ, въ виду еще недостаточно окрѣпшихъ силъ самарскихъ рабочихъ, имъ предлагалось обождать съ выступленіемъ на улицу до болѣе благопріятнаго случая, отпраздновавъ на этотъ разъ великій день 1 мая тайными собраніями и забастовкой и кромѣ общихъ требованій росс. рабочихъ „8-час. раб. дня и политической свободы" выставлялись кое-какія частныя требованія — повышеніе расцѣнка, удаленіе нѣкоторыхъ нежелательныхъ мастеровъ и пр. 1 мая забастовали, кромѣ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, заводы Лебедева и Журавлева, жел.-дор. мастерскія и депо. Вышеуказанныя требованія увеличенія расцѣнка и пр. были кое-гдѣ удовлетворены. Все это мало очень, мало по сравненію съ успѣхами другихъ русскихъ рабочихъ, но вспоминая, какъ недавно началась въ Самарѣ соц.-дем. работа, видишь, что нѣкоторые результаты ея уже ощущаются и, вѣроятно, недалеко то время, когда и здѣсь рабочіе выйдутъ на улицу, чтобы отпраздновать вмѣстѣ великій всемірный пролетарскій праздникъ.

Въ другой корреспонденціи сообщается:

Спокойное и ровное теченіе нашей Самарской жизни давно уже нарушилось частыми и неожиданными нашествіями жандармовъ: съ тѣхъ поръ какъ Сам. Ком. Рос. С.-Д. Р. П. заявилъ открыто о своемъ существованіи и цѣлымъ рядомъ прокламацій сталъ чутко отзываться на нужды мѣстнаго рабочаго населенія, жандармы стали энергично рыскать по городу, рѣшивъ сразу искоренить начавшую распространяться „крамолу". Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовали жандармы, чѣмъ больше обысковъ и арестовъ они производили, тѣмъ дѣятельность Комитета становилась, въ свою очередь, все сильнѣе и сильнѣе: въ апрѣлѣ Комитетъ сорганизовалъ стачку булочниковъ, которая окончилась полной побѣдой для послѣднихъ. Забастовало 600 чел. Ясное пониманіе своихъ требованій и полная товарищеская солидарность дали въ результатѣ то, что на четвертый день послѣ забастовки, всѣ выставленныя требованія были удовлетворены: повысили заработную плату, уменьшили рабочій день, обѣщано было хозяевами устроить отдѣльныя спальни для рабочихъ, и значительно улучшить условія жизни подростковъ. Комитетъ выпускалъ прокламацію за прокламаціей, а жандармы все искали и искали... Но вотъ наступилъ канунъ 1 мая, по всему городу стали упорно циркулировать слухи, что 1 мая будетъ не то избіеніе евреевъ, не то бунтъ рабочихъ, который долженъ кончиться убійствами, насиліями и раздѣломъ имущества богатыхъ. Наши самарскіе обыватели привыкли къ тихому, мирному образу жизни, не на шутку испугались и цѣлыми семействами стали покидать Самару: кто спѣшитъ на поѣздъ, кто на пароходъ, а кто въ первоклассную гостиницу Ивановыхъ. Упорнѣе всего носился слухъ о еврейскомъ погромѣ, и среди еврейскаго населенія замѣтно было такое угнетенное настроеніе, какого имъ у насъ еще никогда не переживалось. Передъ всѣми живо и ясно рисовались эти душу раздирающія картины кишиневскаго еврейскаго погрома, эти несчастныя жертвы невѣжественной, озвѣрѣвшей толпы и всякій, кто только могъ, удиралъ отъ этого ужаснаго, рокового, всѣми допустимаго момента еврейскаго избіенія. На лицахъ прохожихъ лежалъ отпечатокъ грусти, волненія и тайнаго страха передъ завтрашнимъ днемъ. Полиція старалась всѣми силами распускать и поддерживать эти слухи: городовые заходили въ еврейскія лавочки и совѣтовали не выходить 1 мая на улицу, такъ какъ вашего брата, молъ, бить будутъ... Чѣмъ же было вызвано такое настроеніе и почему полиція распускаетъ такіе слухи? Причина очень простая: рабочіе хотѣли во что бы то ни стало устроить демонстрацію, и такъ какъ всякая политическая демонстрація вызываетъ сочувствіе со стороны различныхъ общественныхъ слоевъ, то полиція поспѣшила напугать населеніе, чтобы оно или совсѣмъ убралось изъ Симары, или сидѣло дома и не показывалось на улицу. Жандармы работали изо всѣхъ силъ: ими были приняты всевозможныя мѣры: Были вызваны солдаты и казаки съ нагайками и боевыми патронами. Массовые аресты начались еще за нѣсколько дней до 1 мая. Людей хватали безъ всякаго разговора и въ тюрьму попали такія лица, которыя съ революціонной дѣятельностью ничего общаго никогда не имѣли и не имѣютъ. Въ погонѣ за Комитетомъ жандармы дошли до безграничнаго нахальства и безстыдства и заставили говорить о себѣ во всѣхъ слояхъ общества. Дѣло обошлось не безъ курьезовъ. Такъ, напримѣръ, намъ извѣстенъ такой безусловно вѣрный фактъ. Одинъ плотникъ въ красной рубашкѣ возвращается домой обѣдать. — Ты куда, останавливаетъ его городовой, подозрительно разсматривая цвѣтъ его рубашки. — Я обѣдать иду, отвѣчаетъ изумленный рабочій. — А зачѣмъ ты въ красной... Пожалуй-ка въ кутузку... И рабочій очутился въ участкѣ, гдѣ его ждали всѣ прелести заключенья. Такихъ курьезовъ было много. Тюрьмы и всѣ участки были переполнены: Въ тюрьмѣ сидѣло 112 человѣкъ, а по участкамъ число задержанныхъ дошло до 800. Несмотря, однако же, на такія рѣшительныя мѣры, жандармамъ не удалось достичь своей цѣли: комитетъ остался цѣлъ и невредимъ и выпустилъ нѣсколько прокламацій, въ числѣ которыхъ была также и первомайская, которую рабочіе ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ. Въ своей прокламаціи Комитетъ призывалъ рабочихъ отпраздновать этотъ день бросаніемъ работъ и тайными собраніями. Считая организацію еще недостаточно окрѣпшей, Комитетъ счелъ необходимымъ воздержаться отъ демонстраціи, несмотря на то, что боевое настроеніе рабочихъ неудержимо толкало ихъ на улицу. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и на заводѣ Лебедева рабочіе бросили работу и въ то время, когда въ прошломъ году оштрафовали за самовольное празднованіе 1 мая, въ этомъ году не только не было штрафовъ, но не было даже гудка призывающаго рабочихъ на работу. Рабочіе собирались кружками, говорили о своихъ нуждахъ, обсуждали способы борьбы съ нашимъ правительственнымъ гнетомъ и произволомъ. На улицѣ же не было никакого движенія. Казалось, что все 100.000 населеніе вымерало... Напуганные обыватели боялись показываться на улицахъ и провели этотъ день въ страхѣ и волненіи. Только казаки, показывающіеся то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ нарушали эту необыкновенную тишину и своимъ частымъ появленіемъ какъ бы напоминали жителямъ, что въ ихъ лицѣ сосредоточена та сила, которая подавитъ всякій бунтъ. Теперь нашъ городъ принялъ свой обычный видъ: жители успокоились, 6 мая казаки и солдаты были отозваны, изъ тюрьмы освободили 60 чел. и только остальные заключенные продолжаютъ еще чувствовать всѣ послѣдствія жандармскаго произвола.

Харьковъ. Въ день 1 мая съ самаго утра всѣ казенныя винныя лавки не были открыты. Приходилось слышать вопросы: почему это монополька закрыта? Отвѣтъ на это каждый вопрошавшій получалъ точный: рабочіе сегодня бунтуютъ, сегодня первое мая и т. д. Обращали на себя вниманіе возбужденныя лица многочисленныхъ околоточныхъ, ихъ парадная форма и т. д. Общія ожиданія обывателями „событій" — отъ демонстраціи до еврейскихъ погромовъ — омрачались скверной погодой — дождь лилъ цѣлый день. На дѣлѣ обывательскія ожиданія не оправдались — событій никакихъ не было; было зато нѣчто, что запечатлѣло этотъ день въ памяти и дало опредѣленное нравственное удовлетвореніе отъ сознанія, что день перваго мая отмѣченъ нашимъ азіатскимъ правительствомъ какъ день, въ который ему напоминаютъ о его преступленіяхъ, въ который за нихъ сводятъ съ нимъ счеты... Отправился я перваго мая часовъ въ 6 вечера — время, когда рабочіе шабашатъ — въ мѣстность, расположенную вблизи паровозостроительнаго завода и пока прошелъ нѣсколько кварталовъ, повстрѣчалъ до полусотни различныхъ чиновъ полиціи, роту солдатъ въ полномъ походномъ вооруженіи, казачьи патрули. Отъ знакомыхъ узналъ, какъ приготовились полицейскія власти подавить всякую попытку праздновать первое мая. Съ 5 час. утра въ паровозостроительный заводъ [illegible] полиція и разставлена по мѣстамъ; кругомъ завода по дворамъ, въ помѣщеніи неработающаго завода бельгійскаго общества расположились казаки, солдаты. Весь наличный харьковскій гарнизонъ — 2 резервныхъ батальона, Оренбургскій казачій полкъ были мобилизированы (и напоены водкой), и каждый воинъ былъ снабженъ 30 боевыми патронами, а штыки были наточены; всего войска было наготовлено до 2000 чел. Заводская администрація была спокойна — ее выручала не столько вся эта правительственная сила, сколько стихія; особенно послѣдняя радовала. Къ тому же заводъ давно подготовлялся къ празднованію рабочими своего праздника — удалялись изъ рядовъ рабочихъ наиболѣе сознательные, для предупрежденія проноса въ заводъ прокламаціи установили обыски приходящихъ на работу. Этой очисткѣ завода помогъ и бывшій въ серединѣ апрѣля пожаръ, уничтожившій механическую мастерскую и повлекшій разсчетъ 700 чел. рабочихъ, причемъ всѣмъ желавшимъ выдавался безплатный проѣздъ до дому, куда затѣмъ настоятельно и гнали получившихъ билеты. Обыски и аресты рабочихъ за недѣлю до перваго мая поражали всякаго обывателя тѣхъ мѣстъ. Заводъ усилилъ отправку паровозовъ въ Китай, назначая проводниками къ нимъ тѣхъ, кто по мнѣнію администраціи могъ быть зачинщикомъ, вожакомъ. И несмотря на всю такую травлю революціонеры-рабочіе дѣйствовали прекрасно: распространялись листки и прокламаціи какъ Харьковскаго Соц.-Дем. Комитета, такъ и предмайскія и майскія Орган. Комитета. Нѣтъ ни одного — смѣло такъ можно думать — ни одного рабочаго, который бы не зналъ, о чемъ говорятъ эти листки, бороться противъ какихъ враговъ они зовутъ, въ комъ и въ чемъ причина гнетущаго зла... Полиція и войска въ день перваго мая наглядно еще разъ показали, кому они служатъ и противъ кого идутъ... Рабочей демонстраціи не было, была демонстрація полиціи. Но какъ жалко выглядѣли всѣ эти представители власти передъ гордымъ и смѣлымъ смѣхомъ мимоидущихъ рабочихъ, смѣхомъ, заставлявшимъ отворачиваться всѣхъ примѣрныхъ слугъ царя!.. Когда я возвращался обратно въ городъ въ 10 час., то повстрѣчалъ полторы сотни казаковъ, возвращавшихся въ свои казармы изъ другой части города (изъ жел.-дор. мастерскихъ) — они были безмолвно мрачны.

Одесса. 18 апрѣля городъ имѣлъ праздничный видъ. На каждомъ посту стояли: одинъ надзиратель, двое городовыхъ и три или четыре дворника. Около всѣхъ воротъ сидѣли дворники и осматривали каждаго входящаго. На Новомъ Базарѣ въ корпусѣ стояла казацкая сотня на готовѣ. Во всѣхъ участкахъ были на готовѣ казаки. Солдаты съ первыхъ дней Пасхи еще не отдыхали. Никуда ихъ не выпускаютъ. Каждый разъ у нихъ дѣлаютъ обыски. Офицерамъ приказано порѣже уходить изъ дому, и въ крайнемъ случаѣ сказать деньщику, куда уходятъ, чтобы въ случаѣ надобности могли ихъ найти. Тѣхъ, которые служатъ четыре недѣли, просили не отлучаться изъ казармы. Нѣкоторые изъ нихъ обратились къ полковнику съ запросомъ, почему хотятъ лишить ихъ свободнаго времени. Онъ на это отвѣтилъ: „Видите ли, если вы будете на улицѣ, то можете оказаться въ рядахъ бунтовщиковъ, и убитыхъ изъ васъ примутъ за убитыхъ солдатъ." Отсюда видно, какъ готовилась администрація къ празднованію 1 мая (18 апрѣля). Обысковъ и арестовъ почти не было до 18 апрѣля. За то 18 апрѣля полиція работала цѣлый день. Съ ранняго утра во многихъ трактирахъ (нашихъ революціонныхъ клубахъ) появились шпіоны и разсѣлись по столикамъ. Въ 9 час. утра въ нѣсколько трактировъ по Б. Арнаутской явилась полиція. Обыскивали всѣхъ. У многихъ нашли листки. Арестовали больше ста человѣкъ. Многихъ арестовали на улицѣ по указанію шпіоновъ. Въ этотъ самый день, когда полиція такъ безобразничала въ городѣ, издѣвалась и била арестованныхъ въ полицейскихъ застѣнкахъ, въ тюрьмѣ праздновали 18 апрѣля. Изъ всѣхъ оконъ камеръ, гдѣ находятся политическіе, были вывѣшены красныя знамена. Цѣлый день произносились революціонныя рѣчи: о значеніи 1 мая, о программѣ соціаль-демократіи и друг. Слышны были революціонныя пѣсни. Тюремная администрація, смотрѣвшая до сихъ поръ сквозь пальцы на „вольности" политическихъ, какъ то: пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, рѣчи на различныя темы и проч., не могла допустить, чтобы такое преступленіе, какъ празднованіе 1 мая на виду у всѣхъ, осталось безнаказаннымъ. Всѣхъ политическихъ лишили на мѣсяцъ свиданій. Въ городѣ нѣкоторые рабочіе праздновали 18 апрѣля. Въ ночь на 27 апрѣля были обыски и аресты. Арестовали 30 человѣкъ-рабочихъ. 1 мая (руск. стиль) много рабочихъ не работало; на крупныхъ заводахъ не работали болѣе сознательные рабочіе, кто половину дня, кто цѣлый день. Многіе по личной иниціативѣ устраивали маевки. Одно собраніе было арестовано на Пересыпи. Оно указано было самими жителями, которые видѣли, какъ собирались. Теперь явились цѣлыя группы добровольныхъ сыщиковъ, „патріоты еврейскаго народа", которые обвиняютъ соціалистовъ-евреевъ, какъ виновниковъ погромовъ. Близъ этой сходки находятся рѣзницы, около нихъ хлѣбные амбары, гдѣ ютятся еврейскіе маклера. По наущенію полиціи рѣзники и маклера били арестованныхъ. Ихъ били на улицѣ, ихъ били и въ участкѣ; многіе упали въ безчувственномъ состояніи. Ночью ихъ отправили въ тюрьму. Послѣ перваго мая начали освобождать ежедневно по пяти-шести человѣкъ изъ тѣхъ, которые были арестованы три-четыре мѣсяца тому назадъ.

О майской демонстраціи въ Тифлисѣ (27 апр., см. № 40 „Искры") намъ пишутъ: За нѣсколько недѣль передъ 27 апрѣля, администрація, увѣренная въ своихъ успѣхахъ, подавляла движеніе массовыми обысками и арестами. Для нашего полицеймейстера Ковалева подавленіе движенія было дѣломъ „чести" и карьеры: не разъ ужъ ему доставалось за неумѣлыя и несвоевременныя дѣйствія администраціи. Къ майской демонстраціи онъ сталъ готовиться съ 23 февраля (послѣ февральской демонстраціи) — каждое воскресенье всѣ были наготовѣ, скверы и сады цѣлый день заперты, — „по случаю неспокойнаго состоянія", какъ отвѣтилъ одинъ городовой любопытному обывателю. За два-три воскресенья передъ демонстраціей назначались „мирныя" прогулки по Головинскому проспекту, что бѣсило до крайности администрацію, заставляя ее цѣлыми днями быть въ напряженномъ состояніи и не имѣя возможности выместить злобу на виновникахъ тревоги: къ чести демонстрантовъ, — послѣдніе вели себя какъ нельзя лучше, не давая ни малѣйшей возможности придраться.

За нѣсколько дней передъ майской демонстраціей (27 апрѣля) въ городѣ появились „листки"; всего въ эти дни на Тифлисъ пришлось около 40 тыс. экз. Вышли прокламаціи Кавказскаго Союза, мѣстныя, картины: „Пролеларіатъ и самодержавіе", „Солдатская пѣсня". Всѣ прокламаціи выходили на трехъ языкахъ: русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ, а скоро необходимо будетъ писать и на четвертомъ — татарскомъ. Надо помнить, что сознательное движеніе въ Тифлисѣ очень молодо: рабочіе въ первый разъ вышли на улицу въ маѣ мѣсяцѣ 1901 г., 23 февраля 1903 г. второй и 27 апрѣля третій разъ. Сравнительная неудача 23 февраля объяснялась тѣмъ, что администраціи хорошо былъ извѣстенъ планъ демонстраціи, выработанный мѣстной организаціей. На этотъ же разъ удалось сохранить планъ въ тайнѣ до послѣдняго часа. Администрація, увѣренная, что мѣстомъ сборища назначена Эриванская площадь и Солдатскій базаръ, оберегала площадь, не пропуская туда никого и оттѣсняя собравшійся народъ въ обратную сторону по направленію къ Артистическому обществу, какъ бы помогая успѣху демонстраціи. Уже къ 10 час. утра замѣчалось небывалое оживленіе на улицахъ города. Рабочіе въ одиночку и группами стекались къ Головинскому проспекту, — къ мѣсту, назначенному для демонстраціи. Чудный весенній день, оживленныя лица рабочихъ съ цвѣтами въ рукахъ, — все это придавало проспекту небывалый видъ. Гулянье продолжалось около двухъ часовъ, рабочіе постепенно начали стягиваться къ назначенному пункту, противъ Артистическаго общества. Чувствовалось уже какое-то нетерпѣніе, у каждаго въ глазахъ такъ и читалось: „когда же начнется?". Надо замѣтить, что администрація, хотя и увѣренная въ своемъ успѣхѣ, все же не поскупилась какъ можно лучше обезпечить его: на всемъ протяженіи проспекта, во всѣхъ большихъ дворахъ, спрятаны казаки, полиція, войско и дворники. Какъ полагается, всѣхъ „чиновъ" было гораздо больше демонстрантовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что директоръ первой мужской гимназіи, къ стыду своему, позволилъ спрятать во дворѣ гимназіи резервъ дворниковъ.

Около 11½ час. толпа заволновалась, часть отдѣлилась и выбѣжала на средину улицы; съ крикомъ „ура" со всѣхъ сторонъ стекались рабочіе, бросая красные билетики съ напечатаннымъ четверостишіемъ Пушкина: „Самовластительный злодѣй..." Демонстранты тѣсно окружили центральную группу, и въ ту же минуту красное шелковое знамя, обшитое золотомъ, красиво развѣваясь, высоко поднялось среди улицы. Толпа въ 400-500 чел., тѣсно окружая знаменосца, съ восторженными криками двинулась по направленію къ казенному театру и, дойдя до Театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всѣхъ дѣйствіяхъ рабочихъ замѣчалась удивительная сдержанность и организованность, чему, главнымъ образомъ, нужно приписать удачу демонстраціи. Масса гуляющихъ съ любопытствомъ слѣдила за этой картиной, которая, не смотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатлѣніе. „Что же дѣлала полиція, гдѣ она была въ то время?" невольно возникаетъ вопросъ. Администрація во главѣ съ пострадавшимъ „либераломъ" Ковалевымъ была окончательно одурачена. Готовясь къ майской демонстраціи чуть-ли не за два мѣсяца, она не смогла раскрыть плана демонстраціи и, предполагая, что демонстрація будетъ на Эриванской площади, всѣ свои силы сосредоточила въ этомъ мѣстѣ. Когда же началась демонстрація, растерявшіеся городовые начали усиленно свистать, а сами бросились бѣжать въ противоположн. отъ манифестантовъ сторону. Шествіе демонстрантовъ уже спустилось къ Саперной ул., когда подоспѣли казаки и войско, прилетѣлъ разъяренный неудачникъ Ковалевъ со своей свитой — ему только и оставалось вымещать безсильную злобу, и онъ разъѣзжалъ взадъ и впередъ, руководя дѣйствіями полиціи и самъ пуская въ ходъ кулаки. Дико было смотрѣть на человѣка, у котораго на лѣвой сторонѣ мундира университетскій значекъ, а въ правой рукѣ казацкая нагайка, которою онъ очень умѣло расправлялся. Выхваченныхъ изъ толпы били до потери сознанія и отправляли въ участокъ. Арестованныхъ 63 чел., изъ нихъ 30 выпущены, а 33 подвергнуты аресту на три, два и одинъ мѣсяцъ. Избитые дворниками хотятъ начать судебное преслѣдованіе, многіе вызвались быть свидѣтелями; въ числѣ послѣднихъ указываютъ на нѣсколькихъ офицеровъ, но на сколько вѣренъ этотъ слухъ, не могу сказать. Могу подтвердить, что одинъ офицеръ заступился за манифестанта, за что и былъ арестованъ.

Баку 3 мая 1903 г. Кончаю свое сообщеніе о здѣшней демонстраціи 27 апр. (см. въ № 40). До демонстраціи взято свыше 20 человѣкъ, преимущественно рабочихъ; изъ интеллигентовъ взяты: ст. Хунчадзе (рец.), Абрамъ Эйзенбергъ (тоже), Дроздовскій (быв. ссыльный). Какъ видите, это не предупредило демонстраціи. Въ Балаханахъ демонстрація началась въ 7 час. вечера. Когда полиція и казаки бросились отнимать знамя, рабочіе встрѣтили казаковъ (свыше сотни) градомъ камней. Раздался залпъ *безъ всякаго предупрежденія*, послѣ чего толпа разсѣялась. Убитъ наповалъ одинъ рабочій, тяжело ранены пять (лежатъ въ больницѣ). У одного раненаго пуля прошла на-вылетъ черезъ голову, входное отверстіе — въ затылкѣ, выходное — на лбу (значитъ раненый убѣгалъ); изъ раны сочится мозгъ, — больной безнадеженъ, если уже не умеръ. Остальныя раны, — осложненные огнестрѣльные переломы голени и бедръ, и исходъ ранъ сомнителенъ. *Раненые всѣ — туземцы*: 3 армяне, 1 лезгинъ, 1 грузинъ (парикмахерскій подмастерье, не успѣвшій закрыть свою лавочку). Повидимому, самая стрѣльба была тенденціозна, по крайней мѣрѣ, одинъ казакъ проговорился: „стрѣляли въ туземсвоихъ все-таки жалко". Неизвѣстно только, былъ-ли такой приказъ начальства или казаки сами такъ надоумѣли, какъ неизвѣстно, по чьему приказу стрѣляли. Раненыхъ, лечащихся амбулаторно — 12 чел. Ранены также одинъ казакъ и одинъ полицейскій. Озлобленіе рабочихъ — сильнѣйшее, и надо ожидать актовъ мести начальству. Что касается городской демонстраціи (утренней), то подтверждаются слухи объ адскомъ планѣ истребленія демонстрантовъ. Ничѣмъ не мотивированная паника, наступившая послѣ холостыхъ выстрѣловъ взвода городовыхъ, и вызванное ею бѣгство безъ малѣйшей попытки сопротивленія разстроили этотъ планъ. Тяжело раненыхъ въ городѣ нѣтъ; число всѣхъ раненыхъ точно неизвѣстно, но должно быть не меньше 20-25". Вечерняя демонстрація въ городѣ въ 5 ч.: относительно нея точныхъ свѣдѣній до сихъ поръ дать нельзя. Повидимому, толпа разбилась тутъ на нѣсколько частей, которыя одновременно демонстрировали на Телефонной, Станиславской и Б. Морской. На Станиславской произошелъ слѣдующій инцидентъ. Какой-то неизвѣстный субъектъ вдругъ сталъ швырять камни въ окна, послышался звонъ разбитыхъ стеколъ; произошло смятеніе, но сознательные рабочіе опомнились, стали противъ оконъ и заявили, что ни за что не допустятъ дикихъ выходокъ. Тутъ-же выкинуто было красное знамя — и демонстрація приняла стройный характеръ. Говорятъ, установлено, что это былъ дворникъ, а даже — что онъ крикнулъ: „бей жидовъ!" (Я лично не считаю установленнымъ послѣдній фактъ). Перевѣсъ силъ тутъ оказался на сторонѣ демонстрантовъ. Приставъ Гогоберидзе* съ однимъ городовымъ устремился на толпу съ револьверомъ въ рукѣ, но, получивъ ударъ камнемъ въ голову, ретировался. Озлобленная толпа съ криками: „насъ били, такъ теперь мы будемъ бить!" жестоко избила городового и изранила его его-же шашкой (онъ лежитъ въ больницѣ). Демонстрація вызвала во всемъ городѣ небывалое возбужденіе. Во всемъ городѣ только и разговоровъ, что про первое мая. Слухи одинъ другого фантастичнѣе, одинъ другого нелѣпѣе стали циркулировать по городу. Кишиневскія событія окрасили эти слухи специфическимъ цвѣтомъ. Поддерживаемые, повидимому внушеніями изъ полиціи, стали усиленно циркулировать слухи о готовящейся національной рѣзнѣ: евреи ожидали избіенія евреевъ, армяне — армянскаго погрома и т. д. Къ 1 мая стараго стиля былъ выпущенъ на русскомъ и армянскомъ языкахъ второй майскій листокъ Организаціоннаго Комитета (3000). Послѣ демонстраціи сразу выяснилось, что будетъ чуть не всеобщая майская забастовка, публика-же ожидала новой демонстраціи, сопровождаемой національной рѣзней. Послѣдніе слухи, къ счастью, не оправдались, но забастовка вышла грандіозной. Во всемъ городѣ, въ Черномъ и Бѣломъ городкахъ, на Баилловѣ и Биби-Эйбатѣ и въ Балаханахъ подавляющее большинство рабочихъ бастовало; работали только буровыя, гдѣ рабочіе почти исключително — татары.**) Успѣху забастовки много способствовалъ терроръ, овладѣвшій буржуазной публикой. Заводская администрація не оказывала ни малѣйшаго давленія на забастовщиковъ, боясь актовъ разрушенія. Городъ 1 мая имѣлъ необычайный видъ. Полиція и войско наготовѣ; большинство лавокъ и магазиновъ заперто. На улицахъ много рабочихъ въ праздничныхъ одеждахъ, но все удивительно чинно и стройно. Рабочіе праздновали маевку за городомъ. Атмосфера въ городѣ какая-то особенная; даже въ банкахъ, на биржѣ и въ конторахъ не слышно больше словъ: нефть, мазутъ, — ихъ вытѣснили слова: демонстрація, прокламація, Кишиневъ и пр. Всѣ говорятъ, что *такъ* длиться долго не можетъ. „Мы живемъ наканунѣ революціи" — можно услышать теперь изъ устъ буржуа. Оппозиціонно настроенная еще по національнымъ мотивамъ, буржуазія открыто выражается: „зачѣмъ я буду удерживать своихъ дѣтей? Пускай идутъ!".

Майскимъ движеніемъ воспользовались рабочіе отдѣльныхъ заводовъ для выставленія своихъ частныхъ требованій. Бастовали и выиграли стачку рабочіе табачной фабрики Мирзабекянца. Въ общемъ 1 мая не работали почти всѣ квалифицированные рабочіе и часть не квалифицированныхъ.

Юрьевъ. Передъ 1 мая были распространены листки на эстонскомъ яз. Это повлекло за собою обыски и аресты. Извѣстны фамиліи ар. слѣдующія: бр. Рождественскихъ, Серговскаго.

О праздновании 200-лѣтія Петербурга. Тревожное время переживаемъ теперь мы, русскіе... Всюду проникаетъ „крамола", революціонное настроеніе охватываетъ даже самые отдаленные уголки нашей родины и правительству „постоянно приходится быть на сторожѣ", какъ говорилъ самъ Зубатовъ... Что же удивительнаго, что правительство дѣятельно начало „готовиться" къ празднованію 200 лѣтія нашей столицы, тревожно прислушиваясь ко всѣмъ слухамъ... Еще за мѣсяцъ до празднествъ по городу началъ ходить слухъ о готовящемся бунтѣ на Невскомъ, въ которомъ примутъ участіе рабочіе и студенты. Въ послѣдніе дни до празднествъ о „бунтѣ" говорили, какъ о окончательно рѣшенномъ дѣлѣ, указывали, гдѣ бунтъ долженъ начаться и т. д. Многіе чиновники и вообще буржуа передъ 16 мая выѣзжали изъ города, другіе въ этотъ день совершенно не выходили изъ дому. Среди простого народа ходили еще болѣе „ужасные" слухи: напр. утверждали, что Петербургскую сторону „взорвутъ съ четырехъ сторонъ", ту же участь предпредсказывали и новому Троицкому мосту... Болѣе мирная часть говорила, что будутъ бить только богатыхъ и полицію... Наконецъ, извѣстная часть публики (дворники, швейцары и т. п.) утверждала, что будутъ бить „жидовъ". Этотъ слухъ усердно поддерживала полиція. Извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что полиція разослала нѣкоторымъ евреямъ-купцамъ гектографированныя „извѣщенія" съ предупрежденіемъ о готовящемся погромѣ. Словомъ, весь Петербургъ ожидалъ нѣчто „ужасное"... Правительство тоже усердно начало „готовиться". Во первыхъ, Департаментъ Полиціи обратился къ фабрикантамъ и заводчикамъ съ приказаніемъ удержать рабочихъ отъ празднествъ и въ крайнемъ случаѣ назначить тройную плату. Считаю весьма интереснымъ отмѣтить слѣдующій фактъ: на тѣхъ заводахъ и фабрикахъ, гдѣ администрація вывѣшивала объявленіе, что 16 и 17 мая на заводѣ будутъ идти работы обычнымъ порядкомъ и пропустившіе эти дни будутъ оштрафованы — тамъ всѣ рабочіе настояли на празднованіи 16 мая. Наоборотъ, тамъ, гдѣ администрація сама предлагала праздновать — рабочіе отказывались отъ празднествъ (напр., патронный заводъ Сименса и Гальске. — Если мы сами захотѣли бы праздновать, тогда и праздновали бы, а такъ не хотимъ, отвѣчали рабочіе одного завода мастерамъ). Говорить о „военныхъ" подготовленіяхъ правительства, я думаю, дѣло излишнее: они стали столь обычнымъ явленіемъ у насъ на Руси!.. Таково было настроеніе города передъ 16 мая, первымъ днемъ празднествъ. (Я позабылъ сказать, что въ ночь на 16-ое въ городѣ были массовые обыски и значительные аресты, что еще болѣе встревожило обывателей). Но вотъ наконецъ наступилъ столь ожидаемый день... Улицы очень мало украшены, кое-гдѣ красуются юбилейные флаги, исключеніе составляетъ Невскій — мѣсто „бунта"... Читая газеты можно подумать, что въ городѣ творилось „великое торжество", что его императорское величество встрѣчали „восторженнымъ ура" и пр. и пр. Къ счастью, ничего подобнаго не было: только вечеромъ по Невскому гуляла толпа, жаждавшая поглазѣть на иллюминацію, которая... была отмѣнена. Затѣмъ самого царя встрѣчали „восторженнымъ ура" лишь дворники да шпіоны, которыхъ въ настоящее время насчитываютъ до нѣсколькихъ тысячъ... Я лично присутствовалъ при проѣздѣ Николая изъ Исаакіевскаго собора и буквально кричали „ура" лишь отдѣльныя „личности", о принадлежности которыхъ къ охранному отдѣленію не трудно догадаться хотя бы по физіономіямъ. Вообще участіе въ праздникѣ принимало лишь само правительство со всей сворой полицейскихъ чиновниковъ...

На слѣдующій день, т. е. 17 мая всѣ украшенія и пр. были сняты, а празднества отмѣнены.

---

*) Особеннымъ звѣрствомъ отличился тутъ приставъ Шамшіевъ.

**) Впервые выпущена была майская прокламація на татарскомъ языкѣ, къ сожалѣнію лишь въ 100 экз.

С.-Петербургъ. Недавно здѣсь разнесся слухъ о покушеніи на Николая, при чемъ передавали, что покушался какой-то студентъ-медикъ. Въ дѣйствительности произошла слѣдующая исторія. На одной изъ пересѣкающей Фонтанку улицъ ожидался проѣздъ Николая. Въ это время проходилъ какой-то рабочій, держа въ рукѣ два свертка. Шпіоны почему-то обратили на него вниманіе и начали слѣдить. Рабочій-же этотъ направился въ поблизости находящійся трактиръ, гдѣ встрѣтился съ какимъ-то пріятелемъ и передалъ ему одинъ изъ своихъ свертковъ, что вызвало еще большее подозрѣніе со стороны шпіоновъ. Выйдя изъ трактира, рабочій направился по той-же улицѣ и случайно вынимая платокъ изъ кармана, выронилъ оттуда находившійся при нёмъ револьверъ. Конечно, его немедленно арестовали и черезъ нѣсколько часовъ отправили на допросъ. Рабочій этотъ показалъ, что находившійся при немъ револьверъ онъ взялъ исключительно лишь въ виду того, что живетъ на окраинѣ города, а возвращаться туда ему придется поздно вечеромъ, что несовсѣмъ безопасно. Были наведены справки, рабочій оказался вполнѣ благонадежнымъ и вскорѣ былъ освобожденъ.

О поѣздкѣ шефа жандармовъ въ Томскъ и Иркутскъ изъ достовѣрнаго источника передаютъ слѣдующее. Послѣ демонстраціи, бывшей въ Томскѣ и вообще въ Сибири фонъ-Валь рѣшилъ лично отправиться въ Сибирь для искорененія крамолы. По пріѣздѣ въ Томскъ онъ узнаетъ, что центръ крамолы находится въ Иркутскѣ, и тамъ-то процвѣтаетъ „центральная" тайная типографія. Немедленно скачетъ туда подстрѣленный шефъ жандармовъ и къ ужасу своему узнаетъ, что къ крамолѣ причастны даже „лица, состоящія на государственной службѣ". Узнаетъ... Вы думаете отъ полицейскихъ чиновниковъ? О, нѣтъ, онъ получаетъ свѣдѣнія изъ первоисточниковъ, чуть-ли не отъ самихъ крамольниковъ... Дѣло въ томъ, что въ Иркутскѣ существуетъ какой-то драматическій кружокъ, среди членовъ котораго существуетъ вражда. Когда пріѣхалъ фонъ-Валь одна особа изъ числа членовъ этого кружка, сильно враждовавшая съ инженеромъ Оглоблинымъ, начальникомъ какой-то желѣзнодорожной вѣтви, встрѣтившись съ фонъ-Валемъ, собиравшимъ непосредственно въ „обществѣ" свѣдѣнія о крамольникахъ, указала на Оглоблина, какъ на одного чуть-ли не изъ вожаковъ. Шефъ немедленно обратился за справками и оказалось, что большая часть служащихъ у Оглоблина политическіе... Сомнѣнія въ неблагонадежности уже не могло быть, и фонъ-Валь стремглавъ летитъ въ Петербургъ съ докладомъ къ фонъ-Плеве: крамола найдена. Однако даже Плеве усомнился и посовѣтовалъ фонъ-Валю лично обратиться къ Николаю, а послѣдній, какъ и подобаетъ самодержцу, немедленно приказалъ уничтожить крамолу. Оглоблину немедленно телеграфировали явиться въ Петербургъ и попросили подать въ отставку. Между тѣмъ Оглоблинъ, узнавъ о причинѣ такой немилости, отправился къ Хилкову и доказалъ, что всѣ политическіе служащіе, находящіеся на его вѣткѣ, приняты по рекомендаціи самаго Пантелѣева (ген. губ.), что послѣдній не замедлилъ подтвердить. Теперь Оглоблинъ снова водворенъ на старое мѣсто, а фонъ-Валь помчался въ Сормовъ, гдѣ 1 мая была демонстрація. Желаемъ ему такого-же успѣха!

Петербургъ. 18 мая въ Предварилкѣ объявлена голодовка. Выставлены слѣдующія требованія: 1. ускореніе слѣдствія, 2. улучшеніе пищи, 3. освобожденіе четырехъ товарищей изъ карцера и 4. уничтоженія карцера, какъ наказанія. Поводомъ къ послѣднему требованію послужило избіеніе до смерти одного уголовнаго, сидѣвшаго въ карцерѣ. Начало голодовку мужское отдѣленіе (болѣе 100 человѣкъ), на слѣдующій день присоединилось и женское. Когда же стало извѣстно объ убійствѣ уголовнаго, то буквально *вся* тюрьма присоединилась къ протесту. Въ понедѣльникъ (второй день голодовки) заключенные потребовали прокурора, но тюремщики отказались извѣстить его. Тогда произошелъ „настоящій" бунтъ: выбивали стекла въ окнахъ, выбрасывали вещи, кричали и пр. Немедленно была вызвана конвойная команда и почти около каждой камеры стоялъ часовой. Вскорѣ появился прокуроръ, а вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ „по приказанію Николая" великій князь Владиміръ Александровичъ. Весь этотъ день въ Предварилку никого не впускали, и какое значеніе имѣло это „высочайшее посѣщеніе", пока неизвѣстно, но сегодня голодовка продолжается. По городу распространены листки по поводу голодовки.

„Единеніе царя съ рабочими". Соціальдемократическая организація „Трудъ" въ Москвѣ сообщаетъ о томъ, какъ царь на Пасху принималъ „депутацію рабочихъ" (зубатовцевъ).

„Нами получено слѣдующее сообщеніе отъ одного изъ депутатовъ зубатовской организаціи къ царю. Вотъ приблизительно его разсказъ, за достовѣрность котораго мы ручаемся:

Въ депутаты къ царю большинство изъ насъ избрано по рекомендаціи Охраннаго Отдѣленія. Передъ представленіемъ насъ нѣсколько разъ возили въ Охранку, допрашивали, снимали, дали списокъ словъ, которыя мы должны были сказать. Если мы скажемъ хоть одно лишнее слово, то намъ грозили Сибирью, каторжными работами, Петропавловкой и т. д. Передъ тѣмъ, какъ идти къ царю, мы были собраны въ Охранное Отдѣленіе, куда пріѣхалъ Треповъ и повелъ насъ во дворецъ. Мы сказали все, что намъ велѣли, царь спросилъ Слѣпова, какъ его фамилія, онъ сказалъ — Слѣповъ. Царь его спросилъ, не онъ ли пишетъ статьи, говорилъ, что онѣ очень хороши, и благодарилъ. Послѣ этого насъ представили Плеве. Плеве взглянулъ на насъ, какъ на мальчишекъ и ни слова не сказалъ. Губернаторъ приглашалъ насъ къ себѣ завтракать, но мы не поѣхали, а поѣхали съ Богдановичемъ въ Славянскій Базаръ. Богдановичъ угостилъ насъ, а затѣмъ сказалъ, что даетъ намъ всѣмъ по 5 руб., при чемъ оказалось, что нѣкоторые не получили. Теперь мы изъ-за этого переругались. Затѣмъ были съ визитомъ у губернатора и провожали на вокзалъ Богдановича. Когда стали открывать у кареты дверь, онъ испугался и выскочилъ въ другую".

Москва. Царь среди своихъ „вѣрноподданныхъ". Для охраны царя во время его пребыванія въ Москвѣ были согнаны сюда сыщики изъ С.-Петербурга, Кіева, Варшавы и др мѣстъ. Сыщики же составляли банды для встрѣчи царя криками „ура!". Въ свободное отъ службы время городовые въ рваной босяцкой одеждѣ сновали среди толпы для той же цѣли. Солдаты и казаки были наготовѣ и прятались во дворѣ генералъ-губернатора, въ Охотномъ ряду, во дворѣ губернскаго правленія (близъ Иверской) и др. мѣстахъ.

Всѣ, безъ исключенія, чиновники охраннаго отдѣленія получили послѣ того награду, городовые — мѣсячный окладъ жалованья. Телеграфъ работалъ безпрерывно, сообщая то изъ одного, то изъ другого города о выѣздѣ въ Москву какого-либо „подозрительнаго" лица. По пріѣздѣ въ Москву таковое арестовывалось. Сыщики спали по два часа въ сутки.

Политическій процессъ. Обвинительный актъ о крестьянинѣ деревни Лѣтошникъ Рогнѣдинской волости Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи Климѣ Сампсоновѣ Фроловѣ, 21 года, обвиняемомъ въ государственномъ преступленіи.

Въ ночь на 14 и 15 мая 1902 года, въ городѣ Екатеринославѣ и въ прилегающемъ къ нему поселкѣ Нижнеднѣпровскъ-Амуръ, по преимуществу въ мѣстахъ, гдѣ проживали заводскіе рабочіе, неизвѣстными злоумышленниками были разбросаны въ значительномъ количествѣ по улицамъ, въ палисадникахъ и во дворахъ печатные листки съ воззваніями отъ имени „Екатеринославскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи" подъ заглавіемъ: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава". На обратной сторонѣ этихъ листковъ, въ дополненіе къ воззваніямъ, отъ имени того же комитета и за его красной мастичной печатью, были отпечатаны, подъ заглавіемъ: „По поводу полученныхъ нами свѣдѣній о сѣченіи демонстрантовъ", два столбца текста, въ которыхъ частью въ совершенно ложномъ видѣ изложены дѣйствія административныхъ властей, предпринятыя для предупрежденія и прекращенія бывшихъ волненій и безпорядковъ.

Въ воззваніи и въ объяснительномъ дополненіи къ нему между прочимъ, объявляется, что, не смотря на предпринятыя полиціей предупредительныя мѣры, политическая демонстрація, устроенная въ честь рабочаго праздника 1 мая, состоялась въ Екатеринославѣ 5 мая въ 6 часовъ вечера на проспектѣ противъ театра и около тюрьмы и была отвѣтомъ рабочихъ на аресты, сѣченье крестьянъ и прочія „безобразія правительства"; что они, соціальдемократы, смѣются надъ тупой и безсильной злобой самодержавнаго правительства" и „твердо вѣрятъ, что красное знамя пролетаріата и демонстраціи скоро зажгутъ великій пожаръ, который сотретъ съ лица земли самовольно распоряжающееся русскимъ народомъ правительство", послѣ чего „надъ родиной возсіяетъ святая свобода". „Въ борьбѣ съ революціей тираны нашей родины ухватились за старое, испытанное средство: за розгу". „Царь главный заправила всѣхъ этихъ сѣченій, главный тиранъ, угнетающій русскій народъ". „Царское правительство окончательно забыло всякую честь и совѣсть", не останавливается ни передъ какой жестокостью и подлостью, чтобы задавить народъ и уничтожить борцовъ за свободу". „Самодержавное правительство напрягло свои силы для борьбы съ революціей, но и революція должна напречь всѣ свои силы". „Пусть всѣ поймутъ и глубоко почувствуютъ, что господство кнута и розги поддерживается только самодержавнымъ царскимъ правительствомъ и что русскій народъ только въ безпощадной борьбѣ съ нимъ обрѣтетъ себѣ права свободнаго человѣка".

Всѣхъ такихъ воззваній, разбросанныхъ въ ночь на 14 и 15 мая, было собрано полиціей въ предѣлахъ Днѣпровской, Троицкой, Брянской и Соборной полицейскихъ частей г. Екатеринослава и въ пос. Амуръ-Нижнеднѣпровскъ 294 экземпляра. Лица, разбросавшія эти воззванія, дознаніемъ не были обнаружены, но въ 5 часовъ утра 15 того же мая въ помѣщеніи Брянскаго завода г. Екатеринослава былъ задержанъ въ моментъ разбрасыванія такихъ же точно воззваній служившій на заводѣ смазчикомъ крестьянинъ Климъ Сампсоновъ Фроловъ.

При производствѣ формальнаго дознанія выяснилось, что Фроловъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

По показанію свидѣтелей: городового Вацлава Богдановича, десятскихъ доменнаго цеха Евсѣя Зайцева и Егора Воейкова и вѣсовщика того же цеха Спиридона Володина, всѣ они около 5 часовъ утра 15 мая, въ ожиданіи смѣны на заводѣ рабочихъ, которая должна была послѣдовать въ 5 час. утра, находились въ помѣщеніи доменнаго цеха Брянскаго завода, причемъ первый свидѣтель стоялъ въ самомъ помѣщеніи цеха, а послѣдніе трое сидѣли въ будкѣ № 1. Зайцевъ, сидя подлѣ окошка, первый увидѣлъ, какъ неизвѣстный ему рабочій вошелъ въ помѣщеніе цеха и, крадучись, сталъ пробираться къ отдѣленію, гдѣ шла работа ночной смѣны рабочихъ, и, дойдя, такимъ образомъ, къ подъемной машинѣ, вынулъ изъ-подъ мышки нѣсколько сложенныхъ бумажекъ и бросилъ ихъ вверхъ; это видѣлъ и Богдановичъ. Подозрѣвая, что неизвѣстный бросилъ воззванія, Зайцевъ и Богдановичъ бросились преслѣдовать этого рабочаго, а за ними вслѣдъ побѣжали Володинъ и Воейковъ; послѣдній успѣлъ подобрать разбросанныя бумажки, оказавшіяся сложенными вчетверо печатными воззваніями, такими же точно, какъ и описанныя выше воззванія. Преслѣдуя неизвѣстнаго рабочаго, свидѣтели загнали его въ уголъ стѣны, вышиною болѣе двухъ саженъ, откуда выхода не было; но неизвѣстный взобрался на стѣну и, вооружившись камнемъ, приготовился бросить имъ въ свидѣтелей. Чтобы предупредить это намѣреніе, Володинъ схватилъ кусокъ шлаку и бросилъ въ него, послѣ чего неизвѣстный свалился со стѣны и упалъ на рельсы проходящаго внизу пути. Когда подбѣжали къ нему, то оказалось, что при паденіи онъ сломалъ ногу и не могъ безъ посторонней помощи подняться. Около него лежали разлетѣвшіяся воззванія, кромѣ того неизвѣстный вынулъ изъ кармановъ пиджака еще пачку въ нѣсколько десятковъ штукъ такихъ же воззваній. Этотъ рабочій оказался служащимъ на Брянскомъ заводѣ смазчикомъ, крестьяниномъ Климомъ Сампсоновымъ Фроловымъ. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго въ разбрасываніи въ помѣщеніи доменнаго цеха Брянскаго рельсопрокатнаго завода преступныхъ воззваній для распространенія ихъ среди рабочихъ, съ цѣлью возбудить послѣднихъ къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, крестьянинъ Климъ Фроловъ призналъ себя въ томъ виновнымъ и объяснилъ, что вечеромъ 14 мая, когда онъ стоялъ на улицѣ пригороднаго селенія Новые Кайдаки около своей квартиры, къ нему подошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ и обратился съ просьбой разбросать утромъ 15 мая въ доменномъ цехѣ завода пачку прокламацій, обѣщая уплатить за трудъ 2 рубля. Согласившись исполнить эту просьбу, Фроловъ получилъ отъ неизвѣстнаго пачку прокламацій, сложенныхъ вчетверо, и 2 рубля. Хотя съ неизвѣстнымъ онъ разговаривалъ около 20 минутъ, но не спросилъ, кто онъ такой и какъ его зовутъ. Дома Фроловъ развязалъ пачку и пересчиталъ прокламаціи: ихъ оказалось 100 штукъ. На слѣдующій день рано утромъ, за часъ до прибытія смѣны рабочихъ, онъ явился въ доменный цехъ завода и сталъ разбрасывать прокламаціи, но былъ замѣченъ служащими на заводѣ, которые погнались за нимъ, чтобы задержать, но Фроловъ, убѣгая, упалъ со стѣны и при паденіи сломалъ себѣ ногу.

Къ дознаніямъ политическаго характера Фроловъ ранѣе сего не привлекался и содержался по сему дѣлу подъ стражей съ 15 мая по 23 августа 1902 года.

На основаніи изложеннаго, крестьянинъ деревни Лѣтошникъ Рогнѣдинской волости Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи, Климъ Сампсоновъ Фроловъ, 21 года, обвиняется въ томъ, что для того, чтобы распространить въ г. Екатеринославѣ среди рабочихъ Брянскаго рельсопрокатнаго завода сто экземпляровъ воззваній, въ коихъ не только дерзостно порицался установленный государственными законами самодержавный образъ правленія, но и выражалось явное возбужденіе къ неповиновенію власти верховной и къ возстанію противъ нея, онъ, завѣдомо, около 5 час. утра 15 мая 1902 года явился въ доменный цехъ названнаго завода съ пачкой объясненныхъ воззваній, но успѣлъ разбросать тамъ около подъемной машины такихъ воззваній только нѣсколько штукъ, потому что былъ замѣченъ и задержанъ.

Преступленіе это предусмотрѣно 1 и 2 пп. 251 и 1 и 2 пп. 252 ст. Улож. Наказ. А потому и на основаніи 2 ч. 1030 ст. Устава Уголовн. Судопроизв. обвиняемый Климъ Фроловъ предается суду Харьковской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ въ г. Харьковѣ, марта 14 дня 1903 года. Прокуроръ Харьковской Судебной Палаты Хрулевъ. — Вѣрно. Секретарь Четвериковъ.

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію: обвиняемый 1. крест. Климъ Сампсоновъ Фроловъ; свидѣтели: 1. казакъ Аристархъ Георгіевъ Сѣрковъ, 2. крест. Семенъ Васильевъ Сулима, 3. пот. поч. гражд. Василій Андреевъ Яновскій, 4. кол. секр. Леонидъ Густавовичъ Осташевскій, 5. запасн. рядовой Илья Павловъ Ульяновъ, 6. Варѳоломѣй Алексѣевъ Зарубенко, 7. отст. унт.-офицеръ Емельянъ Яковлевъ Дреня, 8. городовой Вацлавъ Купріановъ Богдановичъ, 9. крест. Евсей Петровъ Зайцевъ, 10. крест. Спиридонъ Ананьевъ Володинъ, 11. Егоръ Федоровъ Воейковъ.

* * *

Повидимому, новая тактика правительства имѣетъ цѣлью терроризировать *рядовыхъ* революціонной арміи, чтобы затруднить для партіи дѣло организаціи рабочихъ массъ и агитаціи среди нихъ. Демонстранты и разбрасыватели прокламацій привлекаются на скамью подсудимыхъ и караются „по всей строгости" драконовскихъ законовъ въ то время, какъ организаторы движенія по прежнему подвергаются административной ссылкѣ. Разумѣется, новые разсчеты правительства потерпятъ такое же фіаско, какъ и всѣ предыдущіе. „Героическій" духъ до такой степени овладѣлъ уже широкими кругами народа, что никакіе жестокіе приговоры не лишатъ насъ, соціальдемократію, всей той массы „пособниковъ, покрывателей и попустителей", безъ которой мы не могли бы развивать широкую и планомѣрную агитацію.

Позорный финалъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу о Нижегородской демонстраціи 1 мая 1902 г., столяръ Михайловъ (авторъ одной изъ опубликованныхъ рѣчей) получилъ въ с. Ирбеѣ Енисейской губ., гдѣ находился въ ссылкѣ, полное помилованіе и возвращеніе всѣхъ отнятыхъ приговоромъ правъ. Помилованіе является результатомъ покаяннаго прошенія, поданнаго Михайловымъ еще въ пересыльной тюрьмѣ. Вполнѣ понятно возмущеніе, вызванное поступкомъ Михайлова среди его бывшихъ товарищей. 23-го же апрѣля на улицѣ с. Ирбей Михайловъ получилъ пощечину отъ сосланной по тому же дѣлу Синевой въ присутствіи всѣхъ политическихъ и мѣстныхъ крестьянъ. Какъ намъ пишутъ, въ селѣ сильное возбужденіе: большинство крестьянъ раздѣляетъ негодованіе политическихъ.

Черный кабинетъ Московскаго почтамта помѣщается во второмъ этажѣ. *Всѣ* поступающія въ почтамтъ письма поднимаются подъемной машиной и поступаютъ въ распоряженіе чиновниковъ черного кабинета. Одинъ изъ нихъ отбираетъ письма съ *подозрительными фамиліями*, другіе — письма съ *подозрительными почерками*, третьи раскладываютъ остальныя письма небольшими кучками и выдергиваютъ на удачу по нѣсколько писемъ изъ каждой. *Всѣ отобранныя такимъ образомъ письма просматриваются.*

Саратовъ, мартъ. Въ послѣднее время въ городѣ и губерніи крупныхъ полицейскихъ погромовъ не было. Но за то изо дня въ день возникаютъ мелкія, несвязанныя другъ съ другомъ дѣла. Происходятъ отдѣльные аресты и обыски. Усиленные штаты жандармеріи и полиція въ городѣ и губерніи „работаютъ" во всю.

Манифестъ 26 февраля въ Саратовѣ, какъ вѣроятно по всей Россіи, оцѣненъ по достоинству и въ широкихъ слояхъ публики вызвалъ только смѣхъ и негодованіе. Попытка г. Плеве повторить іудушкину политику своего учителя Толстого, политику лжи, вѣроломства и одурачиванія народныхъ массъ, — въ настоящее время не можетъ удасться. Исторія и въ этомъ отношеніи не повторится. Послѣдній манифестъ — это крикъ Іудушки, уже чувствующаго, что сила и власть уходятъ отъ него. Даже администраціей манифестъ былъ встрѣченъ насмѣшками и недумѣніемъ. Разсказываютъ, что и. об. губернатора г. Азанчевскій въ день полученія манифеста на просьбу одного земскаго дѣятеля объяснить ему нѣкоторыя мѣста манифеста сталъ увѣрять, что телеграфъ сильно исказилъ и перепуталъ текстъ, — „не могли же написать тамъ такую безсмыслицу" — утверждалъ г. Азанчевскій. Среди крестьянъ манифестъ породилъ массу толковъ, и въ иныхъ селеніяхъ крестьяне ухитрились истолковать его въ смыслѣ черного передѣла.

Число аграрныхъ преступленій въ губерніи сильно растетъ, практикуются постоянно поджоги, при чемъ крестьяне стали прибѣгать къ усовершенствованнымъ пріемамъ для поджоговъ, — подкладываютъ къ строеніямъ медленно горящіе фитили съ порохомъ, начиняютъ имъ полѣнья и пр. Въ уѣздныхъ тюрьмахъ Вольска, Аткарска и Сердобска сидятъ крестьяне, арестованные за аграрныя преступленія. Ихъ рѣшено судить, какъ простыхъ поджигателей, окружнымъ судомъ при закрытыхъ дверяхъ. Въ г. Петровскѣ въ скоромъ времени предстоитъ процессъ восьми крестьянъ, обвиняемыхъ въ поджогахъ и др. аграрныхъ преступленіяхъ, направленныхъ противъ помѣщика Ермолаева. Судебнымъ слѣдователямъ по такимъ дѣламъ предписано не пріобщать къ слѣдствію прокламацій, мѣстныхъ нелегальныхъ листковъ, которые обыкновенно распространяются при этомъ среди крестьянъ. Во многихъ селеніяхъ Сердобскаго, Петровскаго и Саратовскаго уѣздовъ крестьяне въ настоящее время испытываютъ сильную нужду, цынга и тифъ свирѣпствуютъ въ деревняхъ, но газетамъ говорить объ этомъ, конечно, запрещено.

Крайне упрощенные пріемы административнаго воздѣйствія дошли до того, что здѣсь стала практиковаться административная высылка, какъ средство для сведенія личныхъ счетовъ. Такъ изъ г. Балашова высылаютъ частнаго повѣреннаго А. П. Феологова, человѣка уже пожилого и совсѣмъ не причастнаго къ крамолѣ, только за то, что онъ не поладилъ съ земскими начальниками. Тѣ произвели надлежащее давленіе на и. об. губернатора Азанчевскаго, который распорядился — выдворить Феологова изъ Саратовской губерніи, — за то будто-бы, что у него было какое-то собраніе. Можете себѣ представить, что будетъ у насъ твориться, когда наконецъ по желанію манифеста окончательно водворится сильная власть и начнутъ процвѣтать нравственныя начала подъ сѣнью самодержавія.

Мѣстный соц.-демократическій комитетъ продолжаетъ отзываться на общественныя событія прокламаціями. Такъ, имъ въ послѣднее время выпущены въ 1000 экземп. прокламаціи по поводу 19 февраля, по поводу манифеста и „Шестой разстрѣлъ рабочихъ" о Златоустовской бойнѣ. Жаль, что Комитетъ въ своихъ воззваніяхъ по временамъ не пользуется болѣе мелкими событіями и интересами мѣстной жизни, которые удобны для агитаціи среди рабочихъ. Такъ, напримѣръ, необходимо обратить вниманіе на печальное положеніе желѣзнодорожныхъ рабочихъ которые, кстати сказать, представляютъ здѣсь единственно сплоченную массу въ 4000 человѣкъ. Нужно также использовать въ цѣляхъ агитаціи безобразное обращеніе жандармовъ съ рабочими. Когда арестуютъ въ Саратовѣ рабочихъ, то обыкновенно ихъ сажаютъ не въ тюрьму, а въ полицейскія части и тамъ морятъ голодомъ, выдавая по 6 коп. кормовыхъ, лишаютъ свиданій и обращаются очень грубо. Всѣ эти мѣры употребляются жандармами съ цѣлью получить нужныя имъ свѣдѣнія отъ людей, обезсиленныхъ голодомъ и лишенныхъ товарищеской поддержки. Иногда жандармы арестуютъ рабочихъ по самымъ незначительнымъ дѣламъ и держатъ въ частяхъ по цѣлому мѣсяцу. Напримѣръ, 19 февраля въ народной аудиторіи арестовали раб. Першина, Затонскаго и еще четырехъ только за то, что они побили шпіона, слишкомъ грубо объяснявшагося съ однимъ изъ распорядителей аудиторіи. Арестованныхъ продержали болѣе мѣсяца въ части и только недавно трехъ изъ нихъ перевели въ тюрьму. Крайне необходимо и желательно, чтобы Организаціонный Комитетъ наконецъ объединилъ и организовалъ многочисленныя группы соціальдемократической партіи и взялъ на себя общее руководство дѣлами, изданіе и снабженіе мѣстныхъ комитетовъ литературой и прокламаціями по вопросамъ и событіямъ, имѣющимъ значеніе для всей Россіи: тогда мѣстная пропаганда и агитаціонная работа пошла-бы значительно успѣшнѣе.

Ростовъ н. Д. 10 мая 1903 г. (Частное.) Въ теченіе марта, апрѣля и начала мая Ростовъ подвергся значительной чисткѣ „неблагонадежныхъ элементовъ". Уступая свое мѣсто вновь прибывшему жандарму Карпову (прибылъ изъ Харькова), Артемьевъ вмѣстѣ съ нимъ и сыщикомъ Верещагинымъ (нач. охранки), получившимъ строгій наказъ отыскать ненавистную типографію Д. К., произвели массовые аресты и обыски. Обыскивали буржуевъ, пролетаріевъ, интеллигенцію, молодыхъ, стариковъ и дѣтишекъ. Арестовъ масса. Брали, какъ водится, по малѣйшему подозрѣнію, нахватали и дѣтишекъ. Ниже мы сообщаемъ часть фамилій арестованныхъ, о которыхъ возможно было получить свѣдѣнія изъ тюремъ. Арестованными наполнили тюрьмы: Ростовскую, Таганрогскую, Новочеркасскую, Каменскую, Нижне-Чирскую, Хоперскую и Усть-Медвѣдицкую. На помощь комитету въ его революціонной дѣятельности правительство назначило въ Ростовъ окружнымъ начальникомъ и начальникомъ мѣстнаго гарнизона, который пополнился батальономъ Өеодос. полка, — ген.-майора Абрамова. Его кипучая дѣятельность передъ первымъ мая, военныя приготовленія, словно передъ атакой города непріятелемъ, его рѣчи за Темерникомъ въ рабочихъ кварталахъ, на берегу Дона къ береговымъ рабочимъ, а также къ гуляющей публикѣ въ день перваго мая съ демонстрированіемъ нагаекъ — являются прекраснымъ дополненіемъ къ прокламаціямъ комитета, кстати, появлявшимся въ небываломъ количествѣ. Абрамовъ характерный представитель нашего самодержавія. Какъ и оно, онъ не смотритъ дальше своего носа. Его цѣль *въ данный моментъ* сохранить престижъ власти, *въ данный моментъ* поддержать „порядокъ". Какимъ способомъ и какими средствами это дѣлается, надъ такими вопросами онъ не задумывается. Нагоняя страхъ на обывателя *въ данный моментъ*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вскрываетъ и показываетъ сущность той почвы, на которой зиждятся „коренныя основы нашей государственной жизни". Раньше эти основы познавались изъ прокламацій и нелегальныхъ книжекъ, теперь онѣ познаются изъ жизни и доступны, поэтому, большей аудиторіи.

Въ теченіе марта и апрѣля арестованы: Чернышенко, Сабининъ, Миндлинъ, Столкарцъ, Бороховъ, Гриненко, Давидовъ, Я. Браиловскій, Васильевъ, А. Браиловскій, Ботвинниковъ, П. Швейцеръ (реалистъ), Ляховъ, М. Швейцеръ, Клестовъ (литераторъ), Подлетовъ, Итинъ, Синицынъ, Зашкинъ, Сенинъ, Федотовскій, Абратовъ, Борисенко, Локерманъ (братъ и сестра, оба выпущены), Скрынниковъ (сотр. мѣст. газ.), Плесковъ (средне-техн.), Н. Альбовъ, Колосковъ, Станчинскій, Лихтеръ, Полтава, Охнянскій вып., Анна Логачева, Марковская, Сущенко вып., Марія Нагель, Ивановъ, Клещевъ, вып., Кацманъ (гимназистка, выпущена), Величко, Кравченко, Позняковъ, Емельяновъ вып., Скоробогатовъ, Рейзманъ вып., Щербининъ (бывш. семин.).

Кромѣ этихъ лицъ, есть масса арестованныхъ, фамиліи которыхъ намъ не удалось установить, такъ какъ, куда ихъ поразсовали — аллахъ вѣдаетъ.

Въ ожиданіи погрома. Изъ **Прилукъ**, Полтавской губ. пишутъ, что и здѣсь на 1 мая ожидался погромъ. Въ значительной мѣрѣ панику усиливала полиція, на этотъ разъ своей излишней „распорядительностью". Не только заарестовали до 50 мужиковъ, виновныхъ въ произнесеніи угрозъ по адресу евреевъ, но еще и *высѣкли* ихъ, когда они стали требовать своего освобожденія. Возмутительная экзекуція еще болѣе взволновала крестьянское населеніе и озлобила его противъ евреевъ. Въ Прилуки послано полторы сотни казаковъ и полроты пѣхоты. Эти военныя силы пришлось, однако, отправлять для подавленія иного рода безпорядковъ: въ с. Сгуровкѣ крестьяне пытались передѣлить земли помѣщика Кочубея. Мѣстное еврейское населеніе вооружается.

Напротивъ, въ Херсонѣ, какъ пишутъ, крестьяне по поводу Кишиневскаго погрома поговариваютъ о томъ, что бить надо не евреевъ, а помѣщиковъ. Мѣстный Комитетъ издалъ прокламацію о погромѣ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Со времени нашего послѣдняго письма палачи Финляндіи успѣли „широко" воспользоваться новыми „законами" жалкого клятвопреступника. Мы первыми готовы воздать должное удивленіе ихъ энергіи, направленной къ порабощенію культурной и доселѣ свободной страны.

Отставки и приказы подать въ отставку за послѣднія недѣли безчисленны. Разгромивъ финляндскіе суды второй инстанціи, гофгерихты, обрусители, разумѣется, также вопреки финляндскимъ законамъ, приступили теперь къ опустошенію низшихъ судовъ. 5/18 мая приказано въ теченіе трехъ дней подать въ отставку двумъ членамъ гельсингфорскаго ратгаузскаго суда. На дняхъ состоялось „Высочайшее разъясненіе" сентябрьскаго указа объ увольненіи административнымъ порядкомъ финляндскихъ чиновниковъ. Этотъ „законъ" распространился теперь и на училищное вѣдомство. Бобриковъ уволилъ почтеннаго ректора улеаборгскаго финскаго лицея М. Розендаля за его участіе и предсѣдательство на ноябрьскомъ съѣздѣ представителей пассивнаго сопротивленія въ Гельсингфорсѣ (см. № 34). Словомъ, нѣтъ возможности больше перечислять всѣхъ увольняемыхъ финляндскихъ чиновниковъ, оставшихся вѣрными своей древней конституціи. Должности вновь замѣщаются старо-фенноманами и русскими „уроженцами". Старо-феннманская партія попрежнему „спасаетъ" отечество. Трое новыхъ губернаторовъ финляндцевъ (старо-феннамановъ) нисколько не уступаютъ пяти русскимъ помпадурамъ; они являются такими же ревностными исполнителями предначертаній Бобрикова и такими же доносчиками. Близорукіе старо-феннманы не подозрѣваютъ того, что царскіе опричники, покончивъ съ финляндскими „[illegible]", выплатятъ черной неблагодарностью своимъ нынѣшнимъ союзникамъ. Часть старо-феннамановъ вскорѣ послѣ первыхъ высылокъ дошла до такой подлости, что начала призывать своихъ согражданъ къ выдачѣ тѣхъ „агитаторовъ", которые дѣйствуютъ оппозиціонно изъ своихъ личныхъ видовъ. Главный органъ консервативной партіи „Uusi Suometar" не постыдился напечатать подобной статьи и повторять ругань „Финляндской Газеты". Эта партія, заигрывающая съ Плеве, имѣетъ приверженцевъ и среди финляндскихъ студентовъ, главнымъ образомъ, въ лицѣ сынковъ сенаторовъ и др. карьеристовъ. Десять подобныхъ молодцовъ обратились въ мартѣ къ своимъ товарищамъ и др. молодымъ лицамъ призывного возраста съ „тайнымъ циркуляромъ", въ которомъ они убѣждаютъ обычными старо-феннманскими софизмами подчиниться новому „закону", признавая въ то же время его „незаконность". Этотъ циркуляръ является до нѣкоторой степени подложнымъ, такъ какъ пять его авторовъ не подлежатъ воинской повинности, а въ немъ говорится, что всѣ они подчиняются „закону". Этотъ циркуляръ составленъ по вдохновленію одного сенатора Сальмана и нынѣшняго вице-канцлера финляндскаго университета проф. Даніельсона, имѣвшаго счастье часто лицезрѣть оберъ-палача Плеве. Это реакціонное воззваніе вызвало протесты со стороны большей части студентовъ. Преступной агитаціей старо-феннамановъ и всевозможными беззаконіями царскаго правительства объясняются менѣе благопріятные результаты пассивнаго сопротивленія нынѣшнимъ призывамъ воинской повинности, хотя и эту весну во многія присутствія не является ни одного новобранца, или является лишь незначительный процентъ. Ликованія „Ф. Г." были слишкомъ преждевременны. Въ прошломъ году призывы совершались по прежнимъ порядкамъ, тогда какъ теперь правительство не останавливается ни передъ какими мѣрами, чтобы терроризировать юношей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ ловили хитростью, въ другихъ насильно приводили городовые и солдаты и т. п. Кромѣ того арестовано нѣсколько такъ наз. „агитаторовъ", осмѣлившихся призывать молодежь къ подчиненію конституціи, а не преступному „закону" г. Куропаткина Точныя цифры результатовъ дѣятельности призывныхъ присутствій мы приведемъ впослѣдствіи, когда будутъ получены свѣдѣнія относительно всѣхъ или большей части общинъ и когда „оффиціальныя" статистическія данныя будутъ провѣрены надежными изслѣдователями.

Бобриковъ не замедлилъ ополчиться противъ „вредныхъ ученій", на что онъ получилъ кулачное „право" по новой инструкціи. Онъ приказалъ назначить коммиссію для „исправленія" учебниковъ географіи и исторіи Финляндіи, по которымъ учились десятки поколѣній финляндскихъ дѣтей. Въ этихъ учебникахъ, представьте себѣ, даются ложныя свѣдѣнія о положеніи Финляндіи въ Россійской державѣ.

Обыски, аресты и высылки въ Финляндіи теперь въ полномъ разгарѣ. Кромѣ семи высланныхъ въ апрѣлѣ (по нов. ст.), о которыхъ было сообщено „оффиціально", въ маѣ уже высланы выдающійся редакторъ главного органа младофеннманской партіи Эркко, изъ Гельсингфорса, адвокатъ Прокопе изъ Таммерфорса, двое братьевъ — редакторъ и дѣлопроизводитель торговой фирмы — Бруфельтъ изъ Куопіо и управляющій банковой конторой, Хикіо изъ Нейшлота. Кромѣ того, находившійся въ Швеціи знаменитый финляндскій законовѣдъ бывшій сенаторъ Л. Михелинъ получилъ черезъ русскаго посла въ Стокгольмѣ запрещеніе возвратиться на родину. О всѣхъ этихъ лицахъ „Фин. Газета" пока благоразумно молчитъ. Большая часть высланныхъ изъ Финляндіи принадлежитъ къ числу самыхъ видныхъ общественныхъ дѣятелей и сеймовыхъ депутатовъ. Сенаторъ Михелинъ, баронъ фонъ-Борнъ, Кастренъ, Эркко, и др. являлись столпами во многихъ сеймахъ. Комичны, поэтому, попытки старо-феннамановъ отстоять сеймъ, на которомъ больше не могутъ присутствовать наиболѣе видные депутаты. Понятно, эти старо-феннманы надѣются на торжество своей партіи на будущихъ сеймахъ! Баронъ фонъ-Борнъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ финляндскихъ землевладѣльцевъ, подалъ въ сенатъ написанное на имя царя заявленіе, въ которомъ онъ, указывая на незаконность принятыхъ противъ него мѣръ — обыска и высылки изъ Финляндіи, проситъ привлеченія себя къ законному финляндскому суду. Подобныя заявленія онъ подалъ прокурору сената и нюландскому губернатору, извѣстному опричнику Кайгородову. Послѣ отъѣзда г. Борна въ Швецію, въ его имѣніи былъ произведенъ аукціонъ, для полученія съ него штрафа въ 5500 мар., къ которому было незаконно приговорено общинное управленіе Перно, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, за отказъ подчиниться новому „закону" о воинской повинности. За первую корову покупатель заплатилъ 5600 мар., и аукціонъ былъ прекращенъ. Ленсманъ (вродѣ нашего станового), сдѣлавшій опись имущества г. Борна, получилъ въ награду 1200 мар.

Сенаторъ Мекелинъ вышелъ въ отставку еще въ 1890 году, когда Александръ III началъ въ Финляндіи обрусительную политику. Онъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность своими трудами по государственному праву Финляндіи, профессоромъ коего былъ много лѣтъ въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Александръ II пожаловалъ ему дворянство, а его достойный внукъ теперь высылаетъ его изъ Финляндіи. Въ зависимости отъ самодержавныхъ деспотовъ не прочны, какъ видитъ читатель, ни конституція, ни царскіе обѣты.

На дняхъ въ датскихъ, норвежскихъ и шведскихъ газетахъ напечатано прекрасное стихотвореніе мастистаго норвежскаго писателя Бьернсона, посвященное Финляндіи („При полученіи послѣдней почты изъ Финляндіи"). Въ немъ Николай II называется „палачемъ" и датскій народъ призывается не пускать этого палача впредь на датскій берегъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ стихахъ перевести этого превосходнаго норвежскаго стихотворенія.

P. S. Сейчасъ мы узнали о приказаніи управляющему частной банковой конторой въ г. Ловичѣ Фабриціусу выѣхать изъ Финляндіи.

8/21 мая 1903 года.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

С.-Петербургъ. На заводѣ Паля происходитъ въ настоящее время весьма характерная борьба. Администрація завода совершенно уничтожила ночныя работы, но въ то-же самое время увеличила на два часа рабочее время, т. е. заставляла работать до 9 ч. вечера. Рабочіе рѣшили начать борьбу и вотъ уже въ теченіе трехъ дней всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ работу въ 7 ч. веч. Весьма возможно, что это послужитъ поводомъ къ стачкѣ.

Въ Кронштадтѣ происходятъ крупные аресты среди матросовъ. Офицеръ Герасимовъ, сильно скомпрометированный въ этомъ дѣлѣ, узнавъ о предстоящемъ арестѣ, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Товарищи его устроили торжественныя похороны. Арестованные матросы находятся въ предварилкѣ.

С.-Петербургъ. 3 мая работницы фабрики Максвеля въ количествѣ 150 чел. заявили требованіе о повышеніи платы съ куска (получали 60 коп. съ куска) и всѣ двинулись на квартиру директора. Директоръ сильно перетрусилъ, отказался выйти, передавъ черезъ прислугу, что пусть явится къ нему послѣ человѣкъ 15, и онъ съ ними переговоритъ. Работницы продолжали требовать, чтобы къ нимъ явился директоръ. Наконецъ, послѣдній отважился выйти къ работницамъ, и въ результатѣ, подъ угрозой стачки, директоръ повысилъ плату съ куска до 80 коп. — Въ срединѣ мая началась стачка на фабрикѣ Воронина. 18 мая къ ней примкнула фабрика Лебедева (1000 рабочихъ).

Бахмутъ. Екатеринославской губ. Среди здѣшняго ремесленнаго пролетаріата въ послѣднее время замѣтно стремленіе къ борьбѣ. Послѣ стачки въ одной изъ портняжныхъ мастерскихъ были выпущены двѣ прокламаціи — одна объ общемъ положеніи пролетаріата, другая — о манифестѣ 26 февраля. Недавно появилась третья прокламація подъ названіемъ: „Налоги. Съ кого они берутся и на что тратятся". Послѣдняя прокламація возбудила оживленные толки, какъ среди пролетаріата, такъ и въ буржуазной средѣ. Мѣстная буржуазія въ большомъ переполохѣ. Забезпокоилась и полиція. Она произвела обыски у рабочихъ, но безуспѣшно.

Вышній Волочекъ, (Прохоровская мануф.). 1 мая началась стачка. Положеніе тамъ, повидимому, очень серьезное, такъ какъ туда поскакали губернаторъ и нач. жанд. упр. Въ самой Твери началась на одномъ заводѣ стачка, но туда нагнали массу войска, и она прекратилась. На фабрикѣ Морозова тоже стояли съ 1 мая войска. Согласно другому извѣстію, стачка охватила нѣсколько фабрикъ. Возбужденіе было очень сильное; толпы рабочихъ ходили по улицамъ. Ораторъ, присланный Тверск. Ком., свободно говорилъ рѣчи. Теперь арестовано 20 рабочихъ.

Черниговъ. 2 марта здѣсь забастовало 130 ремесленниковъ-портныхъ. Портняжное производство здѣсь очень раздроблено; на мастерскую приходится 3-5-10 рабочихъ, большинство мастерскихъ имѣютъ не болѣе 4-5 рабочихъ. Въ ремеслѣ господствуетъ „посредническая" форма промышленности: изъ 130 стачечниковъ 80 являются „посредниками", т. е. берутъ работу у хозяевъ за поштучную плату, причемъ часть этой работы выполняютъ сами, а другую сдаютъ отъ себя другимъ рабочимъ. Такимъ образомъ, посредники являются наполовину хозяевами, наполовину рабочими и согласить ихъ интересы съ интересами наемныхъ рабочихъ не такъ-то легко. Болѣе крупные магазины часть работы производятъ наемными рабочими, получающими помѣсячную плату. Такихъ „мѣсячниковъ" у насъ человѣкъ 50. Преобладаютъ, слѣдовательно, у насъ „посредники" — самый неблагопріятный для организаціи элементъ. Тѣмъ не менѣе, стачка удалась, какъ нельзя лучше. Руководили стачкой сами же рабочіе, выработавшіе такой планъ: бастовать должны были *только* посредники съ требованіемъ повышенія заработной платы. Когда они выиграютъ, „мѣсячники" должны были требовать сокращенія рабочаго дня. На дѣлѣ, мѣсячники выставили свои требованія (12 час. раб. день и два часа на обѣдъ и завтракъ) еще до конца стачки посредниковъ. Стачечники проявили прекрасную дисциплину, чѣмъ не мало удивили своихъ хозяевъ. Вообще, стачка очень интересовала черниговскихъ обывателей. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ черезъ недѣлю. Одинъ хозяинъ-доносчикъ былъ избитъ рабочими. Полиція вмѣшалась въ стачку, арестовала 15 рабочихъ и продержала ихъ нѣсколько дней: только противъ одного изъ нихъ возбуждено политическое дѣло, а трое высланы въ уѣздные города.

27 марта у насъ за подписью „Черниговской группы соц.-дем. рабочихъ" распространены двѣ прокламаціи: „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Чернигова" и „ко всѣмъ малярамъ".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Изъ Берна за мартъ и апрѣль 353 фр., изъ нихъ за литературу 150 фр., изъ Б. К. 41 фр., пожертв. К. У. Л-уба и П. 28 фр., отъ О. Ю. 100 р., изъ К-о черезъ Л-ва для О. К. 50 р., отъ Смоленца въ пользу арестованныхъ 5 р., изъ Лондона 2 ф. 10 шил., изъ Парижа въ апр. 250 фр. и отъ пріятеля 200 фр., отъ Мани 25 фр., отъ Юлія: за литер. 30.60 фр. и для „И." 55 фр., изъ Лозанны за май 110 фр. Отъ Томскаго Ком. на „Искру" 10 руб. Изъ Цюриха: съ реферата 75 фр., за литер. 65 фр., член. взносъ 10 фр. Изъ Женевы за апрѣль и май 176.70 фр. Изъ Берлина: собрано въ Гейдельбергѣ 60 мар., по подп. листу 64.80 фр. Изъ Сибири по подп. листу № 41 на изд. попул. соц.-дем. литературы: отъ Nemo 7 руб., отъ X—X 10+15 руб. Отъ товарищей на прогулкѣ 10.34 фр. Отъ В. на „Искру" 30 фр., на изданіе записокъ Дейча 50 фр. Отъ „Ижицы": на „Искру" 5 фр., на памятникъ Бакунину 5 фр., для Эмигр. Кас. 5 фр., отъ цюрих. Сиб. Кассы для А-а 42 фр., отъ Женев. Сиб. Кассы 40 фр. Изъ Парижа за май 950 фр., отъ кружка соц.-дем. на „И." 10 р.

Адресъ № 22 отмѣняется.

Типографія „Искры".

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 42. 15-го іюня 1903 года. № 42.

ТРАГИКОМЕДІЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ.

Онъ убитъ — этотъ глупый, маленькій король, герой кафешантанныхъ мотивовъ и краткаго, но полнаго самыхъ неожиданныхъ приключеній царствованія! Всегдашнее орудіе интригъ, игрушка въ рукахъ карьеристовъ, онъ самъ — выродившійся потомокъ воинственнаго свиновода — десять лѣтъ „игралъ“ въ конституцію, тасовалъ, какъ колоду картъ, ея параграфы, „сдавалъ,“ и вновь отбиралъ ихъ у своихъ „вѣрноподданныхъ“ и, вначалѣ подъ опытнымъ руководствомъ шантажиста-отца, а потомъ — за собственный страхъ и рискъ, велъ „игру“ навѣрняка — въ безотвѣтной крестьянской странѣ, гдѣ такъ много разноцвѣтныхъ политикановъ и нѣтъ совсѣмъ *народнаго* движенія. И онъ бы еще долго „игралъ“ среди разореннаго народа, покорно несущаго бремя растущихъ долговъ и налоговъ, если бы нѣсколько неловкихъ ходовъ не поставили его въ противорѣчіе съ тѣмъ деликатнымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго осуществляютъ свою — „божьей милостью“ — власть самодержцы всего міра, великіе и малые, какъ прикрытые конституціонными формами, такъ и тѣ, что, не стѣсняясь, выставляютъ на показъ наготу своего самодержавія. Онъ посмѣлъ, въ угоду своимъ фаворитамъ, третировать ея величество — военно-бюрократическую клику, т. е., безумецъ, преступилъ тотъ предѣлъ, который безнаказанно преступать не дано ни одному самодержцу. И клика расправилась съ нимъ — на глазахъ равнодушнаго народа. Въ одномъ изъ закоулковъ дворца, гдѣ онъ тщетно искалъ спасенія, онъ палъ, пронизанный десятками пуль, среди шумной толпы разгоряченнаго виномъ офицерства. Его тѣло и тѣло изуродованной Драги это храброе воинство выбросило за окошко, и тамъ, во дворѣ, они долго оставались лежать, съ размозженными черепами, передъ домомъ русскаго посольства.

Военная клика торжествовала „побѣду“ въ Бѣлградѣ. На слѣдующій день — говоритъ одинъ очевидецъ — на улицахъ было много пьяныхъ — офицеры и солдаты расхаживали, обнимаясь, и пѣли пѣсни. Около десяти часовъ утра какой-то группой офицеровъ былъ отданъ приказъ, и дома расцвѣтились флагами. Все утро магазины были закрыты, за то бойко торговали рестораны. Въ одномъ изъ нихъ виднѣлся спокойно сидящій за кружкой пива заправило ночного геройства — полковникъ Мишичъ. Всѣ были довольны, и у всѣхъ на устахъ былъ — Карагеоргіевичъ.

Король убитъ, но да здравствуетъ король, и если нѣтъ короля, его надо выдумать. Въ составъ военно-бюрократической системы обязательно входитъ „помазанникъ“ власти, носитель ея престижа. Не годится одинъ, подойдетъ другой, но кто-нибудь *долженъ* непремѣнно найтись — во славу системы. И это тѣмъ легче, если кандидатъ на власть давно уже ждетъ призыва, пристально слѣдитъ за каждымъ шагомъ противника и исподволь ткетъ паутину.

Князь Карагеоргіевичъ усиленно поддерживалъ сношенія съ сербскими политическими дѣятелями, ѣздилъ за послѣднее время нѣсколько разъ изъ далекой Женевы въ близкую Вѣну, видѣлся — какъ предполагаютъ — съ разными лицами на самой границѣ Сербіи и, во всякомъ случаѣ, былъ тѣсно связанъ — по собственному же признанію — съ партіей своихъ сторонниковъ, которая во всей странѣ образовала комитеты и энергично готовилась къ перевороту. Въ самомъ предпріятіи принимало участіе около ста офицеровъ. Между ними были делегаты почти всѣхъ гарнизоновъ. Они организовали ночную „экспедицію“, они съ оружіемъ въ рукахъ сформировали „временное правительство“ и они же — подъ звуки взводимыхъ курковъ — заставили членовъ скупщины одного за другимъ „единогласно“ прокричать имя новаго господина.

Трагедія монархической власти окончилась, начиналась комедія. По ступенькамъ опустѣлаго, забрызганнаго кровью трона подымалась опять „божіей милостью“ фигура. И эта фигура, воздымая очи горѣ, благодарила „провидѣніе“, „сподобившее“ ее „милостью и волею божіей“ „занять престолъ“ ея „славныхъ предковъ“ и посылала свое „королевское одобреніе“ скупщинѣ за то, что та „присоединила гласъ свой къ гласу всевышняго“ и „въ полномъ согласіи съ нимъ“ облекла ее властью. И она же, вопрошая, взирала на своихъ вѣнценосныхъ коллегъ: что скажетъ монархическая Европа, что скажетъ самодержецъ Россіи?

А положеніе было своеобразное. Удары, направленные противъ Александра и Драги, именно потому, что это были удары взбунтовавшейся *власти* противъ ея носителя, неизбѣжно въ корнѣ подрывали основы монархизма, лишая монархію послѣдняго отблеска былого обаянія. Какъ быть? Терпѣть-ли въ XX вѣкѣ на тронѣ лицо, по дорогѣ къ власти перешагнувшее черезъ трупъ соперника, или во имя задѣтаго принципа поднять чреватый послѣдствіями вопросъ о международномъ давленіи? Но пока Европа размышляла, изъ Петербурга пришелъ уже лозунгъ — Россія возобновляла дипломатическія отношенія съ новымъ сербскимъ правительствомъ, Николай II посылалъ свои „искреннія пожеланія“ новоиспеченному властителю. „Авантюристъ, приглашенный принять корону изъ окровавленныхъ рукъ измѣнниковъ“, — такъ, позабывъ осторожность, выражался о новомъ величествѣ „гражданинъ“-Мещерскій, — обнимался по телеграфу съ самодержавнымъ представителемъ дома Романовыхъ.

И въ то самое время, когда газеты Европы — обрадовавшись случаю — изливали потоки негодующаго краснорѣчія на дѣйствующихъ лицъ бѣлградской катастрофы, оффиціальная и оффиціозная пресса Россіи проявляла необыкновенную сдержанность. Органъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Journal de St.-Petersbourg, лаконично выражалъ лишь „сожалѣніе“ о происшедшемъ „кровопролитіи“. „Новое Время“, источивъ двѣ-три крокодиловыхъ слезы, хлопотало главнымъ образомъ о томъ, какъ-бы выгородить партію руссофиловъ-радикаловъ, очутившуюся послѣ переворота у кормила „временнаго правительства“, — отъ соучастія въ переворотѣ. Говоря объ отрадномъ фактѣ быстраго введенія „порядка“ въ странѣ, оно въ то же время писало: „объяснять это тѣмъ, что радикальной партіи было хорошо извѣстно о готовящемся переворотѣ... нѣтъ основаній. Скорѣе можно предположить, что необходимость измѣненія существующаго порядка вещей за послѣднее время стала сознаваться всѣми, вслѣдствіе чего планъ дѣйствій... создался самъ собой, безъ всякаго предварительнаго уговора“. И газета, кстати, не забыла перечислить всѣ грѣхи Обреновичей и всѣ достоинства „болѣе національной династіи“ — Карагеоргіевичей. И только уже послѣ того, какъ австрійскій императоръ въ своей телеграммѣ категорически заявилъ о необходимости наказанія заговорщиковъ, русское правительство спохватилось и однимъ числомъ заговорило о невозможности „попустительства“. „Клятвопреступники, запятнавшіе себя позоромъ цареубійства“ должны потерпѣть возмездіе. Король Петръ произведетъ „разслѣдованіе“. Такъ значилось въ „правительственномъ сообщеніи“ и, какъ по манію режиссерской руки, лицедѣи русской прессы стали усиленно работать надъ тѣмъ, чтобы локализировать общественное вниманіе на кучкѣ исполнителей, искусно отводя его отъ тѣхъ, кто благоразумно стоялъ за кулисами исторической сцены. А между тѣмъ, „законно“ избравшая короля скупщина „благодарила“ въ то же время — за понесенные труды — всю армію, руссофилы-радикалы дѣлили свою власть съ ночными убійцами и на всемъ этомъ „комедійномъ дѣйствіи“ отражалась гигантская тѣнь умывающаго руки, какъ Пилатъ, россійскаго самодержавія. Исторіи еще придется сказать свое слово о неизвѣстномъ прологѣ бѣлградской трагедіи. Но уже теперь нескромность показаній иного „свидѣтеля“ нѣтъ-нѣтъ, да и броситъ неожиданный свѣтъ въ эту темную сферу тайныхъ воздѣйствій. Такъ, напримѣръ, по словамъ нововременскаго корреспондента, была одна причина, „ускорившая катастрофу“ послѣдняго представителя изъ дома Обреновичей. Сознавая „шаткость своего положенія“, король Александръ будто-бы велъ въ послѣднее время переговоры съ Австріей — „для заключенія“ особаго „договора“. Австрія обязывалась поддерживать сербскаго короля, Сербія становилась въ положеніе „австрійской провинціи“. Понятно, эти переговоры „не были тайной для болѣе серьезныхъ и вліятельныхъ дѣятелей и сербскихъ патріотовъ“. Понятно — „они усмотрѣли большую государственную опасность въ этихъ проискахъ“ и понятно — прибавимъ мы отъ себя — если свидѣтельство это вѣрно, русская государственная машина — почуявъ своего традиціоннаго конкуррента на Балканскомъ полуостровѣ — не осталась въ положеніи безучастнаго зрителя.

Какъ бы то ни было, занявъ въ отношеніе къ сербскому перевороту исключительное положеніе въ концертѣ европейскихъ державъ, русское правительство проявляло лишь обычныя черты своей „реальной“ политики, свободной отъ какого бы то ни было „принципа“ и имѣющей всегда въ виду интересы настоящей минуты. Самодержавію нѣтъ дѣла до того, что съ монархической власти гдѣ-то сорванъ остававшійся идеалистическій покровъ. Двухглавый орелъ покровительственно держитъ свою лапу надъ властью, рожденной въ шумѣ военнаго пронунціаменто, что не мѣшаетъ, однако, этой хищной птицѣ, исподтишка производящей воровскіе набѣги, лицемѣрно кричать — о наказаніи цареубійцъ.

Цареубійцъ! Россія не мало видала ихъ за послѣднія двѣсти лѣтъ — графа Орлова, душившаго Петра III, ради прекрасныхъ глазъ Екатерины; графа Палена, Зубова, Бенигсена, всю ту сотню молодыхъ офицеровъ, которые въ достопамятную ночь 11 марта 1801 года лихорадочно искали — по всѣмъ концамъ Михайловскаго Замка — спрятавшагося за экраномъ императора. И когда они его нашли, они расправились съ нимъ, точь въ точь современные сербы — свалили ударомъ кулака, топали его тѣло ногами, душили его собственнымъ шарфомъ. Павелъ былъ убитъ. Путь расчищенъ: сынъ Павла взошелъ на престолъ. Заговорщики высоко несли свои головы и званымъ обѣдомъ отпраздновали свое торжество. Таково было воспѣтое поэтомъ — „дней Александровыхъ прекрасное начало“.

И однако, современный самодержецъ Россіи можетъ спать спокойно, не боясь своихъ присныхъ: эра дворцовыхъ переворотовъ въ Россіи прошла, но прошла не потому, чтобы военно-бюрократическая клика не была способна теперь поднять руку на неугоднаго ей представителя, а потому, что она хорошо сознаетъ или инстинктомъ чувствуетъ, что такой переворотъ въ современныхъ условіяхъ Россіи неизбѣжно превратился-бы — въ революцію. И чѣмъ выше подымаются волны общественнаго движенія въ странѣ, тѣмъ меньше остается возможности для клики рисковать потрясеніями. Хочетъ она того или нѣтъ, она спаяна съ своимъ представителемъ въ одно нераздѣльное цѣлое. И это цѣлое, что дальше, то больше, уходитъ все въ напряженную, отчаянную борьбу съ непокорнымъ рабочимъ народомъ.

А надежды народа не въ интригахъ двора и междоусобной бюрократической сварѣ. Все огромное зданіе самодержавнаго строя, не одинъ лишь его коронованный орнаментъ, должно пасть, подмытое волной революціоннаго подъема.

И современнымъ борцамъ за свободу Россіи нечего дѣлать въ корридорахъ дворцовъ, ихъ мѣсто — на улицахъ, на площадяхъ несчетныхъ рускихъ городовъ — среди возмущеннаго народа!

КИШИНЕВСКАЯ РѢЗНЯ И ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Редакція „Przeglad Socyaldemocraticzny“ (Органъ Соціальдемократіи Русской Польши и Литвы, предложила мнѣ высказаться по поводу кровавой бойни въ Кишиневѣ. Не легко, удовлетворяя этому желанію, удержаться отъ выраженія вполнѣ понятнаго чувства отвращенія предъ ужасающими звѣрствами. Трудно думать спокойно и трезво о событіи, одна вѣсть о которомъ леденитъ кровь въ жилахъ и въ то же время разжигаетъ нашу ненависть къ его виновникамъ. Кромѣ того, всякому не русскому трудно понять особенности положенія еврейства съ одной стороны и антисемитизма въ Россіи съ другой.

Уже западно-европейскій антисемитизмъ есть крайне сложное явленіе. Сами антисемиты — поскольку они вообще раздумываютъ надъ своими дѣйствіями, что съ ними случается довольно рѣдко — стоятъ на почвѣ расовой теоріи: въ своей ненависти къ евреямъ они видятъ законъ природы; еврейская раса, по ихъ мнѣнію, уже отъ природы своими особенностями обречена на то, чтобы внушать всякому не іудею чувство ненависти и желаніе ее преслѣдовать. Еще болѣе мистична точка зрѣнія либеральнаго филосемитизма, видящаго во враждѣ къ евреямъ только продуктъ народнаго безумія. Въ противоположность этимъ воззрѣніямъ все болѣе и болѣе распространяется воззрѣніе соціалистическое, разсматривающее современное антисемитическое движеніе, какъ часть классовой борьбы, какъ продуктъ борьбы разоряющихся народныхъ слоевъ, доведенныхъ до отчаянія. Погибающее ремесло борется съ крупной промышленностью и посредничествомъ; мелкіе торговцы — противъ крупныхъ торговыхъ домовъ; запутавшійся въ долгахъ крестьянинъ — противъ ростовщика и торговца, въ особенности торговца скотомъ и зерномъ. Паденіе этихъ слоевъ все болѣе и болѣе выбиваетъ ихъ молодое поколѣніе изъ прежней (отцовской) колеи и гонитъ въ ряды интеллигентныхъ профессій, вызывая уже теперь переполненіе этихъ профессій. Всѣ эти слои настраиваются враждебно противъ еврейства, являющагося въ ихъ глазахъ представителемъ торговаго и денежнаго капитала, въ то же время выдѣляющаго и въ ряды интеллигенціи многочисленные и подвижные элементы. Уничтоженіе (Niederschlagung) еврейства представляется этимъ слоямъ лучшимъ средствомъ положить конецъ ихъ собственному бѣдственному положенію.

Это объясненіе западно-европейскаго антисемитизма нашего времени должно быть признано правильнымъ, но его недостаточно, такъ какъ возникаетъ вопросъ, почему же именно евреи являются избранными представителями торговаго и денежнаго капитала и интеллигенціи. Имѣемъ ли мы дѣло дѣйствительно съ особенностью еврейства и вытекаетъ ли эта особенность изъ его расоваго характера? Она не есть нѣчто кажущееся, а существуетъ въ дѣйствительности, но зависитъ ли она отъ характера еврейской расы, можно было бы рѣшить, только зная въ точности, что такое собственно раса. Но намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ понятію расы, не дающему дѣйствительнаго отвѣта, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно прослѣдить исторію еврейскаго народа, чтобы выяснить причины его характера.

Мы застаемъ евреевъ въ Палестинѣ владѣтелями горной области, съ извѣстнаго момента оказавшейся недостаточной для того, чтобы обезпечить своимъ обитателямъ такое же удовлетворительное существованіе, какимъ пользовались ихъ сосѣди. Въ подобныхъ условіяхъ народъ обращается либо къ грабежу, либо къ выселенію. Такъ, шотландцы прибѣгали вначалѣ къ первому, впослѣдствіи — ко второму выходу. Послѣ долгой борьбы съ сосѣдями на путь выселенія вступили и евреи. Но горныя страны съ ихъ замкнутыми долинами кладутъ глубокій отпечатокъ на ихъ населеніе; не легко приспособляясь къ новой средѣ, оно и на чужой сторонѣ не измѣняетъ наслѣдственнымъ обычаямъ и нравамъ и не только не чувствуетъ себя тамъ хорошо, но все время стремится на брошенное мѣсто. Выходцы этихъ странъ идутъ за предѣлы родины не затѣмъ, чтобы тамъ оставаться, но только затѣмъ, чтобы возможно скорѣе возможно больше скопить богатства и вернуться съ нимъ на родину. Не какъ осѣдлые земледѣльцы или основатели городовъ идутъ они въ чужія страны, но какъ наемные авантюристы, подобно жителямъ Аркадія въ древности, швейцарцамъ — въ средніе вѣка, и албанцамъ — въ Турціи въ наше время, — либо какъ торговцы: таковы — евреи, позднѣе — шотландцы, теперь — армяне. Мы видимъ, что одинаковыя условія развиваютъ у народовъ различныхъ расъ однѣ и тѣ же особенности, однѣ и тѣ же черты. Но помимо этой особенности, общей у евреевъ съ другими горными племенами, въ теченіе историческаго развитія евреевъ постигла судьба, какую ни одному народу не пришлось переживать, — это изгнаніе ихъ съ ихъ собственной родины. На своей родной землѣ еврейство было истреблено и съ тѣхъ поръ живетъ на чужбинѣ многочисленными колоніями выходцевъ. Такимъ образомъ, евреи перестали существовать какъ нація, такъ какъ нація немыслима безъ опредѣленной территоріи. Они стали племенемъ, единственнымъ (если не принимать во вниманіе мелкихъ племенъ, лишенныхъ всякаго историческаго значенія, какъ цыгане), живущимъ какъ чуждый пришлецъ среди чуждаго ему населенія, съ сильно развитымъ тяготѣніемъ къ родинѣ, но лишеннымъ ея; беззащитнымъ, какъ пришлецъ, повсюду, часто только терпимымъ, часто преслѣдуемымъ, не имѣющимъ прибѣжища, гдѣ оно не было-бы безправно, гдѣ оно могло бы находить покой и безопасность. Наконецъ, это было единственное племя, въ которомъ отсутствовалъ земледѣльческій элементъ, племя, — скоро уже два тысячелѣтія живущее исключительно въ городахъ, а гдѣ оно въ немногихъ случаяхъ рѣшалось обосновываться въ деревняхъ, существовавшее и тамъ городскими промыслами. Торговля деньгами и товарами и интеллигентныя профессіи, то есть, такого рода дѣятельность, которой уже и раньше занимались эмигрировавшіе съ родины ихъ выходцы, стали теперь единственными источниками существованія для всего еврейства. Въ теченіе среднихъ вѣковъ, съ ихъ тенденціей къ сословному раздѣленію классовъ и занятій, фактическое ограниченіе евреевъ извѣстными занятіями и мѣстностями приняло форму ограниченій юридическихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что у оторваннаго отъ массы населенія еврейства развились его особенности гораздо въ большей степени, чѣмъ то соотвѣтствовало бы его природѣ; эта замкнутость обострила и углубила обособляющія его черты и прибавила къ нимъ цѣлый рядъ новыхъ. Евреямъ было запрещено смѣшиваться съ деревенскимъ населеніемъ, свѣжая крестьянская кровь котораго постоянно обновляла физически прочее городское населеніе, правда, внося въ него въ то же время элементы духовной неподвижности и отсталости. Этимъ было затруднено развитіе ихъ физической силы, но тѣмъ быстрѣе шелъ ростъ ихъ интеллигентности и умственной живости. Не удивительно, что и теперь еще, когда въ Западной Европѣ пали всѣ правовыя перегородки между евреями и остальнымъ населеніемъ, мы находимъ евреевъ въ особенно большомъ числѣ и особенно преуспѣвающими среди капиталистовъ и интеллигенціи. Столь же мало удивительно и то, что умственно неразвитые слои населенія — сюда относится значительная часть интеллигенціи, идущей въ учебныя заведенія только въ погонѣ за хлѣбомъ, а не изъ-за жажды знанія, — что эти слои, стѣсненные капиталомъ и переполненіемъ либеральныхъ профессій, въ евреяхъ не только олице[illegible] [illegible]тущихъ ихъ у [illegible] и исключительную [illegible]

Но для Россіи это объясненіе антисемитизма кажется мнѣ недостаточнымъ. Тамъ, напримѣръ, не наблюдается перепроизводства интеллигенціи, а скорѣе, наоборотъ, недохватка интеллигентныхъ силъ. Этому надо приписать то, что въ Россіи учащаяся женщина находитъ себѣ горячій пріемъ, какъ помощница, въ противоположность Германіи, гдѣ мужская часть интеллигенціи настроена по отношенію къ ней враждебно, видя въ ней конкуррентку. Въ Западной Европѣ одни и тѣ же слои интеллигенціи являются и наиболѣе ограниченными противниками женскаго образованія и ожесточенными врагами евреевъ.

Но въ Россіи еврейство охватываетъ не только по преимуществу капиталистовъ и представителей интеллигентныхъ профессій, какъ въ Западной Европѣ, но — и всѣ городскіе классы, также ремесленниковъ и пролетаріевъ, въ ихъ числѣ бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ. Какъ могла народная ярость обрушиться на этихъ послѣднихъ?

Для того, чтобы объяснить русскій антисемитизмъ, надо принять во вниманіе не только особенности еврейскаго населенія, но также и своеобразное положеніе всего русскаго народа.

Люди, живущіе въ примитивныхъ — традиціонныхъ — отношеніяхъ, отрѣзанные отъ всего міра, видятъ въ самихъ себѣ мѣру всего человѣческаго. Ихъ среда, ихъ мышленіе, ихъ языкъ — представляются имъ чѣмъ-то естественнымъ, и, наоборотъ, все отклоняющееся — противоестественнымъ, отвратительнымъ. Поэтому, такіе люди обычно относятся къ чужимъ недовѣрчиво и даже враждебно, несмотря на отсутствіе противоположности интересовъ, не считаютъ ихъ за людей съ тѣми же человѣческими чувствованіями и не останавливаются ни передъ какими жестокостями по отношенію къ нимъ, жестокостями, которыя въ примѣненіи къ своимъ — людямъ той же расы — показались бы всякому ужасными.

Менѣе всего эта враждебность относится, конечно, къ тому чужестранцу, съ которымъ приходится сталкиваться случайно и который такъ же быстро исчезаетъ, какъ и появляется. Какъ курьезъ, онъ можетъ возбудить гораздо больше любопытства, чѣмъ нерасположенія. Гдѣ, наоборотъ, чужестранецъ чуждъ настолько, что отличается отъ массы населенія обычаями, вѣрою, языкомъ и всѣмъ обличьемъ и гдѣ въ то же время онъ является не случайнымъ гостемъ, а сосѣдомъ, съ которымъ населеніе постоянно сталкивается и стоитъ въ тѣсномъ экономическомъ общеніи, носящемъ по общему правилу враждебный характеръ въ обществѣ, основанномъ на экономическихъ противорѣчіяхъ, гдѣ недовѣріе и нерасположеніе постоянно обостряются всякаго рода столкновеніями на почвѣ ежедневныхъ вынужденныхъ сношеній, — тамъ эта враждебность къ чужакамъ легко принимаетъ опасныя формы.

Въ восточной Европѣ это относится къ евреямъ, но нѣчто подобное мы можемъ наблюдать и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ на одной и той же территоріи живетъ нѣсколько различныхъ племенъ. Добрую часть національныхъ конфликтовъ въ Австріи и въ Турціи можно приписать именно инстинктивному отвращенію некультурнаго населенія къ чуждымъ ему сосѣдямъ. Такъ въ Соединенныхъ Штатахъ, на югѣ, ненависть къ неграмъ часто выливалась въ формы, подобныя еврейскимъ погромамъ въ Россіи.

Чѣмъ можетъ быть устранена эта враждебность?

Только тѣмъ, что инородные слои населенія перестанутъ быть чужими, сольются съ общей массой населенія. Это единственно возможное разрѣшеніе еврейскаго вопроса и мы должны поддерживать все то, что способствуетъ устраненію еврейской обособленности. Но она является продуктомъ тысячелѣтняго развитія, и ассимиляція съ прочимъ населеніемъ не создается однимъ ударомъ. Пока же эта обособленность существуетъ, только одно средство мы можемъ ей противопоставить — это просвѣщеніе народныхъ массъ. Конечно, просвѣщеніе слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ изліяній передъ народомъ своего моральнаго возмущенія противъ антисемитизма, этого позорнаго пятна нашего времени. Міръ чувствованій человѣка не измѣнить путемъ увѣщаній. Поскольку онъ вообще измѣнчивъ, а не замкнутъ въ рамкахъ врожденныхъ свойствъ, — его создаетъ сама жизнь. И кто хочетъ измѣнить этотъ міръ человѣка, тотъ долженъ внести новое содержаніе въ его жизнь. Точно также и тамъ, гдѣ ненависть къ евреямъ глубоко вкоренилась въ народное чувство, она можетъ быть устранена лишь просвѣщеніемъ, вносящимъ новое содержаніе въ народную жизнь.

Если некультурнаго человѣка и его чужака-сосѣда не раздѣляютъ глубокія классовыя противорѣчія, то его враждебность къ послѣднему легко исчезаетъ по мѣрѣ того, какъ расширяется его горизонтъ и онъ проникается воззрѣніями и потребностями, прежде ему чуждыми, какъ скоро онъ перестаетъ принимать перешедшее къ нему отъ отцовъ за нѣчто непреложное, по мѣрѣ того, какъ онъ научается видѣть въ этомъ духовномъ наслѣдіи тормазъ своему развитію. Однимъ словомъ, по мѣрѣ того, какъ изъ человѣка примитивнаго, живущаго безсознательной жизнью, по готовымъ мѣркамъ, вырабатывается мыслящій революціонеръ. Революціонное мышленіе дѣлаетъ человѣка терпимымъ ко всякому чужестранцу, не-врагу, и только просвѣщеніе, способное пробудить въ народной массѣ революціонное сознаніе, сможетъ побѣдить ея антисемитизмъ, поскольку онъ является лишь инстинктивнымъ чувствомъ враждебности, результатомъ первобытной ограниченности кругозора.

Наряду съ ассимиляціей еврейства, революціонное сознаніе массы есть лучшее противоядіе противъ антисемитизма. Уже съ давнихъ поръ въ Западной Европѣ всякій классъ, революціонно настроенный, стремившійся избавиться отъ пережитковъ прошлаго, не только не проявлялъ вражды, но, наоборотъ, выступалъ съ симпатіями къ еврейству. Соотвѣтственно этому самые глубокіе и смѣлые мыслители еврейства постоянно воспринимали революціонное сознаніе своего времени, что однако для нихъ было возможно, только тогда, когда они порывали съ традиціями еврейства и становились на почву общеевропейскаго культурнаго развитія. Эта тѣсная связь между революціоннымъ чувствомъ и эманципаціонными стремленіями еврейства не осталась незамѣченной правительствомъ разныхъ странъ, въ томъ числѣ и русскимъ. Поэтому то оно ненавидитъ и преслѣдуетъ еврейство ничуть не менѣе революціонныхъ теченій и дѣлаетъ все возможное, чтобы раздуть и усилить въ населеніи ненависть къ евреямъ. И правительство поддерживаетъ эту ненависть не только тѣмъ, что отрѣзываетъ народу всѣ пути къ просвѣщенію, которое могло бы внести въ народную жизнь новое содержаніе, — оно мѣшаетъ всякому сближенію коренного населенія съ еврейскимъ, не допускаетъ ихъ смѣшенія и своими дѣйствіями прививаетъ народнымъ массамъ убѣжденіе, что еврей безправенъ, что онъ стоитъ внѣ закона и внѣ общества. И когда народныя массы, доведенныя нуждою до отчаянія, выливаютъ его въ дикихъ вспышкахъ, слуги царя направляютъ народное возмущеніе на еврейство. Евреи служатъ какъ бы громоотводомъ для тѣхъ бурь, которыя скапливаются надъ головой самодержавія. Погромы и избіенія евреевъ есть единственное народное движеніе, разрѣшенное русскимъ правительствомъ.

Когда годъ тому назадъ градоначальникъ г. Одессы, графъ Шуваловъ, узналъ о предполагаемой на 1 мая демонстраціи, онъ призвалъ къ себѣ еврейскихъ рабочихъ и пригрозилъ имъ, что онъ обратитъ демонстрацію въ еврейскій погромъ.

Въ этомъ году Кишиневская рѣзня возникла какъ разъ во время, чтобы помѣшать празднованію 1 мая. Въ Кіевѣ наши русскіе товарищи въ своей прокламаціи прямо говорятъ, что въ виду настоящаго настроенія народныхъ массъ они отказываются отъ демонстраціи 1 мая и призываютъ кіевскихъ рабочихъ защищать евреевъ при могущихъ возникнуть еврейскихъ безпорядкахъ.

Въ Кишиневѣ рабочіе также пытались защищать евреевъ, но они были разогнаны вооруженной силой, той самой вооруженной силой, которая спокойно смотрѣла на грабителей и [illegible] никто иной, какъ полицейскіе, предводительствовали [illegible]

[illegible] Россіи имѣютъ только одного вѣрнаго друга — это [illegible] движеніе. Оно одно дѣятельно работаетъ противъ антисемитизма, разъясняя массамъ ихъ истинные интересы и показывая имъ ихъ истинныхъ враговъ; еще сильнѣе подрываетъ оно антисемитизмъ тѣмъ, что выводитъ массы изъ ихъ узкаго кругозора, прививаетъ имъ новыя потребности, новыя воззрѣнія, общія всѣмъ культурнымъ людямъ, будь то еврей, или не еврей, — наконецъ, тѣмъ, что совмѣстной работой объединяетъ въ общей классовой борьбѣ еврейскихъ и не еврейскихъ рабочихъ.

Напротивъ, сіонистское движеніе можетъ только усилить вражду къ евреямъ въ народныхъ массахъ, поскольку оно увеличиваетъ обособленіе еврейства отъ остального населенія и все болѣе дѣлаетъ евреевъ чуждымъ племенемъ, которому нечего добиваться на русской почвѣ. Этимъ оно помимо желанія играетъ въ руку царизму и потому правительство терпѣло его до сихъ поръ. Теперь, конечно, большинство сіонистовъ излечится отъ надеждъ, возлагавшихся ими на царя.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что главнымъ виновникомъ кишиневскихъ убійствъ является русское самодержавное правительство; косвенно оно виновато тѣмъ, что умышленно держитъ народныя массы въ невѣжествѣ, тщательно изолируя ихъ отъ остального міра и отъ всякихъ новыхъ „идей“; прямымъ же виновникомъ оно является въ лицѣ своихъ мѣстныхъ органовъ, которые были дѣятельными подстрекателями массы въ кишиневскомъ погромѣ. Но существуетъ и другой виновникъ этихъ ужасовъ. Уже давно русскій царизмъ палъ бы подъ тяжестью своихъ прегрѣшеній, если бы онъ не находилъ себѣ постоянно моральной и финансовой поддержки въ Западной Европѣ. Правительства наиболѣе передовыхъ культурныхъ государствъ Европы поддерживаютъ систему, плодящую такія позорныя явленія; французская республика вступаетъ съ царизмомъ въ союзъ, „товарищъ“ Мильеранъ цѣлуетъ ему руку. Не менѣе услужливой передъ царизмомъ выказала себя и „большая“ пресса Европы, и при любезномъ содѣйствіи правительствъ и прессы западноевропейскіе финансисты всячески старались, чтобы русскій царь при каждомъ займѣ получалъ ровно столько, сколько ему было нужно для того, чтобы отсрочить банкротство своего режима. Эта пресса и этотъ финансовый міръ, — а вѣдь о переполненіи этихъ сферъ іудеями такъ много кричатъ наши антисемиты, — прекрасно знаютъ, кого они поддерживаютъ. Вѣдь царизмъ никогда не дѣлалъ тайны изъ своей вражды къ евреямъ, и достаточно часто онъ проявлялъ ее разными законными и незаконными преслѣдованіями евреевъ. И если, несмотря на это, финансисты всегда приходятъ на помощь царизму съ новыми милліардами, то этимъ они ясно доказываютъ, что капиталъ и его слуги плюютъ на всякую гуманность тамъ, гдѣ имъ въ перспективѣ виднѣется прибыль; они доказываютъ также, какъ мало значитъ принадлежность къ одной расѣ, какъ мало евреи Россіи могутъ ожидать отъ еврейскаго капитала Западной Европы. И пусть русское еврейство не дастъ себя обмануть тѣми воплями, которые теперь подняла капиталистическая пресса. Европейскій капиталъ будетъ продолжать поддерживать царизмъ, какъ онъ поддерживаетъ и румынское правительство. Въ позорномъ кишиневскомъ событіи часть вины падаетъ и на безразборчивость интернаціональнаго еврейскаго капитала и его органовъ. Еврейская солидарность, солидарность евреевъ всѣхъ классовъ, становится пустымъ звукомъ, лишь только дѣло идетъ болѣе, чѣмъ о грошевой милостынѣ, лишь только приходится сообща выступать противъ могущественнаго противника.

Подлинной, дѣйствительной является лишь солидарность пролетаріата всѣхъ языковъ, всѣхъ націй. Въ классовой борьбѣ соціалистическаго пролетаріата исчезаетъ глубоко вкоренившаяся противоположность между неграми и бѣлыми въ Америкѣ, между іудеями и „арійцами“ въ Европѣ.

Только въ этой солидарности почерпнетъ еврейскій пролетаріатъ силу, способную дать ему защиту отъ его притѣснителей. Чѣмъ сильнѣе будетъ соціалистическое движеніе, тѣмъ менѣе можетъ опасаться все еврейство въ цѣломъ, что направленная по ложному пути ярость отчаявшихся народныхъ массъ обрушится на еврейское гетто; вмѣсто того, чтобы обратиться противъ своего истиннаго врага — самодержавія, этого защитника всякаго варварства.

И пусть солидарность между еврейскимъ и не-еврейскимъ пролетаріатомъ въ Россіи сдѣлается еще тѣснѣе, чѣмъ была донынѣ, — пусть она будетъ результатомъ этой ужасной кровавой кишиневской драмы, чтобы хотя не даромъ была пролита кровь несчастныхъ кишиневскихъ жертвъ.

К. Каутскій.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЦИТАТЫ.

„Рев. Россія“ цитируетъ въ 24 номерѣ нѣсколько строкъ изъ одной моей статьи, писанной въ 1890 году, причемъ снабжаетъ цитату слѣдующимъ вступленіемъ:

„Правда, указываемая здѣсь статья написана давно — когда В. Засуличъ еще не вступала въ „Лигу Русской Революціонной Соціальдемократіи“, не знакомила нѣмецкой публики (въ журналѣ „Neue Zeit“) съ дѣятельностью русскихъ террористовъ по извѣстнымъ статьямъ „Искры“ и не составила себѣ мнѣнія о террорѣ, которое находится въ полномъ противорѣчіи съ исторической дѣйствительностью. Но тогда впечатлѣнія ея были живѣе, и тѣмъ цѣннѣе, конечно, для насъ ея прежнія свидѣтельства“.

Само свидѣтельство заключается въ томъ, что: „геройская борьба террористовъ продолжала держать въ возбужденномъ настроеніи значительное число мирныхъ либеральныхъ обывателей, отозвалась на офицерствѣ и глубоко волновала студенчество“. Далѣе говорится, что „будь тогда въ Петербургѣ возможно возстаніе, которое выставило-бы въ своемъ знамени требованіе свободы и созванія народныхъ представителей, вышеупомянутые общественные элементы сыграли-бы въ немъ ту же роль, какую играли въ политическихъ революціяхъ Зап. Европы XIX вѣка.“

Эта статья, помѣщенная въ первомъ номерѣ журнала „Соціаль-Демократъ“, подъ заглавіемъ: „Революціонеры изъ буржуазной среды“, была направлена противъ общераспространеннаго тогда мнѣнія, что революціонность нашей интеллигенціи составляетъ нѣчто небывалое въ исторіи Запада, гдѣ „буржуазныя революціи дѣлала буржуазія“. Проводя параллель между нашей революціонной молодежью и тѣми революціонерами изъ буржуазной среды, которые подготовляли революцію и участвовали въ возстаніяхъ на Западѣ, я брала наше движеніе цѣликомъ, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, когда оно захватило широкіе слои учащейся молодежи. По моему мнѣнію, студенчество — не только семидесятыхъ, но даже шестидесятыхъ гг. — было уже достаточно возбуждено, чтобы броситься въ возстаніе. Но до Народной Воли сперва безмѣрная идеализація крестьянъ, а затѣмъ и бакунизмъ могли-бы внести отрицательную нотку въ отношеніе революціонеровъ (а подъ ихъ вліяніемъ и студенчества) къ городскому возстанію за „буржуазную“ свободу. У народовольцевъ-же, отказавшихся отъ расчетовъ на крестьянское возстаніе, это отрицательное отношеніе потеряло силу.

Оцѣнка террористическаго способа борьбы не входила въ задачи статьи. О терроризмѣ въ ней говорится лишь мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе, эта оцѣнка все-же проскальзываетъ въ строкахъ непосредственно слѣдующихъ за мѣстомъ, цитированнымъ „Р. Р.“ Сказавъ, что ни либераламъ, ни студентамъ дѣлать при террорѣ было нечего, я добавляю, что вызванное имъ взволнованное настроеніе „только *исчерпывало, истощало нравственныя силы* интеллигенціи. Упадокъ движенія въ восьмидесятыхъ годахъ не можетъ быть приписанъ одной ловкости полиціи, — въ немъ играла несомнѣнную роль *нервная усталость самой интеллигенціи*“. Послѣднихъ строкъ „Рев. Россія“, разумѣется, не приводитъ, довольствуясь моимъ свидѣтельствомъ о силѣ впечатлѣнія, производимаго терроромъ. Но вѣдь такихъ свидѣтельствъ она могла-бы найти сколько угодно и въ моихъ статьяхъ въ „Искрѣ“ или въ „Neue Zeit“. Въ послѣднемъ, напримѣръ, я привожу цѣлый рядъ относящихся сюда восклицаній соціалистовъ-революціонеровъ, закончивъ его торжествующимъ вопросомъ одной прокламаціи: „Развѣ девять изъ десяти образованныхъ русскихъ людей не привѣтствовали съ восторгомъ казнь Сипягина?“ И я подтверждаю все это: да, привѣтствовали, — да, терроръ неудержимо вызываетъ радостное чувство удовлетворенія и торжества надъ врагомъ. Но, прибавляю, конечно, что если-бы всѣ революціонныя силы, вызванныя къ жизни современнымъ движеніемъ, поддались сладкому чувству этого фиктивнаго торжества и ложнаго удовлетворенія и стали-бы жаждать и ждать его повторенія, то такое настроеніе снова привело-бы къ „истощенію нравственныхъ силъ“ и упадку движенія — внезапному, если-бы терроръ, идя crescendo, прекратился, лишь достигнувъ своего высшаго пункта (1 марта 1881 года), или постепенному, если-бы террористическіе факты не усиливались, а только повторялись, производя постепенно все меньше и меньше впечатлѣнія. Объ „истощеніи нравственныхъ силъ“, отмѣченномъ въ первомъ номерѣ „Соціаль-Демократа“, въ „Neue Zeit“ говорится подробнѣе, но если-бы „Рев. Россія“ заглянула въ другія книжки того-же „Соціаль-Демократа“, прекратившагося въ началѣ 1892 г., то нашла-бы въ статьѣ по поводу романа Степняка еще болѣе подробное описаніе того-же процесса истощенія, въ зависимости отъ силы производимаго впечатлѣнія. Приведу нѣсколько выдержекъ. Показавъ, что по самымъ свойствамъ террора активную роль въ немъ могутъ играть очень немногіе, я продолжаю: „Въ остальной массѣ революціонеровъ политическія убійства возбуждали не подражаніе, а лишь страстныя, но неосуществимыя мечты и восторги. Но въ то-же время предъ блескомъ террористическихъ подвиговъ тускнѣли въ ея глазахъ всѣ другія отрасли революціонной дѣятельности, все, кромѣ террора, теряло постепенно всякую привлекательность, переставало считаться революціоннымъ. Такимъ образомъ, самою силою производимаго впечатлѣнія терроръ еще болѣе суживалъ и безъ того узкій потокъ революціоннаго движенія.... Страстные борцы стремились къ самому лучшему, къ самому революціонному поведенію... Царь былъ убитъ, но дальше въ избранномъ направленіи идти было некуда, дѣлать нечего и движеніе быстро пошло подъ гору.... На этотъ разъ въ противоположность погрому 74 года, съ арестомъ дѣйствовавшихъ революціонеровъ исчезла самая возможность возобновленія сильнаго движенія. У оставшейся молодежи не было въ виду никакого привлекательнаго дѣла, никакой сколько-нибудь выполнимой программы, никакихъ цѣльныхъ воззрѣній, — ничего, кромѣ мечты, о подражаніи террористамъ“ („Соц.-Демократъ“ № 4, стр. 103-6).

Ни „Искры“, ни „Лиги“ въ 1891 году не существовало, и живость моихъ воспоминаній романъ Степняка могъ только усилить, а, между тѣмъ, отрицательное отношеніе къ террору едва-ли выражено здѣсь слабѣе, чѣмъ въ „Neue Zeit“ или въ „Искрѣ“. На самомъ дѣлѣ, мой взглядъ на систему политическихъ убійствъ, предпринимаемыхъ партіей, сложился не теперь и не тогда, когда издавался „Соціаль-Демократъ“, а еще въ то время, когда дѣятельность Народной Воли принадлежала не исторіи, а текущей дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе, между моими статьями въ „Соціаль-Демократѣ“ и теперешними разница, дѣйствительно, существуетъ. Мой взглядъ на терроръ не измѣнился, но мое отношеніе къ Народной Волѣ, отразившееся въ тонѣ статьи, также сильно отличается отъ отношенія къ соціалистамъ-революціонерамъ, какъ отличаются отъ старыхъ народовольцевъ ихъ новѣйшіе подражатели. Но здѣсь не мѣсто проводить параллель между ними — это потребовало-бы отдѣльной статьи.

„Рев. Россія“ утверждаетъ, что въ противоположность террору Народной Воли, терроръ соціалистовъ-революціонеровъ окончится побѣдой потому, что теперь массовое рабочее движеніе „уже есть и растетъ съ каждымъ днемъ“. Съ своей стороны, мы также убѣждены, что терроръ соціалистовъ-революціонеровъ закончится совершенно иначе, чѣмъ народовольческій, что современное революціонное движеніе переживетъ его и приведетъ къ побѣдѣ. Убѣждены мы въ этомъ потому, что организованную часть „растущаго съ каждымъ днемъ“ массоваго рабочаго движенія составляетъ наша соціальдемократическая партія, которая не допуститъ, чтобы сладкій ядъ фиктивнаго торжества и удовлетворенія, вливающійся въ сердца революціонеровъ при извѣстіи объ убійствѣ того или другого ихъ врага, дѣйствовалъ безъ противоядія провѣрки чувства разумомъ, показывающимъ всю фиктивность и всю мизерность такого удовлетворенія. Мы не дадимъ также соціалистамъ-революціонерамъ увѣрить всѣхъ и каждаго, что „революціонной борьбой“, „отпоромъ“ и проч. слѣдуетъ считать только политическія убійства, и все другое чѣмъ-то почти позорнымъ, требующимъ очищенія выстрѣлами „Боевой Организаціи“, не дадимъ — однимъ словомъ — вызвать того истощенія нравственныхъ силъ, о которомъ я „свидѣтельствую“ въ статьѣ, соблазнившей „Рев. Россію“.

В. Засуличъ.

КТО ФАЛЬСИФИЦИРУЕТЪ?

„Не за рѣзкій обличительный тонъ получаетъ „Искра“ протесты, а за извращеніе того, что ей не нравится“ — вотъ открытіе, сдѣланное нѣкіимъ г. Круповымъ и обнародованное имъ въ № 3 „Вѣстника Русской Революціи“ *). На открытіе это натолкнуло его второе изданіе брошюры Ленина „Задачи русскихъ соціаль-демократовъ“, въ которой онъ усмотрѣлъ ни болѣе, ни менѣе, какъ „историческую фальсификацію“. Въ настоящее время, говоритъ г. Круповъ, „задачи русскихъ соціаль-демократовъ“, какъ ихъ понимаетъ Ленинъ, признаются „большинствомъ этихъ соціаль-демократовъ“. Но 5 лѣтъ тому назадъ, когда онъ писалъ свою брошюру, онѣ были чужды „соціаль-демократіи“(?). Что же вытекаетъ, спрашиваетъ себя, вѣроятно, читатель, изъ констатированія этого факта? Если взгляды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ доступные пониманію только наиболѣе передовыхъ единицъ изъ нашей партіи, стали теперь господствующими въ ней, то это указываетъ только на то, что она сдѣлала за эти годы значительный шагъ впередъ въ своемъ политическомъ развитіи. Но подобное заключеніе могутъ или могли сдѣлать только читатели, разсуждающіе по обыкновенной человѣческой логикѣ. Г. Круповъ не принадлежитъ къ ихъ разряду. У него своя, новая, логика, которая привела его къ слѣдующему, совершенно неожиданному, заключенію, именно, что „воспроизведеніе брошюрки“ является теперь, „такъ сказать, исторической фальсификаціей“ (стр. 281).

Это обвиненіе составляетъ исходный и центральный пунктъ гнѣвной филиппики, съ которой г. Круповъ выступилъ въ послѣдней книжкѣ „В. Р. Р.“ противъ Ленина и всей нашей Лиги, какъ издательницы его брошюры. Какъ показываютъ ссылки г. Крупова на мое предисловіе къ первому изданію этой брошюры, никто иной, какъ я, ввелъ его въ соблазнъ воспользоваться указаннымъ фактомъ для мотивировки и обоснованія своего „протеста“ противъ насъ — во имя „исторической“ правды. По злой ироніи судьбы, именно мои замѣчанія о незрѣлости нашего движенія въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго изданія брошюры послужили нашему противнику свидѣтельскими показаніями противъ моихъ товарищей.

Вотъ суть той части моего предисловія, на которую ссылается нашъ рыцарь исторической правды.

Авторъ названной брошюры „обращается, главнымъ образомъ, къ противникамъ изъ лагеря революціонной интеллигенціи“, онъ старается „разсѣять укоренившіеся въ нихъ предразсудки и предубѣжденія противъ соціаль-демократіи“, „устранить господствующія“ въ ихъ средѣ „недоразумѣнія на счетъ практическихъ задачъ, *вытекающихъ изъ ученій соціаль-демократіи* **)“. „Преслѣдуя эту цѣль, авторъ естественно долженъ былъ особенно подчеркивать тѣ стороны и тѣ моменты нашего движенія, въ которыхъ тенденція къ постановкѣ и осуществленію этихъ задачъ проявляется, такъ сказать, стихійно, хотя пока еще въ зачаточныхъ формахъ“. Но чѣмъ неуклоннѣе держался авторъ этой цѣли, чѣмъ сильнѣе вниманіе его было поглощено выясненіемъ „задачъ, вытекающихъ изъ ученій соціаль-демократіи“, изложенныхъ въ классическихъ произведеніяхъ нашихъ западныхъ учителей и пропагандировавшихся въ русской соціаль-демократической прессѣ, тѣмъ въ большей мѣрѣ должно было оставаться въ тѣни изображеніе фактическаго хода и состоянія нашего движенія. Отсюда — въ результатѣ впечатлѣніе, какъ будто въ брошюрѣ „помимо воли автора отождествляется то, что *должно* быть, съ тѣмъ, что есть, задачи и тактика, которыя русская соціаль-демократія *должна* преслѣдовать, чтобы остаться вѣрной духу своихъ ученій“, являются какъ бы уже господствующими въ нашемъ движеніи.

---

*) „По поводу одной брошюры“. Примѣчаніе на стр. 245.

**) Курсивъ сдѣланъ мной теперь.

Я считалъ нужнымъ отмѣтить несовпаденіе фактическаго состоянія нашей партіи съ идеаломъ, практики ея съ „духомъ нашихъ ученій“, съ теоріей, потому что какъ разъ около того времени, когда брошюра (манускриптъ) попала въ наши руки, среди нашихъ болѣе молодыхъ товарищей заграницей начала обнаруживаться склонность къ самообольщенію достигнутыми результатами движенія и проявляться стремленіе даже къ возведенію въ систему, въ принципъ партійной „тактики“, съуженіе содержанія соціаль-демократической дѣятельности тѣснымъ кругомъ примитивныхъ интересовъ и потребностей, „непосредственно ощущаемыхъ и сознаваемыхъ“ наиболѣе отсталыми рабочими массами. Авторъ же, вырванный царскими слугами изъ сферы дѣятельности вскорѣ послѣ основанія СПБ. „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, унесъ съ собой въ тюрьму и ссылку совсѣмъ другія впечатлѣнія. Въ своей книгѣ „Что дѣлать?“ онъ разсказываетъ, что піонеры періода сближенія соціаль-демократіи съ массовымъ, стихійнымъ движеніемъ рабочихъ, на почвѣ ихъ повседневныхъ нуждъ и ближайшихъ требованій, „съ *самаго начала* выдвигали и самыя широкія историческія задачи русской соціаль-демократіи вообще, и задачу низверженія самодержавія въ особенности“ (стр. 21-22). Что съ удаленіемъ основателей СПБ. Союза широкія, соотвѣтствующія духу марксизма, практическія тенденціи далеко не были вытѣснены изъ него такъ-наз. „экономизмомъ“, это видно хотя бы изъ отношенія его, да и провинціальныхъ комитетовъ, къ литературной группѣ, отстаивавшей эти тенденціи, къ „Группѣ Освоб. Труда“, получившей отъ него и отъ нихъ полномочіе организовать представительство отъ русской соціаль-демократіи на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ, состоявшемся въ 1896 г. въ Лондонѣ. Въ концѣ того же года Группѣ Освоб. Тр., а затѣмъ, по ея предложенію, „Союзу русскихъ соціаль-демократовъ“, какъ цѣлому, поручена была функція постояннаго представительства русской соц.-демократіи передъ западными рабочими партіями. Вообще, до конца 1897 г., систематическій, сознательный *антагонизмъ* со стороны практиковъ нашего движенія противъ программы, излагаемой въ брошюрѣ, не проявлялся наружу. И въ то время, когда Ленинъ писалъ ее, при томъ въ мѣстахъ, довольно отдаленныхъ отъ поля практической дѣятельности, онъ имѣлъ серьезное основаніе думать, что движеніе органически, неуклонно развивается въ направленіи къ тѣмъ широкимъ перспективамъ, съ которыми носились его піонеры.

Съ другой стороны, кромѣ соціаль-демократическаго, у насъ, около середины 90-хъ годовъ, другого сознательно-революціоннаго движенія почти что и не было. Народовольчество и народоправчество въ очень сильной степени потеряли свое вліяніе на молодежь, симпатіи которой все болѣе и болѣе переходили на сторону марксизма. Чтобы закрѣпить эти симпатіи и обратить ихъ въ прочный источникъ активной революціонной силы, для соц.-демократіи очень важно было окончательно освободить умы, воспитавшіеся на традиціяхъ и литературѣ нашихъ демократическихъ противниковъ, отъ тѣхъ предразсудковъ и предубѣжденій противъ практическихъ *ученій соціаль-демократіи*, которые посѣяны были въ нихъ этой литературой и практическими представителями старыхъ революціонныхъ воззрѣній. Въ „узости“, въ пренебреженіи конкретными наболѣвшими вопросами русской жизни, обвиняли, какъ извѣстно, не тѣхъ или другихъ „практиковъ“ движенія, даже не соціаль-демократическую молодежь вообще, а „*соціаль-демократизмъ*“, какъ таковой; отвѣтственность за односторонности и недочеты движенія, связанные съ его незрѣлостью, съ ранней степенью его развитія, приписывалась самимъ принципамъ и программѣ соціаль-демократіи. Но подъ вліяніемъ относительно быстрыхъ успѣховъ нашей партіи, на почвѣ массовой агитаціи и видимаго умиранія старыхъ фракцій, естественно было питать надежду на то, что съ этими предубѣжденіями легко будетъ справиться — путемъ мирнаго положительнаго выясненія, съ одной стороны, дѣйствительныхъ задачъ соц.-демократическаго движенія, какъ онѣ логически обусловливаются его ученіями и неоднократно были формулированы въ изданіяхъ, редактировавшихся Группой Осв. Тр. а съ другой — *политическаго* значенія *фактической* агитаціи и пропаганды соціаль-демократовъ — не смотря на зародышевыя формы той и другой. Вотъ подлинныя слова Ленина, прямо указывающія цѣль, которую онъ поставилъ себѣ, принимаясь за свою брошюру.

„Именно въ этой области“, въ области практическихъ вопросовъ *соціаль-демократизма*, „господствуетъ, кажется намъ, больше всего недоразумѣній и взаимнаго непониманія, препятствующаго полному сближенію съ *соціаль-демократизмомъ* тѣхъ революціонеровъ, которые въ теоріи отрѣшились вполнѣ отъ народовольчества“. „Поэтому, намъ кажется особенно своевременной попытка *разъяснить практическія* задачи соціаль-демократіи и изложить тѣ основанія, по которымъ мы считаемъ ея программу наиболѣе раціональной изъ трехъ наличныхъ программъ, а возраженія противъ нея основанными въ значительной степени на недоразумѣніи“**).

Такимъ образомъ, сама задача, выдвигавшаяся передъ авторомъ обстоятельствами даннаго момента, требовала сосредоточенія его вниманія на выясненіи *принципіальныхъ* практическихъ взглядовъ и программы *соціаль-демократіи*, а никакъ не на характеристикѣ фактическаго состоянія нашего юнаго движенія въ этотъ моментъ. Вѣрнѣе, въ выясненіи этихъ взглядовъ и этой программы и состояла его задача, фактическое же изображеніе выходило изъ рамокъ этой задачи. Но указаніе на отсталость русской соціаль-демократіи сравнительно съ ея историческими задачами — оказалось нужнымъ черезъ годъ послѣ того, какъ брошюра была написана, когда внутри и на периферіи нашей партіи началъ формироваться консервативный элементъ, стремившійся на неопредѣленное время задержать ее на достигнутой ею ступени развитія.

Такова историческая подкладка и дѣйствительный смыслъ брошюрки, съ одной стороны, и вышеприведенныхъ строкъ изъ моего предисловія, съ другой. Посмотрите теперь, какой смыслъ онѣ получили въ переводѣ на языкъ г. Крупова, выступившаго противъ насъ на защиту попранной, де, нами „исторической“ правды.

„Итакъ — восклицаетъ онъ — главная задача брошюрки — *борьба противъ* революціонной интеллигенціи“. Какъ видите, *обращеніе* Ленина *къ* противникамъ въ интересахъ „*полнаго сближенія*“ съ ними нашъ рыцарь правды подмѣнилъ *войной противъ* революціонной интеллигенціи. Ну, а на войнѣ, какъ извѣстно, ужъ не до выясненія „недоразумѣній“, тутъ уже всѣ усилія направлены къ тому, чтобы истребить, уничтожить врага. A la guerre comme à la guerre. На этомъ основаніи г. Круповъ смѣло заявляетъ, что если авторъ „Задачъ“ „утверждаетъ отъ имени соціаль-демократіи, что послѣдняя *смотритъ* такъ-то и *дѣлаетъ* то-то, а не *должна*, по его мнѣнію, такъ поступать, то эти невѣрныя и субъективныя утвержденія приходится *объяснить чрезмѣрнымъ полемическимъ* увлеченіемъ“ (стр. 280, курсивъ мой). Однако, онъ настолько великодушенъ, что готовъ, „пожалуй, согласиться съ Аксельродомъ, который говоритъ въ своемъ предисловіи, что авторъ „помимо воли“ отождествляетъ „то, что должно быть, съ тѣмъ, что есть“. Другими словами, что авторъ не преднамѣренно, не тенденціозно выдвинулъ на первый планъ принципіальныя задачи „*соціаль-демократизма*“, т. е. всего нашего направленія, а не куцыя представленія о нихъ нашихъ политическихъ младенцевъ. Но — слабъ нашъ правдолюбецъ противъ соблазна уличить своего противника въ сознательномъ „извращеніи“ фактовъ. Не даромъ же онъ дѣйствительную задачу брошюры подмѣнилъ фиктивной, противоположной. И вотъ онъ на той же страницѣ, которую я только что цитировалъ, спѣшитъ сдѣлать болѣе рѣшительную вылазку: „Мы не послѣдуемъ за Аксельродомъ еще дальше въ область психологическихъ экскурсій и не будемъ допытываться: вполнѣ-ли мимовольно авторъ невѣрно изображалъ дѣйствительность, или же *сознательно* (курс. мой), ad majorem gloriam русскаго соціаль-демократизма вносилъ субъективное освѣщеніе въ факты. Дѣло минувшее и темное“. Но если по отношенію къ первому изданію могутъ быть еще нѣкоторыя сомнѣнія, то о нихъ и рѣчи быть не можетъ по отношенію ко второму изданію. Между тѣмъ и другимъ лежитъ періодъ „экономизма“. Поэтому, „перепечатывая теперь безъ измѣненія“ „старую брошюрку о ‚Задачахъ‘“, Загр. Лига Русской Рев. Соц.-Демократіи поступаетъ уже никакъ не „помимо“, а вполнѣ по своей волѣ и грѣшитъ *сознательной невѣрностью* фактамъ (курс. мой). „Воспроизведеніе брошюрки теперь является, такъ сказать, исторической фальсификаціей“*). Такова квинтъ-эссенція и окончательный выводъ изъ тѣхъ лжетолкованій, которымъ г. Круповъ подвергъ брошюрку о „Задачахъ“ и мое предисловіе къ ней. А дальше идутъ разныя жалобы на „ортодоксальныхъ“ марксистовъ, на огорченія, обиды и несправедливости, вѣчно причиняемыя ими своимъ буржуазно-революціоннымъ противникамъ.

Для того, чтобы окончательно доказать свой обвинительный тезисъ, нашему рыцарю исторической правды пришлось извратить слова и мысли тѣхъ, противъ которыхъ онъ выступилъ въ защиту этой правды. Мы уже видѣли, какъ онъ подмѣнилъ дѣйствительную цѣль брошюры другою противоположною, и какъ, на почвѣ этой подтасовки, попытка Ленина „разъяснить“ нашимъ противникамъ *дѣйствительныя* задачи нашего движенія превратились подъ перомъ г. Крупова въ показываніе нами нашего товара лицомъ, въ „невѣрное“ изображеніе дѣйствительности — во славу „русскаго соціаль-демократизма“. Но для обоснованія этого утвержденія нашъ рыцарь правды старается увѣрить читателей — а быть можетъ, и самого себя — въ томъ, что въ брошюрѣ рѣчь идетъ о „Задачахъ“, впервые открытыхъ и формулированныхъ ея авторомъ, что задачи эти „пять лѣтъ тому назадъ“ являлись своего рода только что открытой Америкой, что онѣ, однимъ словомъ, были тогда совершенно чужды соціаль-демократіи и составляли личное частное достояніе Ленина. Г. Крупова злитъ и раздражаетъ недоумѣніе Ленина по поводу „крайне распространеннаго мнѣнія, будто русская соц.-демократія отодвигаетъ назадъ политическія задачи“ — въ то время, какъ онѣ давно и многократно „излагались уже въ заграничныхъ брошюрахъ и книгахъ Груп. Освоб. Тр.“ Редактировавшійся этой Группой популярный сборникъ („Работникъ“) былъ предпринятъ по иниціативѣ и издавался при нравственной и матеріальной поддержкѣ активныхъ элементовъ соціаль-демократіи въ самой Россіи. А въ этомъ сборникѣ съ первой страницы до послѣдней, на разные лады, по поводу различнѣйшихъ вопросовъ и событій, систематически пропагандировались тѣ именно задачи, изложенію которыхъ посвящена брошюра Ленина. Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, часть представителей нашего движенія уже „пять лѣтъ тому назадъ“ раздѣляла взгляды послѣдняго на наши задачи. Нагляднымъ показателемъ уровня политическаго развитія наиболѣе передовыхъ элементовъ русской соц.-демократіи въ началѣ 1898 г. является извѣстный Манифестъ, принятый ею на своемъ первомъ съѣздѣ. Нужно-ли еще говорить о томъ, что Манифестъ этотъ стоитъ на той же почвѣ, какъ и брошюра Ленина? А еще до съѣзда, въ декабрѣ 1897 г., появился № 2 „Рабочей Газеты“, опять таки выдвинувшей на первый планъ задачи, о которыхъ трактуетъ цитируемая г. Круповымъ брошюра. Газета эта поддерживалась всѣми, или по крайней мѣрѣ, большинствомъ соціаль-демократическихъ кружковъ и фактически являлась органомъ партіи. Отчего же г. Круповъ, защитникъ исторической правды, такъ тщательно обходитъ молчаніемъ всѣ эти факты? Да оттого, что они уничтожаютъ центральный пунктъ, главный базисъ его филиппики (или пасквиля?) — обвиненіе Ленина въ томъ, что онъ де свои частныя измышленія выдавалъ за коллективное достояніе соц.-демократіи. Не правда-ли, Ленину слѣдовало бы поступить на-оборотъ? Излагаемые имъ взгляды интернаціональной и русской соц.-демократіи выдать за свое собственное открытіе и скромно провозгласить себя соц.-демократическимъ Колумбомъ. Но вѣдь въ этомъ случаѣ вы бы, г. Круповъ, лишились базиса для изобличенія Лиги въ „исторической фальсификаціи“. Вамъ же хуже было бы. Приспособляя мои слова къ своей обличительной цѣли, г. Круповъ выбрасываетъ изъ нихъ все, что является для него камнемъ преткновенія на пути къ этой цѣли. Онъ цитируетъ мое указаніе на то, что изъ характеристики (въ брошюрѣ) задачъ нашего движенія выносится впечатлѣніе, какъ будто оно уже осуществляетъ ихъ, но благоразумно ставитъ въ цитатѣ три точки на мѣсто словъ, оттѣняющихъ органическую, неразрывную связь этихъ задачъ съ самой сущностью соціаль-демократизма. Я говорю тамъ, что русская соціаль-демократія должна преслѣдовать задачи и так-

---

*) „Задачи“, стр. 2. Подъ тремя программами авторъ подразумѣваетъ: народовольческую, народоправческую и соціаль-демократическую.

*) См. „В. Р. Р.“, стр. 281.

„Ортодоксальное“ буквоѣдство*).

Неумолимый Рязановъ не ограничился тѣмъ, что прочиталъ намъ строгую и въ то же время ехидную нотацію по поводу „*союза и*“. Онъ подвергъ своему критическому разбору весь нашъ взглядъ на *основную причину промышленныхъ кризисовъ* и объявилъ его неудовлетворительнымъ и не „ортодоксальнымъ“. Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на этотъ предметъ, по его словамъ, совсѣмъ не такъ, какъ мы. Мы и здѣсь уклонились отъ ортодоксіи, убоявшись г. Бернштейна и его единомышленниковъ. Но мы уже знаемъ, что у Рязанова *разсудокъ* гораздо слабѣе *памяти*; мы видѣли, кромѣ того, что даже и память измѣняетъ ему подчасъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Посмотримъ же, не напуталъ ли онъ чего-нибудь и въ *общей теоріи кризисовъ*.

Чтобы какъ можно скорѣе уличить насъ въ ереси, Рязановъ прямо и рѣшительно ставитъ намъ вопросъ о томъ, чѣмъ обусловливается *перепроизводство*, проявляющееся, — какъ говоритъ нашъ проектъ программы, — въ болѣе или менѣе острыхъ кризисахъ, за которыми слѣдуютъ болѣе или менѣе продолжительные періоды промышленнаго застоя. Нашъ проектъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, говоря, что перепроизводство представляетъ собою неизбѣжное слѣдствіе техническаго прогресса (т. е. развитія производительныхъ силъ) въ буржуазномъ обществѣ, производственныя отношенія котораго, уже и сами по себѣ крайне невыгодныя для рабочаго, все болѣе и болѣе измѣняются въ пользу капиталиста, причиняя этимъ относительное, а мѣстами даже и абсолютное ухудшеніе положенія пролетаріата. Но именно этотъ отвѣтъ и не нравится нашему будто бы ортодоксальному критику, именно противъ него-то и направляетъ онъ острый ножъ своего критическаго анализа. Самымъ первымъ и, какъ ему кажется, самымъ неопровержимымъ доводомъ противъ нашего взгляда служитъ у него слѣдующая выписка изъ второго тома „*Капитала*“: „Сказать, что кризисы происходятъ отъ недостатка способныхъ платить потребителей, будетъ простымъ тождесловіемъ. Капиталистическій строй не знаетъ иного рода потребленія, кромѣ платящаго, исключая лицъ, пользующихся общественнымъ призрѣніемъ, и мошенниковъ. То, что товары не находятъ сбыта, означаетъ только, что они не находятъ покупателей, способныхъ заплатить за нихъ, т. е. не находятъ потребителей (предполагая, что товары покупаются, въ концѣ концовъ, для производительнаго или личнаго потребленія). Если же этому тождесловію придать видъ болѣе глубокой основательности, сказавъ, что рабочій классъ получаетъ слишкомъ незначительную долю своего собственнаго продукта, и что бѣдѣ можно помочь, увеличивъ долю его участія, вслѣдствіе чего повысится его заработная плата, то на это придется только замѣтить, что кризисъ каждый разъ подготовляется какъ разъ такимъ періодомъ, въ продолженіе котораго заработная плата вообще повышается, и когда, въ дѣйствительности, рабочій классъ получаетъ большую долю въ той части годичнаго продукта, которая предназначена для потребленія. Такіе періоды должны были бы, наоборотъ, предотвратить кризисы, съ точки зрѣнія этихъ рыцарей „простого“ здраваго смысла. Слѣдовательно, оказывается, что капиталистическое производство заключаетъ въ себѣ условія, независимыя ни отъ доброй воли, ни отъ злого умысла, допускающія сравнительное благосостояніе рабочаго класса только на короткое время и которыя бываютъ всегда только буревѣстниками кризиса“.

Рязановъ думаетъ, что эта цитата разомъ ниспровергаетъ весь нашъ взглядъ на основную причину кризисовъ. Но онъ думаетъ такъ единственно потому, что, *запомнивъ* нѣкоторые термины Маркса, онъ *не понялъ* ни его экономическаго ученія вообще, ни только что приведенной цитаты въ частности.

Какой выводъ вытекаетъ изъ этой цитаты? Тотъ, — и только тотъ, — что капиталистическое производство въ самомъ себѣ заключаетъ условія, независящія отъ воли людей и роковымъ образомъ ведущія къ кризисамъ. Этотъ выводъ сдѣланъ самимъ Марксомъ и его, разумѣется, трудно было бы оспаривать. Но этотъ выводъ ни крошечки не опровергаетъ насъ, потому что *мы никогда и не утверждали противнаго*. Вѣдь нашъ проектъ именно и говоритъ, что тѣ условія, при которыхъ развиваются производительныя силы въ капиталистическомъ обществѣ, неизбѣжно (т. е. независимо отъ воли людей) ведутъ къ перепроизводству. Не противорѣчитъ нашему взгляду и то замѣчаніе Маркса, что ссылка на отсутствіе способныхъ платить потребителей не объясняетъ происхожденія кризисовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что — *не объясняетъ*, такъ какъ весь вопросъ въ томъ и заключается, *чѣмъ вызвано отсутствіе названныхъ потребителей*. Кто хочетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, тотъ долженъ показать, *въ какой причинной связи находится это отсутствіе* съ общимъ характеромъ и развитіемъ производственныхъ отношеній въ капиталистическомъ обществѣ. Нашъ проектъ немногими словами *обнаруживаетъ эту причинную связь*. Онъ показываетъ, что развитіе капиталистическихъ отношеній роковымъ образомъ (т. е. опять таки независимо отъ воли отдѣльныхъ лицъ) ведетъ къ относительному, а иногда и абсолютному обѣднѣнію пролетаріата. И здѣсь, — какъ и повсюду, — нашъ проектъ остается вполнѣ вѣрнымъ ученію Маркса, который категорически утверждаетъ, что „*послѣдней причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ остается всегда* (замѣтьте, Рязановъ, **всегда**) *бѣдность и ограниченность потребленія массъ, противодѣйствующая стремленію капиталистическаго общества развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ если бы границей ихъ развитія была лишь абсолютная потребительная способность общества*“.*) Пусть Рязановъ потрудится доказать намъ, что это категорическое утвержденіе Маркса хоть немного противорѣчитъ тому, что сказано въ нашемъ проектѣ.

Рязановъ хорошо и самъ знаетъ, что никакого противорѣчія тутъ нѣтъ, и онъ предвидитъ, что мы — если найдемъ нужнымъ съ нимъ спорить, — укажемъ ему именно на только что приведенныя слова Маркса. Поэтому онъ самъ счелъ нужнымъ процитировать ихъ, сдѣлавъ по поводу ихъ слѣдующее замѣчаніе: „Но изъ этого еще далеко не слѣдуетъ, что „основатели научнаго соціализма“ могли-бы удовлетвориться при объясненіи кризисовъ ссылкой на „распредѣленіе національнаго дохода“, на несоотвѣтствіе покупательной способности населенія данной страны, ея производительнымъ силамъ“, на „относительное и даже абсолютное ухудшеніе положенія рабочаго класса“ и т. д.“

Я остановлюсь на этомъ замѣчаніи потому, что оно чрезвычайно хорошо характеризуетъ „критическую“ манеру и методъ мышленія Рязанова, если только можно говорить о методѣ *мышленія* человѣка, привыкшаго оперировать *только словами*.

Марксъ и Энгельсъ не удовлетворились-бы при объясненіи кризисовъ ссылкой на распредѣленіе національнаго дохода, на бѣдность массъ и т. д. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь и мы „не *удовлетворяемся*; вѣдь и мы *идемъ дальше*, показывая, какимъ образомъ *распредѣленіе національнаго или*, — если угодно, — *общественнаго дохода обусловливается развитіемъ производственныхъ отношеній*. Почему-же Рязановъ объявляетъ насъ „*удовлетворенными*“? Просто потому, что ему нечего сказать, и что онъ „критикуетъ“ подобно тому непривлекательному герою въ одной изъ комедій Плавта, который, попавъ въ затрудненіе, восклицаетъ: „теперь я долженъ путать, этого требуетъ положеніе дѣлъ!“

А кромѣ того, я спрошу Рязанова: *гдѣ, въ какомъ случаѣ* Марксъ и Энгельсъ не удовлетворились-бы ссылкой (разумѣется, не искаженной, а правильно понятой) на распредѣленіе дохода и т. д.? Если-бы они писали спеціальное изслѣдованіе о кризисахъ, то, разумѣется, имъ этой ссылки было-бы недостаточно. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ указаніи послѣдней причины кризисовъ, — а въ нашемъ проектѣ она идетъ именно о ней, — они не только удовлетворились-бы, но и *на самомъ дѣлѣ удовлетворялись* названной ссылкой, что доказывается приведеннымъ мною мѣстомъ изъ третьяго тома „*Капитала*“, написаннымъ Марксомъ и оставленнымъ Энгельсомъ безъ всякихъ поправокъ и комментаріевъ, какъ нѣчто совершенно очевидное и неоспоримое.

Рязановъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не выяснили, чѣмъ отличается теорія кризисовъ Маркса отъ теоріи кризисовъ Родбертуса. Это поистинѣ комичный упрекъ: въ проектѣ программы совсѣмъ не мѣсто заниматься исторіей экономическихъ ученій. Но что нашего указанія на распредѣленіе національнаго дохода недостаточно для того, чтобы объявить насъ *родбертусіанцами*, это ясно видно изъ слѣдующихъ строкъ Маркса:

„Все количество товаровъ, — какъ та часть, которая возмѣщаетъ постоянный и перемѣнный капиталъ, такъ и та, которая представляетъ прибавочную стоимость, — весь продуктъ долженъ быть проданъ. Если это не произойдетъ или произойдетъ только отчасти, или лишь по такимъ цѣнамъ, которыя ниже цѣнъ производства, то хотя рабочіе и эксплуатируются, но эксплуатація ихъ для капиталиста не реализируется... Условія непосредственной эксплуатаціи и условія реализаціи нетождественны. Они не только не совпадаютъ во времени и въ пространствѣ, но представляютъ собою совершенно различныя понятія. Одни ограничиваются производительными силами общества, другіе — соразмѣрностью различныхъ отраслей производства и *потребительной способностью общества*.*) Послѣдняя-же опредѣляется не абсолютною производительною силою и не абсолютною потребительною способностью, но потребительною способностью *на почвѣ антагонистическихъ условій распредѣленія, сводящихъ потребленіе значительнѣйшаго большинства общества къ наименьшей величинѣ, измѣняющейся лишь въ болѣе или менѣе узкихъ предѣлахъ*.**). Она ограничивается далѣе стремленіемъ къ накопленію, стремленіемъ къ увеличенію капитала, къ производству прибавочной стоимости въ болѣе широкихъ размѣрахъ... Поэтому, рынокъ долженъ постоянно расширяться... Внутреннее противорѣчіе пытается разрѣшиться расширеніемъ внѣшняго поля производства. *Но чѣмъ болѣе развивается производительная сила, тѣмъ болѣе она впадаетъ въ противорѣчіе съ узкимъ базисомъ, на которомъ основываются отношенія потребленія*“.***)

---

*) См. фельетонъ № 41 „*Искры*“.

*) „Капиталъ“, томъ третій, стр. 395.

*) Подчеркнуто мною. **) Подчеркнуто опять мною. Г. П.

***) „*Капиталъ*“, третій томъ, стр. 189 русскаго перевода. Этотъ переводъ мѣстами очень неудаченъ, потому я сдѣлалъ кое-какія поправки въ выписанныхъ мною строкахъ. Послѣднія строки опять подчеркнуты мною.

тику, на которыя указываетъ брошюра, „*чтобы остаться вѣрной духу своихъ ученій*", излагавшихся, какъ отмѣчаетъ Ленинъ, „много разъ" въ нашей литературѣ. Но слова эти (подчеркнутыя) назойливо напоминаютъ г. Крупову, что брошюра излагаетъ не личные взгляды автора, а *общія* воззрѣнія *соціаль-демократіи*, а потому — прочь ихъ, какъ показаніе, подрывающее весь фундаментъ его обличительнаго произведенія! Избавившись такимъ „объективнымъ" путемъ отъ непріятнаго показанія, онъ вдругъ, съ наивностью ребенка, задаетъ такой вопросъ: „Если этотъ послѣдній (Аксельродъ) призналъ, что задачи и тактика" русской соціаль-демократіи, какъ онѣ изложены въ брошюрѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то спрашивается, о какихъ же „предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ" противъ соціаль-демократіи говоритъ онъ тутъ же, на той же страницѣ своего предисловія? Называть реальныя обвиненія русскихъ соц.-дем. въ узости, въ отодвиганіи на задній планъ политич. задачъ, предразсудками, т. е. не признавать, что упреки, адресованные соціаль-демократіи, имѣли основаніе, и въ то же время внушать читателю, что они были безпочвенны („предразсудки") — это такая странная логика, которой, пожалуй, никакой діалектикой не объяснишь" (стр. 280).

О, святая простота! Вы не знаете, о какихъ „предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ" я говорю? Вы только прикидываетесь, что не знаете. Я говорю о тѣхъ самыхъ предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ, которые плодила и распространяла ваша „народовольческая" и вообще демократическая пресса противъ ученій нашихъ западныхъ учителей, противъ „*соціаль-демократизма*" вообще и противъ программныхъ и тактическихъ воззрѣній, пропагандировавшихся въ нашей литературѣ вплоть до того момента, когда редакція изданій заграничнаго Союза русск. соц.-дем. перешла изъ рукъ Гр. Освоб. Тр. въ руки другихъ лицъ, въ частности. Я говорю о предубѣжденіяхъ противъ самыхъ принциповъ *соціаль-демократіи*, которыя сѣяла ваша пресса, начиная съ „Вѣстника Нар. Воли", „Своб. Россіи", и кончая статьей покойнаго Лаврова въ № 4 „Лет. Лист. Нар. Воли". И вы сами, въ своей же статьѣ, не стѣсняетесь повторять тѣ же, говоря вашими словами, „реальныя (?!) обвиненія русскихъ соціаль-демократовъ". Вотъ этимъ-то предразсудкамъ и предубѣжденіямъ и противопоставлены въ брошюрѣ дѣйствительныя, а не фальсифицированныя задачи нашего движенія.

Цѣлый рядъ извращеній и подтасовокъ понадобился г. Крупову для того, чтобы обосновать свой, въ сущности, нелѣпый обвинительный тезисъ, гласящій, что, „перепечатывая теперь безъ измѣненій эту старую брошюрку", Лига „грѣшитъ сознательной невѣрностью фактамъ", и является виновницей „исторической фальсификаціи". Какимъ „фактамъ", „фальсификаціей" чего? Вѣдь брошюра не содержитъ въ себѣ *очерка* нашего движенія и авторъ не обѣщалъ дать въ ней такой фактическій очеркъ. Она излагаетъ только принципіальныя задачи движенія во всемъ его цѣломъ. А задачи эти, по признанію самого г. Крупова, именно въ послѣднее время вошли въ общее сознаніе массы соціаль-демократовъ. Такъ въ чемъ же, какія измѣненія, по *существу*, могли быть сдѣланы? Авторъ иллюстрируетъ свои мысли кое гдѣ примѣрами изъ практики нашего движенія въ концѣ первой и начала второй половины 90-хъ годовъ. Практика эта, соотвѣтственно зародышевому состоянію партіи, отличалась еще примитивными формами. Но, во-первыхъ, факты рабочаго или соціаль-демократическаго движенія, не смотря на свою недостаточно яркую политическую окраску, все таки представляли тогда единственныя, и во всякомъ случаѣ, наиболѣе яркія проявленія накоплявшейся революціонной энергіи въ странѣ. А, во-вторыхъ, и самъ Ленинъ отмѣчаетъ и подчеркиваетъ зачаточный характеръ движенія. „Русская соціаль-демократія", говоритъ онъ, еще выходитъ только изъ „*зародышеваго* состоянія": „Она только *начинаетъ* развивать свою практическую дѣятельность" (стр. 22). Между первымъ и вторымъ изданіемъ брошюры лежитъ періодъ такъ-наз. „экономизма". Но этотъ фактъ отмѣчаетъ самъ Ленинъ въ своемъ предисловіи.

Но въ томъ то и дѣло, что защита „исторической" правды является для г. Крупова лишь маской или средствомъ въ борьбѣ съ революціонной соціаль-демократіей. Попытка его изобличить Ленина и всю Лигу въ „исторической фальсификаціи" есть ничто иное, какъ особый „полемическій" пріемъ для отраженія безпощадной аттаки нашей прессы на буржуазно-демократическіе элементы и тенденціи въ русскомъ революціонномъ движеніи. На первой же страницѣ своей статейки онъ спѣшитъ заявить, что брошюрка Ленина „написана съ полемическими цѣлями и идетъ навстрѣчу тому полемическому настроенію, которое обуяло въ послѣднее время нѣкоторую часть русскихъ соц.-демократовъ". Онъ знаетъ слабую струнку своихъ читателей — антипатію къ „нетоварищескимъ пріемамъ полемики „Искры"" — и спѣшитъ прежде всего коснуться этой больной струнки, чтобы сразу обезпечить себѣ воспріимчивую психологическую почву въ кругу читателей для „протеста" противъ „исторической фальсификаціи", на раскрытіе которой онъ выступилъ. Кто знакомъ съ брошюрой Ленина, знаетъ, что въ ней-то именно меньше всего полемики, а „рѣзкаго обличительнаго тона" въ ней и тѣни нѣтъ. Но „полемическія цѣли" являются необходимой предпосылкой, психологическимъ и логическимъ базисомъ для превращенія брошюры въ „историческую фальсификацію". Безъ этой предпосылки было бы нелѣпо и прямо невозможно положить въ основу этого обвиненія тотъ фактъ, что Лига перепадала теперь произведеніе, „пять лѣтъ тому назадъ" возвышавшееся надъ уровнемъ политическаго сознанія большинства русскихъ соц.-демокр. И вотъ нашъ рыцарь безъ страха и упрека, во имя „исторической" правды, на защиту которой онъ ополчился, объявляетъ брошюру, писанную въ безусловно примирительномъ духѣ, съ прямо выраженной цѣлью расчистить путь къ полному взаимному сближенію нашихъ противниковъ въ революціонной интеллигенціи съ нами, эту именно брошюру онъ объявляетъ своего рода орудіемъ, направленнымъ *противъ* всей революціонной интеллигенціи вообще, пущеннымъ въ ходъ для смертельной, истребительной войны съ нею. Да, г. Круповъ своеобразно любитъ и защищаетъ историческую правду.

Ради справедливости, считаю нужнымъ указать на одно смягчающее его вину обстоятельство. Если я нѣкоторыми своими замѣчаніями ввелъ его въ соблазнъ выступить въ роли обличителя Лиги, то Ленинъ столь же отвѣтственъ за то, что онъ усмотрѣлъ въ брошюрѣ объявленіе войны революціонной интеллигенціи. Въ своемъ, дѣйствительно, воинственномъ (нечего ужъ грѣха таить) предисловіи Ленинъ замѣчаетъ, что „русской соціаль-демократіи придется еще посчитаться съ направленіями", подобными народовольческому или народоправческому. Ну, не ясно-ли, какъ божій день, что задачей брошюры является „борьба противъ революц. интеллигенціи"? Если принять во вниманіе, говоритъ г. Круповъ, „что предисловіе занимаетъ всего пять съ половиной страницъ малаго формата, то можно судить о томъ, какъ усиленно агитируетъ авторъ противъ враговъ и какой онъ горячій вояка" (стр. 282). Если же онъ такой „вояка" и „усиленно агитируетъ противъ враговъ", то — само собой разумѣется, что брошюра, написанная имъ „*пять лѣтъ тому назадъ*" и обращенная *къ* революціонной интеллигенціи, идетъ *теперь* „навстрѣчу полемическому настроенію" и объявляетъ войну *противъ* революціонной интеллигенціи.

Мнѣ пришла въ голову очень заманчивая идея. „Манифестъ Коммунистической Партіи" написанъ былъ Марксомъ и Энгельсомъ не только съ явно „полемическими цѣлями", но и съ прямо выраженнымъ намѣреніемъ поднять пролетаріатъ на безпощадную войну противъ всего буржуазнаго общества, включая и буржуазно-революціонную интеллигенцію. Кромѣ того, въ періодъ его появленія въ свѣтъ взгляды Маркса и Энгельса были, дѣйствительно, только что открытой ими идейной Америкой и являлись ихъ личнымъ достояніемъ, доступнымъ только очень немногимъ единицамъ даже въ самомъ Союзѣ Коммунистовъ. А между тѣмъ Марксъ и Энгельсъ писали свое великое произведеніе отъ имени цѣлой партіи коммунистовъ. Т. е., говоря словами г. Крупова, они „невѣрно изображали дѣйствительность" во славу своей партіи. Точно также — слѣдуя своеобразной логикѣ г. Крупова — нужно признать, что, „перепечатывая" Манифестъ въ позднѣйшія времена, когда идеи его уже не были „новыми и чуждыми соціаль-демократіи" (т. е. Коммун. Партіи), послѣдняя грѣшила „сознательною невѣрностью фактамъ", „перепутывая старое съ новымъ, лишая читателя перспективы".

Что скажете на это, г. Круповъ? Не правда-ли, вѣдь очень соблазнительная штука была бы поднять знамя протеста, во имя исторической правды, — противъ всей соціаль-демократіи. Совѣтую вамъ подумать надъ моей идеей: съ „Манифестомъ Коммунистической Партіи" въ рукахъ, — уличить всемірную соціаль-демократію въ „исторической фальсификаціи", а ея теоретическихъ отцовъ въ томъ, что они вносили „субъективное освѣщеніе въ факты", — „во славу своей партіи" и на зло врагамъ, то бишь, „революціонной интеллигенціи".

Партія пролетаріата всюду развивалась путемъ самокритики. Русская соціаль-демократія не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. И не „соціалистамъ-революціонерамъ", еще ни разу не проявившимъ хотя бы слабой попытки критически отнестись къ прошлому и настоящему своей партіи, умѣющимъ только молиться „тѣнямъ прошлаго" и прикрывать ублюдочное существо своего направленія ссылками на „славныя традиціи", не имъ упрекать насъ въ стремленіи „представить прошлое въ невѣрномъ освѣщеніи". Не къ лицу имъ, слѣпымъ апологетамъ „прошлаго", дѣлать намъ такіе упреки. Въ ихъ устахъ они звучатъ до крайности комично и — неискренно.

П. Аксельродъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 19 мая въ Дворянскомъ собраніи былъ отпразднованъ столѣтній юбилей Лѣсного Института. Входъ былъ по билетамъ. Присутствовали почти всѣ студенты-лѣсники, служащіе и профессора Лѣсного Института, масса лѣсныхъ и иныхъ генераловъ, депутаціи отъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи и т. п. Ермоловъ открылъ собраніе рѣчью. Дойдя до мѣста, гдѣ объявлялась величайшая милость — Ника разрѣшилъ называть Лѣсной Институтъ „императорскимъ", — онъ провозгласилъ „ура". Очевидно, лавры, пожатые Куропаткинымъ въ Медицинской Академіи, не давали спать Ермолову. Но въ отвѣтъ раздался оглушительные свистки сознательной части студентовъ, покрывшіе аплодисменты и восторги генераловъ и студентовъ-распорядителей. Масса молчала, подчиняясь постановленію сходки 17 мая, гдѣ было единогласно рѣшено ничѣмъ не выражать своего отношенія къ подачкѣ свыше. Потѣшно было видѣть звѣздоносцевъ и лентоносцевъ, изо всѣхъ силъ старавшихся, преодолѣвая растерянность, заглушить свистки. „Мерзавцы, негодяи, мы ихъ почтили своимъ присутствіемъ, а они вонъ что!", „ну, удружили" и тому подобныя восклицанія раздавались всюду. Дальше уже все было скомкано. Министръ дрожащимъ голосомъ закончилъ рѣчь. Одинъ изъ профессоровъ скороговоркой перечислялъ перечень лицъ и учрежденій, приславшихъ привѣтствія и телеграммы; когда очередь дошла до телеграммы Клейгельса, перепуганный директоръ, видя начинавшійся свистъ и хохотъ, дернулъ несообразительнаго профессора за рукавъ. Продефилировали депутаціи и Ермоловъ закрылъ собраніе. Музыка, приготовленная для гимна, ушла ни съ чѣмъ. Особенно огорченнымъ оказался „честный маклеръ" движенія 1899 года — Ѳедоръ Платоновичъ Никитинъ, директоръ лѣсного департамента: „мы знали, что вамъ эта милость будетъ непріятна, поэтому постарались устранить гимнъ", заявилъ онъ въ частной бесѣдѣ. Въ заключеніе-же были пропѣты два куплета рабочей „Марсельезы", окончательно ошеломившихъ начальство.

Петербургъ, 21 мая. Вотъ прошли и юбилейные дни (16, 17 и 18 мая), которыхъ многіе почтенные буржуа ожидали съ неподдѣльнымъ страхомъ; прошли, конечно, по казенному „благополучно", но по казенному же сухо и глупо. На „торжества" пускали только „избранныхъ", по билетамъ; думскіе юбиляры изрядно угощали себя и своихъ гостей на общественный счетъ, причемъ берлинскій бургомистръ, „прогрессистъ" и „свободомыслящій" Киршнеръ, трогательно чокался съ всемірно-извѣстнымъ палачомъ Валемъ... На фабрикахъ и заводахъ, не исключая и казенныхъ, работали всѣ эти дни, боясь выпустить рабочихъ на улицу, а по вечерамъ отвлекали ихъ „патріотическими" гуляньями. На одномъ изъ такихъ гуляній, въ Александровскомъ паркѣ, возлѣ Народнаго Дома, произошелъ любопытный инцидентъ. Въ толпѣ вдругъ кто-то (по всей вѣроятности, жуликъ) крикнулъ, судя по газетамъ: „тигръ убѣжалъ изъ зоологическаго сада!", а по разсказамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, что-то въ родѣ „бунтъ!" Произошла паника. Толпа изломала желѣзную рѣшетку парка, нѣсколько человѣкъ получили увѣчья. Но газеты умолчали о томъ, что немедленно прискакали казаки, которые оставались и послѣ успокоенія толпы, до конца гулянья, а также о томъ, что тотчасъ послѣ этого происшествія какіе-то ораторы, не стѣсняясь присутствіемъ полицейскихъ, говорили возбужденной толпѣ, что причиной паники былъ студентъ, бросившій въ народъ бомбу. Здѣсь держатся упорные слухи, что передъ 16 мая ходилъ по рукамъ гектографированный листокъ съ приглашеніемъ „бить жидовъ", но намъ не удалось достать его.

Нашъ Комитетъ выпустилъ по поводу двухсотлѣтія Петербурга двѣ прокламаціи: одну къ рабочимъ (распространено около

Къ чему ведетъ это противорѣчіе? *Къ перепроизводству.* Ясно стало быть, что при „*объясненіи*" перепроизводства ссылка на отношенія потребленія и распредѣленія не только не излишня, но прямо неизбѣжна: отказаться отъ нея значитъ не выяснить ничего въ этомъ предметѣ, и нужно быть Рязановымъ, чтобы по ея поводу кричать объ измѣнѣ ортодоксіи.

„Присущая капиталистическому способу производства тенденція абсолютнаго развитія силъ и находитъ себѣ выраженіе не въ перепроизводствѣ средствъ потребленія, а въ перепроизводствѣ средствъ производства, — поучаетъ насъ Рязановъ. — Въ *этомъ* перепроизводствѣ и нужно искать главную причину кризисовъ" (стр. 42).

Тэ-э-экъ-съ! Но... пусть поэтому поводу опять говоритъ авторъ „Капитала".

„Между капиталистами, изготовляющими товары, служащіе постояннымъ капиталомъ, происходитъ непрерывное обращеніе... которое прежде всего не находится въ зависимости отъ личнаго потребленія въ томъ смыслѣ, что никогда не входитъ въ него, но которое, однако, въ концѣ концовъ, опредѣляется имъ, *такъ какъ производство постояннаго капитала никогда не совершается ради него самого, но только потому, что капитала этого требуется болѣе въ тѣхъ отрасляхъ производства, продукты которыхъ входятъ въ личное потребленіе*"*).

Какъ видно, говоря о кризисахъ, отъ *личнаго потребленія* не уйдешь; а если не уйдешь, то не минуешь и того вопроса о *распредѣленіи дохода въ капиталистическомъ обществѣ*, самая постановка котораго заставляетъ Рязанова кричать: „Караулъ! измѣнили Марксу!" Нечего сказать, хорошъ ортодоксъ!

Прошу у читателя извиненія за длинныя выписки изъ „Капитала". Я нашелъ необходимымъ сдѣлать ихъ потому, что онѣ, какъ мнѣ кажется, исчерпываютъ вопросъ, и что изъ нихъ видно, до какой степени были невѣрны Марксу тѣ экономисты, которые пытались рѣшить вопросъ о рынкахъ вообще и о кризисахъ въ частности, отвлекаясь отъ *отношеній распредѣленія*. Революціонная сторона марксовой теоріи кризисовъ состоитъ въ указаніи на періодическое перепроизводство, какъ на признакъ того, что производительныя силы капиталистическаго общества переросли свойственныя ему *имущественныя отношенія*, т. е. его *экономическую организацію*. А по ученію указанныхъ экономистовъ выходило, что подобнаго перерастанія нѣтъ и быть не можетъ. Это ихъ ученіе не только не обнаруживало основного противорѣчія развитого капиталистическаго общества, но, напротивъ, закрывало это противорѣчіе рядами совершенно произвольно взятыхъ примѣрныхъ цифръ, не менѣе произвольно построенныхъ „схемъ" и ни на чемъ не основанныхъ силлогизмовъ. Оно относилось къ теоріи Маркса, какъ успокоительное утѣшеніе относится къ грозному предсказанію. Рязановъ нападаетъ на насъ именно съ точки зрѣнія этого ученія. И это обстоятельство даетъ намъ мѣру его „ортодоксальности".

Но пока довольно о кризисахъ, довольно о „*сѣрой теоріи*". Поговоримъ о *практическихъ* задачахъ нашей партіи.

По мнѣнію Рязанова, „*Искра*" изъ рукъ вонъ плохо рѣшаетъ эти задачи: здѣсь оппортунизмъ нашей редакціонной коллегіи дошелъ до апогея; здѣсь уступчивость бывшей группы „*Освобожденіе Труда*" простерлась до того, что „старая революціонная программа русской соціальдемократіи" оказалась цѣликомъ сданной въ архивъ. Это по истинѣ ужасно. И если этотъ ужасъ не придуманъ нашимъ безпощаднымъ критикомъ, то надо признать, что бывшая группа „*Освобожденіе Труда*", выработавшая старую революціонную программу русской соціальдемократіи, а потомъ сдавшая ее „въ архивъ" по настоянію змія-искусителя, прямо таки виновна въ *измѣнѣ*.

Но гдѣ-жъ не страшенъ прокуроръ?

Послушаемъ, на чемъ основывается обвиненіе.

Вотъ, напримѣръ, Рязанову очень не нравится то мѣсто нашего проекта программы, въ которомъ сказано, что въ Россіи, гдѣ капитализмъ уже сдѣлался господствующимъ способомъ производства, на каждомъ шагу встрѣчаются остатки стараго до-капиталистическаго общественнаго порядка, препятствующія экономическому прогрессу и не допускающія всесторонняго развитія классовой борьбы пролетаріата. По поводу этого мѣста Рязановъ принимается, по своему обыкновенію, иронизировать.

„Что ей Гекуба? восклицаетъ онъ. Какимъ образомъ въ соціальдемократическую программу попалъ экономическій *прогрессъ*? И неужели, желая содѣйствовать всестороннему развитію классовой борьбы пролетаріата, мы должны способствовать экономическому *прогрессу?*" (стр. 211)*) Слово *прогрессъ* кажется Рязанову не только лишнимъ, но прямо непозволительнымъ въ соціальдемократической программѣ. Онъ напоминаетъ намъ, что Марксъ „никогда не говорилъ объ экономическомъ *прогрессѣ*, онъ говоритъ только объ экономическомъ развитіи" (стр. 212). Примѣръ автора „*Капитала*", конечно, всегда будетъ въ нашихъ глазахъ очень поучительнымъ, но, не имѣя привычки останавливаться передъ *словами*, а стараясь усвоить скрывающіяся за ними *понятія*, мы попросимъ Рязанова припомнить предисловіе къ первому изданію перваго тома „*Капитала*", въ которомъ говорится, между прочимъ, что Германія, какъ и вся остальная континентальная Западная Европа, страдаетъ не только отъ развитія капиталистическаго производства, но и отъ недостаточнаго его развитія. „На ряду съ современными бѣдствіями, — утверждаетъ Марксъ, — насъ угнетаетъ цѣлый рядъ унаслѣдованныхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ прозябанія старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ способовъ производства, съ [illegible] сопутствующими имъ явленіями. Мы страдаемъ не только отъ живыхъ, но и отъ мертвыхъ". Какъ полагаетъ Рязановъ, находилъ ли Марксъ нужнымъ содѣйствовать устраненію этихъ пережитковъ стараго? А если находилъ, то почему оказываемся виновными въ измѣнѣ марксизму мы, стремящіеся къ устраненію до сихъ поръ сохранившихся у насъ въ Россіи многочисленныхъ обломковъ до-капиталистическаго порядка? Какимъ образомъ задача, бывшая обязательной и неизбѣжной въ программѣ Маркса и его западно-европейскихъ товарищей, стала неумѣстной и даже компрометтирующей, попавъ въ программу русскихъ соціальдемократовъ?

— Но зачѣмъ понадобился вамъ экономическій *прогрессъ*? съ горечью восклицаетъ Рязановъ. Почему вы не говорите о *развитіи*?

— Успокойтесь, почтеннѣйшій! отвѣчаемъ мы ему. Вспомните, что мы стоимъ на *діалектической* точкѣ зрѣнія, а съ этой точки зрѣнія всякій *процессъ развитія* имѣетъ два момента: *возникновеніе* и *уничтоженіе*, другими словами, — *прогрессъ* и *регрессъ*. Не будучи *реакціонерами*, мы по необходимости склоняемся къ *прогрессу* и считаемъ себя обязанными бороться со всѣми тѣми явленіями и учрежденіями, которыя задерживаютъ *прогрессивное движеніе общественныхъ отношеній*. Если бы мы думали иначе, то мы уподобились бы тѣмъ „истиннымъ" нѣмецкимъ соціалистамъ сороковыхъ годовъ, надъ которыми такъ ѣдко смѣялся „*Манифестъ Коммунистической Партіи*" и съ которыми у васъ есть очень не мало сходства, обусловливаемаго тѣмъ, что вы, подобно имъ, при вашей педантической любви къ мудренымъ терминамъ, совершенно неспособны къ *діалектическому мышленію*, безъ помощи котораго невозможно ни рѣшить, ни правильно поставить революціонныя задачи нашего времени.

До какой высокой степени простирается неспособность Рязанова покинуть точку зрѣнія *метафизика*, разсуждающаго по формулѣ: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго", видно изъ слѣдующаго примѣра.

Въ рецензіи, написанной мною на книгу анонимнаго автора „Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія" и напечатанной въ „Зарѣ", я характеризовалъ русскихъ либераловъ извѣстнаго разряда словами: „умные и образованные, честные и неподкупные". Эта характеристика кажется Рязанову чрезвычайно забавной. Онъ постоянно возвращается къ ней и каждый разъ, можно сказать, покатывается со смѣху. Особенно комичнымъ кажется ему то обстоятельство, что къ либераламъ указанной категоріи я причислилъ и неизвѣстнаго автора рецензированной мною брошюры, очень отрицательно относящагося къ Чернышевскому и его единомышленникамъ. Рязановъ твердо убѣжденъ, какъ видно, въ томъ, что такое отношеніе къ нашимъ великимъ просвѣтителямъ возможно только со стороны глупыхъ, необразованныхъ, безчестныхъ и подкупленныхъ людей. Такое убѣжденіе свидѣтельствуетъ объ его большомъ уваженіи къ людямъ, дѣйствительно заслуживающимъ большого уваженія. Но оно же обнаруживаетъ его по истинѣ ребяческую наивность, его полную неспособность понять діалектику чувствъ и настроеній, порождаемыхъ *общественной борьбою*. Самъ Чернышевскій хорошо понималъ эту діалектику, и потому онъ съ большимъ сожалѣніемъ посмотрѣлъ бы на своего ребячески-наивнаго защитника.

Наше отношеніе къ либераламъ вообще очень не нравится Рязанову. Онъ видитъ въ немъ одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ нашего оппортюнизма. И онъ охотно выдвигаетъ впередъ это мнимое доказательство, зная что эта сторона нашихъ тактическихъ взглядовъ до сихъ поръ плохо понята той частью русскихъ соціаль-демократовъ, которая *еще не вполнѣ раздѣлалась съ предразсудками „экономизма"*. Здѣсь, какъ и вездѣ, Рязановъ не разъясняетъ вопроса, а только запутываетъ его. Поэтому, я считаю не безъинтереснымъ на немъ остановиться.

Наше отношеніе къ различнымъ политическимъ партіямъ, существующимъ въ современной Россіи, можетъ быть опредѣлено словами „*Манифеста Коммунистической Партіи*", гласящаго: „*Коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній*"*). При этомъ само собой понятно, что наше сочувствіе каждому данному общественному движенію тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже и серьезнѣе его *революціонное* значеніе. Но революціонной въ полномъ и самомъ глубокомъ значеніи этого слова является теперь *только партія пролетаріата, только соціаль-демократія*. Въ сравненіи съ ней всѣ остальныя партіи могутъ быть признаны революціонными *только отчасти, только въ извѣстныхъ, иногда довольно узкихъ предѣлахъ*. Не умѣя стать на точку зрѣнія пролетаріата, революціонеры другихъ партій поневолѣ вносятъ въ свою соціально-политическую пропаганду и агитацію *элементъ узкости, ограниченности*. Поскольку этотъ элементъ приходитъ въ противорѣчіе съ *нашей пропагандой и агитаціей*, постольку онъ вноситъ путаницу въ умы рабочихъ, постольку

---

*) „*Капиталъ*", третій томъ, стр. 242. Подчеркнуто мною.

*) Подчеркнуто Рязановымъ.

*) Подчеркнуто мною.

восьми тысячъ экз.) и другую къ обществу, распространенную среди общества и студенчества въ числѣ 2500 экз.

Юбилей Петербурга послужилъ и для полиціи поводомъ предпринять новый набѣгъ. 14 мая произведено множество обысковъ и арестовъ, при чемъ большинство среди бѣла дня и вечеромъ; нѣкоторыхъ брали на улицѣ. Во время этихъ арестовъ забрано немного литературы и около 1500 листковъ Комитета „Къ обществу“ (это были запасные, сверхъ распространенныхъ двухъ съ половиной тысячъ).

С.-Петербургъ. Въ Домѣ предварительнаго заключенія политическіе тщетно добивались ускоренія дѣла. Всѣ ихъ настаиванія на допросѣ о скорѣйшемъ слѣдствіи не приводили ни къ чему, тогда они, сговорившись, 17 мая вышибли у себя въ камерахъ стекла (на мужскомъ отдѣленіи). Явились надзиратели и по приказу товарища прокурора повели нѣкоторыхъ въ карцеръ. Объ этомъ узнали уголовные. Въ одной изъ общихъ камеръ они высадили дверь, устроили баррикады изъ коекъ, матрасовъ. Были вызваны войска. Надо сказать, что еще раньше, т. е. числа 13, было получено начальниками тюремъ распоряженіе Клейгельса о томъ, куда обращаться, если въ тюрьмахъ произойдутъ какіе-нибудь безпорядки въ торжественные дни юбилея. Къ Выборгскимъ „крестамъ“ были приписаны казармы московскаго полка, а Д. П. З. слѣдовало обращаться въ казармы Преображ. полка, гдѣ стоялъ какой-то армейскій полкъ. Такъ и было сдѣлано. Войска явились къ Дому, но тѣмъ временемъ тамъ былъ уже водворенъ порядокъ. Вслѣдъ за солдатами явился въ предварилку великій князь Владиміръ Александровичъ на извощикѣ, явился послѣ какого-то завтрака въ полку (вѣроятно, по случаю 100 лѣтія этого полка) весьма сильно угостившись, и заявилъ, что онъ никогда не одобрялъ вызова войска въ такихъ случаяхъ, что начальство само виновато, если арестанты бунтуютъ, и приказалъ солдатамъ удалиться. Войско ушло. Владиміръ отправился по тюрьмѣ, приказалъ освободить арестованныхъ изъ карцера и пришелъ на женское отдѣленіе, гдѣ пожималъ руки заключеннымъ-политическимъ. Дальше онъ не путешествовалъ, такъ какъ его убрали. Позднѣе въ тюрьму пріѣзжали Плеве и Муравьевъ. Послѣдній былъ весьма недоволенъ, что Владиміръ Александровичъ вмѣшался въ распоряженія товарища прокурора и, какъ говорятъ, жаловался царю, который высказалъ порицаніе Владиміру. Въ предварилкѣ была голодовка, которая кончилась удовлетвореніемъ главныхъ требованій, а именно: отмѣнили карцеръ, обѣщано улучшеніе пищи, ускорено слѣдствіе.

27 выпустили А. И. Паромову и П. Ф. Кудели. 15 мая арестованы рабочіе Павловъ и Выходцевъ, сидѣли 10 дней и выпущены, 18 взятъ Козловъ, послѣ 7 дней выпущенъ. Шишловъ сидитъ до сихъ поръ.

Циркулируетъ слухъ объ избіеніи надзирателями въ предварилкѣ уголовнаго, который по дорогѣ въ больницу умеръ.

Петербургъ. Недавно здѣсь была издана (на мимеографѣ) прокламація „Петербургскаго Комитета (?) Партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ по поводу убійства Богдановича, гдѣ объявляется, что убитъ онъ былъ двумя членами боевой организаціи за Златоустовскую бойню, и что подобная же участь ожидаетъ всѣхъ преступниковъ противъ народа.

Къ счастью, на этотъ разъ лица, убившія Богдановича, благополучно скрылись; къ счастью для нихъ, конечно, но также и для насъ, соціаль-демократовъ, такъ какъ мы можемъ теперь спокойно обсуждать это событіе, не боясь грозныхъ окриковъ: „какъ! опять надъ свѣжей могилой павшихъ товарищей“ и т. п. всѣмъ надоѣвшихъ ламентацій.

Итакъ, прежде всего любопытно, что этотъ полумифическій Петербургскій Комитетъ соціалистовъ-революціонеровъ вдругъ оживился и заговорилъ, какъ только въ воздухѣ запахло терроромъ, хотя и очень далеко отъ Петербурга. Это еще разъ подтверждаетъ мысль, не разъ высказываемую „Искрой“: соц.-рев. чувствуютъ почву подъ ногами только въ атмосферѣ террористическихъ актовъ, только эти акты вызываютъ и воскрешаютъ ихъ къ жизни. Затѣмъ, указанная прокламація обѣщаетъ ни больше ни меньше, какъ перестрѣлять всѣхъ преступниковъ противъ народа. Но если „Боевая Организація“ будетъ это дѣлать такъ часто, какъ до сихъ поръ, т. е. по одному „преступнику“ въ годъ, да если еще изъ двухъ „преступниковъ“ одного будетъ „спасать случайность“, то намъ придется очень долго ждать революціи... Убійство Богдановича вызвало очень мало разговоровъ въ обществѣ. Какъ видно, вкусъ къ террору уже притупился.

Кронштадтъ. Въ Кронштадтѣ предпасхальное и пасхальное время ознаменовалось двумя изъ ряда выходящими событіями, однимъ — на политической и другимъ — на праздничной подкладкѣ. На вербной недѣлѣ въ Кронштадтъ нагрянули жандармы во главѣ съ прокуроромъ, произвели обыски почти во всѣхъ казармахъ военныхъ матросовъ, нашли много литературы и взяли всего около 20 матросовъ и двухъ офицеровъ. Вотъ фамиліи нѣкоторыхъ: Новиковъ, Заплаткинъ, Гриценко, Синильниковъ. Всѣ сначала были заключены въ Кронштадтскую крѣпость въ секретные номера, а теперь въ С.-Петербургѣ, офицеры въ Петропавловскую крѣпость; ходятъ слухи, что кого-то изъ нихъ уже повѣсили. Вызваны эти аресты были тѣмъ, что уже издавна матросы, отличаясь довольно высокимъ уровнемъ развитія и страшной ненавистью къ своему непосредственному начальству, всегда искали и имѣли связи съ соціальдемократами; притокъ литературы къ нимъ никогда не прекращался. За послѣднее время С.-Петербургскій Комитетъ, имѣя эти связи, доставилъ туда довольно много соціальдемократической литературы. Кромѣ такого „преступнаго“ чтенія, у матросовъ не переставала существовать самобытная кружковая организація. Руководители выходили изъ среды самихъ матросовъ. Матросы разсказываютъ о какомъ-то взятомъ теперь морскомъ офицерѣ, отпустившемъ на всѣ четыре стороны въ Америкѣ всю команду со своей миноноски и жившемъ въ Россіи подъ нелегальнымъ видомъ. Но это только слухъ, хотя очень характерный. — Другому событію правительство очень старается придать политическую окраску, хотя это не особенно легко. Дѣло разыгралось на почвѣ постоянной вражды между матросами и армейцами. Начало было совершенно случайно — одинъ матросъ не отдалъ чести „кондуктору“, тотъ хотѣлъ его забрать и отправить съ обходомъ (обходъ составляется изъ армейцевъ), но за него вступились товарищи-матросы; первымъ получилъ оплеуху старшій обхода; это и открыло между ними цѣлое сраженіе; очень сильно пострадалъ „кондукторъ“. На шумъ сбѣжалось много матросовъ (это было на второй день пасхи) и армейцевъ; одинъ армейскій офицеръ, желая усмирить дерущихся, выхватилъ саблю и бросился въ середину, но былъ сбитъ камнемъ въ голову и сильно поколоченъ; его унесли на носилкахъ. Была вызвана рота солдатъ и выстроена въ боевой порядокъ, но на первое предостереженіе нѣсколько сотъ матросовъ съ камнями и крикомъ „ура“ кинулись на нее и не дали произвести залпа. Прибыли еще войска, пріѣхало какое-то высшее начальство. Было приказано опять стрѣлять, но залпъ не испугалъ матросовъ: когда они увидѣли, что въ переднихъ рядахъ упало нѣсколько человѣкъ, они опять съ тѣмъ-же крикомъ бросились на солдатъ, почти у цѣлой роты были отняты ружья и началась драка прикладами и штыками. Интереснѣе всего, что сами призванныя для усмиренія войска перестали слушаться команды. Это все ясно показываетъ, что не особенно велико обояніе словъ: „смирно“ да „равняйсь“. Появленіе командира (?) было встрѣчено не особенно деликатными словечками и градомъ камней. Были слышны возгласы негодованія: „довольно ты насъ замучилъ, мучитель!“, „ты и такъ уже заморилъ команду“. Дѣйствительно, для иллюстраціи режима привожу одно только наказаніе: одинъ матросъ за то, что забылъ на суднѣ въ опредѣленный часъ потушить свою свѣчку, былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ шести мѣсяцамъ тюрьмы. Видя, что ни солдаты, ни матросы не слушаются команды, начальство рѣшило пустить въ ходъ холодную воду, но и тутъ толку не вышло: избили только пожарныхъ да изрѣзали рукава. Приближалось время повѣрки и свалка мало-по-малу стала стихать. Возбужденіе продолжалось всю недѣлю. Было много еще стычекъ. Теперь придумали такую мѣру: по четнымъ числамъ выпускаютъ армейцевъ, а матросовъ держатъ взаперти въ казармахъ, а по нечетнымъ — наоборотъ. Въ результатѣ матросы и до сихъ поръ не отдаютъ чести армейскимъ офицерамъ и обратно. Убитыхъ 6 чел., раненыхъ: тяжело — два армейскихъ офицера, 12 солдатъ и восемь матросовъ.

Варшава. (Поправка). Въ № 39 „Искры“ помѣщено описаніе майской демонстраціи въ Варшавѣ, какъ видно не со словъ очевидцевъ и лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ организаціи демонстрацій. Демонстрація въ уяздовскихъ аллеяхъ была устроена П. П. С. По словамъ очевидцевъ, число демонстрантовъ здѣсь было незначительное. Развернули красное знамя которымъ вскорѣ овладѣла полиція. Демонстрація на Маршалковской была устроена совмѣстно Бундомъ и П. С. Д. Этими же организаціями были разбросаны по городу приглашенія на польскомъ и еврейскомъ языкахъ къ участію въ демонстраціи. Число приглашеній на польскомъ было свыше 6000. „Пролетаріатъ“ въ своемъ воззваніи приглашалъ рабочихъ къ празднованію 1 мая, совмѣстно съ Бундомъ и П. С. Д. Демонстрація на Маршалковской была очень удачна. Два знамени (одно Бунда, другое П. С. Д.) долго развѣвались надъ головами демонстрантовъ. Знаменосцы не попали въ руки полиціи. И въ другихъ частяхъ города демонстрировали рабочіе Бунда и П. С. Д., благодаря чему дѣйствія полиціи были парализованы, а демонстрація приняла большіе размѣры.

Изъ **Бѣлостока** сообщаютъ: 1 мая были здѣсь и въ окрестностяхъ разбросаны прокламаціи Ц. К. С. Д. П. и Л. На многихъ фабрикахъ не работали. Демонстраціи рѣшено было не устраивать.

Курскъ. Въ концѣ апрѣля закрыта „Курская Газета“. Арестованъ редакторъ Богомазовъ, сотрудникъ Блюмъ. Арестованъ интеллигентъ, котораго разыскивалъ департаментъ полиціи и который пріѣхалъ съ юга на жительство въ Курскъ. Въ разное время и по разнымъ дѣламъ арестованы: учитель школы, землемѣръ-ученикъ, два иконописца, крестьянинъ и солдатъ. Землемѣръ и учитель освобождены, остальные сидятъ.

Витебскъ. Подъ впечатлѣніемъ кишиневскихъ событій мѣстная интеллигентная молодежь, посѣщающая единственную здѣшнюю читальню Червинской, предъявила послѣдней требованіе прекратить выписку „Свѣта“, „Новаго Времени“ и другихъ реакціонно-антисемитскихъ газетъ. Въ виду отказа г. Червинской исполнить это требованіе, читальня подвергнута бойкоту.

Смоленскъ, 5 мая. Все это время Смоленскъ былъ на военномъ положеніи: день и ночь ходили и ѣздили патрули и, чуть что, забирали и отводили въ участокъ. Обыватель находился въ смятеніи, такъ какъ полиція распространяла слухи, что перваго мая городъ подожгутъ „жиды“ съ двухъ концовъ. Теперь все начинаетъ успокаиваться. Арестованныхъ 26 апрѣля, за исключеніемъ пятерыхъ, уже выпустили, часть выслали на родину. У интеллигентовъ обысковъ не было. Только четырехъ выдворили изъ Смоленска. 12 мая у возвращеннаго изъ Сибири Московскаго студента В. Савкова былъ произведенъ въ квартирѣ, въ саду и на дворѣ очень тщательный обыскъ. На дворѣ въ сараѣ перебрали всѣ дрова и перетрясли сѣно, но тамъ ничего не нашли. Въ квартирѣ-же найдено три листка: отрывки прокламацій и выписки изъ „Искры“. Кромѣ того, взяты „Дурные пастыри“ Мирбо, нѣсколько незначительныхъ писемъ и книжка сберегательной кассы на сумму 393 р. съ отцовскими деньгами. Черезъ два часа его уже препроводили въ одиночное заключеніе мѣстной тюрьмы. Черезъ недѣлю ему уже сдѣлали допросъ и выпустили подъ „особый надзоръ“ за неимѣніемъ достаточно основательныхъ уликъ.

Муромъ, Владим. губ. Если-бы вы знали, какое провинціальное болото представляетъ нашъ городъ! При самомъ въѣздѣ въ городъ, въ улицы, заросшія бурьяномъ — непривычный человѣкъ вывихивалъ челюсти отъ зѣвоты и умиралъ отъ смертельной скуки, которая лилась изъ подъ всѣхъ муромскихъ подворотенъ, — изо всѣхъ оконъ. Муромскихъ мѣщанъ вы сразу узнавали по ихъ деревяннымъ тупымъ физіономіямъ, по ихъ мѣшкообразнымъ фигурамъ, отъ которыхъ пахло калачами, постнымъ масломъ, лошадьми и св. мощами. И вотъ въ прошломъ году въ этомъ болотѣ проявилась крамола. Одна изъ бойкихъ волнъ, бушевавшихъ гдѣ-то тамъ въ „центрахъ“, добѣжала до погруженнаго въ сонъ, мракъ и грязь славнаго города Мурома, съ шумомъ разбилась въ немъ и взбаламутила всю зеленую болотину — и кончились прекрасные дни Аранжуэца. — Бѣдные муромскіе жандармы! Въ одинъ базарный день по всѣмъ муромскимъ заборамъ и облупившимся домамъ были расклеены прокламаціи отъ... „Кіевскаго Комитета“ (!). Крестьяне, съѣхавшіеся на базаръ, и обыватели съ большимъ любопытствомъ читали эти невѣдомыя раньше бумажки. Муромскіе церберы не имѣли никакого понятія о прокламаціяхъ, они врядъ-ли могли бы ихъ отличить отъ тѣхъ афишъ, которыя расклеиваютъ изрѣдка появляющіеся въ Муромѣ для увеселенія купцовъ и мѣщанъ — разные самородные „престидижитаторы“ и „глотатели раскаленныхъ щипцовъ“. Прокламаціи провисѣли на заборахъ цѣлый день и были прочитаны всѣми желающими. Только вечеромъ выспавшійся послѣ сытнаго обѣда жандармскій полковникъ, прогуливавшійся по благоустроеннымъ проспектамъ города Мурома, усмотрѣлъ къ своему ужасу на обывательскихъ заборахъ крамолу и моментально приказалъ соскрести позорныя пятна съ незапятнанныхъ до тѣхъ поръ заборовъ. Но крамола уже зарождалась. Скоро съ муромскимъ жандармомъ стряслась другая бѣда. Такъ какъ его, какъ и всѣхъ его сослуживцевъ, начальство періодически знакомило съ новинками нелегальной литературы, то у него составилась немалая библіотека оной. Отъ скуки и бездѣлья онъ давалъ подъ секретомъ почитывать особенно пикантныя вещицы своимъ добрымъ знакомымъ, которые тайкомъ читали ихъ, предварительно тщательно занавѣшивая окна (отъ кого!). — Такой противоправительственной пропагандой вредныхъ идей муромскій жандармскій полковникъ Зворыкинъ занимался нѣсколько лѣтъ. Но, какъ извѣстно, въ результатѣ всякой подпольной дѣятельности неизбѣжно слѣдуетъ „провалъ“. Какъ ни твердо, казалось, было поставлено дѣло распространенія нелегальной литературы, а и оно „провалилось“ стараніями муромскаго врача Доброхотова. Послѣдній какъ-то разъ въ клубѣ разругался изъ за картъ съ Зворыкинымъ и въ пылу ссоры погрозился донести на него, и на слѣдующій день, дѣйствительно, написалъ доносъ въ департаментъ полиціи. Немедленно пріѣхала коммиссія. Картина получилась трагикомическая: доброхотнымъ жандармомъ оказался врачъ Доброхотовъ, а государственнымъ преступникомъ — жандармскій полковникъ Зворыкинъ. Жандармъ полетѣлъ съ своего мѣста, а на его мѣсто назначили... не док. Доброхотова (это было бы вполнѣ естественно), а новаго полковника, который сталъ искать крамолу. Послѣ его визита къ гражданамъ Мурома (не по дѣлу службы, а такъ, въ гости), послѣдніе тщательно осматриваютъ переднія и тѣ комнаты, гдѣ онъ сидѣлъ, такъ какъ ходятъ упорные слухи, что онъ занимается тайнымъ подкидываніемъ прокламацій съ цѣлью создать крамолу, такъ какъ въ Муромѣ ея дѣйствительно, мало. Неспокойно стали теперь жить муромскіе мѣщане и купцы. Послѣдніе два-три года и въ промышленномъ отношеніи Муромъ сталъ оживляться — построена большая льнопрядильня, открылось нѣсколько механическихъ и др. заводиковъ. Савва Морозовъ хочетъ строить большую ткацкую и красильню... Въ гнилое муромское болото вливается свѣжая проточная вода.. А какая была невѣроятная глушь!

Крымъ. Ялта. Господа Романовы въ лицѣ Александра Михайловича заняты не только пріобрѣтеніемъ въ частную собственность большихъ участковъ земли за безцѣнокъ у Гаспринскихъ татаръ, но и незаконными захватами городской земли вдоль главной улицы города (Набережной), правда, ужъ не въ частную собственность, а въ собственность портоваго правленія, нужную ему для устройства въ нашемъ городѣ каботажной пристани. Городское самоуправленіе у насъ не особенно, казалось-бы, благоговѣетъ передъ знатными представителями портоваго правленія — оно затѣяло процессъ. Судъ рѣшилъ дѣло въ пользу города. Вотъ тутъ-то въ лицѣ двухъ гласныхъ и вылило наше управленіе свои вѣрноподданическія чувства. Эти гг. гласные доказывали городу необходимость уступить въ вѣдѣніе портоваго правленія городскую землю, мотивируя это тѣмъ, что неудобно отказывать „такому уважаемому и почтенному лицу“, какъ Александръ Михайловичъ. Не убѣдили эти рѣчи, какъ видно, одного только гласнаго — писателя С. Я. Елпатьевскаго, который заявилъ, что гласные обязаны соблюдать интересы города, а не уступать вору, хотя и почтенному. Какъ и слѣдовало ожидать, мѣстный исправникъ въ сообществѣ съ жандармскимъ ротмистромъ послалъ доносъ министру внутреннихъ дѣлъ. Елпатьевскаго таскали на допросы. Чѣмъ кончится эта исторія — пока неизвѣстно.

онъ является *консервативнымъ* или даже *реакціоннымъ,* и постольку мы считаемъ себя обязанными *бороться съ нимъ,* что называется, не на животъ, а на смерть, не смущаясь упреками, сыплющимися на насъ по этому поводу со стороны нѣкоторыхъ наивныхъ читателей и слушателей. Этимъ объясняется наша, всѣмъ извѣстная и столь многихъ возмущающая, „*страсть къ полемикѣ*“. Но именно потому, что эта „страсть“ обусловливается нашей крайней революціонной точкой зрѣнія *и только ею,* мы, не смущаясь никакими „догмами“ и никакими „схемами“, отдаемъ должное даже самымъ упорнымъ и рѣшительнымъ нашимъ политическимъ противникамъ, если они, *не пытаясь затемнять классовое самосознаніе рабочихъ,* дѣлаютъ хоть сколько-нибудь рѣшительные шаги въ борьбѣ съ нынѣ существующимъ порядкомъ вещей. И потому мы кажемся „*оппортюнистами*“ нѣкоторымъ не по разуму усерднымъ защитникамъ „ортодоксіи“. Таково наше общее отношеніе къ другимъ партіямъ. А что касается въ частности *либераловъ,* то мы, видя въ нихъ представителей буржуазіи, относимся къ нимъ совершенно такъ, какъ относились Марксъ и Энгельсъ къ германскимъ либеральнымъ буржуа конца сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка. „Въ Германіи, — говоритъ „Коммунистическій Манифестъ“, — коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ средневѣковой поземельной собственности и мелкаго мѣщанства... Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата“.

Рязановъ самъ хорошо понимаетъ, что и въ этомъ отношеніи мы вѣрно слѣдуемъ примѣру Маркса и Энгельса, и потому онъ объявляетъ, что *Марксъ и Энгельсъ ошибочно поняли политическую роль, предстоявшую тогда нѣмецкой буржуазіи.* Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого историческаго вопроса, я ограничусь тремя небольшими замѣчаніями.

Во первыхъ, если наше отношеніе къ либеральной буржуазіи ошибочно, то выходитъ, что мы ошибаемся, въ довольно не дурной компаніи т. е., *вмѣстѣ съ авторами Коммунистическаго Манифеста.*

Во вторыхъ, весьма достойно замѣчанія то обстоятельство, что для того, чтобы доказать наше *отклоненіе отъ ортодоксіи,* Рязанову понадобилось *обвинить въ ошибкѣ самихъ Маркса и Энгельса.*

Въ третьихъ, ошибка, которую навязываетъ намъ нашъ критикъ, не имѣла бы никакого практическаго значенія даже въ томъ случаѣ, еслибы она существовала на самомъ дѣлѣ. Ошибка эта заключается, по словамъ Рязанова, въ томъ, что мы *преувеличиваемъ* прогрессивную роль нашей буржуазіи. Положимъ, что мы дѣйствительно преувеличиваемъ ее. Въ чемъ же заключаются вредныя практическія послѣдствія такого преувеличенія? Перестаемъ ли мы, вслѣдствіе этого, развивать въ умахъ рабочихъ сознаніе противоположности ихъ интересовъ съ интересами буржуазіи? Стремимся-ли мы хоть немного ослабить совершающуюся у насъ борьбу классовъ? Кто знакомъ съ нашими изданіями и кто не захочетъ принять грѣха на свою душу, тотъ скажетъ, что ничего подобнаго никогда не было, и что мы всегда рѣзко и рѣшительно отстаиваемъ классовую точку зрѣнія пролетаріата. *Наши будтобы преувеличенныя ожиданія отъ буржуазіи ни на волосъ не отклоняютъ насъ отъ той линіи, по которой мы пошли бы, если бы такихъ ожиданій совсѣмъ не было.* А потому и упрекать насъ за нихъ значитъ плодить совершенно безплодныя пререканія, по такому вопросу („ожиданія“, при рѣшеніи котораго нѣтъ никакой возможности примѣнить сколько нибудь точный методъ. Я знаю, что именно этими „ожиданіями“ объясняется та наша будто бы ересь, что мы хотимъ, какъ выразился товарищъ Ленинъ, идти *во всѣ классы общества.* Именно въ этомъ желаніи и усмотрѣли нѣкоторые наши критики измѣну пролетаріату. Но здѣсь мы опять видимъ, что люди оперируютъ *словами,* не уяснивъ себѣ обозначаемыхъ ими *понятій.* Когда идеологи французской буржуазіи XVIII столѣтія „шли“ въ аристократическую среду, вербуя тамъ борцовъ за новый общественный порядокъ, измѣняли-ли они *точкѣ зрѣнія своего класса?* Нѣтъ, тутъ никакой измѣны не было, а былъ совершенно правильный политическій разсчетъ (или если хотите, инстинктъ), приводившій къ еще болѣе прочному утвержденію той же самой точки зрѣнія. А будетъ-ли измѣной, если идеологи пролетаріата пойдутъ въ „высшіе“ классы съ цѣлью найти тамъ средства и силы, способныя служить интересамъ соціальдемократіи? Кажется, что и тутъ никакой измѣны не будетъ, кажется, что и это „хожденіе“ будетъ дѣломъ политическаго разсчета. Стало быть, съ *принципіальной* точки зрѣнія тутъ и толковать не о чемъ. Остается вопросъ *практической возможности.* Существуютъ ли въ „высшихъ“ классахъ Россіи такія средства и силы, которые могли бы сослужить хорошую службу нашему движенію? Да, они *пока еще существуютъ* въ очень значительномъ количествѣ, и было бы очень, очень жаль если бы мы не съумѣли воспользоваться ими. Далѣе, существуютъ ли въ нашей собственной средѣ такія лица и даже цѣлыя группы лицъ, которыя, не имѣя возможности дѣйствовать въ средѣ *пролетаріата,* могли бы, однако, завязать прочныя и выгодныя для насъ связи въ такъ называемомъ *обществѣ?* Такія лица несомнѣнно существуютъ. Стало быть, и съ этой стороны, вопросъ рѣшается очень просто: „хожденіе“ во всѣ классы общества — въ указанныхъ предѣлахъ — и возможно, и обязательно. И пусть не смущаетъ насъ при этомъ мысль объ измѣнѣ нашему принципу. Измѣна вызывается совсѣмъ другими причинами. Измѣнить пролетаріату можно, *ни на минуту не выходя изъ его среды.* Для этого надо только утратить ясное представленіе о *границѣ, отдѣляющей его интересы отъ интересовъ другихъ классовъ.* Но что касается *этой* утраты то не пропаганда „Искры“ и „Зари“ можетъ способствовать ей. Вѣдь мы прославились своей „страстью въ полемикѣ“ именно потому, что всегда и вездѣ, рѣзко и безпощадно отстаивали *классовую точку зрѣнія пролетаріата.*

Читатель видитъ отсюда, какъ далеки „Искра“ и „Заря“ отъ намѣренія сдавать въ архивъ „старую революціонную программу русской соціальдемократіи“. Если такая программа существовала, — и она дѣйствительно существовала, — то *„Искра“ и „Заря“* явились ея лучшими и надежнѣйшими защитниками. Они безбоязненно отстаивали ее въ то печальное время, когда противъ нея со всѣхъ сторонъ раздавались вопли *настоящихъ* оппортюнистовъ и теперь, когда, — благодаря этимъ органамъ — дѣло этихъ оппортюнистовъ совершенно проиграно, теперь когда — опять таки, благодаря имъ, *„Зарѣ“ и „Искрѣ“* въ нашей соціальдемократіи окончательно восторжествовало *революціонное* направленіе, обвинять ихъ въ измѣнѣ „ортодоксіи“ значитъ собственной рукою писать себѣ свидѣтельство объ умственной бѣдности или же спекулировать на умственную бѣдность иныхъ читателей по тѣмъ или другимъ *чисто-личнымъ* соображеніямъ.

На этотъ разъ довольно.

Г. Плехановъ.

Ростовъ н./Д. Предварительное слѣдствіе по дѣлу о демонстраціи 2 марта закончено. Судебный слѣдователь заявилъ, что дѣло будетъ слушаться внѣ очереди особой выѣздной сессіей харьковской судебной палаты. Обвиняемыхъ всѣхъ 9 чел.; обвиненіе предъявлено по 264 ст. улож. о наказ. Помимо этого, къ тѣмъ-же лицамъ предъявлено обвиненіе по 318 и 252 ст. улож. о наказ. Такъ что, если кто-либо будетъ оправданъ въ судебномъ засѣданіи, то, по заявленію судебнаго слѣдователя, будетъ по всей вѣроятности арестованъ въ порядкѣ административномъ. Вновь подтверждается жалкая комедія „съ гласностью“ при закрытыхъ дверяхъ. — Передаютъ, что Ростовская, а также Новочеркасская тюрьма переполнены. Приходится садить по нѣскольку человѣкъ въ общія камеры. Въ одиночкахъ въ Новочеркасской тюрьмѣ сидятъ Столкарцъ, Собина, Подлетовъ, Ляховъ, Чернышевъ, Васильевъ, Бороховъ, Браиловскій, Ботвинниковъ и Давыдовъ. Въ общей — девять человѣкъ и двѣ политическія женщины. Столкарцъ и Бороховъ обвиняются по дѣлу 2 марта. Ляховъ, Браиловскій, Подлетовъ и Ботвинниковъ по 2 ч. 252 ст. Швейцеръ по 252, Васильевъ по 252 и 318, Чернышевъ по 318. Настроеніе у всѣхъ хорошее. Революціонныя пѣсни не смолкаютъ. Ведется успѣшно борьба съ тюремнымъ начальствомъ. Подъ угрозой начатой голодовки тюремное начальство и прокуроръ уступили и большинство выставленныхъ требованій удовлетворено. Въ Ростовской тюрьмѣ сейчасъ содержатся 20 чел.

Баку. Событія, слѣдовавшія за 2 марта, показали, какъ велико было значеніе мартовской демонстраціи для мѣстнаго движенія. Ряды борющагося пролетаріата замѣтно погустѣли, увеличились денежныя средства Комитета, организаціонная работа пошла болѣе усиленнымъ темпомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ настроеніе рабочихъ поднялось настолько, что возникли крупныя стачки даже среди малосознательныхъ рабочихъ; такъ, передъ пасхой забастовали кондуктора и кучера на конкахъ, требуя сокращенія рабочаго дня, который до сихъ поръ продолжался у нихъ около 19 часовъ; требованія забастовавшихъ были удовлетворены, вслѣдствіе чего рабочіе распредѣлились на двѣ смѣны, по 9 час. каждая. Далѣе вспыхнула стачка на крупной табачной фабрикѣ Мирзабекъянца (800 чел.); рабочіе стояли такъ дружно, что черезъ два дня требованія ихъ были удовлетворены.

18 апрѣля наборщики всѣхъ мѣстныхъ газетъ отказались отъ работы, такъ что на слѣдующій день не вышло ни одной газеты, и идея майскаго праздника пропагандировалась, такимъ образомъ, въ широкой публикѣ. Такое настроеніе дало возможность Комитету съорганизовать новую демонстрацію 27 апрѣля. Для подготовки къ этой демонстраціи было устроено Комитетомъ нѣсколько массовыхъ собраній отъ 100 до 700 человѣкъ, а также выпущены листки. За нѣкоторое время передъ демонстраціей вышелъ печатный листокъ, по 1500 экз, на русскомъ и армянскомъ языкахъ, разбирающій правительственный манифестъ отъ 26 февраля. Далѣе было выпущено въ количествѣ 400 экз. на русскомъ языкѣ печатное воззваніе къ солдатамъ и казакамъ, гдѣ имъ разъясняется смыслъ политическихъ демонстрацій и рабочаго движенія вообще. На пасхѣ былъ выпущенъ гектографированный листокъ на русскомъ языкѣ къ безработнымъ по поводу ихъ безуспѣшнаго ходатайства передъ губернаторомъ о пріисканіи работы. Передъ демонстраціей были распространены: предварительная прокламація Организаціоннаго Комитета, печатная, на русскомъ (2900 экз.), армянскомъ (2100 экз.) и грузинскомъ (1000 экз.) языкахъ, прокламація Кавказскаго Соц.-Дем. Рабочаго Союза, также на трехъ языкахъ по 2100 экз. и, наконецъ, за день до демонстраціи на русскомъ и армянскомъ языкахъ призывъ на предстоящую демонстрацію со стороны Комитета; кромѣ того, въ первый разъ было выпущено сто штукъ гектографированныхъ листковъ на татарскомъ языкѣ, въ которыхъ татары также приглашались на демонстрацію. Для разброски на демонстраціи Кавказскимъ Союзомъ были присланы рисунки съ соотвѣтствующими надписями.

Демонстрація въ организаціонномъ отношеніи была выполнена по заранѣе выработанному плану, по размѣрамъ-же превзошла всѣ ожиданія (описаніе демонстраціи 27 апрѣля см. въ №№ 40 и 41 „Искры“).

Демонстрацію можно считать вполнѣ удавшейся. Организація нисколько не пострадала; хотя и было много арестованныхъ, но все больше изъ зрителей, ядро-же демонстрантовъ осталось нетронутымъ. Арестованные, въ числѣ 47 чел., по постановленію губернатора приговорены къ отсидкѣ отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ; между арестованными есть одинъ дворникъ. 1 мая было отпраздновано всеобщей забастовкой; въ этотъ день были закрыты не только всѣ городскіе заводы и мастерскія, но даже въ Балаханахъ на промыслахъ никакихъ работъ не производилось. Хозяева настолько были терроризованы недавней демонстраціей, что не оказывали никакого сопротивленія. Учащіеся среднихъ школъ ознаменовали этотъ день тѣмъ, что не явились на занятія. Весь городъ находится въ сильномъ возбужденіи. Идея соціализма пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ.

Тюрьма переполнена. Сидитъ 95 человѣкъ.

Бакинскій Ком. Кавказск. Соц.-Дем. Раб. Союза
Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Олекминскъ. 15 апр. 1903 г. Поручикъ Рейхардтъ, сопровождавшій партію политическихъ ссыльныхъ, главнымъ образомъ, московскихъ студентовъ, весною 1902 г. отъ Александровской тюрьмы до Якутска, преданъ Иркутскому Военно-Окружному суду за допущенныя имъ нарушенія правилъ конвоированія арестантовъ. На дняхъ допрашивались по этому поводу олекминскіе ссыльные, бывшіе въ партіи, и мѣстная администрація; послѣдняя по поводу демонстраціи, устроенной въ Олекминскѣ при отплытіи паузковъ изъ Олекминска въ Якутскъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Изъ Саратовской губ. До самаго послѣдняго времени здѣсь жили, ничего не слыша, ни о чемъ усиленно не думая. Здѣшній мужикъ, если и ворчалъ о неправдѣ и издавалъ какіе-либо звуки протеста, то это было ворчаніе въ полуснѣ, въ забытьи и вращалось вокругъ излюбленной идеи, что вотъ-де помѣщики и чиновники скрываютъ отъ царя правду и не даютъ ему, батюшкѣ, осчастливить народъ свой. Всѣ надежды на лучшее будущее отливались въ форму томленія по царскомъ манифестѣ о „прирѣзкѣ“ или передѣлѣ, или просто пріурочивались къ такимъ событіямъ, какъ рожденіе наслѣдника. За какіе-либо два-три послѣднихъ года картина начинаетъ мѣняться, повидимому, очень рѣзко. Раскаты революціоннаго движенія фабрично-заводскихъ рабочихъ; Полтавскія событія; Саратовская демонстрація (одинъ изъ мужиковъ этого села самъ видѣлъ ее), разсказы и письма односельчанъ-рабочихъ въ Баку и Саратовѣ, случайно привозимыя ими съ собой на родину книжки нарушаютъ сонъ деревни; мужикъ утрачиваетъ свою политическую невинность, онъ уже съ открытыми глазами можетъ внимательно всматриваться въ событія политической жизни городовъ и чутко прислушивается къ непонятнымъ кличамъ и лозунгамъ, къ новымъ рѣчамъ. Идея царя батюшки, отечески пекущагося о благѣ народа своего, идея, которою жили здѣшніе крестьяне споконъ вѣковъ, меркнетъ и, по видимому, готова погаснуть въ умѣ мужика навсегда. Такъ объясняютъ свое пробужденіе сами крестьяне. Я былъ здѣсь всего одинъ день и видѣлъ человѣкъ десять крестьянъ. Одного изъ нихъ все это такъ сильно поразило, что онъ и самъ не радъ. „Раньше, жалуется онъ мнѣ, жилось какъ-то спокойнѣе, ничего не зналъ и ни о чемъ не думалъ, а теперь какъ-то неспокойно на душѣ, тяжело на сердцѣ стало: все думаешь, мысли разныя высокія въ голову лѣзутъ, а понять хорошенько самъ не можешь, а объяснить здѣсь некому и книжекъ такихъ интересныхъ мало...“ Интересъ къ событіямъ и вопросамъ „политики“ настолько возросъ, что здѣсь даже старики хотятъ учиться грамотѣ, чтобы самимъ читать нелегальныя книжки. По словамъ тѣхъ, съ которыми приходилось говорить, изъ 800 душъ этого села наберется развѣ только 30-40 безучастныхъ, остальные-же — кто болѣе, кто менѣе сознательно — всѣ съ жадностью слушаютъ и читаютъ о томъ, какъ соціалисты и городскіе рабочіе добиваются „своихъ правъ и лучшей жизни“. Изъ писемъ рабочихъ односельцевъ здѣсь хорошо освѣдомлены о Ростовской стачкѣ и даже о майской демонстраціи 1903 г. въ Баку. Достойно вниманія то, что такой интересъ не ограничивается однимъ любопытствомъ; наоборотъ, здѣшній мужикъ хочетъ активно пріобщиться къ политическому движенію. Я побывалъ здѣсь не по собственной иниціативѣ, а по желанію самихъ-же крестьянъ; черезъ одного своего рабочаго въ Саратовѣ, они изъявляли желаніе повидать кого-либо изъ соціалистовъ изъ Саратова, они предлагали даже побыть у нихъ мѣсяца два, на время полевыхъ работъ (въ это время крестьяне всѣ живутъ въ полѣ). Среди наиболѣе сознательныхъ (человѣкъ 10-15) здѣсь, безъ всякой указки со стороны, образовался даже родъ организаціи, съ цѣлью пріобщать деревню къ городамъ, добывать книжки и заводить связи съ окрестными селами. По словамъ участниковъ этой группы, имъ уже удалось снестись со всѣми селами верстъ на 50 въ окрестности. Случайно попадавшая къ нимъ литература обходила каждый дворъ по порядку, а когда прочитывалась всѣми, то передавалась въ слѣдующія сосѣднія селенія. Часто чтеніе нелегальныхъ книжекъ происходитъ прямо на улицѣ, при большомъ стеченіи народа. Насколько здѣсь, въ общемъ, крестьянская масса относится ко всему этому сознательно, говоритъ слѣдующій любопытный фактъ: въ одной, смежной съ этимъ селомъ деревнѣ крестьяне нарочно выбрали себѣ въ старосты такого человѣка, который читаетъ запрещенныя книжки. Выборъ былъ вполнѣ сознательный и не только крестьяне однообщественники, но и сосѣди не нарадуются на своего новаго старосту. „Вотъ человѣкъ, говорили мнѣ, за „это дѣло“ пойдетъ куда угодно, хоть на висѣлицу“.

Прошлою осенью многіе отцы брали съ сыновей, отправляющихся въ солдаты, торжественныя клятвы отнюдь не стрѣлять въ рабочихъ и крестьянъ, если будетъ приказъ начальства: „тогда лучше и глазъ ко мнѣ не показывай“, напутствовали крестьяне своихъ дѣтей при отправкѣ въ наборъ. Интересно отношеніе къ манифесту объ отмѣнѣ круговой поруки. Раньше онъ вызвалъ-бы цѣлый рядъ фантазій, теперь отношеніе къ нему самое трезвое: „ха, ха, ха, смѣются крестьяне, чего, чего онъ (т. е. царь) не выдумаетъ, чтобы провести нашего брата; написано, написано такъ, что сразу, пожалуй, и не поймешь, ха, ха, ха. Теперь каждый будетъ платить за себя! Да развѣ раньше у насъ кто платилъ за другихъ?“ Знаютъ о существованіи партій соціалистовъ-революціонеровъ и соціальдемократовъ и очень интересуются разницею между ними. Представленіе о ходѣ борьбы у нихъ, въ общемъ, такое: необходимо возстаніе, совмѣстно съ рабочими, а до тѣхъ поръ больше пускать въ оборотъ книжекъ, да заводить знакомства съ другими мѣстами и выжигать помѣщиковъ. За послѣднее средство (поджоги) стоятъ очень упорно и справляются о болѣе удобныхъ средствахъ для этого.

Крестьянское движеніе на Кавказѣ (изъ письма рабочаго). Въ селѣ Анджало, въ Сиріачкони и во всѣхъ мѣстахъ на берегу Ріона почти всѣ земли принадлежатъ помѣщикамъ — дворянамъ. У нихъ арендуютъ землю большей частью мингрельцы (аренда уплачивается частью собранныхъ съ земли продуктовъ). Когда три крестьянина мингрельца начали пахать, то къ нимъ подошли четверо гурійцевъ и говорятъ: „бросьте сейчасъ-же работу и передайте всѣмъ вашимъ сосѣдямъ, чтобы съ сегодняшняго дня никто не смѣлъ работать у помѣщиковъ“. Когда тѣ начали сопротивляться, то гурійцы схватили кинжалы и отрѣзали двоимъ уши, а одному носъ и такимъ образомъ заставили ихъ бросить работу. Узнавъ это, всѣ сосѣди бросили работать. Когда уѣздный начальникъ по просьбѣ помѣщиковъ собралъ крестьянъ и спросилъ ихъ, почему они бросили обработку полей, то они отвѣтили: „мы больше не хотимъ работать на господской землѣ, мы хотимъ то-же, что и гурійцы“. До сихъ поръ еще всѣ поля по берегу Ріона остаются не обработанными.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Оберъ-палачъ Финляндіи Бобриковъ „широко“ пользуется данными ему царемъ, или вѣрнѣе, г. Плеве, новыми полномочіями. Со времени нашей послѣдней статьи приказаніе покинуть Финляндію получилъ бывшій сенаторъ Л. Грипенбергъ, вышедшій въ отставку вмѣстѣ со всѣми лучшими членами финляндскаго Сената въ 1900 г. при обнародованіи трехъ беззаконныхъ „законовъ“ Николая II. Сенаторъ Грип. — авторъ нѣсколькихъ талантливо написанныхъ политическихъ брошюръ (легальныхъ); въ прошломъ году онъ опубликовалъ за своей полной подписью въ „нелегальной“ финляндской газетѣ „Fria Ord“ статью, въ которой онъ подвергъ рѣзкой критикѣ раболѣпство нынѣшняго финляндскаго Сената. Вотъ, вѣроятно, главная причина его ссылки. Маститый финляндскій законовѣдъ, быв. сенаторъ Л. Мехелинъ недавно лишенъ назначенной ему Александромъ III *пожизненной* пенсіи. Объ его изгнаніи я писалъ въ прошлый разъ. Эта участь, повидимому, предстоитъ всѣмъ непріятнымъ Бобрикову и Ко. лицамъ, имѣющимъ пенсію. Появленіе жандармовъ для производства обыска и врученія приказанія выѣхать изъ Финляндіи директору банка въ Ловизѣ Фабриціусу послужили причиной моментальной смерти отъ разрыва сердца 90-лѣтней почтенной г-жи Манндеръ, близкой знакомой г. Ф. Эта старушка какъ разъ въ то время сидѣла у себя подъ окномъ и, увидѣвъ царскихъ опричниковъ, — она жила въ одномъ домѣ съ г. Ф. — упала мертвой на полъ. „Фин. Газ.“ ограничилась до сихъ поръ сообщеніемъ лишь о первыхъ, благоразумно умалчивая о дальнѣйшихъ высылкахъ, общее число коихъ достигаетъ уже 15-16. Въ маѣ въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи былъ произведенъ цѣлый рядъ обысковъ, при чемъ въ Гельсингфорсѣ у одного литератора цензоромъ-доцентомъ Вайніо конфискованъ огромный складъ „нелегальной“ шведской литературы (въ числѣ прочихъ изданій здѣсь найдено много экземпляровъ шведскаго перевода превосходныхъ мемуаровъ кн. Кропоткина). Удача агентовъ Бобрикова въ послѣднемъ случаѣ объясняется доносомъ. За послѣднее время въ Финляндіи появилось немало доносчиковъ. Главари старо-феноманской партіи не постыдились открыто возвести доносъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, въ гражданскій подвигъ! Невольно мы вспоминаемъ теперь сказанныя года три тому назадъ одной интеллигентной финляндкой наивныя слова: „Всѣ финляндцы одинаковые патріоты. На всѣхъ финляндцевъ смѣло можно положиться“. Я скептически покачалъ тогда головой, но все же я тогда еще не могъ себѣ представить, что вскорѣ цѣлая партія окажется ненадежной и превратится въ правительственную партію. Преступной агитаціей старо-феноманов и всевозможными коварными и жестокими мѣропріятіями агентовъ самодержавія въ Финляндіи объясняется довольно неудачный для оппозиціи исходъ нынѣшняго призыва, точный отчетъ о которомъ мы дадимъ по окончаніи дѣятельности „призывныхъ присутствій“. Недальновидные „политики“ и „дипломаты“ старо-феноманской партіи добиваются во что бы то ни стало отъ финскаго народа добровольнаго отказа отъ самаго могучаго средства борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ за политическую свободу — отъ средства, котораго страшно боялись азіатскіе палачи. Высланныя изъ Финляндіи лица принадлежатъ къ двумъ партіямъ либеральной шведской и демократической младо-феноманской: всѣ они — по своему происхожденію — представители высшихъ, зажиточныхъ классовъ, т. е. они — „господа“, „бары“. Но мы очень ошиблись бы, если бы мы подумали, что Бобриковъ и прочая братія церемонятся съ представителями рабочаго класса и крестьянства, съ которыми они, безспорно, все время заигрываютъ. Эту весну въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи было арестовано немало мнимыхъ „агитаторовъ“ по вопросу о воинской повинности, среди которыхъ были, главнымъ образомъ, рабочіе и интеллигентные крестьяне. Обращеніе съ подобными „политическими арестантами“ поражаетъ свое жестокостью даже и насъ, русскихъ борцовъ, неизбалованныхъ деликатнымъ обхожденіемъ нашихъ держимордъ. Такъ напр., у одного зажиточнаго крестьянина недалеко отъ г. Котки въ маѣ былъ произведенъ самый основательный, но не давшій никакихъ результатовъ, обыскъ, послѣ котораго хозяину заковали руки въ оковы и отвезли сначала въ Котку, гдѣ городовые вели его по городу, точно разбойника, въ оковахъ, а затѣмъ въ г. Выборгъ. Къ двумъ арестованнымъ рабочимъ въ Гельсингфорсѣ на допросахъ въ полиціи примѣнялись чисто русскіе коварные пріемы, чтобы ихъ заставить выдать сообщниковъ. Но оба эти рабочіе оказались стойкими борцами за свободу, и черезъ недѣлю они были освобождены. Подобные случаи ясно показываютъ всему фабричному и крестьянскому пролетаріату, насколько онъ можетъ полагаться на своихъ благодѣтелей — Бобрикова, Дейтриха, Кайгородова и пр., являющихся и „кормильцами“ и „освободителями“ его „отъ гнета“ эксплуататоровъ-помѣщиковъ. — Русскимъ властямъ кажется недостаточнымъ изгнаніе финляндскихъ благородныхъ гражданъ изъ отечества, они стараются всячески мстить имъ и послѣ ихъ отъѣзда. Мы сообщали въ послѣдней статьѣ объ аукціонѣ въ имѣніи барона Борна, отъ котораго они не могли иначе добиться незаконнаго штрафа за отказъ въ подчиненіи „закону“ Куропаткина о воинской повинности. На слѣдующій день — 13 мая (н. ст.) — въ его имѣніи былъ произведенъ второй обыскъ, во время котораго „блюстители порядка“ ломали замки и пр.; они въ трехъ большихъ ящикахъ увезли частную переписку барона съ его женой и т. п. По приказанію такъ-наз. губернатора Кайгородова была закрыта въ Гельсингфорсѣ издательская фирма, носившая имя высланнаго *бывшаго* книгопродавца Хагельстама, но фактически принадлежавшая давно акціонерному обществу. Вотъ нѣсколько примѣровъ грабежа и разбоевъ русскихъ опричниковъ въ Финляндіи, конституціи которой, гарантирующей личную неприкосновенность всѣмъ гражданамъ, такъ недавно еще присягалъ нашъ „благополучно царствующій“ Ника-Милуша. Таково „царское“ слово! Отставки попрежнему сыпятся, словно изъ рога изобилія на всѣхъ порядочныхъ финляндскихъ чиновниковъ; *теплыя мѣстечки* уготовляются русскимъ ташкентцамъ. Въ нынѣшнемъ письмѣ мы въ нѣсколькихъ словахъ разскажемъ о весеннихъ рабочихъ демонстраціяхъ, состоявшихся 1 іюня (нов. ст.) въ нѣкоторыхъ финляндскихъ городахъ. Особенно грандіознымъ рабочій праздникъ былъ въ Гельсингфорсѣ. Финляндская рабочая партія избрала по разнымъ соображеніямъ (климатъ и др.) начало іюня для рабочихъ демонстрацій, тогда какъ интернаціональный рабочій праздникъ 1 мая финляндскіе рабочіе празднуютъ торжественными засѣданіями своихъ союзовъ. Въ этомъ году 1 мая рабочіе, по крайней мѣрѣ, въ Гельсингфорсѣ, во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ были освобождены отъ работы. Демонстрація 1 іюня (второй день Троицы) въ общемъ ничѣмъ не отличалась отъ прошлогодней. Обрусители Финляндіи, разыгрывая роль друзей народа и не желая слишкомъ озлобить противъ себя организованныхъ рабочихъ, съ разными ограниченіями допускаютъ въ Финляндіи рабочія демонстраціи, отличающіяся, разумѣется, мирнымъ характеромъ. Впрочемъ, въ этомъ году были отмѣнены демонстраціи въ Бьернеборгѣ и Коткѣ „противъ желанія рабочихъ“, какъ осторожно выражаются подцензурныя финляндскія газеты. Въ Выборгѣ на демонстраціи не произносилось рѣчей а читались отрывки изъ „Эрфуртской программы“, (допущенной цензурой въ Финляндіи), декламировались стихотворенія и т. п. Въ одномъ лишь Таммерфорсѣ полиція разрѣшила рабочимъ оркестрамъ играть въ самомъ городѣ, тогда какъ въ Гельсингфорсѣ, Або и др. такая роскошь допускалась за городомъ. Но возвратимся къ Гельсингфорской демонстраціи. Въ девятомъ часу на огромной Желѣзнодорожной площади собралось со своими роскошными красными знаменами до 56 различныхъ союзовъ и обществъ — всевозможныхъ общихъ и профессіональныхъ, мужскихъ и женскихъ союзовъ рабочихъ и нѣсколько обществъ трезвости. Построившись по четыре человѣка въ рядъ, въ томъ порядкѣ, который опредѣлили по жребію главные распорядители демонстраціи за нѣсколько дней и опубликовали заблаговременно въ рабочихъ газетахъ, члены союзовъ съ особыми демонстраціонными значками со своими руководителями, повсюду замѣтными, благодаря своимъ широкимъ краснымъ лентамъ, съ двумя оркестрами, хорами и 17 знаменами во главѣ, въ 9½ час. торжественно двинулись по главнымъ улицамъ финляндской столицы въ сосѣдній лѣсъ. Масса публики повсюду съ любопытствомъ глядѣла на грандіозное зрѣлище. Картина на самомъ дѣлѣ, была величественной. Полиція сопровождала демонстрантовъ, якобы для поддержанія порядка, но рабочіе сами соблюдали образцовый порядокъ. Въ процессіи участвовало до 6000 человѣкъ, а на мѣстѣ праздника собралось до 15,000 чел. Здѣсь были устроены особыя эстрады для ораторовъ, дешевые буфеты и пр. Финскіе и шведскіе рабочіе помѣстились въ разныхъ мѣстахъ на живописной горѣ, покрытой сосновымъ лѣсомъ. Участіе многихъ представителей финляндской интеллигенціи въ процессіи (напр. до 20 студентовъ) и въ рабочемъ праздникѣ свидѣтельствуетъ о возникновеніи за послѣднее время живого интереса въ интеллигентномъ финляндскомъ обществѣ къ рабочему движенію и соціализму вообще. На праздникѣ было произнесено нѣсколько превосходныхъ рѣчей объ общемъ избирательномъ правѣ (въ Финляндіи, благодаря старинной сословной организаціи народнаго представительства, высокому имущественному цензу и т. п. „лѣстницѣ голосовъ“, рабочіе не имѣли на сеймахъ своихъ представителей), о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о борьбѣ съ пьянствомъ и пр., декламировались и пѣлись соціалистическія стихотворенія и пѣсни и т. п. Но ораторы не смѣли въ своихъ рѣчахъ освѣщать нынѣшняго печальнаго состоянія родины: — на это, конечно, не послѣдовало полицейскаго разрѣшенія. Въ общемъ демонстрація имѣла большое просвѣтительное значеніе: огромныя массы просвѣщались ученіемъ соціализма и проникались чувствомъ солидарности интересовъ интернаціональнаго пролетаріата. Подобныя демонстраціи, но въ меньшихъ размѣрахъ, состоялись въ Таммерфорсѣ, Або, Выборгѣ и Ганге.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. 10 мая на бумагопрядильной фабрикѣ Воронина, что на Выборгской сторонѣ, началась стачка. Тамъ работаетъ около 800 чел., изъ которыхъ мужчины составляютъ лишь незначительное меньшинство. Множество злоупотребленій давно переполнило чашу терпѣнія рабочихъ, но въ данномъ случаѣ поводомъ къ забастовкѣ было выставленное ими требованіе о прекращеніи работъ по субботамъ въ два часа вмѣсто шести (это уже введено на Невской ниточной мануфактурѣ). Въ субботу, 10 мая, рабочіе не пошли на обѣдъ, а оставались на фабрикѣ до 2 часовъ, послѣ чего разошлись. На фабричномъ дворѣ собралась толпа, пріѣхалъ фабричный инспекторъ, но переговоры не привели ни къ чему, такъ какъ хозяинъ не хотѣлъ уступить. Въ понедѣльникъ было у рабочихъ небольшое собраніе (человѣкъ 20-30), на которое нашъ Комитетъ послалъ двухъ ораторовъ. Они обсуждали съ рабочими способъ веденія стачки, а затѣмъ говорили рѣчи на общія политическія и соціальныя темы, говорили о необходимости организаціи, совѣтовали читать нелегальную литературу и т. д. Рѣчи были встрѣчены очень сочувственно. Послѣ того было еще 2-3 такихъ же собранія, и на нихъ приступлено къ организаціи фабричнаго комитета. Въ пятницу Комитетъ распространилъ тамъ изданный по поводу стачки листокъ, въ 300 экз. Между тѣмъ, волненіе передалось сосѣдней фабрикѣ Лебедева, гдѣ рабочіе выставили аналогичное требованіе (когда къ Лебедеву пріѣхалъ фабричный инспекторъ и началъ убѣждать рабочихъ, изъ толпы ему крикнули: „разсказывай сказки у Воронина!“). Полиція произвела нѣсколько арестовъ среди рабочихъ. Комитетъ поддерживалъ рабочихъ во время стачки деньгами. У Лебедева рабочіе добились исполненія своего требованія. У Воронина же послѣ того, какъ часть рабочихъ получила разсчетъ, остальные принялись за работу на прежнихъ условіяхъ.

С.-Петербургъ. Съ завода Лесснера. (Изъ письма рабочаго). 24 марта здѣсь были распространены прокламаціи. По этому поводу пріѣзжалъ фабричный инспекторъ и имѣлъ собесѣдованіе съ рабочими, которые жаловались ему на сбавку расцѣнковъ, на слишкомъ продолжительный рабочій день и на обыски. Послѣдніе, по его словамъ, быть можетъ, будутъ отмѣнены — вопросъ этотъ теперь разрабатывается. Черезъ годъ или два онъ посулилъ и сокращеніе рабочаго дня. Что касается до расцѣнковъ, то на это — воля хозяйская. Поговорилъ о рабочихъ старостахъ, которыхъ де предполагается установить — по выбору рабочихъ — для веденія переговоровъ съ хозяиномъ и для контроля за штрафнымъ капиталомъ. Въ заключеніе „предостерегалъ отъ тѣхъ людей, которые наталкиваютъ на политическую борьбу: дескать, это дѣло вамъ не подходящее и царями васъ не выберутъ, а только будете представлять изъ себя пушечное мясо“.

Кострома, 25 мая. На бумаготкацкой фабрикѣ Бельгійскаго Акціонернаго Общества заработокъ ткачей всегда былъ крайне низокъ (не больше 30-35 коп. въ день). Послѣ Пасхи они рѣшили перейти съ поденной платы на сдѣльную, надѣясь вырабатывать больше. Вмѣсто этого заработокъ палъ до того, что 15 коп. стали считаться солиднымъ заработкомъ. Заработокъ взрослыхъ женщинъ не превышалъ 9½ коп. въ день. (!) Помимо того, администрація стала переводить съ менѣе сложныхъ работъ на болѣе сложныя, сохраняя прежній расцѣнокъ. Рабочіе обратились къ фабричному инспектору, но тотъ заявилъ, что „это не его дѣло“. Въ ночь на 1 мая были распространены мѣстнымъ Комитетомъ майскіе листки. 5 мая рабочіе оставили работу и толпой человѣкъ въ 500 отправились къ губернатору, требуя его вмѣшательства. Тотъ предложилъ имъ уйти на фабрику и выбрать депутатовъ. Рабочіе отказались, боясь, что ихъ арестуютъ. 6 мая губернаторъ былъ на фабрикѣ и говорилъ съ рабочими. Рабочіе потребовали увеличенія расцѣнокъ и удаленія одного изъ директоровъ, человѣка очень грубаго. 7 мая ждали обѣщаннаго губернаторомъ отвѣта, но его не послѣдовало и рабочіе отправили къ нему депутатовъ. 8 мая пронесся слухъ, что рабочіе, отправленные къ губернатору въ качествѣ депутатовъ, арестованы. Часовъ въ 11 толпа рабочихъ, человѣкъ въ 500, собралась около фабрики товарищества; среди нихъ было много женщинъ. Произошла первая стычка съ полиціей. Какой-то приставъ вступился за избитаго рабочими директора, замахнулся шашкой на одного изъ стачечниковъ. Тотчасъ его избили и отбросили въ сторону. Отправились къ губернаторскому дому. Оказалось, что губернаторъ уѣхалъ. Крикъ „да здравствуетъ свобода!“ былъ здѣсь подхваченъ громкимъ „ура!“. Рабочіе черезъ весь городъ прошли къ тюрьмѣ освободить арестованныхъ, но тюремная администрація увѣрила ихъ, что рабочихъ депутатовъ (арестовано 15 чел.) у нея нѣтъ. Шествіе отправилось дальше. Около полицейскаго управленія раздалось „ура!“ и взвилось красное знамя: пѣли „Марсельезу“, по рукамъ ходили прокламаціи, женщины выкидывали красные платки. Отбить знамя полиціи не удалось, но около часу дня ей удалось разогнать толпу. Началась дикая расправа. Въ избіеніи приняли участіе подоспѣвшіе солдаты (нѣсколько ротъ). Рабочихъ били, связывали веревками и отправляли въ участки и губернское управленіе. Избіеніе продолжалось въ губернскомъ управленіи, на глазахъ присутствовавшихъ тутъ чиновъ мѣстной администраціи... Здѣсь имѣлъ мѣсто такой эпизодъ: приводятъ женщину *въ послѣдней стадіи беременности.* Жандармскій полковникъ Кемпе грубо ее спрашиваетъ: „какъ твоя фамилія?“, та отвѣчаетъ: „самъ бралъ, самъ и долженъ знать фамилію“ (такъ отвѣчали многіе рабочіе). „Я тебя въ тюрьмѣ сгною, такая-сякая!“ „Не боюсь тюрьмы, все равно на волѣ съ голоду умирать.“ Въ отвѣтъ на такую „дерзость“ работница получаетъ отъ озвѣрѣлаго Кемпе пощечину. Даже изсушенныя сердца чиновниковъ не выносятъ такой сцены: одинъ изъ нихъ поднялъ на Кемпе руку и хотѣлъ его ударить, но его удержали и вывели въ нервномъ припадкѣ. Двое другихъ, блѣдные и въ слезахъ, покинули комнату. Къ 15 мая арестованныхъ было 60 рабочихъ и 2-3 интеллигента.

Имѣвшая мѣсто стачка-демонстрація особенно интересна, во-первыхъ, тѣмъ, что главная роль въ ея организаціи принадлежитъ самимъ же рабочимъ, а, во-вторыхъ, яркимъ проявленіемъ въ ней тѣхъ особенностей переживаемаго момента, которыя простую мирную стачку неминуемо превращаютъ въ настоящую политическую демонстрацію. Впечатлѣніе отъ бывшей демонстраціи громадное. Ярославскимъ Комитетомъ выпущена прокламація объ этихъ событіяхъ.

Рабочіе Зотовской мануфактуры одновременно потребовали введенія нѣкоторыхъ улучшеній. Имъ тотчасъ же уступили. Нѣсколько ранѣе была въ Костромѣ же стачка на Кашинской фабрикѣ — требовали увеличенія заработной платы. Помирились на компромиссѣ, но рабочіе оказались обманутыми.

* * *

Слѣдующія, болѣе новыя свѣдѣнія заимствуемъ изъ одного частнаго письма: „... 8 мая рабочіе устроили по городу манифестацію со знаменемъ, пѣснями и прочими аттрибутами. Прошли черезъ весь городъ, отбиваясь отъ полиціи и жандармовъ, до острога, гдѣ много сидитъ ихъ товарищей, и обратно. Примыкали къ демонстраціи и посторонніе лица, арестованы двое студентовъ. Во время манифестаціи были многіе жестоко избиты, и одна женщина восемнадцатаго числа отъ побоевъ умерла въ больницѣ. Вызванныя войска не принимали участія въ усмиреніи, благодаря сдержанности губернатора. Послѣ этого до 19 мая все было спокойно. Въ этотъ же день къ стачечникамъ по окончаніи работъ примкнули рабочіе другихъ фабрикъ, Кашина, Зотовыхъ и Чумакова. Квартиры администраціи фабрики были разгромлены, полиція и жандармы смяты. Пріѣхавшаго для увѣщанія губернатора встрѣтили градомъ камней. Фабрика была занята войсками. На разсвѣтѣ другого дня полиція принялась за аресты: вламывалась въ дома и забирала всѣхъ. Тюрьма, части и кладовыя полны арестованными, жестоко избитыми и, говорятъ, даже оставленными безъ пищи.

Съ этого дня схватки идутъ каждую ночь. Всѣ фабричные кварталы страшно озлоблены. Къ рабочимъ выходятъ на помощь ремесленники и мелкіе торговцы. Третьяго дня полуроту солдатъ, пошедшую на штыки, встрѣтили такимъ градомъ камней, что солдаты опрометью бѣжали на фабрику. У возставшихъ имѣется болѣе 20 охотничьихъ ружей и много отнятыхъ у полиціи револьверовъ. Мостовая на Солдатской и Власьевской улицахъ разобрана и камни пошли въ качествѣ оружія. Убито нѣсколько жандармовъ, сильно избитъ одинъ офицеръ. На фабрикѣ, говорятъ, было четыре трупа рабочихъ, кромѣ того на улицахъ многіе получили смертельныя раны. Убитъ одинъ лавочникъ, во дворѣ своего дома выстрѣломъ городового черезъ заборъ. Сегодня ночью были слышны залпы.

Виновники безпорядковъ, бельгійцы-директора, по настоянію губернатора, убрались изъ Костромы. Что будетъ дальше, не знаю, но, если правда половина того, что разсказываютъ про дѣйствія жандармовъ и полиціи, то врядъ ли скоро утихнетъ озлобленіе рабочихъ, теперь направленное *исключительно* противъ этихъ мерзавцевъ. Рабочіе терпятъ большую нужду“.

* * *

Изъ третьяго сообщенія о тѣхъ же событіяхъ:

Въ январѣ 1903 г. была сдѣлана попытка понизить заработную плату; это вызвало забастовку части рабочихъ въ половинѣ марта, и дѣло было улажено мирнымъ путемъ и довольно скоро. Кромѣ того, были выписаны на фабрику новыя машины для узорчатаго тканья, на которыхъ костромскіе непривычные къ нимъ ткачи вырабатывали очень мало: такъ, при расчетѣ посдѣльно получили за двѣ недѣли по 1½ руб. Въ началѣ рабочіе хотѣли уладить дѣло мирнымъ путемъ и отправились къ губернатору, но его не оказалось дома, тогда пошли къ вицегубернатору, тотъ вышелъ и договорилъ съ ними, но никакихъ результатовъ рабочіе не добились.

Утромъ 20 мая войска выступили изъ Костромы въ лагери. Въ Костромѣ два батальона — одинъ изъ нихъ уѣхалъ въ Ярославль, другой въ Нижній-Новгородъ; осталась только конвойная команда. 20-го же около 9 часовъ вечера рабочіе съ Б. М. начали собираться на улицѣ недалеко отъ фабрики, къ нимъ присоединились рабочіе съ сосѣднихъ двухъ фабрикъ т-ва бр. Зотовыхъ и т-ва костр. льняной мануфактуры, такъ что образовалась толпа около 5000 человѣкъ; прежде всего прервали телеграфное и телефонное сообщеніе съ городомъ (фабрика стоитъ на окраинѣ города), потомъ выбрали камни изъ мостовой, запаслись кирпичами съ находящейся недалеко постройки и все это полетѣло въ зданія, принадлежащія фабрикѣ, перебили всѣ окна. Въ одиннадцатомъ часу прибыла конвойная команда и отрядъ городовыхъ. На другой день прибыли обратно въ Кострому двѣ роты, на третій еще одна. Безпорядки продолжались по вечерамъ съ девяти часовъ еще 22 и 23. Солдаты стрѣляли въ воздухъ, но все таки есть раненые съ той и другой стороны — у рабочихъ было нѣсколько револьверовъ. Ранено нѣсколько человѣкъ, совсѣмъ непричастныхъ къ дѣлу. Въ настоящее время фабрика охраняется солдатами. Аресты рабочихъ продолжаются. По нѣкоторымъ сообщеніямъ, 21-го на улицѣ былъ выкинутъ красный флагъ.

Тверь. Тверскимъ Комитетомъ майскіе листки О. К. были распространены дважды: и по старому, и по новому стилю. Въ оба раза ихъ было распространено до 7000. Изъ „распространителей“ съ поличнымъ никто задержанъ не былъ, но на другой день было произведено среди рабочихъ до 15 обысковъ и арестовано 5. Двое, впрочемъ, были скоро освобождены. Рабочая организація не задѣта. Отъ иныхъ формъ празднованія Комитетъ отказался по достаточно вѣскимъ причинамъ. По отзывамъ широкой публики листковъ было „чрезвычайно много“, „вездѣ они есть“. Среди рабочихъ они вызвали броженіе. На Морозовской и Берговской мануфактурахъ стали поговаривать о стачкѣ. Тогда Комитетъ выпустилъ листокъ къ рабочимъ фабрики Берга. Полиція немедленно приняла рядъ мѣръ, набили всѣ этажи городовыми. „Отъ станка не давали отойти“ передавали рабочіе. На этой мануфактурѣ большинство — женщины, элементъ консервативный. Стачка не вышла.

Вообще и обыватели и власти ждутъ „бунта“. Поднимался вопросъ о томъ, чтобы совсѣмъ не уводить войскъ въ лагерь и оставлена двойная охрана. Листки попали и въ деревни, вызвали много разговоровъ все о томъ же „бунтѣ“. По содержанію, разумѣется, эти листки туда не вполнѣ подходятъ.

Майскіе листки были распространены также и въ Новоторжскомъ уѣздѣ на писчебумажной фабрикѣ Кувшинникова и стеклянномъ заводѣ. Произвели они громадное впечатлѣніе не только на рабочихъ, но и на всю округу. Домъ весьма непопулярнаго земскаго начальника Полторацкаго весь былъ заклеенъ ими. Наѣзжали туда „голубые“, но ничего не нашли. Но самый крупный успѣхъ достался на долю Вышняго Волочка. Тамъ находятся три бумагопрядильныхъ мануфактуры. Двѣ изъ нихъ прохоровскія, на одной (такъ называемой „Таболкѣ“) 3500 рабочихъ, на другой („Солдаткѣ“) около 900, большею частью, женщины. Третья мануфактура принадлежитъ Рябушинскому, на ней до 4000 раб. Порядки на нихъ издавна царили безобразные.... Не довольствуясь „нормальнымъ“ рабочимъ днемъ, фабрики пускали паровую раньше, останавливали позже, выгадывая ежедневно по ¾ ч. лишняго. Расцѣнки систематически понижали, особенно съ 1901 г., ссылаясь на промышленный кризисъ. Были и другія милыя особенности въ выдачѣ заработной платы, которыя сильно раздражали рабочихъ. Такъ, литейный мастеръ получалъ жалованье не отъ конторы, а изъ цеховой платы всей мастерской (конечно, львиную долю). Или, наприм., подносчики основъ за подачу ихъ ткачихамъ не получали жалованья, должны же были брать „изъ рукъ“ 5 к. Штрафы брали безпощадно, за все, что можно. На Прохоровской мануфактурѣ съ 1898 г. накопилось 16.000 рублей штрафного капитала. Пособія же изъ него выдавали такимъ образомъ: въ книжкѣ писали 10 р., а выдавали рубля 2-3. Штрафовали за неявку на работу по болѣзни, (хотя при фабрикѣ врача нѣтъ, *выдать свидѣтельство некому*); называли такіе пропуски „пьяными“ днями. Грабили рабочихъ на браковкѣ, на товарахъ потребительной лавки, обмѣривали при пріемкѣ куска ткани аршина на четыре, а то и на семь. Послѣднее обстоятельство установленно фабричнымъ инспекторомъ и прокуроромъ. Возмутительно было отношеніе администраціи къ рабочимъ. Директоръ Рябушинской мануфактурѣ Ганьшинъ, пробывъ всего три мѣсяца, успѣлъ снискать общую ненависть. Грубо обходился съ рабочими мастеръ механической на Прохоровской мануфактурѣ — Кудряшевъ. Мастеръ Степановъ и директоръ Горожанскій (Прохор. ман.) не давали прохода красивымъ работницамъ, „завели свой гаремъ“, по выраженію рабочихъ.... Но со времени большой стачки въ первой половинѣ 90-хъ годовъ ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяевъ и властей. — Въ январѣ 1903 г. былъ тамъ арестованъ рабочій Смирновъ, проживавшій по нелегальному паспорту.

Въ апрѣлѣ Тверской Ком. имѣлъ свѣдѣнія, что въ Вышнемъ Волочкѣ не спокойно. Въ ночь на 1 мая, онъ распространилъ тамъ свыше 500 шт. майскихъ листковъ. Они произвели сильное впечатлѣніе. „На улицу“, раздалось на всѣхъ трехъ фабрикахъ. Сперва забастовали прохоровскіе прядильщики (перваго числа); второго къ нимъ присоединились ткачи и Рябушинская фабрика; третьяго мая забастовали мастеровые. До четвертаго мая рабочіе большими толпами собирались на площади передъ фабрикой и сообща выработали свои требованія, не подпуская полицію. Главныя требованія были: 1) девятичасовый рабочій день, подъ праздники восьмичас.; 2) отчетность въ штрафныхъ капиталахъ; 3) повышеніе заработка на 20%; 4) устройство библіотекъ при фабрикахъ, и нѣкоторые другія, болѣе мелкія. Рабочіе забастовали замѣчательно выдержанно и спокойно. — Какъ водится, прилетѣли всѣ власти, стали убѣждать рабочихъ стать на работу, тѣ стояли на своемъ. Вызвали шесть ротъ войска и перевели весь городъ на военное положеніе. Вездѣ ходили патрули, останавливали и опрашивали проѣзжающихъ. Небывалое зрѣлище представлялъ Волочокъ въ свои „майскіе дни“. Весь городъ говорилъ о стачечникахъ; сочувствіе обывателей на ихъ сторонѣ.

Войска скоро убрали, а рабочимъ объявили расчетъ. Стали гнать съ хозяйскихъ квартиръ, высылать подъ конвоемъ старостъ по деревнямъ. Но рабочіе вновь возвращались, настроеніе среди нихъ держалось твердое, боевое. Товарищъ, которому Комитетъ поручилъ изслѣдовать положеніе дѣлъ на мѣстѣ, вынесъ превосходное впечатлѣніе. „Не сдадимся, будемъ бороться до послѣдней крайности“, слышалъ онъ на каждомъ шагу.*)

Съ 8 мая Прохоровъ пошелъ на уступки, сначала мелкія. Рабочіе не сдались. Въ тотъ же день среди стачечниковъ были распространены листки комитета съ призывомъ продолжать стачку. Они сильно поддержали настроеніе. 14 мая Прохоровъ вывѣсилъ новыя уступки, *подписанныя фаб. инспекціей*: повысилъ расцѣнки на 15%, далъ обѣщаніе не притѣснять отпусками, предъ праздниками кончать не въ десять час., а въ шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы рабочаго дня. 14 мая появились вторично листки Комитета. 18-го Прохоровъ удовлетворилъ послѣднее требованіе и съ 19-го фабрика пошла. На уступчивость его сильно повліяла вынужденная остановка его большой ткацкой фабрики при ст. Подсолнечной, которая работаетъ пряжей съ „Таболки“.

Рябушинскіе рабочіе сдались 14-го, выиграли пустяки, повышеніе заработной платы на 5% и облегченіе штрафовъ.

Но Прохоровъ поступилъ, какъ заправскій мошенникъ. Видя, что рабочіе истомились продолжительной стачкой (его служащіе разъѣзжали во время стачки по городу и просили закрыть рабочимъ кредитъ во всѣхъ лавкахъ), числа 21 онъ объявилъ, что „никакихъ уступокъ имъ не будетъ“ и убралъ объявленіе объ уступкахъ. Рабочіе 22-го опять забастовали. Но борьба была имъ уже не подъ силу — и они на другой день сдались. До чего велики были лишенія ихъ во время стачки, видно изъ того, что среди нихъ *констатированы случаи цынги.*

На этотъ разъ вышневолоцкіе рабочіе проиграли битву капиталу. Но они поймутъ зато, что одна экономическая борьба не дастъ надежной гарантіи ихъ праву на человѣческое существованіе. Ихъ неудача, надругательство Прохорова открыли многимъ изъ нихъ глаза. И если мы прибавимъ къ нашему счету удивительную выдержку и дисциплину, которую они проявили, то не будетъ большой смѣлостью сказать: отъ „майскихъ дней“ въ Вышнемъ Волочкѣ не такъ уже далеко до „ноябрскихъ дней“ въ Ростовѣ!

Р. S. Въ корреспонденціи изъ Твери въ № 39 Искры грубая ошибка: на Морозовской мануфактурѣ не до *тысячи* рабочихъ, какъ ошибочно напечатано, а до *двѣнадцати тысячъ* рабочихъ.

Одесса. 1 мая въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ забастовали 278 рабочихъ, изъ нихъ 150 съ семьями устроили маевку за большимъ вокзаломъ. Явился околодочный съ городовыми и потребовалъ разойтись, такъ какъ „не полагается“ и „траву мнете“. Рабочіе отвѣтили, что не буйствуютъ и владѣлецъ дачи разрѣшилъ сидѣть на травѣ. Околодочный удалился, оставивъ стражника. Пѣли революціонныя пѣсни и говорили рѣчи о „независимыхъ“. Въ 12 часовъ полиція приказала запереть всѣ ворота. На улицѣ задерживали подозрительныхъ. Между прочимъ, задержали двухъ евреевъ и когда на вопросъ „откуда?“ они отвѣтили: „изъ Кишинева“, полиція избила ихъ и отправила въ участокъ. Около двухъ часовъ на балтской дорогѣ стали собираться рабочіе, созванные соціалистами-революціонерами на собраніе. Появилась конная полиція, которая задержала 29 человѣкъ. Въ то время, какъ ихъ вели по Московской улицѣ, толпа евреевъ-лавочниковъ набросилась на арестованныхъ (изъ нихъ 19 человѣкъ — евреи) и нещадно избила ихъ, при этомъ убитъ булочникъ Дмитрій Казагранде. У кожевеннаго завода толпа рабочихъ сдѣлала попытку отбить арестованныхъ, но околодочные и городовые угрожали стрѣлять. Одинъ рабочій съ крикомъ „долой самодержавіе“ ударилъ околодочнаго по лицу и вмѣстѣ съ другими былъ отправленъ въ участокъ, гдѣ многихъ страшно избили. По городу 1 и 3 разставлены войска. Сіонисты выпустили листки, въ которыхъ доказываютъ, что правительство не причемъ въ Кишиневскомъ погромѣ, что евреевъ ненавидятъ всѣ, что имъ нечего мечтать о равенствѣ... и нужно идти къ нимъ, сіонистамъ.

Р. S. Въ каменоломняхъ изъ 2000 рабочихъ работали едва 200 человѣкъ. На кожевенныхъ и стекольныхъ заводахъ не работало большинство. Бастовали многія ремесленныя мастерскія. „Независимые“ выпустили листки, въ которыхъ приглашали работать, чтобы показать, кто стоитъ за правительство. Листки раздавали на глазахъ у полиціи.

Бѣлостокъ. 19 и 20 мая у насъ были внушительныя манифестаціи. Въ первый день еврейскихъ праздниковъ толпа въ 600 человѣкъ, возвращаясь съ собранія, торжественно прошлась чрезъ городской лѣсъ, гдѣ бываетъ обыкновенно больше народу, чѣмъ въ самомъ городѣ, и по нѣкоторымъ улицамъ съ пѣснями „Вихри враждебные“, „Паденіе Бастиліи“ и съ криками „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ соціализмъ“, послѣ чего всѣ мирно разошлись. На слѣдующій день въ лѣсу состоялось массовое собраніе изъ двухъ-трехъ тысячъ человѣкъ. На обратномъ пути повторилось то же, что въ предыдущій день. Вся масса представляла собою одну сплошную стѣну. Красиво было смотрѣть, какъ вся эта масса шла въ полномъ порядкѣ, какъ одинъ человѣкъ. Изъ всѣхъ домовъ выбѣжали смотрѣть на эту процессію. Полицейскіе боялись подходить къ толпѣ и прятались.

Орша. Въ субботу, 30 мая, состоялось собраніе рабочихъ въ лѣсу, въ восьми верстахъ отъ города. Говорили нѣсколько ораторовъ изъ интеллигенціи и изъ рабочихъ на разныя темы. Собраніе продолжалось отъ часу дня до девяти вечера, послѣ чего всѣ отправились въ городъ съ революціонными пѣснями и возгласами. Настроеніе было приподнятое, возбужденіе сильное, особенно у сочувствующей интеллигенціи.

Здѣсь стачка столяровъ; бастуютъ 37 человѣкъ. Требуютъ обратнаго пріема товарищей, уволенныхъ въ качествѣ „вожаковъ“ движенія, сокращенія рабочаго дня и пр. Нужда сильная. Сочувствующая интеллигенція помогаетъ стачечникамъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОБѢДА ВЪ ГЕРМАНІИ.

16(3) іюня состоялись въ Германіи выборы въ рейхстагъ. Они доставили новую побѣду германской соціалдемократіи, а, слѣд., и всему дѣлу международнаго соціализма, во главѣ котораго стоитъ великолѣпно организованная, дисциплинированная и объединенная строго-выдержанной программой германская рабочая партія.

Событія послѣдняго года и, главнымъ образомъ, борьба противъ таможеннаго законопроекта, которую вели въ парламентѣ соціалдемократы, придали особое значеніе нынѣшнимъ выборамъ. Реакціонное большинство рейхстага приняло проектъ объ увеличеніи пошлинъ на ввозный хлѣбъ, т. е. законопроектъ объ обложеніи всего городского населенія налогомъ въ пользу помѣщиковъ и достаточнаго крестьянства. Парламентская борьба соц.-демократіи, которая прибѣгла къ обструкціи, не увѣнчалась успѣхомъ: законопроектъ прошелъ, благодаря ряду грубыхъ насилій со стороны большинства, прошелъ при содѣйствіи большей части буржуазныхъ либераловъ (свободомыслящихъ), которые прекратили борьбу противъ пошлинъ изъ предательскихъ избирательныхъ разсчетовъ, — чтобы не лишиться на выборахъ поддержки аграріевъ и реакціонеровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходится выбирать между либералами и соціалистами. Соц.-демократы, оставшись одни въ борьбѣ за кровные интересы всей неимущей части населенія, были всячески очерняемы въ глазахъ избирателей: имущіе классы, католическое и протестантское духовенство и самъ императоръ приняли участіе въ травлѣ соціалистовъ. Императоръ Вильгельмъ старался особенно много: вопреки всѣмъ конституціоннымъ обычаямъ, онъ призывалъ рабочихъ покинуть, наконецъ, соц.-демократію, суля имъ всякія милости и соблазняя мыслью о „чисто-рабочихъ“ депутатахъ, которые будутъ представлять подлинные интересы рабочихъ и которымъ обезпечено благоволеніе начальства.

Опираясь на недовольство широкой массы населенія таможеннымъ законопроектомъ, на разочарованіе въ либералахъ, которое испытала масса буржуазныхъ избирателей въ виду ихъ измѣны, — соц.-демократія развернула широкую агитацію во всѣхъ концахъ Германіи. Но, сосредоточивъ борьбу на вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ, соц.-демократія не покинула строго-классовой точки зрѣнія, не оставляла въ тѣни своихъ соціалистическихъ задачъ. Въ бой она выступила независимо отъ всѣхъ другихъ партій, выставляя кандидатовъ во всѣхъ избирательныхъ округахъ, — даже въ тѣхъ, гдѣ она не имѣла шансовъ провести своего кандидата. Подсчетъ соціалистическихъ голосовъ ей важенъ ничуть не меньше, чѣмъ такой практическій результатъ, какъ ослабленіе реакціоннаго большинства рейхстага.

Этотъ подсчетъ голосовъ, довѣряющихъ свое политическое представительство революціонной партіи пролетаріата, совершается въ Германіи болѣе тридцати лѣтъ и позволяетъ съ математической почти точностью судить о развитіи классовой борьбы въ Германіи, о приближеніи соціалистовъ къ окончательной побѣдѣ.

Въ первомъ парламентѣ Германской имперіи (въ 1871 г.) соц.-демократы имѣли за собой (въ круглыхъ цифрахъ) 120 тыс. избирателей, въ восьмидесятыхъ годахъ (1881 г.) — 310 тыс., въ началѣ девяностыхъ годовъ (1890 г.) — 1.430 тыс. Въ нынѣшнемъ году за нихъ подано три милліона (3.008.000) голосовъ, приблизительно около трети всего населенія, имѣющаго право голоса. За пять лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣднихъ выборовъ (1898 г.), партія возрасла на 900 тысячъ голосовъ, т. е. на 42%. Этотъ постоянный приростъ создается изъ новыхъ сотенъ тысячъ пролетаріевъ, оторванныхъ капитализмомъ отъ собственнаго хозяйства въ земледѣліи и ремеслѣ; изъ отчаявшихся добиться чего-нибудь при современномъ строѣ крестьянъ и ремесленниковъ;

---

*) Арестовано было 14 „вожаковъ“. На добычу жандармы шли не иначе, какъ подъ охраной взвода солдатъ.

изъ пробудившихся впервые къ сознательной политической жизни наиболѣе отсталыхъ слоевъ рабочаго класса въ городѣ и деревнѣ; наконецъ, изъ той части демократической интеллигенціи и буржуазіи, которая покидаетъ либераловъ, видя ихъ полную неспособность бороться за дѣло свободы, и переходитъ къ соціалистамъ, какъ единственной партіи будущаго. Ростъ организаціи сознательной части пролетаріата и ростъ ея вліянія на всѣ угнетенные и недовольные слои населенія — вотъ о чемъ говорятъ намъ эти краснорѣчивыя цыфры.

Еще краснорѣчивѣе звучатъ цыфры, показывающія ростъ партіи по отдѣльнымъ районамъ Германіи. Во всей Пруссіи соц.-дем. голоса возрасли за 5 лѣтъ съ 1.142 тыс. до 1.647 тыс., т. е. на полмилліона, или на 43%; въ Берлинѣ съ 155 тыс. до 218 тыс. (41%), а въ провинціи Бранденбургъ (районъ Берлина) — съ 162 тыс. до 242 тыс. (50%). Въ Вестфаліи и Рейнской провинціи — въ томъ промышленномъ районѣ, гдѣ до сихъ поръ соц.-демократія была представлена всего слабѣе, благодаря тому, что масса рабочихъ до сихъ поръ находилась подъ вліяніемъ ловкихъ католическихъ поповъ и на выборахъ неуклонно голосовала за партію центра (клерикалы) — въ этомъ районѣ соц.-демократія съ 189 тысячъ голосовъ выросла до 346 тыс., т. е. на **88%**. Наконецъ-то, пробита крупная брешь въ твердынѣ самой зловредной и самой сильной реакціонно-буржуазной партіи центра, — единственной, которая еще пользовалась вліяніемъ на часть рабочаго класса! Въ Баваріи число соц.-дем. голосовъ поднялось съ 138 тыс. до 212 — на 52%, въ Баденѣ — съ 50 тыс. до 79 (58%), въ Виртембергѣ — съ 62 тыс. до 100 тыс. (61%): въ этихъ земледѣльческихъ районахъ мелкіе крестьяне, отчаявшись въ помощи со стороны правящихъ классовъ, переходятъ по немногу на сторону партіи пролетаріата.

Но всего внушительнѣе, всего грознѣе ростъ соціалистическаго движенія въ Саксоніи — этой самой промышленной части Германіи, этой колыбели германскаго соц.-демократическаго движенія. Здѣсь уже въ 1898 г. за соціаль-демократію было подано почти триста (299) тыс. голосовъ — около половины всего числа избирателей. Теперь за нее подано 443 т. (возростаніе на 48%). За соціаль-демократовъ подано на 150 тыс. голосовъ болѣе, чѣмъ за всѣ прочія, т. е. чѣмъ за всѣ буржуазныя партіи. Большинство саксонскаго населенія высказалось за соціализмъ точно также, какъ большинство населенія Берлина, Гамбурга и многихъ другихъ крупныхъ городовъ Германіи.

Если бы въ Германскомъ парламентѣ политическія партіи были представлены соотвѣтственно количеству голосовъ, поданныхъ на выборахъ, соціаль-демократія имѣла бы болѣе $^1/_3$ депутатовъ (130 чел.). Но благодаря неправильному распредѣленію избирательныхъ округовъ, сельскіе округа выбираютъ по одному депутату на 15-20 тыс. избирателей, городскіе же — по одному на 50, а то и всѣ 100 тыс. Поэтому, число соціаль-демократовъ въ парламентѣ будетъ значительно меньше указанной цифры. Пока съ перваго раза избрано 56 соціаль-демократовъ, изъ нихъ 15 въ такихъ мѣстахъ, гдѣ прежде были избираемы депутаты иныхъ партій. Въ столицѣ — Берлинѣ изъ 6 округовъ въ пяти сразу прошли соціаль-демократы и только въ одномъ, самомъ богатомъ округѣ Берлина либералы, еще надѣются отбить у соціалистовъ мѣсто въ парламентѣ. 12 (25) іюня состоятся перебаллотировки въ тѣхъ округахъ, гдѣ съ перваго раза ни одинъ кандидатъ не получилъ абсолютнаго большинства (т. е. болѣе половины всего числа голосовъ). Въ этихъ округахъ перебаллотировка происходитъ между тѣми двумя кандидатами, которые въ первый разъ собрали каждый больше голосовъ, чѣмъ остальные. Такихъ округовъ осталось 180, изъ нихъ въ 121-мъ выборы будутъ происходить между соц.-демократами, съ одной стороны, и буржуазными кандидатами — съ другой. Вѣроятно, послѣ перебаллотировокъ соц.-демократы выиграютъ еще 20-30 мѣстъ въ парламентѣ, такъ что общая ихъ численность будетъ 80 съ лишнимъ*). До сихъ поръ ихъ было всего 58.

Мы постарались дать картину той побѣды, которую наша партія одержала на германскихъ выборахъ. Къ подробностямъ этого событія мы еще вернемся, когда избирательная борьба закончится. Здѣсь еще разъ отмѣтимъ, что побѣда 3 іюня есть побѣда всего пролетаріата цѣлаго міра. Чѣмъ быстрѣе растетъ сила соціаль-демократіи въ Германіи, тѣмъ ближе тотъ моментъ, когда второе по величинѣ и значенію европейское государство станетъ дѣйствительно свободной страной, страной вполнѣ демократической. Будетъ-ли эта перемѣна въ Германіи достигнута „мирнымъ“ путемъ, или германскіе правящіе классы постараются задержать ростъ пролетарскаго вліянія какимъ-нибудь государственнымъ переворотомъ и тѣмъ вызовутъ революціонное возстаніе германскаго народа — въ томъ и другомъ случаѣ паденіе реакціи въ Германіи и превращеніе ея въ свободную демократію окажетъ громадное вліяніе на внутреннія дѣла всѣхъ европейскихъ странъ и — прежде всего — Россіи.

Соціалистическія партіи всѣхъ странъ понимаютъ всемірное значеніе побѣды германской соціаль-демократіи и выразили это матеріальной поддержкой, которую онѣ оказали нѣмецкимъ товарищамъ на веденіе избирательной агитаціи. По соглашенію съ Орг. Ком. редакція „Искры“ внесла отъ русской соц.-демократіи 500 мар. (250 руб.) въ избирательный фондъ германскихъ товарищей.

---

*) Статья была набрана, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что послѣ перебаллотировокъ число избранныхъ соц.-демократовъ дошло до 82.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ Сибирскаго Соц.-Дем. Союза (письмо въ „Искру“). Товарищи! Въ январѣ 1903 г., какъ вамъ уже извѣстно, Сиб. Союзъ заявилъ себя Комитетомъ Партіи, выразилъ свою полную солидарность съ „Искрой“ по вопросамъ теоріи и практики революціонной борьбы и призналъ эту газету своимъ руководящимъ органомъ. Послѣ этого заявленія, напечатаннаго въ собственной типографіи Союза, агитаціонная дѣятельность организаціи выразилась въ слѣд. Къ первому марта былъ выпущенъ листокъ № 1, по поводу казни Александра II, разъясняющій, за что былъ убитъ царь-„освободитель“ и кто такіе были его убійцы. Заканчивается онъ указаніемъ, что теперь, когда на историческую сцену выступилъ истинно-революціонный классъ — русскій пролетаріатъ, подъ знаменемъ революціонной соціалдемократіи, ему предстоитъ и онъ способенъ совершить иное дѣло: казнить не царя, а русское самодержавіе. Въ этомъ же мѣсяцѣ выпущенъ листокъ № 2 съ перепечатаннымъ изъ „Искры“ заявленіемъ Организаціоннаго Комитета. Въ этомъ листкѣ Союзъ выражаетъ свою искреннюю радость по поводу этого событія и свою готовность всѣми силами способствовать начинаніямъ Орг. Комитета. Въ мартѣ же мѣсяцѣ выпущено еще четыре листка: № 3 — перепечатка тайнаго циркуляра ген. Сухотина, съ послѣсловіемъ отъ Союза: № 4 — къ гражданамъ: о томской демонстраціи 18 февраля; № 5 — о царскомъ манифестѣ 23 февр.: № 6 — подъ названіемъ „Царская памятка“, представляющій краткій докладъ царю о соц.-дем. работѣ, о рабочемъ движеніи по линіи сибирской магистрали и томской демонстраціи 20 февраля (въ дополненіе къ вѣрноподданническому докладу г. Витте о постройкѣ великой Сибирской дороги). — Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, апрѣлѣ, Союзомъ распространено семь прокламацій, которыя всѣ являются пріуроченными уже къ первому мая (18 апр.). Прокламація № 7 написана на тему: для чего намъ нужна политическая свобода; № 8 — о международности соц.-демократическаго движенія и о томъ, что предстоящее политическое освобожденіе Россіи есть актъ международнаго значенія (какъ № 7, такъ и № 8 съ картиной, изображающей въ маломъ видѣ извѣстную „пирамидку“); № 9 — къ обществу, въ видѣ письма съ требованіемъ добровольно освободить отъ работы въ день 18 апрѣля всѣхъ служащихъ по найму (красныя); № 10 — о демонстраціяхъ: что такое демонстраціи и для чего слѣдуетъ ихъ устраивать (напечатана въ типографіи Красноярскаго Комитета); № 11 на тему: что такое первое мая, его происхожденіе и празднованіе: № 12 — къ солдатамъ, по поводу перваго мая: № 13 — первомайская (послѣднія три изданы на красной бумагѣ). Въ дополненіе къ № 13 Союзомъ было издано болѣе шести тысячъ карточекъ съ первомайскими требованіями. Всего же прокламацій, не считая только-что упомянутыхъ карточекъ, типографіей Союза выпущено, начиная съ 1 марта по 18 апрѣля, не менѣе 40.000 экз. Распространены онѣ были (за исключеніемъ нѣкоторыхъ) въ городахъ: Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ, Читѣ и во многихъ мѣстахъ по линіи Сиб. жел. дороги. Комитеты за это же время, въ свою очередь, выпустили по нѣсколько листковъ на мѣстныя и общія темы (техника: въ красноярскомъ и томскомъ комитетахъ — типографіи, въ иркутскомъ — ремингтонъ черезъ мимеографъ, въ читинскомъ — гектографъ). — Всѣми комитетами, — вскорѣ по выступленіи Сиб. Союза съ новымъ программнымъ заявленіемъ, — были выпущены каждымъ свое особое заявленіе съ выраженіемъ солидарности съ принципіальными положеніями, высказанными Союзомъ (подробные отчеты комитетовъ пока еще не получены Союзомъ).

Самыми выдающимися событіями надо считать, конечно, томскія демонстраціи: 18 и 20 февраля, и особенно 18 апрѣля, а затѣмъ огромное оживленіе среди учащихся средней школы, вызванное, безъ сомнѣнія, ничѣмъ инымъ, какъ дѣятельной революціонной работой сибирскихъ соц.-дем. комитетовъ (уже извѣстная вамъ исторія въ Читѣ, забастовка Промышленнаго училища въ Иркутскѣ, исторія, подобная читинской, въ иркутской мужской гимназіи, забастовка жел.-дор. училища въ Красноярскѣ и нѣкоторыя другія).

День перваго мая (18 апрѣля) повсюду прошелъ въ напряженныхъ ожиданіяхъ и приготовленіяхъ полиціи, жандармеріи и войскъ. Тысячи листковъ и масса различныхъ первомайскихъ инцидентовъ чрезвычайно популяризировали пролетарскій праздникъ по Сибири. Открытое выступленіе на улицу томскихъ рабочихъ въ день перваго мая ясно показываетъ, что соц.-дем. агитація въ Сибири упала на плодородную почву. Томскими демонстраціями заложенъ прочный фундаментъ для революціоннаго дѣла въ Сибири, и нашимъ комитетамъ предстоитъ много трудной, но славной работы. Къ сожалѣнію, и у насъ въ Сибири, какъ это было почти повсюду, подъемъ революціоннаго настроенія породилъ массу кустарей и кустарническихъ предпріятій. Всевозможныя соц.-дем. группы, кружки и органы выростаютъ, какъ грибы, лишь для того, чтобы въ самомъ же скоромъ времени прекратить свое существованіе по независящимъ обстоятельствамъ. Правда, въ этихъ „независящихъ обстоятельствахъ“ пока еще весьма мало фигурируетъ воля мѣстной полиціи и жандармовъ, но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать близкое исчезновеніе старо-сибирской полицейской патріархальности. И тогда, — наша раздробленность, наша (совсѣмъ недостойная революціонера) страсть: непремѣнно создать хоть плохое, да „свое“, можетъ оказаться (да, пожалуй, и оказывается уже) на руку только полиціи и шпіонамъ.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы со страницъ „Искры“ призываемъ всѣхъ товарищей, живущихъ въ Сибири и желающихъ принять активное участіе въ разгорающейся борьбѣ, прежде, чѣмъ начинать дѣло на собственный рискъ и страхъ, обращаться къ существующимъ уже соц.-дем. комитетамъ и примыкать къ нимъ, входя съ ними въ тѣ или другія соглашенія. Работы слишкомъ много, и для всякаго искренно жаждущаго дѣла найдется обширнѣйшее поле для приложенія его силъ, избавляя его въ то же время отъ храбраго, но безразсуднаго выступленія въ бой противъ врага, закованнаго въ желѣзо, съ простой дубиной.

Сиб. Союзъ — Комитетъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи всѣми силами будетъ стремиться объединить и централизовать революціонную работу въ Сибири подъ знаменемъ революціонной соц.-демократіи и превратить эту работу изъ мѣстной, кустарнической, замкнутой въ себѣ и разрозненной — въ общерусскую, преслѣдующую не мѣстныя узкія цѣли и задачи, а служащую, первымъ и главнымъ образомъ, на пользу организаціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Сиб. Союзъ, вполнѣ признавая авторитетъ Орган. Комитета, признаетъ за нимъ право и на общепартійныя функціи, при чемъ организацію мѣстной работы считаетъ необходимымъ возможно скорѣе поставить въ тѣснѣйшую связь и живую зависимость отъ дѣятельности Орган. Комитета.

Сиб. С.-Д. Союзъ — Ком. Рос. С.-Д. Р. П.

Отчетъ кассы Союза: поступило съ фев. 1903 г. по 18 апрѣля 1141 р. 25 к.; израсход. 1392 р. 80 к.; итого дефицитъ 251 р. 55 к. Изъ этихъ денегъ въ орган. „Искры“ и въ Орг. Ком. 200 руб. Тип. Союза за это время издано: „Рѣчь Алексѣева“ 1500 экз., „Съ чего начать“, статья изъ № 4 „Искры“, 5000 экз., и 45600 прокламацій.

Заявленіе. „Союзъ Борьбы за Освобожденіе Рабочаго Класса. С.-Петербургскій Комитетъ Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи. — Мы заявляемъ, что 1) группа лицъ, выступившая изъ нашей организаціи осенью 1902 г., о чемъ она тогда-же выпустила заявленіе за подписью Комитета Рабочей Организаціи и впослѣдствіи 16 № „Рабочей Мысли“, и 2) группа лицъ, выступившая изъ нашей организаціи въ концѣ февраля 1903 г. и выпустившая листокъ о Кишиневскихъ событіяхъ (на мимеографѣ), майскій (печатный) и еще нѣкоторые за подписью С.-Петербургскаго Комитета, — не имѣютъ права, не нарушая постановленій Съѣзда 1898 г., присваивать себѣ первая — названія Союза Борьбы, а вторая названія С.-Петербургскаго Комитета.

Май. 1903 г. С.-Петербургскій Комитетъ

Одесса. Въ теченіе апрѣля Ком. распространилъ прокламаціи: „Письмо изъ Томска“ — 4 тысячи, „Манифестъ 26 февраля“ — 4 тысячи, „О политической свободѣ“ — $2^1/_2$ тысячи, „О погромѣ“ и „Къ обществу“ — $2^1/_2$ тыс., „Къ рабочимъ“ — 4 т., Майскихъ — Организаціоннаго Комитета — 9 тысячъ, майскихъ — Одесскаго Комитета — 10 тысячъ. „О погромѣ“ — Кишиневскаго Ком. — $1^1/_2$ тыс., „О независимыхъ“ — 4 тыс. Въ маѣ: — перваго, поздравленіе съ 1-мъ мая — 5 тыс. и 14 мая „О самодержавіи“ — 1 тыс. Всего $50^1/_2$ тысячъ листковъ.

Поправка. Въ предыдущемъ номерѣ, въ статьѣ „Польскіе соціальдемократы о Бундѣ“ вкралась ошибка: вмѣсто „Przeglad Robotniczy“ надо читать „Przeglad Socialdemokraticzny“ — названіе органа польскихъ товарищей.

Вышли новыя изданія Лиги:

1. Л. Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи, второе переработанное изданіе.
2. К. Каутскій. Соціальная реформа и революція.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ маѣ въ Домѣ Предв. закл. сидѣло 271 политическихъ, въ Литовск. замкѣ 5, въ Петропавлов. крѣп. 16, въ Выборгск. тюрьмѣ 43, итого 332 чел., изъ нихъ 252 мужчинъ и 80 женщинъ. Въ теченіе апрѣля арестованы: бестуж. Абрамовичъ, врачъ Ю. Алякритская, раб. Андронниковъ, студ. Б. Альманъ, Влад. Аксбергеръ, Екат. Аминицкая, курс. Софья Бѣленькая, Ревекка Бурдъ, мед. А. Баранова и В. Вавилова; рабочіе Д. Вавиловъ, А. Васильевъ и Эд. Вальтеръ, Елиз. Гарина, мед. Вал. Григорьева и Люд. Громозова, студ. Герасимовъ, Зин. Дешина, Романъ Грибовскій, Л. Дращинскій, мед. Евстифѣева, лесгаф. Ольга Куликова, мед. О. Косачъ, раб. Каргинъ, Д. Клебанова, Д. Кулашинъ, Калашниковъ, Рахиль Кринъ, Коноплянниковъ, Коноплянникова, лесг. Ляпидова, мед. Е. Малыхъ, И. Митрофановъ, Вас. Марковъ, Н. Медвѣдниковъ, М. Маслова, лесг. Н. Медвѣдева, А. Моргулисъ, горн. Николаевъ и Никитинъ, М. Никитина, лесг. Пигатъ, раб. Пчельниковъ и И. Покотовъ; Пиратинскій, Полютисъ, Потылицына, Плюснинъ, раб. Ревенко, Анна Рейхбаумъ, три брата Розенбергъ, Анна Рабиновичъ, раб. Ив. Рощинъ, гор. Суздальцевъ, Андр. Славяновъ, мед. В. Соболевъ, студ. В. Соколовъ, раб. Стернихъ, студ. Теръ Махаянцъ, лесг. Тончевская, студ. Фраткинъ, Хабаровъ, студ. Хохловъ сестры Шнеерсонъ, братья Штейманъ, наборщ. Шофманъ, Яковъ Эпштейнъ, рабочіе Бѣловъ, Богдановъ, Вересовъ, Ведерниковъ, Карчевскій, Макешъ, Морозовъ, Михайловъ, Некрасовъ; матросы Сафроновъ и Николаевъ. Въ крѣпости сидятъ офицеры Григорьевъ и Васильевъ, нелегал. раб. Петерсонъ (одинъ изъ дѣятелей „Сѣв.-рус. раб. союза“ 1878 года), Завадскій; Альтовскій, Булановъ, Крейнертъ, Крайгеръ — изъ Саратова, Красовскій, Меленчукъ, Сѣрковъ, Виноградовъ, Флегонтовъ (съ апрѣля 1902 г.) и Ременникова. — **Тифлисъ.** Къ концу апрѣля въ Метехскомъ замкѣ находилось 39 политич. заключенныхъ, въ томъ числѣ 8 интел. и 31 рабочій. Нѣкоторые сидятъ два года и больше, какъ напр. Ипполитъ Франчески, 34 лѣтъ (съ 10 мар. 1901 г.), Викторъ Курнатовскій, 36 л. (съ 21 мар. 1901 г.), раб. Эрасто Чантладзе, 30 л. (съ 16 апр. 1901 г.), раб. Власъ Мгаладзе, 29 л. (съ 8 ноября 1901 г.). 13 апрѣля арестованы: Виталій Блокъ, бывш. гимназ.; Георгій Телія, Иванъ Дурглишвили, Абрамъ Михадзе, Варламъ Бакуа, Симонъ Гейдеровъ, Давнисъ, Зах. Даржуанія, Иванъ Дзадзамія, Шакро Казахишвили, Георг. Татузовъ, Леонтій Золотаревъ, Закомолдинъ, — рабочіе. — **Екатеринославъ.** Въ мужской тюрьмѣ заключенныхъ 27 чел.: Н. Берманъ, Климъ Фроловъ, Гр. Микулинъ, Евг. Беззаботный, Илья Нептуль, Абр. Бромбергъ, Дав. Броковскій, М. Тарнаоруцкій, Вас. Ромашкинъ, Ф. Романенко, Кузьма Павленко, Марахонинъ, Штагаренко, Вацлавъ Левашкевичъ, Вульфъ Марковичъ, Борисъ Кулимовичъ, Лисянскій, Арк. Горбуновъ, Б. Заксъ, Сам. Рабинъ, Вл. Цедербаумъ, Наумъ Гарбузенко, Пав. Рубанъ, Ник. Таранъ, Наумъ Вейсманъ, Ив. Лебединикъ (крест., привезенъ изъ Лозовой), Абр. Шнейдеръ. Увезенъ въ Петербургъ — Слонимъ, въ Вост. Сиб. — Вѣра Гурари. Въ женск. тюрьмѣ сидятъ: Воротинова, Глюкъ, Прессъ, Цейтлинъ, Кальмановичъ. Изъ арестованныхъ 8 апр. на кварт. у Кальмановичъ освобождены: Вульфовичъ, Файнбергъ, Златкина, Гинзбургъ, Сафьянъ. М. Лурье, арестованный у Иловайскаго, также освобожденъ. — **Петербургъ.** Арестованы 16 мая: редакторъ „СПБ. Вѣдомостей“ Шрейдеръ, Лукомскій, статистикъ Пѣшехоновъ, Ник. Іорданскій, присяжн. пов. Гуковскій, студ. Шенкъ, Жозефъ, Клейнбортъ, студенты-путейцы Измайловъ, Кулачковскій и Комаровъ; лесгафтички: Фонарева, Самохвалова, Ушакова. — **Кострома.** Въ началѣ мая арестованы статистики Савинъ и Метелкинъ (послѣдній на улицѣ съ майскими листками). — **Иваново-Вознесенскъ.** Пришли приговоры по мѣстному дѣлу 1901 года. Они поражаютъ своей суровостью: четверо рабочихъ сослано на 4 года въ Восточную Сиб. (между ними Карякинъ и Володина), семь человѣкъ — въ сѣверныя губерніи на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ. — **Ярославль.** Въ срединѣ мая въ мѣстной тюрьмѣ было 15 политическихъ заключенныхъ. Противъ тюремныхъ условій заключенные протестовали голодовкой. Мѣстный Комитетъ выпустилъ листки къ обществу съ разоблаченіемъ подвиговъ жандармеріи и прокуратуры. — **Херсонъ.** Въ ночь на 30 апрѣля арестована г-жа Певзнеръ съ братомъ. Найдены гектографъ и прокламаціи на еврейскомъ языкѣ. — **Ст. Лозовая.** Екатеринославской губерніи. 6 мая арестованъ у насъ чернорабочій Иванъ Лебединикъ 17 л. Подозрѣвается въ распространеніи нелегальной литературы въ окружныхъ деревняхъ. Отправленъ въ Павлоградъ въ тюрьму. — Полиція ищетъ у насъ Исаака Яковлевича Лисовскаго и Марію Животинскую. У насъ такихъ не было, очевидно, предписаніе изъ губ. города. — **Пермь.** 3 апрѣля были обыски: у И. А. Матвѣева, Ткаченко, Савельевой (всѣ служащ. ж. дор.) и у Костаревой (служащ. губ. зем. упр.). Никто не взятъ. На 22 апр. обыски: у Н. Б. Скворцова (бывш. студ.), у Вологдина (бывш. студ., взятъ), у Шесырева (быв. студ.), у Ткаченко (служ. ж. дор.), Еловиковой (обыскъ произведенъ въ ея отсутствіи), у Янкевича (служ. ж. дор., взятъ), у В. Поповой (уч. фел. кур., взята). 30 апрѣля взятъ Рутманъ (интел.) и Фрайкинъ (фельд. уч.), послѣдній черезъ недѣлю выпущенъ. 3 мая взятъ рабочій Нестеровъ, но вскорѣ выпущенъ.

Приговоры: По дѣлу демонстраціи въ Кишиневѣ (въ сентябрѣ 1901 года) сосланы: акушерка Роза Баргъ, работница П. Шрифтейликъ, братья Мичникъ, Роза Фукельманъ, Станиславъ Пржевальскій — на 4 года въ Вост. Сиб.; Фортун. Каминскій — 5 л. Вост. Сибири; Антонина Глоба, привлекавшаяся сверхъ того по кіевскому дѣлу и просидѣвшая 20 мѣс., на 6 л. въ Вост. Сибирь. По дѣлу 1902 г. въ Кишиневѣ мужъ и жена Годлевскіе сосланы въ В. Сиб. на 3 года. — Нелегальный Сергѣй Цедербаумъ арестованный въ дек. 1901 г. въ Ковнѣ по дѣлу „Искры“, приговоренъ къ ссылкѣ на *десять* лѣтъ въ Вост. Сибирь. Сосланы въ Вологодскую губернію: Гоппе и Дрешеръ — рабочіе изъ Варшавы; Штейгеръ — студентъ изъ Варшавы; по Нижегородскому дѣлу 1901 г. — рабочіе Шамуровы (мужъ и жена); Булатова, портниха; Булатовъ. Въ Вологодскую и Архангельскую губ. сослано около 25 рабочихъ по дѣламъ Орѣхово-Богородской рабочей организаціи и ростовской стачки 1902 г. На три года въ Архангельскую губ. сосланы студ. Литовъ и курсистка Львова, оба изъ Петербурга. На 5 лѣтъ въ Архангельскую губ. рабочій Тимофей Орловъ, по Серпуховскому дѣлу (былъ раньше въ Вятской губ. по дѣлу Моск. Раб. Союза). На 5 лѣтъ въ Вост. Сиб. сосланы студ.-лѣсникъ Дмитрій Зайцевъ (дѣло С.-П.Б. Союза Борьбы IV 1901 г.) и Ольга Давыдова (Звѣздочетова) изъ Казани. В. Давыдовъ, студ. Казанскаго унив., по мѣстному соціальдемократическому дѣлу приговоренъ къ 3 г. надзора. По Костромскому соц.-дем. дѣлу 1901 г. приговорены: на 4 г. Вятской губ. — слесарь Егоръ Ивановъ; 3 г. Вятской губ. — фельдш. Дмитрій Востровъ, техникъ Александръ Врублевскій (предатель); 3 г. Архангельской губ. статистикъ Н. Граціанскій и народный учитель Ник. Насимовичъ; къ 3 мѣс. тюр. закл.: статистикъ Василій Соколовъ, прикащикъ Д. Пранишниковъ, садовники И. Ѳ. Скрыпкинъ и Колѣнцевъ; рабочіе Ялгинъ, Василій Кулаковъ, Сергѣй Смирновъ; чиновникъ Алексѣевъ. 1 мѣс. тюрьмы — техникъ В. Ѳедоровскій. По тому же дѣлу продленъ на 1-2 г. срокъ ссылки ранѣе сосланнымъ: портнымъ Плугину (Вятск. г.), Н. Соколову (Казанская губ.); работницамъ М. Семеновой (Вятка) и О. Семеновой (Казанская губ.); рабочимъ С. Соколову (Самарская г.) и Бѣлову (Владивостокъ). Левъ Хинчукъ (арестованъ въ Москвѣ въ апр. 1902 г., ранѣе былъ въ Якутской обл.) сосланъ въ Вост. Сибирь до приговора. Бывшій студ. Петербургскаго унив. Будринъ, ар. нелегальнымъ въ 1902 г., сосланъ въ Вологодскую губ. отбывать наказаніе по прежнему дѣлу. Жена врача Шипулинская, жившая въ Петербургѣ, сослана на 5 л. въ Вост. Сибирь по дѣлу объ Екатеринославской демонстраціи 1902 г. Зельдовъ, дантистъ изъ С.-Петербурга, по дѣлу „Бѣлостокскаго соц.-дем. Съѣзда“ сосланъ на 6 л. въ В. Сиб. Махайскій (въ Сиб. пробылъ 8 лѣтъ) сосланъ на 6 л. въ Якутскъ по дѣлу объ анархистской брошюрѣ. Раб. Дзюбинская, судившаяся съ участіемъ сословныхъ представителей (при закрытыхъ дверяхъ) за распространеніе майскихъ листковъ Никол. Ком. (1902 г.) приговорена къ ссылкѣ на поселеніе въ Сиб. съ лиш. всѣхъ правъ. Тому же наказанію за такое-же „преступленіе“ подвергнутъ Денисовъ, судившійся въ Саратовѣ. Раб. Селиверстовъ, суд. вмѣстѣ съ нимъ, приговоренъ къ $3^1/_2$ год. арест. ротъ.

Въ Якутскѣ умеръ товарищъ Ратынскій, сосланный по дѣлу Польской Соц.-Дем. Партіи (1894 г.) на 6 лѣтъ (съ 1897 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

„Декаденту“. Проэктъ не полученъ, адресъ не годится.

Ильѣ. Письма получены.

Получено: отъ мечтателя 50 руб., за литерат. изъ Лондона 2 ф., Ш., Мюнхенъ 25 рублей. Изъ Фрейбурга (Саксонскаго) за литературу 61 ф. 55 с. Отъ Цюрихской Сибирской Кассы для А—а 40 фр. Отъ вѣнки 10 кронъ. Отъ Фриды чрезъ Матвѣя 12 фр. 30 с. Собрано въ Шаи 7 фр. 50 с. Изъ Вѣны: за литературу 15 гульд., для Орг. Ком. отъ Бафа чер. Г. 5 гульд., для „Искры“ отъ д. Р. С. 25 р., для О. К. 1) отъ русск. рижск. с.-д. гр. 30 руб., 2) отъ Ворон. соц.-дем. гр. 80 р., 3) Анатолій Бреевъ получилъ и передалъ по назначенію 2.100 руб.

Въ почтовый ящикъ № 41 вкралась слѣдующія неточности: Отъ „Ижицы“ для Эмигрантской Кассы получ. не 5, а 10 фр., отъ Томскаго Ком. не 10, а 30 руб.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 43. 1-го іюля 1903 года. № 43.

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦІЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРІЯ.

30 мая текущаго года Николай II написалъ „Утверждаю“ на новомъ документѣ, дополняющемъ и безъ того выразительный обликъ нашего „декадентскаго“ правительства.

Документъ этотъ называется „О порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекцій начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея“.

Суть его состоитъ въ томъ, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекціи, которая лишается послѣдней тѣни самостоятельности, — и съ этой стороны, полная передача фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о чемъ не разъ говорилось въ печати, — очень мало способна прибавить къ послѣднему „повелѣнію“. Правда, институтъ фабричной инспекціи пока еще остается формально составной частью министерства финансовъ, но „мѣстные чины фабричной инспекціи дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полицеймейстера)“. Самое назначеніе на должность фабричныхъ инспекторовъ производится по соглашенію съ губернаторомъ. Ему-же предоставляется право требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи и — что особенно важно — ему-же дана власть отмѣнять („въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ“) противорѣчащія законамъ и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія министерства финансовъ“. Слишкомъ ясно, что при такихъ условіяхъ фабричный инспекторъ превращается въ сущности въ чиновника особыхъ („фабрично-заводскихъ“) порученій при особѣ губернатора.

По закону, фабричная инспекція, учрежденная въ 1882 г. для надзора за примѣненіями закона о работѣ малолѣтнихъ, подчиняется, какъ извѣстно, непосредственно департаменту торговли и мануфактуръ (министерство финансовъ).

Когда въ 1886 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ о расширеніи компетенціи фабричной инспекціи до общаго надзора за „законностью въ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими“, Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, разсматривая соотвѣтственный законопроектъ, обсуждало, между прочимъ, вопросъ о подчиненіи инспекціи непосредственному губернскому начальству и пришелъ къ тому выводу, что „столь коренное измѣненіе въ ея устройствѣ едва-ли вызывается указаніемъ опыта. Успѣшная дѣятельность инспекціи, въ теченіе четырехъ лѣтъ со времени ея учрежденія, доказываетъ, что непосредственное руководство ею со стороны центральныхъ вѣдомствъ, нисколько не колебля вліяніе губернскаго начальства, во многомъ обезпечило спокойное и согласованное съ видами правительства примѣненіе закона о работѣ малолѣтнихъ“.

Но тѣ условія, которыя въ 1886 г. обезпечивали относительно „спокойное и согласованное съ видами правительства“ примѣненіе законовъ, между прочимъ и узкая сфера вѣдѣнія фабричной инспекціи — совершенно измѣнились къ 1903 г. Отдѣляющій эти два момента періодъ времени составляетъ исторію русскаго рабочаго движенія, — и вотъ нынѣ интересы „закона и общественнаго порядка“ требуютъ того, *что* во имя ихъ отвергалось 17 лѣтъ тому назадъ — требуютъ полнаго подчиненія фабричнаго инспектора губернаторской власти

Связь новаго полузаконодательнаго акта съ „идеей русскаго четвертаго сословія“ несомнѣнна. Этой связи способенъ не замѣтить развѣ только русскій либералъ, который въ „соціальной политикѣ“ самодержавія не усматриваетъ ничего, кромѣ чередованія моментовъ „государственной мысли“ и „государственной безсмыслицы“, который за законодательнымъ экраномъ не видитъ борющихся соціально-классовыхъ силъ, бросающихъ на экранъ свои прямыя или обратныя отраженія.

Самый фактъ учрежденія фабричной инспекціи былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, актомъ „революціоннымъ“: онъ полагалъ въ сущности конецъ лицемѣрнымъ апелляціямъ къ самоточно-нагаечной патріархальности, якобы составляющей атмосферу нашихъ фабрично-заводскихъ отношеній. Фабричная инспекція, какъ постоянный аппаратъ „миролюбиваго соглашенія сторонъ“, означаетъ признаніе *нормальности* частыхъ, если не хроническихъ недоразумѣній между этими „сторонами“. Самый фактъ возможности искать разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ у надлежащей инстанціи, можетъ стать и конечно становится для „сѣрыхъ“ рабочихъ первымъ толчкомъ къ робкимъ, неоформленнымъ размышленіямъ въ сторону „идеи четвертаго сословія“.

И въ этомъ именно — составъ преступленія фабричной инспекціи. Она виновата, она сугубо виновата въ томъ, что стоитъ на пересѣченіи враждебныхъ интересовъ пролетаріата и буржуазіи. И какъ бы фабричный инспекторъ ни старался нейтрализовать соціальныя противорѣчія въ интересахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовыя тенденціи пролетаріата сохраняютъ свою внутреннюю логику, глубоко-революціонную, непримиримо враждебную самодержавію, — и они готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, сдѣлать и правительственнаго фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развитія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишній разъ показываетъ — какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія“, т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится ферментомъ, вызывающимъ политическое броженіе.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій полнаго взаимонепризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественнаго прогресса. Задача самодержавія — подчинить общественную жизнь — въ цѣляхъ „порядка и спокойствія“ — министерству внутреннихъ дѣлъ. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что имѣется подъ руками, въ цѣляхъ „нарушенія общественнаго спокойствія“, — и въ этомъ процессѣ жизнь стремится оторвать каждый органъ, не непосредственно уполномоченный „тащить и не пущать“, и сдѣлать его виновникомъ, обыкновенно невольнымъ и безсознательнымъ, но все же виновникомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ „безпокойствъ“.

Земскій врачъ, если онъ съ интересомъ и преданностью относится къ своему дѣлу, неминуемо приходитъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей самодержавія съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья. Хроническое недоѣданіе и острыя голодовки, какъ одинъ изъ результатовъ „внутренней политики“, порка, какъ одинъ изъ ея методовъ — фатально ведутъ къ физическому вырожденію населенія. И земскому врачу приходится либо превратиться въ полицейскаго агента по медицинскимъ дѣламъ, либо стать однимъ изъ элементовъ оппозиціи. Земскій агрономъ неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ мѣропріятіями правительственнаго хищничества, ставящими непреодолимую преграду всѣмъ агрономическимъ попыткамъ повысить производительность крестьянскаго хозяйства. Агроному остается признать тщету своихъ культурныхъ усилій при дальнѣйшемъ сохраненіи антикультурнѣйшаго института — самодержавія.

Фабричная инспекція — незачѣмъ и говорить, что она не стояла и не могла стоять на стражѣ нуждъ русскаго рабочаго класса; но поскольку она была призвана къ наблюденію за *нормальнымъ ходомъ промышленной жизни,* она приходила и не могла не приходить въ лицѣ своихъ органовъ въ сравнительно частыя столкновенія съ агентами полицейской власти. Промышленности нуженъ работоспособный, по возможности культурный пролетарій, — самодержавію нуженъ по возможности темный, забитый и запуганный подданный. Вотъ основа неизбѣжныхъ треній, а значитъ и основа для законодательныхъ актовъ въ духѣ подчиненія, ограниченія и согласованія.

Несогласованность органовъ, порождающая потребность въ подобнаго рода мѣрахъ, вызывается, какъ мы видѣли, стихійнымъ стремленіемъ общественнаго процесса оторвать всѣ не-прямо полицейскіе члены правительственнаго организма и придать имъ сколько-нибудь культурное назначеніе. Такое явно злоумышленное стремленіе является въ свою очередь результатомъ взаимонепризнанья соціальной эволюціи и департамента полиціи. А въ конечномъ итогѣ несогласованности органовъ и взаимонепризнанья эволюціи и полиціи является необходимость для самодержавія болѣе непосредственно подчинить всѣ жизненныя функціи и соотвѣтствующіе имъ органы центральной нервной системѣ самодержавія, т. е. министерству внутреннихъ дѣлъ. Такое подчиненіе дѣлаетъ опеку самодержавія еще болѣе невыносимой для соціальнаго развитія и тѣмъ самымъ заставляетъ самодержавіе еще упорнѣе подчинять соціальное развитіе своей опекѣ.

Но такъ какъ всепредусматривающая централистическая полицейская опека становится технически все менѣе и менѣе возможной вслѣдствіе возрастающей сложности сталкивающихся интересовъ, то самодержавіе вынуждено вплотную подойти къ тому идеалу, который былъ опредѣленъ еще Щедринымъ, какъ *децентрализованная помпадурія.* Идеалъ этотъ былъ открыто возвѣщенъ въ „золотыхъ словахъ“ послѣдняго царскаго манифеста о „крѣпкой мѣстной власти, предъ нами отвѣтственной“.

Дореформенное самодержавіе, цѣльно воплощенное Николаемъ и ранѣе его доведенное до абсурда Павломъ, не знало этихъ противорѣчій. Оно считало себя правоспособнымъ непосредственно полицейскими мѣрами разрѣшать всѣ проблемы и утирать голубымъ обшлагомъ всѣ слезы. При Павлѣ оно стригло и брило подданныхъ по оффиціальному образцу и составляло для нихъ словарь разговорной рѣчи, при Николаѣ оно заботилось о поэтическихъ достоинствахъ балладъ. Цензура должна была не только подстригать и предостерегать, но и „споспѣшествовать“.

Съ банкротствомъ Николаевщины правительственная тактика мѣняется. Дѣлается широкая попытка отдѣлить чисто полицейскія функціи отъ культурныхъ, поручая послѣднія либо органамъ общественнаго самоуправленія и общественной самодѣятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо спеціальнымъ органамъ и чиновникамъ правительства (напримѣръ, фабричные инспектора). Вмѣстѣ съ тѣмъ создаются полицейскія нормы, за которыя дѣятельность культурныхъ органовъ не должна переступать, и которыя, по замыслу законодателя, должны явиться достаточными „гарантіями неприкосновенности“ для принциповъ самодержавія.*) Но жизнь сплошь и рядомъ наполняла эти „нормы“ завѣдомо „тенденціознымъ“ содержаніемъ. Земская статистика, частная помощь голодающимъ, земское продовольственное дѣло учебное дѣло — всѣ эти казалось бы скромныя отрасли культурной работы, обольщенныя „хитростью“ историческаго „разума“, оказываются сплошь политически „неблагонадежными“. Даже земскіе больничные умывальники имѣютъ, какъ извѣстно, слегка якобинскую физіономію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія“ культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій полицейскій походъ противъ земствъ вообще, противъ земскихъ „третьихъ лицъ“ (врачей, статистиковъ, агрономовъ и пр.), въ особенности, противъ частныхъ благотворителей, не заручившихся губернаторскимъ рукопожатіемъ, противъ цѣлаго ряда культурныхъ и благотворительныхъ обществъ, — походъ, ознаменованный такими героическими мѣрами, какъ закрытіе столовыхъ и упраздненіе „статистики“!

Земскіе агрономы отдаются подъ надзоръ урядниковъ. Университетская наука не выходитъ изъ-подъ контроля полицейской инспекціи. Земства и думы превращаются въ придатки губернаторскихъ и градоначальническихъ канцелярій. И наконецъ фабричные инспектора поступаютъ подъ опеку губернаторовъ. Тѣ самые фабричные инспектора, которые въ сущности представляютъ лишь оттѣнокъ общегосударственной полиціи, которые ближе, гораздо ближе, къ кабинету фабриканта и жандармской канцеляріи, чѣмъ къ рабочей квартирѣ, — и они оказываются способными принять рѣшенія, противныя закону и общественному порядку!..

Это сосредоточенное недовѣріе жандармско-полицейскаго аппарата ко всему, что стоитъ внѣ его, прекрасно иллюстрируется законопроектомъ о фабричныхъ старостахъ, къ которому мы вернемся, когда (если?) онъ станетъ закономъ.*) Теперь отмѣтимъ лишь слѣдующую основную черту законопроекта. Не смотря на то, что выборъ рабочими старостъ происходитъ не иначе, какъ въ рамкахъ очерченныхъ фабрично-заводскимъ управленіемъ, и притомъ подъ назойливымъ контролемъ фабричной инспекціи, которая, въ свою очередь поставлена теперь подъ ближайшій контроль губернатора, — законопроектъ включаетъ въ себѣ такое предусмотрительное „примѣчаніе“: „Губернскому начальству предоставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до сего начальства свѣдѣніямъ рабочіе, избранные въ старосты, не удовлетворяютъ своему назначенію (?), устранять ихъ отъ исполненія обязанностей старостъ и до срока, на который они избраны“. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ законопроектѣ, полиція вступаетъ въ единоборство съ жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны умѣнья обращать противъ самодержавія учрежденія и установленія, имъ же самимъ вызванныя къ жизни въ цѣляхъ собственнаго огражденія.

Комментаріи освѣдомленнаго „Новаго Времени“ къ „высочайшему повелѣнію“ 30 мая, очень назидательны. Эта газета справедливо считаетъ новое постановленіе „весьма характернымъ для руководящихъ идей настоящаго времени“. Правда, приходится признать, что въ создаваемомъ нынѣ положеніи имѣются „кое-какія щекотливыя стороны“: чиновники министерства финансовъ ставятся въ зависимость отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что неминуемо создастъ бюрократическія „тренія“. Но „есть основанія ожидать, говоритъ газета, что губернаторъ будетъ поставленъ какъ *представитель не одного вѣдомства, а высшей власти вообще*“. Каждая губернія превратится въ болѣе или менѣе автономную помпадурію, управляемую твердой рукою губернатора, предъ „Нами“, т. е. передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтственнаго.

Итакъ, губернаторъ, властной рукой натягивающій на мѣстѣ всѣ „бразды“, переступающій увѣренной ногою всѣ законы и отмѣняющій мимоходомъ распоряженія фабричной инспекціи въ высшихъ интересахъ „общественнаго порядка“, — и тотъ же губернаторъ, получающій изъ центра внушенія по части своевременности избіенія евреевъ опять-таки въ высшихъ цѣляхъ „общественнаго порядка“ — таково послѣднее слово практики оглашеннаго самодержавія.

Но не смотря на весь свой поистинѣ адскій характеръ, эта практика обузданія общественной стихіи имѣетъ много общаго съ попытками Диккенсовской героини задержать щеткой волны морского прилива...

О! Конечно, мы знаемъ, что орудія, какими пользуется озвѣрѣвшая россійская власть безконечно грознѣе жалкой половой щетки. О! Разумѣется, мы помнимъ, что всеочистительная „щетка“ русскаго самодержавія снабжена острыми желѣзными зубьями, которые — при каждомъ новомъ правительственномъ экспериментѣ — впиваются въ тѣло, въ живое тѣло русскаго народа.... Но мы въ то же время знаемъ, — и въ этомъ залогъ нашей побѣды — что и самой гигантской жандармско-полицейской щеткѣ не дано задержать волны революціоннаго прибоя!

„ЖЕЛѢЗНЫЙ“ СЪѢЗДЪ.

Тупой уголъ — таковъ конечный пунктъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени. Виновата ли въ этомъ „смута“ или таковъ уже злой рокъ самодержавія, но ему ничего не удается и всѣми своими крупными начинаніями оно только себя дискредитируетъ. Стараются въ этой области одинаково всѣ вѣдомства, и почти въ то самое время, когда г. фонъ-Плеве кишиневскими звѣрствами обнаружилъ передъ всѣмъ міромъ банкротство всей внутренней политики самодержавія, г. Витте вздумалось показать также несостоятельность своей финансовой политики. Конечно, умыселъ другой тутъ былъ. Но, на бѣду самодержавія, событія не считаются болѣе съ его умыслами и результаты получаются совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидалъ тотъ или другой его слуга.

Извѣстно, что очень тѣсная дружба соединяла недавно министерство финансовъ съ міромъ крупныхъ заводчиковъ, дружба до того тѣсная, что многіе наивные люди дѣлали отсюда какіе-то выводы на счетъ существованія у насъ специфической буржуазной конституціи. Въ это-то блаженное время расцвѣта русской промышленности при благосклонномъ содѣйствіи министерства финансовъ возникло множество всевозможныхъ предпріятій, среди которыхъ было очень много и такихъ, которыя не обладали почти никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовали исключительно благодаря кредиту. „На заграничныхъ рынкахъ, — писалъ въ 1897 году, захлебываясь отъ восторга, оффиціальный органъ министерства финансовъ, — акціи этихъ заводовъ, приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы „днѣпровскій“ или „донецкій", чтобы разсчитывать на „легкій сбытъ акцій за-границей. Промышленное настроеніе проникло во всѣ слои населенія юга Россіи, отодвинувъ на второй планъ другіе интересы. Въ послѣднее время ростъ промышленности отмѣчается не десятилѣтіями, но двумя-тремя годами. За два года югъ Россіи положительно измѣнилъ свою физіономію въ промышленномъ отношеніи... Промышленность и торговля Россіи такъ растутъ, что ни желѣзныя дороги, ни южные порты не успѣваютъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ". Въ особенномъ фаворѣ были горнозаводчики. Главнымъ предметомъ изготовленія южно-русскихъ заводовъ были рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности. При своемъ возникновеніи заводы запасались казенными заказами на нѣсколько лѣтъ, а нѣкоторые возникли даже при прямой денежной поддержкѣ казны — частью въ видѣ единовременной ссуды, частью въ видѣ денежной преміи съ пуда выдѣлываемыхъ рельсъ. Заводчики получали огромные барыши, часто 50-70 коп. на пудъ рельсъ. Желѣзныя дороги строились не потому, что въ нихъ чувствовалась надобность, а потому, что существовали уже ранѣе заказанныя рельсы. Надо думать, что министръ финансовъ ожидалъ, что этотъ капиталистическій рай будетъ продолжаться вѣчно, и онъ щедрой рукой раздавалъ казенныя деньги, полученныя путемъ займовъ за-границей. Но точно также само собой понятно, что за этой грюндерской горячкой наступилъ крахъ, который дѣйствовалъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ больше было въ предыдущій періодъ совершенно дутыхъ предпріятій. Сначала пытались отрицать существованіе общаго промышленнаго кризиса и сваливали всю вину на биржевую спекуляцію (хотя, какъ мы отчасти видѣли, министръ финансовъ и его органы не были чужды этой спекуляціи), но зима 1899-1900 гг. принесла массу банкротствъ, пріостановку многихъ производствъ, рѣзкое паденіе цѣнъ, сильную безработицу, и теперь ни въ характерѣ, ни въ интенсивности кризиса нельзя было уже сомнѣваться. Само собою разумѣется, что предприниматели, не стѣснявшіеся выбросить на улицу тысячи голодныхъ рабочихъ и свалить такимъ образомъ на пролетаріатъ отвѣтственность за „рискъ предпріятія", (за каковую отвѣтственность, по ученію буржуазныхъ экономистовъ, предприниматели и получаютъ свою долю-прибыль), сами нисколько не были расположены платиться за свои грѣхи и завопили о правительственной поддержкѣ. И правительство, которое за все время кризиса ничего не сдѣлало для тысячъ безработныхъ, услышало мольбы нѣсколькихъ десятковъ капиталистовъ и пришло имъ на помощь. Государственный банкъ открылъ широкій кредитъ (въ нѣсколько милліоновъ рублей) металлургическимъ обществамъ, купилъ на нѣсколько милліоновъ облигацій нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній и принялъ рядъ мѣръ для поддержанія цѣлаго ряда предпріятій, бывшихъ на шагъ отъ банкротства. Изъ сберегательныхъ кассъ тратились огромныя суммы на покупки облигацій, которыя частными лицами покупались неохотно. Государственный банкъ оказался простымъ посредникомъ для перевода денегъ изъ кармановъ плательщиковъ налоговъ въ кошельки предпринимателей.

---

*) Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ донесеніи управляющему отдѣломъ промышленности такими выразительными чертами характеризовалъ „политическіе“ взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законъ долженъ поставить всѣ организаціи въ строго опредѣленныя рамки, соотвѣтственно цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную гласность дѣлопроизводства; никоимъ же образомъ, по его мнѣнію, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководство какого-либо одного административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность коего, *въ силу особыхъ условій, ей присущихъ,* всегда можетъ вызвать въ публикѣ *нерѣдко* совершенно незаслуженныя инсинуаціи“.

*) Газеты сообщаютъ, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ государственномъ совѣтѣ.

Но кризисъ продолжался слишкомъ долго, и продолжать такую политику оказывалось невозможнымъ. Тогда г. Витте измѣнилъ тактику: онъ былъ прежде „протекціонистомъ", потому что хотѣлъ создать достаточно сильное внутреннее производство, которое могло бы удовлетворять нуждамъ страны; теперь же цѣль всѣхъ его стремленій достигнута, цѣны упали такъ низко, что онѣ должны быть по плечу русскому потребителю, а промышленникамъ остается только приспособлять свое производство къ потребностямъ страны. Увѣреніямъ министра, однако, не придавали никакой цѣны. Если министръ дѣйствительно стремится къ пониженію цѣнъ, — разсуждали многіе, — то почему онъ не отмѣнитъ ввозныхъ пошлинъ, которыя въ весьма сильной степени вліяютъ на поддержаніе высокихъ цѣнъ? А горнозаводчики въ свою очередь спрашивали себя, какимъ образомъ министръ надѣялся достичь пониженія цѣнъ на плуги, молотилки, кровельное желѣзо и т. п., когда, благодаря его заказамъ, заводы приспособлялись къ изготовленію рельсъ, вагоновъ, паровозовъ и т. д.? Поэтому, когда на прошлогоднемъ съѣздѣ южнымъ горнопромышленникамъ было предложено обсудить мѣры къ поднятію потребленія желѣза, то они нашли, что лучше всего это можно сдѣлать при помощи все тѣхъ же казенныхъ денегъ и потому рѣшили: 1. ходатайствовать о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемымъ государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ пониженъ до четырехъ; чтобы въ государственномъ банкѣ была введена новая операція, учетъ удостовѣреній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза; чтобы срокъ храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскихъ издѣлій, предназначенныхъ въ земскіе склады, былъ продленъ, и 2. учредить „Общество для продажи издѣлій русскихъ заводовъ", т. е., попросту говоря, синдикатъ. Министръ финансовъ какъ разъ въ это время велъ агитацію (на бумагѣ) противъ синдикатовъ и картелей, но противъ „Общества для продажи" онъ ничего не могъ имѣть, и скоро цѣны на желѣзо стали крѣпнуть. Это, однако, не увеличило сбыта, и заводы продолжали сокращать производство, а заводчики — вопить о казенныхъ заказахъ.

Тутъ-то и задумалъ г. Витте созвать „съѣздъ по выработкѣ мѣропріятій къ возможно широкому распространенію желѣза по Россіи во всѣхъ его видахъ." Извѣстно, что горнозаводчики и прежде имѣли свои собственные съѣзды, на которыхъ занимались (не безъ содѣйствія министра финансовъ) своеобразной организаціей производства и сбыта, т. е. сугубой эксплуатаціей своихъ рабочихъ и потребителей. Но на этотъ разъ на съѣздъ, кромѣ горнозаводчиковъ, были приглашены представители земствъ и городовъ: представителямъ промышленнаго капитала противопоставили представителей аграрныхъ интересовъ. Казалось, что какъ г. фонъ-Плеве искалъ спасенія отъ все болѣе и болѣе грозно наступающаго крушенія основъ въ борьбѣ расъ, такъ и г. Витте рѣшилъ въ трудную минуту апелировать къ борьбѣ классовъ и посягательствамъ горнозаводчиковъ противопоставить нужды сельскаго хозяйства. Но г. Витте остался при печальномъ интересѣ: какъ ни смирны и кротки земскіе либералы, они не могли не сказать, кто истинный виновникъ сельскохозяйственныхъ нуждъ. „Экономическая жизнь, — поучалъ г. Витте своихъ слушателей, — течетъ волнообразно: за прогрессомъ идетъ регрессъ, и обратно. Слишкомъ повышательное движеніе металлургической промышленности нарушило равновѣсіе и вызвало временное обратное движеніе. Кризисъ этотъ нѣсколько затянулся. И это, между прочимъ, объясняется тѣмъ, что переходъ отъ высокихъ съ давнихъ поръ цѣнъ, къ которымъ возврата уже, конечно, быть не можетъ, къ цѣнамъ болѣе доступнымъ для населенія, только что совершился, и къ нему необходимо приспособиться всему производству". Противъ подобныхъ заявленій „протестуютъ горнозаводчики; по ихъ мнѣнію, не предвидится „никакихъ признаковъ оживленія промышленности, исключая, если будетъ усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе отечественнаго судостроенія и если послѣдуетъ нѣсколько урожайныхъ годовъ". „Палліативныя мѣры, — говорятъ они, — не помогутъ въ данномъ случаѣ, а необходимо оздоровленіе всего промышленнаго организма въ самомъ его корнѣ или, другими словами, необходимо рѣшительное воздѣйствіе на истинную причину зла, которая состоитъ въ полномъ несоотвѣтствіи между производительной способностью заводовъ и потребительными средствами страны".

Господа желѣзозаводчики не вѣрятъ въ возможность поднять народное потребленіе при данныхъ условіяхъ, а потому они требуютъ увеличенія желѣзнодорожнаго строительства и судостроенія. Какъ люди практическіе, они не мечтаютъ объ измѣненіи условій и хлопочутъ о правительственной подачкѣ. „Если кому-нибудь нужна помощь правительства, такъ именно бѣдному, разоренному крестьянству", возражаютъ представители земствъ, полагая, что необходимо прежде всего стремиться къ поднятію общаго экономическаго и образовательнаго уровня народа, необходимо дать ему техническое образованіе, доставить дешевый кредитъ, понизить таможенныя пошлины, необходимо... Но все это г. Витте уже выслушалъ недавно отъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. И онъ, и всѣ присутствовавшіе понимали, что ни какихъ такихъ мѣръ правительство предпринять не можетъ, что оно безсильно, что оно наканунѣ банкротства, что собственно логическій выводъ изъ всего сказаннаго былъ бы крикъ — „долой самодержавіе!" Но такъ какъ представителей соціальдемократіи на съѣздѣ не было, то онъ и былъ закрытъ безъ соотвѣтствующихъ возгласовъ.

ОБЪ АГИТАЦІОННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ НАШЕЙ ПАРТІИ.

(Письмо въ редакцію).

Въ настоящей замѣткѣ я хочу выдвинуть одну сторону въ дѣятельности нашей партіи, которая въ настоящій моментъ находится, такъ сказать, въ полномъ загонѣ. Всякая политическая партія, которая хочетъ правильно развиваться, должна внимательно приглядываться къ окружающему, должна чутко прислушиваться къ нарождающимся потребностямъ. Никогда не застывая на разъ принятыхъ пріемахъ борьбы и разъ усвоенной тактикѣ, она должна постоянно видоизмѣнять ее сообразно вѣчно измѣняющимся окружающимъ ее условіямъ. Мы не думаемъ, однако, предлагать теперь новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ, пріемовъ борьбы или какой-либо новой тактики: мы хотимъ только установить правильное соотношеніе между всѣми признанными уже пріемами борьбы, нарушенное за послѣднее время въ практикѣ нашей партіи. Мы имѣемъ передъ собою опытъ нѣсколькихъ лѣтъ демонстраціоннаго движенія. Въ настоящій моментъ можно считать законченнымъ агитаціонный періодъ 1902-1903 гг., достигающій у насъ, какъ извѣстно, въ майскомъ движеніи своего кульминаціоннаго пункта. Хотя мы не можемъ еще подвести всѣхъ итоговъ майскаго движенія 1903 г., но главныя черты его уже опредѣлились. И мы не можемъ скрыть отъ себя, что итоги эти не могутъ не вызвать у насъ нѣкотораго разочарованія. Смотря по субъективнымъ условіямъ, у одного это разочарованіе живѣе, у другого менѣе ощутительно. Но будучи искреннимъ и не ослѣпленнымъ, никто не можетъ отрицать наличности самаго разочарованія. Вызванныя движеніемъ послѣднихъ лѣтъ надежды были такъ велики, что факты послѣдняго агитаціоннаго періода, хотя сами по себѣ и достаточно внушительные, далеко не въ состояніи отвѣчать этимъ преувеличеннымъ надеждамъ. Мы говорили о „прологѣ революціи", а въ это время напрягшее всѣ свои усилія самодержавіе успѣшно справлялось съ нашими организаціями. Ни въ одномъ изъ старыхъ центровъ рабочаго движенія, имѣющихъ рѣшающее значеніе въ нашей борьбѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ не удалось организовать хоть сколько-нибудь внушительной демонстраціи за весь агитаціонный періодъ 1902-1903 гг.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Причины его, конечно, сложны и въ числѣ ихъ не малую роль играетъ плохая организація нашихъ комитетовъ. Но нельзя-же въ концѣ концовъ все сводить къ недостаткамъ организаціи; нужно искать и болѣе глубокихъ причинъ нашихъ неудачъ. А эти болѣе глубокія причины могутъ заключаться только въ недостаточной сознательности рабочихъ массъ; только эта недостаточная сознательность можетъ объяснить намъ неуспѣхъ нашихъ попытокъ вызвать широкое демонстраціонное движеніе при отмѣчаемомъ всѣми наблюдателями широкомъ недовольствѣ и даже боевомъ настроеніи массъ. Не можемъ-же мы признать, что полиція, какъ-бы совершенна она ни была, можетъ успѣшно справляться съ народной массой, ясно сознающей свои задачи и твердо рѣшившейся бороться съ врагомъ. Дѣло въ томъ, что (за единичными исключеніями) всѣ наши демонстраціи 1901-1903 гг. *не были массовыми* демонстраціями въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ нихъ, конечно, участвовали и рабочіе, и просто городское простонародіе, но онѣ составляли незначительное меньшинство демонстрантовъ; большинство-же составляла любопытствующая полу-сочувствующая публика. Именно съ послѣдней, отчасти малосознательной, отчасти политически дряблой частью демонстрантовъ научилась теперь справляться полиція. Немногочисленные сознательные и рѣшительные демонстранты оказались изолированными и, слѣдовательно, *безсильными*. Всѣ наши демонстраціи послѣднихъ лѣтъ, за немногими исключеніями, были, по красивому выраженію „Искры", демонстраціями кучки „героевъ" передъ „толпой". „Герои" прохаживались передъ „толпой", махали своими знаменами и кричали „долой самодержавіе". Толпа безмолвствовала. Это не были демонстраціи толпы, и въ этомъ — причина ихъ слабости.

Опытъ послѣднихъ лѣтъ, намъ кажется, повелительно предписываетъ намъ признать слѣдующій выводъ „Искры": демонстраціи небольшой кучки „героевъ" передъ „толпой" отжили свое время: *демонстраціи должны стать массовыми или ихъ вовсе не должно быть.* Но какъ сдѣлать демонстраціи массовыми, какъ вовлечь „толпу" въ движеніе и превратить ее въ „героевъ"? „Искра" только намѣчаетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, указывая на примѣръ Ростова, но не высказываетъ его ясно. Попробуемъ это сдѣлать. Исторія нашего движенія знаетъ только слѣдующія массовыя движенія: петербургская забастовка 1896 г., майское движеніе въ Ригѣ, Либавѣ и Харьковѣ въ 1898, 1899, 1900 годахъ, Обуховская оборона 1901 года (май), Ростовское движеніе 1902 года (ноябрь) и демонстрація 2 марта тамъ-же и, можетъ быть, еще майское движеніе этого года въ нѣкоторыхъ глухихъ углахъ Россіи. Истинно массовымъ движеніе у насъ становилось только тогда, когда соціальдемократическимъ организаціямъ удавалось связать общія задачи нашей партіи съ насущными интересами и нуждами рабочей массы и тѣмъ вовлечь ее въ борьбу. Первые годы, подъ вліяніемъ отчасти теоріи „стадій", стачечное движеніе оставалось до конца на почвѣ чисто экономической борьбы, имѣя, тѣмъ не менѣе, громадное значеніе въ дѣлѣ политическаго воспитанія массы (такъ было съ петербургской забастовкой 1896 года). Впослѣдствіи стачечное движеніе стало все больше пріобрѣтать политическій характеръ, переходя въ открытую борьбу съ самодержавіемъ, — въ борьбу политическую. Майскій праздникъ пролетаріата сыгралъ въ этомъ отношеніи крупную роль. Классовый характеръ майскаго празднества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его всеобщность сдѣлали его отличнымъ орудіемъ для вовлеченія широкой рабочей массы въ политическую борьбу. Съ одной стороны, по своимъ мотивамъ онъ понятенъ всякому неразвитому рабочему, съ другой — какъ демонстрація цѣлаго *класса*, онъ неизбѣжно превращается въ борьбу политическую: самодержавіе можетъ еще мириться съ отдѣльной стачкой на заводѣ или даже въ цѣломъ районѣ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ примириться съ общеклассовымъ праздникомъ пролетаріата: оно всегда будетъ подавлять его грубой силой и тѣмъ будетъ превращать его въ политическую демонстрацію даже тогда, когда рабочіе этого не хотѣли-бы. *Классовая борьба* (рѣчь идетъ о борьбѣ дѣйствительно цѣлаго класса) *есть всегда борьба политическая.* Мнѣ нечего разъяснять здѣсь необходимую связь классового движенія пролетаріата съ борьбой политической — это азбука русской соціальдемократіи, усвоенная ею на зарѣ массового движенія. Именно пониманіе этой необходимой связи профессіональной борьбы рабочихъ съ политической борьбой рабочаго класса, сознаніе, что „профессіональное движеніе — общая основа соціальдемократическаго движенія" (Каутскій — Эрфуртская программа) создало силу и значеніе русской соціальдемократіи. Благодаря этому пониманію, русской соціальдемократіи удалось пробудить отъ спячки и вывести на широкую арену политической борьбы русскій рабочій классъ и тѣмъ разсѣять нависшій надъ Россіей густой мракъ реакціи восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ. Пробужденіе къ политической жизни рабочаго класса вызвало оживленіе и другихъ слоевъ русскаго народа, начиная отъ студенчества и кончая крестьянствомъ, и въ результатѣ — открытая революціонная борьба 1901-1903 гг. Это небывалое въ Россіи движеніе, этотъ открытый вызовъ самодержавію, всеобщее, казалось, сочувствіе демонстрантамъ вскружило всѣмъ голову, и наиболѣе увлекающіеся заговорили уже о „штурмѣ на самодержавіе", о „прологѣ революціи". Пора отказаться отъ этого неосновательнаго и вреднаго увлеченія, пора перестать глядѣть на дѣйствительность черезъ розовые очки, пора признать суровую дѣйствительность. Только видя слабости нашего движенія, мы съумѣемъ ихъ устранить. Какъ нѣкогда успѣхи экономической чисто профессіональной борьбы вскружили головы слабымъ умамъ, создавъ уродливую теорію „стадій" и грубый экономизмъ „Рабочей Мысли", такъ теперь первые успѣхи политической агитаціи и демонстрацій привели если не къ забвенію, то къ болѣе или менѣе полному игнорированію въ агитаціи необходимой классовой основы нашего движенія. Дальнѣйшіе успѣхи на этомъ пути невозможны безъ обращенія самаго серьезнаго вниманія на эту классовую основу. Политическая агитація приняла у насъ за послѣднее время слишкомъ абстрактный характеръ, слишкомъ мало связывалась съ конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы. Вслѣдствіе этого наша дѣятельность понятна преимущественно болѣе сознательнымъ слоямъ рабочихъ и мало понятна народнымъ низамъ, широкой массѣ необученныхъ рабочихъ. Наша политическая агитація временами превращается въ голую политическую декламацію. Безъ вовлеченія въ движеніе этихъ низовъ нельзя создать массового политическаго движенія. Только расширеніемъ основанія нашего движенія, путемъ пробужденія къ самостоятельной жизни народныхъ низовъ, можно вновь сдѣлать сильной нашу партію. Въ этой работѣ нельзя игнорировать профессіональныхъ интересовъ рабочихъ и профессіональной борьбы. Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессіональное движеніе, мы должны организовать массовыя забастовки и затѣмъ превратить это движеніе въ сильную политическую демонстрацію. Блестящимъ образцомъ подобной тактики можетъ служить Ростовское движеніе прошлаго и этого года. Въ соприкосновеніи съ народными низами мы должны пріобрѣсти ту недостающую намъ силу, которая дастъ намъ возможность — надѣемся, въ недалекомъ будущемъ — совершить не словесный, а дѣйствительный натискъ на самодержавіе.

Говоря это, мы вовсе не хотимъ отказаться отъ политической агитаціи, имѣющей своимъ исходнымъ пунктомъ явленія общерусской жизни, все равно, имѣютъ-ли эти явленія непосредственное отношеніе къ экономическимъ интересамъ рабочихъ или нѣтъ: это было бы возвращеніемъ къ временамъ "экономизма", къ счастью, уже окончательно пережитымъ. Мы хотимъ только установить правильное соотношеніе между тѣмъ и другимъ видомъ агитаціи. Что мы не преувеличиваемъ указанныхъ недостатковъ движенія, можетъ показать примѣръ дѣятельности хоть Тифлисскаго или Бакинскаго Комитетовъ. О первомъ можно еще сказать, что ему мѣшаетъ недостатокъ силъ послѣ проваловъ послѣднихъ лѣтъ; о второмъ этого сказать нельзя. Между тѣмъ, за все время своего существованія Бакинскій Комитетъ, какъ и Тифлисскій за послѣдній годъ, не выпустилъ ни одного профессіональнаго листка, не организовалъ ни одной стачки*). Стачки, конечно, бывали и здѣсь, но комитетъ не использовалъ ихъ для того, чтобы вызвать общее движеніе бакинскаго пролетаріата и затѣмъ превратить такое движеніе въ борьбу политическую. Намъ могутъ сказать, что профессіональной борьбѣ мѣшаетъ въ настоящее время кризисъ; но успѣхъ частичныхъ забастовокъ въ Баку (у Мирзабекянца, Коночникова, Рысева и Ляпина) противорѣчитъ этому, а возможность общихъ забастовокъ доказывается примѣромъ Ростова и Златоуста. Къ тому же кризисъ не вѣченъ, и надо быть готовымъ къ другой экономической конъюнктурѣ. Надо, слѣдовательно, выяснить требованія для различныхъ профессіональныхъ группъ и затѣмъ начать агитацію на ихъ почвѣ. Возьмемъ для примѣра Балаханскій районъ. Жизнь тамъ до того неприглядна, она такъ гнететъ рабочаго, что не понятно, какъ рабочіе переносятъ эти условія безъ протеста. Насколько мнѣ извѣстны эти условія, платформа для агитаціи тамъ готова: это — установленіе трехъ 8-часовыхъ смѣнъ вмѣсто двухъ 12-часовыхъ и выводъ рабочихъ жилищъ изъ предѣловъ промысловъ, устройство рабочаго городка. Намъ кажется, агитаціи на почвѣ этихъ требованій обезпеченъ тамъ успѣхъ. Къ тому же такая агитація явилась бы лучшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ зубатовщиной, широко раскинувшей теперь свои сѣти: передъ лицомъ массового рабочаго движенія разсѣются, какъ дымъ, всѣ лживыя обѣщанія зубатовскихъ агентовъ, вся политика его „сердечнаго попеченія". Мы не боимся въ настоящее время возврата къ экономизму, мы считаемъ его окончательно похороненнымъ, мы увѣрены, что теперь возможно использовать всякую массовую забастовку въ цѣляхъ политической агитаціи. Для указанной задачи, намъ кажется, необходимо правильно распредѣлить работу между мѣстными и общими организаціями. Обще-политическую агитацію долженъ вести Центральный Комитетъ нашей партіи и районные союзы, гдѣ они существуютъ; мѣстные комитеты, конечно, тоже будутъ работать въ этомъ направленіи, но они не должны забывать изъ-за этого дѣла профессіональной борьбы и использованія ея въ партійныхъ цѣляхъ. Для успѣшнаго достиженія этихъ двухъ задачъ нужно, конечно, усиленіе центральныхъ организацій, чтобы мѣстныя могли затѣмъ удѣлять больше вниманія второй задачѣ. Приведемъ небезъинтересный фактъ: передъ маемъ бакинскій комитетъ долженъ былъ издать прокламаціи о безработицѣ, но могъ выпустить только пару сотенъ листковъ на гектографѣ, такъ какъ типографія была занята майской литературой. Моментъ былъ очень удобный, но онъ утерянъ. Мы, слѣдовательно, не думаемъ отказываться отъ нынѣшнихъ политическихъ демонстрацій, видя въ нихъ громадное пріобрѣтеніе послѣднихъ годовъ: тамъ гдѣ возможно, ихъ надо устраивать: майская, напримѣръ, демонстрація уже пустила корни въ рабочей массѣ и будетъ очень полезна для всего нашего движенія. Но неудача, ихъ не станетъ повергать насъ въ уныніе, если комитеты не будутъ существовать только для того, чтобы разъ въ годъ организовать демонстрацію, если они будутъ чувствовать, какъ растутъ и крѣпнутъ силы революціонной арміи въ общеніи съ народными низами. И окрѣпнувъ въ этой работѣ, мы — будетъ-ли то черезъ 3, 5 или 10 лѣтъ — выступимъ на штурмъ самодержавія, на этотъ разъ уже во главѣ побѣдоносной массы.

* * *

Отъ редакціи: Печатаемъ это письмо, чтобы обратить вниманіе товарищей на дѣйствительно-важный вопросъ и вызвать всестороннее обсужденіе его. Авторъ совершенно правильно считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего нынѣшняго движенія недостаточно-„массовой" его характеръ. Практика послѣднихъ демонстраціонныхъ попытокъ подтверждаетъ его мысль. Въ значтиельной степени правъ онъ и тогда, когда рекомендуетъ болѣе усиленную агитацію на почвѣ чисто-профессіональныхъ нуждъ отдѣльныхъ слоевъ рабочаго класса, какъ средство расшевелить пассивные элементы рабочей массы. „Экономическая" агитація еще долго будетъ играть роль такого средства, и „Искра" постоянно указывала на необходимость для соц.-демократіи не оставлять безъ вниманія профессіональное движеніе рабочихъ, издавать брошюры и листки для отдѣльныхъ профессій, создавать, гдѣ можно, районныя или общерусскія профессіональныя организаціи — ячейки нашихъ будущихъ свободныхъ профессіональныхъ союзовъ, организовать „фабричныя обличенія" (кстати сказать, сильно хромающія за послѣдніе годы по сравненію съ періодомъ „экономизма"). И несомнѣнно, что нѣкоторымъ нашимъ комитетамъ слѣдовало бы обратить больше вниманія на эту сторону соц.-дем. работы. Не правъ нашъ авторъ, когда, говоря объ агитаціи на почвѣ „насущныхъ интересовъ и нуждъ" рабочихъ массъ, онъ, повидимому, отождествляетъ ихъ всецѣло съ профессіональными, „экономическими" интересами. Столь же насущными и столь же осязательными для остальныхъ слоевъ рабочаго класса (равно и крестьянъ) являются интересы рабочихъ, какъ гражданъ, какъ потребителей, какъ плательщиковъ налога и т. д. Если недостаткомъ нашей политической агитаціи является зачастую ея слишкомъ абстрактный хавактеръ, то болѣе конкретный характеръ ей слѣдуетъ придать, обращая больше вниманія на всѣ тѣ явленія общественно-политической жизни, которыя самымъ непосредственнымъ образомъ задѣваютъ сознаніе политически-отсталаго населенія. А такія явленія имѣетъ мѣсто и внѣ сферы профессіональныхъ интересовъ. То или другое распоряженіе городской думы, поведеніе того или другого полицейскаго сатрапа, тотъ или иной случай проявленія „классового правосудія“ нашихъ судовъ — все это такіе же поводы для плодотворной мѣстной агитаціи, какъ и случаи проявленій фабричнаго гнета. Намъ думается, что причины недостаточнаго успѣха агитаціонной компаніи послѣдняго года въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ чаще слѣдуетъ искать не столько въ игнорированіи поводовъ для „экономической“ агитаціи, а скорѣе въ недостаточной широтѣ размаха той агитаціи, которая велась. Лишь въ немногихъ пунктахъ комитетскія прокламаціи распространялись въ количествахъ, обезпечивающихъ ихъ проникновеніе во всѣ слои рабочей массы; а гдѣ это условіе было на лицо, тамъ зашевелилась, дѣйствительно, масса рабочихъ, хотя бы всѣ выпущенныя прокламаціи носили характеръ „политическій“ (примѣръ — тѣ же Баку и Тифлисъ).

---

*) Батумскій Комитетъ составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе; не потому-ли маленькій Батумъ можетъ себя поздравить съ массовой демонстраціей 9 марта текущаго года?

Мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ по поводу отношенія автора къ майской демонстраціи. Мы вполнѣ понимаемъ, насколько соблазнительна идея пріурочить рабочія демонстраціи и стачки къ дню 1 мая, когда соц.-демократія имѣетъ возможность синтетически выразить въ массовомъ пролетарскомъ актѣ и соціалистическую цѣль движенія, и политическій, анти-царистскій его характеръ, и связь его съ профессіональными нуждами отдѣльныхъ группъ рабочаго класса. Революціонное значеніе нашей майской агитаціи стоитъ внѣ сомнѣнія. Не надо, однако, заблуждаться относительно возможности строить всю тактику нашей „уличной“ борьбы на подготовленіи къ майскимъ демонстраціямъ. Соціально-революціонный характеръ майскаго праздника ставитъ пролетаріатъ въ этотъ день въ условія, наиболѣе неблагопріятныя для такихъ политическихъ дѣйствій, ближайшая цѣль которыхъ — политическое воспитаніе и обученіе организуемыхъ нами массъ. Майскій праздникъ есть прежде всего смотръ арміи труда, а устраивать маневры подъ перекрестнымъ огнемъ нарочито мобилизированныхъ и поставленныхъ на стражѣ непріятельскихъ батарей — едва-ли цѣлесообразно. „Быстрота и натискъ“ — необходимое условіе для побѣды, а о нихъ нельзя говорить въ примѣненіи къ тактикѣ нашей революціонной арміи, когда непріятель заранѣе знаетъ, въ какой день мы выйдемъ на улицу, и имѣетъ возможность всесторонне изготовиться къ сраженію. Поэтому, хотя мы и должны быть каждый разъ наготовѣ воспользоваться всякимъ благопріятнымъ условіемъ, чтобы демонстрировать въ майскіе дни, но пріурочивать всѣ революціонныя надежды къ этимъ днямъ было бы ошибочной тактикой.

Къ вопросу о демонстраціяхъ и нашей тактикѣ мы еще вернемся въ ближайшемъ будущемъ. А пока поблагодаримъ автора за его содержательное письмо и еще разъ выразимъ надежду, что партія обратитъ на него все то вниманіе, какого оно заслуживаетъ.

ОТВѢТЪ „РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ“.

(Письмо въ редакцію).

Съ чувствомъ „глубокой боли и стыда“ видитъ „Рев. Россія“, какъ „только-что начинающая жить революціонною жизнью молодежь“ „вступаетъ въ революціонные ряды подъ опредѣленное фракціонное знамя“ — знамя пролетарскаго соціализма. И „Рев. Росс.“ ополчается на брань; она посвящаетъ цѣлую статью „движенію среди учащихся средне-учебныхъ заведеній“, стараясь въ конецъ уничтожить „скороспѣлую и самоувѣренную“ программу Южно-Русской Группы и противопоставляя ей „междуфракціонную“ программу другихъ организацій учащихся. — „Девизомъ движенія молодежи“, — говоритъ „Рев. Россія“, — „всегда служилъ кличъ: „Къ свѣту!“, стремленіе къ развитію, къ знанію... Это стремленіе, — по самому существу своему — свободное, выражающееся прежде всего въ критическомъ пересмотрѣ всякихъ догматовъ, традицій, которые навязываются юной индивидуальности семьей, школой, церковью, окружающей средой. Эта критика, при существующихъ общественныхъ условіяхъ, неизбѣжно, сама-собой, ведетъ къ выработкѣ соціалистически-революціоннаго міросозерцанія“. Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ дѣйствительно такъ (на это мы и указали въ своемъ изданіи „Къ вопросу о программѣ“, за которое стало стыдно „Рев. Россіи“). Но есть-ли хоть тѣнь этого „соціально-революціоннаго міросозерцанія“ въ программахъ тѣхъ организацій („С.-Петербургской“ и „Союза молодежи“), на которыя ссылается „Рев. Россія“ для подтвержденія своей мысли? — Долго искали мы въ этихъ программныхъ заявленіяхъ подобнаго міросозерцанія и такъ и не нашли его. Въ изданіяхъ С.-Петербургской организаціи (мы знакомы съ нею по тремъ ея воззваніямъ и одному № ея органа „Къ свѣту!“) мы не нашли ни слова о соціализмѣ, о русскомъ рабочемъ движеніи... Мы видѣли въ нихъ исключительно стремленіе „къ свѣту“, „къ самообразованію и самовоспитанію“, — а о томъ, что это самообразованіе и самовоспитаніе должно послужить намъ лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ за принципы соціализма, — мы не услышали отъ С.-Петербургской организаціи ни слова. Но за то мы встрѣтили въ ея воззваніяхъ восхваленіе царя освободителя, понявшаго, будто-бы, съ высоты трона нужды русскаго народа и отвратившаго отъ Россіи потоки крови; о томъ-же, что для блага Россіи необходимо въ конецъ уничтожить этотъ тронъ, — С.-Петербургская организація не сказала ни слова. Правда, приведенная „Р. Р.“ цитата изъ № 2 „Къ свѣту“, показываетъ, что организація эта приняла болѣе „ясно выраженный революціонный характеръ“, чѣмъ въ своихъ первыхъ изданіяхъ, но и до сихъ поръ она не идетъ далѣе идеаловъ русскихъ либераловъ, также восхваляющихъ Александра II. — „Однимъ изъ характерныхъ по общности пунктовъ, являющимся важнѣйшимъ стимуломъ къ объединенію“, — говоритъ С.-Петербургская организація, — служитъ стремленіе развить среди молодежи духъ товарищества и впослѣдствіи связать существующія организаціи и кружки во единый всероссійскій союзъ“. Ту-же цѣль преслѣдуетъ, очевидно, и „Союзъ Молодежи“. Кому и для чего нужно это объединеніе? Оказывается, что это необходимо для борьбы за... академическую свободу! — „Совѣщаніе, образовавшее Союзъ, пришло къ заключенію, что для того, чтобы добиться академической свободы, необходимо сорганизовать учащуюся молодежь еще на гимназической скамьѣ и подготовить ее къ правильной, сознательной и планомѣрной борьбѣ, — и въ виду того постановило: образовать среди воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній особую организацію, которая занялась-бы подготовкою молодежи къ предстоящей ей борьбѣ за свои права“. „Такъ какъ совѣщаніе не считаетъ возможнымъ для учащейся молодежи добиться при современномъ казарменно-полицейскомъ устройствѣ Россіи какихъ-нибудь крупныхъ уступокъ своими собственными силами, то, поэтому, постановило: оказывать дѣйствующимъ въ Россіи партіямъ посильное содѣйствіе деньгами и подготовкою учащейся молодежи къ революціонной дѣятельности, и потому совѣщаніе поручило Центральному Комитету „Союза“ завязать сношенія съ революціонными партіями въ Россіи“. — Можно-ли найти здѣсь, повторяемъ, хотя-бы слабую тѣнь *соціалистически-революціоннаго* міросозерцанія? „Союзъ Молодежи“ не считаетъ своею задачей пропаганду среди учащихся соціалистическихъ принциповъ, — онъ готовитъ изъ нея борцовъ не за политическую свободу, за права *народа*; онъ считаетъ достаточнымъ подготовить молодежь къ борьбѣ за академическую свободу, за „*свои права*“. Итакъ, имѣютъ-ли эти организаціи хоть какую-нибудь соціалистическую окраску, если даже съ самодержавіемъ онѣ только потому готовятся бороться, что его паденіе принесетъ имъ „академическую свободу?“ — Необходимо-ли и возможно-ли при такихъ условіяхъ объединеніе всѣхъ организацій учащейся молодежи въ Россіи? Существуетъ-ли у организацій учащихся среднихъ школъ, какъ таковыхъ, такое „общее дѣло“, чтобы въ его интересахъ нужно было-бы ихъ безусловное объединеніе, несмотря на всѣ программныя разногласія? Мы понимаемъ еще, что такое „общее дѣло“ *изрѣдка* можетъ найтись у студенчества (забастовки, демонстраціи)? Но какое „общее дѣло“ можетъ быть у насъ, учащихся среднихъ школъ, какъ таковыхъ? Не „активная-ли борьба съ учебнымъ режимомъ“, не объединенный-ли протестъ противъ „невыносимо-душной обстановки нашего просвѣщенія?“ Но, вѣдь самъ „Союзъ Молодежи“ призналъ, что мы не добьемся ничего собственными силами... Или это „общее дѣло“ есть подготовка къ „общему дѣлу“ студенчества? Но не всѣ организаціи удовлетворятся такимъ „дѣломъ“. — „Союзъ Молодежи“ распуститъ свои организаціи, лишь только русскій рабочій классъ завоюетъ ему академическую свободу; то-же сдѣлаетъ, пожалуй, и „С.-Петербургская Организація“, когда „дома съ заколоченными дверями и окнами“ превратятся въ свободныя школы; — наша-же Группа и „Харьковскій Союзъ“ говорятъ молодежи, что при низверженіи самодержавія не прекратится борьба за торжество „соціально-революціоннаго міросозерцанія“, — наша Группа и „Харьковскій Союзъ“ — это зародышъ будущей „молодой гвардіи“ соціальной революціи. Мы готовимся и готовимъ своихъ товарищей къ борьбѣ въ рядахъ рабочаго класса. Вотъ что отличаетъ насъ отъ другихъ организацій учащихся средн. школъ... „Мы не можемъ достичь чего-нибудь собственными силами“ и потому „мы оказываемъ посильное содѣйствіе деньгами и подготовкою учащейся молодежи къ революціонной дѣятельности“, — но не всѣмъ безъ разбора революціоннымъ партіямъ, какъ „Союзъ Молодежи“, а только той, которая борется за освобожденіе того класса, въ рядахъ котораго мы стремимся работать. И, какъ первый студенческій съѣздъ, мы примкнули къ соціальдемократіи именно потому, что подъ *ея* знаменемъ борется русскій рабочій классъ, потому что изъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ партій только она есть партія революціоннаго пролетаріата. И „Р. Р.“ ошибается, полагая, что при выработкѣ нашей программы, мы не отнеслись „сознательно и критически-продуманно“ къ ея соціально-политической программѣ“. Мы познакомились съ отношеніемъ ея къ рабочему классу, — детально познакомились съ ея „аграрной“ программой, — несмотря на всю свою сбивчивость и запутанность достаточно ясно указывающей на мелко-буржуазный характеръ ея стремленій, — мы сравнили дѣятельность Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. съ дѣятельностью Качура, какъ члена „Боевой Организаціи“, — и рѣшили примкнуть къ партіи пролетаріата, — къ русской соціальдемократіи.

Но „Рев. Россія“ вообще не можетъ представить себѣ „организацію учащихся, выработавшую себѣ опредѣленную партійную политическую программу“. „Несомнѣнно“, говоритъ она, „руководители этихъ организацій могутъ внушить послѣднимъ ту или иную партійную окраску, но замѣнитъ-ли эта окраска самостоятельно-выработанное міровоззрѣніе, основанное на знакомствѣ со всѣми основными теченіями общественной мысли, — это вопросъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительный“. Изъ этой цитаты легко видѣть, какъ „Рев. Россія“, вслѣдъ за Кіевскимъ Центральнымъ Отд. никакъ не хочетъ понять нашей точки зрѣнія о пропагандѣ соціалистическихъ принциповъ, не переставая сравнивать „самостоятельно-выработанное міросозерцаніе“ съ какою-то вредною „окраскою“. Пропагандируя необходимость террористической борьбы, послѣдователи „Рев. Россіи“ знакомятъ, конечно, рабочихъ съ мнѣніями противниковъ террора, но, они вѣдь, оставляютъ за собой право утверждать истинность своего убѣжденія, — о томъ, что только въ „Боевой Организ.“ — спасеніе русскихъ рабочихъ. Если соціальдемократическая организація приступаетъ къ пропагандѣ идей пролетарскаго соціализма, — то она можетъ одинаково безпристрастно знакомить рабочихъ со всѣми теченіями общественной мысли, начиная съ доисторическихъ временъ и кончая „новѣйшимъ соціализмомъ“ гг. соціалистовъ (?!) - революціонеровъ, — но отстаиваетъ истинность только соціальдемократическаго ученія. И никто не сѣтуетъ на нее за „суженіе умственнаго кругозора“ рабочаго. Но, когда отдѣльныя организаціи, состоящія изъ учащихся, „выдающихся по своему развитію“ „съ вполнѣ сложившимся міросозерцаніемъ“, начинаютъ вести пропаганду идей пролетарскаго соціализма, — тогда начинаются разсужденія о „самоувѣренномъ опредѣленіи путей саморазвитія“, объ „умственномъ рабствѣ“ и пр., — которыми занималось уже Кіевское Центральное Отд., поддержанное теперь „Рев. Россіей“. „Глубоко убѣжденные въ истинности революціоннаго соціализма“, мы, какъ и „Рев. Россія“, зовемъ учащуюся молодежь къ „ознакомленію со всей полнотой научной и общественной мысли“, но мы оставляемъ за собой право указать молодежи, гдѣ во всѣхъ этихъ научныхъ и „общественныхъ“ ученіяхъ плевелы и гдѣ — пшеница, гдѣ она дѣйствительно, найдетъ научное обоснованіе пролетарскаго соціализма, а гдѣ — только громкія и красивыя фразы.

Между прочимъ, „Рев. Россія“ не преминула бросить тѣнь на „программу“ нашей Группы, указавши на то, что въ своемъ воззваніи „Къ вопросу о программѣ“ мы будто-бы только и дѣлаемъ, что цитируемъ изданія соціальдемократической „фракціи“. Съ своей стороны, укажемъ „Рев. Россіи“, что лучше выражать свои самостоятельно-выработанныя мысли *правильными* цитатами изъ „Искры“, чѣмъ подпирать свою колеблющуюся программу *неправильными* цитатами изъ Маркса и Энгельса или уснащать свои статьи завѣдомо-невѣрными цитатами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ (статьи о „Чигиринскомъ дѣлѣ“), какъ это дѣлаютъ гг. соціалисты-революціонеры.

20. V. 1903 Центральный Комитетъ

Южно-Русской Группы Учащихся Средн. Школъ.

P. S. Кстати, еще нѣсколько словъ о новой организаціи учащихся, — о „Союзѣ Молодежи“. „Рев. Россія“ утверждаетъ, что онъ образовался на съѣздѣ представителей средне-учебныхъ заведеній. До сихъ поръ мы не получили ни отъ „С.-Петербургской Организаціи“, ни отъ „Харьковскаго Союза, ни отъ Кіевскаго Центр. Отд., съ которыми мы поддерживаемъ сношенія, никакого извѣщенія объ этомъ „съѣздѣ“. Кромѣ того, съ самаго февраля мѣсяца ни мы, ни „Харьковскій Союзъ“ не получали приглашенія вступить въ организацію этого „Союза Молодежи“, несмотря на то, что найти насъ не такъ-то трудно. Гдѣ-же *обрѣтается* этотъ „Союзъ“, отъ какихъ это средне-учебныхъ заведеній были представители на его Съѣздѣ и съ какимъ это несуществующимъ „секретаріатомъ Студенческаго Союза“ собирается вступать „Союзъ“ въ федеративныя сношенія? Не разъяснитъ-ли намъ это „Рев. Россія“?

ЗУБАТОВЦЫ ВЪ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Если бы кто-нибудь предсказалъ Николаю I тѣ мѣры, какими правительство его правнука будетъ отстаивать устои Россійской Державы, непреклонный прадѣдъ несомнѣнно отравился-бы еще до Севастопольскаго погрома. И было-бы отчего!

Правительство Николая I запрещало холопскаго духа писателямъ расточать подобострастныя хвалы мудрости начальства: *власть не нуждается въ одобреніи подданныхъ*. Правительство Николая II содержитъ на народныя деньги цѣлый рядъ газетчиковъ и ораторовъ, назначеніе которыхъ хвалить и хвалить премудрость властей до притупленія перьевъ, до хрипоты въ голосѣ...

Правительство Николая I имѣло силу и власть оставить народныя массы безъ печатнаго слова, запрещая дешевыя книги и газеты, способныя по словамъ графа Уварова, „привести массы въ *движеніе*“.

Правительство Николая II оказывается вынужденнымъ доказывать рабочимъ неизбѣжность „рабочаго движенія“. И доказывать — какъ? Посредствомъ *нелегальныхъ* произведеній, направленныхъ противъ соціализма! У насъ подъ руками одно изъ такихъ произведеній. Издано оно посредствомъ машинки ремингтона. Мѣсто изданія не обозначено, — но, судя по содержанію, — недалеко отъ охраннаго отдѣленія. Подписано — „Группа сознательныхъ рабочихъ“. Простая-ли это фальсификація, или къ произведенію дѣйствительно приложили руку тѣ „сознательные рабочіе“ зубатовской фабрикаціи, имена которыхъ будутъ записаны исторіей русскаго рабочаго движенія въ главѣ „О предателяхъ“, — не все-ли равно?

Подпольное произведеніе, защищающее *самодержавіе* отъ революціонной критики, остается все такимъ же глубокимъ знаменіемъ полнаго внутренняго разложенія „устоевъ“ Россійской Державы...

Основныя положенія теоріи полицейскаго соціализма таковы.

Съ возникновеніемъ класса рабочихъ, возникло и рабочее движеніе. „Эта борьба возникла естественно, сама собой, какъ борьба вновь народившагося класса, она вытекла изъ склада самой жизни и остановить ее нельзя ничѣмъ: она неизбѣжна и неудержима“.

Но какъ бороться? Есть путь *эволюціи* и путь *революціи*, путь „планомѣрнаго восхожденія“ и путь „фантастическихъ скачковъ“. Но путь революціонныхъ скачковъ уже давно скомпрометтировалъ себя въ глазахъ всемірнаго пролетаріата. Французскіе рабочіе, напримѣръ, произвели революцію, „весь Парижъ залили своей кровью, осиротили свои семьи и добились уничтоженія правительства... а дальше... дальше: власть перешла къ буржуазіи, и буржуазія сейчасъ-же, для защиты себя отъ „буйныхъ“ рабочихъ, кровью которыхъ только что получила власть, издала законъ, согласно которому, если толпа не разсѣется по первому требованію, то вооруженныя власти должны открыть противъ нея огонь. Простой народъ увидѣлъ обманъ революціонеровъ, но было уже поздно“.

Ужъ, конечно, не мы, соціальдемократы, будемъ защищать французскую буржуазію, которая при помощи ружей заставляла, подчасъ заставляетъ и теперь рабочихъ расходиться, — но какъ вамъ покажется демагогическая наглость „теоретика“ Зубатовщины, который киваетъ на кровожадный эгоизмъ европейской буржуазіи, забывая о Домбровѣ, о Тихорѣцкой, о Кишиневѣ, о Златоустѣ, обо всѣхъ тѣхъ адскихъ дѣяніяхъ русскаго самодержавія, которые вызываютъ чувство ужаса даже у европейской буржуазіи!

Итакъ, путь революціи — не путь рабочаго класса. Ему нуженъ *союзъ съ правительствомъ* и съ „общественнымъ мнѣніемъ“. „Если бы мы не смотрѣли на все сквозь листы подпольныхъ изданій (не забывайте, читатель, что это говорится въ подпольномъ изданіи!), глазами нашихъ самозванныхъ учителей-революціонеровъ, то знали-бы, что правительство само идетъ намъ на встрѣчу; мы бы знали о томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ рабочимъ, ставшимъ на путь экономическаго движенія разрѣшено уже устраивать союзы, имѣть своихъ представителей“ и прочее и пр. и пр.

Жаль только, что авторъ забываетъ прибавить, что эти „союзы“ состоятъ подъ руководствомъ провокаторовъ, что независимые „представители“ рабочихъ немедленно арестовываются, и наконецъ — а это главное, — что самый вопросъ о рабочихъ „союзахъ“ былъ поставленъ правительствомъ только подъ давленіемъ революціоннаго движенія пролетаріата.

Союзъ съ „общественнымъ мнѣніемъ“! Опять таки авторъ не поясняетъ, говоритъ-ли онъ о мнѣніи буржуазіи, которая, какъ мы уже знаемъ, не прочь противопоставить пролетарскимъ требованіямъ ружейныя дула, или о мнѣніи пролетаріата, который, какъ вѣроятно извѣстно автору, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе идетъ за „самозванными учителями-революціонерами“.

Критика соціализма у нашего автора изъ рукъ вонъ плоха. „Что касается *раздѣла всѣхъ благъ*, говоритъ онъ, то это ужъ совсѣмъ мудреное дѣло“: дома, видите-ли, неодинаковы, земля тоже въ разныхъ мѣстахъ неодинакова, многихъ предметовъ (машинъ, что-ли?) и вовсе „на всѣхъ не хватитъ“. Какъ тутъ дѣлить? „Много насилій, много страданій вызвалъ-бы такой раздѣлъ, а равенства все равно не было-бы: люди болѣе способные, трудолюбивые, ловкіе сейчасъ-бы выдѣлились и стали быстро богатѣть на счетъ остальныхъ и въ результатѣ получилось-бы только „перемѣщеніе“ богатствъ отъ однихъ къ другимъ“.

Эхъ, г. Зубатовъ, надо-бы поискать болѣе приличнаго теоретика! Кто-же въ наши дни, когда всюду и вездѣ распространены соціальдемократическія изданія, не знаетъ, что соціализмъ не означаетъ *раздѣла* земли и фабрикъ, что только мелко-буржуазные демократы вздыхаютъ объ „уравнительномъ“ распредѣленіи земли? Соціальдемократія требуетъ перехода *всѣхъ средствъ производства* въ общественную собственность. Такой переходъ, уничтоживъ *товарное* хозяйство, тѣмъ самымъ положитъ разъ на всегда конецъ „обогащенію однихъ на счетъ другихъ“. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не достаточно служить въ охранномъ отдѣленіи, чтобы „разнести“ соціализмъ по кускамъ!..

Подпольно-полицейское произведеніе заканчивается такой фразой: „Не вѣрьте, братцы, что безъ труда можно чего-нибудь добиться, что съ перемѣной правительства вдругъ станетъ всѣмъ хорошо жить, — это гнусный обманъ, которымъ хотятъ только завлечь насъ, чтобы воспользоваться нашей силой...“ Мы, соціальдемократы, прекрасно вооружены противъ такой демагогіи. Мы не устаемъ повторять массамъ, что съ перемѣной правительства далеко не „вдругъ“ станетъ всѣмъ хорошо жить. Мы не устаемъ твердить, что для насъ политическая свобода значитъ *свобода дальнѣйшей революціонной пролетарской борьбы за соціализмъ*. Мы не устаемъ работать надъ созданіемъ самостоятельной пролетарской партіи, которая и въ моментъ грядущей „буржуазной“ революціи съумѣетъ отстоять пролетарскіе интересы отъ либерально-цензовыхъ и буржуазно-демократическихъ посягательствъ. И вотъ почему, между прочимъ, и въ борьбѣ съ зубатовской демагогіей, соціальдемократія должна рѣзко отдѣлять себя отъ революціонеровъ, склонныхъ къ буржуазно-демократической демагогіи, отъ революціонеровъ способныхъ говорить массамъ, будто „весь секретъ“ въ томъ, чтобъ „посадить царя на учетъ“, будто послѣ низверженія самодержавія наступитъ на Руси „миръ“ и „равненіе“ (См. „популярную“ литературу „Аграрно-соціалистической лиги“ и „Партіи соц.-рев.“).

Да, усердно работаютъ зубатовскіе птенцы надъ развитіемъ рабочаго движенія „въ чисто русскомъ духѣ“. Этой работѣ пора бы — въ цѣляхъ соціальдемократической агитаціи — подвести кое-какіе итоги. Сколько нибудь полно и обстоятельно это можно сдѣлать только въ формѣ брошюры, — и мы пользуемся случаемъ, чтобы попросить товарищей, живущихъ на мѣстахъ зубатовскаго „творчества“, доставить намъ всѣ документы и свѣдѣнія, характеризующіе эту по истинѣ непредвидѣнную полосу нашей „внутренней политики“.

Самодержавіе не даетъ мѣста нашей революціонной печати на вольномъ воздухѣ. И что-же? Оно само оказывается вынужденнымъ спуститься къ намъ въ подполье... Милости просимъ, милости просимъ. — Тутъ мы впервые помѣряемся „на равныхъ правахъ!“ — Словомъ противъ слова.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЫ НА СУДѢ.

21 мая состоялось засѣданіе Саратовской судебной палаты по дѣлу о рабочихъ Денисовѣ и Селиверстовѣ, обвинявшихся въ распространеніи майскихъ прокламацій съ призывомъ къ демонстраціи, состоявшейся въ Саратовѣ 5 мая 1902 г. Третій обвиняемый по тому-же дѣлу, рабочій-же Тимашевъ, скрылся до суда. Защита доказывала, что обвиняемые, арестованные при расклейкѣ прокламацій, могутъ быть признаны виновными лишь въ подготовленіи преступнаго дѣйствія, а не въ участіи въ немъ, какъ настаивалъ прокуроръ. Судъ большинствомъ пяти голосовъ противъ четырехъ согласился съ прокуроромъ и приговорилъ Денисова къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а Селиверстова — къ $3^1/_2$ годамъ арестантскихъ ротъ. Товарищъ Денисовъ произнесъ на судѣ замѣчательную рѣчь, которую приводимъ полностью.

Господинъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи указалъ на то, что демонстрація 5 мая была слѣдствіемъ петербургскихъ событій, т. е. казни Балмашева. Повидимому, прокуроръ незнакомъ ни съ рабочимъ движеніемъ, ни съ психологіей массъ. Я самъ рабочій, и мое то или другое отношеніе къ современному общественному строю сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающей среды. Далекими, но еще яркими образами вставало предо мной печальное прошлое, когда людей мѣняли на собакъ, когда рабочихъ по малѣйшему поводу сѣкли розгами. И шли (говорилъ отецъ) рабочіе на гауптвахту, и сѣкли ихъ такъ, нещадно сѣкли; случалось, засѣкали до смерти. Случалось, что болѣе непокорныхъ рабочихъ прогоняли сквозь строй. Рѣдкій человѣкъ могъ пройти подъ ударами палокъ все зеленое солдатское поле; большинство изъ нихъ, окровавленные, съ оторванными кусками мяса, падали на половинѣ пути, падали и умирали.

Такъ жилось рабочимъ въ доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тотъ же гнетъ, все та же бѣдность, и хотя не сѣкутъ ихъ розгами, не убиваютъ палками, но отъ этого не легче. Казацкая плеть и солдатская пуля вполнѣ могутъ замѣнить розги и шпицрутены. Экономическое положеніе трудящихся массъ также безотрадно. Живя по Россіи, въ Москвѣ или въ Баку, я видѣлъ, какъ ютятся рабочіе, въ подвалахъ и конурахъ. Я видѣлъ рабочихъ, когда они, послѣ тяжелаго трудового дня, усталые, возвращались въ свои квартиры. Апатичные, вялые, они тупѣютъ съ каждымъ днемъ, и къ пятидесяти годамъ дѣлаются стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышцъ и ума, все пропало. Все убилъ длинный рабочій день, все исчезло въ сѣрой, однообразной жизни. Отъ человѣка ничего не осталось, одна лишь ходячая рабочая сила, способная работать и только работать.

Я видѣлъ дѣтей этихъ бѣдняковъ: исхудалые, въ жалкихъ отрепьяхъ, они таяли въ духотѣ квартиръ, въ чаду заводской копоти.

Я видѣлъ безработныхъ, людей, желающихъ только работать, потому что не имѣть работы значитъ не имѣть пропитанія, не имѣть жизни. И тысячи, десятки тысячъ рабочихъ, юноши и старики, женщины и мужчины не имѣютъ жизни, обречены на смерть. И они умираютъ, медленно для посторонняго глаза, голодъ почти незамѣтно сводитъ этихъ вышибленныхъ изъ трудовой колеи рабочихъ въ могилу. Да, такова доля рабочихъ, темными тучами окутана ихъ жизнь. Эта печальная эпопея трудящагося люда не могла пройти для меня безслѣдно, она положила свой отпечатокъ на мое міросозерцаніе, она поставила меня во враждебныя отношенія къ существующему строю, она заставила меня примкнуть къ только еще начинающемуся рабочему движенію, и я сдѣлался сознательнымъ борцомъ за дѣло освобожденія рабочаго класса. Рабочее движеніе, носившее въ 90-хъ годахъ экономическій характеръ, въ настоящее время, благодаря кризису, отчасти репрессіямъ правительства, а, главнымъ образомъ, благодаря большей зрѣлости рабочихъ массъ, получило политическую окраску. Стачка замѣнилась демонстраціей; въ одной изъ такихъ демонстрацій, а именно, бывшей 5 мая въ Саратовѣ, я счелъ нужнымъ принять участіе. Я распространилъ въ ночь на 5 мая прокламаціи, приглашающія всѣхъ рабочихъ и всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы пролетаріата, придти выразить протестъ противъ современнаго положенія вещей.

Демонстрація 5 мая была вмѣстѣ съ тѣмъ и майскимъ праздникомъ рабочихъ, и заключеніе г. прокурора о казни Балмашева, какъ о причинѣ демонстраціи, невѣрно. Майскія демонстраціи бывали и раньше и позже казни. Требованія, выставляемыя рабочими, имѣютъ мало общаго съ Балмашевымъ. Террористическій способъ борьбы и программа партіи, изъ рядовъ которой вышелъ Балмашевъ*), также чужды рабочему движенію. Въ настоящее время рабочіе выходятъ на улицу не бунтовать, не призывать городское населеніе къ оружію, нѣтъ! Они демонстрируютъ, они хотятъ показать господствующему классу, что больше терпѣть не могутъ, что они имѣютъ право на лучшую жизнь. На знаменахъ, которыя были въ демонстраціи 5 мая, были надписи: „Мы требуемъ 8-мичасового рабочаго дня!“, „Работы безработнымъ!“ Почему-то прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи ничуть не упомянулъ объ этихъ требованіяхъ, а вѣдь меня, какъ выразителя интересовъ русскихъ рабочихъ, эти требованія больше касаются, чѣмъ другія.

Восьмичасовой рабочій день необходимъ намъ, рабочимъ, чтобы стать людьми; чтобы, кромѣ работы, оставалось время и на самообразованіе и на воспитаніе дѣтей, чтобы не утомляться на работѣ до одурѣнія; чтобы сберечь свои силы не до 30, не до 40 лѣтъ, а на всю жизнь, такъ какъ только и есть цѣнное у рабочихъ — это ихъ сила; чтобы защитить рабочій классъ отъ вырожденія, ибо непосильный трудъ истощаетъ организмъ. Да, защитить, а вѣдь право самозащиты существуетъ и считается законнымъ правомъ на всѣхъ языкахъ, во всѣхъ уголкахъ земного шара.

Надѣюсь, что вы, господа судьи, не будете оспаривать это право и у насъ, русскихъ рабочихъ.

Другое требованіе было: „Работы безработнымъ“. Если первое требованіе было справедливо, то второе — тѣмъ болѣе. Люди, которые своимъ трудомъ прокармливаютъ господствующіе классы, люди, создавшіе и создающіе всѣ блага культуры, имѣютъ большее право на пользованіе этими благами, чѣмъ тѣ, которые пожинаютъ ихъ, не сѣявши. И вотъ, имѣя это нравственное право, рабочіе пока не пользуются имъ; они пока не говорятъ: „уйдите всѣ, пожинающіе плоды нашихъ трудовъ“. Нѣтъ. Они заявляютъ только — работы безработнымъ. Дайте работы рукамъ, которыя содержали и содержатъ прошедшія и настоящія правительства, дворянъ, фабрикантовъ, купцовъ и пр. не трудящіеся слои современнаго государства! Дайте работы людямъ, которые создали богатства другимъ, а сами терпятъ лишенія!

Неужели вы, господа судьи, назовете людей, требующихъ работы, преступниками? Неужели вы осудите ихъ на голодную смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требованіе политической свободы съ прибавленіемъ „долой самодержавіе!“ не есть только требованіе рабочихъ. Политическая свобода нужна и среднимъ слоямъ буржуазіи и людямъ свободныхъ профессій, не говоря уже о милліонахъ крестьянства.

Но что можетъ называться свободой для нихъ, то вовсе не обязательно послужитъ свободой и для рабочихъ. Политическая свобода для рабочихъ не есть цѣль, а одно изъ необходимыхъ условій въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ, въ дѣлѣ завоеванія лучшаго будущаго, поэтому исключительно политическое движеніе не можетъ быть движеніемъ рабочихъ массъ.

Я соціальдемократъ. Считая, что соціальдемократія, и только она одна, является истинной выразительницей интересовъ пролетаріевъ вообще, и русскихъ рабочихъ въ частности, я считаю долгомъ слѣдовать ея принципамъ, поступать согласно ея программѣ.

Однимъ изъ пунктовъ программы и есть требованіе политической свободы. Это требованіе не есть продуктъ какихъ-либо теоретическихъ соображеній; нѣтъ, оно вызвано жизнью. Причина возникновенія этого требованія такъ же глубоко лежитъ въ рабочихъ массахъ, какъ глубоко внѣдрены причины, дѣлающія русскихъ рабочихъ соціальдемократами.

Самодержавіе сдавливаетъ рабочее движеніе, самодержавіе всѣми средствами отстаиваетъ милыхъ его сердцу крупныхъ капиталистовъ при столкновеніи ихъ съ рабочими. Самодержавіе держитъ рабочихъ въ черномъ тѣлѣ; оно преподноситъ рабочимъ только темницы, казацкія плети да солдатскія пули; оно наказываетъ за участіе въ тайныхъ рабочихъ союзахъ, за стачки, за всякій протестъ, выраженный рабочей массой. Самодержавіе ссылаетъ лучшихъ борцовъ за рабочее дѣло въ Сибирь, въ холодныя, безплодныя тундры. Самодержавіе стоитъ препятствіемъ въ дѣлѣ пропаганды соціалистическихъ идей, въ дѣлѣ достиженія рабочими соціалистическаго строя.

Проповѣдуя соціалистическія идеи, соціальдемократы надѣются, что эти идеи, проникнувъ въ народныя массы, сдѣлаютъ возможнымъ проведеніе въ жизнь такихъ реформъ, осуществленіе которыхъ принесетъ благополучіе не только трудящимся классамъ, но и всему человѣчеству. Для осуществленія соціальныхъ реформъ и требуется народное правленіе, ибо реформы и возможны только тогда, когда народъ свои думы и свои желанія воплотитъ въ законъ, чтобы этотъ законъ примѣнить къ жизни.

Я участвовалъ, такъ или иначе, въ дѣлѣ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, считалъ и считаю свое участіе правомъ, такимъ же правомъ, какъ право жить. Я думаю, что имѣю право и пропагандировать соціалистическія идеи, и распространять брошюры и прокламаціи, и призывать людей на демонстрацію. Это право зиждется на правѣ десятковъ милліоновъ людей. Вѣковой трудъ нашихъ предковъ, будущее нашихъ внуковъ — все это даетъ намъ право бороться. Это право голодныхъ крестьянъ, право измученныхъ рабочихъ.

Право бороться — право человѣка!

„Искра“ на скамьѣ подсудимыхъ. Арестованные въ мартѣ 1902 г. въ Кишиневѣ товарищи Леонъ и Марія Гольдманъ, А. Шнойзманъ, Гриша (фамилія неизвѣстна) и Корсунская (всѣ — рабочіе) преданы суду судебной палаты по дѣлу о типографіи „Искры“, взятой на квартирѣ у Гольдмановъ. Типографія была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который въ Кишиневѣ жилъ по паспорту Ис. Римана, узналъ шпіонъ. Приведенный въ участокъ, Гольдманъ былъ узнанъ приставомъ, какъ обитатель квартиры въ его участкѣ. Въ квартирѣ была найдена хорошо обставленная типографія и 5.000 экз. только что отпечатанной брошюры „Легальные союзы“ (о зубатовцахъ). Л. Гольдманъ, по ремеслу слесарь, былъ въ 1899 г. арестованъ въ Ниж.-Новгородѣ, гдѣ служилъ солдатомъ, и привлеченъ по дѣлу литовской соціальдемократіи въ Вильнѣ. Весной 1900 г. онъ былъ высланъ обратно въ полкъ, но съ пути бѣжалъ изъ-подъ конвоя и скрывался два года, пока несчастная случайность не предала его снова въ руки жандармовъ.

Согласно непровѣреннымъ еще нами слухамъ, дѣло „Искры“ уже разбиралось и якобы закончилось осужденіемъ Гольдмана и его товарищей *на восемь лѣтъ каторги.*

Подсудимый въ роли судьи. Въ странахъ свободныхъ государственный дѣятель, который, пользуясь ввѣренной ему властью, совершилъ бы уголовно наказуемое преступленіе, долженъ былъ бы отвѣчать за него передъ собраніемъ представителей народа. Въ порабощенной Россіи главный и самый злостный виновникъ кишиневскихъ убійствъ не только не преданъ суду за свое преступленіе, но самъ парадируетъ въ роли судьи передъ представителями еврейскаго населенія. Г-нъ Плеве „милостиво“ принимаетъ еврейскую депутацію, явившуюся „просить и искать умиротворенія, успокоенія и защиты“, онъ, только что изобличенный англійскимъ Times'омъ, какъ авторъ извѣстнаго письма къ бывшему бессарабскому губернатору, фонъ-Раабену, нагло разговариваетъ съ евреями объ ихъ собственной „винѣ“ въ совершившихся событіяхъ. Подсудимый съ удивительной развязностью играетъ роль судьи. Палачъ съ истинно-самодержавнымъ цинизмомъ подбадриваетъ и въ то же время осуждаетъ жертвы своего живодерскаго таланта.

Аудіенція у Плеве происходила 11 мая. Гг. Гольденштейнъ, Вринбергъ и Кенигшацъ — выборные еврейской буржуазіи въ Одессѣ — указали Плеве — въ предѣлахъ, конечно, „вѣрноподданническаго“ тона — на роль кишиневскихъ властей и Крушевана въ подготовкѣ и организаціи погрома, на то дѣйствіе, которое долженъ возымѣть извѣстный іезуитскій циркуляръ Плеве, обвинявшій евреевъ въ томъ, что они вызвали столкновеніе; они отмѣтили, что „всѣ мѣропріятія мѣстной администраціи за послѣдніе годы въ отношеніи еврейской массы — одно глумленіе“, что въ „Бессарабцѣ“, *„съ разрѣшенія начальства,* публикуется приглашеніе къ пожертвованію въ пользу семействъ громилъ, и тутъ же оффиціально воспрещается печатаніе воззванія о вспомоществованіи тысячамъ обездоленныхъ и погромленныхъ евреевъ“. Они просили Плеве издать новый циркуляръ, который показалъ бы христіанскому населенію, что правительство намѣрено защищать жизнь и имущество евреевъ. Они просили, чтобы было произведено разслѣдованіе о дѣйствіяхъ кишиневской полиціи и чтобы была „обуздана“ антисемитская печать, натравливающая темную массу на евреевъ. Какъ будто бы „обузданіемъ“ хотя бы и подлой печати можно достигнуть просвѣщенія сознанія невѣжественныхъ слоевъ народа!

Плеве въ отвѣтъ на всѣ эти ходатайства заявилъ, что издать новый циркуляръ значило бы признать, что первый циркуляръ „не возымѣлъ надлежащаго дѣйствія“. А, признавъ это, „власть признала бы какъ бы свою слабость, что, конечно, само по себѣ недопустимо“.

Г. Плеве увѣрялъ, что онъ очень сочувствуетъ пострадавшимъ, что онъ вовсе не врагъ евреевъ и намѣренъ облегчить ихъ положеніе, но тутъ же перешелъ къ угрозамъ, смыслъ которыхъ совершенно ясенъ и которыя должны получить самую широкую огласку, дабы каждый зналъ, какъ современное русское правительство смотритъ на свое отношеніе къ цѣлымъ милліонамъ народа.

„Ваша молодежь, господа“, сказалъ министръ-убійца, „за послѣдніе 20 лѣтъ совершенно отдѣлилась отъ вашей церкви и семьи; она ошибочно полагаетъ, что Россія — дряхлый организмъ, который легко разрушить. Пусть она знаетъ, что это — глубокое заблужденіе. Россія — молодой, крѣпкій организмъ, и если мы иногда испытываемъ извѣстныя потрясенія, какъ, напр., въ данный моментъ на югѣ и юго-западѣ отъ разныхъ рабочихъ союзовъ, „бунда“ и проч., то это временныя затрудненія, быть можетъ, и сильныя, но которыя мы одолѣемъ... *Если мы убѣдимся, что антиправительственное движеніе въ вашей средѣ не прекратится, не ослабнетъ, то мы не остановимся и передъ крайними мѣрами,* мы будемъ вынуждены *избавиться отъ васъ,* и для этого мы, съ одной стороны, облегчимъ для васъ, по возможности, эмиграцію, а, съ другой стороны, закроемъ для васъ школы и, *вообще, мы сдѣлаемъ условія жизни для васъ въ Россіи невозможными*“. „Прошу принять это не какъ угрозу (!!), а какъ указаніе на то, въ какія условія могутъ поставить себя евреи“.

Можно-ли яснѣе дать понять, что г. Плеве *принимаетъ на себя полную отвѣтственность* за совершенныя въ Кишиневѣ грабежи и убійства и что онъ обѣщаетъ евреямъ повтореніе насилій надъ ихъ личностью и имуществомъ, если они не перестанутъ выдѣлять изъ своей среды революціонеровъ?

Сдѣлать условія жизни евреевъ „невыносимыми“ возможно для г. Плеве, тѣмъ болѣе возможно, что эти условія уже теперь недалеки отъ того. Именно невыносимый характеръ этихъ условій толкаетъ все растущую часть евреевъ въ ряды революціонеровъ. Усилить гнетъ, лежащій на евреяхъ, значитъ — еще сильнѣе революціонизировать ихъ. Не поможетъ самодержавію и та паника, которую угрозы Плеве вызывали и будутъ вызывать въ еврейскомъ „образованномъ“ и необразованномъ мѣщанствѣ. Правда, много гнусностей совершитъ это мѣщанство, много грязи всколыхнетъ въ этомъ болотѣ новая политика Плеве. Уже теперь, какъ пишутъ намъ изъ Кишинева, еврейское „обывательское“ общество сплошь превращается въ добровольныхъ шпіоновъ, думающихъ услугами жандармской полиціи умолить разгнѣванныя власти и предотвратить повтореніе погромовъ. Уже въ Одессѣ еврейскіе лавочники били и истязали еврейскихъ и русскихъ рабочихъ — революціонеровъ. Подобное поведеніе еврейской буржуазіи только ускоритъ процессъ отдѣленія еврейскаго пролетаріата отъ нея, оно будетъ содѣйствовать росту соц.-демократическаго движенія среди еврейскихъ рабочихъ, которые вмѣстѣ съ рабочими русскими станутъ дѣятельно готовиться къ тому, чтобы силой отражать всякія попытки правительства убійствами, грабежемъ и насиліемъ водворять начала самодержавія и „общественаго порядка“.

Комедія судебнаго слѣдствія въ Кишиневѣ. Мѣстныя судебныя власти не хотѣли начинать слѣдствіе и никого не арестовывали. Убійцы гуляли на свободѣ, хвастали своими подвигами и угрожали евреямъ повторить еще разъ погромъ. Мѣстный слѣдователь Давидовичъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Бессарабцѣ“, старался доказать, что нельзя преслѣдовать никого судомъ, такъ какъ индивидуальной вины здѣсь нѣтъ, а все происшедшее надо считать стихійнымъ явленіемъ природы. Только съ прибытіемъ изъ Одессы прокурора Поллана слѣдствіе началось. Въ нѣсколько дней было арестовано свыше тысячи человѣкъ, такъ какъ виновные не скрывали своего участія въ погромѣ, будучи убѣждены, что они честно выполнили приказаніе начальства. Но какъ только г. Полланъ выѣхалъ изъ Кишинева, положеніе вещей опять измѣнилось: часть лицъ, ведшихъ слѣдствіе, самолично участвовала въ погромѣ, другіе боялись быть слишкомъ усердными, чтобы не вызвать неодобренія со стороны высшаго начальства въ Петербургѣ. Поэтому, они принялись тушить дѣло. Главный слѣдователь отказался отъ вскрытія и посѣщенія труповъ убитыхъ подъ тѣмъ предлогомъ, что причина смерти извѣстна. Было отдано приказаніе похоронить убитыхъ какъ можно скорѣе. Полиція не давала фотографировать убитыхъ и раненыхъ. Очевидно, начальство стремилось къ тому, чтобы нельзя было найти уликъ противъ отдѣльныхъ лицъ и чтобы пришлось приписать все преступленіе дѣйствію буйной толпы. Не только отказались изслѣдовать мѣста убійства, но были приняты мѣры къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ преступленія. Оставшимся въ живыхъ былъ отданъ приказъ очистить всѣ жилища отъ всѣхъ слѣдовъ убійства, и полиція строго слѣдила за исполненіемъ этого приказа. Въ домѣ убитаго еврея Хацкелевича не успѣли все вычистить, такъ какъ вся семья, тяжело раненая, находилась въ больницѣ; тѣмъ не менѣе, вдова была приговорена къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ. Оставались только показанія свидѣтелей, но и здѣсь слѣдователи постарались не выдавать убійцъ. Все слѣдствіе было подраздѣлено на части, такъ что каждый слѣдователь велъ дѣло только по преступленіямъ одного рода: одинъ занимался дѣлами объ убійствѣ, другой — о пораненіяхъ, третій — о грабежѣ, четвертый — о кражѣ и т. д. Кромѣ того, свидѣтельство одного еврея считалось недостаточнымъ и, такимъ образомъ, освобождены были многіе, виновность которыхъ подтверждалась свидѣтелями. А во многихъ случаяхъ другихъ свидѣтелей, кромѣ евреевъ, и не могло быть, такъ какъ дѣло происходило въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Въ какомъ духѣ ведется слѣдствіе, лучше всего доказываютъ слѣдующіе факты. Главному слѣдователю, г. Фреймату, было доложено о двухъ случаяхъ изнасилованія, но онъ отказался внести это въ протоколъ, говоря: „это мелочи“. Этотъ-же господинъ допрашивалъ раненыхъ въ больницѣ и въ протоколѣ совершенно измѣнилъ смыслъ ихъ показаній. Фельдшерица, присутствовавшая при допросѣ, протестовала самымъ энергичнымъ образомъ противъ подобнаго поведенія. Господинъ Фрейматъ напустился было на нее и хотѣлъ ее напугать, но госпожа Неручева (фамилія фельдшерицы) приказала ему убираться, и у слѣдователя не хватило храбрости явиться еще разъ въ больницу для дальнѣйшихъ допросовъ и онъ послалъ туда замѣстителя. Многіе изъ участниковъ погрома могли своими показаніями обличить организаторовъ и потому они на-скоро были освобождены слѣдователями, хотя по закону послѣдніе не имѣютъ права освобождать обвиняемыхъ безъ разрѣшенія прокурора.

Чтобы помѣшать евреямъ обжаловать эту комедію, администрація пользовалась тѣми правами, которыя ей даетъ положеніе усиленной охраны, введенное якобы для защиты евреевъ. Такъ, два еврея, по фамиліи Мучникъ, были посажены въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ по приказанію временнаго губернатора (г. Устругова, друга Крушевана) „за то — говоритъ оффиціальный приказъ, — что они громко передъ толпой евреевъ говорили на своемъ жаргонѣ противъ дѣйствій полиціи“. Даже еврейскіе врачи, дававшіе правдивыя показанія о тѣхъ ужасныхъ изуродованіяхъ, которыя они нашли на трупахъ убитыхъ, подвергались преслѣдованіямъ и угрозамъ со стороны администраціи. Земскій врачъ Дорошевскій, давшій корреспонденту „Новостей“ подробныя свѣдѣнія о характерѣ найденныхъ имъ ранъ, долженъ былъ оставить службу въ земской больницѣ.

Послѣдствія погрома въ Кишиневѣ. Привожу вамъ данныя изъ одного частнаго письма по поводу того, что творилось и творится въ Кишиневѣ. Корреспондентъ называетъ настоящее положеніе дѣлъ „продолженіемъ погрома“ и объясняетъ это такъ.

„Это ‚продолженіе погрома‘, т. е. обостренное попраніе человѣческихъ правъ евреевъ, сказывается, напр., въ томъ, что административныя репрессіи, направленныя, якобы, къ успокоенію края, обрушиваются страннымъ образомъ именно на евреевъ или лицъ, ставшихъ на ихъ сторону.

Такъ, на этихъ дняхъ исполняющій должность губернатора вице-губернаторъ Уструговъ, пользуясь 20 ст. „Положенія объ усиленной охранѣ“ (каковое введено по поводу погрома), устранилъ отъ должности земскаго врача Н. А. Дорошевскаго, извѣстнаго своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ евреямъ и пользующагося среди нихъ громадною популярностью. Тотъ же Уструговъ, не довольствуясь уже предоставленными ему „Пол. объ усил. охр.“ широкими полномочіями, 23 мая, вопреки какъ цензурному уставу (178 и 180 ст.), такъ и Положен. объ охранѣ, отдалъ приказъ о *конфискаціи* во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на квартирѣ книгоиздателя Брестона изданной послѣднимъ брошюры, заключающей въ себѣ *исключительно* текстъ проповѣдей Іоанна Кронштадскаго (рѣчь, а не письмо*) и епископа Антонія, и *разрѣшенной* къ продажѣ одесскимъ цензурнымъ комитетомъ. Исполняя этотъ приказъ, городовые и околодочные цѣлый день обходили всѣ книжные магазины, лари и кіоски и отбирали книжку, а также саблями соскабливали со столбовъ во множествѣ расклеенныя съ разрѣшенія той же полиціи объявленія о выходѣ этой брошюры. Эта полицейская демонстрація, произведенная почти наканунѣ 25 и 26 мая, когда ожидалось повтореніе погрома, безъ сомнѣнія, была понята широкими слоями городского населенія, какъ административное порицаніе тѣхъ элементарныхъ гуманныхъ мыслей по еврейскому вопросу, какія имѣются въ проповѣдяхъ І. Кроншт. и епископа Антонія.

Изданное и. д. губ. на основаніи „Положенія объ усиленной охранѣ“ обязательное постановленіе, согласно которому имѣть оружіе впредь дозволяется только со спеціальнаго разрѣшенія губернатора, примѣняется такимъ образомъ, что до сихъ поръ разрѣшеніе дается только христіанамъ. Въ результатѣ — обезоруживается послѣ погрома именно та часть населенія, на которую совершено было ужасное нападеніе.

Пользуясь „Пол. объ усиленной охранѣ“, и. д. губернатора посадилъ подъ арестъ на мѣсяцъ двухъ евреевъ, сильно потерпѣвшихъ отъ погрома, которые рѣшились (громадное большинство не рѣшается) дать показанія у судебнаго слѣдователя противъ полиціи (остроумный слѣдователь поручаетъ провѣрку этихъ показаній той же полиціи)“.

А вотъ что дѣлается за предѣлами Кишинева: „17 мая на станціи Раздѣльная нѣкій еврейскій юноша сдѣлался случайнымъ свидѣтелемъ того, какъ одѣтый въ европейское платье господинъ (впослѣдствіи оказавшійся Пронинымъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Кишиневѣ, крупный подрядчикъ, оказывалъ денежную помощь „Бессарабцу“, едва-ли не самый дѣятельный послѣ Крушевана антисемитъ въ Кишиневѣ, а по своимъ связямъ съ рабочимъ людомъ, и самый опасный), окруженный почтовыми чиновниками (дѣло было въ почтовомъ отдѣленіи), громко повѣствовалъ послѣднимъ о причинахъ кишиневскаго погрома. По его словамъ, евреи вызвали озлобленіе въ христіанскомъ населеніи тѣмъ, что убили съ ритуальными цѣлями мальчика въ Дубоссарахъ а 6 и 7 апрѣля первые напали на христіанъ. Возмущенный этой ложью, юноша вмѣшался въ разговоръ и, въ завязавшемся затѣмъ спорѣ, заявилъ, что погромъ не былъ вызванъ нападеніемъ евреевъ, а былъ заранѣе кѣмъ-то подготовленъ, такъ какъ до погрома еще были выпущены прокламаціи, призывавшія христіанское населеніе къ избіенію евреевъ. На возраженія Пронина, что это неправда, юноша вызвался прислать тотъ номеръ „СПБ. Вѣд.“, гдѣ сообщалось объ указанныхъ прокламаціяхъ. Послѣ этихъ словъ Пронинъ немедленно крикнулъ: „жандармъ!“, и когда тотъ пришелъ, сказалъ ему, указывая на юношу: „арестуйте этого человѣка, онъ обѣщалъ прислать намъ прокламаціи“. И юноша былъ арестованъ и затѣмъ привлеченъ къ дознанію по 251 ст. Ул. о наказ. (распространеніе преступъ сочиненій). Въ прокуратурѣ говорятъ, что дѣло объ этомъ шѣ будетъ прекращено, но не характерно-ли, что изъ двухъ сѣдниковъ по поводу погрома арестовывается именно тотъ, о говоритъ въ защиту евреевъ".

---

*) Товарищъ Денисовъ, повидимому, не знакомъ съ фактами, доказывающими, что Балмашевъ не вышелъ изъ рядовъ партіи соц.-рев., о которой онъ здѣсь говоритъ. До самаго послѣдняго времени Балмашевъ былъ соціальдемократомъ. Отъ этого, конечно, не мѣняется оцѣнка террористическаго способа борьбы и его отношенія къ рабочему движенію. Прим. ред.

*) Какъ извѣстно, въ позднѣйшемъ письмѣ Іоаннъ Кронштадскій взялъ назадъ свой протестъ противъ кишиневскихъ событій.

Какъ самодержавіе готовится къ уличнымъ сраженіямъ.

Намъ доставленъ весьма интересный секретный циркуляръ Клейгельса, изданный передъ 1 мая сего года. Рекомендуемъ всѣмъ товарищамъ внимательно ознакомиться съ его содержаніемъ.

Секретно.

Распоряженія для предупрежденія и пресѣченія уличныхъ безпорядковъ.

(Къ 1 мая и къ 200-лѣтію С.-Петербурга).

1. Предлагаю чинамъ полиціи всякія скопленія публики разсѣивать, приглашая расходиться, ссылаясь на мое Обязательное Постановленіе отъ 8 марта.

Неподчиняющихся — задерживать и привлекать къ отвѣтственности.

2. Если мѣры полиціи окажутся недостаточными для возстановленія порядка — вызываются войска, которымъ указывается цѣль и направленіе дѣйствія.

3. По возстановленіи порядка — задержанныя лица направляются въ ближайшіе къ мѣсту безпорядка полицейскіе дома, причемъ отъ сопровождающихъ чиновъ полиціи требую полнаго самообладанія и спокойнаго, сдержаннаго обращенія.

4. Какъ скоро будетъ замѣчено движеніе рабочихъ въ городъ въ большемъ, чѣмъ обыкновенно, числѣ, остановить движеніе пригородныхъ конокъ.

При возникновеніи безпорядковъ, въ случаѣ надобности, распорядиться остановкой движенія конокъ по всему городу, вернувши вагоны въ парки.

Приведеніе въ исполненіе этого распоряженія возлагается на мѣстныхъ приставовъ — по личному ихъ усмотрѣнію, сообразно съ обстановкой, — или же по полученіи о томъ распоряженія по телефону.

5. Лицъ — подозрительныхъ, обращающихъ на себя особое вниманіе на улицахъ, направляющихся въ центръ города, — задерживать и осматривать только полицейскимъ офицерамъ, въ скрытыхъ отъ публики помѣщеніяхъ.

6. Вмѣнить въ обязанность дворникамъ — всѣхъ мальчишекъ, безобразниковъ и нищихъ направлять во дворы, въ пустые сараи, гдѣ держать ихъ до возстановленія порядка на улицѣ.

7. До возникновенія безпорядковъ единичныхъ ослушниковъ при задержаніи отправлять въ ближайшіе участки при достаточно сильныхъ конвояхъ.

На случай надобности установить пикеты въ ближайшихъ домахъ

Только при возникновеніи безпорядковъ

8. а) Всѣ винныя лавки, трактиры, пивныя и т. п. заведенія закрыть; б) ворота домовъ закрыть и дворниковъ со всѣми подручными выставить у воротъ.

9. Предупредить жителей о воспрещеніи находиться на балконахъ, крышахъ и у открытыхъ оконъ въ мѣстахъ возникновенія безпорядковъ.

10. Если-бы въ толпѣ кто-либо началъ говорить рѣчь, того непремѣнно слѣдуетъ задержать.

11. Если-бы гдѣ-либо былъ выкинутъ красный или иной флагъ, то лицо, выкинувшее флагъ, необходимо задержать *во что бы то ни стало* всѣми имѣющимися средствами.

12. Если на Невскомъ проспектѣ публика и въ ней угрожающій порядку элементъ появится въ такомъ числѣ, что начнетъ переходить на мостовую, то Невскій проспектъ совершенно очистить отъ публики, закрывъ выходы на него нарядами полиціи и дворниковъ.

13. Если-бы собравшаяся гдѣ-либо толпа была разогнана, то часть коннаго наряда, слѣдуя за разбѣгающимися, не допускаетъ ихъ вновь собираться въ другомъ мѣстѣ.

14. Начальникамъ дистанцій все время быть освѣдомленными о происходящемъ на другихъ дистанціяхъ, поддерживая связь по телефону и велосипедистами.

15. Извѣстившись о безпорядкѣ въ сосѣдней дистанціи, начальники сосѣднихъ — выводятъ свои наряды на границу дистанціи, ближайшую къ мѣсту возникновенія безпорядка и въ случаѣ надобности помогаютъ.

16. Обо всемъ происходящемъ немедленно докладывать мнѣ по телефону.

17. Команды служителей при частяхъ имѣть собранными и наготовѣ.

18. Гг. приставамъ высылать наряды своевременно.

19. Наряды высылать цѣлыми командами.

Подписалъ: С.-П.Б. Градонач., Ген.-Лейт. *Клейгельсъ.*

Петербургъ. Въ концѣ марта на станцію Райвола былъ посланъ ящикъ съ „Искрой" (приблизительно №№ 20-27). Вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, нельзя было его взять сразу. Въ концѣ апрѣля начальникъ станціи г. Н. Вальманъ полюбопытствовалъ посмотрѣть, что находится въ ящикѣ, такъ долго залежавшемся, и увидавъ содержимое, нашелъ нужнымъ сообщить жандармскимъ властямъ въ Петербургѣ. Къ счастью для насъ, это было узнано во-время, и пострадала лишь одна литература. Въ настоящее время ящикъ находится на станціи Теріокахъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ приставленныхъ къ нему полицейскихъ властей. Пожелаемъ, чтобы случайное знакомство съ „Искрой" послужило имъ на пользу. Кстати, нѣсколько словъ о доносчикѣ г. Вальманѣ. Ему 50 лѣтъ, и онъ болѣе 25 лѣтъ прослужилъ на разныхъ станціяхъ между Бѣлоостровомъ и Выборгомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ оштрафованъ своимъ начальствомъ за контрабандистскую дѣятельность. Теперь, видно, г. Вальманъ рѣшилъ избрать „лучшую часть" — оказывать услуги жандармамъ. Какъ въ свое время сообщалось въ нашей газетѣ, въ ноябрѣ на финляндской желѣзной дорогѣ было арестовано нѣсколько человѣкъ съ литературой соц.-революціонеровъ. Эта катастрофа произошла по доносу трехъ низшихъ служащихъ — Павилайнена, Міелонена и Розендаля. Двое первыхъ были награждены жандармами, а высочайшій шефъ и другъ послѣднихъ, Николай II, наградилъ ихъ еще къ Пасхѣ въ числѣ другихъ служащихъ на финляндской жел. дорогѣ. Видно, лавры этихъ предателей не давали спать г. Вальману.

Уфа. Убійство Богдановича было совершенной неожиданностью для полиціи и жандармовъ, наслаждавшихся сравнительнымъ отдыхомъ послѣ многотрудныхъ дней конца апрѣля и начала мая. Прокламаціи Орг. Ком., распространенныя мѣстнымъ Ком. въ ночь на 19 апрѣля (650 шт.) и на 30 (800) произвели громадное впечатлѣніе какъ на рабочихъ, такъ и въ особенности на охранителей общественнаго спокойствія.

По городу ходили разные слухи, иногда очень нелѣпые, распространявшіеся, очевидно, полиціей и жандармами: говорили, напр., что рабочіе будутъ бить чиновниковъ и „жидовъ", поджигать обывательскіе дома и проч. Кишиневское побоище, какъ видно, научило нашихъ захолустныхъ администраторовъ новѣйшимъ пріемамъ борьбы съ крамолой. Наканунѣ перваго мая было расклеено за подписью губернатора обязательное постановленіе, запрещавшее сходки, собранія, хожденіе толпами по улицамъ и „не вызываемыя необходимостью остановки", съ обычными угрозами за неисполненіе. Тутъ ужъ всѣ поголовно обыватели рѣшили, что перваго мая дѣйствительно произойдетъ нѣчто ужасное, и немудрено было рѣшить, ибо почва для этого была прекрасно подготовлена самою же администраціей: попы громили съ кафедръ „сѣятелей смуты", начальство среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній предупредительно сообщало учащимся о всемірномъ праздникѣ рабочихъ, не совѣтуя и даже прямо запрещая имъ показываться на улицѣ въ день перваго мая. Два-три еврея, говорятъ, обращались съ губернатору съ просьбой о назначеніи имъ специальной охраны; офицеры усердно и съ великой тайной учили въ казармахъ солдатъ забытымъ ими послѣ 13 марта пріемамъ „молодецкой расправы съ бунтовщиками"; солдатамъ было роздано по 15 боевыхъ патроновъ.

Вѣнцомъ этой своеобразной пропаганды пролетарскаго праздника явилось названное выше обязательное постановленіе. Наступилъ роковой день. Солдаты, шпіоны, полиція и жандармы были наготовѣ. Зданіе Государственнаго банка, домъ губернатора и пр. охранялись городовыми въ полномъ вооруженіи. Въ сѣв. слободѣ (Софроновка, часть города, населенная рабочими) припрятано было, по слухамъ, нѣсколько десятковъ казаковъ. Нѣкоторые обыватели позапирали свои дома и закрыли ставни, и цѣлыя массы учащихся не явились на обычныя школьныя занятія. Демонстрація рабочихъ оказалась, такимъ образомъ, почти излишней, такъ какъ прокламаціи Орг. Ком. и агитація властей сдѣлали свое дѣло, пробудивъ громадный интересъ къ соц.-дем. и рабочему движенію среди самыхъ широкихъ слоевъ мѣстнаго населенія. Все происшедшее очень сильно подѣйствовало на рабочихъ и въ громадной степени приподняло ихъ настроеніе. Спросъ на соц.-дем. литературу сразу и сильно увеличился — просятъ послѣ этого „почитать" такіе люди, которые раньше ничѣмъ не интересовались. „На улицѣ, по выраженію рабочихъ, что ни человѣкъ, то крамольникъ". Словомъ, движеніе не по днямъ быстро растетъ и вширь и вглубь. Уже не за горами то время, когда забытая судьбой Уфа дѣйствительно будетъ въ состояніи принять активное участіе въ освободительной борьбѣ русскаго пролетаріата съ самодержавіемъ. Въ слѣдующіе дни городъ принялъ обычный будничный видъ: школьники пошли въ школы, обыватели принялись за дѣло и за „службу", солдаты сложили ружья въ козлы, жандармы прекратили свои набѣги на обывательскія квартиры*), полицейскіе пристава избавились отъ безпокойнаго (и безполезнаго) бодрствованія подъ дождемъ и снѣгомъ на улицахъ и даже за городомъ, что пришлось имъ продѣлывать втеченіе цѣлаго ряда „майскихъ" ночей.

Убійство Богдановича нарушило этотъ мирный покой и задало всѣмъ много работы. Въ средѣ администраціи поднялась суматоха: губернаторъ убитъ, "вице" въ отлучкѣ, а полиціймейстеръ Смирновъ, какъ на грѣхъ, только-что уволенъ Богдановичемъ въ угоду своей помпадуршѣ. Временное правительство, съ громаднымъ трудомъ составленное изъ прокурора окружнаго суда, предсѣдателя казенной палаты, управляющаго государственными имуществами и жандармскаго офицера Кременецкаго (полковникъ Шатовъ былъ въ отпуску), открыло свои засѣданія въ зданіи полицейскаго управленія, таская туда поминутно полицейскихъ и жандармовъ и отдавая по телефону безтолковыя приказанія объ обыскахъ и арестахъ. 7-го была обыскана, домъ за домомъ, вся Нижегородка (другая рабочая слобода), но безрезультатно, какъ и всѣ дальнѣйшіе обыски и аресты, причемъ, повидимому, обыскивающіе болѣе искали Уральскую типографію, чѣмъ убійцу Богдановича.

8-го былъ арестованъ служащій въ стат. отдѣленіи губ. зем. управы Морозовъ, который въ моментъ убійства Богдановича гулялъ въ паркѣ и вмѣстѣ съ мальчиками-гимназистами на свою бѣду пустился въ погоню за убѣжавшимъ неизвѣстнымъ, убившимъ Богдановича. Несчастный не выпущенъ до сихъ поръ и, говорятъ, сошелъ съ ума. Въ ночь на 9 мая съ большой торжественностью обыскано зданіе губ. зем. управы: цѣлая рота солдатъ въ полномъ составѣ оцѣпила ее кругомъ; четыре жандармскихъ офицера и столько же полицейскихъ приставовъ, масса городовыхъ и жандармовъ перешарили всѣ углы, разыскивая типографію. Съ этимъ инцидентомъ любопытно сопоставить слѣдующій фактъ. Во время недавняго съѣзда земскихъ страховыхъ дѣятелей въ СПБ., Плеве пригласилъ къ себѣ предсѣдателя Уфимской губ. земской управы и съ жаромъ, не слушая возраженій, началъ доказывать ему, что Уфимская губ. земская управа дѣлается очагомъ революціоннаго движенія на Уралѣ и что, напр., златоустовская исторія не обошлась безъ участія ея служащихъ. Въ заключеніе Плеве пригрозилъ, что „ни передъ чѣмъ не остановится", подавляя крамолу. Надо надѣяться, что описанный и послѣдующіе обыски, столь блестяще неоправдавшіе ожиданій Плеве, заставятъ этого высокопоставленнаго и „всевѣдущаго" палача перемѣнить гнѣвъ къ бѣднымъ уфимскимъ земцамъ на милость и направятъ поиски за революціонной „бациллой" на другой путь, гдѣ, безъ сомнѣнія, сыщиковъ ждетъ не менѣе блестящій успѣхъ. Въ ту же ночь произведены обыски у двухъ чиновниковъ Государственнаго банка, у одного лѣсного кондуктора, у завѣдующаго складомъ сельско-хоз. орудій губ. земства, у завѣд. оцѣночной статистикой, у помощника секретаря губернскаго управленія и у завѣд. статистич. бюро губ. земства; у послѣдняго искали „принадлежностей тисненія и складъ нелегальной литературы".

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ нелѣпѣе и нахальнѣе становились охранители порядка. Такъ, архіерей изъ боязни, не спрятали-ли въ соборѣ динамита, проситъ администрацію произвести и тамъ обыскъ, и къ вящему соблазну „благочестивыхъ" обывателей обыскъ, хотя и негласный, производится по всѣмъ правиламъ шпіонскаго искусства. Можетъ быть, его преосвященство старался этимъ доказать свою благонадежность и непричастность къ убійству златоустовскаго убійцы: — доказать, что монахи, гулявшіе въ паркѣ и перепуганные выстрѣлами, съ неожиданной для самихъ себя ловкостью скакавшіе для ускоренія пути черезъ каменную стѣну собора, что они не были подосланы имъ, „владыкой", для убійства Богдановича? Все можетъ быть, держится же въ нѣкоторой части обывателей оригинальное убѣжденіе, что убійство губернатора есть дѣло рукъ бывшихъ полицейскихъ, весь штатъ которыхъ, не исключая полиціймейстера Смирнова, былъ раскассированъ Богдановичемъ въ угоду г-жѣ Богдановой*).

Грубость и нахальство полиціи дошли, наконецъ, до того, что обывателей стали останавливать и допрашивать прямо на улицѣ — на томъ только основаніи, что, кажется, они „очень часто ходятъ по улицѣ", иногда и безъ всякихъ основаній остановленнаго вносятъ въ списокъ „подозрительныхъ" и тащатъ туда, гдѣ онъ служитъ, тамъ „удостовѣряютъ" его личность показаніями сторожей и послѣ этого оставляютъ въ покоѣ.

А вотъ, напримѣръ, жандармъ Кременецкій, на вопросъ одного изъ „потерпѣвшихъ" о причинѣ обыска, ссылается на 29 статью положенія объ охранѣ (?) (обыскъ произведенъ безъ требуемаго закономъ предписанія прокурора), а въ дальнѣйшемъ объясненіи грубо и нахально заявляетъ, что обысканный долженъ быть доволенъ тѣмъ, что его не взяли, — что законы для жандармовъ не имѣютъ значенія, такъ какъ у нихъ свои законы... „Вы можете жаловаться куда угодно" — заканчиваетъ Кременецкій, — „и не отнимать у меня время по пустякамъ..."

Въ ночь на 14-ое арестованъ бывшій политическій ссыльный, присяжный повѣренный А. Плаксинъ, но черезъ нѣсколько дней выпущенъ; на 16-ое арестованъ, послѣ пятичасоваго обыска, состоящій подъ гласнымъ надзоромъ политическій ссыльный В. Леоновичъ. 16 мая изъ губернской земской управы и земскаго книжнаго склада забраны жандармами образцы всякихъ бланковъ и всѣхъ сортовъ бумаги (очевидно, для сличенія съ бумагой, на которой былъ написанъ „приговоръ", о существованіи котораго ходятъ упорные слухи). Наконецъ, 21 здѣсь получена телеграмма съ просьбой сообщить копіи съ нея въ Самару и Красноярскъ. Изъ нея видно, что въ Сызрани арестованъ нѣкто Яковъ (дальше шифромъ), оказавшійся политическимъ ссыльнымъ, бѣжавшимъ изъ Красноярска.

Нечего говорить, что всѣ сообщенія легальныхъ газетъ о „симпатіяхъ" и „оплакиваніи" Богдановича безусловно ложны. Наоборотъ, вѣсть объ убійствѣ встрѣчена по внѣшности всѣми крайне равнодушно; на ушко же другъ другу „либералы" и даже просто обыватели дружно шепчутъ: „туда ему и дорога", причемъ, конечно, и тѣ и другіе, какъ маленькіе дѣти, забываютъ, что если Богдановичъ билъ „бичами", то замѣститель его можетъ оказаться специалистомъ по части „скорпіоновъ". Какъ-бы тамъ ни было, но одни уфимскіе дворяне (точнѣе два-три проживающихъ въ Уфѣ пресмыкающихся представителя этой интеллектуально и морально выродившейся породы содержанокъ правительства) пошли въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, возложивъ вѣнокъ на гробъ „доблестнаго героя долга". Даже невозможное издѣвательство самодержавнаго правительства надъ лучшими изъ „первенствующаго сословія" не въ состояніи измѣнить этихъ прирожденныхъ лакеевъ! Убійство губернатора, конечно, совсѣмъ не походитъ на революцію, которая одна только можетъ вселить въ сердца этой публики на мѣсто исконной паразитской угодливости „спасительный страхъ".

Подъ шумъ, произведенный „казнью" Богдановича, представители отъ всѣхъ цеховъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, въ количествѣ 15-20 чел. устроили собраніе для обсужденія различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ организаціей. Вообще, настроеніе рабочихъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нѣсколько мѣсяцевъ усиленной агитаціи произвели большую перемѣну въ ихъ отношеніи къ революціонерамъ и въ ихъ взглядахъ на политич. борьбу. Теперь можно смѣло сказать, что революціонное движеніе среди рабочихъ имѣетъ подъ собой твердую почву и ни чѣмъ не можетъ быть остановлено. Доказательствомъ этому служитъ то обстоятельство, что произведенные аресты нисколько не ослабили дѣятельности Комитета, напротивъ, систематическая агитація продолжалась чѣмъ дольше, тѣмъ съ большей энергіей и успѣхомъ. 10 мая шесть человѣкъ изъ числа арестованныхъ зимою — Васильевъ, Пшеничниковъ, Мигуновъ, Асѣевъ (рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ); Лихачевъ и Дубининъ (инт.) отправлены въ самарскую тюрьму. Администрація держала свое намѣреніе въ такой строгой тайнѣ, что даже матери нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ узнали о немъ всего за нѣсколько минутъ до отправленія ихъ дѣтей изъ тюрьмы на вокзалъ, и тѣмъ не менѣе, вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по желѣзнодорожнымъ мастерскимъ и передъ вагономъ, гдѣ сидѣли отъѣзжающіе, собралось много рабочихъ. Арестованные были очень веселы, переговаривались между собою, улыбались знакомымъ рабочимъ и пѣли „Марсельезу" до тѣхъ поръ, пока тронувшійся поѣздъ не скрылся изъ виду. Ихъ бодрый видъ, веселое настроеніе произвели большое впечатлѣніе на провожавшихъ товарищей.

Въ настоящее время штатъ жандармовъ увеличенъ здѣсь очень значительно — прибавлено 4 офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Для устройства сыска пріѣхалъ начальникъ Одесскаго (иные говорятъ — Саратовскаго) охраннаго отдѣленія и привезъ съ собою будущаго руководителя „министерства шпіоновъ" и квалифицированныхъ сыщиковъ. Послѣдніе подъ большимъ секретомъ явились сюда и внесли немалое оживленіе на улицы сонной Уфы.

На имя Богдановича уже послѣ его смерти отъ директора департамента полиціи Лопухина получилась бумага, извѣщающая объ ассигнованіи одной тысячи рублей чинамъ златоустовской полиціи „за умѣлое и быстрое подавленіе рабочихъ безпорядковъ". О принятіи-же на казенное содержаніе дѣтей исправника Клюшникова, гласитъ, между прочимъ, этотъ „дорогой" документъ, — „будетъ сообщено особо".

Екатеринбургъ. 27 апрѣля въ Екатеринбургѣ и на многихъ заводахъ средняго Урала были распространены мѣстными соц.-демократами майскіе листки О. К. Въ Екатеринбургѣ они были также расклеены и разбросаны (въ количествѣ свыше 150). Предлагались для распространенія эти листки и Екатер. Ком. Уральскаго Союза, но тотъ отъ распространенія майскихъ листковъ О. К. отказывался вовсе (потому что онъ призывалъ на улицу, что въ среднемъ Уралѣ въ настоящее время нежелательно), предлагалъ взять на себя распространеніе („съ рукъ на руки") предмайскаго листка О. К. среди своихъ кружковыхъ рабочихъ, ставя, однако, какъ „ультиматумъ" (!?), чтобы въ Екатеринбургѣ листки не расклеивались и не разбрасывались. Мотивированъ этотъ, болѣе чѣмъ странный, „ультиматумъ" конечно, оставшійся безъ всякаго отвѣта, тѣмъ, что (въ виду неконспиративной постановки дѣлъ у Союза) расклейка и разброска можетъ привести къ провалу*).

Листки вызвали много толковъ среди рабочихъ и, во всякомъ случаѣ, подготовили соціальдемократіи почву для дѣятельности, до сихъ поръ здѣсь, на среднемъ Уралѣ, бывшей монополіей, захваченной Уральск. Союз. соц.-рев. Въ двадцатыхъ числахъ 1903 г. изъ здѣшней тюрьмы выпущены были: Казаковъ, рабочій съ мѣдныхъ рудниковъ (мѣдн. рудники въ 12 верстахъ отъ Екатеринбурга), и Каргополовъ, столяръ изъ Верхне-Исетска. Въ ночь съ 24 на 25 мая одновременно (въ 8 час. веч.) были арестованы: Бушуева, княжна Долгорукова, Кабанова, Клещева, Павлинова, В. и К. Стрижевы, Ю. Стрижева, три брата Швалко (последнему 14 лѣтъ), Щелконогова, изъ рабочихъ (говорятъ, арестовано до 18 чел.) извѣстны фамиліи только троихъ: Вяткинъ съ монетнаго двора, Моржаковъ съ Макаровской фабрики, Рубцовъ, съ той же фабрики, *выдаетъ*. Было произведено много обысковъ: Бушуева, пріѣзжая учительница, сестра арестованной, раб. Морозовъ и Мельниковъ, Шараповъ и многіе другіе рабочіе.

28 мая по городу были разбросаны листки Уральскаго Союза.

Отовсюду здѣсь — изъ Уфы, Златоуста, Перми — только и слышишь: аресты, массовые аресты! Прямо душа болитъ. И всего обиднѣе, что публика пріучается вести революціонныя дѣла революціонно, конспиративно лишь послѣ массы арестовъ и проваловъ! Екатеринбургъ кишитъ наѣхавшими жандармами и шпіонами. Въ Нижній-Тагилъ также наѣхало много, и тамъ скоро будутъ аресты.

Ставрополь-Кавказскій. Къ иллюстраціи того положенія, что никакіе законы не могутъ гарантировать справедливости тамъ, гдѣ страна управляется группой чиновниковъ съ самодержцемъ во главѣ, привожу слѣдующій фактъ. Въ началѣ 1901 года въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ во время постановки „Контрабандистовъ", пьесы, повсюду въ Россіи вызвавшей протесты лучшей части молодежи за проповѣдь ненависти и презрѣнія къ еврейской націи, поднадзорный Санжуръ выразилъ свой протестъ противъ постановки этой пьесы и противъ публики (главнымъ образомъ, чиновной, съ губернаторомъ Никифораки во главѣ), устроившей овацію артисту-бенефиціанту и поднесшей ему въ подарокъ „наличными деньгами" что-то около сотни рублей. Санжуръ швырнулъ съ райка бенефиціанту мѣдный пятакъ и крикнулъ на весь театръ нѣсколько соотвѣтствующихъ фразъ. Тотчасъ же его схватили городовые, вмѣстѣ съ жандармами, пожарными и солдатами, въ ожиданіи демонстраціи занявшіе въ театрѣ чуть не половину мѣстъ, и потащили въ полицію, гдѣ и продержали нѣсколько часовъ. Затѣмъ былъ составленъ протоколъ и Санжуръ привлеченъ къ суду „за нарушеніе порядка во время театральнаго представленія". Санжуръ потребовалъ допроса въ качествѣ свидѣтелей губернатора Никифораки и вице-губернатора Ключарева, обставивъ этотъ вызовъ всѣми формальностями. Городской судья Весельчаковъ, слывшій въ городѣ за либерала, долго не рѣшался безпокоить начальство и ставить его на одну доску съ городовыми, шпіонами и губернаторской кухаркой, вызванными со стороны полиціи, наконецъ, настойчивость обвиняемаго и отсутствіе какихъ бы то ни было законныхъ поводовъ къ отказу вынудили его послать повѣстки. Пославъ повѣстки, онъ увѣдомилъ объ этомъ Санжура. Мѣстный помпадуръ, однако, счелъ за кровную обиду подчиниться закону и далъ такую разноску судьѣ, что тотъ потихоньку взялъ повѣстки назадъ, не пробовалъ больше тревожить начальство и приговорилъ Санжура къ 4 днямъ ареста. Было это до сихъ поръ еще не законченное, было уже въ двухъ съѣздахъ и въ губернскомъ присутствіи, но нигдѣ, не смотря на постоянныя требованія обвиняемаго, губернаторъ и вице-губернаторъ допрошены не были. Санжуръ защищался на судѣ, доказывая, что онъ порядка не нарушалъ, а протестовалъ противъ чиновничества съ губернаторомъ, полицеймейстеромъ, городовыми, жандармами и пожарными, устроившими неистовую юдофобскую демонстрацію въ театрѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, Санжуръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за оскорбленіе чиновъ полиціи въ прошеніи, поданномъ губернатору о незаконномъ удаленіи изъ театра и лишеніи свободы. Въ этомъ прошеніи Санжуръ издѣвался надъ полиціей и администраціей, говорилъ о беззаконности и безобразіи ихъ поведенія и требовалъ наказанія виновныхъ. Окружный судъ приговорилъ С. къ тремъ днямъ ареста, но судебная палата оправдала его, такъ какъ въ прошеніи не было ни одного выраженія, которое можно было бы подвести подъ статьи закона, а, главнымъ образомъ, потому, что члены палаты въ служебномъ положеніи выше членовъ окружного суда и считаютъ нужнымъ холопствовать передъ болѣе крупными административными единицами, чѣмъ губернаторы. Для окружного суда и губернаторъ „шишка" и, угождая ему, онъ на всякія подлости пойдетъ.

---

*) Передъ первымъ мая арестованы два брата Каблуковыхъ (раб. ж.-д. мастерскихъ) и Тихоновъ (раб. изъ чайной развѣсной Вогау); кромѣ того, было по нѣсколько обысковъ и арестовъ въ Катавъ-Ивановскомъ, Усть-Катавскомъ и Юріозанскихъ заводахъ.

*) Это та самая госпожа, для которой „отцы города" не пожалѣли 15 тыс. руб. на устройство парка передъ ея домомъ, безжалостно, однако, оставляя вязнуть въ непролазной грязи городскихъ улицъ плательщиковъ городскихъ налоговъ.

*) Свидѣтельство о слабости, [illegible] Екатер. Ком. Уральскаго Союза какъ организаціи, было, очевидно, справедливо. Въ майскихъ арестахъ у Союза была арестована гектографія (во время перевозки), гектографъ, краска, отпечатки, литература и т. д. въ различныхъ мѣстахъ (25 мая).

Какъ бы то ни было, поведеніе поднадзорнаго С., втеченіе цѣлаго года публично боровшагося съ престижемъ полновластія полиціи и „хозяина губерніи", въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ и судебныхъ рѣчахъ много разъ высмѣивавшаго и оскорблявшаго губернатора, не давало послѣднему покоя. И вотъ Никифораки ѣдетъ въ Питеръ и докладываетъ, что его власть дискредитирована, что для возстановленія поруганныхъ принциповъ нужны особыя мѣры, и министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ распоряженіе о водвореніи С. за дерзкое поведеніе на 2 года подъ надзоръ полиціи въ городъ Ейскъ, Кубанской области. Вотъ какъ отправляется правосудіе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ никакіе суды присяжныхъ не могутъ гарантировать справедливости и гдѣ всякій судья всегда можетъ превратиться въ губернаторскаго лакея.

Въ настоящее время поднадзорный С. изъ города Ейска скрылся.

Кормчій.

Офицеръ-убійца. Въ послѣднемъ, четвертомъ, номерѣ нелегальнаго журнала „Грузія", издающемся въ Парижѣ, сообщаютъ о слѣдующемъ фактѣ. Среди бѣлаго дня на одной изъ шумныхъ улицъ Тифлиса былъ убитъ офицеромъ нѣкто Джавровъ, исключенный два года тому назадъ изъ тифлисской первой гимназіи. Убійца-офицеръ былъ взятъ на гауптвахту и вечеромъ того же дня выпущенъ на свободу. „Въ государствахъ, подобныхъ Россіи", говоритъ „Грузія", „гдѣ между войскомъ и народомъ возведена глухая стѣна, въ государствахъ, гдѣ арміи даются на каждомъ шагу несправедливыя льготы, тамъ неизбѣжна между ними ненависть и столкновенія.

Русскій военный воспитывается въ изолированной средѣ: съ самаго дѣтства ему внушаютъ, что онъ чуть не украшеніе и гордость міра, существо не похожее на остальныхъ смертныхъ. Блестящая внѣшность, лакированные сапоги, звенящія шпоры замѣняютъ ему благородство и умственное развитіе. И когда между офицеромъ и гражданиномъ происходятъ столкновенія, „царскій судъ" отличаетъ военнаго, оправдывая его. Эти ненормальныя условія военнаго быта создали рабскій типъ русскаго офицера, звѣрски грубаго по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и безропотно-льстиваго передъ начальниками. Вотъ офицеромъ подобнаго типа и былъ убитъ на дняхъ Джавровъ. Джавровъ, проходя по Головинскому проспекту, нечаянно задѣлъ плечемъ проходящаго офицера. Взбѣшенный воинъ далъ Джаврову пощечину, которую получилъ обратно съ такимъ процентомъ, что былъ сбитъ съ ногъ. Въ это время подбѣжалъ другой „защитникъ отечества", крикнувъ товарищу: „Чего же вы смотрите! Возстановите выстрѣломъ честь мундира!" Сбитый съ ногъ офицеръ, выхвативъ револьверъ, сдѣлалъ въ Джаврова пять выстрѣловъ, и Джавровъ упалъ тутъ же замертво, обагряя теплою кровью грязную мостовую улицы."

Прибавимъ, въ свою очередь, что если общія условія милитаризма сами содѣйствуютъ нравственному огрубѣнію офицерства, то тѣ функціи палача и полицейскаго, которыя выполняетъ все чаще и чаще русскій офицеръ въ наши дни, грозятъ въ конецъ развратить эту корпорацію, если лучшіе ея элементы не сплотятся между собой и не вступятъ въ рѣшительную борьбу съ нынѣшнимъ режимомъ.

Генералъ Богдановичъ и петербургскіе рабочіе. Петербургскій кабацкій „Листокъ" съ умиленіемъ разсказываетъ объ адресѣ, поднесенномъ царскому литературному лакею — ген. Богдановичу „обывателями Невской заставы, рабочими мѣстныхъ фабрикъ и заводовъ". По словамъ газеты, адресъ „является нагляднымъ доказательствомъ душевной благодарности рабочаго люда". Но тутъ же прибавляется, что среди подписей подъ адресомъ „много фамилій *видныхъ обывателей* Невской заставы". Надо думать, что эти „видные" обыватели не принадлежатъ къ числу наемныхъ рабовъ капитала. Идея адреса — политическая. „Дай Богъ", говорится въ немъ, „чтобы дѣятельность достоуважаемаго Евгенія Васильевича и впредь обеззараживала народную, особенно рабочую массу отъ *тлетворнаго вліянія подпольныхъ нашептывателей*".

Читатель слишкомъ хорошо знакомъ съ характеромъ всѣхъ новѣйшихъ попытокъ выведенія на сцену „простого народа" подъ знаменемъ „самодержавія и православія", чтобы не почувствовать сразу специфически-полицейскаго „подпольнаго" запаха и не справиться: „гдѣ же сыщикъ?", какая полицейская рука создала это новое благонамѣренное произведеніе?

Вотъ что пишутъ намъ по этому поводу:

...„Обратная сторона такова: За Невской заставой въ селѣ Михаила Архангела (у чугуннаго зав.) проживаетъ нѣкто Пруссаковъ, колпинскій мѣщанинъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, и по отзывамъ однихъ рабочихъ, лично извѣстный ген. Богдановичу и получающій отъ него мѣста и занятія, а по отзывамъ другихъ — просто сыщикъ. Этотъ-то Пруссаковъ и затѣялъ поднести адресъ и хлѣбъ-соль генералу, собирая подписи подъ адресомъ въ волостномъ правленіи. При этомъ всѣ расходы, какъ-то покупка блюда, полотенца и пр. принадлежностей адреса, были взяты на себя Пруссаковымъ, такъ что рабочіе, участвовавшіе въ поднесеніи, говорятъ, что удовольствіе пообѣдать у генерала обошлось имъ всего въ шесть копѣекъ на проѣздъ по конкѣ.

Подъ адресомъ собрано немногимъ болѣе ста подписей, причемъ рабочихъ очень ограниченное число, да все болѣе безграмотные старцы и трактирные завсегдатаи, остальные подписавшіеся — принадлежатъ къ мелкой буржуазіи тракта. Молодые и болѣе сознательные рабочіе теперь поднимаютъ подписавшихся на смѣхъ."

Недостаточно поднимать на смѣхъ вольныхъ и невольныхъ участниковъ этой глупой комедіи: слѣдуетъ пользоваться ею для того, чтобы разоблачать полное ничтожество и нравственное безсиліе тѣхъ, кто мошеннически злоупотребляетъ именемъ рабочихъ.

Смоленскъ. Мутныя волны кишиневскихъ событій дошли и подняли не малую тревогу среди здѣшняго еврейскаго и отчасти русскаго населенія. Полиція въ виду приближенія майскихъ дней рѣшила играть на два фронта: среди еврейской буржуазіи распускала слухъ о готовящемся со стороны русскихъ рабочихъ еврейскомъ погромѣ, требуя откупа за жизнь и имущество евреевъ. Въ русскомъ же населеніи усердно распускались слухи о томъ, что евреи-богачи организуютъ цѣлый отрядъ евреевъ, который подожжетъ городъ съ трехъ сторонъ и, не дожидаясь погрома, бросится на грабежъ и убійства среди русскихъ. Но во всѣхъ этихъ слухахъ роль кровожаднаго чудовища неизмѣнно играетъ пролетаріатъ — русскій или еврейскій — безразлично. Такъ подъ прикрытіемъ невѣжества и крайней трусости обывателя слуги самодержавія стараются выставить грабителемъ мирно настроенный пролетаріатъ, ищущій только свѣта и правды. Для такихъ мѣстъ, какъ Смоленскъ, который находится внѣ черты еврейской осѣдлости, еврейское населеніе является неиссякаемымъ источникомъ дохода для властей всѣхъ чиновъ и цвѣтовъ: право грабительства евреевъ получило здѣсь довольно точную оцѣнку. Въ этомъ отношеніи наглость и безстыдство полиціи и администраціи никогда еще не доходили до такихъ размѣровъ, какъ при теперешнемъ губернаторѣ — Звегинцовѣ. Этотъ гусь при первомъ же своемъ появленіи здѣсь (въ 1902 г.) высказалъ классическое изрѣченіе: въ этомъ городѣ съ 15-тысячнымъ еврейскимъ населеніемъ каждый полицейскій чинъ можетъ завести себѣ тройку, а на одной лошади ѣздить стыдно! Нужно, напр., евреямъ построить синагогу (вблизи православнаго храма, что запрещено), — банкиръ Шварцъ подъ видомъ изящнаго молитвенника подноситъ Звегинцеву 15 тыс. руб. отъ имени еврейскаго общества; нужно вогнать въ законный порядокъ незаконный (для городовъ внѣ черты осѣдлости) — коробочный сборъ съ бѣдноты, — банкиръ опять подноситъ мзду; нужно, чтобы полиція защитила евреевъ отъ погрома (а кстати и попугала пролетаріевъ-соціалистовъ!), депутація съ тѣмъ же банкиромъ во главѣ тащитъ еще (500 руб.) и т. д. безъ конца. Низшей братіи, конечно, тоже дать можно, а не то самодержавіе останется, пожалуй, безъ защитниковъ!

Майскій праздникъ прошелъ здѣсь не особенно благополучно для пролетаріевъ. 26 апрѣля, когда часть (чел. 80) рабочихъ возвращалась съ первомайской сходки, на нихъ напала заранѣе приготовленный отрядъ солдатъ и полицейскихъ. Большая часть оцѣпленныхъ состояла изъ женщинъ, поэтому, прорвать цѣпь и разбѣжаться не рѣшалась, такъ какъ, вѣроятно, часть женщинъ все таки осталась бы въ рукахъ стражи, пришлось идти всѣмъ въ участокъ. Послѣ многихъ мытарствъ и издѣвательствъ всѣ арестованные отправлены были въ тюрьму. Многихъ жандармы таскали на допросъ, но особеннаго успѣха въ этомъ отношеніи не имѣли. Наиболѣе интересенъ финалъ этой исторіи, именно, рѣчь жандармскаго генерала Громыки, которую рабочіе, даже стоя передъ генераломъ, не могли слушать безъ улыбки. Суть ея такова: „Я знаю, что вы хотѣли меня видѣть для того, чтобы спросить, скоро-ли я васъ выпущу изъ тюрьмы. Много между вами есть совсѣмъ безвинныхъ, и сами они не пошли бы противъ государя, да другіе ихъ побудили къ тому. Я знаю, что къ вамъ сюда понаѣхало много евреевъ и русскихъ изъ другихъ городовъ праздновать первое мая. Но что толку вамъ изъ этого перваго мая? Знаете, когда мальчикъ шалитъ, то ему въ первый разъ скажутъ: „Ванька, не шали!", во второй — за ухо: „Ванька, не шали!", а въ третій — розгой высѣкутъ. Развѣ и съ вами такъ поступить? Да подумали-ли вы о томъ, какая смута и раздоръ начнутся, если перестанутъ признавать царя? Пока мужика держатъ въ ежевыхъ рукавицахъ, то онъ и хорошъ, и почтителенъ, и подати платитъ исправно, а попробуй только пустить его на свободу, — онъ и пойдетъ тогда ломать и коверкать, какъ вотъ въ Кишиневѣ. То же и съ евреями: словъ нѣтъ, они и трудолюбивы, и коммерціей умѣютъ заниматься; они могутъ быть очень полезны для русскихъ, но только тогда, когда ихъ въ кулакѣ держать! Что же мнѣ дѣлать съ вами? высѣкъ бы я васъ, да жаль, что прошелъ тотъ вѣкъ, когда можно было попотчивать розгами. Сослать въ Сибирь, такъ и та даже переполнена, да и тамъ говорятъ: присылайте намъ честныхъ, а такихъ не надо; послать на Сахалинъ — тамъ полно каторжниками; остается только одно: привести къ Ледовитому океану, посадить всѣхъ на льдину, да и пустить къ чертовой матери! Ну, что же вы молчите? Каждому, небось, хочется получать по четыре рубля въ сутки, да вѣдь этого нельзя! Вѣдь, если попробовать отдать въ ваше распоряженіе заводъ или фабрику, то на другой же день начнется такая вражда, ссора и драка, что все прахомъ пойдетъ. Вы знаете... что когда Христосъ ходилъ по землѣ, то проповѣдывалъ... мм... мм... ну, правду, проповѣдывалъ любить... мм... мм... ну, ближняго своего, предсказывалъ, что не могутъ быть всѣ равны между собой, а будутъ и больные и здоровые и бѣдные, и богатые... вотъ и вы должны жить честно и не слушать своихъ враговъ... Вы знаете, что государю стоитъ только сказать: милліонъ солдатъ — сюда! стой здѣсь! милліонъ солдатъ — туда!, стой тамъ!... А впрочемъ, что я вамъ все это разсказываю? Я вижу, вы улыбаетесь, и мои слова къ вамъ, что горохъ къ стѣнкѣ, не пристаетъ".

На этомъ замѣчательная рѣчь была прервана, и генералъ послѣ нѣсколькихъ распоряженій удалился.

Въ тюрьмѣ осталось только нѣсколько человѣкъ, а остальные въ тотъ же день были выпущены.

Мѣстный Комитетъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи въ теченіе апрѣля мѣсяца выпустилъ три листка: по поводу златоустовской бойни, первомайскій и по поводу ареста рабочихъ; листки гектографированы и въ каждомъ изданіи 150-200 экз.

Борьба съ „крамолой" въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. „Центр. Комитетъ Южно-русской группы учащихся среднихъ школъ" публикуетъ въ своемъ „Летучемъ Листкѣ" (№ 4, отъ 25 мая 1903 г.) цѣлый рядъ фактовъ, характеризующихъ тотъ „режимъ", который устанавливается въ якобы „обновленной" средней школѣ.

„Вотъ передъ нами забытый даже министрами, благодаря своей непроходимой глупости, инспекторъ народныхъ училищъ Донского округа, О. П. Тихонравовъ, являющійся въ Ростовское на Д. городское училище просвѣщать учениковъ въ духѣ „престолъ-отечества": „Зачѣмъ вамъ серьезныя книжки читать, отъ нихъ только вреда больше вамъ будетъ. Да и вообще, если увидите гдѣ-нибудь прокламацію, то сверните ее въ трубочку и несите къ учителю, а онъ уже самъ вамъ скажетъ, что вамъ нужно и что не нужно изъ нея знать".

Къ ученикамъ старшихъ классовъ Таганрогской мужской гимназіи ея директоръ, Гусаковскій, обратился съ такой рѣчью: „Вамъ не безызвѣстно, господа, что къ 1 мая готовятся безпорядки. Я не совѣтую вамъ принимать въ нихъ участія, такъ какъ вы еще молоды, можете себѣ испортить жизнь, а убѣжденія ваши могутъ измѣниться. Даже такой революціонеръ, какъ Герценъ, подъ конецъ жизни примирился съ самодержавіемъ (?!!) и со многими фактами русской дѣйствительности, противъ которыхъ боролся всю жизнь!"

„Увѣщанія" не помогаютъ и начальство переходитъ къ мѣрамъ репрессіи. Когда въ Ростовѣ на Д. распространились слухи, что 14 мая будетъ демонстрація, директоръ средне-техническаго училища Прасоловъ послѣ молебна въ училищѣ „заперъ всѣ двери на ключъ и не выпускалъ учениковъ до 12 час. дня, чѣмъ заставилъ ихъ уйти... черезъ окно."

Начальница *Маріупольской* женской гимназіи передъ 1 мая совѣтовала „даже въ аптеку безъ разрѣшенія не ходить". Въ томъ же Маріуполѣ „исключили за недѣлю до экзаменовъ двухъ гимназистовъ 8 класса *за то только*, что о нихъ по городу идутъ *слухи* о „неблагонадежности". Мало того: чтобы устранить „вредное вліяніе", заставили уйти изъ гимназіи сестру одного изъ уволенныхъ гимназистовъ и двухъ учениковъ 7 класса за то, что они „водятся съ жидами".

„Летучій Листокъ" упоминаетъ о цѣломъ рядѣ жертвъ этого режима „сердечнаго попеченія". Здѣсь и самоубійства юношей, затравленныхъ начальствомъ, и нравственное убійство 16-тилѣтней гимназистки (въ Ростовѣ), которую жандармскій ротмистръ Карповъ и его жена вынудили назвать имя товарища, давшаго ей прокламацію, съ которой она была арестована.

„Лет. Листокъ" констатируетъ, что „вездѣ, гдѣ только замѣтны хоть проблески движенія въ рабочемъ классѣ, этомъ передовомъ борцѣ за свободу, тотчасъ же начинается броженіе среди учащихся, всегда отзывчивыхъ на всѣ лучшія, идеальныя стремленія своего времени".

7 іюня Центральный Комитетъ издалъ воззваніе „Къ учащимся выпуска 1903 г.", въ которомъ разъясняетъ безполезность „легальной" работы и зоветъ къ революціонной борьбѣ подъ знаменемъ соціальдемократіи.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Демонстраціи въ деревнѣ. (Письмо рабочаго изъ Тверского уѣзда). 15 мая въ с. Пречистомъ-Бору, Первитинской волости, бываетъ ярмарка, куда собирается крестьянская и фабричная молодежь для гулянья. Часа въ два пополудни, въ самый разгаръ гулянья, нашлась кучка крестьянской молодежи, которая запѣла революціонную пѣсню „Дубинушку" и тѣмъ привлекла большую толпу. Дѣло происходило на берегу р. Тверцы. Но вотъ изъ толпы послышался голосъ: „въ село, въ село!", и толпа приблизительно около 200 чел. тѣсно-сплоченною стѣною съ разгоряченными лицами и бодрымъ настроеніемъ отправилась туда. Шествіе продолжалось восемь минутъ. Когда пропѣли „Дубинушку", то прокричали „долой царя!", и дружнымъ эхомъ по окрестностямъ разливалось ура. Это шествіе происходило на глазахъ урядника Лаврова, но изъ боязни, чтобы ему не попало колотушекъ, онъ не посмѣлъ унимать шествующую толпу. По этому поводу начались розыски лицъ, руководившихъ толпой. Урядникъ 23 мая пріѣхалъ въ дер. Носово и допрашивалъ крестьянъ. Но тѣ ему отвѣтили, что ребятъ на ярмаркѣ было много, — „мы не знаемъ, кто тутъ руководствовалъ". И въ этотъ же день допрашивали въ Пречистомъ-Бору четверыхъ ребятъ: Ивана Иванова, Павла Екимова, Матвѣя Ефимова, Сергѣя Васильева, но тѣ отвѣтили то же самое, что и носовскіе мужики. При допросѣ участвовали попы Сергѣй Раевскій и Иванъ Думашевъ, они показывали на тѣхъ ребятъ, которыхъ совершенно не было. Духовенство совсѣмъ завралось. 28 мая пріѣхалъ въ Пречистый-Боръ жанд. полковникъ Устиновъ и опять допрашивалъ этихъ же ребятъ, ничего отъ нихъ не добился и не составивши протокола, уѣхалъ обратно.

26 мая въ дер. Городнѣ, Новинской волости, въ праздникъ Духовъ день собралось ребятъ человѣкъ 70 для гульбы. Около 3 час. пополудни съ общаго согласія порѣшили пройти по деревнѣ съ краснымъ платкомъ, привязаннымъ на длинную жердь, на которомъ было написано мѣломъ: „долой царя!" Пропѣли хоромъ „Дубинушку" и послѣ каждаго куплета выставляли требованія: долой царя, да здравствуетъ земскій соборъ! долой царскія казенки! долой помѣщиковъ! Шествіе продолжалось минутъ 15, настроеніе хорошее, веселое.

31 мая въ дер. Поддубокъ, той же волости ходили по деревнѣ и пѣли „Варшавянку", рабочую „Марсельезу", „Дубинушку".

25 мая въ дер. Троицѣ, Первитинской волости, 80 чел. ребятъ прошли по деревнѣ и пропѣли „Мірской ходокъ" и „Дубинушку". Настроеніе было очень хорошее. Въ мѣстечкѣ Федяевѣ, Никулинской волости, бываетъ ярмарка и собирается молодежь. И тамъ — въ присутствіи урядника — человѣкъ сто пропѣли „Дубинушку".

Монахи въ роли эксплуататоровъ и палачей. Воронежъ. Въ Воронежскомъ уѣздѣ, въ шести верстахъ отъ ст. Графской Ю.-Вост. ж. д. находится Толшевскій мужской монастырь. Кругомъ него разбросано нѣсколько небольшихъ деревень — „хуторовъ": Жалдаевка, Лукичевка, Енинъ и др., составляющихъ Мало-Приваловскую волость. Въ Жалдаевкѣ около 20 дворовъ и 180 душъ. Всѣ крестьяне малоземельные и нужда изъ ряду вонъ выходящая. Въ Лукачевкѣ въ трехъ поляхъ приходится всего на всего по 9 саж. на душу земли. Почва для аграрныхъ волненій, слѣдовательно, благодарная. Еще весной начался споръ между монастыремъ и Желдаевкой изъ за луга сѣнокоснаго. Нѣкогда на мѣстѣ луга была непроходимая топь, находившаяся въ общемъ пользованіи крестьянъ и монастыря, но потомъ всѣми правдами и неправдами присвоенная себѣ монахами. Приблизительно 30 мая крестьяне изъ Желдаевки безъ дальнихъ разговоровъ всѣмъ міромъ начали косить спорный лугъ. На мѣсто „бунта" немедленно явились земскій начальникъ и становой; ставши прямо противъ косцовъ, они начали ихъ убѣждать въ священности и неприкосновенности чужой собственности, особенно же монастырской, принадлежащей Богу. Крестьяне молча и усердно продолжали косить, какъ будто ничего не слыша и не видя передъ собой; начальство поневолѣ отступало передъ ними до тѣхъ поръ, пока не убѣдилось въ безплодности своей проповѣди. Дали знать губернатору, тотъ сейчасъ же явился съ ротой солдатъ, выстроившихся въ каре вокругъ продолжавшихъ заниматься своимъ дѣломъ косцовъ. Гробовая и зловѣщая тишина была прервана градомъ непечатной брани со стороны губернатора, такой грубой, какой одинъ очевидецъ никогда не слыхалъ даже въ казармѣ. Послѣ этой комедіи прогремѣло: „шапки долой!" Въ это время монахи привезли нѣсколько возовъ заранѣе приготовленныхъ розогъ. Въ переднихъ рядахъ толпы крестьянъ лицомъ къ лицу съ губернаторомъ очутился престарѣлый георгіевскій кавалеръ со своимъ знакомъ отличія, болтавшимся на рубахѣ. На него прежде всего обрушился губернаторскій гнѣвъ: отъ страшнаго удара кулакомъ несчастный старикъ очутился на землѣ и лишился зуба. Это послужило сигналомъ. Тотчасъ же засвистѣли розги. Подвергаемые истязанію крестьяне не издавали никакихъ криковъ. Присутствовавшій по долгу службы при экзекуціи, врачъ Куберскій щупалъ пульсъ у впадавшихъ въ безпамятство жертвъ и поощрялъ палачей. Отнесся къ своему долгу этотъ лжеинтеллигентъ вполнѣ „добросовѣстно": каждый изъ „бунтовщиковъ" получилъ по 50 ударовъ, а на мѣстѣ экзекуціи остался цѣлый ворохъ какой-то красно-бурой мякины отъ измочалившихся о мужицкія спины прутьевъ. Однако, врачъ Куберскій изъявляетъ притязанія на либерализмъ и гуманность за то, что освободилъ отъ экзекуціи 4 человѣкъ: 3 стариковъ и одного больного. Всего подвергнуто поркѣ 15 чел., т. е. почти всѣ домохнева Жалдаевки, числомъ 20. Двоихъ арестовали. Скошенная крестьянами трава сгнила отъ дождей. Крестьянамъ нельзя убирать ее, а монахи боятся. Мужики, судя по слухамъ, порѣшили монастырь сжечь, а монаховъ выкурить. Въ виду этого въ Жалдаевкѣ, кажется, поставлены на постой солдаты...

Изъ Имеретіи и Мингреліи. Прошлогоднія движенія гурійскихъ крестьянъ отразились на сосѣднихъ имеретино-мингрельскихъ крестьянахъ. Послѣдніе тоже потребовали пониженія ренты и уничтоженія лишнихъ податей (драмовыхъ денегъ) въ пользу поповъ, а также привлеченія дворянъ къ участію въ отбываніи сельскихъ натуральныхъ повинностей: работы на сельскихъ дорогахъ, несеніе караула при церкви и т. п. Требованія крестьянъ взбудоражили дворянъ-землевладѣльцевъ и они обратились къ полицейскимъ властямъ. Первымъ забастовало Ецерское сельское общество. Къ нему присоединились селенія: Кулаши, Ганири, Цхениши, Чагани, Сачилао, Гезати и др. Вскорѣ въ Ецери прибылъ уѣздный начальникъ (Дадишкеліани) и, послѣ наглой ругани и угрозъ по адресу крестьянъ, заарестовалъ 8 чел. изъ нихъ; крестьяне все же не согласились на старыя условія. Затѣмъ съ Пасхи среди крестьянъ въ огромномъ количествѣ были распространены прокламаціи. Съ другой стороны, Дадишкеліани послѣ праздничныхъ попоекъ набрался храбрости и приступилъ къ систематическому усмиренію, но встрѣтилъ дружный отпоръ. Разсерженный князь арестовалъ нѣсколько человѣкъ, а одного, осмѣлившагося возражать, приказалъ проучить нагайками. Ободренные всѣмъ этимъ, двое молодыхъ дворянъ съ оружіемъ въ рукахъ насильно заставили нѣсколькихъ крестьянъ работать на землѣ кн. Микеладзе, но какой-то незнакомецъ въ буркѣ явился къ работавшимъ крестьянамъ и потребовалъ отъ нихъ не мѣшать общему дѣлу. Тѣ прекратили работу. Въ ту же ночь была подожжена кухня кн. Микеладзе, гдѣ погибли и быки. На слѣдующій день уѣздный начальникъ созвалъ сходку, заарестовалъ нѣсколько лицъ и объявилъ, что убытки отъ пожара въ количествѣ 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будутъ взысканы съ сельчанъ. Крестьяне заволновались и одинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ каждый дворянинъ подожжетъ свою обветшалую кухню, если за это съ крестьянъ будутъ взыскивать вдесятеро дороже. Раздраженный такимъ отвѣтомъ, уѣздный начальникъ приказалъ стражникамъ избить смѣльчака.

Сенакскій уѣздный начальникъ тоже не отстаетъ отъ другихъ. Вмѣстѣ съ сенакскимъ приставомъ онъ заарестовалъ нѣсколько человѣкъ въ сел. Сачилао. На дняхъ ожидается кутаисскій губернаторъ. Дворянскіе шпіоны составили длинный списокъ „неблагонадежныхъ“.

По деревнямъ совершаются поджоги; землевладѣльцы подвергаются побоямъ. Въ Сачилао подожгли складочный магазинъ, кукурузникъ Дидія, побили дворянина Кордзая. По этому поводу уѣздный начальникъ снова заарестовалъ нѣсколько человѣкъ, одного, между прочимъ, только за то, что тотъ выписывалъ газету. Составителямъ корреспонденціи извѣстно, что поджоги и побои совершаются людьми, непринадлежащими къ организаціи. (Изъ Лист. „Пролетаріата“ № 1, изд. Кавк. Союз. Р. С.-Д. Р. П.)

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Неограниченный произволъ царитъ съ разрѣшенія царя-батюшки въ Финляндіи. Его вѣрные слуги подвизаются здѣсь во славу самодержавія; они не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ, ни передъ какимъ насиліемъ. Въ Финляндіи уже сказываются различныя печальныя, хотя и естественныя, послѣдствія новаго жандармскаго режима. Часть населенія быстро деморализируется: среди финляндцевъ является уже немало доносчиковъ, выдающихъ тѣхъ благородныхъ патріотовъ, которые призываютъ своихъ согражданъ къ борьбѣ съ беззаконіями русскаго правительства и финляндскихъ измѣнниковъ. Благодаря доносу, весною было арестовано нѣсколько „агитаторовъ“, разъяснявшихъ призываемымъ къ отбыванію воинской повинности преступность новаго „закона“ г. Куропаткина. Правительственнымъ агентамъ удалось посредствомъ самаго грубаго обмана даже соорудить два „крестьянскихъ“ адреса — одинъ съ 697, другой съ 365 подписями. Послѣдній, доставленный выборгскому губернатору Мясоѣдову, является адресомъ-доносомъ, въ которомъ указывается много принадлежащихъ къ различнымъ классамъ лицъ, которыя „агитировали“, „оказывали сопротивленіе властямъ“ и т. п. Первый же адресъ, доставленный Бобрикову и обращенный къ царю, является выраженіемъ вѣрноподданическихъ чувствъ, общей жалобой („рѣзкимъ протестомъ“) на „сопротивляющихся властямъ“ и ходатайствомъ объ улучшеніи положенія безземельныхъ. Этотъ адресъ былъ вызванъ однимъ карьеристомъ, магистромъ (кандидатомъ университета) Нуала, разсказавшимъ бѣднымъ торпарямъ (мелкимъ арендаторамъ) небылицы о вскорѣ предстоящемъ надѣлѣ землей. Этотъ субъектъ не постыдился за свои „хлопоты“ взять по 1-2 марки отъ каждаго, подписавшаго адресъ. Подобные люди торжествуютъ теперь, а еще болѣе ликуютъ царскіе опричники, подкупающіе доносчиковъ и карьеристовъ. Эти жалкіе „адреса“ невольно напоминаютъ намъ тѣ два грандіозные адреса-протеста съ болѣе чѣмъ полмилліономъ подписей, съ которыми вся финская нація обращалась къ Николаю II въ 1899 и 1901 гг.

Въ Гельсингфорсѣ 10 іюня (нов. ст.) въ призывное присутствіе явилось изъ 692 призываемыхъ 267 человѣкъ или 38½%. Въ этотъ день было арестовано въ Гельсингфорсѣ нѣсколько интеллигентныхъ рабочихъ, распространявшихъ оппозиціонное воззваніе къ новобранцамъ. Вообще, въ этомъ году призывныя присутствія въ Финляндіи дѣйствуютъ со значительнымъ успѣхомъ, за который обрусители обязаны, главнымъ образомъ, агитаціи старо-феноманской партіи. Къ этому вопросу мы вскорѣ вернемся въ одной изъ ближайшихъ статей.

Правительственная анархія и диктаторская власть оберъ-палача Финляндіи Бобрикова явилась причиной слѣдующаго трагическаго происшествія. 8 іюня (нов. ст.) въ Берлинѣ застрѣлился 47 лѣтъ отъ роду д-ръ философіи Ю. Люлю, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей младо-феноманской партіи: онъ получилъ изъ дому въ этотъ день извѣстіе о томъ, что ему запрещено возвращеніе на родину. Д-ръ Люлю давно уже подвергался гоненіямъ со стороны обрусителей. Еще въ началѣ разбойническаго похода опричниковъ на Финляндію была прекращена издаваемая имъ въ Выборгѣ на финскомъ языкѣ демократическая газета. До самой смерти онъ состоялъ преподавателемъ въ выборгскомъ реальномъ лицеѣ; въ Берлинѣ покойный занимался эту зиму въ психологическомъ институтѣ, готовясь къ профессорской дѣятельности въ гельсингфорскомъ университетѣ. Во время его отсутствія въ его квартирѣ былъ произведенъ четыре раза обыскъ. Всѣ эти событія произвели угнетающее впечатлѣніе на д-ра Люлю, лишившаго, наконецъ, себя жизни. Онъ втеченіе многихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ выборгскаго рабочаго союза. „Финляндская Газета“ благоразумно умолчала о смерти этого выдающагося финляндскаго гражданина и патріота.

Кромѣ упомянутыхъ нами въ прошлой статьѣ соціалистическихъ демонстрацій 1 іюня (нов. ст.) въ разныхъ городахъ Финляндіи, въ этотъ день происходили рабочія демонстраціи въ гг. Вазѣ, Тавастгусѣ, Кристинентадѣ и др. Словомъ, финскіе рабочіе превосходно отпраздновали свой рабочій праздникъ. „Фин. Газ.“ и объ этихъ даже разрѣшенныхъ демонстраціяхъ не заикнулась. Вообще, она постоянно преспокойно замалчиваетъ всякія неудобныя для себя событія, часто сочиняетъ за то она разныя небылицы о небывалыхъ вещахъ. 4-17 іюня 1903 г.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Николаевъ. Только что закончилась здѣсь забастовка на двухъ крупнѣйшихъ заводахъ: „Французскомъ“ и Черноморскомъ, охватившая болѣе 5000 чел. и замѣчательная не столько по своимъ непосредственнымъ экономическимъ результатамъ, сколько по обстоятельствамъ, сопутствовавшимъ ей и по условіямъ, при которыхъ она происходила. Тутъ мы встрѣчаемся съ рѣдкой стойкостью, выдержанностью и единодушіемъ рабочихъ, — присутствуемъ на громадныхъ собраніяхъ, на которыхъ произносятся рабочими содержательныя рѣчи, широко освѣщающія значеніе происходящаго, встрѣчаемся, наконецъ, съ небывалымъ, чисто парламентскимъ отношеніемъ къ рабочимъ со стороны предпринимателей и начальствующихъ лицъ, явленіемъ, свидѣтельствующимъ, что въ рабочихъ признаютъ силу, съ которой приходится считаться.

Перехожу къ фактамъ. 22 мая рабочему Крыжановскому, работавшему въ механической мастерской французскаго судостроительнаго завода, предложено было получить разсчетъ за прогулъ одного дня. Услышавъ это отъ табельщика, Крыжановскій отправился къ инженеру Генкелю, начальнику мастерской, находившемуся тутъ-же въ мастерской, за объясненіями. На вопросы Крыжановскаго Генкель отвѣчалъ площадной руганью, и дѣло дошло до того, что рабочій далъ инженеру пощечину. Послѣдній, выхвативъ изъ кармана револьверъ, погнался за Крыжановскимъ и выстрѣлилъ, но промахнулся, а споткнувшійся Крыжановскій упалъ. Все это произошло такъ быстро, что рабочіе обратили вниманіе на Крыжановскаго лишь тогда, когда тотъ поднялся и сталъ возмущаться: „Ахъ, негодяй! за одну оплеуху стрѣлять!“ *) Когда удалившійся въ контору Генкель увидѣлъ снова Крыжановскаго цѣлымъ и невредимымъ, онъ опять погнался за нимъ съ револьверомъ въ рукахъ. Но тутъ ему преградила путь кучка рабочихъ, которые бросились къ нему съ крикомъ: „Бей мерзавца, который осмѣливается стрѣлять въ своихъ рабочихъ“. Боясь серьезнаго оборота дѣла, Генкель бросился бѣжать и едва успѣлъ юркнуть въ контору, какъ въ догонку ему былъ пущенъ слесарный молотокъ. Быстро разнесся слухъ о случившемся, и вся механическая мастерская, какъ одинъ человѣкъ, бросила работу и отправилась въ контору требовать фабричнаго инспектора, прокурора и градоначальника. Черезъ полчаса здѣсь были уже товарищъ прокурора, судебный слѣдователь, полицеймейстеръ, градоначальникъ и друг. Вся эта компанія, окруженная густой толпой рабочихъ, усѣлась во дворѣ завода, гдѣ думала приступить къ слѣдствію. Вдругъ раскрываются ворота, и во дворъ въѣзжаетъ фабричный инспекторъ въ сопровожденіи шести конныхъ городовыхъ. Рабочіе заволновались и потребовали немедленнаго удаленія полицейскихъ: „здѣсь не воры, можете убраться туда, откуда явились!..“ Градоначальникъ сейчасъ же велѣлъ удалить городовыхъ. Затѣмъ, въ виду начавшагося дождя все общество (начальство и рабочіе) отправились въ столовую, гдѣ и началось слѣдствіе. Тутъ на допросахъ рабочіе вскрыли не одну язву, которыми такъ богата ихъ жизнь. На слѣдующее утро на заводѣ появились листки за подписью Николаевскаго Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партіи въ количествѣ 900 штукъ, приглашавшіе къ забастовкѣ и выставлявшіе 14 требованій: 1) удаленіе Генкеля, 2) оставленія на заводѣ Крыжановскаго, 3) отмѣны оскорбительныхъ и позорящихъ человѣческое достоинство обысковъ, 4) отмѣны штрафовъ за опозданіе, 5) Отмѣны принудительныхъ (путемъ угрозы разсчетомъ и пр.) сверхурочныхъ работъ 6) отмѣны принудительнаго участія въ устроенной заводомъ кассѣ.

Механическая мастерская не приступила къ работѣ, остальныя ждали сигнала, и какъ только онъ былъ данъ, на всемъ заводѣ работа была прекращена. Съ этого 23 числа рабочими всего „французскаго“ завода переживалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней рѣдкое восторженное настроеніе. Они хоть и не долго, а все-же пользовались свободой собраній, свободой слова и, пожалуй, свободой печати, такъ какъ во дворѣ завода собирались тысячами рабочіе, произносились воодушевляющія рѣчи, читались во всеуслышаніе и передавались на глазахъ у всего начальства сотни листковъ. Даже директору, на вопросъ, чего рабочіе хотятъ, былъ преподнесенъ отпечатанный листокъ съ требованіями. Прибывшій градоначальникъ предложилъ выбрать постоянныхъ старостъ, согласно новому закону (о проектѣ котораго сообщалось въ газетахъ) для улаживанія „недоразумѣній“. На слѣдующій день, 24 мая, рабочіе, воспользовавшись вчерашнимъ предложеніемъ градоначальника, рѣшили немедленно приступить къ выбору старостъ (по два отъ каждой мастерской и по два кандидата къ нимъ, всего человѣкъ 30). Выбранные тутъ-же были представлены всѣмъ рабочимъ и нѣкоторые изъ нихъ произносили передъ толпою въ три-четыре тысячи человѣкъ рѣчи на тему о значеніи старостъ при теперешнемъ нашемъ политическомъ режимѣ, о томъ, что при отсутствіи свободы собранія, слова, печати, союзовъ, стачекъ значеніе ихъ сводится къ нулю и при нашемъ безправіи такіе выборы являются только новой ловушкой для болѣе сознательныхъ и развитыхъ рабочихъ. Когда директору были предъявлены перечисленныя въ листкахъ требованія, дополненныя нѣкоторыми на мѣстѣ выработанными, онъ быстро разгруппировалъ ихъ на три категоріи (моральныя, экономическія и личныя) и на нѣкоторыя изъ нихъ сейчасъ-же обѣщалъ дать удовлетвореніе, насчетъ другихъ обѣщалъ подумать, а объ остальныхъ не хотѣлъ и слушать, при этомъ наговорилъ много слащавыхъ рѣчей на тему о гармоніи интересовъ: онъ-де хлопоталъ о рабочихъ, ѣздилъ въ Петербургъ, клянчилъ, клянчилъ, выклянчилъ заказы и вдругъ такая благодарность. Рабочіе ему отвѣтили, что имъ дѣла нѣтъ до того, что онъ *выклянчилъ*, они для себя *требуютъ*. Узнавъ о происшедшемъ на „Французскомъ“ заводѣ, рабочіе Черноморскаго завода (около 2000 человѣкъ) тоже забастовали и предъявили свои требованія, у нихъ тоже появился спросъ на листки, которые въ виду наступившихъ праздниковъ (25, 26, 27 мая) были выпущены 28 мая. Одновременно съ этимъ была выпущена прокламація „Ко всѣмъ рабочимъ“ (2000 штукъ), выясняющая значеніе стачки и указывающая на то, что успѣшная борьба за улучшеніе своего положенія и освобожденіе отъ ига капитализма возможны только при полной политической свободѣ. Тутъ-же выставлялись объединенныя требованія рабочихъ „Французскаго“ и Черноморскаго заводовъ. 27 мая (не работали) въ столовой завода было собраніе старостъ съ директоромъ во главѣ. Обращеніе директора съ старостами было, какъ выразился одинъ, вѣжливо до нахальства. Тутъ обсуждались всѣ пункты требованій, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній. Въ результатѣ директоръ согласился на слѣдующее: 1) обыски отмѣняются, 2) по субботамъ работа до двухъ часовъ съ получасовымъ перерывомъ на завтракъ и съ платой за цѣлый день, 3) начальникамъ, мастерамъ и бригадирамъ вмѣняется въ обязанность безусловно вѣжливое обращеніе со всѣми рабочими, 4) за сверхурочное рабочее время, въ противность установившемуся порядку, полуторная плата, 5) принудительное вступленіе въ кассу отмѣняется, а вступившіе могутъ въ теченіе мѣсяца выступить и др. Относительно Генкеля и Крыжановскаго директоръ заявилъ, что они не будутъ на заводѣ до суда, но плату будутъ получать, а тамъ онъ посмотритъ. Совсѣмъ неудовлетворенными остались требованія: 1) повышеніе платы на 20%, 2) отмѣна штрафовъ за опозданіе, 3) сокращеніе рабочаго дня наканунѣ праздниковъ (кромѣ субботы) до двухъ часовъ и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія. Когда въ среду 28 мая рабочимъ „Французскаго“ завода были предъявлены результаты переговоровъ, они единодушно рѣшили продолжать забастовку: то-же на Черноморскомъ заводѣ. На „Французскомъ“ заводѣ между тѣмъ были вывѣшены громадныя печатныя афиши, въ которыхъ „во избѣжаніе недоразумѣній“ директоръ объявлялъ о сдѣланныхъ уступкахъ. Такія-же афиши были выданы старостамъ въ четвергъ 29 мая. Передъ „Французскимъ“ заводомъ собрались рабочіе „Французскаго“ и Черноморскаго заводовъ, которые вмѣстѣ съ посторонней публикой составили толпу тысячъ въ 8 человѣкъ. Тутъ опять горячо обсуждался вопросъ о забастовкѣ, рисовались тѣ бѣдствія, которыя ждутъ рабочихъ при продолжительной забастовкѣ, и тѣмъ не менѣе, они твердо стояли на продолженіи стачки, и если-бы рабочіе тутъ-же разошлись, то при подъемѣ духа, который тутъ проявился, побѣда была бы несомнѣнно гораздо полнѣе. Но тутъ дѣло приняло слѣдующій оборотъ. Рабочіе соглашались на нѣкоторыя уступки, въ родѣ того, чтобы повысить плату не всѣмъ рабочимъ, а, такъ сказать, прогрессивно, обратно пропорціонально получаемой платѣ, получающимъ же выше 1 р. 50 к. оставить плату безъ измѣненія, и нѣкоторыя другія. Дальше-же этихъ уступокъ старостамъ предписывалось не идти. Директоръ „Франц.“ завода отказался дать что-либо, кромѣ того, что онъ уже далъ, а директоръ Черноморскаго завода даже не принялъ старостъ. Тогда старосты, получающіе хорошую плату (незаинтересованные въ продолженіи стачки и составляющіе среди старостъ громадное большинство) стали вести закулисную агитацію за прекращеніе забастовки; и для того, чтобы вѣрнѣе добиться своей цѣли, они постарались освободить рабочихъ отъ возбуждающаго дѣйствія массовыхъ собраній и отъ вліянія немногихъ ораторовъ, поддерживавшихъ настроеніе рабочихъ, разбивъ ихъ по цехамъ, гдѣ рабочіе подпали почти подъ ихъ исключительное вліяніе. Такимъ образомъ, имъ удалось добиться прекращенія забастовки на „Французскомъ“ заводѣ. Рабочіе Черноморскаго завода не соглашались прекратить забастовку. Тогда дирекція воспользовавшись случаемъ, разсчитала всѣхъ рабочихъ (тамъ теперь дѣла плохи) и, послѣ обратнаго пріема 150 человѣкъ остались за штатомъ. На „Французскомъ“ заводѣ рабочіе недовольны большинствомъ своихъ старостъ, оказавшихся не на высотѣ своего и безъ того невысокаго положенія; рабочіе окрестили ихъ „экономистами“, благодаря которымъ рабочіе Черноморскаго завода остались безъ поддержки.

Описанная стачка — первая крупная сознательно проведенная стачка въ Николаевѣ. Она, несомнѣнно, будетъ имѣть громадное воспитательное значеніе для николаевскихъ рабочихъ. За эти нѣсколько стачечныхъ дней политическое и классовое самосознаніе рабочихъ поднялось больше, чѣмъ это достигается за годъ агитаціи. Воспитательное вліяніе ея, несомнѣнно, не меньше вліянія уличной демонстраціи. Болѣе всего пріятно поражаетъ выдержанность рабочихъ. Когда два разсчитанныхъ (до этого) пьяныхъ мастеровыхъ побили мастера, то этотъ фактъ вызвалъ всеобщій протестъ. Когда разнесся слухъ, что къ заводу идутъ солдаты, рабочіе страшно переполошились, и нѣкоторые старосты заявили директору, что, взявшись руководить массой, они слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность, какъ только на заводѣ появится хоть одинъ солдатъ. Директоръ, пораженный выдержанностью рабочихъ, въ увлеченіи крикнулъ: „Если солдаты явятся, я стану среди васъ“. Мы не ручаемся, конечно, что онъ исполнилъ-бы свое обѣщаніе въ критическій моментъ; но это его увлеченіе показываетъ, въ какой психической атмосферѣ онъ находился. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ во время рѣчей дѣло почти доходило до криковъ: „Долой такого-то старосту“, который слишкомъ усердно проявлялъ свою наклонность къ экономизму. Въ одномъ цехѣ рабочіе заявили старостѣ: „Намъ надо выбрать другого старосту — ты экономистъ, а староста долженъ быть политикомъ“. Несмотря на любезность и парламентаризмъ градоначальника, въ городѣ вездѣ были наготовѣ войска. Стачка оказала свое отраженное дѣйствіе на другіе заводы. Такъ, на заводѣ земледѣльческихъ орудій братьевъ Донскихъ рабочіе потребовали шабаша по субботамъ въ два часа и немедленно получили удовлетвореніе. Броженіе было и въ мастерскихъ военнаго порта и на заводѣ Уманскаго. Комитетъ не могъ развить свою дѣятельность шире, въ виду того, что въ типографіи случилась заминка. Такъ, напримѣръ, была приготовлена прокламація, всесторонне разъясняющая значеніе старостъ, но она, къ великому сожалѣнію, по независящимъ отъ Комитета обстоятельствамъ, не была напечатана. Весь городъ въ эти дни только и говорилъ, что о стачкѣ. На бульварахъ, на улицахъ можно было услышать обсужденіе, комментаріи, искаженія; создавались цѣлыя легенды.... Среди рабочихъ сильно возросъ спросъ на литературу. 1 іюня 1903 г.

Убійство шпіона. 1 мая за Нарвской заставой въ Петербургѣ состоялось собраніе 100 организованныхъ рабочихъ, на которое проникъ шпіонъ. Узнавъ объ этомъ, рабочіе тутъ-же объявили, что если участники собранія будутъ арестовываться, шпіонъ будетъ убитъ. Вскорѣ послѣ этого нѣсколько человѣкъ было арестовано по обвиненію въ томъ, что участвовали на сходкѣ. 26 мая шпіонъ былъ найденъ убитымъ на глухой улицѣ. Негодяю нанесено семь колотыхъ ранъ. Въ моментъ убійства шпіонъ имѣлъ въ карманѣ приказъ объ арестѣ двухъ рабочихъ, за которыми онъ, повидимому, слѣдилъ. Фамилія шпіона — Тулинъ.

Петербургъ. Неудачная забастовка максвелевскихъ рабочихъ. (Спасская и Петровская мануфактура). Письмо рабочаго.

У насъ еще до 1 мая стали поговаривать о трехдневномъ гуляніи въ память 200-лѣтія Петербурга. 14 мая на фабрикѣ было объявлено, что 16 мая не будетъ работы и намъ заплатятъ дневной заработокъ. Конечно, рабочіе были и этому рады. Но 21 мая намъ роздали наши рабочія книжки и мы увидали, что плата поставлена только въ ¾ дневного заработка для большинства рабочихъ, а для слесарей — и того меньше (вмѣсто 1 р. 80 коп. и 2 р. 50 к. — всего по рублю). Мы высчитали, что управляющій Ѳома Романовъ при такомъ разсчетѣ ограбилъ насъ тысячи на полторы рублей. Нѣкоторые мюльщики и ватерщики пошли къ управляющему и стали говорить, что онъ поступилъ подло и требовали еще прибавки. Но Ѳома Романовъ послалъ ихъ „къ черту“, а нѣкоторыхъ и въ шею вытолкалъ. 23 мая человѣкъ 40 мюльщиковъ на Спасской мануфактурѣ бросило работу послѣ обѣда. Когда завертѣлась паровая, они стали бѣгать по этажамъ и кричали, чтобы не работали. Работа остановилась. Сознательныхъ рабочихъ было мало и большинство бросало работу только потому, что мюльщики грозили порвать основу, если будутъ работать. Болѣе смѣлые люди вышли во дворъ и стали кричать, что надо идти на другую (Петровскую) фабрику. Нашлось такихъ смѣльчаковъ немного: человѣкъ 40 мюльщиковъ, 10 женщинъ и дѣвушекъ и человѣкъ 20 ткачей. На Петровской ничего не знали о нашей забастовкѣ. Пришедшихъ было слишкомъ мало и они не могли остановить фабрику, какъ было въ третьемъ году. Явилась полиція, стала сперва уговаривать насъ, чтобы мы ушли на свою фабрику и работали, а когда мы не послушались, фабричный околодочный сталъ ругаться и даже ударилъ своей „селедкой“ одного рабочаго. Мы позвали Петровскихъ рабочихъ на свою фабрику, но никто не пошелъ за нами. Вернулись къ себѣ, а у насъ уже старшій фабричный инспекторъ съ помощникомъ. Сталъ спрашивать, что намъ нужно. Рабочіе закричали: „долой управляющаго“ и еще многое кричали, но ничего нельзя было разобрать: кричали всѣ вмѣстѣ. Инспекторъ сталъ просить, чтобы мы выбрали нѣсколькихъ депутатовъ для заявленія требованій. На это рабочіе закричали: „знаемъ мы васъ — не въ первый разъ! Потомъ вы этимъ депутатамъ ротъ закроете, заберете!“ Видитъ инспекторъ, что рабочіе не глупы и проситъ насъ стать по группамъ: ткачей, прядильщиковъ и т. д. Рабочіе выполнили это и онъ сталъ опрашивать по отдѣльнымъ группамъ, почему не работаютъ. Ткачи указали на невыдачу сполна платы за 16 мая; на то, что основа и утокъ худые, шлихтуютъ худо старымъ станкомъ, плохое освѣщеніе на фабрикѣ и грубое обращеніе со стороны подмастерьевъ, словомъ, требуютъ того, безъ чего нельзя хорошо работать. И что жъ? насъ сосчитали за бунтовщиковъ, пригнали полицію! Всѣ рабочіе требовали увольненія управляющаго; ватерщики просили лучшей пряжи и увеличенія расцѣнокъ. Инспекторъ сказалъ, что дастъ отвѣтъ 31 мая. Рабочіе все-таки въ этотъ день на работу не пошли, но на второй день возобновили работу, рѣшивъ дожидаться 31 мая (суббота). Въ этотъ день на фабрикѣ вывѣсили объявленіе, что требованія не будутъ исполнены. Съ понедѣльника (2 іюня) всѣ рабочіе бросили работу, причемъ этотъ разъ Петровскіе начали. Въ этотъ день на фабрику пріѣхалъ помощникъ инспектора, но его послали къ черту и обозвали трубочистомъ. Стачка длилась до четверга (5 іюня). Въ этотъ день часть рабочихъ работала до обѣда, такъ какъ былъ объявленъ расчетъ тѣмъ, кто не станетъ на работу въ этотъ день. Послѣ обѣда всѣхъ — работавшихъ и неработавшихъ — вызвали на фабричный дворъ, гдѣ собралось много полиціи. Полиція погнала насъ на работу, грозя разсчетомъ всѣмъ, кто на это не согласится. Въ 5 часовъ всѣ пошли на работу на старыхъ условіяхъ.

С.-Петербургъ. 22 марта начальникъ Варшавскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, Копьевъ, пригласилъ въ свой кабинетъ нѣсколькихъ рабочихъ и объявилъ имъ, что, желая увеличить штатъ рабочихъ, онъ не можетъ давать болѣе 30% (вмѣсто прежнихъ 90%) на рубль къ цеховому жалованью, и при этомъ напомнилъ рабочимъ, что въ настоящее время въ Петербургѣ находится масса безработныхъ... Рабочіе отвѣтили, что они только въ томъ случаѣ согласятся на пониженіе процентной платы, если цеховая будетъ повышена до 1 руб. 60 коп. (вмѣсто прежнихъ 1 руб. 20 коп.). Копьевъ, конечно, отклонилъ это условіе, заявивъ, что больше 1 руб. 10 коп.-1 руб. 20 коп. по цеху онъ платить не будетъ. Въ три часа дня во всѣхъ мастерскихъ были вывѣшены объявленія о пониженіи платы на половину; рабочіе немедленно бросили работу, отказавшись принять новыя условія. Первая остановилась отдѣлочная мастерская, гдѣ большей частью работаютъ мужчины: ворвавшись въ другія мастерскія, они остановили всю работу. Немедленно была вызвана полусотня казаковъ, которые безпощадно избивали рабочихъ нагайками... На слѣдующій день рабочіе пришли на заводъ, но за работу никто не принимался. Пріѣхалъ фабричный инспекторъ и рабочіе объявили ему свои требованія: сохраненіе прежнихъ расцѣнокъ и уменьшеніе рабочаго дня. Инспекторъ грубо отвѣтилъ рабочимъ, что требованія ихъ не будутъ удовлетворены, и увѣщевалъ приняться за работу. „Все равно не будетъ по вашему“, говорилъ этотъ чиновникъ. „Нѣтъ, по вашему не будетъ“, отвѣтили ему рабочіе. Между тѣмъ, озлобленіе рабочихъ достигло крайняго предѣла и, когда женщины, подъ вліяніемъ инспектора, хотѣли было взяться за работу, рабочіе бросились на нихъ съ крикомъ „ура!“ и сильно избили (около десяти раненыхъ). Та же участь постигла и мастеровъ, которые издѣвались надъ рабочими и угрожали, что, если рабочіе не возьмутся за работу по указаннымъ въ объявленіи расцѣнкамъ, то они примутъ иностранцевъ. По приказу градоначальника было предложено получить разсчетъ, но рабочіе отказались его принять. Тогда пріѣхалъ самъ Клейгельсъ, разспрашивалъ рабочихъ объ ихъ недовольствѣ и обѣщалъ разсмотрѣть расцѣнки. Во время стачки приходилось поддерживать только стариковъ, молодые же отказались отъ помощи.

---

*) Рабочими не былъ услышанъ выстрѣлъ за страшнымъ грохотомъ въ механической мастерской.

Поправка. Въ № 32 „Искры“ въ статьѣ „Неудачный дебютъ“ въ спискѣ зубатовскихъ агентовъ указанъ рабочій Егоровъ. Нами получено сообщеніе, что рабочій Егоровъ никогда зубатовцемъ не былъ и въ настоящее время сидитъ въ Выборгской тюрьмѣ по дѣлу Петербургскаго Комитета.

Кострома. О здѣшнихъ майскихъ событіяхъ мы уже сообщали въ № 42. Кое-какія новыя свѣдѣнія заимствуемъ изъ доставленнаго намъ письма.

Послѣдовавшіе за демонстраціей 8 мая аресты и упорство хозяевъ окончательно взбѣсили рабочихъ. Въ концѣ концовъ, толпа 20-го вечеромъ бросилась ломать заборъ и разбивать квартиры директора и другихъ представителей фабричной администраціи. Разгромъ, говорятъ, произведенъ страшный: выбили стекла, высадили рамы и двери, разбили всю мебель и т. д. *Грабежа не было:* рабочіе ничѣмъ не хотѣли воспользоваться, но зато ничего не захотѣли оставить и фабрикантамъ. Озлобленіе страшное. Фабричныхъ корпусовъ, машинъ и, вообще, ничего другого, кромѣ жилыхъ квартиръ, не тронули. Администрація фабрики хотѣла бѣжать изъ города, но ее полиція до разсчета съ рабочими не выпустила и принудила переселиться въ гостинницу. Для усмиренія „бунта“ были вызваны войска. (Надо замѣтить, что оба батальона уже ушли въ лагерь, и въ городѣ въ тотъ день оставалось уже очень мало солдатъ. Гулявшіе въ тотъ вечеръ на бульварѣ наблюдали такую сцену. Музыка неожиданно оборвалась на какой-то пьесѣ и музыканты опрометью бросились бѣжать съ эстрады; оказалось, что они получили приказъ немедленно стать подъ ружье и идти къ фабрикамъ). Сначала пугали толпу холостыми залпами, затѣмъ, когда раздались возгласы, что солдатамъ не приказано убивать, что они не имѣютъ права и т. д., было произведено нѣсколько боевыхъ выстрѣловъ, которые и разсѣяли толпу. Многихъ ранили. Упорно держатся слухи о 10 убитыхъ, но администрація тщательно скрываетъ трупы... Затѣмъ, разгромы и стычки съ войсками повторялись въ два слѣдующіе дня, главнымъ образомъ, по вечерамъ, послѣ смѣны. Толпа уже стала отбиваться отъ солдатъ*) камнями (разобрали мостовую на Солдатской улицѣ), кольями и т. п. Въ толпѣ была масса рабочихъ и съ другихъ фабрикъ, кромѣ бельгійской. Рабочихъ охватило страшное одушевленіе и какъ только кончалась смѣна, они цѣлыми толпами бѣжали къ „бельгійкѣ“. Останавливавшимъ обыкновенно отвѣчали: „тамъ льется кровь, тамъ нашихъ братьевъ убиваютъ!“ Конечно, эти разгромы имѣли своимъ послѣдствіемъ массовые аресты. Дѣло, вѣроятно, будетъ разбираться, какъ уголовное, въ судебной палатѣ. Теперь, кажется, стало спокойнѣе, но работа на бельгійкѣ еще не возобновилась. Попечительство о домахъ трудолюбія открыло временную столовую для безработныхъ. До этого нужда и голодъ были страшные. Общество отзывалось туго, да и нельзя было сноситься съ райономъ, оцѣпленнымъ войсками. Всякаго посторонняго, появлявшагося на улицѣ, немедленно забирали“.

---

*) Спѣшно вызвали изъ Ярославля весь батальонъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

На только что окончившихся выборахъ въ германскій рейхстагъ соц.-дем. выставили своихъ кандидатовъ въ 395 округахъ изъ всѣхъ 397. Во многихъ округахъ всѣ буржуазныя партіи объединились, выставивъ общаго кандидата противъ соц.-дем.: такъ было дѣло во всѣхъ 23 округахъ королевства Саксоніи, наиболѣе [illegible]енной части Германіи, гдѣ борьба съ соціальдемократами [illegible] велась не на жизнь, а на смерть, и гдѣ на прошлыхъ [illegible] соц.-дем. завоевали уже 11 округовъ; реакція въ Саксоніи [illegible]снила соц.-дем. изъ ландтага (мѣстнаго парламента), введя избирательное право, ограничивающее права рабочаго класса и во время предвыборной агитаціи воздвигла настоящее гоненіе на соц.-дем. Собранія запрещались полиціей по самымъ незаконнымъ поводамъ, залы для собраній во многихъ мѣстностяхъ должны были браться соціальдемократами буквально съ *боя*, правда не кровопролитнаго; такъ, въ Лейпцигѣ рабочіе должны были прибѣгнуть къ многодневному бойкоту пива всѣхъ ресторановъ, имѣющихъ залы для собраній, и лишь послѣ этого имъ удалось добиться разрѣшенія получать залы для собраній; и это въ большихъ городахъ! Въ маленькихъ и въ деревняхъ соц.-дем. приходилось собираться подъ открытымъ небомъ, и то часто полиція запрещала собранія подъ тѣмъ предлогомъ, что малолѣтніе якобы могутъ подслушать (по закону малолѣтніе не могутъ присутствовать на политическихъ собраніяхъ). Въ 11 и 14 саксонскихъ округахъ, гдѣ борьба велась особенно ожесточенно, было запрещено 33 соц.-дем. собранія.

Сильное агитаціонное значеніе имѣло особенно одно собраніе въ Саксоніи, на которомъ долженъ былъ говорить депутатъ Геришъ въ какомъ-то мѣстечкѣ вблизи австрійской границы и богемскихъ лѣсовъ; залы для собранія нельзя было достать во всей окрестности, народъ собрался подъ открытымъ небомъ на пустомъ кускѣ земли, но явившаяся жандармерія не допустила собранія, опираясь на законъ о малолѣтнихъ; раздраженныя массы стали уже расходится, какъ вдругъ кому то пришла въ голову счастливая мысль итти къ австрійской границѣ. Съ Геришемъ во главѣ двинулись всѣ въ Австрію — кустари, рабочіе, крестьяне примыкали по дорогѣ къ невиданному зрѣлищу: собранію свободныхъ гражданъ, бѣгущихъ заграницу, чтобы имѣть возможность воспользоваться правомъ, предоставленнымъ конституціей. На границѣ, привѣтствованной криками ура, остановились, подождали отставшихъ и отправились въ лѣсъ; усѣлись во мху, и Геришъ съ большаго камня громилъ въ полутарачасовой рѣчи реакцію въ Германіи; конецъ собранія былъ высокодраматиченъ: всѣ участники поднялись и клялись положить всѣ свои силы въ борьбѣ за рабочее дѣло. Саксонская жандармерія послѣдовала за шествіемъ, но держалась во время рѣчи на почтительномъ разстояніи, не смѣя распоряжаться на чужой территоріи. Реакціонеры имѣли въ своемъ распоряженіи и весь правительственный механизмъ; чиновники употребляли всѣ средства вліянія на избирателей; такъ, одинъ губернаторъ въ Саксоніи приглашалъ особымъ оповѣщеніемъ всѣхъ желающихъ выбрать консерватора на совѣщаніе; кто не являлся, считался врагомъ отечества и заподозривался въ сочувствіи „краснымъ“; фабриканты въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ заставляли своихъ рабочихъ подъ угрозой отказа отъ работы обѣщать голосовать за кандидата буржуазныхъ партій. Въ распространяемыхъ летучихъ листкахъ буржуазныя партіи не жалѣли самыхъ нелѣпыхъ клеветъ и обвиненій для соц.-демок. Брошюры противъ соц.-дем., составленныя въ большинствѣ случаевъ писателями „свободомыслящей народной партіи“ при ближайшемъ участіи ея вождя Рихтера и наполненныя самыми идіотскими извращеніями соц.-дем. ученія, принимались съ радостью всѣми реакціонными партіями; на распространеніе ихъ въ народѣ въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ употреблялись даже и правительственныя деньги; отъ Рихтера, нѣкогда грозы реакціи, были въ восторгѣ всѣ реакціонеры. Соціальдемократы не остались въ долгу: на каждую брошюру они отвѣчали брошюрой, партійная типографія была буквально завалена работой, благо денегъ на предвыборную агитацію имѣлось вдоволь: нѣсколько сотъ тысячъ марокъ было пожертвовано рабочимъ классомъ Германіи на эту борьбу, были взносы и изъ другихъ странъ: бельгійская партія, помня братскую помощь германскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки въ Бельгіи, устроила по всей странѣ празднества и отсылала вырученныя деньги на борьбу въ Германію, изъ Америки, Голландіи, Швейцаріи, Россіи (редакціи „Искры“ и О. К.) тоже были взносы. Работали соц.-дем. славно! Начиная съ Бебеля и Зингера, всѣхъ кандидатовъ и журналистовъ партіи и кончая массовыми рабочими, распространявшими въ милліонахъ экземпляровъ летучіе листки, работали всѣ, не покладая рукъ. Бебель — 62 лѣтній старикъ — былъ вездѣсущъ: сегодня онъ въ Саксоніи и говоритъ въ одинъ вечеръ на трехъ собраніяхъ въ Мееранѣ, завтра около Хемница на полѣ передъ собраніемъ въ 8.000 человѣкъ, потомъ мы его встрѣчаемъ на Рейнѣ въ округахъ, являющихся издавна самымъ крѣпкимъ оплотомъ центра, вотъ онъ въ Крефельдѣ, и зала ломится отъ дотолѣ неслыханнаго числа слушателей, вотъ онъ въ Эссенѣ на фабрикахъ Круппа встрѣчается и провожается восторженными криками толпъ народа, въ Эссенѣ, гдѣ коронованный агитаторъ, оказывающій соціальдемократамъ такія услуги своими рѣчами, Вильгельмъ произнесъ свою знаменитую рѣчь, обвиняя соціальдемократовъ въ убійствѣ Круппа и призывая рабочихъ порвать съ этими „жалкими людьми“, недостойными носить имя германцевъ. Но не одними Бебелями сильна партія, она сильна стоящими за ней массами, строгой дисциплиною, организованностью, высокимъ идеализмомъ, царящимъ въ массахъ, вѣрой въ близкую неизбѣжную побѣду, скромными работниками, выносящими съ радостью всѣ лишенія, всѣ оскорбленія и гоненія ради партіи. Вотъ скромный распространитель листковъ: сегодня его арестуютъ и судятъ за якобы незаконное занятіе промысломъ въ воскресенье, завтра крестьяне, съагитированные центровскимъ попомъ, гонятъ его изъ деревни вилами и дубьемъ, вотъ въ Данцигѣ толпа католиковъ, выходя въ воскресенье изъ церкви, избиваетъ нѣсколькихъ соц.-дем. чуть не до полусмерти, вотъ крестьяне отнимаютъ листки и даже скупаютъ ихъ въ окрестностяхъ и устраиваютъ костеръ изъ нихъ, вотъ выкинутые на мостовую фабрикантомъ рабочіе, заподозрѣнные въ распространеніи листковъ, и такъ безъ конца! Католическое духовенство очень умѣло пользуется своимъ положеніемъ духовныхъ отцовъ и наставниковъ: здѣсь одинъ изъ ксендзовъ спрашиваетъ рабочаго на исповѣди, кого онъ думаетъ выбрать, рабочій говоритъ: „соціальдемократа“, попъ грозитъ ему всѣми муками ада, грозитъ лишить причастія; въ другомъ мѣстѣ на исповѣди допытываютъ жену рабочаго, какія газеты получаетъ мужъ, въ третьемъ мѣстѣ заявляется въ проповѣди, что всѣ голосующіе не за центръ будутъ прокляты и отлучены отъ церкви; въ Крефельдѣ обѣщается прощеніе всѣхъ грѣховъ въ теченіи 200 дней всякому читающему ежедневно по три раза „Отче нашъ“ за побѣду надъ соц.-дем. и каждому голосующему за центръ. „Впередъ“ ядовито замѣчаетъ по этому поводу, что отпущеніе грѣховъ дѣйствительно необходимо, ибо помощь центру является очень и очень тяжелымъ грѣхомъ. Здѣсь ксендзъ отказываетъ фабриканту въ причастіи, такъ какъ онъ даетъ работу завѣдомымъ соц.-дем.; тамъ ксендзъ пишетъ письмо трактирщику, отдавшему залъ для собранія рабочихъ, грозя бойкотомъ, и трактирщикъ, зная власть католическаго духовенства надъ населеніемъ, отказываетъ въ залѣ: ложь, клевета, зажиманіе рта противнику — самыя лучшія средства борьбы съ соціальдемократами въ глазахъ всѣхъ буржуазныхъ партій: типографія „Впередъ“ эксплуатируетъ рабочихъ, вожаки партіи катаются какъ сыръ въ маслѣ на трудовыя деньги рабочихъ, Бебель приказалъ засыпать часть цюрихскаго озера и разводитъ себѣ тамъ паркъ, соц.-дем. проповѣдуютъ общность женъ, поощряютъ лѣнь, разоряютъ крестьянъ, сгоняютъ плетьми рабочихъ къ урнамъ для выбора — вотъ перлы клеветническаго остроумія буржуазныхъ партій. Буржуазная демократія, особенно часть ея, предводительствуемая Рихтеромъ, не отставала отъ реакціонеровъ, прибѣгая въ борьбѣ съ соц.-дем. лишь къ подпольной агитаціи, избѣгая выступать открыто на собраніяхъ противъ соц.-дем. ораторовъ и не допуская ихъ говорить на своихъ собраніяхъ. Саксонскіе свободомыслящіе запретили одному соц.-дем. кандидату входъ на свои собранія, мотивируя это невозможно рѣзкимъ способомъ выраженій его; собранія свободомыслящихъ въ Берлинѣ, гдѣ велась ожесточенная борьба, особенно въ пятомъ и первомъ округѣ, были въ большинствѣ случаевъ закрыты для соц.-дем., а на соц.-дем. собраніяхъ выступали въ дискуссіяхъ больше консерваторы, предпринявшіе попытку отвоевать Берлинъ у соц.-дем., чѣмъ самая сильная въ Берлинѣ послѣ соц.-дем. партія свободомыслящихъ. Рихтеръ, приглашенный письменно на одно изъ соц.-дем. собраній, отвѣтилъ, что не желаетъ дѣлать собраніе интереснымъ и, кромѣ того, его личная честь не позволяетъ ему явиться въ виду постоянныхъ нападокъ на него со стороны соц.-дем. Авторъ брошюръ, наполненныхъ пошлыми выходками противъ соц.-дем., запрещаетъ себѣ полемизировать съ ними! Тартюфство въ политикѣ интернаціонально, и Рихтеру его не занимать стать у нашихъ доморощенныхъ ненавистниковъ „нетоварищескихъ пріемовъ полемики“. Въ своемъ округѣ Рихтеръ приглашалъ на собраніе лишь „интересующихся выборами г-на Рихтера“! И это бывшій народный трибунъ, нѣкогда заставлявшій трепетать Бисмарка! Страхъ передъ побѣдоноснымъ пролетаріатомъ дѣлаетъ реакціонерами многихъ бывшихъ революціонеровъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ послѣднемъ 26 номерѣ „Революціонной Россіи“ авторъ статьи „Еще о критикахъ террористической тактики“*) обидѣлся на „Искру“ за ея утвержденіе, что партія соц.-революціонеровъ до сихъ поръ не заявила себя буквально ни однимъ коллективнымъ дѣйствіемъ. Авторъ обидѣлся и торопится уличить „Искру“ во лжи: „это, положимъ, не совсѣмъ вѣрно, говоритъ онъ. Лѣтописи демонстраціоннаго движенія и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Саратовѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ знаютъ кое-что объ участіи соц.-революціонеровъ въ организаціи „коллективныхъ дѣйствій“.

Прочелъ я это мѣсто и подумалъ: вотъ новый поводъ для разныхъ бородатыхъ и безбородыхъ младенцевъ составить коллективный протестъ противъ нетоварищескаго пріема полемики „Искры“, противъ „Искры“, такъ обижающей несчастныхъ борцовъ за общее революціонное дѣло. Подумалъ я это, но тутъ мнѣ бросилось въ глаза, что рядомъ съ ссылкой на лѣтописи Кіева, Одессы и нѣкоторыхъ другихъ городовъ фигурируетъ также и лѣтопись г. Саратова.

Въ Саратовѣ, насколько мнѣ извѣстно, революціонная лѣтопись зарегистрировала лишь одну, всѣмъ хорошо извѣстную демонстрацію 5 мая 1902 г. Какъ демонстрація эта, такъ и подготовка къ ней происходили на моихъ глазахъ. И вотъ я началъ вспоминать это время, чтобы наконецъ убѣдиться, что клевещетъ „Искра“ на бѣдную „Рев. Рос.“. Въ моей памяти ясно выступаютъ лица, говорившія рѣчи на агитаціонныхъ предмайскихъ собраніяхъ на „Зеленомъ Островѣ“, вспоминаются лица, готовившія знамена, лица писавшія и редактировавшія прокламаціи и афиши, лица вырабатывавшія планъ кампаніи, вспоминаются и тѣ, кто разбрасывалъ и расклеивалъ прокламаціи. И какъ ни напрягаю свою память, я не могу припомнить, чтобы въ числѣ всѣхъ этихъ лицъ былъ бы хоть одинъ соц.-революціонеръ. Вспоминаю самый день 5 мая, вспоминаю пѣшій базаръ, кучки разсыпавшихся по площади организаторовъ, вспоминаю минуту, когда вдругъ взвились знамена и собравшаяся вокругъ нихъ толпа съ пѣніемъ „Варшавянки“ направилась къ Нѣмецкой ул., вспоминаю героическую схватку демонстрантовъ съ напавшими на нихъ переодѣтыми и непереодѣтыми полицейскими и сыщиками. И опять въ этой толпѣ, среди несшихъ знамена, разбрасывавшихъ прокламаціи, дерущихся съ полиціей, я при всемъ желаніи не могу припомнить ни одного соц. революціонера.

Наконецъ, вспоминаю судъ, вспоминаю рѣчи подсудимыхъ и защитниковъ. Какъ тѣ, такъ и другіе говорятъ о соц.-демокр., майской, рабочей демонстраціи. Ни одинъ изъ подсудимыхъ, признавшихъ на судѣ свое участіе въ демонстраціи, не протестовалъ противъ заявленія защитника Чубаровской Волькенштейна, что его кліентка и ея товарищи соціальдемократы.

И вотъ, вспомнивъ все это, я занялся разрѣшеніемъ слѣдующей задачи: Въ числѣ демонстрантовъ, въ числѣ устроителей и организаторовъ ея, въ числѣ пострадавшихъ за нее не было ни одного соц.-революціонера; въ чемъ же проявилось участіе сихъ честныхъ борцовъ „въ коллективныхъ дѣйствіяхъ города Саратова?“ Единственной отгадкой этой, казалось бы, неразрѣшимой задачи представилась мнѣ слѣдующая: господа соц.-революціонеры взяли на себя тяжелый трудъ присвоить саратовскую демонстрацію, устроенную и приведенную въ исполненіе коллективными усиліями Саратовскаго комитета Росс. С.-Д. Р. П., Сарат. соц.-дем. ремесленнаго союза и *соціаль-демократическихъ* членовъ объединенной группы С.-Д. и С.-Р. Они взяли на себя тяжкій трудъ post factum въ своихъ органахъ и листкахъ передѣлать первомайскую демонстрацію саратовскихъ рабочихъ въ демонстрацію соц.-революціонеровъ въ память Балмашева.

Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать участіемъ въ организаціи демонстраціи тотъ фактъ, что въ самый разгаръ ея одному изъ членовъ соц.-дем. комитета кѣмъ-то была передана пачка сфабрикованныхъ соц.-революціонерами прокламацій для разбрасыванія вмѣстѣ съ изданными „Искрой“ и организаторами демонстраціи. Нельзя же считать участіемъ соц.-револющ. въ организаціи демонстраціи тотъ фактъ, что про черное знамя въ память только что казненнаго Балмашева они узнали лишь *послѣ демонстраціи*..

Подведемъ итогъ. Заявленіе „Рев. Рос.“, поскольку оно касается саратовской демонстраціи, употребляя „товарищескій“ пріемъ полемики этого органа, „не совсѣмъ вѣрно“. Въ пылу желанія пристегнуть свое имя къ пролетарскому движенію „Рев. Рос.“ немножечко сошла съ пути истины.

Было бы очень желательно, чтобы товарищи Одессы, Кіева и „нѣкоторыхъ другихъ городовъ“ (названія которыхъ пока, по скромности конечно, умалчиваются гг. соц.-революціонерами) порылись въ своей памяти; пожалуй они, подобно мнѣ, припомнятъ аналогичные саратовскому случаи участія гг. соц.-революціонеровъ въ организаціи „коллективныхъ“ дѣйствій. А какъ ни какъ, случаи подобнаго участія достойны быть занесенными на скрижаляхъ революціонной лѣтописи.

Бывшій членъ Сарат. Ком. Р. С.-Д Р. П.

---

*) Къ этой статьѣ мы еще вернемся въ слѣдующемъ номерѣ.

Прим. ред.

Кавказскимъ Союзомъ выпущенъ листокъ „Кто виноватъ?“ (о кишиневскомъ погромѣ). **Донскимъ Комитетомъ** переиздана статья № 39 „Искры“ „Послѣдняя карта царизма“. **Саратовскимъ Комитетомъ** — рѣчь Денисова (2.000 экз.) **Сѣвернымъ Союзомъ** — № 4 бюллетеня (описаніе майскихъ дней); сверхъ того въ собственной типографіи изданы: „Самодержавіе колеблется“ (статья изъ № 35 „Искры“) и „Письмо матроса къ товарищамъ“ (для солдатъ). **Тверскимъ Комитетомъ** въ концѣ мая изданъ листокъ къ рабочимъ Куровскаго стекляннаго завода. **Кіевскій Комитетъ** издалъ отчетъ о своей дѣятельности, съ которымъ мы познакомимъ читателей въ слѣдующемъ №.

Предостереженіе. Петербургскіе товарищи предостерегаютъ противъ слѣдующихъ шпіоновъ-провокаторовъ: 1) **Василій Павловъ**, работалъ на Семянниковскомъ заводѣ, теперь безъ работы. Живетъ на Выборгской сторонѣ въ домѣ Аханова кв. № 17. Примѣты: на видъ лѣтъ 35-40; волосы длинные, какъ бываетъ у крестьянъ; большая русая борода; лицо смуглое. 2) **Иванъ Грачевъ**, работалъ на Барановскомъ заводѣ, теперь — неизвѣстно гдѣ, (уѣзжалъ въ Москву). Токарь. Говоритъ ласково; среднихъ лѣтъ; лицо свѣжее; черные, какъ смоль, волосы; черные большіе усы; средняго роста. 3) **Филипповъ**, сапожникъ. Адресъ: Петергофское шоссе, домъ № 17 Б, во дворѣ. 4) **Василій Янкельсонъ**. Токарь, работалъ на Балтійскомъ заводѣ. Эстонецъ. Провалилъ дѣло „Союза Борьбы“ въ апрѣлѣ 1903 г. 5) **Кузьма Ивановъ**, работалъ на Семянниковскомъ заводѣ; ученикъ технич. школы. Подавалъ прошеніе въ охранное отдѣленіе о зачисленіи его въ сыщики.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Здѣсь арестовано до 30 человѣкъ. Дѣло сидящихъ около $1^1/_2$ лѣтъ 10 смоленцевъ, обвиняемыхъ въ составленіи террористическаго кружка, снова возвращено изъ министерства юстиціи въ жандармское управленіе. Обвиняемыхъ 10 человѣкъ: статистикъ Дроздовъ, бывш. технологъ Синявскій, рабочіе: Савинковъ, Журавель, Трифоновъ, Царьковъ, Гдавинъ, конторщикъ Виноградовъ, землемѣръ Каганъ, статистикъ Бойковъ (былъ въ ссылкѣ въ Уфимской губ.) **Одесса.** Арестованные въ февралѣ 1903 г. Давидъ Левинъ и Викт. Рабиновичъ сосланы на 4 года въ Вост. Сибирь. **Самара.** Сосланъ въ Вост. Сибирь до приговора Конрадъ Газенбушъ. **Никололь (Екат. губ.)** 31 мая былъ обыскъ у Голубова. — Освобождены въ началѣ іюнѣ изъ Д. П. З. въ СПБ. и высланы въ Тверь подъ особый надзоръ: Ц. Зелигсонъ, Николева, курсистка и Прас. Кудели. Освобождены: Фонарева, медичка, Полубояринова.

Владимірская губ. Въ апрѣлѣ въ с. Мызино Судогодскаго уѣзда наѣзжали жандармы, производили у крестьянъ повальные обыски и отбирали нелегальную литературу; арестовали двухъ крестьянъ, но черезъ нѣсколько дней выпустили. Одинъ рабочій арестованъ на Уршельскомъ стеклянномъ заводѣ. Сидѣвшіе въ Владимірской тюрьмѣ съ декабря 1901 г. по дѣлу Орѣхово-Богородской рабочей организаціи рабочіе Вороновъ и Сельдяковъ сосланы на 4 года, первый — въ Вологодскую, а второй — въ Архангельскую губ. Арестованные весной 1902 года крестьяне Вязниковскаго уѣзда Соколовъ (сельскій староста) и Гусевъ, обвинявшіеся по 252 ст., выпущены подъ особый надзоръ до приговора. — Доливо-Добровольскій (Ярославское дѣло), скрывшійся изъ Оренбурга, гдѣ былъ въ ссылкѣ и арестованный въ январѣ 1903 года въ Петербургѣ, вновь высланъ въ Оренбургъ. — Въ этомъ году въ Вологодской губерніи кончили срокъ ссылки слѣдующія лица: По дѣлу Кіевскаго комитета 1898 года; Вѣра Тучапская. Дрелингъ (заграничный студентъ), Шуляковскій (студ.), Шенъ и Рабчевскій (присяжные повѣренные), Бѣлоусовы (мужъ и жена). Жиглинскій. По дѣлу С.-П.Б. „Союза Борьбы“ 1898 года — статистикъ Саммеръ. По дѣлу Литовской соціаль-дем. (1899 г.): рабочіе изъ Вильны Александръ Адамовичъ, Антонъ Воткевичъ и Игнатій Моціевскій. По дѣлу Московскаго Комитета 1898 г. — Ванновскій (техникъ). По дѣлу пропаганды на заводѣ Бертъ въ С.-Петербургѣ (1898 г.): медикъ Я. Принцевъ и чертежникъ Зиновьевъ. По дѣлу „Раб. Знамени“ 1898 г. — Татариновъ. Рабочій Максимовъ (стачка у Максвеля 1898 г.). Рабочій Логачъ (Варшавское дѣло). Братья Стечкины (Одесск. соц.-дем. дѣло 99 г.). Архитекторъ Курицынъ и медичка Довелло (дѣло соц.-рев. въ Петербургѣ 1898 г.). Фельдшерица Е. Маркова (С.-П.Б.). Косьминскій, рабочій изъ Пинска (польское національное дѣло). Немиро, студ. (дѣло въ С.-П.Б.). Третьяковъ (Костромское соц.-дем. дѣло 1901 г.). Ремизовъ, литераторъ (Пензенское соц.-дем. дѣло 1898 г.). Аусемъ, Юрьевск. студ. (по дѣлу 1899 г.). Щеголевъ, петерб. студ. (дѣло „группы двадцати“ 1899 г.). Русановъ (Орловское соц.-дем. дѣло 1901 г.). Кильбасинскій и Миклашевскій — инженеры (дѣло Польск. Соц. Партіи). Ольга Залѣсская, портниха (Ростовское соц.-дем. дѣло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Сѣрому. Ключъ неизвѣстенъ.

Матвѣю. Оба письма получили, но прочесть не могли: плохо проявилось.

Емельяну. Пришлите скорѣе адресъ для писемъ.

Польша-Каурому. Письмо получено. Ужасно рады были. Не совсѣмъ разобрали конецъ.

Получено: изъ „Ь“ (мягк. зн.) за литер. 147,25 фр., по подп. лис. 108,15 фр., на попул. лит. 4,40 фр., отъ конс. 4,30 фр. Изъ Берна за май и іюнь 538 фр. изъ нихъ съ лекцій Плеханова и Ленина 280 фр., за литер. 162 фр., отъ Б. К. Ф. 88 фр., отъ читателя „Искры“ 8 фр. Изъ Лозанны за іюнь 170,40 фр. изъ нихъ съ лекцій Плеханова 137,80 фр. и за литературу 32,60 фр. черезъ „фершала“: на Партію 12 руб. и на „Искру“ 3 руб. Отъ Тигрова на печатаніе записокъ Дейча 25 фр. Изъ Л.: отъ московскаго земскаго врача 10 руб., отъ К. 30 мар. Отъ Ш. 200 фр. Изъ Базеля 3 фр. Изъ Ма. по подп. листу 87 фр. Отъ Томск. Ком. 20 руб., изъ Томска отъ консула 5 руб. и раньше оттуда же 15 руб. за „И.“ и 10 руб. отъ частнаго кружка. Русская Рижская соц.-дем. группа получила 25 руб. отъ квадр. корня изъ минусъ единицы. Отъ Архаровца 25 руб., отъ пессимиста на „Искру“ 15 руб. и на ссыльныхъ въ Сибири 10 руб., отъ ab, bc, cd 50 руб., отъ А. А. 100 руб.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 44. 15-го іюля 1903 года. № 44.

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАШЕЙ ПРОГРАММѢ.

Въ проектѣ партійной программы мы выставили требованіе республики съ демократической конституціей, обезпечивающей, между прочимъ, „признаніе права на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“. Такое программное требованіе многимъ казалось недостаточно яснымъ, и въ № 33, говоря о манифестѣ армянскихъ соц.-демократовъ, мы объяснили значеніе этого пункта слѣдующимъ образомъ. Соціальдемократія всегда будетъ бороться противъ всякой попытки путемъ насилія или какой бы то ни было несправедливости извнѣ вліять на національное самоопредѣленіе. Но безусловное признаніе борьбы за свободу самоопредѣленія вовсе не обязываетъ насъ поддерживать всякое требованіе національнаго самоопредѣленія. Соціальдемократія, какъ партія пролетаріата, ставитъ своей положительной и главной задачей содѣйствіе самоопредѣленію не народовъ и націй, а пролетаріата въ каждой національности. Мы должны всегда и безусловно стремиться къ *самому тѣсному* соединенію пролетаріата всѣхъ національностей, и лишь въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ мы можемъ выставлять и активно поддерживать требованія, клонящіяся къ созданію новаго классоваго государства или къ замѣнѣ полнаго политическаго единства государства болѣе слабымъ федеративнымъ единствомъ и т. п.

Такое толкованіе нашей программы по національному вопросу вызвало рѣшительный протестъ со стороны Польской Соціалистической Партіи (П. П. С.). Въ статьѣ: „Отношеніе россійской соціальдемократіи къ національному вопросу“ (Przedswit, мартъ 1903 г.) П. П. С. возмущается этимъ „удивительнымъ“ толкованіемъ и „туманностью“ нашего „таинственнаго“ самоопредѣленія, обвиняетъ насъ и въ доктринерствѣ и въ „анархическомъ“ взглядѣ, будто „рабочему нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ совершеннаго уничтоженія капитализма, такъ какъ, молъ, языкъ, національность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы“ и пр. Стоитъ остановиться со всей подробностью на этой аргументаціи, обнаруживающей едва-ли не всѣ столь обычныя и столь распространенныя недоразумѣнія среди соціалистовъ по національному вопросу.

Почему такъ „удивительно“ наше толкованіе? почему усматривается въ немъ отступленіе отъ „буквальнаго“ смысла? Неужели признаніе *права* на самоопредѣленіе націй требуетъ *поддержки* всякаго требованія всякой націи самоопредѣляться? Вѣдь признаніе *права* всѣхъ гражданъ устраивать свободные союзы вовсе не обязываетъ насъ, соціальдемократовъ, *поддерживать* образованіе всякаго новаго союза, вовсе не мѣшаетъ намъ высказываться и агитировать противъ нецѣлесообразности и неразумности идеи образовать такой-то новый союзъ. Мы признаемъ *право* даже іезуитовъ вести свободную агитацію, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) противъ союза іезуитовъ и пролетаріевъ. Поэтому, когда Przedswit говоритъ: „если это требованіе свободнаго самоопредѣленія должно быть понято буквально (а такое значеніе ему мы доселѣ придавали), въ такомъ случаѣ оно бы насъ удовлетворило“, — то совершенно очевидно, что отъ буквальнаго смысла программы отступаетъ именно П. П. С. Нелогичность ея вывода съ формальной стороны несомнѣнна.

Но мы не хотимъ ограничиться формальной провѣркой нашего толкованія. Поставимъ прямо вопросъ и по существу: безусловно ли должна соціальдемократія требовать всегда національной независимости или лишь при извѣстныхъ условіяхъ и при какихъ именно? П. П. С. всегда рѣшала этотъ вопросъ въ пользу безусловнаго признанія, и насъ нисколько не удивляетъ поэтому ея нѣжность къ русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, которые требуютъ федеративныхъ государственныхъ порядковъ, высказываясь за „полное и безусловное признаніе права на національное самоопредѣленіе“. („Рев. Россія“, № 18, статья: „Національное порабощеніе и революціонный соціализмъ“). Къ сожалѣнію, это не болѣе, какъ одна изъ тѣхъ буржуазно-демократическихъ фразъ, которыя въ сотый и въ тысячный разъ показываютъ настоящую природу такъ-наз. партіи такъ-называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Поддаваясь на приманку этихъ фразъ, прельщаясь этой шумихой, П. П. С. въ свою очередь доказываетъ этимъ, какъ слаба въ ея теоретическомъ сознаніи и въ ея политической дѣятельности связь съ классовой борьбой пролетаріата. Интересамъ именно этой борьбы должны мы *подчинять* требованіе національнаго самоопредѣленія. Въ этомъ именно условіи и состоитъ отличіе нашей постановки національнаго вопроса отъ буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократъ (а также идущій по его стопамъ современный соціалистическій оппортунистъ) воображаетъ, что демократія устраняетъ классовую борьбу и потому ставитъ всѣ свои политическія требованія абстрактно, огульно, „безусловно“, съ точки зрѣнія интересовъ „всего народа“ или даже съ точки зрѣнія вѣчнаго нравственнаго принципа-абсолюта. Соціальдемократъ безпощадно разоблачаетъ эту буржуазную иллюзію вездѣ и всегда, выражается ли она въ отвлеченной идеалистической философіи или въ постановкѣ безусловнаго требованія національной независимости.

Если нужно еще доказывать, что марксистъ не можетъ иначе какъ условно и именно подъ указаннымъ выше условіемъ, признавать требованіе національной независимости, то мы приведемъ слова писателя, *защищавшаго* съ марксистской точки зрѣнія выставленіе польскими пролетаріями требованія независимой Польши. Карлъ Каутскій писалъ въ 1896 году въ статьѣ „Finis Poloniae?“: „Разъ только польскій пролетаріатъ займется польскимъ вопросомъ, онъ не можетъ не высказаться за независимость Польши, онъ не можетъ, слѣдовательно, не привѣтствовать каждаго шага, который уже теперь можетъ быть сдѣланъ въ этомъ направленіи, поскольку такой шагъ вообще совмѣстимъ съ классовыми интересами международнаго борющагося пролетаріата.

„Эту оговорку — продолжаетъ Каутскій — во всякомъ случаѣ необходимо сдѣлать. *Національная независимость не такъ неразрывно связана съ классовыми интересами борющагося пролетаріата, чтобы должно было стремиться къ ней безусловно, при всякихъ обстоятельствахъ.**) Марксъ и Энгельсъ съ величайшей рѣшительностью выступали за объединеніе и освобожденіе Италіи, но это не помѣшало имъ высказаться въ 1859 году противъ союза Италіи съ Наполеономъ“ („Neue Zeit“, XIV, 2, S. 520).

Вы видите: Каутскій категорически отвергаетъ *безусловное* требованіе независимости націй, категорически требуетъ постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся къ постановкѣ польскаго вопроса Марксомъ и Энгельсомъ, то мы увидимъ, что именно такъ ставили его и они съ самаго начала. „Новая Рейнская Газета“ удѣлила много мѣста польскому вопросу и рѣшительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германіи съ Россіей за свободу Польши. Въ это же самое время однако, Марксъ обрушился на Руге, который говорилъ за свободу Польши въ Франкфуртскомъ парламентѣ, рѣшая польскій вопросъ при помощи однѣхъ только буржуазно-демократическихъ фразъ о „позорной несправедливости“, безъ всякаго историческаго анализа. Марксъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ педантовъ и филистеровъ отъ революціи, которые всего больше боятся „полемики“ въ революціонные историческіе моменты. Марксъ осыпалъ безпощадными сарказмами „гуманнаго“ гражданина Руге, показывая ему на примѣрѣ угнетенія южной Франціи сѣверною, что не всякое національное угнетеніе и не всегда вызываетъ законное, съ точки зрѣнія демократіи и пролетаріата, стремленіе къ независимости. Марксъ ссылался на особыя соціальныя условія, въ силу которыхъ „Польша сдѣлалась революціонною частью Россіи, Австріи и Пруссіи... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почвѣ, примкнуло съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ къ демократически-аграрной революціи. Польша была уже очагомъ Европейской демократіи, когда Германія прозябала еще въ самой пошлой конституціонной и напыщенно-философской идеологіи... Покуда мы (нѣмцы) помогаемъ угнетать Польшу, покуда мы приковываемъ часть Польши къ Германіи, — мы остаемся сами прикованными къ Россіи и къ русской политикѣ, мы не можемъ и у себя дома освободиться радикально отъ патріархально-феодальнаго абсолютизма. Созданіе демократической Польши есть первое условіе созданія демократической Германіи“.

Мы процитировали эти заявленія такъ подробно, ибо они наглядно показываютъ, при какихъ историческихъ условіяхъ сложилась та постановка польскаго вопроса въ международной соціальдемократіи, которая держалась почти всю вторую половину XIX вѣка. Не обращать вниманія на измѣнившіяся съ тѣхъ поръ условія, отстаивать старыя рѣшенія марксизма, значитъ быть вѣрнымъ буквѣ, а не духу ученія, значитъ повторять по памяти прежніе выводы, не умѣя воспользоваться пріемами марксистскаго изслѣдованія для анализа новой политической ситуаціи. Тогда и теперь, — эпоха послѣднихъ буржуазныхъ революціонныхъ движеній и эпоха отчаянной реакціи, крайняго напряженія всѣхъ силъ наканунѣ революціи пролетарской, отличаются между собою самымъ явнымъ образомъ. *Тогда* революціонною была именно Польша въ цѣломъ, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиціи борьбы за національное освобожденіе были такъ сильны и глубоки, что послѣ пораженія на родинѣ лучшіе сыны Польши шли поддерживать вездѣ и повсюду революціонные классы; память Домбровскаго и Врублевскаго неразрывно связана съ величайшимъ движеніемъ пролетаріата въ XIX вѣкѣ, съ послѣднимъ — и, будемъ надѣяться, послѣднимъ неудачнымъ — возстаніемъ парижскихъ рабочихъ. *Тогда* полная побѣда демократіи въ Европѣ была дѣйствительно невозможна безъ возстановленія Польши. *Тогда* Польша была дѣйствительно оплотомъ цивилизаціи противъ царизма, передовымъ отрядомъ демократіи. *Теперь* правящіе классы Польши, шляхта въ Германіи и Австріи, промышленные и финансовые тузы въ Россіи выступаютъ въ качествѣ сторонниковъ правящихъ классовъ въ угнетающихъ Польшу странахъ, а наряду съ польскимъ пролетаріатомъ, геройски перенявшимъ великія традиціи старой революціонной Польши, борется за свое освобожденіе пролетаріатъ нѣмецкій и русскій. *Теперь* передовые представители марксизма въ сосѣдней странѣ, внимательно наблюдающіе политическое развитіе Европы и полные сочувствія къ геройской борьбѣ поляковъ, признаютъ тѣмъ не менѣе прямо: „Петербургъ сдѣлался въ настоящее время гораздо болѣе важнымъ революціоннымъ центромъ, чѣмъ Варшава, русское революціонное движеніе имѣетъ уже болѣе крупное международное значеніе, чѣмъ польское“. Такъ отозвался Каутскій еще въ 1896 г., защищая допустимость требованія возстановленія Польши въ программѣ польскихъ соціальдемократовъ. А въ 1902 году Мерингъ, изслѣдуя эволюцію польскаго вопроса съ 1848 года по настоящее время, пришелъ къ такому выводу: „Если бы польскій пролетаріатъ захотѣлъ написать на своемъ знамени возстановленіе польскаго классоваго государства, о которомъ и слышать не хотятъ сами господствующіе классы, то онъ разыгралъ бы историческую шуточную комедію: съ имущими классами такое приключеніе бываетъ (какъ, напримѣръ, съ польскимъ дворянствомъ въ 1791 году), но рабочій классъ не долженъ опускаться до этого. Если же эта реакціонная утопія извлекается на свѣтъ божій для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агитаціи тѣ слои интеллигенціи и мелкой буржуазіи, среди которыхъ находитъ еще извѣстный откликъ національная агитація, тогда эта утопія вдвойнѣ заслуживаетъ осужденія, какъ проявленіе того недостойнаго оппортунизма, который приноситъ въ жертву ничтожнымъ и дешевымъ успѣхамъ минуты глубокіе интересы рабочаго класса.

„Эти интересы категорически повелѣваютъ, чтобы польскіе рабочіе во всѣхъ трехъ государствахъ, раздѣлившихъ Польшу, боролись вмѣстѣ со своими товарищами по классовому положенію плечо съ плечомъ, безъ всякой задней мысли. Прошли тѣ времена, когда буржуазная революція могла создать свободную Польшу; въ настоящее время возрожденіе Польши возможно лишь посредствомъ соціальной революціи, когда современный пролетаріатъ разобьетъ свои цѣпи“.

Мы вполнѣ подписываемся подъ такимъ выводомъ Меринга. Замѣтимъ только, что этотъ выводъ остается безупречно правильнымъ и въ томъ случаѣ, если въ аргументаціи мы не пойдемъ такъ далеко, какъ идетъ Мерингъ. Несомнѣнно, что теперешнее положеніе польскаго вопроса кореннымъ образомъ отличается отъ того, что было 50 лѣтъ тому назадъ. Но нельзя считать вѣчнымъ это теперешнее положеніе. Несомнѣнно, что классовый антогонизмъ далеко отодвинулъ теперь на задній планъ національные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть въ доктринерство, что невозможно временное появленіе на авансценѣ политической драмы и того или другого національнаго вопроса. Несомнѣнно, что возстановленіе Польши до паденія капитализма крайне невѣроятно, но нельзя сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазія не могла при извѣстныхъ комбинаціяхъ встать на сторону независимости и т. д. И русская соціальдемократія нисколько не связываетъ себѣ рукъ. Она считается *со всѣми* возможными, даже со всѣми вообще *мыслимыми* комбинаціями, когда выставляетъ въ своей программѣ признаніе права на самоопредѣленіе націй. Эта программа нисколько не исключаетъ того, чтобы польскій пролетаріатъ ставилъ своимъ лозунгомъ *свободную и независимую республику польскую*, хотя бы даже вѣроятность осуществимости этого до соціализма была совершенно ничтожна. Эта программа требуетъ лишь, чтобы дѣйствительно соціалистическая партія не развращала пролетарское сознаніе, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочій классъ буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетаріата. Именно въ этомъ условіи, подъ которымъ только мы и признаемъ самоопредѣленіе, заключается вся суть. Напрасно старается П. П. С. представить дѣло такъ, будто ее отдѣляетъ отъ нѣмецкихъ или русскихъ соціальдемократовъ отрицаніе ими права на самоопредѣленіе, права стремиться къ свободной независимой республикѣ. Не это, а забвеніе классовой точки зрѣнія, затемнѣніе ея шовинизмомъ, нарушеніе единства данной политической борьбы — вотъ что не позволяетъ намъ видѣть въ П. П. С. дѣйствительно рабочей соціальдемократической партіи. Вотъ, напримѣръ, какова обычная постановка вопроса у П. П. С.: ...„мы можемъ лишь ослабить царизмъ, оторвавъ Польшу, а свергнуть его должны русскіе товарищи“. Или еще: ...„мы бы просто, по уничтоженіи самодержавія, опредѣлили свою судьбу такимъ образомъ, что отдѣлились бы отъ Россіи“. Посмотрите, къ какимъ чудовищнымъ выводамъ приводитъ эта чудовищная логика даже съ точки зрѣнія программнаго требованія возстановленія Польши. *Такъ какъ* однимъ изъ возможныхъ (но, при господствѣ буржуазіи, безусловно не обезпеченныхъ навѣрное) послѣдствій демократической эволюціи является возстановленіе Польши, *поэтому* польскій пролетаріатъ не долженъ бороться совмѣстно съ русскимъ за низверженіе царизма, а „лишь“ за ослабленіе его путемъ отторженія Польши. *Такъ какъ* русскій царизмъ заключаетъ все болѣе тѣсный союзъ съ буржуазіей и правительствами нѣмецкими, австрійскими и т. д., *поэтому* польскій пролетаріатъ долженъ ослаблять свой союзъ съ русскимъ, нѣмецкимъ и прочимъ пролетаріатомъ, съ которымъ онъ борется сейчасъ противъ *одного и того же* гнета. Это означаетъ не что иное, какъ принесеніе въ жертву самыхъ насущныхъ интересовъ пролетаріата буржуазно-демократическому пониманію національной независимости. Распаденіе Россіи, къ которому хочетъ стремиться П. П. С. *въ отличіе* отъ нашей цѣли сверженія самодержавія, остается и будетъ оставаться пустой фразой, пока экономическое развитіе будетъ тѣснѣе сплачивать разныя части одного политическаго цѣлаго, пока буржуазія всѣхъ странъ будетъ соединяться все дружнѣе противъ общаго врага ея, пролетаріата, и за общаго союзника ея: царя. А за то *распаденіе силъ пролетаріата*, страдающаго сейчасъ подъ гнетомъ этого самодержавія, является печальной дѣйствительностью, является прямымъ результатомъ ошибки П. П. С., прямымъ результатомъ ея преклоненія предъ буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распаденіе пролетаріата, П. П. С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русскихъ соціальдемократовъ слѣдующимъ образомъ: „мы (поляки) должны ждать соціальной революціи, а до того времени терпѣливо сносить національный гнетъ“. Это прямая неправда. Не только не совѣтовали никогда ничего подобнаго русскіе соціальдемократы, а напротивъ они сами борются и зовутъ весь русскій пролетаріатъ бороться противъ всякаго національнаго гнета въ Россіи, они ставятъ въ *свою* программу не только полную равноправность языка, національности и проч., но и признаніе права за каждой націей самой опредѣлить свою судьбу. Если, признавая это право, мы *подчиняемъ* нашу поддержку требованій національной независимости интересамъ пролетарской борьбы, то только шовинистъ можетъ объяснять нашу позицію недовѣріемъ русскаго къ инородцу, ибо на самомъ дѣлѣ позиція эта обязательно должна вытекать изъ недовѣрія сознательнаго пролетарія къ буржуазіи. П. П. С. смотритъ такъ, что національный вопросъ *исчерпывается* противоположеніемъ: „мы“ (поляки) и „они“ (нѣмцы, русскіе и проч.). А соціальдемократъ выдвигаетъ на первый планъ противоположеніе: „мы“ — пролетаріи и „они“ — буржуазія. „Мы“, пролетаріи, видѣли десятки разъ, какъ буржуазія *предаетъ* интересы свободы, родины, языка и націи, когда встаетъ предъ ней революціонный пролетаріатъ. Мы видѣли, какъ французская буржуазія въ моментъ сильнѣйшаго угнетенія и униженія французской націи предала себя пруссакамъ, какъ правительство національной обороны превратилось въ правительство народной измѣны, какъ буржуазія угнетенной націи позвала на помощь къ себѣ солдатъ угнетающей націи для подавленія своихъ соотечественниковъ-пролетаріевъ, дерзнувшихъ протянуть руку къ власти. И вотъ почему, не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будемъ говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тѣсный союзъ съ русскимъ пролетаріатомъ способенъ удовлетворить требованіямъ текущей, данной политической борьбы противъ самодержавія, только такой союзъ дастъ гарантію полнаго политическаго и экономическаго освобожденія.

То, что мы сказали о польскомъ вопросѣ, примѣнимо цѣликомъ и ко всякому другому національному вопросу. Проклятая исторія самодержавія оставила намъ въ наслѣдство громадную *отчужденность* рабочихъ классовъ разныхъ народностей, угнетаемыхъ этимъ самодержавіемъ. Такая отчужденность есть величайшее зло, величайшая помѣха въ борьбѣ съ самодержавіемъ, и мы не должны узаконить этого зла, освящать этого безобразія никакими „принципами“ партійной особности или партійной „федераціи“. Проще и легче, конечно, идти по линіи наименьшаго сопротивленія и устраиваться каждому въ своемъ уголкѣ по правилу: „моя хата съ краю“, какъ хочетъ теперь устроиться и Бундъ. Чѣмъ больше сознаемъ мы необходимость единства, чѣмъ тверже убѣждены мы въ невозможности общаго натиска на самодержавіе безъ полнаго единства, чѣмъ рѣзче выступаетъ обязательность централистической организаціи борьбы при нашихъ политическихъ порядкахъ, — тѣмъ меньше склонны мы довольствоваться „простымъ“, но кажущимся и глубоко-фальшивымъ по своей сущности рѣшеніемъ вопроса. Если нѣтъ сознанія вреда отъ отчужденности, если нѣтъ желанія покончить во что бы то ни стало и радикально съ этой отчужденностью въ лагерѣ пролетарской партіи, — тогда не надо и фиговыхъ листочковъ „федераціи“, тогда не къ чему и браться за рѣшеніе вопроса, который одна „сторона“ не хочетъ въ сущности и рѣшать, тогда лучше предоставить урокамъ жизненнаго опыта и дѣйствительнаго движенія убѣждать въ необходимости централизма для успѣха борьбы пролетаріевъ всякой народности, задавленной самодержавіемъ, противъ этого самодержавія и противъ международной, все тѣснѣе объединяющейся буржуазіи.

---

*) Курсивъ нашъ.

принадлежитъ. Послѣ извѣстной рѣчи Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, о. Іоаннъ разражается проповѣдью: „Въ | валъ отъ того евангельскаго бога, который въ притчѣ о богачѣ | нистраціей.

„ГУМАННЫЙ“ ЗАКОНЪ И „СЕРДЕЧНЫЙ“ ЦИРКУЛЯРЪ.

„Новый гуманный законъ“, такъ называетъ либеральная газета „Право“ законъ объ отмѣнѣ для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ бритья головъ, наказанія лозами, плетьми и прикованіемъ къ телѣжкѣ.

Либеральная газета приводитъ кое-какія справки по исторіи вопроса объ отмѣнѣ этихъ варварскихъ мѣръ расправы съ „отверженными“. Въ 1867 году — 36 лѣтъ тому назадъ — министерство вн. дѣлъ проектировало отмѣнить для ссыльныхъ наказаніе плетьми и шпицрутенами (тѣми самыми шпицрутенами, о которыхъ въ своей рѣчи на судѣ говоритъ тов. Денисовъ). Государств. Совѣтъ отклонилъ это предложеніе, найдя его несвоевременнымъ, но призналъ необходимымъ приступить къ устройству одиночныхъ тюремъ для ссыльныхъ женщинъ, чтобы для нихъ, по крайней мѣрѣ, замѣнить другими карами позорное тѣлесное наказаніе. Только черезъ десять лѣтъ послѣ этого были отмѣнены для всѣхъ ссыльныхъ шпицрутены, а еще черезъ 16 лѣтъ — въ 1893 году — спохватились, наконецъ, исполнить выраженное въ 1867 г. намѣреніе — освободить ссыльныхъ женщинъ отъ двойного для нихъ позора тѣлесныхъ наказаній. Немудрено, что „Право“ говоритъ о черепашьемъ движеніи законодательства о ссыльныхъ. Цѣпко держится самодержавіе за свои „исконные устои“ — кнутъ, плеть и розгу.

Для ссыльныхъ мужчинъ розга, лоза и плеть остались въ полной силѣ, и отъ прихоти любой сибирской административной сошки зависѣло щедро примѣнять ихъ. Сибирь оставалась однимъ изъ трехъ главныхъ питомниковъ, въ которыхъ русскій народъ на законномъ основаніи воспитывается розгой: рядомъ съ нею стоятъ волостное правленіе, гдѣ розга хлещетъ надъ спиной „освобожденнаго“ мужика, и казарма, гдѣ истязается носитель самаго, если вѣрить патріотамъ, благороднаго званія — солдатъ. Этихъ трехъ „законныхъ“ питомниковъ розги были вполнѣ достаточно, чтобы отравить всю общественную жизнь русскаго народа, чтобы сдѣлать возможнымъ появленіе на сценѣ розги всякій разъ, какъ тотъ или другой царскій башибузукъ находитъ, что насталъ моментъ оставить въ сторонѣ всякую „законность“. И управители и управляемые — по крайней мѣрѣ, масса ихъ — воспитывались въ терпимомъ отношеніи къ розгѣ, царившей въ острогѣ, въ казармѣ, въ волости, и это терпимое отношеніе позволяло царевымъ слугамъ, не встрѣчая серьезнаго противодѣйствія, расширять область господства розги для потребностей борьбы съ разными „внутренними врагами“. Сѣкли крестьянъ, не „покоряющихся“ помѣщику, сѣкли рабочихъ-стачечниковъ, сѣкли сектантовъ, сѣкли даже политическихъ демонстрантовъ. Розга стала необходимой формой проявленія „самодержавнаго принципа“. Представитель этого принципа — мѣстный администраторъ — чувствовалъ, что идею безграничности власти самодержавія онъ ничѣмъ не можетъ выразить лучше, какъ свистомъ розги въ тѣ моменты, когда эта власть и охраняемый ею „порядокъ“ подвергаются опасности.

А, между тѣмъ, жизнь, не слушаясь начальственныхъ препонъ, развивалась и становилась во все болѣе острое противорѣчіе съ розгой. Молодое поколѣніе крестьянъ отказывалось спокойно ложиться по приказанію „старичковъ“, солдаты отвѣчали на тѣлесное истязаніе самоубійствомъ, даже арестанты протестуютъ противъ розги. Общественное сознаніе стало видѣть въ розгѣ воплощеніе царящаго на Руси произвола и мрака и потребовало уничтоженія этого позора. Съѣзды врачей и педагоговъ, земскія собранія и печать соединились въ этомъ требованіи. И именно потому, что они на немъ соединились, именно потому, что отмѣны розги потребовало все, что тяготѣетъ къ свѣту и свободѣ, самодержавіе вынуждено было открыто объявить, что оно связало свою судьбу съ розгой, что этого украшенія своего герба оно не отдастъ добровольно. Самодержавіе признало, что отказаться отъ розги значитъ поощрить всѣ другія требованія поборниковъ свободы и культуры. Чувствуютъ политики самодержавія, что добровольный отказъ отъ розги можетъ поднять его популярность въ населеніи, но они чувствуютъ также, что эта уступка въ то же время и въ еще большей мѣрѣ подниметъ самосознаніе народной массы и ея протестующихъ элементовъ и что избавленное отъ розги населеніе еще острѣе почувствуетъ необходимость освѣженія всей русской жизни, которую самодержавіе наполнило смрадомъ.

То, что самодержавіе не успѣло сдѣлать въ области культуры когда оно еще было сильно, оно теперь уже не можетъ сдѣлать, не рискуя расшатать свои „устои“. Дѣло стало такъ, что всякая уступка требованіямъ жизни, всякая уступка духу времени, всякая поблажка новымъ потребностямъ выросшаго народа — должна усилить натискъ протестующихъ элементовъ на самодержавіе. Жизнь съ каждымъ днемъ становится все революціоннѣе, все непримиримѣе заявляетъ она о своихъ правахъ. Стало быть, кто не желаетъ содѣйствовать революціи, долженъ написать на своемъ знамени: долой жизнь! и да здравствуетъ розга! И онъ долженъ заявить это громко даже тогда, когда, чтобы блеснуть своимъ „либерализмомъ“, намѣренъ выкинуть жизни маленькую уступочку. Уступка — уступкою, а принципъ долженъ быть святъ.

Новый „гуманный“ законъ, дѣлающій такую уступку, какъ отмѣна плетей, бритья и приковыванія къ тачкѣ, какъ нельзя яснѣе утверждаетъ, что самый принципъ розги остается неприкосновеннымъ. Читая этотъ новый законъ, то и дѣло встрѣчаешь пункты: за такой-то проступокъ ссыльный подвергается столькимъ-то ударамъ розги. Плеть отмѣнена, розга остается. Остается въ предѣлахъ *до ста ударовъ*! Спины каторжанъ и поселенцевъ попрежнему будутъ подвергаться „дубленію“ розгой. И — что всего интереснѣе — розга оставлена, какъ наказаніе за „мелкіе“ проступки: за болѣе тяжкіе грѣхи устанавливается усиленное одиночное заключеніе, карцеръ, удлиненіе срока работъ и проч. Такимъ образомъ, самое унизительное нравственно и самое мучительное физически наказаніе остается для провинившихся въ „мелкихъ“ проступкахъ и потому самому предоставляется усмотрѣнію и произволу мелкихъ-же начальственныхъ сошекъ, распоряжающихся участью ссыльныхъ. Ничѣмъ нельзя было лучше проявить свое пристрастіе къ розгѣ, какъ пріурочивъ ее къ наиболѣе мелкимъ, а, слѣдовательно, и къ наиболѣе частымъ проступкамъ: ничѣмъ нельзя было лучше подтвердить тѣсную связь между розгой и всероссійскимъ произволомъ, какъ предоставивъ ее произволу многихъ маленькихъ сибирскихъ царьковъ. И ничѣмъ лучше нельзя было засвидѣтельствовать о полномъ варварствѣ россійскихъ порядковъ, какъ издавая въ третій годъ XX вѣка новый законъ, въ которомъ черезъ каждыя нѣсколько строкъ раздается свистъ розги!

Вы правы, господа: издавая „гуманные“ законы, вы не можете и въ нихъ не упомянуть о розгѣ, вы не можете и ихъ положеніями не освѣтить еще разъ этого проклятія русской жизни! Безъ розги нѣтъ самодержавія! Нельзя устранить розгу изъ обихода жизни сибирскихъ „лишенцевъ“, оставляя ее въ то-же время для не лишенныхъ по суду своихъ правъ русскихъ крестьянъ! Нельзя отказаться отъ розги въ острогѣ, не отказавшись отъ нея въ казармѣ! Нельзя вырвать розгу изъ рукъ исправника и тюремнаго смотрителя, оставляя ее въ рукахъ фонъ-Валей, Оболенскихъ, Андреевскихъ и Энгельгардовъ! А вырвать ее изъ всѣхъ этихъ рукъ значило-бы посягнуть на главныя основы самодержавія, которое можетъ теперь держаться только ***терроромъ*** (правительственнымъ), только мѣрами самаго грубаго и жестокаго насилія.. Розга въ Сибири перестанетъ царить только тогда, когда придетъ конецъ ея господству во всей Россіи. И гг. Романовы сойдутъ со сцены русской жизни, унося въ своемъ гербѣ неприкосновенной лучшую эмблему ихъ „принципа“.

Нечего и говорить о томъ, что „гуманный“ законъ, упраздняя нѣкоторые виды тѣлеснаго истязанія, замѣняетъ ихъ такими мѣрами обузданія „злой воли преступника“, которыя къ гуманнымъ не могутъ быть причислены. Современный взглядъ даже буржуазныхъ мыслителей требуетъ, чтобы „преступника“ не столько обуздывали, сколько перевоспитывали. Съ этой точки зрѣнія средствами борьбы съ „закоренѣлыми“ преступниками являются не карцеры, не усиленныя каторжныя работы, а такія общія мѣры, которыя улучшаютъ всю обстановку тюремной жизни, пріучаютъ арестантовъ къ полезному труду и человѣчному обращенію. Этотъ взглядъ, раздѣляемый и буржуазными мыслителями, однако, не находитъ широкаго примѣненія на практикѣ и болѣе свободныхъ странъ, чѣмъ Россія. Буржуазный строй не можетъ осуществить такой истинно-гуманной реформы. Стремясь сдѣлать условія жизни пролетарія чисто острожными, онъ не можетъ поднять слишкомъ высоко условій жизни острожныхъ обитателей и по прежнему, вопреки всѣмъ гуманнымъ проповѣдямъ спеціалистовъ, тюрьма и на Западѣ является „міромъ отверженныхъ“, а уголовный преступникъ „воспитывается“ страхомъ и лишеніями точно также, какъ проститутка воспитывается общественнымъ опозореніемъ. Буржуазный строй, поэтому, не можетъ дѣйствительно искоренять основныя причины преступности, какъ не можетъ искоренить причинъ алкоголизма и проституціи. Со всѣмъ этимъ общественнымъ зломъ можетъ бороться только пролетаріатъ, который самымъ расширеніемъ своего классового движенія предохраняетъ отъ этихъ бѣдствій все болѣе широкіе слои народа и который, усиливая свое вліяніе на законодательство, сумѣетъ провести тѣ истинно-гуманныя реформы, которыя отнимутъ у нынѣшнихъ тюремъ ихъ несомнѣнный характеръ разсадниковъ новыхъ преступленій.

* * *

„Гимназистъ закурилъ!“, такъ приблизительно можно охарактеризовать настроеніе, охватившее учительскую среду и нашедшее себѣ выраженіе въ распубликованномъ въ газетахъ циркулярѣ мин. нар. просв. Зенгера отъ 28 іюня. Циркуляръ открывается указаніемъ на приходящія изъ учебныхъ округовъ донесенія, „свидѣтельствующія объ упадкѣ дисциплины въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и отчасти въ городскихъ училищахъ, о распущенности воспитанниковъ нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній, а также о вредномъ направленіи мысли среди учащихся въ старшихъ классахъ“. Изъ дальнѣйшаго видно, что именно возбудило тревогу въ сердцѣ министра: тутъ и отказъ учениковъ отъ исполненія начальственныхъ требованій, и „дѣйствія скопомъ“, и „грубыя и дерзкія выходки“ противъ учителей, и „противоправительственная пропаганда“, и, въ концѣ концовъ, всетаки... куреніе табаку и тому подобная „распущенность“. Подумайте только: „ученики успѣли свыкнуться съ мыслью, что открытое куреніе на улицахъ, нарушеніе установленной формы одежды, неотдаваніе чести попечителю, губернатору и генералъ-губернатору“ не преслѣдуется начальствомъ. Ужасно! „Основы“ потрясены!

Гимназистъ закурилъ! Бѣдовый грубіянъ ощутилъ на себѣ дѣйствіе первыхъ лучей еще только занимающейся утренней зари... Онъ почуялъ, что въ воздухѣ запахло свободой, и — сталъ „открыто курить“. Сжимается сердце начальства и грустью вѣетъ отъ министерскаго циркуляра.

Нагло торчащая въ зубахъ папироска издавна пользовалась почетнымъ правомъ служить въ глазахъ россійскаго начальства символомъ „вреднаго образа мыслей“. Въ доброе старое время курильщикамъ рѣзали носы. При Николаѣ I такихъ суровыхъ мѣръ уже не принимали, но все же куреніе на улицахъ преслѣдовалось. Разсказываютъ, что, когда съ первыхъ дней царствованія Александра II повѣяло „новымъ духомъ“, обыватели стали „демонстративно“ курить на улицахъ... точь въ точь нынѣшніе гимназисты, огорчающіе Зенгера.

Въ старину табакъ преслѣдовался, какъ „дьявольское зеліе“. При Николаѣ — уже какъ европейская мода, какъ проявленіе „распущенности“, которая начинается съ открытаго куренія, а кончиться можетъ... требованіемъ конституціи. Въ этомъ именно смыслѣ папироса, наряду съ длинными волосами, съ не по формѣ сшитымъ сюртукомъ и съ преждевременной растительностью на лицѣ, издавна считается признакомъ „неблагонадежности“ въ гимназіяхъ. Во времена идеальнаго „порядка“ въ нашей школѣ, отражающей очень точно настроеніе всей страны, — во времена Александра III эти виды неблагонадежности были почти совсѣмъ изгнаны изъ учебныхъ заведеній: не только въ гимназіяхъ, но зачастую и въ университетахъ царили одноформенный сюртукъ и волосы подъ гребенку (нерѣдко гимназистовъ восьмого класса не допускали къ выпускному экзамену, пока не подстригутъ волосъ), а курить дерзали только самые „отчаянные“ изъ гимназистовъ.

Измѣнился тонъ общественной жизни — и все пошло прахомъ. Забыты — хотя и не отмѣнены — тѣ положенія университетскаго устава 1884 г., которыя такъ заботливо опредѣляютъ форму студенческаго платья. Палъ Боголѣповъ и въ учебномъ вѣдомствѣ провозглашено было „сердечное попеченіе“, и учителя — эти Чеховскіе „человѣки въ футлярахъ“ — не знали, что имъ теперь дѣлать съ вольнолюбивой молодежью, на глазахъ у которой, можно сказать, съ высоты трона, была развѣнчана святость латинской грамматики и прочей казенной зубрежки. Гимназисты заволновались, втянули полной грудью воздухъ и — закурили. А рядомъ съ этимъ, какъ неизбѣжное послѣдствіе, пошли и „дѣйствія скопомъ“, и „не отдаваніе чести“, и „не соблюденіе формы одежды“, и тросточки въ рукахъ, и противоправительственная пропаганда, и демонстраціи съ участіемъ гимназистовъ...

Зенгеръ скорбитъ о томъ, что „человѣки въ футлярахъ“ недостаточно энергично борятся съ растущей „распущенностью“ учениковъ и что въ оправданіе своей „безучастности“ они нерѣдко ссылаются на царскій рескриптъ 1901 г., въ которомъ говорилось о „сердечномъ попеченіи“. Министръ объясняетъ, что истинно-сердечное попеченіе требуетъ иногда строгаго отношенія къ заблужденіямъ молодежи. Одного только не понимаетъ онъ: что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ стоятъ нынѣ другъ противъ друга учащіе и учащіеся — какъ враждующія стороны — со стороны учащихъ возможны *только* двѣ политики: или самая свирѣпая политика „ежовыхъ рукавицъ“, либо — если жизнь привела ее къ банкротству — политика вольнаго или невольнаго „попущенія“. Между казеннымъ учителемъ, *обязаннымъ* въ школѣ блюсти интересы самодержавія, такъ рѣзко разошедшіеся съ интересами жизни, — между нимъ и молодежью, охваченной жизненными настроеніями, нѣтъ никакой нравственной связи и не можетъ ея быть, пока ни семья, ни „улица“ не примирились съ даннымъ политическимъ порядкомъ, не можетъ ея быть до тѣхъ поръ, пока служителями самодержавія являются наихудшіе элементы, не пользующіеся и тѣнью уваженія въ глазахъ общества. Просѣянные сквозь фильтръ полицейской „благонадежности“, казенные учителя просто таки не могутъ вмѣстить всей той тонкой политики, которую въ своемъ циркулярѣ рекомендуетъ Зенгеръ для воздѣйствія на учениковъ. Онъ совѣтуетъ учителямъ не быть въ обращеніи съ учениками язвительными и грубыми, — и забываетъ, что сквозь фильтръ „благонадежности“ проходятъ въ число учителей, большей частью, самые некультурные и грубые элементы интеллигенціи. Онъ совѣтуетъ не оскорблять въ ученикахъ чувства человѣческаго достоинства и совершенно вѣрно указываетъ, что такое оскорбленіе часто „можетъ заронить въ душу юноши сѣмя недовѣрія къ тому общему строю, выраженіемъ коего является для него учебное заведеніе“. Но онъ забываетъ, что уважать въ другихъ человѣческое достоинство можетъ только тотъ, кто уважаетъ его въ себѣ, кто самъ умѣетъ защищать его отъ чужихъ посягательствъ. „Человѣкъ же въ футлярѣ“, вынужденный пресмыкаться передъ своимъ начальствомъ, передъ попомъ, передъ жандармомъ, который потребовалъ отъ него содѣйствія для обысканія школьныхъ партъ, — „человѣкъ въ футлярѣ“ не можетъ уважать чужого человѣческаго достоинства уже потому, что самъ не знаетъ, въ чемъ оно заключается. И вотъ почему „человѣкъ въ футлярѣ“, который походя, самъ того не замѣчая, топчетъ личное достоинство юноши, невольно совершаетъ революціонную работу — развиваетъ въ юномъ поколѣніи „недовѣріе къ общему строю“. Зенгеръ ставитъ далѣе такое положеніе: „чѣмъ очевиднѣе будетъ для юношей, что получаемая ими въ школѣ духовная пища питательнѣе той, какою предлагаютъ насытить ихъ любознательность враги школы (т. е. революціонеры), тѣмъ охотнѣе будетъ признаваться авторитетъ послѣдней“. Отсюда дѣлается выводъ, что учителя должны пользоваться уроками для освѣщенія въ благонамѣренномъ духѣ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, съ которыми ученики знакомятся изъ „подпольныхъ“ изданій. Однако, замѣчаетъ министръ, „обученіе въ этомъ направленіи не должно носить искусственно-назидательнаго характера“, т. е. не должно пахнуть казенной скукой и благонамѣреннымъ лицемѣріемъ. Но Зенгеръ забылъ, что благонамѣренность, которою преисполнены чиновники отъ науки, сама носитъ именно подобный „искусственно-назидательный характеръ“, что за нею не скрыто никакихъ искреннихъ, хотя бы и реакціонныхъ, убѣжденій; что „человѣкъ въ футлярѣ“ только трепещетъ передъ волей начальства, но отнюдь не способенъ проникать въ „идею“ того порядка, который ему приказано прославлять. Можно съ увѣренностью сказать, что рекомендуемыя Зенгеромъ политическія бесѣды будутъ еще болѣе укрѣплять въ юношахъ недовѣріе къ тому „общему порядку“, у котораго нѣтъ даже убѣжденныхъ сторонниковъ, который отдаетъ такой казенной скукой, такой мертвечиной. И трогательно наивенъ нашъ министръ, когда думаетъ спасти дѣло, возлагая на учителей обязанность нравственно перевоспитывать молодежь, внушая ей такія двѣ идеи: во-первыхъ, объ ошибочности „весьма распространеннаго“ въ молодежи взгляда, „по которому скромное и вѣжливое обхожденіе со старшими унизительно для молодого человѣка и является будто бы видомъ заискиванія передъ начальствующими лицами“. Да, попробуйте ка, убѣдите ученика, который видитъ воочію своихъ „наставниковъ“ въ роли лакействующихъ передъ начальствомъ, что онъ самъ долженъ не считать униженіемъ такое же лакейство передъ ними! Вторая идея еще болѣе способна окончательно скомпрометировать учебное начальство. Это — идея о необязательности для ученика „подчиняться безпрекословно всѣмъ рѣшеніямъ большинства товарищей“. Посягая на лучшія товарищескія чувства, такая проповѣдь всегда питаетъ въ ученикахъ самое глубокое презрѣніе къ тѣмъ, кто на ихъ глазахъ самъ „безпрекословно подчиняется всѣмъ рѣшеніямъ“... своего начальства.

Да и можно ли думать поднять уваженіе молодежи къ нынѣшней школѣ и создать нравственную связь между нею и учебнымъ начальствомъ, не коснувшись такого важнаго обстоятельства, какъ все растущее, все болѣе наглое вмѣшательство въ жизнь учениковъ средней школы со стороны *жандармской полиціи*? На всемъ циркулярѣ Зенгера, который, очевидно, одержимъ лучшими намѣреніями нѣсколько освѣжить школьную атмосферу, лежитъ печать полнаго безсилія, какъ она же лежала на всѣхъ его и его предшественника мѣрахъ по проведенію „сердечнаго попеченія“ въ университеты. Нелѣпо пытаться строить мирную реакціонную идиллію въ стѣнахъ школы, не позаботившись о томъ, чтобы въ эти стѣны не вторгалась темная сила въ синемъ мундирѣ. Министръ рекомендуетъ не спѣшить исключать изъ школы провинившихся учениковъ — и умалчиваетъ о томъ, что дѣлать, когда этого исключенія *требуютъ* жандармы? Онъ хочетъ оградить учениковъ отъ „язвительнаго и грубаго обращенія“ съ ними учителей, но, вѣдь, онъ не можетъ (не смѣетъ!) пытаться оградить ихъ отъ вдвое болѣе наглаго обращенія съ ними жандармовъ, которые теперь такъ часто „бесѣдуютъ“ съ цѣлыми классами, вызывая ихъ на допросы? Онъ хочетъ оградить личное достоинство ученика, но какъ оградитъ онъ его отъ посягательства жандарма, который грубо третируетъ гимназиста, грозитъ ему розгами, вымучиваетъ изъ него показанія и, наконецъ, заставляетъ при ночномъ обыскѣ взрослыхъ гимназистокъ одѣваться въ его присутствіи (фактъ, недавно упоминавшійся въ печати)? Онъ хочетъ превратить уроки исторіи и русской словесности въ свободныя политическія бесѣды по вопросамъ, затрагиваемымъ въ подпольной печати, но онъ не пытается оградить бесѣдующихъ отъ преслѣдованій, которымъ жандармы подвергаютъ тѣхъ, кто на этихъ бесѣдахъ уклонится отъ казенной точки зрѣнія, на кого донесутъ *содержимые жандармами въ школѣ же* шпіоны. Тамъ, гдѣ политическая полиція всевластна, казенное учрежденіе не можетъ не быть орудіемъ жандармской политики, не можетъ, слѣдовательно, создаться довѣріе къ этому учрежденію со стороны „вольнолюбивой“ молодежи. И, что бы ни предпринималъ Зенгеръ, какъ бы ни тосковалъ принципъ „сердечнаго попеченія“, она, эта молодежь, останется съ нами. Закаленная въ своемъ инстинктивномъ протестѣ Скалозубовскимъ режимомъ Делянова и Боголѣпова, она успѣшно развиваетъ свое революціонное сознаніе въ обстановкѣ режима Ванновскаго и Зенгера, представляющаго смѣсь зубатовщины съ маниловщиной. Съ головокружительной быстротой подвигается историческій процессъ, толкающій все мыслящее и честное въ объятія революціи. Отъ самодержавія отлетаетъ дыханіе жизни и каждое изъ учрежденій, входящихъ въ составъ правительственнаго аппарата, болѣзненно ощущаетъ на себѣ этотъ процессъ общаго омертвѣнія. Не оживитъ умирающаго и религія, и Зенгеръ чувствуетъ это, когда, рекомендуя „религіозно-нравственное“ воздѣйствіе на учениковъ, тутъ же предостерегаетъ учителей отъ возможнаго злоупотребленія „словомъ божіимъ“, которое, по его словамъ, „грѣшно призывать всуе“, и которое, будучи всуе призываемо (напр., по поводу необходимости выдавать товарищей или въ связи съ мятежной папиросой), должно, какъ онъ видитъ, бить въ носъ запахомъ мертвечины. Духъ живой отлетѣлъ отъ правительственнаго зданія, сквозь полуобвалившіяся его стѣны вторгается непрошенно-нахально струя свѣжаго воздуха и невольные обитатели этого каземата — „человѣки въ футлярахъ“ — растерянно и безуспѣшно ищутъ новыхъ средствъ, чтобы заткнуть щели, новыхъ благовоній, чтобы сдѣлать выносимымъ отравленный воздухъ. И вотъ почему такую тревогу вызвалъ среди нихъ тотъ невинный фактъ, что гимназистъ закурилъ, отростилъ длинные волосы и упорно не хочетъ застегиваться на всѣ пуговицы...

ЕЩЕ О СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЙ „СТРАТЕГІИ“.

Наша статья о событіяхъ въ Златоустѣ и Уфѣ (см. № 41 „Искры“) побудила „Революціонную Россію“*) разрѣшиться, наконецъ... отвѣтомъ — послѣ девятимѣсячнаго молчанія.

Молчанія! Собственно говоря, это было не молчаніе, а особый тактическій пріемъ, своего рода военная хитрость. Не знаемъ, помнитъ ли еще читатель, вообще говоря, весьма забывчивый, тотъ безсмертный по своему комизму эпизодъ, когда невѣдомый дотолѣ „центральный комитетъ“ такъ называемой „партіи“ „соціалистовъ-революціонеровъ“ ознаменовалъ свое политическое рожденіе запретомъ — отвѣчать на критику, направленную „Искрой“ противъ „соціально-революціонныхъ“ писателей. Съ благословенія этого находчиваго „незнакомца“ былъ найденъ выходъ изъ непріятнаго положенія, и принята тактика: неустанно задирать противника замаскированными выпадами, исподтишка.

---

*) См. „Рев. Рос.“, № 26, ст. „Еще о критикахъ террористической тактики“.

невзначай совершать полемическіе набѣги, спекулируя на чувство непосвященнаго читателя, а за симъ, неукоснительно исчезать подъ сѣнью партійной дисциплины, предписавшей молчаніе, — лишь только провоцированный противникъ захочетъ посчитаться съ нашими рыцарями печальнаго образа. Обвиненія встрѣчались молчаніемъ; вопросы, поставленные въ упоръ, оставались безъ отвѣта. И вотъ, теперь, эти самые люди, искушенные долговременной практикой *отмалчиванія*, требуютъ — ничто же сумняшеся — *отъ насъ* „прямого отвѣта“. Они, которые только что обошли основныя положенія противника, хотятъ, тѣмъ не менѣе, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать вести разговоры, игнорируя то, что противъ нихъ уже выставлено. Въ нашей статьѣ мы подробно поясняли, почему „привозный“ терроръ былъ не только излишенъ, но и прямо вреденъ златоустовской массѣ. Мы давали характеристику возникающему рабочему движенію на Уралѣ и въ частности тому переходному моменту въ его развитіи, съ которымъ такъ некстати совпалъ злополучный уфимскій выстрѣлъ. Мы писали о томъ, что какъ разъ въ это время на Уралѣ стояла на очереди „замѣна стародавнихъ пріемовъ индивидуальной расправы болѣе или менѣе планомѣрными дѣйствіями коллективнаго цѣлаго“ и что раздавшійся выстрѣлъ сдѣлалъ попытку отодвинуть опять эти поставленныя жизнью задачи. Все сіе „Рев. Рос.“, якобы „готовая“ „знакомить“ читателя „со всякимъ возраженіемъ по существу“ ея „программы и тактики“, сочла наилучшимъ... проглотить, дабы не вводить своего читателя во искушеніе. А продѣлавъ это, она уже могла — съ легкимъ сердцемъ — развязно вопрошать: что же надо разумѣть подъ новыми задачами?

Въ самомъ дѣлѣ, вы этого не знаете? Тѣмъ хуже для васъ, господа, вамъ слѣдуетъ еще поучиться у полусознательной массы уральскихъ рабочихъ. Эта масса, въ которой едва проснулось сознаніе, уже чуетъ, однако, тотъ лозунгъ, который дастъ ей побѣду. „Дѣйствовать не въ одиночку или разрозненными кучками, а всѣмъ вмѣстѣ, дружно и солидарно“ — слышится, что дальше, то сильнѣй, въ средѣ рабочихъ Урала. Это — инстинктъ пришедшей въ движеніе массы, смутно говорящій ей о томъ, какъ надо бороться! Надо оформить, надо развить то, что еще неясно ощущается массой, надо научить эту массу коллективному дѣйствію, надо дать ей — прежде всего — элементы организаціи. Что и говорить — это огромная, трудная, требующая величайшей выдержки и знанія задача, но эта задача *неотложная*, безъ рѣшенія которой — это слѣдуетъ помнить — *нельзя сдѣлать и шага впередъ*. И не заслуживаютъ по нынѣшнимъ временамъ званія революціонера всѣ тѣ, которые увольняютъ себя отъ нея подъ благовиднымъ предлогомъ террора. А отъ этой задачи — безъ сомнѣнія — освободили себя тѣ господа, которые — на страницахъ „Рев. Рос.“ — задаютъ намъ наивный вопросъ: „въ какой формѣ соціальдемократы должны были отвѣтить въ Златоустѣ и Уфѣ на подвиги Богдановича?“

Ну, а въ какой формѣ должны были отвѣтить ростовскіе соціальдемократы на вопіющія насилія ростовской и тихорѣцкой администраціи, во время послѣднихъ ноябрьскихъ событій?*) Для всякаго революціонера, понимающаго задачи массоваго движенія, несомнѣнно, конечно: *они должны были отвѣтить такъ, какъ они отвѣтили.*

Изъ стачки они сдѣлали политическую школу. На основѣ вызваннаго ею возбужденія развернули ту лихорадочную дѣятельность, которая мѣсяцы напролетъ держала въ напряженіи все населеніе огромнаго города. Они выпускали листки за листками, они занесли обаяніе Донского Комитета — а съ нимъ вмѣстѣ и всего пролетарскаго движенія — въ самые отдаленные уголки обывательскаго міра. То и дѣло созывая агитаціонныя собранія, на которыхъ участвовали сотни народа и говорились разъясняющія рѣчи, они неустанно закрѣпляли революціонному дѣлу новыя и новыя рабочія связи. Къ комитетскому центру сходился потокъ свѣжихъ силъ, изъ котораго формировались передовыя фаланги революціоннаго войска; тѣ фаланги, которыя и дали Комитету возможность *съимпровизировать* демонстрацію второго марта; которыя, разсѣянныя въ многотысячной толпѣ „кулачниковъ“, своимъ мощнымъ порывомъ сумѣли поднять толпу на манифестацію. Второе марта удалось; „смотръ“ народнаго ополченія обогналъ всѣ надежды его организаторовъ. Но то, что удалось сегодня, могло встрѣтить препятствія завтра, и однако тактика нашихъ ростовскихъ товарищей продолжала бы неизмѣнно слѣдовать разъ принятому направленію. Потому что эта тактика опредѣляется, конечно, не успѣхомъ той или другой демонстраціи, а всей той суммой организаціонно-агитаціонной работы, въ которую демонстрація входитъ важнымъ, но все же лишь отдѣльнымъ звеномъ единой и цѣльной системы. А система говоритъ намъ о томъ, что надо всѣми доступными средствами, распространеніемъ листковъ, агитаціонными собраніями, массовыми движеніями *по всякому поводу и во всякой формѣ*, диктуемой положеніемъ, изо дня въ день пріобщать массу къ революціонному дѣйствію, развивать въ массѣ героя, увеличивать ея организованность.

И таковъ былъ „отвѣтъ“ — на „ростовско-тихорѣцкую бойню“ — Донского Комитета. Ростущая организація массъ — угрозой стояла она передъ врагомъ, наводя на него — по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ — паническій страхъ, такой ужасъ — „терроръ“, передъ которымъ могъ показаться дѣтской игрушкой любой револьверный разрядъ „боевой организаціи“.

Но, говорятъ наши противники, они не только палили въ Богдановича, они для златоустовской массы и еще что то сдѣлали. „Ужъ будто она отъ насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, кромѣ выстрѣла ничего не слышитъ?“ — заявляетъ „Рев. Рос.“ и гордо киваетъ при этомъ на общую литературу „партіи“. Конечно, мы не такіе ужъ завзятые скептики, чтобы подвергать сомнѣнію реальное бытіе „соціально-революціонной“ литературы, а тѣмъ болѣе „центральнаго органа“ этой фантастической партіи. Но, вѣдь, и не о нихъ идетъ рѣчь, а о данномъ совершенно опредѣленномъ случаѣ, о томъ, какъ же использовали гг. соціалисты-революціонеры ту повышенную атмосферу, напоенную озлобленіемъ, которая создалась въ Златоустѣ послѣ кровавой расправы? Что сдѣлали они *тамъ* для организаціи массы? Ничего, ровно ничего: ихъ мѣстныя силы безмолвствовали, а обще-партійное учрежденіе — замѣтьте это себѣ читатель, — не нашло ничего лучшаго, какъ поспѣшить — въ этотъ важный моментъ для пролетаріата Урала — поспѣшить на помощь... съ привознымъ терроромъ!

Этотъ эпизодъ не случайность. Онъ даетъ истинную мѣру того, во что соціалисты-революціонеры ставятъ на дѣлѣ интересы массового движенія, и съ нимъ въ непосредственной связи, какъ мы уже указывали въ нашей предыдущей статьѣ, находится взглядъ соціалистовъ-революціонеровъ на *массовое движеніе*.

Если для насъ, соціальдемократовъ, въ условіяхъ настоящаго момента, всякое массовое дѣйствіе, безразлично осуществляется ли оно въ формахъ сравнительно безобидныхъ или завершается вооруженной схваткой, имѣетъ прежде всего значеніе этапа на пути къ *организаціи* массъ, выполняя въ то же время весьма важную роль вербовщика новыхъ адептовъ, то для соц.-революціонеровъ оно лишь до времени, а потому и не кстати залетѣвшая искра будущаго революціоннаго пожара.

„Мирныя“ демонстраціи отжили свой вѣкъ, говорятъ соц.-рев. (см. „Рев. Рос.“ № 12, ст. „Какъ отвѣчать на правительственныя звѣрства“), воодушевлять и бодрить они уже болѣе не въ силахъ. „Наростаетъ опасность, что онѣ иногда окажутъ деморализующее дѣйствіе“. Для „вооруженной“ же демонстраціи нѣтъ достаточной подготовки, а потому „въ настоящее время у насъ еще нѣтъ въ рукахъ средствъ давать массовый отпоръ насиліямъ и истязаніямъ“.

„Тамъ и до тѣхъ поръ, — заявляютъ они въ другомъ мѣстѣ („Рев. Рос.“ № 26 „Еще о критикахъ“ и т. д.), пока „коллективный отпоръ“ неминуемо повлечетъ такую „бойню“, которой лучше „избѣжать“ — тамъ болѣе цѣлесообразнымъ и даже единственно возможнымъ, является отпоръ террористическими средствами....“

Итакъ, для однихъ массовыхъ дѣйствій время прошло, для другихъ — не приспѣло. Остается, одинъ лишь терроръ — эта „широкая“ арена „боевой организаціи“. Но на этотъ логическій выводъ „Рев. Рос.“ отнюдь не согласна: она вопитъ, называя его клеветой. А между тѣмъ, онъ неизбѣженъ для людей, неспособныхъ органически понять демонстрацію, какъ подготовительное дѣйствіе слагающейся массы, а не какъ одно единоборство съ врагомъ, на которомъ обмѣниваются ударами. Поэтому, совершенно естественно, что для гг. соціалистовъ-революціонеровъ современныя („типическія“) соціальдемократическія демонстраціи, т. е. другими словами, всѣ тѣ демонстраціи, которыя не оставались однимъ только предметомъ досужей фантазіи, а дѣйствительно существовали въ нашемъ подлинномъ мірѣ, являются лишь ненужными и даже вредными дѣйствіями, „толчкомъ“ „не впередъ, а назадъ“.

Такъ, тифлисскіе демонстранты, напримѣръ, заслужили ихъ полнѣйшее неодобреніе за то, что ловкимъ маневромъ съумѣли обмануть „недреманное око“ администраціи и тѣмъ избѣгнуть подготовлявшагося кровопролитія. Помните ли, читатель, описаніе этой демонстраціи: „Демонстранты окружили центральную группу, и въ ту же минуту красное знамя... высоко поднялось среди улицы. Толпа въ 400-500 человѣкъ, тѣсно окружая знаменоносца, съ восторженными криками двинулась по направленію къ казенному театру и, дойдя до театральной улицы, свернула направо и начала постепенно расходиться. Во всѣхъ дѣйствіяхъ рабочихъ замѣчалась удивительная выдержанность и организованность, чему, главнымъ образомъ, нужно приписать удачу демонстраціи. Масса гуляющихъ съ любопытствомъ слѣдила за этой картиной, которая несмотря на свою непродолжительность, оставила глубокое впечатлѣніе. Опоздавшей полиціи оставалось только вымѣщать свою злобу на тѣхъ, кто почему либо во время не успѣлъ разойтись...“ И все это, — по мнѣнію соціал.-революціонеровъ, одна сплошная ошибка. Вотъ если бы тифлисскіе демонстранты пошли на встрѣчу казакамъ и заготовленному войску, „если бы рабочіе искали врага, напирали на него“ и на его штыки, „о тогда, конечно, даже неудача только подстрекала бы къ болѣе энергичному продолженію борьбы“ (тамъ же).

И такъ говорятъ, такъ смѣютъ говорить господа, которые, когда нужно подыскать аргументы въ пользу террора, кричатъ о возможныхъ ужасахъ „бойни“, когда же передъ ними развертывается картина демонстраціи, не смущаясь приглашаютъ демонстрантовъ — идти на эту самую „бойню“. Что имъ за дѣло до массового движенія! Имъ нечего терять тамъ, они въ немъ ничего не строили! Только что заявивъ, что пора мирныхъ демонстрацій прошла, а вооруженныхъ — еще не наступила, они три раза подрядъ этой весной призываютъ петербургскихъ рабочихъ къ демонстраціи, зная хорошо, что значитъ въ обстановкѣ настоящаго момента демонстрація въ *Петербургѣ*, и зная еще лучше, что сами они для подготовки ея не ударили пальца о палецъ. Неудивительно, что на то приглашеніе не отозвался буквально *ни одинъ петербургскій рабочій*. И столь же неудачной оказалась недавняя попытка ихъ въ Кіевѣ, вину за фіаско которой они силятся теперь свалить на... нетоварищеское якобы отношеніе мѣстной соціальдемократіи.

Когда Донской Комитетъ руководилъ знаменитою стачкой, они — заднимъ числомъ — посмѣли ему бросить упрекъ, зачѣмъ не повелъ онъ многотысячную толпу манифестантовъ-участниковъ стачки прямо на городъ, не повелъ тогда, когда вся полиція и войско уже были на ногахъ и ждали только удобнаго момента. Въ этомъ огромномъ движеніи имъ не было мѣста, и они, пока что... праздноболтали о „благопріятныхъ условіяхъ“, при которыхъ „событія вродѣ ростовскихъ, когда толпа бывала иногда достаточно сильна, чтобы овладѣть, если бы это понадобилось, всѣмъ городомъ“ могли бы „превратиться“ „въ исходный пунктъ революціоннаго взрыва“!.. (см. „Рев. Рос.“, № 15, ст. „По поводу ростовскихъ событій“).

Почему же, всегда и вездѣ, за этими людьми упорно шла по пятамъ ихъ злосчастная звѣзда, какъ только они дѣлали попытки прикоснуться къ массовому движенію? Почему „лѣтописи демонстраціоннаго движенія“ уже въ настоящее время — какъ показалъ въ послѣднемъ № „Искры“ членъ Саратовскаго Комитета Соціальдемократической Партіи — начинаютъ протестовать противъ ихъ неумѣстныхъ претензій красоваться на „лѣтописныхъ“ страницахъ?

Потому что нельзя безнаказанно жать, гдѣ не сѣялъ. *Нельзя разсматривать массовое движеніе, какъ своего рода революціонный спортъ, рядъ послѣдовательно смѣняющихся сенсацій, подобныхъ террору, и въ то же самое время увѣрять, что — „служишь“ ему же!*

Многообразный процессъ, оно предъявляетъ къ тѣмъ, кто ему подлинно служитъ, съ каждымъ днемъ все большія требованія. Съ ростомъ усложняются задачи, выдвигаются новыя трудности, которыя надо преодолѣть, во что бы то ни стало. Не подлежитъ сомнѣнію, батумскіе рабочіе, которые въ свое время запрашивали Петербургскій Комитетъ нашей партіи о вооруженіи демонстрантовъ, затронули жгучій вопросъ массового движенія. И Петербургскій Комитетъ былъ правъ, когда, не отмахиваясь отъ трудностей вопроса, не призналъ, однако, возможнымъ для себя — разрубить этотъ гордіевъ узелъ. Пытливо-добросовѣстно всматриваясь въ задачу, поставленную жизнью, онъ хотѣлъ, не рѣшая ее за свой собственный страхъ, предварительно послушать товарищей.

Съ такими людьми у насъ есть и всегда будутъ разговоры. Съ гг. же „соціалистами-революціонерами“ намъ на эту тему говорить не приходится.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Политическіе процессы. Въ срединѣ іюня въ Москов. военно-окруж. судѣ разбиралось въ теченіе 2 дней дѣло о пропагандѣ среди солдатъ Екатеринославскаго полка (въ Москвѣ). Изъ 6 обвиняемыхъ одинъ, студентъ Никольскій, успѣлъ скрыться до суда. Приговоры вынесены болѣе мягкіе, чѣмъ можно было ожидать. Солдатъ Альшанскій, давашій самыя „откровенныя“ показанія на слѣдствіи (см. обвинительный актъ въ „Рев. Росс.“), и Гольдблатъ приговорены къ лишенію правъ и ссылкѣ на поселеніе; Батурина — къ 1 г. 4 мѣс. заключенія въ крѣпости, съ ходатайствомъ о пониженіи срока до 1 года; Соколова — во вниманіе къ молодости — 4 мѣсяца тюрьмы; предатель (можетъ быть, шпіонъ?) фельдфебель Аносовъ — оправданъ. О самомъ судѣ намъ пишутъ изъ Москов. тюрьмы: „Гольдблатъ, Соколовъ и Батурина заявили на судѣ, что они сознательные революціонеры, считаютъ себя членами соц.-дем. партіи и выяснили, какимъ образомъ они пришли къ убѣжденію въ необходимости сверженія самодержавія. Женщинамъ говорить не мѣшали; Гольдблата-же прерывали шесть разъ, а на седьмой лишили слова. Предсѣдатель сказалъ ему, что не можетъ допустить, чтобы солдатъ нападалъ на самодержавіе и выражалъ критическое отношеніе къ военному быту. Альшанскій взялъ назадъ показанія, данныя имъ на слѣдствіи, но объяснилъ, что беретъ ихъ назадъ вовсе не для облегченія оговоренныхъ имъ товарищей, до которыхъ ему мало дѣла, такъ какъ они судили его за его поведеніе и признали предателемъ. Онъ объявилъ себя соціалистомъ-революціонеромъ, дѣйствовавшимъ на свой рискъ и страхъ (согласно обвинительному акту, онъ на слѣдствіи объявлялъ себя соц.-дем.).

Процессъ Фрумкиной, судившейся въ Кіевѣ за покушеніе на жизнь жанд. ген. Новицкаго, закончился осужденіемъ на 11 л. каторги этой совершенно измученной женщины.

Предполагается процессъ еще противъ участниковъ демонстраціи 27 апрѣля въ Баку и Балаханахъ. Въ качествѣ обвиняемыхъ привлекаются совершенно случайныя лица. Изъ обвиняемыхъ называютъ бывшихъ студентовъ Файнштейна и Ильюшкина, Дроздовскаго, Абрама Эйзенбета, бывш. студента Хунтадзе.

Петербургъ. Избіеніе политическихъ въ „Крестѣ“. „Насъ перевезли 3 іюня изъ Дома Предварительнаго Заключенія въ „Крестъ“, гдѣ насъ встрѣтили инспекторъ тюрьмы и начальникъ „Креста“; они объявили намъ, что если мы будемъ сидѣть смирно, то намъ будетъ очень хорошо. Мы всѣ сказали, что если къ тому не будетъ никакихъ побудительныхъ причинъ, какъ въ предварилкѣ, то мы, конечно, будемъ сидѣть смирно. Начальникъ сказалъ, что онъ постарается все устроить безъ шума, при этомъ разрѣшилъ намъ сидѣть на окнахъ, разговаривать между собой, передавать другъ другу деньги, провизію и книги. Послѣ того, какъ мы просидѣли пять дней, инспекторъ съ начальникомъ ходили по камерамъ и просили не разговаривать между собой въ окна. Мы отъ этого отказались; тогда инспекторъ сказалъ, что онъ долженъ принять мѣры къ устраненію между нами разговора.

11 іюня около пяти часовъ вечера мы услышали страшный крикъ. Оказалось, что это кричалъ нашъ товарищъ, котораго вели въ карцеръ. Тогда мы всѣ стали звать начальника для объясненія, почему товарища ведутъ въ карцеръ. Къ намъ начальникъ не явился. Тогда мы рѣшили вызвать его крикомъ. Съ этой минуты началась та кровавая расправа, при которой обагрились кровью стѣны камеръ и тюремныхъ подваловъ. Отставной жандармскій полковникъ Никольскій и человѣкъ семь надзирателей вбѣжали въ камеры и въ присутствіи самого начальника били насъ. Въ избіеніи принималъ участіе самъ инвалидъ жандармъ Никольскій. Ко мнѣ вбѣжалъ Никольскій, схватилъ меня за волосы и при помощи надзирателей топталъ ногами, билъ куда попало; затѣмъ продолжали уже надзиратели, подняли на руки и потащили въ подвалъ. На лѣстницѣ полковникъ скомандовалъ бросить меня и тащить за ноги. Спустились въ подвалъ, и у лѣстницы снова начали бить. Многіе просили, чтобы сразу убили ихъ, но полковникъ отвѣчалъ, что побоями онъ такъ ихъ доймет, что они забудутъ про всякіе протесты. Затѣмъ тащили дальше. На нѣкоторыхъ надѣвали сумасшедшую рубашку, но больше вязали руки и ноги и бросали на холодный полъ. Такъ мы оставались до 10 час. утра. Утромъ развязали насъ и повели къ начальнику, гдѣ каждому назначили семь дней карцера и на мѣсяцъ лишеніе свиданій и переписки. Карцеры всѣ были переполнены, и въ подвалѣ лежало насъ 21 человѣкъ. Избиты всѣ были серьезно. У многихъ текла изъ носа кровь, у нѣкоторыхъ поврежденъ позвоночникъ и разбита грудь. Стонъ былъ ужасный всю ночь. Одна изъ родственницъ избитаго получила отъ послѣдняго его рубашку; на ней 30 дыръ, вся она въ грязи. Тутъ же переданъ платокъ, весь въ крови, и на немъ ясно отпечатались зубы, очевидно, платкомъ заткнули ротъ, чтобы не было слышно крика“.

Одесса. Послѣ уничтоженія земской статистики министръ Плеве принимается, повидимому, за искорененіе крамолы въ земской медицинѣ въ лицѣ ея наиболѣе опасной въ смыслѣ потрясенія основъ части — санитарной организаціи. Херсонскій помпадуръ открылъ противъ нея форменный походъ. Послѣ того, какъ изъ шести избранныхъ губернскимъ санитарнымъ совѣтомъ врачей имъ былъ утвержденъ одинъ, онъ начинаетъ одного за другимъ выгонять уже существующихъ санитарныхъ врачей. Одесская земская управа получаетъ помпадурское „отношеніе“, въ которомъ категорически сообщается управѣ, что дальнѣйшее пребываніе на службѣ санитарнаго врача Улыбышева его превосходительство считаетъ невозможнымъ. Для компаніи этимъ же отношеніемъ удаляется со службы прослужившій земству 27 лѣтъ фельдшеръ, провинившійся въ томъ, что его сынъ когда-то участвовалъ въ студенческихъ безпорядкахъ. Какъ передаютъ, единственнымъ мотивомъ къ удаленію Улыбышева, этого честнаго и дѣятельнаго, но рѣшительно не имѣющаго никакого отношенія къ крамолѣ врача, является то соображеніе, что, благодаря его воздѣйствію, новые врачи Одесскаго уѣзда подбираются преимущественно „краснаго“ оттѣнка. Одесская управа въ лицѣ своего предсѣдателя Рено не нашла ничего возразить противъ беззаконнаго требованія помпадура, и рабски покорная его велѣніямъ увольняетъ указанныхъ помпадуромъ лицъ, относительно же Улыбышева умываетъ руки, такъ какъ онъ, дескать, губернскій служащій. Начавши съ Одессы, Левашевъ распространяетъ свою полезную дѣятельность на всю губернію. Недавно Херсонская губернская управа получила предложеніе „для пользы дѣла“ уволить цѣлый рядъ земскихъ служащихъ, между ними четырехъ санитарныхъ врачей, нѣсколько секретарей управы и пр. Когда предсѣдатель херсонской губернской управы протестовалъ противъ этихъ массовыхъ увольненій, причемъ указалъ, что политика Левашева противорѣчитъ намѣреніямъ Плеве, неоднократно высказывавшагося въ смыслѣ расширенія правъ мѣстнаго самоуправленія и вообще благосклонно относящагося къ земству, Левашевъ, многозначительно улыбаясь, отвѣтилъ: „Знаемъ мы это — онъ съ вами заигрываетъ, либеральничаетъ, а намъ циркуляры пишетъ — того удалить, за тѣмъ наблюдать. За всѣми вѣдь не усмотришь, такъ лучше вы ужъ ихъ увольте. Имѣйте въ виду, закончилъ помпадуръ, что *я* этого не говорилъ; если меня спросятъ — *я* отрекусь“. Такова двойная политика Плеве. Интересно знать, долго-ли еще наши земцы будутъ ходить на цыпочкахъ возлѣ „благихъ начинаній“ Плеве и даже разражаться такими всеподданѣйшими адресами, какимъ недавно разразился орловскій архи-либералъ Миша Стаховичъ.

Митава. Въ болѣе промышленныхъ городахъ Прибалтійскаго края, какъ, напр., въ Ригѣ и въ Либавѣ, имѣлись зачатки сознательнаго рабочаго движенія до перваго „дѣла латышскихъ соціалдемократовъ“ (1898). Но эти зачатки были уничтожены, кружковая дѣятельность прекратилась и лучшіе рабочіе агитаторы были сосланы или эмигрировали. Въ „крестьянскомъ“ городѣ Митавѣ ничего тому подобнаго не было, хотя Митава дала не мало интеллигентныхъ силъ движенію другихъ городовъ. Что митавскіе рабочіе „зашевелились“ такъ поздно и какъ разъ во время промышленнаго кризиса, который обыкновенно ослабляетъ рабочее движеніе, это объясняется отчасти тѣмъ, что здѣшнія фабрики работаютъ больше для мѣстнаго рынка и кризисъ на нихъ отразился не такъ тяжело, какъ въ другихъ мѣстахъ. Число фабричныхъ рабочихъ въ Митавѣ не больше 3000. Только одна фабрика (Гребнера) насчитываетъ до 800 раб. Первыя прокламаціи въ Митавѣ были распространены къ 1 мая 1901 г., но въ руки рабочихъ онѣ попали въ небольшомъ количествѣ. Большинство было собрано полиціей на улицахъ, гдѣ онѣ были разбросаны. Провалъ послѣ этой первой попытки былъ довольно значительный для едва начавшагося движенія (арестовали 3 раб. и 3 интеллигентовъ). Въ теченіе 1902 г. по разнымъ городамъ Курляндіи были распространены печатныя и гектографированныя прокламаціи, которыя въ большомъ количествѣ начали проникать въ фабрики, и рабочіе „зашевелились“. Въ проводахъ политическихъ ссыльныхъ (въ прошломъ году отправили первыхъ 4 латышей въ Сибирь) участвовали уже рабочіе. Тѣло умершаго здѣсь высланнаго ст. Бульмана провожало на вокзалъ уже много рабочихъ, и процессія вышла грандіознѣе, чѣмъ предполагалось. Даже мѣстные буржуа заговорили о похоронахъ соціалдемократа, затревожились и власти. Особенно не понравилось имъ то, что на похоронахъ было много учениковъ, хотя начальство нашихъ среднеучебныхъ заведеній уже раньше занималось чисткой гимназій отъ кухаркиныхъ и крестьянскихъ дѣтей. Директоръ гимназіи Пятницкій довелъ такимъ образомъ число учениковъ съ 500 до 250. Тотъ же Пятницкій, лучшій другъ мѣстнаго жандарма Кладо, прославился своими рѣчами по поводу того, что такое „смирно“, „первокурсникъ“ и студенческіе безпорядки. Теперь гимназисты старшихъ классовъ должны носить бѣлыя перчатки, и скоро П. заставитъ ихъ отдавать ему честь по военному. Въ этомъ отношеніи не менѣе отличались начальница женской гимназіи и директоръ реальнаго училища. Взяточничество и чрезмѣрная услужливость баронамъ со стороны этихъ властей были освѣщены въ изданной учениками въ концѣ 1901 г. прокламаціи „къ обществу“. Къ концу 1901 г. власти затревожились. 2 ноября обыскали по предписанію ковенскаго жанд. упр. врача П. Калина (былъ высланъ на 2 г. изъ прибалтійскаго края и проживалъ въ Жагорахъ, Ков. губ.). Въ корридорѣ реальнаго училища нашли какую-то нелегальщину и это дало поводъ директору Кульбергу и инспектору Петрову проявить свои интимныя чувства къ жандармамъ: у учениковъ IV кл. Лопатникова и Зилгалвиса жандармы произвели обыски и тягали ихъ на допросы. Уже раньше были обысканы реалисты Менцендорфъ, Залтисъ и Германштикъ, но ничего недозволеннаго не обнаружили.

---

*) „Разница лишь въ количествѣ жертвъ“ — писалъ „Центральный Комитетъ“ партіи соц.-рев., сопоставляя событія въ Златоустѣ и Уфѣ съ „ростовско-тихорѣцкой бойней“.

Большое возбужденіе произвело распространеніе на Рождество прошлаго года хорошо отпечатанныхъ большого формата прокламацій „Миръ на землѣ“. Прокламація, изданная „Прибалтійскими латышскими соц.-дем. организаціями“, была ловко распространена не только на фабрикахъ, но и у церквей гг. Риги, Митавы и Либавы и ихъ окрестностей и очень взбудоражила рабочихъ. Заговорили о соціальдемократическихъ требованіяхъ и въ деревняхъ, гдѣ прокламаціи ходили по рукамъ батраковъ. Особенно бѣсились священники и уѣздная полиція. Первые за то, что соціалдемократы опозорили ихъ „святыни“, а послѣдняя за то, что на нее навалили лишнюю работу. Началась погоня урядниковъ за прокламаціями и поѣздки жандармовъ въ волостныя правленія для составленія протоколовъ. Такія поѣздки были особенно часты въ Добленскомъ и Гольденгенскомъ уѣздахъ, гдѣ жандармскій офицеръ Григорашъ искалъ „центра тяжести“, какъ онъ самъ выражался. Пока Кладо съ сотрудниками все еще искали „центра тяжести“, полиція сообщила, что 17 апрѣля опять наводнены фабрики Митавы, Риги и Либавы прокламаціями, изданными группой латышскихъ соц.-дем. въ Курляндіи, группой соц.-дем.-раб. Риги и Либавской соц.дем. раб. организаціей. Помимо этого по дворамъ и улицамъ Митавы были расклеены и разбросаны гектографированныя прокламаціи на литовскомъ языкѣ и жаргонѣ. Всего было распространено въ Митавѣ 1200 прокламацій. Полиція собрала по улицамъ не больше 60-75. Арестовали по подозрѣнію и отчасти по указанію фабричной администраціи рабочихъ Гельмана, Андерсона, Гинтера. Они сидятъ еще. Около этого времени былъ арестованъ пріѣхавшій погостить къ родителямъ эмигрантъ Весманъ, который тоже содержится въ Митавской тюрьмѣ. Полиція ожидала къ первому мая демонстраціи и хотѣла накрыть какое-нибудь собраніе, полиціймейстеръ просидѣлъ цѣлый день, спрятавшись въ сторожевой будкѣ у городскихъ воротъ. 31 мая были распространены прокламаціи на русскомъ языкѣ и на жаргонѣ по поводу златоустовскихъ и кишиневскихъ событій. Въ тотъ же день арестованъ на улицѣ рабочій Ленцманъ.

Одесса. Добровольные шпіоны въ Добровольномъ флотѣ. Недавно къ одному изъ кочегаровъ Добровольнаго флота попало нѣсколько номеровъ Искры и листковъ Одесскаго соц.-дем. Комитета. Желая подѣлиться интересными свѣдѣніями, кочегаръ далъ попавшую къ нему литературу одному изъ служащихъ Добровольнаго флота Захарію Погребницкому. Дошло все это до свѣдѣнія начальника ремонта, который не замедлилъ, конечно, доложить о появившейся въ его мастерскихъ крамолѣ по начальству. Начальникъ конторы Добров. флота Ергамышевъ, угрожая г. Погребицкому всевозможными карами, заставилъ его сообщить фамилію кочегара, снабдившаго его литературой. Немедленно составляется донесеніе, зловредная литература запечатывается въ пакетъ и все это отправляется въ жандармское управленіе. На другой день появляются жандармы, производятся обыски, допросы — возникаетъ цѣлое дѣло. Очевидно, поле дѣятельности г. Ергамышева сократилось вмѣстѣ съ сокращеніемъ работы Добров. флота и доблестный морякъ хочетъ занять болѣе почетный и славный постъ царскаго шпіона.

Уфа, 22 іюня 1903 г. Текущимъ лѣтомъ, по примѣру прошлаго, должны были состояться педагогическіе курсы для земскихъ учителей и учительницъ второй очереди. Кромѣ того, одинъ изъ прошлогоднихъ лекторовъ согласился прочитать для членовъ Общ. взаимн. вспоможенія частному труду нѣсколько лекцій на двѣ темы: „Психологія общества и хозяйственный строй“ и „Реформы Петра I“, на что уже и было разрѣшеніе учебнаго начальства. Однако, 29 мая попечитель Оренбургскаго учебнаго округа поспѣшилъ увѣдомить какъ Земскую Управу, такъ и правленіе помянутаго общества, что онъ не находитъ возможнымъ въ нынѣшнемъ году дать разрѣшеніе на устройство въ Уфѣ просимыхъ курсовъ и лекцій. Разумѣется, у всѣхъ явилась одна и та же мысль о связи этой отмѣны съ убійствомъ губернатора. Такимъ образомъ, паки и паки сама власть толкаетъ населеніе на то, чтобы оно усвоило, наконецъ, себѣ идею о несоединимости какихъ бы то ни было просвѣтительныхъ начинаній съ существующимъ режимомъ. Съ другой стороны, нельзя безъ чувства омерзенія отнестись къ лицемѣрному возложенію на гробъ убитаго Богдановича отъ дирекціи народныхъ училищъ дорогого вѣнка съ надписью „Искреннему другу народныхъ школъ“. Пусть-же знаютъ, каковъ это былъ другъ и земскіе учителя, для которыхъ предназначена выпущенная здѣсь прокламація. Тѣмъ временемъ, сыскъ яростно, но тщетно работаетъ во-всю. На почтѣ вскрываются письма. Леоновича и Морозова, арестованныхъ послѣ убійства Богдановича, даже не взирая на освобожденіе ихъ со стороны судебныхъ властей, продолжаютъ держать въ тюрьмѣ жандармы. Изъ Воронежа сюда привозили желѣзно-дорожнаго рабочаго Извѣкова, но онъ доказалъ, что 6 мая въ Уфѣ не былъ, а находился въ Оренбургѣ, куда для удостовѣренія этого факта отсюда выѣхалъ Кичинъ (прокуроръ). – Сегодня къ намъ прибылъ новый помпадуръ Соколовскій, уже успѣвшій недѣли три тому назадъ, при обратномъ проѣздѣ изъ Питера въ свой Семипалатинскъ, во-первыхъ, уволить уфимскаго полиціймейстера, а, во-вторыхъ, вернуть изъ губерніи статистиковъ. Прибылъ — и прямо въ соборъ. Привезъ съ собой своего полиціймейстера. Интересно знать, обложилъ-ли новый полиціймейстеръ, по примѣру своего предшественника, публичные дома такимъ же или болѣе высокимъ ясакомъ и будетъ ли также охотно расхищать (подъ видомъ расходовъ на пожарныхъ лошадей) городскіе рессурсы, въ чемъ наша полиція всегда находила вѣрнаго пособника въ лицѣ вороватаго городского головы Малова.

Александровскъ, Екатерин. губ. Въ этомъ году рабочее движеніе въ городѣ Александровскѣ замѣтно развивается. Выпускъ листковъ производится довольно оживленно, были сходки; перепуганная полиція производитъ массовые обыски, какъ въ городѣ, такъ и въ прилежащемъ селѣ Вознесенкѣ. Въ этомъ селѣ были выпущены прокламаціи (150 шт.) въ ночь передъ Пасхой. Крестьяне читали ихъ около церкви надъ куличами и пасхами, и не могли оторваться отъ этого чтенія даже тогда, когда попъ пришелъ святить. Послѣ службы на разсвѣтѣ попы ходили по улицамъ и дворамъ и собирали подброшенныя прокламаціи, но ихъ старанія не увѣнчались большимъ успѣхомъ — имъ удалось найти всего нѣсколько штукъ; вообще было арестовано не болѣе двадцати изъ 150 штукъ. Несмотря на популярность изложенія, листки возбудили нѣкоторыя недоумѣнія въ крестьянахъ. Этому способствовала проповѣдь попа на второй день пасхи, направленная противъ соціалистовъ. Такой дерзкій поступокъ попа возбудилъ негодованіе мѣстной соціальдемократической организаціи и заставилъ ее выпустить въ отвѣтъ еще серію листковъ. Такимъ образомъ между попомъ и соціальдемократической организаціей произошелъ живой обмѣнъ мнѣній. Населеніе, возстановленное противъ своихъ грабителей поповъ, съ интересомъ слѣдило за этимъ собесѣдованіемъ.

Въ апрѣлѣ были четыре сходки; двѣ послѣднія человѣкъ по пятидесяти. Говорили ораторы изъ мѣстныхъ интеллигентовъ. Составъ сходокъ обновлялся каждый разъ. Были представители отъ всѣхъ машиностроительныхъ заводовъ, которыхъ здѣсь 7, кромѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Ремесленники устроили отдѣльную сходку. Они составляютъ кружокъ человѣкъ въ 35, отколовшихся отъ „искристовъ“ изъ-за принциповъ организаціонной тактики (выборное начало). Передъ первымъ мая, къ сожалѣнію, не было получено печатныхъ листковъ. Поэтому, мѣстная организація выпустила одну тысячу гектографированныхъ листковъ: 400 первомайскихъ и 600 по поводу кишиневскихъ безпорядковъ (такъ какъ у насъ также ходили тревожные слухи). Эти листки произвели большое впечатлѣніе, въ особенности на евреевъ. Одинъ изъ нихъ, услышавъ въ лавочкѣ чтеніе прокламаціи, сказалъ: „боже мой, я считалъ соціалистовъ разбойниками, а теперь я готовъ стать на колѣни и цѣловать ноги тѣмъ, кто это написалъ“. Одинъ русскій кузнецъ, изъ постоянныхъ столкновеній съ мѣстной администраціей вынесшій страшную ненависть къ существующему строю, въ разговорѣ съ интеллигентомъ признался, что хотѣлъ предводительствовать, если бы начали бить евреевъ, но, послѣ выясненія вопроса, съ ужасомъ воскликнулъ: „какъ насъ морочатъ!“ Предполагавшаяся демонстрація не состоялась, такъ какъ молодая еще организація (она существуетъ немного болѣе года, а раньше работалъ случайный элементъ) не могла выдвинуть за такое время опытныхъ руководителей. Въ концѣ мая переизданъ листокъ кіевскаго политехникума о причинахъ кишиневскихъ безпорядковъ, въ количествѣ 500 экз. Въ срединѣ іюня произведено было полиціей и жандармеріей больше 15 обысковъ и у рабочихъ. Обыски эти, повидимому, назначались безъ всякаго смысла и нерѣдко возбуждали смѣхъ у публики: такъ, напр., былъ произведенъ обыскъ у 80-тилѣтняго старика, бывшаго педагога. Понятно, что всѣ обыски были безрезультатны. По поводу этихъ обысковъ были выпущены листки; въ то же время были отгектографированы прокламаціи по поводу революціи въ Сербіи.

Не можемъ не упомянуть о фактѣ, знаменующемъ начало проявленія самодѣятельности въ крестьянской средѣ. Въ глухомъ селѣ Ново-Николаевкѣ, отстоящемъ отъ города на 50 верстъ, появились рукописныя прокламаціи мѣстнаго характера, въ которыхъ рекомендовалось одного изъ поповъ (стараго) убить, а у другого (молодого) сначала выщипать по волоску гриву и бороду, а потомъ убить; урядника растерзать на клочки, а мѣстную паровую мельницу, принадлежащую еврею-эксплуататору, взорвать динамитомъ. Эти листки, несмотря на ихъ наивность, произвели должное впечатлѣніе на этихъ угнетателей народа: попы стали кротки, какъ голуби, урядникъ сдѣлался необыкновенно гуманнымъ, а мельникъ-эксплуататоръ уѣхалъ, запечатавъ мельницу.

Керчь. Съ февраля сего года Керченская Соціальдемократическая Организація обзавелась типографіей и все время выпускаетъ печатныя прокламаціи какъ къ рабочимъ, такъ и къ обществу. Первая печатная прокламація на тему: „Освобожденіе крестьянъ“ была выпущена наканунѣ 19 февраля; разбросана по дворамъ и наклеена на всѣхъ кіоскахъ въ городѣ, гдѣ и висѣла до слѣдующаго полудня. Объясняется это тѣмъ, что городовымъ извѣстны прокламаціи въ видѣ бѣлой бумаги, исписанной синими чернилами (гектографированныя), а эти были разноцвѣтныя и печатаны типографскимъ шрифтомъ. Черезъ три дня послѣ первой прокламаціи жандармерія была поражена новой экстраординарной выходкой Керченской Организаціи. Нужно было распространить прокламацію къ рабочимъ табачной фабрики Месаксуди. Установлено было, что рабочіе выходятъ изъ фабрики по звонку въ теченіи пяти минутъ и направляются на главную улицу погулять послѣ работы. Организація прибѣгла къ слѣдующему способу. Наняли трехъ мальчишекъ лѣтъ по десяти, дали имъ по 100 прокламацій, отпечатанныхъ на разноцвѣтныхъ листкахъ въ родѣ афишекъ, и для того, чтобы заинтересовать рабочихъ, чтобы они не бросили ихъ непрочитанными, мальчишкамъ велѣно при раздачѣ кричать: „китайскій циркъ“. Все это было устроено какъ разъ къ выходу рабочихъ изъ фабрики. Одинъ мальчикъ сталъ около воротъ фабрики и на глазахъ у полиціи раздавалъ прокламаціи и кричалъ: „китайскій циркъ“. Остальные два мальчика дѣлали то же самое на главной улицѣ. Цѣль была достигнута, прокламаціи всѣ почти попали въ руки рабочихъ. Полиція узнала, когда всѣ почти прокламаціи были розданы, и бросилась задерживать мальчишекъ. Одинъ успѣлъ всѣ раздать и удрать, а остальныхъ двухъ поймали, когда у каждаго изъ нихъ осталось по пяти прокламацій. Мальчишекъ отправили въ участокъ и сейчасъ же жандармскій ротмистръ учиняетъ допросъ. „Кто далъ вамъ листки?“ Мальчики плачутъ. „Дядя“. „Какой дядя?“ (Мальчики описываютъ наружность). „*У черной бородѣ*, у большихъ усахъ, у сапогахъ и на носѣ темные очки“. Вдругъ всѣ присутствовавшіе на допросѣ полицейскіе чины крикнули въ одинъ голосъ: это студентъ Васильевъ. Сейчасъ же жандармерія направилась къ студенту Васильеву (черная борода), студ. Гуссову (черн. борода) и метранпажу „Южн. Курьера“ (тоже черная борода), всѣхъ привели въ участокъ мальчишкамъ на показъ: нѣтъ, говорятъ, не эти. Мальчишекъ пришлось выпустить, ничего не добившись. На слѣдующій день ихъ опять призвали да еще мальчишекъ 30, описали имъ наружность и послали искать по улицамъ бородатаго, обѣщавъ всѣмъ по пяти рублей, если найдутъ его. У самаго кулака Месаксуди чуть сердце не разорвалось съ досады, онъ обѣщалъ 500 руб. тому, кто поймаетъ бородатаго. Въ ту же ночь были обысканы поѣзда, былъ задержанъ пароходъ россійскаго общества. На пароходѣ во второмъ классѣ жандармы замѣтили профессора съ черной бородой: заподозривши въ немъ представителя китайскаго цирка, пригласили въ участокъ и показали мальчикамъ: „нѣтъ, не оны“. Обыскали и отпустили съ миромъ. На слѣдующій день по разнымъ улицамъ города можно было видѣть группы мальчишекъ, внимательно разсматривающихъ прохожихъ обывателей съ черными бородами. Такъ и не пришлось имъ заработать по пяти рублей. На одной улицѣ постовой городовой нашелъ черную бороду съ усами, въ которой мальчики узнали ту самую, которая давала имъ листки. Искали человѣка съ бородой, а нашли бороду безъ человѣка. Съ этой находкой жандармы прекратили всякія поиски бородатаго. Какъ рабочимъ, такъ и обществу очень понравился этотъ ловкій пріемъ. Когда на слѣдующій день раздавали объявленія объ открытіи прачешной, то всѣ брали и говорили лукаво: что, опять китайскій циркъ? Слѣдующая прокламація была выпущена наканунѣ перваго марта. Обстоятельства были крайне неблагопріятныя. Жандармы догадывались, что должна быть прокламація и рѣшили во что бы то ни стало изловить распространителей. Для этого они предполагали переодѣть сорокъ городовыхъ въ штатское платье и разставить по парѣ въ двадцати дворахъ на цѣлую ночь, и когда распространитель броситъ прокламацію, то выскочить изъ засады и задержать его. Тогда были еврейскіе праздники, сотни масокъ ходили по улицамъ изъ дома въ домъ. Жандармы не думали, что у организаціи хватитъ смѣлости распространять прокламаціи во время движенія масокъ и рѣшили поставить городовыхъ съ 12 час. ночи, когда маски расходятся по домамъ. Но увы! Жандармы обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Форсированнымъ маршемъ прошли распространители по городу въ промежуткѣ отъ 10 до 11 час. веч. и наводнили его прокамаціями. Узнали жандармы, бросились рыскать по улицамъ искать распространителей, а ихъ и слѣдъ простылъ. Задерживались и маски, и люди безъ масокъ, тутъ же на улицѣ производились обыски, но все это ни къ чему не привело. Были затѣмъ еще прокламаціи майскія, по поводу манифеста 26 февр., по поводу кишинев. рѣзни, и все сходило удачно.

За все это время жандармы произвели только три вышеописанныхъ обыска по поводу „Китайскаго цирка“. Странной казалась эта жандармская бездѣятельность, но недавно все выяснилось. Вотъ уже три года, какъ жандармы въ Керчи ловятъ крамолу, но никакъ не поймаютъ. И рѣшилъ ротмистръ Шереметовъ прибѣгнуть къ другому, болѣе раціональному средству. Выписалъ онъ изъ Петербурга рабочаго-провокатора, который привезъ съ собою много нелегальной литературы, завелъ знакомство съ рабочими и вкрался къ нимъ въ довѣріе. Онъ стремился проникнуть въ центральную группу организаціи, но этого ему не удалось достигнуть. Результатомъ его проживанія въ Керчи является набѣгъ, совершенный въ ночь на 28 мая жандармской сворой подъ руководствомъ Шереметова; произведено больше 30 обысковъ и 10 арестовъ. Девять человѣкъ изъ числа арестованныхъ черезъ шесть дней выпущены, а десятый, С. Рабиновичъ, оставленъ въ тюрьмѣ, такъ какъ у него найдено много нелегальной литературы. Въ ночь на 4 іюня арестованъ еще Николай Евдокимовъ, застигнутый жандармами при печатаніи прокламаціи на гектографѣ. Оба арестован. держатся превосходно.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Херсонская губ. Приводимъ цѣликомъ, съ исправленіемъ лишь орфографіи, присланную намъ „крестьянскую корреспонденцію“:

„Товарищи, сего 1903 года мѣсяца апрѣля, были посѣяны прокламаціи на возы крестьянамъ, Херсонской губ. Тираспольскаго уѣзда въ мѣстечкѣ Евгеновкѣ. Евгеновка расположена въ семидесяти верстахъ отъ г. Одессы, занимая громадный приходъ окрестныхъ деревень; результатъ этого слѣдующій: въ ночь подъ первый день Пасхи крестьяне съѣхались съ многихъ деревень къ церкви для посвященія пасокъ, около 500 подводъ только дальнихъ, не считая пѣшихъ; повозки оставили, а сами пошли слушать дѣянія; многіе изъ толпы были на дворѣ, даже нѣкоторые спали на повозкахъ; студенты (?) воспользовались этимъ случаемъ, наложили въ повозки прокламаціи; когда приближался часъ обѣдни, крестьяне послыхали звонъ колоколовъ и начали браться за пасхи, около пасокъ нашли на возахъ много бумагъ печать одесскаго комитета. Многіе изъ нихъ начали читать тамъ же при свѣчахъ, а нѣкоторые унесли въ церковь, чтобы было удобнѣе читать. Народъ толпился вокругъ читающихъ массами, и, наконецъ, по прочтеніи одной прокламаціи, между толпой раздался крикъ и брань по адресу своихъ угнетателей. Церковный староста былъ перепуганъ шумомъ и крикомъ и, не взирая на служеніе, вбѣжалъ на клиросъ, гдѣ находился урядникъ, и сталъ подавать знакъ, чтобы пѣніе пріостановили. Староста началъ рѣчь: „Не знаю, что случилось: читаютъ по всей церкви то, что напечатано на нашего царя, да на нашихъ начальниковъ, все противъ правительства, что правительстно неправильно поступаетъ, будто мало платитъ за работу, таке, что ажъ на головѣ чубъ подымается“. Урядникъ (Скворцовъ) выбѣжалъ на улицу съ крикомъ, созвалъ свистками полицію мѣстную и изъ другихъ деревень, всего около шестидесяти человѣкъ, и было дано приказаніе арестовать тѣхъ, кто читалъ и пряталъ, а въ особенности арестовывать всѣ повозки для обыска, чтобы никто не могъ вывезти ни одной прокламаціи. Страшили народъ, что будутъ найдены всѣ бумажки и что будутъ строго наказаны; крестьяне отдали свои пасхи знакомымъ и начали разъѣзжаться, кто куда попалъ, дабы спасти у себя бумажки. Полиція, видя себя безсильной, чтобы справиться съ трехтысячной толпой народа, арестовала только тѣхъ, которые сознались отъ чистаго сердца, что у нихъ есть найденные листики. Полиція, не отпуская ихъ отъ себя, видя, что они покорны, посадила ихъ въ кутузку и поставила надъ ними строгій караулъ, дабы дознаться, не замѣтили-ли въ лицо тѣхъ субъектовъ, которые подбросили въ народѣ прокламаціи. Отзывались незнаніемъ. Имъ не повѣрили. Урядникъ нарядилъ одного сотскаго, запечаталъ пятью печатями конвертъ, и отправилъ къ приставу второго стана Тираспольскаго уѣзда, докладывая о случившемся и прося помощи. Пока шла переписка, арестованныхъ держали нѣсколько дней, ежедневно допрашивая, какъ преступниковъ. Земскій начальникъ четвертаго участка Тираспольскаго уѣзда Юковскій съ другими земскими начальниками немедленно начали разъѣзжать по деревнямъ и созывать всѣхъ крестьянъ, прося: „не слушайте подлыхъ людей, что бунтуютъ васъ и раскидываютъ листки, то — шарлатаны: ихъ надо убивать камнями и суда за нихъ не будетъ, потому что царь такихъ терпѣть не можетъ. Если кто-либо изъ васъ замѣтитъ, что подкидываютъ листки или прійдетъ въ какую деревню и будетъ говорить, что онъ посланъ отъ царя и золотыми буквами будетъ вамъ читать, не вѣрьте этому, а скорѣе и хитрѣе задержите его и ведите ко мнѣ, я знаю, какъ справиться, а если изъ среды васъ братъ или другъ будетъ распространять слухи о томъ, что вамъ будетъ прибавка земли и восьми-часовой рабочій день или повышеніе платы, такого вяжите и ведите ко мнѣ“.... „Вы знаете, что государь вашъ сказалъ на коронаціи въ Москвѣ — Александръ III. — а вотъ Николай II подтвердилъ его слова, что слухи о прибавкѣ земли разносятся врагами правительства, а лучше ходите въ церковь молиться день и ночь, чтобы вамъ богъ далъ. Нанимайте молебни съ акафистами Николаю угоднику. Просите священика чтобы онъ вамъ святилъ весь степъ священною водою для того чтобы урожаи были. Свѣчи покупайте — это богъ любитъ. Вамъ нечего надѣяться, чтобы разбогатѣть на этой землѣ, вамъ будетъ добре на томъ свѣтѣ, а я похлопочу за васъ, чтобы вамъ на 25 деревень выслали изъ управы святыя иконы, чтобы вы молились. И не смѣйте не только говорить, но и думать о томъ что случилось, а мы этихъ студентовъ всѣхъ переловимъ“.

Нѣкоторые молодые изъ крестьянъ, выслушавъ отъ начальника, что не будетъ ничего изъ того, чего они надѣялись, составили заговоръ (!) и хотѣли въ ту же ночь начальника четвертаго участка убить, только не было у нихъ вожака, который бы принялъ начальство надъ ними“.

Отъ редакціи. Надѣемся, что не далеко то время, когда у проснувшихся отъ вѣковаго сна крестьянъ всегда будутъ „вожаки“, которые съумѣютъ разъяснить имъ, что „заговоръ“ надо составлять не противъ жизни земскаго начальника, а противъ жизни всего самодержавія.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ.

Всеобщая стачка въ Баку. Телеграфъ принесъ извѣстіе о всеобщей стачкѣ въ Баку, захватившей даже типографіи и булочныя. Насколько можно судить по имѣющимся у насъ данным это грандіозное возстаніе бакинскихъ рабочихъ (телеграмма соо щаетъ о **40.000** стачечниковъ) подготовлено рядомъ частныхъ стачекъ, начавшихся въ городѣ немедленно послѣ предмайской агитаціи, которую въ такихъ широкихъ размѣрахъ повелъ недавно мѣстный Комитетъ нашей Партіи.

Рабочее движеніе на Кавказѣ еще очень молодо, но оно имѣетъ уже за собой цѣлый рядъ блестящихъ выступленій пролетаріата. Въ короткое время кавказскіе рабочіе опередили товарищей многихъ мѣстностей, ранѣе ихъ захваченныхъ движеніемъ.

Өеодосія (Крымъ). Здѣсь подъ окрытымъ небомъ состоялось собраніе съ цѣлью отпраздновать 1 мая. На собраніи присутствовало 45 рабочихъ и работницъ. При пѣніи Марсельезы было поднято красное знамя съ революціонными надписями. Затѣмъ интеллигентами были прочитаны рефераты и говорились рѣчи. Между прочимъ, выяснялась политика Зубатова, а также политика правительства по отношенію къ антиеврейскому движенію въ Россіи вообще, и Кишиневскому въ частности. По окончаніи рѣчей и чтенія рефератовъ, рабочіе декламировали стихи и пѣли революціонныя пѣсни. Праздникъ продолжался отъ шести до 11½ часовъ ночи.

Екатеринославъ. Въ началѣ іюня здѣсь состоялось собраніе, на которомъ присутствовало до 250 человѣкъ. Говорились рѣчи на разныя политическія темы. Первые ораторы говорили о полицейско-бюрократическомъ строѣ, о пролетаріатѣ, какъ носителѣ прогресса. Такъ какъ собраніе имѣло цѣлью формулировать свое отношеніе къ кишиневскому погрому, то прочіе ораторы въ своихъ рѣчахъ главнымъ образомъ затрагивали это послѣднее событіе. По окончаніи рѣчей собраніемъ единогласно принята слѣдующая резолюція: „Принимая во вниманіе, что главнымъ виновникомъ кишиневскаго погрома является царское правительство, организовавшее его черезъ своихъ агентовъ съ цѣлью отвлечь отъ себя народный гнѣвъ; принимая во вниманіе, что кишиневскій погромъ является слѣдствіемъ сознательнаго со стороны правительства разжиганія племенной ненависти и религіознаго фанатизма, исключительнаго положенія евреевъ, а также темноты и невѣжества массы, являющихся въ свою очередь слѣдствіемъ самодержавнаго строя Россіи, мы, Екатеринославскіе рабочіе, глубоко убѣжденные, что подобныя явленія возможны лишь на почвѣ самодержавія и что только его уничтоженіемъ мы смоемъ позорное кровавое пятно, которое по винѣ правительства легло на весь русскій народъ, мы требуемъ замѣны царскаго самодержавія законодательнымъ собраніемъ, составленнымъ изъ представителей, выбранныхъ всѣмъ народомъ, и равноправія всѣхъ гражданъ безъ различія національности и религіи“.

С. Озеры, Коломенскаго уѣзда, Московской губ. Здѣсь четыре фабрики: Федора Щербакова съ сыновьями, бр. Щербаковыхъ, В. Моргунова съ сыновьями и еще одна, кажется, Моргунова и Ст. Соколова. На всѣхъ фабрикахъ рабочихъ около 10000 чел. Въ концѣ апрѣля на фабрикѣ Ф. Щербакова и сыновей рабочіе требовали увольненія завѣдующаго фабрикой. Хозяинъ сначала обѣщалъ исполнить требованіе въ двухмѣсячный срокъ и просилъ теперь стать на работу, рабочіе же требовали немедленнаго увольненія. Переговоры и сбавки срока до трехъ недѣль не привели ни къ чему и завѣдующій былъ устраненъ отъ должности, рабочіе начали работать. Въ концѣ мая на фабрикѣ Василія Моргунова и сыновей уволили много рабочихъ, въ виду вздорожанія хлопка и имѣющагося большого запаса товара; оставшихся заставили работать не въ двѣ смѣны, а въ одну. Рабочіе потребовали увеличенія заработной платы на 20%. Большинство изъ нихъ крестьяне близлежащихъ деревень и ведутъ хозяйство, даже живутъ дома, а не на фабрикѣ. Первыми забастовали *женщины*-ткачихи, къ нимъ вскорѣ присоединились и остальные рабочіе-мужчины. Нѣсколько дней положеніе дѣлъ обсуждалось въ полѣ и послѣ сходки всей толпой отправлялись съ пѣснями на фабрику, гдѣ окружали домъ директора. Пропѣвши „дубинушку“ и „долю бѣдняка“, возвращались по домамъ. Въ толпѣ раздавались иногда протестующіе крики женщинъ, требовавшихъ переходъ къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но онѣ были останавливаемы мужчинами, которые доказывали нецѣлесообразность буйнаго протеста. Наконецъ, хозяинъ вызвалъ казаковъ; какъ только стало извѣстно объ ихъ появленіи, никто на фабрику не являлся и собраній не происходило. Пробывъ три дня и видя что усмирять некого — казаки вернулись обратно, между прочимъ, на этомъ настаивалъ и хозяинъ, которому надо кормить ихъ. 9 числа появилось объявленіе исправника, приказывавшее стать на работу 10 іюня, подъ угрозой разсчета; на сходкѣ было рѣшено получить разсчетъ, взять паспорты и на работу не являться. Рѣшеніе было приведено въ исполненіе и работы не возобновляются до сихъ поръ. Пробовалъ было хозяинъ выписывать рабочихъ изъ отдаленныхъ деревень, но неудачно: прибывшимъ старые рабочіе дали понять, что они не допустятъ ихъ къ работамъ и тѣ ретировались. Тогда хозяинъ держалъ рѣчь о повышеніи цѣнъ на хлопокъ и трудности веденія дѣлъ и тутъ отвѣчали ему женщины: „какъ бы велики не были цѣны на хлопокъ, ты безъ хлѣба не сидишь, а мы голодаемъ“. Объясненіе кончилось ничѣмъ.

Ардатовскій уѣздъ (Нижегород. губ.). Здѣсь на Вильскомъ листопрокатномъ заводѣ въ маѣ вспыхнули волненія на почвѣ кризиса, принявшія аграрную окраску. Кризисъ вызвалъ сокращеніе числа рабочихъ, и мастеровые, приписанные къ заводу, подали губернатору заявленіе съ требованіемъ надѣленія ихъ землей (на основаніи посессіоннаго права). Губернское правленіе постановило отвести рабочимъ надѣлъ, вымежевавъ его изъ общихъ владѣній завода. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, заводская администрація стала назначать безработныхъ на рубку лѣса. Нѣкоторые мастеровые упирались, другіе вовсе отказывались рубить лѣсъ, который, по мнѣнію рабочихъ, долженъ былъ отойти въ ихъ пользу. Возбужденіе росло и въ одинъ изъ праздниковъ рабочіе „немножко нашумѣли“. Серьезныхъ нарушеній порядка, впрочемъ, не было. Тѣмъ не менѣе, администрація тотчасъ-же телеграфировала властямъ, якобы „бунтъ“ въ полномъ разгарѣ. Тотчасъ-же изъ Нижняго прибылъ губернаторъ, полиція и батальонъ солдатъ. Начались аресты среди рабочихъ, причемъ заводская администрація указывала предполагаемыхъ „зачинщиковъ“. Большинство арестованныхъ скоро освободили, а восемь „зачинщиковъ“ увезли въ уѣздный городъ, въ тюрьму. Аресты эти вызвали въ населеніи страшный переполохъ. Губернаторъ „предоставилъ“ мастеровымъ поступать на сосѣдніе Выксунскіе заводы, а чернорабочимъ — опять-таки рубку лѣса. Милостивое указаніе на Выксунскіе заводы звучитъ ироніей: тамъ уже давнымъ давно все полно — яблоку негдѣ упасть. Положеніе рабочихъ критическое. Пока еще отведутъ надѣлъ! Да и съ надѣленіемъ землей врядъ-ли ихъ положеніе улучшится: населеніе давнымъ давно отбилось отъ крестьянскаго хозяйства; нѣтъ ни умѣнія, ни опытности; да и не на что будетъ вести хозяйство.

На Выксунскомъ заводѣ 22 мая произошелъ трагическій случай. На глазахъ у отца и матери, съ которыми вмѣстѣ онъ разбиралъ „дудку“, погибъ 15-ти лѣтній подростокъ, подъ которымъ обвалилась земля, когда онъ проходилъ мимо дудки. Виновница катастрофы — рудничная контора. Она приказываетъ рудокопамъ вытаскивать изъ старыхъ выработанныхъ дудокъ укрѣпляющій ихъ лѣсной матеріалъ, который снова идетъ въ дѣло, въ новую дудку. Вся выгода отъ этой операціи сводится къ тому, что тысяча „заборокъ“ въ продажѣ у частныхъ лѣсоторговцевъ стоитъ 8 рублей, а вытаскиваніе ихъ изъ старыхъ дудокъ обойдется только въ 60 коп. съ тысячи. И вотъ рабочій начинаетъ выбирать доски, сперва сверху, потомъ все ниже и ниже, балансируя при помощи багра надъ пропастью. Земля въ продолженіи всѣхъ рудничныхъ работъ осѣдаетъ, даетъ трещины. Тутъ и укрѣпленнымъ дудкамъ не поздоровится, а не только тѣмъ, которыя „безъ заборокъ“. Малѣйшая неосторожность — и рабочій покатится вмѣстѣ съ нею на дно. Чтобы получить 1000 заборокъ, нужно разобрать 5-6 дудокъ. Въ случаѣ увѣчья контора только лѣчитъ рабочаго даромъ, а когда дѣло оканчивается болѣе серьезно — и этого не требуется. Былъ человѣкъ — и не стало его; вотъ и все тутъ.

Вязники, (Владимірской губ.) Здѣсь, въ сельцѣ Лосевѣ была въ мартѣ мѣсяцѣ стачка на фабрикѣ Сенакова. Рабочихъ тамъ около 900. Требовали смѣны управляющаго. Стачка увѣнчалась успѣхомъ.

Борисоглѣбскъ, (Тамбовской губ.). Въ нашемъ городѣ имѣются желѣзнодорожныя мастерскія О-ва Юго-Восточныхъ Ж. Д. Рабочихъ около тысячи человѣкъ. Движенія до сихъ поръ среди рабочихъ не было никакого, если не считать двухъ стихійныхъ и незначительныхъ вспышекъ. Первая была вызвана лѣтъ 6 тому назадъ злоупотребленіями желѣзнодорожной администраціи, которая потихоньку и полегоньку присваивала себѣ деньги, вычитавшіяся изъ заработной платы, якобы на пенсіонное вознагражденіе рабочимъ. За предѣлы мастерскихъ этотъ конфликтъ не выходилъ; администрація струсила и возвратила рабочимъ всѣ деньги. Вторичное столкновеніе рабочихъ со своимъ начальствомъ произошло въ маѣ прошлаго года.

Прихвостень начальника мастерскихъ практикантъ Бишевскій для того, чтобы обратить на себя вниманіе, страшно понизилъ обычные расцѣнки. Рабочіе едва его не разорвали. Начальникъ мастерскихъ Петрашевскій для успокоенія рабочихъ удалилъ Бишевскаго, но расцѣнки не измѣнилъ.

Въ этомъ году въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ 1-го мая распространены были въ значительномъ количествѣ (около 600) прокламаціи Орг. Комитета Переполохъ получился страшный. Рабочіе не работали. 20 іюня въ пятницу началась настоящая стачка. Меньшинство сначала было противъ, но большинство принудило его присоединиться къ стачкѣ. О причинахъ стачки можно судить по требованіямъ въ прокламаціи, изданной съ помощью пишущей машины: 1) Удаленіе помощника начальника мастерскихъ Кожухова (его едва было не убили). 2) Сокращеніе рабочаго дня до 8 часовъ. 3) Повышеніе заработной платы. 4) Уничтоженіе штрафовъ. Въ этомъ отношеніи дѣло дошло до того, что рабочіе, получающіе 40 коп. въ день, лишаются въ мѣсяцъ 3-4 рублей въ формѣ штрафовъ. Пятый пунктъ гласитъ, что если эти требованія не будутъ удовлетворены, то рабочіе сумѣютъ добиться удовлетворенія ихъ силой. Ведутъ себя стачечники выдержано. Вслѣдствіе этого начальство не знаетъ, что съ ними дѣлать. Въ субботу 21 пріѣхалъ самъ управляющій г. Павловъ изъ Воронежа. Что было въ понедѣльникъ, пока неизвѣстно. Въ пятницу же съ утра и въ субботу работъ не было.

Судя по легальнымъ газетамъ, стачка окончилась 29 іюня.

С.-Петербургъ. Къ положенію рабочихъ на казенномъ инструментальномъ заводѣ. Безработица у насъ принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, каждый день фабрики и заводы выкидываютъ на улицу десятки и сотни „ненужныхъ“ рабочихъ... Видя эту безработную армію, наше заводское начальство безъ всякихъ церемоній понижаетъ расцѣнки, увеличиваетъ число рабочихъ часовъ, издѣвается надъ человѣческимъ достоинствомъ рабочихъ. Подъ страхомъ разсчета оно заставляетъ насъ чистить ватерклозеты, мыть полы въ казенныхъ квартирахъ, и это послѣ 13-15 часовой работы! На заводѣ у насъ существуетъ настоящая военная дисциплина; напр., жалобу на мастера или штучника нужно подать... самому же мастеру (объ этомъ вывѣшенъ приказъ за подписью начальника завода), такъ что выходитъ, что мастеръ долженъ доносить высшему начальству на самого себя!.. Или еще: есть у насъ на заводѣ старикъ-рабочій Сенкевичъ; онъ уже почти совсѣмъ одряхлѣлъ отъ тяжелой работы, и теперь, когда старикъ ищетъ минуты отдыха въ ватерклозетѣ, начальникъ отдѣла Винтеръ набрасывается на него съ крикомъ: „чего сидишь!“ и бѣдному старику, чтобы не умереть съ голода, приходится стоять на больныхъ ногахъ по 15 часовъ въ сутки. Кромѣ того, у насъ берутъ подписку отъ каждаго рабочаго, что онъ умѣетъ работать на станкахъ, такимъ образомъ, при несчастныхъ случаяхъ начальство не отвѣчаетъ и не выдаетъ ни одной копѣйки, а моментально выбрасываетъ на улицу искалѣченнаго рабочаго. Не ограничиваясь постояннымъ пониженіемъ расцѣнокъ, наше заводское начальство часто отдаетъ работу мастерамъ, а эти господа являются такими же эксплоататорами, какъ и наше царское начальство: нерѣдко они набираютъ съ улицы безработныхъ и выжимаютъ изъ нихъ послѣдніе соки. Вообще, произволъ у насъ достигъ крайнихъ предѣловъ, а при нашемъ заработкѣ трудно прокормиться одному человѣку, не только съ семействомъ. Пора, товарищи, и намъ примкнуть къ борьбѣ съ подлымъ правительствомъ, угнетающимъ весь рабочій людъ. Внѣ борьбы нѣтъ для насъ спасенія!..

Пермь. Мѣстный Комитетъ Р. С.-Д. Р. Партіи еще въ январѣ послалъ свое заявленіе о полной солидарности со взглядами, проводимыми въ „Искрѣ“, но до сихъ поръ это заявленіе не опубликовано. Въ мартѣ мѣсяцѣ Комитетъ привѣтствовалъ возникшій Организаціонный Комитетъ но объ этомъ также, повидимому не было напечатано*). До іюля 1902 г. здѣсь существовала группа „борьбы за освобожденіе рабочаго класса“; съ іюля же эта группа преобразовалась въ Комитетъ Р. С.-Д. Р. Партіи. — Втеченіе года Комитетомъ выпускались листки (около 20 листковъ), какъ по поводу заводскихъ нуждъ, такъ и общаго характета. Въ виду полнаго отсутствія печатной литературы Комитетомъ съ января мѣсяца предпринято изданіе (на гектографѣ) мѣстнаго органа („Рабочаго бюлетеня“; вышелъ 40-ой №). Только при помощи бюлетеня и приложенія къ нему (съ мая мѣс. вышло 4 прилож.) возможно сообщать рабочимъ наиболѣе выпуклые факты революціонной жизни. Громадный спросъ на „Искру“ удовлетворить Комитетъ до сихъ поръ не былъ въ силахъ. №№ „Искры“ такъ зачитывались, что получались одни клочки — Передъ 1 мая Комитетомъ выпущены были сначала прокламація, разъясняющая значеніе 1 мая (300 экз.), а потомъ прокламація, въ которой рабочіе призывались не работать въ день 1 мая (1000 экз.); кромѣ этого, Комитетомъ распространены были и прокламаціи Орг. К. Въ день 1 мая только часть рабочихъ не работала. Полиція, жандармерія и войско были на ногахъ. Ждали, конечно „бунта“. „Бунта“ ждали и обыватели. Вообще „майскія тучи“ нависли и надъ Ураломъ. Уралъ въ настоящее время сильно безпокоитъ правительство. Хроническая распря заводскихъ рабочихъ и крестьянъ съ графами, князьями и просто Колупаевыми все чаще и чаще пріобрѣтаетъ острый характеръ. Поводовъ къ этому, конечно, масса, такъ какъ хищническіе инстинкты уральскихъ магнатовъ до послѣдняго времени не имѣли границъ. Даже русскіе „законы“ ихъ не удовлетворяютъ и посему подкупы и насиліе царятъ вездѣ. Мѣстное губернское присутствіе, не говоря уже о полиціи и земскихъ начальникахъ, толкуетъ „законы“ въ угоду магнатамъ. Да и центральная власть не отставала. Такъ, напр., во вновь изданномъ сводѣ законовъ (февраль 1903 г.) не оказалось статьи, по которой заводоуправленія обязаны были въ случаѣ закрытія или временнаго прекращенія работъ на заводѣ выдать рабочимъ провизіи на годъ. Какъ это просто: взяли да выбросили статью, не отмѣненную въ законодательномъ порядкѣ! — Такъ было до послѣдняго времени, но теперь, когда оппозиціонное настроеніе грозитъ вылиться въ бунтъ, правительство повидимому увидѣло, какую агитаціонную роль играютъ всѣ эти бьющія въ глаза отступленія отъ закона. Наприм., въ декабрѣ былъ по телеграфу вызванъ ходатай по крестьянскимъ дѣламъ нѣкто Эсмантъ (бывшій земскій начальникъ, котораго губернаторъ Арсеньевъ выслалъ изъ губерніи на три года за вредную (?) дѣятельность) самимъ Плеве въ Петербургъ. Разговоръ съ Плеве былъ длинный о предстоящемъ бунтѣ. Эсмантъ, между прочимъ, указалъ на беззаконный образъ дѣйствій мѣстнаго присутствія въ толкованіи статьи закона о лѣсѣ, растущемъ на крестьянскомъ лугу и высказалъ сожалѣніе, что сенатъ только черезъ три года будетъ разсматривать жалобы крестьянъ на присутствіе. Плеве тутъ же по телефону началъ давать инструкціи и черезъ двѣ недѣли сенатъ разсмотрѣлъ уже дѣло и отмѣнилъ рѣшеніе присутствія. Въ февралѣ Плеве откомандировалъ чиновника Савича для ревизіи губерніи; Савичъ разъѣзжалъ по заводамъ и принималъ жалобы. Гг. Эсмантами ограничиться, конечно, нельзя, и параллельно съ этимъ направленіемъ идетъ болѣе сильное и ощутительное. Усиленъ штатъ жандармовъ (открыто особое сыскное отдѣленіе подъ руководствомъ ротмистра изъ Департамента, дѣйствующаго независимо отъ мѣстнаго жандармскаго генерала), полиціи, войска и, наконецъ, смѣна помпадура!!

„Уральскій Союзъ“ прикончилъ свое существованіе. Соціальдемократы здѣшняго „союзнаго“ Комитета присоединились къ существующему здѣсь Комитету Соц.-дем. Раб. Партіи.

Астрахань. Изъ прошлой корреспонденціи („Искра“ № 39) читатель знаетъ о здѣшнихъ опытахъ замазыванія „душевнымъ словомъ“ революціоннаго настроенія, нарастающаго въ рабочей массѣ. За послѣднее время и стихійное возбужденіе массы рѣзче опредѣлилось, и въ подлинномъ своемъ уборѣ (штыкъ и нагайка) выступила передъ „улицей“ царская опричина; въ то-же время мѣстная группа революціонной соціальдемократіи сочла необходимымъ выступить въ качествѣ Комитета Партіи и мы имѣемъ возможность печатно сообщить нѣкоторыя данныя о мѣстномъ соціальдемократическомъ движеніи.

Всю зиму организація была занята кружковой работой, имѣвшей задачей завязать сношенія съ возможно большимъ числомъ пунктовъ скопленія рабочихъ. Первой пробой силъ было майское собраніе. Рѣшили на первый разъ созвать лишь ограниченный кругъ товарищей, близкимъ образомъ связанныхъ съ организаціей. Провести предпріятіе было поручено нѣсколькимъ молодымъ товарищамъ при участіи одного изъ членовъ „Центр. Группы“. Хотя и не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ и шероховатостей, предпріятіе все же было проведено. Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней было созвано около 80 человѣкъ. На число участниковъ, большее 100 челов., организація за разъѣздомъ большей части ремонтныхъ рабочихъ и не могла разсчитывать. Нѣсколько короткихъ рѣчей — о маевкахъ, о политической борьбѣ, объ условіяхъ умственнаго развитія рабочихъ, о зубатовщинѣ, обмѣнъ мнѣній объ условіяхъ и шансахъ мѣстнаго движенія, атмосфера небольшой, но единодушной товарищеской группы, дружнымъ кличемъ „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Росс. С.-Д. Раб. Партія!“, встрѣчавшей призывы ораторовъ и красное знамя — все это оставляло бодрящее впечатлѣніе и укрѣпляло надежду солидарной упорной работой поднять до уровня открытой массовой борьбы движеніе нашего отсталаго района. Въ концѣ апрѣля было распространено 600 майскихъ листковъ Организаціоннаго Комитета. Въ концѣ апрѣля и въ маѣ въ городѣ царило необычное возбужденіе. Новый рыболовный уставъ вызвалъ броженіе въ широкой массѣ „ловцовъ“, безработица продолжала питать возбужденіе рабочихъ. Противоправительственныя разсужденія и возгласы можно было услышать повсюду. Въ воздухѣ висѣлъ „бунтъ“. Администрація считала „бунтъ“ въ высшей степени вѣроятнымъ и усердно готовилась къ нему: тысячи безработныхъ были спроважены изъ города, по улицамъ сновали вооруженные пѣшіе и конные патрули. Всего опаснѣе было то, что подъ вліяніемъ Кишиневскихъ событій возбужденіе непросвѣщенной еще соціальдемократической агитаціей массы грозило прорваться по линіи наименьшаго сопротивленія („начнемъ съ жидовъ, потомъ примемся за казенныя, всѣмъ достанется“) и кровавое „усмиреніе“ въ глазахъ широкой публики покрылось-бы ореоломъ охраны жизни и имущества любезныхъ вѣрноподданныхъ. Такое положеніе вещей опредѣлило содержаніе и тонъ прокламаціи, съ которой выступилъ мѣстный Комитетъ. 15-16 мая 400 экз. листка было разбросано въ разныхъ мѣстахъ города (частью и въ окрестности — стеклянный заводъ); разбрасываніе произведено организованными рабочими и прошло весьма удачно: ни одной потери; листки разошлись достаточно широко, слухи о нихъ еще шире. Что крайне огорчало и Комитетъ, и всѣхъ друзей партіи, такъ это совершенно неудовлетворительная техника. Комитетъ разсчитывалъ непосредственно послѣ миміографическ. пустить въ обращеніе печатные листки (содержаніе — политическая агитація), но одна конспиративная неудача отодвинула выполненіе проекта. За послѣдніе дни Комитетомъ раздавались и разбрасывались листки СПБ. Ком. „Лиса — проповѣдница“ (о Багдановичѣ и его душевномъ словѣ) и „Тред-юніонизмъ и соц.-дем.“ Всего пущено въ оборотъ 1000 экз. На заводѣ Нобеля разложено въ мастерскихъ 25 экз. Насколько тѣсно удалось Астраханскому Комитету связать себя съ массой и насколько прочно поставлено дѣло, съ увѣренностью сказать еще не можемъ; это выяснитъ ближайшее будущее; особенности состава рабочей массы требуютъ выработки своеобразныхъ формъ организаціи и должны наложить отпечатокъ на содержаніе мѣстныхъ агитаціонныхъ листковъ.

Иркутскъ. На станціи Иннокентьевской (близъ Иркутска) въ депо Сибирской жел. дороги 1 мая возникла стачка. На предварительныхъ собраніяхъ рабочіе выработали свои требованія въ очень радикальномъ духѣ, включивъ восьмичасовой рабочій день и возвращеніе рабочимъ *всѣхъ* штрафовъ, взысканныхъ съ нихъ со времени открытія мастерскихъ. Эти требованія были воспроизведены въ прокламаціи Иркутскаго Комитета, которыя были распространены на станціи Иннокентьевской. Немедленно наѣхали губернаторъ съ жандармами и произвели нѣсколько арестовъ, которые запугали рабочихъ, благодаря чему на четвертый день они вернулись на работу, ничего не добившись.

Въ день 18 апрѣля въ Иркутскѣ не работали отдѣльныя группы рабочихъ. То же было и въ Читѣ, и даже въ Харбинѣ. И тутъ, и тамъ были небольшія демонстраціи.

Русско-еврейскіе рабочіе въ Англіи.

Лондонъ. 20 іюня. Въ огромномъ залѣ **Great Assambly Hall**, вмѣщающемъ больше 5000 чел., былъ митингъ по поводу кишиневскаго погрома, устроенный совмѣстно еврейской вѣтвью Англійской соц.-дем. федераціи (**S. D. Federation**), мѣстной русской соц.-дем. группой, принадлежащей къ Лигѣ, и ферейномъ „Векеромъ“, принадлежащемъ къ Бунду. Залъ былъ переполненъ. Рѣчи ораторовъ покрывались громомъ рукоплесканій. Въ митингѣ участвовали многіе ораторы изъ извѣстныхъ англійскихъ соціалистовъ. Была проведена резолюція, протестующая противъ антисемитической политики русскаго правительства, которое издаетъ исключительные законы противъ евреевъ, поощряетъ антисемитическую прессу и еврейскіе погромы, видя въ нихъ средство противъ все развивающагося соц.-дем. рабочаго движенія въ Россіи. Въ резолюціи было выражено сочувствіе Росс. С. Д. Рабочей Партіи и въ частности Бунду, и была высказана увѣренность, что только соціализмъ можетъ вырвать съ корнемъ антисемитизмъ, какъ и всякую національную ненависть. Въ рѣчахъ ораторовъ проводилась мысль, что только классовая организація и международная солидарность пролетаріата можетъ обезпечить истинную свободу, и что только этимъ путемъ можно

---

*) Оба заявленія не попали въ наши руки. *Ред.*

осуществить идеалы соціализма и вырвать всякую рознь между національностями. Еврейскіе рабочіе приглашались къ дружной работѣ совмѣстно съ рабочими другихъ національностей, населяющихъ Россію. Всѣмъ рабочимъ, какъ еврейскимъ, такъ и русскимъ, польскимъ и другимъ рекомендовалось устраивать, на случай новыхъ погромовъ, вооруженные отряды для сопротивленія погромщикамъ.

Митингъ закончился криками: „долой самодержавіе"! „да здравствуетъ Росс. С. Д. Рабочая Партія!" „да здравствуетъ Бундъ!", послѣ чего была пропѣта марсельеза, и публика разошлась въ самомъ восторженномъ настроеніи.

На другой день была въ Гайдъ-Паркѣ демонстрація протеста противъ кишиневскаго погрома, устроенная различными организац.

По поводу митинга въ Great Assembly Hall были сочувственные и довольно подробные отчеты не только въ соціалистическихъ, но даже въ буржуазныхъ англійскихъ газетахъ, какъ „Times", „Daily Chronicle" и др.

Вообще кишиневскій погромъ и изгнаніе изъ Россіи корреспондента газеты „Times" сильно дискредитировали русс. правит-во въ глазахъ англійской публики и подняли престижъ русскихъ революціонеровъ. Теперь то и дѣло появляются корреспонденція по поводу борьбы, происходящей въ Россіи за свободу.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ листкѣ о „годичныхъ итогахъ" своей работы **Кіевскій Комитетъ** пишетъ:

„За истекшій годъ Кіевскимъ Комитетомъ было получено и распространено около 10 пудовъ соціальдемократической литературы заграничнаго изданія. Преимущественно это были слѣдующія изданія: 1) „Искра" №№ 15—38 въ количествѣ примѣрно отъ 100—400 экземпляровъ каждый номеръ, всего 3000 экземпляровъ. 2) „Заря" №№ 2 и 3 и 4 въ количествѣ 150 экземпляровъ и изданія „Зари"—брошюры „Что дѣлать?", „Самодержавіе и земство" и др. примѣрно въ такомъ же количествѣ. 3) Агитаціонная литература: брошюры „Кто чѣмъ живетъ", „Самодержавіе и стачки", „Штундистъ Павелъ Руденко", „Разсказы изъ французской революціи", „Двѣ рѣчи", „Десятилѣтіе морозовской стачки" и др. Къ сожалѣнію, этой агитаціонной литературы по сравненію съ „Искрой" и другими изданіями было слишкомъ мало — пуда два съ половиною. Кромѣ того, распространявшіяся брошюры не удовлетворяли требованіямъ рабочихъ. У насъ громадный спросъ на агитаціонную литературу, которая въ доступной, живой формѣ знакомила-бы читателя съ основными положеніями соціальдемократіи и съ отношеніемъ ея къ важнѣйшимъ общественнымъ явленіямъ. Очень необходимы, напримѣръ, интересно написанныя, по возможности въ разговорной формѣ, краткій катехизисъ соціальдемократа, летучіе листки или брошюры, которые отвѣчали бы на вопросы: что такое соціализмъ? что такое политическая свобода? что такое самодержавіе? кому нужны еврейскіе погромы? чего хотятъ студенты? кому служитъ войско? что такое кризисъ? и т. д. Нужны брошюры о декабристахъ (оттискъ статьи Плеханова изъ Зари), о 19 февраля, о 1-омъ мая и т. д. Къ сожалѣнію, такихъ брошюръ мы не могли достать. Это пробѣлъ, который необходимо долженъ быть заполненъ, такъ какъ отсутствіе такихъ брошюръ и листковъ заграничнаго производства, хорошо написанныхъ, разъ навсегда изданныхъ и припасенныхъ въ большомъ количествѣ, заставляетъ Комитетъ ежегодно возвращаться къ однимъ и тѣмъ-же темамъ, отрываетъ мѣстныя, обыкновенно довольно скромныя, силы (литературныя и техническія) отъ болѣе доступной для нихъ работы и, такимъ образомъ, заставляетъ ихъ заниматься „кустарничествомъ". Вообще недостаточно правильная постановка общерусскаго издательства даетъ себя чувствовать. Такъ, изъ числа 42-хъ листковъ, изданныхъ типографіей Кіевскаго Комитета съ сентября по 2-ое мая, около десяти листковъ посвящены темамъ общерусскимъ; между тѣмъ Кіевскій Комитетъ значительно больше другихъ Комитетовъ обращалъ вниманіе на мѣстную жизнь и старался использовать хотя-бы и мелкіе факты ея въ цѣляхъ агитаціи. Для этого имъ издавалась въ теченіи минувшей зимы мѣстная хроника въ видѣ „Кіевскаго Соціаль-демократическаго Листка". Въ „Листкѣ" отмѣчались всевозможныя событія преимущественно мѣстной жизни, имѣющія соціаль-демократическій интересъ. Такъ, напримѣръ, въ напечатанныхъ въ немъ статейкахъ были отмѣчены: секретные приказы Драгомирова, студенческія сходки, выселеніе изъ Кіева 500 еврейскихъ семей, юбилей Новицкаго, демонстрація на Подолѣ, преслѣдованія штундистовъ, злоупотребленія мѣстной администраціи, предательства, аресты, стачки и т. д.; кромѣ того, въ „Листкахъ" помѣщены письма рабочихъ съ описаніемъ порядковъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ. Помимо того значенія, какое имѣетъ преданіе гласности всевозможныхъ фактовъ насилія и эксплуатаціи, находящихся подъ спудомъ, хорошо освѣдомленный, часто выходящій мѣстный листокъ имѣлъ-бы громадное политически-агитаціонное значеніе, являясь проводникомъ соціаль-демократическихъ идей въ массы и давая рабочимъ *политическое знаніе* окружающей жизни.

До сихъ поръ Кіевскій Комитетъ совершенно почти не касался тѣхъ явленій *мѣстной* жизни, которыя выходятъ за предѣлы фабрики или мастерскихъ. Имъ выпускались раньше или листки на общерусскія темы, или листки, догматически излагающіе основныя положенія соціаль-демократіи, или-же такъ называемыя цеховыя прокламаціи. Такимъ образомъ, на мѣстную жизнь Комитетъ совершенно не реагировалъ, если не считать цеховыхъ листковъ. Изъ изданій этого года мы видимъ, что Комитетомъ признана необходимость нѣсколько расширить кругъ явленій, подлежащихъ соціаль-демократической оцѣнкѣ въ нелегальной литературѣ. Нужно признаться, что нами сдѣлано въ этомъ направленіи очень мало. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что каждый день приноситъ новые факты правительственнаго гнета, проявляющагося въ дѣятельности разнообразныхъ правительственныхъ учрежденій, сосредоточенныхъ въ Кіевѣ. Кіевскіе суды, Кіевское духовенство, администрація, военныя власти, университетъ и гимназіи, „Кіевлянинъ", жандармерія, наконецъ, безспорно могли бы дать массу цѣннаго обличительно-агитаціоннаго матеріала. Но въ силу недостатка сотрудниковъ, несовершенства техническихъ приспособленій, недостаточной освѣдомленности революціонныхъ сферъ и оторванности ихъ отъ жизни чрезвычайно важное дѣло правильной постановки мѣстной обличительно-агитаціонной литературы не было надлежащимъ образомъ осуществлено и въ этомъ году.

Всего съ сентября по май мѣсяцъ Кіевскимъ Комитетомъ было издано 42 печатныхъ листка въ количествѣ 50500 экземпляровъ. Считаемъ небезполезнымъ привести полный списокъ этихъ изданій: *Сентябрь.* Къ слесарямъ, къ столярамъ, къ корсетницамъ. *Октябрь.* Солдатская памятка и обращеніе къ новобранцамъ. Судъ надъ полтавскими крестьянами. *Ноябрь.* Признаніе „Искры" руков. орган. Къ юбилею Новицкаго. Къ портнымъ. Къ рабочимъ южно-русскаго завода, къ типографщикамъ, Кіевскій С.-Д. Листокъ № 1. *Декабрь.* С.-Д. Листокъ № 2, № 3 и № 4. *Январь.* С.-Д. Листокъ № 5, № 6, № 7, къ сапожникамъ, къ типографщикамъ. Письмо желѣзно-дорожнаго рабочаго. *Февраль.* Голосъ кіевскихъ рабочихъ. Открытое письмо, 19 февраля, Демонстрація на Подолѣ, Ко всѣмъ кіевскимъ булочникамъ и хлѣбникамъ, С.-Д. Листокъ № 8. *Мартъ,* О манифестѣ и еще О манифестѣ, Голосъ орган. желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, С.-Д. Листокъ № 9, Голосъ рабочаго, Къ извозчикамъ. *Апрѣль.* Почему русскому рабочему нужна политическая свобода? Опять убійства... Ко всѣмъ жителямъ города Кіева, На улицу, товарищи! Кому нужны еврейскіе погромы? Почему была отмѣнена демонстрація 20 апрѣля? 1-ое мая. Ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ. Зубатовцы въ Кіевѣ. Памяти Д. Я. Логвинскаго".

Далѣе, Комитетъ отмѣчаетъ относительное ослабленіе притока денежныхъ средствъ въ его кассу, и слабую поддержку, оказанную ему въ этомъ году мѣстнымъ студенчествомъ, усиленіе въ его средѣ тяготѣнія къ „соціалистамъ-революціонерамъ" и „разлагающее вліяніе", оказываемое на студентовъ „Булгаковщиной" и „Освобожденіемъ", которые, по наблюденіямъ Комитета, вызываютъ охлажденіе и скептическое отношеніе къ соціальдемократическому движенію, но въ то же время не создаютъ себѣ многочисленныхъ *активныхъ* сторонниковъ.

Зато все болѣе и болѣе растетъ активное участіе въ соц.-дем. организаціи самихъ рабочихъ. „Денежная поддержка, оказанная Комитету въ минувшемъ году рабочими, значительно превышаетъ даже сумму студенческихъ пожертвованій"... „Рабочіе сколачиваютъ довольно крупныя суммы копеечными сборами"... Комитетъ, далѣе, отмѣчаетъ, что „рабочій становится центромъ революціоннаго движенія въ Россіи: объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ хотя-бы отчеты Кіевскаго Краснаго Креста... 3-4 года назадъ рабочіе едва составляли 10-15% общаго числа арестованныхъ, въ прошломъ году ихъ уже было 48% въ этомъ году съ января по май рабочихъ было болѣе 75% общаго числа арестованныхъ."

За время съ 1-го ноября 1902 по 1 мая 1903 г. доходы Комитета составляли 1297 руб. 48 коп. — Было бы очень желательно, чтобы всѣ наши организаціи публиковали отчеты, подобные тому, съ которымъ мы знакомимъ читателя.

Одесса. Мѣстнымъ комитетомъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи былъ выпущенъ листокъ „Самодержавіе и сіонисты" — отвѣтъ на изданную сіонистами прокламаціи. Въ отвѣтъ на листокъ Комитета сіонисты разразились грубой бранью, ничего не сказавъ по существу. Комитетомъ-же изданы проклам. „о кассахъ взаимопомощи" (въ 5000 экз.) и „Что такое политическая свобода" (10.000 экз.). Въ отвѣтъ на листокъ Комитета о „независимыхъ", послѣдніе издали „отвѣтъ соціальдемократамъ".

Сибирскимъ Союзомъ изданъ листокъ „Два злодѣйства" (о Златоустѣ и Кишиневѣ). — **Донскимъ Комитетомъ** „Что такое народное правленіе?". — **Комитетомъ Кишиневской соц.-дем. организаціи** изданъ первый выпускъ „матеріаловъ" о Кишиневской бойнѣ, — содержащій много очень цѣнныхъ данныхъ. — **Воронежской** с.-д. кассой борьбы изданъ листокъ: „Къ народнымъ учителямъ и учительницамъ". — **Бакинскимъ Комитетомъ** изданъ Листокъ № 2 и прокламаціи о движеніи раб. въ Николаевѣ и о стачкѣ въ Баку.

Вышла въ изданіи „Лиги" брошюра: „Объ аграрной программѣ" Икса съ отвѣтомъ Н. Ленина.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Въ началѣ іюня арестованы слушательница зубовр. курсовъ Бенаръ, ея братъ, г-жа Герценбергъ, Глѣбовъ (рабочій?) и другіе. — **Самара.** Арестованъ Матовъ. — **Пермь.** Въ мартѣ арест. братья Поповы (служащій въ земской управѣ и учитель въ Добрянкѣ) и интел. Огладеновъ. Въ апрѣлѣ (въ ночь на 1-ое) были обыски у жел. дор. служащихъ: Савельевой, Ткаченко, Крупновой и Еловиковой. Въ ночь на 22 апр. арестованы быв. студ. Б. Володинъ и Н. Скворцовъ, служ. на желѣзной дорогѣ Янкевичъ, ученица фельд. курс. Попова (вып.): у быв. учителя Высотина, служ. на жел. дор. Ткаченко и быв. студ. Шнеерова — обыски. 30 апрѣля арест. уч. фельдш. школы Драпкинъ (вып.) и интеллиг. Рутманъ; въ апрѣлѣ же взяты рабочіе Норицынъ и Балдинъ. 5 мая — д-ръ Кутиловъ (вып.). Студ. Крылинга и уч. горн. училища Добровинскаго послѣ двухъ мѣс. тюрьмы выслали этапомъ въ Архангельскую губ. За февральскую стачку въ Мотовилихѣ сослали въ Арх. губ. на три года пятерыхъ рабочихъ, и на родину подъ гласный надзоръ полиціи — 18 челов. 20 іюня арест. секретарь „Перм. Края" А. Наумовъ, былъ обыскъ у врача Н. Иванова (раньше — въ маѣ — уже былъ обысканъ), интел. Сюзова и учител. прогим. Швецовой. — **Верхне-Чусовское.** Взятъ крестьянинъ Поповъ и другіе крестьяне. — **Добрянка.** Арестов. рабочіе Плюснинъ и Копыловъ — **Кунгуръ.** Взятъ врачъ Чемодановъ и ветер. врачъ Дмитріевъ. — **Село Слудка.** (Перм. уѣзда) Былъ обыскъ у учителя Розумова. — **Село Плесъ.** (Того же уѣз.) Обыскъ у учит. Ванюкова, а въ **деревнѣ Залѣсной** — у учителя Шлюнина. Въ настоящее время въ Пермской тюрьмѣ содержится 15 человѣкъ. Сыску помогали провокаторы и предатели: учитель Верхне-Чудскаго *Л. Степановъ*, рабочій *Калашниковъ*, учительница завода Полазно *Мерзлякова* и помощница учит. Бердолвск. училища (Оханск. уѣз.) *Чечулина.* **Екатеринбургъ.** 5 іюня арестованъ И. П. Тарасовъ (бывш. моск. студ.); Солодниковъ (учен. Горнаго Урал. уч.); раб. Мельниковъ (съ завода Ятесъ). — Около 10 іюня арестованы въ Касляхъ и привезены въ здѣшнюю тюрьму: Кочетовъ (лѣсничій): Кривоусовъ (помощникъ лѣсничаго), и рабочіе Блиносковъ и Захаровъ.

Освобожденъ изъ Австрійской (Тарнопольской) тюрьмы Маріанъ Гурскій (бѣжавшій въ августѣ 1902 года изъ Кіевской тюрьмы), арест. въ мартѣ по обвиненію въ транспортѣ изданій „Искры". Съ нимъ вмѣстѣ освоб. арестованный одновременно Надежинъ.

Приговоры: По дѣлу типографіи „Южн. Раб." въ Кременчугѣ (апр. 1900) послѣ трехъ слишкомъ лѣтъ слѣдствія приговорены: акушерки Гутманъ и Грантъ къ тремъ годамъ В. Сиб.; супруги Бушоверъ — двумъ годамъ гласнаго надзора. — Врачъ Ф. И. Гурвичъ, арест. нелегальнымъ въ Москвѣ въ апр. 1902 г. (дѣло „бѣлосток. съѣзда") сосланъ до приговора въ Вост. Сиб. — Ставропольскій землевладѣлецъ Н. Н. Безмѣновъ высланъ 4 іюля на 5 лѣтъ въ Архангельскую губ. — Уфимскій ссыльный Квятковскій сосланъ на 5 лѣтъ въ Вост. Сибирь. — Конвойные солдаты, на глазахъ у которыхъ бѣжала изъ Кіевскаго жандар. упр. Инна Леманъ, присуждены къ 3½ и 2½ годамъ дисциплинарнаго батальона.

Г-жа Мандельштамъ, сосланная на пять лѣтъ въ Вост. Сиб. изъ СПБ. (дѣло дек. 1901 г.) нынѣ подала покаянное прошеніе и возвращена въ Кіевъ.

Рувимъ Фридманъ, сосланный въ Якут. обл. въ 1900 г. по дѣлу типографіи „Рабоч. Знамени", за попытку побѣга изъ Олекминска сосланъ въ Верхоянскъ. — Солодуха, сосланный въ 1900 г. на 6 лѣтъ по дѣлу 1-го съѣзда Росс. Соц.-Дем. Раб. Парт., отсиживаетъ въ Якутскѣ 3 мѣс. тюр. закл. за найденную у него нелегальную литературу.

Бѣжали: изъ Киренска — Гатовскій; изъ Олекминска — въ третій разъ Вольфзонъ и во второй разъ Каммермахеръ. Изъ Енисейской губ. — Розинъ, учитель (Рижское дѣло „Бунда") и докторъ Заіончковскій (дѣло P. P. S.). Изъ Кургана — С. Волошкевичъ (Екатерин. дѣло 1900 г.).

Некрологъ. Въ началѣ мая въ Якутск. обл. покончилъ жизнь самоубійствомъ *Мартыновъ (Борисовичъ)*, выпущенный въ 1896 г. изъ Шлисельбургской крѣпости, гдѣ находился въ заключеніи съ 1885 г. послѣ осужденія Кіев. военнымъ судомъ (дѣло Шебалина, Панкратова и др.) за принадлежность къ „Нар. В." и вооруженное сопротивленіе. По происхожденію Мартыновъ былъ рабочимъ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ БАКУ.

Послѣ того, какъ номеръ былъ сверстанъ, мы получили слѣдующія извѣстія:

Баку, 3 іюля. За послѣднее время здѣсь сильное стачечное движеніе. Скоро за стачкой на табачной фабрикѣ Мирзабекянц (800 чел.) была стачка на заводѣ Хатисова (300 чел.); длилас семь дней, выиграна. Однако впослѣдствіи уступки взяты назад

2 іюля забастовали: на *Биби-Эйбатѣ*: мастерскія Хатисов Биби-Эйбатскаго нефт. общ., Манташева, нефт. общ. „Шихово „Олеумъ", „Меиловъ и Таировъ", Тифлискаго нефт. общ. и нѣ других, всего около 1000 человѣкъ. Въ *Черномъ городѣ*: Хат сова (300 чел., въ третій разъ), Левинсона (300), Мальникова (80 Эйзеншмидтъ (100); 3 іюля присоединились: жел.-дор. депо (50 и мастерскія конно-жел. дор. (25), заводы Лапина и Рисева (2 и Бардера (30), итого въ Черномъ городѣ около 1500 рабочихъ Боевое настроеніе и въ Балаханахъ, и у Нобеля и каждую минут можетъ вспыхнуть общая забастовка. Къ сожалѣнію, далеко не все готово къ этому... До сихъ поръ столкновеній съ полиціей не было. Листки выпускаются Бакинскимъ Ком. и Черно-гор Районнымъ Комитетомъ.

3 іюля въ десять час. утра въ Черномъ гор. состоялась сходка около 2000 забастовавшихъ рабочихъ. Были произнесены рѣчи на тему о необходимости борьбы. пѣли марсельезу. Къ обѣду прискакали власти.

Въ Тифлисѣ тоже были стачки и демонстрація на жел. дор. По поводу отправленія въ ссылку сидящихъ уже два года в тюрьмѣ члены комитета. По слухамъ, рабочіе разогнали жандар мовъ, остановили поѣздъ и пр. Но оказалось, что отправляли с сосѣдней станціи.

Баку, 4 іюля. Стачка распространяется: вчера къ обѣду в Черномъ городѣ сталъ заводъ Нобеля, сегодня — Шибаева, Рот шильда (Касо — Черноморск. Общ.) и много мелкихъ. Сейчас бастуетъ весь Черный и Бѣлый городъ и Биби-Эйбатъ. Работа ютъ только промыслы на Биби-Эйбатѣ и кажется рабочіе-перс на керосиновыхъ заводахъ Чернаго и Бѣлаго гор. Относительн Балахановъ точно неизвѣстно, но несомнѣнно стачка может вспыхнуть тамъ каждую минуту. Общее число бастующихъ (о которыхъ сейчасъ извѣстно) — около 5.000. Сегодня было тольк небольшое собраніе на Биби-Эйбатѣ. Ожидается грандіозное об щее собраніе... Рабочіе всей массой идутъ на тотъ заводъ, гд въ данный моментъ ведутся переговоры съ администраціей. Так передъ заводомъ Нобеля сегодня собралось 3.000 народу. Изъ-з стачки желѣзнодорожнаго депо стали товарные поѣзда. Думают завтра станетъ конка. Общее настроеніе — приподнятое и тор жественно-праздничное. Хозяева идутъ на большія уступк Фабричная инспекція ведетъ себя корректно. Съ утра казак (200 чел.) гарцуютъ по Черному гор., но не вмѣшиваются пока Власти пока бездѣйствуютъ. Кажется, начались аресты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ № 27 „Революціонной Россіи" члены „боевой организаці партіи соціалистовъ-революціонеровъ", „товарищи Балмашева п дѣлу второго апрѣля", напечатали статью, по поводу которой м считаемъ нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующее заявленіе.

Дѣловое содержаніе этой статьи, — независимое отъ ея п лемической орнаментики, которую мы рекомендуемъ вниман любителей „приличнаго" и „товарищескаго" тона, — представляетъ собою, насколько мы его понимаемъ, — вызовъ русской соціальдемократіи на третейскій судъ по дѣлу о „клеветѣ" „Искры". Третейскому суду гг. соц.-рев. предлагаютъ доставит конспиративныя свѣдѣнія, доказывающія, по ихъ мнѣнію, принадлежность Балмашева къ „боевой организаціи партіи соціалистовъ-революціонеровъ".

Съ своей стороны, редакція „Искры" на третейскій суд вполнѣ согласна.

Первымъ шагомъ къ организаціи этого суда должно быт соглашеніе обѣихъ сторонъ о томъ, какой вопросъ подлежит его разбору. Мы утверждаемъ, что спорный вопросъ сводитс здѣсь вотъ къ чему:

Имѣла ли „Искра", — при данныхъ обстоятельствахъ дѣл — нравственное право и разумныя основанія 1. не согласитьс на требованіе „боевой организаціи" измѣнить данную въ № 2 „Искры" оцѣнку акта Балмашева и 2. усомниться въ достовѣр ности всѣхъ сдѣланныхъ въ то время „боевой организаціей" и „партіей соц.-рев." заявленій по дѣлу Балмашева?

Другой постановки вопроса быть не можетъ, какъ ясно пока зываетъ исторія вызваннаго этимъ дѣломъ литературнаго спор Вопреки увѣреніямъ „Рев. Рос.", обвиняемой стороной въ это случаѣ является именно нашъ органъ, и третейскій судъ до женъ рѣшить, насколько основательно такъ усердно выдвигамое противъ него обвиненіе.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Македонскій вопросъ, письмо о германскихъ выборахъ и ко респонденція изъ Донецкаго бассейна и Екатеринбурга от жены до слѣдующаго №.

Кружку русскихъ анархистовъ. Г. В. Плехановъ своего соглас на изданіе его брошюры анти-соціальдемократической групп не даетъ.

Получено отъ Сибирскаго Союза черезъ Разносторонняго 75 Чрезъ К. К. 15 фр. Отъ друзей-читателей между апрѣлемъ 190 и октябремъ 1902 гг. 500 руб. Отъ нихъ же еще 500 руб. И курорта N. чрезъ Ш. 7 марокъ. За литературу изъ Берлина о Фриды чрезъ Матвѣя 18 мар. Отъ „Тула П." 8 руб. 40 к. О Цюрих. Сибирской кассы для А а 42 фр. Орг. Комитетомъ о мечтателя черезъ Петерб. Комитетъ 1.000 руб.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующій отчетъ:

Касса „Помощь эмигрантамъ" въ Цюрихѣ. Отчетъ съ 1 февра по 10 іюля 1903 г. *Приходъ.* Собрано въ основаніе фонда 100 по подписнымъ листамъ: изъ Давоса 45; изъ Лозанны 34; и Италіи чер. Г. 40; изъ Нерви 30; изъ Парижа 50; изъ Цюр 80,80; всего 279 фр. 80 с. Членскихъ взносовъ 172 фр. 10 изъ Монтрэ отъ доктора 5 фр.; съ реферата г. Кулябко-Кор каго 25 фр.; изъ Берлина 5 фр.; пожертвованія: 10 фр., 5 фр. 8 доходъ съ вечера 55 фр. 50 с. Сумма 680 фр. 20 с. *Расх* Больнымъ эмигрантамъ: 15; 50; 10; 40; 79; 100; всего 294 Единовременно эмигрантамъ: 30; 40; 15; 10; 10; 20; 50; 8; 35; всего 259 фр. Заимообразно эмигрантамъ: 40; 30; всего 70 Разные расходы 15 фр. 80 с. Остатокъ наличными 41 фр. 4

9 іюня 1903 г. Комитет

Деньги и письма для „Искры", „Зари" и „Лиги русской р люціонной соц.-дем.", а также требованія на литературу прос направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suiss

Типографія „Искры".

Приложеніе къ № 44 „Искры“.

Начало Германской Соціальдемократіи.

(Къ сорокалѣтнему юбилею Германской Соціальдемократической Партіи).

Глубокая реакція охватила Германію послѣ 1848-го года. Буржуазія, выступившая противъ стараго феодальнаго строя съ его полицейскимъ самодержавіемъ и увлекшая за собой во имя демократическихъ принциповъ только что начинавшій пробуждаться пролетаріатъ, вдругъ испугалась революціонныхъ проявленій этого пролетаріата и пошла на попятный. Ея трусливая, нерѣшительная, полная компромиссовъ тактика дала возможность реакціонной партіи, состоявшей изъ бюрократовъ и представителей полуфеодальнаго землевладѣнія, снова поднять голову и собраться съ силами. Опираясь на эту партію, многочисленныя германскія правительства съ яростью набросились на молодое, дѣлавшее первые шаги, рабочее движеніе.

Ни Геній Маркса и Энгельса, подъ редакціей которыхъ выходила „Новая Рейнская Газета“ (Neue Rheinische Zeitung), ни энергическая и самоотверженная дѣятельность многихъ другихъ членовъ Союза Коммунистовъ, перебравшихся въ то время въ Германію, ни огненное краснорѣчіе Лассаля, только что выступавшаго на арену общественной дѣятельности, ничто не въ состояніи было пробудить въ рабочихъ массахъ яснаго сознанія ихъ классовыхъ интересовъ и объединить ихъ въ стройную политическую организацію. Непреодолимымъ препятствіемъ стояла экономическая отсталость Германіи. Капитализмъ только начиналъ въ отдѣльныхъ областяхъ ея (главнымъ образомъ въ Рейнской провинціи, въ Вестфаліи, Силезіи и Саксоніи) дѣлать свои завоеванія, и драгоцѣнныя сѣмена, принципы и взгляды „Манифеста Коммунистической Партіи“ падали на совершенно неподготовленную почву. Покинутые буржуазіей, далекія отъ пониманія своихъ классовыхъ интересовъ, руководимые только неяснымъ революціоннымъ инстинктомъ, заставившимъ ихъ принять такое горячее, активное участіе въ мартовской революціи 1848 года, рабочіе въ Германіи были слишкомъ слабы, чтобы выступить самостоятельно и отстоять отъ напора реакціонныхъ силъ нужныя имъ и уже завоеванныя свободы. Всѣ старанія Маркса повліять при посредствѣ той же „Neue Rhein. Zeit.“ на буржуазію и удержать ее на революціонной дорогѣ также оказались безплодными. Реакція восторжествовала, и рабочее движеніе было подавлено. Вмѣстѣ съ этимъ и буржуазія лишилась того, что успѣла завоевать въ 1848 г.

Могильная тишина водворилась по всей Германіи. Печать подъ напоромъ реакціонныхъ постановленій замолчала. Дѣятели 1848 года, уцѣлѣвшіе отъ погибели на баррикадахъ. томились въ тюрьмахъ или въ изгнаніи. Политическія общества подвергались преслѣдованіямъ, рабочіе же союзы политическаго характера были совершенно запрещены союзнымъ*) постановленіемъ 1854 года.

Но какъ ни свирѣпствовала реакція, остановить экономическое развитіе страны было не въ ея силахъ. Годы самой глухой реакціи совпали съ годами расцвѣта нѣмецкаго капитализма. Крупныя предпріятія быстро пошли въ гору, промышленность развивалась, и буржуазія богатѣла. Занятая своими барышами, довольная прекращеніемъ движенія среди пролетаріата, она забыла на время свои либеральныя стремленія и съ легкимъ сердцемъ переносила всѣ проявленія феодально-самодержавнаго режима.

Однако долго такъ продолжаться не могло. Скоро капитализмъ переросъ тѣ общественныя условія, въ которыхъ онъ развивался. Для дальнѣйшаго роста ему требовался полный просторъ, свобода конкурренціи, свободный притокъ рабочихъ рукъ и т. д. Между тѣмъ полуфеодальная Германія, раздѣленная на 36 отдѣльныхъ государствъ, на каждомъ шагу ставила ему препятствія. Этого терпѣть буржуазія не могла. Она снова стала во главѣ либеральнаго движенія и, сложившись въ германскую прогрессистскую партію, выставила на своемъ знамени прежній лозунгъ — объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель въ единое отечество — и старыя демократическія требованія. Чувствуя, что безъ поддержки массъ ей не справиться съ реакціочно-консервативной партіей, прогрессисты прежде всего обратили свои взоры на пролетаріатъ.

Положеніе рабочихъ было въ это время крайне тяжелое. Благодаря полному безправію, они были лишены всякой возможности хоть сколько-нибудь ограждать себя отъ безсовѣстной эксплуатаціи почувствовавшей свою силу буржуазіи. Съ другой стороны, и остатки феодальнаго общества тяжелымъ гнетомъ лежали на ихъ плечахъ. Всевозможныя административныя ограниченія и постановленія, какъ напр., рабочія книжки, при прпискѣ которыхъ приходилось наталкиваться на массу полицейскихъ придирокъ, различныхъ въ каждомъ изъ 36 государствъ, совершенно отравляли существованіе. Глухое недовольство бродило среди рабочихъ. Послѣдовавшій за періодомъ процвѣтанія кризисъ 1857 года еще больше усилилъ броженіе. Такимъ образомъ, почва для прогрессистской агитаціи была чрезвычайно благопріятна, тѣмъ болѣе, что уровень сознанія германскихъ рабочихъ былъ еще очень низокъ. Мрачная, тянувшаяся 10 лѣтъ, реакція не могла содѣйствовать его поднятію, и рабочіе, подавленные политическимъ безправіемъ и остатками феодальнаго строя, мечтали только объ единой Германіи, о свободѣ передвиженій, промысловъ, союзовъ, печати и т. д. Дальше ихъ желанія не шли, а какъ разъ это имъ и могла обѣщать прогрессистская партія.

И, дѣйствительно, первое время ея агитація среди пролетаріата имѣла несомнѣнный успѣхъ. Рабочіе готовы были пойти за ней куда угодно и оказать ей всякую поддержку въ борьбѣ съ реакціей. Но прогрессисты не забыли еще перваго выступленія пролетаріата въ 1848 году и больше всего боялись широкаго вовлеченія массъ въ политическое движеніе. Они поставили себѣ цѣлью привлечь рабочихъ на свою сторону, но такъ, чтобы они оказались послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Отчасти имъ это и удалось, хотя и не надолго.

На помощь явилась буржуазная наука съ проповѣдью теоріи гармоніи между трудомъ и капиталомъ, „манчестерской“ теоріи о государственномъ невмѣшательствѣ, теоріи о „самопомощи“ путемъ сбереженій и т. д. Всѣ эти теоріи клонились къ тому чтобы рабочіе не совались въ политику и предоставили бы дѣйствовать своимъ „естественнымъ руководителямъ“, т. е. буржуазіи, къ которой они должны относиться съ полнымъ довѣріемъ. Для распространенія этихъ ваглядовъ и вообще для пріобрѣтенія

---

*) Германія въ то время не была еще объединена политически, связь между отдѣльными германскими государствами была федеративная (союзная).

Приложеніе къ № 44 „Искры“.

Начало Германской Соціальдемократіи.

(Къ сорокалѣтнему юбилею Германской Соціальдемократической Партіи).

Глубокая реакція охватила Германію послѣ 1848-го года. Буржуазія, выступившая противъ стараго феодальнаго строя съ его полицейскимъ самодержавіемъ и увлекшая за собой во имя демократическихъ принциповъ только что начинавшій пробуждаться пролетаріатъ, вдругъ испугалась революціонныхъ проявленій этого пролетаріата и пошла на попятный. Ея трусливая, нерѣшительная, полная компромиссовъ тактика дала возможность реакціонной партіи, состоявшей изъ бюрократовъ и представителей полуфеодальнаго землевладѣнія, снова поднять голову и собраться съ силами. Опираясь на эту партію, многочисленныя германскія правительства съ яростью набросились на молодое, дѣлавшее первые шаги, рабочее движеніе.

Ни Геній Маркса и Энгельса, подъ редакціей которыхъ выходила „Новая Рейнская Газета“ (Neue Rheinische Zeitung), ни энергическая и самоотверженная дѣятельность многихъ другихъ членовъ Союза Коммунистовъ, перебравшихся въ то время въ Германію, ни огненное краснорѣчіе Лассаля, только что выступавшаго на арену общественной дѣятельности, ничто не въ состояніи было пробудить въ рабочихъ массахъ яснаго сознанія ихъ классовыхъ интересовъ и объединить ихъ въ стройную политическую организацію. Непреодолимымъ препятствіемъ стояла экономическая отсталость Германіи. Капитализмъ только начиналъ въ отдѣльныхъ областяхъ ея (главнымъ образомъ въ Рейнской провинціи, въ Вестфаліи, Силезіи и Саксоніи) дѣлать свои завоеванія, и драгоцѣнныя сѣмена, принципы и взгляды „Манифеста Коммунистической Партіи“ падали на совершенно неподготовленную почву. Покинутые буржуазіей, далекія отъ пониманія своихъ классовыхъ интересовъ, руководимые только неяснымъ революціоннымъ инстинктомъ, заставившимъ ихъ принять такое горячее, активное участіе въ мартовской революціи 1848 года, рабочіе въ Германіи были слишкомъ слабы, чтобы выступить самостоятельно и отстоять отъ напора реакціонныхъ силъ нужныя имъ и уже завоеванныя свободы. Всѣ старанія Маркса повліять при посредствѣ той же „Neue Rhein. Zeit.“ на буржуазію и удержать ее на революціонной дорогѣ также оказались безплодными. Реакція восторжествовала, и рабочее движеніе было подавлено. Вмѣстѣ съ этимъ и буржуазія лишилась того, что успѣла завоевать въ 1848 г.

Могильная тишина водворилась по всей Германіи. Печать подъ напоромъ реакціонныхъ постановленій замолчала. Дѣятели 1848 года, уцѣлѣвшіе отъ погибели на баррикадахъ, томились въ тюрьмахъ или въ изгнаніи. Политическія общества подвергались преслѣдованіямъ, рабочіе же союзы политическаго характера были совершенно запрещены союзнымъ*) постановленіемъ 1854 года.

Но какъ ни свирѣпствовала реакція, остановить экономическое развитіе страны было не въ ея силахъ. Годы самой глухой реакціи совпали съ годами расцвѣта нѣмецкаго капитализма. Крупныя предпріятія быстро пошли въ гору, промышленность развивалась, и буржуазія богатѣла. Занятая своими барышами, довольная прекращеніемъ движенія среди пролетаріата, она забыла на время свои либеральныя стремленія и съ легкимъ сердцемъ переносила всѣ проявленія феодально-самодержавнаго режима.

Однако долго такъ продолжаться не могло. Скоро капитализмъ переросъ тѣ общественныя условія, въ которыхъ онъ развивался. Для дальнѣйшаго роста ему требовался полный просторъ, свобода конкурренціи, свободный притокъ рабочихъ рукъ и т. д. Между тѣмъ полуфеодальная Германія, раздѣленная на 36 отдѣльныхъ государствъ, на каждомъ шагу ставила ему препятствія. Этого терпѣть буржуазія не могла. Она снова стала во главѣ либеральнаго движенія и, сложившись въ германскую прогрессистскую партію, выставила на своемъ знамени прежній лозунгъ — объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель въ единое отечество — и старыя демократическія требованія. Чувствуя, что безъ поддержки массъ ей не справиться съ реакціочно-консервативной партіей, прогрессисты прежде всего обратили свои взоры на пролетаріатъ.

Положеніе рабочихъ было въ это время крайне тяжелое. Благодаря полному безправію, они были лишены всякой возможности хоть сколько-нибудь ограждать себя отъ безсовѣстной эксплуатаціи почувствовавшей свою силу буржуазіи. Съ другой стороны, и остатки феодальнаго общества тяжелымъ гнетомъ лежали на ихъ плечахъ. Всевозможныя административныя ограниченія и постановленія, какъ напр., рабочія книжки, при прпискѣ которыхъ приходилось наталкиваться на массу полицейскихъ придирокъ, различныхъ въ каждомъ изъ 36 государствъ, совершенно отравляли существованіе. Глухое недовольство бродило среди рабочихъ. Послѣдовавшій за періодомъ процвѣтанія кризисъ 1857 года еще больше усилилъ броженіе. Такимъ образомъ, почва для прогрессистской агитаціи была чрезвычайно благопріятна, тѣмъ болѣе, что уровень сознанія германскихъ рабочихъ былъ еще очень низокъ. Мрачная, тянувшаяся 10 лѣтъ, реакція не могла содѣйствовать его поднятію, и рабочіе, подавленные политическимъ безправіемъ и остатками феодальнаго строя, мечтали только объ единой Германіи, о свободѣ передвиженій, промысловъ, союзовъ, печати и т. д. Дальше ихъ желанія не шли, а какъ разъ это имъ и могла обѣщать прогрессистская партія.

И, дѣйствительно, первое время ея агитація среди пролетаріата имѣла несомнѣнный успѣхъ. Рабочіе готовы были пойти за ней куда угодно и оказать ей всякую поддержку въ борьбѣ съ реакціей. Но прогрессисты не забыли еще перваго выступленія пролетаріата въ 1848 году и больше всего боялись широкаго вовлеченія массъ въ политическое движеніе. Они поставили себѣ цѣлью привлечь рабочихъ на свою сторону, но такъ, чтобы они оказались послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Отчасти имъ это и удалось, хотя и не надолго.

На помощь явилась буржуазная наука съ проповѣдью теоріи гармоніи между трудомъ и капиталомъ, „манчестерской“ теоріи о государственномъ невмѣшательствѣ, теоріи о „самопомощи“ путемъ сбереженій и т. д. Всѣ эти теоріи клонились къ тому чтобы рабочіе не совались въ политику и предоставили бы дѣйствовать своимъ „естественнымъ руководителямъ“, т. е. буржуазіи, къ которой они должны относиться съ полнымъ довѣріемъ. Для распространенія этихъ взглядовъ и вообще для пріобрѣтенія вліянія среди рабочихъ, прогрессисты принялись основывать на ряду съ разными потребительными, кредитными и даже производительными товариществами, съ помощью которыхъ Шульце-Деличъ разсчитывалъ разрѣшить соціальный вопросъ, такъ называемые „Союзы Самообразованія“ подъ руководствомъ профессоровъ, писателей, ученыхъ и другихъ представителей буржуазной интеллигенціи. Жажда знаній у рабочихъ была такъ сильна, что они охотно шли въ эти союзы и, начиная съ 1860 года, они быстро распространились по всей Германіи. Рабочія массы оказались на время подъ либеральной опекой.

---

*) Германія въ то время не была еще объединена политически, связь между отдѣльными германскими государствами была федеративная (союзная).

Однако, въ конечномъ счетѣ эти союзы сыграли для рабочихъ совершенно не ту роль, на которую разсчитывали прогрессисты. Надолго пропитать пролетаріатъ своими взглядами имъ такъ и не удалось. „Союзы Самообразованія“ подняли общій уровень рабочихъ и такимъ образомъ расчистили почву для дальнѣйшаго развитія. Не во власти прогрессистовъ оказалось рѣшить, какія именно сѣмена взойдутъ на этой почвѣ, и тутъ они жестоко просчитались.

Пролетаріатъ пошелъ дальше, чѣмъ того хотѣли прогрессисты и даже совсѣмъ не по той дорогѣ, которая была желательна буржуазіи. Если прогрессисты не могли забыть перваго дебюта пролетаріата на политической аренѣ въ 1848 году, то и у пролетаріата сохранились еще воспоминанія объ измѣнѣ, совершенной въ то время буржуазіей по отношенію къ нему. Нерѣшительная половинчатая тактика прогрессистовъ въ ихъ парламентской борьбѣ съ феодально-реакціонной партіей еще больше подрывала къ нимъ довѣріе. Немалое значеніе имѣло и то обстоятельство, что среди пролетаріата имѣлись лица, еще помнившія старыя традиціи рабочихъ обществъ, сметенныхъ реакціей въ 1854 году. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устройствомъ обществъ самообразованія занялись старые революціонеры 1848 года, бывшіе члены Союза Коммунистовъ, вышедшіе, наконецъ, изъ тюремъ. Все это способствовало пробужденію, хотя и медленному, классового сознанія пролетаріата.

Навсегда примириться съ постыдною ролью пассивнаго орудія въ рукахъ буржуазіи рабочіе никакъ не могли. Исключительно просвѣтительный характеръ Союзовъ Самообразованія пересталъ удовлетворять болѣе развитыхъ рабочихъ, и стремленіе принять хоть какое-нибудь участіе въ политической жизни дѣлалось все сильнѣе. На этой почвѣ возникъ вопросъ о созывѣ рабочаго конгресса для обсужденія своихъ дѣлъ. Иниціаторами явились почти одновременно лейпцигскіе и берлинскіе рабочіе.

Въ Лейпцигѣ болѣе развитые рабочіе выступили изъ Союза Самообразованія и основали особое общество „Впередъ“, носившее чисто политическій характеръ. По его инициативѣ въ Лейпцигѣ происходили рабочія собранія, на которыхъ обсуждались вопросы текущей жизни: о парламентской борьбѣ между прусскимъ правительствомъ и прогрессистами*), объ отношеніи рабочихъ къ прогрессистской партіи, о созывѣ рабочаго конгресса и т. д. На одномъ изъ этихъ собраній и былъ выбранъ комитетъ для созыва общегерманскаго рабочаго съѣзда.

Недовольные слабохарактернымъ поведеніемъ прогрессистовъ въ парламентской борьбѣ, члены „Впереда“ разсчитывали увеличить силу буржуазной оппозиціи вовлеченіемъ рабочихъ массъ въ эту борьбу. Мысль о возможности полнаго разрыва съ прогрессистами и о самостоятельной организаціи пролетаріата еще не приходила имъ въ голову. Всѣ ихъ желанія сводились къ допущенію рабочихъ въ прогрессистскій Національный Союзъ, основанный въ 1859 году съ цѣлью объединенія всѣхъ либеральныхъ организацій, и къ внесенію въ программу прогрессистовъ пункта о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Дальше этого они не шли, и рабочій конгрессъ долженъ былъ только придать этимъ требованіямъ большую силу.

Почти также обстояло дѣло и въ Берлинѣ. Извѣстную роль сыграло здѣсь посѣщеніе делегаціей отъ германскихъ рабочихъ всемірной промышленной выставки, происходившей осенью 1862 года въ Лондонѣ. Сами прогрессисты содѣйствовали этой поѣздкѣ, имѣя въ виду создать извѣстный контингентъ болѣе интеллигентныхъ рабочихъ, владѣющихъ профессіональнымъ образованіемъ (необходимость въ такихъ рабочихъ начинаетъ всегда чувствоваться на извѣстной ступени развитія капитализма). Они не разсчитали только того, что и въ данномъ случаѣ рабочіе могутъ пойти, не считаясь съ ихъ желаніями, дальше, чѣмъ слѣдуетъ, и не ограничатся пріобрѣтеніемъ техническихъ знаній. Такъ на самомъ дѣлѣ и вышло. Въ Лондонѣ нѣмецкіе рабочіе встрѣтились съ самыми развитыми рабочими другихъ странъ, также пріѣхавшими на выставку, между прочимъ, и съ кружкомъ Маркса, положившимъ въ ближайшіе за тѣмъ годы начало „Интернаціональному Обществу Рабочихъ“. Такая встрѣча пройти безслѣдно не могла. По возвращеніи на родину делегаты начали усиленно толковать о необходимости созвать рабочій конгрессъ. Въ Берлинѣ состоялось нѣсколько довольно многочисленныхъ собраній, и въ результатѣ берлинскіе рабочіе выбрали комитетъ, которому поручено было привести въ исполненіе это начинаніе. Но и здѣсь, какъ въ Лейпцигѣ, рабочіе не думали о самостоятельномъ выступленіи на арену политической жизни. Они продолжали полагаться на прогрессистовъ и добились только права принять участіе въ ихъ борьбѣ съ реакціонными силами. Требованія, которыя берлинскій комитетъ выставилъ въ своемъ воззваніи и обсужденіемъ которыхъ предлагалось заняться на предстоящемъ конгрессѣ, ни въ одномъ пунктѣ не противорѣчили программѣ прогрессистской партіи.

Несмотря на это, прогрессисты приняли всѣ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи мѣры, чтобы помѣшать передовымъ рабочимъ привести въ исполненіе ихъ намѣренія. Въ Союзахъ Самообразованія, почти цѣликомъ находившихся еще въ рукахъ прогрессистовъ, началась усиленная агитація съ цѣлью создать среди рабочихъ теченіе, враждебное Лейпцигскому комитету, которому были поручены послѣ свиданія съ берлинскими рабочими всѣ хлопоты по устройству конгресса. Въ томъ же направленіи дѣйствовала прогрессистская печать, между прочимъ и Всеобщая Рабочая Газета, издававшаяся прогрессистами въ Кобургѣ спеціально для рабочихъ. Предпринимались агитаціонныя поѣздки, созывались собранія, и въ результатѣ въ Лейпцигъ начали приходить заявленія отъ различныхъ рабочихъ обществъ съ выраженіемъ сомнѣній относительно цѣлесообразности конгресса. Наконецъ, въ январѣ 1863 года собрались въ Оффенбахѣ представители рабочихъ союзовъ семи большихъ городовъ, лежащихъ по теченію Майна, и постановили предложить Лейпцигскому Центральному Комитету, чтобы онъ пріостановилъ свои подготовленія къ конгрессу, а вмѣсто этого созвалъ бы предварительную конференцію изъ представителей „Союзовъ Самообразованія“, которая и займется организаціей съѣзда. Этотъ шагъ слишкомъ явно клонился къ тому, чтобы вырвать изъ рукъ Центральнаго Комитета руководство съѣздомъ и передать это дѣло въ вѣдѣніе „Союзовъ Самообразованія“, находившихся подъ вліяніемъ прогрессистовъ. Центральный Комитетъ начиналъ терять подъ ногами почву. Всѣ переговоры съ вождями прогрессистской партіи ни къ чему не приводили, и депутаціи отъ Лейпцигскаго Комитета, отправлявшіяся съ этой цѣлью въ Берлинъ, возвращались назадъ ни съ чѣмъ. Найти исходъ изъ этого положенія было необходимо, и тутъ-то выдвинулась замѣчательная личность Лассаля, надолго наложившая отпечатокъ на все рабочее движеніе въ Германіи.

Страстная натура борца и жажда живой кипучей дѣятельности заставили Лассаля 23 лѣтнимъ юношей ринуться въ 1848 году въ водоворотъ политической жизни. Онъ примкнулъ къ лѣвому крылу демократовъ и навсегда остался соціалистомъ и республиканцемъ. Живой. пытливый умъ заставлялъ его вникать въ смыслъ происходившихъ явленій, сильное революціонное чутье толкало его мысли въ опредѣленномъ направленіи, а личныя сношенія съ Марксомъ, бывшимъ въ это время членомъ комитета рейнскихъ демократовъ и издававшимъ „Новую Рейнскую Газету“, довершили остальное. Уже въ 1848 году Лассаль называлъ рабочій классъ „единственнымъ сословіемъ, которому принадлежитъ будущее“, и со всѣмъ жаромъ прирожденнаго агитатора проводилъ всюду, гдѣ только могъ, идею о самостоятельной исторической роли, выпавшей на долю „четвертаго сословія“.

Замѣчательно, что онъ проникся этой идеей, оставаясь въ то же время въ теоріи идеалистомъ. Онъ понималъ смыслъ и значеніе классовой борьбы пролетаріата, но обосновывалъ ее развитіемъ идей и правовыхъ понятій, а не развитіемъ экономическихъ отношеній. Впрочемъ, иначе, пожалуй, и быть не могло. Лассаль жилъ и дѣйствовалъ, главнымъ образомъ, въ экономически отсталой Германіи, не дававшей и той картины капиталистическаго производства, которую дали Марксу и Энгельсу Франція

---

*) Эта борьба завязалась въ 1862 г. между министерствомъ Бисмарка и большинствомъ прусскаго парламента, состоявшимъ изъ прогрессистовъ. Поводомъ къ борьбѣ послужилъ отказъ прогрессистовъ увеличить расходы на армію.

Англія. Арена его надбюденій — при его кипучей натурѣ, стремившейся къ непосредственному вліянію на событія — не дала ему проникнуть такъ глубоко въ сущность современнаго общества и такъ понять внутреннія пружины общественнаго развитія, какъ это дѣлалъ Марксъ. Исторія человѣчества для него — ученика Гегеля — осталась процессомъ смѣны идей: экономическій матеріализмъ, объясняющій самое развитіе идей смѣной формъ производства, навсегда остался для Лассаля книгою за семью печатями. Но какъ разъ тѣ свойства его натуры, которыя помѣшали ему послѣдовать до конца за Марксомъ и явиться прокладывателемъ новыхъ путей въ исторіи человѣческой мысли, создали изъ него того могучаго борца, ту сильную личность, которая во имя идеи, для достиженія разъ намѣченной цѣли въ состояніи совершить чудеса.

Годы реакціи не дали ему простора для политической дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Марксу за это время онъ указываетъ на происходящую въ пролетаріатѣ внутреннюю работу мысли, какъ на единственно отрадное явленіе тогдашней общественной жизни. Снова мы видимъ Лассаля на аренѣ общественной дѣятельности только въ 1860-хъ годахъ.

12 апрѣля 1862 года Лассаль выступилъ передъ берлинскими рабочими со своей знаменитой лекціей „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“, положившей начало той агитаціи, которая цѣликомъ захватила его за послѣдніе два года его жизни и которая создала ему міровую извѣстность. Рѣзкими и сильными штрихами Лассаль старался обрисовать передъ рабочими тѣ задачи, которыя выпадаютъ на долю пролетаріата въ современномъ обществѣ. Блестящая по формѣ, проникнутая горячей симпатіей къ рабочимъ, эта лекція является талантливымъ и въ то же время чрезвычайно популярнымъ изложеніемъ основного положенія Манифеста Коммунистической Партіи. Такимъ путемъ Лассаль надѣялся дойти до сознанія рабочихъ и пробудить въ нихъ классовой инстинктъ.

Однако, несмотря на удивительное краснорѣчіе оратора и на воодушевленіе, съ которымъ была произнесена эта рѣчь, сильнаго впечатлѣнія на слушателей она не произвела. Рабочіе еще стояли на очень низкой ступени развитія и продолжали находиться подъ большимъ вліяніемъ прогрессистовъ. Къ тому же главными слушателями Лассаля явились машиностроительные рабочіе, долгое время составлявшіе самый надежный оплотъ прогрессисткой партіи. Самъ Лассаль прекрасно понималъ, какъ мало благопріятна та среда, къ которой онъ обращался. „Если бы мнѣ удалось, сказалъ онъ, только у двухъ или трехъ изъ васъ воспламенить сердца преданностью къ этимъ идеямъ, я бы счелъ себя удовлетвореннымъ“.

Въ печати эта рѣчь явилась подъ названіемъ „Программа Рабочихъ“*). Брошюра выдержала массу изданій, получила широкое распространеніе и не мало способствовала пробужденію классового сознанія германскаго пролетаріата. Но все это было значительно позднѣе. Первое же изданіе „Программы Рабочихъ“ было немедленно конфискованно полиціей, а оставшіеся нѣсколько десятковъ экземпляровъ прошли почти незамѣченными даже и для наиболѣе передовыхъ рабочихъ, членовъ Лейпцигскаго Центральнаго Комитета. Въ это время они были заняты хлопотами по организаціи съѣзда и разсчитывали еще поладить съ вождями прогрессистской партіи.

Только въ январѣ 1863 года, получивъ на свое требованіе открыть рабочимъ доступъ въ Національный Союзъ ироническій отвѣтъ, что рабочіе могутъ считать себя почетными членами, не дѣлая взносовъ, которые лучше „сберечь“, и окончательно убѣдившись, что буржуазія не согласится допустить рабочихъ къ активному участію въ политической жизни и выдвинуть на первый планъ требованіе всеобщаго избирательнаго права, члены Лейпцигскаго комитета пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что необходимо порвать съ прогрессистами и искать себѣ самостоятельныхъ путей.

При такихъ условіяхъ они рѣшили обратиться къ Лассалю, какъ къ человѣку, который обладаетъ всѣми данными, чтобъ помочь имъ выбраться на вѣрную дорогу. И дѣйствительно, Лассаль блестяще выполнилъ свою задачу.

Послѣ свиданія съ членами Лейпцигскаго Комитета и оффиціальнаго письма отъ него съ просьбой изложить свой взглядъ на рабочее движеніе и на средства, которыми оно должно пользоваться, Лассаль написалъ „Гласный отвѣтъ Центральному Комитету“. Этотъ „Отвѣтъ“ составилъ эпоху въ рабочемъ движеніи Германіи и положилъ начало той работѣ, которая привела къ организаціи нынѣшней нѣмецкой соціальдемократической рабочей партіи. „Точно бомба ударила“, разсказываетъ Бебель о впечатлѣніи, произведенномъ на всѣхъ „отвѣтомъ“ Лассаля. „Въ этой рукописи, говоритъ историкъ нѣмецкой соціальдемократіи Мерингъ, Лассаль далъ нѣмецкому пролетаріату то оружіе, которое было ему необходимо, чтобъ начать свою историческую борьбу за освобожденіе“.

Пролетаріатъ долженъ съорганизоваться въ самостоятельную политическую партію и, какъ лозунгъ, долженъ выставить на своемъ знамени всеобщее, равное и прямое избирательное право. Онъ завоюетъ себѣ этимъ путемъ политическія права, безъ которыхъ немыслимо никакое удовлетвореніе классовыхъ интересовъ. „Объединяйтесь, восклицаетъ дальше Лассаль, въ Общегерманскій Рабочій Союзъ для мирной и законной, но неутомимой и безпрерывной агитаціи въ пользу введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права во всѣхъ германскихъ странахъ. Съ того момента, когда этотъ союзъ будетъ насчитывать у себя только сто тысячъ рабочихъ, онъ явится такой силой, съ которой придется каждому считаться“.

Вотъ главное, что высказалъ Лассаль въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“. Все остальное имѣетъ второстепенное значеніе, и совсѣмъ неважно, если что-нибудь не вполнѣ выдерживаетъ критики съ современной точки зрѣнія. Лассаль, конечно, не создалъ нѣмецкое рабочее движеніе. Утверждать это было бы большимъ преувеличеніемъ. Рабочее движеніе уже существовало, какъ сказалъ самъ Лассаль, но ему не хватало теоретическаго пониманія и практическаго лозунга. И то, и другое далъ ему Лассаль, и это навсегда останется его неоспоримой заслугой.

Послѣ горячихъ преній, Центральный Лейпцигскій Комитетъ высказался 17 марта большинствомъ шести голосовъ противъ четырехъ за провозглашенные Лассалемъ принципы и принялъ его „Гласный Отвѣтъ“, какъ манифестъ нѣмецкаго рабочаго движенія. Пролетаріатъ Германіи вступалъ на новую дорогу. Само собой разумѣется, что прежде всего пришлось отказаться отъ съѣзда съ прежней программой и вмѣсто него выдвинуть вопросъ объ основаніи рабочаго союза въ лассалевскомъ смыслѣ. Отъ того, удастся ли и какимъ образомъ удастся вызвать къ жизни такой союзъ, очень много зависѣлъ успѣхъ первыхъ шаговъ движенія на новомъ пути. Созванное Лейпцигскимъ Комитетомъ рабочее собраніе послѣ бурныхъ препирательствъ съ прогрессистами также высказалось большинствомъ 1350 голосовъ противъ двухъ за программу Лассаля. Лейпцигскій Комитетъ сложилъ свои полномочія и предложилъ выбрать новый для предварительныхъ работъ по основанію общегерманскаго рабочаго союза. Въ новый были выбраны почти всѣ члены прежняго комитета.

Вскорѣ послѣ этого по настоянію комитета въ Лейпцигъ пріѣхалъ Лассаль для личной защиты своихъ положеній на открытомъ собраніи. 16 апрѣля при бурномъ рукоплесканіи своихъ сторонниковъ, прерываемый частыми свистками противниковъ, Лассаль одержалъ свою первую крупную побѣду. Собраніе всѣми голосами противъ семи (группа прогрессистовъ отъ голосованія воздержалась) высказалось за Лассаля. Тутъ же было назначено время, именно 23 мая, для съѣзда будущихъ учредителей новаго союза.

Прогрессистская партія въ это время не дремала. Тактика рабочихъ по отношенію къ ней также опредѣлялась общей политической программой, выставленной Лассалемъ: всегда и во всемъ выступать какъ самостоятельная рабочая партія, независимо отъ прогрессистовъ и только въ вопросахъ, имѣющихъ общій интересъ, оказывать имъ поддержку. Буржуазія слишкомъ хорошо понимала свои классовые интересы, чтобы примириться съ этимъ, и прогрессисты подняли знамя самой ожесточенной борьбы противъ Лассаля и его друзей. По всей странѣ закипѣла агитація. Гдѣ только возможно было, созывались собранія и проводились враждебныя Лассалю резолюціи. Такая резолюція была, между прочимъ, принята 19 апрѣля, т. е. ровно три дня спустя послѣ побѣды Лассаля въ Лейпнигѣ на большомъ рабочемъ собраніи въ Берлинѣ. Со страницъ буржуазной прессы на Лассаля и его товарищей, членовъ новаго комитета, сыпались самыя грязныя обвиненія. Рабочихъ старались увѣрить, что Лассаль продался Бисмарку, что онъ и новый комитетъ играетъ на руку реакціи. И надо сказать, что нареканія буржуазіи находили въ рабочихъ обществахъ благопріятную почву и что вначалѣ враждебные Лассалю голоса звучали гораздо громче дружескихъ. Сочувственные отклики на „Гласный Отвѣтъ“ пришли только изъ Саксоніи, Рейна и Гамбурга.

---

*) 2-ое изданіе на русскомъ языкѣ выпущено Лигой Рус. Рев. С.-Д. въ 1902 г.

„Мы протягиваемъ вамъ, друзья изъ Лейпцига, свою руку“, писали гамбургцы отъ имени большого рабочаго собранія, одобрившаго постановленія, принятыя въ Лейпцигѣ, „и шлемъ вамъ сердечнѣйшую благодарность, вамъ, принявшимъ въ своей программѣ всеобщее и прямое избирательное право, за тѣ усилія, хотя бы даже они были безуспѣшны, которыя вы дѣлаете, чтобы осуществить общегерманскій рабочій союзъ. Пусть наше признаніе вознаградитъ васъ за тѣ нападки, которыя выпали на вашу долю. Еслибъ намъ и не удалось въ настоящее время достигнуть того, что желательно вамъ и намъ, все же за вами остается честь быть инціаторами движенія, которое, мы твердо надѣемся, не умретъ, а создастъ, хотя, быть можетъ, и позднѣе, нѣчто великое“.

Такая поддержка въ состояніи придать бодрости при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Лассаль вмѣстѣ со своими единомышленниками безраздѣльно отдался агитаціи и напрягъ всѣ силы, чтобы побороть враждебную волну. Онъ переѣзжаетъ изъ города въ городъ, говоритъ одну рѣчь за другой, со всей силой развертываетъ свой ораторскій талантъ и, одержавъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ врагами, къ назначенному сроку пріѣзжаетъ въ Лейпцигъ. Здѣсь 23 мая 1863 г. основывается „Общегерманскій Рабочій Союзъ“.

На учредительномъ собраніи присутствовало всего 12 делегатовъ отъ 11 городовъ, но и у нихъ не всѣ имѣли за собой большинства мѣстныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, при основаніи, Общегерманскій Рабочій Союзъ представлялъ собою очень незначительную часть всего пролетаріата. Не того ожидалъ Лассаль. Онъ поставилъ себѣ цѣлью пробудить классовое сознаніе пролетаріата и массами втянуть его въ политическую борьбу. Передъ его умственнымъ взоромъ рисовались уже цѣлые батальоны сознательныхъ рабочихъ, объединенныхъ въ одинъ союзъ и представляющихъ изъ себя крупную политическую силу. Дѣйствительность давала не то. Горячее воодушевленіе, которое онъ такъ искусно вызывалъ на рабочихъ собраніяхъ своимъ мощнымъ словомъ, держалось недолго, и изъ тысячи слушателей въ члены союза записывались только сотни. Сознаніе рабочаго класса пробуждалось, но пробуждалось гораздо медленнѣе, чѣмъ этого требовала пылкая натура Лассаля, и онъ горько жаловался въ своихъ письмахъ на равнодушіе и апатію рабочихъ массъ.

Однако къ осени, черезъ три мѣсяца упорной работы, въ Союзѣ насчитывалось уже около 1000 членовъ. Это не были тѣ массы, о которыхъ мечталъ Лассаль, но все же это былъ уже довольно значительный результатъ. Черезъ годъ число членовъ упятерилось. Общегерманскій Рабочій Союзъ разростался. Онъ стоялъ на вѣрной и хорошей дорогѣ, и никакія превратности судьбы не въ состояніи были его уничтожить. Предсказаніе честныхъ гамбургцевъ, что только что начинающееся движеніе „не умретъ, а создастъ нѣчто великое“, исполнилось. Общегерманскій Рабочій Союзъ явился тѣмъ ядромъ, изъ котораго выросла современная Нѣмецкая Соціальдемократическая Рабочая Партія*). И эта Партія давно уже переросла ту цыфру, сто тысячъ, которую назначалъ Лассаль въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“, чтобы явиться крупной политической силой, съ которой „каждому придется считаться“. Послѣдніе выборы въ рейхстагъ, происходившіе 16 іюня 1903 г., два мѣсяца послѣ того, какъ Нѣмецкая Соціальдемократическая Рабочая Партія праздновала сорокалѣтній юбилей своего существованія, наглядно показали, какой дѣйствительно силой она является въ настоящее время. Силы нѣмецкой соціальдемократіи такъ велики, что на очередь дня выступаетъ уже вопросъ объ ея окончательной побѣдѣ надъ буржуазнымъ строемъ. Это вопросъ самаго ближайшаго будущаго, вопросъ завтрашняго дня, утверждаетъ Каутскій, оцѣнивая значеніе послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ. Ея побѣда, говоритъ онъ дальше, стала настолько близкой, что сдѣлалась предметомъ практической политики и является дѣломъ не только практически осуществимымъ, но и практически неизбѣжнымъ.

П.

* * *

---

*) Нынѣшняя Нѣмецкая Соціальдемократическая Партія образовалась въ 1875 г. путемъ слiянія лассалевскаго „Союза“ съ другой соціалистической организаціей („эйзенахцы“), возникшей въ 1869 г. и имѣвшей во главѣ Либкнехта и Бебеля.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 45. 1-го августа 1903 года. № 45.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРАВЯЩІЯ СФЕРЫ.

Духовный, письмо котораго помѣщено въ 22-мъ № „Искры“, говоритъ о вавилонскомъ плѣненіи церкви самодержавіемъ, мѣшающемъ первой быть тѣмъ, чѣмъ она, по мнѣнію автора, должна быть, т. е. служеніемъ богу и совѣсти. Авторъ „Открытаго письма“ въ „Недѣлѣ“ къ архіепископу харьковскому Амвросію, прошумѣвшаго два года тому назадъ, даетъ этому обличителю безнравственности интеллигенціи отпоръ слѣдующими словами: „Прикажутъ, и станете слагать акафисты правительству конституціонному, какъ нынѣ слагаете самодержавному“. Исходя изъ разныхъ точекъ зрѣнія, корреспонденты въ легальную и нелегальную газету сходятся на подчеркиваніи пассивной, служебной роли духовенства по отношенію къ правительственному режиму. Правы ли они? Намъ кажется, что услуги, оказываемыя духовенствомъ правительству, вознаграждаются тѣми услугами, которыя правительство оказываетъ духовенству.

Священникъ-миссіонеръ Потѣхинъ на страницахъ „Миссіонерскаго Обозрѣнія“ открываетъ намъ истинныя причины тяготѣнія церкви къ государственной власти: „Мы благословляемъ государственную власть въ Россіи, которая, начиная отъ помазанника божія, благочестиваго царя нашего, и кончая слугами его, всѣми этими губернаторами, исправниками, становыми и урядниками, такъ ненавистными „свободной совѣсти“ пропагандистовъ, идетъ на помощь церкви, препятствуетъ свободѣ отпаденія и совращенія, и даетъ время пастырямъ и пасомымъ исправиться и укрѣпиться, чтобы они вошли, наконецъ, въ свою силу, и просвѣщали бы, и охраняли бы, и спасали бы (и стригли бы, прибавимъ отъ себя) сохраненное ими стадо Христово“. Далѣе этотъ страстный апологетъ союза церкви съ самодержавіемъ находитъ, что для того, чтобы оберегать церковь, представителямъ власти не надо быть ни помазанниками, ни даже христіанами. „Даже въ эпоху гоненій римское государство въ силу собственнаго принципа закономѣрности охраняло христіанскую церковь. Язычники, іудеи, магометане извнѣ и безчисленные еретики внутри церкви, всѣ они по человѣческимъ побужденіямъ могли много разъ разрушить церковь Христову, и всѣ они были сдержаны рано или поздно закономъ, мѣрами власти государственной, которая — сознательно, или безсознательно, это другой вопросъ — въ своихъ собственныхъ интересахъ или интересахъ церкви, сдерживала совершеніе величайшаго послѣ грѣхопаденія прародителей и распятія Христа на крестѣ беззаконія — разрушенія церкви христовой“. Съ измѣненіемъ условій существованія русскаго народа, поставившимъ общественные классы лицомъ къ лицу съ самостоятельнымъ разрѣшеніемъ разныхъ житейскихъ вопросовъ, отвѣты на которые прежде давались традиціей, исчезаетъ почва для примитивнаго религіознаго міросозерцанія, именующагося православіемъ. Параллельно съ этимъ и въ силу тѣхъ же причинъ въ сознаніи народа самодержавный порядокъ перестаетъ казаться незыблемымъ и необходимымъ. Отсюда — солидарность интересовъ самодержавія и церкви. Для того, чтобы остановить совершающуюся въ головахъ людей эволюцію, — первымъ и самымъ дешевымъ способомъ является гипнотизированіе головъ фокусами, то бишь, чудесами. Но если Черниговское и Саровское дѣйства являются продуктомъ сотрудничества поповской рясы и царской порфиры (одни открывали мощи, производили разслѣдованія и собирали дани съ паломниковъ за молитвы, другой читалъ „съ умиленіемъ“ и собственнымъ иждивеніемъ изготовлялъ раку), то чудотворная дѣятельность о. І. Кронштадскаго и присныхъ его не болѣе, какъ частный починъ духовенства. Въ 80-хъ годахъ даже шла молва объ опалѣ Кронштадскаго „батюшки“, что отчасти содѣйствовало его популярности. Какъ истый предприниматель, онъ началъ съ рекламированія себя въ газетахъ (это первая его дань духу времени). Запестрѣли газетные столбцы уличной прессы отъ благодарственныхъ писемъ разныхъ лицъ, якобы исцѣленныхъ его молитвой. Реклама сдѣлала свое дѣло, и къ осѣненному благодатью свыше попу стали стекаться люди и деньги. Откуда приходили къ нему люди, можно заключать по тому уже факту, что пропагандой о. Іоанна и его сподвижниковъ усердно занимаются такіе присяжные листки Апраксинскаго рынка и Гостиннаго двора, какъ „Петербургская Газета“ и „Петербургскій Листокъ“.

Наиболѣе невѣжественная часть средняго и даже высшаго купечества является его привилегированными кліентами. Они одни имѣютъ возможность вызывать Кронштадскаго чудодѣя къ себѣ, такъ какъ иначе какъ за крупную сумму онъ не гастролируетъ. Но не эти гонорары создали капиталы о. Іоанна, а гроши, собираемые имъ съ соціальной мелкоты: мелкихъ торговцевъ, приказчиковъ, крестьянъ и наиболѣе разрозненныхъ и невѣжественныхъ слоевъ пролетаріата, всѣхъ тѣхъ, кто въ тискахъ промышленнаго хаоса, еще съ непробудившимся сознаніемъ, возлагаетъ всѣ свои надежды на счастливый поворотъ судьбы и легко вѣритъ чуду. Полезныя свойства молитвы о. Іоанна распространяются на исцѣленіе не только тѣлесныхъ, но и душевныхъ недуговъ, вплоть до выигрыша на лотерейный билетъ и удачи въ рискованномъ финансовомъ предпріятіи (вторая уступка духу времени, вызываемая потребностями кліентовъ). За то пріемы чудотворной дѣятельности о. Іоанна весьма архаическаго свойства. Вотъ что, напр., сообщаютъ въ одну изъ провинціальныхъ газетъ. Пріѣхавъ въ село Плещеево на борьбу съ крестьяниномъ Пономаревымъ, который сталъ учить, что І. Кронштадтскій есть никто иной, какъ явившійся на землю богъ, и составилъ въ честь его акафистъ, о. Іоаннъ остановился въ одномъ домѣ и послалъ за еретикомъ. „Пока ждали Пономарева, хозяйка предложила всѣмъ пріѣхавшимъ съ о. Іоанномъ чай, но о. Іоаннъ только пригубилъ свой стаканъ, разлилъ чай по частичкамъ въ отдѣльныя блюдечки и роздалъ разнымъ лицамъ изъ бывшаго въ домѣ народа, особенно дѣтямъ. У слѣпыхъ и больныхъ глазами онъ нѣсколько разъ проводилъ по глазамъ своими руками“. Сцена эта способна перенести насъ далеко за предѣлы цивилизаціи... Правительство Александра III слишкомъ вѣрило въ силу своего кулака, чтобы нуждаться въ чьей-либо нравственной опорѣ. Но 13 лѣтъ „твердой“ политики показали, что натискъ времени гораздо тверже всякихъ реакціонеровъ. И вотъ на смертномъ одрѣ крѣпколобый самодержецъ вздыхаетъ передъ хитрымъ попомъ. „Вы счастливы, говоритъ ему Александръ III, васъ любитъ русскій народъ“. „Онъ любитъ и васъ, ваше величество“, отвѣтилъ льстиво Іоаннъ Кронштадтскій. Съ той поры дружба между престоломъ и кронштадтской знаменитостью не прекращается. Самодержавіе пытается утилизировать для своихъ цѣлей популярность Іоанна. Изъ простого фокусника и обманщика онъ превращается въ политика. Впрочемъ, тщетно въ его политикѣ вы стали бы искать чего-либо преслѣдующаго исключительно интересы свѣтской власти. Голова его прежде всего и больше всего занята интересами того сословія, къ которому онъ принадлежитъ. Послѣ извѣстной рѣчи Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, о. Іоаннъ разражается проповѣдью: „Въ наше лукавое время появились хулители святой церкви, какъ гр. Толстой и въ недавніе дни нѣкто Стаховичъ, которые дерзнули явно поносить ученіе нашей церкви, требуя свободнаго перехода изъ нашей вѣры и церкви въ какія угодно вѣры“... Въ результатѣ этой пока еще только проповѣди свободы совѣсти „жизнь утратила у многихъ христіанскій характеръ и стала хуже языческой — отсюда происходятъ убійства, самоубійства, частые поджоги; отсюда неповиновеніе дѣтей родителямъ, юныхъ старшимъ, подданныхъ начальству. Выходитъ все на изнанку“.

Попытка лишить православное духовенство присвоенной имъ монополіи на души русскихъ людей колеблетъ, по мнѣнію о. Іоанна, весь государственный и соціальный порядокъ. Можно ли такого, напримѣръ, защитника своего сословія считать простымъ служителемъ свѣтской власти? Другой разъ, въ обличительной рѣчи противъ Пономарева, основателя вышеупомянутой секты, онъ прямо упрекаетъ правительство въ лицепріятіи: оно потому де не изгоняетъ за-границу Толстого, что онъ графъ и написалъ много романовъ. Шаманствующій не только въ силу своего служебнаго долга, но и сверхъ того, о. І. Кронштадтскій особенно ненавидитъ Толстого, сравнивающаго поповъ съ шаманами, и проявляетъ на каждомъ шагу свою злобу, столь неидущую къ кандидату въ святые. Какова же его политическая программа? Онъ даетъ свое благословеніе брошюрѣ генерала Богдановича „Доброе слово русскому рабочему“, утверждающей, что „стачки нигдѣ и никогда — слышите вы, нигдѣ и никогда — не приносили рабочимъ ничего, кромѣ вреда.“ Послѣ правительственнаго сообщенія, обвиняющаго въ Кишиневскихъ событіяхъ самихъ евреевъ, онъ разражается проклятіями противъ изувѣченныхъ жертвъ произвола и посылаетъ нѣсколько сотъ рублей вспомоществованія убійцамъ. Все это только случайные образчики политическаго недомыслія и изувѣрства политиканствующаго попа. Болѣе или менѣе полно его политическое міросозерцаніе выражено въ рѣчи къ воспитанникамъ Вологодской семинаріи, и потому мы приведемъ ее цѣликомъ. „Здравствуйте, дорогіе юноши и преподаватели! Когда васъ вижу, вспоминаю свое время, свои годы ученія, переживаю минувшее время; я учился въ той же школѣ, былъ ученикомъ училища, семинаріи, былъ и студентомъ. Мы жили мирно, любили и боялись своихъ учителей и начальство. Почему боялись? Потому что имѣли страхъ божій. Наше время было хорошее, тихое, мирное; никакихъ волненій не знали. Теперь не то: частыя волненія на святой Руси, въ средѣ воспитательныхъ заведеній, въ университетахъ, въ среднихъ школахъ и въ средѣ рабочаго люда; изстари такого волненія матушка Россія не знала, она тихо и спокойно жила, благоденствуя подъ управленіемъ своихъ монарховъ. Эти волненія навѣяны со внѣ, это съ запада, это политика запада. Наша Россія обширна, могущественна, миролюбива, богата; ей завидуютъ, стараются подорвать, замутить, а кого? Естественно юношество, новое поколѣніе, будущую опору отечества и основу государства. А кто страдаетъ отъ этого? Вы прежде всего, юноши! Совѣтую вамъ, друзья мои, не слѣдовать стороннимъ внушеніямъ, а съ кротостью, смиреніемъ, послушаніемъ подчиняться начальству, такъ какъ оно отъ бога есть, заботиться о развитіи своего характера“.

Смиреніе и покорность передъ властью, какова бы она ни была, ибо „нѣсть власть, аще не отъ Бога“, вотъ идеалъ отца Іоанна. Онъ очень удобенъ для тѣхъ, кто стоитъ на вершинѣ общественной пирамиды; для тѣхъ же, кто гнется подъ ея тяжестью, онъ не сулитъ, по крайней мѣрѣ въ земной жизни, никакихъ перспективъ. Ссылка о. Іоанна на то, что старая смиренная Русь благоденствовала, звучитъ злой насмѣшкой, и едва ли кого-либо соблазнитъ перспектива путемъ смиренія достичь такого „благоденствія“. Въ такое „трудное“ время, какъ то, которое мы переживаемъ, когда классовыя противорѣчія достигли значительной степени обостренія, людскія души нельзя уловить превознесеніемъ смиренія и покорности. Намъ кажется, что съ превращеніемъ о. Іоанна изъ чудотворца въ политика популярность его во всѣхъ кругахъ постепенно идетъ на убыль. Новому времени нужны новыя пѣсни.

Новое слово изрекъ въ прошломъ году орловскій епископъ Ириней. Избравъ темой своей проповѣди насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ и задавшись вопросомъ, почему теперь такихъ чудесъ не совершается, онъ пришелъ къ заключенію, что такія чудеса, какъ и всякая борьба съ нищетой, не нужны. „Бѣдные и малоимущіе такъ же необходимы въ мірѣ, какъ и богатые и многоимущіе, подобно тому, какъ незамѣтная травка и кустики зелени среди высокихъ деревъ и большихъ кустарниковъ... Не будь такого неравенства, никто не сталъ бы подчиняться кому-либо, вездѣ царилъ бы хаосъ, полное безначаліе и анархія. Обладай всѣ въ равной мѣрѣ достаткомъ и имуществомъ, никто не захотѣлъ бы взяться за какое-либо общеполезное дѣло, немного нашлось бы охотниковъ къ труду. Но развѣ возможно было бы при этомъ сносное жительство? Въ общественной жизни богатый имѣетъ нужду въ бѣдномъ, богатому нужны руки бѣднаго, его голова, а трудящійся бѣднякъ имѣетъ нужду въ заработной платѣ, вознагражденіи за трудъ, въ работодателѣ. Такъ восполняются оба состоянія. И такой взаимной зависимостью устрояется и упрочивается общественное благоустройство. И какъ пустынна была бы жизнь, если бы не было ни высокихъ, ни низкихъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, если бы не было разнообразія въ жизни. Представьте себѣ безплодную, необозримую равнину, заросшую зеленой травой: вездѣ одна трава и трава, и ничего больше. Остановится ли въ восхищеніи взоръ вашъ на этой картинѣ? Не вѣрнѣе ли, что, скучая, утомясь ея однообразіемъ, онъ станетъ искать другихъ предметовъ? А почему? Потому что нѣтъ горъ и холмовъ, придающихъ необычайную прелесть и красоту равнинѣ. Такъ пустынно было бы въ мірѣ, если бы не было раздѣленія на бѣдныхъ и богатыхъ, связующаго людей въ единое хозяйство“.

Старая школа благочестія, представителемъ которой является Іоаннъ Кронштадтскій, требуетъ отъ вѣрующихъ безусловнаго преклоненія передъ мірскими порядками въ силу лежащей на нихъ санкціи божества. Если всякая власть отъ бога, то нѣтъ необходимости въ справкахъ съ писаніемъ для оправданія той или иной правительственной мѣры, той или другой детали политическаго или соціальнаго порядка. Вся правительственная политика, вся совокупность соціальнаго порядка покрывается установившимъ ихъ божественнымъ произволомъ. Епископъ Ириней своей рѣчью сдаетъ въ архивъ полинявшія идеи деспотическаго божественнаго произвола, управляющаго міромъ, и неисповѣдимости путей господнихъ. Съ рѣдкой для человѣка своего сословія смѣлостью епископъ Ириней не только самъ пытается вникнуть въ смыслъ богомъ установленнаго міропорядка, но отстаиваетъ разумность и цѣлесообразность его передъ людьми, по слабости человѣческой впадающими въ сомнѣніе насчетъ справедливости соціальнаго порядка. Богъ преосвященнаго Иринея, если еще и деспотъ, то просвѣщенный. Онъ немного политико-экономъ, немного эстетикъ. Правда, онъ сильно эволюціонировалъ отъ того евангельскаго бога, который въ притчѣ о богачѣ и Лазарѣ проводилъ рѣзкую пропасть между нищимъ и богачемъ, — для перваго открывалъ небеса, второго со всѣми его богатствами обращалъ въ персть земли, отъ того бога, который говорилъ: „легче верблюду пройти въ игольное ухо, чѣмъ богачу въ царство небесное“. Но за то, устраивая вмѣсто этихъ евангельскихъ заблужденій гармоничное сочетаніе труда бѣдняка съ мошной богача (теорія, заимствованная вседержителемъ у вульгарныхъ политико-экономовъ), онъ протягиваетъ руку примиренія тѣмъ общественнымъ слоямъ, которые, вопреки его соизволенію и соизволенію имъ поставленныхъ властей (нѣсть бо власть, аще не отъ бога), фактически становятся господами положенія.

Епископъ Волынскій Антоній въ своемъ прошлогоднемъ окружномъ посланіи упрекаетъ духовенство своей епархіи въ томъ, что оно заражено буржуазными привычками, т. е. пристрастіемъ къ комфорту и просвѣщенію. Если бы онъ былъ послѣдовательнѣе, ему пришлось бы указать, что буржуазныя привычки пріобрѣтены духовенствомъ на почвѣ исполненія буржуазныхъ функцій въ общественномъ хозяйствѣ. Во многихъ мѣстахъ оно ссужаетъ подъ проценты деньги, ведетъ капиталистическое хозяйство, употребляя рабочія руки своихъ духовныхъ дѣтей; его вкладами полны банки и сберегательныя кассы. Вотъ причина, почему интересы евангельскаго богача становятся близки его душѣ. Нѣкоторые симптомы указываютъ намъ, что и буржуазія готова открыть, какъ блудный сынъ, свои объятія матери-церкви. Среди ея интеллигентныхъ представителей замѣчается усиленный поворотъ отъ разума къ вѣрѣ. Мы не станемъ останавливаться на безформенныхъ и платоническихъ пока исканіяхъ бога ex-марксистовъ, вродѣ Струве, Булгакова, Бердяева и другихъ. Реальный интересъ для насъ въ этомъ смыслѣ представляютъ устраивающіяся въ Петербургѣ религіозно-философскія собранія.*) Одной изъ главныхъ цѣлей этихъ собраній, по мнѣнію редакціи новаго религіозно-философскаго журнала „Новый путь“, является смягченіе и возможное устраненіе отчужденія духовенства отъ свѣтскихъ людей; по мнѣнію же редактора „Миссіонерскаго Обозрѣнія“, извѣстнаго своей травлей сектантовъ, г. Скворцова, главная цѣль ихъ, — „миссія духовенства среди интеллигенціи“. Кто бы и кого бы ни ловилъ тамъ, буржуазная интеллигенція — духовенство или духовенство буржуазную интеллигенцію, самый фактъ существованія этихъ собраній указываетъ на достаточное желаніе однихъ спасать, а другихъ спасаться. Бѣглое знакомство съ преніями, ведущимися на этихъ собраніяхъ, еще болѣе закрѣпитъ насъ въ этомъ убѣжденіи. Отъ вышеупомянутаго епископа Антонія мы узнаемъ, что священники предпочитаютъ свѣтскія суетныя книги — духовнымъ. Рѣчь Епископа Иринея является живымъ доказательствомъ того, что духовенствомъ кое-что изъ буржуазной науки (немного изъ политической экономіи, немного изъ эстетики) прекрасно усвоено. Духовные, ораторствующіе на собраніяхъ, утверждали, что церковь принципіально ничего не имѣетъ противъ свѣтской положительной науки, вступающей въ антагонизмъ съ религіозными истинами. Она борется только съ антирелигіозной пропагандой (свящ. Левашовъ). Священникъ Солертинскій по поводу той же положительной науки говоритъ: „Позитивисты имѣютъ логическое право быть вѣрующими. Позитивисты говорили отрицательно о религіи, не какъ объ источникѣ и способѣ познанія; они говорятъ, что религія являлась вѣщательницей истины только въ первыхъ фазисахъ существованія, а затѣмъ уступила мѣсто наукѣ. Позитивизмъ скорѣе служитъ религіи, потому что вся задача его заключается въ томъ, чтобы выдѣлить всѣ феноменальности, чтобы никто не могъ поставить ихъ вмѣсто Бога“. Роли свѣтскихъ и духовныхъ по этому вопросу перепутались. Тогда какъ клирики допускали извѣстную снисходительность къ мирной наукѣ, т. е. къ наукѣ, не посягающей на реальные интересы духовенства, не пытающейся урвать изъ ихъ рукъ паству, свѣтскіе, какъ всегда впрочемъ бываетъ съ ренегатами, готовили для нея геену огненную. Образцомъ такого интеллигентскаго покаянія или ренегатства является разглагольствованіе г. Мережковскаго, извѣстнаго поэта-декадента. Упрекая церковь въ томъ, что она теряетъ свою невинность, прибѣгая къ поддержкѣ свѣтской власти, онъ не возлагаетъ большихъ надеждъ и на спасеніе интеллигенціи: „Миръ съ интеллигенціей невозможенъ до тѣхъ поръ, пока интеллигенція не признаетъ богочеловѣчества Христа — „аще кто не признаетъ Христа, пришедшаго во плоти, есть антихристъ“ — интеллигенція не признаетъ Христа, и потому тайна беззаконія уже дѣется въ интеллигенціи. Христіанство не демократично и не аристократично. Истинное христіанство никогда не будетъ орудіемъ въ рукахъ соціальдемократіи. Идеалъ средней сытости это идеалъ вовсе не христіанскій“. Впрочемъ уже изъ одного того, что г. Мережковскій отождествляетъ интеллигенцію съ соціальдемократіей видно, что онъ придаетъ этому понятію специфически русское значеніе, т. е. разумѣетъ подъ этимъ словомъ всѣхъ піонеровъ прогресса. Въ другой разъ онъ прямо таки проситъ не смѣшивать эту интеллигенцію съ культурнымъ обществомъ. Первая всегда раціоналистична. Какъ образецъ такого раціонализма, онъ приводитъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Еслибъ поворотъ и культурнаго общества въ сторону вѣры былъ невозможенъ, само собой, Мережковскаго не было бы на этихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ. Что же такое это культурное общество безъ прогрессивной интеллигенціи? Ничто иное, какъ буржуазное общество, монополизировавшее въ свое пользованіе науки и искусства. Если къ этому мы прибавимъ, что, по Мережковскому, филантропія и христіанство двѣ вещи разныя, то сходство между этимъ не аристократическимъ, не демократическимъ, а буржуазнымъ христіанствомъ свѣтскаго поэта-философа и тѣмъ христіанствомъ, которое отражается въ рѣчи епископа Иринея, получится полное.

Другимъ признакомъ „обмірщенія“ духовенства является необычайный успѣхъ лекцій петербургскаго священника Петрова для интеллигенціи и чтеній для рабочихъ, а также выпускаемыхъ въ свѣтъ его сочиненій. Аудиторіи его полны народа. Билеты на лекціи берутся съ неменьшими трудностями, чѣмъ на заѣзжую оперную знаменитость. Его сочиненія выдерживаютъ до десяти изданій. Въ чемъ же секретъ его успѣха? Намъ кажется, прежде всего въ томъ, что, въ противоположность своимъ собратьямъ по профессіи, свящ. Гр. Петровъ не считаетъ одно фактическое исповѣданіе православной вѣры равносильнымъ спасенію, а постулируетъ очень остроумно, не оставляя никакихъ сомнѣній, необходимость коллективнаго прогресса, духовнаго прогресса самого православія, дѣятельной творческой, а не только пассивной вѣры. Святость вѣры для него не точка отправленія, а цѣль стремленій. (См. статьи „Безплодная смоковница“ и „Злые виноградари“ въ сборникѣ „Зерна добра“ и „Святая Русь“ въ сборникѣ „Къ свѣту“). Такая постановка религіознаго вопроса, совершенно незнакомая тому православію, которое соединяетъ свою судьбу съ пережившимъ самого себя самодержавіемъ, пролагаетъ широкій путь воздѣйствія духовенства на мірянъ, и на время, по крайней мѣрѣ, удерживаетъ въ рядахъ церкви слои населенія, которыхъ ходъ капиталистическаго развитія толкаетъ къ полному разрыву съ традиціонными вѣрованіями. Изъ шамана-заклинателя, жреца недоступнаго профанамъ божества, священникъ такимъ путемъ превращается въ совѣтника души, „служителя совѣсти“, о чемъ только мечталъ авторъ письма въ 22 № „Искры“. Но, чтобы привлечь мірскія сердца, мало перестать закрѣплять стѣну догматическихъ устоевъ, надо найти ключъ къ этимъ сердцамъ, войти въ сферу занимающихъ ихъ вопросовъ. Въ сочиненіяхъ священника Петрова вы встрѣтитесь съ рядомъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ именъ художниковъ, ученыхъ и беллетристовъ, картины которыхъ онъ подробно описываетъ, и изъ сочиненій которыхъ онъ приводитъ длинныя цитаты, не съ цѣлью посрамленія или опроверженія какой-либо свѣтской мысли, но почти всегда для извлеченія какого-нибудь поученія. Онъ отваживается, говоря о дѣйствительномъ человѣческомъ величіи, большинствомъ людей недостаточно оцѣненномъ, ставить на одну доску съ апост. Петромъ и Павломъ, язычниковъ Сократа и Эпиктета, а государственнаго преступника Радищева и философа-сектанта Сковороду на одну доску съ св. Евфросиніей Полоцкой и Ниломъ Сорскимъ. Мѣстами онъ серьезно внушаетъ подозрѣніе, если не въ соучастіи съ тѣми, „которые въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ готовы ниспровергнуть и т. д.“, то, по крайней мѣрѣ, въ сочувствіи къ нимъ. „Всѣ великія мысли о равенствѣ и братствѣ людей родились прежде всего не отъ французовъ. Евангеліе давно уже проповѣдуетъ „Познайте истину, истина сдѣлаетъ васъ свободными и что всѣ люди братья“ (статья „Русскіе за границей“ въ сборникѣ „Къ свѣту“). Мѣстами онъ чуть-чуть не соціалистъ. Такъ отношеніе къ рабочему въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства капиталистическаго общества онъ сравниваетъ съ отношеніемъ владыки къ рабу въ пушкинскомъ стихотвореніи „Анчаръ“, („Евангеліе, какъ основа жизни“), вздыхаетъ по поводу всемірной выставки о томъ далекомъ времени, „когда люди соберутся не на праздникъ одного труда, а на праздникъ братства, любви, самоотверженной работы во имя общаго блага и всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности“ (ст. „Парижская выставка“ въ сборникѣ „Къ свѣту“). Онъ находитъ, что „прогрессъ современной цивилизаціи, основанный на началахъ экономическаго матеріализма (знакомство съ народнической полемической литературой, вѣроятно, заставляетъ Петрова отождествлять экономическій матеріализмъ съ капитализмомъ) несетъ главнымъ образомъ только внѣшнія удобства жизни и одинъ онъ безъ нравственнаго перерожденія человѣка, безъ переустройства общества на началахъ евангельской любви и правды сдѣлать жизнь человѣческую и свѣтлой, и отрадной не въ силахъ“.

---

*) Намъ сообщаютъ, что эти собранія уже прикрыты администраціей.

Конечно, не трудно убѣдиться въ томъ, что фразы объ евангельской свободѣ и соціализмѣ, не болѣе какъ пустая декламація. Для этого иногда не надо даже переворачивать страницъ. О евангельской свободѣ Петровъ заговорилъ только для того, чтобы посрамить западно-европейскую политическую свободу, которая не стоитъ мѣднаго гроша. „Свободолюбивымъ, разсуждаетъ онъ, вѣдь слѣдуетъ признать не того, кто требуетъ свободы для себя и кто скорѣе согласится умереть, чѣмъ подчиниться чужому игу. Такой человѣкъ любитъ и чтитъ не свободу, а себя. Истинно любитъ свободу только тотъ, кто скорѣй самъ умретъ, чѣмъ надѣнетъ цѣпи на другого, проявитъ насиліе надъ ближнимъ“. Развивъ далѣе мысль Петрова, придемъ къ заключенію, что Россія классическая страна свободы, такъ какъ русское общество (мы говоримъ о верхнихъ слояхъ его) мало сопротивляется разгулу бюрократической и монархической „свободы“ или своеволія. Фраза объ общественномъ переустройствѣ на началахъ евангельской любви и правды тоже не такъ страшна, какъ она кажется съ перваго раза. Опираясь на буржуазнаго политикоэконома Лавелэ и на буржуазнаго соціолога Лебона, онъ приходитъ къ заключенію, что совершенную форму могутъ создать только нравственно совершенные люди и что, пока сердце человѣческое не измѣнится, всѣ соціалистическіе планы останутся утопіями (см. гл. Царство божіе въ „Евангеліе, какъ основа жиз.“.) Въ другомъ мѣстѣ (въ сборникѣ „Божій путь“ въ ст. „Крестный путь“) онъ такимъ образомъ расправляется съ соціализмомъ буржуазной окраски. „Говорятъ, что надо поровну распредѣлить достатки (представить себѣ другой соціализмъ, сколько бы о немъ ни писалось, буржуа не въ состояніи), чтобы всѣ одинаково были сыты, обуты и согрѣты, и тогда не будетъ голодныхъ и нищихъ, не станетъ зависти, злобы и жадности, жизнь станетъ царствомъ правды и братства. Опытъ говоритъ иное. Среди насъ есть люди и бѣдные, и богатые, и средняго достатка, и жизнь ихъ отнюдь не улучшается отъ того или другого количества рублей. Сытость утробная не несетъ съ собою духовнаго покоя. „Человѣкъ не хлѣбомъ единымъ живъ бываетъ“.

Покончивъ съ политической свободой и соціализмомъ, Петровъ затѣмъ уже превращается въ обыкновеннаго мѣщанскаго моралиста, проповѣдника малыхъ дѣлъ и нравственнаго самоусовершенствованія. Въ отличіе отъ свѣтскихъ своихъ собратій, онъ видитъ панацею отъ всѣхъ злоключеній человѣческихъ въ распространеніи священнаго писанія и не скупится много разъ посвящать своихъ читателей въ тайну стоимости священныхъ книжекъ. Евангеліе стоитъ 30 коп., а библія, въ которой „вся воля божія скрыта отъ перваго дня творенія до послѣдняго дня его“ стоитъ 3 рубля. Если панацея отъ мірскаго зла въ книжкѣ духовной, то источникъ онаго зла, какъ водится, водка. Борьбѣ съ водкой посвящено наибольшее количество страницъ сочиненій о. Петрова, онъ же имѣетъ прямое отношеніе къ „Вѣстнику трезвости“. Конечно, ни изъ „Вѣстника“, ни изъ сочиненій Петрова вы ничего не узнаете о наличности связи между народнымъ пьянствомъ и казенной винной монополіей. Справедливость требуетъ сказать, что при всей своей слѣпотѣ Петровъ голодъ деревни таки замѣтилъ, но никакихъ выводовъ изъ этого, затрагивающихъ кого-нибудь изъ сильныхъ міра сего, не сдѣлалъ, а только слегка пожурилъ чистопольское земство, по привычкѣ къ недоѣданію населенія не замѣтившее голода и не пришедшее населенію на помощь. Замѣчаетъ онъ и книжный голодъ, т. е. вообще недостатокъ книгъ и въ городѣ, и въ деревнѣ, въ чемъ, по его мнѣнію, виновата интеллигенція, которая, несмотря на то, что для чтенія книгъ у себя на дому кому бы то ни было разрѣшенія не требуется (?), книгъ никому не читаетъ и не дѣлится своими книжными запасами. Отъ него перваго узнали мы, что правительствомъ за послѣднее время очень много сдѣлано для распространенія просвѣщенія въ деревнѣ. Отецъ Петровъ, сверхъ всего, большой „патріотъ“. Онъ не только проникнутъ недовѣріемъ къ западной культурѣ, но и воспѣваетъ извѣстную „мирную ноту“ Николая II, какъ выполненіе исторической миссіи, лежащей на „богатырѣ“ самодержавно-православной Россіи.

Но довольно о Петровѣ. Перейдемъ къ выводамъ.

Мы говорили, что духовенство въ своихъ собственныхъ интересахъ связало свою судьбу съ судьбой самодержавія и мы старались показать всѣмъ дальнѣйшимъ изложеніемъ, что, отстаивая свое существованіе въ потокѣ времени, оно принимаетъ три позиціи, аналогичныя позиціямъ, принимаемымъ самодержавіемъ въ его борьбѣ за существованіе. Оно хочетъ сохранить свое statu quo, слѣпую дѣтскую, примитивную вѣру въ народѣ. Въ этомъ отношеніи его дѣло, какъ и дѣло самодержавія, проиграно. Оно пытается приспособляться къ буржуазному духу времени. У самодержавія аналогичную повадку можно усмотрѣть въ политикѣ Витте, подлаживающейся къ интересамъ буржуазіи. Но, если, какъ откровенно заявляетъ въ своей запискѣ Витте, самодержавіе не можетъ проводить сколько нибудь послѣдовательно эту политику, политику сотрудничества „здоровыхъ классовъ“ съ правительствомъ (терминологія „Нов. Времени“), то духовенство въ значительной своей части, вступая въ интимныя отношенія съ буржуазій, чувствуетъ себя, какъ рыба въ водѣ. Судьба его на долгое время можетъ быть обезпечена, такъ какъ для оправданія творимаго капиталистами добра и отличія его отъ зла также необходимъ церковный богъ, какъ и для обузданія грубой черни. Третья позиція, политика демагогическаго улавливанія народныхъ массъ, во всякомъ случаѣ, болѣе по плечу духовенству, чѣмъ самодержавному правительству. Тогда какъ послѣднее дискредитируетъ себя окончательно въ полицейскомъ соціализмѣ, поповскій соціализмъ, при всемъ его пустозвонствѣ, поскольку успѣхи соціалистической пропаганды не успѣваютъ за растущимъ нестроеніемъ жизни, порождаемымъ производственнымъ хаосомъ, поскольку производственный хаосъ, какъ нѣкогда слѣпыя силы природы, возноситъ мысль человѣка къ посторонней силѣ, распоряжающейся его судьбой, имѣютъ кое-какіе шансы на успѣхъ. Намъ, соціалистамъ, не страшны ни панибратство духовенства съ буржуазіей, ни развращающее вліяніе его на народныя массы, лишь бы союзъ поповъ съ буржуазіей въ государствѣ буржуазіи, не принялъ тѣхъ окаменѣлыхъ формъ, въ которыхъ нынѣ выражается связь церкви съ самодержавіемъ. Ликвидируя старые политическіе порядки, мы должны будемъ упорно настаивать на томъ, чтобъ въ будущемъ государствѣ буржуазіи, церковь была отдѣлена отъ государства, чтобъ никакое узаконеніе не давало служителямъ и проповѣдникамъ нынѣ господствующей религіи никакихъ правъ или преимуществъ передъ другими духовными и свѣтскими учителями и проповѣдниками, чтобъ религіозное воспитаніе не входило въ кругъ общественнаго воспитанія юношества.

ЗАДАЧИ АГИТАЦИИ НА УРАЛѢ.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу поставить на обсужденіе партіи тѣ вопросы рабочаго движенія на Уралѣ, которые являются и должны являться для всякаго дѣйствующаго соціальдемократа рѣшающими для успѣховъ соціальдемократіи на Уралѣ. Буду здѣсь говорить преимущественно о Пермской губерніи.

Все приблизительно двухмилліонное населеніе Пермской губ. можетъ быть раздѣлено на слѣдующія четыре группы:

1. около одного милліона крестьянъ, занятыхъ, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и высылающихъ въ свободное отъ сельско-хозяйственныхъ работъ время избытки своего населенія на пріисковыя и заводскія работы;

2. около 250-300 тыс. мѣстнаго торгово-ремеслен. населенія;

3. около 500 тысячъ горнозаводскихъ рабочихъ, въ силу своего историческаго и экономическаго положенія обезпечивающихъ свое существованіе почти исключительно горнозаводскими и пріисковыми работами, и

4. около 30-50 тысячъ рабочихъ на крупныхъ капиталистически организованныхъ фабрикахъ и заводахъ, сконцентрированныхъ прежде всего въ главныхъ городахъ губерніи, Перми и Екатеринбургѣ.

Въ смыслѣ развитія революціонной дѣятельности имѣютъ значеніе прежде всего третья и четвертая группы: я бы сказалъ даже, что *для Урала только третья*, какъ наиболѣе устойчивая и многочисленная. Однако всѣ прежде и теперь работающія на Уралѣ революціонныя организаціи — народоправцы, соціальдемократы и соціалисты-революціонеры — главное свое вниманіе обращали всегда на четвертую группу, какъ наиболѣе близкую къ городской интеллигенціи. Въ данной замѣткѣ я не буду останавливаться на исторіи развитія рабочаго движенія среди четвертой, городской группы, такъ какъ она, вслѣдствіе „кустарничества“ революціонныхъ организацій, не представляетъ чего-либо интереснаго, является, по большей части, исторіей проваловъ и дальше экономической борьбы съ основаніемъ рабочихъ кассъ и политической пропаганды въ тѣсныхъ рабочихъ кружкахъ не шла. Что касается революціонной дѣятельности среди третьей, заводской группы, то, если не считать единичныхъ попытокъ отдѣльныхъ революціонеровъ — подойти къ этой группѣ и развить ея революціонное настроеніе, можно лишь говорить пока о трехъ фактахъ изъ этой области: златоустовскомъ дѣлѣ 97 г., сысертской стачкѣ 98 г. и алапаевскомъ дѣлѣ 1902 года.

Злотоустовская стачка 1897 г., организованная и проведенная народоправцами, разрѣшилась подъ конецъ профессіонально-ремесленнымъ движеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ политическими требованіями соціальдемократіи, и потому стоитъ внѣ границъ нашего обсужденія. Попытка же соціальдемократической организаціи взять въ свои руки стихійно возникшую стачку прокатнаго, кажется, цеха въ Сысертскомъ заводѣ и алапаевское дѣло прошлаго года настолько характерны, что на нихъ должно остановиться подробнѣе.

Стачка прокатнаго цеха въ Сысерти возникла на почвѣ общаго недовольства заводскими порядками и требованія повышенія заработной платы. Послѣ нѣкотораго времени спокойнаго и мирнаго ожиданія забастовавшими рабочими — около 150 чел. — результатовъ своей забастовки и переговоровъ съ владѣльцемъ завода, по порученію ближайшей къ заводу соціальдемократической организаціи, пріѣхалъ въ Сысерть случайно проживавшій въ это время на Уралѣ товарищъ изъ одного крупнаго промышленнаго центра и сдѣлалъ попытку придать возникшей уже забастовкѣ болѣе или менѣе общій характеръ. Когда онъ, на собраніи представителей отъ всего рабочаго населенія завода, развивая соціальдемократическую программу, упомянулъ, между прочимъ, и о требованіи восьмичасового рабочаго дня, то выслушалъ довольно характерное для Урала замѣчаніе отъ одного изъ присутствовавшихъ рабочихъ: „Да, хорошо было бы работать по восьми часовъ! И заработки бы тогда повысились. А то мы работаемъ только по шесть-четыре часа въ день“. Съ этимъ замѣчаніемъ рабочаго мы подошли къ самой сути уральскихъ отношеній, къ которымъ сейчасъ и обратимся.

Въ эпоху великихъ реформъ, когда черёдъ „освобожденія“ стоялъ уже за Ураломъ и когда заводское населеніе въ ожиданіи воли показывало уже признаки нетерпѣнія, уральскіе магнаты все еще не сдавались и выдвигали противъ освобожденія населенія отъ обязательныхъ заводскихъ работъ аргументъ пользъ и нуждъ „отечества“. Они говорили: если освободить рабочихъ и дать имъ право самимъ опредѣлить свою дальнѣйшую жизнь, то уральское населеніе броситъ горнозаводскія работы и или перейдетъ къ земледѣлію въ предѣлахъ самого Урала, или выселится въ другія мѣстности. Это одинаково гибельно, какъ для горнозаводской промышленности, ибо она не можетъ существовать безъ дешевыхъ рабочихъ рукъ, такъ и для всего государства, которое безъ нея попадетъ въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Условіемъ же благополучія горной промышленности и всего отечества, по мнѣнію крѣпостниковъ-заводчиковъ, является лишь обязательный трудъ на уральскихъ заводахъ. Наше, всегда столь чуткое и благожелательное къ интересамъ и требованіямъ гербованной буржуазіи, правительство, въ виду слишкомъ угрожающаго настроенія уральскихъ рабочихъ, вынуждено было поискать для заводчиковъ выхода изъ ихъ „безвыходнаго положенія“. Результатомъ этихъ исканій и явилось хитро задуманное и искусно проведенное въ жизнь положеніе 4 марта 63 года.

Положеніе это, освободивъ рабочее населеніе Урала отъ обязательныхъ работъ на заводахъ, вполнѣ „либерально“ освободило заводы отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ рабочимъ, а, надѣливъ послѣднихъ, даже безо всякаго выкупа, усадебной землей, покосами въ заводскихъ дачахъ, правами пользованія лѣсомъ изъ заводскихъ дачъ, рыбной ловли въ заводскихъ прудахъ и т. под., прикрѣпило ихъ къ заводу не въ меньшей степени, чѣмъ это было при крѣпостномъ правѣ. Мало этого экономическаго прикрѣпленія. Хотя издавна привыкшее къ заводскимъ работамъ населеніе Урала едва ли могло бы найти въ то время гдѣ бы то ни было въ Россіи мѣсто для приложенія своихъ силъ и, поэтому, выхода съ родныхъ мѣстъ стали бы искать развѣ только единичныя немногія личности, правительство вслѣдъ за объявленіемъ воли постаралось рядомъ административныхъ распоряженій закрыть и этотъ выходъ и тѣмъ обезпечить за заводчиками необходимыя имъ рабочія руки. И вотъ, послѣ сладкихъ мечтаній о полной волѣ и освобожденіи отъ ненавистныхъ горнозаводскихъ работъ, населеніе Урала увидало предъ собой только два выхода: или голодная смерть, или заводскія работы. Выбора не было. И заводскія работы потекли прежнимъ порядкомъ.

Въ первое время послѣ объявленія воли, принятой населеніемъ хотя и не совсѣмъ гладко, но все же болѣе или менѣе мирно, на Уралѣ еще не чувствовалось острой нужды. Заводы работали по старымъ методамъ и порядкамъ, работу находило все или почти все *покорное* населеніе и заработки стояли болѣе или менѣе сносные. Кое-какія неровности сглаживались воспоминаніями о неволѣ и сознаніемъ своей свободы. Патріархальный строй и патріархальныя отношенія царили на всемъ Уралѣ и никѣмъ не высказывалось необходимости въ ихъ перемѣнѣ. Но вотъ обстоятельства съ теченіемъ времени начинаютъ мѣняться. Монопольному положенію Урала на желѣзномъ рынкѣ приходитъ конецъ. Въ лицѣ южно-русской промышленности выступаетъ ему сильный конкуррентъ. Угроза пониженія барышей нарушаетъ пріятный квіетизмъ уральскаго заводчика и даже этотъ приверженецъ косности и стародѣдовскихъ завѣтовъ на поприщѣ обиранія и эксплуатаціи рабочихъ „по божески“ вынужденъ обратиться къ „культурѣ“ и начинаетъ заговаривать на своихъ съѣздахъ о повышеніи техники, о каменномъ углѣ и т. под. Однако, та же самая южная конкурренція на почвѣ высокихъ таможенныхъ ставокъ ставитъ предъ уральскимъ горнымъ промышленникомъ лишь вопросъ объ удержаніи стараго рынка и требуетъ только приспособленія существующаго уже производства къ новымъ условіямъ въ направленіи его удешевленія. Подъ вліяніемъ этого требованія на главныхъ, по крайней мѣрѣ, заводахъ округа ставятся новыя, болѣе совершенныя машины, оборудовываются новые цехи и иногда строятся даже новые заводы. Вмѣстѣ съ этими техническими усовершенствованіями мѣняются условія труда и нарушается соотношеніе спроса и предложенія на рабочемъ рынкѣ настолько, что половина, по меньшей мѣрѣ, всѣхъ рабочихъ стараго завода оказывается излишней. Наряду съ созданіемъ избыточной арміи рабочихъ новыя техническія условія нарушаютъ коренныя права населенія, раньше ежегодно уходившаго по лѣтамъ на свои сѣнокосныя работы, и заставляютъ его работать на заводѣ круглый годъ. Отстаиваніе населеніемъ этого своего исконняго права, права дѣлать перерывъ въ заводской работѣ для своихъ сельско-хозяйственныхъ работъ, права, которое нѣкогда находило свое основаніе въ техникѣ производства, создаетъ для заводоуправленія поводъ приглашать на заводъ чужихъ, немѣстныхъ рабочихъ, которымъ обыкновенно отдаются болѣе оплачиваемыя мѣста. Отсюда и объясняется та вражда и ненависть мѣстныхъ рабочихъ къ пришлымъ, которая такъ проявилась въ алапаевскомъ дѣлѣ (см. 38 № „Искры“).

Однако, всѣхъ вышеуказанныхъ мѣръ къ обезпеченію горныхъ заводовъ рабочими уральскимъ заводчикамъ казалось недостаточно, и въ горномъ уставѣ появляется статья, которая запрещаетъ устройство въ предѣлахъ горнозаводскихъ округовъ на Уралѣ всякихъ огнедѣйствующихъ заведеній, за исключеніемъ заранѣе опредѣленнаго числа. Мѣра эта, de jure направленная къ сохраненію необходимыхъ для горнопромышленности лѣсовъ, de facto оказалась ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ лишить населеніе возможности стороннихъ заводу заработковъ. Но сами гг. заводчики и въ этомъ случаѣ пошли далѣе послушнаго и предупредительнаго къ нимъ правительства. Чтобы еще больше усилить значеніе только что изложенной статьи, они создали въ своемъ родѣ запретительныя для Урала пошлины на желѣзо. Странно сказать и трудно повѣрить, но уральское желѣзо на мѣстѣ его выработки для какихъ-либо промышленныхъ цѣлей въ мелкихъ партіяхъ продается мѣстнымъ мелкимъ промышленникамъ въ общемъ дороже тѣхъ же сортовъ желѣза на Нижегородской ярмаркѣ. Насколько велика у гг. заводчиковъ боязнь возможности развитія на Уралѣ мелкой желѣзообрабатывающей промышленности, а, слѣдовательно, и отвлеченія нѣкотораго числа рабочихъ рукъ отъ горныхъ заводовъ, и насколько высоки, поэтому, тамъ цѣны на мѣстное желѣзо, лучше всего показываетъ сравнительный подсчетъ цѣнъ, произведенный Пермской губерн. земск. Управой въ ея докладѣ земскому собранію 1901 г., изъ котораго (доклада) видно, что, если бы закупить желѣзо въ Германіи, заплатить за него пошлину и провозныя деньги въ Пермскую губернію, то все же его можно было бы продавать дешевле установленныхъ гг. заводчиками цѣнъ на мѣстныхъ рынкахъ. Мало того. Какъ крѣпко держатся гг. заводчики за свое право „сберегать лѣса“, показываетъ также пресловутый и наболѣвшій для всего Урала вопросъ о принадлежности произрастающаго на покосныхъ участкахъ, доставшихся въ надѣлъ заводскому населенію, лѣса. Заводоуправленія, какъ общее правило, отрицаютъ за владѣльцами покосовъ право собственности на произрастающій на нихъ лѣсъ, на какой почвѣ и разыгрывается между населеніемъ и заводами форменная война, начиная съ предъявленія исковъ о порубкахъ и тюрьмы и кончая динамитными покушеніями и сопротивленіями властямъ. Война эта за послѣднее время все болѣе и болѣе обостряется, такъ какъ заводоуправленія начали подвергать сомнѣнію и отрицать за населеніемъ не только право собственности на лѣсныя поросли, но и самое право владѣнія покосами, въ чемъ, благодаря, главнымъ образомъ, несравненному институту земскихъ начальниковъ, и преуспѣваютъ. О дѣятельности въ этомъ направленіи пермскаго губернскаго присутствія, призваннаго какъ бы охранять крестьянскіе интересы, можно было бы поговорить въ особой статьѣ.

Такимъ образомъ, прикрѣпленное къ своимъ усадебнымъ и покоснымъ участкамъ и лишенное пахотной земли, горнозаводское населеніе не можетъ, съ одной стороны, искать выхода въ земледѣльческихъ работахъ, и, съ другой, за отсутствіемъ почти всякой другой промышленности, кромѣ горнозаводской, попадаетъ въ тягчайшую зависимость отъ мѣстныхъ желѣзныхъ королей и ихъ прихвостней. Зависимость эта настолько тяжела, что даже само населеніе, несмотря на все свое скрытое и явное недовольство существующими порядками, несмотря на свою тайную или явную борьбу съ ними, все же вынуждено смотрѣть на возможность полученія на заводѣ какого бы то ни было заработка, какъ на извѣстное проявленіе милости со стороны заправилъ завода. Актъ этотъ иногда, какъ, напр., на Строгановскихъ заводахъ (Соликамскаго уѣзда), обставляется извѣстными формальностями: полученіемъ отмѣтокъ за поведеніе, при чемъ каждое пониженіе балла, смотря по степени проступка или смотря по произволу начальствующихъ лицъ, влечетъ за собою нѣкоторое ограниченіе въ правахъ, согласно тому, какъ объ этомъ стоитъ въ выработанной и утвержденной „самимъ графомъ“ конституціи заводовъ. Заводоуправленія, въ широкой мѣрѣ пользуясь выгодами въ значительной степени самими же ими созданнаго положенія, желаютъ притомъ пользоваться имъ наивозможно дольше. Поэтому, чуть-чуть не переходя черты, за которой началось бы уже поголовное искорененіе рабочаго населенія Урала (не даромъ, вѣдь, процентъ дѣтской смертности въ Пермской и Уфимской губ. является самымъ высокимъ изъ всей Россіи!), они держатъ это населеніе въ такомъ положеніи, что оно, на почвѣ экономическаго приниженія и физическаго и моральнаго вырожденія, вырабатываетъ для заводчиковъ даже у насъ въ Россіи неслыханные барыши. Эта „*заботливость*“ о населеніи и доставленіи заработковъ *всему населенію* выражается въ томъ, что заводоуправленія организуютъ изъ всего наличнаго *покорнаго* населенія (само собой разумѣется, что строптивые люди работы не находятъ) особыя смѣны, которыя работаютъ или попеременно черезъ одну-двѣ недѣли, или одновременно по 4-6 часовъ въ день. Нужды нѣтъ, что обычный для Урала заработокъ въ 40-80 коп. въ день понижается при этомъ до 7-10 коп., важенъ, вѣдь, принципъ — „у насъ всѣ находятъ работу, кто только ея хочетъ!“ — ну, а рабочіе, имѣя собственные дома и покосы, должны считать этотъ заработокъ достаточнымъ, жить безбѣдно и благодарить заводовладѣльцевъ за ихъ благодѣянія. Но, несмотря на все это, рабочіе все же недовольны своимъ положеніемъ, и, посмотришь, сегодня начнутъ рубить имъ же принадлежащій, но по какимъ-то кляузническимъ основаніямъ при помощи губернскаго присутствія отнятый лѣсъ, завтра косятъ свои покосы, обманомъ и судомъ оттяганные у нихъ заводоуправленіемъ, послѣзавтра потребуютъ повышенія платы и устроятъ забастовку, а тамъ выпроваживаютъ съ завода ненавистнаго имъ управителя или организуютъ противъ жестокихъ мастеровъ и инженеровъ динамитныя покушенія, — такой ужъ недовольный народъ! Все есть въ этой атмосферѣ борьбы: есть сознаніе и недовольство своимъ положеніемъ, есть желаніе улучшить его, есть извѣстное боевое настроеніе, организованность и даже конспиративность, нѣтъ только полной сознательности и прочной организаціи, которая смогла бы повести и направить это движеніе по революціонному руслу.

Огромные уральскіе заводы, далеко одинъ отъ другого разбросанные по Уралу и еще дальше удаленные отъ другихъ русскихъ промышленныхъ центровъ, полны недовольства, которое при малѣйшихъ поводахъ въ той или иной формѣ выливается наружу. Предоставленное самому себѣ, движеніе это принимаетъ подчасъ нежелательное направленіе и ничего, кромѣ вреда не приноситъ его участникамъ. Чтобы съорганизовать это движеніе, придать ему истинно революціонное значеніе, необходимо противопоставить неопредѣленнымъ и не всегда сознательнымъ требованіямъ его вполнѣ опредѣленную и точную программу. Программой этой, по моему глубокому убѣжденію, можетъ быть только программа *Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи*. Итакъ, товарищи, будемъ же организоваться около этой партіи и постараемся вывести наше уральское рабочее движеніе на широкое поле революціи! Для этого нужна разносторонняя и самая упорная повседневная работа, въ которой террористическая пропаганда соціалистовъ-революціонеровъ, при существованіи на Уралѣ въ рабочей средѣ неорганизованнаго террора, можетъ только мѣшать. Будемъ же организоваться, разовьемъ при помощи нашей организаціи самую широкую политическую агитацію и используемъ для послѣдней даже наши крѣпостническіе пережитки.

Въ настоящей замѣткѣ я обсуждалъ только наши спеціально уральскія требованія и пожеланія рабочихъ, но это не значитъ, конечно, что на Уралѣ борьба и недовольство населенія сконцентрированы только на этихъ требованіяхъ; рядомъ тамъ идетъ также и борьба за сокращеніе рабочаго дня тамъ, гдѣ онъ дліненъ, за повышеніе платы, за лучшее обращеніе и проч. Дѣло, конечно, не мѣняется отъ того, что рядомъ существуютъ требованія, возникающія изъ болѣе или менѣе европейскихъ и исключительно азіатскихъ условій труда. Мы должны использовать въ своей агитаціи тѣ и другія, тѣмъ болѣе, что въ осуществленіи ихъ заинтересовано все уральское населеніе.

Я признаю, что набросанный мною очеркъ уральскихъ отношеній является далеко неполнымъ. Будемъ же собирать факты и освѣщать ихъ съ соціалистической точки зрѣнія.

МАКЕДОНСКІЙ ВОПРОСЪ, БОЛГАРІЯ И РУССКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Македонскій вопросъ въ настоящее время занимаетъ всѣхъ: и правительства, и парламенты, и журналистовъ. Въ княжествѣ Болгаріи это теперь главный вопросъ, вокругъ котораго вертится и внутренняя и внѣшняя политика правительства и князя Фердинанда.

Для Болгаріи македонскій вопросъ не новость. Такъ называемое у насъ „македонское движеніе“, въ которомъ выражается македонскій вопросъ въ Болгаріи, начинается съ того момента, когда былъ подписанъ берлинскій договоръ. Послѣдній, какъ извѣстно, предусматриваетъ для Македоніи, какъ и для Арменіи, извѣстныя реформы, которыя должна была ввести Турція. Однако, ни „великая освободительница и покровительница славянъ“, т. е. русское царское правительство, ни какая-либо другая изъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, не нашли полезнымъ для себя думать о введеніи какихъ-то реформъ въ турецкихъ провинціяхъ. Нечего говорить о самой Турціи.

Между тѣмъ, съ этого момента начинается непрерывная эмиграція изъ Македоніи въ Болгарію. Въ настоящее время эта эмиграція достигаетъ громадныхъ размѣровъ, и многіе изъ эмигрантовъ занимаютъ въ княжествѣ Болгаріи весьма видное политическое и общественное положеніе.

Не можетъ быть сомнѣнія, что эмиграція вызвана прежде всего внутреннимъ экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ Македоніи и полнѣйшей неурядицей турецкаго управленія въ ней. Иностранная конкурренція, иностранные капиталы, проведеніе желѣзныхъ дорогъ подорвали старые устои экономической и соціальной жизни Македоніи. И раньше масса мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ не могла существовать только земледѣліемъ и кустарнымъ производствомъ и искала поэтому побочныхъ промысловъ внѣ Македоніи. Но послѣ освобожденія Болгаріи положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ и ремесленниковъ въ Македоніи ухудшилось еще больше, подати, естественно, увеличились, а система сборовъ этихъ податей самая разорительная для населенія. Вслѣдствіе этого, послѣднее бросаетъ землю и бѣжитъ или въ города или въ другія государства. Въ городахъ вслѣдствіе конкурренціи иностранныхъ товаровъ мелкое производство падаетъ, а промышленность туго развивается вслѣдствіе отсутствія самыхъ элементарныхъ условій для обезпеченія личности, свободы передвиженія, чести и имущества. Послѣ освобожденія Болгаріи неурядица турецкаго управленія въ Македоніи усилилась. Правящій классъ въ Турціи смотрѣлъ и смотритъ на свое господство въ европейскихъ провинціяхъ и въ особенности въ Македоніи, какъ на временное. Поэтому онъ, не стѣсняясь, занимается грабежомъ, насиліями, вымогательствами и явно покровительствуетъ разбою. При такихъ обстоятельствахъ и рѣчи не можетъ быть о какомъ бы то ни было управленіи въ Македоніи. Вмѣсто управленія — полнѣйшая анархія, полнѣйшій произволъ. Естественно, населеніе бѣжитъ въ сосѣднія страны — въ Болгарію, Сербію, Грецію, Румынію, Италію. Но послѣ освобожденія Болгаріи большая часть эмигрантовъ изъ Македоніи направляется въ Болгарію.

Въ этнографическомъ отношеніи Македонія страна самая пестрая. До освобожденія Болгаріи почти все болгарское населеніе называлось „грекоманами“, т. е. признавало духовное верховенство греческой константинопольской патріархіи. Правда, еще задолго до освобожденія Болгаріи, болгарскіе патріоты въ Македоніи вели очень усиленную борьбу съ греческимъ вліяніемъ на болгарскую часть населенія. Однако, до самаго освобожденія Болгаріи землевладѣльцы и ростовщики, торговое и промышленное сословія въ городахъ, болгаре по происхожденію, продожали оставаться „грекоманами“, такъ какъ подъ флагомъ „грекоманства“ ихъ интересы лучше могли быть защищены, чѣмъ подъ флагомъ „комитъ“, т. е. „бунтовщиковъ“ (хотя и не особенно страшныхъ для турецкихъ властей), каковыми считались пропагандисты „духовнаго освобожденія“ отъ греческой духовной зависимости. Но послѣ освобожденія Болгаріи отношенія значительно измѣнились.

Какъ извѣстно, русско-турецкая война показала всю гниль русскаго царскаго режима „на полѣ брани“ и всю несостоятельность царской дипломатіи. Военные столпы русскаго деспотизма, самодуры генералы, вродѣ Гурко и Скобелева, едва спасли „русскую военную честь“, уложивши „на полѣ брани“, подъ Плевной и на Балканахъ, неимовѣрное, преступное по своимъ размѣрамъ количество русскихъ солдатъ, не говоря о другихъ матеріальныхъ жертвахъ. Благодаря лишь несостоятельности такого непріятеля, какъ Турція, и помощи Румыніи, Сербіи и Болгаріи, „герои“ русскаго деспотизма могли, наконецъ, спасти „честь русской военной славы“. Планы русскаго правительства несомнѣнно были большіе. „Освобожденіе братушекъ“ было бы дѣйствительно „царское“. Но подъ Константинополемъ, въ С.-Стефанѣ, „большіе планы“ русской царской дипломатіи потерпѣли полное фіаско. Она должна была снять оккупацію, вызвать назадъ войска и пойти на судъ Берлинскаго конгресса. А чтобы спасти свое реномэ передъ „братушками“ и создать благопріятную почву для своего будущаго „покровительства“ Болгаріи, она создала фикцію „Сантъ-Стефанской Болгаріи“. Эта-то „Болгарія“ послѣ Берлинскаго конгресса стала для болгарскихъ патріотовъ „національнымъ идеаломъ“, „великой національной задачей“ болгарскихъ политиковъ.

Первое время освобожденной Болгаріи было время внутренняго устройства. По этой причинѣ первые шесть лѣтъ „національный идеалъ“ оставался на второмъ планѣ. Однако, македонскіе эмигранты никогда не прерывали свои связи съ Македоніей: они оставили тамъ своихъ родителей, своихъ братьевъ и сестеръ, своихъ родственниковъ и имущества. Съ самаго перваго времени послѣ освобожденія они не переставали заниматься „національнымъ идеаломъ“, хотя въ весьма неопредѣленной и неорганизованной формѣ. Въ сущности, въ этотъ періодъ попеченіе о болгарахъ и болгарской пропагандѣ въ Македоніи было предоставлено исключительно Константинопольской болгарской екзархіи. Однако, самый фактъ освобожденія Болгаріи далъ сильный толчекъ болгарской пропагандѣ въ Македоніи. Прежніе болгаре „грекоманы“, сначала крупные землевладѣльцы и ростовщики, торговая и промышленная буржуазія, а вслѣдъ за ними и мелкая буржуазія, начали массами переходить къ вѣдомству екзархіи. Съ другой стороны, въ освобожденной Болгаріи съ первыхъ же лѣтъ начался быстрый экономическій переворотъ. До того Болгарія была страной мелкаго землевладѣнія и мелкаго ремесленнаго производства. Но прежде всего громадный наплывъ иностранныхъ товаровъ, въ особенности изъ Австріи, сразу подорвалъ ремесленное производство. Еще до освобожденія, въ Болгаріи началось развитіе текстильной индустріи, сперва въ мануфактурную форму, а послѣ и въ машинную. Послѣ освобожденія развитіе текстильной фабричной индустріи, какъ и фабричнаго мукомольнаго производства, пошло очень быстро, не говоря о развитіи болѣе крупнаго винодѣльнаго, спиртнаго и пивнаго производства. Все это подорвало корень сельской и городской домашней индустріи, вслѣдствіе чего сельское и городское мелкое хозяйство быстро слабѣло. Съ другой стороны, быстрый ростъ сельского населенія и вслѣдствіе этого быстрое увеличеніе избытка населенія въ земледѣліи привело къ громадному раздробленію сельскихъ хозяйствъ.

Между тѣмъ, государство, устроенное по образцу конституціонно-монархическихъ европейскихъ государствъ, съ милитаризмомъ по образцу русскаго, съ многочисленной бюрократіей и т. д., знало до послѣдняго времени только одинъ главный источникъ, изъ котораго брало средства для своего существованія. Этотъ источникъ была сельская и ремесленная масса, которая и облагалась все болѣе непосильными податями. Вслѣдствіе всего этого началось быстрое разореніе сельской и городской массы мелкихъ производителей. Къ 1886 году она почти вся, со всѣмъ своимъ имуществомъ, оказалась въ рукахъ ростовщиковъ. Къ этому времени ростовщичество приняло самые широкіе размѣры, и началась быстрая концентрація земель и, вообще, „національныхъ богатствъ“ въ рукахъ все болѣе выдѣлявшейся торговой и промышленной буржуазіи. Къ этому естественному процессу разложенія старыхъ или, лучше сказать, недавнишнихъ устоевъ болгарскаго молодого государства, прибавились и послѣдствія сербско-болгарской войны. Эта война явилась, несомнѣнно, продуктомъ интригъ русской и австрійской дипломатій, натравившихъ другъ на друга двухъ сосѣдей, которымъ война принесла только разореніе. Сербско-болгарская война дала въ Болгаріи новый толчекъ процессу разложенія старыхъ экономическихъ устоевъ и дифференціаціи населенія на классы съ явно противоположными интересами и стремленіями. Въ этой дифференціаціи уже съ самаго начала видно было образованіе, съ одной стороны, буржуазіи, какъ класса, съ другой — пролетаризированной массы населенія, которая начинаетъ группироваться въ отдѣльный пролетарскій классъ. Само собою разумѣется, что до такого рѣзкаго выдѣленія этихъ двухъ классовъ, какое мы видимъ въ европейскихъ странахъ, еще далеко въ нашей странѣ. Однако, тенденція развитія ея несомнѣнно такова. Весь внутренній смыслъ соціально-политической жизни Болгаріи съ 1886 г. можно объяснить только очерченнымъ экономическимъ процессомъ. Этому послѣднему вполнѣ соотвѣтствуетъ и образованіе многихъ политическихъ категорій, борьба которыхъ состояла только въ томъ, чтобы захватить въ свои руки власть, расхищать казну, государственные займы и банкъ и, вообще, „національныя имущества“. Періодъ съ 1886 года, это періодъ самаго грубаго, беззастѣнчиваго „первоначальнаго накопленія капиталовъ“. Именно съ 1886 года начинается беззастѣнчивый грабежъ общинныхъ и государственныхъ земель и лѣсовъ, расхищеніе государственнаго банка, казны и займовъ, которые дѣлались будто исключительно на постройку желѣзныхъ дорогъ и пристаней, — не говоря уже объ ограбленіи массы ростовщиками, чиновниками и полиціей. Такимъ образомъ, у насъ создалась довольно крупная и богатая буржуазія, которая теперь начинаетъ возмущаться „беззаконнымъ обогащеніемъ“ и неустойчивостью управленія, и пускаться во всѣ предпріятія, которыя могутъ доставить ей „законное обогащеніе“, т. е. обогащеніе посредствомъ грубой и беззастѣнчивой эксплуатаціи „національнаго труда“.

Когда болгарская буржуазія, такимъ образомъ, разбогатѣла, выдѣлилась и почувствовала себя стѣсненной дома, она начала интересоваться „національными задачами“. Съ этихъ поръ она все чаще и громче заговариваетъ о „національномъ идеалѣ“, о „Санъ-Стефанской Болгаріи“. Тутъ уже начинается настоящее „Македонское движеніе“ въ Болгаріи. Когда, вмѣстѣ съ тѣмъ Стамбуловскій режимъ, послѣ выбора принца Фердинанда болгарскимъ княземъ, успѣлъ сокрушить бунтовщиковъ изъ болгарскихъ эмигрантовъ въ Россіи, организуемыхъ съ помощью и подъ покровительствомъ русскаго правительства, первымъ дѣломъ болгарскаго правительства было настоять передъ Портою о выдачѣ „бератовъ“ (указовъ) для пяти новыхъ болгарскихъ епископовъ въ Македоніи, какъ и нѣкоторыя права по училищному дѣлу въ трехъ „вилаетахъ“ (губерніяхъ, областяхъ), а именно въ Салоникскомъ, Юскюбскомъ и Монастырскомъ, въ чемъ оно успѣло вполнѣ. Этотъ успѣхъ Стамбуловской политики по отношенію къ Македоніи вызвалъ всеобщій восторгъ въ болгарской буржуазіи. Самые заклятые враги Стамбулова произносили и писали дифирамбы этой его политикѣ. И дѣйствительно, въ то время успѣхъ Стамбулова имѣлъ большое значеніе для нашей буржуазіи.

Первымъ слѣдствіемъ этой политики было то, что поднялось

Первое мая въ Ростовѣ.*)

(ВПЕЧАТЛѢНІЯ ОЧЕВИДЦА)

Въ развитіи революціоннаго движенія въ Ростовѣ можно отмѣтить три выдающихся момента. О первыхъ двухъ ноябрскихъ событіяхъ и демонстраціи 2 марта — въ печати говорилось, быть можетъ, слишкомъ достаточно, чтобы возвращаться къ нимъ; о третьемъ же моментѣ, — первомайской демонстраціи и событіяхъ ей предшествовавшихъ, упоминалось, насколько помнится, лишь вскользь.

Между тѣмъ, то, что происходило въ Ростовѣ передъ первымъ мая, за періодъ отъ демонстраціи 2 марта до середины мая, заслуживаетъ самаго внимательнаго отношенія и анализа. Тѣ общіе вопросы революціоннаго движенія — тактика Партіи и ея организаціонныя задачи, которыя волнуютъ въ настоящую минуту всю соціальдемократію, находятъ здѣсь, какъ намъ думается, свое наиболѣе яркое выраженіе и, до нѣкоторой степени, освѣщеніе. Это стоитъ, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ, что все движеніе находится во 1-хъ, въ зависимости отъ планомѣрной и энергичной дѣятельности Донского Комитета; во 2-хъ, съ тѣмъ, что у насъ отсутствуютъ какія-либо специфическія условія (вродѣ національной розни и пр.), которыя мѣшали бы ясно понимать всѣмъ — *кто* борется, *за что* борется и *съ кѣмъ* борется. Кромѣ того, картина, развертывающаяся передъ нами при болѣе полномъ знакомствѣ съ условіями развитія ростовскаго движенія за третій періодъ, даетъ довольно точное представленіе о внутренней жизни „общества“, рабочихъ массъ и нашихъ комитетскихъ организацій. Намъ выясняется при этомъ не только значеніе предшествовавшихъ ростовскихъ событій, но, безъ преувеличеній говоря, дается руководящая нить для пониманія совершающагося на нашихъ глазахъ общерусскаго гигантскаго роста революціоннаго движенія.

Вотъ въ немногихъ словахъ то, что происходило въ Ростовѣ въ это время.

Внушительная и удачная демонстрація 2 марта, послѣдовавшая вслѣдъ за облетѣвшими всю Россію ноябрскими событіями, навела на полицію и на буржуазную часть публики неописуемую панику. Демонстрація эта убѣдила ихъ, что стачка — явленіе не случайное, а выражаетъ собою до нѣкоторой степени *знаменіе времени*, что горячія обвинительныя рѣчи самодержавному порядку, произносимыя открыто передъ толпой въ десятки тысячъ человѣкъ, не пустыя слова, что борьба противъ нынѣ существующихъ государственныхъ и соціальныхъ основъ есть дѣло широкихъ массъ, дѣло всего народа. Полиція, жандармерія, вмѣстѣ съ нѣкоторой частью нашей буржуазіи поняли смыслъ и цѣль демонстраціи, убѣдились въ своихъ сомнѣніяхъ и... струсили отчаянно, струсили самымъ смѣшнымъ образомъ. Начали, само собою разумѣется, приниматься экстраординарныя, драконовскія мѣры для борьбы съ революціонной гидрой, съ неуловимымъ и могущественнымъ по своему вліянію на рабочихъ и интеллигенцію Донскимъ Комитетомъ.

Начали, конечно, съ арестовъ и обысковъ. Втеченіи всего марта и апрѣля полиція и жандармерія, исполняя приказаніе во что бы то ни стало арестовать типографію и членовъ Комитета, рыскали по городу ночною порой. Крамолу она находила преимущественно среди... гимназистовъ, гимназистокъ, средне-техниковъ и тому подобной юной молодежи, нежелавшей, а порой и неумѣвшей подъ напоромъ бурныхъ событій скрыть свой восторгъ и свое горячее имъ сочувствіе. Вся эта зеленая, но славная и дѣйствительно революціонно настроенная молодежь держала себя, нужно отдать справедливость довольно непринужденно: ругала вслухъ проходившихъ шпіоновъ, горячо на улицахъ обсуждала комитетскія прокламаціи, собирала деньги — словомъ, выражала свое сочувствіе къ происходившимъ на ея глазахъ событіямъ, какъ могла и чѣмъ могла.

Всю свою энергію царскіе слуги направили, конечно, на отысканіе типографіи Дон. Ком., дѣйствовавшей и донынѣ дѣйствующей вполнѣ исправно. „Охранка“, недавно введенная у насъ или, какъ оффиціально она себя именуетъ, „Розыскное Отдѣленіе“, наводнила съ этой цѣлью городъ шпіонами. Жандармы перерыли и пересмотрѣли буквально весь городъ, всѣ уголки его, начиная съ овраговъ, пещеръ, заброшенныхъ каменоломенъ, домовъ рабочихъ и кончая барскими квартирами, торговыми конторами, казенными помѣщеніями. Особенно многочисленны были обыски у рабочихъ, у служащихъ на Владик. жел. д. и учащихся. Погоня за типографіей принимала прямо каррикатурныя формы. Шпіоны и околодочные надзиратели заходили порой къ домохозяевамъ, разспрашивали ихъ, чѣмъ занимаются живущіе у нихъ квартиранты, не держатъ ли послѣдніе интеллигентную прислугу и т. п. По городу ходили насчетъ типографіи слухи самаго фантастическаго характера, одинъ нелѣпѣе другого. Полиція своими неудачными поисками и порой дикими выходками, сама разжигала воображеніе обывателей, распуская эти слухи, отчасти какъ бы оправдывающіе ея неудачи. Каждый почти день „отцы“ сообщали „дѣтямъ“, что типографія „уже“ арестована, — точно указывали адресъ, у кого она взята, съ подробнѣйшими объясненіями, какъ это было, при какихъ обстоятельствахъ, и каждый разъ, конечно, „дѣти“ фактически опровергали „отцовъ“. Типографія продолжала существовать и о своемъ существованіи заявляла очень часто. Впрочемъ, кажется, какую то типографію дѣйствительно взяли на одномъ изъ большихъ пароходовъ Волго-Донскаго Общ., дѣлающаго рейсъ между Феодосіей и Ростовомъ. По прибытіи названнаго парохода въ Ростовъ на немъ былъ замѣченъ оставленный какимъ то господиномъ багажъ. Черезъ нѣкоторое время за отсутствіемъ владѣльца — багажъ былъ вскрытъ на ростовской пристани въ присутствіи полиціи. Здѣсь обнаружены были завернутыя въ одѣялѣ нѣкоторыя принадлежности типографскаго станка и немного шрифта. Вѣсть о томъ, что теперь-то наконецъ взяли типографію, моментально облетѣла весь городъ. Затрещали телеграфные звонки, и на мѣстѣ происшествія появились должностныя лица, жандармскіе офицера, пом. полицмейстера, казаки, окружившіе пристань, и, конечно, толпа любопытныхъ. Одѣяло затѣмъ торжественно вывѣсили, чтобы какой-нибудь „умникъ“ призналъ его своею собственностью.

Между тѣмъ, прокламаціи и послѣ этого продолжали выходить регулярнѣйшимъ образомъ. Еще задолго до перваго мая публика была увѣрена, что Комитетъ назначитъ на этотъ день демонстрацію. И дѣйствительно, въ рядѣ прокламацій, горячо и порой талантливо написанныхъ, Комитетъ, призывая рабочихъ и вообще гражданъ на открытую борьбу съ самодержавіемъ, призывалъ готовиться къ первомайской демонстраціи. По мѣрѣ приближенія рокового числа всевозможные слухи о грандіозной демонстраціи, о серьезныхъ приготовленіяхъ къ ней рабочихъ росли и росли, достигая самыхъ невѣроятныхъ размѣровъ. Въ городѣ говорили о закупкѣ рабочими оружія о готовящихся баррикадахъ, смоляныхъ факелахъ (чтобы пугать лошадей), о многолюдныхъ собраніяхъ, происходящихъ по ночамъ за городомъ — словомъ, разстроенному мозгу обывателя мерещились всевозможные ужасы. Правда во всемъ этомъ переплеталась съ ложью самыми причудливыми узорами, хотя все же, кажется, ложь преобладала. Интересно, какъ психологическое явленіе, то, что самые нелѣпые и безсмысленные слухи принимались въ это время на вѣру и передавались съ удивительной быстротой изъ устъ въ уста. Въ близлежащихъ селахъ и деревняхъ, гдѣ ростовскія событія усердно комментировались, слухи дѣлались еще болѣе чудовищными. Многіе, какъ намъ передавали, не хотѣли ѣхать въ Ростовъ, хотя ихъ дѣла этого требовали. Передавали случаи трогательнаго прощанія при отъѣздѣ. Съ другой стороны, нѣкоторые пріѣзжали „посмотрѣть“, что дѣлается въ Ростовѣ, поразспросить, скоро ли начнется революція. Разговоры на революціонныя темы еще болѣе усилились послѣ извѣстныхъ уже читателямъ „Искры“ апрѣльскихъ событій; бунты политическихъ и уголовныхъ въ тюрьмѣ и демонстраціи учащейся молодежи на могилѣ ученика средне-техническаго училища, покончившаго съ собой изъ-за какой-то школьной исторіи выстрѣломъ изъ револьвера. Особенно много говорилось о бунтѣ въ тюрьмѣ, откуда нѣсколько дней не получалось никакихъ извѣстій, такъ какъ она была окружена казаками.

Такова была та атмосфера, въ которой приходилось жить и дѣйствовать! Невозможно передать словами состоянія — бодраго ожиданія, вѣры и даже нѣкоторой восторженности съ одной стороны, и недоумѣнія, ужаса, страха и скрежета зубовнаго, съ другой, которое охватило всѣ слои населенія. Въ Ростовѣ буквально не могло оставаться человѣка, изъ устъ котораго по нѣсколько разъ въ день не вылетали бы такія словечки, какъ „прокламація“, „демонстрація“, „комитетъ“, вмѣсто обычныхъ: „купилъ“, „продалъ“, „курсъ“, „цѣна“ и пр.

Были еще, впрочемъ, слова, которыя не сходили съ устъ ростовцевъ втеченіи всей второй половины апрѣля. Это слова о Кишиневскихъ звѣрствахъ. Подробности „кишиневской кровавой бойни“ сдѣлались извѣстными у насъ, главнымъ образомъ, изъ частныхъ писемъ очевидцевъ и пострадавшихъ; надъ ними было пролито не мало горячихъ слезъ, вызванныхъ порой злобой къ притѣснителямъ. Письма эти читались, перечитывались и комментировались безконечно. Проклятія на голову царскаго правительства, министровъ и полиціи въ своихъ цѣляхъ содѣйствовавшихъ и подготовлявшихъ эти ужасы, сыпались, какъ изъ рога изобилія. Озлобленіе, подъемъ революціоннаго сознанія у интеллигентныхъ евреевъ приходилось наблюдать сильнѣйшее. Но, какъ и всюду, еврейская буржуазія растерялась самымъ безпомощнымъ образомъ. Душу потрясающія картины страха за жизнь и имущество, наблюдавшіяся всюду, происходили и у насъ. Телѣги, нагруженныя домашнимъ скрабомъ, двигались по еврейскимъ улицамъ. Болѣе состоятельные бросали свое имущество и, забравъ семьи, уѣзжали буквально куда глаза глядятъ. Еврейская буржуазія во главѣ съ сіонистами перебѣгала отъ организаціи съ просьбами и даже съ требованіями (!) отмѣнить демонстрацію къ училищное дѣло въ Македоніи, открылось нѣсколько новыхъ педагогическихъ школъ и средне-учебныхъ заведеній даже въ такихъ городахъ, гдѣ раньше нельзя было и думать открывать ихъ; улучшился училищный персоналъ, а главное, улучшились сельскія первоначальныя школы. При этомъ присутствіе болгарскихъ епископовъ въ центрахъ „вилаетовъ“ придало ей самоувѣренности, представляя для массы извѣстную защиту. Такимъ образомъ въ трехъ упомянутыхъ „вилаетахъ“ создалось, съ одной стороны, компактное болгарское населеніе, преобладающее своими національными стремленіями надъ другими этнографическими элементами, обособленное и объединенное подъ духовнымъ верховенствомъ екзархіи; съ другой стороны, внутри Македоніи образовалось молодое, болѣе интеллигентное поколѣніе, проникнутое національнымъ революціоннымъ духомъ, которое естественно не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ безобразнаго положенія вещей въ своей родинѣ. Началась внутренняя революціонная дѣятельность противъ турецкаго владычества, пользующаяся въ Болгаріи симпатіями какъ македонской эмиграціи, такъ и мѣстной буржуазіи, и поощряемое по особому разсчету даже дворомъ князя Фердинанда.

---

*) Помѣщаемъ эти запоздалыя замѣтки въ виду того, что до сихъ поръ о майскихъ дняхъ въ Ростовѣ было мало писано.

Министерство Стоилова (теперь покойнаго), шефа „народной партіи“, партіи крупной буржуазіи, крупныхъ гешефтовъ, пошло дальше въ политикѣ „національнаго идеала“. Оно повело эту политику сначала довольно ловко. Еще при Стамбуловѣ македонская эмиграція и буржуазія вообще пробовали создать въ княжествѣ легальную македонскую лигу съ цѣлью дѣйствовать всѣми легальными средствами — черезъ воздѣйствіе на общественное мнѣніе Европы, а также и на ея дипломатію — для введенія обѣщанныхъ статьею 23 Берлинскаго договора реформъ въ Македоніи. Но Стамбуловъ не терпѣлъ внѣ себя и своей котеріи никакихъ организацій и преслѣдовалъ попытки македонской эмиграціи организовать самостоятельную патріотическую лигу. Послѣ паденія Стамбулова обстоятельства измѣнились. При управленіи Стоилова эмиграція и буржуазія въ Болгаріи покрыли послѣднюю сѣтью патріотическихъ „македонскихъ“ обществъ, которыя объединились въ одну „македонскую лигу“ съ „Верховнымъ Македонскимъ Комитетомъ“ во главѣ. Съ тѣхъ поръ эта лига играла и играетъ отчасти и до сихъ поръ весьма видную политическую роль въ „Македонскомъ вопросѣ“, разумѣется, въ Болгаріи. Правительство Стоилова само помогло лигѣ пріобрѣсти значеніе, которое было нужно ему для его собственныхъ политическихъ цѣлей. Это правительство достигло власти съ программой „помирить“ Болгарію и князя Фердинанда съ „великой освободительницей“, т. е. съ русскимъ царемъ. Съ этой цѣлью оно вызвало „революціонное македонское движеніе“, выразившееся въ высылкѣ нѣсколькихъ вооруженныхъ отрядовъ инсургентовъ въ Македонію. Одновременно съ этимъ оно послало въ Петербургъ многочисленную депутацію, съ такимъ ярымъ „руссофиломъ“ во главѣ, какъ покойный митрополитъ Климентъ. Съ одной стороны, мольбы, колѣнопреклоненія, пресмыканія передъ стопами русскаго деспота; съ другой — инсургентское македонское движеніе, „умилостивили“, наконецъ, русскаго царя, и депутація добилась прощенія „грѣховъ болгарскаго народа“ и согласія признать „узурпатора“ Кобурга „законнымъ“ болгарскимъ княземъ. Однако, условіемъ полученія всѣхъ этихъ „милостей“ русскаго царя было поставлено немедленное прекращеніе инсургентскаго македонскаго движенія и переходъ сынка Фердинанда, принца Бориса, въ православную вѣру.

„Примиреніе“ съ „освободительницей“, признаніе русскимъ правительствомъ князя Фердинанда, вызванное и прекращенное болгарскимъ правительствомъ инсургентское движеніе въ Македоніи — все это напугало Турцію. Болгарское правительство воспользовалось этимъ психологическимъ моментомъ и черезъ князя Фердинанда вошло въ прямыя сношенія съ Портою. Стоиловъ, въ качествѣ министра-президента, объявилъ въ Палатѣ, что „ключъ болгарской внѣшней политики не въ Вѣнѣ, и не въ Петербургѣ, а въ Константинополѣ“. Этой своей политикой правительство Стоилова добилось важныхъ уступокъ отъ Порты, а именно: признанія права Болг. имѣть своихъ дипломатическихъ агентовъ подъ видомъ „торговыхъ агентовъ“ въ трехъ „вилаетахъ“. Это еще больше усилило тамъ болгарскій элементъ. Съ другой стороны, опытъ, сдѣланный македонской патріотической лигой въ 1895 году — набѣгами изъ Болгаріи вызвать въ Македоніи внутреннее возстаніе, убѣдилъ болѣе искреннихъ македонскихъ революціонеровъ, что это невозможное дѣло и что только внутренней революціонной пропагандой и организаціей можно сдѣлать что-нибудь въ Македоніи. Съ тѣхъ поръ начинается эта внутренняя революціонная работа, результатомъ которой является теперь внутренняя инсуррекція. Но съ возникновеніемъ въ самой Македоніи революціонной организаціи „Македонская патріотическая лига“ въ Болгаріи все больше дѣлалась орудіемъ въ рукахъ правящихъ партій и князя Фердинанда для достиженія ихъ личныхъ временныхъ политическихъ видовъ, а потому она все больше принимала форму *мафіи*. Въ сущую *мафію* она выродилась послѣ паденія кабинета Стоилова и при управленіи „либеральной партіи“ Радославова.

Послѣ паденія режима „либеральной партіи“ наступилъ режимъ ультра-руссофиловъ, режимъ такъ-называемыхъ теперь „прогрессивныхъ либераловъ“. Тутъ „Македонская патріотическая лига“ распалась на двѣ враждебныя лиги, одна — „генеральская“, назвавшая себя „революціонной“; другая — „легальная“. Во главѣ первой стояли отставные генералы, полковники и подполковники. Она пользовалась симпатіями преимущественно военнаго генералитета и вообще офицерства, а также и княжескаго дворца. „Революціонная“ цѣль этой лиги — нападать на Турцію въ Македоніи и Адріанопольскомъ „вилаетѣ“ вооруженными въ Болгаріи отрядами, ввозить въ Македонію и Адріанопольскій „вилаетъ“ военные припасы и такимъ образомъ вызвать тамъ возстаніе, заставить Турцію ввести обѣщанныя статьею 23 Берлинскаго договора реформы. Болѣе интимная цѣль этой лиги, впрочемъ, была — черезъ „македонское движеніе“ доставить князю Фердинанду *королевскую корону*. Въ 1902 году, осенью, какъ разъ въ разгаръ „Шипкинскихъ празднествъ“ по случаю 25-лѣтія сраженія при Шипкинскомъ проходѣ на Балканахъ, „генеральская македонская лига“ сдѣлала попытку реализаціи своихъ плановъ, однако, безуспѣшно. Главной причиной ея неудачи была внутренняя македонская революціонная организація, по совѣтамъ которой македонское болгарское населеніе не только не оказало содѣйствія появившимся генеральскимъ вооруженнымъ отрядамъ, но и гнало ихъ отъ себя.

Вторая „Македонская патріотическая лига“ въ Болгаріи, состоявшая преимущественно изъ штатскихъ патріотовъ, ставила себѣ цѣлью помогать внутренней революціонной организаціи матеріально и морально. Впрочемъ, она не могла проявить никакой дѣятельности. Она, во-первыхъ, должна была бороться съ „генеральской лигой“, которая была и болѣе рѣшительной и менѣе разборчивой въ средствахъ. Во-вторыхъ, должна была бороться какъ съ препятствіями, которое ставило ей правительство, такъ и съ вліяніемъ его агентовъ внутри самой организаціи. Наконецъ, внутренняя македонская революціонная организація, сильная средствами и симпатіями македонскаго населенія, не придавала значенія обѣимъ лигамъ.

Впрочемъ, въ настоящее время не существуетъ въ Болгаріи ни одной изъ нихъ. Нынѣшнее болгарское ультра-руссофильское правительство, по приказанію русскаго правительства, уничтожило обѣ эти патріотическія лиги. Оно арестовало ихъ комитеты, административнымъ порядкомъ выслало ихъ членовъ въ разныя стороны Болгаріи, обыскало и опечатало ихъ канцеляріи и имущества. Этимъ оно, конечно, грубо нарушило конституцію и основные законы княжества. Но, что-жъ изъ этого? Русское правительство такъ приказало, а для ультра-руссофильскаго большинства палаты все, что русское правительство прикажетъ — законъ. Въ настоящее время княжество Болгарія, подъ управленіемъ ультра-руссофиловъ, самый вѣрный сторожъ интересовъ русскаго правительства, а потому въ согласіи съ послѣднимъ и по его приказанію Болгарія нынѣ стоитъ на стражѣ интересовъ Турціи. Болгарское правительство оцѣпило войскомъ, специальной и пограничной жандармеріей, македонскую границу, съ цѣлью не пропускать инсургентовъ изъ Болгаріи. Дѣйствительно, оно съ ревностью, достойной лучшаго дѣла, арестуетъ всякаго, кто желаетъ идти на помощь борцамъ въ Македоніи. При всемъ томъ, оно, конечно, не въ состояніи всѣхъ арестовать. Инсургенты, гдѣ силою, а гдѣ тайно переходятъ въ Македонію. Ожидается поголовное повстаніе въ трехъ „вилаетахъ“ Македоніи.

Каковы же вообще отношенія русскаго правительства къ Македонскому вопросу и, въ связи съ нимъ, къ княжеству Болгаріи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ слѣдующая статья. Тутъ же прибавлю, что отношенія русскаго правительства къ македонскому вопросу и къ Болгаріи самыя коварныя. Нѣтъ сомнѣнія, что виновата и сама болгарская буржуазія, въ особенности въ настоящее время. Нынѣ Болгарія походитъ на русскую провинцію. Правительство вполнѣ готово къ услугамъ русскаго правительства; князь пресмыкается передъ русскимъ царемъ; большинство правительства готово въ угоду ему ко всѣмъ реакціоннымъ мѣропріятіямъ въ „русскомъ духѣ“. Болгарія полна русскими шпіонами, которые распоряжаются въ полиціи, какъ у себя дома, шпіонятъ за всѣмъ и за всѣми, и перехватываютъ письма, особенно изъ Россіи. Плоды коварной политики русскаго правительства по отношенію къ Македонскому вопросу и Болгаріи мы увидимъ въ ближайшемъ будущемъ. Они, навѣрное, будутъ не очень сладки для русскаго царскаго правительства. Но что они совсѣмъ не сладки для Болгаріи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Д. Б.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Борьба съ крамолой.

Приказаніе по Казанскому военному округу.

№ 102. Казань. Августа 5 дня 1902 года.

„Командующій войсками округа приказалъ обратить Начальникамъ частей серьезное вниманіе на выборъ людей въ учебныя команды, дѣлая самый внимательный подборъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ туда легче всего, какъ болѣе развитые и грамотные, попадаютъ фабричный и городской элементы, въ большинствѣ случаевъ испорченные въ корень еще до поступленія на службу“.

Подписалъ Нач. Штаба генералъ-лейтенантъ Зандеръ.

(По окружному штабу).

Еще разъ унтеръ-офицерша высѣкла самое себя... Рабочіе испорчены въ корень, потому что они болѣе развиты и грамотны! Волей-неволей приходится обратить серьезное вниманіе на то, чтобы въ учебныя команды попадала лишь неграмотная и неразвитая деревенщина. Правительство въ лицѣ г. Косича („либералъ!“) оффиціально, хотя и по секрету, признается, что народное образованіе — его врагъ. Но политическое самосознаніе охватываетъ уже и деревню, и этотъ циркуляръ еще разъ указываетъ намъ, соціальдемократамъ, на необходимость усилить и систематизировать пропаганду и агитацію среди войска и среди крестьянъ. Что наши труды и здѣсь не будутъ политически непроизводительны, ручается признаніе г. командующаго войсками, что ему уже теперь приходится обращать серьезное вниманіе на пропагандистовъ-агитаторовъ въ войскахъ.

Екатеринбургъ. Новый способъ борьбы съ крамолой. За послѣдніе два-три мѣсяца Екатеринбургъ совершенно измѣнилъ свою физіономію въ полицейско-шпіонскомъ отношеніи. На углахъ торчатъ городовые, отъ улицы до улицы шагаютъ взадъ и впередъ шпіоны, появились подозрительные студенты, гимназисты, бабки и т. под. Ночью разъѣзжаютъ патрули и усиленно бьютъ въ желѣзныя доски ночные сторожа, извѣщая небеса и землю о своемъ бодрствованіи и о готовности бороться съ крамолой. Филеры многочисленны и многообразны, больше десятка разъѣзжаетъ на велосипедахъ. Филеры на велосипедахъ, это, кажется, новость. Во всякомъ случаѣ, новостью въ техникѣ полицейско-сыскного искусства является проведеніе круговаго телефона. Жандармское управленіе, тюрьма, судъ, полицейскіе участки, казармы, вокзалъ и т. д. соединены телефонными проводами послѣдовательно и каждое учрежденіе съ каждымъ другимъ попарно. Такимъ образомъ, прервать между ними сообщеніе затруднительно. Чтобы перерѣзываніе телефонной проволоки сдѣлать невозможнымъ, въ іюлѣ-августѣ воздушные проводы будутъ замѣнены подземнымъ кабелемъ. Этотъ жандармскій телефонъ не включенъ въ общую телефонную сѣть. Конечно, временно эта сѣть усилитъ шансы сыска въ борьбѣ съ нами. Но, думается, чѣмъ технически совершеннѣе механизмъ политически и общественно несостоятельнаго государства и чѣмъ труднѣе работа по подготовкѣ и организаціи возстанія, тѣмъ сильнѣе, быстрѣе и побѣдоноснѣе будетъ это возстаніе, захватившы этотъ механизмъ въ свои руки... Теперь же и намъ необходимо совершенствовать свою технику.

Сообщаемъ фамиліи мѣстныхъ предателей и провокаторовъ (достовѣрно). Провокаторы: Лапинъ, рабочій (уѣхалъ въ Казань). Вяткинъ, рабочій съ Монетнаго двора (уѣхалъ въ Пермь). Предатели: Рубцовъ, рабочій съ фабрики Макарова. Шараповъ, рабочій съ Монетнаго двора. Каргополовъ, верхъ-исетскій столяръ. Извѣстны фамиліи шпіоновъ: Басковъ Петръ, Басковъ Михаилъ и [illegible] Николай (однофамильцы). Одинъ изъ нихъ уѣхалъ въ Казань.

Судъ присяжныхъ и административная расправа. 25 лѣтъ тому назадъ передъ судомъ присяжныхъ предстала Вѣра Засуличъ, ранившая петербургскаго градоначальника генерала Трепова, который незадолго передъ тѣмъ велѣлъ высѣчь политическаго узника Боголюбова. Присяжные оправдали Засуличъ. Вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ они считали, что своимъ выстрѣломъ она обороняла личность русскаго гражданина отъ необузданнаго произвола царскаго правительства и его свирѣпыхъ опричниковъ. Рѣшеніе присяжныхъ вызвало приступъ бѣшен-

---

областной администраціи съ поклонами, депутаціями, аудіенціями, умоляя послать побольше войскъ для защиты (!) жизни и имущества еврейскаго населенія. Впрочемъ, среди евреевъ-сіонистовъ — нужно отдать справедливость — нашлись и такіе, которые не очень-то вѣрили администраціи и войскамъ, явно настроеннымъ „въ случаѣ чего“ скорѣе устроить погромъ, чѣмъ допустить политическую демонстрацію. Закупивъ въ Ростовѣ и въ сосѣднихъ городахъ оружіе (преимущественно револьверы), они успѣли къ первому мая вооружить (какъ передавалъ намъ одинъ изъ организаторовъ вооруженія) до *трехсотъ* человѣкъ еврейской молодежи.

Хотя евреевъ у насъ сравнительно немного (при общей цыфрѣ населенія въ 130.000 человѣкъ, на евреевъ падаетъ около 15.000), но кишиневскія событія здѣсь, какъ и всюду почти, оказали на исходъ демонстраціи значительное вліяніе. Полиція всѣми имѣющимися у нея средствами стремилась распространить въ населеніи увѣренность въ готовящемся будто бы еврейскомъ погромѣ. Изъ самыхъ различныхъ источниковъ передавали, что по трактирамъ, среди береговыхъ рабочихъ и такъ называемыхъ „босяковъ“, которыхъ кстати сказать здѣсь великое множество, ходили какіе-то субъекты, убѣждавшіе ихъ, „въ случаѣ чего“.... *бить жидовъ*... Пишущаго эти строки нѣсколько лицъ увѣряли, что видѣли и сами читали прокламацію (за подписью и печатью комитета), призывающую рабочихъ *бить жидовъ*. Нѣтъ основаній этому не вѣрить. Еще слишкомъ на памяти у всѣхъ исторія, говорящая, что такіе случаи, какъ подложныя прокламаціи — на Руси вполнѣ возможны.

При всѣхъ этихъ событіяхъ Комитетъ оставался все время на высотѣ своего положенія (хотя въ составѣ его произошла почти полная перемѣна). Онъ развивалъ изумительную дѣятельность. Кромѣ рабочихъ собраній, происходившихъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на которыхъ присутствовало отъ 100 до 300 чел., онъ наводнилъ городъ своими прокламаціями, читавшимися на-расхватъ во всѣхъ слояхъ населенія, во всѣхъ уголкахъ Ростова и его окрестностей. Въ общемъ, за мартъ и апрѣль устроено было около 15 собраній, и присутствовало на нихъ около 1.500 чел. Прокламацій же за это время вышло до 60 тысячъ. Наибольшій успѣхъ имѣли прокламаціи „О соціализмѣ“ и „По поводу кишиневскихъ событій“. Въ послѣдней, написанной сильно и талантливо, рабочіе призывались, — въ случаѣ, если полиція не откажется отъ намѣренія опозорить праздникъ перваго мая, устроивъ погромъ, — взять открыто и смѣло евреевъ подъ свою защиту. Послѣ этой и другихъ прокламацій, въ которыхъ неоднократно проводилась эта же мысль, убѣжденіе въ томъ, что состоится погромъ, начало падать. Но въ обществѣ, особенно еврейскомъ, споры на тему о Комитетѣ и погромѣ все же продолжали господствовать. Всѣхъ, конечно, занималъ вопросъ: за кѣмъ пойдетъ рабочая масса въ рѣшительный моментъ, — за полиціей и ея громилами или за организованными комитетскими рабочими? Найдется-ли среди сознательныхъ и организованныхъ рабочихъ столько нравственной силы, чтобы увлечь „босяковъ“ и всѣхъ несознательныхъ за собою? Не удастся-ли дѣйствительно полиціи осуществить свой мерзкій планъ и превратить демонстрацію въ еврейскій погромъ? А въ томъ, что полиція сдѣлаетъ все возможное въ этомъ направленіи, никто ни на минуту не могъ сомнѣваться. Словомъ, въ воображеніи обывателей день перваго мая рисовался кровавымъ днемъ.

Въ это трудное время, когда — смѣло можно сказать — въ воздухѣ пахло кровью и порохомъ, взоры всѣхъ были устремлены на Комитетъ. Онъ пользовался въ населеніи огромнымъ довѣріемъ, о которомъ трудно себѣ составить представленіе. Вѣра въ Комитетъ, и вмѣстѣ съ нимъ и въ силу организаціи, укрѣпилась въ населеніи еще съ ноябрскихъ событій и въ теченіи послѣдующихъ мѣсяцевъ прогрессивно росла. Несомнѣнно, какъ намъ кажется, это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что Комитетъ, съ одной стороны, всегда исполнялъ все, что говорилъ и не обѣщалъ неисполнимаго; съ другой — имѣло значеніе и то, что Комитетъ у насъ все время былъ *единственной* революціонной организаціей пролетаріата. Это послѣднее особенно важно. Но кромѣ того, не менѣе важно и то, что Комитетъ, какъ видно изъ его дѣйствій, постоянно считался съ общественнымъ настроеніемъ и съ мнѣніемъ рабочихъ и интеллигенціи. Довѣріе населенія къ Комитету проявилось какъ разъ въ тотъ моментъ, когда всѣ темныя силы полицейскаго произвола всплыли наружу во всемъ безобразіи своей наготы. Когда-то всемогущая вѣра въ необходимость полиціи, въ ея неуязвимость исчезаетъ у жителей безслѣдно. Передъ лицомъ населенія стоитъ ясный фактъ напряженной, но безславной борьбы съ растущимъ революціоннымъ движеніемъ, каррикатурная погоня за типографіей и Комитетомъ. И нужно правду сказать, этотъ фактъ какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ росту въ населеніи сознанія непоборимости современнаго революціоннаго движенія, росту вѣры въ близкую гибель самодержавныхъ порядковъ.

При такихъ условіяхъ приближался день перваго мая. Атмосфера была настолько напряженной, что казалось достаточно малѣйшей искры, чтобы послѣдовалъ сильнѣйшій взрывъ. Вся надежда мѣстной администраціи покоилась на вооруженной силѣ, на войскѣ. Нужно ли говорить о тѣхъ чудовищныхъ военныхъ приготовленіяхъ, которыя здѣсь дѣлались, и которыя возбуждали не меньшіе толки, чѣмъ дѣятельность комитета? Приготовленія эти довольно ясно говорили, что самодержавное правительство стягиваетъ сюда свои силы, чтобы дать рабочимъ и вообще гражданамъ г. Ростова генеральное сраженіе. Городъ былъ буквально затопленъ войсками всѣхъ оружій. Чуть ли не ежедневно сотня за сотней въ городъ присылались казаки. На улицахъ замелькали офицерскіе формы въ такомъ изобиліи, какъ никогда раньше. Въ мѣстную прессу проникло извѣстіе, что въ городъ переводится на постоянную стоянку одинъ изъ батальоновъ Ѳеодосійскаго полка*). Въ дѣйствительности, въ Ростовѣ расположился цѣлый полкъ съ пушками, знаменами и пр. и пр. Ко всему этому, на мѣсто жандармскаго подполковника Артемьева назначенъ былъ болѣе расторопный жандармъ Карповъ, уже проявившій себя у насъ способнымъ ученикомъ Зубатова (дѣло гимназистки VII класса К. и реалиста V класса Ш.); на мѣсто ген. Мандрыкина ген.-майоръ Абрамовъ въ качествѣ начальника гарнизона и окружнаго начальника. Абрамовъ, какъ всѣ утверждали, былъ снабженъ самыми широкими полномочіями по усмиренію уличныхъ безпорядковъ въ Ростовѣ. Это типъ русскаго „боевого“ генерала. Подчиненные говорили о немъ, какъ о дѣятельномъ, строгомъ и взыскательномъ начальникѣ, котораго боялись пуще огня. Когда онъ шелъ по улицамъ Ростова или бывалъ въ общественныхъ собраніяхъ (клубѣ, напр.) за нимъ постоянно слѣдовало нѣсколько офицеровъ. Дѣятельность его выразилась въ извѣстныхъ уже рѣчахъ на берегу къ береговымъ рабочимъ и босякамъ, а также на Темерникѣ къ рабочимъ владикавказскихъ мастерскихъ. Изъ рѣчей въ городѣ вынесли впечатлѣніе, что онъ не остановится передъ самыми крайними мѣрами.

Все это, однако, не помѣшало за три дня до перваго мая, 26 апрѣля ночью, собраться за Темерникомъ сходкѣ въ 200-300 человѣкъ, на которой ораторы призывали рабочихъ къ демонстраціи. Послѣ рѣчей, настроеніе оказалось настолько приподнятымъ, что рабочіе съ знаменемъ и пѣніемъ Варшавянки двинулись по Верхней улицѣ Темерника. Мѣстное начальство, едва долетѣло по телефону до него извѣстіе о демонстраціи, страшно переполошилось, и тотчасъ же вызваны были войска. Быстрота ихъ появленія говоритъ, что они, по всей вѣроятности, держались на готовѣ. Впрочемъ, демонстранты еще до прихода ихъ мирно разошлись; солдаты же, дошедши съ барабаннымъ боемъ до Таганр. просп., повернули назадъ въ казармы; на другой день многіе жители утверждали, что ночью военное начальство устроило репетицію своихъ дѣйствій перваго мая.

Наступилъ наконецъ долго жданный день. Наканунѣ, 30 апрѣля, прокламаціи, отмѣняющей демонстрацію, — какъ надѣялись многіе изъ либерально-радикальнаго лагеря, — не появилось; жители съ трепетомъ ожидали, что то будетъ, что „день грядущій намъ готовитъ“.

И, дѣйствительно, кое-что онъ намъ далъ; ниже я буду говорить лишь то, что мнѣ самому въ этотъ день пришлось видѣть.

Въ четвергъ, перваго мая, около одиннадцати часовъ утра (время назначенное для демонстраціи) направился я черезъ весь городъ, по главной улицѣ (Садовой) въ вагонѣ электрическаго трамвая на Темерникъ (рабочее предмѣстье). На улицахъ стояла мертвая, зловѣщая тишина, какой никогда вообще наблюдать мнѣ не приходилось; замѣчались запертые магазины. Нужно замѣтить, чтобы понять значеніе этой тишины, что будничная жизнь города Ростова-на-Дону — это кипучая дѣятельность крупнаго торгово-промышленнаго центра: въ воздухѣ цѣлый день здѣсь виситъ шумъ и грохотъ оживленнаго движенія по мостовымъ, тысячи всевозможныхъ звуковъ, говоръ многочисленныхъ прохожихъ на русскомъ, армянскомъ, еврейскомъ, греческомъ и др. языкахъ. Теперь улица напоминала военный лагерь. Всюду виднѣлись солдаты и верховые казаки. На нѣкоторыхъ углахъ солдаты стояли по одному какъ бы на посту, съ ружьями въ рукахъ. У входа въ гостинницу Grand Hôtel стояли двѣ раскрашенныя будки, „у каждой изъ нихъ по солдату „на часахъ“. Рядомъ черезъ витрину въ передней гостинницы виднѣлось тоже множество казаковъ съ ружьями и обнаженными шашками. Около писчебумажной фабрики Панченко близъ Темерницкаго поселенія и при проѣздѣ (мостиковъ) черезъ рѣченку ства у министровъ и неописуемый восторгъ среди общества. Жандармы хотѣли схватить освобожденную Засуличъ на улицѣ, и только вмѣшательство толпы (одинъ юноша тутъ же убитъ жандармами) спасло ее отъ вторичнаго ареста и административной расправы. Рѣшеніе присяжныхъ было очень памятно русскому правительству. Послѣ этого Россія видѣла нѣсколько десятковъ политическихъ процессовъ, и ни одинъ изъ нихъ (не говоря уже о безчисленныхъ административныхъ расправахъ) не разсматривался въ судѣ присяжныхъ. Правительство слишкомъ хорошо поняло, что оно можетъ разсчитывать лишь на своихъ наемныхъ чиновниковъ, и потому не рисковало уже предлагать споръ со своими врагами на разсмотрѣніе независимыхъ судей. Только на дняхъ въ гор. Хвалынскѣ присяжные имѣли случай вторично доказать, что они нисколько не похожи на членовъ судебныхъ палатъ, мнимыхъ „сословныхъ представителей“ и сенаторовъ — людей 20 числа, живущихъ подачками деспотическаго правительства, ссылающаго на вѣчное поселеніе въ Сибирь всякаго, кто посмѣетъ выразить свое отвращеніе къ „палачамъ свободы“. Какъ же случилось, что правительство дало общественному мнѣнію торжествовать надъ собой новую побѣду? У правительства былъ очень коварный планъ. Съ одной стороны, оно знало чрезвычайную, быть можетъ, даже чрезмѣрную, суровость суда присяжныхъ по отношенію ко всѣмъ обвиняемымъ въ поджогахъ. Съ другой стороны, ему очень хотѣлось подорвать въ населеніи довѣріе къ республикански-соціалистическому движенію, а лучшее средство для этого — устами присяжныхъ, устами независимыхъ судей, провозгласить, что всѣ соціалисты — враги не только его, правительства, но и враги самого населенія — „поджигатели“. И вотъ подлый планъ: выдать нѣсколькихъ крестьянъ, подозрѣваемыхъ въ чтеніи свободныхъ книжекъ, за поджигателей, вырвать у присяжныхъ обвинительный приговоръ, отправить на каторгу своихъ враговъ, а самимъ устраниться и сказать: „Это не мы ихъ покарали, это рѣшеніе суда присяжныхъ“. Короче: правительство хотѣло фальсифицировать общественное мнѣніе, загрести жаръ чужими, чистыми, руками. Выяснимъ, однако, обстоятельства дѣла въ его главныхъ чертахъ. Крестьяне Спасско-Александровской волости Петровскаго уѣзда были освобождены съ дарственнымъ надѣломъ; на душу теперь приходится 1/3 десятины. Благодаря этому, они находятся въ полной кабалѣ у своего бывшаго владѣльца Н. С. Ермолаева, который то и дѣло возвышаетъ, да возвышаетъ арендную плату. За всякое ослушаніе его „барской“ волѣ слѣдуетъ угроза: „повышу аренду“. Покойная сестра Н. С. — Надежда Сергѣевна обѣщала подарить крестьянамъ послѣ смерти всѣ свои 800 десятинъ: не велика эта земля: и по десятинѣ не пришлось бы на душу, а все же дорого было и это немногое. Вышло иначе. Надежда Сергѣевна завѣщала все имѣніе Николаю Сергѣевичу и лишь въ частномъ письмѣ, не имѣющемъ никакой юридической силы, просила его *безплатно отдать* 400 десятинъ крестьянамъ дер. Бекетовки. Ник. Серг., пользуясь безправіемъ крестьянъ, *продалъ* двумъ обществамъ — Бекетовскому и Спасско Александровскому эти 400 десятинъ по весьма выгодной цѣнѣ черезъ посредство крестьянскаго банка, и крестьяне до сихъ поръ не видятъ конца платежамъ въ банкъ. Если ко всему этому прибавить, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Н. С. Ермолаевъ былъ въ своей волости земскимъ начальникомъ, то получится достаточно яркая картина его „отеческаго попеченія“ надъ крестьянами. Весной 1902 г. небольшой сравнительно случай переполнилъ чашу крестьянскаго долготерпѣнія. Сельскій сборщикъ Поздняковъ (впослѣдствіи главный свидѣтель со стороны обвиненія) растратилъ мірскія деньги. Къ счастью своему Поздняковъ игралъ въ средѣ крестьянъ роль „барскаго“ шпіона, постоянно доносилъ г. Ермолаеву о всемъ, что слышалъ на селѣ, и потому пользовался его особымъ расположеніемъ. Ермолаевъ потребовалъ, чтобы крестьяне простили Позднякову растрату; когда же сходъ рѣшилъ осуществить свое законнѣйшее право судомъ, „баринъ“ написалъ сходу оффиціальное извѣщеніе, что подниметъ аренду. Трудно описать негодованіе крестьянъ. Вся злоба и ненависть, которыя скоплялись десятилѣтіями, все возмущеніе противъ него, какъ земскаго начальника, все это поднялось сразу и сдѣлало изъ него заклятаго врага, который не даетъ и не заслуживаетъ пощады. „Выжечь“, „не давать ему покоя“, „выгнать его изъ усадьбы“ — вотъ о чемъ говорило, о чемъ мечтало все село. Начались поджоги. 22 поджога. Они продолжались сплошь все лѣто и кончились только съ наступленіемъ зимы въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Не всѣ, однако, поджигали. Нашлись разумные люди, которые понимали, что бѣда не въ самомъ Ермолаевѣ, что на мѣсто его явится другой кровопійца, пожалуй еще позлѣе и похитрѣе, что зло въ томъ порядкѣ частной собственности, который позволяетъ одному человѣку захватить въ свои руки земли и орудія труда и такимъ образомъ держать въ кабалѣ, выжимать всѣ соки изъ трудящагося народа; что зло въ томъ правительствѣ, которое поддерживаетъ этотъ несправедливый порядокъ и давитъ, ссылаетъ всякаго, кто поднимаетъ противъ него негодующій голосъ. Стали устраиваться собранія; на нихъ читались свободныя книжки. Многіе участники чтеній высказывались противъ поджоговъ. Они боялись, что поджоги вызовутъ доносы властямъ о книжкахъ, а власти перехватаютъ всѣхъ читающихъ и такимъ образомъ помѣшаютъ распространенію соціалистически республиканскихъ воззрѣній. Такъ и вышло. Власти оставались весьма равнодушны ко всѣмъ мольбамъ Ермолаева, пока онъ кричалъ только о поджогахъ, когда же осенью въ сентябрѣ онъ донесъ о распространеніи „незаконной“ литературы, тотчасъ же пріѣхали слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, товарищъ прокурора, цѣлая свора полицейскихъ — и началась погоня. Такъ какъ уже нельзя было разыскать поджигателей, — всѣ слѣды ихъ были упущены, — и такъ какъ, кромѣ того, очень хотѣлось прислужиться передъ начальствомъ, пожесточе расправиться со сторонниками республиканскаго образа правленія, то впередъ рѣшено было, что всякій поджигатель читаетъ запрещенныя книжки и что всякій читающій запрещенныя книжки — поджигатель. Живо забрали въ тюрьму девять человѣкъ, подозрѣваемыхъ въ чтеніи книжекъ. Чтобы сдѣлать имъ тюремное заключеніе какъ можно тяжелѣе, посадили ихъ не въ Петровскую тюрьму, а однихъ отправили въ Вольскъ, другихъ въ Кузнецкъ. Поджоги продолжались, но и это нимало не смущало предержащія власти. Вѣдь они искали не поджигателей. Что имъ, въ самомъ дѣлѣ, Ермолаевъ съ его шленскими овцами и омегами, погорѣвшими отъ поджоговъ? Имъ было важно захватить противника правительства и внушить мысль, что поджоги — отъ противоправительственныхъ книжекъ, имъ нужно было, чтобы этихъ мнимыхъ поджигателей отправили на каторгу не жалкіе чиновники, а независимые присяжные, настоящіе судьи. Они прекрасно знали, что только судъ присяжныхъ пользуется уваженіемъ, и что приговоры судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей всѣ разумные люди приравниваютъ почти къ распоряженіямъ жандармовъ. Чтобы вѣрнѣе вырвать осужденіе у присяжныхъ, министръ юстиціи приказалъ закрыть двери суда (вѣдь неудобно при публикѣ запугивать присяжныхъ!), а политическій сыщикъ **Силинъ**, нарочно для этого дѣла пріѣзжавшій въ Саратовъ изъ Петербурга, предложилъ Окружному Суду перенести дѣло изъ Петровска въ Хвалынскъ. Тамъ народъ какъ будто посѣрѣе, больше боится прокурора, да и составъ присяжныхъ очень надежный (никакъ въ соціализмѣ не заподозришь): ни одного крестьянина, только купцы да мѣщане-землевладѣльцы. Подлецы были совершенно увѣрены въ успѣхѣ своей подтасовки и, казалось, присяжные должны были остаться въ дуракахъ! Но гнусный разсчетъ не удался. Присяжные знали, что поджоги для землевладѣльцевъ — большое зло, но еще большее, несравненно болѣе огромное зло это — безсудье, административный и судебный произволъ надъ гражданами: возможность для полиціи и прокуратуры отправить на каторгу всякаго, кто не будетъ поить водкой урядника или на костяхъ кого прокуроръ пожелаетъ создать себѣ служебную карьеру. И вотъ — *оправданіе всѣхъ обвиняемыхъ по всѣмъ обвиненіямъ!* Оправданіе грозное и многозначительное. Этимъ оправданіемъ присяжные засѣдатели сказали: мы не пѣшки въ рукахъ чиновниковъ, мы умѣемъ постоять за интересы нашей родины и нашихъ согражданъ противъ „жадной толпы, стоящей у трона“. Но наша толпа чиновниковъ не чувствуетъ опасности: она слишкомъ привыкла къ общему подчиненію и потому не считается съ мнѣніемъ общества и его представителей — присяжныхъ. „А, вы не поступили, какъ мы требовали! Ладно! мы и безъ васъ сумѣемъ расправиться со своими врагами“. И вотъ тотчасъ же послѣ приговора присяжныхъ, когда оправданный долженъ немедленно быть выпущенъ на свободу, восемь человѣкъ, въ томъ числѣ Гаврилинъ, отъ обвиненія котораго отказался даже прокуроръ, снова заключаются подъ стражу. Не получаетъ свободы — послѣ восьмимѣсячнаго заключенія — и 18-тилѣтній Абрамовъ, схватившій въ тюрьмѣ чахотку и послѣдніе мѣсяцы лежавшій въ зловонномъ тюремномъ лазаретѣ. Онъ жадно ждалъ суда, ждалъ свободы. Теперь — оправданный присяжными — онъ жандармами обрекается смерти. Только одинъ Семинъ (мальчикъ, котораго почему-то „оправлялъ“ урядникъ, но обвинялъ прокуроръ) получаетъ свободу! Какъ прекрасенъ былъ приговоръ присяжныхъ и какъ нагло распоряженіе жандармовъ объ отмѣнѣ этого приговора… „въ административномъ порядкѣ“!!! Но теперь не тѣ времена, что были 25 лѣтъ тому назадъ: всѣ чувствуютъ близость историческаго момента, когда русскій народъ свергнетъ ненавистное иго.

---

*) Кстати отъ городского правленія Ростова и Нахичевани потребовалъ полиціймейстеръ нѣсколько тысячъ рублей на наемъ зданій для казармъ, на провіантъ для людей, лошадей и для другихъ расходовъ. Всѣ трбованія проходили, не смотря на незаконность ихъ, безъ серьезной оппозиціи въ мѣстномъ (съ позволенія сказать) „самоупрвленіи“. Это еще разъ подтверждаетъ, какъ мало нужно быть знакомымъ съ русской дѣйствительностью, чтобы надѣяться, что при нынѣшнихъ формахъ „самоуправленія“ оно можетъ выступить активно противъ современныхъ „порядковъ“.

Темерникъ, все было буквально усыпано военными. Во дворѣ фабрики, какъ видно было черезъ открытыя ворота, расположился цѣлый отрядъ не то солдатъ, не то казаковъ — не замѣтилъ. При проѣздѣ черезъ городъ на улицахъ встрѣчалъ я кое-гдѣ рабочихъ и интеллигентовъ, но и тѣхъ и другихъ было очень мало. Еще меньше попадалось любопытныхъ, публики.

Чрезъ полчаса, когда я возвращался тою же мѣстностью, не измѣнившей за это время своего характера, на встрѣчу мнѣ попался отрядъ солдатъ человѣкъ въ 400-500. Они спѣшно шли въ полномъ вооруженіи съ пѣніемъ и съ знаменемъ по направленію къ Темернику… Такое положеніе оставалось безъ измѣненія до 8 часовъ вечера: всѣмъ какъ-то не вѣрилось, чтобы день, на который было возложено столько ожиданій, прошелъ спокойно…

Однако демонстрація въ концѣ концовъ все-таки состоялась, этому помогъ случай.

Возвращаясь по Казанскому переулку съ еврейскаго квартала часовъ въ 8-9 вечера, я издали увидѣлъ съ крикомъ бѣгущую толпу: „Бунтъ! Демонстрація! Солдаты стрѣляютъ!“ раздавалось изъ толпы. Когда я вышелъ на Садовую улицу, вся она была уже запружена народомъ, стремившимся въ одномъ направленіи, въ центръ города, къ саду. Противъ сада, въ большомъ аптекарскомъ магазинѣ Нольтенсмеера, какъ я уже послѣ узналъ, въ это время послѣдовалъ взрывъ и начался пожаръ. И полиція, и публика, среди которой было много рабочихъ, приняли это, конечно, за знакъ къ началу демонстраціи. Послышались отдѣльные возгласы изъ толпы, *никѣмъ, конечно, не руководимой*: „Долой самодержавіе“! „Да здравствуетъ политическая свобода“! У ростовскаго рабочаго эти слова слишкомъ часто на умѣ и на языкѣ, чтобы они не вырвались у него въ такой подходящій моментъ.

Пожаръ въ аптекарскомъ магазинѣ скоро былъ потушенъ, но толпа, ежеминутно увеличиваясь, запрудила улицу на огромномъ разстояніи. Сплошной массой двигалась она по троттуарамъ, по обѣ стороны улицы. Середина ея была занята казаками, ѣхавшими гуськомъ по парѣ и по одному длиннѣйшей вереницей. Вооружены они были, кромѣ всего прочаго, нагайками. Трамвай былъ остановленъ. Изъ толпы, ярко освѣщенной электричествомъ, отпускались крѣпкія словца и шуточки по адресу полиціи, казаковъ и шмыгавшихъ въ формѣ и безъ формы жандармовъ и шпіоновъ. Генералъ-майоръ Абрамовъ былъ уже здѣсь и громовымъ голосомъ отдавалъ приказаніе толпѣ разойтись. Онъ обратился къ толпѣ приблизительно съ такими словами: „Ну чего вы здѣсь ходите! Если вы не разойдетесь по домамъ, я заставлю васъ иными средствами — вы сами знаете какими! — разойдитесь!“ Толпа безмолвно продолжала двигаться, несмотря на повторяющіяся требованія. Многіе видѣли, какъ Абрамовъ подозвалъ какого-то господина въ чиновничьей формѣ, со словами: „Вы чего здѣсь ходите, милостивый государь! Что Вамъ здѣсь нужно?“ Тотъ отвѣчалъ, что онъ гуляетъ, что его интересуетъ происходящее… Всякихъ „эпизодовъ“, „картинъ“, „инцидентовъ“ такого рода можно было бы привести множество.

Въ общемъ, Комитетъ призналъ демонстрацію совершенно неудавшейся, о чемъ и заявилъ въ ближайшей прокламаціи.

Какъ до перваго мая, такъ и послѣ перваго, по городу днемъ и ночью разъѣзжали небольшими отрядами казаки. Второго и третьяго мая, когда носятъ у насъ Аксайскую Чудотворную Икону, нѣсколько сотенъ солдатъ и казаковъ вмѣстѣ съ офицерами втеченіи цѣлаго дня стояли черезъ каждые два-три квартала на троттуарахъ.

Хотя демонстрація не состоялась, такъ сказать, естественнымъ путемъ, но и тому, что было въ Ростовѣ, мы придаемъ огромное агитаціонное значеніе, большее, пожалуй, чѣмъ *иной* демонстраціи.

Всѣ предшествующія событія въ мартѣ и апрѣлѣ произвели, какъ выше было замѣчено, на всѣ слои населенія глубочайшее впечатлѣніе. Организацію, несмотря на многочисленные аресты, разбить не удалось; наоборотъ, она крѣпнетъ съ каждымъ днемъ, никогда не замѣчалось такого стремленія войти въ организацію, пріобщиться къ ея дѣятельности, какъ теперь. Это служитъ залогомъ жизненности движенія. Тщетная борьба полиціи и жандармеріи съ революціоннымъ движеніемъ, карикатурная погоня за типографіей и комитетомъ, указали населенію, какую огромную энергію можетъ развить организація, за которой активно стоитъ пролетаріатъ и пассивно сочувствующее интеллигентное общество. Обыватель уже не можетъ теперь вѣрить слѣпо во всемогущество полиціи, послѣ такихъ яркихъ примѣровъ ея безсилія. Онъ знаетъ, что даже при помощи самыхъ безчестныхъ средствъ ею употребляемыхъ — все же ей не удастся разбить союзъ борцовъ за свободу, союзъ сознательнаго пролетаріата. При арестѣ однихъ ихъ ряды будутъ пополняться другими, столь же преданными дѣлу борьбы съ самодержавіемъ. На ряду съ этимъ ростущимъ сознаніемъ непобѣдимости организаціи и безсиліемъ полиціи во всѣхъ слояхъ населенія (не говоря уже объ интеллигентной молодежи и организованныхъ рабочихъ) о Комитетѣ говорятъ съ огромнымъ уваженіемъ, вѣра въ него удивительная: съ его мнѣніемъ считаются какъ съ крупной общественной силой даже тѣ „либералы изъ общества“, которые прежде были безконечно далеки отъ этого. Для Комит. въ населеніи другого названія не имѣется какъ „нашъ Комитетъ“, „наши прокламаціи“. Многимъ онъ долженъ невольно рисоваться неприступной скалой, о которой разбиваются яростные и хитроумные планы всей царской сволочи. Такое общее отношеніе къ дѣятельности Комитета мы готовы считать едва-ли не однимъ изъ самыхъ значительныхъ результатовъ его существованія. Если на призывъ Комитета до сихъ поръ вставали сотни и тысячи, то не далеко тотъ моментъ, когда на голосъ его отзовутся десятки тысячъ, всѣ, кого давитъ гнетъ самодержавія.

Даже издали наблюдая могучій ростъ и широту революціоннаго движенія въ Ростовѣ, получаешь глубокую увѣренность, что быстро приближается время, когда пробьетъ, наконецъ, послѣдній часъ проклятаго абсолютизма, съ его нагайками, растрѣлами и тюрьмами. И это можетъ совершиться только подъ напоромъ революціоннаго пролетаріата и при энергичномъ и рѣшительномъ руководствѣ рабочей соціалдемократической Партіи!

Ростовецъ.

Земцы въ роли „просвѣтителей“.

Екатеринославская
Губ. Зем. Уп.
1 Іюля. № 8493.

Гг. Завѣдующ. врачебно-продовольственными пунктами Губ. Земства Екатеринославской губ. Г. Екатеринославъ

До свѣдѣнія Губернской Управы дошло, что нѣкоторые изъ завѣдующихъ врачебно-продовольственными пунктами для пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ не ограничиваются прямыми своими обязанностями, состоящими въ регистраціи рабочихъ и оказаніи имъ врачебной и продовольственной помощи на пунктахъ, но позволяютъ себѣ вмѣшиваться во взаимныя отношенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ съ работодателями, обращаясь къ послѣднимъ съ отношеніями о выдачѣ паспортовъ рабочимъ, оставившимъ работу и т. п. Губернская Управа считаетъ долгомъ разъяснить Гг. завѣдующимъ пунктами, что ихъ обязанность заключается лишь въ надзорѣ за санитарнымъ состояніемъ рабочихъ на пунктѣ и въ ихъ задачи вовсе не входитъ наблюденіе за санитарнымъ состояніемъ рабочихъ въ сельско-хозяйственныхъ экономіяхъ, а тѣмъ болѣе вмѣшиваться во взаимныя отношенія экономій съ рабочими. Въ случаѣ дальнѣйшаго вмѣшательства Гг. завѣдующихъ пунктами во взаимныя отношенія между рабочими и работодателями, пункты, на которыхъ это будетъ замѣчено, въ силу необходимости избѣгать всякихъ поводовъ къ столкновенію экономій съ рабочими, будутъ подлежать немедленному закрытію по распоряженію Губ. Земской Управы.

Предсѣдатель: Родзянко.
Членъ Управы: (неразобрана фамилья.)
Главный санитарно-эпидемическій врачъ: Будаковъ.
Дѣлопроизводитель: (подпись неразборчива.)

Какъ видно наши земцы либеральничаютъ пока дѣло не касается ихъ кармановъ, но

Когда до прибылей коснется
Не только тамъ гусямъ,
И людямъ достается.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Мрачную, на первый взглядъ даже совершенно отчаянную, картину представляетъ изъ себя нынѣшнее состояніе Финляндіи: съ одной стороны, все продолжающееся усиленіе жандармско-полицейскаго произвола, нагло попирающаго самыя элементарныя гражданскія и человѣческія права, съ другой стороны, ослабленіе стойкаго пассивнаго сопротивленія народныхъ массъ, быстрое развитіе азіатской системы доносовъ, сыска и шпіонства, нашедшей поддержку, главнымъ образомъ, среди части низшихъ слоевъ финскаго народа, сильная эмиграція крестьянскаго и рабочаго классовъ и т. п.

Призывы къ воинской повинности, какъ извѣстно уже читателямъ, въ этомъ году прошли значительно хуже для оппозиціи и лучше для царскаго правительства. Такъ, по оффиціальнымъ даннымъ, до 25 мая (нов. ст.) изъ 14115 призываемыхъ явилось 9044 человѣка или 64,1 проц. и отсутствовало 5071 человѣкъ или 35,9 проц. Въ прошломъ году въ этихъ же самыхъ общинахъ изъ 14876 призываемыхъ явилось 6790 (45,6%) и отсутствовало 8086 (54,4%). 25 іюня (нов. ст.), по тѣмъ же даннымъ, этимъ цифрамъ соотвѣтствуютъ слѣдующія: 20131 призываемый; явилось 13361, отсутствовало 6770 человѣкъ. Въ прошломъ году общее число призываемыхъ 21236, присутствовало 9145 человѣкъ и отсутствовало 12091 человѣкъ. Мы по неволѣ пока приводимъ „оффиціальныя данныя“, требующія значительныхъ поправокъ. Мы уже раньше упоминали о томъ, что эти „оффиціальныя“ цифры не достовѣрны: въ интересахъ властей число призываемыхъ и присутствующихъ увеличить, и число отсутствующихъ уменьшить: поэтому царскіе статистики безъ церемоній „свободно“ обращаются съ матеріаломъ. Съ самаго начала они ввели курьезное подраздѣленіе: присутствующіе, находящіеся въ Америкѣ и отсутствующіе по „неизвѣстной причинѣ“. Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что значительное большинство юношей эмигрировало именно, чтобы не исполнить „закона“ г. Куропаткина и въ то же время избѣжать возможныхъ послѣдствій нынѣшней кулачной расправы царскихъ слугъ. Кромѣ того, въ свободной финляндской прессѣ было разоблачено немало случаевъ самаго грубаго обмана въ жандармской „статистикѣ“. Такъ, напр., въ Вазаскомъ призывномъ округѣ, за исключеніемъ самаго города, фактически почти никто не явился, тогда какъ оффиціально показаны довольно крупныя цифры: напримѣръ, въ одномъ участкѣ присутствовало яко бы 27 человѣкъ, тогда какъ всего 20 чел. не эмигрировало, а явилось лишь 2-3 человѣка. Нѣсколько подобныхъ случаевъ можно было бы привести. Къ категоріи присутствующихъ опричники начали относить и всѣхъ освобожденныхъ по семейнымъ причинамъ и физическимъ недостаткамъ отъ воинской повинности. Такая развязность правительственныхъ статистиковъ хорошо знакома намъ, русскимъ революціонерамъ… Итакъ, даже по оффиціальнымъ даннымъ выходитъ, что больше 1/3 части юношей не подчинилось царскимъ повелѣніямъ; на самомъ же дѣлѣ число отсутствующихъ должно увеличиться на нѣсколько процентовъ. Если бы мы стали разсматривать результаты призывовъ по отдѣльнымъ участкамъ, то мы во многихъ городскихъ и сельскихъ общинахъ и въ этомъ году увидѣли бы единодушное сопротивленіе со стороны молодежи: въ нѣкоторыя призывныя присутствія никто не являлся, во многія — самый незначительный процентъ. Такъ, напримѣръ, въ 10 шведскихъ сельскихъ общинахъ западной Финляндіи присутствующихъ оказалось всего на всего 13 чел. Въ Гельсингфорсѣ изъ 692 чел. явилось 267 чел. (38,6%), причемъ 25 человѣкъ принадлежали къ другимъ мѣстностямъ, поэтому правильнѣе бы были слѣдующія цифры: общее число 667, присутствующихъ 242 чел. (36,3%). Въ прошломъ году въ Гельсингфорсѣ явилось всего 110 чел. изъ 857, т. е. 12,8%. Въ гг. Борго изъ 34 — 6, Ловизѣ изъ 21 — 1 и пр. Приведенные примѣры и цифры свидѣтельствуютъ далеко не о полной „побѣдѣ“ самодержавія въ столь важномъ для него вопросѣ, а скорѣе о значительномъ таки пораженіи. Тѣмъ не менѣе Бобриковъ и К°. не даромъ торжествуютъ: при болѣе удачномъ исходѣ пассивнаго сопротивленія какъ самъ сатрапъ, такъ и многіе его сподручные легко могли бы слетѣть со своихъ теплыхъ мѣстечекъ, по крайней мѣрѣ, довольно основательныя данныя подтверждаютъ такое предположеніе. Кромѣ того, что еще гораздо важнѣе, все царское правительство, весь разнузданный деспотизмъ получилъ бы въ томъ случаѣ слишкомъ опасный ударъ, и финскій народъ еще разъ доказалъ бы всему міру полнѣйшее безсиліе царизма передъ дружнымъ организованнымъ сопротивленіемъ широкихъ слоевъ народа. Подобный урокъ значительно ускорилъ бы неминуемую гибель этого чудовища. Оно прекрасно сознавало страшную опасность для себя въ отказѣ цѣлаго народа въ подчиненіи военному „закону“, тогда какъ на одной лишь грубой военной силѣ зиждется до поры до времени все его спасеніе. Отказъ значительной части финскаго народа отъ столь могучаго, совершенно исключительнаго средства борьбы съ „грознымъ“ самодержавіемъ, которое фактически трепетало передъ нимъ, вызвавъ, какъ уже мы говорили въ предыдущихъ статьяхъ, главнымъ образомъ, возмутительной агитаціей старофенномановъ. Эта партія духовенства, зажиточныхъ крестьянъ и мелкой буржуазіи не перестаетъ „спасать“ отечество. Пасторы съ епископами во главѣ оказываютъ сильное давленіе на крестьянъ, призывая ихъ въ проповѣдяхъ къ подчиненію царскимъ приказамъ, отказываясь окликать въ церквахъ непокорныхъ юношей, вѣнчать ихъ и т. п. Недавно на съѣздѣ духовенства одинъ епископъ сказалъ: „надъ нами лишь одна власть — государь!“ Словомъ, финляндское духовенство успѣло, въ своей покорности, уже опуститься на уровень нашихъ поповъ. Весной ходили слухи о предстоящей отставкѣ 40 пасторовъ, отказавшихся оказать содѣйствіе проведенію „закона“ о воинской повинности; однако всѣ они, за исключеніемъ нѣсколькихъ, подчинились требованіямъ епископовъ и царскихъ слугъ. Не такъ вели себя многіе пасторы въ прошломъ году, когда въ церквахъ происходили демонстраціи при обнародованіи этого „закона“. Но духовенство повсюду по существу консервативно и поддерживаетъ свѣтскую власть. Воззваніе 10 студентовъ старо-фенномановъ (см. № 41), опубликованное въ 26000 экз. и распространенное среди всѣхъ призываемыхъ, многочисленныя статьи газетъ этой партіи, ложные слухи царскихъ агитаторовъ о предстоящемъ передѣлѣ земли, которымъ по введеніи русскихъ „законовъ" царь облагодѣтельствуетъ многочисленное безземельное сельское населеніе и т. п. и, наконецъ, правительственный терроръ, соединенный съ зубатовщиной, сломили во многихъ мѣстностяхъ сопротивленіе и вызвали обильные доносы. Были случаи, когда призываемые сами выдавали „агитаторовъ", нелегальную литературу и пр. На дняхъ наши газеты перепечатали изъ „Фин. Газ." умилительное сообщеніе о всемилостивѣйшемъ прощеніи царемъ „свыше 80" раскаявшихся, не явившихся въ прошломъ году въ призывныя присутствія. Въ финляндскихъ же газетахъ было опубликовано также „оффиціальное сообщеніе" о 79 лицахъ. Видно, органъ Бобрикова „для краснаго словца" накинулъ нѣсколько раскаявшихся грѣшниковъ. Между тѣмъ не мало молодыхъ людей прошлогодняго призыва лишилось своихъ должностей въ силу январскаго рескрипта; такъ, болѣе 30 лицъ, служившихъ на желѣзной дорогѣ, нѣсколько почтальоновъ и друг. были оставлены царемъ безъ куска хлѣба. Въ этомъ же году, какъ извѣстно, русскіе опричники не знали никакихъ границъ, чтобы заставить молодежь подчиниться. Губернаторы разъѣзжали съ огромной полицейской свитой, а иногда и съ войскомъ, по призывнымъ присутствіямъ, силою брали помѣщенія для „присутствій", оцѣпляли цѣлыя мѣстности, чтобы предохранить новобранцевъ отъ агитаторовъ, производили аресты, обыски и пр. Въ прошлыхъ статьяхъ я уже упоминалъ объ арестахъ нѣсколькихъ интеллигентовъ, сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ; пока нельзя привести точныхъ цифръ. Развязность Бобрикова идетъ такъ далеко, что онъ настоялъ на увольненіи хозяиномъ крупнаго гельсингфоргскаго магазина трехъ приказчиковъ, уклонившихся отъ призыва; онъ грозилъ въ противномъ случаѣ закрыть магазинъ, что онъ дѣйствительно уже въ одномъ мѣстечкѣ и сдѣлалъ. Въ силу новыхъ полномочій закрыта 8 іюня (нов. ст.) одна лавка въ Вазаской г. Сатрапъ съ прочей братіей, разумѣется, не думаетъ останавливаться передъ продолженіемъ своего террора. 16 іюня (нов. ст.) произведенъ основательный обыскъ и врученъ приказъ въ теченіе пяти дней покинуть Финляндію помѣщику Аскану въ Нюландской губерніи. Изъ секретнаго циркуляра выборгскаго губернатора видно, что запрещено возвращеніе на родину находящемуся въ Швеціи выдающемуся финляндскому литератору К. Силліакусу, о чемъ послѣдняго даже не нашли нужнымъ и увѣдомить.

Новый режимъ въ Финляндіи не обходится безъ жертвъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Въ маѣ утопился одинъ крестьянскій сынъ, которому совѣсть не позволяла подчиниться „закону". Подобное самоубійство зимой совершилъ одинъ юноша, раскаявшійся въ своей прошлогодней агитаціи въ пользу того же „закона". Похороны и отправленіе изъ Гельсингфорса въ Выборгъ тѣла покончившаго съ собою въ Берлинѣ выдающагося демократическаго публициста и педагога доктора философіи Люлю (см. № 43) состоялись подъ надзоромъ полиціи. Это былъ замѣчательно симпатичный борецъ за политическую свободу своей родины, доведенный до самоубійства систематической травлей со стороны опричниковъ. Послѣднимъ ударомъ было извѣстіе о запрещеніи возвратиться на родину, тогда какъ онъ страстно желалъ провести лѣто въ своемъ имѣньѣ. Магистръ Нуупала за свою лживую правительственную агитацію (см. № 43) былъ исключенъ товарищами на два года изъ западно-финляндской корпораціи. Это наибольшее наказаніе, которому корпораціи могутъ подвергать своихъ членовъ. „Fria Ord" въ № отъ 20 іюня приводитъ любопытныя данныя относительно увольненія конституціонныхъ чиновниковъ. Съ сентября по іюнь противозаконно уволено или дана отставка по вынужденному прошенію около 95 лицамъ, до 30 чиновниковъ вышло въ отставку въ видѣ протеста и 20 покинуло службу въ той или другой связи съ новымъ режимомъ. Съ тѣхъ поръ приказано уже подать въ отставку нѣсколькимъ лицамъ. Бобриковъ производитъ основательно эту чистку.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о новыхъ „реформахъ" гг. Плеве и его сподвижниковъ.

Недавно состоялся указъ о правилахъ „представленія" всѣхъ высшихъ финляндскихъ чиновниковъ Бобрикову, которому подчинены, по новымъ указамъ, всѣ учрежденія края. Теперь онъ самодержецъ Финляндіи. На дняхъ опубликовано „временное" высочайшее распоряженіе о продажѣ взрывчатыхъ веществъ и ружей, сходное съ дѣйствующимъ у насъ въ положеніи объ усиленной охранѣ. „Либералъ" Витте добился приказа о печатаніи впредь финскихъ кредитныхъ билетовъ въ русской экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, что очень важно „для успѣха предстоящаго перехода къ объединенію монеты на всемъ пространствѣ русскаго царства". Этотъ приказъ совершенно беззаконенъ. Предлогомъ для своего проекта „либеральный" министръ выставилъ неправильное изображеніе русскаго государственнаго герба. „Объединеніе же монеты" явится разореніемъ Финляндіи. „Витте такъ расположенъ къ Финляндіи", воображали въ началѣ новой политики многіе финляндцы. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить постановленіе, перепечатанное изъ „Фин. Г." всѣми газетами, объ объединеніи финляндскаго желѣзнодорожнаго вѣдомства съ русскимъ, въ силу котораго русскимъ инженерамъ въ будущемъ предстоитъ новое обширное поле дѣятельности для грабежа. Требованіе знанія русскаго языка, переименованіе „правительственныхъ" въ „казенныя" желѣзныя дороги и пр. — вотъ нѣкоторыя послѣдствія новой „реформы". „Терминологія эта... „устраняетъ нежелательное напоминаніе какъ бы о не существующемъ на дѣлѣ особомъ финск. правительствѣ..." злобно остритъ „Фин. Газ.", очевидно, и по адресу старо-фенномановъ, которые для спасенія мѣстнаго „правительства" (финляндскаго сената) считаютъ необходимымъ подчиненіе всѣмъ указамъ царя, Плеве, Бобрикова и прочихъ. Опытный начальникъ желѣзнодорожнаго вѣдомства д. ст. совѣтникъ Стрембергъ, занимавшій этотъ постъ болѣе 40 лѣтъ, т. е. со времени постройки первой желѣзной дороги, вышелъ въ отставку, не желая санкціонировать незаконной отставки вышеупомянутыхъ служащихъ юношей.

Нѣтъ фин. „правительства", равно какъ и фин. „конституціи", издѣвается „Ф. Г.", увѣряя, что въ Финляндіи всегда существовало самодержавіе. Относительно нынѣшняго положеніи дѣлъ она права, такъ какъ чрезмѣрно усиленная по новому штату канцелярія Бобрикова является „высшимъ правительствомъ Финляндіи", хотя старо-фенноманы и вѣрятъ еще въ „царское слово" и продолжаютъ „спасать" родину. Кстати, своеобразные „спасители" сенаторы награждены русскимъ правительствомъ и будутъ получать большее жалованіе. Всѣ истинные финляндскіе граждане не думаютъ и теперь сложить оружіе въ борьбѣ уже не столько за сохраненіе основныхъ законовъ, сколько съ россійскимъ самодержавіемъ. Однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для спасенія Финляндіи несомнѣнно, является поддержка финляндскими борцами россійской соціальдемократіи.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ВСЕОБЩІЯ СТАЧКИ НА ЮГѢ РОССІИ.

Въ настоящее время мы можемъ познакомить читателей только съ частью имѣющагося у насъ матерьяла относящагося къ грандіозному пролетарскому движенію, всыхнувшему одновременно въ разныхъ концахъ Россіи. Въ слѣдующемъ номерѣ мы дадимъ оцѣнку этого въ высшей степени важнаго событія.

Всеобщая стачка въ Одессѣ. За Баку — Тифлисъ, за Тифлисомъ — Кіевъ, за Кіевомъ — Елизаветградъ, наконецъ, Одесса. Грандіозное возстаніе рабочихъ Юга представляетъ событіе, которое будетъ имѣт громаднѣйшее значеніе для всего дальнѣйшаго освободительго движенія. До сихъ поръ мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія о дѣлахъ въ Одессѣ:

Вамъ вѣрно извѣстно, что у насъ произошло. Здѣсь бросили работу *всѣ*, начиная съ портовыхъ рабочихъ (босяковъ) и матросовъ, рабочихъ механическихъ заводовъ и кончая рабочими самой мелкой мастерской. Хлѣбопекарни всѣ закрыты, газеты не выходятъ, конка не ѣздитъ. Открыты, словомъ, только торговыя заведенія. Все это диженіе носитъ скорѣе стихійный, чѣмъ организованный характеъ. Происходили громадныя собранія. Количество неработающихъ простирается до 50 тысячъ.

(Изъ частнаго письма.) 18 іюля. Письмо не ушло бы вчера, такъ какъ рабочіе н дали поѣзду тронуться. Въ Одессу поѣзда пропускались, но не обратно. Рабочіе прямо заходили во всѣ заводы, фабрики, типографіи, пекарни и разныя мастерскія и требовали, чтобы всѣ рабочіе оставили работу, и тѣ немедленно присоединялись къ стачкѣ. Хлѣбъ брали съ бою; сегодня за хлѣбъ въ девять коп. пришлось платить 15 к. Конка уже четвертый день не курсируетъ въ городѣ, трамвай тоже... Я слышалъ вчера, будто сегодня должны быть сходки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, куда должны явиться десятки тысячъ рабочихъ. Войско уже призвано и бивуакируетъ во многихъ мѣстахъ города. Пока вездѣ тихо. Въ виду такихъ важныхъ событій въ нашемъ городѣ дѣла, конечно, пріостанавливаются....

Передъ вечеромъ. Движеніе и оживленіе въ городѣ необычайное. Всѣ магазины закрыты. Казаки разъѣзжаютъ по городу. Нѣкоторыхъ арестовали. Появилось объявленіе градоначальника о томъ, что въ случаѣ неподчиненія требованіямъ полиціи, онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Говорятъ, за городомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ большое оживленіе... Въ порту сегодня ужъ работаютъ; тамъ также находится войско, которое не должно допустить, рабочихъ приходящихъ съ цѣлью отвлеченія грузовщиковъ отъ работы. Однимъ словомъ, Одесса переживаетъ небывалыя еще до нынѣ событія... Забылъ сказать, что газеты сегодня не вышли, такъ какъ вчера весь наборъ былъ разбросанъ."

Одесса, 17 іюля. На Пересыпи съ утра собралась большая толпа рабочихъ (въ нѣсколько тысячъ челов.), когда въ городѣ было еще совершенно тихо. Были ораторы разныхъ партій и соціальдемократамъ удавалось верeменами овладѣвать настроеніемъ настолько, что принятъ былъ планъ: пройти черезъ весь городъ, забрать отовсюду рабочихъ, и, собравшись на вокзалѣ, двинуться къ тюрьмѣ. Послѣ многихъ удачныхъ и неудачныхъ рѣчей, толпа двинулась въ городъ, по пути останавливая всѣ работы (до пароходныхъ включитлльно). Настроеніе достигло своего maximuma. Войско собралось впереди толпы и церемоніальнымъ маршемъ двинулось, но не на нее, а... впереди ее, такъ что толпа смогла отхлынуть и пойти другимъ путемъ. Составъ мѣнялся, уставшіе расходились, приставали новые, раздроблялись на группы и т. п. Все стало, прекратились всѣ работы.

Вечеромъ собирались толпами, но ихъ уже начали разгонять. Около газовой станціи стрѣляли въ толпу холостыми зарядами (это въ полнѣйшей темнотѣ!)

Въ пятницу съ пяти часовъ утра собрались въ Рубовомъ саду (за Бугаевкой). Говорятъ было около 40-50 тысячъ. Говорили рѣчи, „независимцы" мѣшали ораторамъ, прерывали и когда это не дѣйствовало кричали „казаки, казаки!...", заставляя толпу волноваться и разбѣжаться. „Независимцы" кричали „долой переодѣтыхъ студентовъ!" Часовъ съ десяти толпа начала расходиться понемногу. Разгоняла ее пѣхота и казаки. Шествіе растянулось на громадное разстояніе. Вся дорога была усѣяна людьми. Казаки растоптали старика каменьщика, многихъ ошарашивали прикладами, очень многихъ ранили. Съ „независимцами" обращались совсѣмъ поиному, ибо они имѣли съ солдатами пароль и заранѣе условились о своей тактикѣ и мѣстонахожденіи. Были такого рода сцены: гг. „независимцы" [illegible] на полянкѣ въ большомъ количествѣ, мимо же проходятъ войска, не трогая ихъ.

Несмотря на крутыя мѣры, три группы проникли все же въ городъ. Первая группа пошла по пути къ Преображенской, но на углу Нѣжинской была встрѣчена казаками, смята, разбита. Въ этой группѣ было сперва нѣсколько тысячъ, но ко времени встрѣчи съ казаками осталось 400.500 человѣкъ. Знамени не было, пѣли пѣсни. Вторая группа пошла по другимъ улицамъ къ Дерибасовской (главной), но на сѣнной площади была жестоко разогнана штыками пѣхоты. Тутъ было знамя и пѣлись пѣсни. Арестовали массу народа тутъ же. Третья, и самая большая группа, (сначала тысячъ пять впослѣдствіи тыс. двѣ) развернули нѣсколько знаменъ (въ томъ числѣ нѣсколько „заслуженныхъ", уже раньше развѣвавшихся на демонстраціяхъ) и платокъ смоченный по діагонали кровью раненыхъ, успѣла расклеить афиши и прокламаціи, но была жестче всѣхъ избита и разсѣяна на Разумовской улицѣ.

Теперь начались сплошные аресты и избіенія.

Солдаты далеко не вездѣ такъ „старались", напр., въ одномъ случаѣ поставленные карауломъ у воротъ двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убѣдить не обращать вниманія на бѣгство арестованныхъ черезъ сосѣдніе дворы. Такимъ образомъ скрылось 100-150 человѣкъ. Были факты отнятія оружія безъ особеннаго сопротивленія со стороны владѣльца онаго. Теперь весь городъ занятъ войсками. Скверъ около собора настоящій военный лагерь. Можно видѣть рабочихъ, мирно бесѣдующихъ съ солдатами. Полиція и „независимцы" стараются объяснить репресаліи вмѣшательствомъ „соціалистовъ" въ „правое дѣло рабочихъ". Нѣсколько человѣкъ соціальдемократовъ отправились въ толпу вечеромъ 18-го, но часть ихъ была избита переодѣтыми шпіонами, а часть выдана полиціи. Ихъ продержали два дня.

Прокламаціи зачастую рвали, не читая.

На дняхъ закончилась крупная стачка портовыхъ рабочихъ побѣда полная (вмѣсто 70 к. — 1 р. 60 к. въ день и рабочій день уменьшенъ на 1½ часа). Въ то же время была жел.-дор. стачка — безрезультатно. Третьяго дня опять вспыхнули тамъ стачки. Желѣзнодорожники, воодушевясь извѣстіями изъ Баку, кричали: „хотимъ какъ въ Баку!" Ихъ выборнаго (по новому закону) старосту забраковало начальство.

Въ портъ прискакалъ Шаевичъ (предсѣдатель „независимцевъ") и держалъ рѣчь: „есть два пути: 1) прошибать стѣнку лбомъ и 2) сверлить ее. Какой путь вы избираете?" „Стѣнку лбомъ!" загудѣла толпа.... ораторъ исчезъ....

Одесса. Въ письмѣ своемъ я не буду касаться того, какъ наростало стачечное движеніе въ Одессѣ, не буду перечислять всѣхъ фабрикъ и заводовъ, примкнувшихъ къ забастовкѣ. Скажу лишь о томъ, что съ утра 16 заигрыванія администраціи прекратились. Вмѣсто витіеватыхъ ораторовъ — *независимцевъ* и добродушно-снисходительнаго отношенія полиціи къ стачечникамъ, какъ это имѣло мѣсто 14, 15, 16 и 17, на улицахъ съ утра появились военные патрули, на всѣхъ перекресткахъ красовалось предупрежденіе градоначальника о томъ, что для возстановленія порядка будетъ пущена въ ходъ сила оружія. Всѣмъ извѣстно было то, что сегодня, т. е. 18, *ни одинъ* заводъ, *ни одна* мастерская не работаютъ; что на базарѣ нѣтъ хлѣба, нѣтъ мяса, такъ какъ бросили работу на бойнѣ и въ пекарняхъ*); прекратилось движеніе конокъ, паровыхъ трамваевъ, пароходовъ и поѣздовъ, словомъ замерла вся жизнь, чутко прислушиваясь къ требованіямъ титана-работника. Рѣшительно весь городъ ждетъ, чѣмъ разрѣшится невиданная еще доселѣ въ Одессѣ гроза: говорятъ, что городъ будетъ лишенъ свѣта, воды, что капиталисты обязаны пойти на уступки. Интересно то, что во всѣхъ слояхъ общества держится убѣжденіе, что рабочіе стоятъ за „*правое дѣло*", что жить дальше *такъ* нельзя, что необходимо улучшить ихъ положеніе. Не касаюсь совершенно собраній, бывшихъ до сегодняшняго дня, такъ какъ хочу сообщить лишь о томъ, что *самъ* видѣлъ. Скажу только, что привлеченіе къ всеобщей забастовкѣ организовано было слѣдующимъ образомъ: громадныя толпы рабочихъ (въ нѣсколько тысячъ человѣкъ) обходили всѣ крупныя и мелкія фабрики и заводы, при чемъ предлагали всѣмъ бросить работу и примкнуть къ товарищамъ. Давались тревожные свистки, рабочіе съ криками *ура* выходили на улицу, и подкрѣпившаяся толпа шла дальше. Утромъ 18 была назначена общая сходка въ Рубовомъ саду, гдѣ и вчера происходило собраніе. Туда-то я и направился, но въ виду того, что нѣсколько запоздалъ, могу сказать только о внѣшней сторонѣ собранія: на огромной площади, усаженной тамъ и сямъ деревьями, собралась громадная масса народу, отъ 30 до 40 тысячъ человѣкъ, были тутъ женщины и дѣти, представителей такъ называемой ителлигенціи почти нельзя было замѣтить. Ораторы, сидя на деревьяхъ, читали вслухъ прокламаціи, говорили рѣчи, другіе имъ возражали, но былъ при этомъ такой шумъ, что уловить точно содержаніе рѣчей, было трудно. Можно было понять лишь одно, что часть ораторовъ, преимущественно изъ сѣрой, неорганизованной рабочей массы, а въ особенности представители „*независимыхъ*", ограничивались одними *экономическими* требованіями, другіе же говорили о неразрывности экономическихъ требованій съ политическими. Всѣ эти разговоры происходили въ присутствіи массы полиціи, солдатъ, которые отдѣлили всѣхъ насъ, никого не выпуская. Но вотъ въ толпѣ поднялось движеніе, рѣшили пойти въ городъ, волна въ 2 или 3 тысячи человѣкъ, съ криками: „дружнѣй братцы" смяла неожиданно казаковъ и свободно направилась въ городъ. Оставшіеся также заволновались, но ихъ не пустили, а затѣмъ уже издали стали доноситься ужасные крики и видна была только пыль отъ несшихся на толпу казаковъ. Тѣ, которые потомъ примкнули къ намъ, разсказываютъ, что сильно били и топтали лошадьми. Пробившаяся толпа раздѣлилась на нѣсколько колоннъ, и одна, въ которой былъ и я, направилась къ толкучему рынку. Весь этотъ путь шли относительно спокойно, но, подойдя къ толкучкѣ, выдѣлилась толпа человѣкъ въ 300 или 400 и громко стала кричать: *долой самодержавіе, долой правительство, да здравствуетъ соціализмъ* при этомъ въ толпѣ нѣсколько человѣкъ стали раздавать прокламаціи, и публика ихъ съ жадностью подхватывала, нѣкоторые читали тутъ же, большинство же прятало ихъ въ карманъ. Листковъ было очень много (трехъ видовъ), такъ что улица была усыпана ими. Отъ толкучаго рынка мы пошли сначала по Большой Арнаутской, а затѣмъ свернули на Успенскую и по ней дошли безпрепятственно почти до угла Екатерининской. Никто рѣшительно намъ не мѣшалъ двигаться. По пути раза два затягивали рабочую марсельезу, но при томъ форсированномъ маршѣ, какимъ мы двигались, пѣть было очень трудно, и надо сознаться, что выходило очень нестройно. Все время красовалось красное знамя съ соотвѣтствующей надписью, при чемъ знаменоносца несли на рукахъ. Громкіе революціонные возгласы и крики „*ура*" не прекращались ни на минуту. Со стороны проходившей и сидѣвшей у воротъ публики слышались крики: „молодцы", „крѣпитесь", „помоги вамъ Богъ". А когда прокламаціи приклеивались къ деревьямъ и поверхъ градоначальническихъ объявленій, то это вызывало всеобщее одобреніе и крики „браво".

Демонстрація наша продолжалась около 25 минутъ и прошли мы довольно большое разстояніе. Долженъ отмѣтить крайне интересный фактъ: все время нашего шествія магазины не закрывались; тѣхъ торговцевъ, которые поспѣшно запирали двери, рабочіе успокаивали, говоря, „не бойтесь, не бойтесь, это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы *всѣ рабочіе*, всѣмъ намъ одинаково тяжело". Говорили это, конечно, русскіе рабочіе, и замѣчательно, часто самые сѣрые!

Когда мы уже приближались къ Екатерининской, поднялся страшный крикъ: „бьютъ, бьютъ", и я помню лишь, какъ съ одной стороны меня обдало горячимъ дыханіемъ мчавшейся прямо на меня лошади, а съ другой видѣлъ озвѣрѣвшаго казака съ обнаженной шашкой, рубившаго направо и налѣво, потомъ все вдругъ утихло и потемнѣло... Очнулся я въ какомъ то магазинѣ...

Что было дальше, не знаю. Слышалъ, что такая же демонстрація съ краснымъ знаменемъ была на Преображенской, но продержалась тамъ гораздо меньше. Скажу еще нѣсколько словъ о томъ ощущеніи, которое у меня было во все время шествія. Казалось, что живешь удесятеренной жизнью, все было такъ легко, цѣль такъ ясна и близка, въ сердцѣ столько бѣшенной отваги и самозабвенія, что готовъ былъ вступить въ борьбу съ самимъ сатаной, не то что съ какимъ-то поганымъ казакомъ.

Очевидецъ.

Одесса. Въ письмѣ отъ 19 іюля пишутъ: „Въ городѣ у насъ творятся небывалыя дѣла, которыя теперь въ самомъ разгарѣ и держатъ весь городъ въ состояніи крайняго напряженія. Сегодня расклеено такого рода объявленіе новаго градоначальника ген. Арсеньева: „Вслѣдствіе возникшихъ въ городѣ безпорядковъ симъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе, что при неподчиненіи требованіямъ полицейской и административной власти я принужденъ буду для возстановленія порядка на основаніи закона употребить силу оружія." Со вчерашняго дня, съ 5 часовъ пополудни въ городѣ разставлены войска въ полномъ вооруженіи и рыскаютъ зѣвающіе и ищущіе дѣла казаки, но никакихъ стычекъ еще не было. Только что отправлена рота солдатъ на пересыпь, гдѣ рабочіе прекращаютъ работу на скотобойняхъ. Таково положеніе въ настоящій моментъ. Но я опишу послѣдовательно, съ чего и съ кого началось движеніе.

Прежде всего забастовали портовые босяки, требовавшіе повышенія поденной платы съ 1 рубля до 2 руб. 20 коп. Работа была прекращена на цѣлую недѣлю. Если начиналась гдѣ-нибудь работа, то толпа прогоняла работавшихъ. Наконецъ, босякамъ было повышена плата съ 1 руб. на 1 руб. 50 коп., и они уже готовы были взяться за работу, когда забастовка устроена была и матросами всѣхъ пароходныхъ обществъ. Матросы требовали также повышенія платы, указывая на то, что при теперешней дороговизнѣ городской жизни семейному человѣку невозможно жить на 10-12 рублей, которые получаетъ младшій матросъ. Требовали повышенія съ 10 на 25 и т. д. соотвѣтственно занимаемому посту на пароходѣ. Всѣ матросы приходившихъ въ портъ пароходовъ примыкали къ товарищамъ и составили партію въ 2-2½ тысячи человѣкъ. Ни одинъ пароходъ не уходилъ. Машинное отдѣленіе не работало и потому ни нагрузки, ни выгрузки совершать нельзя было. Тогда были выписаны изъ Николаева военные матросы. Въ среду ушелъ съ военной командой пароходъ Р. О. П. и Т. — Налиманъ, но вслѣдъ за этимъ забастовавшіе матросы стали силою мѣшать уходить пароходамъ. Вчера ушелъ какой-то пароходъ съ обломанными свистками, колоколами и многими другими поврежденіями. Между тѣмъ вѣсть о забастовкѣ въ порту распространилась по городу и зародила въ городскихъ рабочихъ мысль о забастовкѣ. Движеніе конки пріостановилось — ни одинъ кондукторъ и кучеръ не вышли на работу. Фабрики забастовали, и толпа рабочихъ въ 2 или 3 тысячи человѣкъ (не знаю точно, сколько, такъ какъ нельзя было различить въ массѣ собравшагося на улицѣ народа, кто принималъ участіе, а кто нѣтъ) стала обходить городъ, прекращая работы на постройкахъ, въ хлѣбопекарняхъ, на заводахъ на водопроводѣ, казенномъ очистномъ складѣ винной монополіи и пр. пр. Спѣшно закрывали магазины тамъ, гдѣ проходила толпа, но нигдѣ не было безпорядковъ. Сегодня городъ лишенъ хлѣба, воды. Всѣ съѣстные припасы повысились въ цѣнѣ. Движеніе поѣздовъ пріостановлено, — не знаю только, вслѣдствіе ли забастовки желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Вотъ въ такомъ положеніи находится теперь Одесса, впервые показавшая гражданскую зрѣлость своихъ рабочихъ. Чѣмъ кончится, конечно, предвидѣть можно — ничѣмъ. Кое-гдѣ, вѣроятно, будетъ повышена плата, но уже достаточно и того, что рабочая масса проявляютъ себя и идетъ по пути сознательнаго отношенія къ окружающей обстановкѣ.

---

*) Попутно отмѣчу очень характерный фактъ: всѣ хлѣбопекарни прекратили работу, кромѣ *артельныхъ* (ихъ съ четыре) мотивируя свой отказъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ *рабочихъ* и нѣтъ хозяевъ, а слѣдовательно нѣтъ эксплуатаціи. А хлѣбъ свой тѣмъ не менѣе артельщики продавали по утроеннымъ цѣнамъ.

P. S. Сегодня на углу Преображенской и Почтовой казаки разсѣивали толпу и били саблями плашмя. На моихъ глазахъ съ бульвара увели, повидимому ни въ чемъ неповинныхъ трехъ человѣкъ и одного мальчика лѣтъ 11-12 подъ конвоемъ въ 5 чел. солдатъ.

Николаевъ, 21 іюля. Усиленное распространеніе листковъ, послѣднія событія въ Одессѣ, Баку, Тифлисѣ, Батумѣ и другихъ городахъ, въ связи съ прижимками на заводѣ возбудили сильное броженіе. „Не хотимъ работать, когда другіе бастуютъ", говорили даже массовые рабочіе. Въ понедѣльникъ 21 мая на всѣхъ заводахъ была распространена прокламація, въ которой говорилось о старостахъ, о вновь отнимаемыхъ уступкахъ, добытыхъ прежней стачкой, и рабочіе призывались къ политической борьбѣ. Это послужило той искрой, которая окончательно воспламенила массу. Хотя Комитетъ думалъ вызвать стачку позже (войска черезъ нѣсколько дней собирались на маневры), но рабочихъ нельзя было удержать. Первые прекратили работу рабочіе котельной мастерской Французскаго завода (одинъ изъ крупныхъ южныхъ заводовъ) и съ криками „да здравствуетъ стачка" бросились по другимъ мастерскимъ. „Ура!" было имъ отвѣтомъ. Часамъ къ тремъ работы были прекращены на всемъ заводѣ. Къ рабочимъ вышелъ директоръ Канегисеръ. Говорить со всѣми онъ не захотѣлъ, а заявилъ, что у рабочихъ есть старосты пусть они передадутъ ему, чего они хотятъ. У насъ нѣтъ старостъ! наши старосты у Дремлюги! (жандармскій полковникъ). Намъ необходимъ восьмичасовой рабочій день. Намъ надо отмѣны новыхъ правилъ. Намъ нужна политическая свобода. — „Я не могу вамъ дать этого", отвѣчалъ директоръ. — Да мы у тебя и не просимъ! Долой его! И директоръ убѣжалъ сопровождаемый крикомъ и свистомъ. Тогда одинъ изъ рабочихъ сказалъ краткую рѣчь и толпа двинулась къ сосѣднему Черноморскому заводу (тоже крупный заводъ). Между тѣмъ, испуганная администрація заградила всѣ выходы и входы и отказалась впустить рабочихъ въ заводъ. Тогда рабочіе разнесли заводскую стѣну, ворвались во дворъ и дали гудокъ; работы были всюду по мастерскимъ прекращены и толпа усиленная теперь рабочими Черноморскаго завода направилась къ воротамъ. Но здѣсь ее уже ожидали успѣвшія прибыть войска. Рабочіе вернулись обратно, вооружились молотками и проч. Пытавшейся выйти изъ воротъ толпѣ офицеръ угрожалъ стрѣлять. Уже затрубили въ рожокъ. Солдаты взяли ружья на прицѣлъ. Тогда одинъ изъ рабочихъ заявилъ офицеру, что рабочіе разойдутся, если солдаты возьмутъ къ ногѣ. Офицеръ скомандовалъ, „къ ногѣ". Рабочіе вышли и со знаменами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись въ городъ сопровождаемые войсками и сворой городовыхъ и околоточныхъ. Настроеніе было приподнятое, пѣніе и крики не умолкали. Вдругъ навстрѣчу демонстрантамъ летитъ градоначальникъ. Выслушавъ требованія рабочихъ, онъ заявилъ, что не можетъ ихъ удовлетворить и предложилъ демонстрантамъ разойтись. Въ это время одинъ изъ малосознательныхъ рабочихъ бросилъ въ градоначальника камнемъ и расшибъ ему голову до крови. Полиція пыталась задержать ударившаго, но рабочіе его не выдали. Разговоры съ градоначальникомъ ни къ чему не привели и демонстранты направились къ спиртоочиститель. зав., гдѣ ожидали ихъ работницы, которымъ выходъ изъ завода былъ прегражденъ войсками. Демонстранты бросились къ воротамъ, но были встрѣчены солдатами со штыками на перевѣсъ. Дружный натискъ рабочихъ оттѣснилъ солдатъ и освободилъ работницъ, хотя со стороны рабочихъ было не мало избитыхъ и раненыхъ штыками; одному даже прокололи легкое. Демонстранты съ криками восторга приняли въ свою среду выбѣжавшихъ дѣвушекъ и съ пѣніемъ Марсельезы и криками „долой самодержавіе, да здравствуетъ солидарность рабочихъ", двинулись въ главную часть города. Улица на большомъ протяженіи была покрыта народомъ. Участниковъ было свыше 10.000. Шествіе производило громадное впечатлѣніе. Здѣсь еще никогда не видѣли такой демонстраціи. Къ рабочимъ народъ стекался массами. Во многихъ мастерскихъ прекращались работы и рабочіе присоединялись къ демонстрантамъ. Идя по улицѣ, демонстранты останавливали конки и предлагали публикѣ сходить, распрягали лошадей и отправляли ихъ въ депо. Причемъ все это дѣлалось безъ всякихъ насилій. Въ страхѣ передъ демонстрантами буржуазія бросилась запирать магазины, но рабочіе всѣхъ успокаивали, говоря, что они не грабители и никого не тронутъ. Власти положительно растерялись. Полиція дѣйствовала неумѣло, солдаты на время потеряли демонстрантовъ изъ виду. Пройдя версты $1^1/_2$, толпа стала расходиться. Тутъ только на отдѣльныя кучки напали войска и полиція. Много избитыхъ, раненыхъ, есть арестованные, публика по преимуществу къ организаціи совершенно непричастная.

Демонстрація произвела въ городѣ большой переполохъ. Всюду по городу расхаживали войска. На площадяхъ разставили цѣлыя роты. Солдаты привлекали массу любопытныхъ и тѣмъ продолжали демонстрацію, начатую рабочими. По улицамъ всюду толпился народъ и старъ: и младъ повыползали изъ своихъ берлогъ. Всюду оживленно толковали о совершившемся. Всюду о демонстрантахъ отзывались сочувственно. Волненія не улеглись и на другой день. Французскій заводъ работъ не возобновлялъ. Рабочимъ Черноморскаго завода администрація сама предупредительно выдала отпускъ на недѣлю. Забастовали рабочіе мелкихъ мастерскихъ, прекратила движеніе конка. По улицамъ расхаживали демонстративно войска. По телеграфу были вызваны казаки ушедшіе на маневры; парадъ, который долженъ былъ произойти въ этотъ день отмѣненъ.

За городомъ въ рощѣ собралось около 300 рабочихъ. Они были окружены войсками, но успѣли разбѣжаться; арестовано нѣсколько человѣкъ.

На третій день начали расчитывать рабочихъ Франц. завода. Около завода собралась огромная толпа народа. Въ толпѣ были распространены листки изданные Комитетомъ. Они съ жадностью прочитывались рабочими и свободно, на глазахъ неподалеку стоявшихъ полиціи и жандармовъ, передавались изъ рукъ въ руки.

Въ толпу былъ посланъ, какъ было ранѣе условленно комитетскій ораторъ. Рабочіе подняли его на руки и онъ произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на необходимость политической борьбы, на значеніе стачки; онъ совѣтовалъ рабочимъ держаться стойко, не выдавать своихъ передовыхъ товарищей, и закончилъ рѣчь возгласомъ „долой самодержавіе!" Громкое ура раздалось ему въ отвѣтъ. Ораторъ скрылся. Рабочіе отправились въ коммерческій портъ. Остановили мастерскія быв. Мин. Пут. Сообщ., остановленъ элеваторъ. Въ это время на нихъ налетѣли солдаты. Былъ данъ выстрѣлъ; нѣсколько ранено, убитъ случайно проходившій старикъ. Рабочіе осыпали солдатъ камнями. Пострадали солдаты и полиція, убитъ околоточный. За два дня по оффиціальнымъ источникамъ арестовано 53 человѣка. Всего же арестовано гораздо больше. Во все время волненій Комитетъ ежедневно выпускалъ листки.

За послѣднее время Комитетъ выпустилъ слѣдующіе листки: „Что такое политическа свобода?" (печ.) „Къ рабочимъ Французскаго завода". (печ.) „Социальдемократы на судѣ" (переп. изъ Искры.) „По поводу послѣднихъ событій" (литогр.) „Къ солдатамъ" (гектогр.) „Опять по поводу послѣднихъ событій" (печат.) „Къ рабочимъ Французскаго завода" (печ.)

25-ое. Французскій заводъ еще не работаетъ. Расчитываютъ поголовно всѣхъ рабочихъ.

Елисаветградъ. Въ нашемъ городѣ, куда ни пойди, только и слышишь вездѣ разговоры о стачкѣ. Произошла она слѣдующимъ образомъ. Въ четвергъ, 10 іюля, въ $8^1/_2$ час. утра на заводѣ Яскульскаго по гудку, который рабочіе выпустили вмѣстѣ съ паромъ, они бросили работу и направились къ заводу Шкловскаго и Эльворти съ криками и пѣснями. Но благодаря усердію властей, ихъ не пропустили, и рабочіе разошлись кучками. На слѣдующій день бастовали всѣ заводы, за исключеніемъ Эльворти и Бургарта (у Яскульскаго I, Яскульскаго II, Шкловскаго, Краузе и Кесслера). Требовали уменьшенія работы на часъ времени, повышенія платы на 10% (проведенія водопровода для питьевой воды у Яскульскаго, гдѣ до сихъ поръ пили изъ какого-то грязнаго котла) и т. д. Вчера, 12 іюля, стачку выиграли. У Яскульскаго всѣ требованія удовлетворены, а на остальныхъ заводахъ почти всѣ главныя. Остальные заводы обѣщали уступить къ 15 іюля. Словомъ, нашъ городъ живетъ. У рабочихъ оживленныя лица. Жертвъ пока нѣтъ, но ожидаются. Всего стачечниковъ 800 человѣкъ. Теперь мы видимъ, какъ совсѣмъ незначительное число людей могутъ повести за собой массу. При собраніяхъ на заводахъ, рабочіе рвались въ городъ.

По сообщенію другого письма изъ Елизаветграда, на второй день забастовки изъ Одессы пріѣхалъ фабричный инспекторъ и подъ его предсѣдательствомъ было устроено засѣданіе изъ всѣхъ заводчиковъ, на которомъ всѣ согласились на выставленныя требованія. Заводы охранялись вытребованными изъ лагерей войсками и переодѣтыми въ форму городовыхъ жандармами. Было за городомъ собраніе въ 400 человѣкъ, говорились рѣчи политическаго характера. 14-го работа возобновилась.

Грандіозная стачка въ Баку. Восьмой день какъ въ Баку, Балаханахъ, Черномъ и Бѣломъ городѣ бастуютъ рабочіе, мастеровые, служащіе, караульщики, дворники и даже городовые, желѣзнодорожныя мастерскія, депо, кондуктора, машинисты, ихъ помощники, конно-желѣзная дорога и всѣ служащіе пароходовъ, типографщики, сотрудники газетъ, бастуютъ всѣ мелкія мастерскія. Словомъ, всеобщая забастовка; стоятъ всѣ нефтяные промыслы, шестой день не выходятъ газеты (а здѣсь три газеты), сапоги негдѣ почистить, постройки домовъ пріостаовлены, конки въ городѣ нѣтъ. Ежедневно массовыя собранія стачечниковъ за городомъ. Сходки каждый разъ состоятъ не менѣе, какъ изъ 3.000 людей, и 20 — 30-тысячныя сходки не рѣдкость. Бастуютъ около 50 тысячъ человѣкъ. Это нѣчто невиданное. Боюсь, что не сумѣю передать хоть сотой доли того, что происходитъ. Ахъ! еслибъ Россія (центры — Петербургъ и Москва) готова была, хоть сейчасъ на штурмъ иди! Администрація или прячется, или говоритъ раболѣпнымъ языкомъ. Казаки играютъ заискивающую роль, — только и слышно отъ нихъ: „Ради бога, не подведите насъ". Пріѣхалъ сюда изъ Тифлиса главноначальствующій и его помощникъ, пріѣхалъ начальникъ Закавказскихъ жел. дорогъ. Нефтепромышленники совѣтуются каждый божій день. Эти послѣдніе несутъ $2^1/_2$ милліона рублей убытка, бастующіе же — 400 тысячъ рублей; это цыфры изъ совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ. Настроеніе и бодрость бастующихъ небывалое и невиданное. Толпа жадно слушаетъ каждаго оратора, готова идти за нимъ. Нѣтъ силъ описать все то, что происходитъ кругомъ. У вчерашнихъ благонамѣренныхъ людей развязались языки, и они произносятъ громовыя рѣчи, говорятъ то, о чемъ у себя дома, въ четырехъ стѣнахъ комнаты, боялись даже шопотомъ говорить. Одинъ изъ ораторовъ, человѣкъ съ солиднымъ положеніемъ, скрывается; онъ говоритъ, что готовъ былъ бы скорѣе откусить себѣ языкъ, чѣмъ сказалъ бы то, что говорилъ этой толпѣ, да еще въ присутствіи властей, онъ самъ удивляется и даже не вѣритъ самому себѣ. Въ воскресенье было назначено массовое собраніе за городомъ, у Волчьихъ воротъ. Тутъ собралась 4 или 5 тысячная толпа. Говорили рѣчи до семи ораторовъ. Говорились рѣчи на политическія темы. Тутъ же присутствовали уѣздный начальникъ, казачій офицеръ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи сотня казаковъ. Въ тотъ же день и въ то же самое время у Балахановъ была сходка изъ 15 тысячъ, а можетъ быть и больше. Пока скажу, что требуютъ восьмичасового рабочаго дня, школъ, народныхъ театровъ, больницъ и увеличенія заработной платы и жалованья на 20%. Выходятъ ежедневно прокламаціи отъ комитета и стачечнаго комитета. Выходятъ прокламаціи даже на татарскомъ языкѣ. Идешь по улицѣ и видишь 400-500 человѣкъ, окруживъ молодого парня, жадно слушаютъ рѣчи своего оратора, которому, можетъ быть, приходится въ первый разъ говорить. Да, творится нѣчто знаменательное, то, что называется предвѣстникомъ революціи!

Баку, 14 іюля. (Позднѣйшее сообщеніе). О началѣ забастовки вы уже знаете. Продолжаю: 4 іюля стачка распространилась на весь Черный и Бѣлый городъ и на Биби-Эйбахъ. 5 іюля стачка перебросилась въ Балаханы. Рѣшительно вся промышленная жизнь города и окрестностей замерла. Рабочіе ходили тысячными толпами по заводско-промысловому району и вездѣ прекращали работу. Скоро найденъ былъ такой способъ для этого: рабочіе выпускали паръ изъ паровика, и все поневолѣ останавливалось. Сопротивленіе нигдѣ почти не оказывалось. Бывали случаи, что работы прекращались по требованію одного мальчишки — до того всѣ были увѣрены во всесиліи рабочихъ. Полиція была молчаливымъ зрителемъ всѣхъ этихъ событій; она сопровождала толпу забастовщиковъ, не дѣлая никакихъ попытокъ къ вмѣшательству. Скоро (5 іюля) стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкія ремесленныя мастерскія въ городѣ. Вслѣдствіе стачки жел.-дор. депо, товарные поѣзда стали. Команда прибывающихъ наливныхъ шкунъ немедленно присоединилась къ стачкѣ, прекратился слѣдовательно всякій привозъ и вывозъ товаровъ. Станція вся завалана товарными поѣздами, рейдъ заполненъ наливными шкунами. Строительные рабочіе прекратили работу: маляры, плотники бастуютъ. Мостовщики бросаютъ работу. Чернорабочіе-поденщики не являются на биржу для найма. Даже жалкіе изъ жалкихъ — амбалы, персы, метельщики городскихъ улицъ, мусорщики и ассенизаторы присоединяются къ забастовкѣ, заявляютъ свои требованія, держатъ рѣчи о томъ, что они не скоты, и требуютъ лучшихъ условій труда! Небывалое явленіе! и врядъ-ли кто могъ это предполагать. Даже ресторанная прислуга въ числѣ 100 человѣкъ забастовала въ 2-3 заведеніяхъ! Городовые сочувствуютъ забастовкѣ и въ разговорахъ выражаютъ готовность присоединиться къ ней. Дворники въ Бѣломъ городѣ въ числѣ около 50 чел. (по разсказамъ) сбрасываютъ съ себя знаки своего достоинства и заявляютъ, что за свои 8-10 рублей жалованья они не согласны подвергать свою жизнь опасности въ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ". Они требуютъ, чтобы они служили хозяевамъ, а не полиціи. Настроеніе въ высшей степени бодрое, приподнятое. Войско (меньше 1000 человѣкъ) и казаки не въ состояніи ничему помѣшать. Начинаются сходки. Вы уже знаете о первыхъ. На 6 іюля Комитетъ назначаетъ общую сходку у Волчьихъ воротъ за городомъ. Мѣсто выбрано не совсѣмъ удачно — очень далеко, особенно для Балахановъ. Вмѣсто ожидавшихся 15-20 тысячъ, является 5-6 тысячъ. Произнесено нѣсколько рѣчей о стачкѣ, о выставленныхъ требованіяхъ, о необходимости политической борьбы. Собраніе продолжается часа 2 въ присутствіи нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Ежеминутно играетъ рожокъ и, кажется, казаки вотъ-вотъ бросятся на толпу. Но все ограничивается одними военными упражненіями и артикулами. Офицеръ нѣсколько разъ подъѣзжаетъ къ толпѣ и кричитъ ораторамъ: „прекратить" „Продолжать!" раздается отвѣтъ. Собраніе кончено и мирно расходится. Толпа уже разсѣяна по полю (демонстраціи рѣшено не устраивать, если собранію дадутъ состояться). Все это время казаки начинаютъ тѣснить толпу. Они еще больше разсѣиваютъ ее и тогда хватаютъ 2-3 человѣка. Въ это время кто-то развертываетъ красное знамя, моментъ неудачный! Толпа разсѣяна; часть ея спѣшитъ къ знамени, но ее разсѣиваютъ казаки. Знамя держится съ минуту; затѣмъ знаменоносецъ бросаетъ его и скрывается. Въ тотъ-же день — отдѣльное собраніе въ Балаханахъ, понятно неорганизованное. Еще болѣе крупное собраніе происходитъ тамъ 7 іюля. Тамъ — 12-15000 чел., но оно столь же неорганизовано. Комитетъ слишкомъ поздно узнаетъ о немъ и не можетъ послать оратора. Не можетъ сдѣлать этого и „Бакинскій Стачечный Комитетъ", къ которому въ значительной степени переходитъ руководство движеніемъ. Собраніе продолжается часовъ 6, но производитъ очень грустное впечатлѣніе: никого, кто выразилъ-бы общее настроеніе, формулировалъ требованія и пр. Говорятъ, нѣкоторые управляющіе вносятъ еще большую смуту. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что неудача этого собранія была одной изъ главныхъ причинъ дальнѣйшихъ неуспѣховъ. Между тѣмъ въ Баку прибываютъ отовсюду войска: ихъ набирается около 5-600, и собранія становятся очень трудны. Неудача прежнихъ расхолаживаетъ публику, и дальнѣйшихъ собраній не происходитъ. Теперь войска повсюду разгоняютъ небольшія собранія (напр., ремесленниковъ около 150-200 чел.). Полиція начинаетъ насильничать; на улицахъ нагайками избиваютъ отдѣльныя небольшія группы рабочихъ чел. въ 6-8. Но продолжающійся успѣхъ забастовки поддерживаетъ бодрое настроеніе. Готовъ стать опрѣснитель, и городу грозитъ остаться безъ воды: казаки подъ нагайками заставляютъ рабочихъ работать. Электрическая Станція не работаетъ, и къ ужасу буржуа ихъ высокія зданія по вечерамъ остаются мрачными, неосвѣщенными. Одинъ вечеръ клубъ, гдѣ собирается вся мѣстная буржуазія, погружается въ мракъ; едва мерцаютъ свѣчи, и растерявшійся лакей вяло служитъ своимъ господамъ. Тогда начинаютъ приниматься болѣе рѣшительныя мѣры. Электрическую Станцію пробуютъ пустить въ ходъ при помощи матросовъ; а когда это не удается, рабочихъ подъ штыками принуждаютъ къ работѣ. Конка собираетъ всякій сбродъ, и вотъ появляется небывалое зрѣлище: каждый вагонъ конки двигается съ двумя штыками: одинъ на передней, другой — на задней площадкѣ. Побѣда! Буржуа ободряется. Желѣзно-дорожныя мастерскія начинаютъ работать, сначала при помощи жел.-дор. батальона, выписаннаго изъ Закаспія. Жел.-дор. рабочимъ объявляютъ разсчетъ. Записывается сначала 18 чел. „Желающихъ работать" колотятъ товарищи, а жандармовъ встрѣчаютъ криками: долой жандармовъ! На объясненія съ начальникомъ дороги является толпа въ 3000 человѣкъ (въ депо всего 4-5000 чел.). Выпускается очень хорошій отвѣтъ Районаго комитета. Вообще теперь листки одни поддерживаютъ настроеніе; но ихъ слишкомъ недостаточно (отъ 3, 6, 8, 10, 14 — печатныхъ отъ Комитета; гектографированныхъ: къ табачнымъ фабрикамъ, къ ресторанной прислугѣ, къ морякамъ, къ обществу). Начинаются переговоры съ нефтепромышленниками. Вырабатываются требованія балаханскихъ рабочихъ (они изданы Стачечнымъ Комитетомъ гектографированными) и предъявляются черезъ депутацію Совѣту Съѣзда Нефтепромышленниковъ. Въ своемъ засѣданіи нефтепромышленники признаютъ „принципіально" право рабочихъ вступать въ договорныя отношенія на разныхъ правахъ и устраивать для этого коалиціи и стачки; „но"... это — не стачка, а „насиліе" одной части рабочихъ надъ другой и потому они „принципіально" отвергаютъ всѣ требованія рабочихъ. Вывѣшиваются повсюду объявленія: кто 14 іюля къ 6 часамъ утра не явится на работу, считается уволеннымъ; послѣ возобновленія работъ нужды рабочихъ будутъ разсмотрены и „по возможности" удовлетворены. Управляющіе фирмъ недовольны рѣшеніемъ, собираются отдѣльно и вырабатываютъ компромиссы, но сюзерены объявляютъ ихъ рѣшеніе мятежнымъ. „Никакихъ уступокъ!" — такой теперь лозунгъ не только крупныхъ фирмъ, но и мелкихъ, готовыхъ раньше на большія уступки. Они чувствуютъ за собою поддержку штыковъ. „Либеральные" капиталисты — въ объятіяхъ жандармовъ. Черный и Бѣлый городъ почти весь уже взялся за работу, работаетъ частью и Биби-Эйбатъ. Но главное основное ядро стачечниковъ — балаханскіе рабочіе и промыслы въ Балаханахъ и на Биби-эйбатѣ и сегодня 14-го не взялись за работу. На Биби-Эйбатѣ взялись было мѣстами и снова бросили. Въ Балаханахъ, говорятъ, работаютъ въ Романинскомъ районѣ, но точно сейчасъ еще не извѣстно. Между тѣмъ капиталисты терпятъ громадные убытки — они исчисляются милліонами. Сегодня Комитетомъ Партіи выпущенъ листокъ съ призывомъ продолжать забастовку въ виду Тифлискихъ событій. Если Тифлискія событія поддержатъ духъ, хозяевамъ, вѣроятно, все-таки придется пойти на уступки, хотя въ среду рабочихъ начинаетъ прокрадываться уныніе. Подождемъ, увидимъ. Сдѣлаемъ общій обзоръ событій. По своимъ размѣрамъ и всеобщности — стачка небывала и грандіозна. Самые низшіе слои пролетаріата приняли въ ней участіе. Впервые мусульманское рабочее населеніе, жалкіе и забитые персы въ томъ числѣ, активно борются за улучшеніе своей участи. Они мѣстами самые ярые забастовщики; какъ наименѣе сознательные, они проявляютъ наибольшую склонность къ физическому воздѣйствію. Въ одномъ мѣстѣ въ Балаханахъ толпа лезгинъ разрушила кочегарку. Около завода Шипаева въ Бѣломъ городѣ произошло столкновеніе толпы татаръ съ фабрики Бріева съ частью Шибаевскихъ рабочихъ, приступившихъ къ работѣ, и съ войсками. Стрѣляли и изъ толпы — нѣсколько раненыхъ. Выпускались листки и на татарскомъ языкѣ, но къ сожалѣнію очень мало. По размѣрамъ стачка грандіознѣе осенней Ростовской: общее число забастовщиковъ надо считать тысячъ въ 40-50. Но къ сожалѣнію надо признать, что для цѣлей политической агитаціи она была использована очень мало. Собранія въ общемъ не удались, листковъ мало. Въ этомъ надо винить съ одной стороны — расколъ среди мѣстныхъ соц.-дем., съ другой — общую слабость силъ и неподготовленность Комитета къ руководству такимъ грандіознымъ движеніемъ. Не задолго до стачки Комитетъ обсуждалъ вопросъ объ общей забастовкѣ, предвидя ея возможность, но рѣшилъ не вызывать ее въ виду своей неподготовленности. Но событія опередили Комитетъ. Повторилась старая исторія: организація позади движенія. Особенно неорганизовано движеніе въ Балаханахъ: нѣкоторые вожаки балаханской стачки стоятъ даже на точкѣ зрѣнія „чисто экономической" борьбы. Встрѣчаются подобные голоса (и при томъ не одинокіе) и въ городѣ. Но тѣмъ не менѣе результаты стачки все-же велики и свидѣтельствуютъ объ огромномъ ростѣ движенія и о громадной солидарности рабочихъ: многіе рабочіе бастовали единственно изъ солидарности. Впрочемъ, о результатахъ движенія еще рано говорить. Теперь-бы побольше литературы сюда, ея совсѣмъ нѣтъ! 14 іюль 7 часовъ вечера.

Тифлисъ. Съ понедѣльника (14 іюля) въ Тифлисѣ ожидается общая забастовка. (Бастовать будутъ жел. дор. мастерскія, мясники, прикащики, пекаря, типографщики, ожидаютъ и трамвай). Прикащики со второго іюля поставили требованія — рабочій день только до восьми часовъ вечера — они добились своего — всѣ эти дни въ закрытіи лавокъ въ восемь часовъ принимаетъ участіе и полиція. За прикащиками поднялись мелкія мастерскія — требуютъ окончанія рабочаго дня въ шесть часовъ (до сихъ поръ эти мастерскія — мѣдно-литейныя, сапожныя и т. д. — работали до 10-11 часовъ вечера). Съ 11 объявили стачку мясники — требуютъ уничтоженія городскихъ лавокъ (мясныхъ) и нѣкот. измѣненій въ перевозкѣ и осмотрѣ скота. Съ завтрашняго дня устраиваютъ стачку пекаря. Можно надѣяться, что ни одна отрасль производства не останется въ спокойномъ состояніи. Сегодня газеты не вышли, — типографщики поставили свои требованія. Въ нѣкоторыхъ типографіяхъ сдѣлали повальный обыскъ, раздѣвали догола, обыскивали, не выпускали изъ типографій, заставляли работать.

Союзный Комитетъ озабоченъ тѣмъ, чтобы сорганизовать обще-кавказскую забастовку. Начало положено было Баку. О чудныхъ дѣлахъ въ Баку вы, вѣроятно, получите свѣдѣнія непосредственно. Въ Тифлисъ извѣстія (по почтѣ) не доходятъ. Теперь на Кавказѣ творятся удивительныя дѣла: движеніе захватываетъ все болѣе широкія массы. Даже такой обиженный природой уголъ, какъ Гори, и тотъ не остался глухъ къ политической борьбѣ. Во время высылки интиллигентовъ Джибладзе и Цабадзе, на вокзалѣ собралась болѣе 200 чел. (интел., рабоч., лавочники, ремесл.; надо замѣтить, что въ Гори нѣтъ ни одного промышленнаго заведенія; собравшаяся публика на вокзалѣ провожала поѣздъ съ пѣніемъ и крикомъ: „долой самодержавіе! да здравствуетъ республика и отъѣзжающіе товарищи!"

Въ Батумѣ въ концѣ іюня былъ убитъ однимъ провокаторомъ по фамиліи Кенія одинъ рабочій (сознательный) Ломадтарія. На похоронахъ послѣ гудка собралась масса народу (3.000 чел.); хотѣли понести по главнымъ улицамъ, но около Манташевскаго пер. встрѣтили полицію и принуждены были пойти прямо на кладбище. Тамъ было произнесено нѣсколько политическихъ рѣчей; провожающіе возвращались обратно съ пѣніемъ Марсельезы на трехъ языкахъ (грузинскомъ, армянскомъ и русскомъ). Интересна одна подробность: по пути слѣдованія, при встрѣчѣ съ буржуа, требовали, чтобъ онъ повернулъ обратно, а при встрѣчѣ съ рабочимъ кричали: „дорогу рабочему!“ Полиція не особенно старается преслѣдовать убійцу, но рабочіе рѣшили его при случаѣ убить. На одной изъ ближайшихъ станцій къ Батуму убитъ провокаторъ.

Тифлисъ, 9 (22) іюля. (Письмо рабочаго.) Въ городѣ еще нѣсколько дней назадъ ходилъ слухъ о томъ, что 1 (14) іюля ссылаютъ въ Восточную Сибирь четырехъ политическихъ: 1) Георгія Караджева (арм. интел., арестованъ 16 февраля 1902 года, 40 лѣтъ); 2) Георгія Вардояна (институтецъ, арм., арест. 4 фев. 1902 г., 23 лѣтъ); 3) Власа Мгеладзе (грузинъ, наборщикъ, арес. въ ноябрѣ 1901 г., 28 л.); 4) Эраста Чантладзе (наборщикъ, ар. въ апрѣлѣ 1901 г., грузинъ, 30 лѣтъ). По этому поводу 1 (14) іюля большая толпа окружила тюрьму. Кромѣ рабочихъ, собралось много женщинъ, дѣтей и постороннихъ лицъ. Но скоро ихъ разогнали. Тогда толпа изъ тюрьмы отправилась къ Петро-Павловскому кладбищу*), на желѣзной дорогѣ, откуда долженъ былъ пройти поѣздъ, а я отправился на вокзалъ. Было уже половина перваго, второй звонокъ давно прозвонилъ, но ссыльныхъ еще не приводили. Наконецъ, привели уголовныхъ, но среди нихъ нашихъ четырехъ товарищей не было. Поѣздъ тронулся, а въ это самое время на платформѣ, среди многочисленныхъ рабочихъ (около 10.000 чел.), гордо поднялось красное знамя, на которомъ на трехъ языкахъ, золотыми буквами было написано: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь. Да здравствуетъ свобода. Долой самодержавіе.“ Демонстранты, думая, что въ этомъ поѣздѣ находятся наши товарищи, минуты на три остановили поѣздъ. Тогда со стороны властей началась звѣрская расправа, начали стрѣлять изъ револьверовъ въ рабочихъ. Изъ нашихъ было ранено пять человѣкъ; одинъ изъ нихъ былъ раненъ очень тяжело, а остальные не опасно.

Оказалось, что правительство нахально обмануло насъ. Изъ тюрьмы нашихъ товарищей отвезли прямо на Невтлукъ (первая станція отъ Тифлиса) и хотѣли оттуда отправить ихъ. Когда бывшіе на Петро-Павловскомъ кладбищѣ узнали, что они обмануты, тотчасъ же черезъ Авлабара (часть города) вернулись въ городъ, но они увидѣли четыре кареты, окруженныя казаками вмѣстѣ съ полицеймейстромъ и губернаторомъ: это везли четырехъ политическихъ. Здѣсь, конечно, толпа выказала свою симпатію къ благороднымъ борцамъ.

Тяжело раненнаго товарища увезли въ Михайловскую больницу, гдѣ онъ въ тотъ же вечеръ умеръ. Когда рабочіе узнали объ этомъ, они были очень опечалены и огорчены. Хотѣли въ ближайшее воскресеніе устроить грандіозную демонстрацію и торжественно похоронить борца за свободу. Но каково было наше негодованіе и возмущеніе, когда мы на слѣдующій день узнали, что начальство въ три часа ночи, украло трупъ и тайкомъ похоронило его. Теперь у насъ даже мальчуганы называютъ правительство воромъ и разбойникомъ, такъ какъ оно украло нашихъ четырехъ товарищей изъ тюрьмы, а умершаго изъ больницы.

Всѣ говорятъ, что правительство видитъ, что оно не въ состояніи побѣдить насъ насиліемъ и, прибѣгаетъ теперь къ хитростямъ и разбойничеству. Съ этимъ мы, конечно, поздравляемъ его. Эта трусость правительства насъ очень забавляетъ.

У насъ продолжается волненіе среди приказчиковъ. Они каждый вечеръ разбиваютъ стекла магазиновъ, и требуютъ, чтобы магазины открывались не раньше восьми часовъ утра и закрывались не позже восьми часовъ вечера. Они добились того, что теперь сама полиція заставляетъ хозяевъ исполнять ихъ требованіе.

Армянскій рабочій.

Кіевъ. 21 іюня Комитетъ Партіи обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ типографщикамъ и къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. „Бросайте немедленно работу. Наши Одесскіе и Бакинскіе товарищи ждутъ нашей поддержки“, писалъ Комитетъ въ своемъ воззваніи къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, выставляя рядъ (15) требованій съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ и повышеніемъ расцѣнковъ на 40 50°/₀ во главѣ. Въ тотъ же день бросили работу *всѣ* рабочіе жел. дор. мастерскихъ, депо и малаго ремонта и Южнорусскаго машиностроительнаго завода, въ числѣ 4000 человѣкъ. Въ листкѣ къ типографщикамъ, Комитетъ предлагалъ выставить требованія увеличенія заработной платы на 30°/₀, восьмичасового раб. дня, устройства вентиляцій и лучшаго освѣщенія въ типографіяхъ. 22 іюля типографщики въ числѣ 500-600 человѣкъ, присоединились къ стачкѣ.

О дальнѣйшемъ разростаніи стачки, о вмѣшательствѣ военной силы и связанныхъ съ этимъ событіяхъ — надѣемся сообщить въ слѣдующемъ номерѣ.

Изъ Донецкаго бассейна. Весною настоящаго года россійской соціальдемократіей въ лицѣ „Соціальдемократическаго Союза Горнозаводскихъ рабочихъ“ впервые была произведена попытка революціонизированія широкихъ массъ горнозаводскаго пролетаріата юга Россіи путемъ подмета листковъ и прокламацій. До этого были производимы только разрозненныя попытки распространенія литературы и листковъ въ Маріуполѣ и Юзовкѣ Екатеринославскимъ Комитетомъ, и въ Таганрогѣ — Донскимъ Комитетомъ (въ Сулинскомъ заводѣ и въ Александрово-Грушевскомъ районѣ Донской Комитетъ работалъ болѣе систематически).**) „Соціальдемократическій Союзъ Горнозаводскихъ рабочихъ“ поставилъ себѣ спеціальной цѣлью обслуживать всѣ крупные металлургическіе и машиностроительные заводы и шахты на югѣ. Первый опытъ далъ результаты вполнѣ удовлетворительные. Втеченіе марта, апрѣля и мая „Летучимъ отрядомъ“ и мѣстными комитетами „Союза“ распространено на большинствѣ крупныхъ заводовъ и шахтъ до 50.000 листковъ и прокламацій самаго разнообразнаго содержанія***). Прежде, чѣмъ приступить къ описанію майской агитаціи и настроенія горнозаводскаго пролетаріата въ эти дни, скажемъ нѣсколько словъ о весенней агитаціи „Союза“. До 18 апрѣля „Союзомъ“ было выпущено изъ собственной типографіи свыше 30.000 листковъ и распространено болѣе 1.000 экз. различныхъ брошюръ и періодическихъ изданій. Наибольшимъ успѣхомъ изъ семи листковъ, выпущенныхъ „Союзомъ“ до 18 апрѣля, пользовались: „Науки и Мухи“ Либкнехта со сказкой “О попѣ и чортѣ“ въ приложеніи (8 тыс. экз.), „Кто наши враги?“ (6 тыс. экз.) и „Какъ до сихъ поръ боролись шахтеры и заводскіе рабочіе за лучшую долю и какъ дѣйствовать теперь?“ (6 тыс. экз.) Въ приложеніи къ листкамъ было помѣщено до десятка стихотвореній и пѣсенъ революціоннаго содержанія. Сравнительно меньшимъ успѣхомъ пользовался листокъ „О безработицѣ“ вслѣдствіе чрезмѣрной трудности темы и недоступности ея широкимъ массамъ шахтеровъ. Весенній опытъ, какъ мы упомянули уже выше, далъ прекрасные результаты: все населеніе горнозаводскаго юга всколыхнулось, всѣ заговорили о „соціалистахъ“ и „афишкахъ“ (такъ рабочіе называютъ листки), появлявшихся, по ихъ мнѣнію, чуть ли не ежедневно у дверей каждаго рабочаго; кто самъ не могъ прочитать „афишку“, тотъ съ жадностью слушалъ, что говорятъ товарищи, которымъ удалось раздобыть листокъ. Многіе хранили листки на память („кабы я зналъ, говорилъ одинъ шахтеръ, кто пишетъ эти „письма“ — тоже привившееся среди шахтеровъ названіе прокламаціи — я бы снялъ съ него портретъ и повѣсилъ себѣ вмѣсто образа“). Все пришло въ движеніе — рабочіе тщательно подбирали листки, полиція и служащіе на рудникахъ и заводахъ стали производить цѣлыя облавы, чтобы не допустить среди рабочихъ распространенія запретной литературы. Если кто изъ рабочихъ и не слыхалъ о „письмахъ“, то розыски полиціи дѣлали ихъ еще болѣе популярными среди массы. Особенно много содѣйствовали этому и возбуждали интересъ къ „письмамъ“ попы, которые принялись усердно съ амвона доказывать рабочимъ зловредность соціализма и увѣщевали не читать прокламацій, раскидываемыхъ „соціалистами“. Облавы, производимыя полиціей не дали особенно блестящихъ результатовъ, такъ какъ громадное большинство листковъ осталось въ рукахъ рабочихъ. Пропаганда духовенства была еще болѣе на руку агитаціи „Союза“, который собирается по этому поводу выпустить спеціальный листокъ. Нужно, однако, сознаться, что для шахтеровъ листки „Союза“ оказались недостаточно понятными и многое истолковывалось совершенно превратно. Гораздо лучше были поняты и больше успѣха имѣли листки среди заводскихъ рабочихъ, гдѣ сплошь и рядомъ приходится встрѣчать вполнѣ интеллигентныхъ и сознательныхъ рабочихъ, открыто именующихъ себя „соціальдемократами“. Смута, произведенная листками „Союза“, создала крайне тревожное настроеніе на всемъ югѣ: шахтеры повсемѣстно стали готовиться къ „бунту“; всѣ ожидали небывалыхъ безпорядковъ. Въ виду этого „Союзъ“ выпустилъ листокъ № 7, въ которомъ предостерегалъ рабочихъ отъ буйства и такъ-наз. „бунта“, поясняя вредъ подобныхъ безпорядковъ на исторіи прежнихъ волненій на югѣ.

Сенсація, произведенная мартовской и апрѣльской агитаціей, а также повсемѣстное возбужденіе умовъ въ Россіи побудили „Союзъ“ приступить къ самой широкой майской агитаціи. „Союзъ“ рѣшилъ призывать горнозаводскихъ рабочихъ къ празднованію 1 мая посредствомъ однодневной забастовки и демонстраціи. Съ этой цѣлью имъ было распространено на 15 заводахъ и 19 рудникахъ 8 тысячъ листковъ съ разъясненіемъ значенія 1 мая, въ приложеніи къ нимъ были помѣщены „Рабочая Марсельеза“ и „Пѣсня 1 мая“ (печатано въ собствен. типографіи), пять тысячъ листковъ съ призывомъ къ празднованію 1 мая (печ. въ собств. тип.), пять тысячъ майскихъ листковъ „Организаціоннаго Комитета“. Въ общемъ, пущено въ обращеніе на 34 шахтахъ и заводахъ 18 тысячъ майскихъ прокламацій (не считая семи тысячъ майскихъ листковъ, распространенныхъ Донскимъ Комитетомъ въ Таганрогѣ, Сулинѣ и Александрово-Грушевскѣ — тогда цифра майскихъ листковъ, распространенныхъ на всемъ горнозаводскомъ югѣ, достигнетъ *двадцати пяти тысячъ*). Однако, планы „Союза“ были осуждены на неудачу: кишиневскій погромъ заставилъ его, въ виду крайней некультурности шахтеровъ, отказаться отъ мысли устройства демонстрацій. Повсюду — и въ Маріуполѣ, и въ Юзовкѣ, и въ Луганскѣ, носились упорные слухи о еврейскомъ погромѣ; полицейскій приставъ Левицкій въ Юзовкѣ, не стѣсняясь, угрожалъ въ случаѣ демонстраціи, погромомъ евреевъ; повсюду началось массовое выселеніе евреевъ; да и служащіе на многихъ рудникахъ всячески стремились уѣхать на опасное время съ шахтъ подальше; всѣ готовились къ небывалому бунту. Организовать въ такое время демонстрацію было слишкомъ рискованно. „Союзъ“ готовъ былъ удовлетвориться огромной сенсаціей, произведенной имъ по всему бассейну, тѣмъ болѣе, что сами власти повсюду спѣшили устроить внушительную военную манифестацію въ день 1 мая и всѣ ближайшіе праздники. Такимъ образомъ, все населеніе узнало, что среди рабочихъ неспокойно, что 1 мая — опасный день для правительства. Особенно усердствовали власти въ Луганскѣ*) и нагнали туда массу войска, опасаясь, чтобы рабочіе во время манифестаціи не разграбили патронный заводъ, гдѣ хранится масса динамиту, и склады пороха и оружія. Въ Маріуполѣ, за отсутствіемъ регулярныхъ войскъ, воинскій начальникъ нарядилъ въ военное облаченье ополченцевъ, отбывавшихъ весенній сборъ. Появленіе подобнаго войска на улицахъ возбудило среди рабочихъ гомерическій хохотъ, такъ какъ среди „усмирителей“ они узнавали многихъ своихъ товарищей и друзей. Кто знаетъ, — въ случаѣ столкновенія, пожалуй, ополченцы перешли бы на сторону „бунтовщиковъ“. Въ Юзовку, Волынцево, Макѣевку, Таганрогъ и Александро-Грушевскъ равнымъ образомъ нагнали цѣлыя полчища казаковъ и даже пѣхоты. Все это еще болѣе волновало и безъ того взбудораженное населеніе.

Помимо даже воли „Союза“ майская агитація вызвала коегдѣ волненія и попытки празднованія 1 мая. Въ Таганрогѣ мѣстный Комитетъ рѣшилъ организовать однодневную забастовку: весь день не работали на „маломъ“ заводѣ Вильде (800 чел.) и въ нѣкоторыхъ цехахъ „большого“ — металлургическаго завода. Въ Юзовкѣ втеченіе всей пасхи и во всѣ праздники передъ 1 мая по улицамъ и особенно на базарѣ толпились огромныя массы шахтеровъ и мастеровыхъ въ ожиданіи демонстраціи: даже 1 мая, въ будни, на „насыпи“ собралось много народу и, несмотря на настойчивое требованіе полиціи, толпа не расходилась, пока, наконецъ, полиція не оцѣпила и не переписала до 30 рабочихъ. Въ Маріуполѣ передъ самымъ 1 мая вспыхнули подъ очевиднымъ вліяніемъ майскихъ листковъ двѣ стачки: одна въ листопрокатномъ цехѣ завода „Русскій Провидансъ“ (200 чел.), другая въ томъ же цехѣ на заводѣ „Никополь-Маріупольскаго Общества“ (до 250 чел.). На „Провидансѣ“ забастовали изъ-за пониженія расцѣнковъ. Новый директоръ, г. Тумановъ, прославившійся безчеловѣчной эксплуатаціей рабочихъ и преслѣдованіемъ рабочихъ-иновѣрцевъ (особенно поляковъ) еще въ бытность свою директоромъ Макѣевскаго металлургическаго завода**), понизилъ расцѣнки въ листопрокатномъ цехѣ до того, что заработокъ рабочихъ сократился наполовину. Достаточно было искры, чтобы недовольство рабочихъ прорвалось наружу. Листки „Союза“ были этой искрой. Но г. Тумановъ рѣшилъ энергично пресѣчь стачку: онъ немедленно объявилъ разсчетъ 100 рабочимъ и предложилъ имъ тотчасъ же очистить квартиры. По всей вѣроятности, столь рѣшительный образъ дѣйствій директора вызвалъ бы всеобщее возмущеніе и крупные безпорядки на обоихъ заводахъ по примѣру 1899 г., но вмѣшательство окружного инженера, г. Абрамова, прекратило волненіе въ самомъ зародышѣ. Зная результаты административной дѣятельности г. Туманова по Макѣевкѣ, окружной инженеръ заставилъ директора принять обратно всѣхъ разсчитанныхъ рабочихъ и удовлетворить хоть отчасти требованія забастовщиковъ. Вскорѣ работы возобновились. Въ случаѣ невыполненія обѣщанія стачка, по всей вѣроятности, возобновится. Вслѣдъ за этимъ вспыхнула забастовка на „Никополь-Маріупольскомъ заводѣ“ изъ-за неаккуратной выдачи заработка; были выставлены, кромѣ того, и другія требованія (напр., удаленіе нелюбимаго мастера Вейсика и др.) Нагрянули власти, полицеймейстеръ обратился къ толпѣ рабочихъ, собравшихся въ огромномъ количествѣ (для обсужденія стачки) съ рѣчью, въ которой доказывалъ, что онъ за рабочихъ. Тогда изъ толпы забастовщиковъ выступилъ ораторъ-рабочій, который произнесъ воодушевленную и обстоятельную рѣчь въ отвѣтъ на лицемѣрныя увѣщеванія полиціи. Онъ перечислялъ всѣ прегрѣшенія заводскаго начальства и полиціи, подробно изложилъ и мотивировалъ всѣ требованія забастовщиковъ. Красной нитью въ рѣчи оратора проходила идея политической борьбы, неизбѣжность столкновенія рабочихъ съ правительствомъ; указывая на извѣстные безпорядки 1899 г., онъ призывалъ товарищей къ борьбѣ за политическую свободу. Рѣчь эта произвела огромное впечатлѣніе, и заводоуправленіе, помня 14 іюля 1899 г. (день избіенія маріупольскихъ рабочихъ), а также зимнія волненія рабочихъ по поводу массоваго разсчета и выселенія нѣсколькихъ сотенъ рабочихъ семействъ, поспѣшило удовлетворить требованія забастовщиковъ. Кромѣ того, происходили частичные безпорядки и непродолжительныя стачки на нѣкоторыхъ рудникахъ (напр., на Щеглинскомъ рудникѣ и друг. возлѣ Луганска), кончавшіяся коегдѣ разгромомъ конторъ и другихъ рудничныхъ зданій.

Массовое распространеніе изданій „Союза“ усилило, разумѣется, бдительность полиціи: повсюду были даваемы инструкціи стражникамъ и полицейскимъ, обѣщаны награды за поимку „разбрасывателей“, усилены наряды полиціи. Произведена масса обысковъ въ Маріуполѣ, Юзовкѣ, Луганскѣ, Таганрогѣ, Сулинѣ и даже Волынцевѣ. Забирали случайныхъ прохожихъ, заводскихъ служащихъ и даже воришекъ. Арестовано въ общемъ повсюду до 30 человѣкъ. Въ Луганскѣ сидятъ: Крупицкая (акушерка), Яковлевъ (служащій на заводѣ Гартмана), Овчинкинъ (рабочій, по слухамъ, онъ взятъ съ кипой прокламацій въ Юзовкѣ и былъ сильно избитъ полиціей) и много другихъ, въ общемъ 18 человѣкъ. Въ г. Бахмутѣ: Липкинъ (портной), арестованъ по подозрѣнію въ распространеніи прокламацій, Гутцайтъ (фотографъ), выпущенъ. Въ Таганрогѣ сидитъ, кромѣ ростовцевъ, нѣсколько человѣкъ, по подозрѣнію въ разбрасываніи майскихъ прокламацій. Кромѣ того, были взяты, но скоро выпущены: въ Маріуполѣ — Гольдманъ, рабочій (теперь отбываетъ наказаніе, 3 мѣс. заключенія, въ Таганрогской тюрьмѣ), въ Юзовкѣ — Шестаковъ (повѣрен. по суд. дѣламъ), Альтшуллеръ (печатникъ) и многіе другіе.

Москва. Въ началѣ іюля на заводѣ Бромлей была стачка 2.000 рабочихъ послѣ того, какъ фабричная администрація объявила уменьшеніе расцѣнковъ. Рабочіе отказались работать и легли на дворѣ безъ крика и шума. Послѣ свистка на обѣдъ, рабочіе ушли домой и, вернувшись, легли опять на дворѣ. Дисциплина во все время стачки была превосходная. Около того же времени была стачка на фабрикѣ Листа. Требовали удаленія директора, повышенія расцѣнокъ, уменьшенія рабочаго дня. Требованія удовлетворены.

Озеры, Коломенскаго у. Московской г. Стачка въ Озерахъ (№ 44 „Искры“) прекратилась тотчасъ же послѣ того, какъ было вывѣшено объявленіе исправн., такъ какъ Моргуновымъ были сдѣланы нѣкоторыя уступки и при томъ было извѣстно, что, въ виду дороговизны хлопка и наличности богатаго запаса товара на складѣ, остановка прядильни принесла бы только одну пользу хозяину.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Съ февраля 1903 года **Сѣвернымъ Рабочимъ Союзомъ** было издано и, между прочимъ, распространено: 1) листокъ „къ товарищамъ“ (памяти погибшихъ) (типографія Орг. Ком.); 2) листокъ ко всѣмъ русскимъ рабочимъ (по поводу 19 февраля); 3) брошюра „Письмо матроса къ товарищамъ“ (собст. типог.); 4) брошюра „Самодержавіе колеблется“ (перепеч. изъ Искры, въ собст. типог.); 5) майскіе листки Орг. Ком. и Искры; 6) перепечатка „Открытаго письма въ Искру“ (№ 34). — Издано **Ярославскимъ Комитет. Союза**: 1) Къ обществу и рабочимъ по поводу возобновленія Комитетомъ работы; 2) Къ обществу (по поводу голодовки въ тюрьмѣ); 3) листокъ по поводу Костромской демонстраціи. — **Костромскимъ Комитетомъ** издано: 1) листокъ: Ко всѣмъ костромскимъ рабочимъ (по поводу быв. стачки-демонстраціи); 2) Къ обществу (по поводу того же). Объ изданіяхъ **Тверского Комитета** см. предыдущіе №№ Искры.

Пермскій Комитетъ Партіи издалъ въ іюлѣ листки: 1) къ учителямъ и учительницамъ; 2) по поводу истязаній въ пермской тюрьмѣ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Нижній-Новгородъ Во второй половинѣ іюня арестованы: Сысинъ, Б. Морковинъ, Второва, Кольбахъ, Тучина и отправлены въ Восточную Сибирь; Моисѣевъ (братъ осужденнаго зимой за демонстрацію) сосланъ на низъ Волги. — Въ **Екатеринославѣ** въ ночь на 25 іюня арестовали 28 чел., преимущественно рабочихъ. На дняхъ бѣжалъ изъ мѣстной тюрьмы товарищъ Друянъ.

Приговоры. Одесса. Арестованные во время гектографированія прокламаціи по поводу самоубійства рабочаго на фабрикѣ Высоцкаго въ іюнѣ 1902 г. и выпущенные спустя шесть недѣль получили теперь поражающій приговоръ: Абрамъ Грабарскій, фотографъ, Яковъ Спивакъ, служащій въ конторѣ, и Соня Гройсманъ, учительница — 3 года Восточной Сибири, Ф. Колтунъ, учитель — 7 лѣтъ Вост. Сибири. По харьковскимъ соц.-дем. дѣламъ съ октября и декабря 1900 г. извѣстны приговоры: врачъ Л. Файнбергъ, бывшій студ. В. Марковъ, пом. пр. пов. Рогачевскій — 3 г. гласнаго надзора, мать и дочь Николаевы — 2 года надзора, быв. студ. П. Шумовъ — 5 л. Вост. Сибири.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поправка. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ Искры допущена ошибка, состоящая въ слѣдующемъ. Арестованнымъ редакторомъ Курской газеты названъ ошибочно Богомазовъ, вмѣсто дѣйствительно арестованнаго редактора Началова.

Поправка. Въ № 44 „Искры“, въ статьѣ „Еще о соціально-революціонной стратегіи“, говоря о майской демонстраціи въ Тифлисѣ, мы цитировали корреспонденцію, приведенную въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ нашей газеты. При этомъ, благодаря ненадлежащему размѣщенію ковычекъ, наши собственныя слова — „опоздавшей полиціи осталось только вымѣщать свою злобу на тѣхъ, кто почему-либо во время не успѣлъ разойтись“ — оказались отнесенными къ цитатѣ. Просимъ читателей исправить этотъ корректорскій недосмотръ.

Матвѣю. Письма получили, дайте адресъ для отвѣта.

Мирэ. Письмо не разобрано, просимъ правильнѣе шифровать.

Таблеру. Письмо получено, все будетъ улажено.

Получено: изъ Цюриха: за литературу 144,20 фр., по подписному листу на изд. брошюры объ антисемитизмѣ 44,20 фр., съ реферата 25 фр., пожертвованія и членскіе взносы 33 фр.; изъ Л.: отъ Феди 36 мар., отъ добровольцевъ 24 мар.; чрезъ Мюнхенъ отъ дурака 3 руб.; изъ Берна: за литературу 127 фр., по подп. листу на изд. брош. объ антисем. 31 фр., отъ химички 5,30 фр., отъ предпріятія 5,70 фр.; съ вечеринки въ Ю. Б. для Орг. Ком. 225 мар.; съ Урала на „И“ 10 руб.; изъ М-на 100 мар.; изъ Вѣны за литературу 15 гульд.; собрано по подп. листамъ для кавказскихъ и одесскихъ стачечниковъ: въ Бернѣ 12,20 фр., въ Билѣ 11,30 фр., въ Шпицѣ 70 фр., въ Беатенбергѣ 36 фр.; отъ Б. К. Ф. на литературу 22 фр.; отъ радикала изъ К...ни „сильно запоздало“ 10 руб.; отъ Г. С. Д. и F. J. H. 300 мар.; съ реферата въ Бернѣ 22 фр.; изъ Москвы 78,50 фр.; изъ Нью-Іорка 55 доллар.; черезъ „Лысаго“ получено „въ новый годъ“ 106 р.; изъ Кларана для Кіевскихъ, Одесскихъ и Кавказскихъ стачечниковъ 107 фр.

Отъ Женевскаго отдѣленія общ. помощи ссыльнымъ и заключеннымъ черезъ организацію Лиги революціонной соціальдемократіи переслано: въ Саратовъ 10 руб.; въ Вятскую губ. 10 р.; въ Енисейскую г. 10 р.; для Т. 10 р.; для Б. 40 фр.; въ П. 40 фр. для О. 10 р.; въ Саратовъ для К. 20 р.; въ Красноярскъ 5 р.; почтовые расходы 2,15 фр.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры“.

---

*) На кладбищѣ собралось около 5.000 человѣкъ.

**) Впрочемъ, въ 1898 г. Донскимъ Комитетомъ было распространено нѣсколько тысячъ листковъ (изданныхъ въ типографіи Кіевскаго Комитета) во всѣхъ крупныхъ центрахъ Донецкаго бассейна. Но вслѣдствіе мимолетности этой попытки листки не оставили замѣтнаго слѣда.

***) Ради экономіи мѣста и силъ „Союзъ“ печатаетъ всѣ свои листки съ обѣихъ сторонъ, помѣщая на оборотѣ стихи и пѣсни революціоннаго содержанія. Такимъ образомъ, число листковъ въ сущности удваивается: „Союзу“ удалось пустить въ обращеніе до 90.000 оттисковъ.

*) Въ Луганскѣ втеченіе весны, еще до присоединенія къ „Союзу“, мѣстнымъ Комитетомъ было распространено четыре листка (собств. изданія) и только съ конца апрѣля началось распространеніе изданій „Союза“.

**) Въ Макѣевкѣ г. Тумановъ довелъ, наконецъ, рабочихъ своими преслѣдованіями и эксплуатаціей до „бунта“. Извѣстные Макѣевскіе безпорядки въ маѣ 1899 г. возникли благодаря этому господину.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 46. 15-го августа 1903 года. № 46.

„ВСЕОБЩІЯ“ СТАЧКИ НА ЮГѢ.

Послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ германской социальдемократіей во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, самымъ крупнымъ и самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ жизни европейскаго пролетаріата былъ рядъ „всеобщихъ“ стачекъ въ разныхъ городахъ россійскаго Юга. Говоря такъ, мы не хотимъ, разумѣется, сказать, что это послѣднее явленіе хотя бы приблизительно въ такой же мѣрѣ взволновало общественное мнѣніе Европы, въ какой это сдѣлала нѣмецкая выборная горячка. Вовсе нѣтъ! Мы знаемъ, что для европейскаго общественнаго мнѣнія Россія до сихъ поръ остается мало интереснымъ „незнакомцемъ“, и то, что происходитъ въ ея предѣлахъ, рѣдко находитъ себѣ правильную оцѣнку со стороны западной Европы. Но это безспорное обстоятельство ни мало не мѣшаетъ крупнымъ событіямъ, совершающимся въ Россіи, имѣть свою объективную логику и свое историческое значеніе. И очень часто бываетъ такъ, что событія русской жизни, едва замѣченныя и плохо оцѣненныя заграницей, подготовляютъ великія перемѣны въ соотношеніи силъ, оказывающихъ огромное вліяніе на ходъ общественнаго развитія всей Европы. Къ числу такихъ событій несомнѣнно принадлежатъ и недавнія стачки на нашемъ Югѣ. Онѣ имѣютъ огромное политическое значеніе. Онѣ представляютъ собою новый и чрезвычайно сильный ударъ русскому царизму. А такъ какъ русскій царизмъ является, — по выраженію Энгельса, — послѣднимъ оплотомъ европейской реакціи, то ясно, что мы ни мало не грѣшимъ противъ истины, говоря, что указанныя стачки, какъ бы мало вниманія не удѣлила имъ западная Европа, по своему значенію важны не только для насъ, но и для всего европейскаго Запада. Участвовавшіе въ нихъ сознательные, полусознательные и безсознательные рабочіе, отстаивая насущные интересы своего класса, боролись въ то же время за дѣло, имѣющее общеевропейскую важность. Россійскій пролетаріатъ становится теперь одной изъ прогрессивныхъ силъ цивилизованной Европы. Это честь, которой онъ, по всей справедливости, можетъ гордиться и которая не выпадала у насъ на долю ни „доблестному дворянству“, ни „всероссійскому купечеству“.

Огромное политическое значеніе южныхъ стачекъ ясно понимаютъ у насъ всѣ мало-мальски сознательные элементы населенія. Органъ либеральной буржуазіи, *„Освобожденіе“*, видитъ въ нихъ „пароксизмъ той революціонной лихорадки, которая стала хронической для Россіи и противъ которой уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, со всѣми его приложеніями, окончательно пересталъ дѣйствовать“. И тотъ же органъ проводитъ интересную параллель. „Правительство Николая II, — говоритъ онъ, — не хочетъ реформъ: это значитъ — оно готовитъ революцію и дождется ея. Съ 17 января 1895 года много воды утекло, и всего яснѣе эта перемѣна предстанетъ передъ нами, если мы „безсмысленныя мечтанія“ тверскихъ земскихъ дворянъ сравнимъ по ихъ содержанію, тону и обстановкѣ съ „безсмысленными мечтаніями“ бакинскихъ и одесскихъ стачечниковъ. Легкомысленно оттолкнувъ въ 1895 г. свою ладью отъ берега реформъ, Николай II отдался во власть теченія, которое съ растущей скоростью и, повидимому, безповоротно, несетъ его къ... революціи“. Дѣйствительно, правительство царя-недоросля очень энергично готовитъ революцію, и, дѣйствительно, „безсмысленныя мечтанія“ тверскихъ дворянъ ни по своему содержанію, ни по тону, ни по обстановкѣ не похожи на „безсмысленныя мечтанія“ бакинскихъ, одесскихъ или екатеринославскихъ рабочихъ. Но откуда это огромное различіе? Объясняется-ли оно легкомысленнымъ упорствомъ правительства, отказывающагося причалить къ „берегу реформъ“, или причина его лежитъ глубже? Вѣдь „обстановка“ нашихъ пролетарскихъ „мечтаній“ во всякомъ случаѣ создана не легкомысленнымъ Николаемъ II и не его реакціоннымъ правительствомъ. Она обусловливается всѣмъ складомъ нашихъ общественныхъ отношеній и прежде всего *общественнымъ положеніемъ* нашего пролетаріата. Это положеніе очень мало похоже на положеніе „земскихъ дворянъ“, и нисколько неудивительно поэтому, что *пролетарій „мечтаетъ“ не по-дворянски*. Пролетаріатъ, это — тотъ общественный классъ, который, — по выраженію, такъ хорошо извѣстному современнымъ соціалистамъ, — не можетъ выпрямиться, не можетъ шевельнуться безъ того, чтобы не затрещала вся, возвышающаяся надъ нимъ огромная общественная надстройка. И вотъ русскій пролетаріатъ начинаетъ шевелиться: онъ пытается разогнуть свою согнутую спину, и отъ этихъ первыхъ, въ весьма значительной степени еще безсознательныхъ движеній юнаго богатыря немедленно затрещало по всѣмъ своимъ швамъ опирающееся на его широкую спину безобразное зданіе эксплуатаціи, безправія, насилія и всяческой неправды. Движенія „земскихъ дворянъ“ совсѣмъ не отличаются и никогда не отличались столь опасною угловатостью: отъ нихъ никогда и ничто не трещало. Но именно потому царизмъ могъ оставаться вполнѣ спокойнымъ за свою судьбу вплоть до той роковой для него поры, когда началось политическое пробужденіе россійскаго пролетаріата.

Всякая данная политическая сила можетъ уступить только другой политической силѣ, а наши „земскіе дворяне“ такой силой никогда не бывали. Еще въ 1889 году представитель русскихъ соціальдемократовъ на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ высказалъ твердую увѣренность въ томъ, что *революціонное движеніе въ Россіи восторжествуетъ, какъ движеніе рабочихъ, или совсѣмъ не восторжествуетъ*. Тогда эти его слова удивили даже многихъ соціалистовъ. Теперь всякій видитъ, что рабочій классъ является у насъ самой значительной и единственной вполнѣ надежной революціонной силой. Потому-то движеніе этого класса и привлекаетъ къ себѣ благосклонное вниманіе даже такихъ людей, которые еще очень недавно весьма рѣшительно отрицали самую возможность у насъ такого движенія. Потому-то съ россійскимъ рабочимъ и спѣшатъ теперь *„родниться“* даже тѣ, которые враждебно чужды ему, какъ теоретическіе представители эксплуататоровъ...

Правда, наши либеральные буржуа до сихъ поръ плохо мирятся съ мыслью о неизбѣжности революціи и до сихъ поръ охотно мечтаютъ о томъ, какъ хорошо было бы высадиться, подъ предводительствомъ Николая II, на „берегъ реформъ“. Но они сами все болѣе и болѣе проникаются той мыслью, что подобная высадка есть самое несбыточное изо всѣхъ ихъ „безсмысленныхъ мечтаній“, и потому наиболѣе дальновидные изъ нихъ съ большимъ сладкорѣчіемъ поговариваютъ теперь о рабочемъ движеніи. Они поняли, что революціонное движеніе необходимо, и они поняли также, что *революціонное движеніе восторжествуетъ у насъ, какъ движеніе рабочаго класса, или совсѣмъ не восторжествуетъ*.

Какъ знать? Можетъ быть, скоро мы увидимъ молодыхъ и, по своему, самоотверженныхъ буржуа, идущихъ „въ народъ“ для привлеченія рабочихъ на свою сторону. Соціальдемократія не откажется поддержать такихъ людей, поскольку ихъ пропаганда будетъ способствовать пробужденію политическаго сознанія въ менѣе развитыхъ слояхъ пролетаріата, — болѣе развитые его слои не нуждаются въ ихъ пропагандѣ, — но она не перестанетъ въ то же время разоблачать передъ пролетаріатомъ узость и недостаточность освободительныхъ стремленій буржуазіи всюду, гдѣ ни проявятся эта узость и эта ограниченность. Она не перестанетъ внушать рабочимъ, что если революціонное движеніе можетъ восторжествовать у насъ лишь какъ движеніе пролетаріата, то движеніе пролетаріата достигнетъ наибольшей силы и плодотворности лишь какъ движеніе, идущее подъ краснымъ знаменемъ всемірной соціальдемократіи.

Однако, пока что, а наша либеральная буржуазія не только сама не идетъ „въ народъ“, но не умѣетъ поддержать даже и тѣхъ народныхъ движеній, которыя возникаютъ безъ ея участія. За примѣромъ ходить недалеко. Тѣ самыя стачки въ Баку, Батумѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Одессѣ, Тифлисѣ, къ которымъ, — по словамъ „Освобожденія“, — приковано было вниманіе всей мыслящей и чувствующей Россіи, не ознаменовались *ни однимъ актомъ серьезной помощи рабочимъ со стороны либеральныхъ элементовъ „общества“*. Само „Освобожденіе“ сознается, — устами своего одесскаго корреспондента, — что сборы денегъ въ пользу стачечниковъ „даютъ пока немного“. Корреспондентъ объясняетъ это тѣмъ, что сборы предприняты были слишкомъ поздно, „когда стачка уже кончалась и оставалось только помогать потерпѣвшимъ семействамъ“. Онъ прибавляетъ, что „отчасти это можно объяснить и недостаткомъ путей въ разныя общественныя сферы: вѣдь, собираютъ не открыто“. Но оба эти объясненія совершенно неудовлетворительны. Во-первыхъ, дѣло помощи потерпѣвшимъ семействамъ рабочихъ такое серьезное дѣло, что изъ-за него стоило бы открыть либеральный кошелекъ. А, во-вторыхъ, указывая на недостатокъ путей „въ разныя общественныя сферы“, корреспондентъ, очевидно, хочетъ сказать, что собиравшіе деньги соціалисты не умѣли проникнуть въ эти „сферы“. Но почему же оставались неподвижными сами „сферы“? Неужели онѣ не могли найти „путей“ къ стачечникамъ? Вѣдь движеніе этихъ послѣднихъ происходило совершенно „открыто“. Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что наши либералы, готовые пугнуть правительство и ободрить самихъ себя быстро растущимъ рабочимъ движеніемъ, не умѣютъ и не хотятъ оказать этому движенію ту поддержку, которую они *могли бы* оказать, если бы отличались большею политической смышленностью. Не мѣшаетъ запомнить это, какъ одинъ изъ уроковъ недавнихъ стачекъ.

Но оставимъ либеральную буржуазію дворянскаго и недворянскаго происхожденія. Обратимся къ рабочимъ. Чрезвычайно замѣчательно, что во время послѣднихъ стачекъ рабочіе многихъ фабрикъ часто возставали не потому, что сами хотѣли добиться какихъ-нибудь уступокъ отъ своихъ предпринимателей, а единственно потому, что считали себя обязанными поддержать товарищей, забастовавшихъ на другихъ фабрикахъ. Это признаютъ даже легальныя газеты. Г. Духовецкій въ *„Приднѣпровскомъ Краѣ“* пишетъ, что въ Екатеринославѣ „на Брянскомъ заводѣ расцѣнка работъ прежняя, до-кризисная, нынѣ уже пониженная на всѣхъ остальныхъ заводахъ, и матерьяльное положеніе рабочихъ тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, а между тѣмъ, тамъ работы тоже пріостановлены“. Когда попадалась такая фабрика, рабочіе которой отказывались пристать къ стачкѣ на томъ основаніи, что имъ и безъ того не дурно живется, стачечники говорили имъ: „Ну, вамъ ничего не надо, такъ вы другихъ поддержите“. Это показываетъ, что движеніе въ значительной степени имѣло характеръ тѣхъ стачекъ, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ Запада носятъ названіе *стачекъ по симпатіи*. И этотъ ихъ характеръ свидѣтельствуетъ о томъ, что даже въ мало развитой части нашего пролетаріата пробуждается *классовое самосознаніе*. Отдѣльные рабочіе начинаютъ чувствовать себя частями великаго цѣлаго, съ которымъ они связаны самыми насущными своими интересами и по отношенію къ которому на нихъ лежатъ извѣстныя нравственныя обязанности. И это чувство наполняетъ ихъ сердца тѣмъ гордымъ, живительнымъ и радостнымъ сознаніемъ своей силы, которое пріятно поразило даже корреспондентовъ буржуазныхъ газетъ. „Былъ моментъ, когда весь городъ находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и безпрепятственно дефилировавшей по городскимъ улицамъ, увлекая своимъ потокомъ всѣхъ собратьевъ, не успѣвшихъ еще до того выйти изъ своихъ мастерскихъ и фабрикъ“ — пишетъ одесскій корреспондентъ „Освобожденія“. Братскія привѣтствія, возгласы, полные бодрости и восторга, вольныя пѣсни, жизнерадостный смѣхъ и шутки носились надъ тысячными толпами, слѣдовавшими черезъ весь городъ съ утра до вечера. Настроеніе было самое приподнятое, хотѣлось вѣрить, что водворяется новая лучшая жизнь на землѣ. Внушительная и, въ то же время, идиллически трогательная картина.“

Идилліи подобнаго рода, разумѣется, не долговѣчны въ нашемъ полицейскомъ государствѣ. Онѣ исчезаютъ, какъ дымъ, при столкновеніи съ охранителями порядка. Но интересно, что и въ этихъ столкновеніяхъ рабочая масса проявила очень много такта, выдержки и мужества. „Встрѣчая офицеровъ и солдатъ, — продолжаетъ тотъ же корреспондентъ, — осторожно и пассивно слѣдовавшихъ въ сторонѣ, рабочіе заговаривали съ ними на самыя откровенныя политическія темы и — это интересно отмѣтить — не получали отъ нихъ никакой рѣзкой отповѣди, а, большей частью, или легкія возраженія, или распросы о цѣляхъ движенія въ благодушно-недоумѣвающемъ тонѣ.“ Съ другой стороны, будучи аттакована, масса умѣла постоять за себя, отбиваясь камнями, кольями, а иногда и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кровь лилась съ обѣихъ сторонъ, и эти кровавыя столкновенія, конечно, еще болѣе усилили въ рабочихъ чувство недовольства, а вмѣстѣ съ тѣмъ они даютъ россійской соціальдемократіи ясное указаніе относительно того, каковы должны быть отнынѣ наши демонстраціи. Послѣ колоссальнаго движенія нынѣшняго лѣта демонстративныя прогулки кучекъ, хотя бы и въ нѣсколько сотъ человѣкъ, немедленно разгоняемыхъ полиціей, могутъ быть умѣстны только въ отсталыхъ уголкахъ нашего отечества; тамъ же, гдѣ движеніе приняло большіе размѣры наши демонстраціи должны стать *массовыми движеніями*, подобными послѣднимъ стачкамъ. Но именно потому, что демонстраціи должны сдѣлаться тамъ движеніями массы, ихъ — по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени — нельзя будетъ пріурочивать къ какому-нибудь заранѣе опредѣленному сроку: тутъ все зависитъ отъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя учитать заранѣе. Заранѣе можно сказать только одно: наше соц.-демократическое движеніе будетъ все болѣе становиться широкимъ массовымъ движеніемъ. Обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятны для этого, и наши товарищи безъ сомнѣнія сумѣютъ ими воспользоваться.

Кромѣ того, теперь, когда рабочая масса показала, что она не хочетъ безропотно сносить полицейскіе побои, намъ въ нашихъ демонстраціяхъ нетрудно будетъ давать вооруженный отпоръ разбойникамъ „порядка“. Организація такого отпора, на необходимость которой „Искра“ указывала уже полтора года тому назадъ, *стала* по истинѣ *практическимъ вопросомъ дня*.

Наконецъ послѣднимъ и, можетъ быть, самымъ важнымъ урокомъ лѣтнихъ стачекъ, является тотъ выводъ, — основанный, къ сожалѣнію, на самыхъ неоспоримыхъ фактахъ, — что наша рабочая масса, зрѣющая буквально не по днямъ, а по часамъ, все таки еще не вся готова къ сознательному политическому дѣйствію.

Если бы уже вся она созрѣла для него, то невозможной стала бы та травля „политикановъ“, т. е. политическихъ агитаторовъ, которой мѣстами не безъ успѣха занимались „независимые“. А такъ какъ революція можетъ быть сдѣлана только массой, то выходитъ, что переживаемый нами *„канунъ революціи“* имѣетъ шансы протянуться дольше, чѣмъ это думаютъ нѣкоторые, слишкомъ радужно настроенные или слишкомъ легкомысленные оптимисты. И чтобы помочь этому горю, нѣтъ другого средства помимо того, которое мы такъ часто рекомендовали, не менѣе часто вызывая остроумныя насмѣшки нѣкоторыхъ остроумныхъ людей: *агитація и организація; организація и агитація, и еще агитація, и еще организація!* Какъ неудовлетворительна до сихъ поръ организація нашихъ силъ, это видно изъ того факта, — который намъ надо имѣть мужество признать громко и открыто, — что руководство „всеобщими стачками“ принадлежало нашимъ комитетамъ далеко не въ той степени, въ какой это желательно и необходимо. Что же касается до агитаціи, то всякій видитъ, что поводы для нея встрѣчаются теперь на каждомъ шагу и что каждое усиліе сколько-нибудь толковаго агитатора обѣщаетъ немедленно принести самые роскошные плоды.

Въ прежнее время, когда наше революціонное движеніе было движеніемъ небольшого слоя разночинцевъ и когда всѣ его силы исчерпывались небольшими партизанскими отрядами, гибель каждаго отдѣльнаго борца обыкновенно зажигала въ сердцахъ его немногочисленныхъ товарищей *жажду мести*. Теперь, когда въ движеніе вошли широкіе слои пролетаріата, гибнутъ уже не отдѣльныя лица; теперь кровь льется ручьями, и теперь жажда мести горитъ въ тысячахъ и тысячахъ рабочихъ сердецъ. Но сообразно съ ростомъ нашего движенія, ростетъ и цѣль, которую ставятъ себѣ мстители. Гибель отдѣльныхъ представителей власти не имѣетъ для нихъ значенія. *Ихъ жажда мести можетъ быть удовлетворена только крушеніемъ всей*, такъ позорно давящей нашу страну, политической *системы*. А къ этой цѣли ведетъ только одинъ путь: *политическое воспитаніе рабочей массы*. Надъ этимъ воспитаніемъ и трудится россійская соціальдемократія. Это — свойственный ей родъ *терроризма*, и этотъ терроризмъ несравненно страшнѣе и опаснѣе для правительства, чѣмъ терроризмъ „первой манеры“.

ЭРА РЕФОРМЪ.

Да, мы переживаемъ, несомнѣнно, эру реформъ, какъ ни странно звучатъ эти слова въ примѣненіи къ современной Россіи. Застой во всѣхъ областяхъ внутренней политики, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ борьбой противъ внутренняго врага, и несмотря на это, — вѣрнѣе именно въ силу этого, — постоянныя, непрекращающіяся попытки реформъ, покушенія на реформы въ области самыхъ больныхъ, самыхъ боевыхъ общественно-политическихъ отношеній. Пролетаріатъ, пробуждающійся къ сознательно-классовой жизни, выступилъ уже довольно давно, какъ настоящій, какъ главный, какъ единственно-непримиримый врагъ нашего полицейскаго самодержавія. А съ такимъ врагомъ, какъ передовой общественный классъ, нельзя бороться однимъ насиліемъ, хотя бы и самымъ безпощаднымъ, самымъ организованнымъ, самымъ всестороннимъ насиліемъ. Такой врагъ заставляетъ считаться съ собой и идти на уступки, всегда неискреннія, всегда половинчатыя, часто совершенно лживыя и кажущіяся, обыкновенно обставляемыя рядомъ болѣе или менѣе тонко прикрытыхъ ловушекъ, но все таки уступки, реформы, составляющія цѣлую эру. Это не тѣ реформы, конечно, которыя знаменуютъ нисходящую линію политическаго развитія, когда кризисъ миновалъ, буря пронеслась, и оставшіеся господами положенія приступаютъ къ осуществленію своей программы или (бываетъ и такъ) къ осуществленію программы, завѣщанной ихъ противниками. Нѣтъ, это реформы восходящей линіи, когда все болѣе и болѣе широкія массы привлекаются къ борьбѣ, когда кризисъ еще только близится, когда каждая схватка, снимая съ поля битвы сотни, порождаетъ тысячи новыхъ борцовъ, болѣе озлобленныхъ, болѣе смѣлыхъ, болѣе обученныхъ.

Такія реформы являются всегда предвѣстникомъ и преддверіемъ революціи. Къ числу ихъ, несомнѣнно, принадлежатъ послѣднія, частью осуществленныя, частью только намѣченныя, мѣропріятія царскаго правительства: проектъ закона объ обществахъ взаимопомощи рабочихъ (проектъ, неопубликованный правительствомъ и извѣстный лишь изъ сообщеній либерально-буржуазнаго „Освобожденія“) и законы о вознагражденіи рабочихъ, пострадавшихъ отъ увѣчій, и о фабричныхъ старостахъ. Мы намѣрены теперь подробнѣе остановиться на этомъ послѣднемъ законѣ.

Суть новаго закона состоитъ въ томъ, что рабочіе при извѣстныхъ условіяхъ могутъ получить право представительства въ ихъ сношеніяхъ съ предпринимателями, право нѣкоторой зачаточной организаціи. Обставлены эти права невѣроятнымъ количествомъ полицейскихъ разрѣшеній, ограниченій и стѣсненій. Въ самомъ дѣлѣ. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе, что по новому закону право представительства рабочихъ обусловлено согласіемъ и иниціативой заводоуправленій и разрѣшеніемъ присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ. Право представительства *могутъ* давать рабочимъ хозяева заводовъ, но они нисколько не обязываются къ этому закономъ, при чемъ фабричное присутствіе можетъ не допустить представительства даже при ходатайствѣ о немъ со стороны фабриканта, можетъ не допустить по какимъ-угодно соображеніямъ и хотя бы безъ всякихъ соображеній. Такимъ образомъ, съ самаго начала представительство *рабочихъ* отдано цѣликомъ и безусловно, безапелляціонно на усмотрѣніе *хозяевъ и полиціи*. Когда хозяевамъ и полиціи сіе покажется удобнымъ и желательнымъ, они могутъ устраивать (на весьма узкихъ началахъ) рабочее представительство — такова суть реформы. О представительствѣ на казенныхъ заводахъ, въ скобкахъ будь сказано, законъ не говоритъ ни слова: на частныхъ заводахъ представители рабочихъ *могутъ* оказаться въ рукахъ полиціи новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенныхъ заводахъ агентовъ и дворниковъ всегда достаточно! Полиція въ этой области реформъ не требуетъ, — значитъ, реформа тутъ и не надобна.

Далѣе. Самому представительству рабочихъ придана безобразно-искаженная форма. Рабочіе разъединяются, раздробляются на *разряды*; правила о томъ, какъ именно дѣлить рабочихъ на разряды, утверждаются *губернаторомъ*, какъ и *всѣ вообще правила*, относящіяся къ организаціи представительства по новому закону. Фабриканты и полиція могутъ составлять и, разумѣется, будутъ составлять разряды такимъ образомъ, чтобы всячески затруднять солидарность и соединеніе рабочихъ, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессіями, между цехами, но и между рабочими разныхъ націй, разныхъ половъ, разныхъ возрастовъ, разныхъ степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочихъ можетъ быть и бываетъ полезно для рабочихъ исключительно тѣмъ, что рабочіе соединяются въ одну массу, ибо единственный источникъ силы у забитыхъ, угнетенныхъ, задавленныхъ работой наемныхъ рабовъ нашей цивилизаціи, это — ихъ соединеніе, ихъ организованность, ихъ солидарность. Царское самодержавіе хочетъ дать рабочимъ *такое* представительство и на *такихъ* условіяхъ, чтобы всячески *разъединить* и этимъ обезсилить рабочихъ.

Полицейски составленные разряды должны будутъ выбирать, на основаніи подробныхъ полицейскихъ правилъ, *кандидатовъ* въ старосты, притомъ столькихъ кандидатовъ, сколькихъ велитъ выбирать полиція. Утверждать одного изъ кандидатовъ, по своему усмотрѣнію, будетъ управленіе завода, а губернаторъ всегда имѣетъ право устранить отъ должности старосту, „не удовлетворяющаго, — какъ сказано въ законѣ — своему назначенію“.

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! „Назначеніе“ старостъ состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы быть полезнымъ полиціи, быть угоднымъ ей; законъ объ этомъ ничегоне говоритъ, ибо о такихъ условіяхъ не говорятъ: ихъ *подстраиваютъ*. Подстроить это болѣе чѣмъ просто, разъ глава мѣстной полиціи, губернаторъ, получаетъ безконтрольное право смѣщать неугоднаго старосту. Еще разъ: не вѣрнѣе-ли было бы назвать такого фабричнаго старосту фабричнымъ дворникомъ? Полиція можетъ назначать выборы очень большого числа кандидатовъ, изъ которыхъ только одинъ утверждается, наприм., выбирать повелѣно будетъ десять или пять кандидатовъ каждому разряду, скажемъ, во 100 или 50 человѣкъ. Нельзя-ли будетъ иногда этотъ списокъ избранныхъ кандидатовъ превратить въ списокъ подлежащихъ особому надзору, а то даже и подлежащихъ заарестованію, лицъ? Прежде такіе списки составляли только шпіоны, а теперь, *можетъ быть*, ихъ будутъ составлять иногда и сами рабочіе? Опаснаго же или даже неудобнаго для полиціи въ спискѣ кандидатовъ ничего нѣтъ, ибо утверждать будутъ всегда худшаго, или никого не утверждать, а требовать новыхъ выборовъ.

Въ своемъ стремленіи сдѣлать фабричныхъ старостъ удовлетворяющими полицейскому „назначенію“, новый законъ (какъ и большинство русскихъ законовъ) даже переусердствовалъ. Кандидаты должны быть не моложе 25 лѣтъ. Первоначальный законопроектъ предполагалъ предѣльный возрастъ — 21 г., высшія правительственныя сферы сочли болѣе осторожнымъ и государственно-мудрымъ повысить его еще на четыре года, чтобы заранѣе устранить „наиболѣе безпокойный элементъ фабричнаго населенія“, каковымъ, „по даннымъ департамента полиціи, являются лица въ возрастѣ отъ 17 до 20 лѣтъ“ (изъ объяснительныхъ мотивовъ министерства финансовъ, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ“ съ сокращеніями, а въ „Освобожденіи“ безъ сокращеній). Мало того. Заводоуправленіе и полиція могутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, т. е. для каждаго отдѣльнаго заведенія, требовать установленія, во-первыхъ, болѣе высокаго предѣльнаго возраста, и во вторыхъ, продолжительности службы рабочаго въ предпріятіи. Возможно, напримѣръ, что потребуютъ возраста не менѣе 40 лѣтъ и не менѣе 15 лѣтъ службы на заводѣ для того, чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ кандидаты на постъ старосты! Объ одномъ, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшіе интересы полиціи: охотно ли пойдутъ рабочіе, при такихъ условіяхъ, на этотъ „постъ“ старосты? Вѣдь староста почти такъ же отданъ на произволъ полиціи, какъ какой-нибудь деревенскій десятникъ. Вѣдь староста можетъ быть превращенъ въ простого разсыльнаго, передающаго рабочимъ распоряженія и разъясненія фабричнаго начальства. Вѣдь отъ старосты будутъ требовать, несомнѣнно, чисто-шпіонскихъ услугъ и отчетовъ о тѣхъ собраніяхъ разрядовъ, которыя старостами собираются и за порядкомъ въ которыхъ старосты наблюдаютъ. А между тѣмъ законъ, предусматривающій правила объ освобожденіи старостъ отъ работы для исполненія ихъ обязанностей, скромно умалчиваетъ о томъ, будутъ ли старосты получать вознагражденіе и отъ кого. Неужели составители закона думаютъ, что освобожденные отъ работы старосты не потребуютъ себѣ платы отъ завода за это „свободное“ время? Ужъ не станутъ ли они, по волѣ заводчиковъ и губернаторовъ, служить въ старостахъ ради однихъ только прекрасныхъ глазъ этихъ вѣрныхъ друзей рабочаго народа.

Стремленіе превратить старостъ въ фабричныхъ дворниковъ особенно видно также изъ пункта третьяго новаго закона: старосты признаются уполномоченными разрядовъ для заявленій только по дѣламъ, касающимся *исполненія* условій найма. Объ *измѣненіи* условій найма старосты *не имѣютъ даже права и заговаривать!* Хороши „уполномоченные“ рабочихъ, нечего сказать. И какъ нелѣпо это постановленіе даже съ точки зрѣнія самихъ составителей закона, которые хотѣли облегчить „выясненіе истинныхъ желаній и нуждъ рабочихъ“ „въ особенности въ то время, когда уже возникли неудовольствія и волненія“. Въ девяти случаяхъ изъ десяти волненія вытекаютъ именно изъ требованій *измѣнить* условія найма, и отстранить старостъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ значитъ свести ихъ роль почти на нѣтъ. Составители закона запутались въ одномъ изъ безчисленныхъ противорѣчій самодержавія, потому что дать право рабочимъ уполномоченнымъ (настоящимъ, а не съ съ полицейскаго разрѣшенія, уполномоченнымъ) требовать измѣненія условій найма значило бы дать свободу слова и неприкосновенность личности.

Вообще не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы признать фабричныхъ старостъ настоящими рабочими уполномоченными. Уполномоченный долженъ быть выбранъ только рабочими, безъ всякаго утвержденія полиціей. Уполномоченный долженъ быть смѣщенъ тотчасъ, какъ только выбравшіе его рабочіе вотировали ему недовѣріе. Уполномоченный долженъ являться для отчета на собранія рабочихъ, по всякому ихъ требованію. А по нашему закону, только старостѣ *предоставляется* собирать рабочихъ избравшаго его разряда и притомъ въ мѣстѣ и во время по указанію управленія предпріятія. Значитъ, староста можетъ и не собирать, а управленіе можетъ не давать ни мѣста, ни времени. Цѣлесообразнѣе было бы, пожалуй, вовсе не заговаривать о рабочемъ представительствѣ, чѣмъ дразнить рабочихъ такимъ представительствомъ въ приглядку.

Рабочія собранія внушаютъ такой страхъ (и законный страхъ) самодержавію, что собранія разныхъ разрядовъ вмѣстѣ оно безусловно запрещаетъ. „Для обсужденія дѣлъ, относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ, — постановляетъ новый законъ, — собираются исключительно старосты этихъ разрядовъ“. Для капиталистовъ и для защищающаго ихъ полицейскаго правительства это было бы, въ самомъ дѣлѣ, очень выгодно: составить маленькіе по числу членовъ разряды изъ мастеровъ, служащихъ и высоко-оплачиваемыхъ рабочихъ, составить большіе по числу участниковъ разряды чернорабочихъ и простыхъ рабочихъ — и допустить собранія только старостъ разныхъ разрядовъ. Но подобный разсчетъ составленъ *безъ хозяина*: хозяиномъ своей судьбы является сознательный пролетаріатъ, который съ презрѣніемъ отброситъ прочь эти жалкія полицейскія клѣтушки, въ которыя его хотятъ разсадить. Рабочіе будутъ собираться вмѣстѣ для обсужденія своихъ дѣлъ и устраивать тайныя собранія своихъ настоящихъ соц.-демократическихъ старостъ, несмотря ни на какія запрещенія.

Но если эта жалкая реформа до такой степени заражаетъ полицейски-шпіонскимъ духомъ зачатки рабочаго представительства, то не слѣдуетъ-ли сознательнымъ рабочимъ совершенно отстраняться отъ всякаго участія въ выборахъ фабричныхъ старостъ или въ собраніяхъ „разрядовъ“? Мы думаемъ, что не слѣдуетъ. Отстраняться отъ активнаго участія въ современной политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была, — тактика анархистовъ, а не соціальдемократовъ. Мы сумѣемъ, мы должны сумѣть развить широкую рабочую борьбу противъ каждой гнусной кляузы новаго закона, противъ каждой шпіонской продѣлки посредствомъ новаго закона, — и эта борьба будетъ будить самыхъ отсталыхъ рабочихъ, будетъ развивать политическое сознаніе всѣхъ участниковъ россійскаго рабочаго полицейско-жандармски-шпіонскаго „представительства“. Зубатовскія собранія еще гораздо больше, гораздо прямѣе развращали рабочихъ, чѣмъ будутъ развращать ихъ угодничающіе передъ властью старосты, и однако мы посылали на эти собранія сознательныхъ рабочихъ, которые учились сами и учили другихъ, и однако вся эта зубатовская эпопея кончилась жалкимъ крахомъ, сдѣлавъ гораздо больше на пользу соціальдемократіи, чѣмъ на пользу самодержавія: одесскія событія не оставили и тѣни сомнѣнія на этотъ счетъ.

Самодержавіе начинаетъ заговаривать о рабочихъ собраніяхъ. Воспользуемся этимъ для самой широкой пропаганды и агитаціи соціальдемократическихъ требованій полной свободы собраній и сходокъ. Самодержавіе начинаетъ заговаривать о выборахъ; воспользуемся этимъ для ознакомленія рабочихъ массъ со значеніемъ выборовъ, со всѣми системами выборовъ, со всѣми уловками полиціи при выборахъ. И пусть это ознакомленіе будетъ не только по книжкамъ и по бесѣдамъ, а и ознакомленіемъ на практикѣ: на примѣрѣ россійскихъ, полицейски обставленныхъ выборовъ, участвуя въ этихъ выборахъ*), сознательные рабочіе будутъ готовить болѣе и болѣе широкія массы къ веденію выборной агитаціи, къ веденію собраній, къ отстаиванію своихъ требованій и передъ собраніями и передъ старостами, къ организаціи постояннаго надзора за дѣятельностью старостъ. Самодержавіе заговариваетъ о рабочемъ представительствѣ. Воспользуемся этимъ для распространенія правильныхъ идей о настоящемъ представительствѣ. Представителемъ рабочихъ можетъ быть только свободный *рабочій союзъ*, охватывающій много фабрикъ и много городовъ. Фабричное представительство, представительство рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ, не можетъ удовлетворить рабочихъ даже на Западѣ, даже въ свободныхъ государствахъ. Вожди соціальдемократической рабочей партіи, напр., въ Германіи не разъ возставали противъ фабричнаго представительства. И это понятно, ибо гнетъ капитала слишкомъ силенъ, и право увольнять рабочихъ — это священное право капиталистическаго свободнаго договора — *всегда* будетъ обезсиливать представительство рабочихъ на каждой отдѣльной фабрикѣ. Только рабочій союзъ, соединяющій рабочихъ многихъ фабрикъ и многихъ мѣстностей, устраняетъ зависимость представителей рабочихъ отъ отдѣльнаго фабриканта. Только рабочій союзъ обезпечиваетъ всѣ тѣ средства къ борьбѣ, какія только вообще возможны въ капиталистическомъ обществѣ. А свободные рабочіе союзы мыслимы только при *политической свободѣ*, при условіи неприкосновенности личности, свободы сходокъ и собраній, свободы выборовъ депутатовъ въ народное собраніе.

Безъ политической свободы всякія формы рабочаго представительства останутся жалкимъ обманомъ, пролетаріатъ останется по прежнему въ тюрьмѣ, безъ свѣта, воздуха и простора, необходимыхъ ему для борьбы за свое полное освобожденіе. Въ этой тюрьмѣ правительство прорѣзываетъ теперь крошечное отверстіе вмѣсто окна, устраивая притомъ это отверстіе такъ, чтобы оно принесло больше пользы жандармамъ и шпіонамъ, которые стерегутъ заключеннаго, чѣмъ самому заключенному. И такую-то реформу палачи русскаго народа хотятъ выдать за благодѣяніе царскаго правительства! Но русскій рабочій классъ при помощи этого отверстія вдохнетъ въ себя новыя силы къ борьбѣ, онъ сравняетъ съ землей всѣ стѣны проклятой всероссійской тюрьмы и завоюетъ себѣ свободное классовое представительство въ буржуазномъ демократическомъ государствѣ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО БУНДОВСКАГО НАЦІОНАЛИЗМА.

Заграничный Комитетъ Бунда только что выпустилъ листокъ съ отчетомъ о пятомъ съѣздѣ Бунда. Съѣздъ имѣлъ мѣсто въ іюнѣ (ст. ст.). Изъ его рѣшеній главное мѣсто занимаетъ „проектъ устава“ о положеніи Бунда въ партіи*). Проектъ чрезвычайно поучителенъ и, съ точки зрѣнія опредѣленности и „рѣшительности“ содержанія, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Собственно говоря, первый параграфъ проекта настолько уже ярокъ, что остальные являются либо простымъ поясненіемъ, либо даже совершенно ненужнымъ балластомъ. „Бундъ есть — гласитъ 1 § — *федеративная* (курсивъ нашъ) *часть Рос. Соц. Дем. Раб. Пар.*“ Федерація предполагаетъ *договоръ* между отдѣльными, совершенно самостоятельными, цѣлыми, которыя опредѣляютъ свои взаимныя отношенія не иначе какъ по обоюдному добровольному согласію. Неудивительно поэтому, что „проектъ устава“ говоритъ неоднократно о *„договаривающихся сторонахъ“* (§§ 3, 8, 12). Неудивительно, что *съѣзду партіи*, на основаніи этого проекта, не дается права измѣнять, дополнять или отмѣнять *устава*, касающагося *части* партіи. Неудивительно, что Бундъ выговариваетъ себѣ „представительство“ въ Центральномъ Комитетѣ Партіи и разрѣшаетъ этому Центр. Ком. Партіи обращаться къ еврейскому пролетаріату и сноситься съ отдѣльными частями Бунда *„лишь съ согласія Центр. Ком. Бунда“*. Все это логически неизбѣжно вытекаетъ изъ понятія „федерація“, изъ понятія „договаривающіяся стороны“, и если бы пятый съѣздъ Бунда просто постановилъ, что Бундъ образуетъ самостоятельную соціальдемократическую національную (или, можетъ быть, националистически-соціальдемократическую?) партію, то онъ сберегъ бы себѣ (и другимъ) много времени, много трудовъ и много бумаги. Съ одной стороны, было бы сразу и безъ всякихъ околичностей ясно, что самостоятельная, отдѣльная партія можетъ опредѣлять свои отношенія къ другимъ партіямъ только какъ „договаривающаяся сторона“ и только на началахъ „взаимнаго согласія“. Незачѣмъ было бы перечислять всѣ отдѣльныя случаи, когда такое согласіе требуется (да и не возможно, по самой сути дѣла, перечислить *всѣ* такіе случаи, а давать неполный перечень, какъ даетъ Бундъ, значитъ открывать дверь массѣ недоразумѣній). Незачѣмъ было бы насиловать логику и совѣсть, называя договоръ двухъ самостоятельныхъ единицъ уставомъ о положеніи одной части партіи. Это благовидное и благоприличное наименованіе („уставъ о положеніи Бунда въ партіи“) тѣмъ болѣе лживо по своему существу, что вся партія фактически еще не возстановила своего полнаго организаціоннаго единства, и Бундъ выступаетъ какъ сплотившаяся уже часть, которая хочетъ использовать недочеты общей организаціи для того, чтобы отодвинуться еще дальше отъ цѣлаго, *для того, чтобы попытаться навсегда раздробить это цѣлое на мелкія части.*

Съ другой стороны, прямая постановка вопроса избавила бы составителей пресловутаго проекта устава отъ обязанности писать пункты, предусматривающіе права, которыя имѣетъ *всякая* организованная часть партіи, всякая районная организація, всякій комитетъ, всякая группа, напр., право разрѣшать, руководствуясь программой партіи, такіе общіе вопросы, по которымъ партійными съѣздами не вынесено резолюцій. Писать уставы съ подобными пунктами просто смѣшно.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ по существу той позиціи, которую занялъ Бундъ. Вставши разъ на наклонную плоскость націонализма, Бундъ естественно и неизбѣжно долженъ былъ (если онъ не хотѣлъ отказаться отъ своей основной ошибки) прійти къ образованію особой еврейской партіи. Именно къ этому и подходитъ вплотную § 2 устава, дарующій Бунду *монополію* на представительство еврейскаго пролетаріата. Бундъ входитъ въ Партію — гласитъ этотъ параграфъ — въ качествѣ его (еврейскаго пролетаріата) *единственнаго* (курсивъ нашъ) представителя. Никакими районными рамками дѣятельность Бунда и организація Бунда не должна быть ограничена. Такимъ образомъ, полное отдѣленіе и размежеваніе еврейскаго и нееврейскаго пролетаріата Россіи не только проведено здѣсь *до конца*, съ безусловной послѣдовательностью, но и закрѣпляется нотаріальнымъ, можно сказать, договоромъ, „уставомъ“, „основнымъ“ закономъ (см. § 12 проекта). Такіе „возмутительные“ случаи, какъ дерзновенное обращеніе Екатеринославскаго Комитета Партіи къ еврейскимъ рабочимъ, помимо Бунда (не имѣвшаго тогда никакой особой организаціи въ Екатеринославѣ!), отнынѣ должны, по мысли новаго проекта, сдѣлаться невозможными. Какъ бы мало ни было въ данной мѣстности еврейскихъ рабочихъ, какъ бы далеко ни была расположена эта мѣстность отъ центровъ бундовской организаціи, — никакая часть партіи, даже Центральный Комитетъ Партіи не смѣетъ обращаться къ еврейскому пролетаріату безъ согласія Центральнаго Комитета Бунда! Не вѣрится, чтобы такое предложеніе могло быть сдѣлано — до того чудовищно это требованіе монополіи, особенно при нашихъ русскихъ условіяхъ, — но §§ 2 и 8 (прим.) проекта устава не оставляютъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Желаніе Бунда отойти еще дальше отъ русскихъ товарищей сквозитъ не только въ каждомъ пунктѣ проекта, оно выражено и въ другихъ резолюціяхъ съѣзда. Пятый съѣздъ постановилъ, напримѣръ, выпускать разъ въ мѣсяцъ „Послѣднія Извѣстія“ (изд. Загранич. Ком. Бунда) „въ видѣ газеты, въ которой выяснялась бы программная и тактическая позиція Бунда“. Съ нетерпѣніемъ и интересомъ будемъ ждать выясненія этой позиціи. Съѣздъ *отмѣнилъ* рѣшеніе IV съѣзда о работѣ на югѣ. Какъ извѣстно, IV съѣздъ Бунда постановилъ, въ тѣхъ городахъ юга, гдѣ еврейскія организаціи входятъ въ составъ комитетовъ Партіи, *„отдѣльныхъ комитетовъ Бунда не устраивать“* (курсивъ Бунда). Отмѣна этого рѣшенія есть крупный шагъ къ дальнѣйшему обособленію, есть прямой вызовъ товарищамъ съ юга, которые работали и хотѣли работать среди еврейскаго пролетаріата, оставаясь въ неразрывной связи со *всѣмъ* мѣстнымъ пролетаріатомъ. „Кто сказалъ А, долженъ сказать и Б“ — кто всталъ на точку зрѣнія націонализма, тотъ, естественно, доходитъ до желанія окружить китайской стѣной свою національность, свое національное рабочее движеніе, того не смущаетъ даже и то, что стѣны придется строить отдѣльныя въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ, селѣ, того не смущаетъ даже, что своей тактикой разъединенія и раздробленія *онъ превращаетъ въ ничто* великій завѣтъ сближенія и единенія пролетаріевъ всѣхъ націй, всѣхъ расъ, всѣхъ языковъ. И какой горькой насмѣшкой звучитъ послѣ этого резолюція того же V съѣзда Бунда о погромахъ, въ которой выражается „увѣренность въ томъ, что *лишь совмѣстная борьба* пролетаріевъ всѣхъ національностей въ корнѣ уничтожитъ тѣ условія, которыми порождаются событія, подобныя кишиневскимъ“ (курсивъ нашъ). Какой фальшью отдаютъ эти слова о совмѣстной борьбѣ, когда намъ тутъ же преподносятъ „уставъ“, не только *отдаляющій* совмѣстныхъ борцовъ другъ отъ друга, но и закрѣпляющій это отдаленіе и отчужденіе организаціоннымъ путемъ! Какъ хочется дать бундовскимъ националистамъ совѣтъ: поучитесь у тѣхъ одесскихъ рабочихъ, которые шли на общую стачку, на общія собранія, на общія демонстраціи, не запросивъ сначала (о, дерзновенные!) „согласія“ Центральнаго Комитета Бунда на обращеніе къ еврейской націи, которые успокаивали торговцевъ, говоря (см. № 45 „Искры“): „не бойтесь, не бойтесь, это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы *всѣ рабочіе*, всѣмъ намъ одинаково тяжело“. Пусть подумаютъ товарищи изъ Бунда надъ этими словами, если еще не поздно, пусть хорошенько подумаютъ о томъ, куда они идутъ!

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Изъ Гагръ. Коронованный воръ или царское приданное. 27 іюля 1901 года послѣдовалъ высочайшій манифестъ о бракосочетаніи сестры царя Николая II, Ольги Александровны съ его высочествомъ принцемъ Петромъ Александровичемъ Ольденбургскимъ. Придворныя кумушки съ затаеннымъ дыханіемъ ждали, что вотъ-вотъ будетъ объявлено о приданомъ, соотвѣтствующемъ величію и богатству коронованныхъ новобрачныхъ. Увы! Кумушки горько были разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ. Что же, спроситъ читатель, неужели царская свадьба такъ и обошлась безъ приданаго? Какъ бы не такъ! Вѣроятно, молодому принцу и не снилось, что царь Николай такъ расщедрится для своей сестрицы! И не только расщедрится, но и скромно умолчитъ о своихъ щедротахъ, дабы принцу не кололи въ глаза: вотъ, молъ, женился на приданомъ! На самомъ дѣлѣ, царскому зятю по высочайшему повелѣнію была предоставлена въ полное распоряженіе въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ 1901 г. цѣлая Гагринская дача, на Черноморскомъ побережьи Закавказья, площадью въ 14 тысячъ десятинъ! Вотъ какъ описываетъ оффиціальный органъ министерства земледѣлія исторію отвода Гагринской дачи царскому зятьку („Министерскія Извѣстія“, 1901 г., № 48).

„Гораздо скорѣе, чѣмъ Мацестинскій курортъ, призвана къ жизни первая климатическая станція на Черноморскомъ побережьи Кавказа — въ Гаграхъ, благодаря энергіи принца Александра Петровича Ольденбургскаго, взявшаго въ свои руки устройство этой станціи и распоряженіе всей казенной Гагринской дачей, общею площадью около 14 тыс. дес. Дача эта на протяженіи около 10-12 верстъ примыкаетъ къ морю и затѣмъ вдается клиномъ вглубь страны вплоть до полосы альпійскихъ пастбищъ на предгоріяхъ главнаго Кавказскаго хребта: вся дача, въ которой ростутъ весьма цѣнныя породы лѣса, какъ то: самшитъ (кавказская пальма), пихта, тиссъ, каштанъ, орѣховое и оливковое дерево и т. п., весьма гориста и изрѣзана глубокими ущельями, по которымъ протекаютъ рѣчки Жоеквара, Гагрибшъ и др... По климатическимъ условіямъ своимъ, мѣстоположенію и красотѣ видовъ, Гагринская дача давно уже привлекала къ себѣ особенное вниманіе. Его Высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, дважды посѣтившій Гагринскую дачу въ 1900 и 1901 гг. и подробно ее осмотрѣвшій, во главѣ цѣлой экспедиціи врачей и спеціалистовъ, также призналъ, что дача эта представляетъ собою рѣдкое въ мірѣ сочетаніе самыхъ благопріятныхъ естественныхъ условій для созданія на ней климатической станціи и должна быть поставлена, какъ по красотѣ мѣстоположенія, богатсву и разнообразію растительности, такъ и по климату, выше наиболѣе посѣщаемыхъ климатическихъ станцій западной Европы. Большая часть Гагринской дачи будетъ использована для самой санаторіи и цѣлаго ряда связанныхъ съ нею учрежденій, затѣмъ неболлшая часть дачи, съ развалинами крѣпости и храма, пріобрѣтается въ собственность Его Высочествомъ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, и, наконецъ, часть дачи, площадью примѣрно до 1.000 дес., предназначается, по разбивкѣ ея на участки небольшой величины, въ продажу частнымъ лицамъ, подъ условіемъ раскультивированія этихъ участковъ, возведенія на нихъ дачъ и пр. Суммы, вырученныя отъ продажи мелкихъ участковъ, какъ равно и сумма за участокъ, продаваемый въ собственность Его Высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго, будутъ обращаемы на покрытіе расходовъ по устройству Гагринской дачи и возведенію на ней санаторіи и другихъ необходимыхъ построекъ. На тотъ же предметъ обращаются и всѣ извлекаемые по Гагринской дачѣ доходы отъ эксплуатаціи лѣса, добычи камня, сдачи въ аренду отдѣльныхъ угодій, а равно и отъ будущей санаторіи. Но перечисленныхъ суммъ будетъ недостаточно для осуществленія предположеній Его Высочества по обращенію Гагринской дачи въ климатическую станцію, на что, по примѣрнымъ, представленнымъ принцемъ Ольденбургскимъ исчисленіямъ, потребуется свыше двухъ милліоновъ рублей (въ томъ числѣ 1.370.000 руб. на первоначальное устройство дачи, канализацію ея, водоснабженіе, проведеніе электрическаго освѣщенія и т. п., и до 800.000 руб. на возведеніе зданій санаторіи съ необходимыми службами и на ея оборудованіе). Въ виду этого, съ высочайшаго соизволенія, признано возможнымъ отпускать на сей предметъ, въ дополненіе къ вышеозначенному доходу, по 100.000 руб. въ годъ на десять лѣтъ, начиная съ 1901 года.“

Неправда ли, читатель, самая пылкая фантазія не могла бы вообразить, до какихъ размѣровъ можетъ дойти царская щедрость!

---

*) См. отдѣлъ „Изъ Партіи“.

*) Конечно, организованныхъ рабочихъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ выбирать въ старосты; кандидатами надо выставлять подходящихъ людей изъ неорганизованной массы.

Но . . . что же заставило Николая II быть такимъ скромницей? Это, кажется, не въ его характерѣ. . . Маленькая вещь для самодержца, конечно. Дѣло въ томъ, что царскому зятьку въ приданое пошла не царская, а казенная, государственная дача, а вѣдь публиковать о царской щедрости на государственный, голодающей Россіи, счетъ — едва ли въ наше неспокойное время удобно, даже и самодержцу. И умолчали. . . Изъ той же скромности умолчали и о томъ, что Гагринская дача идетъ въ приданое, и подставили фиговый листокъ — *санаторію.* Изъ той же скромности вначалѣ умолчали, что казенная дача отводится не царскому зятьку, а отцу царскаго зятька, чтобы годъ спустя назначить сынка отцу въ *помощники*. . . Сколько глупой наивности и наглаго безстыдства въ этихъ скромныхъ фиговыхъ листкахъ! Кому удалось побывать на мѣстѣ, въ Гаграхъ, именно наивно-безстыдными покажутся всѣ эти „повелѣнія“ о санаторіяхъ, подходцы бочкомъ черезъ тестюшку и т. п. На самомъ дѣлѣ три (а не два) уже полученные принцемъ лично черезъ царя изъ казенной суммы милліона руб. ухлопано имъ на *свой* дворецъ въ Гаграхъ, на *свой* паркъ и прочія обзаведенія, подобающія высокому рангу царскаго зятя! На самомъ дѣлѣ, развѣ сифилисъ да малярію можно нажить въ наскоро оборудованной въ Гаграхъ принцемъ гостинницѣ для больныхъ, которыхъ, впрочемъ, сюда не пускаютъ, если они не имѣютъ туго набитой мошны. . . Тайные совѣтники да генералы будутъ тѣшиться у царскаго зятька, въ Монрепо — этомъ отнынѣ Эльдорадо всѣхъ денежныхъ и чиновныхъ тузовъ. . .

Какъ-то служащіе принца подсчитывали, сколько станетъ Россіи это Эльдорадо русскихъ тайныхъ совѣтниковъ. Вышло, что-то около 50 милліоновъ рублей! По нашему убѣжденію эта цифра ничуть не преувеличена. За одну квадратн. сажень земли, продаваемую въ Гаграхъ подъ дачные участки въ послѣднее время предлагаютъ на торгахъ 53 рубля. Всего принцъ можетъ продать 2,000 десятинъ. Вотъ и считайте: 2,000×2,400×50 рублей (ровнымъ счетомъ) получится 240,000,000 р.! Впрочемъ утѣшься, читатель! Принцъ дѣйствуетъ *на законномъ основаніи*, съ высочайшаго разрѣшенія! По волѣ монарха онъ „купилъ“ (по 100 р. за одну десятину) 1000 десятинъ въ Гагарской дачѣ, по волѣ монарха онъ и „продаетъ“ (по 120,000 руб. каждую десятину изъ 2,000 десятинъ. . .) — А какъ вы думаете, читатель, сознаетъ ли принцъ, что онъ грабитъ Россію?. . А вотъ посмотрите. Всѣмъ газетамъ о Гаграхъ можно писать только панегирики, въ Гагры не пропускаютъ съ пристани ни одного „подозрительнаго“ субъекта, а буде таковой появится, моментально „выдворяютъ“. Самъ принцъ предлагаетъ писать о санаторіи *„только хорошее“*.

Захватъ Гагринской дачи вызвалъ цѣлую бурю недовольства у абхазцевъ, аборигеновъ края — и для нихъ въ Гагры приглашены двѣ пѣхотныя роты. . . Знаетъ, очевидно, кошка, чье мясо съѣла! Санаторія на штыкахъ царскихъ опричниковъ! Совсѣмъ идиллія!

Въ заключеніе маленькій курьезъ. Принцъ — любитель всего оригинальнаго. Для того, чтобы пустить питерскимъ вельможамъ пыли въ глаза, онъ выписалъ изъ Персіи 12 бѣлыхъ ишаковъ. Ко дню освященія „санаторіи“ одинъ ишакъ издохъ. А принцу хотѣлось щегольнуть, и вотъ, когда снимали на карточку группой 11 ешаковъ, царскій зять „для симметріи“ сталъ въ середину, и говорятъ, кому ни задавали вопроса — сколько на карточкѣ всѣхъ животныхъ, всѣ отвѣчали: *двѣнадцать*.

Агитація среди учителей. Въ листкѣ, обращенномъ къ народнымъ учителямъ и учительницамъ, „Воронежская Соціальдемократическая Касса Борьбы“ пишетъ:

. . . „Въ бурные дни, переживаемые нами, когда противъ правительства ополчается грозный врагъ — рабочіе, когда прежніе союзники отходятъ отъ него и поддерживаютъ революціонное движеніе, самодержавіе ищетъ опору тамъ, гдѣ всегда находило ее — въ невѣжествѣ крестьянской массы. Интересы самодержавія и широкое народное образованіе, образованіе въ полномъ смыслѣ этого слова, несовмѣстимы другъ съ другомъ. Правительство это понимаетъ и неуклонно ведетъ политику духовнаго оскудѣнія деревни. Закрытіе комитетовъ грамотности, издававшихъ доступныя для широкихъ массъ книги, сведеніе къ нулю издательской дѣятельности земствъ (Вятское), стремленіе замѣнить земскія школы церковно-приходскими, фиксація земскихъ бюджетовъ, изумительно скудный государственный бюджетъ на народное образованіе, особые каталоги для сельскихъ библіотекъ — все это мѣры, направленныя къ одной цѣли — преградить доступъ образованія въ деревню. Эта правительственная политика наиболѣе сильно отражается на начальномъ народномъ образованіи и, поэтому заставляетъ насъ обратиться къ вамъ. Этой политикой правительство превращаетъ ваше положеніе въ деревнѣ въ положеніе настоящихъ пролетаріевъ. Круглый день работы и ничтожные 20-25 руб. въ мѣсяцъ. Но этого мало. Вашу личную жизнь опутываетъ постоянный надзоръ со стороны урядниковъ, поповъ, земскихъ начальниковъ, со стороны высшей администраціи. Инспекторъ народныхъ училищъ Воронежской губ., Барковскій, просилъ „Общество содѣйствія народному образованію“ сообщить ему, кто изъ учителей и какія картины и брошюры преимущественно спрашиваетъ. Общество отказалось. До какихъ предѣловъ можетъ доходить подозрительность къ вамъ правительства, показываетъ фактъ, бывшій на станціи „Новки“ Владимирской губ., гдѣ учителямъ запретили ходить въ гости къ рабочимъ, а рабочимъ къ учителямъ. Васъ хотятъ изолировать отъ тѣхъ, среди которыхъ вы живете, въ воспитаніи которыхъ заключается ваша дѣятельность. Развѣ возможно въ такихъ условіяхъ мертвящаго произвола воспитывать юныя поколѣнія въ идеѣ правды и добра?! Развѣ возможно въ такой все растлѣвающей атмосферѣ административной опеки и надзора освѣтить лучемъ свѣта царящій кругомъ васъ мракъ и невѣжество?! Нѣтъ и нѣтъ! Такая работа приноситъ лишь нравственное страданіе. Въ такой атмосферѣ способны лишь зародиться сомнѣніе въ собственныхъ силахъ и отчаяніе. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что всевозможныя лишенія и невзгоды вы переносите, лишь благодаря искреннему и горячему стремленію отдать свои силы на благо изнемогающаго и задыхающагося въ нищетѣ и невѣжествѣ народа. И убѣжденіе это заставляетъ насъ указать вамъ выходъ. Если правительство создаетъ всевозможныя препятствія на пути вашего легальнаго просвѣщенія народа, такъ учите, просвѣщайте крестьянскую бѣдноту нелегально. И эта работа дастъ вамъ самые плодотворные результаты; вы найдете въ ней полное нравственное удовлетвореніе. Примыкайте къ широкому освободительному движенію, которое такъ громко заявляетъ себя отъ далекой Сибири, Урала до Польши, и отъ Финляндіи до Кавказа. Заводите связи съ городами, гдѣ ведется революціонная работа. Читайте и распространяйте соціальдемократическую литературу. Устраивайте съ этою цѣлью кружки среди крестьянъ. Руководите ими въ столкновеніяхъ съ администраціей и помѣщиками. Организуйте стачки за повышеніе заработной платы и пониженіе арендныхъ цѣнъ. Сообщайте въ нелегальную печать о всѣхъ случаяхъ насилія и произвола какъ со стороны кулаковъ и помѣщиковъ, такъ и низшей и высшей администраціи. Подготовляйте всеобщій отказъ отъ уплаты податей и отбыванія воинской повинности. И когда на крикъ рабочихъ: „Долой самодержавіе!“ раздастся могучій сочувственный откликъ крестьянства, тогда падетъ самодержавный произволъ, и освобожденный политически народъ развернетъ гигантски свои силы, чтобы осуществить свою конечную цѣль — освобожденіе отъ ига капитала!“

Варшава, 24 іюля. За послѣдній годъ въ Варшавѣ произошла громадная перемѣна. Если еще всего въ прошломъ году надо было стоять близко ко всему для того, чтобы знать, что кругомъ творится, то въ настоящее время достаточно выйти на улицу, чтобы почувствовать все то, что носится въ воздухѣ. Цѣлый божій день по улицамъ, особенно въ еврейскихъ кварталахъ, расхаживаютъ дежурные дворники съ толстыми палками. Черезъ каждые пять воротъ — дворникъ. Эти палки не для формы, а для дѣла. Стоитъ собраться на улицѣ кучкѣ людей и устроить маленькій уличный скандалъ, какъ дворники приводятъ въ дѣйствіе свои палки. Такимъ образомъ, недавно убили на ул. Налевки одного еврея, ничего общаго съ движеніемъ не имѣющаго. На Дикой ул., гдѣ по вечерамъ разгуливаетъ масса рабочихъ, расхаживаетъ полицейскій, разгуливаютъ на лошадяхъ казаки и толпятся переодѣтые шпіоны. . . Между прочимъ, толстыя палки у прохожихъ отбираются. Послѣдняя политика и экономически выгодна, такъ какъ палки дворниковъ, разгуливая по спинамъ обывателей, становятся непригодными для дальнѣйшей своей дѣятельности. Далѣе, громадная перемѣна произошла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Свѣтъ и туда проникъ, но такъ скоро, такъ неожиданно для всѣхъ, что какъ-то вѣрить не хотѣлось, нѣкоторымъ отъ страха, другимъ отъ удивленія, третьимъ отъ радости. Повѣрить, наконецъ, пришлось и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Въ „четвертой“ женской гимназіи не окончило курса въ этомъ году 12 челов., изъ которыхъ нѣкоторыя участвовали перваго мая въ демонстраціи. Въ мужскихъ гимназіяхъ масса безпокойнаго элемента, много сознательной молодежи.

Мелитополь. (Таврической губ.) Вчера, 30 іюня, отправленъ въ Восточную Сибирь студентъ петербургскаго технологическаго института С. Л. Фридъ. Былъ арестованъ въ Петербургѣ вначалѣ 1901 года по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ и просидѣлъ $1\frac{1}{2}$ г. до окончанія слѣдствія въ домѣ предварительнаго заключенія. Затѣмъ былъ высланъ подъ надзоръ въ Мелитополь, гдѣ и прожилъ больше года.

Провожать Фрида собралось на вокзалѣ очень много публики, устроившей теплые проводы и отъ души пожелавшей ему не уставать въ той работѣ, которой онъ отдался со всѣмъ пыломъ бодрой молодости. Уѣхалъ онъ отсюда больнымъ физически и измученнымъ духовно, благодаря тѣмъ, поистинѣ звѣрски жестокимъ, пріемамъ, которые примѣнялъ въ отношенія къ нему начальникъ тюрьмы Аппалатъ. Этотъ господинъ дѣлалъ все возможное, чтобы отравить и такъ невеселое сидѣніе Фрида — перевелъ его изъ одиночной камеры въ секретную, изолированную совершенно отъ другихъ одиночекъ, отказывалъ въ свиданіи съ родными, всячески старался унизить стариковъ родныхъ, умолявшихъ о свиданьи, лишилъ книгъ, не давалъ бумаги для писемъ — несмотря на вполнѣ безукоризненное поведеніе Фрида. И въ довершеніе не заплатилъ Фриду слѣдуемыхъ денегъ за занятія со своими дѣтьми (когда Фридъ былъ на свободѣ). . . .

Трудно даже приблизительно передать, какой произволъ допускаетъ Аппалатъ; онъ воистину маленькій самодержецъ и для него не существуетъ власти ни прокурора, ни исправника, ни губернатора; даже приказы губернатора онъ толкуетъ какъ разъ въ томъ смыслѣ, который желателенъ только ему — и всѣ жалобы на него не достигаютъ цѣли. Недавно былъ въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ губернаторъ Треповъ, и уголовные жаловались ему на то, что Аппалатъ бьетъ и истязаетъ ихъ. Результатомъ жалобы арестантовъ было то, что Треповъ поблагодарилъ Аппалата за образцовый порядокъ въ тюрьмѣ, а родные жаловавшихся арестантовъ не допускаются на свиданія, и отъ нихъ не принимаются арестованнымъ ни вещи, ни провизія.

Въ здѣшней тюрьмѣ сидитъ еще одинъ политическій — Антонъ Гамсъ — студентъ тех., забранный по одному дѣлу съ Фридомъ. По приговору онъ получилъ шесть мѣсяцевъ тюрьмы.

Кутаисъ. Кутаисъ въ настоящемъ году переживаетъ тревожную весну. Обыватель начинаетъ просыпаться отъ своего вѣкового летаргическаго сна. Со всѣхъ сторонъ несущіяся вѣсти о безпорядкахъ, демонстраціяхъ, крестьянскомъ, рабочемъ и студенческомъ движеніи теребятъ, будятъ тупую мысль нашихъ мелкихъ буржуа-мѣщанъ. „И что это „*они*“ хочутъ?“ — вздыхаетъ обыватель, кивая головой по адресу „непокойнаго элемента“. Кутаисскій Соціаль-демократическій кружокъ попытался разъяснить обывателямъ ихъ недоразумѣнія въ прокламаціяхъ, распространенныхъ на Пасхѣ. Но эти прокламаціи, вызвавъ самые фантастическіе толки, только напугали загнанныхъ Кутаисцевъ. Еще болѣе ошеломили Кутаисцевъ вѣсти о бывшей 13 апрѣля въ с. Кулаши крестьянской демонстраціи, гдѣ крестьяне прошли въ числѣ до 300 чел. съ краснымъ флагомъ и раскидывая прокламаціи передъ носомъ обезкураженной полиціи, и слухи о маевкѣ, которую Кутаисскіе сознательные ремесленники, въ числѣ до 60 ч., отпраздновали за городомъ 20 апрѣля. Послѣ майской прокламаціи обыватель совсѣмъ растерялся. — „Бунтъ будетъ, — бунтъ 1 мая!“ — только и было слышно во всѣхъ разговорахъ. Даже администрація была смущена и подняла на ноги всѣхъ своихъ шпіоновъ и городовыхъ. Ночью на улицѣ стали появляться конные и пѣшіе патрули. . . Наконецъ, наступило 1 мая. На улицахъ царила мертвая тишина. Обыватели попрятались отъ страху. Назначенныя на 1 мая прогулки гимназистовъ и реалистовъ были начальствомъ отложены. Занятія въ женской гимназіи происходили почти въ пустыхъ классахъ. На бульварѣ рѣдкіе посѣтители какъ-то пугливо оглядывали другъ друга, точно спрашивая — скоро-ли бунтъ-то будетъ? Но прошло 1 мая, а бунта не послѣдовало. . . Только 2 мая забастовали ученики сельско-хозяйственной школы, требуя улучшенія квартиръ, пищи, вѣжливаго обращенія и уменьшенія полевыхъ работъ. . .

Въ Кутаисской тюрьмѣ сидитъ около 40 человѣкъ, до 30 изъ нихъ крестьяне-„зачинщики“, взятые въ Гуріи въ Коаламскомъ, Эцерскомъ и Дзехашискомъ сельскихъ обществахъ Кутаисскаго уѣзда, гдѣ, какъ извѣстно, крестьяне-арендаторы бойкотируютъ своихъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ. Несмотря на всѣ уступки, помѣщикамъ не удалось въ этомъ году сдать крестьянамъ свои земли. „Зачинщиковъ“ брали почти всѣхъ съ поличнымъ: кто расклеивалъ прокламаціи, кто ставилъ красное знамя на волостномъ правленіи и т. п. Остальные 10 — рабочіе и интеллигенты изъ Батума.

Послѣдній циркуляръ Плеве вызываетъ ѣдкія замѣчанія

Дѣло о типографіи „Искры“.

Въ № 43 мы помѣстили краткую замѣтку объ этомъ дѣлѣ; печатаемъ теперь полностью полученный нами обвинит. актъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о рядовомъ изъ мѣщанъ Леонѣ Исааковѣ Гольдманѣ (онъ же Ицка Боруховъ Риманъ), 26 лѣтъ, и мѣщанахъ Мерѣ Лейбовой Гинзбургъ (по мужу Риманъ и Гольдманъ), 25 лѣтъ, Хинѣ Нусиновой Корсунской, 23 лѣтъ, Гершѣ Берковѣ Элькинѣ, 28 лѣтъ, Манѣ Мордуховой Школьникъ, 23 лѣтъ и Аронѣ Абрамовѣ Шпейзманъ, 25 лѣтъ, содержащихся подъ стражей.

Въ ночь на 9 февраля 1902 г. въ г. Кишиневѣ, въ виду ожидавшихся безпорядковъ политическаго характера, былъ произведенъ рядъ обысковъ у лицъ, заподозрѣнныхъ въ подготовительной къ этимъ безпорядкамъ дѣятельности и въ знакомствѣ съ неблагонадежными лицами. По этимъ обыскамъ обнаружено слѣдующее: 1) въ квартирѣ чернорабочаго винныхъ складовъ, мѣстнаго мѣщанина Герша Хаимова Брантмана, въ комнатѣ его квартирантки, модистки, мѣщанки м. Сморгони Виленской губ., Мани Школьникъ найдены завернутый въ бумагу типографскій шрифтъ, вѣсомъ около 29 золотниковъ, и употребляющіяся при книгопечатаніи типографскія принадлежности — 4 марзана, 10 реглетокъ и 4 шпаціи, вѣсомъ 3 фунта 24 золотника. Вмѣстѣ съ тѣмъ найдено письмо на еврейскомъ языкѣ, повидимому, отвѣтъ на письмо Мани Школьникъ. Кромѣ Мани Школьникъ, въ той же комнатѣ спалъ ея знакомый маляръ — мѣстный мѣщанинъ Аронъ Шпайзманъ. Въ карманѣ его пальто обнаруженъ деревянный валикъ, съ гнѣздами на концахъ, употребляемый для отливки валиковъ, необходимыхъ при книгопечатаніи. Затѣмъ въ принадлежащемъ къ квартирѣ Брантмана коровникѣ, въ ясляхъ оказался свертокъ бумагъ со вложенными въ нихъ слѣдующими типографскими принадлежностями: двумя кусками типографской массы, употребляемой для отливки валиковъ, необходимыхъ для типографскихъ станковъ, и жестяной формой для отливки означенныхъ валиковъ, по величинѣ соотвѣтствующей деревянному валику, найденному въ карманѣ Шпайзмана. Въ сверткѣ же бумагъ оказались слѣдующія гектографированныя нелегальныя изданія: 1) брошюра „Господа Обмановы“ изъ газеты „Россія“, Одесса 1902 г., 2) воззваніе, начинающееся словами: „И такъ мы, умѣренные либералы“ за подписью „Группа студентовъ“, съ датой „1901 г. ноября 23“, и 3) такое же воззваніе, начинающееся словами: „Товарищи, снятіе забастовки 16 января 1902 г.“, съ датой „25 янв. 1902 г.“ и съ оттискомъ печати „О. К. Ст.“. По поводу обнаруженнаго Брантманъ объяснилъ, что ни одинъ изъ найденныхъ предметовъ ему не принадлежитъ. Школьникъ же и Шпайзманъ признали, что письмо на еврейскомъ языкѣ принадлежитъ Школьникъ, а все остальное — изданія и типографскія принадлежности — имъ обоимъ, и что всѣ эти предметы переданы имъ для сохраненія лицомъ, котораго они знаютъ только подъ именемъ „Викдорчика“, но мѣсто нахожденія послѣдняго имъ неизвѣстно; Школьникъ отказалась также назвать автора указаннаго письма.

2) 12 марта унтеръ-офицеръ Бессарабскаго жанд. управленія Твердохлѣбовъ, узнавъ, что на вокзалѣ находится розыскиваемый департаментомъ полиціи Виленскій мѣщ. Леонъ Исааковъ Гольдманъ, проживавшій въ Кишиневѣ подъ именемъ Богуславскаго мѣщанина Ицки Борухова Римана, задержалъ его, причемъ послѣдній назвался Римановъ. При производствѣ въ тотъ же день обыска въ квартирѣ задержаннаго Гольдмана, назвавшагося Римановъ, тамъ оказались проживавшіе вмѣстѣ съ нимъ и женой его Мерой Лейбовой, урожденной Гинзбургъ, неимѣвшіе опредѣленныхъ занятій мѣщанинъ гор. Гадяча Полтавской губ., Гершъ Берковъ Элькинъ и Новомосковская мѣщанка Екатерин. губ., Хана Нусимова Корсунская. Въ моментъ прихода полиціи Мера Риманъ (она же Гольдманъ), Элькинъ и Корсунская печатали на книгопечатномъ станкѣ обложки для брошюры „Легальные союзы“. При обыскѣ въ квартирѣ были найдены: 1) типографскій станокъ съ ручнымъ приводомъ, вмѣстѣ съ принадлежностями для набора и печатанія, всего вѣсомъ 2 пуда 9 фунтовъ, 2) 4 пуда 32 фунта типографскаго шрифта, 3) три стола, изъ коихъ два съ секретными типографскими кассами, 4) ручной кожаный чемоданчикъ, приспособленный къ переносу типографскаго шрифта, 5) желѣзная линейка, 6) три ножа: а) финскій, б) для обрѣзки бумагъ и в) переплетный ножъ, 7) два деревян. клише: одно для напеч. заголовка газ. „Искра“, а другое срѣзанное и испорченное, но по сохранившимся на немъ слѣдамъ буквъ можно прочесть слово „Впередъ“, 8) машинка чугунная, для брошюровки проволокой (американскій переплетчикъ), 9) двѣ картонныхъ коробки, въ которыхъ оказалось нѣсколько сотенъ обыкновенныхъ булавокъ, 10) два ключа къ винтамъ и гайкамъ типографскаго станка, 11) 5 жестяныхъ коробокъ съ типографской краской, 12) деревянный ящикъ для упаковки типографскаго станка, 13) мѣдный цилиндръ съ типографской массой для валиковъ и т. д. Въ типографскомъ станкѣ оказался приготовленный къ работѣ наборъ, при оттискѣ котораго отпечаталось слѣдующее: на правой половинѣ листа, „Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія“, „Легальные союзы и русское рабочее движеніе“, изданіе „Искры“, Марта 1902 г. Типографія „Искры“; вокругъ этой надписи виньетка. На лѣвой половинѣ „Цѣна 10 коп.“ Въ общемъ оттискъ набора далъ обложку для брошюры „Легальные союзы“. Затѣмъ оказался другой наборъ шрифта, также, видимо приготовленный къ печатанію: „Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.“ „Что же дальше, Г. Плеханова (оттискъ изъ второй книжки „Зари“), изданіе „Искры“. Типогр. „Искры“ Сентябрь 1901 г.“. Кромѣ того въ квартирѣ Римановъ (Гольдманъ) найдены разныя нелегальныя сочиненія и переписка, а именно: воззванія „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, по поводу наступающаго перваго мая, „Ко всѣмъ Харьковскимъ рабочимъ“, по поводу необходимости ознаменовать демонстраціей день 19 февраля, листокъ изъ „Искры“, озаглавленный „Начало демонстраціи“, № 8 газеты „Искры“, № 10 „Искры“, брошюра „Что же дальше“, изданіе и типографія „Искры“, брошюра „Въ защиту Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ“, приложеніе къ № 9 „Искры“, 19 экз. брошюры „Легальные союзы и русское рабочее движеніе“, 683 экз. брошюры „Борьба съ голодающими“, типогр. „Искры“, 269 экз. воззваній отъ „Харьковскаго Комитета Россійской Соціальдем. Раб. Партіи“ „Къ обществу“, приглашающихъ всѣхъ русскихъ граждан къ борьбѣ съ царскимъ самодержавіемъ, 1504 экз. разноцвѣтныхъ обложекъ для брошюры „Легальные союзы и русское рабочее движеніе, типографія „Искры“, ц. 10 к.“, 4 пуда 32 фунта несброшюрованныхъ листовъ этой брошюры и 3497 разноцвѣтныхъ чистыхъ полулистовъ для обложекъ къ брошюрамъ. Въ найденной записной книжкѣ изъ 38 лист. 18 оказались заполненными записями ежедневныхъ расходовъ, разбитыми на два періода — съ 1 марта по 30 декабря и съ 1 января по 11 марта, *безъ обозначенія года*; въ книжкѣ этой имѣется, между прочимъ, такая запись: къ отчету расхода 452 р. 9 коп.; въ отдѣлѣ о приходѣ значится, что къ 1 января осталось отъ прошлаго года 16 руб. 77 коп., и занесены поступленія: „Заря“, осталось отъ поѣздки 45 руб., за литературу 10, за литературу 21, общая же сумма прихода за январь и февраль мѣсяцы опредѣлена въ 1285 р. 15 к., а расходъ съ 1 апрѣля по 18 іюля выведенъ въ суммѣ 320 руб. 64 коп. и т. д. Наконецъ, къ дознанію пріобщены найденныя въ квартирѣ Гольдмана рукописи: „Обуховская оборона“, по поводу безпорядковъ на Обуховскомъ заводѣ, и „Рабочее движеніе на Кавказѣ“ изъ „Тифлисскаго движенія 1900 и 1901 гг.“, а также шифрованная записка. По осмотру чрезъ экспертовъ описаннаго станка и относящихся къ нему типографскихъ принадлежностей оказалось, что 1) станокъ этотъ съ ручнымъ приводомъ, лежачій, не фабричной работы, сдѣланъ по заграничной модели и вполнѣ годенъ для работы, 2) на станкѣ можно печатать листы размѣромъ 31×21 сант., 3) найденный шрифтъ достаточенъ для надобностей такой работы, при чемъ имъ можно печатать на русскомъ языкѣ, еврейскаго же шрифта вовсе не имѣется, 4) изъ выше перечисленныхъ изданій напечатаны на означенномъ станкѣ слѣдующія: воззваніе „къ Харьковскимъ рабочимъ“, „Къ обществу“ и „Начало демонстраціи“, а также № 10 „Искры“, брошюры „Что же дальше“, „Легальные союзы“, „Борьба съ голодающими“ и „Обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ“; 5) типографская масса была заготовлена для отливки валиковъ, причемъ оказался новый валикъ, очевидно, только что вылитый изъ этой массы, и 6) шрифты и украшенія, смотря по разнообразію и смѣси ихъ, пріобрѣтались по частямъ изъ разныхъ типографій.

Найденное у Мани Школьникъ письмо, будучи переведено съ еврейскаго на русскій языкъ, оказалось письмомъ безъ подписи отъ 30 января 1902 г. близкаго для Школьникъ человѣка, такъ какъ начинается обращеніемъ: „мой лучшій вѣрный другъ, товарищъ Маня“ и содержитъ въ себѣ горячій призывъ выполнить задуманное ею, повидимому, политическое убійство. Такъ, авторъ, вспоминая о покушеніи на жизнь императора Александра II и послѣдовавшей затѣмъ казни Соловьева, говоритъ: „Маня, такого героя напоминаешь ты мнѣ — Перовскую, и возможно, что скоро мы будемъ читать во всѣхъ газетахъ, что такая-то дѣвица застрѣлила его... и я буду сидѣть и смотрѣть на твою карточку“. Авторъ письма выражаетъ удивленіе по поводу ея преданности „столь возвышенной идеѣ“, которую онъ называетъ „нашей“. Далѣе, онъ говоритъ: „я сижу и мнѣ представляется, что ты держишь револьверъ и стрѣляешь и въ одну минуту ты схвачена и снова у нихъ, у такихъ тирановъ, но совсѣмъ не надо бояться, и тогда подойдутъ слова къ Софіи Перовской: была женщина, рѣдко женщины бываютъ такія отличныя, такія нѣжныя, воодушевленныя и чудно красивыя. . . Она была призвана для постройки храма свободы и своею кровью она окрасила камень...“ „Маня, меня не пугаетъ никакая смерть... лишь была бы польза... чтобы оставалась въ каждомъ, въ комъ еще не потухла искра свободы; чтобы не имѣла характера личной мести, а за мракъ... Маня, я теперь вижу тебя краснымъ революціонеромъ, такимъ даже у Кутаисскихъ „столповъ“. Напримѣръ, помѣщики ни какъ не могутъ примириться съ тѣмъ, чтобы у нихъ отняли право пускать кровь своихъ непокорныхъ арендаторовъ т. е. организоваться въ *отрядъ самообороны*. Положимъ, говорятъ они совершенно справедливо, въ Россійскомъ государствѣ не новость, если министръ отмѣняетъ циркуляромъ основной государственный законъ, но естественный законъ природы зачѣмъ было Плеве отмѣнять?...

Изъ Сибири. Мы получили отъ одного ссыльнаго слѣдующее письмо: „Изъ Красноярска я былъ отправленъ въ Александровскую центральную пересыльную тюрьму, гдѣ и прожилъ вмѣстѣ съ якутянами. Партія должна была отправиться 12 мая, но отказалась ѣхать безъ точныхъ назначеній. Конвойный офицеръ грозилъ взять силой; рѣшили забаррикадировать двери. Когда опасность миновала, баррикады были употреблены какъ средство ускоренія отвѣта о назначеніяхъ. Просидѣли двѣ недѣли. Тюремная администрація дѣлала попытки склонить партію отпереть двери, обѣщая назначенія въ скоромъ времени, но партія не вѣрила. Чрезъ двѣ недѣли рѣшено было принять болѣе рѣшительныя мѣры для понужденія губернатора, о чемъ партія и предупредила губернатора черезъ начальника тюрьмы. Послѣ этого былъ полученъ отвѣтъ, что назначенія будутъ объявлены передъ отправкой партіи, а возможность отправки выясняется черезъ Верхоянскаго исправника. Тогда партія предупредила, что ждать долго не намѣрена, и отперла двери. 9 іюня вечеромъ объявлены назначенія: 9 чел. въ Верхоянскъ, 8 въ Вилюйскъ, 5 въ Колыму, 14 въ Якутскій округъ и 13 чел. по Иркутской губ. 11 числа партія отправилась по Якутскому тракту. Всего по тракту пошло 47 чел., изъ нихъ 9 женщинъ и 5 вольнослѣдующихъ; къ нимъ по дорогѣ присоединяются 3 изъ Иркутска, а 4 осталось по разнымъ причинамъ.

Большею частью по слѣдующимъ дѣламъ: по Одесскимъ демонстраціямъ февралѣ въ и маѣ 1902 г. и по дѣлу партіи С. Р. (9 ч.), по Екатеринославскимъ демонстраціямъ декабря 1901 г. и февраля 1902 г. (8 чел.), кишиневцы по „Искрѣ“ и „Бунду“ (4 чел.), тамбовцы по крестьянскому дѣлу (6 чел.) и проч. Огромное большинство соціальдемократовъ, меньшинство соц.-рев. и другіе... Въ 1902 г. черезъ красноярскую пересыльную тюрьму прошло политическихъ ссыльныхъ въ Восточную Сибирь ококо 600 чел. Много бѣжитъ. Въ 1902 г. изъ одной Енисейской губ. бѣжало до 70 челов. Изъ другихъ мѣстностей тоже не даютъ маху. Вятскій статистикъ Кислицынъ получилъ 4 года Верхоянска“.

Екатеринбургъ. Товарищи изъ Екатеринбурга просятъ опубликовать нижеслѣдующія фамиліи тамошнихъ шпіоновъ и провокаторовъ:

Потапъ, Николай и Михаилъ Басковы — шпіоны. Ляпинъ — провокаторъ, уѣхалъ въ Казань. Вяткинъ — провокаторъ, уѣхалъ въ Пермь: его Екатеринбургскій адресъ: уг. Монаховск. и Луговой, соб. домъ. Шараповъ — предатель (работаетъ на монетномъ дворѣ). Каргополовъ — предатель (столяръ на Верхнеилецкомъ заводѣ). Рубцовъ — предатель (прядильная фабрика бр. Макаровыхъ). На Ревдѣ предатель Ситниковъ.

Лѣтомъ этого года въ Самарской тюрьмѣ содержался около $1^1/_2$ мѣсяца арестованный 19 апрѣля въ Уфѣ сельскій учитель Тихоміровъ. Обвиненіе, предъявленное лишь передъ освобожденіемъ, состояло въ слѣдующемъ: правда-ли, что онъ устраивалъ у себя въ школѣ собранія, на которыхъ 1) отрицалъ загробную жизнь, 2) указывалъ, что на содержаніе царя идетъ чрезмѣрно большая для него сумма въ 12 мил. рублей. И правда-ли, что въ школѣ устраивались запрещенныя чтенія? Отвергнувъ вполнѣ тотъ фактъ, что въ школѣ его велись нелегальныя бесѣды, Тихоміровъ указалъ, что чтенія съ крестьянами онъ велъ, но они носили вполнѣ легальный характеръ. Читалась космографія, популярная астрономія и т. п. Учитель освобожденъ подъ особый надзоръ и оставленъ до приговора въ Самарѣ.

Какъ иногда создаются дѣла. Содержащимся въ Самарской тюрьмѣ было оффиціально разрѣшено передавать другъ другу черезъ прокурора деньги. Воспользовавшись этимъ разрѣшеніемъ арестованный въ Саратовѣ Коноваловъ подалъ заявленіе о желаніи передать деньги студенту Полянскому, который сидѣлъ безъ всего. Кажется, чего естественнѣе? А что же изъ этого вышло? На слѣдующемъ обходѣ прокурора, Коноваловъ, находящійся подъ слѣдствіемъ уже 14 мѣсяцевъ, обратился къ нему съ вопросомъ — скоро-ли слѣдствіе прійдетъ къ концу — на что прокуроръ отвѣтилъ ему, что противъ него возбуждено новое слѣдствіе, его обвиняютъ въ знакомствѣ съ Полянскимъ и что оффиціальнымъ документомъ въ ихъ рукахъ является собственное заявленіе Коновалова о желаніи передать деньги Полянскому, поданное имъ на имя прокурора. Единственной уликой противъ Полянскаго является взятая у него на обыскѣ картонка отъ дамской шляпки съ какими-то, нарисованными наверху, кабалистическими знаками, которые жандармы приняли за шифръ. Картонку эту Полянскій впервые увидѣлъ на допросѣ.

Омскъ. Въ Ночь съ 20 на 21 іюня у насъ случилось нѣчто, сильно потрясшее многихъ изъ Омичей. Арестовано болѣе 20 человѣкъ, изъ нихъ около 10 желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, 5 служащихъ статистическаго бюро: Н. В. Барановъ, І. М. Барашковъ, В. П. Граціанскій, И. Ф. Гусевъ, и Л. К. Чермакъ, служащій переселенческой конторы Н. И. Дербышевъ, служащій государственнаго банка, нѣсколько человѣкъ на желлено-дорожной станціи, 1 солдатъ, 1 казакъ, зубной врачъ В. А. Гольгинъ, учительница А. К. Заложная и еще кой-то, между прочими одинъ юноша. Причины неизвѣстны. Предполагаютъ, вслѣдствіе введенія въ Омскѣ усиленной охраны. (Самого генералъ-губернатора еще пока изъ Петербурга нѣтъ.)

Свиданія даются съ трудомъ. Жена статистика Чермака насилу выхлопотала разрѣшеніе (отъ губернатора и жандармскаго правленія) повидаться съ нимъ. Въ теченіе 10 минутъ только, она должна была переговорить обо всемъ. Ей объявили, что на каждое слѣдующее свиданіе ей тоже нужно будетъ испрашивать разрѣшеніе губернатора и жандармскаго правленія.

Омскъ. Въ камерахъ уголовныхъ говорятъ, страшнѣйшая тѣснота вслѣдствіе того, что ихъ стѣснили отнятіемъ 30 камеръ для одиночныхъ заключенныхъ.

Нижній. 24 авг. Въ тюрьмѣ, среди политическихъ, была голодовка; не привела ни къ какимъ результатамъ. Изъ Петербурга будто бы былъ приказъ по телеграфу, не обращать вниманія. Нѣкоторые голодали двѣ недѣли, заболѣли и взяты въ больницу. Арестованы: Козловъ, Козлова (увезены въ Петербургъ) и Лебедевъ. Въ тюрьмѣ около тридцати политическихъ, большинство рабочіе.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Мѣстечко Яновка (Барановка тожъ) въ 70 верстахъ отъ Одессы. Не днахъ, крестьянъ этого мѣстечка тамошній помѣщикъ пригласилъ возить хлѣбъ по 4 коп. съ пуда. Крестьяне требовали 8 коп. съ пуда. Тогда были вызваны казаки, и 11 чел. возчиковъ-крестьянъ посадили въ „холодную“. Черезъ нѣсколько времени казачій офицеръ началъ арестованнымъ допросъ, причемъ убѣждалъ ихъ взять работу за ту цѣну, какую предлагалъ помѣщикъ. Этотъ бурбонъ говорилъ о безвыходномъ положеніи арестованныхъ, съ чѣмъ они вполнѣ соглашались: „весь собранный хлѣбъ пришлось продать“, говорили они, „чтобы уплатить за аренду помѣщику и подати, теперь необходимо заработать сколько-нибудь, чтобы купить хлѣба, и заработать какъ можно больше, иначе они умрутъ съ голоду“. Поэтому-то они и хотятъ получить болѣе высокую плату. Офицеръ, разгорячившись и видя, что его доводы о необходимости согласиться на низкую плату въ виду безвыходного положенія крестьянъ, не дѣйствуютъ, ударилъ одного крестьянина шашкой. Крестьяне напали не него. Подоспѣвшіе на выручку офицера казаки положили на мѣстѣ шесть человѣкъ. Всѣ окрестныя деревни сильно взбудоражены этой исторіей. За послѣднее время Одесскимъ Комитетомъ сплавляется въ деревню много прокламацій и очень немного нелегальной литературы, въ виду того, что литературы въ Одессѣ за послѣднее время почти совсѣмъ не было.

Связей же съ деревней очень много и они остаются не использованными, какъ слѣдуетъ.

Рязань. Бунтъ въ имѣніи Гагарина (Разанской губ. Михайловскаго уѣзда). (Изъ частнаго письма). О бунтѣ въ имѣніи князя Гагарина могу сообщить слѣдующія подробности. 1 іюля около границы имѣнія князя одинъ изъ крестьянъ косилъ траву; невдалекѣ отъ него разъѣзжалъ черкесъ-объѣздчикъ князя. Владѣнія Гагарина отдѣлены отъ крестьянскихъ рвомъ. Случайно крестьянинъ скосилъ нѣсколько травинокъ со рва, это замѣтилъ черкесъ и съ ругательствами ударилъ мужичка, который отмахнулся косой; тогда черкесъ рѣзанулъ кинжаломъ отъ плеча до пояса. Крестьянинъ упалъ и вскорѣ умеръ. Сынъ крестьянина, косившій невдалекѣ, устремился на черкеса съ косой и ранилъ его настолько сильно, что онъ упалъ, обливаясь кровью, и былъ безъ чувствъ продолжительное время, такъ что думали онъ мертвъ, но это была ошибка, и черкесъ впослѣдствіи уползъ.

Жена сына крестьянина стала сзывать народъ, и около трупа образовалась небольшая толпа, обсуждавшая событіе. Пока они толковали, услужливые люди доложили о происшедшемъ князю, и тотъ явился на мѣсто преступленія. Мужички спросили: „долго-ли такъ будетъ продожаться!“ — Какъ! косить мою траву, да я васъ, сукиныхъ дѣтей, въ бараній рогъ согну и еще двадцать черкесовъ найму! (Подлинныя слова). Крестьяне молча разошлись, но тутъ же порѣшили созвать сходъ. Князь уѣхалъ, но по пріѣздѣ домой ему доложили о гибели черкеса. Тогда Гагаринъ велѣлъ заложить тройку и въ сопровожденіи жены и князя Щербатова отправился вторично на мѣсто происшествія.

Въ это время въ деревнѣ, на сходѣ было уже четыреста человѣкъ. Князю нужно было проѣзжать деревней, и онъ, видя на дорогѣ толпу, погналъ лошадей и врѣзался въ нее. Тутъ-то въ князя и полетѣло все, что было подъ руками: вилы, грабли, и проч. Вилы вонзились въ животъ, и Гагаринъ упалъ на дно коляски. Князь Щербатовъ погналъ лошадей. По выѣздѣ изъ деревни ведутъ двѣ дороги: на-лѣво и на-право. Щербатовъ поѣхалъ на-право, и толпа крестьянъ рѣшилась бѣжать въ обходъ и догнать экипажъ, но, пробѣжавъ нѣсколько сажень, прекратили преслѣдованіе. Щербатовъ же послѣ перемѣнилъ направленіе и поѣхалъ на-лѣво къ жилищу духовенства. Вилы изъ Гагарина были вынуты только по пріѣздѣ въ домъ священника (т. е. черезъ шесть часовъ). Гагаринъ очень плохъ, руки тоже всѣ изрѣзаны. Жена хотя пострадала, но незначительно и теперь поправилась. Князь Щербатовъ „заговаривается“.

Послѣ этого пріѣзжалъ губернаторъ, и былъ вызванъ батальонъ солдатъ изъ Рязани, которыхъ накормили тухлой солониной и поставили за нее 14 коп. (изъ экономіи князя Гагарина).

Крестьяне встрѣтили губернатора съ хлѣбомъ-солью, на колѣняхъ. Губернаторъ сказалъ прочувствованную рѣчь, пересыпанную ругательствами и обѣщаніемъ порки, но все таки трудно было ее устроить, такъ какъ „бунта“ никакого не было. Тѣмъ не менѣе губернаторъ потребовалъ выдачи зачинщиковъ.

Когда „начальство“ повторило требованіе, чтобы зачинщики были отдѣлены, то произошло слѣдующее (это фактъ, а не анекдотъ): одинъ изъ крестьянъ обращается къ другому и говоритъ: „эй, Трофимовъ, тебя спрашиваютъ — выходи!“ и Трофимовъ выходитъ. Такимъ образомъ арестовано семнадцать человѣкъ, и всѣ эти ужасные преступники, „зачинщики“, „бунтари“, отправлены въ волостное правленіе съ *однимъ* полицейскимъ.

Окрестные помѣщики очень несочувственно относятся къ князю Гагарину и желаютъ ему скорѣйшей смерти, чтобы онъ не имѣлъ возможности выступать на судѣ въ шутовской роли „обвинителя“. Супруга Гагарина винитъ губернатора въ бездѣйствіи: „всѣхъ-бы перепороть и сослать въ Сибирь!“

Бѣлозерскій уѣздъ, Новгородской губ. Въ ночь на 15 іюня на пространствѣ болѣе 60 верстъ, въ волостяхъ Воздвиженской, Чуриновской, Антушевской, Мегринской и Перкунской, были разбросаны въ количествѣ 1500 экземпляровъ прокламаціи, представлявшія изъ себя перепечатку изданныхъ въ 1901 году Петербургскимъ Союзомъ подъ заглавіемъ: „О томъ, какъ незамѣтно берутъ съ насъ деньги“ и „Король англійскій и императоръ всероссійскій“. Прокламаціи были разбросаны по деревнямъ и дорогамъ и затѣмъ расклеены на школахъ, волостныхъ правленіяхъ, верстовыхъ столбахъ и т. д. Главная масса прокламацій была распространена близъ Новозерскаго монастыря, такъ какъ ежегодно въ этотъ день сюда стекаются нѣсколько тысячъ человѣкъ. Несмотря на значительное количество распространенныхъ прокламацій, въ руки полиціи попало очень немного экземпляровъ. Оказалось, что крестьяне лишь въ исключительныхъ случаяхъ отдавали листки полиціи. По слухамъ, прокламаціи, составленныя, кстати сказать, весьма удачно, произвели сильное впечатлѣніе. Есть случаи, когда взрослые крестьяне выучивали ихъ наизусть. Замѣтно, что въ крестьянской средѣ интересъ къ нелегальной литературѣ сильно повысился. 29 іюня въ Никоновской волости близъ деревни Петра и Павла были вторично распространены тѣ же прокламаціи. По слухамъ, крестьяне наотрѣзъ отказались выдать прокламаціи посланному изъ Бѣлозерска квартальному надзирателю Кожину. — Зимой въ уѣздѣ было нѣсколько неудачныхъ стачекъ крестьянъ на бревенныхъ заработкахъ. Весенніе же стачки при сплавѣ лѣса въ большинствѣ случаевъ окончились полнѣйшей удачей. Требованіе при заработкахъ — повышеніе заработной платы.

чистымъ, честнымъ, какъ блеститъ этотъ камень...“ Заканчивается это письмо двумя приписками. Въ первой авторъ пишетъ: „благодарю Арона за его замѣтку: я измученъ отъ ночи и не могу ему особо писать: какъ будетъ съ моей газетой, вѣдь ты обѣщала прислать адресъ... и непремѣнно послать мой адресъ въ Курскъ“. Во второй же припискѣ значится: „Пиши, вѣрно ли насчетъ Жени: не вѣрится, но все можетъ быть... Павелъ теперь въ Москвѣ и идетъ на 4 года въ Сибирь, его жена ѣдетъ за нимъ: пошли интересную посылку“. Далѣе къ дѣлу приложено открытое письмо на еврейскомъ языкѣ отъ 14 марта 1902 г., приготовленное Маней Школьникъ для секретной отсылки изъ тюрьмы и задержанное тюремнымъ надзирателемъ. Это письмо адресовано въ г. Луковъ Сѣдлецкой Губ., второй артиллерійскій полкъ, канониру Давиду Ройтерштерну и начинается словами: „Любезный братъ, мое положеніе тебѣ извѣстно“. Въ немъ говорится: „Ты можешь пойти на квартиру, куда я тебѣ пошлю эту посылку, то ты все узнаешь“. Заканчивается письмо фразой: „ожидаю съ нетерпѣніемъ. Твоя лубящая сестра Маня“. Это письмо, какъ установлено произведенной экспертизой сличенія почерковъ, написано Маней Школьникъ. Въ виду этого 18 марта 1902 года былъ произведенъ въ г. Глуховѣ обыскъ у канонира 2-го летучаго артиллерійскаго полка изъ мѣщанъ г. Аккермана Давида Аронова Ройтерштерна, и у него были найдены четыре письма отъ Мани Школьникъ и одно письмо отъ Арона Шпайзмана, а также рукописи преступнаго и тенденціознаго содержанія. Между фотографіями оказалась карточка Мани Школьникъ. По переводѣ съ еврейскаго на русскій языкъ въ письмахъ Школьникъ обнаружены слѣдующія, заслуживающія вниманія мѣста: а) Въ письмѣ отъ 1 января 1902 г., начинающемся словами „лучшій другъ Давидъ“, Маня Школьникъ пишетъ: „наша литература едва въ состояніи выразить то, что произошло въ прошломъ году, а именно: этотъ годъ далъ намъ то, чего мы давно ожидали... Въ послѣднее время во всѣхъ городахъ началась чистая политическая революціонная борьба... Мы стали гораздо ближе къ нашей цѣли...“ Далѣе она говоритъ, что въ Одессѣ образовалась группа соціалистовъ-революціонеровъ, дѣятельность которыхъ выражается въ изданіи хорошо составленныхъ прокламацій, и что она, Школьникъ, тоже въ настоящее время принадлежитъ къ этой группѣ; она начала работать въ Одессѣ, но, опасаясь измѣны одного изъ агитаторовъ, уѣхала оттуда, но она объ этомъ не жалѣетъ, такъ какъ въ нашей подпольной работѣ, говорится въ письмѣ, много разнаго рода работъ, такъ какъ я не могла входить въ массу, то приняла на себя другія работы: хотя такая работа для меня скучна, однако я должна мучиться, такъ какъ на мое мѣсто нѣтъ еще другого... Мы думаемъ въ этомъ мѣсяцѣ выпустить рабочую газету, но меня смущаетъ одна мысль: удастся-ли это: слѣдятъ за каждымъ шагомъ, а потому не знаю, выкрутимся-ли мы и останемся-ли на свободѣ... Я хочу тебѣ послать кое-что, но такъ какъ я не знаю, получилъ-ли ты мою послѣднюю посылку... Пиши, могу-ли я послать тебѣ то, что хочу...“ Въ письмѣ отъ 16 января она говоритъ, что она находится въ Одессѣ, но скоро выѣзжаетъ въ Кишиневъ, что въ Одессѣ арестованы ея подруги по революціонной работѣ, и что она вышлетъ ему „газету“. Въ письмѣ отъ 27 января Маня Школьникъ сообщаетъ, что пробыла въ Одессѣ десять дней и что она уже около трехъ мѣсяцевъ „перемѣнила свое ремесло, ставъ наборщицей“; хотя работа эта ей кажется скучной, тѣмъ не менѣе она не считаетъ себя вправѣ отъ нея отказаться, такъ какъ ее некѣмъ замѣнить. „Если бы я отказалась, пишетъ она, то мой братъ не сможетъ дальше вести типографіи“; мечтая о болѣе активной дѣятельности, она говоритъ: „я не хочу пасть жертвою, пока не увижу крови нашего вампира... Я готова предать себя на эшафотъ, но прежде видѣть кровь нашихъ издѣвателей... Но нѣтъ, Давидъ, я прежде увижусь съ тобой, а затѣмъ я разсчитаюсь за все съ нашими врагами и тогда я пойду съ чистой совѣстью“ и буду жить тамъ, далеко отъ всѣхъ, но за то съ близкой надеждою, что вотъ скоро кончится варварское управленіе и наступитъ свобода...“ Подъ еврейскимъ текстомъ этого письма имѣется приписка, сдѣланная по русски, какъ установлено экспертизою сличенія почерковъ, рукой Арона Шпайзмана: „Дорогой Давидъ! На вашъ вопросъ, что я дѣлаю, я не могу вамъ отвѣтить, но въ общемъ дѣлаю что-нибудь... Буду очень радъ получить отъ васъ письмо. Аронъ“. Наконецъ въ письмѣ отъ 6 февраля Школьникъ пишетъ: „Любезный Давидъ! Я получила твое письмо; я теперь очень счастлива, еще одна минута и я могла бы пойти туда, гдѣ я съ тобою уже не видѣлась бы... и ты долженъ знать причину моего нынѣшняго счастья“: далѣе она пишетъ о томъ, что случилось съ ней въ квартирѣ, гдѣ она работала, причемъ прибавляетъ: „ты уже знаешь, что это за работа...“ „Хозяйка этой квартиры“, пишетъ Школьникъ, „уѣхала въ Одессу, а всѣ мои вещи остались на этой квартирѣ, и, когда на другой день я пришла ихъ получить, то хозяинъ дома не хотѣлъ выдать вещей; тогда я поѣхала въ Одессу, привезла оттуда хозяйку и выручила вещи; представь себѣ мое счастье: сегодня утромъ я отобрала уже все... Сегодня я уже свободна“. Далѣе она говоритъ, что при полученіи его письма у ней сидѣлъ Аронъ, которому я показала слова, которыя ты пишешь относительно террора. Я съ тобою согласна, такъ какъ общее лишь, а отнюдь не личное, въ состояніи сдвинуть деспотическое правительство... Я уже выслала тебѣ газету“. Наблюденіемъ установлено, что 30 января 1902 года Маня Школьникъ пріѣхала въ Одессу и въ тотъ же день возвратилась въ г. Кишиневъ, причемъ въ Одессѣ видѣлась съ Соломономъ Бернштейномъ, Ноихомъ Финкельштейномъ и Брусиловскимъ, привлеченными къ дознанію при Одесскомъ жандармскомъ управленіи по дѣлу „объ Одесской группѣ соціалистовъ-революціонеровъ“. По словамъ свидѣтелей Меера и Суры Бальтманъ, они въ концѣ 1901 г. поселились въ г. Кишиневѣ; вскорѣ послѣ этого у нихъ наняла комнату модистка Маня Школьникъ, которую они раньше не знали; она ежедневно куда-то уходила съ утра и домой возвращалась только вечеромъ, причемъ говорила, что ходитъ работать по своей спеціальности. Въ январѣ мѣсяцѣ 1902 года они переѣхали на жительство въ Одессу, а квартиру оставили въ распоряженіе Мани Школьникъ, отдавъ ей и ключъ отъ наружной двери квартиры; черезъ нѣкоторое время Школьникъ пріѣхала къ нимъ въ Одессу и просила Суру Бальтманъ поѣхать съ нею въ Кишиневъ, такъ какъ хозяйка дома Анастасія Михайлуца заперла квартиру своимъ замкомъ и не разрѣшаетъ ей взять вещи; Бальтманъ поѣхала въ Кишиневъ, и тогда Михайлуца отдала Манѣ Школьникъ ея вещи: чемоданъ, подушку, бѣлье и платья: гдѣ послѣ того поселилась Маня Школьникъ — имъ неизвѣстно. Это подтвердила и свидѣтельница Анастасія Михайлуца, которая показала, что Бальтманы и Маня Школьникъ, которые жили въ ея домѣ, казались ей подозрительными; въ сумерки, до наступленія темноты, они всегда запирали въ окнахъ своей квартиры ставни, а окно въ комнатѣ Школьникъ и днемъ было завѣшено занавѣской; Маня Школьникъ часто днемъ и поздно вечеромъ куда-то уходила: къ ней иногда приходилъ молодой человѣкъ, котораго она узнаетъ въ фотографической карточкѣ Арона Шпайзмана; не доживъ мѣсяца, Бальтманы отправили свои вещи на подводѣ, по ихъ словамъ, въ Одессу, а черезъ нѣсколько дней неожиданно и сами уѣхали, заперѣвъ квартиру на замокъ: въ теченіе двухъ дней никто на квартиру не приходилъ, а на третій день пришла Школьникъ съ Арономъ Шпайзманомъ и просила разрѣшенія взять оставшіяся въ квартирѣ ея вещи, но она отвѣтила ей, что не дастъ вещей безъ хозяйки Бальтманъ: Школьникъ черезъ день привезла изъ Одессы Суру Бальтманъ, и тогда она разрѣшила ей взять свои вещи. Въ найденномъ у Ройтенштерна письмѣ отъ Арона Шпайзмана, послѣдній говоритъ, что его удивляетъ Ройтенштернъ, что стоя вдали отъ жизни, онъ не отсталъ отъ нея, а даже опередилъ многихъ изъ общихъ товарищей: „я надѣюсь, заканчиваетъ онъ это письмо, что вы скоро увидитесь съ Маней, и она вамъ передастъ болѣе подробно относительно моихъ думъ и моихъ мыслей и надѣюсь, что мы сойдемся“. По поводу найденныхъ у Ройтенштерна писемъ Мани Школьникъ, онъ объяснилъ, что переписывался съ ней на еврейскомъ языкѣ отъ 30 января 1902 года, написано имъ все не съ цѣлью побудить Маню Школьникъ къ совершенію какого-либо преступленія, а изъ желанія поддѣлаться подъ ея тонъ и расположить ее въ свою пользу, такъ какъ ему были извѣстны ея революціонныя убѣжденія; предполагая жениться на Школьникъ, онъ надѣялся впослѣдствіи отвлечь ее отъ революціонной дѣятельности. Между тѣмъ въ Сентябрѣ 1902 года, когда Ройтенштернъ препровождался изъ г. Лукова въ Кишиневскую тюрьму, у него при обыскѣ было отобрано письмо на еврейскомъ языкѣ начинающееся словами: „Высокопочтеннѣйшій и лучшій другъ Леонъ! Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ того времени, какъ я видѣлся съ вами, и съ тѣхъ поръ я въ заточеніи... О себѣ не могу сообщить ничего новаго. Запрещеннаго у меня не нашли, кромѣ нѣсколькихъ писемъ отъ М., которыхъ я не успѣлъ уничтожить“. Далѣе Ройтенштернъ пишетъ, что на допросахъ онъ не признавалъ никого, кромѣ Мани, такъ какъ у него нашли ея письма и карточку, причемъ проситъ сообщить въ чемъ обвиняютъ другихъ, такъ какъ онъ не знаетъ, какъ держать себя на допросахъ: интересуется здоровьемъ Мани и „Арончика“ и проситъ передать Манѣ сердечный привѣтъ. Допрошенный по поводу этого письма Ройтенштернъ показалъ, что письмо написано имъ и предназначалось для отсылки въ г. Одессу его знакомому Леону, фамилія котораго онъ не помнитъ.

Находясь подъ стражей, Леонъ Гольдманъ заявилъ, что на вокзалѣ въ Кіевѣ имъ сдана въ багажное отдѣленіе на храненіе корзина съ транспортомъ нелегальной литературы. Дѣйствительно выяснилось, что между 9 и 12 февраля 1902 г. артельщику была оставлена невостребованная корзина, въ которой по вскрытіи оказалось 3,000 экз. воззванія „Ко всѣмъ Харьковскимъ рабочимъ“, тождественныхъ съ отобранными въ квартирѣ Гольдмановъ. 21 января былъ конфискованъ въ Харьковѣ транспортъ изданій той же типогрфіи „Искры“: листки, озаглавленные „Начало демонстраціи“ и брошюра „Обвинительный актъ по дѣлу о майскихъ безпорядкахъ на Обуховскомъ заводѣ“. По показанію мѣщанки г. Кишинева Маріамъ Коганъ, 20 апрѣля 1901 г. у ней

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Мы уже неоднократно говорили о развитіи доносовъ, которые послужили причиной высылокъ, многихъ арестовъ и т. п. Часто доносы бываютъ лишенными всякаго основанія и вызываются исключительно жаждой мести. Это соціальное зло достигло за короткое время такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что о немъ уже заговорила подцензурная финляндская печать. „Однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ явленій, порожденныхъ этимъ критическимъ временемъ перелома, является манія доносовъ, которая въ особенности въ нынѣшнемъ году достигла почти эпидемическаго распространенія и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перешла въ настоящія оргіи...“ читаемъ мы, между прочимъ, въ передовой статьѣ очень умѣренной газеты. Въ концѣ концовъ даже „Uusi Suometar“, органъ старо-феномановъ, въ одной передовицѣ осуждаетъ эту манію, но, видите-ли, онъ отличаетъ подлый доносъ, вызванный корыстными разсчетами, отъ „открытой жалобы“ надлежащимъ властямъ, когда кто-нибудь „сочтетъ свое право попраннымъ или найдетъ, что какое-нибудь дѣйствіе противорѣчитъ закону“! „Это — открытое и честное поведеніе“, т. е. другими словами, эта газета по прежнему рекомендуетъ тотъ доносъ „при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ“, который одно собраніе старо-феномановъ возвело въ гражданскій долгъ, и идею котораго пропагандировалъ этотъ органъ. Разумѣется, и ему не нравятся нелѣпые низкіе доносы работниковъ и прислуги на господъ, но совсѣмъ другое дѣло, когда какой-нибудь продажный сенаторъ или губернаторъ старо-феноманъ исключительно изъ „патріотическихъ соображеній“ отрекомендуетъ Бобрикову, Плеве и К. выслать того или другого „опаснаго“ гражданина, на котораго онъ, можетъ быть, уже давно точитъ зубы. Не правда-ли, въ послѣднемъ случаѣ вещь очень деликатная? Но и такой разницы не дѣлаютъ опричники, которымъ важенъ *всякій* доносъ. „Uusi Suometar“ и др. старо-феноманскія газеты въ значительной степени повинны въ упомянутой эпидеміи. Мы уже не разъ имѣли случай указывать на составъ старо феноманской партіи. Это — партія духовенства, мелкой буржуазіи и зажиточнаго крестьянства. Имѣя дѣло постоянно съ дѣйствіями этой партіи, мы невольно вспоминаемъ превосходное объясненіе Каутскимъ консерватизма извѣстныхъ слоевъ мелкой буржуазіи — слоевъ, живущихъ подъ вѣчнымъ страхомъ разориться, и имущихъ крестьянъ.[*]) Когда-то, во время борьбы за національное развитіе, равноправіе и, наконецъ, преобладаніе финской народности и финскаго языка, эта партія была до извѣстной степени демократической, но къ концу восьмидесятыхъ годовъ, достигнувъ значительныхъ успѣховъ, эта партія превращается въ реакціонную демократію, вслѣдствіе чего изъ нея выдѣлилась въ началѣ девяностыхъ годовъ истинно демократическая младо-феннoманская партія: съ развитіемъ рабочаго движенія и обостреніемъ классовой борьбы въ 1899 г. образовалась особая рабочая партія, которая теперь намѣрена принять именованіе соціальдемократической финляндской партіи[*]).

Въ „нелегальной“ финляндской прессѣ приводятся постоянно различные случаи доносовъ, о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже упомянули. За послѣднее время замѣчаются доносчики, между прочимъ, среди служащихъ на Финляндской желѣзной дорогѣ. Еще зимой, какъ извѣстно, произошелъ провалъ у соціалистовъ-революціонеровъ, благодаря доносу кондукторовъ.

Высочайшій покровитель шпіоновъ и сыщиковъ, Николай II, наградилъ двухъ изъ этихъ предателей, одного — 300 м., другого 200 м. Третій же доносчикъ раскаялся и написалъ заявленіе въ „Fria ord“, въ которомъ онъ говоритъ, что дѣйствовалъ по недоразумѣнію; его царь не наградилъ. Подобные случаи должны побуждать всѣхъ къ особой осторожности на поѣздахъ въ Финляндіи.

Въ двухъ послѣднихъ статьяхъ мы говорили о трагической смерти одного изъ самыхъ самоотверженныхъ финляндскихъ бойцовъ, д-ра Люлю, доведеннаго царскими слугами до самоубійства. При жизни онъ казался имъ опаснымъ, но и послѣ смерти они продолжали преслѣдовать его. Газетамъ было запрещено печатать объ его похоронахъ, извѣщать о днѣ погребенія, пасторамъ было запрещено произносить обычную надгробную рѣчь, былъ запрещенъ погребальный звонъ и пр. Тѣмъ не менѣе, похороны, происходившія въ Выборгѣ въ воскресенье 21 іюня (н. с.), поражаютъ своей торжественностью и грандіозностью. Надъ могилой павшаго въ борьбѣ борца было произнесено много страстныхъ рѣчей истинными друзьями покойнаго, среди которыхъ было множество рабочихъ, крестьянъ и пр. На могилу было возложено болѣе 1[illegible] вѣнковъ. Первый вѣнокъ былъ отъ „изгнанныхъ финляндцевъ“. При произнесеніи этихъ словъ на кладбищѣ раздались громкія рыданія. Въ длинной погребальной процессіи выдѣлялся выборгскій рабочій союзъ со своимъ знаменемъ во главѣ; покойный въ теченіе многихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ союза. На похороны д-ра Люлю прибыли изъ далекихъ мѣстностей многочисленныя депутаціи съ вѣнками отъ рабочихъ и юношескихъ союзовъ, отъ крестьянскихъ академій и т. п. Вообще погребеніе этого изгнанника свидѣтельствуетъ объ искренней любви къ нему десятковъ тысячъ согражданъ. Многочисленные ораторы, восхваляя покойнаго за самоотверженный патріотизмъ, призывали его почитателей продолжать дорогое для него дѣло. Сыщики, жандармы и полиція вели себя самымъ вызывающимъ образомъ. Этимъ, несомнѣнно, еще болѣе усиливали рѣшимость присутствующихъ продолжать столь дорогую для покойнаго борьбу за политическую свободу родины. Д-ръ Люлю не былъ соціальдемократомъ, а демократическимъ дѣятелемъ и публицистомъ. Перевозъ его праха изъ Берлина былъ совершенъ на собранныя оди его согражданъ средства.

За самое послѣднее время изъ Финляндіи выслали за-границу двухъ человѣкъ: недавно уволеннаго отъ должности директора Улеаборгскаго лицея Розенталя и помѣщика Варена. Въ мартѣ, по царскому приказанію было уволено 11 бургомистровъ Нюландской и Выборгской губ. Въ нѣкоторыхъ городахъ было рѣшено платить имъ жалованіе, но и въ это вмѣшались русскія власти: сначала Кайгородовъ запретилъ городу Ганге держать на службѣ бывшаго бургомистра, затѣмъ, на дняхъ, выборгскій помпадуръ запретилъ выдавать жалованіе бургомистрамъ гг. Котки и Вильманстранда вплоть „до разслѣдованія дѣла“. „Финляндская Газета“ извѣстила недавно о разгромѣ выборгскаго магистрата также по поводу столкновеній относительно новаго „закона“ о воинской повинности. Нѣсколькимъ чиновникамъ за послѣдніе дни приказано подать въ отставку и потребовано отъ нѣсколькихъ лицъ „объясненіе“. Наконецъ, самая послѣдняя новость: приказъ Николая II немедленно упразднить финляндскій кадетскій корпусъ, который раньше предполагалось постепенно превратить въ русскій. Пока намъ неизвѣстенъ точно ближайшій поводъ этого повелѣнія. Недавно было приказано подать въ отставку одному преподавателю и доктору корпуса за ихъ протестъ въ качествѣ гласныхъ противъ примѣненія стряпни г. Куропаткина — такъ называемаго новаго „закона“. Затѣмъ, „либеральный“ Константинъ Константиновичъ запретилъ служащимъ въ корпусѣ принимать участіе въ общинномъ управленіи, и вотъ самъ Николай совсѣмъ упраздняетъ корпусъ. Читатели, должно быть, прочтутъ [illegible] статьи „правительственное сообщеніе“ объ этомъ со всякими „подробностями“.

Изъ мелкихъ „реформъ“ отмѣтимъ введеніе въ Гельсингфорсѣ въ серединѣ іюня (н. с.) русской полицейской формы. Теперь эти держиморды даже и по внѣшнему виду не отличаются отъ нашихъ баши-бузуковъ. Эта „реформа“ постепенно распространяется по всей Финляндіи.

26/13 іюля 1903 г.

---

[*]) „Соціальная революція“. Карлъ Каутскій стр. 45-49.

[**]) О происхожденіи и о прошломъ партій въ Финляндіи см. сборникъ „Финляндія“ изд. О. Н. Поповой.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
И
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ОДЕССѢ.

Въ дополненіе къ корреспонденціямъ, помѣщеннымъ въ № 45 Искры, печатаемъ полученный нами болѣе полный разсказъ о событіяхъ.

Грознымъ ураганомъ пронеслась по Одессѣ всеобщая забастовка. Эта забастовка показала всю громадную силу рабочихъ. Она разрядила атмосферу и обнаружила настроеніе и міровоззрѣніе рабочей массы: она дала очень мало въ смыслѣ улучшенія экономической жизни рабочихъ и очень много для уясненія тѣхъ дѣйствующихъ силъ въ массѣ, которыя, если не были скрыты совсѣмъ, то очень смутно вырисовывались. Забастовка столкнула рабочую массу съ разными теченіями: она раскрыла передъ ней карты „независимыхъ“, она показала ей самодержавное правительство во всей его наготѣ и тѣмъ самымъ придвинула ее къ пониманію своихъ истинныхъ нуждъ и задачъ, заставивъ самыхъ инертныхъ подумать о положеніи рабочихъ, какъ класса, въ странѣ самодержавнаго гнета и насилія. Перейдемъ къ фактамъ.

Мѣсяца два, два съ половиною тому назадъ „Комитетъ Независимой Рабочей Партіи“ по просьбѣ рабочихъ рѣшилъ начать забастовку на механическомъ заводѣ Рестеля — 200 человѣкъ. Зубатовскій „комитетъ“ въ это время имѣлъ много денегъ, собранныхъ съ рабочихъ многихъ заводовъ Одессы, главнымъ образомъ механическихъ. Забастовщикамъ очень аккуратно выдавали пособія. Стачка затянулась. Всѣ забастовщики получили разсчетъ. Рестель постепенно на ихъ мѣсто набралъ новыхъ. Полиція охраняла „штрейкбрехеровъ“ очень усердно. Подчасъ за усиленную агитацію среди „штрейкбрехеровъ“ забастовавшимъ „независимымъ“ попадало на орѣхи: подзатыльники и пинки, кое кому и кутузка. Все это дѣлалось по семейному. Но рабочимъ все это стало надоѣдать, и они обратились съ просьбой къ своему предсѣдателю и вожаку Шаевичу, чтобы онъ вмѣшался и сократилъ Рестеля и полицію. Шаевичъ предложилъ имъ искать новыя мѣста. Вѣра во всемогущество „Комитета Независимыхъ“ сильно пала, и многіе рабочіе прекратили взносы въ кассу, и безъ того очень истощившуюся, по однимъ разсказамъ самихъ „независимыхъ“, на стачечниковъ Рестеля, а по другимъ — въ карманы руководителей.

23 іюня, подъ вліяніемъ рабочихъ соціальдемократовъ, вспыхнула стачка на бумагоджутовой фабрикѣ Родоконаки и черезъ нѣсколько дней была блестяще выиграна.

Въ это же время соц.-дем. организаціей „Рабочая Воля“ была поднята стачка портныхъ Ландесмана. „Рабочевольцы“, не имѣя средствъ, отказались отъ веденія этой стачки. Тогда Од. Ком. Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи взялъ веденіе стачки на себя. Около одной недѣли Комитетъ выдавалъ стачечникамъ пособія, но потомъ стачка по особеннымъ условіямъ ремесленнаго труда расползалась и кончилась ничѣмъ.

1 іюля началась стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ Большого вокзала 2.000—2.500 рабочихъ. Ближайшимъ поводомъ стачки послужилъ разсчетъ одного рабочаго котельнаго цеха. Котельщики потребовали его возвращенія и удаленія мастеровъ. Рабочіе соц.-дем. въ другихъ цехахъ повели агитацію за всеобщую стачку желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 2 іюля Большой вокзалъ забастовалъ весь и были выработаны слѣдующія требованія: 1) девятичасовой рабочій день, вмѣсто десяти, 2) увеличеніе заработной платы, 3) возвращеніе разсчитанныхъ товарищей, 4) удаленіе мастеровъ Цваста и двухъ другихъ, 5) вѣжливое обращеніе и цѣлый рядъ мелкихъ требованій. Ораторы изъ рабочихъ соц.-дем. и посланныхъ Одес. Комитетомъ, на собраніяхъ рабочихъ въ малярномъ цехѣ (онъ же жел. дор. театръ) говорили о классовыхъ противорѣчіяхъ, о рабочемъ движеніи и проч. Организованные „независимые“, около 150 человѣкъ, открыли оппозицію: грозили сорвать стачку, если будутъ политическія рѣчи и листки Од. К. Свои угрозы они привели въ исполненіе, срывая ораторовъ. А одного чуть не выдали полиціи. Вынужденные считаться съ давленіемъ, оказываемымъ на массу „независимыми“, организованные рабочіе-соціальдемократы рѣшили въ своей агитаціи налегать на „экономику“. Это выразилось главнымъ образомъ въ томъ, что листки къ стачечникамъ жел.-дор. рабочимъ политическаго содержанія, изданные О. К., они отказались распространять, ссылаясь на возможность провала стачки. Листки эти были уничтожены съ разрѣшенія Од. К., который счелъ неудобнымъ ихъ распространить еще и потому, что, ввиду форсированія событій, факты въ листкахъ были уже устарѣвшими. 3 іюля съ утра настроеніе массы было настолько подавлено обструкціей „независимыхъ“, что когда появился начальникъ дороги Нѣмешаевъ и обѣщалъ удовлетворить мелкія требованія, толпа, руководимая „независимыми“, кричала ему „ура!“, кидая вверхъ шапки. Съ обѣда всѣ пошли на работу. „Независимые“ ликовали. Но прошло нѣсколько дней, и настроеніе массы измѣнилось. Она почувствовала себя околпаченной. По рукамъ ходилъ писанный самими рабочими листокъ съ призывомъ: долой обманъ, долой мелкія требованія, хотимъ большаго. Листокъ Од. К. „по поводу стачки жел.-дор. рабочихъ“ читался очень охотно. 6 іюля состоялось собраніе около 300-400 человѣкъ исключительно жел.-дор., гдѣ ораторами Од. К. подробно разбирались вопросы о борьбѣ пролетаріата въ Россіи вообще и о борьбѣ вокзальскихъ рабочихъ въ Одессѣ въ частности. Возгласы ораторовъ „долой самодержавіе“ и др. были очень дружно поддержаны собравшимися.

4 іюля рабочіе грузчики въ Порту выставили требованія: 1) увеличеніе заработной платы до двухъ рублей, 2) уменьшеніе рабочаго дня на полчаса. Число забастовщиковъ опредѣлить трудно, такъ какъ колебанія рабочаго рынка очень значительны и часты, въ зависимости отъ количества грузовъ. Од. К. были выпущены три листка „къ портовымъ рабочимъ“, читавшіеся охотно. Послѣ нѣсколькихъ дней часть грузчиковъ пошла на работу, согласившись на $1\frac{1}{2}$ рублевую поденную плату (раньше 80 к. 1 р.) и уменьшеніе рабочаго дня на $\frac{1}{2}$ часа. Дольше всѣхъ

наняль квартиру неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Риманомъ, и 23 апрѣля переѣхалъ на квартиру съ женой, купивъ необходимую мебель; черезъ мѣсяцъ у квартирантовъ поселилась, въ качествѣ прислуги, Хина Корсунская. Отсюда въ октябрѣ мѣсяцѣ семья Римана переѣхала на другую квартиру — въ домъ Боковой. Содержащій въ домѣ Боковой мастерскую, столяръ Федоръ Тимофѣевъ показалъ, что осенью 1901 г. рядомъ съ его квартирой поселились именовавшіе себя Ицкомъ и Мерой Риманами съ прислугой Корсунской; въ ихъ квартиру часто приходилъ неизвѣстный человѣкъ, котораго онъ узнаетъ въ фотографической карточкѣ Герша Элькина: окна въ этой квартирѣ всегда были завѣшены занавѣсками, причемъ особенное вниманіе обращало на себя то, что въ квартирѣ было какъ-то особенно тихо и спокойно. Содержательница ночлежнаго пріюта Шифра Коганъ показала, что Гершъ Элькинъ, котораго обыкновенно называли „Литвакомъ“, ночевалъ въ ея ночлежномъ домѣ, а на цѣлый день уходилъ изъ дому, говоря, что работаетъ на мельницѣ Гендриха. Однако, по книгамъ, какъ мукомольной мельницы Гендриха, такъ и фабричнаго инспектора, въ числѣ рабочихъ мельницы Элькинъ не значится, и управляющій этой мельницей Янкель Каменецкій показалъ, что Элькинъ на мельницѣ Гендриха никогда не работалъ. Затѣмъ оказалось, что Гершъ Элькинъ послалъ отъ 14 Октября 1901 г. на имя мѣщанскаго старосты г. Гадяча открытое письмо о высылкѣ ему паспорта по адресу: Кишиневъ, Общій пер., д. № 6, Брантману для Элькина“. Гершъ Брантманъ по этому поводу показалъ, что онъ Элькина не знаетъ, и что его адресъ могъ сообщить Элькину Аронъ Шпайзманъ; жена же Брантмана Хая-Нида удостовѣрила, что Шпайзманъ, приходя къ Манѣ Школьникъ, неоднократно спрашивалъ ее, нѣтъ ли писемъ для него, для „Мани“, для „Гриши“, и нѣсколько разъ получалъ приносимыя почтальономъ письма, но кому эти письма были адресованы, она, какъ неграмотная, не знаетъ.

По свѣдѣніямъ Одес. Жанд. Управ., Маня Школьникъ, поселившись въ 1900 г. въ г. Одессѣ, находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ проживавшими въ это время тамъ же супругами Ицкомъ и Маріей Риманами, оказавшимися впослѣдствіи Леономъ и Мерой Гольдманами. 3 іюня помощникомъ начальника Кишиневской тюрьмы Степановымъ были произведены обыски въ двухъ камерахъ: въ одной, гдѣ находилась Маня Школьникъ съ политической арестанткой Антониной Глоба, и въ другой, гдѣ содержалась Хина Корсунская и Мера Гольдманъ (она же Риманъ), при чемъ въ первой камерѣ, подъ матрацомъ Глобы была найдена книга „Воспоминанія Дебогорія-Мокріевича“, Парижское изданіе 1898 г., и вложенная въ нее брошюра „Послѣднія Извѣстія,“ изданіе заграничнаго комитета всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи“. Маня Школьникъ объяснила, что изданія эти принадлежатъ ей и переброшены были ей чрезъ ограду тюрьмы лицомъ, котораго она не желаетъ назвать. Во второй камерѣ: журналъ „Южный Рабочій“ № 7 1901 г. и рукопись „Эрфуртская программа“. Корсунская и Гольдманъ объяснили, что журналъ „Южный Рабочій“ принадлежитъ послѣдней, а рукопись „Эрфуртская программа“ Антонинѣ Глобѣ. Изъ дѣла видно, что мѣщанинъ г. Вильно Леонъ Гольдманъ призывался къ отбытію воинской повинности въ 1898 году и 28 октября того же года былъ принятъ на военную службу съ назначеніемъ рядовымъ Клязьминскаго резервнаго баталіона. Въ 1900 г. онъ былъ привлеченъ къ дознанію, въ качествѣ обвиняемаго, при Виленскомъ Губернскомъ Жандармскомъ Управленіи за принадлежность къ сообществу, именовавшему себя „Литовской соціальдемократической партіей“. 30 января 1900 г. со ст. „Вильно“ онъ бѣжалъ отъ сопровождавшаго его конвоира и розыскивался на основаніи циркуляра Департамента Полиціи отъ 4 Марта того же года за № 470; задержанный 12 марта 1902 г. въ Кишиневѣ онъ оказался проживавшимъ по документу на имя Богуславскаго мѣщанина, Виленской губ., Ицки Римана; по этому же документу онъ вступилъ 23 мая 1900 г. въ бракъ съ мѣщанкой Мерой Гинзбургъ. Мера Гольдманъ (она же Риманъ, урожденная Гинзбургъ), проживая въ г. Одессѣ, обратила на себя вниманіе своей политической неблагонадежностью и состояла подъ негласнымъ наблюденіемъ полиціи, но скрылась изъ города Одессы и розыскивалась циркуляромъ департамента полиціи отъ 1 января 1902 г. за № 111. Аронъ Шпайзманъ въ 1901 г. привлеченъ въ г. Одессѣ къ дознанію, въ качествѣ обвиняемаго, по дѣлу объ Одесскомъ Комитетѣ Россійской Соц.-дем. Рабочей Партіи. На основаніи изложеннаго къ дознанію, въ качествѣ обвиняемыхъ, привлечены рядовой изъ мѣщанъ Леонъ Гольдманъ (онъ же Риманъ) и мѣщане Мера Гинзбургъ (по мужу Риманъ и Гольдманъ), Хина Корсунская, Гершъ Элькинъ, Маня Школьникъ и Аронъ Шпайзманъ. Гершъ Элькинъ, Хина Корсунская, Леонъ Гольдманъ (онъ же Риманъ) и Мера Гинзбургъ (по мужу Риманъ и Гольдманъ) отказались давать показанія, и только послѣдніе объяснили, что они ложно именовали себя Риманами и что фамиліи ихъ Гольдманъ и Гинзбургъ. Аронъ Шпайзманъ, не признавъ себя виновнымъ, показалъ, что съ Маней Школьникъ онъ познакомился осенью 1901 года, и она по его совѣту наняла квартиру у Гирши Бронтмана. Корсунскую, Элькина, Гольдмана и Гинзбургъ (по мужу Риманъ и Гольдманъ) онъ не знаетъ; наканунѣ обыска, произведеннаго на квартирѣ Брантмана, онъ гулялъ съ Маней Школьникъ и встрѣтилъ своего знакомаго „Вигдора“ по фамиліи ему неизвѣстнаго, который передалъ ему два свертка въ желтой бумагѣ и просилъ ихъ спрятать; эти свертки онъ тогда же далъ спрятать Манѣ Школьникъ; впослѣдствіи оказалось, что въ сверткахъ находились шрифтъ, разныя принадлежности книгопечатанія и преступныя изданія, которыя были найдены при обыскѣ; о существованіи въ г. Кишиневѣ тайной типографіи ему не было извѣстно. Наконецъ Маня Школьникъ также не признала себя виновной въ принадлежности къ преступному сообществу и объяснила, что найденныя въ ея квартирѣ при обыскѣ шрифтъ, принадлежности книгопечатанія и преступныя изданія ей далъ спрятать знакомый ея и Арона Шпайзмана, извѣстный ей только по имени „Вигдоръ“; относительно найденнаго у ней письма на еврейскомъ языкѣ, а также писаннаго ею открытаго письма на имя Давида Ройтенштейна она никакихъ объясненій давать не желаетъ; супруги Риманы или Гольдманы ей неизвѣстны. На основаніи изложеннаго рядовой изъ мѣщанъ г. Вильно Леонъ Исааковъ Гольдманъ, проживавшій по паспорту Богуславскаго мѣщанина, Виленской губ., Ицки Борухова Римана, 26 лѣтъ, мѣщанка г. Вильно Мера Лейбова Гинзбургъ (по мужу Гольдманъ и Риманъ), 25 лѣтъ, мѣщанка г. Новомосковка, Екатеринославской губ., Хина Нусимова Корсунская, 23 лѣтъ, мѣщанка м. Сморгони, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губ., Маня (она же Минка) Мордухова - Шмуйлова Школьникъ, 23 лѣтъ, и мѣщанинъ г. Кишинева Аронъ Абрамовъ Шпайзманъ, 25 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что въ 1901-1902 г. въ г. Кишиневѣ, съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію Власти Верховной и съ умысломъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ, устроили въ г. Кишиневѣ тайную типографію, въ которой печатали прокламаціи и брошюры, изданія заграничной преступной газеты „Россійской соціальдемократической рабочей партіи“ — „Искры“, озаглавленныя „Къ Харьковскимъ рабочимъ“, „Къ обществу“, „Начало демонстраціи“, „Борьба съ голодающими“, „Легальные союзы и русское рабочее движеніе“ и другія, при чемъ распространяли эти преступныя изданія. Преступленіе это предусмотрено 1 ч. 251 ст. Улож. о нак. Вслѣдствіе всего и согласно Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 30 апрѣля 1903 года, изложенному въ ордерѣ Господина Министра Юстиціи на имя Прокурора Одесской Судебной Палаты 30 апрѣля за № 2583, 2 ч. 1030, 1 ч. 1044 и 1050 ст. Уст. Уг. Суд. рядовой изъ мѣщанъ Леонъ Исааковъ Гольдманъ (онъ же Ицко Боруховъ Риманъ) и мѣщане Мера Лейбова Гинзбургъ (по мужу Риманъ и Гольдманъ), Хина Нусимова Корсунская, Гершъ Берковъ Элькинъ, Маня Мордухова Школьникъ и Аронъ Абрамовъ Шпайзманъ подлежатъ суду Одесской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ мая 20 дня 1903 года, г. Одесса. Товарищъ Прокурора Одесской Судебной Палаты Н. Джибели.

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію:

Обвиняемые: 1, Гольдманъ, Леонъ Исааковъ (онъ же Ицко Боруховъ Риманъ), рядовой изъ мѣщанъ. 2, Гинзбургъ, Мера Лейбова (по мужу Риманъ и Гольдманъ), мѣщанка. 3, Корсунская, Хина Нусимова, мѣщанка. 4, Элькинъ, Гершъ Берковъ, мѣщан. 5, Школьникъ, Маня Мордухова, мѣщанка. 6, Шпайзманъ, Аронъ Абрамовъ, мѣщанинъ содержатся, подъ стражей. Свидѣтели: 1) Мержвицкій, Иванъ Ивановъ, полицейскій служитель Кишиневской полиціи. 2) Бржозовскій, Николай Яковлевъ, Коллежскій Ассесоръ, Приставъ. 3) Гавриленко, Иванъ Михайловъ, околоточный надзиратель. 4) Соловкинъ, Титул. Совѣтникъ, Приставъ 2 уч. г. Кишинева — Кишиневская Городская Полиція. 5) Брантманъ, Гершъ Хаимовъ, мѣщ. г. Кишиневъ, Балановская ул., д. № 44. 6) Брантманъ, Хан-Инда Беньяминова, мѣщ., живетъ тамъ же. 7) Бальтманъ, Мееръ Мордуховъ, мѣщ. 8) Бальтманъ, Сура Лейбова, мѣщ., живетъ въ г. Одессѣ, Разумовская ул. д. № 9. 9) Михайлуца, Анастасія Ильина, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ, Остановская ул. д. № 34. 10) Шпринцакъ, Вольфъ Лейбовъ, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ уголъ Прунтовской и Инзовской ул., д. № 6. 11) Коганъ, Маріамъ-Бруха Абрамова, мѣщ. 12) Коганъ, Хава Мордкова, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ, уголъ Садовой и Михайловской ул., д. № 1. 13) Тимофѣевъ, Ѳеодоръ Ѳеоктистовъ, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ, уголъ Армянской и Подольской ул., д. № 30/35. 14) Фуксъ, Феликсъ Абрамовъ, личный поч. гражд., живетъ тамъ же. 15) Каменецкій, Янкель Менделевъ, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ, Мунчестская дорога, мельница Гендриха. 16) Зондисъ, Спиридонъ Константиновъ, мѣщ., живетъ въ г. Кишиневѣ, Бочайская дорога, мельница Зоти. 17) Степановъ, Александръ Степановъ, помощникъ начальника тюрьмы — Кишиневская тюрьма. Эксперты: 1) Котрубенко, Михаилъ Трофимовъ, управляющій типографіей „Бессарабецъ“ — типографія газеты „Бессарабецъ“. 2) Котловкеръ, Городовой раввинъ, живетъ въ г. Кишиневѣ. 3) Блиновъ, Преподаватель I Кишиневской Гимназіи, г. Кишиневъ, 1 мужская гимназія. Товарищъ Прокурора Одесской Судебной Палаты Джибелли.

бастовали грузины, персы, турки, какъ наиболѣе запасливые и сплоченные.

Съ 6 числа, по мѣрѣ прибытія пароходовъ въ портъ, примыкаютъ къ забастовкѣ моряки, матросы, кочегары, угольщики, требуя увеличенія заработ. платы на 50-70%, уменьшенія раб. дня, плата за сверхурочную работу по 30 к. въ часъ и нѣкоторыхъ мелкихъ улучшеній. Въ виду того, что часть моряковъ дѣлала взносы въ кассу „Ком. независимыхъ“, послѣдній оказался вынужденнымъ взять на себя руководство стачкой. Предсѣдателю „Ком. Независимыхъ“ Шаевичу очень не хотѣлось брать на себя это руководство, и онъ съ перваго же абцуга предложилъ сократить имъ свои требованія: „не бить стѣнку лбомъ, а сверлить ее по немногу“. Такія рѣчи морякамъ не понравились, и Шаевичу пришлось ретироваться. На дверяхъ „Ком.“ вскорѣ появилась записка, извѣщавшая о болѣзни Шаевича. Далѣе событія идутъ съ головокружительной быстротой. Од. К. едва успѣваетъ получать и публиковать тѣ стачечныя требованія, которыя выставляетъ каждая категорія рабочихъ отдѣльно. Къ наиболѣе, въ количественномъ отношеніи, компактнымъ группамъ забастовщиковъ Од. К. разсылаетъ ораторовъ и агитаторовъ. Такъ Одесскимъ Комитетомъ были посланы ораторы къ рабочимъ Русскаго Общества и Беллино Фендериха, къ рабочимъ сносчикамъ по хлѣбной операціи, на Пересыпь и Тираспольскую заставу, здѣсь они помогали рабочимъ выработать и сформулировать ихъ требованія и произнесли нѣсколько рѣчей о связи экономической борьбы съ политической. Ораторовъ слушали очень охотно. Сѣрая масса предлагала ораторамъ угощеніе въ трактирѣ. „Долой самодержавіе!“ и пр. возгласы дружно повторялись сотнями голосовъ вслѣдъ за ораторомъ. Од. К. въ это время выпустилъ листокъ (въ количествѣ 5.000 экз.) „Ко всѣмъ забастовщикамъ г. Одессы“ съ призывомъ дружно отстаивать сформулированныя въ немъ общія требованія: 1) восьмичасовой рабочій день, 2) увеличеніе заработной платы, minimum на $^1/_3$, 3) плата больнымъ до выздоровленія, 4) отмѣна сдѣльной работы и 5) вѣжливое обращеніе. Въ листкѣ также подробно разбиралась связь экономической борьбы съ политической. Листокъ читался на расхватъ.

Съ 13 стало замѣчаться броженіе среди кондукторовъ и кучеровъ конки. Къ нимъ были присланы Од. К. агитаторы. 15 конка и трамвай на фонтаны и лиманъ прекратили движеніе. 16 вышелъ листокъ къ забастовавшимъ коночнымъ рабочимъ, въ которомъ сформулированы были ихъ частныя требованія, въ немъ были они приведены въ связь съ общими требованіями и политической борьбой. Въ это время на мѣста забастовщиковъ-моряковъ были посланы военные матросы и кочегары. Од. К. выпустилъ къ нимъ прокламацію: „къ морякамъ-солдатамъ“, въ которой онъ указывалъ на печальную роль „штрейкбрехеровъ“ и призывалъ къ пассивному сопротивленію. Прокламація была распространена очень удачно.

16 утромъ прекратили работу фабрики Жако, Вальтуха, Радоконаки и нѣк. др. Агитаторы соц.-дем. въ полѣ организовали собраніе около 600 человѣкъ. Од. К. былъ посланъ ораторъ, но полиція разогнала собраніе, при чемъ арестовала трехъ рабочихъ. Толпа направилась къ близь лежащимъ фабрикамъ и заводамъ и остановила ихъ, пригласивъ новыхъ забастовщиковъ примкнуть къ нимъ. Руководители соц.-дем. направили эту, толпу въ 4-5 т. чел. къ Михайловскому участку съ требованіемъ освободить только что арестованныхъ товарищей. Вытребованные казаки нагайками разогнали толпу. Въ два часа собрались забастовщики Дальницкаго района въ количествѣ 7.000-8.000 человѣкъ въ Руговъ садъ. Ораторами выступили организованные рабочіе соц.-дем. Говорили объ общихъ требованіяхъ всѣхъ забастовщиковъ, о связи экономической борьбы съ политической и пѣли революціонныя пѣсни, а часа въ четыре пошли изъ сада. На собраніи было нѣсколько городовыхъ, приставовъ и шмыгали „шпики“. Ихъ присутствіе настраивало публику на ироническій ладъ, и рабочіе пересмѣивались съ представителями „средиземной эскадры“. Часовъ около пяти вечера толпа остановила пивоваренный заводъ Енни. Стоявшіе около завода казаки улыбались забастовщикамъ, которые вели среди нихъ агитацію. Въ $5^1/_2$ час. рабочіе остановили заводъ Арбеда. Часовъ въ 6-7 всѣ мирно разошлись по домамъ, назначивъ собраніе на завтра утромъ тамъ же въ Рубовомъ саду. Од. К. разослалъ гонцовъ по всему городу звать рабочихъ на 17 іюля утромъ въ этотъ садъ. Съ вечера Од. Ком. были намѣчены темы въ общихъ чертахъ и намѣченъ порядокъ рѣчей. За ночь были приготовлены знамена на случай демонстраціи и имѣвшіеся въ запасѣ листки О. К. о златоустовской бойнѣ и листки К. о „политической свободѣ“ (перепечатано изъ „Искры“.) Сорганизовать за ночь ядро, собранія (до 8.000 человѣкъ) не было возможности, и было рѣшено устроить это на мѣстѣ.

17 съ шести часовъ утра въ Рубовъ садъ повалили толпы рабочихъ и работницъ. Вблизи мѣста собранія находится химическій заводъ Бродскаго. Собравшіеся забастовщики рѣшили его остановить. Сломавъ ворота, они заставили рабочихъ примкнуть къ нимъ. Посланный Од. К. ораторъ въ центрѣ толпы въ 1.500 человѣкъ открылъ собраніе рѣчью. Сформулировавъ общія требованія, онъ перешелъ къ объясненію связи экономич. борьбы съ политической, кончивъ общими возгласами „долой самодержавіе“ и пр., которые были поддержаны главнымъ образомъ своими. Ораторъ уступилъ мѣсто другому. Второй говорилъ уже исключительно о политикѣ и очень недолго. Запѣли революціонныя пѣсни. Въ это время подошли рабочіе „независимые“ и, услышавъ пѣніе, начали кричать: „не надо намъ политики!“, „мы пришли не пѣсни пѣть, а вырабатывать наши требованія“. „Независимые“ сгруппировали вокругъ себя небольшія кучки и повели рѣчь объ „экономикѣ“. Организатору собранія, посланному отъ Од. К., кое-какъ удалось объединить эти кучки въ одну большую группу тысячи въ 2-3 человѣкъ. Страсти разгорались. Едва появлялся ораторъ „независимыхъ“, его срывали соц.-дем., соц.-дем. оратора срывали „независимые“. Хаосъ получился невообразимый. Крики „долой независимыхъ!“, „долой соц.-дем.!“ грозили перейти въ рукопашную. Среди массы въ это время господствовало желаніе сформулировать свои частныя требованія. „Независимые“ въ своихъ формулировкахъ вслѣдъ за соц.-дем. тоже проводили восьмичасовой рабочій день. Казаки очень мирно стояли недалеко отъ группы соц.-дем. Среди „независимыхъ“ разгуливала полиція, съ которой они шушукались. Было часовъ 9-10 утра. Видя безтолковость собранія, многіе побрели домой пить чай. Дезорганизаторская работа „независимыхъ“, съ одной стороны, и недостаточное знаніе настроенія массы со стороны Комитета, съ другой — вотъ двѣ основныя причины того, что соціальдемократамъ не удалось овладѣть собраніемъ. Раздался призывъ „къ Юліусу!“ (пробочный заводъ). Этотъ призывъ былъ дружно подхваченъ толпою, которая, сплотившись, грозной лавиной двинулась изъ сада. Казаки за нею. По дорогѣ затягивали „Марсельезу“ и др. пѣсни, но изъ толпы кричали: „не надо пѣсенъ!“ И началось прямо величественное шествіе 8-10 тысячной толпы съ завода на заводъ, изъ мастерской въ мастерскую. Рабочіе, гдѣ съ радостными, гдѣ съ угрюмыми лицами, покидали душныя мастерскія и присоединялись къ забастовщикамъ. Какъ катящійся комъ снѣга, толпа все росла да росла. Отъ завода Енни пошли на Пересыпь. Во главѣ шествія все время были организованные рабочіе и интеллигенты соц.-дем. До станціи Хаджибѣевскаго лимана толпу конвоировали казаки; на Пересыпи ихъ не было уже ни одного. На многочисленныхъ остановкахъ рабочіе ораторствовали на политическія темы. Обыватели сочувственно встрѣчали толпу и нерѣдко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламаціи О. К. о „Златоустовской бойнѣ“. Остановивъ всѣ заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40-50 тысячъ, направились въ портъ. Изъ паровыхъ котловъ на пароходахъ выпускали паръ, срывали флаги, звали съ собой матросовъ, а военныхъ моряковъ призывали къ пассивному сопротивленію. Около подъема на Николаевскій бульваръ толпа раздѣлилась. Главное ядро шествія направилось по Николаевскому бульвару. Здѣсь толпа остановилась, и ораторъ опять заговорилъ о борьбѣ, о необходимости политической свободы. Съ бульвара толпа направилась на вокзалъ. Другая значительная часть пошла черезъ карантинъ и по Канатной улицѣ. Толпа не знала, что вокзалъ уже забастовалъ съ обѣда, и шла его останавливать. Другія группы стачечниковъ расползлись по всему городу, останавливая на своемъ пути всѣ даже самыя мелкія мастерскія. Вся Одесса забастовала. Какъ непривыченъ былъ для русскаго глаза видъ этой свободно дѣйствующей толпы; всѣмъ казалось, что вотъ-вотъ изъ-за угла, изъ засады выскочитъ встревоженный, насторожившійся врагъ. Толпа стачечниковъ опять направилась въ Рубовъ садъ. Часовъ съ 5-6 тамъ опять выступили ораторы. Нѣкоторые изъ нихъ овладѣли вниманіемъ публики, за весь день имъ удалось создать настроеніе, сочувственное политическимъ рѣчамъ. „Независимые“ были въ очень ограниченномъ числѣ, и ихъ попытки сорвать того или другого оратора оканчивались неудачей. Были примѣры удаленія „независимыхъ“ изъ толпы за нарушеніе тишины. Ораторы соц.-дем. предлагали „независимымъ“ бросить обструкцію и говорить съ дерева, какъ это дѣлали всѣ ораторы. „Независимые“ не дали ни одного оратора, они ограничивались лишь своей дезорганизаторской ролью. У нихъ въ это время происходило свое собраніе на Пересыпи, въ зданіи „Комитета Независимыхъ“. Шаевичъ еще раньше этого собранія объявилъ, что онъ боленъ, и скрылся отъ рабочихъ неизвѣстно куда. Предсѣдательствовалъ его помощникъ. Выборные отъ заводовъ, фабрикъ и мастерскихъ собрались въ залѣ „Комитета“. Начали собраніе съ формулировки требованій. Восьмичасовой рабочій день выборные хотѣли провалить. Въ пренія вмѣшались проникшіе въ залъ соц.-дем. и говорили о необходимости восьмичасового рабочаго дня, а не девятичасового, какъ хотѣли выборные „независ.“ Большинство приняло резолюцію восьмичасового рабочаго дня. Относительно повышенія заработной платы была принята резолюція — увеличеніе на 20%. Когда рѣчь зашла о выборѣ депутатовъ („фаб. стар.“) отъ каждой фабрики и завода, соц.-дем. стали громко протестовать, доказывая, что законъ о старостахъ есть тотъ же зубатовскій подвохъ. Но соц.-дем. торжественно вывели изъ зала засѣданія. Въ это время раздался тревожный гудокъ газоваго завода: это рабочіе звали своихъ товарищей примкнуть къ забастовкѣ. На балконѣ зданія „Ком. Незав.“ появился ораторъ и убѣждалъ толпу остерегаться красныхъ знаменъ и вообще „соціалистовъ“. Бывшіе въ толпѣ соц.-дем. крикнули: „долой оратора!“ Толпа ихъ поддержала, и ораторъ вынужденъ былъ скрыться. Въ залѣ начались дебаты о соц.-дем. Выборные почти единодушно рѣшили срывать на завтрашнемъ собраніи въ саду ораторовъ соц.-дем. и выгонять ихъ изъ сада. „На завтрашній день мы запасемся ножами...“ говорили нѣкоторые. Въ саду между тѣмъ собраніе шло съ успѣхомъ для соц.-дем. Настроеніе было приподнятое, сочувствіе соц.-дем. проявилось криками одобренія. Часовъ въ восемь послѣдній ораторъ объявилъ собраніе распущеннымъ и назначилъ его на десять часовъ утра слѣдующаго дня. Од. К. рѣшилъ воспользоваться этимъ собраніемъ не только для политической агитаціи, но и для непосредственнаго руководства стачкой. Для этого предполагалось тутъ же предварительно проформулировать ихъ частныя требованія, разбивъ ихъ по заводамъ, а тамъ, объединивъ ихъ выясненемъ требованій общихъ, перейти къ политической агитаціи. Чтобы провести намѣченный планъ, Од. К. назначилъ на слѣдующій день, въ семь часовъ утра въ томъ же саду собраніе организованныхъ рабочихъ, около 150 человѣкъ. Но это собраніе не состоялось по случайнымъ обстоятельствамъ, и это-то испортило все дѣло.

18 утромъ стачечники стали приходить въ 6 час. утра. „Независимцы“, появившись раньше всѣхъ, повели усиленную агитацію противъ соц.-дем. Организованные рабочіе соц.-демократы вступили въ полемику съ „независимцами“. Послѣдніе выводили соц.-деморатовъ изъ сада, грозя передать ихъ въ руки полиціи, если они вновь появятся. Это разстроило ряды соц.-дем. Насилу удалось сконцентрировать небольшую группу тыс. въ $2-2^1/_2$. Но первый ораторъ Комитета съ мѣста въ карьеръ началъ обычную политическую агитацію. Крики: „долой соц.-дем.“ заглушили его рѣчь, и онъ соскочилъ съ дерева. Подъ предводительствомъ шпіоновъ, толпа „независ.“ бросилась на оратора и съ криками: „тащи его въ участокъ“, схватила его. Соц.-дем. вступили въ борьбу съ „независимцами“, и послѣ долгихъ и страшныхъ усилій, имъ удалось отбить отъ „незав.“ еле живого оратора, поспѣшившаго скрыться. Вслѣдъ за этимъ соц.-дем. удалось сплотиться и собрать около себя тысячъ десять. Несмотря на всѣ усилія „независимцевъ“ срывать ораторовъ, нѣкоторымъ удалось овладѣть вниманіемъ толпы. Шпіоны, бія себя въ грудь, кричали: „Мы-рабочіе хотимъ восемь часовъ, а политики намъ не надо.“ Большинство стачечниковъ разбилось на группы по фабрикамъ, заводамъ и цехамъ, гдѣ они обсуждали свои частныя требованія. Окончательно провалило успѣхъ собранія преждевременное разбрасываніе прокламацій. Ком. еще до собранія рѣшилъ бросать проклмаціи лишь тогда, когда удастся создать сочувственное со стороны массы отношеніе къ политическимъ рѣчамъ. Рабочевольцы принялись разбрасывать листки въ началѣ собранія и вызвали сильное озлобленіе въ толпѣ.

Между тѣмъ войска все прибывали къ саду. Вслѣдъ за казаками появилась пѣхота, и въ часовъ 11-12, безъ всякаго предупрежденія, казаки съ нагайками, а солдаты со штыками и прикладами бросились на толпу стачечниковъ. Разбродъ и шатаніе дали возможность разогнать 50 тыс. рабочихъ сравнительно съ ними горсти казаковъ и солдатъ. Толпы по разнымъ направленіямъ повалили изъ сада, оставивъ въ саду нѣсколько раненыхъ. Одного рабочаго солдатъ ударилъ прикладомъ по головѣ, и тотъ упалъ безъ чувствъ. Одной работницѣ солдатъ прокололъ руку и избилъ прикладомъ. Нѣсколько человѣкъ еще получило легкія пораненія. Интересно отмѣтить слѣдующій фактъ: солдатъ замахнулся на рабоч. прикладомъ, но, встрѣтивъ отпоръ, безпрекословно отдалъ ему ружье. Нѣсколько рабочихъ взяли платокъ, пропитанный кровью раненой работницы, привязали его къ палкѣ и съ крикомъ: „Это кровь нашего товарища!“ остановили расходившуюся толпу. Тутъ же было рѣшено идти на демонстрацію въ городъ. Развернувши знамя, съ пѣніемъ „Марсельезы“ двинулись компактной массой. Казаки ѣхали сзади. „Независимцы“ нѣсколько разъ пробовали сорвать большое знамя, и, наконецъ, имъ удалось его порвать въ дракѣ съ соц.-дем. На площади, около завода Енни демонстранты прошли мимо казаковъ и раздѣлились на двѣ группы. Одна пошла по Колонтаевской, другая по Разумовской (3-4000). Офицеры съ казаками пустились въ обходъ и хотѣли запереть демонстрантовъ, шедшихъ по Колонтаевской. Около Провіантской казаки пустили въ ходъ нагайки, и демонстранты разсѣялись. Демонстрантамъ по Разумовской удалось пройти почти черезъ весь городъ, до Екатерининской ул. Крики: „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“, масса листковъ, раздаваемыхъ публикѣ, знамя, революціонныя пѣсни — все вмѣстѣ дѣлало демонстрацію солидной и очень удачной. На углу Екатеринской и Успенской на демонстрантовъ, какъ вихрь, налетѣли казаки и разбили демонстрантовъ. Человѣкъ 30 забѣжали во дворъ дома. Ворота тотчасъ же заперли и поставили караулъ солдатъ. Проходившая толпа освободила демонстрантовъ. Все было кончено. Тамъ и сямъ собравшуюся публику казаки разгоняли нагайками. А „Комитетъ Независимцевъ“ былъ закрытъ Арсеньевымъ еще съ утра. Носятся слухи, что Шаевичъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ. Всѣ недоумѣвали, почему вчера не били, а сегодня бьютъ. Рѣшили, что все это вызвали „соціалисты“. На дѣлѣ было иначе. 16-го Арсеньевъ не имѣлъ казаковъ и войскъ, не имѣлъ указаній свыше. 17-го получилъ подкрѣпленіе, 18-го онъ пустилъ подкрѣпленіе въ дѣло.

19-го утромъ произошла жестокая кровавая расправа съ кондукторами и кучерами конки. Заманивъ въ депо, ихъ связывали, выкручивали руки и связанныхъ били нагайками. Около девяти человѣкъ въ больницѣ, двое изъ нихъ умерло; около 60 чел. по участкамъ, гдѣ ихъ опять били. Часовъ въ 8 открылось движеніе трамвая. На каждомъ вагонѣ были городовые, солдаты для „охраны труда“. Пересыпскіе „независимцы“ хотѣли собраться въ Дюковскомъ саду. Ихъ угостили нагайками. Въ трактирѣ полиція арестовала около 150 чел., при чемъ двухъ такъ избила, что ихъ отправили въ больницу. Арестовывали на улицахъ, на квартирахъ. „Независимцы“ били и выдавали соц.-рабочихъ. Въ воскресенье мелкія мастерскія принялись за работу, не предъявивъ никакихъ требованій. Настроеніе подавленное. Били рабочихъ на Б.-Вокзалѣ, на Тираспольской заставѣ, на ст. Пересыпь, у Гена, на кожевенныхъ заводахъ, били до полусмерти, заставляя итти работать. Темная сѣрая масса во всемъ этомъ обвиняетъ не правительство, а „соціалистовъ“, заставившихъ правительство принять такія крутыя мѣры. Среди „независ.“ механическихъ рабочихъ, наиболѣе сознательныхъ, замѣчается поворотъ въ сторону соц.-дем.

Одесскій Комитетъ выпустилъ листокъ къ солдатамъ. Подготовляются прокламаціи о „независимыхъ“, „фабричныхъ старостахъ“, „ко всѣмъ“ по поводу стачки.

Въ дополненіе къ этому разсказу о всѣхъ событіяхъ въ Одессѣ мы приведемъ еще изложеніе дѣла ораторомъ-рабочимъ, откладывая остальныя сообщенія до слѣдующаго номера или, можетъ быть, до особой брошюры. Вотъ письмо оратора:

„Постараюсь передать о томъ, въ чемъ я лично принималъ участіе и о чемъ, слѣдовательно, освѣдомленъ больше другихъ товарищей. Мое участіе непосредственно въ здѣшнихъ событіяхъ начинается со стачки въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, куда я былъ сперва посланъ за матеріаломъ, а затѣмъ, на второй день, говорить. Дѣйствительно, часамъ къ шести веч. мнѣ удалось говорить всѣмъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ ихъ дворѣ. Говорилъ я о стачкахъ, обосновывалъ ихъ требованія, но, когда я заговорилъ о роли государства, о законахъ, толпа зашевелилась, и мнѣ пришлось прекратить. Рѣчью моей остались довольны, лишь „независимцы“ негодовали, почему я ввелъ политику. Говорили послѣ меня на другой день, но стачка кончилась неудачно. Но вотъ 16-го узнаю я, что въ Рубовскомъ саду назначена сходка всѣхъ забастовщиковъ и что я долженъ буду говорить тамъ. Въ четвергъ, 17-го, утромъ я отправился туда. Въ шесть часовъ утра я уже былъ тамъ съ двумя товарищами. Садъ былъ еще пустъ, лишь кое-гдѣ виднѣлись конные городовые. Товарищи ушли, чтобы послать руководителей сходки ко мнѣ, гдѣ было рѣшено устроить „штабъ-квартиру“. Я остался одинъ. Проѣхали нѣсколько разъ стражники, но меня за кустомъ не было видно. Прошло 20 минутъ, и никто не приходилъ. Появились торговки съ бубликами и абрикосами, къ нимъ подъѣхали конные городовые, прогоняя ихъ, но тѣ не хотѣли уходить, говоря, что здѣсь много людей будетъ, а онѣ торговать хотятъ. На отвѣтъ городовыхъ, что здѣсь никого не будетъ, торговки возразили, что, коли никого не будетъ, онѣ уйдутъ. Ихъ оставили въ покоѣ. Мимо проходила какая-то дѣвушка, городовые жестоко избили ее нагайками, пользуясь тѣмъ, что никого вокругъ не было. Прошло уже 40 минутъ, а вотъ ужъ безъ четверти семь, а никого нѣтъ. Вдругъ слышу топотъ ногъ, я выскочилъ изъ-за деревьевъ и посмотрѣлъ на дорогу. По ней пестрой лентой подымались стройными рядами работницы и рабочіе. Я обезумѣлъ отъ радости. Я опасался, что не допустятъ собраться въ саду. Видя, что конца не видно этой полосѣ головъ и замѣтивъ, что тутъ нѣтъ никого изъ руководителей, я оставилъ свой постъ и пошелъ съ толпой. Возлѣ меня собрались знакомые, передовые рабочіе, и мы повели толпу. Настроеніе у всѣхъ было праздничное. Оказалось, что это шелъ только одинъ заводъ. Скоро начали приходить и другіе. Шли заводами. Остановились на полянкѣ, возлѣ большой груды булыжниковъ. На концѣ поляны дымился химическій заводъ. Рабочіе начали настаивать на томъ, чтобы позвать товарищей съ этого завода, и я пошелъ съ ними къ заводу. Подошли. Ворота оказались запертыми. На оградѣ показалась администрація. Я потребовалъ, чтобы пустили насъ переговорить съ рабочими, чтобы отперли ворота, но управляющій разсмѣялся въ отвѣтъ. Тогда толпа навалилась, и желѣзныя ворота вылетѣли, а толпа съ крикомъ: „Требуйте восьмичасовой рабочій день!“ разсыпалась по заводу. Остановили паръ, и съ присоединившимися рабочими всѣ вернулись на поляну, куда все прибывали рабочіе съ разныхъ заводовъ. Я повидался съ товарищами, и мнѣ сказали, чтобы я говорилъ пока, такъ какъ толпа уже многочисленна. Я вернулся въ толпу и, составивъ ядро изъ товарищей, открылъ собраніе своей рѣчью. Я началъ съ дѣленія общества на классы, указалъ на противоположности современнаго строя, на роль наемниковъ капитала, затѣмъ перешелъ къ борьбѣ, которую ведетъ пролетаріатъ, къ ея первоначальнымъ формамъ — стачкѣ и бойкоту. Я указалъ на ростъ сознанія въ рабочей средѣ Россіи, на рабочее движеніе, на борьбу за соціализмъ. Разъяснилъ, что такое соціализмъ, разъяснилъ роль государства въ борьбѣ рабочихъ за лучшую жизнь. Указалъ, что все добывается борьбой, но что она должна быть организованной, тогда она успѣшна, дальше же сказалъ имъ, что организованная борьба ведется Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіей, а потому призвалъ ихъ въ ряды этой Партіи, подъ ея красное знамя, на которомъ написаны завѣтныя рабочему человѣку слова: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ политическая свобода!“ „Да здравствуетъ соціализмъ!“ Возгласы были поддержаны. Говорилъ я плавно и иллюстрировалъ мои мысли ссылками на положеніе и борьбу одесскихъ рабочихъ, причемъ все сводилъ къ требованіямъ и стачкѣ. Слушали меня съ полнымъ вниманіемъ, а говорилъ я очень популярно, такъ что всѣми моя рѣчь была понята.

„Тутъ былъ сдѣланъ неловкій шагъ. Рабочіе (сознательные) запѣли. Это произвело нехорошее впечатлѣніе на пожилыхъ и постороннихъ движенію рабочихъ. „Что, мы сюда пѣть пришли, что-ли?“ говорили они. Тутъ подошелъ другой ораторъ, тоже присланный организаціей. Мнѣ удалось прекратить пѣніе, и я пригласилъ слушать оратора. Но тутъ раздались возгласы, звавшіе рабочихъ итти остановить пробочный заводъ, бывшій Юліуса, и призвать товарищей оттуда. Съ трудомъ удалось намъ удержать толпу, отъ которой уже начали откалываться группы. Ораторъ началъ говорить, но вниманія слушателей не имѣлъ, такъ какъ голосъ у него тихій, и его слышали только близко стоявшіе. Говорилъ онъ о политической борьбѣ, о государствѣ и указалъ, что только политической борьбой рабочій классъ добьется соціалистическаго будущаго.

„Когда онъ кончилъ, толпа разбрелась. Повсюду образовались кучки. Въ одномъ мѣстѣ говорилъ рабочій „независимецъ“, ему оппонировалъ рабочій же соц.-дем. Я и другіе товарищи собирали толпу въ одномъ мѣстѣ, объявивъ, что сейчасъ придутъ еще 10.000 рабочихъ и тогда мы приступимъ ко выработкѣ общихъ требованій. Всѣ начали собираться въ рощѣ, тутъ же расположенной. Рабочіе запрудили ее; а народъ все прибывалъ. Все время возлѣ насъ находились конные городовые, а теперь подъѣхали и казаки. Они стояли противъ насъ. Въ это время стало замѣтно сказываться вліяніе „независимцевъ“. Слышны были возгласы: „Чего они намъ про политику разсказываютъ?“ „Мы сюда не пѣть пришли! не надо намъ демократовъ“. Я пробрался въ середину толпы, тутъ меня подняли на рукахъ, и я обратился съ рѣчью къ толпѣ. Постепенно меня начали слушать. Я сказалъ, что мы сюда собрались не пѣть пѣсни, а посовѣтоваться и выработать требованія, но если поютъ, то не наше дѣло мѣшать имъ и напомнилъ условія, при какихъ вообще поются пѣсни о рабочихъ страданіяхъ въ Россіи. Затѣмъ я началъ говорить о стачкѣ и обосновывать и формулировать требованія: восьмичасовой рабочій день, увеличеніе заработка не меньше, чѣмъ на одну треть, плата во время болѣзни до полнаго выздоровленія и вѣжливое обращеніе. Формулируя каждое требованіе, я обращался къ рабочимъ, согласны ли всѣ? Мнѣ отвѣчали дружнымъ: „согласны!“ Когда я закончилъ требованія и перешелъ къ тому, какъ держаться во время забастовки, подошли „независимцы“, которые, узнавъ меня, какъ соц.-демокр. и перваго оратора, начали кричать, не зная содержанія моей послѣдней рѣчи, что я говорю о политикѣ, что не это надо, что все это неправда. Я воспользовался этимъ и спросилъ: „Такъ это неправда, что намъ нуженъ восьмичасовой рабочій день и т. д., это неправда?“ Отвѣтомъ было громкое, дружное: „Правда!“ „Долой „независимцевъ!“

„Но это былъ лишь моментъ. Я осипъ, лишился голоса. Въ разныхъ мѣстахъ подняли ораторовъ, говорившихъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Одинъ рабочій, поднятый на руки, прокричалъ: „Соц.-дем. наши лучшіе друзья. Они за рабочихъ, за насъ, гибнутъ въ Сибири и тюрьмахъ и т. д.“ Но и его прекрасныя, полныя огня, слова потерялись въ гулѣ толпы. Когда еще я говорилъ, въ толпу врѣзался околодочный и арестовалъ одного, но толпа наступила на него, и онъ отпустилъ товарища, а самъ ретировался. Я отошелъ въ сторону и обезсиленный, потерявши голосъ, направился по рѣшенію товарищей въ городъ. Это было 17 утромъ. Участіе мое въ дальнѣйшихъ событіяхъ было общее. Мы соц.-дем. потеряли руководительство массой. Я говорилъ въ разныхъ группахъ, но шпіоны срывали рѣчи, не давая говорить.

„Такъ какъ общій ходъ событій послѣ того утра, съ котораго собственно начинаются событія, и когда отчасти создалось настроеніе, вамъ извѣстенъ, то я изложилъ лишь ту часть, въ которой я принималъ самое непосредственное участіе.“

Одесса. 4 августа. Сюда прискакалъ 31 іюля директоръ деп. полиціи Лопухинъ, побывать у всѣхъ „начальствующихъ“ лицъ и, освѣдомившись обо всемъ происшедшемъ въ Одессѣ, черезъ сыскное отдѣленіе пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ рабочихъ, которые (по указанію шпіоновъ и администраціи) пользуются нѣкоторымъ вліяніемъ на рабочую массу и въ то же время придерживаются „мирной“ политики. Такъ изъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ выборъ Лопухина палъ на нѣкоего Райха, бывшаго депутатомъ отъ этихъ рабочихъ во время іюльскихъ событій. Секретарь Лопухина предварительно исповѣдывалъ Райха, доказывая ему всѣ прелести самодержавнаго строя и увѣряя его въ любви царя къ рабочимъ. Въ заключеніе онъ предложилъ Райху написать докладъ о рабочемъ движеніи и о мѣрахъ къ умиротворенію рабочихъ при самодержавномъ строѣ. Райхъ написалъ длинный докладъ, сбиваясь въ немъ все время на экономизмъ, хотя и заключилъ докладъ сомнѣніемъ въ возможности широкой экономической борьбы при существующемъ политическомъ строѣ. На слѣдующій день жандармы повели Райха къ самому Лопухину. Послѣ рукопожатія и угощенія папиросой Лопухинъ съ мѣста въ карьеръ задалъ Райху вопросъ: — А скажите, пожалуйста, какія нелегальныя организаціи, по Вашему мнѣнію, наиболѣе способны разрѣшить рабочій вопросъ? — Вы про „независимыхъ“ спрашиваете, отвѣтилъ вопросомъ непонявшій въ чемъ дѣло Райхъ. — Нѣтъ, я говорю о нелегальныхъ союзахъ, настаивалъ Лопухинъ — о соц.-дем., о соц. рев. и проч. — Къ сожалѣнію, я мало знакомъ съ программами этихъ организацій и ничего Вамъ положительнаго сказать не могу, отвѣчалъ Райхъ. — Однако, по моему мнѣнію, рабочіе могутъ улучшить свое положеніе путемъ организаціи широкихъ всероссійскихъ рабочихъ союзовъ, какъ въ Англіи. — Зачѣмъ Вамъ всероссійскіе рабочіе союзы, возражалъ Лопухинъ, можно достигнуть тѣхъ-же результатовъ, если въ каждомъ городѣ будутъ отдѣльные рабочіе союзы. — Нѣтъ, это намъ будетъ неудобно, отвѣчалъ Райхъ: капиталисты при забастовкѣ могутъ тогда выписать рабочихъ изъ другихъ городовъ, и стачка будетъ проиграна. Лопухинъ заерзалъ на стулѣ. — А скажите, пожалуйста, почему это провалились въ Одессѣ „независимые“? задалъ Лопухинъ новый вопросъ. Райхъ въ длинной рѣчи, уклоняясь часто въ сторону, началъ доказывать Лопухину, что „независимые“ не могутъ имѣть успѣха, благодаря росту рабочей интеллигенціи, которая вездѣ раскрываетъ массѣ глаза на существующіе порядки, доказывая, что рабочіе черезъ „независимыхъ“ не могутъ добиться ни уменьшенія налоговъ и податей, ни сокращенія срока военной службы и т. п. — А скажите, пожалуйста, началъ вновь Лопухинъ, послѣ непродолжительнаго молчанія: что вы думаете о новомъ законѣ о фабричныхъ старостахъ? — Меня хотѣли было выбрать въ старосты, издалека повелъ свою рѣчь Райхъ, да вотъ подгадилъ циркуляръ харьковскаго губернатора. Наши рабочіе покупаютъ въ день 100-150 экз. газетъ (п. п. 2000-2500), и циркуляръ, вмѣняющій въ обязанность старостамъ ловить подметчиковъ прокламацій и вообще вредныхъ „людей“, сразу же поднялъ всѣ мастерскія, и начали вездѣ толковать о старостахъ-шпіонахъ. Я поспѣшилъ снять свою кандидатуру. — Какой же это циркуляръ? недоумѣвалъ растерявшійся Лопухинъ, я самъ засѣдалъ въ комиссіи, которая вырабатывала законъ о старостахъ, и тамъ я настойчиво проводилъ мысль не возлагать на старостъ полицейскихъ обязанностей. Я тогда же говорилъ, что фабрикантъ можетъ всегда воздѣйствовать на старосту деньгами, чтобы онъ дѣлалъ то... (что „то“, Лопухинъ не договорилъ, спохватившись.) Мы, вѣдь, хотѣли облегчить рабочимъ начало ихъ самоуправленія, а эти крайнія партіи извращаютъ смыслъ закона, да и вы сами г. Райхъ проповѣдуете соц.-дем. идеи, уже переходитъ въ наступленіе не особенно ловкій Лопухинъ. — А скажите, пожалуйста, послѣ паузы продолжалъ допросъ Лопухинъ, не могутъ ли стачки превратиться въ еврейскій погромъ? — Нѣтъ, этого не будетъ, съ увѣренностью заявилъ Райхъ: національная вражда очень сильно изгладилась у насъ въ Одессѣ, и погромы отошли въ область преданій.

— А скажите, пожалуйста, вы слыхали, что дѣлается на Кавказѣ? перемѣнилъ тему Лопухинъ, тамъ знаете-ли темпераментъ — кинжалы, революверы. Райхъ недоумѣвалъ, не понимая чего отъ него хочетъ Лопухинъ. Вопросъ былъ заданъ въ надеждѣ не разскажетъ ли Райхъ о томъ, въ какомъ положеніи находятся въ Одессѣ дѣла съ кинжалами и проч. Райхъ молчалъ, замолчалъ и Лопухинъ. На прощаніе Лопухинъ бросилъ Райху: осенью намъ въ Петербургѣ предстоитъ серьезная работа рѣшить всѣ эти вопросы. — Пожалуйста постарайтесь, просилъ наивный Райхъ, очарованный любезностью Лопухина, бѣдному человѣку совсѣмъ туго приходится. Да придумайте что-нибудь по серьезнѣе „независимыхъ“ и фабричныхъ старостъ.

Проще и циничнѣе велъ бесѣду Лопухинъ съ депутатами рабочихъ трамвая, только что выпущенныхъ изъ тюрьмы 64 чел.

Подробно разспрашивая каждаго изъ нихъ объ условіяхъ работы и семейномъ положеніи, Лопухинъ сокрушался, что онъ по закону не имѣетъ права требовать сейчасъ обратнаго пріема ихъ на службу трамвая. — Въ Петербургѣ я войду съ вопросомъ объ улучшеніи вашего положенія, тамъ у насъ мало знаютъ о вашемъ житьѣ-бытьѣ, и вы напрасно производили безпорядки, усовѣщевалъ кондукторовъ Лопухинъ. — Ваше П—во существуютъ ли въ Россіи законы, которые бы позволяли насъ бить? Вѣдь „политикой“ мы не занимались, на улицѣ не буянили и на рабочихъ собраніяхъ не бывали, были только въ своемъ депо для переговоровъ съ дирекціей, спрашивалъ Лопухина одинъ рабочій. Лопухинъ сокрушенно вздохнулъ и ангельскимъ голоскомъ отвѣтствовалъ: — нѣтъ, голубчики, такого закона нѣтъ, а вотъ вы же безпорядки устраиваете и бываетъ, что и невиннаго побьютъ — всѣхъ не разберешь. Да я и не знаю, кто далъ приказаніе бить васъ. Когда же одинъ изъ депутатовъ робко намекнулъ на взятку, данную одесской администраціей, Лопухинъ, указывая пальцемъ вверхъ и поднявъ глаза къ небу, молвилъ: — Да, голубчики, и тамъ даже берутъ.

Велъ переговоры Лопухинъ и съ „независимыми“, но что толковалъ пока неизвѣстно.

По слухамъ, на дняхъ одесскіе предприниматели послали Витте телеграмму съ просьбой „убрать независимыхъ“, указывая на „агента внутренней полиціи, Шаевича“, какъ главнаго виновника забастовки.

Кіевъ. Вслѣдствіе пропажи (или опозданій?) нѣсколькихъ опубликованныхъ корреспонденцій, мы въ состояніи теперь дать лишь весьма неполныя свѣдѣнія о здѣшней стачкѣ. Одно сообщеніе гласитъ: Сегодня утромъ (27 іюня) въ 6 час. пріѣхалъ въ Кіевъ, и какъ только пароходъ причалилъ къ пристани, явились рабочіе и забрали весь нашъ штатъ: матросовъ, кочегаровъ, рулевыхъ и официантовъ, объявляя, что вездѣ забастовка. Я взялъ чемоданъ и отправился домой. Я узналъ слѣдующее: началась забастовка на вокзалѣ въ понедѣльникъ — 21. Всѣ служціе желѣзной дороги полегли на полотнѣ ж. д., и движеніе прекратилось. На слѣдующій день явились полиція и войска, но рабочіе осыпали ихъ камнями. Прибѣгнули къ оружію; въ результатѣ — 30 убитыхъ — 20 раненыхъ, въ томъ числѣ 10 казаков. Въ среду, 23, движеніе трамвая прекратилось и до сихъ поръ не возстановилось. Въ четвергъ, 24, къ забастовкѣ примкнули всѣ городскіе заводы и фабрики также Куреневка (предмѣстье). Въ пятницу, 25, пароходы общества прекратили движеніе. Рабочіе ходили по мельницамъ, паровымъ заводамъ и заставляли бросать работу. Рабочіе брали пароходы и разъѣзжали по Днѣпр заставляя служащихъ другихъ пароходовъ бросать работу. Въ пятницу приказано было стрѣлять, и пало много невинныхъ. На пароходской пристани убили трехъ кацаповъ, которые собрались ѣхать домой. Пароходскія пристани разрушены пушкам (? *Ред.*). Къ вечеру толпа, собравшаяся на Александровской улицѣ, напала на войска, при чемъ убили трехъ казаковъ пять солдатъ. Хлѣбъ вечеромъ, 25, продавали по 12 коп. фунтъ, теперь подешевѣлъ. 26 около Александровскаго сквера толпа рабочихъ демонстрировала и на требованіе разойтись отвѣтила градомъ камней. Былъ данъ залпъ, убили трехъ рабочихъ. Вывѣшены объявленія, въ которыхъ строго воспрещается собираться, въ противномъ случаѣ будутъ стрѣлять, не разбиря.

Другой очевидецъ пишетъ отъ 28 іюня: „Что у насъ творится! Ни электричества ни газа, ни хлѣба, ни движенія никакого, кромѣ извощиковъ за баснословную цѣну. Бьютъ, убиваютъ, разрушаютъ, волосы дыбомъ становятся. Чѣмъ это кончится? Это не стачка — а что-то грандіозное. Нѣкторыя типографіи перестали работать. Мельницу Бродскаго разнесли. Единственно что удалось спасти — это водопроводъ, иначе городъ остался бы безъ воды. Водопроводъ оцѣпленъ войскомъ, и воду отпускаютъ сами инженеры. Если это еще продолжится, о Кіевѣ можетъ остаться одно только воспоминаніе.

Отъ 30 числа кратко сообщаютъ о прекращеніи стачки. Рабочіе получили, будто бы повышеніе платы на 20% и сокращеніе рабочаго дня на одинъ часъ.

Елизаветградъ. Нашъ городъ имѣетъ нѣсколько крупныхъ заводовъ земледѣльческихъ орудій, на которыхъ работаетъ свыше двухъ тысячъ рабочихъ. Имѣется также нѣсколько крупныхъ мельницъ и табачныя фабрики, на которыхъ занято приблизительно столько же рабочихъ. Фабрично-заводскіе рабочіе — спеціализированные профессіональные пролетаріи. Имѣется также самый незначительный процентъ крестьянъ (нѣсколько десятковъ) не окончательно еще порвавшихъ съ деревней. Они преимущественно работаютъ на самомъ крупномъ заводѣ Эльворти, гдѣ большое раздѣленіе труда не требуетъ особой спеціализаціи рабочаго. Порядки на нашихъ заводахъ ни чѣмъ не отличаются отъ заводскихъ порядковъ въ другихъ городахъ. Безконечные штрафы, грубое обращеніе мастеровъ, переходящее иногда въ кулачную расправу, безпрерывное пониженіе расцѣнокъ безъ предупрежденія рабочихъ, таков общая характеристика нашего заводского режима до настоящаго времени. Опасаясь крамолы, проникшей въ послѣднее время на всѣ заводы, заводчики стараются всячески убаюкивать рабочихъ, устраивая для нихъ спектакли, въ которыхъ сами рабочіе выступаютъ въ качествѣ артистовъ, они организовываютъ музыкальные оркестры изъ рабочихъ, приглашаютъ также поповъ на фабрику, которые читаютъ рабочимъ проповѣди. Эти церковные агитаторы перешли въ послѣднее время даже къ письменной агитаціи. Недавно устроены были прогулки для рабочихъ на двухъ заводахъ у Яскульскаго и Шкловскаго. Послѣдніе пригласили попа, который отслужилъ молебенъ, а потомъ раздавалъ рабочимъ печатные листки за своею же подписью. Въ листкахъ этихъ говорилось о томъ, что нужно уважать старшихъ, повиноваться начальству, что нужно молиться за царя-батюшку, который богомъ поставленъ управлять нами и который печется о насъ, какъ о своихъ дѣтяхъ и т. д. Но всѣ эти пріемы не достигаютъ своей цѣли, и благодаря соціальдемократической пропогандѣ, находятъ у рабочихъ должную оцѣнку.

Отдѣльные попытки пропаганды среди рабочихъ встрѣчаются въ нашемъ городѣ, начиная съ 98 г. Но всѣ эти попытки носили чисто случайный характеръ. Обыкновенно пропаганда эта ограничивалась однимъ-двумя кружками изъ четырехъ-пяти рабочихъ, съ которыми интеллигентъ завязывалъ знакомство. Съ его отъѣздомъ или арестомъ связь терялась, и желавшему возобновить работу интеллигенту приходилось сызнова искать связей; такъ работа велась съ значительными перерывами до 1902 г. Вся эта работа, конечно, не прошла безслѣдно. Первое массовое рабочее собраніе, устроенное лѣтомъ 1902 г. самими рабочими, прекрасно это доказало. Почва для соціальдемократической пропаганды была, такимъ образомъ, создана, и первая серьезная попытка создать прочную организацію увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Тогда устанавливаются постоянныя связи почти на всѣхъ заводахъ, устраиваются постоянные пропагандистскіе кружки, которые усердно посѣщаются рабочими, на этихъ кружкахъ ведется пропаганда соціальдемократическихъ идей: обсуждаются разные вопросы текущей политической жизни. Тогда же устраиваются всѣ практическія учрежденія. Число сознательныхъ рабочихъ увеличивается и, упрочившись такимъ образомъ, организація получила возможность перейти къ широкой массовой агитаціи путемъ прокламацій. Начиная съ января текущаго года, комитетомъ выпускается рядъ прокламацій, трактующихъ различные вопросы общерусской и мѣстной заводской жизни (о ростовскихъ событіяхъ — къ рабочимъ, 3000 экз.; изъ заводской жизни (политическаго содержанія) 3000 экз.; майская, Орган. Комитета 1500 экз.; по поводу кишиневскаго погрома — къ обществу, 800 экз.; по тому же поводу — къ рабочимъ, 300 экз. Орг. Ком.).

1 марта текущаго года комитетомъ устраивается массовое собраніе за городомъ, которое своими размѣрами превзошло всякія ожиданія комитета. На собраніе отправилось изъ города до 150 человѣкъ; но, по незнанію мѣста, не всѣ попали. Къ сожалѣнію, мѣсто было выбрано неудачное, и на собраніи удалось прочесть одну только рѣчь о мартовскихъ событіяхъ, пропѣта была революціонная пѣсня и собравшіеся должны были разойтись. Причиной послужило внезапное появленіе въ экипажѣ помѣщичьей семьи, которая, увидѣвъ собраніе, помчалась въ городъ за полиціей. И дѣйствительно, черезъ ½ часа послѣ того, какъ всѣ разошлись, туда нагрянула полиція, но никого уже не застала. По дорогѣ обратно она наткнулась на какую-то кучку рабочихъ, распивающихъ водку съ дѣвушками. Подозрѣвая въ нихъ участниковъ собранія, она ихъ заарестовала. Нѣкоторыхъ сейчасъ освободили, а остальныхъ на слѣдующій день. Но и это неудавшееся собраніе не прошло, конечно, безслѣдно для рабочихъ. Послѣдніе на практикѣ убѣдились, съ какими трудностями сопряжена конспиративная работа, и какъ трудно рабочему при существующемъ политическомъ режимѣ послушать „живое“ слово. Полные ненависти ко всѣмъ поработителямъ, которые держатъ ихъ въ черномъ тѣлѣ и не допускаютъ къ нимъ луча свѣта, рабочіе разошлись, надѣясь скоро собраться на такомъ мѣстѣ, чтобы „самъ чертъ ихъ не нашелъ“. Послѣ этого спросъ на нелегальную литературу сильно увеличился, и комитетъ старался итти на встрѣчу этому спросу, распространяя въ широкихъ размѣрахъ популярную соціальдемократическую литературу. Въ послѣднее время дѣятельность комитета не ограничивается работой только среди городскихъ рабочихъ: она распространяется также на окрестныя деревни, съ которыми имѣются связи и куда посылается подходящая соціальдемократическая литература. Спросъ на эту литературу сильно растетъ. Отношеніе же крестьянъ къ Елиз. организаціи, о которой они имѣютъ фантастическое представленіе, самое лучшее. И люди, присылаемые къ нимъ организаціей, выигрываютъ очень много въ смыслѣ воздѣйствія, если они не скрываютъ своего представительства. Особенно ярко выступаетъ отношеніе крестьянъ къ организаціи и до извѣстной степени характеризуется ихъ политическая зрѣлость въ слѣдующемъ фактѣ. Въ деревняхъ распространился слухъ, что Елиз. организація готовится къ уличной демонстраціи на 19 февраля. Крестьяне прислали отъ себя человѣка въ „орг.“ съ извѣщеніемъ, что комитетъ можетъ разсчитывать на ихъ участіе, если онъ дѣйствительно рѣшитъ устроить демонстрацію. Считая себя неподготовленнымъ, комитетъ отвѣтилъ представителю, что никакой демонстраціи 19 февраля въ Елиз. не будетъ. Крестьяне же, должно быть, усмотрѣли въ этомъ отвѣтѣ недовѣріе къ нимъ со стороны организаціи и рѣшили на дѣлѣ доказать, какъ глубоко они чувствуютъ ненависть къ существующему политическому строю и какъ сильна у нихъ потребность выразить эту ненависть открытымъ протестомъ вмѣстѣ съ своими городскими товарищами. 19 февраля нѣсколько крестьянъ явилось въ городъ съ дубинками въ рукахъ и почти цѣлый день расхаживали на Большой улицѣ (главной ул. Елиз.) выжидая демонстраціи. Мѣсяца три тому назадъ на одну деревню было сдѣлано нашествіе жандармовъ. По указанію шпіона былъ арестованъ одинъ крестьянинъ, котораго остальные старались отбить. Вообще настроеніе, какъ среди фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ и среди крестьянъ окрестныхъ деревень, весьма революціонное. Нужно только сожалѣть, что нѣтъ достаточно свѣжей популярной литературы, которая удовлетворяла бы всѣ требованія.

Теперь нѣсколько словъ о соц.-рев. Въ 24 № „Рев. Рос.“ имѣется лаконическое сообщеніе о томъ, будто въ Елиз. образовалась группа С.-Р., которая выпустила двѣ прокламаціи ко всѣмъ рабочимъ, одну за своею подписью, другую за подписью объед. группы соц.-рев. и соц.-дем. Намъ хорошо извѣстны дѣла Елизаветграда до самаго послѣдняго времени (одинъ изъ насъ лишь пять недѣль оттуда), и ни о какой группѣ соц.-рев. мы не слыхали. Мѣсяца три-четыре тому назадъ намъ передали, что на Большой улицѣ было разбросано нѣсколько гектографированныхъ листковъ. Но какъ мы ни старались достать хотя бы одинъ экземпляръ, намъ не удалось, такъ какъ отвѣчаютъ, что не читали, но что такая прокламація была разбросана по Большой улицѣ. Содержанія же тоже буквально никто не зналъ. Это относится къ обществу, что же касается рабочихъ, то никто изъ нихъ о такой прокламаціи даже *не слыхалъ*. До отъѣзда же товарища никакого даже слуха о прокламаціи за подписью соц.-дем. и соц.-рев. не было, и всѣ эти сообщенія — простая выдумка.

Два бывшихъ члена Ел. Ком.

Елисаветградъ. 30 іюля 1903 г. Теперь 12 часовъ ночи, и послѣ трехдневныхъ мукъ и страданій опишу, что творилось за послѣдніе дни у насъ въ городѣ. Постараюсь все написать, ибо, какъ очевидецъ, кажется, ничего не забуду. Въ понедѣльникъ, 28 іюля, забастовало 300 каменьщиковъ и болѣе 200 плотниковъ и маляровъ. Они ушли съ работы, не заявляя никакихъ требованій хозяевамъ и подрядчикамъ. Всѣ шли кучками по улицамъ, а тамъ, гдѣ видѣли, что работаютъ, заставляли уходить. Всѣмъ имъ велѣли собраться на Конную площадь для переговоровъ. Стояли они тамъ часа два. Къ нимъ пришла масса посторонней публики. Разговаривали о своихъ нуждахъ, требованіяхъ и т. д. Всѣ держались очень тихо. На ихъ лицахъ было замѣчательно веселое настроеніе. Ну, безъ полиціи, конечно, не обстоитъ дѣло. Было нѣсколько конныхъ городовыхъ, пѣшей полиціи и пристава. Вдругъ пріѣхалъ полиціймейстеръ, заспанный, видно загулявшійся поздно съ пѣвицами въ городскомъ саду, началъ спрашивать, чего они хотятъ. Нѣкоторые рабочіе, старики, сняли шапки, но тутъ изъ толпы одинъ крикнулъ: „Передъ кѣмъ вы снимаете шапки!“ Нѣкоторые одѣли обратно шапки. Полиціймейстеръ, видя, что тутъ что-то неладное, заявилъ имъ, чтобы выбрали своихъ депутатовъ для переговоровъ, но они не согласились, боясь, чтобы ихъ не арестовали. Тогда полиціймейстеръ велѣлъ имъ прійти завтра, въ 7 час. утра, на то же самое мѣсто. Днемъ къ нимъ присоединились всѣ ремесленники-слесаря въ количествѣ 150 человѣкъ и почти всѣ мальчики. Съ Конной площади не всѣ разошлись. Остались кучками и вели бесѣды. Полиція просила разойтись. Замѣчательный курьезъ, я его самъ слыхалъ. Помощникъ пристава Нехорошкинъ подошелъ къ кучкѣ, чтобы разогнать ее, тогда вышелъ старикъ, каменьщикъ, лѣтъ 65 и говоритъ ему: „Слышь, сынко, мы никого не трогаемъ, уйды по доброму, а то набьютъ тобі потылыцю и нычего добраго не выйды“. Нехорошкинъ ушелъ. Пришли къ рабочимъ нѣкоторые приказчики и просили ихъ, какъ по примѣру другихъ городовъ, подойти къ магазинамъ и потребовать приказчиковъ. Тогда толпа рабочихъ въ количествѣ 100 чел. подошла къ мануфактурному магазину братьевъ Заславскихъ, на мосту и потребовала приказчиковъ. Нашлись такіе въ магазинѣ Заславскаго, что сказали, что ничего имъ не надо. Но рабочіе отвѣтили: „Если вамъ хорошо, то помогите другимъ магазинамъ“. Хозяева магазина, Заславскіе, принуждены были запереть магазинъ и выпустить своихъ служащихъ. То же самое было у Кулаковскаго. Тутъ явилась полиція и хотѣла выхватить вожаковъ, но ихъ не дали, отбивая руками. Рабочіе подошли къ магазину Державца, тамъ также заперли, и ближайшіе магазины къ нему. Шествіе продолжалось часъ времени. По троттуарамъ была масса публики. Когда они подошли къ магазину Олинской и по заявленіи, чтобы отпустить служащихъ, послѣдніе вышли изъ магазина, тогда всѣ съ крикомъ „ура“ бросились дальше. Но тутъ полиція показала свое звѣрство. Прискакало нѣсколько конныхъ городовыхъ, врѣзались въ толпу и съ прикладами и нагайками били кого попало. Была тысячная толпа. Всѣ магазины по приказанію полиціи были закрыты. Всѣ разбѣжались по среднимъ улицамъ. По Дворцовой и Большой-Перспективной ходила масса рабочихъ. Полиція здѣсь пошла на хитрость: забили въ набатъ, вывѣсили на каланчу три шара и дали тревогу. Пожарные уѣхали для того, чтобы заманить публику на Ковалевку, но тамъ пожара не было. Масса публики побѣжала за ними, но оказалось все ложнымъ. Выслали вооруженную роту солдатъ. Часть оставили за крѣпостнымъ садомъ, часть ушла обратно въ казармы. По улицамъ кишѣли шпіоны, жандармы и полиція. По улицамъ было движеніе рабочихъ. На Преображенской улицѣ, къ стыду полиціи, совершенно свободно прошли ремесленники со знаменемъ безъ надписи. На слѣдующій день въ 7 час. утра собрались всѣ рабочіе, которые бастовали и къ нимъ присоединились мельничные рабочіе и биндюжники. Они стояли мирно разговаривая вмѣстѣ съ организованными. Публика, зная раньше, что сюда соберутся рабочіе, пришла массой, почти всю площадь заняли. Вдругъ бросились на нихъ штукъ 20 конныхъ городовыхъ и начали избивать толпу нагайками. Всѣ разбѣжались. Но несмотря на это, рабочіе собрались на крѣпостную площадь; тамъ они также мирно бесѣдовали. Съ ними былъ помощникъ пристава 3-ей части Тарнеровъ и нѣсколько конныхъ городовыхъ. Всѣ рабочіе были возбуждены и революціонно настроены. Они уже ясно видѣли своими глазами, кто ихъ врагъ. Рабочіе стояли часа три. Къ нимъ пришла масса народу. Цыфру не могу опредѣлить. Но не тутъ то было. Опять сорвалась полиція и буквально начала топтать лошадьми людей. Но тутъ рабочіе не дались уже. Всѣ закричали, чтобы защищаться. Бросились на лѣсопильный заводъ; каждый взялъ себѣ по дубинкѣ и шелъ противъ полиціи. Разъяренная, какъ звѣрь, полиція, видя, что безсильна, дала сигналъ, и сейчасъ прибѣжали двѣ роты конныхъ солдатъ, вооруженныхъ и подъ командой дали пустой залпъ. Рабочіе ничуть не испугались и бодрыми лицами съ дубинами въ рукахъ стояли, не двинувшись съ мѣста. Тутъ среди свалки и побили голову пом. пристава Нехорошкину, такъ что пришлось долгое время удерживать кровь. Побили здорово рыжаго шпіона, такъ что не знаю, придетъ ли домой. Словомъ, можете себѣ представить, что тутъ было. Толпа такъ революціонно настроена, что даже женщины, дѣти взяли палки и въ случаѣ будутъ защищаться противъ полиціи. Пріѣхалъ полиціймейстеръ и попросилъ толпу, чтобы его пропустили. Ему позволили. Онъ началъ уговаривать, чтобы разойтись, но былъ одинъ отвѣтъ: „Пока не удовлетворятъ всѣхъ требованій, до тѣхъ поръ не разойдемся“. Разсказывалъ имъ, что въ Кіевѣ убили 200 рабочихъ. Тогда одинъ изъ толпы отвѣтилъ: „А почему въ правительственныхъ сообщеніяхъ только три человѣка“. Толпа, видя всѣ звѣрства полиціи, была такъ возбуждена, что рѣшилась биться до послѣдней капли крови. Но тутъ кругомъ начали обставлять солдатъ. Всѣ рабочіе увидѣли, что хотятъ ихъ заманить, такъ что всѣ разбѣжались. Но все таки удалось нашимъ башибузукамъ арестовать и загнать въ тюрьму З. Рѣзникова 59 чел. Изъ нихъ 45 русскихъ и 14 евреевъ. Кромѣ того, было много арестовъ. Хватали прямо съ улицы, не распрашивая виновенъ или нѣтъ. Такъ, арестованы студенты Шапиро и Лащенко и многіе другіе — приказчики и пекарь. Въ тюрьмѣ ихъ избиваютъ до крови и не даютъ имъ пищи. Когда бросили работу въ 6 час., рабочіе завода Эльворти пошли по Дворцовой и Б.-Перспективной улицѣ. Какъ чудно было смотрѣть на нихъ! Стройные, съ головами вверхъ, шли безъ препятствій. По дорогѣ они встрѣтили полицмейстера Падѣйскаго. Съ крикомъ и свистомъ бросились на него, но онъ удралъ въ полицейское управленіе. Не доставало только знамени и организованности, чтобы вышла удачнѣйшая демонстрація. Несмотря на тысячи солдатъ, которые находились у Крѣпостной площади, всѣ закричали: „Товарищи, идемте освободить арестованныхъ!“ Всѣ бросились къ тюрьмѣ, но у моста ихъ остановили; началось опять избіеніе. Всѣ разсѣялись. Магазины велѣли закрыть. Всю ночь подъ барабаннымъ боемъ шли солдаты и разъѣзжали конные полицейскіе. Сегодня было немного спокойнѣй. Требованія мельничныхъ рабочихъ удовлетворили. Каменьщики еще не работаютъ. Чѣмъ кончится — не знаемъ. Весь городъ революціонно настроенъ. Одному мальчику нагайкой отрубили носъ. Заказали у Гольденберга 100 новыхъ нагаекъ по 1 руб. 20 к. за штуку. Звѣрство полиціи неописуемо. Всѣхъ солдатъ и полицію напоили до пьяна. Пишущій эти строки самъ хорошо получилъ прикладомъ прямо въ грудь и, вдобавокъ прибѣжалъ озвѣрѣвшій полицейскій и началъ меня колотить. Въ догонку гнались за мной, чтобы поймать меня, но никакъ имъ не удалось. Въ третьемъ участкѣ подпалили какой-то старый сарай для того, чтобы отвлечь толпу. Но въ другой разъ имъ эта хитрость не удалась. Толпа кричала: „Насъ обманываютъ!“ Есть еще масса фактовъ, не можешь запомнить или же съ болью на душѣ не можешь писать. Мнѣ казалось, что опишу сотню листовъ. Ничего, привыкаешь ко всему. Только въ первый разъ дѣйствительно страшно больно.

Елисаветградъ. Городъ въ настоящее время просто терроризируютъ. Прислали сотню казаковъ, солдатъ оставили въ городѣ. Въ тюрьму засадили на три мѣсяца 56 чел., послѣ еще взяты — берутъ даже въ послѣдующіе дни прямо съ улицы. Какіе-то два чел. взяты на улицѣ, ибо были въ синихъ рубахахъ, побили ихъ въ участкахъ нагайками, обругали с.-д. и отпустили съ миромъ. Взятъ на улицѣ студентъ Шапиро, избитъ и заключенъ на три мѣс. Взято прямо изъ пекаренъ болѣе десяти чел. и засажены на три мѣсяца. Былъ вице-губернаторъ. Эльвортовскіе рабочіе бросили было работу, требуя освобожденія семи арестованныхъ рабочихъ. Пріѣхалъ къ нимъ вице-губернаторъ, увѣщевалъ ихъ и освободилъ тѣхъ. Изъ заводовъ дѣятельно увольняютъ нежелательныхъ. Мельникамъ дали воскресный день, каменьщикамъ — ничего. По городу носятся слухи объ умершихъ отъ избіенія. Въ тюрьмѣ рота солдатъ, ибо боятся, что придутъ освобождать.

Батумъ, 17 іюля. Въ $7^1/_2$ часовъ утра рабочіе всѣхъ заводовъ бросили работу и направились къ базару; всего собралось около шести тысячъ человѣкъ. Вынесли столы, на которые взобрались рабочіе и читали прокламаціи, произносили рѣчи на русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ. Къ этому времени прибыло войско, казаки, и толпа была разсѣяна. Батумъ представлялъ изъ себя нѣчто необыкновенное: закрылись всѣ магазины, конторы, пекарни, мастерскія, забастовали также носильщики на вокзалѣ, стрѣлочники и кондуктора, бросили работу плотники и строительные рабочіе. На слѣдующій день, въ четыре часа дня, рабочіе собрались около электрической станціи и развернули красное знамя, но казаки налетѣли на толпу и разсѣяли ее. Въ то же время были даны два залпа: смертельно раненъ рабочій М. Пирцхалайшвили и нѣсколько друг. Казаки и полиція усердно избивали рабочихъ и мелкихъ торговцевъ, сочувственно относившихся къ рабочимъ. Черезъ два дня почти всѣ магазины были открыты, и рабочіе постепенно начали приступать къ работѣ. Арестовано болѣе ста человѣкъ.

Харьковъ. Въ 9-10 ч. веч., 26 іюля за городомъ, въ мѣстности, называемой „Уралъ“, собралось больше 100 работниковъ и частью работницъ отъ всѣхъ харьковскихъ мастерскихъ и заводовъ для собесѣдованія. Въ 11 ч. ночи толпа была окружена казаками и конной полиціей. Большинство рабочихъ спаслось бѣгствомъ. Вслѣдъ убѣгавшимъ стрѣляли. Арестовали около 40 чел., которыхъ сильно избили.

Черезъ нѣсколько дней с. р. выпустили прокламацію (отъ Харьк. Ком с. р.) съ призывомъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. (О „комитетѣ“ партіи с. р. въ Харьковѣ, если не ошибаюсь, слышно впервые, проявленія-же с. р. здѣсь не было уже 1-$1^1/_2$ года. Телеграфисты Кіевъ-Бѣлая-Церковь-Фастовъ забастовали. Требовали прибавки по 10 р. По телеграммѣ изъ Питера ихъ требованіе удовлетворено.

Барановская мануфактура, станц. Бараново, Моск.-Яросл. жел. дор. Рабочихъ на заводѣ свыше пяти тысячъ. Вслѣдствіе значительнаго вздорожанія хлопка сильно понижены расцѣнки. На этой-то почвѣ разыгралась Костромская исторія, и то и дѣло возникаютъ безпорядки по всему району. 22 іюня вышла исторія и на здѣшней мануфактурѣ, на которой и вообще условія очень скверны. Какъ только были вывѣшены новые расцѣнки, тотчасъ же бросили работу ткачи. Въ дальнѣйшемъ постепенно присоединились и всѣ остальные рабочіе до одного. Дѣло не обошлось безъ „воздѣйствія“. Говорятъ, бѣгали и кричали: „убьемъ, кто будетъ работать“. Затѣмъ были разгромлены квартиры трехъ служащихъ, избили до полусмерти двухъ полицейскихъ. Рабочіе почему-то проникнуты довѣріемъ къ Баранову Асафу, хотя онъ собственно тутъ имѣетъ мало значенія. Они не пустили на фабрику ни полицію, ни прокурора и вели переговоры только съ Барановымъ. Директоръ и вся администрація разбѣжались. Требовали возвращеніе старыхъ расцѣнковъ, но, главнымъ образомъ, настаивали на удаленіи восьми человѣкъ изъ администраціи (директора ткацкаго отдѣленія, завѣдующаго спальнями Фаворскаго и еще шесть мастеровъ). Барановъ обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Были вывѣшены старые расцѣнки, а на третій (кажется) день начались работы. Пока что подошли войска. Хотя еще арестовъ не было, но разборки надо ждать. Свѣдущіе люди не вѣрятъ, чтобы обѣщанія были исполнены...

ИЗЪ ПАРТІИ.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО.

Товарищи! Состоявшееся здѣсь 7/20 іюля общее засѣданіе членовъ Бюро было предпослѣднимъ передъ международнымъ конгрессомъ, который, какъ извѣстно, долженъ собраться въ Амстердамѣ въ августѣ 1904 г. Поэтому, большую часть времени пришлось посвятить установленію порядка дня предстоящаго конгресса. Пока намѣчены слѣдующіе пункты: 1. Доклады Международнаго Секретаріата и секретарей отдѣльныхъ національностей. 2. Всеобщая стачка. 3. Общія основанія соціалистической политики. 4. Трэдъ-юніонизмъ и политика. 5. Колоніальная политика. 6. Тресты и безработица. 7. Международные третейскіе суды. 8. Національное и международное законодательство объ эмиграціи и объ иммиграціи.

По всѣмъ перечисленнымъ пунктамъ конгрессу должны быть представлены доклады тѣми партіями, которыя настаивали на ихъ внесеніи въ порядокъ дня. Такъ, по пункту второму докладъ будетъ представленъ Голландской Соціалистической Партіей; по пункту третьему — Соціалистической Партіей Франціи (Революціонно-соціалистическимъ Союзомъ); по пункту четвертому — Англійскимъ Фабіанскимъ Обществомъ; по пункту пятому — Гэйдманомъ изъ Англійской Соціальдемократической Федераціи и Ванъ-Колемъ изъ Голландской Соціалистической Партіи; по пункту седьмому — Англійской Независимой Рабочей Партіей; по пункту шестому — Соціалистической Партіей Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и, наконецъ, по пункту восьмому — Соціалистической Партіей Аргентинской Республики. Что касается пункта перваго, то само собой разумѣется, что доклады должны быть доставлены всѣми національностями, и было бы очень желательно, чтобы наши комитеты своевременно позаботились о доставкѣ намъ всѣхъ свѣдѣній о ходѣ нашего движенія за 1900—1904 годы, дабы нашъ секретарь при Международномъ Бюро могъ составить достаточно подробный отчетъ.

Къ перечисленнымъ выше пунктамъ соціалистическія партіи всѣхъ странъ могутъ черезъ своихъ представителей въ Бюро прибавить новые, но это должно быть дѣлано до слѣдующаго общаго засѣданія Бюро, которое состоится въ первое воскресенье февраля будущаго года.

Изъ другихъ пунктовъ, предложенныхъ на обсужденіе Бюро — вопроса о международной политикѣ, о Македоніи и о защитѣ иностранныхъ рабочихъ — первые два вовсе не могли быть разобраны въ виду отсутствія делегатовъ тѣхъ странъ, которыми эти вопросы были подняты. Что же касается третьяго, то онъ вызвалъ довольно оживленные дебаты. Дѣло въ томъ, что вопросъ этотъ былъ поднятъ бельгійскими делегатами, имѣвшими въ виду совершенно спеціальный случай — выработанный нѣкоторыми французскими депутатами законопроектъ, имѣющій цѣлью ограничить или даже совсѣмъ исключить конкурренцію иностранныхъ рабочихъ. Въ такомъ духѣ была предложена резолюція. Но на это было замѣчено, что вопросъ этотъ существуетъ не только во Франціи и Бельгіи, но и во всѣхъ другихъ странахъ, при чемъ онъ становится гораздо болѣе сложнымъ тамъ, гдѣ съ мѣстными рабочими вступаютъ въ конкурренцію рабочіе изъ странъ съ болѣе низкой культурой. Въ виду этихъ возраженій и въ виду невозможности сейчасъ же выработать болѣе общую резолюцію пришлось ограничиться принятіемъ слѣдующей переходной формулы:

„Поднятый бельгійскими делегатами вопросъ значится въ порядкѣ дня амстердамскаго конгресса (см. выше пунктъ восьмой) и этимъ послѣднимъ долженъ быть рѣшенъ въ общей формѣ резолюціи. Съ другой стороны, делегаты всѣ единодушно осуждаютъ тотъ принципъ, который легъ въ основу предложеннаго нѣкоторыми (французскими) националистскими депутатами законопроекта, стремящагося къ окончательному изгнанію (изъ Франціи) рабочихъ сосѣднихъ странъ. Въ виду этого Бюро предлагаетъ соціалистическимъ депутатамъ заинтересованныхъ странъ — въ томъ случаѣ, если бы эти законопроекты были поставлены на обсужденіе палаты до амстердамскаго конгресса — совмѣстно заняться пріисканіемъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ, чтобы отвергнуть эти исключительныя мѣры“.

Извѣстно, что нынѣшней весной ожидался пріѣздъ русскаго царя въ Италію. По этому поводу итальянскій соціалистическій депутатъ Моргари произнесъ въ палатѣ рѣчь, въ которой протестовалъ противъ пріѣзда въ Италію душителя всей Россіи и противъ устройства ему торжественнаго пріема. Понятно, что вся буржуазная печать набросилась на Моргари за его якобы непатріотическое поведеніе. Итальянскій делегатъ Э. Ферри обратился, поэтому, въ Бюро съ письмомъ, въ которомъ просилъ его высказать свое отношеніе къ поступку Моргари. Принятая въ отвѣтъ на это письмо резолюція гласитъ:

„По поводу письма Ферри и заявленія товарища Моргари въ итальянской палатѣ Международное Соціалистическое Бюро выражаетъ Итальянской Соціалистической Партіи чувство своей солидарности и еще разъ высказываетъ свое отвращеніе къ русскому царизму и къ его преступленіямъ“.

Брюссель, 9/22 іюня 1903 г. Б. Гинзбургъ (Д. Кольцовъ).

Перепечатываемъ изъ листка Заграничнаго Комитета Бунда резолюцію V съѣзда Бунда о „положеніи Бунда въ Россійской Соц.-Демокр. Рабочей Партіи“.

„§ 1. Бундъ есть федеративная часть Рос. С.-Д. Раб. Партіи. — § 2. Бундъ — соціальдемократическая, неограниченная въ своей дѣятельности никакими районными рамками, организація еврейскаго пролетаріата и входитъ въ Партію въ качествѣ его единственнаго представителя; при чемъ выступленіе отъ имени всего пролетаріата опредѣленной территоріи, на которой, кромѣ другихъ входящихъ въ Партію организацій, дѣйствуетъ и Бундъ, допустимо лишь при участіи послѣдняго. — § 3. Въ Ц. К., З. К. и на съѣзды Партіи Бундъ избираетъ свое представительство, выступающее, какъ таковое, въ тѣхъ вопросахъ, на которые простирается компетенція съѣздовъ Бунда. Способъ представительства долженъ быть основанъ на принципахъ, одинаковыхъ для всѣхъ договаривающихся сторонъ.

Компетенція Бунда. § 4. Программой Бунда является общепартійная программа, которую онъ по вопросамъ, обусловливаемымъ особеннымъ положеніемъ еврейскаго пролетаріата въ Россіи и взаимоотношеніемъ общественныхъ силъ въ средѣ еврейской націи, имѣетъ право дополнять для себя особыми пунктами, не противорѣчащими партійной программѣ. — § 5. Бундъ имѣетъ свои съѣзды для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, спеціально касающихся еврейскаго пролетаріата, свой Центральный Комитетъ и Загр. Комитетъ. — § 6. Бундъ имѣетъ право разрѣшать, руководствуясь программой Партіи, такіе общіе вопросы, по которымъ партійными съѣздами не вынесено резолюцій. Рѣшенія эти имѣютъ лишь временную силу — до постановленій общихъ съѣздовъ по соотвѣтствующимъ вопросамъ. — § 7. Бунду предоставляется свободное распоряженіе дѣлами своей организаціи. — § 8. Бундъ имѣетъ право на безпрепятственное изданіе, кромѣ литературы на еврейскомъ языкѣ, и литературы на другихъ языкахъ. Съ обращеніями къ пролетаріату другой національности Бундъ имѣетъ право выступать лишь съ согласія на то органовъ соотвѣтствующихъ частей Партіи, къ пролетаріату же всей страны — съ согласія Центр. Ком. Партіи. *Прим.* При обращеніи къ еврейскому пролетаріату со стороны другихъ договаривающихся сторонъ требуется согласіе Ц. К. Бунда. — § 9. а) Бундъ имѣетъ право вступать во временныя соглашенія для практическихъ предпріятій съ революціонными организаціями, не входящими въ составъ Партіи и относительно соглашенія съ которыми нѣтъ спеціальнаго запрета ни со стороны партійнаго съѣзда, ни со стороны Ц. К. Партіи. О каждомъ такомъ соглашеніи Ц. Ком. Бунда доводитъ до свѣдѣнія Центр. Ком. Партіи. Совмѣстное выступленіе въ литературѣ съ несоціальдемократическими организаціями недопустимо. — б) Съ особаго на то разрѣшенія Ц. Ком. Партіи Бундъ имѣетъ право вступить и въ постоянныя соглашенія съ невходящими въ Партію соц.-дем. организаціями, для совмѣстнаго выполненія нѣкоторыхъ сторонъ революціонной работы. — § 10. Съѣздъ Партіи имѣетъ право отмѣнять всѣ постановленія съѣздовъ Бунда, за исключеніемъ рѣшеній, принятыхъ на точномъ основаніи настоящей конституціи. Если Цен. Ком. Партіи усматриваетъ въ какихъ-либо дѣйствіяхъ Ц. К. Б. противорѣчіе съ постановленіями общихъ съѣздовъ Партіи, то онъ (Ц. К. Партіи) имѣетъ право потребовать отъ него объясненій. — § 11. Въ случаяхъ необходимости Ц. К. Партіи имѣетъ право вступать въ сношенія съ отдѣльными частями Бунда, но лишь съ согласія Ц. К. Бунда. Какъ должны вестись эти сношенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляетъ Ц. К. Бунда. — § 12. Всѣ перечисленные пункты считаются основными и могутъ быть измѣняемы, дополняемы и отмѣняемы лишь съ взаимнаго согласія договаривающихся сторонъ. Вышеприведенный проектъ устава, по рѣшенію V съѣзда Бунда, долженъ быть предложенъ 2-му съѣзду Р. С. Д. Р. П., какъ *базисъ* для обсужденія вопроса о положеніи Бунда въ Партіи“.

Заявленіе Николаевскаго Комитета. Въ послѣднее время николаевскій Комитетъ дѣятельно занялся внутренней организаціонной работой и послѣ самаго тщательнаго обсужденія и всесторонняго разбора вопроса пришелъ къ тому заключенію, что, если мы теперь въ значительной степени освободились отъ шатаній, такъ вредно отзывавшихся на партійной дѣятельности, что, если къ предстоящему съѣзду наша партія явится дѣйствительно партіей единной и цѣльной, а не механическимъ аггрегатомъ разрозненныхъ комитетовъ, связанныхъ только единствомъ названія, — то этимъ мы обязаны исключительно „Искрѣ“: что „Искра“ является органомъ, сумѣвшимъ какъ поставить, такъ и успѣшно разрѣшить главнѣйшіе вопросы программы, организаціи и тактики; что „Искра“ обнаружила свое умѣніе понять и оцѣнить значеніе другихъ оппозиціонныхъ партій и направленій и сумѣла съ неумолимой послѣдовательностью разоблачить ихъ реакціонный характеръ, не страшась нападокъ за рѣзкость своего тона; что „Искра“ обнаружила непреклонную стойкость и энергію въ борьбѣ со всякими сепаратистическими тенденціями внутри нашей Партіи; что „Искра“ является единственнымъ органомъ, умѣющимъ своевременно отозваться на всѣ самые сложные вопросы дня, никогда не сходя со строго классовой соціальдемократической точки зрѣнія; что „Искра“ является такимъ именно органомъ, въ какомъ нуждается наша Партія. Въ виду всего этого Николаевскій Комитетъ объявляетъ „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ въ вопросахъ программы, организаціи и тактики и выражаетъ желаніе видѣть ее органомъ Партіи.

Николаевскій Комитетъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Тверь. Отчетъ Кассы Тв. Комитета за мартъ-апрѣль 1903 г.

Приходъ 525 руб. 6 коп. Расходъ 519 рублей.

Въ рабочей Кассѣ „Шагъ къ Свободѣ“ въ настоящее время числится 81 рубль 15 коп. 1) 26 руб. 20 коп., 2) 32 руб. 10 коп., 3) 22 рубля 85 коп.

Годовой отчетъ Кассы Тв. Комитета.

Приходъ 1225 руб. 49 коп. Расходъ 1219 руб. 43 к., въ томъ числѣ израсходовано: на помощь безработнымъ 436 р. 50 к., на технику 144 р. 04 к., на конспиративные расходы 207 р. 66 коп., за литературу 324 рубля 58 коп., разн. расходы 106 руб. 65 коп.

За первый годъ существованія Комитетъ распространилъ слѣдующіе листки: подъ фирмой „Тверской Группы“ по поводу залогинской стачки (300), о демонстраціяхъ (100), письмо къ крестьянамъ (100); за теперешней подписью: майскіе (500), партійныхъ печатныхъ (300), о стачкѣ на стеклянномъ заводѣ (400), къ учителямъ и учительницамъ (100), во время суда надъ залогинскими рабочими — 2 листка (2000), о ростовской бойнѣ (500), памяти декабристовъ (400), къ рабочимъ фабрики Берга (300), о ростовскихъ событіяхъ (400), прокламація Донск. Комитета (120), рѣчь Михайлова (120), рѣчь Заломова (200), царскія рѣчи (350), брошюра на 19 февраля „Сѣв. Рабочаго Союза“ (300), на 1 марта тоже (200), къ рабочимъ Куровскаго завода (100), по поводу выстрѣла рабочаго Логинова (300), Пауки и мухи — Либкнехта, Стачка лжи, Пѣсни — всего въ числѣ 500 экз., бюлл. №№ 1-3 (400), первомайскихъ этого года (за подписью „Орг. Ком.“) (1000), печатныхъ листковъ „Сѣв. Союза“, „Орг. Ком.“ и др. организацій, въ томъ числѣ „Тв. Ком.“ 1200 экз., всего 9300 листковъ. Сверхъ того распространилась партійная литература: „Искра“ до 27 №, „Южн. Рабочій“, „Красное Знамя“, брошюрная литература — всего около четырехъ пудовъ, и велись кружковыя занятія съ рабочими.

Закончивъ настоящимъ краткимъ отчетомъ первый годъ своего существованія, Тв. Комитетъ еще разъ обращается ко всѣмъ сочувствующимъ съ просьбою о дальнѣйшей матеріальной поддержкѣ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Ростовъ. Изъ Ростова сообщаютъ, что участниковъ демонстраціи 2 марта будутъ осенью судить военно-окружнымъ судомъ. Браиловскій Яковъ, главный обвиняемый (произнесъ рѣчь), пытался бѣжать изъ тюрьмы, но былъ задержанъ и избитъ.

Кишиневъ. Въ іюлѣ было произведено сорокъ арестовъ. Аресты произведены изъ-за боязни всеобщей стачки. Арестов. Циля Клигерманъ (ученица акушерск. курсовъ), Дудявскій (поднадзорный) и много др. — Въ полѣ арестованы Марія Учитель (акушерка), Менаше Вайсманъ (владѣлецъ посуднаго магазина), Глоба Марія (сестра привлекавшейся раньше и сослан. въ Сибирь).

Иркутскъ. Локуціевскому (арестованному въ концѣ апрѣля по доносу какого-то горняка, при обыскѣ ничего не нашли) и Гостиловскому вышелъ приговоръ: Верхне-Колымскъ на 3 года (?). Фридіевой, арестованной при расклейкѣ прокламацій Иркутскаго Комитета — с. Братское на 1 годъ. Въ іюнѣ сидѣло 21 чел., по Комитету никого нѣтъ.

Сообщается и то, что въ Иркутскѣ учреждено охранное отдѣленіе, отпущены суммы...

Сосланы: Хинчукъ въ село Бѣльское Минусинскаго уѣзда, Ѳед. Гурвичъ въ с. Кондратьево Пинчугской вол. Енисейск. г., Газенбушъ въ дер. Малая Тумка Енисейской губ., Плесскій въ село Даурское Енисейской губ.

Въ Киренскѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ ссыльный Китаевичъ; покойный страдалъ психическимъ разстройствомъ.

Екатеринославъ. Въ ночь съ 25 на 26 іюля арестованы Н. П. Образцовъ (инт.), Гуревичъ (возврат. изъ Сибири послѣ ссылки), Софья Загрязская, Вербовъ, Браславскій, рабочіе Матвѣй и Соломонъ и еще одинъ. Кромѣ того было 60 обысковъ.

Въ **Нижегородской губ.** весной были аресты во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Ардатовскомъ уѣздѣ — на заводѣ Выкса, среди рабочихъ, въ Арзамасскомъ — въ селѣ Яблонкѣ арест. 7 крестьянъ, въ Нижегородскомъ — крестьяне, земскіе учителя и учительницы, въ с. Суроватихѣ, г. Татаровѣ и друг.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ вышелъ приговоръ студенту Моск. учительской семинаріи Гастеву, бывшему подъ особымъ надзоромъ въ Суздалѣ, по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ фабрики Якунчикова. Приговоръ 3 года Вологодской губ. Въ томъ же мѣсяцѣ объявленъ во Владимірѣ приговоръ нижегородскому портному Орлову, по Сормовскому дѣлу 1902 года. Приговоръ 3 года Вост. Сибири. Обвинялся Орловъ въ устройствѣ рабочихъ собраній, по 250 ст. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ всего 3 дня. Такой свирѣпый приговоръ объясняютъ тѣмъ, что Орловъ при обыскѣ будто бы оказалъ сопротивленіе, закативъ жандарму двѣ оплеухи. По объявленіи приговора Орлова тотчасъ же арестовали и черезъ нѣсколько дней отправили по этапу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Матвѣю, Владиміру. Корреспонденту изъ Финляндіи: пришлите адресъ для писемъ.

Трудолюбцамъ. Владиміру, наслѣднику Рузова: письма получены, но прочесть ихъ невозможно, плохо написано.

Емельяну. Вавилону: корр. и письма получены.

34: спасибо за корр. Писавшимъ ее шлемъ привѣтъ.

Авторамъ корреспонденціи: „Забастовка и рабочій бунтъ въ Костромѣ“. Пришлите дубликатъ. Написано такъ, что разобрать ничего невозможно.

Отложено, по недостатку мѣста, до слѣдующаго номера: обвинительный актъ по дѣлу о фабричныхъ безпорядкахъ на фабрикѣ Зологина, „изъ черты осѣдлости“, „выборы въ Германіи“, „изъ дѣятельности охраннаго отдѣленія“, и нѣк. др.

Получено: отъ Gim'а 250 р.; изъ Монпелье по подписнымъ листамъ №№ 158, 159 — 49,50 фр., за литературу 120,30 фр.; изъ Шаи и Кларана 9,50 фр.; собрано въ пользу стачечниковъ Юга Россіи: въ Бернѣ 25 фр., въ Шпицѣ 3 фр., въ Вегис[illegible] 10 [illegible], въ Райхенгалѣ 7 фр., въ Билѣ 17 фр.; изъ Берна: за литерат[illegible] 42 фр., отъ предпріятія 3 фр.; отъ М. М. Мюнхенъ чрезъ [illegible] А. Б. 10 марокъ; для стачечниковъ чрезъ Рудникова изъ [illegible]фингена 56 фр.; отъ П. 10 фр.; на изданіе соц.-дем. литер[illegible] по подп. листу № 37 — 4 р., № 67 — 4 р.; отъ Жени 5 [illegible] Ма. за литературу 46 мар.; чрезъ В. изъ кантона Граубюн[illegible] 265 фр. (для эмигр. кассы 150 фр., для Красн. Креста 70 фр.[illegible]; отъ М. на изданіе восп. Дейча 25 фр., отъ В. на „Искру“ 20 [illegible] изъ Л. по сч. отъ проѣзжихъ 15 мар. (пропущено въ почт[illegible] ящикѣ № 45); отъ цюрихской Эмигрантской Кассы для [illegible]вшихъ товарищей 40 фр.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 47. 1-го сентября 1903 года. № 47.

НЕДАВНІЯ СТАЧКИ, СОЦІАЛИЗМЪ И БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ.

Стачки нынѣшняго лѣта, которыя происходили, какъ извѣстно, не только на югѣ, но отчасти также и въ центральномъ промышленномъ округѣ, еще разъ съ самой очевидной и убѣдительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революціонной соц.-демократіи, отстаиваемая „*Искрой*“ и „*Зарей*“. Сущность этой тактики заключается въ томъ, что соціальдемократія, какъ передовой отрядъ пролетаріата, пользуется всякимъ столкновеніемъ рабочихъ съ предпринимателями для возможно болѣе *полнаго и всесторонняго* развитія ихъ классового самосознанія. Между тѣмъ какъ наши „экономисты“ проповѣдывали теорію такъ называемыхъ *стадій* и утверждали, что рѣчь о политикѣ можно будетъ завести съ рабочими только тогда, когда политическія требованія возникнутъ въ ихъ головахъ сами собою, безъ помощи „революціонной бациллы“, соціальдемократы, защищавшіе противоположный способъ дѣйствія, доказывали, что экономическія столкновенія рабочихъ съ предпринимателями всегда сопровождаются и не могутъ не сопровождаться у насъ выступленіемъ полицейскихъ разбойниковъ на защиту священныхъ правъ капитала, и что наша партія безусловно обязана, — отнюдь не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, — поддерживать рабочихъ въ ихъ неизбѣжной борьбѣ съ этими разбойниками и *пользоваться этой борьбою, какъ незамѣнимымъ средствомъ политическаго воспитанія пролетаріата*. Однимъ словомъ, соціальдемократы этого образа мыслей брали себѣ ту самую роль „революціонной бациллы“, отъ которой такъ безразсудно отказывались „экономисты“. И эта роль оказалась какъ нельзя болѣе благодарной. Въ качествѣ передового отряда рабочаго класса соціальдемократія уже теперь сдѣлалась вліятельнымъ факторомъ общественнаго развитія Россіи. И чѣмъ усерднѣе станетъ она выполнять свою роль „бациллы“, тѣмъ болѣе будетъ рости ея общественное вліяніе. Но для того, чтобы быть въ состояніи выполнять эту роль, мы должны неуклонно держаться разъ принятой нами и уже испытанной тактики, съ одинаковымъ стараніемъ избѣгая какъ Харибды *утопическаго „экономизма“*, такъ и Сциллы *буржуазнаго демократизма*.

Повторяемъ, стачки нынѣшняго лѣта еще разъ съ очевидной ясностью показали правильность тактики, усвоенной нашей революціонной соціальдемократіей. Возьмемъ хоть событія въ Костромѣ. Здѣсь толчекъ движенію данъ былъ пониженіемъ расцѣнковъ, и первоначально заволновалась масса, чуждая всякихъ политическихъ стремленій. „Надо замѣтить, — говоритъ нашъ корреспондентъ, — что это были все люди, не тронутые никакой пропагандой, самый, такъ сказать, первобытный рабочій людъ. Ихъ толкала стихійная экономическая сила: имъ хотѣлось отбиться отъ неумолимо надвигающагося вмѣстѣ съ новой таксой голода, и, полные еще наивной вѣры, что кто-то за нихъ долженъ и можетъ заступиться, они упрямо доискивались тѣхъ, кому о нихъ вѣдать надлежитъ“. Только послѣ двукратнаго безплоднаго хожденія къ губернатору и безчисленныхъ придирокъ со стороны полиціи этому „первобытному люду“ стало очевидно, — какъ говоритъ тотъ же корреспондентъ, — что губернаторъ имъ не поможетъ“, и что „надо собственными силами „одолѣвать упорныхъ фабрикантовъ“. Подъ вліяніемъ этого, только-что сложившагося убѣжденія у рабочихъ возникаетъ намѣреніе „итти на улицу и всему городу заявить о своемъ положеніи и о начатой борьбѣ съ фабрикантами“. При нашихъ условіяхъ такое дѣйствіе по необходимости становится *политическимъ* дѣйствіемъ, и шествіе стачечниковъ по городу превращается въ *политическую демонстрацію*. Стачечники сами понимали это съ большею или меньшею ясностью: они охотно пошли съ краснымъ знаменемъ, матеріалъ для котораго, — кусокъ кумача, — былъ купленъ однимъ изъ нихъ, — по выраженію нашего корреспондента, — на послѣдній двугривенный. Уже однимъ этимъ „первобытный рабочій людъ“ фактически примыкалъ плечомъ къ плечу къ своимъ сознательнымъ братьямъ, а послѣдующія событія могли только упрочить и расширить его духовную связь съ ними. Неудивительно, поэтому, что „выпущенныя комитетомъ прокламаціи читались нарасхватъ рабочими, недавно совершенно равнодушными къ политикѣ (другой корреспондентъ). „Революціонная бацилла“ не упустила случая повліять на міросозерцаніе стачечниковъ, и движеніе, начавшееся по *чисто экономическимъ причинамъ*, привело къ расширенію *политическихъ взглядовъ* костромскихъ рабочихъ. Такъ и должно совершаться политическое воспитаніе пролетаріата подъ систематическимъ воздѣйствіемъ революціонной соціальдемократіи.

Въ своемъ воззваніи отъ 1 іюня нашъ Костромской Комитетъ говоритъ: „Правительство — нашъ врагъ, товарищи, надо бороться съ нимъ такъ же, какъ мы боремся съ нашими хозяевами фабрикантами. Никогда мы не добьемся лучшей жизни, никогда не освободимся отъ гнета денежнаго мѣшка, если не будемъ бороться противъ самодержавнаго правительства, если не будемъ добиваться политической свободы. Намъ нужна свобода для того, чтобы устраивать стачки и требовать отъ своихъ хозяевъ повышенія заработка и улучшенія условій труда… Намъ нужна свобода для того, чтобы устраивать большія собранія рабочихъ и толковать на нихъ о своихъ дѣлахъ, о томъ, какъ намъ добиваться лучшей жизни… Намъ нужна свобода для того, чтобы устраивать постоянные союзы и общества рабочихъ, устраивать общія кассы для того, чтобы поддерживать забастовавшихъ работниковъ, чтобы сообща устраивать хорошія библіотеки и покупать книжки, которыя бы разъясняли намъ наше положеніе и то, чего намъ добиваться; чтобы выдавать пособія нуждающимся товарищамъ… Намъ нужна свобода, товарищи, для того, чтобы развиваться и улучшать свою жизнь, отстаивать свои интересы передъ правительствомъ и капиталистами, чтобы стремиться къ достиженію такого устройства, при которомъ не будетъ тунеядцевъ-капиталистовъ, а всѣ будутъ трудиться по мѣрѣ силъ и за свой трудъ получать столько средствъ, чтобы имѣть возможность жить, какъ живутъ люди, а не голодныя собаки. Будемъ же дружно добиваться свободы“ и т. д.

Все это вѣрно и все это надо было сказать рабочимъ, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что строки, относящіяся здѣсь къ будущему устройству общества, отличаются нѣкоторой неясностью, благодаря которой мысль, заключающаяся въ нихъ, едва-ли произвела надлежащее впечатлѣніе на умы читателей. Ту же мысль можно было и слѣдовало выразить иначе и точнѣе, указавъ на „конечную цѣль“ пролетарскаго движенія: переходъ средствъ производства въ общественную собственность. Эта цѣль должна быть ясно сознана пролетаріатомъ и намъ необходимо указывать на нее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ столкновеній труда съ капиталомъ, въ которыхъ рабочіе по неволѣ задумываются о причинахъ своего зависимаго положенія въ нынѣшнемъ обществѣ. Какъ ни важно для насъ выяснить рабочимъ великое значеніе политической свободы, но мы не должны забывать, что „экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено какъ средство“, и что мы чрезвычайно сильно затруднимъ рабочимъ пониманіе этой, чрезвычайно важной для нихъ истины, если въ нашихъ книгахъ, брошюрахъ или воззваніяхъ *цѣль* отступитъ на задній планъ передъ *средствомъ*. Правда, въ прокламаціи костромского комитета значеніе для рабочихъ извѣстныхъ *политическихъ* правъ разъясняется тоже съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ частныхъ, второстепенныхъ *экономическихъ* цѣлей. Но мы имѣемъ въ виду не частныя и второстепенныя цѣли, а именно „*великую цѣль*“, т. е. не тѣ реформы, которыя рабочій классъ, — опираясь на свои политическія права — вырветъ у *буржуазнаго общества*, а ту *революцію*, которую онъ совершитъ, добившись политической власти и которая будетъ состоять въ замѣнѣ *буржуазныхъ* отношеній производства *соціалистическими*. Только эта революція и принесетъ съ собою окончательное освобожденіе рабочаго класса. Но на эту революцію воззваніе костромского комитета намекаетъ, къ сожалѣнію, лишь въ неясныхъ и неточныхъ выраженіяхъ. И въ этомъ заключается недостатокъ этого воззванія. Намъ необходимо избѣгать такой неясности и неточности, потому что, если бы онѣ сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ нашей печатной и устной пропагандѣ, то стала бы почти незамѣтной пограничная черта, отдѣляющая революціонную *соціальдемократію* отъ тѣхъ буржуазныхъ партій, которыя сладкими рѣчами о *соціальной реформѣ* хотѣли бы отговориться отъ *соціальной революціи*.

Чѣмъ сильнѣе будетъ рости у насъ общественное движеніе противъ царскаго самодержавія, тѣмъ болѣе станутъ развиваться эти буржуазныя партіи и тѣмъ настойчивѣе и опаснѣе для насъ сдѣлается ихъ естественное и неизбѣжное стремленіе затемнить классовое самосознаніе пролетаріата. Первымъ — столь же неизбѣжнымъ и естественнымъ — выраженіемъ этого стремленія явится попытка доказать, что толки о соціализмѣ теперь несвоевременны, такъ какъ теперь надо сосредоточить все вниманіе на борьбѣ за политическую свободу и за частныя экономическія требованія рабочихъ.

Подобная попытка была уже отчасти сдѣлана „*Освобожденіемъ*“ въ лицѣ его одесскаго корреспондента.

Заканчивая свое, — напечатанное въ приложеніи къ № 4 (28) — описаніе послѣдней стачки въ Одессѣ, этотъ корреспондентъ пишетъ: „Обращеніе къ обществу о поддержкѣ стачечниковъ заканчивалось восклицаніемъ: „да здравствуетъ соціализмъ!“, что именно въ *этомъ* воззваніи едва ли было умѣстно: можно быть добрымъ гражданиномъ и вполнѣ сочувствующимъ настоящему рабочему движенію человѣкомъ, но не раздѣлять вовсе соціалистической доктрины и не во имя ея жертвовать деньги; слѣдовало найти общую для всѣхъ почву для сочувствія, и таковой врядъ ли можно было считать идеи соціализма, неясныя большинству какъ общества, такъ и стачечниковъ“.

Если мы правильно поняли г. корреспондента, то говорить о *соціализмѣ* „именно въ этомъ воззваніи“ не должно было *между прочимъ* потому, что соціалистическія идеи неясны большинству *стачечниковъ*. Но вѣдь идеи *политической свободы*, навѣрное, тоже неясны были тѣмъ стачечникамъ, которые по своему умственному развитію еще не перестали принадлежать къ „первобытному рабочему люду“. Слѣдуетъ ли отсюда, что „именно въ этомъ воззваніи“ не надо было упоминать также и объ идеяхъ политической свободы? Но тогда о чемъ же можно было упоминать „именно въ этомъ“ несчастномъ воззваніи?

По словамъ г. корреспондента, соціалистическія идеи неясны также и большинству „общества“. И это, конечно, справедливо. Но *неясность* данной идеи для даннаго „общества“ далеко не равносильна ея *недоступности для него*. Если „общество“ *еще не поняло* ея, хотя и *способно понять ее по своему положенію*, то задача передовыхъ дѣятелей состоитъ въ томъ, чтобы облегчить ему дѣло ея усвоенія. А для этого они не только могутъ, но обязаны упоминать о ней и разъяснять ее въ своихъ воззваніяхъ. Иное дѣло, конечно, если данная идея не соотвѣтствуетъ положенію „общества“, если она, напримѣръ, идетъ въ разрѣзъ съ его интересами. Въ этомъ случаѣ она навсегда останется для него „неясною“ и не вдохнетъ въ него ни жажды борьбы, ни самоотверженія. Надо признать, что г. корреспондентъ „Освобожденія“ имѣетъ въ виду какъ разъ подобный случай. Извѣстно, что наше „общество“ состоитъ изъ людей такъ называемыхъ *высшихъ классовъ*, самимъ положеніемъ своимъ осужденныхъ на „неясное“ пониманіе соціализма. Потому-то г. корреспондентъ и находитъ, что въ обращеніи къ этому обществу неумѣстно говорить о соціализмѣ. Но, во-первыхъ, г. корреспондентъ забываетъ, что соціалисты, какъ и прочіе смертные, имѣютъ *право на искренность*, и потому могутъ считать недостойнымъ себя и своей партіи дипломатическое умалчиваніе о своихъ истинныхъ стремленіяхъ. Во-вторыхъ, всякій мало-мальски разумный человѣкъ изъ числа тѣхъ „добрыхъ гражданъ“, которые не сочувствуютъ соціализму, могъ легко сообразить, что оказать поддержку семьѣ стачечника, доведеннаго до нищеты борьбой съ предпринимателемъ и полицейскими разбоями, еще не значитъ содѣйствовать *немедленному* торжеству соціализма. Если же эти почтенные граждане такъ „добры“, что уже одна мысль о томъ, что соціализмъ можетъ, пожалуй, восторжествовать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, способна отбить у нихъ всякую охоту къ пожертвованіямъ, то къ такимъ господамъ партія, уважая себя и свое дѣло, совсѣмъ не должна обращаться за помощью. Что же касается добраго совѣта найти, *забывъ о соціализмѣ*, „общую для всѣхъ почву для сочувствія“, то такая почва можетъ быть *только почвой освободительныхъ стремленій буржуазіи*, и намъ нельзя встать на нее въ своей агитаціи, *не совершивъ самоубійства*, къ которому у насъ *нѣтъ ни малѣйшей склонности*. Въ виду всего этого дипломатія, рекомендуемая „*Освобожденіемъ*“, ни въ какомъ случаѣ не встрѣтитъ сочувствія съ нашей стороны. Революціонная соціальдемократія была и останется самымъ опаснымъ врагомъ царскаго самодержавія: она одна способна воспитать и воспитываетъ ту общественную силу, которая обезпечитъ у насъ торжество политической свободы. Но ведя пролетаріатъ на бой съ царизмомъ, эта соціальдемократія ни на минуту не перестанетъ развивать въ умахъ рабочихъ ясное сознаніе враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами эксплуататоровъ. Она твердо убѣждена, что только тотъ пролетаріатъ, который созналъ эту противоположность, т. е. *перешелъ на точку зрѣнія соціализма*, окажется въ состояніи энергично и успѣшно отстаивать, какъ свои собственные экономическіе интересы, такъ и интересы политической свободы. И это свое твердое убѣжденіе она не побоится высказать во всеуслышаніе, какъ бы сильно ни противорѣчило оно соціально-политическимъ взглядамъ нѣкоторыхъ „добрыхъ гражданъ“. Дѣло свободы очень тѣсно связано теперь съ дѣломъ соціализма. И этой связи не разорвутъ, конечно, болѣе или менѣе хитроумныя разсужденія буржуазныхъ дипломатовъ о необходимости найти „общую для всѣхъ почву для сочувствія“.

ЗАКОНЪ О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ РАБОЧИХЪ, ПОТЕРПѢВШИХЪ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ.

Недавно вышедшій новый законъ, содержаніе котораго указано въ заглавіи статьи, и законъ о фабричныхъ старостахъ, разобранный нами въ предыдущемъ номерѣ, представляютъ изъ себя довольно типичные образчики двухъ вѣтвей отечественнаго рабочаго законодательства, выражающаго ту или иную уступку духу времени. Кромѣ боевыхъ реакціонныхъ законовъ, которые у насъ въ чрезвычайномъ обиліи и особенно быстро проходятъ черезъ всѣ бюрократическія мытарства и которые при томъ особенно обстоятельно составляются и особенно энергично примѣняются, — всѣ остальные россійскіе законы, касающіеся рабочаго класса, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, по ихъ политическому характеру. Либо это законы, которые хоть въ чемъ-нибудь, хоть на волосъ расширяютъ самостоятельность, самодѣятельность, права рабочихъ, — и тогда эти законы обставляются сотней и тысячей изъятій, оговорокъ, циркулярныхъ разъясненій и ограниченій, которыя всѣ ведутъ, — выражаясь языкомъ нашего проекта программы, — къ „расширенію или упроченію полицейско-чиновничьей опеки надъ трудящимися классами“. Таковы законы о фабричныхъ старостахъ, о фабричной инспекціи вообще и т. п. Либо законы выражаютъ собой такую уступку, которая съ самостоятельностью и самодѣятельностью гражданъ не имѣетъ ничего общаго, — и тогда самодержавное правительство выступаетъ съ несравненно большею щедростью. Такъ и должно, конечно, быть съ точки зрѣнія общей тактики самодержавія, съ точки зрѣнія „правильно понятыхъ“ полицейскихъ интересовъ. Западно-европейскіе демократы, искушенные уже всяческимъ опытомъ по части борьбы съ полицейскимъ государствомъ, давно окрестили его политику словами: пряникъ и плеть. Пряникъ — это подачки революціоннымъ классамъ; это — уступки экономическія, имѣющія цѣлью внести раздоръ въ эти классы, привлечь часть ихъ на свою сторону, заставить повѣрить въ искренность и дружелюбіе буржуазнаго правительства къ пролетаріату. Плеть — это полицейская травля всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ самъ довѣрія къ правительству и сѣетъ дальше недовѣріе, плеть — это обузданіе всѣхъ тѣхъ, кто стремится къ полной свободѣ и самостоятельности рабочаго класса, его союзовъ, его собраній, его газетъ, его политическихъ учрежденій и органовъ.

Законъ о фабричныхъ старостахъ даетъ рабочимъ представительство, которое *могло бы* послужить имъ противъ буржуазіи и правительства. Поэтому, представительство такъ искажается и стѣсняется, чтобы пользу изъ него могли извлечь только шпіоны или хотя бы главнымъ образомъ шпіоны. Поэтому, отъ представительства рабочихъ, провозглашеннаго закономъ, на самомъ-то дѣлѣ, въ практическомъ примѣненіи, остается, какъ отъ Тришкина кафтана, одинъ воротъ. А воротъ нуженъ для того, чтобы за „воротъ“ тащить въ участокъ злосчастнаго „старосту“. Наоборотъ, законъ о вознагражденіи рабочихъ ни малѣйшимъ образомъ не затрогиваетъ ихъ политической самодѣятельности, и тутъ можно быть, значитъ, пощедрѣе. Тутъ безопаснѣе можно выступить въ роли „реформатора“, а выступить *надо*, ибо растущее рабочее движеніе надвигается все болѣе и болѣе грозно. Бюрократическая машина начала работать *двадцать лѣтъ* тому назадъ надъ законопроектомъ объ отвѣтственности предпринимателей. Десять лѣтъ этотъ законопроектъ разрабатывали; наконецъ, особая коммиссія его одобрила, и въ 1893 году проектъ былъ опубликованъ и внесенъ въ государственный совѣтъ… для того, чтобы вернуться опять подъ сукно еще на десятокъ лѣтъ! „Медленнѣе спѣшить“, кажется, уже было нельзя, и законопроектъ, вѣроятно, еще десятокъ-другой лѣтъ пространствовалъ бы по министерствамъ и канцеляріямъ, если бы рабочій классъ Россіи своимъ натискомъ не встряхнулъ всего самодержавія.

И вотъ законопроектъ, кое въ чемъ еще и еще разъ ухудшенный, сталъ наконецъ закономъ. Для оцѣнки этого закона сличимъ его съ тѣмъ, что требуется въ нашемъ проектѣ партійной программы: „рабочій отдѣлъ“ этой программы долженъ быть для насъ именно руководствомъ въ дѣлѣ пропаганды и агитаціи. И только сличая отдѣльные пункты и требованія нашей программы съ современной дѣйствительностью и съ попытками правящихъ классовъ реформировать ее, никого не обижая, — мы въ состояніи будемъ, съ одной стороны, полнѣе и конкретнѣе уяснять себѣ и массамъ смыслъ и значеніе нашей программы; съ другой стороны, уяснять недостатки дѣйствующихъ законовъ; съ третьей стороны, уяснять себѣ на дѣлѣ, на фактахъ, до какой степени, при сохраненіи основы буржуазнаго строя, осуждены на мизерность результатовъ всѣ и всяческія реформы.

Нашъ проектъ программы требуетъ (§ 7 „рабочаго“ отдѣла) установленія закономъ гражданской отвѣтственности *нанимателей* вообще (за увѣчья и болѣзни рабочихъ), т. е. всякаго, кто нанимаетъ рабочихъ, всякаго, кто извлекаетъ прибыль изъ неоплаченнаго труда другихъ, пользуясь ихъ рабочей силой и не отвѣчая за гибель или порчу этого *товара* (рабочей силы) на работѣ. Между-тѣмъ новый законъ касается исключительно рабочихъ и служащихъ „въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности“. Исключены, слѣдовательно, рабочіе сельскіе, ремесленные, строительные, кустари и проч. и проч. Исключено громадное большинство наемныхъ рабочихъ, трудящихся часто при худшихъ и болѣе опасныхъ условіяхъ: напримѣръ, строительные рабочіе и сельско-хозяйственные при машинахъ страдаютъ отъ увѣчій не меньше, если не больше, чѣмъ фабричные. Чѣмъ же объяснить это исключеніе? Тѣмъ, что внѣ фабрично-заводской промышленности сапогъ еще не такъ жметъ ногу: рабочее движеніе грозно проявилось только среди передовыхъ слоевъ пролетаріата, и правительство „заботится“ (не о рабочихъ, конечно, а о подавленіи рабочихъ) только въ этой области. Но пролетаріатъ, поскольку онъ участвуетъ въ движеніи, т. е. сознательный пролетаріатъ, борется не изъ-за пользъ и выгодъ того или иного *разряда* рабочихъ, а за весь классъ, за всѣ классы, угнетенные капиталистическимъ строемъ. Разница между реформами, которыхъ добивается пролетаріатъ, и реформами, которыя, какъ подачки, жалуетъ правительство, выступаетъ тутъ наглядно.

Далѣе. Новый законъ обязываетъ владѣльцевъ предпріятій вознаграждать рабочихъ только за утрату трудоспособности *„отъ тѣлеснаго поврежденія*, причиненнаго имъ работами по производству предпріятія или происшедшаго вслѣдствіе таковыхъ работъ“. Наша программа требуетъ установленія отвѣтственности не только за потерю способности къ труду вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ, но и вслѣдствіе *вредныхъ условій производства*. Новый законъ, слѣдовательно, и здѣсь суживаетъ отвѣтственность нанимателей. Всѣмъ извѣстно, какая масса рабочихъ теряетъ способность къ труду не отъ несчастныхъ только случаевъ, не отъ тѣлеснаго поврежденія, а отъ болѣзней, вызванныхъ вредными условіями производства. Никакая борьба съ этими вредными условіями путемъ всякихъ правилъ и предписаній не приводитъ ни къ чему, если хозяева не отвѣчаютъ за потерю рабочими трудоспособности отъ болѣзни. И, спрашивается, какая разница по существу между тѣмъ случаемъ, когда машина отрѣзываетъ у рабочаго ногу, и тѣмъ случаемъ, что рабочій отравляется ядомъ фосфора, свинца, краски и т. п.? Развѣ медицинская наука не создала уже цѣлаго отдѣла болѣзней профессіональныхъ, болѣзней, происхожденіе которыхъ отъ вредныхъ условій работы выяснено и доказано какъ дважды-два четыре? Но буржуазія и буржуазное правительство руководятся не логикой, не здравымъ смысломъ, а грубой корыстью: за несчастные случаи придется заплатить меньше, чѣмъ за увѣчья плюсъ болѣзни отъ вредной обстановки. А все дѣло именно въ томъ, чтобы заплатить поменьше, а не въ „обезпеченіи“ рабочихъ.

Новый законъ освобождаетъ рабочаго отъ обязанности доказывать, что потеря трудоспособности произошла по винѣ капиталиста. Это — шагъ впередъ, по сравненію съ прошлымъ, несомнѣнно. Но — русское правительство не можетъ дѣлать ни въ чемъ шаговъ впередъ безъ „но“! — но нанимателямъ за то позволено доказывать не только наличность злого умысла самого потерпѣвшаго, но и „грубой неосторожности его (потерпѣвшаго), не оправдываемой условіями и обстановкой производства работъ“. Это добавленіе въ значительной степени парализуетъ установленіе *дѣйствительной* отвѣтственности, а, — при извѣстномъ составѣ нашихъ судовъ изъ чиновниковъ, карьеристовъ и буржуазныхъ педантовъ, — можетъ парализовать примѣненіе закона и совершенно. Что значитъ „грубая неосторожность“, — это совершенно неопредѣленно и неопредѣлимо. Какія условія и въ какихъ предѣлахъ оправдываютъ грубую неосторожность и какія нѣтъ, — объ этомъ цѣликомъ предоставлено судить усмотрѣнію чиновниковъ. Капиталисты всякую „неосторожность“ рабочаго всегда считаютъ и будутъ считать грубой и неоправдываемой, и въ доказательство такого мнѣнія капиталистъ всегда найдетъ вдесятеро больше свидѣтелей и „ученыхъ“ защитниковъ (постоянные юрисконсульты все равно уже получаютъ отъ заводовъ годовое содержаніе!), чѣмъ рабочіе. Введеніе въ законъ всего этого пункта о грубой неосторожности есть грубая уступка фабрикантской корысти: рабочіе не добровольно попадаютъ подъ машины, а всегда по неосторожности, но дѣло въ томъ, что *нельзя быть осторожнымъ* при 10-11 часовой работѣ среди плохо огражденныхъ машинъ, въ плохо освѣщенной мастерской, среди шума и грохота, съ притупленнымъ работой вниманіемъ, съ развинченными непосильнымъ напряженіемъ нервами. При такомъ положеніи дѣла лишать увѣчнаго рабочаго вознагражденія за грубую неосторожность — значитъ наказывать рабочаго еще и особо за то, что онъ позволяетъ капиталистамъ безсовѣстно себя эксплуатировать.

Указанные пункты представляютъ изъ себя коренныя и главнѣйшія опредѣленія новаго закона, вполнѣ обрисовывающія его сущность. На всѣхъ частностяхъ мы, конечно, не можемъ здѣсь останавливаться, — укажемъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе характерны. Размѣръ вознагражденія опредѣляется въ той или иной долѣ годового содержанія потерпѣвшаго, именно пенсія должна быть не болѣе $^2/_3$ годового содержанія потерпѣвшаго (въ случаѣ смерти или полной утраты работоспособности). Годовое же содержаніе опредѣляется на основаніи средняго поденнаго заработка (или средней поденной платы *чернорабочему)*, помноженнаго на 260. Это постановленіе содержитъ въ себѣ еще цѣлыхъ *три* урѣзки размѣровъ вознагражденія, *три* поблажки корысти предпринимателей. Во-первыхъ, если даже рабочій работалъ 300 дней въ году, его годовое содержаніе урѣзывается до 260 дней, — безъ всякихъ основаній, просто потому, что законъ повелѣваетъ урѣзывать! Во-вторыхъ, если даже рабочій получалъ лучшій заработокъ, чѣмъ чернорабочій, все равно за основаніе разсчета — при работѣ, напримѣръ, въ предпріятіяхъ, дѣйствующихъ не круглый годъ, — берется лишь заработокъ чернорабочаго. Правительству очень хотѣлось бы свести всѣхъ рабочихъ до положенія чернорабочихъ, — для сознательнаго пролетарія вытекаетъ отсюда тотъ урокъ, что только тѣсное единство всѣхъ рабочихъ и всѣхъ чернорабочихъ вмѣстѣ въ состояніи создать силу, способную сломить корысть капитала. Въ-третьихъ, размѣръ средней поденной платы чернорабочему опредѣляется на каждое трехлѣтіе (!) присутствіями по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ, безъ всякаго участія рабочихъ, само собою разумѣется. Рабочихъ это не касается, а губернаторскія и жандармскія канцеляріи, несомнѣнно, превосходно знаютъ рабочую жизнь и рабочія платы.

Слѣдуетъ отмѣтить также, что законъ обязываетъ владѣльцевъ предпріятій давать знать немедленно полиціи только о такихъ несчастныхъ случаяхъ, которые подходятъ подъ дѣйствіе закона. Какіе же это случаи? Когда трудоспособность утрачивается долѣе чѣмъ на три дня. Но кто же можетъ знать *немедленно послѣ* несчастнаго случая, на сколько дней потеряетъ рабочій трудоспособность? Правило это нелѣпо до смѣшного и даетъ только лазейку фабрикантамъ, которые въ массѣ случаевъ будутъ освобождать себя (и будутъ освобождены судами) отъ обязанности извѣщать власти о каждомъ несчастномъ случаѣ. Правда, законъ постановляетъ, что потерпѣвшій можетъ требовать извѣщенія полиціи о *всѣхъ безусловно* случаяхъ тѣлеснаго поврежденія, *хотя бы и не подходящихъ подъ законъ*: это сказано прямо въ § 20 „правилъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ рабочихъ“, и мы совѣтуемъ настойчиво всѣмъ рабочимъ агитировать всѣми силами за постоянное и обязательное примѣненіе этого параграфа. Пусть рабочіе настаиваютъ, чтобы каждый потерпѣвшій всегда и безусловно требовалъ, на основаніи § 20, извѣщенія фабричнаго инспектора о *каждомъ* несчастномъ случаѣ: только тогда возможно хоть сколько-нибудь точное опредѣленіе числа несчастныхъ случаевъ и изученіе ихъ причинъ. Мы увѣрены, что сознательные рабочіе используютъ это право, но массы и массы не будутъ даже знать, что у нихъ есть такое право!

За неизвѣщеніе полиціи о несчастныхъ случаяхъ и вообще за всякое несоблюденіе правилъ новаго закона владѣльцы предпріятій подвергаются лишь денежной пенѣ въ размѣрѣ отъ 25 до 100 рублей. Штрафъ этотъ, конечно, совершенно ничтожный, вовсе не страшный для крупныхъ заводовъ (которые занимаютъ громадное большинство фабричныхъ рабочихъ). Въ этомъ случаѣ особенно наглядно видно, какъ необходимо осуществленіе § 14 нашего проекта программы, который требуетъ „установленія уголовной отвѣтственности нанимателей за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда“. Грозить милліонерамъ сторублевыми штрафами за неисполненіе закона, отъ котораго зависитъ обезпеченіе искалѣченнаго на всю жизнь рабочаго, — значитъ издѣваться надъ рабочимъ.

Однимъ изъ наиболѣе вредныхъ и наиболѣе іезуитски-составленныхъ пунктовъ новаго закона является п. 31, который предоставляетъ потерпѣвшимъ рабочимъ и членамъ ихъ семей входить съ владѣльцемъ предпріятія въ соглашеніе о видѣ и размѣрѣ причитающагося имъ вознагражденія. Нечего и говорить, что эти соглашенія будутъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, систематическимъ обманомъ и запугиваніемъ наиболѣе неразвитыхъ рабочихъ, знающихъ твердо только одно: дороговизну, волокиту и пристрастность русскихъ судовъ. Фабричные инспектора, которые должны свидѣтельствовать эти соглашенія (равносильныя судебной мировой сдѣлкѣ), будутъ охранять при этомъ чьи угодно интересы, только не интересы рабочихъ.

Мало того, что фабричнымъ инспекторамъ, — которые теперь все болѣе и болѣе превращаются въ простыхъ подручныхъ полиціи, — предоставляется роль „примирителей“. Законъ хочетъ даже сдѣлать изъ нихъ какихъ-то своеобразныхъ судей. Законъ поощряетъ обращеніе [illegible] инспекторамъ для разъясненія сторо[illegible]занностей, причемъ фабричные инспектора имѣютъ право и собирать „всѣ необходимыя свѣдѣнія“, и требовать предъявленія ихъ сторонамъ, и приглашать врачей для освидѣтельствованія. Это уже совершенно судейское дѣло, поручаемое подчиненнымъ губернатору чиновникамъ! И никакого порядка, никакихъ правилъ для этого суда не постановлено: какъ будетъ собирать свѣдѣнія инспекторъ, какъ онъ будетъ — и будетъ-ли — предъявлять эти свѣдѣнія обѣимъ сторонамъ, какъ онъ будетъ вести разбирательство, все это предоставлено его полнѣйшему усмотрѣнію. Это положительно что то въ родѣ дореформеннаго полицейскаго суда. А за необращеніе къ фабричному уряднику (въ качествѣ судьи) законъ грозитъ даже извѣстнымъ лишеніемъ: кто не обратится до суда къ фабричному инспектору, тотъ теряетъ право на полученіе съ отвѣтчика судебныхъ и за веденіе дѣла издержекъ.

Намъ остается только и тутъ напомнить, что соціальдемократическая рабочая партія требуетъ не такихъ судовъ, не посредничества чиновниковъ, а учрежденія промысловыхъ судовъ изъ представителей отъ рабочихъ и хозяевъ поровну. Только такіе суды, при политически свободномъ строѣ государства, могутъ дать рабочимъ сколько-нибудь удовлетворительное посредничество въ дѣлѣ разъясненія правъ и обязанностей сторонъ, въ дѣлѣ предварительнаго разсмотрѣнія жалобъ и претензій по поводу вознагражденія увѣчныхъ. Такіе суды существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, и даже русскіе чиновники *еще 40 лѣтъ тому назадъ* предлагали ввести ихъ въ Россіи. Сорокъ лѣтъ тому назадъ была назначена коммиссія для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго. Коммиссія издала „труды“, цѣлыхъ пять томовъ, коммиссія написала проекты новыхъ уставовъ, коммиссія высказалась за созданіе промысловыхъ судовъ изъ выборныхъ представителей, — и... и все это положили подъ сукно! Груды хорошихъ пожеланій наполняютъ архивы безчисленныхъ россійскихъ канцелярій и будутъ наполнять до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не встряхнетъ всего этого хлама.

ПРИЧИНЫ НЕПРЕРЫВНЫХЪ РАБОЧИХЪ СТАЧЕКЪ ВЪ БАКУ.

Прежде, чѣмъ говорить о причинахъ непрерывныхъ рабочихъ забастовокъ въ городѣ Баку за послѣдній годъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о самомъ городѣ Баку, являющемся однимъ изъ самыхъ важныхъ рабочихъ центровъ обширнаго русскаго государства. Городъ Баку представляетъ изъ себя не только центръ нефтяной промышленности, какъ думаютъ обыкновенно заграницей, но и центръ рыбной промышленности западнаго побережья Каспійскаго моря. Въ Баку находится рыбное управленіе Бакинской губ. и Дагестанской области, сюда поступаютъ всѣ жалобы съ промысловъ, здѣсь чинятъ судъ и расправу надъ хозяевами и рабочими. Кромѣ того, Баку — портъ; въ Бакинскую губ. и черезъ нее тянется переселенческій пролетаріатъ, обезземеленный и изголодавшійся у себя на родинѣ, идущій сюда для того, чтобы пристроиться гдѣ-нибудь и какъ-нибудь.

Изъ всего сказаннаго вполнѣ понятно, что г. Баку является однимъ изъ крупнѣйшихъ центровъ пролетаріата. Рабочее населеніе въ Баку состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: изъ русскаго (я подразумѣваю здѣсь всѣ національности, заселяющія Россію) и персовъ, стекающихся громадными массами въ Баку изъ предѣловъ Персіи. Персъ-рабочій, приходящій изъ страны самаго широкаго произвола, представляетъ изъ себя существо совершенно темное, забитое до послѣдней степени, совершенно не имѣющее представленія о правахъ человѣка. Онъ привыкъ безропотно подчиняться и работать въ этомъ слѣпомъ подчиненіи всю свою жизнь. Этой забитостью персидскаго чернорабочаго объясняется та необыкновенная тугость, съ которой персъ-рабочій присоединяется ко всякаго рода стачкамъ и забастовкамъ. Въ то время какъ русскій рабочій мало-по-малу начинаетъ подымать голову изъ окружавшаго его до сей поры мрака, персъ-рабочій тормозитъ рабочее движеніе въ Баку. Однако, этотъ послѣдній годъ оказался настолько тяжелымъ для пролетаріата, что къ рабочему движенію присоединились въ небольшомъ количествѣ и персы. Живя въ Баку весь послѣдній годъ, я могъ въ достаточной степени ознакомиться съ положеніемъ рабочаго люда въ этомъ городѣ.

Постараюсь нарисовать нѣсколько картинъ изъ промысловой жизни.

Прежде всего, скажу нѣсколько словъ о нефтяныхъ промыслахъ. Миновавшій уже теперь нефтяной кризисъ повлекъ за собой прекращеніе и уменьшеніе работъ на многихъ нефтяныхъ площадяхъ, а слѣдовательно и массовый разсчетъ рабочихъ. Среди разсчитанныхъ было много законтрактованныхъ, контракты съ которыми были нарушены на основаніи мелочныхъ придирокъ. Выгнанный народъ получалъ жалованье за послѣдній день работы, выбрасывался на улицу, а на его протесты рѣшительно никто не обращалъ вниманія. Подача жалобъ въ судъ также не приводила ни къ какимъ результатамъ. Рабочій подавалъ въ

Силы русскаго клерикализма.

I.

Устами одного изъ своихъ теоретиковъ русскій царизмъ давно уже объявилъ, что основа его политики опредѣляется тремя словами: самодержавіе, православіе, народность. Приведеніе всѣхъ инородцевъ и всѣхъ иновѣрцевъ къ знаменателямъ — „русская народность“, и „православіе“ — вотъ задача, осуществить которую неуклонно стремятся хранители завѣтовъ русскаго самодержавія.

Православная церковь, являясь лишь специфическимъ россійскимъ государственнымъ учрежденіемъ, представляетъ изъ себя такой соціальный организмъ, особенное значеніе котораго въ жизни страны не только необходимо имѣть въ виду, но и обязательно внимательно изучить, учитать и взвѣсить. Заботливо культивируемая законодательствомъ, охраняемая отъ малѣйшаго посягательства суровыми уголовными карами, имѣя во главѣ „священную особу государя императора“, православная церковь является одной изъ многовѣтвистыхъ бюрократическихъ организацій, стоящихъ на бдительной стражѣ существующаго политическаго порядка, т. е. всегда является могучимъ сѣятелемъ плевелъ всякой реакціи и мракобѣсія въ глубинахъ души и ума народной массы.

У насъ почему-то укоренилось мнѣніе, преуменьшающее силы русскаго клерикализма, состоящаго на службѣ у русскаго самодержавія. Но эти силы, какъ мы увидимъ ниже, очень значительны.

Недавно появившійся „всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода Константина Побѣдоносцева по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1899 годъ“ еще разъ свидѣтельствуетъ намъ о значительности организаціи этого своеобразнаго „вѣдомства“. Изъ этого отчета мы прежде всего видимъ, что бѣлое и черное духовенство православной церкви старается проникнуть всюду и вездѣ, гдѣ только возможно, въ самыя нѣдра народной жизни: въ качествѣ учителя, фельдшера, проповѣдника, помощника и печальника въ горестяхъ и болѣзняхъ, и вездѣ и всюду несетъ свою реакціонную пропаганду. Обладая различными спеціальными органами, православная церковь имѣетъ возможность легко и настойчиво проводить свою линію въ широкихъ слояхъ городского и сельскаго населенія. Вотъ факты и цифры, которыя краснорѣчиво говорятъ объ этомъ.

По лицу земли русской раскидано повсюду, немного-немало, — а ровно 66.780 „храмовъ“, часовенъ и молитвенныхъ домовъ „вѣдомства провославнаго исповѣданія“. Другими словами: русское правительство имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66.780 мѣстъ, освященныхъ небесными авторитетами, гдѣ постоянно собирается народъ различныхъ классовъ населенія, и гдѣ, превращая амвонъ въ платформу, корыстно-преданные правительсрву „жандармы православія“ могутъ, по одному мановенію „свыше“, выступить въ качествѣ ревностныхъ популяризаторовъ идей царизма, въ качествѣ подстрекателей народной толпы противъ кого угодно: — противъ революціонеровъ, сектантовъ, евреевъ и пр.

Исторія даетъ намъ тому достаточно примѣровъ. Во время послѣдняго возстанія Польши за свою независимость съ амвоновъ „православныхъ храмовъ всея Россіи“ раздалось крылатое слово, направляемое Муравьевымъ-Вѣшателемъ, Катковымъ и т. п. правительственными столпами, посѣявшее племенную ненависть и вражду противъ возставшаго народа, разлившее повсюду ядъ гнуснаго шовинизма, и создавшее новую преграду для проникновенія въ народную среду свободныхъ демократическихъ идей. Во время послѣдней турецкой войны, когда русское правительство, испугавшись внутренней смуты, начавшей волновать различные слои населенія, отвлекло народное вниманіе на освобожденіе „братьевъ-славянъ“ отъ „басурманскаго ига“, раздавались страстныя завыванія съ амвоновъ тысячъ церквей, возбуждая, взвинчивая и натравливая народъ русскій на невѣдомаго ему „исконнаго врага — турка“.

Послѣ убійства Александра II опять таки прежде всего черезъ русскія церкви пошла клеветническая пропаганда противъ революціонеровъ, начавшаяся знаменитымъ оповѣщеніемъ „святѣйшаго синода“ и продолжавшаяся въ проповѣдяхъ на ту же тему. И такъ было всегда, до нашихъ дней, когда попы всѣхъ ранговъ, до митрополитовъ и Св. Синода включительно, предаютъ анаѳемѣ Льва Толстого и вообще стараются изо всѣхъ силъ возстановить въ народной массѣ „христіанское“ благочестіе, смиреніе и покорность, во имя борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“. И не смотря на то, что авторитетъ церкви уже сильно поколебленъ въ народѣ, все таки ея тысячеголосая противореволюціонная пропаганда не можетъ не оказывать значительнаго вліянія на полуграмотныя и часто совершенно политически неразвитыя народныя массы, не только деревенскія, но и городскія.

Правительство чуетъ, что „храмы Божіи“ значительная опора для господствующаго порядка вещей, и оно продолжаетъ усиленную постройку церквей, особенно тамъ, гдѣ начала развиваться промышленность, а съ ней образовалось значительное скопленіе рабочаго люда, напримѣръ, по линіи сибирской ж. д. Въ 1899 г вновь было построено въ Россіи 833 сооруженія этого рода.

Обслуживать всѣ „храмы“ православной церкви было призвано огромное число людей, можно сказать цѣлая армія.

Въ мужскихъ монастыряхъ въ 1899 находилось	16.158 чел.
Въ женскихъ „ „ „ „	36.146 „
Итого въ монастыряхъ	52.304 чел.
Въ церквахъ протоіереевъ	2050 „
„ „ священниковъ	43.090 „
„ „ діаконовъ	14.413 „
„ „ причетниковъ	43.743 „
Итого бѣлаго духовенства	103.296 чел.

Итакъ на *дѣйствительной* службѣ по „вѣд. православнаго вѣроисповѣданія“ — кромѣ г. г. миссіонеровъ, число которыхъ въ отчетѣ не опредѣлено, кромѣ чиновниковъ центральнаго управленія „вѣдомства“ и консисторій, — находится всего **155.600 чел.** Мы сказали, „на дѣйствительной службѣ“ потому, что за этотъ же годъ вышло въ отставку („за штатъ“) по разнымъ причинамъ всего 5149 чел. изъ бѣлаго духовенства. Это значительное число „служителей алтаря“, уйдя съ амвона, вѣроятно осталось также настроеннымъ, и въ подсчетѣ политическаго вліянія духовенства на народное сознаніе мы и его должны принять во вниманіе.

Постараемся теперь опредѣлить, во что обходится народу содержаніе этой огромной арміи такъ наз. „спасителей душъ“, развращающихъ умъ и сердца милліоновъ людей.

1) Въ 1899 году изъ государственнаго казначейства по финансовой смѣтѣ святѣйшаго синода было выдано	21.199.144 р.
2) Кружечнаго и кошельковаго сбора поступило	5.293.781 „
3) Свѣчного сбора поступило	8.342.692 „
4) Съ оброчныхъ статей и процентовъ съ церковныхъ капиталовъ	3.344.497 „
5) Отъ разныхъ другихъ статей (пожертвованія, случайные доходы и прочее)	7.413.040 „
6) Въ церковно-приходскія попечительства поступило	3.891.601 „
7) Изъ суммъ епархіальныхъ попечительствъ о призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія	2.954.851 „
Итого	52.439.606. р.

Вотъ та огромная сумма денегъ, которая была взята различными способами у русскаго народа „вѣдомствомъ православнаго исповѣданія“. Мы считаемъ нужнымъ оговориться, что эти цифры несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ. Въ самомъ „отчетѣ“ есть на это указанія. На 264 страницѣ имѣется слѣдующее примѣчаніе: „свѣдѣній о доходахъ сборовъ кружечнаго, кошельковаго и свѣчного по 9 епархіямъ не доставлено“. Принимая во вниманіе, что всѣхъ епархій 61, мы можемъ законно предполо-

Nожетъ быть устранена.. въ свид

оналивать наи

мировой суд[illegible]ывалъ въ немъ дѣло, а хозяинъ подавалъ аппеляцію и дѣло затягивалось на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ случаѣ же выигрыша рабочимъ дѣла и въ окружномъ судѣ, хозяинъ подавалъ кассаціонную жалобу, дѣло тянулось годы, а за это время рабочій, не имѣвшій мѣста, или спивался и умиралъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ въ городѣ, или махалъ рукой на всю эту канитель и исчезалъ изъ Баку. Непрочное положеніе рабочаго, отсутствіе союзовъ и рабочихъ кассъ въ этотъ періодъ времени дали себя почувствовать съ особенной силой. Подбадриваемая соціальдемократической организаціей рабочая масса мало-по-малу начинала сознавать шаткость своего положенія и начинала роптать. Произволъ, царящій на нефтяныхъ промыслахъ заставилъ, наконецъ, ихъ взять свою судьбу въ свои руки. Само начальство, усиленно закрывавшее глаза на положеніе раб., больше всего способствовало тѣмъ забастовкамъ, которыя проявились въ настоящее время съ такой силой. Вотъ нѣсколько примѣровъ положенія рабочихъ. Лѣстница на резервуарѣ не закрѣплена. Рабочему приказываютъ лѣзть на нее; онъ лѣзетъ, падаетъ вмѣстѣ съ лѣстницей и калѣчитъ себѣ руку или ногу. Онъ подаетъ въ судъ (начальство въ эти дѣла не входитъ), хозяинъ тянетъ дѣло по всѣмъ инстанціямъ два-три года. Искалѣченный человѣкъ, неспособный къ труду и оставшійся безъ хлѣба, идетъ на нищенство. Его ловитъ полиція и отправляетъ этапнымъ порядкомъ на родину. Не находя тамъ пищи, калѣка уходитъ снова въ городъ, и начинается странствованіе по острогамъ и этапамъ. А тѣмъ временемъ его вызываютъ въ судъ; повѣстка до него не доходитъ, и дѣло прекращается за неявкой истца. Страховыя общества, старающіяся всячески обмануть потерпѣвшаго (да и страховая сумма обыкновенно очень незначительна) и оттягивающія подъ различными предлогами страховыя преміи, безнаказанно совершали до сихъ поръ свои продѣлки, и начальство не только не приходило на помощь пострадавшимъ, но, наоборотъ, явно уклонялось отъ вмѣшательства въ дѣла, держа въ большинствѣ случаевъ сторону страховыхъ обществъ. Бывали и такіе случаи: на нѣкоторыхъ промыслахъ практикуется продажа мѣстъ. Чтобы получить мѣсто, рабочій уплачивалъ управляющему отъ десяти до двадцати пяти рублей за полугодіе впередъ. Жалобы хозяевамъ въ такихъ случаяхъ не приводили ни къ чему. Губернскія власти требовали документовъ, и за неимѣніемъ ихъ выгоняли жалобщиковъ въ шею. Печать оказывалась также безсильной, такъ какъ цензура не разрѣшала разоблачать подобныя вымогательства. Бывали случаи, что цензоръ зачеркивалъ сообщенія о проступкахъ такихъ лицъ, которыя были уже уличены и противъ которыхъ велось судебное преслѣдованіе. О сокращеніи срока работы ни сами рабочіе, ни печать не смѣли и заикаться. Желая добиться улучшеній мирнымъ путемъ, рабочіе одинъ за другимъ осаждали мѣстныя редакціи, но имъ отказывали въ помощи, разъясняя, что писать подобныя вещи безполезно, такъ какъ цензоръ все равно не пропуститъ. Пресса дѣлала иногда слабыя попытки, но цензорскій карандашъ или искажалъ смыслъ статей или вычеркивалъ все. Рабочіе стали направляться въ полицію и къ губернатору. Но тамъ ихъ ждало не строгое разслѣдованіе, а свирѣпые окрики властей, называвшихъ ихъ „бунтовщиками“ и „вредными элементами“. Наиболѣе смѣлыхъ начальство снабжало проходными свидѣтельствами и высылало изъ города, остальныхъ запугивало.

Еще болѣе безотрадную картину представляютъ изъ себя рыбные промыслы восточнаго закавказья. На промыслахъ этихъ собирается весной весь пришлый пролетаріатъ, наголодавшійся за долгую зиму и еле дотянувшій до весны. Тутъ собирается наиболѣе голодный народъ, а слѣдовательно и наиболѣе приниженный. Грамотныхъ мало, и хозяева широко пользуются этимъ обстоятельствомъ. Напримѣръ: когда рабочій нанимается, хозяинъ отбираетъ у него паспортъ, но рабочей книжки не даетъ. Рабочіе загоняются, словно скотъ, въ грязные тесовые бараки, о которыхъ ни уѣздная полиція, ни промысловое начальство никогда не заботится, и работа начинается. О пищѣ я и не говорю. Надо побывать на этихъ промыслахъ самому, чтобы составить себѣ о нихъ представленіе. И вотъ, если кто-нибудь изъ этихъ приниженныхъ людей запротестуетъ, хозяинъ безъ всякихъ разговоровъ выгоняетъ его, причемъ чаще всего не отдаетъ ему паспорта и заработка. Обиженный рабочій идетъ къ начальству, которое, прежде чѣмъ выслушать его, требуетъ паспортъ. Рабочій начинаетъ объяснять, но его не слушаютъ. — Подавай или паспортъ или книжку. Ни того, ни другого нѣтъ. Иногда начальство наводитъ справку, хозяинъ отвѣчаетъ, что жалованіе уплачено, а паспортъ отданъ назадъ, и начальство успокаивается. Въ лучшемъ случаѣ рабочаго лишь выгоняютъ вонъ, а въ худшемъ — арестовываютъ какъ безпаспортнаго и выпроваживаютъ на родину. Такимъ образомъ фабрикуются безпаспортные бродяги. Какъ можно безнаказанно издѣваться надъ рабочимъ, показываетъ слѣдующій характерный случай. Одному изъ рыбопромышленниковъ пришла охота позабавиться. Поймавъ какого-то подвыпившаго рабочаго, онъ влилъ въ него еще полбутылки водки, засадилъ въ пустую бочку, закупорилъ и велѣлъ катать. Когда истязаніе окончилось, несчастный оказался совершенно изуродованнымъ. Онъ обратился съ жалобой къ промысловой полиціи, но тамъ получилъ лишь нѣсколько затрещинъ. Дальнѣйшія жалобы не привели ни къ чему. Но самое главное зло, это — матеріальная необезпеченность рыбопромышленнаго рабочаго. Уловъ хорошъ — жалованіе платится, уловъ плохъ — рабочій не получаетъ ничего. Хозяинъ скрывается, и никто его не преслѣдуетъ; а такъ какъ залога вносить не полагается, то зачастую цѣлыя партіи рабочихъ, проработавъ два-три мѣсяца, остаются безъ всякаго заработка.

Плохое положеніе занимаютъ въ Баку и судовые служащіе, хотя портовое начальство Бакинскаго порта много лучше другихъ. Оно требуетъ безусловной выдачи книжекъ со вписанными условіями найма. Но и этотъ законъ обходится судохозяевами очень просто. Въ г. Баку всѣ судовые служащіе, начиная отъ матросовъ и кончая командирами судовъ, могутъ быть вышвырнуты со службы въ любой моментъ безъ всякой уплаты договорной неустойки. Дѣлается это очень просто. Человѣкъ почему-либо не понравился судовладѣльцу. Моментально всѣ вещи его выкидываются съ парохода на пристань, и ему объявляютъ, что онъ больше не служащій. — За что? — За пьянство, — по контракту за пьянство можно выгонять служащаго безъ уплаты денегъ, слѣдуемыхъ по контракту. Если выгнанный, который не пьянствовалъ, подаетъ въ судъ, хозяинъ выставляетъ противъ него десятокъ персовъ-лжесвидѣтелей и выигрываетъ дѣло. Высшее же губернское начальство въ эти дѣла не входитъ.

Скажу еще нѣсколько словъ о причинѣ забастовки служащихъ конки. До апрѣля мѣсяца кондуктора и кучера Бакинской конки работали не болѣе и не менѣе, какъ по 18 часовъ въ сутки, отъ 5 часовъ утра до 11 час. вечера, имѣя на обѣдъ всего полчаса (вставали въ 5 часовъ, къ шести приходили въ парки, въ 7 час. выѣзжали, ѣздили до 9 часовъ вечера и въ 10 часовъ уѣзжали домой). Изнуренные этой адской работой, они подали просьбу въ городскую управу, прося городъ прійти къ нимъ на помощь. Но губернская власть оставила жалобу подъ сукномъ. Не видя никакого улучшенія, служащіе забастовали, но нагайками полиціи были поставлены на свои мѣста, причемъ на этотъ разъ имъ было объявлено, что улучшеніе въ ихъ положеніи послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Улучшеніе, дѣйствительно, въ скоромъ времени послѣдовало. На обѣдъ прибавлено было $^1/_2$ часа и смѣна стала производиться въ 8 часовъ вечера. Рабочіе часы, такимъ образомъ, уменьшились до $15^1/_2$. Но въ то же время по совѣту полиціи правленіе конки, желая отдѣлаться отъ „бунтовщиковъ“, стало тайно подыскивать новый комплектъ кондукторовъ, при которыхъ можно было бы перейти къ старой системѣ. Тайна выплыла наружу, и разразилась новая забастовка.

Такимъ образомъ, бакинскій пролетаріатъ оказался вполнѣ безправнымъ во всѣхъ видахъ труда, чѣмъ и объясняется то единодушіе послѣдняго времени, съ которымъ рабочіе города Баку объявили всеобщую стачку, привлекшую даже наиболѣе отсталыхъ рабочихъ рыбныхъ промысловъ. Полная безнаказанность Бакинской (какъ и вообще русской) полиціи, пользующейся чрезвычайно широко этой привилегіей, берущей взятки съ хозяевъ совершенно открыто, послужила той каплей, которая переполнила чашу терпѣнія. Обратиться къ содѣйствію полиціи противъ несправедливости хозяина, значило прослыть „бунтовщикомъ“ и потерять мѣсто. Въ такихъ случаяхъ полиція брала съ хозяина взятку, а рабочій выгонялся вонъ. Пресса, которой запрещалось писать о полиціи что бы то ни было, была безсильна. Фабричная инспекція и губернскія власти, ни разу не опросившія рабочихъ о томъ, довольны они или нѣтъ, чего имъ не достаетъ и т. под., совершенно не входили въ нужды пролетаріата, дѣлая лишь визиты хозяевамъ, разсказывавшимъ имъ о своихъ великолѣпныхъ отношеніяхъ къ рабочимъ и о своей гуманности. И вотъ, потолкавшись по редакціямъ, по фабричнымъ инспекціямъ, полиціямъ, судьямъ и губернскимъ канцеляріямъ, бакинскій пролетарій долженъ былъ наконецъ убѣдиться, что ему неоткуда ждать помощи. Оставалось послѣднее средство — массовый протестъ. Къ нему и прибѣгъ пролетарій, послѣ того какъ перепробовалъ всѣ мирныя средства.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дѣло о фабричныхъ безпорядкахъ.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянахъ: Петрѣ Кирилловѣ, Лаврентіи Ивановѣ Комеловѣ, Алексѣѣ Васильевѣ Губановѣ, Василіи Филипповѣ, Иванѣ Степановѣ Жаровѣ, Андреѣ Николаевѣ Быковѣ, Дмитріи Федоровѣ Молодовѣ, Арсеніи Васильевѣ Чижиковѣ, Степанѣ Алексѣевѣ Капустинѣ, Александрѣ Августиновѣ Виноградовѣ, мѣщанинѣ города Твери Иванѣ Егоровѣ, крестьянахъ Николаѣ Константиновѣ, Василіи Сергѣевѣ, Арсеніи Михайловѣ, Павлѣ Семеновѣ, Иванѣ Семеновѣ Жирновѣ, Ильѣ Прокофьевѣ, Егорѣ Ильинѣ Черновѣ, Николаѣ Кирилловѣ, Петрѣ Кирилловѣ Ершовѣ, Михаилѣ Андреевѣ, Николаѣ Васильевѣ Комаровѣ, Андреѣ Васильевѣ Галахинѣ и Николаѣ Филипповѣ Смирновѣ.

4 апрѣля 1902 года на бумаготкацкой фабрикѣ торговаго дома „Иванъ Залогинъ съ сыномъ“ близь гор. Твери произошли рабочіе безпорядки, продолжавшіеся нѣсколько часовъ и прекратившіеся лишь съ прибытіемъ войскъ. Около 10 часовъ утра, когда окончившіе работу ткачи второй смѣны уходили отъ станковъ, уступая мѣсто первой смѣнѣ, внезапно въ главный ткацкій корпусъ ворвались съ палками и чугунными обломками въ рукахъ человѣкъ двадцать молодыхъ парней изъ первой смѣны, въ томъ числѣ Петръ Кирилловъ, Лаврентій Ивановъ Комеловъ, Алексѣй Васильевъ Губановъ, Василій Филипповъ (по прозванію Боровой), Иванъ Степановъ Жаровъ, Андрей Николаевъ Быковъ, Дмитрій Федоровъ Молодовъ, Арсеній Васильевъ Чижиковъ и Степанъ Алексѣевъ Капустинъ. Съ криками „ура!“, „выходи вонъ!“ они стали рвать основы, бросаться челноками и выгонять рабочихъ изъ корпуса, нанося нѣкоторымъ побои; при этомъ ткачиха Смирнова получила легкую рану въ бровь, а Алексѣй Губановъ, крикнувъ „останавливайте паровую!“, разбилъ стекло въ помѣщеніи паровой машины. Произошелъ общій переполохъ, машина была остановлена, и рабочіе съ женщинами впереди хлынули во дворъ, не слушая увѣщаній подмастерьевъ и табельщика, за ними вслѣдъ должны были удалиться, въ виду угрожающихъ дѣйствій зачинщиковъ безпорядковъ, и служащіе, такъ какъ Губановъ бросилъ челнокомъ въ подмастерье Петра Монахова, Андрей Быковъ съ кѣмъ-то изъ товарищей нанесли удары сторожамъ Петру Кузнецову и Степану Степанову, а Лаврентій Комеловъ ударилъ табельщика Михаила Зубынина, котораго затѣмъ преслѣдовали съ криками „бей табельщика!“ Комеловъ, Губановъ, Петръ Кирилловъ и Василій Филипповъ.

Выйдя во дворъ, многіе рабочіе поспѣшили разойтись по фабричнымъ казармамъ, такъ называемымъ, спальнямъ, и явившійся къ ткацкому корпусу полицейскій урядникъ Кетрарь засталъ на мѣстѣ сравнительно небольшую толпу, человѣкъ около 200, но сильно возбужденную. Не давъ ему никакихъ объясненій, толпа безпорядочно кричала и бранилась, причемъ особенно выдѣлялся Лаврентій Комеловъ. Въ этотъ моментъ подошелъ управляющій фабрикою, крестьянинъ Правдиковъ; отказавшись на предложеніе полицейскаго урядника поговорить съ рабочими, онъ удалился въ контору, помѣщавшуюся въ концѣ главнаго корпуса, послѣ чего изъ толпы послышались крики „бей!“, „ура!“, и въ окна корпуса, а затѣмъ конторы полетѣли камни и полѣнья. Правдиковъ и ткацкій мастеръ Зотовъ поспѣшили скрыться, первый въ подвалъ, второй на чердакъ, ихъ примѣру послѣдовали остальные служащіе — механикъ Мырсовъ, табельщикъ Зубынинъ, конторщикъ Балашовъ, приказчикъ по двору Архангельскій и другіе, а рабочіе, овладѣвъ зданіемъ, стали разрушать двери, окна, основы на станкахъ и другое фабричное имущество, причемъ слышались крики, свидѣтельствовавшіе о томъ, что толпа усиленно розыскивала управляющаго и ткацкаго мастера. Въ этотъ періодъ безчинства рабочихъ находившійся внутри зданія полицейскій урядникъ Кетрарь былъ ушибленъ въ руку брошеннымъ со двора камнемъ. По удостовѣренію свидѣтелей, изъ поименованныхъ выше зачинщиковъ безпорядковъ первыми приступили къ разгрому ткацкаго корпуса и конторы Лаврентій Комеловъ, Алексѣй Губановъ, Василій Филипповъ, Иванъ Жаровъ и Андрей Быковъ, къ которымъ на этотъ разъ присоединился, возбуждая буйствовавшую толпу и подталкивая ее къ конторѣ, ткацкій подмастерье Александръ Августиновъ Виноградовъ (по прозванію Лобода), а Дмитрій Молодовъ и Арсеній Чижиковъ только выдѣлялись наиболѣе дѣятельнымъ участіемъ.

Затѣмъ, толпа, предводительствуемая Петромъ Кирилловымъ и тѣми же Комеловымъ и Губановымъ, отхлынула къ казармамъ, въ которыхъ укрылись болѣе спокойные рабочіе, между прочимъ ткачи Василій Зудовъ и Иванъ Монаховъ (сынъ подмастерья). Переходя изъ одной казармы въ другую, толпа выгнала всѣхъ рабочихъ во дворъ, принуждая ихъ разными насиліями примкнуть къ безпорядкамъ. При этомъ нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ Петръ Кирилловъ, Лаврентій Комеловъ, Алексѣй Губановъ, Василій Филипповъ, Андрей Быковъ, Дмитрій Молодовъ, Арсеній Чижиковъ и Степанъ Капустинъ, съ ножами въ рукахъ и кольями, бѣгали по корридорамъ и спальнямъ, грозя зарѣзать и крича: „намъ все равно пропадать, отсидимъ два мѣсяца, а на своемъ поставимъ“, рабочимъ же, не пожелавшимъ присоединиться къ толпѣ, были нанесены побои; такъ, ткача Зудова избили Комеловъ, Губановъ, Быковъ, Молодовъ, Арсеній Чижиковъ и Капустинъ, ткачиху Капустину побилъ Петръ Кирилловъ, а завѣдующаго казармами Федора Акинфіева Сухотина Петръ Кирилловъ предлагалъ убить, но тому удалось скрыться вмѣстѣ со сторожемъ спаленъ Ковригинымъ. Тутъ, на фабричномъ дворѣ, у квартиры управляющаго толпѣ попались подмастерья Ефимъ Мочаловъ и Петръ Монаховъ. Встрѣченный угрожающими криками, Мочаловъ успѣлъ убѣжать. Монаховъ же былъ окруженъ, съ крикомъ „бей“ Алексѣй Губановъ ударилъ его кулакомъ, другой ударъ доской по головѣ нанесъ Петръ Кирилловъ, а затѣмъ его избили полѣньями до безпамятства, причинивъ ему въ области головы рану, оказавшуюся въ судебно-медицинскомъ отношеніи легкою. Въ числѣ бившихъ, кромѣ Губанова и Петра Кириллова, свидѣтель Иванъ Монаховъ замѣтилъ Лаврентія Комелова, Василія Филиппова и Ивана Жарова.

Постепенно возрастая, такимъ образомъ, въ численномъ составѣ, принудивъ присоединиться и рабочихъ другихъ производствъ, какъ, напримѣръ, слесарей, образовавшееся скопище, никѣмъ не сдерживаемое, свободно двигалось съ мѣста на мѣсто.

жить, что болѣе чѣмъ седьмая часть по этимъ солиднымъ статьямъ дохода не числится на приходѣ. Въ цитируемомъ нами „отчетѣ“ также нигдѣ не показана цѣнность движимаго и недвижимаго имущества бѣлаго и чернаго духовенства, церквей, подворій и монастырей. Только при подсчетѣ всего этого имущества мы могли бы составить себѣ болѣе или менѣе точное представленіе о финансовомъ и хозяйственномъ значеніи „православной церкви“ въ общей экономіи страны. Что имущества эти весьма значительны, видно уже изъ того, что только въ сберегательныхъ государственныхъ кассахъ, т. е. въ видѣ мелкихъ вкладовъ у духовенства имѣется 46.000.000 рублей! Крупныя же состоянія духовенства, конечно, хранятся въ центральныхъ государственныхъ и частныхъ банкахъ.

II

Православная церковь, вѣрная своему принципу борьбы со всякими проявленіями прогресса, въ частности съ проявленіями революціонной пропаганды, стремится занять первенствующую роль въ дѣлѣ воспитанія подростающихъ поколѣній, прекрасно зная, что развращая души молодежи своей рабьей проповѣдью „терпѣнія, смиренія и подчиненія“, она идетъ по вѣрному пути къ укрѣпленію своей силы и силы своего союзника и покровителя — самодержавнаго правительства. Для достиженія этой цѣли она высылаетъ изъ себя повсюду кадры миссіонеровъ, заводитъ свои школы и проникаетъ во всѣ уже имѣющіяся, стараясь тамъ обезпечить себѣ наибольшее вліяніе, добиваясь, — и не безъ успѣха, — роли постояннаго дозорнаго по отношенію къ учащимъ и учащимся. Этой миссіи духовенства, вліяніе на подростающія поколѣнія, — Побѣдоносцевъ отводитъ значительное мѣсто. Такъ, докладывая царю о расширеніи дѣтскихъ пріютовъ при монастыряхъ для православныхъ сиротъ въ трехъ пунктахъ Польши, онъ прибавляетъ: „дѣло призрѣнія православныхъ сиротъ, съ расширеніемъ помянутыхъ пріютовъ, поставлено на почву твердую и вполнѣ надежную, и названныя выше обители сослужатъ немалую службу Россіи воспитаніемъ православныхъ сиротъ въ духѣ русскихъ государственныхъ и народныхъ началъ“ (Стр. 29).

Какъ и западно-европейскій католицизмъ, — русское православіе стремится проникнуть въ семью и возможно крѣпче захватить въ сѣти своей пропаганды женщинъ, прекрасно зная, что, хотя „мужчины и правятъ міромъ“, но за то мужчинами очень часто „управляютъ женщины“.

„Дѣятельность духовенства, — пишетъ Побѣдоносцевъ, — по отношенію къ церковно-школьному дѣлу была неослабная. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ отношеніи заботы его о развитіи церковно-школьнаго образованія для дѣвочекъ, число церковныхъ школъ, исключительно женскихъ, значительно увеличивается. Такъ, число дѣвочекъ, учащихся въ церковныхъ школахъ Подольской епархіи, достигло въ 1899 г. свыше 19 тысячъ. Нѣтъ сомнѣнія, — заключаетъ Побѣдоносцевъ, — что женщина-мать, воспитанная въ церковныхъ школахъ въ духѣ православія и христіанской нравственности, будетъ въ томъ же духѣ и направленіи воспитывать и своихъ дѣтей, а это въ будущемъ составитъ оплотъ православія, русской народности и преданности Престолу“. Это откровенное признаніе духовнаго отца и властителя думъ „вѣдомства православнаго исповѣданія“ ясно рисуетъ передъ нами политическую цѣль православной церкви. Подкрѣпляемые пастырями участка, жандармскаго управленія и охраннаго отдѣленія, пастыри православнаго вѣдомства бодро и твердо несутъ свое знамя, распространяя и поддерживая повсюду тьму, насиліе и ложь. Всякому, кому дороги интересы трудящихся массъ, кому дорога свобода и независимость личности, законодательная гарантія неприкосновенности ея правъ, кто заинтересованъ вообще въ расчисткѣ поля борьбы за полное уничтоженіе соціальнаго и экономическаго неравенства и эксплуатаціи — не можетъ не подняться на борьбу и съ этимъ врагомъ, прикрывающимъ себя религіозной мантіей, — съ врагомъ, называемымъ „православной церковью“. Эта церковь является у насъ въ Россіи органомъ азіатскаго государства съ ясной программой активно-реакціонной дѣятельности и вполнѣ опредѣленной физіономіей союзника позорнаго правительства.

Ободряемая и поддерживаемая центральной властью, православная церковь уже забрала въ сферу своего вліянія не только взрослыхъ, такъ наз. „прихожанъ“, но и подростающія поколѣнія.

Вотъ много говорящія цифры. *Мужскихъ духовно-учебныхъ заведеній* (кромѣ низшихъ школъ) — въ Россіи въ 1899 г. было 249. Въ нихъ числилось „начальниковъ и наставниковъ“ 3.116 человѣкъ. Учащихся въ этихъ школахъ 53.413 человѣкъ. *Женскихъ училищъ* духовнаго вѣдомства — (кромѣ низшихъ школъ) — въ Россіи — 13; учащихся въ нихъ 2.337 чел. *Церковно-приходскихъ школъ* къ 1 января 1900 г. всего было 19.502 школы*). Въ нихъ училось: мальчиковъ 709.177, дѣвочекъ 251.265, а *всего 960.442 чел.* *Школъ грамоты* къ 1 января 1900 г. всего было 21.900.**) Въ нихъ училось 454.847 мальчиковъ и 138.940 дѣвочекъ. А *всего 593.787 чел.* *„Воскресно-повторительныя занятія“* духовенствомъ велись въ 783 школахъ, ихъ посѣтило 18.779 учащихся. *„Воскресныхъ школъ“* духовнаго вѣдомства всего было 459, въ нихъ училось 26.000 человѣкъ. *Краткосрочные педагогическіе курсы* были организованы въ 163 пунктахъ, ихъ посѣтило всего 7.320 слушателей. Такъ что всего, подъ *непосредственнымъ* наблюденіемъ и безраздѣльнымъ вліяніемъ православнаго духовенства въ 1899 г. въ Россіи находилось 43.069 учебныхъ заведеній*). Учащихъ и наставниковъ во всѣхъ этихъ школахъ числилось 85.358 чел. Во всѣхъ этихъ школахъ училось 1.217.437 мальчиковъ и 392.542 дѣвочки, а *всего 1.662.075 учениковъ и учеництъ*.

Итакъ, болѣе полутора милліона молодежи изъ всего подрастающаго поколѣнія Россіи находится подъ систематическимъ вліяніемъ и постояннымъ дозоромъ православнаго духовенства. Въ это число, конечно, не входятъ ученики всѣхъ земскихъ и городскихъ училищъ и школъ, а также ученики свѣтскихъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ также все болѣе и болѣе усиливается, подъ давленіемъ правительства, вліяніе поповской рясы.

III

Чтобы закончить обозрѣніе способовъ непосредственнаго вліянія православной церкви на народныя массы, мы должны хоть вкратцѣ остановиться на православной миссіи, которая, какъ извѣстно, болѣе всего дѣйствуетъ не „въ дебряхъ дикихъ странъ, населенныхъ язычниками“, а по преимуществу въ коренной Россіи, борясь съ расколомъ и сектантствомъ.

Кромѣ миссій, пользующихся правительственной поддержкой, въ Россіи существуютъ частныя миссіонерскія организаціи. Одна изъ самыхъ большихъ организацій этого типа находится въ Москвѣ. Она учреждена въ 1869 г. при митрополитѣ Иннокентіи и называется: „Православное Миссіонерское Общество“. Въ 1899 г. этому обществу исполнилось 30 лѣтъ. За это время „названнымъ обществомъ, — сообщаетъ отчетъ, — на поддержаніе и развитіе миссіонерскаго дѣла въ Россіи употреблено 4.094.357 рублей“. Въ 1899 г. въ обществѣ находилось 15.005 членовъ. Общество располагало 48 комитетами, разбросанными по всей Россіи, при чемъ наличныя средства общества къ концу 1899 г. исчислились изрядной суммой въ 1.260.581 рубль.

Кромѣ этой суммы, имѣвшейся въ собственномъ распоряжеиздавая крики и безчинствуя, не только въ предѣлахъ обширнаго фабричнаго двора, но и за ограду, къ дальнимъ казармамъ, такъ называемой „дачѣ", и фабричное поселеніе, охраняемое въ обычное время однимъ полицейскимъ служителемъ Коробановымъ, который былъ въ отлучкѣ, находилось фактически въ рукахъ безпорядочной толпы. Нужно добавить, что, по показанію управляющаго Правдикова, провѣренному осмотромъ, имѣющіеся въ оградѣ фабричнаго двора трое воротъ и калитки днемъ не запирались и почти не охранялись, каждое постороннее лицо безпрепятственно проникало на фабрику, даже болѣе, по установившемуся обыкновенію, черезъ фабричный дворъ проходили для сокращенія пути рабочіе сосѣднихъ фабрикъ. Это обстоятельство подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что, по водвореніи порядка, внутри фабричнаго двора оказался одинъ рабочій съ Морозовской мануфактуры (показаніе становаго пристава Ливотова).

---

*) Въ числѣ этихъ школъ, за неимѣніемъ свѣдѣній, не значится 42 школы разныхъ епархій и кромѣ того всѣ школы Забайкальской епархіи.

**) Въ числѣ этихъ школъ, за неимѣніемъ свѣдѣній, не значится 78 школъ разныхъ епархій и всѣ школы Якутской и Забайкальской епархій.

*) Кромѣ того, въ епархіяхъ состояло 225 школъ миссіонерскихъ и 202 „братскихъ“ школы, число учащихся въ которыхъ не опредѣлено, такъ что общее число школъ „вѣдомства православнаго исповѣданія“ равняется 43.496.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ толпы росло и возбужденіе буйствующихъ. Возвратившись отъ казармъ, они докончили погромъ ткацкаго корпуса, въ квартирѣ управляющаго повредили ограду палисадника, разбили двери и нѣсколько оконъ; когда же въ 12 часу дня на фабрику явился фабричный инспекторъ Хмѣлевъ, а за нимъ становой приставъ Ливотовъ, то толпа, возросшая до 700 мужчинъ и женщинъ, встрѣтила ихъ шумомъ, гиканьемъ и криками: „долой полицію", „вонъ администрацію", „мы сами будемъ писать законы" и т. п. Особенно непріязненно, по словамъ Ливотова, отнеслась толпа къ фабричному инспектору, не пожелавъ даже объясниться съ нимъ и пославъ по его адресу нѣсколько угрозъ и ироническихъ возгласовъ.

Послѣ неудачной попытки успокоить рабочихъ, Хмѣлевъ и Ливотовъ должны были удалиться, а толпа снова осадила квартиру управляющаго, куда къ этому времени перебрались Правдиковъ, Хмѣлевъ и Кетрарь, но съ помощью возчиковъ полицейскому урядику удалось удержать напоръ толпы, ломившейся внутрь дома, и она устремилась на полицейскаго служителя Коробанова. Вернувшись изъ отлучки одновременно съ пріѣздомъ становаго пристава и убѣдившись, что главные ворота заняты толпою, Коробановъ предпочелъ проникнуть на фабрику черезъ заборъ. У квартиры управляющаго его задѣлъ, пробѣгая мимо, Василій Филипповъ, крикнувшій при этомъ: „ребята, городовой хотѣлъ меня задержать, на городового, ура!" Едва успѣлъ Коробановъ добѣжать до своей квартиры и запереться, какъ гнавшаяся за нимъ толпа съ гиканьемъ разломала входную дверь, сорвала съ крючка другую, внутреннюю, разрушила кладовую въ сѣняхъ, разбила стекла въ окнахъ и ворвалась въ жилое помѣщеніе. Коробановъ влѣзъ на чердакъ, благодаря узкому проходу ему удалось отразить нападавшихъ, изъ которыхъ особенною настойчивостью отличались Василій Филипповъ и подмастерье Александръ Виноградовъ; тогда многіе съ криками „поджечь, убить" бросились на крышу, и Коробановъ вынужденъ былъ произвести три выстрѣла изъ револьвера на воздухъ. Только послѣ этого толпа отхлынула прочь, сначала къ фабричной лавкѣ, у которой разбила бочку съ сельдями, затѣмъ къ пекарнѣ, гдѣ расхитила до 15 пудовъ хлѣба, разбросала тѣсто и разбила часы.

По словамъ свидѣтеля, завѣдующаго лавкою Забаева, самое дѣятельное участіе въ нападеніи на домъ управляющаго, лавку и пекарню принимали Петръ Кирилловъ, Лаврентій Комеловъ, Алексѣй Губановъ, Василій Филипповъ и Иванъ Жаровъ. Въ отношеніи Комелова и Жарова это подтвердилъ наблюдавшій сцену у лавки возчикъ Колесниковъ. Тотъ же Колесниковъ, а также возчикъ Морозовъ и полицейскій урядникъ Кетрарь удостовѣрили, что Комеловъ, ломясь вмѣстѣ съ другими въ квартиру управляющаго, рвалъ звонки.

Въ этотъ періодъ безпорядковъ, когда буйство рабочихъ достигло наибольшаго напряженія, въ проходившаго по двору становаго пристава Ливотова Петръ Кирилловъ бросилъ изъ толпы камень, чѣмъ и причинилъ ему ушибъ груди (показаніе Ливотова и ткача Юшкина), но вслѣдъ затѣмъ въ 2½ часа дня на фабрику явились войска, при видѣ которыхъ толпа разсѣялась, и волненія прекратились. . .

. . . На предварительномъ слѣдствіи выяснилось затѣмъ, что описанныя выше волненія произошли на почвѣ общаго недовольства, какъ заработною платою, такъ и дѣйствіями фабричной администраціи, и были вызваны, главнымъ образомъ, побужденіями экономическаго характера. Помимо общей картины причиненныхъ скопищемъ насилій, которыя направлялись по преимуществу противъ фабричнаго имущества и отдѣльныхъ лицъ администраціи, въ этомъ убѣждаютъ результаты произведеннаго становымъ приставомъ Ливотовымъ дознанія и тѣ заявленія, которыми встрѣтила толпа фабричнаго инспектора, жалуясь на слишкомъ низкій и произвольно уменьшаемый администраціею заработокъ, на непомѣрно высокіе штрафы и недобросовѣстную пріемку товара въ конторѣ. Затѣмъ, показаніями цѣлаго ряда свидѣтелей, какъ, напримѣръ, механика Мырсова, завѣдующаго казармами Сухотина, подмастерьевъ Монахова и Мочалова, ткачей Зудова, Ивана Монахова, Лукина, Шутова, Юшкина и друг., а также объясненіями большинства обвиняемыхъ установлено, что недовольство фабричными порядками, возникшее на первой недѣлѣ великаго поста изъ-за прогула въ работѣ вслѣдствіе остановки паровой машины, сначала высказывалось немногими рабочими, но его поддерживала недостача основъ, а дня за три до безпорядковъ оно приняло широкіе размѣры, когда была вывѣшена расцѣнка на вновь вводимый сортъ ткани, согласно которой кусокъ миткаля въ 130 аршинъ увеличивался на семь аршинъ, между тѣмъ какъ къ прежней платѣ, 67 коп., прибавлялась только одна коп. Ткань эту стали заправлять въ станки наканунѣ и въ день безпорядковъ, извѣстіе же о предстоящемъ измѣненіи расцѣнки проникло въ рабочую среду значительно ранѣе (показаніе Шутова). Какъ удостовѣрилъ Юшкинъ, на фабрикѣ ходили слухи о готовившихся волненіяхъ, „всѣ рабочіе были какъ-то особенно настроены", а 30 марта по поводу новой расцѣнки Лаврентій Комеловъ въ присутствіи свидѣтеля Ивана Монахова открыто заявлялъ среди товарищей въ банѣ, что „фабрика грабитъ рабочихъ и наживается на ихъ счетъ". Эта новая расцѣнка, по прямому признанію Алексѣя Губанова и Дмитрія Молодова, и послужила непосредственнымъ поводомъ, вызвавшимъ событіе 4 апрѣля.

Какъ сказано выше, наиболѣе дѣятельными участниками въ произведенныхъ толпою насиліяхъ и буйствѣ были зачинщики безпорядковъ, ткачи: Петръ Кирилловъ, Лаврентій Комеловъ, Алексѣй Губановъ, Василій Филипповъ (по прозванію Боровой), Иванъ Жаровъ, Дмитрій Молодовъ, Андрей Быковъ, Арсеній Чижиковъ и Степанъ Капустинъ, а также присоединившійся къ нимъ подмастерье Александръ Виноградовъ (по прозванію Лобода). Они же въ разные моменты руководили преступными дѣйствіями скопища. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ было выяснено, что кромѣ этихъ десяти лицъ участіе въ безпорядкахъ принимали также слѣдующіе четырнадцать рабочихъ, всѣ ткачи, за исключеніемъ послѣдняго: Иванъ Егоровъ, Николай Константиновъ, Василій Сергѣевъ, Арсеній Михайловъ, Павелъ Семеновъ, Иванъ Семеновъ Жирновъ, Илья Прокофьевъ и Егоръ Ильинъ Черновъ, которые были замѣчены табельщикомъ Зубынинымъ въ числѣ выгонявшихъ народъ изъ ткацкаго корпуса и отличались, по удостовѣренію полицейскаго урядника Кетрарь, особеннымъ оживленіемъ въ буйствовавшей толпѣ, кромѣ того, Павелъ Семеновъ, принуждавшій рабочихъ выходить изъ казармъ, участвовалъ въ разгромѣ корпуса; тотъ же Семеновъ вмѣстѣ съ другими наносилъ побои ткачу Зудову, а Арсеній Михайловъ, по словамъ свидѣтеля Дмитрія Лукина, руководилъ вмѣстѣ съ другими толпою, выгоняя рабочихъ изъ казармъ. Затѣмъ, Николай Кирилловъ и Петръ Кирилловъ Ершовъ, бившіе стекла въ корпусѣ и ломавшіе палисадникъ (показаніе Зубынина), причемъ конторщикъ Балашовъ замѣтилъ, что Николай Кирилловъ въ числѣ первыхъ приступилъ къ разгрому корпуса и подстрекалъ толпу. Михаилъ Андреевъ, который при нападеніи на одну изъ казармъ шелъ впереди толпы съ коломъ въ рукѣ, и Андрей Васильевъ Галахинъ, замѣченный въ преслѣдованіи рабочихъ, уходившихъ съ фабрики (показаніе завѣдующаго казармами Сухотина). Тотъ же Галахинъ послѣ окончанія безпорядковъ жаловался унтеръ-офицеру гренадерскаго полка Горбатову на то, что преступнымъ намѣреніямъ толпы помѣшало прибытіе войскъ. Далѣе, Николай Васильевъ Комаровъ, который водилъ за собою толпу, билъ стекла и вмѣстѣ съ Петромъ Кирилловымъ, бѣгая по спальнямъ и грозя убить, выгонялъ во дворъ рабочихъ (показаніе служащаго въ фабричной лавкѣ Изотова), а затѣмъ погнался съ ножемъ за фабричнымъ почталіономъ Петромъ Матвѣевымъ, сказавъ своему товарищу: „давай и этого, онъ ѣздилъ за бариномъ", т. е. за фабричнымъ инспекторомъ). Наконецъ, четырнадцатый, слесарскій ученикъ Николай Филипповъ Смирновъ, по удостовѣренію полицейскаго урядника Кетрарь, выдѣлялся изъ толпы своимъ поведеніемъ и оборвалъ звонокъ въ квартирѣ управляющаго, что подтвердилъ свидѣтель, возчикъ Колесниковъ.

По предъявленіи вышепоименованнымъ двадцати четыремъ лицамъ обвиненія по 269^1 ст. Улож. о наказ., всѣ они, не признавая себя виновными въ непосредственномъ участіи въ безпорядкахъ, а первые десять и въ руководительствѣ толпою, ограничились, однако, голословнымъ отрицаніемъ приписываемыхъ имъ преступныхъ дѣйствій, за исключеніемъ одного Петра Кириллова, который сознался, впрочемъ, только въ нанесеніи побоевъ Капустиной и подмастерью Монахову, объяснивъ непріязнь свою къ Монахову тѣмъ, что тотъ „кляузничалъ" на рабочихъ, за что послѣднихъ и штрафовали напрасно. Нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, Алексѣй Губановъ, Павелъ Семеновъ и Егоръ Черновъ, никакихъ объясненій въ свое оправданіе не представили, другіе, а именно Василій Филипповъ, Иванъ Жаровъ, Андрей Быковъ, Арсеній Михайловъ и Василій Сергѣевъ, совершенно отвергали присутствіе свое въ буйствовавшей толпѣ, по утвержденію же остальныхъ, присоединиться къ толпѣ ихъ принудили угрозами избить и побоями неизвѣстные имъ рабочіе, зачинщики безпорядковъ. Николай Константиновъ объяснилъ, что въ числѣ зачинщиковъ были обвиняемые Петръ Кирилловъ, Губановъ, Комеловъ, Василій Филипповъ, Жаровъ и Арсеній Михайловъ, а, по словамъ Ивана Егорова, особенно буянилъ, выгоняя народъ изъ спаленъ, обвиняемый Василій Филипповъ.

На основаніи изложеннаго, такіе-то (слѣдуетъ списокъ) обвиняются въ томъ, что 4 апрѣля 1902 г. на фабрикѣ торговаго дома „Иванъ Залогинъ съ сыномъ", близъ гор. Твери приняли участіе въ многочисленномъ публичномъ скопищѣ рабочихъ, образовавшемся изъ экономическихъ побужденій, съ цѣлью принудить фабричную администрацію къ измѣненію нѣкоторыхъ условій производства и къ возвышенію заработной платы, каковое скопище, принудивъ другихъ рабочихъ путемъ насилій и угрозъ прекратить работы, уничтожило и повредило часть принадлежащаго фабрикѣ имущества, а именно разбило стекла въ 58 окнахъ разныхъ помѣщеній и въ двухъ стеклянныхъ перегородкахъ, попортило или разрушило во многихъ окнахъ рамы, разбило шесть дверей, повредило основы на 68 ткацкихъ станкахъ, изломало разные предметы обстановки, вторгнувшись при этомъ въ нѣкоторыя изъ помѣщеній служащихъ, причинило легкіе ушибы брошенными камнями исполнявшимъ обязанности службы чинамъ полиціи, становому приставу Ливотову въ грудь и полицейскому урядику Кетрарь въ руку и преслѣдовало съ цѣлью причинить насилія полицейскаго служителя Коробанова, ворвавшись съ угрозами убить и поджечь въ занимаемое имъ жилое помѣщеніе, при чемъ первые десять изъ перечисленныхъ лицъ въ разные моменты руководили преступными дѣйствіями названнаго скопища, а изъ нихъ Петръ Кирилловъ, кромѣ того, нанесъ описанный выше ударъ камнемъ становому приставу.

Преступленіе это предусмотрѣно въ отношеніи первыхъ десяти лицъ 3 ч. 269^1 ст. Улож. о наказ. и въ отношеніи остальныхъ первой частью той же статьи, вслѣдствіе чего и на основаніи 201^1 ст. Уст. Угол. Суд. Петръ Кирилловъ и другіе, всего въ числѣ двадцати четырехъ человѣкъ, подлежатъ суду Московской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ 30 мая 1902 г. въ гор. Твери. Товарищъ прокурора (подпись).

Опредѣленіемъ Московской Судебной Палаты отъ 7 іюня 1902 г. утвержденъ. Членъ Палаты Вульфертъ.

(Слѣдуетъ списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію). Съ подлиннымъ вѣрно. За секретаря (подпись неразборчива). За помощника секретаря Н. Кропачевъ.

Изъ дѣятельности охраннаго отдѣленія. Приводимъ полностью нѣсколько „секретныхъ" документовъ, которые, съ одной стороны, показываютъ со всей желательной наглядностью еще и еще разъ, „какъ они работаютъ", — а съ другой стороны, даютъ нѣсколько небезынтересныхъ, во многихъ отношеніяхъ, „именныхъ списковъ":

М. В. Д.
Департ. Полиціи
по особому отдѣлу
6 сентября 1902 г.
№ 5600

Секретно
Циркулярно

Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ, начальникамъ жандармскихъ губернскихъ и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ управленій и на всѣ пограничные пункты

У находящагося въ служебной командировкѣ въ г. Вильнѣ, агента „летучаго отряда" департамента полиціи, Ѳедора Афанасьевича Крылова, похищены 2 сего сентября неизвѣстно кѣмъ на вокзалѣ въ г. Вильнѣ удостовѣреніе, выданное ему изъ деп. полиціи отъ 28 марта 1901 г. за № 4877, и агентурная карточка съ надписью: „служащій въ московскомъ охранномъ отдѣленіи Ѳедоръ Крыловъ". Сообщая о вышеизложенномъ, деп. полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить подлежащія власти сдѣлать распоряженіе о розыскѣ вышеупомянутыхъ документовъ и, въ случаѣ предъявленія кѣмъ-либо таковыхъ, арестовать и, принявъ мѣры къ установленію самоличности, телеграфировать деп. полиціи для полученія дальнѣйшихъ указаній.

Подписалъ: и. д. директора Лопухинъ. Скрѣпилъ: завѣдующій отдѣломъ Ратаевъ. Вѣрно: помощникъ дѣлопроизводителя В. Зайцевъ.

М. В. Д.
Деп. полиціи, по 5 дѣл.
20 іюля 1902 г.
№ 10341

Секретно
Циркулярно

Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ

За послѣднее время въ М. В. Д. поступаютъ сообщенія мѣстныхъ властей о томъ, что высылаемыя изъ столицъ и другихъ нѣкоторыхъ мѣстностей лица, переходя съ проходными свидѣтельствами съ мѣста на мѣсто, являются распространителями разныхъ волнующихъ крестьянское населеніе слуховъ. Полиція, по своей малочисленности и обремененная другими обязанностями, является безсильною къ установленію за такими лицами надлежащаго наблюденія и къ предотвращенію ихъ вреднаго вліянія. . . Въ устраненіе подобнаго нежелательнаго положенія департаментъ полиціи призналъ соотвѣтственнымъ, чтобы, при высылкахъ подобныхъ категорій лицъ, примѣнялся преимущественно этапный способъ препровожденія, и чтобы высылаемый доставлялся такимъ способомъ не до ближайшаго къ мѣсту его родины или приписки уѣзднаго города, а до самаго конечнаго пункта высылки. Предоставленіе высылаемымъ самимъ избирать мѣсто высылки должно быть устранено, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда удаляемый изъ данной лишь мѣстности не лишенъ права избранія мѣстожительства. На обязанности полиціи, по мѣсту высылки означенныхъ лицъ, должно лежать наблюденіе, чтобы высылаемый не останавливался по пути слѣдованія въ уѣздныхъ городахъ, а былъ доставляемъ въ конечный пунктъ этапомъ. Въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда пересылка означенныхъ лицъ съ проходными свидѣтельствами не

нія московскаго миссіонерскаго общества, государственнымъ казначействомъ было употреблено на дѣло миссіи 272.248 рублей. Средства другихъ миссіонерскихъ обществъ, различныхъ братствъ и проч., число которыхъ весьма значительно, въ отчетѣ Побѣдоносцева не опубликованы. Далѣе. Православная церковь также располагаетъ 26.683 библіотеками, находящимися при церквахъ и благочинническихъ округахъ, при чемъ въ 1899 г. вновь было учреждено 510 библіотекъ. И изъ этихъ-то тысячъ библіотекъ широкимъ потокомъ несется вся та смрадная литература „духовнаго" происхожденія, которая такъ затемняетъ всякіе проблески политической народной мысли и направлена къ все тойже цѣли — укрѣпленія въ народѣ вѣры въ „царя-батюшку" со всѣми его близкими и присными.

Кромѣ библіотечнаго дѣла „вѣдомство православнаго исповѣданія" занималось въ 1899 г. широкой издательской и книгопродавческой дѣятельностью. Издательская коммиссія при синодальномъ училищномъ совѣтѣ выпустила въ свѣтъ для обращенія въ народѣ различныхъ книгъ болѣе, чѣмъ 3.000.000 экземпляровъ. Надо замѣтить, что въ эту цифру совершенно не входятъ изданія различныхъ частныхъ фирмъ поповскаго происхожденія, какъ многотысячные „Троицкіе Листки", изданія различныхъ братствъ, „Миссіонерская" и „Приходская" библіотеки и проч. и проч. Книжнымъ складомъ того же училищнаго совѣта въ 1899 г. было отпущено различныхъ книгъ 2.093.831 экз. на сумму 511.635 рублей. Распространеніе этихъ книгъ у православной церкви хорошо организовано. Почти въ каждой епархіи (въ 57 изъ 61) она имѣетъ свой центральный книжный складъ, который и пускаетъ книжки въ дальнѣйшее обращеніе. Нѣкоторыя епархіи имѣютъ по нѣсколько центральныхъ книжныхъ складовъ. Наконецъ, православная церковь въ 1899 г. издавала 86 газетъ и журналовъ.

Духовенство въ 1899 г. стремилось оказывать свое вліяніе на народъ также посредствомъ „религіозно-нравственныхъ чтеній", которыя велись при 8.865 церковныхъ школахъ. Всего чтеній въ этотъ годъ состоялось 132.563.

Въ рукахъ православной церкви находится еще одно могучее реакціонное орудіе — это цензура книгъ. Въ ея распоряженіе попадаетъ все, что хоть сколько-нибудь касается вопросовъ религіи, обрядовъ, таинствъ и проч. Въ Россіи имѣется два такихъ комитета: въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Всего въ оба комитета за этотъ годъ поступило 3.112 названій, 2.814 изъ нихъ дозволены къ печати и 298 запрещены, т. е. болѣе, чѣмъ 10% всѣхъ поданныхъ на разсмотрѣніе произведеній.

Чтобы еще болѣе проникнуть въ народъ и приблизиться къ нему, въ православной церкви въ послѣдніе годы замѣтно новое явленіе, отмѣченное и въ разбираемомъ нами отчетѣ: это назначеніе на мѣста псаломщиковъ, дьячковъ и даже діаконовъ — лицъ, получившихъ нѣкоторое медицинское образованіе (равное фельдшерскому) и т. п. Эта мѣра очень хитрая. Въ настоящее время, благодаря все усиливающейся революціонной пропагандѣ, духовное лицо, особенно въ деревнѣ, начинаетъ терять свой престижъ, какъ элементъ, даже въ глазахъ темныхъ массъ, не только не приносящій никакой существенной пользы, но, наоборотъ, исключительно занимающійся обирательствомъ „живого и мертваго". Теперь пытаются это „духовное лицо" сдѣлать необходимо нужнымъ въ жизни крестьянскаго обихода. При той огромной заболѣваемости, которую мы наблюдаемъ повсемѣстно въ населеніи Россіи, діаконъ-фельдшеръ, псаломщикъ-„братъ милосердія", обладающіе нѣкоторыми медицинскими знаніями, будутъ въ состояніи проникнуть въ каждую крестьянскую семью, гдѣ только появится больной. Они будутъ желанными гостями въ семьѣ, даже явно враждебно настроенной къ православной церкви.

Великій инквизиторъ Побѣдоносцевъ начинаетъ брать примѣръ съ своихъ западныхъ собратьевъ-іезуитовъ, которые, какъ извѣстно, всегда старались опираться на медицину, какъ на одно изъ наилучшихъ средствъ для проникновенія въ самые замкнутые семейные очаги и для сближенія съ народомъ.

Въ настоящее время православная церковь также располагаетъ при монастыряхъ и церквахъ 231 больницей, имѣющими 2.796 коекъ. Кромѣ того, въ ея же вѣдѣніи находятся 997 богадѣленъ, гдѣ призрѣвается 14.147 человѣкъ.

Необходимо здѣсь также отмѣтить, что по всей Россіи раскинута сѣть такъ называемыхъ „церковно-приходскихъ попечительствъ", общее число которыхъ достигаетъ почтенной цифры: ихъ 18.232. Въ 1899 г. они собрали на разныя нужды церковнаго вѣдомства 3.891.601 рубль.

Для обезпеченія бѣдныхъ лицъ исключительно духовнаго сословія, православная церковь также располагаетъ солидными средствами. Именно къ 1 января 1900 года на приходѣ „попечительства о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія" значилось всего 9.565.428 рублей.

IV.

Вотъ краткій перечень учрежденій, лицъ и капиталовъ, обрисовывающій болѣе или менѣе ясно силу, дѣятельность и значеніе въ жизни нашей страны полицейскаго сообщества, называемаго „православной церковью". „Силы русскаго клерикализма", даже по этимъ оффиціальнымъ даннымъ, какъ видимъ, весьма значительны. По всему своему положенію въ государствѣ, духовенство православной церкви совершенно выступаетъ изъ рамокъ хранителя *религіозныхъ завѣтовъ*, блюстителя „культа". Оно занимаетъ въ общественной жизни крупное *политическое* мѣсто, враждебное всѣмъ тѣмъ, кто въ ниспроверженіи современнаго порядка видитъ единственный выходъ изъ охватившаго страну промышленнаго и культурнаго застоя. Оплотъ всякой реакціи, это хорошо организованное сословіе несомнѣнно выступитъ особенно сильно и энергично тогда, когда силы россійской революціи станутъ по всей линіи лицомъ къ лицу съ силами россійскаго самодержавія. Располагая множествомъ разнообразныхъ средствъ, эти приверженцы русскаго царизма поведутъ тогда отчаянную контрреволюціонную агитацію въ странѣ, натравливая и возбуждая массы захолустнаго населенія противъ революціонныхъ силъ. Русская „Вандея" будетъ главнымъ образомъ руководима нашей клерикальной „партіей", лидеромъ которой является теперь царскій докладчикъ „вѣдомство православнаго исповѣданія".

И мы, социальдемократы, предвидя роль этого реакціоннаго сословія въ нашей борьбѣ за освобожденіе отъ тираніи клики, именующейся „Романовъ и Ко.", опирающейся на косность, невѣжество и традиціи массъ, должны теперь же приложить всѣ усилія, чтобы раскрыть глаза этимъ массамъ на счетъ того, что представляетъ изъ себя эта многотысячная армія тунеядцевъ. Мы должны также обратить строгое вниманіе на огромную литературу, которую ревностно распространяютъ въ народѣ агенты православной церкви, и постараться парализовать дѣйствіе ея собственными соотвѣтствующими изданіями.

Въ нѣдрахъ русскаго народа уже есть много элементовъ, — мы говоримъ здѣсь о милліонахъ сектантовъ и раскольниковъ, — которые съ радостью подхватятъ эту нашу литературу и разнесутъ ее по градамъ и вѣсямъ земли русской. Нашей литературой мы должны помочь пролетарскому и полупролетарскому сектантству отбросить разъ навсегда мистическую оболочку своего безсознательнаго недовольства существующимъ строемъ и встать на единственно правильный путь соц.-демок. борьбы. Въ частности, требуя *полнаго отдѣленія церкви отъ государства, свободы собраній, печати и совѣсти*, мы создаемъ прочное убѣжденіе о необходимости низведенія православной церкви до роли *частнаго* общества приверженцевъ опредѣленнаго культа.

можетъ быть устранена, въ свидѣтельствахъ этихъ надлежитъ устанавливать наименьшие сроки передвиженія. Объ наложенномъ деп. полиціи имѣетъ честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнѣйше прося не отказать преподать надлежащія разъясненія по сему предмету подвѣдомственнымъ вамъ чинамъ полиціи. Подписалъ: и. д. директора Лопухинъ. Скрѣпилъ: дѣлопроизводитель Лерхе. Вѣрно: за дѣлопроизводителя Курочкинъ.

М. В. Д.
Департ. Полиціи
по особому отдѣлу
21 августа 1902 г.
№ 5350

Секретно
Циркулярно
Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ, начальникамъ жандармскихъ губернскихъ и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ управленій и на всѣ пограничные пункты

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ при кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ нижеслѣдующія лица 18 сего августа бѣжали изъ кіевскаго тюремнаго замка (слѣдуютъ одиннадцать извѣстныхъ фамилій, при каждомъ указаны: примѣты, всѣ родственники и ихъ мѣстожительство, революціонное прошлое и наказаніе, по какому дѣлу привлекались; у нѣкоторыхъ, сверхъ того, клички, а именно: Басовскій, кличка Дементьевъ, Бауманъ — грачъ, Гальперинъ — лошадь, Крохмаль — старичекъ и красавецъ, Тарсисъ — смуглый). Принимая во вниманіе, что названныя лица являются наиболѣе видными представителями революціоннаго движенія, департаментъ полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить подлежащія власти принять всѣ зависящія мѣры къ розыску вышеупомянутыхъ лицъ и въ случаѣ обнаруженія подвергнуть обыску, арестовать и препроводить подъ надежнымъ конвоемъ въ распоряженіе начальника кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія, телеграфировавъ о семъ департаменту.

Подписалъ: и. д. директора Лопухинъ. Скрѣпилъ: завѣдующій отдѣломъ Ратаевъ.

Приложеніе къ тому же циркуляру

1. Бергеръ, Ипполитъ-Болеславъ Станиславовъ — препроводить въ распоряженіе иркутскаго генералъ-губернатора; 2. Гордонъ, Перля Іосифовна (скрылась изъ Кишинева) — подчинить особому надзору; 3. Гурвичъ, Евгенія Аріевна (скрылась изъ Верхоленск. уѣзда) — препроводить въ распоряженіе иркутскаго генералъ-губернатора. (О каждомъ точныя свѣдѣнія о родственникахъ, революціонномъ прошломъ, примѣты). Подписалъ Ратаевъ.

М. В. Д.
Деп. полиціи
по особ. отдѣлу
1 декабря 1902 г.
№ 7777

Секретно
Циркулярно
Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полиціймейстерамъ, начальникамъ жандармскихъ губернскихъ и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ управленій, на всѣ пограничные пункты и начальникамъ розыскныхъ отдѣленій

... Нынѣ установлено, что помѣщенный въ циркулярѣ отъ 1 сентября 1902 г. за № 5530 Иванъ Михайловъ Смирновъ... (подробная біографія)... по полученнымъ свѣдѣніямъ, помѣщенный въ циркулярѣ отъ 1 октября 1902 г. за № 6200 дусятскій мѣщанинъ Мендель Мовшевъ Левинщейнъ имѣютъ слѣдующія примѣты... Вмѣстѣ съ симъ, департаментъ покорнѣйше проситъ подлежащія власти принять мѣры къ выясненію мѣста жительства возвратившейся изъ-за границы жены губернскаго секретаря Анны Ильиной Елизаровой, урожденной Ульяновой, и, по обнаруженіи онаго, подчинить Елизарову негласному надзору полиціи, установивъ за дѣятельностью ея и сношеніями тщательное секретное наблюденіе, увѣдомивъ о семъ департаментъ полиціи.

Подписалъ: Лопухинъ. Скрѣпилъ: Пѣшковъ.

Списокъ № 1 (лицъ, подлежащихъ розыску по дѣламъ политическимъ):

1. Ажтрей, онъ же Цѣхоновичъ, Филиппъ Ивановъ, 2. Аксельродъ, Нохимъ-Лейба Уоселевъ, 3. Арефьевъ, Николай Севастьяновъ, 4. Бѣляковъ, Ефимъ Михайловъ, 5. Берковичъ, Тойба Симоновъ, 6. Биндеръ, Фейга-Ривка Аронова, 7. Бобровицкій, Генохъ-Вольфъ Ицковъ, 8. Бусеичъ, Николай Павловъ, 9. Бульбейнусъ Файвушевъ, 10. Вокшонъ, Ида Ельева-Тонова, 11. Вонновскій, Викторъ Алексѣевъ, 12. Бассерманъ, Мейеръ-Фолевъ, 13. Величкинъ, Николай Михайловъ, 14. Венгеровъ, Маркъ Моисеевъ, 15. Гарберовичъ, Ицикъ Тевелевъ, 16. Герцкинъ, Лейзеръ-Кусиліевъ, 17. Гехтеръ, Лейба Овзеровъ Пинхусовъ, 18. Гржегоржевскій, Станиславъ Францевъ, 19. Гурвичъ, урожд. Кожевникова, Вѣра Васильевна, по первому мужу Розенкампфъ, 20. Долтуновъ, Сергѣй Осиповъ, 21. Дзенціоловскій, Антонъ Викентьевъ, 22. Діаментъ, Шмуль-Гершъ Моеровъ Уршновъ, 23. Доливо-Добровольскій, Александръ Петровъ, 24. Домбровскій, Осипъ Петровъ, 25. Эткинъ, Мовша Мордуховъ, 26. Этштейнъ, Гершка Аврумовъ Мовшевъ, 27. Жоховскій, Михаилъ Юліановъ, 28. Заксъ Лифляндеръ, Песя-Цея Шмулева, 29. Зеликсонъ, Цивія Шмуйлова, 30. Зильблятъ, Израиль-Альтеръ Сауловъ, 31. Іоффе, Гдалій-Янкель Шоломовъ, 32. Калашникова, Вѣра Иванова, 33. Кацманъ, Мордухъ Мееровъ, 34. Кацъ, Хаимъ-Янкель Шулимовъ, 35. Киршенбаумъ, Хоновъ Шаевъ (прозв. Нюнька и Нюня), 36. Кланъ, Кауфманъ Янкелевъ, 37. Конюшевскій, Абрамъ Симоновъ, 38. Копыловъ, Константинъ Николаевъ, 39. Кузнецовъ, Егоръ Сергѣевъ, 40. Кушниръ, Овсей-Дувидъ-Сруль Гершевъ, 41. Лапидо, Мовша Шмуиловъ, 42. Лапина, Эстеръ-Лея Менделева, 43. Лауринайтисъ, Иванъ Осиповъ, 44. Лауринайтисъ, Осипъ Осиповъ, 45. Либуркинъ, Залманъ-Ицекъ Абрамовъ, 46. Марголинъ, Берка Абрамовъ, 47. Надельбергъ, Гиршъ Неуховъ, 48. Новоряковъ, Николай Никандровъ, 49. Нахманбергъ, Хаимъ Березевъ, 50. Новосельскій, Сруль Гешелевъ, 51. Панковъ, Иванъ Петровъ, 52. Петинъ, Константинъ Өедоровъ, 53. Пилина, Сара Янкелева, 54. Поздняковъ, Петръ Өедоровъ, 55. Поповъ, Николай Евграфовъ, 56. Пясечный, Лейзеръ Шмулевъ, 57. Пясѣчный, онъ же Писѣчкій, Носко Шмулевъ, 58. Радусъ-Зеньковичъ, Викторъ Алексѣевъ, 59. Радченко, Иванъ Ивановъ, 60. Рѣзановъ, Михаилъ Михайловъ, 61. Розенблюмъ, урожд. Рѣзникъ, Розалія Леонтьева, 62. Роякъ, Гирша Шоломовъ-Менделевъ, 63. Рудаковъ, Берко-Волько Давыдовъ, 64. Рутманъ, Вульфъ Мошковъ, 65. Сапожникова, Софья Абрамовна, 66. Ѳендеровичъ, Мордухъ Іосифовъ, 67. Слободкеръ, Давидъ Ицковъ, 68. Слово, Шевель-Зеликъ, 69. Соловей, Мовша Хацкелевъ, 70. Струнинъ, Соломонъ-Шоломъ Моисеевъ, 71. Тихоміровъ, Григорій Сергѣевъ, 72. Третьяковъ, Димитрій Павловъ, 73. Трофимовъ, Семенъ Өедоровъ, 74. Улеоньскій, Эдуардъ (викарный ксендзъ), 75. Фіалко, Насонъ, Мовшевъ-Гершевъ, 76. Финкельштейнъ, Зеликъ Уоселевъ, 77. Хуръ, Шмуль Кельмановъ, 78. Шейнъ, Абрамъ-Давидъ Самсоновъ, 79. Шнейдеръ, Сура-Бейля Давидова, 80. Шухмонъ, Фрейда Гершева, 81. Юдицкій, Аронъ Львовъ.

Подписалъ за завѣдующаго отд. Пѣшковъ.

Списокъ № 2 лицъ, розыскъ которыхъ подлежитъ прекращенію: 2. Басманъ, Уосель-Залманъ Шнееровъ-Шмурковъ, мѣщанинъ г. Ново-Александровска. Въ дальнѣйшемъ розыскѣ надобности не представляется. 12. Эренбургъ, Абрамъ-Зельманъ, ковенскій мѣщанинъ; причина та же. 24. Меллеръ, Гдалій Мовшевъ, ворнянскій мѣщанинъ; причина та же. 29. Овсѣевичъ, Самуилъ Шохновъ, сморгоньскій мѣщанинъ; по той же причинѣ. 34. Розенблюмъ, урожд. Бурштейнъ, Элька Лейбова, борисовская мѣщанка; причина та же. За завѣд. отд. Пѣшковъ.

М. В. Д.
Департ. полиціи
по особому отдѣлу
1 августа 1902 г.
№ 5000

Секретно
Циркулярно
Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ, начальникамъ жандармскихъ губернскихъ и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ управленій, на всѣ пограничные пункты и начальникамъ розыскныхъ отдѣленій

... Въ виду полученныхъ указаній, что нѣкій или нѣкая Нейгольдбергъ 30 іюня 1902 г. выбылъ изъ Берлина въ Россію съ транспортомъ нелегальной литературы, департаментъ покорнѣйше проситъ принять мѣры къ выясненію личности Нейгольдбергъ „изъ Берлина" и, въ случаѣ обнаруженія мѣста жительства, установить за дѣятельностью и сношеніями совершенно секретное наблюденіе, увѣдомивъ о семъ департаментъ. Подписалъ за вицедиректора Ратаевъ. Скрѣпилъ за завѣд. отд. Пѣшковъ.

Приложеніе къ тому же циркуляру. Розыскъ:
1. Беренштейнъ, Самуилъ, подлежитъ привлеченію въ качествѣ обвиняемаго при московскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи къ дознанію по дѣлу „о партійномъ съѣздѣ въ г. Бѣлостокѣ". 2. Біоде, Генрихъ-Людовикъ-Альфредъ, привлеченъ при СПБ. жандармскомъ управленіи къ дознанію по дѣлу эмигранта Николая Паули. 3. Гельцеръ, Ицка Янкелевъ. 4. Горовицъ, Исай Израилевъ. 5. Желудская, Мерка Абрамова. 6. Лалаянцъ, Ис. Хр. 7. Понцъ, Ревекка Уоселева... подлежитъ привлеченію къ дознанію въ качествѣ обвиняемой при моск. жанд. упр., по дѣлу о „партійномъ съѣздѣ въ Бѣлостокѣ". 8. Сукенниковъ, Моисей Александровъ... оталъ издавать брошюры революціоннаго характера. Состоявшіе подъ негласнымъ надзоромъ полиціи и проживавшіе въ г. Иркутскѣ сынъ купца Маркъ Андреевъ Натансонъ и жена его Варвара Ивановна въ іюнѣ 1902 г. выѣхали въ Европейскую Россію. Принимая во вниманіе, что Натансонъ поддерживалъ близкія сношенія съ лицами, занимающимися активной дѣятельностью, департаментъ полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить принять мѣры къ розыску мѣстожительства названнаго Натансонъ и, въ случаѣ обнаруженія, установить неотступное совершенно секретное наблюденіе, увѣдомивъ о семъ департаментъ полиціи для полученія дальнѣйшихъ указаній.

Изъ черты осѣдлости. Какъ ни была тяжела жизнь русскаго еврея донынѣ, теперь она сдѣлалась прямо невыносимой и безпросвѣтной. Кишиневскія событія тучей нависли надъ еврейской жизнью: они леденятъ кровь въ жилахъ и ввергаютъ въ ужасъ. Кромѣ постоянной, безысходной борьбы за существованіе, понятіе о которой можетъ имѣть только еврей, появился еще болѣе ужасный призракъ, — призракъ погрома. Еврей не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Кто поручится, что не сегодня, такъ завтра, по почину какого-нибудь Крушевана и подъ покровительствомъ правительства, не разгорятся звѣрскіе инстинкты черни, и ему черезъ часъ-другой не отпилятъ рукъ или не вобьютъ гвоздей въ ноздри? Никто не можетъ поручиться въ этомъ, ибо противъ еврея здѣсь всѣ: и чернь, невѣжественная и дикая, и большая часть русскаго общества, съ удовольствіемъ подбирающая „жидовское добро", и полиція, избивающая евреевъ, защищающихся отъ черни. Еврей ни на минуту не можетъ забыть объ этомъ, такъ какъ ежеминутно напоминаютъ ему объ этомъ. Одинъ мужикъ бьетъ за что-то на улицѣ другого мужика. Послѣдній кричитъ: „Какъ смѣешь бить меня? Что я жидъ, что-ли, что за меня штрафу не будетъ?" По улицѣ шатается пьяный мужикъ и, увидя проходящихъ мимо евреевъ, кричитъ: „жидовъ уничтожить надо, потому царь ихъ не хочетъ."

Народъ смотритъ на еврея, какъ на безправное существо, которое можно безнаказанно уничтожить. Не только простой народъ, но даже и болѣе высшіе слои общества придерживаются приблизительно подобнаго взгляда. Былъ напр. такой случай. Въ г. Новозыбковѣ (Черниг. губ.) живетъ докторъ-еврей Козенцовъ, ничего общаго съ евреями до сихъ поръ не имѣвшій. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кн. Долгоруковымъ. Послѣ того, какъ стали извѣстны кишиневскія событія, г. Козенцовъ встрѣчается съ княземъ и спрашиваетъ его, между прочимъ, каковъ его взглядъ на кишиневскій погромъ. — Что же, и здѣсь тоже произойдетъ то, что въ Кишиневѣ, отвѣчаетъ князь. — Нѣтъ, возражаетъ г. Козенцевъ, — здѣсь этого не случится. — Почему? — Да потому, что здѣсь евреи не глупы: они не станутъ погибать, какъ бараны. Стоитъ имъ организовать вооруженное сопротивленіе и подстрѣлить нѣсколькихъ погромщиковъ, и никакого погрома не будетъ. Послѣ этого разговора кн. Долгоруковъ донесъ мѣстному прокурору на д-ра Козенцева, какъ на организатора кружка вооруженнаго сопротивленія. Чѣмъ кончилось это дѣло, намъ неизвѣстно, но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что на еврея у насъ смотрятъ, какъ на существо, лишенное даже права самозащиты.

Еврейское общество и раньше съ возмущеніемъ и ненавистью относилось къ евреямъ-революціонерамъ, теперь же, послѣ кишиневскаго погрома, оно увидѣло въ нихъ корень всякаго зла и рѣшило съ ними бороться. Во многихъ городахъ евреи на свои собственныя средства учредили штатъ шпіоновъ, на которыхъ лежитъ обязанность выслѣживать еврейскихъ революціонеровъ и доносить на нихъ по начальству. Замѣчательный случай произошелъ въ м. Вѣткѣ, близъ Гомеля*). Туда прибылъ гомельскій исправникъ, собралъ вѣтковскихъ евреевъ въ синагогу и, взошедши на амвонъ, обратился къ нимъ со слѣдующими словами: — Гдѣ я? кто меня окружаетъ? евреи? Но почему же я вижу вокругъ себя бритыя *хари?* Въ прежнее время, я помню, евреи носили длинныя пейсы, ходили въ ермолкахъ и носили лапсердаки. То были настоящіе евреи: они были смирны и покорны, вѣрили въ Бога и любили царя... Тутъ началъ онъ громить евреевъ за то, что они бунтуютъ противъ царя и предержащихъ властей, за то, что они разбрасываютъ прокламаціи и подстрекаютъ рабочихъ къ безпорядкамъ и т. д. Рѣчь его длилась около часа и произвела такое сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, что нѣкоторые старики даже плакали**). Въ заключеніе онъ сказалъ, что если вѣтковскіе евреи хотятъ загладить свою вину передъ правительствомъ, то пусть они тутъ же дадутъ ему, исправнику, списокъ неблагонадежныхъ лицъ м. Вѣтки. Евреи охотно исполнили это скромное желаніе „начальника". Спустя нѣсколько дней послѣ этой рѣчи одинъ еврейскій водовозъ привезъ къ исправнику своего мальчугана связаннымъ по рукамъ и ногамъ и передалъ его въ руки полицейскаго администратора, какъ „соціалиста". Исправникъ поблагодарилъ водовоза за такое гражданское мужество и сказалъ: — Послѣ такого поступка я перемѣняю къ лучшему свое мнѣніе о евреяхъ; я убѣждаюсь, что съ евреями еще можно ладить.

Въ Бѣлой-Церкви (Кіев. губ.) послѣ кишиневскаго погрома евреи устроили сходку въ синагогѣ и стали разсуждать о томъ, кто виноватъ въ погромѣ. Послѣ долгихъ преній они пришли къ заключенію, что во всемъ виноваты „демократы", а такъ какъ главными „демократами", по ихъ мнѣнію, являются *экстерны****) (?!), то слѣдуетъ всячески ихъ преслѣдовать. Въ видѣ перваго шага въ этомъ направленіи они рѣшили отказать всѣмъ экстернамъ въ урокахъ. Но экстерны, узнавши объ этомъ, предупредили ихъ и первые отказались отъ своихъ уроковъ.

Что кишиневскій погромъ есть дѣло рукъ русскаго правительства, объ этомъ ужъ такъ много говорили, и это такъ ясно, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Правительство хотѣло наказать евреевъ за ту выдающуюся роль, которую они играютъ въ русскомъ революціонномъ движеніи, и внести смятеніе въ сердца еврейскихъ революціонеровъ. Но какъ глупы и безсмысленны (не говорю уже про жестокость) тѣ пріемы самозащиты, которые практикуетъ правительство въ страхѣ передъ надвигающейся революціей! Учиняя еврейскій погромъ, правительство еще въ большей степени озлобляетъ своихъ враговъ и настойчивѣе толкаетъ ихъ на революціонный путь. Послѣ кишиневскихъ событій революціонное настроеніе среди евреевъ усиливается. Молодые люди, до сихъ поръ имѣвшіе мало общаго съ какой-либо общественной дѣятельностью, составляютъ тайные кружки, изучаютъ еврейскія общественныя теченія, готовятся къ работѣ, къ борьбѣ. Съ каждымъ днемъ назрѣваютъ все новыя и новыя силы... Въ этомъ виновато само правительство, которое своимъ поведеніемъ само роетъ себѣ могилу. Прежде евреевъ принимали въ высшія учебныя заведенія въ количествѣ 10 и 5 %, теперь же это число уменьшили до 3 и 2 %. Нынче даже медалистамъ, и тѣмъ не всѣмъ удается поступить въ высшія учебныя заведенія; къ тому же начальство среднихъ учебныхъ заведеній весьма неохотно выдаетъ евреямъ медали и старается доводить число еврейскихъ медалистовъ до минимума. Молодымъ же людямъ и дѣвушкамъ, окончившимъ среднее учебное заведеніе безъ медали, трудно попасть въ высшее учебное заведеніе, а экстернамъ — почти невозможно. Вся эта отверженная еврейская молодежь, остановившаяся на полудорогѣ, естественнымъ образомъ увеличиваетъ ряды еврейскихъ революціонеровъ. Русское правительство само роетъ себѣ могилу... Послѣ кишиневской рѣзни, передъ которой дрогнулъ весь цивилизованный міръ, жизнь въ Россіи сдѣлалась для евреевъ каторгой. Намъ остается одинъ путь — революціонный, намъ остается одинъ исходъ изъ нашего положенія — въ союзѣ съ остальными русскими революціонерами уничтожить русское самодержавіе. Давайте же работать, товарищи!

Гомель, Могилевской губ., 1 іюля 1903 г. Еврей.

Либава, 17 августа. Уже на самомъ вокзалѣ меня поразило обиліе жандармскихъ унтеровъ, зорко осматривающихъ пассажировъ, а также шпиковъ, нахально устремляющихъ свои взоры на пріѣзжающихъ и ихъ багажъ. Въѣзжая въ городъ, я увидѣлъ по дорогѣ рядъ столбовъ, украшенныхъ гирляндами изъ хвои и вѣнками, а также строющійся на берегу гавани павильонъ. Спутники мои по конкѣ, нѣмки, съ удивленіемъ посматривали на эти затѣи и восхищались ихъ красотой; одно ихъ печалило — это плохая, дождливая погода, которая продолжается уже недѣлю. Изъ разговоровъ я узналъ, что все это приготовляется для встрѣчи царя, который рѣшилъ осчастливить городъ своимъ присутствіемъ. Ожидаютъ его здѣсь въ среду или четвергъ. Пока же идетъ горячка по организаціи встрѣчи и охраны „священной особы". Полиція вся въ суматохѣ: шутка-ли сказать, такое событіе, а тутъ еще на дняхъ „внутренніе враги" — латышскіе соціальдемократы распространили прокламацію по поводу пріѣзда царя. Жмутся интеллигентные работники, ожидая повальныхъ обысковъ, и кто можетъ, тотъ покидаетъ городъ на время празднествъ. Уѣзжая, я на вокзалѣ также встрѣтилъ спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ. Красилась крыша, драпировался входъ. По дорогѣ мы встрѣчали цѣлые поѣзда съ солдатами, жандармами и сыщиками. Солдаты въ простыхъ товарныхъ вагонахъ пили чай изъ кружекъ и шутили, что отправляются на войну. Офицеры подкрѣплялись въ буфетахъ и разговаривали о томъ, какъ-бы миновать на первыхъ порахъ встрѣчи съ Куропаткинымъ, который долженъ былъ также сегодня пріѣхать въ Либаву. По милости всѣхъ этихъ „личностей" поѣзда приходятъ съ опозданіемъ на часъ и болѣе. Всюду только и разговоры что о посѣщеніи царемъ Либавы. Спутникъ мой, вначалѣ хладнокровно объяснявшій мнѣ, что безъ солдатъ и жандармовъ нельзя обойтись въ такихъ случаяхъ, ибо это нужно для „охраны" — всякіе есть люди: честные и нечестные, потомъ, при видѣ все встрѣчающихся поѣздовъ съ солдатами и прочими „охранными элементами", не выдержалъ и началъ изумляться изобилію „охраны". Въ газетахъ какъ мѣстныхъ, такъ и иногороднихъ, ни слова не упоминается объ этомъ „событіи". Боится, повидимому, начальство какого-нибудь фортеля со стороны „неблагонадежныхъ элементовъ". Вспомнилось мнѣ при этомъ аналогичное же событіе: пріѣздъ Вильгельма въ одинъ изъ южно-германскихъ городовъ. Несмотря на то, что реакціонныя газеты помѣщали уже за двѣ недѣли длинные столбцы, трактующіе объ этомъ, въ знаменательный моментъ ничто не указывало, что здѣсь происходитъ нѣчто сверхъ-ординарное. Городъ былъ жиденько расцвѣченъ флагами; жители же занимались своимъ обычнымъ дѣломъ, предоставляя своему „начальству" принимать короля.

Еще о звѣрствѣ въ тюрьмахъ. Бакинскій Комитетъ Партіи обратился съ прокламаціей къ гражданамъ (отъ 19 августа сего года) по поводу тюремныхъ звѣрствъ. Перепечатываемъ приведенное въ листкѣ письмо товарища.

„Товарищи наши помѣщаются въ такой ужасной тѣснотѣ, что ночью весь полъ покрытъ спящими тѣлами и пройти, не наступивъ на кого-нибудь, невозможно. Духота получается ужасная, и вмѣсто сна товарищи наши всю ночь мечутся въ какомъ-то кошмарѣ. Лежатъ прямо на полу, т. к. ни постели, ни кроватей или хотя бы наръ въ тюрьмѣ нѣтъ, даже тюфяковъ, набитыхъ соломой, не даютъ. Насъ, какъ животныхъ въ конюшнѣ, заставляютъ валяться прямо на грязномъ полу. Всѣ тюремныя правила попираются ногами тѣмъ самымъ начальствомъ, которое должно слѣдить за ихъ выполненіемъ. Далѣе, въ камерахъ нѣтъ ни столовъ, ни табуретокъ, ѣсть приходится на томъ же грязномъ полу. Вдобавокъ ко всему, во главѣ тюрьмы, въ качествѣ смотрителя, стоитъ нравственно развращенный негодяй Громада*) Для него нѣтъ закона, а закономъ должны служить его подлыя фантазіи. Безъ всякихъ объясненій онъ отнялъ у заключенныхъ право курить табакъ, хотя до 26 іюля курили свободно, да и въ другихъ тюрьмахъ политическіе пользуются правомъ куренія табаку. При объясненіи съ нимъ по этому поводу онъ заявилъ: „будь на то моя воля, я отнялъ бы отъ васъ не только табакъ, но и хлѣбъ". Негодяй-извергъ, смотритель, сегодня въ 11 час. дня, 4 августа, отправляя этапъ нашихъ товарищей, 19 чел. тифлисскихъ, слѣдующихъ въ ссылку, заперъ ихъ во дворѣ мастерской тюрьмы, на пространствѣ нѣсколькихъ кв. саж. подъ конвоемъ 45 чел. солдатъ, тамъ ихъ истязали прикладами ружей звѣри-солдаты, подъ командой палача-смотрителя; двухъ ранили штыками, надѣли кандалы на нихъ, хотя въ открытомъ листѣ категорически сказано, что они должны сопровождаться безъ оковъ. За то, что они протестовали законно противъ оковъ, ихъ истязали, поранили и закованныхъ и окровавленныхъ поволокли въ дорогу.

Товарищи! вы видите, у насъ осталась одна надежда на открытую борьбу съ тюремными безобразіями! На-дняхъ ночью похитили нашего товарища по заключенію, Хундадзе, и мы не знаемъ, куда его дѣли. Предайте гласности всѣ возмутительные порядки и поддержите насъ въ нашей борьбѣ за человѣческое обращеніе и человѣческое достоинство. Мы объявляемъ голодовку, объявляемъ борьбу на жизнь или смерть. Наши требованія слѣдующія: 1) Не высылать внезапно, а давать возможность передъ высылкой проститься съ родными и запастись платьемъ и бѣльемъ. 2) Дать постельныя принадлежности, тахты или кровати. 3) Число арестантовъ въ камерахъ должно соотвѣтствовать помѣщенію, согласно опредѣленію врачей. 4) Разрѣшить куреніе. 5) На случай разстройства желудка выпускать въ клозетъ и послѣ повѣрки. 6) Ввести желѣзныя парашки. 7) Не сажать въ темный карцеръ и вообще не примѣнять взысканій безъ предписаній прокурора. 8) Заявленія арестованныхъ о желаніи лично объясниться съ высшимъ начальствомъ должны смотрителемъ передаваться начальству немедленно. 9) Въ случаѣ болѣзни немедленно вызывать къ больному фельдшера и ночью. 10) Поставить въ обязанность смотрителю и надзирателямъ не бить арестантовъ и не ругать ихъ площадной бранью. Голодовка продолжалась одинъ день, такъ какъ администрація рѣшила удовлетворить главныя требованія.

P. S. Взяточничество и всевозможныхъ родовъ обирательство практикуется въ тюрьмѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Взявъ себѣ въ помощники такого же негодяя, бывшаго полицейскаго, Ибрагимъ-бекъ Абдуллаева (онъ присужденъ къ нѣсколькимъ годамъ арестантскихъ ротъ и такимъ образомъ отбываетъ наказаніе), смотритель вмѣстѣ съ нимъ терроризируетъ и грабитъ арестантовъ. За листъ бумаги для прошеній, наприм., которую заставляютъ покупать въ конторѣ, берутъ отъ двухъ до пяти коп. За написаніе прошенія, гдѣ хоть слегка указывается на неправильность дѣйствій тюремщиковъ, смотритель сажаетъ на семь сутокъ въ темный карцеръ, предварительно изувѣчивъ арестанта. Табакъ, воспрещенный въ тюрьмѣ, продается негодяемъ-помощникомъ открыто, причемъ за одну восьмую фунта махорки въ четыре коп., беретъ 20 коп. Этотъ же достойный сотрудникъ негодяя-смотрителя приноситъ въ тюрьму ножи; недавно обыкновенный финскій ножъ былъ проданъ имъ за пять руб. И всѣ эти наглыя беззаконія дѣлаются открыто и безнаказанно!“

---

*) Въ ночь съ 17 на 18 апрѣля.

**) Въ то самое время, когда исправникъ держалъ свою знаменательную рѣчь, у него подъ носомъ, за стѣнами синагоги, разбрасывали первомайскія прокламаціи!

***) Лица, готовящіяся къ экзамену на аттестатъ зрѣлости средне-учебныхъ заведеній.

*) Говорятъ, что этотъ негодяй замучилъ истязаніями свою первую жену и былъ осужденъ за это на восемь лѣтъ каторги. Извѣстно, какъ у насъ милуютъ негодяевъ. Помиловали и этого кандидата въ палачи и отдали въ его безконтрольное распоряженіе заключенныхъ, немогущихъ свободно бороться въ тюрьмѣ. Этотъ запятнанный позорнымъ преступленіемъ негодяй держитъ себя въ тюрьмѣ, какъ маленькій самодержецъ и сатрапъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Козачье, Херсонской губ., имѣніе князя Трубецкаго. Имѣніе огромное — 33 тысячи десятинъ земли. Наемъ рабочихъ производится посрочно — отъ Троицы до Покрова, и на годъ. Въ первомъ случаѣ мужчины получаютъ за весь рабочій періодъ 45-50 руб., женщины 30-35 рублей; нанимающіеся на годъ: мужчины — 65-70 р., женщины — 50-55 р. Рабочихъ часовъ въ сутки — 21 съ получасовымъ перерывомъ на завтракъ и 1 часомъ на обѣдъ. Кормятъ рабочихъ безобразно — хлѣбъ ржаной пополамъ съ отрубями; о горячей пищѣ и говорить невозможно. Это какая-то отвратительная мѣшанина. Трудно представить всю возмутительность господствующихъ здѣсь порядковъ: во время сбора винограда рабочимъ одѣваютъ намордники изъ рѣдкой парусины, придѣланные къ деревяннымъ планочкамъ. Планочки сдѣланы по выкату затылка и привязываются одна къ другой веревочкой. Когда захочешь пить, подходишь къ прикащику, тотъ развязываетъ завязки, а затѣмъ, когда рабочій напился, завязываетъ вновь. Управляющій Шмидтъ издѣвается надъ рабочими. Перетянетъ нагайкой, дастъ пощечину за что ему вздумается. Наѣзжіе рабочіе не выдерживаютъ срока и уходятъ, и заработная плата пропадаетъ, а если кто-либо изъ нихъ попробуетъ требовать расчета, ему грозятъ полиціей. „Ты еще въ тюрьмѣ сидѣть будешь, ты мнѣ народъ бунтуешь!“ и рабочій уходитъ. У рабочихъ, которые снимаютъ у князя землю, если они бросаютъ работу, отнимаютъ землю, и живи тогда, какъ знаешь. За десятину земли князю платятъ 13-14 руб.

Очевидецъ-рабочій.

Письмо крестьянина. (Приводимъ, съ небольшими сокращеніями, письмо крестьнина .....аго уѣзда къ интеллигенту, дававшему въ деревнѣ литературу; работа велась три мѣсяца).

Милостивѣйшій Государь! Мы съ нетерпѣніемъ ежедневно ожидаемъ отъ васъ радостнаго собесѣдованія про нашу горькую и тяжкую жизнь, но никакъ не можетъ дождаться соединенная наша партія, вотъ я одинъ рѣшился послать до васъ письмо и покорнѣйше прошу васъ, чтобы вы возрадовали насъ отвѣтомъ вашимъ или письмомъ, которымъ мы могли бы узнать наши важныя дѣла. Мы, находившись между своими крестьянами, старались возставать противъ тяжелыхъ нашихъ игъ; какъ намъ извѣстно, каждый крестьянинъ склоняется чувствіемъ къ нашимъ хорошимъ дѣламъ, каждый изъ насъ знаетъ тяжелую свою житейскую бытность, но не знаетъ крестьянинъ, какъ бы освободиться отъ такого горя, но сейчасъ слава богу начали познавать правильность, за которую, какъ и за васъ, мы — комитетъ готовы положить свою жизнь. Мы всѣ — нашъ комитетъ: я, Н., М., С. и прочіе, которые вамъ извѣстны, согласны, но остальные народы ни кто объ васъ не знаетъ и никогда знать не будетъ, потому что не могимъ вамъ и написать, какъ васъ уважаемъ, навѣрное господь васъ послалъ къ намъ въ нашъ Западъ. Затѣмъ покорнѣйше просимъ васъ, господинъ Х., не оставьте нашей просьбы и вышлите какъ-нибудь, когда можно, намъ книжичекъ, которыя мы могли бы читать своимъ товарищамъ крестьянамъ, потому что мы эти книжечки уже прочитали по нѣскольку разъ своимъ товарищамъ прочихъ деревень, которые приходятъ праздничнымъ днемъ, и мы уходимъ въ утаенное мѣсто куда-нибудь и читаемъ книжки и листки, и въ каждый праздникъ [illegible] прибытія все больше и больше.

Прошу, милостивый государь Х., не погасите наше соціальное распространеніе, и мы будемъ соединяться въ одну группу. До свиданія, остаюсь противостанникомъ правительства земли русской.

С—нъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Быстро растетъ число финляндскихъ политическихъ изгнанниковъ, вынужденныхъ царскими опричниками покинуть родину и поселиться на чужбинѣ. За послѣднія двѣ недѣли изъ Финляндіи высланы слѣдующіе граждане: предсѣдатель гласныхъ г. Экнеса, преподаватель учительской семинаріи Линдѣнъ, нотаріусъ вазасскаго гофгерихта баронъ фонъ-Троиль, исп. д. бургомистра г. Каскѣ Аминовъ, бывшій сенаторъ А. Нюбергъ, заслуженный пасторъ Улеаборга Валлинъ, бывшій сеймовый депутатъ Авлинъ. Помѣщику Христіерсону, находящемуся въ Норвегіи, запрещено возвращеніе въ Финляндію. Читатели, навѣрно, уже раньше обратили вниманіе на соціальное положеніе изгнанниковъ: это все лица съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, представители крупной буржуазіи, аграрной аристократіи и даже высшей администраціи, т. е. люди тѣхъ общественныхъ классовъ, слугой которыхъ въ Россіи является царизмъ. Въ Финляндіи то же самое правительство является врагомъ „господъ“ и прикидывается *пока* „другомъ“ народа; но этой дружбѣ, къ счастью, довѣряютъ лишь самые жалкіе въ умственномъ отношеніи пролетаріи, тогда какъ не только всѣ сознательные рабочіе, но и часть крестьянъ понимаетъ уже „благодѣянія“ Николая II. Старо-фенноманская партія является представительницей реакціонной демократіи, т. е. мелкой буржуазіи, *зажиточнаго* крестьянства и духовенства. Но нѣтъ правила безъ исключенія: нѣсколько пасторовъ до конца остались вѣрными финляндской конституціи, еще два года назадъ очень почтенная часть ихъ отказалась, несмотря на всевозможное давленіе со стороны недальновидныхъ епископовъ и, въ особенности, стараго интригана архіепископа Іогансона, обнародовать въ кирхахъ „законъ“ г. Куропаткина. Г. Валлинъ принадлежитъ къ числу немногихъ, къ сожалѣнію, пасторовъ, претерпѣвшихъ до конца, и вотъ онъ причисляется къ „агитаторамъ“, „членамъ кагала“ и т. п. Другого пастора, Топполу, арестовали 19 іюля (н. с.) въ деревнѣ, и полицейскіе съ жандармами привезли его въ Выборгъ, гдѣ его продержали въ тюрьмѣ двое сутокъ, и выпустили лишь по настоянію епископа, сославшагося на привиллегіи духовенства. Обращались съ нимъ грубо, какъ съ прочими „политическими“; его подвергали жандармскимъ допросамъ, которые не увѣнчались успѣхомъ. Высылка изъ Финляндіи ректора Улеаборгскаго лицея Розендаля (см. № 45), законоучителя и одного изъ руководителей особой народной секты піетистовъ*) въ Эстерботніи вызвала неудовольствіе среди широкихъ слоевъ народа. Передъ отъѣздомъ его посѣтило нѣсколько крестьянскихъ депутацій. Пасторы тоже отправили къ нему депутацію съ совѣтомъ „покаяться“, т. е. перейти въ лагерь старо-фенномановъ, и съ обѣщаніемъ въ такомъ случаѣ добиться „прощенія“. Г. Розендаль, предсѣдательствовавшій на ноябрьскомъ съѣздѣ оппозиціонной партіи въ Гельсингфорсѣ (см. № 33), разумѣется, отклонилъ это подлое предложеніе и отправился въ изгнаніе.

Недавно царь запретилъ выдавать *пожизненную* пенсію бывшему сенатору Л. Гриппенбергу, высланному въ маѣ. Не правда ли, опричники ведутъ очень выгодную экономическую политику: средства, украденныя ими такимъ образомъ, пригодятся на сыщиковъ и шпіоновъ, которыми теперь буквально наводняются всѣ уголки Финляндіи. Высылка высокопоставленныхъ финляндскихъ чиновниковъ — дѣло выгодное для Бобрикова и прочей братіи. При послѣднихъ обыскахъ палачи начали заставлять раздѣваться, словомъ, всѣ усовершенствованія азіатской жандармско-полицейской техники они спѣшатъ перенести на финляндскую почву. Они, видно, также распространители цивилизаціи и культуры, культуры застѣнка! Тоже культуртрегеры!!

„Фин. Газета“ благоразумно хранитъ гробовое молчаніе о всѣхъ высылкахъ послѣ первыхъ семи, а потому и наша подцензурная либеральная печать, раболѣпски перепечатывающая „сообщенія“ и „статьи“ органа Бобрикова, ничего не сообщаетъ о дальнѣйшихъ подвигахъ сатрапа и его помощниковъ. Зато мы будемъ внимательно слѣдить за всѣми высылками, протестовать противъ этого грубаго насилья и заставимъ, наконецъ, царское правительство заговорить о нихъ. „Фин. Газета“ уже давно вопитъ о „революціонномъ комитетѣ“, „революціонной партіи“ и т. п., но до сихъ поръ, какъ извѣстно читателю изъ нашихъ статей, въ Финляндіи существовала лишь *оппозиціонная* партія. Списки высылаемыхъ краснорѣчиво подтверждаютъ это положеніе. Неужели бывшіе сенаторы, крупные землевладѣльцы, фабриканты, купцы, бургомистры и друг. когда-либо бывали революціонерами?? Но высылки, какъ и другія насилія, дѣйствительно, скоро вызовутъ въ Финляндіи революціонеровъ; онѣ заставляютъ истинныхъ гражданъ заботиться объ искорененіи монархическаго духа среди финскаго народа, еще такъ недавно гордившагося своей преданностью монарху, основнымъ законамъ и отечеству. Первое звено должно выпасть изъ этой тріады. Подобную мысль уже начинаетъ высказывать финляндская умѣренная „нелегальная“ печать.

Недавно сообщалось „оффиціально“, что царь оставилъ „безъ послѣдствій“ заявленіе барона фонъ-Борна о незаконности его высылки и его прошеніе о преданіи его финляндскому законному суду. Подобный протестъ подалъ и графъ Маннергеймъ.

Въ каждой статьѣ намъ приходится говорить о преступленіяхъ новой полиціи въ Финляндіи. По приказанію клятвопреступника, ежегодно по новому штату отпускается на гельсингфорскую полицію 693,120 мар., вмѣсто прежней суммы въ 375,650 м.; изъ городскихъ средствъ идетъ на это „славное учрежденіе“ 198,034 мар., вмѣсто 125,217 мар. Число городовыхъ увеличено съ 187 до 341, причемъ каждый городовой приходится на 293 жителя, тогда какъ нормальнымъ считается заграницей и даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи 1 городовой на 500 жителей. О другихъ усиленіяхъ полиціи мы не будемъ говорить, да и кто могъ бы точно вычислить всѣхъ сыщиковъ, провокаторовъ, шпіоновъ и жандармовъ, подвизающихся теперь во славу самодержавія въ Финляндіи? Недавно въ финляндскихъ газетахъ сообщался любопытный эпизодъ съ двумя изящными барышнями, желавшими ѣхать даромъ на трамваѣ; онѣ, оказалось, имѣли на это право, такъ какъ состоятъ на службѣ въ сыскной полиціи. Это кажется всѣмъ финляндцамъ чѣмъ-то совершенно неслыханнымъ, и, дѣйствительно, въ Финляндіи никогда ничего подобнаго не бывало. Масса спеціальныхъ сыщиковъ посѣщаетъ рестораны, ѣздитъ по желѣзной дорогѣ, снуетъ по постоялымъ дворамъ и пр. Въ числѣ финляндскихъ сыщиковъ видную роль играютъ „русскіе уроженцы“, живущіе съ дѣтства въ Финляндіи.

На дняхъ Кайгородовъ издалъ „обязательное постановленіе“, произвольно исключающее изъ вѣдѣнія суда дѣла съ гостиницами и ресторанами. Онъ приказываетъ всѣмъ подобнымъ заведеніямъ давать пріютъ, кушанье и питье всѣмъ желающимъ; онъ требуетъ также, чтобы всѣ заведенія, дающія ночлегъ, записывали въ особыхъ книгахъ и на доскѣ имена пріѣзжихъ, чтобы полиція могла вести контроль. Въ селахъ и маленькихъ городахъ никогда до сихъ поръ не было и рѣчи о чемъ-либо подобномъ, такъ какъ въ Финляндіи царила во всѣхъ отношеніяхъ полнѣйшая свобода. „Провинившимся“ помпадуръ грозитъ штрафомъ до 400 мар.

Съ августа (нов. ст.) заграничные паспорта выдаются лишь въ губернскихъ управленіяхъ, тогда какъ до сихъ поръ они получались очень легко и просто черезъ бургомистровъ и др. Словомъ, во всемъ сказывается новый режимъ.

Три финляндскихъ помпадура стараются ни въ чемъ не отстать отъ своихъ русскихъ коллегъ. Куопіоскій губернаторъ Бергъ заставилъ аптекаря уволить провизора „за агитацію“ по воинскому вопросу; далѣе онъ приказалъ арестовать одного управляющаго имѣньемъ за то же „преступленіе“, но полиція пока не могла розыскать послѣдняго. Абоскій помпадуръ Лангъ произвелъ нѣсколько подобныхъ арестовъ; между прочимъ, онъ, лишь *по подозрѣнію*, продержалъ недѣлю въ тюрьмѣ виднаго представителя фин. рабочей партіи Г. Тайніо. Лѣто Бобриковъ „отдыхаетъ“ въ своемъ имѣніи въ Россіи, но за него, какъ видимъ, старается его доблестный помощникъ Дейтрихъ, энергично высылающій лучшихъ гражданъ. Онъ пытается заслужить лишній крестикъ „за усердіе“ на чаекъ.

Читатели уже прочли, должно быть, въ легальныхъ газетахъ „сообщеніе“ „Фин. Газеты“ о новыхъ программахъ казенныхъ фин. лицеевъ, въ которыхъ число недѣльныхъ уроковъ русскаго языка увеличено съ 30 до 40, „государственный“ языкъ сдѣланъ обязательнымъ во всѣхъ классахъ за исключеніемъ трехъ классическихъ лицеевъ съ греческимъ языкомъ въ послѣднихъ классахъ, и преподаваніе русскаго языка должно вестись впредь исключительно на немъ. За два года число уроковъ русскаго языка было увеличено до 30, но этого все мало сатрапу. Большая часть финляндцевъ жила до послѣднихъ лѣтъ совершенно безъ знанія русскаго языка, но теперь „общегосударственные интересы“ вдругъ затребовали введенія повсюду русскаго языка. Александръ III въ 1890 г. положилъ начало этой насильственной реформѣ. Бобриковъ обѣщалъ не утверждать новаго штата политехническаго института до тѣхъ поръ, пока преподаваніе „общегосударственнаго“ языка не будетъ поставлено на должную высоту и не будетъ выяснено число неявившихся къ призывамъ студентовъ института. Заслуженный директоръ ст. совѣтн. Квистъ подалъ немедленно въ отставку. Наконецъ, въ ближайшемъ будущемъ будетъ произведена важная „реформа“: названія улицъ должны быть написаны *сначала* по-русски, потомъ по-фински и, наконецъ, по-шведски, а, боже упаси, не въ обратномъ порядкѣ, какъ до сей поры!!!

Требованія знанія русскаго языка доходятъ до комичнаго: Бобриковъ не утвердилъ, между прочимъ, однажды въ должности одного учителя *глухонѣмыхъ*, такъ какъ онъ не зналъ русскаго. Дальше, кажется, некуда итти идіотизму царизма!

Мелочность жандармской цензуры въ Финляндіи переходитъ всѣ границы: недавно газетамъ запрещено употреблять старую рубрику — „Швеція“ для извѣстій изъ этой страны, съ которой Финляндія тѣсно соединена всей своей культурной жизнью. Съ годъ тому назадъ газетамъ запретили рубрику — „Россія“.

Освобожденіе порабощаемой самодержавіемъ страны немыслимо безъ сверженія этого позорнаго ига въ самой „имперіи“. Эта незамысловатая мысль все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сознаніи всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ маленькаго угнетеннаго народа. Финляндскіе борцы могутъ ускорить спасеніе своей прекрасной родины лишь самой энергичной моральной и матеріальной поддержкой Россійской Соціальдемократической Партіи. Лишь идя рука объ руку съ нами къ нашей общей великой цѣли, финскій народъ добьется политической свободы, которая не будетъ зиждиться на клятвѣ русскихъ деспотовъ и которой никто уже никогда не будетъ въ состояніи уничтожить.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика! — вотъ славный девизъ всѣхъ стонущихъ подъ жандармскимъ царизмомъ.

P. S. Третій очередный конгрессъ Фин. Рабочей Партіи долженъ состояться на дняхъ въ фабричномъ мѣстечкѣ Форса, на что, кажется, наконецъ согласились власти. Руководители Рабочей Партіи сначала предполагали устроить конгрессъ въ Улеаборгѣ, затѣмъ въ Таммерфорсѣ, но имъ не было почему-то разрѣшено. Отчетъ о засѣданіяхъ конгресса мы дадимъ въ слѣдующей статьѣ.

Недавно въ Выборгѣ не могъ состояться съѣздъ представителей рабочихъ механической промышленности, такъ какъ на это во-время не было получено „надлежащаго разрѣшенія“.

За послѣднее время, благодаря агитаціи Рабочей Партіи, происходятъ удачныя стачки торпарей (т. е. мелкихъ безземельныхъ арендаторовъ); многіе фин. землевладѣльцы добровольно сократили рабочій день въ своихъ имѣніяхъ. Вообще эта благоразумная реформа находитъ широкое примѣненіе въ Финляндіи въ этомъ году.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Всеобщая стачка въ Кіевѣ. (Отъ нашего корреспондента.) Охватить всю ту массу событій, какія произошли въ Кіевѣ во время десяти-дневной всеобщей стачки, и дать имъ надлежащую оцѣнку въ небольшой корреспонденціи крайне трудно; для этого нужна отдѣльная брошюра. Но насколько это возможно, постараюсь намѣтить главные этапы въ развитіи движенія. На деталяхъ останавливаться не буду. Буду краткокъ. Въ первыхъ числахъ іюля кіевскій соц.-дем. Комитетъ рѣшилъ подготовить почву для забастовки въ жел. дор. мастерскихъ. Къ этому времени до насъ стали доходить смутные слухи изъ Баку и Одессы. Вопросъ объ устройствѣ стачки былъ рѣшенъ Комитетомъ въ утвердительномъ смыслѣ на засѣданіи 17 іюля. Было рѣшено, что стачка будетъ провозглашена 21 въ понедѣльникъ. Сигналомъ для ея провозглашенія должны были послужить: массовое распространеніе листковъ и „требованій“ и тревожный гудокъ. Листки были заготовлены двухъ родовъ. Одни общаго содержанія — „Къ борьбѣ“, другіе — съ требованіями жел. дор. рабочихъ, изложенными въ 15 пунктахъ. Предполагалось еще немедленно послѣ провозглашенія стачки устроить митингъ, съ политическими рѣчами, за мастерскими въ полѣ. Послѣдняго не удалось осуществить. Все же остальное произошло какъ по писанному. Въ тотъ же день забастовалъ Южно-Русскій машиностроительный заводъ и рабочіе жел. дор. депо, всего около 4000 человѣкъ. На слѣдующій день, во вторникъ, присоединились всѣ типографщики въ количествѣ около 1400 чел. Вечеромъ они собрались на сходку около Цѣпного моста, гдѣ 64 чел. изъ ихъ числа и было арестовано. Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ было арестовано на дому чел. десять рабочихъ и интеллигентовъ.

Во вторникъ былъ распространенъ печатный листокъ къ типографщикамъ. Въ среду и четвергъ распространялся листокъ съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ. Уже въ среду стачка стала принимать всеобщій характеръ. Забастовали заводы Греттера, Арсеналъ и друг. мелкіе заводы и мастерскія.

Въ среду утромъ отъ 9-10 час. комитетскій ораторъ произнесъ политическую рѣчь на вокзалѣ во дворѣ жел. дор. мастерскихъ передъ сходкой въ 2500 чел. Въ тотъ же день вечеромъ произошла совершенно неожиданная, ничѣмъ не вынужденная провокаторская бойня рабочихъ на вокзалѣ. Точную цифру убитыхъ и раненныхъ до сихъ поръ не удалось установить. Слѣдуетъ думать, что за все время стачки было убито не болѣе 15 чел., ранено же около 200. На вокзалѣ сразу убито было четыре человѣка, послѣ умерло еще четыре; два трупа были найдены въ лозахъ, на берегу Днѣпра. Вѣрно, эти раненные забѣжали туда и тамъ скончались. Одинъ трупъ съ огнестрѣльными ранами былъ подброшенъ полиціей подъ поѣздъ для симуляціи самоубійства (См. „Кіевлянинъ“), и наконецъ два челов. было убито въ пятницу во время стрѣльбы на Подолѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о 13 трупахъ. Въ дѣйствительности ихъ было, вѣрно, нѣсколько больше.

На слѣдующій день послѣ выстрѣловъ, въ четвергъ, стачка приняла безусловно всеобщій характеръ: забастовали всѣ трамваи, въ томъ числѣ и святошинскій, булочники, всѣ ремесленники, корсетницы, папиросницы, табачныя фабрики, (нѣкоторыя со вторника), мебельныя фабрики, всѣ рѣшительно заводы, въ томъ числѣ рафинадный, дрожжевой, кирпичные, бетонный, портовые рабочіе, матросы, прекратилось движеніе пароходовъ по Днѣпру и т. д. Въ пятницу къ забастовкѣ присоединились человѣкъ 20 телеграфистовъ Упр. Ю.-З. Ж. Д. Къ забастовкѣ начали присоединяться строительные рабочіе — плотники, каменщики, штукатуры. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходила ожесточенная обструкція. Всюду по улицамъ ходятъ забастовщики. Нѣкоторыя булочныя, водопроводъ и электрическая станція охраняются солдатами. Происходятъ самопроизвольныя демонстраціи на Еврейскомъ Базарѣ въ четвергъ и на Сѣнномъ Базарѣ въ пятницу. На Еврейскомъ Базарѣ ранено два казака. Всюду на окраинахъ рабочіе гайками и камнями подшибаютъ офицеровъ и солдатъ. Въ среду и четвергъ въ госпиталь было привезено 16 раненныхъ солдатъ. Рабочіе рвутся на демонстрацію, хотятъ прійти вооруженными. Два раза въ теченіе четверга Крещатикъ наполняется забастовщиками. Городъ въ паникѣ. Въ четвергъ утромъ около 60 рабочихъ, вооружившись, пришли на мѣсто бойни на вокзалъ и отказались разойтись по требованію войскъ. Организованнымъ рабочимъ съ трудомъ удалось убѣдить ихъ разойтись между вторымъ и третьимъ сигналомъ. Въ случаѣ, если бы демонстрація состоялась, рабочіе сами нападали бы на войска. Комитетъ не въ силахъ былъ бы *организовать* демонстрацію и *руководить* ею. Произошла бы вредная для соц.-дем. бойня. Рѣшено было демонстраціи не устраивать, и въ четвергъ утромъ (семь час.) Комитетъ выпустилъ листокъ, призывающій рабочихъ всеобщей стачкой отвѣтить на преступленіе правительства. Нашей местью будетъ стойкая, единодушная, всеобщая стачка — говорилось тамъ. Наше спокойствіе и единодушіе всего страшнѣе правительству; оно жаждетъ силой оружія подавить наше движеніе. Многіе рабочіе бастовали съ четверга, не выставляя никакихъ требованій. Когда, напр., вагоноважатыхъ трамвая первоначально спросили, чего они требуютъ, — они отвѣтили: „мы ничего не хотимъ“. — „Чего же вы бастуете?“ — „Да вотъ вчера стрѣляли на вокзалѣ, а сегодня мы не будемъ работать“. Еще въ началѣ забастовки, до стрѣльбы, въ ней несомнѣнно присутствовалъ элементъ политическаго протеста. Правда, сознательное отношеніе къ самодержавію, какъ къ формѣ правленія, было лишь у немногихъ участниковъ стачки, но инстинктивное недовольство существующими государственными порядками руководило очень многими забастовщиками и явилось причиной всеобщей стачки. Формулировалось это недовольство крайне разнообразно. „Почему это бастуютъ?“ спросилъ я въ первый день стачки у извозчика, на которомъ я ѣхалъ. — „Да какъ не бунтовать, отвѣтилъ тотъ, на фабрикахъ прижимки и обирательство, *кругомъ — всякое нахальство*“. Послѣднее выраженіе чрезвычайно мѣтко характеризуетъ общее настроеніе.

Движеніе какъ и слѣдовало ожидать, не удержалось въ мирномъ руслѣ всеобщей стачки. Помимо демонстрацій на Еврейскомъ и Сѣнномъ базарахъ, возбужденное настроеніе кіевскихъ рабочихъ сказалось еще въ крупныхъ безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто на Подолѣ въ пятницу и субботу. Въ пятницу безпорядки произошли во время „разгрома“ мельницы Бродскаго; разгромъ состоялъ въ томъ, что рабочіе, преимущественно подростки, выбили всѣ окна на этой мельницѣ. Явленіе обычное, — въ сущности, не болѣе какъ символическое оскорбленіе; но власти захотѣли придать ему серьезный характеръ, — уничтоженія скопомъ чужого имущества. Были вызваны войска. Произведено было нѣсколько залповъ, отъ которыхъ пострадало нѣсколько постороннихъ людей, пріѣзжавшихъ на пароходѣ изъ Екатеринослава. Убиты два плотовщика (фамилія одного Майченко, а фамилія другого неизвѣстна). Ранены: Книшовъ — буфетчикъ гостиницы Бель-Вю (огнестрѣльная рана навылетъ праваго легкаго) и клоунъ цирка Феррони — Брониславъ Вагнеръ (переломъ основанія черепа отъ удара прикладомъ; острое безуміе). На вокзалѣ въ среду въ числѣ прочихъ ранена пулей Бабенкова, жена жел.-дор. рабочаго, беременная на седьмомъ мѣсяцѣ. Въ субботу на Подолѣ въ два часа дня били казаковъ. Всего за эти два дня было выбито изъ вражескихъ рядовъ человѣкъ 15. Видя, что неоформленныя вспышки народнаго возмущенія самопроизвольно возникаютъ, Кіевскій Комитетъ рѣшилъ все таки устроить демонстрацію, придавъ ей по возможности мирный характеръ. Демонстрація была назначена на воскресенье, 27-го, въ часъ дня на Софійской площади съ пѣніемъ „вѣчной памяти“ убитымъ, съ вѣнками, съ обнаженными головами. Къ несчастью, ее постигла неудача; призывные листки попали къ рабочимъ лишь въ 11 ч. утра, то есть за два часа до начала демонстраціи. Помимо того, къ воскресенью всеобщее возмущеніе уже улеглось. Съ 12 ч. возобновилось движеніе трамвая по всѣмъ линіямъ. Городъ какъ-бы вымеръ. На демонстрацію явилось не болѣе 1.000 чел., почти исключительно рабочіе. Шли, не останавливаясь, большими группами. Проходили мимо назначеннаго мѣста и больше не возвращались. Группы рабочихъ были видны на всемъ протяженіи Владимірской улицы, отъ Софійскаго собора до театра. Начинать при такихъ условіяхъ не стоило. Къ двумъ часамъ всѣ разошлись. Весь дворъ Софійскаго собора былъ наполненъ войсками.

---

*) Піетисты отличаются особой набожностью и строгостью нравовъ и считаютъ всякія, даже самыя невинныя развлеченія грѣхомъ; это — самые безобидные и добрые простые люди.

Повсемѣстно работы начались съ перваго августа. Крупную побѣду одержали типографщики, вагоновожатые, рабочіе дрожжевого завода Чоколова и мельницы Бродскаго. Арсенальнымъ рабочимъ обѣщано введеніе восьмичасового рабочаго дня и увеличеніе платы. Въ жел.-дор. мастерскихъ 2 августа появилось объявленіе, въ которомъ *обѣщаны* уступки по всѣмъ 15 пунктамъ требованій Комитета. Въ заключеніе начальникъ дорогъ Немѣшаевъ рекомендуетъ рабочимъ на будущее время „не прибѣгать къ убыточнымъ для себя и для казны забастовкамъ, не достигающимъ къ тому же никакой цѣли“. Въ остальныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и мастерскихъ, кажется, уступокъ не предвидится. Арестованныхъ въ тюрьмѣ 18, въ казармахъ артиллеристовъ и въ крѣпости 300 человѣкъ.

До сихъ поръ настроеніе среди рабочихъ возбужденное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., въ жел.-дор. мастерскихъ) возможно было бы немедленно устроить вторичную стачку, но она носила бы теперь чисто экономическій характеръ: настаиваютъ на ней консервативные цехи (особенно вагонный); организованные же жел.-дорожные рабочіе предпочитаютъ приберечь силы для всеобщей стачки, имѣющей политическое значеніе.

За все время забастовки Комитетомъ выпущены слѣдующіе листки: 1) „Къ борьбѣ“ (описаніе бакинскихъ и одесскихъ событій), 2) „Требованія жел.-дор. рабочихъ“, 3) „Ко всѣмъ типографщикамъ г. Кіева“, 4) Призывъ ко всеобщей стачкѣ (обращеніе ко всѣмъ кіевскимъ рабочимъ, причемъ всѣ профессіи перечисляются поименно и приглашаются присоединиться къ начавшейся стачкѣ), 5) Объ убійствахъ на вокзалѣ, 6) Призывъ къ демонстраціи, 7) Ко всѣмъ гражданамъ (характеристика современнаго положенія и того политическаго значенія, какое имѣетъ борьба пролетаріата), 8) Итоги стачки, 9) Ко всѣмъ солдатамъ кіевскаго воен. окр. (послѣдняя усиленно распространяется среди солдатъ, издана въ количествѣ 4.000 и пользуется успѣхомъ). Всего отпечатано около 24.000 листковъ (наша типографія, кажется, единственная изъ всѣхъ кіевскихъ типографій, не подумывала о забастовкѣ). Кромѣ того, отдѣльныя требованія печатались на гектографѣ — листковъ восемь-десять. Въ пользу стачечниковъ и семей убитыхъ собрано около 600-700 рублей.

Кіевъ (изъ частнаго письма). .....Столкновенія были грандіозныя! Я лично, напримѣръ, присутствовала при столкновеніи „войска“ съ рабочими мукомольной мельницы Бродскаго. Зрѣлище поразительное! Это было утромъ, часовъ въ 11. Рабочіе, работающіе на противоположномъ берегу Днѣпра, захотѣли переѣхать въ городъ къ остальнымъ товарищамъ. Переѣзжаютъ они обыкновенно на пароходикѣ, но теперь управляющій мельницы запретилъ перевозить ихъ. Тогда рабочіе, находившіеся на этомъ, городскомъ берегу, взяли пароходикъ и поѣхали за товарищами сами. До того берега они добрались благополучно, взяли товарищей, не всѣхъ, конечно, а часть и направились въ городъ. Такъ какъ у нихъ капитана не было, то имъ съ большимъ трудомъ удалось пристать къ берегу. Тутъ ихъ встрѣтили громкими криками „ура“ и ружейными выстрѣлами, которые смертельно ранили двухъ монаховъ, случайно переѣхавшихъ на этомъ пароходѣ, и нѣсколькихъ рабочихъ — двухъ довольно тяжело. Другое столкновеніе было на вокзалѣ. Меня тамъ не было, были знакомые. Произошло оно по слѣдующей причинѣ: послѣ двухдневной забастовки, рабочіе съ женами вышли на линію и разлеглись по рельсамъ. Полиція, послѣ нѣсколькихъ окриковъ, начала, безъ предупрежденія, стрѣлять. Убитыми оказались, говорятъ, трое, а раненыхъ, я знаю, много. Толпа была громадная, давка неимовѣрная. Казаки прямо топтали лошадьми людей. На слѣдующій день рабочіе направились на Шулявку, взяли тамъ одного изъ убитыхъ товарищей, положили на носилки и понесли его по направленію къ Крещатику съ намѣреніемъ положить по серединѣ улицы, чтобы всѣмъ показать звѣрства нашей полиціи. Но они успѣли добраться только до Кириловской, а тутъ ихъ встрѣтили казаки, солдаты, городовые и, послѣ довольно упорной стычки, мертвеца забрали въ Александровскую больницу, а толпу разогнали.

Екатеринославъ (разсказъ участника событій). Всеобщая забастовка въ Тифлисѣ, Батумѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Николаевѣ подняла настроеніе рабочихъ города Екатеринослава, и комитеты Рос. С. Д. Р. П. (ихъ въ Екатер. два) рѣшили призвать екатеринославскихъ рабочихъ къ стачкѣ и протесту противъ существующаго политическаго и экономическаго гнета. Для руководства стачкой комитеты, обычно дѣйствующіе врозь, образовали стачечную коммиссію изъ равнаго количества членовъ отъ обоихъ. Прокламаціи, кромѣ бюллетеней, должны были выходить отъ имени комитетовъ. На предложеніе соц.-рев. о совмѣстной работѣ стачечная коммиссія отвѣтила, что единственнымъ актомъ совмѣстной работы можетъ быть лишь назначеніе дня стачки. Раньше двухъ дней отвѣтъ не могъ быть переданъ, и за это время соц.-революціонерами была выпущена прокламація съ призывомъ къ стачкѣ на понедѣльникъ, 4 августа. Стачечная же коммиссія находила возможнымъ начать забастовку лишь въ четвергъ, 7-го, и она рѣшила не допустить начать забастовку въ понедѣльникъ, въ виду неподготовленности къ ней массы и организаціи; въ то же время стачечная коммиссія сочла необходимымъ войти въ сношеніе съ соц.-рев. и предложить имъ пріостановить свои дѣйствія и перенести день забастовки на четвергъ, на что соц.-рев. согласились. Было ли соц.-революціонерами что-либо предпринято въ смыслѣ пріостановки забастовки — неизвѣстно. Въ двухъ заводахъ одинъ-два цеха начали забастовку, но въ самомъ началѣ она была прекращена соц.-демокр., которые призывали рабочихъ подождать нѣсколько дней, до призыва къ стачкѣ отъ Партіи соц.-дем. Затѣмъ во вторникъ партіей соц.-рев. была устроена забастовка среди булочниковъ. Большинство рабочихъ булочныхъ побросало работу; хлѣбъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ держался на высокой цѣнѣ, но по приказанію полиціи къ вечеру того же дня упалъ до нормы, причемъ нѣкоторые хозяева были оштрафованы на довольно значительныя суммы за искусственное поднятіе цѣнъ — напр., Сольцъ на 500 руб. Въ среду стачечники-булочники собрались въ количествѣ ста чел. для выработки требованій. Полиція, узнавъ о собраніи, арестовала свыше 60 чел., жестоко избила ихъ, препроводила въ третій участокъ и оттуда разослала на родину. Какъ сильно били рабочихъ, можно судить со словъ околодочнаго: „Натѣшили мы сегодня свои души надъ жидами, такъ ихъ избили, что вѣкъ будутъ помнить жидовскія морды русскую полицію“, кричалъ онъ на весь вагонъ трамвая, гдѣ большинство были тѣ же евреи.

Начиная съ понедѣльника полиція стояла у заводовъ, а жандармы внутри заводовъ оберегали гудки. Забастовка въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, гдѣ настроеніе было наиболѣе приподнятое, гдѣ цѣлый мѣсяцъ поговаривали о стачкѣ, началась 7-го августа, какъ это было рѣшено стачечной коммиссіей. Въ восемь часовъ утра тревожно зазвенѣли звонки у машинъ, раздались крики: „Стачка, стачка, бросайте работу, выходите во дворъ, да здравствуетъ стачка!“ Выпрямились согнутыя спины: рабочіе побросали работу, но тотчасъ же выйти во дворъ не могли; во дворѣ и у дверей завода стояло войско, полиція съ вице-губернаторомъ во главѣ. „Господа, зачѣмъ вы слушаетесь злонамѣренныхъ людей, зачѣмъ устраиваете бунтъ? вѣдь и мы люди и мы можемъ понять ваши нужды, попросите насъ, все, что можемъ, мы сдѣлаемъ для васъ. Встаньте тотчасъ же на работу, выберите нѣсколько человѣкъ и выскажите намъ, чего вы хотите; мы разсмотримъ и удовлетворимъ васъ, поскольку возможно“ — пѣлъ помпадуръ. — „Если же не послушаетесь, то берегитесь; мы изобьемъ васъ, бунтовщиковъ, нагайками, голодомъ поморимъ ваши семьи, повыселяемъ на родину, засадимъ по тюрьмамъ, да и войско у насъ есть“, — уже не пѣлъ, а неистово кричалъ онъ. Затѣмъ выступилъ управляющій мастерскими и говорилъ то же, что и вице-губернаторъ. На обѣ рѣчи былъ одинъ отвѣтъ: „мы не вѣримъ вамъ, мы не начнемъ работать до тѣхъ поръ, пока не подпишете нашихъ требованій и не вывѣсите ихъ въ мастерскихъ“. На угрозы же помпадура отвѣтили крикомъ и свистомъ. „Запереть ихъ на заводы и не выпускать!“ — распорядился вице-губернаторъ. Рабочіе начали неистово кричать и требовать, чтобы ихъ отпустили домой, что они не намѣрены умирать съ голоду. Помпадуръ сдался и отворились ворота завода и двора. Рабочіе толпой хлынули на улицу поселка; часть пошла по домамъ, большинство же сомкнутой толпой тысячи въ двѣ двинулось къ заводу Эзау. Толпа быстро прибыла къ заводу и съ насыпи стала кричать: „товарищи, бросайте работу, выходите къ намъ“, „да здравствуетъ забастовка!, да здравствуетъ рабочій классъ!“ На заводѣ раздались звонки, тревогу забилъ гудокъ (видно плохо его жандармы оберегали), и рабочіе Эзау, быстро бросивъ работу, присоединяются къ товарищамъ. Теперь они идутъ къ Брянскому заводу. Удастся ли и тамъ прекратить работу? Они идутъ по насыпи. Солдаты, полиція перерѣзали имъ дорогу: „остановитесь!“ Дрогнула было толпа; но вотъ одинъ, другой, третій спрыгнули на полотно дороги, и вся толпа уже тамъ. Съ двумя дѣвушками-работницами впереди, смѣло и безпрепятственно, она входитъ въ заводъ... Снова крики радости... Сотни остались за станками, тысячи вышли вмѣстѣ съ товарищами и направились къ трубопрокатному заводу. Здѣсь у воротъ завода ихъ встрѣтилъ самъ директоръ, блѣдный, дрожащій, съ револьверомъ въ рукахъ. „Не входите, я буду стрѣлять“, еле внятно лепеталъ онъ. Рабочіе подошли къ нему и строго потребовали спрятать револьверъ, что онъ и сдѣлалъ, но руки изъ кармана не вынималъ; тогда рабочіе рѣшили обезоружить труса. Одни взяли его сзади за руки, но директоръ быстро выхватилъ револьверъ и побѣжалъ въ контору, стрѣляя по дорогѣ, хотя его никто не трогалъ; въ конторѣ онъ продолжалъ стрѣлять изъ окна, но дрожащія руки не слушались его, и выстрѣлы попадали въ пустое пространство. Рабочіе, глубоко возмущенные директоромъ, послали рядъ камней въ окна конторы; одни изъ нихъ угодили прямо въ директорскую физіономію, что и заставило негодяя прекратить его гнусное занятіе. Прибыли рабочіе изъ гвоздильнаго завода; теперь всѣ заводы этого района Екатеринослава прекратили работу. Многотысячная толпа рѣшила итти черезъ Брянскій заводъ на фабричную слободку и тамъ устроить собраніе. По дорогѣ быстро разнеслась вѣсть, что въ Брянскомъ заводѣ заперто до тысячи человѣкъ, принуждаемыхъ силой къ работѣ. Дѣломъ нѣсколькихъ минутъ было двинуться на помощь, но извѣстіе оказалось ошибочнымъ; это сотни отщепенцевъ, бросивъ, наконецъ, работу, все же не находили въ себѣ мужества встать въ ряды своихъ товарищей и со двора завода съ любопытствомъ и страхомъ смотрѣли на толпу рабочихъ и войска.

У Брянскаго завода толпа случайно раздѣлилась: одна часть пошла по насыпи, другая низомъ. Тутъ полиція и войско направили всю силу на то, чтобы не дать больше соединиться толпѣ. Послѣдняя же, наоборотъ, старалась соединиться. Съ момента разъединенія рабочихъ казаки и конная полиція терроризировали рабочихъ, набрасываясь на нихъ съ нагайками. Особенно усердствовалъ казачій офицеръ. Рабочіе градомъ камней легко и быстро обращали въ бѣгство баши-бузуковъ. При входѣ въ фабричный поселокъ стояла масса войска и полиціи; послѣдняя потребовала отъ рабочихъ, чтобы они разошлись, или, по крайней мѣрѣ, вошли въ поселокъ не улицей, а берегомъ рѣки. Рабочіе прекрасно поняли уловку полиціи: тогда они будутъ вполнѣ отдѣлены отъ товарищей, идущихъ по насыпи, и будутъ отданы во власть опричниковъ и ихъ нагаекъ, — и они твердо заявили, что въ поселокъ они войдутъ здѣсь. Видя рѣшимость многотысячной толпы, полиція сняла цѣпь солдатъ и пропустила рабочихъ, но продолжала мѣшать соединиться съ другой частью стачечниковъ. Съ начала стачки съ рабочими были ихъ жены, сестры и дѣти. Одна изъ женщинъ стояла на насыпи, и казачій офицеръ, подскочивъ къ ней, ударилъ ее нагайкой; она оторвала конецъ нагайки, въ которомъ, какъ всегда, былъ вдѣланъ внутри ремня кусокъ желѣзнаго стержня въ палецъ длины и толщины. Женщина подняла его кверху и закричала: „смотрите, чѣмъ бьютъ васъ, вашихъ дѣтей, вашихъ женъ и вашихъ старухъ-матерей! Вѣдь мы скотину не ударили бы этимъ“, и она схватила кирпичъ, подбѣжала къ офицеру, ударившему ее, и ударила его въ голову. Офицеръ зашатался. Казаки съ нагайками набросились на женщину. Рабочіе кинулись защищать ее, схватили камни и начали бросать въ казаковъ: тѣ было бросились къ толпѣ, но градъ камней обратилъ ихъ въ бѣгство.

Тогда офицеръ отдѣлилъ человѣкъ 40 солдатъ, и, выстроивъ ихъ въ два ряда, безъ малѣйшаго предупрежденія скомандовалъ „на прицѣлъ“. — „У насъ боевыя“ докладывалъ фельдфебель. Офицеръ молча киваетъ головой и командуетъ: „пли“ и самъ первый стрѣляетъ изъ револьвера. Упалъ одинъ, другой, и вотъ уже около трехъ десятковъ на землѣ. Раздалися стоны, крики, а рабочіе еще не вѣрятъ, что это — боевые заряды: не могутъ же ихъ убивать за то лишь, что они хотятъ улучшить свою долю, что они защищаютъ своихъ женъ. Но фактъ на лицо и, увѣрившись въ немъ, мрачные, полные негодованія, рабочіе разбрелись по домамъ, видя, что войско готовятъ къ продолженію бойни. Женщины съ полотенцами и водою въ рукахъ бросились къ раненымъ, чтобы оказать посильную помощь, но казаки разгоняли женщинъ. Полиція мертвыхъ отвела въ заводскую часовню, раненныхъ въ больницы. Среди 11-ти убитыхъ было двое дѣтей, одинъ пожилой мужчина лѣтъ 45, остальные отъ 17 до 25 лѣтъ. Среди тяжело раненныхъ — 13 человѣкъ — были двѣ женщины, одинъ мальчикъ, остальные взрослые мужчины. Изъ этихъ 13 трое умерли уже. Сверхъ того считаютъ до 15 легко раненныхъ. Большинство пуль попало въ грудь, лицо и голову. Какое впечатлѣніе произвели убійства, видно изъ слѣдующаго факта. Въ первый день забастовки одинъ изъ членовъ Комитета находился въ квартирѣ, куда должны были приходить, черезъ опредѣленные промежутки времени, послѣ крупныхъ событій, товарищи рабочіе, чтобы дать подробный отчетъ о ходѣ стачки. Послѣ бойни вбѣгаетъ одинъ изъ руководителей стачки рабочій съ крикомъ: „Поймите, стрѣляли, они убиты, убиты десятки людей, кровь, стоны кругомъ... Я живъ, о зачѣмъ я живъ! Вы, Комитетъ, вы руководители наши, научите же, что теперь должны мы дѣлать“. Жена его рыдала о погибшихъ, она только что вернулась оттуда. Товарищъ изъ Комитета поблѣднѣлъ, услыхавъ объ этомъ кровавомъ исходѣ мирной стачки. Ему оставалось отвѣтить то, что можно отвѣтить въ этомъ случаѣ. „Эти жертвы ужасны, кровью ихъ обагрилась земля, которая дастъ всходы: каждая капля этой крови дастъ не одинъ десятокъ борцовъ. Вспомни, товарищъ, что люди гибнутъ каждый день безполезно, гибнутъ отъ чрезмѣрной работы, отъ несчастныхъ случаевъ. Въ этихъ же смертяхъ есть глубокій смыслъ. Взгляни же прямо, товарищъ, на умершихъ и раненныхъ, и пусть ихъ кровь вольется въ нашу, и сильнѣе, и глубже станетъ наша ненависть ко всѣмъ насильникамъ, ко всему существующему несправедливому, гнусному строю“. Жена товарища рабочаго спокойно сказала: „жандармы идутъ къ намъ“. Столь же спокойно сказалъ ея мужъ: „кто либо одинъ изъ насъ еще можетъ уйти. — Идите“, и онъ отворилъ окно, выходившее въ одно изъ надворныхъ построекъ. Женщина крѣпко заперла окна, закрыла ихъ ставнями и сказала: „Когда я два раза ударю въ стѣну, вы можете выходить во дворъ“. Спокойно вышла во дворъ и отперла дверь жандармамъ. Жандармы вошли въ другую квартиру...

Цѣлый день волновались рабочіе въ поселкахъ. Группами собирались, глубоко возмущались и спрашивали другъ друга, за что въ нихъ стрѣляли. За кусокъ хлѣба жизнью приходится платить, говорило большинство рабочихъ. Сознательные рабочіе объясняли товарищамъ, почему въ нихъ стрѣляли. Рабочіе внимательно слушали и глубоко вдумывались въ рѣчи. Въ этотъ день большихъ собраній не было. Всѣхъ созывали на завтра на Чечелевскую площадь у народнаго театра.

Въ заводскихъ же поселкахъ, Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ этотъ день прошелъ спокойно, забастовалъ изъ всѣхъ заводовъ лишь одинъ. Управляющій вагоно-строительнаго завода умилился душой, что рабочіе этого завода не поддержали желѣзнодорожныя мастерскія и, созвавъ ихъ, сказалъ имъ прочувствованную рѣчь: „Хорошо ребята, что не послушались вы злоумышленниковъ и не начали бунта, какъ другіе негодяи. За это, братцы, говорю вамъ большое спасибо и министру о васъ донесу, а черезъ него Его Императорскому Величеству. И пришлетъ Онъ вамъ свое царское спасибо“. — „Рады стараться!“ закричали нѣкоторые изъ рабочихъ. Довольный и спокойный ушелъ начальникъ, и сонъ, вѣроятно, онъ видѣлъ хорошій; по крайней мѣрѣ не снилось ему, что завтра „братцы“ наплюютъ на царское спасибо и станутъ тѣми же „негодяями“, что и рабочіе другихъ заводовъ. Въ городѣ забастовало много мастерскихъ; газеты не выходили, „Вѣстникъ Юга“ — три дня, а „Приднѣпровскій Край“ — два дня. Рабочіе группами ходили по мастерскимъ и останавливали работу. Нигдѣ рабочимъ не приходилось употреблять насиліе. всѣ рабочіе охотно сами бросали работу и присоединялись къ забастовщикомъ. Продолжали работать мельницы, лѣсопильни, пивной заводъ Боте, заводъ Лещевера, кой-какія отдѣльныя мастерскія, булочники. Послѣдніе, обезсиленные преждевременной забастовкой, не могли вторично пристать къ забастовкѣ. Хлѣбъ за дни всеобщей забастовки въ цѣнѣ не поднимался. На слѣдующій день съ ранняго утра толпы рабочихъ, ихъ женъ, дѣтей двинулись на назначенное мѣсто, но здѣсь стояли войско, казаки, полиція и разгоняли рабочихъ. Многіе ушли по домамъ, но все же къ восьми часамъ утра собралась толпа въ полторы-двѣ тысячи чел., передъ которой выступили ораторы. Войско и полиція съ полицейлейстеромъ во главѣ окружало тобраніе, но не разгоняло его. Полицеймейстеръ рѣшилъ мирно уговорить рабочихъ идти на работу и выдать злонамѣренныхъ людей, которые призываютъ ихъ къ бунту. Насмѣшками отвѣтили рабочіе на сладкія рѣчи его, а на предложеніе выдать „подлецовъ“ отвѣтили: „Почему же подлецы они? Они въ насъ стрѣляли? нѣтъ, а ты стрѣлялъ. Они насъ нагайками били? Нѣтъ, а ты билъ, такъ кто же подлецъ?“ Ораторы свободно въ присутствіи полиціймейстера говорили свои рѣчи. Говорили они о тяжелыхъ условіяхъ труда, о безпросвѣтной жизни рабочихъ, о чрезмѣрной эксплуатаціи, о ндобходимости борьбы за лучшую долю, о стачкѣ, какъ о формѣ экономической борьбы, говорили объ убитыхъ и раненныхъ товарищахъ, указывали ихъ убійцъ, разоблачали второго врага рабочихъ — самодержавное правительство, рисовали весь гнетъ его, говорили о стачкѣ, какъ формѣ политическаго протеста, и кончали рѣчи возгласами: „да здравствуетъ всеобщая стачка, да здравствуетъ политическая свобода, долой царство гнета, и насилія, долой самодержавіе!“ Собраніе горячо привѣтствовало рѣчи, дружно подхватывало возгласы, многіе рабочіе жали руки ораторамъ. Въ самомъ разгарѣ собранія по полю мимо него прошла печальная процессія, хоронившая убитыхъ; много рабочихъ, больше всего женщинъ и дѣтей идутъ за гробами, еще того больше войска и полиціи. Многіе рабочіе изъ собранія присоединяются къ похоронамъ, но большинство остается на площади вокругъ ораторовъ, которые дѣлаютъ непростительную ошибку, удерживая толпу: „зачѣмъ ходить на кладбище, мы и здѣсь можемъ устроить достойные похороны нашимъ славнымъ борцамъ“ и произносятъ горячіе рѣчи объ убитыхъ и убійцахъ. Стачечная же коммиссія рѣшила устроить похороны съ вѣнками и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, но не передала еще своего рѣшенія организаціи, предполагая, что убитыхъ будутъ хоронить лишь на третій день.

Похороны представляли душу надрывающую картину. Слезы рыданья кругомъ... Но не однѣ слезы видны на лицахъ... Слышатся угрозы полиціи, войску, правительству. Раздаются бичующія рѣчи не только „злонамѣренныхъ людей“, но и самыхъ умѣренныхъ; обличительныя рѣчи произносятся и женщинами. Кругомъ стоятъ полиція, солдаты; нѣкоторые начальники заводятъ разговоръ съ рабочими, пытаются въ смертяхъ обвинить ихъ и „злоумышленниковъ“, но всегда получаютъ одинъ отвѣтъ — убійцы вы. Многіе изъ рабочихъ укоряютъ комитетъ, что онъ не былъ на похоронахъ.

На Чечелевское собраніе народъ все прибываетъ, три часа ораторы говорятъ свои рѣчи и кончаютъ собраніе призывомъ итти въ городъ, чтобы остановить работы во всѣхъ заводахъ, фабрикахъ и мастерскихъ, соединиться тамъ съ городскими рабочими, вмѣстѣ съ ними слушать ораторовъ и демонстрировать на улицахъ. Толпа одобряетъ это предложеніе, ораторы говорятъ: мы пойдемъ тихо, спокойно безъ пѣсенъ, безъ криковъ; ораторы не рѣшились придать шествію политическій характеръ. Толпа тысячъ въ три-четыре двинулась къ городу, шла она чечелевскимъ заводскимъ поселкомъ. Изъ многихъ домовъ выходили рабочіе и присоединялись къ шествію. Не разъ выбѣгали женщины, хватали за руки своихъ родныхъ, снимали силой съ нихъ шляпы, умоляли остаться дома, но и съ непокрытой головой шли рабочіе, не уступали мольбамъ женщинъ: нѣсколько женщинъ вошли въ толпу. Здѣсь толпа возросла до шести-семи тысячъ: въ ней были и ремесленники — евреи. Бодрая и скорымъ шагомъ двигалась толпа: испуганные обыватели запирали ворота домовъ, лавки. Рабочіе говорили: „не бойтесь насъ, не запирайте воротъ, не запирайте лавокъ, мы васъ не тронемъ: не громить и убивать мы идемъ, идемъ бороться за правое дѣло, а вы, прикащики, тоже трудящіеся люди; идите къ намъ“. Многіе магазины остались открытыми, нѣкоторые прикащики входили въ толпу. Толпа прошла весь Чечелевскій поселокъ, Трамвайную улицу и остновилась у Трамвайного депо: „бросайте, товарищи, работу идите къ намъ“. Боязливо сторонятся отъ стачечниковъ рабочіе. Тогда толпа вбѣгаетъ во дворъ депо, въ мастерскія, останавливаетъ машину — моментъ, и замерли конки по всему городу Екатеринославу; большинство изъ нихъ сдѣлались достояніемъ ребятъ, которыя на нихъ по своему хозяйничали. Кондуктора трамваевъ говорили организаціи, что если имъ окажутъ маленькую помощь въ началѣ стачки, то дальше они будутъ крѣпко держаться за нее (черезъ восемь часовъ, когда возобновили электрическій токъ, кондуктора были на своихъ мѣстахъ и спѣшно подвозили полицію и войско къ борющимся рабочимъ.) Сдѣлавъ свое дѣло въ депо, рабочіе двинулись къ заводу Боте на Проспектѣ, здѣсь остановили они работу и рѣшили итти къ электрической станціи, освѣщающей Петербургскую улицу, затѣмъ къ мельницамъ и лѣсопильнямъ; но въ это время передніе ряды сказали, что по Проспекту идетъ войско и казаки, а передъ ними городскіе рабочіе ремесленники. Тогда рабочіе рѣшили итти на встрѣчу ремесленникамъ, чтобы не оставить ихъ однихъ въ рукахъ казаковъ и войска. Быстро двигались рабочіе и войско другъ другу на встрѣчу, впереди войска оказались не ремесленники, а нѣкоторая часть заводскихъ рабочихъ, отбившихся отъ общей толпы. Вотъ войско и рабочіе сошлись, остановились; барабанъ забилъ тревогу, выстроились казаки съ нагайками въ рукахъ. „Приготовьте палки“ скомандовали вожаки. Палокъ у большинства не оказалось. „Набирайте камни“. Рабочіе наклонились, чтобы набрать камней, но вмѣсто камней, смогли взять лишь горсти пыли. Казаки врѣзались въ толпу съ дикимъ остервененіемъ, засвистали нагайки. Нечѣмъ было защищаться демонстрантамъ, и они побѣжали, но сзади опять стояло войско и неистовствовали казаки и полиція. Значительная часть стачечниковъ была отрѣзана отъ толпы, осталась за линіей войска. Свободными оставлены боковыя улицы, туда направились бѣгущіе стачечники, а за ними казаки, полиція. Обыватели по приказу ли полиціи, по своему ли почину, крѣпко держали ворота на запорѣ. Нѣкоторые изъ бѣгущихъ кричали: „жители, отворяйте ворота!“ но рѣдкія ворота открывались.

Вблизи были лѣсные склады, проходные дворы, берегъ Днѣпра съ массой приплавного лѣса, и толпа скрылась отъ преслѣдованія полиціи и казаковъ. Арестованы немногіе. Стрѣляли холостыми зарядами въ спину бѣгущимъ.

На Амуръ и Нижнеднѣпровскъ въ помощь сознательнымъ-рабочимъ стачечной коммиссіей были посланы товарищи съ другихъ заводовъ, и здѣсь повторилось тоже, что и въ Брянскомъ районѣ: толпами ходили рабочіе съ одного завода на другой и останавливали работу, забастовалъ въ томъ числѣ и вагоностроительный заводъ (не очень-то цѣнятъ видно рабочіе царскую благодарность), а также забастовали пристанскіе рабочіе. Въ городѣ работали лишь мельницы, булочныя, трамвай, да нѣкоторыя лѣсопильни.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

Еще объ одесскихъ событіяхъ. Приводимъ письмо рабочаго (съ исправленіемъ орфографіи), проливающее новый свѣтъ на знаменитую одесскую стачку:

„Товарищи, это было очень торжественное время, если смотрѣть съ точки зрѣнія людей, которые имѣютъ хоть малое пристрастіе къ мщенію своимъ врагамъ-угнетателямъ, которые доводятъ насъ рабочихъ до нищеты и невѣжества и не даютъ намъ жить, какъ подобаетъ человѣку. — 16 іюля, мы всѣ рабочіе Одесскихъ частныхъ каменоломенъ, спустились въ шахты работать. Отъ усталости 18-часового рабочаго дня лѣниво начали работать: то сонъ налегалъ, то мѣшали бурить потные ломы. Одинъ товарищъ изъ досады предложилъ закурить. Сѣли. Не успѣли сдѣлать папироски, пришли къ намъ товарищи сосѣднихъ припоровъ тоже покурить и пополамъ горе подѣлить. Это, товарищи, былъ братскій отдыхъ и любовь. Въ то время мы другъ другу высказывали всѣ свои обиды и чувствовали себя силой. Сначала у насъ рѣчь шла о табакѣ, что много куримъ и правительству много угодъ и прибыли даемъ. Потомъ Васька, нашъ товарищъ, началъ намъ жаловаться, что его на косаркѣ побили кабыки (?) и забрали 6 руб. денегъ и съ его денегъ дали долю 2 рубля городовому, и такъ началъ запускать во всѣ Кіевскія святыни, въ Святѣйшій Синодъ и въ батюшку-царя, что всѣ за бока стали хвататься. Одинъ старикъ-хохолъ говоритъ: стойте, хлопци, я вамъ штукенцію разскажу. Я былъ вчера въ городи и чулъ, что забастовали карантинные сносчики и моряки и что бастуютъ всѣ фабрики и заводы. — „Забастовка, забастовка“, послышались голоса тяжчиковъ; мальчикъ пришелъ, говоритъ: „забастовка“. — „Наверхъ, товарищи, наверхъ“. Сразу лѣстница зачала, повылазили наверхъ: правду мальчикъ говорилъ; говорилъ, что вчера, 15-го, много людей было въ Рубовскомъ саду и просятъ всѣхъ товарищей бросить работу и итти къ нимъ. Всѣ крикнули: „бросай ломы, идемъ бить полицію. Нѣтъ, не надо, идемъ посмотрѣть, что за публика“. Толпа засуетилась, стала кричать: „долой самодержавіе! — Идемъ скорѣй до Рубова. — Нѣтъ, идемъ, дадимъ другимъ знать“. Нѣкоторая часть разбрелась по каменоломнямъ съ крикомъ „забастовка“. Черезъ 2 часа толпа съ пѣснями и криками направилась по дорогѣ Рубова сада. Выдѣлялись отдѣльные голоса, пѣсни „За что же ты меня, доля, до Сибири довела“. Въ 10 часовъ мы были въ Рубовомъ. Тамъ мы видали надзирателей, городовыхъ, казаковъ, большія кучки рабочихъ, которые обсуждали свою тяжелую жизнь. Я направился къ толпѣ одной кучки, сталъ прислушиваться. Одинъ читалъ прокламацію, напечатанную жандармами, а нѣкоторыя личности убѣждали толпу, чтобы не слушали соціальдемократовъ, потому что они враги не только для правительства, но и для рабочихъ. Толпа смѣялась. Ораторъ сердито смотрѣлъ. Вдругъ у меня за плечами раздался чей-то голосъ. Я поворотился: то былъ нашъ товарищъ, сознательный, отъ котораго я узналъ, что всѣ сознательные пошли на Пересыпь, чтобы остановить всѣ фабрики, а къ 4 часамъ прійдутъ сюда. Мы рѣшили не расходиться до 4 ч. Со второго часа толпа увеличивалась все больше и больше. Въ началѣ пятаго я уже едва разыскалъ товарищей и одну барышню, которая заняла мѣсто оратора. Барышня говорила очень популярно. Всѣ слушали. Полиція хотѣла арестовать, но вольные солдаты говорили: дудки. Полиція побоялась. Барышня кончила рѣчь. Какъ вдругъ послышались крики: „товарищи идутъ съ карантина“. Толпа направилась къ сахарнозаводскимъ воротамъ. Тутъ мы увидали большую толпу народа и казацкаго полковника съ сотнею казаковъ. Одинъ крикнулъ: „долой войско!“ Толпа начала разбѣгаться. Остальные кричали: не утекайте! Толпа усѣлась. Ораторъ началъ говорить рѣчь, какъ мы должны себя вести и что должны требовать: 1) свободы стачекъ, союзовъ, 2) свободы слова, 3) свободы печати, 4) неприкосновенности личности. Ораторъ хотѣлъ высказать, что такое самодержавіе, но шпіоны срывали, не давали говорить. Послѣ этого говорили еще ораторы, шпіоны уже не могли ихъ сорвать. Одинъ ораторъ говорилъ намъ о царской эксплуатаціи на казенно-очистительныхъ заводахъ. На другой день въ 10 часовъ и казаки слушали, полковникъ тоже, а разгонять не разгоняли. Ораторъ сказалъ народу, чтобы на другой день толпа собралась въ 10 ч. На другой день, какъ мы пришли, мы уже видали около 50 тыс. народу, которые были разбиты по кучкамъ. Каждая кучка вырабатывала требованія. Я присѣлъ къ одной кучкѣ, къ дѣвицѣ, и спросилъ ихніе результаты. Они мнѣ отвѣтили, что результаты плохіе: вырабатываютъ требованія отъ хозяевъ. Я направился къ своимъ каменоломенскимъ, объяснилъ имъ требованія. Товарищъ Васька опять запустилъ во всѣхъ святыхъ Серафимовъ. Всѣ начали говорить: „разъ свободы нѣтъ, такъ и требованій не надо: надо, чтобъ знали, что такое самодержавіе“. Потомъ мы направились еще къ одной толпѣ. Тутъ мы узнали нашихъ ораторовъ, говорили на политическую тему, началось разбрасыванье прокламацій. Толпа просила прочитать. Тутъ появились солдаты со штыками и казаки съ нагайками. Толпа разошлась кто куда.

Одесса (случайное письмо). Рабочее движеніе въ Одессѣ вслѣдствіе энергичныхъ представленій иностранныхъ консуловъ и обращенія фабрикантовъ непосредственно въ Петербургъ здѣсь, повидимому, улеглось. Нѣсколько дней тому назадъ Шаевичъ былъ розысканъ полиціей и арестованъ. Первая телеграмма предписывала отправить его въ Усть-Сысольскъ. Вторая телеграмма предписала препроводить его въ Петербургъ, всю его корреспонденцію опечатать и выслать туда же. Слѣдствіе какъ о Шаевичѣ, такъ и вообще о разыгравшемся движенія предписано вести другу и вдохновителю Шаевича, жандармскому полковнику Васильеву. Теперь начинаетъ выясняться анархія, господствовавшая среди одесскихъ правящихъ сферъ во время движенія. Полиціймейстеръ Головинъ, повидимому, получавшій предписанія непосредственно изъ Деп. Пол., умышленно затягивалъ арестъ Шаевича, не являлся къ Арсеньеву и иногда дѣйствовалъ прямо противъ его приказаній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же, какъ и при кишиневскихъ погромахъ, констатировано, что квартальные надзиратели, предводительствуя толпой, указывали, гдѣ находится та или другая фабрика или мастерская. Забравъ тамъ въ плѣнъ всѣхъ рабочихъ, они командовали: „дальше“, и въ другомъ мѣстѣ повторялась та же исторія. Арсеньевъ, добродушное существо, переведшійся въ Одессу исключительно съ цѣлью лечить на Лиманѣ свои многочисленные ревматизмы, обращаясь къ своему правителю канцеляріи Осетрову и фабричному инспектору Попову, въ полномъ недоумѣніи спрашивалъ ихъ совѣта: какъ поступить, что намъ дѣлать, если.... вдругъ Васильевъ возьметъ и спрячетъ Шаевича у себя? 21 и 22 іюля, когда караулы въ порту были сняты, тамъ тотчасъ же появились толпы „независимцевъ“ и начали стаскивать съ пароходовъ начавшія было работать команды. Одинъ боцманъ, если не ошибаюсь, парохода „Ольга“, не отпускавшій команды, получилъ ударъ въ голову, отъ котораго умеръ въ больницѣ. Домъ другого боцмана былъ сожженъ въ Николаевѣ. Караулы сейчасъ же были поставлены снова. Отряды солдатъ ходятъ по городу. Нѣкоторыя изъ требованій, предъявленныхъ рабочими фабрикантамъ, были очень любопытны. Такъ, Пекаторжу, директору кожевеннаго завода, по убѣжденіямъ соціалисту съ-примѣсью христіанскаго елея, забастовавшіе рабочіе на созванномъ имъ же самимъ собранія потребовали передачи производства въ ихъ руки. Пекаторсъ указалъ имъ на то, что предпріятіе ведется въ убытокъ и, стало быть, имъ невыгодно будетъ взять его въ свои руки. Но рабочіе перехитрили его, указавъ на то, что вмѣсто 8000 руб., которые получаетъ господинъ управляющій, и другихъ крупныхъ кушей, попадающихъ въ руки теперешней администраціи, они бы тратили гораздо меньше на управленіе. Сконфуженный въ конецъ директоръ принужденъ былъ прекратить пренія. Во время общей стачки рабочими, главнымъ образомъ, женщинами, предъявлялись цѣлые списки требованій, съ массой параграфовъ, главными изъ которыхъ были: введеніе восьмичасового рабочаго дня, повышеніе заработной платы и замѣна прежней фабричной администрація новою, назначаемою по указанію рабочихъ. Рабочіе во время этой стачки вели себя смирно и, не получивъ удовлетворенія почти ни одного изъ своихъ требованій, стали на работы, въ ожиданія, пока ихъ требованія будутъ разсмотрѣны и удовлетворены фабричной инспекціей.

По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ, „независимцы“ изъ Одессы перекинулись въ Елисаветградъ и устроили тамъ нѣчто аналогичное. Въ Николаевѣ 21 и 22 іюля „независимцы“ остановили движеніе конки и начали избивать непокорныхъ кондукторовъ и кучеровъ. Когда явился градоначальникъ и началъ выражаться по военному, ему сшибли камнемъ фуражку. Былъ произведенъ залпъ — много раненыхъ и нѣсколько убитыхъ. На отдаленныхъ улицахъ рабочими было устроено нѣчто вродѣ баррикадъ, изъ-за которыхъ они стрѣляли въ полицію и войска изъ револьверовъ. Изъ Кіевской губ. приходятъ самые тревожные слухи. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ трехъ уѣздахъ, смежныхъ съ Херсонскою губ. (Черкасскомъ, Чигиринскомъ и еще какомъ-то) происходитъ серьезное аграрное движеніе. Я читалъ оффиціальное донесеніе губернатора по этому поводу, рисующее картину, напоминающую сцены изъ временъ французской революціи 1789 г. На сахарномъ заводѣ Бродскаго, насчитывающемъ около 1500 рабочихъ, „злоумышленники“ не встрѣтили сначала сочувствія со стороны массы рабочихъ; тогда, соединившись съ нѣкоторыми недовольными элементами, они подожгли заводъ, предварительно заливъ свинцомъ пожарныя машины завода. Заводъ горитъ частями въ теченіе двухъ недѣль (?) Банды „злоумышленниковъ“ выжигаютъ лѣса частновладѣльцевъ, въ особенности графовъ Бобринскихъ, и поджигаютъ усадьбы, уничтожая скотъ, сельско-хозяйственные продукты и машины. Въ одномъ мѣстѣ (позабылъ указаніе донесенія) у графа Бобринскаго было сожжено 40 лошадей въ конюшняхъ, предварительно тщательно закупоренныхъ. Оставшееся безъ занятій рабочее населеніе въ количествѣ 20.000 человѣкъ, а съ семьями около 40.000, стекается въ мѣстечки съ преобладающимъ еврейскимъ населеніемъ, напримѣръ, въ Шполу, которыя не могутъ прокормить всю эту массу. Опасаются погромовъ. Все населеніе терроризировано и бѣжитъ въ городъ. Вѣроятно, движеніе въ ближайшемъ будущемъ перебросится въ сосѣдній уѣздъ Херсонской губерніи.

Николаевъ, 15 августа. Уже три недѣли прошло послѣ демонстраціи, а броженіе не унялось. Ежедневно казаки дежурятъ, заводы охраняются. Директора заводовъ ждутъ вспышки и, несмотря на это, принимаютъ всѣ мѣры, чтобы провоцировать рабочихъ. На французскомъ заводѣ всѣ рабочіе были уволены и теперь принимаются, какъ вновь поступающіе, съ медицинскимъ освидѣтельствованіемъ и прочими формальностями, дающими возможность подъ благовиднымъ предлогомъ не принять того или другого неблагонадежнаго рабочаго. Прежде всего были приняты бригадиры, которымъ было поручено составить списки благонадежныхъ. Отъ желающаго поступить на заводъ отбирается адрессъ, а затѣмъ на домъ присылается ему печатное извѣщеніе, что заводъ его услугами воспользоваться не можетъ. Такихъ извѣщеній уже разослано свыше 600. Впрочемъ администрація завода не брезгала пользоваться этими адрессами и для другихъ цѣлей — нѣсколько дней подрядъ замѣчалось такое явленіе: днемъ рабочіе оставляютъ на заводѣ свой адресъ, а ночью по этому адрессу приходятъ ихъ арестовывать. Возбужденіе рабочихъ, чуть не ежедневно собирающихся вблизи завода въ ожиданіи пріема на работу, возрасло до того, что они недавно рѣшили на заводъ на слѣдующій день никого не пускать, пока не будутъ приняты всѣ уволенные. Объ этомъ провѣдала администрація завода, и на слѣдующее утро у завода былъ вывѣшенъ списокъ 700 лицъ, принятыхъ безъ всякихъ формальностей. Въ настоящее время на французскомъ заводѣ работаетъ около 1.500 человѣкъ.

Кстати, во время „безпорядковъ“ правительство, повидимому, не забыло воспользоваться обычнымъ пріемомъ возстановленія публики противъ рабочихъ, стараясь запугать обывателей, чтобы потомъ имѣть оправданіе своимъ жестокостямъ. По магазинамъ бѣгалъ субъектъ и кричалъ: „Закрывайте магазины! наши требованія не удовлетворены, рабочіе пойдутъ разбивать лавки“. Въ настоящее время разговоры, пересуды, легенды о демонстраціи во всѣхъ слояхъ населенія не прекращаются. Дѣти на улицахъ играютъ въ демонстрацію: одни бѣгутъ съ платочками, привязанными къ палочкамъ, и кричатъ „ура“ и „долой самодержавіе“, другіе гонятся за ними и ловятъ ихъ. Распоряженіе градоначальника о десятичасовомъ рабочемъ днѣ въ ремесленныхъ заведеніяхъ вызываетъ волненіе, какъ среди хозяевъ, такъ и среди рабочихъ. Первые недовольны распоряженіемъ, такъ какъ оно посягаетъ на ихъ карманы; вторые недовольны потому, что распоряженіе это, безъ соотвѣтствующаго увеличенія расцѣнковъ, понижаетъ заработокъ. Фабричный инспекторъ разослалъ фабрикантамъ предложеніе (или предписаніе?) ввести институтъ старостъ. Управляющій табачной фабрики Ага (около 200 рабочихъ) предложилъ рабочимъ выбрать старостъ; но затѣмъ, когда рабочіе хотѣли приступить къ этому, управляющій объявилъ, что *онъ уже самъ выбралъ, кого надо.* Тѣмъ временемъ къ нему попала комитетская прокламація о старостахъ: проникнувшись ея содержаніемъ, онъ старается убѣдить рабочихъ, что значеніе этого института сводится къ нулю.

Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидитъ болѣе ста человѣкъ. Нѣкоторые получили приговоры по старымъ дѣламъ. Уже высланы въ Вологодскую губ. Плаксинъ и Романовъ на три и четыре года, въ Вост. Сиб. — Самуилъ Альтшулеръ (инт.) на 3 г., Мирскій — на 4 года, Осадчая — на 3 года, Павлоцкій — на 4 г. Дмитрій Калафати (инт.) приговоренъ къ 4 годамъ Восточ. Сибири. Лазарь Вулихъ, сидѣвшій въ конотопской тюрьмѣ (по николаевскому дѣлу), отправленъ теперь въ Петербургъ, Георгій Шкапинъ совсѣмъ освобожденъ (но за то теперь за демонстрацію вмѣстѣ съ другими 22 будутъ преданы суду Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Дѣло изъ рукъ жандармовъ перешло уже къ судебному слѣдователю). Пріѣхавшій къ намъ начальникъ херсон. жанд. управленія заявилъ, что во что бы то ни стало выловитъ весь комитетъ, и энергично принялся за дѣло; однако, большой освѣдомленности онъ не обнаруживаетъ. Такъ, во время „безпорядковъ“ хватали изъ толпы, кого попало, затѣмъ, когда первый пылъ остылъ, при арестахъ руководствовались такой уликой принадлежности къ революціи, какъ ношеніе косоворотки. Въ косовороткѣ нельзя было появиться на улицѣ. Такихъ хватали безъ разбора днемъ и сажали въ тюрьму. Сомнѣваемся, чтобы такими примитивными пріемами удалось скоро выловить комитетъ.

За іюль и начало августа въ комитетъ поступило 130 рублей 50 коп., израсходовано 163 р. 55 к. За это же время выпущено семь листковъ и 9-ый № „Нашего Дѣла“, всего въ количествѣ 13.000 штукъ.

Бахмутъ. Намъ пишутъ:

„Увлеченный общимъ потокомъ рабочаго движенія, охватившаго Россію со всѣхъ концовъ, и нашъ Бахмутскій рабочій, до сихъ поръ пребывавшій въ тяжеломъ полудремотномъ состояніи, примкнулъ къ рядамъ борющагося пролетаріата. Недавно, какъ вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, у насъ произошла первая стачка — стачка портныхъ мастерской Неймарка. Она кончилась полнымъ успѣхомъ и послужитъ, несомнѣнно, началомъ новой, революціонной эры нашего города, въ которомъ и, особенно, вокругъ котораго сгруппировано такое множество не сознавшихъ еще себя и дремлющихъ пока пролетарскихъ силъ. Бахмутскій обыватель воспитанъ въ тупой покорности властямъ и свыкся съ мертвенной и мертвящей тишиной нашей провинціальной жизни. Естественно, что неслыханная „дерзость“ и отвага стачечниковъ на первыхъ порахъ встревожила его и испугала, и ему стала мерещиться свѣжей памяти кишиневская „тактика“ г. фонъ-Плеве. Мало по малу, однако, разобравшись въ событіяхъ, онъ успокоился и подъ конецъ сталъ даже втихомолку высказывать и *доказывать* сочувствіе смѣльчакамъ, дружный и бодрый протестъ которыхъ произвелъ на него дѣйствіе свѣжей, живительной струи чистаго воздуха на человѣка, задыхающагося въ затхлой и смрадной атмосферѣ. Обыватель успокоился и начинаетъ приспособляться къ новымъ условіямъ бахмутской дѣйствительности. Зато никакъ не могутъ успокоиться наши бравые жандармы. Первая стачка и особенно прокламаціи Екатеринославскаго и Донскаго Комитетовъ застигли ихъ врасплохъ и поразили, аки громъ изъ яснаго неба. Такъ, вѣроятно, мечутся лягушки, когда въ ихъ застоявшееся болото бултыхнетъ ненарокомъ внушительныхъ размѣровъ камень. Сыскъ у насъ до настоящаго времени организованъ былъ совсѣмъ плохо и посему наши голубые съ особенной благодарностью приняли услуги доброхотныхъ ищеекъ и шпіоновъ. Симпатичное амплуа таковыхъ взяли у насъ на себя, между прочимъ, и два „интеллигента“: молодой и много (о, очень много!) обѣщающій врачъ, г. *Сангурскій* и его доблестный коллега, адвокатъ *Грузенбергъ.* Дебютъ ихъ на новомъ поприщѣ былъ, однако, не изъ блестящихъ. Обыски, произведенные по ихъ указанію жандармами у нѣкоторыхъ лицъ, не дали никакихъ результатовъ. Не падайте, все же, духомъ, достопочтенный и предупредительный эскулапъ! Не унывайте и вы, услужливый сподручникъ голубой Оемиды! Авось современемъ набьете руку, если до того не сломаете..... шеи.“

Стачки на Кавказѣ. Стачка началась въ Баку 2 іюля. 6-го было собраніе у Волчьихъ воротъ, организованное Комитетомъ. 6-го и 7-го — собранія у „Стеньки Разина“ и въ Кишлахъ. Конка не шла 4-5 дней (а не 10, какъ писали въ „Нов.“): затѣмъ пошла со штыками. Въ Баку не успѣли присоединиться къ забастовкѣ булочники, мясники, оффиціанты и прикащики. Въ Тифлисѣ, наоборотъ, прикащики, мясники и часть хлѣбопековъ (пурщики — 50 чел.) забастовали еще до общей забастовки въ Тифлисѣ, которая началась по призыву Кавказскаго Союза 14 іюля. Пурщики (50 чел.) даже разнесли участокъ и освободили 5 арестов. товарищей; приставъ, стрѣлявшій въ воздухъ при самооборонѣ, былъ уволенъ за слабость въ тотъ же день. Прикащики Караванъ-Сарая 8 дней подрядъ ровно въ 8 часовъ вечера высыпали разомъ на улицу и закрывали всѣ магазины. Впечатлѣніе отъ этого получалось грандіозное. Они добились своего. Оффиціанты также получили: опредѣленное жалованье (10 рублей въ мѣсяцъ), квартиру и столъ отъ хозяевъ, отмѣну штрафовъ и вычетовъ. Конка пошла 14-го же іюля, но только благодаря солдатамъ, которые и продавали билеты, и охраняли вагоны. Вагонъ трамвая представлялъ въ эти дни настоящую крѣпость: на каждомъ — 4-5 штыковъ. Надо удивляться невоспитанности публики, которая не оказала никакой поддержки стачечникамъ и не стѣснялась ѣздить подъ штыками. Вообще стачка въ Тифлисѣ была главнымъ образомъ дѣломъ сочувствія бакинскимъ стачечникамъ. Она продержалась очень недолго, и къ концу недѣли начали приступать уже къ работѣ, а въ слѣдующій понедѣльникъ работали уже почти всѣ. Но какъ поддержка бакинцамъ, она во всякомъ случаѣ достигла своей цѣли. Собраній не было, исключая утра 14 іюля, такъ какъ масса войскъ, занявшая весь городъ, дѣлала ихъ невозможными. Печально слѣдующее: центромъ забастовки въ Тифлисѣ было желѣзнодорожное депо съ его 4-5 тыс. рабочихъ. И вотъ уже въ среду-четвергъ часть рабочихъ депо начала приступать къ работѣ, а въ субботу ихъ уже было больше 1½ тыс. И начали работу первые дни исключительно русскіе рабочіе, — печальный результатъ националистическихъ заигрываній властей. Въ Тифлисѣ не стрѣляли, но били нагайками до остервенѣнія: арестованныхъ въ участкахъ приходилось выпускать, чтобы освободить мѣсто для новыхъ: и вотъ ихъ при этомъ пропускаютъ „сквозь строй“ казацкихъ нагаекъ, разставленныхъ съ обѣихъ сторонъ. Избивали жестоко мирныхъ обывателей, принимая ихъ за рабочихъ. Вообще терроръ былъ неописуемъ: полиція совсѣмъ сбилась съ ногъ; городовымъ разрѣшено было сидѣть на стульяхъ на своемъ посту. Разсказываютъ про компанію приставовъ и надзирателей, которые заперлись и пьянствовали до утра, приказавъ никого не пускать къ себѣ: „Чертъ съ ними! пусть дѣлаютъ, что хотятъ!“, говорилъ одинъ приставъ изъ этой компаніи, „за 50-100 руб. посылаютъ насъ подъ пулю: чертъ бы побралъ это начальство!“ Еще недѣля такихъ безпорядковъ — и дисциплина подверглась бы большой опасности. Солдаты въ большинствѣ хотѣли стрѣлять на воздухъ. На ст. Михайловка, какъ мнѣ разсказывали со словъ очевидцевъ, собралась небольшая толпа, всего человѣкъ въ 150, и загородила полотно желѣзной дороги. Съ ними вступилъ въ переговоры инженеръ и уже почти убѣдилъ ихъ разойтись: по его убѣжденію они послали рабочихъ для охраны водопровода, сберегательн. кассы и проч. Видя, что толпа настроена мирно, инженеръ этотъ сказалъ рабочимъ, что онъ самъ не можетъ удовлетворить ихъ требованій, а сейчасъ дастъ телеграмму въ Петербургъ. Онъ ушелъ на телеграфъ, взявъ предварительно съ пристава, командующаго отрядомъ, слово не употреблять оружія. Въ это время подошелъ Боржомскій поѣздъ. Одинъ изъ рабочихъ вздумалъ отцѣплять паровозъ. На него бросились стражники; къ рабочему пришли на помощь еще пара рабочихъ. Завязалась борьба. Приставъ приказалъ стрѣлять, и въ результатѣ — 36 чел. раненыхъ и убитыхъ; ранены всѣ тяжело, почти безнадежно: ранены и убиты женщины въ ближнемъ селѣ. Солдаты (ихъ было чел. 40) почти всѣ стрѣляли въ воздухъ, но стражники усердствовали: одинъ стражникъ уложилъ 7 чел.! Всѣ страшно возмущены этимъ ненужнымъ пролитіемъ крови. Офицеры тоже возмущены. Одному бѣгущему офицеру его знакомый штатскій кричитъ: „бѣгите, бѣгите: авось еще орденъ заслужите!“ — „Мнѣ не надо орденовъ за такое позорное дѣло“, отвѣчаетъ офицеръ. — Въ Батумѣ забастовка началась 16 іюля. Точныхъ свѣдѣній о Батумѣ я не имѣю, но говорятъ, что тамъ тоже стрѣляли. Около 18 іюля началась забастовка въ Чіатурскомъ горномъ округѣ. По разсказамъ, рабочіе шли тамъ опустошительной волной, разрушая и предавая огню все на своемъ пути. Не знаю, насколько это вѣрно, но видно много горечи и ненависти накопилось въ душѣ чіатурскихъ рабочихъ. Въ другихъ мѣстахъ примѣнялось принужденіе при остановкахъ работъ, но насилія надъ жизнью и имуществомъ почти не было. Въ г. Баку рабочіе особенно держали себя корректно, и ихъ поведенію отдаетъ должное даже буржуазія: рабочіе сами охраняли промыслы и не тронули ничего, будучи полновластными хозяевами до прибытія войска. Любопытный, хотя и мелкій фактъ. Собраніе рабочихъ близъ больницы. Рабочіе по телефону требуютъ отъ больницы, чтобы имъ приготовили воды для питья. Растерявшійся эскулапъ телефонируетъ властямъ, но тѣ безсильны помочь ему. Нечего дѣлать: вода приготовлена, и рабочіе утоляютъ свою жажду. Рабочіе потребовали даже, чтобы провели водопроводъ на мѣсто ихъ собраній въ Кишлахъ. Любопытно, что и обыватели находили это понятнымъ: не могутъ же рабочіе въ самомъ дѣлѣ засѣдать безъ воды! Только когда хозяева по приказу Плеве и Витте отвергли à limine всѣ требованія рабочихъ, начались поджоги промысловъ. Но что рабочіе въ насиліяхъ не переходили мѣры, видно изъ того, что сочувствіе общества осталось вообще на ихъ сторонѣ. Несомнѣнно печальны устроенныя кѣмъ-то крушенія поѣздовъ съ человѣческими жертвами. Кто ихъ авторы, до сихъ поръ не выяснено.

Какъ извѣстно, по приказу Плеве нефтепромышленники отвергли всѣ требованія рабочихъ во время стачки. Но требованія ихъ до того насущны, а рабочіе до того сознательны, что не удовлетворить ихъ нельзя. Лучшее доказательство — циркуляръ тов. Нобель, печатаемый ниже. Если въ этомъ циркулярѣ и обходятся главныя требованія рабочихъ, то это не помѣшаетъ имъ снова и снова встать передъ гг. нефтепромышленниками, пока они не будутъ осуществлены. Вотъ этотъ циркуляръ:

„Администраціей фирмы бр. Нобель, для свѣдѣнія всѣхъ служащихъ и рабочихъ, *объявлено слѣдующее*.

Въ теченіе почти четвертьвѣкового существованія Товарищества Братьевъ Нобель оно принимало зависящія отъ него мѣры къ возможному улучшенію условій службы и быта рабочихъ. Правленіе Товарищества, съ увѣренностью въ своей правотѣ, можетъ сказать, что какъ въ установленіи окладовъ платы рабочимъ, такъ и въ устройствѣ домашняго ихъ быта оно шло всегда впереди другихъ нефтепромышленныхъ фирмъ. Помимо принятія общихъ мѣръ, Товарищество всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдѣльныхъ рабочихъ, удовлетворяя ихъ въ предѣлахъ возможности.

Въ настоящее время, несмотря на то, что для предъявленія своихъ нуждъ рабочіе избрали путь, несогласный съ закономъ и неоправдываемый отношеніемъ къ нимъ администраціи Товарищества, ходатайства ихъ разсмотрѣны и о результатахъ этого разсмотрѣнія симъ объявляется рабочимъ.

1. Число праздниковъ будетъ сокращено до нормы, утвержденной правительствомъ; точное росписаніе всѣхъ праздничныхъ дней въ году будетъ вывѣшено для свѣдѣнія рабочихъ.

2. Передъ праздничными днями работы будутъ кончаться часомъ ранѣе.

3. Жалованье будетъ выдаваться во время производства работъ.

4. При командировочныхъ работахъ будутъ выдаваться суточныя деньги въ зависимости отъ мѣста командированія и окладовъ содержанія.

5. Въ заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ, въ теченіе предстоящей зимы, устроены помѣщенія, въ которыхъ рабочіе будутъ имѣть шкафы для храненія платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рукъ и столы и скамьи для обѣда рабочихъ, остающихся во время обѣденнаго перерыва въ мастерскихъ. Въ тѣхъ же помѣщеніяхъ рано прибывшіе рабочіе могутъ ожидать начала работъ.

6. Устанавливается постоянный комплектъ чернорабочихъ, которымъ будутъ выданы разсчетныя книжки.

7. Ученики заводскихъ и промысловыхъ мастерскихъ будутъ зачислены въ разрядъ рабочихъ; оклады же ихъ заработной платы будутъ и впредь назначаться въ зависимости отъ ихъ способностей.

8. Законъ о страхованіи рабочихъ и о способѣ вознагражденія ихъ во время болѣзни и при увѣчьяхъ уже утвержденъ правительствомъ. На распубликованіе этого закона ожидается утвержденіе, уже разработанныхъ съѣздомъ нефтепромышленниковъ, уставовъ кассъ — больничной и страхованія рабочихъ, послѣ чего кассы будутъ немедленно введены въ дѣйствіе.

9. Что же касается до ходатайствъ рабочихъ объ увеличеніи штата разъѣздныхъ докторовъ и акушерокъ, о перевозкѣ больныхъ въ рессорныхъ экипажахъ, объ учрежденіи библіотекъ-читаленъ, народныхъ домовъ, почтово-телеграфныхъ конторъ съ отдѣленіями сберегательной кассы при нихъ и объ увеличеніи числа школъ, то удовлетвореніе такихъ ходатайствъ, какъ общихъ для всѣхъ нефтепромышленниковъ, будетъ произведено съ извѣстной постепенностью. Товарищество, съ своей стороны, обѣщаетъ содѣйствовать, чтобы означенныя ходатайства были Совѣтомъ съѣзда удовлетворены.

Дабы дать возможность рабочимъ, законнымъ путемъ, заявлять о своихъ нуждахъ и ходатайствахъ, Товарищество испросило разрѣшеніе примѣнить въ своихъ заводахъ, мастерскихъ и промыслахъ высочайше утвержденный 10 іюля сего года законъ объ учрежденіи старостъ для рабочихъ.

Для выбора старостъ всѣ рабочіе будутъ раздѣлены на разряды, и каждый разрядъ выберетъ изъ своей среды старосту, который явится посредникомъ между рабочими своего разряда и мѣстнымъ управленіемъ Товарищества по всѣмъ вопросамъ, касающимся условій найма и быта рабочихъ.

Выборы старостъ по правиламъ, утвержденнымъ г. бакинскимъ губернаторомъ, будутъ произведены съ 25 августа по 25 сентября, а съ 1 октября старосты вступятъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Правила о старостахъ, по ихъ отпечатаніи, будутъ вывѣшены для свѣдѣнія рабочихъ.

Правленіе Товарищества бр. Нобель."

Нѣкоторые итоги: въ іюльскихъ стачкахъ въ Закавказьи принимали участіе: въ Баку — около 45 тысячъ рабочихъ (съ Балаханами), въ Тифлисѣ — не меньше 15 тыс., въ Батумѣ и Поти — около 10 тысячъ, на линіи Закавказской жел. дор. — около 5 тыс. (Михайловка, Самтреди и окрес.), въ Чіатурскомъ горномъ округѣ — около 20 тыс. (область марганцевой промышленности). Итого — около 100,000 стачечниковъ. Кромѣ того въ Дзургетскомъ и другихъ уѣздахъ продолжаются забастовки крестьянъ, отказывающихся обрабатывать землю помѣщиковъ на старыхъ условіяхъ.

Корреспонденція въ „Новост." изъ Баку (переп. въ „Нов. Вр." отъ 24 іюля) довольно вѣрно обрисовываетъ картину. Сомнительно только, чтобы у Стеньки Разина было до 30 тысячъ народу. По моимъ свѣдѣніямъ въ самомъ многочисленномъ собраніи въ Кишлахъ участвовало 12, максимумъ 15 тысячъ народу. Оно прошло очень безпорядочно. Правда, командиръ роты, стоявшей въ Балаханахъ до прибытія войска изъ Тифлиса, въ своемъ дневномъ рапортѣ докладывалъ о 40 тысячномъ собраніи рабочихъ, но... у страха, какъ извѣстно, глаза велики.

Майскіе дни въ Вышнемъ-Волочкѣ. Въ Выш.-Волоч. три хлопчатобумажныхъ мануф.: двѣ Прохоровскихъ — на одной до $3^1/_2$ т. раб. (такъ наз. „Таболкѣ"), на другой („Солдаткѣ") около 900 раб., большею частью женщинъ, — и одна Рябушинскаго, гдѣ работаетъ до 4.000 чел. Порядки на нихъ издавна царятъ безобразные. Не довольствуясь „нормальнымъ" рабочимъ днемъ, фабрики пускали паровую раньше, останавливали паровую позже, выгадывая ежедневно $^3/_4$ часа лишку. Расцѣнки за послѣдніе годы постоянно понижали, ссылаясь на промышленный кризисъ. Штрафы драли беапощадно. Съ 1896 г. на Прохоровской фабрикѣ штрафного капитала накопилось 16.000 руб., какъ это извѣстно намъ достовѣрно. Выдавая изъ него пособія, дѣлали такъ: въ книжку писали 10 руб., а выдавали рубля два-три. Штрафовали за неявку на работу по болѣзни, называя это „пьяными днями". Грабили рабочихъ на браковкѣ, на товарахъ потребительской лавки, обмѣривали на пріемкѣ ткани (отъ трехъ до семи аршинъ на кускѣ). Отношеніе администраціи къ рабочимъ было подстать остальнымъ порядкамъ. Директоръ Рябушинской мануфактуры Ганешинъ всего три мѣс. служитъ и уже успѣлъ снискать всеобщую ненависть. Мастеръ Степановъ и директоръ Горожанскій (Прохоров. мануф.) преслѣдовали красивыхъ работницъ, „завели себѣ гаремъ на фабрикѣ", по словамъ рабочихъ... Да, тяжело жилось вышне-волоцкмъ товарищамъ, а со времени большой стачки въ первой половинѣ 90-хъ годовъ ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяевъ и властей, развѣ иногда — единичный арестъ (напр., рабочаго кожевеннаго завода Кирилова въ январѣ 1903 г.) будоражилъ порядокъ. Теперь настаютъ иныя времена.

Въ концѣ апрѣля Тверской Комитетъ имѣлъ свѣдѣнія, что въ Волочкѣ „неспокойно". Въ ночь на первое мая онъ распространилъ тамъ свыше 500 шт. майскихъ листковъ. Они произвели сильное впечатлѣніе. „На улицу!" раздалось на всѣхъ фабрикахъ, и 8.000 чел. бросили работу, выставивъ требованія: 1) девятичасовой рабочій день, подъ праздникъ восемь час.; 2) повышеніе заработка на 20%; 3) отчетность въ штрафномъ капиталѣ; 4) устройство библіотеки при фабрикахъ и нѣк. др. Забастовали замѣчательно выдержанно и спокойно, требованія вырабатывали сообща на площади передъ фабрикой. Прилетѣли власти: фабричный инспекторъ, прокуроръ, губернаторъ и переведенный сюда изъ Москвы жандармскій полковникъ Урановъ. Губернаторъ обратился къ рабочимъ и предложилъ выбрать депутатовъ для переговоровъ. Никто изъ рабочихъ не снялъ шапки; выбрать депутатовъ они также отказались: „говори со всѣми" и прямо изъ толпы высказали свои требованія. Урановъ попробовалъ взять рабочихъ лестью. Когда тѣ съ нимъ заговорили, онъ похлопалъ близъ стоящихъ по плечу и сказалъ: „знаю, братцы, самъ былъ рабочимъ" — и разсказалъ, какъ-де они, благодѣтели, раскрыли обмѣриваніе. Среди рабочихъ раздавались голоса: „жандармскій намъ-де другъ". Но ненадолго удалось ихъ ему обморочить. Стачечники продолжали держаться вполнѣ спокойно, но губернаторъ нашелъ нужнымъ вызвать войска. 4 мая прибыли цѣлыхъ шесть ротъ подъ командой полковника Тарль. Съ своей стороны, Комитетъ поручилъ одному товарищу собрать свѣдѣнія о ходѣ стачки, передавъ забастовщикамъ нѣкоторую сумму денегъ и помочь указаніями. Товарищъ этотъ былъ на сходкѣ выборныхъ, былъ среди стачечниковъ и вынесъ прекрасное впечатлѣніе. Самые „сѣрые" рабочіе зашевелились.

6 мая губернаторъ вывѣсилъ объявленіе, что рабочіе должны получить разсчетъ. Объявленія срывались или заклеивались майскими листками на виду у солдатъ; но по рѣшенію сходки выборныхъ, за разсчетомъ рабочіе не пошли. Стали выгонять изъ хозяйскихъ квартиръ; пригрозили высылать по волостямъ, но рабочіе опять не сдались. Властямъ пришлось прибѣгнуть къ полумѣрѣ: вызвали въ Волочекъ старостъ для врученія паспортовъ и денегъ. Арестовали 14 человѣкъ, но, боясь сопротивленія, жандармы шли на добычу не иначе, какъ подъ охраной взвода солдатъ. Небывалое еще зрѣлище представлялъ Волочекъ въ эти „Майскіе дни". Съ утра до вечера массы рабочихъ толпились на площади. Кругомъ солдаты; по всему городу патрули, останавливающіе прохожихъ; настроеніе рабочихъ удивительно твердое, боевое: „не сдадимся, будемъ бороться до послѣдней крайности". 8 мая Комитетъ распространилъ въ Волочкѣ листки, въ которыхъ поддерживалъ требованія стачечниковъ и требовалъ удаленія съ фабрики полиціи и жандармовъ. Прокламаціи подоспѣли очень кстати и поддержали настроеніе.

Съ 8 же мая Прохоровъ пошелъ на уступки, сначала мелкія: прибавилъ полчаса на завтракъ, часъ на чай. Стачка продолжалась. Тогда 14 мая онъ вывѣсилъ новыя уступки: повысилъ расцѣнки процентовъ на 15, обѣщалъ свободно давать рабочимъ отпуски, передъ праздниками кончать не въ десять часовъ, а въ шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы. 14 же мая среди рабочихъ появились вторично прокламаціи Тверского Комитета. 18-го Прохоровъ удовлетворилъ послѣднее требованіе, и 19-го фабрика пошла. Особенно сговорчивымъ сдѣлало его то обстоятельство, что большая его фабрика около ст. Подсолнечной тоже стала по недостатку пряжи (его вышне-вол. бумагопрядильня работаетъ на всѣ его фабрики). Рябушинскіе сдались 14-го — и выиграли пустяки: повышеніе заработка на 5% и обѣщаніе штрафовать только за явные прогулы.

По новымъ извѣстіямъ, объявленіе объ уступкахъ, сдѣланныхъ Прохоровымъ, провисѣло недолго. Вскорѣ оно было сорвано, и рабочимъ объявили: „никакихъ уступокъ вамъ не будетъ". Добавимъ, что объявленіе это было подписано фабричной инспекціей. Возмущенные, они пробовали бороться, бросили 22 числа работу. Но лишенія стачки уже надорвали ихъ силы. До какой степени лишенія эти были велики, — видно изъ того факта, что *среди стачечниковъ были случаи цынги*. Черезъ день они опять стали на работу. Наглымъ обманомъ вырвали на этотъ разъ у вышне-волоцкихъ рабочихъ плоды ихъ побѣды. Но придетъ часъ новой схватки, и они сумѣютъ отстоять свои права... (по послѣднимъ извѣстіямъ требованія рабочихъ на прохоровской фабрикѣ удовлетворены.)

Стачка прошла при полномъ сочувствіи обывателей, даже полиціи. Одному товарищу на улицѣ пришлось услышать разсказъ солдата, вернувшагося съ „усмиренія". Солдатъ находитъ, что рабочіе правы, что они такъ мало зарабатываютъ, что жить не на что. Это отношеніе можно считать общимъ. Нѣсколько дней стачка въ Вышнемъ-Волочкѣ была положительно злобой дня.

Тверской Комитетъ Р. Соц.-дем. Раб. Пар.

Иваново-Вознесенскъ. 2 іюля у насъ произошла стачка на механич. чугунно-литейномъ заводѣ Калашникова. Причины стачки — пониженіе расцѣнокъ почти на четверть и требованія рабочихъ выдать имъ разсчетныя книжки съ тѣмъ, чтобы ежедневная выработка записывалась каждый день. Дѣло въ томъ, что работаютъ литейщики (всего 70 человѣкъ) преимущественно мелкую работу и, если не записывать аккуратно, то возможно обсчитываніе, которое и практиковалось до сихъ поръ. Требовали увольненія табельщика: стояли всего одинъ день, и первыя два требованія удовлетворили, третье — нѣтъ. Хотя рабочіе вели себя спокойно, тѣмъ не менѣе были вызваны казаки, которые вели себя настолько вызывающе, что дѣло чуть не дошло до свалки. Повидимому, Витте еще не успѣлъ убѣдить М. В. Д., что стачка не есть нарушеніе общественнаго порядка.

Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы узнали, что называющій себя Алексѣемъ Павловичемъ Князевымъ маляръ, лѣтъ тридцати, ростъ — выше средняго, шатенъ, — шпіонъ, и предостерегаемъ отъ него всѣхъ Иваново-Вознесенскихъ товарищей. Прежде онъ назывался Тимофѣемъ.

Сѣверный Союзъ.

Рига. Въ нашемъ городѣ насчитывается до 70 тыс. рабочихъ фабричныхъ и ремесленныхъ; большинство ихъ, до 60 тыс., занято въ крупномъ производствѣ. Преобладающимъ элементомъ являются латыши — 50%, затѣмъ русскіе — 15% и литовцы — 15%. Остальное количество 20% распредѣляется между евреями, поляками, эстонцами и другими мелкими національностями, причемъ еврейскій пролетаріатъ исключительно принадлежитъ ремеслу. Эти массы пролетаріата очень мало, сравнительно, затронуты соціальдемократической агитаціей. Крупныхъ проявленій движенія въ нашемъ городѣ почти не было, если не считать извѣстныхъ безпорядковъ 1899 г., носившихъ стихійный характеръ. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ группой мѣстныхъ студентовъ велась довольно широкая агитація среди русскаго и литовскаго пролетаріата. Устраивались собранія до 200 человѣкъ, усиленно распространялась литература и подготовлялся рядъ стачекъ, но неорганизованность работы, съ одной стороны, провокація и шпіонство, съ другой, не дали сколько-нибудь окрѣпнуть движенію. Громадные провалы, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, вырывали всѣхъ сколько-нибудь замѣтныхъ дѣятелей, какъ среди рабочихъ, такъ и интеллигенціи. Одновременно съ этимъ шла работа латышскихъ соціалистовъ, носившая до нѣкоторой степени полулегальный характеръ. Дѣятельность латышей также закончилась полнымъ проваломъ. Разгромъ тогдашнихъ соціальдемократовъ былъ настолько силенъ, что отъ нихъ не осталось ни малѣйшаго слѣда. На нѣсколько лѣтъ революціонная дѣятельность въ нашемъ городѣ была совершенно уничтожена, и до насъ дошли только отрывочныя легенды о нашихъ предшественникахъ. Латышскимъ товарищамъ вскорѣ удалось возстановить связи съ рабочими, и вотъ уже около четырехъ лѣтъ среди латышскаго пролетаріата ведется непрерывная работа. Силы латышской организаціи постепенно росли, и въ 1902 г. они уже выступили какъ самостоятельная партія съ самостоятельнымъ заграничнымъ представительствомъ. Въ настоящее время эта организація является самой сильной въ нашемъ городѣ, но къ сожалѣнію дѣятельность ея тормозится нѣкоторымъ организаціоннымъ національзмомъ. Ограничивая до самаго послѣдняго времени свою агитаціонную и организаціонную работу исключительно латышскими рабочими и совершенно не затрагивая рабочихъ другихъ національностей, латышскіе товарищи не могли пріобрѣсти сильнаго и прочнаго вліянія на мѣстный пролетаріатъ. Сознательные латышскіе рабочіе держатся особнякомъ и не выказываютъ никакого стремленія распространить свое вліяніе на рабочихъ другихъ націй; — „латыши не хотятъ съ нами разговаривать", говорятъ русскіе рабочіе, „брезгаютъ нами, говорятъ — темный народъ". Массовая агитація ведется только на латышскомъ языкѣ, и листки остаются совершенно непонятными и чуждыми нелатышской массѣ.

Другая мѣстная соціальдемократическая организація „Бундовскій Комитетъ", первое время своего существованія была занята постановкой движенія среди мѣстныхъ еврейскихъ ремесленниковъ. Овладѣвъ передовой частью еврейскаго пролетаріата, Бундовскій Комитетъ попытался выйти на путь массовой агитаціи и активной борьбы. Распространеніемъ листковъ и устройствомъ массовыхъ собраній ему удалось вызвать въ еврейскомъ пролетаріатѣ революціонное настроеніе; использовать же это настроеніе онъ оказался не въ состояніи: еврейскій пролетаріатъ, вслѣдствіе своей малочисленности, не представляетъ изъ себя силы, которая могла бы повести самостоятельную борьбу. Замкнувшись въ узкихъ рамкахъ національности и охвативъ въ нихъ своимъ вліяніемъ болѣе годные элементы, Бундовскій Ком. не пошелъ со своей агитаціей въ болѣе широкіе и совершенно незатронутые слои мѣстнаго пролетаріата; накопившаяся въ передовыхъ слояхъ еврейскихъ рабочихъ революціонная энергія, не находя себѣ иного выхода, стала проявляться самымъ ненормальнымъ образомъ, принимая по временамъ формы мелкой террористической борьбы.

Но все же существованіе и дѣятельность Бундовскихъ Комитетовъ были болѣе замѣтны по сравненію съ другими мѣстными организаціями, главнымъ образомъ, потому, что радикальная еврейская молодежь, болѣе многочисленная и подвижная, популяризировала движеніе еврейскаго пролетаріата устройствомъ вечеринокъ и чтеній, посѣщаемыхъ еврейскими рабочими. Среди еврейской и даже общегородской интеллигенціи Бунд. Комитетъ вызвалъ на время нѣкоторое оживленіе; интересъ и сочувствіе мѣстнаго общества особенно повысились послѣ мартовской театральной демонстраціи этого года, гдѣ еврейскіе рабочіе и молодежь представляли преобладающій элементъ. Но и эта волна оживленія, вызванная организаціей, не опиравшейся на сколько-нибудь значительный слой мѣстнаго пролетаріата, прошла совершенно безслѣдно для широкихъ рабочихъ массъ, значительная часть которыхъ по прежнему оставалась совершенно въ сторонѣ отъ работъ наиболѣе сильныхъ мѣстныхъ организацій.

Послѣ оживленія и провала 1890 г. соц.-демок. работа среди русскаго пролетаріата совершенно прерывается на нѣсколько лѣтъ. Все, что сохранилось въ студенчествѣ лучшаго, было вырвано въ послѣдующіе годы студенческихъ волненій; притокъ свѣжихъ силъ былъ уничтоженъ закрытіемъ доступа въ здѣшній политехникумъ немѣстнымъ уроженцамъ. Здѣшнее же русское общество и интеллигенція, за малыми исключеніями, состоитъ сплошь изъ чиновничества, совершенно неспособнаго выдѣлить активныя силы. Русскій и литовскій пролетаріатъ былъ предоставленъ въ полное распоряженіе мѣстной бюрократіи, дѣятельно занявшейся развращеніемъ рабочихъ въ чайныхъ, театрахъ и пр. „просвѣтительныхъ" учрежденіяхъ попечительства о народной трезвости.

Въ 1901 г. начинаютъ замѣчаться нѣкоторые признаки оживленія. Начинаютъ возникать читательскіе кружки, интеллигентскіе кружки появляются, лопаются, снова возстанавливаются; каждый дѣйствуетъ совершенно самостоятельно; однимъ словомъ, начинается періодъ броженія среди части интеллигенціи. Весь этотъ процессъ совершенно не затронулъ рабочія массы. Интеллигенты въ своихъ кружкахъ спорили, волновались, соединялись и разъединялись, а массы по прежнему работали на фабрикахъ по 12 часовъ въ день и по прежнему „просвѣщались" попечительной бюрократіей.

Въ 1903 г. начинается оживленіе. Въ двухъ кружкахъ, влачившихъ жалкое существованіе приливаютъ интеллигентныя силы, устанавливаются связи съ русскими рабочими двухъ крупныхъ заводовъ, гдѣ начинается оживленная кружковая работа. Вмѣстѣ съ тѣмъ завязываются связи въ мѣстномъ студенчествѣ и интеллигенціи. Въ мартѣ 1903 г. послѣ долгихъ переговоровъ во вторую группу входятъ члены перваго кружка, и такимъ образомъ прекращается существованіе двухъ русскихъ группъ. Въ дальнѣйшемъ удается завести связи на нѣсколькихъ другихъ фабрикахъ и среди русскихъ ремесленниковъ. Въ настоящее время связи имѣются на пяти заводахъ, гдѣ функціонируетъ шесть кружковъ, охватывающихъ до 30 человѣкъ рабочихъ. Болѣе сознательные рабочіе имѣютъ кромѣ того собственные небольшіе кружки по два, по три человѣка. Количество такихъ агитирующихъ рабочихъ достигаетъ 30-35 человѣкъ. Кромѣ рабочихъ, имѣются два интеллигентныхъ кружка, въ которыхъ ведутся чтенія по программнымъ, организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ. Въ настоящее время передъ группой стоитъ вопросъ объ организаціи, на разрѣшеніе котораго направлены всѣ ея силы.

Саратовъ. Благодаря первомайскимъ арестамъ, а также другимъ причинамъ, ослабившимъ составъ мѣстнаго соц.-дем. Комитета, послѣднему пришлось отказаться на время отъ массовой агитаціи съ помощью листковъ и прокламацій, которую онъ велъ въ теченіе зимы, и заняться внутренней организаціей. Этотъ періодъ затишья далъ поводъ нѣкоторымъ лицамъ обвинить Комитетъ въ бездѣятельности, въ результатѣ чего появилась попытка создать „свои собственныя", отдѣльныя группы. Въ теченіе лѣта Комитету удалось, однако, вновь собрать около себя нѣкоторыя силы, возобновить связи, сорганизовать разсѣявшіеся было кружки и возстановить прежнюю технику, причинившую столько хлопотъ мѣстной администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны нѣкоторыхъ „раскольниковъ", главнымъ образомъ — рабочихъ, стало наблюдаться стремленіе къ слiянію съ Комитетомъ.

За послѣдніе три года, подъ вліяніемъ дѣятельности Комитета, выработался слой болѣе или менѣе сознательныхъ и горячо преданныхъ дѣлу рабочихъ, которые, съ одной стороны, жаждутъ дѣла, а съ другой, не менѣе страшно стремятся къ научному соц.-дем. знанію. Къ сожалѣнію, Комитетъ часто чувствуетъ себя безсильнымъ удовлетворить и той, и другой потребности. Нѣтъ брошюрочной литературы для массоваго распространенія и нѣтъ достаточнаго числа опытныхъ пропагандистовъ. Составъ послѣднихъ большею частью временный, наѣзжій, и изъ мѣстныхъ силъ почти не пополняется. Недостатокъ пропагандистовъ могла бы замѣнить научная соц.-дем. литература: сочиненія Маркса, Энгельса, Каутскаго, Лассаля и т. д., но и той абсолютно нѣтъ и нѣтъ. Отсутствіе ея Комитетъ пытается иногда пополнить своими домашними средствами, такъ, напр., издалъ недавно на мимеографѣ „Коммунистическій Манифестъ" въ 200 экземплярахъ, но каковы могутъ быть плоды такой кустарнической дѣятельности, понятно каждому. Рабочихъ уже далеко не удовлетворяетъ литература профессіональнаго содержанія, и крайне необходимы популярныя брошюры, трактующія какъ объ основахъ соц.-дем. теоріи, такъ и объ общихъ политическихъ вопросахъ русской жизни: о податяхъ и налогахъ, о государственномъ механизмѣ, о мѣстномъ самоуправленіи, о финансовой политикѣ, о духовенствѣ, по исторіи русскаго революціоннаго движенія и т. д. Необходима и популярная соц.-дем. газета. Все это насущные, наболѣвшіе вопросы. Необходимость скорѣйшаго объединенія въ партію не въ теоріи только, но и на практикѣ для насъ провинціаловъ болѣе, можетъ быть, ощутима, чѣмъ для кого другого.

Отголоски южныхъ событій долетѣли до насъ и на значительную глубину всколыхнули рабочую массу. Въ послѣднее время Комитетъ прямо таки заваленъ обличительными письмами рабочихъ. Чуть не ежедневно Комитетъ выпускаетъ листокъ на тотъ или другой заводъ. Во главѣ всѣхъ требованій рабочіе выставляютъ 8-ми часовой рабочій день. Наиболѣе горячіе изъ нихъ упорно носятся съ мыслью о всеобщей стачкѣ. Оживленію этому способствуетъ и невыносимо тяжелое положеніе рабочихъ, созданное фабрикантами на почвѣ кризиса.

На дняхъ въ Саратовѣ произошелъ случай, лишній разъ свидѣтельствующій, что правительство наше, преслѣдуя своихъ враговъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, даже передъ святотатствомъ. Хоронили политическаго ссыльнаго И. Д. Грачева. Проводить покойнаго собралось человѣкъ 50 его товарищей и знакомыхъ. На гробъ его былъ возложенъ вѣнокъ, причемъ вполнѣ легальная надпись „отъ товарищей" была сдѣлана на красной лентѣ. Послѣднее обстоятельство, т. е. красный цвѣтъ ленты, и взбудоражилъ саратовскую полицію. Когда похоронная процессія проходила по обширной Московской площади, ее догнала ватага околодочныхъ съ приставомъ второй части Лебедевымъ во главѣ, и послѣдній сталъ нагло требовать — снять ленту. На вопросы возмущенной публики, на чемъ основано такое нелѣпое требованіе, приставъ отказался дать объясненія, говоря лишь съ идіотски многозначительнымъ видомъ: „мы знаемъ, кто вы такіе и въ чемъ тутъ дѣло“. Товарищи покойнаго наотрѣзъ отказались снять ленту и пытались продолжать путь; тогда мерзавецъ-приставъ задержалъ катафалкъ и по его приказанію одинъ изъ околодочныхъ, бывшій прежде шпіономъ, сорвалъ ленту и унесъ. (околодочный этотъ въ тотъ же вечеръ былъ жестоко избитъ рабочими въ общественномъ саду). Затѣмъ прискакалъ помощникъ полиціймейстера и безъ дальнѣйшихъ разсужденій приказалъ переписать всѣхъ. На кладбищѣ процессію встрѣтили пять конныхъ казаковъ, которые вмѣстѣ съ полиціей окружили могилу, пока зарывали покойника. Затѣмъ отъ присутствующихъ отобраны были фамиліи. Исторія эта среди рабочихъ вызвала сильное негодованіе.

Саратовскій Комитетъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВЫБОРЫ ВЪ ГЕРМАНІИ.*)

Семь часовъ вечера, 16 іюля. Выборы начались, идетъ подсчетъ голосовъ. Берлинъ. Домъ типографіи и экспедиціи главнаго органа партіи „Впередъ“. Дворъ полонъ велосипедистами. Слышится лишь глухой шумъ: напряженные нервы не позволяютъ громко разговаривать. Въ редакцію собираются извѣстія со всей Германіи, и ихъ нужно сообщить товарищамъ, десяткамъ тысячъ наполнившимъ 40 залъ въ разныхъ мѣстахъ Берлина. Въ комнатѣ для совѣщаній весь редакціонный штабъ и правленіе партіи — Бебель, Геришъ, Пфаннкухъ (Ауэръ и Зингеръ больны). Въ Берлинѣ шесть округовъ. Свободомыслящіе хвалились завоевать четыре; для второго были уже заготовлены воззванія, зовущія къ перебаллотировкѣ, ихъ кандидатъ уже заказалъ себѣ визитныя карточки съ титуломъ: „депутатъ рейхстага“; борьба велась ожесточенно и вдругъ... пять округовъ взято сразу соціальдемократами съ громаднымъ приростомъ голосовъ; въ одномъ шестомъ округѣ, въ которомъ въ 1898 году Либкнехтъ получилъ 58,000 голосовъ, теперь 78,000, — на 20,000 больше; лишь въ первомъ — самомъ богатомъ — свободомыслящій попалъ въ перебаллотировку съ соціальдемократомъ. Берлинъ принадлежитъ соціальдемократамъ! Весь домъ дрожитъ отъ безконечныхъ криковъ „ура“; редакторы лихорадочно работаютъ съ искрящимися отъ радости глазами, рабочіе на дворѣ со слезами восхищенія обнимаются, поздравляя другъ друга съ побѣдой. Начало обѣщаетъ многое! Въ одномъ только Берлинѣ приростъ въ 60 тысячъ голосовъ! Сегодняшней ночью не до спанья! Буржуазныя газеты будутъ имѣть возможность опять шипѣть о „терроризмѣ“ соціальдемократовъ, заставляющихъ работать ночью въ партійной типографіи. Редакція приготовила экстренный листокъ; дрожа отъ волненія, принимаются наборщики за работу, подбадриваемые прибывающими извѣстіями о новыхъ и новыхъ побѣдахъ, подгоняемые не терроризмомъ надсмотрщиковъ, а мыслью о тысячахъ товарищей, ждущихъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ сообщенія результатовъ столкновенія стараго отживающаго міра съ новымъ грядущимъ! Половина третьяго: первые проблески наступающаго утра, а рестораны все еще биткомъ набиты народомъ. Вотъ въ одинъ врывается, съ первымъ утреннимъ номеромъ „Впередъ“ въ рукахъ, рабочій. „На столъ его, на столъ! Побѣда! побѣда! Страна наша и весь свѣтъ принадлежитъ намъ!“ Дѣтская радость овладѣваетъ всѣми! Эти мертвыя цифры такъ много говорятъ истрадавшемуся пролетарскому сердцу, открываютъ передъ взорами такіе широкіе горизонты, сулятъ близкое освобожденіе, зовя къ новой борьбѣ, давая чувствовать свою силу и необходимость еще большей солидарности съ товарищами, демонстрируя пользу и необходимость еще большаго единства, централизаціи и дисциплины: вѣдь задачи такъ велики, а враги еще такъ сильны, и время послѣдней схватки приближается! „Впередъ“ пишетъ: „наша побѣда превзошла самыя смѣлыя ожиданія, а успѣхъ въ Саксоніи прямо сказоченъ!“ Всѣ большіе города предоставлены соціальдемократамъ, приростъ голосовъ во всѣхъ очень значителенъ, вопреки увѣреніямъ буржуазной прессы, что въ городахъ соціальдемократія уже достигла максимума своего развитія; въ округахъ съ сельскимъ населеніемъ — Мекленбургъ, Баварія и особенно въ Восточной Пруссіи — громадный приростъ голосовъ; въ Саксоніи не выбранъ ни одинъ буржуазный кандидатъ, пять попало въ перебаллотировку, соціальдемок. выбрано 18, голосовъ за соц.-дем. подано на 150,000 больше, чѣмъ за всѣ буржуазныя партіи вмѣстѣ; агитація Вильгельма и Бебеля на Рейнѣ не пропала даромъ: число соціальдемократическихъ голосовъ съ 189,000 возрасло до 346,000, и въ нѣсколькихъ округахъ соц.-дем. впервые попали въ перебаллотировку. Главные выборы дали соціальдемократамъ 3,025,000 голосовъ (2,117,000 въ 1898 году), 56 депутатовъ и 118 перебаллотировокъ. Настроеніе соціальдемократической прессы и рабочихъ массъ во всемъ государствѣ восторженное, — буржуазной прессы растерянное и подавленное: призракъ коммунизма превратился въ суровую, беспощадную дѣйствительность съ необходимостью естественнаго процесса, грозно надвигающагося на буржуазный строй; неудержимый ростъ побѣдоноснаго пролетарскаго движенія, сила натиска котораго увеличивается пропорціонально препятствіямъ, обостряетъ классовыя противорѣчія, — приближается время, когда пролетаріату придется выступить въ бой, вооруженнымъ не одними билетиками для голосованія. Консервативные органы, раздраженные особенно проваломъ трехъ главныхъ вожаковъ крайнихъ аграріевъ изъ „союза сельскихъ хозяевъ“, рвутъ и мечутъ, обвиняютъ правительство, несумѣвшее твердой рукой подавить соціализмъ и недавшее общаго пароля противъ него; они рекомендуютъ крайнія мѣры: измѣненіе избирательнаго права, распущеніе рейхстага и новые выборы и заклинаютъ всѣ партіи голосовать при баллотировкахъ противъ соціальдемократовъ, забывъ на время всѣ свои раздоры. Національ-либеральные органы, подъ первымъ впечатлѣніемъ признавшіе было громадное значеніе побѣды соціальдемократовъ, увѣряютъ, что все обстоитъ благополучно. Органы центра стараются быть довольными: не важно, что центръ не завоюетъ новыхъ мандатовъ, старые онъ авось всѣ удержитъ, католицизмъ одинъ въ состояніи противустоять натиску соціалистовъ и является отнынѣ въ Германіи главнымъ оплотомъ монархіи, религіи и всего современнаго строя: для перебаллотировки главный органъ центра не давалъ общаго пароля, предоставляя каждому округу рѣшить кого изъ кандидатовъ считать за меньшее зло. Правительство вмѣшалось въ борьбу открыто: министръ Посадовскій приглашалъ главнаго вождя центра на совѣщаніе и, когда тотъ отказался пріѣхать, ссылаясь на занятость партійными дѣлами, самъ поѣхать къ нему въ Лейпцигъ; центру обѣщалось согласіе правительства на допущеніе іезуитовъ въ Германію, лишь бы голосовалъ вездѣ противъ соціальдемократовъ; увѣщанія министра не имѣли желаемаго успѣха, центръ, чувствуя свою силу, хотѣлъ показать ее и своимъ врагамъ нац.-либераламъ, голосовавшимъ всегда противъ допущенія іезуитовъ; пароль центра украсился лишь прибавкой: „ни въ какомъ случаѣ за соціальдемократовъ“: въ нѣкоторыхъ округахъ (Мюнхенъ I, Бохумъ, Дартмундъ и др.) центръ воздержался отъ голосованія, и эти округа были потеряны нац.-либералами въ пользу соціальдемократовъ. Буржуазная лѣвая — свободомыслящіе, — не получившіе въ главныхъ выборахъ ни одного мандата, сваливали всю отвѣтственность за пораженіе на соц.-демократовъ: ея тактика ожесточенной борьбы противъ всѣхъ фракцій безъ разбора привела къ вытѣсненію изъ перебаллотировокъ кандидатовъ лѣвой, поставивъ противъ реакціонеровъ соціальдемократовъ, а такъ какъ трудно допустить поддержку соціальдемократовъ свободомыслящими избирателями, то округа перейдутъ въ руки реакціи; благодаря соціальдемократамъ въ новомъ рейхстагѣ опять будетъ реакціонное большинство, да еще раздраженное усиленіемъ соціальдемократовъ, которое вынуждено будетъ принять мѣры къ ограниченію народныхъ правъ. Тщетно доказывала соціальдемократическая пресса цифровыми выкладками, что лѣвая можетъ превратиться въ большинство — пусть лишь свободомыслящіе голосуютъ сообразно своей программѣ противъ реакціи въ тѣхъ 40 округахъ, гдѣ соціальдемократы стоятъ въ перебаллотировкѣ съ реакціонерами; тщетно указывала она, что способъ дѣйствія либераловъ является политической кастраціей; тщетно нѣкоторые свободомыслящіе политики выступали противъ тактики вождя Рихтера, губящаго либеральную оппозицію, ничто не помогло: главные органы свободомыслящихъ агитировали за реакцію. Призракъ соціальной революціи, ужасными красками размалеванный вождями, заставилъ свободомыслящихъ спасаться подъ знамена реакціи, борьба съ которой является *по программѣ* первой обязанностью либеральной оппозиціи: больше чѣмъ въ 30 округахъ свободомыслящіе не сочли возможнымъ даже воздержаться отъ голосованія, а голосовали прямо за отчаянныхъ реакціонеровъ и провалили соціальдемократовъ. И отлично, что наконецъ буржуазная демократія скинула маску, показавъ, что народу нечего больше ждать отъ нея, доказавъ, что отнынѣ единственной носительницей не только идеаловъ будущаго, но и самыхъ элементарныхъ либеральныхъ принциповъ является соціальдемократія. Этотъ урокъ послужитъ также хорошимъ лекарствомъ для окончательнаго выздоровленія соціальдемократіи отъ бернштейніанскихъ бредней о притупленіи противорѣчій, постепенной демократизаціи современнаго строя, объ общности задачъ съ буржуазной лѣвой и необходимости слиянія съ ней для борьбы съ реакціей. Треть взрослаго населенія Германіи, 3,000,000 пролетарскихъ голосовъ одобрили тактику соціальдемократіи, основанную именно на непримиримости со всѣми другими партіями. Изъ 118 перебаллотировокъ соціальдемократы завоевали лишь 25 мандатовъ и явятся въ новомъ рейхстагѣ въ числѣ 81 человѣка — второй по силѣ партіей; центръ потерялъ пять мандатовъ соціальдемократамъ (въ рейнской провинціи) и полякамъ (въ Силезіи), порвавшимъ при выборахъ съ центромъ и выставившимъ кандидатовъ съ приличной демократической программой — и имѣетъ всего 101; національ-либералы потеряли своего вождя Бассермана и вице-президента прошлаго рейхстага Бюзинга, но остаются при своихъ 52 мандатахъ; консерваторы потеряли много мѣстъ соціальдемократамъ, но выиграли у свободомыслящихъ, остаются при прежнихъ 72 мандатахъ; теряютъ въ мѣстахъ свободомыслящіе (въ перебаллотировкѣ прошло 37), крайнія аграріи 4 и антисемиты три мѣста; въ общемъ составъ рейхстага менѣе реакціоненъ, чѣмъ прежде, и, благодаря усиленію на 23 человѣка соц.-дем., обладаетъ довольно сильнымъ оппозиціоннымъ меньшинствомъ. Борьба за торговые договоры и противъ новыхъ налоговъ на милитаризмъ, проектируемые уже правительствомъ, обѣщаетъ быть жестокой, тѣмъ болѣе, что еще предвидится дальнѣйшій приростъ соціальдемократическихъ депутатовъ, вслѣдствіе неизбѣжной кассаціи многихъ выборовъ въ округахъ, гдѣ буржуазныя партіи позволяли себѣ вліять на выборы противузаконными средствами.

Католическіе попы, какъ и при агитаціи передъ выборами, очень умѣло пользовались своимъ положеніемъ духовныхъ отцовъ: билетики съ именемъ кандидата центра всовывались передъ входомъ въ помѣщенія для выбора избирателямъ и зорко слѣдилось, чтобы этотъ билетикъ попалъ въ урну: угрозы лишить причастія, угрозы бойкотомъ играли и тутъ большую роль. Всевозможныя хитрости употреблялись, чтобы узнать, кто голосуетъ за соціальдемократовъ: роль урнъ играли иногда маленькіе ящики изъ-подъ сигаръ, въ которыхъ билетики не могли перемѣшиваться, и вслѣдствіе этого изъ листа избирателей легко было тамъ найти всѣхъ соціальдемократовъ, слѣдя лишь кто послѣ кого выбиралъ; иногда даже прямо вскрывались потихоньку конверты съ билетиками, подглядывалось при вложеніи билетика въ конвертъ: несмотря на обязательное постановленіе новаго закона объ устройствѣ повсюду особыхъ изолированныхъ помѣщеній для урнъ, гдѣ голосующему вполнѣ обезпечено тайное голосованіе, не вездѣ таковыя были устроены: при баллотировкахъ во многихъ мѣстахъ весь административный механизмъ оказывалъ давленіе на избирателей: въ оффиціальныхъ объявленіяхъ, призывающихъ къ перебаллотировкѣ, агитировалось самымъ безстыднымъ образомъ за буржуазнаго кандидата, и грозилось, въ случаѣ наличности соц.-демократическихъ голосовъ въ данномъ мѣстѣ, расправиться по свойски. Характерно слѣдующее объявленіе: „Избиратели! Въ нашемъ округѣ перебаллотировка между консерваторомъ и потрясателемъ основъ — соціальдемократомъ. Наше мѣстечко должно смыть съ себя позоръ, что за сволочь соц.-дем. было подано много голосовъ; требую при семъ, чтобы собирающіеся голосовать опять за соц.-дем. уплатили лишь прежде свои долги, а то я взыщу судомъ. Старшина (такой-то) общины“. „Впередъ“ недоумѣваетъ только какимъ путемъ собирается старшина узнать, кто изъ его должниковъ голосовалъ за соц.-дем. и прибавляетъ: „спасибо старшинѣ: онъ за насъ агитируетъ, напоминая о нашемъ чудесномъ строѣ и способахъ защиты частной собственности“.

Саксонія въ перебаллотировкѣ прибавила еще четырехъ соц.-демократовъ и представлена въ рейхстагъ 22 соціальдемократами и однимъ антисемитомъ Греефе — послѣднимъ изъ могиканъ саксонской буржуазіи, понявшимъ уже всю отвѣтственность своего высокаго положенія и вступившимъ уже въ корреспонденцію съ королемъ, привѣтствуя его отъ имени оставшихся вѣрными саксонскихъ сердецъ. Въ прокламаціи къ своимъ избирателямъ Греефе благодаритъ ихъ за спасеніе чести Саксоніи и призываетъ божье благословеніе на округъ-„крѣпость, изъ которой отечество снова будетъ завоевано для христіанства и монархіи“. Король телеграммой поздравилъ Греефе съ побѣдой добраго дѣла въ его округѣ.

Впервые разрѣшено было и женщинамъ соединиться въ союзы на время предвыборной агитаціи; въ Берлинѣ союзъ въ 900 женщинъ, въ другихъ мѣстахъ женьщины меньшими группами и въ одиночку работали, не отставая отъ мужчинъ, на пользу соціальдемократовъ. Въ округахъ, гдѣ центръ — сила, имъ особенно досталось: циничная ругань и обращеніе, побои, въ одномъ мѣстѣ даже плевки въ лицо и потомъ фотографированіе, чтобы распространеніемъ карточки оплеванной опозорить ее и отпугнуть другихъ — вотъ средства борьбы буржуазіи.

Неутомимость въ борьбѣ нашихъ нѣмецкихъ товарищей прямо поразительна: уже въ день перебаллотировки 25 іюня было выпущено воззваніе, призывающее къ началу немедленной агитаціи къ выборамъ въ Саксонскій ландтагъ (мѣстный парламентъ), имѣющимъ быть осенью, а прусскіе товарищи уже снаряжаются къ бою въ октябрѣ къ выборамъ въ свой ландтагъ. Съ такой арміей можно одерживать побѣды! „Что-же теперь?“ Каутскій въ своей статьѣ подъ этимъ заглавіемъ предсказываетъ близкую окончательную побѣду соціализма въ Германіи. Бебель въ одной изъ своихъ рѣчей, обращаясь къ противникамъ, восклицаетъ: „государство будущаго не за горами! Соціалистическій строй ближе, чѣмъ вы себѣ представляете!“ По выраженію Каутскаго соц.-дем. въ Германіи „до 20 февраля 1890 года боролась за признаніе ее равноправной партіей. Съ того дня, — чтобы стать силой. 16 іюня 1903 года открыла борьбу за власть!“.

---

*) Въ дополненіе къ сообщеннымъ уже нами результатамъ германскихъ выборовъ помѣщаемъ картинку выборовъ, опоздавшую, къ сожалѣнію, по недостатку мѣста.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Слѣдующіе мѣстные революціонные листки были изданы за май-августъ: **Николаевскимъ Ком.** (іюнь) — № 9 николаевской рабочей газ. „Наше Дѣло“, содерж.: 1) о правительственной политикѣ, 2) стачки на Французскомъ и Черноморск. завод., 3) парламентскіе выборы въ Германіи, 4) аресты и приговоры, 5) изъ мастерскихъ, 6) Май въ Россіи, 7) Тифлисъ, Баку, Варшава. — **Донскимъ Ком.** — 1) 13 іюля „Къ работницамъ Табачной фабрики Асмолова“ (о неблаговидномъ поведеніи управляющ.). 2) 16 іюля „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (призывъ къ организаціи). 3) 18 іюля „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (призывъ къ стачкѣ — по примѣру Баку и Одессы). 4) 22 іюля „Къ рабочимъ и работницамъ Ростова и Нахичевани“ (о Бакинскихъ, Тифлисскихъ и Одесскихъ стачкахъ). 5) 8 іюля „Какъ издаются законы въ свободн. государствѣ“. — **Кіевскимъ Ком.** — 1) 25 мая „О зубатовцахъ въ Кіевѣ“. 2) 27 мая „Памяти Логвинскаго“ (некрологъ). — **Кавказскимъ Союзн. Ком.** (май) — второй листокъ общ. приложенія къ газетамъ „Пролетаріатъ“ (армян.) и „Брдзола“ („Борьба“ — грузин.), теперь назв. приложеніемъ къ газ. (общей) „Борьба пролетаріата“. — **Бакинскимъ Ком. Союза** (май-іюнь) — два листка „Ко всѣмъ рабочимъ“ (призывъ къ общей забастовкѣ). — **Тифлисскимъ Ком. Союза** (май-іюль) — 1) „Ссылаемые товарищи“, 2) объ убитомъ Багратѣ Галустовѣ (во время столкновенія 1 іюля на вокзалѣ), 3) „О вокзальномъ столкновеніи“ (1 іюля), 4) „Всеобщая стачка въ Баку“, 5) „О всеобщей стачкѣ 14 іюля въ Тифлисѣ. — **Сибирскимъ Союзомъ** (іюнь) — о тайн. цирк. Куропаткина (воен. мин.). — **Томскимъ Ком. Союза** (іюль) — 1) листокъ № 39 — о столкновеніи 6 іюля съ полиціей, 2) въ іюлѣ 1903 г. печатную прокламацію о томъ, что онъ приступилъ къ созданію въ Томскѣ боевой организаціи, какъ подчиненнаго органа Комитета. Названіе боевой организаціи опредѣлено въ прокламаціи неточно („объединеніе мѣстныхъ революціонныхъ силъ для активной политической борьбы“ — *такое* объединеніе является цѣлью самого Комитета въ цѣломъ, а не одной изъ подчиненныхъ ему организацій); изъ 14 пунктовъ устава этой организаціи 8 не опубликовано по конспиративнымъ соображеніямъ; нѣкоторые пункты странно видѣть пріуроченными именно къ боевой организаціи (признаніе программы, участіе въ собраніяхъ и т. п.). Вообще уставъ томской боевой организаціи врядъ-ли можно признать удачнымъ, но идея томскихъ товарищей безусловно правильна. Мы, дѣйствительно, должны заранѣе готовиться къ организованному руководству демонстраціями, заранѣе пытаться распредѣлить роли и средства. Возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и опубликованіе о созданіи такой организаціи способно принести пользу партійному дѣлу. — **Екатеринославскимъ Ком.** выпущены: 1) „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава“ (о „всеобщихъ“ забастовкахъ на Югѣ), 2) листокъ съ такимъ же заголовкомъ (описаніе Екатеринославской забастовки). — **Пермскимъ Комитетомъ** (іюнь) — **№ 4** „Рабочаго Бюллетеня“: 1) объ убійствѣ Богдановича, 2) хроника железнодорожнаго депо. — **Воронежской Кассой Борьбы** (5 августа) — о всеобщихъ стачкахъ на Югѣ. — **Гомельскимъ Ком. Бунда** (іюль) — „Чудеса въ Саровѣ и всеобщая стачка“. — **Воронежскимъ Ком.** (не надо смѣшивать съ Воронежской „Касс. Борьбы“) — „Отвѣтъ Группѣ, назыв. себя „Орг. Ком.“ и „Искрѣ“ на ихъ заявленія въ № 36 газеты „Искры“. — **Костромскимъ Ком. Союза** (1 іюня) — „Ко всѣмъ Костромскимъ рабочимъ“ (по поводу костромской забастовки-демонстраціи). — **Одесскимъ Ком.** выпущены: 1 іюня — „Что такое политическ. свобода“, а въ іюлѣ — цѣлый рядъ листковъ къ забастовкѣ-демонстраціи и по поводу нея: 1) „Къ рабочимъ-забастовщикамъ г. Одессы“, 2) „Къ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“ (во время забастовки). 3) „Извѣстія о стачкахъ въ Одессѣ“ (о ходѣ забастовки). 4) еще „Къ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“. 5) „Къ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“ — о „независимыхъ“, 6) „Къ портовымъ рабочимъ“. **Донскимъ Ком.** Р. С.-Д. Р. П. изданы въ іюлѣ прокламаціи: 1) къ работницамъ табачной фабрики Асмолова, 2) къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ (двѣ), 3) къ рабочимъ и работницамъ Ростова и Нахичевани и 4) какъ издаются законы въ свободныхъ государствахъ. — **Бакинскимъ** Комитетомъ Партіи — „Ко всѣмъ рабочимъ“. — **Тифлисскимъ** Комитетомъ — по поводу всеобщей забастовки.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербургъ. Лепешинскій, Радченко, Рерихъ, Петерсонъ сосланы до приговора въ Восточную Сибирь, рабочіе Тараевъ и Шишковъ въ Вологодскую губ. Освобождены: Зиновьева, Іорданскій, Голькиндъ, Шнеерсонъ. Въ Архангельскъ сосланы до приговора: Хмѣлевцевъ, Чеботаревъ, Шипулинскій и нѣкот. др. — **Тверь.** Здѣсь въ ночь съ 12 на 13 августа былъ большой (небывалый) набѣгъ. Пока извѣстны слѣдующія фамиліи (о рабочихъ совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній) арестованныхъ: бывш. студ. Костецкій, Казанскій, Ратманъ (выпущенъ), Соболевскій, Митягинъ, бывш. курс. Потоцкая, Мечникова, Бушъ, Леергандъ, Андреевъ (интел.), Рагозинъ. Обыски у земскихъ служащихъ: Харизоменова, Федулова, Борисова, Слухавскаго, Куняева, Антипова; врачей: Эллентарка, Выслухи, Абрамовича, Корменевскаго, провизора Петрова; Абкнера (б. ст.), Сергѣевскаго, Томиловой, Модестова (служащаго контрольной палаты), Зеликсонъ, Серговскаго, Рагозиной, Егорова (раб.), Кугушева и др. Искали печатныхъ принадлежностей. Было много усердія, не очень много результатовъ. Комитетъ цѣлъ. Въ теченіи цѣлаго дня шарили у либерала Апостолова, но совершенно неуспѣшно. — **Ковно.** Здѣсь была голодовка въ тюрьмѣ, продолжавшаяся 7 сутокъ; голодало 37 человѣкъ, всѣ находящіеся въ тюрьмѣ. Нѣкоторыя требованія были удовлетворены. Многіе очень слабы. — **Екатеринославъ.** Въ первыхъ числахъ августа арестовано 9 человѣкъ. (Вѣроятно имѣются въ виду аресты, бывшіе въ концѣ іюля).

Киренскъ. Задержаны бѣжавшіе на пасху изъ Алекминска Камермахеръ и Вольфсонъ (предполагается, что будутъ высланы въ Колымскъ).

Ростовъ. Въ дополненіе къ сообщенію въ № 47 „Искры“ о предполагающемся военномъ судѣ надъ участниками демонстраціи 2 марта, въ настоящее время вполнѣ подтверждающемуся объявленнымъ по войску приказомъ наказному атаману Плеве — объ открытіи съ 14 августа временнаго военнаго суда по этому дѣлу въ Таганрогѣ. Приводимъ фамиліи 23 подсудимыхъ-демонстрантовъ:

Марія Нагель, Александръ Браиловскій, Василій Поляковъ, Розалія Локерманъ, Анна Логачева, Николай Полтава, Соломонъ Боруховъ, Самуилъ Столкарцъ, Өекла Чумаченко, Александръ Христенко, Никофоръ Ильницкій, Петръ Векленко, Авраамъ Миндлинъ, Спиридонъ Логвиновъ, Константинъ Глазуновъ, Татьяна Кисьянцева, Андріанъ Куксинъ, Николай Дрожжовкинъ, Антонъ Бондаревъ, Семенъ Васильченко, Андрей Бутурлимовъ, Василій Кривошеевъ, Дмитрій Колосковъ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Приговоръ военнаго суда въ Таганрогѣ.

Настоящій номеръ былъ уже готовъ, когда мы получили извѣстіе о приговорѣ военнаго суда надъ ростовскими демонстрантами. Ко времени выхода слѣдующаго номера мы будемъ имѣть, конечно, болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ. Теперь же спѣшимъ довести до свѣдѣнія нашихъ читателей то немногое, что сами знаемъ: *два нашихъ товарища приговорены къ смертной казни, десять осуждены на разные сроки въ тюрьму и каторгу.* Россійскій сознательный пролетаріатъ не забудетъ этого новаго преступленія царизма. Онъ отомститъ за него новой и еще болѣе энергичной работой на пользу того дѣла, за которое пострадали ростовскіе подсудимые, на пользу *массоваго рабочаго движенія*, несравненно болѣе опаснаго и страшнаго для русскаго правительства, чѣмъ самыя смѣлыя покушенія на жизнь его отдѣльныхъ представителей. Вѣчная слава пострадавшимъ борцамъ, и да здравствуетъ рабочее движеніе! Да здравствуетъ революціонная соціальдемократія!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Валѣ. Письма и адресъ получили.

Тифлисцу. Очень рады будемъ, если пришлете обѣщанную корреспонденцію о настроеніи южной Россіи.

Педагогу. Письмо получено, получаете-ли наши письма?

Получено: отъ астраханскаго комитета — 150 руб. (изъ нихъ 50 р. на спеціальную цѣль); изъ Лондона за литературу — 5 ф.; отъ Ф. изъ Н. — 15 шил.; отъ стараго друга — 500 фр.; отъ Сенъ-Бернаръ — 100 фр.; за литературу, изъ М—а — 45 фр.

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 48. 15-го сентября 1903 года. № 48.

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ.

Читатели „Искры", навѣрное, знаютъ уже, какой приговоръ вынесенъ былъ военнымъ судомъ въ Таганрогѣ по дѣлу нашихъ товарищей, судившихся за участіе въ знаменитой Ростовской демонстраціи 2 марта. Теперь ходитъ упорный слухъ о томъ, что приговоръ этотъ смягченъ, и что смертная казнь Браиловскому, Колоскову и Куксину замѣнена различными сроками каторжной работы. Допуская, что это правда, нельзя не замѣтить, что и въ своемъ смягченномъ видѣ, этотъ приговоръ отличается большою суровостью. Если никого изъ осужденныхъ уже не ждетъ теперь *висѣлица*, то многимъ изъ нихъ предстоятъ долгіе годы ссылки, тюрьмы, каторги, — что при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть хуже смерти.*) Гг. военные судьи показали себя вполнѣ достойными представителями той политической системы, которая, какъ удавъ, душитъ всю Россію и которой они „вѣрой и правдой" служатъ... по вольному найму. Но какъ ни велико негодованіе, вызываемое въ насъ свирѣпостью царскихъ наемниковъ и какъ ни велико наше сочувствіе къ нашимъ пострадавшимъ товарищамъ, мы нисколько не удивляемся Таганрогскому приговору и увѣрены, что въ будущемъ приговоры по дѣламъ такого рода станутъ еще суровѣе. Царское правительство не можетъ поступать иначе. Оно знаетъ, — лучше чѣмъ иной революціонеръ ветхаго завѣта, — какую смертельную опасность представляетъ для него массовое движеніе пролетаріата, и со своей всегдашней неразборчивостью въ средствахъ оно дѣлаетъ все, что можетъ, для того, чтобы остановить или хотя бы только замедлить это движеніе. Сегодня оно, съ помощью агентовъ *тайной* полиціи, старается создать „независимую" рабочую партію, благородная миссія которой которой состоитъ въ томъ, чтобы развращать рабочихъ и вносить путаницу въ ихъ умы, а завтра оно напускаетъ орды *явной* полиціи на мирныхъ стачечниковъ, осмѣливающихся настойчиво защищать насущные свои интересы. Сегодня оно сулитъ пролетаріату царскую милость; завтра оно подвергаетъ унизительнымъ наказаніямъ его сознательныхъ представителей. Сегодня оно вызываетъ кровавое избіеніе „жидовъ"; завтра оно отдаетъ подъ военный судъ участниковъ демонстрацій. Оно одновременно пытается сбить съ толку, развратить и запугать россійскій рабочій классъ. Оно видитъ въ этомъ единственный путь своего спасенія. Но оно видитъ также, что идти по этому единственному пути становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Пролетаріатъ растетъ и въ численномъ, и въ умственномъ отношеніи. Его почтеніе къ начальству и его страхъ передъ нимъ исчезаютъ и замѣняются любовью къ свободѣ и жаждой борьбы. Его передовые слои дерзко смѣются надъ полицейской сказкой о батюшкѣ-царѣ, желающемъ добра рабочимъ, отвѣчая на нее дружнымъ крикомъ: *„Долой самодержавіе!"* И этотъ дружный крикъ находитъ себѣ сочувствіе даже въ отсталыхъ слояхъ рабочаго населенія, еще недавно совершенно чуждыхъ политики. Противоправительственныя демонстраціи пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе внушительные размѣры, и каждая изъ нихъ, производя сильнѣйшее впечатлѣніе на массу, подготовляетъ почву для новыхъ, еще болѣе внушительныхъ народныхъ движеній. Въ виду всего этого вполнѣ понятно, что правительство прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ. Кары, сыплющіяся на революціонеровъ уличенныхъ или только заподозрѣнныхъ въ содѣйствіи массовому движенію пролетаріата, не могутъ не становиться все болѣе и болѣе жестокими. Если Таганрогскій военный судъ только погрозилъ нашимъ товарищамъ висѣлицей, то очевидно, что недалеко то время, когда правительство не ограничится одной угрозой. *Бѣлый терроръ*, — вотъ чѣмъ отвѣтитъ оно на массовое движеніе пролетаріата. Какой же отвѣтъ дастъ революціонный пролетаріатъ на бѣлый терроръ?

Ниже мы печатаемъ письмо одного рабочаго, написанное подъ впечатлѣніемъ первоначальнаго приговора Таганрогскаго военнаго суда. Письмо это чрезвычайно поучительно. Оно показываетъ, что поставленный нами вопросъ естественно возникаетъ теперь у сознательныхъ пролетаріевъ подъ вліяніемъ вполнѣ понятнаго чувства негодованія, вызываемаго въ нихъ правительственными преслѣдованіями. „Передъ моимъ взоромъ проносятся послѣднія событія на югѣ Россіи, — читаемъ мы въ письмѣ, — и я ясно слышу стоны и крики избиваемыхъ жертвъ, слышу свистъ пуль и шумъ нагайки, дикіе возгласы царскихъ баши-бузуковъ. Ясно вижу цѣлые потоки крови... искалѣченныхъ, избитыхъ и убитыхъ, работниковъ и работницъ. И послѣ всего этого, послѣ всѣхъ этихъ картинъ, вихремъ пронесшихся въ моей головѣ, я прочелъ вышеупомянутый приговоръ надъ нашими товарищами. Ужасъ объялъ меня! Опять тюрьма и ссылка, каторга, опять смертная казнь... Передъ моимъ взоромъ встаетъ черная, зловѣщая висѣлица, на которой висятъ наши товарищи, висятъ борцы за народное счастье... Страшное возмущеніе и жажда мести охватываетъ всякаго мыслящаго, живого и честнаго человѣка. Но тутъ встаетъ вопросъ. Отомстить! Да, но какъ и какими средствами?"

Это — тотъ самый вопросъ, на который по своему отвѣтилъ уже болѣе года тому назадъ Качуръ выстрѣломъ въ Оболенскаго. Его отвѣтъ былъ продиктованъ ему „разочарованіемъ" въ демонстраціяхъ. „Демонстраціи мнѣ и моимъ товарищамъ были по душѣ, — говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, опубликованныхъ въ № 10 „Рев. Россіи", — Тутъ уже борьба! Тутъ прямо встрѣча съ врагомъ. Но скоро я въ демонстраціяхъ разочаровался и еще больше, чѣмъ въ стачкахъ. Я думалъ, что мы на демонстраціяхъ воевать идемъ, а оказывается, что только подставляемъ спину подъ нагайки и головы подъ кулаки и ружейные приклады... Стыдно мнѣ стало за себя, стыдно мнѣ стало за товарищей. Мы хотимъ порядокъ всего государства измѣнить, а даемъ себя бить, какъ самые пропащіе люди. Я такъ полагаю, что, если мы идемъ на борьбу, то должны бороться, какъ полагается честнымъ рабочимъ. И раньше всего мы должны такъ держать себя, чтобы насъ уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали, но и боялись". Съ этою цѣлью Качуръ и вступилъ въ такъ называемую „Боевую Организацію". „И вотъ почему я рѣшилъ поступить въ Боевую Организацію, — писалъ онъ въ томъ же письмѣ, — я увѣренъ, что ей удастся заставить правительство не бороться съ нами кнутомъ и кулакомъ; я вѣрю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движеніе могло свободно развиваться. Для такого дѣла никакія жертвы не велики и, если нужна моя жизнь — я считаю для себя счастьемъ отдать ее такому великому и святому дѣлу!"

Эти послѣднія слова дышатъ самоотверженіемъ, но предшествующія имъ строки показываютъ, что написавшій ихъ самоотверженный рабочій былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ точки зрѣнія сознательнаго пролетаріата нашихъ дней. Онъ не полагался на политическую самодѣятельность рабочаго класса. Онъ вѣрилъ, что возможность свободнаго развитія можетъ быть завоевана для рабочаго и крестьянскаго движенія только кучкой террористовъ. Ему было совершенно чуждо сознаніе того, что политическое, — и всякое другое, — освобожденіе рабочаго класса должно быть его собственнымъ дѣломъ. Только отсутствіемъ этого сознанія и объясняется то обстоятельство, что онъ „разочаровался" въ стачкахъ и демонстраціяхъ и сталъ ждать политическихъ чудесъ отъ „Боевой Организаціи". Отвѣтственность за эту наивную вѣру въ политическія чудеса падаетъ, конечно, на ту „партію", къ которой онъ присталъ, „разочаровавшуюся" въ самодѣятельности рабочихъ, и которая тѣмъ охотнѣе прибѣгаетъ къ громкимъ революціоннымъ фразамъ, чѣмъ менѣе понятны ей дѣйствительныя условія и практическія задачи современнаго революціоннаго движенія въ Россіи. Пессимизмъ Качура наглядно показываетъ намъ, какихъ по истинѣ печальныхъ результатовъ должны были бы ждать мы отъ распространенія вліянія на рабочій классъ гг. „соціалистовъ-революціонеровъ". Съ другой стороны, жизнь не менѣе наглядно показала всѣмъ, имѣющимъ очи, полнѣйшую неосновательность этого пессимизма. Качуръ пришелъ къ тому убѣжденію, что время демонстрацій прошло; мы видимъ теперь, что когда у него складывалось это убѣжденіе, время демонстрацій только-что начиналось. Качуръ думалъ, что, сталкиваясь съ полиціей, демонстранты могутъ только „задавать лататы"; теперь ясно, что при подходящихъ условіяхъ демонстранты могутъ оказывать ей весьма серьезное сопротивленіе. Качуру казалось, что демонстраціи, „еще больше, чѣмъ стачки", направляютъ наше движеніе въ *тупой переулокъ*: въ настоящее время становится очевиднымъ, что демонстраціи, „еще болѣе, чѣмъ стачки", развиваютъ политическое сознаніе массы и ведутъ ее на арену *всенароднаго возстанія противъ существующаго порядка*. Въ то сравнительно очень короткое время, которое протекло съ тѣхъ поръ, какъ написаны были письма Качура, массовое движеніе приняло у насъ такіе широкіе, такіе небывалые размѣры, что теперь немыслимо никакое сомнѣніе въ его будущности, и вѣроятно, самъ авторъ этихъ писемъ безъ труда увидѣлъ бы теперь, какъ жестоко ошибался онъ, пріурочивая къ дѣятельности „Боевой Организаціи" всѣ свои надежды на будущіе успѣхи россійскаго революціоннаго движенія. Прежде его пессимизмъ еще можно было оправдать, — съ грѣхомъ пополамъ, — неразвитостью его классового *самосознанія*. Теперь и такое оправданіе было бы невозможно, потому что теперь даже неразвитые рабочіе *инстинктомъ* чувствуютъ великое общественное значеніе и непобѣдимую силу своего класса. Вотъ почему эти рабочіе съ такою готовностью отзываются теперь на революціонные призывы къ массовымъ протестамъ. Къ великому ужасу „охранителей" массовые протесты стали очереднымъ вопросомъ нашей общественной жизни, и очень естественно, поэтому, что въ головахъ сознательныхъ рабочихъ не возникаетъ даже и тѣни хотя бы самомалѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что пролетаріатъ можетъ своими собственными силами отстоять свое собственое дѣло. Теперь въ отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ можно отомстить правительству, сознательные рабочіе, не колеблясь, указываютъ на усиленную агитацію въ массѣ. Такъ, напр., рабочій, — авторъ цитированнаго нами выше письма о Таганрогскомъ приговорѣ, говоритъ: „Открытымъ протестомъ должны мы отвѣтить на подобные азіатскіе приговоры и расправы. Мы должны громко заявить въ листкахъ, газетахъ, брошюрахъ, на улицѣ о нашемъ негодованіи, мы не можемъ остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будемъ подрывать почву подъ ногами нашихъ враговъ, будемъ вселять недовѣріе и ненависть русскаго народа къ нашему самодержавному кровожадному правительству. Это пока единственный способъ дезорганизовать и разбить всѣ враждебныя свѣту и справедливости силы, только так. образ., т. е. такими путями мы должны отомстить и отомстимъ!"

Да, товарищъ, вы совершенно правы. Негодованіе должно подвинуть насъ на *усиленную агитацію въ массѣ.* Мы внушимъ массѣ горячее сочувствіе къ жертвамъ и жгучую ненависть къ палачамъ, и это, въ самомъ дѣлѣ, есть единственное средство вырвать почву изъ-подъ ногъ нашего реакціоннаго правительства. Когда масса проникнется этими чувствами, — а по всему видно, что это время уже недалеко, — тогда безсовѣстной и кровожадной шайкѣ, управляющей теперь нашею страною, останется, по выраженію Лассаля, лишь заниматься астрологіей, чтобы по звѣздамъ опредѣлить, въ какомъ именно часу суждено ей погибнуть. Другого средства мести у насъ нѣтъ, но другого намъ и не нужно, потому что это средство, — и только оно одно, — дастъ намъ полную возможность побѣдить нашихъ непримиримыхъ враговъ и сбросить съ нашихъ плечъ *„тяжкое иго самовластья"*.

Если бѣлый терроръ является естественнымъ отвѣтомъ царскаго правительства на возрастаніе массоваго движенія рабочихъ, то новый и усиленный ростъ массоваго движенія рабочихъ является необходимымъ отвѣтомъ революціонной соціальдемократіи на бѣлый терроръ царскаго правительства.

Употребляя слова въ ихъ истинномъ значеніи, мы прибавимъ къ этому, что теперь настоящій — *красный* — террористъ не тотъ, кто, вступивъ въ ту или другую „боевую организацію", совершаетъ покушеніе на жизнь того или другого помпадура, а тотъ, кто содѣйствуетъ единственному истинному революціонному движенію нашихъ дней, — массовому движенію пролетаріата. Въ самомъ дѣлѣ, что такое терроръ? Это система дѣйствій, имѣющихъ цѣлью *устрашить* политическаго врага, распространить ужасъ въ его рядахъ. Но изо всѣхъ непріятныхъ царскому правительству явленій современной русской общественной жизни ни одно не имѣетъ такого опаснаго значенія для него и ни одно не внушаетъ ему такого ужаса, какъ именно ростъ революціоннаго сознанія въ народной массѣ. Вѣдь это правительство потому и старается испугать насъ *высшей мѣрой наказанія*, что наша агитаціонная дѣятельность доводитъ его до *высшей степени страха*. Вѣдь оно потому и *грозитъ* намъ, что боится *грозной* силы массоваго революціоннаго движенія. Вслѣдствіе этого революціон. агитація въ массѣ и должна быть признана теперь самой страшной для правительства и единственной въ самомъ дѣлѣ опасной для него разновидностью терроризма.

Прежде, когда предержащія власти обрушивались на демонстрантовъ лишь съ болѣе или менѣе чувствительными „мѣрами кротости и увѣщанія", — отъ казацкой нагайки до административной высылки и ареста включительно, — террористическая борьба стараго образца была самымъ рискованнымъ видомъ революціонной борьбы, и люди, бравшіеся за нее, имѣли репутацію наиболѣе рѣшительныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей. Ихъ считали какъ бы героями по преимуществу. Теперь же, когда демонстраціи переходятъ въ открытое сопротивленіе власти, а за открытое сопротивленіе власти грозитъ солдатская пуля или смерть „черезъ повѣшеніе" по приговору военнаго суда, нашъ старый терроризмъ перестаетъ быть исключительно-смѣлымъ пріемомъ борьбы и можетъ считаться исключительнымъ развѣ только по своему несоотвѣтствію съ нынѣшними требованіями цѣлесообразной революціонной тактики. Теперь героизмъ вышелъ на площадь: истинными *героями нашего времени* являются теперь тѣ революціонеры, которые идутъ во главѣ народной массы, возстающей противъ своихъ угнетателей.

Но само собою понятно, что эта простая и ясная, какъ божій день, мысль не укладывается въ головахъ нашихъ революціонныхъ старообрядцевъ, которые до сихъ поръ живутъ впечатлѣніями давно и, къ счастью, безвозвратно минувшаго прошлаго. Вотъ, напримѣръ, „Революціонная Россія", высказавшая въ своемъ 30 № совершенно новую мысль о пользѣ рѣшительнаго образа дѣйствій, говоритъ: „Но кто же еще не понимаетъ, что многіе, разстрѣлянные безоружными на мостовой, предпочли бы умереть съ оружіемъ въ рукахъ — въ уличной схваткѣ или на баррикадѣ, въ открытомъ нападеніи строя на строй или въ героическомъ единоборствѣ?"

Органъ партіи, помѣшавшей несчастному Качуру додуматься до опредѣленной *классовой* точки зрѣнія, очевидно, подразумѣваетъ подъ *единоборствомъ* тотъ самый пріемъ борьбы, который мы назвали терроризмомъ стараго образца. *Этому* единоборству и присвоивается у него эпитетъ *героическаго*. „Революціонная Россія" *„еще не понимаетъ"*, что начавшееся теперь *единоборство рабочаго класса съ царскимъ правительствомъ* открываетъ несравненно болѣе широкое поле для героизма всякаго рода, чѣмъ самыя смѣлыя и „рѣшительныя" предпріятія отдѣльныхъ лицъ или группъ.

Исторія не знаетъ болѣе страшнаго терроризма, чѣмъ терроризмъ великой французской революціи, который выдвинулъ на историческую сцену настоящихъ титановъ и „божьей грозой" пронесся надъ Франціей, безпощадно разрушая всѣ остатки „стараго режима". Но чѣмъ былъ этотъ терроризмъ? Когда онъ начался? Откуда черпалъ онъ свою гигантскую силу? Въ чемъ состояла тактика его сторонниковъ? По справедливому замѣчанію Малуэ, онъ начался 14 іюля 1789 года взятіемъ Бастиліи. Его сила была силой революціоннаго движенія народа. Главной отличительной чертой тактики его сторонниковъ было стремленіе во что бы то ни стало поддерживать и усиливать революціонную самодѣятельность массы. *Этотъ* терроризмъ вызванъ былъ не „разочарованіемъ" въ силѣ массоваго движенія, а, наоборотъ, непоколебленной вѣрой въ эту силу. *Его* представители были руководителями французскаго народа въ его героическомъ единоборствѣ съ соединенными силами европейской реакціи. Исторія *этого* терроризма чрезвычайно поучительна для русскаго революціонера. Но она поучительна именно потому, что непрестанно твердитъ намъ о необходимости *подготовлять нашу россійскую народную массу ко взятію нашихъ всероссійскихъ Бастилій.*

Повторяемъ, отвѣтомъ на бѣлый терроръ правительства должно быть усиленіе революціонной агитаціи въ массѣ. На этомъ пути намъ придется испытать жесточайшія преслѣдованія. Много крови прольется на немъ, много товарищей вырветъ изъ нашихъ рядовъ Молохъ въ полицейскомъ мундирѣ. Но мы не покинемъ его, такъ какъ *онъ одинъ ведетъ къ побѣдѣ.* Держась его, мы можемъ быть увѣрены, что силы нашей революціонной арміи будутъ постоянно увеличиваться, что на мѣсто павшихъ борцовъ будутъ становиться новые, все болѣе и болѣе многочисленные рекруты свободы, и что мы *отомстимъ* царизму, *побѣдивъ* его и не оставивъ въ его безобразномъ зданіи камня на камнѣ.

---

*) Статья эта уже была набрана, когда мы убѣдились, что указанный слухъ былъ справедливъ. Браиловскому смертная казнь замѣнена десятилѣтней, а Колоскову и Куксину — пятилѣтней каторгой.

НОВОЕ ФИЛІАЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ БУНДА.

Письмо въ редакцію*).

Когда возникла послѣдняя война съ Китаемъ и начали мобилизовать Сибирь, а отчасти и прилегающую Вятскую губернію, одинъ вятскій Сысойка спрашивалъ: „подъ кѣмъ же мы теперь будемъ, подъ русскимъ императоромъ, или подъ китайскимъ?“ Прочитавъ резолюцію V съѣзда Бунда, я тоже невольно спрашиваю: „подъ кѣмъ же мы теперь — подъ Бундомъ или подъ Р. С.-Д. Партіей?“

Согласно резолюціи Бунда мы имѣемъ передъ собой двѣ вполнѣ независимыя организаціи съ самостоятельными центральными учрежденіями, самостоятельными съѣздами, стоящія другъ къ другу въ федеративныхъ отношеніяхъ. Признаніе Бунда федеративной *частью* Р. С.-Д. Р. П. само по себѣ еще не опредѣляетъ взаимной зависимости „частей“. Чтобы понять эту зависимость, чтобы разобрать, гдѣ тутъ часть, а гдѣ цѣлое, нужно изучить тѣ права и тѣ функціи, которыя предоставлены каждой изъ сторонъ: чьи права и функціи окажутся болѣе широкими, болѣе общими, тотъ и окажется фактическимъ представителемъ „цѣлаго“, хотя бы номинально и называлъ себя „частью“. Права же и функціи контръ-агентовъ лучше всего опредѣлить, во-первыхъ, по сферѣ ихъ вліянія и, во-вторыхъ, по отношенію ихъ къ постороннимъ элементамъ (организаціямъ и пр.). Сфера вліянія организаціи обыкновенно опредѣляется районными условіями, при вмѣшательствѣ же національныхъ различій — и условіями языка (какъ внѣшняго выразителя этихъ различій). Посмотримъ же, какія права предоставляетъ въ этомъ отношеніи Бундъ себѣ и Р. С.-Д. Р. П.

Бундъ, являясь организаціей только еврейскаго пролетаріата, не связанъ никакими районными рамками (§ 2), слѣдовательно, можетъ имѣть свои комитеты или агентовъ гдѣ угодно. Въ то же время Р. С.-Д. Р. П. имѣетъ право выступать отъ имени всего пролетаріата въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣются агенты Бунда, лишь съ согласія Бунда, хотя бы это были коренныя русскія мѣстности, гдѣ еврейскій пролетаріатъ составляетъ ничтожный процентъ. Далѣе. Бундъ имѣетъ право обращаться къ пролетаріату другой національности, „лишь съ согласія на то органовъ соотвѣтственныхъ частей партіи“. Это значитъ: въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще не охвачены дѣятельностью партіи, Бундъ имѣетъ полную свободу дѣйствія по отношенію ко *всему пролетаріату*, ибо не у кого спрашивать согласія; Росс. же С.-Д. Р. П. не имѣетъ права ни въ коемъ случаѣ обращаться къ еврейскому пролетаріату безъ разрѣшенія Бунда даже тамъ, гдѣ о Бундѣ никто и не слыхалъ (вспомните случай въ Екатеринославѣ!). Такъ гласитъ § 8 и примѣч. На основаніи того же § Р. С.-Д. Р. П. воспрещается безъ позволенія Бунда издавать что бы то ни было на еврейскомъ языкѣ — ибо это уже будетъ „обращеніе къ еврейскому пролетаріату“, и въ то же время „Бундъ имѣетъ право на безпрепятственное изданіе, кромѣ литературы на еврейскомъ языкѣ, и литературы на другихъ языкахъ“.

То же характерное распредѣленіе ролей и правъ замѣчается и по вопросу о сношеніяхъ съ другими организаціями. Хотя Бундъ любезно обращается къ Цен. Ком. Р. С.-Д. Р. П. за разрѣшеніемъ вступать въ *постоянныя* сношенія съ невходящими въ партію соц.-дем. организаціями (случай едва-ли имѣющій практическое значеніе), въ то же время онъ сохраняетъ за собой право заводить *временныя* сношенія того же рода — что, понятно, чаще случается и поэтому гораздо важнѣе, — ограничиваясь лишь „доведеніемъ до свѣдѣнія“ Ц. К. Партіи о каждомъ такомъ соглашеніи. А теперь сопоставьте съ этимъ § 11: „Въ случаяхъ необходимости Ц. К. Партіи имѣетъ право вступать въ сношенія съ отдѣльными частями Бунда, *но лишь съ согласія Ц. К. Бунда*“. Другими словами: Бунду предоставляется гораздо большія права по отношенію къ совершенно чуждымъ организаціямъ, чѣмъ Рос. С.-Д. Р. П. по отношенію къ одной изъ составныхъ частей ея. „Часть“, хотя бы и федеративная, оказывается полноправнѣе „цѣлаго“. Гдѣ же тогда „часть“, гдѣ „цѣлое“? Кого правильнѣе назвать „цѣлымъ“: ту-ли организацію, которая въ своей дѣятельности не связана ни районными рамками, ни рамками языка, которая свободна въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ съ посторонними партіи организаціями, или же ту, которая и въ вопросахъ района дѣятельности, и въ вопросахъ языка, и въ вопросахъ сношенія съ своей же составной частью, и даже въ своемъ элементарномъ правѣ выступать отъ имени *Россійской* С.-Д. Р. П., т. е. отъ имени „всего пролетаріата“ данной мѣстности, — по рукамъ и ногамъ связана согласіемъ Бунда. Если считаться съ законами логики, — пока еще не отмѣненными резолюціей Бунда — то „цѣлымъ“ нужно считать болѣе широкое, общее, и тогда вполнѣ оправдывается мое недоумѣніе: подъ кѣмъ же мы состоимъ — подъ Бундомъ или Р. С.-Д. Р. П.? Бундъ ли часть Р. С.-Д. Р. П. или она только филіальное отдѣленіе Бунда?

Недоумѣвающій искровецъ.

---

*) Резолюція V съѣзда Бунда встрѣчена такимъ недоумѣніемъ и рѣшительнымъ протестомъ большинства русскихъ сотоварищей, что мы получили рядъ запросовъ и писемъ въ редакцію по этому поводу. Печатаемъ одно изъ такихъ писемъ для характеристики настроенія нашей партіи.

ПИСЬМО РАБОЧАГО.

Сегодня я прочелъ въ мѣстныхъ легальныхъ газетахъ „Донская Рѣчь“ и „Приазовскій край“, телеграммы о томъ, что въ Таганрогѣ военнымъ судомъ приговорили трехъ нашихъ товарищей за демонстрацію въ Ростовѣ 2 марта къ лишенію всѣхъ правъ и смертной казни черезъ повѣшеніе; кромѣ того, семь человѣкъ къ разнымъ наказаніямъ, долгосрочной каторгѣ, арестантскимъ ротамъ, вѣчному поселенію, тюрьмѣ и такъ далѣе. Приговорили ихъ за то, что они осмѣлились выступить съ открытымъ протестомъ противъ гнета и произвола, царящаго у насъ на Руси. Читая объ этомъ приговорѣ, мною овладѣло страстное желаніе мстить, мстить и мстить, ибо предо мной возстали, какъ живыя, всѣ жертвы, павшія въ борьбѣ въ самодержавіемъ, за великое дѣло освобожденія русскаго народа отъ ига и произвола кровожадныхъ самодержцевъ. Предо мной, какъ живые, возстали герои 70-80 гг., я вспомнилъ цѣлый рядъ демонстрацій, гдѣ свободно разгуливала казацкая нагайка, свистѣла пуля, лилась кровь, раздавались крики, стоны и плачъ, я все вспомнилъ... Потомъ шли розги, тюрьма, ссылка, каторга, висѣлица и т. д. и т. д. Вспомнилъ я еще жертвы той звѣрской и дикой расправы съ голодными крестьянами, которая происходила въ Харьковской и Полтавской губер., какъ ихъ избивали, мучили, сѣкли и ссылали только за то, что они осмѣлились возвысить голосъ и громко сказать, что они голодны, что и они люди, что и они ѣсть хотятъ. Далѣе я вспоминаю ноябрьскія событія въ Ростовѣ н/Д., Тихорѣцкой, Новороссійскѣ и т. д. И тамъ были жертвы казацкой нагайки и солдатской пули, въ Тихорѣцкѣ царскіе слуги и народные палачи врывались въ дома мирныхъ жителей, грабили ихъ убогое имущество, убивали и насиловали мирныхъ и невинныхъ женщинъ, стариковъ и дѣтей. А вотъ передъ моимъ взоромъ проносятся послѣднія событія на Югѣ Россіи, и я ясно слышу стоны и крикъ избиваемыхъ жертвъ, слышу свистъ пуль и нагайки, дикіе возгласы царскихъ башибузуковъ. Ясно вижу цѣлые потоки крови (по улицамъ Баку, Тифлиса, Кіева и Екатеринослава), искалѣченныхъ, избитыхъ и убитыхъ работниковъ и работницъ. И послѣ всего этого, послѣ всѣхъ этихъ картинъ, вихремъ пронесшихся въ моей головѣ, я прочелъ вышеупомянутый приговоръ надъ нашими товарищами. Ужасъ объялъ меня! Опять тюрьма, опять ссылка, каторга, опять смертная казнь... Передъ моимъ взоромъ встаетъ черная, зловѣщая висѣлица, на которой висятъ наши товарищи, висятъ борцы за народное счастье. Страшное возмущеніе и жажда мести охватываетъ всякаго мыслящаго, живого и честнаго человѣка.

Но тутъ встаетъ вопросъ. Отомстить! Да, но какими средствами? Неужели намъ надо безсознательно, рефлективно отвѣчать на звѣрства нашихъ царскихъ башибузуковъ? Нѣтъ! отвѣчаю я на этотъ вопросъ, ибо мы должны помнить, что не въ ихъ личности дѣло, что намъ надо бороться не противъ какого-нибудь наказного атамана, по приказанію котораго уже повѣшены трое за убійство городового. Не въ немъ, товарищи, суть и не на немъ должны мы вымещать негодованіе, не въ его убійствѣ дать исходъ и удовлетвореніе нашей жаждѣ мести... Мы должны бороться не съ лицомъ или лицами, но мы должны бороться съ самодержавіемъ и порождаемымъ имъ гнетомъ и произволомъ, и на вопросъ: какъ и какими средствами намъ нужно бороться, я отвѣчаю себѣ такъ: мы видимъ, что всѣ звѣрскія правительственныя расправы съ нашими лучшими товарищами производятся открыто, демонстративно: мы видимъ, что правительство старается всѣми мѣрами и всѣми силами дезорганизовать нашу организацію. Оно, ради достиженія своихъ цѣлей, не останавливается ни передъ какими мѣрами; она широко и щедро раздаетъ направо и налѣво тюрьму, ссылку, каторжныя работы и смертную казнь. Своими свирѣпыми мѣрами оно хочетъ вырвать, „изъять изъ обращенія“ нашихъ лучшихъ товарищей и смѣлыхъ борцовъ, а остальнымъ дать „урокъ“, напугать ихъ, „чтобы въ другой разъ неповадно было“. Но удастся-ли это царскимъ холопамъ?! Мы смѣло можемъ сказать — нѣтъ! Нѣтъ, имъ не задушить, не остановить великаго освободительнаго движенія пролетаріата. Вспомнимъ слова С. Бардиной на судѣ: „преслѣдуйте насъ, за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи — увы! на штыки не улавливаются!“ И вотъ я думаю, что мы соціальдемократы должны взять примѣръ въ одномъ отношеніи съ нашихъ враговъ. Они стараются и ищутъ средствъ, чтобы дезорганизовать нашу силу, такъ или иначе разсѣять и разбить наши ряды. И мы, съ нашей стороны, должны напрягать всѣ свои силы для того, чтобы дезорганизовать силы правительства. Но на нашей сторонѣ перевѣсъ! Въ то время, когда правительство ищетъ разныя средства для борьбы съ нами, у насъ уже это средство есть. Мы не можемъ и не должны пропускать такой вопіющій и гнусный фактъ безъ отвѣта. Мы должны разсказать о немъ ~~и разъяснить~~ его всѣмъ товарищамъ, всѣмъ мыслящимъ и честнымъ людямъ, повѣдать всему міру!... Открытымъ протестомъ должны мы отвѣтить на подобные азіатскіе приговоры и расправы. Мы должны громко заявить въ листкахъ, газетахъ, брошюрахъ, на улицѣ о нашемъ негодованіи, мы не можемъ остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будемъ подрывать почву подъ ногами нашихъ враговъ, будемъ вселять недовѣріе и ненависть русскаго народа къ нашему самодержавному, кровожадному правительству. Это пока единственный способъ дезорганизовать и разбить всѣ враждебныя свѣту и справедливости силы, только такимъ образомъ, т. е. такими путями мы должны отомстить и отомстимъ!

Рабочій.

СОРВАЛОСЬ!...

— Ну, а если ваши громогласныя, велерѣчивыя и пышныя увѣренія вызовутъ недовѣріе именно самымъ своимъ характеромъ?

— Я желалъ бы посмотрѣть, кто посмѣетъ усомниться въ моихъ словахъ!

— Ну, однако-же, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться въ словахъ революціонера, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, я пойду до конца, я потребую либо прямого выраженія недовѣрія, либо прямого отступленія, я...

— А если ваше требованіе прямого выраженія недовѣрія будетъ удовлетворено?

— Что такое?

— Если вамъ скажутъ прямо и опредѣленно, что вамъ не вѣрятъ?

— Я назову того, кто рѣшится сказать это, гнуснымъ клеветникомъ, я буду клеймить передъ всѣмъ свѣтомъ его безпримѣрный поступокъ...

— А если вамъ, въ отвѣтъ на это, систематически начнутъ доказывать, что все ваше поведеніе давно уже не позволяетъ относиться къ вамъ съ довѣріемъ?

— Я соберу тогда отовсюду протесты противъ этой братоубійственной полемики, я обращусь ко всѣмъ съ прочувствованнымъ словомъ о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости, о кристальной чистотѣ, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной корѣ мелкаго самолюбія, объ очистительномъ пламени, которое наполняетъ мою душу беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, я сравню своихъ враговъ съ Понтійскимъ Пилатомъ...

— А если по поводу такихъ рѣчей васъ сопоставятъ съ Тартюфомъ?

— Тогда я потребую третейскаго суда!

— Вамъ немедленно отвѣтятъ, что охотно принимаютъ вызовъ и предлагаютъ прежде всего согласиться о томъ, чтобы судъ разсмотрѣлъ вопросъ, имѣлъ-ли вашъ противникъ право усомниться въ достовѣрности вашихъ заявленій.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что *„послѣ всего происшедшаго“* смѣшно и говорить о какомъ-то *„соглашеніи“* между какими то *„сторонами“*!

* * *

Отношенія русскаго правительства къ Болгаріи и македонскому вопросу*).

Съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ первую статью, въ Болгаріи и Македоніи произошли крупныя перемѣны. Тотчасъ по своемъ возвращеніи изъ Франціи, въ началѣ мая, принцъ Фердинандъ самымъ грубымъ образомъ заставилъ ультра-руссофильскій кабинетъ д-ра Данева подать въ отставку и призвалъ къ власти *стамбуловистовъ* (остатки партіи Стамбулова) — ультра-руссофобовъ, во главѣ съ любимцемъ принца, отставнымъ генераломъ Р. Петровымъ. Вначалѣ нынѣшнее ультра-руссофобское правительство объявило, что будетъ поддерживать съ „освободительницей“ самыя искреннія отношенія. Русское правительство, съ своей стороны, встрѣтило диверсію принца Фердинанда безъ всякой тревоги, ибо, какъ увидимъ, перемѣна эта, столь желательная для принца, произошла съ согласія русскаго правительства. И дѣйствительно, первое время нынѣшнее правительство находилось въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ русскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Софіи: часто въ полномъ составѣ и во главѣ съ принцемъ оно чаевало въ русскомъ агентствѣ; шефъ правительства, министръ-президентъ, съ своей стороны, часто прогуливался съ дипломатическимъ агентомъ. Теперь, когда я пишу эти строки, отношенія, разумѣется, нѣсколько иныя. Съ другой стороны, съ 20 іюля объявлено повстаніе въ Македоніи и Адріанопольскомъ „вилаетѣ“ (до Константинополя).

Въ первой статьѣ я сказалъ, что отношенія русскаго правительства къ Болгаріи и къ македонскому вопросу самыя коварныя. Мало того. Впродолженіе 25 лѣтъ русское правительство и его агенты шепчутъ болгарской буржуазіи о „завѣтныхъ идеалахъ“ Болгаріи, объ осуществленіи „санъ-стефанской Болгаріи“ съ помощью Россіи. За примѣрами ходить недалеко. Въ 1895 г. царь и правительство горячо завѣряли депутацію изъ видныхъ болгарскихъ патріотовъ съ покойнымъ митрополитомъ Климентомъ во главѣ, посланную въ Петербургъ, — въ томъ, что только „Россія“ желаетъ „безкорыстно“ помочь Болгаріи, и что она непремѣнно ей поможетъ, лишь бы Болгарія не слушалась ея враговъ. Всѣ эти заявленія русскаго царя и его присныхъ были широко распространены въ Болгаріи депутаціей и руссофилами. Въ 1900-1901 г. былъ командированъ въ Болгарію полковникъ генеральнаго штаба Епанчинъ съ цѣлью произвести тщательный осмотръ болгарскихъ войскъ, снаряженій, вооруженій и, вообще, констатировать боевую готовность болгарскаго войска. Около того же времени былъ командированъ и чиновникъ министерства финансовъ Кобеко съ миссіей изучить финансы Болгаріи и указать средства къ ихъ улучшенію. Правда, всѣ эти командировки были вызваны принцемъ Фердинандомъ, который лѣзъ къ русскому царю съ своими увѣреніями въ неизмѣнной преданности ему — олицетворенію „восточной зари“. Но всѣ эти царскіе слуги говорили болгарскимъ патріотамъ о неизмѣнномъ „безкорыстномъ попеченіи“ русскаго царя о Болгаріи. Самый фактъ командировокъ уже говорилъ имъ, что близокъ день осуществленія „санъ-стефанской Болгаріи“ съ помощью Россіи. Прошлой осенью, какъ я уже упомянулъ, происходили шипкинскія празднества съ большимъ шумомъ и помпой. Много горячихъ тостовъ было произнесено на Шипкѣ объ „единеніи славянъ“, о „покровительствѣ“ Россіи, о готовности ея помочь осуществленію болгарскихъ „національныхъ задачъ“. Военный министръ, генералъ Куропаткинъ, говорилъ болгарскому правительству: „не жалѣйте ничего для войска; вы должны каждую минуту быть готовыми“. А *Яланжи-Паша* (Лжецъ-Паша), графъ Игнатьевъ, громилъ „швабу“ самымъ ярымъ образомъ и на каждомъ шагу, направо и налѣво, говорилъ „братушкамъ“ о „великой Болгаріи“, о „санъ-стефанской Болгаріи“.

Между тѣмъ, вся эта политика русскаго правительства чистѣйшій обманъ. Русское правительство не только не думаетъ помогать Болгаріи въ осуществленіи ея стремленіи, но на каждомъ шагу оно препятствуетъ имъ и препятствуетъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Какъ разъ тогда, когда агенты русскаго правительства увѣряютъ болгаръ въ неизмѣнномъ отношеніи „Россіи“ къ ихъ національнымъ завѣтамъ, въ то же самое время они въ Македоніи разжигаютъ и поддерживаютъ словомъ и дѣломъ, морально и матеріально антиболгарскую пропаганду грековъ и сербовъ, разжигаютъ націоналистическую борьбу между ними. Съ другой стороны, русское правительство давно пускаетъ въ ходъ всѣ подпольныя средства противъ болгарской экзархіи въ Константинополѣ, съ цѣлью уничтожить или изгнать ее оттуда. Дѣло въ томъ, что экзархія — олицетвореніе духовнаго единства всѣхъ болгаръ, олицетвореніе, такъ сказать, духовной санъ-стефанской Болгаріи. Но борьба русскаго правительства противъ экзархіи — „святыни“ для болгарскихъ патріотовъ — показываетъ весьма ясно, что политика русскаго правительства на Балканахъ вовсе не ставитъ себѣ цѣлью помогать болгарамъ въ созданіи какой-то санъ-стефанской Болгаріи. Напротивъ, она весьма ясно показываетъ, что ея цѣль — уничтожить всякую возможность созданія на Балканахъ какой бы то ни было болѣе или менѣе крупной національной единицы. Русское правительство объясняетъ свою политику противъ экзархіи интересами православія на востокѣ, и посему обѣщаетъ свою помощь болгарскимъ патріотамъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ патріотическихъ стремленій лишь подъ условіемъ перемѣщенія экзархіи изъ Константинополя въ Болгарію. Разумѣется, все это — обманъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за примиреніемъ Болгаріи съ „освободительницей“, русское правительство предложило болгарскому несбыточный планъ политической уніи между Болгаріей, Сербіей и Черногоріей подъ протекторатомъ Россіи и раздѣленіе Македоніи между ними. Нельзя и допустить, чтобы русское правительство серьезно предлагало этотъ планъ и чтобы оно поддержало его осуществленіе. Что это такъ, показываетъ тотъ фактъ, что русское правительство уже раньше заключило соглашеніе съ австро-венгерскимъ правительствомъ о раздѣлѣ балканскаго полуострова между Россіей и Австріей. Эти факты показываютъ тоже, что русское правительство никоимъ образомъ не допуститъ, чтобы Болгарія объединилась и тѣмъ стала болѣе крупной политической единицей на Балканахъ.

Съ начала прошлаго года до первыхъ чиселъ мая сего года Болгаріей управляли ультра-руссофилы. Русское правительство не могло жаловаться, что Болгарія не слушается его или что она слушается „враговъ славянства“, и казалось бы, что тутъ русское правительство сдѣлаетъ все, чтобы ей помочь въ осуществленіи ея національныхъ желаній. Но какъ разъ въ это время оно настояло передъ греческой константинопольской патріархіей и передъ турецкимъ правительствомъ о признаніи митрополитомъ въ *Ускюбской епархіи* серба Фирмиліана. Суть дѣла въ слѣдующемъ. *Ускюбскій вилаетъ* (въ Македоніи) населенъ и сербами, но большинство его населенія болгаре. А по султанскому фирману (грамота), которымъ регулируется вѣроисповѣдный вопросъ, въ Македоніи въ церковныя епархіи назначаются архіереи изъ той національности, которая составляетъ большинство въ нихъ. *Въ Ускюбской епархіи* громадное большинство болгаре и, слѣдовательно, въ ней можетъ быть только болгарскій архіерей. Но городъ *Ускюбъ* одинъ изъ самыхъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ Македоніи, ключъ къ Өессалоникамъ (приморскій городъ, первый портъ на Эгейскомъ морѣ). Владѣть Ускюбомъ — „національный идеалъ“ сербскихъ патріотовъ. Сербія задается цѣлью, во что бы то ни стало, утвердиться въ Ускюбѣ, и потому она давно добивалась поставить въ немъ сербскаго архіерея. Болгарскіе патріоты, напротивъ, основываясь на фирманѣ, противились этому всѣми силами. Но на помощь Сербіи явилось русское правительство, и въ прошломъ году Фирміліанъ былъ рукоположенъ въ архіереи, и турецкое правительство утвердило его въ Ускюбѣ по настоянію русскаго правительства. Спрошенный въ парламентѣ, почему болгарское правительство допустило утвержденіе Фирміліана въ Ускюбѣ, г. Даневъ, шефъ ультра-руссофильскаго правительства, отказался дать объясненія, сказавши только: „мы исполнили свой долгъ, какъ слѣдуетъ; больше ничего нельзя сдѣлать“. Однако тутъ же прибавилъ въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ, что вопросъ о Фирміліанѣ не важенъ для Болгаріи, что послѣдняя съ помощью Россіи добьется болѣе важныхъ національныхъ пріобрѣтеній. Впрочемъ, было извѣстно, что русское правительство приказало болгарскому не подымать и не допускать никакихъ протестовъ по вопросу о Фирміліанѣ и дало болгарскому правительству старыя ложныя обѣщанія помочь осуществленію болгарскихъ политическихъ стремленій. Разумѣется, русское правительство и тутъ солгало. Оно настояло передъ Турціей о разрѣшеніи Фирміліановскаго вопроса въ пользу Сербіи съ цѣлью разжечь ненависть между нею и Болгаріей, разжечь націоналистическую борьбу между ними. При всемъ томъ, однако, русское правительство продолжаетъ лгать передъ „братушками“, что русскій царь постоянно думаетъ о счастіи болгарской націи, о томъ, какъ помочь имъ объединиться въ великую Болгарію. Коварнѣе, чѣмъ отношенія русскихъ царскихъ слугъ къ Болгаріи ничего быть не можетъ. Но коварство его этимъ не кончается.

Нынѣшнее повстаніе въ Македоніи есть, можно сказать, прямое слѣдствіе коварной политики русскаго правительства. Дѣло въ томъ, что внутренняя македонская революціонная организація думала объявить общее повстаніе черезъ три-четыре года, когда она разсчитывала быть лучше подготовленной къ дѣлу. Но прошлой осенью, какъ я уже сказалъ, принцъ Фердинандъ (сумасброднѣйшій господинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величайшій трусишка) подстроилъ инсуррекціонное движеніе въ Македоніи, пославъ нѣсколько вооруженныхъ отрядовъ подъ командой отставного генерала Цончева и полковника Янкова. Принцъ Фердинандъ, разумѣется, не воодушевляется никакой автономіей Македоніи, онъ никоимъ образомъ не желаетъ ея, такъ какъ автономная Македонія въ его глазахъ величайшая опасность для его династіи и даже для его собственнаго существованія. Его интересуетъ лишь вопросъ, какъ ему поскорѣе стать королемъ Болгаріи. И этотъ господинъ вообразилъ себѣ, что во время шипкинскихъ торжествъ самый удобный моментъ пугнуть Турцію инсуррекціон

---

*) См. въ № 45 „Искры“ статью того же автора: „Македонскій вопросъ, Болгарія и русское правительство“.

Такова была „безпримѣрная, по выраженію „Рев. Рос.“, кампанія по дѣлу второго апрѣля“. Почтеннѣйшей газетѣ очень не хочется, по весьма понятнымъ причинамъ, сознаться, что эта исторія была дѣйствительно такова. Почтеннѣйшая газета прячется за цѣлый рядъ отговорокъ, которыя намъ приходится разсмотрѣть подробно.

„Рев. Рос.“ удивляется, во-первыхъ, почему „вмѣсто организованной русской соціалдемократіи“, къ которой обращались товарищи Балмашева, отвѣчаетъ редакція „Искры“. Товарищи Балмашева, — говорятъ намъ, — „не имѣютъ отвѣта на свое вполнѣ опредѣленное предложеніе, направленное по вполнѣ опредѣленному адресу“.

Невѣрно это, господа. Вамъ, какъ и всѣмъ и каждому, прекрасно извѣстно, что именно представляетъ изъ себя организованная русская соціалдемократія, каковы именно *всѣ* наши организаціи. За одну ночь у насъ, не въ примѣръ кое-какимъ людямъ, новыхъ организацій не выростаетъ. У насъ есть комитеты партіи, есть „Искра“, есть О. К., который давно готовитъ второй съѣздъ партіи. По какому же это „опредѣленному адресу“ вы обращались? По адресу второго съѣзда? по адресу О. К.? нѣтъ; вопреки вашимъ словамъ объ *опредѣленномъ* адресѣ, вы *абсолютно ничѣмъ* этого адреса не опредѣлили. Вы сами отмѣтили, что „Искра“ признана большинствомъ комитетовъ, и вамъ поэтому никто не могъ отвѣтить, кромѣ „Искры“. Если второй съѣздъ нашей партіи признаетъ „Искру“ органомъ партіи, тогда отвѣтъ „Искры“ окажется отвѣтомъ партіи. Если нѣтъ, — тогда вы будете имѣть дѣло съ другимъ органомъ. Это такая простая вещь, что ее могъ бы понять и шестилѣтній ребенокъ.

„Рев. Рос.“ „удивляется, почему вмѣсто прямого отвѣта на прямое предложеніе товарищей Балмашева“ (предложеніе, будто бы, дать возможность соціалдемократіи познакомиться съ дѣйствительнымъ существомъ дѣла второго апрѣля) „намъ предлагаютъ, чтобы они признали себя и „Искру“ сторонами, между которыми, послѣ всего происшедшаго, возможны какіе-то предварительные переговоры, „соглашенія“ о постановкѣ вопроса“. Итакъ, „Рев. Рос.“ утверждаетъ теперь, что намъ предлагали не третейскій судъ, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это невѣрно. „Заявленіе“ въ № 27 „Р. Р.“ говоритъ буквально о „непровѣренномъ обвиненіи („Искры“) въ клеветничествѣ“, о *провѣркѣ* обвиненія, о *предоставленіи* „одному лицу, на добросовѣстность и конспиративность котораго могли бы равно положиться и мы, и центральный органъ (это замѣтьте!) русской соціалдемократіи слѣдующаго ряда доказательствъ“. „Провѣрка обвиненія“, „разсмотрѣніе доказательствъ“ лицомъ, на котораго полагаются и обвинитель и обвиняемый, — это не есть третейскій судъ? Это есть лишь предложеніе познакомиться?? Комики вы, господа. Послѣ того, какъ вы уже предложили согласиться о выборѣ добросовѣстнаго лица, вы заявляете теперь, съ неподражаемо-гордымъ видомъ пойманнаго Ноздрева, что никакія соглашенія невозможны!

„Рев. Рос.“ „спрашиваетъ далѣе, надъ кѣмъ смѣется „Искра“, когда говоритъ о соглашеніи въ постановкѣ вопроса, одновременно съ тѣмъ декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не можетъ“. Передъ судомъ всякій категорически заявляетъ свое мнѣніе и утверждаетъ, что оно — единственно-правильное. Вмѣсто того, чтобы дать и свою *опредѣленную* постановку вопроса, нашъ горделивый противникъ начинаетъ хорохориться и бла-ародныя слова говорить!

Похорохорившись, „Рев. Рос.“ соблаговоляетъ однако сдѣлать нѣсколько замѣчаній и о нашей постановкѣ вопроса. По ея мнѣнію, „Искра“ прибѣгаетъ къ увертками и отступаетъ. Вопросъ заключается, де, не въ томъ, „что Боевая Организація покушалась на право „Искры“ свободно мыслить(!), оцѣнивать со своей точки зрѣнія политическіе акты и даже (sic!) внутренно сомнѣваться въ чемъ бы то ни было“. Это „внутренно сомнѣваться“, по истинѣ, безподобно. „Боевая организація“ такъ необыкновенно либеральна, что готова (теперь, послѣ болѣе чѣмъ годичной борьбы!) разрѣшить намъ *даже* сомнѣваться, — но только внутренно, т. е., вѣроятно, такъ, чтобы никто, кромѣ самого сомнѣвающагося, не зналъ объ этомъ... Можетъ быть, и „свободно оцѣнивать“ эти боевые [illegible] только про себя?

„Можно подумать, говоритъ „Рев. Рос.“, что только отказъ „Искры“ подчиниться такому требованію былъ поводомъ для обвиненія „Искры“ въ клеветѣ“. Слѣдуютъ цитаты изъ статьи „Тартюфы революціонной морали“ и замѣчаніе, что „здѣсь говорится не о какихъ-то скромныхъ и неопредѣленныхъ сомнѣніяхъ, а объ очень нескромныхъ и очень опредѣленныхъ обвиненіяхъ“.

Приглашаемъ читателя припомнить нѣкоторые общеизвѣстные факты. Въ № 20 „Искры“ (отъ 1 мая 1902 г.) мы оцѣниваемъ актъ Балмашева, понятія не имѣя ни о какой боевой организаціи. Эта послѣдняя пишетъ намъ письмо, требуя, чтобы мотивовъ рѣшенія Балмашева мы искали въ ея оффиціальныхъ заявленіяхъ. Мы молча бросаемъ это письмо невѣдомой организаціи въ корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается въ № 7 „Рев. Рос.“ (іюнь 1892 г.), редакція которой по поводу одного только нашего молчанія вопитъ уже о набрасываніи тѣни на моральную сторону, объ умаленіи значенія акта и т. п. Мы отвѣчаемъ статьей „Вынужденная полемика“ (№ 23 „Искры“ отъ 1 августа 1902 г.), въ которой смѣемся надъ сердитымъ Юпитеромъ, отстаиваемъ свою оцѣнку акта 2 апрѣля и заявляемъ, что для насъ принадлежность Балмашева къ „боевой организаціи“ „болѣе чѣмъ сомнительна“. Тогда гг. соц.-рев., добившись отъ насъ внѣшняго выраженія нашего внутренняго сомнѣнія, поднимаютъ истерическіе вопли о „безпримѣрномъ поступкѣ“ и говорятъ уже не больше и не меньше, какъ о „грязи“ и объ „инсинуаціи“ (№ 11 „Рев. Рос.“ сентябрь 1902 г.).

Таковы, въ самыхъ краткихъ чертахъ, основные моменты нашего литературнаго спора. Человѣкъ, превосходно знающій, что противникъ относится къ его словамъ съ молчаливымъ недовѣріемъ, приступаетъ публично съ ножемъ къ горлу, требуя открытаго выраженія либо довѣрія либо недовѣрія, и, получивъ послѣднее, бьетъ себя въ грудь и жалуется urbi et orbi, какое благородное существо и какъ гнусно было обижено. Что это, не Ноздревщина? не революціонное бреттерство? не заслужено было такимъ человѣкомъ названіе Тартюфа?

Откуда беретъ „Рев. Рос.“, что мы отступаемъ, не желая отвѣчать за статью и за статьи о Тартюфахъ? Изъ того, что въ нашей постановкѣ вопроса не включены тезисы этихъ статей? Но развѣ намъ предлагали судъ по поводу какихъ-нибудь опредѣленныхъ статей, а не по поводу всего отношенія „Искры“ къ увѣреніямъ „партіи соц.-рев.“? Развѣ въ самомъ началѣ заявленія товарищей Балмашева въ № 27 „Рев. Рос.“ не цитируется именно исходный пунктъ всего спора, — слова № 23 „Искры“, что принадлежность Балмашева къ „боевой организаціи“ для нея болѣе чѣмъ сомнительна? Смѣемъ увѣрить „Рев. Рос.“, что мы отвѣчаемъ за *всѣ* наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на *любой* номеръ „Искры“, готовы доказывать передъ кѣмъ угодно, что мы имѣли полное нравственное право и всѣ разумныя основанія охарактеризовать, какъ Тартюфовъ, тѣхъ публицистовъ въ „Рев. Рос.“, которые договорились до приведенныхъ нами выше выраженій по поводу нашего дерзновеннаго сомнѣнія въ достовѣрности ея словъ.

„Отступленія и увертки“, на самомъ дѣлѣ, только съ чьей стороны? Не со стороны-ли тѣхъ, кто *теперь* великодушно готовъ признать за нами право свободно оцѣнивать и внутренно сомнѣваться и кто *болѣе года* упражнялся въ отвратительно-напыщенной декламаціи по поводу того, что „Искра“ продолжала упорно сомнѣваться и доказывала обязанность всякаго серьезнаго человѣка сомнѣваться въ революціонной беллетристикѣ. Когда вы увидали, что чувствительныя слова о честности высокой вызываютъ дѣйствительно уже смѣхъ, а не рыданія аудиторіи, — вамъ захотѣлось новой сенсаціи, и вы выступили съ требованіемъ суда. Падкая до скандала часть заграничной колоніальной публики потирала отъ удовольствія руки и оживленно шепталась: „они вызвали ихъ на судъ... наконецъ-то! Теперь мы увидимъ“. И теперь они увидѣли — послѣднюю сцену водевиля, герой котораго съ неописуемо-обиженнымъ видомъ благороднаго человѣка заявилъ, что „послѣ всего происшедшаго“ невозможны никакія соглашенія о постановкѣ вопросовъ для суда.

Продолжайте спокойно въ томъ же духѣ, господа! Но помните, что никакіе потоки жалкихъ словъ не помѣшаютъ намъ исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацію, гдѣ бы они ни проявлялись, въ „программахъ“-ли революціонныхъ авантюристовъ, въ блесткахъ-ли ихъ беллетристики, или въ возвышенныхъ предикахъ о правдѣ-истинѣ, объ очистительномъ пламени, о кристальной чистотѣ и о многомъ [illegible]

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

Къ таганрогскому процессу. Намъ обѣща[illegible] выслат[illegible]ріалы, касающіеся суда надъ демонстра[illegible]тами 2 марта [illegible] мы получили только рѣчь Гавріила Львовича Корякин[illegible], за[illegible]ника подсудимыхъ: Авраама Миндлина 17 лѣтъ и Соломона Борухова 16 лѣтъ. Приводимъ эту рѣчь, дающую нѣкоторое представленіе о томъ, что это былъ за „судъ“.

„Когда въ день подготовительныхъ къ суду распоряженій защита получила возможность ознакомиться съ обвинительнымъ актомъ, — этотъ актъ при тщательномъ анализѣ изложенныхъ въ немъ юридическихъ опредѣленій разлетѣлся въ клочья. Никто не предполагалъ, что прокуроръ будетъ доказывать необходимость примѣненія ст. 279 в. у., исходя изъ ст. 264 ул. о наказаніяхъ, при полномъ отсутствіи наличности предварительнаго соглашенія на причиненіе раны приставу Антонову; никто не предполагалъ, что прокуроръ будетъ доказывать необходимость коллективной отвѣтственности толпы за дѣянія участвовавшихъ въ ней лицъ. И ужасно было слышать, какъ прокуроръ, обнаруживъ неимовѣрную жажду крови, потребовалъ у Васъ, гг. судьи, шесть человѣческихъ жизней. Но я не стану останавливаться на юридическихъ опредѣленіяхъ и ошибкахъ г. прокурора. Все это блестяще указалъ Вамъ, гг. судьи, товарищъ Мандельштамъ. Я считаю нужнымъ подчеркнуть всю неожиданность для защиты этихъ эшафотовъ. Въ эти четыре дня нашей совмѣстной работы самая мысль о нихъ была далека, и не разъ я видѣлъ, какъ лица и обвиняемыхъ и судей озарялись улыбкой при смѣшныхъ отвѣтахъ свидѣтелей. Чудовищно видѣть, какъ прокуроръ рылъ могилу для нѣсколькихъ молодыхъ и свѣтлыхъ, какъ слеза, жизней, какъ онъ дѣлалъ это съ улыбкой. Еще ужаснѣе эти улыбки на лицахъ судей, готовящихся вынести смертный приговоръ. Нѣтъ, гг. судьи, призраки эшафотовъ появлялись въ этой залѣ лишь на минуту и также мгновенно исчезали, и атмосфера общенія между людьми устанавливалась въ судѣ. Вѣдь, гг. судьи, никогда еще эти скамьи за рѣшеткой, окруженныя солдатскими штыками, не вмѣщали въ себѣ такую высокую душевную чистоту, такъ много самой высокой и цѣнной морали. И, понятно, лишеніе жизни такихъ людей и для судей и для защитниковъ казалось невозможностью: улыбались судьи, улыбалась защита, улыбались обвиняемые... Да, слишкомъ неожиданно проявилъ прокуроръ такую жажду крови... (Дальше защитникъ кратко указываетъ на невозможность коллективной отвѣтственности въ примѣненіи ст. 279 и переходитъ къ разсмотрѣнію виновности Миндлина и Борохова). Пятнадцати лѣтъ, Вы слышали, гг. судьи, Миндлинъ, какъ говорилъ свидѣтель жандармъ Кулишовъ, былъ объявленъ политически неблагонадежнымъ и въ порядкѣ положенія объ усиленной охранѣ заключенъ въ одиночную тюрьму. Спустя годъ, 16 лѣтъ, черезъ шесть дней послѣ 2 марта, онъ былъ снова арестованъ по подозрѣнію въ участіи въ демонстраціи. И вотъ, какъ говоритъ свидѣтель Долганихъ — сторожъ при арестномъ домѣ — сидя въ заключеніи, Миндлинъ кричалъ „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ политическая свобода“ и пѣлъ революціонныя пѣсни. Не представляется ли Вамъ, гг. судьи, ужаснымъ самый фактъ объявленія неблагонадежнымъ 15-лѣтняго ребенка и заключенія его въ одиночку? Вѣдь политическія убѣжденія вопросъ серьезный. Мы знаемъ революціонеровъ на студенческой скамьѣ, превращающихся въ жизни въ рѣзкихъ реакціонеровъ, и наоборотъ, знаемъ благонадежнѣйшихъ молодыхъ людей, постепенно проникающихся злобой къ существующему режиму и становящихся въ ряды революціонной арміи; и я утверждаю, что въ 15 лѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій Миндлинъ, только что окончившій городское училище, имѣть не могъ. Я понимаю, гг. судьи, почему Миндлинъ, будучи посаженъ второй разъ въ одиночную тюрьму, кричалъ „да здравствуетъ свобода“ и пѣлъ революціонныя пѣсни, и Вы согласитесь, что Миндлинъ подъ вліяніемъ педагогическихъ пріемовъ жандармовъ ничего другого и не могъ, и не долженъ былъ кричать...“ (Предсѣдатель обрываетъ). Слѣдуетъ разборъ уликъ; доказывается лживость показаній жандарма Кулишова; приводятся ссылки на показанія свидѣтелей защиты. (Защитникъ переходитъ къ Борохову. Бороховъ заявилъ, что въ демонстраціи участвовалъ и, увидѣвъ 2 марта на Садовой толпу, сознательно присоединился къ ней). Защитникъ закончилъ рѣчь такими словами: „Это засѣданіе закрыто... Судите Миндлина и Борохова, гг. судьи, казните ихъ, но знайте, что пролитіе крови этихъ дѣтей равносильно избіенію младенцевъ, что слезы обездоленныхъ отцовъ и матерей прожгутъ эти каменныя стѣны, широкимъ потокомъ разольются онѣ, и завтра же вся страна будетъ вопить къ небу о справедливости и о мщеніи...“ На этихъ словахъ предсѣдатель оборвалъ защитника, крикнувъ: „Не важно, что будетъ кричать страна. Довольно“.

Миндлинъ оправданъ; Бороховъ осужденъ къ тремъ годамъ тюремнаго заключенія съ лишеніемъ правъ.

нымъ движеніемъ въ Македоніи и такимъ образомъ добиться королевской короны. Его разсчеты не сбылись. Вызванное при его содѣйствіи инсуррекціонное движеніе привело къ весьма печальнымъ результатамъ для Македоніи. Оно дало поводъ русскому правительству настоять передъ Турціей на принятіи всѣхъ мѣръ къ искорененію „нарушителей порядка“ въ македонскихъ вилаетахъ. Турція воспользовалась, конечно, настоятельными совѣтами русскаго правительства, и подъ тѣмъ предлогомъ, что въ болгарскихъ селахъ скрываются „*комиты*“ (революціонеры) и скрыто оружіе, разставила по всѣмъ большимъ болгарскимъ селамъ войско. Оно, естественно, предалось самымъ невѣроятнымъ жестокостямъ надъ мирнымъ населеніемъ. Тѣ села, которыя осмѣлились роптать и жаловаться, были обвинены въ укрывательствѣ „комитъ“ и уничтожены артиллеріей до тла. Такъ, напримѣръ, были уничтожены большія села въ Монастырскомъ вилаетѣ: *Смардеша, Мошила* и друг. Но главное въ томъ, что эти турецкія жестокости надъ мирнымъ населеніемъ поощрялись самими агентами русскаго царя. Когда бѣжавшіе изъ разоренныхъ селъ большей частью женщины, явились въ *Монастырь* и обратились къ русскому консулу (убитому недавно турками) А. А. Ростковскому, съ просьбой о защитѣ, онъ ихъ обругалъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Онъ имъ сказалъ: „вы сами предлагались туркамъ, дабы обвинять ихъ въ насиліи!“ Тогда агенты русскаго царя писали самые мерзкіе, невообразимо клеветническіе рапорты противъ болгарскаго населенія. Когда эти рапорты появились на столбцахъ „Правительственнаго Вѣстника“, въ болгарскихъ газетахъ поднялся страшный шумъ, и правительство, хотя и слѣпо послушное русскому, было принуждено обратиться къ нему съ просьбой объ опроверженіи рапортовъ. Русское правительство поспѣшило прикрыть свое коварство объявленіемъ, что смѣняетъ редактора „Правительственнаго Вѣстника“. Однако, фактъ тотъ, что оно не только развязало руки Турціи, но и прямо поощряло турецкія жестокости надъ мирнымъ населеніемъ. Но жестокости, массовые аресты, истязанія и прямо убійства арестованныхъ по тюрьмамъ привели населеніе въ отчаяніе. Жизнь въ Македоніи стала невыносима. Революціонные комитеты уже не въ состояніи были сдерживать населеніе. Съ другой стороны, поголовные обыски и аресты угрожали раскрытіемъ нитей революціонной организаціи и ея дезорганизаціей. Вслѣдствіе всего сказаннаго организація рѣшила объявить общее повстаніе въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилаетѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. На это рѣшеніе организаціи повліяло, несомнѣнно, и дальнѣйшее поведеніе русскаго правительства.

По окончаніи шипкинскихъ торжествъ, русскіе генералы, во главѣ съ военнымъ министромъ Куропаткинымъ, демонстративно проѣхались по Болгаріи, посѣтили Плевну и вездѣ говорили патріотическія рѣчи о торжествѣ „славянской идеи“, о врагахъ „славянства“ и объ особой роли Болгаріи на балканскомъ полуостровѣ. Эти прогулки по Болгаріи „усатыхъ“ и „бородатыхъ“ генераловъ разожгли патріотическія страсти „братушекъ“ и надежды на удовлетвореніе ихъ въ близкомъ будущемъ съ помощью Россіи. Но въ этомъ отношеніи особенно отличался „Яланджи Паша“, графъ Игнатьевъ. Этотъ господинъ считается авторомъ С.-Стефанскаго договора (подъ Константинополемъ). По окончаніи шипкинскихъ торжествъ, онъ былъ гостемъ въ столицѣ болгарскаго княжества, Софіи, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Тутъ македонская эмиграція и вообще болгарскіе патріоты устраивали ему грандіозные факельцуги, разные банкеты, царскія встрѣчи, что сердило принца Фердинанда до истерики. „Яланджи-Паша“ передъ многотысячной толпой съ балкона русскаго агентства держалъ самыя разжигательныя фельдфебельскія рѣчи о „С.-Стефанской Болгаріи“, о непремѣнномъ желаніи русскаго царя увидѣть осуществленіе с.-стефанск. договора. Правда, онъ говорилъ тогда, что теперь не время для повстанія, что нужно *немножко* подождать, но изъ его рѣчей прямо выходило, что повстаніе необходимо, но только не этой осенью. Онъ принималъ депутаціи отъ разныхъ обществъ македонскихъ эмигрантовъ и болгарскихъ патріотовъ, долго бесѣдовалъ съ ними, поощрялъ ихъ *дѣйствовать*, но *вѣрить* „безкорыстію“ русскаго царя и готовности его помочь Болгаріи, убѣждая ихъ *слушаться* „Россіи“. Не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что эта агитація „Яланджи-Паши“ производилась съ вѣдома и разрѣшенія правительства.

Зимой, въ началѣ текущаго года, пріѣзжалъ въ Болгарію самъ министръ иностранныхъ дѣлъ Ламсдорфъ. Болгарскіе патріоты и ему дѣлали грандіозныя оваціи, которыя онъ принималъ съ балкона Софійскаго княжескаго дворца со словами: „отъ всего сердца благодарю васъ; все доложу государю императору“; принималъ депутаціи отъ македонскихъ эмигрантовъ, представителей внутренней македонской революціонной организаціи, патріотическихъ болгарскихъ обществъ, выслушавъ ихъ внимательно отпускалъ ихъ съ успокоивающими словами: „все доложу государю императору“. Можете себѣ представить, какъ подѣйствовала вся эта агитація „русскихъ гостей“ на нашихъ патріотовъ. Она прямо настраивала ихъ революціонно. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ (съ февраля текущаго года) начала все больше назрѣвать мысль о неизбѣжности общаго повстанія въ Македоніи.

Нѣсколько дней тому назадъ, одинъ изъ вождей генеральнаго Македонскаго комитета въ Болгаріи заявилъ въ публичной рѣчи, что шефъ руссофильскаго тогда кабинета Даневъ позвалъ его и сообщилъ ему слова Ламсдорфа. А г. Ламсдорфъ отъ имени русскаго царя обѣщалъ болгарскому правительству, что будутъ введены реформы въ Македоніи съ генералъ-губернаторомъ изъ христіанъ во главѣ. Скоро, однако, оказалось, что все это было ложью. Обѣщанныя реформы, предложенныя Турціи русскимъ и австро-венгерскимъ правительствами, оказались просто глумленіемъ надъ страждущими въ Македоніи. Русское правительство извинялось тѣмъ, что „нѣмцы“ не дали осуществиться проекту „русскихъ реформъ“. Это, конечно, тоже безстыдная ложь. Предложенный Турціи проектъ „реформъ“ въ Македоніи былъ проектомъ русск. правительства, такъ что „нѣмцы“ тутъ не причемъ. Русское правительство предложило свой проектъ изъ соображеній самаго подлаго свойства. Оно просто хотѣло раздразнить этимъ болгарскихъ патріотовъ, вызвать ихъ на повстаніе противъ Турціи и тѣмъ развязать ей руки для истребленія болгарскаго населенія въ Македоніи. Этимъ оно думаетъ разъ навсегда положить конецъ стремленіямъ болгаръ къ „С.-Стефанской Болгаріи“ и отнять такимъ образомъ поводы къ вмѣшательству ихъ въ македонскія дѣла. И въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что русское правительство теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ передъ Турціей на немедленномъ подавленіи повстанія всѣми средствами и силами. Турція, получивъ такой пароль отъ русскаго правительства (объ Австріи нечего и говорить — какъ разъ въ ея интересахъ истребленіе „повстанцевъ“), дѣйствительно производитъ теперь самое жестокое и огульное истребленіе не „повстанцевъ“, а мирнаго болгарскаго населенія. Повстанцы въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилаетѣ, число которыхъ по послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ достигаетъ 25 тысячъ человѣкъ, укрѣпились по Балканамъ и ихъ проходамъ и оттуда нападаютъ на регулярныя войска и башибузуковъ. Но послѣднія избѣгаютъ встрѣчъ съ ними, не преслѣдуютъ ихъ, а занимаются исключительно истребленіемъ болгарскихъ селъ и населенія. По слѣдующимъ оффиціальнымъ даннымъ отъ 10 сентября (по нов. ст.) вы можете судить сами, какое ужасное истребленіе совершается турками въ „непокорныхъ вилаетахъ“. Въ *Монастырскомъ, Ускюбскомъ, Ѳессалоницкомъ и Адріанопольскомъ вилаетахъ* уничтожены до тла 113 селъ, 40.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей перебито самымъ звѣрскимъ образомъ и 65 тыс. душъ, преимущественно старики, женщины и дѣти, прячутся въ горахъ, не имѣютъ крова и терпятъ ужаснѣйшую нужду.

Вотъ какимъ образомъ Турція тушитъ повстаніе въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилаетѣ! И это поголовное, жестокое, звѣрское истребленіе населенія, разореніе селъ не только извѣстно правительствамъ цивилизованной Европы, но прямо и открыто поощряется ими и особенно русскимъ правительствомъ. Болѣе того, теперь русское правительство натравляетъ Турцію на Болгарію. Цѣль его очевидна — окончательно обезсилить болгарское княжество и такъ слабое во всѣхъ отношеніяхъ, потомъ явиться его „спасителемъ“ и „покровителемъ“. Турція теперь на глазахъ у всѣхъ готовится къ войнѣ съ Болгаріей, и русское правительство, вмѣсто того, чтобы обратиться къ Турціи съ нотой, обращается къ болгарскому правительству съ предубѣжденіемъ, что въ случаѣ войны съ Турціей Болгарія не должна разсчитывать на заступничество со стороны Россіи.

Таково отношеніе русскаго правительства къ Болгаріи и Македонскому вопросу. Я его назвалъ „коварнымъ“. Но оно болѣе, чѣмъ коварно. Оно прямо гнусно. Если отношеніе правительствъ другихъ европейскихъ націй негуманно, эгоистично, то отношеніе русскаго правительства прямо дико. Царское русское правительство дико, гнусно; дико и гнусно оно у себя дома и этимъ только держится пока; еще болѣе дико и гнусно оно внѣ Россіи. Другая политика ему не свойственна. Къ характеристикѣ этой политики его приведу еще слѣдующій фактъ. Чтобы хоть сколько-нибудь прикрыть свои намѣренія, русское правительство согласилось съ желаніемъ принца Фердинанда замѣнить ультра-руссофильскій кабинетъ Данева нынѣшнимъ руссофобскимъ кабинетомъ. Раньше русское правительство никоимъ образомъ не допускало такой перемѣны. Когда въ мартѣ мѣсяцѣ принцъ попробовалъ было смѣнить старое министерство, изъ Петербурга ему дали такую телеграмму, что онъ поспѣшилъ снова поручить Даневу составить кабинетъ. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ принцъ поѣхалъ въ Парижъ и тутъ онъ получилъ разрѣшеніе парижскаго посла Урусова смѣнить кабинетъ Данева. И въ началѣ мая принцъ смѣнилъ его. Игра русскаго правительства понятна. Оно хотѣло спасти репутацію ультра-руссофиловъ и заставить нести послѣдствія его политики руссофобовъ вмѣстѣ съ принцомъ Кобургомъ. Теперь отношенія между Петербургомъ и Софіей далеко не пріятельскія; царь сердитъ на принца; агенты русскаго правительства и руссофилы распространяютъ теперь легенду, что Россія не желаетъ заступиться за Болгарію будто бы потому, что Болгарія при нынѣшнемъ руссофобскомъ правительствѣ дѣйствуетъ за-одно съ ея врагами, и не слушается ея.

Но вы спросите: какъ же болгаре не могутъ понять политики русскаго правительства? На этотъ вопросъ можно отвѣтить слѣдующее. Большинство болгарской націи — мелкая буржуазія, а она пропитана руссофильскими, или, лучше сказать, царефильскими чувствами. Не умѣя объяснить себѣ мотивы русско-турецкой войны, она объясняетъ ихъ „любовью“ русскаго царя къ

Еще о Зубатовѣ. Зубатову въ Питерѣ сильно не повезло... Попытка устроить по московскому образцу „рабочія общества", какъ ихъ здѣсь называютъ, потерпѣла полное фіаско. Въ настоящее время эти собранія посѣщаются дворниками, шпіонами, самими „зубатовцами", да пятью-шестью рабочими. „Петербургскіе рабочіе очень быстро поняли дѣйствительныя цѣли этихъ „обществъ", кассъ и прочихъ благъ, которыя сулятъ имъ жандармы черезъ посредство всякихъ Слѣповыхъ, Горшковыхъ и пр. шпіоновъ. „Мало у нихъ сыщей (такъ называютъ здѣсь шпіоновъ), такъ насъ хотятъ приманить" — говорили даже самые темные рабочіе послѣ перваго посѣщенія собранія. Но Зубатовъ не унываетъ... Здѣсь недавно образовались „тайные кружки" (три или четыре), пропагандистомъ въ которыхъ является ... *околодочный* Васильевской части!... А въ составъ слушателей входятъ два городовыхъ... Не трудно, конечно, представить, какой „пропагандой" занимаются въ этихъ кружкахъ!...

Не вмѣшивается уже болѣе Зубатовъ и въ стачки (какъ въ Москвѣ), которыя здѣсь приняли серьезные размѣры. Характерно, что заводчики и фабриканты во время стачекъ стараются не допустить вмѣшательства полиціи. Напр., на фабрикѣ Лебедева во время стачки пріѣхалъ приставъ съ отрядомъ городовыхъ, но директоръ фабрики заставилъ его удалиться, заявивъ: „это дѣло не ваше, рабочіе ведутъ себя спокойно, а вы ихъ только раздражаете".

Зубатову остается сосредоточить всю свою энергію на области сыска, что онъ и дѣлаетъ въ настоящее время. Изъ всѣхъ силъ старается онъ расплодить среди рабочихъ провокацію. Почти всѣмъ арестованнымъ рабочимъ (а также и интеллигентамъ) Зубатовъ намеками предлагаетъ поступить на службу въ Охранное Отдѣленіе. Вотъ почти дословный разговоръ Зубатова съ однимъ товарищемъ-рабочимъ: „... Когда меня привезли въ охранку" — разсказываетъ послѣдній — „было уже два часа ночи, но, несмотря на позднее время, меня вскорѣ привели въ кабинетъ Зубатова. Онъ очень любезно пригласилъ сѣсть, спросилъ, какъ я себя чувствую и совѣтовалъ не огорчаться... „мы всѣ были молоды — говорилъ Зубатовъ — и всѣ дѣлали ошибки!.." Я понялъ, что онъ намѣренъ вести со мной бесѣду и рѣшилъ ничего не отвѣчать ему. Зубатовъ продолжалъ: „Вы знаете, г. N., почему мы васъ пригласили сюда?... Мы обвиняемъ васъ въ принадлежности къ революціонной партіи, и при томъ къ самой крайней и опасной фракціи — къ „Искрѣ"!... Я долженъ вамъ сказать, что дѣло ваше очень громкое — данныхъ у насъ о вашей дѣятельности очень много — и я, какъ представитель центральной власти, предупреждаю васъ, что васъ ждетъ серьезное наказаніе!... Я совѣтую вамъ хорошенько подумать надъ вашимъ положеніемъ... вы еще молоды и имѣете еще возможность вступить на честный путь. Вы думали, что ваша преступная дѣятельность будетъ безъ конца... О, мы васъ уже давно знаемъ... вы у насъ, какъ на ладони!.. Даже о вашей дѣятельности среди N-скихъ рабочихъ мы уже знаемъ, и единственное для васъ спасеніе — это стать слугой правительства*)... Не думайте, что правительство не оцѣнитъ ваше раскаяніе — продолжалъ Зубатовъ — оно умѣетъ карать своихъ враговъ, но и награждать друзей... Вы должны понять, что я не говорю вамъ фразъ, а только искренно желаю васъ спасти отъ бубноваго туза... Вы прекрасно знаете, что сослать васъ въ Восточную Сибирь на 10-15 лѣтъ намъ очень нетрудно, но мы жалѣемъ вашу молодую жизнь... И, наконецъ, для насъ несравненно важнѣе пріобрѣсти сторонника — это будетъ нашей нравственной побѣдой, — чѣмъ сослать!... Я въ молодости самъ былъ революціонеромъ.. въ наше время дѣйствовала „Народная Воля", а тамъ были герои не чета вамъ: призывать народъ къ революціи — это безнравственно, на это способны только фанатики, но не благоразумные, интеллигентные люди! Конечно, я тоже не раздѣляю взглядовъ консервативныхъ „Моск. Вѣд.", но въ тоже самое время я, какъ истинный гражданинъ, считаю своимъ долгомъ бороться противъ „Искры"... И, наконецъ, развѣ правительство вамъ запрещаетъ устраивать собранія?" — Зубатовъ началъ разсказывать мнѣ о собраніяхъ московскихъ рабочихъ и зарождавшихся тогда петербургскихъ, говорилъ объ интеллигенціи, которая „водитъ рабочихъ за носъ" и т. д. — „Правительство — говорилъ Зубатовъ — знаетъ всѣхъ вашихъ интеллигентовъ и когда сочтетъ нужнымъ, тогда и арестуетъ". Замѣтивъ, что я весьма равнодушно слушаю его пошлое фразерство, онъ съ пафосомъ заговорилъ: „О, г. N., не думайте, что я говорю фразы!.. Какъ человѣкъ, — понимаете, какъ человѣкъ, я совѣтую вамъ серьезно подумать надъ вашимъ положеніемъ... Повторяю вамъ, единственное для васъ спасеніе — это разъ навсегда порвать всякую связь съ революціоннымъ прошлымъ... Вамъ выгоднѣе опереться на правительство... отъ революціонеровъ вамъ нечего ждать помощи. Вы не думайте, что кто-нибудь узнаетъ о вашемъ искреннемъ раскаяніи... мы въ „Искрѣ" не напечатаемъ... Я понимаю, что вы переживаете нравственныя муки — иначе я не уважалъ бы въ васъ человѣка, но что же дѣлать, г. N., когда иного спасенія для васъ не существуетъ... Только искреннее раскаяніе можетъ васъ спасти... Помните: „сердце царево въ руцѣ божіей"... Я не выдержалъ и расхохотался... Зубатовъ вскочилъ, какъ бѣшеный, и закричалъ: „вы г. N., настоящій революціонеръ! Помните, что у правительства помимо тюрьмы имѣется и крѣпость... Мое послѣднее слово: подумайте серьезно о вашемъ положеніи... Я исполнилъ свой нравственный долгъ!.." На слѣдующій день Зубатовъ явился ко мнѣ въ камеру. Любезенъ онъ былъ до крайности... „Вы не курите?.. Пожалуйста, не угодно-ли?.. Да вы не бойтесь, это не папиросы откровенія (?)... Ну, какъ, г. N. думали вы о своемъ положеніи? Я надѣюсь, что вы оцѣнили мои искренніе совѣты. Вѣдь ваше упорное молчаніе ни къ чему не приведетъ... только вмѣсто одного мѣсяца тюрьмы посидите годъ-два въ крѣпости, а затѣмъ на всю жизнь останетесь съ бубновымъ тузомъ... Вѣдь противъ васъ у насъ имѣются очень серьезныя улики"... Желая убѣдить меня, что „мы все знаемъ", онъ привелъ рядъ фактовъ изъ моей дѣятельности, которые меня убѣдили, что въ нашей среды оказался провокаторъ. Конечно, это обстоятельство подѣйствовало на меня удручающимъ образомъ, что, повидимому, отразилось на моемъ лицѣ. Зубатовъ, ласково улыбаясь, сказалъ: „Ну вотъ вы, г. N., сами видите, какъ мы близко знакомы, точно вмѣстѣ жили... Бросьте, г. N., всю эту революцію... ни къ чему хорошему это не приведетъ... Правительство давно бы ввело либеральныя реформы и улучшило положеніе рабочихъ, если бы не ваши революціонныя затѣи, которыя заставляютъ правительство быть постоянно на стражѣ и видѣть революцію даже тамъ, гдѣ ее, можетъ быть, и нѣтъ... Ну, какъ же, г. N.?" Я отвѣтилъ, что никакихъ показаній давать не буду, и онъ совершенно безполезно себя утруждаетъ. Зубатовъ вышелъ изъ камеры, злобно проворчавъ: „жаль, г. N., жаль... погубили себя"...

Подобныя „бесѣды" передавали и другіе рабочіе.

Еврейскій погромъ въ Гомелѣ. По поводу послѣднихъ столкновеній между христіанами и евреями, имѣвшихъ мѣсто 29 августа и 1 сентября, появилось два правительственныхъ сообщенія... Дѣло началось, какъ пишетъ „Прав. Вѣст.", ссорой между однимъ крестьяниномъ и торговкой еврейкой; ссора перешла въ драку русскихъ съ евреями. „При возстановленіи порядка изъ толпы евреевъ были брошены въ полицейскій нарядъ камни и произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера, на который полицейскіе чины отвѣтили выстрѣлами на воздухъ". 1 сентября „русскіе рабочіе, *мстя за нанесенныя имъ 29 августа обиды,* произвели буйства и стали разбивать еврейскія квартиры и лавки". „Во время прекращенія безпорядковъ, евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, *оказывали сопротивленіе не допускавшимъ ихъ до свалки съ христіанами войскамъ,* причемъ стрѣляли въ нижнихъ чиновъ изъ домовъ и изъ-за заборовъ". Во время драки и „подавленія безпорядковъ войсками" убито четыре христіанина и пять евреевъ, ранено семь христіанъ и семь евреевъ. „Число приведенныхъ въ извѣстность разгромленныхъ домовъ и лавокъ достигаетъ 200". „По отзывамъ *войсковыхъ начальниковъ* и *лицъ судебнаго вѣдомства* дѣйствія полиціи при подавленіи безпорядковъ представляются *безупречными*". „Причины безпорядковъ, по общему убѣжденію *благонамѣренной* части населенія, — крайне враждебныя и вызывающія отношенія къ христіанамъ со стороны мѣстныхъ евреевъ".

Нами не получено еще „неоффиціальныхъ" свѣдѣній о гомельскомъ погромѣ, но уже и это правительственное сообщеніе даетъ пищу для размышленій. 29 августа завязалась драка между русскими и евреями — явленіе довольно частое въ чертѣ осѣдлости, [illegible] вотъ черезъ *три* дня русскіе рабочіе вспоминаютъ на[illegible]мъ обиду и начинаютъ еврейскій погромъ. Полиція, [illegible] оказались „безупречны", позволяетъ буянамъ [illegible] 200 квартиръ и лавокъ, и только тогда появля[illegible] для украшенія ... но кого? Появленіе войскъ объ[illegible], повидимому, тѣмъ, что евреи вооружились и пытались отстаивать свое добро и жизнь. Когда войска „не допустили евреевъ до свалки съ христіанами", или, что тоже, до самозащиты, — евреи обратили оружіе противъ войскъ: вѣдь нельзя же предположить, чтобы евреи стрѣляли въ солдатъ и полицію, защищавшихъ ихъ и ихъ имущество отъ громилъ. Вотъ какъ представляется картина людямъ, знакомымъ съ житейскими и литературными пріемами русскаго правительства.

Въ гомельскомъ происшествіи мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ одинъ фактъ: повидимому, еврейское населеніе убѣдилось, что смиреніемъ и покорностью оно ничего не добьется и что при разбойничьемъ нападеніи нужно защищаться вооруженной рукой. И мы убѣждены, что если на этотъ разъ еврейскій погромъ ограничился, говоря словами „Прав. Вѣст.", „сравнительно незначительнымъ райономъ", то единственно благодаря вооруженной самозащитѣ, вызвавшей вмѣшательство войскъ, послѣ котораго продолженіе разгрома стало невозможнымъ.

Письмо еврея-демократа. М. Г.! Г-нъ Редакторъ. Имѣю честь выразить свою солидарность съ принципами и идеалами, проведенными въ Вашемъ журналѣ. Не встрѣчая въ немъ ни слова о Керчи, я предположилъ, что Вамъ ничего неизвѣстно о мѣстномъ движеніи, обнимающемъ всѣ слои нашего общества. Первыми въ нашемъ городѣ носителями идеи освобожденія явились студенты, „водворенные на мѣсто жительства". Съ непрестаннымъ рвеніемъ разносили они „заразу" — словомъ и дѣломъ, распространяя въ большомъ количествѣ прокламаціи, на которыя народъ накидывается съ жадностью (значитъ сѣмя попало на хорошую почву). Они шли на поденную работу въ нашъ металлургическій заводъ (теперь закрытый по случаю общаго металлургическаго кризиса) и привлекли на свою сторону нѣсколько тысячъ рабочихъ, которые на Пасху готовили большую демонстрацію, но были отрѣзаны отъ города войсками, которыя окружили заводъ „цѣпью" и никого изъ рабочихъ не пускали въ городъ. Хотя, къ сожалѣнію, у насъ еще не было ни одной демонстраціи, но дѣло подвигается впередъ: все глубже проникаетъ въ сознаніе массы идея о свободѣ. Въ первыхъ числахъ іюня этого года была выпущена прокламація, призывавшая рабочихъ нашей табачной фабрики къ забастовкѣ. На фабрикѣ около 1000 человѣкъ, но преобладаютъ женщины и подростки, и забастовка не могла состояться. Одна изъ этихъ прокламацій*) попала въ руки самого фабриканта — онъ ее передалъ жандармскому офицеру — и пошли обыски и аресты. Были арестованы 21 человѣкъ, черезъ недѣлю всѣхъ выпустили, за исключеніемъ одного, у котораго нашли немного литературы. Нѣкоторыхъ арестованныхъ я могу назвать: Яковлевъ (рабочій), Хенвунъ (заготовщикъ), Позинъ, Шимкинъ (фармацевты), Лиговскій (прикащикъ одежнаго магазина, поддерживаетъ цѣлую семью, теперь хозяинъ его уволилъ), Рабиновичъ (переплетчикъ, остался въ тюрьмѣ); дѣвицы: Стрилько (съ домашнимъ образованіемъ) и Хорошъ (модистка). Эти аресты стоили демонстраціи: арестованныхъ возили по одиночкѣ въ одно-конныхъ экипажахъ совершенно открыто — и до тюрьмы нужно было проѣхать самые многолюдныя улицы города. Было утро — когда улицы города особенно оживлены — и много публики, шедшей на базаръ, видѣли это зрѣлище. Арестованные были веселы, улыбались, многимъ кланялись. Пріѣзжая въ тюрьму они чувствовали себя, какъ будто пріѣхали на торжество (и развѣ это не торжество?), другъ друга поздравляли съ новосельемъ, справлялись у „начальства", готовы ли для нихъ „кабинеты". Будучи въ одиночномъ заключеніи, но при общемъ коридорѣ, сообща пѣли Марсельезу. Симпатіи населенія были на сторонѣ арестованныхъ и по выходѣ послѣднихъ изъ тюрьмы, на нихъ смотрѣли, какъ на героевъ. Большинство арестованныхъ еврейскаго происхожденія. Кишиневское событіе заставляетъ всякаго сознательнаго еврея стать соціальдемократомъ. Пока только грабили евреевъ, они еще могли молчать, но теперь, когда много женъ и дочерей еврейскихъ изнасилованы, много близкихъ убито, когда въ Россіи нѣтъ закона, который бы ихъ защитилъ — евреи должны примкнуть къ движенію, которое хочетъ и можетъ истребить зло въ самомъ корнѣ. Да здравствуетъ Революція! Пусть закипитъ въ евреяхъ кровь Маккавѣевъ и смоетъ позорную обиду и поруганную честь!

Керчанинъ.

Второй съѣздъ Южно-Русской Группы Учащихся Среднихъ Школъ. „Въ концѣ 1902-1903 г. состоялся второй съѣздъ Южно-Русской Группы Учащихся Среднихъ Школъ. На немъ присутствовали представители отъ всѣхъ крупныхъ организацій Группы, насчитывающихъ не менѣе 300 членовъ. Менѣе крупныя организаціи поручили Ц. К. Группы представить ихъ на съѣздѣ. Съѣздъ отличался большимъ оживленіемъ и разнообразіемъ обсуждавшихся вопросовъ. Первое засѣданіе съѣзда было открыто вступительнымъ словомъ представителя Ц. К. Указавши на громадное значеніе съѣздовъ для русскихъ революціонныхъ организацій, докладчикъ изложилъ въ общихъ чертахъ исторію возникновенія и развитія Группы, постановленія перваго съѣзда и вслѣдъ затѣмъ сообщилъ данныя о дѣятельности Ц. К. за истекшій 1902-1903 акад. годъ. Тотчасъ послѣ перваго съѣзда Ц. К. энергично принялся за установленіе связей, за изданіе листковъ и брошюръ, доставку и распространеніе нелегальной литературы и упроченіе связей между организаціями Группы и партійными организаціями. Въ настоящее время имѣются связи и распространяются изданія Группы и вообще нелегальная литература въ 11 городахъ юга Россіи, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются уже довольно крупныя и прочныя организаціи. Съ октября 1902 г. по іюнь 1903 г. Ц. К. издалъ и распространилъ около 4.000 листковъ и воззваній къ учащейся молодежи. Одни изъ нихъ касались спеціально школьной жизни (4 „Летучихъ Листка"-бюллетеня, воззваніе по поводу самоубійства среднетехника Холодникова), другіе объясняли вопросы обще-русской жизни (о первомъ мартѣ, о ростовской демонстраціи 2 марта, о майскомъ праздникѣ, листокъ Организаціон. Комитета Р. С.-Д. Р. П. о 19 февраля и о кишиневскомъ погромѣ). Кромѣ того, были изданы три программныя заявленія („Искра", №№ 29, 36, 43) и переиздано „Письмо русскихъ писателей" о 4 марта 1901 г. Послѣднее воззваніе было обращено къ выпуску учащихся среднихъ школъ 1903 г. и распространено въ значительномъ количествѣ въ девяти городахъ юга Россіи. Число экземпляровъ каждаго воззванія росло съ каждымъ мѣсяцемъ. Первомайское воззваніе вышло въ количествѣ 560 экземпляровъ. Изъ періодическихъ изданій въ сравнительно значительномъ количествѣ распространялись „Искра" и „Южный Рабочій", въ небольшомъ количествѣ — „Заря" (№№ 2-3 и 4). Распространялись также послѣдніе №№ „Освобожденія" и „Рев. Россіи". Изъ брошюръ распространялись какъ изданія рабочей библіотеки, такъ и научные труды Маркса, Энгельса, Каутскаго, Плеханова и др. Ц. К. была выработана также программа чтенія по литературѣ XIX в. Въ истекшемъ году Ц. К. было собрано и израсходовано на разныя нужды около 300 руб.

Второй докладъ Ц. К. былъ посвященъ обзору дѣятельности и направленій другихъ районныхъ организацій русской учащейся молодежи — Харьковскаго Союза Учащихся, С.-Петербургской Организаціи средне-учебныхъ заведеній и Кіевскаго Центр. Отдѣл. объединенныхъ организацій и кружковъ средне-учебныхъ заведеній. Съ этими организаціями весь годъ поддерживались сношенія. Былъ даже съѣздъ изъ представителей всѣхъ этихъ организацій, не приведшій однако ни къ какимъ существеннымъ результатамъ. Въ концѣ академическаго года Ц. К. Группы была послана для второго съѣзда Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партіи докладная записка о необходимости для Партіи взять на себя организацію молодежи.

Въ томъ же засѣданіи были заслушаны отчеты мѣстныхъ организацій Группы, изобиловавшіе очень интересными фактами и выводами. Вездѣ движеніе среди молодежи начиналось съ небольшихъ группъ и охватывало постепенно все большія массы. Въ настоящее время въ организаціяхъ Группы насчитывается до 40 кружковъ, съ количествомъ участниковъ не менѣе 500 человѣкъ, изъ нихъ около 40% лицъ женскаго пола. Въ кружки входятъ учащіеся въ разныхъ среднихъ школахъ: гимназисты и гимназистки, реалисты, средне-техники, учащіеся въ учительскихъ семинаріяхъ и низшихъ техническихъ училищахъ; кромѣ того, экстерны и вообще интеллигентная молодежь. По характеру своему кружки раздѣляются на два типа: кружки изъ болѣе юной молодежи, только что начинающей жить сознательною жизнью, ищущей выхода изъ тьмы противорѣчій окружающей ее дѣйствительности, не занимаются еще систематическимъ изученіемъ соціальнаго вопроса; предметъ ихъ занятій — исторія русскаго общественнаго самосознанія, русская литература. Знакомясь съ русской литературой, молодежь изучаетъ различные этапы въ развитіи русской мысли, пріучается видѣть въ нихъ отраженіе породившихъ ихъ общественныхъ отношеній. Не оставляется безъ вниманія и революціонное воспитаніе молодежи: ея вниманіе обращается постоянно на тяжелое положеніе низшихъ классовъ русскаго народа, на все растущую противоположность между ихъ нищетою и роскошью господствующихъ классовъ. Кружки же изъ сознательной молодежи, поставившей уже себѣ цѣлью жизни — борьбу за освобожденіе пролетаріата, приступаютъ къ всестороннему изученію соціальнаго вопроса: предметъ ихъ занятій — политическая экономія, соціологія, наконецъ, соціализмъ и освободительныя движенія послѣднихъ двухъ столѣтій. Наиболѣе сознательная часть молодежи детально знакомится съ программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партіи, ея тактикой и организаціей. Всѣ отчеты констатируютъ слабое до сихъ поръ воздѣйствіе партійныхъ организацій на учащуюся молодежь.

По прочтеніи всѣхъ докладовъ была принята слѣдующая резолюція: „Съѣздъ видитъ коренную причину столь сильнаго роста организацій учащейся молодежи въ широкомъ развитіи русскаго революціоннаго движенія, заставившемъ русскую учащуюся молодежь признать необходимость придти на помощь низшимъ классамъ русскаго народа въ ихъ борьбѣ съ экономическимъ и политическимъ гнетомъ и эксплуатаціей, — а также въ невыносимомъ гнетѣ школьнаго режима, сѣющемъ среди молодежи духъ недовольства и протеста".

Второй день былъ посвященъ обсужденію программы Группы и вопросу о школьной борьбѣ. Послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ дебатовъ единогласно были приняты слѣдующія резолюціи:

О программѣ Группы: „Признавая необходимымъ подготовить русскую учащуюся молодежь къ сознательной борьбѣ за освобожденіе пролетаріата отъ всѣхъ сковывающихъ его узъ политическаго и экономическаго рабства; признавая, что полное освобожденіе пролетаріата невозможно безъ низверженія существующаго буржуазнаго строя, безъ соціальной революціи; признавая, что для свободнаго развитія классовой борьбы русскаго пролетаріата какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, необходимо его полное политическое освобожденіе, достиженіе имъ политической свободы; признавая необходимымъ удержать русскую молодежь отъ мирной культурной работы, совершенно невозможной при современномъ самодержавно-бюрократическомъ строѣ Россіи; признавая необходимымъ уберечь русскую учащуюся молодежь отъ

болгарамъ. Вотъ почему она не въ состояніи себѣ представить, чтобы русскій царь, „освободитель" Болгаріи, могъ желать ей худого. Съ другой стороны, экономически она все болѣе и болѣе приходитъ въ упадокъ и, не вѣря собственнымъ силамъ и силѣ Болгаріи, она связываетъ свои иллюзіи объ улучшеніи своего положенія съ какой-то „помощью", которая должна притти отъ милости русскаго царя. Крупная же буржуазія распадается на два лагеря: *руссофиловъ* и *руссофобовъ*. Руссофилы ищутъ поддержки въ своей борьбѣ за власть у руссофильской массы мелкой буржуазіи. Вотъ почему они, хотя и понимаютъ политику русскаго правительства, но выступаютъ въ качествѣ ультра-руссофиловъ. Руссофобы же ищутъ поддержки принца Фердинанда и всѣхъ монархическихъ элементовъ. Поэтому ихъ агитація противъ вліянія русскаго правительства въ Болгаріи и противъ его политики — безуспѣшна. Лишь безпощадная критика рабочей соціальдемократической партіи открываетъ глаза болгарскому пролетаріату, который еще молодъ, а потому на многое, въ томъ числѣ и на политику русскаго правительства, смотритъ еще съ точки зрѣнія мелкой буржуазіи.

Многіе даже изъ нашихъ западноевропейскихъ товарищей, соціальдемократовъ, составили себѣ убѣжденіе, что повстаніе въ Македоніи поддерживается русскимъ правительствомъ черезъ болгарское. Это ошибочно. Какъ мы видѣли, отношенія русскаго правительства къ Болгаріи, его коварство привели дѣйствительно къ нынѣшнему повстанію въ Македоніи и Адріанопольскомъ вилаетѣ. Но русское правительство не только не поддерживаетъ его, а, напротивъ, дало Турціи картъ-бланшъ для подавленія его и для истребленія болгарскаго населенія. А теперь толкаетъ ее къ войнѣ съ Болгаріей. Русское правительство желаетъ сохранить status-quo на балканскомъ полуостровѣ и всѣми силами будетъ противиться освобожденію Македоніи.

Поэтому освобожденіе Македоніи было бы пораженіемъ для русскаго правительства и вообще для русскаго монархизма. Съ другой стороны, Македонія страна богатая, способная къ культурному развитію. Освобожденіе ея дало бы ей толчекъ въ этомъ направленіи. Кромѣ того, разрѣшеніе македонскаго вопроса въ смыслѣ предоставленія Македоніи полной автономіи, успокоило бы и другія мелкія сосѣднія государства и дало бы имъ возможность мирно развиваться.

Конечно, разрѣшеніе македонскаго вопроса не есть еще разрѣшеніе такъ называемаго „восточнаго" или, лучше сказать, „балканскаго вопроса". Суть этого послѣдняго заключается въ томъ, кому изъ европейскихъ правительствъ владѣть балканскимъ полуостровомъ. На балканскомъ полуостровѣ сталкиваются интересы европейскихъ капиталистическихъ странъ и надо полагать, онъ, рано или поздно, будетъ завоеванъ ими и подѣленъ. Культурное развитіе отъ этого не пострадаетъ, конечно. Но освобожденіе Македоніи не явится, вѣдь, препятствіемъ на пути къ подобному разрѣшенію „балканскаго вопроса", скорѣе, напротивъ, поможетъ ему. Но капиталистическая буржуазія теперь такъ грубо эгоистична и нерѣшительна, когда дѣло касается какого-либо культурнаго вопроса, что предпочитаетъ status-quo вмѣшательству въ пользу автономіи Македоніи. Только международная соціальдемократія способна нынѣ поднять голосъ протеста противъ звѣрствъ въ турецкихъ провинціяхъ Европы, противъ поощренія ихъ буржуазными правительствами и энергично высказаться за освобожденіе странъ, борющихся за свою свободу и болѣе высокое культурное существованіе.

---

*) Здѣсь мы пропускаемъ отвѣтъ рабочаго Зубатову.

*) Эти прокламаціи были розданы слѣдующимъ образомъ: въ восемь часовъ вечера, при выходѣ изъ фабрики поставили мальчика, который кричалъ „Американскій Циркъ" и раздавалъ съ улицы (будто бы объявленія) всѣмъ рабочимъ по одной, и тутъ же самому хозяину. Мальчика взяли въ участокъ. Онъ говорилъ — „мнѣ одинъ господинъ далъ 20 коп., чтобы я роздалъ эти афиши, а кто онъ, не знаю". Его черезъ два часа выпустили.

увлеченія идеями русскаго либерализма, не идущаго въ своихъ стремленіяхъ далѣе буржуазно-конституціонныхъ идеаловъ, — а также отъ увлеченія шумною проповѣдью партіи, именующей себя „партіей соціалистовъ-революціонеровъ", проповѣдью, затемняющею классовое самосознаніе русскаго пролетаріата и дезорганизующимъ образомъ дѣйствующею на развитіе его освободительнаго движенія, — съѣздъ признаетъ неотложною необходимостью пропаганду среди молодежи принциповъ пролетарскаго соціализма, единственною носительницею которыхъ, по убѣжденію съѣзда, является Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія. Заявляя о полной солидарности своихъ взглядовъ съ программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партіей, съѣздъ присоединяется ко всѣмъ программнымъ заявленіямъ, опубликованнымъ Ц. К. Группы въ 1902-1903 акад. году („Искра", №№ 29, 36, 43)".

По вопросу *о школьной борьбѣ* была принята слѣдующая резолюція:

„Признавая, что режимъ, существующій въ нашихъ среднихъ школахъ, является въ рукахъ правительства средствомъ для выработки изъ молодежи вѣрныхъ слугъ самодержавію, православію и народности, для удержанія ея отъ революціонной борьбы, и, такимъ образомъ, тѣсно связанъ со всѣмъ соціально-политическимъ строемъ самодержавной Россіи; предвидя, что въ своей борьбѣ съ развитіемъ революціоннаго самосознанія среди учащихся среднихъ школъ самодержавіе постарается усиленіемъ гнета школьнаго режима заглушить начавшееся движеніе молодежи, — съѣздъ приглашаетъ молодежь, учащуюся въ среднихъ школахъ, воздерживаться отъ непосредственной борьбы со школьнымъ режимомъ, не могущей принести ей никакихъ существенныхъ результатовъ, а, съ другой стороны, своими послѣдствіями тяжело отзывающейся на лучшей ея части, и посвятить всѣ свои силы на подготовку къ борьбѣ, которая уничтожитъ произволъ и насиліе во всѣхъ сферахъ русской жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ предлагаетъ всѣмъ руководящимъ организаціямъ учащейся молодежи использовать всѣ проявленія недовольства школьнымъ режимомъ среди русской учащейся молодежи въ цѣляхъ развитія ея революціоннаго самосознанія".

На третьемъ и послѣднемъ засѣданіи съѣздомъ былъ разсмотрѣнъ и принятъ проектъ устава Группы, предложенный Ц. К. Затѣмъ былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ организаціонныхъ вопросовъ, по которымъ были приняты соотвѣтствующія резолюціи. Приводимъ тѣ изъ нихъ, которыя могутъ быть опубликованы въ настоящее время.

По вопросу объ объединеніи всѣхъ соціальдемократическихъ организацій молодежи: „Признавая необходимымъ объединеніе всѣхъ руководящихъ организацій русской учащейся молодежи, по своимъ воззрѣніямъ примыкающихъ къ Росс. С.-Д. Р. П., въ одну обще-русскую организацію, — съѣздъ поручаетъ Ц. К. Группы провести это свое рѣшеніе въ жизнь".

По вопросу объ измѣненіи названія Группы: „Принимая во вниманіе, что Группа ведетъ пропаганду соціалистическихъ принциповъ не только среди учащихся среднихъ школъ, но вообще среди всей русской учащейся молодежи и что Группа не представляетъ изъ себя союзъ учащихся среднихъ школъ, какъ таковыхъ, — съѣздъ признаетъ необходимымъ переименовать Южно-Русскую Группу Учащихся Среднихъ Школъ въ Южно-Русскую Группу Учащейся Молодежи".

Въ заключеніе единогласно была принята слѣдующая резолюція *по поводу циркуляра министра народнаго просвѣщенія отъ 29 іюня 1903 года:* „Съѣздъ клеймитъ послѣдній циркуляръ министра народнаго просвѣщенія — тщетную попытку заглушить развитіе революціоннаго самосознанія среди русской учащейся молодежи; съѣздъ увѣренъ, что никакія мѣры правительства, какъ бы гнусны онѣ ни были, не смогутъ удержать молодежь отъ стремленія къ революціонной борьбѣ".

Послѣ обсужденія инструкцій Ц. К. и всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ Группы, съѣздъ, выразивши полное довѣріе Ц. К., выбранному первымъ съѣздомъ Группы и дѣйствовавшему втеченіе 1902-1903 акад. года, продолжилъ его полномочія на 1903-1904 ак. г. и поручилъ ему организовать третій съѣздъ Группы.

Затѣмъ предсѣдатель объявилъ II съѣздъ Группы закрытымъ.

Августъ 1903 г.

Центральный Комитетъ Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи.

Перепечатывая съ гектографированнаго листка это сообщеніе Ц. К. Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи, мы, съ своей стороны, шлемъ горячее привѣтствіе нашимъ молодымъ товарищамъ и пожеланіе дальнѣйшихъ успѣховъ въ ихъ работѣ.

Ярославль. Слѣдующій инцидентъ произошелъ здѣсь въ концѣ іюня въ военномъ лагерѣ. Какъ вамъ извѣстно, съ прошлаго года для студентовъ-первокурсниковъ военно-медицинской академіи введены обязательные лагерные сборы. Въ лагеряхъ студенты проходятъ строевую службу, гимнастику и проч. Въ прошломъ году военное начальство осталось очень довольно медиками, аттестуя ихъ, какъ корректныхъ, воспитанныхъ молодыхъ людей, безропотно выносившихъ тяжелую ферулу военной дисциплины. Въ этомъ году медики не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ. Всѣхъ медиковъ въ этомъ году было въ лагерѣ — 170 человѣкъ. Для строевыхъ занятій они были разбиты на четыре группы и прикомандированы къ четыремъ полкамъ. Въ одинъ прекрасный день къ медикамъ Астраханскаго полка, обучавшимся въ полѣ, подъѣхалъ командиръ этого полка Добрышинъ и поздоровался съ ними. По военному уставу, когда начальство здоровается и осматриваетъ солдатъ, нужно „ѣсть начальство глазами", т. е. смотрѣть въ сторону начальника. Одинъ медикъ не сдѣлалъ этого и по разсѣянности смотрѣлъ куда-то въ поле, только не на строгое начальство.

Такое „преступленіе" вызвало со стороны Добрышина дикій окрикъ: „Эй! Вы, господинъ съ длиннымъ носомъ, куда смотрите!" Медиковъ возмутило такое безцеремонное скалозубовское обращеніе, и, по окончаніи ученія, они рѣшили выразить Добрышину свой протестъ, именно на привѣтствіе Добрышина отвѣчать молчаніемъ. О таковомъ рѣшеніи медиковъ скоро узнали офицеры, обучавшіе медиковъ, и донесли объ этомъ Добрышину, предлагая ему на слѣдующій день не здороваться съ медиками, чтобы не нарваться на скандалъ. Такое предложеніе еще больше озлило Добрышина. На слѣдующій день разыгралась исторія. Добрышинъ пріѣхалъ къ медикамъ астраханскаго полка, здоровается съ ними — гробовое молчаніе. Взбѣшенный, онъ мчится къ медикамъ малороссійскаго полка, тоже здоровается — и тоже молчаніе, наконецъ, летитъ онъ къ сибирскому полку, но здѣсь медики отвѣтили ему на привѣтствіе. Послѣ ученія медики устроили сходку (около 100 человѣкъ), на этой сходкѣ пѣли дубинушку, а потомъ рабочую марсельезу. Во время исполненія послѣдней мимо сходки проходили два офицера — Шишкинъ и Хайбетовъ (эти имена должны быть увѣковѣчены), оба врываются въ центръ сходки. Хайбетовъ съ руганью кричитъ, что онъ не позволитъ пѣть марсельезу. Произошло крупное объясненіе между зарвавшимся нахаломъ-офицеромъ и студентами. Возмущенные такимъ нахальствомъ, студенты сначала хотѣли продолжать протестъ въ формѣ невыхода на ученіе, но потомъ почему-то раздумали. Шишкинъ и Хайбетовъ рапортомъ донесли по начальству о сходкѣ. Студенты бывшіе на сходкѣ переписаны и подвергнуты дисциплинарному наказанію. По дѣлу объ отвѣтѣ молчаніемъ на привѣтствіе начальства производится дознаніе, которое ведетъ военный слѣдователь. Къ отвѣтственности собираются привлечь 30 студентовъ, какъ зачинщиковъ, и судить ихъ военно-окружнымъ судомъ. Наказаніе, грозящее студентамъ, 3 мѣсяца одиночной военной тюрьмы. По слухамъ, съ своей стороны, академія рѣшила уволить этихъ зачинщиковъ.

Либава, 24 августа (ст. ст.). Мы осчастливлены: городъ нашъ удостоили посѣщеніемъ царь, царица и вдовствующая государыня, понятно, въ сопровожденіи своихъ свитъ и прочаго лакействующаго „начальства"; пріѣхали они сюда по приглашенію курляндскаго дворянства къ освященію сооруженнаго въ гавани морского собора. На украшеніе городъ не поскупился, главныя улицы украшены арками изъ зелени; дома расцвѣчены флагами; изъ оконъ магазиновъ глядятъ рожи „царствующей фамиліи"; плафоны, павильоны и т. п. хламъ виднѣются повсюду. Публики понаѣхало масса, все — „знать", шпики и полиція. Встрѣчи, также какъ и проѣздъ „высокихъ" гостей по улицамъ города сопровождались понятно ревомъ „ура": шпики и полиція выводили соло, а „народъ" имъ вторилъ. Не обошлось безъ рѣчей и подношеній. Здѣшніе еврейскіе холопы, между прочимъ, поднесли тору въ серебрянной оправѣ; какъ видно недавняя кишиневская рѣзня прошла для нихъ безслѣдно, не научивъ ихъ ничему. Здѣшніе лавочники и содержатели гостинницъ остались очень довольны происшедшимъ событіемъ. Это дало имъ нежданный экстренный доходъ, принимая во вниманіе тѣ неимовѣрныя цѣны, которыя они (особенно послѣдніе) брали. Уѣхали отсюда „гости" по желѣзной дорогѣ. По всей линіи поэтому были разставлены караульные солдаты. Не мало ихъ пригнали и въ городъ, причемъ поселили ихъ въ воинскихъ (тѣхъ же товарныхъ) вагонахъ, гдѣ они съ одинаковымъ удобствомъ могли спать сидя, лежа или стоя. Само собой разумѣется, что для офицеровъ и прочаго чина квартиры нашлись. Сегодня „царственные гости" изволили отсюда отбыть и городъ начинаетъ принимать свою обыкновенную слащаво-провинціальную физіономію. Со всѣми царь былъ любезенъ и милостивъ; особенно онъ благоволилъ къ курляндскому дворянству. При теперешнихъ тяжелыхъ временахъ, какъ видно, опять выплываетъ старая „мудрая" пословица: „не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться".

Воронежъ. 24 августа. Сегодня пріѣхали изъ Харькова осужденные по политическому процессу: Зевинъ, Чернышевъ и Рудневъ. Они были преданы суду Харьковской Судебной Палаты съ сословными представителями за печатаніе и распространеніе первомайскихъ прокламацій. Судъ былъ 21 авг. Защищали Карякинъ, Муравьевъ и Маклаковъ. Приговоръ: Рудневъ — $1^1/_2$ г. тюрьмы, Чернышевъ — $1^1/_2$ г. тюрьмы и Зевинъ (раб.) — 3 года арестантскихъ ротъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ. (Между прочимъ ихъ обвиняли въ томъ, что они и разбрасывали эти прокламаціи; какой-то чиновникъ почтовой конторы, кажется, Знаменскій, найдя въ почтовомъ ящикѣ двѣ прокламаціи, снесъ ихъ жандармамъ: но отъ этого пункта обвиненія товарищъ прокурора отказался).

Тверь. Въ ночь съ 12 на 13 нашъ сонный городокъ представлялъ собою небывалое зрѣлище. Всѣ улицы были переполнены жандармами и полиціей, которые въ потѣ лица своего трудились надъ искорененіемъ тверской крамолы. Руководствуясь тѣмъ, что революціей теперь захваченъ и старъ и младъ, наши жандармы арестовали земскаго старичка и старуху 60 лѣтъ и подвергли обыску одного революціонера въ пеленкахъ, которому на дняхъ исполнится мѣсяцъ отъ роду. Въ общей сложности забрано челов. 30, съ сосенки да съ бору, а обысковъ было до 60. Для Твери это небывалый провалъ. Полиція и жандармы ведутъ себя непозволительно даже съ точки зрѣнія россійскихъ законовъ. При обыскѣ они выламывали двери, ругались площадной бранью, врывались ночью въ дома арестованныхъ, будили женщинъ и дѣтей и тутъ же устраивали допросы. Родственникамъ и заключеннымъ жандармскій полковникъ Урановъ неизмѣнно отвѣчаетъ, что книгъ, вещей и денегъ принимать не будетъ, что сгноитъ всѣхъ въ тюрьмѣ, сошлетъ на каторгу. Всѣ эти арестованные старички и обысканные младенцы такъ подѣйствовали на воображеніе „оппозиціонныхъ элементовъ", что всѣ отказываются даже отъ тѣхъ ничтожныхъ услугъ, какія они оказывали нашей организаціи. Самому бы Струве нарадоваться на своихъ либераловъ... Работы теперь здѣсь пропасть, нужны силы извнѣ, главнымъ образомъ, рабочіе, которые могли бы взять на себя руководящую роль въ массѣ.

Мѣстные рабочіе интересуются очень событіями на югѣ, на югъ вообще смотрятъ, какъ на землю обѣтованную, до которой намъ, сѣверянамъ, никогда не дорасти. Хорошо бы выпустить брошюру съ разъясненіемъ значенія небывалаго роста движенія на югѣ и отсталости этого движенія на сѣверѣ. Такая брошюра крайне необходима для всего сѣвернаго ткацкаго района. Также необходимо отозваться брошюрой на многочисленную зубатовскую литературу. „Лиса Патрикѣевна" зачитывается до дыръ. Брошюра Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ" только недавно дошла до насъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и произвела фуроръ.

Мелитополь. Въ ночь съ 9 на 10 августа было произведено около 15 обысковъ. Арестованы: Н. Вайнеръ (конторщица), А. Ельяшевичъ (наборщ.), Блукинъ (механикъ), Снеймеръ (инт.), Степанъ Шпакъ (раб.), Е. Эпштейнъ (выпуск.). У нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ найдена „Искра" и др. изданія. Полиція была согнана изъ всего уѣзда. Жандармы, становые, урядники, даже городовые погрузились головой въ конспирацію: то и дѣло шмыгаютъ на фаэтонахъ, шушукаются на перекресткахъ. Какіе-то подозрительные субъекты „съ безпокойной наглостью взгляда" фланируютъ по городу. „Славная стая" ищетъ матеріала, чтобы создать „дѣло". Жандармское рвеніе дошло даже до того, что съ арестованныхъ были сняты антропометрическія измѣренія — послѣднее слово жандармской науки! (Общее распоряженіе Деп. пол. — Ред.). Ходятъ слухи, что арестованные начали голодовку. Причины неизвѣстны.

Ялта. Въ концѣ учебнаго года вышелъ у насъ въ отставку директоръ мужской гимназіи Преображенскій, — человѣкъ довольно безхарактерный, чиновникъ до мозга костей. Какъ директоръ, онъ былъ хорошъ тѣмъ, что сравнительно мало давалъ себя чувствовать. Однако цѣлый рядъ „докладовъ по начальству" (въ просторѣчьи — доносовъ), сыпавшихся на него со всѣхъ сторонъ въ послѣднее время, дѣлали тщетными всѣ его старанія сохранить за собою теплое мѣстечко еще на пятилѣтній срокъ. Рѣшающую роль сыгралъ тутъ доносъ самого таврическаго губернатора г. Трепова. Въ пріѣздъ свой въ Ялту этотъ господинъ замѣтилъ, какъ онъ жаловался впослѣдствіи, полный упадокъ дисциплины среди учащихся, выразившійся въ томъ, что при его пріѣздѣ они не вытягиваются во фронтъ и не снимаютъ фуражекъ. Напрасно оправдывались дѣти тѣмъ, что не знаютъ его въ лицо, такъ какъ и назначенъ то онъ недавно; „рьяный блюститель" видитъ въ этомъ слѣды „столь же безразсуднаго, сколько и преступнаго движенія" — и въ результатѣ „докладъ" въ округъ, рѣшающій судьбу директора. Новаго директора пока нѣтъ; но въ какомъ духѣ будетъ „начальство", можно предвидѣть по личности и „мѣропріятіямъ" только что назначеннаго сюда инспектора Тюльпанова, бывшаго преподавателя русской словесности въ Ришельевской гимназіи въ Одессѣ. Передъ отъѣздомъ на мѣсто новаго назначенія г. Тюльпановъ представился попечителю округа, который, предоставивъ ему самыя широкія полномочія, взялъ съ него торжественное обѣщаніе „поднять гимназію" и „очистить ее отъ всякой крамолы". Прибывъ въ Ялту, г. Тюльпановъ немедленно имѣетъ совѣщаніе съ членомъ совѣта мин. народнаго просвѣщенія графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и проситъ у этого послѣдняго разрѣшить прибѣгнуть въ своей „чистительной" работѣ къ содѣйствію полиціи, въ чемъ почтенный графъ не находитъ, разумѣется, ничего предосудительнаго, рекомендуя лишь обратиться еще къ губернатору. И вотъ въ первый же пріѣздъ губернатора въ Ялту г. Тюльпановъ у него съ всепокорнѣйшей просьбой. Но, о ужасъ! то, что такъ улыбалось воспитателю россійской молодежи, начальнику губернской полиціи кажется... „какъ-то не совсѣмъ совмѣстимымъ съ достоинствомъ школы". Однако, къ счастью, скоро сраженный краснорѣчіемъ педагога, г. Треповъ, вполнѣ постигнувъ всѣ преимущества полицейской слѣжки за учащимися, другими словами, уяснивъ себѣ, повидимому, смыслъ послѣдняго циркуляра мин. о полицейскомъ сердечномъ попеченіи, далъ свою санкцію, но съ тѣмъ всетаки, „чтобъ это было неоффиціально": „между нами, знаете-ли, это какъ-то неудобно". [Дѣйствительно, неудобно.]

Борьба изъ за паспортовъ.

М. В. Д.

Секретно.

Деп. пол. по особ. отд.

18 мая 1903 года. № 4765.

Гг. Губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ.

6 мая 1903 г. на Сѣнной площади г. Кіева два неизвѣстныхъ человѣка, посредствомъ обмана, получили отъ крестьянина села Зраекъ, Кашперовской волости, Таращанскаго уѣзда, Семена Ефимова Марчука, годовой паспортъ, выданный мѣсяца два тому назадъ вышеупомянутымъ волостнымъ правленіемъ, а затѣмъ неизвѣстно куда скрылись. Принимая во вниманіе, что вышеупомянутымъ паспортомъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользовались кто-либо изъ нелегальныхъ съ преступными цѣлями, Деп. полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи наблюденія за прибытіемъ во ввѣренную Вамъ область лица, имѣющаго при себѣ паспортъ, выданный на имя Семена Марчука, а по обнаруженіи его подвергнуть задержанію и принять мѣры по установленію самоличности, увѣдомивъ о семъ Департаментъ.

Подписалъ: директоръ Лопухинъ. Вѣрно: за завѣд. отд. Пѣшковъ. Свѣрялъ: пом. дѣлопр. Саргано.

Восточная Сибирь (изъ письма ссыльнаго). Здѣсь полученъ на дняхъ секретный циркуляръ слѣдующаго содержанія: вновь пріѣзжающихъ ссыльныхъ размѣщать по отдаленнымъ мѣстамъ (среди инородцевъ), дабы они не могли оказать вреднаго вліянія на населеніе своей пропагандой; во всякомъ случаѣ не оставлять ихъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ имѣются средне-учебныя заведенія. Говорятъ, противъ Пантелѣева выставлено было восемь обвинительныхъ пунктовъ, среди которыхъ фигурировали слѣдующіе факты: 1) въ теченіе года изъ Сибири бѣжали 70 ссыльныхъ, 2) ссыльные довольно успѣшно ведутъ пропаганду среди сибиряковъ, 3) красноярская исторія въ мартѣ... Кутаисовъ назначенъ для укрощенія ссыльныхъ. Онъ, говорятъ, большой поклонникъ Мещерскаго.. Поговариваютъ о возобновленіи ссылки въ Обдорскъ. Въ Туруханскъ уже отправлено нѣсколько человѣкъ (кажется четверо).

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Вскорѣ послѣ нашей послѣдней статьи были „официально" опубликованы (наконецъ-то) имена финляндскихъ изгнанниковъ, вынужденныхъ палачами Финляндіи за весну и лѣто покинуть отчизну. Въ этой второй группѣ опущены лица, которыхъ приказано было арестовать въ случаѣ возвращенія ихъ изъ-за границы въ Финляндію. Общее число всѣхъ „официально" высланныхъ достигаетъ 25. Послѣ этого 28 августа (нов. ст.) приказаніе удалиться въ изгнаніе получили три члена выборскаго магистрата гг. К. Седергельмъ, А. Аминовъ и О. Окессонъ, причемъ двумъ первымъ на отъѣздъ назначенъ недѣльный, а послѣднему — *трехъ-дневный* срокъ. Нѣсколько времени тому назадъ „Финляндская Газета" „официально" сообщала о „преступленіяхъ" выборгскаго магистрата, навлекшаго на себя гнѣвъ Николая II за отказъ исполнить беззаконныя приказанія беззаконнаго русскаго чиновника Фукса. Пародія „на мѣстное правительство" — нынѣшній Финляндскій Сенатъ не только не попытался принять мѣръ противъ примѣненія этой диктаторской власти русскаго сатрапа, но, повидимому, даже одобряетъ ее и принимаетъ посильное участіе, — разумѣется, не официально — въ этой „полезной" политической травлѣ истинныхъ финляндскихъ патріотовъ и гражданъ.

Бобриковъ и его сподручные широко воспользовались своимъ новымъ „правомъ" отмѣнять рѣшенія самоуправляющихся общинъ, запретивъ выдавать уволеннымъ весною царемъ (т. е. Плеве) бургомистрамъ жалованіе, пенсію и т. п. Это мѣропріятіе оберъ-палачъ предложилъ Сенату примѣнить по отношенію къ бывшимъ бургомистрамъ: гельсингфорскому — Эману и Гангескому — Стенстрему. Раньше подобное распоряженіе было сдѣлано относительно остальныхъ бургомистровъ.

„Вѣрные" царскіе слуги повсюду суютъ свой носъ. На дняхъ одинъ цензоръ въ сопровожденіи полицейскаго коммисара и городового совершилъ нашествіе въ грандіозную гельсингфорскую народную библіотеку, которая властью такъ назыв. нюландскаго губернатора Кайгородова была закрыта два дня, пока этотъ почтенный критикъ выбиралъ всѣ вредныя для народа книги. Сему мужу не понравилось 49 томовъ, которые онъ и унесъ съ собою. Въ библіотекѣ полиція разломала замокъ въ одномъ шкафу, въ которомъ находились запрещенныя цензоромъ раньше книги, а потому и не выдававшіяся публикѣ. Теперь же цензору захотѣлось ихъ по-просту конфисковать, а такъ какъ ключъ отъ злополучнаго шкафа былъ у жившаго на дачѣ библіотекаря, то рѣшили прибѣгнуть къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ. Характерно, что цензоръ сваливалъ вину за закрытіе библіотеки и взломъ на полицію. Подобную операцію этотъ же самый господинъ произвелъ въ двухъ пригородныхъ отдѣленіяхъ народной библіотеки, причемъ въ одномъ изъ нихъ онъ соблаговолилъ не одобрить 14 томовъ, а другимъ онъ остался доволенъ. Цензоръ-сыщикъ Бьеркстенъ дѣйствовалъ по распоряженію главнаго финляндскаго управленія по дѣламъ печати. Въ Финляндіи никогда не существовало особой цензуры для библіотекъ, но и это усовершенствованіе азіатской культуры, какъ видимъ, обрусители спѣшатъ пересадить на финляндскую почву. Кайгородовъ приказалъ еще въ іюлѣ гельсингфорскому магистрату собрать точныя свѣдѣнія обо всѣхъ публичныхъ библіотекахъ Гельсингфорса, но онъ не удовольствовался одними лишь статистическими данными. Ему понадобились самые точные списки владѣльцевъ всѣхъ библіотекъ, въ которыя такъ или иначе имѣетъ доступъ публика.

Вопреки наивнымъ мечтамъ консервативной партіи старо-феноменовъ царское правительство даетъ всѣ видныя мѣста въ Финляндіи русскимъ. На дняхъ на постъ главнаго директора правительственныхъ желѣзныхъ дорогъ послѣ Стремборга назначенъ русскій полковникъ Драчевскій.

Охотятся за такъ назыв. „нелегальной" финляндской литературой, но до сихъ поръ ихъ старанія не увѣнчались особымъ успѣхомъ. Несмотря на всѣ ихъ попытки „нелегальныя" шведскія и финскія газеты выходятъ преисправно до четырехъ разъ въ мѣсяцъ и во-время доставляются подписчикамъ. Поэтому легко можно себѣ вообразить радость царскихъ сыщиковъ, когда они по доносу 21 іюля (нов. ст.) произвели обыскъ у брантмейстера г. Або Сольмана и нашли нѣсколько десятковъ „Fria Ord", разложенныхъ въ конверты для абоскихъ подписчиковъ. Съ 24 іюля онъ сидитъ въ абоской тюрьмѣ и обвиняется въ распространеніи нелегальной литературы, противоправительственной агитаціи и... въ преступленіи противъ величества. Его дѣло два раза уже разбиралось ратгаузскимъ абоскимъ судомъ, но еще не окончено. Кромѣ того, Сенатъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ царю о возобновленіи дѣла по послѣднему пункту, такъ какъ Сольманъ, дескать, провинился, между прочимъ, противъ самаго Ники. Судя по судебнымъ отчетамъ, обвиняемый велъ себя превосходно на жандармскихъ допросахъ и во время обыска, противъ котораго онъ протестовалъ. Совсѣмъ иначе поступила большая часть пожарныхъ, которые откровенно показывали противъ своего бывшаго начальника. Во время обыска пришелъ жившій у С. исполнявшій его должность губернскій архиваріусъ Вальстенъ. Послѣдній осмѣлился не допустить конфискаціи пожарныхъ книгъ, за что и поплатился лишеніемъ своего мѣста.

Вообще за послѣднее время поработители Финляндіи не разъ имѣли случай ликовать. На дняхъ въ газетахъ было опубликовано всемилостивѣйшее прощеніе Бобриковымъ 328 юношей, не явившихся въ 1902 г. въ призывныя по воинской повинности присутствія, а теперь раскаявшихся. Недавно также поступило 79 человѣкъ. Подобныя грустныя явленія слѣдуетъ въ значительной степени приписать контръ-агитаціи старо-феномановъ, все еще чающихъ отъ клятвопреступника „великихъ и богатыхъ милостей". Вообще съ весны началась въ Финляндіи реакція и наступило переходное время. Близкое будущее покажетъ, какое направленіе должна принять борьба финляндцевъ съ россійскимъ самодержавіемъ.

Число финляндскихъ эмигрантовъ, уѣхавшихъ черезъ Ганге въ Америку, съ 1 января по 1 августа достигло 12.185 человѣкъ, кромѣ того, многіе эмигрировали безъ паспортовъ. Вотъ одно изъ послѣдствій разгрома Финляндіи.

Преслѣдуя „агитаторовъ“, самодержавіе милуетъ всѣхъ финляндскихъ измѣнниковъ. Такъ, на дняхъ объявлены милости: медали и денежныя награды 12 лицамъ — главнымъ образомъ городовымъ за содѣйствіе проведенію новаго „закона“ Куропаткина. Тотъ рабочій Лайне, который произнесъ весной рѣчи отъ лица облагодѣтельствованныхъ Бобриковымъ пострадавшихъ отъ безработицы рабочихъ, вскорѣ послѣ окончанія этого чудеснаго насыщенія въ казармахъ, сдѣлался сыщикомъ и подалъ, между прочимъ, ложный доносъ на одного рабочаго за противоправительственную агитацію. Истраченныя на кормленіе средства Бобриковъ покрылъ изъ финляндской казны, хотя въ свое время чего только не говорилось по этому поводу о великодушіи *русскаго царя*! Онъ щедръ на народныя деньги. Можно-ли послѣ этого сомнѣваться въ провокаторскомъ назначеніи странной благотворительности Бобрикора? (См. № 37).

P. S. Съ 17 по 20 августа (нов. ст.) въ фабричномъ мѣстечкѣ Форсса состоялся второй конгрессъ финляндской рабочей партіи. Въ немъ приняло участіе 96 представителей отъ 48 рабочихъ союзовъ. Этотъ конгрессъ, безспорно, останется навсегда памятнымъ въ исторіи финляндскаго рабочаго движенія: на немъ партія приняла наименованіе соц.-дем. финляндской партіи и утвердила выработанный комиссіей проектъ программы соц.-дем. партіи. По разнымъ соображеніямъ мы откладываемъ переводъ этой обширной программы (изъ четырехъ отдѣленій) до слѣдующаго №. Тогда же въ спеціальной статьѣ мы предполагаемъ познакомить читателя и съ нѣкоторыми другими вопросами, связанными съ конгрессомъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Екатеринославъ. (Разсказъ участника событій, см. № 47).

На слѣдующій день, въ субботу 9 августа, заводскіе поселки были окружены плотнымъ кольцомъ солдатъ, которые очень немногихъ пропускали изъ города въ селенія и никого обратно. Ораторы разными обходными путями все же проникли туда и такимъ же образомъ вернулись въ городъ. Внутри поселковъ были казаки и полиція. Стачечная коммиссія, не имѣя надежды провести толпу въ городъ черезъ цѣпь солдатъ (Амуръ отдѣленъ отъ гор. Днѣпромъ, мостъ черезъ который былъ заполненъ солдатами; Кайдаки лежатъ въ 3-4 верстахъ отъ города, а на протяженіи всего пути въ Кайдаки также стояло войско), рѣшила вести собранія на мѣстахъ: Чечелевкѣ, Кайдакахъ и Амурѣ. Надо было также организовать собранія для городскихъ рабочихъ — въ городѣ. Но для этого требовались большія организаціонныя силы, которыхъ у Стачечной коммиссіи не было: городъ былъ на военномъ положеніи: забастовка совпала съ моментомъ маневровъ войскъ. Съ 5-6 часовъ утра на Чечелевскую площадь у народнаго театра потянулись рабочіе небольшими группами и въ одиночку со слободокъ Фабричной, Шлистовки, Чечелевки и изъ города; собраніе обѣщало быть грандіознымъ. Полиція, прекрасно знавшая и о собраніяхъ въ другихъ мѣстахъ, главныя свои силы все же сосредоточила на Чечелевкѣ, рѣшивъ ни за что не допустить собранія здѣсь, и вся Чечелевская площадь была запружена войсками. На рабочихъ, идущихъ къ площади, наскакивали казаки и полиція и били ихъ нагайками. Полицеймейстеръ же съ кавалькадой городовыхъ разъѣзжалъ по Чечелевкѣ, и изъ встрѣчающихся ему лицъ по внѣшнему виду опредѣлялъ, кто врагъ царю и отечеству, и такихъ приказывалъ арестовывать. Но, не обладая духомъ настоящей ищейки, онъ во время охоты не разъ прозѣвывалъ ораторовъ, покровительственно пропуская ихъ, какъ неопасныхъ людей. Въ 9 час. утра полицеймейстеръ, довольный результатами своей работы, отправился въ городъ тріумфаторомъ: самъ впереди на парѣ, гордо развалясь въ коляскѣ, сзади него шли двое арестованныхъ — мужчина и женщина, а дальше орава конныхъ городовыхъ. Войско и казаки остались на площади. Много рабочихъ разбрелось по домамъ, но не мало все же продолжало толпиться на улицахъ Чечелевки. Казаки время отъ времени дѣлаютъ набѣги на улицы поселка, кой-гдѣ рабочіе разбѣгаются, кой-гдѣ они встрѣчаютъ казаковъ камнями, въ послѣднемъ случаѣ казаки вихремъ летятъ назадъ. Подростки, какъ всегда, впереди старшихъ, гикаютъ, кувыркаются, дразнятъ казаковъ, бросаютъ каменья въ нихъ. Ораторы пользуются скопленіями народа; тамъ и сямъ раздаются ихъ горячія рѣчи и призывъ къ борьбѣ, къ продолженію стачки, къ сверженію самодержавнаго строя. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ образуются собранія по 200-500 человѣкъ въ каждомъ, продолжаются часа по три, по четыре. Десятки разъ раздаются боевые кличи, которые иногда прерываются казаками. Рабочіе тогда скрываются въ сосѣдніе дома, ворота и двери которыхъ широко распахиваются для нихъ и моментально же за ними накрѣпко запираются. Рабочее населеніе слободки хорошо знаетъ свои обязанности, не въ примѣръ городскимъ обывателямъ Екатеринослава, которые вели себя позорно въ эти дни. На Кайдакахъ собралась толпа въ четыре-пять тысячъ, которая внимательно слушала оратора. Послѣдній рисуетъ непригляную жизнь рабочихъ, указываетъ на необходимость измѣненія ея, формулируетъ главныя требованія, которыя должны выставить рабочіе во время стачки и выясняетъ значеніе этихъ требованій. Затѣмъ появляется полицейскій, который раздаетъ рабочимъ объявленіе отъ губернатора о незаконности сходокъ и объ отвѣтственности, которой подвергаются нарушители порядка. Одинъ изъ рабочихъ читаетъ вслухъ это объявленіе; нелестные и не вполнѣ цензурные возгласы слышатся во время чтенія, когда же чтецъ доходитъ до угрозъ, что будетъ пущено въ ходъ холодное и огнестрѣльное оружіе, многіе изъ толпы приходятъ въ бѣшенство: „Васъ, негодяевъ, самихъ надо всѣхъ перебить! Кровопійцы, мало еще крови вы пили изъ насъ...“ и т. д. „Долой самодержавіе! Долой царскихъ опричниковъ!“ раздаются крики изъ разныхъ мѣстъ. Передъ собраніемъ новый ораторъ. Онъ поздравляетъ рабочихъ со всеобщей забастовкой г. Екатеринослава, съ великой всеобщей забастовкой юга Россіи, кратко рисуетъ экономическое положеніе рабочихъ и указываетъ на стачку, какъ на средство борьбы за лучшую долю. Затѣмъ онъ напоминаетъ товарищамъ только что прочитанное объявленіе вице-губернатора, приводитъ законъ о стачкахъ и объясняетъ, кто въ Россіи издаетъ законы. Далѣе онъ указываетъ на цѣпь солдатъ, окружающихъ поселокъ, и говоритъ объ убитыхъ за стачку, разъясняетъ, въ чьихъ рукахъ власть надъ солдатами, кто повелѣваетъ ими, и призываетъ собраніе не страшиться назвать второго своего врага — царское правительство. Затѣмъ ораторъ рисуетъ политическій гнетъ въ его цѣломъ и говоритъ о палачахъ и т. п., о стачкахъ вообще и всеобщей стачкѣ въ частности, которую онъ привѣтствуетъ, какъ первый шагъ борьбы массовой, борьбы не только экономической, но и политической, говоритъ о печати, народномъ образованіи, о правовомъ положеніи рабочихъ и крестьянъ, о братоубійственной войнѣ въ Китаѣ, о причинахъ, вызвавшихъ ее, проводитъ идею единства рабочаго класса всего міра, говоритъ о ненормальности расовой вражды рабочихъ Россіи и изъ всего дѣлаетъ одинъ выводъ, что самодержавное правительство злѣйшій врагъ рабочаго класса. Возгласы „Долой царство хищниковъ!“ „Долой самодержавіе!“ много разъ оглашаютъ воздухъ. Многіе послѣ рѣчи жали руку оратору. Слѣдующій ораторъ говорилъ на ту же тему. Потомъ опять говорилъ первый ораторъ. Темой второй его рѣчи было: „Кто наши внутренніе враги“. Ораторъ даетъ картину жизни трудящихся и эксплуататоровъ при теперешнемъ капиталистическомъ строѣ и рисуетъ соціалистическій идеалъ будущаго... „Я отдамъ тебѣ всѣ свои четыре дома, дай только намъ этотъ соціализмъ“ крикнулъ кто-то изъ толпы (мастеръ, какъ послѣ выяснилось). Ораторъ указалъ, что соціальдемократическая партія ведетъ народъ къ этому будущему, что эта партія есть не только въ Россіи, но и въ другихъ государствахъ; всюду она встрѣчаетъ вражду капиталистовъ, а въ Россіи сверхъ того и ненависть самодержавія. Разсказываетъ онъ о гнусностяхъ, продѣлываемыхъ правительствомъ по тюрьмамъ и ссылкамъ надъ борцами за соціализмъ, и указываетъ, что въ другихъ государствахъ народъ давно уже свергъ самодержавіе и управляется Народнымъ Собраніемъ — парламентомъ. Подробно объясняетъ, какой смыслъ кроется подъ словами политическая свобода и зачѣмъ она нужна рабочимъ. Рѣчь свою ораторъ кончаетъ словами, что наши внутренніе враги не соціальдемократы, какъ въ этомъ хочетъ убѣдить правительство, а оно само, само русское самодержавіе. „Да здравствуетъ соціализмъ! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ соціальдемократія!“ много разъ повторяется толпой. Многіе рабочіе закричали: „товарищъ, объясни намъ, какъ другіе народы добыли свободу, мы хотимъ научиться у нихъ“. Ораторъ сильно усталъ, это замѣтили многіе изъ толпы и крикнули, что надо дать отдохнуть оратору. Сколько трогательнаго вниманія оказали ему рабочіе! Оратора посадили на возвышенное мѣсто; образовали стражу, не допускавшую къ оратору толпу, которая тѣснилась къ нему и задавала разные вопросы по поводу рѣчей; принесли воды, лимонада, пива для оратора. Послѣ получасоваго перерыва ораторъ отвѣтилъ на вопросъ толпы, какъ добыли себѣ право рабочіе другихъ странъ, разсказалъ кратко о нѣсколькихъ французскихъ революціяхъ, о революціи 48 года въ Германіи, указалъ на признакъ приближающейся революціи у насъ: на демонстраціи, на Ростовскія событія на всеобщія забастовки на югѣ, на крестьянскія волненія, на недовольство либеральныхъ слоевъ общества и закончилъ рѣчь возгласомъ: „Да здравствуетъ революція! Да здравствуютъ всеобщія стачки!“ Возгласы съ энтузіазмомъ подхватываются толпой. Ораторъ собирается уйти, но толпа тѣснится къ нему; иные просятъ, другіе требуютъ, чтобы онъ остался съ ними ночевать въ ихъ поселкѣ, завтра говорилъ бы еще съ ними, велъ бы на стачку, говорятъ, что они одни не знаютъ, что должны дѣлать. Ораторъ объясняетъ рабочимъ, что у него есть еще дѣла въ городѣ, что онъ постарается завтра утромъ быть здѣсь, а сегодня онъ долженъ уйти. „Мы на рукахъ отнесемъ тебя въ городъ, чтобы никто не смѣлъ тронуть тебя по дорогѣ“ кричатъ изъ толпы. Ораторъ говоритъ, что изъ-за себя онъ не хочетъ подвести ихъ подъ удары нагайки, а, быть можетъ, и подъ нѣчто худшее и постарается пройти одинъ, но что, если будутъ его арестовывать на глазахъ толпы, то они должны его отбить. „Не посмѣютъ арестовать здѣсь, не дадимъ арестовывать тебя; а каменья-то зачѣмъ?“ раздается со всѣхъ сторонъ. Ораторъ уходитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ. Собраніе дружно и много разъ кричитъ ему „ура“. Оратору (женщинѣ) удалось по дорогѣ сбросить съ себя верхнее платье, и она спокойно пошла съ двумя рабочими вглубь поселка. Остальные рабочіе разошлись, видя, что опасности нѣтъ, а защита обезпечена. Но полиція устроила засаду. Подбѣгаетъ рабочій, говоря, что сзади бѣгутъ околодочный надзиратель съ двумя городовыми, что полиція все время слѣдитъ. Полиція была въ двадцати шагахъ; приходилось спасаться бѣгствомъ. Преслѣдуемые забѣжали въ первый попавшійся дворъ, оттуда черезъ огороды выскочили на другую, а потомъ на третью улицу, вбѣжали въ незнакомый домъ и попросили себѣ пріютъ. Женщина съ полной готовностью дала его, сказавъ, что мужья приказали женамъ впускать въ домъ всѣхъ, преслѣдуемыхъ полиціей. Затѣмъ она дала переодѣться въ свое платье. Услышавъ, что погоня близко, она предложила спрятаться въ большой сундукъ, гдѣ можно будетъ устроить и постель на ночь Пришлось согласиться и лѣзть въ сундукъ. Къ счастью, явился рабочій, который обходными путями отвелъ въ другой домъ, лежащій далеко отъ мѣста засады. Тамъ пришлось сидѣть до вечера, а затѣмъ при помощи рабочихъ удалось пробраться въ городъ. Необходимо замѣтить, что во всей этой исторіи участвовали рабочіе, не состоящіе въ организаціи. На Амурской площади собралась толпа тысячъ въ пять съ Амурскаго и Нижнеднѣпровскаго поселковъ. Выступало 5 ораторовъ-соціальдемократовъ, говорили рѣчи на тѣ же темы, что и на Чечелевкѣ въ первый день собраній. Хороша была рѣчь объ экономическомъ положеніи рабочихъ, о требованіяхъ, которыя должны выставить рабочіе во время стачки, а также рѣчь о необходимости политической борьбы. Полиція присутствовала на собраніи, слышала дружные революціонные возгласы, но собранія не разгоняла. Въ воскресенье было вывѣшено новое объявленіе отъ исполняющаго должность губернатора, въ которомъ рабочіе призывались въ понедѣльникъ встать на работу; обѣщалось помощью войска оберегать желающихъ работать отъ насилій стачечниковъ. Въ воскресенье былъ замѣтенъ переломъ въ настроеніи рабочихъ. Чувствовалось угнетенное состояніе духа. На Чечелевкѣ опять нельзя было собрать компактной массы и пришлось какъ въ пятницу организовывать летучія собранія съ тѣми же особенностями, которыя были уже отмѣчены раньше. Причина та же: полиція продолжала концентрировать главныя силы въ этомъ пунктѣ. Рѣчи, по желанію собравшихся, большею частью были экономическаго содержанія. На Фабричной слободкѣ также собралась толпа и требовала оратора. Послали въ городъ. Стачечная коммиссія не предвидѣла новаго мѣста собранія; ораторы передъ тѣмъ ушли на собранія въ другія мѣста, а потому она не смогла удовлетворить требованіе. Какъ велико было собраніе и что происходило на немъ — не знаю.

На Кайдакахъ собралось не болѣе 1500 человѣкъ. Многіе не были на собраніи потому, что были въ церкви. Выступало четыре оратора. И здѣсь, по желанію толпы, рѣчи велись больше на экономическія темы. Ораторы старались возбудить энтузіазмъ толпы; горячо призывали держаться за стачку, но настроеніе продолжало быть подавленнымъ. На Амурѣ къ назначенному времени (въ 8 часовъ) на площади почти никого не было. Лишь къ часамъ 9-10 стали собираться рабочіе. Собралось 500-600 ч. Прискакали казаки съ исправникомъ во главѣ и разогнали съ площади толпу. Но рабочіе толпились въ боковыхъ улицахъ, во дворахъ сосѣднихъ домовъ и не уходили домой. Толпа прибывала. Казаки время отъ времени пріѣзжали на площадь, врѣзывались въ толпу, но не били (нѣкоторые казаки говорили: „не разбѣгайтесь; мы васъ не тронемъ“). Къ 11 часамъ рабочихъ стало до 5 тысячъ человѣкъ. Толпа раздѣлилась на двѣ части вокругъ двухъ ораторовъ. Одинъ ораторъ говорилъ рѣчь политическаго содержанія, другой экономическаго, опять таки подчиняясь желанію толпы.

Одинъ изъ ораторовъ, замѣтивъ угнетенное состояніе толпы, рѣшается вывести ее изъ этого состоянія такимъ пріемомъ: онъ предлагаетъ вызвать фабричнаго инспектора и вручить ему свои требованія. Показывается околоточный надзиратель, и ему передаютъ требованіе, на которое черезъ нѣкоторое время слѣдуетъ отвѣтъ, что инспекторъ боленъ. Тогда ораторъ предлагаетъ вызвать мѣстнаго исправника: тотъ уже навѣрняка здоровъ, онъ только что проѣзжалъ съ казаками. Околодочный уѣзжаетъ, обѣщая скоро дать отвѣтъ. Ораторъ проситъ принести ему табуретъ, становится на него, чтобы всѣ его слышали, и говоритъ рѣчь. Онъ овладѣваетъ вниманіемъ толпы. Тема рѣчи все та же: тяжелое экономическое и правовое положеніе рабочихъ. Послѣ получасовой бесѣды, затронувъ многія больныя мѣста рабочей жизни, ораторъ раскрываетъ собранію второго ихъ врага — царское правительство (осторожность политической агитаціи вызывалась тѣмъ соображеніемъ, что толпа была очень малосознательная). Рѣчь была прервана заявленіемъ пріѣхавшаго околодочнаго, что исправникъ готовъ выслушать собраніе и даетъ имъ полчаса свободы для обсужденія своихъ требованій. Ораторъ формулируетъ требованіе за требованіемъ. Собраніе одобряетъ ихъ. Околодочный надзиратель не разъ говоритъ толпѣ: „чего вы слушаете бабу? Своихъ головъ на плечахъ нѣтъ, что ли?“ „Отчего же не послушать женщину, ежели она говоритъ разумныя рѣчи? Тебя, что ли слушать?“ говорятъ ему въ отвѣтъ. Требованія сформулированы и записаны, ораторъ предлагаетъ выбрать кого-либо изъ рабочихъ для переговоровъ съ исправникомъ. Собраніе проситъ оратора взять на себя эти переговоры, но онъ отказывается, мотивируя тѣмъ, что, если будетъ говорить женщина, то администрація скажетъ, что требованія выставлены не рабочими, а злоумышленниками. Собраніе предлагаетъ оратору выбрать, кого онъ хочетъ, а нѣкоторые рабочіе предлагаютъ одного товарища. Въ концѣ концовъ, послѣднему и поручаютъ переговоры съ исправникомъ. Къ оратору протискивается старикъ-рабочій: „матушка, насъ-то не забудь, родимая!“ „Нѣтъ, старикъ, и о тебѣ сказано: пожизненную пенсію тебѣ требуемъ“, отвѣчаютъ ему многіе рабочіе сразу. Только что успѣли справиться со своими дѣлами, какъ прибылъ исправникъ въ сопровожденіи околодочнаго надзирателя. „Шапки долой!“ командуетъ околодочный. Потянулись было нѣкоторыя руки къ шапкамъ, да остановили ихъ товарищи и крикнули: „сними самъ сначала, а потомъ посмотримъ и мы“. „Выходите, кто хочетъ говорить со мной“, сказалъ исправникъ. „Съ вами говорить открыто нельзя, будутъ говорить изъ толпы“, отвѣчаютъ ему. Рабочіе плотно сомкнулись вокругъ своего довѣреннаго, подняли руки кверху, чтобы исправникъ не могъ замѣтить, кто съ нимъ говоритъ. Рабочій читаетъ требованія, всего 28 пунктовъ, а исправникъ записываетъ ихъ въ книжку. Первое требованіе — восьмичасовой рабочій день, второе — увеличеніе заработной платы, третье — уничтоженіе ночныхъ работъ, четвертое — уничтоженіе сверхурочныхъ работъ. „Такъ, такъ, я это вполнѣ понимаю и одобряю“, говоритъ исправникъ. Пятое требованіе — запрещеніе принимать на работу дѣтей до 16-тилѣтняго возраста. „Неужели, господа, вы всѣ хотите этого, не вѣрю, вѣдь вы сами создаете себѣ нищету“. „Имъ нужно учиться грамотѣ... Имъ нужно окрѣпнуть физически... Вѣдь наши ребята въ 12 лѣтъ стариками выглядятъ“... раздаются со всѣхъ сторонъ горячіе возгласы. Шестое требованіе — выборная (рабочими) фабричная инспекція. „Ну, этого я даже записывать не буду. Въ нашемъ государствѣ не выбираютъ, у насъ начальство кого назначитъ, тому и быть инспекторомъ... Видите, чего придумали!“ Оглушительное „требуемъ!“ раздалось въ отвѣтъ. Седьмое требованіе — разрѣшеніе кассы взаимопомощи рабочихъ, но безъ малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла кассы хозяевъ и правительства. Восьмое требованіе — свобода собраній рабочихъ для обсужденія своихъ нуждъ, и исправникъ вполнѣ одобряетъ... Далѣе идутъ требованія больницы, безплатнаго леченія на дому, библіотеки, училища, бани, улучшенія мастерскихъ (въ санитарномъ отношеніи), пожизненной пенсіи старикамъ, выдачи заработной платы во время болѣзни и пр. Исправникъ нѣкоторыя требованія одобряетъ, другія молча записываетъ. „Требуемъ освобожденія товарищей, арестованныхъ за стачку“. „Этого нельзя требовать, а можно просить, я передамъ вашу просьбу губернатору“. „Мы всѣ стачечники, такъ берите же насъ всѣхъ. Мы силой ихъ освободимъ. Требуемъ, требуемъ“. Рабочіе приходятъ въ сильное волненіе. „Чтобы не смѣли ихъ бить, не смѣли надъ ними издѣваться! Что дѣлаете, злодѣи вы, надъ нашими товарищами? Если будете продолжать истязанія, то мы разобьемъ участки!“ слышатся крики. Исправникъ ежится и молчитъ. Слѣдующій пунктъ требуетъ вѣжливаго обращенія полиціи съ рабочимъ населеніемъ на улицахъ города и поселковъ. „Вотъ до чего вы дошли, понимаю!“ изумляется исправникъ. Крики усиливаются, рабочіе напоминаютъ исправнику и околодочному зуботычины, пощечины, полученныя отъ нихъ... 28 пунктъ — „мы требуемъ, чтобы на казенные и частные заводы принимали рабочихъ безъ различія національностей“. „Ну, господа, это чортъ знаетъ, что такое! Вы хотите жидовъ допустить до работы; вѣдь, если вы дадите имъ наступить лишь на кончикъ ноги, такъ они взберутся вамъ на шею. Это ужъ, конечно, злонамѣренные люди васъ подучили“, защищаетъ интересы русскихъ рабочихъ исправникъ. „И евреи такіе же рабочіе, какъ и мы, и еврей-рабочій — нашъ братъ“, отвѣчаютъ ему изъ толпы. „Ну, господа, я выслушалъ васъ, записалъ ваши требованія, представлю ихъ на разсмотрѣніе заводскаго начальства, а также губернатора. Теперь идите по домамъ, а завтра выходите на работу“. „Подпишите наши требованія, вывѣсьте ихъ въ мастерской; тогда пойдемъ на работу“, слышится въ отвѣтъ. Давно уже исправнику не нравится бесѣда, но онъ все надѣялся провести рабочихъ. Послѣднія слова приводятъ его въ бѣшенство. „Господа, вы кричите, вы не исполняете вашихъ обѣщаній; я прекращаю съ вами разговоръ; а если вы сейчасъ не разойдетесь по домамъ, я пришлю сюда казаковъ и они васъ нагайками разгонятъ“. Онъ быстро уѣзжаетъ отъ толпы. Насмѣшки, остроты сыплются ему въ догонку. Ораторъ объясняетъ рабочимъ только что происшедшую сцену съ исправникомъ, призываетъ держаться за стачку, заканчивая собраніе возгласами: „да здравствуетъ всеобщая забастовка! Да здравствуетъ рабочій классъ!“ Рабочіе, бодрые, расходятся по домамъ съ тѣмъ, чтобы завтра вновь собраться. Ораторъ узналъ отъ нѣкоторыхъ, что рабочіе на Нижнеднѣпровскѣ рѣшили идти завтра на работу. Онъ поспѣшилъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами въ Нижнеднѣпровскъ. Собралось до 500 рабочихъ, и ораторъ произнесъ передъ ними рѣчь. Обрисовавъ условія жизни рабочихъ, онъ затѣмъ указалъ на слухъ, будто рабочіе хотятъ идти на работу и призывалъ именемъ убитыхъ и раненыхъ товарищей продолжать борьбу. Въ концѣ рѣчи ораторъ призывалъ собраніе дать товарищескую клятву не идти на работу, а каждаго, вставшаго раньше другихъ на работу, заклеймить именемъ предателя. Толпа горячо поддержала предложеніе. Не трудно было бы продолжать политическую и соціалистическую агитацію, но ораторъ былъ совсѣмъ безъ силъ, а потому ушелъ съ собранія, пригласивъ рабочихъ придти завтра на собраніе на Амурѣ.

Стачечная коммиссія, которой было извѣстно угнетенное состояніе рабочихъ, рѣшила употребить всяческія усилія, чтобы не допустить ихъ начать работу. Раннимъ утромъ въ понедѣльникъ пошли ораторы на Чечелевку и Кайдаки. На Чечелевкѣ собрать рабочихъ не удалось. На Кайдаки ораторы совсѣмъ не смогли пробраться. Войско стояло внутри поселковъ, на пути къ заводамъ и вокругъ заводовъ. По всему Брянскому району на работу явилось подавляющее большинство рабочихъ, даже тѣ, которые должны были работать въ ночныхъ смѣнахъ, пришли на заводы. Встали они на работу, не предъявивъ никакихъ требованій. Начали работу всѣ заводы: желѣзнодорожныя мастерскія, заводъ Эзау, Брянскій заводъ, Трубопрокатный и Гвоздильный. На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ почти никто не явился на работу. Рабочіе собрались на Амурѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. Ораторъ сформулировалъ многія требованія рабочихъ по отдѣльнымъ цехамъ заводовъ. Пріѣхалъ исправникъ, чтобы выслушать требованія, но налетѣли казаки, и въ присутствіи исправника начали неистово бить рабочихъ нагайками.

Въ городѣ нѣкоторыя мастерскія уже начали работу, нѣкоторыя безъ уступокъ со стороны хозяевъ, другія получили кое-что.

Собрать толпу было невозможно: ее каждый разъ разгоняли нагайками. Въ понедѣльникъ вечеромъ было вывѣшено объявленіе отъ вице-губернатора, въ которомъ указывалось, что большинство рабочихъ Брянскаго района встало на работу и тамъ работа идетъ нормально; на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ работы не могли начаться въ виду слишкомъ малаго количества пришедшихъ на работу; вице-губернаторъ назначилъ среду крайнимъ срокомъ для начала работъ; не вставшихъ на работу къ этому дню онъ вышлетъ на родину.

Въ среду Брянскій районъ работалъ при полномъ составѣ, Амуръ и Нижнеднѣпровскъ лишь на нѣкоторыхъ заводахъ и при маломъ количествѣ рабочихъ; въ городѣ значительное количество мастерскихъ не работало.

Стачечной коммиссіей за эти дни были выпущены два бюллетеня о событіяхъ во время стачки, по 1.000 экз. каждаго (печатные). Комитетомъ, признавшимъ „Искру“, выпущены слѣдующія печатныя прокламаціи: 1. „Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава“, 1.800 экз.; въ ней выясняется значеніе стачки на югѣ Россіи, призываются рабочіе къ забастовкѣ и выставлены главныя требованія соціальдемократической партіи. 2. „Какъ держать себя во время стачки“. 3. Стихотвореніе съ призывомъ къ борьбѣ, 1.500 экз. 4. „Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава“

по поводу прекращенія забастовки. 1.000 экз. 5. Стихотвореніе по поводу выстрѣловъ въ толпу и убійствъ. 6. Гектографированныя прокламаціи, агитаціоннаго характера, формулирующія частныя экономическія требованія для отдѣльныхъ заводовъ и для каждаго цеха въ крупномъ заводѣ. Такія прокламаціи были выпущены къ заводамъ: Брянскому, Эзау, вагоностроительному и къ жел.-дор. мастерскимъ.

Другой социальдемократической организаціей были выпущены печатныя прокламаціи: 1. „Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава“, 2. „По поводу убійствъ“, 3. „Къ солдатамъ“ и 4. гектографированная „Къ Брянскому заводу“.

Одесса. Къ оцѣнкѣ результатовъ стачки надо сказать, что въ общемъ настроеніе въ массѣ хорошее; громадный спросъ на литературу, а ея нѣтъ. Листки по поводу разговора съ Лопухинымъ просто рвали изъ рукъ, — выпущены 5.000, далеко не хватило. Въ организацію прибываетъ масса новыхъ рабочихъ; многіе изъ независимыхъ переходятъ къ соц.-демокр., раскаиваясь въ томъ, что они раньше не понимали, „гдѣ правда“. Среди строительныхъ рабочихъ очень бодрое настроеніе, о политикѣ на собраніяхъ слушаютъ очень охотно. Ощутительные результаты стачки у нихъ: работаютъ до шести часовъ, а прежде работали до зари. Здѣсь основалось новое общество въ главѣ съ земскимъ начальникомъ Волганецкимъ. Составъ его — весь съѣздъ земскихъ начальниковъ Одесскаго уѣзда и имъ сочувствующіе. Цѣль общества — пропаганда взглядовъ Крушевана и распространеніе „Знамени“. Всѣ члены общества обязуются выписывать эту, съ позволенія сказать, газету, а также распространять ее, главнымъ образомъ, при помощи волостныхъ правленій. Для начала общество отправило сочувственный адресъ Крушевану. Крушеванъ отвѣтилъ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ сѣтуетъ на свое одиночество и на тотъ страхъ передъ „либералами“, которому подвержены даже чиновники и который не позволяетъ имъ высказывать свои взгляды. „Но скоро истина восторжествуетъ“, заканчиваетъ свое посланіе Крушеванъ.

Шуя (письмо рабочаго). Въ ночь съ перваго на второе мая с. г. у насъ въ гор. Шуѣ сгорѣли литейныя мастерскія завода Муравьева, при чемъ во время пожара сгорѣлъ и расцѣнокъ, по которому работали литейщики. При тушеніи пожара были и мастера другихъ заводовъ. Нѣкоторые изъ нихъ получили страшные ушибы и покалѣченіе своихъ членовъ. Нѣкоторые лежали даже въ больницѣ. По выходѣ изъ больницы ушибленные рабочіе стали просить вспомоществованія изъ штрафного капитала. Но литейный мастеръ Ефимъ Павловъ сказалъ, что штрафныхъ денегъ нѣтъ. Рабочіе говорятъ: „мы получили ушибы у васъ на пожарѣ, стараясь спасти хозяйское добро“, но мастеръ отвѣчаетъ: „мы васъ не заставляли тушить“. Наоборотъ даже, полиція содѣйствовала заводской администраціи, чтобы рабочіе шли на пожаръ. Между прочимъ, когда брату литейнаго мастера Иванову кто-то прорѣзалъ ножемъ бокъ въ домѣ терпимости, его положили въ больницу и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выдавали по 15 руб. каждый мѣсяцъ изъ штрафныхъ денегъ. Штрафовали за каждую малость, а говорятъ, что денегъ нѣтъ. Послѣ пожара заводъ ремонтировался двѣ недѣли, и мастерамъ, конечно, ничего не платили, а когда принялись за работу, то вывѣсили расцѣнокъ, ни на что непохожій, на соль съ трудомъ заработаешь. Рабочіе принуждены были бросить работу (литейный цехъ). Дали другъ другу руки и слово не работать по новому расцѣнку. Такимъ образомъ, еще двѣ недѣли не работали, но оказались прохвосты: одинъ взрослый рабочій Волковъ и мальчики стали работать. Болѣе порядочные литейщики не работаютъ и до сего времени. Кто много говорилъ, того не берутъ, а другіе сами не идутъ. Теперь же литейщиковъ набрали частью изъ Иваново-Вознесенска, частью кого откуда. Работаютъ по пониженному расцѣнку. Требованіе литейщиковъ было: долой мастера за грубое обращеніе и безмилосердные штрафы. Ивановъ очень зазнался, говоритъ: „я здѣсь царь и богъ, что хочу, то и дѣлаю, а не хочешь повиноваться, уходи за ворота“. А куда итти, когда за воротами резервная армія рабочихъ?

Тотъ же рабочій пишетъ: Въ первыхъ числахъ мѣсяца іюля у насъ въ городѣ были расклеены прокламаціи (не мѣстнаго характера, а случайныя). Содержаніе: къ товарищамъ и три рѣчи сормовскихъ рабочихъ-демонстрантовъ на судѣ. Рабочіе, повидимому, остались очень довольны прокламаціями. Группируются и говорятъ: „спасибо тѣмъ людямъ, которые стараются разъяснить намъ наше положеніе“. На фабрикѣ Терентьева, гдѣ страшно прижимаютъ рабочихъ, поговариваютъ о выходѣ изъ фабрики, но только оказывается, что нѣтъ такихъ рѣшительныхъ рабочихъ, чтобы первые начали. Однимъ словомъ, въ Шуѣ недовольство рабочихъ растетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Безработныхъ много. Почва для пропаганды и агитаціи самая благопріятная, но силъ и средствъ у насъ нѣтъ. Шуйская интеллигенція спитъ въ духовномъ смыслѣ слова, проводитъ время для себя лично, хотя у насъ въ городъ пріѣхало на каникулы много учащейся молодежи (студ. и друг.), но они проводятъ время въ разговорахъ съ кисейными барышнями или занимаются въ видѣ отдыха псовой охотой съ возліяніемъ спиртныхъ напитковъ. Отъ кого же ждать намъ помощи? Шуйская социальдемократическая группа бѣдна, средствъ нѣтъ, спросъ большой на литературу легальную и нелегальную. Поэтому просимъ всѣхъ сочувствующихъ рабочему дѣлу помочь для г. Шуи, кто чѣмъ можетъ.

Томна (четыре вер. отъ Кинешмы). И сюда дошли отголоски грандіозной стачки-демонстраціи костромскихъ рабочихъ. Подъ вліяніемъ послѣдней въ началѣ іюля здѣсь вспыхнула стачка на фабрикѣ Разоренова и Кормилицина (4.000 рабочихъ). Стачка носила стихійный, бурный характеръ. Вызваны были войска. Оцѣпляли фабрику.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ СОЦ.-ДЕМОКРАТОВЪ*)

Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ждали Дрезденскаго партейтага, ждали, какъ поведутъ себя наши нѣмецкіе товарищи послѣ ихъ блестящей, прямо поразительной побѣды 16 іюня. Казалось, теперь нѣмецкая социальдемократическая партія должна заговорить совершенно инымъ языкомъ. Вѣдь теперь она уже не партія, едва пробивающая себѣ дорогу, право на ея существованіе никѣмъ уже больше не оспаривается. Она — сила, и это, прежде всего, признаютъ ея ближайшіе противники: нѣмецкое правительство и нѣмецкая буржуазія. 16 и 25 іюня нѣмецкая социальдемократія какъ нельзя лучше доказала, что надежды консерваторовъ превратить рабочую партію изъ субъекта законодательства въ объектъ его есть ничто иное, какъ утопія, нелѣпѣйшая химера. Трехмилліонную партію нельзя безнаказанно лишить тѣхъ правъ, которыми она пользовалась до сихъ поръ. Три милліона взрослыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 25 лѣтъ не отдадутъ добровольно того, что они считаютъ своей неотъемлемой собственностью, своимъ правомъ.

Для насъ казалось не подлежащимъ сомнѣнію, что первый вопросъ, которымъ займется партейтагъ, долженъ быть вопросъ о будущей тактикѣ социальдемократіи, объ ея отношеніи къ нелѣпымъ стремленіямъ консерваторовъ посягнуть на всеобщее избирательное право, стремленіямъ, которыя проявляются все чаще и чаще. Каково же было наше удивленіе, когда председатель партейтага Зингеръ, съ согласія Совѣта партіи, вдругъ предложилъ собранію сейчасъ же послѣ прочтенія отчетовъ Совѣта и контролеровъ заняться вопросомъ объ участіи социальдемократическихъ писателей въ органахъ буржуазной печати... Наше удивленіе и даже нѣкотораго рода разочарованіе раздѣляли, повидимому, и многіе изъ нѣмецкихъ товарищей. „Неужели это самый насущный, самый существенный вопросъ?“ — вотъ что можно было слышать со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые изъ ораторовъ также съ недоумѣніемъ спрашивали: „Неужели у насъ нѣтъ болѣе важныхъ дѣлъ, чѣмъ разборъ дрязгъ, возникшихъ среди берлинскихъ литераторовъ?“ Клара Цеткина назвала даже весь этотъ вопросъ, возбудившій столько преній и толковъ, бурей въ стаканѣ воды; а другой ораторъ поправилъ ее, сказавъ, что это буря не въ стаканѣ воды, а въ берлинской лужѣ. И тѣмъ не менѣе, партейтагъ предпочелъ разобраться въ этой лужѣ, покончить съ этимъ вопросомъ.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ шли дебаты, какъ передъ нами одинъ за другимъ выступала цѣлая шеренга самыхъ отборныхъ, самыхъ выдающихся ораторовъ, для насъ становилась все понятнѣе громадная важность разбираемаго вопроса и полнѣйшая умѣстность постановки его на первое мѣсто. Бебель въ своей прекрасной рѣчи замѣтилъ: „Вполнѣ естественно, что у такой громадной, можно сказать, могучей партіи, какой безспорно считается нѣмецкая социальдемократія, то тутъ, то тамъ замѣчаются болѣзненныя явленія, то тутъ, то тамъ является процесъ нагноенія, выступаютъ нарывы.“ Онъ говорилъ далѣе, что какъ это ни непріятно, какъ подчасъ даже ни противно, но партія не должна, не имѣетъ права отказаться отъ операціи. Въ нѣмецкой социальдемократической партіи за послѣднее время стали, къ сожалѣнію, нерѣдко наблюдаться болѣзненные процессы и проявляются они тѣмъ чаще, чѣмъ могущественнѣе и сильнѣе становится партія. Но это, вмѣстѣ съ ликованіемъ враговъ, не должно смущать товарищей, оно должно лишь указать на необходимость самой основательной, самой радикальной операціи. Мы отъ души аплодировали словамъ Цубейля: „Это не берлинскій вопросъ, тутъ дѣло не въ Бернгартѣ и Браунѣ, тутъ дѣло въ симптомѣ, въ теченіи, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ стремится къ тому, чтобы заставить нашу партію сойти съ традиціонной почвы, на которой она добилась такихъ колоссальныхъ успѣховъ, и превратить ее въ буржуазную партію реформъ.“

За вопросомъ объ участіи социальдемократическихъ писателей въ буржуазной прессѣ скрывался вопросъ объ отношеніи всей партіи къ такъ называемому ревизіонистскому теченію господъ Бернштейна, Гейне, Фольмара, Гере, Брауновъ и нѣкоторыхъ другихъ. Партія не смогла рѣшить вопроса о тактикѣ, не выяснивъ предварительно самымъ рѣшительнымъ, категорическимъ образомъ вопроса о томъ, могутъ ли господа ревизіонисты влiять на эту тактику или нѣтъ. Необходимо было подвергнуть изслѣдованію процессъ гніенія, чтобы опредѣлить, насколько глубоко захватилъ онъ организмъ партіи, и затѣмъ, если окажется нужнымъ, произвести операцію. И вотъ, партейтагъ приступилъ къ операціи и, къ вящему ликованію всей буржуазной прессы, корреспонденты которой въ количествѣ 60 человѣкъ толпились тутъ же, онъ началъ вскрывать одинъ гнойникъ за другимъ. Онъ не побоялся открыто предъ всѣмъ міромъ, жадно слѣдившимъ за отчетами, обнаружить всѣ свои язвы. „Наша партія“, говоритъ Бебель по этому поводу, „рѣзко отличается отъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Когда намъ приходится стирать наше грязное бѣлье, мы не боимся производить эту стирку открыто передъ всѣмъ міромъ... Въ этомъ именно величіе нашей партіи. Намъ не принесетъ вреда эта стирка, послѣ нея наша партія окажется еще величественнѣе, еще могущественнѣе“...

Мы, конечно, не станемъ передавать здѣсь всѣхъ подробностей этой стирки, которая еще не окончилась въ то время, когда пишутся эти строки. Да намъ и не важны эти подробности, намъ важно лишь установить одинъ очень и очень характерный фактъ. Много шумѣли ревизіонисты, много испачкали они бумаги и извели типографской краски; но дрезденскій партейтагъ покажетъ, что имъ никогда не стать вожаками массы. Социальдемократическая масса осталась вѣрна старымъ традиціямъ, она не хочетъ знать новоявленныхъ пророковъ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что вопросъ о ревизіонистскихъ стремленіяхъ, возникшихъ въ рядахъ нѣмецкой социальдемократіи, былъ поднятъ, какъ это выяснилось изъ преній, *не сверху*, не вожаками партіи, а *снизу*, ея массой. Вотъ передъ нами 115 предложеній, внесенныхъ въ партейтагъ. Предложенія эти внесены социальдемократическими союзами и другими организаціями социальдемократической партіи самыхъ различныхъ мѣстъ Германіи; каждое изъ нихъ вырабатывалось и обсуждалось на публичныхъ собраніяхъ, поэтому мы дожны смотрѣть на нихъ, какъ на плодъ работы всей организованной массы нѣмецкой социальдемократіи. Если мы просмотримъ всѣ эти предложенія, то должны будемъ признать, что среди нихъ совершенно отсутствуютъ предложенія, клонящіяся къ пересмотру партійной тактики въ духѣ Бернштейна и Фольмара и къ измѣнѣ традиціямъ партіи. Большинство изъ нихъ, наоборотъ, дышетъ радикализмомъ, обогнавшимъ даже радикализмъ признанныхъ вожаковъ. Вотъ нѣсколько предложеній, которыя категорически требуютъ сохранія прежней тактики, рѣзко высказываясь противъ какого бы то ни было компромисса. Партійные товарищи XII саксонскаго избирательнаго округа (Лейпцигъ городъ) предлагаютъ, напримѣръ, принять слѣдующую резолюцію: „Партейтагъ протестуетъ противъ допущенія какого бы то ни было участія въ чествованіи монарховъ и рѣшительно порицаетъ обнаруживавшіяся въ послѣдніе годы ревизіонистскія стремленія отдѣльныхъ членовъ и извѣстныхъ направленій въ тактическихъ и партійно-принципіальныхъ вопросахъ. Партейтагъ вполнѣ опредѣленно высказывается противъ тенденціи затушевать классовой характеръ нашей партіи въ разсчетѣ на полученіе той или иной кажущейся выгоды.“ Даже мюнхенскій округъ, тотъ самый округъ, представителемъ котораго является Фольмаръ, единогласно высказывается за резолюцію о „сохраненіи въ неприкосновенности принциповъ партіи и теперешней ея тактики.“

Мы привели эти примѣры для того, чтобы показать русскимъ читателямъ, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Напрасно буржуазная печать старается доказать, что нѣмецкой социальдемократической партіи грозитъ неминуемый расколъ, если только она не подчинится требованіямъ ревизіонистовъ и не спрячетъ въ карманъ своего революціонно-социалистическаго знамени. Дрезденскій партейтагъ, какъ и предшествовавшія ему мѣстныя совѣщанія, т. е. совѣщанія организованной социальдемократической массы, — покажетъ всему міру, что никакого раскола въ партіи быть не можетъ, что революціонное знамя социальдемократіи стоитъ такъ же незыблемо, какъ стояло до появленія на сцену разныхъ Гейне, Гере и К°. Всѣ эти господа, еще вчерашніе противники социальдемократіи, вовлечены въ ея ряды могучимъ ростомъ ея движенія; всѣ эти такъ называемые „академики“ пришли туда не потому, что стали дѣйствительными социальдемократами, увѣровали въ принципы социальдемократіи; они пришли, чтобы воспользоваться ею, чтобы при ея помощи пройти въ люди, очутиться на депутатскомъ креслѣ. Это усиленно подчеркивалось многими ораторами, которые настоятельно требовали, чтобы партія вела себя осмотрительнѣе при пріемѣ въ свои ряды такихъ господъ. Они требовали также, чтобы при назначеніи на отвѣтственные посты въ партіи предпочтеніе отдавалось бы не молодымъ академикамъ — только потому, что они носятъ это названіе, — опытнымъ лицамъ изъ рабочей среды. Что же касается первыхъ, т. е. академиковъ, то при принятіи ихъ въ партію рекомендовалось подвергать ихъ нѣкотораго рода искусу, т. е. заставлять ихъ первое время работать наряду съ простыми рядовыми и лишь послѣ того, какъ новичекъ покажетъ, что интересы партіи для него выше всего, только тогда поручать ему отвѣтственный постъ руководителя.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть товарищамъ еще одну важную особенност, рѣзко обрисовавшуюся на дрезденскомъ партейтагѣ. Я говорю о партійной дисциплинѣ, о той дисциплинѣ, которая создала величіе нѣмецкой социальдемократической партіи. Вотъ сейчасъ представители этой партіи воюютъ между собой, какъ самы злѣйшіе враги; они преподносятъ другъ другу такіе комплименты, услыхавъ которые „Рев. Рос.“, отличающаяся, какъ извѣстно бонтонностью, навѣрное, упала бы въ обморокъ, а завтра... завтра меньшинство безпрекословно подчинится рѣшенію большинства и въ дѣйствительной работѣ ни одинъ не посмѣетъ дѣйствовать самовольно, вопреки постановленію этого большинства.

Даже такой человѣкъ, какъ Гейне — этотъ самый буржуазный изъ всего праваго крыла социальдемократіи и при томъ самый ловкій и талантливый изъ ревизіонистовъ, — говоритъ: „Мы принимаемъ тактику партіи, мы подчиняемся этой тактикѣ. Мы пойдемъ не своей дорогой, а дорогой, избранной партіей; насъ свяжетъ то, что постановитъ партія“.

Да, есть чему поучиться намъ у нѣмецкихъ товарищей!

Дрезденъ, 16 сентября 1903 г.

Приводимъ главную резолюцію съѣзда, которая направлена противъ социалистическаго оппортунизма; она принята 288 голосами противъ 11 (Бернштейнъ и нѣкоторые другіе оппортунисты вотировали противъ; нашлись однако и оппортунисты, вотировавшіе за):

„Партійный съѣздъ приглашаетъ фракцію (т. е. социальдемократическихъ депутатовъ въ рейхстагѣ) заявить притязаніе на замѣщеніе поста перваго вице-президента и перваго секретаря въ рейхстагѣ кандидатами изъ среды фракціи, но въ то же время отклонить придворныя обязательства и не подчиняться никакимъ условіямъ, которыя не предписаны имперской конституціей.

Партійный съѣздъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ревизіонистскія стремленія измѣнить нашу прежнюю испытанную, увѣнчавшуюся побѣдами, основанную на классовой борьбѣ тактику въ томъ смыслѣ, чтобы на мѣсто завоеванія политической власти путемъ ниспроверженія нашихъ противниковъ была поставлена политика приспособленія къ существующему порядку вещей.

Послѣдствіемъ такой ревизіонистской тактики было бы то, что вмѣсто партіи, которая работаетъ надъ возможно болѣе быстрымъ превращеніемъ существующаго буржуазнаго общественнаго порядка въ социалистическій, и которая, слѣдовательно, является, въ лучшемъ смыслѣ слова, революціонной партіей, мы имѣли бы партію, которая удовлетворяется реформированіемъ буржуазнаго общества.

Партійный съѣздъ, въ противоположность существующимъ въ партіи ревизіонистскимъ воззрѣніямъ, держится того убѣжденія, что классовыя противорѣчія не сглаживаются, а все обостряются, и поэтому заявляетъ: 1) что партія снимаетъ съ себя отвѣтственность за тѣ политическіе и экономическіе порядки, которые основаны на капиталистическомъ способѣ производства, и что она не соглашается поэтому ни на какія ассигновки средствъ, способныя поддержать правящіе классы у кормила правленія; 2) что социальдемократія, согласно резолюціи Каутскаго, принятой международнымъ социалистическимъ конгрессомъ 1900 г., не можетъ добиваться участія въ правительственной власти въ предѣлахъ буржуазнаго общества.

Партійный съѣздъ осуждаетъ, далѣе, всякое стремленіе затушевывать существующія и все ростущія классовыя противорѣчія съ тѣмъ, чтобы облегчить сближеніе съ буржуазными партіями.

Партійный съѣздъ ожидаетъ, что фракція по прежнему будетъ употреблять свою возросшую власть, которой она достигла благодаря увеличенію числа ея членовъ и благодаря громадному росту стоящихъ за ней массъ избирателей, для распространенія ясныхъ понятій о цѣли соц.дем.; что она использует эту власть, сообразно принципамъ нашей программы, для того, чтобы отстаивать самымъ энергичнымъ и настоятельнымъ образомъ интересы рабочаго класса, расширеніе и упроченіе политической свободы и равноправія, —чтобы вести еще энергичнѣе, чѣмъ возможно было вести до сихъ поръ, борьбу противъ милитаризма и маринизма, противъ колоніальной политики и политики міровой державы, противъ несправедливости, угнетенія и эксплуатаціи во всѣхъ ихъ видахъ, чтобы энергично добиваться развитія социальнаго законодательства и осуществленія политическихъ и культурныхъ задачъ рабочаго класса.“

---

*) Мы надѣемся дать особую статью съ разборомъ чрезвычайно интересныхъ и поучительныхъ преній на Дрезденскомъ партейтагѣ; пока же печатаемъ краткое сообщеніе товарища, бывшаго на съѣздѣ.

РУССКІЙ ЦАРЬ И ИТАЛЬЯНСКІЕ СОЦІАЛИСТЫ.

Когда стало извѣстнымъ, что итальянское правительство ожидаетъ осенью отвѣтнаго визита русскаго царя, итальянскіе социалисты рѣшили протестовать противъ этого посѣщенія, находя, что присутствіе Николая II на итальянской почвѣ равносильно оскорбленію принциповъ свободы и гражданственности, равносильно чествованію „кнута и нагайки, тюремщиковъ сибирскихъ остроговъ, клятвопреступниковъ и живодеровъ финляндской свободы“ (Tempo № 233). 5 мая, во время засѣданія палаты, соц. депутатъ Моргари сдѣлалъ запросъ правительству относительно пріѣзда царя; получивъ утвердительный отвѣтъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, Моргари заявилъ, среди свиста и рева правой и центра: „Передайте въ Петербургъ, что, если царь рѣшится пріѣхать въ Италію, мы его освищемъ!“

Пароль былъ брошенъ. Итальянскіе социалисты взялись за работу. „Римскій социалистическій союзъ“, на долю котораго выпадетъ главная работа по устройству подобающей встрѣчи царю, выработалъ слѣдующую программу „торжествъ“: 1) Въ день пріѣзда царя въ Италію всѣ рабочіе и крестьяне воздерживаются отъ труда, вступая такимъ образомъ во всеобщую стачку. 2) Въ день пріѣзда и въ часъ, который будетъ указанъ, всѣ рабочіе и крестьяне собираются на площади города или деревни и подаютъ въ коммунальное управленіе коллективный протестъ, для передачи его правительству. 3) Вдоль всей желѣзной дороги, по линіи слѣдованія царя, товарищи призываютъ народъ къ свисту. Устройство всеобщей забастовки и свиста въ Римѣ принялъ „Союзъ“ на себя (Tempo, № 243).

Въ то время, какъ мѣстныя организаціи пропагандировали антицаристскую демонстрацію въ Италіи, социалист. депутатъ и главный редакторъ партійнаго органа „Avanti“ — Энрико Ферри — обратился съ запросомъ къ международному социалист. бюро въ Брюсселѣ, прося его высказаться по поводу начатой Моргари кампаніи. Бюро большинствомъ голосовъ (противъ Германіи, Голландіи Даніи) приняло сочувственную италіанцамъ резолюцію. По поводу этой резолюціи „Рев. Рос.“ считаетъ нужнымъ бросить камешекъ въ нашъ огородъ. „Насъ удивляетъ“ — пишетъ она — „что въ отчетѣ не указано, высказывался-ли и въ какомъ именно духѣ единственный представитель русскихъ социалистовъ на конференціи“. Чтобы успокоить „Рев. Рос.“, приведемъ мнѣніе товарища Плеханова — оффиціальнаго представителя въ бюро, — высказанное имъ въ интервью съ корреспондентомъ миланской соц. газеты „Tempo“: „Я не говорю, что итальянскіе товарищи должны непремѣнно свистать: они сами найдутъ наиболѣе подходящее средство протеста..., но я думаю, что, прежде чѣмъ царь покинетъ Римъ, итальянскій пролетаріатъ, путемъ внушительнаго протеста, долженъ выразить порицаніе тому гнусному порядку, представителемъ котораго является Николай II“. (Tempo № 248).

Однако то сочувствіе, которое антицаристская пропаганда встрѣтила въ международномъ социалистическомъ бюро, въ средѣ итальянскаго пролетаріата, и даже въ средѣ демократической публики и молодежи, не остановило оппортюнистовъ съ Турати во главѣ. Протестуя противъ такого недипломатичнаго шага, какъ враждебная демонстрація, они выдвигаютъ обычный козырь всѣхъ оппортюнистовъ — соображенія международной политики. Въ органѣ Турати — Critica sociale — помѣщена неподписанная — повидимому, редакціонная — статья: „Посѣщеніе государей и сближеніе народовъ“. Стараясь доказать, что взаимные визиты государей и президентовъ республикъ служатъ прогрессивному сближенію народовъ, авторъ статьи заключаетъ: „Россія, которую, въ лицѣ ея оффиціальнаго представителя, принимаютъ во Франціи и Италіи, какъ дружественное государство, при звукахъ Марсельезы и гимна гарибальдійцевъ, эта Россія скорѣе станетъ конституціонной страной, откуда быстро исчезнетъ политическое угнетеніе, чѣмъ та Россія, которую, ради сантиментальныхъ соображеній, держатъ вдали отъ демократическаго Запада и гонятъ въ азіатское варварство“. (Cr. soc. № 15). Это классическое разсужденіе авторъ старается подкрѣпить ссылкой на статью Жореса и мнѣніемъ нѣмецкихъ членовъ международнаго бюро, голосовавшихъ противъ резолюціи въ пользу Моргари; но главнымъ оппонентомъ на конференціи бюро былъ нѣмецкій депутатъ Р. Фишеръ, который по своимъ взглядамъ принадлежитъ къ *правому* крылу нѣмецкой соціальдемократіи. Неудивительно, что и въ этомъ вопросѣ онъ былъ очень „благоразуменъ“*).

Пока оппортюнисты пытаются путемъ своихъ будто-бы глубокихъ политическихъ соображеній переубѣдить революціонеровъ, правительство и реакціонная часть общества готовятся къ военнымъ дѣйствіямъ. Но, видно, нельзя безнаказанно соприкасаться съ царствомъ лжи и разврата. Какъ только итальянское правительство и реакціонныя сферы захотѣли во что бы то ни стало обезпечить визитъ царя, они по необходимости вынуждены были прибѣгнуть къ мѣрамъ, практикуемымъ русскимъ правительствомъ. 6 сентября было запрещено, вопреки всѣмъ законамъ, народное собраніе для чествованія памяти демократа Дж. Бавіо; отложенное на 13 сентября, оно было запрещено вторично. Правительство боялось антицаристской демонстраціи. И 6 и 13 — это были воскресные дни — Римъ былъ прямо таки на военномъ положеніи: всюду были спрятаны войска, по улицамъ ѣздили патрули. Того же 13 сент. былъ конфискованъ въ Миланѣ № газеты „Avanguardia“ за статью о свисткахъ царю. Предполагавшееся 9 сент. собраніе служащихъ почтовотелеграфнаго вѣдомства, не имѣвшее никакихъ политическихъ цѣлей, было тоже запрещено, изъ опасенія антицаристскихъ демонстрацій. Квесторъ (полиціймейстеръ) г. Рима, не обинуясь, заявилъ, что вплоть до пріѣзда царя не будутъ разрѣшены въ Римѣ никакія публичныя манифестаціи. Мало того, имѣются свѣдѣнія, что ко времени пріѣзда царя предполагаются довольно многочисленные аресты, и свѣдѣнія эти настолько серьезны, что уже образовался комитетъ для протеста противъ такого нарушенія самыхъ основъ конституціи. Для завершенія этой идилліи à la russe газета „Capitale“ сообщаетъ, что на время пріѣзда царя „уже многіе граждане Рима думаютъ образовать временную лигу для обезпеченія порядка“, — т. е. нашу же „добровольную охрану“ изъ охотнорядцевъ!

Какъ ни какъ, но положеніе итальянскаго правительства, съ либеральнымъ министромъ Цанарделли во главѣ, — не изъ завидныхъ. Главное, что пріѣздъ царя приходится въ самое тяжелое время. Еще не улеглось негодованіе противъ Россіи, вызванное дѣломъ Гоца и кишиневскимъ погромомъ, а тутъ случился цѣлый рядъ фактовъ, сильно дискредитирующихъ само италіанское правительство. Неудачный процессъ 35 офицеровъ флота противъ „Avanti“ и его редактора Ферри (см. Рус. Вѣд. № 236), кровавая баня въ Тарре Аннунціата, гдѣ войска безъ всякаго повода стрѣляли въ безоружныхъ крестьянъ, объявившихъ вполнѣ законный бойкотъ одной сельско-хозяйственной фирмы, — все это вызвало бурю негодованія противъ правительства. Послѣднія же репрессивныя мѣры, запрещеніе собраній, угрозы арестами, конфискаціи газетъ — все это сыграетъ не малую пропагандистскую роль въ пользу задуманной манифестаціи. Удастся-ли нашимъ итальянскимъ товарищамъ провести намѣченную ими программу торжественной встрѣчи его величества царя Сибири и Кишинева, какъ теперь его называютъ въ Италіи, объ этомъ мы сообщимъ въ свое время, пока же замѣтно большое воодушевленіе, и не проходитъ дня, чтобы не поступали изъ всѣхъ концовъ Италіи въ редакцію „Avanti“ отзывы отъ рабочихъ и крестьянскихъ организацій, выражающихъ сочувствіе Ферри и протестъ противъ опозоренія свободной почвы Италіи стопами восточнаго деспота.

P. S. Настоящая статья была уже закончена, когда получились дополнительныя свѣдѣнія, настолько характерныя, что спѣшимъ ими подѣлиться. „Движеніе въ пользу организаціи свиста по линіи проѣзда Николая II“ — пишетъ въ письмѣ въ редакцію одинъ итальянскій товарищъ — „растетъ и усиливается. Отъ Вероны вплоть до Рима, во всѣхъ мѣстностяхъ, примыкающихъ къ желѣзнодорожному пути, гдѣ только имѣются соціалистическія секціи, образуются комитеты, ставящіе себѣ задачей покупку въ Римѣ свистковъ и раздачу всѣмъ желающимъ свистать. ... Соціалистъ-издатель Нервиня объявилъ о выходѣ спеціальной брошюры „Il fischio“ (свистокъ), предназначенной для раздачи... Кромѣ этой брошюры „Avanti“ издаетъ другую подъ заглавіемъ: „Антицаристская брошюра“ со слѣдующимъ содержаніемъ: 1) „Соціалисты и царь“, Энрико Ферри. 2) „Замѣтки о царизмѣ и минимальная программа русскихъ соціалистовъ“, П. Сабанова. 3) „Къ русскимъ погибшимъ на висѣлицѣ“, стихотвореніе. Ф. Турати.

Такъ готовятся соціалисты; не менѣе усердно готовится и правительство. № „Avanti“ отъ 19 сент. вышелъ съ пустымъ мѣстомъ вмѣсто передовицы. Во время празднества 20 сент. полиція воспретила Э. Ферри произнести политическую рѣчь въ Аквилѣ. Но особенно старались власти примѣнять русскіе пріемы во время празднованія 20 сент. въ Римѣ. 20 сент. — годовщина взятія Рима италіанскими войсками. Ежегодно этотъ день празднуется очень торжественно оффиціальными сферами и народомъ. На этотъ разъ суждено было въ этотъ день столкнуться Италіи полицейской и Италіи народной. Началось съ того момента, когда появились демократическія и соціалистическія организаціи со знаменами: всѣ знамена были обвиты траурными лентами. Полиція бросилась срывать ленты; произошла драка. Въ то же время было арестовано нѣсколько рабочихъ, раздававшихъ спеціальную газетку „La luce“ (свѣтъ). Когда, наконецъ, двинулась процессія обычнымъ порядкомъ къ Porta pia (мѣсто вступленія итальянскихъ войскъ въ Римъ), полиція прибѣгла къ хитрости. По ея настоянію оффиціальный кортежъ ускорилъ шагъ и значительно опередилъ кортежъ народный. Тогда между двумя частями шествія вдвинулись войска и преградили дорогу, намѣреваясь задержать народное шествіе до окончанія оффиціальныхъ рѣчей и церемоній, разсчитывая такимъ образомъ предотвратить враждебныя демонстраціи. Когда соціалисты поняли хитрость непріятеля, они отказались отъ участія въ этой комедіи и предложили толпѣ разойтись. По дорогѣ было еще нѣсколько стычекъ съ полиціей. Инцидентъ этотъ сильно озлобилъ римское населеніе, сыгравъ на руку агитаціи соціалистовъ.

Сообщаютъ, что царь явится въ Римъ въ сопровожденіи 30 конвойныхъ казаковъ, такъ что, по замѣчанію „Avanti“ римляне царя не увидятъ, а только казацкіе мундиры. Кромѣ того, по слухамъ, съѣзжаются въ Римъ тайные агенты изъ Лондона, Парижа, Берлина и цѣлая свора спеціальныхъ „детективовъ“ изъ Петербурга. Однако, всѣ эти „страсти“ мало смущаютъ Ферри и его товарищей, твердо ведущихъ свою „линію“.

---

*) Нѣмецкіе делегаты заявили на конференціи, что не могутъ рекомендовать итальянскимъ товарищамъ мѣръ, которыхъ они по мѣстнымъ условіямъ не могли бы примѣнить у себя въ Германіи. Нѣсколько откровеннѣе высказалось досужее политиканство оппортюнистовъ въ статьѣ Биссолати въ № 249 „Tempo“: благодаря ирредентистскому движенію, разсуждаетъ авторъ, тройственный союзъ рушится; Италіи по необходимости приходится искать новыхъ политическихъ союзниковъ, а ихъ она можетъ найти только во Франціи и — черезъ Францію — въ Россіи. Новый тройственный союзъ необходимо противопоставить австро-германской коалиціи. Между тѣмъ итальянскіе соціалисты, сочувствующіе ирредентизму и ненавидящіе Австрію, идутъ противъ своего естественнаго союзника, — Россіи — оскорбляя ея главу. „Такимъ путемъ“ — заключаетъ онъ — „большое число безсознательныхъ сторонниковъ итальяно-русск. политики можетъ очутиться среди освистывающихъ царя“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Русско-еврейскіе рабочіе въ Лондонѣ. 12 сентября (н. ст.) русскимъ соц.-демократическимъ кружкомъ былъ устроенъ въ небольшой залѣ митингъ по поводу послѣднихъ стачекъ на югѣ Россіи. Присутствовало до 350 человѣкъ. Говорились рѣчи по-русски и по-еврейски. Въ концѣ митинга была предложена собранію такая резолюція: „Это собраніе рабочихъ восторженно привѣтствуетъ всеобщія стачки на югѣ Россіи, какъ свидѣтельство быстраго роста классового самосознанія рабочихъ. Собраніе выражаетъ свою увѣренность въ томъ, что только революціонная соціальдемократія въ состояніи повести рабочій классъ Россіи къ рѣшительной побѣдѣ надъ самодержавіемъ и обезпечить за рабочимъ классомъ возможность воспользоваться плодами этой побѣды“. Эта резолюція была принята единогласно. Собраніе закончилось выраженіемъ сердечнаго сочувствія жертвамъ, пострадавшимъ и павшимъ въ бою, а затѣмъ криками — „долой самодержавіе!“ и „да здравствуетъ политическая свобода!“

Письмо въ редакцію. Я былъ очень радъ, что „Искра“ ни словомъ ни обмолвилась по поводу заявленія одного изъ членовъ „Саратовскаго Рем. Соц.-Дем. Союза“, помѣщеннаго въ № 29 „Рев. Рос.“. Было бы странно, если бы она поступила иначе. Человѣку пришла благая фантазія высѣчь себя, и „Рев. Рос.“ благосклонно предоставила ему свои страницы для того, чтобы онъ могъ произвести эту операцію публично. Для всякаго читателя „Рев. Рос.“ было вполнѣ ясно и очевидно, что этотъ почтенный органъ оказалъ свое гостепріимство не спроста. „Рев. Рос.“, которая, какъ извѣстно, всегда „ведетъ полемику по существу“ и „никогда не доходитъ до такихъ полемическихъ пріемовъ, какъ наши противники“, очень обрадовались несчастной „унтеръ-офицерской вдовѣ“, явившейся со своимъ заявленіемъ. Но „Рев. Рос.“ сама спохватилась, сообщивъ, что читающая публика можетъ усомниться въ правдивости вдовы, которая *сама призналась* въ томъ, что способна сообщать о томъ, чего, *по ея словамъ*, не было. Вотъ въ № 30 она выступаетъ съ заявленіемъ номеръ второй. По поводу именно этого заявленія я и рѣшился обратиться къ редакціи „Искры“ со слѣдующими фактическими указаніями: 1) подписали письмо въ „Искру“ отъ имени „Саратовскаго Ремес. Соц.-Дем. Союза“ *всѣ наличные члены* этого союза, которые осенью 1902 г. всей своей организаціей, со всѣми безъ исключенія своими связями примкнули къ Саратовскому Комитету Р. С. Д. Рабочей Партіи. 2) Въ числѣ этихъ подписавшихся былъ и одинъ *ремесленникъ*, который, несомнѣнно, все время существованія союза былъ его душой; всѣ связи завязывались исключительно черезъ него и только онъ одинъ могъ придать то или иное направленіе ходу мыслей ремесленниковъ. Человѣкъ же этотъ началъ свою дѣятельность убѣжденнымъ соціальдемократомъ и оставался имъ до конца. 3) Меня прямо поразило слѣдующее мѣсто заявленія: „чтобы показать убѣдительность подобнаго рода аргументовъ — укажемъ хотя бы на то обстоятельство, что, напримѣръ, *всѣ* (за исключеніемъ *одной*) статьи въ „Голосѣ Труда“ № 1 и большая часть статей въ № 2 и *всѣ* прокламаціи Объединенной Группы принадлежали перу соц.-рев“. Я положительно не могу себѣ представить, какъ согласовать это заявленіе съ организаціоннымъ договоромъ Объедин. Группы, по которому со стороны Соц.-Рев. въ группѣ могъ участвовать только *одинъ* представитель, а, слѣдовательно, рѣшающій голосъ принадлежалъ соц.-дем. членамъ группы. Какъ примирить, наконецъ, это заявленіе съ тѣмъ фактомъ, что наряду съ прокламаціями, выпущенными Объедин. Группой, выходили одновременно и прокламаціи за подписью соц.-рев.? Очевидно, прокламаціи Объедин. Группы не удовлетворяли соц.-рев.; очевидно — либо соц.-революціонеръ, членъ Объедин. Группы, писалъ статьи въ *духѣ съ соц.-дем. товарищей*, а свободное отъ этого время посвящалъ писанію прокламацій, выходившихъ за подписью соц.-рев., либо ... все заявленіе четырехъ членовъ „Ремесл. Союза“ является ничѣмъ инымъ, какъ плодомъ „честныхъ полемическихъ пріемовъ“ „Рев. Рос.“ Приходится предоставить рѣшеніе этого вопроса остальнымъ членамъ бывшаго „Ремеслен. Союза“ и „Объедин. Группы“, которая, къ сожалѣнію, въ настоящую минуту не въ состояніи высказать своего мнѣнія.

Членъ Саратов. Комитета Р. С. Д. Раб. Партіи.

Черезъ посредство Международнаго Соціалистическаго Бюро мы получили резолюцію Совѣта рабочихъ цеховыхъ союзовъ (Trades Hall Council) въ Мельбурнѣ (Австралія), выражающую сочувствіе евреямъ, пострадавшимъ отъ палачей русскаго самодержавія, и горячо привѣтствующую борьбу за низверженіе самодержавія и за эманципацію пролетаріата въ Россіи.

Пермскимъ Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы за послѣднее время слѣдующіе листки: 1) о событіяхъ на ст. Михайлово, 2) о южныхъ событіяхъ, 3) „къ Невьянскимъ рабочимъ“, 4) „Л. Н. Толстой (по поводу 75-лѣтняго юбилея со дня рожденія)“. — **Одесскимъ Ком.** выпущены въ августѣ листки: 1) „Ко всѣмъ! Еще одно преступленіе царскаго самодержавія“ (по поводу звѣрствъ въ одесской тюрьмѣ) — 4,000 экз., 2) къ рабочимъ и работницамъ г. Одессы (по поводу всеобщей забастовки) — 5,000 экз. **Одесскій** С.-Дем. Союзъ „Рабочая Воля“ изд. въ авг. мѣс. листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“ (по поводу іюльскихъ событій), и въ сентябрѣ: „Манифестъ „Рабочей Воли“ — 2,000 экз., гдѣ заявляетъ о своемъ присоединеніи къ Комитету. — **Бердичевская** группа революціонныхъ соціальдемократовъ въ августѣ издала листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (по поводу іюльскихъ событій). — **Бакинскимъ Ком.** изд. въ августѣ листокъ, посвященный памяти товарища Влад. Кицховели (Ладо), застрѣленнаго въ Тифлисской тюрьмѣ. — Такой же листокъ выпущенъ **Тифлисскимъ Ком.**; имъ же выпущенъ листокъ „Къ товарищамъ“, дѣлающій выводы изъ іюльскихъ событій. — Въ **Либавѣ** во время пребыванія царя изданы латышской группой листки на латышскомъ и русскомъ яз. — **Саратовскимъ Ком.** изданъ листокъ „Апостолъ департамента полиціи — агентъ православной церкви“ и два листка по поводу военнаго суда надъ ростовскими демонстрантами: 1) „Душители“ и 2 „О правительственномъ террорѣ“. — **Военно-революціонная Организація** выпустила въ августѣ листокъ „Къ увольняемымъ въ запасъ“. — **Екатеринославскимъ Ком.** вып. листокъ отъ 28 августа „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ гор. Екатеринослава“ (по поводу минувшей стачки). — **Донскимъ Ком.** вып. лист. „Къ гражданамъ“ (по поводу военн. суда надъ ростовскими демонстрантами). — **Гомельскимъ Ком.** — въ іюлѣ листокъ „По поводу обязательнаго постановленія могилевск. губернатора“ и въ августѣ „Вѣсти изъ Россіи“ (по поводу іюльскихъ событій). — **Воронежскій Ком.** выпустилъ въ августѣ листокъ № 9 (о правительственномъ произволѣ и борьбѣ рабочихъ) и въ сентябрѣ № 10 (по поводу мѣстныхъ арестовъ). — **Ц. К. Южно-Русской Группы Учащихся Среднихъ Школъ**, переименованный нынѣ въ Ц. К. Ю.-Р. Г. Учащейся Молодежи, выпустилъ отчетъ о второмъ съѣздѣ этой группы (см. выше „Изъ нашей общественной жизни“).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Вологда. Въ іюнѣ были обыски у рабочаго Сорокина (по предписанію изъ Костромы: Сорокинъ петербуржецъ, привлекался въ 1900 году по дѣлу СПБ. Союза Борьбы), у ссыльныхъ Малинина (сосланъ по дѣлу Моск. Раб. Союза и „Саратовскаго Рабочаго“), Дрешера (конторщикъ изъ Варшавы, по дѣлу П. П. С.) и Якова Андреева (изъ Екатеринослава). — **Курскъ.** Въ началѣ августа въ Курскѣ было произведено много арестовъ и обысковъ (до 40). Извѣстны слѣдующія фамиліи: Фортунатова, Жилинская, Турчаниновъ, Благовѣщенская, Хайкинъ, Евдокимовъ, Бѣлоконь, Соколовскій. Взято нѣсколько человѣкъ изъ губ. земской управы и изъ управленія Моск.-Кіев.-Вор. жел. дор. — **Тверь.** Въ № 47 „Искры“ приведенъ списокъ лицъ, арестованныхъ въ Твери въ ночь съ 12 на 13 августа. Кромѣ названныхъ тамъ лицъ арестованы еще слѣдующіе: Арсеній Блановъ, Павелъ Дулишкинъ, Иванъ Антиповъ, Василій Каширинъ, Василій Чуркинъ, Василій Жуковскій, Иванъ Хорьковъ, Алексѣй Субботинъ, Павелъ Мальцевъ, Михаилъ Смирновъ, Александръ Смирновъ, Михаилъ Виноградовъ, Павелъ Васильевъ, Василій Дмитріевъ, Арсеній Дѣдкинъ, Иванъ Звонарь, Григорій Прокофевъ, Егоръ Александровъ, Петръ Пакетовъ, Павелъ Малдаву, Петръ Завьяловъ, Андрей Вороновъ, Ухаровскій, Тарашевскій, Петръ Прохоровъ (всѣ эти лица рабочіе). Алексѣй Печниковъ, Петръ Флоровъ, Апостоловъ (земскій гласный), Пановъ, Александровскій (бывш. студенты), Вислоухъ, Эленгорнъ (врачи), Кувшинская, Куняева (служащія въ земствѣ). — **Одесса.** Кромѣ арестованныхъ по распоряженію Арсеньева (на $1\frac{1}{2}$-3 мѣсяца) 259 чел., арестованы еще: Шкловскій (интел. поднадзорный), Машевскій, Пасевичъ Илья (раб.), Запорощенко, Новиковъ (каменоломщ.), Жариковъ (раб.) Изъ 259 многіе уже выпущены по распоряженію Лопухина. Арестованные по доносу мастера Ѳедорова 10 чел. желѣзнодорожн. рабочихъ выпущены послѣ того, какъ рабочіе желѣзнодор. мастерскихъ потребовали ихъ освобожденія подъ угрозой забастовки. На большомъ вокзалѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ появились два шпіона: Сухоруковъ и токарь Карпъ Жуковскій. — **Кишиневъ.** Фамилія провокатора въ Кишиневѣ Финкельманъ. Аресты, происшедшіе въ Кишиневѣ, въ іюлѣ — его дѣло. Въ Одессѣ онъ жилъ въ прошломъ году, какъ Лернеръ, а два года тому назадъ жилъ въ Николаевѣ, какъ Васька Садовникъ. — **Чіатура** (Кутаисской губ.) Въ Чіатурѣ арестованы: М. Церетелли, Карпъ Мадебадзе, З. Гурули (штейгеръ), Мир. Чанишвили и масса рабочихъ (около 150 ч.) — **Керчь.** Здѣсь арестовано около 100 чел. рабочихъ, въ томъ числѣ двѣ дѣвочки 14 лѣтъ и трое интел.: Уманская, И. С. Коганъ-Мошинъ и Шишкинъ. — Въ **Кіевѣ** на вокзалѣ арестованъ какой-то офицеръ. — Въ **Псковѣ** во время маневровъ Военно-революціонная организація распространила 2,080 печатныхъ листковъ; арестованы два офицера. — Въ **Смоленскѣ** арестованъ солдатъ, обвиняется въ распространеніи среди солдатъ нелег. лит.

На **австрійской границѣ** выданы контрабандистомъ за 500 руб. три лица: Антроповъ, Шиллеръ и Ставскій (первые отвезены въ С.-Петербургъ, послѣдній — въ Новочеркасскъ).

— Въ **Москвѣ** въ апрѣлѣ 1902 г. была арестована группа рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ. Всѣ они обвинялись въ участіи въ Московскомъ Комитетѣ Р. С.-Д. Р. П. Въ числѣ рабочихъ былъ нѣкій Гузеевъ, служившій десятникомъ (дорожнымъ) при уѣздной земской управѣ. Онъ оказался предателемъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ сталъ провокаторомъ. Въ іюнѣ 1903 г. онъ уѣхалъ въ Тверь. Примѣты его: блондинъ, выше-средняго роста, небольшіе усы, безъ бороды.

Приговоры: по одесскимъ дѣламъ 1901 г. Яковъ Іоффе (интел.), 8 лѣтъ Восточной Сибири; Софья Моисеевна Гольдманъ (акуш.), 6 л. Вост. Сиб.; Костя Колтунъ (переплетчикъ), 5 л. Вост. Сиб.; Левъ Подгугъ (провизоръ), Ефимъ Гелельштейнъ (переплетчикъ), Наумъ Ходоровъ, Осипъ Капланъ, Исеръ Колтунъ, Абрамъ Лисъ (тоже переплетчики), Яковъ Городецкій (столяръ), Соломонъ Шерманъ (портной), Михаилъ Окунскій — всѣ по 4 года Восточной Сибири; Левъ Рудовскій (чайный упаковщикъ), Анна Краснянская (фельдш.) — по 5 л. Вост. Сиб.; Самуилъ Печерскій, Исакъ Канторовичъ (дантистъ), Моисей Штамъ — по 4 г. Вост. Сиб.; Женя Канторовичъ, Исакъ Миркинъ (обойщикъ), Моисей Веріеръ (столяръ), Давидъ Кутерманъ (чайный упаковщикъ), Соломонъ Ротковъ, Шмерель Климовицкій, Веньяминъ Трахтенбергъ (Хаимъ-Ице), Соломонъ Соломоновъ (ювел.), Фаеръ (чайн. упаков.), Лиза Глазманъ — всѣ по 3 г. Вост. Сиб. Отправляющіеся въ Сибирь одесситы устроили въ Москвѣ, въ Бутыркахъ, товарищескій судъ надъ Шулимомъ Майеромъ, Миркинымъ, Канторовичемъ и Тимоѳеемъ Чайниновымъ. Вынесена резолюція: 1) Майеръ объявленъ опаснымъ предателемъ. 2) Миркинъ объявленъ предателемъ. 3) Съ Канторовичемъ признано необходимымъ прервать всякія дѣловыя и личныя сношенія, не объявляя его, однако, предателемъ, и рѣшено огласить его позорное поведеніе. 4) Трахтенбергу высказано рѣзкое осужденіе, и 5) Чайниковъ объявленъ предателемъ. Резолюція подписана 24 лицами. — По Костромскому Соц.-Дем. дѣлу получили приговоры: статист. Александръ Завершинъ 4 года Восточной Сибири (его еще ждетъ приговоръ по дѣлу СПБ. Союза Борьбы, сидѣлъ 7 мѣс. въ Таганкѣ, освоб. былъ подъ надзоръ до приговора); статист. Алексѣй Загайновъ (былъ пойманъ при разбрасываніи прокламацій, сидѣлъ $1\frac{1}{2}$ мѣс., до приговора освобожд., показаній никакихъ не давалъ); статис. Тихонъ Поповъ 4 года Вятской губ.; Семенъ Колоколовъ 3 г. Вологодской губ.; статист. Невзоровъ 3 года Вологодской губ. (въ ожиданіи приговора умеръ отъ чахотки); Николай Грацианскій, былъ высланъ весною 1902 года на 3 года въ Архангельскую губ., ему прибавили еще 2 года, несмотря на то, что на допросѣ выдавалъ и держалъ себя очень скверно; Каратаеву, Родіонову и Ячменникову 3 мѣс. тюрьмы; Сабанѣеву и учителю Смирнову 2 недѣли ареста; Екатеринѣ Удаловой и Кондратьеву 8 дней ареста. По дѣлу Александровой, Лопаниковой, Поливанова, Мушенка, Гинсбургъ, Удалова (закончившемуся) приговоръ еще не объявленъ. По дѣлу весенней демонстраціи въ Костромѣ сидятъ Константинъ Малышевъ, Буланинъ, Корсаковъ, Данило, Николай Поваровъ, Иванъ Батуговскій. — Получилъ также приговоръ А. Д. Цюрюпа 3 г. Олонецкой губ. (приговоръ совершенно неожиданный, такъ какъ не было рѣшительно никакихъ уликъ). — Прошли въ Сибирь: Захарова (на 5 лѣтъ, арест. въ Одессѣ по дѣлу „Искры“ въ началѣ декабря 1901 г.); Лидія Канцель (на 8 лѣтъ); Курнатовскій (на 4 года, арестованъ въ Тифлисѣ весной 1901 г.) вмѣстѣ съ Курнатовскимъ прошло еще 11 человѣкъ. — Въ Кіевѣ Шаманскій и Сильвичъ переведены за протесты изъ Лукьяновской тюрьмы въ крѣпость.

Бѣжали и прибыли заграницу: 1) изъ Енисейской губ. Левъ Хинчукъ, былъ высланъ до приговора по Моск. дѣлу; 2) изъ Вологды: Ю. Г. Топоркова (по дѣлу СПБ. Краснаго Креста, апрѣль 1901 г.); Б. Савенковъ (студентъ, по петербургскому дѣлу „Раб. Знамени“ и Гр. „Соціалистъ“, апрѣль 1991 г.); изъ Устюга Бубатовъ (рабочій, по нижегородскому дѣлу 1901 г. и по дѣлу пермской группы соц.-революціонеровъ 1902 г.); изъ Никольской Медвѣдевъ (рабочій); изъ Вост. Сибири О. Н. Гурвичъ, О. А. Коганъ, А. М. Зельдовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поправка. Въ одномъ изъ номеровъ „Искры“ было указано, что Дубровскій, привлекавшійся по дѣлу „Сѣвернаго Союза“, — предатель. Это невѣрно. Онъ лишь далъ одно неудачное показаніе, повредившее одному изъ привлеченныхъ по этому дѣлу. Сообщаемъ это по просьбѣ этого послѣдняго.

Въ предыдущемъ № „Искры“ въ части экземпляровъ (2000 изъ 10,000), по недосмотру, вставлена напечатанная уже въ № 42 корреспонденція о майскихъ дняхъ въ Вышнемъ-Волочкѣ. Въ отдѣлѣ „Изъ партіи“ Гомельскій Ком. ошибочно названъ Комитетомъ Бунда.

Отложено, по недостатку мѣста, до слѣд. номера: письмо о послѣднемъ конгрессѣ англійскихъ тредъ-юніоновъ, „изъ русской жизни“, манифестъ Раб. Воли, объ армянскихъ демонстраціяхъ, письмо одесской работницы и друг.

Мирэ. Письмо получено. Присылайте скорѣе адресъ для отвѣта. — **Терентію.** Письмо получено, но не разобрано. — **Ромуальду.** Повторите, пожалуйста, адресъ для писемъ. — **Муравью.** Справки наведемъ. Корреспонденціи просимъ присылать. — **Рабочему Юга.** Благодаримъ. Просимъ писать. — **Мюллеру.** Письмо въ двухъ экз. получено. — **34 Ж.** Письмо получено, использовано.

Получено: изъ Москвы черезъ Соколова, за литер. — 100 р.; отъ Николаича — 75 рублей; въ „новый годъ“ — 106 руб.; отъ №№№ за литературу — 75 руб.; съ береговъ Женевскаго озера первый майскій взносъ — 41 фр.; изъ Винтертура (черезъ К.) за литературу — 5 франковъ; отъ доктора изъ Давоса для О. К. — 20 фр.; по листу № 102 (изъ Цюриха) — 27 фр.; изъ „ь“ (мягкій знакъ) — 190 фр.; изъ Л. — 340.82 фр.; Отъ № 39 для организаціонныхъ цѣлей — 87 фр.; изъ Герзау — 50 фр.; отъ француза для стачечниковъ — 1.50 фр.; отъ Цюрихской Сиб. Кассы для А—а — 82 фр.; для стачечниковъ на Югѣ собрано въ Сизиконѣ — 34 фр., въ Вегисѣ — 14 фр.; отъ прозрѣвшаго — 10 р.; изъ Шпица по подписнымъ листамъ №№ 109-110 29, 45 фр.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 49. 1-го октября 1903 года. № 49.

КРАСНЫЙ СЪѢЗДЪ ВЪ КРАСНОЙ СТРАНѢ.

Привѣтствуя многочисленныхъ делегатовъ, со всѣхъ концовъ Германіи съѣхавшихся въ Дрезденъ, представитель дрезденскаго „мѣстнаго комитета", товарищъ Кадэнъ, замѣтилъ, что саксонцы показали себя достойными той чести, которую германская соціальдемократія сдѣлала ихъ странѣ, созвавъ въ ея столицѣ свой партійный съѣздъ нынѣшняго года. Это замѣчаніе, конечно, какъ нельзя болѣе справедливо. На послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ сознательный пролетаріатъ Саксоніи одержалъ такую великую, такую блестящую побѣду, о какой врядъ-ли мечтали въ его средѣ даже самые крайніе оптимисты. Изъ 23 мѣстъ, занимаемыхъ въ рейхстагѣ депутатами отъ Саксоніи, 22 принадлежатъ теперь *соціальдемократамъ*.

Саксонія — по истинѣ *красная страна*, какъ назвалъ ее въ своей рѣчи товарищъ Кадэнъ. Но если эта красная страна въ самомъ дѣлѣ была вполнѣ достойна чести принимать у себя представителей великой германской арміи пролетаріата, то эти представители, делегаты съѣзда, съ своей стороны, за небольшими исключеніями, показали себя вполнѣ достойными чести засѣдать въ „красной странѣ". Дрезденскій съѣздъ по всей справедливости можетъ быть названъ *краснымъ съѣздомъ*. Важнѣйшее изъ его рѣшеній относится къ такъ называемому въ Германіи *ревизіонизму, — бернштейніанству* тожъ, — и представляетъ собою *смертный приговоръ* этому направленію. За этотъ приговоръ всемірная соціальдемократія должна быть глубоко благодарна дрезденскому съѣзду: онъ оздоровитъ соціальдемократическую атмосферу въ Германіи и уже однимъ этимъ окажетъ въ высшей степени благотворное вліяніе на ходъ международнаго соціалистическаго движенія. Враждебная ревизіонизму резолюція краснаго съѣзда является хорошимъ предзнаменованіемъ для международнаго соціалистическаго конгресса будущаго года. Англичанинъ Джонсъ, говорившій въ Дрезденѣ отъ имени англійской Соціальдемократической Федераціи, недаромъ сказалъ, что національный германскій съѣздъ имѣетъ большое значеніе для борющагося пролетаріата всего міра.

Происходившая на съѣздѣ борьба мнѣній принимала подчасъ очень рѣзкую форму, а нападки ревизіонистовъ на Франца Меринга, — провинившагося на этотъ разъ лишь безпощаднымъ разоблаченіемъ ихъ промаховъ и ошибокъ, — имѣли прямо отталкивающій характеръ. Поэтому нѣкоторые добрые, но слабонервные люди получили отъ съѣзда очень тяжелое впечатлѣніе, граничащее даже съ полнымъ расчарованіемъ. Но винить въ этомъ нужно не съѣздъ, а только слабые нервы этихъ добрыхъ людей. Выходки нападавшихъ на Меринга ревизіонистовъ были, безъ сомнѣнія, отвратительны. Но они свидѣтельствовали лишь о безвыходномъ положеніи этихъ почтенныхъ героевъ „критики" и никоимъ образомъ не могутъ быть поставлены на счетъ германской соціальдемократіи вообще или дрезденскому съѣзду въ частности. А что касается направленныхъ противъ ревизіонизма страстныхъ рѣчей Бебеля и нѣкоторыхъ его ближайшихъ единомышленниковъ, то на всякаго здороваго человѣка онѣ могли произвести только самое отрадное, самое ободряющее впечатлѣніе. Удивительно не то, что лѣвое крыло германской соціальдемократіи позволило себѣ рѣшительно и страстно напасть на ревизіонистовъ, а то, что оно до сихъ поръ считало нужнымъ церемониться съ ними. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда теоретикъ германскаго ревизіонизма Э. Бернштейнъ только что началъ свою такъ называемую критику марксизма, газета „Sächsische Arbeiter-Zeitung" напечатала рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что теперь рѣчь идетъ о томъ, кто кого похоронитъ: Бернштейнъ нѣмецкую соціальдемократію, или нѣмецкая соціальдемократія Бернштейна. Тогда эти статьи, написанныя однимъ русскимъ соціальдемократомъ, показались слишкомъ рѣзкими и несправедливыми едва-ли не всѣмъ безъ исключенія нѣмецкимъ марксистамъ, а ихъ главная мысль была встрѣчена большинствомъ читателей какъ парадоксъ, подсказанный крайнимъ полемическимъ увлеченіемъ. Теперь наши нѣмецкіе товарищи сами видятъ, что торжество ревизіонизма означало бы гибель соціальдемократіи, какъ партіи революціоннаго пролетаріата, и рѣшеніе, принятое дрезденскимъ съѣздомъ по вопросу о тактикѣ, является, какъ мы сказали выше, смертнымъ приговоромъ бернштейніанству. Парадоксъ оказался очень похожимъ на истину. И если пока еще никто изъ германскихъ соціальдемократовъ не заговариваетъ о похоронахъ г. Бернштейна, т. е. *объ исключеніи его* изъ партіи, то это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что, сбитый со всѣхъ своихъ теоретическихъ позицій, покинутый почти всѣми своими сторонниками и постоянно все сильнѣе и сильнѣе компрометтирующій самого себя свойственною ему безпредѣльною безтактностью, этотъ комичный рыцарь печальнаго образа кажется имъ несравненно болѣе жалкимъ, чѣмъ опаснымъ. Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они очень ошибаются. Г. Бернштейнъ до сихъ поръ вовсе не такъ безопасенъ для ихъ партіи, какъ они думаютъ. Онъ еще немало повредитъ ей. Но это другой вопросъ, о которомъ мы поговоримъ съ читателями, когда г. Бернштейнъ снова напомнитъ своимъ слишкомъ добродушнымъ товарищамъ о своемъ „критическомъ" умѣ какою-нибудь новой, болѣе или менѣе громкой, безтактной выходкой. Мы убѣждены, что ждать придется недолго.*) Теперь же рѣчь идетъ у насъ собственно о страстности, обнаруженной защитниками „ортодоксіи", и мы утверждаемъ, что она должна не огорчать, а радовать всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы пролетаріата. Безъ страсти не дѣлается ничего великаго въ исторіи, и успѣшно бороться съ крупнымъ общественнымъ зломъ можетъ только тотъ, у кого течетъ горячая кровь въ жилахъ.

Международные любители „*товарищескихъ пріемовъ въ полемикѣ*" никакъ не могутъ понять, что „*ортодоксы*" *въ сущности совсѣмъ не товарищи ревизіонистамъ* и должны вести *смертельную борьбу* съ ними, если только не желаютъ измѣнить своему собственному дѣлу. Между этими двумя направленіями лежитъ глубокая и непереходимая пропасть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сопоставить, напримѣръ, вышеупомянутую резолюцію дрезденскаго съѣзда съ тѣмъ, что проповѣдывалъ тотъ же несравненный г. Бернштейнъ въ своей пресловутой книгѣ „Die Voraussetzungen des Sozialismus".

Дрезденскій съѣздъ безпощадно и рѣшительно осудилъ „всякое стремленіе затушевать существующія и все растущія классовыя противорѣчія"; Г. Бернштейнъ очень усердно, хотя и безуспѣшно, затушевывалъ эти противорѣчія съ помощью тѣхъ статистическихъ софизмовъ и тѣхъ теоретическихъ паралогизмовъ, которые въ такомъ изобиліи запасены были новѣйшими апологетами капитализма.

Дрезденскій съѣздъ самымъ категорическимъ образомъ высказался противъ „политики приспособленія къ существующему порядку вещей", противопоставивъ ей „старую тактику партіи, увѣнчавшуюся такими крупными побѣдами и основывающуюся на классовой борьбѣ"; г. Бернштейнъ былъ самымъ усерднымъ пропагандистомъ и самымъ настойчивымъ защитникомъ „политики приспособленія".

Дрезденскій съѣздъ объявилъ, что соціальдемократія должна оставаться *партіей соціальной революціи*; г. Бернштейнъ настойчиво приглашалъ ее превратиться въ *партію соціальной реформы*.

Однимъ словомъ, взгляды г. Бернштейна коренными образомъ противорѣчатъ ученію революціоннаго соціализма; поэтому всякая попытка примирить это ученіе съ его взглядами самымъ существомъ дѣла заранѣе осуждена на полнѣйшую неудачу. И чѣмъ болѣе наши нѣмецкіе товарищи, оставшіеся вѣрными революціонному соціализму, убѣждаются въ совершенной непримиримости своей программы со взглядами г. Бернштейна, тѣмъ страстнѣе оспариваютъ они эти взгляды и тѣмъ энергичнѣе борются они съ ревизіонистами. Иначе и быть не можетъ. Было бы очень странно и очень печально, если бы было иначе. „Товарищеская полемика" немыслима между такими людьми, которые по самому положенію вещей должны быть *непримиримыми врагами*.

Любители „товарищеской полемики" охотно распространяются также на тему о *свободѣ мнѣній*. „Соціальдемократія не можетъ ограничивать право критики", говорятъ они. И это, конечно, вѣрная мысль, но примѣняется она въ данномъ случаѣ совершенно неправильно. Если бы соціальдемократія съ презрѣніемъ выбросила изъ своихъ рядовъ г. Бернштейна тотчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ его вышеназванной книги, то этотъ фактъ, — послѣдствія котораго, навѣрно, были бы для нея очень полезны, — нисколько не помѣшалъ бы ей оставаться *вѣрнѣйшей защитницей свободы мысли и слова*. Свобода мысли и слова обезпечивается вовсе не тѣмъ, что люди противоположныхъ мнѣній мирно уживаются въ рядахъ одной и той же партіи, а тѣмъ, что законы страны даютъ *всѣмъ партіямъ* право думать все, что онѣ хотятъ, и говорить все, что онѣ думаютъ. Выбросивъ изъ своихъ рядовъ г. Бернштейна или какого-нибудь другого ревизіониста, договорившагося до буржуазныхъ теорій, нѣмецкая соціальная демократія отнюдь не посягнула бы этимъ на непререкаемое право этого господина критиковать какія ему угодно воззрѣнія. Она только воспользовалась бы своимъ собственнымъ правомъ принимать въ свою среду только людей, признающихъ ея собственные взгляды. Когда говорятъ, что соціальдемократія должна обезпечить своимъ членамъ полную свободу мнѣній, то забываютъ, что политическая партія совсѣмъ не академія наукъ. „Философствовать значитъ не дѣйствовать; дѣйствовать, значитъ не философствовать" (Thun ist nicht philosophiren, philosophiren ist nicht thun), справедливо замѣчаетъ гдѣ-то Фихте. Пока я философствую, я не дѣйствую, а пока я не дѣйствую, люди дѣла не имѣютъ никакого права спрашивать у меня отчета въ томъ результатѣ, къ которому привела меня работа моей философской мысли. Но когда я начинаю дѣйствовать, я перестаю философствовать, и тогда тѣ люди дѣла, съ которыми мнѣ хотѣлось бы сойтись, не только имѣютъ полное право, но обязаны спросить меня, къ какому именно выводу я пришелъ, и не противорѣчитъ-ли мой выводъ ихъ практическимъ задачамъ. *Свобода мнѣній въ партіи можетъ и должна быть ограничена именно потому, что партія есть союзъ, свободно составляющійся изъ единомышленниковъ: какъ только единомысліе исчезаетъ, расхожденіе становится неизбѣжнымъ. Навязывать партіи, во имя свободы мнѣній, такихъ членовъ, которые не раздѣляютъ ея взглядовъ, значитъ стѣснять ея свободу выбора и мѣшать успѣху ея дѣйствій.*

Само собою разумѣется, что единомысліе обязательно только въ *существенныхъ* для партіи вопросахъ. Но ни въ *теоріи* всемірной соціальдемократіи, ни въ ея *практикѣ* не было, нѣтъ и не можетъ быть вопросовъ, имѣющихъ для нея болѣе существенное значеніе, чѣмъ тѣ, о которыхъ такъ горячо спорятъ ортодоксы съ ревизіонистами. *Отъ ихъ рѣшеній въ ту или другую сторону зависитъ вся ея будущность.*

До какихъ неслыханныхъ нелѣпостей доходятъ ревизіонисты, желающіе наградить соціальдемократію благами неограниченной „свободы мнѣній", показываетъ слѣдующій курьезный примѣръ, который показался бы намъ совершенно невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ совершенно достовѣрнымъ. Когда въ нѣмецкой соціальдемократической печати разгорѣлся знаменитый отнынѣ споръ о „вице-предсѣдательствѣ", товарищъ (гм! гм!) Пеусъ неожиданно высказалъ ту мысль, что, добиваясь для одного изъ своихъ членовъ вице-предсѣдательскаго мѣста, соціальдемократическая фракція въ рейхстагѣ не должна смущаться тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, на которомъ ей только и могло бы достаться это мѣсто: обычнымъ визитомъ во дворецъ для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ императору. Въ подтвержденіе этой, крайне странной въ устахъ соціальдемократа, мысли товарищъ (?!) Пеусъ выдвинулъ тотъ доводъ, что хотя, конечно, Вильгельмъ II всегда и грубо нападаетъ на соціальдемократовъ, но, съ другой стороны, и за императоромъ должна быть признана свобода мнѣній. Это по истинѣ безподобно! Гнитесь въ три погибели и почтительно шаркайте передъ тѣмъ, кто поноситъ васъ лживой и грубой бранью. Если вы откажетесь поступать такъ, то товарищъ (нечего сказать, очень умный товарищъ!) Пеусъ обвинитъ васъ въ посягательствѣ на свободу чужого мнѣнія. О, свободолюбцы! Дальше этого идти уже некуда, потому что, — къ сожалѣнью или къ счастью, — область абсурда тоже имѣетъ свои предѣлы.

Нѣкоторые горько сожалѣютъ еще о томъ, что старый споръ о тактикѣ возгорѣлся въ германской партіи такъ скоро по окончаніи іюньскихъ выборовъ: имъ было будто бы испорчено грандіозное впечатлѣніе блестящей побѣды, одержанной соціальдемократіей. Но, во-первыхъ, на этотъ разъ, — какъ и всегда, — споръ начатъ былъ не ортодоксами, а ревизіонистами, которые, въ лицѣ неутомимо-безтактнаго г. Бернштейна, стали совѣтовать соціальдемократіи поступать, — по выраженію сатирика, — примѣнительно къ подлости, а, во-вторыхъ, побѣда надъ *внѣшними* врагами отнюдь не должна была мѣшать ортодоксамъ стремиться къ побѣдѣ надъ врагомъ *внутреннимъ*, угрожавшимъ самому ея существованію, какъ революціонной партіи сознательнаго пролетаріата. Если бы за безпримѣрную іюньскую побѣду надо было заплатить постыдной цѣною мира съ ревизіонистами, то эта побѣда стоила бы партіи слишкомъ дорого. Но послѣ іюньской побѣды миръ съ ревизіонистами сталъ возможенъ менѣе, чѣмъ когда бы то ни было. „Ортодоксы" нравственно должны были предостеречь побѣдоносный пролетаріатъ отъ той тактики, которая завела бы его въ болото оппортюнизма и сдѣлала-бы безполезными всѣ его великіе успѣхи, безплодной всю его несокрушимую энергію. Энергичный отпоръ ревизіонистамъ былъ для „ортодоксовъ" политической обязанностью и психологической необходимостью. И вотъ почему сравнительно ничтожные поводы, — участіе нѣкоторыхъ ревизіонистовъ въ буржуазныхъ органахъ, клеветавшихъ на соціальдемократію, и смѣшныя разглагольствованія ревизіонистскаго Санчо Пансы о томъ, что соціальдемократія могла бы съ большой пользой для себя и безъ всякаго ущерба для своего нравственнаго достоинства продѣлывать вѣрноподданные книксены передъ императоромъ, — вызвали противъ ревизіонистовъ такую бурю негодованія, какая еще ни разу не разражалась въ средѣ нашихъ сдержанныхъ нѣмецкихъ товарищей. Вынесенный краснымъ съѣздомъ смертный приговоръ ревизіонизму надлежащимъ образомъ увѣнчалъ іюньскую побѣду германскаго пролетаріата. Безъ него она была бы не полна.

Мы горячо рукоплещемъ красному съѣзду; но мы не хотимъ обманывать себя слишкомъ розовыми надеждами. Ревизіонизму вынесенъ смертный приговоръ. Это очень хорошо. Но приговоръ этотъ имѣетъ, собственно говоря, пока только нравственное значеніе. Ревизіонисты по прежнему занимаютъ сильныя позиціи въ партійной организаціи, и это очень плохо, потому что они навѣрно воспользуются этими позиціями для новыхъ попытокъ въ пользу своей тактики. По правдѣ сказать, мы думаемъ, что дрезденскій съѣздъ былъ въ состояніи сдѣлать больше, чѣмъ сдѣлалъ, для ослабленія практическаго вліянія ревизіонистовъ.

Надо замѣтить, впрочемъ, что вопросъ о позиціяхъ, занимаемыхъ ревизіонистами въ германской партіи, очень сложный вопросъ. Его нельзя разрѣшить однимъ постановленіемъ съѣзда. Дѣло въ томъ, что рабочій классъ не можетъ обойтись безъ услугъ такъ называемыхъ въ Германіи *академиковъ*, — по нашему *интеллигенціи*. Но нѣмецкая интеллигенція сильно пропитана *буржуазнымъ духомъ*. Даже тѣ „академики", которые разрываютъ съ господствующими классами и переходятъ на сторону *пролетаріата*, по большей части приносятъ съ собою не малый запасъ *буржуазныхъ предразсудковъ*. Поэтому, буржуазная „критика" революціоннаго соціализма обыкновенно производитъ на нихъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Академики, переходящіе въ ряды пролетаріата, можно сказать, отъ рожденія склонны „*критиковать Маркса*". А такъ какъ ихъ образованіе даетъ имъ возможность занимать въ партіи вліятельное положеніе агитаторовъ, публицистовъ, редакторовъ и т. п., то и выходитъ, что унтеръ-офицерскія и офицерскія мѣста въ рабочей арміи очень часто принадлежатъ именно *ревизіонистамъ*. Это прекрасно выяснилось на дрезденскомъ съѣздѣ. Но тамъ же выяснилось и то отрадное для всякаго революціонера обстоятельство, что между тѣмъ какъ офицеры и унтеръ-офицеры великой арміи труда сочувствуютъ ревизіонизму, ея рядовые, — организованные рабочіе въ собственномъ смыслѣ этого слова, — въ своемъ огромнѣйшемъ большинствѣ стоятъ за революціонную тактику и рѣзко осуждаютъ ревизіонизмъ со всѣми его буржуазными симпатіями и со всей его будто бы практичной близорукостью. Только поэтому ревизіонизмъ до сихъ поръ и не принесъ германской партіи того страшнаго вреда, который онъ могъ бы принести ей при другихъ условіяхъ: оппортюнистическія стремленія „академиковъ" разбивались о революціонное настроеніе рабочей массы. Но такое положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ не нормально и очень опасно. Въ XVI вѣкѣ, во время великой „крестьянской войны", незнакомые съ военнымъ дѣломъ крестьяне по необходимости пользовались услугами перебѣжчиковъ изъ среды мелкаго дворянства, которому это дѣло было, наоборотъ, очень хорошо извѣстно. Отрядами возставшихъ крестьянъ сплошь да рядомъ предводительствовали взбунтовавшіеся дворяне. Но дворянское недовольство было гораздо менѣе глубоко, чѣмъ крестьянское. Поэтому дворяне далеко не были такими послѣдовательными революціонерами, какъ крестьяне. У каждаго изъ нихъ жило, какъ у Фауста, по двѣ души въ груди. Ихъ можно назвать ревизіонистами той эпохи. Связанные тысячью духовныхъ нитей съ тѣмъ самымъ классомъ, противъ котораго возставали предводимые ими крестьяне, они легко примирялись съ нимъ и нерѣдко снова переходили на его сторону, оставляя на произволъ судьбы свои крестьянскіе отряды. Энгельсъ говоритъ, что этимъ объясняются многія неудачи крестьянъ. Въ послѣдніе годы мы невольно и часто вспоминали это замѣчаніе Энгельса, видя, какъ охотно встрѣчаютъ западно-европейскіе академики, перешедшіе подъ знамя соціализма, всякія попытки „пересмотрѣть" ученіе Маркса, т. е., на самомъ дѣлѣ, ослабить значеніе и вліяніе той теоріи, которая является наилучшимъ въ настоящее время идеологическимъ выраженіемъ революціонныхъ стремленій пролетаріата. Мы понимали, что причина этого печальнаго явленія лежитъ въ буржуазномъ происхожденіи „академиковъ", и мы часто спрашивали себя: какъ же справится западно-европейская соціальдемократія съ затрудненіемъ, заключающимся въ необходимости предоставлять вліятельное положеніе въ партійной организаціи людямъ, по своему происхожденію и воспитанію склоннымъ скорѣе бояться революціонныхъ стремленій пролетаріата, чѣмъ поддерживать ихъ? Очевидно, что выйти изъ этого затрудненія необходимо, но не менѣе очевидно, что выходъ изъ него найти не легко. Оно еще не одинъ разъ напомнитъ о себѣ нѣмецкой и всей вообще западной соціальдемократіи. Говоримъ — *западной*, такъ какъ въ Россіи положеніе дѣлъ теперь другое, и ея интеллигенція настроена гораздо болѣе революціонно, чѣмъ западно-европейская. Но что и она не чужда, къ сожалѣнію, сродства съ ревизіонизмомъ, это извѣстно всѣмъ не „беззаботнымъ на счетъ литературы".

---

*) Статья эта была набрана, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что второй избирательный округъ Берлина требуетъ исключенія изъ партіи гг. Бернштейна, Брауна и Гёрэ. Въ добрый часъ!

Дрезденскій съѣздъ обратилъ большое вниманіе на это затрудненіе. Въ этомъ состоитъ одна изъ многихъ его заслугъ. Ортодоксы, выступавшіе на немъ противъ ревизіонистовъ, настойчиво повторяли, что вліятельныя мѣста въ организаціи могутъ быть предоставляемы только тѣмъ „академикамъ", которые усердной службой въ качествѣ простыхъ рядовыхъ, показали, что умѣютъ твердо держаться точки зрѣнія революціоннаго пролетаріата. Мы считаемъ эту мѣру безусловно необходимой, но боимся, что она будетъ недостаточна. Если всѣ становящіеся на сторону рабочаго класса „академики" будутъ находиться подъ вліяніемъ буржуазныхъ теорій, то партіи поневолѣ придется быть снисходительной въ своемъ выборѣ, т. е. открывать дверь новымъ разновидностямъ ревизіонизма. Чтобы уменьшить эту опасность, обусловленную неблагопріятными для пролетаріата общественными отношеніями, нужно *аттаковать врага на его собственной территоріи*. Противъ *теоретиковъ буржуазіи*, „критикующихъ Маркса", должны выступить фаланги *теоретиковъ пролетаріата*, критикующихъ новѣйшія буржуазныя доктрины А для того, чтобы у пролетаріата явились такіе теоретики, международной соціальдемократіи слѣдуетъ прежде всего отдѣлаться отъ той ложной дѣловитости, которая выражается въ пренебрежительномъ отношеніи къ теоріи и которая въ послѣдніе годы распространялась въ ея средѣ буквально, какъ злая зараза. Только вліяніемъ этой ложной дѣловитости и объясняется то непонятное на первый взглядъ обстоятельство, что ревизіонисты такъ долго могли безнаказанно затемнять своей мелкобуржуазной проповѣдью классовое самосознаніе рабочихъ. Пора уже намъ понять, что равнодушнымъ отношеніемъ къ своей собственной теоріи мы только облегчаемъ распространеніе въ нашей средѣ буржуазныхъ ученій. Близорукая дѣловитость очень полезна ревизіонистамъ: имъ теоріи не ко двору. Но что ревизіонисту здорово, то „ортодоксу" смерть.

Съ величайшимъ интересомъ прочитали мы то мѣсто рѣчи товарища Ауэра, гдѣ онъ, касаясь международнаго парижскаго съѣзда 1900 г., говоритъ, что въ то время товарищъ Каутскій не такъ отрицательно относился къ Милльрану, какъ теперь. Это совершенно справедливо, что бы тамъ ни возражалъ на это названный товарищъ. Если бы въ нѣмецкой делегаціи, явившейся на послѣдній международный парижскій съѣздъ, преобладало то рѣзкое отношеніе къ ревизіонизму, которое такъ рѣшительно восторжествовало въ Дрезденѣ, то знаменитая *„каучуковая резолюція"* товарища Каутскаго не увидѣла бы свѣта даже въ видѣ проекта, и тогда правовѣрная часть россійской делегаціи была бы избавлена отъ печальной необходимости разойтись въ голосованіи со своими нѣмецкими единомышленниками.

Закрывая съѣздъ, товарищъ Зингеръ въ своей, по обыкновенію энергичной рѣчи, сказалъ, что его партія останется, какъ и была, революціонной партіей рабочаго класса. Онъ могъ пойти дальше и сказать, что эта партія отличается теперь гораздо болѣе революціоннымъ настроеніемъ, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда начиналась ревизіонистская кампанія, имѣвшая цѣлью сдѣлать изъ нея мирную партію буржуазной соціальной реформы. Красный съѣздъ показалъ это съ поразительной ясностью, и за то мы отъ души признательны красному съѣзду. Да здравствуетъ германская соціальдемократія!

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Лозунгъ „сильной руки" и „ежовыхъ рукавицъ", съ которымъ вступило въ жизнь министерство Плеве, съ самаго начала опредѣлилъ будущій курсъ его. Чѣмъ выше поднимала голову „гидра революціи", тѣмъ ожесточеннѣе отбивалось „боевое" министерство. Страхъ за шкуру самодержавія заставилъ, наконецъ, преодолѣть вѣру въ чудодѣйственную силу финансоваго мага: Витте — политическій противникъ Плеве — палъ. Намъ неизвѣстна закулисная исторія этого паденія, но довольно ясный намекъ даютъ на этотъ счетъ „Московскія Вѣдомости". Разсыпаясь въ похвалахъ отечественному генію, „Моск. Вѣд." отмѣчаютъ, что политика Витте — политика искусственнаго настроенія капитализма — вредно отозвалась на россійскомъ сельскомъ хозяйствѣ и, главнымъ образомъ, на двухъ заинтересованныхъ въ немъ сословіяхъ — дворянствѣ и крестьянствѣ, *главныхъ опорахъ порядка*. Съ паденіемъ Витте перестанетъ угрожать „порядку" опасность съ этой стороны.

Что же касается опасности, грозящей со стороны элементовъ, не призванныхъ поддерживать „порядокъ", то противъ нея принимаются самыя широкія мѣры. Правительственная тактика въ этомъ отношеніи становится все яснѣе и опредѣленнѣе. Отдѣлить козлищъ отъ агнцовъ — революціонную интеллигенцію отъ рабочихъ и крестьянства, а потомъ обезоружить каждый изъ этихъ слоевъ особыми мѣрами — кого угрозой, кого лаской — вотъ планъ-тактика Плеве.

Широкая масса безсознательнаго крестьянства — одна изъ опоръ порядка, по мнѣнію „Моск. Вѣд." — подлежитъ самому радикальному воздѣйствію. Чтобы обезпечить ея вѣрность самодержавію и православію, правительство начинаетъ съ молодого поколѣнія. „На всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. псковскаго губернатора", говоритъ преосв. Сергѣй, встрѣчая царя въ Псковѣ, „Вамъ угодно было начертать: „желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ". *Епархіальныя женскія училища* по преимуществу воспитываютъ и обучаютъ *будущихъ учительницъ* народныхъ школъ" („Гражданинъ" № 65). „Церковный Вѣстникъ" тотчасъ же подхватываетъ этотъ лозунгъ и доказываетъ всѣ прелести этой поповской монополіи на народное образованіе. „Получивъ въ училищѣ (епархіальномъ) строго церковное воспитаніе и достаточное образованіе", пишетъ „Церков. Вѣст.", „онѣ (воспитанницы епарх. училищъ) несутъ въ народъ здоровыя начала религіозности и любви къ отечеству". Тѣ же „здоровыя начала" должны прививать крестьянину „Дружескія рѣчи" кн. Мещерскаго, *обязательно* разсылаемыя во всѣ волостныя правленія, да разныя кукольныя комедіи, вродѣ открытія мощей Серафима Саровскаго. Добровольный агентъ самодержавія и православія — пресловутый генералъ Богдановичъ — издаетъ тысячами лубочно-патріотическія брошюры, ѣздитъ на гастроли по всей Россіи, гдѣ его встрѣчаютъ и привѣтствуютъ братства хоругвеносцевъ-ремесленниковъ („Русскія Вѣд." № 239), устраиваетъ чтенія и собесѣдованія. „Ген. Богдановичъ", пишутъ „Моск. Вѣд.", „вчера устроилъ здѣсь (въ Ртищевѣ, Сар. губ.) въ народной аудиторіи, вблизи вокзала, и въ церковной школѣ въ поселкѣ, собесѣдованія съ желѣзнодорожными рабочими и крестьянами, которыхъ собралось около полуторы тысячи".

Но, къ прискорбію правительства, въ Россіи имѣется уже вполнѣ опредѣленный слой рабочаго населенія, къ которому не подъѣдешь съ саровскими мощами и ген. Богдановичемъ. Этихъ рабочихъ правительство старается задобрить экономическими уступками, отрѣзавъ ихъ, такимъ образомъ, отъ политическаго движенія. Зубатовская политика разврата, повидимому, потерпѣла крушеніе; самъ Зубатовъ, по свѣдѣніямъ „Освобожденія", уходитъ „на покой", но мѣсто Шаевичей, съ ихъ лозунгомъ „экономическая самодѣятельность" рабочихъ, занимаютъ добродѣтельные помпадуры. И. д. петербургскаго градоначальника Фришъ, „замѣтивъ утомленныя лица" ремесленныхъ учениковъ, строго приказалъ блюсти десятичасовой рабочій день въ ремесленныхъ заведеніяхъ. Онъ же предложилъ городскому управленію заняться улучшеніемъ быта служащихъ на городскихъ конно-желѣзныхъ дорогахъ („Рус. Вѣд." № 237), а также сидѣлокъ въ городскихъ больницахъ („Рус. Вѣд." № 239). Другой помпадуръ, Треповъ таврическій, устанавливаетъ цѣны за выгрузку хлѣба въ ѳеодосійскомъ порту „по взаимному соглашенію между экспортерами и рабочими" („СПБ. Вѣд." № 233). Но, когда тамбовское общество взаимопомощи приказчиковъ возбудило ходатайство о нормировкѣ рабочаго дня приказчиковъ, губернаторъ отказался „дать ходъ" дѣлу, ибо вопросъ, по его мнѣнію, имѣетъ „общегосударственное значеніе" („Русс. Вѣд." № 243). Инціатива такихъ „вопросовъ" составляетъ монополію правительства — его должны благодарить рабочіе за благодѣянія. И такихъ примѣровъ множество.

Но уже въ приказѣ Трепова проглядываетъ другой ликъ Януса. „... Всѣ тѣ изъ рабочихъ", прибавляетъ приказъ, „которые не пожелаютъ стать на работу по объявленнымъ здѣсь цѣнамъ, будутъ записываться полицейскимъ чиновникомъ и затѣмъ *удаляться изъ порта*". И этимъ своимъ вторымъ ликомъ Янусъ обращенъ ко всѣмъ недовольнымъ и непокорнымъ, ко всѣмъ дерзающимъ протестовать и бороться. Стрѣльба въ демонстрирующую толпу, ставшая, повидимому, неотъемлемою частью всѣхъ манифестацій, истязаніе по тюрьмамъ и участкамъ, наконецъ, драконовскія наказанія, какъ въ дѣлѣ саратовскихъ и нижегородскихъ демонстрантовъ и, особенно, въ приговорѣ по дѣлу о демонстраціи 2 марта въ Ростовѣ — вотъ мѣры борьбы съ революціей.

Но, стараясь привлечь на свою сторону „народъ" и жестокими мѣрами сломать неблагонадежные элементы, правительство не оставляетъ безъ вниманія и тѣ слои, которые могутъ сочувствовать борьбѣ съ современнымъ порядкомъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, земство. „Министру внутр. дѣлъ предоставлено право", пишетъ „Слово" въ № 200, „пріостановить въ

Новый разбой.

Небывалыя до сихъ поръ явленія происходятъ у насъ: изъ самыхъ глухихъ мѣстечекъ приходятъ вѣсти о вооруженныхъ столкновеніяхъ съ правительствомъ, о массовыхъ демонстраціяхъ, митингахъ и т. д. Каждый день почти появляются временныя организаціи, ставящія себѣ цѣлью оказать правительству сопротивленіе въ той или иной формѣ. Даже непосвященный читатель знакомый съ событіями лишь по правительственнымъ сообщеніямъ долженъ признать, что Закавказье охвачено революціонной бурей.

Ближайшей причиной, вызвавшей такой единодушный массовый протестъ даже въ самыхъ глухихъ, незатронутыхъ до сихъ поръ никакой крамолой уголкахъ, послужило изданіе царскаго повелѣнія отъ 12 іюня этого года о передачѣ армянскихъ церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе правительства. Но было бы ошибочно предположить, что одинъ только этотъ законъ способенъ былъ вызвать такую бурю. Систематическія преслѣдованія мирныхъ культурныхъ учрежденій, пресловутая „обрусительная политика", закрытіе 300 съ лишнимъ армянскихъ школъ, стѣсненіе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій, закрытіе издательскаго товарищества и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ мѣропріятій мало-по-малу создавали рѣзкій антагонизмъ между армянскимъ населеніемъ и правительствомъ, который рано или поздно долженъ былъ прорваться. Но послѣдняя мѣра, такъ же какъ и предыдущія, могла бы остаться безъ открытаго революціоннаго протеста, если бы не героическая борьба рабочихъ массъ въ кавказскихъ промышленныхъ центрахъ, указавшая всему краю, что противъ самодержавія должно и можно бороться. Цѣлый рядъ удачныхъ демонстрацій, широкая массовая агитація, наконецъ, знаменитыя всеобщія стачки этого лѣта сильно революціонизировали всѣ слои населенія. Вотъ почему армянское населеніе, безропотно сносившее цѣлый рядъ насилій, запротестовало теперь рѣзкимъ образомъ противъ новаго хищничества коронованнаго разбойника, и стало защищать свои права съ оружіемъ въ рукахъ. Уже около шести лѣтъ (съ 1898 года) правительство лелѣяло этотъ законъ, но изъ опасенія смуты на Кавказѣ, — какъ показываетъ оглашенный секретный документъ комитета министровъ, — откладывало его изданіе. Теперь въ виду сильнаго роста революціоннаго движенія, оно захотѣло терроризировать населеніе, чтобы въ корнѣ убить всякую „крамолу", но вышло совершенно наоборотъ.

Противъ закона 12 іюня возмутилось все населеніе, такъ какъ этимъ закономъ попирались дотолѣ принадлежавшія ему права. До сихъ поръ всѣми церковными имуществами на Кавказѣ управлялъ народъ посредствомъ своихъ выборныхъ, громадная часть доходовъ съ нихъ тратилась на культурныя нужды, наконецъ, до закона духовенство было въ полной матеріальной зависимости отъ паствы, — теперь же, съ передачей церковныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе чиновниковъ, права народа на національное имущество и вліяніе его на духовенство сводятся къ нулю. Теперь духовенство, превратившись въ правительственныхъ чиновниковъ, получающихъ содержаніе отъ казны, будетъ во всемъ проводить правительственныя тенденціи. Вотъ мотивы, которыми руководились демократически настроенные элементы въ своей агитаціи противъ закона 12 іюня. Духовенство объясняетъ законъ желаніемъ правительства уничтожить автономную армянскую церковь и подчинить ее вліянію православія и ведетъ свою особую агитацію. Националисты въ своихъ прокламаціяхъ призываютъ бороться во имя попранныхъ національныхъ правъ, во имя нанесенной всей націи обиды. Всѣ сходятся на одномъ, что надо во чтобы то ни стало бороться противъ хищничества царя, противъ существующаго политическаго режима.

Вслѣдъ за изданіемъ закона во всѣхъ населенныхъ армянами центрахъ стали происходить многочисленныя собранія, принимавшія почти одну и ту же резолюцію: послать делегатовъ или отправить петицію къ католикосу съ настойчивой просьбой ни въ какомъ случаѣ добровольно не уступать, причемъ давалось обѣщаніе поддержать всякій протестъ съ его стороны, даже если дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновенія. Такъ, напримѣръ, въ Карсѣ на митингѣ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, состоявшемся въ армянской церкви, была подписана петиція въ указанномъ смыслѣ. Такія петиціи шли даже изъ далекихъ деревень. Отовсюду съѣзжались въ Эчміадзинъ депутаты. Духовенство подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія рѣшило протестовать, и вотъ католикосъ разсылаетъ кондакъ (буллу) по всѣмъ епархіямъ съ распоряженіемъ не передавать имуществъ правительственнымъ чиновникамъ, пока отъ него не будетъ специальнаго разрѣшенія. Одновременно съ этимъ онъ послалъ нѣсколько телеграммъ царю. По поводу этого распоряженія католикоса царь не замедлилъ, конечно, выразить свое недовольство: устами Плеве онъ заявилъ въ письмѣ къ католикосу, что если армянское высшее духовенство будетъ продолжать сопротивляться высшей государственной власти, то на очередь будетъ поставленъ вопросъ о томъ, „насколько дарованный русскимъ монархомъ строй армянской церкви отвѣчаетъ обще-государственнымъ интересамъ" (читай: интересамъ самодержавія!). Это секретное письмо, изданное нашимъ Союзнымъ Комитетомъ съ соотвѣтствующими комментаріями, вызвало среди общества страшное негодованіе и имѣло не устрашающее, какъ вѣроятно предполагалъ Плеве, а наоборотъ возбуждающее значеніе. Вообще правительство своими нетактичными выходками ведетъ очень хорошую агитацію противъ себя и превращаетъ забитыхъ обывателей въ довольно радикальныхъ политиковъ.

Въ виду явнаго боевого настроенія, которое господствовало среди населенія, правительство отложило исполненіе изданнаго закона до первыхъ чиселъ сентября. За это время съ обѣихъ сторонъ шли приготовленія къ стычкѣ: администрація усиливала мѣстные гарнизоны, направила цѣлый рядъ шпіоновъ въ Эриванскую губернію, Карскую область, возбуждала татаръ противъ армянъ, словомъ, мобилизировала свою армію для войны съ „вѣрноподданными". Съ другой стороны готовились къ борьбѣ и оппозиціонные элементы; сорганизовывались всевозможные комитеты, вродѣ „Комитетовъ Самообороны" и т. д., которые не имѣя опредѣленной программы, стремились такъ или иначе стать во главѣ движенія. Организованная соціальдемократія съ своей стороны вела устную и письменную агитацію, призывая всѣхъ товарищей использовать народное недовольство и направить его по революціонному руслу противъ правительства, и во всѣхъ стычкахъ съ самодержавіемъ стоять въ первыхъ рядахъ. Въ то время, какъ многіе националистическіе элементы предлагали облечься въ трауръ и во время манифестацій поднимать черный флагъ, въ то время, какъ они говорили о національной самооборонѣ, наши товарищи рѣзко высказывались противъ такого пассивнаго протеста, указывали на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не подъ чернымъ траурнымъ знаменемъ выступать, а подъ краснымъ „революціоннымъ".

Таково было положеніе дѣлъ, когда начали отбирать имущество. Но до этого былъ еще одинъ весьма характерный актъ массового протеста, который я забылъ отмѣтить выше: 3 августа въ Эривани громадная толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, послѣ богослуженія, окруживъ экипажъ мѣстнаго епископа, направилась изъ города въ Вагаршапатъ (село около Эчміадзина, резиденція католикоса). По дорогѣ къ шествію присоединились новыя толпы изъ деревень. Народъ шелъ заявить католикосу свою рѣшимость бороться до послѣдней капли крови. Вызваны были, конечно, войска и казаки: произошла стычка. Стрѣляли и съ той, и другой стороны, были раненые, но, несмотря на это, толпѣ удалось дойти до Вагаршапата и заявить о своемъ рѣшеніи католикосу. Характерно то, что многіе изъ татаръ примыкали къ шествію, заявляя, что и имъ не мало непріятностей надѣлалъ царь.

Первое кровавое столкновеніе съ царскими башибузуками было въ Елизаветполѣ. 29 августа громадная толпа, собравшись по набату вокругъ дома замѣстителя епархіальнаго начальника, потребовала, чтобы онъ протестовалъ и ни въ какомъ случаѣ не передавалъ имуществъ. Толпа состояла, главнымъ образомъ, изъ прикащиковъ, ремесленниковъ, рабочихъ и учащейся молодежи. Готовая уже къ такимъ волненіямъ, администрація не замедлила явиться на мѣсто со стражниками, казаками и двумя ротами солдатъ. Прибытіе войска сильно возбудило собравшихся; раздались выстрѣлы, и при первомъ натискѣ казаки были отброшены камнями. Солдаты открыли огонь. На мѣсто происшествія явился вице-губернаторъ Андреевъ, — одинъ изъ тѣхъ опричниковъ, которыми такъ полна провинціальная администрація. Онъ собственноручно, по свидѣтельству очевидцевъ, застрѣлилъ молодого армянина, обозвавшаго его подлецомъ и грабителемъ. Убито было десять человѣкъ, ранено около 70, изъ нихъ умерло уже челов. 20; между убитыми есть дѣти. Число убитыхъ и раненыхъ со стороны стражниковъ и казаковъ точно неизвѣстно. Произведено много арестовъ. Полицеймейстеръ сильно нажился на этихъ арестахъ: онъ задерживалъ, какъ бы по подозрѣнію, состоятельныхъ лицъ и потомъ за крупныя взятки отпускалъ. Между арестованными есть и духовныя лица. Несмотря на принятыя правительствомъ мѣры (армянамъ въ эти дни воспрещено было выѣзжать изъ Елизаветполя), подробности елизаветпольской бойни дошли до Тифлиса и взбудоражили все населеніе.

31 августа въ воскресенье въ оградѣ армянскаго Ванкскаго собора по почину мѣстныхъ націоналистовъ и духовенства была

нынѣшнемъ году собираніе путемъ мѣстныхъ опросовъ статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ примѣненіе этой мѣры вызывается мѣстными условіями“. Эта мѣра противъ статистиковъ, уже знакомая намъ съ прошлаго года, прекрасно освѣщается слѣдующими словами „Мос. В.“ (№ 232): „Кто можетъ счесть, сколько бумаги и типографскаго труда безплодно поглотили однѣ земскія статистическія работы, около которыхъ кормились *всѣ отбросы нашихъ революціонныхъ движеній*“. Слова эти были сказаны по поводу отказа министерства въ разрѣшеніи Моск. Земской Управѣ издавать свой органъ. „Всѣ эти земскія газеты“, комментировали „Моск. Вѣд.“ этотъ отказъ, „являются, на смѣну статистикѣ, притономъ для указанныхъ отбросовъ“. Чтобы пресѣчь на будущее время такія „нежелательныя“ явленія, министерство рѣшило пересмотрѣть дѣла и положеніе московскаго земства на тѣхъ же началахъ, на какихъ было недавно реорганизовано петербургское городское управленіе. Взялся за этотъ подвигъ товарищъ министра внутр. дѣлъ Зиновьевъ.

Однако, всѣ эти построенія внутренней политики оказались бы очень шаткими, еслибы правительство не чувствовало подъ собой крѣпкой почвы въ видѣ военной силы. Неудивительно, что въ моментъ такого всенароднаго смятенія оно употребляетъ всѣ средства для обезпеченія за собой этой силы и огражденія ея отъ тлетворныхъ вліяній. Усомнившись во всеспасительномъ дѣйствіи жестокой военной дисциплины, оно начинаетъ прибѣгать къ подкупу и заискиванію. За послѣдніе мѣсяцы въ легальной и нелегальной прессѣ опубликованъ былъ цѣлый рядъ случаевъ денежнаго награжденія солдатъ за доставленіе начальству найденныхъ или полученныхъ прокламацій и за арестъ раздававшихъ прокламаціи лицъ. Не довольствуясь этимъ, правительство не брезгаетъ и мѣрами во вкусѣ открытія мощей Серафима. „По всѣмъ воинскимъ присутствіямъ“, пишетъ „Харьковскій Листокъ“ въ № 1182, „разосланы циркуляры *министра внутреннихъ дѣлъ (?)*, въ которыхъ... предлагается впредь новобранцевъ приводить къ присягѣ на вѣрность службы *не въ канцеляріяхъ, а въ храмахъ*“. Церковно-театральная обстановка обряда должна сильнѣе запечатлѣть въ душѣ солдата присягу на вѣрность царю, чѣмъ канцелярская формалистика.

Однако, всего характернѣе для новаго курса слѣдующій образчикъ „сердечнаго попеченія“: „Въ виду значительнаго уже числа больныхъ отъ частей ввѣреннаго мнѣ отряда въ Читинскомъ лазаретѣ“, говорится въ приказѣ ген. Артамонова (Харьк. Губерн. Вѣд.), „*чувства тоски и заброшенности*, какія испытываютъ нижніе чины, прошу дежурныхъ по лазарету *обходить* всѣхъ больныхъ своей бригады, *справляться объ ихъ нуждахъ, записывать* все, о чемъ будутъ просить... Прошу дежурныхъ по лазарету найти время *почитать* имъ что-либо изъ имѣющихся въ полковыхъ библіотекахъ книжекъ, или, просто, *потолковать* съ ними... Никогда не слѣдуетъ забывать, что прочная спайка роты.... являющаяся залогомъ успѣха въ бою, зависитъ отъ строгаго, добросовѣстнаго исполненія требованій военной дисциплины прежде всего, а затѣмъ — *отъ искренней, сердечной заботы* офицера о дѣйствительныхъ нуждахъ солдата, который *очень чутокъ и отзывчивъ къ ласкѣ и заботѣ*, оказанной ему въ тяжелые періоды его службы“.

Планъ-тактика Плеве естественно ведетъ къ концентраціи силъ правительства и къ сосредоточенію всей власти въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Объявленіе чуть не всей Россіи на положеніи усиленной охраны, введеніе арміи стражниковъ и новаго типа урядниковъ, пересмотръ положеній о петербургскомъ городскомъ управленіи и предстоящій такой же пересмотръ положеній о московскомъ земствѣ — все это значительно способствовало усиленію и дисциплинировкѣ силъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Но этимъ Плеве не ограничился. Недавно только была подчинена власти губернаторовъ фабричная инспекція, а уже опубликовано новое положеніе о такомъ же подчиненіи горной окружной инспекціи („Новое Время“ № 9880) и носятся не менѣе сенсаціонные слухи о передачѣ податной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутр. дѣлъ („Русс. Вѣд.“ № 244). Такъ думаютъ опутать рабочій классъ и крестьянство густой сѣтью, всѣ нити которой сходятся въ департаментѣ полиціи.

Но, понятно, такая передача всѣхъ оффиціальныхъ элементовъ, соприкасающихся съ рабочими и крестьянами, равнозначущая переводу чиновниковъ на должность сыщиковъ, требуетъ и соотвѣтственнаго подбора должностного персонала. Честные люди на такую службу не пойдутъ — приходится пополнять кадры всякимъ сбродомъ. Удивительно-ли, что чуть не ежедневно раскрываются самыя возмутительныя преступленія, не говоря уже о тѣхъ, которыя скрываются и покрываются высшей властью. Удивительно-ли, что правительство „милуетъ“ уличенныхъ и приговоренныхъ судомъ мошенниковъ, разъ только можетъ положиться на ихъ вѣрность „царю и отечеству“. Пресловутый кронштадскій полицеймейстеръ Шафровъ уже помилованъ и скоро опять будетъ кататься на „собственныхъ пожарныхъ лошадяхъ“. И въ такомъ исходѣ дѣла увѣрены всѣ „вѣрные слуги царевы“. Что за бѣда, что житомирскій брандмейстеръ отданъ подъ судъ за возмутительнѣйшія мошенничества, что за бѣда, что смѣщенъ его покровитель, житомирскій полицеймейстеръ („Русс. Вѣд.“ № 238), или возбуждено дѣло противъ пристава Теръ-Грикурова въ Тифлисѣ („Рус. В.“ № 245). Пусть „неблагонадежные“ люди уличаютъ земскаго начальника Малевинскаго въ ростовщичествѣ („Рус. В.“ № 244, изъ Тамбова) — слугамъ царевымъ и горя мало, они знаютъ, что, если даже и судъ ихъ осудитъ, царь проститъ. Оттого-то они и позволяютъ себѣ издѣваться надъ личностью и жизнью гражданъ, убивая ни въ чемъ неповинныхъ людей въ участкахъ (дѣло въ Сочи, „Право“ № 36), избивая ни съ того, ни съ сего мирныхъ обывателей (дѣло Меньшикова, „СПБ. Вѣд.“ № 238), насилуя приглянувшихся женщинъ, которыхъ власти потомъ объявляютъ проститутками, по примѣру дѣла Золотовой (дѣло Антоновой, „СПБ. В.“ № 224).

Эта оргія людей „порядка“, гдѣ царь обнимается съ жандармомъ, а благонамѣренная интеллигенція братается съ сыщиками, представляетъ характерное знаменіе времени. Правительство чуетъ, что въ воздухѣ виситъ „не бунтъ, а революція“, и ставитъ свой послѣдній козырь.

* * *

Оперированіе правительства мощами Серафима нашло, къ стыду либеральнаго общества, откликъ въ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“. Ко дню торжества сорокалѣтія этой либеральной газеты, какъ сообщаетъ она сама, „служащіе въ типографіи, на средства, собранныя по подпискѣ между ними, поставили въ помѣщеніи типографіи *икону первыхъ славянскихъ просвѣтителей св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія*. Въ 12 часовъ дня, *по освященіи иконы*, началась „*панихида*“ по умершихъ основателяхъ и сотрудникахъ газеты. Далѣе слѣдовало „*молебствіе*“. Далѣе наборщики подносятъ „*икону*“ фактору типографіи. И вся эта недостойная комедія происходитъ въ редакціи газеты, которая тутъ же заявляетъ, что „есть извѣстные принципы, выработанные культурнымъ человѣчествомъ... которые не должны быть чужды никакому народу и не могутъ быть *безъ вреда* нарушаемы *ни въ какихъ условіяхъ*“ („Рус. Вѣд.“ № 243). Во имя интересовъ всѣхъ русскихъ рабочихъ должны мы поставить къ позорному столбу тѣхъ либераловъ, которые не только сами съ лицемѣрнымъ ханжествомъ устраиваютъ „панихиды“ и „молебны“, но и отупляютъ зависящихъ отъ нихъ рабочихъ, доводя ихъ до постановки и подношенія иконъ. Для либераловъ „свобода и просвѣщеніе“ („Русскія. Вѣд.“ № 243), для „народа“ молебенъ и иконы.

МАКСИМУМЪ БЕЗЗАСТѢНЧИВОСТИ И МИНИМУМЪ ЛОГИКИ.

Въ № 46 мы перепечатали резолюцію V съѣзда Бунда о положеніи Бунда въ Р. С.-Д. Р. П. и дали свою оцѣнку ея. Загр. Ком. Бунда отвѣчаетъ намъ весьма подробно и зѣло сердито въ листкѣ своемъ отъ 9/22 сент. Самой существенной частью этого сердитаго отвѣта является слѣдующее феноменальное открытіе: „*Кромѣ устава-максимумъ* (sic!), *пятый съѣздъ Бунда выработалъ еще уставъ-минимумъ*“, и сей минимумъ полностью и приводится, причемъ въ двухъ примѣчаніяхъ поясняется, что „отверженіе автономіи“ и требованіе согласія Ц. К. Бунда на обращеніе къ еврейскому пролетаріату со стороны другихъ входящихъ въ партію частей „*должно быть выставлено, какъ ультиматумъ*“. Такъ рѣшилъ V съѣздъ Бунда.

Неправда ли, какъ это... красиво? Съѣздъ Бунда выработалъ *сразу* два устава, опредѣляя сразу — и максимумъ и минимумъ своихъ желаній или требованій. При этомъ минимумъ благоразумно (о, въ высшей степени благоразумно!) прячется въ карманъ. Опубликовывается (въ листкѣ отъ 7/20 августа) только максимумъ и при этомъ *публично*, прямо и ясно заявляется, что этотъ максимальный проектъ устава „долженъ быть предложенъ II-му съѣзду Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, какъ *базисъ* для обсужденія (это замѣтьте!) вопроса о положеніи Бунда въ партіи“. Оппоненты нападаютъ, конечно, на этотъ максимумъ съ особенной яростью именно потому, что это — максимумъ, что это — „послѣднее слово“*) направленія, ими осуждаемаго. Тогда, *черезъ мѣсяцъ*, люди, не испытывая ни малѣйшаго смущенія, вытаскиваютъ изъ кармана „минимумъ“ и грозно добавляютъ: „*ультиматумъ*“!

Это уже не „послѣднее слово“, а настоящая *крайняя цѣна*... Только крайняя-ли, господа? Нѣтъ-ли у васъ въ другомъ карманѣ минимальнаго минимума? Не выступитъ-ли онъ на свѣтъ божій еще эдакъ примѣрно черезъ мѣсяцъ?

Мы сильно опасаемся, что бундовцамъ вся „красота“ этихъ максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затѣмъ сбавить 75% и заявить: „послѣдняя цѣна“, — да развѣ иначе торговать можно? Да развѣ между торгашествомъ и политикой есть разница?

Есть, господа, смѣемъ васъ увѣрить, что есть. Во первыхъ, въ политикѣ нѣкоторыя партіи проводятъ систематически извѣстные *принципы*, а изъ за принциповъ торговаться неприлично. Во-вторыхъ, когда люди, причисляющіе себя къ одной партіи, разсматриваютъ нѣкоторыя свои требованія, какъ ультиматумъ, т. е. какъ условіе самой принадлежности къ партіи, то политическая честность требуетъ, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось „*на время*“ въ карманъ, а напротивъ, выдвигалось открыто и опредѣленно съ самаго начала.

Мы давно уже проповѣдуемъ бундистамъ эти нехитрыя истины. Еще въ февралѣ (№ 33) мы писали, что играть въ прятки неумно и недостойно, что Бундъ выступилъ отдѣльно (съ заявленіемъ объ О. К.) ибо хотѣлъ выступить, *какъ сторона*, ставящая всей партіи *условія*. За такую оцѣнку дѣла насъ обдали тогда цѣлымъ ушатомъ специфически-бундовскихъ (можно сказать съ равнымъ правомъ: специфически-базарныхъ) ругательствъ, а между тѣмъ *событія показали теперь, что мы были правы*. Именно *стороной* выступаетъ Бундъ въ рѣшеніяхъ V съѣзда, ставя всей партіи прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда отъ бундовцевъ, доказывая, что она неизбѣжно вытекаетъ изъ занятой ими позиціи: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а въ концѣ концовъ должны-таки были показать свой „минимумъ“.

Это курьезно, но еще гораздо курьезнѣе то, что Бундъ продолжаетъ увертываться и теперь, продолжаетъ говорить о „лживости“ „стараго, всѣмъ извѣстнаго искровскаго измышленія о томъ, что Бундъ хочетъ вступить въ федеративный союзъ съ Рос. Партіей“. Лживо это измышленіе-потому дескать, что въ § 1 устава, предлагаемаго Бундомъ, прямо сказано о желаніи Бунда быть частью партіи, а не состоять съ нею въ союзѣ.

Очень хорошо, господа! Но не говорится-ли въ томъ же параграфѣ, что Бундъ есть *федеративная* часть партіи? не говорится-ли во всемъ уставѣ-максимумъ о договаривающихся сторонахъ? не говоритъ-ли уставъ-минимумъ объ *ультиматумѣ* и объ измѣненіи „основныхъ пунктовъ“ лишь съ взаимнаго согласія входящихъ въ партію частей, причемъ ни мѣстныя, ни районныя организаціи частями партіи въ этомъ отношеніи не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не можетъ быть ни мѣстная, ни районная организація, а исключительно „сплоченная часть такого же характера какъ Бундъ“. Вы сами для примѣра указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть „соціальдемократія польская, литовская, латышская“, „*если бы онѣ находились въ партіи*“, какъ вы благоразумно добавляете. Ну, а если онѣ не находятся въ партіи? и если федерація національныхъ организацій, желательная для васъ, не

---

*) Кстати. Чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выраженіе „Послѣднія Извѣстія“ особенно на насъ обрушились. Почему послѣднее слово, когда оно (требованіе федераціи) больше двухъ лѣтъ тому назадъ сказано? „Искра“ разсчитываетъ на безпамятство читателя!.. Успокойтесь, успокойтесь, господа: послѣднимъ словомъ вашъ уставъ-максимумъ названъ авторомъ статьи именно потому, что *это слово* было сказано два дня (примѣрно) передъ №. 46 „Искры“, а не два года тому назадъ.

отслужена панихида по убитымъ въ Елизаветполѣ въ присутствіи мѣстной полиціи, которая не посмѣла вмѣшаться. По окончаніи панихиды наши товарищи разбросали среди колѣнопреклоненной толпы прокламаціи Союзнаго Комитета, и могучіе крики „долой самодержавіе“, „слава погибшимъ борцамъ“, „на улицу, товарищи, на улицу“ оглашали воздухъ. Мирная панихида превратилась въ революціонную демонстрацію! Шествіе направилось къ выходу, но у воротъ столкнулось съ казаками и стражниками. Произошло то же, что и въ Елизаветполѣ, только здѣсь толпа не была подготовлена къ вооруженному сопротивленію. Камнями и револьверными выстрѣлами нѣсколько разъ отбрасывала она казаковъ. Съ обѣихъ сторонъ раненыхъ много, убито два чел. изъ толпы. Одинъ изъ нихъ, ученикъ армянской семинаріи, былъ убитъ городовымъ бляха № 62 наповалъ, когда удалялся въ сосѣдній переулокъ. Послѣ того, какъ значительная часть толпы была разогнана, казаки вступили въ свою обычную роль и начали безъ разбору бить нагайками всѣхъ, кто только попадался подъ руку; словомъ, началась столь обычная въ послѣдніе годы въ Россіи сцена... Ночью произведено масса арестовъ; задерживали ни въ чемъ неповинныхъ людей, между прочимъ, арестовали четырехъ священниковъ. На слѣдующій день должна была начаться сдача имуществъ. Націоналистами готовилась демонстрація. Наши тоже приняли мѣры, чтобы придать демонстраціи, если она состоится, рѣзко революціонный характеръ. Правительство, хорошо сознавая, что при нормальныхъ условіяхъ отнять церковныя имущества будетъ невозможно, превратило нѣсколько кварталовъ вокругъ собора и армянской семинаріи въ военный лагерь. Церковь была запечатана, на колокольнѣ поставлены часовые, языки колоколовъ обернуты рогожей. Самъ сатрапъ Голицынъ ѣздилъ утромъ осматривать военныя приготовленія. Не было никакой физической возможности помѣшать работѣ засѣдающей въ это время въ семинаріи коммиссіи по пріемкѣ. Коммиссія засѣдала въ присутствіи попечителей *), состоящихъ изъ мѣстныхъ буржуа, которые вначалѣ рѣшили бойкотировать коммиссію, не давая ей возможности разобраться въ документахъ. Но на засѣданіе явился губернаторъ и громовой рѣчью напугалъ этихъ и такъ уже трусившихъ буржуевъ до того, что они совсѣмъ забыли про свое рѣшеніе. Надо было только видѣть, какъ выражали свой протестъ эти сытые люди, не желающіе ни начальство разсердить, ни народъ обозлить. Весь ихъ протестъ заключался въ томъ, что они указывали, гдѣ лежатъ книги и документы, но собственноручно не передавали ихъ предсѣдателю коммиссіи. Ключъ же отъ кассы вмѣсто того, чтобы передать на руки кому-нибудь изъ членовъ коммиссіи, положили на столъ. Въ то время, когда во всемъ Закавказьѣ простой народъ шелъ на смерть, эти разжирѣвшіе толстосумы такъ рабски подчинялись предписаніямъ правительства. Говорятъ, коммиссія описала имущества уже при трехъ церквахъ. Городъ находится въ большомъ возбужденіи: вездѣ и днемъ, и ночью разъѣзжаютъ патрули. Нѣкоторыя церкви совсѣмъ опечатаны и въ нихъ не бываетъ богослуженія.

Царь объявилъ войну церкви! На здоровье, пусть бьютъ другъ друга эти два исконные врага трудящагося народа.

Въ Баку, въ этомъ центрѣ кавказскаго пролетаріата съ многочисленнымъ армянскимъ населеніемъ, столкновеніе должно было принять болѣе крупные размѣры. И дѣйствительно, 2 сентября къ пяти часамъ вечера громадная толпа, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ мастеровыхъ, ремесленниковъ и молодежи, по звону колоколовъ собралась около армянскаго собора на парапетѣ, этомъ традиціонномъ мѣстѣ бакинскихъ демонстрацій. Церковь имѣетъ высокую каменную ограду, за которую и засѣли демонстранты; большинство было вооружено и рѣшило бороться до конца. Стянутыя еще раньше въ Баку изъ разныхъ мѣстъ Кавказа войска и казаки были наготовѣ и не замедлили появиться на парапетѣ. Ихъ встрѣтили выстрѣлами и камнями. Со стороны войска тоже началась стрѣльба, и перестрѣлка тянулась больше часа. Число убитыхъ съ той и другой стороны неизвѣстно. Правительство въ своемъ сообщеніи съ цинизмомъ заявляетъ, что „мятежники отступили, подбирая раненыхъ и убитыхъ“. Всѣ обращаютъ вниманіе на то, что демонстрантовъ правительство объявляетъ мятежниками; недалеко то время, когда оно оффиціально должно будетъ признать существованіе не мятежа, а возстанія! По правительственному сообщенію арестовано 45 чел. съ оружіемъ въ рукахъ, но на самомъ дѣлѣ задержанныхъ больше. Патрули, разъѣзжающіе по городу, а также усиленные наряды полиціи обыскиваютъ по улицамъ положительно всякаго армянина и задерживаютъ всякаго подозрительнаго. Выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера можно только съ пропускнымъ билетомъ. Полиція ходитъ по домамъ и предупреждаетъ всѣхъ, чтобы въ воскресенье не выходили на улицу, такъ какъ ей, де, трудно разобрать, кто мирный, а кто бунтуетъ. Между патрулями и молодежью нѣсколько разъ были кровавыя стычки. Ненависть къ правительству растетъ съ каждымъ днемъ. Событіями 2 сентября только начался протестъ, какую форму онъ приметъ въ дальнѣйшемъ, еще неизвѣстно; какъ бы-то ни было — нужно ожидать еще болѣе крупныхъ стычекъ.

Такого же характера стычки, какъ въ Елизаветполѣ, Тифлисѣ и Баку, были въ Александрополѣ, Карсѣ, Шушѣ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Всюду народъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчалъ царскихъ чиновниковъ, всюду бывали стычки съ войсками и подробное описаніе событій каждаго города сильно удлинило бы корреспонденцію. Укажемъ на слѣдующій вполнѣ достовѣрный и хотя курьезный, но характерный фактъ: для усмиренія безпорядковъ въ г. Шушѣ, туда вмѣстѣ съ войсками отправлена была артиллерія. Совсѣмъ, какъ во время войны! Въ Тифлисѣ тоже, какъ утверждаютъ, пушки направлены съ арсенала на городъ, а въ Баку Каспійскій флотъ приблизился къ берегу! Вотъ вамъ и „сила“, „могущество“ самодержавія! При первомъ серьезномъ вооруженномъ взрывѣ народнаго недовольства, оно совсѣмъ потеряло голову!

Чѣмъ всѣ эти событія кончатся, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ еще долго, вѣроятно, будетъ тянуться эта упорная борьба ограбленнаго народа, у котораго чаша терпѣнія переполнилась. Однимъ изъ результатовъ теперешнихъ событій на Кавказѣ является ростъ революціоннаго сознанія, ростъ непримиримо-враждебнаго настроенія по отношенію къ самодержавію даже въ глухихъ деревняхъ. Нелегальная литература разбирается на расхватъ. Отовсюду Союзный Комитетъ получаетъ требованія на агитаціонную литературу. Во время этихъ событій прокламаціи наши проникли во всѣ уголки Кавказа, гдѣ только есть армянское населеніе, и въ скоромъ времени намъ удастся сорганизовать тамъ свои кружки.

Кавказецъ.

Отмѣчаемъ съ удовольствіемъ, что наши кавказскіе товарищи совершенно правильно оцѣнили политическое значеніе царскаго похода на армянскія церковныя имущества и показали своимъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ вообще соціальдемократіи относиться ко всякимъ подобнаго рода явленіямъ. Конечно, не соц.-демократы станутъ защищать привилегіи церкви. Соціальдемократы требуютъ въ своей программѣ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, требуютъ экспропріаціи церковныхъ имуществъ. Соц.-дем. возстаютъ противъ отупляющей народъ и реакціонной пропаганды, которую ведутъ представители церкви.

Но мы требуемъ экспропріаціи церковныхъ имуществъ народнымъ (демократическимъ) правительствомъ и въ пользу народа, а не полицейскимъ правительствомъ въ пользу полиціи. Мы добиваемся полной свободы слова, совѣсти и союзовъ — всѣхъ и всякихъ союзовъ, слѣдовательно, и церковныхъ союзовъ въ томъ числѣ. Мы отстаиваемъ право каждой національности на самоопредѣленіе и, слѣдовательно, должны безусловно возстать противъ насильственнаго вторженія самодержавія въ дѣла, касающіяся однихъ армянъ.

Именно на примѣрѣ этой борьбы за свободу церковныхъ союзовъ мы можемъ уяснить себѣ особенно наглядно, какъ слѣдуетъ примѣнять на дѣлѣ тотъ пунктъ нашей программы, который требуетъ признанія за каждой націей права на самоопредѣленіе. Армяне имѣютъ церковныя общества, которыя сами распоряжаются всѣми своими церковными дѣлами и церковными имуществами въ томъ числѣ. Мы, соціальдемократы, будемъ, конечно, агитировать за то, чтобы армяне нашли лучшее употребленіе для этихъ имуществъ, чтобы они обратили ихъ не на церковныя нужды, а на нужды народа, на облегченіе податного гнета, на улучшеніе условій труда рабочихъ, на поддержку борьбы за свободу; мы будемъ объединять армянскихъ пролетаріевъ между собой и съ русскими рабочими для борьбы за экспропріацію всѣхъ ихъ экспропріаторовъ. Но отъ полицейскаго насилія мы должны защищать и будемъ защищать не только пролетаріевъ, а всѣ классы общества, даже и поповъ въ томъ числѣ. Во имя свободы союзовъ и свободы самоопредѣленія мы требуемъ, чтобы царское правительство не смѣло налагать руку на армянскія церковныя имущества. Съ армянскими церковными союзами мы хотимъ бороться посредствомъ свободныхъ армянскихъ рабочихъ союзовъ, а противъ самодержавнаго полицейскаго насилія мы должны бороться въ первыхъ рядахъ, на какіе бы слои народа и по какому бы поводу это насиліе ни падало. Только при этомъ условіи намъ и будетъ принадлежать *гегемонія въ борьбѣ съ царизмомъ*.

Ред.

---

*) Выборные отъ народа для управленія школьными имуществами.

признается желательной и рѣшительно отвергается всей остальной партіей? Вѣдь вы прекрасно знаете, что дѣло обстоитъ именно такъ, вы сами прямо заявляете, что требованіе построить всю партію на базисѣ федераціи національностей **вами уже не выдвигается**. Спрашивается, *къ кому же* обращаетесь вы съ *ультиматумомъ?* Не очевидно-ли, что ко всей партіи кромѣ Бунда? Вмѣсто того, чтобы доказать лживость искровскаго измышленія, вы только обнаруживаете минимумъ логики въ вашихъ увертках.

Но, позвольте, — возражаютъ намъ бундовцы, — вѣдь мы даже и федерацію выкидываемъ изъ своего устава-минимумъ! Это устраненіе „страшнаго" слова, дѣйствительно, самый интересный эпизодъ въ пресловутомъ переходѣ отъ максимума къ минимуму. Нигдѣ, можетъ быть, беззаботность Бунда насчетъ принциповъ не выразилась такъ наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какія блага въ мірѣ не хотите признать федеративнаго „принципа организаціи". Но мы же вѣдь не догматики, мы „ставимъ вопросъ на чисто-практическую почву". Вамъ не нравится какой-то тамъ принципъ? Чудаки! Такъ мы обойдемся вовсе безъ принципа, мы „формулируемъ § 1 такъ, чтобы онъ не являлся декларацiей опредѣленнаго принципа организаціи". „Центръ тяжести вопроса не въ принципіальной формулировкѣ, предпосланной уставу, а въ конкретныхъ пунктахъ его, выведенныхъ изъ разсмотрѣнія потребностей евр. рабочаго движенія, съ одной стороны, и движенія въ цѣломъ — съ другой" (стр. 1 листка отъ 9/22 сент.).

Это разсужденіе до того прелестно по своей наивности, что такъ и хочется расцѣловать его автора. Бундистъ въ серьезъ повѣрилъ тому, что догматики боятся только нѣкоторыхъ страшныхъ словъ, и рѣшилъ, что если эти слова удалить, то догматикъ въ конкретныхъ-то пунктахъ ничего не пойметъ! И вотъ бундистъ трудится въ потѣ лица своего, составляетъ максимумъ, запасаетъ (на черный день) минимумъ, готовитъ ультиматумъ № 1, ультиматумъ № 2.. Oleum et operam perdidisti, amice! Другъ мой, ты напрасно теряешь время и трудъ. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаленіе вывѣски, догматикъ усматриваетъ федеративный принципъ и въ „конкретныхъ пунктахъ" минимума. Этотъ принципъ виденъ и въ требованіи не ограничивать часть партіи никакими районными рамками, и въ притязаніи на „единственное"*) представительство еврейскаго пролетаріата, и въ требованіи „представительсгва" въ Ц. К. партіи, и въ отнятіи у Ц. К. партіи права вступать въ сношенія съ частями Бунда безъ согласія Ц. К. Бунда, и въ требованіи признать основныя пунты измѣняемыми лишь съ согласія *частей* партіи.

Нѣтъ, господа. Центръ тяжести того вопроса о положеніи Бунда въ партіи, который стоитъ передъ нами, лежитъ именно въ декларацiи опредѣленнаго принципа организаціи, а отнюдь не въ конкретныхъ пунктахъ. Центръ тяжести — въ *выборѣ* пути. Узаконить-ли особность бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее въ принципѣ и стать открыто, опредѣленно, рѣшительно и честно на путь большаго и большаго, тѣснѣйшаго и тѣснѣйшаго сближенія и слiянія со всей партіей. Сохранить обособленность или *повернуть къ слiянію.* Такова дилемма.

Рѣшеніе этой дилеммы зависитъ отъ доброй воли Бунда, ибо „насильно милъ не будешь", какъ говорили мы еще въ № 33. Если вы *хотите* повернуть къ слiянію, тогда вы отвергнете федерацію и примете автономію. Тогда вы поймете, что автономія гарантируетъ такую постепенность процесса слiянія, при которой переорганизація произошла бы съ минимальной ломкой и притомъ такъ, чтобы еврейское рабочее движеніе ничего не теряло, а все выигрывало отъ этой переорганизаціи и отъ этого слiянія.

Не хотите повернуть къ слiянію, — тогда вы будете стоять за федерацію (въ максимальной или въ минимальной ея формѣ, съ декларацiей или безъ декларацiи) тогда вы будете бояться „майоризированія," тогда вы превратите печальную обособленность Бунда въ фетишъ и станете по поводу уничтоженія обособленности кричать объ уничтоженіи Бунда, тогда вы станете искать обоснованія своей обособленности и въ этихъ поискахъ то хвататься за сіонистскую идею еврейской „*націи*", то прибѣгать къ демагогіи и къ сплетнямъ.

Теоретически обосновать федерализмъ можно только националистическими идеями, и намъ странно было бы доказывать бундовцамъ, что не случайно декларація федерализма приходится на тотъ самый IV-ый съѣздъ, который вынесъ декларацію о существованіи еврейской націи.

Практически дискредитировать идею слiянія можно только посредствомъ наускиванія несознательныхъ и робкихъ элементовъ противъ „чудовищнаго", „аракчеевскаго" организаціоннаго плана Искры, желающей „остричь подъ одну скобку" комитеты и не позволять имъ „ни шагу дѣлать безъ приказанія свыше." Какіе ужасы! Мы не сомнѣваемся, что теперь всѣ комитеты поспѣшатъ взбунтоваться противъ ежевыхъ рукавицъ, аракчеевскаго кулака и проч... Но откуда вы взяли, господа, свѣдѣнія объ этомъ свирѣпомъ организаціонномъ планѣ? Изъ литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Изъ разсказовъ досужихъ партійныхъ кумушекъ, которыя самымъ достовѣрнымъ образомъ знаютъ всѣ, ну рѣшительно всѣ подробности насчетъ этой аракчеевщины? Послѣднее предположеніе, пожалуй, вѣроятнѣе, ибо даже при минимумѣ логики нелегко было бы смѣшать въ одну кучу такое необходимое требованіе, чтобы Ц. К. „*имѣлъ возможность* дойти до послѣдняго человѣка въ партіи," и такое завѣдомо сплетническое пугало, что Ц. К. будетъ „все дѣлать" и „все регламентировать." Или еще: что за пустяки это насчетъ того, что „между периферіей и центромъ" будутъ „lose Organisationen"? Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звонъ, да не поняли, откуда онъ. Какъ нибудь при случаѣ придется имъ разъяснить это подробно.

Хуже всего однако то, что взбунтоваться придется не только мѣстнымъ, но и центральному комитету. Правда, онъ еще не родился, но кумушки доподлинно знаютъ не только день рожденія, а всю судьбу новорожденнаго. Оказывается, что это будетъ Ц. К. „*направляемый группой литераторовъ*". Неправда-ли, какой это испытанный и дешевый пріемъ борьбы? Бундовцы тутъ не первые и, навѣрное не послѣдніе. Чтобы изобличить въ какой-либо ошибкѣ этотъ Ц. К. или О. К., надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей въ томъ, что они дѣйствуютъ не по собственному убѣжденію, а *направляемые* чужой рукой, надо имѣть мужество выступить открытымъ обвинителемъ и взять на себя передъ всей партіей отвѣтственность за такое обвиненіе! Это все — слишкомъ дорого, во всѣхъ смыслахъ дорого. А кумушкины росказни дешевы... Можетъ быть, и клюнетъ. Вѣдь такъ непріятно прослыть человѣкомъ (или учрежденіемъ), котораго „направляютъ," котораго водятъ на помочахъ, который является пѣшкой, креатурой, ставленникомъ „Искры"... Бѣдный нашъ, бѣдный будущій Ц. К.! У кого будетъ онъ искать защиты отъ гнета аракчеевщины? Развѣ вотъ у „самодѣятельныхъ" и чуждыхъ всякой „подозрительности" бундовцевъ?

---

*) „Это слово значенія не имѣетъ", увѣряетъ насъ теперь Бундъ. Странно! Къ чему бы это вставлять не имѣющія значенія слова и въ минимумъ и въ максимумъ? Въ русскомъ языкѣ это слово имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе. Въ данномъ случаѣ оно включаетъ въ себѣ именно „декларацію" и федератизма и національзма. Рекомендуемъ подумать надъ этимъ бундовцамъ, которые не видятъ связи націонализма и федераціи.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Погромъ въ Гомелѣ. Въ пятницу 29 августа, въ пять часовъ вечера, въ одну изъ еврейскихъ лавочекъ на базарѣ зашелъ лѣсникъ графа Паскевича и, купивъ селедку, повздорилъ изъ за чего-то съ лавочницей; въ ссору вмѣшался хозяинъ лавки и вытолкалъ лѣсника изъ лавки на площадь, гдѣ въ это время находилось человѣкъ 50-60 крестьянъ изъ деревень. Когда лѣсникъ заявилъ имъ, что его „побилъ жидъ", крестьянамъ (отчасти подвыпившимъ) показалось это обиднымъ и они съ крикомъ: „бей жидовъ!" бросились на еврейскія лавки. Сбѣжавшаяся толпа лавочниковъ и проходившихъ мимо евреевъ стала защищать избиваемыхъ, и въ происшедшей свалкѣ лѣсникъ былъ убитъ на повалъ однимъ изъ евреевъ. Вѣсть объ этой дракѣ и убійствѣ русскаго моментально облетѣла весь городъ; по городу пошли толки о еврейскомъ погромѣ; всюду были закрыты лавки и магазины. Гомельскій соц.-дем. Комитетъ немедленно организовалъ отрядъ для защиты евреевъ — изъ 200 челов., въ числѣ которыхъ было 40-50 русскихъ рабочихъ; къ дружинѣ присоединилось еще человѣкъ 100 изъ организаціи сіонистовъ-фракціонеровъ. Когда этотъ отрядъ подъ командой своихъ предводителей прибылъ на мѣсто побоища, то онъ увидѣлъ здѣсь такую картину: кучка крестьянъ человѣкъ 30-40 окружила трупъ убитаго лѣсника и возбужденно жестикулируя, кричала, что нужно отомстить евреямъ, нужно всѣхъ ихъ перерѣзать, какъ было въ Кишиневѣ и т. п. Тутъ же находился полиціймейстеръ съ кучкой полицейскихъ; онъ требовалъ, чтобы отрядъ самообороны разошелся, но на его требованіе отвѣтили отказомъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ стали бросать въ рабочихъ камнями и полѣньями, но отрядъ рабочихъ рѣшилъ не отвѣчать на это ничѣмъ, надѣясь успокоить крестьянъ убѣжденіями. Вскорѣ подошелъ вооруженный отрядъ солдатъ. Полиція теперь смѣло стала наступать на рабочихъ, требуя, чтобы они разошлись, и когда руководители отряда отвѣтили, что они уйдутъ только тогда, когда разойдутся всѣ крестьяне, которые иначе снова могутъ начать побоище, — полиціймейстеръ приказалъ солдатамъ разогнать ихъ силой. Раздалась команда: „въ штыки!" и солдаты бросились на рабочихъ. 8 чел. тяжело ранено, причемъ одинъ — отъ выстрѣла изъ револьвера, сдѣланнаго приставомъ первой части. 12 человѣкъ было арестовано (на другой день выпущены). Тутъже на площади наблюдались такія сцены: въ одномъ мѣстѣ купецъ Петраченко и два студента, стоя въ толпѣ крестьянъ, доказывали имъ, что необходимо отомстить жидамъ и устроить настоящій погромъ; въ другомъ — полковникъ, подъ прикрытіемъ патруля, самолично билъ еврея-рабочаго и на просьбу подошедшаго къ нему доктора Захарьина прекратить побоище, отвѣтилъ: „уйди, жидовская харя, или я прикажу сейчасъ стрѣлять!"

Было ясно, что этимъ дѣло не кончится и избіеніе евреевъ можетъ вырости до громадныхъ размѣровъ. Полиція явно была на сторонѣ громилъ и всячески раздувала вражду среди населенія. Гомельскій Комитетъ рѣшилъ не распускать своего отряда, чтобы имѣть возможность каждую минуту выступить на защиту избиваемыхъ. Отрядъ былъ снабженъ холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ; была также усилена агитація среди рабочихъ желѣзнод. депо.

Въ субботу 30 происходили отдѣльныя стычки: человѣкъ 10-12 громилъ ходили по улицамъ, ловили евреевъ и били ихъ. Въ воскресенье былъ арестованъ какой-то субъектъ съ массой прокламацій, приглашавшихъ къ погрому, и фотографическихъ карточекъ убитаго лѣсника.

Въ понедѣльникъ, около 12 час. дня снова всѣхъ охватила паника: всюду кричали, что на площади происходитъ побоище и грабежъ еврейскихъ лавокъ. Отрядъ самообороны разбился на двѣ части — одна пошла на Вокзальную улицу, а другая — на Конную площадь. На Вокзальной улицѣ впереди рабочіе увидѣли роту солдатъ, а дальше былъ слышенъ гулъ погрома. На просьбу заступиться за избиваемыхъ офицеръ отвѣтилъ, что онъ самъ знаетъ, что ему дѣлать; пришлось итти самимъ на защиту, но пройдя дальше, рабочіе наткнулись, прежде всего, не на громилъ, а на роту солдатъ, за спинами которыхъ толпа громилъ съ невѣроятнымъ звѣрствомъ дѣлала свое дѣло... Ясно было, что власти защищали не избиваемыхъ, а помогали убійствамъ и грабежу... Отряду рабочихъ ничего не оставалось дѣлать, какъ попытаться прорвать цѣпь солдатъ. Произошла ужасная сцена: солдаты кололи штыками безъ разбора и съ страшнымъ остервенѣніемъ. Много тяжело раненныхъ рабочихъ легло на мѣстѣ, а также нѣсколько солдатъ. Цѣпь всетаки была прорвана и рабочіе напали на громилъ, которыхъ и разогнали послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

Такая же тяжелая сцена разыгралась и на Конной площади. И тамъ рабочіе наткнулись на солдатскую цѣпь, подъ прикрытіемъ которой свирѣпствовала кучка разбойниковъ. Здѣсь по отряду самообороны былъ данъ залпъ и шесть человѣкъ рабочихъ легло на мѣстѣ; прочимъ пришлось бѣжать... Послѣ этого рабочіе, выступившіе на защиту избиваемыхъ евреевъ, ясно увидѣли, что самъ по себѣ погромъ легко могъ бы быть прекращенъ, но что главнымъ его организаторомъ является полиція, подкрѣпленная военной силой. Бороться дальше — значило вступить въ открытую битву съ войсками и нарядами полиціи... Кое что еще удалось сдѣлать благодаря тому, что большая часть мѣстной военной команды была занята охраной желѣзнодорожнаго депо, гдѣ находится много сознательныхъ рабочихъ: власти боялись ихъ выступленія на защиту евреевъ. Въ городѣ разгуливали толпы громилъ (всего челов. 150), руководителями которыхъ были нѣкоторыя интеллигентныя лица: учитель гимназіи Шалонинъ, студенты, гимназисты, судья Мельниковъ и купецъ Петраченко. Послѣ стычки съ солдатами отрядъ самообороны не оставилъ своего дѣла защиты: во многихъ мѣстахъ онъ разгонялъ кучки громилъ, оставляя мѣстами раненыхъ, а часто и убитыхъ. Большею частью кучки громилъ находились подъ прикрытіемъ полиціи, но съ полиціей самооборона справлялась легко. Вотъ напримѣръ еще сцена, въ которой роль полиціи и военной силы, стало быть роль правительственныхъ агентовъ, не можетъ быть названа иначе, какъ пособничествомъ или даже прямой организаціей разбоя и грабежа: когда въ понедѣльникъ до сборнаго пункта отряда самообороны дошли вѣсти о грабежѣ и насиліяхъ въ мелкихъ лавкахъ (такъ назыв. рундукахъ), для защиты людей тотчасъ же отправилась кучка рабочихъ; и вотъ картина: человѣкъ 10-15 разбойниковъ врывались въ лавки, разбивая предварительно замки и двери, а впереди стоитъ военный патруль подъ предводительствомъ полицейскаго надзирателя — для защиты грабителей отъ хозяевъ лавокъ! Когда рабочій отрядъ обратилъ вниманіе надзирателя на происходящее за его спиной и потребовалъ, чтобы допустили самихъ рабочихъ разогнать громилъ, то въ отвѣтъ на это послѣдовала команда: „ружья на руку!" и рабочимъ пришлось уступить... Еще сцена: на главной улицѣ четыре каменщика, сойдя съ постройки, напали на еврея и убили его: рядомъ стоялъ офицеръ съ патрулемъ; когда кто-то изъ евреевъ указалъ ему на убійство, онъ отвѣтилъ: „эка важность убить жида!" и обращаясь къ каменщикамъ, добавилъ: „вотъ и еще одинъ — дайте и ему!" и этотъ былъ тяжело раненъ кирпичемъ.

На всѣ телеграммы губернатору и министру внутр. дѣлъ не было получено никакого отвѣта.

Во вторникъ прибыло много рабочихъ изъ другихъ городовъ для защиты избиваемыхъ евреевъ; въ числѣ ихъ было много русскихъ. Но съ этого дня побоища и грабежа уже не было. Въ четвергъ Гомель былъ объявленъ на военномъ положеніи. Отрядъ самообороны былъ распущенъ лишь въ субботу, когда жизнь понемногу начала входить въ свою обычную колею.

Въ четвергъ прибылъ въ Гомель могилевскій губернаторъ Клингенбергъ. Мѣстная буржуазія тутъ-же снарядила депутацію къ нему съ просьбой о защитѣ, но помпадуръ отвѣтилъ имъ очень недвусмысленно: „что, дождались — чего хотѣли? Сами виноваты, что такъ вышло — зачѣмъ такъ воспитываете дѣтей? Вы просите защиты? Какая вамъ еще защита нужна, — у васъ вѣдь есть она — ваши соціальдемократы... я вѣдь знаю: порядочная публика всегда во время сумѣетъ уѣхать изъ города, а эту дрянь мы переловимъ!" Выступившему было для отвѣта депутату губернаторъ своей собственной рукой закрылъ ротъ. Теперь депутація отправилась искать правды къ другому звѣрю — фонъ Плеве: авось ей тамъ повезетъ! Добудутъ самую доподлинную правду, чтобы въ другой разъ не приходилось искать..

Орелъ. Помпадуръ-подстрекатель. Орловскій губернаторъ Балясный въ достаточной мѣрѣ извѣстенъ уже всѣмъ въ качествѣ свирѣпаго и дикаго администратора. Въ свое время нелегальная печать отмѣчала его подвиги, какъ полтавскаго и виленскаго вице-губернатора, и — позднѣе — какъ орловскаго губернатора; напомнимъ только ту роль, которую онъ игралъ при казни Г. Лекерта, и его неудачную попытку сдѣлать своими шпіонами нѣкоторыхъ гласныхъ орловскаго губернскаго земства. Но всѣ его прежніе подвиги безспорно затмеваются послѣднимъ, совершеннымъ въ началѣ августа. Вдохновляемый общей политикой своего покровителя, Плеве, и желая пуще блеснуть усердіемъ, Балясный рѣшилъ ни больше ни меньше, какъ устроить еврейскій погромъ въ Орловской губ., хотя она лежитъ внѣ черты осѣдлости, и тамъ живетъ очень мало евреевъ. Погромомъ онъ хотѣлъ убить, повидимому, не двухъ, а цѣлыхъ трехъ зайцевъ: 1) погромъ очень понравился-бы Плеве, 2) погромъ отвелъ-бы въ другую сторону вниманіе крестьянъ, сильно возбужденныхъ какъ „Письмами къ крестьянамъ" (изд. брянскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи), такъ и листками соц.-рев., которые призываютъ крестьянъ къ нападенію на помѣщичьи усадьбы; 3) погромъ помогъ бы Балясному добиться введенія въ Орл. губ. усиленной охраны, по которой онъ смертельно тоскуетъ, жалуясь своимъ немногочисленнымъ знакомымъ, что онъ связанъ теперь по рукамъ и по ногамъ. (Говорю „немногочисленнымъ" потому, что орловское дворянство, предводительствуемое „либеральнымъ" „Мишей Стаховичемъ," считаетъ для себя позорнымъ вести знакомство съ такимъ безобразнымъ бюрократомъ, какъ Балясный). Итакъ, желая устроить погромъ и узнавъ, что однимъ изъ наиболѣе населенныхъ евреями пунктовъ въ Орл. губ. является ст. Дубровка Р. О. ж. д. Брянскаго уѣзда, гдѣ живетъ сравнительно много евреевъ лѣсопромышленниковъ, губернаторъ сочинилъ листокъ такого содержанія:*) „*Староста деревни Долое. Г. Губернаторъ приказываетъ тебѣ съ твоимъ обществомъ прибыть 6 августа на ст. Дубровка отбирать еврейское имущество и жидовъ бить, водку пить. Губернаторъ.*"

Листокъ этотъ былъ привезенъ въ типографію Губернскаго Правленія губернаторскимъ чиновникомъ Покровскимъ (смотритель казенныхъ зданій) и сданъ имъ въ наборъ; при немъ было напечатано около 200 экземпляр., которые онъ и увезъ съ собой. На другой же день листки были разбросаны (вѣроятно, „агентами") въ окрестностяхъ ст. Дубровки.

Погромъ не состоялся, такъ какъ во время предупрежденные о разбросанныхъ листкахъ евреи тотчасъ выселялись всѣ со ст. Дубровки. Но листки достигли другой цѣли, не предвидѣнной ихъ авторомъ: одновременно съ тѣмъ, какъ листки были разбросаны въ деревняхъ, нѣсколько штукъ ихъ пошло гулять по Орлу, не смотря на всю конспиративность Покровскаго и „надежность" типографщиковъ; догадливые люди достали образцы тѣхъ шрифтовъ типографіи Губ. Прав., которыми былъ напечатанъ листокъ, сфотографировали ихъ вмѣстѣ съ листкомъ и пустили снимки въ обращеніе по городу. Пусть займутся сравненіемъ шрифтовъ тѣ люди, которые не вѣрятъ, когда имъ указываютъ истинные источники „междурасовой" вражды, истинныя причины такихъ ужасовъ, какъ Кишиневскій погромъ!... Весьма поучительное занятіе!...

Брянскій Комитетъ готовится выпустить на-дняхъ листокъ по поводу этой выходки губернатора.

Псковъ. Общеніе съ возлюбленнымъ монархомъ совершилось и стало воспоминаніемъ, пріятнымъ для однихъ и нѣсколько грустнымъ для другихъ. Начальство и полиція получили осязательные знаки царскаго расположенія, въ видѣ чиновъ, орденовъ, портсигаровъ и проч. (послѣдніе раздавались всѣмъ полицейскимъ чиновникамъ въ чинѣ выше городового). Обывателя побаловали не столь осязательной, хотя и напечатанной крупнымъ шрифтомъ благодарностью за „порядокъ и благочиніе" во время *высочайшаго* проѣзда; любуется обыватель на эту благодарность, расклеенную и розданную на руки, и съ грустью, вѣроятно, вспоминаетъ о расходахъ, понесенныхъ на украшеніе и освѣщеніе своей обители. Но самыя *цѣнныя* воспоминанія остаются на долю пригородныхъ крестьянъ: маневрировавшее христолюбивое воинство помяло поля, поѣло огороды и побѣдоносно удалилось, предоставивъ владѣльцамъ самимъ искать возмѣщенія своихъ убытковъ.

Какъ всегда и вездѣ — самое главное въ описываемой арлекинадѣ не самый моментъ общенія, слишкомъ мимолетный, а прелюдія, растягиваемая на недѣли. Эту прелюдію обыватель наблюдаетъ со стороны и въ то же время исполняетъ въ ней исключительно служебно-полицейскую роль, а главные ея персонажи — полиція всѣхъ цвѣтовъ и ранговъ. Но за то обыватель могъ наблюдать небывалое оживленіе днемъ на улицахъ, а къ ночи — въ садахъ и злачныхъ мѣстахъ: это развлекалось православное воинство разныхъ родовъ оружія; бойко торговали магазины и рестораны, оживилась и пополнилась проституція.

Какъ всегда и вездѣ, прежде всего городъ былъ приведенъ въ порядокъ снаружи — строили мосты, арки, декораціи. Затѣмъ было обращено вниманіе и на внутреннюю благопристойность обывателя, которому преподавались правила вѣрноподданническаго поведенія и въ семъ отбирались соотвѣтствующія росписки. У полиціи выросли какъ бы крылья: она вездѣ поспѣвала, всюду указывала и безпокоилась; для всѣхъ ясно было, что это ея праздникъ, что всякій, не принадлежащій къ ней въ данный моментъ, существуетъ только какъ мебель, которую предстоитъ симметрично разставить, и полицейскій мундиръ, до послѣдняго городового включительно, выросъ на цѣлую голову и получилъ право законодательной власти и безапелляціонныхъ рѣшеній. Обыватель растерялся отъ такого нахальства и исполнялъ все безъ разсужденій.

Была запрошена Курская полиція о томъ, какія мѣры были тамъ приняты въ аналогичномъ случаѣ въ прошломъ году, и былъ полученъ отвѣтъ съ присовокупленіемъ совѣта не слѣдовать примѣру Курска, ибо царь остался имъ недоволенъ: улицы пустовали, и встрѣча, вопреки газетнымъ извѣстіямъ, не вышла достаточно восторженная. Но искренность этого совѣта здѣсь была, повидимому, заподозрѣна: *мѣры* принимались и въ результатѣ — хотя и толклось много публики на тротуарахъ, но „ура" вышло довольно жиденькое и принадлежало, по всей вѣроятности, *внутренней охранѣ.* Послѣдняя была такъ значительна, что обыкновенный безхитростный обыватель прямо затеривался среди „котелковъ" и „зонтиковъ" питерскаго сыскного отдѣленія. Но одновременно съ этимъ тотъ же безхитростный псковичъ былъ умиленъ отсутствіемъ обычныхъ шпалеръ и форменной полиціи на пути *августѣйшаго* слѣдованія: обычно недалекій, онъ былъ искусно обманутъ такими высокими выраженіями монаршаго къ нему довѣрія; ему и въ голову не пришло, что самъ же онъ помогъ связать себя разными подписками: ему приказали имѣть восторгъ и ликованіе лишь внутри себя и не выражать ихъ ни крикомъ „ура“, ни бросаньемъ цвѣтовъ и шапокъ; очевидно, опасались, что среди *громкаго несмолкаемаго ура* царское ухо уловитъ „долой самодержавіе“, и тогда прощай высочайшая благодарность и ея послѣдствія.

---

*) *Въ ред. „Искры" доставленъ одинъ экземпляръ листка.*

За нѣсколько дней до пріѣзда Ники, подкрѣпленная изъ Питера полиція начала производить обычные въ такихъ случаяхъ набѣги на квартиры *подозрительныхъ* личностей. Были обысканы всѣ находившіеся въ городѣ статистики и нѣсколько служащихъ земской управы и простыхъ обывателей. У одного статистика отобрали сломанный револьверъ и возвратили его послѣ *общенія;* только въ одномъ случаѣ нашли и отобрали одну нелегальную книгу; обыски производились помимо прокурорскаго надзора „по словесному приказанію жандармскаго полковника“; но въ общемъ эти набѣги не дали жандармамъ ничего. Обыскали соборъ, который долженъ былъ имѣть счастье принять царя, и пригородный Мирожскій монастырь; и тамъ и тутъ заглянули и подъ престолы, и въ раку имѣющихъ проявиться мощей какого-то мѣстнаго преподобнаго. Духовенство осталось недовольно; тѣмъ не менѣе ключи отъ собора жандармы взяли къ себѣ и три дня самъ господь богъ находился подъ арестомъ. Обысканы были Поганкины палаты, домъ трудолюбія и канцелярія губернскаго земства. Въ послѣднемъ случаѣ обыскомъ услужливо руководилъ предсѣдатель управы Горбуновъ и даже настоялъ на томъ, чтобы сломаны были тѣ замки, за ключами отъ которыхъ нужно было послать. Никакой крамолы, разумѣется, не оказалось. А между тѣмъ одновременно съ обысками въ лагеряхъ и казармахъ появились листки „Къ солдатамъ“ отъ Военно-революціонной организаціи, а черезъ два дня они же появились на городскихъ улицахъ. По слухамъ, было арестовано двое солдатъ и (достовѣрно извѣстно) крестьянинъ Петръ Кузьминъ, раздававшій солдатамъ прокламаціи; городъ же, собственно, никакихъ потерь не понесъ. Въ одну изъ ночей передъ пріѣздомъ отрядъ полиціи въ 20-25 головъ ползалъ съ фонарями по рельсамъ желѣзной дороги, собирая листки; набрали 300 штукъ, а 200, очевидно, попали по назначенію.

Самый городъ Псковъ имѣлъ счастье принимать возлюбленнаго монарха два раза: 6 августа, когда монархъ появился только на парадѣ около вокзала, и 9-го, когда должно было совершиться ожидаемое общеніе съ „любезнымъ сердцу Нашему“ народомъ. Тріумфальный кортежъ открывался довольно неуклюжимъ пожарнымъ брандмейстеромъ на пожарномъ конѣ и съ бѣшено болтавшейся полицейской селедкой, вмѣсто парадной шпаги; за брандмейстеромъ мчался полицеймейстеръ, стоя въ коляскѣ, съ написанной на физіономіи готовностью „послужить“; далѣе поспѣшалъ губернаторъ, и уже послѣ этого „третьяго предостереженія“ показался самъ Николай II, а за нимъ многое множество мундировъ и треуголокъ рядомъ съ субъектами, которые не имѣютъ фамиліи и которые въ послѣдніе годы особенно настойчиво рекламируютъ себя телеграфными отвѣтами за подписью — „Владиміръ“, „Михаилъ“ и проч. Нѣкоторые изъ нихъ во время пребыванія здѣсь вели себя съ такой національной простотой, что полиція и обыватель недоумѣвали и умилялись. Наслѣдникъ запросто посѣщалъ мѣстный „Кутузовскій“ садъ, куда скромный псковичъ не рѣшается войти, а сынъ Владиміра — Борисъ, въ томъ же Кутузовскомъ саду среди концерта шансонетокъ отправился за кулисы, и занавѣсъ уже больше не поднимался, хотя пѣніе продолжалось очень долго, и чѣмъ дальше, тѣмъ веселѣе, но уже исключительно для августѣйшаго савраса. Оный же Борисъ въ другомъ ресторанѣ (въ Черехѣ) сдѣлалъ бурсацкую смазь двумъ, добродушно бесѣдовавшимъ за бутылкой пива, почтеннымъ нѣмцамъ, но скандала, разумѣется, не вышло.

Были опыты съ традиціонной подачей прошеній лично батюшкѣ-царю, но все поглощалось всесильнымъ участкомъ. А на мѣстахъ высочайшаго присутствія во время маневровъ въ окрестностяхъ города собравшихся православныхъ, изстари возлагавшихъ свои надежды и вожделѣнія именно на личную подачу прошенія, объѣзжали казаки и вызывали имѣющихъ подобное намѣреніе; простаки объявлялись, и тѣ же казаки отбирали у нихъ челобитныя для передачи, а челобитчикъ оставался одураченнымъ.

Къ свѣдѣнію и руководству!

М. В. Д.
Начальникъ
Одесскаго Почт.-телеграф.
Округа.
21 іюня 1903 г.
№ 289.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. начальникамъ почтово-телеграфныхъ и почтовыхъ учрежденій.

Департаментъ полиціи сообщилъ, что въ теченіе прошлаго и настоящаго годовъ выслано было какъ изъ заграницы, такъ и изъ внутри Имперіи значительное количество писемъ на имя разныхъ лицъ, преимущественно крестьянъ, съ прокламаціями преступнаго содержанія, при чемъ большинство такихъ писемъ было опущено въ почтовые ящики на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, какъ то видно по имѣющимся на конвертахъ штемпелямъ почтовыхъ вагоновъ; въ послѣднее же время эти изданія въ значительномъ количествѣ высылаются изъ Козлова и Грязей. Согласно установившемуся порядку почтовыя и почтово-телеграфныя учрежденія передаютъ простую корреспонденцію, адресованную на имя сельскихъ обывателей, въ волостныя правленія для выдачи по принадлежности, и, такимъ образомъ, масса прокламацій попадаетъ въ руки крестьянъ, которые эти прокламаціи сами хранятъ и даютъ читать другимъ. Циркулярнымъ предписаніемъ отъ 6 іюня 1895 г. за № 11, подтвержденнымъ 1 іюля 1902 г. за № 75, даны на сей предметъ правила, примѣнительно къ коимъ почтовыя и почтово-телеграфныя учрежденія должны обращать особое вниманіе на значительное число писемъ, адресованныхъ въ селенія и имѣющихъ одинъ и тотъ-же форматъ, вѣсъ и измѣненный почеркъ адреса на конвертахъ. Но такъ какъ означенныя правила не всюду исполняются, то, на основаніи предписанія Главнаго Управленія П. и Т. отъ 9 сего іюня за № 246, вновь строжайше подтверждаю Начальникамъ учрежденій тщательно контролировать иностранную корреспонденцію и наблюдать за внутренней и, въ случаѣ убѣжденія о нахожденіи въ полученныхъ изъ заграницы и извнутри Имперіи по всякому адресу письмахъ или бандерольныхъ отправленіяхъ листковъ или брошюръ противоправительственнаго содержанія, чтобы такія письма были задерживаемы и вскрываемы въ присутствіи получателей порядкомъ, указаннымъ въ 605 ст. сборника постановленій и распор. по почтово-телеграфному вѣдомству, часть I почтовая, изд. 1885 г., и только въ случаѣ обнаруженія въ письмахъ упомянутыхъ листковъ и брошюръ, письма эти были представляемы подлежащему губернатору; при семъ предупреждаю, что все это предписывается особо-тщательному вниманію чиновъ и что упущенія въ этомъ дѣлѣ влекутъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ большія и важныя послѣдствія.

Признаки-же писемъ съ противоправительственнымъ вложеніемъ, какъ было указано предписаніями Главнаго управленія отъ 8 февраля и 30 мая 1894 г. за №№ 65 и 275, и 8 мая 1902 г. за № 151 слѣдующіе: изъ Лондона и Швейцаріи пересылались закрытыя письма въ желтыхъ и синихъ оболочкахъ со вложеніемъ листковъ изданія комитета „Фонда вольной русской прессы“, адресуемыя на имя предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ, различныхъ должностныхъ лицъ, мѣстныхъ адвокатовъ, редакцій газетъ, а также и на имя частныхъ лицъ; кромѣ того противоправительственныя брошюры и листки пересылаются посылками и бандеролями, въ переплетахъ книгъ, для чего въ корешкахъ послѣднихъ устраиваются тайники.

Начальникъ округа Маевскій, за дѣлопроизводителя Кугули.

Тула. 14 сентября здѣсь была демонстрація, организованная Комитетомъ съ цѣлью протеста противъ суда надъ ростовскими товарищами. Демонстраціи предшествовало распространеніе листковъ въ большомъ количествѣ. — Продолжалась она недолго, минутъ 10-15, затѣмъ демонстранты (ихъ было около 200 чел.) разбѣжались подъ натискомъ полиціи и солдатъ. Были знамена, пѣли пѣсни, разбрасывали прокламаціи. Арестовано шесть рабочихъ и шесть интеллигентовъ. Фамиліи послѣднихъ: Луначарская, жена врача, ст. Рождественскій, двѣ его сестры, Щепотьевъ(?) и еще одинъ студентъ. Демонстрація произвела сильное впечатлѣніе на публику.

Ковно. Въ мѣстной тюрьмѣ 30 августа опять произошла возмутительная исторія съ политическими. Высылали одного товарища въ Сибирь. Въ то время, когда его вели мимо камеръ, изъ камеръ, гдѣ сидятъ по нѣсколько человѣкъ, раздались возгласы съ выраженіемъ сочувствія. За это тюремное начальство приказало разсадить арестантовъ по одиночкамъ. Когда заключенные отказались идти изъ камеръ въ одиночки, то начальство направило къ нимъ въ камеры городовыхъ, чтобы силою вытащить ихъ изъ камеръ, и тутъ-то началась дикая расправа. Крикъ изъ общихъ камеръ услыхали сидящіе въ одиночкахъ, которые тоже начали кричать и ломать камерную мебель, оконныя рамы и двери. Къ нимъ ворвались городовые и началась бойня, въ которой одному товарищу вывихнули руку, а остальные до полу-смерти избиты. Одному же городовому разбили черепъ, а другому женщина откусила палецъ. На помощь городовымъ начальство вызвало пожарныхъ съ насосами, которые начали обливать водою и тѣмъ заставили выходить изъ камеръ. Послѣ этого всѣхъ заперли по камерамъ въ подвалѣ, хотя и свѣтломъ. Говорятъ, что на двухъ женщинъ надѣли сумасшедшія рубашки и отправили ихъ въ тюремную больницу. Масса народу сбѣжалась, вокругъ тюрьмы, на крикъ избиваемыхъ. Дальнѣйшія подробности пока не извѣстны.

P. S. Послѣ гомельскаго погрома у насъ пошли слухи, что на Іомъ-кипуръ здѣсь будетъ погромъ. Комендантъ крѣпости, успокаивая еврейскихъ буржуа, грозилъ, что если изъ евреевъ кто-либо посмѣетъ самъ давать отпоръ погромщикамъ, то солдатамъ и полиціи прикажутъ уйти домой и въ казармы. Погрома не было. Пограничная стража и жанд., боясь ввоза оружія евреями, неистовствовали на вокзалѣ и на пароходной пристани, взламывая корзины и чемоданы съ вещами у сходящихъ въ Ковно.

Ростовъ н/Д. Вчера, 8 сентября, въ 6½ час. вечера въ балкѣ около городскихъ боенъ батальонъ Ѳеодосійскаго полка, предводительствуемый жандармами и усиленный „шпиками“, окружилъ и захватилъ большую толпу, почти исключительно состоявшую изъ учащейся молодежи среднихъ школъ. Солдаты, пользуясь темнотой, окружили молодежь, и внезапно съ криками бросились хватать и бить сопротивлявшихся. На мѣстѣ же былъ обыскъ. Дѣтей до 12 лѣтъ отпустили, только переписавши ихъ фамиліи. Всего арестовано 74 чел., изъ нихъ 10 — не принадлежащихъ къ учащейся молодежи, 20 гимназистокъ, остальные — реалисты, среднетехники, гимназисты. 29 послано въ тюрьму, гимназистки — въ нахичеванскую, остальные въ ростовскія полицейскія части. Вечеромъ до поздней ночи засѣдалъ совѣтъ изъ жандармовъ и педагоговъ. Первые настаивали на томъ, что это мѣстное отдѣленіе Ю. Р. Группы Учащ. Молодежи (быв. Ю. Р. Г. У. Сред. Школъ), часть вторыхъ, что это просто собраніе для чтенія реферата. Результаты пока неизвѣстны.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

ОЧЕРЕДНОЙ КОНГРЕССЪ ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТ. ПАРТІИ.

17—20 августа н. ст. 1903 г. навсегда останутся въ памяти представителей молодой Финляндской Рабочей Партіи, съѣхавшихся въ фабричномъ мѣстечкѣ Форсса на свой второй очередной конгрессъ. Первый конгрессъ партія былъ 1899 г., въ гор. Або. Тогда было объявлено впервые объ образованіи партіи и была принята краткая программа (см. „И.“ № 33). Финляндская Рабочая Партія съ самаго момента своего возникновенія была по существу соціальдемократична; въ прошломъ году, какъ извѣстно читателямъ, она примкнула къ интернаціональному рабочему движенію, на нынѣшнемъ же конгрессѣ она и оффиціально приняла названіе соціальдемократической и утвердила новую обширную соц.-демокр. программу, являющуюся органическимъ развитіемъ прежней.

На съѣздъ собралось 96 представителей отъ 48 рабочихъ союзовъ (общее число членовъ Рабочей Партіи не можетъ быть въ данный моментъ указано съ точностью, во всякомъ случаѣ оно превышаетъ 10.000 человѣкъ). Для разработки вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію, было назначено десять спеціальныхъ и одна руководящая коммисія; во время общихъ засѣданій преніями руководили по очереди четыре предсѣдателя. Почти по каждому вопросу составлены были обстоятельные доклады. Кооперативное движеніе, общества трезвости, страхованіе рабочихъ, максимальный рабочій день и минимальная заработная плата, положеніе безземельнаго сельскаго населенія, коммунальная программа рабочихъ, обще-финляндская профессіональная организація рабочихъ, народное образованіе, законодательная охрана работницъ, безработица, соціалистическая агитація и, наконецъ, надѣлавшій столько шуму въ средѣ финляндскихъ буржуазныхъ партій вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ — вотъ тѣ главные общіе вопросы, которымъ былъ занятъ конгрессъ. Большинство ихъ обсуждалось и на предыдущихъ съѣздахъ (настоящій конгрессъ по счету пятый съѣздъ рабочихъ представителей), но теперь они получили болѣе опредѣленную и радикальную формулировку. Значительная часть вопросовъ такъ или иначе вошла въ программу, проектъ которой былъ заранѣе выработанъ особой коммиссіей и затѣмъ утвержденъ съѣздомъ. Наконецъ, съѣздъ выбралъ центральное партійное правленіе, которое, какъ и раньше, будетъ находиться въ г. Або. Подводя итоги конгресса, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что делегаты выполнили колоссальную работу.

Самымъ жгучимъ явился вопросъ объ избирательномъ правѣ. Авторы резолюціи по этому вопросу подвергли рѣзкой критикѣ устарѣлую средневѣковую организацію финляндскаго сейма покоющуюся на сословномъ началѣ и плутократической системѣ выборовъ, которая лишаетъ рабочихъ возможности посылать въ сеймъ своихъ представителей. Вполнѣ понятна та рѣзкость, съ которой велась эта критика: благодаря упорству буржуазіи и сельской аристократіи, 15-лѣтняя борьба финляндскихъ рабочихъ до сихъ поръ не дала никакихъ осязательныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе не слѣдовало забывать, что своимъ высокимъ культурнымъ развитіемъ страна обязана, главнымъ образомъ, финляндскому сейму, особенно не слѣдовало забывать это въ виду того политическаго момента, который переживаетъ теперь Финляндія. Въ своей критикѣ авторы резолюціи зашли слишкомъ далеко и допустили, дѣйствительно, нѣсколько неосторожныхъ выраженій. Односторонность какъ этой критики, такъ и вообще всей тактики Финляндской Рабочей Партіи обусловливается ея ненормальнымъ положеніемъ. Хотя Партія выступаетъ въ качествѣ легальной, но вся ея дѣятельность стѣснена рамками азіатской цензуры. Ей разрѣшается касаться въ своей критикѣ лишь „мѣстнаго“ порядка, но строго запрещено касаться главнаго виновника всѣхъ злополучій Финляндіи — россійскаго самодержавія.

Въ слѣдующей статьѣ мы приведемъ выдержки изъ этой резолюціи о всеобщемъ избирательномъ правѣ, а также закончимъ переводъ принятой на конгрессѣ программы соц.-демокр. Финл. Партіи. Пока мы ограничимся первой половиной ея: „общими требованіями“ и „охраной труда“, оставляя, такимъ образомъ, „аграрную“ и „коммунальную“ программу до слѣдующ. номера.

Программа финляндской соціальдемократической партіи:

I. Общія требованія:

1. Всеобщее, равное и прямое избирательное право для всѣхъ финляндскихъ гражданъ, достигшихъ 21 года, безъ различія пола, при всѣхъ, какъ коммунальныхъ, такъ и политическихъ, выборахъ. Пропорціональное представительство; одна палата; тайная подача голосовъ. Производство выборовъ въ опредѣленный закономъ праздничный день. Выдача жалованья депутатамъ, избраннымъ въ какое бы то ни было представительное учрежденіе.

2. Непосредственное народное законодательство, осуществляемое въ правѣ народа предлагать и отвергать законопроекты.

3. Полная свобода союзовъ, собраній, слова и печати.

4. Обязательное начальное обученіе. Даровое обученіе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Даровыя учебныя пособія и даровое содержаніе для всѣхъ учениковъ въ народныхъ школахъ; въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ — для учениковъ, отличающихся выдающимися способностями. Преобразованіе народной школы въ школу начальную, программа которой примыкаетъ къ программѣ всѣхъ высшихъ школъ.

5. Объявленіе религіи частнымъ дѣломъ. Отдѣленіе церкви отъ государства и признаніе церковныхъ и религіозныхъ обществъ обществами частными, которыя сами вѣдаютъ свои внутреннія дѣла. Свѣтская школа.

6. Замѣна всѣхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ, причемъ цѣнности, возрастающія независимо отъ труда, доходы, состоящіе изъ процентовъ, и наслѣдства должны быть обложены высшимъ налогомъ, чѣмъ доходы, имѣющіе источникомъ личныя заслуги или личный трудъ. Обязанность для каждаго объявлять свое подлежащее обложенію налогомъ имущество.

7. Безплатное отправленіе правосудія, безплатная защита. Вознагражденіе невинно привлеченныхъ къ суду, арестованныхъ и осужденныхъ.

8. Забота о народномъ здравіи — дѣло государства и коммуны. Безплатная врачебная и акушерская помощь, даровыя лѣкарства.

9. Сокращеніе расходовъ на военное дѣло и введеніе народной милиціи вмѣсто регулярнаго войска. Осуществленіе идеи мира.

10. Отмѣна всѣхъ законовъ, ставящихъ въ общественно-правовомъ и частно-правовомъ отношеніяхъ женщину ниже мужчины.

11. Повсемѣстное законодательное запрещеніе производства и продажи спиртныхъ напитковъ.

II. Охрана труда:

Финляндская соціальдемократическая партія должна энергично поддерживать законодательную охрану труда. Ближайшимъ образомъ она требуетъ слѣдующаго:

1. Максимальный рабочій день долженъ быть опредѣленъ закономъ въ восемь часовъ, кромѣ особо вредныхъ производствъ, въ которыхъ время работы требуетъ еще большаго сокращенія.

2. Повсюду должна быть установлена извѣстная, обезпечивающая необходимыя издержки, минимальная заработная плата не только въ казенныхъ и коммунальныхъ, но и въ частныхъ предпріятіяхъ.

3. Ночная работа должна быть повсюду запрещена, за исключеніемъ тѣхъ производствъ, въ которыхъ непрерывная работа необходима въ силу техническихъ условій. Ночная работа должна быть абсолютно запрещена для женщинъ и подростковъ.

4. На отдыхъ должно быть установлено время по меньшей мѣрѣ въ 36 часовъ подрядъ разъ въ недѣлю.

5. Всякая наемная работа должна быть запрещена для дѣтей до 14 лѣтъ. Должны быть изданы постановленія, охраняющія трудъ дѣтей (14-16 лѣтъ), учениковъ и подростковъ (16-18 лѣтъ).

6. Работа женщинъ должна быть запрещена въ производствахъ, вредныхъ для женскаго организма. Работа для беременныхъ должна быть облегчена и совершенно запрещена съ того времени, какъ трудъ становится для беременныхъ обременительнымъ, а также втеченіи, по крайней мѣрѣ, шести недѣль послѣ родовъ.

7. Вышеупомянутыя постановленія должны распространяться, кромѣ фабричныхъ рабочихъ, и на рабочихъ, занятыхъ въ ремеслахъ и земледѣліи, на лицъ, состоящихъ въ услуженіи, а также, по мѣрѣ возможности, и на служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и по транспорту.

8. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ фабричнаго законодательства должно быть назначено достаточное по условіямъ производства число фабричныхъ инспекторовъ и инспектриссъ; помощники инспекторовъ должны выбираться изъ среды рабочихъ. Для предупрежденія преступленій противъ законовъ, охраняющихъ трудъ рабочихъ, за нарушеніе ихъ должны быть назначены строгія наказанія.

9. Предоставленіе выбора членовъ правленія страховыхъ учрежденій самимъ страхующимся.

10. Незаконорожденныя дѣти и сироты должны получать цѣлесообразный уходъ и воспитаніе.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Москва, 9 сентября. Проѣздомъ черезъ Москву узнаю, что здѣсь сегодня началась стачка типографскихъ рабочихъ. Въ публикѣ говорятъ о происшедшихъ будто бы демонстраціяхъ на Мясницкой и на Тверскомъ бульварѣ. Въ шестомъ часу вечера прохожу по Леонтьевскому пер.; у воротъ типографія Мамонтова стоитъ городовой, черезъ нѣсколько шаговъ встрѣчаю другого, дома черезъ три — еще; но въ переулкѣ особеннаго оживленія не замѣтно. Иду въ Чернышевскій пер.; передъ типографіей „Русскихъ Вѣдомостей“ — опять городовые и дворники, человѣкъ пять; изъ подъѣзда выходитъ господинъ въ фуражкѣ фабричнаго инспектора и идетъ во дворъ въ сопровожденіи одного изъ дворниковъ. Выхожу на Тверскую, втеченіе получаса наблюдаю, какъ по направленію къ бульвару идутъ по одиночкѣ, парами и цѣлыми группами пристава и городовые; вотъ проѣзжаетъ закрытая карета съ надписью „Тверской полицейскій домъ“; позади у входной двери сидитъ городовой съ книгой подъ мышкой. Выхожу на Тверской бульваръ: у памятника и по площади передъ Страстнымъ монастыремъ стоятъ группами полицейскіе. По всему бульвару сидятъ на скамейкахъ и прохаживаются типографщики; останавливаются небольшими кружками и переговариваются между собою. Между ними съ самымъ мирнымъ видомъ прохаживаются пристава и городовые. Рабочихъ, сидящихъ и гуляющихъ, нѣсколько сотенъ; посторонней публики самое ничтожное количество; случайно попавъ на бульваръ, обыватели, при видѣ происходящаго, спѣшатъ выбраться, изъ опасенія, „какъ бы чего не вышло“. Прохожу до самаго конца бульвара къ Никитскимъ воротамъ. Оттуда все время подходятъ новыя и новыя группы рабочихъ. Это часъ окончанія работъ на постройкахъ, и черезъ бульваръ то и дѣло проходятъ группами каменщики, маляры и т. д. Около семи часовъ полиція начинаетъ просить публику расходиться. Отъ памятника въ противоположный конецъ бульвара направляется довольно большая партія рабочихъ, идутъ стройными рядами, къ намъ постепенно пристаютъ новыя и новыя лица, и вся толпа въ нѣсколько колоннъ проходитъ черезъ Тверской и Никитскій бульваръ, въ концѣ котораго расходятся. Нѣкоторые останавливаются здѣсь и оживленно обсуждаютъ положеніе дѣлъ. Подхожу къ одной многолюдной группѣ, — къ сожалѣнію, слишкомъ поздно: обсужденіе вопросовъ уже закончено, и сгрудившіеся около говорившаго товарища рабочіе начинаютъ расходиться. Слышу послѣднія слова, представляющія, очевидно, конечный выводъ изъ всѣхъ разговоровъ: „у насъ нѣтъ программы, — такъ нельзя". Разспрашиваю отдѣльныхъ лицъ и узнаю, что забастовала типографія Левинсонъ, на которую будто бы „выпалъ жребій", и что забастовка была поддержана другими типографіями. Ожидаютъ, что на завтра станутъ всѣ типографіи, и Москва останется безъ газетъ. Требуютъ повышенія заработной платы, приблизительно процентовъ на 30, укороченія на одинъ часъ рабочаго дня и обѣденнаго перерыва. Говорятъ, что нѣкоторыя типографіи уже изъявили готовность удовлетворить требованія рабочихъ.

10 сент., 10 час. утра. „Русскихъ Вѣдомостей" сегодня пріютившему меня въ своей квартирѣ коллегѣ не принесли; „Курьера", повидимому, тоже нѣтъ (печатается у Левинсона).

12 сентября. Стачка типографщиковъ въ Москвѣ продолжается; десятаго изъ газетъ вышли только Русскій и Московскій Листки; вчера „Русскій Листокъ" смогъ выпустить однѣ лишь объявленія, „Московскій" же выходитъ въ обычномъ объемѣ. Забастовка началась, какъ я уже писалъ, во вторникъ девятаго числа. Первой забастовала типографія Левинсонъ, какъ говорятъ, по жребію. Тотчасъ же присоединились и другія типографіи. Повидимому, все было рѣшено и организовано заранѣе. Полиція знала о готовящейся стачкѣ задолго и ожидала ее еще въ субботу, думая, что двумя праздничными днями, седьмого и восьмого, стачечники воспользуются для устройства демонстраціи. Поэтому уже въ субботу начались аресты и обыски среди типографскихъ рабочихъ; ко вторнику арестованныхъ насчитывалось 21 чел. Рабочіе поспѣшили объявить стачку во вторникъ. Забастовщики ходили по всѣмъ типографіямъ и присоединяли ихъ къ стачкѣ, пока не забастовали всѣ. Около „Московскаго Листка" и Синодальной типографіи была поставлена усиленная полицейская охрана. Въ Синодальной типографіи выбили стекла, у „Листка" выломали ворота. Редакторъ „Русскаго Листка" Козецкій также заблаговременно обратился въ полицію и вызвалъ нарядъ. Наборщики не были выпущены изъ зданія, пока не набрали номера. Козецкій объявилъ, что удовлетворяетъ ихъ требованія, но на слѣдующій день они всетаки не явились. Въ „Московскомъ Листкѣ" работаютъ ученики-мальчики, метранпажъ и набранные при содѣйствіи полиціи хитровцы; да и тѣ идутъ не иначе, какъ за баснословную цѣну. Требованія забастовщиковъ формулированы въ 12 пунктахъ. Изъ нихъ важнѣйшіе — 1. девятичасовой рабочій день, 2. обѣденный перерывъ въ два часа, 3. дежурный врачъ и фельдшеръ при типографіяхъ, 4. улучшеніе гигіеническихъ условій (вентиляція, освѣщеніе и т. д.), 5. повышеніе заработной платы тамъ, гдѣ она помѣсячная, на 20%, а гдѣ сдѣльная — на 25% и т. д. Наконецъ, стачечники заявляютъ, что не намѣрены входить въ соглашенія съ отдѣльными хозяевами, а желаютъ, чтобы требованія ихъ были приняты съ общаго согласія всѣхъ типографскихъ хозяевъ, и чтобы согласіе это было засвидѣтельствовано письменнымъ актомъ. Выдержка — поразительная для русскихъ рабочихъ. По отзыву одного офицера, „гг. студентамъ можно поставить въ примѣръ столь достойное поведеніе типографщиковъ". Работы остановились во всѣхъ типографіяхъ, кромѣ „Московскаго Листка", о которой сказано, и Городской типографіи, куда трудно проникнуть, такъ какъ она вся окружена полицейскими зданіями. У всѣхъ типографій дежурятъ городовые и дворники. Демонстрацій въ настоящемъ смыслѣ слова не было. Московскій Комитетъ Партіи выпустилъ воззваніе къ забастовавшимъ. Несомнѣнно, что у стачечниковъ есть руководители. Но кто они и гдѣ они — никому неизвѣстно. Полиція совершенно сбита съ толку.

Десятаго къ стачкѣ присоединились переплетчики, а одиннадцатаго уже были разговоры о забастовкѣ среди кондукторовъ и другихъ рабочихъ конножелѣзныхъ дорогъ. Всѣхъ типографскихъ рабочихъ въ Москвѣ около 23 тысячъ.

Любопытно отмѣтить, что наборщики „Русскихъ Вѣдомостей" бастуютъ почти исключительно ради солидарности съ остальными. Условія работы въ „Р. В." почти удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ бастующихъ, и на нѣкоторыя улучшенія редакція согласна*).

На происходившихъ въ эти дни совѣщаніяхъ типографщики-хозяева пришли къ соглашенію понизить рабочій день до 10 час. (обычно теперь 12 час., въ „Рус. же Вѣд." для дневныхъ смѣнъ — девять час., для ночныхъ — восемь) и повысить сдѣльную заработную плату до 18 коп. съ 1.000 буквъ набора, а мѣсячную довести до 35-40 руб. (въ „Рус. Вѣд." уже и теперь платятъ по 18 коп. съ 1.000, а мѣсячное жалованіе наборщика равняется 50 руб.; они согласны прибавить еще пять руб.; тогда рабочіе объявили, что желаютъ прибавки въ 15 руб.).

Въ публикѣ усиленно говорятъ, что гдѣ то были окружены и загнаны въ манежъ человѣкъ 200 рабочихъ, которые частью развезены по участкамъ, частью выпущены. Что девятаго было много арестованныхъ, — это несомнѣнно. Одинъ знакомый, живущій какъ разъ напротивъ Пречистенскаго полицейскаго дома, разсказывалъ мнѣ, что всю ночь (на десятое число) не могъ заснуть, такъ какъ безпрестанно трещали извозчичьи пролетки, подвозившія къ тюрьмѣ арестованныхъ. Говорятъ, теперь полиція принимаетъ мѣры къ высылкѣ забастовщиковъ на родину. Появилось будто бы объявленіе оберъ-полицеймейстера, что кто не станетъ на работу сегодня (12), тотъ можетъ получить разсчетъ въ участкѣ, или у себя на родинѣ также при содѣйствіи полиціи.

Одесса. (Приводимъ письмо работницы, дающее характерный разсказъ о знаменитыхъ дняхъ одес. всеоб. стачки). У насъ до этого времени все время было броженіе, раб. были веселы, шли оживленые разговоры, всѣ ждали того времени, когда у насъ забастуютъ, рѣшено было начать забастовку въ пятницу 17 числа по окончаніи и сдачѣ работы. Пришелъ мастеръ и заявилъ намъ, что хозяинъ проситъ на объясненіе, сказалъ, чтобы каждое отдѣленіе выбрало по одному рабочему изъ своей среды и чтобы они въ субботу вечеромъ пришли къ нему. Рѣшено было такъ: — получить деньги и объясненіе отъ хозяина и не явиться въ понедѣльникъ на работу. Однако вышло не такъ, какъ мы думали: въ среду мы были вызваны рабочими.

Работали мы всѣ спокойно, вдругъ слышимъ крикъ и свистъ. Рабочіе перепугались, не понимая, что такое, кто зоветъ ихъ, для чего именно, для чего вызвали всѣхъ. Поняли только сознательные рабочіе. Они поняли, что ихъ зовутъ товарищи на борьбу съ капиталистами-эксплуататорами и съ тѣмъ, кто, въ коронѣ, пьетъ также кровь народа. Мы слышали смѣлый призывъ съ улицы, не страшились его, у насъ явилась бодрость и вѣра въ будущее, и мы смѣло вышли на улицу, звали нашихъ рабочихъ: „идемъ къ нимъ! никто не посмѣетъ насъ бить!"

Но меня интересовало до выхода изъ завода, кто пришелъ. Я подошла къ окну и вижу: масса рабочихъ машетъ платками, нѣкоторые держатъ палки и кричатъ: „товарищи, бросайте работать!" Я побѣжала наверхъ, вижу — всѣ побросали машины, нѣкоторые ихъ почистили, а нѣкоторые — нѣтъ, директоръ взволнованъ и мастера не понимаютъ, что такое: пожаръ что-ли, что рабочіе бѣгутъ? Но когда узнали, въ чемъ дѣло, что не пожаръ, тутъ-то бѣда: ворота затворились, какъ у Саввы Морозова... Дѣлать нечего, отворяй скорѣй ворота, выпускай рабочихъ... Безъ десяти минутъ дали гудокъ.

Когда мы вышли, то насъ встрѣтили свистомъ, какъ будто на зло капиталистамъ, что наша возьметъ. Тогда мы присоединились къ товарищамъ и всей массой пошли къ заводу Енни и тамъ вызвали рабочихъ и такъ же торжественно встрѣтили ихъ. Присланы были казаки, чтобы разогнать рабочихъ, но не разогнали, потому что стояли тихо, но указывали на ихъ службу, на жизнь, какъ они живутъ и для чего они служатъ. Такъ прошелъ первый день. На второй день назначена была сходка, и всѣ стали расходиться по домамъ. Но для меня эта ночь была не для сна, всю ночь не спала, думала, какъ будетъ завтра, какъ пойметъ вся масса темная эту борьбу сознательныхъ. День былъ ясенъ, съ утра сталъ народъ сходиться на сходку. Мы должны были явиться къ заводу и забрать всѣхъ рабочихъ. Большихъ трудовъ стоило созвать всѣхъ рабочихъ на сходку. Когда мы пришли, то народъ тамъ уже былъ, много было ораторовъ. Часть собравшихся пошла къ сосѣднему заводу, чтобы вызвать рабочихъ. Рабочіе были вызваны. Тогда всѣ сѣли на траву, и ораторъ говорилъ рѣчь; по окончаніи рѣчи были спѣты революціонныя пѣсни. Во время пѣнія каждый забылъ то, что гнетъ и давитъ и не даетъ развиться, забыли даже шпіоновъ, которыхъ правительство прислало, чтобы выловить вредныхъ для него людей. Въ то время для насъ ничего не было ужаснаго. Передъ нами рисовалась картина счастья, свободы и братства; солнце привѣтствовало насъ, и деревья шумѣли и какъ будто шептали о свободѣ. Но не всѣ поняли, что такое свобода. Тѣ, которые не поняли, стали уходить и креститься, говоря: „Господи, неужели можно безъ него; да и что намъ онъ, намъ нужно съ капиталистами бороться, а не съ царемъ". Но вотъ другая картина. Въ глуши сада — масса людей, и оратора держатъ на плечахъ. Онъ говоритъ рѣчь о борьбѣ съ врагомъ. Тутъ масса покрываетъ конецъ рѣчи криками: долой самодержавіе! А въ другой сторонѣ также говорятъ, какъ нужно бороться за свою жизнь и счастье всѣхъ людей. Послѣ всего этого всей массой пошли по всѣмъ заводамъ кругомъ, вызывали рабочихъ присоединиться къ борьбѣ, чтобы показать капиталистамъ, что сила въ рукахъ рабочихъ. И такъ весь день ходили по всѣмъ улицамъ города. Интересная картина была въ гавани, когда освобождали всѣхъ рабочихъ и выпускали изъ парового котла паръ. На пароходахъ раздавались гудки за гудками. Мальчики подростки 12-13 лѣтъ выпускали паръ и звонили въ колокольчики. Кругомъ смѣхъ, говоръ. Всѣ были веселы, дѣлились всѣмъ, что у кого было, бубликами и водой, всѣ были товарищи, и, казалось, вѣрили, что добьются хорошаго. Посреди улицы останавливались, говорили рѣчи, затѣмъ шли дальше, и такъ до вечера. Вечеромъ опять пошли на то самое мѣсто, гдѣ были утромъ, затѣмъ назначена была на другой день сходка; всѣ опять разошлись по домамъ. Всѣ эти дни жертвъ никакихъ не было, только одно происшествіе случилось: на пароходѣ капитанъ толкнулъ одного мальчика и разорвалъ ему рубашку, но тутъ за него вступились рабочіе. Капитанъ видитъ, что дѣло плохо, далъ мальчику рубль, тѣмъ и закончилось происшествіе.

На третій день многіе рабочіе предъявляли хозяевамъ требованія. Мы тоже предъявили: 8 часовъ, повышеніе заработной платы и еще нѣкоторыя. Но хозяинъ намъ заявилъ, что прибавки онъ сейчасъ не дастъ, подумаетъ, можно ли это или нѣтъ, а до того времени, чтобы шли на работу: „Что вамъ даромъ ходить съ тѣми, которые бунтуютъ васъ; я, вѣдь, знаю, что среди васъ есть дѣвушки, которыя содержатъ родныхъ, такъ какъ-же вы думаете прожить, не работавши?" „Мы, говоритъ, безъ васъ мѣсяца два проживемъ, а какъ вы безъ насъ проживете?" Рабочіе не обратили на это вниманія, стали расходиться постепенно; послѣ обѣда выданъ былъ авансъ всѣмъ. Въ то время, когда рабочіе расходились, пріѣхалъ изъ комитета „независимыхъ" ораторъ, сталъ читать требованія и говорить, чтобы рабочіе прислали отъ себя одного представителя съ этими требованіями въ комитетъ Шаевича. Многіе хотѣли пойти записаться, но въ концѣ концовъ никто не пошелъ, и всѣ постепенно разошлись по домамъ.

Насъ нѣсколько пошли на сходку. Мы звали всѣхъ своихъ рабочихъ на сходку, они намъ отвѣтили: „не нужна намъ сходка, тамъ все соціалисты, которые не хотятъ царя; намъ нужно бороться за экономическое, а не за политическое". Мы не обратили на нихъ вниманія, пошли на сходку. Жара была ужасная, но напиться воды было гдѣ: жители того района поняли, что борятся за лучшую жизнь; они выносили ведрами на улицу воду, чтобы люди утоляли свою жажду. Когда мы стали подходить къ мѣсту сходки, я была изумлена громаднымъ наплывомъ народа. Всѣхъ влекло сюда одно желаніе — послушать, что будутъ говорить въ этотъ день, какими средствами и какъ бороться съ капиталистами. Подходя къ мѣсту сходки, вдругъ видимъ, что народъ бѣжитъ. Я удивилась, спрашиваю „что такое? почему вы бѣжите?" Они говорятъ: не ходите туда, тамъ „спицалистовъ" гонятъ и бьютъ. Я не обратила вниманія на то, что говорили. Придя на сходку, я поразилась: первый разъ въ жизни увидѣла столько народа: что-то было необыкновенное, шумъ, свистъ. Когда я подошла ближе, то увидѣла такую картину: къ востоку масса народу, а между ними ораторы говорили рѣчи; а къ западу тоже людей масса; кто чѣмъ занимался, нѣкоторые раздѣлились на цехи; кто сидѣлъ, говорилъ, кто пѣлъ. Въ это время каждый чувствовалъ себя гражданиномъ, думалъ, что настало то время, что можно свободно собираться, говорить, пѣть. Но свободы не было: присланы были солдаты. Когда народъ увидѣлъ ихъ, сталъ расходиться, но не всѣ; нѣкоторые остались, продолжали свои дѣла. Тогда данъ былъ солдатамъ приказъ — приложить штыки къ народу. Началась свалка. Каждый хотѣлъ себя защитить, бѣжали и душили другъ друга. Но вотъ вышли всѣ въ открытое поле, съорганизовались вмѣстѣ и выбросили красное знамя, а другое — маленькое изъ бѣлаго платка съ красной каймой свѣже-пролитой народной крови. Когда я увидѣла это, сердце забилось у меня, рвется туда, гдѣ товарищи несутъ гордо и смѣло знамя свободы, поютъ пѣсни, зовутъ на борьбу всѣхъ, чтобы завоевать всѣмъ счастье, равенство и свободу всему народу. И вотъ постепенно исчезаетъ изъ виду все. А тутъ ведутъ товарищей раненыхъ, а тамъ позади на обрывѣ остались одни шпіоны „независимые". Они зовутъ къ себѣ: „къ намъ! мы ваши друзья и защитники!" Имъ въ отвѣтъ кричатъ: „долой шпіоновъ, долой независимыхъ!" И такъ закончилась сходка.

Настали тяжелые дни. Слухи носились кругомъ, ~~что~~ демонстрантовъ всѣхъ забрали и очень били. По всему городу разставлены были патрули: казаки и солдаты. Заводы всѣ стояли, гудковъ не было. Полиція суетилась, брала кого попало; кто хотѣлъ, указывалъ, кого зналъ; съ улицы, изъ сада брали, но черезъ нѣсколько дней стали выпускать.

Мы отъ 19 числа и до 23 сходились съ оставшимися товарищами въ саду послѣ обѣда для рѣшенія нашихъ дѣлъ, какъ дѣйствовать далѣе, чтобы поддержать нашу стачку. Мы всегда сидѣли до 11 часовъ. Кто что услышитъ, сейчасъ — объясняетъ, и мы всѣ разбираемъ подробно. Кто что имѣлъ — приносилъ, вмѣстѣ дѣлились. И такъ мы себѣ представляли, что это была у насъ коммуна, такъ было радостно въ кругу товарищей, но когда наступалъ часъ идти домой, становилось жутко на сердцѣ. Думалось, что теперь дѣлается въ тюрьмахъ и какъ живутъ наши товарищи. Такъ все время я мучилась душой, какъ можно помочь всему этому; но все было напрасно: цѣпи скованы еще. И такъ проходили дни до 23 числа; всѣ старанія поддержать стачку были напрасны. Многіе просились на работу. 23 числа всѣ вышли на работу, въ другихъ заводахъ раньше пошли работать. Прибавки нѣкоторые заводы дали, но большею частью не добились ничего. За то проснулись многіе отъ долгаго сна. Мы ждали, что намъ будетъ всѣмъ разсчетъ; но пока неизвѣстно, что мы соціалистки, и теперь будемъ работать еще упорнѣе. Настанетъ время, когда скроется тьма; а теперь, пока что будетъ, а тьмы много; такъ будемте всѣ вмѣстѣ дружно работать, не страшась ничего. Ждетъ насъ свобода, не минетъ и тюрьма. Поклонъ всѣмъ организаторамъ Одесскаго Комитета, чтобы они не плошали, а прислали намъ побольше прокламацій.

Одесса. Листокъ о фабричныхъ старостахъ съ категорическимъ предложеніемъ отказываться отъ выборовъ выпущенъ былъ Од. Ком. с.-д. еще въ началѣ августа. Въ этомъ же направленіи велась усиленная устная агитація. Агитація эта имѣла несомнѣнный успѣхъ: такъ, на заводахъ Каца (400), Гена (300), Вальтуха (150) и въ желѣзнодорож. мастерскихъ (2.500), рабочіе наотрѣзъ отказались даже приступить къ выборамъ старосты. Фабричный инспекторъ пріѣзжалъ на крупные заводы и упрашивалъ рабочихъ принять старостъ, доказывая, что новый законъ изданъ для того, чтобы правительство могло лучше знакомиться съ нуждами рабочихъ. „Не нужно намъ такихъ законовъ!" „Шпіонскій это законъ", кричали рабочіе, дружно отказываясь отъ новаго царскаго „благодѣянія". Старосты учреждены только на нѣкоторыхъ мелкихъ заводахъ. Большею частью хозяинъ говорилъ наиболѣе „преданному" рабочему — „ты будешь старостой" и такимъ патріархальнымъ порядкомъ производились выборы.

Мѣстные соц.-демократы полагаютъ, что массовой отказъ по всей Россіи или, по крайней мѣрѣ, въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ имѣлъ бы крупное агитаціонное значеніе. Какъ показываютъ вышеприведенные факты, такая постановка вопроса нашла живой откликъ въ рабочей массѣ.

(Замѣтимъ, съ своей стороны, что мы считаемъ болѣе правильной тактикой не отказываться отъ выбора старостъ вовсе, а вести неуклонную борьбу противъ извращенія выбововъ, противъ попытокъ шпіонства черезъ посредство старостъ и т. д. Мы высказались уже объ этомъ въ № 46 „Искры". Ред.)

Керчь. 8 и 9 сентября забастовали рабочіе русскаго и россійскаго пароходнаго общества, требуя повышенія заработной платы. Рабочихъ разсчитали и на ихъ мѣсто присланы были солдаты. 12-го забастовали рабочіе маленькаго завода Бухштаба, отсюда забастовка перекинулась на табачную фабрику Месаксуди, потомъ на мельницы (ихъ двѣ), а тамъ присоединились и ремесленники. Забастовавшіе рабочіе ходили всюду, приглашая рабочихъ пристать къ нимъ и требовать повышенія платы. Нѣкоторые приставали съ удовольствіемъ, на другихъ приходилось дѣйствовать силой, т. е. останавливали машины и выгоняли рабочихъ. Магазины были закрыты, хозяевами города въ этотъ день были рабочіе. Градоначальникъ растерялся было, но потомъ придумалъ слѣдующее: когда вся масса рабочихъ и публики сконцентрировалась возлѣ фабрики Месаксуди (имъ казалось, что тутъ еще работаютъ), градоначальникъ, не долго думая, телефонируетъ пожарному обозу, что фабрика горитъ; а пока что сталъ разгонять публику и тамъ, гдѣ находилъ малѣйшее сопротивленіе, давалъ волю рукамъ и ногамъ. Такимъ образомъ онъ ударилъ ногой одну курсистку (Уманскую), которая не хотѣла уйти со своего мѣста. Она бросила ему на всю улицу подлеца, и теперь она обвиняется въ подстрекательствѣ толпы и въ оскорбленіи градоначальника при исполненіи обязанностей. Вскорѣ послѣ этого инцидента явился пожарный обозъ; полиціймейстеръ велѣлъ растерявшемуся рабочему качать, и вдругъ толпу обдала сильная струя воды. Всѣ разбѣжались по сторонамъ на нѣсколько минутъ, а потомъ, опомнившись, исколотили пожарнаго, а кишку разорвали на части. Отсюда масса отправилась къ вокзалу за желѣзнодорожными, здѣсь выпустили паръ изъ паровоза, и вечерній поѣздъ не могъ уйти. Градоначальникъ, послѣ неудавшейся попытки тушить пробудившееся чувство возмущенія водой, вызвалъ солдатъ. Толпа возвращалась съ вокзала часовъ въ 12 ночи (погода была ужасная, дождь лилъ, какъ изъ ведра). Масса устала, измокла, но уходить и не думала. Вдругъ офицеръ скомандовалъ атаку. Солдаты со штыками на перевѣсъ бросились на внутренняго врага и разогнали его. 13-го городъ по телеграммѣ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны; комендантомъ крѣпости было призвано 18 ротъ. Мѣстная организація выпустила прокламацію, призывая рабочихъ къ демонстраціи и къ сходкѣ на горѣ Митридатъ. Утромъ на этой горѣ собралось около 2.000 рабочихъ; держалъ рѣчь одинъ интеллигентъ, указалъ, какъ должны держать себя рабочіе, чтобы выиграть стачку. Съ Митридата рабочіе отправились къ агентству, гдѣ работали портовые, которыхъ уже удовлетворили. Когда толпа стала напирать на ворота агентства, скомандовали солдатамъ стрѣлять. Былъ убитъ ни въ чемъ неповинный старикъ, шедшій съ хлѣбомъ, и раненъ одинъ рабочій. Начались массовые аресты на улицѣ. (Интересная подробность: на баркасѣ работали грузины, ихъ скорѣй отправили въ море, боясь ихъ ножей). Толпа отправилась къ участку, требуя освобожденія арестованныхъ товарищей. Тутъ снова раздались выстрѣлы, ранили двухъ (изъ нихъ одинъ уже умеръ), убили одного и много легко раненыхъ. Выстрѣлы напугали толпу, и демонстрація не удалась. Войска наводнили городъ, разгуливая съ одной улицы на другую и терроризируя населеніе. 13-го пріѣхалъ фабричный инспекторъ, градоначальникъ въ вывѣшенныхъ объявленіяхъ приглашалъ приступить къ работѣ, обѣщая, что инспекторъ объѣдетъ всѣ фабрики и заводы и разспроситъ о нуждахъ рабочихъ. Рабочіе поддались на удочку, начали работать. Въ результатѣ — портовые получили прибавку, больше никто ничего. На похоронахъ были произнесены двѣ политическія рѣчи тѣмъ же интеллигентомъ. Его долго не арестовывали, такъ что ему удалось даже бѣжать въ Новороссійскъ, но передъ самымъ отходомъ парохода заграницу его арестовали. Арестовано 100 рабочихъ и 3 интеллигента.

Ѳеодосія, Таврической губ. Въ ночь со второго на третье августа по всему городу были разбросаны прокламаціи въ количествѣ 900 экз. — къ рабочимъ и 400 — къ интеллигенціи. Въ ту же ночь на улицѣ арестованы двое рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ разбрасываніи прокламацій (сидятъ въ тюрьмѣ). Полиція успѣла до утра подобрать 340 экз. Прокламаціи вызвали забастовку портовыхъ рабочихъ, въ количествѣ 300-400 чел. Требованія были слѣдующія: 1. за выгрузку изъ вагона зерна въ мѣшкахъ 2 руб. 25 коп. вмѣсто получаемыхъ 1 руб. 50 коп., 2. безъ мѣшковъ, т. е. насыпью, 3 р. 50 к. вмѣсто 2 р. 50 к., 3. погрузка на пароходъ шесть коп. съ четверти вмѣсто пяти коп., 4. уничтоженіе артели (артельные рабочіе пользовались преимуществомъ, получая чаще работу отъ конторъ, и только въ случаѣ недостаточнаго количества артельныхъ рабочихъ послѣдніе *нанимали отъ себя рабочихъ поденно, которыхъ эксплоатировали въ свою пользу).* Забастовка продолжалась два дня. Всѣ требованія удовлетворены. По этому поводу здѣсь былъ губернаторъ Треповъ. Бесѣдуя съ рабочими на пристани, куда они были созваны, онъ заявилъ, что, если кто-нибудь осмѣлится выразить недовольство, то немедленно будетъ высланъ изъ Ѳеодосіи; рабочіе, молъ, должны всегда помнить, что онъ сильнѣе ихъ.

Въ главномъ ресторанѣ оффиціанты, въ числѣ 15 чел., устроили стачку. Причина та, что хозяинъ не только не платилъ жалованья, но еще бралъ у послѣднихъ по 5 руб. въ мѣсяцъ. Забастовка продолжалась нѣсколько дней. Принято обратно пять чел. на жалованье по пяти руб. въ мѣсяцъ; остальные поступили въ другіе рестораны.

---

*) Среди требованій забастовщиковъ забылъ отмѣтить требованіе объ избраніи во всѣхъ типографіяхъ старостъ по новому закону.

(Обѣ упоминаемыя въ корреспонденціи прокламаціи доставлены въ редакцію. „Ѳеодосійская соціальдемократическая рабочая группа“ излагаетъ событія на всемъ югѣ и зоветъ къ борьбѣ за свободу и за соціализмъ. Изданы прокламаціи на гектографѣ).

Екатеринославъ. Въ послѣднихъ числахъ іюля рабочіе, въ количествѣ 90 человѣкъ, собрались въ степи за Брянскимъ заводомъ для обсужденія своихъ нуждъ. Собраніе приходило къ концу, когда раздались тревожные свистки разставленныхъ рабочими сторожевыхъ патрулей. Рабочіе выстроились въ нѣсколько рядовъ и пошли сомкнутой группой къ Брянскому заводу. Навстрѣчу имъ выскочило чел. пять конныхъ городовыхъ, которые остановились въ недалекомъ разстояніи отъ рабочихъ; тѣ продолжали свой путь. Вскорѣ появилось еще до 30 конныхъ городовыхъ подъ предводительствомъ пристава и околоточнаго надзирателя, городовые выстроились въ рядъ, одни выхватили револьверы, другіе вооружились нагайками, и бросились на рабочихъ. Тѣ не выдержали натиска и разбѣжались въ разныя стороны. Началась дикая вакханалія — натѣшили городовые свои подлыя души, били рабочихъ до полусмерти, особенно сильно избили одного шестнадцатилѣтняго юношу; отъ него требовали назвать фамиліи присутствовавшихъ на собраніи, но онъ не назвалъ ихъ. Били его сначала нагайками, затѣмъ рукояткой нагайки, товарищъ хотѣлъ защитить руками голову отъ ударовъ, руки его сплошь черныя и искровавленныя, но и голова не въ лучшемъ состояніи: заплыли глаза, черныя полосы — слѣды нагайки по всему лицу. Подобный же видъ имѣетъ и дѣвушка, единственная бывшая на собраніи. Когда городовые напали на рабочихъ, то лошадью сшибли ее съ ногъ, такимъ образомъ она осталась позади товарищей. Вставъ съ земли, она пошла къ Брянскому заводу; городовые, разогнавъ и избивъ рабочихъ, возвращались домой и настигли дѣвушку; тогда каждый изъ нихъ подъѣзжалъ къ ней и ударялъ ее нагайкой со словами: „получи негодница и отъ меня“; затѣмъ нѣсколько звѣрей, трудно назвать ихъ людьми, схватили дѣвушку за руки и ноги и начали бить ее по голому тѣлу; въ заключеніе, ихъ руководитель, околоточный надзиратель, предложилъ городовымъ произвести надъ дѣвушкой гнусное насиліе, но отчаянные крики и сопротивленіе дѣвушки заставили ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КОНГРЕССЪ АНГЛІЙСКИХЪ ТРЭДЪ-ЮНІОНОВЪ.

Капиталистическая печать континента Европы не прочь при случаѣ — напримѣръ, когда надо ругнуть соціальдемократовъ, — похвалить англійскихъ рабочихъ за ихъ разсудительную умѣренность и равнодушіе къ соціализму. И она права въ своихъ похвалахъ: соціализмъ, дѣйствительно, плохо прививается въ Англіи. Единственная организація, стоящая здѣсь на почвѣ ученія Маркса, — Соціальдемократическая Федерація, насчитываетъ послѣ двадцатилѣтняго существованія всего отъ двадцати до тридцати тысячъ членовъ и располагаетъ весьма ничтожнымъ количествомъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ силъ, которыхъ хватаетъ только на изданіе тощей еженедѣльной газеты „Justice“ („Справедливость“); другая соціалистическая организація, такъ называемая „Независимая Рабочая Партія“, съ еженедѣльнымъ органомъ „Labour Leader“ („Вождь Труда“), пользуется нѣсколько большимъ вліяніемъ, но соціализмъ ея довольно низкопробный, съ сильнымъ народническимъ привкусомъ; третья, „Фабіанское Общество“, реформаторскій соціализмъ котораго вдохновилъ пресловутаго Бернштейна на „пересмотръ“ марксизма, работаетъ исключительно въ буржуазной средѣ. Здѣсь не приходится распространяться объ историческихъ причинахъ такой соціалистической отсталости англійскихъ рабочихъ. Достаточно будетъ отмѣтить, съ одной стороны, великолѣпную организованность господствующихъ классовъ, ихъ умѣнье управлять безъ помощи крутыхъ мѣръ, выработанное вѣками, ихъ воздержаніе отъ мелочныхъ придирокъ и готовность на мелкія уступки, ослабляющія стихійное раздраженіе рабочихъ, искусство, съ какимъ они умѣли держать народъ во тьмѣ (такъ, народныя школы, содержимыя на общественный счетъ, были заведены въ Англіи впервые только въ семидесятыхъ годахъ, а раньше существовали только частныя школы, устроенныя попами, да и то въ ничтожномъ количествѣ) и т. п., и съ другой стороны — сложность задачъ, представляемыхъ уму рабочаго экономической и политической жизнью такого государства, какъ Англія, раскинувшаго свои владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта, вынужденнаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое-либо другое, заниматься международной политикой — область, въ которой изъ-за традиціоннаго „патріотизма“ особенно легко забывается классовая рознь. Въ царствѣ „законности“ и самой широкой политической свободы только соціализмъ можетъ выдѣлить рабочихъ въ особую партію. Отнимите у рабочаго соціализмъ, и онъ становится обыкновеннымъ обывателемъ, консерваторомъ или буржуазнымъ демократомъ, если не индеферентистомъ, и самодовольно плетется въ хвостѣ „респектабельныхъ“ буржуазныхъ партій. И мы видимъ, что чуждающееся соціализма англійское рабочее движеніе не объединено политически въ независимое цѣлое, не сливается въ одну могучую рѣку, а растекается по множеству руселъ. Фактическимъ представителемъ его являются союзы рабочихъ по промысламъ — трэдъ-юніоны. Ихъ болѣе тысячи и охватываютъ они около четверти всего числа рабочихъ. Сто наиболѣе крупныхъ трэдъ-юніоновъ заключаютъ въ себѣ двѣ трети всѣхъ трэдъ-юніонистовъ (болѣе милліона человѣкъ), ихъ запасные фонды превышаютъ 26 милліоновъ рублей, а годовой доходъ составляетъ болѣе 20 милліоновъ; значительная часть этого дохода тратится на объединенную взаимопомощь, избавляя тѣмъ государственную казну отъ „непроизводительныхъ“ расходовъ, и приблизительно одна пятая служитъ боевымъ цѣлямъ. Денежная сила трэдъ-юніоновъ внушаетъ капиталистамъ извѣстное чувство уваженія къ нимъ и склонность итти на мировую, если требуемыя уступки не слишкомъ велики, но это уваженіе смѣшано со страхомъ и съ желаніемъ сокрушить трэдъ-юніоны, пока они не надѣлали слишкомъ большой бѣды. Нужды нѣтъ, что заграничные буржуа, запуганные соціальдемократіей, поведеніе англійскихъ рабочихъ ставятъ своимъ въ примѣръ, — англійскіе капиталисты, которымъ бояться соціальдемократіи не приходится, не склонны видѣть въ трэдъ-юніонизмѣ громоотводъ; такъ или иначе, а трэдъ-юніоны обуздываютъ самодержавный произволъ капиталистовъ, и потому ихъ надо сокрушить. Потеря Англіей прежняго монопольнаго положенія на всемірномъ рынкѣ дѣлаетъ капиталистовъ весьма склонными уравновѣшивать сокращеніе прибыли урѣзываніемъ заработной платы, а прогрессирующая концентрація капитала, стихійная и планомѣрная (оформленные и неоформленные трэсты), повышаетъ его боевую силу и боевой задоръ. Поборники законности, капиталисты, рѣшили сокрушить трэдъ-юніонизмъ самымъ законнымъ образомъ — съ помощью судовъ. Послѣднимъ аргументомъ трэдъ-юніоновъ при переговорахъ съ предпринимателями является стачка. Законъ разрѣшаетъ стачки, но разрѣшаетъ также предпринимателямъ замѣщать стачечниковъ новыми рабочими. Если трэдъ-юніонъ помѣшаетъ послѣднимъ стать на работу или убѣдитъ не подрывать своего же брата, фабрика станетъ, и предприниматель понесетъ убытки. А кто ввелъ ближняго въ убытки, обязанъ возмѣстить ему ихъ. Сообразивъ это, капиталисты начали съ 1900 г. предъявлять къ трэдъ-юніонамъ иски за подобные убытки, и суды находятъ иски правильными. Одна желѣзная дорога взыскала такимъ манеромъ съ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ цѣлыхъ 400.000 рублей за убытки, причиненные стачкой, и эта новая тактика начинаетъ завоевывать самыя сильныя симпатіи въ капиталистическомъ мірѣ. Добродѣтельнымъ трэдъ-юніонистамъ, практичнымъ и умѣреннымъ, приходится по неволѣ задуматься надъ своимъ положеніемъ, и мысль о недостаточности чисто профессіональной борьбы навязывается сама собою. Въ рукахъ у капитала судъ, въ его рукахъ законодательство, въ его рукахъ управленіе, народная казна, церковь, школа, пресса... На помощь консервативной или либеральной партіи надѣяться нечего, рабочимъ надо образовать свою. Но это дѣло нелегкое. Трэдъ-юніоны далеко не представляютъ готовыхъ органовъ могучей рабочей партіи, они слишкомъ дорожатъ своей „независимостью“, слишкомъ привыкли дѣйствовать въ разбродъ, а помимо трудностей организаціонныхъ есть еще и программныя. Нѣтъ партіи безъ программы, а „программу работниковъ“ долженъ составлять соціализмъ, а послѣдній, какъ было сказано въ началѣ этой статьи, въ Англіи не въ авантажѣ обрѣтается... Три года назадъ часть трэдъ-юніонистовъ сообща съ „Независимой рабочей Партіей“ и „Фабіанскимъ Обществомъ“ образовали „Комитетъ представительства труда“, цѣль котораго проводить на выборахъ въ парламентъ рабочихъ кандидатовъ. Въ настоящее время къ Комитету примыкаетъ около 800.000 трэдъ-юніонистовъ, вносящихъ на нужды новой рабочей партіи по *4 коп.* въ годъ. Щедрое пожертвованіе!.. Отъ кандидатовъ въ парламентъ Комитетъ требуетъ, чтобы они не поддерживали кандидатовъ другихъ партій и въ парламентѣ держались солидарно и независимо отъ другихъ партій „въ вопросахъ, касающихся труда“. Программы нѣтъ никакой. Соціальдемократическая Федерація вступила было въ Комитетъ, но скоро вышла, не успѣвъ убѣдить его принять классовую борьбу за принципъ своей дѣятельности. Какіе вопросы „касаются труда“ и какіе не касаются, — Комитетъ не постарался до сихъ поръ выяснить, но уже самая мысль о существованіи вопросовъ, „не касающихся труда“ характерна и оправдываетъ сарказмъ Чемберлена, что рабочіе депутаты — очень хорошій народъ у себя въ мастерской, въ парламентѣ же похожи на рыбу, вынутую изъ воды.

Предыдущее изложеніе уяснитъ читателю смыслъ того, что происходило на нынѣшнемъ трэдъ-юніонистскомъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ Лейстерѣ съ 7 по 15 сентября (н. ст.). Главнымъ вопросомъ, обсуждавшимся на конгрессѣ, былъ именно вопросъ о необходимости самостоятельной рабочей политики. Царящая на этотъ счетъ въ головахъ трэдъ-юніонистовъ путаница прекрасно выразилась въ рѣчи предсѣдателя конгресса, члена союза сапожныхъ рабочихъ Горниджа. Онъ обрисовалъ весь вредъ для рабочаго класса отъ капиталистическихъ судовъ и законодательства и настаивалъ на необходимости для рабочихъ имѣть своихъ собственныхъ представителей въ парламентѣ; эти представители должны быть непремѣнно рабочими же, но въ то же время людьми съ „широкими взглядами“, понимающими, что отдѣльнымъ секціямъ общества иногда надо потерпѣть для блага цѣлаго; они должны держаться независимо, но не чуждаться сторонней помощи (т. е. кооперацiи съ либералами) и расплачиваться за нее услугами съ своей стороны... Классовую войну Горниджъ отвергалъ, потому что она противорѣчитъ идеѣ братства людей: „истинная человѣчность не знаетъ классовъ...“ Эта проповѣдь самопожертвованія, безкорыстія и незлобія, обращенная къ обездоленному классу, стяжала оратору похвалы со стороны самого „Times'a“: дескать, человѣкъ обнаружилъ пониманіе того, что въ сущности, всѣ классы имѣютъ одинаковые интересы... Пренія начались съ вопроса объ отношеніи трэдъ-юніонистовъ къ „Комитету представительства труда“. Представитель союза газовыхъ рабочихъ Питъ Кёрранъ предложилъ резолюцію, одобряющую образъ дѣйствій Комитета и рекомендующую трэдъ-юніонамъ, еще не примкнувшимъ къ нему, поспѣшить сдѣлать это. По поводу этой резолюціи поднялись пренія о независимомъ образѣ дѣйствій рабочихъ депутатовъ въ парламентѣ, проповѣдуемомъ Комитетомъ. Выше было сказано, что независимость Комитетъ находитъ обязательной только въ „вопросахъ, касающихся труда“, но даже и такая независимость показалась непрактичной и опасной сторонникамъ кооперацiи съ либералами, и они предлагали устами Р. Белля, депутата парламента и секретаря союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, „независимость съ кооперацiей“. Тѣмъ не менѣе резолюція прошла большинствомъ двухъ третей голосовъ. Представитель союза кирпичниковъ предлагалъ, чтобы „Комитетъ представительства труда“ состоялъ изъ однихъ трэдъ-юніонистовъ, иначе посторонніе начнутъ вертѣть имъ; это предложеніе, направленное противъ соціалистовъ, провалилось подобно „кооперацiи“. Насчетъ общей программы рабочей партіи Конгрессъ не разсуждалъ вовсе и по старой привычкѣ ограничился разборомъ желательности отдѣльныхъ законодательныхъ мѣръ, какъ-то: расширеніе отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими на всѣ отрасли промышленности, восьмичасовой рабочій день, третейское разбирательство въ случаѣ стачекъ, пенсіи старикамъ и т. п., причемъ высказался за всѣ перечисленныя мѣры, кромѣ третейскаго суда. Въ виду того, что депутаты парламента теперь не получаютъ жалованья и даже расходы по выборамъ должны покрывать изъ собственнаго кармана, чѣмъ затрудняется доступъ въ парламентъ рабочимъ, Конгрессъ высказался за желательность назначенія депутатамъ жалованья и отнесенія расходовъ по выборамъ насчетъ казны. Недавно правительство нарядило коммиссію для пересмотра узаконеній о стачкахъ; изъ трэдъ-юніонистовъ въ эту коммиссію не попалъ никто, и потому Конгрессъ рѣшилъ, чтобы трэдъ-юніоны не имѣли съ нею никакого дѣла. Таковы важнѣйшія изъ резолюцій Конгресса. Надо упомянуть еще объ осужденіи имъ протекціонизма, проповѣдуемаго Чемберленомъ. Наконецъ, Конгрессъ постановилъ издавать ежедневную рабочую газету. Разработка плана изданія поручена „Комитету представительства труда“, „Федераціи тэрдъ-юніоновъ“ и Комитету, выбираемому ежегодно Конгрессомъ для наблюденія за движеніемъ рабочаго законодательства въ парламентѣ.

ЦАРЬ ВЪ ВѢНѢ.

За послѣдній мѣсяцъ Вѣну посѣтили три коронованныхъ особы: англійскій король Эдуардъ, германскій императоръ Вильгельмъ и, наконецъ, Ника-Милуша, самодержецъ всероссійскій. Какъ извѣстно, коронованныя особы падки до торжественныхъ пышныхъ встрѣчъ. И вотъ почему для своего въѣзда въ Вѣну Эдуардъ выбралъ праздничный, а Вильгельмъ воскресный день. Въ эти дни никто не работаетъ, всѣ лавки и магазины закрыты, народъ свободенъ. Какъ Эдуардъ, такъ и Вильгельмъ ѣхали по Вѣнѣ медленно и дали возможность всѣмъ желающимъ, главнымъ образомъ дѣтворѣ и зѣвакамъ, которые стояли шпалерами по обѣимъ сторонамъ улицъ, видѣть ихъ въ лицо, а полицейскіе подбадривали зрителей, чтобъ громче кричали „Hoch!“ (ура!). Не то было при въѣздѣ русскаго царя, къ которому готовились цѣлыя три недѣли.

Первыми пріѣхали встрѣтить царя русскіе шпіоны. Плеве и Ламздорфъ, какъ видно, мало надежды возлагали на австрійскую полицію, которая, не принимая никакихъ экстраординарныхъ мѣръ при въѣздѣ Эдуарда и Вильгельма, показала міру, что въ австрійской столицѣ представители конституціонныхъ державъ могутъ свободно, безъ всякой опасности для своей жизни, разъѣзжать по улицамъ. На подмогу русскимъ шпіонамъ былъ поднятъ на ноги весь штатъ тайной и явной австрійской полиціи. Путь, по которому долженъ былъ слѣдовать царскій поѣздъ, былъ тщательно осмотрѣнъ нѣсколько разъ. Тщательно осмотрѣны были также залы западнаго вокзала. Каждая трещина, каждая щель подверглась спеціалистами инженернаго и строительнаго искусства самому строгому испытанію. Еще за недѣлю до пріѣзда царя заперли залы вокзала и никого туда не впускали. Саперные и желѣзнодорожные батальоны оберегали цѣлыхъ два дня путь, около каждой стрѣлки и около каждаго поворота стояло высшее довѣренное лицо. Царь до того боялся Вѣны, что не рѣшился даже въѣхать въ городъ, а прямо съ вокзала покатилъ черезъ пригородные участки въ лѣтній дворецъ, такъ называемый Шенбруннъ. Лошади мчались, какъ бѣшеныя, и рѣдкій счастливецъ могъ замѣтить двѣ фигуры въ вышитыхъ костюмахъ и по очертанію каждой фигуры догадаться, кто Францъ Іосифъ и кто Ника-Милуша. Улицы, ведущія отъ вокзала до Шенбрунна, были запружены солдатами всѣхъ родовъ оружія. Вмѣсто вѣнцевъ царь имѣлъ удовольствіе видѣть однѣ военныя шапки да лѣсъ блестящихъ штыковъ. Сзади солдатъ стоялъ рѣдкій рядъ переодѣтыхъ шпіоновъ и жандармовъ, которые должны были представлять народъ и кричать „ура!“ Настоящій же народъ былъ оттѣсненъ полицейскими далеко-далеко отъ улицы, по которой ѣхалъ властелинъ Россійской державы.

Въ Шенбруннѣ царь пробылъ только три часа, послѣ которыхъ опять таки задними закоулками пробрался въ деревню Генценсдорфъ, находившуюся благодаря своему высокому гостю чуть ли не на военномъ положеніи, гдѣ сѣлъ на поѣздъ и поѣхалъ въ Штирійское имѣніе Франца Іосифа на охоту. Вотъ какъ царь видѣлъ Вѣну! Вотъ визитъ, оказанный царемъ вѣнцамъ! Русское правительство, какъ видно, все сдѣлало, чтобы показать въ какомъ страхѣ и въ какомъ недовѣріи къ людямъ проводитъ свою жизнь царь-миротворецъ, властелинъ 130 милліоннаго народа. Шуткамъ и остротамъ по поводу этого въѣзда и отъѣзда не было конца. „У царя совѣсть не чиста, онъ не можетъ людямъ въ глаза смотрѣть!“ „Точно воръ прошмыгнулъ онъ по вѣнскимъ улицамъ — только его и видѣли!“ и такъ далѣе.

Мюрцштегъ, гдѣ охотился царь, былъ оцѣпленъ солдатами. Движеніе по проѣзжимъ дорогамъ пріостановлено. Лѣсныя тропы для пѣшеходовъ охранялись жандармами и по нимъ никого не пропускали. Жители Мюрцштейга заперлись въ своихъ домахъ. „Мѣстность почти вымерла“, пишетъ корреспондентъ одной буржуазной газеты. Полиція до того измаялась, охраняя и оберегая священную особу царя, что молила Бога, скорѣй бы убрать его отсюда. Но и въ Мюрцштегѣ, этомъ уединенномъ уголкѣ, подъ призоромъ тысячъ шпіоновъ и жандармовъ царь чувствовалъ себя неспокойно и жилъ въ вѣчномъ страхѣ. Онъ, какъ видно, пересталъ довѣрять своимъ охранителямъ и началъ усматривать въ лицѣ каждаго шпіона своего врага. Только этимъ и ничѣмъ другимъ можно объяснить рѣшеніе царя оставаться на охотѣ не болѣе двухъ дней, тогда какъ Вильгельмъ въ лѣсахъ Венгріи безъ всякой особой охраны охотился свыше десяти дней, а Эдуардъ въ „страшной“ Вѣнѣ провелъ цѣлую недѣлю. Зато послѣ отъѣзда царя всѣ вздохнули свободнѣе: и обыватели, и полиція.

Вѣнскія буржуазныя газеты, получивъ, вѣроятно, предписаніе свыше, пѣли хвалебные гимны царю-миротворцу, руки котораго обагрены кровью сотенъ пролетаріевъ. Иначе держалась „Рабочая газета“. Напомнивъ читателямъ о „доблестныхъ подвигахъ“ русскаго правительства въ Вильнѣ, Златоустѣ, Ростовѣ, Кишиневѣ, Батумѣ и другихъ русскихъ городахъ и сдѣлавъ дѣльную характеристику русскому царизму, она заканчиваетъ: „самое лучшее привѣтствіе, которымъ мы можемъ встрѣтить русскаго царя, будетъ: да здравствуетъ русская революціонная соціальдемократія!“. Но кромѣ рабочей прессы привѣтствовалъ русскаго царя и организованный пролетаріатъ.

За два дня до пріѣзда царя въ Вѣну въ ресторанѣ „Три ангела“ состоялся общеславянскій соціальдемократическій митингъ. Здѣсь произносились рѣчи на чешскомъ, польскомъ, малорусскомъ, хорватскомъ и словенскомъ языкахъ. Когда кто-то изъ ораторовъ въ своей рѣчи произносилъ слово: „царь“, то оно встрѣчалось громогласнымъ: „тьфу! долой его!“ — это организованный пролетаріатъ выражалъ свое презрѣніе русскому царизму. По окончаніи собранія была вынесена слѣдующая резолюція.

По адресу царя:

„*Царь!* Мы ненавидимъ васъ какъ только можетъ сознательный человѣкъ, борющійся за братство и равенство, ненавидѣть узурпатора и тирана. *Царь — самодержецъ!* Мы проклинаемъ васъ, какъ тѣ сто тысячъ гражданъ русскаго государства, которымъ вы насильно навязываете свою волю, свое міровоззрѣніе. Мы проклинаемъ васъ, какъ тѣ, на которыхъ съ безпощаднымъ насиліемъ вы напяливаете ярмо подданства и рабства.

Царь — глава церкви! Мы упрекаемъ васъ въ ненависти къ собственному народу и къ культурѣ, такъ какъ руководясь жестокосердіемъ и низкими побужденіями, вы бросаете въ тюрьмы благороднѣйшихъ и идеальнѣйшихъ людей, цвѣтъ націи, которую вы порабощаете, словомъ тѣхъ, которые поставили себѣ въ обязанность выполнить историческую миссію уничтоженія произвола и освобожденія народовъ. *Царь!* Мы объявляемъ васъ, вашу систему абсолютнаго самодержавія и всѣхъ вашихъ помощниковъ позорищемъ славянства и его культуры.“

По адресу преслѣдуемыхъ:

„Наши симпатіи принадлежатъ русскимъ, польскимъ, финляндскимъ и прочимъ гражданамъ, которые объявляются преступниками только за то, что распространяютъ идею національной, политической и соціальной независимости.

Вамъ, граждане и братья, сочувствуемъ мы, въ васъ мы видимъ носителей дѣйствительной культуры. Вамъ, жертвамъ царскаго деспотизма, высокомѣрной заносчивости, вамъ, стонущимъ въ тюремныхъ подвалахъ и крѣпостныхъ казематахъ, вамъ, изнывающимъ въ сибирскихъ тундрахъ только потому, что добивались благосостоянія и справедливости для всѣхъ, вамъ протягиваемъ мы по случаю пріѣзда вашего тирана свою братскую, мозолистую руку и выражаемъ свою увѣренность, что въ будущемъ будутъ учтены ваши крупныя жертвы и что ваши многострадальныя головы будутъ по заслугамъ окружены ореоломъ безконечнаго уваженія и долговѣчныхъ воспоминаній.

Душой мы съ вами, мы знаемъ ваши чувства и убѣжденія, по возможности поддерживаемъ мы васъ, распространяя свѣдѣнія о преступныхъ дѣяніяхъ царскаго абсолютизма. О тѣхъ же, которые пали жертвами въ политической и соціальной борьбѣ съ темными силами русскаго абсолютизма и его помощниками, мы сохранимъ благодарное воспоминаніе. Пусть ихъ красная, палачами пролитая кровь принесетъ красные цвѣты и плоды на славу прогресса всего славянства и всего народа“.

Резолюція была единогласно принята. Собраніе объявлено закрытымъ. Распѣвая „Красное Знамя“, рабочіе медленно очищали залъ.

Наканунѣ же самаго пріѣзда царя состоялся митингъ, созванный обще-австрійскими соціальдемократами. Залъ былъ биткомъ набитъ. Присутствовало около 4.000 человѣкъ — около 90% присутствовавшихъ составляли рабочіе и, главнымъ образомъ, организованные рабочіе. Говорили ораторы Скаретъ и Элленбогенъ. Настроеніе толпы было самое возбужденное. Русскій царь награждался какъ ораторами, такъ и присутствовавшими далеко не лестными эпитетами, вродѣ: „Кровопійца! Негодяй!“ Когда Элленбогенъ описалъ похожденія фонъ Валя въ Вильнѣ и Богдановича въ Златоустѣ, возбужденіе присутствовавшихъ достигло своего кульминаціоннаго пункта. Правительственный коммиссаръ нѣсколько разъ прерывалъ ораторовъ и даже дѣлалъ попытку закрыть собраніе, но, видя настроеніе рабочихъ, принужденъ былъ отказаться отъ этой попытки. Кончая свою рѣчь, Элленбогенъ предложилъ слѣдующую резолюцію:

„Собраніе протестуетъ противъ того, чтобы властелинъ, страна котораго служитъ ареной страшной дезорганизаціи и который не можетъ положить конецъ жестокости собственныхъ чиновниковъ и вызываемымъ ими безпорядкамъ, погромамъ и массовымъ убійствамъ, былъ признанъ способнымъ водворить порядокъ въ другой порабощенной странѣ, и заявляетъ, что унизительно для Австріи вступать съ такимъ человѣкомъ въ соглашеніе для совмѣстнаго дѣйствія на Балканахъ“.*)

„Собраніе выражаетъ тѣмъ *120 милліонамъ несчастнымъ*, которые, какъ обитатели Россіи, стали жертвой кровожадности и неспособности къ управленію царя Николая II, и *въ особенности тѣмъ героямъ-революціонерамъ, которые борятся съ массовымъ убійцей, сидящимъ на тронѣ, свои глубокія симпатіи и свое восторженное удивленіе*“.

„Свободно и человѣчески настроенное населеніе Австріи усматриваетъ въ назначенномъ на завтра визитѣ русскаго царя *оскорбленіе своихъ чувствъ*“.

„Собраніе энергичнѣйшимъ образомъ *протестуетъ* противъ того, чтобы человѣкъ, который всѣ естественныя народныя побужденія старается утопить въ крови благороднѣйшихъ людей, весь жизненный путь котораго на каждомъ шагу протекаетъ въ стонахъ голодающихъ и среди проклятій и предсмертныхъ конвульсій казненныхъ борцовъ за свободу, могъ разсматриваться какъ гость *австрійскаго населенія*“.

Правительственный комиссаръ нашелъ эту резолюцію черезчуръ рѣзкой и не допустилъ ее до голосованія. „Товарищи!“ — сказалъ тогда Элленбогенъ. — „Свою солидарность съ резолюціей мы можемъ выразить тремя словами: „Долой русскій царизмъ!“ Присутствующіе, какъ одинъ, подхватили этотъ возгласъ и три раза повторили его. Съ пѣніемъ „Рабочей пѣсни“ и „Марсельезы“ рабочіе стали очищать залъ. На улицѣ стояла масса городовыхъ, которые отрѣзали всѣ пути, ведущіе къ русскому консульству, охраняемому отрядомъ конныхъ и пѣшихъ жандармовъ. Рабочіе изъ-за этихъ предосторожностей принуждены были разбиться на группы и, оглашая воздухъ протестами противъ русскаго царя и абсолютизма въ Россіи, демонстративно проходить по центральнымъ улицамъ города. Демонстрація приняла грандіозные размѣры. Полицейскіе мирнымъ образомъ старались водворить порядокъ и арестовали двухъ демонстрантовъ за нарушеніе общественной тишины.

Я уже былъ далеко отъ мѣста собранія, а ко мнѣ все еще доносилось: „Долой русскаго царя!“, „Да здравствуетъ русская соціальдемократія!“.

---

*) Этотъ пунктъ будетъ понятенъ, если вспомнимъ, что по оффиціальнымъ сообщеніямъ событія на Балканахъ побудили царя пріѣхать въ Австрію для личныхъ переговоровъ съ Фр. Іосифомъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ іюлѣ **Сибирскимъ Союзомъ** было издано на мимеографѣ „Письмо къ товарищамъ“, разосланное въ другіе русскіе комитеты, въ которомъ онъ высказываетъ свои взгляды и планъ организаціи мѣстныхъ группъ Партіи вообще и въ частности Сибирскихъ Комитетовъ и Союза. Считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя выдержки изъ этого письма, характеризующія организаціонную точку зрѣнія Союза. Ставя своей неотложной задачей связать живою связью дѣятельность комитетовъ съ общерусской партійной работой, сдѣлать первую интегральной частью второй, онъ не находитъ въ настоящее время иной возможности выполнить эту задачу, какъ путемъ строгой централизаціи, путемъ полнаго подчиненія интересовъ мѣстныхъ интересамъ общерусскаго движенія, интересовъ комитетовъ интересамъ центра, обслуживающаго партію въ цѣломъ. Кратко говоря, „Сибирскій Союзъ“ стремится стать, по его выраженію, „*агентомъ* общерусскаго центра, способствуя осуществленію *его* плановъ“... На свое собственное существованіе, какъ порайонной организаціи, онъ смотритъ, какъ на временное явленіе, неизбѣжное для переходнаго періода реорганизаціи партіи. „Съ возникновеніемъ же Партійнаго центра, становящагося въ непосредственныя отношенія ко всѣмъ россійскимъ комитетамъ, Сибирскій Союзъ не видитъ никакого основанія къ *самостоятельному* существованію порайонныхъ организацій“ ... и „Союзъ готовъ немедленно *измѣнить* свою организацію или даже совершенно исчезнуть, какъ самостоятельная порайонная организація... если такое измѣненіе Ц. К. признаетъ цѣлесообразнымъ въ видахъ общепартійнаго дѣла“... „*Освободиться* отъ революціоннаго кустарничества (какъ практическаго, такъ и организаціоннаго) это не значитъ: ждать и ждать... пока образуется общерусскій центръ, „смилостивится“ надъ нами и освободитъ насъ отъ терзающаго насъ недуга... Въ организаціяхъ, зараженныхъ кустарничествомъ, нерѣдко существуетъ вредный предразсудокъ, будто тотъ или тѣ, кто заняты мѣстной работой (вѣрнѣе: работой въ томъ или другомъ мѣстѣ), тѣ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть заняты общерусской работой. Одно изъ двухъ, говорятъ защитники этого взгляда, или работа въ данномъ мѣстѣ, или общерусская работа, понимая подъ ней работу центра... Отсюда выводъ: мы у *себя* будемъ дѣлать *свое* дѣло, *мѣстное* дѣло... а „они“, кто-то, „центръ“, образуются, объединятъ насъ, и съ головы, на которой мы стоимъ въ настоящее время, поставитъ насъ на ноги.

Именно такое поверхностное, чисто географическое опредѣленіе революціонной работы на мѣстахъ и не менѣе узкое пониманіе общерусской работы, ведетъ къ тому, что многія организаціи (фактически) знать ничего не хотятъ, кромѣ „нашей“, мѣстной работы, ухлопывая на нее 90% своихъ средствъ и силъ... И, конечно, поскольку такое узкое пониманіе дѣла будетъ жить среди россійскихъ организацій, постольку и дѣло „фактическаго возстановленія Р. С.-Д. Р. П.“ въ формѣ крѣпкой, устойчивой, централизованной организаціи *въ ближайшемъ* будущемъ будетъ весьма и весьма проблематичнымъ. *Принципіальный характеръ постановки дѣла на мѣстахъ* — вотъ что опредѣляетъ, по нашему мнѣнію, — есть ли данное дѣло — „кустарничество“ или дѣйствительно революціонная работа. Только *такое* пониманіе революціонной работы даетъ безграничный просторъ дѣятельности каждому соціальдемократу, въ какомъ бы углу Россіи онъ ни работалъ. Соціальдемократу, работающему въ томъ или иномъ мѣстѣ, не придется ни отчаяваться, ни бѣжать „за тридевять земель“ ближе къ центру, чтобы тамъ, *только тамъ*, развернуть свои силы и способности. Разъ революціонная организація (гдѣ бы она ни была) на *первое* мѣсто ставитъ интересы движенія въ *его цѣломъ*, а затѣмъ лишь „свои“, „наши мѣстные“, строго соблюдая и подчиняя эти послѣдніе первымъ, такая организація лишь постольку является „мѣстной“, поскольку географически она находится въ томъ или иномъ мѣстѣ. Выполняя общую работу въ интересахъ движенія въ его цѣломъ, такая организація въ самомъ дѣлѣ (а не номинально) становится членомъ Р. С.-Д. Рабоч. Партіи. Поэтому, въ настоящее время каждый соціальдемократъ, каждая соціальдемократическая организація ясно представляющіе себѣ важность настоящаго момента, обязаны *активно* вмѣшиваться въ этотъ процессъ освобожденія отъ стихійности, обусловливающей всеобщую разъединенность, принципіальную приниженность и организаціонное безсиліе“...

Вотъ полный списокъ листковъ, распространенныхъ **Одесскимъ Комитетомъ** за время съ 15 іюля по 15 августа (часть этихъ листковъ была отмѣчена въ предыдущихъ номерахъ). За время іюльскихъ событій Одесскимъ Ком. выпущены слѣдующіе листки: „По поводу стачки жел.-дор. рабочихъ“ 5.000 экз., „Къ портовымъ рабочимъ“ №№ 1 и 2 по 500 экз., „Къ рабочимъ-забастовщикамъ“ 3.000 экз., „Къ кондукторамъ и кучерамъ Одесскихъ трамваевъ“ 500 экз., „Къ морякамъ-солдатамъ, посланнымъ на мѣсто забастовщиковъ“ 600 экз., „Бюллетень“ (о стачкахъ 14 и 15 іюля) 3.000 экз., „Ко всѣмъ“ (призывъ къ всеобщей забастовкѣ, съ „Марсельезой“ на оборотѣ) 2.000 экз., „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“ 2 вып. по 2.000 экз., „Къ рабочимъ и работницамъ“ (по поводу событій въ Одессѣ) 5.000 экз., „Къ гражданамъ“ 1.000 экз., „Къ солдатамъ“ 1.000 экз., „Что такое политическая свобода“ 8.000 экз. Кромѣ того, распространено изд. Орг. Ком. „О златоустовской бойнѣ“. Въ началѣ августа вышло: „О независимыхъ“ 5.400 экз., „О фабричныхъ старостахъ“ 5.000 экз., „Какъ они изворачиваются“ (разговоръ Лопухина съ рабочими) 5.000 экз. Всего съ 15 іюля по 15 августа — 49.500 экз. Въ сентябрѣ Одес. Ком. выпустилъ: 1. „Къ новобранцамъ“, 2. „Предостереженіе“ (относительно Лернера). — **Пермскимъ Комитетомъ** Р. С.-Д. Р. П. изданы: 1. Рабочій бюллетень № 6 (августъ). 2. Заявленіе Пермскаго Комитета Уральскаго Союза о присоединеніи его къ Пермск. Ком. Р. С.-Д. Р. П., 3. Листокъ по поводу суда надъ ростовскими демонстрантами (сентябрь). — **Средне-Уральскій Ком.** Р. С.-Д. Р. П. въ листкѣ № 1 объявляетъ объ образованіи комитета. — **Кіевскій Комитетъ** Р. С.-Д. Р. П. издалъ 20 августа листокъ: „Значеніе всеобщей стачки въ освободительной борьбѣ русскаго пролетаріата“ и 4 сентября: „Кто побѣдилъ?“ (съ перечисленіемъ экономическихъ завоеваній, достигнутыхъ всеобщей стачкой въ Кіевѣ). — **С.-П.Бургскій Ком.** Р. С.-Д. Р. П. распространилъ въ іюлѣ: 1. Листокъ „Къ Семянниковскимъ рабочимъ“ (по поводу ожидавшагося посѣщенія царемъ Семянниковскаго завода). 2. Заявленіе Комитета о присоединеніи къ нему соц.-дем. группы, работавшей раньше самостоятельно. Въ августѣ Комитетомъ изданъ листокъ по поводу всеобщей забастовки на югѣ. — **Кавказскій Союзъ** издалъ слѣдующіе листки: „Самодержавіе и армяне“, „Маска сорвана“ (по поводу письма Плеве къ католикосу), „Братцы-солдаты“. — Кромѣ того нами получены слѣдующіе листки: 1. **Военно-Революціонной Организаціи** „Солдаты“ (призывъ встрѣтить царя на смотру гробовымъ молчаніемъ), изд. въ августѣ; 2. **Армянскаго Центральнаго Комитета Самообороны** „Русскіе граждане“ (по поводу закона объ отнятіи у армянъ права распоряжаться церковными имуществами, 3. Первый листокъ вновь образовавшейся на Дону организаціи **„Казацкая Воля“**. — Послѣ заявленія **Иркутскаго Комитета** о своемъ преобразованіи въ Комитетъ Партіи (см. № 37 „Искры“), имъ изданы были слѣдующіе листки: 13 февраля — № 21, по поводу арестовъ: 19 февраля — № 22 посвященъ памяти этого дня; 28 февраля № 23, о томской демонстраціи 20 февраля (перепечатано съ листка револ. С. Д. группы въ Томскѣ); 12 марта № 24, по поводу пріѣзда ф.-Валя; 24 марта № 25, о забастовкѣ въ промышленномъ училищѣ; 25 марта № 26, о голодовкѣ политическихъ арестованныхъ въ тюремномъ замкѣ, вызванной посѣщеніемъ ф.-Валя; 15 апрѣля № 27, къ солдатамъ и казакамъ (на красной бумагѣ), о златоустовской бойнѣ и о предстоящемъ рабочемъ праздникѣ. Послѣ 1 (18) мая (отпразднованнаго тамъ небольшимъ рабочимъ собраніемъ за городомъ) Иркутскимъ Комитетомъ выпущена прокламація „Къ Иннокентьевскимъ рабочимъ“ № 28, по поводу стачки въ депо; № 29, къ строительнымъ рабочимъ подрядчика Чикарева (станція Иннокентьевская), о стачкѣ изъ-за разсчета; 24 іюня № 30, по поводу закладки памятника Александру III въ г. Иркутскѣ. — **Елисаветградскій Комитетъ** въ письмѣ въ редакцію даетъ чрезвычайно лестную для насъ характеристику дѣятельности „Искры“ и, объявляя ее своимъ руководящимъ органомъ, выражаетъ надежду видѣть ее въ скоромъ будущемъ оффиціальнымъ органомъ объединенной Росс. С.-Д. Рабоч. Партіи.

Въ редакцію „Искры“. Дорогіе товарищи! Въ виду того, что появившійся въ заграничной печати обвинительный актъ по нашему дѣлу можетъ вызвать недоумѣніе у читателей, я считаю нужнымъ заявить, что товарищи: Аронъ Шпайзманъ, Маня Школьникъ и Давидъ Ройтенштернъ ничего общаго съ типографіей „Искры“ не имѣли и о существованіи ея въ г. Кишиневѣ даже не подозрѣвали. Давать болѣе подробныя объясненія по этому поводу я не нахожу возможнымъ до суда. Леонъ Гольдманъ.

Письмо въ редакцію. Уважаемые товарищи! Къ помѣщенной въ № 48 „Искры“ статьѣ подъ заглавіемъ „Русскій царь и итальянскіе соціалисты“, я считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ и я надѣюсь, что редакція „Искры“ не откажется помѣстить ихъ ближайшемъ номерѣ.

Какъ уже извѣстно читателямъ „Искры“ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Рев. Рос.“, по поводу отчета о послѣднемъ засѣданіи международнаго соціалистическаго бюро, между прочимъ, было сказано: „Насъ удивляетъ, что въ отчетѣ не указано, высказывался-ли и въ какомъ именно духѣ единственный представитель русскихъ соціалистовъ на конференціи“. На эту выходку „Рев. Рос.“ я не считалъ, да и теперь не считаю нужнымъ отвѣчать. Но повидимому не такъ думаетъ авторъ статьи въ № 48 „Искры“. Онъ по этому поводу возражаетъ: „Чтобы успокоить „Рев. Рос.“ приведемъ мнѣніе товарища Плеханова — оффиціальнаго представителя въ бюро, высказанное имъ въ интервью съ корреспондентомъ миланской соціалистической газеты Tempo...“ Я оставляю сейчасъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, оффиціально-ли или неоффиціально засѣдаю въ бюро я: въ данномъ случаѣ меня интересуетъ не это. Но я считаю необходимымъ прибавить, что, поскольку рѣчь идетъ о *мнѣніи*, автору упомянутой статьи не могло не быть извѣстнымъ, что и у меня было очень опредѣленное мнѣніе по данному вопросу, въ доказательство чего онъ могъ бы привести тотъ фактъ, что я подавалъ голосъ *за* сочувственную итальянцамъ резолюцію. Мнѣ кажется это не менѣе убѣдительнымъ, чѣмъ разговоръ съ корреспондентомъ.

Что же касается упрека, брошеннаго „Рев. Рос.“, то я считаю себя отвѣтственнымъ только передъ тѣми, кто меня послалъ въ бюро, а отнюдь не передъ „Рев. Рос.“. Б. Гинзбургъ.

Ни редакція „Искры“, ни авторъ статьи въ № 48 не сомнѣваются въ томъ, что товарищъ Гинзбургъ имѣлъ опредѣленное мнѣніе по данному вопросу. Если авторъ статьи сослался на слова Плеханова, то онъ сдѣлалъ это, чтобы сообщить читателямъ добавочныя свѣдѣнія объ инцидентѣ, а отнюдь не для того, чтобы намекнуть на неоффиціальный характеръ присутствія въ бюро товарища Гинзбурга. Товарищъ Гинзбургъ напрасно видитъ тѣнь обиды тамъ, гдѣ ея нѣтъ и слѣда.

Редакція.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Обыски и аресты. **С.-П.Бургъ.** Арестована фельдшерица рожд. барака Морозова, у нея было три обыска; первый разъ ничего не нашли, второй — послѣ того, какъ ее задержали въ жанд. упр. на допросѣ, и третій — въ пустомъ интернатѣ, гдѣ вырыли изъ шкафовъ, говорятъ, пять корзинъ. 13 авг. былъ обыскъ въ больницѣ Всѣхъ Святыхъ, что за Нарвскими воротами, и на квартирахъ персонала: д-ра Латухина, фельдш-цъ: Александровой и Непомнящей. Арестованы рем. Рубинъ и Леонидъ. Освобождены: раб. Корчевскій, Шнеерсонъ, Баранова, раб. Бѣловъ, Рунинъ Стернъ и др. — **Пермь.** Арест. рабоч. Шапковъ изъ жел.-дор. мастерскихъ; 28 авг. были обыски у жел.-дор. Матвѣева, Еленева, Валаева, Базаркина, Воскресенскаго, Кузьминыхъ и въ жел.-дор. библіотекѣ. Воскресенскій и Кузьминыхъ арестованы и черезъ недѣлю выпущены. Поводомъ къ обыскамъ послужилъ, какъ говорятъ, адресъ, поднесенный желѣзнодорожниками Матвѣеву и Еленеву, уѣзжающимъ въ ссылку. — **Орѣхово-Зуево.** 24 августа арестов. рабоч. Бородулинъ, Мельниковъ, Быстрылинъ, Воронцовъ, Годуновъ, Скворцовъ, Тришкинъ, студ. Рождественскій. Всѣ, кромѣ Тришкина, въ Таганкѣ. Аресты производилъ жанд. офицеръ изъ Москвы Мартыновъ. Выпущены 6 и 7 іюня Анкировъ, Игнатовъ. — **Одесса.** Арестованы и привлекаются по дѣлу С.-Д.: Софья Ритманъ, учительница; Рахиль Бронтманъ, модистка, за распространеніе литературы; Катя Рискиндъ, акушерка и Маша Радусъ, модистка, обѣ за разбрасываніе прокламацій въ театрѣ; Фаня Фуке, работ-ца фабр. Конельскаго, за стачку; Настя Киржнеръ, модистка; Вѣра Пасевичъ, за распространеніе литературы; Шейна Гринштейнъ, конвертница, за разбрасываніе прокламацій Бунда въ синагогѣ; Маня Уфангеръ, взята на демонстраціи; Раиса Беринская, чулочница, взята на улицѣ. По дѣлу С.-Р.: Ревекка Шейнеръ, модистка, Малка Римерманъ, чулочница, Евгенія Беккеръ, интеллигентка, Маня Спивакъ, Александра Гориновская — всѣ по дѣлу типографіи; Ида Айзенбергъ, (пропаганда, храненіе литературы;) Зина Быстрицкая, квартирная хозяйка; Саша Клигманъ, бѣлошвейка, Поля Гитникъ, акушерка, Фаня Гитникъ, бѣлошвейка — взяты на конспиративной квартирѣ. — Въ **Кіевѣ** арестованъ только что выбранный староста токарнаго цеха Сенаторовъ. То же самое правительство продѣлало и со старостами въ Николаевѣ. **Красноярскъ.** Въ началѣ сентября произведена масса арестовъ. Взята типографія, четыре пуда шрифта, много уже изготовленнаго метеріала; аресты продолжаются; всего до половины сентября арестованно интеллигентовъ и рабоч. болѣе сорока челов. Всѣ основанія предполагать доносъ. — **Николаевъ.** Въ ночь съ 6 на 7 сентября здѣсь арестована типографія съ 15 пуд. шрифта; на той же квартирѣ взято также 15 тысячъ экз. нелегальной литературы („Рабочее дѣло въ Россіи“, „Чего хотятъ соціальдемократы“, „Долой соціальдемократовъ“, „Женщина-работница“, „Милитаризмъ и рабочій классъ“, „Кишиневская рѣзня“ и др.) Тамъ же были арестованы: Матвѣй Сендеровичъ, Симонъ Бланкъ, Анна Файнзильбергъ и Анна Равичъ. Въ ту же ночь на своей квартирѣ былъ арестованъ Григорій Зивъ (инт.). — **Батумъ.** За послѣднее время здѣсь произведено масса арестовъ. Между прочимъ взяты: М. Каландадзе, Г. Тускія, Іос. Какабадзе и Ив. Гервасія. Двумъ послѣднимъ *заковали руки* въ цѣпи и такъ повели въ тюрьму черезъ весь городъ среди бѣла дня. — **Иркутскъ.** Съ января до мая здѣсь произведены были небывалые аресты. Въ общемъ болѣе 40 человѣкъ. Несмотря на злостную болтовню арестованной фельдшерицы Божедомовой, купившей себѣ свободу предательствомъ и тенденціознымъ лганьемъ, аресты эти совершенно не затронули Комитета, хватали первыхъ попавшихся. Такъ былъ арестованъ и продержанъ двѣ недѣли старый ссыльный, народоправецъ Тютчевъ, по обвиненію въ участіи въ мѣстномъ соціальдемократическомъ комитетѣ. До сихъ поръ (іюнь) въ тюрьмѣ остается еще до 20 человѣкъ (человѣкъ пять рабочихъ, остальные интеллигенты). Послѣ 18 апрѣля арестованъ бывшій студентъ Лакуціевскій и его братъ. Освобождены: ссыльные С. Н. Тютчевъ, М. С. Гутовская; фельдшерицы Гершевичъ и Суссеръ, Аншелегъ и сестры его, Гудовичъ (раб.), Глушкинъ и много др.

Отправленные въ Восточную Сибирь. Изъ **Петербурга** (7 іюля) увезли партію политическихъ: Л. П. Булановъ (по дѣлу соц.-революціонеровъ, сидѣлъ въ крѣпости), И. А. Крейнертъ, Г. А. Харизоменовъ, Д. Е. Кулачинъ, И. К. Скаличевъ (всѣ по дѣлу с.-р.), Абрамъ Гинзбургъ (по дѣлу с.-д., былъ въ крѣпости), Комай (на 8 л. Якутской обл., по дѣлу „Раб. Библ.“, сидѣлъ 2½ г.), П. Н. Лепешинскій (по дѣлу „Искры“), Ив. Ив. Радченко (тоже), А. Эд. Рерихъ (Петерб. Орг. с.-д.) — Въ **Москвѣ** изъ Бутырки С. И. Бариковъ (на 6 л.), Барикова-Чернова (с.-рев., на 3 г.) А. Севастьянова (соц.-рев., на 6 л.), А. А. Чепикъ (соц.-рев., на 4 г.). — Изъ **Кишинева** — Д. Ройтенштернъ (по дѣлу типографіи „Искры“, на 10 л.). — Изъ **Одессы** — Л. Холойдовскій (раб.), Нат. Зильбергъ, Осипъ Ярошевскій, Гольдвейбергъ, Лиза Простерманъ и Марія Галкина (всѣ по 3 г.), Левъ Злочевскій на 4 г. — Изъ **Чернигова** — Ольга Вербицкая на 3 г. — Изъ **Саратова** — Сергѣй Фофановъ и Елена Ошанина (по дѣлу демонстраціи) лишены правъ на вѣчное поселеніе. — Изъ **Варшавы** — Борисъ Розенфельдъ на 3 г. — Изъ **Лодзи** — Поля Гиршфельдъ на 4 г., Винницкая съ двумя дѣтьми ѣдущая къ мужу. — Изъ **Орла** 3 сентября отправлены этапомъ одесситы И. Г. Ройзманъ на 5 л. Якутской обл., Е. М. Ройзманъ (его жена) на 3 г. Якутской обл. и Штейнбахъ на 5 л. Якутской области. — Изъ **Орѣхова-Зуева** — Краснянскій и Рудаковскій на 5 л.

Въ Якутской области окончили срокъ ссылки и вернулись въ Россію въ этомъ году: 1) изъ Вилюйска — Борейша, 8 л. (по д. одесск. гр. народовольцевъ); 2) изъ Верхоянска — Абрамовичъ, 5 л. (по дѣлу П. П. С.), Веселовскій, 6 л. (по дѣлу Польс. С.-Д.), Мелиновскій, 5 л. (по д. Бунда); 3) изъ Вилюйска — Шедлихъ, 8 л. (по дѣлу П. П. С.); 4) изъ Олекминска — Граппъ, 4 г. (по д. Бунда), Погожельскій, 6 л. (по дѣлу П. С.-Д.), Александровъ, 5 л. (по дѣлу народовол. тип. въ Петербургѣ на Охтѣ).

Постановленіе по дѣлу Музиля.

Коммиссія изъ представителей революціонныхъ организацій: Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, Аграрно-Соціалистической Лиги, Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза, Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи, Союза Русскихъ Соціальдемократовъ, Группы „Свобода“, Группы „Борьба“ и Группы Анархистовъ-Коммунистовъ, собравшаяся для разсмотрѣнія дѣла по обвиненію Н. И. Музиля въ политическомъ шпіонствѣ,

1. На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ всѣми лицами, отъ которыхъ это обвиненіе исходило;

2. На основаніи всѣхъ свѣдѣній отъ лицъ и организацій, знавшихъ Музиля раньше или сталкивавшихся съ нимъ въ Болгаріи,

находитъ единогласно, что она должна отвергнуть полностью обвиненіе, направленное противъ политической чести Николая Музиля. (Слѣдуютъ подписи).

Примѣчаніе. Представитель С. Р. С.-Д. за отсутствіемъ изъ Женевы, въ послѣднемъ засѣданіи Коммиссіи не участвовалъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Кину. Статья и корр. получены только теперь, спасибо, воспользуемся. — **Москвичу О. О. О.** Матеріалъ только-что полученъ. — **34 ж.** По тому адресу, по которому пишете, можно посылать и корреспонденціи, просто въ обыкновенныхъ письмахъ. — Адресомъ **№ 16** просимъ пользоваться возможно рѣже. — **Турѣ.** Письмо получено, но прочесть нельзя: бумага скверная. — **Искрянамъ.** Ждемъ обѣщаннаго адреса.

По недостатку мѣста отложены до слѣдующаго №: статья „Л. Н. Толстой и соц.-дем.“ (по поводу 75-тилѣтія Л. Толстого); письмо ссыльныхъ изъ Вост. Сибири; корреспонденціи изъ Чернигова, Борисоглѣбска, Уфы, Либавы, Одессы и др.

На дняхъ выходитъ брошюра: „Таганрогскій процесъ по дѣлу ростовской н/Д. демонстраціи 2 марта (обвинительный актъ, рѣчи двухъ защитниковъ, и разсказъ о судѣ)“.

Получено: со священной горы — 89 фр.; отъ женевской группы — 121.75 фр.; отъ стараго соц.-демократа — 100 фр.; отъ „черныхъ глазъ“ — 40 фр.; изъ F. in K. — 20 мар.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 50. 15-го октября 1903 года. № 50.

ПОЛИЦЕЙСКІЙ АНТИСЕМИТИЗМЪ.

Когда разразился еврейскій погромъ въ Кишиневѣ, мы тотчасъ же обратили вниманіе нашихъ читателей на ту гнусную роль сообщника и подстрекателя, которую играло въ немъ царское правительство. Мы назвали „народныя“ движенія этого рода *послѣдней картой царизма*, видящаго себя въ крайне затруднительномъ положеніи и пытающагося задержать развитіе классового самосознанія россійскаго пролетаріата для того, чтобы отсрочить свою гибель. Это утвержденіе сначала показалась кое-кому нѣсколько рискованнымъ. Нѣкоторые читатели заподозрили насъ въ преувеличеніи. Но прошло очень немного времени, и то, что представлялось невѣроятнымъ, оказалось несомнѣннымъ. Теперь врядъ-ли найдется въ цивилизованномъ мірѣ хоть одинъ человѣкъ, который не зналъ бы, что кровь кишиневскихъ евреевъ пролилась по волѣ г. Плеве и его ближайшихъ сотрудниковъ. Теперь всѣмъ извѣстно, что насилія, грабежи и убійства возведены у насъ въ политическую систему и что правительство считаетъ примѣненіе этой системы необходимымъ для „охраненія государственнаго спокойствія“. И теперь россійскимъ обывателямъ, не могущимъ помириться съ этой позорной системой, остается лишь внимательно слѣдить за ея проявленіями и бороться съ нею всѣми тѣми средствами, которыя находятся въ ихъ распоряженіи.

А ея проявленія чрезвычайно многозначительны и краснорѣчивы. Возьмите хоть недавній погромъ въ Гомелѣ. Его главной отличительной чертой является то засвидѣтельствованное всѣми очевидцами обстоятельство, что *войско*, вызванное изъ лагерей въ городъ, *помогало не евреямъ защищаться отъ громилъ, а громиламъ преодолѣвать сопротивленіе евреевъ.* Есть всѣ основанія думать, что евреи справились бы съ громилами, если бы этихъ послѣднихъ не поддерживали полиція и солдаты. Въ высшей степени замѣчателенъ фактъ, сообщаемый въ „*Послѣднихъ Извѣстіяхъ*“ Загранич. Ком. Бунда. Около Конной площади громилъ встрѣтилъ отрядъ евреевъ, организовавшихся для самообороны. „Всѣ единодушно утверждаютъ, что громилы были бы здѣсь разсѣяны. Но, откуда ни возьмись, появились войска, не вмѣшивавшіяся раньше, и безъ всякаго предупрежденія тотчасъ же дали залпъ въ евреевъ. Трое убитыхъ и много раненыхъ осталось на мѣстѣ“. И не думайте, что войско вело себя такъ только въ этомъ отдѣльномъ случаѣ. Оказывается, что „почти всѣ убитые и раненые евреи пали отъ пуль солдатъ и полиціи, а не отъ рукъ громилъ“. Это поистинѣ безподобно. Россійское „христолюбивое воинство“ покрыло свое оружіе неувядающей славой! Было бы очень желательно узнать имена офицеровъ, участвовавшихъ въ этомъ разбойничьемъ набѣгѣ на евреевъ и не постыдившихся выступить въ роли громилъ, достойной лишь одичавшихъ отъ водки кабацкихъ пропоицъ...

А когда погромъ былъ оконченъ, когда дѣло открытаго *насилія* было сдѣлано, началось *издѣвательство.* Говоримъ: издѣвательство, потому что не умѣемъ назвать иначе ту рѣчь, съ которой могилевскій губернаторъ г. Клингенбергъ обратился къ еврейской депутаціи. Этотъ интересный образчикъ „словесности“ заставляетъ вспомнить слова поэта:

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно:
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно...

Если оцѣнивать рѣчь могилевскаго помпадура по ея *логической стоимости*, то ее придется признать совершенно *ничтожной*, ибо логики въ ней вовсе мало. Но ея логическое ничтожество не мѣшаетъ ей выражать совершенно невусмысленную политическую тенденцію, а эта тенденція способна взволновать самаго флегматичнаго человѣка.

„Я зналъ могилевскую губернію 25 лѣтъ тому назадъ, — возвѣстилъ г. Клингенбергъ. — Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ, и тогда не было и помину о погромахъ“.

Выходитъ, стало быть, что, по мнѣнію г. Клингенберга, причина погромовъ заключается въ политической неблагонадежности евреевъ. Но эта „неблагонадежность“ составляетъ горькій плодъ послѣднихъ лѣтъ, а между тѣмъ еврейскіе погромы у насъ, къ сожалѣнію, далеко не новость: достаточно назвать восьмидесятые годы. Стало быть, одно изъ двухъ: или причина погромовъ не имѣетъ ничего общаго съ „неблагонадежностью“ евреевъ, или прежніе погромы не имѣютъ ничего общаго съ нынѣшними. Г. Клингенбергъ самъ чувствуетъ неизбѣжность этой альтернативы и потому спѣшитъ прибавить, что погромы восьмидесятыхъ годовъ имѣли „совсѣмъ другой характеръ“. По его словамъ, они „явились результатомъ еврейскаго гнета, подъ которымъ находилось христіанское населеніе“. Нетрудно было бы показать, насколько неудовлетворительно это объясненіе. Для этого стоило бы только напомнить, какова была „внутренняя политика“ печальной памяти гр. Игнатьева, политика, несомнѣнно основывавшаяся на угнетеніи, да только не на угнетеніи христіанъ евреями. Но мы не хотимъ поднимать здѣсь „пыль временъ“. Допустимъ, что г. Клингенбергъ говоритъ правду, и посмотримъ, какъ справляется онъ со своимъ собственнымъ объясненіемъ. Почему о погромахъ не было и помину въ то доброе старое время, — т. е. „25 лѣтъ тому назадъ“, т. е. въ концѣ семидесятыхъ годовъ, — когда „евреи были благонадежны“ „не участвовали ни въ какихъ политическихъ движеніяхъ“? Потому ли, что тогда еще не существовало указаннаго г. Клингенбергомъ гнета? Нашъ ораторъ ничего не отвѣчаетъ на этотъ неизбѣжный вопросъ, и потому намъ приходится теряться въ догадкахъ. Если гнета тогда въ самомъ дѣлѣ еще не было, то рѣшительно непонятно, откуда взялся онъ всего лишь нѣсколько лѣтъ спустя, т. е. въ самомъ началѣ слѣдующаго десятилѣтія. А если гнетъ существовалъ и въ счастливую эпоху политической благонадежности евреевъ, то интересно знать, почему же тогда не было погромовъ? Неужели только потому, что христіане не рѣшались возставать противъ людей благонадежныхъ въ политическомъ отношеніи? Это было бы уже слишкомъ странно. Этого не станетъ утверждать и самъ г. Клингенбергъ, несмотря на всю свойственную ему рѣшительность. А въ такомъ случаѣ выходитъ, что *куда ни кинь, все — клинъ:* какъ ни истолковывай рѣчь превосходительнаго, — но, къ сожалѣнію, не превосходнаго, — оратора, а всетаки приходится сказать, что она ровно ничего не объясняетъ и очень многое запутываетъ.

Но какъ бы ни были сбивчивы объясненія, даваемыя г. могилевскимъ губернаторомъ, изъ нихъ всетаки видно, что, по его мнѣнію, *нынѣшніе еврейскіе погромы объясняются вовсе не угнетеніемъ христіанъ евреями.* Мы отмѣчаемъ это мнѣніе г. Клингенберга, такъ рѣзко противорѣчащее обычнымъ разглагольствованіямъ нашихъ антисемитовъ, и продолжаемъ слушать.

„Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всѣхъ антиправительственныхъ движеніяхъ, — гремитъ г. Клингенбергъ. — Весь этотъ Бундъ и соціальдемократія — евреи. Правда, находятся между ними и лица другихъ исповѣданій, но они являются, какъ подстрекаемые, подстрекателями же являются евреи. Вообще евреи теперь нахальны, непокорны, потеряли всякое уваженіе къ власти... Посмотрите, господа, нижній полицейскій чинъ не имѣетъ никакого значенія, его не признаютъ! Всегда и всюду евреи выражаютъ дикое неуваженіе и нетерпимость къ христіанамъ. Да вотъ вамъ: на дняхъ на мою жену на улицѣ наскочилъ велосипедистъ; кто? еврей. Гимназистъ на улицѣ идетъ мнѣ на встрѣчу съ папиросой въ зубахъ и не кланяется? кто такой? опять еврей. Гимназистка, раздѣваясь, задѣла рукавомъ мою жену и на вопросъ жены, почему не извиняется, отвѣчаетъ: „я не замѣтила“. Опять таки кто? еврейка. Вотъ, господа, гдѣ причина. Вы сами виноваты во всемъ случившемся. Правительство безпристрастно и я безпристрастенъ. И, оставаясь безпристрастнымъ, я долженъ сказать: вы сами виноваты. И въ этомъ смыслѣ я буду докладывать государю“.

Это мѣсто рѣчи г. Клингенберга окончательно убѣждаетъ насъ въ томъ, что, если русскіе евреи уже утратили первобытную чистоту нравовъ, то нѣкоторые россійскіе помпадуры до сихъ поръ еще пребываютъ въ томъ счастливомъ состояніи младенческой невинности, которое нисколько не мѣшаетъ „наступать на законы“, но совершенно исключаетъ всякую серьезную политическую мысль. Бундъ фигурируетъ у г. Клингенберга рядомъ съ гимназисткой, которая задѣла рукавомъ ея превосходительство и, — нераскаянная преступница! — не извинилась передъ нею; соціальдемократія выступаетъ подъ руку съ гимназистомъ, который куритъ на улицѣ и — о, времена! о, нравы! — не кланяется самому „начальнику губерніи“: освободительныя стремленія пролетаріата идутъ бокъ о бокъ съ неуваженіемъ къ нижнимъ чинамъ полиціи. И все это вмѣстѣ взятое — и дерзкій рукавъ, и преступная папироса, и непочтеніе къ городовымъ, и революціонная соціальдемократія — все это создано евреями, все это объясняется еврейскимъ „нахальствомъ“, какъ послѣдней и самой глубокой причиной. Словомъ, тутъ передъ нами такая безпомощная, такая комичная, такая изумительная путаница понятій, которой устыдился бы самъ Иванъ Пантелеичъ Прыщъ, обладавшій, какъ извѣстно, фаршированной головою. Но сугубая чепуха, которой переполнена рѣчь г. Клингенберга, неизмѣнно сопровождается зловѣщимъ припѣвомъ: „вы сами виноваты во всемъ случившемся“, и этотъ зловѣщій припѣвъ раскрываетъ передъ нами истинный смыслъ всего случившагося въ Гомелѣ. Если полиція и войско поддерживали тамъ громилъ, то это произошло потому, что такъ угодно было нашему „безпристрастному“ правительству, которое хочетъ наказать евреевъ за то, что изъ среды ихъ выходитъ много враговъ существующаго „порядка“, и вернуть ихъ на путь первобытной „благонадежности“. Погромы нужны, какъ средство политическаго исправленія евреевъ. Вотъ что узнаемъ мы изъ рѣчи г. Клингенберга. И это какъ нельзя лучше подтверждается тѣмъ, что г. помпадуръ собирался „въ этомъ смыслѣ докладывать государю“. Вѣдь если бы петербургскія „правящія сферы“ не имѣли указанныхъ нами педагогическихъ плановъ насчетъ евреевъ, то г. Клингенбергъ „доложилъ“ бы царю совершенно въ иномъ смыслѣ. Гг. помпадуры тоже знаютъ, какъ, что и когда надо „докладывать“. Имъ тоже приходится держать носъ по вѣтру.

Само собою понятно, что воспитательныя намѣренія петербургскаго правительства хорошо извѣстны не одному г. Клингенбергу. Вотъ, напримѣръ, таврическій губернаторъ Треповъ, — сынъ того Трепова. котораго обезсмертила В. И. Засуличъ, — тоже, какъ видно убѣжденъ, что евреи „во всемъ“ виноваты. При посѣщеніи имъ синагоги въ селѣ Каменкѣ, онъ произнесъ рѣчь, полную упрековъ по адресу еврейскаго населенія, которое и ему представляется до послѣдней степени неблагонадежнымъ. „Всюду въ безпорядкахъ, — говорилъ онъ, — евреи являются не только участниками, но и зачинщиками“. Мы не хотимъ брать на себя роль пророка и вовсе не желали бы пугать таврическихъ евреевъ, но не можемъ не замѣтить, что въ этихъ словахъ г. Трепова намъ слышится шумъ приближающагося еврейскаго погрома.

А вотъ орловскій помпадуръ Балясный, тотъ рѣчей не произноситъ, а кусается молча. Читатель помнитъ, конечно, изъ № 49 „*Искры*“, — такихъ вещей не забываютъ — что этотъ расторопный администраторъ послалъ старостѣ деревни Дубовки предписаніе, повелѣвавшее „жидовъ“ бить, имущество ихъ отбирать, „водку пить“*). Нечего и прибавлять, что въ этомъ лаконическомъ распоряженіи виноваты опять „сами евреи“ и что, если дубовскіе крестьяне исполнятъ распоряженіе г. Балянаго, то онъ сумѣетъ дать дѣлу надлежащее освѣщеніе въ своемъ „докладѣ“ слабоумному петербургскому недорослю.

За помпадурами идутъ разныя мелкія сошки. Въ Гомелѣ „на другой день послѣ погрома, — читаемъ мы въ уже цитированномъ нами № „*Послѣднихъ Извѣстій*“, — преподаватель мѣстной женской гимназіи, извѣстный антисемитъ Боборыкинъ, вызвалъ еврейскихъ учениць. Когда онѣ отказались отвѣчать, ссылаясь на то, что были наканунѣ слишкомъ взволнованы и не могли готовить уроки, у него хватило духу, чтобы обрушиться на нихъ съ грубыми попреками и долго распространяться о томъ, что евреи не умѣютъ держать себя, не знаютъ своего мѣста и пр. и пр.“

Лозунгъ данъ свыше. Неудивительно, что его повторяютъ на всѣхъ ступеняхъ чиновничьей лѣстницы. Это въ порядкѣ вещей.

„Повторяю, не будь полиціи, не была бы разрушена ни одна лавка. Не было бы погрома“, — пишетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ. Мы охотно вѣримъ этому. Но полиція *была*, и погромъ *состоялся;* полиція *есть*, и погромы *будутъ.* Къ нимъ надо готовиться заранѣе. Что можно противъ нихъ сдѣлать?

Уже по поводу кишиневскаго погрома мы высказали ту мысль, что *необходимо противопоставить громиламъ энергичное сопротивленіе.*

Такое сопротивленіе было оказано въ Гомелѣ. Къ чему привело оно? Если вѣрить „*Послѣднимъ Извѣстіямъ*“, то результаты его были не велики. „Евреи, рѣшившіеся на самооборону, очень скоро опустили руки, такъ какъ не было возможности сдѣлать что нибудь — солдаты не давали“, (№ *147*). Мы сами прекрасно знаемъ, что не легко бороться съ солдатами, но мы всетаки думаемъ, что „*Послѣднія Извѣстія*“ смотрятъ на это дѣло слишкомъ мрачно. Наши корреспонденты положительно утверждаютъ, что еврейская самооборона была далеко не безплодна, и съ этимъ согласны свѣдѣнія, сообщаемыя въ томъ же номерѣ „*Послѣднихъ Извѣстій*“. Такъ, мы узнаемъ изъ этого номера, что „оборона, видя невозможность дать отпоръ отдѣльными группами, стянула всѣ свои силы и отстояла улицы Могилевскую и Замковую“. Это уже [illegible] Въ другомъ столбцѣ того же номера мы читаемъ: „Что остановило погромъ, трудно сказать. Несомнѣнно, однако, что сопротивленіе евреевъ сыграло здѣсь большую роль“. Ясно, стало быть, что евреи, рѣшившіеся на самооборону, не такъ уже скоро „опустили руки“. Не менѣе ясно и то, что, если бы *непосредственные результаты* сопротивленія въ самомъ дѣлѣ были совсѣмъ не велики, то сопротивляться все таки было бы необходимо *въ интересахъ будущаго.* Самымъ вреднымъ слѣдствіемъ еврейскихъ погромовъ издавна было именно то, что подъ ихъ вліяніемъ евреи *теряли мужество и „опускали руки“.* Извѣстный историкъ евреевъ Грэцъ, описавъ погромы, происходившіе въ Испаніи въ концѣ 14-го вѣка, очень картинно замѣчаетъ: „Если сотня евреевъ стояла вмѣстѣ и если какой нибудь мальчишка бросался на нихъ съ угрожающимъ видомъ, то они разсыпались въ разныя стороны, какъ стая испуганныхъ птицъ!“, (Geschichte der Juden, томъ 8, стр. 63). Подъ вліяніемъ такихъ же причинъ и русскіе евреи прежде вели себя такимъ же образомъ. Именно потому разные Клингенберги и считали ихъ „благонадежными“, что они разсыпались, какъ испуганныя птицы, при видѣ перваго встрѣчнаго буяна. Но нѣмецкая пословица не даромъ говоритъ: Muth verloren, alles verloren (когда потеряно мужество, все потеряно). Чѣмъ покорнѣе сносили евреи колотушки, сыпавшіяся на нихъ съ разныхъ сторонъ, тѣмъ меньше было шансовъ на то, что колотушки прекратятся. Къ счастью, теперь дѣло принимаетъ другой оборотъ. Теперь въ евреяхъ пробуждается духъ протеста. „Полиція была поражена однимъ фактомъ, — говорятъ представители гомельскаго еврейскаго общества въ запискѣ, поданной тов. министра внутреннихъ дѣлъ, — тѣмъ, что евреи, вмѣсто того, чтобы разбѣжаться при первомъ крикѣ: „бей жидовъ!“, собрались, вступили въ драку съ рабочими“. Испуганныхъ птицъ замѣнили мужественные люди. Въ интересахъ всего еврейскаго населенія надо желать, чтобы такіе факты перестали быть *исключеніями изъ правила;* надо, чтобы евреи не боялись давать отпоръ громиламъ. Обстоятельства такъ сложились, что *этотъ отпоръ является для нихъ однимъ изъ видовъ борьбы съ нашимъ полицейскимъ государствомъ.* А безъ борьбы съ нимъ ничего не добьешься: „благонадежность“ обывателей никогда еще не располагала его къ уступчивости. Вотъ почему давать отпоръ громиламъ *надо, хотя бы непосредственные результаты отпора были мѣстами совершенно ничтожны.*

И въ этомъ трудномъ, но необходимомъ дѣлѣ борьбы съ громилами у евреевъ не будетъ, не должно быть союзника болѣе надежнаго, чѣмъ *сознательный пролетаріатъ*, каковъ бы ни былъ его *племенной* составъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мы уже знаемъ теперь, за что полиція травитъ евреевъ: за то, что между ними много соціальдемократовъ. Въ рукахъ полиціи еврейскіе погромы являются *однимъ изъ средствъ борьбы съ соціальдемократіей;* и всѣ мы должны помнить, что *при извѣстныхъ условіяхъ* этотъ способъ могъ бы оказаться *однимъ изъ самыхъ удачныхъ.* Соціальдемократическое движеніе есть международное движеніе пролетаріата, независимое отъ языка, расы, религіи и національности. Его участниками не могутъ быть рабочіе, не успѣвшіе отдѣлаться отъ національнаго или племеннаго фанатизма. Поэтому, чтобы ослабить его, реакціонеры вездѣ стараются поддерживать національные и племенные предразсудки без-

---

*) Какъ мы уже замѣтили въ указанномъ номерѣ, *у насъ имѣется экземпляръ этого печатнаго предписанія.*

сознательныхъ и малосознательныхъ рабочихъ. Нашъ полицейскій антисемитизмъ представляетъ собою лишь самый циничный изо всѣхъ видовъ этого стремленія темныхъ силъ остановить развитіе классового самосознанія пролетаріата. Поэтому нашъ сознательный пролетаріатъ долженъ вести безпощадную, неустанную войну съ полицейскимъ антисемитизмомъ.

Дѣло идетъ здѣсь о самомъ существованіи соціальдемократіи. Побѣда антисемитовъ означала бы гибель ея, какъ партіи сознательнаго пролетаріата. Къ счастью, такая побѣда теперь невозможна. Россійскій пролетаріатъ уже вышелъ изъ дѣтскихъ пеленокъ, и его не собьютъ съ толку дикія сказки реакціонеровъ. Это съ ясностью показали колоссальныя стачки нынѣшняго года на югѣ Россіи. Во время этихъ стачекъ рабочіе легко могли бы разгромить „жидовъ“; но они не только не проявили ни малѣйшаго желанія „бить евреевъ“, но успокаивали ихъ, — какъ то было, напримѣръ, въ Одессѣ, — говоря имъ: „не бойтесь, не бойтесь, это вамъ не Кишиневъ; мы васъ не тронемъ: для насъ всѣ равны — и русскіе, и евреи“. Такое поведеніе рабочихъ было плодомъ вліянія на нихъ соціальдемократической пропаганды и оно даетъ намъ мѣру этого вліянія. Господа антисемиты *опоздали. Крупные центры уже не пойдутъ за ними.* Этимъ объясняется, почему антисемитическіе разбойники выступаютъ лишь въ *отсталыхъ мѣстностяхъ*, т. е. тамъ, гдѣ вліяніе соціальдемократическихъ идей на рабочую массу еще не велико. Но и въ этихъ мѣстностяхъ уже встрѣчаются „христіанскіе“ рабочіе, понимающіе свой классовой интересъ и свою классовую обязанность. Хотя въ Гомелѣ въ числѣ громилъ было, къ сожалѣнію, не мало желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, но *фабричное* предмѣстье того же Гомеля, *Бѣлица*, очень сочувственно отнеслось къ евреямъ. „Когда испуганные бѣлицкіе евреи, опасаясь погрома, просили полиціймейстера прислать охрану, *мѣстные русскіе рабочіе успокоивали ихъ и обѣщали, что никому не дадутъ ихъ громить*“. Источникъ, изъ котораго мы заимствуемъ это свѣдѣніе (*Посл. Изв.* цит. номеръ, первый столбецъ), прибавляетъ, правда, что это исключительный случай, „вообще же въ окресностяхъ Гомеля отношенія между еврейскимъ и русскимъ населеніемъ обострились“. Но „окрестности Гомеля“, это — именно одно изъ нашихъ захолустій, еще не испытавшихъ на себѣ благотворнаго вліянія нашей проповѣди. Въ эти темные углы и сползаются теперь гады антисемитизма, не безъ основанія разсчитывая встрѣтить тамъ сочувственный пріемъ со стороны неразвитой массы. Но и тамъ они продержатся не долго. Волны рабочаго движенія скоро докатятся и до этихъ захолустій, а тогда и тамъ появятся „христіане“, видящіе всю *гнусность*, чувствующіе весь *позоръ* и сознающіе весь *вредъ* еврейскихъ погромовъ; тогда и тамъ „христіанскіе“ рабочіе возстанутъ на защиту евреевъ и скажутъ имъ: „*не бойтесь насъ, не бойтесь: намъ все равно, что еврей, что русскій!*“ И чтобы еще болѣе ускорить наступленіе этой счастливой поры, мы обязаны теперь же *организовать и систематизировать свою борьбу съ антисемитизмомъ.* За это не замедлитъ, конечно, взяться Центральный Комитетъ нашей Партіи, который будетъ созданъ ея вторымъ очереднымъ съѣздомъ. Ожидающая [illegible] поприщѣ работа пропаганды, агитаціи и организаціи принесетъ богатые плоды.

Противъ *антисемитической заразы* есть только одно средство: *международный соціализмъ.* Но это — вѣрное средство; оно устраняетъ ее безъ остатка. И его дѣйствія не остановятъ ни хитроумные Плеве, ни тупоумные Клингенберги. Отъ соціализма не уйти, какъ отъ судьбы.

ФРАНЦУЗСКІЙ АНТИКЛЕРИКАЛИЗМЪ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ РУССКИХЪ „СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.“

Во второмъ № „Народнаго Дѣла“, издаваемаго партіей „соціалистовъ-революціонеровъ“, напечатано письмо изъ Франціи, въ которомъ разсказывается о современномъ антиклерикальномъ движеніи во Франціи. Всякій, мало-мальски слѣдящій хотя бы по газетамъ за политикой Франціи, знаетъ, что тамъ знамя антиклерикализма поднято было Гамбеттой, представителемъ и шефомъ буржуазнаго центра-оппортюнизма. Со времени Гамбетты почти всѣ республиканскія министерства вели болѣе или менѣе энергичную борьбу съ клерикализмомъ. Борьба эта приняла особенно острый характеръ подъ вліяніемъ дѣла Дрейфуса при министерствѣ Вальдека-Руссо, и буржуазному большинству послѣдняго нетрудно было издать рядъ законовъ противъ конгрегацій. Монашескіе ордена во Франціи проводятъ свою жизнь далеко не въ однихъ только постахъ и молитвахъ; они умѣютъ, и очень умѣютъ, накоплять капиталы. Въ теченіе вѣка огромная часть французскихъ земель перешла въ руки конгрегацій: онѣ же усердно занимаются и производствомъ разныхъ продуктовъ, въ особенности винъ, — между прочимъ, и извѣстнаго вина Шартрёзъ. Ихъ продукты очень успѣшно конкуррируютъ съ продуктами свѣтскихъ фабрикантовъ. Отсюда и ненависть промышленной и крупно-торговой свѣтской буржуазіи къ черному духовенству. Буржуазія ничего не имѣетъ противъ религіи и церквей; напротивъ, она довольна проповѣдями ксендзовъ о смиреніи и небесномъ царствѣ; она ничего не имѣетъ противъ бѣлаго духовенства; всѣ удары ея направлены противъ монашескихъ орденовъ. Прибавьте къ этому еще тотъ фактъ, что богатые католическіе ордена, отдѣляющіе часть своихъ доходовъ въ пользу ватикана, употребляютъ не малую часть своихъ средствъ для широкой поддержки во время избирательной агитаціи реакціонныхъ политическихъ партій, начиная отъ націоналистовъ-антисемитовъ и кончая бонапартистами, — и вы поймете все ожесточеніе нынѣшней свободомыслящей французской буржуазіи противъ конгрегацій.

Какъ же изображаютъ антиклерикальное движеніе во Франціи соціалисты-революціонеры?

„Укрѣпилось духовенство, — пишетъ авторъ названной статьи, — и трудно было его выжить. Терпѣлъ народъ до поры, до времени. И вотъ теперь народъ (?) узналъ свою силу, взялся за умъ и издалъ новый законъ“. Положимъ, законы издаетъ во Франціи не „народъ“ непосредственно, а парламентъ. Но не будемъ останавливаться на этомъ. Итакъ, народъ, т. е. представители его въ парламентѣ стали такъ сильны, что провели законъ противъ конгрегацій? Но кто же однако этотъ „народъ“, изъ какихъ слоевъ состоитъ онъ? Надо полагать — изъ рабочихъ и крестьянъ, потому что дальше авторъ пишетъ, что „богачи, фабриканты и помѣщики стоятъ на сторонѣ духовенства“, и еще дальше, что „попы и дворяне, купцы и фабриканты, всегда кричащіе, что нельзя нарушать законы, стали отказываться исполнять новый законъ и звать своихъ единомышленниковъ на борьбу съ законнымъ правительствомъ и народомъ, стоящими за новый законъ“. Оказывается, что въ французскомъ парламентѣ большинство депутатовъ — представители „народа“, а меньшинство — представители „богачей, фабрикантовъ, помѣщиковъ и духовенства“.

Обращаюсь къ вамъ правдолюбцы гг. Гарденины, Левицкіе, Брешковскія и проч. Неужели такая передача фактовъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Неужели можно признать такого рода пропаганду *соціалистической?*

Мало того. Нашъ „соціалистъ-революціонеръ“ и законъ-то самый пере...иначилъ. „Новый законъ, пишетъ онъ, состоитъ въ томъ, что всѣ безъ исключенія жители могутъ собираться въ общества и союзы совершенно свободно, т. е. всякія общества и союзы могутъ открываться и дѣйствовать съ какой угодно цѣлью... Только для монаховъ сдѣлано исключеніе“.

И это неправда! Вообще говоря, свобода коалицій существуетъ во Франціи уже не мало лѣтъ, существуетъ съ немалыми ограниченіями. Новый законъ о конгрегаціяхъ явился, съ соціалистической точки зрѣнія, не прогрессомъ, а регрессомъ. Неправду говоритъ авторъ, что „теперь союзы могутъ открываться и дѣйствовать съ какой угодно цѣлью“. Во-первыхъ, новый законъ нисколько не отмѣняетъ такъ называемыхъ „преступныхъ законовъ“ (lois scélerates), направленныхъ противъ анархистовъ вообще и анархистскихъ союзовъ въ частности. Любое французское правительство можетъ подвести подъ этотъ законъ и соціалистовъ. Во вторыхъ, подъ прикрытіемъ ударовъ, направленныхъ противъ конгрегацій, буржуазное правительство усилило вообще государственный контроль надъ всякими обществами и ввело въ новый законъ „маленькій пунктикъ“, вызвавшій въ свое время изрядный шумъ, пунктикъ противъ нынѣшняго интернаціональнаго движенія. Гласитъ же этотъ „пунктикъ“, что правительство имѣетъ право распустить всякое общество, руководящій центръ котораго находится за-границей. Правительство говорило въ защиту этого пункта, что оно имѣло въ виду только католиковъ съ ихъ центромъ въ Римѣ; но ничто не помѣшаетъ первому реакціонному правительству направить въ необходимый моментъ этотъ самый „пунктикъ“ противъ соціалистовъ. Да и нѣтъ сомнѣнія, что, проводя новый законъ буржуазное большинство въ парламентѣ, а совсѣмъ не „народъ“, какъ повѣствуютъ соціалисты-революціонеры, имѣли въ виду расправиться сразу съ двумя противниками: съ одной стороны, съ духовенствомъ, угрожающимъ только понизить уровень прибыли капиталистовъ, и, съ другой стороны, съ пролетаріатомъ, подтачивающимъ самый корень прибыли.

Обо всемъ этомъ парижскій „соц. рев.“ ни слова. И вотъ теперь — излагаетъ онъ дальше — всѣмъ этимъ монастырскимъ общинамъ пришлось позакрыться вмѣстѣ съ ихъ школами. Вмѣсто нихъ народные депутаты рѣшили открыть новыя свѣтскія школы, гдѣ бы дѣти могли учиться по настоящему, могли бы *узнать правду* и *найти путь къ справедливости.*

Всего, всего мы ожидали отъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, но ужъ никакъ не этого. Свѣтскія школы, преподаваніе въ которыхъ критикуется даже передовыми французскими демократами, являются образцомъ, идеаломъ для нашихъ пресловутыхъ „соціалистовъ“. Наши соц.-рев. „находятъ путь къ справедливости“ въ школахъ, которыя рѣзко проникнуты классовымъ буржуазнымъ характеромъ, въ которыхъ дѣтей поучаютъ, что собственность свята и что лица, желающія уничтожить ее, безумцы или преступники, въ которыхъ восхваляются военные подвиги всякихъ Наполеоновъ Бонапартовъ и другихъ авантюристовъ! Наши соц.-рев. „узнаютъ правду“ въ школахъ, въ которыхъ изображаютъ коммуну, какъ кучку жуликовъ и бандитовъ, напавшихъ въ одно прекрасное утро на мирно живущихъ гражданъ.

Вотъ онѣ — пресловутыя „правда“ и „справедливость“ нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“.

КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ ПАРТІЙНЫХЪ ЗАДАЧАХЪ.

(Письмо въ „Искру“).

Товарищи! Прочитавъ въ № 32 „Искры“ извѣщеніе Орг. Комитета и вашъ призывъ — высказаться по этому поводу всѣмъ дѣйствующимъ и находящимся временно „не у дѣлъ“ соц.-дем., мы, группа ссыльныхъ Восточной Сибири, собравшись, рѣшили отозваться на ваше приглашеніе нижеслѣдующимъ письмомъ.

Мы убѣждены, что только принципы революціоннаго марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержавіемъ въ частности.

Тактическія задачи россійской соціальдемократіи, вытекающія изъ этихъ принциповъ, наиболѣе вѣрно и рѣшительно высказаны и развиты „Искрой“, „Зарей“ и въ книгѣ Ленина — „Что дѣлать“. Поэтому въ основу предстоящаго объединенія — по нашему глубокому убѣжденію — и должны лечь эти революціонные принципы и эти тактическія задачи.

Повторяя вмѣстѣ съ „Искрой“, что „намъ нужно объединеніе на почвѣ строгаго принципіальнаго единства“, мы считаемъ необходимымъ добавить, — что прочность и жизнеспособность такого объединенія будетъ обезпечена лишь тогда, когда въ основу его не будутъ положены взаимные компромиссы и уступки. Поэтому мы полагаемъ, что товарищи, боровшіеся до сего времени подъ знаменемъ идей, развиваемыхъ „Искрой“ и „Зарей“, и теперь вошедшіе въ Орг. Комитетъ, ставящій своей задачей „фактическое возстановленіе Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“, будутъ неустанно продолжать свою борьбу, ни на іоту не поступаясь революціонными принципами, ради „осязательныхъ результатовъ“ объединенія.

— Такого объединенія нельзя создать сразу — говоритъ „Искра“ — „одними резолюціями собравшихся делегатовъ, его надо систематически исподволь подготовить и выработать“...

Однимъ изъ самыхъ важныхъ — вѣрнѣе главнѣйшимъ способомъ для подготовленія „фактическаго возстановленія партіи“ мы и считаемъ: неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу съ оппортюнистическими, кустарническими и „демократическими“ тенденціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи соц.-дем.

Такъ, напримѣръ, еще до сихъ поръ среди россійской соц.-дем. живетъ заблужденіе, утверждающее, что для созданія сильной соц.-дем. партіи необходимо *сначала* укрѣпить работу на мѣстахъ, необходимо *сначала* создать сильныя мѣстныя организаціи, а уже *затѣмъ* — объединяться, централизоваться, создавать и укрѣплять общерусскій центръ. Прежде чѣмъ объединяться въ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партію, — говорятъ сторонники этого заблужденія, — необходимо создать порайоныя организаціи, сильные порайоные центры, на которые и могла бы опереться будущая общерусская организація.

Мы же утверждаемъ, что постройка централизованной партійной организаціи должна вестись какъ разъ наоборотъ. Не мѣстной, не порайоной работой должна опредѣляться постройка общерусской организаціи. Напротивъ, — дѣятельность мѣстная и порайонная вполнѣ обусловливаются задачами и интересами партійнаго центра, единственно — способнаго завѣдывать общерусской работой. Только тогда, только въ этомъ случаѣ — интересы *общерусскіе* могутъ стать и дѣйствительно станутъ на *первомъ* мѣстѣ передъ каждымъ дѣйствующимъ соц.-дем., въ какой бы мѣстности, въ какомъ бы районѣ онъ ни работалъ. Элементъ стихійности и кустарничества, который узаконяется сторонниками построенія *снизу*, совершенно устраняется здѣсь, разъ интересы общерусскіе выступаютъ на *первый* планъ.

Принципъ централизаціи, строго проведенный *при постройкѣ* партійной организаціи, обезпечитъ за нею — и силу, и крѣпость, и принципіальную устойчивость и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей, громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить съорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П.

„Національный вопросъ“, который нерѣдко затуманивалъ и до сихъ поръ затуманиваетъ сознаніе нѣкоторой части россійской соціальдемократіи — по нашему убѣжденію — долженъ быть окончательно рѣшенъ въ предстоящемъ объединеніи въ пользу великаго революціонно-соціалистическаго завѣта: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Революціонная соц.-дем. интернаціональна по самому существу своему. Для классоваго движенія пролетаріата не существуетъ національныхъ антагонизмовъ. Существованіе же отдѣльныхъ соц.-дем. партій *по странамъ* оправдывается лишь по столько, по скольку „національность“ движенія не служитъ помѣхой интернаціонализму его.

Объединеніе всѣхъ дѣйствующихъ соц.-дем. *по національностямъ* — въ обособленныя, независимыя организаціи, ставящія на первый планъ интересы *своей* національности, такая группировка соц.-дем. силъ Россіи послужила бы серьезнымъ тормазомъ при развитіи классоваго самосознанія пролетаріата.

Поэтому предстоящее „фактическое возстановленіе Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“ должно быть объединеніемъ всѣхъ работающихъ въ Россіи соціальдемократовъ, къ какой бы національности они ни принадлежали — въ *одну* организацію, съ *единымъ* центромъ, *единой* программой подъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи.

„Искра“ и “Заря“, оказавшія неоцѣненныя услуги соц.-дем. движенію въ Россіи — по нашему убѣжденію — должны быть признаны руководящими органами Р. С.-Д. Р. П.

Если Орг. Комитетъ, ставящій своей задачей объединеніе и фактическое возстановленіе партіи, поведетъ свою работу подъ знаменемъ идей революціоннаго марксизма, неустанно развиваемыхъ „Искрой“ и „Зарей“, — тогда всѣ истинно революціонные соціальдемократы Россіи — по нашему мнѣнію — не только должны признать за нимъ „*право*“ на общепартійныя функціи, но и стать къ нему, — *не ожидая предстоящаго съѣзда*, — въ обязательныя отношенія, какъ къ партійному центру.

Вполнѣ отрицая съѣздъ, какъ органъ созидающій и санкціонирующій Ц. К., мы допускаемъ созывъ лишь такого съѣзда, (если „Искра“ и Орг. Ком. признаютъ это цѣлесообразнымъ) который лишь „формально закрѣпитъ“*) то, что создано усиліями Орг. Ком., съ помощью всей россійской истинно революціонной соціальдемократіи.

Не выборное начало, не игрушечный и вредный „демократизмъ“, а строго-принципіальная постановка дѣла, преданность пролетарскому дѣлу и товарищеское довѣріе — вотъ что должно стать для насъ основой для совмѣстной и дружной работы. Каждая дѣйствующая соц.-дем. организація, каждый работающій или жаждущій работать соціальдемократъ — въ настоящій историческій моментъ, переживаемый россійской соціальдемократіей, долженъ подняться и вырваться изъ узкой сферы *мѣстныхъ* интересовъ и все свое вниманіе, всѣ свои силы перенести и сосредоточить на *общерусской* работѣ: на организаціи и „фактическомъ возстановленіи Р. С. Д. Р. П.“

Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы высказываемъ и свое отношеніе къ полемикѣ „Искры“, по адресу которой такъ часто раздавались и теперь еще раздаются негодующіе возгласы.

Мы не будемъ говорить здѣсь о соціальдемократическихъ заслугахъ „Искры“ вообще... Онѣ признаны даже... противниками этой газеты. Нѣтъ, мы хотимъ здѣсь сказать о заслугахъ *полемики* „Искры“ — именно той „нетерпимой“, „нетоварищеской“ полемики, на которую такъ много навѣтовъ и нареканій.

Мы полагаемъ, что, кому близко и дорого пролетарское дѣло, кто дѣйствительно глубоко понялъ и проникся принципами революціоннаго марксизма — этой науки пролетарскаго движенія, — тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ поползновеніямъ разныхъ „друзей“ и „учителей“ пролетаріата, стремящихся затуманить его сознаніе и вносящихъ въ эту строго научную теорію свои „поправки“ и „разъясненія“.

Кому же недостаточно понятны или просто недоступны принципы пролетарской науки, тому и совлеченіе рабочаго движенія съ истинной дороги на буржуазную покажется лишь... простымъ недоразумѣніемъ... Поэтому горячая, „нетерпимая“ полемика „Искры“, ея энергичныя, рѣшительныя, рѣзкія слова и эпитеты оскорбляютъ ухо такихъ „деликатныхъ“ читателей... Вѣдь они видятъ только эти слова, эти эпитеты, эти названія, читаютъ лишь самую поверхность писанія, но содержаніе, сущность этой полемики они неспособны воспринять! И... они негодуютъ на „Искру“: „Искра“ ругается, „Искра“ только и способна на это“.

Тѣ, кто идутъ и отдаютъ себя пролетаріату лишь *по чувству*, по симпатіямъ, революціонное воодушевленіе которыхъ вытекаетъ не изъ глубокаго убѣжденія и серьезнаго изученія научнаго соціализма, для тѣхъ полемика „Искры“ не можетъ быть убѣдительной. Для нихъ она всегда останется: „хлесткой фразой“, „полемической красотой“, „полемическимъ задоромъ“ и т. д. и т. д.

Подъ литературной внѣшностью они никогда не способны будутъ разглядѣть содержанія. Поэтому — рѣзкость, категоричность, иронія и смѣхъ всегда будутъ представляться имъ „хлесткою фразой“, ничѣмъ *неоправдываемой*... Для такихъ „деликатныхъ“ читателей, одушевленныхъ лишь „добрымъ желаніемъ“, и „честнымъ негодованіемъ“, слова: „революціонеръ“, „соціалистъ“ вполнѣ уже гарантируютъ чистоту пролетарскаго знамени. Уроковъ исторіи, жестокихъ уроковъ, перенесенныхъ пролетаріатомъ на своей спинѣ, для нихъ не существуетъ вовсе. Каждую *красную* тряпку они легкомысленно готовы признать за пролетарское знамя...

Читатель же, способный воспринимать сущность пролетарскаго ученія, пойметъ и эту рѣзкость, и „нетерпимость“, и негодованіе, возбуждаемыя въ убѣжденномъ соціальдемократѣ буржуазнымъ поползновеніемъ буржуазныхъ теоретиковъ. Всегда и всюду, во всякомъ углу мы должны нагонять своихъ буржуазныхъ противниковъ, срывать съ нихъ чуждую имъ одежду — и смѣхомъ, и ироніей, и рѣзкимъ словомъ раскрывать передъ пролетаріатомъ эту ворону въ павлиныхъ перьяхъ...

Да мы и не можемъ быть *не* рѣзки, мы не можемъ быть „корректны“, сдержанны и олимпійски-спокойны, когда передъ нашими глазами дотрагиваются до самаго святого! — Такое спокойствіе было бы равносильно индифферентизму.

Неустанно продолжая свою рѣзкую, „нетерпимую“ полемику, „Искра“ докончитъ — *такъ какъ и слѣдуетъ*, начатое ею дѣло. Тотъ, кого коробитъ рѣзкость и категоричность этой полемики, пусть себѣ уходитъ туда, откуда онъ пришелъ... Онъ ненадежный товарищъ...

Такъ полемическая рѣзкость и „нетерпимость“ „Искры“ въ глазахъ у всѣхъ (даже въ далекой ссылкѣ) провела уже и съ каждымъ днемъ проводитъ все глубже и рѣзче ту линію, которая отграничиваетъ „ненадежныхъ“ отъ „надежныхъ“... пусть бѣгутъ отъ насъ — революціонной соціальдемократіи — цѣлыя стаи „недовольныхъ“ и „возмущенныхъ“ и пусть по этому поводу печалуются и радуются тѣ, для кого это явленіе равносильно „упадку“ или „слабости“ русской соціальдемократіи. Мы же — для кого явленіе это и понятно и естественно — называемъ его: мобилизаціей своихъ силъ...

Революціонное *меньшинство*, глубоко убѣжденное и проникнувшееся пролетарскимъ ученіемъ съумѣетъ — и съумѣетъ во сто разъ лучше цѣлой арміи „ненадежныхъ“, идущихъ по симпатіямъ и чувству соц.-дем. — внести это ученіе въ сознаніе россійскаго рабочаго класса.

Придетъ время (и оно уже не далеко), когда ученіе это, глубоко проникнувъ въ пролетарскую массу, воплотится передъ глазами всѣхъ и каждаго въ могучее революціонное движеніе народныхъ массъ, и тогда... всѣ эти стаи „недовольныхъ“, „не совсѣмъ согласныхъ“, „протестующихъ“ и „возмущенныхъ“, оглушенные внушительнымъ „конкретнымъ результатомъ“, разомъ забудутъ свое бывшее негодованіе, забудутъ „полемическія красоты“, „хлесткость фразы“, „возмутительное поведеніе“ и т. д., и „прозрѣвъ“, потянутся за революціонной соц.-демократіей...

Такъ многіе и многіе теперешніе „протестанты“ подобно многимъ и многимъ буржуазно-радикальнымъ „друзьямъ“ пролетаріата *силою* „конкретныхъ фактовъ“ нежданно претерпятъ вн ную метаморфозу, о которой потомъ постараются скорѣе забыть... „Чувства“ и „симпатіи“ ихъ повернутъ тогда... по вѣру — въ нашу сторону...

---

*) Понимая подъ „формальнымъ закрѣпленіемъ“ рядъ совмѣстныхъ обсужденій и распредѣленіе Центральнымъ Комитетомъ силъ и функцій между представленными оргазаціями... Не боль

Товарищи! Вотъ почему мы — группа ссыльныхъ соц.-дем. — искренно *привѣтствуемъ полемику „Искры“ со всей ея рѣзкостью, категоричностью и „нетерпимостью“*, привѣтствуемъ — не только какъ вполнѣ пригодное и законное орудіе въ борьбѣ съ буржуазной идеологіей, но и какъ прекрасное радикальное средство для отдѣленія „надежныхъ“ отъ „ненадежныхъ“..

Группа ссыльныхъ соц.-дем. (Восточная Сибирь). Іюль 1903 г.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Первая политическая демонстрація тульскихъ рабочихъ 14 сентября 1903 года. Одиннадцать часовъ дня. На Кіевской улицѣ (главная улица въ Тулѣ) необыкновенное и своеобразное оживленіе. Городовые разставлены по два человѣка вмѣстѣ. На углу Площадной красуется помощникъ пристава верхомъ на конѣ съ плеткой въ рукахъ, другой — пѣшій стоитъ рядомъ. Оба безпокойно посматриваютъ въ сторону Пушкинскаго сада. На другомъ углу приставъ на конѣ, а рядомъ помощникъ — пѣшій и два городовыхъ. По серединѣ Кіевской гарцуетъ на конѣ еще помощникъ пристава и стоятъ опять два городовыхъ. Какія то подозрительныя личности снуютъ сзади и спереди или стоятъ около магазиновъ. Интересный субъектъ стоитъ около магазина Львова. Онучи на немъ грязныя, какъ у землекопа, казакинъ и картузъ запачканы глиной, изъ подъ казакина, не закрывающаго колѣни, видны синіе суконные шаровары, по которымъ не трудно догадаться, кто онъ такой. Не переодѣтые жандармы ходятъ по двое по улицѣ, по Пушкинскому и Гоголевскому садикамъ. Въ половинѣ перваго публики на улицѣ уже очень много. Всѣ смотрятъ на полицейскихъ приставовъ, разъѣзжающихъ по улицѣ и отдающихъ какія-то приказанія городовымъ. За церковью Спаса въ Сапуновскомъ переулкѣ спрятана рота солдатъ; въ городской управѣ — нѣсколько десятковъ городовыхъ; въ Кремлѣ опять солдаты съ ружьями. Въ публикѣ спрашиваютъ другъ друга: „кто пріѣхалъ?“, „кого ждутъ?“. Въ половинѣ второго народъ сталъ скопляться на Посольской около булочной Филиппова (близъ Кіевской). Въ это время у Калужской улицы появляется толпа рабочихъ съ распущенными красными знаменами, на которыхъ крупными черными и бѣлыми буквами изображено: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ революція!“, „Да здравствуетъ свобода!“ и „Да здравствуетъ соціализмъ!“ Далеко разносятся мощные и стройные звуки красивой пѣсни: „ненавистенъ намъ царскій чертогъ...“ Шествіе двигается по Посольской, причемъ впереди идетъ женщина и разбрасываетъ направо и налѣво прокламаціи, въ которыхъ Тульскій Комитетъ объясняетъ не знающимъ смыслъ данной демонстраціи. Содержаніе этой прокламаціи приблизительно слѣдующее: Товарищи, сегодняшней демонстраціей мы желаемъ выразить протестъ противъ того строя, при которомъ возможны такіе звѣрскіе приговоры, которые вынесены судомъ нашимъ товарищамъ-ростовцамъ за участіе въ демонстраціи 2 марта 1903 года. Пользуясь случаемъ, мы выражаемъ также сочувствіе забастовавшимъ нашимъ товарищамъ-москвичамъ. Далѣе слѣдуетъ подпись Тульскаго Комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи и дата 14-го сентября 1903 г. Вообще прокламаціи, болѣе подробно составленныя сыплются дождемъ и тутъ же подбираются народомъ. Вотъ ломовой извозчикъ остановилъ лошадь и хватаетъ уносимую вѣтромъ прокламацію. Вотъ крестьянинъ везетъ возъ сѣна, останавливаетъ лошадь, съ удивленіемъ смотритъ на происходящее и поднимаетъ прокламацію. Люди выбѣгаютъ изъ сосѣднихъ трактировъ, изъ дворовъ, открываютъ окна, откуда-то взявшіеся мальчишки подбираютъ листки и продаютъ ихъ публикѣ по двугривенному, пока не попадаются въ лапы городовыхъ, а рабочая толпа продолжаетъ свою пѣсню свободы, — русскую марсельезу, въ которой кое гдѣ звучитъ тяжелая грусть: „тебѣ отдыхъ одна лишь могила...“ Демонстранты дошли до булочной Филиппова и рѣшили убрать знамена и разойтись. Между тѣмъ на нихъ уже бѣжали городовые съ шашками на голо и съ помощникомъ пристава во главѣ. Произошла схватка. Раздались трескъ палокъ и звяканье шашекъ. Въ свалку попала одна женщина, ее сшибли съ ногъ; поднялась она совсѣмъ растрепанная, городовые схватили ее, но сейчасъ же оставили и бросились на рабочихъ, но изъ демонстрантовъ никого полиціи арестовать не удалось. Тѣмъ съ большей яростью она, упустивъ главный моментъ, бросилась на стоявшую тутъ громадную толпу и стала выхватывать изъ нея отдѣльныхъ лицъ по указаніямъ сыщиковъ. Нѣкоторые изъ толпы ожесточенно защищались и городовымъ нѣсколько досталось, но, къ сожалѣнію, слишкомъ мало. Весь остальной день полиція была на ногахъ, при чемъ цѣлыми толпами топталась по Кіевской улицѣ, по близости отъ того мѣста, гдѣ состоялась демонстрація. По всему городу цѣлый день ходили военные патрули. Демонстрація произвела огромное впечатлѣніе на всѣхъ горожанъ безъ исключенія. Въ самыя глухія и темныя щели проникли слухи и толки о демонстраціи, которая въ этихъ щеляхъ называется „бунтомъ“.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что демонстрацію никакъ нельзя назвать грандіозной по размѣрамъ, она оказалась очень крупной по результатамъ, т. е. вполнѣ удалась. Приписать ея успѣхъ нужно отчасти вѣрнымъ расчетамъ организаторовъ, главнымъ же образомъ смѣлости самихъ демонстрантовъ. Поучительность этой первой для Тулы демонстраціи и для организаторовъ, и для демонстрантовъ, и для всего тульскаго населенія, которое особенно имѣлось въ виду Комитетомъ, не имѣетъ границъ. Вниманіе и сочувствіе громаднаго тульскаго населенія привлечено демонстраціей 14 сентября къ революціоннымъ соціальдемократическимъ задачамъ и идеямъ всего пролетаріата, чего именно и требовалось достигнуть. Нужно было, чтобы все населеніе большого города задумалось надъ заявленіями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ свобода!“, „Да здравствуетъ революція!“, „Да здравствуетъ соціализмъ!“

Арестовано въ этотъ день 22 человѣка: втеченіе недѣли арестовано еще нѣсколько человѣкъ. Вотъ нѣкоторыя имена: Балазинъ раб., Бунзенъ раб, Болодинъ раб., Жабровъ раб., Жилинъ раб., Игнатьевъ раб., Колесниковъ раб., Кудрявцевъ инт., Луначарская инт., Маревскій раб., Морозовъ раб., Рождественская Александра инт., Рождественская Анна инт., Рождественскій Митрофанъ инт., Рождественскій Николай инт., Фроловъ раб., Шпановъ инт., Щепетева инт.

Къ дѣлу о златоустовской бойнѣ. (Письмо въ редакцію). Прочитавъ въ приложеніи къ № 48 „Искры“ дѣло о златоустовскихъ безпорядкахъ, я счелъ своимъ долгомъ внести нѣкоторыя „поправки“ въ правительственную „правду“ объ этомъ дѣлѣ.

Правительству во что бы то ни стало нужно было придать учиненному имъ побоищу мирныхъ гражданъ характеръ вооруженнаго сопротивленія. И вотъ на сторонѣ властей оказываются *двое* раненыхъ: жандармскій унтеръ-офицеръ (фамилія...) и помощникъ исправника (фамилія...). Между тѣмъ я слышалъ отъ цѣлаго ряда лицъ, занимающихъ въ Златоустѣ и въ уѣздахъ оффиціальное положеніе, что упомянутые герои были ранены слѣд. образомъ. Когда Богдановичъ выходилъ изъ дома горнаго начальника къ толпѣ, то, отворяя дверь, ведущую въ сѣни, онъ нечаянно ударилъ ею жандармскаго унтеръ-офицера по скулѣ; что же касается „огнестрѣльной“ раны г-на помощника исправника, то, чтобы установить ее, пришлось продѣлать слѣдующія перепетіи. Сей г-нъ является къ видному врачу г. Златоуста, проситъ осмотрѣть палецъ и выдать ему свидѣтельство въ томъ, что рана огнестрѣльная. Осмотрѣвъ рану, врачъ заявилъ, что она могла быть причинена чѣмъ угодно — „могли расковырять“ будто бы заявилъ онъ даже — и въ просимомъ свидѣтельствѣ отказалъ. „Раненый“ отправляется къ другому — съ той же просьбой.

— Можетъ быть пуля, а можетъ быть и не пуля могла причинить вамъ эту рану, отвѣтилъ врачъ.

— Слѣдовательно, можетъ быть и пуля? переспросилъ обрадованный помощникъ пристава: — можетъ быть — отвѣтилъ врачъ. — Ну, такъ вы такъ и напишите.

Врачъ спроста написалъ, что рана могла быть причинена и пулей. Но когда онъ затѣмъ узналъ — наивный человѣкъ — какой ходъ дается его свидѣтельству, и какой отзывъ далъ до него его коллега, онъ рѣшилъ на судѣ исправить свою ошибку...

Таковы „раненые“ сопротивлявшейся толпой. Факты эти разсказаны были мнѣ лично нѣсколькими лицами, занимающими совершенно различное оффиціальное положеніе, и безъ всякаго стѣсненія со всѣми подробностями были разсказываемы въ обществѣ.

Уфа. Въ концѣ іюля новый помпадуръ Соколовскій началъ объѣзжать „ввѣренную“ ему губернію. Прежде всего онъ отправился въ Златоустъ. На площади, которая четырьмя мѣсяцами раньше была обагрена кровью рабочихъ, онъ собралъ златоустовскихъ рабочихъ и сталъ на нихъ кричать, требуя, во-первыхъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ недовольства заводоуправленіемъ они обращались непосредственно къ нему, и, во-вторыхъ, чтобы не слушали бунтарей, а выдавали ихъ полиціи, при сопротивленіи же убивали. Присутствовавшіе при этомъ увѣряютъ, что его превосходительство изволилъ во время рѣчи шесть разъ употребить трехъ-этажныя выраженія. Мы этому охотно вѣримъ, ибо и здѣсь уже, въ Уфѣ, онъ неоднократно дрался съ извозчиками и городовыми. — Жены нѣкоторыхъ убитыхъ и заключенныхъ въ тюрьму рабочихъ подавали въ Златоустѣ губернатору прошенія о пособіи, но получили грубый отказъ.

Однимъ изъ ближайшихъ результатовъ убійства Богдановича является учрежденіе въ Уфѣ охраннаго отдѣленія. Число шпіоновъ и жандармовъ сильно возрасло. Въ іюлѣ былъ произведенъ, по приказу изъ Питера, обыскъ у д-ра Шмитца. Ничего не нашли. Въ августѣ по доносу квартирохозяина арестованъ одинъ желѣзнодорожный рабочій.

Настроеніе нашихъ властей — до послѣдней степени возбужденное и нервное. До чего боятся онѣ теперь рабочихъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго маленькаго инцидента. 14 іюня въ мастерской Берштейна (60 раб.), была распространена прокламація, приглашавшая рабочихъ къ забастовкѣ; выставлены слѣдующія требованія: 1) повышеніе заработной платы; 2) улучшеніе пищи и содержанія квартиръ (почти всѣ рабочіе живутъ на хозяйскихъ харчахъ и въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ); 3) уничтоженіе производства штрафовъ и 4) вѣжливое обращеніе мастера съ рабочими. Стачка не состоялась, но тѣмъ не менѣе требованія всѣ были въ той или иной мѣрѣ удовлетворены: на этомъ настояли фабричные инспектора и полиціймейстеръ, поспѣшивъ нанести визитъ г. Берштейну. Въ августѣ мѣс. въ горно-промышленномъ заводѣ и въ желѣзно-дор. мастерскихъ была распространена прокламація по поводу неудавшейся стачки и событій на югѣ. Одновременно былъ арестованъ рабочій жел.-дор. мастерскихъ Селезновъ, у котораго, говорятъ, нашли прокламаціи. Около 10 сентября были обыски у прис. повѣр. Леудонскаго и у 6 рабочихъ. Никто не взятъ. Наконецъ, въ ночь на 20 сентября арестованы: помощникъ секретаря губернской земской управы П. Н. Григорьевъ, статистикъ С. Ф. Горденинъ, служащій губ. зем. управы В. А. Клюевъ, служ. губ. акц. управ. Н. Г. Вагинъ. Вмѣстѣ съ Клюевымъ арестованъ на вокзалѣ желѣзнодорожный служащій. Вообще послѣ убійства Богдановича аресты сыплются какъ изъ рога изобилія. Да и не мудрено: надо же охранному отдѣленію, въ распоряженіи котораго состоитъ цѣлая организація шпіоновъ, какъ-нибудь оправдать свое существованіе. Можно смѣло сказать, что на каждаго работающаго приходится по два шпіона. Не даромъ же говорятъ, что содержать охранное отдѣленіе стоитъ 20 тысячъ рублей въ годъ. До чего, однако, безсмысленны и случайны эти обыски и аресты, видно изъ того, что ни у кого, за исключеніемъ Селезнева, ничего не найдено. Послѣдніе пять арестовъ можно объяснить стремленіемъ администраціи „очистить“ городъ, хотя бы на время суда надъ златоустовскими рабочими. Видя, что сыскъ мало помогаетъ дѣлу, охр. отдѣленіе старается развести провокатуру. Такъ, теперь уже съ достовѣрностью можно сказать, что рабочій жел.-дор. мастерскихъ Ивановъ — провокаторъ. На дняхъ начальникъ охр. отд. посѣтилъ служащаго электрической станціи А. Л. Брайде (еврей), у котораго былъ обыскъ одновременно съ послѣдними арестами и который нѣсколько раньше едва не былъ высланъ изъ Уфы. Теперь ему заявлено, что отъ характера показаній, которыя онъ дастъ на предстоящемъ допросѣ, будетъ зависѣть, останется ли онъ въ Уфѣ или нѣтъ, такъ какъ де охран. отдѣленію извѣстно кое что о его участіи въ „организаціи“ (?). Сношенія съ рабочими стали очень затруднительны, такъ какъ почти въ каждомъ кварталѣ есть „свой“ шпикъ, да и дворникамъ даны надлежащія инструкціи. Обыватели также ропщутъ на новые порядки — да и кому же понравится постоянное шныряніе полиціи по квартирамъ. Это затѣя новаго помпадура: учрежденъ адресный столъ, почему и требуется неукоснительно исполнять правила по пропискѣ вида каждаго, чего здѣсь сроду не было.

26 сентября арестованы и на другой день высланы по этапу дѣлопроизводитель страхового отдѣленія губ. зем. управы Ильинскій, завѣдующій оцѣночнымъ отдѣленіемъ Бриллингъ. На 5 л. въ Архангельскую губ. сосланъ пом. прис. повѣр. Синицынъ. Днемъ или двумя позднѣе высланъ на два года изъ предѣловъ Уфимской и смежныхъ съ ней губерній агентъ страх. общ. „Надежда“ Козловъ. Синицынъ, по общему мнѣнію, высланъ за организацію защиты златоустовскихъ рабочихъ. Говорятъ, губернаторъ имѣетъ большія полномочія и обѣщаетъ не церемониться ни съ кѣмъ: вышвырнетъ изъ суда всякаго, кто только посмѣетъ пикнуть, какъ онъ самъ выразился. Уфимцы въ напряженномъ ожиданіи златоустовскаго процесса. Въ „Уфим. Губ. Вѣдомостяхъ“ отъ 30 сентября опубликовано обязательное постановленіе губернатора, воспрещающее сходбища, грозящее сугубыми карами за неподчиненіе полиціи, запрещающее ношеніе огнестрѣльнаго и холоднаго оружія. Власти готовятся къ позорному царскому суду!

Волненія въ Закавказьѣ по поводу передачи въ вѣдѣніе казны армянскихъ церковныхъ имуществъ не прекращаются. Потерпѣвъ крупныя неудачи въ городахъ, гдѣ только благодаря физической силѣ удалось отобрать документы и денежныя суммы нѣкоторыхъ церквей, встрѣчая вездѣ вооруженныя сопротивленія со стороны народа, правительство рѣшило приступить и къ Эчміадзину, резиденціи Католикоса. Предварительно вся окрестность была заполнена войсками всѣхъ родовъ оружія, были арестованы мало мальски подозрительныя лица, всюду разосланы арміи шпіоновъ; всѣ дороги, ведущія въ Эчміадзинъ, тщательно охранялись. Коммиссія по пріему имуществъ подъ охраной двухъ сотенъ казаковъ, роты солдатъ и стражниковъ явилась къ осаж-

---

Л. Толстой и соціальдемократія.

Двадцать восьмого августа читающая Россія праздновала 75-тилѣтній юбилей Льва Николаевича Толстого. Наша жестокая дѣйствительность, вырывшая не одному русскому талантливому писателю преждевременную могилу, не изобилуетъ такими лирическими моментами. Съ тѣмъ большимъ торжествомъ мы можемъ отмѣтить такое выдающееся, почти небывалое у насъ событіе, какъ 75-тилѣтній юбилей знаменитаго русскаго поэта. Какъ бы ни отличались другъ отъ друга направленія и идеалы въ различныхъ слояхъ современнаго нашего общества, всѣ согласятся, безъ сомнѣнія, въ томъ, что геніальный беллетристъ внесъ огромный вкладъ въ русскую и всемірную литературу своими истинно художественными по формѣ и глубокими по содержанію произведеніями. Одаренный необычайной силой проницательности, несравненный знатокъ человѣческой души и великій мастеръ въ изображеніи какъ типичнаго, такъ и индивидуальнаго, Левъ Николаевичъ Толстой, какъ настоящій талантъ, сумѣлъ, оставаясь на почвѣ конкретной окружающей дѣйствительности, воплотить въ свои произведенія и тѣ общіе, типичные элементы мысли и чувства, которые въ той или иной степени, въ той или иной формѣ присущи культурному человѣчеству на протяженіи долгихъ историческихъ періодовъ.

Эта геніальная способность находить общее въ частномъ и частное въ общемъ обезпечила великому русскому художнику выдающееся мѣсто во всемірной литературѣ и неизмѣнный, захватывающій интересъ къ его произведеніямъ. Во всякомъ возрастѣ, на всякой ступени своего духовнаго развитія и житейскаго опыта читатель найдетъ въ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого нѣчто новое и оригинальное. Гёте сказалъ о поэтѣ классической древности: „Когда я теперь читаю Гомера, то онъ кажется мнѣ инымъ, чѣмъ казался десять лѣтъ тому назадъ; и если бы жизнь наша продолжалась 300 лѣтъ, то онъ бы всегда продолжалъ выступать передъ нами въ новомъ свѣтѣ“. Думаемъ, что эти слова творца Фауста такъ же примѣнимы къ грандіозной эпопеѣ „Война и миръ“.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять, почему русская соціальдемократія, представительница того класса, который стремится къ истинной духовной культурѣ человѣчества, всецѣло раздѣляетъ общее торжество юбилея. Но понимая все то глубокое, культурное значеніе, какое имѣетъ Л. Н. Толстой какъ художникъ, соц.-дем. помнитъ и не должна забывать, что Толстой, какъ проповѣдникъ, является самымъ рѣзкимъ и вполнѣ сознательнымъ противникомъ соціалистическаго движенія.

Соціальдемократія стремится къ развитію классового сознанія пролетаріата. Великая цѣль соціализма можетъ быть достигнута только путемъ роста и развитія у пролетаріата сознанія коренныхъ противорѣчій нынѣшняго общества. Сознаніе непримиримаго антагонизма интересовъ привилегированнаго, эксплуатирующаго меньшинства съ интересами угнетеннаго, эксплуатируемаго большинства является той *активной* исторической силой, которая должна положить конецъ существующему порядку вещей. Слѣдовательно, чѣмъ серьезнѣе и чѣмъ яснѣе будетъ убѣжденіе пролетаріата въ непримиримости этого антагонизма, тѣмъ скорѣе наступитъ моментъ его уничтоженія, иначе говоря: чѣмъ рѣзче будетъ вестись война, тѣмъ ближе мы будемъ къ миру.

Діаметрально противоположнымъ содержаніемъ отличается ученіе Л. Н. Толстого. Исходя изъ аскетически-христіанскаго міросозерцанія, Л. Н. Толстой отрицаетъ по существу стремленіе современнаго революціоннаго пролетаріата къ матеріальному экономическому равенству. Принципіально не придавая никакого значенія матеріальной жизни, это ученіе совершенно игнорируетъ существующее экономическое неравенство. Нравственная проповѣдь любви и мира направляется поэтому у Л. Н. Толстого ко всѣмъ безразлично классамъ современнаго общества, и если она учитъ буржуа *любить* рабочаго, то, съ другой стороны, учитъ рабочаго *повиноваться буржуа и терпѣть* зло безъ сопротивленія, ибо, какъ говорится въ евангеліи Толстого, „заставитъ тебя сработать на себя одну работу, сработай двѣ, и кто принудитъ тебя итти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два“. Фактъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ не вызываетъ протеста, не внушаетъ возмущенія, не требуетъ борьбы, а, напротивъ, долженъ, съ христіанской точки зрѣнія, вызвать чувство смиренія. Ясно, что добровольное подчиненіе эксплуататорамъ возводится здѣсь въ высшій нравственный принципъ. Вся толстовская проповѣдь проникнута, поэтому, *идеей примиренія классовъ* и подобно всѣмъ нравственнымъ теоріямъ современныхъ защитниковъ буржуазіи служитъ къ затемнѣнію классового самосознанія борющагося пролетаріата. Сущность и смыслъ этого ученія превосходно поняла западно-европейская буржуазія, у которой нравственное ученіе Толстого пользуется огромнымъ уваженіемъ и нерѣдко ставится въ примѣръ соціальдемократамъ.

Правда, что Толстой рѣзко и мѣтко критикуетъ праздный образъ жизни высшихъ эксплуатирующихъ классовъ и что, благодаря своей колоссальной проницательности и самостоятельности наблюденія, онъ открываетъ такія стороны современнаго общественнаго строя, какихъ не замѣчаетъ обыкновенный глазъ обыкновеннаго челов. Но эта критика остается совершенно безплодной, т. к. она вездѣ и повсюду пріурочивается мистикомъ-аскетомъ къ аскетическимъ цѣлямъ. Критика общест. условій плодотворна и революціонна только въ томъ случаѣ, когда она, отмѣчая отжившія, негодныя общест. формы, указываетъ на тѣ здоровые элементы, изъ которыхъ должно сложиться и развиться будущее и на которые долженъ опираться общественный дѣятель, задавшійся цѣлью работать въ этомъ направленіи. Критика же Толстого исходитъ изъ аскетическаго начала; она отрицаетъ *всю современную культуру* безъ остатка. Отрицая *все*, Толстой этимъ самымъ оставляетъ въ сущности *все нетронутымъ*, рекомендуя только абсолютное равнодушіе къ земной жизни, т. к. въ ней вообще все суета суетъ. Блестящимъ подтвержденіемъ безплодности этой критики можетъ служить хотя бы „Воскресенье“. Художникъ знакомитъ своего героя со всѣмъ адомъ русской дѣйствительности. И что же? Послѣ всего того, что видѣлъ и пережилъ Нехлюдовъ, ему становится яснымъ... истинный смыслъ евангелія, въ которое онъ и погружается всецѣло, не считая при этомъ болѣе необходимымъ отдавать землю крестьянамъ, т. к. земная жизнь вообще ничего не стоитъ. И вся quasi-революціонная критика Толстого кончается неизмѣнно тѣмъ, что слѣдуетъ отказаться отъ культурныхъ потребностей, не бороться за матеріальное благо, любить другъ друга и подставлять лѣвую щеку тому, кто тебя ударитъ въ правую, и тогда настанетъ царство божіе... *внутри насъ*.

Однимъ словомъ, Толстой, какъ всѣ мистики, возвелъ въ вѣчный нравственный законъ фактически существующій теперь аскетическій образъ жизни рабочихъ массъ, — что, разумѣется, очень выгодно привилегированнымъ классамъ. А въ тѣ рѣдкіе моменты, когда Толстой оставляетъ свою религіозную точку зрѣнія и касается какого-нибудь конкретнаго вопроса, онъ является самымъ умѣреннымъ либераломъ, а чаще всего консерваторомъ. Нападая, напримѣръ, на частную собственность, Толстой нигдѣ не говоритъ, *что она должна быть отмѣнена*. И какъ только проповѣдникъ приближается къ этому вопросу, онъ сейчасъ оставляетъ свой ясный реалистическій языкъ и ведетъ обыкновенно такую рѣчь: „Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и пить, ни для тѣла вашего, во что одѣваться. Душа не больше ли пищи и тѣло одежды. Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы; и отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ“ и т. д. Вся критика частной собст. сводится въ конечномъ счетѣ къ тому, что богатымъ вмѣняется въ нравственную обязанность накормить и одѣть неимущаго ближняго: евангельская заповѣдь, которая не только не возстаетъ противъ частной собственности, а, напротивъ, санкціонируетъ этотъ институтъ, какъ неизмѣнную категорію.

Многіе придерживаются того убѣжденія, что критика существующаго строя можетъ, вопреки исходной точкѣ и окончательному выводу, имѣть революціонное вліяніе на умы. Это, по нашему мнѣнію, большое заблужденіе. Всякое міросозерцаніе, какъ бы оно ни было реакціонно, можетъ содержать и часто содержитъ вѣрные критическіе взгляды, сила и яркость которыхъ зависитъ отъ степени талантливости представителя этого міросозерцанія. Какой-нибудь романтикъ, идеализирующій мрачное средневѣковье, можетъ сойтись съ соціалистомъ въ *критикѣ* нѣкоторыхъ элементовъ капиталистическаго порядка.

Дѣло совсѣмъ не въ критикѣ, а именно въ исходной точкѣ и окончательномъ выводѣ. Революціонеръ подвергаетъ критикѣ существующій строй для того, чтобы его ниспровергнуть и итти впередъ; реакціонеръ можетъ подвергнуть его той же критикѣ для того, чтобы повернуть колесо исторіи назадъ.

И если критика реакціонера становится очень рѣзкой и очень смѣлой, то это доказываетъ только то, что общественныя формы достигли такой серьезной степени разложенія, что обратили на денному въ своемъ монастырѣ Католикосу за разрѣшеніемъ. Какъ бы циничны ни были служители самодержавія, имъ все же неловко было безъ полученія согласія главы церкви, выбраннаго всѣмъ народомъ, приступить къ выполненію своей хищнической миссіи. Католикосъ принялъ ихъ весьма торжественно и на просьбу ихъ дать свое согласіе, отвѣтилъ: „согласно присягѣ быть вѣрнымъ царю, я не могу отказать; но согласно также присягѣ въ вѣрности своему народу, не могу передать.“ Съ этими словами онъ вышелъ изъ залы.

Не зная, что предпринять въ самомъ Эчміадзинѣ, коммиссія съ вооруженной свитой направилась въ сосѣднія деревни, надѣясь хоть тамъ, путемъ угрозы, заставить подчиниться царской волѣ. Прибывъ съ село Ошаканъ, предсѣдатель комиссіи, нѣкто Вицъ, обратился къ собравшемуся народу съ сладкими рѣчами, гдѣ указывалъ на пользу, которую армянская церковь получитъ отъ этой царской милости, благодаря умѣлому и добросовѣстному управленію, и кончилъ предложеніемъ поскорѣе передать имѣющіяся имущества и деньги. Собравшіеся ему отвѣтили, что пока не будетъ разрѣшенія отъ католикоса, никакой передачи не состоится. Видя, что мирныя рѣчи не производятъ никакого впечатлѣнія, онъ обратился къ ктитору съ требованіемъ и съ угрозами. Присутствовавшій уѣздный начальникъ не замедлилъ самъ вмѣшаться и даже далъ послѣднему нѣсколько пощечинъ, но ничего не помогло. Арестовавъ ктитора и не добившись ничего, коммиссія направилась въ Аштаракъ (другое сосѣднее село). Наученные горькимъ опытомъ, что съ народомъ ладить не легко, пріемщики вызвали сельскаго старшину и потребовали ключей и документовъ. Тотъ, вмѣсто отвѣта, снялъ съ шеи свою цѣпь, передалъ ее уѣздному начальнику и отказался отъ должности. Несмотря на побои, онъ совершенно отказался подписаться подъ предлагаемыми ему протоколами. Такова же была встрѣча, оказанная царскимъ чиновникамъ и въ другихъ деревняхъ. Вернувшись послѣ такой неудачи снова въ Эчміадзинъ, коммиссія на вторичную свою просьбу передать ей ключи отъ кассы, которые хранились у Католикоса, получила отказъ. Тогда, опечатавши кассу и составивъ протоколъ, она направилась въ Эривань, гдѣ до сихъ поръ бездѣйствуетъ. Что будетъ дальше, трудно угадать.

Но этими силами, находящимися подъ вліяніемъ Эчміадзина, не ограничивается оппозиція со стороны крестьянъ къ исполненію закона 12-го іюня. Правительственная комиссія вездѣ встрѣчала возбужденную толпу, нежеланіе со стороны завѣдующихъ имуществами добровольно ихъ передать, запертыя церковныя ворота и т. д. Къ этимъ протестамъ прибавилось еще негодованіе по поводу звѣрскихъ убійствъ въ Елизаветполѣ, Тифлисѣ, Баку, Карсѣ и др. городахъ Закавказья. Такъ почти во всѣхъ деревняхъ Лорійскаго уѣзда были отслужены демонстративныя панихизы по убитымъ во время послѣднихъ событій, послѣ которыхъ провозглашалась анаѳема правительству, говорились рѣчи, пѣлись національныя революціонныя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бывали стычки съ полиціей. Напримѣръ, въ Джалалоглахъ хотѣли арестовать агитатора, но толпа отбила его силой и онъ свободно направился продолжать свою работу въ сосѣднія села. Народныя собранія, митинги въ церквахъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ: въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ собранія крестьянъ выносили резолюціи о необходимости сопротивляться и выбравъ многочисленную делегацію отправляли въ городъ. Такимъ путемъ къ 24 августа въ городѣ собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, которая устроила въ воскресенье митингъ въ церкви. Произносились зажигательныя рѣчи, покрываемыя единодушными криками толпы: „скорѣе умремъ, чѣмъ допустимъ попираніе нашихъ правъ!“ Тутъ же приготовлена была петиція къ Католикосу, подъ которой подписалось около 10.000 человѣкъ. Послѣ такой широкой агитаціи неудивительно, что пріемъ, оказанный чиновникамъ даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, былъ крайне враждебный. Тамъ же, гдѣ кто нибудь изъ сельчанъ, или въ особенности священники, оказывали то или иное содѣйствіе коммиссіи, они подвергались жестокимъ побоямъ. Народъ широко пользовался правомъ прогонять поповъ и изъ нѣсколькихъ селъ уже изгнаны провинившіеся.

Довольно интересный инцидентъ былъ въ Нахичевани на Дону во время пріема имущества. Попечители, состоявшіе изъ мѣстныхъ тузовъ, спокойно передавали коммиссіи счета и бумаги, когда громадная толпа, собравшаяся около церкви, выгнала изъ нея комиссію и своихъ толстосумовъ, отобрала у нихъ ключи, заперла церковь и упорно не хотѣла разойтись, пока не прибыла военная сила. Пріемъ имуществъ не могъ состояться.

Бывали случаи и отдѣльныхъ убійствъ лицъ, передающихъ добровольно ввѣренныя имъ имущества коммиссіи. Такъ въ Эчміадзинѣ по рѣшенію, какъ сообщаютъ, „Мѣстнаго Армянскаго Комитета Самообороны“ убитъ въ воскресенье 5 сентября при громадномъ стеченіи народа одинъ изъ подписавшихся подъ протоколомъ коммиссіи, армянинъ Потэянъ, революціонеромъ изъ націоналистической партіи „Дрошакистовъ“ Погосяномъ. Самъ Погосянъ, видя невозможность спастись отъ преслѣдующей его полиціи, закололъ себя. Въ селѣ Гуцугули 15 сентября четырьмя революціонными выстрѣлами смертельно раненъ священникъ Теръ Гарегинъ, который явно занимался предательствомъ. Убиты также стражникъ въ Аштаракѣ и городовой Дардимановъ въ Александрополѣ за шпіонство. Тамъ же убитъ русскій священникъ Васильевъ за то, что грозилъ начать проповѣди на русскомъ языкѣ въ главномъ армянскомъ соборѣ.

Одной изъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для усмиренія края, было объявленіе о введеніи усиленной охраны еще въ четырехъ городахъ Закавказья: Шушѣ, Нухѣ, Карсѣ и Елизаветполѣ. Старое, но мало помогающее средство! Была и другая, весьма интересная мѣра: 6 сентября на улицахъ Тифлиса на двухъ языкахъ (русскомъ и армянскомъ) была расклеена прокламація безъ подписи и заголовка. Она вывѣшена была и въ полицейскихъ участкахъ. Цензоръ не разрѣшилъ ее перепечатать въ газетахъ, да и сама прокламація на другой день была сорвана и до сихъ поръ нигдѣ вновь не появлялась. Вотъ текстъ этой прокламаціи, показывающей, что даже наше правительство поняло, что нельзя подавить народное движеніе физической силой, и начинаетъ прибѣгать къ „идейной“ агитаціи: „Въ послѣднее время среди армянскаго населенія Тиф. губ. злонамѣренными людьми стали распространяться ложныя свѣдѣнія, чтобы посѣять смуту. Эти лица стараются увѣрить населеніе, что правительство хочетъ будто бы принять имущество армянскихъ церквей, отобравъ въ свою пользу; что правительство собирается обратить всѣхъ армянъ въ православную вѣру. Всѣ эти слухи совершенно ложны и распространяются людьми злонамѣренными для того, чтобы, во-первыхъ, посѣять среди темнаго народа смуту и безпорядки, могущіе привести его къ несчастью; во-вторыхъ, при казенномъ хозяйственномъ управленіи имъ нельзя будетъ безъ контроля правительства пользоваться этими имуществами. Во всей Россія, какъ государствѣ, гдѣ существуютъ и католики, и протестанты, и магометане, ни католическое, ни протестантское, ни магометанское духовенство не управляютъ имѣніями своихъ храмовъ безъ правительственнаго надзора: но католики, магометане и протестанты имѣютъ свои храмы, строятъ ихъ, украшаютъ ихъ, исповѣдуютъ вѣру по своимъ церковнымъ правиламъ и обрядамъ. Кому изъ армянъ неизвѣстны случаи споровъ и недоразумѣній по поводу управленія церковными имуществами? Всѣхъ этихъ споровъ и недоразумѣній не будетъ съ переходомъ армянскихъ церковныхъ имуществъ въ казну. Невѣрно утверждаютъ злонамѣренные люди, будто правительство совсѣмъ хочетъ отнять имущество у армянскихъ церквей и монастырей. Казна только будетъ управлять всѣми армянскими и церковными имѣніями, но всѣ доходы съ оныхъ имѣній будутъ итти въ пользу армянскихъ церквей и монастырей. У казны будетъ это имущество гораздо цѣлѣе, чѣмъ теперь. Всѣмъ хорошо извѣстно, что никто никогда и ничего не терялъ, когда сдавалъ свое имущество на храненіе казнѣ“. Сколько лжи и лицемѣрія! Видно, правительство постѣснялось этой лжи, что не подписалось подъ прокламаціей и не позволило перепечатать ее въ газетахъ!

Совѣтъ предпринимателей. 9 іюля с. г. засѣдало въ С.-Петербургѣ „совѣщаніе представителей бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ.“ Главной темой обсужденія былъ вопросъ о „сокращеніи часовъ работы по субботамъ на бумагопрядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ съ отпускомъ рабочихъ ранѣе, не дѣлая обѣденнаго перерыва.“ Присутствовали на совѣщаніи, кромѣ предсѣдателя общества Глезмера и членовъ совѣта: Веге, Кошурникова и Лебедева, слѣд. представители отъ фабрикъ: Дуррандо и Биресъ (Компанія Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, и Товарищество Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры), Паль (Акціонерное общество Александро-Невской мануфактуры), Воронинъ и Скосыревъ (Акціонерное общество мануфактуръ Воронинъ, Лютшъ и Чешеръ), Трейсманъ (Товар. Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры), Говардъ (Тов. „Нов. Бумагопрядильни“), Пель (Тов. Охтенской Бумагопр.) и Леонтьевъ (Товар. Россійск. бумагопрядильной мануфактуры и Товар. ситценаб. фабрики бр. Леонтьевыхъ). Изъ опроса представителей выяснилось, что на нѣкоторыхъ мануфактурахъ уже теперь работы прекращаются по субботамъ въ 5, въ 4 и даже въ 3 часа. Тѣмъ не менѣе послѣ обмѣна мнѣній совѣщаніе пришло къ тому выводу, „что ранѣе произведенное сокращеніе рабочаго дня съ 13-ти на $11^1/_2$ час. не привело къ ожидавшемуся результату — увеличенію интенсивности работы, и на самомъ дѣлѣ отразилось неблагопріятно на количествѣ производства; рабочая плата по отношенію къ производству увеличилась около 7%“. Изъ этого опыта совѣщаніе дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „въ виду того, что есть основаніе предполагать дальнѣйшее сокращеніе часовъ работы вообще до 10 часовъ, и что соотвѣтственно такимъ же образомъ для наверстанія заработка возвысится дневная плата, необходимо отнестись и нынѣ къ предлагаемому вопросу осмотрительно“.

Итакъ, очевидно, сокращеніе субботняго рабочаго дня окажется невозможнымъ, потому что, какъ показалъ опытъ, такого рода сокращеніе не сопровождается ростомъ интенсивности труда и фабриканты терпятъ „убытки“. При переходѣ отъ 13 час. къ $11^1/_2$ заработная плата увеличилась относительно производства на 7%. Какимъ образомъ произошло это странное „увеличеніе“? Повидимому „относительное увеличеніе“ означаетъ, что при *томъ же* заработкѣ *количество* выработки при новомъ рабочемъ днѣ *уменьшилось* приблизительно на 7%; между тѣмъ рабочій день сократился на $11^1/_2$% (съ 13 до $11^1/_2$ час.), откуда же взялась эта разница % или *относительное увеличеніе производства?* Очевидно только отъ роста интенсивности труда. Но г.г. фабриканты только тогда замѣчаютъ ростъ интенсивности, когда вмѣстѣ съ нею растетъ абсолютная сумма барышей. По свойственной русскимъ Тит Титычамъ хозяйственной близорукости и несообразительности они не понимаютъ, что правильное соотношеніе между ростомъ интенсивности труда и сокращеніемъ рабочаго дня возможно только при наличности извѣстнаго уровня заработной платы, уровня, позволяющаго рабочему пополнить *всѣ* затраченныя на работѣ силы. При нашей же низкой заработной платѣ въ текстильной промышленности рабочій абсолютно не въ силахъ возстановить истраченную энергію и вынужденъ разрушать свое здоровье на пользу фабриканта. Рѣдкій рабочій въ этой промышленности доживаетъ до преклоннаго возраста. Гдѣ же взять силъ для повышенной интенсивности?

Однако г.г. фабрикантамъ до этого дѣла мало и они выносятъ по вопросу о сокращеніи субботняго рабочаго дня слѣд. постановленіе: „На основаніи всего изложеннаго, совѣщаніе постановило приступить осенью съ октября къ подробной разработкѣ вопроса съ тѣмъ, чтобы окончательно подготовить общее рѣшеніе къ первому янв. 1904 г. До сего срока *никакихъ рѣшеній по данному вопросу не предпринимать* безъ предварительнаго взаимнаго о семъ извѣщенія“.

Второй вопросъ, выдвинутый совѣщаніемъ, заслуживаетъ особаго нашего вниманія: это вопросъ объ „аттестаціи“ рабочихъ. Въ цѣляхъ бойкота политически неблагонадежныхъ элементовъ среди рабочихъ, совѣщаніе рѣшило разсмотрѣть нѣкоторыя изъ существующихъ системъ, какъ то: систему книжекъ (существующую уже въ Варшавѣ), систему *конфиденціальныхъ списковъ въ обществѣ*, сношенія между фирмами посредствомъ писемъ и т. п.

Наконецъ, третій пунктъ касается новаго закона о старостахъ, относительно котораго постановлено просить Совѣтъ общества: 1) выяснить, съ какого срока вводится этотъ законъ, 2) разработать, однообразныя для всѣхъ однородныхъ фабрикъ разряды по спеціальностямъ, 3) выработать совмѣстно и солидарно съ фабричной инспекціей правила для старостъ. Кромѣ того рѣшено „выработать коллективное заявленіе о нѣкоторыхъ практическихъ неудобствахъ этого учрежденія, заставляющихъ фабрикантовъ уклоняться отъ его введенія“.

Эта *боевая организація* фабрикантовъ должна побудить и рабочихъ къ такой же организаціи. Бойкоту неблагонадежныхъ рабочихъ со стороны предпринимателей рабочіе должны противопоставить свое оружіе — *стачки*: солидарность, существующая между фабрикантами, должна только расширять *предѣлъ* стачекъ, превращая ихъ изъ частныхъ стачекъ на отдѣльныхъ фабрикахъ въ *общія стачки въ цѣлыхъ отрасляхъ промышленности*. И въ этихъ стачкахъ одно изъ центральныхъ мѣстъ должна занять борьба противъ „аттестатовъ“, противъ „черныхъ листовъ“, стремящихся парализовать революціонное движеніе въ самомъ корнѣ.

Къ свѣдѣнію и руководству.

М. В. Д.
Департаментъ полиціи.
По особ. отдѣлу.
26 мая 1903 г.
№ 5003.

Секретно
Циркулярно

Гг. губернаторамъ, градоначальник., оберъ-полиціймейстерамъ, Нач. жандар. губернск. и желѣзнодор. полиц. упр., начальникамъ охранныхъ отдѣленій и на всѣ пограничные пункты.

Производящимся предварительнымъ слѣдствіемъ по дѣлу объ убійствѣ уфимскаго губернатора принимаются мѣры къ установленію личности убійцы дѣйств. ст. сов. Богдановича, а равно лицъ, прикосновенныхъ къ означенному преступленію, съ каковой цѣлью начальникъ уфимскаго губернскаго жандармск. упр., а также командированнымъ по сему дѣлу въ г. Уфу отдѣльнаго корпуса жандармовъ ротмистромъ Бобровымъ посылаются отдѣльныя требованія для производства слѣдственныхъ дѣйствій въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Принимая во вниманіе, что означенное слѣдствіе можетъ достигнуть благопріятныхъ результатовъ лишь при совмѣстной дѣятельности всѣхъ розыскныхъ организацій, департаментъ полиціи имѣетъ честь покорнѣйше просить подлежащія власти не отказать въ распоряженіи, чтобы, въ случаѣ полученія отдѣльныхъ требованій изъ Уфы отъ лицъ, производящихъ слѣдствіе по вышеуказанному дѣлу, принимались безотлагательно всѣ зависящія мѣры

себя вниманіе даже тѣхъ, кто вовсе не склоненъ къ революціонному способу мышленія. Само собой разумѣется, что соціальдемократія можетъ и должна пользоваться критикой современнаго общественнаго строя, изъ какого бы лагеря эта критика ни исходила, но соціальдемократическое ученіе, выражая въ своемъ міросозерцаніи *всѣ революціонныя стремленія* нашей эпохи, должно въ своемъ анализѣ и оцѣнкѣ другихъ общественныхъ теченій сосредоточивать свое вниманіе на ихъ главномъ и существенномъ содержаніи и судить о нихъ не по тѣмъ или другимъ *частнымъ* взглядамъ, а на основаніи ихъ *общаго* направленія.

Какъ художникъ, Толстой не можетъ не замѣтить процесса паденія капиталистическаго общества и побѣдоноснаго шествія революціоннаго пролетаріата. И чѣмъ яснѣе онъ видитъ это, тѣмъ рѣзче становится его критика современныхъ общественныхъ условій; за то, съ другой стороны, тѣмъ больше усиливается его антиреволюціонная проповѣдь всеобщей любви и непротивленія злу насиліемъ.

Что Л. Н. Толстой является сознательнымъ противникомъ соціализма, это онъ ясно показалъ въ своихъ послѣднихъ брошюрахъ, непосредственно направленныхъ противъ соціалистическаго движенія. „Рабство нашего времени“ посвящено по существу критикѣ или, точнѣе, отрицанію соціализма. Въ „Обращеніи къ рабочему народу“ соціализмъ признается безнравственнымъ ученіемъ на основаніи такихъ разсужденій: „Не согласна съ правиломъ о дѣланіи другимъ того, что хочешь, чтобы тебѣ дѣлали, и вся соціалистическая дѣятельность (раньше шла рѣчь о безнравственности революціи). Она несогласна съ этимъ правиломъ, во-первыхъ, потому, что, ставя въ свою основу *классовую борьбу, вызываетъ въ рабочихъ къ хозяевамъ* и вообще къ не рабочимъ такія враждебныя чувства, которыя со стороны хозяевъ никакъ не могутъ быть желательны для рабочихъ. Несогласна съ этимъ правиломъ еще и потому, что при стачкахъ рабочіе очень часто, для успѣха своего дѣла, бываютъ приведены къ необходимости употреблять насиліе противъ тѣхъ рабочихъ своихъ или чужихъ народностей, которые хотятъ заступить ихъ мѣсто“.*) Обращаясь къ политическимъ дѣятелямъ, Толстой говоритъ, что причины всѣхъ современныхъ бѣдствій суть: „Отрицаніе всякой религіи и направленіе дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи и соціализму“.**) Служеніе соціализму ставится, какъ видитъ читатель, на одну доску съ служеніемъ правительству и разсматривается, какъ одно изъ бѣдствій современной дѣйствительности.

Спрашивается, какая польза соціализму отъ толстовскаго отрицательнаго отношенія къ правительству, когда тотъ же Толстой такъ же отрицаетъ революцію и соціализмъ? Далѣе въ этой же брошюрѣ авторъ, выражая свое сожалѣніе по поводу того, что политическіе дѣятели даромъ тратятъ свои силы, говоритъ: „Сколько тратится молодыхъ, горячихъ силъ на попытки революціи, на невозможную борьбу съ государствомъ, сколько тратится на *соціалистическія неосуществимыя мечтанья*“.*) Соціализмъ объявляется неосуществимой мечтой! Это чрезвычайно характерно для утописта Толстого.

Толстой, который считаетъ возможнымъ уничтоженіе современнаго государства путемъ личнаго отказа отъ военной службы, который вѣритъ, что человѣчество современемъ откажется отъ культуры, уничтожитъ технику и станетъ жить аскетическою жизнью („Царство божіе внутри насъ“), который допускаетъ возможность прекращенія половой любви, не допускаетъ возможности наступленія коллективной собственности. Это прямо напоминаетъ того юношу изъ евангелія, который строго исполнялъ всѣ десять заповѣдей, но „отошелъ съ печалью“, когда Іисусъ ему посовѣтовалъ для полнаго совершенства раздать свое имущество. Іисусъ, какъ извѣстно, тутъ же сдѣлалъ тотъ, можно сказать, марксистскій выводъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царство небесное.

Въ виду всего вышесказаннаго, мы чрезвычайно удивились содержанію прокламаціи Пермскаго Комитета Р. С. Д. Р. П., выпущенной по случаю юбилея Л. Н. Толстого. Прокламація нашихъ пермскихъ товарищей начинается такимъ образомъ: „Это въ сущности случайное обстоятельство (юбилей) мы, русскіе соціальдемократы, ставимъ въ связь съ великой задачей нашего времени — борьбой за политическую свободу“.

Спрашивается, что общаго между неуклонной антиреволюціонной проповѣдью непротивленія злу насиліемъ и той энергической, наступательной борьбой, которая ведется русскимъ рабочимъ классомъ за политическую свободу? Правда, что имя Толстого служило въ послѣднее время часто поводомъ къ политическимъ разговорамъ. Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ только о политическомъ развитіи русскаго общества съ одной стороны и о недостаточности этого развитія съ другой.

Затѣмъ, указывается въ той же прокламаціи, какъ на заслугу Толстого, что онъ призываетъ „къ нравственному общенію съ богомъ“. Намъ думается, что соціальдемократія, сущность которой состоитъ въ содѣйствіи развитію сознанія рабочаго класса, должна обращаться къ нему съ ясными понятіями. Что же касается такой комбинаціи, какъ „нравственное общеніе съ богомъ“, то хотя объ ней разсуждали всѣ мистики, начиная съ Платона и кончая Л. Н. Толстымъ, это понятіе не пріобрѣло ни на одну іоту ясности. И не выясняется оно по той простой причинѣ, что мистики начинаютъ проповѣдывать нравственное общеніе съ богомъ въ тотъ моментъ, когда перестаютъ вѣрить въ человѣческій здравый разсудокъ. Кромѣ этого, намъ кажется, что соціальдемократіи вообще не слѣдовало бы призывать имя бога всуе, т. е. *не опровергая его существованія*. Мнимое существованіе властителя небесъ еще никогда не приносило пользы рабочему народу, а, наоборотъ, всегда являлось орудіемъ въ рукахъ господствующихъ классовъ для большаго угнетенія неимущихъ. И Марксъ мыслилъ, конечно, какъ революціонеръ, когда усматривалъ въ критикѣ религіи вѣрный признакъ критики отжившихъ общественныхъ формъ.

Въ прокламаціи нашихъ пермскихъ товарищей говорится также о томъ, что Л. Н. Толстой указалъ на народъ, какъ на единственный слой, отъ котораго должно ждать спасенія. „Великій человѣкъ самъ узналъ выходъ. Въ народѣ надо искать спасенія — здѣсь скорѣе поймутъ призывы къ борьбѣ“. Что Толстой указываетъ на народъ какъ на общественный слой, въ которомъ слѣдуетъ искать выхода — это справедливо; но вопросъ въ томъ, какой выходъ и какіе элементы въ народѣ являются спасительными съ точки зрѣнія Л. Н. Толстого. Можно указывать на народъ, какъ на спасительную силу и не только не быть защитникомъ интересовъ и правъ народа, а наоборотъ, являться его злѣйшимъ врагомъ. Славянофилы, напр., тоже разсчитывали на русскій народъ, какъ на единственную силу, призванную спасти Россію отъ гнилой западной цивилизаціи и вернуть чуть ли не все человѣчество въ лоно истинной религіи. Ихъ привлекали въ народѣ мистическіе элементы, порожденные тѣмъ невѣжествомъ, въ которомъ русское правительство старается держать народъ, тоже ожидая отъ него спасенія.

Толстой, подобно славянофиламъ, цѣнитъ въ народѣ не его способность *къ борьбѣ* и свѣту, а его невѣжественную вѣру, тупое терпѣніе и непомѣрный трудъ, которые должны спасти истинную христіанскую вѣру. Блестящимъ доказательствомъ этого могутъ служить всѣ крестьянскіе положительные типы, выведенные Толстымъ. Пилигримъ Гриша, Платонъ Каратаевъ и Акимъ во „Власти тьмы“ выражаютъ собою тѣ спасающія народныя силы, которыя дороги Л. Н. Толстому. И что же представляютъ собою эти типы, кромѣ воплощенія безконечнаго, позорнаго для человѣка терпѣнія, внутренняго довольства рабскимъ положеніемъ и невѣжества?

Перечисляя ужасы русскаго современнаго государства, пермскіе товарищи приходятъ къ такому совершенно неожиданному заключенію: „И такъ не тутъ ужасъ положенія. Есть противорѣчіе еще болѣе мучительное — это противорѣчіе между русскимъ обществомъ и его великомъ сыномъ Толстымъ“. Странно. Намъ кажется, что несравненно большее противорѣчіе существуетъ между всякимъ сознательнымъ борющимся русскимъ рабочимъ и царскимъ правительствомъ, чѣмъ между проповѣдникомъ пассивности и терпѣнія и русскимъ правительствомъ, которое требуетъ того же. Ученіе Л. Н. Толстого о непротивленіи злу насиліемъ не только не противорѣчитъ русскому государству, а есть не что иное, какъ возведенное въ вѣчный этическій принципъ вѣковое рабство.

---

*) Стр. 26. Изд. „Свободнаго Слова“.

**) „Къ политическимъ дѣятелямъ“, стр. 25.

*) Стр. 24. Курсивъ нашъ.

къ немедленному исполненію указанныхъ въ телеграммахъ слѣдственныхъ дѣйствій.

Подписалъ: за директора Зуевъ. Скрѣпилъ: за завѣдующаго отдѣломъ Пѣшковъ. Вѣрно: Помощн. дѣл. Саргани.

Заголовокъ тотъ же, отъ 22 мая 1903 г. за № 4896.

Отбывавшіе наказаніе на каторгѣ въ Нерчинскомъ заводѣ государственные преступники: бывшій воспитанникъ ковенской фельдшерской школы, изъ мѣщанъ г. Углича Николай Ивановъ Кочурихинъ и бывшій дворянинъ г. Кейданы, Ковенской губ. Брониславъ Александровъ Славинскій, 15 мая 1903 г. бѣжали съ каторги. ...Арестовать и препроводить подъ конвоемъ въ распоряженіе начальника Нерчинской каторги (Горный Зерентуй, Забайкальской области). Подп. дир. департ. Лопухинъ, скрѣпилъ за завѣд. отд. Пѣшковъ, вѣрно: помощн. дѣл. Саргани.

Заголовокъ тотъ же отъ 1 мая 1903 г. № 4000.

Департаментъ полиціи покорнѣйше проситъ подлежащія власти принять мѣры къ выясненію мѣста жительства возврат изъ-за границы рисовальщика въ типографіи Верейскаго, Моск. губ. мѣщанина Пантелеймона Иванова Нечаева, и по обнаруженіи его установить за дѣятельностью его и сношеніями тщательное секретное наблюденіе, увѣдомить о семъ департаментъ.

На основаніи высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 26 день декабря 1902 г., розыскиваемая циркуляромъ отъ 1 ноября 1902 г. за № 6900 австрійская подданная, Софья Кипріянова Ясинская подлежитъ высылкѣ, въ качествѣ неблагонадежной иностранки, безвозвратно за-границу...

Указанный въ циркулярѣ отъ 1 января 1903 г. за № 1 адресъ: „уголъ второй Солдатской и Трехбратскаго пер. д. № 48“ относится къ г. Смоленску.

Подписалъ: за дир. Языковъ. Скрѣпилъ: за зав. отд. Пѣшковъ.

Списокъ № 1*)

лицъ, подлежащихъ розыску по дѣламъ политическимъ.

1. Аксаметникъ, Мордухъ Давидовъ, 2. Аншкеневичъ, Вольдемаръ Яновъ, ос.; 3. Бамъ, Вульфъ Ицковъ, гл.; 4. Батушонскій, Берко Яковлевъ, ос.; 5. Бегунъ, Аронъ Янкелевъ; 6. Борисенко, Николай Калинниковъ, ос.; 7. Бродскій, Ицко-Гершъ Хаимъ-Шуликовъ, ос.; 8. Вайнштейнъ, Аронъ Ицковъ; 9. Векслеръ, Лейба Сроль Мовшевъ; 10. Винниковъ, Нохимъ Шаевъ, гл.; 11. Галкинъ, Владиміръ (въ іудействѣ Исаакъ) Филипповъ; 12. Гатовскій, Гиршъ Вульфъ Янкелевъ (онъ же Гиршъ Абрамовъ Розинъ); 13. Гинзбургъ, Абрамъ-Беръ Беньяминовъ, гл.; 14. Гольдфарбъ, Пельта Боруховъ, ос.; 15. Горовицъ, Башева Шефтелевъ; 16. Гофманъ, Кусель Шевелевъ; 17. Граллякъ, Станиславъ Юзефовъ; 18. Громовъ, Василій Филипповъ; 19. Добржонскій, Мовша Нохимовъ; 20. Дросіо, Георгій Поликарпъ Викентьевъ; 21. Эпельбеймъ, Эліезеръ (Лейзеръ) Герцевъ; 22. Жогло, Алекс. Владиславовъ; 23. Заіончковскій, Антонъ-Николай Густавовъ, д-ръ мед.; 24. Залмонзонъ, Берель Лейбовъ, ос.; 25. Засловская, она же Кудрявцева, Раиса Павловна; 26. Зевина, Хана (Анна) Берковна; 27. Зусьмоновичъ, Зельмонъ Мееровъ; 38. Иванова, Зоя Петровна; 29. Ивлієвъ, Василій Ивановъ; 30. Каганъ, Танхумъ Янкелевъ; 31. Козоковъ, Иванъ Ефимовъ; 32. Контеръ, Ицко-Исаакъ Михелевъ; 33. Каспоровъ, Соркисъ Григорьевъ; 34. Кацъ, Мовша Мейлоховъ; 35. Качевъ, Мовша Ицковъ, ос.; 36. Кедрова, рожд. Дидрикиль, Ольга Августовна; 37. Кедровъ, Михаилъ Сергѣевъ (мужъ № 36), ос.; 38. Кесель, Бейла Пейсоховна, ос.; 39. Ковальчикъ, Владиславъ, ос.; 40. Костовскій, Мойша Боруховъ; 41. Котовъ, онъ же Климовъ, Николай Ивановъ; 42. Кремеръ, Ицка Янкелевъ; 43. Круликовскій, Стефанъ Александровъ; 44. Кузнецова, Марія Ильина; 45. Кучменко, Пантелеймонъ Іосифовъ; 46. Липинскій, Осипъ Ивановъ, ос.; 47. Литвиненко, Степанъ Зиновьевъ; 48. Лущенко, Николай Николаевъ; 49. Морконъ, Ида Моисеевна, ос.; 50. Морозовъ, Петръ Ивановъ, ос.; 51. Музылевъ, Тихонъ Петровъ; 52. Нагли, Абрамъ-Гиршъ Мееровъ, негл.; 53. Оленинъ, Михаилъ Васильевъ; 54. Пайкинъ, Юдель Здидовъ; 55. Пейсахзонъ, Исаакъ-Мордко Юдовъ; 56. Пиротинская, Фрейда Берковна, ос.; 57. Поляковъ, Іосифъ Абрамовъ; 58. Ризникъ, Исаакъ-Абрамъ Хацкелевичъ, гл.; 59. Родинъ, Мовша Іоселевъ, гл.; 60. Рымирмонъ, Лейвикъ Берковъ, гл.; 61. Свержонская, Брайна Лейбовна, ос.; 62. Сегаль, Абрамъ Носелевъ; 63. Скоробоготько, Петръ Ивановъ; 64. Сольцъ, Аронъ Юдель Александровъ; 65. Станкевичъ, Александръ-Ципріянъ Викторовъ, ос.; 66. Стурто, Иванъ Өедоровъ, ос.; 67. Сутковой, Александръ Григорьевъ; 68. Таротуто, Рухля Гершкова; 69. Тепперъ, Кальмонъ Іоселевъ; 70. Федоровъ, Прокопій Өедоровъ; 71. Фельдманъ, Мошко Мееровъ; 72. Феркель, Александръ Довидовъ Лейбовъ, ос.; 73. Фрейдинъ, Ефремъ Израилевъ, негл. и ос.; 74. Фурмонъ, Евсей-Зискиндъ Ицковъ, ос.; 75. Хонинъ, Хаимъ-Дувидъ Симоновъ; 76. Чернякъ, Ицко Мордуховъ, ос.; 77. Ческисъ, Борухъ (Борисъ-Бенціонъ Аароновъ... извѣстенъ былъ въ одесской группѣ соц.-рев. подъ именемъ „Борисъ“ и „Костя“...); 78. Шапиро, Гнеся Мовшевна; 79. Шапиро, Самуилъ Давидовъ; 80. Швальбергъ, Аронъ Менделевъ, ос.; 81. Шкоровскій, Дувидъ Нуниловъ, ос.; 82. Шнейдеръ, Залмонъ Гиршевъ; 83. Шницеръ, Эстеръ Абрамовъ, ос.

За завѣдующаго отд. Пѣшковъ.

М. В. Д.
Департ. полиціи
по особому отдѣлу
1 іюня 1903 г.
№ 5200

Секретно
Циркулярно
Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полиціймейстерамъ, нач. жанд. губернск. и ж.-д. полиц. упр. нач. охр. отд. и на всѣ пограничные пункты.

Деп. полиціи, препровождая при семъ для зависящихъ распоряженій списокъ розыскиваемыхъ лицъ и списокъ лицъ, розыскъ которыхъ надлежитъ прекратить, имѣетъ честь покорнѣйше просить подлежащія власти, въ случаѣ обнаруженія кого-либо изъ упомянутыхъ въ первомъ спискѣ лицъ или полученія указаній, могущихъ содѣйствовать розыску ихъ, увѣдомить о семъ департаментъ.

...У одного изъ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію при Кіевскомъ губ. жанд. упр. по обвиненію въ государственномъ преступленіи, были обнаружены, между прочимъ, два слѣдующіе адреса: „Новая дорога, Садковская ул. соб. домъ“ и „Бендерская и Гостинная, д. Малятора, 50“. Въ виду сего Деп. проситъ принять мѣры къ установленію, къ какому именно городу могутъ относиться указанные адреса, и о послѣдующемъ увѣдомить.

Упомянутую въ циркулярѣ отъ 1 апрѣля 1903 г. за № 3300 павлоградскую мѣщанку Хаю-Рохиль Фрайвелеву Финкельштейнъ надлежитъ, по обнаруженіи ея мѣстопребыванія, обыскать, арестовать и препроводить въ распоряженіе начальника жанд. управл. г. Одессы, о чемъ увѣдомить департаментъ полиціи.

Въ виду облегченія розыска, при семъ разсылается фотографическая карточка въ двухъ видахъ, помѣщеннаго въ циркулярѣ отъ 1 января и 1 октября 1902 г. за №№ 111 и 6200 дворянина Михаила Николаева Леманъ.

Подп.: дир. Лопухинъ. Скрѣпилъ: за завѣдующаго Пѣшковъ.

Списокъ

лицъ, подлежащихъ розыску по дѣламъ политическимъ.

1. Акелайтисъ, онъ же Акелевичъ, Іосифъ-Антонъ Адамовъ; 2. Алексѣенковъ, Павелъ Ивановъ, ос.; 3. Антроповъ, Сергѣй Васильевъ, арест... обратить особое вниманіе: 4. Беднорчикъ, Алекс. Юзефовъ; 5. Берковичъ, Эсніель Моисеевъ, ос.; 6. Биркъ, Мовша Ицковъ-Лейбовъ; 7. Волсеръ, Моисей Яковлевъ, ос.; 8. Гамгонидзе, Георгій; 9. Гешчашвили, Филиппъ Гавриловъ, ос.; 10. Гурвичъ, Мордухъ-Илья Мовшевъ-Мозеровъ, ос.; 11. Дриздъ, Лейба Шлемовъ, ос.; 12. Евдокимовъ, Алекс. Андреевъ; 13. Избицкій, Уосель Мордуховъ; 14. Индлинъ, Давидъ Сендеровъ; 15. Каганъ, Абрамъ-Мовша Мейлоховъ, ос.; 16. Каминскій, Фортунатъ Викторовъ, ос.; 17. Конъ, она же Каганъ, Шевка Шемелева; 18. Левондовскій, Адольфъ Петровъ, ос.; 19. Лейченко, Эстеръ Ирцева; 20. Лившицъ, Анна Моисеевна, ос.; 21. Миллеръ, Павелъ Людвиговъ, инж. пут. сооб.; 22. Нерсесовъ, Аконъ Арутюновъ; 23. Ногинъ, Викторъ Павловъ, арест... обратить особое вниманіе; 24. Пикерскій, Эля-Хойкель Аріевъ-Лейбовъ, ос.; 25. Плоткинъ, Лозорь Гиршевъ, ос.; 26. Подольюнъ, Кольмонъ Эліевъ, ос.; 27. Рензинъ Лейба Эльевъ; 28. Родіоновъ, Василій Анатоліевъ; 29. Рубиновичъ (Рубоновичъ) Элья Адольфовъ, фр. под.; 30. Скрыпниченко, Лавр. Ив. ос.; 31. Тимашевъ, Павелъ Степановъ, ос.; 32. Тржцинскій, Брон. Людв., ос.; 33. Фейгельштейнъ, Цодикъ Михелевъ, ос.; 34. Фрейгинъ, Нохимъ Гиршевъ, ос.; 35. Хитрикъ, Гиршъ Авсѣевъ, ос.; 36. Хиругъ, онъ же Клячкій, Шимель-Давидъ Лейбовъ; 37. Цвѣтковъ, Владиміръ Петровъ, ос.; 38. Чайниковъ, Тимофей второй Лукинъ, ос.; 39. Чипекъ, Хаимъ Израилевъ, ос.; 40. Шварцъ, Ицко Срулевъ, ос. гл.; 41. Шустеръ, Рубинъ-Рафаиловъ Целюховъ; 42. Эткинъ, Мовша Мордуховъ, ос.

За завѣд. отд. Пѣшковъ.

Приложеніе къ списку № 1 отъ 1 іюня 1903 г. за № 5200.

1. Александровъ, Иванъ Платоновичъ, ос.; 2. Батыревъ, Валентинъ Ив.; 3. Богдановъ, Григ. Викт., ос.; 4. Глотовъ, Яковъ Александровичъ; 5. Глушицкій, Вас. Антон., ос.; 6. Дрозникъ, Изр. Давидъ Ицковъ, ос.; 7. Залмановъ, Мендель Моисеевъ; 8. Кальварійскій, онъ же Морксонъ, Хемія Юделевъ; 9. Кестеръ, Микель Микелевъ, ос.; 10. Кравченко, Яковъ Георгіевичъ, ос.; 11. Маронинъ, Өедоръ Петр., по обнаруженіи мѣстожительства увѣдомить департаментъ; 12. Соболь, Шая Михелевъ, ос.; 13. Трейбергъ, Сруль Абрамовъ, ос.; 14. Фель, Ицко Абрамовъ, ос.; 15. Хитровъ, Иванъ Вас.; 16. Шварцъ, Илья Март., ос.

За завѣд. отд. Пѣшковъ.

М. В. Д.
Деп. Пол.
по III Дѣлопр.
3 іюня 1903 г.
№ 8015

Секретно.
Циркулярно.
Гг. губ., градонач., обер.-полиц., нач. жанд. губ. и жел дор. полиц. упр. и во всѣ погр. пун.

По сообщенію начальника Петровскаго губернскаго жандармскаго упр. въ ночь съ 8-9 мая въ дер. Домброво Петроковской губ. на механическо-лигейномъ заводѣ „Огнискъ“ неизвѣстными злоумышленниками была разломана дверь конторы и похищены 24 паспорта рабочихъ, выданные разными учрежденіями на имя кресгьянъ: 1) Гмины Поремба Матеуша Голя, 2) Стагницкаго у. Ивана Дулинскаго, 3) Гинчаковскаго у. Августа Циряка, 4) Ченстоховскаго у. Блосжея Зембы, 5) Бендинскаго у. Юліана Невроза, 6) Стопницкаго у. Войцеха Счеснека, 7) Генриха Легомскаго 8) не разобр., 9) Кѣлецкой губ. Феликса Леха, 10) Стопницкаго у. Ивана Петровскаго, 11) Олькушевскаго у. Лукаша Гадека, 12) Австрійскаго поддан. Вронислава Маевскаго, 13) Мѣховскаго у. Петра Плютецкаго, 14) Бендинскаго у. Леопольда Вольфа, 15) Стонницкаго у. Ивана Клѣпого, 16) Мацѣя Дворака, 17) Оронца Друждзь, 18) Томаша Очковскаго 19) Вогоцлавскаго у. Станислава Пятлциса. 20) Андреевскаго у. Людвига Прокма, 21) Сигизмунда Герша, 22) Томаша Соха, 53) Воинскій билетъ Ивана Редащо и 24 Станислава Щепонскаго.

Кромѣ того по сообщенію того же начальника, въ ночь съ 13 на 14 мая у дорожнаго сторожа при станціи Заверце Варшаво-Вѣнской ж. д. похищено 9 паспортныхъ безсрочныхъ книжекъ, выданныхъ 1) Петровской губ. и у. д. Юзербвы Антону Влоку, 2) Казиміру Оляско, 3) Яну Кукульскому, 4) д. Рузинъ Яну Рукинскому, 5) д. Сладовице Вдаму Мозбиру, 6) Петру Лотомцу, 7) Августу Нильднеру, 8) Новородомскаго у. Антону Групейцогу, 9) Всющовскаго у. Антону Писарскому.

Принимая во вниманіе, что означенными документами могутъ воспользоваться неблагонадежныя лица для преступныхъ цѣлей, деп. пол. проситъ подлежащія власти принять зависящія мѣры къ розыску документовъ и въ случаѣ обнаруженія лицъ съ обозначенными документами задержать, принять мѣры къ установленію ихъ самоличности, увѣдомивъ о семъ деп.

Подп. Дир. деп. Лопухинъ. Скрѣп. дѣлопр. Лештюжниковъ.

Одесса. *) Втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ сидящіе въ одесской тюрьмѣ ведутъ непрерывную борьбу съ тюремной администраціей, которая употребляетъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать жизнь политическихъ невыносимой. „Приходится слѣдить въ оба — пишетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ — чтобы сохранить тотъ режимъ, который установился здѣсь послѣ долгой и тяжелой борьбы. Не мало силъ и времени отнимаетъ такая мелкая, ежечасная борьба со всѣми этими солдатами, продавшими свою душу за мундиръ. Но иначе нельзя. Стоитъ пропустить безъ протеста малѣйшее поползновеніе ихъ на наши права, какъ грубость, всяческія стѣсненія и самый безцеремонный произволъ начинаютъ давить васъ, какъ мертвая петля“.

18 августа въ тюрьмѣ произошло страшное избіеніе политическихъ. Дѣло произошло такъ. Одинъ изъ заключенныхъ, 17 лѣтній юноша, на прогулкѣ вынулъ красный платокъ и началъ имъ размахивать. Его посадили на два дня въ карцеръ. Остальные заключенные, узнавъ объ этомъ, отрядили одного изъ заключенныхъ въ контору съ требованіемъ, чтобы заключенный въ карцеръ былъ выпущенъ въ виду того, что не имѣетъ никакого смысла сажать въ карцеръ за такіе пустяки. Начальникъ тюрьмы отвѣтилъ, что ему нѣтъ дѣла до мнѣнія политическихъ. Тогда всѣ рѣшили протестовать. Единственнымъ средствомъ протеста былъ стукъ. Но, какъ только начался стукъ, въ камеры ворвалась стая надзирателей, во главѣ съ начальникомъ, — и началось избіеніе. Били кулаками, ногами, веревками, шашками, душили и били головой объ стѣну... А затѣмъ всѣхъ связали. Многихъ избили до полусмерти, и они до слѣдующаго дня оставались въ безсознательномъ состояніи. Все это происходило часовъ въ 8-9 вечера, а въ 12 час. въ тюрьму явились градоначальникъ и прокуроръ и обошли камеры. На всѣ заявленія избитыхъ, которыхъ тутъ ужъ развязали, они отвѣчали фразами вродѣ: „это еще мало, васъ нужно еще и убивать“ или „за то, что вы сдѣлали, и васъ можно немножко обидѣть“. Черезъ два дня у всѣхъ избитыхъ (около 40 чел.) были отняты письменныя принадлежности и имъ было объявлено, что они лишаются свиданій на 2-3 недѣли.

Рига. 17 августа у насъ произошла небольшая демонстрація. Въ этотъ день отправлялась на мѣсто ссылки (въ Сибирь) партія политическихъ (латышей и евреевъ) около десяти человѣкъ. Ко времени прибытія партіи на вокзалъ около него собралась толпа около 200 чел., по преимуществу латышскихъ рабочихъ. При появленіи высылаемыхъ толпа, окруживъ конвой, привѣтствовала товарищей криками: „ура“ и „долой самодержавіе“! Немногочисленная полиція, пытавшаяся разогнать демонстрантовъ, была отброшена и толпа, выломавъ двери вокзала, прорвалась на платформу, гдѣ ее встрѣтили станціонные жандармы съ обнаженными шашками. Произошла схватка. Жандармы рубили безоружную толпу шашками, рабочіе защищались кулаками и палками. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія толпа была разсѣяна. Нѣсколько рабочихъ были ранены шашками, сильно избитъ городовой и жандармъ, основательно помяли жандармскаго офицера, спасшагося только благодаря быстротѣ ногъ; произведено нѣсколько арестовъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Новая мѣра „пресѣченія“: высылка за границу, недавно введенная русскимъ правительствомъ въ Финляндіи, практикуется очень широко. Въ послѣднее время высланы такимъ порядкомъ: бывш. ассесоръ абоскаго гофгерихта Лунденіусъ, д-ръ фил. А. Неовіусъ (одинъ изъ редакторовъ закрытой въ 1900 г. газеты Nya Pressen), уволенный весной т. г. бургомистръ г. Ловизы Г. Кулефельтъ, бывш. нотаріусъ выборгскаго гофгерихта В. Фругельмъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ финляндскихъ землевладѣльцевъ гр. Г. Ф. Креутцъ и его сынъ студентъ К. Г. Креутцъ, управляющій однимъ имѣніемъ близъ г. Борго Н. Монсонъ (шведскій подданый), редакторъ Сундблюмъ, отставной капитанъ К. Фрасэръ (владѣлецъ гостинницы на Иматрѣ) и отставной фискалъ выборгскаго гофгерихта Бромсъ. Уже изъ этого списка видно, что перечисленныя лица ничего не могутъ имѣть общаго съ т. наз. „кагаломъ“ и подпольной агитаціей. По большей части это бывшіе финляндскіе чиновники, уже пострадавшіе за свой протестъ противъ нарушенія конституціи русскимъ правительствомъ. Теперь они подверглись вторичной карѣ. Высылки сопровождались тщательнымъ обыскомъ; въ легальныхъ газетахъ писать о нихъ воспрещается, поэтому появлялись только лаконическія замѣтки: *„Заграницу!“* N. N. втеченіи семи дней выѣзжаетъ заграницу“. Эмигрировавшій заграницу бывшій домпробстъ (духовный сановникъ) А. В. Валлинъ подалъ финляндскому сейму — вѣроятно, подъ давленіемъ архіепископа и проч. духовенства — покаянное прошеніе, гдѣ проситъ о разрѣшеніи вернуться на родину, раскаивается въ своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ и обязуется не противодѣйствовать болѣе мѣропріятіямъ правительства. Вотъ плоды разврата, внесеннаго въ Финляндію Бобриковымъ и Кº; надо еще замѣтить, что Валлинъ принадлежитъ къ числу немногихъ свѣтлыхъ исключеній въ средѣ раболѣпствующаго духовенства.

Однако ставленники правительства не брезгаютъ и самыми элементарными пріемами политическаго разврата. Недавно губ. Кайгородовъ, воспользовавшись ложнымъ доносомъ какой-то бабы, подвергъ настоящей нравственной пыткѣ ни въ чемъ неповиннаго комиссіонера курорта въ Ловицѣ Пюдена. Онъ долго запугивалъ его тюрьмой, ссылкой и кончилъ предложеніемъ поступить на службу въ полицію. Характерно, что *русскіе* дачники хлопотали передъ губернаторомъ за Пюдена, и онъ милостиво согласился оставить его „пока“ въ Ловицѣ. Но было уже поздно: несчастный Пюденъ захворалъ отъ всѣхъ этихъ треволненій воспаленіемъ мозга и умеръ. Въ томъ же злополучномъ городѣ Ловицѣ пустячная ссора русскаго чиновника съ финляндкой послужили поводомъ къ присылкѣ трехъ русскихъ городовыхъ съ комиссаромъ (околоточный тожъ) и нѣсколькихъ сыщиковъ.

Мѣры руссификаціи обогащаются все новыми и новыми образцами. Такъ съ перваго окт. (нов. ст.) въ хозяйственномъ департаментѣ финляндскаго сената дѣла докладываются на русскомъ языкѣ. Предсѣдательствуетъ на общихъ засѣданіяхъ, одинъ изъ палачей русскихъ революціонеровъ и финляндской свободы, Дейтрихъ. Въ Петербургѣ скоро откроетъ свои засѣданія особая коммиссія, которая должна заняться вопросомъ о введеніи въ Финляндіи русской монеты. Или вотъ еще перлъ руссификаціи: гельсингфорскій полиціймейстеръ постановилъ (объявленіе восьмого окт. н. ст.), чтобы съ начала зимняго сезона всѣ гельсингфорскіе извозчики... одѣлись по образцу русскихъ извозчиковъ! Маскарадъ этотъ, между прочимъ, имѣетъ свою исторію. Года два тому назадъ пытались уже ввести эту „реформу“, но тѣ немногочисленные извозчики, которые послушались „начальства“, подверглись немедленно единодушному бойкоту публики и должны были скоро переодѣться опять въ европейское платье.

Какъ ни жалокъ теперь составъ финляндскаго сейма послѣ того, какъ лучшіе сеймовые дѣятели пошли въ изгнаніе, правительство все таки не рискуетъ довѣрять ему; недавно было „оффиціально“ объявлено, что сеймъ 1904 года будетъ созванъ царемъ лишь въ томъ случаѣ, если къ тому времени будетъ водворенъ на „окраинѣ“ надлежащій „порядокъ“. Изъ этого можно съ увѣренностью заключить, что сеймъ созванъ не будетъ.

Изъ области административныхъ мѣропріятій въ защиту „общегосударственныхъ интересовъ“, заслуживаетъ вниманія дѣло Сольмана. Брантмейстеръ Сольманъ судился абоскимъ ратгаузскимъ судомъ по обвиненію въ распространеніи среди пожарныхъ непропущенной цензурой литературы и былъ приговоренъ къ штрафу въ 200 марокъ. Тѣмъ не менѣе послѣ суда онъ снова былъ отправленъ въ тюрьму, гдѣ и содержится, якобы по обвиненію въ преступленіи противъ „величества“, хотя не послѣдовало еще никакого „высочайшаго“ распоряженія о возбужденіи этого обвиненія.

Конечно, всѣ эти мелкія и крупныя насилія и злоупотребленія вызываютъ въ правительствѣ боязнь отпора со стороны угнетаемыхъ и возмущенія общественнаго мнѣнія Запада. И вотъ оно издаетъ распоряженіе, ограничивающее продажу и употребленіе огнестрѣльнаго оружія военнаго образца, или, какъ недавно нюландскій губернаторъ, велитъ запасаться разрѣшеніемъ полиціи на храненіе огнестрѣльнаго оружія и взрывчатыхъ веществъ. Съ другой стороны оне „лжетъ за двухъ“ устами Плеве въ отвѣтъ на извѣстное письмо Стэда, стараясь убѣдить Европу, что случайныя, „временныя проявленія“ русской политики въ Финляндіи нисколько не нарушаютъ „основные принципы“ „автономіи“, что русскимъ правительствомъ руководитъ только соображеніе о „благѣ подданыхъ“ и т. п.

Эта грубая политика насилія должна будетъ въ концѣ концовъ убѣдить финляндскихъ патріотовъ, что бороться съ правительствомъ на почвѣ „лойяльности“ дольше невозможно, что только подпольная борьба и притомъ борьба революціонная, въ связи съ широкимъ освободительнымъ революціоннымъ движеніемъ россійскаго пролетаріата, сможетъ возвратить финляндскому народу вырванныя у него русскимъ правительствомъ гражданскія права.

(По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ обѣщанное въ прошломъ № продолженіе программы финляндской соц. дем. партіи запоздало и не могло быть помѣщено въ этомъ №.)

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка типографщиковъ въ Москвѣ*). Броженіе и недовольство среди типографскихъ рабочихъ началось уже давно. Продолжительный рабочій день (съ 7 до $7^1/_2$ при $1^1/_2$ часов. обѣденномъ отдыхѣ), недостаточный заработокъ (средній рабочій 1 рубль 10-1 рубль 25 коп. въ день), вредныя для здоровья условія труда при отсутствіи гигіеническихъ мѣръ и врачебной помощи — все это накопляло недовольство и подготовляло стачку. Первыя сходки рабочихъ начались еще за недѣлю до забастовки, однако только съ 7 сентября стали устраивать правильныя собранія и разрабатывать требованія. На сходкахъ бывало по 300-500 чел., онѣ устраивались одновременно въ разныхъ мѣстахъ, причемъ на каждой обязательно присутствовали представители отъ всѣхъ типографій, хотя бы по одному человѣку. Требованія, выработанныя наканунѣ забастовки, слѣдующія: 1) сокращеніе рабочаго дня до 9 часовъ днемъ и 8 ночью (2 часа на обѣдъ); 2) повышеніе жалованья до 20%, а сдѣльной платы до 18 коп. съ 1000 буквъ; 3) особая плата за корректуру; 4) прогрессивно растущее вознагражденіе мальчиковъ-учениковъ (ко дню выхода въ мастера 35 руб.); 5) постоянный фельдшеръ въ типографіи, гдѣ свыше 15 человѣкъ, еженедѣльный визитъ врача, безплатныя лекарства; 6) тождество расцѣнокъ и условій во всѣхъ типографіяхъ; 7) отмѣна штрафовъ за опозданіе; 8) введеніе рабочихъ старостъ по закону 1 іюня сего года; 9) уничтоженіе посредниковъ между рабочими и предпринимателями; 10) новыя условія должны быть подписаны всѣми хозяевами и фабричнымъ инспекторомъ; никакихъ частныхъ переговоровъ съ отдѣльными владѣльцами типографій не будетъ.

Полиція знала заблаговременно о готовящейся стачкѣ. 6 сен. охранное отдѣленіе затребовало изъ всѣхъ типографій подробныя свѣдѣнія о рабочихъ; въ управленія желѣзныхъ дорогъ

---

*) Всѣ поименованныя лица подлежатъ аресту, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, противъ фамилій которыхъ стоятъ буквы: *ос.* (подвергнуть особому надзору), *гл.* (подвергнуть гласному надзору) или *негл.* (подвергнуть негласному надзору). Ред.

*) Опоздало по недостатку мѣста.

*) Приводимъ, въ дополненіе къ сообщеніямъ въ № 49, болѣе подробный и систематическій разсказъ о выдающейся московской стачкѣ.

было объявлено, что въ случаѣ сильнаго спроса на билеты въ какую нибудь пригородную мѣстность со стороны рабочихъ, продажу билетовъ пріостановить и сообщить по телефону въ охранное отдѣленіе. Однако этотъ маневръ не удался: рабочіе собрались на татарскомъ кладбищѣ и у Симонова монастыря. Первая сходка была открыта полиціей и разсѣяна, вторая прошла благополучно.

Стачка началась 9 сентября въ 12 час. дня. Первые бросили работу наборщики типографіи Яковлева и пошли по мастерскимъ, созывая товарищей присоединиться. Одна за другой бастовали всѣ типографіи и литографіи вплоть до самыхъ маленькихъ съ 3-4 рабочими; присоединились также и женщины-наборщицы изъ типографіи Е. Гербекъ. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, собравшаяся на Тверскомъ бульварѣ, направилась оттуда вдоль по бульварамъ въ Ваганьковскій переулокъ, къ типографіи „Московскаго Листка“. Послѣ короткихъ переговоровъ наборщики „Моск. Лист.“ присоединились къ стачечникамъ; попытка конныхъ жандармовъ воспрепятствовать этому и оттѣснить толпу во дворъ, не привела ни къ чему. Толпа стройно направилась обратно къ Тверской. Порядокъ и выдержка рабочихъ образцовые: лучшее доказательство это то, что полиція, при всемъ стараніи, не смогла вызвать безпорядковъ. Всего бастуютъ 15.000 человѣкъ.

10 и 11 сентября вышли только „Московскій Листокъ“ и „Русскій Листокъ“, типографіи которыхъ охранялись полиціей; въ „Моск. Лист.“ работали мальчики-ученики и доставленные полиціей золоторотцы; рабочіе дневали и ночевали въ типографіи. 12 сентября появились „Моск. Вѣд.“ и „Русс. Вѣд.“ Передъ лицомъ рабочаго движенія обѣ редакціи подали другъ другу руки и испросили у военныхъ властей солдатъ-наборщиковъ: только благодаря этому обѣ газеты и могли появиться.

Моментъ для стачки выбранъ былъ самый удобный: къ началу сезона типографіи завалены заказами. Поэтому владѣльцы типографій поспѣшили устроить экстренное совѣщаніе при совѣтѣ „общества дѣятелей печатнаго дѣла“, съ цѣлью обсудить требованія рабочихъ. Но передъ этимъ полиція попыталась употребить „свои средствія“; она предложила нанимателямъ разсчитать всѣхъ рабочихъ, обѣщая разослать ихъ по этапу на родину. Когда это было отвергнуто, Треповъ попробовалъ запугать рабочихъ непосредственно, угрожая тѣмъ, кто не станетъ на работу на старыхъ условіяхъ, высылкой на родину. Но и здѣсь онъ встрѣтилъ отпоръ.

На экстренныхъ собраніяхъ владѣльцевъ типографій (9 и 11 сентября), принято было сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ, и повышеніе сдѣльной платы до 18 коп. за 1000 буквъ. Остальныя требованія не удовлетворены. Это рѣшеніе внесло расколъ въ ряды стачечниковъ: работающіе сдѣльно стали съ 13 на работу, служащіе на постоянномъ жалованьѣ — бастуютъ. Стачка произвела громадное впечатлѣніе и считается безусловно удачной; бодрое настроеніе типографщиковъ заражаетъ рабочихъ другихъ спеціальностей и уже есть слухи о движеніи на фабрикахъ Жако, Прохоровской и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ стачка эта поражаетъ своей выдержанностью и мирнымъ характеромъ: за четыре дня 15000-ною толпой побитъ только одинъ городовой, да извѣстный москвичамъ приставъ Ермоловъ, котораго обязательно бьютъ при всякой демонстраціи. Есть свѣдѣнія объ убійствѣ въ Чернышевскомъ скверѣ наборщика изъ „Моск. Вѣд.“, якобы за штрейкбрехерство. Подробности этого факта намъ неизвѣстны.

Побѣжденные предприниматели не пали духомъ и скоро сообразили, что для сохраненія старыхъ барышей необходимо объединиться, сойдясь на общемъ для всѣхъ ихъ тарифѣ расцѣнокъ и переложить повышенные „издержки производства“ на потребителя. Вотъ результаты совѣщаній ихъ по этому вопросу, формулированные на собраніи 23 сентября и отвѣчающіе, по ихъ мнѣнію, „интересамъ владѣльцевъ типограф. заведеній, рабочихъ и публики“: 1) въ типографіяхъ и литографіяхъ устанавливается *одинаковая* продолжительность ежедневныхъ работъ, сокращенная до нормы въ 10 часовъ; 2) одновременно съ этимъ вводится новая общая расцѣнка труда рабочихъ, повышенная до 20-50% согласно опредѣленной табели на плату за разныя работы, сдѣльныя, поденныя и др.; 3) принимая во вниманіе вышеизложенное, необходимо *соотвѣтственно возвысить* цѣны на заказы . . . Во избѣжаніе недоразумѣній будутъ установлены *общія нормы* стоимости работъ . . . Эти нормы послужатъ всѣмъ типографіямъ основаніемъ для смѣтъ на работы . . . Собраніе приняло эти три пункта, замѣнивъ во второмъ слова „повышенная до 20-50%“ словами „значительно повышенная“ („Русс. Вѣд.“ № 262[*]).

Таковы положительные результаты стачки: не обошлось и безъ отрицательныхъ: во время стачки выслано на родину до 1500 человѣкъ, говорятъ одна группа была загнана въ манежъ и избита, но это слухъ не провѣренный.

P. S. Статья уже была набрана, когда мы получили дополнительныя свѣдѣнія. Иниціатива стачки, какъ оказывается, исходила отъ „независимыхъ“; поэтому сравнительно легко удавались собранія, и на нихъ, говорятъ, присутствовали агенты съ фотографическими аппаратами, которые и снимали рабочихъ-ораторовъ, говорившихъ на политическія темы. Замѣтивъ это, сознательные рабочіе ускорили стачку на двѣ недѣли и этимъ спасли дѣло. Впослѣдствіи движеніе перешагнуло черту „экономическихъ“ требованій „независимыхъ“.

Изъ всѣхъ предпринимателей хуже всего держалъ себя Левенсонъ, долго не уступавшій на собраніи и потомъ пытавшійся отдѣлаться отъ рабочихъ пустыми обѣщаніями. Однако тѣ настояли на составленіи письменнаго договора.

Относительно роли „Рус. Вѣд.“, пишутъ, что солдаты-наборщики явились въ типографію не по приглашенію редакціи, а по приказу Трепова. Какъ ни странна такая особенная забота Трепова о „Русс. Вѣд.“, эта роль „угнетенной невинности“ едва-ли сильно умалитъ заслуги этой газеты въ дѣлѣ борьбы съ рабочимъ движеніемъ.

Петербургъ. 15 или 16 сентября служащіе главнаго почтамта нашли столы этого учрежденія усѣянными прокламаціями, приглашающими почтамтскихъ служащихъ отказомъ отъ работы измѣнить поистинѣ каторжныя условія ихъ труда. Прокламація, по заявленію служащихъ, составлена неудачно и человѣкомъ, мало знакомымъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ почтамтѣ. Днемъ для начала стачки было назначено 17 число. И дѣйствительно, 17 числа большинство женщинъ, а также многіе низшіе служащіе (сторожа, упаковщики и др.) на работу не явились. Испортили все дѣло гг. „чиновники“, несмотря на 18-ти часовой день при нищенскомъ жалованьи до сихъ поръ преданные „начальству“. А послѣднее было весьма смущено, какъ прокламаціями, такъ и забастовкой. Нѣсколько ободрилось оно, благодаря поддержкѣ тѣхъ, которые имѣютъ жалкіе „чины“ и петлицы. Сторожа были разсчитаны. Что ждетъ бастовавшихъ женщинъ — неизвѣстно. Чиновники вскорѣ послѣ этого получили по почтѣ письма съ приглашеніемъ принять участіе въ стачкѣ. Отказывающимся грозятъ насиліемъ.

Петербургъ. (Изъ письма рабочаго). Одинъ изъ рабочихъ фабрики концертныхъ піанино Оффенбахера намъ пишетъ:

„3-го августа у насъ было вывѣшено объявленіе о томъ, что работы будутъ производиться не такъ, какъ раньше — съ 7 ч. утра и до 6 ч. вечера, а съ 7 и до 7. Я, авторъ этого письма, принялся усердно агитировать товарищей о выраженіи протеста общей стачкой, и вотъ 7-го августа въ 6 ч. вечера, въ обычное время окончанія работъ, звонка не послѣдовало; тогда агитированные мною товарищи одѣлись и побѣжали по отдѣленіямъ фабрики съ крикомъ „бросай работу!“ И всѣ единодушно разошлись по домамъ. На слѣдующій день, т. е. 8 августа дѣло произошло такъ же, а на третій день явился эксплоататоръ Оффенбахеръ и заявилъ всѣмъ разсчетъ, на что всѣ согласились. Работы продолжались до 13 августа до 6 ч. вечера, уходили безъ звонка, а 13-го администраціей билъ данъ звонокъ въ 6 час. вечера. Такъ идетъ и по настоящее время. Изъ этого можно заключить, что побѣда за рабочими.

Пущенныя по фабрикѣ прокламаціи С. Петербургскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. къ Семянниковскимъ рабочимъ о встрѣчѣ державнаго вампира и прокламаціи по поводу избіенія интеллигентовъ товарищей въ Крестѣ вызвали среди рабочихъ возмущеніе противъ правительства. На фабрикѣ нѣтъ ни одного человѣка, состоящаго въ организаціи.“

Изъ Донецкаго бассейна. Юзовскій металлургическій заводъ. Втеченіе сентября въ Юзовкѣ состоялось нѣсколько сходокъ, на которыхъ присутствовало по 50-80 человѣкъ заводскихъ рабочихъ и ремесленниковъ. На сходкахъ произносились рѣчи на различныя темы. Особенно интересна сходка, въ которой участвовало до 80 чел. Вотъ темы рѣчей: о рабочемъ движеніи въ Россіи, о милитаризмѣ, какъ держать себя на допросахъ, объ антисемитизмѣ, о Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Во время сходки надъ ораторомъ развѣвалось красное знамя съ надписью: „Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія“, „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ политическая свобода“, „да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день“, „да здравствуетъ соціализмъ“. Собраніе длилось четыре часа и прошло чрезвычайно весело и оживленно. Въ заключеніе была принята слѣдующая резолюція: „Мы, всѣ присутствующіе на сегодняшнемъ собраніи, крайне возмущены и выражаемъ свое негодованіе и всю свою ненависть къ царскому правительству за его гнусную роль въ избіеніи евреевъ въ Кишиневѣ и Гомелѣ, за массовое разстрѣливаніе нашихъ товарищей рабочихъ-стачечниковъ въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, въ Керчи и Батумѣ, въ Одессѣ и Николаевѣ, въ Елисаветградѣ и Ростовѣ; за смертные приговоры ростовскимъ манифестантамъ въ Таганрогѣ. Мы выражаемъ полное, искреннее сочувствіе свое нашимъ товарищамъ въ ихъ геройской борьбѣ съ ненавистнымъ чудовищемъ — царскимъ самодержавіемъ, которое душитъ все живое, честное, стремящееся къ братству и равенству всѣхъ народовъ. Мы клеймимъ такое правительство вѣчнымъ позоромъ! Смерть ему! . . Мы протягиваемъ всѣмъ угнетеннымъ нашу рабочую руку въ ихъ борьбѣ съ царскимъ самодержавіемъ!“ — Бывшая здѣсь стачка заготовщиковъ и тандетницъ выиграна. У заготовщиковъ рабочій день сокращенъ (вмѣсто 16 часовъ — 12 час.), повышена заработная плата, уничтожены контракты и проч. Тандетницы тоже выиграли. Настроеніе среди ремесленниковъ возбужденное. На шахтахъ и среди ремесленниковъ распространяется много прокламацій.

17 сентября на юзовскомъ заводѣ, въ мелкосортномъ цехѣ вспыхнула стачка, къ которой вскорѣ присоединилась часть механическаго цеха. Всего въ стачкѣ приняло участіе до 200 чел. Вызвана была стачка угрозой заводоуправленія понизить расцѣнки. Благодаря безобразнымъ условіямъ труда на заводѣ, стачка грозила перекинуться въ другіе цехи и сдѣлаться всеобщей. Поэтому Соц.-Дем. Союзъ Горно-Заводскихъ Рабочихъ поспѣшилъ издать прокламацію съ призывомъ ко всеобщей забастовкѣ, но заводоуправленіе, испугавшись надвигающейся грозы, взяло свою угрозу обратно, и стачка на шестой день прекратилась. Мѣстный Комитетъ Союза успѣлъ использовать этотъ моментъ и послалъ своего оратора на сходку стачечниковъ возлѣ заводской конторы. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ этой рѣчи, которая на стачечниковъ произвела сильное впечатлѣніе: „Братья, насталъ великій моментъ въ нашей жизни. Еще вчера мы безропотно гнули свои спины, покорно сносили гнетъ и издѣвательство заводской администраціи; еще вчера насъ, рабочихъ, приравнивали къ вьючнымъ животнымъ . . . Нынѣ же мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросили работу и не хотимъ больше подставлять свои спины подъ бичъ кровопійцъ-хозяевъ и грубыхъ мастеровъ . . . Посмотрите! Ваши товарищи въ другихъ городахъ объявили уже нашимъ тиранамъ-кровопійцамъ безпощадную войну. Нѣтъ почти ни одного уголка, гдѣ бы рабочіе не устраивали стачекъ или демонстрацій. Они знаютъ, что улучшеніе ихъ положенія зависитъ отъ ихъ сознательности, отъ ихъ борьбы. Они стояли горой въ борьбѣ съ хозяевами и правительствомъ. Помните, товарищи, что передъ нами лежитъ такая же задача! Мы должны бороться, мы должны улучшить свою каторжную жизнь . . . Посмотрите, говорилъ ораторъ дальше, указывая рукой на заводъ, эта громадина съ вѣчно пылающими печами — заводъ, гдѣ мы выплавляемъ милліоны пудовъ стали и желѣза. Развѣ это наше? (въ толпѣ: нѣтъ, нѣтъ!). Эти рудники, гдѣ цѣной своей жизни наши братья-рабочіе доставляютъ богатства . . . Кому? Развѣ намъ? (нѣтъ, нѣтъ!). Это присваиваютъ себѣ наши хозяева, кровопійцы, которые, сами ничего не дѣлая, заставляютъ насъ трудиться на нихъ, чтобы имѣть возможность пьянствовать и развратничать. Братья! Довольно намъ горя, довольно сносить всѣ обиды! Мы уже натерпѣлись. Будемъ вести начатую борьбу, будемъ требовать, а не просить добытыя нашимъ потомъ и кровью богатства. Возстаньте же, товарищи, на борьбу съ хозяевами! Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного!“ Стачка вызвала броженіе во всѣхъ цехахъ и на шахтахъ. Всѣ рабочіе съ нетерпѣніемъ ждутъ листковъ съ разоблаченіемъ порядковъ, царящихъ на заводѣ. А порядки, дѣйствительно, дикіе. Вотъ нѣкоторыя данныя. Въ доменномъ цехѣ, несмотря на то, что было пущено три новыхъ домны, число рабочихъ осталось прежнее. За одинъ рубль рабочіе должны втеченіе 12 часовъ работать въ адской атмосферѣ, температура которой доходитъ до 60 градусовъ. Многіе не выдерживаютъ и падаютъ въ обморокъ. Ихъ обливаютъ водой и заставляютъ опять работать. При коксовыхъ печахъ приходится работать въ вѣчномъ огнѣ. Жара и пыль невыносимыя. Работа въ двѣ смѣны по 12 час. Поденная плата за этотъ каторжный трудъ — одинъ рубль. Рабочіе терпятъ страшныя притѣсненія отъ старшаго десятника Шевченко, котораго за лютость и свирѣпость прозвали „крокодиломъ“. Шевченко, кромѣ того, облагаетъ рабочихъ цѣлымъ рядомъ налоговъ въ свою пользу. Въ механическомъ цехѣ заработки доведены до 70 коп. въ день. То же и въ токарномъ отдѣленіи. Число рабочихъ въ котельномъ цехѣ сокращено вдвое при сохраненіи прежней платы (одинъ рубль въ день). Чернорабочіе за грошевое вознагражденіе вынуждены работать сплошь всю недѣлю, не имѣя даже праздничнаго отдыха. Рабочіе подрядчика Свинцова, работающіе при нагрузкѣ и выгрузкѣ руды изъ вагоновъ, выгружаютъ каждый ежедневно шесть-семь вагоновъ (въ вагонѣ 750 пуд.). Рабочій день отъ пяти часовъ утра до шести час. веч. Получаютъ за этотъ непосильный трудъ лѣтомъ 80 коп., а зимой — 60 коп. Въ кирпичномъ сараѣ работаютъ дѣвушки въ возрастѣ 14-18 лѣтъ и мальчики. Каждая обязана сдѣлать не менѣе 600 кирпичей въ день, получая по десяти коп. съ сотни. Не остается времени для завтрака и обѣда. Особенно тяжело положеніе мальчиковъ, отбивающихъ шлакъ отъ стараго кирпича. Лѣтомъ и зимой приходится работать на дворѣ. Получаютъ 30-40 коп. въ день.

Бердичевъ. На столбцахъ „Искры“ корреспонденція изъ нашего города, на сколько мнѣ извѣстно, является впервые, поэтому, желая говорить о событіяхъ послѣднихъ дней, я долженъ слегка коснуться бердичевскаго рабочаго движенія въ общемъ. Движеніе въ нашемъ городѣ еще сравнительно молодое. Началось оно года три тому назадъ подъ знаменемъ „Бунда“, и за это время успѣло разростись довольно широко. Къ сожалѣнію этого нельзя сказать о глубинѣ нашего движенія. Если оно разрослось вширь, то только потому, что оно преслѣдовало и преслѣдуетъ еще и понынѣ, главнымъ образомъ экономическія цѣли — улучшенія матеріальнаго положенія трудящагося класса, а необычайная эксплуатація, господствующая у насъ, способствуетъ довольно широкому распространенію движенія. Но захватывая массу все шире и шире, движеніе остается весьма поверхностнымъ, слабо проникая вглубь, слабо развивая классовое самосознаніе рабочихъ — сознаніе своихъ особыхъ интересовъ какъ класса, отличнаго отъ класса хозяевъ. Въ отношеніяхъ между рабочими и хозяевами господствуетъ полная патріархальность, которая объясняется прежде всего тѣмъ, что у насъ нѣтъ крупной фабрично-заводской промышленности, и вся рабочая масса сосредоточена въ безчисленныхъ мастерскихъ и мелкихъ фабрикахъ, принадлежащихъ мелкимъ предпринимателямъ. Къ сожалѣнію мѣстная организація очень мало дѣлаетъ въ смыслѣ уничтоженія такой патріархальности и поднятія классового самосознанія среди массы. Особенно страдаетъ у насъ политическое развитіе массы; политическая агитація, можно сказать безъ преувеличенія, почти сведена къ нулю. Это можно видѣть изъ демонстраціи, происшедшей у насъ въ апрѣлѣ. Изъ всей организованной массы, насчитывающей до 1.000 человѣкъ, въ демонстраціи приняли участіе всего чел. 40 рабочихъ; большинство же демонстрантовъ составляли интеллигенты. Неудивительно, что демонстрація была неудачна; при первомъ появленіи полиціи всѣ разбѣжались. Такимъ образомъ шествіе съ знаменемъ продолжалось всего какихъ нибудь десять минутъ и того меньше. Когда рабочихъ упрекали за ихъ отсутствіе, большинство отвѣчало, что имъ никто не объяснилъ, что такое демонстрація, зачѣмъ и къ чему она, каково ея значеніе; какъ же отъ нихъ требуютъ пойти на то, о чемъ они и понятія не имѣютъ. Этотъ случай наглядно показываетъ, что политическая агитація среди массы велась очень вяло и слабо, никакого улучшенія въ этомъ смыслѣ не замѣчается и до сихъ поръ. Перехожу къ событіямъ послѣднихъ дней. Грандіозныя событія, разыгравшіяся въ Кіевѣ, Одессѣ и др. городахъ, замѣтно волновали и электризовали массу, вызывая въ ней какъ-то стихійно напряженное состояніе и возбуждая стремленіе чѣмъ-нибудь выказать свое сочувствіе борющимся товарищамъ. Такой случай скоро представился, но къ сожалѣнію онъ вовсе не былъ использованъ мѣстной организаціей.

Въ воскресенье 3 августа (ст. ст.) въ мѣстной еврейской больницѣ умеръ рабочій. Рано утромъ толпа рабочихъ въ 400 чел. собралась предъ больницей въ ожиданіи похоронъ. Менѣе многочисленныя группы образовались по другимъ улицамъ и переулкамъ по пути къ еврейскому кладбищу. Замѣчательно, что все это произошло какъ-то стихійно, безъ чьей либо иниціативы и плана. Полиція всѣми мѣрами старалась разогнать толпу, отрѣзать и не давать соединиться отдѣльнымъ кучкамъ, и это ей удалось. Всетаки толпѣ въ 100 человѣкъ рабочихъ удалось пробиться на самое кладбище и присутствовать при погребеніи. На обратномъ пути у воротъ кладбища эта кучка сплотилась и съ крикомъ: „долой самодержавіе!“ и пѣніемъ марсельезы хотѣло двинуться въ городъ, но тутъ появилась полиція съ полиціймейстеромъ верхомъ на лошади. Послѣдовала маленькая стычка. Кто-то схватилъ полиціймейстера за ногу и едва не стащилъ съ лошади; другіе завязали борьбу съ городовыми. Вдругъ полиція стала стрѣлять въ толпу изъ револьверовъ. Выстрѣлы были холостые, но они достигли цѣли: испуганная толпа разсѣялась; при этомъ арестовали нѣсколько человѣкъ, которыхъ однако скоро выпустили. До трехъ часовъ нигдѣ не работали и въ городѣ господствовало необычайное оживленіе. Масса была очень недовольна организаціей, что она не использовала этотъ случай. Организація же оправдывалась тѣмъ, что она не ожидала такого *„боевого настроенія“* среди массы . . . Чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ рабочихъ, организація рѣшила устроить всеобщую однодневную забастовку, для выраженія своихъ чувствъ солидарности и единодушія съ борющимися товарищами въ Одессѣ, Кіевѣ и друг. городахъ. По этому поводу были выпущены прокламаціи на русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Мѣстная „группа революціонныхъ соціальдемократовъ“, которая недавно образовалась, выступивъ изъ организаціи „Бунда“ въ виду недовольства ея дѣятельностью, выпустила также по этому поводу гектографированныя прокламаціи на русскомъ языкѣ и на жаргонѣ, а въ самый день забастовки, вторникъ 12 августа, рано утромъ распространила по всѣмъ мастерскимъ карточки съ призывомъ бросить работу. Бастовало тогда около 1500 человѣкъ. Однако забастовку должно признать неудачной, такъ какъ на болѣе крупныхъ заводахъ, гдѣ работаютъ, главнымъ образомъ, русскіе рабочіе, работа не была пріостановлена. Весь день городъ былъ въ большомъ волненіи — ожидали демонстраціи. По улицамъ были разставлены усиленные полицейскіе караулы. Народъ толпился на тротуарахъ, и полиція, разгоняя его, задерживала подозрительныхъ ей людей и отводила въ участокъ. Къ вечеру въ переулкѣ возлѣ стараго еврейскаго кладбища собралась толпа рабочихъ въ ожиданіи демонстраціи. Полиція всячески старалась разогнать толпу, но это ей не удавалось. Особенно свирѣпствовалъ старшій городовой 1 участка. Онъ всячески набрасывался на толпу, выхватывалъ отдѣльныхъ людей и уводилъ въ участокъ. Чтобы отбить товарища, котораго полиція задержала, одинъ рабочій ударилъ старшаго палкой по головѣ и нанесъ ему тяжкую рану (носятся слухи, что онъ при смерти). Чтобы разсѣять толпу прибѣгли также къ холостымъ выстрѣламъ. Вообще настроеніе къ вечеру было очень напряженное; всѣ чего-то ожидали, но ничего не дождались. Организація и на этотъ разъ не воспользовалась „боевымъ настроеніемъ“ массы и этимъ возбудила всеобщее недовольство и ропотъ противъ себя. Арестовали въ тотъ день двухъ интеллигентовъ, а изъ толпы по одиночкѣ выхватили человѣкъ 15, которыхъ ночью же выпустили. На другой день опять всѣ приступили къ работѣ, и жизнь опять потекла своимъ обычнымъ русломъ.

М. Копысь. Могилевской губерніи. Врядъ ли многіе изъ читателей знаютъ о существованіи такого мѣстечка. Затерянное въ глуши, оно еще недавно было однимъ изъ типичныхъ еврейскихъ захолустьевъ нашего края.

Но за послѣдніе годы, новыя мысли, новые взгляды проникли и къ намъ.

Тщетно ходятъ городовые къ русскимъ рабочимъ и упрекаютъ ихъ въ томъ, что они бросили пить; напрасно старики-евреи и мѣстные сіонисты пророчатъ бѣду еврейской рабочей молодежи, забросившей религію. Ихъ никто не слушаетъ . . . и старыя заунывныя пѣсни смѣнились бодрыми революціонными гимнами.

Растетъ и крѣпнетъ революціонное сознаніе и настроеніе массы, вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и спросъ на революціонную, а также и на общую научно-популярную и беллетристическую литературу. Какимъ образомъ произошелъ этотъ переворотъ? Года три тому назадъ на мѣстныхъ кафельныхъ заводахъ, круглый годъ занимающихъ около 1200 рабочихъ, возникла всеобщая забастовка, носившая совершенно стихійный характеръ. Нѣкоторыя требованія рабочихъ были удовлетворены. Съ этихъ поръ съ мѣстечкомъ завязались сношенія, туда стала проникать литература, листки и черезъ два года — какъ первый осязательный результатъ политической пропаганды — въ апрѣлѣ состоялась демонстрація. Ходили по мѣстечку и пѣли революціонныя пѣсни. Въ результатѣ 100 слишкомъ человѣкъ привлечены къ отвѣтственности за нарушеніе тишины и порядка. Дѣло разбиралось въ Шкловѣ, и обвиняемые приговорены къ 30 руб. штрафа.

Слухи о послѣднихъ погромахъ достигли и до нашихъ мѣстъ. Въ Шкловѣ стали сильно поговаривать о предстоящемъ погромѣ и даже назначили день. Встревоженные еврейскіе товарищи обратились за помощью въ Копысь. Немедленно же былъ собранъ отрядъ въ 120 человѣкъ (въ Копыси рабочіе почти сплошь русскіе) и посланъ въ Шкловъ (12 верстъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Шкловъ прибыла помощь изъ Могилева и Орши, такъ что ни о какомъ погромѣ не могло уже быть и рѣчи. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ солидарности, существующей между еврейскими и русскими рабочими.

Недавно Копысскіе рабочіе вмѣстѣ съ Шкловскими устроили въ Шкловѣ демонстрацію. Дѣло было такъ.

21 августа въ Шкловѣ должно было разсматриваться уже отложенное одинъ разъ дѣло по обвиненію 60 копысскихъ рабочихъ въ нарушеніи общественной тишины и порядка. И на этотъ разъ дѣло было вновь отложено, за неявкой одного изъ обви-

---

[*] Принятіе *всѣми* типографіями однородныхъ тарифовъ по необходимости вызоветъ повышеніе заработка рабочихъ, служащихъ на постоянномъ жалованьѣ и не добившихся этого повышенія во время самой стачки.

неныхъ. Рабочіе стали протестовать, и судья, чтобы успокоить ихъ и оградить себя, заявилъ: „Я не виноватъ, я только царскій приказчикъ и исполняю лишь законъ. Это не моя вина, что законы плохи.“ Тогда толпа съ крикомъ „долой царскіе законы,“ двинулась на улицу, гдѣ ихъ поджидали мѣстные товарищи и прошлась по всему Шклову въ количествѣ 200 человѣкъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ (Марсельезы и Варшавянки). Весь Шкловъ сбѣжался на такое невиданное зрѣлище. Вечеромъ рабочіе изъ Копыси уѣхали домой; ихъ провожала огромная толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. А въ Копысѣ, куда товарищи подъѣхали также съ пѣніемъ Варшавянки, ихъ ожидала почетная встрѣча: человѣкъ 150 своихъ и вся полиція во главѣ съ приставомъ. Для усиленія стражи изъ деревень собрали нѣсколько десятковъ десятскихъ съ дубинками.

Мы пользуемся такими случаями и ведемъ пропаганду среди десятскихъ.

Когда пароходъ подошелъ, приставъ велѣлъ вынуть револьверы и обнажить шашки, но, видя, что на этотъ маневръ никто не обратилъ вниманія, велѣлъ „вложить мечи въ ножны“, а самъ благоразумно скрылся. Рабочіе встрѣтили возгласы: долой царскіе суды, долой самодержавіе! громкими ура и затѣмъ разошлись.

На слѣдующій день за городомъ состоялось массовое собраніе человѣкъ 250, на которомъ выяснялись задачи соціальдемократіи, и рабочаго класса, и вопросъ о работѣ среди крестьянъ. Когда рабочіе возвращались въ городъ ихъ опять встрѣтила вся копысская полиція, но рабочіе потребовали, чтобы полиція разошлась, обѣщая затѣмъ спокойно итти по домамъ. Требованіе рабочихъ было немедленно исполнено, и они спокойно разошлись.

Что касается экономической борьбы, то рабочіе часто одерживаютъ здѣсь побѣды. Фабриканты даже додумались до третейскаго суда и теперь пропагандируютъ устройство своего рода „камеры соглашенія“, куда входили бы 2 представителя отъ нихъ и 2 отъ рабочихъ.

Среди крестьянъ также дѣлаются попытки завязать прочныя связи. Крестьяне охотно слушаютъ рабочихъ.

23 августа началась забастовка у помѣщика Чичкина; работницы, выкапывающія картофель, потребовали увеличенія платы съ 15 к. до 25к. „Панъ“ рветъ и мечетъ, но въ концѣ концовъ ему придется уступить.

Никополь. Передъ самыми еврейскими праздниками забастовали портные, около 70 чел. Выставлены были требованія повышенія платы и сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ. Забастовка длилась около недѣли и поставила хозяевъ въ очень затруднительное положеніе. Хозяева обращались за помощью къ полиціи, но изъ этого ничего не вышло. Стачка закончилась 12 сентября полной побѣдой рабочихъ.

Борисоглѣбскъ. Приводимъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія (см. № 44) о стачкѣ рабочихъ борисоглѣбскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, бывшей въ іюнѣ тек. г. Незадолго до стачки, возникшей 20 іюня, въ мастерскихъ появились прокламаціи въ описаніемъ тяжелаго положенія рабочихъ и тѣхъ злоупотребленій, которыя свершаетъ администрація. Среди рабочихъ эти прокламаціи вызвали сильнѣйшее движеніе, не укрывшееся отъ глазъ администраціи, которая было переполошилась, но затѣмъ, въ виду внѣшняго спокойствія рабочихъ, успокоилась. 20 іюня по случайному поводу (отказъ въ выдачѣ рукавицъ литейщикамъ) недовольство рабочихъ прорвалось наружу. Всѣ рабочіе (около 2 000) побросали работу и, собравшись въ пригородной слободѣ Станичной, сообща выработали требованія, изложенныя въ 23 пунктахъ. Собранія рабочихъ продолжались и въ слѣдующіе дни, причемъ до пріѣзда тамбовскаго губернатора, въ сопровожденіи 400 солдатъ, они категорически отказывались выбирать депутатовъ для переговоровъ съ администраціей. Настроеніе было бодрое и поддерживалось появлявшимися довольно регулярно прокламаціями. Кромѣ прокламацій, обращавшихся къ рабочимъ, были прокламаціи и къ обществу съ призывомъ къ помощи стачечникамъ.

За время стачки, длившейся болѣе недѣли, собрано было и роздано стачечникамъ около 400 руб. 25 іюня по заборамъ была расклеена телеграмма министра путей сообщенія, въ которой г. министръ заявилъ, что онъ „огорченъ невозможностью разсматривать заявленія (читай требованія) рабочихъ, въ виду незаконной формы таковыхъ“, а по сему приглашаетъ рабочихъ немедленно стать на работу, напоминая имъ „тѣ лишенія, которыя они причиняютъ своимъ семьямъ безполезною потерею заработка“. Въ тотъ же день магазинъ общества потребителей прекратилъ выдачу товаровъ, не смотря на то, что у рабочихъ былъ за дорогой заработокъ за 19 дней и членскій взносъ въ 10 руб. Пріѣхавшему губернатору удалось заманить собравшихся въ слободѣ Станичной рабочихъ въ мастерскія, гдѣ онъ уговорилъ ихъ также выбрать депутатовъ. Попытка склонить рабочихъ угрозами суда и ссылки стать на работу не удалась. „Не согласны!“ — крикнули рабочіе. — „Пусть удовлетворятъ наши требованія“. Затѣмъ, выйдя изъ мастерскихъ, рабочіе рѣшили 26 на работу не итти, не собираться, а сидѣть дома. Однако, на слѣдующій день нашлось человѣкъ 60 измѣнниковъ, которые явились на работу. У мастерскихъ стояла стража изъ солдатъ. Жандармы ходили по рабочимъ кварталамъ и звали на работу, заявляя, что требованія удовлетворены. Нѣкоторые попадались на эту удочку, а нѣкоторыхъ заманивали, или просто затаскивали въ мастерскія, гдѣ къ вечеру собралось до 400 человѣкъ. Обѣдать ихъ не распускали; администрація накупила булокъ, которыми и питались работавшіе (за ними теперь установилось названіе „булочниковъ“). 27 на работу явилось уже около тысячи чел., а 30 работа въ мастерскихъ шла уже полнымъ ходомъ. 19 іюля пріѣхала изъ Петербурга комиссія для „разслѣдованія“ дѣла. Рабочіе выбрали депутатовъ, которые въ присутствіи всѣхъ рабочихъ вели переговоры съ комиссіей. Одинъ, изъ членовъ комм. говорилъ рабочимъ льстивыя рѣчи, но прошелъ цѣлый мѣсяцъ съ отъѣзда комиссіи, а никакихъ вѣстей изъ министерства нѣтъ. Рабочіе, доведенные чрезвычайно низкими расцѣнками и всяческими злоупотребленіями до сильнѣйшихъ лишеній, ропщутъ и поговариваютъ о новой стачкѣ.

Настроеніе бодрое и рабочіе рѣшили во что бы то ни стало добиться своихъ требованій

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ настоящей корреспонденціи приводимъ появившееся въ легальныхъ газетахъ извѣстіе о новой стачкѣ въ борисоглѣбскихъ ж.-д. мастерскихъ, возникшей 2 сентября. Стачка длилась болѣе недѣли. Ж.-д. начальство объявило всѣмъ рабочимъ разсчетъ. Исходъ стачки и дальнѣйшія подробности пока неизвѣстны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОБѢДА ИТАЛЬЯНСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ.

Итакъ, царь не пріѣхалъ! Чего только не дѣлало „либеральное“ министерство Цанарделли, чтобы обезпечить восторженный пріемъ царя: оно систематически запрещало или распускало собранія, конфисковало изданія, дерзавшія высказываться противъ ожидаемаго визита, задерживало на нѣсколько часовъ телеграммы въ соціалистическія газеты; оно наводнило Римъ и окрестности войсками, подъ предлогомъ смотра, и выписало туда всѣхъ своихъ сыщиковъ, оно приготовилось къ самымъ широкимъ арестамъ и даже, какъ говорятъ, приспособило тюрьмы на нѣсколько тысячъ гостей; оно уже подрядило — по четыре франка въ день на брата — выразителей народнаго энтузіазма, любительскіе оркестры — и всетаки царь не пріѣхалъ! Втеченіе двухъ мѣсяцевъ итальянскіе республиканцы и особенно соціалисты находились въ какомъ-то осадномъ положеніи: втеченіе двухъ мѣсяцевъ съ пѣной у рта нападала на нихъ пресса, „готовая къ услугамъ“ (министерства), по выраженію „Avanti“; втеченіе двухъ мѣсяцевъ добровольцы изъ монархистовъ обсуждали организацію „охраны“; готовые своими боками отстаивать „сближеніе народовъ“, а добровольцы изъ оппортюнистовъ съ еще большимъ рвеніемъ изобрѣтали съ каждымъ днемъ новые аргументы въ защиту царя и противъ враждебной демонстраціи. Ничто не помогло: царь не пріѣхалъ.

Царь предпочелъ сдаться передъ „неблаговоспитанными“, „неуважающими правилъ гостепріимства“ соціалистами и не пріѣхалъ.

„Мнѣ очень жаль“, написалъ онъ „собственноручно“ итальянскому королю, „что приходится откладывать уже назначенное посѣщеніе до другого времени. Желаю, чтобы оно было близко“. И это все, и никакой мотивировки! Съ тѣмъ большимъ жаромъ бросилась комментировать это письмо пресса. Министерскія газеты, которымъ особенно обидно было признать побѣду соціалистовъ, вздумали обмануть общественное мнѣніе сказкой о „нѣмецкой интригѣ“. „Утверждая, что виной отсрочки визита является ничтожная фракція крайней лѣвой“, писала „Tribuna“, „придаютъ слишкомъ много значенія маленькой кучкѣ иниціаторовъ враждебныхъ манифестацій“. И вотъ мало-по-малу складывается басенка о томъ, что отсрочка явилась слѣдствіемъ дармштадскихъ вліяній и свиданія съ Францомъ Іосифомъ. По адресу ненавистнаго „австріака“ посыпались самые нелестные отзывы.

Однако, сказка скоро разсѣялась передъ дѣйствительностью. Появились русскія газеты съ самыми недвусмысленными передовицами, и всѣ онѣ единогласно и совершенно опредѣленно обвиняли итальянскихъ соціалистовъ. Самый фактъ, что русскимъ газетамъ позволили говорить объ этомъ вопросѣ и давать ему такое толкованіе, ставитъ внѣ сомнѣнія вѣрность этого толкованія; создавалось даже впечатлѣніе, что всѣ эти передовицы составлялись по общей замѣткѣ, полученной изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, до того сходны были онѣ по содержанію, различаясь лишь болѣе или менѣе богатой патріотической и вѣрноподданнической орнаментаціей. Замѣтка „Русскихъ Вѣд.“ — самая сдержанная (корректная!) — ограничилась фактической стороной дѣла, и только между строкъ проглядываетъ „неодобреніе“ соціалистамъ. Зато реакціонныя и quasi-либеральныя газеты обрушиваются всѣмъ своимъ негодованіемъ на виновниковъ неудачи. — „итальянскихъ республиканцевъ, соціалистовъ, коллективистовъ и *возможныхъ участниковъ тайныхъ разбойничьихъ обществъ, вродѣ маффіи* (!)“ („СПБ. Вѣд.“, № 266). „Это желаніе (союза съ Россіей) итальянскаго народа было нарушено“, пишутъ „СПБ. Вѣд.“ въ № 266, „эта мечта была разбита отсутствіемъ дисциплины и такта*) ничтожнаго, сравнительно, меньшинства, глупымъ поведеніемъ партіи, великой не численностью своею, но способностью черпать силу въ шумѣ и скандалахъ въ тѣ минуты, когда безсиліе доводовъ готово свести ея политическое значеніе до ничтожнаго минимума“. „Понятно, продолжаютъ „СПБ. Вѣд.“, что государь императоръ, признавая итальянскую землю (sic!) недостойной своего посѣщенія, не распространяетъ высокаго (!) своего неодобренія ни на благомыслящій трудовой народъ, ни на членовъ смущеннаго правительства“.

Это признаніе русскихъ газетъ, несомнѣнно инспирированное свыше, обезкуражило всѣ попытки умалить торжество соціалистовъ.

И въ этомъ разноголосомъ хорѣ комментаторовъ торжествующіе соціалисты проявили больше всего сдержанности и достоинства.

„Мы не поемъ побѣдныхъ гимновъ“, — писала редакція „Avanti“, когда было оффиціально опубликовано письмо царя — „мы констатируемъ, что впервые при господствѣ монархическаго правленія пролетаріатъ могъ оказать давленіе на событія иностранной политики, благодаря своей политической организаціи. Демонстрація достигла своей цѣли; она даже превзошла ее. Царь не пріѣдетъ въ Италію, чтобы избѣжать враждебной манифестаціи; но, въ дѣйствительности, этимъ отказомъ отъ визита онъ только усиливаетъ значеніе и торжественность протеста“. Указывая далѣе на возбужденность и нелогичную аргументацію прессы, „Avanti“ заключаетъ: „Въ одномъ только всѣ солидарны: это въ признаніи, что соціалистическая партія можетъ — если захочетъ — оказывать сильное давленіе на судьбу страны и направленіе ея политики“. Статья эта озаглавлена: „Не пріѣзжаетъ и *не пріѣдетъ*“; инцидентъ съ визитомъ царя итальянскіе соціалисты считаютъ поконченнымъ.

Но какъ на мѣщанской сценѣ послѣ серьезной драмы любятъ пускать глупый смѣшной водевиль, такъ и здѣсь за драматическимъ эпизодомъ столкновенія стараго міра самодержавія съ новымъ міромъ соціализма слѣдуетъ комическій водевиль изъ области „дипломатіи“. Героями его являются „козлы отпущенія“. Прежде всего по телеграфу былъ вызванъ изъ Петербурга итальянскій посолъ Морра-ди-Лавріано и, какъ сообщаютъ, снялъ себѣ уже виллу на зиму, т. е. въ Петербургъ не вернется. Такая же участь ждетъ русскаго посла въ Римѣ, Нелидова, присутствіе котораго считаютъ неудобнымъ послѣ несостоявшагося визита царя. Печально можетъ закончиться вся эта исторія и для либеральнаго министерства Цанарделли, тѣмъ болѣе, что реакціонеры и католики работаютъ противъ него во всю. Либеральныя газеты (все тѣ же „готовыя къ услугамъ“) стараются теперь свалить отвѣтственность за возможную реакцію на соціалистовъ. „Пусть падетъ кабинетъ изъ за этого вопроса иностранной политики, связаннаго съ внутренней полиціей“, возражаетъ „Avanti“, „за нами останется заслуга погребенія мертвеца и созданія въ Италіи правительства, болѣе заботящагося о ея интересахъ и нуждахъ“. Цанарделли, однако, не хочетъ сдаться и готовитъ „зеленую книгу“ по поводу несостоявшагося визита царя, которая должна явиться оправданіемъ правительства. Чѣмъ бы ни разрѣшилась вся эта исторія во внутренней жизни Италіи, правъ „Avanti“, утверждая, что „этотъ урокъ таитъ предостереженіе многимъ и многимъ“.

Мы, русскіе соціальдемократы, можемъ только радоваться побѣдѣ итальянскихъ товарищей и благодарить ихъ за энергичную борьбу, ибо эта борьба велась, главнымъ образомъ, въ нашу пользу. Въ послѣднюю свою поѣздку во Францію царь не осмѣлился въѣхать въ Парижъ и остановился въ Компьенѣ; нѣсколько недѣль тому назадъ такъ же заперта была передъ нимъ Вѣна: свиданіе съ Францомъ Іосифомъ пришлось устроить въ Шенбруннѣ и Мюрцштегѣ: теперь итальянскіе соціалисты отстояли свою родину отъ позорнаго визита царя. Если свиданіе его съ Викторомъ Эммануиломъ состоится, то, вѣроятно, какъ уже высказываютъ предположеніе, *на собственной яхтѣ* Николая II. Запереть передъ царемъ всѣ главнѣйшіе центры Европы, дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи Запада и сдѣлать для него вообще невозможнымъ выѣздъ изъ Россіи, — это значитъ сильно сыграть на руку русской революціи: уже сейчасъ говорятъ нѣкоторыя газеты, что отказъ отъ поѣздки „едва-ли увеличитъ шансы царя въ борьбѣ съ русской соціалистической партіей“ („Perseveranza“). Да, еслибы наши товарищи, соціалисты другихъ національностей, выказали столько же энергіи и пониманія историческаго момента, какъ итальянцы, престижъ царя замѣтно бы палъ, русское общество выше подняло бы голову и во многомъ облегчилась бы революціонная борьба.

---

*) А *принципіальной* позиціи итальян. соціалистовъ „СПБ. В.“ не отрицаютъ?

КОНГРЕССЪ ВЪ РЕЙМСѢ.

Вступленіе бывшаго соціалиста Мильерана въ буржуазное министерство Вальдека-Руссо дало рѣшительный толчокъ къ перераспредѣленію силъ французскихъ соціалистовъ. Отдѣльные элементы, объединившіеся на время подъ знаменемъ „Французской Соціалистической Партіи“, стали понемногу отпадать и, сочетаясь съ другими группами, организоватся въ новую партію, принявшую первоначально названіе „Соціально-революціоннаго Союза“. „Союзъ“ этотъ, основаніе которому было положено на конференціи въ Ури, имѣлъ цѣлью объединить всѣхъ французскихъ соціалистовъ, враждебныхъ министеріализму; въ составъ „Союза“ вошли: „Французская Рабочая Партія“ (группа гэдистовъ), „Соціально-революціонная Партія“ (группа бланкистовъ съ Вальяномъ во главѣ) и „Коммунистическій Союзъ“, составившійся изъ нѣсколькихъ автономныхъ федерацій и группы, отколовшейся отъ „Соціально-революціонной Рабочей Партіи“ (аллеманисты). Въ этомъ составѣ „Соціально-революціонный Союзъ“ собрался въ октябрѣ прошлаго года на первый свой конгрессъ въ Коммантри подъ оффиціальнымъ названіемъ „Соціалистической Партіи Франціи“. На этомъ конгрессѣ руководство дѣлами партіи было поручено „Центральному Совѣту“ и партійнымъ органомъ былъ признанъ „Соціалистъ“, бывшій до тѣхъ поръ органомъ „Французской Рабочей Партіи“.

Второй конгрессъ Партіи, засѣдавшій съ 27-29 сент. сего года въ Реймсѣ, занялся главнымъ образомъ окончательнымъ объединеніемъ силъ и внутренней организаціей партіи. На конгрессѣ участвовало 104 делегата, представлявшихъ 38 федерацій и 11 группъ. Начались работы конгресса съ отчета Центральнаго Совѣта. Въ истекшемъ году Центральный Совѣтъ не мало поработалъ надъ привлеченіемъ новыхъ силъ, и работа его увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Изъ 37 конгрессовъ федерацій въ 30 принимали участіе делегаты Центральнаго Совѣта; точно также были посылаемы имъ делегаты на 120 публичныхъ конференцій, на которыхъ въ общемъ выступало отъ его имени 36 ораторовъ; нѣкоторымъ пришлась сильно поработать: одинъ Гэдъ активно участвовалъ на 26 собраніяхъ. Не менѣе энергичной была дѣятельность группы представителей Партіи въ парламентѣ (12 человѣкъ). Ею было внесено въ общемъ 46 законопроектовъ, не считая многочисленныхъ интерпелляцій и дѣятельнаго участія въ дебатахъ. Особенное вниманіе въ отчетахъ Центральнаго Совѣта было обращено на послѣдствія конгресса жоресистовъ въ Бордо и торжество на немъ Мильерана. Это событіе открыло глаза многимъ ослѣпленнымъ. Немало элементовъ уже отпало отъ „Французской Соціалистической Партіи“ (жоресистовъ) и, хотя не всѣ они примкнули къ „Соціалистической Партіи Франціи“, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Совѣта, логика вещей приведетъ ихъ къ этому. Разумѣется, Центр. Совѣтъ не упустилъ случая разъяснить французскому пролетаріату весь обманъ пресловутаго „сотрудничества классовъ“ и указать на невозможность соціализма внѣ классовой борьбы*).

Работы конгресса выразились въ цѣломъ рядѣ весьма цѣнныхъ резолюцій. Начавъ съ оффиціальнаго утвержденія единства партіи и отмѣны тѣмъ самымъ всѣхъ частныхъ наименованій группъ, вошедшихъ въ составъ ея, конгрессъ занялся разсмотрѣніемъ программы-минимума, которая и была принята. Программа эта, состоящая изъ трехъ частей: политической, экономической и муниципальной, и обнимающая собой въ общемъ 45 пунктовъ, представляетъ рядъ требованій въ пользу законодательной защиты рабочаго класса, исполнимыхъ еще при буржуазномъ строѣ. Въ связи съ этой программой стоитъ специальная резолюція о пенсіяхъ престарѣлымъ рабочимъ, требующая, во-первыхъ, чтобы размѣръ пенсіи обезпечивалъ имъ необходимый для существованія минимумъ, во-вторыхъ, чтобы полученіе пенсіи не было связано съ такимъ возрастомъ, котораго большинство рабочихъ не достигаетъ, въ-третьихъ, чтобы пенсіонная касса не составлялась изъ вычетовъ изъ заработной платы, и безъ того недостаточной.

На ряду съ этими рѣшеніями конгресса заслуживаютъ вниманія резолюціи по вопросу о машинахъ въ земледѣліи и по вопросу о первоначальномъ (народномъ) образованіи. Первая резолюція гласитъ: „Принимая во вниманіе все растущую концентрацію земельной собственности, вносящую въ земледѣльческую среду ту же степень эксплоатаціи, какъ и въ промышленную, принимая во вниманіе введеніе машинъ въ земледѣліе, вызывающее безработицу . . . конгрессъ постановляетъ, что Партія должна вести дѣятельную пропаганду за сокращеніе рабочаго дня, въ цѣляхъ уменьшенія безработицы, и установленія минимума заработной платы, — пока экономическая и политическая организація рабочихъ не позволитъ имъ взять въ свои руки крупную земельную собственность и орудія производства“.

По вопросу о первоначальномъ образованіи конгрессъ находитъ, что народное образованіе въ рукахъ государства грозитъ такими же неудобствами для пролетаріата, какъ и въ рукахъ церкви; протестуя поэтому противъ всякой государственной монополіи на обученіе, онъ присоединяется ко всѣмъ мѣрамъ противъ церковнаго образованія и готовъ поддерживать всѣ мѣры государственнаго образованія, соотвѣтствующія интересамъ пролетаріата.

Обсужденіе порядка дня предстоящаго въ будущемъ году интернаціональнаго соціалистическаго конгресса въ Амстердамѣ, отложено до слѣдующаго конгресса Партіи, который долженъ собраться незадолго передъ амстердамскимъ; однако два пункта изъ этого порядка дня были внесены на конгрессъ въ Реймсѣ: это вопросъ о „международныхъ правилахъ соціалистической политики“ и о „всеобщей стачкѣ“. По первому вопросу постановлено предложить международному конгрессу высказаться о „ревизіонистскихъ тенденціяхъ“, подъ какимъ бы именемъ онѣ ни скрывались, и представить ему резолюцію въ духѣ рѣшенія дрезденскаго конгресса германской соц.-дем. Партіи. По вопросу о всеобщей стачкѣ конгрессъ поручилъ Совѣту составить резолюцію для обсужденія на слѣдующемъ національномъ, а затѣмъ на амстердамскомъ интернаціональномъ конгрессѣ.

Конгрессъ въ Реймсѣ окончательно завершилъ формальное и организаціонное единеніе Партіи: онъ создалъ наконецъ для французскихъ соціалистовъ тотъ естественный центръ, къ которому неизбѣжно должны и будутъ тяготѣть всѣ дѣйствительно революціонные элементы. Поэтому вполнѣ справедливы слова члена Центральнаго Совѣта Дюбрей'а: „Исходъ борьбы не представляетъ больше сомнѣній. На нашей сторонѣ истина соціализма. Завтра съ нами будетъ весь сознательный рабочій классъ, — борецъ, вооруженный этой истиной“.

---

*) Гражданинъ Рубановичъ — соціалистъ-революціонеръ для Россіи и соціальдемократъ для Западной Европы — явившись на конгрессъ „Соціально-революціоннаго Союза“ въ качествѣ делегата отъ „Россійской соціально-революціонной *рабочей* Партіи (sic!)“, побилъ рекордъ въ „ортодоксальности“, заявивъ, что въ Россіи есть свой мильеранизмъ, это . . . зубатовщина!

ИЗЪ ПАРТІИ.

Манифестъ „Рабочей Воли.“ Мы, руководители Одесскаго Соціальдемократическаго Союза: „Рабочая Воля“, при обсужденіи вопроса о расширеніи нашей дѣятельности и связанныхъ съ этимъ расширеніемъ реформахъ, признали большинствомъ голосовъ слѣдующее:

1. *Профессіональное устройство*, которое еще недавно служило основой большинства дѣйствующихъ организацій, и отъ котораго въ послѣднее время отказывается одинъ комитетъ за другимъ, но которое сохранилось до сихъ поръ нашимъ союзомъ, совершенно не соотвѣтствуетъ соціальдемократическимъ задачамъ и служитъ помѣхой правильной политической борьбѣ. Замыкая всѣ помыслы рабочихъ въ тѣсныя рамки профессіональной жизни, оно — профессіональное устройство — суживаетъ ихъ кругозоръ и препятствуетъ развитію соціальдемократическаго міровоззрѣнія.

Стойкія и могучія профессіональныя организаціи въ свободныхъ странахъ, тѣсно связанныя съ соціальдемократіей (въ Германіи, напримѣръ) являются необходимымъ подспорьемъ для рабочихъ въ ихъ великой борьбѣ за соціалистическій строй, но и тамъ онѣ отнюдь не могутъ служить основой партійной политической дѣятельности. Тѣмъ менѣе могутъ профессіональныя организаціи играть такую роль у насъ въ Россіи, гдѣ могучіе профессіональные союзы невозможны.

Тѣ отступленія отъ профессіональнаго устройства, которыя незамѣтно проникли въ нашъ Союзъ и которыя не встрѣчали никакого протеста со стороны товарищей, то горячее сочувствіе, съ которымъ они встрѣчали всякое проявленіе политической борьбы, позволяютъ намъ теперь же безповоротно отказаться отъ отжившей системы.

2. *Выборное начало,* принятое нашей организаціей, далеко не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя возлагали на него при основаніи Союза.

Строгая конспирація, необходимая въ нелегальномъ дѣлѣ, устраняетъ возможность контроля со стороны избирателей надъ дѣятельностью депутатовъ, а безъ гласности — этого перваго условія демократическаго правленія, — выборы оказываются лишенными всякаго внутренняго смысла: они являются пустой „игрой въ демократизмъ“. Съ другой стороны, изслѣдованія нашихъ послѣдовательныхъ марксистовъ (см. „Что дѣлать“ Н. Ленина) неопровержимо доказали необходимость единой централизованной организаціи: только такая организація, и по своему устройству и благодаря теоретической и боевой опытности своихъ вождей — профессіональныхъ революціонеровъ, въ состояніи охватить, всѣ проявленія рабочей борьбы въ Россіи и стать во главѣ нашего изъ года въ годъ растущаго революціоннаго движенія.

Послѣднія волненія, охватившія революціоннымъ пожаромъ весь югъ Россіи и такъ ярко проявившіяся у насъ въ Одессѣ, блестящимъ образомъ доказали справедливость этихъ положеній.

Глядя на тысячныя массы рабочихъ, проснувшихся къ сознательной жизни, видя ухищренія „независимой“ зубатовщины и всю важность серьезнаго политическаго воспитанія рабочихъ массъ, всякій мыслящій соціальдемократъ долженъ былъ притти къ сознанію необходимости сильной централизованной организаціи: только она въ состояніи дать революціонному движенію умѣлыхъ политическихъ вождей, знающихъ пропагандистовъ, опытныхъ организаторовъ; только она создастъ истинную самодѣятельность рабочихъ.

Необходимость такой „организаціи революціонеровъ“, сказавшаяся тотчасъ же, какъ только наша борьба изъ фабричныхъ стѣнъ хлынула на улицу, въ широкое русло политической жизни, — съ особенной настойчивостью встаетъ передъ нами теперь, наканунѣ фактическаго объединенія всѣхъ россійскихъ соціальдемократическихъ организацій, наканунѣ созданія единой Россійской Соціальдемократической партіи.

И мы должны разъ навсегда отказаться выбирать революціонеровъ (фактически, уступая требованіямъ жизни, нашъ Союзъ уже раньше отказался отъ этихъ выборовъ, и въ настоящее время онъ является почти централизованной организаціей, въ которой выборные представители составляютъ самое незначительное меньшинство), отказаться отъ той недовѣрчивости къ нашей пролетарской интеллигенціи, которую породила въ отсталыхъ рабочихъ минувшая эпоха профессіонализма.

Въ минуту мелкой борьбы за экономическія улучшенія встаетъ различіе между людьми физическаго и умственнаго труда, передъ великой борьбой за соціализмъ стираются паспортныя отмѣтки о занятіяхъ: въ революціонной соціалистической борьбѣ не должно быть „рабочаго“ и „интеллигента“ — долженъ быть „революціонеръ“.

Въ виду того, что эти принятыя нами положенія вполнѣ совпадаютъ съ тѣми взглядами, которыми руководствуется въ своей дѣятельности Одесскій Комитетъ, принявшій взгляды и тактику „Искры“, мы объявляемъ о закрытіи Одесскаго Союза „Рабочая Воля“ и о передачѣ всѣхъ нашихъ средствъ въ вѣдѣніе Комитета.

Мы приглашаемъ старыхъ товарищей по организаціи къ дружной плодотворной работѣ при новыхъ условіяхъ и выражаемъ твердую увѣренность, что группы, отколовшіяся отъ соотвѣтствующихъ комитетовъ (въ Петербургѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ) по тѣмъ же причинамъ, что и наша, въ ближайшемъ будущемъ послѣдуютъ нашему примѣру.

Мы убѣждены, что Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія — этотъ отрядъ всемірной соціальдемократіи, — объединивъ всѣ соціальдемократическія организаціи, окончательно уничтожитъ революціонное кустарничество и быстрыми шагами поведетъ насъ къ побѣдѣ надъ царизмомъ и гнетомъ капитала.

Сентябрь, 1903 г.

Письмо въ редакцію. Товарищи, прошу помѣстить въ ближайшемъ номерѣ слѣдующую замѣтку. Въ № 6 органа Соц.-Дем. Польши и Литвы „Przeglad Soc.-Dem.“ помѣщена статья „Изъ соціалистическаго движенія на Кавказѣ“, написанная, какъ показываетъ примѣчаніе, однимъ изъ членовъ Кавказскаго Союза. Не зная, кто этотъ членъ Союза и въ какомъ онъ отношеніи находился къ движенію, я, какъ человѣкъ близко стоящій къ кавказскому движенію за послѣдніе годы, не могу оставить безъ отвѣта эту статью, совершенно неправильно освѣщающую дѣятельность и организаціонный принципъ кавказской соціальдемократіи и передающую цѣлый рядъ невѣрныхъ фактовъ.

Не останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ статьи, гдѣ указывается на историческія условія развитія различныхъ элементовъ кавказскаго населенія, я перехожу къ главному содержанію статьи — къ характеристикѣ соціальдемократическаго движенія. Авторъ, указавъ на ростъ капитализма и на сопряженную съ этимъ пролетаризацію массъ, создавшую благодатныя условія для соціалистической агитаціи, переходитъ къ исторіи: движеніе началось сперва въ Грузіи(?), а потомъ отсюда перешло въ Арменію (?). Не знаю, откуда авторъ выдумалъ такое подраздѣленіе; всякій, работавшій на Кавказѣ хорошо знаетъ, что ростъ движенія тамъ не былъ связанъ ни съ какими исторически сложившимися національными территоріями. Фактически дѣло было такъ: первыя соц.-дем. организаціи появились въ Тифлисѣ, (а не въ Грузіи), отсюда перешли въ Баку, (а не въ Арменію) и въ Батумъ. Движеніе росло въ связи съ тѣмъ, была ли на данномъ мѣстѣ болѣе или менѣе компактная масса рабочихъ, или нѣтъ. Если еще о Грузіи можно сказать, что такой географическій терминъ правиленъ, то относительно понятія Арменіи этого ужъ никакъ нельзя сказать. Въ коренныхъ армянскихъ провинціяхъ (Эривань, Карсъ и т. д.) еще до сихъ поръ не заложены соц.-дем. организаціи. Далѣе авторъ совершенно умалчиваетъ о томъ, что съ момента своего образованія организаціи эти признали себя принадлежащими къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи и еще задолго до основанія Союза (апрѣль 1903 г.) комитеты носили названіе комитетовъ Партіи. По изложенію же автора выходитъ совсѣмъ обратное „Соціалисты Кавказа не преминули создать вскорѣ Соц.-дем. Партію (!), организуя Соц.-Дем. Кавк. Союзъ“ и далѣе „Этотъ С.-Д. К. С, вскорѣ соединился съ Рос. С.-Д. Раб. Партіей“. Все это невѣрно. Никакой Кавк. Партіи не существовало и не могло существовать, а была и есть Кавк. Организація Рос. Партіи. Тифлисскій Комитетъ со времени своего основанія (1897 г.), а также Бакинскій (1902 г.) и Батумскій (кажется около 1902 г.) — всегда считали себя комитетами Партіи, вели работу, выступали въ демонстраціяхъ и стачкахъ, какъ организаціи Рос. Партіи. Только въ первой половинѣ 1903 г. зародилась идея созданія районной организаціи, объединяющей работу этихъ комитетовъ, съ каковой цѣлью созванъ былъ съѣздъ, положившій начало еще не вполнѣ оформившемуся Союзу. Союзъ этотъ уже по своему происхожденію былъ частью Рос. Партіи, и не могло быть рѣчи о его „соединеніи“ съ Партіей. Союзъ началъ работу только съ апрѣля этого года. Не знаю, какимъ образомъ далѣе авторъ утверждаетъ, что этой „Партіей“, т. е. Кавказскимъ Союзомъ организована демонстрація 1901 года въ Тифлисѣ, батумскія стачки, маевки 1900 и 1901 годовъ и т. д. Какъ могла все это сдѣлать несуществующая организація? Эти акты борьбы организованы Тифлисскимъ, Бакинскимъ и Батумскимъ комитетами Рос. Партіи, а не какой то фиктивной Кавказской Партіей. Въ статьѣ такъ много подобныхъ ошибокъ, что упомянуть о всѣхъ нѣтъ никакой возможности. Вотъ еще образчикъ; „Въ составъ Центральнаго Комитета (опять неточность: Союзнаго Комитета) входятъ товарищи, представляющіе собой три расовые элемента, участвующіе въ нашемъ движеніи: русскіе, армяне и грузины“. Что тутъ имѣлъ въ виду авторъ? То ли, что въ теперешній составъ Союзнаго Комитета входятъ и армяне, и грузины, и русскіе, работающіе въ кавказскомъ движеніи, или, что каждая раса имѣетъ своего представителя въ Союзномъ Комитетѣ. Если только первое, то надо было выразиться опредѣленнѣе, чтобы не дать мѣста невѣрнымъ толкованіямъ. Если же второе, то это невѣрно. Кавказскіе товарищи рѣшительные противники расовыхъ (національныхъ) организацій, и съ самого своего возникновенія каждый изъ комитетовъ работалъ на всѣхъ языкахъ и представлялъ рабочихъ всего города безъ различія національностей, независимо отъ того, изъ кого составленъ самъ комитетъ. Союзный Комитетъ выбранъ Съѣздомъ представителей мѣстныхъ комитетовъ изъ работающихъ на Кавказѣ товарищей, внѣ связи съ тѣмъ, имѣли ли товарищи счастье или несчастье происходить отъ той или иной расы.

Кавказская Соціальдемократія стоитъ теперь, какъ и раньше до основанія Союза, въ вопросахъ организаціонныхъ за единую Партію, защищающую и представляющую интересы всего пролетаріата Россіи. Тотъ организаціонный планъ, который проведенъ у насъ, ничѣмъ не отличается отъ того плана, защитникомъ котораго въ нашей литературѣ явилась „Искра“.

Членъ Союзнаго Комитета Кавказской Соц.-Дем. Рабочей Организаціи.

Одесскій Ком. выпустилъ въ сентябрѣ, кромѣ упомянуттыхъ въ предыдущемъ номерѣ, слѣд. листки: 1) къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ о повышеніи расцѣнокъ — 2,000. 2) къ учащейся молодежи — 2,000. 3) къ желѣзнодорож. раб. объ арестахъ — 500, 4) объ еврейскомъ погромѣ въ Гомелѣ. Всего за сентябрь выпущено 8 листковъ (27,500 экз.). **Екатеринославскій Комитетъ** выпустилъ 12/IX листокъ: „Ко всѣмъ раб. и раб—цамъ г. Екатеринослава“ (по поводу мин. стачки) и 29/IX: „къ солдатамъ Керчь-Ечикальскаго полка“. **С.-Д. Союзъ Горнозаводскихъ Рабочихъ** въ теченіе лѣта (іюнь-сентябрь) издалъ и распространилъ слѣд. листки: 1) Пауки и Мухи — 10 т. (печ.). 2) Годовщина Маріуп. стачки 14 іюля 1899 г. — 4 т. (печ.). 3) чего хотятъ соц.-демократы (печ.). — 10 т. 4) по поводу воен. суда надъ рост. демонстр (изд. Донск. Комитета) 2 т. 5) къ рабоч. завода (Вильде 200 экз.). 6) по поводу лѣтнихъ стачекъ на югѣ (гект.). 7) по пов. стачки на Юзовскомъ зав. — 600 экз. (гект.). **Саратовскій Ком.** изд. листокъ: „Овцы и люди“ (№42). **Смоленскій Ком.** изд. листокъ по поводу мѣстныхъ арестовъ, еврейск. погрома и пр. **Бердичевская** гр. рев. с.-дем. вып. летучій лист. № 1: „почему мы должны бороться за полит. свободу“. **Бердич. с.-д. гр.** русскихъ рабочихъ издала листокъ: „ко всѣмъ рабоч. завода „Прогрессъ“. **Сибирскимъ Союзомъ** выпущ. въ сент. лист. № 42 (по поводу пріѣзда Плеве) № 44 „къ томскимъ рабочимъ и работницамъ“ (о забастовкѣ на фабрикѣ Лопухова): въ сентябрѣ же вышелъ листокъ: „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Красноярска“, изданный **Красноярскимъ Ком.** по поводу арестовъ. **Бакинскій Ком.** распространилъ листокъ: „къ армянскому обществу“ отъ 26/IX (съ отчетомъ Бакинскаго Комитета), Въ сентяб. мѣсяцѣ **Кіевскимъ Ком.** напечатано въ своей типографіи слѣд. листки: 1) „ко всѣмъ учащимся“. 2) „о военныхъ судахъ“. 3) „судъ надъ ростовскими демонстрантами“ и 4) „къ воспитанникамъ средне-учеб. завед.“, — „листокъ средне учеб. Комит“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Кіевъ. Въ послѣднихъ числахъ сентября арестовано около 20 человѣкъ. Всѣ арестованные посажены въ Лукьяновскую тюрьму. Значительная часть арестованныхъ — рабочіе. Приводимъ фамиліи нѣкоторыхъ интеллигентовъ: Карповъ, ст. пол. Вольскій, ст. бр. Гальперины, инт. Михайловъ etc. **Омскъ.** *Сидятъ* въ тюрьмѣ: 1) Пригорный Гр. (инт.), 2) Дербышевъ Н. (ссыльн. раб.); 3) Барашковъ (раб.); 4) Кочкинъ (раб.); 5) Александровъ (раб.); 6) Голубевъ (раб.); 7) казакъ и 8) солдатъ фам. неиз. *Освобождены:* 1) Чермакъ (завѣд. статист. бюро); 2) Барановъ: 3) Заложная; 4) Лерманъ; 5) Рогоринъ; 6) Гранціевскій; 7) Гольгинъ; 8) Поповъ. **Красноярскъ.** *Сидятъ* въ тюрьмѣ; 1) Красиковъ (ссыльн.); 2) Аркусская (ссыльная): 3) Данникъ (раб.): 4) Фроловъ (раб.): 5) Мюсюкевичъ (раб.); 6) Никитинъ; 7) Нейбургъ (учен. техн. уч.); 8) Байкаловъ (студ.) 9) Іофе. *Освобождены:* 1) Красикова; 2) Иковъ; 3) Жариковъ; 4) Рябининъ. *Получилъ* приговоръ: Фроловъ раб. красноярск. ж.-д. маст. на 3 г. Якут. Обл. **Чита.** *Сидятъ* въ тюрьмѣ: 1) Мосей Губельманъ; 2) Митрофановъ (раб.): 3) Федоровичъ (раб.): 4) Вайнштейнъ Исай, отбывающій наказаніе по мѣс. дѣлу (3 мѣс. тюремн. закл и 1 годъ надз. *Предатели:* 1) Машинистъ Новаковъ — выдалъ Битнера. 2) Астаховъ (конторщикъ VII уч. Сл. тяги Забайк. ж.-д. донесъ на Мосея Губельмана.

Красноярскъ. Въ дополненіе къ сообщенію объ арестѣ типографіи въ Красноярскѣ въ ночь съ 6 на 7 сентября приводимъ еще слѣдующія подробности. Въ типографіи арестованы Петръ Миловидовъ — бывш. семинаристъ и Марія Келлерманъ фельдшерица. Отдѣльно отъ нихъ арестованы въ ту же ночь Александръ Конст. Пайкесъ (ничего не найдено, выпущенъ черезъ 3 дня), дѣвица Вольфсонъ (ничего не найдено). Литкенсъ (ничего — осв. черезъ 3 дня). Кусковъ (ничего), Иковъ (ничего), дѣвица фам. неиз. (ничего), Бродскій учен. техн. уч. (ничего), помощ. лѣсничаго Ник. Ив. Семененко (найдено много литературы), жена его Сусанна Ник., братъ его Александръ Ив. (найдено нѣсколько прокламацій), Козловъ — иконописецъ и Тюдешева — фельдшерица (ничего).

Александровская тюрьма (близъ Иркутска). Въ настоящее время (сентябрь) здѣсь находятся въ ожиданіи отправки, предстоящей не ранѣе ноября-декабря, слѣдующія лица (полнаго списка мы еще не получили): **Изъ Тифлиса:** Курнатовскій — 4 года Як. обл., Франчески — 4 г. Як. обл., Джибадзе — 3 г. Ирк. губ., Цабадзе — 3 г. Ирк. г., Церцвадзе — 3 г. Ирк. г., Гогуа — 3 г. Ирк. г., Чедрашвили — 3 г. Ирк. г., Теляковскій (изъ Ростова; П. П. С. — 4 г. Ирк. г.; **изъ Одессы:** Рузеръ — 4 г. Ирк. губ., Оржеровскій — 5 л. Як. обл., Розенфельдъ — 6 л. Якутской обл., Гинцбургъ Абрамъ — до приговора въ Як. об., Ципкина (Бундъ) — 3 г. Ирк. г., Іохельсонъ, зуб. вр., — 3 г. Ирк. г., Гольманъ (она) — 6 л. Як. обл., Конторовичъ (мужъ и жена). Еліасъ, с.-р., — 3 г. Ир. г., Дроздовъ (Москва) — 5 л. Як. обл., Захарова, Канцель Лидія, Цедербаумъ, Ройтенштернъ Д., Константовъ, Изіоровскій и др. Всего около 50 чел. Теперь пришла еще новая партія.

Некрологи. Въ августѣ въ Ростовѣ н.Д. умеръ *К. А. Невзоровъ.* Всѣ, работавшіе въ костромскомъ районѣ, хорошо его знали . . . Не кончивъ, по *независящимъ* отъ него обстоятельствамъ костромскую духовную семинарію, онъ поѣхалъ на работу въ деревню, былъ писаремъ въ Костомской волости Галичскаго уѣзда, но былъ уволенъ за протестъ противъ принужденія крестьянъ подписываться на икону для поднесенія земскому начальнику. Въ 1897 г. К. А. вернулся въ Кострому и началъ заниматься съ кружкомъ рабочихъ. Когда началъ работать „Сѣв. Союзъ“, К. А. принялъ энергичное участіе въ его работѣ. Въ 1901 г. К. А. былъ арестованъ, просидѣлъ три мѣсяца въ костромской тюрьмѣ и былъ выпущенъ подъ надзоръ полиціи. Въ апрѣлѣ и маѣ 1902 г. былъ разгромъ „Сѣв. Союза“. Борьба была напряженная. Прокламаціи, объявлявшія о продолженіи дѣятельности союза, появлялись тотчасъ же послѣ арестовъ, и многія изъ нихъ были редактированы К. А. Онъ же собиралъ деньги послѣ ареста кассы, поддерживалъ упавшихъ духомъ товарищей и замышлялъ, въ случаѣ, если жандармы будутъ продолжать неистовствовать, устроить уличную демонстрацію и разнести тюрьму.

Въ послѣднее время у К. А. быстро стала развиваться чахотка. На всѣ свои просьбы — отпустить его на Кавказъ лѣчиться, онъ получалъ отъ жандармовъ отказъ. Лишь передъ самой смертью получилъ К. А. возможность поѣхать на югъ, но было уже поздно: вдали отъ родины и товарищей онъ умеръ въ Ростовѣ на Дону.

Вмѣсто жалкихъ похороныхъ пѣсенъ онъ слышалъ могучій гимнъ свободы поднявшагося юга, видѣлъ шедшіе сражаться съ самодержавіемъ отряды организованныхъ рабочихъ . . .

Мы, костромичи, не забудемъ его, не забудемъ, какъ:
онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
онъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,
и былъ ненавистенъ насилью и гнету
языкъ его смѣлыхъ рѣчей . . .

Съ глубокой грустью прочелъ я извѣстіе о смерти Елизаветы Аркадьевны Кулдиной *(рожд. Володиной).* Въ лицѣ этой новой жертвы проклятаго самодержавія мы потеряли одного изъ тѣхъ незамѣтныхъ тружениковъ, о которыхъ мало говорятъ, но которые отдаютъ всю свою жизнь дорогому имъ общему дѣлу, не думая о подвигахъ, какіе совершаютъ. Зарабатывая средства существованія нелегкимъ трудомъ домашней швеи, Е. А. жила въ рабочей средѣ Иваново-Вознесенска и много лѣтъ была дѣятельнымъ членомъ мѣстной соціальдемократической организаціи и душею женскаго кружка, а появляясь потомъ много разъ на допросахъ и въ долгіе мѣсяцы тюремнаго заключенія, могла служить примѣромъ стойкости и благородства. Но еще послѣ перваго ареста въ 1898 г., когда ее безъ всякихъ уликъ продержали около 8 мѣс. по разнымъ тюрьмамъ, ея хрупкое здоровье было серьезно подорвано. Между тѣмъ въ 1900 г. ее опять арестовываютъ и держатъ нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ выносятъ приговоръ — шесть мѣс. „Креста“ и тутъ же привлекаютъ вновь по дѣлу „Сѣв. Союза“ и отправляютъ на четыре года въ Вост. Сибирь. Очевидно, всѣми этими мытарствами здоровье Е. А. было окончательно расшатано, и полная одушевленія великимъ дѣломъ молодая жизнь угасла въ далекой Сибири. Но память о Е. А. не угаснетъ среди товарищей и будетъ одушевлять нашихъ работницъ въ ихъ суровой и славной борьбѣ за свободу.

12 іюля с. г. въ Бессарабіи скончалась отъ чахотки фельдшерица *Нина Рабиновичъ.* Покойная, которой было всего 23 года, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ самоотверженно и неустанно работала въ южныхъ городахъ и пала жертвою гнуснаго режима. Н. Рабиновичъ отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ, но въ 1901 г. она была арестована въ Кіевѣ по ничтожнѣйшему поводу, ее продержали нѣсколько дней въ сырой части, гдѣ она схватила воспаленіе легкихъ; когда ее черезъ девять недѣль выпустили, у нея уже былъ готовый туберкулезъ. Несмотря на это, она продолжала работать, пока окончательно не свалилась съ ногъ. Н. Рабиновичъ пользовалась всеобщей любовью и уваженіемъ.

Неумолимая смерть вырвала изъ рядовъ нашихъ товарищей одного изъ борцовъ-соц.-дем. *Ал. Ив. Гусевъ,* не смотря на свой почти юношескій возрастъ, былъ однимъ изъ неутомимыхъ и преданнѣйшихъ дѣятелей нашей революціонной соціальдемократіи и до послѣднихъ дней своей жизни работалъ на пользу революціоннаго рабочаго движенія. Вотъ краткія свѣдѣнія изъ его жизни. Происходя изъ богатой купеческой семьи въ Сибири, А. И. еще въ годы ученичества находился подъ вліяніемъ окружающей его среды политическихъ ссыльныхъ, и къ концу пребыванія въ реальномъ учил. у него уже создалось сильное революціонное настроеніе, хотя безъ опредѣленнаго характера, какъ и у всякаго юноши-гимназиста. По поступленіи въ 1898 г. въ Кіевскій политехническій институтъ это неопредѣленное настроеніе стало быстро замѣняться вполнѣ опредѣленнымъ, сознательнымъ стремленіемъ примкнуть къ соціальдемократическому движенію. Съ этой цѣлью онъ вскорѣ послѣ того вступилъ въ одну изъ мѣстныхъ соц.-дем. группъ и затѣмъ сталъ заниматься пропагандой въ кружкахъ рабочихъ. Но недолго длилась эта первая работа. Въ февралѣ 1899 г., во время общестуденческихъ волненій, онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со многими, причемъ была обнаружена его революціонная дѣятельность внѣ студенчества. Просидѣвъ четыре мѣсяца, онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи въ Твери до марта 1901 г. Немедленно по пріѣздѣ въ этотъ городъ, онъ вновь берется за прерванную работу. Въ совсѣмъ глухомъ въ то время городѣ, безъ организаціи, безъ революціонныхъ связей, онъ тотчасъ принимается за установленіе сношеній съ рабочими, заводитъ съ ними знакомства, и дѣло завязывается и постепенно начинаетъ развиваться. Но едва успѣлъ онъ окончить срокъ своего надзора, какъ его вновь арестовываютъ въ мартѣ 1901 года по обвиненію въ принадлежности къ Московскому Комитету нашей Партіи. Наступаетъ снова перерывъ и уже на болѣе долгое время. Наконецъ, черезъ годъ, онъ вновь на свободѣ, снова въ той же Твери, снова за работой… На этотъ разъ дѣло идетъ шире и успѣшнѣе: А. И. вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами удается создать болѣе прочную организацію, которая вскорѣ превращается въ Комитетъ Партіи. Явившись, такимъ образомъ, однимъ изъ основателей его и дѣятельно работая въ немъ, онъ въ то же время успѣваетъ регулярно снабжать „Искру“ корреспонденціями, отчетами и проч. И чѣмъ дальше, тѣмъ шире развивается дѣло. Комитетъ заводитъ связи въ деревняхъ, распространяетъ тамъ литературу, вызываетъ даже крестьянскія демонстраціи… Разсвирѣпѣвшая благодаря всему этому мѣстная жандармерія дѣлаетъ, наконецъ, ночной набѣгъ, производитъ наугадъ массовые обыски и аресты… На одномъ изъ этихъ обысковъ случайно попадается жандармамъ Ал. Ив. и, почти въ самый моментъ ареста, благодаря своей находчивости, вырывается изъ лапъ жандармовъ и немедленно переправляется черезъ границу, вполнѣ благополучно, полный жизни и жажды дѣятельности и борьбы, прибываетъ въ Женеву, чтобы, поживъ немного здѣсь, опять вернуться въ Россію, опять взяться за дѣло… Да, опять вернуться… Но этому не суждено было сбыться! Менѣе, чѣмъ черезъ сутки по пріѣздѣ онъ заболѣлъ, слегъ и на четвертый день его уже не стало… Такъ еще совсѣмъ юный, лишь на 23-мъ году жизни, сошелъ онъ въ могилу.

Прощай же, честный, преданный товарищъ! Дѣло, отъ котораго безжалостно оторвала тебя смерть, будетъ расти, крѣпнуть — пока окончательно не восторжествуетъ.

Проводить покойнаго до могилы собралось много народу изъ русской эмигрантской и студенческой колоній. На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ съ красной лентой съ надписью: „Дорогому товарищу отъ Россійской Соціальдемократическій Рабочей Партіи“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Б. Ш. Просимъ дать адресъ для отвѣта. — **Сигарычу.** — **Сарр.** Корресп. и письмо получены. — **Петѣ.** Письмо получено, но не разобрано. — **Сталь.** Все получено, спасибо. — **Отмѣняются** адреса: № 42, № 43 и № 8.

Получено: 40 р. — „долгъ Сергѣеву“, отъ друга А. — 400 фр. отъ харьковской группы учащейся молодежи — 50 фр., отъ Астраханскаго Комитета — 300 р., отъ помѣщицы — 200 р. отъ М. — 600 р.; изъ Гиссена — 20+10 мар. (сообщите адресъ): отъ мечтателя изъ Москвы — 65,88 фр. (адреса не имѣемъ): изъ Г. — 246,29 фр.; отъ льежскаго студента — 3 фр.; отъ П. — 2 ф.; отъ W. — 1 р.; отъ „сдержавшаго слово“ — 50 кр.; изъ Л. — 98,51 фр.; „отъ Деферментова на предметъ Его Величеству извѣстный“ — 70 р.; изъ Вѣны: за литературу — 18 кр.; „отъ Дальняго“ черезъ Г. — 6 кр.; изъ Берна получено въ октябрѣ: на „Искру“ отъ В—д—ы — 100 фр.: отъ екатеринославки на „Искру“ — 22 фр.; отъ старыхъ и молодыхъ изъ Вост. Сибири — 24 фр. за литературу — 62,50 фр.

Отчетъ о другихъ пожертвованіяхъ откладываемъ до слѣд. номера.

Слѣдующій номеръ „Искры“ выйдетъ, вслѣдствіе обилія матеріала, черезъ недѣлю, 22 октября.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры“.

Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 51. 22-го октября 1903 года. № 51.

ПОЛОЖЕНІЕ БУНДА ВЪ ПАРТІИ.

Подъ такимъ заглавіемъ бундъ выпустилъ переводъ статьи изъ № 34 Arbeiterstimme. Статья эта, присоединенная къ рѣшеніямъ V съѣзда бунда, является какъ бы оффиціальнымъ комментаріемъ къ нимъ. Здѣсь дѣлается попытка систематически изложить всѣ доводы, которые заставляютъ прійти къ выводу, что бундъ „долженъ быть федеративною частью партіи". Интересно разсмотрѣть эти доводы.

Авторъ начинаетъ съ того, что самый жгучій вопросъ, стоящій передъ россійской соціальдемократіей, это — вопросъ объ объединеніи. На какихъ основаніяхъ можетъ оно произойти? Манифестъ 1898 г. взялъ за основаніе принципъ автономіи. Авторъ разбираетъ этотъ принципъ и находитъ, что онъ логически несообразенъ, внутренне противорѣчивъ. Если понимать подъ вопросами, спеціально касающимися еврейскаго пролетаріата, только вопросы о способахъ агитаціи (примѣнительно къ особому языку, особой психологіи, особой культурѣ евреевъ), то это будетъ техническая (?) автономія. Но такая автономія означаетъ уничтоженіе всякой самостоятельности, ибо ей пользуется всякій комитетъ партіи, а приравненіе бунда къ комитетамъ есть отрицаніе автономіи. Если же понимать подъ автономіей автономію въ нѣкоторыхъ программныхъ вопросахъ, то нелѣпо лишать бундъ всякой самостоятельности въ остальныхъ программныхъ вопросахъ; самостоятельность въ программныхъ вопросахъ непремѣнно предполагаетъ представительство бунда, какъ такового, въ центральныхъ органахъ партіи, т. е. не автономію, а федерацію. Прочнаго базиса для положенія бунда въ партіи надо искать въ исторіи еврейскаго революціоннаго движенія въ Россіи. Эта исторія показываетъ намъ сліяніе всѣхъ организацій, ведущихъ работу среди еврейскихъ рабочихъ, въ одинъ союзъ — бундъ и расширеніе его дѣятельности съ Литвы на Польшу, а затѣмъ на югъ Россіи. Исторія, слѣдовательно, опрокинула всѣ районныя перегородки и выдвинула бундъ, какъ единственнаго представителя еврейскаго пролетаріата. Вотъ принципъ, который не есть плодъ досужаго ума (?), а является результатомъ всей исторіи еврейскаго рабочаго движенія: бундъ есть единственный представитель интересовъ еврейскаго пролетаріата. А, разумѣется, организація пролетаріата цѣлой національности можетъ войти въ партію только при федеративномъ ея устройствѣ: еврейскій пролетаріатъ есть не только часть всемірной семьи пролетаріевъ, но и часть еврейскаго народа, занимающаго особенное положеніе среди другихъ народовъ. Наконецъ, тѣсное единеніе между частями партіи выражается именно въ федераціи, ибо основной признакъ этой послѣдней — непосредственное участіе въ дѣлахъ партіи каждой составной ея части; всѣ части партіи чувствуютъ себя тогда равноправными. Автономія же предполагаетъ безправность частей партіи, равнодушіе къ общимъ дѣламъ, взаимное недовѣріе, тренія и столкновенія.

Такова аргументація автора, изложенная нами почти исключительно въ собственныхъ его выраженіяхъ. Она сводится къ тремъ пунктамъ: къ соображеніямъ общаго свойства насчетъ внутренней противорѣчивости автономіи и непригодности ея съ точки зрѣнія тѣснаго единенія частей партіи; къ урокамъ исторіи, которая выдвинула бундъ, какъ единственнаго представителя еврейскаго пролетаріата, и, наконецъ, къ ссылкѣ на то, что еврейскій пролетаріатъ есть пролетаріатъ цѣлой національности, занимающей особенное положеніе. Авторъ хочетъ опереться, слѣдовательно, и на общіе организаціонные принципы, и на уроки исторіи, и на идею національности. Авторъ старается, — надо отдать ему справедливость — разсмотрѣть вопросъ со всѣхъ сторонъ. И именно поэтому его изложеніе такъ выпукло оттѣняетъ позицію, занятую бундомъ въ волнующемъ всѣхъ насъ вопросѣ.

При федераціи, говорятъ намъ, части партіи равноправны и участвуютъ въ общихъ дѣлахъ непосредственно; при автономіи онѣ безправны и, какъ таковыя, въ общепартійной жизни не участвуютъ. Разсужденіе это относится цѣликомъ къ области нагляднымъ несообразностей, — оно похоже, какъ двѣ капли воды, на тѣ разсужденія, которыя математики называютъ математическими софизмами и въ которыхъ, — строго логичнымъ, на первый взглядъ, путемъ, — доказывается, что дважды два пять, что часть больше цѣлаго и т. д. Существуютъ сборники такихъ математическихъ софизмовъ, и учащимся дѣтямъ они приносятъ свою пользу. Но людямъ, которые мнятъ быть единственными представителями еврейскаго пролетаріата, неловко даже разъяснять столь элементарный софизмъ, какъ различное пониманіе „части партіи" въ двухъ половинахъ одного и того же разсужденія. Когда говорятъ о федераціи, — подъ частью партіи разумѣютъ сумму организацій въ разныхъ мѣстностяхъ; когда говорятъ объ автономіи, подъ частью партіи разумѣютъ каждую отдѣльную мѣстную организацію. Поставьте рядомъ въ одинъ силлогизмъ эти якобы тождественныя понятія, и вы получите неизбѣжный выводъ, что дважды два пять. И если бундовцамъ все же неясна суть ихъ софизма, то они могутъ заглянуть въ свой собственный уставъ-максимумъ и увидѣть тамъ, что именно при федераціи мѣстныя организаціи сносятся съ центромъ партіи посредственно, а при автономіи непосредственно. Нѣтъ, лучше бы уже не говорить нашимъ федералистамъ о „тѣсномъ единеніи"! Опровергая то положеніе, что федерація означаетъ *обособленность*, а автономія — *сліяніе* частей партіи, можно только людей насмѣшить.

Немногимъ удачнѣе попытка доказать „логическую несообразность" автономіи, производимая посредствомъ раздѣленія этой послѣдней на программную и техническую. Самое уже это раздѣленіе въ высшей степени несуразное. Почему вопросы о спеціальныхъ способахъ агитаціи среди еврейскихъ рабочихъ могутъ быть названы техническими? Причемъ тутъ техника, когда рѣчь идетъ объ особенностяхъ языка, психологіи, условій быта? Какъ можно говорить о самостоятельности въ программныхъ вопросахъ по поводу, напримѣръ, требованія гражданскаго равноправія евреевъ? Программа соціальдемократіи выставляетъ только основныя требованія, общія всему пролетаріату, независимо отъ профессіональныхъ, мѣстныхъ, національныхъ, расовыхъ различій. Эти различія обусловливаютъ то, что одно и то же требованіе полнаго равенства гражданъ передъ закономъ порождаетъ агитацію въ одномъ мѣстѣ противъ одного вида неравноправности, въ другомъ мѣстѣ или по отношенію къ другимъ группамъ пролетаріата — противъ другого вида неравноправности и т. д. Одинъ и тотъ же программный пунктъ примѣняется различно въ зависимости отъ различія условій быта, различія культуры, различія соотношенія общественныхъ силъ въ разныхъ областяхъ страны и т. д. Агитація за одно и то же программное требованіе ведется различными способами, на разныхъ языкахъ примѣнительно ко всѣмъ этимъ различіямъ. Автономія въ вопросахъ, касающихся спеціально пролетаріата извѣстной расы, извѣстной націи, извѣстнаго района означаетъ, слѣдовательно, что опредѣленіе спеціальныхъ требованій, выставляемыхъ во исполненіе общей программы, опредѣленіе способовъ агитаціи предоставляется самостоятельному рѣшенію соотвѣтствующей организаціи. Партія въ цѣломъ, ея центральныя учрежденія устанавливаютъ общіе основные принципы программы и тактики; различные же способы проведенія на практикѣ и въ агитаціи этихъ принциповъ устанавливаются различными подчиненными центру организаціями партіи соотвѣтственно мѣстнымъ, расовымъ, національнымъ, культурнымъ и т. д. различіямъ.

Спрашивается, неужели такое понятіе автономіи неясно? И не чистѣйшей ли схоластикой является раздѣленіе автономіи въ программныхъ и въ техническихъ вопросахъ?

Посмотрите, какъ „логически разбирается" понятіе автономіи въ разсматриваемой нами брошюрѣ. „Изъ всей массы вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло соціальдемократіи," — говоритъ эта брошюра по поводу принципа автономіи, положеннаго въ основу манифеста 1898 года, — „выдѣляются (sic!!) нѣкоторые вопросы, относительно которыхъ признается, что они касаются спеціально еврейскаго пролетаріата... Автономность бунда кончается тамъ, гдѣ начинается область общихъ вопросовъ... Отсюда вытекаетъ двойственное положеніе бунда въ партіи: въ спеціальныхъ вопросахъ онъ выступаетъ, какъ бундъ... въ общихъ вопросахъ онъ теряетъ свою физіономію и приравнивается къ простому комитету партіи"... Соціальдемократическая программа требуетъ полнаго равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ. *Во исполненіе* этой программы еврейскій рабочій въ Вильнѣ выставляетъ одно спеціальное требованіе, а башкиръ рабочій въ Уфѣ совершенно другое спеціальное требованіе. Значитъ ли это, что „изъ массы вопросовъ" „*выдѣляются* нѣкоторые"? Если общее требованіе равноправности проводится въ жизнь выставленіемъ ряда спеціальныхъ требованій объ уничтоженіи спеціальныхъ видовъ неравноправности, то неужели спеціальные вопросы *выдѣляются* тутъ изъ общихъ вопросовъ? Спеціальныя требованія не выдѣляются изъ общихъ, а ставятся *во исполненіе* общихъ требованій программы. Выдѣляется то, что спеціально касается еврея въ Вильнѣ, отъ того, что спеціально касается башкира въ Уфѣ. Обобщеніе ихъ требованій, представительство ихъ *общихъ классовыхъ интересовъ* (а не спеціальныхъ, профессіональныхъ, расовыхъ, мѣстныхъ, національныхъ и т. п.) есть дѣло всей партіи, дѣло партійнаго центра. Казалось бы, дѣло это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вмѣсто логическаго разбора еще и еще разъ дали намъ образчики логическихъ несообразностей. Они абсолютно не поняли отношенія общихъ требованій соціальдемократіи къ спеціальнымъ. Они вообразили, что „изъ всей массы вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло соціальдемократіи, выдѣляются нѣкоторые", тогда какъ на самомъ дѣлѣ *каждый* вопросъ, затрогиваемый нашей программой, есть обобщеніе цѣлаго ряда спеціальныхъ вопросовъ и требованій; *каждый* программный пунктъ является общимъ для *всего* пролетаріата, подраздѣляясь въ то же время на спеціальные вопросы въ зависимости отъ различія профессій пролетаріевъ, ихъ условій быта, языка и проч. и проч. Бундовцевъ смущаетъ противорѣчивость и двойственность положенія бунда, состоящая, видите ли въ томъ, что въ спеціальныхъ вопросахъ онъ выступаетъ, какъ бундъ, а въ общихъ теряетъ свою физіономію. Небольшое размышленіе показало бы имъ, что такая „двойственность" существуетъ въ положеніи *безусловно всякаго* рабочаго соціальдемократа, который въ спеціальныхъ вопросахъ выступаетъ какъ представитель извѣстной профессіи, какъ членъ извѣстной націи, какъ житель извѣстной мѣстности, а въ общихъ вопросахъ „теряетъ свою физіономію" и приравнивается ко *всякому другому* соціальдемократу. Автономія бунда, по уставу 1898 года, — явленіе совершенно однородное съ автономіей Тульскаго Комитета; только предѣлы этой автономіи нѣсколько иные и нѣсколько болѣе широкіе въ первомъ случаѣ, чѣмъ во второмъ. И ровно ничего кромѣ вопіющей логической несообразности не заключается въ слѣдующемъ положеніи, которымъ бундъ опровергаетъ такой выводъ: „если бунду предоставляется самостоятельность въ нѣкоторыхъ *программныхъ* вопросахъ, то на какомъ основаніи онъ лишается *всякой* самостоятельности въ остальныхъ программныхъ вопросахъ?" Это противопоставленіе спеціальныхъ вопросовъ общимъ, какъ „нѣкоторыхъ" „остальнымъ", есть безподобный образчикъ бундовскаго „логическаго разбора"! Люди никакъ не могутъ понять, что это значитъ противопоставлять различный цвѣтъ, вкусъ и запахъ отдѣльныхъ яблокъ *числу* „остальныхъ" яблокъ. Смѣемъ васъ увѣрить, господа, что не только нѣкоторыя, а каждое яблоко имѣетъ тотъ или иной спеціальный вкусъ, цвѣтъ и запахъ. Не только въ „нѣкоторыхъ", а *во всѣхъ безъ исключенія* программныхъ вопросахъ предоставляется вамъ самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку рѣчь идетъ о примѣненіи этихъ вопросовъ къ спеціальнымъ особенностямъ еврейскаго пролетаріата. **Mein teuerer Freund, ich rath' Euch drum zuerst Collegium logicum!**

Второй аргументъ бундовцевъ состоитъ въ ссылкѣ на исторію, которая будто бы выдвинула бундъ, какъ единственнаго представителя еврейскаго пролетаріата.

Это положеніе, во-первыхъ, невѣрно. Самъ авторъ брошюры говоритъ, что „работа другихъ организацій (кромѣ бунда) въ этомъ направленіи (т. е. работа среди еврейскаго пролетаріата) или ничего не дала, или дала нестоющіе вниманія результаты". Значитъ, работа велась, по его собственному признанію, и, слѣдовательно, *единственнымъ* представителемъ еврейскаго пролетаріата бундъ *не былъ*; въ оцѣнкѣ результатовъ этой работы никто, конечно, не положится на сужденіе самого бунда; наконецъ, небезызвѣстно, что бундъ *противодѣйствовалъ* работѣ другихъ организацій среди еврейскаго пролетаріата (достаточно назвать извѣстный эпизодъ борьбы бунда противъ Екатеринославскаго Комитета партіи, осмѣлившагося выпустить прокламацію къ еврейскимъ рабочимъ), — слѣдовательно, если бы даже результаты дѣйствительно были нестоющими вниманія, то въ этомъ есть доля вины самого бунда.

Далѣе. Та доля истины, которая заключается въ исторической справкѣ бунда, нисколько еще не доказываетъ правильности его аргументаціи. Факты, которые дѣйствительно имѣли мѣсто и которые имѣлъ въ виду бундъ, говорятъ не за, а противъ него. Эти факты состоятъ въ томъ, что бундъ существовалъ и развивался, — втеченіе тѣхъ пяти лѣтъ, которыя прошли со времени перваго съѣзда, — совершенно самостоятельно и независимо отъ остальныхъ организацій партіи. Вообще между всѣми организаціями партіи фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь бунда съ остальными частями партіи не только была еще гораздо слабѣе, чѣмъ связь между другими организаціями, но и ослабѣвала все болѣе. Что бундъ самъ *ослаблялъ* эту связь, — прямо доказывается исторіей заграничныхъ организацій нашей партіи. Въ 1898 году члены бунда входили въ одну общую партійную организацію за-границей; къ 1903 году они выдѣлились въ совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацію. Самостоятельность и независимость бунда не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и постепенное ихъ усиленіе.

Что же вытекаетъ изъ этого несомнѣннаго факта? Для бундовцевъ — отсюда вытекаетъ необходимость преклониться предъ этимъ фактомъ, рабски подчиниться ему, превратить его въ принципъ, въ единственный принципъ, дающій прочный базисъ для положенія бунда, узаконить этотъ принципъ въ уставѣ, который долженъ признать бундъ единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата въ партіи. По нашему же мнѣнію, такой выводъ есть чистѣйшій оппортунизмъ, „хвостизмъ" худшаго сорта. Изъ пятилѣтней исторіи разброда надо дѣлать выводъ не объ узаконеніи разброда, а о необходимости разъ на всегда покончить съ нимъ. А неужели можетъ еще кто-нибудь отрицать, что это былъ дѣйствительно разбродъ? Самостоятельно и независимо развивались за это время *всѣ* части партіи, — не слѣдуетъ ли уже отсюда вывести „принципъ" федераціи между Сибирью, Кавказомъ, Ураломъ, югомъ и проч.?? Бундовцы сами говорятъ, что партія, въ смыслѣ организаціоннаго объединенія частей, фактически не существовала, — какъ же можно изъ того, что сложилось при не-существованіи партіи, дѣлать выводъ по вопросу о *возстановленіи* организаціоннаго единства? Нѣтъ, господа, ваша ссылка на исторію разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказываетъ, кромѣ ненормальности этого обособленнаго состоянія. Выводить *организаціонный* „принципъ" изъ нѣсколькихъ лѣтъ партійной *дезорганизаціи* значитъ поступать подобно тѣмъ представителямъ исторической школы, которые, по извѣстному саркастическому замѣчанію Маркса, готовы были защищать кнутъ на томъ основаніи, что это кнутъ историческій.

Итакъ, ни „логическій разборъ" автономіи, ни историческія справки рѣшительно не могутъ дать ни тѣни „принципіальнаго" обоснованія бундовской обособленности. За то несомнѣнно принципіальный характеръ имѣетъ третій аргументъ бунда, который состоитъ въ аппелляціи къ идеѣ еврейской націи. Къ сожалѣнію только, эта сіонистская идея — совершенно ложная и реакціонная по своей сущности. „Евреи перестали существовать какъ нація, немыслимая безъ опредѣленной территоріи" — говоритъ одинъ изъ самыхъ выдающихся марксистскихъ теоретиковъ, Карлъ Каутскій (см. № 42 „Искры" и отдѣльный оттискъ изъ него: „Кишиневская рѣзня и еврейскій вопросъ", стр. 3). И недавно, разсматривая вопросъ о національностяхъ въ Австріи, тотъ же писатель, пытаясь дать научное опредѣленіе понятію національности, устанавливаетъ два основныхъ признака этого понятія: языкъ и территорію. (Die Neue Zeit, 1903 № 2). Слово въ слово тоже самое пишетъ одинъ французскій еврей, радикалъ Альфредъ Накэ, полемизируя съ антисемитами и сіонистами. „Если Бернару Лязару — говоритъ онъ про извѣстнаго сіониста — угодно считать себя гражданиномъ особаго народа, это его дѣло; но я заявляю, что, хотя я и родился евреемъ,... я не признаю еврейской національности... у меня нѣтъ другой національности, кромѣ французской... Представляютъ-ли изъ себя евреи особый народъ? Хотя въ очень давнемъ прошломъ они несомнѣнно были народомъ, тѣмъ не менѣе *я* отвѣчаю на этотъ вопросъ категорическимъ *нѣтъ*. Понятіе народа предполагаетъ извѣстныя условія, которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ на лицо. Народъ долженъ имѣть территорію, на которой бы онъ развивался, а затѣмъ въ наше по крайней мѣрѣ время, покуда міровая конфедерація не расширила еще этого базиса, народъ долженъ имѣть общій языкъ. У евреевъ нѣтъ уже ни территоріи, ни общаго языка... Бернаръ Лязаръ навѣрное, какъ и *я*, не зналъ ни слова по еврейски и ему нелегко было бы, если бы сіонизмъ достигъ своей цѣли, столковаться съ своими сородичами (congénères) изъ другихъ частей свѣта". (La pétite republique, 24 sept. 1903 г.). „Евреи нѣмецкіе и французскіе совсѣмъ не похожи на евреевъ польскихъ и русскихъ. Характерныя черты евреевъ не имѣютъ ничего такого, что носило бы на себѣ отпечатокъ (empreinte) національности. Если бы позволительно было вмѣстѣ съ Дрюмономъ признать евреевъ націей, то это была бы искусственная нація. Современный еврей есть продуктъ противоестественнаго подбора, которому его предки подвергались втеченіе почти 18 столѣтій". Бундовцамъ остается развѣ только разработать идею особой національности русскихъ евреевъ, языкомъ которой является жаргонъ, а территоріей — черта осѣдлости.

Совершенно несостоятельная въ научномъ отношеніи*), идея объ особомъ еврейскомъ народѣ реакціонна по своему политическому значенію. Неопровержимымъ практическимъ доказательствомъ этого являются общеизвѣстные факты недавней исторіи и современной политической дѣйствительности. Во всей Европѣ паденье средневѣковья и развитіе политической свободы шло рука объ руку съ политической эмансипаціей евреевъ, переходомъ ихъ отъ жаргона къ языку того народа, среди котораго они живутъ, и вообще несомнѣннымъ прогрессомъ ихъ ассимиляціи съ окружающимъ населеніемъ. Неужели мы опять должны вернуться къ самобытнымъ теоріямъ и объявить, что именно Россія будетъ исключеніемъ, *хотя освободительное движеніе евреевъ гораздо глубже и гораздо шире въ Россіи*, благодаря пробужденію геройскаго самосознанія среди еврейскаго пролетаріата? Неужели можно объяснить случайностью тотъ фактъ, что именно реакціонныя силы всей Европы и особенно Россіи ополчаются *противъ* ассимиляціи еврейства и стараются закрѣпить его обособленность?

Еврейскій вопросъ *стоитъ* именно такъ: ассимиляція или обособленность? — и идея еврейской „національности" носитъ явно реакціонный характеръ не только у послѣдовательныхъ сторонниковъ ея (сіонистовъ), но и у тѣхъ, кто пытается совмѣстить ее съ идеями соціальдемократіи (бундовцы). Идея еврейской національности противорѣчитъ интересамъ еврейскаго пролетаріата, создавая въ немъ прямо и косвенно настроеніе, враждебное ассимиляціи, настроеніе „гетто". „Когда національное собраніе 1791 года декретировало эмансипацію евреевъ, — писалъ Ренанъ — оно очень мало занималось вопросомъ о расѣ... Дѣло XIX столѣтія — уничтоженіе всѣхъ „гетто", и я не поздравлю тѣхъ, кто стремится къ ихъ возстановленію. Еврейская раса оказала міру величайшія услуги. Будучи ассимилирована

---

*) Не только національныя, но даже и расовыя особенности еврейства отвергаются современнымъ научнымъ изслѣдованіемъ, которое выдвигаетъ на первый планъ особенности *исторіи* еврейства. „Вытекаетъ-ли особенность еврейства изъ его расоваго характера"? — спрашиваетъ К. Каутскій и отвѣчаетъ, что мы даже не знаемъ въ точности, что такое собственно раса. „Намъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ понятію расы, не дающему дѣйствительнаго отвѣта, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно прослѣдить исторію еврейскаго народа, чтобы выяснить причины его характера". И такой знатокъ этой исторіи, какъ Ренанъ, говоритъ: „Особыя черты евреевъ и укладъ ихъ жизни гораздо болѣе являются результатомъ соціальныхъ условій (necessités sociales), вліявшихъ на нихъ втеченіе вѣковъ, чѣмъ расовымъ отличіемъ (phénomène de race)".

съ различными націями, гармонически слитая съ различными національными единицами, она и въ будущемъ окажетъ услуги, имѣющіяся за ней въ прошломъ“. А Карлъ Каутскій, имѣя въ виду спеціально русскихъ евреевъ, выражается еще энергичнѣе. Враждебность къ инороднымъ слоямъ населенія можетъ быть устранена „только тѣмъ, что инородные слои населенія перестанутъ быть чужими, сольются съ общей массой населенія. *Это единственно возможное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствуетъ устраненію еврейской обособленности*“. И вотъ, этому единственно возможному рѣшенію противодѣйствуетъ бундъ, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространеніемъ идеи еврейской „націи“ и проекта федераціи пролетаріевъ еврейскихъ съ нееврейскими. Это — основная ошибка „бундизма“, которая должна быть и будетъ исправлена послѣдовательными представителями еврейской соціальдемократіи. Эта ошибка доводитъ бундовцевъ до такой невиданной въ средѣ международной соціальдемократіи вещи, какъ возбужденіе недовѣрія еврейскихъ пролетаріевъ къ нееврейскимъ, заподозриваніе этихъ послѣднихъ, распространеніе неправды про нихъ. Вотъ доказательство, взятое изъ той же брошюры: „Такая нелѣпость (чтобы организація пролетаріата цѣлой національности была лишена представительства въ центральныхъ органахъ партіи) можетъ открыто проповѣдываться только (это замѣтьте!) по отношенію къ еврейскому пролетаріату, которому въ силу особенныхъ историческихъ судебъ еврейскаго народа еще приходится бороться за равноправное положеніе(!!) въ семьѣ всемірнаго пролетаріата“. Мы встрѣтили недавно такую именно выходку въ одномъ сіонистскомъ листкѣ, авторы котораго рвутъ и мечутъ противъ „Искры“, видя въ ея борьбѣ съ бундомъ нежеланіе признать „равноправность“ еврея съ неевреемъ. И теперь бундовцы повторяютъ сіонистскія выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не „только“ по отношенію къ евреямъ, а и по отношенію къ армянамъ, грузинамъ и проч. „проповѣдывали“ „лишеніе представительства“, и по отношенію къ полякамъ призывали къ сближенію, единенію, слиянію всего пролетаріата, борющагося съ царскимъ самодержавіемъ. Не даромъ же и громила насъ П. П. С. (польская соціалистическая партія)! Называть свою борьбу за сіонистскую *идею* еврейской націи, за федеративный *принципъ* организаціи партіи „борьбой за равноправное положеніе евреевъ *въ семьѣ всемірнаго пролетаріата*“ — значитъ низводить борьбу изъ области идей и принциповъ въ область заподозриваній, науськиваній, разжиганія исторически сложившихся предразсудковъ. Это значитъ воочію показывать неимѣніе дѣйствительно идейныхъ и принципіальныхъ оружій въ своей борьбѣ.

* * *

Мы пришли такимъ образомъ къ выводу, что ни логическіе, ни историческіе, ни націоналистическіе доводы бунда не выдерживаютъ никакой критики. Періодъ разброда, усиливъ шатанія среди русскихъ соціальдемократовъ и обособленность отдѣльныхъ организацій, сказался въ томъ же направленіи и еще даже сильнѣе на бундовцахъ. Вмѣсто того, чтобы поставить своимъ лозунгомъ борьбу съ этой исторически сложившейся (и разбродомъ усиленной) обособленностью, они возвели ее въ принципъ, ухватившись для этого за софизмы насчетъ внутренней противорѣчивости автономіи, за сіонистскую идею еврейской націи. Только рѣшительное и прямое признаніе этой ошибки и провозглашеніе *поворота къ слиянію* можетъ свести бундъ съ того ошибочнаго пути, на который онъ всталъ. И мы увѣрены, что лучшіе представители соціальдемократическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата рано или поздно заставятъ бундъ повернуть съ пути обособленности на путь къ слиянію.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

(„Лукавое время“).

Начальникъ техническаго желѣзнодорожнаго училища въ Воронежѣ, г. Н. Н. Пантелѣевскій, произнесъ на торжественномъ актѣ торжественную рѣчь. „Указавъ на задачи школы, на необходимость *религіозно-нравственнаго* воспитанія юношества, на развитіе въ немъ *чувства любви и преданности царю и отечеству* и уваженія къ закону и *государственнымъ учрежденіямъ*, онъ замѣтилъ, что эта задача въ настоящее время затрудняется потому, что у всякой школы есть серьезный противникъ — это наше *лукавое* время“ („Моск. Вѣд.“ № 268).

Этими словами „другъ юношества“ — какъ называютъ г. Пантелѣевскаго „Моск. Вѣд.“ — замѣчательно вѣрно охарактеризовалъ переживаемый нами историческій моментъ. Для защитниковъ „порядка“ это моментъ несомнѣнно „лукавый“. Характерная черта нашего времени — разложеніе старыхъ, традиціонныхъ отношеній, паденіе обветшалыхъ авторитетовъ, сомнѣніе и недовѣріе къ унаслѣдованнымъ истинамъ, задорный духъ критики. Положительный идеалъ, созидательная работа только понемногу начинаютъ захватывать умы болѣе развитого и чуткаго меньшинства, большая же масса и народа, и общества находится еще въ переходной стадіи разрушенія отжившихъ формъ, въ „лукавой“ стадіи скептицизма и отрицанія.

„Современное невѣріе, — говоритъ дальше г. Пантелѣевскій, — пресловутая переоцѣнка цѣнностей, отрицаніе всѣхъ авторитетовъ человѣчества, даже высочайшихъ, спускаясь съ вершины подлинной, но несчастной, мятущейся интеллигенціи, начинаетъ проникать вглубь нашего полуинтеллигентнаго общества, и мутной жижицей просачивается ниже, въ его еще не вывѣтрившуюся, здоровую подпочву, въ народъ, заражая совѣсть и сердца нашей хорошей подлинно-русской трудовой православной семьи“. Какъ видите, „лукавый“ духъ отрицанія и сомнѣнія проникъ во всѣ слои русскаго общества, не пощадивъ даже „хорошую подлинно-русскую трудовую православную семью“ изъ „народа“. Мы должны огорчить г. Пантелѣевскаго: онъ, какъ городской житель, и не подозрѣваетъ, до какой степени этотъ „лукавый“ духъ „заразилъ“ „совѣсть и сердце“ народа.

Другой, такой же „другъ „юношества“, „потомственный дворянинъ и бывшій профессоръ варшавскаго университета“, г. Борисъ Станкевичъ, сообщаетъ намъ по этому вопросу болѣе точныя и болѣе печальныя данныя. „Зараза“, оказывается, широко распространилась въ народѣ черезъ посредство сельской школы. „Отвращеніе къ крестьянскому труду и притязаніе на барство; — пишетъ г. Станкевичъ въ № 270 „Моск. Вѣд.“ — непочтительность къ родителямъ, *къ духовенству, къ представителямъ власти, къ заслуженнѣйшимъ изъ дворянъ-землевладѣльцевъ; равнодушіе къ церкви и неуваженіе къ закону;* наклонность къ сутяжничеству и подстрекательству односельчанъ *на все недоброе (?)*, — вотъ характерныя черты, отличающія окончившихъ сельскія школы, или учившихся въ нихъ молодыхъ крестьянъ“. Такое признаніе со стороны человѣка, состоящаго „членомъ юрьевскаго училищнаго совѣта“ и пишущаго въ „Мос. Вѣд.“, является для насъ очень вѣскимъ доказательствомъ того, что стихійный процессъ разрушенія *старыхъ* формъ крестьянскаго самосознанія и отношеній въ деревнѣ достаточно расчистилъ почву для внесенія въ деревенскую среду *новыхъ идей и новаго — классоваго — самосознанія*. Подумайте только: вѣдь если перевести слова г. Станкевича съ вѣрноподданническаго языка на языкъ свободныхъ людей, нарисованная имъ картина обозначаетъ полное разложеніе основныхъ „устоевъ“ старой деревни, освобожденіе крестьянина отъ *рабьей психологіи*, пробужденіе въ немъ *чувства человѣческаго достоинства*. „Безнравственность“, по терминологіи гг. Станкевичей, представляетъ какъ разъ первые проблески нравственнаго чувства — *самоуваженія*. Это наглядно иллюстрируется слѣдующей параллелью изъ статьи „бывшаго профессора“: „Молодые крестьяне, которые получили свое воспитаніе и образованіе въ военной службѣ, несравненно нравственнѣе воспитанниковъ сельскихъ школъ, не отбывшихъ воинской повинности. Послѣдніе въ *нравственномъ* отношеніи стоятъ ниже даже тѣхъ крестьянъ, которые совсѣмъ нигдѣ не учились“.

Ясно, что стихійный процессъ разрушенія стараго міросозерцанія крестьянина, процессъ, вызванный самымъ ходомъ общественно-экономическаго развитія, достигъ уже такой напряженности, что даже та крупица свѣта, которую даетъ наша жалкая сельская школа, оказывается достаточной, чтобы внести въ сознаніе массъ потребность протеста противъ старой лживой крѣпостной „нравственности“.

Такъ злая зараза охватила всѣ слои русскаго народа, отъ „подлинной, но мятущейся“ интеллигенціи до грамотныхъ и не притупленныхъ военной выправкой крестьянъ. Плоды „лукаваго времени“ видны на каждомъ шагу. Они видны и въ рѣчи орловскаго губерн. предводителя дворянства, доказывавшаго, что независимое дворянство нужно „для борьбы съ вѣковымъ врагомъ — темнотой непросвѣщенія, *для защиты народной отъ буйныхъ наѣздовъ, отъ крючкотворства подьячаго, отъ самовольной кривды опричника*“ („СПБ. Вѣд.“ № 205). Они видны во всей общественной дѣятельности „городскихъ интеллигентовъ“, имѣющихъ, по словамъ „Моск. Вѣд.“, „особую наклонность къ политиканству и выраженію всякихъ неудовольствій существующимъ порядкомъ“. „На то они, впрочемъ, интеллигенты, да притомъ безпочвенные (въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи*) — продолжаютъ „Моск. Вѣд.“ (№ 264) — отъ нихъ можно ожидать и услышать что хотите въ смыслѣ всякихъ ученыхъ теорій, культурныхъ взглядовъ, космополитическихъ тенденцій. Но не услышите вы словъ: порядокъ, патріотизмъ, дисциплина, уваженіе къ собственности, какъ не услышите никакихъ вотировокъ въ пользу порядка, поддержанія религіи, монархіи, народной нравственности“. Плоды „лукаваго времени“ особенно сильно сказались на учащейся молодежи. Жалобы на непокорность и дерзость „гимназиста“ сыплются, какъ изъ рога изобилія, ото всѣхъ благонамѣренныхъ людей: казенныхъ педагоговъ, полицейскихъ чиновъ и т. д. и т. д. Онѣ нашли свое выраженіе въ циркулярѣ министра народнаго просвѣщенія и въ цѣломъ потокѣ статей, писемъ, замѣтокъ, вызванныхъ полемикой изъ за разсказа Л. Андреева „Въ туманѣ“. „Гимназистъ“ мутитъ, онъ дерзитъ начальству, читаетъ запрещенную литературу, основываетъ нелегальныя библіотеки, кружки, союзы. Недавно еще (въ № 48) „Искра“ дала отчетъ о „второмъ съѣздѣ южно-русской группы учащихся среднихъ школъ“, и этотъ съѣздъ дерзновенно „клеймитъ послѣдній циркуляръ министра народн. просв. — тщетную попытку заглушить развитіе революціоннаго самосознанія среди русской учащейся молодежи“. „Гимназистъ“ идетъ даже дальше: онъ прямо принимаетъ участіе въ революціонной борьбѣ, вступаетъ въ революціонныя организаціи, участвуетъ въ политическихъ демонстраціяхъ, говоритъ пламенныя рѣчи къ толпѣ. Съ нимъ приходится серьезно считаться правительству, съ нимъ приходится бороться. „8 сентября — пишутъ въ „Искру“ изъ Ростова н/Д. — въ 6½ час. вечера въ балкѣ, около городскихъ боенъ батальонъ Ѳеодосійскаго полка, предводительствуемый жандармами и усиленный „шпиками“, окружилъ и захватилъ большую толпу, почти исключительно состоявшую изъ учащейся молодежи среднихъ школъ“ („Искра“ № 49).

Однако всего разительнѣе сказалось вліяніе „лукаваго времени“ на народныхъ массахъ. „Наша толпа, и въ массѣ, и въ ея отдѣльныхъ представителяхъ, все болѣе и болѣе эмансипируется отъ соблюденія порядочности и порядка, тяготѣя къ разнузданности“ — жалуется знакомый намъ уже „другъ юношества“ („Моск. Вѣд.“, № 268). И дѣйствительно: не говоря уже о тѣхъ грандіозныхъ массовыхъ стачкахъ и крестьянскихъ движеніяхъ, которыя вызываются тяжелымъ экономическимъ положеніемъ массъ, обратите вниманіе на небывалое прежде явленіе — стачки „по симпатіи“ и политическія демонстраціи. Праздничная толпа, собравшаяся поглазѣть на кулачныхъ бойцовъ, а то и сама подраться, по первому призыву юноши-революціонера бросаетъ свое развлеченіе и идетъ подъ красными знаменами въ городъ, крича „долой самодержавіе!“ Когда за это судятъ предполагаемыхъ вожаковъ, толпа дерется передъ дверями суда съ полиціей, не взирая на казаковъ, полицію и войска, не взирая на правительственный терроръ, грозящій висѣлицами! (см. брош. „Таганрогскій процессъ“). Что-то случилось, какая-то таинственная перемѣна произошла въ душѣ вчерашняго покорнаго раба, порвалась какая-то магическая нить, связывавшая его психологію съ господствующимъ порядкомъ, исчезъ гипнозъ, а съ нимъ исчезло и обаяніе силы, права и правды самодержавнаго строя. Революціонный кличъ „долой самодержавіе!“ и его непосредственно-ближайшее дополненіе: „бей полицію!“ все болѣе и болѣе вытѣсняютъ вчерашніе лозунги несознательной толпы: „бей жидовъ!“ и „бей студентовъ!“ Въ первые дни таганрогскаго процесса мѣстный полиціймейстеръ велѣлъ арестовать троихъ рабочихъ, за то, „что означенныя лица... проявили упорное желаніе вызвать своимъ поведеніемъ безпорядокъ въ городѣ, съ криками „бей полицію!“ подстрекали толпу и даже проявляли явное сопротивленіе при задержаніи“. Это „бей полицію!“, эта борьба противъ непосредственно соприкасающейся съ жизнью массъ формы самодержавнаго гнета и насилія, стала настоящимъ „минимальнымъ“ лозунгомъ пробуждающагося пролетаріата. Легальная пресса за послѣдніе мѣсяцы переполнена разными мелкими фактами въ родѣ сопротивленія властямъ, подстрекательства къ сопротивленію, вмѣшательства въ дѣйствія полиціи и т. п. И эти мелкіе факты, при ихъ повсемѣстномъ и частомъ повтореніи, представляются въ извѣстномъ отношеніи особенно характерными. Они показываютъ, какъ широко разлился и глубоко проникъ въ массы духъ протеста и отпора. Они показываютъ, какъ много у насъ вездѣ и повсюду горючаго матеріала, способнаго при благопріятныхъ условіяхъ разгорѣться въ пожаръ грандіозныхъ массовыхъ движеній. Факты въ родѣ вмѣшательства тихорѣцкихъ рабочихъ въ дѣло Золотовой для насъ особенно цѣнны, какъ свидѣтельство развитія и зрѣлости пролетаріата для общественной дѣятельности. Поэтому, для насъ имѣетъ большое значеніе такой, на первый взглядъ ничтожный, фактъ, что 13 августа въ Керчи толпа пыталась ворваться въ помѣщеніе второго участка и освободить арестованныхъ за безпорядки („Южн. Кур.“) или что въ г. Сочи толпа, встрѣтивъ городового, сопровождавшаго на кладбище гробъ умершаго въ арестномъ помѣщеніи рабочаго, вернула гробъ и потребовала разслѣдованія дѣла и наказанія городовыхъ, которыхъ она подозрѣвала въ убійствѣ; когда же ей было отказано, она разгромила арестное помѣщеніе и сильно помяла полицейскихъ („Пріаз. Кр.“). Характеренъ и такой „приказъ по полиціи“: „И. д. войскового наказного атамана ген.-лейт. Плеве приговорилъ крестьянина Алексѣева за подстрекательство собравшейся около его бакалейной лавки толпы крестьянъ не подчиняться требованіямъ полиціи и нанесеніе имъ оскорбленія словами мѣстному урядник, а также крестьянъ Сергѣева, Морозова и Попкова за произведеніе ими безпорядковъ на рудникѣ русско-донецкаго общества, выразившееся въ томъ, что, получивъ отказъ въ добавленіи платы за работу, они подстрекали рабочихъ къ оставленію работъ въ рудникѣ — къ тремъ мѣсяцамъ ареста при полиціи“. И такихъ „приказовъ“ можно было бы привести сколько угодно.

Атмосфера жизнерадостной дерзновенности, внесенная въ русскую жизнь „лукавымъ временемъ“, отозвалась — въ противоположномъ смыслѣ, конечно, — и на буржуазно-благонамѣренной части общества, и на самомъ правительствѣ. Красный призракъ витаетъ надъ русской землей, держа въ вѣчномъ страхѣ вѣрныхъ слугъ самодержавія. Характерную иллюстрацію этого даетъ корреспонденція въ № 266 „СПБ. Вѣдомостей“; какой-то шутникъ захотѣлъ, повидимому, сдѣлать „соціологическій опытъ“ съ реакціей благонамѣренной публики на красный цвѣтъ. „Въ концѣ іюля — пишутъ „СПБ. Вѣдомостямъ“ изъ Барнаула — во всѣхъ кругахъ мѣстнаго общества распространился слухъ, что какіе-то рабочіе будутъ производить въ городѣ погромъ, въ особенности въ богатыхъ и чиновныхъ кварталахъ. И, несмотря на всю абсурдность этихъ слуховъ, они произвели въ городѣ громадную сенсацію. Многіе жители запаслись оружіемъ и огнестрѣльными припасами, многіе на ночь забаррикадировали окна и двери, и были даже случаи, что нѣкоторые богатые люди забрали свои семьи и выѣхали на пароходѣ въ Ново-Николаевскъ“. Вечеромъ этого дня была иллюминація и гулянье; однако публики явилось очень немного и чувствовалась какая-то „пришибленность“. „Полиція, усиленная чинами с. Павловскаго, была вся на ногахъ и бдительно носилась по городу, патруль былъ усиленъ и, говорятъ, даже были на всякій случай приготовлены солдаты!“ Шутникъ этотъ навѣрно былъ соціальдемократъ! „Лукавое“ время, „лукавые“ люди! Какъ въ древнемъ мірѣ боги побѣжденныхъ народовъ занимали должности дьяволовъ, „лукавыхъ“, въ религіи побѣдителей, такъ и наши „боги“, боги трудящихся массъ, боги свободы, равенства и братства, кажутся нечистой силой праведникамъ изъ „Моск. Вѣдомостей“. Пусть такъ; но пусть не забываютъ вѣрные слуги самодержавія и православія, что, по ихъ же вѣроученію, въ этой „юдоли грѣха“ суждено торжествовать „лукавому“, и онъ восторжествуетъ и на этотъ разъ!

НѢКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАШЕЙ ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦІИ.

(Посвящается Бунду)

Среди многочисленныхъ средствъ, которыми буржуазія и буржуазная демократія стремятся затемнить растущее классовое самосознаніе пролетаріата и смягчить рѣзкость классовой борьбы, национализмъ является однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій. Принимая самые разнообразные оттѣнки въ зависимости отъ историческаго момента и той соціально-политической атмосферы, въ которой онъ развивается, національзмъ въ рукахъ враговъ рабочаго класса всегда и вездѣ имѣетъ одну задачу: внушить рабочей массѣ, что „національные“ интересы выше классовыхъ, что связь и родство различныхъ классовъ одной націи тѣснѣе, чѣмъ солидарность интересовъ пролетаріата разныхъ національностей, что противъ „общаго національнаго врага“ рабочіе должны итти рука объ руку съ буржуазіей. Однако, это орудіе пріобрѣтаетъ особую силу и остроту, когда антагонизмъ экономическихъ интересовъ осложняется вмѣшательствомъ политическаго фактора, когда двѣ или нѣсколько націй стоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Ограничительные законы, насильственное вторженіе въ культурное развитіе народа, преслѣдованіе вѣроисповѣданія, языка и цѣлый рядъ подобныхъ насилій, касаются всѣхъ слоевъ націи, и, хотя, конечно, рабочимъ массамъ больше всего приходится расплачиваться за „націю“, онѣ не могутъ не признать, что въ данномъ случаѣ въ борьбѣ дѣйствительно заинтересованы всѣ классы. Естественно, что націоналистическія идеи здѣсь находятъ особенно благодатную почву, и часто среди порабощенныхъ націй соціалистическая пропаганда встрѣчаетъ сильный отпоръ, или принимаетъ самыя уродливыя формы. А, между тѣмъ, только идея соціализма можетъ противодѣйствовать этой взаимной враждѣ и недовѣрію рабочихъ массъ разныхъ народовъ, она одна можетъ дать тотъ общій принципъ, который въ силахъ сблизить и объединить ихъ въ борьбѣ за общіе интересы. Такъ, напримѣръ, на Кавказѣ только соціалистическая агитація смогла уничтожить среди пролетаріата различныхъ — враждующихъ между собой — національностей этотъ антагонизмъ и способствовать сближенію такъ давно живущихъ бокъ о бокъ народностей.

Передъ соціалистами, работающими среди такихъ національностей, стоитъ крупная задача: какимъ образомъ бороться съ этими націоналистическими преградами, какими средствами уничтожить антагонизмъ между пролетаріатомъ разныхъ національностей и сплотить его для борьбы за политическую свободу и за соціализмъ.

Не берясь разрѣшать этотъ вопросъ въ настоящей замѣткѣ, мы постараемся освѣтить его, указавъ на ту тактику, которую приняли наши товарищи, работающіе на Кавказѣ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на Кавказѣ и помину не было о соціалистической пропагандѣ, пролетаріатъ разноплеменнаго мѣстнаго населенія жилъ совершенно замкнутой, обособленной, безсознательно-враждебной ко всѣмъ окружающимъ націямъ жизнью. Онъ отражалъ на себѣ всю ту борьбу, которую вели буржуазные элементы ради своихъ выгодъ и плелся въ хвостѣ буржуазныхъ партій. Армянинъ ненавидѣлъ татарина, какъ исконнаго своего врага, грузинъ — армянина, какъ ростовщика и эксплоататора, они всѣ ненавидѣли русскихъ, какъ представителей поработившей націи, отвѣтственныхъ за дѣянія царскаго правительства. Буржуазная пресса съ одной стороны, правительственные агенты съ другой разжигали эту взаимную ненависть, потому что и той и другой сторонѣ она приносила громадныя выгоды. Не меньшую роль играли въ этой національной обособленности армянскія революціонныя націоналистическія организаціи, ставящія себѣ цѣлью политическое освобожденіе турецкихъ армянъ отъ ига султана. Онѣ всѣми силами старались задержать ростъ соціалистическаго движенія среди кавказскихъ армянъ, чтобы тѣмъ не отвлечь ихъ вниманія отъ судебъ турецкихъ соплеменниковъ. При такихъ условіяхъ пришлось выступить Кавказской Соціальдемократіи и она съ самаго начала стала на вполнѣ вѣрную точку зрѣнія. Прежде всего надо было уничтожить этотъ національный антагонизмъ, чтобы изъ разрозненныхъ рабочихъ создать дѣйствительно единый пролетарскій лагерь, въ противовѣсъ буржуазному міру. Надо было не только внушить рабочимъ, что интересы рабочихъ всѣхъ національностей солидарны, но и постояннымъ практическимъ сближеніемъ на будничной революціонной работѣ, постепеннымъ введеніемъ рабочихъ каждой національности въ кругъ вопросовъ, занимающихъ другія національности, уничтожить вѣками создавшуюся отчужденность и тѣмъ фактически слить ихъ въ единое цѣлое. Нужны были общіе пропагандистскіе кружки, совмѣстныя агитаціонныя собранія, гдѣ съ каждымъ говорили на понятномъ ему языкѣ, нужна была широкая агитаціонная литература на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ, наконецъ, что самое главное, общія организаціи безъ подраздѣленій на національности, чтобы создать дѣйствительное единство. Русскій распространялъ и расклеивалъ армянскія и грузинскія прокламаціи, армянинъ рабочій велъ агитацію среди татаръ, грузинъ наборщикъ печаталъ русскіе листки, и они всѣ вмѣстѣ, *сообща*, вырабатывали планъ дѣйствій на демонстраціяхъ, въ стачкахъ, на организаціонныхъ собраніяхъ! Только благодаря такой работѣ, во всѣхъ открытыхъ заявленіяхъ протеста организованный пролетаріатъ города выступалъ, какъ единое цѣлое, по какому бы поводу ни былъ организованъ протестъ.

Но тутъ могутъ возразить: не поведетъ ли такая тактика къ суженію самой агитаціи, не придется ли агитатору всегда стараться выбирать и затрагивать вопросы, общіе всѣмъ національностямъ, населяющимъ данную мѣстность? Не останутся ли неиспользованными, или недостаточно освѣщенными тѣ мѣстныя явленія или мѣропріятія правительства, которыя касаются только отдѣльныхъ національностей? Да, это имѣло бы мѣсто, если бы наша Партія и теперь придерживалась тѣхъ взглядовъ, какіе господствовали въ пресловутый періодъ кустарничества и экономизма! Развѣ мы теперь въ своей агитаціи не касаемся всѣхъ проявленій современнаго политическаго и экономическаго режима, а сводимъ всю свою пропаганду только къ вопросамъ профессіональнымъ, или имѣющимъ нѣкоторое соотношеніе къ профессіональнымъ интересамъ рабочихъ? Развѣ не всѣ теченія современной общественной жизни, будетъ ли это антисемитизмъ, русскій либерализмъ, еврейскій сіонизмъ или армянскій національзмъ, дѣлаемъ мы темой для бесѣдъ съ рабочими, развѣ мы говоримъ съ ними только о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, или увеличеніи заработной платы? Если мы все это дѣлаемъ, если до этого развилась наша тактика, то какимъ образомъ могутъ остаться неиспользованными вообще какія-нибудь явленія политической жизни, особенно же такія, которыя живо затрагиваютъ интересы населенія цѣлой мѣстности! Мы, наоборотъ, должны стараться, чтобы русскій рабочій такъ же ясно сознавалъ весь вредъ, приносимый дѣлу объединенія пролетаріата, дѣлу политической свободы и вообще нормальному культурному развитію страны человѣконенавистнической политикой царскаго самодержавія, какъ сознаетъ это еврей, грузинъ, армянинъ, полякъ и т. д. Мы должны стремиться, чтобы рабочіе евреи, грузины, армяне и другіе ясно видѣли, въ какихъ разнообразныхъ, но единыхъ въ сущности, формахъ проявляется у разныхъ народовъ націонализмъ, какъ онъ является въ рукахъ враговъ пролетаріата реакціонной силой, мѣшающей классовому объединенію рабочихъ массъ, и какими средствами соціальдемократія борется съ нимъ. Такая широкая пропаганда классовой солидарности особенно необходима тамъ, гдѣ различныя національности тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, и вести ее необходимо и обязательно среди *всею* пролетаріата данной мѣстности, пользуясь всѣми возможными темами, независимо отъ того, касаются ли эти темы всѣхъ, или только одной національности. Вотъ почему безусловно правильна тактика кавказскихъ организацій, издающихъ *непремѣнно* всѣ прокламаціи и листки на русскомъ и туземныхъ языкахъ, независимо отъ того, говорится ли въ нихъ о еврейскихъ погромахъ, объ отобраніи армянскихъ церковныхъ имуществъ, о грузинскомъ дворянствѣ и т. д. При такой постановкѣ дѣла агитаціи ни одно изъ проявленій современнаго политическаго режима не останется безъ должнаго отклика. Единство агитаціи, единство пропаганды, единство организаціи естественно поведутъ и къ единству пролетарской психологіи, къ отстраненію отчужденности, къ подчиненію общеклассовымъ интересамъ интересовъ національныхъ. Такова тактика нашихъ кавказскихъ товарищей и это единственно вѣрная тактика соціальдемократіи среди разнообразія племенъ и націй Кавказа. Вездѣ и всюду мы должны рѣзко выступать противъ всякаго затемнѣнія классоваго сознанія пролетаріата, будетъ ли это совершаться націонализмомъ П. П. С., „соціаль-революціонной“ декламаціей буржуазно-демократическихъ „фракцій“ или организаціоннымъ сепаратизмомъ Бунда. *Только организовавшись въ единую, вполнѣ самостоятельную партію, безъ различія національностей, пролетаріатъ Россіи можетъ стать той могучей политической силой, которая способна будетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ авангардомъ всѣхъ революціонныхъ силъ страны и сломить въ конецъ самодержавіе.*

---

*) Т. е. интеллигентный пролетаріатъ, по обычной терминологіи.

Кавказецъ.

О КІЕВСКИХЪ СОЦІАЛИСТАХЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРАХЪ.

Какъ нельзя болѣе характерна для направленія соціалистовъ-революціонеровъ та позиція, которая занята кіевскимъ „Комитетомъ“ ихъ „партіи“ по вопросу объ іюльскихъ событіяхъ. Всѣ отличительныя черты этого направленія, представляющаго изъ себя уродливую смѣсь спазматическаго бунтарства съ доктринерскимъ экономизмомъ, нашли себѣ яркое выраженіе въ тѣхъ немногихъ дѣйствіяхъ и письменныхъ актахъ, которыми кіевская организація соц.-рев. заявила о своемъ существованіи во время кіевской стачки: тутъ и полное отсутствіе критическаго отношенія къ дѣйствительности, и неспособность затронуть хоть какъ-нибудь живой нервъ окружающей жизни, тутъ непониманіе самыхъ простыхъ и важныхъ вещей и схоластическое мудрствованіе надъ пустяками съ глубокомысліемъ достойнымъ Хемницеровскаго метафизика. Судите сами.

Въ то время, какъ кіевскій соц.-дем. Комитетъ усиленно занятъ подготовкой всеобщей стачки, — соціалисты-революціонеры озабочены составленіемъ и распространеніемъ гектографированнаго (какъ и всѣ прочія мѣстныя ихъ изданія) листка о выселеніи еврейскихъ ремесленниковъ изъ Кіева.

Это-ли не отсутствіе здраваго чутья и пониманія интересовъ минуты?!

Проходитъ нѣсколько дней. Стачка въ полномъ разгарѣ. Соц.-дем. Комитетъ, представляя интересы кіевскихъ рабочихъ, выпускаетъ массами листки, излагающіе ихъ требованія и объединяющіе ихъ на почвѣ общаго протеста. Организуются политическіе митинги. Работы такая масса, что едва хватаетъ времени и силъ на самое необходимое. Чѣмъ же заняты въ это время соц.-рев.? — Бросивъ вокругъ себя пытливый взоръ на заварившуюся суматоху, они замѣчаютъ, что полиція изъ силъ выбивается въ начавшейся травлѣ стачечниковъ. Работы ей прибавилось, а между тѣмъ размѣры получаемаго ею жалованья остались прежними. Вотъ удобное поприще для нашей дѣятельности — рѣшаютъ соціалисты-революціонеры — и, недолго думая, выпускаютъ листокъ къ городовымъ съ призывомъ бороться за улучшеніе своего положенія.

Картина: пролетаріатъ ведетъ отчаянную борьбу съ самодержавно полицейскимъ строемъ и въ это время соц.-рев. не находятъ ничего лучшаго, какъ принять на себя трудъ быть выразителями интересовъ низшихъ чиновъ полиціи. Это-ли не уродливая крайность доктринерскаго экономизма?

Въ самый разгаръ событій, когда при всеобщемъ возбужденіи безъ большого труда можно было вызвать новую кровопролитную стычку рабочихъ съ войсками, соц.-рев. приглашаютъ рабочихъ въ воскресенье 27 іюля, въ пять часовъ вечера, на вооруженную демонстрацію, на Еврейскій базаръ. Демонстрація эта къ счастью не состоялась. Не спазматическое ли это бунтарство самаго невысокаго пошиба?

Послѣ этой попытки „самостоятельно вмѣшаться“ кіевскіе соц.-рев. выпускаютъ листокъ съ оцѣнкой всего движенія. Общій смыслъ листка таковъ: „рабочіе на югѣ пережили тягостные дни“, ихъ движеніе потерпѣло „*неудачу*“, „волна движенія разбилась объ острые утесы самодержавія“, „рабочіе не добились прочныхъ успѣховъ“: объясняется это тѣмъ, что движеніе было якобы экономическимъ; но „лѣтнія событія дали *народу* урокъ“. Теперь для рабочихъ, молъ, ясно, что вся бѣда въ томъ, что они не послушались соц.-рев. и не свергли предварительно самодержавія (будто бы всеобщая стачка сама по себѣ не есть одна изъ формъ политической борьбы!).

Такимъ образомъ выходитъ, что польза движенія заключается лишь въ томъ, что рабочіе на своемъ горькомъ опытѣ поняли его безсмысленность и безцѣльность при самодержавномъ строѣ.

Но теперь, получивъ „урокъ“, переживъ (по винѣ соц.-дем., конечно) „тягостные дни“, они, можно надѣяться, возьмутся за умъ, и „отвергнувъ все (читай стачки), что отвлекаетъ рабочихъ отъ этой ближайшей цѣли“ (сверженіе самодержавія), пойдутъ, очевидно, за соц.-рев. на терроръ. Критически относясь къ всеобщимъ стачкамъ, авторы листка не останавливаются, впрочемъ, на вопросѣ о средствахъ политической борьбы.

Таковъ замаскированный смыслъ листка. Всегда терпѣливо сносящій всевозможныя выходки соц.-рев, (см. ст. „Искры“ „Еще о Тартюфахъ“), кіевскій Комитетъ на этотъ разъ измѣнилъ своему обыкновенію. Въ одномъ изъ своихъ листковъ („Кто побѣдилъ“?), подводя итоги экономическимъ завоеваніямъ желѣз.-дор. рабочихъ, соц.-дем. Комитетъ попутно отмѣтилъ стремленіе соц.-рев. умалить значеніе движенія, къ которому ихъ организація была совершенно непричастна. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе, занявшее всего пять строчекъ въ очень большомъ печатномъ листкѣ Комитета, соц.-рев. выпустили длиннѣйшій и очень грубый отвѣтъ, въ которомъ отрицается правильность замѣчанія соц.-дем. Комитета:

1) Причастность „Комитета“ соц.-рев. къ событіямъ несомнѣнно доказывается по ихъ мнѣнію тѣмъ, что отдѣльныя лица изъ ихъ числа арестованы во время стачки, что они распространяли свои листки (о выселеніи евреевъ и къ городовымъ?) и агитировали (среди городовыхъ?). Кромѣ того „въ теченіе всего страднаго года“ много де соц.-рев. было арестовано „именно за причастность къ рабочему движенію“. Но вѣдь этакъ разсуждая, слѣдуетъ признать „причастными“ къ кіевской стачкѣ, пожалуй, и народовольцевъ, и притомъ въ значительно большей степени!

2) Явное умаленіе экономическихъ завоеваній стачки и ея значенія, какъ средства политической борьбы, проведенное въ листкѣ въ замаскированной формѣ, — вовсе отрицается соц.-рев.: здѣсь молъ произошло недоразумѣніе, ихъ не поняли, они только говорили о томъ, что въ движеніи сказалось слабое политическое сознаніе массъ. Стоитъ только прочесть ихъ первый листокъ, чтобы убѣдиться, на сколько это утвержденіе вѣрно.

3) Касаясь вопроса о вооруженной демонстраціи, готовящейся ими въ одинъ изъ тревожныхъ дней, соц.-рев. притворяются непонимающими, о чемъ идетъ рѣчь, и заявляютъ, что приглашали рабочихъ за одно съ соц. дем. Комитетомъ на Софійскую площадь. Объ этомъ мы слышимъ впервые. Говоря о вооруженной демонстраціи, соц. дем. Комитетъ разумѣлъ ту, которая готовилась соц.-рев. въ воскресенье 27, въ пять час. веч. на Еврейскомъ базарѣ. Надѣемся, что они не станутъ отрицать этого факта.

Насколько соц.-рев. неразборчивы въ выраженіяхъ, видно изъ того, что упоминаніе объ этой демонстраціи они назвали инсинуаціей со стороны Комитета, видимо, считая позорнымъ для своей чести неправильно, допустимъ, приписываемое имъ намѣреніе устроить вооруженную демонстрацію.

До самаго послѣдняго времени отношенія между соц.-рев. и соц.-дем. въ Кіевѣ были совершенно безразличныя, что объясняется отсутствіемъ точекъ соприкосновенія между двумя этими организаціями. И лишь въ періодъ активной, напряженой борьбы, всколыхнувшей весь Кіевъ, эта рознь ярко вскрылась, обнаруживъ рѣзкое противорѣчіе между исходными точками зрѣнія и навыками мысли обоихъ этихъ направленій.

P. S. Упомянутый въ этой корреспонденціи полемическій листокъ кіевскихъ соц.-рев. напечатанъ въ № 33 „Рев. Росс.“ и снабженъ соотвѣтствующимъ редакціоннымъ примѣчаніемъ. Редакція и тутъ пустила въ ходъ успѣшно практикуемый ею способъ подтасовки предмета спора. Въ инкриминируемыхъ пяти строкахъ прокламаціи с. р. комитета указывается лишь на то, что соц. рев. имѣютъ неправильное представленіе объ экономическихъ завоеваніяхъ рабочихъ. Вотъ и *все*, что было сказано. Въ этомъ легко убѣдиться, такъ какъ сама „Рев. Рос.“ приводитъ эти пять строкъ. Между тѣмъ и редакція „Р. Р.“, и напечатанный ею листокъ кіевскихъ соц.-рев. приписываютъ кіевскимъ соц.-дем. мнѣніе, будто-бы движеніе было вполнѣ сознательнымъ, будто-бы комитеты руководили движеніемъ въ той степени, въ какой это желательно и необходимо. Какъ можно было выудить изъ прокламаціи „Кто побѣдилъ?“ такія мысли, — совершенно непонятно.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пробуждающіеся пошехонцы. Пошехонецъ пробуждается... Не тотъ грязный, неумытый и нечесаный пошехонецъ, котораго вытащилъ на свѣтъ божій Щедринъ, а пошехонецъ современный, пошехонецъ, подстриженный и причесанный, читающій „Ниву“ и толкующій время отъ времени объ экономическомъ развитіи Россіи. Не смотря на болѣе культурную внѣшность, по внутреннему содержанію современный пошехонецъ очень похожъ на своего предка: то же умственное убожество, то же равнодушіе къ общественнымъ вопросамъ и, наконецъ, та же дѣвственная пустыня по части вопросовъ политическихъ.

Волна послѣднихъ событій захлестнула пошехонца и неожиданно поставила передъ нимъ рядъ политическихъ вопросовъ. Недоумѣвающій и растерянный стоитъ пошехонецъ передъ этими огромными забастовками, передъ этими многочисленными собраніями, политическими рѣчами, революціонными криками, стычками съ войсками и выстрѣлами... Недоумѣвающій и растерянный, онъ силится понять что нибудь и не можетъ понять. И рядъ вопросовъ, безсмысленныхъ и нелѣпыхъ, лѣзетъ въ одурѣлую, отвыкшую отъ мыслей голову пошехонца: Почему? Откуда народъ? Почему собраніе? Зачѣмъ дома не сидятъ? Почему шумятъ? На какомъ основаніи бунтъ? Зачѣмъ „Долой самодержавіе“? Какъ смѣютъ дерзать? По какому поводу политическая свобода? Что случилось? Почему по прежнему не живутъ?

И, безсильный сквозь сонную одурь, еще охватывающую его мозги, разобраться въ разыгравшихся грозныхъ событіяхъ, пошехонецъ начинаетъ сердиться и ругать все и всѣхъ, кто попадетъ подъ руку: и „блузниковъ“, и самодержавіе, и „агитаторовъ“, и политическую свободу... А наругавшись, онъ съ грустью предается философскимъ размышленіямъ на политическія темы по образцу гоголевскаго судьи, который думалъ, будто всѣ непріятности отъ того, что „это все французъ гадитъ“.

Вотъ образчики пошехонской политической мудрости, которые мнѣ случайно удалось собрать во время моихъ скитаній по югу Россіи.

Неуклюжій, широкій и приземистый помѣщикъ — совсѣмъ Собакевичъ, и аппетитъ такой же безграничный — задержанъ былъ событіями въ Одессѣ.

— „Вы не можете себѣ представить — говоритъ онъ сиплымъ голосомъ, прожевывая бифштексъ и запивая его пивомъ — какъ они дерзки, эти блузники!... Я ѣду съ женой и дѣтьми на пароходѣ. Кругомъ цѣлая толпа блузниковъ, кричатъ: „Не ѣздите, пароходъ не пойдетъ“... Я тотчасъ же потребовалъ десятокъ казаковъ, чтобы пробиться къ пристани... Казачій офицеръ мнѣ отвѣчаетъ: „Мнѣ дѣла нѣтъ до вашей жены“... И вѣдь знаете, это все прусское общество намъ гадитъ. Прусское правительство ничего противъ Россіи не имѣетъ, но прусское общество вооружено противъ насъ... Представьте: собраны огромныя деньги, они послали сюда массу агитаторовъ, и теперь сѣютъ смуту!... И я не понимаю, чего смотритъ наше правительство? Какъ не замѣтили до сихъ поръ опасности? Въ теченіе 10 лѣтъ Витте велъ насъ къ пропасти. И теперь только опомнились, теперь, когда наступили эти бунты, вина которыхъ цѣликомъ ложится на Витте. Потому что онъ, онъ довелъ народъ до бунтовъ“... Если, по мнѣнію Собакевича, въ „бунтахъ“ виноваты не то прусскіе агитаторы, не то Витте, то деревенскій лавочникъ, встрѣченный мной въ вагонѣ III класса, упорно думаетъ, что ни Витте, ни пруссаки тутъ ни при чемъ, а виноваты англичане, которые задумали захватить Петербургъ и потому вошли въ сношенія съ евреями, которые уже неизвѣстно почему заинтересованы, чтобы Петербургъ былъ взятъ англичанами. И вотъ этотъ то союзъ англичанъ и евреевъ и мутитъ, давая огромныя деньги „соціаламъ“, которые вообще хотѣли бы все и всѣхъ уничтожить, дома сжечь, деньги истребить, людей поубивать...

Что касается до евреевъ, то еврей-комиссіонеръ съ хитрымъ видомъ увѣрялъ меня, что онъ все это „прекрасно понимаетъ, но евреямъ надо молчать... А впрочемъ, на нашъ вѣкъ все-же, быть можетъ, и хватитъ“ — закончилъ онъ.

А вотъ молодой ученый, магистрантъ астрономіи при московскомъ университетѣ, который въ политическихъ вопросахъ не то дѣйствительно пошехонецъ, не то притворяется пошехонцемъ. Онъ силится увѣрить, что русское дворянство не привилегированное сословіе, привилегированнымъ же сословіемъ является въ Россіи... рабочій классъ, ибо правительство всячески покровительствуетъ рабочимъ, а эти неблагодарные только мѣшаютъ своими бунтами мирной работѣ правительства.

Совсѣмъ странно смотритъ на послѣднія событія студентъ, бывшій прежде уланомъ. Онъ сожалѣетъ, повидимому, о своемъ прежнемъ „офицерскомъ званіи“ и доказываетъ превосходство „офицерскаго званія“ надъ студенческимъ тѣмъ соображеніемъ, что въ такихъ случаяхъ, какъ бунты „офицеръ бьетъ по физіономіи и бываетъ правъ“, что для студента неосуществимо. Впрочемъ, къ рабочимъ онъ относится благосклонно и не одобряетъ лишь ихъ „подчиненіе голосу подпольной печати“, которую онъ и самъ когда то (ужъ не уланомъ-ли?) почитывалъ, но затѣмъ „презрѣлъ“...

Въ заключеніе приведу сентенціи начальника батумскаго депо г. Оболенскаго: „Ну, хорошо! — жаловался онъ — мало тамъ получаютъ, стачки тамъ устраиваютъ, — ихъ дѣло; за это съ ними разсчитаются. Но я то при чемъ? Пообѣдать, какъ слѣдуетъ, нельзя! — мяса нѣтъ. Нѣтъ, это что... Вы подумайте: жена больна, за докторомъ съѣздить — фаэтона нѣтъ... А, что?! Прямо бы сѣлъ на лошадь, да въ плети ихъ, мерзавцевъ! Нечего церемониться“.

Какъ видите, большой сумбуръ въ головахъ пошехонцевъ, но въ этомъ сумбурѣ есть уже зачатки политической мысли. Несомнѣнно, пошехонецъ пробуждается къ политической мысли и скоро совсѣмъ пробудится.

Солдаты и рабочіе. (Письмо изъ Кіева). Послѣ стачки мнѣ какъ-то пришлось бесѣдовать съ солдатами по поводу этихъ событій. Солдаты жалуются и плачутся: „и что это рабочіе противъ насъ? Нѣтъ, мы имъ совсѣмъ не враги. Насъ заставляютъ такъ съ ними обращаться“. — „Ну, говорю я, вы не хотите, а все же стрѣляете въ вашихъ братьевъ и сестеръ.“ „Да развѣ мы стрѣляемъ?!!“ говорятъ солдаты. — „А какъ же?“ удивился я. Если вы не стрѣляете, то кто же во время забастовки убилъ столькихъ людей?!“ — „Какая это стрѣльба. Подумайте, если бы мы хотѣли, то съ одного залпа разбили бы всю толпу! Конечно, кое-кто убитъ и раненъ. Это потому, что среди насъ есть темные люди, которые цѣлятся. Но большинство — въ толпу не стрѣляло. Развѣ мало мѣста для пуль вверху? Слушайте, мы ничѣмъ не виноваты; но вы старайтесь организовать нашихъ офицеровъ, все зависитъ отъ нихъ, а мы ужъ на все согласны и готовы.“

Въ другой разъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ солдатами по поводу прокламаціи отъ Кіевскаго Комитета „Къ солдатамъ Кіевскаго военнаго округа“. Прокламація была написана хорошо и трогательно и сильно взволновала солдатъ. Они мнѣ разсказывали, что они всѣ читали ее и перечитывали, нѣкоторые даже выучивали ее наизусть. Когда вѣсть о прокламаціяхъ дошла до офицеровъ, то произошло смятеніе. Былъ обыскъ во всей казармѣ и почти у каждаго солдата нашли по одному листку. Начали дѣлать дознаніе, какъ они сюда попали, но ничего не открыли. Дневальные были оштрафованы и учрежденъ за солдатами сильный надзоръ. Но несмотря на это, солдаты просятъ и умоляютъ не забывать ихъ и давать имъ почаще прокламаціи.

Рабочій.

Одесса. Массовые аресты за послѣднее время, притомъ безъ всякаго повода, приводили всѣхъ въ недоумѣніе. Наконецъ все выяснилось. Пріѣхалъ къ намъ новый градоначальникъ Нейгардъ съ спеціальной цѣлью искоренить „крамолу“. Всѣхъ, арестованныхъ во время стачки и затѣмъ выпущенныхъ, вновь забрали. На вокзалѣ арестовано 10 человѣкъ якобы вожаковъ и руководителей стачки. Вокзальные рабочіе бросили работу и обѣщаютъ не возобновлять ее впредь до освобожденія товарищей. Изъ другихъ подвиговъ новаго одесскаго царька отмѣтимъ его рѣчь въ думѣ такого приблизительно содержанія: „Вы, господа, государевы слуги, облеченные довѣріемъ государя, служите государеву дѣлу, а потому ура“! Гласные, конечно, поддержали его.

Пріѣжалъ къ намъ генералъ отъ самодержавія Богдановичъ. Желѣзно-дор. начальство, очевидно, по повелѣнію свыше, еще наканунѣ пріѣзда рыскало по мастерскимъ, отыскивая подходящихъ рабочихъ для составленія привѣтственной „депутаціи“. Съ трудомъ кое-какъ набрали 17 „благонадежныхъ“ „депутатовъ“. Генералъ встрѣтилъ ихъ привѣтливо: „Что вамъ, братцы, нужно“? — „Велѣно къ вамъ явиться, ваше превосходительство“. — „Т. е. какъ это велѣно“? — сконфузился генералъ — „вы ошиблись, вамъ, должно быть, предложили“. — „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, велѣно итти къ генералу, — мы и пошли“. Насилу рабочіе поняли, что генералу хочется, чтобы они розыграли комедію „представительства“. Покончивъ съ этимъ, генералъ усадилъ своихъ гостей и повелъ съ ними бесѣду. Подали чай съ сладкими сухарями. Генералъ разсказывалъ о мощахъ Серафима Саровскаго, о Өеодосіи Черниговскомъ и, наконецъ, о Касперовской иконѣ божіей матери. Объ этой „чудотворной“ иконѣ генералъ всегда разсказываетъ, что она излѣчила его отъ тяжкаго недуга — слабоумія; но всѣ, слышавшіе рѣчи почтеннаго генерала, увѣряютъ, что это невѣрно. Отъ „священныхъ“ разговоровъ генералъ перешелъ къ забастовкамъ: „Зачѣмъ вы, братцы, забастовки устраиваете“? Рабочіе начали говорить о томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ находится русскій рабочій, о нуждѣ и голодѣ. „Все это хорошо, а зачѣмъ же „долой самодержавіе“ кричать“? — „Да что жъ, обращались мы и къ нашему начальству, писали разныя прошенія, все ничего не выходило. Поневолѣ „долой самодержавіе“ закричишь“ — горячо отвѣтилъ одинъ изъ депутатовъ. Генералъ опѣшилъ. „Восемь лѣтъ — добавилъ другой депутатъ — я работалъ, надрывался и никакого толку не было, а какъ пошли забастовки, хотя и двугривенный, а все же набавили“. „Ну, а прокламаціи читаете“? — освѣдомился генералъ. „Какъ не читать — читаемъ!“ Собесѣдники, повидимому, пришлись генералу не по вкусу, и онъ скоро отпустилъ ихъ, наградивъ всяческими совѣтами и своими книженками. Разсказъ „депутатовъ“ вызвалъ среди жел.-дор. раб. цѣлое море смѣха и шутокъ по адресу генерала.

Одинъ изъ депутатовъ такъ передавалъ свои впечатлѣнія: „А хорошо было у генерала, я три стакана чаю съ сладкими сухарями выпилъ“. — „Ну, а что же еще было?“ — „Да все, старый хрѣнъ, про Серафимчика разсказывалъ“. Принесенныя „депутатами“ книжки были торжественно разорваны въ мастерской. Второй дебютъ странствующаго агитатора имѣлъ мѣсто въ казармѣ ополченцевъ. Опять тѣ же рѣчи о Серафимчикѣ, о Өеодосіи, о божіей матери. Уставшимъ офицерамъ надоѣло слушать эту дребедень, и они шумными движеніями стали выражать свое недовольство. Нижніе чины послѣдовали ихъ примѣру, и генералъ едва успѣлъ закончить свою рѣчь среди поднявшагося шума, стука и кашля.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій фабрично-заводскаго отдѣла одесскаго техническаго общества предложенъ былъ на обсужденіе вопросъ о стачкахъ. Долго гг. русскіе предприниматели робко ходили вокругъ да около вопроса, топчась на мѣстѣ то верхъ брала боязнь передъ новыми движеніями среди рабочихъ, то сознаніе ихъ неизбѣжности, то упрекали они правительство за попустительство, то осуждали его за грубость... Неизвѣстно, долго-ли продолжалось бы это топтаніе на мѣстѣ, если бы не всталъ директоръ механическаго завода, англичанинъ Гаррисъ, и на ломаномъ русскомъ языкѣ не преподалъ бы своимъ русскимъ товарищамъ элементарнаго урока на тему „о свободномъ договорѣ“. Сэръ Гаррисъ сообщилъ, что родина его, Англія, давно не боится стачекъ, а наоборотъ видитъ въ нихъ хорошее пособіе въ дѣлѣ улаженія конфликтовъ между капиталомъ и трудомъ. Тѣмъ болѣе справедливо это для Россіи. „Вѣдь, у васъ есть, господа, средство противъ пониженія вашихъ прибылей за счетъ повышенія заработной платы. Повысился расходъ на производство, и... что причитается, возьмите съ потребителя“. — „Вѣрно! На нашъ вѣкъ хватитъ“ — рѣшили слушатели и согласились съ „просвѣщеннымъ мореплавателемъ“. Въ случаѣ чего будутъ драть съ „потребителя“, и съ рабочими непріятностей все же меньше. Пусть ихъ бастуютъ. Рѣшили и составили ходатайство о разрѣшеніи рабочимъ стачекъ, съ огражденіемъ отъ насилованія уклонившихся отъ участія въ нихъ. Ходатайство препровождено „куда слѣдуетъ“, и, конечно, благополучно успокоится подъ зеленымъ сукномъ...

О херсонскомъ губернаторѣ сообщаютъ, что этотъ помпадуръ, собирая крупную „дань“ съ „подвѣдомственной“ ему губерніи, не брезгуетъ и мелкими подачками и примѣняетъ классическіе „куроцапскіе“ методы обиранія обывателей. Беретъ онъ раковъ на пароходѣ и не платитъ, а когда буфетчикъ посылаетъ ему счетъ, то на слѣдующій день получаетъ увольненіе: ѣздитъ по три часа на извозчикахъ и платитъ за все время... двугривенный. Пытающіеся протестовать попадаютъ въ участокъ. Рестораторъ благороднаго собранія послалъ нашему „куроцапу“ корзину съ отборными фруктами и счетъ на 11 руб. Благодаря этому онъ попалъ въ опалу, а деньги ему заплатилъ не помпадуръ, а старшины собранія изъ собственныхъ кармановъ, получивъ еще при этомъ строгій выговоръ.

Къ статистикѣ арестованныхъ. Намъ доставленъ списокъ сидящихъ въ мужскомъ отдѣленіи одесской тюрьмы, заключающій 105 человѣкъ. По возрасту они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 16 л. — 1, 17 л. — 4, 18 л. — 11, 19 л. — 11. 20 л. — 14, 21 г. — 15, 22 л. — 3 25 л. — 4, отъ 25 до 30 — 17, отъ 30 до 40 — 10, старше 40 л. 3 (изъ нихъ одинъ — старикъ 75 л., арестованный за угрозу убить Ник. Милушу). Изъ всѣхъ сидящихъ 73 подвергнуты аресту въ первый разъ, 29 во второй разъ, одинъ въ третій разъ, и двое, отбывающихъ наказаніе. По занятіямъ арестованные распредѣляются: столяровъ — 18, портныхъ — 17, учителей — 7, булочниковъ — 4, маляровъ, переплетчиковъ, электротехниковъ, чернорабочихъ, слесарей, бывшихъ студентовъ и лицъ съ неопредѣленными занятіями — по трое; каменолощиковъ, печниковъ, сапожниковъ, чайныхъ упаковщиковъ, заборщиковъ, земледѣльцевъ, экстерновъ и газетныхъ сотрудниковъ — по двое; кожевниковъ, обойщиковъ, штукатуровъ, колодочниковъ, токарей, плотниковъ, заготовщиковъ, механиковъ, литейщиковъ, типографскихъ рабочихъ, барышниковъ, живописцевъ, торговцевъ, телеграфистовъ, конторщиковъ, вояжеровъ, фотографовъ, комиссіонеровъ, прикащиковъ, домовладѣльцевъ и музыкантовъ — по одному. У 53 арестованныхъ ничего не найдено, у 40 — прокламаціи и литература, у 3 — оружіе, у 2 — типографіи, у одного — шрифтъ (44 фунта) и у еще одного — бумага и печать. 26 арестованныхъ привлекаются по дѣлу о двухъ типографіяхъ; къ 16 предъявлено обвиненіе въ распространеніи литературы; къ 13 — въ храненіи; къ 15 — въ принадлежности къ партіи с.-д.; къ 14 — въ принадлежности къ партіи с.-р.; къ 19 — въ принадлежности къ тайной партіи(?); къ 6 — въ подготовкѣ стачки и устройствѣ забастовки; къ 4 — въ участіи въ демонстраціи 1 мая; къ 4 — въ подстрекательствѣ; къ 3 — въ участіи въ манифестаціи, бывшей въ синагогѣ; трое привлекаются „по дѣлу Рабиновича“; двое — „по дѣлу Иванова“; одинъ — за угрозу убить Николая II; одинъ обвиняется въ участіи въ Орг. Ком.: въ печатаніи прокламацій, въ произнесеніи рѣчей, агитаціи въ деревнѣ и переплетеніи нелегальной литературы обвиняется по одному человѣку. Къ 53 арестованнымъ, у которыхъ ничего не найдено, предъявлены слѣдующія обвиненія: участіе въ типографіи — 18, принадлежность къ тайной партіи (?) — 7, принадлежность къ партіи с.-р., — 7, принадлежность къ партіи с.-д. — 5, подготовка къ стачкѣ и устройство забастовки — 6, манифестація въ синагогѣ — 3, „по дѣлу Рабиновича“ — 3, „по дѣлу Иванова“ — 2, подготовка первомайской демонстраціи — 2, распространеніе литературы — 1 и подстрекательство — 1. По времени ареста арестованные распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ февралѣ н. г. арестовано 2, въ мартѣ — 10, въ апрѣлѣ — 16, въ маѣ — 14, въ іюнѣ — 24, въ іюлѣ — 38. Одинъ изъ арестованныхъ сидитъ съ 27 ноября 1902 года.

Екатеринославъ. (Письмо изъ тюрьмы.) Наше письмо окажется нѣсколько запоздавшимъ, но что дѣлать: сидя за рѣшеткой, подъ желѣзнымъ засовомъ и подъ строгимъ надзоромъ тюремныхъ церберовъ, не всегда имѣешь возможность во время сообщить свободнымъ и борющимся товарищамъ о томъ, что происходитъ въ тюрьмѣ. А въ тюрьмѣ порой происходятъ весьма поучительныя событія... Въ екатеринославской тюрьмѣ политическимъ сидится сравнительно сносно. До сихъ поръ екатеринославскіе заключенные подчинялись производившимся приблизительно разъ въ мѣсяцъ обыскамъ, добившись, однако, того, что обыскъ производился вѣжливо. Насъ не ощупывали, и нѣкоторые совсѣмъ не позволяли себя обыскивать, и все обходилась мирно и тихо. 22 іюля былъ такой обыскъ, причемъ нашли кой-какую мелочь: нелегальныя стихотворенія, деньги и т. п. 24 іюля на „заднемъ строеніи“, гдѣ сидитъ большинство политическихъ, услышали, что у политическихъ въ „башняхъ“ производятся вновь обыски и при томъ въ страшно грубой формѣ: толпа надзирателей врывается въ камеру, ощупываютъ съ ногъ до головы заключенныхъ, обращаясь чрезвычайно грубо. Политическіе заключенные „задняго строенія“ успѣли сговориться и рѣшили воспротивиться такому грубому обыску. Администрація, повидимому, разсчитывала на сопротивленіе и явилась цѣлой ордой: во главѣ помощникъ начальника, за нимъ нѣсколько надзирателей, десятокъ конвойныхъ солдатъ и нѣсколько надзирателей изъ арестантскихъ ротъ; шествіе замкнули надзирательницы изъ женскаго отдѣленія. На встрѣчу этой компаніи раздалось дружное пѣніе „Варшавянки“. Въ первой же камерѣ свора встрѣтила сопротивленіе. Обыскиваемыхъ схватываютъ за руки и за ноги, тогда раздается крикъ: „Товарищи! надъ нами производится насиліе“! Уголовные подхватываютъ: „политическихъ бьютъ“. Зазвенѣли стекла въ окнахъ, подымается оглушительный шумъ и стукъ. На шумъ является тюремное начальство, политическіе требуютъ прокурора. За прокуроромъ посылаютъ, но обыскъ продолжается. Всюду имъ оказываютъ сопротивленіе. Въ нѣкоторыхъ камерахъ происходятъ свалки. Особенно безобразно ведетъ себя тюремная свора въ женскихъ камерахъ. Конвойные хватаютъ женщинъ за руки и за ноги подымаютъ на воздухъ и въ такомъ положеніи надзирательницы обыскиваютъ, разстегивая платья на виду у 20-30 чел. Наконецъ явился прокуроръ, распорядился продолжать обыскъ, а самъ началъ обходить камеры, уговаривая всѣхъ, что они понапрасну волнуются, что у нихъ слишкомъ сильное воображеніе, что они видятъ оскорбленіе тамъ, гдѣ его нѣтъ и, наконецъ, что онъ взыщетъ съ тюремной администраціи. А 29 іюля намъ уже было объявлено наказаніе: всѣ лишены были на мѣсяцъ свиданій, письменныхъ принадлежностей и права выписки продуктовъ изъ лавочки. Кромѣ того, всѣ на семь дней были посажены на хлѣбъ и на воду и лишены прогулокъ. Наконецъ, со всѣхъ взыскиваютъ деньги за побитыя стекла, двери, рамы и скамейки. Лишеніе права выписки означало буквально объявленіе намъ почти полной голодовки. Поэтому, относясь вообще отрицательно къ тюремнымъ голодовкамъ, находя ихъ мало дѣйствительнымъ и слишкомъ дорого стоющимъ средствомъ, мы тѣмъ не менѣе объявили голодовку, выставивъ требованіе: снять наказаніе. Голодовка продолжалась пять дней. Затѣмъ явился прокуроръ и объявилъ, что семь дней хлѣба и воды намъ объявлены „по ошибкѣ“. Остальныя наши требованія не были удовлетворены. Сперва было рѣшено продолжать голодовку, но многіе черезчуръ ослабѣли... Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней наши требованія „неофиціально“ были удовлетворены.

Вильна. 29 сентября (ст. ст.). Гомельскія событія привели нашъ городъ въ сильное волненіе. Извѣстіе о нихъ проникло къ намъ задолго еще до правительственнаго сообщенія. Повсюду только и разговоровъ было, что о погромѣ и вооруженномъ отпорѣ, оказанномъ евреями. Въ рѣчахъ слышатся озлобленныя нотки по адресу погромщиковъ, а часто добираются до настоящаго виновника — правительства. Когда же было опубликовано правительственное сообщеніе и потомъ рѣчь могилевскаго губернатора, озлобленіе противъ правительства замѣчалось еще сильнѣе. Это сообщеніе, въ которомъ „благонадежные люди обвиняютъ за все евреевъ“; эта мерзкая рѣчь, которая обвиняетъ евреевъ за то, что они стали людьми, такъ ярко и выпукло рисующія нашу самодержавную клику, принесли намъ много пользы. Трудно послѣ этого не понять, кто отвѣтчикъ за всѣ кровавыя жертвы погрома; нельзя ошибиться, на чьей сторонѣ правительство. Вскорѣ же послѣ этого, распространился въ городѣ слухъ, что и въ Вильнѣ подготовляется погромъ. Извѣстенъ былъ даже день, именно день праздника „искупленія, (іомъ кипуръ). Какъ встрѣчено было это извѣстіе еврейскимъ населеніемъ, рисуетъ слѣдующій фактъ. За нѣсколько дней до праздника, пришелъ я въ одно патріархальное еврейское семейство. Старушка-хозяйка спрашиваетъ меня, слышалъ-ли я о томъ, что здѣсь ожидается погромъ. На мой утвердительный отвѣтъ она продолжаетъ, что всѣ вооружаются, и она рѣшила не быть исключеніемъ. Она уже послала мужа за револьверомъ, оставленнымъ кѣмъ-то у нея и спрятаннымъ въ другомъ мѣстѣ, купить патроны и приготовится къ оборонѣ. Такое отношеніе являлось почти всеобщимъ; не страхомъ, а озлобленіемъ и готовностью къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчался большей частью слухъ объ ожидаемомъ погромѣ. Насталъ день праздника. На улицахъ замѣчается больше обыкновеннаго полиціи; по городу расхаживаетъ группами еврейская молодежь; чувствуется какое-то нервное напряженіе. Часовъ въ 12 дня разнесся было слухъ, что на Зарѣчьѣ (часть города) бьютъ евреевъ: сейчасъ же группа евреевъ бросилась туда, но слухъ оказался ложнымъ. Праздникъ прошелъ спокойно, и всѣ приготовленія, къ счастью, оказались излишними. Гомельскія событія и ожидаемая бойня, а, главное, отношеніе правительства и его сатрапа ко всему этому, еще болѣе развили политическое сознаніе и оппозиціонное настроеніе еврейскихъ массъ къ современному режиму. Симпатіи къ революціонерамъ возросли, и недавно выпущенная прокламація Бунда о Гомельскихъ событіяхъ читается въ самыхъ буржуазныхъ домахъ. Рѣзкимъ диссонансомъ послѣ этого прозвучала гнусная рѣчь, или вѣрнѣе попытка произнести рѣчь, нашего общественнаго раввина, г. Немзера, во второй день праздника „кущей“ въ Большой синагогѣ. Сему достославному мужу, повидимому, не даютъ спать подлости фонъ Валей, Оболенскихъ, Богдановичей, могилевскаго губернатора и остальной братіи. Его мелкая душонка такъ и рвется быть въ ихъ компаніи; ему также хочется быть записаннымъ на страницахъ исторіи, страницахъ гнусности и мерзости рядомъ съ ихъ именами. Начавъ съ того, что онъ не хотѣлъ было говорить, но современное положеніе таково, что заставляетъ его указать на серьезность переживаемаго нами времени и отдѣлить агнцевъ отъ волковъ, онъ обрушился на тѣ „злонамѣренные“ элементы, слѣдствіемъ дѣятельности которыхъ являются событія вродѣ гомельскихъ, кишиневскихъ и т. п. Но тутъ раздался такой свистъ и крики: „долой“, „довольно“, что нашъ „бѣдный пастухъ“ принужденъ былъ замолчать и предоставить свое „стадо“ „произволу судьбы“, бросивъ при этомъ обвиненіе, что въ погромахъ виноваты сами евреи. Еврейская масса дала понять этому царскому халую, а въ лицѣ его и правительству, что не ему учить ее пониманію совершающихся событій, не ему, подхалиму самодержавной шайки, направлять ея поступки. Довольно съ нея непрошенныхъ „учителей“ Крушевановъ, Суворинныхъ, Юзефовичей и т. п. Она не потерпитъ въ храмѣ пропаганду мерзости и гнусности.

Курскъ. Съ половины сентября началась въ тюрьмѣ голодовка. Причиной голодовки явилось распоряженіе перевести одного изъ заключенныхъ на казенный паекъ за отказъ послѣдняго назвать жандармамъ свое настоящее имя. Голодающіе по распоряженію начальства подвергнуты насильственному кормленію.

Изъ хроники судебныхъ преслѣдованій.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

по дѣлу о 1) Дмитріи Ивановѣ Ждановѣ, 26 л., 2) Влад. Абрамовѣ Хасберовѣ, 21 л., 3) Николаѣ Лаврентьевѣ Перадзе, 19 л., 4) Георгіи Федоровѣ Гудадзе, 19 л., 5) Иванѣ Давыдовѣ Сухіевѣ, 18 л., 6) Давидѣ Романовѣ Канкамидзе, 26 л., 7) Давидѣ Тедозашвили, 19 л., 8) Василіи Алексан. Самхарадзе, 20 л., 9) Георгіи Александровичѣ Квесадзе, 28 л., 10) Сергѣѣ Захаровичѣ Арутюновѣ, 22 л., 11) Василія Зурабовѣ Лобадзе, 21 л., 12) Романѣ Гавриловѣ Мегрелишвили, 13) Матвѣѣ Масаблишвили, 23 л., 14) Прокофіи Максимовѣ Кикнавелидзе, 15) Леонѣ Григорьевѣ Чахваянцѣ.

14 іюля сего года въ 8 час. утра въ депо ст. Михайлово раздался тревожный гудокъ и рабочіе около 200 человѣкъ, прекративъ работу, вышли на полотно желѣзной дороги. Къ нимъ присоединились ремонтные рабочіе, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа направилась къ расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, гдѣ всѣхъ рабочихъ заставили прекратить работу. Проходя по путямъ, кто-то изъ толпы, поднявъ вверхъ револьверъ, выстрѣлилъ, а толпа начала кричать ура. Въ это время подошелъ къ ст. Михайлово товарный поѣздъ изъ Тифлиса и толпа, отцѣпивъ паровозъ, оставила на пути вагоны съ цѣлью прекращенія на главномъ пути движенія поѣздовъ. Захватывая по пути стрѣлочниковъ, толпа около паровознаго сарая потушила топку паровозовъ и сняла съ одного паровоза регуляторъ. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла къ конторѣ начальника участка пути и заставила всѣхъ служащихъ уйти изъ конторы, а также изъ помѣщенія телеграфа. Во главѣ толпы находился ремонтный рабочій Романъ Мегрелишвили. Отъ имени толпы было заявлено требованіе о прекращеніи дѣйствія телеграфа во избѣжаніе передачи депешъ съ просьбой о присылкѣ войскъ. Встрѣтивъ по дорогѣ помощника машиниста Ахабадзе, который отказался прекратить работу, толпа, по приказанію помощника слесаря депо Николая Перадзе, нанесла ему побои, а также Владиміръ Хосберовъ и Прокофій Кикнавелидзе нанесли удары жандармскому унтеръ-офицеру Баклачѣ, уговаривавшему толпу разойтись. Сойдя съ пути желѣзной дороги, толпа отправилась на базаръ ст. Михайлово, закрыла лавки и заставила слѣдовать за собой всѣхъ торговцевъ. На базарѣ жандармскій унтеръ-офицеръ Носко увидѣлъ въ рукахъ помощника слесаря Ивана Сухіева красный флагъ, а у другихъ рабочихъ зеленыя вѣтки. Вернувшись на ст. Михайлово, толпа, въ составѣ до 500 человѣкъ, остановилась на желѣзнодорожномъ мосту черезъ р. Сурамулу, около котораго соединяется главный путь Закавказск. жел. дор. съ Боржомск. и Сурамск. путями. Къ толпѣ подошелъ нач. участка пути Муатъ и помощникъ его Даль, причемъ одинъ изъ рабочихъ пріѣхавшій, по мнѣнію Даля, изъ Тифлиса, заявилъ имъ, что толпа требуетъ восьмичасового труда, надбавки въ 25% къ заработной платѣ, принятія на службу уволенныхъ изъ депо рабочихъ и увольненія мастеровъ изъ депо. Муатъ обѣщалъ телеграфировать начальнику дороги о требованіяхъ рабочихъ, но толпа не расходилась. Переговоры вели съ Муатомъ, кромѣ указаннаго рабочаго, также слесарь депо Владиміръ Хосберовъ и Романъ Мегрелишвили, который кричалъ, что не сойдетъ съ пути и поѣздовъ не пропуститъ. Въ это время подошла вызванная Сурамскимъ приставомъ Подгорнымъ изъ Сурама мѣстная команда, въ числѣ 40 человѣкъ, вмѣстѣ съ начальникомъ команды капитаномъ Дигуровымъ. Послѣдній получивъ, кромѣ извѣщенія пристава, телеграмму тифлисскаго губернатора объ оказаніи содѣйствія администраціи къ полному прекращенію волненія, привелъ свою команду на ст. Михайлово и сталъ на старомъ полотнѣ, около соединенія главнаго пути съ Боржомскимъ и Сурамскимъ путями, въ 100 шагахъ отъ стоявшихъ на мосту и путяхъ рабочихъ. Приставъ Подгорный и капитанъ Дигуровъ подходили нѣсколько разъ къ толпѣ и приказывали разойтись, объясняя, что въ случаѣ неповиновенія будутъ стрѣлять. Между тѣмъ помощникъ слесаря Николай Перадзе, машинистъ Ждановъ и конторщикъ Василій Самхарадзе, согласно показанію стражниковъ Безмина и Поповиченко, уговаривали толпу не расходиться. Ждановъ подавалъ толпѣ какіе-то знаки и говорилъ, что если выберутъ депутатовъ по предложенію пристава, то ихъ арестуютъ, а стражнику заявилъ, что онъ нездѣшній, а интеллигентъ, присланный наблюдать за тѣмъ, чтобы толпа не дѣлала безпорядковъ, а только прекратила работу. Самхарадзе заявлялъ толпѣ, что необходимо добиться прибавки, что человѣкъ не скотина, а помощникъ слесаря Давидъ Канкалидзе, находясь въ переднихъ рядахъ толпы за мостомъ, кричалъ ура въ отвѣтъ на предложеніе пристава разойтись. Въ это время одинъ изъ толпы вынулъ, согласно показанію Ярошенко, револьверъ изъ голенища и сказалъ солдатамъ, что у нихъ холостые заряды, а „у рабоч. есть револьверы“. Къ толпѣ присоединились новыя лица, причемъ послѣдняя увеличилась до 1.000 человѣкъ. Часть толпы остановила батумскій поѣздъ, а другая часть, замѣтивъ приближающійся изъ Боржома пассажирскій поѣздъ, бросилась на Боржомскій путь, чтобы остановить этотъ поѣздъ. Помощникъ слесаря Иванъ Сухіевъ, потянувъ вмѣстѣ съ другими за проволоку, закрылъ на Боржомскомъ пути семафоръ, а машинистъ керосинопровода Ждановъ, уговаривая рабочихъ снять съ паровоза регуляторъ и приглашая толпу слѣдовать за нимъ, бросился къ паровозу Боржомскаго поѣзда. Мальчишки успѣли отцѣпить паровозъ отъ поѣзда, а Ждановъ, вскочивъ на паровозъ и схватившись рукой за регуляторъ, открылъ паръ. Рычагъ въ это время стоялъ въ сторону Михайлово и паровозъ двинулся впередъ, отдѣлившись отъ поѣзда, но машинистъ Янучато, схвативъ Жданова за грудь, остановилъ паровозъ. Ждановъ заявилъ машинисту, что онъ механикъ-студентъ и соскочилъ съ паровоза. Стражники Поповиченко и Дружининъ видѣли, что Ждановъ, вскочивъ на паровозъ, схватилъ машиниста за сюртукъ и хотѣлъ столкнуть его съ паровоза. Увидѣвъ, что толпа бросилась къ Боржомскому поѣзду, капитанъ Дигуровъ перевелъ свою команду на главный путь поближе къ толпѣ, причемъ отъ Боржомскаго полотна отдѣляла команду котловина. Желая разогнать остановившую поѣздъ толпу, капитанъ Дигуровъ послѣ предупрежденія, что въ случаѣ непропуска поѣзда будетъ стрѣлять, приказалъ командѣ съ крикомъ „ура“ броситься на находившуюся на Боржомской вѣткѣ толпу и разогнать ее прикладами. Находившіеся на Боржомскомъ пути впереди толпы слесарь депо Гуладзе, помощникъ слесаря Тедозашвили, слесарь Квесадзе, помощникъ слесаря Иванъ Сухіевъ, послѣдній съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, возбуждали толпу къ сопротивленію, причемъ Гуладзе, размахивая фуражкой, звалъ толпу впередъ и, на предложеніе капитана Дигурова пропустить поѣздъ, кричалъ „нельзя“. Когда Дигуровъ и его команда спустились въ котловину и стали подниматься къ остановленному толпой Боржомскому поѣзду, толпа засыпала солдатъ камнями и изъ толпы раздалось два или три револьверныхъ выстрѣла, причемъ солдаты и Дигуровъ слышали свистъ пуль. Выстрѣлы изъ револьверовъ слышали также приставъ Подгорный, начальникъ участка Муатъ и начальникъ ст. Варварино Силяевъ, жандармы и стрѣлочники, причемъ стражникъ Пиліевъ видѣлъ въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ толпы револьверы, направленные въ сторону солдатъ и стражниковъ. На поднявшагося на полотно рядового Овгаренко набросились трое человѣкъ, схватили его за грудь и пытались отнять ружье, но другіе солдаты ударами прикладовъ и штыками отогнали нападавшихъ. Въ числѣ напавшихъ на солдатъ, по словамъ жандармскаго унтеръ-офицера Павлова, былъ смазчикъ депо Георгій Квесадзе. Онъ схватилъ солдата за грудь и хотѣлъ отнять у него ружье, но въ это время ему были нанесены въ спину четыре штыковыхъ легкихъ раны. Помощникъ слесаря депо ст. Михайлово Василій Лобадзе и рабочій депо Сергѣй Арутюновъ, по удостовѣренію жандармскихъ унтеръ-офицеровъ Павлова, Баклачи, Юрченко, Стрижкова, находились впереди толпы и бросали камнями въ солдатъ. Впереди толпы, по удостовѣренію жандармовъ Баклачи, Стрижкова, Безмина и начальника ст. Силаева, находились также слесарь депо Владиміръ Хосберовъ, помощникъ слесаря Николай Парадзе, ремонтный рабочій Мегрелишвили, смазчикъ керосинопровода Прокофій Кикнавелидзе, столяръ Месаблишвили и фруктовщикъ Леонъ Чахваянцъ и бросали также камни въ солдатъ. Стоявшій на мѣстѣ соединенія Боржомскаго и главнаго путей начальникъ ст. Варварино Силаевъ замѣтилъ, что конторщикъ Самхарадзе бросалъ камни въ солдатъ и сейчасъ же указалъ на него жандарму Мирошниченко. Кромѣ того, согласно показанію помощника уѣзднаго начальника Гогохія, основанному на свѣдѣніяхъ, полученныхъ отъ рабочихъ, бросалъ камни въ солдатъ также помощникъ слесаря Давидъ Канкалидзе, возбуждая и руководя толпой. Вслѣдствіе сопротивленія толпы и сыпавшихся на солдатъ каменьевъ только часть команды успѣла подняться на полотно желѣзной дороги и капитанъ Дигуровъ приказалъ солдатамъ отступить, скомандовавъ „рѣдкій огонь“. Солдаты перебѣгая котловину (на главный путь), а также на главномъ пути, произвели, судя по количеству израсходованныхъ ими патроновъ, десять выстрѣловъ въ толпу. Полицейскіе стражники въ числѣ трехъ человѣкъ присоединились къ солдатамъ, а остальные восемь человѣкъ стояли на старомъ полотнѣ въ восьмидесяти шагахъ отъ толпы, слышали команду Дигурова „стражники, присоединитесь, помогайте“, но не успѣли сойти съ лошадей, какъ Дигуровъ скомандовалъ открыть огонь, вслѣдствіе чего стражники начали стрѣлять въ толпу изъ берданокъ и произвели 14 выстрѣловъ. Толпа сейчасъ же бросилась бѣжать и Дигуровъ прекратилъ огонь. На полотнѣ Боржомской дороги на главномъ пути оказались убитые и раненые. Въ числѣ раненыхъ были указанные Григорій Квесадзе, Григорій Гуладзе, Матвѣй Месаблишвили, Василій Самхарадзе, Давидъ Канкамидзе, Леонъ Чахваянцъ и Давидъ Тедозашвили, причемъ послѣдняго подняли на Боржомскомъ пути въ 15 саженяхъ отъ паровоза унтеръ-офицеры Стрижниковъ и Мирошниченко. Протоколами судебно-медицинскаго освидѣтельствованія установлено, что Григорію Квесадзе на спинѣ причинены четыре ссадины, по его словамъ, ударами штыковъ и рана, нанесенная выстрѣломъ изъ трехлинейки со входнымъ отверстіемъ на спинѣ; Григорію Гудадзе нанесена трехлинейной пулей рана со входнымъ отверстіемъ съ боку по лѣвой подмышечной линіи и выходнымъ — на животѣ. (слѣдуетъ подробный перечень данныхъ медицинскихъ освидѣтельствованій).

Привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи, поименованныя лица виновными себя не признали.

На основаніи вышеизложеннаго, вышеупомянутыя лица обвиняются въ томъ, что по предварительному между собою и другими, слѣдствіемъ не обнаруженными, лицами соглашенію, 14 іюля 1903 г., около ст. Михайлово Закавказской желѣзной дороги, въ намѣреніи измѣнить существующія условія и порядокъ работъ на Закавказской желѣзной дорогѣ и принудить мѣстное начальство къ уменьшенію установленнаго закономъ количества рабочихъ часовъ и къ увеличенію заработной платы, они находясь во главѣ вооруженной толпы рабочихъ, въ количествѣ отъ 500 до 1.000 чел. и подстрекая ее къ насиліямъ и безпорядкамъ, остановили товарный поѣздъ, шедшій изъ Тифлиса, и отцѣпивъ паровозъ, остановили составъ на пути, выгоняли служащихъ изъ помѣщенія керосинопровода, конторы начальника участка пути и желѣзнодорожнаго телеграфа, остановили шедшіе изъ Батума и Боржома поѣзда, закрыли семафоръ на Боржомскомъ пути и, отцѣпивъ паровозъ Боржомскаго поѣзда, двинули его впередъ, причемъ, неподчинившись неоднократнымъ требованіямъ пытавшихся возстановить порядокъ Сурамскаго полицейскаго пристава и командира Сурамской воинской команды, противодѣйствовали исполненію ихъ распоряженій, направленныхъ къ возстановленію порядка, произвели выстрѣлы изъ револьверовъ и, пытаясь отнять ружья у нижнихъ чиновъ Сурамской воинской команды, бросали въ нихъ и стражниковъ камни, которыми и причинили имъ ушибы и легкія раны, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 263 ст. улож. о наказ. Въ виду чего и согласно 200 и 1260 ст. устава уголовн. судопроизводства, вышеупомянутыя лица подлежатъ суду Тифлискаго окружного суда.

Составленъ въ г. Тифлисѣ. 3 августа 1903 г.

Скорый судъ. Въ легальныхъ газетахъ („Новости“ отъ 29 сент. № 269) появилось извѣстіе, что въ непродолжительномъ времени будутъ преданы суду въ Луганскѣ 39 рабочихъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности за „безпорядки“ въ Константиновкѣ. Быть можетъ не всякому извѣстно, что это за Констант. и какіе „безпорядки“ тамъ были. Константиновка — узловая станція Екатерининской ж. д. — лежитъ верстахъ въ 40-50 къ югу отъ Славянска. Возлѣ нея въ девяностыхъ годахъ были построены заводы: желѣзнопрокатный, зеркальный, стеклянный, бутылочный и химическій; а около нихъ быстро выросли заводскіе поселки. 12-13 іюля *1900* г. эти заводы подверглись жесточайшему разгрому („слѣдствіе“ продолжалось болѣе *трехъ лѣтъ*: очевидно, „подготовляли“ свидѣтелей). Всѣ эти заводы принадлежатъ бельгійскимъ компаніямъ: инженеры, директора, мастера, служащіе — бельгійцы. Рабочіе — народъ пришлый (изъ сосѣднихъ губерній и болѣе отдаленныхъ, какъ напр. Орловск., Смол. и др.), „сѣрый“: никакой пропагандѣ въ то время тамъ и помину не было. На *экономической* почвѣ загорѣлась *національная* вражда: русскіе ненавидѣли бельгійцевъ, послѣдніе платили имъ той же монетой

12 іюля 1900 г. на одномъ изъ константин. заводовъ перебранка между мастеромъ-бельгійцемъ и рабочимъ (подросткомъ) русскимъ перешла въ драку. На помощь подоспѣли русскіе и бельгійцы. Началась свалка. Рабочіе пошли громить квартиры служащихъ, разгромили заводскую лавку (владѣлецъ ея — директоръ завода: онъ выплачивалъ рабочимъ заработокъ не деньгами, а *товаромъ*, вопреки *закону: по закону*, окружной инженеръ обязанъ не допускать такихъ безобразныхъ правонарушеній; *на практикѣ* же оказывается, что его дѣло — брать взятки съ заводоуправленій и всячески ограждать ихъ интересы отъ „посягательствъ“ рабочихъ). Пострадалъ и самый заводъ. Отсюда перешли на ближайшій сосѣдній, разгромили и его. Толпа все увеличивалась. 13 іюля оказались разгромленными всѣ константин. заводы. На сосѣднихъ рудникахъ и заводахъ затрепетали: вспоминалось, какъ въ 1892 г. разгромили Юзовку (нелюбимый инженеръ былъ при этомъ брошенъ въ доменную печь). Появились слухи о томъ, что на помощь константиновскимъ рабочимъ придутъ шахтеры сосѣднихъ рудниковъ. Изъ Луганска и Волынцева были двинуты казаки; началось „усмиреніе“. „Въ качествѣ зачинщиковъ“ выхваченныя лица долго сидѣли по мерзкимъ уѣзднымъ тюрьмамъ, и только осенью 1902 г. большинство изъ нихъ выпущено на поруки. Что судъ будетъ не только *скорымъ*, но и *милостивымъ*, за это намъ ручается таганрогскій приговоръ!

Военно-революціонная организація распространила въ августѣ слѣдующую печатную прокламацію „Къ увольняемымъ въ запасъ“:

„Солдаты! Кончилась ваша служба. Кончились ученья, караулы, зуботычины, аресты, кончилось все, что стѣсняло вашу свободу, что дѣлало изъ казармы тюрьму, и вы опять на волѣ... А воля ли тамъ, за стѣнами казармы, свободнѣе ли будете, снявши солдатскій мундиръ? Къ сожалѣнію, нѣтъ, и на волѣ вы не станете вольными; избавившись отъ казарменнаго гнета, вы надѣнете на себя цѣпи нужды. Опять вернетесь вы къ вашей убогой полосѣ, опять съ утра до вечера будете ковырять ее вашей сохой... Мало кого прокормитъ она, не говоря уже о достаткѣ. Нужда придавитъ васъ и погонитъ въ города, на заработки, и опять попадете вы въ душныя мастерскія, на фабрики, заводы, въ шахты, въ артель, къ помѣщику, гдѣ, работая за грошевую плату съ утра до вечера, вы будете создавать лишь богатство вашему хозяину и новыя цѣпи для себя, оставаясь все тѣми же бѣдняками. А случилась бѣда — заболѣли ли вы, наступила ли преждевременная старость, иль въ безработицу — и выбросятъ васъ на улицу, какъ негодную вещь, на голодную смерть... Такъ пойдетъ ваша тусклая, сѣрая, полуголодная жизнь... Развѣ это воля? Развѣ можетъ быть воля тамъ, гдѣ надъ трудящимся людомъ всякій городовой — начальникъ и можетъ чинить надъ нимъ судъ и расправу, гдѣ имѣющему мозолистыя руки нельзя найти правду, гдѣ всякая попытка потребовать ее топится въ крови, какъ это случалось, особенно за послѣдній годъ, во всѣхъ мѣстахъ Россіи. Такова ваша жизнь и такова наша родина, таковы въ ней порядки и наша воля! Сто тридцать милліоновъ трудового люда въ кабалѣ! Сто тридцать милліоновъ работаютъ, не разгибая спины, чтобы небольшая кучка богачей жила въ роскоши, чтобы на деньги народа царь могъ содержать громадную армію и свору начальниковъ, и при ихъ участіи держать народъ въ подчиненіи! *Но такъ не должно быть.* Трудящійся *долженъ* имѣть человѣческія права, и если ихъ не даютъ, *онъ долженъ взять ихъ силой*, милліоны людей *не должны* быть рабами. Понялъ это городской рабочій, начинаютъ понимать и крестьяне. Уже закипѣла борьба, уже слышится негодующій голосъ народа, льется кровь, и тюрьмы наполняются борющимися за правду — это бьется авангардъ великаго рабочаго братства, — соціальдемократическая рабочая партія. Насъ, солдатъ, заставили принять присягу и обязали защищать теперешній порядокъ. Четыре года поддерживали мы его нашими штыками, и не разъ, если не мы, то наши товарищи, кровью рабочихъ и крестьянъ заливали улицы городовъ и деревень, помогали засѣкать до смерти, присутствовали на разнаго рода экзекуціяхъ и безчинствахъ полиціи, производимыхъ по приказу и съ вѣдома царя. Мы *сами* готовили цѣпи народу и себѣ и въ нихъ сами же заковывали себя! А завтра вы вернетесь въ вашу деревню или къ вашимъ товарищамъ, станете въ ихъ ряды, въ число тѣхъ, кого царь и богачи называютъ „внутренними врагами“, „бунтовщиками“ и вмѣстѣ съ ними должны будете бороться за ихъ и ваши интересы, и завтра же, быть можетъ, оставшійся въ полку вашъ товарищъ или братъ пошлетъ пулю въ васъ же и вашей кровью обагритъ поля вашей родины и улицы вашего города. Солдаты! Оставляя полкъ, идя на „волю“, оставьте завѣтъ вашимъ товарищамъ по службѣ, *не поднимать братоубійственную руку на тѣхъ, кто находится за стѣнами казармы и борется за правду.* Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отецъ, отправляя на службу сына, беретъ съ него клятву, что въ народъ онъ стрѣлять не будетъ. Отправляя на службу брата или товарища, поступайте и вы также и разъясните ему, что онъ и тамъ долженъ быть сыномъ народа, что лучше самому умереть, чѣмъ вернуться назадъ братоубійцей, что присягаетъ онъ не только царю, но и народу, что идетъ онъ не для исполненія обязанностей палача и что *не стрѣлять въ народъ — это его право и священная обязанность.* Счастливаго пути, товарищи! Желаемъ вамъ, вернувшись на родину, скорѣе примкнуть къ рабочей партіи и подъ ея краснымъ знаменемъ, какъ подобаетъ солдату, быть первому въ переднихъ рядахъ. Пусть не страшатъ васъ ни кары, ни смерть: въ борьбѣ за правду, за ваше кровное дѣло можно пожертвовать своей свободой и жизнью. Дружными усиліями рабочихъ *будутъ свергнуты гнетъ и насиліе* и завоевано счастье и воля! Спѣшите же къ нимъ, скорѣй на поддержку борцамъ! Счастливаго пути, товарищи! Прочесть во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ“.

Пермь. Его превосходительство г. Наумовъ. Мы уже сообщали, что къ намъ присланъ новый помпадуръ г. Наумовъ. Двѣ „программныя“ рѣчи создали ему литературное имя („Моск. Вѣдом.“ возвели молодого оратора чуть-ли не въ геніи, „Новое Время“ робко замѣтило, что ораторъ забылъ существующіе законы). Отмѣтимъ кстати, что предсѣдатель губернской земской управы, г. Ковалевскій, сохранившій до глубокой старости вѣру въ „мирную“ работу, самъ предложилъ помпадуру представить ему служащихъ губ. земства. Его превосходительство милостиво, конечно, принялъ предложеніе и зычнымъ голосомъ прочелъ растерявшимся земцамъ нотацію объ обязанностяхъ каждаго вѣрноподданнаго по части добровольнаго сыска и доноса. Земцы должны обладать душой жандармовъ, тогда только они будутъ находить защиту у его превосходительства! Отъ „слова“ его превосходительство быстро перешелъ къ „дѣлу“. Здѣсь существуетъ нѣсколько лѣтъ Смышляевское библ. общество съ двумя библіотеками-читальнями — въ городѣ и Мотовилинскомъ заводѣ. Гг. Мотовилинскіе инженеры (Назаровъ и К⁰) не могутъ равнодушно смотрѣть на библіотечную вывѣску (библіотека около завода), и вкупѣ съ мѣстной жандармеріей не разъ дѣлали попытки закрыть библіотеку, но попытки имѣли лишь частичный успѣхъ — администрація удаляла библіотекарей, членовъ совѣта. По прибытіи г. Наумова дѣло пошло быстрѣе. Совѣтъ Смышляевскаго общества уже получилъ увѣдомленіе, что его превосходительство перевелъ обѣ библіотеки въ разрядъ народныхъ безплатныхъ (этою мѣрою свыше 70% книгъ изъяты изъ обращенія).

Оказано благосклонное вниманіе и прессѣ. По представленію его превосходительства газета „Уралъ“ (изд. въ Екатеринбургѣ) закрыта на четыре мѣсяца. Обыватели называютъ „Уралъ“ помойной ямой, и вдругъ ассенизаторъ Наумовъ закрылъ яму! Недоумѣніе тогда только разъяснилось, когда узнали, что г. Наумову была показана корреспонденція прошлаго года о „бѣшеныхъ собакахъ“. Корреспонденція эта, помѣщенная „Ураломъ“ по невѣдѣнію, надѣлала въ свое время много шуму, такъ какъ въ ней весьма прозрачно былъ изображенъ февральскій погромъ. И вотъ этой-то кровавой обиды жандармы никакъ не могутъ снести. Другая газета, „Пермскій Край“, изъ газеты превращается, благодаря цензурѣ, въ справочный листокъ.

По своемъ прибытіи въ Пермь, его превосходительство, съ чемоданомъ душеспасительныхъ брошюръ ген. Богдановича, сдѣлалъ артистическое турнэ по губерніи, турнэ, въ которомъ сердечное „ты“ побило рекордъ надъ холоднымъ „вы“. Затрудняемся сказать, откуда это искусство обращенія съ подчиненными, — позаимствовано-ли оно его превосходительствомъ изъ конюшни (онъ страшный любитель лошадей), или же изъ придворныхъ сферъ, у высокопоставленныхъ особъ. Очевидно, что и гг. исправники и земскіе начальники также не разобрались въ этомъ вопросѣ, такъ какъ многіе изъ нихъ остались недовольны такимъ обращеніемъ. Его превосходительство хотя и „благожелательно строгъ“ (такъ онъ себя отрекомендовалъ въ рѣчи къ чиновникамъ), но всетаки строгъ. Такъ, напримѣръ, въ Кунгурѣ онъ исправника пожаловалъ титуломъ „идіота“, „осла“ и въ 24 часа отставилъ его отъ службы за то, что тотъ во время не подалъ лодки для катанья. Его превосходительство къ тому же любознателенъ. Такъ, напримѣръ, шадринскаго исправника онъ спросилъ: „сколько жителей?“ — „Гдѣ, ваше превосходительство, въ уѣздѣ или городѣ?“ — „Дуракъ, болванъ, ты долженъ знать, о чемъ я спрашиваю“...

Его превосходительство обладаетъ и многими другими качествами хорошаго современнаго администратора. Напримѣръ, въ городѣ Шадринскѣ приказалъ онъ снять вывѣску съ отдѣленія Краснаго Креста. По прибытіи въ свою резиденцію, онъ написалъ именное письмо къ Плеве, въ которомъ, сославшись на свою работу въ Красномъ Крестѣ Сибири, онъ ходатайствуетъ о закрытіи отдѣленія, такъ какъ теперь во главѣ отдѣленія стоитъ жена врача — женщина, „неразвитая въ умственномъ отношеніи“ (sic!); по закрытіи же отдѣленія, онъ скоро его опять откроетъ. Суть въ томъ, что шадринское отдѣленіе функціонируетъ хорошо, но попасть кому-либо изъ мѣстной администраціи на выборныя мѣста до сихъ поръ не удавалось. Но этого мало. Губернскаго страхового агента, Никитина, принимавшаго участіе въ Крестѣ, Наумовъ приказалъ уволить со службы губернскаго земства, такъ какъ Никитинъ, хотя и служитъ нѣсколько лѣтъ, но якобы до сихъ поръ не былъ утвержденъ.

Чтобы рельефнѣе оттѣнить г. Наумова, прибавимъ еще, что г. исправникъ, по выходѣ въ отставку, подалъ жалобу на его превосходительство; губернская управа Никитина не уволила; отдѣленіе Краснаго Креста съ своей стороны начинаетъ отписываться и т. д. Изъ этого краткаго сообщенія можно усмотрѣть, что нашъ помпадуръ обладаетъ всѣми данными, чтобы къ „царскому посланнику“ (какъ онъ себя отрекомендовалъ въ упомянутой выше рѣчи) относились съ должнымъ уваженіемъ. „Нашъ дуракъ“, „нашъ нахалъ“ и др. не менѣе лестные эпитеты прочно установились за нимъ въ обывательскихъ кругахъ, — съ чѣмъ и поздравляемъ г. фонъ-Плеве.

Иркутскъ. Слуги самодержавія отличаются... 21-го августа на ж. д. вокзалѣ проѣзжающій офицеръ Кривенко встрѣтилъ въ вагонѣ еврея Микеля. Офицеръ былъ пьянъ. Сей „благородный“ слуга царя и „отечества“, увидавъ еврея, остановилъ его и обругалъ его „жидовской мордой“... На это простой еврей спокойно и съ достоинствомъ отвѣтилъ ему: „правдой меня не испугаешь“... и хотѣлъ пройти. Но пьяный офицеръ не отступалъ отъ него. „Ты что сюда пришелъ, гешефты обдѣлывать?.. На тебѣ 10 коп., принеси спичекъ...“ Еврей отвѣтилъ ему: „Я тебѣ самъ могу дать 20 коп. только отстань отъ меня!“ Тогда взбѣсившійся царскій слуга размахнулся и ударилъ его по лицу. „За что ты, варваръ, бьешь меня!“ воскликнулъ еврей и заслонился рукой отъ ударовъ. Но варваръ уже вошелъ во гнѣвъ и, выхвативъ изъ кобура револьверъ, выстрѣлилъ въ упоръ въ него. Микель упалъ, опасно раненый пулей въ легкое. Желѣзнодорожными жандармами былъ составленъ протоколъ. Варваръ Кривенко спокойно прослѣдовалъ далѣе, а Микель привезенъ былъ въ больницу, гдѣ до сей поры находится въ очень опасномъ положеніи.

Такъ какъ все это происходило на ж. д. территоріи, то слѣдствіе по этому дѣлу находится въ рукахъ ж. д. жанд. ротмистра Петлина. Каждый жандармъ, конечно, радъ порадѣть родному человѣчку!.. И Петлинъ — вопреки всякой законности — подъ разными предлогами оттягивалъ допросъ Микеля.. Свидѣтельскія же показанія, отобранныя отъ жандармскихъ вахмистровъ и т. п. „свидѣтелей“ и опубликованныя въ мѣстной газетѣ, поражаютъ своей преднамѣренной лживостью. Только тогда, когда кое кто изъ мѣстной адвокатуры и общества послали телеграмму министру юстиціи, только тогда ротмистръ Петлинъ „поторопился“ снять допросъ съ раненаго Микеля. Показанія потерпѣвшаго, рисующія картину, подобную вышеприведенной нами, конечно, не могли быть опубликованы въ мѣстной печати.

Нѣсколько времени спустя, ротмистръ Петлинъ, выпивъ изрядно въ ресторанѣ „Метрополь“, во всеуслышаніе изволилъ хвастаться: „Являлись было ко мнѣ свидѣтелями жиды, да я ихъ выкинулъ вонъ!“ Дѣйствительно, въ спискѣ „свидѣтелей“ по этому дѣлу нѣтъ ни одного еврея, хотя евреевъ, свидѣтелей этого дѣла, не мало.

Такъ отличаются слуги самодержавія!..

Царскіе слуги предъ царскимъ судомъ. Въ маѣ текущаго года въ Иркутскѣ разбирались два дѣла, тѣсно связанныхъ между собой. Оба дѣла возникли слѣдующимъ образомъ: на Кругобайкальской желѣзной дорогѣ служилъ жандармъ Лебедевъ, отличавшійся чрезвычайной грубостью и жестокостью и нерѣдко избивавшій рабочихъ плетью безъ всякой видимой причины, а такъ, ради собственнаго удовольствія. 17 августа Лебедевъ явился въ одинъ изъ рабочихъ бараковъ и, желая поразвлечься, началъ хлестать находившихся тамъ рабочихъ нагайкой. Выведенные изъ себя, рабочіе схватили Лебедева и задушили петлей. Въ убійствѣ были замѣшаны пять рабочихъ: Пеньковъ, Никитинъ, Ядрышниковъ, Мазейндъ и Купаковъ, которые и были арестованы. Веденіе слѣдствія было поручено жандармскому ротмистру Лемени Македонъ, который производилъ допросъ вмѣстѣ съ двумя жандармами Шостакомъ и Горѣловымъ. Арестованные сидѣли въ сырыхъ, вонючихъ сараяхъ, связанные веревками такъ туго, что у нихъ распухали руки. Допросъ же ихъ заключался въ томъ, что жандармы Шостакъ и Горѣловъ уводили обвиняемыхъ въ лѣсъ, якобы для розыска вещей убитаго, и тамъ, связанныхъ, подвергали самому звѣрскому избіенію, кулаками, ногами и нагайками, затыкая избиваемымъ ротъ травой. Одному изъ допрашиваемыхъ надѣли на шею петлю и держали за веревку, такъ что едва не задушили его. По дорогѣ въ Иркутскъ, когда обвиняемыхъ скованныхъ и со связанными руками вели на судъ, звѣрства надъ ними совершались въ теченіе всего пути. Били ихъ жандармы различныхъ участковъ.

И вотъ эти-то звѣрства обнаружились — и настолько, что запрятать ихъ было невозможно, и жандармы Шостакъ и Горѣловъ были преданы военно-окружному суду, по обвиненію въ истязаніи при исполненіи служебныхъ обязанностей. Судъ надъ жандармами былъ назначенъ нарочно раньше, чѣмъ судъ надъ рабочими, которые были главными свидѣтелями противъ жандармовъ и, конечно, поопасались бы давать противъ нихъ показанія. Прокуроръ Быстрицкій, обязанный „обвинять“, говорилъ о томъ, что „въ корпусъ жандармовъ поступаютъ лучшіе люди изъ арміи, а подсудимые — лучшіе изъ лучшихъ“. Въ заключеніе прокуроръ рѣшилъ, что дѣянія подсудимыхъ „не истязаніе, а просто допросъ съ пристрастіемъ“.

Свидѣтелей со стороны обвиненія не оказалось за исключеніемъ тѣхъ пятерыхъ рабочихъ, которые обвинялись въ убійствѣ Лебедева. Со стороны же подсудимыхъ и защиты свидѣтелей оказалось очень много. Впослѣдствіи обнаружено было, что одного мальчугана, кое-что знавшаго и видѣвшаго, жандармы подкупили обѣщаніемъ новыхъ сапогъ.

На судѣ были прочитаны подробныя служебныя характеристики Шостака и Горѣлова. Особенно интересна характеристика Шостака. Онъ аттестуется, какъ способный и усердный шпіонъ. Жизнь простого крестьянина не удовлетворяла его, его тянуло выше, къ небу, — и вотъ онъ вступаетъ въ монастырь послушникомъ. Здѣсь онъ былъ близокъ уже къ престолу царя небеснаго. Но, по окончаніи солдатской службы, ему захотѣлось стать поближе къ престолу царя земного, и онъ вступаетъ въ царство небесное русскаго самодержавія, въ жандармерію. Тутъ ищущій истины духъ его находитъ успокоеніе. Силы и способности, таящіяся въ его шпіонской груди, развертываются, при полной свободѣ сибирской глуши, во всей наготѣ и безцеремонности.

Рѣчь защитника — нѣкоего капитана Дѣдлова — отличалась наглостью и высокопарностью. „Полиція на скамьѣ подсудимыхъ — это праздникъ для общества“ — говорилъ г. защитникъ. Такой взглядъ на полицію, по мнѣнію г. Дѣдлова, не болѣе, какъ общественный предразсудокъ. „Но волны общественныхъ предразсудковъ разобьются о стѣны военнаго суда, который реабилитируетъ этихъ честныхъ людей“. „Комъ грязи, — закончилъ г. Дѣдловъ, — слетѣлъ съ высоты пристрастія свидѣтелей, докатился до вашего судейскаго стола, забрызгавъ, какъ подсудимыхъ, такъ и нѣкоторыхъ свидѣтелей, и растаялъ“.

Вся эта комедія суда, въ которой роли окончательно перепутались и совершенно невозможно было понять, гдѣ прокуроръ и гдѣ защитникъ, закончилась такъ, какъ это можно было предвидѣть заранѣе, — самымъ небольшимъ наказаніемъ обоихъ жандармовъ, Шостака и Горѣлова, которые были приговорены къ мѣсячному аресту. „Не по чину берешь“ — кричалъ когда то городничій Сквозникъ Дмухановскій на квартальнаго надзирателя. Жандармы Шостакъ и Горѣловъ „не по чину“ били, но, такъ какъ они жандармы, то ихъ судили не за то, что они били, а за то, что они били „не по чину“. И въ самомъ дѣлѣ, судъ усмотрѣлъ въ ихъ звѣрствѣ только... превышеніе власти.

Томскъ. На дняхъ нашъ городъ посѣтилъ Плеве. Зачѣмъ предпринялъ онъ столь далекое путешествіе — покрыто мракомъ неизвѣстности. Говорятъ, что для рѣшенія вопроса о второмъ намѣстничествѣ въ Сибири, говорятъ также, что для пополненія своихъ финансовъ „министерскими“ подъемными и суточными. Подъ усиленной охраной въѣхалъ онъ въ городъ ночью съ 12 на 13 сентября, подъ усиленной охраной пробылъ онъ безвыходно и безвыѣздно два дня въ губернаторскомъ домѣ, подъ такой же охраной направился онъ въ обратный путь ночью, 14 сентября. Былъ онъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью отъ городского управленія, обширной прокламаціей къ обществу отъ мѣстнаго Соц.-дем. Комитета. Готовился обѣдъ, да „не выгорѣло“. Для рѣшенія „обѣденнаго“ вопроса секретно разосланы были повѣстки всѣмъ гласнымъ, но изъ 53 человѣкъ явились лишь 8 (5 членовъ управы, 1 членъ ревизіон. коммис. и двое гласныхъ), да изъ этихъ восьми человѣкъ за обѣдъ высказались лишь пятеро. По порученію замѣстителя городского головы, письмоводитель городского управленія отправился по квартирамъ гласныхъ съ подписнымъ листомъ на обѣдъ Плеве. Участвовать согласились лишь четверо, нѣсколько человѣкъ подписали малую толику, но съ оговоркой, что присутствовать не будутъ, остальные на отрѣзъ отказались. Приличія ради, обѣдъ былъ предложенъ, но, узнавъ объ истинномъ положеніи дѣлъ, Плеве счелъ за лучшее отказаться. Всю злобу свою вымѣстилъ онъ передъ отъѣздомъ на замѣстителѣ городского головы, придравшись къ плохому состоянію томскихъ улицъ. Единственное лицо, вполнѣ удовлетворившее министра, былъ мѣстный полиціймейстеръ Аршауловъ, извѣстный шпіонъ, взяточникъ и воръ. Ему на прощанье жалъ руку Плеве. Рыбакъ рыбака видитъ издалека.

Прокламаціи, широко распространенныя въ количествѣ 3,000 экземпляровъ, произвели большое впечатлѣніе на обывателей. Нѣсколько штукъ, доставленныя Плеве, привели его въ неописуемую ярость.

Съ 1 сентября началась здѣсь стачка на мебельно-столярной фабрикѣ Лопухова. Забастовали всѣ рабочіе, въ числѣ 80 человѣкъ, выставилъ рядъ требованій, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ — восьмичасовой рабочій день, отмѣна сдѣльной платы, улучшеніе санитарныхъ условій труда. Требованія эти выработаны были самими рабочими, изданы во многихъ экземплярахъ на ремингтонѣ и распространены по фабрикѣ. Стачка организована была безъ воздѣйствія комитета. Стачечниковъ поддержали рабочіе фабрики Тренцова, въ числѣ 50 человѣкъ, но уже на третій день почти всѣ они приступили къ работамъ. Стачечники Лопухова держатся стойко, работы на фабрикѣ идутъ лишь частью, благодаря вновь нанятымъ рабочимъ. изъ забастовавшихъ вернулись лишь немногіе. Съ самого начала стачки арестовано 18 человѣкъ, изъ нихъ 9 сидятъ по сіе время. По поводу стачки, комитетомъ выпущена прокламація въ количествѣ 2,000 экз.

24 сентября закрыта мѣстная духовная семинарія. Дѣло разгорѣлось изъ за одного поднадзорнаго семинариста-пансіонера, котораго администрація семинарская хотѣла выпроводить немедленно послѣ объявленія приговора объ его исключеніи. Просьба, поддержанная всѣми семинаристами, позволить уволенному провести ночь въ пансіонѣ, удовлетворена не была. Просьба перешла въ требованіе, и дѣло кончилось открытымъ бунтомъ. Выбиты были стекла, перерѣзаны электрическіе провода, освистанъ ректоръ и совѣтъ. Побитъ, говорятъ, инспекторъ. Нѣсколько семинаристовъ арестовано. Многихъ выпроваживаютъ изъ города.

Чита. Въ ночь на 14 августа распространена была въ большомъ количествѣ прокламація Сибирскаго Соц.-Дем. Союза „Къ войскамъ“ по поводу передвиженія войскъ въ Манчжурію. Прокламація была распространена по всѣмъ частямъ войскъ очень удачно. Распространялась она въ Воронежскомъ, Моршанскомъ и Зарайскомъ полкахъ самими солдатами и потому была прочитана почти всѣми. Распространялась кромѣ того въ мѣстной командѣ, Читинскомъ резервномъ батальонѣ, Сибирской бригадѣ, среди казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска. Вмѣстѣ съ этой прокламаціей распространялись „Солдатская памятка“ и „Письмо къ фельдфебелю“ Л. Н. Толстого.

Военное начальство переполошилось. Въ мѣстной командѣ въ помѣщеніи фельдшеровъ произведенъ былъ обыскъ: ничего не обнаружено. Вездѣ разставлены пикеты, и вокругъ военнаго лагеря*) разъѣзжаютъ военные патрули. Обыскали какихъ то купеческихъ сынковъ, у которыхъ въ карманахъ искали прокламацій. Начальство бѣсится отъ безсилія раскрыть источники крамолы. Въ Читѣ открывается губернское жандармское управленіе и при немъ сыскное отдѣленіе подъ управленіемъ одного изъ представителей „свят. русскаго легіона“ — фонъ Шульца.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Стачка сельскихъ рабочихъ въ селѣ Кривое, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губ. „Ранняя весна, дожди и жары текущаго года послужили причиною раннихъ жнивъ, такъ что озимую рожь у насъ начали жать 23 іюня, озимую пшеницу и ранній овесъ 28 іюня, поздній овесъ начали убирать 5 іюля. Въ силу лихорадочной уборки хлѣба, цѣна на рабочія руки поднялась довольно высоко. Хозяева платили косарю въ день на хозяйскихъ харчахъ и водкѣ 1 руб. 50 коп., иногда 2 руб., жница получала 50 коп. при тѣхъ же условіяхъ продовольствія. Многіе резонировали, что теперь и въ „Таврію ходыть не треба“, убѣдившись въ продуктивности мѣстнаго заработка. Даже многіе изъ состоятельныхъ крестьянъ, соблазнившись столь высокими цѣнами, спѣшили покончить со своими работами и заработать лишній рубль. Однако такія обстоятельства не долго просуществовали. Лишь только хлѣбъ былъ убранъ, свезенъ въ скирды и нужно было приступить къ молотьбѣ, какъ хозяева, обезпечивъ свой урожай отъ высыпанія на корнѣ, сразу же уменьшили заработную плату болѣе чѣмъ стьяне остались очень недовольны, „пока мы нужны были — говорили они — намъ платили, какъ слѣдуетъ, а теперь нами пренебрегаютъ“ и рѣшили принять мѣры.

---

*) Въ Забайкальѣ въ настоящее время находится масса войска, прибывшаго изъ Европейской Россіи и отправляющагося въ Манчжурію.

„Дошедшие въ наше село слухи о стачкахъ рабочихъ въ Баку, Одессѣ и Кіевѣ еще болѣе заставили крестьянъ почувствовать возможность добиться своей цѣли. И вотъ они предъявили къ хозяевамъ требованіе въ видѣ повышенія платы до 1 рубля въ день. Стачка въ селѣ Кривое оказалась всеобщей. Помѣщики призвали крестьянъ изъ сосѣдняго села Соловьевки, но крестьяне села Кривое, вооружившись дубинами и кольями, силой не допускали сосѣдей къ дѣлу, угрожая немедленно убить перваго, принявшагося за работу. Никто изъ пришедшихъ не хотѣлъ рисковать своей жизнью и всѣ ушли. Мѣстная полиція ничѣмъ не могла противодѣйствовать стачечникамъ, и до настоящаго времени молотилки у хозяевъ стоятъ въ бездѣйствіи... И хозяева не прибавляютъ цѣны и крестьяне не идутъ на работу.

„Когда и какъ окончится стачка — неизвѣстно. По крайней мѣрѣ можно сказать о крестьянахъ, что, заработавъ нѣкоторую сумму за время жнивъ, они могутъ продержаться долгое время. Стачка среди нашихъ крестьянъ — явленіе исключительное, надъ которымъ слѣдуетъ задуматься“.

Обращаемъ вниманіе товарищей на это сообщеніе, которое мы заимствовали изъ одного спеціальнаго изданія. Гг. помѣщики не даромъ начинаютъ „задумываться“ надъ возникновеніемъ рабочаго движенія въ деревнѣ. Приложимъ же всѣ усилія, чтобы стачка въ деревнѣ перестала быть „явленіемъ исключительнымъ“. Мы видимъ фактическое подтвержденіе того, что городское рабочее движеніе перебрасывается въ деревню и такими путями, которые намъ остаются неизвѣстными. Указанія нашей социальдемократической литературы (см., напримѣръ, „Къ деревенской бѣднотѣ“, стр. 79) на возможность деревенскихъ стачекъ оправдываются жизнью. Пусть же скорѣе начнутъ распространяться и въ селахъ соціальдемократическіе стачечные листки и политическія прокламаціи!

Въ Гжатскомъ уѣз. Смолен. губ. недовольство въ послѣдніе два года до того обострилось, что готово перейти въ массовое движеніе. Экономическія условія выгоняютъ почти все мужское населеніе на зимніе заработки въ Питеръ и Москву. Возвращается оно оттуда уже съ новыми понятіями и не хочетъ мириться съ патріархальной опекой помѣщиковъ, недоучекъ — земскихъ начальниковъ, а съ ближайшимъ начальствомъ — сотскими и урядниками нерѣдко вступаетъ въ открытую борьбу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти „охранители“ нашли для себя новый источникъ доходовъ. Въ лѣтнюю пору, когда ночные сторожа, утомленные дневными работами, обычно мирно засыпаютъ, урядники и сотскіе обходятъ деревни съ повѣркой. Нерадивые сторожа откупаются отъ высидки въ арестномъ домѣ 50 коп. въ пользу сотскаго и рублемъ или больше въ пользу урядника. Такое „полюдье“ совершается „властями“ нѣсколько разъ въ лѣто и не всегда обходится такъ мирно. Одинъ сотскій въ клушинской волости своей жадностью вывелъ изъ терпѣнія своихъ подданныхъ: они возстали на него и поколотили. Въ другомъ мѣстѣ, близъ деревни Скугорево (имѣніе министра юстиціи) урядникъ Виноградовъ, утомленный скаканіемъ за экипажемъ его превосходительства, часто бралъ эту дань съ крестьянъ угощеніемъ. Деревня, гдѣ не оказывалось ночного сторожа, сейчасъ же поднималась на ноги: для гостя готовилась яичница, жарились цыплята, появлялась водка. Близость къ передней высшаго начальства вмѣстѣ съ частыми штрафами въ видѣ водки внушили Виноградову мысль о неприкосновенности урядничьей персоны, и, когда одинъ изъ плотниковъ непочтительно отозвался объ этой персонѣ, урядникъ съ ружьемъ пошелъ наказывать виновника. Пришлось силой отнимать ружье. Несмотря на такую бдительность начальства, или лучше — благодаря такой бдительности, въ уѣздѣ конокрадство разоряетъ крестьянъ: въ одной волости за одинъ май мѣсяцъ увели 18 лошадей. Исправникъ Мильковскій слишкомъ занятъ. Онъ всецѣло поглощенъ борьбой съ земствомъ изъ за прибавочныхъ 500 рублей на разъѣзды. Такъ какъ ему этихъ денегъ не даютъ, то онъ хочетъ наѣздить на счетъ земства на извощикахъ какъ можно больше, а потому скачетъ изъ одного конца уѣзда въ другой безъ всякаго толка, съ единственной цѣлью больше проѣхать. Онъ доволенъ, когда извозчикъ представляетъ въ управу счетъ рублей на 200-220, а относительно конокрадства утѣшаетъ, что съ введеніемъ сельскихъ стражниковъ будетъ лучше (т. е., должно быть, вмѣсто 18 лошадей будетъ пропадать 30). Такому начальству поручается слѣдить и за политической благонадежностью. Въ волостныхъ правленіяхъ съ весны нынѣшняго года стали вскрывать письма, адресованныя на имя крестьянъ. Дѣлается это очень просто: разорвутъ конвертъ, прочтутъ, а потомъ и отдадутъ, не запечатавши. Точь въ точь какъ гоголевскій почтмейстеръ Шпекинъ. Одинъ сотскій заявилъ, что имъ приказано изъ города искать по деревнямъ „обожурки“ (брошюрки) „Земля и Воля“. Съ расспросами и розысками обращаются обыкновенно къ административно высланнымъ. Высланныхъ же рабочихъ, какъ слышно, насчитывается въ уѣздѣ до 300. Положеніе ихъ незавидное. Въ городахъ они привыкли къ другой работѣ, — на заводахъ, — нѣкоторые зарабатывали до 50 и болѣе рублей въ мѣсяцъ, а въ деревнѣ ихъ работа не требуется (слесаря, машинисты), и они сидятъ съ семьями безъ дѣла и безъ хлѣба, а тутъ еще начальство постоянно тревожитъ и раздражаетъ ихъ. Въ каждой волости вывѣшены списки такихъ лицъ, чтобы имъ не выдавали паспортовъ.

Среди помѣщиковъ-эксплуататоровъ первое мѣсто по праву принадлежитъ предводителю дворянства Вл. Булгакову. Его земли кольцомъ оцѣпили крестьянскіе надѣлы, и онъ съ ихъ помощью пользуется даровымъ трудомъ: ему платятъ и деньгами и работой. Недовольство страшное, но пока еще не знаютъ, какъ его выразить. Повсюду жива мысль о скоромъ „передѣлѣ земли“. Чтобы убѣдить другихъ въ достовѣрности ея, крестьяне часто ссылаются на авторитетъ какого-нибудь самаго мирнаго интеллигента или же на какого-нибудь заѣзжаго человѣка.

На стражѣ православія въ гжатскомъ уѣздѣ стоитъ Николай Клитинъ, гжатскій священикъ, которому нельзя отказать въ положительномъ талантѣ по части сыска. Состоя въ должности миссіонера, онъ нюхомъ чуетъ, гдѣ раскольники завели часовню или молельню, тотчасъ же отправляется туда, является запросто къ мужичку и проситъ показать какую-нибудь рѣдкую древнюю икону или раскольничій складень, а затѣмъ, разузнавши и разнюхавши все, что есть, черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ уже съ полиціей. Впрочемъ, въ Воронцовской волости былъ случай, когда онъ безъ полиціи скралъ одну очень рѣдкую раскольничью икону. Этому ревнителю православія всюду видятся враги церкви. По городу небезопасно ходить въ длинныхъ чуйкахъ: сейчасъ выскочитъ попъ Николай и привлечетъ къ отвѣтственности за ношеніе „неприсвоенной“ одежды (недавно былъ такой случай). Особенно тщательно онъ отыскиваетъ штунду. Штунда прямо ему грезится. Достаточно какому-нибудь крестьянину подать жалобу архіерею на своего попа за поборы, чтобы попасть въ число неблагонадежныхъ. Николай Клитинъ является къ такимъ вольнодумцамъ со своей душеспасительной беседой и доводитъ ихъ залѣзаніемъ въ душу до бѣлаго каленія. Въ раздраженіи тѣ начинаютъ говорить ему дерзости, не встаютъ при его приходѣ; тогда онъ грозитъ вызвать ихъ въ полицію: „тамъ вы у меня не такъ заговорите, тамъ, небось, присмирѣете!“ Для собесѣдованія съ раскольниками онъ сгоняетъ черезъ полицію народъ, и подъ охраною ея пустословитъ по нѣскольку часовъ. Въ Липетской волости онъ до того надоѣлъ крестьянамъ, такъ много отнялъ у нихъ рабочихъ дней, что ему не разъ говорили: „да когда же ты перестанешь къ намъ ѣздить?“ Въ учителяхъ, которые читаютъ не церковныя книги, онъ видитъ тоже враговъ православія и натравляетъ на нихъ уѣзднаго наблюдателя Зеаулинскаго. Тотъ является съ ревизіей въ школу, учителя отсылаетъ въ классъ, а самъ, въ его отсутствіи, роется въ книгахъ, въ письмахъ, отыскиваетъ дневникъ. Поймать неблагонадежныхъ мечта этихъ дѣятелей...

Село Иванцево, Лукояновскаго у. Нижегор. губ. Въ 20 числахъ сентября, здѣсь были арестованы два крестьянина, у которыхъ при обыскѣ найдены нелегальныя брошюры; арестованныхъ продержали нѣсколько дней въ лукояновской тюрьмѣ, допросили, и выпустили. Лѣтомъ текущаго года, особенно передъ проѣздомъ царя въ Саровъ, въ Иванцевѣ нѣсколько разъ были разбрасываемы по ночамъ нелегальныя изданія (брошюры и прокламаціи). Это до того встревожило администрацію, что она совершенно устранила иванцевскихъ крестьянъ отъ участія въ „охранѣ“ желѣзнодорожнаго пути во время саровскихъ „торжествъ“: изъ иванцевскихъ крестьянъ въ „охрану“ не попалъ никто, не смотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ, желая увидѣть „батюшку царя“, усиленно добивались этого. Слѣдуетъ замѣтить, что с. Иванцево находится отъ желѣз. дор. на разстояніи лишь пяти-шести верстъ. Характерно, что въ то же время въ „охранѣ“ участвовали жители прочихъ селеній лукояновскаго уѣзда, а также тысячи крестьянъ, прибывшихъ изъ балахнинскаго, горбатовскаго, макарьевскаго и др. уѣздовъ. (Всего въ „охрану“ было вызвано до 40 тыс. крестьянъ).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Орѣхово-Богородская соціальдемократическая рабочая организація возникла осенью 1901 г., признавъ руководящимъ для себя органомъ „Искру“, о чемъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и было сообщено въ одномъ изъ нумеровъ ея.

Послѣдовавшіе затѣмъ съ 25 декабря 1901 года по май мѣсяцъ 1902 г. крупные аресты, съ жертвами до 800 человѣкъ, разгромили всю боевую организацію. Въ результатѣ пострадало всего лишь 20 человѣкъ, сосланныхъ въ Архангельскую и Вологодскую губерніи; остальные были принуждены удалиться на родину, нѣкоторые же приняты вновь на фабрику. Всѣ старыя связи съ центральнымъ органомъ соціальдемократической партіи порваны. Но, видно, протеста, вытекающаго съ естественной необходимостью изъ окружающей обстановки, нельзя подавить ничѣмъ. Образуются новые кадры борцовъ за свободу. Ихъ пополняетъ всякій, кто не можетъ примириться съ гнетомъ несправедливости. (Отъ ред. Вмѣстѣ съ этимъ сообщеніемъ мы получили также слѣдующее заявленіе одной изъ группъ, входящихъ въ вышеупомянутую организацію.)

„Мы, ...скіе рабочіе, вынужденные въ силу экономической необходимости, а вовсе не по наущенію какихъ либо агитаторовъ, рѣшили организоваться и примкнуть къ организаціи „Искры“, тѣмъ болѣе, что обобществленіе средствъ и продуктовъ производства въ рукахъ производителей — главный пунктъ нашего символа вѣры. Желая стать „человѣкомъ“ и удовлетворить свои культурныя потребности, мы считаемъ необходимымъ: 1) введеніе 8 часового рабочаго дня, 2) увеличеніе заработной платы свыше средней потребности рабочаго.

Мы признаемъ наличность классовыхъ интересовъ пролетаріата и капиталистовъ, а потому наша цѣль — уничтоженіе этихъ противорѣчій, средствомъ — мы считаемъ классовую борьбу (политическія убійства допустимы лишь тогда, когда совершаются самой массой) и, какъ одно изъ главныхъ средствъ, организованную мирную стачку, въ различныхъ же осложненіяхъ, сопровождающихъ стачку въ видѣ поломки машинъ, грабежей и различнаго рода насилій, мы видимъ проявленіе царящей въ Россіи темноты, усиленно насаждаемой самодержавной политикой, но оправдывая осложненія эти, мы еще не признаемъ ихъ пригоднымъ средствомъ борьбы.

Въ системѣ дѣтскаго труда мы видимъ одно изъ проявленій экономической необезпеченности рабочаго, вынужденнаго себя отдавать во власть хозяйской эксплоатаціи чуть ли не съ самаго дѣтства, и считаемъ необходимымъ изъятіе дѣтей безъ всякихъ оговорокъ до 16 лѣтняго возраста.

Для уничтоженія все увеличивающейся конкурренціи между женскимъ и мужскимъ трудомъ мы требуемъ одинаковой заработной платы, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Во время болѣзни рабочаго, мы считаемъ необходимымъ обязать капиталиста уплачивать рабочему вознагражденіе въ размѣрѣ половинной заработной платы. То же самое и беременнымъ женщинамъ за все время безработицы.

Во всѣхъ случаяхъ столкновенія рабочихъ съ фабричной администраціей мы требуемъ немедленнаго удаленія лицъ ненавистныхъ для рабочихъ. Если будутъ введены на нашихъ фабрикахъ фабричные старосты, то требуемъ, чтобы полиція и фабричная администрація не вмѣшивались въ дѣло выбора старостъ — это дѣло самихъ рабочихъ, передъ которыми старосты и отвѣтственны. До годичнаго срока старосты могутъ быть смѣщены только рабочими, а передъ административной властью они являются лицами неприкосновенными. Выборы должны быть обставлены полной свободой, — на нихъ должна быть допущена свобода слова и признана гарантія личной неприкосновенности, подача голосовъ должна быть безусловно тайной, — въ противномъ случаѣ мы будемъ видѣть въ старостинствѣ новую ловушку со стороны господъ Зубатовыхъ. Вѣдѣнію фабричныхъ старостъ должно подлежать: дать или не дать согласіе на увольненіе того или иного рабочаго съ фабрики. Всѣ наши экономическія требованія мы считаемъ невозможнымъ выполнить при теперешнемъ положеніи современнаго самодержавно-бюрократическаго строя, а потому мы вынуждены заявить слѣдующія политическія требованія:

Ограниченіе самодержавной власти: 1) учрежденіе всероссійскаго земскаго собора, ставящаго подъ свой контроль всю политику государства. 2) Признаніе законодательнымъ путемъ свободы слова, ассоціацій, стачекъ и гарантія личной неприкосновенности, безъ наличности которыхъ все существованіе земскаго собора сводится къ нулю. 3) Выборы депутатовъ въ земскій соборъ должны составлять всеобщее, равное и прямое право съ тайной подачей голосовъ.

Касса: Процентное обложеніе: съ рубля заработка платы 4 к. Изъ нихъ: нелегальная литература 10 %, легальная — 10 %, въ помощь арестованнымъ 20 %, общій стачечный фондъ — 40 %, конспиративные расходы — 20 %.“

Привѣтствуемъ отъ всей души смѣлый починъ самовозрождающейся рабочей соц.-демократической организаціи! Будемъ надѣяться, что опубликованіе ея сообщенія поведетъ быстро къ возстановленію порванныхъ связей.

Александровскъ (Екатеринослав. губ.). Въ срединѣ іюля мѣстной организаціей былъ выпущенъ листокъ, содержащій описаніе южно-русскихъ стачекъ. Въ немъ александровскіе рабочіе приглашались примкнуть къ стачкѣ и поддержать товарищей. Въ это же время дошли до насъ свѣдѣнія о готовящейся забастовкѣ въ городѣ Екатеринославѣ. Комитетъ поспѣшилъ сорганизовать авангардъ и выработать планъ дѣйствій; на четырехъ сходкахъ, состоявшихся между 25 іюля и 9 августа, былъ выработанъ планъ и рѣшили забастовку соединить съ политической демонстраціей, но не выступать раньше Екатеринослава. Однако ремесленники не выдержали и бросили работу еще 26 іюля. Забастовали всѣ портные, сапожники, жестянники и послѣдними модистки. Нѣкоторые ремесленники держались стойко: наприм., въ мастерской Бакальчуко болѣе двухъ недѣль. Такимъ образомъ самый сознательный боевой элементъ уже былъ утомленъ стачкой, когда 9 августа пришли извѣстія о кровавыхъ событіяхъ въ Екатеринославѣ. Всѣ заводы были настроены и готовы были бросить работу въ тотъ же день. Нѣкоторые же ремесленники, у которыхъ забастовка была уже выиграна, колебались, а иные агитировали даже противъ нея. Организація выпустила снова листокъ и собрала сходку. На сходкѣ былъ элементъ не боевой; большинство старички-семейные, а также протестующіе противъ забастовки ремесленники. Однако къ концу сходки всѣ высказались за забастовку, но въ авангардѣ пошли немногіе — человѣкъ 35. Съ такимъ количествомъ передовыхъ бойцовъ въ городѣ, который не получилъ еще политическаго воспитанія, выступать со всеобщей забастовкой было бы безуміемъ. Къ тому же полиція и жандармерія приготовились: были стянуты всѣ жандармы съ вновь строящейся линіи Екатеринославской дороги и въ городѣ ждали со дня на день войска. Такимъ образомъ забастовку пришлось отложить на неопредѣленное время.

Однако, не смотря на такое рѣшеніе мѣстной организаціи, рабочіе не успокоились: черезъ два дня послѣ сходки къ одному изъ передовыхъ рабочихъ, близко стоящихъ къ Комитету, пришла депутація отъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и нѣкоторыхъ заводовъ съ упрекомъ, что ихъ игнорируютъ, не призываютъ на сходки, а набираютъ какихъ-то калѣкъ революціонеровъ, и просила Комитетъ снова собрать сходку, обѣщая пригласить болѣе подходящій элементъ. Въ это время пришло извѣстіе, что забастовка въ Екатеринославѣ кончилась, и ходили слухи, что кончилась плачевно, неудачею и массой жертвъ. Несмотря на это Комитетъ назначилъ сходку, которая не могла состояться по случаю проливного дождя; она была отложена, но не состоялась опять, такъ какъ въ городъ прибыли казаки, и неокрѣпшая еще организація чувствовала себя недостаточно сильной, чтобы устраивать политическую демонстрацію при наличности непривычныхъ для города войскъ. Хотя забастовка не состоялась, но рядъ собраній и сходокъ имѣетъ огромное значеніе: молодая александровская организація успѣла воочію изучить мѣстный пролетаріатъ; она запаслась опытомъ на будущее время и выдвинула цѣлый рядъ активныхъ борцовъ. За это время по 10 октября организація выпустила листки къ крестьянамъ деревни Левшиной (25 верстъ отъ Александровска), деревни Балабиной (15 верстъ). Въ послѣдней попъ произнесъ рѣчь противъ „разбойниковъ-соціалистовъ“, но вся молодежь демонстративно вышла изъ церкви, и когда онъ возвращался домой, то его телѣгу проводили гиканьемъ и свистомъ. Комитетъ выпустилъ отвѣтный листокъ. Послѣ этого было нѣсколько обысковъ, арестовано трое крестьянъ: двое мужчинъ и одна женщина. Распространенъ въ городѣ печатный листокъ Екатер. Комитета о результатахъ послѣдней стачки. Выпущенъ листокъ мѣстной организаціей: „Почему мы боремся за политическую свободу“, въ количествѣ 700 экземпляровъ.

Егорьевскъ, Рязанской губ. Въ „Рус. Вѣд.“ отъ 23 сентября ст. ст. напечатано, что 22 сен. въ уголовномъ отдѣленіи московской судебной палаты, при участіи сословныхъ представителей разбиралось (при закрытыхъ дверяхъ) *дѣло о безпорядкахъ на Хлудовской фабрикѣ въ г. Егорьевскѣ*, Рязанской губ. Обвиняемые 10 человѣкъ (всего было привлечено къ дѣлу 11 чел., но одинъ на судъ не явился) признаны виновными по 1-ой ч. 269¹ ст. Улож. о наказаніяхъ и приговорены: шестеро къ заключенію въ тюрьмѣ на восемь мѣсяцевъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ, одинъ на четыре мѣсяца безъ лишенія правъ, двое на два мѣсяца и одинъ оправданъ.

Безпорядки или „бунты“ въ Егорьевскѣ — небольшомъ уѣздномъ городкѣ съ 30-тысячнымъ населеніемъ и съ восьмью-десятью тысячами рабочихъ на нѣсколькихъ фабрикахъ (товарищества бр. Хлудовыхъ, Бардыгина, Князева и др.) — случаются уже не впервые. Я хорошо помню „бунтъ“ 1893 г., когда весь фабричный дворъ Хлудовской бумагопрядильни въ нѣсколько десятинъ размѣромъ, былъ засыпанъ, какъ снѣгомъ, клочками конторскихъ книгъ, счетовъ, квитанцій и пр.; когда рѣчка Гуслянка, протекающая около фабрики, чуть не выступила изъ береговъ, заваленная кусками коленкора, мотками пряжи и т. п. Разгромъ былъ полный... Были вызваны спѣшно войска. Послѣ „бунта“ городъ, въ лицѣ своихъ „отцовъ“, обратился, куда слѣдуетъ, съ просьбой о присылкѣ постояннаго войска. Просьбу уважили и прислали цѣлый полкъ. Судилъ „зачинщиковъ“ (если не ошибаюсь, ихъ было 17 челов.) въ Егорьевскѣ же окружный судъ. Защищалъ безплатно Плевако, и приговоры были сравнительно легкіе. Настроеніе у рабочихъ, благодаря выигрышу стачки*), защитѣ Плевако („Самъ Плевака насъ защищалъ“, — говорили потомъ рабочіе) и общей обстановкѣ суда — сочувствующая публика — было бодрое, но оно не было совершенно использовано, благодаря отсутствію „революціонныхъ бациллъ“. Послѣ 1893 г. „безпорядки“ раза два или три повторялись, но въ нихъ не было уже единодушія, и Хлудовы, Бардыгины и пр. продолжали хозяйничать попрежнему. И вотъ въ нынѣшнемъ, 1903 г., въ февралѣ опять „бунтъ“ и опять разгромъ... Результатовъ почти никакихъ, полиція вначалѣ же „выхватила“ кого посмѣлѣе и куда слѣдуетъ представила. И опять, возможно, заснетъ Егорьевскъ не смотря на то, что находится въ промышленномъ районѣ, на желѣзной дорогѣ и въ 100 верстахъ отъ Москвы.

Егорьевское „дѣло“ заставляетъ позадуматься. Въ самомъ дѣлѣ: почему Югъ, Кавказъ, восточныя губерніи то и дѣло „оказываютъ“ себя, да еще такъ глубоко и серьезно оказываютъ! И въ то же время цѣлая полоса (Московская, Владимірская, Калужская, Рязанская губ.) Россіи молчитъ и повидимому спитъ? Не такъ вѣдь давно и тутъ „волновались“! А теперь? Просмотрите корреспонденціи „Искры“ хотя бы за послѣдніе 25 №№ — много-ли вы найдете сообщеній изъ этой полосы, изъ этого центра русской мануфактурной промышленности? Старые „бунтовщики“, „девятидесятники“ — Иваново-Вознесенскъ, Орѣхово-Зуево, Шуя и др. — молчатъ, заглохли, а про мелочь, вродѣ Коломны и Серпухова, и говорить нечего! Почему? Неужели рабочій этой полосы Россіи менѣе воспріимчивъ къ соціальдемократической пропагандѣ, чѣмъ южанинъ? Тотъ фактъ, что сами рабочіе этого района, безъ всякаго посторонняго вліянія, начинаютъ читать, хотятъ добиться „сути“, учатся, говорятъ за то, что здѣсь уже не такое сонное царство, что интересъ къ книжкѣ, къ знанію, къ „уразумѣнію“ существуетъ. Я знаю одинъ кружокъ рабочихъ, устроившій по своей собственной иниціативѣ кассу для покупки такихъ книжекъ, какъ брошюрки свящ. Петрова, „книжка за книжкой“ изд. Слѣпцовой и др. Рабочіе этого кружка питаются неудобоваримой пищей вродѣ самодержавно-православнаго соціализма Петрова, а изъ хорошихъ, случайно попадающихъ книжекъ многое остается непонятнымъ. Но все же читаютъ! И такія дѣйствительно „отрадныя“ явленія остаются неиспользованными. Почему? Отвѣтъ одинъ — нѣтъ руководителей, нѣтъ „революціонеровъ по профессіи“, нѣтъ никого, кто сумѣлъ бы направить ищущую рабочую мысль по соціальдемократическому руслу!

С. Д.

Екатеринбургъ. Письмо рабочаго льно-прядильно-ткацкой фабрики бр. Макаровыхъ.

На фабрикѣ выдѣлывается пряжа, нитки, мѣшки и брезенты. Рабочихъ около 500. Фабрика раздѣляется на два отдѣленія: прядильное и ткацкое; въ прядильномъ отдѣленіи плата поденная и помѣсячная; въ ткацкомъ плата сдѣльная. Въ 1900 году на этой фабрикѣ была стачка ткачей. Ткачи возмутились желаніемъ хозяевъ понизить заработную плату и забастовали. Стачка была выиграна, плата осталась прежняя. Но хозяева стали прибѣгать къ другимъ мѣрамъ для пониженія заработной платы рабочихъ. Мужчинъ стали замѣнять женщинами. Раньше работали 2 смѣны по 11 часовъ каждая. При такомъ порядкѣ нельзя было свободно пользоваться трудомъ женщинъ и подростковъ, такъ какъ женщины и подростки работаютъ только днемъ. Чтобы широкое примѣненіе женскаго труда стало возможнымъ, 11 часовая смѣна была замѣнена 9 часовой. Въ настоящее время одна смѣна работаетъ отъ 4 часовъ утра до 1 часа дня, другая отъ 1 часа до 10 ч. вечера. Такой порядокъ больше не препятствуетъ замѣнѣ мужчинъ женщинами, и въ насто-

---

*) Рабочіе требовали болѣе человѣческаго обращенія, уничтоженія платы харчами, удаленія кое-какихъ служащихъ и пр. Почти всѣ требованія были удовлетворены; директоръ и часть администраціи уволены (Хлудовская фаб.). На другихъ фабрикахъ, тоже присоединившихся къ бунту (Бардыгинская, Князевская), были выставлены аналогичныя требованія и тоже удовлетворены. „Хозяева“ и „городъ“ были перепуганы не на шутку.

[illegible] на фабрикѣ, женщинъ [illegible]

Въ пр[illegible] обыкновенно составляла 70 к., она никогда [illegible] теперь рѣдко кто получ. 50 к., средняя же плата [illegible] снижается не только заработная плата, но уменьш[illegible] размѣръ пособій, выдаваемыхъ роженицамъ. Пособіе [illegible]ается изъ штрафного капитала администраціей и утверждается фабричнымъ инспекторомъ. Раньше роженицѣ выдавалось 7 р.; какъ-то разъ фабричный инспекторъ вмѣсто 7 р., утвердилъ только 5 р.; съ этого времени стали выдавать только 5-рублевыя пособія. Недавно фабричному инспектору почему то вздумалось вмѣсто 5 р. утвердить только 2 р., и съ тѣхъ поръ роженица больше 2 р. не получаетъ. Понятно, что при такой заработной платѣ (женщины получаютъ 40 и 30 к. въ день) жизненный уровень рабочихъ спускается все ниже, все рѣже рабочіе ватятъ за столомъ мясо, горячую пищу.

На фабрикѣ нѣтъ даже фельдшера — вмѣсто фельдшера какой то невѣжда, не имѣющій званія фельдшера. Какова бы ни была болѣзнь, онъ всегда даетъ только касторку, хину и скипидаръ; врачъ Поздѣевъ существуетъ только для формы: рабочихъ онъ не лѣчитъ, къ нему почти никто и не обращается. Больной работницѣ онъ однажды заявилъ: „лѣчить тебя обойдется 50 руб., похоронить — только два съ полтиною, какой расчетъ фабрикѣ тебя лѣчить?“

Работа страшно плохо отражается на здоровьѣ рабочихъ: приходится работать въ густой, удушливой пыли; пыль ложится на легкія, способствуетъ развитію чахотки, портитъ глаза: когда рабочіе выходятъ съ работы, минуту-другую у нихъ передъ глазами стоитъ туманъ. Фабрика безсовѣстно расточаетъ здоровье рабочихъ, если же приходится тратить на лѣкарства, то предпочитаетъ дать разсчетъ.

На фабрикѣ царитъ страшный произволъ администраціи. Фабричный же инспекторъ Николаевъ не ѣздитъ на фабрику, боясь нарваться на какую-нибудь жалобу рабочихъ. — Вслѣдствіе небрежнаго отношенія администраціи ко всякаго рода огражденіямъ на фабрикѣ бываютъ часто несчастные случаи съ рабочими. Пострадавшіе отъ несчастныхъ случаевъ рабочіе получаютъ во время болѣзни 60 % жалованья и болѣе ничего, хотя они-я остаются безъ рукъ, безъ пальцевъ. Фабричная администрація, безсовѣстно эксплоатируя и калѣча рабочихъ, этимъ не довольствуется, она еще позволяетъ себѣ издѣваться надъ рабочими и работницами и всячески оскорблять ихъ человѣческое достоинство. Болѣе другихъ въ этомъ отличаются директоръ фабрики Джонъ Кристи и бухгалтеръ Замараевъ. Директоръ Кристи ругаетъ рабочихъ самымъ неприличнымъ образомъ и глумится надъ человѣческимъ достоинствомъ работницъ. Хорошенькихъ, красивыхъ работницъ онъ преслѣдуетъ своими гнусными предложеніями, часто оскорбляя ихъ наигрубѣйшимъ образомъ. Для подтвержденія сказаннаго можно было бы привести много фактовъ. Что касается бухгалтера Замараева, то онъ не только систематически притѣсняетъ и оскорбляетъ рабочихъ, но нерѣдко примѣняетъ кулачную расправу.

Черниговъ. Времена мѣняются... Давно-ли черниговскаго обывателя можно было только посмѣшить заявленіемъ, что рабочіе требуютъ „правовъ“, что они предъявляютъ какіе-то культурные запросы. Теперь не то: надъ стачечниками больше не смѣются и требованія рабочихъ никого не удивляютъ. Обыватель молчаливо призналъ за рабочими право на борьбу, и только мелкіе хозяева-ремесленники, которымъ особенно не по душѣ пришлось „бунтарское“ настроеніе рабочихъ, жалуются на новыя времена. — „Ахъ, какія теперь времена настали, какія времена! Житье у насъ стало хуже, чѣмъ въ Сибири! Бывало, у тебя рабочій работаетъ, сколько нужно, ѣстъ, что дашь; бывало, и толкнешь его, — не обижается: безъ этого нельзя, всякій понимаетъ. А сейчасъ... ой, ой! Лучше бросить все дѣло!.. Рабочіе захотѣли жить, какъ студенты. Наступаетъ семь часовъ вечера, и ты ихъ ничѣмъ не удержишь: одѣваются и уходятъ. А на счетъ ночной работы и не заикайся. И за все имъ плати: за лишній часъ работы — плати!.. Паршивый малышъ и тотъ кричитъ: давай лучшую пищу, не смѣй меня трогать, а не то уйду. Получаетъ рубль-два въ мѣсяцъ, и то платитъ двѣ коп. въ кассу“. — „Въ какую кассу?“ — „Въ какую? О, вы не знаете, какъ у нихъ все умно устроено“! И застигнутый врасплохъ новыми временами мелкій хозяинъ подробно разсказываетъ о стачечныхъ кассахъ, все время повторяя: „О, у нихъ очень умно все сдѣлано“. Но что особенно удивляло и возмущало его, такъ это то, что рабочіе „бунтуютъ, бездѣльничаютъ, гуляютъ на рѣкѣ, и ихъ же еще кто-то поддерживаетъ и даетъ имъ деньги“. „Говорятъ, будто все студенты тутъ виноваты: но я не вѣрю, чтобы такой ученый народъ и дѣлалъ такой плохой гешефтъ“. Другой, наоборотъ, былъ убѣжденъ, что „студенты въ этомъ дѣлѣ причинны“. „Знаете — говорилъ онъ — тутъ великое дѣло, страшно великое дѣло, трудно и разсказать. Студентамъ плохо живется: кончаютъ они университетъ и служатъ въ канцеляріяхъ на 25 руб., а другіе паны безъ образованія милліонами владѣютъ... Народу тоже плохо живется... Заграницей, видите-ли, тамъ больше правъ имѣютъ, меньше работаютъ. Вотъ и у насъ того же хотятъ“. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ народившагося рабочаго движенія и въ слои мелкихъ хозяевъ-ремесленниковъ начинаетъ проникать смутное сознаніе существующаго у насъ общественнаго неустройства. А рабочее движеніе у насъ въ Черниговѣ, совсѣмъ еще молодое: въ мартѣ у насъ была всеобщая стачка портныхъ (см. 41 № „Искры“), затѣмъ въ августѣ такая же стачка произошла среди столяровъ. Участвовало въ ней до 70 человѣкъ и продолжалась она около двухъ недѣль. Въ стачкѣ принимали участіе еврейскіе и русскіе рабочіе и, когда евреямъ-рабочимъ сдѣланы были уступки, они отказались стать на работу до тѣхъ поръ, пока такія же уступки не будутъ сдѣланы ихъ русскимъ товарищамъ. Требованія были очень скромныя: десятичасовой рабочій день и введеніе разсчетныхъ книжекъ. Хозяева тотчасъ же обратились за помощью къ полиціи, которая арестовала трехъ „зачинщиковъ“. Полиціймейстеръ вызывалъ рабочихъ по одиночкѣ и угрозами и зуботычинами старался ихъ заставить стать на работу. Рабочіе держались очень стойко и завоевали десятичасовой рабочій день. Во время стачки была выпущена къ столярамъ прокламація за подписью „Революціонная Соціалистическая группа“. Рабочіе недоумѣвали, что это за группа, такъ какъ они считаютъ только соц.-дем. истинными друзьями рабочихъ. — Вслѣдъ за столярами забастовали слесаря, требуя десятичасового рабочаго дня, чего черезъ два дня и добились. — По поводу послѣднихъ событій на югѣ въ Черниговѣ была распространена прокламація за подписью: „Черниговская Соц.-дем. Группа“.

Севастополь. Послѣднее время отмѣчено у насъ энергичной борьбой рабочихъ-портныхъ съ хозяевами. Не такъ давно хозяева дамско-портняжнаго цеха составили (по иниціативѣ Шейнкора) союзъ для борьбы съ рабочими, направивъ его главнымъ образомъ на уничтоженіе помѣсячной платы и на введеніе сдѣльной. Рабочіе не согласились и предпочитали сидѣть безъ работы и въ буквальномъ смыслѣ слова голодать, чѣмъ принять эту форму расплаты. Наступило время сезона — самое дорогое для хозяевъ время. Посыпались заказы, а исполнять ихъ некому. Неся огромные убытки, хозяева, по необходимости, стали соглашаться на условія помѣсячной платы, но при этомъ они не принимали на работу тѣхъ изъ рабочихъ, которые наиболѣе энергично стояли за помѣсячную плату. Возмущенные этимъ рабочіе рѣшили выразить протестъ этому союзу хозяевъ въ лицѣ его организатора Шейнкора и постановили не допускать въ его мастерскую никого изъ мужскихъ подмастерьевъ, оставивъ у него одного годового. Дѣло пока очень дружное. Ему не мѣшали и пріѣзжіе рабочіе, которые, ставъ на работу, по предложенію севастопольскихъ товарищей уходили черезъ день-два. Тогда Шейнкоръ, пользующійся покровительствомъ градоначальника, адмирала Спицкаго, женѣ котораго онъ съумѣлъ угодить работой, обратился къ нему за защитой и указалъ ему на трехъ рабочихъ, какъ на главныхъ „агитаторовъ и бунтовщиковъ“. Спицкій защитилъ портного ея превосходительства *и черезъ пять часовъ* три „агитатора и бунтовщика“ были высланы изъ города, причемъ имъ не было дано времени на устройство своихъ личныхъ дѣлъ. Шейнкоръ торжествовалъ, но не долго. Вѣсть объ этомъ актѣ произвола быстро распространилась по городу, и возмущенные товарищи немедленно же окончательно лишили Шейнкора рабочихъ на весь сезонъ, не исключая и годового подмастерья, который взялъ расчетъ и уѣхалъ изъ города. Шейнкоръ рветъ и мечетъ и теперь, ступивъ уже на дорогу доносовъ, грозилъ высылкой еще пятерымъ рабочимъ и тремъ интеллигентамъ. Общественное мнѣніе на сторонѣ рабочихъ. На дняхъ же началась стачка портныхъ мужского портняжнаго цеха, которую рѣшили вести поочередно. Портные требуютъ повышенія платы. Первая забастовка у Новика закончилась, повидимому, удачно: онъ согласился прибавить половину требуемой суммы (50 коп. вмѣсто 1 рубля на штуку). Въ настоящее время стачка объявлена у портного Левина; требованія тѣ же. По примѣру Шейнкора и хозяева мужскаго портняжнаго цеха рѣшили обратиться къ градоначальнику и донесли на рабочихъ. Поживемъ — увидимъ.

Херсонъ. Намъ доставлена изъ Херсона обширная корреспонденція, подробно излагающая исторію рабочаго движенія въ Херсонѣ. Исторія эта, отличаясь лишь отдѣльными эпизодами отъ исторіи другихъ русскихъ городовъ, является типичной для русскаго провинціальнаго города. Кружковщина, кустарничество, полная оторванность отъ центровъ рабочаго движенія, чрезвычайное суженіе задачъ соціальдемократіи — вотъ картина херсонскаго движенія вплоть до 1903 г. Стачка на табачной фабрикѣ Лермана (140 раб.) въ 1902 г. внесла было нѣкоторое оживленіе въ дѣла херсонской соц.-дем. организаціи, но затѣмъ кустарничество и экономизмъ вновь одолѣли и все пошло по старому. Для будущаго историка картина херсонскаго движенія, подробно описанная нашимъ корреспондентомъ, представитъ любопытный матеріалъ.

Заимствуемъ изъ корреспонденціи слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ 1903 г. Начало этого года характеризуется переходомъ къ массовой агитаціи, принимающей политическій характеръ въ противовѣсъ прежнему „экономизму“. Выпускаются листки: „О томъ, какъ освободиться отъ экономической эксплоатаціи“, „Кто мѣшаетъ пролетаріату сорганизоваться“, „О самодержавіи и политической свободѣ“. Распространяется брошюрная литература. Связи съ рабочей массой становятся обширнѣе и прочнѣе. Нѣкоторую смуту въ работу организаціи вноситъ образованіе „оппозиціи“, требовавшей возврата къ устарѣвшимъ пріемамъ пропаганды. Послѣ борьбы и долгихъ переговоровъ „оппозицію“ удалось обезвредить и присоединить къ организаціи. Втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ были выпущены слѣдующіе листки: „Письмо очевидца изъ Златоуста“, „Какъ держать себя на допросахъ“, „О кишиневскомъ погромѣ“, „Ко всѣмъ“ (о приговорахъ Одарику и Дзюбинской).

Несмотря на незначительность фабрично-заводскаго населенія (около 5.000), уже въ настоящее время въ Херсонѣ чувствуется сильный недостатокъ въ опытныхъ организаторахъ и агитаторахъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что лучшіе рабочіе, не находя достаточнаго простора для примѣненія своихъ силъ въ Херсонѣ, перекочевывали въ другіе города, отчасти же тѣмъ, что работа мѣстной соціальдемократической группы начала за послѣднее время быстро расширяться. Такъ, удалось установить связи съ сосѣдними уѣздными городами, а также начать пропаганду и агитацію среди крестьянъ, охотно читающихъ соц.-дем. литературу и бывающихъ на рабочихъ сходкахъ. Въ одной деревнѣ чуть-ли не всѣ крестьяне бывали на собраніяхъ и читали литературу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДЕСЯТЫЙ КОНГРЕССЪ БОЛГАРСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ ВЪ РУЩУКѢ.

Изъ всѣхъ политическихъ партій Болгаріи одна соціальдемократическая партія обладаетъ строго проведенной организаціей, имѣетъ опредѣленный уставъ и программу; она же одна устраиваетъ правильные ежегодные съѣзды, дающіе руководящія указанія для партійныхъ органовъ и всѣхъ мѣстныхъ организацій. Такимъ образомъ она является единственною въ Болгаріи прочно-организованною политическою партіей, и этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется ея крупное вліяніе на общественную жизнь страны.

Работы X съѣзда болгарскихъ соціальдемократовъ опредѣлялись исключительными условіями, въ которыхъ имъ приходится дѣйствовать и бороться въ настоящее время. Съ одной стороны, они должны были укрѣпить организмъ партіи послѣ происшедшаго весною этого года раскола между оппортюнистами и революціонными соціальдемократами; съ другой, — имъ необходимо было связать интеллигентское соціальдемократическое движеніе съ молодымъ рабочимъ движеніемъ и направить всѣ силы къ тому, чтобы сдѣлать это стихійное движеніе сознательно-классовымъ, соціальдемократическимъ. Эта задача являлась тѣмъ болѣе настоятельной, что, при все быстрѣе растущей реакціи со стороны правительства князя Фердинанда и части — самой крупной — буржуазіи, будущность соціализма въ Болгаріи можетъ быть обезпечена только сильной организаціей рабочаго класса и широкимъ и полнымъ развитіемъ его классового самосознанія.

Соціализмъ въ Болгаріи зародился значительно раньше болгарскаго рабочаго движенія. Даже послѣ того, какъ болгарскіе соціалисты объединились, въ началѣ девяностыхъ годовъ, въ Соціальдемократическую Рабочую Партію, участіе рабочихъ, какъ въ политической жизни страны, такъ и въ соціалистическомъ движеніи, было совершенно ничтожно. Партія была *фактически* партіей интеллигенціи: учителей, мелкихъ чиновниковъ и нѣкоторой части мелкой, сельской и городской, буржуазіи. Только въ самое послѣднее время, начиная съ 1897-1898 гг., рабочіе стали организоваться, готовиться къ борьбѣ и бороться, по мѣрѣ того, какъ капиталъ сталъ переходить изъ области торговли и ростовщическихъ пріемовъ „первоначальнаго накопленія“ въ область крупно-промышленнаго производства. Мелкобуржуазнымъ составомъ партіи объясняется и то обстоятельство, что долгое время главную роль въ ея дѣятельности играла *минимальная*, а не *максимальная* программа. Принципы послѣдней являлись для многихъ изъ вожаковъ чѣмъ-то абстрактнымъ, чуждымъ и совсѣмъ ненужнымъ въ ежедневной борьбѣ. Отсутствіе крупныхъ фабричныхъ центровъ и сплоченныхъ массъ пролетаріата толкало партійныхъ дѣятелей въ деревни, населеніе которыхъ — подавленное и разоренное — звало ихъ на помощь. Во время избирательной борьбы агитаторы партіи нѣсколько разъ успѣвали привлечь на свою сторону крестьянъ обѣщаніями уменьшенія государственныхъ налоговъ, сокращенія военнаго бюджета и т. д., но, главнымъ образомъ, своей критикой капитализма, разрушающаго старые „устои“ деревенской жизни и толкающаго въ ряды пролетаріата — а еще чаще въ босячество — многихъ и многихъ крестьянъ. На соціальдемократовъ крестьяне смотрѣли какъ на своихъ лучшихъ друзей, борющихся за спасеніе ихъ отъ вліянія капитализма, главнымъ образомъ, отъ пролетаризаціи. Естественно, что при такихъ отношеніяхъ между партіей и мелкими сельскими собственниками, случилось то, что предвидѣлъ — по поводу подобнаго же случая — 10 лѣтъ тому назадъ Карлъ Каутскій: вмѣсто того, чтобы крестьяне были „пойманными“ партіей, стало ясно, что, наоборотъ, крестьяне „поймали“ партію, заставивъ ее превратиться въ радикальную партію во французскомъ значеніи слова.

Но съ появленіемъ и ростомъ рабочаго движенія, въ возникновеніемъ профессіональныхъ союзовъ и другихъ рабочихъ обществъ, особенно же послѣ цѣлаго ряда болѣе или менѣе крупныхъ забастовокъ фабричныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ городахъ, многіе изъ партійныхъ членовъ, главнымъ образомъ, теоретически образованные марксисты, стали все чаще и настойчивѣй предъявлять требованіе о созданіи *рабочей* партіи или, какъ они говорили, о перемѣщеніи центра тяжести нашей партіи изъ среды крестьянъ и ремесленниковъ въ ея *естественную среду*, въ среду фабрично-заводскаго пролетаріата. Мало по малу, въ рядахъ партіи стали оформляться два — существовавшія, впрочемъ, въ зародышѣ и ранѣе — теченія, принципіально противоположныя другъ другу, борьба между которыми кончилась, весною этого года, расколомъ въ партіи.

Одно изъ этихъ теченій не было представлено теоретически до самаго послѣдняго времени. Это было теченіе такъ называемыхъ „практиковъ“, работающихъ по старому среди крестьянъ и мелкой буржуазіи городовъ, несмотря на рѣшенія нѣсколькихъ съѣздовъ, отвергшихъ эту тактику и рекомендовавшихъ работу (пропаганду и агитацію) среди рабочихъ и въ интересахъ рабочаго движенія. Пока не было теоретиковъ этого теченія, его приверженцы спокойно принимали на словахъ все, что постановляли съѣзды партіи, и не давали особеннаго повода къ раздорамъ и спорамъ. Но съ 1900 г. такіе теоретики появились. Въ начавшемъ къ тому времени выходить въ свѣтъ журналѣ *„Общее Дѣло“* членъ Центральнаго Комитета и депутатъ партіи Я. Сакизовъ попытался оправдать принципіально и рекомендовать, какъ единственно истинный, старый способъ дѣйствія партійныхъ товарищей, ихъ мелкобуржуазную тактику. Внѣшнимъ толчкомъ для разсужденій Саказова послужило то обстоятельство, что въ 1900 г. Болгарія находилась подъ гнетомъ партіи такъ называемыхъ „палочниковъ“, „черкесовъ“, т. е. приверженцевъ осужденнаго за злоупотребленія и кражу государственныхъ денегъ д-ра Радославова. Другимъ — болѣе интимнымъ — поводомъ было, какъ признавался самъ Саказовъ, броженіе въ рядахъ западно-европейскихъ соціалистовъ, между прочимъ „ученіе Бернштейна“.

Саказовъ разсуждалъ приблизительно такъ: правленіе Радославова является признакомъ наступающей политической реакціи; вполнѣ возможно и вѣроятно уничтоженіе конституціи и торжество монархизма. Этого допустить не слѣдуетъ. Но какимъ образомъ можетъ „народъ“ не допустить этого? Политическія партіи въ странѣ не представляютъ собою классовыхъ партій, а простыя клики хищниковъ-буржуа, простыя политическія котеріи. Съ своей стороны, соціальдемократія не обладаетъ достаточной силой, чтобы одной сломить реакцію. Что же дѣлать? Саказовъ отвѣтилъ, что надо обратиться *прямо* „къ народу, къ народу и къ народу“, т. е. ко „всѣмъ производящимъ слоямъ“ населенія: „къ торговопромышленной буржуазіи, ремесленникамъ, крестьянамъ и рабочимъ“, не желающимъ политической реакціи, координировать ихъ стихійныя и разрозненныя движенія и такимъ образомъ организованную политическую силу „производящей демократіи“ противопоставить поползновеніямъ князя и реакціонеровъ. Съ этой цѣлью Саказовъ аппелировалъ къ отдѣльнымъ „честнымъ и благороднымъ“ личностямъ въ различныхъ существующихъ партіяхъ, вообще ко всѣмъ интеллигентнымъ людямъ и друзьямъ прогресса, ставя имъ задачей вести народъ на борьбу за „законность и свободу“, за „хорошую и разумную финансовую и экономическую политику государства“ и т. д. Только такимъ образомъ — думалъ Саказовъ — возможно было бы создать прочныя демократическія учрежденія въ странѣ, т. е. необходимый базисъ правильнаго ея развитія въ будущемъ, равно какъ и предварительныя условія дальнѣйшей борьбы между различными партіями.

Эта „теорія“ Саказова показываетъ, что и болгарская соціальдемократія не избѣгла заразы оппортюнизма, что и она способна рождать своихъ Бернштейновъ, столь же мудрыхъ и столь же дальновидныхъ. Однако эта „теорія“ и въ Болгаріи нашла должный отпоръ со стороны „узкихъ“, „ортодоксальныхъ“ революціонеровъ. Во главѣ съ Д. Благоевымъ, редакторомъ научнаго органа партіи и депутатомъ парламента, товарищи, стоящіе на твердой почвѣ соціальдемократическаго ученія, вступили въ безпощадную борьбу съ саказовцами. Они рѣшительно стали на точку зрѣнія классовой борьбы, а для отпора поползновеній правительственной реакціи сочли лучшимъ средствомъ крѣпкую организацію пролетаріата въ сознательную соціальдемократическую партію.

Въ дискуссіяхъ на двухъ предпослѣднихъ съѣздахъ партіи, а также въ литературномъ спорѣ между обѣими сторонами, длящемся уже болѣе трехъ лѣтъ, вполнѣ выяснилась оппортюнистическая политика саказовцевъ. Въ разгарѣ борьбы они мало-помалу договорились до отрицанія будущности болгарскаго капитализма, а, слѣдовательно, и всей программы партіи. Появились толки объ „оригинальномъ“ болгарскомъ соціализмѣ; о новомъ — выдаваемомъ за взглядъ западно-европейской соціальдемократіи — пониманіи отношенія соціализма къ мелкой частной собственности; о „сотрудничествѣ классовъ“, какъ о „діалектикѣ исторіи“ и законѣ развитія и т. д. На практикѣ эта „теорія“ проявилась въ томъ, что „широкіе“ соціалисты стояли за политику „открытыхъ дверей“ при пріемѣ новыхъ членовъ въ партію, хотя бы и мало понимающихъ въ соціализмѣ; за устраненіе теоретической борьбы среди партійныхъ товарищей и противъ постояннаго поднятія теоретическаго уровня послѣднихъ, обосновывая это тѣмъ, что рабочіе-де по самому своему положенію соціальдемократы и что имъ мало проку отъ того, согласны или нѣтъ между собою „теоретики“ партіи. „Широкіе“ соціалисты защищали также „нейтралитетъ“ профессіональныхъ союзовъ, охотно, однако, привлекая ихъ при случаѣ на свою сторону.

Въ началѣ этого года борьба между двумя теченіями приняла такой ожесточенный характеръ, что вся дѣятельность партіи вполнѣ парализовалась. Въ парламентской группѣ, въ Центральномъ Комитетѣ, въ мѣстныхъ организаціяхъ споры исчерпывали всю энергію партіи. Всѣ чувствовали, что расколъ неизбѣженъ, и всѣ его ожидали на ближайшемъ съѣздѣ. Но событія опередили эти ожиданія. Въ Софіи, послѣ шестимѣсячной ожесточенной борьбы между двумя теченіями, 52 изъ лучшихъ членовъ выступили изъ организаціи и основали новую. Большинство Центральнаго Комитета признало эту новую организацію мѣстнымъ софійскимъ комитетомъ, объявивъ старую организацію несуществующей. Это было сигналомъ къ расколу. Меньшинство Центр. Комитета провозгласило рѣшеніе послѣдняго незаконнымъ и, не дожидаясь съѣзда и забравъ архивъ, печать и деньги партіи, объявило себя Центральнымъ Комитетомъ. Большинство Центр. Комитета, во главѣ съ Благоевымъ, обратилось къ партіи съ протестомъ противъ узурпаціи своихъ правъ со стороны Саказова и его товарища Дабева, и съ требованіемъ, чтобы мѣстныя организаціи рѣшили, кто будетъ Центральнымъ Комитетомъ до конгресса. Большая часть (40) комитетовъ примкнуло къ большинству Центр. Комитета; десятка два ихъ присоединилось къ меньшинству, къ Саказову. Такимъ образомъ, въ Болгаріи стали существовать рядомъ двѣ партіи съ одинаковыми названіями, программами и уставами.

Конгрессъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, явился конгрессомъ большинства старой партіи, такъ называемыхъ „узкихъ“, „ортодоксальныхъ“ соціальдемократовъ.

Такъ какъ расколъ произошелъ до него, то съѣздъ ограничился только санкціонированіемъ происшедшаго, т. е. утвержденіемъ отчета Центральнаго Комитета.

Надо признать, что этотъ съѣздъ много поработалъ. Такого трудолюбиваго съѣзда болгарская партія до сихъ поръ не видала. Всѣ пункты порядка дня, за исключеніемъ одного, были разсмотрѣны и по всѣмъ имъ были приняты соотвѣтствующія резолюціи. Вотъ этотъ порядокъ дня: 1. Отчеты Центр. Комитета, партійнаго органа („Рабочая Газета“) и парламентской группы. 2. Дѣятельность и тактика партіи: а) пропаганда и агитація, б) избирательная борьба. 3. Пересмотръ устава партіи. 4. Кооперація. 5. Профессіональные союзы рабочихъ. 6. Партійная печать: а) центральный органъ, б) брошюры для пропаганды. 7. Отношеніе партіи къ организаціямъ ремесленниковъ. 8. Македонскій вопросъ. 9. Минимальная и муниципальная программы. 10. Отчетъ кассы Партіи и ея органа. 11. Различныя предложенія.

Я не буду подробно останавливаться на всѣхъ пунктахъ. Сообщу только сущность главнѣйшихъ резолюцій, принятыхъ съѣздомъ. На первый планъ выступаетъ постановленіе о пропагандѣ и агитаціи.

Принимая во вниманіе, что прежде, чѣмъ пускаться въ широкую дѣятельность, партіи необходимо пустить прочные корни въ средѣ пролетаріата; что эту задачу можно тѣмъ легче разрѣшить, чѣмъ выше теоретическій уровень партіи и солиднѣе ея организаціи; — резолюція эта вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ организаціямъ: во-первыхъ, дѣйствовать по указаніямъ Центр. Комитета для поднятія теоретическаго уровня своихъ членовъ и для упроченія партійной дисциплины; во-вторыхъ, быть болѣе требовательными при принятіи новыхъ членовъ въ партію; въ-третьихъ, развить систематическую пропаганду и агитацію соціализма и программы партіи въ средѣ неорганизованныхъ и организованныхъ рабочихъ съ цѣлью пробудить или усилить ихъ классовое самосознаніе и привлечь ихъ въ партію или въ другія организаціи рабочихъ; въ-четвертыхъ, сосредоточить во время выборовъ, имѣющихъ мѣсто въ октябрѣ, силы и средства партіи преимущественно въ промышленныхъ центрахъ и городахъ, строго придерживаясь установленной, отрицающей компромиссы выборной тактики и особенно напирая на конечныя цѣли программы.

Второй важной резолюціей является резолюція Бакалова о печати. Партійному органу дается, въ силу этого рѣшенія, еще новый редакторъ въ лицѣ бывшаго депутата Киркова; „Красный Народный Календарь“, альманахъ партіи, будетъ изданъ въ 25.000 экз.; Центр. Комитетъ долженъ издать комментарій — въ видѣ обоснованія и развитія основныхъ положеній партійной программы. Создается, кромѣ того, фондъ для изданія брошюръ по злободневнымъ вопросамъ; основывается, постепеннымъ расширеніемъ экспедиціи „Рабочей Газеты“ и „Краснаго Календаря“, книжный магазинъ партіи и т. д.

Особенно важныя для переживаемаго партіей момента рѣшенія были приняты по синдикальному и кооперативному движенію рабочихъ. Обѣ резолюціи даютъ цѣлую программу дѣйствія партійнымъ товарищамъ-организаторамъ. Первая изъ нихъ, исходя изъ положенія, что синдикальное движеніе является лишь одной стороной общей сознательной классовой борьбы пролетаріата; что оно дѣйствительно лишь постольку, поскольку находится въ постоянныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ съ соціальдемократической партіей, ставитъ, какъ *первую* задачу, партійнымъ членамъ „соціалистическую пропаганду и агитацію среди наемныхъ рабочихъ съ цѣлью ихъ организаціи въ профессіональные союзы, на почвѣ классовой борьбы, и рекомендуетъ имъ, въ восьми пунктахъ, сдѣлать все возможное для усиленія существующихъ и основанія новыхъ союзовъ.

Вторая изъ названныхъ резолюцій, выясняя сущность производительныхъ и потребительныхъ кооперативныхъ обществъ, указывая на то, что они не могутъ уничтожить капитализмъ; что потребительныя товарищества рабочихъ *только тогда* и *только тамъ* могутъ быть полезны для освободительной борьбы пролетаріата, когда и гдѣ этотъ послѣдній организованъ въ могучіе синдикаты и партію, и когда эти общества находятся въ тѣснѣйшей *связи* съ синдикатами и партіей, — указывая на все это, резолюція рекомендуетъ основаніе коопераціи только въ городахъ съ значительнымъ, по числу, по организованности и сознательности, пролетаріатомъ. Для принятія въ партію отдѣльныхъ коопераціи резолюція ставитъ слѣдующія условія: а) члены коопераціи должны быть членами партіи; б) коопераціи должны тратить извѣстную часть своихъ доходовъ и средствъ на непосредственную соціалистическую пропаганду и агитацію; в) онѣ должны вносить извѣстный % своего дохода въ центральную кассу партіи; въ заключеніе резолюція рекомендуетъ большую осторожность при основаніи кооперативныхъ товариществъ.

Единственный, хотя и довольно чувствительный, недостатокъ всѣхъ работъ съѣзда состоялъ въ томъ, что онъ не особенно сильно подчеркнулъ необходимость борьбы противъ грядущей дворцовой реакціи. Несмотря на вполнѣ хорошо обрисовавшійся новый режимъ князя Фердинанда и его креатуръ; несмотря на всю важность широкой политической свободы для рабочихъ и ихъ будущей борьбы, съѣздъ удѣлилъ очень мало времени вопросу о борьбѣ соціальдемократовъ съ политической реакціей. Онъ даже упустилъ случай рѣзко высказать протестъ противъ незаконнаго уничтоженія (безъ согласія парламента!) принятаго въ началѣ этого года народнымъ представительствомъ закона о чиновникахъ!.. Но этотъ недостатокъ вполнѣ окупается и извиняется сдѣланной громадной работой и отсутствіемъ времени, а еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что конгрессъ принялъ резолюцію по македонскому вопросу, широкое пониманіе которой даетъ рѣшеніе и указаннаго мною вопроса о борьбѣ съ реакціей. Эта резолюція гласитъ: „X съѣздъ болгарской соціальдемократической партіи, высказывая свое возмущеніе по поводу звѣрствъ, совершающихся со стороны турецкихъ властей въ Македоніи, и свое сочувствіе истиннымъ македонскимъ революціонерамъ, рекомендуетъ въ то же время всѣмъ партійнымъ товарищамъ разоблачать, въ каждомъ данномъ случаѣ, настоящій характеръ такъ называемаго македонскаго движенія въ Болгаріи, которымъ пользуются не для освобожденія Македоніи, а для попранія вольностей (свободы) и задержки развитія нашей страны“.

Замѣчу, наконецъ, что представители болгарскихъ сознательныхъ рабочихъ не забыли высказать свою солидарность съ рабочими другихъ странъ. Между прочими поздравительными телеграммами, посланъ былъ съѣздомъ привѣтъ русскимъ товарищамъ въ лицѣ Г. В. Плеханова, самаго популярнаго въ Болгаріи теоретика революціоннаго соціализма.

СТАЧКА ВЪ ЛИЛЛѢ.

Въ сѣверо-восточномъ уголку Франціи, по сосѣдству съ бельгійской границей, раскинулся вокругъ города Лилля одинъ изъ главныхъ районовъ прядильно-ткацкой промышленности. Цѣлый рядъ коммунъ: Армантьеръ, Уплинъ, Турко[illegible]нъ, Рубэ и др., живетъ этимъ трудомъ, и, надо признать, живетъ довольно плохо, такъ какъ эксплоатація рабочихъ въ этой отрасли производства достигаетъ крайнихъ размѣровъ. И безъ того низкая заработная плата грозила пасть еще ниже, благодаря введенію закона о 10-тичасовомъ рабочемъ днѣ (законъ Мильерана Кальяра), и вотъ ткачи въ Армантьерѣ, не дожидаясь предполагавшейся весной всеобщей стачки рабочихъ текстильной промышленности, бросили въ началѣ октября работу. До какой крайности доведены были ткачи, лучше всего свидѣтельствуютъ слова буржуазной газеты „Temps“, которую трудно заподозрить въ симпатіи къ стачечникамъ. „Рабочіе (ткачи) жалуются, что хозяева не примѣняли тарифа 1889 года, *и эта жалоба основательна.* Въ Армантьерѣ насчитывается 39 фабрикантовъ, у которыхъ работаетъ 10.000 мужчинъ и женщинъ; конкурренція между предпринимателями достигаетъ крайнихъ предѣловъ, и побѣждаютъ въ ней тѣ, *кто понижаетъ расцѣнки*, чтобы производить дешевле. Таково же положеніе въ сосѣдней общинѣ Уплинъ, гдѣ находится 11 ткацкихъ мастерскихъ и 5000 рабочихъ. Что касается Лилля, то тамъ тарифъ 1889 года никогда не примѣнялся. Хозяева всегда по произволу договаривались со своими подчиненными“.

Несмотря на то, что стачка началась совершенно спокойно, мѣстныя власти поспѣшили наводнить всю округу войсками и полиціей, „чтобы избѣжать возможныхъ случайностей“. Быть можетъ именно благодаря этой провокаціи стачка приняла черезъ нѣсколько дней бурный характеръ и разразилась разгромомъ нѣсколькихъ фабрикъ. Такой же взрывъ повторился еще разъ 13-го октября. Буржуазная пресса поспѣшила, конечно, раздуть происшедшее до чудовищныхъ размѣровъ и обвинить въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ Жюля Гэда, произнесшаго въ Народномъ домѣ въ Армантьерѣ политическую рѣчь. Дѣло въ томъ, что Гэдъ, указавъ въ своей рѣчи, какъ движеніе, подобное происходящему среди рабочихъ сѣвернаго района, съ исторической необходимостью приведетъ въ концѣ къ коллективизму, закончилъ словами: „на вашей сторонѣ количественный перевѣсъ; когда вы захотите, вы будете въ состояніи захватить центральную власть; тогда, менѣе чѣмъ въ недѣлю, экспропріація класса капиталистовъ станетъ свершившимся фактомъ“. Возражая буржуазнымъ газетамъ, „Socialiste“, органъ Соц. Партіи Франціи, справедливо замѣчаетъ, что „Гэдъ не затѣмъ ѣхалъ, туда, чтобы проповѣдывать смиреніе; истинными же подстрекателями являются тѣ, кто прервалъ начатые по поводу стачки переговоры“. „Что же касается насилій — продолжаетъ „Socialiste“ — мы должны замѣтить, что они въ значительной мѣрѣ имѣли цѣлью заставить хозяевъ, правительственныя власти и общественное мнѣніе выйти изъ того гордаго безразличія, которымъ эти три выразителя капиталистическаго порядка встрѣчаютъ всѣ требованія рабочихъ“. И этой цѣли они дѣйствительно достигли; и хозяева и префектъ принуждены были приступить къ переговорамъ, хотя переговоры эти затянулись, частью прерывались, возобновлялись опять и продолжаются еще и до сихъ поръ. Чѣмъ они кончатся, сейчасъ предвидѣть трудно, едва ли многаго добьются рабочіе, т. к. стачка въ общемъ не достигла предполагаемыхъ размѣровъ и организованности; однако не подлежитъ сомнѣнію, что заработная плата поднимется до уровня установленнаго тарифомъ 1889 года.

Бросая работу, ткачи лилльскаго района разсчитывали вызвать всеобщую стачку въ мѣстной текстильной промышленности; однако разсчетъ ихъ не оправдался. Національная федерація рабочихъ прядильно-ткацкихъ фабрикъ постановила на послѣднемъ конгрессѣ вступить въ общую стачку въ апрѣлѣ — т. е. въ послѣдній срокъ введенія закона Мильерана-Кальяра: поэтому національный совѣтъ федераціи, застигнутый врасплохъ преждевременной стачкой ткачей въ Армантьерѣ, не могъ нарушить данныхъ ему инструкцій и призвать къ забастовкѣ ткачей всего сѣвернаго района; кромѣ того, сама національная федерація ткачей очень недавняго происхожденія и не въ силахъ еще должнымъ образомъ реагировать на всѣ непредвидѣнныя событія. Съ другой стороны, при большомъ разнообразіи условій работы и размѣра расцѣнокъ, различныхъ въ разныхъ фабрикахъ, въ разныхъ отрасляхъ ткацкаго производства и въ разныхъ мѣстностяхъ, невозможно было объединить движеніе на почвѣ общихъ экономическихъ требованій. Благодаря этому, стачка приняла нѣсколько несвязный характеръ и не распространилась на весь районъ. О переговорахъ, ведущихся въ настоящее время, сообщимъ по ихъ окончаніи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Старый, но вѣчно новый вопросъ. (Письмо въ редакцію.) Дорогіе товарищи! Уже полгода я совершенно отрѣзанъ отъ жизни — отъ міра борьбы, и хотя за это время, вѣроятно, произошло немало крупныхъ измѣненій, думаю, что и теперь стоитъ обратить ваше вниманіе на тѣ вопросы нашей партійной жизни, о которыхъ тогда не удалось написать.

Мы должны открыто признать, что въ организаціонномъ отношеніи намъ еще далеко до „ликвидаціи третьяго періода“. Тутъ дѣло не въ съѣздѣ — хотя онъ страшно нуженъ и многое поправитъ — а въ качествѣ наличныхъ работающихъ силъ, въ ихъ пониманіи задачъ обще-россійской партійной дѣятельности. Идейная борьба съ „экономизмомъ“ во всѣхъ его разновидностяхъ уже покончена, но, какъ показали исторіи послѣднихъ расколовъ (начало 1903 г.) въ комитетахъ Петербургскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ, гдѣ всѣ разногласія разыгрались на организаціонной почвѣ, принципъ централизаціи признанъ еще не всѣми товарищами, да и признаніе централизаціи и новыхъ организаціонныхъ началъ часто ограничивается только словами, въ дѣйствительности все остается по старому. Сочувствуя дѣлу объединенія, большинство комитетовъ однако ничего не дѣлало для его осуществленія. Рѣдко, почти никогда, товарищи, мы не дѣлимся революціоннымъ опытомъ, свѣдѣніями о внутренней жизни нашихъ организацій, результатами практическаго осуществленія новыхъ организаціонныхъ принциповъ... И это не благодаря конспиративнымъ условіямъ. Если мы отрѣшились отъ мѣстной замкнутости, порвали съ организаціоннымъ демократизмомъ (который тормазитъ сношенія, разсѣеваетъ революціонную энергію), то необходимо на дѣлѣ проявлять свою принадлежность къ партіи (люди, средства, партійная дисциплина, планомѣрность работы), нужно дѣлиться другъ съ другомъ всѣмъ, что имѣетъ интересъ для революціонной работы, необходимо — и это особенно важно — дать Ц. К. возможность дѣйствовать безъ промаха, благодаря полной освѣдомленности. Къ сожалѣнію, должно констатировать, что очень немногіе комитеты обладаютъ въ предѣлахъ своего района необходимою для соціальдемократической работы освѣдомленностью. Связи внѣ міра рабочихъ (и здѣсь часто непрочныя и неширокія, благодаря отсутствію преемственности) и интеллигенціи случайнаго характера.

Намъ нужна крѣпкая организація профессіональныхъ революціонеровъ — противъ этого почти никто не споритъ! Но торжественное заявленіе, что комитетъ долженъ состоять изъ профессіональныхъ революціонеровъ, и одновременное пополненіе организаціи совершенно неподготовленными людьми только дискредитируетъ движеніе, внося чуждый соціальдемократическому дѣлу элементъ фразы, ослабляя свое вліяніе на рабочихъ, увѣковѣчивая слабость организацій, отсутствіе въ нихъ преемственности. Товарищи! Оставимъ фразы соціалистамъ-революціонерамъ! Не намъ — революціонной соціальдемократіи, руководительницѣ рабочаго движенія — бояться правды: замалчивать недостатки организаціи изъ конспиративныхъ или другихъ цѣлей могутъ только недалекіе люди. Движеніе переростаетъ организаціи. Соціальдемократія не въ состояніи при теперешней организаціи использовать всей революціонной энергіи, какая развивается въ рабочемъ классѣ и въ широкихъ слояхъ интеллигенціи, крестьянства... При такихъ условіяхъ недочеты нашей организаціи наносятъ непоправимый вредъ рабочему движенію, дѣлу революціи, позволяя звучать въ немъ не соціальдемократическимъ голосамъ. Поэтому, въ данный моментъ, товарищи, созданіе дѣйствительной организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, поднятіе уровня работающихъ соціальдемократовъ — наше главное дѣло, которому надо жертвовать всѣмъ. Вы замѣтили? — теперь опытные, дѣльные товарищи чаще бросаютъ комитетскую работу, переходя на спеціальныя функціи. Это скверный симптомъ! Надо создать отдѣльную организацію, спеціально для подготовки къ соціальдемократической работѣ. Она будетъ находиться въ непосредственномъ завѣдываніи Ц. К., такъ какъ районы воздѣйствія комитетовъ не охватываютъ пунктовъ, важныхъ для революціонной школы; распредѣленіе силъ, естественно, должно быть въ рукахъ Ц. К., необходимо возможно полное отдѣленіе боевой дѣятельности комитетовъ отъ подготовительной работы новой организаціи. Необходимо создать условія, при которыхъ возможна работа на нелегальномъ положеніи; до сихъ поръ къ этому относятся спустя рукава, и комитеты не считаютъ своимъ дѣломъ ни надлежащей постановки паспортнаго бюро, ни имѣнія достаточнаго количества конспиративныхъ квартиръ; у комитетовъ мало средствъ, связи съ другими городами часто рвутся и долго не возстановляются, нѣтъ связей, чтобы пристроить нужнаго человѣка... Я не перечисляю всего, что необходимо для рѣшенія организаціоннаго вопроса, пусть товарищи, работающіе надъ его рѣшеніемъ, откликнутся на страницахъ „Искры“, заставятъ примкнуть къ этой работѣ и остальныхъ. Пора Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи имѣть стройную, могучую организацію! Форма и способы борьбы мѣняются. Оставаясь партіей рабочаго класса, мы должны спѣшить усилить свою боевую готовность, пріобрѣсти нужную силу для рѣшительной схватки съ самодержавіемъ.

Августъ 1903 г. Сѣверянинъ.

Пермскій Комитетъ Уральска[illegible]**тью опубликовать пока постановленіе по**[illegible]**ральскаго Союза, объявляетъ, что, расходясь око**[illegible] своихъ теоретическихъ убѣжденіяхъ и тактическ[illegible]махъ съ соціалистами-революціонерами, онъ въ іюнѣ сего [illegible]да цѣликомъ вошелъ въ составъ Пермскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, признавая вмѣстѣ съ послѣднимъ своимъ руководящимъ органомъ „Искру“.

Пермскій Комитетъ Уральскаго Союза работалъ два года, и насколько это было возможно, старался осуществить намѣченную программу (см. „Искру“ № 21).

Велась кружковая работа среди рабочихъ, выпускалось много агитаціонныхъ листковъ (на гектографѣ и меміографѣ), въ которыхъ, по возможности, всѣ частные случаи ставились въ зависимость отъ общаго политическаго и экономическаго режима. Такъ, напр., за Мотовилихинскую февральскую стачку (продолжавшуюся 3 дня) было выпущено нашимъ Комитетомъ болѣе 5000 листковъ.

Здѣшній Союзный Комитетъ имѣлъ свой мѣстный органъ „Уральскій Листокъ“ (вышло 14 номеровъ на гектографѣ), который пользовался большой популярностью среди рабочихъ, называвшихъ его „своею газетою“. Рабочіе охотно корреспондировали въ „свою газету“ о всѣхъ случаяхъ столкновеній съ мѣстнымъ начальствомъ и о другихъ фактахъ повседневной жизни. Передовицы „Уральскаго листка“ посвящались болѣе общимъ вопросамъ, напр., о ростовскихъ событіяхъ, о 19 февраля, о декабристахъ и т. д. Первые номера „Уральскаго Листка“ печатались въ количествѣ 120 150 экземпляровъ. Но уже съ четвертаго номера потребовалось второе изданіе и всѣ слѣдующіе номера расходились въ Перми и другихъ Уральскихъ заводахъ въ количествѣ 400 слишкомъ экземпляровъ. Въ виду недостатка литературы Пермскому Комитету Уральскаго Союза приходилось дѣлать много перепечатокъ: статья изъ „Голоса Труда“ (изд. бывш. объединен. Саратовской Группы), „Политическій строй и рабочіе“, „Кто чѣмъ живетъ“ Дикштейна и другіе. Работая, главнымъ образомъ, среди городского и заводскаго пролетаріата, Пермскій Комитетъ Уральскаго Союза въ то же время, по возможности, старался будить самосознаніе и въ крестьянской средѣ. На пріобрѣтеніе литературы, на печатаніе и другіе расходы издержано мѣстнымъ Комитетомъ Уральскаго Союза за два года около 1500 рублей. Заканчивая свою дѣятельность, Пермскій Комитетъ Уральскаго Союза благодаритъ товарищей рабочихъ и другихъ лицъ, такъ или иначе помогавшихъ ему въ работѣ, и проситъ тѣхъ и другихъ такъ же дѣятельно и энергично, какъ раньше, помогать работѣ Пермскаго Комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Пермь 1903 г. Пермскій Комитетъ Уральскаго Союза.

Пермскій Комитетъ выпустилъ „Рабочій бюллетень № 7“. **Тверской Ком.** издалъ листки: 1) по поводу арестовъ съ 12 на 13 августа (1.200 экзем.), 2) по поводу саровской комедіи съ мощами Серафима (около 1.000 экзем.), 3) судъ надъ Лошновымъ (въ сентябрѣ). **Тульскій Комитетъ** распр. листокъ „Овцы и люди“ (сентябрь). **Екатеринославскій Комит.** издалъ 5 октября листокъ „Къ обществу“ и 7 окт. „Отчетъ кассы Екатеринославскаго Ком.“ отъ 31 мая по 1 октября (приходъ кассы 1081 руб. 54 коп., расходъ — 914 руб. 49 коп.). **Союзъ Горнозаводскихъ Раб.** выпустилъ листокъ № 17 (гект.) „Ко всѣмъ рабочимъ Юзовскаго металлургическаго завода“ въ 200 экзем. и листокъ № 18 (гектограф.) „Ко всѣмъ рабочимъ таганрогскихъ заводовъ“ — 500 экзем. **Нижегородское общество Краснаго Креста** издало свой годовой отчетъ. Вышли: 1) листокъ Цент. Ком. Южно-русской группы учащейся молодежи. 2) листокъ Бакинскаго Ученич. Ком. (4 сен.) выпускъ № 6, 3) „Къ учащимся“ — листокъ (гект.) „соціалистической организаціи учащихся въ Вильнѣ“. **Костромскимъ Комитетомъ** изданъ листокъ: „По поводу „Дружескихъ Рѣчей“ князя Мещерскаго къ рабочимъ“. (Нами, къ сожалѣнію, не получено ни одного экземпляра Ред.)

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Въ ночь съ 4 на 5 окт. у насъ произошелъ провалъ, арестовано человѣкъ 30. Причины пока невыяснены. Сообщаемъ извѣстныя намъ фамиліи: Филатовъ, Ахромовскій (учителя), Золотаревъ (помощ. прис. пов.), Савельевъ (студ.), Рывкинъ (зубн. врачъ), Иванова (статист.); курсистки: Коровина, Татаринова, Протопопова, Свиридова; Макушинъ (инт.), Крумбюгель (бывшій студ.), Тереховъ (быв. студ.). Въ **Ригѣ** и **Митавѣ** были аресты 29 сентября, подробности еще не извѣстны. **Петербургъ.** Изъ лицъ, арестованныхъ въ послѣднее время, называютъ: Торгашева, Дворянкину, пом. прис. пов. Тарутина, раб. Юнышкаго, Парнофорта и др. **Каменецъ-Подольскъ.** 15 октября изъ мѣстной тюрьмы были отправлены по приговору (обвиняются въ транспортировкѣ), въ Вост. Сибирь: Николай Кудринъ (нелег.) на 5 лѣтъ, М. Вайнштейнъ на 5 лѣтъ и Цилія Даргольцъ (урожденная Липовецкая) на 5 лѣтъ. Мѣстная интеллигенція собрала для ссыльныхъ 85 руб. Десницкой и Гольдманъ обвиняются, какъ члены кіевскаго соц.-дем. Комитета. На дняхъ былъ арестованъ возлѣ границы нѣкій Вольфъ. Съ 28 августа въ **Харьковской** тюрьмѣ началась голодовка; продолжавшаяся до 5 сент., сначала голодали только пять человѣкъ, сидящихъ съ февраля и марта — Леоновъ, Матвѣевъ, Огаревъ, Вороницынъ и Хорьковъ (раб.). Затѣмъ къ нимъ 29, 30 и 31 августа присоединились всѣ остальные заключенные, этапные и отбывающіе наказаніе (число голодающихъ доходило до 20). Требованіемъ было выставлено освобожденіе пяти вышеупомянутыхъ заключенныхъ. Причиной же, заставившей прибѣгнуть къ такому средству, были систематическія надувательства со стороны жандармовъ въ теченіе всего лѣта. На седьмой день голодовки Вороницынъ и Т. Бибикъ были перевезены въ земскую больницу. На девятый день голодовка прекратилась, такъ какъ Хорьковъ былъ выпущенъ, а остальнымъ обѣщана высылка до полученія приговоровъ. Харьков. Ком. Крас. Крес. были выпущены за время голодовки 3 листка (одинъ „Къ врачамъ“, по поводу предполагавшагося искусственнаго кормленія голодающихъ. Въ сентябрѣ сидящіе въ **Костромской** тюрьмѣ (23 чел.) объявили голодовку, продолжавшуюся двѣ недѣли. Мѣстный Комитетъ выпустилъ по этому поводу листокъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Топкину. Письмо № 1 получено. Очень были рады. Пришлите адресъ для писемъ. — **Иванову.** Письмо, а также матеріалы на № 26 получены. — **Норѣ.** Корреспонд. № 6 получена. — **Чернушкѣ.** Не знаемъ, какимъ ключемъ пишете, не можемъ прочесть письма. — **Акафистову.** Письмо получено. Постараемся устроить, пришлите явку. — **П. П.** Адресъ для писемъ полученъ. Напишемъ на дняхъ. — **34.** Отчего отъ васъ нѣтъ писемъ? — **Щуровцу.** Ждемъ писемъ. — **Эдуарду.** Спасибо за корреспонденцію. — **Екатеринославскому Комитету.** Ждемъ продолженія отчета съ нетерпѣніемъ. — Адресъ № 18 отмѣняется.

Получено: отъ Лондонской соц.-дем. группы — 1 фунтъ; отъ Magenschmerz'a — 30 руб.; отъ Сибирскаго Союза чрезъ „разн. сторонняго“ — 500 руб.; для пострадавшихъ отъ ростовск. демонстраціи чрезъ Вѣнку 8,80 фр.

Вышло изъ печати: „Въ Сибирь и обратно“, воспоминан. Л. Дейча. Выпускъ 1.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suiss

Типографія „Искры“.

NEW YORK

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 52. 7-го ноября 1903 года. № 52.

ЧЕГО НЕ ДѢЛАТЬ.

По мѣрѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ движеніе россійскаго пролетаріата, роль, исполняемая его сознательными представителями, становится все болѣе и болѣе отвѣтственной. Прежде, въ эпоху такъ называемой теперь кружковщины, — которую, впрочемъ, не слѣдуетъ поминать лихомъ, потому что она завѣщала намъ не мало цѣнныхъ пріобрѣтеній, — вредныя послѣдствія нашихъ ошибокъ ограничивались узкими предѣлами одного или нѣсколькихъ *кружковъ.* Теперь, когда мы имѣемъ дѣло съ *массой,* вліяніе это стало несравненно шире. А когда Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія получитъ, наконецъ, столь необходимую для нея централистическую организацію, тогда каждая ошибка, сдѣланная центромъ, неизбѣжно будетъ распространяться по всей окружности. Кому много дадутъ, съ того много и взыщется. Въ нашемъ центрѣ намъ нужны люди, отличающіеся не только смѣлостью, рѣшительностью и настойчивостью, но также и огромной *осмотрительностью.* Они должны быть по истинѣ *мудры, какъ зміи.*

Но первымъ признакомъ политической мудрости является умѣнье считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ. Кто не обладаетъ такимъ умѣньемъ, тотъ не рожденъ для политической дѣятельности, и тотъ поступитъ благоразумнѣе, если будетъ отклонять отъ себя всякія отвѣтственныя политическія роли. Политика требуетъ отъ людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знаетъ неизмѣнныхъ, разъ навсегда данныхъ правилъ. Это само собою разумѣется, но объ этомъ не безполезно напомнить теперь, когда въ нашей средѣ стала распространяться склонность къ подобнымъ правиламъ, грозящая принести большой вредъ нашей партіи. Мы знаемъ, что эта склонность вышла изъ весьма почтеннаго источника. Она возникла какъ реакція противъ той беззаботности насчетъ политическихъ принциповъ, которой такъ невыгодно отличались наши „экономисты“. Но эта реакція, къ сожалѣнію, въ свою очередь, приводитъ къ совершенно нежелательной крайности и обѣщаетъ придать всему нашему политическому мышленію тотъ же *метафизическій* характеръ, какимъ отличалось, къ величайшему вреду для нашего дѣла, мышленіе „экономистовъ“. Экономисты разсуждали по формулѣ: „да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго“. Они показали себя совершенно неспособными возвыситься до *діалектики,* основное положеніе которой гласитъ, что отвлеченной истины нѣтъ, что истина всегда конкретна и что все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста. Борьба съ этими упрямыми, неисправимыми метафизиками была необходима въ интересахъ революціоннаго движенія. Но если, одержавъ надъ ними полную побѣду, мы станемъ подражать ихъ пріемамъ мысли; если мы сами ударимся въ политическую односторонность, то наша побѣда окажется далеко не такой плодотворной, какою мы ее считали до сихъ поръ. Болѣе того. Въ такомъ случаѣ иной насмѣшникъ не безъ основанія спроситъ насъ, пожалуй: „да кто же собственно побѣдилъ: вы, или ваши противники?“

Товарищъ Ленинъ, въ статьѣ, посвященной нашей аграрной программѣ и напечатанной въ четвертой книжкѣ „Зари“, остроумно пошутилъ надъ „прямолинейностью извѣстной птицы“. Его остроумную шутку слѣдуетъ почаще вспоминать не только въ преніяхъ объ аграрномъ вопросѣ: „Прямолинейность извѣстной птицы“ въ практической политикѣ еще опаснѣе, нежели въ теоретическихъ разсужденіяхъ. Она тѣмъ болѣе опасна здѣсь, что легко можетъ быть принята за *твердость характера,* съ которой она на самомъ дѣлѣ не имѣетъ ровно ничего общаго, гораздо легче уживаясь съ обыкновеннымъ упрямствомъ, отнюдь еще не обезпечивающимъ ни ясности политической мысли, ни твердаго стремленія къ разъ намѣченной цѣли: извѣстно вѣдь, что прямолинейные и упрямые люди часто бываютъ непостоянны.

Въ политикѣ неизмѣнныя, разъ навсегда принятыя правила неизбѣжно и быстро ведутъ къ *пораженію.* Кто хочетъ стать достойнымъ *побѣды,* у того должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало придти къ своей цѣли. Все остальное у него можетъ и должно быть измѣнчиво, потому что все остальное имѣетъ для него лишь *относительную* цѣнность.

Слѣдующій примѣръ хорошо, надѣемся, покажетъ, до какой степени нужно намъ остерегаться „прямолинейности извѣстной птицы“.

Всѣ мы, такъ называемые ортодоксы, — иначе: сторонники революціонной соціальдемократіи, — обязаны вести энергичную и непримиримую борьбу съ „*ревизіонизмомъ*“ во всѣхъ его видахъ и разновидностяхъ. „Ревизіонизмъ“ совершенно несогласимъ съ нашими взглядами. Его конечный выводъ — полное отрицаніе *соціализма.* Поэтому помириться съ ревизіонизмомъ можетъ только тотъ, кто сознательно или безсознательно склоняется къ примиренію съ существующимъ, *буржуазнымъ* порядкомъ вещей. Таково общее правило. Спрашивается, значитъ-ли оно, что, всегда враждуя съ *ревизіонизмомъ,* мы всегда и вездѣ обязаны враждовать съ *ревизіонистами?* Люди, отличающіеся „прямолинейностью извѣстной птицы“, конечно, скажутъ, что — *да.* Мы же полагаемъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, наша практическая политика должна опредѣляться обстоятельствами времени и мѣста. Это кажется страннымъ. Однако, читатель сейчасъ увидитъ, что въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего страннаго.

Представьте себѣ, что нашъ центръ, — который, разумѣется, долженъ состоять изъ рѣшительныхъ и непримиримыхъ враговъ „ревизіонизма“, — имѣетъ дѣло съ одной или нѣсколькими группами такихъ соціальдемократовъ, которые прежде поддавались вліянію „ревизіонизма“ и боролись съ „ортодоксами“ во имя „свободы критики“, но теперь увидѣли ту опасность, которая въ немъ заключается, признали всѣ основныя положенія „ортодоксальнаго“ соціализма, — марксизма тожь, — и теперь только вслѣдствіе нѣкоторой непослѣдовательности, и, такъ сказать, *инертности* мысли защищаютъ тѣ или другія „догмы“, любезныя „ревизіонистамъ“. Какъ долженъ отнестись нашъ центръ къ такимъ группамъ? Предать ихъ анафемѣ? Исключить ихъ изъ партіи? Это было бы, пожалуй, легко и, ужь конечно, какъ нельзя болѣе „прямолинейно“. Но было-ли бы это цѣлесообразно? Другими словами, было-ли бы это полезно *для единства нашей партіи и для борьбы съ тѣмъ же „ревизіонизмомъ“?* Мы думаемъ, что — *нѣтъ.*

Зачѣмъ мы воюемъ съ „ревизіонистами“? Затѣмъ, чтобы лишить ихъ вліянія на пролетаріатъ, которому они указываютъ ложную дорогу. Стало быть, война съ ними ведется не ради войны, а имѣетъ цѣлью ослабленіе „*ревизіонизма*“, и если она не достигаетъ этой цѣли; если, по той или другой причинѣ, она не только не *ослабляетъ* названнаго вліянія, а *усиливаетъ* его, то она становится *вредной,* и тогда лучше всего прекратить ее, какъ можно скорѣе. Но въ случаѣ, предположенномъ нами выше, война съ „ревизіонистами“ привела бы именно не къ ослабленію, а къ усиленію вліянія „ревизіонизма“, такъ какъ она помѣшала бы нѣкоторой части соціальдемократовъ разорвать съ нимъ окончательно или даже заставила бы ихъ опять сблизиться съ нимъ. Поэтому она была бы вредна для партіи, и тотъ, кто сказалъ бы, что она все таки должна быть объявлена, обнаружилъ бы непростительный педантизмъ и страшную близорукость. Нашъ центръ долженъ обладать большимъ запасомъ *воинственности:* воинственность необходима ему, какъ представителю революціоннаго класса. Но тамъ, гдѣ интересы нашей партіи требуютъ *мира,* онъ обязанъ быть *миролюбивымъ, мягкимъ и уступчивымъ.* Руководитель организованнаго пролетаріата, отстаивающій дѣло первостепенной важности, онъ *не имѣетъ права* поддаваться своимъ воинственнымъ *наклонностямъ,* когда они противорѣчатъ *политическому разсчету.*

Очень смѣшны и, если хотите, жалки тѣ мягкотѣлые люди, которые вотъ уже много и много лѣтъ, съ упорствомъ, достойнымъ гораздо лучшей участи, плаксиво рекомендуютъ намъ „товарищескіе пріемы въ полемикѣ“. Но почему они смѣшны и жалки? Только потому, что по своей политической наивности они хотятъ навязать намъ въ товарищи такихъ... „товарищей“, которые совсѣмъ неспособны идти съ нами по одной дорогѣ. А если бы они совѣтовали намъ щадить такихъ противниковъ, которые *могутъ* быть нашими товарищами и *уже становящимися* ими, то ихъ совѣты были бы очень разумны, а потому и сами они заслуживали бы похвалы, а не насмѣшки. Рѣзкость хороша только тамъ, гдѣ она умѣстна. Неумѣстная же рѣзкость достойна скорѣе Собакевича, чѣмъ „ортодоксальнаго“ соціальдемократа.

Вопросъ о томъ, умѣстна или неумѣстна рѣзкость въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, конечно, можетъ быть рѣшенъ только путемъ взвѣшиванія всѣхъ, свойственныхъ этому случаю обстоятельствъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время намъ не слѣдуетъ быть рѣзкими по отношенію къ товарищамъ, нѣкогда склонявшимся къ „экономизму“. Къ великой чести этихъ товарищей надо сказать, что огромное большинство ихъ, увидѣвъ, куда ведетъ бернштейніанство, родственное „экономизму“ по пріемамъ мысли, стало все болѣе и болѣе сближаться съ нами и признало всѣ главныя положенія „ортодоксальнаго“ соціализма. У насъ, правда, и теперь еще есть о чемъ поспорить со многими изъ нихъ; разногласія не вполнѣ исчезли. Но теперь эти разногласія такъ *несущественны,* что горячиться и ссориться изъ-за нихъ совсѣмъ не стоитъ. И было бы очень вредно для нашего дѣла, если бы эти, повторяемъ, несущественныя разногласія продолжали дѣлить насъ на два враждебныхъ лагеря. Прежде мы *боролись;* теперь мы можемъ ограничиться *обмѣномъ мыслей.* Прежде у насъ были сторонники „*Зари*“ и „*Искры*“ и были сторонники „*Рабочаго Дѣла*“ и „*Краснаго Знамени*“; теперь у насъ должны были бы быть только сторонники *революціонной соціальдемократіи,* воззрѣнія которыхъ, — какъ бы они ни расходились между собою въ частностяхъ, — съ удобствомъ могли бы выражаться на страницахъ одного и того же органа, гостепріимно открытаго и для тѣхъ, и для другихъ. Этого *еще нѣтъ;* но это *уже могло бы быть* съ большою пользой для нашей партіи, и потому *надо, чтобы это было.* Во всякомъ случаѣ мы не должны дѣлать ничего такого, что способно было бы этому *воспрепятствовать.*

Въ настоящее время, когда наша партія вышла, — или, по крайней мѣрѣ, готовится выйти, — изъ своего дѣтскаго возраста, намъ не мѣшало бы бросить критическій взглядъ на свои собственныя политическія представленія и спросить себя, нѣтъ-ли между ними такихъ, которыя приличны только дѣтямъ. Такія представленія, несомнѣнно, существуютъ. Укажемъ пока одно изъ нихъ. У насъ многіе привыкли думать, что соціальдемократъ долженъ быть неуступчивъ, если не желаетъ грѣшить оппортюнизмомъ. Но неуступчивость неуступчивости рознь, и есть такая неуступчивость, которая, *по своимъ практическимъ послѣдствіямъ,* равносильна самому нежелательному виду *уступчивости.* Неуступчивость по отношенію къ тѣмъ, которые могли бы стать нашими товарищами, дѣлаетъ насъ менѣе сильными въ борьбѣ съ такими противниками, которые нашими товарищами никогда не будутъ. Пользуясь нашею слабостью, эти противники захватываютъ такія позиціи, которыя принадлежатъ намъ по праву. И выходитъ, что ложный стыдъ передъ уступчивостью дѣлаетъ насъ поневолѣ уступчивыми тамъ, гдѣ неуступчивость становится обязательною.

Для своего полнаго расцвѣта движеніе рабочаго класса нуждается въ извѣстныхъ правовыхъ учрежденіяхъ, обезпечивающихъ ему нѣкоторую степень *политической свободы.* Гдѣ отсутствуетъ эта свобода, движеніе происходитъ при ненормальныхъ условіяхъ. И однимъ изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій такой ненормальности является *сектантскій духъ исключительности,* нерѣдко проявляющійся во взаимныхъ отношеніяхъ организованныхъ фракцій пролетаріата. Этотъ сектантскій духъ составляетъ одновременно одно изъ слѣдствій и одну изъ причинъ слабости соціализма. Великіе интересы рабочаго класса требуютъ отъ насъ, чтобы мы сдѣлали все человѣчески возможное для устраненія изъ нашей среды такого вреднаго духа. Теперь это нужнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. По мѣрѣ того, какъ совершается развитіе нашей общественной жизни и по мѣрѣ того, какъ обостряются классовыя противорѣчія, свойственныя нашему обществу, растетъ и число сознательныхъ враговъ революціонной соціальдемократіи, а вслѣдствіе того и ея политическое положеніе становится, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все болѣе и болѣе труднымъ. Чтобы справиться съ возрастающими трудностями нашего положенія, намъ нужно привлечь въ наши ряды всѣхъ тѣхъ, которые могутъ быть намъ полезны, а полезны намъ будутъ всѣ тѣ, которые, твердо держась точки зрѣнія пролетаріата, обладаютъ въ то же время желаніемъ и способностью къ планомѣрной, организованной работѣ. И мы, конечно, привлечемъ къ себѣ всѣ эти полезные элементы, если только съумѣемъ понять лежащія на насъ практическія обязанности и не станемъ подражать прямолинейной птицѣ.

Другой примѣръ. Въ числѣ тѣхъ задачъ, которыя мы должны рѣшить подъ страхомъ самаго гибельнаго застоя, нѣтъ задачи болѣе важной, чѣмъ *задача нашего самовоспитанія въ духѣ партійной дисциплины.* Безъ дисциплины вообще немыслимо никакое организованное политическое дѣйствіе. Тѣмъ болѣе необходима она при нашихъ россійскихъ условіяхъ, лишающихъ насъ всякой законной возможности дѣйствовать открыто. Наконецъ, еще болѣе нужно стремиться къ самовоспитанію въ духѣ дисциплины намъ, русскимъ революціонерамъ, главный недостатокъ которыхъ заключается, какъ извѣстно, въ *анархическомъ индивидуализмѣ,* чрезвычайно затрудняющемъ дружную совмѣстную работу. Нашъ центръ *обязанъ* очень строго относиться къ нарушенію дисциплины въ нашихъ рядахъ. И тѣмъ не менѣе было бы очень жаль, если бы онъ временами не умѣлъ воздержаться отъ исполненія этой своей важной обязанности. Когда рѣчь идетъ о дисциплинѣ, ему нужно быть втройнѣ осмотрительнымъ и осторожнымъ. Та дисциплина, къ которой мы стремимся, совсѣмъ не то, что дисциплина, царствующая въ казармѣ. Солдатъ подчиняется начальству *по принужденію:* мы исполняемъ, — когда исполняемъ, — требованія партійной дисциплины *по доброй волѣ.* Добрая воля революціонера составляетъ *единственную психологическую основу* нашей дисциплины. Все, что укрѣпляетъ эту основу, полезно для нашего революціоннаго воспитанія; все, что расшатываетъ ее, вредно для него. Укрѣпляется она многими и разнообразными воздѣйствіями. Мы не станемъ перечислять ихъ: это было бы слишкомъ долго. Скажемъ только, что въ ихъ ряду *требованіе повиновенія* занимаетъ не первое мѣсто. Далеко нѣтъ! Очень часто у россійскаго революціонера является непобѣдимое желаніе нарушить дисциплину именно потому, что ему напоминаютъ о ней. Это, разумѣется, очень нехорошо и это коренится въ чувствѣ, не имѣющемъ ровно ничего общаго съ преданностью революціонной идеѣ. Но, къ сожалѣнію, это такъ, и съ этимъ нельзя не считаться. Если бы мы позабыли объ этомъ или если бы мы не сочли нужнымъ принимать во вниманіе психологію современнаго россійскаго революціонера, то наши усилія привели бы насъ къ цѣли прямо противоположной той, къ которой мы стремимся, т. е. *вмѣсто того, чтобы организовать партію, мы содѣйствовали бы ея дезорганизаціи, и вмѣсто того, чтобы воспитывать себя въ духѣ дисциплины, мы укрѣпляли бы свою склонность къ анархіи.* А это было бы уже совсѣмъ плохой услугой партіи. При такомъ положеніи дѣлъ ясно, что несвоевременная требовательность легко можетъ оказаться, по своимъ послѣдствіямъ для дѣла, хуже всякой слабости. Ясно также, что въ интересахъ поддержанія и укрѣпленія дисциплины иногда бываетъ полезно закрыть глаза на ея нарушеніе. Ясно, наконецъ, что объ этомъ нужно почаще вспоминать именно теперь, когда мы только начали закладывать основы нашей партійной организаціи и когда частые случаи нарушенія дисциплины неизбѣжны просто въ силу плохой привычки, унаслѣдованной отъ долгой эпохи разброда и „кустарничества“. Неудобная всегда и вездѣ, „прямолинейность извѣстной птицы“ неудобна для насъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, потому что теперь она можетъ привести нашу партію *буквально на край погибели.*

Однимъ словомъ, мы обязаны избѣгать всего того, что могло бы вызвать въ нашей средѣ новые *расколы.* Расколовъ у насъ было слишкомъ много, и они принесли намъ слишкомъ много вреда. Теперь надо всѣми силами охранять *единство.* Наша партія должна сохранить его подъ страхомъ полной потери политическаго кредита. Если у насъ возникнутъ новые расколы, то рабочіе, — которыхъ, какъ это всякій знаетъ, не мало смущали и прежнія наши распри, — совершенно перестанутъ понимать насъ, и мы явимъ міру печальное и смѣшное зрѣлище штаба, покинутаго арміей и деморализованнаго внутренней борьбою. Кому принесетъ пользу этотъ плачевный для насъ результатъ, догадаться не трудно.

— Не бойтесь, — говорятъ нѣкоторые, слишкомъ радужно настроенные товарищи, — будущее все таки принадлежитъ намъ, и наша партія съ честью выйдетъ изо всѣхъ затрудненій. На это мы отвѣчаемъ, что мы и сами твердо увѣрены въ будущемъ торжествѣ россійской соціальдемократіи, но эта отрадная увѣренность совсѣмъ не избавляетъ насъ отъ священной обязанности критически относиться къ своимъ собственнымъ поступкамъ. Торжество нашей партіи будетъ подготовлено совокупностью условій, изъ которыхъ иныя будутъ имѣть *положительное,* а иныя *отрицательное* значеніе. Было бы изъ рукъ вонъ плохо, если бы въ этой алгебраической суммѣ передъ знакомъ, изображающимъ *нашу* практическую дѣятельность, стоялъ *минусъ.* Вѣдь болѣе жестокой насмѣшки судьбы, болѣе злой ироніи исторіи невозможно и придумать.

Есть между нами еще одинъ разрядъ оптимистовъ, плохо уяснившихъ себѣ нынѣшнее положеніе дѣлъ. Оптимисты этого разряда убѣждены, что новые расколы были бы не вредны, а скорѣе полезны для нашей партіи. Въ пользу этого страннаго мнѣнія не приводится другихъ доводовъ, кромѣ того, что россійская соціальдемократія сильно выросла именно въ послѣдніе годы, когда ее раздирали жестокія междоусобія. При этомъ упускаютъ изъ виду, что междоусобія *не помогали росту соціальдемократіи, а замедляли его.* Забываютъ, кромѣ того, *что чѣмъ менѣе значительны разногласія, существующія между членами одной и той же партіи, тѣмъ вреднѣе для нея расколы, вызываемые такими разногласіями.* Когда мы воевали съ „экономистами", всякій неглупый человѣкъ могъ безъ труда понять, изъ-за чего ведется война. А теперь въ нашихъ рядахъ господствуетъ такое единомысліе, что новый расколъ не имѣлъ бы никакого серьезнаго основанія и показался бы понятнымъ и извинительнымъ развѣ только глупымъ людямъ. А потому и кредиту нашей партіи онъ повредилъ бы несравненно сильнѣе, чѣмъ вредили ему прежніе, тоже очень вредные расколы.

Все течетъ, все измѣняется. Наши пріемы дѣятельности тоже не могутъ оставаться безъ перемѣнъ. Чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ" былъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. Намъ, соціальдемократамъ, футляры не къ лицу, и было бы очень смѣшно и очень плохо, если бы мы не сообразовались съ требованіями политической погоды. Послѣдовательные марксисты не могутъ быть и, конечно, не будутъ *утопистами* централизма.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ЕВРЕЯ КЪ ЕВРЕЯМЪ.

Слѣдя внимательно за полемикой, которая ведется между „Искрой" и Бундомъ, и сталкиваясь съ читателями, которыхъ серьезно волнуетъ предметъ этой полемики, я пришелъ къ тому убѣжденію, что спорный вопросъ долженъ быть перенесенъ на другую почву. Это обстоятельство побудило меня обратиться въ „Искру" съ настоящимъ открытымъ письмомъ, расчитывая на то, что серьезная „Искра" не откажется выслушать мнѣніе товарища и въ томъ случаѣ, если онъ несогласенъ съ методомъ полемики по данному вопросу.

Дѣло въ томъ, что какъ „Искра", такъ и Бундъ сосредоточили все свое вниманіе исключительно на организаціонномъ вопросѣ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всякій, посвященный въ революціонное дѣло, долженъ сознавать и понимать всю важность и серьезность организаціонныхъ вопросовъ; для всякаго дѣйствующаго революціонера должно быть вполнѣ ясно, что отъ правильной постановки и правильнаго рѣшенія организаціонныхъ задачъ зависитъ очень многое. Но то, что тревожитъ и волнуетъ организаторовъ и вообще сознательныхъ, опредѣлившихся соціальдемократовъ, уяснившихъ себѣ связь между принципіальными вопросами и вопросами организаціи, можетъ оказаться совершенно не интереснымъ и мало объясняющимъ для тѣхъ, которые ищутъ разрѣшенія и уясненія основныхъ, принципіальныхъ предпосылокъ. Возьму для примѣра хотя бы слѣдующій фактъ. Какъ мы узнали изъ „Послѣднихъ Извѣстій" и впослѣдствіи изъ „Искры", Бундъ, ведя переговоры о соглашеніяхъ съ нашей партіей предъявилъ сперва максимальныя требованія, но, когда послѣдняя отказалась отъ соглашенія на такихъ условіяхъ, то у Бунда оказались про запасъ еще и минимальныя требованія. Весьма понятно, что такой процессъ договора могъ сильно и серьезно волновать представителей Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, но спрашивается, какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для того еврейскаго интеллигента или еврейскаго рабочаго, который стоитъ передъ вопросами: „Долженъ ли онъ, какъ еврей-соціалистъ, непремѣнно работать среди евреевъ, или, же онъ исполнитъ свой соціалистическій долгъ, если будетъ служить своему идеалу въ рядахъ общероссійскаго борющагося пролетаріата? Должно ли еврейское соціалистическое движеніе содѣйствовать слінію еврейскаго населенія съ христіанскимъ, или, наоборотъ, стремиться къ національной обособленности?" Эти основные, принципіальные вопросы не только не выясняются въ преніяхъ о типѣ организаціи, а, напротивъ, все болѣе отодвигаются на задній планъ и все болѣе исчезаютъ въ спорѣ объ организаціонныхъ деталяхъ. И именно благодаря тому обстоятельству, что центромъ этой полемики служитъ организаціонная сторона, Бунду удавалось въ теченіи продолжительнаго времени скрывать свою основную националистическую точку зрѣнія. „Мы не націоналисты, читаемъ мы во всякой бундовской статьѣ, мы только требуемъ самостоятельной еврейской организаціи и хотимъ войти въ Р. С. Д. Р. П. на началахъ федераціи, а не просто автономіи".

Отрицая и скрывая свою истинную националистическую сущность, писатели и агитаторы Бунда развиваютъ и укрѣпляютъ на почвѣ продолжительныхъ организаціонныхъ споровъ національныя страсти; нападая на „Искру" и систематически борясь противъ ея организаціонныхъ взглядовъ, они сѣютъ рознь и вражду между еврейскимъ и всероссійскимъ пролетаріатомъ. Пора, поэтому, „Искрѣ" поставить вопросъ на чисто принципіальную почву и этимъ заставить Бундъ ясно и прямо обнаружить свою националистическую тенденцію.

Само собой разумѣется, что размѣры газетной статьи не позволятъ мнѣ всесторонне разобрать этотъ важный и, во многихъ отношеніяхъ, сложный еврейскій національный вопросъ. Но читатель не будетъ судить меня строго, если онъ только не забудетъ той цѣли, которую я себѣ поставилъ. Цѣль же моя, повторяю, въ томъ, чтобы перенести интересующій насъ вопросъ на исключительно принципіальную почву.

Какъ извѣстно, очередной четвертый съѣздъ Бунда пришелъ къ тому заключенію, что еврейскій народъ долженъ быть признанъ особой національностью. Это признаніе евреевъ націей легло въ основу стремленій Бунда создать самостоятельную и независимую соц.-демокр. организацію. Несмотря на то, что это научное опредѣленіе послужило базисомъ всѣхъ дальнѣйшихъ программныхъ выводовъ Бунда, бундовскіе писатели не посвятили ни одной брошюры и ни одной цѣльной статьи этому основному вопросу. Но насколько можно заключить изъ разбросанныхъ въ бундовской литературѣ случайныхъ замѣчаній, Бундъ призналъ еврейскій народъ самостоятельной національностью на томъ основаніи, что этому народу присущи специфическія расовыя и психологическія черты. Я не стану оспаривать ту мысль Бунда, что евреи обладаютъ нѣкоторыми психологическими особенностями, отличающими ихъ отъ другихъ національностей. Я даже пойду далѣе и скажу, что марксисты противорѣчили бы сами себѣ, если бы стали отрицать нѣкоторыя особенныя психологическія черты у такого народа, который жилъ и боролся за свое существованіе при исключительныхъ историческихъ условіяхъ. Что особенныя условія борьбы за существованіе порождаютъ особенный психологическій складъ, это — аксіома для всякаго марксиста. И какой-нибудь Штейнталь, Лацарусъ или другой соціальный психологъ будутъ совершенно правы, если на основаніи соціальной психологіи признаютъ евреевъ особой національностью. Но одно дѣло соціальная психологія, а другое дѣло политика. Соціальная психологія можетъ съ своей, чисто описательной, аналитической точки зрѣнія найти въ данной части населенія данной страны достаточное количество специфическихъ свойствъ для того, чтобы ее признать особой національностью. Но политика преслѣдуетъ иныя цѣли. Для нея важны не тѣ особенности, которыми характеризуется данная часть населенія, какъ психологическая разновидность, а тѣ его конкретные, реальные элементы, на основаніи которыхъ можно было бы отстаивать его самостоятельное экономическое и правовое существованіе. Поэтому тѣ элементы, на основаніи которыхъ можно считать извѣстную часть населенія особой націей съ точки зрѣнія психологической, совершенно недостаточны для того, чтобы признать ее самостоятельной націей съ точки зрѣнія политической. А такъ какъ Бундъ не ученая коллегія, занимающаяся изслѣдованіемъ соціальной психологіи, а политическая организація, преслѣдующая конкретныя историческія цѣли, то вполнѣ очевидно, что онъ ошибается, считая психологическія особенности евреевъ достаточнымъ базисомъ для самостоятельнаго существованія ихъ, какъ націи.

Такой постановкой національнаго вопроса Бундъ сознательно или безсознательно примкнулъ *къ идеалистическому* возарѣнію *сіонизма*, съ той однако разницей, что сіонизмъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, не смотря на свой идеалистическій исходный пунктъ, не утверждаетъ, что однихъ психологическихъ элементовъ достаточно для сохраненія существованія евреевъ, какъ особой національности.

Сіонизмъ, точно также, какъ и четвертый съѣздъ Бунда, исходитъ изъ того положенія, что современные евреи представляютъ собою особенную націю, вслѣдствіе присущихъ имъ особенныхъ психологическихъ и идеологическихъ моментовъ. Тотъ фактъ, что евреи сохранили свое національное имя, что они не исчезли въ историческомъ процессѣ и не были ассимилированы другими народами, долженъ, по мнѣнію сіонистовъ, служить доказательствомъ полной невозможности слінія евреевъ съ народами христіанскаго міра. Христіанство и юдаизмъ разсматриваются съ этой точки зрѣнія, какъ двѣ совершенно враждебныя идеологическія категоріи, результатомъ столкновенія которыхъ является вѣчный и неизмѣнный антисемитизмъ. Изъ этого идеалистическаго объясненія антисемитизма сіонизмъ дѣлаетъ то матеріалистическое заключеніе, что евреи могутъ только тогда избавиться отъ своего угнетенія и стать самостоятельной національностью, когда пріобрѣтутъ свою собственную территорію. Взявши за точку отправленія невѣрное само по себѣ идеалистическое объясненіе положенія евреевъ среди другихъ народовъ, сіонизмъ дополняетъ свою идеалистическое умозрѣніе конкретнымъ элементомъ. Онъ понимаетъ, что евреи только въ томъ случаѣ пріобрѣли бы національную самостоятельность, если бы получили необходимую для этого матеріальную основу, — *территорію.* Какъ бы ни были ложны идеалистическія посылки сіонизма, какъ бы ни были утопичны его мечтанія, въ немъ всетаки есть правильное понятіе: признаніе того, что національная самостоятельность опредѣляется главнымъ образомъ *территоріей.*

Иначе смотритъ на дѣло Бундъ, который является *идеалистомъ отъ начала до конца.*

Исходя изъ чисто психологическаго опредѣленія націи, онъ идетъ дальше въ томъ же идеалистическомъ направленіи и приходитъ къ тому выводу, что посредствомъ психологической изоляціи, на почвѣ развитія еврейской культуры и самостоятельной революціонной организаціи, евреи сумѣютъ оставаясь *на чужой территоріи,* отстаивать свое *національное* существованіе. Это — странная и непонятная точка зрѣнія, въ особенности для организаціи, которая считаетъ себя соціальдемократической! Соціальдемократическому Бунду, исповѣдующему марксистское ученіе, слѣдовало бы поучиться хотя бы у сіонистовъ, которые какъ, мы видѣли, отлично понимаютъ, что о самостоятельности націи можетъ итти рѣчь *только тогда, когда она въ состояніи экономически существовать самостоятельно, т. е. когда она обладаетъ для этого собственной территоріей.*

Національнизмъ Бунда, который болѣе похожъ на дѣтскую игру, чѣмъ на серьезную политическую задачу, разлетится въ прахъ на другой день послѣ полученія евреями *гражданскаго и политическаго равноправія.* Стоитъ только евреямъ получить свободу повсемѣстнаго жительства, чтобы прикованные къ чертѣ осѣдлости невольные обитатели разсѣялись по всей широкой Россіи, отыскивая болѣе прочное, болѣе обезпеченное экономическое существованіе и посылая искреннее проклятіе той „территоріи", на которой царское правительство, тоже путемъ изоляціи, развивало ихъ національныя чувства.

Но, при всей своей неосуществимости, бундовскій національнизмъ можетъ оказывать и, несомнѣнно, будетъ оказывать вредное вліяніе на соціальдемократическое движеніе вообще и на еврейское соціальдемократическое движеніе въ частности.

Здѣсь мнѣ необходимо, однако, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ указать на тѣ очевидные ближайшіе поводы, которые вызвали къ жизни національныя стремленія Бунда. Первая причина состоитъ въ томъ, что наиболѣе угнетенный въ правовомъ отношеніи еврейскій пролетаріатъ, оказавшись весьма воспріимчивымъ къ соціалистическимъ идеямъ, былъ въ то же время не настолько культуренъ, чтобы знакомиться съ ними на литературномъ русскомъ языкѣ. Революціонное настроеніе еврейской рабочей массы, съ одной стороны, и ея культурная отсталость, съ другой, создали необходимость въ пропагандѣ и агитаціи среди еврейской массы на некультурномъ жаргонѣ.

Жаргонная соціалистическая литература, явившись вначалѣ средствомъ для *даннаго* историческаго момента, превращается впослѣдствіи въ національную самоцѣль подъ вліяніемъ буржуазныхъ националистическихъ движеній вообще и сіонизма въ частности. Если только память мнѣ не измѣняетъ, то въ брошюрѣ Бунда: „Къ вопросу о національной автономіи и преобразованіи Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи на федеративныхъ началахъ"[1]) высказывается тотъ взглядъ, что, если бы Бундъ не взялъ на себя иниціативы рѣшенія еврейскаго вопроса, то его рѣшеніемъ занялась бы буржуазія, въ лицѣ сіонистовъ. Вполнѣ справедливо, конечно, что Бундъ обязанъ былъ считаться съ сіонистическимъ движеніемъ, но вопросъ въ томъ, какъ и въ какомъ смыслѣ онъ долженъ былъ, съ соціалистической точки зрѣнія, уничтожать возможное вліяніе сіонизма на рабочую еврейскую массу. Какъ соціальдемократическая организація, Бундъ долженъ былъ бороться противъ сіонизма не путемъ принятія въ свою программу національныхъ элементовъ, а посредствомъ критики и полнаго отрицанія всякой националистической идеи, какъ противорѣчащей основнымъ принципамъ международнаго соціализма.

Но какъ бы тамъ ни было, самъ Бундъ признается въ томъ, что онъ включилъ національный вопросъ въ свою программу изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, буржуазія возьметъ на себя иниціативу разрѣшенія этого вопроса. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы подвергнуть соціалистической критикѣ мелкобуржуазныя националистическія стремленія сіонизма, Бундъ, опасаясь сіонистическаго вліянія, включаетъ въ свою соціальдемократическую программу мелкобуржуазные националистическіе элементы и этимъ своимъ шагомъ вступаетъ на путь *оппортюнизма.* Вполнѣ справедливо, что Бундъ, благодаря своему тонкому практическому чутью, тщательно и горячо старается развивать въ еврейскомъ пролетаріатѣ классовое самосознаніе, но за то, вслѣдствіе своихъ националистическихъ стремленій, онъ всѣми силами прививаетъ къ еврейскому пролетаріату *національныя* чувства. Поэтому, если первая проповѣдь содѣйствуетъ развитію у пролетаріата сознанія классовыхъ противорѣчій, то результатомъ второй проповѣди является чувство солидарности у того же пролетаріата съ эксплуатирующимъ классомъ, принадлежащимъ къ одной и той же еврейской „національности", которая, съ этой точки зрѣнія, составляетъ одно цѣлое. Далѣе, пропаганда и культивированіе національныхъ чувствъ у еврейскаго пролетаріата и стремленіе къ отдѣльной организаціи несомнѣнно создадутъ непереходимую пропасть между еврейскимъ и „христіанскимъ" рабочимъ классомъ. Правда, что Бундъ безпрестанно повторяетъ и подчеркиваетъ солидарность интересовъ еврейской и „христіанской" рабочей массы, но солидарность не прививается сверху, посредствомъ одного только идейнаго литературнаго воздѣйствія. Истинная, серьезная взаимная связь рабочихъ массъ, полное взаимное пониманіе можетъ быть создано только на почвѣ общихъ интересовъ и путемъ совмѣстной борьбы. Въ бундовской литературѣ часто проскальзываетъ недовѣріе къ „христіанскому" пролетаріату, слышится намекъ на антисемитическое настроеніе „христіанскихъ" рабочихъ массъ. Но если бы Бундъ былъ правъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы содѣйствовать сближенію еврейскаго и „христіанскаго" рабочаго класса, а не стремиться къ отдѣльной, самостоятельной еврейской организаціи.

Подводя общій итогъ бундовскому національнизму, можно утверждать, что онъ окажетъ вліяніе въ трехъ направленіяхъ: 1. пропаганда националистическихъ идей, игнорирующая по существу классовой антагонизмъ, противорѣчитъ основному базису революціоннаго соціализма — развитію классоваго самосознанія пролетаріата; 2. эта же пропаганда сѣетъ рознь между еврейской и „христіанской" рабочей массой и содѣйствуетъ, такимъ образомъ, ослабленію революціонныхъ силъ борющагося россійскаго пролетаріата; 3. она можетъ возбудить національныя страсти у другихъ народностей, входящихъ въ составъ россійскаго населенія, и тѣмъ содѣйствовать усиленію антисемитизма. Все это, вмѣстѣ взятое, чрезвычайно на руку нашему правительству, которое превосходно сознаетъ и чувствуетъ, что его конецъ наступитъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе россійскій пролетаріатъ отдѣлается отъ националистическихъ предразсудковъ. Однако, націоналистически настроенный читатель, соглашаясь, быть можетъ, со всѣмъ сказаннымъ, всетаки спроситъ: а какъ же разрѣшить проклятый еврейскій вопросъ? Для соціальдемократа нѣтъ и не можетъ быть полнаго разрѣшенія этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, *внѣ соціализма.* Съ нашей точки зрѣнія, угнетенію однихъ классовъ или группъ населенія другими только тогда будетъ положенъ полный конецъ, когда будетъ уничтожена его причина — классовое государство. Антисемитизмъ вовсе не есть самодовлѣющая, вѣчная и неизмѣнная психологическая категорія, какъ это думаютъ сіонисты, а является результатомъ экономической конкурренціи. Лишенный территоріи, самостоятельныхъ прочныхъ источниковъ существованія, еврейскій народъ былъ обреченъ историческими условіями выступать повсюду случайнымъ и очень опаснымъ конкуррентомъ. Торговля и всѣ сопряженные съ ней роды дѣятельности стали почти единственными занятіями скитающагося по всѣмъ государствамъ „вѣчнаго жида". Деньги сдѣлались для него единственнымъ средствомъ защиты своего нравственнаго достоинства. Шейлокъ гордъ своими дукатами, между прочимъ, потому, что онъ можетъ съ ихъ помощью отомстить Антоніо. Естественно, что этотъ *чужой,* вѣчный конкуррентъ на экономическомъ поприщѣ, становится все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Какъ въ частной жизни, мѣшающій вамъ человѣкъ раздражаетъ васъ всякимъ своимъ, даже совершенно невиннымъ движеніемъ, такъ и въ исторической сферѣ вызываетъ презрѣніе и преслѣдованіе цѣлое племя, когда оно является серьезнымъ конкуррентомъ въ борьбѣ за существованіе. Серьезнымъ доказательствомъ того, что антисемитизмъ не есть результатъ *неизмѣнной* психологической категоріи, можетъ служить тотъ фактъ, что общественное и государственное отношеніе къ евреямъ подвергалось различнымъ измѣненіямъ. Даже въ Испаніи, гдѣ, какъ извѣстно, евреи подвергались наиболѣе жестокимъ преслѣдованіямъ, бывали періоды, когда имъ жилось сносно.

Съ другой стороны, мы видимъ, какъ національная ненависть разгорается и среди христіанскихъ народовъ, коль скоро сталкиваются ихъ экономическіе интересы. Реформаторъ мученикъ, Янъ Гусъ, сказалъ со свойственной истинному реформатору рѣзкостью, что человѣчество борется за экономическіе интересы, какъ собаки за кость, и что, какъ устраненіе кости моментально успокаиваетъ собакъ, такъ устраненіе экономической конкурренціи создастъ миръ и любовь среди людей. Янъ Гусъ былъ правъ. Мы, соціальдемократы, придерживающіеся матеріалистическаго пониманія исторіи и разсматривающіе всѣ идеологическія проявленія, какъ результатъ матеріальнаго историческаго процесса, убѣждены въ томъ, что всякаго рода человѣконенавистничество будетъ уничтожено только съ уничтоженіемъ нынѣшняго экономическаго строя. Именно поэтому мы смотримъ на всякое общественное теченіе, которое исходитъ не изъ классовой точки зрѣнія, какъ на такое, которое насъ отдаляетъ, а не приближаетъ къ нашей великой цѣли, *къ соціализму.* Къ числу же такихъ теченій принадлежитъ и *еврейскій національнизмъ.*

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ десятилѣтію побоища въ Крожахъ. Десять лѣтъ тому назадъ — восьмого ноября 1893 года — тотъ самый Клингенбергъ, который теперь произноситъ антисемитическія рѣчи въ „своей" губерніи, явился въ качествѣ ковенскаго губернатора въ м. Крожи для усмиренія „безпорядковъ". „Безпорядки" эти возникли по слѣдующему поводу. Въ мѣст. Крожахъ имѣлось два костела: одинъ — ветхій и деревянный, другой — крѣпкій и каменный, бывш. монастырь бенедиктинокъ. Русское правительство, рѣшивъ давно уже, что литовское населеніе, „искони православное", должно быть возвращено въ лоно господствующей церкви, не могло допустить существованія двухъ католическихъ костеловъ въ одномъ мѣстечкѣ. Оно распорядилось закрыть одинъ изъ нихъ. Усердный и сообразительный губернаторъ Клингенбергъ рѣшилъ закрыть и сломать каменный костелъ, оставивъ населенію костелъ деревянный, тѣсный и ветхій. Населеніе, конечно, протестовало, и эти „безпорядки" дали поводъ наводнить весь округъ казаками и войсками. Помѣщаемое ниже письмо предсѣдателя судебной палаты къ министру юстиціи даетъ въ общихъ чертахъ разсказъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ ночь съ восьмого на девятое ноября 1893 года; къ сожалѣнію, это письмо только вскользь намекаетъ на ту „административную расправу", которой подверглось населеніе злополучнаго мѣстечка. Послѣ самаго звѣрскаго избіенія, мѣстечко было предоставлено во власть казакамъ, которымъ начальство разрѣшило „погулять" три дня. Русскому населенію слишкомъ хорошо извѣстенъ смыслъ этого дикаго „права" побѣдителей.

Печатаемое нами письмо тѣмъ характернѣе, что принадлежитъ перу того же предсѣдателя судебной палаты, который подписалъ варварскіе приговоры поруганнымъ, избитымъ, ограбленнымъ литовскимъ крестьянамъ. Мы приводимъ его текстъ цѣликомъ, отмѣтивъ только нѣкоторыя мѣста курсивомъ.

Милостивый Государь,
Николай Валерьяновичъ!

Независимо отъ приговора Судебной Палаты по дѣлу о безпорядкахъ въ мѣст. Крожи Ковенской губ., представляемому нынѣ Вашему Высокопревосходительству въ силу закона, я въ силу нравственнаго долга, считаю моею обязанностью доказать, въ настоящемъ моемъ письмѣ то, что Палата, какъ Судъ, не имѣла права сдѣлать въ своемъ опредѣленіи.

Несмотря на то, что присутствіе при судебномъ слѣдствіи Генералъ-Губернатора, который почти все время находился въ залѣ засѣданія, *видимо стѣсняло свидѣтелей вообще, а полицейскихъ чиновъ въ особенности,* безусловно выяснилось: какъ тѣ предшествовавшія катастрофѣ въ ночь съ девятаго на десятое ноября 1893 г. обстоятельства, на кои указано въ приговорѣ Палаты, такъ и то, что Ковенскій Губернаторъ Клингенбергъ, вызвавъ въ мѣст. Крожи, въ виду свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ полиціи, на восемь часовъ утра восьмого ноября три сотни казаковъ, послѣ почти двухлѣтняго промедленія въ дѣлѣ закрытія костела, при упраздненномъ монастырѣ бенедиктинокъ, призналъ однако цѣлесообразнымъ приступить, наконецъ, къ закрытію таковаго во второмъ часу ночи. Возбужденная сторонними подстрекательствами и обнадеженная предварительными, болѣе нежели нерѣшительными дѣйствіями властей, невѣжественная и фанатически религіозная толпа встрѣтила Губернатора на порогѣ своего храма, съ самыми священными эмблемами, какія въ представленія только существуютъ: съ крестомъ и портретомъ ихъ Императорскихъ Величествъ. Толпа, очевидно, думала, что черезъ такую святыню уже никакая власть переступить не можетъ. Но Губернаторъ *не только вошелъ въ костелъ и притомъ силою*, но и посредствомъ полицейскихъ урядниковъ *выгналъ нагайками изъ костела весь находящійся и молящійся въ немъ народъ*. Это, *весьма естественно*, вызвало взрывъ всеобщаго негодованія, дошедшаго до бѣшенства, и толпа, выломавъ двери костела, забаррикадированныя по приказанію Губернатора, едва не ворвалась на хоры, гдѣ Губернаторъ спасался, окруженный ксендзами и чинами полиціи.

---

[1]) У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукой этой брошюры.

Толпа съ угрозами требовала отъ него составленія протокола о томъ, что онъ, *какъ татаринъ и разбойникъ, ворвался ночью въ св. храмъ и учинилъ тамъ безчинство*, и Губернаторъ, въ видахъ выигрыша времени, въ ожиданіи прихода казаковъ, счелъ возможнымъ дать согласіе на такое, болѣе нежели укорительное для его служебнаго положенія требованіе, требованіе, которое только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что разсвирѣпѣвшая толпа потеряла всякую способность сознательныхъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ то же время и внѣ костела, *на толпу было сдѣлано нѣсколько аттакъ конными полицейскими урядниками и въ нее стрѣляли*, что безусловно констатировали на судебномъ слѣдствіи показаніями двухъ врачей, подавшихъ медицинскую помощь пяти лицамъ, получившимъ, къ счастію, легкія огнестрѣльныя револьверныя раны. — Что произошло по прибытіи казаковъ и послѣ огульнаго заарестованія массы лицъ, *т. е. уже послѣ того, какъ сопротивленіе толпы было вполнѣ закончено и подавлено*, — не было предметомъ судебнаго изслѣдованія, но изъ единичныхъ заявленій подсудимыхъ, кои устранить, конечно, было нельзя, видно, *что за симъ послѣдовала съ нѣкоторыми изъ нихъ административная расправа, — ихъ сѣкли казаки, по указанію Губернатора, нагайками.* Такова, Ваше Высокопревосходительство, въ общихъ чертахъ картина всего, происшедшаго въ ночь съ девятаго на десятое ноября 1893 г. въ мѣст. Крожахъ и таковы условія, при которыхъ Палатѣ пришлось, даже при самомъ снисходительномъ отношеніи, подписывать приговоръ, гдѣ зачинщики приговорены къ каторжнымъ работамъ. — Но Палата, какъ Судъ, исполнила свой долгъ, какъ повелѣвалъ ей это сдѣлать законъ и совѣсть и твердо уповая на Монаршее милосердіе, къ которому и опредѣлила прибѣгнуть.

Если бы я этимъ закончилъ, то не сказалъ бы всего, что сказать считаю себя обязаннымъ, хотя бы это и не касалось болѣе меня, какъ представителя Судебнаго Установленія. Я разумѣю древній каменный костелъ при упраздненномъ монастырѣ бенедиктинокъ, который постановлено, вмѣсто обращенія въ приходской, взамѣнъ стараго, деревяннаго и гнилого, какъ о томъ свидѣтельствовали прихожане, не только закрыть, *но и срыть*, что, по словамъ Губернатора, лично мнѣ сказаннымъ, *будетъ стоить казнѣ не менѣе 11.000 рублей*. Въ этомъ снесеніи мѣстное католическое населеніе *не можетъ не видѣть желанія уничтожить дорогую святыню, имѣющую для него даже историческое значеніе*, и, сверхъ того, какъ бы *прямого преслѣдованія своей вѣры*, а то и другое, смѣю думать, никогда не было и не можетъ быть въ видахъ Правительства.

Народъ и здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, давно свыкся съ мыслью о томъ, что для него русскій царь есть неизсякаемый источникъ всѣхъ благъ, коими онъ пользуется, всего лучшаго, на что онъ можетъ надѣяться.

Такимъ образомъ, вообще говоря, милость, идущая отъ него съ высоты трона, по моему мнѣнію, никогда и нигдѣ не можетъ поколебать престижа власти, а въ частности, примѣненная къ данному случаю, и притомъ даже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, будетъ въ то же время и актомъ высшей справедливости.

Вашему Высокопревосходительству извѣстно мое служебное прошлое, я считаю себя стоящимъ внѣ всякихъ сомнѣній относительно моихъ убѣжденій, проникнутыхъ чувствомъ долга и вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ къ моему Государю. Я состарѣлся на службѣ по судебному вѣдомству, я, наконецъ, русскій и притомъ русскій до мозга костей, и я говорю Вамъ: Ваше Высокопревосходительство, дѣло, которое только что подъ моимъ предсѣдательствомъ закончилось и подъ живымъ впечатлѣніемъ котораго Вамъ пишу настоящія строки, именно потому, что я русскій, *возмутило во мнѣ до глубины души національное чувство*, которымъ я всегда, вездѣ, по преимуществу въ этомъ краѣ, гордился, горжусь и буду гордиться.

Примите, Ваше Высокопревосходительство. . . и пр.

Годовщина крожанскаго побоища, — этой характерной странички изъ исторіи русскаго самодержавія, — совпадаетъ съ новыми фактами преслѣдованія національностей, направленнаго, главнымъ образомъ, противъ армянъ. Исторія гоненій поляковъ и литовцевъ и, особенно, исторія ихъ ошибокъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ можетъ послужить хорошимъ урокомъ для армянскаго народа. Она покажетъ ему, что не покорность и уступчивость и не изолированная борьба за узкія національно-религіозныя требованія могутъ спасти свободу языка, вѣроисповѣданія и личности, а лишь совмѣстная борьба рука объ руку съ тѣми элементами русскаго же общества, которые сами страдаютъ подъ гнетомъ самодержавія. Только откликнувшись на призывъ соціальдемократіи, только подавъ ей руку, можетъ выступить на борьбу съ русскимъ самодержавіемъ армянскій и всякій другой, порабощенный самод. правительствомъ народъ, съ надеждой на успѣхъ и побѣду. Особыя условія сдѣлали россійскую соціальдемократію поборницей не только специфически-пролетарскихъ задачъ и интересовъ, но и элементарныхъ гражданскихъ правъ, свободы личности, совѣсти, слова. Эта особенность ставитъ ее во главѣ всего оппозиціоннаго движенія. И эта же особенность гарантируетъ порабощеннымъ націямъ увѣренность, что въ соціальдемократіи онѣ найдутъ вѣрную защитницу, которая не продастъ своего политическаго первородства за чечевичную похлебку правительственныхъ уступокъ. Всякое насиліе надъ тою или другою національностью побудитъ насъ только протянуть руку жертвамъ насилія, какъ это недавно сдѣлали наши кавказскіе товарищи, и звать ихъ на общій бой съ источникомъ всѣхъ насилій — самодержавнымъ режимомъ.

Замѣчательная демонстрація. Намъ пишутъ изъ Смолянъ, могилевской губ. Жителямъ нашего мѣстечка Смоляны, населеннаго почти исключительно евреями, пришлось пережить въ первыхъ числахъ августа большія волненія. Причиной этого явленія послужила широкая агитація полиціи среди крестьянъ окрестныхъ деревень съ цѣлью устроить погромъ въ нашемъ мѣстечкѣ.

Служащій мѣстной синагоги безъ вѣдома нашей еврейской общины продалъ мѣстнымъ мѣщанамъ не скошенную траву стараго еврейскаго кладбища за нѣсколько рублей. Такъ какъ, согласно еврейскимъ законамъ, нельзя ни подъ какимъ видомъ использовать кладбище, то мѣстный равинъ назначилъ собраніе, на которомъ было постановлено оставить за собою для уничтоженія скошенную траву, а мѣщанъ удовлетворить. Мѣщанамъ объяснили, что служитель синагоги не имѣлъ никакого права продать по своему усмотрѣнію траву съ еврейскаго кладбища, что они евреи, согласно законамъ своей религіи, не могутъ допустить, чтобы этой травой кто нибудь пользовался, а потому они желаютъ возвратить имъ расходы, которые они понесли при снятіи травы. Мѣщане сразу согласились, потребовавъ пять руб. за потраченную даромъ работу да, кажется, 20 руб. отступного. Не желая спорить съ мѣщанами въ это столь тревожное для русскихъ евреевъ время, еврейская община уплатила требуемую сумму денегъ, считая вопросъ исчерпаннымъ. Но нашлись добрые люди, которые пристыдили мѣщанъ за умѣренное использованіе столь благопріятнаго случая поживиться на счетъ чужого. „Продешевили, молъ, надо было взять сотню.“ Не долго думая, мѣщане отправились къ еврейскому раввину, вернули ему взятые 25 руб. и потребовали 100 руб. Въ случаѣ неисполненія ихъ просьбы, они угрожали не отдать сѣна. На это новое требованіе евреи не согласились, и дѣло затянулось. Спустя нѣсколько дней, злополучное сѣно сгорѣло, — должно быть, отъ поджога со стороны кого-нибудь изъ евреевъ, а возможно, что поджогъ былъ сдѣланъ кѣмъ нибудь изъ полиціи. Во время пожара сгорѣли также одинъ, или два стога сѣна помѣщика Титова, владѣльца нашего мѣстечка. Титовъ сейчасъ послѣ пожара отправился къ могилевскому губернатору, умоляя его наказать жидовъ м. Смоляны, которые поджигаютъ и эксплуатируютъ крестьянское населеніе. Послѣ посѣщенія Титовымъ губернатора, управляющій винокуреннаго завода Титова принялся энергичнымъ образомъ организовывать своихъ рабочихъ, въ количествѣ около 200 человѣкъ, для погрома. Мѣщане, съ своей стороны, также ревностно помогали въ этомъ славномъ дѣлѣ полиціи и пользовались каждымъ базарнымъ днемъ, чтобы объяснить пріѣзжающимъ въ городъ крестьянамъ, что всѣ уже рѣшили бить жидовъ, какъ это дѣлали въ Кишиневѣ, и чтобы передали всѣмъ въ деревняхъ непремѣнно пріѣхать въ день Спаса въ городъ бить жидовъ. (Въ день этого праздника въ Смолянахъ бываетъ годовая ярмарка). Вторымъ мотивомъ къ устройству погрома со стороны полиціи было слѣдующее обстоятельство: за мѣсяцъ или два до эпизода съ еврейскимъ сѣномъ, сгорѣлъ богато обстроенный дворъ мѣстнаго урядника, пьявки нашего населенія. Этотъ бывшій голышъ за довольно короткое время такъ обсосалъ отведенный ему на прокормленіе приходъ, что обзавелся довольно большимъ имуществомъ. Въ своемъ безцеремонномъ обирательствѣ онъ доходилъ до того, что по субботамъ и праздникамъ обходилъ еврейское населеніе съ большой бутылью и воронкой подъ мышкой, съ собственнымъ шкаликомъ (у жидовъ совсѣмъ дѣтскія рюмки!). Такимъ образомъ, онъ составлялъ себѣ запасъ водки на промежутокъ отъ одной субботы до слѣдующей. Не дремала и еврейская молодежь. Будучи до нельзя малочисленной, не задѣтой еще никакой пропагандой и не имѣя никакихъ связей, она все таки раздобыла себѣ около 30 револьверовъ и нѣсколько ружей, за день до ожидаемаго погрома получила заказанные 4000 патроновъ и послала нарочныхъ въ Оршу и Копысь просить, чтобы пришли на подмогу. Оршанскіе почему-то никого не послали; кажется, что они сами находились въ ожиданіи погрома. Копысскіе рабочіе отправили изъ своей среды 35 товарищей, за сорокъ верстъ въ рабочее время, защищать отъ разбоя правительства незнакомыхъ имъ людей. Изъ этихъ 35 рабочихъ почти 30 было русскихъ. Такъ какъ предполагалось отправить изъ Копыси свыше 100 человѣкъ, то копысская полиція зашевелилась, и рабочимъ пришлось выбраться изъ города тайкомъ и въ одиночку. Всю ночь съ 5 на 6 августа пришлось идти пѣшкомъ. Къ утру маленькій отрядъ маленькимя группами пробрался въ мѣстечко, осчастлививъ и ободривъ своимъ прибытіемъ пріунывшее населеніе. По дорогѣ рабочіе выработали слѣдующую программу дѣйствія: стараться дѣйствовать на толпу въ случаѣ надобности увѣщаніемъ, если начнется погромъ, стараться превратить его въ погромъ полиціи, и только въ крайнемъ случаѣ, по даннымъ сигналамъ, энергичнымъ нападеніемъ разсѣять толпу. Рабочіе были приняты населеніемъ съ распростертыми объятіями, какъ спасители, свалившіеся къ нимъ съ неба, и евреи были до слезъ тронуты братской отзывчивостью русскихъ рабочихъ. Вѣсть о прибытіи какихъ то рабочихъ для защиты евреевъ разнеслась сейчасъ же по всему мѣстечку. Сколько прибыло рабочихъ, никто не могъ сказать, но каждый былъ увѣренъ, что пришло очень много, больше 500 человѣкъ, что они всѣ попрятаны до погрома въ домахъ, погребахъ, овинахъ и въ лѣсахъ: словомъ, распространяли самые благопріятные слухи. Струсившая полиція съ самаго утра приняла рѣшительныя мѣры для того, чтобы развязать завязанный ею узелъ. Такъ, съ завода Титова не отпускали въ городъ рабочихъ, разгоняли крестьянъ, не давали ввозить въ городъ продукты, „монополія“, магазины и балаганы были закрыты до 2 часовъ дня, такъ что въ результатѣ ярмарка почти что и не состоялась. Пришедшіе въ городъ рабочіе организовались въ качествѣ развѣдчиковъ, ходили въ толпѣ, прислушивались ко всему, что говорилось, и каждыя десять минутъ черезъ своихъ почтальоновъ навѣщали, каково настроеніе толпы. Полиція межъ тѣмъ по телеграфу наводила въ Копыси справки, относительно пришедшихъ оттуда на ярмарку рабочихъ и доносила объ этомъ начальству. День прошелъ совершенно благополучно. Изъ Смолянъ отрядъ былъ отправленъ на подводахъ. Многіе изъ горожанъ пошли въ лѣсъ попрощаться со своими гостями. Въ лѣсу однимъ изъ рабочихъ была прочитана коротенькая рѣчь, прокричали: „Долой самодержавіе“ и „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“! и стрѣляли изъ револьверовъ. Провожаемый населеніемъ отрядъ отбылъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, гордый и радостный отъ сознанія исполненнаго долга. Говорятъ, что копысская полиція теперь очень усилила свою бдительность и арестовала до 15 человѣкъ рабочихъ, — сдѣлавъ массу обысковъ и наводнивъ городъ большой сворой изъ своей среды. Недавно тамъ былъ убитъ урядникъ рабочими, послѣ чего губернаторъ посѣтилъ городъ и высѣкъ четырехъ рабочихъ. Убійство урядника и экзекуція надъ рабочими произошли въ деревнѣ Сметанки въ семи верстахъ отъ Копыси.

Рига. Въ № 50 „Искры“ нами было сообщено вкратцѣ о демонстраціи, происшедшей по поводу отправки приговоренныхъ къ ссылкѣ товарищей. Приводимъ нѣкоторыя подробности изъ прокламаціи, изданной по этому случаю въ Ригѣ и Митавѣ мѣстными соціальдемократическими группами на латышскомъ языкѣ.

17 августа должны были отправиться въ ссылку слѣдующія лица: пом. архит. Мелналксисъ — пять лѣтъ архант. губ.: раб. Блазэ — четыре года архант. губ.; пять рабочихъ (евреевъ) и одна женщина — три и пять лѣтъ Сибири; кромѣ того, шесть латышскихъ рабочихъ на три года Вологодской губ. Уже съ десяти часовъ утра, въ день отправки, у вокзала собралась толпа человѣкъ въ 400. Однако, прождавъ напрасно часа два, рѣшили разойтись и собраться послѣ обѣда. Только около половины четвертаго, показались на улицѣ ссыльные товарищи, подъ конвоемъ солдатъ при двухъ офицерахъ. Путь ихъ до вокзала былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Толпа привѣтствовала и провожала ихъ криками „долой самодержавіе“! „да здравствуетъ свобода“, женщины осыпали ихъ цвѣтами, и сами они шли бодрые, веселые, съ алыми розами въ петлицахъ, махая красными платками. Когда ихъ ввели въ вокзалъ, городовые съ шашками на голо преградили дорогу толпѣ и не пустили ее въ зданіе вокзала; тогда толпа бросилась въ другую дверь, чтобы проникнуть черезъ залъ третьяго класса на платформу, но и здѣсь ее ждали жандармы. Съ обнаженными шашками бросились они на толпу и начали бить кого попало. Во время драки, части публики удалось проникнуть на платформу и поспѣть къ отходящему поѣзду. Отъѣзжающіе товарищи махали имъ платками и кричали „ура“. Между тѣмъ, жандармы начали гонять пробравшуюся на платформу публику и арестовали во время схватки восемь человѣкъ. Изъ провожавшихъ никто серьезно не раненъ.

Кромѣ прокламаціи, изъ которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, распространено въ Митавѣ и Ригѣ еще двѣ прокламаціи о событіяхъ на югѣ Россіи. 24 сентября въ обоихъ названныхъ городахъ были аресты, подробности пока неизвѣстны.

Либава. Пріѣздъ царя на короткое время нарушилъ полусонный покой нашего города, показавъ, между прочимъ; что и у насъ уже не все благополучно. Первымъ диссонансомъ въ гармоніи старательнаго холопства всѣхъ слоевъ нашей буржуазіи явились прокламаціи рѣзко политическаго характера, распространенныя за недѣлю до пріѣзда здѣшними соц.-дем., въ количествѣ 2500 экз. на латышскомъ и русскомъ языкахъ. Удачно распространенныя, онѣ проникли во всѣ углы фабричнаго предмѣстья и, отчасти, въ городъ и военный портъ, и повсюду вызывали къ себѣ живое и сочувственное отношеніе рабочихъ. На слѣдующій день начались обыски и аресты; полиція хватала людей безъ разбора. Ни одинъ изъ распространителей, ни одинъ изъ организованныхъ рабочихъ не попался. Всего, говорятъ, было забрано до 100 человѣкъ; всѣ они послѣ отъѣзда царя освобождены. Къ сожалѣнію, мѣстному латышскому комитету не по силамъ было использовать благопріятное настроеніе рабочихъ, и потому онъ ограничился предложеніемъ не принимать активнаго участія при встрѣчѣ царя. Такъ какъ по плану властей, посѣщеніе должно было носить характеръ „общенія царя съ народомъ“, то полиція „предложила“ фабрикантамъ освободить рабочихъ на время царскихъ дней отъ работы и вмѣстѣ съ ними встрѣчать царя. Благодаря этимъ мѣрамъ, рабочихъ на встрѣчѣ было довольно много. Но ни воодушевленія, ни громкихъ „ура“ не было; кричали „ура“ только зѣваки и сыщики.

Ковно. Въ іюнѣ, поневѣжеское тюремное начальство замѣтило, что къ тюрьмѣ подходили нѣкоторыя лица и разговаривали съ политическими. По этому поводу у сидящаго здѣсь Галкина былъ произведенъ обыскъ. У него нашли все необходимое къ побѣгу и перепиленную рѣшетку. Телеграфировали въ Ковно, откуда явилась цѣлая свора жандармовъ, съ ротмистромъ Васильевымъ во главѣ. Шайка засѣла ночью около тюрьмы и, когда кто-то показался, начала стрѣлять. При этомъ арестованъ былъ и сильно избитъ нѣкій Кацъ. Начались потомъ аресты по городу. Арестованные черезъ недѣлю были переведены въ ковенскую тюрьму, славящуюся своимъ особо звѣрскимъ режимомъ. Къ окнамъ у политическихъ придѣланы деревянные щиты, почти совсѣмъ не пропускающіе свѣта. Недавно тюремный инспекторъ Блохинсъ распорядился прекратить пріемъ подаяній. Рабочимъ, не имѣющимъ денегъ, приходится буквально голодать. Въ началѣ августа политическіе объявили голодовку, требуя, чтобы съ оконъ были сняты щиты, чтобы принимались подаянія и чтобы были разрѣшены воскресныя прогулки. Голодали семь дней. Наиболѣе слабыхъ насильственно кормили, а болѣе стойкихъ переводили въ другія тюрьмы. Добились только воскресной прогулки. 31-го августа въ тюрьмѣ была демонстрація, которая повлекла за собой страшное избіеніе заключенныхъ и рядъ репрессій (лишеніе огня, столовъ, кроватей, выписки, свиданій, карцеры и т. д.). Причину, вызвавшую демонстрацію, нельзя признать уважительной. Одного изъ товарищей отправляли въ Сибирь. Одинъ изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ общей камерѣ, не посовѣтовавшись предварительно ни съ кѣмъ, началъ кричать „долой самодержавіе!“ Остальные даже не хотѣли поддерживать. Начальникъ рѣшилъ 6 человѣкъ посадить въ карцеръ. Тѣ отказались. Ихъ начали избивать. Остальные политическіе начали ломать двери, окна, столы и скамейки. Ихъ также избили. Звѣрства творились страшныя. Пять сутокъ послѣ избіенія заключенные валялись на полу безъ вещей. За поломанныя вещи были сдѣланы вычеты, многіе, въ качествѣ наказанія, были посажены въ карцеръ, лишены письменныхъ принадлежностей и лампъ. Нѣкоторые привлечены за демонстрацію по 251 ст. Пріѣзжалъ вскорѣ какой-то чиновникъ изъ Петербурга для „разслѣдованія“, но что это было за разслѣдованіе, видно хотя бы изъ того, что политическихъ онъ даже не захотѣлъ выслушать, заявивъ, что онъ на это не уполномоченъ. Вообще режимъ въ ковенской тюрьмѣ звѣрскій, и не только по отношенію къ политическимъ. Недавно тюремный врачъ прописалъ одному уголовному ядъ. Послѣдній, принявъ такое „лекарство“, началъ кричать и стонать, требуя прокурора, которому хотѣлъ отдать въ качествѣ вещественнаго доказательства „лекарство“. Пріѣхалъ вице губернаторъ и приказалъ отравившагося высѣчь, что и было исполнено. Докторъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, продолжаетъ завѣдывать больницей.

Уфа. Восьмого октября было назначено къ слушанію въ палатѣ дѣло о златоустовской бойнѣ. Защитники подсудимыхъ настаивали на томъ, чтобы дѣло слушалось въ Златоустѣ, имѣя въ виду произвести осмотръ мѣста бойни и дать возможность всѣмъ свидѣтелямъ защиты (златоустовскимъ жителямъ) явиться на судъ. Палата, подъ давленіемъ администраціи, отказала защитникамъ въ этомъ ходатайствѣ и рѣшила слушать дѣло въ Уфѣ. Правительство очень боялось демонстраціи во время процесса и этимъ отчасти объясняются массовыя высылки и аресты въ Уфѣ (см. хронику обысковъ и арестовъ). Кромѣ того, мѣстная администрація употребила всѣ усилія къ тому, чтобы терроризировать мѣстныхъ адвокатовъ, съ цѣлью ослабить защиту въ процессѣ. Двое изъ защитниковъ, бывшіе политическіе, были высланы изъ Уфы.[1]) Въ оффиціальномъ разговорѣ съ однимъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ губернаторъ заявилъ, что ему даны полномочія, въ силу которыхъ онъ можетъ „вышвырнуть за нось“ всѣхъ адвокатовъ изъ залы засѣданія, если они позволятъ себѣ сказать хоть одно лишнее слово. На замѣчаніе, что въ залѣ суда распоряжается палата, а не губернаторъ, его превосходительство возразилъ: „плевать мнѣ на вашу палату!“. Послѣднія слова показались обидными даже такому господину, какъ старшій предсѣдатель палаты Рынкевичъ. Поэтому, когда губернаторъ обратился къ послѣднему за разрѣшеніемъ присутствовать въ залѣ суда, вѣроятно, чтобы имѣть возможность собственноручно вышвыривать защитниковъ изъ залы, то Рынкевичъ отказалъ ему.

При открытіи суда, защитники заявили ходатайство объ отсрочкѣ засѣданія въ виду того, что одиннадцать подсудимыхъ остались безъ защитниковъ, такъ какъ послѣдніе были высланы изъ Уфы. Назначеннаго же на ихъ мѣсто защитника отъ суда подсудимые не приняли.

Палата, обиженная отношеніемъ къ ней губернатора, уважила ходатайство защитниковъ, и дѣло отложено до января.

Въ такой атмосферѣ, четвертаго октября, въ Уфѣ было совершено убійство предсѣдателя суда Песляка политическимъ ссыльнымъ Николаемъ Николаевичемъ Покровскимъ, тутъ же застрѣлившимся. Покровскій отбывалъ гласный надзоръ въ уфимской губерніи, куда былъ сосланъ на три года по московскому соціальдемократическому дѣлу. Съ осени прошлаго года, онъ былъ переведенъ изъ Мензелинска въ Уфу, гдѣ и долженъ былъ пробыть до конца ссылки, т. е. до перваго мая 1904 года. Въ ссылкѣ здоровье его пошатнулось, а за послѣднія недѣли нервы его были натянуты до невозможности. Кругомъ брали людей и безъ суда и слѣдствія отправляли, куда заблагоразсудится. Изъ Златоуста приходили извѣстія о томъ, что рабочіе цѣлыми поселками исчезали неизвѣстно куда, семьи же ихъ шли побираться. Высылки производились буквально изо всѣхъ уѣздовъ губерніи. Усталый и измученный, нашъ товарищъ Н. Н. Покровскій не могъ справиться со своими нервами. Песлякъ былъ одной изъ тѣхъ гадинъ, которыя такъ мозолили ему глаза. У Николая Николаевича, какъ помощника присяжнаго повѣреннаго, все время были столкновенія съ Песлякомъ, преслѣдовавшимъ его, какъ политическаго ссыльнаго. Ему стоило много самообладанія и сдержанности, чтобы подобныя столкновенія не привели къ такому же трагическому концу еще задолго до четвертаго октября. Песлякъ преслѣдовалъ политическихъ не только въ качествѣ предсѣдателя суда, онъ съ удовольствіемъ при случаѣ побочно исправлялъ должность сыщика и жандарма и занимался доносами, собирая свѣдѣнія черезъ своихъ знакомыхъ, не подозрѣвавшихъ въ немъ сыщика. И вотъ, уходя изъ-подъ тяжелой, придушившей его лапы самодержавія въ „міръ тѣней“, Н. Н. счелъ возможнымъ устранить этого ненавистнаго ему субъекта.

Восточная Сибирь. Намъ пишутъ изъ Енисейской губерніи: „Времена измѣнились къ худшему. Новый генералъ-губернаторъ Кутайсовъ дѣлаетъ невозможныя назначенія: лицъ, идущихъ на четыре года, направляетъ въ Туруханскъ и Верхоянскъ. Онъ же разрѣшился недавно двумя циркулярами. Первый трактуетъ объ отлучкахъ. О каждой самовольной отлучкѣ онъ требуетъ сообщенія генералъ-губернатору, для водворенія отлучившагося въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области; туда же грозитъ онъ водворять и всякаго, позволившаго себѣ разговаривать съ проходящими политическими партіями. Вообще: „бывали хуже времена, но не было подлѣй". Какихъ еще сюрпризовъ надо ждать — сказать трудно. Вѣдь предстоитъ еще пріѣздъ новаго губернатора Айгустова, который тоже захочетъ проявить свое усердіе, тоже захочетъ показать силу своихъ копытъ...

---

[1]) Успѣхъ былъ полный: всѣ мѣстные адвокаты, кромѣ двухъ, отказались послѣ этой высылки отъ защиты. Одинъ изъ нихъ — Быховскій — назначенный защитникомъ отъ *суда*, подалъ заявленіе о болѣзни.

Въ Красноярскѣ вышло объявленіе о томъ, что хожденіе на охоту считается самовольной отлучкой. По распоряженію губернатора, въ города уже никого изъ политиковъ не назначаютъ и не переводятъ изъ деревень, да в уѣзды выбираются преимущественно сѣверные: Енисейскій — въ Енисейской губерніи, Киренскій и Верхоянскій — въ Иркутской, да еще, конечно, Якутская область.

Хотя въ новыхъ циркулярахъ генералъ-губернатора объ отлучкахъ говорится только объ административно-ссыльныхъ, тѣмъ не менѣе мѣстные становые пристава пытаются примѣнить эти административныя распоряженія и къ ссыльно-поселенцамъ „политикамъ", приговореннымъ къ ссылкѣ по суду. Таковы, напр., осужденные по дѣламъ о демонстраціяхъ въ Саратовѣ, Нижнемъ Новгородѣ и пр. Они отказываются расписаться въ прочтеніи этихъ циркуляровъ. Если, тѣмъ не менѣе, они и къ этой группѣ политиковъ будутъ примѣнены, то она соединитъ въ своемъ положеніи невыгоды обѣихъ категорій политическихъ ссыльныхъ: какъ сосланные по суду, они не будутъ получать никакихъ пособій, а какъ „политики," они не будутъ пользоваться свободой передвиженія въ предѣлахъ Сибири, предоставленной всѣмъ ссыльно-поселенцамъ.

Предстоитъ еще много конфликтовъ. Настроеніе напряженное, тревожное.

Кострома. 15 октября въ Костромѣ начался пріемъ новобранцевъ. Сѣверный Комитетъ воспользовался случаемъ, чтобы распространить среди нихъ печатныя воззванія „Къ солдатамъ". Въ октябрѣ въ мѣстной тюрьмѣ происходила глухая драма безъ рѣчей и безъ зрителей: объявили голодовку Метелкинъ и Савинъ, привлеченные въ маѣ по дѣлу Сѣв. Раб. Союза. Они объявили голодовку, желая добиться освобожденія (ихъ держатъ уже шесть мѣсяцевъ). И вотъ потянулись дни вынужденнаго голода. Сѣв. Комитетъ обратился тогда къ костромскимъ рабочимъ съ призывомъ придти на помощь къ заключеннымъ борцамъ за освобожденіе рабочихъ. Почти вслѣдъ за листкомъ, пришла телеграмма министра юстиціи, объявившая заключеннымъ, что дѣло ихъ будетъ рѣшено черезъ три дня. Товарищи прекратили голодовку, но положеніе ихъ, по достовѣрнымъ слухамъ, почти безнадежное: они голодали 14 дней и теперь оба тяжко больны.

Кострома. Послѣ демонстраціи, втеченіи всего лѣта имѣло силу крайне курьезное распоряженіе губернатора, именно: играющему на бульварѣ оркестру военной музыки было запрещено, изъ опасенія демонстраціи, исполнять „Марсельезу" и „Боже царя храни". Въ концѣ іюля были поголовные обыски среди солдатъ Краснинскаго батальона, такъ какъ въ казармахъ были расклеены прокламаціи; при обыскахъ ничего не найдено.

Нижній-Новгородъ. Въ срединѣ сентября, въ городѣ появился провокаторъ Пятницкій. Спустя нѣкоторое время, онъ былъ найденъ въ Сормовѣ „убитымъ", какъ гласитъ молва (въ газетахъ объ этомъ ничего не пишутъ). По этому дѣлу много арестованныхъ. Свидѣтелей также почему-то арестовали, но потомъ черезъ двѣ недѣли выпустили. Взятъ изъ кіоска, что около театра, нѣкій Хрусталевъ, который обвиняется, какъ одинъ изъ участниковъ въ „убійствѣ". Всѣхъ обвиняемыхъ три человѣка. У Пятницкаго найдена записная книжка съ фамиліями арестованныхъ.

Городъ взволнованъ и другимъ столкновеніемъ съ „слугами царя", происшедшемъ на тюремномъ дворѣ перваго корпуса (мужская тюрьма). Старшій надзиратель Радіоновъ велъ ссыльнаго арестанта Гусева (уголовнаго) въ карцеръ за какую то провинность. На дворѣ арестантъ сталъ сопротивляться, говоря, что онъ не виноватъ и въ карцеръ итти не хочетъ. Тогда надзиратель схватилъ его подъ мышки и потащилъ. Арестантъ вырвался и ударилъ надзирателя ножемъ въ горло. Надзиратель обнажилъ шашку и нанесъ арестанту два удара: первымъ отрубилъ ему ухо, вторымъ ранилъ сильно въ голову. Оба отправлены въ больницу; жизнь ихъ въ опасности.

Отцвѣтающіе земцы. (Письмо изъ сѣвернаго района). Плохо стало въ земствѣ! — вотъ обычная фраза, которую приходится слышать все чаще и чаще. Дѣйствительно, наши земцы-либералы какъ-то сразу потускнѣли. Тактика „лисьяго хвоста" достигла своей цѣли и дала даже больше, чѣмъ думалъ самъ Плеве. Земцы все беззастѣнчивѣе начинаютъ проявлять услужливость передъ администраціей. Однимъ изъ характерныхъ последствій такого „курса" является, между прочимъ, повальное „вышибаніе" и „вышвыриваніе" земскихъ служащихъ (врачей, агрономовъ, статистиковъ), такъ или иначе показавшихъ свою независимость и самостоятельность, или же (боже упаси) свою политическую „неблагонадежность". Несмотря на такую измѣну всѣмъ „завѣтамъ эпохи 60 годовъ" или, можетъ быть, поэтому, земцы надѣются объединить и увлечь за собою услужливое большинство и „общество" на слѣдующихъ пунктахъ: 1. Наслѣдственная монархія; 2. Ограниченная конституція; 3. Двухпалатный земскій соборъ; 4. Ограниченное избирательное право; 5. Косвенные выборы. Весь этотъ рядъ ограниченій и само ограниченій мотивируется „некультурностью массы", которой необходимо руководство „культурныхъ верховъ" (первая палата).

Кишиневъ. — Къ процессу Гольдмановъ. Шестого октября, недалеко отъ зданія кишиневской тюрьмы, съ пяти часовъ утра, можно было замѣтить небольшія группы молодежи, на лицахъ которой было написано сильное волненіе и какое то тревожное ожиданіе... Молодежь эта собралась привѣтствовать Гольдмановъ и др. политическихъ, которыхъ изъ тюрьмы должны были отвезти къ зданію окружного суда: при закрытыхъ дверяхъ должно было слушаться ихъ дѣло о тайной типографіи „Искры" и о побѣгѣ изъ подъ стражи. Въ семь часовъ утра, ворота тюрьмы распахнулись, и мы увидѣли двѣ кареты, конвоируемыя цѣлой ротой конныхъ и пѣшихъ солдатъ и жандармами. Конвой мѣшалъ намъ разглядѣть лица товарищей, какъ и имъ — наши: привѣтствія наши пропали даромъ. Въ $9^1/_2$ часовъ весь судъ былъ въ сборѣ. Сильнѣйшее возмущеніе и гадливое чувство вызвало то обстоятельство, что позади судей и сословныхъ представителей преспокойно усѣлись два жандарма. Защитникъ Гольдмановъ-Римановъ — Н. Д. Соколовъ, заявилъ, что городской голова Синадино, состоящій въ этой должности первое четырехлѣтіе, не можетъ быть судьей. Синадино, какъ только рѣчь зашла о немъ, демонстративно удаляется. Наступаетъ торжественная тишина. Соколовъ совершенно спокойно продолжаетъ: „Даже не будь такой статьи закона, я, какъ и мои товарищи, отказались бы отъ защиты. Дѣло въ томъ, что для насъ, защитниковъ, слишкомъ унизительно, а для господъ подсудимыхъ прямо оскорбительно, чтобы господинъ Синадино — *подстрекатель* громилъ, былъ судьей". Опѣшившій предсѣдатель возражаетъ: „Вѣдь и мы были въ Кишиневѣ во время погрома, вѣдь и мы видѣли все происходившее... Не отказаться ли и намъ отъ обязанностей судей въ угоду вамъ"? На что Соколовъ такъ же спокойно отвѣчаетъ: „Вашихъ именъ, по крайней мѣрѣ, никто не называлъ, имя же г. Синадино, подстрекателя громилъ, чтобы не сказать больше, называли и называютъ. И я опять повторяю, что мы слишкомъ унизили бы себя, еще больше гг. подсудимыхъ, если бы допустили г. Синадино быть судьей... Я кончилъ". Палата выходитъ въ совѣщательную комнату и оттуда выноситъ резолюцію, что дѣло будетъ слушаться въ слѣдующей сессіи.

Житомиръ. 13 октября въ Житомирѣ, въ губернской тюрьмѣ, заключенные, въ томъ числѣ и политическіе, привезенные сюда изъ Кіева послѣ лѣтнихъ уличныхъ событій, устроили „бунтъ". Заключенные возмутились тѣмъ, что ихъ неожиданно, противъ обыкновенія, заперли по камерамъ на день, а въ это время начата была въ корридорѣ каменщиками задѣлка окна, черезъ которое заключенные имѣли возможность сноситься съ внѣшнимъ міромъ. Разбиты были окна, разломаны нары, выставлены двери съ косяками, прогнаны каменщики. На мѣсто явились двѣ роты солдатъ и полиціймейстеръ. Когда вошли въ корридоръ войска, заключенные разошлись по камерамъ, заявивъ, что съ солдатами они бороться не будутъ. Пока идетъ переписка съ вычисленіями смѣты расходовъ по задѣлкѣ поврежденій въ дверяхъ. Разломанныя двери охраняются солдатами въ полномъ вооруженіи, стоящими по нѣскольку человѣкъ у каждой двери.

Керчь. Въ среднихъ числахъ октября, въ мѣстной женской гимназіи произошелъ любопытный инцидентъ. На одномъ изъ уроковъ рукодѣлія три ученицы седьмого класса попросили учительницу показать имъ, какъ дѣлать новый рисунокъ вышивки; къ удивленію своему, вмѣсто отвѣта онѣ услыхали отъ разгнѣванной учительницы слѣдующую неожиданную реплику: „Вы (т. е. ученицы) такія же нахальныя, какъ вся ваша жидовская нація (ученицы были еврейки). Вотъ, когда вы устроите свое государство, тогда и будете распоряжаться въ немъ, какъ хотите". На эту реплику учительница, конечно, получила отъ обиженныхъ достойный отвѣтъ. Но этимъ инцидентъ не исчерпывается; онъ переносится за стѣны гимназіи и служитъ объектомъ различныхъ толковъ среди мѣстнаго общества.

Результатомъ этого инцидента черезъ два-три дня былъ выпускъ прокламацій „Къ гимназисткамъ", за подписью „русскихъ учителей и учительницъ", которые призывали гимназистокъ къ дружной забастовкѣ до тѣхъ поръ, покуда начальство гимназіи не удалитъ „учительницу" изъ среды учителей и учительницъ, не желающихъ терпѣть въ своемъ обществѣ поклонницъ кишиневскаго „Бессарабца"... Прокламаціями этими былъ усыпанъ дворъ гимназіи, а также всѣ классы, въ которыхъ происходятъ занятія. Въ городѣ эти прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе; жандармерія же мѣстная совершенно сбилась съ ногъ, ища тщетно „авторовъ" прокламацій. Почти одновременно съ этимъ, городъ былъ наводненъ прокламаціями „Къ новобранцамъ", которыя читались вездѣ на расхватъ.

Одесса. Здѣсь была 16 октября студенческая демонстрація изъ за слѣдующей исторіи. Антрепренеръ Сибиряковъ, открывая свой новый театръ, рѣшилъ посылать въ университетъ 150 билетовъ для баллотировки и дать право занимать оставшіяся свободныя мѣста по контромаркамъ. Новый градоначальникъ не разрѣшилъ контромарокъ. Студенты устроили тогда сходку въ 600 чел. и рѣшили освистать градоначальника, когда онъ будетъ ѣхать на спектакль. Градоначальникъ, узнавъ объ этомъ, испугался и не пріѣхалъ. Вмѣсто него подкатилъ какой-то „полицейскій чинъ" и просилъ студентовъ (душъ 250-300) разойтись, обратясь къ нимъ со словами: „Вѣдь, мы съ Вами всегда друзья..." Тѣ освистали его и съ „дубинушкой" двинулись къ университету. Къ нимъ присоединилась толпа, человѣкъ 150. Около университета явились казаки; толпа начала было разбѣгаться, но потомъ снова вернулась, и всѣ еще цѣлый часъ ходили по городу съ пѣснями, сопровождаемые казаками, спокойно разошлись. Ждутъ безпорядковъ въ университетѣ; на 17 октября назначена сходка.

Ростовъ на Дону. Въ дополненіе къ помѣщенному въ № 49 „Искры" сообщенію объ арестѣ сходки учащихся, приводимъ слѣдующія, болѣе точныя и болѣе подробныя свѣдѣнія. 8 сентября часовъ въ пять дня, за городомъ была задержана толпа молодежи, человѣкъ въ 75, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащихся. Огромный конвой изъ городовыхъ, казаковъ и пѣхоты препроводилъ эту толпу въ участокъ. Зрѣлище было необычайное и привлекло къ участку толпу любопытныхъ, которую разогнали казацкими нагайками. Въ участокъ уже собрались жандармы, полиціймейстеръ, директора и начальницы женскихъ гимназій. Очень обращалъ на себя вниманіе директоръ средне-техническаго училища Н. Н. Прасоловъ, извѣстный негодяй и самодуръ, предметъ ненависти всего училища и даже учителей. Онъ то подбѣгалъ къ жандармамъ и полицейскимъ, то что-то быстро-быстро писалъ. Видно было, что человѣкъ чувствовалъ себя въ полицейскомъ застѣнкѣ, какъ дома. Всѣхъ приведенныхъ въ участокъ (почти всѣ ученики или ученицы старшихъ классовъ гимназій, средне-тех., реальной и др.), тутъ же обыскивали, отдѣлили учащихся отъ штатскихъ и заперли по участкамъ. Здѣсь обращеніе было крайне грубое и очевидно разсчитанное на отвѣтъ со стороны арестованныхъ, которые, впрочемъ, держали себя очень корректно и на всѣ вызовы и оскорбленія представителей полицейскаго застѣнка отвѣчали презрительнымъ молчаніемъ. А въ это время ночные хищники дѣлали свое дѣло. Квартиры всѣхъ арестованныхъ къ тремъ часамъ ночи были обысканы. Весь городъ былъ на ногахъ, по улицамъ то и дѣло шмыгали орды городовыхъ и жандармовъ. Переполохъ былъ громадный. На утро въ городѣ было, какъ послѣ погрома. Не было интеллигентной семьи, гдѣ бы не хватало сына или дочери. Къ утру всѣхъ учащихся выпустили (гимназистокъ сами начальницы развозили по домамъ). На другой и на третій день всѣхъ задержанныхъ въ тюрьмѣ и участкахъ допрашивали. Жандармы все время упирали на то, что это была сходка, спрашивали, кто говорилъ, кто звалъ на сходку и т. п. Обвиняемые, какъ могли, защищались отъ нападокъ жандармовъ. Втеченіе двухъ-трехъ дней ротмистру Карпову было очень много работы: бѣдняжка безъ передышки метался изъ тюрьмы въ участокъ и обратно, ища всюду нитей и корней. Почти всѣ арестованные были выпущены: оставили двухъ-трехъ человѣкъ, у которыхъ найдена была нелегальная литература. Слѣдующіе затѣмъ дни были полны тревожныхъ ожиданій. Учащіеся ждали со дня на день исключенія. Послѣднія не замедлили. Первымъ сталъ орудовать все тотъ же Прасоловъ: уже 9-го онъ вызвалъ четырехъ учениковъ и уволилъ ихъ. Затѣмъ онъ сталъ очищать свое училище отъ „крамолы" постепенно, чтобы не дѣлать въ городѣ шуму: всѣхъ средне-техниковъ на сходкѣ было человѣкъ 20. Характерно, чѣмъ пользовался этотъ самодуръ, чтобы заставить „преступниковъ" добровольно уйти: одного онъ запугивалъ Сибирью, другого подкупалъ деньгами, которыя предлагалъ на дорогу и на жизнь въ другомъ учебномъ заведеніи, третьихъ убѣждалъ добровольно уйти, потому что обѣщалъ не сегодня, такъ завтра исключить. Теперь всѣ уже уволены, и Прасоловъ торжествуетъ: теперь онъ спокоенъ за свое училище! Надолго ли? Директоръ гимназіи поступилъ умнѣе. Онъ сразу же избавился отъ „крамольниковъ" хитростью: передъ совѣтомъ онъ вызвалъ гимназистовъ и сообщилъ, что имъ грозитъ исключеніе, и совѣтовалъ приготовить на всякій случай прошенія: если, молъ, дѣло будетъ доходить на совѣтѣ до исключенія, то онъ де заявитъ, что уже поданы прошенія. Въ противномъ случаѣ онъ замолчитъ это дѣло.

Наступилъ долго жданный совѣтъ. Передъ началомъ засѣданія директоръ заявилъ, что говорить о „преступникахъ" нечего, такъ какъ они уже уволились сами. Просто и коротко. Реалистовъ тоже всѣхъ уволили. Въ женскихъ же гимназіяхъ, хотя никого и не уволили, но обращеніе начальницъ и педагоговъ въ высшей степени мерзкое: „преступницъ" изолировали отъ всѣхъ остальныхъ и обращаются съ ними, какъ съ зачумленными!

Теперь въ тюрьмѣ въ Ростовѣ сидятъ только двое изъ арестованныхъ 8 сентября: Поповъ и Шульгинъ. Говорятъ, что Карповъ создалъ изъ этой исторіи громкое дѣло и направилъ его въ департаментъ полиціи! Вся эта исторія вызвала много толковъ въ городѣ, но на настроеніе молодежи не повліяла.

Мелитополь. Недавно въ нашемъ гор. произошла слѣдующая любопытная сценка. Какой-то пьяный на улицѣ во все горло началъ ругать его царское величество. „Въ Сибирь русскаго царя" — кричалъ онъ съ прибавленіемъ крылатыхъ словъ. Наиболѣе характернымъ было то тревожное любопытство, съ которымъ обыватели сбѣгались „послушать" смѣлаго пьяницу. Въ нѣсколько минутъ собралась толпа въ 300 чел. Полиція отсутствовала и „инцидентъ" прошелъ безъ послѣдствій.

Послѣ арестовъ и обысковъ 10 августа директоръ реальнаго училища, Н. Ф. Вавиловъ, призвалъ къ себѣ учениковъ-евреевъ шестого и седьмого класса и допрашивалъ, не знакомы ли они съ кѣмъ либо изъ арестованныхъ и не читали ли нелегальной литературы. Пообѣщавъ ученикамъ всяческія казни египетскія „за что нибудь такое", директоръ отпустилъ ихъ съ миромъ. Но черезъ нѣкоторое время на ученическихъ квартирахъ почтенный педагогическій синклитъ, во главѣ съ директоромъ, произвелъ обыски. Рылись въ вещахъ, въ книгахъ и даже въ грязномъ бѣльѣ. Учитель математики Рабановичъ избилъ на урокѣ одного изъ учениковъ младшаго класса. Исторія эта прошла ему безнаказанно, „чтобы не подрывать авторитета учителей". Врочемъ, избіеніе учениковъ практикуется у насъ довольно часто и другими учителями.

Изъ памятной книжки жандарма. Мы получили копію памятной книжки одного жандармскаго унтеръ-офицера, живущаго и дѣйствующаго въ г. Ивановѣ-Вознесенскѣ. Приводимъ изъ нея выдержки, не нарушая прелестей слога:

„8/I. Получилъ свѣдѣнія отъ уличнаго сторожа Сытникова, что состоящій подъ негласнымъ надзоромъ... (имярекъ)[1] переѣхалъ съ квартиры... (такой то) на... (такую то)., о чемъ и было словесно доложено начальнику".

Слѣдуетъ цѣлый рядъ аналогичныхъ записей, гдѣ въ качествѣ доносчиковъ фигурируютъ лица, какъ: „табельщикъ фабр. Клепста Бакулинъ". „фабрично-рабочая женщина Матрена Усачева", „фабричный рабочій Василій Мамихинъ", и т. д.

19/II. Наводилъ справку, гдѣ проживаетъ состоящій подъ негласнымъ надзоромъ полиціи... (имя рекъ), который по окончаніи срока наказанія административнымъ порядкомъ въ г. Царицынѣ, прибылъ обратно въ Иван.-Вознесенскъ; 17 февр., по наведенной справкѣ оказалось, что онъ проживаетъ... (тамъ-то), о чемъ было доложено словесно начальнику, негласный надзоръ за нимъ установленъ.

„27/II. Получилъ свѣдѣніе отъ уличнаго сторожа Глѣба Суслова, что состоящій подъ негласнымъ надзоромъ полиціи... (имя рекъ) переѣхалъ... (туда-то), *въ наблюденіе унтеръ-офицера Трусова*, о чемъ было словесно доложено начальству.

„5/III. *Передано отъ унтеръ-офицера Найденыхъ*, что состоящая подъ негласнымъ надзоромъ полиціи дочь купца... (имя рекъ) переѣхала... (туда-то), по приказанію начальника негласный надзоръ установленъ". И т. д., и т. д. Или вотъ образецъ „доклада": „16 февр. я получилъ свѣдѣніе отъ Антона Триф. Абрамова, что... (имя рекъ) объснилъ... (такому-то), что онъ имѣетъ переписку съ однимъ какимъ-то интеллигентомъ на счетъ литературы, а такъ какъ... (имя рекъ) квартира уже замѣчена, то онъ просилъ его, нельзя-ли корреспонденцію получать черезъ тебя. О чемъ словесно было доложено начальнику.

„Порученіе отъ своего начальника, узнать негласнымъ путемъ учителя въ селѣ... (такомъ-то) и познакомиться съ его личностью". Порученіе это записано подъ 16 февр., а черезъ 4 дня уже готовъ отвѣтъ: „Докладъ. 20 марта я наводилъ негласнымъ путемъ справку объ учителѣ села... (такого-то). По наведеннымъ мною справкамъ онъ, оказывается, происходитъ изъ крестьянъ села (такого то), ... лѣтъ, жена его... (имя рекъ), ... лѣтъ, имѣетъ ... дѣтей, одинъ учится въ ..., о чемъ было доложено своему начальнику". Какова исполнительность!?

„Далѣе характеръ книжки мѣняется. Записи сопровождаются самыми точными статистическими данными. Для каждаго „наблюдаемаго" лица была заведена отдѣльная страница, затѣмъ слѣдуетъ подробное оглавленіе книжки съ указаніемъ страницъ, далѣе „списокъ фабрикъ и заводовъ и проживающихъ лицъ въ участкѣ унт. офицера Блохина". Эта глава книжки представляетъ самыя точныя свѣдѣнія; напр.; „Ситцевая фабрика Витова: колористъ Макѣевъ, живетъ... (тамъ-то), управляющій Грабовъ, механикъ Грачевъ, паспортистъ Мильсонъ; рабочихъ мужчинъ 589, женщинъ 40, подростковъ 141, всего 770. Столуются на кухнѣ 400 человѣкъ. помѣщаются въ спальнѣ 400 человѣкъ. При фабрикѣ есть пріемный покой, баня для рабочихъ, библіотека, при ней книгъ — 3,030, подъ наблюденіемъ свящ. о Алексѣя Богославскаго; библіотекарь Я. П. Пономаревъ (его адресъ)". Такимъ же образомъ описаны и прочія фабрики; занесены также адреса винныхъ лавокъ, гостинницъ, постоялыхъ дворовъ, церквей, часовенъ; адреса и фамиліи фельдшеровъ и фельдшерицъ, и лицъ, пишущихъ прошенія. На страницахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ лицамъ, записаны: имя, адресъ, родъ занятій, внѣшнія примѣты, какъ одѣвается, какъ ходитъ и держитъ себя, гдѣ, когда и у кого бываетъ. — Все это съ мельчайшими подробностями и съ указаніемъ источника, напр.: „свѣдѣнія доставилъ Фролъ Павловъ Смирновъ" (сыщикъ?). Характерно, что въ книжкѣ имѣются спеціальные листки для всѣхъ членовъ городской управы и сиротскаго суда, не исключая и городского головы, богатаго фабриканта, Дербенева. Заканчивается книжка инструкціей, когда и противъ кого употреблять оружіе.

Памятная книжка жандарма невольно наводитъ на серьезныя размышленія; если организація нашихъ враговъ дошла до такого совершенства, что послѣдняя спица въ колесницѣ снабжена такими подробными свѣдѣніями и поставлена въ такую тѣсную связь съ прочими спицами, то и намъ неизбѣжно организовать свои силы на сходныхъ началахъ, чтобы бить врага его же оружіемъ. Какъ это ни рѣжетъ ухо революціонера, — а у жандармовъ намъ есть чему поучиться. Точныя свѣдѣнія мѣстныхъ организацій и *центральныхъ учрежденій* о политической дѣятельности работающихъ товарищей сдѣлали бы — при строго-конспиративной организаціи комитетовъ — почти невозможной работу провокаторовъ, такъ сильно тормозившую до сихъ поръ наше движеніе; съ другой стороны правильное веденіе формуляровъ уличенныхъ провокаторовъ и сыщиковъ, съ приложеніемъ фотографій, и распространеніе ихъ по всѣмъ комитетамъ, значительно охранило бы партію съ этой стороны. Однако главное — тотъ Римъ, къ которому неизбѣжно ведутъ теперь всѣ дороги — это противопоставить *централизаціи* вражескихъ силъ свою *сильно централизованную* организацію: только этимъ путемъ можно вести общерусскую работу и — что особенно важно — общерусскую систему самообороны, благодаря постоянному и правильному обмѣну черезъ *центральныя учрежденія* свѣдѣній о пріемахъ нашей борьбы и хитростяхъ врага.

Кіевъ. 3-го ноября въ Кіевскомъ университетѣ состоялась общестуденческая сходка въ память С. В. Балмашева. Студенты собрались по обыкновенію въ 14 аудиторіи послѣ полудня. Въ этой аудиторіи отъ 12 до часу читалъ лекціи профессоръ Удинцовъ; слушателей у него было человѣкъ десять. Въ срединѣ лекціи въ аудиторію вошла громаднѣйшая толпа. Вошедшіе студенты попросили профессора удалиться, что имъ и было исполнено. Толпа, занявшая аудиторію, все увеличивалась, вскорѣ не было уже ни одного свободнаго мѣста; все обширное помѣщеніе оказалось заполненнымъ громадной толпой молодежи.

Начались рѣчи на политическія темы. Узнавъ объ этомъ, явился ректоръ Бобрецкій и также пожелалъ произнести рѣчь, но она успѣха не имѣла, вскорѣ онъ былъ съ позоромъ изгнанъ изъ аудиторіи. Потерпѣвъ неудачу, ректоръ поѣхалъ къ попечителю Бѣляеву съ докладомъ о происшедшемъ. Бѣляевъ также захотѣлъ попытать счастья, и оба они поѣхали въ университетъ. Рѣчь Бѣляева имѣла такой же успѣхъ, какъ и рѣчь ректора; говорилъ онъ на обычную тему: „университетъ существуетъ для науки, а не для политики"... Хорошей иллюстраціей къ его рѣчи служили двѣ сотни казаковъ, демонстрировавшія все время передъ зданіемъ университета... Превосходительный ораторъ былъ дружно освистанъ молодежью, возмущенной лицемѣріемъ его рѣчи.

---

[1] Чрезвычайно жаль, что нашъ корреспондентъ опустилъ имена привести ихъ было бы весьма полезно. Ред.

Послѣ ухода попечителя было произнесено еще нѣсколько рѣчей, и сходка постановила почтить память Балмашева однодневной забастовкой.

Около половины третьяго студенты вышли толпой на улицу и съ пѣніемъ вѣчной памяти дошли до столовой. На улицѣ было произведено нѣсколько арестовъ. Въ политехникумѣ въ этотъ день также не было занятій.

Нынѣшній учебный годъ начался при тревожныхъ ауспиціяхъ...

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Шадринскій уѣздъ Пермской губ. Наконецъ и въ нашемъ глухомъ уголкѣ, гдѣ нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода, завелась крамола, которую начали вытравлять всѣми способами. Дѣло было такъ. Одинъ крестьянинъ с. Верхтеченскаго принесъ запрещенную книжку сидѣльцу винной лавки. Тотъ началъ спрашивать, гдѣ онъ взялъ ее, и стращалъ его, что онъ донесетъ по начальству, если тотъ не выдастъ книжку слѣдователю. Мужикъ испугался, и пошелъ къ слѣдователю, гдѣ и заявилъ, что книгу далъ агрономъ; а у слѣдователя, какъ на зло, былъ тов. прокурора. Прокуроръ тотчасъ же донесъ жандармамъ, и всѣмъ составомъ нагрянули. Обыскали всю квартиру у агронома, даже обои ободрали, но ничего не нашли. Агрономъ Николевъ былъ арестованъ въ Шадринскѣ. Дѣло арестомъ не кончилось. Начались допросы, призывали крестьянъ человѣкъ 30, участниковъ сельскохозяйственнаго товарищества, но толку не добились. Всѣ говорили, что знать ничего не знають, никакихъ такихъ запрещенныхъ книгъ не видали. Ни запугиванья, ни ласковыя рѣчи не помогли. Теперь въ томъ районѣ частенько проѣзжаютъ жандармы и какія то подозрительныя лица. Но крестьяне на всѣ заговариванья угрюмо отмалчиваются.

Балашовъ, Саратов. губ. Въ Балашовскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1903 года замѣчалось движеніе крестьянъ, направленное противъ помѣщиковъ; вызвано это движеніе экономическими условіями, что доказывается тѣмъ, что движеніе существуетъ въ селахъ, гдѣ крестьяне безземельные или малоземельные. Вся сѣверная часть уѣзда населена такими крестьянами, тутъ и замѣчаются волненія. Крестьяне жгутъ хлѣбъ, сѣно и самыя усадьбы помѣщиковъ. Пострадали помѣщики Кожевниковъ, Левенъ, Мятуновъ, Орловъ, Гзоде, Шмитъ, Унковскій и многіе др. Администрація винитъ въ этомъ мѣстную интеллигенцію, а главнымъ образомъ учителей. Приняты самыя энергичныя мѣры для выслѣживанія противоправительственной пропаганды. Балашевскій исправникъ, Фабриціевъ, получилъ отъ центральнаго правительства 30 тысячъ рублей въ полное безконтрольное распоряженіе на наемъ шпіоновъ. Результатомъ чего появилась масса шпіоновъ (исправникъ, кромѣ того, выстроилъ себѣ домъ въ Царицынѣ) среди крестянъ, нравы деморализуются, и идетъ какая-то междуусобная война: одни доносятъ, выслѣживаютъ, а если ничего не находятъ, такъ и сами придумываютъ; другіе ихъ за это преслѣдуютъ главнымъ образомъ огнемъ, были случаи, когда шпіоновъ били, а въ одного изъ полицейскихъ ниж. чиновъ даже стрѣляли. На помощь полиціи и шпіонамъ являются попы. Эти доблестные послѣдователи Христа стоятъ на высотѣ своего призванія. Оружіемъ борьбы противъ пропаганды они часто избираютъ клевету. Одинъ изъ нихъ, не стѣсняясь, заявляетъ, что онъ жандармъ переодѣтый и отъ него ничего не скроется, что за всякое сообщеніе, которое открываетъ пропаганду, онъ хорошо платитъ. Къ несчастью учителей, въ этомъ году при обыскѣ у двухъ изъ нихъ нашли нелегальную литературу, и это послужило мотивомъ къ заподозриванію всѣхъ другихъ. Лѣтомъ 1902 г., одинъ изъ поповъ донесъ на волостного писаря, обвиняя его въ пропагандѣ. Этотъ человѣкъ десять лѣтъ жилъ въ селѣ и никакой пропагандой не занимался, но за свою честность и за сердечное отношеніе къ крестьянамъ пользовался общей любовью. По доносу онъ былъ арестованъ, но разслѣдованіе дѣла показало полную неосновательность доноса, и онъ выпущенъ на свободу. Крестьяне, возмущенные поведеніемъ попа, перебили ему стекла и подбрасывали угрожающія письма, но попъ не унялся: во томъ же селѣ скончался учитель (покончилъ жизнь самоубійствомъ), явилась полиція, у покойника сдѣланъ былъ обыскъ, — забранъ былъ дневникъ и посмертная записка. Тѣло было похоронено съ разрѣшенія полиціи по православному обряду. Попъ воспользовался этимъ случаемъ и придумалъ слѣдующій фокусъ. Онъ распустилъ слухъ, что смерть эта была на политической подкладкѣ, что учитель этотъ, во время пребыванія своего на съѣздѣ учителей въ Москвѣ, на Рождествѣ 1902 года, получилъ тамъ отъ какого-то тайнаго кружка порученіе убить Плеве и, когда пришло время выполнить эту обязанность, то пріѣхалъ курьеръ сказать ему: „пора“, но тотъ предпочелъ покончить съ собой, и эта нелѣпая сказка имѣла успѣхъ. Администрація повѣрила этой сказкѣ. Изъ этого села уволены всѣ учителя и учительницы. Теперь администрація, кажется, сама убѣдилась въ невинности учителей и разрѣшаетъ имъ вновь заняться прежней работой. Въ другомъ селѣ разрѣшено было открытіе общества трезвости, но такъ какъ всѣ иниціаторы выбыли изъ данной мѣстности, то общество не было открыто; было учреждено потребительское общество, но влачило жалкое существованіе. Поступаетъ новый учитель. Онъ съ большой энергіей принимается за устройство названныхъ обществъ, и дѣло идетъ очень успѣшно. Въ общество трезвости вступаетъ много членовъ изъ крестьянъ. Устраиваютъ чайную, читальню, библіотеку: при школѣ ведутся чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, который крестьяне покупаютъ на свой счетъ вмѣстѣ съ грамофономъ. Но вотъ съ церковной кафедры раздается слово пастыря, который громитъ учителя, называетъ его послѣдователемъ Толстого, извѣстнаго богоотступника, совѣтуетъ крестьянамъ не посѣщать чайную и чтенія и не брать книгъ изъ библіотеки, такъ какъ эти книги вредны. (Чтенія велись по каталогу мин. нар. прос. и въ присутствіи полиціи). Но этого мало. Онъ пишетъ въ попечительство о народной трезвости бумагу, въ которой извѣщаетъ о вредной дѣятельности учителя и проситъ не давать общ. трезвости никакой субсидіи, такъ какъ эти деньги будутъ поддерживать вредную дѣятельность этихъ учрежденій. Попечительство пока не обращаетъ вниманія на доносы попа.

Въ Балашевскомъ уѣздѣ выбыло за этотъ годъ около 30 учителей. Конечно, нѣкоторый процентъ по причинамъ, не зависящимъ ни отъ инспекціи, ни отъ администраціи, но большая часть должна была удалиться, потому что инспекторъ въ угоду администраціи увольнялъ самъ или дѣлалъ предупрежденія и намеки на то, что благоразумнѣе своевременно покинуть Балашевскій уѣздъ. Учителю Х. было послано сказать черезъ товарища, чтобы онъ не занимался общественными дѣлами: учитель организовалъ оркестръ изъ крестьянъ, устроилъ потребительское общество, велъ чтенія, устраивалъ спектакли (съ разрѣшенія начальства) и думалъ строить народный домъ. Получивъ такое предупрежденіе, онъ рѣшилъ, что лучше оставить должность, чѣмъ бросить то, что такъ ему дорого. Другому учителю инспекторъ совѣтовалъ отказаться отъ веденія чтеній для взрослыхъ, тотъ его спросилъ: „не лучше ли мнѣ совсѣмъ уйти изъ Балаш. уѣз.?“ Инспекторъ отвѣтилъ, что оставаться въ Балаш. уѣз. не безопасно: „Такіе учителя, какъ вы и вашъ товарищъ, намъ не нужны“. А вотъ учитель идетъ къ инспектору и проситъ отпуска на недѣлю, инспекторъ категорически отказываетъ, не смотря на то, что учитель восемь лѣтъ работалъ и ни разу не бралъ отпуска. Тогда учитель говоритъ, что отпускъ нуженъ ему для того, чтобы пріискать себѣ мѣста. „А, сдѣлайте одолженіе, говоритъ инспекторъ, да поторопитесь съ этимъ вопросомъ“. И подобныхъ инцидентовъ было очень много. Надо замѣтить, что инспекторъ сталъ себя держать такъ только съ пріѣзда новаго губернатора, раньше же онъ всегда возмущался поведеніемъ поповъ и самъ разсказывалъ учителямъ о всевозможныхъ выходкахъ поповъ, объ ихъ клеветахъ на учителей. Посылая одного учителя на мѣсто, онъ предупреждалъ, что попъ негодяй, что съ нимъ ужиться очень трудно. Теперь же онъ этого негодяя и другого такого же представляетъ къ наградѣ. Тяжело живется въ нашей глуши!

Изъ Поволжской деревни. Мнѣ приходилось и раньше бывать въ деревнѣ, но только за послѣднее время я замѣчаю громадную перемѣну: это интересъ къ тому, что дѣлается въ большихъ городахъ. Деревня прислушивается, распрашиваетъ обо всемъ томъ, что происходитъ въ большихъ центрахъ, и дѣлаетъ свои въ высшей степени мѣткіе выводы. Проходитъ, напр., группа мимо „казенки“... „Казенка!“ слышится голосъ. — „Все казенно, — все царско; четыре дочки; нужно денегъ доставать на приданное; а мы и плати; какъ подъ ярмомъ работай, издыхай“. Группа сочувствуетъ... Говоритъ одинъ, думаютъ многіе. Еслибъ вы видѣли, съ какимъ интересомъ крестьяне набрасываются на литературу, какіе рѣзкіе возгласы слышатся при чтеніи, то невольно призадумались бы. Нелегальная литература производитъ громадное впечатлѣніе. Все, что было на сердцѣ и бродило въ головѣ въ смутной и неясной формѣ, все это, ясно и точно формулированное, производитъ сильный подъемъ. Имя Николая произносится съ насмѣшкой, порой со злобой. Цитируютъ нѣкоторыя нелегальныя произведенія, читаютъ буквально такъ, что истрепываютъ книги до нельзя. Отъ легальныхъ книгъ отказываются, требуя нелегальщины.

— „Ты, милый, эту дрянь (легальныя) не давай: у тебя, слышь, хорошія книжечки пришли“ — обращается чтецъ къ имѣющему книги... „Больно хороша штука про царя Ахреяна“. Ты дай... такую еще. Надпись о дозволеніи цензурой прекрасно понята.

„Теперь, ежели я попадусь, мнѣ бѣды никакой не будетъ: прямо скажу, что нашелъ“...

Въ глуши заброшенныхъ деревень есть литература. И охранатели были бы поражены, узнавъ, что заѣзжій солдатъ. привезъ книгъ и заронилъ искру, которая не потухнетъ. Поражены были бы, узнавъ, что есть старики 70-лѣтн., убѣжденные революціонеры, затаившіе въ себѣ протестъ, сознавая пока свое безсиліе, но подготовляющіе и подготовлявшіе молодежь. Какъ горятъ ихъ глаза! Юношескій блескъ въ нихъ виденъ, когда они вспоминаютъ своихъ учителей.

Имена старыхъ борцовъ не забыты... Молодежь ихъ знаетъ, вспоминаетъ. Молодежь крестьянская настроена антиправительственно. Она ищетъ только повода показать свое отношеніе. Недавно хотѣли повѣсить приложенія къ „Искрѣ“: (каррикатура: Единеніе царя съ жандармами) въ волостномъ управленіи, но были удержаны. Съ введеніемъ стражи, молодежь стала еще болѣе „позволять себѣ“, какъ говорятъ старики. „Совсѣмъ отъ рукъ отбилась“. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что это поведеніе не случайное. „Сами понимаемъ, для чего эта охрана. Только тронь насъ, разорвемъ“. Были уже случаи жестокаго избіенія полиціи. Полиція, по ея словамъ, получила тайный приказъ, держаться возможно дальше, чтобы избѣжать скандаловъ, которые уже были. Въ одномъ имѣніи владѣлецъ избилъ крестьянина, дравшагося съ его рабочимъ. Когда онъ пріѣхалъ на ярмарку, то былъ стащенъ съ лошади и избитъ; полицію, отбивавшую его, тоже избили, а зачинщиковъ, когда ихъ вздумали арестовать, не выдали... Не выдали также, а предупредили неизвѣстнаго (думаемъ, провокатора), поносившаго въ народной чайной царя-батюшку, когда владѣлецъ послалъ тайкомъ за урядникомъ. Одинъ старичекъ, хваставшійся своими доносами, неожиданно получилъ такой отвѣтъ: „Дураки мы были, что тебѣ вѣрили: они намъ добра желали“. Старикъ замолчалъ... Только жаловался, что охрана плохо дѣйствуетъ. Плохо дѣйствуетъ охрана, а еще хуже духовенство. Попамъ не вѣрятъ. — „Я и пятакъ несу въ церковь, чтобы попъ не придрался“. — „Многіе изъ насъ ходятъ только пѣніе послушать“. Недавно нашъ-то вышелъ и прямо во время службы крикнулъ: — „Кто пѣніе пришелъ слушать, прошу уйти вонъ“. Не дурно!

Новоявленный чудотворецъ многимъ кажется подозрительнымъ, и брошюры, разъясняющія истинную причину появленія сего святого, читаются охотно.

Екатеринодаръ. Попытки распространенія прокламацій и нелегальной литературы среди кубанскихъ казаковъ дали довольно благопріятные результаты. Впрочемъ, жандармерія держится обратнаго мнѣнія, потому что оказалось, что станичные атаманы аккуратно пересылали прокламаціи „въ отдѣлъ“. Какъ оказалось, радоваться жандармамъ по этому поводу совсѣмъ нечего было. „Та воно все такъ, по правді въ оцихъ бумажкахъ понаписувано,— объяснялъ одинъ станичный атаманъ,— та тильки ми вже уси тутъ іхъ перечитали и якъ усяку вже ненужну бумажку по порядку одіслали въ отдѣлъ“. Отнеслись казаки къ прокламаціямъ и къ нелегальной литературѣ сочувственно, только нѣкоторые высказывали недовольство, что въ бумажкахъ непочтительно говорится о царѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Ситце-набивная фабрика бр. Леонтьевыхъ (Письмо рабочаго). Рабочій день на фабрикѣ продолжается 12½ часовъ для дневной смѣны и 10½ часовъ для ночной. Заработная плата чернорабочихъ — девять рублей въ мѣсяцъ съ хозяйской квартирой, о которой скажемъ ниже, а тѣ, кто живетъ на своей, получаетъ еще два рубля квартирныхъ, т. е. всего 11 рублей. Выше другихъ оплачиваются: граверы. которые получаютъ отъ 35-70 рублей въ мѣсяцъ, и слесаря — отъ 15-30 рублей. Смѣны чередуются каждыя двѣ недѣли. Условія работы самыя тяжелыя: въ лабораторіи, въ красильной и бѣлильной, приходится все время работать въ атмосферѣ, насыщенной испареніями вредныхъ красокъ. Хозяйская квартира представляетъ отдѣльное зданіе въ три этажа: въ первомъ находятся хозяйскія кладовыя, во второмъ — кухня, столовая и частью жилье для рабочихъ. Главнымъ же образомъ рабочіе помѣщаются въ третьемъ этажѣ: здѣсь имѣются двѣ казармы на 120 и на 70 человѣкъ. Освѣщается эта „ночлежка“, какъ прозвали свое жилище рабочіе, окнами, помѣщающимися подъ потолкомъ. Освѣщеніе и вода (водопровода нѣтъ) оплачиваются самими рабочими. Расходъ этотъ распредѣляется между участниками артели, въ которую входятъ обѣ казармы. При скудномъ заработкѣ всячески приходится урѣзать на харчи и другія необходимыя потребности, вслѣдствіе чего и ѣда однообразная и плохая, и освѣщеніе „ночлежки“ скудное — по одной лампѣ на каждую казарму. Расходъ на каждаго участника артели выходитъ рублей по пяти, не считая чаю и сахару, на который надо положить одинъ руб. Такимъ образомъ, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ, у чернорабочаго остается три рубля, на которые нужно обуться, одѣться да еще въ деревню послать (большинство чернорабочихъ деревенскіе). Ужъ о газетѣ или книжкѣ грамотному и думать не приходится, ибо къ расходу на нихъ неизбѣжно долженъ прибавиться еще расходъ на освѣщеніе. Составъ рабочихъ фабрики по преимуществу деревенскій: витебскіе и псковскіе крестьяне приходятъ въ городъ на зиму до полевыхъ работъ. Такой составъ объясняется тѣмъ, что производство не требуетъ (исключая граверовъ и слесарей) спеціальныхъ знаній. Обыкновенно, въ какой одеждѣ придетъ изъ деревни рабочій, въ такой и уйдетъ. Зато нельзя того же сказать про голову — въ ней уносится много думъ о порядкахъ капиталистическихъ и самодержавныхъ. Появленіе прокламацій вызываетъ большое оживленіе, читаютъ ихъ охотно и разговоровъ много толковъ поднимается по поводу нихъ. Нѣкоторые отсылаютъ ихъ въ деревню. Конечно, и порядки на фабрикѣ вразумляютъ новеньк[illegible] дирки и штрафы существуютъ по всякимъ поводамъ. О[illegible] пользуются всякимъ случаемъ, чтобы увольнять тѣхъ, [illegible] долголѣтнюю службу получаютъ больше обычныхъ де[illegible]ти рублей.

Ярославль. (Изъ писемъ рабочихъ). Атмосфера самодержавія отравляетъ каждаго, кто имѣетъ въ своихъ рукахъ хотя бы маленькую власть. Неудивительно потому, что даже всякая мелкая сошка изъ фабричной администраціи совершаетъ рядъ насилій надъ рабочими. Трудно представить себѣ болѣе грубое обращеніе съ рабочими, чѣмъ на *табачной фабрики Вахромѣева*. Грубая ругань, постоянныя оскорбленія, причемъ нерѣдко пускаются въ ходъ кулаки, — такова до сихъ поръ картина порядковъ на фабрикѣ. Но духъ протеста начинаетъ пробуждаться среди рабочихъ: они уже перестали покорно сносить оскорбленія и насилія и все чаще прибѣгаютъ къ рѣзкому и дружному отпору. Одного-двухъ такихъ случаевъ было достаточно для того, чтобы объединить рабочихъ и дружно выставить рядъ требованій (улучшеніе пищи, уменьшеніе рабочаго дня и проч.). Фабриканту пришлось уступить, но при первомъ удобномъ случаѣ онъ уволилъ большинство старыхъ рабочихъ, оставивъ всѣхъ новыхъ.

Система штрафовъ широко практикуется у насъ, въ Ярославлѣ, наряду съ грубымъ обращеніемъ. Штрафуютъ за всякій пустякъ, а если нѣтъ повода, то выдумываютъ что нибудь. На ткацкой *фабрикѣ Л. и Н. Гандуриныхъ* (200 мужч., 50 женщинъ и 50 подростк.) штрафуютъ за выброшенный машиной челнокъ. Если челнокъ попадаетъ кому нибудь въ голову, то штрафуютъ не только того. у кого вылетѣлъ челнокъ, но и того, кому челнокъ поранилъ голову. (Не подставляй головы!..). Работа ведется въ двѣ смѣны по девяти часовъ каждая, но фактически каждая смѣна продолжается минутъ на двадцать дольше, потому что администрація, не стѣсняясь, переводитъ часы. Медицинская помощь оказывается фельдшеромъ, да и то только въ извѣстные часы, такъ что при несчастныхъ случаяхъ раненымъ (и нерѣдко тяжело) приходится ожидать помощи по нѣсколько часовъ. Фабриканты купили по дешевой цѣнѣ партію гнилой пряжи; работать оказалось невозможно, такъ какъ основа постоянно рвалась. Поэтому были поставлены паровые увлажнители, благодаря которымъ и безъ того отвратительныя условія работы сдѣлались невозможными, такъ какъ отъ паровъ, наполняющихъ ткацкое отдѣленіе, развивается страшная сырость, гніеніе и отвратительное зловоніе. Какъ и на другихъ фабрикахъ, здѣсь вырабатываютъ очень много такъ называемаго чернаго товара, при обработкѣ котораго употребляются ядовитыя кислоты, разрушительно дѣйствующія на здоровье рабочихъ. Особенно страдаютъ подростки, работающіе въ сушильняхъ. Во время сушенія ядовитые пары кислотъ отравляютъ воздухъ. Дышать нѣтъ никакой возможности; черезъ четверть часа появляются всѣ признаки отравленія: начинается головокруженіе, губы синѣютъ, а затѣмъ слѣдуетъ сильная рвота. Между тѣмъ подросткамъ приходится проводить въ такой ядовитой атмосферѣ шесть часовъ! На другихъ фабрикахъ имъ, въ качествѣ противоядія, даютъ молоко, у насъ же на молоко скупятся и замѣняютъ его лукомъ, цѣлебныя свойства котораго довольно таки неопредѣленны...

Не менѣе безотрадная картина на *ситце-набивной фабрикѣ Н. Дербенева*. На фабрикѣ работаютъ 700-800 челов., причемъ фабрикантъ стремится всегда замѣщать мужской трудъ трудомъ женщинъ и подростковъ; въ настоящее время на фабрикѣ около 500 женщинъ и много подростковъ. На женщинъ взваливается чрезвычайно тяжелая и совершенно непосильная для нихъ работа. Вся администрація — отъ управляющаго до табельщиковъ — пользуется своей властью для своихъ грязныхъ цѣлей и не даетъ прохода женщинамъ и даже подросткамъ-дѣвочкамъ своими наглыми предложеніями, пуская въ ходъ угрозу увольненія въ случаѣ упрямства. Санитарныя условія фабрики отвратительны, — и всѣ рабочіе, смотря по роду работы, получаютъ различныя болѣзни (ревматизмъ, чахотка, болѣзни глазъ и пр.). Заработокъ ничтожный — 8-12 рублей въ мѣсяцъ, а за послѣдніе годы за ту же самую плату приходится работать все больше и больше. Пища рабочихъ состоитъ изъ пустыхъ щей и гречневой каши.

На *механическомъ заводѣ М. Калашникова* работаетъ около 200 чел. Заработная плата очень низка (40 коп.). Но и эту ничтожную плату хозяинъ хотѣлъ въ іюлѣ понизить. Рабочіе запротестовали и хозяину пришлось оставить прежнія расцѣнки.

Въ *желѣзнодорожныхъ мастерскихъ* (300 раб.) появились листки о кишиневскихъ событіяхъ и нелегальная литература. Рабочіе читаютъ ихъ съ большимъ интересомъ.

Изъ Донецкаго бассейна. Распространенныя на маріупольскихъ заводахъ изданія Соц.-Дем. Союза Горнозавод. рабочихъ вызвали большое оживленіе среди рабочихъ. Толковъ и споровъ безъ конца. Нѣкоторые рабочіе доказывали, что сверженіе самодержавія невыгодно для рабочихъ, такъ какъ всѣ націи тогда отпадутъ и Россія обезсилѣетъ. Болѣе сознательные рабочіе возражали имъ. Особенный интересъ возбудилъ вопросъ, какъ рабочимъ удастся захватить въ свои руки орудія производства. Новый директоръ завода „Провидансъ“ кн. Тумановъ, пользующійся всеобщей ненавистью рабочихъ, понизилъ расцѣнки. На заводѣ „Никополь“ продолжаютъ разсчитывать рабочихъ массами. Въ августѣ закрыто цѣлое трубопрокатное отдѣленіе, и 300 человѣкъ осталось безъ работы. Впрочемъ поговариваютъ, что это сдѣлано съ цѣлью пониженія расцѣнокъ. Разсчитаннымъ рабочимъ разрѣшено оставаться въ заводскихъ домахъ до 1-го января. Когда зимою рабочіе присмирѣютъ, разумѣется, ихъ легко будетъ нанять за половинную цѣну.

Устрашенное листками, мѣстное начальство выписало въ Маріуполь полусотню казаковъ. Казармы для нихъ были выстроены еще послѣ безпорядковъ 1899 г. за счетъ заводовъ, но почему-то казаковъ до сего времени не выписывали. Городское управленіе ассигновало на ихъ содержаніе 16 тыс. рублей.

На **Краматоровскомъ металлургическомъ заводѣ** въ половинѣ августа забастовали рабочіе котельнаго цеха, требуя повышенія платы на 50%. На предложеніе директора стать на работу согласилось пять человѣкъ изъ 35. Остальные 30 чел. разъѣхались. Здѣсь работаютъ слѣдующіе шпіоны и провокаторы: Цыганокъ, Сверловъ, Хотѣевъ и Жаевъ.

Разбросанные во время смѣны въ августѣ въ **Юзовкѣ** листки вызвали много разговоровъ. Рабочіе собрались толпой и читали листки вслухъ, во многомъ соглашаясь съ ними, особенно съ мыслью о захватѣ средствъ производства, которая оказывается доступной, хотя и не вполнѣ ясной, самымъ простымъ умамъ. Явилась полиція, встрѣченная свистомъ, и разогнала рабочихъ. На слѣдующій день произведено множество обысковъ, но безрезультатно. До чего безобразны условія труда у Юза, видно изъ того факта, что въ одинъ день въ различныхъ отдѣленіяхъ завода и на центральныхъ шахтахъ было изувѣчено до восьми человѣкъ. Волненіе среди рабочихъ по этому поводу очень сильное. Среди портныхъ вспыхнула стачка. Нѣкоторые стачечники высланы.

Въ **Бердянскѣ** на механическомъ заводѣ вспыхнула стачка по слѣдующему поводу. Заводъ выписалъ изъ Ростова 12 литейщиковъ, пообѣщавъ имъ высокую плату. Когда это обѣщаніе не было исполнено, литейщики бросили работу и были поддержаны другими цехами. Требованія ростовцевъ были удовлетворены. По поводу появленія на мѣстныхъ заводахъ изданій Горнозавод. Союза („Пауки и Мухи“), полиціймейстеръ говорилъ на заводахъ рѣчи. Вотъ рѣчь его, сказанная на механическомъ заводѣ: „Господа, я пришелъ познакомить васъ съ прокламаціями. Быть можетъ, кто-нибудь изъ васъ подкидывалъ листки. Тамъ написано „Пауки и Мухи“, только почему то не написали еще „змѣи“. Это тѣ, которые подбрасываютъ листки. Эти „змѣи“ подосланы изъ-за границы, чтобы возбуждать въ Россіи безпорядки. Тогда иностраннымъ державамъ легче будетъ на Россію войной идти и забрать у насъ Манджурію и Китай. Вы знаете, что у нашего государя изобиліе и богатство. Иностранцы завидуютъ. Вотъ они и посылаютъ намъ такихъ потерянныхъ людей сѣять среди васъ злобу и безпорядки. Имъ это удается, потому что вы — народъ темный и вѣрите имъ. Они васъ бунтуютъ, а сами скрываются. Полиція вынуждена стрѣлять въ рабочихъ за то, что они слушаются этихъ людей. Я этого не боюсь, но надѣюсь, что вы этого не сдѣлаете. А вы, ростовцы, у меня на первомъ планѣ, потому что, не успѣли вы пріѣхать, какъ уже забастовку сдѣлали (протесты со стороны ростовцевъ). Видите, господа, въ этихъ листкахъ написано, будто капиталисты разбогатѣли награбленнымъ имуществомъ. Это неправда! Вы не вѣрьте! Всякій изъ васъ, проработавъ десять лѣтъ на одномъ заводѣ, сможетъ все это своимъ трудомъ нажить. Вы, господа, если кто имѣетъ прокламаціи, отдавайте мнѣ. Я знаю, что вы — вѣрные христіане и вѣрны своему отечеству". Рѣчь эта была, должно быть, неубѣдительна: никто прокламацій не возвратилъ.

Отмѣтимъ слѣдующій случай съ однимъ товарищемъ, который распространялъ на одномъ изъ рудниковъ листки. При входѣ въ поселокъ, собаки подняли страшный лай, что заставило любопытныхъ поселка выглянуть въ окно, „кого нечистая сила несетъ". Онъ не обращалъ никакого вниманія и сѣялъ доброе сѣмя. Вдругъ передъ нимъ выросла человѣческая фигура съ грознымъ окрикомъ: „стой! куда идешь?". — Къ Ивану Матвѣевичу, своему старому знакомому табакъ несу, послѣдовалъ отвѣтъ. — Къ Ивану Матвѣевичу, протянулъ незнакомецъ, у насъ такого нѣтъ. А скажи на милость, зачѣмъ ты несешь табакъ? У насъ его достаточно. — Это табакъ безбандерольный, и такой велѣлъ принести Иванъ Матвѣевичъ. — Табакъ безбандерольный, удивился тотъ, дай-ка я посмотрю. И не долго думая, вытащилъ пачку у того изъ кармана. Но въ пачкѣ, вмѣсто безбандерольнаго табаку, оказались листки. — А, у тебя прокламаціи! Пойдемъ-ка со мной, паренекъ! и потащилъ съ собой разбрасывателя. Но вмѣсто участка, вмѣсто холодной, послѣдній очутился въ чистенькой хатенкѣ, гдѣ за столомъ сидѣлъ парень и утолялъ свой голодъ. — А знаешь, Иванъ, преступника привелъ съ собой, обратился вошедшій къ сидѣвшему. — Преступника! удивился тотъ. Что же онъ сдѣлалъ? — А вотъ, прокламаціи бросалъ, послѣдовалъ отвѣтъ. — Ну что же, это благое дѣло, а нешто такихъ можно звать преступниками, обратился Иванъ къ вошедшему, ты, братъ, не пужай, они хотятъ добра народу.

Поужинавъ, всѣ трое одѣлись и пошли разбрасывать листки. Къ утру они „кончили работу" и разстались... ненадолго.

Николаевъ. Революціонная волна, пронесшаяся по всему югу Россіи, захватила въ своемъ движеніи и нашъ Николаевъ. Въ Искрѣ были уже сообщенія и объ іюньской стачкѣ, и объ іюльской демонстраціи, поэтому описывать эти событія я не стану, а опишу лишь нѣкоторые, небезынтересные факты, касающіеся мѣстнаго движенія. Кто слѣдилъ за ростомъ движенія въ Николаевѣ со времени провала 98-го года, тому все прошедшее за послѣдній годъ явилось лишь логическимъ послѣдствіемъ всей предыдущей дѣятельности, которая, съ небольшими перерывами, въ теченіе всего этого времени велась въ Николаевѣ среди ремесленниковъ и заводскихъ рабочихъ. Большое количество, какъ легальной литературы извѣстнаго подбора, такъ и нелегальныхъ брошюръ, распространявшихся въ рабочей средѣ, пропаганда въ кружкахъ, массовая агитація при посредствѣ прокламацій — все это значительно развило самосознаніе рабочей массы и подготовило ее къ болѣе активному образу дѣйствій. Понятно, что изъ всего рабочаго населенія города Николаева сорганизована сравнительно незначительная часть его, но въ дѣйствительности сфера вліянія мѣстнаго комитета значительно шире и охватываетъ болѣе широкіе слои рабочихъ. Настроеніе умовъ въ этихъ широкихъ слояхъ, совершенно неизвѣстное въ мирное время, очень ярко отразилось во время послѣднихъ событій. Настроеніе было рѣшительное и боевое, масса была настолько революціонно настроена, что комитету, который самъ былъ, собственно, по многимъ причинамъ, противъ рѣшительныхъ дѣйствій, пришлось поневолѣ оформливать уже начавшееся движеніе, придать ему болѣе или менѣе стройную форму. Постороннюю публику сильно изумляла та выдержка, которую проявили рабочіе, также и то обстоятельство, что почти вслѣдъ за сравнительно удачно проведенной стачкой, они вновь бросили работу, на этотъ разъ выставляя уже въ рѣзкой формѣ широкія политическія требованія и дружно крича всей толпой: „долой самодержавіе!" Послѣднее смущало не только постороннюю публику. Среди еще малосознатетьныхъ рабочихъ нерѣдко слышались упреки по адресу соціальдемократовъ, что они-де испортили все дѣло своей политической агитаціей. Въ отвѣтъ на это комитетъ выпустилъ нѣсколько тысячъ прокламацій съ объясненіемъ, почему николаевскимъ рабочимъ надо было выступить для поддержки товарищей въ другихъ городахъ, а также съ разъясненіемъ того значенія, какое имѣла іюльская стачка и демонстрація для поднятія классоваго сознанія и политическаго развитія рабочихъ. Сообразно тѣмъ размѣрамъ, какіе приняло движеніе въ послѣднее время, измѣнилась и тактика мѣстной администраціи. Очевидно, по соглашенію съ администраціей, французскій заводъ былъ закрытъ на двѣ недѣли, всѣ рабочіе были разсчитаны, а затѣмъ началась пріемка, но производилась она страшно медленно; принимали всего по нѣсколько человѣкъ въ день. Все это было разсчитано исключительно на то, чтобы обезсилить рабочую массу, лишивъ ее заработка. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца большая часть рабочихъ французскаго завода была лишена средствъ къ существованію, а когда къ серединѣ сентября пріемка была закончена, то за бортомъ осталось нѣсколько сотъ рабочихъ. По утрамъ у заводскихъ воротъ толпится обычно группа безработныхъ, тщетно ожидая работы. Принимаютъ съ большимъ разборомъ, старательно исключая всѣхъ болѣе или менѣе проявившихъ себя активно. Естественно, что такія мѣры вызываютъ сильное недовольство. Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ, т. е. іюля, августа и половины сентября войска были на готовѣ. Въ депо трамвая обычно стояли двѣ или три роты пѣхоты, временами по городу разъѣзжали казачьи патрули. Насколько администрація была напугана и растеряна, показываетъ слѣдующій довольно комичный фактъ: въ американскомъ магазинѣ Когана произошла крупная кража. Въ числѣ другихъ вещей были украдены 110 револьверовъ и нѣсколько тысячъ патроновъ. Канцелярія градоначальника моментально рѣшила, что это дѣло рукъ соціальдемократовъ (!), и немедленно выслала войска къ почтѣ и въ депо. Чрезвычайно важнымъ фактомъ являются тѣ конфликты между войскомъ и администраціей, которые неизбѣжно появляются на почвѣ подчиненія войскъ полиціи. Среди офицеровъ обнаружилось сильное недовольство по этому поводу, которое однажды проявилось, такъ сказать, на глазахъ всей посторонней публики: на довольно грубый окликъ полиціймейстера, звавшаго къ себѣ начальника части, офицеры не пустили послѣдняго, потребовавъ, чтобы полиціймейстеръ самъ подошелъ, если ему угодно. На жалобу по этому поводу градоначальникъ заявилъ, что въ такія минуы некогда слѣдить за тонкостями обращенія, но это, конечно, не можетъ удовлетворить офицеровъ. Въ другой разъ, нарядъ солдатъ, вопреки уставу, былъ посланъ исполнять внутренній караулъ въ мѣстной тюрьмѣ. Послѣ прогулки, на требованіе караульнаго войти въ камеры, политическіе отвѣтили отказомъ, и, когда солдатъ началъ кого то изъ нихъ тащить за рукавъ, то его попросту вытолкали въ корридоръ. Этотъ эпизодъ вновь вызвалъ столкновеніе между администраціей и полковыми командирами. Для разрѣшенія этихъ конфликтовъ въ Николаевъ долженъ былъ пріѣхать главнокомандующій войсками Мусинъ-Пушкинъ. Офицеры надѣются, что его пріѣздъ освободитъ ихъ отъ непріятнаго и обиднаго имъ подчиненія полицейской власти. Это, конечно, лишь праздныя мечтанія, но характерно, какъ проникаетъ недовольство даже въ твердыню самодержавія — въ войско. Солдатъ раздражаетъ вѣчное ожиданіе побоищъ, и прокламаціи среди нихъ находятъ все большее и большее сочувствіе. Въ виду появленія прокламацій, лагери, куда прежде можно было свободно пройти, теперь на далекое разстояніе окружены цѣпью часовыхъ, которые свирѣпо кричатъ прохожему: „вольныхъ пущать не велѣно!". Но понятно, что и эти строгія мѣры ни къ чему не приведутъ. Это видитъ и сама администрація, и теперь не рѣдкость заявленія даже со стороны губернаторовъ, что свирѣпыя мѣры ни къ чему не приведутъ. Въ серединѣ сентября явился сюда, очевидно для успокоенія умовъ, „извѣстный издатель каѳедры" генералъ Богдановичъ. Призывалъ рабочихъ, раздавалъ свои брошюры и картины, и черезъ нѣсколько дней убрался. Мы считаемъ его довольно искуснымъ агитаторомъ и возлагаемъ на его дѣятельность большія надежды, т. к. раздавать въ такіе моменты его брошюрки — значитъ политически развивать рабочихъ, и пріѣзды г. Богдановича можно только привѣтствовать. Въ серединѣ сентября у насъ произошелъ значительный провалъ: арестована типографія и при ней четыре человѣка — двое мужчинъ и двѣ женщины. Кромѣ того арестованъ, около года тому назадъ возвратившійся изъ Сибири, Зивъ. Въ связи съ этими арестами было произведено нѣсколько обысковъ, между прочимъ въ писчебумажномъ магазинѣ Бабаджана, очевидно по подозрѣнію въ томъ, что въ немъ пріобрѣталась бумага и типографскія чернила для мѣстной типографіи. Администрація, конечно, ликуетъ, что удалось искоренить крамолу. Но смѣемъ увѣрить, что въ скоромъ времени ей снова придется разсылать войска и ловить прокламаціи. Изъ числа арестованныхъ по дѣлу объ іюльской демонстраціи 23 человѣка преданы суду. Время суда еще неизвѣстно.

Барановo, (Александровскаго уѣзда, Влад. губ.). Дополняемъ описаніе забастовки въ Барановѣ, на фабрикѣ Асафа Баранова, бывшей въ 20-хъ числахъ іюня. Не малую роль въ причинахъ забастовки сыгралъ главный мастеръ фабрики, правая рука хозяина. Задавшись цѣлью выслужиться, онъ уменьшилъ комплектъ рабочихъ, угнетая остальныхъ непосильной работой, сталъ увольнять старыхъ рабочихъ (двое изъ нихъ, выброшенные послѣ 20 лѣтъ работы, на улицу, покончили самоубійствомъ; также покончила съ собой его горничная, имъ оскорбленная) и понижать расцѣнки. Хотя болѣе всего терпѣли рабочіе красильнаго отдѣла, но много недовольства накипѣло и у другихъ рабочихъ. И вотъ вся фабрика единодушно забастовала. Трусливая администрація моментально ударилась въ бѣгство, за ней послѣдовала и фабричная полиція съ жестоко избитымъ рабочими надзирателемъ во главѣ. Рабочіе остались хозяевами фабрики, заперли ворота фабрики и поставили у воротъ караулы. Когда изъ Александрова пріѣхали исправникъ и прокуроръ, то рабочіе заявили, что говорить будутъ только съ хозяиномъ, и градъ камней посыпался на пріѣзжихъ. Ударомъ камня былъ ушибленъ въ голову исправникъ, и администрація уѣхала. У рабочихъ первоначально не было намѣренія производить разгромъ, но не всѣхъ изъ ожесточенной массы можно было удержать. Всѣ квартиры директоровъ, мастеровъ были разнесены. Наконецъ, пріѣхалъ хозяинъ и удовлетворилъ требованія рабочихъ: удаленіе прежней администраціи, оставленіе прежняго расцѣнка и измѣненіе нѣкоторыхъ другихъ порядковъ. Было обѣщано также уменьшить рабочее время смѣнъ, съ 21 час. до 18 ч., а также никого не увольнять. Рабочіе требовали удаленія стараго состава полиціи, но, конечно, безуспѣшно. Однако, хитрый хозяинъ надулъ рабочихъ. Подъ видомъ новаго распредѣленія смѣнъ старые рабочіе теперь разсчитываются и ихъ мѣсто занимаютъ женщины. Покорность же послѣднихъ и нетребовательность всѣмъ извѣстна. По словамъ самой полиціи, въ Барановѣ недовольствіе не улеглось. Рабочіе недовольны и новой администраціей и вытѣсненіемъ старыхъ рабочихъ.

Шуя. 2 іюля были разбросаны прокламаціи. Эти прокламаціи произвели большой переполохъ, особенно въ обществѣ трезвости при Ильинскомъ Погостѣ, имѣющемъ до 100 человѣкъ членовъ изъ рабочихъ. Отецъ Ѳеодоръ, усыплявшій въ этомъ обществѣ вниманіе рабочихъ чтеніемъ книжекъ о пьянствѣ и житіяхъ различныхъ святыхъ, былъ крайне смущенъ, когда одинъ рабочій на собраніи спросилъ его о значеніи появившихся прокламацій; онъ началъ разсказывать рабочимъ объ исторіи смутнаго времени на Руси (?) и доказывать вредъ отъ чтенія прокламацій. Затѣмъ, строго на строго запретилъ членамъ общества задавать впредь подобные вопросы.

Вологда. Мѣстныя административныя сферы смущены пріѣздомъ Шаевича — вождя одесскихъ „независимцевъ". Шаевичъ явился въ видѣ политическаго ссыльнаго, однако, бумаги о немъ губернаторъ не имѣетъ. Собравъ ремесленниковъ-евреевъ, Шаевичъ горячо и увлекательно говорилъ съ ними о соціализмѣ... при сохраненіи самодержавія. Такая полезная дѣятельность была внезапно прекращена приказомъ арестовать Шаевича и отправить въ Восточную Сибирь. Подозрѣваютъ, что здѣсь простая провокація.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о мѣщанахъ Василіи Киршановѣ (онъ же Барабошкинъ), Сергѣѣ Петровѣ, Василіи и Николаѣ Кашиныхъ, Федорѣ Абрамовѣ, Василіи Дмитріевѣ, Алексѣѣ Федуловѣ, Павлѣ Козловѣ и крестьянахъ Иванѣ Потаповѣ, Михаилѣ Соглачаевѣ, Иванѣ Скворцовѣ, Иванѣ Рубцовѣ, Владимірѣ Курановѣ, Иванѣ Степановѣ, Николаѣ Работановѣ, Антонѣ Крутѣевѣ, Игнатіи Гусаровѣ, Александрѣ Глазковѣ, Львѣ Медвѣдевѣ, Алексѣѣ Лебедевѣ, Василіи Скворцовѣ, Василіи Трусовѣ, Дмитріи Смирновѣ и Феоклистѣ Громовѣ, обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269 ст. Улож. о наказ.

Вечеромъ 20 мая 1903 г., въ гор. Костромѣ, на Солдатской улицѣ, упирающейся въ ворота ткацкой и льнопрядильной фабрики Анонимнаго общества, собралась толпа, приблизительно около двухъ тысячъ человѣкъ, преимущественно рабочихъ какъ поименованной фабрики, такъ и вблизи расположенныхъ фабрикъ Кашина и Зотова.

На предложеніе полиціймейстера и уговоры губернатора, толпа не только не разошлась, но, по наступленіи сумерекъ, ринулась на ворота фабрики, повалила заборы съ той и другой стороны воротъ и, ворвавшись на фабричный дворъ и принявъ городовыхъ камнями и стягами, приступила къ разгрому фабричныхъ зданій. При первыхъ звукахъ барабана приближавшихся войскъ, толпа бросилась съ фабричнаго двора; однако, полицейскимъ удалось задержать нѣкоторыхъ изъ участвовавшихъ въ скопищѣ, были схвачены тѣ, которые при удаленіи толпы остались въ хвостѣ ея.

Послѣ прекращенія безпорядковъ было выяснено, что полиціймейстеру Миславскому, его помощнику Безсолову, фабричному полицейскому надзирателю Дробышеву и городовымъ Звѣреву, Кузьмину, Бѣлову, Аверкіеву, Облачкову и Данилову были нанесены различныя тѣлесныя поврежденія, которыя, по освидѣтельствованіи врачемъ, отнесены къ разряду легкихъ.

Осмотромъ фабрики, произведеннымъ на другой день судебнымъ слѣдователемъ, было установлено слѣдующее: повалено по пяти звеньевъ забора съ правой и лѣвой стороны воротъ и двѣнадцать звеньевъ загородки, отдѣляющей садъ отъ фабричнаго двора, въ окнахъ квартиры директора фабрики, Ольвудъ, конторы нижняго и верхняго этажа ткацкой фабрики, квартиры помощника — стекла выбиты, а въ нѣкоторыхъ помѣщеніяхъ и рамы, разбиты висѣвшіе на дворѣ на столбахъ электрическіе фонари, вытащены и повалены столбы съ телеграфными проводами, соединяющими центральную станцію съ фабрикой Анонимнаго общества.

21 мая днемъ, въ то время, когда рабочіе съ фабрики Зотова и Кашина идутъ съ работъ мимо фабрики Анонимнаго общества, вновь на послѣднюю фабрику было сдѣлано нападеніе, причемъ были разбиты стекла въ квартирѣ бельгійцевъ, служащихъ на фабрикѣ, а вечеромъ того же числа, когда рота Краснинскаго батальона подъ командою, штабсъ-капитана Милюкова, вышла на Солдатскую улицу, чтобы оттѣснить столпившихся у воротъ рабочихъ, въ солдатъ посыпались камни, причемъ ударомъ камня въ правую руку около плеча былъ легко раненъ штабсъ-капитанъ Милюковъ. Въ этотъ же день было причинено поврежденіе въ голову и ногу штабсъ-капитану Сергѣеву, проѣзжавшему по Солдатской ул. для смѣны штабсъ-капитана Милюкова.

Вечеромъ 22 мая, когда кончились работы на фабрикѣ Кашина и Зотова, около фабрики Анонимнаго общ. вновь собралась большая толпа рабочихъ. Эта толпа, повидимому, болѣе организованная и уже стрѣлявшая изъ ружей (?), двинулась на фабрику съ разныхъ сторонъ, часть со стороны фабрики Сидорова, а часть съ Солдатской улицы, вновь повалила заборы, выбила рамы, исправленныя послѣ 20 мая, выломала двери въ жилыхъ домахъ, пыталась проникнуть въ конюшни и матеріальную, но тремя залпами полуроты Краснинскаго батальона была остановлена и разсѣяна.

Выясняя причины происходившихъ безпорядковъ, предварительное слѣдствіе установило слѣдующія данныя.

Въ декабрѣ 1902 года, въ январѣ и мартѣ 1903 года, фабричной инспекціей были засвидѣтельствованы новыя расцѣнки сдѣльной платы для ткачей, развивальщицъ и давальщицъ на фабрикѣ Анонимнаго общ., причемъ администраціей фабрики новыя расцѣнки были въ свое время объявлены рабочимъ. 30 апрѣля ткачи, въ числѣ 35 человѣкъ, заявили фабричной инспекціи, что новый расцѣнокъ дѣлаетъ ихъ заработокъ недостаточнымъ, и просили оставить для нихъ прежнюю плату — окладную вмѣсто вновь введенной сдѣльной. Хотя заработокъ отъ новаго расцѣнка дѣйствительно понижался, тѣмъ не менѣе претензіи рабочихъ на измѣненіе условій найма были признаны старшимъ фабричнымъ инспекторомъ неправильными, вносить же какія либо измѣненія въ условія найма управленіе фабрики категорически отказалось.

Второго мая, въ 12 часовъ дня, рабочимъ было объявлено, 1) что фабричная администрація не желаетъ измѣнить расцѣнковъ, 2) приглашаетъ рабочихъ взять разсчетъ до шести часовъ вечера того же дня, а 3) рабочимъ, не взявшимъ разсчета и не приступившимъ къ работамъ, разсчетъ и паспорта будутъ выданы черезъ полицію.

Пятаго мая 22 кардовщика льняного отдѣленія остановили машины, выгнали рабочихъ съ льняного отдѣленія, а затѣмъ и бумажнаго отдѣленія, вышли на дворъ и, когда явился къ нимъ фабричный инспекторъ Гриценко, то обратились къ нему съ различнаго рода жалобами, касающимися преимущественно пониженія заработной платы, но жалобы рабочихъ и на этотъ разъ фабричной инспекціей были признаны неосновательными. Забастовавшіе рабочіе не встали на работу и послѣ объясненія шестого мая со старшимъ фабричнымъ инспекторомъ и съ губернаторомъ.

До 13 мая никто изъ рабочихъ на фабрику не являлся, но 13-го въ бумагопрядильное отдѣленіе и 16 го въ льнопрядильное явилось нѣсколько человѣкъ. Въ послѣдующіе дни количество желавшихъ работать увеличилось во всѣхъ отдѣленіяхъ до 20 мая, когда вечеромъ послѣ окончанія работъ на фабрикахъ, передъ фабрикой Анонимнаго общества образовалось скопище рабочихъ.

Слѣдующихъ лицъ предварительное слѣдствіе указало на основаніи показаній поименованныхъ свидѣтелей, какъ на участниковъ скопища: рабочій Кашинской фабрики Василій Киршановъ (онъ же Барабошкинъ) по показанію фабричнаго полицейскаго надзирателя Дробышева, городовыхъ Волкова, Кудрявцева, днемъ 20 мая расхаживалъ по Солдатской улицѣ и собиралъ около себя проходившихъ какъ на фабрику, такъ и съ фабрики рабочихъ; вечеромъ, подъ предводительствомъ Барабошкина, толпа сдѣлала первое нападеніе на фабрику, причемъ Барабошкинъ кричалъ „Ребята, за мной!". Помогалъ Барабошкину, какъ удостовѣрили свидѣтели Дробышевъ и Волковъ, рабочій фабрики Анонимнаго общ. Иванъ Скворцовъ. По показанію поименованныхъ свидѣтелей, Киршановъ принималъ участіе и въ скопищѣ 22 мая, причемъ находился также посреди толпы. Тѣ же свидѣтели и городовой Платоновъ видѣли въ послѣднихъ рядахъ нападавшей толпы рабочихъ Николая Кашина, Михаила Соглачаева, Ивана Рубцова, Ивана Степанова и Сергѣя Петрова, по прозванію Марусейко, и въ началѣ нападенія Николая Работанова. Петровъ, по удостовѣренію названныхъ свидѣтелей, а также городовыхъ Зорина, Скобелева, жандармскаго унтеръ-офицера Макаркина и работницы на фабрикѣ Зотова, Розовой, принималъ дѣятельное участіе въ нападеніи на фабрику 21 и 22 мая, всюду находясь впереди, руководя и подстрекая толпу крикомъ: „Ребята, за мной!". Рабочій Зотовской фабрики Федоръ Абрамовъ, лично извѣстный полиціймейстеру Миславскому, по показанію послѣдняго, былъ впереди толпы, которая напирала на главныя ворота. Послѣ того, какъ 20 мая заборы были повалены, толпа ворвалась въ фабричный дворъ и одинъ изъ нападавшихъ съ завязанною головой и палкою въ рукахъ бросился на столпившихся около сторожки губернатора, полиціймейстера и городовыхъ. Полиціймейстера ударилъ, но городовыми былъ сбитъ съ ногъ. Городовые Аверкіевъ и Баданинъ сорвали у него повязку съ головы и, заглянувъ въ лицо, хорошо запомнили черты незнакомаго имъ человѣка. Баданинъ затѣмъ заперъ незнакомца въ матеріальную, но нахлынувшая толпа оттѣснила полицейскихъ вглубь двора и освободила арестованнаго. 21 мая въ уѣздную земскую больницу поступилъ на излеченіе съ легкими поврежденіями крестьянинъ Иванъ Потаповъ, который, по предъявленіи полиціймейстеру Миславскому и городовымъ Аверкіеву и Баданину, былъ признанъ за ворвавшагося первымъ на фабричный дворъ и бросившагося съ палкой въ рукахъ на группу полицейскихъ, среди которыхъ находился губернаторъ, причемъ полиціймейстеръ Миславскій узналъ по росту, фигурѣ и платью — короткому пиджаку, а городовые Аверкіевъ и Баданинъ — по чертамъ лица. Защищаясь при нападеніи отъ Потапова, Аверкіевъ ударилъ его въ лѣвый бокъ ногой и оторвалъ у пиджака Потапова карманъ. Городовой Баданинъ запирая въ матеріальную окровавленнаго Потапова повалилъ его на правый бокъ. Осмотръ пиджака Потапова установилъ, что карманъ вырванъ, а правая сторона пиджака залита кровью. Фельдшеру больницы, Колпушкину, Потаповъ разсказывалъ, что во время бунта 20 мая полиція заперла его въ какое то зданіе, но ему удалось оттуда скрыться черезъ разбитое стекло. Василій Дмитріевъ и Владиміръ Курановъ, по свидѣтельству надзирателя Дробышева, находясь впереди толпы, поддерживали 20 мая настроеніе ея, подстрекали кидать камни, идти впередъ. Василій Кашинъ, по показанію Розовой, 22 мая пытался остановить отступавшую отъ фабричныхъ воротъ толпу и громко кричалъ: „Наши, не расходись!". 20 мая, въ то время, когда толпа, услыхавъ барабанный бой приближавшихся войскъ, бросилась бѣжать, полиціи удалось задержать оставшихся въ хвостѣ, при нападеніи на фабрику бывшихъ впереди ея и принимавшихъ участіе въ скопищѣ: Василія Трусова, Антона Крутова, Дмитрія Смирнова, Павла Козлова, Александра Глазкова, Игнатія Гусарова, Феоклиста Громова, Льва Медвѣдева, Алексѣя Лебедева, Василія Скворцова и Алексѣя Федорова. Алексѣй Лебедевъ и Антонъ Крутовъ, по показанію полиціймейстера Миславскаго, ломали заборъ лѣвѣе сторожки и кричали: „Бейте ихъ, взятку взяли!"; Василія Трусова городовой Зоринъ видѣлъ и въ началѣ безпорядковъ, когда толпа кидала каменья въ городовыхъ.

Спрошенные въ качествѣ обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269^1 Улож. о наказ. (слѣдуетъ списокъ обвиняемыхъ), обвиняемые не признали себя виновными въ предъявленномъ къ нимъ обвиненіи.

На основаніи вышеизложеннаго (слѣдуетъ списокъ обвиняем.) обвиняются въ томъ, что въ гор. Костромѣ, 20 мая 1903 года, а Киршановъ (онъ же Барабошкинъ) 20 и 22, Петровъ 20, 21 и 22 и Василій Кашинъ 22 мая приняли участіе въ публичныхъ скопищахъ, учинившихъ въ означенныя числа, вслѣдствіе побужденій, вызванныхъ экономическими отношеніями рабочихъ къ фабрикантамъ, поврежденія строеній и другаго имущества ткацкой льнопрядильной фабрики Анонимнаго общества, а также насильственныя дѣйствія надъ охранявшими фабрику чинами полиціи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 269^1 ст. Улож. о наказ.

Обвинительный актъ былъ уже набранъ, когда нами былъ полученъ слѣдующій приговоръ: изъ 24 обвиняемыхъ, 17 оправданы, шесть признаны виновными и приговорены: Потаповъ — къ двумъ годамъ исправительныхъ арестантскихъ ротъ, Василій Киршаковъ и Рубцовъ — къ одному году арестантскихъ ротъ, Сергѣй Петровъ, Кашинъ и Соглачаевъ — къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы. Дѣло о Козловѣ будетъ разсматриваться особо, такъ какъ ему во время безпорядковъ было менѣе 17 лѣтъ! Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ и продолжалось два дня. Ред.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБЩІЙ СЪѢЗДЪ АВСТРІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

Девятаго ноября начался, а тринадцатаго закончился въ Вѣнѣ очередной съѣздъ представителей всей австрійской соціальдемократіи, который во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія русскихъ читателей, хотя по его значенію для международнаго движенія его нельзя и сравнивать съ недавно состоявшимся въ Дрезденѣ конгрессомъ нашихъ германскихъ товарищей.

На съѣздъ явилось 140 делегатовъ, въ томъ числѣ 74 нѣмца, 39 чеховъ, 15 поляковъ, шесть русиновъ, три итальянца и шесть словаковъ. Въ качествѣ гостей на немъ присутствовали: Венгельсь, Зиндерманнъ и Баадеръ изъ Германіи; Гросманъ и Гарами изъ Венгріи и Бугзегъ изъ Аграма въ Кроаціи. Порядокъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію съѣзда, былъ слѣдующій: 1. докладъ центральнаго комитета о положеніи дѣлъ Партіи; 2. докладъ объ ея парламентской дѣятельности; 3. дуализмъ и соціальдемократія въ Австріи; 4. борьба за избирательное право; 5. соціальная политика въ Австріи; 6. международный конгрессъ; 7. потребительныя товарищества; 8. рабочій классъ и алкоголизмъ; 9. предложенія и запросы.

Изъ доклада, представленнаго по первому пункту очереднаго порядка товарищемъ Скаретомъ, видно, что за отчетный періодъ, — онъ охватываетъ два года, потому что въ прошломъ году общаго съѣзда австрійской партіи не было, — рабочее движеніе въ Австріи сдѣлало не маловажные успѣхи, какъ въ *экономическомъ*, такъ и въ *политическомъ* отношеніи: возрасло число голосовъ, поданныхъ за соціальдемократическихъ кандидатовъ на выборахъ въ ландтаги, т. е. въ провинціальныя собранія, и въ общинные совѣты; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось число членовъ профессіональныхъ союзовъ. Во всей странѣ велась энергичная агитація въ пользу всеобщаго избирательнаго права и въ пользу страхованія стариковъ и инвалидовъ труда. Освободительная борьба пролетаріата съ существующимъ порядкомъ вещей обострялась порой до крайней степени. Во время всеобщей стачки въ Тріестѣ, въ мартѣ 1902 г., дѣло дошло до открытаго столкновенія съ оффиціальными охранителями „порядка“, при чемъ эти послѣдніе убили 15 рабочихъ. Лѣтомъ того же года и въ интересахъ того же „порядка“ храброе императорско-королевское войско сдѣлало во Львовѣ до 15 залповъ въ рабочихъ, оставивъ на мѣстѣ шесть убитыхъ и до 50 тяжело раненыхъ. Это, конечно, крайніе случаи. Но даже тамъ, гдѣ столкновенія не доходили до кровопролитія, предержащія власти не считали нужнымъ церемониться съ рабочими. Такъ, напримѣръ, даже въ Вѣнѣ полиція позволяла себѣ подвергать стачечниковъ антропометрическому измѣренію, какъ уголовныхъ преступниковъ. Это напоминаетъ русскіе порядки: въ Австріи вообще довольно сильно „Русью пахнетъ“, такъ что иной поверхностный наблюдатель скажетъ, пожалуй, съ ироніей намъ, сторонникамъ борьбы съ царскимъ самодержавіемъ: „вотъ вамъ и конституція!“. Но, во-первыхъ, австрійскій политическій строй плохъ именно тѣмъ, что въ немъ сохранилось слишкомъ много элементовъ стараго, *до-конституціоннаго* порядка, а, во-вторыхъ, мы никогда не утверждали, что политическая свобода устранитъ кровавыя столкновенія борющихся между собою классовъ или вообще сдѣлаетъ эксплуататоровъ мягкосердечными. Думать такъ могли развѣ лишь „ревизіонисты“. Мы же только говорили, что политическая свобода *ускоряетъ ростъ сознанія пролетаріата и облегчаетъ ему дѣло организаціи и мобилизаціи своихъ силъ* для войны съ буржуазіей. А что это такъ, видно хотя бы изъ того, что совершается въ Австріи. Тов. Скаретъ сообщилъ въ своемъ докладѣ, что общая сумма приговоровъ, обрушившихся тамъ втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ на рабочихъ нѣмецкаго языка — другія національности не представили никакихъ отчетовъ по этому предмету — доходитъ до четырехъ лѣтъ семи мѣсяцевъ и 19 дней строгаго тюремнаго заключенія; денежные штрафы простирались, за тотъ же періодъ, до 1.558 кронъ[1]. Это, конечно, возмутительно: вѣдь преслѣдованіямъ подвергались тамъ люди, виновные только въ томъ, что они не покорялись своимъ угнетателямъ. Но насъ, русскихъ, не удивишь такими преслѣдованіями. Если бы мы считали все то, что сдѣлало за то же время противъ рабочихъ *наше* правительство, то австрійскіе порядки показались бы намъ, при обманчивомъ свѣтѣ сравненія, совсѣмъ мягкими, и тогда стало бы невозможнымъ даже и легкое сомнѣніе въ томъ, что самая жалкая „конституція“ всетаки лучше царскаго самодержавія. А къ этому нужно прибавить, что гнусности австрійскаго конституціоннаго правительства всетаки разоблачаются нашими австрійскими товарищами въ легальной печати, на легальныхъ собраніяхъ и на съѣздахъ, открыто созываемыхъ на глазахъ полиціи, а намъ нельзя пока и думать о такихъ, неслыханныхъ у насъ, „вольностяхъ“.

Отчетъ о состояніи партійной кассы показываетъ, что съ перваго іюля 1901 г. до 30 іюня 1903 г. доходы простирались до 3.771 крон. пяти крейцеровъ, а расходы до 3.593 кронъ 87 крейцеровъ. Въ сравненіи съ бюджетомъ германской партіи это — настоящая бѣдность. И даже мы, россійскіе соціальдемократы, не имѣемъ основанія завидовать австрійцамъ.

Извѣстно, что населеніе Австріи отличается чрезвычайно пестрымъ этнографическимъ составомъ, и что непримиримая борьба между націями составляетъ одну изъ самыхъ печальныхъ и вредныхъ особенностей ея общественной жизни. Только соціалисты умѣли подняться тамъ выше національныхъ страстей и предразсудковъ. Но, къ сожалѣнію, и соціалисты не всегда умѣютъ удержаться на *международной* точкѣ зрѣнія. Изъ доклада тов. Скарета видно, что въ рядахъ австрійской партіи отношенія между различными національностями иногда оставляли желать лучшаго. Тов. Скаретъ замѣтилъ, — *при общемъ сочувствіи съѣзда*, — что отъ достойной сожалѣнія щекотливости національнаго чувства нужно освободиться въ интересахъ общаго дѣла. Мы отъ души присоединяемся къ этому замѣчанію. *Соціалистъ*, поддающійся искушеніямъ *національзма*, еще не совлекъ съ себя „ветхаго Адама“.

Горячія пренія вызвалъ докладъ тов. Ганниша *о парламентской дѣятельности партіи*. Тов. Винярскій упрекнулъ соціальдемократическихъ депутатовъ въ оппортюнизмѣ на томъ основаніи, что, когда обсуждался законопроектъ о рекрутскомъ наборѣ, требовавшій увеличенія числа лицъ, ежегодно призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, они не только не прибѣгли къ обструкціи, но, напротивъ, съ своей стороны внесли предложеніе о сокращеніи срока службы до двухъ лѣтъ. Тов. Винярскій находилъ это непозволительнымъ отступленіемъ отъ того принципа, по которому соціальдемократы всѣхъ странъ должны всегда выступать непримиримыми врагами милитаризма. „Это еще вопросъ, — сказалъ онъ, — можно ли считать двухгодичную службу этапомъ на пути къ вооруженію народа. А между тѣмъ несомнѣнно, что предложеніе о двухгодичной службѣ могло бы быть проведено только посредствомъ уступокъ, ведущихъ къ новому отягощенію народа. Позволительно ли соціальдемократіи платить такой дорогой цѣной за такое сомнительное благо?“ Эта рѣчь вызвала много возраженій, очень рѣзкихъ, но, къ сожалѣнію, мало убѣдительныхъ. Мы не утверждаемъ, что тов. Винярскій былъ правъ: намъ недостаточно извѣстны всѣ обстоятельства того частнаго случая, о которомъ велся споръ; мы не знаемъ, напримѣръ, въ самомъ ли дѣлѣ законъ о двухгодичной службѣ могъ быть купленъ только цѣною отяготительныхъ для народа уступокъ: нѣкоторые делегаты доказывали, что такихъ уступокъ можно было бы избѣжать. Но, говоря вообще, надо признать, что требовать сокращенія срока военной службы можно, совсѣмъ не мирясь съ милитаризмомъ, такъ же точно, какъ можно требовать сокращенія рабочаго дня, не заключая хотя бы и самаго кратковременнаго перемирія съ капиталистическимъ способомъ производства. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ доводовъ, которыми опровергали тов. Винярскаго, способны вызвать вредныя недоразумѣнія. Такъ, когда тов. Дашинскій, отвѣчая ему, сталъ издѣваться надъ „радикальными словечками“ и надъ людьми, стремящимися „въ корнѣ“ уничтожить милитаризмъ, то его насмѣшки, разумѣется, могли очень понравиться „ревизіонистамъ“, но совсѣмъ не выясняли вопроса. А сдѣланное тѣмъ же товарищемъ противопоставленіе радикальнымъ словечкамъ „политики ежедневнаго контроля ежедневной жизни администраціи“ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ защищать „радикальныя словечки“, если они остаются *„словечками“*, а не переходятъ въ *дѣло*. Но они по меньшей мѣрѣ также способны перейти въ дѣло, какъ и „словечки“ *оппортюнистическія*. Тов. Дашинскій, повидимому, не признаетъ за ними этой способности. Мы не можемъ согласиться съ нимъ въ этомъ случаѣ и позволяемъ себѣ думать, что его взглядъ составился подъ сильнымъ вліяніемъ упомянутыхъ нами оппортюнистическихъ „словечекъ“

Еще болѣе удивила насъ относящаяся къ тому же вопросу рѣчь тов. Адлера. По его словамъ, тов. Винярскій, несмотря на всѣ свои усилія, ни въ чемъ не находитъ ничего, кромѣ *принципа*, между тѣмъ какъ въ политикѣ все дѣло въ томъ, чтобы находить *факты*. Но развѣ „факты“ исключаютъ принципы? И развѣ принципы не помогаютъ намъ понимать „факты“? Противопоставленіе, сдѣланное тов. Адлеромъ, напоминаетъ всѣмъ извѣстное противопоставленіе движенія конечной цѣли: оно такъ же неожиданно и такъ же странно. Далѣе тов. Адлеръ, возражая на то замѣчаніе тов. Винярскаго, что вооруженіе народа составляетъ наше ближайшее требованіе, сказалъ: „Онъ забываетъ, что кромѣ ближайшихъ требованій у насъ есть еще требованія самыя близкія... Они представляютъ шаги, этапы въ движеніи къ нашимъ ближайшимъ цѣлямъ“. Это не то, чтобы невѣрно, а просто удивительно. Пользуясь употребленнымъ здѣсь Адлеромъ пріемомъ мысли, можно было бы сказать, что кромѣ этаповъ, ведущихъ къ самымъ близкимъ нашимъ цѣлямъ, у насъ есть еще этапы, ведущіе къ этимъ этапамъ, а эти послѣдніе этапы предполагаютъ новые этапы и т. д. и т. д. до безконечности. Логика этого рода извѣстна въ философіи еще со временъ элейской школы, но мы не думаемъ, чтобы съ ея помощью можно было доказать что нибудь въ политикѣ, считающейся, по словамъ тов. Адлера, *только съ фактами*. Намъ сдается, напротивъ, что она должна уничтожать всякое представленіе о фактахъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Тов. Адлеръ, который хотѣлъ разсуждать съ точки зрѣнія *практики*, вышелъ, самъ того не подозрѣвая, на скользкій путь *крайней абстракціи*. Это часто случается съ „людьми дѣла“, не желающими уяснить себѣ, какъ относятся „принципы“ къ фактамъ, и каждый разъ, когда „люди дѣла“ попадаютъ въ это неудобное положеніе, они начинаютъ выражаться очень сбивчиво. Послушайте хоть того же тов. Адлера. „Вы подумаете, что я еретикъ, когда я вамъ скажу слѣдующее: — заявилъ онъ, — я безъ разсужденій голосовалъ бы за то, чтобы каждый человѣкъ, способный носить оружіе, служилъ въ теченіи одного года въ войскѣ; я охотно отдалъ бы полный контингентъ всѣхъ способныхъ носить оружіе людей за одногодичную службу и за демократизацію войска. Я стою на той точкѣ зрѣнія, что существуетъ коренное противорѣчіе между пролетарскимъ взглядомъ на милитаризмъ и буржуазной враждою съ милитаризмомъ, равно какъ и буржуазными мечтателями о всеобщемъ мирѣ. Мы требуемъ не разоруженія въ смыслѣ этихъ мечтаній, а вооруженія народа въ пролетарскомъ смыслѣ, и каждый шагъ, приближающій насъ къ этому, является для насъ успѣхомъ въ революціонномъ смыслѣ“. Здѣсь посылки несоразмѣрны съ выводомъ, дѣлаемымъ изъ нихъ. Справедливо то, что наши, *соціальдемократическіе* взгляды на милитаризмъ кореннымъ образомъ расходятся съ *буржуазными* взглядами на тотъ же предметъ. Не менѣе справедливо и то, что мы хотимъ *вооруженія* народа, а не *разоруженія*, составляющаго завѣтную мечту нѣкоторыхъ травоядныхъ буржуа. Но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что за „демократизацію войска“ и одногодичную службу мы имѣемъ право „отдать полный контингентъ всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе“. Чтобы доказать правильность этого вывода, нужно было бы привести цѣлый рядъ *практическихъ соображеній*, которыя именно и отсутствуютъ въ разсужденіяхъ *практичнаго* тов. Адлера. Можетъ быть, въ этомъ нужно винить не его, а обстоятельство, отъ него совершенно независѣвшее: краткость отчета о съѣздѣ, напечатаннаго въ центральномъ органѣ германской соціальдемократіи и дающаго матеріалъ для нашихъ сужденій. Но если мы даже предположимъ, что въ дѣйствительности тов. Адлеръ лучше обосновалъ свой выводъ, то все таки мы вынуждены будемъ выразить свое недоумѣніе по поводу дальнѣйшей его аргументаціи. Онъ по опыту знаетъ, говорилъ онъ, что рабочіе, служившіе въ военной службѣ, являются въ Австріи, какъ и въ Германіи, наилучшими дѣятелями въ освободительной борьбѣ пролетаріата; и онъ объяснялъ это тѣмъ, что даже въ его нынѣшней гнусно-каррикатурной формѣ милитаризмъ даетъ рабочимъ нѣкоторый небезполезный для насъ суррогатъ воспитанія. Допустимъ, что это вѣрно, хотя мы и не можемъ представить себѣ такую форму *милитаризма*, которая не была бы *гнусной*. У насъ все таки останется безъ отвѣта вопросъ о томъ, можетъ ли соціальдемократъ, не противорѣча своей программѣ, соглашаться на то, чтобы классовое государство *навязывало* пролетаріату „небезполезный для насъ суррогатъ воспитанія“... въ казармѣ. Возьмемъ примѣръ. Объединяя рабочихъ въ большихъ предпріятіяхъ, *капитализмъ* безъ всякаго сомнѣнія содѣйствуетъ воспитанію рабочаго класса; но что сказали бы мы о человѣкѣ, который придумалъ бы законопроектъ, *обязывающій* всѣхъ молодыхъ людей, достигшихъ, скажемъ, 21 года, наниматься на фабрики и заводы? Тов. Адлеръ очень, очень плохо выяснилъ свою мысль самому себѣ и своимъ слушателямъ. Мы потому указываемъ на это, что это произошло не случайно. Большая часть вожаковъ австрійскаго пролетаріата, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ и огромныхъ заслугахъ, имѣетъ тотъ прискорбный недостатокъ, что ихъ мало интересуетъ *„теорія“*. Въ спорѣ между „ортодоксами“ и „ревизіонистами“, надѣлавшемъ столько шума и возбудившемъ такія горячія страсти во всемъ цивилизованномъ мірѣ, эти вожаки до сихъ поръ не сочли возможнымъ или нужнымъ занять опредѣленное положеніе. Они вообще недостаточно оцѣнили великую важность этого спора. Этимъ и обусловливается нѣкоторая неясность ихъ взглядовъ, вносящая сбивчивость въ ихъ разсужденія почти всякій разъ, когда эти послѣднія поднимаются на *извѣстную теоретическую высоту*. Большой бѣды отъ этого пока еще, къ счастью, не произошло; но беззаботность на счетъ теоріи все таки не остается, да и не можетъ остаться безнаказанной, какъ мы только что видѣли на довольно яркомъ примѣрѣ.

Рѣшеніе по вопросу о милитаризмѣ отложено до слѣдующаго съѣзда. Будемъ надѣяться, что къ тому времени наши австрійскіе товарищи, — особенно заслуженный тов. Адлеръ, — успѣютъ отдѣлаться отъ указаннаго нами недостатка.

Вопросъ *объ отношеніи австійской соціальдемократіи къ австро-венгерскому дуализму* рѣшенъ съѣздомъ въ смыслѣ полнаго отдѣленія Австріи отъ Венгріи, потому что съѣздъ находилъ такое отдѣленіе необходимымъ для правильнаго развитія обѣихъ этихъ частей нынѣшняго дуалистическаго государства, а особенно для Австріи.

Что касается *всеобщаго избирательнаго права*, тъ съѣздъ объявилъ его необходимымъ условіемъ достиженія конечной цѣли пролетаріата: устраненія капиталистическаго способа производства, а борьбу за него важнѣйшей изъ современныхъ практическихъ задачъ всего австрійскаго пролетаріата.

Мы можемъ только привѣтствовать это рѣшеніе съѣзда, какъ и вообще мы можемъ только съ величайшей похвалой отозваться о той энергичной борьбѣ съ существующимъ политическимъ порядкомъ, которую велъ и ведетъ австрійскій пролетаріатъ. Этой борьбой онъ лишній разъ доказываетъ, что въ настоящее время пролетаріи вездѣ являются самыми надежными и непримиримыми борцами за политическую свободу.

По пятому пункту очереднаго порядка, — т. е. *по вопросу о соціальной политикѣ въ Австріи*, — принято рѣшеніе, требующее реформы закона о страхованіи рабочихъ и дополненія его въ смыслѣ страхованія стариковъ и инвалидовъ труда и обезпеченія вдовъ и сиротъ рабочихъ. То же рѣшеніе требуетъ реформы промышленнаго устава въ духѣ, соотвѣтствующемъ отношеніямъ современнаго общества.

Въ своемъ докладѣ, посвященномъ *участію австрійской соціальдемократіи въ международномъ соціалистическомъ съѣздѣ будущаго года*, тов. Адлеръ сказалъ, что мы, т. е. соціальдемократы всѣхъ странъ, — представляемъ собою такой сплоченный интернаціоналъ, подобнаго которому нѣтъ во всемъ мірѣ. Не менѣе справедливо было и то его замѣчаніе, что на предстоящемъ международномъ съѣздѣ будутъ обсуждаться вопросы, имѣющіе огромное значеніе для всемірной соціальдемократіи. Но... — когда говоритъ тов. Адлеръ, намъ съ нѣкоторыхъ поръ и къ величайшему нашему сожалѣнію нельзя обойтись безъ *„но“*, — товарищъ Адлеръ сильно промахнулся, прибавивъ въ томъ же докладѣ, что самый главный изъ спорныхъ вопросовъ международнаго съѣзда 1900 года, — вопросъ объ участіи Мильрана въ буржуазномъ министерствѣ, — не имѣлъ практическаго значенія для австрійской соціальдемократіи. На самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ для нея большое практическое значеніе, потому что „случай Мильрана“ былъ только крайнимъ выраженіемъ тѣхъ „ревизіонистскихъ“ стремленій, которыя даютъ себя чувствовать въ Австріи не менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы. Правда, вожаки австрійскаго пролетаріата до сихъ поръ, — какъ мы сказали выше, — не сочли возможнымъ опредѣленно высказаться по поводу этихъ стремленій. Они даже отрицаютъ ихъ существованіе, чѣмъ значительно способствуютъ ихъ росту. Но вѣдь эта тактика страуса не измѣняетъ истиннаго положенія дѣлъ.

Пора кончать. Съѣздъ призналъ, что тамъ, — „но только тамъ“, — гдѣ достаточно подвинулась впередъ *политическая и профессіональная организація рабочихъ, потребительныя товарищества* будутъ очень полезны для пролетаріата во многихъ отношеніяхъ. Однако, въ то же время съѣздъ счелъ себя обязаннымъ предостеречь рабочихъ противъ легкомысленнаго основанія названныхъ товариществъ тамъ, гдѣ отсутствуютъ необходимыя для ихъ успѣха условія.

Съѣздъ указалъ сознательному пролетаріату Австріи на *алкоголизмъ*, — т. е., говоря по русски, на *пьянство*, — какъ на одно изъ серьезныхъ препятствій въ его освободительной борьбѣ и рекомендовалъ ему энергично бороться съ этимъ препятствіемъ. Обращаемъ на это вниманіе нашихъ русскихъ товарищей: *у насъ*, при тяжелыхъ условіяхъ *нашей* освободительной борьбы, алкоголизмъ вреднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Наконецъ, между рѣшеніями съѣзда по девятому пункту — *предложенія и запросы*, — отмѣтимъ резолюцію, выражающую сочувствіе и *„благодарность“* (подлинный терминъ резолюціи) итальянскимъ соціалистамъ по поводу ихъ мужественнаго протеста противъ предполагавшагося пріѣзда царя въ Италію. Горячо благодаря, съ своей стороны, нашихъ австрійскихъ товарищей за эту резолюцію, мы закончимъ свою замѣтку объ ихъ съѣздѣ самымъ искреннимъ пожеланіемъ имъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ ихъ трудной борьбѣ. Да здравствуетъ австрійская, да здравствуетъ всемірная, всѣ народы, все угнетенное человѣчество освобождающая соціальдемократія!

ЗУБАТОВЩИНА ВЪ АМЕРИКѢ.

(Одесскимъ независимцамъ).

Чѣмъ шире растетъ и развивается рабочее движеніе, тѣмъ утонченнѣе становятся способы, растутъ пріемы и совершенствуется техника подавленія его. Чистота классоваго сознанія и прочность его организаціи, эти двѣ необходимыя предпосылки истинно соціалистическаго движенія, въ настоящее время по достоинству оцѣнены врагами его, — буржуазіей и правительствомъ, — стремящимися развратить рабочія массы, затемнить ихъ сознаніе. Понимая все значеніе воздѣйствія на умы, противники соціализма стараются воспользоваться его же оружіемъ. Чѣмъ выше капиталистическое развитіе страны, тѣмъ серьезнѣе эти попытки и, чѣмъ меньше развито классовое сознаніе въ массахъ, тѣмъ онѣ опаснѣе. Поклонники такъ называемаго „чистаго“ рабочаго движенія, ублюдки соціализма и буржуазные политико-экономы не находятъ достаточно красокъ для этой, по ихъ мнѣнію, наисовершеннѣйшей формы рабочаго движенія. Въ послѣдніе годы соціалистическая мысль бодро пробиваетъ себѣ дорогу въ рабочихъ массахъ классической страны „независимаго“ рабочаго движенія — въ Америкѣ. Этотъ подъемъ сильно обезпокоилъ американскую буржуазію, и съ настойчивостью, характерной для этой націи, она повела борьбу противъ растущаго соціализма.

Высшее образованіе въ Америкѣ почти исключительно находится въ частныхъ рукахъ, то есть въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, и потому ведется въ благопріятномъ для нихъ духѣ. Въ послѣднее время обнаружились со стороны капиталистовъ попытки вліянія на болѣе широкіе слои населенія. Одна изъ фирмъ въ громадныхъ размѣрахъ распространяетъ анти-соціалистическую литературу. Недавно она предложила одному изъ видныхъ соціалистическихъ писателей издать на свой счетъ его сочиненія и безвозмездно доставить ихъ всѣмъ избирателямъ, предупредительно снабдивъ ихъ, конечно, десятками произведеній, главная цѣль которыхъ совершенно извратить смыслъ соціалистическаго ученія.

Нашъ доморощенный „издатель кафедры Исаакіевскаго собора“ ген. Богдановичъ — лишь слабый ребенокъ въ сравненіи съ дѣятелями этого рода. Чтобы хоть нѣсколько приблизиться къ своимъ болѣе энергичнымъ собратьямъ по ремеслу, мы совѣтуемъ ему заняться распространеніемъ, ну хотя бы „Искры“, авось, тогда его шансы поднимутся, и газеты безъ настояній свыше[1] станутъ печатать отчеты о его дѣятельности.

Подобно тому, какъ соціалистическая мысль питается и растетъ опытомъ различныхъ странъ и въ интернаціональномъ общеніи черпаетъ свою силу и мощь, буржуазія, стремится не отстать также отъ прогресса вѣка и, очевидно, наша зубатовщина лишь слабый сколокъ съ широко развившейся и болѣе совершенной американской системы.

M-r Whiton секретарь одной фирмы въ г. New London (штатъ Connecticut) въ Америкѣ опубликовалъ слѣдующее полученное имъ предложеніе: „Спеціальность нашей фирмы поставлять организованныхъ и неорганизованныхъ мужчинъ и женщинъ для тайнаго надзора за рабочими. Предложеніе наше слѣдующее: мы доставимъ вамъ хорошаго машиниста или формовщика, который, если это желательно, будетъ состоять членомъ „Американской Федераціи Труда“. Чтобы свободнѣй вращаться на фабрикѣ, онъ будетъ назначенъ простымъ чернорабочимъ. Принявъ этого человѣка, вы будете получать всѣ новости, всѣ свѣдѣнія о рабочихъ союзахъ вашего округа. Онъ будетъ держать васъ вообще au courant рабочаго движенія, о томъ, кто состоитъ агитаторами, помогать устранять вредные элементы и т. д. Наши люди всегда консервативны въ своихъ рѣчахъ, и во всѣхъ случаяхъ становятся на сторону консерваторовъ. На многихъ большихъ фабрикахъ, съ которыми мы уже заключили контракты, даже отвѣтственные посты въ рабочихъ союзахъ заняты нашими агентами. Въ большихъ городахъ мы имѣемъ даже собственныя правленія въ нихъ. Рѣдко случаются конференціи союзовъ С. А. Соедин. Штатовъ, гдѣ бы не присутствовали наши довѣренные. Какъ только наше предпріятіе было открыто, мы работали исключительно на желѣзнодорожныя компаніи и копи, затѣмъ на другія крупныя фабрики и заводы и въ настоящее время заключаемъ контракты съ болѣе мелкими предпріятіями. Въ маленькихъ городахъ, гдѣ существуютъ всего двѣ-три фабр., мы на общія средства владѣльцевъ поставляемъ нѣсколько агентовъ въ мастерскія и нѣсколько уличныхъ, слѣдящихъ за собраніями на улицахъ и въ трактирахъ. Эти уличные агенты особенно дѣйствительное средство, такъ какъ, благодаря имъ, въ самое короткое время можно собрать необходимыя свѣдѣнія"... Невольно является вопросъ: да не побывалъ ли г. Зубатовъ на выучкѣ у хитроумныхъ капиталистовъ Америки? Не у нихъ ли позаимствовалъ онъ свое Московское общество съ собственнымъ правленіемъ? А одесскіе „независимцы", произносившіе рѣчи въ Рубовомъ саду, не тѣ ли это „наши люди, которые всегда консервативны въ своихъ рѣчахъ и во всѣхъ случаяхъ становятся на сторону консерваторовъ"? Попытки насажденія разврата среди американскихъ рабочихъ гораздо болѣе серьезны однако, какъ свидѣтельствуетъ директоръ „The Manufacturer's information bureau company", общества, преслѣдующаго цѣль усиленія и поддержанія капиталистовъ: „Результатомъ нашей дѣятельности за прошлый годъ, — пишетъ онъ, — явилось пониженіе заработной платы на ряду съ повышеніемъ производительности повсюду, гдѣ организованными рабочими была ведена борьба. Ни въ одномъ случаѣ владѣльцы фабрикъ, пользующіеся нашими услугами, не были вынуждены признать рабочія организаціи. Мы уничтожили два рабочихъ союза, и это въ то время, когда по всей Америкѣ пронеслась волна организаціоннаго движенія. Чикаго — этотъ городъ расцвѣта рабочаго движенія — превращенъ нами въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ городовъ Соед. Штатовъ, въ смыслѣ устраненія непріятностей съ рабочими. Лучшій путь держать рабочія организаціи въ своихъ рукахъ — это управлять ими, а не дѣйствовать насиліемъ. Наша система прекрасно оправдала теорію, что консервативная сторона всегда будетъ брать верхъ въ рабочихъ союзахъ, если ихъ снабдить хорошими руководителями, а таковыхъ всегда можно доставить. Всюду, гдѣ проводится наша система, фабрики становятся „открытыми", т. е. не признающими рабочихъ организацій. Мы умѣемъ и достигаемъ искорененія непріятныхъ элементовъ такъ тихо и вѣрно, что не происходитъ никакихъ шероховатостей. Гдѣ наша система упрочилась, оттуда агитаторы бѣгутъ, какъ отъ чумы, а наиболѣе желательные элементы становятся болѣе связанными. Владѣлецъ всегда можетъ знать, кто изъ его рабочихъ лойяленъ, и этимъ онъ получаетъ массы въ свои руки не только номинально, но и фактически. Мы въ состояніи всегда сообщить вамъ, гдѣ находятся рабочіе агитаторы, объ ихъ передвиженіи и о томъ, удалось ли имъ совратить рабочихъ вашей фабрики. Если это представляетъ для васъ интересъ, мы будемъ рады послать своихъ агентовъ въ вашъ служебный персоналъ. Надѣемся на скорый отвѣтъ, чтобы нашъ представитель смогъ имѣть личное свиданіе.

---

[1] Крона равна 40 коп.

[1] Намъ извѣстны нѣсколько случаевъ такихъ настояній.

Съ почтеніемъ

Assistent General Manager I. K. Sanders.

Несомнѣнно, что г. директоръ сильно преувеличилъ успѣхи своего общества. Однако, американскіе товарищи свидѣтельствуютъ, что система эта все-таки приноситъ свои плоды и развратъ проникаетъ въ рабочую среду. Зубатову не посчастливилось на скользкомъ пути управленія рабочими организаціями, и его система не оправдала теоріи министерства внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто того, чтобы успокоить, она лишь подлила масла въ огонь уже достаточно революціонизировавшихся массъ. Однако, и среди русскихъ рабочихъ нашлось не мало людей, которымъ не удалось разобраться въ гг. Афанасьевыхъ, Щаевичахъ и т. д. Тѣ изъ одесскихъ „независимцевъ", которые побывали въ уличныхъ передѣлкахъ, на своей собственной шкурѣ испытали всю прелесть правительственнаго руководительства. Изъ приводимыхъ же нами писемъ они поймутъ, быть можетъ, какое значеніе имѣетъ зубатовская система для всего класса рабочихъ въ его борьбѣ за освобожденіе. Въ Америкѣ къ услугамъ нашихъ товарищей всѣ средства воздѣйствія на колеблющихся или непонимающихъ; русскимъ же соціальдемократамъ закрыты всѣ пути легальнаго воздѣйствія и тѣмъ необходимѣй напречь всѣ силы и не дать разврату пустить болѣе глубокіе корни.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отчетъ Соц.-Дем. Союза горно-заводскихъ рабочихъ (Юга Россіи съ января 1902 г. до октября 1903 г. Двадцатимѣсячная дѣятельность Союза можетъ быть раздѣлена на два періода. Первый періодъ внутренней, организаціонно-пропагандистской работы простирается до марта 1903 года. Начиная съ весны текущаго года, Союзъ приступаетъ къ открытой массовой агитаціи, какъ устной, такъ и печатной. По всему Донецкому бассейну разбрасываются десятки тысячъ листковъ и прокламацій, организуются частичныя стачки и массовыя сходки политическаго характера, на которыхъ произносится рядъ рѣчей на политическія темы. Районъ дѣятельности Союза опредѣляется спискомъ шахтъ и заводовъ, охваченныхъ печатной агитаціей. Болѣе или менѣе систематически листки Союза и мѣстныхъ организацій распространялись: въ Луганскѣ, Маріуполѣ, Славянскѣ, Таганрогѣ, Юзовкѣ и Бахмутѣ. Изъ крупныхъ заводовъ отмѣтимъ: 1) машиностроительные: Гартмана (Луганскъ), Краматоровскій, Дебальцевскій, Харцызскій, Таганрогскій и др.; 2) стекольные и химическіе въ Славянскѣ и Константиновкѣ; 3) металлургическіе: Дружковскій, Краматоровскій, Константиновскій, Макѣевскій, Таганрогскій, Петровскій, Юзовскій, Никопольскій, Маріупольскій и Русскій „Провидансъ". Изъ рудниковъ охвачено болѣе 25 каменноугольныхъ предпріятій въ районѣ Юзовки, Макѣевки и Луганска. Число стачекъ, организованныхъ Союзомъ и его мѣстными организаціями, достигаетъ десяти, съ общимъ числомъ стачечниковъ до 3.000. Число сходокъ — 15, съ общимъ числомъ участниковъ до одной тысячи. Союзомъ издано и распространено 13 листковъ и прокламацій, въ количествѣ 63 тысячъ экз. Мѣстными организаціями Союза издано и распространено 17 прокламацій въ количествѣ 3.020 экз. Кромѣ того, распространено 15.500 экз. изданій другихъ организацій. Доходъ Союза по октябрь текущаго года достигъ 4.133 рубля 90 коп., расходъ — 4.183 рубля.[1]

Сѣверный Союзъ преобразовался въ Сѣверный Комитетъ Росс. С.-Д. Раб. Партіи.

Екатеринославскій Комитетъ сообщаетъ, что „центръ" оппозиціи присоединился къ Комитету. Примкнули заводы: Брянскій, трубопрокатный, Эзау и др.; не входятъ въ Комитетъ лишь ремесленники. Комитетъ выражаетъ надежду, что и они послѣдуютъ примѣру своихъ товарищей, и въ Екатеринославѣ будетъ единая соціальдемократическая организація — Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Революціонно-соціальдемократическая группа „Воля" извѣщаетъ товарищей о томъ, что она прекращаетъ свое существованіе. Бывшіе члены „Воли" присоединяются къ Росс. С.-Д. Р. П.

Пріѣхавшіе изъ Сибири товарищи разсказываютъ о тяжеломъ положеніи политическихъ ссыльныхъ, во многихъ глухихъ углахъ Восточной Сибири. Мы не говоримъ здѣсь о матеріальныхъ лишеніяхъ, испытываемыхъ нашими ссыльными товарищами; эти лишенія велики, тѣмъ болѣе, что сосланные по приговору начинаютъ получать пособіе лишь черезъ 5-6 мѣсяцевъ по прибытіи на мѣсто назначенія, а сосланные до приговора и вовсе не получаютъ никакихъ пособій; за заработокъ же могутъ разсчитывать лишь тѣ изъ рабочихъ-ремесленниковъ, профессія которыхъ можетъ найти примѣненіе въ деревнѣ (сапожники, портные).

Гораздо рѣзче выступаетъ и труднѣе переносится нужда въ духовной пищѣ. Среди ссылаемыхъ, особенно среди рабочихъ, многіе сильно нуждаются въ пріобрѣтеніи и расширеніи знаній. У всѣхъ замѣчается сильнѣйшая жажда развитія, стремленіе къ расширенію своего умственнаго горизонта. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было средства къ утоленію этой жажды знанія. Заняться развитіемъ болѣе отсталыхъ молодыхъ элементовъ могли бы болѣе развитые и сложившіеся товарищи, но и у нихъ нѣтъ въ распоряженіи никакого живого литературнаго матеріала. Притомъ, администрація часто умышленно обособляетъ ссыльныхъ рабочихъ отъ интеллигентовъ. Такимъ образомъ, при полномъ отсутствіи книгъ, газетъ, журналовъ колоніи ссыльныхъ рабочихъ лишены возможности воспользоваться періодомъ ссылки для своего умственнаго развитія и, помимо матеріальной нужды, страдаютъ отъ удручающаго сознанія оторванности отъ жизни и полнѣйшей праздности.

Нѣкоторый запасъ книгъ и періодическихъ изданій былъ бы истиннымъ благомъ для многихъ колоній Енисейской и Иркутской губерній. (Въ такихъ старыхъ и многолюдныхъ колоніяхъ Якутской области, какъ Вилюйская, Колымская — нужда менѣе острая).

Обращаемъ вниманіе дѣйствующихъ въ Россіи организацій на указанное явленіе. Посылать въ Сибирь, черезъ посредство знакомыхъ ссыльныхъ, нѣкоторыя книги и прочтенные журналы и газеты не представляло бы большой трудности. Въ Сибири же среди ссыльныхъ, особенно въ городахъ (Иркутскъ, Красноярскъ, Канскъ, Минусинскъ, Ачинскъ и пр.) уже нашлись бы лица, которыя бы съумѣли изъ собраннаго матеріала образовать передвижныя библіотечки: печатный матеріалъ могъ бы обходить по очереди наиболѣе нуждающіяся колоніи и хоть нѣсколько поддержать умственный уровень и нравственное самочувствіе многихъ жертвъ современнаго русскаго режима.

Сибирскимъ С.-Дем. Союзомъ (Ком. Партіи) въ сентябрѣ издано 10.000 экз. листковъ „Ко всѣмъ работающимъ и служащимъ по найму въ Сибири" (№ 17) и распространена по всей Сибири брошюра „Революціонный годъ" (перепечатка изъ № 40 „Искры"). — **Иркутскимъ Ком.** за лѣтніе мѣсяцы выпущено два листка: „По поводу постановки памятника Александру III" и „Къ булочникамъ, кондитерамъ и крендельщикамъ". — **Уфимскимъ Ком.** 4 октября выпущена прокламація „По поводу суда надъ Златоустовскими рабочими". — **Центральнымъ Комитетомъ Южно-Русской Группы Учащихся** выпущена прокламація по поводу послѣднихъ событій. — **Нижегородскимъ Обществомъ Краснаго Креста** выпущенъ годовой отчетъ (февраль 1902 — февраль 1903 гг.). — **Соціалистическая организація учащ. въ Вильнѣ** выпустила прокламацію „Къ учащимся". — **Пермскимъ Ком.** изданъ „Рабочій бюллетень" № 7. — **Тверскимъ Ком. Сѣвернаго Рабочаго Союза** выпущенъ листокъ „Судъ надъ Логиновымъ". — **Екатеринославскій Комит.** выпустилъ отчетъ (съ 31 мая по 1 октября) и прокламацію „Къ обществу". — **Саратовскій Ком.** издалъ прокламацію „Къ новобранцамъ". — **Кіевскимъ Ком.** издано: „Ко всѣмъ учащимся въ г. Кіевѣ" и „Судъ надъ Ростовскими демонстрантами". — **Донскимъ Ком.** выпущены отчеты за іюль, августъ и сентябрь. — **Костромская Группа Сѣверн. Ком.** издала и распространила слѣдующіе листки: „Къ Костромскимъ рабочимъ" (по поводу голодовокъ въ тюрьмѣ), „Къ солдатамъ", „Къ костромскому обществу" и „Къ костромскимъ рабочимъ" (по поводу пониженія расцѣнковъ на фабрикѣ анонимнаго общества) — **Одесскій Ком.** издалъ брошюру: „Іюльскія событія въ Одессѣ" и листки: „Къ учащимся", „Ко всѣмъ" (по поводу гомельскаго погрома), „Ко всѣмъ" (по поводу поѣздки царя въ Италію) и „Агитація противъ агитаціи" (по поводу посѣщенія генераломъ Богдановичемъ г. Одессы). — **Бакинскимъ Ком.** изданъ 25 ноября листокъ „Вмѣсто некролога". — **Бак. Ком. Краснаго Кр.** выпущено 18 ноября воззваніе „Къ гражданамъ". — **Елисаветградскій Ком.** выпустилъ листокъ (печатн.) „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Елисаветграда", въ которомъ, между прочимъ, сообщается, что существовавшія до сихъ поръ въ г. Елисаветградѣ двѣ организаціи объединились въ одинъ комитетъ. — **Астраханскій Ком.** выпустилъ три листка (печ.) съ призывомъ къ стачкѣ: 1) „Ко всѣмъ бондарямъ г. Астрахани" — 2.000 экз., 2) „Ко всѣмъ портнымъ г. Астрахани" — 1.000 экз., 3) „Ко всѣмъ булочникамъ г. Астрахани" — 1.000 экз. — **Соц.-Дем. Союзъ горнозав. рабочихъ** 6 окт. выпустилъ два листка: 1) печатный „Ко всѣмъ заводскимъ рабочимъ и шахтерамъ Донецкаго бассейна" и 2) гектограф. „Ко всѣмъ рабочимъ г. Маріуполя" (предостереженіе противъ провокатора С. Цѣханскаго). — **Бердичевская Гр. рев. соц.-дем.** издала листокъ (гектограф.) „Ко всѣмъ" (по поводу суда надъ ростовскими демонстрантами). — **Кавказскій Союзъ** перепечаталъ изъ № 36 „Искры": „Соціальдемократы на судѣ". — **Тифлисскій Ком.** издалъ листокъ: „Къ тифлисскимъ приказчикамъ".

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Иркутскъ. Арестованъ и высланъ въ Якутскую область Гинзбургъ. Въ Якутскъ высланъ ссыльный изъ Уфы Квятковскій (с.-д.). Арестованъ интеллигентъ Вознесенскій (с.-р.) Были обыски у завѣдующ. музеемъ Станиславскаго и сіониста Шимановскаго. Кромѣ того сидятъ еще: Дахновъ (бывш. сем.), Быковъ (вольноопредѣляющійся), Лукоцієвскій Ин (бывш. ст. Моск. унив.), Лукоцієвскій Вяч., Ширямовъ (прикащ.), Гостиловскій (студ. медицинской акад.), Ковригинъ, Зологинъ Алексѣй (служ. въ потр. общ.), Урбановичъ (горнякъ), Орликъ Фаддей (ссыльн.), Гурари (рецидив.), Кубайтисъ (раб.), Балабановъ (раб.), Яворовскій (раб). Послѣдніе арестованы по дѣлу о стачкѣ на ст. Иннокентьевской. На линіи Кругобайкальской желѣзной дороги арестованъ рабочій Сычевъ (рецидив.). На Байкалѣ арестовано еще двое рабочихъ со ст. Мысовой. — **Омскъ.** Въ іюнѣ здѣсь были большіе аресты — болѣе 20 чел. Взята машина Ремингтона и много литературы. Въ тюрьмѣ сидятъ: Пригорный (интел.), Дербышевъ Барашковъ, Кочкинъ, Александровъ, Кирносовъ, Голубевъ (всѣ рабочіе), одинъ казакъ и одинъ солдатъ. — **Красноярскъ.** Сидятъ въ тюрьмѣ: Красиковъ (ссыльный), Аркусская (ссыльная), Данникъ (раб.), Мисюкевичъ (раб., второй разъ), Нейбургъ (ученикъ техническаго желѣзнодорожнаго училища) — **Уфа.** Въ сентябрѣ арестованы земскіе служащіе: Григорьевъ, Гарденинъ, Клюевъ и акцизный чин. Вагинъ. Въ ту же ночь были обыски у служащ. на электрической станціи Бройде. Черезъ нѣсколько дней высланы изъ Уфы: земскій служ. Ильинскій и Бриллингъ (5 л. Архангельской губ.), страх. аг. Козловъ (2 г. Ярославск. г.), пом. присяжн. повѣр. Плаксинъ (5 л. Архангельской губ.) и Синицынъ. На проводахъ Ильинскаю, Бриллинга и Синицына присутствовали всѣ служащіе земск. управы и много публики, среди которой было не мало желѣзнодорожныхъ рабочихъ. 2 октября арестованы и высланы на 5 лѣтъ въ Архангельскую губ. земскіе служащіе Башковскій и Гудзь. Директоръ глазной лѣчебницы Бѣльскій высланъ этапнымъ порядкомъ въ Москву. — **Ярославль.** По дѣлу о съѣздѣ семинаристовъ 22 обвиняемыхъ приговорены къ отсидкѣ въ тюрьмѣ на сроки отъ одного до шести мѣсяцевъ. — **Маріуполь.** На заводѣ „Никополь" были произведены обыски у восьми рабочихъ. Есть основаніе подозрѣвать, что въ этихъ обыскахъ игралъ нѣкоторую роль рабочій трубо-прокатнаго отд. Соломонъ Цѣханскій. — **Краматорскій металлургическій заводъ.** Арестованы: конторщикъ Барцовъ, слес. Ив. Потаповъ, слесарь Иванъ Индюковъ, токарь Сергѣй Карагодинъ, размѣтч. Боголюбскій, слесарь Леонъ Ковалевъ, машинистъ Бѣлозеровъ и другіе. — **Луганскъ.** Въ іюлѣ здѣсь были массовые обыски и аресты (до 30 чел.). — **Таганрогъ.** 13 іюля арестовано 8 чел. На квартирѣ у Сопетова найдено много изданій Горнозаводскаго Союза. — **Курскъ.** Въ серединѣ октября объявленъ приговоръ двумъ редакторамъ „Курской Газеты", каждому 4 года надзора въ Олонецкой губ. Идутъ оба этапн. порядкомъ. — **Либава.** Въ іюлѣ и августѣ здѣсь получены слѣдующіе приговоры: мюнхен. студ. Ал. Левенсонъ (арест. въ августѣ 1902 г. въ Москвѣ съ литературой) — 5 лѣтъ Восточной Сибири; рижскій студ. Илья Костлянцъ (арестованъ въ августѣ 1902 г. по дѣлу рижскаго Ком. Бунда) — 5 лѣтъ Вост. Сиб.; портной Меднизъ (арестованъ въ сентябрѣ 1902 г. съ 20 прокламаціями въ конв.) — 3 г. В. Сиб. Большинство еврейскихъ ремесленниковъ, арестован. въ апрѣлѣ 1902 г. на загородномъ собраніи, сосланы въ Сибирь; экстернъ Л. Клейнъ по тому же дѣлу сосланъ на 3 года въ Вост. Сибирь. Въ Либавской тюрьмѣ сидятъ: Шуэль, Барконъ, Гордонъ, Якобсонъ, Лейбицкій и еще двое еврейскихъ ремесленниковъ. Всѣ арестованы въ апрѣлѣ текущаго года. Въ іюнѣ, по провокаціи портного Вейланди (литовец.), было арестовано восемь литовцевъ. — **Ростовъ н/Д.** Сосланы: Сабининъ (раб.) — въ Вологодск. губ., Безпаловъ (раб.) и Воскресенскій (инт.) — въ Архангельск. губ. — **Херсонъ.** 18 сентября арестованъ рабочій Трайтель, найденъ мимеографъ и много литературы. Въ ночь съ 25 на 26 сентября произведены массовые обыски и аресты. Арестованы: Толстиковъ (инт.), Шахъ (студ.), два брата Пересвѣтовы, Пересвѣтова (черезъ два дня выпущена), Ясисъ, Ейнбергъ (уч—цы), Надлеръ (инт.), Орловъ (раб.), Бромбергъ (портной), два брата Балтянскіе (рабочіе), Поля Гуревичъ, Генкина (работницы). Въ послѣдующіе дни было произведено также много обысковъ и арестовано еще 11 человѣкъ. Изъ нихъ пока извѣстна только одна фамилія Иваниченко (студ.). Изъ всѣхъ арестованныхъ только первымъ четыремъ предъявлено обвиненіе, какъ членамъ Херсонскаго Комитета. — **Петербургъ.** Въ ночь со второго на третье октября и почти до вечера послѣдняго въ Питерѣ происходили обыски и аресты. Число тѣхъ и другихъ неизвѣстно. Произведенъ обыскъ у секретаря Вольно-Экономическаго Общества, врача В. В. Хижнякова, у литератора М. П. Миклошевскаго и у недавно пріѣхавшаго на побывку изъ Вологды политическаго ссыльнаго В. В. Татаринова. Арестована В. А. Миклошевская, урожденная Крапоткина, сл. В. Ж. К. — **Нарва.** Приговоромъ Особаго Совѣщанія при М. В. Д. „за неблагонадежность" (безъ всякой мотивировки, допросовъ и т. п.) сосланъ на 4 г. въ Олонецкую губ. б. студ. СПБ. унив., Адольфъ Корндорфъ, возвращенный изъ Вост. Сибири (6 дек. 1902 г.).

Къ статистикѣ арестовъ. Заимствуемъ изъ отчета нижегородскаго общества Краснаго Креста (февраль 1902 — февраль 1903 г.) слѣдующія свѣдѣнія: „За истекшій годъ въ нижегородскихъ тюрьмахъ сидѣло 170 человѣкъ политическихъ. Изъ нихъ 152 мужч. и 18 женщ. Общая сумма времени, проведеннаго всѣми въ тюрьмѣ, равняется 328 мѣсяцамъ, или 27⅓ л. Изъ 170 чел. — 91 раб. и 79 интелиг. Изъ нихъ студ. и курсистокъ — 38, учащихся (или учившихся) въ средн. учебныхъ заведеніяхъ — 21, учителей и учительницъ — 3, врачей — 3 (1 женщина врачъ), купцовъ — 2, управляющихъ имѣніемъ — 1, отставныхъ офицеровъ — 1".

Бѣжали изъ Сибири и благополучно прибыли заграницу: Ролау, сосланный по дѣлу „Искры" въ Туруханскъ; Александръ Цейтлинъ, по Рижскому дѣлу 1901 г.; Моисей Розенбергъ, сосланный въ 1902 г. въ село Малышевку, Балаганскаго уѣзда; Архангельская и Бочкаревъ, осужденные судебной палатой за Саратовскую демонстрацію; Петренко, сосланный до приговора по дѣлу „Искры".

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Господинъ, пріятныя черты котораго мы здѣсь воспроизводимъ, называется *Григоріемъ Рабиновичемъ* и занимается *шпіонствомъ*. Въ началѣ ноября (н. с.) онъ былъ уличенъ въ попыткѣ подкупа двухъ женевскихъ почтальоновъ, которымъ онъ предлагалъ по 200 франковъ въ мѣсяцъ за то, чтобы они давали ему

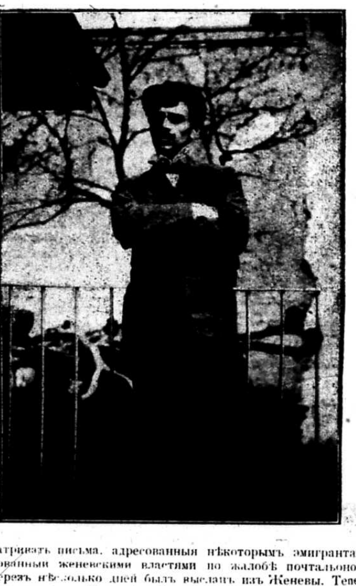

просматривать письма, адресованныя нѣкоторымъ эмигрантамъ. Арестованный женевскими властями по жалобѣ почтальоновъ, онъ черезъ нѣсколько дней былъ высланъ изъ Женевы. Теперь онъ находится въ Парижѣ. Пусть примутъ это къ свѣдѣнію наши парижскіе товарищи.

Для успокоенія нашихъ корреспондентовъ прибавимъ, что у нашихъ женевскихъ товарищей ему, кажется, ничего не удалось украсть.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

34д. Все, посланное Вами, получено, только пишите внимательнѣе адреса, а то на одномъ адресѣ Вы забыли поставить городъ. — **Эдуарду.** Корреспонденція получена. На адресѣ не слѣдуетъ выставлять номера, а также писать, куда переслать письмо. — — **Э.** — Письмо получено. Спасибо за сообщенія. — **Норѣ.** Письма №№ 7, 8 и 9 получены. — **Э.** — Корреспонденція получена.

Получено: изъ Юж. Африки за литерат. 1 ф. с.; изъ Лондона за литературу 3 фунта 7 шиллинговъ; отъ Горскаго (ушедшаго Н. Л.) 2.10; изъ Давоса черезъ Нину 25 фр.; изъ Ма. за литературу 38 мар., пожертвованіе 7 мар.; изъ ф. для Кавказскаго Комитета 67.30 фр.; изъ К. 178.56; изъ Р. отъ М. М. черезъ А. Б. 3 руб.; отъ москвича за литературу черезъ Нину 72.22; черезъ Берлинъ отъ Л. К. 7 мар.; отъ проѣзжаго черезъ Прерау 4.75.

Деньги и письма для „Искры", „Зари" и „Лиги русской революціонной соц.-дем.", а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія „Искры".

---

[1] Въ виду недостатка мѣста мы не помѣщаемъ подробнаго списка листковъ и прокламацій и подробнаго денежнаго отчета.

Приложеніе къ № 52 „Искры“.

ОТЧЕТЪ
Екатеринославскаго Комитета
объ августовскихъ событіяхъ этого года.

Съ появленіемъ извѣстій изъ Баку и другихъ городовъ, въ которыхъ были всеобщія стачки, въ Екатеринославѣ стали ходить слухи, что и здѣсь будетъ то же. Разговоры о предстоящей стачкѣ шли всюду: всѣ таинственно улыбались, дѣлились послѣдними извѣстіями, приходившими съ мѣстъ забастовокъ, и говорили о томъ, „что слышно у насъ“. Среди евреевъ сейчасъ же появились опасенія погрома, но эти опасенія были незначительны, такъ какъ о погромахъ тогда не было слышно ниоткуда. Послѣ извѣстій изъ Кіева разговоры о стачкѣ пошли еще сильнѣе. Разговорамъ способствовало и экономическое положеніе рабочихъ, очень плохое, благодаря недавнему кризису. Когда еще не было слуховъ и о Баку, — на заводѣ Эзау предполагалась стачка; ожидались также стачки дамскихъ портныхъ, трамвайщиковъ и другія.

Въ концѣ іюля Комитетомъ для выясненія положенія было устроено нѣсколько спеціальныхъ собраній: Комитета, агитаторскихъ „летучекъ“, агитаціонныхъ и изъ людей, обычно не посѣщавшихъ никакихъ собраній. На всѣхъ этихъ собраніяхъ говорилось, что забастовка въ другихъ мѣстахъ произошла по двумъ причинамъ: изъ за плохого экономическаго положенія, которое рабочіе захотѣли улучшить, воспользовавшись небольшимъ оживленіемъ промышленности, и, во-вторыхъ, изъ чувства солидарности; далѣе старались выяснить, какая изъ этихъ двухъ причинъ имѣется у насъ и на какой характеръ стачки мы должны больше разсчитывать. Потомъ, когда обсуждались вопросы: призывать ли къ стачкѣ или нѣтъ, а также сможетъ ли стачка принести какія-либо улучшенія въ экономическомъ положеніи рабочихъ,—указывалось, что моментъ для стачки неблагопріятенъ: въ Екатеринославѣ собрались войска на маневры. На все это отвѣчали, что во время кризисовъ цѣны были сбавлены и что теперь, хотя всюду есть новые заказы, никакихъ прибавокъ нѣтъ и что рабочіе ихъ ждутъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ было видно, что экономическое положеніе рабочихъ одинаково плохо и что всюду нужно выставить слѣдующія требованія: 1) сокращеніе рабочаго дня, 2) увеличеніе заработной платы, 3) улучшеніе гигіеническихъ условій работы. Впослѣдствіи, всѣ эти требованія и занимали главное мѣсто въ частныхъ листкахъ, выпущенныхъ Комитетомъ во время стачки. Говорили, что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: всѣ ждутъ не дождутся стачки; что, будемъли мы призывать или нѣтъ, она начнется; что войска не помѣшаютъ ей начаться, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро растущее подъ вліяніемъ извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ. Относительно жел.-дор. мастерскихъ не было никакихъ сомнѣній, что онѣ забастуютъ, а на другихъ заводахъ говорили, что, если жел.-дор. мастерскія забастуютъ, то и они присоединятся къ стачкѣ; въ городѣ тоже увѣряли, что, какъ только заводы бросятъ работу, — и весь городъ броситъ, особеннно, если заводскіе придутъ въ городъ и пригласятъ присоединяться. Выяснивши положеніе, Комитетъ рѣшилъ начать забастовку, несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, и началъ готовиться къ ней. Числа 30-го или 31-го Комитетомъ было получено приглашеніе отъ ком. соц.-рев. прислать представителя на совѣщаніе, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, на какихъ условіяхъ можно было бы работать во время стачки сообща. Ком. послалъ сообщить соц.-рев., что отказывается отъ этого, но человѣкъ, которому это было поручено, ихъ не нашелъ. Свое рѣшеніе Комитетъ принялъ потому, что считалъ, благодаря крупнымъ принципіальнымъ разногласіямъ съ соц.-рев., невозможной совмѣстную съ ними плодотворную работу. Въ Екатеринославѣ кромѣ соц.-дем. организаціи, во главѣ которой стоитъ Е. К. Р. С.-Д. Р. П., признанный Партіей, есть такъ называемая Соц.-Дем. организація старой формы (оппозиція) которая называетъ себя тоже Е. К. Р. С.-Д. Р. П., на что не имѣетъ никакого права. Сторонники этой организаціи довольно многочисленны, и потому Комитетъ рѣшилъ вступить съ ними въ переговоры относительно совмѣстной работы и предложилъ образовать стачечную комисію Е. С.-Д. организацій; это предложеніе было сейчасъ же принято. Въ образовавшуюся коммиссію вступило по три члена съ каждой стороны. Листки каждая организація должна была выпускать самостоятельно, кромѣ бюллетеней, которые были общими; требованія же въ листкахъ должны были быть выставлены одинаковыя. Первые дня распространеніе было самостоятельное, и лишь въ послѣдніе дни рѣшено было сдѣлать его общимъ. Вся остальная работа должна быть совмѣстной. Выработавши условія работы въ коммиссіи, члены ея занялись выработкой плана для веденія стачки. По этому плану стачка должна была начаться утромъ, 7 августа, съ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ: къ 4-му числу подготовительныя работы не были бы закончены, а начинать пятаго было бы невозможно, такъ какъ шестого былъ праздникъ, а извѣстно, что большинство стачекъ кончается на другой день послѣ праздника, и потому побоялись, что стачка, начавшись пятаго, кончится седьмого. Привести это рѣшеніе въ исполненіе было довольно трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали ея и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка. Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаціи и начнетъ стачку сама. Третьяго числа коммиссіей было получено извѣстіе, что с.-р. выпущена прокламація съ призывомъ къ стачкѣ и что они хотятъ начать стачку четвертаго; положеніе коммиссіи стало еще болѣе критическимъ. Если вліяніе с.-р. окажется сильнымъ настолько, чтобы заставить массу начать стачку вопреки плану коммиссіи, то, значитъ, весь планъ рушится, и стачка будетъ не подготовленной, чисто стихійной и, какъ неподготовленная, будетъ обречена на неудачу. Обсудивши положеніе дѣла, коммиссія рѣшила послать къ с.-р. делегата съ порученіемъ поставить имъ на видъ, что они не имѣли права начинать стачку, не спросивши у организацій, за которыми стоитъ большая часть массы, когда эти организаціи рѣшили начать ее. Делегатъ коммиссіи нашелъ с.-р. около 12 часовъ ночи, а около трехъ часовъ утра ушелъ отъ нихъ. Его переговоры кончились тѣмъ, что с.-р. обѣщали постараться отмѣнить свое рѣшеніе, но не надѣялись, что это, въ виду поздняго времени, имъ удастся. *Утромъ четвертаго стало извѣстно, что нигдѣ никакихъ попытокъ начать стачку никѣмъ не дѣлалось.* Во вторникъ, пятаго, забастовало нѣсколько булочныхъ; забастовка эта была чисто стихійная и, очевидно, началась безъ участія какой-либо организаціи. Это подтверждается тѣмъ, что булочники, собравшись въ количествѣ

60 человѣкъ, не знали, что дѣлать, и у нихъ не было человѣка, который могъ бы выработать съ ними требованія. И лишь случайно они нашли такого человѣка (человѣкъ этотъ принадлежалъ къ с.-д. организаціи старой формы). Собраніе ихъ было разогнано полиціей, а среди булочниковъ начались аресты. Коммиссія довольно долго обсуждала вопросъ о томъ, какіе листки выпустить ранѣе: общіе или частные. Одни ея члены говорили, что масса еще неподготовлена и не понимаетъ, что ей требовать, и что, поэтому, надо выпустить экономическіе листки раньше, дня за два до стачки. Другіе имъ возражали, говоря, что, если листки появятся, то стачка сейчасъ же начнется, а подготовительныя работы еще не окончены, и что, если частные листки будутъ выпущены, то администрація будетъ имѣть прямое доказательство, что стачка начнется скоро, и приметъ самыя рѣшительныя мѣры, а, выпустивши листки одновременно, мы до нѣкоторой степени застанемъ администрацію врасплохъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалось вести усиленно устную агитацію. Второе мнѣніе восторжествовало. Начать стачку было рѣшено такъ: на желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ распустить частные и общіе листки и въ восемь часовъ дать гудокъ. Были намѣчены люди, которые должны были дать гудокъ и вывести рабочихъ на дворъ, другіе же должны были произносить рѣчи. Начавши стачку у себя, желѣзнодорожные рабочіе должны были пойти на другіе заводы и пригласить товарищей бросить работу. Коммиссія не была увѣрена, что на другихъ заводахъ бросятъ въ тотъ же день работу, какъ на желѣзной дорогѣ, но планъ ея былъ исполненъ въ точности.

Настроеніе буржуазіи и обывателей все время передъ стачкой было приподнятое, и они также готовились къ стачкѣ. Слухи о томъ, что было въ Одессѣ, заставили хозяекъ дѣлать большіе запасы муки и хлѣба. Во вторникъ, когда забастовали булочники, мучныя лавки прямо осаждались покупателями. Всѣ говорили, что скоро стачка, и всѣ хотѣли, чтобы она началась. Даже одинъ фабричный говорилъ: „Скоро ли начнется стачка, — отдохнуть бы“. Повторяемъ, что слуховъ о погромѣ евреевъ почти не было.

Администрація стала готовиться къ стачкѣ чуть ли не раньше, чѣмъ организація: всюду появилось удвоенное количество городовыхъ и жандармовъ; много поднадзорныхъ арестовано; войска все прибывали и прибывали — пока на двухъ рабочихъ не стало по одному солдату. По степи, гдѣ въ обычное время рабочіе устраивали свои собранія, разъѣзжали отряды полиціи и, нашедши собраніе, свирѣпо разгоняли его. Такъ, 31 іюля, было разогнано большое агитаціонное собраніе, при чемъ много народу было избито. Собираться на степи стало невозможно и всякія собранія были прекращены. Гудки на заводахъ охранялись жандармами. Словомъ, всѣ предосторожности были пущены въ ходъ.

Но ничто не помогло: утромъ 7-го стачка началась и началась такъ, какъ хотѣла того коммиссія.

О томъ, какъ прошло 7 августа на заводахъ — разсказано въ предыдущемъ сообщеніи, а здѣсь мы коснемся только того, что происходило въ тотъ день въ городѣ. Прежде всѣхъ забастовали типографщики. Переходя изъ мастерской въ мастерскую, они останавливали работу, а полиція, иногда съ шашками наголо, гонялась за ними. Вслѣдъ за типографщиками побросали работу многіе другіе цехи, но далеко не всѣ. Трамвайщики, къ большому удивленію и разочарованію всѣхъ, работали. Во многихъ мѣстахъ города во дворахъ, а иногда и по угламъ улицъ стояли отряды солдатъ. Кучки народа собирались почти у каждыхъ воротъ и обсуждали вѣсти, долетавшія съ заводовъ. По Проспекту разъѣзжали городовые и то и дѣло, по направленію къ заводамъ, проходили отряды войскъ.

Утромъ дышалось весело: узнали, что *всѣ* заводы остановились; продолжали работу только на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ; но потомъ настроеніе омрачилось: дошли вѣсти о звѣрской расправѣ и объ убитыхъ и раненыхъ. Часа въ четыре дня эти слухи подтвердились: по Проспекту въ больницу повезли раненыхъ. У всѣхъ видъ былъ ужасный, но особенно сильное впечатлѣніе производилъ одинъ юноша, на видъ совсѣмъ мальчикъ, лежавшій въ извозчичьей пролеткѣ, весь вытянувшись, закинувъ руки за голову; лицо его было страшно блѣдно, и, видимо, онъ сильно страдалъ.

Коммиссія, собравшись вечеромъ, увидала, что ея планы, цѣликомъ оправдавшіеся на заводахъ, не оправдались отчасти въ городѣ и совершенно на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ. Рѣшено было отправить на слѣдующее утро на Чечелевку ораторовъ, а потомъ постараться привести заводскихъ людей въ городъ, чтобы пригласить забастовать тѣхъ городскихъ рабочихъ, которые еще продолжали работать. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, когда будутъ хсронить убитыхъ, устроить имъ торжественные проводы. Коммиссія совершенно забыла, что правительство всегда старается убирать свои жертвы какъ можно скорѣе, и потому не предполагала, что похороны будутъ восьмого.

Второй день, описанный подробно во второмъ бюллетенѣ и въ сообщеніи участниковъ событій, прошелъ не совсѣмъ такъ, какъ хотѣла этого коммиссія. Но результатъ былъ тотъ же; не побросали работу только въ очень немногихъ (ремесл.) мастерскихъ. Коммиссія вечеромъ собралась опять. Были прослушаны отчеты ораторовъ. Передъ началомъ стачки коммиссія, имѣя въ виду опытъ ростовскихъ и одесскихъ товарищей, говорившій, что для того, чтобы масса могла понимать политическія рѣчи, надо основывать ихъ на экономическомъ положеніи, постановила, чтобы рѣчи говорились не сразу на политическія темы. Изъ отчетовъ ораторовъ было видно, что масса очень сочувственно относилась къ политическимъ рѣчамъ. Впослѣдствіи оказалось, что такъ относилась только передовая часть рабочихъ, а малосознательная масса въ первые дни на собраніяхъ не присутствовала; на тѣхъ же собраніяхъ, какъ, напр., въ Кайдакахъ, гдѣ было большинство малосознательныхъ, масса была увлечена ораторами и кричала за ними „долой самодержавіе“, но это увлеченіе было слишкомъ поверхностное. Коммиссія въ этотъ день постановила отправить на утро людей на Амуръ и Нижнеднѣпровскъ, чтобы остановить работы и тамъ. Она располагала въ это время двѣнадцатью ораторами; одни изъ нихъ должны были пойти на Чечелевское собраніе, другіе на Кайдаки, а третьи на Амуръ и Нижнеднѣпровскъ. Кромѣ этого, коммиссія приняла рѣшеніе устроить въ два часа (девятаго) демонстрацію передъ тюрьмой. Въ субботу утромъ узнали, что въ пятницу вечеромъ тюрьма была окружена казаками, и потому это рѣшеніе было отмѣнено.

На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ въ субботу утромъ удалось остановить всѣ заводы; одинъ заводъ забастовалъ еще наканунѣ. Коммиссія, собравшись въ субботу, рѣшила не дѣлать болѣе никакихъ попытокъ призывать рабочихъ въ городъ, а, пользуясь небывалымъ случаемъ, вести массовую агитацію. Случай былъ дѣйствительно небывалый: въ четырехъ мѣстахъ — на Чечелевкѣ, на Кайдакахъ, на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ происходили собранія. Коммиссія употребила въ дѣло своихъ двѣнадцать ораторовъ, и всѣ они говорили въ продолженіе четырехъ дней. Кромѣ этихъ двѣнадцати лицъ говорили двое-трое соц.-рев. и нѣсколько лицъ, не принадлежавшихъ ни къ какой организаціи. Соц.-рев. приглашали массу къ вооруженной демонстраціи, но никакихъ практическихъ результатовъ отъ этого не было, да, какъ говорятъ, они и сами ихъ не ожидали. Въ субботу ничто не говорило о близкомъ окончаніи стачки, хотя правительство принимало всѣ мѣры, чтобы запугать рабочихъ. Оно арестовывало рабочихъ десятками, всюду насажало солдатъ, а вице-губернаторъ и полиціймейстеръ ежедневно произносили рѣчи „политическаго характера“ и на тему о „свободѣ труда“. Въ воскресенье появились первые зловѣщіе признаки: на собранія народу пришло менѣе, чѣмъ въ первые дни, и, кромѣ того, на Нижнеднѣпровскѣ и на Кайдакахъ говорили, что въ понедѣльникъ выйдутъ на работу. Ораторъ на Нижнеднѣпровскѣ очень долго обсуждалъ съ рабочими экономическія требованія, и ему удалось убѣдить рабочихъ въ необходимости продолжать стачку. Коммиссія рѣшила на утро предпринять самыя сильныя мѣры, чтобы не дать стачкѣ кончиться. Рѣшено было отправить въ наиболѣе опасныя мѣста наиболѣе способныхъ ораторовъ; ораторамъ было сказано, чтобы они, въ случаѣ крайней необходимости, стали у воротъ завода и попытались выяснить рабочимъ ту громадную ошибку, которую они дѣлаютъ, идя на работу. Въ понедѣльникъ утромъ Комитетомъ былъ распространенъ листокъ объ уступкахъ, полученныхъ рабочими въ другихъ городахъ, гдѣ были стачки. Ораторы, пришедши къ заводамъ, не могли попасть на нихъ, т. к. войскъ и полиціи было болѣе, чѣмъ всегда. Кромѣ того, стало извѣстно, что нѣкоторымъ изъ нихъ было опасно пойти туда, гдѣ они говорили раньше. Такъ, про одну женщину, говорившую на Кайдакахъ, иные говорили, что она „вѣдьма“, и что она больше ихъ не обманетъ и не заставитъ кричать „долой самодержавіе“ и, что если она придетъ, то найдутся, пожалуй, люди, которые выдадутъ ее полиціи. Это тамъ, гдѣ за день передъ этимъ хотѣли нести ее на рукахъ! На всѣхъ заводахъ Брянскаго района утромъ начались работы, но рабочіе вышли не всѣ — незначительная часть осталась еще дома. Извѣстіе о началѣ работъ было такъ неожиданно и такъ ошеломляюще, что долго не вѣрили ему. И для самихъ рабочихъ начало работъ было неожиданно: очень немногіе пошли съ твердымъ рѣшеніемъ начать работать, другіе пошли посмотрѣть, много ли вышло на работу, а третьи, думая, что всѣ, идущіе къ заводамъ, идутъ на работу, тоже поднялись и пошли, а за ними и остальные. Это доказывается слѣдующимъ фактомъ: когда рабочіе появились на Брянскомъ и Трубномъ заводахъ и администрація предложила имъ начать работу, то рабочіе отвѣчали, что они пришли только „такъ“ и что они даже не захватили съ собою завтракъ. Имъ отвѣчали, что за этимъ дѣло не станетъ, — и мигомъ были присланы возы арбузовъ и сотни селедокъ. То и другое быстро разобрали, но брали не всѣ: главнымъ образомъ накинулись на „даровщинку“ получающіе больше жалованія, а зарабатывающіе мало почти совсѣмъ не брали. Послѣ обѣда вышло уже больше народу, чѣмъ утромъ, а во вторникъ только рѣдкіе не пошли на работу.

Такъ было въ Брянскомъ районѣ, — на Амурѣ же и Нижнеднѣпровскѣ забастовка продолжалась. И въ понедѣльникъ, и во вторникъ тамъ продолжались собранія, но въ среду начались работы и тамъ.

Въ городѣ большинство ремесленныхъ мастерскихъ начали работу, но рабочіе довольно большого числа мастерскихъ продолжали забастовку; нѣкоторые изъ нихъ продержались еще съ недѣлю, другіе около этого.

Всюду и на заводахъ, и въ ремесленныхъ мастерскихъ рабочіе становились на работу безъ предъявленія какихъ-либо требованій; очень немногіе выставляли ихъ во время забастовки и получили нѣкоторыя уступки. Такъ, на заводѣ Лащавера 7-го августа сбавили полчаса работы, а 8-го — еще часъ; у ремесленниковъ кое-гдѣ прибавили заработную плату, кое-гдѣ уменьшили рабочій день.

Начиная съ этого мѣста, сообщеніе сдѣлано быв. членомъ Екатеринославскаго Комитета, согласно порученію послѣдняго.

Очень важнымъ и очень характернымъ является — на рѣдкость — выдержанное и спокойное поведеніе рабочихъ во время забастовки. Рабочіе машиностроительнаго завода, прежде чѣмъ забастовать, предварительно вычистили всѣ котлы, убрали инструменты, велѣли кочегарамъ оставаться на своихъ мѣстахъ и затѣмъ спокойно всѣ вмѣстѣ вышли изъ завода. „Aber es ist doch gar aristokratisch“ („вѣдь это совсѣмъ по аристократически“), воскликнулъ пораженный всѣмъ этимъ директоръ завода — нѣмецъ. Такое же точно, въ общемъ, было поведеніе рабочихъ и на другихъ заводахъ. На одномъ заводѣ директоръ сталъ грубо упрекать рабочихъ, что они покидаютъ работу; толпа заволновалсь; еще моментъ, и могъ бы произойти взрывъ. „Оставьте его въ покоѣ“, вдругъ воскликнулъ кто-то изъ рабочихъ: „вѣдь онъ такой же наемный пролетарій, какъ и мы, только еще не дошедшій до пониманія своихъ интересовъ“. Сконфуженный директоръ поспѣшно удалился. Когда въ пятницу, восьмого августа, рабочіе двинулись въ городъ и подошли къ трамвайному депо, ворота депо оказались запертыми. „Воротъ не ломай!“, — раздался единодушный крикъ со стороны толпы. Какъ же проникнуть во дворъ? Нашелся одинъ подростокъ, который перелѣзъ черезъ заборъ и отперъ ворота. Рабочіе твердо помнили распоряженіе Комитета (гектографированное), распространенное въ большомъ количествѣ экземпляровъ одновременно съ призывомъ къ забастовкѣ. „Товарищи!“, говорилось въ этихъ маленькихъ листкахъ, „начавъ всеобщую забастовку, мы будемъ вести себя, какъ подобаетъ борцамъ за великое дѣло. Мы будемъ держаться спокойно и не позволимъ себѣ никакого насилія надъ личностью и имуществомъ другихъ“. И послѣднее исполнялось рабочими съ скрупулезной точностью, доходившей по временамъ до педантизма. Надо замѣтить, что эти листки, въ которыхъ указывалось рабочимъ, что во время забастовки они должны вести себя спокойно и съ достоинствомъ и въ то же время дать рѣшительный отпоръ войскамъ и полиціи, если тѣ сами произведутъ нападеніе, — произвели почему-то среди рабочихъ настоящій фуроръ. „Вотъ это именно намъ и нужно“, говорили они вездѣ и повсюду. Очевидно, содержаніе этихъ листковъ гармонировало съ настроеніемъ рабочей массы.

Такое, въ высшей степени корректное, поведеніе со стороны рабочихъ послѣ того, какъ 25 человѣкъ изъ ихъ среды въ первый же моментъ забастовки, рѣшительно безъ всякаго повода, были убиты и тяжело ранены, когда въ то же время разнузданность полиціи доходила до послѣднихъ предѣловъ дикости и нелѣпости, — спокойствіе, выдержанность и тактичность рабочихъ невольно вызвали къ нимъ симпатіи во всѣхъ слояхъ населенія. „Сколько тысячъ народу прошло мимо базара, и ни одно яблочко не пропало!“, съ восхищеніемъ восклицали базарныя торговки, припоминая шествіе рабочихъ въ городъ восьмого августа. „Честьи слава Комитету“ — говорили обыватели: „втеченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ такъ перевоспитать эту орду... Да, это — великое дѣло!“ Буржуазія до сихъ поръ не иначе представляла себѣ рабочую массу, какъ непремѣнно въ видѣ дикой орды. Впрочемъ, екатеринославскій обыватель съ своей точки зрѣнія имѣлъ нѣкоторое основаніе такъ разсуждать. Онъ сравнивалъ теперешнюю грандіозную забастовку съ „бунтомъ“ рабочихъ Брянскаго завода въ 1898 году: въ этомъ „бунтѣ“ участвовало около полуторы тысячи человѣкъ, но они подожгли заводскія строенія, разгромили заводскую кассу, разнесли казенную винную лавку и набросились на близъ лежащія еврейскія лачужки и лавченки, похитивъ часть находившагося въ послѣднихъ товара. Вообще, отъ забастовки всѣ были въ восторгѣ, и пожертвованія въ пользу Комитета предлагались даже тѣми, со стороны которыхъ годъ-два тому назадъ можно было ожидать поступковъ совершенно противоположнаго характера.

Но внезапно нашъ горизонтъ на время затуманился.

Въ понедѣльникъ, 11 августа, часть рабочихъ приступила къ работѣ. Стало ясно, что стачка проиграна, и что Комитетъ не въ силахъ дальше руководить ею. Во вторникъ, 12-го, работы въ Екатеринославѣ и на заводахъ Брянскаго района были уже въ полномъ ходу, а 13-го стачка прекратилась и въ Нижнеднѣпровскѣ и на Амурѣ. Больнѣе всего было думать, что на рабочихъ подѣйствовалъ призывъ вице-губернатора, угрожавшій стачечникамъ высылкой на родину и въ отдаленныя губерніи. Полиція торжествовала побѣду. Она хватала всякаго встрѣчнаго и поперечнаго и арестовывала. Тюрьма, участки, арестантскія роты, казармы, были переполнены сѣрой рабочей массой. По городу распространялись, подчасъ преувеличенные, слухи о безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, совершаемыхъ надъ арестованными. Все это терроризировало массу. Вынужденные стать на работу, не добившись никакихъ уступокъ, рабочіе чувствовали себя оплеванными. Изъ рабочей среды раздавались раздражительные голоса противъ Комитета, „соціалистовъ“, „образованныхъ“. Не нападай они на правительство, не требуй они въ своихъ листкахъ и рѣчахъ низверженія самодержавія, и рабочіе, безъ сомнѣнія, выиграли бы стачку. Такъ разсуждало подовляющее большинство. Въ воздухѣ чувствовалось уныніе и озлобленіе. Атмосфера была до того тяжелая, что Комитетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не рѣшался выпускать никакихъ прокламацій. Ихъ бы все равно не читали, — увѣряли организованные рабочіе, — а между тѣмъ, онѣ дали бы только лишній поводъ къ нападкамъ на Комитетъ. Между тѣмъ, полиція распускала слухи, что виною всему „жиды“. Они-де нарочно устроили забастовку, чтобы подвести рабочихъ подъ пули, желая этимъ отомстить христіанамъ за кишиневскій погромъ. Очень упорно циркулировалъ слухъ, что въ рабочихъ стрѣляли еврейскіе солдаты. На допросахъ и при посѣщеніи мѣстъ заключенія, полиція постоянно напоминала рабочимъ, что нужно „бить жидовъ“. Екатеринославскіе евреи — преимущественно буржуазія — которымъ — даже въ самое спокойное время — вѣчно мерещится еврейскій погромъ, на этотъ разъ впали въ полное отчаяніе. Они обратились къ полиціймейстеру съ предложеніемъ взять двѣ тысячи рублей „на расходы“, надѣясь, что, получивши взятку, полиція угомонится. Полиціймейстеръ, который за недѣлю до того самъ вымогалъ у евреевъ эту сумму, на этотъ разъ отказался принять отъ нихъ деньги. „Сами заварили кашу, теперь расхлебывайте ее, какъ знаете“, заявилъ имъ этотъ нахалъ. Но черезъ пару дней, какъ увѣряютъ, онъ смягчился и за то получилъ 500 рублей лишнихъ. Другая часть евреевъ — особенно молодежь — пыталась отправить депутацію къ Комитету и войти съ нимъ въ соглашеніе, желая узнать его планы насчетъ ожидаемаго погрома. Комитетъ, по весьма понятнымъ причинамъ, долженъ былъ то и другое отклонить. Молодежь запаслась палками и револьверами; образовались кружки самообороны. Съ своей стороны, Комитетъ старался разузнавать настроеніе рабочихъ, но всѣ разслѣдованія все больше и больше убѣждали, что рабочіе остаются совершенно глухи къ подстрекательству полиціи насчетъ учиненія еврейскаго погрома. Погромъ ожидался къ 22 августа (въ пятницу), такъ какъ [illegible] и въ слѣдующіе два дня были православные праздники. Наканунѣ этого дня значительная часть евреевъ, побросавъ свои пожитки, бросились выѣзжать изъ Екатеринослава. Комитетъ къ этому дню выпустилъ къ рабочимъ печатный листокъ въ количествѣ 3000 экземпляровъ, гдѣ напоминалось рабочимъ о всей жестокости и гнусности, которыя проявила правительственная свора во время забастовки, и гдѣ также указывалось на истинную цѣль правительства въ дѣлѣ подстрекательства къ еврейскимъ погромамъ. Наступилъ день 22 августа, но нигдѣ никакого помина о погромѣ не было; такъ же спокойно прошли и второй и слѣдующій день. Полиція обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, ошиблась въ своихъ разсчетахъ, о чемъ, между прочимъ, горько сожалѣлъ приставъ четвертой части, слишкомъ хорошо извѣстный рабочимъ и поднадзорнымъ города Екатеринослава. Разсчеты полиціи оказались ошибочными по весьма понятнымъ причинамъ. То тяжелое настроеніе рабочихъ, о которомъ мы упомянули раньше, и ихъ враждебное отношеніе къ Комитету продолжалось всего нѣсколько дней. Оно объяснялось отчасти правительственнымъ терроромъ, а, съ другой стороны, нѣкоторую роль въ этомъ отношеніи сыграли причины такъ сказать, психологическаго свойства. Масса инстинктивно чувствовала, что она опрометчиво поступила, преждевременно прекративъ забастовку; надо было какъ-нибудь себя оправдать, найти виновника, на котораго можно было бы взвалить всю вину за свою опрометчивость. Такимъ виновникомъ, прежде всего, оказался Комитетъ, который, руководя стачкой, не привелъ-де къ желаннымъ результатамъ. Но черезъ нѣсколько дней уныніе и раздраженіе постепенно улеглись. Опять наступило бодрое настроеніе; кое-гдѣ рабочимъ сдѣлали маленькія уступки; атмосфера стала проясняться, и въ концѣ августа рабочіе завода Эзау стали вновь серьезно готовиться къ стачкѣ. По ихъ просьбѣ, Комитетъ и „оппозиція" къ назначенному дню выпустили къ рабочимъ этого завода гектографированныя воззванія. Утромъ этого дня заводъ, и почему-то желѣзнодорожныя мастерскія, были густо оцѣплены войсками; ораторъ, посланный Комитетомъ, не могъ проникнуть во дворъ завода, и стачка не состоялась. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, къ стачкѣ сталъ готовиться и гвоздильный заводъ Гантке и также обратился къ Комитету съ просьбой о листкѣ, но Комитетъ, не надѣясь, что стачка удастся, отказался исполнить просьбу рабочихъ.

Подводя итогъ августовскимъ событіямъ, Комитетъ имѣетъ полное право признать, что въ сраженіи, которое организованные екатеринославскіе рабочіе дали правительству, побѣда всецѣло оказалась на сторонѣ соціальдемократіи. О пораженіи здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Пораженіе было бы только въ томъ только случаѣ, если бы часть организованныхъ рабочихъ разочаровалась въ своихъ чаяніяхъ и надеждахъ, если бы она сознательно вышла изъ состава организаціи. Но ничего подобнаго не было. Наоборотъ, послѣ забастовки число активныхъ сторонниковъ Комитета стало возрастать съ небывалой раньше быстротой. Втеченіе мѣсяца слишкомъ, не проходило почти ни одного дня, чтобы къ Комитету не обращались все новыя и новыя лица съ просьбой принять ихъ въ организацію. Изъ всѣхъ заводскихъ раіоновъ Екатеринославской губерніи (Каменскаго, Лозовой, Панютина, Павлограда, Кривого Рога, Луганска) къ Комитету стали обращаться съ настойчивыми требованіями о регулярномъ снабженіи ихъ соціальдемократической литературой, о распространеніи среди нихъ прокламацій и о посылкѣ туда агитаторовъ и пропагандистовъ. Забастовка не осталась безъ вліянія и на крестьянство. Еще за нѣсколько дней до забастовки и во время самой забастовки рабочіе, по собственному почину, отправлялись въ близъ лежащія деревни и агитировали среди тамошнихъ крестьянъ. Въ деревнѣ Чапляхъ, расположенной въ 13 верстахъ отъ Екатеринослава, крестьяне, работавшіе на лѣсопильнѣ Воронцова, присоединились къ стачкѣ и коечего добились. Остальное населеніе въ эти дни собиралось на улицѣ и въ домахъ и горячо обсуждало доходившія къ нимъ изъ города вѣсти. Въ воскресенье снарядили лодки и рѣшили отправиться въ городъ. Особенно горячились женщины. Новая полицейская стража не замедлила обнаружить здѣсь свое рвеніе; урядникъ въ это именно воскресенье арестовалъ нѣсколько бабъ за „открытое собраніе на улицѣ". Въ деревнѣ Каменка крестьяне желали только одного: чтобы забастовка продолжалась еще хоть недѣлю; кончится уборка хлѣба, тогда и они присоединятся. Крестьяне какой-то деревни, расположенной около Каменскаго завода, выражали тамошнимъ рабочимъ желаніе, чтобы среди нихъ велась правильная пропаганда и агитація, и, между прочимъ, просили написать и распространить среди нихъ прокламацію противъ духовенства. Забастовка не прошла безслѣдно и для войска. Среди солдатъ квартирующаго въ Павлоградѣ Керчь-Еникальскаго полка, рота котораго стрѣляла въ Екат. рабочихъ, Комитетъ нашелъ возможнымъ распространить въ количествѣ 500 экземпляровъ печатный листокъ, въ которомъ солдатамъ разъяснялся смыслъ забастовки, а также цѣль и стремленія соціальдемократіи. Среди солдатъ квартирующихъ въ Екатеринославѣ полковъ забастовка вызвала интересъ къ книгѣ — къ чтенію. Даже подстрекательство полиціи къ еврейскому погрому оказалось на руку революціонерамъ. Намъ лично послѣ этого пришлось слышать отъ массового, недавно оторваннаго отъ сохи и скучающаго по деревнѣ рабочаго, что къ погрому подстрекаетъ правительство, желая отвлечь вниманіе рабочихъ отъ ихъ истинныхъ враговъ. Наконецъ, забастовка съ непреложной убѣдительностью обнаружила, что въ глазахъ рабочей массы самодержавіе потеряло ореолъ своей святости. Если рабочіе втеченіе нѣкотораго времени были недовольны политическимъ характеромъ забастовки, то только потому, что, по ихъ мнѣнію, Комитетъ руководился ложнымъ разсчетомъ. Наиболѣе невѣжественная масса рабочихъ твердила, что политическая свобода нужна только для „образованныхъ"; рабочимъ же слѣдуетъ думать только объ удовлетвореніи своихъ профессіональныхъ нуждъ. Болѣе культурная и очень значительная часть рабочихъ говорила, что слѣдовало бы раньше добиться сначала сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а затѣмъ уже бороться за политическую свободу. Какъ бы то ни было, вопросъ о самодержавіи былъ поставленъ ребромъ, и втеченіе почти двухъ мѣсяцевъ рабочіе о немъ только и говорили, по поводу него шли вѣчные разговоры и споры. Комитетъ въ послѣднихъ числахъ сентября издалъ по этому поводу листокъ, въ которомъ онъ разъяснялъ суть и истинный характеръ самодержавнаго строя. Листокъ былъ изданъ въ количествѣ 5000 экземпляровъ, и это количество оказалось недостаточнымъ.

Таковы въ краткихъ чертахъ результаты августовскихъ событій нынѣшняго года.

Списокъ убитыхъ, доставленныхъ въ Брянскую больницу и похороненныхъ 8 августа 1903 года.

Крестьянинъ Могилевской губ., Гомельскаго уѣзда, Старогорновической вол., дер. Кожановки Андрей Ивановъ Носенокъ 22 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Лѣсновской вол., села Рѣдьна Семенъ Саверьяновъ Гиковъ; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Лѣсновской вол., дер. Свиридовка Федоръ Жуковъ 33 лѣтъ,; крестьянинъ Черниговской губ. Малощербиновской вол., Сергѣй Васильевъ Тарасенко; крестьянинъ Смоленской губ., Рославльскаго уѣзда, Екарновской вол., села Фроловки Петръ Дмитріевъ Семеновъ 23 лѣтъ; крестьянинъ Виленской губ. Игнатій Осиповъ Овсянниковъ; крестьянинъ Полтавской губ., Кременчугскаго уѣзда, Глобовской вол. Алексѣй Ивановъ Шемяка; крестьянинъ Полтавской губ., Константиноградскаго уѣзда, Надеждинской волости и села Яковъ Варновичъ Рибасъ 36 лѣтъ; крестьянинъ Нижегородской губ., Демьяновскаго уѣзда Ельпор. вол., села Ваймен Василій Петровъ Пѣтуховъ 16 лѣтъ.

Кромѣ того, двое убитыхъ взяты на квартиры и похоронены на другомъ кладбищѣ. Всего убитыхъ 11 человѣкъ. Имена взятыхъ на квартиры неизвѣстны.

Раненые:

Діонисій Кухальскій 17 л.; Іосифъ Трибухъ 17 л.; Афанасій Кофтунъ; Григорій Долгановъ 27 л.; Михаилъ Павловъ, отправленъ въ городъ; Алексѣй Ширеванскій; Никифоръ Артамоновъ; Прохоръ Клюквинъ; Степанъ Ефимовъ; Ефимъ Пѣтуховъ; Иванъ Акимовъ, умеръ отъ ранъ 9 августа; Петръ Медвѣдевъ; Ѳаддей Жуковъ, умеръ отъ ранъ 9 августа; Дарья Пелюшина; Егоръ Акимовъ, умеръ отъ ранъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 53. 25-го ноября 1903 г. Годъ III.

РУССКОЕ СОЦІАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО.
NEW YORK.
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Извѣщеніе

о второмъ очередномъ съѣздѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Недавно состоялся второй очередной съѣздъ Россійской іальдемократической Рабочей Партіи. Послѣ пятилѣт- о промежутка, протекшаго со времени перваго съѣзда, россійскіе соціальдемократы, имѣемъ наконецъ факти- ки возстановленную и единую организованную партію. оченный въ рабочую партію, нашъ пролетаріатъ удеся- итъ теперь энергію своей борьбы съ царскимъ самодер- віемъ и со всѣми эксплуататорскими классами Россіи.

Второй съѣздъ былъ созванъ Организаціоннымъ Комите- ь, послѣ самой тщательной подготовки всѣхъ условій, зпечивающихъ правильное и полное представительство хъ дѣйствующихъ организацій Россійской Соціальдемо- тической Рабочей Партіи. На съѣздѣ были представлены комитетовъ Партіи, три союза комитетовъ, одинъ рабо- союзъ, приравненный къ комитету, обѣ заграничныя анизаціи (Союзъ и Лига), группы Освобожденія Труда и наго Рабочаго, организація Искры, Центральный и За- ничный Комитеты Бунда. Изъ всѣхъ организацій, за орыми Организаціон. Комитетомъ было признано право дставительства на съѣздѣ, только одна не могла быть дставлена по причинамъ чисто случайнаго характера. ъ видныхъ дѣятелей Партіи былъ приглашенъ къ уча- о на съѣздѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Орга- заціонный Комитетъ успѣшно выполнилъ свою задачу, завши съѣздъ, который по полнотѣ представительства яется невиданнымъ въ исторіи русскаго революціоннаго женія.

Продолжая работу перваго съѣзда, второй съѣздъ послѣ вѣрки делегатскихъ полномочій и утвержденія регламента, ставилъ прежде всего вопросъ о положеніи Бунда въ Пар- Вопросъ былъ разрѣшенъ послѣ продолжительныхъ батовъ, въ смыслѣ безусловнаго осужденія федеративнаго инципа организаціи Партіи. Затѣмъ съѣздъ перешелъ къ сужденію проекта партійной программы. Взявъ за основу ектъ Искры и Зари, съѣздъ подвергъ его въ длинномъ ѣ засѣданій всестороннему разбору по пунктамъ и, внеся вѣтствующія измѣненія, окончательно *утвердилъ про- мму Россійской Соціальдемократической Рабочей ртіи.* Далѣе, чтобы вполнѣ точно опредѣлить общій ха- теръ партійной тактики, чтобы положить конецъ борьбѣ личныхъ теченій внутри соціальдемократіи, съѣздъ гро- нымъ большинствомъ голосовъ утвердилъ Центральнымъ ганомъ Партіи Искру, признавъ, такимъ образомъ, напра- ніе этого органа направленіемъ всей Партіи. Выслушавъ ѣмъ доклады делегатовъ, съѣздъ перешелъ къ вопросу организаціонномъ уставѣ Партіи и, послѣ оживленныхъ еній объ отдѣльныхъ пунктахъ, утвердилъ подавляющимъ льшинствомъ голосовъ *организаціонный уставъ Россій- й Соціальдемократической Рабочей Партіи.* Обез- нивая автономію мѣстныхъ комитетовъ и всѣхъ вообще режденій Партіи во всемъ, что касается спеціально и ис- очительно тѣхъ отраслей партійной работы, для завѣды- ія которыми они созданы, этотъ уставъ провелъ центра- стическій принципъ организаціи, поставивъ во главѣ Пар- , съ одной стороны, редакцію Центральнаго Органа для йнаго руководства Партіей, съ другой стороны, Централь- й Комитетъ для объединенія и направленія всей практи- ской работы Партіи. Для согласованія дѣятельности обо- ъ центровъ созданъ Совѣтъ Партіи, какъ ея высшее режденіе. Отъ общаго организаціоннаго устава Партіи ѣздъ перешелъ къ спеціальному уставу Бунда и отвергъ рой пунктъ предложеннаго Бундомъ проекта, по кото- у Бундъ является единственнымъ представителемъ еврей- го пролетаріата и никакими районными рамками не огра- енъ. Когда этотъ пунктъ былъ громаднымъ большин- омъ голосовъ отклоненъ, делегаты Бунда удалились со ѣзда, заявивъ *о выходѣ Бунда изъ Россійской Соціаль- мократической Рабочей Партіи.* Съѣздъ разсмотрѣлъ ѣмъ вопросъ о районныхъ организаціяхъ, признавъ ихъ пустимость съ утвержденія Центральнаго Комитета, и рас- стилъ слѣдующія отдѣльныя группы Партіи: группу Осво денія Труда, организацію Искры, группу Южнаго Рабо- ъ, Союзъ русскихъ соціальдемократовъ заграницей и ппу Борьбы. Единственной заграничной организаціей ртіи съѣздъ призналъ Лигу, причемъ постановилъ, что а можетъ оказывать поддержку русскому движенію не че, какъ черезъ посредство лицъ или группъ, особо на- ченныхъ Центральнымъ Комитетомъ.

Наконецъ, съѣздъ произвелъ выборы должностныхъ лицъ редакцію Центральнаго Органа, въ Центральный Коми- ъ и въ Совѣтъ Партіи и принялъ резолюціи о профес- альной борьбѣ, о демонстраціяхъ, о представительствѣ международномъ конгрессѣ, о движеніи среди учащихся, отношеніи къ либераламъ и соціалистамъ-революціоне- ъ, о партійной литературѣ, о работѣ среди сектантства, оведеніи на допросахъ и т. д.

Полный текстъ партійной программы, организаціоннаго ава Партіи и всѣхъ главнѣйшихъ резолюцій съѣзда опуб- овывается, по соглашенію Центральнаго Комитета и ре- ціи Центральнаго Органа, въ особой брошюрѣ. Что же ается до протоколовъ съѣзда, которые велись по каждому зданію и утверждались самимъ съѣздомъ, то вопросъ объ опубликованіи сданъ въ особую коммиссію, выбранную здомъ. Коммиссія эта приступила уже къ своей работѣ. Въ настоящее время центральныя учрежденія нашей Пар- созданныя вторымъ очереднымъ съѣздомъ, уже конституировались и приступили къ своей дѣятельности на основаніи организаціоннаго устава Партіи.

Товарищи! Передъ нами стоитъ теперь громадная задача провести въ жизнь тѣ рѣшенія, которыя приняты вторымъ съѣздомъ, превратить на дѣлѣ нашу Партію въ то, чѣмъ она должна стать по мысли съѣзда, — въ принципіально-выдержанную, организаціонно-сплоченную коллективную силу, способную руководить всѣми проявленіями классовой борьбы всего пролетаріата всей Россіи и вести его на рѣшительную борьбу за свободу всего народа и за освобожденіе труда отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи.

Товарищи! Мы прекрасно сознаемъ всѣ гигантскія трудности этой задачи. Но мы знаемъ твердо, что она можетъ быть осуществлена и будетъ осуществлена — за это ручается растущее сознаніе русскаго рабочаго класса, который все съ большей и большей энергіей, все болѣе и болѣе широкими массами встаетъ на борьбу и рвется къ послѣдней, отчаянной битвѣ съ врагомъ.

Конецъ разброду и шатаніямъ среди соціальдемократовъ! Подготовительная работа закончена. Дружнѣе же за дѣло, и пусть всѣ члены Партіи въ Комитетахъ, группахъ, кружкахъ и рабочихъ союзахъ строятся плотнѣе въ ряды и шеренги, чтобы итти, какъ одинъ человѣкъ, впередъ и впередъ, къ полной побѣдѣ надъ всѣми врагами пролетаріата!

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ россійская, даздравствуетъ международная революціонная соціальдемократія!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ
Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Октябрь 1903 г.

Центральный Комитетъ поручаетъ всѣмъ организаціямъ Партіи переиздать это извѣщеніе и распространить его повсюду, въ возможно большемъ количествѣ.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ РЕДАКЦІИ „ИСКРЫ“.

На второмъ съѣздѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи „Искра“ признана Центральнымъ Органомъ Партіи. Предложеніе объ утвержденіи ея старой редакціи было отклонено съѣздомъ, который постановилъ произвести выборы трехъ редакторовъ. Выборы дали слѣдующій результатъ: Г. Плехановъ — 23 голоса, Л. Мартовъ — 22, Н. Ленинъ — 20, Д. Кольцовъ — 3 голоса. Шестнадцать делегатовъ, имѣвшіе 20 голосовъ, отказались участвовать въ голосованіи. Л. Мартовъ отказался отъ принятія мѣста въ редакціи; Д. Кольцовъ, какъ ближайшій кандидатъ, послѣдовалъ его примѣру. Съѣздъ постановилъ ограничиться выборомъ тов. Плеханова и Ленина.

Послѣ съѣзда тов. Ленинъ, перваго ноября, выступилъ изъ редакціи, оставаясь сотрудникомъ „Искры“. Оставшійся членъ редакціи, Г. Плехановъ, на основаніи параграфа двѣнадцатаго устава Партіи, кооптировалъ въ редакцію четырехъ бывшихъ ея членовъ (В. Засуличъ, П. Аксельрода, Старовѣра, Л. Мартова).

Такимъ образомъ, съ настоящаго номера „Искра“ выходитъ подъ редакціей той же коллегіи, которая ею руководила втеченіе трехъ лѣтъ, за исключеніемъ выбывшаго изъ нея тов. Н. Ленина.

Редакція.

НАШЪ СЪѢЗДЪ.

Всего пять лѣтъ назадъ десятокъ революціонеровъ, за которыми стояли только еще складывавшіяся организаціи, только еще выходившія изъ подполья кружковой пропаганды на арену общественной борьбы въ серьезномъ смыслѣ этого слова, — десятокъ революціонеровъ собрался, чтобы провозгласить возникновеніе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Ихъ иниціативѣ удалось достичь того, что втеченіе двухъ предыдущихъ лѣтъ порывались сдѣлать наиболѣе дальновидные члены активныхъ соц.-дем. группъ. Партія была провозглашена, какъ идея — какъ символъ принципіальнаго единства задачъ пробуждавшагося въ разныхъ мѣстахъ страны пролетаріата.

Къ сожалѣнію, въ 1898 году Партія оставалась только такимъ символомъ. И не потому, конечно, что случайныя обстоятельства — разгромъ выбраннаго первымъ съѣздомъ Центр. Комитета, — остановилъ развитіе партійной организаціи въ самомъ началѣ. Провалъ былъ дѣломъ случайнымъ, но необходимымъ было то, что партійная организація *не могла возродиться* послѣ этого провала. Въ наличной дѣйствительности не было еще элементовъ для образованія сколько нибудь живучей Партіи. Классовая борьба русскаго пролетаріата только возникала и переживала фазу раздробленнаго, разрозненнаго и туго поддававшагося объединенію протеста противъ соціальнаго гнета. На почвѣ этой зачаточной классовой борьбы только еще формировались элементы партійной организаціи — съ узкимъ кругозоромъ, придавленнымъ убожествомъ окружающихъ условій, съ пониженнымъ темпомъ революціоннаго настроенія. Провозглашеніе идеи партіи было большимъ шагомъ впередъ для тогдашней соціальдемократіи. Достаточно было поставить вопросъ о партіи, чтобы вывести мысль работниковъ соціальдемократіи изъ круга „кустарной“ практики и доктринерской „кружковщины“. Ибо „партія“ значитъ прежде всего „общія задачи“, а общія задачи для борющагося класса означаютъ *задачи политическія*.

Выдвинуть идею партіи значило поставить на очередь вопросъ о политической организаціи рабочаго класса. А потому самый фактъ І-го съѣзда, оставившаго по себѣ извѣстный Манифестъ, долженъ былъ поставить на очередь тотъ вопросъ, которому суждено было втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ служить источникомъ нашихъ партійныхъ междуусобій. Переходъ русскихъ соціальдемократовъ отъ „экономизма“ къ рѣшительной „политикѣ“ былъ необходимой предпосылкой образованія дѣйствительной партіи, и до тѣхъ поръ, пока въ головахъ большинства дѣйствовавшихъ товарищей прочно сидѣли традиціи „экономизма“, не могло быть и рѣчи о заполненіи партійной оболочки реальнымъ содержаніемъ.

Но между тѣмъ, какъ подъ напоромъ жизни и усиленнымъ воздѣйствіемъ литературной пропаганды петербургскіе, московскіе, одесскіе и др. экономисты превращались на дѣлѣ въ *россійскихъ соціальдемократовъ*, росли и множились элементы дѣйствительнаго *организаціоннаго* единства, способные создать и поддержать техническій аппаратъ партійной организаціи. Соціальдемократическій „кустарь“ вытѣснялся профессіональнымъ революціонеромъ, получавшимъ свое политическое воспитаніе на все усложнявшейся работѣ передовыхъ организацій, въ атмосферѣ революціоннаго подъема, характеризующаго послѣдніе годы.

Идейная борьба 1900-1902 годовъ создала для громаднаго большинства дѣйствующихъ товарищей идейное единство. Съ того момента, какъ эта цѣль была достигнута, насущнѣйшей задачей дня стало положить начало *оформленному* существованію такой организаціи, которая была бы способна осуществить это идейное единство въ планомѣрной политической работѣ. Созывъ съѣзда сталъ настоятельной потребностью, и наша необычайно разросшаяся за пять лѣтъ Партія съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что ей удалось успѣшно выполнить эту задачу, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія.

Второй съѣздъ долженъ былъ подвести крупные итоги — итоги пятилѣтней работы Партіи, пятилѣтней внутренней борьбы. Наслѣдство, которое предстояло „ликвидировать“, было громадно; немудрено, что съѣзду пришлось засѣдатьболѣе трехъ недѣль, и все же только часть намѣченныхъ вопросовъ могла быть имъ обсуждена.

Надо было принять общеобязательную партійную *программу*. Долгіе, пожалуй, слишкомъ долгіе дебаты[1] сопровождали принятіе каждаго ея пункта. Здѣсь подводились итоги той теоретической, принципіальной борьбы, которая съ такой энергіей велась года два назадъ. Головокружительно быстрое развитіе русской политической жизни облегчило задачу партійнаго съѣзда, который долженъ былъ ликвидировать эту борьбу „ортодоксіи“ съ „ревизіонизмомъ“ („бернштейніанство“). Это развитіе выкачало изъ соціальдемократіи самые опасные и живучіе элементы бернштейніанскаго оппортунизма, чтобы привить ихъ различнымъ фракціямъ буржуазной демократіи. Наши „соціалисты-революціонеры“ и наши „освобожденцы“ представляютъ въ настоящее время лучшую охрану соціальдемократіи отъ яда оппортунизма. Простой инстинктъ политическаго самосохраненія вынуждаетъ соціальдемократію охранять принципіальную чистоту своей идеологіи. И неудивительно, что въ дебаты о партійной программѣ только одинокіе голоса вносили отзвуки той недавней эпохи, когда оппортунизмъ заражалъ собой всю Партію. „Ортодоксальная“ программа, программа революціонной соціальдемократіи была громаднымъ большинствомъ голосовъ признана программой Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Не будемъ обольщаться этимъ успѣхомъ. Не забудемъ, что не послѣднюю роль [illegible] соціалистическаго оппортунизма, который обрѣлъ возможность пріютиться въ нѣдрахъ буржуазной демократіи, вынужденной объективными условіями придавать „соціалистическій“ характеръ своей программѣ. Благодаря этой причинѣ побѣда „ортодоксіи“ далась намъ слишкомъ легко, и мы поступили бы опрометчиво, если бы почили на лаврахъ послѣ этой побѣды. Придутъ времена — и они уже не за горами, — когда въ атмосферѣ, освѣженной политическимъ преобразованіемъ, начнется процессъ перераспредѣленія политическихъ элементовъ, когда рабочему движенію придется развиваться подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ противорѣчій капиталистическаго строя, не осложненнымъ специфической политической обстановкой абсолютизма; когда этого, особенно успѣшно революціонизирующаго сознаніе, фактора не будетъ на лицо. Тогда нашъ пролетаріатъ столкнется лицомъ къ лицу со всѣми тѣми воздѣйствіями, которыя въ странахъ Зап. Европы противоборствуютъ прогрессирующему революціонизированію его мышленія. Только тогда соціалистическій оппортунизмъ сможетъ стать реальной и опасной силой. И мы теперь же должны подготовляться къ этой возможности, мы теперь же должны ковать оружіе для борьбы съ оппортунизмомъ. А такимъ оружіемъ можетъ быть только высокій уровень *классоваго самосознанія* пролетаріата и пріобрѣтеннаго имъ *политическаго воспитанія*. Развитію классоваго самосознанія и политическаго воспитанія россійскаго пролетаріата въ цѣломъ противодѣйствуютъ убожество нашей политической жизни и давленіе нашего государственнаго строя. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы работать надъ развитіемъ этихъ качествъ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые силой революціоннаго энтузіазма освободили свою волю и мысль отъ неограниченнаго господства этихъ внѣшнихъ условій. Тѣмъ съ большей энергіей должны мы теперь же, не покладая рукъ, работать надъ вовлеченіемъ все большаго и большаго числа пролетаріевъ въ организуемую нами рабочую партію. Всесторонняя и планомѣрная политическая агитація и непрестанная пропаганда теоретическихъ основъ нашей программы — этими средствами мы должны обезпечить рабочему классу выработку той соціалистической революціонной традиціи, которая послужитъ въ дальнѣйшемъ прочнымъ оплотомъ противъ оппортунистической деморализаціи его классоваго движенія.

Дѣло политическаго самовоспитанія пролетарскаго авангарда требуетъ для своего успѣха не только прочнаго *программнаго* базиса, но и соотвѣтствующихъ формъ его *политической организаціи*. Вопросъ о созданіи такой партійной организаціи, которая наилучшимъ образомъ обезпечила бы развитіе боевой готовности россійскаго пролетаріата и успѣхъ дѣла его политическаго воспитанія, занималъ партійные круги втеченіе всего послѣдняго времени. По всей линіи нашего движенія за послѣдніе годы происходила сильная организаціонная ломка — то движеніе приспособлялось къ новымъ партійнымъ задачамъ. Отъ партійнаго съѣзда мы всѣ ожидали, что онъ завершитъ эту работу, что онъ снесетъ всѣ обломки, загромождающіе путь, что онъ смѣло и рѣшительно заложитъ основы слитной партійной организаціи.

Съѣздъ серьезно задался цѣлью „ликвидировать періодъ кустарничества“. Къ сожалѣнію, надо признаться, что въ предыдущій періодъ ясно и полно въ партійной печати была рѣшена только отрицательная сторона этой задачи. Что должно быть уничтожено, чего не слѣдуетъ дѣлать изъ того, что дѣлалось до сихъ поръ — это понимали всѣ. Гораздо болѣе неопредѣленны и туманны были взгляды на то, что же дѣлать? Нужна централизованная партійная организація, не нужно „кустарничество“ — таковъ былъ итогъ предшествовавшаго періода. Но какъ построить эту централизованную организацію, какая система учрежденій и отношеній между ними явится наиболѣе подходящей формой для развитія такой организаціи — объ этомъ думали мало и еще меньше говорили. Можно пойти дальше и съ увѣренностью утверждать, что для большинства товарищей организаціонный централизмъ былъ прежде всего опредѣленнымъ *настроеніемъ*, а не твердо и ясно продуманной *идеей*. И вотъ почему уставъ нашей Партіи, принятый на съѣздѣ, представляетъ произведеніе гораздо менѣе совершенное, чѣмъ принятая имъ программа. Вотъ почему и дебаты объ уставѣ, на нашъ взглядъ, были менѣе плодотворны, чѣмъ могли бы быть. Отдѣльные пункты устава дебатировались съ большой обстоятельностью и еще большей страстностью, нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ сконцентрировали на себѣ особенное вниманіе делегатовъ и вызвали среди единаго „искровскаго“ большинства раздѣленіе, въ которомъ сказалось глубоко-различное отношеніе къ существеннымъ вопросамъ партійной организаціи. Но ни глубина этого разногласія, ни принципіальныя основанія его не выяснились сразу громадному большинству съѣзда и только этимъ можно объяснить какъ то обстоятельство, что дебаты не выходили изъ одной, узко-опредѣленной плоскости, такъ и то, что въ вопросахъ, выходившихъ за предѣлы этой плоскости, обѣ спорившія стороны казались — и другимъ, и самимъ себѣ — вполнѣ солидарными.

---

[1] Надо замѣтить, что главная часть этихъ дебатовъ происходила въ засѣданіяхъ коммиссій, бывшихъ гласными. Протоколы съѣзда не заключаютъ въ себѣ этихъ поучительныхъ дебатовъ.

Благодаря этому, споръ при обсужденіи устава Партіи сконцентрировался почти исключительно на вопросѣ объ организаціи *центральныхъ учрежденій Партіи*. Взаимныя отношенія между литературнымъ органомъ Партіи, которому при русскихъ условіяхъ приходится играть такую важную организаціонную роль — съ одной стороны, и Центральнымъ Комитетомъ — съ другой, почти исключительно заполонили вниманіе большинства делегатовъ. Обѣ намѣтившіяся стороны стремились создать вполнѣ централизованную партійную организацію и обезпечить устойчивость и выдержанность политики партійнаго центра. Но въ то время, какъ для однихъ лучшимъ средствомъ къ этой цѣли представлялось закрѣпленіе помощью „строгихъ“ пунктовъ устава опредѣленнаго („искровскаго“) вліянія на Цен. Ком. и — черезъ посредство его — на всѣ партійныя организаціи, другіе, отрицая „творческое“ значеніе въ этомъ смыслѣ за пунктами устава и тѣми или иными, несоотвѣтствующими реальному отношенію силъ въ Партіи „строгими“ рѣшеніями съѣзда, выдвигали задачу постепеннаго преобразованія нашей, по существу еще очень неорганизованной и раздробленной Партіи путемъ организаціоннаго воспитанія ея членовъ и централизаціи — на дѣлѣ, а не на бумагѣ лишь — главнѣйшихъ функцій партійной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія меньшинство съѣзда отвергало всѣ тѣ требованія, которыя грозили, на его взглядъ, развить чисто внѣшній, формально бюрократическій централизмъ въ партійной организаціи со всѣми его послѣдствіями — сектантской кружковщиной, постоянными расколами и фактическимъ безсиліемъ партійныхъ центровъ при фактическомъ торжествѣ исконной нашей партійной анархіи.

Къ сожалѣнію, держась, такъ сказать, оборонительной позиціи и не придавая достаточнаго значенія „буквѣ закона“, меньшинство, повторяемъ, ограничилось отстаиваніемъ своихъ тенденцій, главнымъ образомъ, въ сферѣ вопроса о взаимоотношеніи партійныхъ центровъ. Ему казалось, что правильная организація партійныхъ центровъ рѣшаетъ окончательно вопросъ о томъ направленіи, которое будетъ придано работѣ по централизаціи партійнаго дѣла. Этимъ надо объяснить какъ рядъ явныхъ пробѣловъ въ принятомъ на съѣздѣ уставѣ — пробѣловъ въ дѣлѣ точнаго опредѣленія взаимныхъ отношеній между Центральнымъ Комитетомъ и мѣстными организаціями, — такъ и несомнѣнно незаслуженное невниманіе „искровцевъ“ обоихъ оттѣнковъ къ важнымъ и, по существу, достойнымъ вниманія указаніямъ нѣкоторыхъ делегатовъ изъ немногочисленнаго лагеря не-„искровцевъ“. Мы дѣлаемъ эту оговорку для того, чтобы обратить вниманіе читателя имѣющихъ выйти протоколовъ съѣзда на тѣ стороны организаціоннаго вопроса, которыя выдвигались именно этими делегатами.

Уставъ Партіи, принятый съѣздомъ, носитъ довольно мозаичный характеръ, поскольку въ отдѣльныхъ его пунктахъ нашли себѣ выраженіе поочередно тенденціи какъ большинства, такъ и меньшинства „искровцевъ“. Этотъ мозаичный его характеръ въ связи съ пробѣлами, выше отмѣченными, заставляетъ опасаться, что при примѣненіи устава къ партійной работѣ могутъ легко возникать конфликты между отдѣльными учрежденіями Партіи. Чѣмъ меньше бюрократическаго формализма будутъ вкладывать товарищи въ пониманіе задачъ централизаціи партійной работы, тѣмъ легче такіе конфликты будутъ улаживаться и тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ самое дѣло централизаціи. А надъ этимъ дѣломъ надо еще очень много и очень дружно работать и работать не однимъ только центральнымъ учрежденіямъ, но и всѣмъ членамъ Партіи. Централизовать партійную работу значитъ не просто отнять такія-то „права“ у мѣстныхъ комитетовъ и передать ихъ — Центральному; это значитъ — прежде всего, внести въ выполненіе каждой мѣстной работы духъ партійной, вмѣсто групповой или приходской, политики; это значитъ, съ другой стороны, связать мѣстныя учрежденія Партіи съ ея центральными органами такой крѣпкой и покоющейся на взаимномъ довѣріи связью, при наличности которой не можетъ и возникать вопроса объ антагонизмѣ мѣстныхъ и общепартійныхъ „интересовъ“. Это, значитъ, слѣдовательно, что центральныя учрежденія Партіи должны прежде всего стремиться стать *фактическими* центрами, т. е. собрать вокругъ себя всѣ наиболѣе зрѣлыя революціонныя силы и обслуживать нужды раскинутыхъ по всей Россіи мѣстныхъ организацій такъ, чтобы послѣднія пріучились видѣть въ партійномъ центрѣ учрежденіе, дѣйствительно, а не по уставу лишь, „объединяющее и направляющее всю дѣятельность Партіи“. Это значитъ, далѣе, что, центры Партіи должны находиться въ самомъ живомъ общеніи со всѣми работниками соціальдемократіи и что, чѣмъ болѣе мы вынуждены русскими условіями вытравить изъ нашихъ организаціонныхъ отношеній формально-„*демократическое*“ начало, тѣмъ болѣе мы должны избѣгать замѣны его столь же формально-„*бюрократическимъ*“ принципомъ, тѣмъ болѣе важно для насъ, чтобы центры Партіи находились въ своей дѣятельности подъ постояннымъ давленіемъ партійнаго „общественнаго мнѣнія“, общественнаго мнѣнія сознательныхъ революціонеровъ, которые тѣмъ охотнѣе будутъ подчиняться суровымъ подчасъ требованіямъ дисциплины, чѣмъ болѣе *партійный*, чѣмъ менѣе *кружковой* характеръ будетъ носить политика центровъ, чѣмъ болѣе серьезно будетъ эта политика считаться съ этимъ общественнымъ мнѣніемъ. И, наконецъ, тѣмъ скорѣе наша Партія получитъ свою централизованную „боевую организацію“, чѣмъ болѣе каждый членъ ея научится сознавать свой партійный долгъ не въ смыслѣ одного лишь „безпрекословнаго“ выполненія въ своей узкой сферѣ того, что „велятъ“, а въ смыслѣ постояннаго, сознательнаго и активнаго участія во всѣхъ проявленіяхъ организаціонной жизни своей Партіи. Намъ нужна, крайне нужна строго-централизованная партійная организація, но эту организацію нельзя составить изъ тѣсныхъ центральныхъ группъ, опирающихся на массу детализировавшихся по спеціальностямъ и вольно или невольно отказавшихся отъ всякаго „разсужденія“ работниковъ революціи — все тѣхъ же „кустарей“ прошлаго періода, только пожертвовавшихъ своими былыми анархическими замашками. Нѣтъ! Наша централизованная организація будетъ организаціей революціонеровъ, умѣющихъ подчиняться и идти въ ногу, но никогда не забывающихъ о томъ, что они члены Партіи и что каждый изъ нихъ долженъ принимать самое активное и сознательное участіе въ процессѣ выработки высшихъ формъ движенія.

На пути къ созданію централистической организаціи передъ съѣздомъ стоялъ вопросъ о „Бундѣ“ и его мѣстѣ въ Партіи. Въ этомъ вопросѣ намъ тоже пришлось только подвести итогъ тому, что было сдѣлано въ предыдущій періодъ. Въ то время, какъ между остальными частями Партіи приходская обособленность все болѣе ослаблялась, и съ моменту съѣзда идея единства всецѣло господствовала надъ умами, отношенія между Бундомъ и всей остальной Партіей становились все болѣе формальными, и въ процессѣ духовнаго объединенія Партіи Бундъ не принималъ никакого участія. При такихъ условіяхъ намъ приходилось согласиться съ Бундомъ объ его мѣстѣ въ Партіи. При господствующемъ въ „Бундѣ“ тяготѣніи къ федерализму, сохраненіе Бунда въ Партіи могло быть куплено только цѣной освященія организаціоннаго разброда въ значительной части сферы нашей дѣятельности. Съѣздъ отвергъ такъ называемый „уставъ-максимумъ“, предложенный Бундомъ и заключавшій въ себѣ полное проведеніе принципа національнаго федерализма. Делегаты „Бунда“ выдвинули тогда свой „уставъ-минимумъ“, который, за вычетомъ параграфа о спеціальномъ представительствѣ еврейскихъ пролетарскихъ интересовъ въ рядахъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, могъ уже служить базисомъ для соглашенія между двумя частями Партіи. Въ отвѣтъ на отклоненіе съѣздомъ указаннаго только что параграфа („Бундъ есть единственный представитель еврейскаго пролетаріата“ и т. д.), делегаты Бунда заявили о выходѣ ихъ организаціи изъ Партіи. Печальная политическая ошибка, отъ которой всего болѣе пострадаетъ еврейскій пролетаріатъ.

Неопытностью русскихъ соціальдемократовъ въ новомъ для нихъ дѣлѣ приходится объяснить тотъ фактъ, что, затративъ очень много времени на дебаты по главнымъ пунктамъ порядка дня, съѣздъ оказался вынужденнымъ сократить остальную часть своихъ дебатовъ и оставить безъ разсмотрѣнія цѣлый рядъ весьма существенныхъ вопросовъ тактики и организаціи, ограничившись по другимъ, столь же важнымъ вопросамъ, принятіемъ резолюцій, безъ обстоятельнаго ихъ обсужденія. Возможность такого принятія ихъ сама по себѣ уже указываетъ на то, что серьезныя разногласія, проявившіяся на съѣздѣ, не выходили за предѣлы вопросовъ организаціонныхъ.

Какія же указанія даетъ намъ, въ концѣ концовъ, второй съѣздъ о состояніи нашей Партіи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить такъ: прежде всего съѣздъ указалъ на гро ный ростъ соціальдемократическаго движенія за послѣдніе го Далѣе, съѣздъ показалъ, что въ рядахъ Партіи господствуетъ *единство по основнымъ вопросамъ партійной программы и тактики.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ возможность констатировать что господствовавшія прежде организаціонныя тенденціи при къ полному банкротству и что масса соціальдемократовъ стремится къ организаціи движенія на началахъ *централизма.* Н въ то же время оказалось, что въ Партіи нѣтъ еще единства н по вопросу о методахъ проведенія въ жизнь новыхъ организаціонныхъ принциповъ, ни по вопросу о предѣлахъ и характер возможной и полезной для соціальдемократическаго движенія цен трализаціи. Неожиданно вспыхнувшія по этимъ вопросамъ раз ногласія ослабили въ значительной мѣрѣ тотъ характеръ един душія и единомыслія, которымъ отличалась первая половина ра ботъ съѣзда. Эти разногласія внесли глубокое раздѣленіе въ среду дотолѣ единомыслящихъ группъ и слѣды этого раздѣленія къ сожалѣнію, долго будутъ напоминать о себѣ. Но, созда рамки оформленной общепартійной организаціи, съѣздъ тѣмъ са мымъ сдѣлалъ возможнымъ такое развитіе Партіи, при которомъ эти и подобныя раздѣленія могутъ не затрагивать организаціон наго единства. Для этого нужно только серьезное и вдумчиво отношеніе къ организаціоннымъ вопросамъ, раздѣлившимъ съѣз Мѣ надѣемся, что освѣщеніе спорныхъ вопросовъ въ литерату будетъ содѣйствовать возстановленію единомыслія и по этимъ во просамъ.

Второй съѣздъ подвелъ — худо ли, хорошо ли — итоги пяти лѣтнему процессу выработки россійской соціальдемократіи въ *политическую партію.* Худо ли, хорошо ли, съѣздомъ заложены основанія для выработки той централизованной партійной орга низаціи, безъ которой Партія не можетъ выполнить поставлен ныхъ ею широкихъ задачъ. И, исходя отъ результатовъ вто рого съѣзда, Партія должна въ своей организаціонной работѣ додѣлать то, что не было закончено, передѣлать то, что сдѣ лано неладно. Знакомство съ протоколами партійнаго съѣзда должно дать всѣмъ членамъ Партіи богатый матеріалъ для выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ партійной жизни.

НѢЧТО ОБЪ „ЭКОНОМИЗМѢ“ И ОБЪ „ЭКОНОМИСТАХЪ“.

(Мысли вслухъ по поводу второго съѣзда Россійской Соці демократической Рабочей Партіи).

Еще очень близко отъ насъ то время, когда мы вели ную и ожесточенную войну съ „экономизмомъ“, и когда каж строчка, посвященная ему въ нашихъ изданіяхъ, являлась бо или менѣе рѣшительной вылазкой противъ этого направле Мы ни мало не удивимся, поэтому, если заглавіе нашей ста вызоветъ у читателя ожиданіе новыхъ нападокъ на „экономиз ~~Но хотя~~ подобное ожиданіе совершенно естественно, мы за редъ объявляемъ его ошибочнымъ. На этотъ разъ мы взя за перо совсѣмъ не съ полемической цѣлью. Мы находимъ, ч полемики съ „экономизмомъ“ было уже довольно, и что он стигла своей цѣли, не оставивъ камня на камнѣ въ его тео тическихъ построеніяхъ и лишивъ его всякаго вліянія на р сійскій пролетаріатъ. Воевать съ нимъ теперь было бы та же безцѣльно и такъ же странно, какъ бороться съ мертвымъ тѣломъ. Однако, отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ уже совсѣ не представляетъ теперь для насъ никакого интереса. Нель бороться съ трупомъ; но его можно подвергнуть *вскрытію, и вскрытіе можетъ дать полезный урокъ тѣмъ, которые еще жизни*. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ взглянуть на „эк мизмъ“ именно съ этой, *анатомической* точки зрѣнія. Намъ чется вскрыть покойника для того, чтобы его *организація* яснила намъ ту историческую *функцію*, которую ему суж было отправлять при жизни.

Латинская пословица гласитъ: de mortuis aut bene, aut (поминай мертваго добромъ, или не говори о немъ ничего). говоривъ объ „экономизмѣ“, мы, къ сожалѣнію, не можемъ слѣдовать благожелательному совѣту, даваемому этой послови Мы вынуждены съ первыхъ же словъ помянуть покойника хомъ. Всякій, кто далъ себѣ трудъ внимательно вдуматься его теорію, понимаетъ, что она угрожала самому существо соціальдемократіи въ Россіи. Люди, выработавшіе ее и за

О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни?

Громадной важности событія разыгрались на югѣ Россіи. Ихъ описанія наполняли собой ближайшіе къ нимъ номера подпольной прессы всѣхъ направленій и въ настоящій моментъ уже вытѣсняются съ ея столбцевъ другими матеріалами. А между тѣмъ поставленные этими событіями вопросы не только не подверглись обсужденію, но еще почти что и не затронуты. Рѣшительную и вдумчивую ихъ постановку мы встрѣтили до сихъ поръ только въ одномъ еще не напечатанномъ письмѣ изъ Кіева. Но мы убѣждены, что волнуютъ и мучатъ эти вопросы далеко не одного только нашего кіевскаго товарища, а многихъ и многихъ русскихъ дѣятелей. Мысль русской соціальдемократіи должна остановиться на нихъ; ихъ ставятъ не отдѣльныя лица, а сама жизнь. Что именно произошло на нашемъ югѣ? были ли это стачки, демонстраціи, возстаніе? „Ничего подобнаго не знала Россія и даже, думается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не зналъ міръ,“ пишетъ кіевскій товарищъ. Указавъ на громадные размѣры движенія, онъ отмѣчаетъ затѣмъ то, что представляется ему „новымъ въ міровой исторіи“ — это „безусловная солидарность всѣхъ рабочихъ“ безъ всякаго различія профессій и національностей. Бастуютъ, какъ одинъ человѣкъ, всѣ рабочіе, начиная съ наилучше обставленыхъ профессій до самыхъ низшихъ чернорабочихъ. Стоятъ пароходы, задерживаются поѣзда, погасло электеричество, бастуютъ приказчики большихъ магазиновъ, нѣтъ конокъ, быстро дорожаетъ хлѣбъ, не выходятъ газеты, нѣтъ мяса, некому чистить сапогъ, остановились постройки, въ Баку не хватаетъ воды. Въ Западной Европѣ, говоритъ кіевскій товарищъ, не смотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организаціи и политическую свободу *такихъ* стачекъ не бывало. Тамъ грандіозныя стачки случаются лишь въ извѣстныхъ профессіяхъ.

Авторъ правъ. Въ странахъ Западной Европы, имѣющихъ большіе профессіональныя организаціи и давно существующія соціалистическія партіи, еще не бывало стачекъ достигающихъ такой всеобщности, какъ у насъ на югѣ и — въ качествѣ явленія однороднаго со стачками въ отдѣльныхъ профессіяхъ — ихъ, думается намъ, никогда и не будетъ. Всеобщая стачка ради давленія на отдѣльныхъ предпринимателей, какъ получателей прибыли, средство очень сильное, но не цѣлесообразное. Именно по своей всеобщности и неибѣжной по этому самому кратковременности отдѣльнымъ предпринимателямъ, какъ таковымъ, она въ большинствѣ случаевъ можетъ причинить лишь незначительный вредъ, доставляя въ тоже время громадныя затрудненія всему населенію въ качествѣ потребителя. По самой сути дѣла, всеобщая стачка можетъ быть цѣлесообразнымъ средствомъ давленія лишь на общество, какъ организованное цѣлое, она и выдвигалась въ Европѣ (а въ Голландіи и Бельгіи отчасти практиковалась), какъ средство политическаго давленія, и проповѣдовалась, какъ приступъ къ соціальной роволюціи.

Но всмотритесь хорошенько и въ наши южныя стачки. Уже одно наиболѣе всеобщее изъ всѣхъ требованій: 8-часовой рабочій день — самой своей международной цифрой говоритъ о своемъ скорѣе принципіальномъ, чѣмъ практическомъ значеніи, носитъ скорѣе характеръ лозунга, какимъ оно до сихъ прь еще остается и въ Западной Европѣ, чѣмъ требованія, подлежащаго немедленному удовлетворенію. И въ дѣйствительности, если въ Баку всеобщая стачка выросла изъ частныхъ, если часть одесскихъ рабочихъ, въ которой запутавшіеся въ свои же собственныя сѣти независимцы возбудили надежды на покровительство начальства, дѣйствительно вѣрила въ удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій, то желѣзнодорожные рабочіе, взявшіе на себя иниціативу всеобщей стачки въ Кіевѣ, опасались поспѣшнаго удовлетворенія, которое испортило бы все дѣло, и умышленно выставляли невыполнимыя, по ихъ мнѣнію, требованія И способъ распространенія этой всеобщей стачки и многія явленія въ ея ходѣ и окончаніи въ значительной степени отнимаютъ у нея характеръ простой борьбы съ своими непосредственными предпринимателями. Распространяется движеніе съ громадной быстротой, перекидываясь изъ одного города въ другой и въ 2-3 дня охватывая все производство, причемъ, если рабочіе, начинающіе въ данномъ городѣ стачку, предъявляютъ своимъ хозяевамъ цѣлый рядъ требованій, то дальше многіе бросаютъ работу уже безъ всякихъ требованій, бросаютъ потому, что всѣ встали, что къ нимъ подошла толпа бастующихъ товарищей. Иной разъ (въ Екатеринославѣ, въ Одессѣ и проч.) требованія вырабатываются на массовыхъ, многотысячныхъ митингахъ, состоящихъ изъ рабочихъ самыхъ различныхъ профессій. Въ разгаръ стачки не разъ случается, что тѣ или другіе предприниматели предлагаютъ своимъ рабочимъ большія уступки, но пока длится одушевленіе, эти уст рѣшительно отвергаются, а когда, подъ вліяніемъ утом толпы на улицахъ рѣдѣютъ и митинги на пустыряхъ и пл дяхъ прекращаются, стачка заканчивается еще дру чѣмъ началась, и всѣ безразлично становятся на работу, лучили или не получили какія-нибудь уступки. Все это ситъ скорѣе характеръ общественнаго протеста цѣлаго противъ лежащаго на немъ экономическаго и политическаго чѣмъ простой стачки противъ своихъ непосредственныхъ пре нимателей. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы это вое движеніе было сознательно направлено противъ сущест щаго экономическаго и политическаго строя Россіи. Но не нѣнно, что рядомъ со всяческой нуждой оно было направ и противъ неподвижности, угнетенности, самоуправства и правія, свойственныхъ самодержавному строю, а тѣмъ самы противъ всѣхъ охранителей этого строя. И эта послѣдняя рона движенія выразилась особенно ярко въ безпрерыв въ большинствѣ случаевъ побѣдоносной борьбѣ съ поли и казаками за свободу уличныхъ собраній, рѣчей, кое-шествій.

Да, *такихъ стачекъ* не видывала Европа, но ту со дарность возставшихъ рабочихъ массъ безъ различія про сій и національностей, которая особенно поражаетъ кіев товарища, не разъ видали столицы континентальной Евр Въ ихъ революціонные дни такъ же пусты были фабри мастерскія, хотя рабочіе уходили изъ нихъ, не предъя хозяевамъ никакихъ требованій, а улицы были наполнены готысячной толпой, въ которой рабочіе всѣхъ профессій пе шивались со студентами, съ одной стороны, и съ самымъ шимъ слоемъ пролетаріата, не имѣющимъ никакой про профессіи, съ другой. И эти массы тоже начинали съ что слушали многочисленыхъ ораторовъ, говорившихъ какого-нибудь возвышенія или поднявшись на плечи варищей.

Многія сцены, разыгравшіяся въ Кіевѣ, точно списан того, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ происходило въ П жѣ или Берлинѣ: рабочіе у вокзала, на угрозу стр распахивающіе груди съ крикомъ „стрѣляй“, шествіе трупами убитыхъ товарищей и, вмѣсто подавленности слѣ залповъ, общее возмущеніе, „долой убійцъ!“, р станіе движенія и въ ширь и въ глубь. Если бы выб изъ строя 50 лѣтъ тому назадъ революціонеръ Парижа щіеся ея распространеніемъ въ нашей средѣ, были идеологами мелкой *буржуазіи*, по самой природѣ своей неспособными стать на точку зрѣнія *пролетаріата* и именно по этой „достаточной причинѣ“ старавшимися *сузить ученіе Маркса*, — за которое они ухватились, какъ за самое стройное соціологическое ученіе своего времени, — до предѣловъ своей собственной мѣщанской ограниченности. Какъ всегда бываетъ, какъ всегда будетъ и какъ всегда должно быть въ случаяхъ подобныхъ экспериментовъ надъ знаменитымъ авторомъ „*Капитала*“, теоретики „экономизма“ оперировали съ помощью нѣкоторыхъ, весьма существенныхъ *теоретическихъ ошибокъ*. Важнѣйшими изъ такихъ ошибокъ являлись, какъ извѣстно, два взгляда: во-первыхъ, взглядъ на отношеніе *экономіи* къ *праву* въ процессѣ историческаго развитія человѣческихъ обществъ; во-вторыхъ, — и въ тѣсной связи съ только что указаннымъ, — взглядъ на роль великихъ историческихъ партій въ дѣлѣ развитія самосознанія тѣхъ классовъ, интересы которыхъ онѣ представляютъ. Оба эти взгляда имѣли важное *практическое* значеніе. Если бы они были усвоены россійскимъ пролетаріатомъ, то этотъ классъ сдѣлался бы совершенно неспособнымъ къ борьбѣ за полное свое освобожденіе отъ ига капитала и могъ бы лишь послушно идти въ хвостѣ либеральной буржуазіи, которая, съ своей стороны, время отъ времени кидала бы ему, въ награду за благонравіе, болѣе или менѣе жалкую „соціальную реформу“. Сообразно съ природой того общественнаго класса, который они представляли въ области идеологіи, теоретики „экономизма“ были, сами того не подозрѣвая, теоретиками „*соціальнаго мира*“, отъ котораго пролетаріатъ не можетъ ровно ничего выиграть, но, напротивъ, рискуетъ потерять даже то, чего онъ уже добился *соціальной войною*. Одного этого смертнаго грѣха противъ рабочаго класса было бы вполнѣ достаточно для оправданія самой безпощадной войны съ „экономизмомъ“. Но это еще не все. Не будучи въ состояніи понять отношеніе экономіи къ праву вообще, а, слѣдовательно, и къ общественному праву, теоретики „экономизма“ нерѣдко выступали проповѣдниками такихъ политическихъ идей, усвоеніе которыхъ пролетаріатомъ очень значительно ослабило бы его энергію даже въ борьбѣ съ существующимъ у насъ политическимъ порядкомъ. Въ этомъ случаѣ голосъ классоваго инстинкта умолкалъ у нихъ подъ вліяніемъ ошибочной догмы и, — вотъ какъ вредно вліяніе „догматизма“! — они, идеологи мелкой буржуазіи, такъ сильно заинтересованной въ торжествѣ политической свободы, выступали иногда союзниками царизма. Правда, они дѣлали это невольно и безсознательно. Но это не уменьшало вреднаго вліянія ихъ ученія, и это еще разъ показываетъ, до какой степени была, въ свое время, для насъ обязательна война съ „экономизмомъ“. Ополчаться противъ него долженъ былъ каждый соціальдемократъ, понявшій истинный его характеръ и не желавшій измѣнить своему знамени.

Но если все это такъ, — а все это несомнѣнно такъ, — то спрашивается: чѣмъ же можно объяснить хотя временный, но тѣмъ не менѣе огромный успѣхъ „экономизма“ именно въ нашей соціальдемократической средѣ? Развѣ она склонна была тогда къ измѣнѣ пролетаріату? На этотъ вопросъ даже самый ожесточенный ея хулитель не рѣшился бы, — разумѣется, если бы захотѣлъ быть справедливымъ, — отвѣтить утвердительно безъ весьма важныхъ оговорокъ. Правда, въ эпоху расцвѣта „экономизма“ наша соціальдемократическая среда далеко еще не отличалась такой однородностью состава, какая свойственна ей въ настоящее время. Тогда въ ней еще только подготовлялось то *слоеніе*, благодаря которому не малая часть лицъ, къ ней примыкавшихъ, открыто перешла потомъ въ буржуазный лагерь. Всѣ эти лица, — будущіе „критики“, ренегаты марксизма, — не могли не ухватиться за „экономизмъ“, какъ за ученіе, обѣщавшее имъ превратить самого Маркса въ орудіе умственнаго порабощенія пролетаріата буржуазіей. Но не эти лица задавали тонъ тѣмъ соціальдемократамъ, которые занимались агитаціей между рабочими: эти лица въ огромномъ большинствѣ своемъ уже тогда были такъ сильно пропитаны духомъ современнаго буржуазнаго эгоизма, что имъ совсѣмъ не нравилась перспектива попасть въ тюрьму или въ ссылку за „нелегальную“ дѣятельность. Они старательно избѣгали прямыхъ сношеній съ самоотверженными носителями соціалистической идеи и ограничивались тѣмъ, что шумѣли „промежъ себя“ и въ такъ называемомъ обществѣ, которое скоро поняло, несмотря на ихъ, непривычную для него марксистскую терминологію, что они составляютъ кость отъ его костей и плоть отъ его плоти. Въ рабочей же средѣ дѣйствовали тогда, — какъ дѣйствуютъ и теперь, — лишь люди, всей душой преданные пролетаріату и всѣмъ сердцемъ ненавидящіе буржуазію. И эти-то самоотверженные люди, всецѣло стоявшіе на сторонѣ рабочаго класса, тоже увлеклись на время „экономизмомъ“. Что же влекло ихъ къ нему? Такъ какъ мы не можемъ допустить, что въ этомъ своемъ увлеченіи они повиновались буржуазному инстинкту, то у насъ остается лишь одно возможное объясненіе: они не поняли истиннаго характера „экономизма“. Но это объясненіе требуетъ новаго объясненія: почему же истинный характеръ интересующей насъ доктрины остался непонятнымъ для этой категоріи его послѣдователей? Потому ли, что они были неспособны къ мышленію? Думать такъ мы опять не имѣемъ права; въ дѣлѣ мышленія средній соціальдемократъ „экономическаго“ толка былъ нисколько не слабѣе нынѣшняго соціальдемократа „политическаго“ направленія. Конечно, надо говорить правду: крупныхъ звѣздъ съ теоретическаго неба „экономисты“ вообще не хватали. Но именно потому, что надо быть правдивымъ, мы должны признать, что не очень много такихъ звѣздъ нахватали пока и нынѣшніе „политики“. У „экономиста“-практика теорія вообще обрѣталась не въ авантажѣ. Но нынѣшній практикъ „политическаго“ оттѣнка тоже не богъ знаетъ какъ прилежитъ къ теоріи. Если ужъ пошло на правду, то мы скажемъ, что нынѣшніе наши практики-„политики“ отличаются такою же беззаботностью насчетъ теоріи, какою отличались практики-„экономисты“ недавняго прошлаго. Беззаботность насчетъ теоріи — застарѣлый недостатокъ россійской революціонной среды, и на ея счетъ у насъ будетъ скоро особый разговоръ съ читателемъ. Теперь же мы только замѣтимъ, что недостатокъ, свойственный нынѣшнимъ „политикамъ“ въ такой же мѣрѣ, въ какой его имѣли „экономисты“, не можетъ удовлетворительно объяснить ошибку, составляющую главный отличительный признакъ только этихъ послѣднихъ. Ясно, стало быть, что объясненія этой ошибки надо искать въ какихъ-то другихъ психологическихъ особенностяхъ нашихъ товарищей „экономическаго“ періода. Постараемся же открыть эти особенности.

Перечитайте „*Рабочую Мысль*“, главный органъ „экономистовъ“-практиковъ; перечитайте всѣ, впрочемъ, очень немногочисленныя изданія нашихъ товарищей, группировавшихся вокругъ этого органа. Вы найдете тамъ много ошибокъ и вы поймете, почему „Рабочая Мысль“ такъ сильно раздражала противниковъ „экономизма“. Но такъ какъ теперь ея ошибки уже не имѣютъ практическаго значенія, то мы совѣтуемъ вамъ не останавливаться на нихъ, а обратить главное вниманіе на преобладающее практическое стремленіе ея редакціи и сотрудниковъ, красной нитью проходящее черезъ всѣ ихъ воззванія, статьи и замѣтки. Это практическое стремленіе можетъ быть характеризовано, какъ *стремленіе во что бы то ни стало придать нашему соціалистическому движенію, широкій массовый характеръ*. До сихъ поръ соціализмъ былъ дѣломъ интеллигенціи; рабочіе проникались его идеями лишь въ качествѣ *отдѣльныхъ лицъ*, въ лучшихъ случаяхъ — *отдѣльныхъ кружковъ*, которые тѣмъ болѣе отдалялись отъ *массы*, чѣмъ яснѣе становилось ихъ соціалистическое сознаніе. Но соціализмъ, отдаляющійся отъ массы, обреченъ на полное безсиліе и остается возвышенной мечтой, благороднымъ духовнымъ развлеченіемъ немногихъ умственныхъ эпикурейцевъ. И это *безсиліе* отдалившагося отъ массы *соціализма* составляетъ *силу царскаго правительства*, опирающагося на *безсознательность массы*. Чтобы уничтожить эту темную силу и чтобы придать соціализму тотъ характеръ, который онъ имѣетъ въ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, — то есть характеръ могучаго фактора развитія всей общественной жизни, — необходимо связать его идеалы съ житейскими нуждами россійскаго пролетаріата необходимо сдѣлать его идеологическимъ выраженіемъ тяжелой повседневной борьбы этого класса со своими угнетателями. Но такъ какъ эта борьба находится еще въ зачаточномъ состояніи; такъ какъ она еще не вышла изъ той *стадіи*, на которой поле зрѣнія борющихся ограничивается ихъ ближайшими *экономическими* интересами; такъ какъ отношеніе этихъ интересовъ къ существующему у насъ *политическому* порядку еще совсѣмъ не ясно рабочему классу, то *выраженіе* должно быть приведено въ соотвѣтствіе съ *тѣмъ, что выражается*, и наша соціалистическая проповѣдь должна принять по преимуществу *экономическій* характеръ. Когда эта проповѣдь сдѣлаетъ свое дѣло, когда экономическая борьба приметъ широкіе размѣры, когда участвующая въ ней масса пойметъ, наконецъ, что царское правительство не можетъ не стоять на сторонѣ ея эксплуататоровъ, тогда настанетъ время для *политической* агитаціи и тогда мы поведемъ пролетаріатъ противъ царизма. А до тѣхъ поръ всякое занятіе политикой останется пустымъ занятіемъ, способнымъ лишь услаждать невольные, но длинные и скучные досуги оторванной отъ жизни интеллигенціи. Такъ разсуждали „экономисты“-практики, и поскольку ихъ разсужденія не встрѣчали сочувствія въ „интеллигентной“ средѣ, по самому положенію своему склонявшейся главнымъ образомъ къ *политической* борьбѣ, постольку они становились врагами интеллигенціи. Всѣ мы знаемъ, что въ устахъ многихъ и многихъ изъ нихъ слово „интеллигентъ“ стало почти браннымъ словомъ. Эта ихъ вражда къ интеллигенціи, у которой рабочіе могли многому научиться, замедляла развитіе классоваго самосознанія пролетаріата, и потому заслуживала осужденія. Но осуждая ее, вы должны вспомнить, откуда она взялась, а вспомнивъ, откуда она взялась, вы принуждены будете согласиться, что вина „экономистовъ“-практиковъ смягчается въ высшей степени важнымъ обстоятельствомъ: тѣмъ, что въ теченіе предыдущаго періода нашего соціалистическаго движенія наша интеллигенція въ самомъ дѣлѣ была совершенно оторвана отъ народной массы. Тому, кто твердо держится точки зрѣнія современнаго научнаго соціализма, легко замѣтить всѣ промахи гремѣвшихъ противъ интеллигенціи „экономистовъ“ практиковъ. Но въ томъ то и дѣло, что эта точка зрѣнія была чужда какъ этимъ „экономистамъ“, такъ, — и особенно, — тѣмъ, противъ кого они прежде всего направили удары своей критики: первоначально они выступали почти исключительно противъ *народовольцевъ*, болѣе или менѣе видоизмѣнившихъ свою программу, вслѣдствіе споровъ съ *соціальдемократами*, но всетаки рѣшительно неспособныхъ усвоить себѣ, во всей ея полнотѣ, ту величайшую практическую истину нашего времени, что соціализмъ становится вліятельной общественной силой лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ служитъ теоретическимъ выраженіемъ освободительной борьбы пролетаріата. „Экономисты“-практика искажали положеніе „Коммунистическаго Манифеста“: „*всякая классовая борьба, есть борьба политическая*“, истолковывая его въ томъ смыслѣ, что *всякое столкновеніе людей одного класса*, — въ данномъ случаѣ рабочихъ, — *съ людьми другого класса*, — въ данномъ случаѣ съ предпринимателями, — *составляетъ актъ политической борьбы*. Но то же положеніе еще хуже понималось, а вѣрнѣе сказать — совсѣмъ игнорировалось тѣми, которые по старой памяти воображали, что политическая борьба можетъ стать побѣдоносной, совсѣмъ *не становясь классовой борьбою*. Эта вторая и еще болѣе грубая ошибка объясняетъ первую, которая явилась, какъ неизбѣжная реакція противъ нея. Разумѣется, очень жаль, что эта реакція не направилась въ ту сторону, въ которую пыталась направить ее группа „*Освобожденіе Труда*“, съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ стоявшая на точкѣ зрѣнія Маркса. Однако на нѣтъ и суда нѣтъ. Міросозерцаніе группы „*Освобожденіе Труда*“ было слишкомъ сложно для того, чтобы оно могло быть усвоено большинствомъ тогдашнихъ соціальдемократовъ: оно казалось имъ страннымъ, сомнительнымъ и очень близкимъ къ міросозерцанію народовольцевъ, съ которыми у нихъ происходили почти ежедневныя стычки. Объ этомъ теперь нельзя говорить безъ улыбки. Но увѣрены ли вы, что всѣ нынѣшніе „политики“ вполнѣ усвоили себѣ взгляды названной группы? Что касается насъ, то мы — увы! — далеко не увѣрены въ этомъ. Какъ бы тамъ ни было, но въ нашъ „мудреный“ вѣкъ безъ идей трудно прожить даже самому „практичному“ практику. И вотъ наши товарищи отправились за идеями туда, куда имъ вовсе не слѣдовало отправляться: къ любомудрамъ, „новыя“ идеи которыхъ были впослѣдствіи изложены въ пресловутомъ „Credo“. Такимъ образомъ произошло одно изъ самыхъ печальныхъ qui pro quo, какія только знаетъ исторія нашего движенія: люди, искренно и самоотверженно отстаивавшіе интересы *пролетаріата*, съ глубокимъ недовѣріемъ отворачивались отъ ученія *пролетарскаго* по преимуществу, — т. е. отъ марксизма въ его чистомъ видѣ, — и радостно привѣтствовали „критическія“ упражненія господъ, усердно занимавшихся передѣлкой научнаго соціализма на *буржуазный* ладъ. Притягательная сила этихъ ребяческихъ упражненій обусловливалась тѣмъ, что своимъ, — теоретически, какъ уже сказано, совершенно несостоятельнымъ, — истолкованіемъ отношенія *экономіи* къ *праву* и роли *партій* въ политическомъ воспитаніи *классовъ* онѣ подкрѣпляли не менѣе ошибочное, но очень дорогое тогда „экономистамъ“-практикамъ ученіе о „стадіяхъ“ и оправдывали исключительно экономическій характеръ тогдашней агитаціи среди рабочихъ. Ошибки теоретиковъ *буржуазіи* были какъ *нельзя* болѣе по сердцу практическимъ защитникамъ *пролетарскихъ* интересовъ. Тогда рѣшительно невозможно было не возмущаться при видѣ этого недоразумѣнія, но *теперь*, когда оно цѣликомъ стало дѣломъ прошлаго времени, пора уже вспомнить, что оно всетаки было *только* недоразумѣніемъ, и что между „экономистами“-*практиками* съ одной стороны и „экономистами“-*теоретиками* съ другой лежала, — *по существу ихъ стремленій*, — цѣлая пропасть. Вспомнить это очень полезно теперь еще и потому, что намъ въ самомъ дѣлѣ приходится „*ликвидировать*“ періодъ господства „экономизма“, а при ликвидаціи всегда необходимо опредѣлить какъ *пассивъ*, такъ и *активъ*: иначе она будетъ неправильной и несправедливой. Въ активѣ же „экономистовъ“-практиковъ выступаетъ, — какъ цифра чрезвычайно внушительная для соціалиста, — ихъ, уже указанное нами выше, стремленіе превратить соціализмъ изъ дѣла кружковъ въ дѣло цѣлаго класса. Эта внушительная цифра покрываетъ значительную часть ихъ *долга*. Другой и, пожалуй, не менѣе увѣсистой цифрой явля-

Берлина вдругъ очутился среди толпы передъ вокзаломъ, онъ сразу почувствовалъ бы себя въ той самой атмосферѣ, изъ которой вырвала его когда то вражья пуля. О подражаніи тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи: просто одинаковыя чувства въ аналогичномъ положеніи вызываютъ одинаковые жесты, слова, дѣйствія. Кіевскій товарищъ самъ замѣчаетъ, повидимому, что наши іюльскіе дни имѣютъ болѣе общаго съ революціонными бурями Западной Европы, чѣмъ съ современными профессіональными стачками, хотя бы и самыми грандіозными; онъ самъ называетъ ихъ „прелюдіей къ революціи“. Въ эти дни положеніе объ усиленной охранѣ фактически не дѣйствовало. „Всѣ дни, помимо тысячныхъ массъ, на всѣхъ рабочихъ улицахъ толпится народъ. Группы въ 20-50 человѣкъ на глазахъ городовыхъ читаютъ листки, ведутъ пренія“. А городовые благоразумно лущатъ сѣмячки. Когда же, собравшись скопомъ, полиція вмѣстѣ съ казаками нападаетъ на сколько-нибудь значительную толпу, то въ большинствѣ случаевъ терпитъ пораженія. „Народъ уже не боится казаковъ и полиціи. Во всѣхъ столкновеніяхъ съ ними онъ, взявшись за камни, всегда обращалъ ихъ въ бѣгство“. Такъ было въ Кіевѣ, но если кое-гдѣ конной и пѣшей полиціи въ соединеніи съ казаками и случалось выдерживать отпоръ толпы, то въ общемъ эти спеціальные охранители русскаго порядка были безсильны. Мѣшать въ такіе дни свободѣ массовыхъ митинговъ подъ открытымъ небомъ могутъ теперь только залпы регулярныхъ войскъ. Но и тутъ... Согнать данную толпу съ даннаго мѣста они еще могутъ, но „усмирить“ волнующіяся массы, запугать, вызвать подавленное настроеніе они не въ состояніи. Какъ разъ наоборотъ. Въ Екатеринославѣ, гдѣ войска были пущены въ ходъ въ самомъ началѣ стачки, это не помѣшало ей сдѣлаться всеобщею и носить ярко протестующій характеръ. Въ Кіевѣ именно послѣ залпа у вокзала настроеніе массъ достигло максимума революціоннаго подъема; стачка, до этого еще частичная, стала всеобщей и утихла только черезъ три дня, послѣ залповъ на набережной, закончившихъ собою подвиги войскъ. Она стихла бы и въ томъ случаѣ, если бы войска вовсе не употреблялись. Свободное массовое проявленіе всѣхъ своихъ силъ — великое благо въ странѣ, гдѣ назрѣвшая потребность въ свободѣ не получаетъ никакого удовлетворенія, но недѣля такой интенсивной жизни на улицѣ не могла не вызвать утомленія. Утвержденіе „Рев. Россіи“, что „движеніе стихло подъ давленіемъ военной силы“, противорѣчитъ даже ея собственнымъ корреспонденціямъ.

Это движеніе не только не „разбилось объ утесъ самодержавія“, но откололо отъ этого утеса громадный кусокъ. Рабочій классъ юга Россіи воочію доказалъ себѣ самому, правительству и всему населенію, что, даже вооруженный одними камнями, онъ можетъ день за днемъ, не смотря на всѣ усилія жандармеріи, казаковъ и полиціи, пользоваться полной свободой слова на митингахъ подъ открытымъ небомъ, когда ему угодно покинуть для этого свои мастерскія; что всѣхъ силъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, уже недостаточно для охраны свойственнаго самодержавію порядка, и противопоставить поднявшимся рабочимъ правительство можетъ теперь только войско. Рабочему классу придется, конечно, повторять и подкрѣплять это доказательство, чтобы ввести его въ общее сознаніе, но самый фактъ представляетъ собой такой громадный шагъ въ ходѣ надвигающейся революціи, что переоцѣнить его нѣтъ никакой возможности. Въ самомъ дѣлѣ: если достаточную матеріальную силу правительство можетъ теперь видѣть только въ войскѣ, то на вѣрность, на прочную нравственную солидарность со своими интересами оно можетъ разсчитывать только со стороны полиціи. Кто въ настоящее время поступаетъ на полицейскую службу, тотъ заранѣе мирится съ ненавистью большинства населенія, тотъ готовъ совершать всѣ звѣрства, которыя лежатъ на обязанности русской полиціи. Но у правительства нѣтъ никакихъ основаній вѣрить во всегдашнюю готовность къ убійствамъ со стороны насильно забранныхъ солдатъ. У него есть всѣ основанія подозрѣвать, что роль убійцъ своихъ же братьевъ очень непріятна значительной части солдатъ, а для иныхъ совершенно невыносима: что, посылая ихъ противъ рабочихъ, оно само вынуждаетъ солдатъ горячо раздумывать о такихъ вопросахъ, которые иначе не пришли бы имъ въ голову, что число такихъ солдатъ должно рости отъ одного соприкосновенія съ взволнованной рабочей средой, не говоря уже о систематической пропагандѣ. Съ другой стороны, усиленная неблагонамѣренность гражданской учащейся молодежи имѣетъ много шансовъ заразить и военную, а правительство по горькому опыту знаетъ, какъ безсильны противъ такой заразы всѣ мѣры, какія оно только можетъ придумать.

Боевыхъ генераловъ, готовыхъ скомандовать убійство, у правительства всегда хватитъ, но оно не можетъ не знать, что съ каждымъ днемъ приближается къ тому моменту, когда ненавистный приказъ, вмѣсто выстрѣловъ поверхъ головъ, начнетъ встрѣчать открытое неповиновеніе. Поставить правительство на путь собственноручнаго расшатыванія своего главнѣйшаго оплота могла только поднявшаяся рабочая масса. И во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, поскольку дѣло зависѣло отъ массъ, движеніе было въ высшей степени успѣшно. Оно показало, какъ велико уже единство рабочаго класса, какъ много въ немъ элементовъ оргинизованности, позволившей ему сразу выработать такой простой способъ быстро мобилизировать всѣ свои силы.

Намъ, соціалдемократамъ, нельзя, конечно, не огорчаться тѣмъ, что комитеты не были къ моменту движенія вдесятеро сильнѣе, не могли выпускать вдесятеро больше листковъ, выставлять вдесятеро больше ораторовъ, не могли, однимъ словомъ, въ достаточной мѣрѣ использовать недѣльной отмѣны самодержавныхъ порядковъ. Но поскольку въ жалобахъ на то, что „стихійность опять переросла организованность... сознательность“, слышится и нѣчто другое, эти жалобы, мнѣ кажется, основаны на недоразумѣніи. Да развѣ движеніе было стихійно? Если подъ стихійностью подразумѣвать первобытность вообще или по отношенію къ соціалдемократіи, то въ нашемъ южномъ возстаніи не было ничего первобытнаго, все въ немъ говоритъ о вліяніи новаго[1] революціоннаго времени; на немъ лежитъ явный отпечатокъ воздѣйствія соціалдемократіи — это въ значительной степени плоды ея многолѣтней работы.

Но въ данное время, въ данной формѣ движеніе не было предвидѣно и его размѣры превзошли всѣ ожиданія? Это показываетъ только, какую великую эпоху мы переживаемъ. Въ нарастающей революціонной атмосферѣ всякое нужное слово рождаетъ стократное эхо, всякое цѣлесообразное усиліе, кромѣ прямого, приноситъ еще и косвенные плоды. Пока растетъ революціонное движеніе, „стихійность“ въ этомъ смыслѣ всегда будетъ перерастать организованность. Соціалдемократія должна, конечно, проникнуть какъ можно дальше въ рабочую среду со своею сознательностью, раскинуть какъ можно шире организованность. Только этимъ ядромъ движенія она и можетъ распоряжаться съ полной увѣренностью въ соотвѣтствіи дѣйствій плану. Но чѣмъ шире распространится непосредственное вліяніе комитето обстоятельство, что они — „экономисты“-*практики*, — отреклись отъ своихъ *теоретическихъ* выразителей тотчасъ же, какъ только увидѣли, какіе практическіе выводы вытекаютъ изъ ихъ „критики Маркса“. Въ этомъ отношеніи на нихъ весьма отрезвляюще подѣйствовали подвиги французскихъ мильерандистовъ и нѣмецкихъ бернштейніанцевъ, и послѣ этого имъ оставалось только сдѣлать тотъ шагъ, котораго они, къ сожалѣнію, не могли сдѣлать въ моментъ своего выступленія на историческую сцену: *стать „ортодоксальными“ марксистами.* Многіе изъ нихъ уже и стали таковыми. И вотъ съ этими-то людьми *намъ необходимо теперь столковаться.* Ихъ мы не имѣемъ права называть *не только врагами, но даже и противниками: они — наши товарищи, хотя бы они и отличались отъ насъ нѣкоторыми оттѣнками мысли.* Подобные оттѣнки ничему не вредятъ. Напротивъ, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что тамъ, гдѣ они исчезаютъ, мысль и въ самомъ дѣлѣ превращается въ окостенѣлую догму и совершенно перестаетъ работать.

---

[1] Одесская травля политиковъ этому ничуть не противорѣчитъ. Это крошечный, минутный выигрышъ зубатовцевъ въ отчаянной и теперь уже проигранной игрѣ противъ новаго революціоннаго времени.

Въ изданіяхъ такъ называющейся партіи такъ называющихся соціалистовъ-революціонеровъ не замѣчается никакихъ разногласій; въ этомъ отношеніи въ нихъ всегда и все „обстоитъ благополучно“. Но кто же беретъ эту „партію“ въ серьезъ, кромѣ нѣкоторыхъ наивныхъ молодыхъ людей, лишенныхъ самыхъ элементарныхъ представленій и о соціализмѣ, и о революціи? Отсутствіе всякаго серьезнаго усилія мысли составляетъ главнѣйшій отличительный признакъ всѣхъ ея многочисленныхъ литературныхъ произведеній. Наша партія не можетъ уподобиться ей. Если споръ означаетъ *неблагополучіе*, то намъ, соціальдемократамъ, не суждено быть благополучными. Въ нашемъ дѣлѣ, еще болѣе чѣмъ во всякомъ другомъ, *споръ есть*, по выраженію древне-греческаго философа, *отецъ всѣхъ вещей.* Очень можетъ быть, что мы и *въ настоящее время* вынуждены будемъ спорить съ тѣмъ или другимъ изъ тѣхъ товарищей, которые *когда-то* выступали „экономистами“ на практикѣ. *Но наши возможные споры съ ними не должны мѣшать полному товарищескому сближенію между нами.* Это сближеніе является теперь однимъ изъ очень важныхъ для насъ очередныхъ практическихъ вопросовъ. Число нашихъ непримиримыхъ враговъ, — число сознательныхъ враговъ революціонныхъ стремленій пролетаріата, — съ каждымъ днемъ растетъ и не можетъ не расти въ возростающей прогрессіи. Перестанемъ же дробить наши силы. Мы уже выросли изъ пеленокъ кружковщины, всегда страшно съуживающей политическій кругозоръ людей и дѣлающей ихъ способными расходиться изъ-за ничтожнѣйшихъ поводовъ. Мы стали самой вліятельной политической партіей въ нашей странѣ, а политическое вліяніе *обязываетъ*“ и никакъ не меньше, чѣмъ „*дворянство*“. Всѣ мы безъ исключенія, — и вчерашніе „экономисты“, и нынѣшні „политики“, — должны „ликвидировать“ свои старые счеты и дружно взяться за новую, *совмѣстную* работу въ широкихъ рамкахъ новой, партійной организаціи, въ которой найдется мѣсто для самыхъ многоразличныхъ талантовъ и для самыхъ разнообразныхъ наклонностей. И всѣ мы до единаго должны смотрѣть на *разбродъ*, какъ на тяжелое *политическое преступленіе.* Непримиримость по отношенію къ врагамъ рабочаго класса; терпимость по отношенію къ его друзьямъ, т. е. къ нашимъ товарищамъ, — вотъ девизъ, котораго слѣдуетъ неизмѣнно держаться всѣмъ намъ, солдатамъ революціонной арміи труда. Довольно усобицъ! Намъ необходимо единеніе!

Бывшіе „экономисты“-практики и теперь, конечно, не менѣе, чѣмъ прежде, настаиваютъ на необходимости для насъ постоянно расширять русло соціалистическаго движенія и поддерживать рабочую массу въ ея повседневной экономической борьбѣ съ эксплуататорами. Но кто же изъ насъ сомнѣвается въ великомъ теоретическомъ и практическомъ значеніи этой мысли? Случалось, правда, что нѣкоторые „политики“ заходили въ своей реакціи противъ „экономизма“ слишкомъ далеко и вели исключительно *политическую* агитацію. Это была ошибка, на которую уже указывалъ нашъ органъ и повтореніе которой станетъ тѣмъ менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ болѣе упрочится взаимное товарищеское вліяніе между „политиками“ и „экономистами“. Намъ сдается даже, что нѣкоторая „экономическая“ односторонность могла бы быть не безполезной теперь въ качествѣ противовѣса противъ крайностей нашего увлеченія „чисто политической“ борьбою. Что касается организаціонныхъ вопросовъ, то соглашеніе здѣсь, пожалуй, покажется намъ гораздо болѣе затруднительнымъ, если мы припомнимъ всѣ тѣ споры, которые велись между „экономистами“ и „политиками“ по поводу „демократизма“ въ организаціи. Но и здѣсь намъ надо начать съ „ликвидаціи“ старыхъ споровъ, старыхъ полемическихъ увлеченій и старыхъ односторонностей, вслѣдствіе которыхъ наши „экономисты“, казалось, забывали подчасъ о томъ, что намъ приходится дѣйствовать въ самомъ гнусномъ изо всѣхъ полицейскихъ государствъ, когда либо существовавшихъ въ подлунномъ мірѣ, а наши „политики“ какъ будто упускали иногда изъ виду, что наша цѣль — *классовое движеніе пролетаріата, а отнюдь не заговоръ интеллигенціи, убѣдившейся въ томъ, что рабочіе нужны для революціи*, какъ говаривалъ покойный Л. Тихомировъ. Во всякомъ случаѣ мы твердо убѣждены, что при наличности доброй воли у обѣихъ сторонъ онѣ могли бы, нимало не мѣшая одна другой, работать рука объ руку и въ самомъ добромъ согласіи, опираясь на уставъ, выработанный вторымъ съѣздомъ нашей партіи. Уставъ этотъ не лишенъ крупныхъ недостатковъ. Но къ числу его достоинствъ принадлежитъ то его несомнѣнное, хотя и отрицательное свойство, что онъ *не создаетъ никакихъ препятствій для широкой организаціи рабочихъ.* Поэтому наши товарищи — бывшіе „экономисты“ сдѣлали бы огромную политическую ошибку, если увидѣли въ немъ непреодолимое препятствіе для сближенія своего съ „политиками“.

Повторяемъ; довольно усобицъ; намъ необходимо единеніе!

Г. Плехановъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Кавказъ. Два событія опредѣляютъ въ настоящее время характеръ общественнаго движенія на Кавказѣ: это 1) — всеобщая іюльская забастовка, охватившая не менѣе 75.000 кавказскихъ пролетаріевъ всѣхъ національностей [1]; 2) — новый законъ объ отобраніи въ казну армянскихъ церковныхъ имуществъ и вызванный имъ вооруженный протестъ армянскаго народа противъ его проведенія въ жизнь. Протестъ имѣлъ мѣсто во всѣхъ Кавказскихъ городахъ, гдѣ имѣется сколько-нибудь компактное армянское населеніе: въ Елизаветполѣ, Баку, Шушѣ, Нухѣ, Тифлисѣ, Карсѣ, Эривани, Александрополѣ съ Эчміадзиномъ. Онъ до основанія возмутилъ армянское народное море, не только въ городахъ, но, пожалуй, еще сильнѣе въ деревняхъ. Городское и сельское армянское населеніе, благодаря ему, неожиданно и, можно сказать, противъ своей воли очутились въ рядахъ революціонныхъ борцовъ противъ русскаго самодержавія. Событія оказались сильнѣе предубѣжденій и предразсудковъ людскихъ, они захватили ихъ и стали ими вертѣть по своему произволу. Такова сила вещей и внутренняя логика жизни. Событія наложили глубокую и неизгладимую печать на общественную жизнь армянскаго народа. Вотъ почему я посвящу настоящее письмо исключительно имъ. Но, чтобы понять ихъ, надо сказать нѣсколько словъ объ армянскомъ общественномъ движеніи до сентября 1903 г. Армянскій народъ до сихъ поръ довольно слабо былъ затронутъ рабочимъ соціальдемократическимъ движеніемъ и даже вообще революціоннымъ движеніемъ противъ россійскаго самодержавія. Соціальдемократическое движеніе началось здѣсь въ Тифлисѣ и охватило на первыхъ порахъ, главнымъ образомъ, грузинскій пролетаріатъ: армянскій пролетаріатъ гораздо позднѣе сталъ примыкать къ движенію. Въ Баку до сихъ поръ русское рабочее населеніе играло гораздо большую роль въ соціальдемократическомъ движеніи, чѣмъ армянское. Только въ 1903 г. зародилась армянская соц.-дем. литература (до сихъпоръ вышли два нумера газеты „Пролетаріатъ“ и восемь брошюръ, большей частью переводныхъ—„Кто чѣмъ живетъ“. „Сущность соціализма,“ „Что нужно знать и помнить“ и др.) Если классовая борьба захватывала и армянскій пролетаріатъ, то часть рабочихъ вожаковъ — армянъ все еще старалась удержать движеніе на почвѣ чисто профессіональныхъ задачъ и не дать ему превратиться въ революціонную борьбу противъ всего соціальнаго и политическаго строя Россіи и, въ частности, противъ самодержавія. Именно ихъ вліяніемъ (наряду съ массой непросвѣщеннаго мусульманскаго рабочаго населенія, впервые вступившаго на путь классовой борьбы съ капиталистической эксплуатаціей) надо объяснить преобладающій „экономическій“ характеръ Балаханскаго движенія во время іюльской всеобщей забастовки, равно какъ и печальной памяти „экономическую“ дѣятельность „Бакинскаго стачечнаго Комитета“. Если такъ обстояло дѣло въ Баку и Тифлисѣ, то ужъ нечего и говорить о прочихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Кавказа съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ. Революціоннаго движенія тамъ были лишь неясные слѣды. Если таково было отношеніе къ революціонному движенію *въ Россіи* армянскаго пролетаріата, то ужъ нечего говорить о другихъ слояхъ армянскаго народа — о крестьянствѣ, буржуазіи и интеллигенціи [2]. Характерна крайняя малочисленность армянской соціальдемократической интеллигенціи, служащая не малой помѣхой развитію армянской соціальдемократіи. Лучшія силы армянской интеллигенціи уходили на національное армянское движеніе, немногіе соціальдемократы армяне-интеллигенты клеймились именемъ „предателей армянскаго народа“. Самосознаніе армянскаго народа направлялось до сихъ поръ не соц.-дем., а націоналистами. Поэтому, необходимо хотя (бы въ двухъ словахъ охарактеризовать сущность и цѣли армянскаго національнаго движенія. Національный гнетъ надъ армянами въ Россіи существуетъ не со вчерашняго дня. Не говоря объ ограниченіи правъ на самоуправленіе (въ думахъ, судѣ и проч.), армянъ неохотно и съ большими ограниченіями принимали на казенную службу и даже въ казенныя мастерскія (напр., жел.-дор. мастерскія). Но самое главное посягательство правительства на національныя права арм. народа до изданія послѣдняго закона заключалось въ распоряженіи, на основаніи котораго во второй половинѣ 90-хъ годовъ закрыты были *всѣ* армянскія школы, библіотеки и благотворительныя общества, а имущество ихъ передано въ казну. Этимъ распоряженіемъ сразу были превращены въ ничто вѣковыя усилія армянскаго народа, сразу разрушено вѣковое зданіе армянскаго просвѣщенія. Въ то же время мѣра эта являлась сильнѣйшей угрозой дальнѣйшему развитію и самому существованію армянской національной культуры. Эта мѣра несомнѣнно влила много горечи въ душу армянъ и немало озлобила ихъ противъ самодержавнаго режима. Но она не вызвала ихъ къ активной борьбѣ съ режимомъ россійскаго деспотизма. Господствовавшія среди армянъ національно-революціонныя партіи по прежнему сосредоточивали всѣ свои силы на дѣлѣ освобожденія турецкихъ армянъ. Въ Россіи, говорили они, армянамъ живется сносно сравнительно съ безпощадной рѣзней, которой они подвергаются въ Турціи. Къ тому же въ Турціи армянъ вдвое больше, чѣмъ въ Россіи. Слѣдовательно, армянамъ незачѣмъ вести борьбу съ русскимъ правительствомъ. И они сторонились отъ россійской революціи. Болѣе того: обѣ армянскія національно-революціонныя партіи — Инчакисты и Дрошакисты (по заграничнымъ органамъ — „Дрошакъ“ и „Инчакъ“) называли и считали себя соціалистами. Но, говорили они, для идей соціализма нѣтъ мѣста въ Турецкой Арменіи: тамъ, гдѣ людей рѣжутъ и жгутъ, нѣтъ мѣста разговорамъ о восьми час. раб. днѣ: турецкіе армяне согласны работать хоть 16 часовъ, лишь бы жизнь ихъ и ихъ семей была въ безопасности. Эти соображенія казались имъ достаточными для того, чтобы быть *въ Россіи* почти что индифферентными въ политическомъ смыслѣ. Развитіе классовой борьбы на Кавказѣ, въ связи съ обостреніемъ классовыхъ противоположностей, мало-по-малу подрывало почву подъ ногами армянскихъ націоналистовъ-революціонеровъ. Но, вѣроятно, немало потребовалось бы времени для того, чтобы нормальнымъ путемъ привести *массу* армянскаго населенія къ сознанію необходимости революціонной борьбы и *въ Россіи*, борьбы не только противъ *краснаго*, но и противъ *бѣлаго* звѣря. [1] Ускорить и форсировать этотъ процессъ революціонизированія широкихъ массъ армянскаго народа взяло на себя русское правительство и его типичный представитель — самодуръ Голицынъ. Оно блестяще выполнило эту задачу послѣднимъ закономъ объ отобраніи церковныхъ имуществъ. Невозможно представить себѣ того возбужденія, которое охватило самые широкіе слои армянскаго народа послѣ наглаго отобранія послѣдняго остатка національныхъ правъ — права самоуправленія своими церковными дѣлами — и послѣ массовыхъ разстрѣловъ и дикой расправы съ манифестантами. Эти событія произвели полный переворотъ въ головахъ армянскаго населенія. Сознаніе необходимости революціонной борьбы съ русскимъ правительствомъ охватываетъ широкіе круги, а армянскіе революціонеры-націоналисты чувствуютъ необходимость измѣнить свою тактику, чтобы не быть покинутыми массами. Эта перемѣна всего лучше можетъ быть прослѣжена по агитаціонной литературѣ армянскихъ революціонеровъ. Уже во время самыхъ событій образовался „Комитетъ національной обороны“. Въ листкѣ его къ гражданамъ (на русскомъ языкѣ) выяснялся смыслъ и значеніе правительственныхъ мѣръ, взывалось къ сопротивле-

---

товъ, тѣмъ шире будетъ и та окружность, до которой будутъ долетать отголоски поднятаго движенія. А чѣмъ дальше отъ центровъ сознательности они долетаютъ, будя все болѣе и болѣе сѣрыя массы, тѣмъ меньше поддаются учету и размѣры, и формы, и сроки проявленій массового движенія. Смущаться этимъ соціалдемократіи не приходится. Но, съ другой стороны, было бы положительнымъ несчастіемъ, если бы увлекшись всеобщими стачками, поставившими комитеты лицомъ къ лицу съ массовикомъ, соціалдемократы забросили другія, основныя отрасли своей дѣятельности. Во времена экономизма, какъ ни гонялись за массовикомъ, ему то собственно ничего не сказали, а лишь внушили все тѣмъ же передовымъ рабочимъ нѣсколько ложныхъ мыслей, до сихъ поръ отзывающихся на ходѣ движенія.

Усиленная пропаганда, распространеніе литературы, листки, политическія демонстраціи вмѣстѣ со студентами, — все это, хотя бы прямо и не затрагивало массовика, вліяетъ на него общимъ подъемомъ окружающей его атмосферы. Спеціальныя же усилія, направленныя на стачку, могутъ не дать ровно ничего. Всеобщую стачку слѣдовало бы, мнѣ кажется, предоставить самой жизни, прилагая къ ней всѣ заботы лишь тогда, когда она сама дается въ руки. Готовиться къ ней нужно, конечно, но всего лучше воспользуется всеобщей стачкой, всего больше готовъ къ ней будетъ тотъ комитетъ, у котораго всего богаче и шире будутъ поставлены всѣ отрасли его текущей работы.

„Рев. Россіи“ кажется большимъ бѣдствіемъ недостатокъ рѣшительности со стороны революціонеровъ. Она очень сожалѣетъ, что во время волненій они не вступали (вооружившись, конечно) въ битву съ войсками.

Она напоминаетъ намъ, что многіе убитые предпочли бы смерть съ оружіемъ въ рукахъ въ уличной схваткѣ, на баррикадѣ или въ открытомъ нападеніи строя на строй. „Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью... но, вѣдь, надо же когда-нибудь, начинать и лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибнуть, спасаясь бѣгствомъ, отъ шальной пули“. „Это — старыя и простыя истины“, увѣряетъ она. Можетъ быть это и истины, но совершенно не идущія къ дѣлу. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какую именно смерть предпочли бы наши погибшіе товарищи, какъ и не въ томъ, что лично для себя предпочли бы живые революціонеры, а въ томъ, что именно требовалось ростомъ революціоннаго подъема рабочихъ массъ. А мы глубоко убѣждены, что для великой южной демонстраціи, стачки, массоваго протеста — какъ хотите, опредѣлите это движеніе — сколько-нибудь стойкая битва съ войсками была бы просто противоестественна, а попытка передовой горсти революціонеровъ — вредна. У демонстраціи, пока психически она остается демонстраціей, нѣтъ того главнѣйшаго оружія — хотя бы демонстранты и были вооружены съ головы до ногъ — которымъ очень плохо вооруженныя или даже почти безоружныя народныя массы на западѣ столько разъ побѣждали войска. Вооружаться надо — это несомнѣнно — надо и при демонстраціяхъ, массовыхъ митингахъ, протестахъ, уже хотя бы для завершенія спасительнаго дѣйствія камней на казаковъ и полицію. Но сила далеко не въ одномъ оружіи. Какъ бы хорошо ни была вооружена народная масса, войска всегда будутъ вооружены гораздо лучше. Оружіемъ массы, побѣждающимъ войска, можетъ быть лишь страстное упорство въ достиженіи опредѣленной цѣли. Народное волненіе превращается въ революцію, когда вся волнующаяся масса, объединившись на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ требованіяхъ, проникается рѣшимостью не покидать улицы, не расходиться, не прекращать борьбы, пока эти требованія не получатъ удовлетворенія — сейчасъ же, тутъ же, на мѣстѣ.

Такихъ требованій у возставшихъ на югѣ раб. массъ не было.

Ихъ профессіональныя требованія непремѣннаго пребыванія десятковъ тысячъ на улицахъ не предполагали. Давленіе на хозяина оказываетъ самый фактъ отсутствія рабочаго изъ мастерской, а ужъ что онъ тамъ дѣлаетъ, когда не работаетъ, отдѣльному хозяину, какъ таковому, болѣе или менѣе безразлично.

Рабочіе хотѣли собираться на улицахъ, слушать рѣчи и читать листки, — все это они и защищали отъ казаковъ и полиціи, но разбѣгались передъ залпами, чтобы снова собраться въ другомъ мѣстѣ. Завоевать спокойное пользованіе этими благами разъ на всегда, не сходя съ улицы, ни у массы, ни у ея вожаковъ и въ помыслахъ не было, да, вѣдь, не было, навѣрное, и ни у кого изъ соц.-революціонеровъ. Уличный крикъ „долой самодержавіе!“ раздается пока еще только, какъ лозунгъ, угроза, средство агитаціи, а не какъ революціонное требованіе, которое отстаивается въ упорной битвѣ съ полнѣйшей рѣшимостью — добиться или умереть. Отстаивать же подъ ружейнымъ огнемъ свое пребываніе въ данную минуту на данной площади у рабочихъ не могло быть достаточныхъ стимуловъ.

Съ другой стороны, нельзя судить и о стойкости войска по его поведенію въ іюльскіе дни. Когда на западѣ отряды войскъ переходили на сторону народа, они, конечно, рисковали поплатиться за это, если возстаніе будетъ побѣждено, но за то въ случаѣ побѣды ихъ ожидала всеобщая благодарность. Тамъ переходъ одного отряда увеличивалъ шансы побѣды, дѣйствовалъ заразительно на цѣлые полки, а затѣмъ уже простой разсчетъ заставлялъ класть оружіе.

Совсѣмъ иное дѣло такое волненіе, при которомъ никто и не помышлялъ о немедленномъ уничтоженіи власти врага: чтобы при такихъ условіяхъ взять на себя иниціативу перехода на сторону народа или хотя бы открытаго отказа стрѣлять, нужно гораздо больше героизма, чѣмъ для участія въ какой угодно демонстраціи. Отвращеніе къ навязываемой войску роли, совершенно достаточное при революціи для перехода на сторону народа, можетъ вызвать при демонстраціи лишь отсутствіе „старанія“, смотрѣніе сквозь пальцы на побѣгъ плѣнныхъ, стрѣльбу поверхъ головъ, которая констатируется во всѣхъ корресподенціяхъ. Для большаго нужно уже очень широкое распространеніе революціоннаго настроенія въ войскахъ. По южнымъ волненіямъ нельзя, слѣдовательно, судить ни о боевой способности рабочей массы, ни о томъ, сколько среди войскъ людей, сочувствующихъ той сторонѣ, противъ которой ихъ ведутъ.

Одна и та же причина увеличиваетъ при демонстраціяхъ стойкость войскъ и уменьшаетъ ее среди демонстрантовъ. Намъ кажется поэтому, что, пока народныя волненія остаются протестами, стачками, демонстраціями (не ставятъ себѣ опредѣленной немедленно достижимой цѣли) нападать на войска не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ: намъ кажется далѣе, что демонстрація, уступившая лишь ружейному залпу, еще не можетъ считаться неудавшейся. Другое дѣло полиція, казаки жандармерія. Противъ этихъ спеціальныхъ и безусловныхъ враговъ движенія слѣдуетъ бороться и при демонстраціяхъ. Противъ нихъ упорная стойкость совершенно обязательна.

„Не настала ли пора подумать... какъ именно должно произойти паденіе царизма и что станетъ непосредственно на нію. Впервые листокъ, выпускаемый армянскими националистами, кончается „долой самодержавіе!“. Вслѣдъ затѣмъ началось броженіе въ рядахъ инчакистовъ и дрошакистовъ. Первые всегда стояли нѣсколько ближе къ соціальдемократіи; численностью они слабѣе дрошакистовъ, которые имѣютъ хорошую организацію среди Бакинскихъ рабочихъ. Они, по слухамъ, уже получили пароль — присоединяться къ соц.-дем. Въ средѣ дрошакистовъ произошелъ расколъ; часть все еще не хочетъ вести *систематической* борьбы съ русскимъ самодержавіемъ; она хочетъ остаться на турецкой почвѣ; а противъ безобразія русскаго режима она будетъ протестовать и бороться, но только, какъ съ частными явленіями, не давая себѣ отвлечься отъ дѣла освобожденія турецкихъ армянъ. Другая часть—„отколовшіеся дрошакисты“ стоитъ въ настоящее время на пути къ соціальдемократіи. Въ выпущенномъ ею листкѣ говорится о признаніи классовой борьбы пролетаріата. Положеніе этой части въ настоящій моментъ характеризуется призывами, которыми кончается листокъ: „долой самодержавіе!“ „да здравствуетъ народное самоуправленіе! долой буржуазію!“ Она еще не рѣшается провозгласить лозунгъ: „да здравствуетъ демократическая конституція!“ и „да здравствуетъ соціализмъ!“ Но можно надѣяться, что начавшійся процесъ проникновенія въ среду армян. націон. революц и соціалистическихъ идей приведетъ къ естественному результату—присоединенію ихъ къ армянской и россійской соціальдемократіи. Главнымъ затрудненіемъ на этомъ пути является слабое знакомство армянскихъ революціонеровъ съ идеями научнаго соціализма и тактическими вопросами Россійской Соціальдемкратіи. Вотъ почему такъ важно въ настоящій моментъ широкое просвѣтительное воздѣйствіе армян. соціальдемократіи. Къ сожалѣнію, послѣдняя очень бѣдна интеллигентными силами. Почва подготовлена, недостаетъ только сѣятелей. Кавк. Союзъ и Бакинскій Комит. Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партіи начали свою дѣятельность выпускомъ ряда листковъ къ армян. народу и обществу. Результаты этой дѣятельности и усилій правительства уже сказались ростомъ силъ кавказской соц.-дем. Указанные-же дефекты даютъ себя знать примѣненіемъ террористическаго метода борьбы (неудачное покушеніе 14 окт. на князя Голицына), а отчасти проявляющимся кое-гдѣ въ армянской интеллигенціи тяготѣніемъ къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Мы думаемъ, однако, что это увлеченіе терроромъ — подъ вліяніемъ соц.-дем. пропаганды — уступитъ мѣсто болѣе дѣйствительнымъ методамъ борьбы съ самодержавіемъ. Во всякомъ случаѣ соц.-дем. имѣетъ всѣ основанія быть довольной положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ.

---

[1] Подсчетъ, сдѣланный въ № 47, не точенъ: 1) Поти не бастовалъ, 2) въ Чіатурскомъ горномъ округѣ (область марганцевой пром.) не 20 тыс., а всего пять-семь тыс. рабочихъ. Всѣ остальныя сообщенныя въ № 47 свѣдѣнія подтверждаются.

[2] Весьма характеренъ въ этомъ смыслѣ слѣдующій фактъ, о которомъ мнѣ передавали: когда впервые въ Елизаветполѣ собралась около армянской церкви толпа, состоявшая въ большинствѣ *изъ окрестныхъ крестьянъ*, она была настроена очень неопредѣленно. Армянскій священникъ, видя ея возбужденіе, объяснилъ ей, что передача церковныхъ имуществъ еще не совершилась и что надо надѣяться на милость Царя и молиться. Успокоенная его словами, толпа начала расходиться съ криками „кецѐ кайсаръ!“ (да здравствуетъ царь!). Въ это время раздался залпъ и десятки убитыхъ и раненныхъ усѣяли мѣсто жестокой расправы. За достовѣрность факта, впрочемъ, не ручаюсь, хотя онъ и идетъ изъ освѣдомленныхъ армянскихъ сферъ.

[1] Красный звѣрь — прозвище турецкаго султана.

Недавно былъ II съѣздъ кавказскихъ соц.-дем. организацій, опредѣлившій свое отношеніе къ Партіи на началахъ строгаго централизма. Литературная дѣятельность Союза должна послѣ съѣзда сильно расшириться.

Вильна. 1-го октября приговоренъ мѣстнымъ военно-окружнымъ судомъ къ разстрѣлу рядовой телеграфной роты, сапернаго батальона, Петръ Анотинъ за нанесеніе тяжкихъ ранъ своему ротному командиру капитану Средневу. Дѣло это возбудило большой интересъ своимъ нѣсколько загадочнымъ характеромъ. Анотину, во время совершенія его преступленія, оставалось лишь четыре дня службы, и это вызвало, можетъ быть, упорно циркулирующій по городу слухъ, что подсудимый явился мстителемъ за всю роту и чуть ли не по жребію былъ на это дѣло избранъ. Истинность этого слуха на судѣ не была подтверждена, также не была выяснена причина поступка Анотина. Да и могли ли свидѣтели-солдаты освѣтить эту тьму, находясь передъ судьями — своими грозными начальниками въ генеральскихъ и полковничьихъ мундирахъ, обращающихся къ нимъ съ вопросомъ: „что *ты* знаешь по этому дѣлу?“, упоминая при этомъ съ суровымъ видомъ о карахъ, ожидающихъ лжесвидѣтеля. Ошиблись и тѣ, которые думали увидѣть въ лицѣ Среднева человѣка жестокаго, безпощаднаго, встрѣтить въ немъ знакомый типъ офицера-звѣря. Средневъ, какъ выяснилось на судѣ, былъ сравнительно гуманнымъ офицеромъ. Въ муштровкѣ онъ не прибѣгалъ къ обычнымъ зуботычинамъ, рѣдко налагалъ суровыя наказанія. Правда, онъ придирался къ малѣйшему пустяку, чтобы читать длиннѣйшія наставленія и нравоученія „для пользы самого же провинившагося“, правда, онъ прибѣгалъ въ своемъ „воспитаніи“ къ частымъ наказаніямъ, но они не портили карьеры наказуемыхъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ о нихъ доводилось до свѣдѣнія высшаго начальства. Самому подсудимому, несмотря на то, что онъ былъ 15 разъ наказанъ, выданъ былъ имъ хорошій аттестатъ, дающій возможность Анотину, какъ онъ того желалъ, поступить на службу въ телеграфъ. Чѣмъ же объясняется тогда поступокъ Анотина, гдѣ причина того враждебнаго отношенія къ своему командиру, которое замѣчалось въ ротѣ и было отмѣчено на судѣ? Отвѣтъ нужно искать въ условіяхъ, въ которыя поставлена рота; нужно выяснить себѣ, что представляетъ собою жизнь солдата. Сѣрая, тусклая, безъ пищи для ума и сердца, — она безправна, какъ безправенъ весь военный режимъ. Вчера еще свободнаго, поскольку вообще можно быть свободнымъ при нашемъ политическомъ строѣ, человѣка казарма сегодня низводитъ къ роли безотвѣтнаго существа. За него мыслитъ, за него чувствуетъ, за него рѣшаетъ „начальство“. Каждый шагъ, каждый вздохъ, его радость, его горе, все, все рѣшительно контролируется и регламентируется его непосредственными и посредственными „старшими“. Нигдѣ ему не укрыться отъ ихъ взоровъ, отъ ихъ поученій и приказаній. И въ казармѣ, и на улицѣ, и даже дома солдатъ чувствуетъ за собою силу, которая руководитъ имъ, у которой онъ на помочахъ, въ рукахъ которой онъ является маріонеткой. И вотъ, въ этомъ ротномъ концертѣ, гдѣ кромѣ нотъ злобы и апатіи ничего не слышно, роль первой скрипки приходится играть ротному командиру. Представьте себѣ теперь на мѣстѣ этого начальника человѣка съ наигуманнѣйшими основами, но желающаго въ то же время исполнять свою обязанность быть „отцомъ“ своихъ солдатъ, и вамъ станетъ яснымъ, что его ожидаетъ. Вамъ станетъ понятна злоба его „взрослыхъ дѣтей“. Регламентируя каждый шагъ своихъ подвластныхъ, онъ неминуемо влѣзетъ своими „отеческими“ лапами въ ихъ святая святыхъ, онъ станетъ копаться въ ихъ скрытыхъ душевныхъ чувствахъ; а отвѣтомъ на все это будетъ злоба, безпощадная ненависть. Понимая буквально свои обязанности воспитателя и командира, онъ будетъ смотрѣть на солдатъ, какъ на дѣтей, которыхъ нужно снабжать предостереженіями и увѣщаніями, наказанія для которыхъ играютъ лишь воспитательную роль. Взрослый же субъектъ, съ уже почти сложившимися убѣжденіями и характеромъ, самъ, можетъ быть, отецъ „маленькихъ дѣтей“, превращенный, по требованію „военнаго воспитанія массъ“, въ младенца, не можетъ, понятно, примириться съ подобной прихотью; но его чувства въ счетъ не принимаются, ворота казармы раздѣляютъ его отъ остального живого міра, ему предоставляется лишь таить въ себѣ свою ненависть. При такомъ положеніи дѣла достаточно малѣйшаго пустяшнаго повода, чтобы все это накопившееся возмущеніе вылилось наружу и приняло самую что ни на есть дикую форму. Капитанъ Средневъ былъ именно такимъ командиромъ. Хорошо характеризуетъ его послѣднее наказаніе, наложенное на Анотина. Сей послѣдній, видите ли, желая позабавить свою невѣсту и доставить ей нѣкоторое развлеченіе и нуждаясь въ то же время въ деньгахъ, занялъ пять рублей у одного поручика. Средневъ нашелъ, по всей вѣроятности, что поощрять „мотовство“ нельзя, и приговорилъ Анотина къ трехдневному аресту за то, что тотъ не испросилъ на этотъ поступокъ разрѣшенія. Это, само по себѣ неважное, обстоятельство, въ связи съ подъуськиваніями фельдфебеля, которому Средневъ велѣлъ подать въ отставку, и въ связи съ очень враждебной ротному командиру атмосферой, царящей въ ротѣ, стало той каплей, которая переполнила чашу терпѣнія. На судѣ подсудимый не могъ объяснить, хотѣлъ ли онъ убить ротнаго, и, вообще, за что онъ его зарубилъ. Съ его стороны это не притворство: онъ, дѣйствительно, не могъ этого сдѣлать. Если бы онъ могъ объяснить свой поступокъ, онъ не вымаливалъ бы на колѣняхъ снисхожденія у своихъ судей, не плачемъ отвѣчалъ бы онъ на ихъ вопросы, а явился бы обвинителемъ того строя, который толкаетъ людей на подобные поступки. Но тогда, быть можетъ, онъ и не совершилъ бы его, а искалъ бы удовлетворенія въ подтачиваніи того корня, на которомъ зиждется подобный режимъ. До его изощреннаго слуха донесся бы тогда призывъ освободительнаго движенія, нарастающаго за стѣнами казармы. — Смертный приговоръ совершенъ надъ Анотинымъ.

Петербургъ. Въ послѣднихъ числахъ августа совершенно для всѣхъ неожиданно на интернатъ Рожд. курсовъ было совершено настоящее батыево нашествіе. Свыше 50 человѣкъ жандармовъ часовъ около двухъ дня явились въ зданіе курсовъ и затѣмъ съ представителями курсовой администраціи отправились въ интернатъ. Всѣ ящики, шкафчики и корзины, оставленныя на храненіе уѣхавшими курсистками, были вскрыты и обысканы. Невозмутимая тишина запертаго на лѣто института въ нѣсколько минутъ наполнилась вихремъ всевозможныхъ возгласовъ, которые перешли въ взрывъ радости, когда въ отпертыхъ ящикахъ была найдена нелегальная литература. То и дѣло со стороны жандармовъ раздавались замѣчанія: вотъ оно, гнѣздо... долго мы его искали... теперь всю шайку переловимъ... Были обысканы также одинъ изъ бараковъ и часть анатомическаго театра. На второй и на третій день жандармы снова являлись на курсы, рыскали по интернату, вѣроятно, опасаясь, какъ бы чего не оставить незамѣченнымъ. Кромѣ того, въ первый же день своего посѣщенія они опечатали курсовую библіотеку: обыскали же ее только недѣли черезъ три-четыре, словомъ, когда съѣхались курсистки, въ библіотекѣ не нашли ничего. Изъ интерната было увезено около 15 пудовъ литературы; часть этой литературы состояла изъ залежавшихся, потерявшихъ свое значеніе періодическихъ изданій; попался, между прочимъ, за нѣсколько лѣтъ архивъ.

Какъ само по себѣ ни замѣчательно это жандармское нашествіе, но наиболѣе возбуждающимъ въ этой исторіи недоумѣніе и любопытство является причина, вызвавшая его. Съ перваго взгляда объясненіе напрашивается само собою. Дѣло въ томъ, что мѣсяцемъ ранѣе до описаннаго нашествія, въ зданіи курсовъ былъ произведенъ обыскъ у фельдшерицы одного изъ бараковъ; при обыскѣ ничего не было найдено и фельдшерица оставлена на свободѣ. Но 22 августа она была приглашена на допросъ въ жандармское упр. и уже больше не была выпущена на волю. Можно было бы, конечно, интернатскій обыскъ поставить въ связь съ арестомъ фельдшерицы, еслибъ не нѣкоторыя данныя, заставляющія думать иначе. Для выясненія нашей мысли скажемъ нѣсколько словъ о курсовомъ начальствѣ.

До 1900 года начальство было, главнымъ образомъ, занято тѣмъ, чтобы давать какъ можно больше знаній своимъ слушательницамъ. Но послѣ 1900 г., когда предсѣдательницей комитета краснаго креста стала княгиня Мещерская, заботы курсовой администраціи начали простираться и на личную жизнь слушательницъ. Началось шпіонскими визитаціями субъ-инспектрисы къ курсисткамъ, подъ видомъ собиранія свѣдѣній о матеріальномъ благосостояніи слушательницъ. Визитаціи вскорѣ прекратились, вслѣдствіе протеста курсистокъ. Далѣе, энергичная предсѣдательница удалила старую, около 20 лѣтъ пробывшую на курсахъ начальницу и пригласила по своему выбору новую, которая въ концѣ августа и приняла интернатъ въ свое вѣдѣніе. Ходитъ слухъ, что принимая интернатъ она натолкнулась на нѣсколько подозрительныхъ тяжелыхъ шкафиковъ. Вслѣдъ за этимъ открытіемъ нагрянула рать жандармовъ. Совпаденіе получается поразительное, но мы не рѣшились бы основываться на одномъ совпаденіи, еслибъ подтвержденіе не шло съ другой стороны, а именно, со стороны жандармовъ, которые на допросахъ по интернатскому дѣлу говорили, что безъ такой прекрасной начальницы имъ никогда не удалось бы открыть этого склада. Товарка наша, сидящая сейчасъ въ тюрьмѣ, настойчиво утверждаетъ, что обыскъ въ интернатѣ совершенъ по доносу начальницы. Мы не знаемъ, на сколько можно вѣрить утвержденіямъ жандармовъ и на чемъ основана увѣренность нашей товарки, но, какъ бы то ни было, роль начальницы въ этомъ дѣлѣ намъ представляется весьма некрасивой. Удивительно гнусную роль игралъ при обыскѣ также смотритель: онъ не только оказывалъ всякія услуги жандармамъ, но добровольно и старательно вспоминалъ и указывалъ, какіе шкафы втеченіе зимы находились въ пользованіи какой курсистки. Такъ, всецѣло вслѣдствіе его указаній, послѣ разгрома въ интернатѣ жандармы обыскали баракъ, гдѣ работала ни въ чемъ неповинная слушательница. Во всякомъ случаѣ, это новое вѣяніе на Рождественскихъ курсахъ, вѣяніе шпіонства и полицейщины, есть всецѣло продуктъ творчества княгини Мещерской.

Настроеніе „дворянскихъ гнѣздъ“. Для характеристики переживаемаго Россіей политическаго кризиса, очень интересной является въ настоящее время та растерянность „благороднаго сословія“, которой обуяны представители его передъ неумолимо-надвигающейся грозой народнаго возстанія. Наиболѣе дальновидные изъ нихъ уже ясно видятъ всю нелѣпость надежды самодержавнаго правительства подавить чувства народнаго возмущенія турецкимъ произволомъ; они понимаютъ уже, что „царскими подачками“ долго не проживешь, и кое-гдѣ уже начинаютъ фрондировать въ духѣ „Освобожденія“ насчетъ водворенія правопорядка, способнаго обуздать произволъ царской орды опричниковъ, разжигающей революціонное броженіе въ крестьянствѣ, которое обратится прежде всего противъ дворянъ. Но такъ думаютъ немногіе. Большинство же совершенно потеряло голову... У меня имѣется нѣсколько писемъ изъ Полтавской, Черниговской и Кіевской губерній, рисующихъ эту растерянность. Какъ извѣстно, эти губерніи — типичныя дворянскія губерніи, гдѣ помѣстныя владѣнія особенно сильно эксплуатируютъ крестьянъ въ качествѣ арендаторовъ, батраковъ и пр., и гдѣ въ то же время особенно сильно броженіе среди крестьянъ; это глухое броженіе легко можетъ разростись до крупныхъ стихійныхъ возмущеній, подобныхъ прошлогоднимъ событіямъ въ Полтавской и Харьковской губ. Поэтому-то дворянство этихъ губерній переживаетъ особенно тревожные дни. Въ Кіевской губ., напр., нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ устраивали весной даже нѣчто вродѣ своего съѣзда, на которомъ серьезно обсуждалось положеніе дѣлъ. Говорили очень много на тему о необходимости въ ближайшемъ будущемъ ликвидировать свои

его мѣсто? Не пора ли уже начать опредѣлять способы и пути революціи?“ спрашиваетъ кіевскій товарищъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ. „Невольно кажется“, продолжаетъ онъ, „что рѣшительная минута не такъ уже далека, и что встрѣтить ее неподготовленными, безъ опредѣленнаго плана было бы величайшей ошибкой. Думаю, что, если бы въ какомъ либо изъ центровъ намъ удалось временно овладѣть властью, то эта самая побѣда, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго общерусскаго плана, обратилась бы въ пораженіе. А о побѣдѣ можно не только мечтать, но, какъ мнѣ кажется, и думать.“

Товарищъ правъ, южныя событія ручаются за то, что о побѣдѣ теперь ужъ можно, а слѣдовательно, и должно думать. Мысль должна начать иначе относиться къ идеѣ революціи, чѣмъ до сихъ поръ. Представленіе о томъ, какъ произойдетъ паденіе царизма, должно конкретизироваться. Слова „народное возстаніе“, „побѣдоносная революція“ давно знакомы нашей подпольной прессѣ. Всего больше говорилось объ этихъ вещахъ въ прокламаціяхъ начала 60-хъ годовъ и въ бакунистскихъ писаніяхъ, привезенныхъ изъ-за границы Нечаевымъ. Но тогда, поскольку эти слова не были простымъ украшеніемъ слога, они выражали просто *вѣру*, подкрѣпляемую лишь преданіями далекой старины.

Въ текущей русской дѣйствительности не было ничего, что говорило бы о возможности близкой революціи. Думать о ней и въ тоже время присматриваться къ народной массѣ, значило терять вѣру въ революцію. И въ теченіе 70-хъ г. г. вѣра въ близкое народное возстаніе постепенно исчезла. Соціалдемократы знали, что пролетаріатъ революціоненъ по самому своему положенію, и этого было совершенно достаточно, чтобы работать. Но пока пробужденіе касалось только тѣхъ передовыхъ рабочихъ, до которыхъ могли добраться соціалдемократы, оставалось невѣдомымъ, какъ и когда проснется массовикъ, а безъ него „думать“ о побѣдоносной революціи было еще слишкомъ рано.

Ростовская стачка съ ея массовыми собраніями была первой ласточкой той весны, которая сказалась съ такой силой въ іюльскихъ волненіяхъ. Теперь впервые сама жизнь заставляетъ мысль останавливаться на конкретныхъ чертахъ этого еще недавно такого далекаго и невѣдомаго момента, заставляетъ думать о путяхъ и способахъ революціи.

Думать о нихъ, чтобы, по возможности, предвидѣть событія, совершенно необходимо, но представить себѣ революцію совершающеюся по заранѣе составленному плану, напередъ опредѣленными путями и способами, было бы, конечно, утопіей. Это невозможно уже потому одному, что, какъ бы ни была сильна и совершенна организованность соціалдемократіи, не отъ нея одной будетъ зависѣть ходъ событій. Во первыхъ, этотъ ходъ будетъ зависѣть и отъ поведенія врага и отъ настроенія обывателя, превышающаго своею численностью всѣ заранѣе революціонные и активные элементы населенія. Наконецъ этотъ ходъ будетъ въ значительной степени зависѣть отъ „общества“.

Затѣмъ въ движеніи самихъ рабочихъ массъ въ періодъ, предшествующій паденію самадержавія, всегда будетъ нѣчто, не поддающееся учету, хотя бы движеніе цѣликомъ совершалось подъ вліяніемъ соціалдемократіи. Вѣдь русскій рабочій классъ стоитъ лишь въ началѣ своего общественнаго воспитанія, соціалдемократіи предстоитъ еще долгій путь до того момента, когда большинство рабочаго класса превратится въ сознательныхъ соціалдемократовъ. До паденія самодержавія этого не произойдетъ ни въ какомъ случаѣ. Но уже первые проблески пробужденія пролетаріата уничтожаютъ въ его душѣ вѣру въ неприкосновенность всего существующаго и ставятъ его въ разрѣзъ съ нашимъ полицейскимъ режимомъ.

Поэтому то только и возможна у насъ побѣдоносная революція; но поэтому же непредвидѣнныя движенія рабочихъ массъ перерастаютъ организованную работу соціалдемократовъ и пока длится революціонный періодъ будутъ перерастать ее, являясь въ то же время ея результатомъ.

Планъ соціалдемократіи можетъ, мнѣ кажется, состоять лишь въ опредѣленіи своей роли въ томъ ходѣ событій, который она должна стараться предвидѣть, чтобы какъ можно сильнѣе вліять на него, но котораго она никогда не будетъ въ состояніи опредѣлить заранѣе, чтобы затѣмъ вести предначертанными путями.

Возвращаясь къ нашимъ южнымъ стачкамъ, можно, мнѣ кажется, надѣяться, что работа мысли и чувства, поднятая въ массахъ участіемъ въ волненіяхъ, сдѣлаетъ ихъ еще воспріимчивѣе и, если наши комитеты окажутся хоть сколько-нибудь на высотѣ задачи, слѣдующая же волна движенія, если и начнется со всеобщей стачки, то эта стачка въ гораздо большей степени, чѣмъ на этотъ разъ, окажется лишь формой движенія. Не трудно предвидѣть, что при растущей революціонности массъ крикъ „долой убійцъ!“ будетъ становиться все болѣе общимъ и изъ угрозы можетъ наконецъ превратиться въ цѣль, въ требованіе, а при этомъ условіи побѣда не только возможна, а пожалуй, и неизбѣжна.

Если бы революція могла совершаться по плану, она, разумѣется, должна бы начаться въ столицѣ. Здѣсь уничтоженіе власти врага сразу лишило бы силы весь правительственный механизмъ во всей провинціи. Но въ настоящій моментъ большая революціонная подвижность юга заставляетъ допустить возможность другого хода русской революціи.

Если бы кіевское: „долой убійцъ!“ изъ простого выраженія ненависти перешло въ дѣло, и мѣстные иниціаторы убійствъ вынуждены были такъ или иначе стушеваться передъ народнымъ гнѣвомъ, если бы даже примѣру Кіева послѣдовали всѣ революціонные центры юга, — все это само по себѣ еще не означало бы сверженія также и петербургскихъ убійцъ. Имъ всетаки потребовался бы окончательный толчекъ, хотя, несомнѣнно, что сила сопротивленія ихъ была бы громадно ослаблена.

Едвали можно усомниться въ томъ, что въ Петербургѣ сознательныхъ революціонныхъ силъ больше, чѣмъ гдѣ либо, и трудно допустить, чтобы здѣсь рабочая масса, даже самая „сѣрая,“ оставалась совсѣмъ незатронутой революціоннымъ временемъ. Но и у врага силъ въ Петербургѣ тоже больше, чѣмъ гдѣ-либо. Здѣсь для взрыва, быть можетъ, недостаточно одного накопленія революціонной потребности въ свободномъ проявленіи своихъ силъ. Здѣсь, быть можетъ, нужно внѣшнее событіе, дѣлающее возстаніе обязательнымъ именно въ данный моментъ.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей Европы средины XIX вѣка, тотъ знаетъ, конечно, что мартовскія событія въ Берлинѣ и Вѣнѣ были вызваны февральской революціей въ Парижѣ. Нѣмецкое студенчество давно уже было настроено революціонно, пробужденіе рабочаго класса въ Германіи дѣлало огромные успѣхи; ясно, однако, что самымъ ходомъ движенія революціонный взрывъ вовсе не былъ еще пріуроченъ непремѣнно къ марту 48-го года. Но очень распространенное знаніе исторіи французскихъ революцій, разсказы о которыхъ служили агитаціоннымъ матеріаломъ, и еще шире разлившееся ожиданіе, что на этотъ разъ революція во Франціи послужитъ сигналомъ и для нѣмецкаго освобожденія, — все это придало вѣсти о февральской революціи такую волнующую силу, что двухъ недѣль, прошедшихъ отъ первыхъ хозяйства и выѣхать изъ предѣловъ губерніи, въ виду ожидающихся со дня на день аграрныхъ безпорядковъ. Предвѣстниками ихъ были участившіеся пожары, аграрныя убійства и пр., а главное, упорные слухи среди крестьянъ о „передѣлѣ“ земли. По поводу передѣла земли крестьяне очень часто обращались и къ самимъ помѣщикамъ, которые чуяли за этими вопросами скрытое народное негодованіе...

Въ Черниговской губерніи настроеніе среди дворянъ такое же. Дворяне и здѣсь толкуютъ о спасеніи своей шкуры и тоже подумываютъ, какъ бы скорѣе развязаться со своимъ „добришкомъ“. Многіе уже заблаговременно подыскиваютъ себѣ покупателей среди Колупаевыхъ, чтобы успѣть продать „по сходной цѣнѣ“ свои вѣковыя „гнѣзда“. Инстинктъ подсказываетъ имъ, что не за горами то время, когда ихъ потребуетъ къ отвѣту настоящій народный судъ, который вынесетъ свой историческій нелицепріятный приговоръ надъ беззаконіями и издѣвательствами, творимыми надъ русскимъ крестьянствомъ дворянами, подъ прикрытіемъ царской опричнины!

Нижній Новгородъ. Убійство провокатора. 15 17-го сентября, днемъ, здѣсь происходили обыски и аресты. Арестовано около 25 человѣкъ. Среди фамилій арестованныхъ называютъ такія: В. И. Аркадьевъ, И. Д. Чернышевъ, Б. Грейберъ, Б. Позернъ, А. И. Пискуновъ, Ненюковъ и др. Причина арест. — провокація. Лѣтомъ здѣсь появился еврей, который въ Сормовѣ именовалъ себя Пятницкимъ, а въ Нижнемъ — Субботинымъ. Организовавши кружокъ среди сормовскихъ рабочихъ, онъ втерся въ довѣріе къ интеллигенціи и предалъ ее. Объ истинной физіономіи этого Пятницкаго скоро послѣ арестовъ узнали и кара не замедлила обрушиться на его голову. Дня черезъ 3-4 послѣ арестовъ его нашли мертвымъ съ пробитой головой въ лѣсочкѣ около Сормова. Жандармерія усиленно принялась разслѣдовать дѣло, нахватала массу людей, но принуждена была всѣхъ повыпускать. Осталось привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности трое рабоч. Ихъ переодѣли въ арестантскую одежду и допрашиваютъ въ камерѣ прокурора окружного суда. Арестованы не только обвиняемые, но и свидѣтели.

Бердичевъ. Едва успѣли наши обыватели успокоиться послѣ сентябрьскихъ арестовъ, какъ вновь взволнованы были небывалымъ еще въ Бердичевѣ явленіемъ: *покушеніемъ* на помощника пристава второй части, Кулишова. 15 октября, неизвѣстнымъ человѣкомъ произведенъ былъ выстрѣлъ въ помощ. пристава, гулявшаго по главной улицѣ — Бѣлопольской. Многіе, въ томъ числѣ и самъ помощ. пристава, объясняютъ это покушеніе местью со стороны революціонеровъ за дурное обращеніе съ арестованными 24 настоящаго мѣсяца при разбрасываніи прокламацій. Какъ потомъ стало извѣстнымъ, въ полицейскомъ застѣнкѣ арестованныхъ подвергли настоящей пыткѣ. Ихъ били смертнымъ боемъ, и затѣмъ прикладывали къ наболѣвшимъ мѣстамъ горячія бутылки. Требовали отъ нихъ, чтобы они указали, отъ кого получили прокламаціи. Такъ какъ при истязаніи особенно отличился пом. пристава, то, поэтому, и приписываютъ это покушеніе мести революціонеровъ.

Для насъ важно не самое покушеніе, но этотъ случай можетъ лишній разъ послужить иллюстраціей звѣрства и разнузданности полиціи при расправѣ съ борцами за свободу съ одной стороны, и той безцеремонности, съ которою она — и, увы, какъ оказывается, не безъ основанія — разсчитываетъ на услуги, такъ называемаго, „либеральнаго“ общества. Въ настоящемъ случаѣ полиція дошла до Геркулесовыхъ столбовъ и потребовала отъ всѣхъ нашихъ эскулаповъ подписки о неподачѣ медицинской помощи покушавшемуся на священную особу слуги царя и Плеве (есть основаніе полагать, что тотъ раненъ отстрѣливавшимся приставомъ) съ донесеніемъ, въ случаѣ его обращенія къ врачу, куда слѣдуетъ. А что же наши врачи? Они не только не запротестовали противъ причисленія ихъ къ сонму святыхъ, то бишь, сыщиковъ, но, какъ одинъ человѣкъ, покорно и безропотно, какъ подобаетъ людямъ съ рабскими душонками и наклонностями, дали требуемую подписку, забывъ даже о врачебной этикѣ. Казалось бы, что для отказа отъ исполненія *незаконныхъ требованій полиціи* не богъ вѣсть сколько гражданскаго мужества требуется, а все таки, какъ оказалось, у нашихъ *дипломированныхъ интеллигентовъ* и такой микроскопической дозы мужества не оказалось.

Пермь. Въ концѣ іюля въ Пермь пріѣхалъ прокуроръ Казан. Судеб. Палаты, небезызвѣстный Кичинъ. Въ его задачи входила между прочимъ (если не исключительно) ревизія политическихъ дѣлъ. За время своего пребыванія въ Перми Кичинъ достаточно хорошо охарактеризовалъ себя. „Блюститель закона“, болѣе умный, чѣмъ пермскіе жандармы, онъ поневолѣ взялъ на себя роль защитника политическихъ, исправляя чреезчуръ грубыя „юридическія ошибки“ жандармовъ. По его распоряженію, изъ тюрьмы были выпущены 4 человѣка. Политическихъ Кичинъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ, но на всѣ заявленія, даже самаго умѣреннаго свойства, отвѣтилъ отказомъ. Бесѣдуя съ родственниками заключенныхъ, Кичинъ, между прочимъ, изложилъ свою программу въ такомъ видѣ: „Я вполнѣ сочувствую общенію интеллигенціи съ рабочими, я вполнѣ одобряю всякія культурныя начинанія интеллигенціи. Помогайте рабочимъ, просвѣщайте ихъ, принимайте участіе въ ихъ экономической борьбѣ — это я понимаю; я знаю, что это неизбѣжно, но только оставьте въ сторонѣ политику! Этого не нужно.“ Въ другой бесѣдѣ онъ сдѣлалъ слѣдующее откровенное признаніе: „Мы, — говоритъ Кичинъ, коснувшись дѣла одного рабочаго, — ко всѣмъ, кто не желаетъ искренне намъ все сказать, примѣняемъ „нравственную пытку“. И, поэтому, теперь въ Перми вводятъ обычай держать политическихъ до приговора. Другой обычай, иниціаторомъ котораго называютъ новаго пермскаго губернатора Наумова, — это ссылка заключенныхъ въ уѣздныя тюрьмы, въ виду переполненія губернской тюрьмы. Впервые такая разсылка была примѣнена въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года къ девяти лицамъ. Отправляли изъ Перми этапнымъ порядкомъ. До сихъ поръ по уѣзднымъ тюрьмамъ, сидятъ, испытывая отчаянныя неудобства, учитель П. И. Путиловъ, служащія на желѣзной дор. Клушина и Позднякова. Недавно выпущены въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ бр. Поповы, ради освобожденія проголодавшіе 15 дней.

Тифлисъ. Убійство политическаго въ тюрьмѣ. Въ № 48 „Искры“ сообщалось кратко объ убійствѣ въ Тифлисской тюрьмѣ Влад. Кецховели (Ладо). Это сообщеніе можемъ дополнить слѣдующими свѣдѣніями.

Владиміръ Кецховели былъ арестованъ въ Баку въ декабрѣ прошлаго года и содержался съ тѣхъ поръ въ Тифлисскомъ Метехскомъ Замкѣ. Кецховели оказался очень неудобнымъ для начальства арестантомъ. Онъ постоянно переговаривался съ другими заключенными, постоянно изъ его камеры раздавались революціонные возгласы: „Да здравствуетъ свобода“, „Долой самодержавіе“. Рѣзко протестующее поведеніе Кецховели возбудило къ нему особенную ненависть тюремной администраціи, и она искала случая отдѣлаться отъ безпокойнаго арестанта. 17 августа въ Метехскій замокъ привели восемь человѣкъ (интеллигентовъ и рабочихъ), арестованныхъ въ Гори. Кецховели немедленно вступилъ въ разговоръ черезъ окно съ новыми товарищами, спрашивая: кто такіе, откуда и по какому дѣлу? Часовой Дергилевъ, ходившій подъ окнами, закричалъ ему, чтобы онъ сошелъ съ окна; Кецховели не исполнилъ требованія, тогда часовой выстрѣлилъ и убилъ его. Дѣло произошло гораздо проще, чѣмъ это описывается въ прилагаемомъ здѣсь приказѣ по первой Кавказской Стрѣлковой Бригадѣ. Ни оскорбленій часового, ни многократныхъ предупрежденій не было; все было предрѣшено заранѣе, Кецховели былъ воровскимъ манеромъ похороненъ полиціей, неизвѣстно гдѣ.

Сообщаемъ нѣкоторыя данныя о личности Кецховели. Въ серединѣ девяностыхъ годовъ онъ былъ исключенъ изъ Тифлисской семинаріи за участіе въ ученическихъ волненіяхъ. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя пролетарскому революціонному движенію на Кавказѣ. Онъ счелъ за лучшее уклониться отъ военной службы и послѣдніе два съ половиною года работалъ на положеніи нелегальнаго. Кецховели былъ выдающимся дѣятелемъ на Кавказѣ; онъ былъ опытнымъ и смѣлымъ организаторомъ. Въ прокламаціи, выпущенной по поводу его убійства, говорится, что онъ подъ носомъ у жандармовъ дѣлалъ крупныя дѣла. По его иниціативѣ и при его ближайшемъ участіи издавалась Кавказская соціальдемократическая газета на грузинскомъ языкѣ „Брдзола“ (борьба).

Преступленіе, совершенное въ тифлисской тюрьмѣ, вызвало одобреніе начальства. Въ приказѣ по первой Кавказской Стрѣлковой Бригадѣ, ген. М. Свѣтловъ объявляетъ *„искреннюю благодарность“* за *„молодецкій поступокъ“* часового Дергилева всей озвѣрѣлой командѣ батальона, начиная съ полковника Габаева и кончая ефрейторомъ. Кромѣ того, Дергилеву, унтеръ офицеру и ефрейтору за убійство назначены награды отъ трехъ до пяти рублей.

Васильсурскъ, Нижегородской губ. Въ нынѣшнемъ году революціонная волна докатилась и до нашего уѣзда. Три революціонныя группы заявили о себѣ въ Васильсурскѣ. Кромѣ „группы соц.-революціонеровъ“, здѣсь дѣйствуютъ „Васильсурская соц.-дем. организація“ и, отдѣльно отъ нея, „соц.-дем. группа“. Эти двѣ соціальдемократическія группы находятся на пути къ сліянію. Соціальдемократическая организація“ выпустила съ осени 1902, до мая 1903 года 20 листковъ разнаго содержанія которые распространялись съ большимъ успѣхомъ въ Юринской волости и, вообще Заволжской части, гдѣ имѣется благопріятная почва для агитаціи, благодаря постояннымъ аграрнымъ столкновеніямъ съ наслѣдниками Шереметева. „Соц.-дем. группа“ распространяла воззванія къ рабочимъ завода Чайки въ Хмѣлевкѣ, „Къ новобранцамъ“, „Письмо отъ рабочихъ къ крестьянамъ“, „О Саровѣ“ и т. п. Листки распространялись въ самомъ городѣ и въ селахъ Бѣлявкѣ, Хмѣлевкѣ, Фокинѣ, Шепырихѣ и др. На литературу громадный спросъ; къ сожалѣнію, ея очень мало.

Писчебумажная фабрика Чайки и К° въ с. Хмѣлевкѣ славится своими безобразными порядками, свѣдѣнія о которыхъ проникли даже въ легальную печать („Истор. Вѣстникъ“ за 1903 г.) Рабочихъ 150, работаютъ 12 часовыми смѣнами. Жалованье задерживается по $1^1/_2$-$2^1/_2$ мѣсяца, расплата продуктами — чаемъ, мукой и т. д., практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Рабочіе (всѣ — мѣстные жители) не рѣшаются оказать сплоченное сопротивленіе прижимкамъ администраціи. Распространенныя здѣсь осенью прокламаціи произвели сильное впечатлѣніе.

Изъ частнаго письма. Одинъ нашъ товарищъ, находящійся въ настоящее время въ чертѣ бундизма, сообщаетъ слѣдующіе факты, не лишенные интереса. Онъ пишетъ, что большинство изъ тѣхъ сознательныхъ еврейскихъ рабочихъ, съ которыми ему пришлось встрѣчаться, энергично и рѣшительно сопротивляются тѣмъ націоналистическимъ тенденціямъ, которыя имъ стараются навязывать представители Бунда, интеллигенты. Сами же интеллигенты-пропагандисты жаловались ему, что рабочіе оказываются совсѣмъ невоспріимчивыми къ тѣмъ статьямъ „Arbeiter Stimme“ (Рабочій Голосъ), въ которыхъ проводятся націоналистческіе взгляды, такъ какъ рабочіе убѣждены, что нѣтъ различія между ихъ интересами и интересами всероссійскаго пролетаріата. Далѣе нашъ товарищъ пишетъ, что недавно ему пришлось выступить противъ національма на собраніи еврейскихъ рабочихъ, которое имѣло мѣсто въ Борисовѣ. Его рѣчь была встрѣчена сочувственно, и присутствовавшіе на этомъ собраніи рабочіе выразили желаніе, чтобы была принята соотвѣтственная содержанію рѣчи резолюція. Не зная, къ сожалѣнію, тѣхъ практическихъ дѣйствій, которыя намѣренъ предпринять нашъ Ц. К. для объединенія еврейскаго рабочаго движенія съ русскимъ, нашъ товарищъ былъ вынужденъ ограничиться лишь предложеніемъ общей резолюціи чисто теоретическаго характера. На слѣдующій день послѣ этого собранія нашъ, товарищъ былъ приглашенъ на другую рабочую сходку, гдѣ онъ, между прочимъ, слышалъ слѣдующее характерное разсужденіе. На вопросъ интеллигента у одной работницы, о чемъ была рѣчь на вчерашнемъ собраніи, работница отвѣтила, что она рѣшительно не понимаетъ, какъ можно такъ долго останавливаться на такомъ простомъ и ясномъ вопросѣ, какимъ является національный вопросъ. Насъ, говорила она, раньше учили, что наши интересы совершенно сходны съ интересами христіанскаго пролетаріата, что у насъ, еврейскихъ пролетаріевъ, нѣтъ и не можетъ быть особенныхъ, отличныхъ стремленій отъ стремленій пролетаріевъ другихъ національностей и что мы, поэтому, должны быть вполнѣ солидарны съ всероссійскимъ пролетаріатомъ. Эту проповѣдь мы ясно понимали, чувствовали ея полную справедливость и соглашались съ ней. Теперь же намъ говорятъ противоположное; насъ учатъ, что у еврейскихъ пролетаріевъ существуютъ особенные интересы, что намъ нельзя и не слѣдуетъ довѣрять христіанскому пролетаріату, который намъ можетъ измѣнить въ рѣшительную минуту, что мы, такимъ образомъ, съ нимъ не солидарны. Съ этимъ основнымъ противорѣчіемъ Бунда работница никакъ помириться не могла.

Затѣмъ нашему товорищу достовѣрно извѣстно, что бундовскій національмъ встрѣчаетъ весьма серьезную оппозицію со стороны сознательныхъ рабочихъ во многихъ мѣстахъ черты бундизма и что въ Минскѣ произошелъ даже расколъ на этой почвѣ.

Мы нисколько не сомнѣвались, что сознательная часть еврейскихъ рабочихъ, усвоившая классовую точку зрѣнія, рано или поздно выступитъ противъ тѣхъ націоналистическихъ мелкобуржуазныхъ взглядовъ, которые бундовскіе націоналисты стараются навязать еврейскому пролетаріату. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Подъ плеть общественнаго негодованья! Эпоха, какъ наша, даетъ просторъ не только героизму, но и наглости. Чувства и страсти, тихо дремлющія въ мирное время, въ наши дни вихремъ вырываются на открытый воздухъ. Человѣконенавистническіе инстинкты разнуздываются, цинизмъ щеголяетъ своей наготой... Антисемитизмъ составляетъ неизмѣнную приправу нашего казенно-учебнаго образованія и воспитанія и нормальной составной частью входитъ въ „міросозерцаніе“ широкихъ „интеллигентныхъ“ слоевъ россійскаго мѣщанства, получающихъ свою политическую „идею“ изъ рукъ г. Суворина или г. Комарова. Но нужны такіе боевые дни, какъ наши, чтобы косный антисемитизмъ принялъ активныя политическія формы. Мы видѣли недавно студентовъ, открыто принимающихъ участіе въ избіеніяхъ евреевъ. Но это все же отдѣльныя лица. Теперь въ россійскихъ университетахъ начинаютъ возрождаться — онѣ ужъ возникали порой въ періоды возбужденія — цѣлыя антисемитскія фаланги. Въ Одессѣ, какъ сообщаетъ корреспондентъ одной заграничной русской газеты, образовалась изъ студентовъ активная антисемитская группа, назвавшаяся „Священной лигой“ и принявшая девизъ: „Долой жидовъ и соціалистовъ!“ Сначала члены этой Лиги раскладывали въ аудиторіяхъ по скамьямъ „Знамя“, „Новое время“ и тому подобныя изданія, но такъ какъ газетъ этихъ почти никто не бралъ въ руки, то выпущены были спеціальные листки въ крушевановскомъ стилѣ. Университетскія стѣны украсились даже воззваніемъ „Бей жидовъ!“

Въ Харьковѣ, въ книгу для заявленій о выпискѣ новыхъ изданій, внесена 10 октября 1903 г. слѣдующая просьба: „Мы, ниже подписавшіеся русскіе студенты, покорнѣйше просимъ правленіе харьковской общественной библіотеки выписать на будущій 1904 годъ газету „Знамя“, издаваемую идеальнымъ борцомъ Павломъ Ивановичемъ Крушеваномъ, борцомъ за матушку Русь, за нашъ русскій народъ!“ Слѣдуютъ подписи: П. Бретеловъ, Д. Голенищевъ-Кутузовъ, А Красовскій. Г. Бисеровъ, Б. Лихачевъ. К. Петровъ.

Съ увѣреннымъ безстыдствомъ заявляютъ о себѣ мѣдные лбы юдофобства. Нахальными руками они сами заносятъ на доску позора свои имена. Поможемъ имъ въ ихъ самоошельмованьи. Перепечатаемъ ихъ имена и швырнемъ ихъ подъ плети общественнаго негодованія.

Ярославль. Офицеры мѣстнаго гарнизона возбуждены инцидентомъ съ ихъ товарищемъ, получившимъ по почтѣ „Освобожденіе“. Полученный номеръ былъ представленъ черезъ два дня жандармамъ, а потому они нашли нужнымъ тягать получателя на допросы, спрашивать, какъ онъ относится къ „Освобожденію“ и т. д. Надѣемся, что такими пріемами жандармерія быстро отучитъ всѣхъ отъ передачи ей получаемой нелегальной литературы.

Новыя заботы.

Жандармское Полицейское Управленіе ж.-дороги.
„...“ октября 1903 г.
№ „...“

Копія.

Г. Начальнику „...“ желѣзной дороги.

Штабъ Отдѣльнаго корпуса Жандармовъ циркулярнымъ предписаніемъ увѣдомилъ, что признается необходимымъ, чтобы унтеръ-офицеры жандармскихъ полицейскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ были ознакомлены съ устройствомъ и управленіемъ паровозами настолько, чтобы самостоятельно вывести паровозъ изъ депо и слѣдовать съ таковымъ безъ помощи желѣзнодорожныхъ агентовъ.

Сообщая о вышеизложенномъ, имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь, не отказать въ распоряженіи объ оказаніи Гг. Начальниками депо ихъ содѣйствія Гг. Начальникамъ Отдѣленій ввѣреннаго мнѣ Управленія, которые непосредственно войдутъ съ ними въ соглашеніе о времени и очереди по вызову нижнихъ чиновъ съ линіи для изученія паровоза.

О послѣдующемъ покорнѣйше прошу Васъ поставить меня въ извѣстность.

Начальникъ Управленія (подпись).

Сообщаемый документъ, помимо того, что служитъ лишній разъ показателемъ тревожнаго отношенія русскаго правительства къ стачкамъ рабочихъ, имѣвшимъ въ послѣднее время широкое распространеніе и на правительственныхъ желѣзныхъ дорогахъ (что особенно важно правительству), по нашему мнѣнію, заслуживаетъ интереса еще и тѣмъ, что опять таки еще и еще разъ показываетъ, какъ тѣ средства, къ которымъ прибѣгаетъ самодержавное правительство, легко могутъ обратиться противъ него самого. Съ увѣренностью можно сказать, что „унтеръ-офицеры жандармскихъ полицейскихъ Управленій“, какъ ихъ длинно титулуетъ г. Начальникъ Ж. Упр., почуявъ лучшій заработокъ, побросаютъ свои длинные и почетные титулы и побѣгутъ въ машинисты (заработокъ жандарма 25—30 рублей, у машиниста же онъ часто достигаетъ 120—130 р. въ мѣсяцъ).

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ.

I.

Помпадуръ и крамола. Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь! „Децентрализація“. Помпадуръ дореформенный, помпадуръ пореформенный, помпадуръ будущаго.

„Россія задыхается отъ централизаціи“, — еще Ѳеденька Кротиковъ зналъ корень зла, еще онъ находилъ, что необходимо „децентрализовать“, т. е. радикально эмансипировать помпадура отъ опеки законовъ. Конечно, помпадуръ никогда не былъ въ этомъ отношеніи стѣсненъ и всегда зналъ, что по времени и закону бываетъ перемѣна. Но теперь онъ почувствовалъ неумолимую потребность въ экстренной широтѣ движеній, энергіи захвата и стремительности аттакъ. Ибо врагъ не утомимъ. Крамола пріобрѣтаетъ безчисленныя развѣтвленія и проявляется время отъ времени въ актахъ, захватывающихъ начальственное дыханіе. Прежнимъ „правителямъ“ приходилось искоренять либеральный „Сеничкинъ ядъ“, укрывавшійся либо въ акцизномъ вѣдомствѣ“, либо въ земской Управѣ, — да еще время отъ времени совершать крестовые походы противъ мужиковъ, становившихся по этому случаю на колѣни и заявлявшихъ: „Нечего съ насъ взять! Насъ и уколупнуть негдѣ!“ И въ тѣ времена требованіе полной и безусловной децентрализаціи было въ сущности простымъ проявленіемъ капризной помпадурской похотливости. Энергичный помпадуръ, одинъ изъ тѣхъ, внутри которыхъ „скрывается молнія“ встрѣчалъ тогда препятствія не столько въ наличности закона, сколько въ отсутствіи врага. Тогдашній „помпадуръ борьбы“ пытался, если помните, даже вызвать сатану — увы! тщетно. — Чтобы помѣряться съ нимъ силами, — теперешній ни мало не нуждается въ столь фантастическихъ

извѣстій о ней до мартовскихъ дней въ Вѣнѣ и Берлинѣ, было достаточно, чтобы довести броженіе до окончательнаго взрыва.

Не суждено ли побѣдоносной революціи на нашемъ югѣ сыграть по отношенію къ сѣверу роль революціоннаго Парижа для Германіи?

Кіевскій товарищъ сто разъ правъ, говоря, что встрѣтить рѣшительныя минуты, не подготовившись къ нимъ, было бы величайшей ошибкой со стороны соціалдемократіи. Но первымъ шагомъ этой подготовки должно быть, по нашему мнѣнію, не составленіе плана, а усвоеніе и широкое распространеніе самой мысли о реальной возможности, а можетъ быть и неизбѣжности революціи въ близкомъ будущемъ.

Соціалдемократическая рабочая партія должна освоиться съ этой мыслью и пріучить къ ней все остальное населеніе. Широкое распространеніе увѣренности въ близкой революціи — это половина побѣды. Эта увѣренность должна какъ можно дальше проникнуть въ крестьянство. Къ активному участію въ революціи должно усиленно готовиться наше студенчество. Къ мысли о ея неизбѣжности должно привыкнуть даже общество, продолжающее „не вѣрить“ въ революцію, тогда какъ именно побѣдоносная революція становиться теперь уже единственнымъ способомъ освобожденія, въ который нѣтъ надобности „вѣрить“, о которомъ уже поздно мечтать, а остается „думать“, какъ облегчить его ходъ и уменьшить количество уже льющейся крови.

Конкретные планы опредѣленныхъ дѣйствій въ томъ или иномъ случаѣ, примѣнительно къ тому или другому городу, могутъ начать вырабатываться лишь въ атмосферѣ, уже насыщенной ожиданіемъ близкой революціи. Они не могутъ, конечно, обсуждаться ни въ печати, ни на широкихъ собраніяхъ, но для того, чтобы тѣсный кругъ профессіональныхъ революціонеровъ могъ выработать жизненный планъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи должна думать и чувствовать въ унисонъ окружающая его среда.

предпріятіяхъ. Прежде всего значительно расширился кругъ дѣйствія „Сеничкина яда“. Затѣмъ — что гораздо важнѣе — мужикъ, колѣнопреклоненно жалующійся, что его негдѣ уколупнуть, отодвинутъ на задній планъ городскимъ рабочимъ, который не только не становится на колѣни, но и не снимаетъ шапки, не только не ограничивается указаніемъ на то, что его негдѣ уколупнуть, но и отрицаетъ самое право „уколупывать“ его, отрицаетъ помпадура, какъ носителя этого права, отрицаетъ самый порядокъ, произрождающій помпадуровъ.

Да и мужикъ, все болѣе и болѣе становится подозрительнымъ. То цѣльное крестьянское міросозерцаніе, ось котораго составляла идея: „Безъ этого — нельзя“ расползается во всѣ стороны. Мужикъ развращается.

Съ какой горечью отмѣчаетъ этотъ процессъ либерально-православный саратовскій помѣщикъ въ „С.-П. Вѣд.“ Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь! — „Ни костюмъ, ни пѣсня, ни разговоръ, ни интересы жизни — ничто не напоминаетъ русскаго характера, русской широкой души... *Нелюбовь къ землѣ, тяготѣніе къ городу, вѣчное недовольство жизнью,* (нѣчто страшно опасное во всѣхъ отношеніяхъ, — замѣчаетъ г. помѣщикъ)... — вотъ думы народныя!“ Солдатчина не только не воспитываетъ мужика, наоборотъ, вноситъ въ деревню развратъ. „Солдатъ, вернувшійся въ деревню, — самый недисциплинированный общестевен. элементъ, никого не уважающій, ничѣмъ недовольный и, главное, совершенно отвыкнувшій отъ церкви. Потомъ слѣдуетъ — жалуется саратовскій народолюбецъ — *жизнь на фабрикѣ, совершенно безнадзорная въ нравственномъ отношеніи:* потомъ бѣдность, отчасти переселенческое движеніе, коснувшееся и центра — вотъ все это вмѣстѣ и вліяетъ на народную жизнь“... Нѣтъ Руси, гибнетъ Русь!

На ту же совершенно „безнадзорную въ нравственномъ отношеніи жизнь“ крестьянства, жаловался недавно въ ливенскомъ земствѣ гл. Епифановъ, предлагавшій учредить „попечительство о народной религіозно-нравственности“. „Крестьянское населеніе, съ каждымъ годомъ и каждымъ часомъ выходитъ изъ надлежащаго своего быта“... Отхожіе заработки, „безконтрольное религіозно-нравственное поведеніе“ — все это въ конецъ „портитъ“ крестьянскую молодежь. „Такая жизнь крестьянства — прорицаетъ земскій Катонъ — не поведетъ къ хорошему, и въ недалекомъ будущемъ образуется массовый пролетаріатъ крестьянства“.

Да, и отхожіе заработки и „безнадзорная“ жизнь въ городѣ и даже солдатчина, все это разлагаетъ священную „полусоціалистическую“ общину, великій устой азіатской деспотіи, разлагаетъ стихійно, фатально — и тѣмъ вырываетъ почву изъ подъ ногъ царизма... И ни „попечительство о народной религіозно-нравственности“, проектируемое темнымъ ливенскимъ земцемъ, ни „общественная вѣялка“, предлагаемая во спасеніе Крестьянскимъ Союзомъ Партіи С. Р. — ничто не остановитъ этого процесса. Кресгьянское населеніе съ *каждымъ годомъ и каждымъ часомъ* выходитъ изъ надлежащаго своего быта...“

Рабочій бунтуетъ, бунтуетъ мужикъ.

При такихъ затруднительныхъ условіяхъ помпадуру приходится божьей грозою носиться надъ „ввѣренной ему губерніей“. Вызвать въ кои вѣки сатану для состязаній можно было въ сущности и съ соблюденіемъ уставовъ и обрядовъ дѣлопроизводства. Другое дѣло — стоять и день и ночь лицомъ къ лицу съ врагомъ, который неистощимъ въ формахъ борьбы, неутомимъ въ нападеніяхъ, и неистребимъ по своей численности. Тутъ законъ можетъ только парализовать, обряды дѣлопроизводства могутъ только тормозить, — и „проблема“ децентрализаціи, т. е. помпадурской разнузданности, встаетъ, какъ категорическій императивъ.

„Мнѣ кажется, — писалъ недавно князь Мещерскій, — что теперь въ особенности очень нужно, чтобы *губернаторы прежде всего бросили переписку,* а всецѣло отдались управленію губерніею на мѣстахъ... Бумага, идущая отъ губернатора къ верху, и бумага, идущая отъ губернатора къ низу, мало интересуютъ подвластнаго ему человѣка, а *губернаторъ, неожиданно появляющійся въ двадцати-тридцати мѣстахъ своей губерніи,* чтобы лично все увидѣть и провѣрить, *можетъ въ два-три года сдѣлать счастливою свою губернію,* ибо ложь исчезнетъ изъ бумагъ“. Долой волокитную переписку! Да здравствуетъ молніеносный помпадуръ!

Не такъ давно (въ сентябрѣ) сенатъ пояснилъ, что губернаторъ долженъ препровождать на обсужденіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія всякое ходатайство земскаго собранія, которое онъ, губернаторъ, находитъ „неподлежащимъ“. Князь Мещерскій, неистовый Роландъ идеи молніеноснаго помпадурства, тотчасъ же усмотрѣлъ въ этомъ оппозиціонное покушеніе на авторитетъ губернатора, столь возвышаемый „правительствомъ вообще и, въ частности, министромъ внутр. дѣлъ“, — и погрозилъ погрязшему въ юридическихъ опредѣленіяхъ сенату публицистическимъ перстомъ. Невиннѣйшая правовая схоластика сената — и та оказывается стѣснительной и несогласной съ „правительственными видами“, въ которыхъ помпадуръ, одновременно появляющійся въ двадцати мѣстахъ, занимаетъ центральное мѣсто!

Въ своей прошлогодней „юбилейной“ рѣчи, на которую съ холопскимъ ликованіемъ и либеральнѣйшими намѣреніями ссылалась наша подъяремная печать, г. Плеве сказалъ: „*Усиливая* распорядительную власть на мѣстахъ, необходимо *упростить* порядокъ ея дѣйствія, дабы интересы и удобства населенія получили вящшее огражденіе.“

„Гражданинъ“, для котораго не существуетъ законовъ стыдливости и который, поэтому, играетъ первую скрипку въ публицистическомъ оркестрѣ Мин. Внут. Дѣлъ, комментируетъ мысль объ усиленіи мѣстной власти и „упрощеніи“ ея дѣйствій такимъ выразительнымъ примѣромъ. Въ г. N предвидѣлись уличные безпорядки. Губернаторъ далъ конфиденціальное порученіе, безъ шума, купить нѣсколько возовъ розогъ („безъ шума — чтобы не поднять цѣнъ на розги“, мило шутитъ князь). На каждомъ возу было крупно начертана надпись: „розги“. Возчики, проѣзжая съ розгами по городу, объясняли любопытнымъ: это заготовлено для такой-то площади, для такого-то часа. И, разумѣется, что демонстрацію какъ рукой сняло. Отсюда „Гражданинъ“ выводитъ такую программную мораль: „*Тамъ, гдѣ всѣ думаютъ про представителя власти: „онъ посмѣетъ высѣчь“, тамъ есть и подчиненіе власти и спокойствіе: безпорядковъ совершенно не будетъ*“... Отсюда ясно, что „упростить“ порядокъ губернаторскихъ дѣйствій — значитъ создать для „представителя власти“ такую обстановку, чтобы онъ смѣлъ „посмѣть“. Тогда задача будетъ рѣшена.

Для созданія условій, превращающихъ губернатора въ ничѣмъ не стѣсненнаго и все смѣющаго административнаго экспериментатора, и создана коммиссія, которую наша легальная печать съ совершенно безсознательнымъ и тѣмъ болѣе глубокимъ юморомъ называетъ „коммиссіей о децентрализаціи“.

Цѣлый рядъ дѣлъ, восходившихъ до сего времени на „усмотрѣніе“ одного или нѣсколькихъ министровъ и даже на „благовоззрѣніе“ самого „монарха“, предположено предать въ непосредственное вѣдѣніе начальниковъ губерній. Сюда отнесены: дѣла по отчужденію крестьянскихъ надѣльныхъ земель, утвержденіе уставовъ разныхъ обществъ — ученаго, благотворительнаго и экономическаго характера, открытіе библіотекъ, разрѣшеніе съѣздовъ, открытіе выставокъ и пр. и проч. — вплоть до устроенія бракоразводныхъ дѣлъ.

Расширеніе губернаторской власти предположено не только за счетъ центральныхъ инстанцій, но и за счетъ мѣстныхъ учрежденій „посторонняго вѣдомства“. Усиливается опека губернаторовъ надъ самоуправленіемъ; такъ, имъ предположено предоставить распоряженіе земскими и городскими смѣтными назначеніями. Далѣе, по словамъ „Нов. Вр.“, проектируется предоставить губернаторамъ надзоръ надъ дѣятельностью суда и надъ системами преподаванія въ гимназіяхъ, институтахъ и университетахъ.

Дальше идти некуда. Губернаторъ, контролирующій университетскую науку, губернаторъ, направляющій правосудіе, губернаторъ, устрояющій бракоразвдныя дѣла!

Можетъ ли быть порядокъ въ губерніи — спрашиваетъ „Гражданинъ“ — при дѣйствіи предразудковъ независимости вѣдомствъ?“ И мужественно отвѣчаетъ: „Очевидно не можетъ“.

Этотъ отвѣтъ не простой „абсурдъ“, какъ думаетъ наша умѣренно умная либеральная пресса, — это нѣчто гораздо большее: это *пароль*, навязываемый въ настоящій моментъ самодержавію его судьбою.

Самодержавіе сегодня совершенно не способно удержаться на почвѣ сколько нибудь устойчивыхъ и постоянныхъ *нормъ* — хотя бы эти *нормы* только вчера были созданы для охраны самодержавія. Стихійно-коварная жизнь, которая цѣпляется за все, которая выражаетъ противорѣчіе между собой и самодержавіемъ въ томъ, что сшибаетъ лбами два служащихъ самодержавію вѣдомства, эта жизнь превращаетъ въ опасный предразсудокъ — независимость бюрократическихъ вѣдомствъ.

И на этомъ самодержавіе должно сломить голову. Ибо обыватель даже совершенно чуждый конституціаналистскихъ платформъ, обыватель, интересующійся политикой только по воскресеньямъ, словомъ, тотъ самый обыватель, которому имя легіонъ — какъ онъ ни простъ, какъ ни добродушенъ — но онъ твердо хочетъ *жить*. У него есть свои неотъемлемыя потребности — и онъ хочетъ ихъ удовлетворять. А дѣлать это онъ можетъ лишь при нѣкоторой минимальной устойчивости гражданскихъ отношеній. Ему нужна полиція — для охраны, желѣзная дорога — для ѣзды, школа — для ученія, судъ — для торжества справедливости. И самодержавіе въ своихъ собственныхъ интересахъ должно ему гарантировать эти блага сколько-нибудь устойчивыми нормами, — иначе легіонъ начнетъ шевелиться. Независимость вѣдомствъ и клокъ самоуправленія — эти реформы правительство Александра II выдвинуло для удержанія самодержавныхъ позицій. Но „независимость вѣдомствъ“ придаетъ слишкомъ не эластичную структуру губерн. бюрократ. аппарату и потому, при нынѣшнихъ нервныхъ условіяхъ все меньше способна охранять „порядокъ въ губерніи“; а самоуправленіе, какъ ужъ давно разъяснилъ Мещерскій, служитъ лишь школой будущихъ россійскихъ Мирабо, воспитываетъ дворянъ „самой чистой санкюлотной воды“. И передъ царизмомъ выростаетъ задача — задача жизни — отмѣнить всѣ нормы, обезпечивающія минимальнѣйшую свободу естественныхъ обывательскихъ тѣлодвиженій, — и на мѣсто этихъ „предразсудковъ“ поставить молніеноснаго губернатора, ничѣмъ не стѣсненнаго, не наталкивающагося на междувѣдомственныя стѣны, издающаго законы, творящаго судъ, поощряющаго науки и насаждающаго искусства, одновременно появляющагося въ двадцати мѣстахъ, — вообще нарушающаго во имя „порядка“ законы времени и пространства...

Правительство возвращается къ идеѣ, губернаторъ — хозяинъ губерніи. Но это не тотъ дѣвственный помпадуръ, губернаторъ-отецъ добраго стараго времени, — нѣтъ, его роль „осложнена“ всѣми пріобрѣтеніями пореформенной эпохи. У него на рукахъ земство со школами, агрономами, больницами и оппозиціонными Мирабо. У него фабрики со стачками и демонстраціями.

Старый губернаторъ, какъ представитель своего государя, входилъ во все самъ. Но жизнь не торопила его и онъ всегда могъ снестись съ Петербургомъ. „Общій характеръ губернской власти дореформенной эпохи — говоритъ пр. Свѣшниковъ — былъ тотъ, что она являлась лишь исполнительницей закона и предписаній высшаго правительства, безъ права дѣйствовать самостоятельно, подъ собственною отвѣтственностью“. Губернаторъ пореформенный былъ значительно урѣзанъ. Онъ ужъ не могъ втираться въ „вѣдомства“. Онъ былъ (по крайней мѣрѣ по первначальному замыслу) только чиновникомъ Мин. Всутрен. Дѣлъ. Рядомъ съ его волей былъ поставленъ рядъ учрежденій (судъ, земство...), дѣйствующихъ съ той или другой степенью независимости. Далѣе слѣдуетъ губернаторъ безсонныхъ ночей кн. Мещерскаго, онъ же губернаторъ ближайшаго будущаго. Это снова отвѣтственность представителя высшей власти, который не только блюдетъ, но и входитъ, не только входитъ, но и отмѣняетъ, насаждаетъ, вообще вяжетъ и рѣшаетъ

Но жизнь уже бѣшено торопитъ его. Ему некогда сноситься съ медлительной бюрократической лабораторіей Петербурга. Мы уже знаемъ, что нынѣ нужно, „чтобы губернаторъ прежде всего бросилъ переписку“. Губернатору нужна свобода, автономность, децентрализація. И ему дается все это.

Полный хозяинъ во ввѣренной ему губерніи — губернаторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи даже войска — по крайней мѣрѣ, на предметъ гражданскихъ войнъ. Остается еще предоставить губернатору право чеканить монету и сдѣлать самую должность наслѣдственной (чего добивались французскіе губернаторы XVI столѣтія) — и система шестидесяти девяти „самодержавій“ и „единодержавій“ будетъ завершена.

Бѣшеный централизмъ Петербурга, разрѣшающійся въ цѣлый рядъ административныхъ сатрапій; единодержавный и самодержавный царь, полностью отчуждающій свою власть министрамъ, которые, въ свою очередь, сдаютъ ее въ аренду сворѣ помпадуровъ, — развѣ это не система политическихъ абсурдовъ? Тѣмъ не менѣе, за этой формальной „нелогичностью“ скрывается объективная логика нашего общественно-политическаго развитія. И послѣдній актъ „расхищенія царской власти бюрократіей“, какъ говаривали славянофилы, представляетъ собою явленіе совершенно закономѣрное, порожденное внутренними тенденціями издыхающаго режима.

„Исполинскій ростъ народныхъ силъ, — говорилъ г. Плеве въ уже цитированной рѣчи — естественное послѣдствіе совершившихся перемѣнъ въ общественной жизни, усложняя административную дѣятельность, предъявляетъ къ ней все новыя и новыя требованія и ставитъ на очередь заботу объ усовершенствованіи способовъ управленія“. Другими словами — самодержавію приходится при помощи тѣхъ государственно правовыхъ орудій, которыя свойственны ему, какъ самодержавію, направлять и упорядочивать жизнь общества, которое все болѣе превращается въ воплощенное отрицаніе самодержавія.

Петербургъ напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать въ письменномъ столѣ министерства внутреннихъ дѣлъ ключи отъ всѣхъ — и большихъ и малыхъ — тайнъ русской жизни, но „исполинскій ростъ народныхъ силъ“ превозмогъ. Задача оказалась неосуществимой. Централистическій идеалъ — на встрѣчу всероссійской, отъ периферіи къ центру идущей волнѣ прошеній, ходатайствъ, запросовъ и доносовъ течетъ отвѣтная волна властныхъ резолюцій — этотъ идеалъ оказался уже не ко двору. Бюрократическій централизмъ самодержавія, разсчитанный на небольшой объемъ государственныхъ задачъ, на недифференцированность политической жизни, сказалъ свое послѣднее слово. Изъ *бюрократическаго централизма* выросла дилемма: либо *централизмъ*, но уже на базисѣ общественнаго самоуправленія сверху до низу — отъ волости до Всенароднаго Земскаго Собора; либо *бюрократія*, но уже на началахъ государственнаго „кустарничества“, съ самодержавной властью въ розницу — отъ г. Плеве до урядника. Заинтересованныя стороны разно откликнулись на эту диллему. „Децентрализованная помпадурія!“, сказала бюрократія. „Долой самодержавіе!“, отозвался народъ.

Судить будетъ революція.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кострома. Ежегодно съ октября ухудшается положеніе рабочихъ во всемъ сѣверномъ промышленномъ районѣ: понижается заработокъ, усиливаются сверхъ-урочныя работы, учащаются штрафы, становится строже браковка, администрація фабрикъ, обычно грубая съ рабочими, дѣлается еще грубѣе; при малѣйшемъ проявленіи протеста со стороны рабочаго его „выкидываютъ за ворота“. Рабочій вздыхаетъ и, стиснувши зубы, терпитъ: онъ знаетъ, что съ осени въ города валомъ валитъ голодный, безработный людъ изъ деревни. Но есть предѣлъ для терпѣнья, и этотъ предѣлъ, очевидно, перейденъ на Костромской фабрикѣ анонимнаго бельгійскаго общества (прядильно-ткацкая). Пониженіе заработка чуть ли не на 50%, постоянные штрафы, раздражающая придирчивость новаго директора и управляющаго фабрикой Волкова довели, наконецъ, рабочихъ до стачки. Втеченіе нѣсколькихъ дней рабочіе колебались: бастовала то та, то другая группа рабочихъ; наконецъ, 14 октября остановилась уже половина станковъ. Сѣверный Комитетъ выпустилъ тотчасъ же листокъ къ костромскимъ рабочимъ, убѣждая ихъ дѣйствовать вмѣстѣ, дружно начавъ стачку на всѣхъ фабрикахъ, во всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ Костромы. Листокъ объяснялъ рабочимъ причинную связь между политическимъ безправіемъ русскихъ рабочихъ и ихъ тягостнымъ экономическимъ положеніемъ и призывалъ рабочихъ на борьбу противъ обще-народнаго врага, противъ самодержавія.

Заводъ Выкса въ Нижегородской губ. Выксунскіе горные заводы принадлежатъ Лессингу, австрійскому подданному и разбросаны на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга. Рабочихъ на всѣхъ заводахъ насчитывается тысячъ до восьми. Заводы работаютъ исключительно мѣстными рабочими, которые по положенію 61 года отошли на волю на правахъ горнозаводскихъ, т. е. безъ земельнаго надѣла. Заводъ даетъ каждой семьѣ право на постройку на принадлежащей заводу землѣ дома и разведенія огорода, а въ лѣсу (но не въ лугахъ) дается участокъ сѣнокоса. Матеріалъ и постройка дома на счетъ рабочаго. Заводоуправленіе можетъ во всякое время выселить чѣмъ-либо неудобнаго для себя обывателя. Нахальство и произволъ заводскихъ служащихъ переходитъ всякія границы. Напримѣръ, забѣжавшую въ молоднякъ козу, по приказу главнаго лѣсничаго, застрѣлили, а рабочаго, хозяина ея, выгнали со службы, потому что коза забѣжала во второй разъ. Рабочая плата поразительно низка — добыча руды ведется дудками и за пудъ платятъ отъ 4 до 6 коп., смотря по времени и обстоятельствамъ. Рабочіе при домнахъ вырабатываютъ въ мѣсяцъ отъ 12-15 руб. Пудлинговщики въ прокатномъ цехѣ и сталелитейщики получаютъ до 20 руб. Еще хуже обстоитъ дѣло на другихъ заводахъ этого владѣльца. На Вильскомъ проволочномъ заводѣ плата колеблется отъ 7 до 12 рублей. И это за работу отъ 6 час. утра до 7 час. пополудни! Бѣдность на этихъ заводахъ достигаетъ поразительныхъ размѣровъ. Не смотря на все это, Выксунскіе заводы пользуются завиднымъ спокойствіемъ, что кромѣ общей неразвитости и даже дикости населенія, можно объяснить еще и тѣмъ, что самый энергичный и способный элементъ населенія уходитъ на заработки въ другія мѣста. Выксунскихъ рабочихъ можно встрѣтить гдѣ угодно: и въ С.-Петербургѣ, и въ Коломнѣ, и въ Юзовкѣ, и на Брянскихъ заводахъ. Иногда только бываютъ стихійныя вспышки, показывающія ненормальное положеніе дѣла. Такъ, напримѣръ, было въ іюнѣ 1903 г. Работы на Вильскомъ заводѣ прекратились, и рабочіе, по горному уставу, стали требовать земельнаго надѣла. Лессингъ предложилъ участокъ лѣса съ тѣмъ, чтобы лѣсъ остался въ его пользованіи безплатно, и былъ срубленъ и выкорчеванъ самими рабочими. Рабочіе, конечно, не согласились на такую комбинацію. Рабочіе ходили по улицамъ группами и грозили Лессингу, а когда онъ пріѣхалъ туда самъ, то былъ окруженъ толпой; жены рабочихъ стащили его съ тарантаса и порядкомъ помяли. Немедленно были вызваны изъ Нижняго солдаты, но къ пріѣзду губернатора съ ротой солдатъ все уже заглохло. Губернаторъ имѣлъ возможность блеснуть ораторскими способностями на тему о вѣрноподданическихъ чувствахъ, необходимости о труда, и послушанія начальству. Рабочіе теперь ходятъ за нѣсколько верстъ на другіе заводы. Какъ-то они будутъ совершать эти переходы зимой!

Рабочій Выксунскаго завода.

Изгнаніе бѣса революціи поповскими заклинаніями. Помѣщаемъ интересный документъ, весьма наивно выбалтывающій истинную цѣль всякихъ духовно-нравственныхъ упражненій подъ руководствомъ „служителей алтаря“. Самъ Господь Богъ, видите-ли, долженъ позаботиться объ „огромной пользѣ для завода“ и, по возможности, предотвратить смуту вообще, а „въ особенности“ стачки. Немудрено, что заводское управленіе, интересующееся прежде всего „чистой прибылью“, требуетъ отъ Бога „въ особенности“ противодѣйствія стачкамъ. Но вѣдь заводъ казенный, и что-то скажетъ на это самъ хозяинъ — „благочестивѣйшій государь императоръ“? Вѣдь онъ-то при содѣйствіи святого угодника фонъ-Плеве все время хлопочетъ „въ особенности“ о „всякаго рода смутѣ“, а ужъ на стачки и Богу разрѣшаетъ временами смотрѣть сквозь пальцы!

Но, къ счастью, бѣсъ революціи давно уже пересталъ пугаться поповской рясы, и сколько бы ни старался Богъ угодить двойному начальству — царю и капиталу, и стачки, и „всякаго рода смута“ будутъ продолжать широкимъ потокомъ заливать освобождающуюся Россію.

1 X 1903 г. № 221.

Его Высокоблагородію Г-ну Начальнику Судостроительнаго
Отдѣла Невскаго Судостроительнаго и механическаго завода
(въ Петербургѣ).

Завѣдующаго корабельными мастерскими

Прошеніе.

Честь имѣю просить вашего ходатайства передъ г. Директоромъ-Распорядителемъ и Правленіемъ о разрѣшеніи мѣстному епархіальному миссіонеру вести религіозно-нравственныя бесѣды въ свободные отъ работы дни и часы съ мастеровыми корабельныхъ и корабельно-плотницкихъ мастерскихъ въ какомъ-либо изъ помѣщеній этихъ мастерскихъ. Въ настоящее время въ средѣ мастеровыхъ распространяются всякаго рода нелегальныя изданія злонамѣренными лицами, старающимися посѣять всякаго рода смуту, въ особенности стачки.

Разумное разрѣшеніе и толковое разъясненіе миссіонеромъ различныхъ религіозныхъ вопросовъ и сомнѣній предохранитъ отъ соблазна сектантовъ и другихъ злонамѣренныхъ лицъ, подкрѣпитъ и успокоитъ нравственно и этимъ самымъ и предохранитъ ихъ отъ дурныхъ навѣтовъ.

Косюра.

На усмотрѣніе Г-на Директора-Распорядителя.

2 X 1903 г. № 1201.

Въ Правленіе Товарищества Невскаго Судостроительнаго и Механическаго завода.

Препровождая при семъ прошеніе г. Завѣдующаго корабельными мастерскими П. С. Косюра за № 221, имѣю честь покорнѣйше просить Правленіе удовлетворить означенное ходатайство, будучи глубоко убѣжденъ въ огромной пользѣ его, какъ для завода, такъ и для мастеровыхъ.

Начальникъ Судостроительнаго Отдѣла де-Грофе.

Присоединяясь къ ходатайству, имѣю честь доложить, что подобныя чтенія можно будетъ устраивать въ столовой для рабочихъ послѣ ея (?) окончанія.

Л. Шенчинскій

Мелитополь. По выраженію самихъ же крестьянъ, — „у мужика руки трясутся“ — отъ боли и обиды. Въ Павлогрдскомъ уѣздѣ одной генеральшѣ-помѣщицѣ „до тѣхъ поръ пускали пѣтуховъ, пока они не выклевали все до тла“. На экономіи Дика (Екатериносл. уѣзда) была стачка сельскихъ рабочихъ. Они дружно бросили работу въ самый разгаръ молотьбы и потребовали: увеличенія платы, вѣжливаго обращенія и удаленія управляющаго. Г-ну Дику, какъ и другимъ землевладѣльцамъ, стачки сельскохозяйственныхъ рабочихъ кажутся, разумѣется, вреднымъ новшествомъ. Землевладѣльцамъ, будто бы, житья не стало отъ рабочихъ: „О рабочихъ толкуютъ и газеты, за нихъ хлопочетъ и правительство: хлѣбъ имъ даетъ, коммиссіи разныя назначаетъ! Оттого они и лѣнтяйничаютъ! *Оттого народъ бунтуетъ, что ѣсть много!...*“

Обиліе стачекъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ Таврической губерніи отмѣтила даже мѣстная, съ позволенія сказать, „газета“ — „Крымскій Вѣстникъ“. Радуясь „обилію разныхъ полезныхъ произведеній природы" въ нынѣшнемъ году, „Кр. В." не могъ также не пролить слезу по поводу „особенно многочисленныхъ въ этомъ году конфликтовъ между землевладѣльцами и рабочими", предъявлявшими „часто чрезмѣрныя требованія". Въ Таврической губерніи довольно много фабричныхъ и заводскихъ селъ. Въ одномъ изъ нихъ, въ селѣ Крошфельдъ, въ концѣ іюня, на мельницѣ Ульмера, произошла маленькая стачка (чел. 15). Потребовали увеличенія заработной платы (съ 60 до 80 коп. въ день). Хозяинъ отказалъ. Тогда рабочіе дали ему срокъ подумать до перваго іюля съ тѣмъ, чтобы, если онъ откажетъ, бросить всѣмъ работу. 1 іюля рабочіе спросили: „Надбавка будетъ"? Имъ отвѣтили: „будетъ". Положеніе рабочихъ на такого рода заводахъ еще хуже, чѣмъ на городскихъ. Браковки, штрафы, потогонная система дѣйствуютъ во всю. Рабочимъ совсѣмъ не рѣдкость проводить цѣлый день за работой въ помѣщеніи съ такими стѣнами, что черезъ дыры въ нихъ сыплется снѣгъ. Остатки жидкаго металла приходится выливать прямо на полъ. Литейщики часто попадаютъ въ эти лужи и обжигаются. Скупость хозяевъ доходитъ до невѣроятнаго. Шли слухи о стачкахъ въ селеніи Пришно, Таврич. губ. (довольно крупный мельничный и фабричный центръ). На ярмаркѣ тоже господствовало глухое, но сильное броженіе; поговаривали о погромѣ... нѣмцевъ. Насколько участвовала рука полиціи — неизвѣстно. Зато на станціи Джанкой (Ѳеодосійской желѣзной дороги), вѣрнѣй, въ окружающихъ селахъ, полиція явно натравливала крестьянъ на татаръ и нѣмцевъ колонистовъ. „Вотъ проучили жидовъ въ Кишиневѣ"! — открыто хвасталась она. Погромъ предотвратили, повидимому, репутація татаръ, какъ силачей, и солидарность ихъ съ нѣмцами. Недавно произошли также стачки рабочихъ мелкихъ заводовъ, фабрикъ и мельницъ въ крупномъ торговомъ селѣ Токмиро, Таврич губ.

Харбинъ. (Запоздало по независящимъ обстоятельствамъ).

Всѣ наши мѣстныя харбинскія прокламаціи до сихъ поръ были чисто экономическаго характера; начальство и полиція смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Но 14 апрѣля появилась прокламація, въ которой рядомъ съ экономическими требованіями, говорилось также и о политической свободѣ и заканчивалась она словами: „долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ соціализмъ"! Эти послѣднія слова породили много толковъ.

Большинство говорило: „За чѣмъ это? къ чему это"? Въ тотъ же день начальникъ мастерскихъ заявилъ полиціймейстеру о готовящемся „великомъ бунтѣ", какъ онъ выразился. Въ виду этого была послана рота солдатъ съ боевыми патронами, и рабочіе нѣсколько дней ходили на работу подъ ея конвоемъ, а ночью по улицамъ бродили военные отряды. „Великаго бунта" не произошло, но перваго мая, къ которому дѣйствительно „готовились", было отпраздновано. Наконецъ, въ рабочемъ предмѣстьи были расклеены присланные въ небольшомъ количествѣ листки Сибирскаго союза. Утромъ, идя на работу, рабочіе останавливались кучками и читали ихъ. Полицейскій все время, пока читали, стоялъ, выжидая, когда всѣ прошли и лишь одинъ запоздавшій рабочій хотѣлъ остановиться — прочесть; полицейскій заявилъ ему: „Читали ужъ всѣ", и добавилъ „хорошо бы цѣленькую ее снять", но „цѣленькой" снять ее ему не удалось — крѣпко была приклеена. Въ этотъ же день многіе рѣшили не работать перваго мая, а остальныхъ отослало само начальство, объявивъ имъ, что для 20-30 человѣкъ машины пущены не будутъ. Не ходившіе на работу товарищи встрѣтили этихъ невольныхъ забастовщиковъ со свистомъ и тюканьемъ. Къ 12 часамъ большинство рабочихъ переправились за рѣку на лодкахъ, при чемъ раньше переправившіеся встрѣчали каждую вновь прибывавшую лодку крикомъ „ура"! Собравшись, нѣкоторые изъ рабочихъ произнесли рѣчи, указывая на значеніе перваго мая для рабочаго класса, объясняли необходимость политической свободы, были прочтены майскія прокламаціи, пѣли марсельезу и др. револ. пѣсни; нѣкоторые декламировали стихи наизусть, изъ сборниковъ револ. пѣсенъ. Красный флагъ, повѣшенный на высокой палкѣ, виденъ былъ далеко. Обратно переѣхали рѣчку около шести час. вечера съ пѣніемъ марсельезы; кучка рабочихъ устроила нѣчто въ родѣ демонстративнаго шествія по улицамъ въ районѣ жел.-дорожныхъ построекъ, и вовремя разошлась. Одинъ полицейскій говорилъ, глядя на идущихъ съ пѣніемъ марсельезы рабочихъ: „счастье ихнее, что некогда, — министръ пріѣхалъ, а то получили бы на чаекъ". За то ночью прохожихъ останавливали козаки и обыскивали, но безуспѣшно. Въ общемъ, здѣсь много хорошихъ и дѣльныхъ рабочихъ. Работать съ ними можно, но для этого необходима и литература, и способные и умѣлые руководители, которыхъ здѣсь нѣтъ. На дняхъ было столкновеніе рабочихъ — числомъ до 500 — съ казаками.

Заарестовали человѣкъ 20, многихъ побили. Литература, которая была послана, разошлась по рукамъ моментально.. На дняхъ были у нѣкоторыхъ лицъ обыски, но ничего не нашли.

Итакъ, въ только что „завоеванной" Манчжуріи одновременно съ императорскимъ штандартомъ взвивается и красное знамя пролетаріата!

ИЗЪ ПАРТІИ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Статья „Чего не дѣлать?" поднимаетъ такіе важные, такіе насущные именно въ данный моментъ вопросы нашей партійной жизни, что трудно удержаться отъ желанія немедленно отозваться на любезное приглашеніе редакціи гостепріимно открыть страницы своего органа, — особенно трудно постоянному участнику „Искры", особенно трудно въ такой моментъ, когда опоздать съ своимъ голосомъ на недѣлю значитъ, можетъ быть, вовсе отказаться отъ подачи голоса.

А мнѣ хотѣлось бы подать свой совѣщательный голосъ, чтобы устранить нѣкоторыя возможныя и едва ли не неизбѣжныя недоразумѣнія.

Скажу прежде всего, что авторъ статьи тысячу разъ правъ, по моему мнѣнію, когда онъ настаиваетъ на необходимости охранять единство партіи и избѣгать новыхъ расколовъ, — особенно изъ-за разногласій, которыя не могутъ быть признаны значительными. Призывъ къ миролюбію, мягкости и уступчивости въ высшей степени похваленъ со стороны руководителя вообще и въ данный моментъ въ особенности. Предать анафемѣ или исключать изъ партіи не только бывшихъ экономистовъ, но и группки соціальдемократовъ, страдающихъ „нѣкоторой непослѣдовательностью", было бы безусловно неразумно, неразумно до такой степени, что намъ вполнѣ понятенъ раздраженный тонъ автора статьи по отношенію къ представляющимся его уму прямолинейнымъ, упрямымъ, глупымъ Собакевичамъ, способнымъ стоять за исключеніе. Мы думаемъ даже больше: когда у насъ будетъ партійная программа и партійная организація, мы должны не только гостепріимно открывать страницы партійнаго органа для обмѣна мнѣній, но и давать возможность систематически излагать свои, хотя бы и незначительныя разногласія тѣмъ группамъ или, по выраженію автора, группкамъ, которыя по непослѣдовательности защищаютъ нѣкоторыя догмы ревизіонизма и которыя по тѣмъ или инымъ причинамъ настаиваютъ на своей групповой особенности и индивидуальности. Именно для того, чтобы не быть слишкомъ прямолинейнымъ и по Собакевически рѣзкимъ по отношенію къ „анархическому индивидуализму", необходимо, по нашему мнѣнію, сдѣлать все возможное — вплоть даже до нѣкоторыхъ отступленій отъ красивыхъ схемъ централизма и отъ безусловнаго подчиненія дисциплинѣ — чтобы предоставить свободу высказаться этимъ группкамъ, чтобы дать возможность всей партіи взвѣсить глубину или незначительность разногласій, опредѣлить, гдѣ именно, въ чемъ и *съ чьей именно стороны* наблюдается *непослѣдовательность*.

Пора, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно отбросить традиціи сектантской кружковщины и — въ партіи, опирающейся на *массы*, — выдвинуть рѣшительный лозунгъ: *побольше свѣта*, пусть партія знаетъ *все*, пусть будетъ ей доставленъ *весь, рѣшительно весь матеріалъ* для оцѣнки всѣхъ и всяческихъ разногласій, возвращеній къ ревизіонизму, отступленій отъ дисциплины и т. д. Побольше довѣрія къ самостоятельному сужденію всей массы партійныхъ работниковъ: они и только они сумѣютъ умѣрить чрезмѣрную горячность склонныхъ къ расколу группокъ, сумѣютъ своимъ медленнымъ, незамѣтнымъ, но за то упорнымъ воздѣйствіемъ внушить имъ „добрую волю" къ соблюденію партійной дисциплины, сумѣютъ охладить пылъ анархическаго индивидуализма, сумѣютъ однимъ фактомъ своего равнодушія документировать, доказать и показать ничтожное значеніе разногласій, преувеличиваемыхъ тяготѣющими къ расколу элементами.

На вопросъ: „чего не дѣлать?" (чего не дѣлать вообще и чего не дѣлать для того, чтобы не вызвать раскола) я отвѣтилъ бы прежде всего: не скрывать отъ партіи возникающихъ и нарастающихъ поводовъ къ расколу, не скрывать ничего изъ тѣхъ обстоятельствъ и происшествій, которыя являются такими поводами. Болѣе того, не скрывать не только отъ партіи, но, по возможности, и отъ сторонней публики. Я говорю „по возможности", имѣя въ виду то, что необходимо скрыть въ силу требованій конспираціи, — но въ нашихъ расколахъ обстоятельства такого рода играютъ самую ничтожную роль. Широкая гласность — вотъ самое вѣрное и единственно надежное средство для избѣжанія расколовъ, которыхъ можно избѣжать, для уменьшенія до minimum'а вреда отъ тѣхъ расколовъ, которые стали уже неизбѣжными.

Въ самомъ дѣлѣ, вдумайтесь въ тѣ обязанности, которыя налагаетъ на партію то обстоятельство, что она имѣетъ уже дѣло, съ *массой*, а не съ кружками. Чтобы не на словахъ только стать партіей массъ, мы должны къ участію во всѣхъ партійныхъ дѣлахъ привлекать все болѣе и болѣе широкія массы, постоянно поднимая ихъ отъ политическаго безразличія къ протесту и борьбѣ, отъ общаго духа протеста къ сознательному принятію соціальдемократическихъ воззрѣній, отъ принятія этихъ воззрѣній къ поддержкѣ движенія, отъ поддержки къ организаціонному участію въ партіи. Можно ли достигнуть этого результата, не внося самой широкой гласности въ дѣла, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ то или иное воздѣйствіе на массы? Рабочіе перестанутъ понимать насъ и покинутъ насъ, какъ штабъ безъ арміи, въ случаѣ расколовъ изъ-за незначительныхъ разногласій — говоритъ авторъ и говоритъ совершенно справедливо. И для того, чтобы рабочіе *не могли* перестать понимать насъ, для того, чтобы ихъ опытность въ борьбѣ и ихъ пролетарское чутье *научили кое-чему и насъ*, „руководителей", — для этого необходимо, чтобы организованные рабочіе пріучались слѣдить за возникающими поводами къ расколу (такіе поводы всегда бывали и всегда будутъ возвращаться во всякой массовой партіи), сознательно относиться къ этимъ поводамъ, оцѣнивать происшествія какого-нибудь русскаго или заграничнаго Пошехонья, съ точки зрѣнія интересовъ всей партіи, интересовъ всего движенія въ цѣломъ.

Авторъ трижды правъ, когда онъ подчеркиваетъ, что нашему центру многое будетъ дано и многое съ него взыщется. Именно такъ. И именно поэтому, необходимо, чтобы *вся партія* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себѣ подходящихъ людей въ центрѣ, чтобы она видѣла передъ собой, какъ на ладони, *всю дѣятельность* каждаго кандидата на этотъ высокій постъ, чтобы она ознакомилась даже съ ихъ индивидуальными особенностями, съ ихъ сильными и слабыми сторонами, съ ихъ побѣдами и „пораженіями". Авторъ дѣлаетъ замѣчательно тонкія и, очевидно, основанныя на богатомъ опытѣ, замѣчанія о нѣкоторыхъ причинахъ подобныхъ пораженій. И именно потому, что эти замѣчанія такъ тонки, надо, чтобы ими воспользовалась вся партія, чтобы она *всегда видѣла* каждое, хотя бы и частичное „пораженіе" того или иного своего „руководителя". Ни одинъ политическій дѣятель не проходилъ своей карьеры безъ тѣхъ или иныхъ пораженій, и если мы серьезно говоримъ о вліяніи на массы, о завоеваніи нами „доброй воли" массъ, то мы должны всѣми силами стремиться къ тому, чтобы эти пораженія не скрывались въ затхлой атмосферѣ кружковъ и группокъ, чтобы они выносились на судъ всѣхъ. Это кажется неловкимъ съ перваго взгляда, это должно иногда представиться „обиднымъ" для того или другого отдѣльнаго руководителя, — но это ложное чувство неловкости мы обязаны преодолѣть, это нашъ долгъ передъ партіей, передъ рабочимъ классомъ. Этимъ и только этимъ мы дадимъ возможность всей массѣ (а не случайному подбору кружка или группки) вліятельныхъ партійныхъ работниковъ узнать своихъ вождей и *поставить каждаго изъ нихъ на надлежащую полочку*. Только широкая огласка направляетъ всѣ прямолинейныя, однобокія, капризныя уклоненія, только она превращаетъ иногда нелѣпыя и смѣшныя „контры" „группокъ" въ полезный и необходимый матеріалъ партійнаго самовоспитанія.

Свѣта, побольше свѣта! Намъ нуженъ громадный концертъ; намъ нужно выработать себѣ опытъ, чтобы правильно распредѣлить въ немъ роли, чтобы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирѣпый контрабасъ, третьему вручить дирижерскую палочку. Пусть же осуществится на дѣлѣ прекрасный призывъ автора къ гостепріимству для всѣхъ мнѣній на страницахъ партійнаго органа и всѣхъ партійныхъ изданій, пусть судятъ всѣ и каждый о нашихъ „спорахъ и раздорахъ" изъ за какой бы то ни было „ноты", взятой слишкомъ рѣзко, по мнѣнію однихъ, фальшивой, по мнѣнію другихъ, сорванной, по мнѣнію третьихъ. Только изъ ряда такихъ открытыхъ обсужденій и сможетъ выработаться у насъ дѣйствительно спѣвшаяся коллегія руководителей, только при такомъ условіи рабочіе будутъ поставлены въ такое положеніе, чтобы они *не могли* перестать понимать насъ, только тогда нашъ „штабъ" будетъ опираться дѣйствительно на *добрую* и *сознательную* волю арміи, идущей за штабомъ и въ то же время направляющей свой штабъ!

Ленинъ.

Печатая здѣсь интересное письмо тов. Ленина, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать по его поводу нѣсколько замѣчаній.

Мы очень рады, что этому товарищу понравилась наша статья „*Чего не дѣлать*", и мы безусловно согласны съ тѣмъ, что намъ нужно „свѣта, больше свѣта". Да и кто могъ бы не согласиться съ этимъ? Но въ наше время, когда извѣстно такъ много различныхъ способовъ освѣщенія, нельзя не знать, что свѣтъ свѣту рознь. Партія, опирающаяся *на массу*, должна защищать великіе *классовые интересы*, и ей нуженъ такой свѣтъ, при которомъ они выступали бы съ наибольшей выпуклостью. А это совсѣмъ не тотъ свѣтъ, въ которомъ нуждаются люди, привыкшіе вглядываться въ мелочи и дрязги кружковой жизни, которыя могутъ казаться важными и достойными освѣщенія лишь до тѣхъ поръ, пока великіе классовые интересы не сдѣлались могучими факторами общественнаго развитія. Тов. Ленинъ и самъ совѣтуетъ „рѣшительно отбросить традиціи сектантской кружковщины". Очень кстати также тов. Ленинъ рѣшительно заявилъ о своемъ отрицательномъ отношеніи къ „Собакевическимъ" пріемамъ организаціонной политики. Чѣмъ чаще вліятельные въ Партіи товарищи будутъ напоминать о вредности такихъ пріемовъ, тѣмъ невозможнѣе станутъ заявленія, подобныя слышанному нами о томъ, что не раньше можно будетъ заняться положительной организаціонной работой въ нашей Партіи, чѣмъ изъ ея среды будутъ выброшены всѣ „бундофилы", „рабочедѣленцы" и „южно-рабоченцы" (отъ группы „Южн. Рабочій"). Такія заявленія могутъ только компрометировать точку зрѣнія революціонной соціальдемократіи, и тов. Ленинъ очень хорошо сдѣлалъ, подчеркнувъ свое насмѣшливо-отрицательное отношеніе къ революціоннымъ Собакевичамъ (которыхъ, впрочемъ, тов. Ленинъ напрасно характеризуетъ, какъ „глупыхъ": среди нихъ встрѣчаются и очень умные люди). Но онъ какъ будто забылъ, что именно „сектанты", пропитанные духомъ „*кружковщины*", особенно охотно пристаютъ къ *массѣ* со своими ничтожными, хотя и ожесточенными распрями, иногда съ полной искренностью приписывая имъ значеніе міровыхъ вопросовъ и наивно воображая, что устные или печатные толки о нихъ могутъ значительно содѣйствовать ея политическому воспитанію. Тов. Ленинъ какъ будто забылъ еще и то, что политическій свѣтъ тоже имѣетъ *свои законы интерференціи*, благодаря которымъ неумѣлое осуществленіе девиза „*больше свѣта*" ведетъ иногда къ затмѣнію. Стараться сдѣлать пролетаріатъ судьею въ безчисленныхъ распряхъ, возникающихъ между кружками, значитъ склоняться къ самому худшему изъ всѣхъ видовъ псевдо-„демократизма".

По мнѣнію тов. Ленина, необходимо, чтобы Партія знала всю дѣятельность каждаго кандидата на роль руководителя. Тов. Ленинъ правъ. Партія окажется въ затруднительномъ положеніи, если ей придется имѣть дѣло съ мало знакомыми ей кандидатами. *Мы по опыту очень хорошо знаемъ это.* Но тов. Ленинъ впадаетъ въ очевидное преувеличеніе, когда говоритъ, что Партія должна „всегда видѣть каждое, хотя бы и частичное „пораженіе" того или иного своего руководителя". Намъ думается, что есть такія „частичныя" пораженія, которыя очень досадны для отдѣльныхъ руководителей, но которыя не заслуживаютъ теперь серьезнаго вниманія Партіи и которыми съ удобствомъ можетъ заняться, — какъ выражается Щедринъ, — лѣтъ черезъ тридцать „Русская Старина". О *такихъ* пораженіяхъ пусть пока квакаютъ лягушки того или иного Пошехонья. Впрочемъ, редакція „Искры", поскольку отъ нея зависитъ, безусловно готова познакомить всѣхъ членовъ Партіи со всѣмъ тѣмъ, что относится къ нынѣ существующимъ въ нашей средѣ разногласіямъ и что можетъ пролить свѣтъ на позиціи спорящихъ между собою сторонъ.

Тов. Ленинъ думаетъ, что свѣтъ намъ нуженъ, между прочимъ, для того, чтобы мы могли распредѣлить роли между своими руководителями, вручивъ одному изъ нихъ сантиментальную скрипку, другому свирѣпый (?) контрабасъ, а третьему дирижерскую палочку. Мы ничего не имѣемъ противъ скрипки и контрабаса, но что касается дирижерской палочки, то мы состоимъ на ея счетъ при особомъ мнѣніи. Исторія западнаго движенія показываетъ, что вопросъ о ней игралъ особенно важную роль именно въ періодъ сектантской „кружковщины" и утрачивалъ свое значеніе прямо пропорціонально росту *классоваго самосознанія пролетаріата*. Такъ, въ Германіи онъ не становится на очередь уже со временъ не всегда умѣлаго „дирижера" *Швейцера*.

Казалось бы, что при „громадномъ" оркестрѣ изъ одной скрипки и одного контрабаса (а въ глазахъ нѣкоторыхъ товарищей, признаться, „идеальная" партія все больше начинаетъ принимать такіе „громадные" размѣры) не требуется особаго „дирижера". А, между тѣмъ, логика кружковщины непремѣнно повела бы къ тому, что чѣмъ болѣе партія приближалась бы къ такимъ „идеальнымъ" размѣрамъ, тѣмъ вопросъ о „палочкѣ" (или, что то же, вопросъ о мѣстѣ на „полочкѣ") сталъ бы казаться важнымъ. Мы обязаны принять всѣ мѣры къ тому, чтобы вопросъ о томъ, кому махать этой палочкой, не дѣлалъ насъ упрямыми, прямолинейными, близорукими, узкими, подозрительными, неуживчивыми, а потому рѣшительно неспособными къ участію въ оркестрѣ, нѣсколько превышающемъ своими размѣрами колоссальный оркестръ изъ нѣжной скрипки и сердитаго контра-баса.

Въ заключеніе, мы рѣшительно и съ полнымъ убѣжденіемъ скажемъ, что въ настоящее время мы не можемъ себѣ представить такіе расколы въ нашей Партіи, которые заслуживали бы названіе неизбѣжныхъ. Совершенно напротивъ; единство *вполнѣ возможно* теперь и именно потому оно *безусловно обязательно*. Именно въ этомъ и заключается главная мысль нашей статьи, вызвавшей такіе лестные отзывы со стороны уважаемаго товарища Ленина.

Редакція.

Центральнымъ Комитетомъ Партіи выпущено въ громадномъ количествѣ экземпляровъ печатаемое выше „Извѣщеніе" о съѣздѣ. — **Одесскій Комитетъ** издалъ листки: „Что дала намъ южная стачка?" и „Юбилей педагога-жандарма". — **Екатеринославск. Ком.** выпустилъ прокламаціи: „Къ новобранцамъ" (1.500 экз.), „Къ рабочимъ Каменскаго завода" (1.800 экз.), „Къ рабочимъ завод. Эзау" (500 экз.), „О фабричныхъ старостахъ" и „Объ истязаніяхъ въ тюрьмѣ" (10.000 экз.). — **Керченской с.-д. организаціей** издано печатное воззваніе „Ко всѣмъ". — **Союзомъ горнозаводскихъ рабочихъ** выпущены: „Чего мы требуемъ" съ приложеніемъ „послѣднихъ извѣстій" по району (3.000 экз.) и „Ко всѣмъ шахтерамъ Карповскаго рудника" (призывъ къ стачкѣ, 300 экз.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, обращенныхъ къ намъ, считаемъ нужнымъ заявить, что протоколы второго партійнаго съѣзда, редактированные выбранной съ этой цѣлью особой комиссіей, появятся въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. По единогласному рѣшенію этой коммиссіи, протоколы будутъ изданы *въ полномъ видѣ*, съ изъятіемъ только представленныхъ на съѣздъ докладовъ делегатовъ мѣстныхъ организацій. (Эти доклады переданы, какъ матеріалъ, въ редакцію „Искры"). Равнымъ образомъ, въ скоромъ времени выйдутъ протоколы съѣзда заграничной Лиги и точно также безъ какихъ-либо сокращеній.

Земляку. Не пойдетъ.

Поступило въ кассу Центральнаго Комитета: Изъ Вѣны з литературу 28 кронъ; для осужденныхъ ростовскихъ демонстрантовъ 48 кронъ. Изъ Ма. по подписн. листу для Кавказскаго Комитета 39 мар. — Изъ Льежа за литературу и по подписнымъ листамъ 171.35 фр.: на изд. брошюры объ антисемитахъ 38 ф — Отъ женевской группы съ вечера 391 ф.: за литературу 144 ф — Отъ Цюрихской Сиб. кассы для А—а 82 фр. Изъ Дар штадта черезъ Г. С. Д. 819.40 марокъ (изъ нихъ отъ Курляндц 174.55 мар., въ пользу О. К. 63.35 м., въ пользу кассы „Помощь эмигрантамъ" 96.08 мар.). Отъ 3 — 770 р.; отъ 9 — 150 р.; от 11 — 275 р.; отъ 5 — 835 р.; отъ 13 — 350 р.; отъ 7 — 620 р. Р. Мертвый черезъ Ка—лайца — 25 р.; отъ 3 — 840 р.; Т. И. — 5 р.; отъ 11 — 570 р.; изъ Р. отъ М. М. черезъ А. Б. — 3 р. отъ 9 — 310 р.; отъ 5 — 30 р.; М. — 5 р.; съ вечера — 27 (изъ нихъ 12 р. отъ заключеннаго; отъ инвалида — 30 р.; от 7 — 750 р.; черезъ пріятеля — 20 р.; получено отъ двухъ № 35 рублей.

Загр. Лигой получено: изъ Лозанны за ноябрь — 186.25 ф. отъ Малоросса — 50 р.

„Хроника революціонной борьбы" отложена до слѣдующ. № въ который войдутъ и другіе, непомѣщенные за недостаткомъ мѣста, матеріалы. Слѣдующій № выйдетъ 1 декабря.

Въ вышедшемъ только что отдѣльномъ оттискѣ изъ № 5 „Зари": „О проблемахъ идеализма" Ортодокса, авторъ проситъ читателей исправить слѣдующую опечатку: Страница 5, стр. 9 снизу, вмѣсто „отражающее" — нужно „отрицающее".

Центральный Комитетъ заявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что заграницей находится теперь постоянно его агентъ, къ которому просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ дѣло къ Центр. Комитету.

Мѣсто и время для свиданій можно узнавать черезъ членовъ Партіи, а не имѣющихъ партійныхъ связей просятъ обращаться письменно по адресу „Искры" (Genève, Acacias Paul Axelrod) съ обязательной отмѣткой „для Ц. К."

Деньги и письма для „Искры", „Зари" и „Лиги русской революціонной соц.-дем.", а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

На всѣхъ письмахъ и сообщеніяхъ необходимо обозначать (на внутреннихъ конвертахъ): „для редакціи Ц. О.", „для Ц. К." или „для Лиги".

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.

РУССКОЕ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО NEW YORK

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 54. 1-го декабря 1903 г. Годъ III.

САМОДЕРЖАВІЕ НА СКАМЬѢ ПОДСУДИМЫХЪ.

Тов. Леонъ Гольдманъ, организаторъ русской типографіи „Искры“, сказалъ въ своей замѣчательной рѣчи передъ судомъ одесской палаты: „Когда наступаетъ время, что правительству приходится судить народъ — это значитъ: созрѣлъ моментъ, когда народъ долженъ посадить на скамью подсудимыхъ свое правительство!“.

Народъ, — то есть, толпа, масса, дѣйствительно, превратилась уже въ постояннаго подсудимаго: не проходитъ недѣли, чтобы царскіе судьи не имѣли дѣла съ такъ называемыми „преступленіями толпы“, — преступленіями, въ которыхъ передъ лицомъ „правосудія“ фигурируютъ наудачу, зобумъ выхваченные рядовые этой толпы, простыя единицы въ рядѣ имъ подобныхъ. Это не „герои“, это даже не „первыя ласточки“, возвѣщающія о приближающейся веснѣ: это въ подлинномъ смыслѣ слова люди массы, и каждый десятокъ такихъ людей, брошенныхъ на скамью подсудимыхъ, представляетъ собою на ней тысячныя и десятитысячныя толпы такихъ же „середняковъ“, потому только не занявшихъ мѣста на той же скамьѣ, что у „правосудія“ не хватило рукъ на всѣ шивороты, не хватило тюремныхъ камеръ для всѣхъ „виновныхъ“, потому, наконецъ, что эта „преступная“ толпа въ цѣломъ должна ходить на свободѣ хотя бы для того, чтобы своимъ трудомъ кормить то самое общество и государство, во славу котораго судятъ и караютъ ея сыновей.

Когда крестьяне цѣлыми уѣздами устраиваютъ „безпорядки“, когда сотни тысячъ рабочихъ бросаютъ работу и заливаютъ улицы городовъ, правительство, выхватывая изъ толпы наудачу десятки и сотни обвиняемыхъ, въ ихъ лицѣ судитъ всю толпу, весь народъ.

Но, прежде чѣмъ этотъ народъ успѣетъ превратить правительство въ подсудимаго, каждый судъ надъ участниками того или иного акта происходящей въ Россіи политической драмы неизбѣжно превращается въ судъ надъ самодержавіемъ.

Иностранная печать сообщаетъ отчеты о ходѣ процесса Кишиневскихъ громилъ — грандіознаго процесса съ сотнями обвиняемыхъ и свидѣтелей, съ десятками адвокатовъ, процесса, грозящаго затянуться на много мѣсяцевъ. Эпилогъ той трагедіи, которую самодержавію надо было поставить на сцену, чтобы замедлить шествіе революціи, этотъ процессъ не могъ не превратиться въ судъ надъ правительствомъ. Этому не могли помѣшать закрытыя двери, этого [illegible] предотвратить плутнями предварительнаго слѣдствія и нару[illegible] закона во время слѣдствія судебнаго.¹)

Напротивъ. Чѣмъ болѣе дѣятели „правосудія“ пытались заткнуть всѣ щели, чтобы не дать прорваться истинѣ, тѣмъ скандальнѣе для нихъ эта истина выходитъ наружу въ ходѣ перекрестнаго допроса свидѣтелей. На скамью подсудимыхъ брошены рядовые изъ той толпы, которая подъ руководствомъ правительственныхъ агентовъ громила и убивала въ дни 6 и 7 апрѣля. Дѣйствительные вожаки этой Варооломеевской ночи отсутствуютъ на этой скамьѣ, но ихъ приходится допустить въ роли свидѣтелей. Палата запрещаетъ, вопреки всѣмъ законамъ, касаться роли въ погромѣ лицъ, не привлеченныхъ къ суду, т. е. истинныхъ вождей погрома, умышленно устраненныхъ отъ обвиненія, но этотъ запретъ не можетъ остановить потока разоблаченій: пришлось бы останавливать каждаго свидѣтеля, показывающаго подъ присягой и, какъ ни старается Палата, изъ-за спинъ сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ поденщиковъ и босяковъ передъ присутствующими то и дѣло встаютъ мрачныя тѣни дѣйствительныхъ двигателей невѣжественной толпы: застрѣлившійся нотаріусъ Писаржевскій, милліонеръ Пронинъ, студентъ Малай, членъ управы Синадино, цеховой старшина Степановъ и его патронъ по редакціи „Знамени“ — безсмертный Крушеванъ. Одни изъ нихъ составляли прокламаціи, въ которыхъ масса приглашалась убивать евреевъ и ей гарантировалось *содѣйствіе войскъ* и *покровительство полиціи:* другіе распространяли по трактирамъ эту „литературу“, третьи шли во главѣ толпы и подбивали ее къ болѣе широкому размаху производимыхъ ею злодѣяній: четвертые словомъ и перомъ агитировали послѣ погрома въ цѣляхъ извращенія истины, обѣленія виновныхъ и перенесенія вины на самихъ пострадавшихъ. Пронинъ, уличенный въ составленіи одной изъ прокламацій, прославляющихъ героевъ погрома, оказывается тѣмъ самымъ „почтеннымъ обывателемъ“, который съѣздилъ къ Іоанну Кронштадтскому и „убѣдилъ“ его въ винѣ самихъ пострадавшихъ евреевъ во всемъ случившемся. Читатель помнитъ, что подъ вліяніемъ разсказа этого „почтеннаго“ убійцы Кронштадтскій чудодѣй написалъ въ „Знамени“ покаянное письмо, въ которомъ бралъ назадъ высказанное имъ сначала сочувствіе пострадавшимъ и объявлялъ ихъ истинными палачами, а громилъ — дѣйствительными жертвами. Какими земными благами кудесникъ Кронштадтскій былъ соблазненъ къ освященію именемъ Христа гнусныхъ насилій — неизвѣстно: можно только сказать, что онъ достойнымъ образомъ увѣнчалъ „работу“ православнаго духовенства въ Кишиневскомъ погромѣ: представители церкви, какъ выяснено судомъ, были въ числѣ подстрекателей къ насиліямъ. Но лучше всего выяснена судомъ роль полиціи. Одинъ за другимъ проходятъ передъ судьями полицейскіе чиновники, бывшіе либо организаторами погрома, либо подстрекателями толпы на мѣстѣ буйства, либо попустителями самыхъ звѣрскихъ преступленій. Всѣ они начинаютъ съ обвиненія евреевъ въ томъ, что тѣ первые напали на христіанъ, задѣвали ихъ и тѣмъ вызвали кровавый день 7 апрѣля. А затѣмъ либо очная ставка съ свидѣтелями пострадавшими, либо обличеніе со стороны одного изъ подсудимыхъ — выясняютъ истинную роль всѣхъ этихъ полицейскихъ героевъ, этихъ „защитниковъ порядка“, — гнусную роль хладнокровныхъ подстрекателей разгоряченной толпы. Помощникъ пристава *Задорожный*, приставъ *Соловкинъ*, помощникъ полиціймейстера *Довиаль*, жандармскій полковникъ *Ханженковъ*, вице-губернаторъ *Устрyговъ* — всѣ они, не говоря о мелкой сошкѣ, городовыхъ и околодочныхъ — уличены въ умышленномъ бездѣйствіи при видѣ убійствъ, происходившихъ на ихъ глазахъ, а нѣкоторые, сверхъ того, въ активномъ подстрекательствѣ тѣхъ, кто стоялъ „безъ дѣла“, не участвуя въ грабежѣ. Начальникъ 10.000 гарнизона генералъ *Бекманъ* смущенно молчитъ, когда его спрашиваютъ, почему онъ не употребилъ войска на защиту убиваемыхъ, а рядомъ съ этимъ и частныя лица, и даже чины полиціи свидѣтельствуютъ, что солдаты расхищали имущество изъ разгромленныхъ квартиръ... А затѣмъ идутъ дѣятели „правосудія“. Одни — судебный слѣдователь Радзевичъ — находились въ качествѣ сочувственныхъ зрителей въ толпѣ, окружавшей погромщиковъ; другіе — много ихъ было! — вели слѣдствіе и — во славу г. Плеве — систематически подавляли истину, не записывали показаній, компрометирующихъ и „интеллигентныхъ“ участниковъ бойни, застращивали свидѣтелей — слѣдователь Фрайнатъ и допрашивалъ то нѣкоторыхъ съ нагайкой въ рукѣ!

Все, что говорила о Кишиневскомъ погромѣ оппозиціонная, революціонная и иностранная печать, — все подтвердилось. Все, что въ опроверженіе ей писали реакціонныя газеты и правительство въ своихъ сообщеніяхъ, — все оказалось *лживымъ*. Отрицали истязанія надъ убиваемыми, надругательства надъ трупами: всѣ факты, сообщенные раньше въ печати, подтверждаются на судебномъ слѣдствіи. Всѣ басни о вызывающемъ поведеніи евреевъ опровергнуты, отчасти показаніями самихъ полицейскихъ. И въ довершеніе всего, правительственный разсказъ о фактической сторонѣ дѣла — о началѣ погрома оказался злостно-вымышленнымъ въ томъ именно пунктѣ, который тотчасъ же въ свое время оспорили наши Кишиневскіе товарищи (см. брошюру „Кишиневская бойня“): именно, разсказъ о томъ, что еврей — хозяинъ карусели ударилъ христіанскую женщину и это, якобы, послужило поводомъ къ погрому. Удостовѣрено, какъ и утверждали наши товарищи, что карусели, по распоряженію полиціи, были закрыты, и на площади евреевъ не было. Характерный примѣръ „достовѣрности“ правительственныхъ сообщеній!

Темные, безсознательные выполнители замысловъ полицейскаго правительства сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а истинные виновники, хоть и необличенные судомъ, разумѣется, [illegible] фактически они, а въ ихъ лицѣ весь самодержавный режимъ, являются подсудимыми въ этомъ грандіозномъ процессѣ. Кишиневскій процессъ сорвалъ еще одинъ фиговый листокъ съ царскаго правительства и оно стоитъ передъ страной, которая узнаетъ подробности, выясненныя слѣдствіемъ, во всемъ отвратительномъ ужасѣ своей истинной природы: природы бандита, запятнаннаго самыми гнусными преступленіями.

Но что всего знаменательнѣе въ томъ, что разоблачено въ Кишиневскомъ процессѣ, это, на нашъ взглядъ, *политическая* подкладка бойни 6-7 апрѣля. Какъ ни старались задушить истину, она и въ этомъ пунктѣ прорвалась наружу. Населеніе подстрекали къ погрому, между прочимъ, и на игрывая на „вѣрноподданныхъ“ чувствахъ противъ революціонеровъ, которые, конечно, оказывались „жидами“. Объ этомъ прямо заявилъ на судѣ упомянутый уже милліонеръ антисемитъ Пронинъ, когда далъ такое объясненіе погрому: народъ де узналъ, что передъ Пасхой въ Кишиневѣ собрались евреи изъ разныхъ странъ и на собраніи въ синагогѣ постановили устроить бунтъ противъ правительства: натурально, народъ и пошелъ на евреевъ. Какъ ни геніально-остроумно въ устахъ почтеннаго буржуа это объясненіе погрома, оно, несомнѣнно, задѣваетъ одну изъ существенныхъ сторонъ организованной полицей травли, подготовившей погромъ. Недаромъ выяснено (въ „Освобожденіи“), что режиссеромъ этой бойни былъ жандармскій баронъ Левендаль, поставившій для этой цѣли охранное отдѣленіе въ мирномъ въ политическомъ смыслѣ Кишиневѣ! Не даромъ присяжный повѣренный Карабчевскій могъ представить суду картину, ходившую по рукамъ передъ погромомъ и изображавшую сцену убійства христіанки евреями для употребленія крови, — картину съ надписью: „расправляйтесь подобнымъ же образомъ съ жидовскими *соціальдемократами!*“. Какъ рельефно въ этой картинѣ съ ея надписью вырисовывается обликъ того самодержавія, которое одновременно разнуздываетъ не вымершія еще мрачныя силы отжившей старины и бросаетъ въ населеніе сѣмена современной „европейской“ травли соціализма! И какъ ясно встаетъ передъ нами движущая сила всей этой аранжированной жандармами и по жандармски подлой бойни — политическая борьба издыхающаго самодержавія съ его главнымъ, смертельнымъ, непобѣдимымъ врагомъ — классовымъ движеніемъ русскихъ, еврейскихъ и иныхъ пролетаріевъ.

Ради продленія жизни насквозь прогнившаго режима, жрецы самодержавія заклали десятки мирныхъ бѣдняковъ въ дни 6 и 7 апрѣля этого года. Ради охраненія его „добраго имени“ министерство россійскаго правосудія превратило убійство одной женщины агентами царской власти, убійство, извлеченное на свѣтъ божій „бунтомъ“ тихорѣцкихъ рабочихъ, въ крупное *политическое дѣло*, въ тяжбу между царской бюрократіей и всѣми честными людьми въ Россіи. Ради спасенія одного судебнаго слѣдователя правительство разлило по дѣлу Золотовой столько грязной лжи, что оказалось, въ концѣ концовъ, вынужденнымъ обѣщать публикѣ полное и всестороннее раскрытіе истины. Пресловутое слѣдствіе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бурцева, казалось, успокоило умы, и даже либеральныя газеты признали, что Золотова умерла „по неизвѣстной причинѣ“, безъ прямого или косвеннаго содѣйствія мѣстныхъ самодержцевъ. Но „внутренняя политика“ властно требовала, чтобы, по успокоеніи умовъ, были наказаны пролетаріи, „бунтовавшіе“ противъ несомнѣннаго для нихъ факта убійства арестантки. Какъ увидятъ читатели изъ помѣщаемой ниже замѣтки о Тихорѣцкомъ процессѣ, эта апелляція оскорбленнаго полицейскаго величества къ „правосудію“ опять бросила самодержавіе на скамью подсудимыхъ. Запрещеніе касаться обстоятельствъ смерти Золотовой — это по дѣлу о безпорядкахъ, вызванныхъ этой смертью! — вызвавъ протестъ и демонстрацію защитниковъ, свело на нѣтъ всю юридическую ловкость дѣйств. статскаго совѣтника Бурцева, всю политиканскую мудрость помогавшихъ правительству въ „успокоеніи умовъ“ либеральныхъ органовъ. Публика узнала снова, что хотя, по увѣренію правительства, съ дѣломъ Золотовой все обстояло благополучно, но въ этомъ дѣлѣ все же есть нѣчто, *что нужно скрывать!*

Отъ дождя да въ воду! Вотъ девизъ политики Плеве! Спасаясь отъ пролетарской революціи, вызвать средневѣковый походъ на евреевъ и поднять всемірную бурю негодованія; чтобы утишить эту бурю, бросить на скамью подсудимыхъ темныя жертвы безсовѣстнаго подстрекательства и — оказаться рядомъ съ ними на этой скамьѣ въ качествѣ уличеннаго коновода и организатора: ради спасенія одного чиновника, а въ его лицѣ принципа бюрократическаго самодержавія, попытаться затушить уголовное дѣло и вызвать такую огласку этого дѣла, которая лучше всякой агитаціи подрываетъ этотъ принципъ: чтобы справиться съ этой агитаціей, блеснуть передъ обывателемъ золотымъ шитьемъ мундировъ всего вѣдомства юстиціи и кончить тѣмъ, чтобы на процессѣ противъ семи рабочихъ обнаружить, какая грязь за этими мундирами скрывается; а тѣмъ самымъ паки и паки скомпрометировать свои принципы... Вотъ она, современная внутренняя политика, политика того выродившагося самодержавія, которое формально еще судитъ „свой“ народъ, но фактически не выходитъ изъ роли самаго главнаго, самаго преступнаго и всегда уличаемаго подсудимаго!

---

[1] Телеграфъ принесъ извѣстіе, что гражд. истцы, въ концѣ концовъ, были вынуждены покинуть залъ засѣданія, въ видѣ протеста противъ безчисленныхъ нарушеній закона.

НАРОДНИЧЕСТВУЮЩАЯ БУРЖУАЗІЯ И РАСТЕРЯННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО.

Русскіе марксисты давно уже указываютъ на то перерожденіе стараго русскаго, классическаго, революціоннаго народничества, которое неуклонно происходитъ съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Тускнѣла вѣра въ особый укладъ крестьянскаго хозяйства, въ общину, какъ зародышъ и базисъ соціализма, въ возможность миновать путь капитализма посредствомъ немедленной соціальной революціи, къ которой готовъ уже народъ. Политическое значеніе сохранили только требованія всяческихъ мѣропріятій по укрѣпленію крестьянскаго хозяйства и „мелкаго народнаго производства“ вообще. Это было уже, въ основѣ своей, не болѣе какъ буржуазное реформаторство; народничество расплывалось въ либерализмѣ; создавалось либерально-народническое направленіе, которое не хотѣло видѣть или не могло видѣть, что проектируемыя мѣропріятія (всѣ эти кредиты, коопераціи, мелюраціи, расширенія землевладѣнія) не выходятъ изъ рамокъ *существующаго* буржуазнаго общества. Народническія теоріи гг. В. В., Николая — она и ихъ многочисленныхъ перепѣвателей служили только quasi-научнымъ прикрытіемъ этого непріятнаго, но несомнѣннаго факта. Марксистская критика разбила прикрытіе, и вліяніе народническихъ идей на русскую революціонную среду съ поразительной быстротой пошло на убыль. Эти идеи становились уже и на дѣлѣ исключительнымъ достояніемъ того слоя, которому онѣ были сродни, — русскаго либеральнаго „общества“.

Западно-европейское бернштейніанство было новой струей, подкрѣпившей и въ то же время видоизмѣнившей отмѣченное теченіе. Недаромъ говорится, вѣрно, — „нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ“. Бернштейну не посчастливилось на его родинѣ, но за то его идеи „взяли въ серьезъ“ и примѣнили на дѣлѣ нѣкоторые соціалисты Франціи, Италіи, Россіи, быстро продѣлавшіе эволюцію въ представителей буржуазнаго реформизма. Оплодотворенное этими идеями, наше либерально-народническое направленіе пріобрѣло себѣ новыхъ сторонниковъ изъ ex-марксистовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возмужало внутренне, освободившись отъ нѣкоторыхъ примитивныхъ иллюзій и реакціонныхъ привѣсковъ. Бернштейніанство сослужило свою службу — не тѣмъ, что преобразовало соціализмъ, а тѣмъ, что дало обликъ новой фазѣ буржуазнаго либерализма и смыло обликъ соціализма съ нѣкоторыхъ quasi-соціалистовъ.

Въ высшей степени интересный и поучительный образчикъ сближенія и слитія европейскихъ оппортюнистическихъ и русскихъ народническихъ идей даетъ статья г. Л. „Къ аграрному вопросу“ въ № 9 (33) Освобожденія. Это настоящая программная статья, добросовѣстно излагающая и общее credo автора и систематическое примѣненіе этого credo къ опредѣленной области вопросовъ. Эта статья оставитъ вѣху въ исторіи русскаго либерализма, знаменуя крупный шагъ впередъ въ его оформленіи и упроченіи.

Авторъ облекаетъ свой буржуазный либерализмъ въ костюмъ, сшитый по новѣйшей модѣ. Повторяя почти буквально слова Бернштейна, онъ съ забавной серьезностью пытается увѣрить читателя, что „либерализмъ и соціализмъ никоимъ образомъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга или даже противопоставлять одинъ другому: по своему основному идеалу они тождественны и неразрывны — соціализмъ не угрожаетъ опасностью либерализму, какъ этого опасаются многіе, онъ приходитъ не разрушить, а исполнить завѣты либерализма“. Извѣстное дѣло: чего хочется, тому вѣрится, а г. Л. и присныхъ его очень, очень хочется, чтобы соціальдемократы не отдѣляли себя отъ либераловъ, чтобы они понимали соціализмъ „не въ смыслѣ готовыхъ догматовъ и застывшихъ доктринъ, которыя претендуютъ напередъ учесть весь ходъ историческаго развитія“... (и т. д., вполнѣ въ духѣ Рев. Россіи)... а „какъ общій этическій идеалъ“... (относимый, какъ извѣстно, всѣми филистерами, и либералами въ томъ числѣ, въ область неосуществимаго въ сей земной юдоли, въ область будущей жизни и „вещей въ себѣ“).

Либерадамъ, естественно, хочется — простите за вульгарное выраженіе! — показать товаръ лицомъ, отождествить политическій либерализмъ въ Россіи съ соціально-экономическимъ демократизмомъ. Мысль эта весьма „добрая“, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма путаная и весьма лукавая. Добрая, ибо выражаетъ благое пожеланіе извѣстной части либераловъ отстаивать широкія соціальныя реформы. Путаная, ибо покоится на противопоставленіи демократическаго либерализма буржуазному (опять таки совершенно въ духѣ Рев. Россіи!); авторъ, видимо, понятія не имѣетъ о томъ, что во всякомъ капиталистическомъ обществѣ не могутъ не существовать извѣстные *буржуазно*-демократическіе элементы, стоящіе за широкія демократическія и соціально-экономическія реформы; автору, какъ и всѣмъ русскимъ Мильеранамъ, хочется приравнять *буржуазное* реформаторство къ соціализму, понимаемому, конечно, „не въ смыслѣ готовыхъ догматовъ“ и т. д. Мысль эта, наконецъ, весьма лукавая, ибо авторъ увѣряетъ себя и другихъ, что сочувствіе реформамъ — „заботы о народныхъ нуждахъ и интересахъ, ‚народничество‘ въ подлинномъ и прекрасномъ этическомъ смыслѣ этого слова“ — извѣстной части либераловъ въ извѣстный историческій моментъ есть или можетъ быть постояннымъ свойствомъ либерализма вообще. Это наивно до умилительности. Кто же не знаетъ, что всякое буржуазное министерство въ отставкѣ, всякая „оппозиція Его Величества“ всегда кричитъ о своемъ подлинномъ, прекрасномъ и этическомъ „народничествѣ“, пока остается въ оппозиціи? Русская буржуазія играетъ въ народничество (и искренно иногда играетъ) именно потому, что она находится въ оппозиціи, а не стоитъ еще у кормила власти. Русскій пролетаріатъ отвѣтитъ на любовно-лукавыя рѣчи гг. освобожденцевъ: pas si bête, messieurs! Не такъ ужъ я глупъ, господа, чтобы этому повѣрить!

Отъ общихъ соображеній насчетъ тождества либерализма и соціализма г. Л. переходитъ къ общей теоріи аграрнаго вопроса. На протяженіи десяти строчекъ онъ уничтожаетъ марксизмъ (паки и паки, въ духѣ Рев. Россіи), излагая его для этого, какъ водится, въ вульгарно-упрощенномъ видѣ, объявляя его и несоотвѣтствующимъ опыту, и научно недоказаннымъ, и вообще невѣрнымъ! Чрезвычайно характерно, что единственнымъ подтвержденіемъ является ссылка на европейскую *соціалистическую* (курсивъ г. Л.) литературу, — очевидно, на бернштейніанскую. Ссылка очень убѣдительная. Если европейскіе *(европейскіе!)* соціалисты начинаютъ думать и разсуждать по буржуазному, то отчего бы русскимъ буржуа не заявить себя и народниками и соціалистами? Марксистское воззрѣніе на крестьянскій вопросъ — убѣждаетъ насъ г. Л. — „если бы оно было безспорнымъ и единственно возможнымъ, ставило бы всю земскую (sic!) Россію въ ужасное, трагическое положеніе, обрекая ее на бездѣйствіе, въ виду доказанной невозможности прогрессивной аграрной политики и вообще разумной, цѣлесообразной помощи крестьянскому хозяйству“. Доводъ, какъ видите, непреоборимый: *такъ какъ* марксизмъ доказываетъ невозможность сколько нибудь прочнаго процвѣтанія сколько-нибудь широкихъ слоевъ крестьянства при капитализмѣ, *то поэтому* онъ ставитъ въ ужасное, трагическое положеніе „земскую“ (не описка-ли это вмѣсто „землевладѣльческую“?) Россію, т. е. Россію, живущую именно на счетъ разоренія и пролетаризаціи крестьянства. Да, да, въ этомъ-то и состоитъ одна изъ всемірно-историческихъ заслугъ марксизма, что онъ разъ на всегда поставилъ въ ужасное, траги-комическое положеніе идеологовъ буржуазіи, наряжающихся въ костюмъ народничества, соціально-экономическаго демократизма и т. п.

Чтобы исчерпать теоретическія упражненія г. Л., намъ остается еще привести слѣдующій перлъ. „Здѣсь (т. е. въ сельскомъ хозяйствѣ) — говорятъ намъ — нѣтъ и не можетъ быть того автоматическаго (!) прогресса, который возможенъ до извѣстной степени въ промышленности, въ зависимости отъ объективнаго (!) развитія техники“. Это безподобное глубокомысліе заимствовано цѣликомъ у гг. Каблуковыхъ, Булгаковыхъ, Э. Давидовъ и tutti quanti, которые въ „ученыхъ“ трудахъ оправдываютъ отсталость своихъ взглядовъ отсталостью земледѣлія въ техническомъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ. Отсталость земледѣлія несомнѣнна, давно признана марксистами и вполнѣ объяснима, а вотъ „автоматическій (хотя бы до извѣстной степени) прогрессъ въ промышленности“ и объективное развитіе техники — это уже совсѣмъ сапоги въ смятку.

Однако, экскурсіи въ область науки — не болѣе какъ архитектурное украшеніе статьи г. Л. Какъ настоящій реальный политикъ, онъ даетъ, наряду съ величайшей путаницей въ общихъ разсужденіяхъ, въ высшей степени трезвенную и дѣловую практическую программу. Правда, онъ скромно оговаривается — на своемъ казенно-русскомъ языкѣ — что отстраняетъ отъ себя предначертаніе программы и ограничивается изъявленіемъ своего отношенія, но это только скромничанье. На дѣлѣ же, въ статьѣ г. Л. мы имѣемъ чрезвычайно обстоятельную и полную аграрную программу русскихъ либераловъ, которой недостаетъ только стилистической редакціи и рубрицированія по пунктамъ. Программа — послѣдовательно выдержанная въ либеральномъ духѣ: политическая свобода, демократическая податная реформа, свобода передвиженія, крестьянско-демократическая аграрная политика, направленная къ демократизаціи земельной собственности. Въ цѣляхъ этой демократизаціи требуется свобода выхода изъ общины, превращеніе этой послѣдней изъ принудительнаго въ свободный союзъ, подобный всякому экономическому товариществу, созданіе демократическаго аренднаго права. „Государство“ должно содѣйствовать „переходу земель въ руки трудящихся массъ“ посредствомъ цѣлаго ряда мѣропріятій, какъ-то: расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, обращеніе въ государственную собственность удѣльныхъ земель, „созданіе мелкихъ трудовыхъ хозяйствъ на личныхъ или кооперативныхъ началахъ“, наконецъ, принудительное отчужденіе или обязательный выкупъ необходимыхъ для крестьянъ земель. „Конечно, этотъ обязательный выкупъ долженъ быть поставленъ на твердую почву законности и обставленъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надежными гарантіями“, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ долженъ быть проведенъ „почти (sic!) безоговорочно“, — напримѣръ, по отношенію къ „отрѣзкамъ“, создающимъ подобіе крѣпостныхъ отношеній. Съ цѣлью прекращенія полукрѣпостныхъ отношеній за государствомъ должно быть признано право принудительнаго отчужденія и принудительнаго размежеванія соотвѣтствующихъ участковъ.

Такова аграрная программа либераловъ. Параллель между ней и соціальдемократической аграрной программой напрашивается сама собою. Сходство проявляется въ одинаковости ближайшей тенденціи и въ однородности большинства требованій. Различіе состоитъ въ двухъ слѣдующихъ, имѣющихъ кардинальное значеніе, пунктахъ. Во-первыхъ, устраненіе остатковъ крѣпостничества (прямо выдвигаемое, какъ цѣль, обѣими программами) соціальдемократы хотятъ совершить революціоннымъ путемъ и съ революціонной же рѣшительностью, либералы — реформаторскимъ путемъ и нерѣшительно. Во-вторыхъ, соціальдемократы подчеркиваютъ, что очищаемый отъ остатковъ крѣпостничества строй есть буржуазный строй, разоблачаютъ напередъ уже и немедленно всѣ его противорѣчія, стремятся также немедленно расширить, сдѣлать болѣе сознательной ту классовую борьбу, которая таится въ нѣдрахъ этого новаго строя, прорываясь наружу уже въ настоящее время. Либералы игнорируютъ буржуазный характеръ очищеннаго отъ крѣпостничества строя, затушевываютъ его противорѣчія, стремятся притупить таящуюся въ его нѣдрахъ классовую борьбу.

Остановимся на этихъ различіяхъ.

Реформистскій и нерѣшительный характеръ либеральной аграрной программы ясно виденъ, прежде всего, изъ того, что она не идетъ дальше „обязательнаго выкупа“, да и то признаваемаго лишь „почти“ безоговорочно, — тогда какъ соціальдемократическая аграрная программа требуетъ безвозмезднаго отчужденія отрѣзковъ у ихъ старыхъ владѣльцевъ, выкупъ же признаетъ лишь въ особыхъ случаяхъ, и притомъ выкупъ на счетъ дворянскаго землевладѣнія. И отъ экспропріаціи всей помѣщичьей земли соціальдемократы, какъ извѣстно[1]), не отказываются, считая лишь непозволительнымъ и авантюристскимъ включать это, не при всѣхъ условіяхъ умѣстное, требованіе въ программу. Соціальдемократы съ самаго начала зовутъ пролетаріатъ къ первому революціонному шагу вмѣстѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же идти дальше или съ крестьянской буржуазіей противъ помѣщичьяго класса, или противъ крестьянской буржуазіи, соединившейся съ помѣщичьимъ классомъ. Либералы уже и тутъ, въ борьбѣ съ полукрѣпостническими отношеніями, чураются классовой самодѣятельности и борьбы. Они хотятъ поручить реформу „государству“ (забывая о классовомъ характерѣ государства) при помощи органовъ самоуправленія и „нарочитыхъ“ коммиссій, сопоставляя — это какъ нельзя болѣе характерно — принудительное отчужденіе отрѣзковъ съ принудительнымъ отчужденіемъ земель подъ линіи желѣзныхъ дорогъ!! Яснѣе выразить или, вѣрнѣе, *выдать* свое сокровенное желаніе обставить новую реформу такими же „удобствами“ для правящихъ классовъ, какими обставлена бываетъ вездѣ и всегда продажа земли желѣзнымъ дорогамъ, — наши либералы не могли бы. И это наряду съ громкой фразой о смѣнѣ сословно-аристократической аграрной политики крестьянско-демократической! Чтобы осуществить такую смѣну на дѣлѣ, надо апеллировать не къ „общественному интересу“, а къ угнетенному сословію — крестьянству, — противъ угнетающаго, — дворянскаго, надо *поднимать* первое противъ второго, надо звать къ революціонной самодѣятельности крестьянство, а не къ реформаторской дѣятельности государство. Далѣе. Говоря о прекращеніи полукрѣпостныхъ отношеній, либералы закрываютъ глаза на то, какія же именно отношенія они очищаютъ отъ крѣпостничества. Г. Л., напримѣръ, повторяетъ словечки гг. Николая —она, В. В. и проч. насчетъ „принципа признанія права земледѣльцевъ на обрабатываемую ими землю“, насчетъ „жизнеспособности“ крестьянства, но скромно умалчиваетъ о „принципѣ“ буржуазнаго хозяйничанья и эксплуатаціи наемнаго труда этими жизнеспособными крестьянами. О томъ, что послѣдовательное проведеніе демократизма въ аграрной области означаетъ неизбѣжное усиленіе и упроченіе именно мелкобуржуазныхъ представителей крестьянства, — буржуазные демократы не имѣютъ и не хотятъ имѣть представленія. Въ пролетаризаціи крестьянства г. Л. отказывается (опять таки вслѣдъ за народниками и въ духѣ Рев. Россіи) видѣть „типъ развитія“, объясняя ее „переживаніями крѣпостного права“ и „общимъ патологическимъ состояніемъ деревни“! Вѣроятно, у насъ послѣ конституціи прекратится ростъ городовъ, бѣгство изъ деревень сельской бѣдноты, переходъ помѣщиковъ отъ отработочнаго хозяйства къ батрацкому и т. д.! Изображая благодѣтельное вліяніе французской революціи на французское крестьянство, г. Л. патетически говоритъ объ исчезновеніи голодовокъ, о подъемѣ земледѣлія и его прогрессѣ, но о томъ, что это былъ буржуазный прогрессъ, основанный на образованіи „прочнаго“ класса сел.-хоз. наемныхъ рабочихъ и на хронической нищетѣ массы *низшихъ* слоевъ крестьянства, объ этомъ народничествующій буржуа не проронитъ, конечно, ни словечка.

Однимъ словомъ, различіе аграрной программы г. Л. отъ соціальдемократической аграрной программы съ замѣчательной точностью воспроизводитъ въ маломъ видѣ всѣ общія отличія программъ-минимумъ либеральной и пролетарской демократіи. Возьмете ли вы эти программы въ ихъ теоретической постановкѣ соотвѣтствующими идеологами или въ ихъ практическомъ проведеніи соотвѣтствующими партіями и направленіями, заглянете ли вы въ исторію, напримѣръ, 1848 года, — вы увидите именно эти два коренныя различія между либеральной и соціальдемократической постановкой ближайшихъ практическихъ задачъ: съ одной стороны, реформаторская половинчатость въ борьбѣ съ переживаніями крѣпостничества и затушевываніе классовыхъ противорѣчій „современнаго“ общества, съ другой — революціонная борьба съ остатками старины въ цѣляхъ расширенія, развитія и обостренія борьбы классовъ на почвѣ новаго общества. Конечно, эти коренныя отличія, свойственныя самой природѣ развивающагося капиталистическаго общества, проявляются въ весьма различныхъ формахъ въ разныхъ національныхъ государствахъ и въ разное время. Неумѣнье разглядѣть за новыми и оригинальными формами „старую“ буржуазную демократію составляетъ характерную черту ея послѣдовательныхъ и непослѣдовательныхъ идеологовъ. Къ послѣднимъ, напримѣръ, мы не можемъ не отнести представителя „растеряннаго народничества“ г. П. Новобранцева (см. №№ 32 и 33 „Рев. Россіи“), который иронически замѣчаетъ по поводу нападокъ Искры на Освобожденіе, какъ на классовое буржуазное изданіе: „Нечего сказать, нашла буржуазію“. „Г. Струве, — снисходительно поучаетъ насъ Рев. Россія, — представитель „интеллигенціи“, а не „буржуазіи, какъ класса“, ибо никакихъ классовъ и сословій онъ не объединяетъ и не увлекаетъ“. Очень хорошо, господа! Но немного вдумавшись въ дѣло, вы увидали бы, что г. Струве — представитель *буржуазной* интеллигенціи. Буржуазію же, какъ классъ, русскій пролетаріатъ увидитъ передъ собой на исторической сценѣ лишь при политической свободѣ, когда правительство будетъ почти непосредственно представлять изъ себя „комитетъ“ того или иного слоя буржуазіи. И только „соціалисты по недоразумѣнію“ могутъ не знать того, что ихъ долгъ — раскрывать глаза рабочему классу на буржуазію какъ въ ея дѣятельности, такъ и въ ея мышленіи, какъ въ ея зрѣломъ видѣ, такъ и въ ея юношески мечтательномъ возрастѣ.

Что касается до мечтательности, то тутъ уже надо взять именно г. Новобранцева. Но наша статья такъ затянулась, а міровоззрѣніе и аграрно-историческіе взгляды г. Новобранцева представляютъ такъ много интереснаго, особенно параллельно съ г. Л., что мы должны отложить бесѣду объ этомъ до другого раза.

Н. Ленинъ.

---

[1]) Смотри заявленіе Плеханова въ № 4 „Зари“ и мое въ отвѣтѣ Иксу.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Томскъ. 27 октября улицы Томска вновь огласились криками и стонами избиваемыхъ казацкими нагайками. Но на сей разъ жертвами избіенія явились не протестующіе студенты, не демонстранты рабочіе, а г.г. мирные обыватели, явившіеся въ театръ полюбоваться „Прекрасной Еленой“. Вновь всколыхнулись наши обыватели, и возроптали пуще прежняго. Могли они еще мириться съ тѣмъ, что били ихъ сыновъ и братьевъ, что били рабочихъ; но не такъ легко мириться, когда исполосовали спины, привыкшія гнуться, исполосовали за „чужіе грѣхи“, за то только, что эти спины принадлежатъ тѣмъ, кто имѣетъ несчастье именоваться „россійскими гражданами“. Непосредственная причина сего „прискорбнаго“ происшествія подготовлялась исподволь

Почему и какъ мы разошлись съ редакціей „Вѣстника Народной Воли“

Дѣла давно минувшихъ дней...

Нѣкоторые товарищи дружескимъ и лестнымъ для насъ, — бывшихъ членовъ бывшей группы „Освобожденіе Труда“ — образомъ напомнили намъ о томъ, что осенью нынѣшняго года исполнилось двадцать лѣтъ со времени возникновенія этой группы и выхода въ свѣтъ ея перваго изданія: моей брошюры „*Соціализмъ и политическая борьба*“. Это дружеское напоминаніе воскресило въ моей памяти цѣлый рядъ событій, изъ которыхъ иныя имѣютъ, какъ мнѣ кажется, историческое значеніе. И мнѣ захотѣлось разсказать читателю, какъ и почему мы разошлись съ редакціей „*Вѣстника Народной Воли*“. Если я не ошибаюсь, эпизодъ этотъ остался неизвѣстнымъ даже многимъ изъ людей, принимавшихъ тогда очень близкое участіе въ революціонномъ движеніи, а между тѣмъ онъ не лишенъ поучительности. Но чтобы выяснить наши отношенія къ названной редакціи, я долженъ характеризовать наше отношеніе къ „народовольству“ вообще, а для этого мнѣ придется начать нѣсколько издалека.

Въ концѣ воронежскаго съѣзда, состоявшагося лѣтомъ 1879 года, я вышелъ изъ организаціи „*Земли и Воли*“, убѣдившись въ томъ, что она не можетъ и не хочетъ отказаться отъ тѣхъ пріемовъ борьбы, которые впослѣдствіи получили общее и, въ сущности, очень неудачное названіе *терроризма* и которые я со всей силой твердаго убѣжденія считалъ вредными для нашего прямого и самаго важнаго дѣла: агитаціи въ „народѣ“ на почвѣ его ближайшихъ нуждъ и его непосредственныхъ требованій. „Землевольцы“ въ своемъ большинствѣ соглашались, что „терроризмъ“, возведенный въ систему, скоро положилъ бы конецъ нашей агитаціонной дѣятельности въ „народѣ“, но въ то же время они находили, что слѣдуетъ „покончить съ Александромъ II“, такъ какъ послѣ неудачнаго покушенія Соловьева и его казни это стало будто бы необходимымъ „*для чести партіи*“. Меня раздражала ихъ непослѣдовательность, такъ какъ мнѣ было ясно, что „покончить съ Александромъ II“ можно только посредствомъ „терроризма“, — называвшагося тогда *дезорганизаціей правительства*, — т. е. только посредствомъ именно такого шага, который большинство моихъ товарищей само же объявляло совершенно несогласимымъ съ нашими агитаціонными задачами. Я уѣхалъ изъ Воронежа въ Кіевъ, увозя съ собой безотрадное убѣжденіе въ томъ, что *народничество*, казавшееся мнѣ тогда единственнымъ возможнымъ въ Россіи видомъ *соціализма*, погибаетъ, главнымъ образомъ, благодаря нелогичности самихъ *народниковъ*; я сознавалъ, что одинъ въ полѣ не воинъ, и съ тоской спрашивалъ себя: что же мнѣ остается дѣлать? Но въ Кіевѣ я скоро узналъ, что въ Петербургъ пріѣхали изъ-заграницы В. И. Засуличъ, Л. Дейчъ и Л. Стефановичъ, — которыхъ на воронежскомъ съѣздѣ выдавали за рѣшительныхъ сторонниковъ „дезорганизаціи правительства“, — и что они, напротивъ, отстаиваютъ старый, *агитаціонный* способъ дѣйствій. Я поспѣшилъ въ Петербургъ и здѣсь, къ удовольствію своему, убѣдился, что названные товарищи согласны со мною почти во всѣхъ вопросахъ революціонной теоріи и практики. Съ неменьшимъ удовольствіемъ увидѣлъ я также, что частью подъ вліяніемъ этихъ товарищей, а частью подъ вліяніемъ многочисленныхъ столкновеній съ „дезорганизаторами“, отстаивавшими новые способы борьбы со всѣмъ жаромъ новообращенныхъ, „землевольцы“, обнаружившіе такую странную непослѣдовательность на съѣздѣ, замѣтили свою ошибку и старались поправить ее, насколько это было въ ихъ силахъ. Поэтому у меня снова явилась надежда если не положить конецъ террористическимъ попыткамъ, то, по крайней мѣрѣ, снова оживить агитаціонную дѣятельность въ „народѣ“. А такъ какъ для всѣхъ насъ, отстаивавшихъ эту дѣятельность, было очевидно, что террористы не сочувствовали и, при тогдашнихъ условіяхъ, не могли сочувствовать ей, опасаясь, что она уменьшитъ притокъ къ нимъ силъ изъ среды революціонной молодежи[1]), то мы рѣшили, что намъ нельзя избѣжать разрыва съ ними, и стали заранѣе готовиться къ выступленію въ видѣ отдѣльной фракціи. Такъ возникла мысль объ изданіи газеты „*Черный Передѣлъ*“, по имени которой насъ стали называть *чернопередѣльцами*. Въ идейномъ отношеніи мы оставались послѣдовательными народниками, и никогда прежде идеи революціоннаго народничества не выступали въ такомъ стройномъ видѣ, какой онѣ получили въ ту пору. Но извѣстно, что нерѣдко идеи получаютъ наиболѣе стройный видъ какъ разъ тогда, когда ихъ господство близится къ концу. Споры съ террористами, вращавшіеся главнымъ образомъ вокругъ вопроса о томъ, имѣетъ ли *соціалистъ* право заниматься *политической борьбою*, заставляли насъ глубже вдумываться въ главнѣйшія теоретическія основы нашего ученія, и тутъ, противъ нашего ожиданія, въ глубинѣ нашей души началъ пошевеливаться червякъ разъѣдающаго *сомнѣнія*. У нѣкоторыхъ изъ насъ, — у меня въ томъ числѣ, — явилась сильная потребность дать себѣ серьезный, основанный на обстоятельномъ знакомствѣ съ литературой предмета, отчетъ въ томъ, что же собственно представляетъ собою современный соціализмъ и въ какой мѣрѣ и почему онъ исключаетъ „политику“. Такъ обстояло дѣло съ *теоріей*. А что касается *практики*, то опытъ, — опять таки вопреки нашему ожиданію, — скоро показалъ намъ, что идея „хожденія въ народъ“, еще такъ недавно и такъ сильно увлекавшая нашихъ молодыхъ революціонеровъ, утратила всякую серьезную власть надъ ихъ *сердцами*. Очень значительная часть революціонной молодежи сознательно становилась на сторону террористовъ и раздѣляла ихъ мысль о томъ, что дѣятельность въ крестьянствѣ при существующихъ у насъ политическихъ условіяхъ заранѣе осуждена на полное безплодіе. И это, разумѣется, не могло не огорчать насъ; но наше главное горе заключалось совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что даже та часть молодежи, которая горячо и искренне отстаивала дѣятельность въ народѣ, на практикѣ совершенно уклонялась отъ нея и, умиляясь передъ вѣковѣчною прочностью экономическихъ „устоевъ“ деревенской жизни, вовсе не собиралась покидать городъ. Мы не могли скрывать отъ себя, что настроеніе того общественнаго слоя, отъ котораго зависѣла тогда судьба нашего движенія, становится все болѣе и болѣе благопріятнымъ именно для осуждаемой нами „политики“. А между тѣмъ, положеніе тѣхъ изъ насъ, которые, подобно Стефановичу, Дейчу, Засуличъ, П. Аксельроду и мнѣ, очень дѣятельно разыскивались полиціей, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, благодаря той же „политикѣ“, выражавшейся въ систематическомъ террорѣ, на который правительство отвѣчало осаднымъ положеніемъ и почти повальными обысками. Вслѣдствіе этого, наши „легальные“ и менѣе скомпрометтированные товарищи уговаривали насъ уѣхать за границу и тамъ дождаться болѣе благопріятнаго для нашего дѣла времени. Мы уже начинали тогда опасаться, что это время наступитъ не скоро, но обстоятельства были сильнѣе насъ, „пропадать“ понапрасну намъ не хотѣлось, и въ началѣ 1880 года Стефановичъ, Дейчъ, Засуличъ и я въ самомъ дѣлѣ отправились „за рубежъ“, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя съѣхались въ Женевѣ, гдѣ въ то время было чрезвычайно много россійской революціонной братіи, собравшейся съ самыхъ различныхъ концовъ Россіи. Усердно засѣвъ за книги, мы не прерывали, однако, сношеній съ нашими, оставшимися въ Россіи товарищами и преимущественно съ П. Аксельродомъ, которому, по всей справедливости, принадлежала руководящая роль въ тамошней народнической средѣ. Но книги готовили намъ новую неожиданность, имѣвшую рѣшающее вліяніе на всю нашу дальнѣйшую политическую судьбу. Когда мы брались за нихъ, мы были убѣждены, что онѣ разсѣютъ сомнѣнія, невольно возникавшія у насъ, и помогутъ намъ найти незыблемую теоретическую основу для нашихъ народническихъ стремленій. А вышло наоборотъ. Чѣмъ болѣе знакомились мы съ теоріями современнаго научнаго соціализма, тѣмъ болѣе сомнительнымъ становилось для насъ наше народничество, какъ со стороны *теоріи*, такъ и со стороны *практики*. По крайней мѣрѣ, о себѣ я могу съ увѣренностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера „*Чернаго Передѣла*“, т. е. лѣтомъ 1880 г., я былъ уже едва ли не на половину *соціальдемократомъ*; неудивительно, поэтому, что передовая статья, написанная мною для этого номера, недавно ввела въ заблужденіе товарища Невзорова, на основаніи ея рѣшившаго, что міросозерцаніе *народниковъ* заключало въ себѣ очень много *соціальдемократическихъ* элементовъ.

---

[1]) На воронежскомъ съѣздѣ покойный Александръ Михайловъ, споря съ народниками, заявилъ, что въ настоящее время жить въ деревнѣ значитъ „даромъ ѣсть крестьянскій хлѣбъ“. Это — та же самая мысль, которую развивала въ первомъ же своемъ № газета „Народная Воля“, говоря, что теперь работать въ крестьянствѣ это — „биться, какъ рыба объ ледъ“. Дальше въ этомъ направленіи идти было некуда.

[1]) Первый номеръ этого органа былъ уже почти совсѣмъ набранъ въ нашей петербургской типографіи, когда она была взята полиціей. Вслѣдствіе этого пришлось перенести изданіе „*Чернаго Передѣла*“ въ Женеву, гдѣ и вышли его первые два номера. Тѣмъ временемъ народники опять завели тайную типографію, и третій номеръ „*Чернаго Передѣла*“ редактировался и печатался въ Россіи.

События нынѣшняго года подняли революціонный духъ не только рабочихъ массъ, но и другихъ слоевъ населенія, особенно учащейся молодежи. Вопросы академическіе, являвшіеся тѣмъ цементомъ, который склеивалъ разнородные элементы студенчества, отступили теперь на задній планъ. Случилось то, что, естественно и должно было случиться. Студенчество стало раздѣляться на три рѣзко обособленные другъ отъ друга слоя: оппозиціонно настроенная часть, элементы безразличные и, наконецъ, ярые приверженцы престола. До начала нынѣшняго учебнаго года послѣдніе время отъ времени давали о себѣ знать различными, вполнѣ ихъ достойными, поступками, какъ напр., доносами. Но, сравнительно недавно, отдѣльныя единицы сихъ „приверженцевъ престола“ объединились и сразу выступили съ печатнымъ уставомъ подъ именемъ корпорація „Трудъ и Надежда“, состоящей изъ студентовъ технологическаго института. Уставъ этотъ, утвержденный мин. нар. просвѣщ. на основаніи высочайшаго повелѣнія, представляетъ собою интересный документъ. Изъ него мы видимъ, что назначеніе корпораціи содѣйствовать развитію здраваго товарищескаго общенія и упроченія дружескихъ связей между ея членами на началахъ укрѣпленія въ нихъ любви къ наукѣ, уваженія къ законности, духа порядочности и честнаго образа мыслей... Объединяясь въ стремленіи подготовить себя умственно и нравственно къ полезной для отечества дѣятельности, члены корпораціи никоимъ образомъ не преслѣдуютъ политическихъ цѣлей... Въ корпораціи безусловно не допускаются разговоры противоправительственнаго характера... Почетнымъ членомъ кассы взаимпомощи корпораціи можетъ быть всякое частное лицо, внесшее не менѣе ста рублей... кромѣ лицъ, по суду подвергнувшихся лишенію или ограниченію правъ“.

Появленіе подобной корпораціи среди студенчества въ то время, „когда озвѣрѣвшее самодержавіе казнитъ сотни честныхъ борцовъ, когда Сибирь переполняется лучшими людьми Россіи, когда избиваютъ беззащитныхъ узниковъ, когда разстрѣливаются на улицахъ цѣлыя толпы народа, когда стонъ стоитъ отъ нагаекъ и насилій, [1]“ появленіе такой корпораціи, такого организованнаго правительственнаго агента въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія встрѣтило должный отпоръ среди лучшихъ слоевъ студенчества. Отлично поняли свое положеніе и господа корпоранты, такъ тѣсно сомкнувшіеся вмѣстѣ, такъ „корпоративно“ обставившіе свои дѣла, что до сихъ поръ не удается составить полнаго списка всѣхъ членовъ, число которыхъ достигло 44. Глухая, неорганизованная борьба, выражавшаяся, главнымъ образомъ, въ бойкотѣ, доходившая до „членовредительства“, начала принимать болѣе или менѣе оформленный характеръ. На вечеринкѣ 20 октября, устроенной кружкомъ студентовъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ этимъ „зловоннымъ наростомъ на студенчествѣ“. Къ какому-либо опредѣленному рѣшенію не пришли. Этотъ же вопросъ былъ поднятъ и на студенческомъ балу, въ общественномъ собраніи, въ день университетскаго праздника 22 октября. По традиціи въ этотъ вечеръ, въ то время, когда вверху веселится весь мѣстный бо-мондъ, сотни студентовъ стекаются внизъ, въ буфетъ, чтобы тамъ обсудить наиболѣе существенные вопросы своей внутренней жизни. И здѣсь, конечно, былъ прежде всего поднятъ вопросъ о мѣрахъ борьбы съ корпораціей. Изъ ряда мнѣній, высказанныхъ ораторами, выяснилось, что вести такого рода борьбу — это значитъ размѣниваться на мелкую монету, что борьба нужна, но не съ этой пресловутой корпораціей, а съ тѣмъ строемъ, который можетъ являться почвой, благопріятствующей появленію такихъ корпорацій. Дальнѣйшіе дебаты выяснили, что къ такой борьбѣ и должно немедленно приступить студенчество, что это не есть борьба за академическую свободу, это борьба за свободу всего русскаго народа, за свободу политическую. Самостоятельно вести эту борьбу студенчество не можетъ и не должно. Его мѣсто подъ краснымъ знаменемъ пролетаріата, руководимаго Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіей. Такое резюме всѣхъ дебатовъ было восторженно встрѣчено всѣми собравшимися. Этотъ обмѣнъ мнѣній въ присутствіи значительнаго числа посторонней публики, среди которой было не мало переодѣтой полиціи и шпіоновъ, имѣлъ надлежащія послѣдствія. Въ ближайшіе дни арестовано было среди студенчества 28 человѣкъ, большая часть которыхъ такъ или иначе проявила себя на этихъ двухъ вечерахъ. Аресты эти вызвали среди студенчества значительное броженіе, которое и вылилось въ плохо съорганизованную демонстрацію въ театрѣ вечеромъ 27 числа. Шла „Прекрасная Елена“. Театръ былъ переполненъ, студентовъ собралось болѣе 300 человѣкъ. Передъ началомъ второго акта въ одной изъ ложъ, переполненныхъ студентами, кто то громко сказалъ: „Господа! мы пришли сюда не любоваться „Прекрасной Еленой“, а заявить свой протестъ по поводу несправедливыхъ арестовъ нашихъ товарищей“. Слова эти были встрѣчены громкимъ „ура“, однимъ-двумя слабыми возгласами „долой самодержавіе“ и одновременно въ партеръ посыпалась масса бумажекъ, изданныхъ на гектографѣ студентами съ тѣмъ же приблизительно содержаніемъ, что и рѣчь оратора съ добавленіемъ въ концѣ „долой самодержавіе“. Смолкли сразу уже замкнутые въ ложахъ студенты, испугавшись, повидимому, собственной храбрости, замерли господа обыватели, вообще не владѣющіе какимъ-либо запасомъ храбрости. Начался второй актъ и прошелъ при гробовой тишинѣ. Лишь только опустился занавѣсъ, въ партеръ вошелъ полиціймейстеръ и объявилъ, что по распоряженію губернатора спектакль продолжаться не будетъ, и что публика должна немедленно очистить театръ. Перепуганные обыватели не посмѣли ослушаться полиціи и кинулись къ выходу. Глазамъ представилась величественная картина. Театральные корридоры заняты солдатами съ ружьями въ рукахъ, съ улицы весь театръ окруженъ тѣснымъ кольцомъ конныхъ казаковъ, [1]) въ театральномъ дворѣ — пожарная команда, на лицо также и весь штатъ мѣстной полиціи. Подъ ея натискомъ быстро опустѣлъ театръ, остались въ немъ лишь замкнутые въ ложахъ студенты и среди нихъ нѣсколько учащихся другихъ учебныхъ заведеній. Всѣ они, подъ усиленной охраной солдатъ, отведены были въ театральное фойэ и переписаны. Пока шла эта перепись, на улицѣ разыгрались казацкія нагайки и полицейскіе кулаки. Значительная часть зрителей уже разошлась, часть замѣшкалась въ розыскахъ своей одежды, а часть столпилась у театральнаго выхода, желая удовлетворить свое обывательское любопытство. Какъ вдругъ, послѣ одного-двухъ заявленій „разойдитесь!“, раздалась команда „въ нагайки!“ Казаки и полиція съ остервенѣніемъ бросились въ толпу — крики, стоны, бѣгство. Нагайки разошлись... бѣгущихъ преслѣдовали и продолжали бить и въ этихъ преслѣдованіяхъ казаки мчались далеко отъ театра и далеко кругомъ долгое время еще улицы оглашались криками и стонами избиваемыхъ обывателей. Среди пострадавшихъ много такихъ, которые не провинились даже въ томъ, что любовались „Прекрасной Еленой“, а имѣли лишь дерзость ходить по улицамъ, когда пошла гулять „самодержавная“ нагайка. До самого утра свирѣпствовали казаки по улицамъ Томска. Осадное положеніе города продолжалось еще нѣсколько дней.

Въ ожиданіи новыхъ буйствъ, денно и нощно разъѣзжали патрули, и за это время было нѣсколько случаевъ основательнаго избіенія отдѣльныхъ лицъ. Нѣсколько человѣкъ избиты такъ сильно, что нуждаются въ серьезной медицинской помощи. Двое отправлены въ больницу.

Переписанныхъ студентовъ почти до утра продержали въ фойэ, а затѣмъ нѣсколькими партіями препроводили по участкамъ и въ тюрьму. Всѣхъ арестованныхъ, говорятъ, до 20 ч., есть и частныя лица, которыя вздумали какъ-либо протестовать противъ разошедшейся нагайки.

На конспиративной сходкѣ, состоявшейся на завтра послѣ демонстраціи 27 числа, былъ поднятъ вопросъ о необходимости уличной демонстраціи, которая явилась бы должнымъ протестомъ противъ новыхъ арестовъ и звѣрской бойни. Собравшіеся признали, что само студенчество безсильно устроить такую демонстрацію, что слѣдуетъ обратиться за поддержкой къ мѣстному Соціальдемократическому Комитету. Большинство же находило, что прежде, чѣмъ устраивать политическую демонстрацію, необходимо съорганизоваться, почему должно немедленно просить комитетъ принять на себя руководящую роль въ дѣлѣ этой организаціи. На встрѣчу такому стремленію идетъ и мѣстный комитетъ, которымъ на дняхъ будетъ выпущено „письмо къ студенчеству“.

Взбудоражило все происшедшее и томскихъ гражданъ. Всюду слышится ропотъ на царящій произволъ, при которомъ ни для кого и нигдѣ нѣтъ гарантіи отъ „самодержавной“ нагайки. А нагайка дѣлаетъ свое дѣло, она воспитываетъ нашихъ [illegible] обывателей, она указываетъ многимъ изъ нихъ путь въ ряды оппозиціи.

Кіевъ. Профессорскій судъ подъ охраной полиціи. 17 ноября былъ назначенъ профессорскій судъ надъ 29 участниками сходки третьяго ноября. Отлично зная все „безпристрастіе“ и „независимость“ жандармско-профессорской коммиссіи, обвиняемые заранѣе рѣшились не давать передъ этимъ судомъ никакихъ показаній. Въ то же время воззванія отъ Комитета взаимной помощи пострадавшимъ студентамъ приглашали все студенчество явиться вечеромъ, ко времени суда, въ зданіе университета. И вотъ въ цѣляхъ „предупрежденія и пресѣченія“ съ трехъ часовъ дня университетъ былъ закрытъ. Съ шести часовъ вечера начали собираться студенты, но ихъ не пропускали ни на вечернія лекціи, ни въ лабораторіи. Весь университетъ былъ окруженъ толпами полиціи, конной и пѣшей. Судьи-профессора и подсудимые-студенты проходили сквозь шеренги полицейскихъ. Студентовъ, стоявшихъ вокругъ университета, полиція разгоняла, требуя, чтобы они не толпились на мѣстѣ, а „гуляли“. Публика разошлась лишь около половины десятаго вечера.

18 числа съ утра всѣ входы въ университетъ были заперты, и студентовъ впускали лишь по билетамъ. Но толпа человѣкъ въ полтораста взломала двери, и обратила въ бѣгство педелей и субъ-инспектора. Слушать лекціи студенты въ видѣ протеста отказались. Всѣ высыпали на площадь. Опять на сцену появилась полиція съ полиціймейстеромъ во главѣ. Пріѣхалъ и попечитель. Около полудня появились со стороны Караваевской казаки; они на рысяхъ въѣхали на троттуары и смяли нѣсколькихъ человѣкъ. Паника и возбужденіе были громадны. Часть студентовъ снова бросилась въ университетъ и взломала запертыя двери. Полиція пустилась было за ними, но въ университетъ не вошла. Въ концѣ концовъ полиціймейстеръ обѣщалъ казаковъ увести и всѣхъ арестованныхъ освободить. Студенты начали расходиться толпами. До самой Фундуклеевской стояло по троттуарамъ много народу и полиціи.

Одесса. Въ нашемъ университетѣ уже съ самаго начала академическаго года можно было замѣтить подъемъ настроенія студенчества. Кружки, организаціи, землячества растутъ, какъ грибы; въ то же время начинаетъ обнаруживаться рѣзкое дѣленіе студенчества на партіи: съ одной стороны, студенчество передовое, съ другой реакціонеры, антисемиты, націоналисты, „Священный союзъ“ и т. д. Сплошь и рядомъ на курсовыхъ сходкахъ произносятся агитаціонныя рѣчи политическаго характера одними, рѣчи антисемитскія, реакціонныя, проповѣдующія смиреніе — другими.

Вообще, благодаря тому, что за прошлый годъ затишья въ студенческомъ движеніи передовое студенчество успѣло значительно подкрѣпить свои силы организаціонной работой; благодаря массовому рабочему движенію, охватившему весь югъ (что, конечно, не можетъ безслѣдно пройти для настроенія студенчества) и, наконецъ, благодаря тому, что количество студентовъ сильно увеличилось за послѣдніе два года (съ 1000 до 1700 чел.), пульсъ студенческой жизни бьется живѣе, и настроеніе его таково, что достаточно даже пустячнаго повода, чтобы это настроеніе вырвалось наружу, какъ это и случилось 16 октября. Въ этотъ день состоялось открытіе драматическаго театра Сибирякова, который пожелалъ прислать студентамъ 150 билетовъ, вмѣсто обычныхъ 55. Этому воспротивился нашъ новый помпадуръ Нейдгардтъ, заявившій, что онъ, „стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ“, не можетъ допустить такого скопленія студентовъ въ театрѣ. Къ часу въ „курилкѣ“, гдѣ обыкновенно происходитъ распредѣленіе билетовъ, собралось около 400 студентовъ, которые и рѣшили освистать Нейдгардта у театра. Къ восьми часамъ вечера у театра собралось человѣкъ 200-250 студентовъ, въ ожиданіи Нейдгардта расположившихся двумя шпалерами у входа. Одинъ изъ приставовъ, угрожая силой разогнать толпу, просилъ разойтись; другой, объявляя себя другомъ студентовъ, „сочувствующимъ“, просилъ о томъ же. Но блюстители порядка встрѣчены были оглушительнымъ свистомъ. Такимъ же свистомъ и руганью было встрѣчено предложеніе появившагося сюда съ 20-ю контрамарками полиціймейстера. „Не надо намъ шпіонскихъ контрамарокъ! Долой!“ кричала толпа. Въ это время студенты узнаютъ, что Нейдгардтъ пробрался въ театръ боковой дверью. Раздается оглушительный свистъ по адресу Нейдгардта. Затѣмъ студенты съ пѣніемъ „Нагаечки“ и „Дубинушки“ направляются къ университету въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ городовыхъ и двухъ жандармовъ. Под- [illegible] что никто не будетъ арестованъ и студенты расходятся.

На слѣдующій день весь университетъ оживленно толковалъ о происшедшей демонстраціи. Всѣ говорили о необходимости собрать сходку для обсужденія инцидента, выражалось желаніе потолковать не общія темы. Въ субботу 18-го, по приглашенію союзнаго совѣта сошлось около 500 челов. на сходку. Сходка прошла очень оживленно. Говорились рѣчи, но къ сожалѣнію, благодаря не совсѣмъ удачному выбору предсѣдателя, все время разбирались вопросы частнаго характера: объ отношеніи къ инциденту съ градоначальникомъ Нейдгардтомъ, запретившимъ устройство вечеровъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ до Рождества, о кураторахъ и пр.

---

[1] Изъ прокламацій, выпущенной студенческимъ кружкомъ „Борьба за свободу“ въ сент.

[1] Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сюда переведена изъ Омска сотня конныхъ казаковъ.

товъ. А чѣмъ болѣе измѣнялось наше отношеніе къ народнической *теоріи*, тѣмъ болѣе шаткой становилась въ нашемъ мнѣніи и та, заимствованная у соціалистовъ-утопистовъ, основная мысль народнической *практики*, что *соціализмъ исключаетъ* „*политику*“. Политическая борьба съ правительствомъ, которую съ такой героической энергіей вели тогда народовольцы, начинала выступать передъ нами совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ она представлялась намъ во время распаденія общества „*Земля и Воля*“. Правда, мы и тогда ни на одну минуту не приближались къ той ... мечтѣ, что она могла бы окончиться непосредственной побѣдой соціализма: наше народническое прошлое и наши вновь пріобрѣтенныя свѣдѣнія по научному соціализму одинаково отдаляли насъ отъ этого. Но мысль о томъ, что Россія не минетъ фазы *капитализма* и что, вслѣдствіе этого, *промышленному пролетаріату* суждено стать главной силой революціоннаго движенія, становилась для насъ все болѣе вѣроятной, а потому мы тѣмъ яснѣе начинали сознавать, что *намъ необходима политическая свобода*. А это сознаніе, въ свою очередь, располагало насъ къ сближенію съ „народовольцами“. Мы совсѣмъ не были убѣждены въ томъ, что они побѣдятъ; напротивъ, мы хорошо видѣли, что за ними нѣтъ ни одной серьезной общественной силы, и потому ихъ пораженіе временами казалось намъ неизбѣжнымъ. Въ этомъ случаѣ я съ полною увѣренностью могу говорить опять таки только лично о себѣ. Но что касается меня, то я и въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, и на собраніяхъ русской колоніи въ Парижѣ, — гдѣ я жилъ въ то время, — не разъ высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что, „покончивъ“ съ Александромъ II, партія Народной Воли нанесла смертельный ударъ самой себѣ, и что на первое марта 1881 г. мы должны смотрѣть, какъ на начало конца „народовольства“.

Читатель удивится, вѣроятно, услыхавъ, что это убѣжденіе вскорѣ было подкрѣплено свидѣтельствомъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ — вѣрнѣе сказать, самаго вліятельнаго изъ народовольцевъ того времени, но это было въ самомъ дѣлѣ такъ.

Когда, весною 1882 года, пріѣхала заграницу Ек. Дм. Тихомирова, она безъ обиняковъ сообщила намъ, что „партія Народной Воли“ совершенно обезсилена, и что ея мужъ, — столь извѣстный Л. Тихомировъ, — окончательно разочаровался въ программѣ этой партіи. Самъ онъ, пріѣхавъ заграницу вслѣдъ за своей женой, высказался на этотъ счетъ несравненно сдержаннѣе: не даромъ онъ слылъ въ революціонныхъ кружкахъ большимъ „дипломатомъ“. Но мы сами были слишкомъ опытны въ революціонной „дипломатіи“ для того, чтобы не понять изъ его запутанныхъ фразъ, — обыкновенно сопровождавшихся частыми и продолжительными зѣвками, именно тамъ, гдѣ нужно было говорить рѣшительно и опредѣленно, — что дѣло народовольцевъ совсѣмъ проиграно[1]). Но въ виду этого мы сочли себя нравственно обязанными поддержать нашихъ бывшихъ товарищей, которыхъ мы привыкли цѣнить на общемъ дѣлѣ, которые были на голову разбиты ненавистнымъ намъ врагомъ и съ которымъ мы уже съ 1881 года не переставали поддерживать дружескія сношенія, помогая имъ всѣмъ, чѣмъ только мы могли тогда помочь. Кромѣ того, „партія Народной Воли“ пала не въ одинъ день, и въ довольно продолжительномъ процессѣ ея паденія бывали моменты подъема, въ которые совсѣмъ уже стыдно было бы сидѣть сложа руки, не поддерживая того движенія, которое при всѣхъ своихъ недостаткахъ было хорошо уже тѣмъ, что являлось единственнымъ въ то время энергичнымъ протестомъ противъ самодержавія. Въ добавокъ, у насъ возникла надежда придти къ соглашенію съ „народовольцами“ на почвѣ новой для насъ тогда и все болѣе увлекавшей насъ теоріи научнаго соціализма. Мы не упускали случая обратить вниманіе „народовольцевъ“ на ея преимущества, и хотя они, какъ и всѣ наши россійскіе „*люди дѣла*“, были довольно беззаботны на счетъ теорій, но самая ихъ беззаботность позволяла намъ ожидать, что они безъ большого труда отстанутъ отъ дурной привычки, усвоенной редакціей ихъ газеты „*Народная Воля*“, превозносить Дюринга на счетъ Маркса[1]). Какъ бы тамъ ни было, а наши взаимныя отношенія все болѣе и болѣе упрочивались. Еще въ 1881 г. я послалъ въ редакцію „*Народной Воли*“ рецензію на брошюру Драгоманова „Le tyrannicide en Russie“, вышедшую скоро послѣ смерти Александра II. Редакція не напечатала этой рецензіи, не желая, — какъ писала она мнѣ, — „поднимать полемику“, но благодарила за сочувственное отношеніе къ памяти дѣятелей 1 марта и приглашала къ дальнѣйшему сотрудничеству. А вскорѣ послѣ этого у Исполнительнаго Комитета явилась мысль издавать заграницей научно-революціонный журналъ. Редактированіе этого журнала Комитетъ поручалъ покойнымъ С. М. Кравчинскому и П. Л. Лаврову, причемъ совѣтовалъ имъ пригласить меня въ качествѣ третьяго редактора. С. М. Кравчинскій и П. Л. Лавровъ тотчасъ же послѣдовали этому совѣту, и такимъ образомъ я сталъ соредакторомъ „народовольческаго“ изданія. Но этому изданію еще не скоро пришлось выйти изъ состоянія проекта: дѣло затягивалось по многимъ причинамъ и пошло нѣсколько быстрѣе только послѣ пріѣзда заграницу въ 1882 году г. Тихомирова, бывшаго членомъ Исполнительнаго Комитета и редакціи „*Народной Воли*“. Да и г. Тихомирову, замѣнившему С. М. Кравчинскаго въ редакціи предполагавшагося изданія, удалось кое-какъ справиться съ препятствіями только къ лѣту 1883 года, когда мы общими силами взялись за составленіе первой книжки нашего журнала, получившаго названіе „*Вѣстника Народной Воли*“. У меня долго сохранялся въ бумагахъ написанный П. Л. Лавровымъ проектъ редакціоннаго устава: можетъ быть, онъ цѣлъ и до сихъ поръ; но искать его у меня нѣтъ теперь ни времени, ни охоты, ни надобности. Для меня важнѣе упомянуть здѣсь о *неписанномъ* уставѣ, выработанномъ мною вмѣстѣ съ г. Тихомировымъ и опредѣлявшемъ все направленіе будущаго изданія. Этотъ *неписанный* уставъ оказался необходимымъ потому, что когда мы ближе ознакомились съ тогдашними взглядами г. Тихомирова, мы увидѣли въ нихъ очень много такого, съ чѣмъ совершенно не могли примириться наши, уже окончательно сложившіяся тогда соціальдемократическія понятія. Я уже не говорю о томъ, что всякій разъ, когда заходила рѣчь о Марксѣ, г. Тихомировъ „съ ученымъ видомъ знатока“ изрекалъ сугубые пустяки. Но даже и въ вопросахъ практической политики намъ нельзя было подчасъ избѣжать очень непріятныхъ споровъ съ нимъ. По поводу происходившихъ тогда на югѣ Россіи анти-еврейскихъ безпорядковъ онъ разсуждалъ, какъ антисемитъ[1]). И хотя въ своемъ качествѣ „дипломата“, въ сущности совершенно равнодушнаго ко всему, что выходило за предѣлы узко-практическихъ нуждъ „партіи“, онъ довольно быстро покидалъ занятыя имъ идейныя позиціи, когда убѣждался, что высказываемыя имъ мысли непріятны тѣмъ, которыхъ онъ старался привлечь къ своему дѣлу, и хотя, вслѣдствіе этого, намъ скоро удалось заставить его высказывать *противоположный* взглядъ на значеніе еврейскихъ погромовъ, но насъ все-таки очень смущала царившая въ его головѣ невѣроятная путаница понятій. Не то, чтобы мы ни въ чемъ не сходились съ нимъ, нѣтъ, въ обширной области вопросовъ, волновавшихъ тогдашній русскій революціонный міръ, было не мало такихъ, на которыхъ мы встрѣчались дружелюбно, хотя и подходили къ нимъ съ разныхъ сторонъ. Къ ихъ числу принадлежалъ, напр., вопросъ о народничествѣ. Г. Тихомировъ не отказался отъ народническаго предразсудка на счетъ старыхъ „устоевъ“ крестьянскаго быта; но онъ по опыту зналъ, до какой степени несогласимо народничество съ революціонной постановкой политическихъ задачъ, и потому сильно не благоволилъ къ нему. Онъ не безъ удовольствія слушалъ наши насмѣшки надъ тогдашними теоретиками народничества и даже самъ выступилъ съ политической статьей противъ покойнаго Юзова. Эту статью онъ прочиталъ мнѣ и сдѣлалъ въ ней нѣсколько поправокъ согласно моимъ указаніямъ. Еще болѣе охотно выслушивалъ онъ наши политическія сужденія. Его пріятно поражало, что сторонники марксовой теоріи, которая, по его мнѣнію, должна была внушать „квіетизмъ“, держались самыхъ крайнихъ политическихъ взглядовъ. „Да вы — настоящій народоволецъ!“ не разъ говорилъ онъ мнѣ, а это было у него тогда самой высокой похвалой.

Что насъ не могло вводить въ заблужденіе подобное единомысліе, это читатель сейчасъ увидитъ самъ изъ слѣдующаго характернаго факта. Лѣтомъ 1882 г. я и В. И. Засуличъ посовѣтовали г. Тихомирову, какъ одному изъ представителей Испол-

---

[1] Впослѣдствіи, именно въ брошюрѣ: „*Почему я пересталъ быть революціонеромъ*“, г. Тихомировъ признавался, что въ то время, о которомъ я теперь говорю, онъ уже считалъ свою партію *трупомъ*.

[1] — Скажите, почему вы хвалите Дюринга и порицаете Маркса — спросилъ я весною 1882 г. одного изъ самыхъ видныхъ членовъ Исполнительнаго Комитета. — Неужели вы не видите, что Марксъ гораздо основательнѣе Дюринга? — Мы, собственно говоря, ничего не имѣемъ противъ Маркса, возразилъ мой собесѣдникъ, но мы думаемъ, что наша программа больше подходитъ къ ученію Дюринга. А вы какъ полагаете? — Я отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, имъ выгоднѣе держаться за Маркса: „Въ этомъ случаѣ вы сдѣлаете только одну ошибку, именно при переходѣ отъ марксова ученія въ своей программѣ; а держась за Дюринга, вы будете ошибаться на каждомъ шагу, потому что онъ самъ цѣликомъ состоитъ изъ ошибокъ“.

[1] Такъ разсуждалъ не одинъ онъ. Въ № 39 „Искры“ мы привели яркій образчикъ мнѣній объ анти-еврейскихъ безпорядкахъ, высказывавшихся тогда газетою „*Народная Воля*“.

Приняты слѣдующія резолюціи: 1) Поручить ректору войти съ ходатайствомъ къ градоначальнику о разрѣшеніи вечеровъ до Рождества. 2) Поручить союзному совѣту выразить отъ имени студенческой сходки порицаніе тѣмъ профессорамъ, которые, высказавшись въ прошломъ году принципіально противъ кураторовъ, въ этимъ году приняли на себя кураторскія обязанности. 3) Въ виду того, что сходка не имѣла возможности войти въ обсужденіе общеполитическихъ вопросовъ, предложить союзному совѣту созвать въ ближайшемъ будущемъ вторую сходку для обсужденія этихъ вопросовъ.

Эпилогъ дѣла Золотовой. 6 ноября открылись засѣданія Екатеринодарскаго окружного суда по дѣлу о безпорядкахъ, вызванныхъ смертью Татьяны Золотовой, на ст. Тихорѣцкой. Засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ, согласно распоряженію министра юстиціи. Защита ходатайствовала объ отмѣнѣ этого распоряженія въ слѣдующей телеграммѣ къ министерству юстиціи:

„Глубокій интересъ и серьезное вниманіе, проявленные русскимъ обществомъ къ условіямъ, при которыхъ умерла Татьяна Золотова, вызвали необходимость въ производствѣ предварительнаго слѣдствія черезъ особо-командированнаго слѣдователя и опубликованіи слѣдственныхъ актовъ для всеобщаго свѣдѣнія. Защита по дѣлу Кондакова, Киселя и друг. обвиняемыхъ по 38 и 1621 ст., полагаетъ, что закрытіе дверей по настоящему дѣлу принципіально противорѣчитъ Правительственному обѣщанію изслѣдовать объективно и открыто всѣ обстоятельства, связанныя съ содержаніемъ подъ стражей и смертью Золотовой, и что оглашеніе слѣдствія Бурцева нравственно и логически обязываетъ судебное вѣдомство обезпечить обществу и подсудимымъ гласность настоящаго судебнаго разслѣдованія, тѣмъ болѣе, что факты, изслѣдованные Бурцевымъ, впервые подлежатъ провѣркѣ суда, поэтому защита ходатайствуетъ передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ объ отмѣнѣ распоряженія Вашего о закрытіи дверей засѣданія“.

Такъ какъ отвѣта отъ министра не послѣдовало, то двери суда такъ и остались закрытыми, а черезъ нѣкоторое время и сами защитники удалились изъ зала засѣданія, подавъ слѣдующее заявленіе:

„Въ Екатеринодарскій Окружной Судъ Защиты подсудимыхъ Кондакова и друг. обвиняемыхъ по 38 п. 1642 ст. Заявленіе.

Защита ходатайствовала передъ министромъ юстиціи объ открытіи дверей засѣданія, полагая, что въ настоящемъ процессѣ гласность неизбѣжна. Отвѣта на ходатайство защиты не послѣдовало. Защита просила пріобщить къ настоящему дѣлу предварительное слѣдствіе, произведенное Судебнымъ Слѣдователемъ Бурцевымъ и оглашенное съ Высочайшаго соизволенія для всеобщаго свѣдѣнія, — съ тѣмъ, чтобы пользоваться имъ, какъ матеріаломъ общеизвѣстнымъ и могущимъ имѣть существенное значеніе при разрѣшеніи вопросовъ мотивахъ о дѣяній, вмѣняемыхъ въ вину посудимымъ; — защитѣ было въ этомъ отказано. Защита просила разрѣшенія изслѣдовать, путемъ допроса вызванныхъ свидѣтелей, степень достовѣрности слуховъ, взволновавшихъ посудимыхъ и, — по утвержденію обвинительнаго акта, — побудившихъ ихъ швырять камнями въ домъ, гдѣ жилъ судебный слѣдователь Пуссевъ, и разрушить зданіе хуторского правленія; — опредѣленіемъ суда защитѣ предоставлено выяснять лишь слухи, не предлагая вопросовъ о фактахъ, въ основаніи этихъ слуховъ лежащихъ. — Защита находитъ, что дальнѣйшее ея пребываніе въ залѣ засѣданій безполезно и не соотвѣтствуетъ задачамъ, на нее по законамъ и совѣсти возложеннымъ, а потому имѣетъ честь заявить Суду о своемъ уходѣ изъ засѣданія, прося пріобщить настоящее заявленіе къ протоколу. Присяжные повѣренные Сталь. Куликовъ. Шидловскій. Бахчисарайцевъ. Беренштамъ. Городисскій. Помощники Пр. Пов. Исаченко. Ширскій. Мошинскій. Карякинъ“.

О дальнѣйшемъ нашъ корреспондентъ пишетъ:

„Подавъ это заявленіе, защитники демонстративно удалились. Благодаря уходу защиты, дѣло было скомкано и уже къ 12 часамъ 6 ноября допросъ свидѣтелей (которыхъ было до 30 человѣкъ) кончился безъ всякихъ особыхъ инцидентовъ. Температура сразу охладилась; предсѣдатель, растерявшійся самымъ позорнымъ образомъ подъ натискомъ защиты, послѣ ухода овладѣлъ собою и оказывалъ сильное давленіе на допросъ свидѣтелей. Но ничего, компрометирующаго рабочихъ, которые обвинялись въ разгромѣ полиціи, выжать было невозможно. Троихъ пришлось оправдать, остальные приговорены къ аресту на одинъ мѣсяцъ. Злые языки говорятъ, что столь мягкіе приговоры вынесены на зло защитѣ, чтобы показать обществу, будто защита въ этомъ дѣлѣ была совершенно излишня. Однако, защита доказала, что правительство, всетаки, что то скрываетъ по дѣлу Золотовой отъ общества. Злые языки приписываютъ даже предсѣдателю Ифлянду такую фразу: „Защита ушла, но за то мы выгородили министра юстиціи и палату!“ Что можетъ означать подобное заявленіе, — остается загадкой. Можно констатировать одно. Опубликованіе правительствомъ слѣдствія Бурцева (по дѣлу Т. Золотовой) очень многихъ (и юристовъ) не удовлетворило. Странно заявленіе „Новостей“, кокетничающихъ съ министерствомъ юстиціи по этому поводу и высказывающихъ надежду, что правительство, довольное успѣхомъ Бурцевскаго слѣдствія, которое по словамъ газеты „удовлетворило всѣхъ“(!!), опубликуетъ матеріалы по Кишин. дѣлу. Не видѣть, вамъ господа, этихъ матеріаловъ, какъ своихъ ушей, и Мин. Юст. Вы напрасно похвалили! Если оно все уже выяснило по д. Золотовой, то почему оно не удовлетворило ходатайства объ открытіи дверей по Тихорѣцкому дѣлу? Почему закрыты двери по второму дѣлу, начавшемуся 15 ноября въ Екатеринодарѣ и также связанному со смертью Золотовой (по обвиненію Бганцева и др. по 343 ст. Уложенія — казаки отданные подъ судъ за слабый надзоръ за арестованной Золотовой, что повело къ ея самоубійству), — вѣдь оно уже совсѣмъ не имѣетъ „рабочаго“ характера. Объясненіе просто. При провѣркѣ ловко подтасованныхъ данныхъ Бурцева на судебномъ слѣдствіи многое было бы защитой разрушено. Кончикъ завѣсы, скрывающей отъ насъ тайну ужасной смерти несчастной дѣвушки, могъ бы приподняться и тогда, о ужасъ! Всѣ увѣренія Мин. Юст. оказались бы лживыми! Начинай всю эту комедію наново! А въ производствѣ Бурцева масса серьезныхъ упущеній, много тенденціознаго, много сшитаго бѣлыми нитками. Разбору этого дѣла мы думали посвятить особую брошюру, и здѣсь говорить подробно не мѣсто. — Все интеллигентное общество въ Екатеринодарѣ и др. мѣстахъ отнеслось къ уходу защитниковъ очень сочувственно. Всѣ, въ томъ числѣ и подсудимые, понимаютъ, что иного выхода не было. Русскіе суды превратились въ жандармскій застѣнокъ, и уголовной защитѣ работать въ подобныхъ судахъ почти невозможно!

„Искра“ на скамьѣ подсудимыхъ. Одесской судебной Палатой дѣло участниковъ типографіи „Искры“ въ Кишиневѣ рѣшено ссылкой на поселеніе всѣхъ шести обвиняемыхъ — Л. Гольдмана, Маріи Гольдманъ, Элькинда, Корсунской, Шпаймана и Маріи Школьникъ. Послѣдніе двое — соц.-революціонеры, не имѣвшіе никакого отношенія къ нашей типографіи, что должно было быть совершенно ясно для жандармовъ. Осуждены они, очевидно, „для примѣра“. Рѣчь Гольдмана, помѣщенную въ № 156 „Посл. Изв.“, мы постараемся перепечатать въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ.

Всѣ подсудимые держались на судѣ очень мужественно. Привѣтъ новымъ искупительнымъ жертвамъ русскаго рабочаго движенія!

Таганрогъ. Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень удачной демонстраціи, устроенной Соц. Дем. Союзомъ горнозаводскихъ рабочихъ въ г. Таганрогѣ девятаго ноября. Мѣстный Комитетъ Союза ужъ издавна подготовлялъ демонстрацію, которую рѣшено было пріурочить къ годовщинѣ ростовской бойни прошлаго года. Рядъ массовыхъ сходокъ, устроенныхъ въ теченіе сентября и октября Комитетомъ, сильно повысилъ настроеніе рабочихъ и они сами настоятельно требовали открытаго празднованія скорбной годовщины. Листка съ призывомъ не было. До послѣдняго момента идея устройства манифестаціи хранилась въ строжайшей тайнѣ, и многіе рабочіе, приглашенные на Петровскую ул. (главная ул.) не знали, что собственно ожидаетъ ихъ. Полиція была захвачена совершенно врасплохъ. Ровно въ шесть час. 40 мин. вечера изъ толпы, собравшейся въ огромномъ количествѣ по обѣимъ сторонамъ Петровской ул., на тротуарахъ выдѣлилась группа рабочихъ съ руководителемъ во главѣ. Въ рукахъ у него былъ платокъ съ революціонными надписями и эмблемами. Онъ взмахнулъ платкомъ: раздался рѣзкій свистъ. Въ отвѣтъ на призывъ руководителя, представители отдѣльныхъ группъ манифестантовъ сильными свистами дали знать о началѣ демонстраціи своимъ сотоварищамъ, и моментально улица была запружена народомъ. Толпы гуляющей по случаю воскресенья публики ринулись за манифестантами. Общее число народа достигало четырехъ-пяти тысячъ человѣкъ. Ядро манифестантовъ составляло до 200 рабочихъ. Взвилось огромное красное знамя съ роскошно вышитымъ призывомъ: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ свобода!“ „Да здравствуетъ соціализмъ!“ „Да здравствуетъ восьми часовой рабочій день!“ и золотыми кистями по краямъ. На высокомъ древкѣ знамя гордо развѣвалось надъ многотысячной толпой на глазахъ безсильной полиціи. Одинъ околоточный надзиратель вздумалъ отнять у рабочихъ ихъ святыню, но жестоко ошибся. Какой то силачъ-рабочій схватилъ полисмена за бороду, потрясъ ею довольно внушительно и съ силой вытолкнулъ надзирателя изъ толпы. Произошло замѣшательство. Правда, свалка длилась не долго, но моментъ для предполагавшейся рѣчи былъ пропущенъ. Шествіе началось у Депальдовскаго переулка (по Петровской улицѣ) и, прерванное минутной стычкой съ полиціей, двинулось по направленію къ Итальянскому пер. Знамя опять взвилось и уже не опускалось до самаго конца демонстраціи. Революціонные возгласы: „Долой самодержавіе“ „Да здравствуетъ соціализмъ и свобода!“ неудержимымъ потокомъ неслись по главнымъ улицамъ Таганрога. „Чистая“ публика, въ первый моментъ устремившаяся за рабочими, стала разбѣгаться въ паническомъ ужасѣ. „Бунтъ! Бунтъ!“ раздалось повсюду. Съ оглушительнымъ трескомъ запираются магазины и ставни домовъ. Предатель Синицынъ (выдавшій потомъ массу народа), вертѣвшійся тутъ же, поспѣшно скрылся, опасаясь чего нибудь недобраго для себя. Рабочіе продолжаютъ торжественное шествіе со стройнымъ пѣніемъ „Марсельезы“ „Эй, буржуазія! просыпайся!“ раздаются крики у богатыхъ домовъ мѣстной знати, поспѣшно запиравшей ставни своихъ жилищъ. Одному изъ мѣстныхъ буржуа, особенно ненавидимыхъ рабочими, пивовару Гершановскому, посчастливилось. Малосознательная часть рабочихъ выбила въ его лавкѣ большое стекло. За это болѣе развитые изъ манифестантовъ стали порицать разгорячившихся товарищей: „Буржуазія хочетъ сама превратить нашу политическую демонстрацію въ буйство и простой погромъ, но мы не допустимъ этого!“ — кричали они. За Марсельезой стали пѣть въ честь погибшихъ 11 ноября 1902 года ростовцевъ: „Вы жертвою пали...“ Воодушевленіе росло все больше. Двинулись къ театру, гдѣ въ ожиданіи спектакля скопилась масса народу. А полиціи и казаковъ все не видно. У гостиницы Камбарухи шествіе раздѣлилось на двѣ партіи. Одна остановилась у театра, другая пошла дальше. У театра стоять было невозможно. Здѣсь оказалась сосредоточенной полиція. Нѣсколько человѣкъ вскочили въ театръ, но выйдти уже не могли: полиція ихъ заперла и арестовала. Между тѣмъ, обѣ группы манифестантовъ опять соединились и направились, минуя Ярмарочный пер., къ памятнику Петра, съ пѣніемъ „Варшавянки.“ Знамя все продолжало колыхаться надъ восторженною массою, маня ее къ великому будущему, къ революціи. Наконецъ, у памятника раздалась команда: „остановитесь! Берите оратора на плечи!“. Впервые на улицахъ Таганрога раздавалась свободная страстная рѣчь революціонера оратора, поднятаго толпою на руки. Рѣчь вызвала цѣлую бурю революціонныхъ кликовъ, и возбужденіе достигло крайняго предѣла. „Къ тюрьмѣ! Къ тюрьмѣ!“ призывали наиболѣе горячія головы. Но было уже поздно. Каждую минуту ждали аттаки казаковъ. Посторонняя публика стала расходиться. „Довольно, товарищи! По домамъ!“ И всѣ безпрекословно стали расходиться. Тутъ-то появилась на сцену полиція и казаки съ полиціймейстеромъ Джепаридзе во главѣ. Было половина восьмого. Демонстрація длилась три четверти часа, и растерявшейся полиціи не удалось арестовать или хотя бы намѣтить ни одного манифестанта. А крики: „Долой самодержавіе!“, словно издѣваясь надъ властями, оглашали весь городъ непрерывно. Въ первый моментъ была очень удачно разсыпана цѣлая кипа прокламацій Горнозаводскаго Союза: „Ко всѣмъ“ съ объясненіемъ смысла и цѣли демонстраціи девятаго ноября. Разбросано полторы тысячи. Примчались казаки. Стали хватать изъ толпы, стоявшей на тротуарахъ, всѣхъ лицъ, почему-либо не понравившихся полиціймейстеру и развозить ихъ по участкамъ. Такъ вымещалъ свою злобу Джепаридзе, не зная, гдѣ найти виновныхъ. Впечатлѣніе отъ демонстраціи великолѣпное. Настроеніе среди рабочихъ возбужденное. Въ демонстраціи принимали участіе рабочіе со всѣхъ Таганрогскихъ фабрикъ и заводовъ, главнымъ образомъ съ металлургическаго. Листковъ распространено масса. Распущено свыше полторы тысячи воззваній „Къ новобранцамъ“ изд. Союза. Распространена также одна тысяча воззваній Донского Комитета къ празднованію ростовской ноябрьской годовщины съ описаніемъ прошлогодней стачки. 26 октября кончился судъ надъ шахтерами, произведшими безпорядки на рудникахъ Краевскаго. Приговоры — не свыше четырехъ мѣс. тюрьмы. Изъ 24 подсудимыхъ огромное большинство оправдано.

На большомъ заводѣ одинъ рабочій заживо сгорѣлъ въ котлѣ.

Демонстраціи новобранцевъ на Кавказѣ. Четвертаго ноября въ мѣстечкѣ Чахотауры, Озургетскаго уѣзда, въ десять часовъ утра въ центрѣ мѣстечка собралось человѣкъ 80. (Всѣхъ вынимающихъ жребій было 250). Сначала пропѣли четыре куплета марсельезы и затѣмъ, поднявъ два красныхъ знамени, пустились по улицѣ. Достигнувъ конца, повернули. Толпа все увеличивалась. Спустя 15 минутъ демонстранты разошлись. Полиція скрылась. Только по окончаніи демонстраціи членъ воинскаго присутствія, помощникъ уѣзднаго начальника кн. Церетели, *ругалъ* стражниковъ за то, что они не сумѣли отнять „красное“

нительнаго Комитета за границей, познакомиться и сблизиться съ вожаками германской соціальдемократіи[1]. Мы не сомнѣвались въ томъ, что онъ охотно приметъ нашъ совѣтъ, такъ какъ сближеніе съ нѣмецкими соціальдемократами, очевидно, могло быть только выгоднымъ для „партіи Народной Воли“. Но оказалось, что мы ошиблись. Г. Тихомировъ отвѣтилъ намъ, что не находитъ нужнымъ сближаться съ „нѣмцами“, потому что... нынѣшній читатель ни за что не догадается — почему... потому что въ партіи, состоящей изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, навѣрное, много никуда не годнаго народа, и ни въ какія дѣловыя сношенія съ нею вступать невозможно. По его словамъ, съ „нѣмцами“ можно было бы „толковать“ только въ томъ случаѣ, если бы они согласились распустить свою нынѣшнюю партію и составить боевую организацію изъ нѣсколькихъ сотъ рѣшительныхъ, на все готовыхъ людей. Мы долго не могли придти въ себя отъ изумленія. Это былъ рѣдкій перлъ, своей величиной и своимъ яркимъ блескомъ отнюдь не уступавшій тому, которымъ мы любовались въ разговорѣ съ г. Тихомировымъ объ еврейскихъ погромахъ. Но менѣе крупные перлы его взглядовъ выступали чуть не ежедневно на божій свѣтъ по разнымъ болѣе мелкимъ поводамъ, и не нужно было большой проницательности, чтобы увидѣть, какъ далеки были наши тогдашніе взгляды отъ „народовольства“ г. Тихомирова. У меня явилось даже сильное сомнѣніе въ томъ, что я буду въ состояніи работать съ нимъ въ одномъ изданіи. Тогда я рѣшился объясниться съ нимъ на чистоту. Наше объясненіе состоялось въ присутствіи С. М. Кравчинскаго и привело къ совершенно неожиданнымъ для меня результатамъ. Когда я поставилъ г. Тихомирову на видъ, что я — убѣжденный соціальдемократъ и могъ бы, не насилуя себя, работать только въ соціальдемократическомъ журналѣ, онъ отвѣчалъ, что я, повидимому, ошибаюсь на его счетъ: что на самомъ дѣлѣ, онъ противъ соціальдемократіи ровно ничего не имѣетъ, но что русскіе революціонеры крайне предубѣждены противъ нея и отвернутся отъ насъ, если мы сразу объявимъ себя ея сторонниками. Онъ совѣтовалъ намъ сначала *подготовить* русскаго читателя къ усвоенію соціальдемократическихъ взглядовъ и только потомъ, когда это будетъ сдѣлано, выставлять передъ нимъ соціальдемократическую программу. Я хорошо зналъ тогдашняго читателя нашихъ революціонныхъ изданій и видѣлъ, что г. Тихомировъ ничего не преувеличивалъ, говоря объ его предубѣжденіи противъ соціальдемократіи: слово соціальдемократъ было тогда въ нашей революціонной средѣ обиднымъ, почти браннымъ словомъ.

Въ виду этого мы съ г. Тихомировымъ рѣшили, что нашъ будущій журналъ современемъ объявитъ себя соціальдемократическимъ, но сдѣлаетъ это лишь послѣ того, какъ ему удастся разсѣять анархическіе предразсудки нашей читающей публики. Я до сихъ поръ не понимаю, чѣмъ именно руководствовался г. Тихомировъ, дѣлая мнѣ эту огромную и совершенно неожиданную уступку: вѣроятно, тутъ на него повліяли одновременно и его „дипломатія“, и его равнодушіе къ теоріи, и его разочарованіе въ народовольческой программѣ, и его желаніе привлечь насъ къ своей „партіи“. Но чтобы тамъ ни повліяло, а договоръ былъ заключенъ, и въ результатѣ его явилась моя замѣтка о книгѣ Аристова „Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ“, написанная именно согласно съ планомъ постепеннаго подготовленія русскаго революціоннаго читателя къ воспріятію соціальдемократическихъ идей. Сравнивая Щапова съ Чернышевскимъ, я говорилъ въ ней, что первый относится ко второму, „какъ современный демократъ относится къ *соціальдемократу* (курсивъ въ подлинникѣ), и что, конечно, „наши симпатіи лежатъ на сторонѣ послѣдняго“. Далѣе, я напоминалъ слова Маркса о томъ, что соціальная революція 19-го вѣка можетъ черпать свою поэзію не въ прошломъ, а только въ будущемъ, и что она не можетъ начаться до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ суевѣрія прошлаго: это направлялось противъ народнической идеализаціи „устоевъ“. Я прибавлялъ къ этому, что пришла уже пора критической оцѣнки „всѣхъ элементовъ нашего народничества“ и что „между этими элементами взгляды Щапова на взаимныя отношенія народа и государства, на расколъ и общину — занимаютъ... очень видное мѣсто и уже по одному тому заслуживаютъ полнаго вниманія нашихъ соціалистическихъ писателей“. Я называлъ Чернышевскаго родоначальникомъ русской соціальдемократіи, а въ заключеніе говорилъ нашимъ революціонерамъ, что старыя формы народной жизни и народнаго міросозерцанія слишкомъ тѣсны для того, чтобы воплотить въ себя практику и теорію новаго движенія: „Укрѣпившись въ этомъ сознаніи, наша соціально-революціонная партія начнетъ третій, непредвидѣнный Щаповымъ періодъ „земскаго строенія“, равно далекій, какъ отъ земско-вѣчевого, такъ и отъ единодержавно-бюрократическаго „опыта“ — именно *періодъ соціально-демократическій*“.

Это было, кажется, ясно, пожалуй, даже слишкомъ ясно, для перваго раза; но мнѣ хотѣлось высказаться еще яснѣе, и я написалъ для первой же книжки *„Вѣстника Народной Воли“* статью *„Соціализмъ и политическая борьба“*, въ которой пошелъ еще дальше и критиковалъ самое „партію Народной Воли“. Моя критика отличалась значительной рѣзкостью; такъ, я утверждалъ, что названная партія *была самой революціонной, но за то и самой безпринципной изо всѣхъ существовавшихъ у насъ революціонныхъ партій*. Г. Тихомировъ морщился и усиленно зѣвалъ, уговаривая меня быть помягче, но соглашался на помѣщеніе въ первой же книжкѣ „Вѣстника Нар. Воли“ и статьи, и рецензіи. Съ своей стороны, П. Аксельродъ написалъ для той же книжки большую статью о соціализмѣ и мелкой буржуазіи, насквозь пропитанную духомъ марксизма. Словомъ, мы не полѣнились для перваго урока русскому читателю и могли только одобрять уступчивость г. Тихомирова. Но... человѣкъ предполагаетъ, а тайная полиція располагаетъ.

Однажды лѣтомъ 1883 года, я пошелъ проводить г. Тихомирова, заходившаго ко мнѣ по редакціоннымъ дѣламъ, какъ вдругъ мы столкнулись лицомъ къ лицу съ *Дегаевымъ*. Я зналъ его въ Петербургѣ, когда онъ былъ артиллерійскимъ офицеромъ и учился въ артиллерійской академіи. Въ то время, о которомъ у меня идетъ рѣчь, онъ считался арестованнымъ, и потому г. Тихомировъ не меньше меня удивился неожиданной встрѣчѣ съ нимъ въ Женевѣ. Дегаевъ казался смущеннымъ и торопливо заявилъ, что ему необходимо тотчасъ же переговорить съ г. Тихомировымъ. Я поспѣшилъ оставить ихъ вдвоемъ.

На другой день у насъ предстояло собраніе для переговоровъ съ г. Тихомировымъ о вступленіи нашей группы, — тогда еще не имѣвшей опредѣленнаго имени — въ „партію Народной Воли“. Когда онъ пришелъ на это собраніе, мы увидѣли, что онъ уже не тотъ, какимъ былъ въ послѣдніе мѣсяцы. Изъ его объясненій мы узнали, что „молодые товарищи въ Россіи“ очень недовольны его сближеніемъ съ нами, такъ какъ опасаются, что, благодаря ему, въ движеніи возьметъ верхъ нежелательное для нихъ вліяніе бывшихъ „чернопередѣльцевъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ намъ, что по уставу партіи мы можемъ быть приняты только по одиночкѣ и по выбору, а не цѣлой группой. Прежде онъ находилъ возможнымъ принять насъ именно, какъ группу. Когда мы напомнили ему объ этомъ, на него напала сильная зѣвота, и никакого толку мы отъ него не добились. Къ концу собранія намъ было совершенно ясно, что г. Тихомировъ рѣшилъ круто измѣнить свою политику въ отношеніи къ намъ. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого онъ въ разговорахъ съ нами рѣшительно высказывался *противъ* соціальдемократіи и не безъ краснорѣчія расписывалъ прелести воспѣтыхъ народниками крестьянскихъ „устоевъ“. Это было непріятно, но дѣлать было нечего. Я вышелъ изъ редакціи „Вѣстника Нар. Воли“. Мы выступили, какъ группа, назвавшаяся группой „Освобожденіе Труда“, и моя статья *„Соціализмъ и политическая борьба“* явилась въ видѣ отдѣльной брошюры послѣ того, какъ я дополнилъ ее и *значительно смягчилъ заключавшуюся въ ней критику „партіи Народной Воли“*. Рецензія же моя о книгѣ Аристова и статья П. Аксельрода остались въ „Вѣстникѣ“, какъ будто бы на память о той быстро минувшей порѣ, когда г. Тихомировъ собирался вмѣстѣ съ нами подготовлять русскаго читателя къ пониманію соціальной демократіи.

Мнѣ остается прибавить только два слова. *Дегаевъ уже былъ тогда въ сношеніяхъ съ Судейкинымъ*, чего не подозрѣвали ни мы ни г. Тихомировъ. Стало быть *Дегаевская поѣздка заграницу для передачи г. Тихомирову мнѣнія „молодыхъ товарищей“ о сближеніи его съ нами не обошлось безъ участія Судейкина*. Думайте объ этомъ, что хотите, я же повторю: *человѣкъ предполагаетъ, а тайная полиція располагаетъ*.

Г. Плехановъ.

---

[1] Я нахожу неудобнымъ сообщать здѣсь, по какому именно частному поводу мы обратились къ нему съ этимъ совѣтомъ.

(произнести „знамя“ не посмѣлъ достославный князь!). На знаменахъ были обычныя революціонныя надписи. Впечатлѣніе отъ демонстраціи огромное: такъ, въ г. Озургетахъ, въ подражаніе чахотаурцамъ, не имѣя знамени (комитетъ не ставилъ цѣлью устроить демонстрацію въ этомъ городѣ), подняли красный платокъ и такъ продефилировали предъ полицейской командой, крича: „Долой царя! Долой военщину!“ и пр. Полиція не вмѣшалась. Въ м. Ланчхутахъ за поднятіе бѣлаго платка было арестовано восемь новобранцевъ.

Гурійскій Комитетъ.

Самодержавные самодуры не очнулись отъ ударовъ демонстрантовъ-новобранцевъ Озургетскаго уѣзда, какъ въ Батумѣ комитетъ сорганизовалъ удачную демонстрацію новобранцевъ, главнымъ образомъ Тифлисской губерніи и Кутаисскаго и Сенакскаго уѣздовъ (Батумъ — пересыльный пунктъ).

19 ноября, когда новобранцевъ — тысячи четыре — должны были отправить въ Россію и съ этой цѣлью ихъ вывели изъ пересыльнаго пункта, направляя къ пароходу маленькими группами, новобранцы, соединившись въ двухъ мѣстахъ (въ одномъ мѣстѣ — человѣкъ 500, въ другомъ — 2000), устроили демонстрацію. Подняли красное знамя съ надписью: „Долой военщину! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ республика“. Демонстранты кричали: „Долой царя! Да здравствуетъ народное управленіе! Возьмите въ солдаты, но знайте, что отъ насъ *вамъ* добра не будетъ и пр.“

Полиція, видя огромную, бушевавшую толпу, не посмѣла мѣшать: никто не былъ арестованъ.

Итакъ, примѣръ поданъ. И солдатская масса всколыхнулась. Желательно, чтобы примѣръ не остался безъ подражанія.

Выпущена къ новобранцамъ прокламація въ количествѣ 500 экземпляровъ.

Батумскій Комитетъ.

Клинцы — богатый фабричный посадъ — имѣютъ въ своемъ владѣніи большой общественный лѣсъ, считающійся собственностью всего посада. Мѣстные богатѣи, засѣдающіе въ думѣ (здѣсь дума по образцу городскихъ), еще года два тому назадъ продали изъ этого лѣса участокъ на сумму 30.000 руб. Эта продажа совершилась помимо воли Клинцовскихъ мѣщанъ (они-же фабричные рабочіе, ремесленники, извощики...), которые отъ этихъ денегъ никакой пользы не имѣли, такъ какъ городская управа растратила ихъ на затѣи, не имѣвшія никакого отношенія къ нуждамъ рабочаго населенія. Мѣщане-рабочіе тогда же зароптали. Ропотъ перешелъ въ протестъ, выразившійся тогда въ „хожденіи по мытарствамъ“. И пошли они писать прошенія и посылать ходоковъ-уполномоченныхъ по всевозможнымъ инстанціямъ до царицы включительно. Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты кончились тѣмъ, что ходоки были признаны „бунтовщиками“, и имъ же пришлось благодарить начальство за то, что оно смиловалось и не сослало ихъ туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ...

Убѣдившись въ своей полнѣйшей безнаказанности, городская управа снова продала участокъ лѣса, но теперь уже на 90.000 р. Рабочіе снова запротестовали, но на этотъ разъ уже не думали послать „ходоковъ“, а прямо заявили, что рубки лѣса не допустятъ. Новозыбковская соціальдемократическая революціонная группа рѣшила воспользоваться такимъ настроеніемъ рабочихъ и вмѣшалась въ это дѣло. Были выпущены 500 печатныхъ прокламацій „По поводу продажи Клинцовскаго городскаго лѣса“ и почти одновременно „Къ новозыбковскимъ и клинцовскимъ рабочимъ“ (1500 экз.) и отдѣльно „Къ клинцовскимъ рабочимъ“ (500 экз.). Кромѣ того — „Пауки и мухи“ въ кол. 3000 экзем., изъ которыхъ на Клинцы пришлось 1500.

Эти прокламаціи возымѣли свое дѣйствіе на массу, и, когда въ лѣсъ были посланы рубщики, всѣ рабочіе побросали работу на фабрикахъ и въ числѣ, какъ говорили, тысячъ до шести человѣкъ направились въ лѣсъ и прогнали оттуда всѣхъ рубщиковъ. Затѣмъ рабочіе расположились на полянѣ и обсуждали свое общее дѣло; говорили о дальнѣйшей борьбѣ, о вооруженномъ сопротивленіи... На сцену выступилъ рабочій день и заработная плата; толковали о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ, о красномъ знамени... Послѣ этихъ событій въ Клинцы было стянуто до 250 стражниковъ Новозыбковскаго и Суражскаго уѣздовъ.

Между прочимъ, прокламаціи распространялись каждыя двѣ недѣли, такъ какъ было рѣшено распространять ихъ не сразу въ цѣляхъ постояннаго воздѣйствія на болѣе индифферентную массу. Недѣли три тому назадъ около дома городского головы была устроена рабочими манифестація. Толпа была небольшая, всего человѣкъ 300, и стражникамъ легко удалось оттѣснить и разсѣять ее. Но вслѣдъ затѣмъ была устроена новая манифестація около того же дома, но уже болѣе грознаго характера. Участвовало до 3000 человѣкъ, которые заставили обратиться стражниковъ въ бѣгство.

1-го ноября къ соціальдемократической группѣ явились наиболѣе сознательные рабочіе и заявили, что Клинцовскіе рабочіе требуютъ еще прокламацій въ виду того, что со дня на день ждутъ войска и пріѣзда губернатора. Немедленно было отпечатано 500 прокламацій, изъ которыхъ многія были доставлены на домъ, а небольшая часть расклеена на главной улицѣ. Полицейскіе на слѣдующій день ходили изъ дому въ домъ съ требованіемъ отдать прокламаціи, но рабочіе не отдавали. Тамъ же, гдѣ были расклеены, собирались толпами и читали ихъ. Стражники старались шашками соскребывать „афишки“. Теперь въ Клинцы пришло войско 300 казаковъ и 300 пѣхоты. Губернаторъ также пріѣхалъ; труситъ онъ, видимо, изрядно. Изъ вагона онъ не выходилъ до тѣхъ поръ, пока вся публика не была разогнана съ платформы. До квартиры онъ ѣхалъ посреди шеренгъ стражниковъ и войска.

Только что увезли въ Новгородъ-Сѣверскъ десять арестованныхъ: ихъ сопровождаютъ 20 казаковъ.

Изъ Черниговской губ. намъ пишутъ: Въ м. Новой Басаки, Козелецкаго уѣзда крестьяне, испольщики мѣстнаго помѣщика г. Кочубея, дѣлали попытку бойкотировать его. Это взволновало все мѣстное населеніе: даже „батюшка“ съ церковнаго амвона касался событія, уговаривая крестьянъ бросить „худое дѣло.“ Года два тому назадъ крестьяне сдѣлали попытку убить того же помѣщика, взорвавъ домъ изъ подкопа. — Недавно въ Остерскомъ уѣздѣ былъ убитъ изъ ружья неизвѣстнымъ человѣкомъ, стрѣлявшимъ изъ сада, помѣщикъ Владимировъ. Помѣщикъ этотъ былъ чистокровный живодеръ и страшно эксплуатировалъ крестьянъ, которые ненавидѣли его и разъ уже покушались на его жизнь, но неудачно. Теперь судьба рѣшила иначе. Для разслѣдованія этого аграрнаго убійства выѣхали власти изъ Чернигова.

Бдительность чиновниковъ, замѣняющая народное богатство. Извѣстно, что — наряду съ искорененіемъ крамолы — безнедоимочное взысканіе всякихъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ составляетъ предметъ неусыпныхъ заботъ Россійскаго правительства. Кто не слыхалъ объ осеннихъ тріумфальныхъ шествіяхъ для взысканія податей по деревнямъ съ исправникомъ во главѣ и возомъ розогъ, въ качествѣ послѣдняго аргумента для упорныхъ неплательщиковъ, въ аррьергардѣ?

Но иногда, по крайней мѣрѣ для приличія, говорятся кое какія рѣчи о необходимости — все въ цѣляхъ той-же „безнедоимочности“ — устроить народное благосостояніе, бережно относиться ко взысканію податей въ неурожайные годы и пр. и пр. Между собою, однако, „съ глазу на глазъ“ агенты самодержавнаго правительства не считаютъ нужнымъ прибѣгать къ фиговому листку, прикрывающему ихъ срамоту. Въ этомъ смыслѣ интересенъ доставленный намъ документъ — донесеніе Астраханской казенной палаты Департаменту окладныхъ сборовъ о взысканіи податей за 1902 годъ. Краснорѣчиво описавъ всѣ бѣдствія, обрушившіяся на населеніе губерніи въ отчетномъ году и — по словамъ самого документа — „сильно подорвавшія благосостояніе его“: неурожай хлѣбовъ, овощей, фруктовъ, скотскій падежъ, плохой ловъ рыбы, невыдачу (въ виду новаго закона о рыбопромышленности) крупными фирмами задатковъ ловцамъ, большинство которыхъ, вслѣдствіе этого, „не можетъ не только обурудовать снаряженія, но даже и существовать“ и пр. и пр.; описавъ всѣ эти казни египетскія, документъ нашъ съ торжествомъ кончаетъ: „но не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, окладные сборы съ крестьянскаго населенія губерніи, благодаря бдительному наблюденію и солидарной дѣятельности г.г. податныхъ инспекторовъ и земскихъ начальниковъ, поступили почти безнедоимочно, и оставшіяся незначительныя недоимки казенныхъ и земскихъ сборовъ въ настоящее время пополнены“.

И такъ, волшебное средство открыто: пусть населеніе „не можетъ даже существовать“; достаточно „бдительнаго наблюденія и солидарной дѣятельности“ г.г. чиновниковъ и, разумѣется, (о чемъ документъ стыдливо умалчиваетъ) любезнаго содѣйствія г.г. исправниковъ, и ужъ „енъ достанетъ“!

Изъ дѣятельности новаго помпадура. Въ іюнѣ мѣс. Пермская губ. была осчастливлена пріѣздомъ новаго помпадура. Помпадуръ этотъ — Наумовъ былъ ранѣе правителемъ канцеляріи варшавскаго ген.-губ. и затѣмъ сибирскимъ вице-губернаторомъ. Вылетѣлъ онъ изъ стаи славныхъ орловъ ф.-Плеве и уже успѣлъ проявить себя поборникомъ сильной власти „предъ нами строго отвѣтственной“. Въ Пермскую губ. назначенъ г. Наумовъ со спеціальной цѣлью подтянуть возжи, распущенныя ген. Арсеньевымъ, какъ онъ самъ, между прочимъ, высказалъ одному изъ представлявшихся ему земскихъ начальниковъ. Подтягиваніе естественно начинается съ земства и третьяго элемента въ немъ. Въ своихъ рѣчахъ, — а г. Наумовъ большой любитель произносить рѣчи... по бумажкѣ, — новый помпадуръ высказалъ, что онъ смотритъ на земство, какъ на правительственное учрежденіе, что онъ не потерпитъ съ его стороны никакого противорѣчія, что онъ видитъ главную задачу земства въ проведеніи дорогъ, что онъ будетъ утверждать представителей „третьяго элемента“ лишь въ томъ случаѣ, если они по его свѣдѣніямъ окажутся исполняющими требованія правительства не только за страхъ, но и за совѣсть; для болѣе же полнаго приведенія земства къ одному знаменателю г. Наумовъ обѣщалъ, что съ новаго года въ Пермской губ. не будетъ выборныхъ предсѣдателей и членовъ управъ,—всѣ будутъ по назначенію правительства. Съ крестьянами новый помпадуръ строгъ, но милостивъ. Во время представленія ему одной крестьянской депутаціи, онъ заявилъ, что строгъ онъ къ себѣ, строгъ и къ земскимъ начальникамъ; пусть крестьяне знаютъ это и подчиняются всѣмъ строгостямъ земскихъ начальниковъ, которые будутъ проводить ихъ по его распоряженію и которые являются единственной существующей для нихъ — крестьянъ — властью. При проѣздѣ въ Пермскую губернію г. Наумовъ паломничалъ и молился на мѣстѣ убійства уфимскаго губернатора Богдановича. При посѣщеніи какого-либо города первый визитъ г. Наумовъ наноситъ соборной церкви, гдѣ слушаетъ обыкновенно молебенъ, лобызаетъ всѣ мѣстныя святыни и раздаетъ „народу“ картины и брошюры ген. Богдановича. При встрѣчахъ съ больными и калѣками онъ подаетъ совѣтъ ѣхать въ Сарово, гдѣ по его словамъ, силою и молитвою преп. Серафима получили уже исцѣленіе отъ своихъ недуговъ пять исправниковъ, семь земскихъ начальниковъ и безчисленное количество прочихъ чиновъ низшей уѣздной администраціи. Въ разговорахъ съ разнымъ служилымъ элементомъ г. Наумовъ любитъ употреблять и предпочитаетъ сердечное и отеческое — *ты* сухому и либеральному — *вы*. Такъ, напримѣръ, при представленіи ему одного земскаго врача, прослужившаго въ земствѣ болѣе 20 лѣтъ, г. Наумовъ заявилъ: „Я слышалъ, что ты былъ краснымъ. Ничего, я повытрясу изъ тебя эту красноту-то!“ Словомъ „самодержавіе, православіе и народность“ во всей красѣ!

Премія за Іудины услуги.

ПРИКАЗЪ.

По второму Гренадерскому Фанагорійскому Генералиссимуса кн. Суворова, нынѣ его Императорскаго Высочества Великаго Князя Дмитрія Павловича полку.

№ 286.

23 сентября сего года къ работавшимъ у Московскаго-Ярославскаго вокзала въ составѣ команды нижнихъ чиновъ 13 роты, къ рядовому Іосифу Фурманюку и барабанщику Баштовому подошелъ неизвѣстный имъ человѣкъ, впослѣдствіи оказавшійся крестьяниномъ Семеновымъ, который вступилъ съ ними сначала въ обычный разговоръ, а затѣмъ обратился къ нимъ съ крайне возмутительными противоправительственными рѣчами, причемъ началъ уговаривать этихъ нижнихъ чиновъ принять участіе въ дѣлахъ тайнаго общества, къ которому онъ, Семеновъ, принадлежитъ, но съ условіемъ, чтобы обо всемъ этомъ хранить строгую тайну. Тогда Фурманюкъ и Баштовой, понявъ на какое позорное дѣло для военнослужащихъ подговариваетъ ихъ этотъ человѣкъ, сочли своей обязанностью по долгу присяги, какъ ихъ учили въ ротѣ, задержать его, что немедленно и сдѣлали, передавъ его, при участіи своего старшаго въ командѣ унтеръ-офицера Левченко, жандармскому унтеръ-офицеру. За такое честное исполненіе своего долга службы, а также за прекращеніе преступной пропаганды при самомъ ея началѣ, — объявляю рядовымъ Фурманюку и Баштовому мое сердечное „спасибо“ и о поступкѣ ихъ считаю своей обязанностью довести до свѣдѣнія высшаго начальства.

13 октября 1903 г. городъ Ярославль.

Елизаветградъ. Во время грандіозной стачки, описанной въ свое время на страницахъ „Искры“, въ Елизаветградѣ произошло объединеніе двухъ мѣстныхъ организацій „Елизаветградскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.“ и „Елизаветградской группы Р. С.-Д. Р. П.“ Вслѣдъ за объединеніемъ была поставлена въ городѣ тайная типографія, которая стала выпускать листки отъ имени „Елизаветградскаго Комитета“. Этотъ крупный шагъ впередъ значительно повысилъ настроеніе всѣхъ близкихъ къ организаціи лицъ, усилилъ интенсивность работы.

Послѣ второго листка, выпущеннаго Комитетомъ, рѣшено было перевести типографію въ болѣе глухую мѣстность, для чего были снаряжены три человѣка на вокзалъ желѣзной дороги. Слишкомъ тяжелый багажъ навлекъ на нихъ подозрѣніе жандармеріи. При переноскѣ шестипудоваго чемодана со шрифтомъ, который еле несли двое, почти у самаго уже входа въ вагонъ, ихъ остановилъ жандармъ съ вопросомъ: „что въ чемоданѣ?“ Смутившись, они тутъ же выдали себя, да и трудно уже было увернуться. Тутъ же конфискована была и корзина, сданная въ багажъ, со всѣми принадлежностями типографіи и архивомъ нелегальной литературы, не особенно большихъ размѣровъ.

Взяты лица: — 1) Аронъ Кольчинскій, 23 лѣтъ, переплетчикъ и 2) Мотя Заславскій, наборщикъ, молодой парень 17 лѣтъ. Первый изъ нихъ совершенно случайно поѣхалъ помочь лишь внести чемоданъ въ вагонъ.

Третій товарищъ находился во время ихъ ареста на площадкѣ вагона, чтобы указать приготовленное для чемодана мѣсто, и услыхавъ указаніе носильщика, что „и третій съ ними“, успѣлъ скрыться. Это обстоятельство сильно взбѣсило жандармерію, которой пришлось убѣдиться, что главный то виновникъ улизнулъ изъ ея рукъ.

Можете себѣ представить удивленіе полиціи, когда на вторую недѣлю послѣ провала были распространены новыя прокламаціи къ заводскимъ рабочимъ.

При распространеніи провалился на заводѣ рабочій Подольскій съ прокламаціями въ карманѣ.

На дняхъ засѣдавшей въ Елизаветградѣ сессіей Одесской Судебной Палаты поднадзорный рабочій Харитонъ Соснюкъ за прошлогоднее распространеніе листковъ, приговоренъ къ *двумъ годамъ восьми мѣсяцамъ каторжныхъ работъ*. Этотъ во-истину драконовскій приговоръ вызвалъ сильное броженіе между всѣми рабочими, знавшими Соснюка лично, что послужитъ лишь на пользу движенію. Предъ приговоромъ прокуроръ предлагалъ Соснюку назвать лицо, давшее ему прокламаціи, за что обѣщалъ совершенно освободить его, но честный товарищъ предпочелъ участь каторжанина.

Количество арест. во время безпорядковъ значительно превышаетъ показанное въ легальныхъ газетахъ число 56, съ другой же стороны въ эту группу попали нѣкоторые политическіе, арестованные на дому по дѣламъ, не имѣющимъ ничего общаго со стачкой и „безпорядками“ на улицахъ города. Слѣдствіе по дѣлу о „безпорядкахъ“ ведетъ приставъ Падейскій. Будетъ составленъ обвинительный актъ. „Виновные“ будутъ преданы суду Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей: — Сибирь пополнится новыми жертвами всероссійскаго молоха.

Бывшій членъ Елизаветградской Организаціи.

Черниговъ. Сюда назначенъ новый директоръ гимназіи Марковъ, переведенный сюда изъ Полтавы. Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность, онъ держалъ гимназистамъ рѣчь, въ которой высказалъ требованіе, что гимназисты должны быть почтительны ко всѣмъ старшимъ, должны при встрѣчѣ кланяться представителямъ полиціи, ибо они защитники и покровители, и къ нимъ „мы прибѣгнемъ въ трудную минуту...“ Онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы ученики не выходили изъ квартиръ позже шести часовъ вечера, причемъ надзирателямъ приказано по очереди ходить по городу до 12-ти часовъ ночи, ловить гимназистовъ и доставлять ихъ прямо къ „генералу“, т. е. къ директору. Слѣдуетъ объяснить, что сей вольнопрактикующій жандармъ помѣшанъ на своемъ генеральскомъ чинѣ, и прямо потребовалъ, чтобы его называли ваше превосходительство. Теперь въ стѣнахъ гимназіи слова: ваше превосх., генералъ раздаются неумолчно.

Мѣстная архивная коммиссія увидала въ одной вновь возводимой постройкѣ въ усадьбѣ Собора нарушеніе правилъ объ охраненіи памятниковъ старины. Объ этомъ она написала бумагу архіерею. Староста Собора, онъ же управляющій Казенной Палатой, Рождественскій, сдѣлалъ за эту бумагу выговоръ своему чиновнику Добровольскому, онъ же секретарь архивной коммиссіи, указавъ при этомъ, что не хорошо быть шпіономъ... Добровольскій самый заурядный человѣкъ, при томъ же монархистъ и клерикалъ, обидѣлся за слово „шпіонъ“, написалъ Рождественскому какое-то (говорятъ, рѣзкое) письмо и вышелъ въ отставку. Господинъ Рождественскій, вчера порицавшій шпіонство, сегодня повезъ письмо Добровольскаго жанд. полковнику Рудову. Послѣдній, конечно, усмотрѣлъ въ письмѣ неблагонадежность, признавъ, что для россійскаго вѣрноподданнаго званіе шпіона не только не обидно, но даже лестно. Въ результатѣ Добровольскій, ужъ назначенный было директоромъ гимназіи на должность классного наставника, получилъ отказъ.

Ромны. (Полтавской губ.). Внутренняя работа идетъ... Всѣ мирные и пошлые обыватели города „почуяли“ перемѣну въ настроеніи молодежи, прислушиваются, возмущаются, давятъ эту молодежь въ угоду, „подтягивающему“ ее начальству. Начальство грозитъ родителямъ, родители дѣтямъ, и, какъ результатъ такого отношенія, четыре самоубійства (гимназистки и реалистовъ) и перемѣна директора въ реальномъ училищѣ.

Броженіе идетъ среди учащихся и рабочихъ (рабочихъ здѣсь до трехъ тысячъ, есть среди нихъ организованные). Появился новый типъ рабочаго „вѣжливаго“, „хорошо одѣтаго“, — прежде здѣсь такого не видѣли. Мимоходомъ всѣ здѣсь останавливаются, на нѣкоторое время, нѣсколько зеренъ бросятъ и уѣдутъ; въ прошлую зиму занимались здѣсь рабочіе-бундисты... не вынесли низкой заработной платы и уѣхали... „Да и скучно здѣсь имъ показалось“.

Такъ все шло тихо, мирно... Вдругъ разразилось битьемъ оконъ у учителей, директора и надзирателя. Учителя и надзиратель пользовались нелюбовью учениковъ за грубость обращенія и шпіонство. Одинъ изъ нихъ все язвительно толкуетъ о томъ, что замѣчается въ училищѣ „новое вѣяніе“, „духъ новый“, „все хотятъ перестроить“, „не удается [illegible] ищетъ среди учениковъ себѣ помощниковъ, хочетъ устроить общество для „борьбы“... но успѣхомъ его идея не пользуется. Инспекторъ призываетъ учениковъ и допрашиваетъ ихъ, жалуется имъ на свое положеніе, и въ отвѣтъ получаетъ глубокомысленное замѣчаніе допрашиваемаго, „да, Ваше дѣло дрянь“... а инспекторъ продолжаетъ съ ужасомъ говорить объ „организованномъ террорѣ“, о „тайныхъ обществахъ“, объ „агентахъ“... ученики слушаютъ, сочувствуютъ инспектору, тоже возмущены, но о тайномъ обществѣ, агентахъ, организованномъ террорѣ ничего не знаютъ. Сознательная часть учащихся недовольна битьемъ стеколъ, хотя не могла раскаэывать безъ улыбки и удовольствія о ловкости, съ которою все это было продѣлано. Были оторваны ставни, вырваны ручки у дверей, городовые слышали шумъ, но поймать виновниковъ не могли. Подозрѣваютъ даже, что все это сдѣлано было казаками,[1] подкупленными учениками. Все начальство страшно озлоблено. Директоръ передалъ это дѣло жандармеріи. Ищутъ, гдѣ, у кого были собранія, кричатъ о томъ, что нелегальная литература ходитъ по рукамъ... Что есть здѣсь общество... агенты... и т. д. и т. д. Все притихло, замерло и ждетъ.

Каждый день вводятся какія-нибудь стѣсняющія правила. Совѣтъ женской гимназіи рѣшилъ допускать въ восьмой классъ только съ четверками, *чтобы ограничить число поступающихъ на курсы.* — всѣ очень этимъ взволнованы и оскорблены...

М. В. Д.
Департ. Полиціи
По Особ. Отд.
26 іюня 1903 г.
№ 6842

Совершенно секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторамъ, градоначальникамъ
и оберъ-полиціймейстерамъ.

17 минувшаго іюня къ крестьянамъ деревни Кукалы, Дралевище и Дралевъ Гроецкаго уѣзда, Варш. губ., явился неизвѣстный человѣкъ и, назвавшись огородникомъ, нанялъ для работъ 22 человѣка крестьянъ обоего пола и, взявъ отъ нихъ 15 паспортовъ, выѣхалъ съ ними на трехъ подводахъ по направленію къ Варшавѣ. Не доѣзжая двухъ верстъ къ посаду Пдсегно, Варш. уѣзда, онъ, оставивъ на подводахъ нанятыхъ имъ людей, вмѣстѣ съ ихъ паспортами ушелъ въ ближайшій лѣсъ и болѣе къ нимъ не возвращался. Примѣты его слѣдующія...

Такимъ образомъ неизвѣстнымъ лицомъ похищены были паспорта, выданные войтомъ гмины Дралевъ, Гроецкаго уѣзда на имя слѣдующихъ лицъ деревни Кукалы: 1) Франца Буковскаго, безсрочная паспортная книжка отъ 17 іюня, 1903 г. за № 440. 2) Розаліи Лобода, тоже книжка за № 441. 3) Якова Гальбарчика, тоже книжка за № 444. 4) Антона Левковича, тоже кн. за № 445. 5) Юзефа Буковскаго, тоже кн. за № 451. 6) Игнатія Василевскаго съ дочерью Анной за № 456. 7) Якова Калецинскаго, желтый паспортъ за № 46 дер. Ярволевъ. 8) Софіи Буковской, безсрочная паспорти. кн. отъ іюня 1903 г. за № 453. 9) Агнешки Яронъ, тоже книжка за № 454. 10) Екатерины Жуковской, тоже кн. отъ 8 мая, 1903 г. за № 335. 11) Анны Скальской, тоже кн. отъ 1 марта, 1903 г. за № 169. 12) Шимони Возника, тоже кн. отъ 16 іюня, 1903 г. за № 372. 13) Вероники Лободы, желтый паспортъ отъ 1902 г. за № 15. 14) Якова Буровскаго, тоже паспортъ за № 28. 15) Малгожоты Конецъ, паспортъ, выданный войтомъ гмины Коноры, Гроецкаго уѣзда въ 1902 г. № неизвѣстенъ.

Принимая во вниманіе, что упомянутыми паспортами, по всѣмъ вѣроятіямъ, воспользуются нелегальныя лица, Деп. Пол., имѣя честь покорнѣйше просить Васъ, М. Г., сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи наблюденія за прибытіемъ во ввѣренную Вамъ губернію лицъ, имѣющихъ означенные паспорта и, по обнаруженіи ихъ, подвергнуть задержанію и принять мѣры къ установленію самоличности, увѣдомивъ о семъ Деп. Подписалъ: Дир. Деп. Лопухинъ. Скрѣпилъ: За зав. отд. Пѣшковъ. Вѣрно: Пом. Дѣлопр. Соргони.

---

[1] По просьбѣ дворянъ, прибылъ сюда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ полкъ казаковъ и былъ размѣщенъ въ городѣ и въ селахъ. Одинъ изъ офицеровъ пришелъ нанимать комнату, все просилъ уступить ему въ цѣнѣ. „Мы вѣдь пріѣхали защищать Васъ“, — и помахивая нагайкой, добавилъ — „испытанная“.

Въ другомъ циркулярѣ за № 9238 извѣщается о похищеніи изъ Сквирской (Кіевской губерніи) мѣщанской управы печати и 24 паспортныхъ бланковъ изъ которыхъ часть заполнена именами Хаи Ревисъ, Д. Ш. Червинскаго, К. Я. Новицкаго и I. А. Морозъ.

ЗАМѢТКИ ЖУРНАЛИСТА.

I.

Въ эти ненастные ноябрьскіе дни, когда самодержавная машина, работая полнымъ ходомъ, производитъ подсчетъ ею только что скошенной жатвѣ, послѣ недавнихъ событій на югѣ, когда тюрьмы полны и пусты страницы печати, свободная же рѣчь находитъ себѣ укромный пріютъ лишь на скамьѣ подсудимаго, передъ лицомъ россійской Ѳемиды, — издателю „Новаго Времени", г. Суворину, пришла въ голову мысль — говорить о веснѣ... „веснѣ русской жизни".

„Я старикъ, — писалъ онъ, — я много видѣлъ, ибо живу уже въ четвертое царствованіе. У меня длинный опытъ и этотъ опытъ говоритъ мнѣ ежедневно, что наступаетъ весна русской жизни..."

Старая сирена запѣла о свѣтѣ и теплѣ, о „творчествѣ сверху", о „правительственномъ починѣ въ приглашеніи земскихъ людей", о Стаховичѣ и Шиповѣ — „представителяхъ цѣлаго сословія". И хотя сирена значительно подалась противъ прежняго въ голосѣ, но она все еще разсчитывала на привычный эффектъ своей ласковой рѣчи, на обычный гипнозъ — податливой читательской массы. Она хотѣла сказать ложь и, противъ воли, выговорила правду.

Весна идетъ, и именно потому, что она идетъ, настоящая, подлинная, она такъ сильно дѣйствуетъ на аппаратъ самодержавія, заставляя его — въ интересахъ самообороны — напрягать свои послѣднія средства, истощать бюрократическую фантазію. Въ старомъ арсеналѣ не хватаетъ подходящаго оружія, чтобы парировать удары развивающейся жизни; каждый приходящій день несетъ свои задачи и заботы, а съ ними вмѣстѣ и новые варіанты въ систему правительственной политики. Г-нъ Суворинъ разсказалъ намъ занятную „сказку" про одинъ изъ возможныхъ „варіантовъ", и вотъ, изъ-за этой маленькой „сказки" выступаетъ огромная „весенняя" „быль" разгорающейся гражданской войны.

Зубодробительный кулакъ и кошачья ухватка; упразднительный проектъ и ловко, подъ рукою, пущенный слухъ о земскихъ „свѣдущихъ" людяхъ; полицейскій „соціализмъ" и полицейскій застѣнокъ; жандармы, вродѣ бар. Левендаля, организующіе погромъ съ благословенія Плеве, и юноши, отправляющіеся на каторгу — за расклейку прокламацій... Сегодняшніе господа положенія чинятъ судъ и расправу, какъ это было въ Таганрогѣ „по законамъ военнаго времени". Имъ дозволено все: и разбой среди дня, и гнусная ложь во спасеніе.

Царизмъ ищетъ путей — въ раздражающей обст[illegible]ановкѣ гражданской войны ему не до консерватизма пріе[illegible]овъ.

Но есть сфера, въ которой самодерж[illegible]авная власть — еще до недавняго времени — ощущала отн[illegible]осительное спокойствіе. Это — сфера огражденной цен[illegible]зурой „легальной" русской печати. Старыя средства [illegible]казались такими испытанными: фальсификація мнѣнія [illegible], неопредѣленно растяжимый, но рѣзко отграниченный кругъ того, что вѣдать надлежитъ, и того, что есть отъ лукаваго; другими словами — оффиціозно-рептильная пресса и система цензурныхъ запретовъ. Этотъ двойной винтъ такъ увѣренно и что дальше, то глубже, врѣзался въ живое тѣло русской печати.

Однако, одно изъ этихъ средствъ весьма скоро исчерпало себя: запретительному творчеству самодержавной бюрократіи былъ положенъ быстрый предѣлъ — *опустошеніемъ* литературы. Нечего разорять тамъ, гдѣ уже все разорено, и остались одни инвалиды. La où il n'y a rien, le roi perd ses droits — говоритъ французская пословица, — гдѣ ничего нѣтъ, тамъ и король теряетъ свое право.

Оглянитесь на послѣднія 5-6 лѣтъ — какая длинная вереница журнальныхъ и газетныхъ могилъ на кладбищѣ русской печати! Отъ полузаконныхъ и незаконныхъ дѣтищъ революціоннаго марксизма и до легковѣсныхъ и легкомысленныхъ созданій кн. Барятинскаго и г-на Амфитеатрова! Все это жертвы, принесенныя богу самодержавнаго порядка, закланныя даже безъ соблюденія тѣхъ обычныхъ обрядовыхъ формъ, которыя и на убійство накладываютъ штемпель „законности". Ну, а для того, чтобы управиться съ тѣми, кто остался въ живыхъ, достаточно было — время отъ времени — простой плетки циркулярныхъ велѣній — не касаться извѣстныхъ вопросовъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ общественное возбужденіе росло, а русская печать увядала, цензурные запреты становились все болѣе мелочными, все менѣе попадающими въ цѣль, и на первый планъ выдвигалась потребность власти — не отрицательно только, но и положительно воздѣйствовать, создавать себѣ общественное мнѣніе. Старое средство — фальсификаціи — пріобрѣтало новое значеніе, обновляло свои формы. Наступала эра развращенія печати par excellence: за неимѣніемъ Катковыхъ, усиленно разводились Булгарины! Откровенный консерватизмъ; безпардонная реакція были слишкомъ скомпрометтированы въ глазахъ массового читателя, того читателя, на уловленіе котораго и направлялись нарочитыя усилія. Мещерскій, Грингмутъ, Цертелевъ, Бодиско и прочіе, подобные имъ, годились развѣ для бесѣдъ со „своими" людьми, въ интимномъ салонѣ „избраннаго" общества, а не для широкихъ задачъ самодержавной агитаціи. Не даромъ „Гражданинъ" Мещерскаго хронически нуждался въ субсидіи, не даромъ столь плачевной оказалась судьба экс-катковскаго „Русскаго Вѣстника", и наоборотъ, преуспѣли „Петерб. Вѣдомости", лишь только кн. Эсперу Ухтомскому удачно вздумалось вспрыснуть застывшій консерватизмъ легкой струей свободомыслія. И еще болѣе знаменательный симптомъ: изъ рукъ „патріотовъ" ускользала газетная дешевка, — когда то популярный Комаровскій „Свѣтъ" медленно угасалъ, вытѣсняемый съ небосклона газетнаго мірка счастливой звѣздой свободнаго отъ какой бы то ни было односторонней опредѣленности, хорошо учитывающаго вѣянія времени г-на Проппера — „Биржевыя Вѣдомости" пріобрѣтали безпримѣрное распространеніе.

Что же было дѣлать русскому самодержавію? Отъ системы *огражденія* печати, какъ можно скорѣе переходить къ ея *регулированію*.

Консерватизмъ въ болѣе или менѣе безпримѣсномъ видѣ предоставлялся въ пользованіе „быдла" — народа; казалось, полуграмотный плебсъ еще можно кормить той залежалой пищей, которая была уже „негожа" для „чистой публики". Рядъ неудавшихся опытовъ (начиная съ половины 90-хъ годовъ) завершился, наконецъ, послѣдней весной, грандіозной попыткой повсемѣстнаго *принудительнаго* распространенія „Дружескихъ Рѣчей" князя Мещерскаго.

Консерватизмъ выдохшійся, безсильный самъ по себѣ, нуждался въ опорѣ извнѣ, въ какой нибудь острой приправѣ и онъ ее нашелъ... — между прочимъ — въ воинствующемъ *націонализмѣ*. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Величко былъ посланъ въ Тифлисъ, чтобы помощью газетки „Кавказъ" сшибать грузинъ съ армянами: подобно ему въ настоящее время и г. Крушеванъ выполняетъ деликатное — и хорошо оплаченное — порученіе г. Плеве — поднимать упавшія акціи самодержавія за счетъ избиваемыхъ евреевъ.

Но какъ ни любезенъ сердцу современнаго диктатора Россіи шалый редакторъ „Бессарабца" и „Знамени", центральный нервъ воспитательной дѣятельности русскаго правительства въ отношеніи къ печати все таки не здѣсь, не на этихъ задворкахъ, у профессіоналовъ національной травли.

Правительству необходимо вплотную подойти къ *массовому* читателю, а для того, чтобы это сдѣлать, надо овладѣть его — читателя — прессой, надо исподволь и незамѣтно подчинить ее правительственнымъ видамъ. Если эта пресса иногда позволяетъ себѣ вольность, либеральные аллюры, не бѣда: тѣмъ удобнѣе въ ней проводить контрабандой надлежащіе взгляды. Не даромъ съ давнихъ поръ повелось, что, когда русскому правительству желательно бросить въ публику то или другое „мнѣніе", оно прибѣгаетъ къ услугамъ не завѣдомыхъ „реакціонеровъ", а тѣхъ пестрыхъ людей на всѣ руки, которые засѣдаютъ въ шустрой суворинской газетѣ.

Органъ г. Суворина, безъ сомнѣнія, за долгій свой вѣкъ, изощрился въ нахожденіи того, что можно бы назвать равнодѣйствующей общественнаго настроенія. Онъ всегда былъ увѣренъ въ *своемъ* читателѣ, онъ зналъ, на какихъ струнахъ играть, чтобы произвести соотвѣтственное впечатлѣніе. Потому то онъ и былъ всегда неоцѣнимъ для власти — въ роли ея сокровеннаго рупора, потому эта власть и почтила его юбилей (два года назадъ) совершенно исключительнымъ вниманіемъ. Но работъ этой заслуженной рептиліи оказалось недостаточно къ моменту начинавшагося общественнаго подъема: задачи усложнились, старая рептилія повыдохлась. Необходима была новая метода. Съ легкой руки г. Соловьева — еще 6-7 лѣтъ тому назадъ — стали систематически предприниматься попытки введенія *своихъ* людей въ редакціонныя коллегіи. Устранить одного, посадить другого — стало почти заурядными явленіемъ въ практикѣ административнаго воздѣйствія. Эту практику на своихъ бокахъ испыталъ „Недѣльный" г. Гайдебуровъ, передъ ней въ свое время спасовалъ уже извѣстный намъ Пропперъ: издатель „Бирж. Вѣдомостей" принужденъ былъ разстаться со своей первой скрипкой г, Далинымъ и принять — „по рекомендаціи" — г. Іеронима Ясинскаго. И такимъ же героемъ съ печатью... рекомендаціи на челѣ является и вновь испеченный редакторъ „Петерб. Вѣд.", г. А. Столыпинъ: онъ былъ той дорогою *цѣной*, которой „Пет. Вѣдом." кн. Ухтомскаго оплатили возможность своего дальнѣйшаго существованія...

Самодержавная власть работаетъ во всю: она подкупаетъ по сходной цѣнѣ неудобныхъ для нея публицистовъ (такъ былъ, напримѣръ, обезвреженъ въ прошломъ году г. Шараповъ); она отряжаетъ въ редакціи своихъ ставленниковъ, она даже создаетъ радикальные органы съ спеціальною цѣлью — лучше прослѣдить (провокаторъ Гуровичъ) литературные нити и корни. Въ узкихъ рамкахъ подцензурнаго слова трудно казалось бы найти предѣлъ ея фальсифицирующему творчеству. Однако, и *этотъ* предѣлъ нашелся, и *это* творчество перестало достигать результатовъ — подъ дыханіемъ революціонной весны. Чѣмъ удачнѣе протекала работа правительства по прирученію печати, тѣмъ больше печать обезцвѣчивалась, тѣмъ быстрѣе возросталъ контрастъ между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что требуется. Революціонная жизнь, „нелегальная" борьба стучались во всѣ двери. Каждый день подымалъ новый рой самыхъ жгучихъ практическихъ вопросовъ. Вся читающая Россія говорила о томъ, о чемъ молчала наша бѣдная раба цензуры. И тѣмъ стремительнѣе перемѣщалось вниманіе читателя въ ту запретную область, гдѣ толкуютъ обо всемъ, гдѣ даются отвѣты, гдѣ живетъ свободная мысль. И когда мы видимъ теперь, что любой Васильсурскъ имѣетъ свою самодѣльную литературу и свои подпольные споры, то мы можемъ съ увѣренностью сказать: фальсификація умерла, оболганное слово нашло наконецъ свою Немезиду.

И съ тѣмъ вмѣстѣ, совершали свое вступленіе въ подцензурную печать „нелегальная" жизнь и „нелегальная" литература. „Нелегальщина", гонимая въ дверь, влетала въ окно: она освѣдала въ печати — сначала (въ 90-хъ годахъ) во образѣ рѣдкой гостьи, а затѣмъ все чаще и чаще — въ видѣ правительственныхъ сообщеній, замѣтокъ о процессахъ, полицейскихъ распоряженій, начальственнаго краснорѣчія. Она входила въ обиходъ печати и, наконецъ, заполнила собою ея общественную хронику: такъ, наиболѣе пикантныя обозрѣнія ежемѣсячныхъ журналовъ составляются почти сплошь изъ оффиціальныхъ перепечатокъ. Мало того, нелегальщина становилась стороною, у которой есть свои литературные выразители: и съ этими выразителями уже необходимо бороться, на нихъ нужно клеветать, ихъ надо во что бы то ни стало дискредитировать. Подъ вліяніемъ „весны" правительственная политика получала новый толчокъ въ своемъ развитіи: власть начинала полемизировать.

Выбравъ подходящій объектъ, „умѣреннаго" г. Струве, она заслала своихъ клевретовъ на газетное поле брани и, закулисный режиссеръ, руководилъ перомъ той доблестной тройки изъ гг. Буренина, Мещерскаго и Аркадія Столыпина, которая вдругъ, на дняхъ, къ удивленію огорошенной публики, обрушилась съ гикомъ и свистомъ на либеральнаго редактора „Освобожденія". И громъ, и молнія, и потоки льющейся грязи!

Что это? — Это все, читатель, та „весна русской жизни", о которой говорилъ намъ старый лжецъ Суворинъ. Ст.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тифлисъ. Новѣйшія средства противъ рабочаго движенія. Еще въ самый разгаръ всеобщей стачки на Кавказѣ правительство, не довольствуясь обычными способами воспособленія капиталу тюрьмами и нагайками, посылало на фабрики своихъ солдатъ работать вмѣсто забастовавшихъ. Далѣе, правительство стало популяризировать идею союза самодержавія съ капиталомъ въ большой публикѣ, среди обывателей, устроивъ передвижныя иллюстраціи, поясняющія эту идею. Въ продолженіи десяти дней въ Тифлисѣ (также было и въ Баку) ходила конка Анонимнаго общества, обслуживаемая вооруженными солдатами, взамѣнъ забастовавшихъ трамвайныхъ служащихъ.

Но правительство не остановилось на этомъ. Достигнувъ временнаго успѣха путемъ замѣщенія на время стачки рабочихъ солдатами, оно намѣрено упрочить такое положеніе.

„Управленіемъ жел. дор. въ силу высочайше утвержд. 20 авг. журнала „особаго совѣщанія для обсужденія мѣропріятій къ прекращенію преступныхъ покушеній на безопасность движенія по нашей рельсовой сѣти" преподаны мѣстному управленію указанія по осуществленію послѣдующихъ мѣропріятій, признанныхъ неотложными для Закав. жел. дор., а именно: 1) о введеніи въ составъ служащихъ на дорогахъ одного желѣзнодорожнаго батальона (въ 1.200 чел.), 2) о повышеніи окладовъ содержанія путевыхъ, переводныхъ, тоннельныхъ и мостовыхъ сторожей до 240 р. въ годъ при условіи замѣщенія этихъ должностей особо благонадежными семейными запасными нижними чинами, и увеличенія содержанія рядовымъ кондукторамъ до 48 (?) руб. въ годъ, съ цѣлью привлеченія на эти должности нижнихъ чиновъ запаса 3) объ освобожденіи нижнихъ чиновъ, состоящихъ на службѣ по дорогѣ отъ отбыванія учебныхъ сборовъ и т. д.". По своей привычкѣ умалчивать о весьма существенныхъ вещахъ и прикрываться самыми благими намѣреніями, правительство, опубликовавъ въ „Вѣстникѣ Закавказской желѣзной дороги" этотъ журналъ, забыло упомянуть о численности желѣзнодорожнаго батальона, во первыхъ, затѣмъ скрыло отъ общества размѣры ассигновки для постройки казарм. батальона, оборудованія ихъ и увеличенія содержанія служащимъ изъ запасныхъ чиновъ, для каковой цѣли отпущено къ 1 января 1904 г. (къ этому времени предположено осуществить „благое начинаніе) 2.000.000 р... Ежели „начинаніе окажется жизненнымъ и отвѣчающимъ своей цѣли", то предположено раскинуть охранную сѣть по всей линіи и за ея предѣлы. Видите-ли, товарищи, куда текутъ деньги, которыя высасываются изъ распухшаго отъ голода крестьянина и доходы отъ казенныхъ предпріятій, выколачиваемыхъ изъ рабочаго? Далѣе пропущено, что всю вышеупомянутую армію предполагается набрать изъ русскихъ. Этимъ мѣропріятіемъ прав. хочетъ отвлечь революціонное теченіе въ русло національной вражды, поиграть на низменныхъ инстинктахъ массы, незатронутой социальдемократической пропагандой единства всего пролетаріата внѣ зависимости отъ племени. Разжиганіе національныхъ страстей — послѣднее слово политики кишиневскаго правительства въ рабочемъ вопросѣ. Не такъ давно, во время всеобщей стачки темныя лица или, говоря просто, сыскныя крысы распространяли среди русскихъ рабочихъ вздорный слухъ, что туземцы работаютъ и подбиваютъ рабочихъ русскихъ къ забастовкѣ, чтобы скомпрометировать ихъ передъ администраціей мастерскихъ, а шпіоны изъ туземцевъ говорили, что русскіе работаютъ, а туземцевъ хотятъ уволить.

Какую же цѣль преслѣдуетъ правительство сформированіемъ желѣзнодорожнаго батальона и военныхъ сторожей? Отвѣтъ очевиденъ: рабочіе начинаютъ пробуждаться отъ сна, понимать, чьими руками завинчивается прессъ надъ ними, надо значитъ удалить ихъ и замѣстить болѣе покорными, бывшими рядовыми.

Достигнетъ ли такая комбинація цѣли? Не говоря уже о томъ, что эта мѣра не можетъ имѣть общаго характера, и что рядовой подъ штыкомъ и онъ же среди профессіональныхъ рабочихъ — далеко не одно и то же, мы должны напомнить о фактахъ, касающихся хотя бы одного только Тифлиса и подрывающихъ довѣріе къ этой мѣрѣ, какъ къ универсальному средству подавленія рабочаго движенія. 1 іюля въ числѣ демонстрантовъ было около 60 солдатъ, а что касается агитаціи среди тифлисскаго гарнизона, то о ней достаточно краснорѣчиво говорятъ нѣсколько коммиссій по разслѣдованію этого „прискорбнаго" для нашего правительства явленія и послѣдовавшіе затѣмъ циркуляры о мѣрахъ пресѣченія. Оказывается, что бацилла революціонная подтачиваетъ и этотъ устой, казавшійся незыблемымъ. А затѣмъ это мѣропріятіе вещь обоюдоострая. Вытѣсненные запасными рядовыми, лишенные заработка, озлобленные рабочіе оцѣнятъ по достоинству „благія начинанія" самодержавія, какъ оцѣнили ихъ высланные по деревнямъ въ 1901 г. батумскіе рабочіе, если не создавъ аграрнаго движенія на Кавказѣ то въ значительной степени расчистивъ почву для воспріятія крестьянами соціальдемократической идеи. Самодержавный механизмъ, построенный на началахъ самаго безстыднаго произвола, дряхлѣетъ и умираетъ самой позорной смертью. Чтобы найти себѣ друзей, самодержавіе пускается на подкупъ. Спокойное теченіе работы на своихъ промышленныхъ предпріятіяхъ оно уже считаетъ исключительнымъ явленіемъ и, опубликовавъ имена работавшихъ во время іюльской забастовки, награждаетъ ихъ, если не георгіевскими крестами пока, то повышеніемъ по службѣ, прибавкой жалованья и денежнымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ отъ 60 до 4 руб. (есть мзда за политическую невинность и предательство въ 13 руб. 20 к., 6 руб. 90 к., 4 руб. 80 к.: и тутъ по бюрократической привычкѣ, оно проводитъ ранги и степени). Чтобы не оставалось у товарищей сомнѣнія насчетъ вѣрности этого распоряженія, мы отошлемъ ихъ къ тому же „Вѣстнику Зак. жел. дор.", гдѣ они за № 367 отъ 17 сент. найдутъ циркуляръ начальника жел. дор. подъ заголовкомъ: „О назначеніи наградъ служащимъ на станціяхъ Баку. Тифлисъ, Михайлово и Батумѣ, явившимся, несмотря на угрозы стачечниковъ, на службу въ Баку съ 3—10 іюля, въ Тифлисѣ съ 14—20, въ Михайлово 14—16, въ Батумѣ съ 17—25". Затѣмъ идетъ перечень предателей, всего 188 человѣкъ, степень повышенія, число сребренниковъ, выданныхъ за предательство товарищей. Въ этомъ перечнѣ 53 стрѣлочника, 19 кондукторовъ, 23 телеграфиста, семь конторщиковъ, 3 помощника начальника станцій, остальные сцѣпщики, ламповщики, швейцары, практиканты и др. Въ другомъ циркулярѣ по станціи Баку отмѣчено 56 предателей: 22 машиниста, 4 кочегара, 6 сторожей, 15 слесарей, 3 чернораб. Наконецъ, въ послѣднемъ циркулярѣ отъ 23 сент., награжденныхъ 55 чел., преимущественно машинистовъ и кондукторовъ. Такимъ образомъ всего по всей дорогѣ зарегистровано 299 предателей, изъ которыхъ половина русскихъ, около 70 грузинъ, остальные преимущественно поляки и нѣмцы, есть армяне, татары и другіе. Чтобы понять отношеніе числа предателей (если бы ихъ было даже втрое больше 300) къ числу бастовавшихъ, скажемъ, что дорога имѣетъ въ однѣхъ тифлисскихъ мастерскихъ около 2.900 только рабочихъ. Далѣе сдѣлаемъ оговорку: въ перечень попалъ намъ извѣстный рабочій, ничего общаго съ предателями не имѣющій; очевидно увеличивался списокъ друзей, чтобы импонировать числомъ предателей. Намъ думается, что пора правительству награждать своихъ друзей изъ мелко плавающихъ по служебному морю георгіевскими крестиками и высочайшей благодарностью: ихъ немного.

Въ другомъ мѣстѣ образовавшуюся брешь въ бюрократическомъ механизмѣ правительство затыкаетъ такимъ циркуляромъ отъ 17 сент. (см. „Вѣстникъ Закавк. Дор."): „Замѣчено, что содержаніе служебныхъ депешъ становится извѣстнымъ не только служащимъ на линіи, но и совершенно частнымъ лицамъ (причемъ у этихъ лицъ оказывались даже копіи служебныхъ депешъ). Считаю необходимымъ напомнить о точномъ исполненіи правилъ § 34 № 140. Виновные въ несоблюденіи этихъ правилъ будутъ немедленно увольняемы. Сообщить служащимъ объ этомъ циркулярѣ подъ росписку. Нач. дор. Ивановичъ".

Чтобы закончить свою корреспонденцію, скажу о послѣднихъ извѣстіяхъ, идущихъ изъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Всѣ они рисуютъ тяжелое экономическое положеніе рабочихъ. Добившись въ прошломъ году 12-ти часовой нормы раб. дня (объ этой уступкѣ мѣстная печать много кричала, какъ о началѣ новой эры въ положеніи трудящихся), рабочіе скоро принуждены были къ сверхурочнымъ работамъ, и работа вмѣсто 6 кончалась въ 9 час. вечера. Но теперь администрація еще болѣе растягиваетъ рабочій день. „20-го числа, пишетъ рабочій, въ 9 час. веч. мы стали чистить свои инструменты, собираясь уйти. Входитъ въ токарный цехъ бригадиръ Трифоновъ и требуетъ, чтобы мы продолжали работу до 12 час. Мы отказались. Трифоновъ разразился площадною руганью, составилъ списокъ протестовавшихъ и полетѣлъ въ контору. Изъ нея онъ вернулся вмѣстѣ съ мастеромъ Блюмберомъ, который повторилъ требованіе бригадира, угрожая протестантамъ передать ихъ жандармамъ для отправки въ тюрьму. Большинство приступило къ работѣ".

Одесса. Послѣ болѣе чѣмъ трехмѣсячнаго промежутка получился, наконецъ, отвѣтъ министра на требованія, предъявленныя желѣзно-дорожными рабочими еще въ іюлѣ. Начальникъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ Стемпковскій, отчасти черезъ „депутатовъ", отчасти при посѣщеніи мастерскихъ, объявилъ рабочимъ по порученію Немѣшаева волю министра внутреннихъ дѣлъ. Министръ де по докладу о предъявленныхъ одесскими рабочими требованіяхъ заявилъ, что пока онъ — министръ, онъ и полчаса не уступитъ рабочимъ, вопросъ же о выдачѣ поденной платы заболѣвшимъ до выздоровленія еще не разсмотрѣнъ въ министерствѣ, а похоронная касса будетъ разрѣшена. Кригеръ подходилъ къ отдѣльнымъ рабочимъ и объяснялъ, что рабочаго дня не уменьшатъ до девяти часовъ, потому что требованіе девятичасового рабочаго дня — это лозунгъ западно-европейскаго соціализма.

Подчиняясь постановленію съѣзда, Одесскій Комитетъ пріостановилъ агитацію противъ принятія фабричныхъ старостъ и, разъяснивъ на многочисленныхъ собраніяхъ необходимость партійной дисциплины и единообразныхъ дѣйствій всей партіи по отношенію къ тѣмъ или другимъ фактамъ текущей жизни, предложилъ всѣмъ организованнымъ рабочимъ принять участіе въ выборахъ старостъ, гдѣ таковые состоятся. Рѣшеніе это вскорѣ было проведено въ жизнь, и сейчасъ же отъ массовыхъ рабочихъ поступили запросы о причинахъ измѣненія тактики Одесскаго Комитета. Одновременно съ этимъ, желѣзно-дорожное начальство рѣшило ввести старостъ во чтобы то ни стало, несмотря на сопротивленіе рабочихъ. Старосты въ большинствѣ случаевъ были назначены. Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ была устроена пародія на выборы: въ слесарную мастерскую явился завѣдующій Ѳедоровъ и заявилъ, что начальство требуетъ выбора старостъ; не встрѣтивъ, къ своему величайшему удивленію, прежняго протеста, Ѳедоровъ предложилъ выбрать честнаго рабочаго Гаянца, зная что провести какого-нибудь шпіона ему не удастся; всѣ молчали, — тогда онъ настойчиво спрашиваетъ: „Значитъ, Гаяица? кто за — пусть подыметъ руку“. Нѣкоторые подняли, къ неподнявшимъ Ѳедоровъ подходилъ и вторично опрашивалъ; рабочіе, боясь мести со стороны мастера, волей не волей, говорили „согласны“. Такимъ образомъ, Гаянцъ и попалъ въ старосты. Въ другихъ мастерскихъ, гдѣ, по мнѣнію начальства, мало сознательныхъ рабочихъ, назначались завѣдомые шпіоны. Такъ, въ старосты попали Кворовскій, Долгихъ и др. Назначеніе производилось спѣшно, чтобы не дать сознательнымъ рабочимъ повлiять на массу; причемъ послѣдняя была разбита на небольшія группы по 12-15 человѣкъ, и въ каждую изъ нихъ назначался староста, чтобы провести какъ можно больше шпіоновъ.

11 октября по распоряженію изъ Варшавы арестованъ рабочій Хмѣлевскій.

Въ мѣстныхъ каменоломняхъ агитація ведется уже давно, и среди каменоломовъ не мало уже сознательныхъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, условія работы позволяютъ рабочимъ собираться только изрѣдка — по воскресеньямъ; въ послѣднее время именно въ праздничные дни страшно усилили полицейскій надзоръ: между каменоломнями то и дѣло разъѣзжаютъ конные стражники. Недавно состоялось собраніе въ 30 человѣкъ, преимущественно изъ высшихъ рабочихъ слоевъ; большинство изъ нихъ находились подъ вліяніемъ соц.-дем., которые посылали къ нимъ своего агитатора и передавали литературу. Соц.-рев. на двухъ собраніяхъ увѣряли ихъ въ отсутствіи какой бы то ни было разницы между программами соц.-рев. и соц.-дем. Приглашенный на собраніе соц.-дем. выяснилъ эту разницу, послѣ чего собравшіеся единогласно постановили прекратить всякія сношенія съ соц.-рев. и войти въ комитетскую организацію.

Вышелъ листокъ (въ 6000 экземпляровъ) „Агитація противъ агитаціи“, чрезвычайно понравившійся рабочимъ. Потребовалось второе изданіе. Чувствуется крайній недостатокъ въ литературѣ.

Новороссійскъ. Нашъ губернаторъ Волковъ, чтобы показать, что у него въ губерніи все спокойно, пытается всѣми способами обойти рабочихъ и лживыми обѣщаніями отвлечь ихъ отъ активнаго проявленія своего недовольства. Такъ, напримѣръ, когда въ іюнѣ и іюлѣ весь югъ Россіи былъ охваченъ волной забастовокъ и громадныхъ демонстраціи, Волковъ прислалъ въ желѣзнодорожное депо пристава, который торжественно объявилъ рабочимъ отъ имени Волкова, что „всѣ недовольные и обиженные могутъ безъ всякаго страха идти къ губернатору съ жалобой или написать ему прошеніе. Если же рабочіе побоятся идти лично или подписывать свои фамиліи подъ прошеніемъ, то они могутъ подавать *анонимныя прошенія*, безъ подписей, которыя также будутъ немедленно разсмотрѣны губернаторомъ.“ Такое же обѣщаніе „отеческаго попеченія“ было высказано и передъ десяткомъ избранныхъ по указанію начальства „представителей“ рабочихъ отъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ.

Въ другой разъ тотъ же Волковъ высказался предъ кучкой мѣстныхъ купцовъ и заводчиковъ, что „въ настоящее время правительство интересуется очень рабочимъ вопросомъ, который-де, надо полагать, разрѣшится въ благопріятномъ смыслѣ (для кого?). Во всѣхъ этихъ стачкахъ и волненіяхъ есть доля законныхъ основаній и справедливыхъ жалобъ на свое положеніе. Поэтому онъ, губернаторъ, проситъ не раздражать рабочихъ и не вызывать среди нихъ крайняго недовольства.“ Такое явное заигрываніе съ рабочими и желаніе прослыть либераломъ не помѣшало Волкову проявить всю свою дикость и жестокость во время поѣздки по губерніи, гдѣ онъ послѣдними словами ругалъ и крестьянъ и сельское начальство, загналъ нѣсколько лошадей и вообще далекъ былъ отъ отеческаго попеченія. Какъ и слѣдовало ожидать, посулы рабочимъ оказались мыльнымъ пузыремъ, который лопнулъ тотчасъ же при прикосновеніи съ дѣйствительностью. Часть рабочихъ подала было прошеніе объ уменьшеніи рабочаго дня (работаютъ по 15-18 часовъ въ сутки), но, разумѣется, никакого результата такъ и не дождались. Другихъ же рабочихъ и вовсе не допустили предъ свѣтлыя очи. Его Прево- [illegible] закончилось новороссійское отеческое попеченіе, хорошей стороной котораго было то, что рабочіе убѣдились теперь, что помощи отъ начальства ждать нечего. Задуматься же надъ своимъ положеніемъ новороссійскимъ рабочимъ (желѣзнодорожныя мастерскія, депо, заводъ Маклерана и Фреймиста, мельница Асланиди и пр.) есть отъ чего. Заработная плата, благодаря затянувшемуся кризису, понижена до невозможности, въ особенности же въ жел.-дор. мастерскихъ, и рабочимъ приходится вести полуголодное существованіе. Смутное броженіе почти не прекращается. Требованіе на нелегальную литературу громадное, удовлетвореніе же его носитъ чисто случайный характеръ, такъ какъ до сихъ поръ здѣсь не имѣется правильной рабочей организаціи. Въ концѣ декабря жандармеріей былъ произведенъ рядъ обысковъ (около десяти), причемъ арестовано трое рабочихъ: Первушинъ, Кривошеинъ и Ерохинъ. У перваго изъ нихъ найдено нѣсколько прокламацій.

Маріуполь. Къ концу октября распространено въ городѣ 800 экземпляровъ „Пауки и Мухи“ и „Чего хотятъ соціальдемократы?“ При распространеніи арестованъ Зельманъ Яшиновъ съ 50 прокламаціями. Его схватилъ и предалъ въ руки полиціи невѣжественный извозчикъ-драгиль Грушковъ. Рабочіе усовѣщевали его: „вѣдь онъ для насъ же работаетъ!“ Но дикій изувѣръ-доброволецъ сдѣлалъ свое гнусное дѣло. Маріупольцы! Вы должны заклеймить этого подлаго человѣка, ставшаго добровольцемъ сыщикомъ! Отъ васъ зависитъ такъ устроить, чтобы выжить этого негодяя изъ Маріуполя! Провокаторъ Цѣханскій, выдавши массу рабочихъ, скрылся безслѣдно. Прокламація, разоблачавшая его, такъ озлобила рабочихъ, что негодяя чуть не убили. Порядки при требованіяхъ вознагражденія за увѣчье ужасные. Врачъ Медалье въ стачкѣ съ агентомъ страхового общества и уклоняется отъ выдачи удостовѣреній увѣчнымъ (на „Провидансѣ“). Несчастій безчисленное множество, — никакихъ мѣръ не принимается. Разсчитываютъ массу рабочихъ.

Юзовка. Полиція свирѣпствуетъ все сильнѣе. Ночью многихъ хватаютъ на улицѣ и обыскиваютъ. По прибытіи на станцію пассажировъ при выходѣ изъ вагона обыскиваютъ, въ поискахъ за ненавистными для полиціи прокламаціями. А листки все появляются. Въ началѣ ноября распространено двѣ тысячи „Чего мы требуемъ?“, къ которымъ приложены нѣсколько мѣстныхъ корреспонденцій, подъ общимъ заголовкомъ „Посл. извѣстія“. Настроеніе среди сознательной части рабочихъ великолѣпное.

Бѣлостокъ. Въ концѣ сентября была здѣсь стачка кожевниковъ, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Вслѣдъ за ними забастовали вскорѣ и ткачи. Имъ, пожалуй, тоже удалось бы добиться побѣды, такъ какъ нѣкоторые мелкіе фабриканты уже начали удовлетворять требованія своихъ рабочихъ. Но сейчасъ же было выписано изъ Вильны 50 новыхъ городовыхъ, облеченныхъ, понятно, неограниченной властью; по всѣмъ улицамъ и на всѣ фабрики были высланы патрули и т. д. Шестого ноября было собраніе ткачей, около 500 человѣкъ; было нѣсколько ораторовъ, одинъ изъ которыхъ, какъ разсказываютъ, очень хорошо говорилъ, такъ что многіе навзрыдъ плакали. Явилась полиція и велѣла всѣмъ разойтись; но рабочіе не обратили на нее вниманія и продолжали слушать ораторовъ. Тогда и. д. полиціймейстера *просилъ* всѣхъ разойтись; когда и просьба не была уважена, онъ самъ вынужденъ былъ удрать со своей свитой. На завтра арестовали до 70 рабочихъ и одного интеллигента (взятъ съ конки). Тогда рабочіе потребовали, чтобы освободили всѣхъ арестованныхъ; при этомъ условіи они обѣщали стать на работу. Выпустили почти всѣхъ, кромѣ пяти-шести. Продолжать забастовку не было никакой возможности по многимъ причинамъ. Но на многихъ фабрикахъ, особенно ручныхъ, требованія удовлетворены. На этой недѣлѣ началась стачка у пекарей, которые бастовали въ прошломъ году съ полнымъ успѣхомъ. Теперь они требуютъ восьмичасового рабочаго дня и полной отмѣны ночной работы. Нѣкоторые хозяева уже уступили; въ другихъ пекарняхъ забастовка еще продолжается.

Черниговъ. Въ мартѣ въ Черниговѣ была всеобщая стчка портныхъ (см. „Искра“ № 41), а въ августѣ мѣсяцѣ такая стачка произошла среди столяровъ. Это уже вторая стачка, въ которой участвуютъ всѣ рабочіе даннаго цеха. Какъ мѣняются времена! Давно ли нашъ древній Черниговъ, славный своими святыми, спалъ мертвымъ сномъ! Давно ли было то время, когда черниговскаго обывателя можно было только насмѣшить однимъ разсказомъ или даже однимъ намекомъ на то, что рабочіе требуютъ какихъ то „правовъ“, что они предъявляютъ какіе то культурные запросы?

Стачка продолжалась до двухъ недѣль; участвовало въ ней около 70 человѣкъ. И что особенно слѣдуетъ отмѣтить, что на этотъ разъ въ стачкѣ принимали участіе и русскіе рабочіе. Это въ первый разъ въ Черниговѣ русскіе рабочіе проявили товарищескую солидарность. Товарищи евреи особенно цѣнили это, и не смотря на то, что ихъ хозяева съ первыхъ же дней стачки соглашались уступить, они не принимались за работу до тѣхъ поръ, пока не достигли удовлетворенія своихъ требованій и русскіе товарищи. Требованія были очень скромныя: десяти — часовой рабочій день (431 ст. уст. о пром.) и введеніе разсчетныхъ книжекъ. Конечно, хозяева сейчасъ же обратились за помощью къ полиціи. Полиція арестовала троихъ „зачинщиковъ“, но это нисколько не охладило и не запугало участниковъ стачки. Они продолжали твердо стоять на своемъ, не смотря на необычайныя трудности — въ силу исключительн. мѣстныхъ условій — вести правильно-организованную борьбу. Городъ маленькій, жандармовъ и шпіоновъ вдоволь; мало-мальски подозрительные люди на виду; полиція всесильна. Полиціймейстеръ вызывалъ рабочихъ по одиночкѣ, и грозилъ чуть не смертной казнью. Все же хозяевамъ пришлось уступить: десятичас. раб. день былъ отвоеванъ. Правда, на разсчетныя книжки согласились не всѣ хозяева, но раб. не унываютъ и говорятъ: „Ладно, не сегодня, такъ завтра, а все таки и этого добьемся“. Сейчасъ же за столярами забастовали слесаря, требуя десятичасового рабочаго дня. Стачка продолжалась день или два: хозяева уступили рѣшительности и солидарности слесарей. Мы забыли упомянуть, что во время забастовки къ столярамъ была выпущена прокламація за подписью: „Революціонной соціалистической группы“. Подпись эта среди многихъ рабочихъ, привыкшихъ уже связывать дѣло своего класса съ именемъ соціальдемократіи, вызвала недоумѣніе...

По поводу событій въ Кіевѣ, Баку и др. городахъ, 15 августа въ Черниговѣ была распространена прокламація къ черниговскому либеральному обществу за подписью „Черн. Соц.-Дем. группы“.

Живыя цифры. „Число заявленныхъ фабричной инспекціей несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ 1902 г. было 27.135 (приблизительно 1% общаго числа рабочихъ въ Россіи)“. Таково число „*заявленныхъ*“ человѣческихъ жертвъ капиталистическаго хищничества. А сколько — *незаявленныхъ*?.. Никто не считалъ.

„Приблизительно 1% общаго числа рабочихъ въ Россіи“... Только одинъ процентъ. Станьте вечеромъ, при выходѣ рабочихъ, у заводскихъ воротъ. Отсчитайте сто человѣкъ, — одинъ изъ этой сотни неминуемо падетъ въ ближайшіе 12 мѣсяцевъ — искалѣченный или убитый — подъ ударомъ безличнаго врага. Такъ говоритъ оффиціальная статистика.

Убійства рабочихъ, совершаемыя царизмомъ во время уличныхъ сраженій, будятъ, по крайней мѣрѣ, тысячекратное эхо, волнуютъ умы. А въ это время за фабричными стѣнами тяжелый молотъ капитала сокрушаетъ человѣческіе черепа, груди, руки, ноги... десятки тысячъ... тихо, незамѣтно, увѣренно...

ИЗЪ ПАРТІИ.

КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ ПАРТІЙНЫХЪ ЗАДАЧАХЪ.

О пропагандѣ.

Года два-три тому назадъ среди товарищей господствовало мнѣніе, по которому устной пропагандѣ среди рабочихъ слѣдовало отвести самое незначительное мѣсто, въ ряду другихъ средствъ революціоннаго воспитанія пролетаріата. Многіе товарищи и до настоящаго времени держатся такого мнѣнія. Устная пропаганда, разсуждаютъ они, имѣетъ такъ мало успѣха, что совершенно не вознаграждаетъ затрачиваемый на нее трудъ и вовсе не оплачиваетъ тѣхъ жертвъ, которыя являются ея неизбѣжными послѣдствіями. А потому, признавая въ принципѣ необходимость устной пропаганды, ее волей-неволей приходится ставить на второй планъ, замѣняя ее, по возможности, распространеніемъ брошюрной литературы. „Жизнь“ сама уже позаботится отвѣтить на умственные запросы рабочаго соціальдемократа; сами собой будутъ пополняться рѣдѣющіе ряды сознательныхъ пропагандистовъ и агитаторовъ-рабочихъ. Яркая иллюстрація того, какъ часто въ своей революціонной работѣ мы идемъ по линіи наименьшаго сопротивленія, этотъ взглядъ на пропаганду представляетъ собою одно изъ многихъ явленій, сопровождавшихъ переходъ отъ кружковой пропаганды къ широкой массовой агитаціи. По слабости нашего движенія, мы, пріобрѣтая хорошее новое, не умѣемъ при этомъ удержать полезное старое. Подъ вліяніемъ роста движенія у насъ растетъ сознаніе новыхъ его задачъ, но мы не научились еще органически связывать ихъ съ прежде выдвинутыми задачами, часто столь же важными.

Но, по ироніи судьбы, товарищамъ, отрицавшимъ устную пропаганду, приходилось отдавать ей гораздо больше времени и посвящать ей гораздо больше вниманія, чѣмъ бы они сами хотѣли и какъ бы вытекало изъ ихъ отношенія къ ней. Организація рабочихъ, которая къ тому времени перехода къ агитаціи, — а въ значительной степени и до сихъ поръ, — не успѣла еще приспособиться къ требованіямъ массовой агитаціонной дѣятельности, поглощала всѣ труды и все вниманіе своихъ руководителей. Каждаго, мало-мальски „съагитированнаго“ рабочаго загоняли въ рамки профессіонально-цеховой организаціи, естественное назначеніе которой, какъ должно было казаться новообращенному, заключалось въ обслуживаніи всяческихъ его интересовъ, между прочимъ, и его пробудившейся жажды знаній. Вопросъ о пропагандѣ очень часто фигурировалъ въ спорахъ между „интеллигентами“ и рабочими и всегда являлся однимъ изъ поводовъ многочисленныхъ конфликтовъ между тѣми и другими.[1] Съ другой стороны, все больше и больше растетъ число интеллигентныхъ соціальдемократовъ, жаждущихъ найти для себя поле дѣятельности и предлагающихъ свои услуги организаціямъ. Не будучи объединены въ единую централизованную партію, которая одна сумѣла бы спеціализировать и утилизировать дѣятельность каждаго своего члена, организаціи смотрѣли на интеллигента-соціальдемократа какъ на прирожденнаго пропагандиста и спѣшили, если то позволяли другія условія, образовать для него кружекъ пропаганды.

Успѣхи поставленной такимъ образомъ пропаганды, разумѣется не могли быть велики, особенно, если принять во вниманіе способъ ея веденія и почти полное отсутствіе подходящей литературы. Рѣдко кто изъ пропагандистовъ умѣлъ вносить живую струю въ свою работу. Занятія велись, большей частью, по шаблону и безъ всякой системы. Читали „Эрфуртскую программу“, „Коммунистическій Манифестъ“, рѣже — „Красное знамя въ Россіи“, иногда составлялись лекціи о теоріи прибавочной стоимости и т. п. Насколько послѣднія бывали удачны, можно судить по тому, что рабочіе часто просили своихъ лекторовъ „читать по книжкѣ...“.

Резолюція, принятая вторымъ очереднымъ съѣздомъ Партіи по вопросу о пропагандѣ, признаетъ ее *необходимымъ партійнымъ* дѣломъ и даетъ нѣкоторую руководящую нить для правильной ея постановки и систематизаціи. „Ростъ рабочаго движенія въ Россіи, говорится въ ней, далеко обгоняетъ ростъ кадра сознательныхъ рабочихъ-соціальдемократовъ, могущихъ быть руководителями все осложняющейся борьбы россійскаго пролетаріата“. Потребность въ этомъ „кадрѣ сознательныхъ рабочихъ соціальдемократовъ“, по мѣрѣ развитія движенія, растетъ, можно сказать, въ геометрической прогрессіи. На постановку и веденіе пропаганды слѣдуетъ обратить тѣмъ больше вниманія, что въ наши поистинѣ революціонные дни, когда темпъ нашего движенія все больше и больше ускоряется, мы, по силѣ вещей, склонны скорѣе „учиться, *какъ* въ бой идти“, чѣмъ тому, *почему и для чего* мы въ этотъ „бой“ идемъ. Подхваченные стихійнымъ ростомъ движенія, мы готовы забыть, что между формой „боя“ и его содержаніемъ существуетъ такое же отношеніе, какъ между *арміей* пролетаріата и его *кадромъ* сознательныхъ рабочихъ-соціальдемократовъ. Если устная и печатная агитація, стачки и демонстраціи являются могучими орудіями въ дѣлѣ *расширенія* движенія, вовлеченія въ него широкихъ массъ рабочаго класса, то и печатная, и, въ особенности, устная пропаганда является не менѣе могучимъ средствомъ для *углубленія* классового самосознанія пролетаріата. Пропаганда, воспитывающая кадры сознательныхъ рабочихъ, и организація, дающая имъ рамки для ихъ дѣятельности, представляютъ собой тотъ фундаментъ, безъ котораго зданіе нашей революціонно-соціалистической борьбы съ его могучими агитаціонными средствами не можетъ держаться. Чѣмъ многочисленнѣе и сознательнѣе будетъ ядро нашей революціонной арміи въ день надвигающейся революціи, тѣмъ больше и *прочнѣе* будетъ наша побѣда, тѣмъ шире и всестороннѣе мы въ состояніи будемъ развернуть наши силы *на другой день послѣ нея.*

Соціальдемократическая Партія есть авангардъ борющагося рабочаго класса. Но между авангардомъ и предводительствуемымъ имъ рабочимъ классомъ должна существовать неразрывная и постоянная связь, цементирующая Партію и пролетаріатъ въ одно единое и могучее цѣлое. Эта связь выступаетъ въ лицѣ сознательныхъ рабочихъ-соціальдемократовъ. *Они* образуютъ необходимый для нормальной жизни Партіи мостъ отъ „теоріи“ къ „практикѣ“, сближающій ту и другую до полнаго химическаго слiянія и предохраняющій первую отъ узкаго доктринерства и схоластики, а вторую отъ суженія ея размаха, приниженія ея потребностей, отъ опасностей оппортюнизма.

Если соціальдемократія есть авангардъ рабочаго класса, то рабочій классъ въ Россіи есть авангардъ *всего* ея революціоннаго движенія. Эта великая честь и привиллегія, преподнесенныя ему исторіей, налагаютъ на него вмѣстѣ съ тѣмъ большія обязанности. „Всеосложняющаяся борьба россійскаго пролетаріата“ вызываетъ оживленіе въ жизни россійскаго буржуазнаго общества. Отчасти заражающіеся атмосферой революціонной борьбы, отчасти же, движимые страхомъ потерять свою позицію, буржуазные классы мобилизуютъ свои силы и организуютъ ихъ въ самостоятельныя политическія партіи. Чтобы дѣйствительно стоять во главѣ всего революціоннаго движенія, россійская соціальдемократія должна неутомимо разъяснять рабочему классу противоположность его интересовъ интересамъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ, какими бы кличками они не прикрывались, что бы они не выставляли своимъ политическимъ знаменемъ. Необходимость такого рода пропаганды въ настоящее время сказывается настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, въ виду усиливающейся дѣятельности „соціалистовъ-революціонеровъ“, которые, конкуррируя съ соціальдемократіей и называя себя соціалистами, всѣми силами стремятся затемнить классовый характеръ рабочаго движенія.

Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ растутъ и усложняются задачи россійской соціальдемократіи, все ближе придвигается она къ своей ближайшей цѣли. Вмѣстѣ съ этимъ должно увеличиваться ядро ея пролетарской арміи и расти его сознательность.

Но какъ преодолѣть тѣ трудности, о которыя до сихъ поръ разбивались всѣ попытки успѣшнаго веденія пропаганды? Что должно составить ея предметъ? Какъ ее поставить и какъ ее вести? Неудачи цѣлаго ряда лѣтъ даютъ отвѣтъ, который можетъ насъ удовлетворить.

Рабочаго, раскрывшаго глаза на условія своей жизни, интересуетъ все на свѣтѣ: и происхожденіе звѣздъ на небѣ, и тайна современнаго общества, и вопросы религіозно-нравственнаго порядка, и доктрина научнаго соціализма, — все, даже философія Гегеля и Канта... Настроеніе его класса, глубоко революціонное въ мысли и дѣятельности, выражается въ отдѣльномъ лицѣ въ видѣ его психологическаго внутренняго **Sturm и Drang'а.** Задача пропаганды направить его интересъ и жажду знаній въ опредѣленную сторону. Необходимо „прежде всего выработать сознательныхъ и активныхъ агитаторовъ съ опредѣленнымъ“, т. е. соціальдемократическимъ, „революціоннымъ міровоззрѣніемъ“. Съ этой цѣлью „съѣздъ поручаетъ Центральному Комитету принять всѣ необходимыя мѣры для систематизаціи и объединенія пропагандистской работы на мѣстахъ“. Ближайшей мѣрой со стороны Центральнаго Комитета, во исполненіе возложенной на него обязанности, было бы изданіе „ряда систематически подобранныхъ брошюръ“, начинающихся отъ зарожденія культуры и общественности и кончающихся характеристикой капиталистическаго строя, теоріей научнаго соціализма, исторіей и современнымъ состояніемъ борьбы западно-европейскихъ рабочихъ, исторіей революціоннаго движенія и соціальдемократіи въ Россіи. Содержаніе брошюръ располагается такимъ образомъ, что чѣмъ ближе къ исторіи и характеристикѣ современности стоитъ затрогиваемый въ брошюрѣ вопросъ, тѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе онъ долженъ быть разработанъ. Въ каждой изъ этихъ брошюръ указывается литература вопроса, чтобы пропагандистъ легко могъ съ ея помощью освоиться съ цикломъ пропагандируемыхъ вопросовъ. Этотъ послѣдній можетъ быть разсчитанъ на полугодичное существованіе пропагандистскаго кружка, собирающагося раза два въ недѣлю. Серія обслуживающихъ пропаганду брошюръ не исключаетъ, а скорѣе предполагаетъ, занятія рабочихъ внѣ пропагандистскаго кружка по вопросамъ, особенно ихъ интересующимъ. Умѣлый пропагандистъ сумѣетъ и эти занятія подчинить своему руководству.

Второй „необходимой мѣрой“ является объединеніе и централизація пропагандистской работы на мѣстахъ Центральнымъ Комитетомъ Партіи. Центральный Комитетъ не только и даже не въ первой линіи „распредѣляетъ силы и средства“, а прежде и главнѣе всего централизуетъ *дѣятельность* Партіи. Система централизованной организаціи предполагаетъ въ большей или меньшей степени централизацію всѣхъ отраслей партійной дѣятельности. Пропагандистская дѣятельность больше какой-либо другой отрасли партійной работы нуждается и поддается централизаціи и объединенію: съ одной стороны потому, что только единымъ и общимъ руководствомъ гарантируется полная принципіальная выдержанность воспитанія сознательныхъ соціальдемократовъ, съ другой, — потому, что эта работа, по своему характеру, можетъ производиться съ большей, чѣмъ какая-либо другая, регулярностью и непрерывностью. Подъ непосредственнымъ контролемъ Центральнаго Комитета[1] организуется подвижная группа высоко развитыхъ революціонеровъ соціальдемократовъ, назначеніе которой состоитъ въ общемъ руководствѣ пропагандой, въ постановкѣ ея и въ непрерывномъ наблюденіи за ея веденіемъ. Пропагандистскіе кружки образуются изъ наиболѣе активныхъ и

---

[1] По нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, а также уступая требованіямъ рабочихъ, комитетъ одного изъ южныхъ городовъ распредѣлилъ всю организацію, состоявшую изъ 250-300 челов., на пропагандистскіе кружки. Нечего говорить, что эта „реформа“, какъ называли ее рабочіе, оказалась совершенно невыполнимой и потерпѣла крушеніе при первомъ же ея примѣненіи къ жизни.

[1] *Примѣчаніе редакціи.* Само собой разумѣется, что выставляя требованіе такой централизаціи опредѣленной партійной функціи, мы должны помнить, что, вредь до того, какъ ее удастся прочно поставить на новыхъ началахъ, было бы ошибочнымъ пріемомъ стѣснять самодѣятельность *мѣстныхъ* комитетовъ въ дѣлѣ организаціи устной пропаганды. Болѣе того, принятіе Центральнымъ Комитетомъ на себя дѣла устной пропаганды не избавляетъ мѣстные комитеты отъ обязанности работать въ томъ же направленіи.

[illegible] организованныхъ рабочихъ, которые съ теченіемъ времени въ состояніи были бы сдѣлаться „сознательными и активными агитаторами“. Не менѣе строгій отборъ долженъ производиться среди самихъ пропагандистовъ. Лишь наиболѣе умѣлымъ и опытнымъ изъ нихъ слѣдуетъ поручать развитіе въ рабочихъ „опредѣленнаго революціоннаго міровоззрѣнія“.[1])

Преподавая рабочему извѣстную сумму знаній, мы въ то же время должны развивать въ немъ *члена Партіи.* Параллельно и одновременно съ чтеніемъ брошюръ, пропагандистъ долженъ знакомить его со всѣми вопросами программы, организаціи и тактики. Какъ лучшая основа для этихъ занятій, можетъ быть взята программа Партіи, всѣ принятыя на съѣздѣ резолюціи и его протоколы. Прекрасный матеріалъ для ознакомленія съ разными программными и тактическими вопросами въ томъ видѣ, какъ они разрѣшались при условіяхъ и отношеніяхъ русской революціонной дѣйствительности, даютъ всѣ №№ „Искры“ и нѣкоторыя статьи изъ книжекъ „Зари“. Любая передовица „Революціонной Россіи“ и „Освобожденія“, иногда статьи какой-нибудь легальной газеты могутъ послужить поводомъ для развитія въ кружкѣ соціальдемократическихъ воззрѣній. Чтобы придать занятіямъ возможно болѣе живой дискуссіонный характеръ, необходимо вовлекать слушателей въ общую бесѣду, задавать имъ и въ нихъ возбуждать разнаго рода вопросы. Пропагандистъ долженъ познакомиться съ характеромъ и способомъ мышленія своихъ учениковъ, ибо, чѣмъ болѣе индивидуализируется пропаганда, тѣмъ больше ея успѣхъ. Въ этомъ отношеніи остается — хотимъ-ли мы этого, или нѣтъ — использовать тѣ условія полицейскаго характера, которыя заставляютъ насъ ограничивать количество участниковъ кружка.

Наконецъ, еще одной „необходимой мѣрой“ является изданіе возможно большаго количества пропагандистскихъ брошюръ по всякимъ научнымъ и программнымъ вопросамъ и изданіе, такъ-называемыхъ, „листковъ“, посвященныхъ разбору различныхъ соціальныхъ и политическихъ учрежденій и злободневныхъ вопросовъ самодержавнаго строя и всѣхъ явленій русской дѣйствивительности. Этой послѣдней формой пропагандистской работы создался бы естественный переходъ къ массовой агитаціонной дѣятельности.

Такая систематизированная и централизованная пропаганда нашихъ идей дастъ намъ твердую теоретическую и практическую устойчивость въ борьбѣ съ нашими врагами, создавая въ руководителяхъ-рабочихъ членовъ Партіи, способныхъ самостоятельно думать и критически относиться къ окружающей ихъ дѣйствительности.

Практикъ.

Второй съѣздъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

(Отчетъ делегаціи Бунда. Изд. Всеоб. Евр. Раб. Союза въ Лит. Пол. и Рос. Лондонъ. 1903 г.)

Отчетъ делегаціи Бунда появился въ свѣтъ до выхода протоколовъ партійнаго съѣзда. Эта ненормальность лишаетъ насъ возможности теперь же указать на всѣ вкравшіяся въ него фактическія неточности. Число ихъ довольно значительно, причемъ нѣкоторыя прямо искажаютъ смыслъ происходившихъ на съѣздѣ дебатовъ.

Мы не станемъ останавливаться на мелочно-подозрительномъ анализѣ личнаго состава съѣзда: противъ сепаратистскихъ тенденцій Бунда съѣздъ голосовалъ такъ единодушно, что пять или шесть голосовъ, взятыхъ нынѣ делегаціей подъ подозрѣніе, ничего не могутъ убавить въ значеніи этого факта.

Не будемъ мы останавливаться здѣсь на сужденіяхъ делегаціи по вопросу о выработкѣ партійной программы. Теоретической славы Бунда эти страницы не увеличатъ.

Нѣсколько поверхностныхъ строкъ посвящено въ отчетѣ дебатамъ по поводу организаціоннаго устава партіи. „При голосованіи поправокъ къ уставу мы воздерживались, говоритъ делегація, не находя возможнымъ какими-либо заплатами исправить его уродливую сущность“. Такимъ образомъ делегація Бунда отказалась отъ вліянія на выработку партійнаго устава. Конечно, это было ея право. Но ея характеристика боровшихся тенденцій (стр. 42—43) показываетъ только, какъ чужда ей была происходившая борьба, какъ мало она пыталась войти въ позиціи двухъ сторонъ. Ея задачей было созданіе для еврейскаго пролетаріата организаціоннаго гетто, — а событія, развившіяся въ кварталахъ, населенныхъ иновѣрными, интересовали делегацію исключительно съ точки зрѣнія: кто — кого?

Самой сильной стороной отчета является несомнѣнно характеристика политическаго поведенія самой делегаціи. На этой части мы и остановимся.

Вопросъ объ организаціонныхъ принципахъ въ примѣненіи къ Бунду („федерація или автономія“) былъ поставленъ съѣздомъ въ первую очередь. Первое слово было дано докладчику бундовской делегаціи.

Подходя къ вопросу о *федераціи*, докладчикъ обнаруживалъ, говоритъ отчетъ, „осторожность, мѣстами переходившую въ нерѣшительность“. Объясняется это тѣмъ „враждебнымъ Бунду настроеніемъ“, которое заставило „выбросить изъ проекта устава пункты, рѣзко подчеркивающіе позицію“ Бунда и „выставить на первый планъ не *принципъ* организаціи, а *практическія* требованіе“, въ основу которыхъ этотъ принципъ положенъ. Это „перемѣщеніе центра тяжести спора въ сторону *практики*“, употребляя описательное выраженіе отчета, было, слѣдовательно, разсчитано на психологію тѣхъ „педантовъ“ отъ Искры, которые старательно оцѣниваютъ комаровъ, но, въ сущности, они способны незамѣтно для себя проглотить цѣлаго верблюда, если только препарировать его надлежащимъ образомъ. Какъ ни относиться къ психологической тонкости этого пріема, какъ ни оцѣнивать его со стороны этической и эстетической, но съ точки зрѣнія обычной терминологіи его нельзя квалифицировать иначе, какъ сознательную попытку вовлеченія въ невыгодную сдѣлку. Средствомъ покушенія послужили нѣкоторыя дипломатическія подчистки въ уставѣ-минимумъ. Одна изъ нихъ такова. Слова устава „*договаривающіяся стороны*“ (т. е. Бундъ, съ одной стороны, и Партія безъ Бунда, съ другой) всюду замѣнены словами: „*входящія въ партію части*“ (т. е. опять-таки Бундъ, съ одной, и Партія безъ Бунда, съ другой стороны). „*Стороны*“ могутъ вызвать вредныя ассоціаціи въ доктринерскихъ“ головахъ, но если *назвать* стороны „частями“, если *договоръ* между ними назвать *уставомъ* одной изъ частей... кто знаетъ? — можетъ быть это „перемѣщеніе центра тяжести“ и спасетъ позицію. Делегація спасала позицію — и нарушила полномочія, данныя ей пятымъ съѣздомъ Бунда въ видѣ императивнаго мандата. Если принять сверхъ того во вниманіе, что самая *императивность* полученныхъ делегаціей полномочій была прямымъ нарушеніемъ Устава созыва II-го съѣзда партіи, и что въ выработкѣ устава принималъ участіе и делегатъ Бунда, какъ членъ Орг. Ком., — тогда двойная деликатность положенія бундовской делегаціи предстанетъ передъ нами во всей своей полнотѣ. И мы готовы живо соболѣзновать делегаціи, когда она жалуется, что произведеныя ею въ уставѣ успокоительныя измѣненія „поставили докладчика въ крайне затруднительное положеніе и заставили его лавировать между принципіальной и практической точками зрѣнія“, что необходимо приводило къ „*недомолвкамъ* и вообще отсутствію выдержанности“ (8 стр.). Это достойно тѣмъ большаго сожалѣнія, что, какъ извѣстно, результаты совершенно не окупили издержекъ производства. „Двойной присягою играя“, делегація совершенно не попала въ цѣль.

Итакъ, мы уже твердо знаемъ, что уставъ-минимумъ былъ договоромъ двухъ *сторонъ*, и что только предупредительное вниманіе къ „психологіи“ другой строны заставило делегацію, въ нарушеніе данныхъ ей (незаконно) полномочій, говорить не о сторонахъ, а о „частяхъ“. А на 14 стр. того же отчета мы читаемъ: „Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы выступили, какъ сторона. *Это не болѣе, какъ* [illegible] *съ больной головы на здоровую*“. Тутъ — очевидная редакціонная оплошность. Делегація упустила изъ виду, что уже открыла на восьмой страницѣ нѣкоторыя изъ своихъ „недомолвокъ“, вслѣдствіе чего дальнѣйшее „лавированье“ среди опасныхъ мѣстъ надлежало бы производить съ удвоенной осторожностью.

Деликатность положенія тяготѣла надъ делегаціей. Послѣ того, какъ былъ отвергнутъ уставъ максимумъ, отвергнутъ en bloc, по соображеніямъ принципіальнаго значенія, делегація, предлагая вниманію съѣзда свой уставъ-минимумъ, рѣшила, какъ говоритъ отчетъ, „вторично *нарушить полномочія съѣзда*, предъявивъ только нѣкоторые пункты ультиматума. При этомъ делегація увидѣла себя вынужденной *уклониться*[1]) отъ прямого отвѣта“ на вопросъ Плеханова — носитъ ли этотъ второй „уставъ“ ультимативный характеръ. „Уклоненіемъ отъ прямого отвѣта на вопросъ“, делегація съ непонятнымъ для насъ самоотреченіемъ называетъ свой прямой *отрицательный* отвѣтъ. Впрочемъ, этотъ неудачный оборотъ можетъ быть относится къ числу тѣхъ „неточностей“, о возможности которыхъ говорится въ предисловіи къ отчету.

Съѣздъ принялъ резолюцію Мартова, категорически отвергающую федеративный принципъ и характеризующую положеніе Бунда въ партіи, какъ положеніе *автономной* части. Послѣ принятія съѣздомъ такого рѣшенія делегація Бунда должна была, на основаніи полученныхъ ею полномочій, заявить, что Бундъ выходитъ изъ партіи. Но „*мы рѣшили* — говоритъ отчетъ — *въ третій разъ нарушить полномочія нашего съѣзда* и ждать, пока партійный съѣздъ не выскажетъ своего мнѣнія о нашемъ уставѣ“.

Когда перешли къ организаціоннымъ дебатамъ (§ 5 пор. дня), тт. изъ Бунда „старались выставить на видъ“, что отверженіе ихъ минимальнаго устава (въ его второй, совершенно минимальной редакціи) сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе Бунда въ партіи. Но „слова *ультиматумъ*, говоритъ делегація, мы избѣгали“, — хотя фактъ ультиматума, какъ мы теперь знаемъ (нужно надѣяться, знаемъ на этотъ разъ уже окончательно?), былъ на лицо. Съ такой психологической чуткостью тт. изъ Бунда щадили наши предразсудки.

Наконецъ, вопросъ о положеніи Бунда въ партіи поставленъ въ „практической“ уставной формѣ, но поставленъ когда? за очень короткое время передъ... обѣденнымъ перерывомъ. Уже одно это обстоятельство, по увѣренію делегаціи, „не предвѣщало ничего хорошаго: очевидно, рѣшили, что долго растабаривать (?) тутъ нечего, и что самое лучшее — прокатить вопросъ о Бундѣ на вороныхъ (?)“. Безграмотность этой фразы всецѣло искупается ея тонкой проницательностью. Все, все, до обѣденныхъ перерывовъ включительно, мобилизовалось партіей противъ „единственныхъ представителей еврейскаго пролетаріата“... Разумѣется, при такомъ „настроеніи“ съѣзда соглашеніе состояться не могло.

„*Среди общаго молчанія*, говоритъ делегація, *мы покинули съѣздъ*“.

И мы должны сказать, что хотя эта фраза вставлена въ досаждающій своей мелочностью контекстъ, но мы не могли прочесть ее безъ волненія. Ибо она констатируетъ великой важности фактъ — фактъ, трагическое значеніе котораго, повидимому, и теперь еще совершенно недоступно пониманію делегаціи... Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ и въ другой связи.

А теперь составимъ краткій послужной списокъ (списокъ-минимумъ) делегаціи Бунда, которая:

1. Злоупотребила довѣріемъ съѣзда, явившись на него съ императивнымъ мандатомъ;
2. „Нарушила свои полномочія“, самовольно произведя въ уставѣ-минимумъ сокрытіе федеративно договорнаго принципа;
3. Сдѣлала попытку провести федерацію, настоятельно предложивъ намъ думать, что это не федерація;
4. Нарушила вторично свои полномочія, не уйдя со съѣзда послѣ принятія резолюціи тов. Мартова;
5. Нарушила въ третій разъ свои полномочія, предъявивъ намъ лишь часть своего ультиматума;
6. Злоупотребила вторично довѣріемъ съѣзда, отвѣтивъ отрицательно на вопросъ объ ультимативномъ характерѣ своего устава-минимумъ;
7. Свершивъ все вышесказанное, удалилась со съѣзда и опубликовала почти „достовѣрный“ отчетъ.

Донскимъ Ком. изд.: „Памяти Н. Н. Козина“, „Ко всѣмъ ремесленникамъ Ростова и Нахичевани“ (въ 2.000 экземпляровъ), „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (о годовщинѣ стачки, въ 4 тысячахъ экземпляровъ) и еще три прокламаціи, посвященныя той же годовщинѣ. — **Кавказскимъ Союзомъ** изданы на трехъ языкахъ листки: 1) къ новобранцамъ и 2) по поводу покушенія на князя Голицына, имъ же выпущенъ на русскомъ, армянскомъ и грузинскомъ языкахъ № 3 листка „Борьба пролетаріата“ (прекрасно отпечатанный). — **Бакинскимъ Ком.** изд.: „Пауки и мухи“ (2.500 экз.) и „Царская памятка“ (1.500 экз.). — Рабочей группой въ **Новозыбковѣ и Клинцахъ** изданы двѣ печатныя прокламаціи, изъ которыхъ одна касается лѣтнихъ стачекъ на югѣ, а другая посвящена „продажѣ клинцовскаго городского лѣса“ и думскимъ злоупотребленіямъ при этомъ. — **Сѣверный Ком.** вып. №№ 1 и 2 „Листка“ (нѣчто въ родѣ періодическаго бюллетеня). — **Тульскій Ком.** выпустилъ за осеннее время рядъ листковъ на мимеографѣ, посвященныхъ Таганрогскому процессу (три листка) и значенію демонстрацій (два листка): сверхъ того листокъ „Овцы и люди“. — **Харьковскій Ком.** издалъ листки о Гомельскомъ погромѣ и о судѣ въ Таганрогѣ. — **Саратовскій Ком.** издалъ листокъ подъ названіемъ: „Что такое народное правленіе?“ и два листка о несостоявшейся поѣздкѣ царя въ Италію. — **Союзомъ горнозаводскихъ рабочихъ** издано двѣ прокламаціи о Таганрогской демонстраціи (въ 3 и 7 тыс. экз.). — **Екатеринославскимъ Ком.** изд.: „О фабричныхъ старостахъ“ (10.000 экз.) и „Къ новобранцамъ“ (5.000 экз.). — **Полтавскимъ Ком.** изд.: „Къ новобранцамъ“. — **Томскимъ Ком.** изд.: „Къ Томскимъ обывателямъ“ (объ избіеніи, 22 Окт.) и „Къ революціонному студенчеству“. — **Тверскимъ Ком.** изд.: „Къ пріѣзду Іоанна Кронштадтскаго“. — **Центр. Ком. Южно-Русской Гр. Учащихся** выпустилъ новый листокъ отъ 10 ноября.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ десятыхъ числахъ ноября арестованы: инженеръ Шишкинъ, студентъ-путеецъ Савининъ, массажистка Щурова, акушерка Каверина, аптекарскій ученикъ Дризно, студ. унив. Ваие, служащій въ „Надеждѣ“ Щедровичъ и многіе рабочіе. — **Владиміръ губ.** Въ ночь на второе ноября въ казармѣ Сибирскаго полка былъ обыскъ у рядового Келера по приказу изъ Кишинева. — **Рига.** 28 сентября арестованы рабочіе братья Пукэ, Страуинъ, студ. Чаулэ, наборщикъ Биринъ, г-жа Риппу и еще одинъ рабочій. — **Митава.** Арестованы 28 сентября акушерка Калнинъ и одинъ иностранецъ. Черезъ нѣсколько дней арест. г-жа Менцендорфъ и ея братъ. — **Ярославль.** Арест. и куда-то увезенъ учитель В. Гроздевъ и др. лица. — **Васильсурскъ.** Съ начала года здѣсь аресты не прекращаются. Четвертаго января взятъ съ тюкомъ литературы здѣшній обыватель, 58 лѣт. старикъ, отставной шт.-кап. Н. Лапушкинъ. Въ февралѣ были обыски у землемѣра Новикова, учит. Скворцова, рабочихъ Кульпина и Крайнова (оговаривалъ); въ селѣ Кикинѣ — у Дроздова. Въ апрѣлѣ арест. учитель Касаткинъ; въ маѣ въ селѣ Юринѣ взяты: два брата Суховы (сапожники), закройщикъ Красильниковъ, кожевенникъ Тезиковъ; въ іюнѣ арест. раб. Кульпинъ, обыски у телеграфиста Лунева, аптекаря Янкелевича и купца Н. Логинова. По Юринскому дѣлу тогда же взяты въ Нижнемъ Качаловъ и въ Таганрогѣ — аптекарь Ольштейнъ. Въ іюлѣ взятъ землемѣръ Новиковъ; по тому же дѣлу въ Кіевѣ арест. учитель Скворцовъ. Въ іюлѣ же въ Бѣлавкѣ взяты крест. Маловъ и Галанинъ (черезъ три дня выпущены). Въ августѣ арест. Петерб. гимназ. Ненюковъ, былъ обыскъ у Москов. студ. Сергѣева. — **Ростовъ на Дону.** 29 сентября арест. А. П. Станчинскій (пытался бѣжать при арестѣ) и еще нѣсколько рабочихъ. Въ мѣст. тюрьмѣ, кромѣ осужденныхъ военнымъ судомъ Логачевой, Бутурлимова, Глазунова, Христенко, Борухова и Полтавы, сидятъ раб. Левинъ, Селенинъ, Кравцовъ, Тендетникъ, Кроче (инт.), гимназ. казакъ Поповъ, интел. Шульгинъ и 11 пересыльныхъ съ Кавказа. Изъ Каменской тюрьмы, въ виду обнаруженнаго подкопа, И. Ставскій переведенъ въ Нижне-Чирскую станицу. — **Пермь.** Привезены изъ Екатеринбурга: Змѣенко, учитель Кирилловскій (изъ Оханскаго уѣзда), раб. Набатовъ, Убыткинъ. Въ ночь съ 7 на 8 ноября арестовано 30 чел.: Ягодниковы (супруги), Жидкова, Волльсъ, Рогова, Хлыновъ съ прислугой, Ивановъ, Е. Орлова, Фотіевы (братъ и сестра), Мутныхъ, Чудникова; рабочіе: Туркинъ, двое Худоринныхъ, Завьяловъ, Осокинъ, Шиловъ, Быковъ, Рожковъ, Деменчукъ. — **Николаевъ.** Въ началѣ ноября снова взята типографія, арест. рабочіе Андрей Шустовъ, П. Ровнеръ и еще одинъ, Хозяинъ скрылся. — **Гусятинъ.** Арестованный съ транспортомъ украинской литературы бывш. студентъ Кіевскаго университета Влад. Винниченко и преданъ военному суду по обвиненію въ транспортѣ, въ дезертирствѣ и растратѣ казеннаго имущества (бѣжалъ въ казенномъ поясѣ съ военной службы). — **Лугансккъ.** Въ тюрьмѣ сидитъ 13 чел. — **Баку.** 7 ноября арестована типографія мѣстнаго комитета съ 8.000 отпечатан. листковъ. При ней взяты печатникъ Аршакъ Хачьянцъ, наборщикъ И. Егоровъ (рецидивистъ) и С. М. Гуревичъ (студ. Женевск. унив.). Предполагаютъ провокацію. Въ тотъ же день взято: учительница частной школы О. П. Рубцова (съ литературой), Е. М. Познеръ, Влад. Швайцеръ (18 л., сотрудн. „Бакинск. Изв.“), Сол. Вирновскій (инт., съ литературой), Кириллъ Грошевъ (сотрудн. „Бак. Изв.“, съ листками), служащая въ городской управѣ А. Ратнеръ (съ литературой), Р. Ратнеръ и Л. Ратнеръ. 19 ноября отсюда высланы въ Архангельскую губ. Баграмъ Авакьянцъ, Баграмъ Багиріанцъ и Сергѣй Асиріанцъ — рабочіе за демонстр. 2 марта 1903 г. По ложному доносу арестованъ, какъ соучастникъ стрѣлявшихъ въ Голицына, гласный думы Ам. Меликовъ. — **Финляндія** 25 октября (нов. ст.). Одинъ изъ уволенныхъ весною бургомистровъ Халлонбладъ арестованъ въ г. Сердоболѣ и послѣ непродолжительнаго заключенія препровожденъ въ Вятку. Арестованъ бывшій народный учитель въ г. Кексгольмѣ, Вайніо; препровожденъ сперва въ Выборгъ, а затѣмъ въ Петербургъ.

Некрологъ. Въ октябрѣ неожиданно скончался заслуженный дѣятель ростовскаго рабочаго движенія, Иванъ Ивановичъ Козинъ. Умеръ онъ на чужбинѣ, въ Баку, въ страшной нуждѣ, на больничной койкѣ. Повидимому, онъ кончилъ самоубійствомъ. Не выдержалъ каторжнаго существованія, которое выпадаетъ на долю гонимому отовсюду революціонеру.

Всю сознательную часть своей недолговѣчной жизни провелъ онъ въ тюрьмѣ и ссылкѣ. Будучи реалистомъ, Козинъ сошелся съ мѣстнымъ кружкомъ народовольцевъ и въ 93 г. бросилъ училище, чтобы отдаться революціонной пропагандѣ въ качествѣ рабочаго. Въ 1894 г. онъ организовалъ первую крупную въ Ростовѣ стачку Владикавказскихъ мастерскихъ. За произношеніе цѣлаго ряда пламенныхъ рѣчей на собраніяхъ стачечниковъ, Козинъ былъ отправленъ въ ссылку. Измученный четырьмя годами бездѣлья и нужды, Козинъ возратился на родину, но жандармы его прогнали на Кавказъ. Въ это время уже разразилась безработица и послѣ долгихъ скитаній въ Батумѣ, Баку и Грозномъ, зачастую пѣшкомъ, по шпаламъ, въ компаніи такихъ же безработныхъ, Козинъ попадаетъ опять на родину въ Таганрогъ. Здѣсь его, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, вскорѣ разсчитываютъ, какъ „неблагонадежнаго“. Опять нечего ѣсть, опять нечего дѣлать. Организаціи тогда не въ силахъ были содержать нелегальныхъ. Вскорѣ въ Новочеркасскѣ (1900 г.) его опять арестуютъ и послѣ долгой одиночки отправляютъ въ Кресты. Только въ 1901 г. Козину удается вернуться въ свои Палестины. Тутъ онъ окончательно порываетъ со своей профессіей и становится „газетчикомъ“. Редактируетъ „Казбекъ“ во Владикавказѣ, сотрудничаетъ въ „Минеральныхъ водахъ“ и, наконецъ, поступаетъ въ „Донскую Рѣчь“. Ив. Иван. считался спо- [illegible] работникомъ и былъ порядочнымъ фельетонистомъ. Цензура не давала ему ходу. [illegible] настоянію жандармскаго начальника Тихоновича редакція предложила Козину уйти. Въ это время (лѣтомъ текущаго года) готовилась, по примѣру другихъ городовъ юга, стачка въ Ростовѣ. Такъ какъ Иванъ Ивановичъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ членовъ мѣстной организаціи, къ нему явилась депутація отъ рабочихъ съ просьбой стать во главѣ всеобщей стачки. Къ прискорбію, разногласія въ средѣ комитета помѣшали этому плану; стачка разстроилась, и Ив. Ив. долженъ былъ уѣхать. Жандармы пронюхали, что что-то готовится и выслали Козина изъ Ростова. Брошенный опять на чужбину, безъ надежды отдаться въ близкомъ будущемъ широкой открытой революціонной работѣ (Ив. Ив. былъ по призванію ораторъ и имѣлъ на рабочихъ огромное вліяніе), Козинъ не въ силахъ былъ жить такъ бездѣльно, онъ рвался на борьбу. Онъ весь горѣлъ, когда готовилась въ Ростовѣ первомайская демонстрація, онъ готовъ былъ пойти на вѣрную смерть во главѣ безчисленной толпы, онъ съ огромнымъ рискомъ пробрался съ товарищами во дворъ мастерскихъ Влад. жел. дор., чтобы повести рабочихъ 12 мая на улицы Ростова. Жандармы узнали о готовившемся, и Козинъ съ трудомъ спасся отъ преслѣдованій. Вотъ кто былъ этотъ скромный, невзрачный и болѣзненный работникъ печати. Онъ умеръ среди чужихъ, но мы, товарищи Козина по борьбѣ, и организація увѣрены, что духъ возмущенія, посѣянный имъ въ средѣ ростовскаго пролетаріата, будетъ ему лучшимъ и вѣчнымъ памятникомъ на его одинокой могилѣ!

Бѣжали изъ Александровской пересыльной тюрьмы (Прк. губ.) и благополучно прибыли заграницу Сергѣй Цедербаумъ, сосланный на десять лѣтъ Вост. Сиб. и Конк. Захарова (на пять лѣтъ), — по дѣламъ „Искры“. Изъ Енисейской губ. бѣжали С. Косовичъ и А. Чубаровская (Саратовск. демостр. — ссылка на поселеніе). Изъ Яренска — рабочій Медвѣдевъ. Изъ Вологды — Дрешеръ (дѣло П. П. С.). Изъ Устюга — нижегородскій рабочій Булатовъ. Изъ Сальвычегодска — Традусинскій (дѣло П. П. С.). Изъ Грязовца — рабочій Тараевъ (СПБ.) и Антонина Глоба (демонстрація въ Кишиневѣ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поступило въ заграничную кассу Центр. Ком.: изъ Москвы на литературу 135 фр.; отъ общества друзей свободы 164.80 фр.; изъ Базеля 9 фр.; для эмигрантской кассы изъ Давоса 26 фр.; отъ Деф. 11½ мар.

Центральный Комитетъ заявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что заграницей находится теперь постоянно его агентъ, къ которому просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ дѣло къ Центр. Комитету.

Мѣсто и время для свиданій можно узнавать черезъ членовъ Партіи, а не имѣющихъ партійныхъ связей просятъ обращаться письменно по адресу „Искры“ (Genève, Acacias Paul Axelrod) съ обязательной отмѣткой „для Ц. К.“

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“, а также требованія на литературу просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

На всѣхъ письмахъ и сообщеніяхъ необходимо обозначать (на внутреннихъ конвертахъ): „для редакціи Ц. О.“, „для Ц. К.“ или „для Лиги“.

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.

---

[1]) Само собой разумѣется, что пропагандисты и рабочіе, не входящіе въ партійные кружки, могутъ образовать отдѣльные кружки для пропаганды. Въ данномъ случаѣ снимается, однако, отвѣтственность съ Партіи за ихъ успѣхъ и правильное веденіе.

[1]) Всѣ курсивы наши.

печати
сіоналовъ н.

51
чн.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 55. 15-го декабря 1903 г. Годъ III.

РУССКОЕ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. NEW YORK. RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

СЪ НАРОДОМЪ ИЛИ ПРОТИВЪ НАРОДА?

Недавно закончившаяся сессія уѣздныхъ земскихъ собраній представляла выдающійся политическій интересъ. Посреди огромнаго общественнаго возбужденія, вызваннаго все усиливающимся подъемомъ революціонной борьбы народа съ самодержавіемъ, гг. земцамъ предстояло обсудить вопросъ о желательномъ съ ихъ точки зрѣнія измѣненіи цензовыхъ нормъ для выборовъ въ земскія собранія.

Вопросъ этотъ былъ вынесенъ на обсужденіе земствъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Самый фактъ рѣшенія вопроса не исключительно бюрократическимъ путемъ, а посредствомъ предварительной постановки его на обсужденіе лицъ, „довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ", не представляетъ собою по нынѣшнимъ временамъ ничего особенно исключительнаго. Это просто одна изъ тѣхъ костей, которыя для предохраненія „общества" отъ заразы революціоннаго возбужденія правительство выбрасываетъ время отъ времени для либеральнаго пережевыванія земскимъ „излюбленнымъ людямъ", то въ коммиссіяхъ, засѣдающихъ въ Петербургѣ, то на мѣстахъ. Достаточно извѣстна та забавная старательность, съ которою въ такихъ случаяхъ гг. либералы хлопочутъ вокругъ брошенной имъ подачки, больше всего въ мірѣ заботясь о томъ, чтобы какъ-нибудь не потребовать слишкомъ многаго, не потерять — чего Боже упаси — репутаціи, „трезваго государственнаго ума" въ глазахъ того или иного превосходительства! Извѣстна и та — не менѣе забавная — жалобная растерянность и горькое недоумѣніе, которое эти хлопотуны обнаруживаютъ каждый разъ, когда, несмотря на всѣ ихъ старанія показать, что они, ей богу же, ничего „такого" не требуютъ, всѣ „труды" ихъ паки и паки кладутся подъ сукно, а превосходительный перстъ грозитъ имъ, какъ нашалившимъ мальчишкамъ.

Конечно, надо было быть слишкомъ большимъ оптимистомъ, чтобы ожидать, что наши земцы рѣшительно и прямо свяжутъ вопросъ о земскомъ избирательномъ цензѣ съ вопросомъ о нашемъ общемъ государственномъ строѣ; что они съ такою же смѣлостью скажутъ отъ имени народа, что дѣйствительное мѣстное самоуправленіе вообще несовмѣстимо съ самовластіемъ въ управленіи государственномъ, съ какою сказалъ эту истину въ своей запискѣ г. Витте отъ имени самодержавія.

Но если какой-нибудь вопросъ давалъ земскимъ либераламъ возможность, и оставаясь въ тѣсной сферѣ вопросовъ мѣстнаго самоуправленія, связать свою борьбу съ борьбою широкихъ слоевъ народа, и прежде всего пролетаріата, то это, конечно, вопросъ объ избирательномъ правѣ въ земскія собранія. При наличности хотя бы весьма скромнаго политическаго чутья и политическаго смысла, способнаго стать хоть на время выше классоваго инстинкта, выростающаго на почвѣ мелкихъ хозяйственныхъ интересовъ минуты, земцы могли въ этомъ случаѣ, и не вылѣзая изъ своей земской скорлупы, сдѣлать свои требованія національными, общенародными требованіями. Для этого надо было только одно: высказаться за всеобщее, равное и прямое избирательное право во всѣ земскія представительныя учрежденія. Конечно, съ точки зрѣнія правительства такое требованіе было бы „неосуществимо", но за то оно было бы вполнѣ осуществимо съ точки зрѣнія народа, а, главное, дало бы тотъ единственный лозунгъ, который могъ бы быть активно поддержанъ пролетаріатомъ, идущимъ во главѣ освободительной борьбы. Земцы не сдѣлали этого. Теперь, когда результаты обсужденія вопроса на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ уже извѣстны, можно сказать, что пароль, на которомъ съ тѣми или иными несущественными видоизмѣненіями и за единичными отклоненіями въ ту и другую сторону, единодушно сошлись почти всѣ земства, — это возвращеніе къ положенію 1864 года въ связи съ пониженіемъ земельнаго ценза, необходимаго для прямого и косвеннаго участія въ избирательныхъ собраніяхъ.

Требуя возвращенія къ положенію 1864 года, земцы подчеркиваютъ его „безсословный" характеръ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Сущность созданнаго этимъ положеніемъ избирательнаго права была въ краткихъ чертахъ такова: гласные избирались на трехъ отдѣльныхъ избирательныхъ съѣздахъ — отъ землевладѣльцевъ съ прямымъ избирательнымъ правомъ для крупныхъ и косвеннымъ, черезъ уполномоченныхъ, для мелкихъ; отъ городскихъ купцовъ, промышленниковъ и владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ извѣстной цѣнности; отъ сельскихъ обществъ съ косвенными выборами черезъ уполномоченныхъ, назначаемыхъ сельскими сходами.

Такимъ образомъ, независимо отъ имущественнаго ценза съ особыми привилегіями для болѣе крупныхъ собственниковъ (прямые выборы), Положеніе 1864 года закрѣпляло и сословное разслоеніе. Если вспомнить, что ко времени паденія крѣпостного права почти вся частно-владѣльческая земля была сосредоточена въ рукахъ дворянства, то естественно, что выдѣленная въ особое избирательное собраніе группа землевладѣльцевъ являлась въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ особою организаціей дворянскаго сословія. Если же прибавить, что изъ 318 уѣздовъ, въ 202 группѣ землевладѣльцевъ было предоставлено избирать половину всѣхъ гласныхъ, то ясно, что на дѣлѣ Положеніе 1864 года давало въ огромномъ большинствѣ земскихъ собраній преобладающее вліяніе именно дворянству. Еще въ 1883-1886 гг. гласные дворяне и чиновники составляли 42,4 процента всего числа уѣздныхъ гласныхъ (5.595 изъ 13.196). Но — и это самое главное — сословный характеръ былъ приданъ избирательному праву выдѣленіемъ изъ среды всѣхъ землевладѣльцевъ вообще въ особую группу крестьянъ, получившихъ избирательныя права въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. И этотъ сословный характеръ „Положенія" былъ настолько ясенъ самому творцу его — Валуеву, что онъ открыто говорилъ о „необходимости дать нѣкоторый перевѣсъ классу болѣе образованному и развитому".

Но послѣ освобожденія крестьянъ аграрныя отношенія, несмотря на сохранившійся гнетъ остатковъ феодально-крѣпостного режима, начали сильно эволюціонировать въ сторону перестройки на началахъ буржуазно-капиталистическихъ. Быстрое перетеканіе земли изъ рукъ сохранившихъ традиціи барщинно-оброчнаго хозяйства дворянъ въ руки торгово-промышленнаго класса и подымающихся слоевъ зажиточнаго крестьянства; дробленіе дворянскихъ имѣній вслѣдствіе раздѣловъ при переходѣ по наслѣдству и частичныхъ продажъ; повышеніе цѣнъ на землю; постепенный переходъ къ чисто торговому земледѣлію и связанное съ нимъ примѣненіе болѣе интенсивныхъ системъ обработки земли, несовмѣстимыхъ съ кабальнымъ полукрѣпостнымъ трудомъ, поскольку послѣдній основанъ на обработкѣ помѣщичьей земли крестьянскимъ инвентаремъ; усиленная зависимость денежнаго землевладѣльческаго хозяйства отъ общаго хода государственнаго управленія, въ особенности же отъ господствующей финансовой и таможенной политики; наконецъ, быстрое возрастаніе вліянія торгово-промышленнаго класса во всѣхъ сферахъ общественной жизни; — все это, взятое вмѣстѣ, заставляло все большую часть дворянства, защищающаго свои классовые интересы, чувствовать себя все болѣе и болѣе не феодальнымъ сословіемъ, а классомъ капиталистическаго общества, сельской буржуазіей, хотя и бѣлой кости, но по существу своихъ интересовъ ничѣмъ не отличающейся отъ такой же буржуазіи черной кости. Вмѣстѣ съ этимъ Положеніе 1864 года утрачивало свой сословный характеръ, поскольку онъ обусловливался преобладаніемъ дворянства. Присущій ему феодально-крѣпостническій отпечатокъ все въ большей мѣрѣ сводился лишь къ тѣмъ сословнымъ ограниченіямъ, которыми оно сковывало крестьянство и главнымъ образомъ пролетарскіе и полупролетарскіе слои его, такъ какъ зажиточные крестьяне, владѣя купленными участками земли, принимали — въ зависимости отъ размѣровъ купчаго владѣнія — прямое или косвенное участіе въ избирательныхъ собраніяхъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, съ развитіемъ капиталистическихъ отношеній Положеніе 1864 года все болѣе и болѣе превращалось изъ санкціи сословныхъ привилегій въ санкцію привилегій буржуазныхъ, имущественныхъ.

Въ эпоху реакціи восьмидесятыхъ и начала девяностыхъ годовъ, въ ряду другихъ попытокъ оперить падающее самодержавіе на подновленное въ качествѣ феодальнаго сословія дворянство, было издано и новое земское положеніе 1890 года, рѣзко выдвигавшее на первый планъ сословный принципъ, сократившее до минимума и поставившее подъ опеку администраціи представительство крестьянъ, понизившее число гласныхъ отъ торгово-промышленнаго класса, и отдавшее болѣе половины всѣхъ мѣстъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ (5.433 изъ 9.523 — 57,1 процента) въ руки дворянъ.

Но жизнь [illegible]е переросла сословныя рамки. Та часть дворянства, запутавшаяся въ долговыхъ обязательствахъ и неумѣющая перестроить свое хозяйство на капиталистическихъ основахъ, которая искала спасенія отъ неминуемаго банкротства въ сохраненіи за собою положенія привилегированнаго феодальнаго сословія, все болѣе и болѣе должна была возлагать свои надежды не на собственныя силы, а на явныя или замаскированныя подачки, бросаемыя ей со стола самодержавной бюрократіи; вмѣстѣ съ этимъ, теряло для нея значительную долю своего интереса участіе въ мѣстномъ самоуправленіи. Всѣ ея надежды связались съ сохраненіемъ феодально-самодержавнаго режима во всемъ государствѣ, и она уходила изъ сферы мѣстнаго самоуправленія, чтобы играть роль царевыхъ слугъ въ мѣстномъ и государственномъ управленіи. Этимъ — въ связи съ слишкомъ высокими цензовыми нормами, стоящими въ противорѣчіи съ непрерывно совершающимся процессомъ дробленія крупныхъ дворянскихъ имѣній — въ значительной степени объясняется тотъ фактъ, что нерѣдко на избирательное собраніе отъ дворянъ являлось меньше лицъ, тѣмъ то число гласныхъ, которое нужно было выбрать.

Но тѣмъ большимъ тормазомъ являлись сословныя рамки, искусственно созданныя Положеніемъ 1890 года, для тѣхъ дворянъ, которые уже успѣли настолько приспособить свое хозяйство къ условіямъ капиталистическаго общества, что чувствовали себя ничѣмъ инымъ, какъ частью всей землевладѣльческой буржуазіи. Въ ихъ глазахъ сословныя рамки должны были выступать только какъ лишнее препятствіе къ объединенію всѣхъ представителей землевладѣнія, необходимому для широкой и упорной защиты ихъ классовыхъ интересовъ. Объ этомъ прямо заявляли нѣкоторые гласные-дворяне: „Система, созданная новымъ положеніемъ (1890 г.), говорилъ гл. Новгор. губернскаго земства Тютрюмовъ, — прямо возбуждаетъ зависть разныхъ элементовъ къ дворянству, лишая солидарности землевладѣніе, которое съ трудомъ удерживается среди всеобщей борьбы, мѣшаетъ землевладѣльцамъ слиться въ одно цѣлое".

Отсюда — естественное стремленіе этой [illegible] части дворянъ отказаться отъ своихъ „сословныхъ привилегій" и вернуться къ „безсословному" Положенію 1864 года, „безсословному", при нынѣшнемъ уровнѣ общественно-экономическаго развитія, для имущихъ классовъ. Конечно, въ этомъ стремленіи своемъ модернизированное дворянство встрѣчаетъ горячую поддержку со стороны землевладѣльческой и торгово-промышленной буржуазіи.

Очерченная же выше эволюція распредѣленія земельной собственности и аграрныхъ отношеній вообще, съ одной стороны, и вызванная необходимостью придать [illegible] борьбѣ земельной буржуазіи за свои интересы не мѣстный, а государственный, политическій характеръ, потребность опереться въ этой борьбѣ на болѣе широкіе круги населенія, съ другой, заставили либеральныхъ земцевъ написать на своемъ знамени другой девизъ: пониженіе земельнаго и имущественнаго ценза.

Но мы уже видѣли, что при современныхъ условіяхъ возвратъ къ Положенію 1864 года съ пониженіемъ ценза составляетъ ничто иное какъ коалицію всѣхъ слоевъ буржуазнаго землевладѣнія (вкупѣ съ зажиточнымъ крестьянствомъ) безъ пролетаріата, городского и сельскаго, и полупролетарскихъ элементовъ крестьянства, а слѣдовательно, въ силу самаго хода вещей, противъ нихъ. Что въ данномъ случаѣ несомнѣнно играла роль не обычная „мудрая" политика либераловъ, опасающихся „разсердить" правительство „неумѣренными" требованіями, а именно узко-эгоистическіе классовые, хотя бы въ значительной степени и не сознаваемые отчетливо интересы буржуазіи, показываетъ тотъ „страхъ передъ народомъ", который съ похвальною откровенностью высказывался столь многими гласными. „Я убѣжденъ, что при переходѣ земскаго дѣла въ руки крестьянъ... пришлось бы поставить крестъ на все земское дѣло", говоритъ консервативный г. Гриммъ въ Саратовскомъ земствѣ. „Эта масса (крестьянская бѣднота) могла бы волною захлестнуть другіе слои болѣе развитыхъ классовъ", вторитъ ему либеральный г. Львовъ. „Другое дѣло соединять такія общественныя группы, которыя способны къ сліянію, гдѣ можетъ установиться извѣстная однородность пониманія; тогда достигнется и цѣль сплоченія общества".

Мы уже видѣли, какова эта „цѣль", дѣлающая необходимымъ устраненіе пролетарскихъ и полупролетарскихъ элементовъ отъ участія въ мѣстномъ самоуправленіи. Между тѣмъ, не говоря уже о принципіальномъ значеніи выставленія либеральными земцами тѣхъ или иныхъ лозунговъ, особенно въ области избирательнаго права, какъ показателей того, какъ далеко намѣрены идти въ своихъ требованіяхъ при крушеніи самодержавія эти господа, уже теперь предъявляющіе притязанія на право „говорить съ правительствомъ отъ имени народа"; не говоря уже объ этомъ, пролетаріатъ кровно заинтересованъ въ ходѣ дѣлъ мѣстнаго самоуправленія, облагающаго его налогами, распоряжающагося дѣломъ народнаго образованія и врачебной помощи, завѣдующаго санитарнымъ надзоромъ, издающаго обязательныя правила о порядкѣ производства работъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ и т. д. и т. д. И именно потому, что онъ въ этомъ кровно заинтересованъ, земцы выставляютъ требованіе о недопущеніи его къ участію въ самоуправленіи. Мнимые „представители народа" отрекаются отъ него въ тотъ самый моментъ, когда заходитъ рѣчь о представительствѣ народа!

Но если классовой инстинктъ заставляетъ земцевъ заглушать внушенія политическаго разума, повелительно диктующаго имъ необходимость искать въ народѣ опоры для своихъ „либеральныхъ" требованій; если земцы не хотятъ идти съ народомъ, то народъ сумѣетъ завоевать свободу безъ нихъ и противъ нихъ. Дѣло соціальдемократіи разъяснить пролетаріату, городскому и сельскому, истинное значеніе политической дѣятельности земствъ, и тогда пролетаріатъ сумѣетъ заставить земцевъ — подъ страхомъ политической смерти — идти дальше, чѣмъ это имъ диктуетъ ихъ классовая буржуазная психологія.

Только выставивъ на своемъ знамени совершенно открыто и недвусмысленно требованіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права для всѣхъ гражданъ и во всѣ представительныя учрежденія, либеральные земцы могутъ разсчитывать встрѣтить въ организованномъ пролетаріатѣ союзника въ дѣлѣ достиженія этой ближайшей задачи; безъ такого лозунга и въ этой ограниченной сферѣ борьбы пролетаріата за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи, земцы будутъ для него противникомъ, котораго необходимо побѣдить одновременно съ самодержавіемъ для достиженія ближайшей политической задачи соціальдемократической партіи — завоеванія демократической республики.

Съ народомъ противъ самодержавія или съ самодержавіемъ противъ народа — такова въ концѣ концовъ будетъ дилемма, которая встанетъ передъ либеральнымъ земствомъ, и ему не мѣшаетъ теперь же подумать о ней.

ЗАБАВНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

> **Margarete.** Das ist alles recht schön und gut;
> Ungefähr sagt das der Pfarrer auch,
> Nur mit ein bischen andern Worten.
> . . . .
> **Faust.** Liebes Kind!
>
> Gœthe, Faust.

Въ № 37 „*Освобожденія*" г. Независимый распространяется о моей статьѣ „*Чего не дѣлать*", напечатанной въ № 52 нашего органа. Онъ довольно лестно отзывается о ней и сожалѣетъ только о томъ, что я недостаточно послѣдователенъ. Ему хотѣлось бы, чтобы я взглянулъ на взаимныя отношенія либераловъ и соціальдемократовъ съ той самой точки зрѣнія, съ которой я смотрю на обязанности нашего центра по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ нашей партіи. Но ему кажется, что я не рѣшаюсь поступать такъ, и, огорченный слабостью моей субъективной логики, онъ возлагаетъ свои пріятныя упованія на объективную логику жизни. „Намъ особенно цѣнно, — говоритъ онъ, — что взгляды автора статьи суть не отвлеченныя убѣжденія, а, наоборотъ, вопреки всѣмъ теоретическимъ убѣжденіямъ были, такъ сказать, съ бою завоеваны самою жизнью, вынуждены тѣми неумолимыми требованіями, которыя она предъявляетъ къ реальной политической работѣ русскихъ революціонеровъ. Именно въ этомъ лежитъ ручательство, что [illegible] не погибнутъ, а разовьются и будутъ широко пр[illegible] взгляды [illegible] фактически использованы."

Я тоже очень твердо убѣжденъ въ томъ, ч[illegible] въ недалекомъ будущемъ восторжествуютъ на[illegible]то мои взгляды [illegible] практикѣ. Но я пришелъ къ этому убѣжденію совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ былъ приведенъ къ нему г. Независимый, и чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ статью этого публициста, — носящую знаменательное названіе „*Знаменательный поворотъ*", — тѣмъ яснѣе [illegible] что между нами существуетъ огромное и забавное недоразумѣніе. Пусть извинитъ меня г. Независимый, если я прямо скажу ему, что онъ обнаруживаетъ наивность, достойную гетевской Грэтхенъ. Эта бѣдная дѣвушка смѣшала, какъ извѣстно, пантеистическую философію Фауста съ тѣмъ, что говоритъ, только въ другихъ выраженіяхъ, приходскій священникъ. А г. Независимый смѣшалъ сказанное мною объ обязанностяхъ россійскаго соціальдемократическаго центра съ тѣмъ, что проповѣдуетъ теперь, „только немножко другими словами“, бывшій марксистъ г. Петръ Струве. Въ виду этой трогательной наивности, — которую я не смѣю считать *притворной*, — у меня, какъ у Фауста, вырывается невольное восклицаніе: милый ребенокъ! Но если Фаустъ не нашелъ нужнымъ вывести Грэтхенъ изъ ея умилительнаго заблужденія, то я, напротивъ, вижу себя вынужденнымъ замѣтить г. Независимому, что взгляды, высказанные мною въ статьѣ „*Чего не дѣлать*“, ни мало не похожи на политическую философію г. редактора „*Освобожденія*“ и прочихъ священнослужителей россійскаго либерализма. Эта разница объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что Фаустъ былъ влюбленъ въ Маргариту, между тѣмъ какъ чувства, питаемыя мною по отношенію къ указаннымъ священнослужителямъ, имѣютъ очень мало общаго съ любовной страстью. Но какъ бы тамъ ни было, а объясниться намъ необходимо.

По словамъ г. Независимаго, моя статья „вѣско и неопровержимо доказываетъ, что *радикализмъ требованій не тождественъ и не связанъ необходимо съ радикализмомъ пріемовъ осуществленія требованій* (курсивъ г. Независимаго). Открытое и рѣшительное заявленіе этой мысли, хотя бы съ частной цѣлью и безъ признанія всѣхъ вытекающихъ изъ нея выводовъ составляетъ заслугу сотрудника „Искры“ и отрадный симптомъ побѣды реалистическаго пониманія надъ доктринерскимъ утопизмомъ“.

Горячо благодаря г. Независимаго за это поздравленіе съ „побѣдой“, я позволю себѣ спросить его, гдѣ именно говорится у меня о *радикализмѣ требованій* въ его отношеніи къ *радикализму пріемовъ?* Г. Независимый обѣщалъ привести in extenso наиболѣе характерныя мѣста моей статьи, „откидывая детали, касающіяся исключительно партійныхъ злобъ дня“. Почему же онъ *не сдержалъ этого обѣщанія?* Почему онъ „откинулъ“ именно то мѣсто, гдѣ „вѣско и неопровержимо“ доказывается мысль, принятая имъ за главную мысль моей статьи? На этотъ, весьма естественный вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ, едва ли очень „отрадный“ для г. Независимаго: *потому что у меня совсѣмъ не говорится ни о радикализмѣ требованій, ни о радикализмѣ пріемовъ, ни о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ радикализмовъ.* Г. Независимый приписалъ мнѣ мысль, которую ему, какъ видно, хотѣлось найти въ моей статьѣ, но которой я на самомъ дѣлѣ не высказывалъ и не доказывалъ ни слабо, ни „неопровержимо“, ни „вѣско“, ни легкомысленно. Что сказать о такомъ „пріемѣ“ изложенія чужихъ статей? Не знаю, какъ кто, а я не вижу въ немъ ни „заслуги“, ни даже просто „отраднаго симптома“.

Г. Независимый говоритъ, что „соображенія“, высказанныя мною въ статьѣ „*Чего не дѣлать*“, резюмируются въ слѣдующихъ моихъ строкахъ:

„Все течетъ, все измѣняется. Наши пріемы дѣятельности тоже не могутъ оставаться безъ перемѣнъ. Чеховскій „человѣкъ въ футлярѣ“ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда, даже въ хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. Намъ, соціальдемократамъ, футляры не къ лицу, и было бы очень смѣшно и очень плохо, если бы мы не сообразовались съ требованіями политической погоды“.

Въ этихъ строкахъ заключается основное положеніе моей статьи, изъ котораго въ самомъ дѣлѣ вытекаетъ тотъ выводъ, что радикализмъ пріемовъ вовсе не всегда обязателенъ въ интересахъ радикализма требованій. Но изъ него вытекаетъ также очень много другихъ выводовъ и, между прочимъ, тотъ, что очень невысока цѣнность людей, которые, подобно германскимъ и россійскимъ „ревизіонистамъ“, дѣлаютъ изъ умѣренности и аккуратности настоящую „догму“. Какъ бы основательны ни были всѣ такіе *выводы*, надо помнить, что каждый изъ нихъ въ отдѣльности несравненно *болѣе узокъ*, чѣмъ то *положеніе*, изъ котораго онъ вытекаетъ, и что, поэтому, ставить тотъ или другой изъ нихъ на мѣсто этого положенія значитъ учинять самую невѣроятную и самую непозволительную путаницу понятій. Если публицистъ „Освобожденія“ учинилъ такую путаницу, то я имѣю право видѣть въ его странномъ поступкѣ нѣкій „симптомъ“, характеризующій все его міросозерцаніе. На этотъ „симптомъ“ стоитъ обратить вниманіе. Почему изъ весьма многочисленныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ основного положенія моей статьи, г. Независимый выбралъ только тотъ, согласно которому радикализмъ требованій не всегда долженъ вести за собою радикализмъ пріемовъ? И почему этотъ выводъ такъ понравился ему, что онъ объявилъ его главной мыслью моей статьи? Дѣло ясно. Г. Независимый самъ принадлежитъ къ почтенному лагерю людей, возводящихъ въ „догму“ умѣренность и аккуратность; онъ самъ сидитъ *въ футлярѣ этой „догмы“* и потому, естественно, пріурочиваетъ къ ней все то, что долетаетъ до него сквозь толстую крышку футляра. Онъ насквозь пропитанъ буржуазной „догмой“, и мнѣ остается только хохотать, когда я слышу его разсужденія о вредѣ догматизма и о пользѣ широкихъ взглядовъ. Врачу, исцѣлися самъ!

Если бы „публицистъ“ „*Освобожденія*“ не былъ ослѣпленъ узкимъ догматизмомъ умѣренности и аккуратности, онъ понялъ бы, что главная мысль статьи „*Чего не дѣлать*“ идетъ въ разрѣзъ со всей философіей, проповѣдуемой образованными представителями нашей либеральной буржуазіи. Если все течетъ, все измѣняется; если у политическаго дѣятеля, преслѣдующаго великую историческую цѣль и имѣющаго, какъ говорятъ французы, le diable au corps (чорта въ тѣлѣ), можетъ и должно оставаться неизмѣннымъ одно только желаніе во что бы то ни стало добиться побѣды; если все остальное имѣетъ для него лишь относительную цѣнность, то ясно, что *принципъ цѣлесообразности* является главнѣйшей заповѣдью его *практическаго разума*. Для такого дѣятеля во всякое данное время наилучшее *средство* есть то, которое вѣрнѣе всѣхъ другихъ ведетъ къ *цѣли*. Я думаю, что такой дѣятель совершенно правъ; но я думаю такъ единственно потому, что моя философія происходитъ по прямой линіи отъ *Гегеля*, а въ политикѣ я стою на точкѣ зрѣнія партіи, которая выражаетъ и отстаиваетъ „разрушительныя“ стремленія *революціоннаго пролетаріата* и потому *не можетъ не держаться* того убѣжденія, что *народное благо — высшій законъ*. А согласимо ли это убѣжденіе съ тѣми ученіями о нравственности, которыя такъ старательно распространяются теперь образованными представителями россійской буржуазіи, — т. е. единомышленниками г. Независимаго, — и которыя, при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи, всѣ одинаково тѣсно связаны съ моралью *Канта* и всѣ одинаково хорошо показываютъ, что *буржуазія* не утрачиваетъ духа *консерватизма* даже тогда, когда проникается *освободительными* стремленіями? Нѣтъ, съ *этими* ученіями указанное убѣжденіе совершенно несогласимо, и г. Независимый обнаружилъ наивность Маргариты именно тогда, когда вообразилъ, что статья, насквозь проникнутая этимъ убѣжденіемъ, „*знаменуетъ поворотъ*“ въ сторону политической философіи современнаго либерализма. Когда я писалъ свою статью, я напередъ зналъ, что ее поймутъ *не всѣ* читатели: вѣдь если бы она была сразу понята *всѣми*, то это значило бы, что она содержитъ въ себѣ лишь самыя избитыя истины. Но я думалъ, что классовый инстинктъ подскажетъ публицистамъ „*Освобожденія*“, въ чемъ заключается истинное содержаніе моей статьи, и побудитъ ихъ высказать мнѣ строгое порицаніе за мою революціонную „безнравственность“. Вышло не такъ. Г. Независимый, позабывъ своего либеральнаго Моисея и своихъ не менѣе либеральныхъ пророковъ, поспѣшилъ со мною „роднымъ счесться“. Это до такой степени странно, что я до сихъ поръ преисполненъ изумленія.

Gretchen!
Wo steht dein Kopf?

Либеральная Грэтхенъ думаетъ, что мысли, высказанныя въ моей статьѣ, были навязаны мнѣ жизнью, „вопреки всѣмъ теоретическимъ положеніямъ“. Выходитъ, что, по мнѣнію Грэтхенъ, мысли эти стоятъ въ противорѣчіи съ теоретическими основами моихъ политическихъ взглядовъ. Это опять страшно наивно. Я предлагаю „милому ребенку“ попробовать доказать мнѣ, что, напримѣръ, содержаніе книги „*Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію*“[1]) хотя бы чуть-чуть, хотя бы на одну іоту противорѣчитъ тому, что я говорю въ статьѣ „*Чего не дѣлать*“. Грэтхенъ никогда не докажетъ этого по той причинѣ, что и нельзя доказать это. Статья „*Чего не дѣлать*“ представляетъ собою лишь послѣдовательное примѣненіе къ частному случаю общихъ теоретическихъ взглядовъ, излагаемыхъ и защищаемыхъ Бельтовымъ. Чтобы не понимать этого, нужно опять таки сидѣть въ футлярѣ и воображать, что всѣ тѣ, которые не соглашаются лѣзть въ него, страдаютъ „прямолинейностью извѣстной птицы“.

Но допустимъ, что милая Грэтхенъ не сдѣлала промаха, не погрѣшила противъ либеральной морали, неожиданно одобривъ статью, провозглашающую принципъ цѣлесообразности верховнымъ принципомъ въ политикѣ. Тогда намъ все таки нужно будетъ помнить, что далеко не всѣ тѣ, которые признаютъ этотъ принципъ, могутъ идти вмѣстѣ. Если одинъ преслѣдуетъ *одну* цѣль, а другой — *другую*, то принципъ цѣлесообразности — рѣшительнѣе и явственнѣе, чѣмъ всякій другой, — предписываетъ имъ „*разойтись розно*“. А это — именно тотъ случай, который мы имѣемъ передъ собою теперь. „Независимая“ Грэтхенъ дѣлаетъ видъ, что и она, подобно мнѣ, обѣими ногами стоитъ въ политикѣ на точкѣ зрѣнія цѣлесообразности. Я, съ своей стороны, дѣлаю видъ, что я этому вѣрю, но цѣль милаго ребенка — или того, кто его вдохновляетъ, — уже не для виду только, а на самомъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобы *завоевать политическую свободу, но въ то же время помѣшать пролетаріату дойти до полнаго сознанія враждебной противоположности своихъ интересовъ съ интересами буржуазіи*. Моя же цѣль, — и опять не для виду только, а на самомъ дѣлѣ, — заключается въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе довести рабочій классъ до этого сознанія. Я убѣжденъ, — и то, что чуть не ежедневно происходитъ на нашихъ глазахъ, та жизнь, на которую ссылается Грэтхенъ, какъ нельзя лучше обнаруживаетъ правильность моего убѣжденія, — что *даже борьба съ абсолютизмомъ будетъ становиться у насъ тѣмъ рѣшительнѣе и тѣмъ побѣдоноснѣй, чѣмъ скорѣе и чѣмъ больше нашъ пролетаріатъ проникнется идеями революціонной соціальдемократіи*. Съ точки зрѣнія *моей цѣли* дѣятельность Грэтхенъ и ея внушителей представляется и должна представляться мнѣ *вредной, по скольку эта дѣятельность направлена на затемненіе классоваго самосознанія пролетаріата*. Поэтому принципъ цѣлесообразности побуждаетъ меня *бороться съ единомышленниками Грэтхенъ, а не сближаться съ ними*. Правда, дѣятельность людей этого направленія имѣетъ въ моихъ глазахъ *не одно только вредное* значеніе, такъ какъ они стремятся не *только* къ затемненію классоваго самосознанія пролетаріата: какъ я уже сказалъ, они въ то же время стараются добиться политической свободы. Въ качествѣ врага царскаго самодержавія я не могу не признать, что *эта сторона* ихъ дѣятельности *полезна*, хотя умѣренность и аккуратность, свойственныя имъ и усердно возводимыя ими въ политическую добродѣтель, не позволяютъ имъ принести нашей странѣ всю ту пользу, которую они могли бы принести ей. Я готовъ поддерживать ихъ каждый разъ, когда они будутъ готовиться нанести ударъ царизму, и жалѣю только о томъ, что въ этой области они до сихъ поръ „поспѣшаютъ съ медленностью“. Но для того, чтобы *поддерживать ихъ* въ такихъ случаяхъ, мнѣ и моимъ единомышленникамъ вовсе и не нужно становиться съ ними подъ одно знамя. Скажу больше. Если бы мы стали подъ одно знамя съ ними, то мы неизбѣжно и очень значительно ослабили бы революціонную энергію пролетаріата, что могло бы быть полезно только царизму. Поэтому такой шагъ, какъ видно очень желательный для Грэтхенъ, заслуживалъ бы самаго строгаго осужденія съ точки зрѣнія того самаго политическаго разсчета, о которомъ она такъ неумѣло распространяется. Въ статьѣ „*Чего не дѣлать*“ я дѣйствительно совѣтую своимъ товарищамъ сдѣлать *поворотъ*, но только вовсе не въ сторону духовнаго сближенія съ либеральной буржуазіей. Совсѣмъ напротивъ. Тотъ поворотъ, который я имѣю въ виду и который я настоятельно рекомендую, — поворотъ къ болѣе широкому практическому кругозору, — впервые сдѣлаетъ изъ насъ, соціальдемократовъ, объединенную и сплоченную политическую партію пролетаріата, а только такая партія и можетъ послужить надежнымъ оплотомъ противъ вторженія въ нашу рабочую среду буржуазныхъ вліяній.

Грэтхенъ этого не понимаетъ и не подозрѣваетъ. Это ея право и ея дѣло. *Ея* недогадливость меня очень забавляетъ и ни капельки не печалитъ. Но хотя я и ожидалъ недоразумѣній, мнѣ всетаки жаль, что нѣкоторые мои товарищи тоже увидѣли въ моей статьѣ какое-то намѣреніе уступить какому-то оппортюнизму. *Отъ нихъ* я могу требовать несравненно большаго, чѣмъ отъ г. Независимаго. Недоразумѣніе, идущее съ ихъ стороны, уже не забавляетъ меня, а наводитъ на меня грусть. Но объ этомъ *грустномъ недоразумѣніи* я поговорю въ слѣдующей статьѣ, гдѣ мнѣ придется отмѣтить также и то ехидное злорадство, то злостное хихиканье, съ которыми отнеслись къ новымъ несогласіямъ въ нашей средѣ наши братья (на манеръ Каина) соціалисты-реакціонеры. Это „братское“ злорадство и это „товарищеское“ хихиканье поучительны во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ, они еще разъ чрезвычайно ясно показываютъ всѣмъ намъ, *чего намъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ дѣлать*.

Г. Плехановъ.

---

[1]) Теперь уже нѣтъ никакой надобности скрывать, что она написана мною.

АНТИСЕМИТИЗМЪ, АССИМИЛЯЦІЯ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА.

(Письмо въ редакцію.)

Я — противникъ Бундовской политики обособленія, политики *своего* прихода, и считаю, что пышный расцвѣтъ Бунда въ періодъ организаціоннаго хаоса партіи вредно отразился на психологіи его руководителей; широко разлившись среди еврей-

---

Объединеніе россійской соціальдемократіи и ея задачи.

Итоги ликвидаціи кустарничества.

I.

Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ Марксъ, въ своей брошюрѣ „Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта“, характеризовалъ ходъ освободительнаго движенія рабочаго класса въ противоположность „буржуазнымъ революціямъ“, слѣдующимъ образомъ: „Революціи пролетаріата, какова революція девятнадцатаго вѣка, постоянно критикуютъ сами себя, то и дѣло останавливаются на ходу, возвращаются къ, повидимому, уже сдѣланному, чтобы еще разъ начать сначала, жестоко, основательно осмѣиваютъ половинчатость, слабыя стороны и негодность своихъ первыхъ попытокъ“ . . . [1])

Россійская соціальдемократія, Партія пролетарская по своей теоретической основѣ и программѣ, но далеко еще не таковая по соціальному составу и *характеру* своей организаціи, также почти не перестаетъ подвергать себя строгой критикѣ, „то и дѣло останавливается на ходу“ и „жестоко, основательно осмѣиваетъ слабыя стороны“ своей дѣятельности. Но она поступаетъ такъ не только стихійно, непроизвольно; она обязана сознательно, систематически зорко слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ и подвергать строжайшей критикѣ всякую обнаружившуюся односторонность или ошибку въ своей тактикѣ. Обязана именно потому, что она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, она, пока, является еще преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди революціонной интеллигенціи. Кромѣ того, въ Россіи дѣло идетъ еще не о „революціи пролетаріата“ въ смыслѣ завоеванія имъ диктатуры, а только объ освобожденіи всего населенія имперіи отъ политическаго рабства, т. е. о революціи буржуазной. И само тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и къ пролетаріату объективно, исторически, въ конечномъ счетѣ, вызывается и обусловливается не классовой борьбой послѣдняго, а общедемократической потребностью всѣхъ классовъ избавиться отъ гнета пережитковъ крѣпостнической эпохи, [illegible] націй и кастъ. Вліяніе пролетарскаго или соціальдемократическаго элемента въ современномъ революціонномъ движеніи Россіи можетъ выразиться лишь въ томъ, что подготовительный процессъ буржуазной революціи явится въ тоже время процессомъ политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ въ партію революціоннаго соціализма. Задача и долгъ Россійской соціальдемократіи заключаются именно въ томъ, чтобы обратить, такимъ путемъ, предстоящую ликвидацію сословнаго и самодержавно-бюрократическаго строя въ непосредственный прологъ классовой борьбы пролетаріата, уже съ непосредственной цѣлью политической экспропріаціи буржуазіи, для совершенія революціи соціалистической. Но въ то время, какъ элементы, благопріятные для осуществленія этой, спеціально соціальдемократической, задачи должны быть еще отысканы и во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изучены, въ то время, какъ умѣнье или искусство пользоваться ими можетъ быть пріобрѣтено только путемъ значительныхъ усилій мысли и воли, историческая стихія, нѣкоторыми своими сторонами, сама толкаетъ наше движеніе въ сторону буржуазнаго революціонизма — на перекоръ нашимъ желаніямъ и нашему сознанію. Этотъ двусторонній, исторически противорѣчивый характеръ положенія и задачъ нашей Партіи, прямо налагаетъ на нее обязанность „то и дѣло останавливаться на ходу“, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ „половинчатости, слабыхъ сторонахъ и негодности своихъ первыхъ попытокъ“. Въ современныхъ условіяхъ развитія нашей Партіи каждая ея ошибка, каждый ложный или односторонній шагъ можетъ повести къ тому, что, вмѣсто того, чтобы подготовительный процессъ нашей буржуазной революціи послужилъ орудіемъ и рычагомъ для „революція пролетаріата“, наоборотъ наше рабочее движеніе само низведено будетъ до роли простого орудія въ этомъ процессѣ. Для предупрежденія такого непріятнаго сюрприза со стороны слѣпыхъ силъ исторіи, у соціальдемократіи одно только средство и есть: постоянная самокритика, подъ угломъ зрѣнія своихъ принциповъ и классовыхъ интересовъ пролетаріата.

Такой процедурѣ мы впервые подвергали себя наканунѣ перехода на путь массовой агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній рабочихъ съ ихъ хозяевами. Втеченіе этого періода движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетаріатѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его и подняло ихъ революціонную активность. Политическій итогъ періода экономической агитаціи, ограниченной узкими рамками профессіональныхъ или групповыхъ интересовъ, выступилъ наружу въ революціонныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ у насъ первый годъ новаго вѣка. Рабочіе тысячами рвались въ бой съ царскими опричниками, но соціальдемократія оказалась совершенно неподготовленной для руководства массами въ такіе бурные моменты. Рабочіе пошли бы за кѣмъ угодно. Но другой революціонной партіи, кромѣ соціальдемократической, совсѣмъ не оказывалось на лицо. Это обстоятельство и спасло ее. Если бы въ этотъ періодъ на аренѣ политической борьбы оказалась сколько нибудь организованная буржуазно-революціонная фракція, способная стать во главѣ революціонно настроенныхъ рабочихъ массъ, наша Партія сразу оттѣснена была бы на задній планъ и, быть можетъ, надолго лишилась бы всякаго серьезнаго общественнаго значенія.

Крупные факты наглядно и ярко оправдали, такимъ образомъ, критику теоріи и практики такъ называемаго экономизма, начавшуюся еще въ изданіяхъ группы „Освобожденіе Труда“ и продолжавшуюся „Искрой“. Несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ Партіи съ одной стороны, и запросами, предъявленными къ ней стихійно разрѣшившимися событіями, съ другой, было такъ велико, такъ сильно бросалось въ глаза, что и самые недальновидные изъ практиковъ должны были увидѣть наиболѣе явные недочеты истекавшаго періода и понять необходимость программнаго и организаціоннаго объединенія соціальдемократіи.

Критика и даже „нетоварищескіе“ полемическіе пріемы революціонныхъ соціальдемократовъ или „ортодоксальныхъ“ марксистовъ нашли для себя воспріимчивую почву, — и скоро лозунгъ „долой организаціонную анархію и да здравствуетъ сплоченіе всѣхъ силъ соціальдемократіи въ одну строго централизованную организацію!“ сталъ общимъ кличемъ большинства членовъ нашей Партіи.

Въ настоящій моментъ этотъ лозунгъ сталъ реальнымъ фактомъ. Недавно состоявшійся второй съѣздъ Россійской Соціальдемократ. Раб. Партіи осуществилъ объединительное стремленіе огромнаго большинства нашихъ товарищей. Теперь, казалось бы, можно намъ, если и не успокоиться на лаврахъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть отдохнуть отъ самокритики и всецѣло предаться „положительной работѣ“. Къ сожалѣнію, дѣло не совсѣмъ такъ обстоитъ. Съѣздъ долженъ былъ радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествующими періодами. Для этого ему необходимо было бы ясно опредѣлить тѣ задачи, которыя объединенная Партія должна будетъ преслѣдовать, и намѣтить тѣ пути, которыми она должна ихъ осуществлять. Дѣло съѣзда было также выработать директиву или указанія центральнымъ учрежденіямъ на счетъ предварительныхъ работъ, необходимыхъ для подготовленія Партіи къ расширенію круга ея задачъ и арены дѣятельности. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Съѣздъ удовлетворился обсужденіемъ и утвержденіемъ программы, выработкой устава и выборомъ членовъ въ Ц. О. и Ц. К. Затѣмъ, большинство делегатовъ разъѣхалось въ наивной увѣренности, что они радикально покончили съ ликвидаціей періода младенчества нашего движенія, не подозрѣвая даже, что теперь то именно, послѣ формальнаго объединенія Партіи, передъ нами во всей своей исторической конкретности и сложности, выдвигается на очередь вопросъ: „Что дѣлать“? Делегаты проявили чрезвычайно много страстности, когда рѣчь шла о деталяхъ устава, о составѣ, іерархіи и взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ партійныхъ учрежденій, но большинство изъ нихъ, повидимому, и не догадывалось, что жизнеспособность новой организаціи будетъ прямо пропорціональна объему и значенію того содержанія, которое она внесетъ въ движеніе. Торжество централизма въ нашемъ организаціонномъ механизмѣ кажется имъ, очевидно, само по себѣ равносильнымъ устраненію всѣхъ изъяновъ и недочетовъ въ Россійской Соціальдемократіи; въ централизмѣ они видятъ нѣчто самодовлѣющее, родъ всеспасающаго, чудеса творящаго талисмана.

---

[1]) Русскій переводъ Кричевскаго стр. 11.

скаго пролетаріата, бундовское движеніе сузилось въ своемъ теоретическомъ анализѣ подъ вліяніемъ той рамки, въ которую оно замкнулось. Обособившись отъ всероссійскаго движенія, бундисты могли болѣе энергично развивать свои организаціи, но имъ не удалось сохранить въ достаточной чистотѣ и широтѣ основные принципы научнаго соціализма. Пролетарское движеніе, по самому существу своему, по лежащей въ основѣ его идеѣ, не можетъ не быть международнымъ, интернаціональнымъ, и привнесеніе въ него элементовъ, чуждыхъ международному характеру, — есть уже измѣна ему. Только различной политической атмосферой, въ которой приходится бороться пролетаріату, и объясняется необходимость распаденія пролетаріата на отдѣльныя національныя или государственныя арміи для того, чтобы скорѣе разрушить эти самыя перегородки; только этимъ оно объясняется, только этимъ и оправдывается.

Бундъ не могъ удержаться на высотѣ такого отношенія къ дѣлу. Подъ тяжестью своихъ побѣдъ онъ скатился *внизъ*, въ долину „національныхъ" интересовъ. Туда же влекло его развившееся въ еврействѣ за послѣднее время, подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, чувство національнаго самосознанія, выразившееся въ національныхъ теченіяхъ различной интенсивности и окраски. Тамъ, внизу, въ атмосферѣ національныхъ теченій, руководителямъ Бунда легче дышалось, чѣмъ на высотахъ международности, куда имъ еще нужно было бы тянуть и себя и пролетаріатъ.

Относясь, такимъ образомъ, отрицательно къ позиціи, занятой Бундомъ по отношенію ко всей Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи, соглашаясь съ „Искрой" и всѣми дѣйствующими въ Россіи комитетами Партіи въ томъ, что Бундъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ частью Партіи, подобной другимъ ея частямъ, — я рѣшительно, однакожъ, высказываюсь *противъ* нѣкоторыхъ аргументовъ, выставляемыхъ авторомъ передовой статьи въ № 51 „Искры". Авторъ статьи разбиваетъ доводы Бунда на три группы: логическую, историческую и націоналистическую. Доказавъ схоластичность первой, „хвостизмъ" второй, авторъ переходитъ затѣмъ къ третьей, и здѣсь сразу занимаетъ не ту позицію, какую нужно для оправданія точки зрѣнія Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи. Онъ начинаетъ доказывать, что *евреи не нація*.

Если бы это даже можно было доказать, то къ чему это? Несостоятельность Бундовской позиціи обусловливается не тѣмъ обстоятельствомъ, что „*евреи не нація*". По отношенію къ армянамъ, латышамъ, грузинамъ, — мы, въ вопросѣ объ ихъ мѣстѣ въ Партіи, придерживаемся тѣхъ же взглядовъ, какъ и по отношенію къ Бунду, а вѣдь не станетъ авторъ отрицать, что грузины, армяне — націи. Если въ еврейской массѣ существуетъ національное самосознаніе, если данная группа людей желаетъ называться *еврействомъ*, если она находитъ, что общее происхожденіе, общая старая культура объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, что этотъ испорченный языкъ (жаргонъ) отлично обслуживаетъ и объединяетъ ихъ въ коллективность, которую они желаютъ называть *еврейской націей*, — то наше ли дѣло — да и нужно ли намъ, будемъ ли мы, наконецъ, правы... утверждать, что вы, молъ, не нація, такъ какъ не имѣете ни языка, ни земли, а Каутскій доказалъ, что только эти два признака даютъ право называться націей? *Такъ какъ охарактеризованное выше національное самоопредѣленіе не противорѣчитъ классовой борьбѣ*, то мы — если и имѣемъ охоту заниматься изысканіями по части этихъ вопросовъ — во всякомъ случаѣ не имѣемъ права изъ этихъ нашихъ изысканій дѣлать руководящіе выводы, насилующіе право на самоопредѣленіе, потому что это собственно и есть вѣдь то „право націи на самоопредѣленіе", которое категорически признается нашей и всякой другой соціальдемократической программой. Если бы это право могло мѣшать или противорѣчить классовой борьбѣ, то ему не было бы, понятно, мѣста въ нашихъ программахъ.

Взявъ на себя совершенно неподходящую задачу доказывать евреямъ, что они не нація, авторъ въ дальнѣйшемъ договаривается до такихъ вещей, какъ рекомендація евреямъ *ассимиляціи*, *какъ единственнаго средства противъ антисемитизма*. Вѣдь что, въ сущности, этотъ совѣтъ означаетъ? Онъ означаетъ, что пока евреи будутъ такими, каковы они теперь, въ настоящее время, — ихъ всегда будутъ ненавидѣть; что ненависть къ нимъ есть естественная реакція окружающихъ еврейство народностей на то, что есть „еврейство"; это означаетъ, что другихъ средствъ, кромѣ уничтоженія еврейства, какъ таковаго, нѣтъ!..

Здѣсь такъ много неправильнаго, что не знаешь, съ чего начать.

И прежде всего, не чувствуетъ ли авторъ статьи, какъ много въ томъ a priori, которое положено въ основу всего этого разсужденія и которое авторъ выражаетъ въ такъ понравившейся ему цитатѣ изъ Накэ: „евреи только продуктъ противоестественнаго подбора", не чувствуетъ ли авторъ, какъ много въ этомъ a priori общаго... съ основными взглядами антисемитовъ, считающихъ евреевъ вреднымъ и негоднымъ народомъ?

Затѣмъ, сказать, что ассимиляція — это единственное средство борьбы съ антисемитизмомъ, — это значитъ дать антисемитизму патентъ, если не на безсмертіе, то во всякомъ случаѣ на очень и очень продолжительное существованіе. Такого мнѣнія и Каутскій. Въ своей статьѣ: „*Кишиневская рѣзня и еврейскій вопросъ*", переведенной въ № 42 „Искры", изъ которой я въ дальнѣйшемъ и буду цитировать взгляды Каутскаго, онъ говоритъ: „Она (обособленность) является продуктомъ тысячелѣтняго развитія, и ассимиляція съ прочимъ населеніемъ не создается однимъ ударомъ". Что же пока? Неужели нѣтъ никакихъ средствъ? „Пока же, говоритъ непосредственно дальше Каутскій, эта обособленность существуетъ, только одно средство мы можемъ ей противопоставить — это просвѣщеніе народныхъ массъ". Это замѣчаніе звучитъ въ достаточной степени меланхолично. Значитъ, *пока* приходится довольствоваться не столь вѣрнымъ средствомъ. Но, если мы дальше пойдемъ за Каутскимъ въ этой его статьѣ, которая мнѣ представляется не достаточно выдержанной, то мы увидимъ, что уже не такое это слабое и ненадежное средство: „просвѣщеніе народныхъ массъ". Оказывается, что наряду съ ассимиляціей еврейства, революціонное сознаніе массы есть лучшее противоядіе противъ антисемитизма". И выводъ этотъ Каутскій основываетъ уже на историческихъ фактахъ: „Уже съ давнихъ поръ въ Западной Европѣ всякій классъ, революціонно настроенный, стремившійся избавиться отъ пережитковъ прошлаго, не только не проявлялъ вражды, но, напротивъ, выступалъ съ симпатіями къ еврейству". Какъ видимъ, когда Каутскій переходитъ отъ просто „просвѣщенія массъ", къ „*революціонизированію ихъ*", горизонтъ для еврейства нѣсколько проясняется; но еще яснѣе становится будущее, когда Каутскій говоритъ о „*классовой борьбѣ*".

„Въ классовой борьбѣ соціалистическаго пролетаріата исчезаетъ глубоко вкоренившаяся противоположность между неграми и бѣлыми въ Америкѣ, между іудеями и „арійцами" въ Европѣ". Такъ зачѣмъ же намъ говорить объ *ассимиляціи*? Не подтверждается-ли уже въ настоящее время справедливость послѣдняго замѣчанія Каутскаго примѣрами изъ движенія еврейскаго пролетаріата? Не видимъ-ли мы уже теперь *неассимилированныхъ* евреевъ, дружно борящихся рядомъ съ поляками и русскими противъ общаго врага, деспотизма и капитализма? Повторимъ цѣпь посылокъ Каутскаго. Подвергнувъ очень трезвому и научному анализу антисемитизмъ, Каутскій совершенно справедливо опредѣляетъ психологическую основу его: это — ненависть некультурной среды ко всему чужому, непохожему на привычное, обыденное. Евреи, замкнутые въ свои традиціи, всегда рѣзко отличались отъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ имъ приходилось жить; и вотъ почему эти народы ихъ не любятъ, и чѣмъ ниже стоятъ они въ культурномъ отношеніи, тѣмъ благодарнѣе почва для развитія антисемитизма. Мы, слѣдовательно, имѣемъ здѣсь двѣ стороны: 1) *чужіе-евреи* и 2) *некультурная среда*. Въ результатѣ — *антисемитизмъ*.

Ясно, что уничтожить антисемитизмъ можно двумя путями: 1) *чужіе* перестанутъ быть чужими: евреи уподобятся окружающимъ, *ассимилируются*, — тогда, понятно, некого уже будетъ ненавидѣть. 2) — среда перестаетъ быть некультурной и мирно уживается съ „чужими".

Каутскій во главу борьбы ставитъ первый путь и только потому, что на этомъ пути нельзя сразу добиться цѣли, — онъ *пока* предлагаетъ второй. Но что собственно значитъ въ данномъ случаѣ первый путь, путь ассимиляціи? Не что иное, какъ уподобленіе евреевъ *некультурнымъ народамъ*, потому что, если бы эти народы были культурными, то уже задача была-бы рѣшена другимъ путемъ. А дѣло-ли соціальдемократіи заниматься пропагандой такого уподобленія?! И не есть ли то средство, о которомъ Каутскій говоритъ, какъ о средствѣ *пока*, не есть-ли оно единственное и единственно вѣрное, совершенно устраняющее нужду во всѣхъ другихъ? И не есть-ли этотъ второй путь борьбы съ антисемитизмомъ, именно *просвѣщеніе массъ*, но просвѣщеніе свѣтомъ соціализма, свѣтомъ классовой борьбы, не есть ли этотъ второй путь та самая широкая дорога, по которой весь пролетаріатъ всего міра только и можетъ выйти изъ мрака національной ненависти въ царство братства?

Недостатокъ статьи Каутскаго — а у автора передовой статьи № 51 „Искры" этотъ недостатокъ еще рѣзче выраженъ, — состоитъ въ томъ, что онъ смѣшалъ два различныхъ понятія: 1) *уничтоженіе обособленности* и 2) *ассимиляцію*.

Къ каждому изъ этихъ двухъ понятій соціальдемократія должна *различно* относится. Въ то время, какъ мы имѣемъ право и должны требовать не только отъ еврейскаго, но и отъ всякаго вообще пролетаріата, чтобы онъ разрушилъ стѣны, отдѣляющія его отъ его братьевъ-пролетаріевъ, дабы вмѣстѣ, рядомъ они боролись противъ ихъ общаго врага, — въ это же время мы никому *не имѣемъ права и не имѣемъ нужды* говорить: *перестань быть самимъ собой; уподобляйся своимъ сосѣдямъ: старайся, елико возможно, походить на нихъ!* А это именно мы и говоримъ, словомъ: „*ассимилируйся*"!

О, да! Если это врожденное и сросшееся съ тобой твое національное обличіе стоитъ на пути въ твоей классовой борьбѣ, тогда долой его. Но только *тогда*! Однако, при помощи этого единственнаго критерія, этого единственнаго реактива еще не удалось обнаружить негодность ни одной національности: а что касается спеціально еврейства, то какъ разъ наоборотъ — именно этотъ реактивъ не только заставилъ констатировать наличность въ еврействѣ пролетаріата — чѣмъ была разрушена клевета или, если хотите, легенда о томъ, что евреи, это — народъ паразитовъ, ростовщиковъ и т. п., — но и обнаружилъ наличность въ этомъ еврейскомъ пролетаріатѣ общихъ чертъ международной пролетарской психологіи: способность понимать и усваивать соціализмъ, мужество и энергію въ борьбѣ съ деспотизмомъ и капитализмомъ. Почему же вы обращаетесь теперь къ этому пролетаріату съ такимъ, позорящимъ его требованіемъ: ассимилируйся, перестань быть самимъ собой, уподобляйся окружающимъ? Гдѣ тѣ абсолютныя нормы эстетики, съ точки зрѣнія которыхъ вы осуждаете данныя формы рѣчи, обычаевъ, привычекъ еврейскаго пролетаріата? Вы говорите о гармоническомъ соединеніи еврейства и окружающихъ народовъ! Но никогда такое гармоническое соединеніе не явится результатомъ проповѣди ассимиляціи, оно можетъ явится только само собой, какъ естественный результатъ *уничтоженія обособленности*. И такое уничтоженіе обособленности должно быть проповѣдуемо *всѣмъ пролетаріямъ всего міра*. Такъ и дѣлается. Французскому, нѣмецкому, итальянскому пролетаріату проповѣдуется братское, гармоническое соединеніе для борьбы противъ общаго врага, — еврейскому же преподносится проповѣдь ассимиляціи. Значитъ, здѣсь уже выступаетъ на сцену сравнительная оцѣнка національныхъ свойствъ, качествъ, т. е. то, чему не мѣсто въ международномъ классовомъ движеніи, для котораго всѣ эти національныя особенности равноцѣнны.

А что такое — эта проповѣдь ассимиляціи, къ чему она ведетъ, что она даетъ въ результатѣ, — это намъ хорошо извѣстно. Не такъ еще давно мы пережили расцвѣтъ этой проповѣди. Выросшая на почвѣ презрѣнія къ еврейству и еврейскому, она широко „разрабатывалась" либералами недавняго прошлаго и взростила унизительную, позорную фигуру еврея-интеллигента, стыдящагося себя и скрывающаго свое еврейское происхожденіе. Стараясь *ассимилироваться*, уподобиться окружающимъ, — онъ коверкалъ свое имя, произношеніе и старался, чтобы никто по возможности не узналъ его „секрета". Но, что ни говори Накэ, — все таки, несомнѣнно, что только немногимъ „счастливцамъ" это удавалось, а въ другихъ почти всегда можно было открыть „жида", — и какого „жида!" — стыдящагося своего происхожденія! Не мало было такихъ „*ассимилировавшихся*", и даже литература увѣковѣчила такіе типы. И вотъ, такіе типы, способные вызвать только презрѣніе или насмѣшку, ставятся, какъ образецъ! Это они только и смогутъ уничтожить антисемитизмъ?! Несомнѣнно, что ни Каутскій, ни авторъ передовой статьи въ № 51 „Искры" — этого не думаютъ; поэтому я и считаю, что по данному вопросу необходимо высказаться опредѣленнѣе и яснѣе: ни о чемъ другомъ не можетъ быть и рѣчи, у соціальдемократовъ, какъ объ *уничтоженіи обособленности*, а отнюдь не проповѣди *уподобленія окружающимъ (ассимиляціи)*, — иначе говоря: борьба съ антисемитизмомъ вся цѣликомъ заключается *въ классовой борьбѣ сознательнаго пролетаріата*. Резюмирую сказанное въ нѣсколькихъ положеніяхъ:

1) — Вопросъ о томъ, нація ли евреи или нѣтъ?, — не можетъ имѣть никакого значенія при рѣшеніи вопроса о положеніи Бунда въ Партіи; самъ по себѣ вопросъ этотъ долженъ быть предоставленъ дальнѣйшему самоопредѣленію еврейства.

2) Единственнымъ средствомъ, способнымъ уничтожить антисемитизмъ, является классовая борьба сознательнаго пролетаріата. Въ этой борьбѣ разрушаются перегородки, раздѣляющія пролетаріевъ различныхъ національностей; объединенные борьбой съ общимъ врагомъ, они при свѣтѣ соціализма узнаютъ другъ въ другѣ братьевъ, и тогда не можетъ быть мѣста взаимной ненависти.

3) Нельзя смѣшивать проповѣдь объединенія для борьбы, съ проповѣдью *ассимиляціи* — уподобленія однихъ другимъ. Для пролетарскаго объединенія, этого *необходимаго условія* и *неизбѣжнаго слѣдствія* классовой борьбы — нѣтъ нужды *ассимилироваться*, уподобляться.

4) Въ результатѣ объединенія, общей борьбы, братскаго сожитія возможно, что однѣ національности исчезнутъ, ассимилируются, уподобятся другимъ, возможенъ и гармоническій синтезъ изъ различныхъ національностей, возможно, что никакого синтеза не будетъ, — желающіе могутъ заниматься экскурсіями въ область будущаго, но мы, соціальдемократы, не должны изъ результатовъ такихъ изысканій дѣлать руководящіе политическіе выводы и потому 5) мы *не должны — такъ какъ не имѣемъ на то ни исто-*

Это идолопоклонство передъ формальнымъ, механическимъ централизмомъ приходится также поставить въ счетъ недавнему прошлому нашей Партіи, оно есть также наслѣдіе, хотя и косвенное, этого прошлаго.

II.

Въ періодъ „экономизма" борьба рабочихъ съ предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или „чисто" рабочимъ движеніемъ. Агитація политическая представлялась тогда большинству товарищей, какъ антиподъ этого движенія, и откладывалась ими до того времени, когда профессіональная борьба поставитъ рабочія массы лицомъ къ лицу съ самодержавіемъ, какъ съ ихъ непримиримымъ врагомъ. Содержаніе предстоявшей пролетарской политической борьбы въ самодержавной Россіи исчерпывалось для нихъ задачей борьбы съ абсолютизмомъ, точно также, какъ содержаніе экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими изъ конкретныхъ рамокъ повседневнаго антагонизма отдѣльныхъ группъ и профессій съ непосредственными эксплуататорами. Но исторія не ждала того момента, когда пролетаріатъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ своего антагонизма съ „хозяевами", самъ вступитъ въ борьбу съ самодержавіемъ; наоборотъ, она совершенно неожиданно толкнула въ эту борьбу и пролетаріатъ, и самихъ соціальдемократовъ, и при томъ воспользовалась для этого не рабочимъ движеніемъ, а студенческимъ. Прямой импульсъ для первыхъ взрывовъ массового политическаго недовольства данъ былъ студенческими волненіями, и студенчество же явилось застрѣльщикомъ и знаменосцемъ въ нихъ. Соціальдемократы оказались, такимъ образомъ, *стихійно вовлеченными* въ политическую борьбу, а не иниціаторами ея. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на послѣдующій періодъ нашего движенія.

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочихъ массъ при полной дезорганизаціи нашихъ силъ и идейномъ разбродѣ, имѣя въ запасѣ одну только положительную, но абстрактную формулу: „Соціальдемократія должна руководить пролетаріатомъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ". Въ примѣненіи на практикѣ формула эта означала: „необходимо вовлекать все болѣе и болѣе широкія массы" въ эту борьбу. Но „вовлекать" ихъ въ политическую борьбу можно различнымъ образомъ. Соціальдемократическая практика должна, очевидно, и въ данномъ случаѣ принципіально отличаться отъ практики буржуазныхъ партій. Но эта сторона вопроса о политическомъ руководствѣ пролетаріатомъ какъ бы и не существовала для массы нашихъ практиковъ. Съ перемѣщеніемъ центра нашей партійной дѣятельности въ сферу агитаціи на почвѣ общедемократическаго антагонизма пролетаріата съ царскимъ самодержавіемъ, всякое революціонизированіе рабочихъ массъ, съ цѣлью „вовлеченія ихъ въ борьбу" съ нимъ, пріобрѣло въ кругу многихъ соціальдемократовъ такое же значеніе универсальнаго средства классового воспитанія этихъ массъ, какимъ прежде для нихъ была агитація узко-экономическая.

Между *нашими* политическими задачами въ современной Россіи и общедемократической злободневной задачей борьбы съ царско-полицейскимъ режимомъ — лишь бы во главѣ массъ въ этой борьбѣ шла соціальдемократія — поставленъ былъ знакъ равенства. Но если послѣднимъ словомъ соціальдемократическаго трэдъюніонизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ, то послѣднимъ словомъ увлеченія „политикой" въ указанномъ одностороннемъ смыслѣ была бы отдача рабочихъ массъ подъ команду революціонныхъ элементовъ буржуазіи, хотя бы по обстоятельствамъ мѣста и времени элементамъ этимъ и проходилось бы осуществлять свою миссію подъ флагомъ соціальдемократіи.

Эта „конечная" тенденція увлеченія „политикой" въ томъ упрощенномъ смыслѣ, въ какомъ ее понимали „экономисты", довольно отчетливо проявилась наружу въ 1901 г., когда подъ впечатлѣніемъ бурныхъ событій этого года, отовсюду въ нашемъ лагерѣ и въ лагерѣ нашихъ демократическихъ противниковъ началъ раздаваться кличъ: „долой всякія разногласія и междоусобія среди революціонеровъ изъ-за теорій, доктринъ, разныхъ догмъ, и да здравствуетъ объединеніе всѣхъ революціонныхъ силъ для борьбы за свободу". Соціальдемократъ Нестяжатель наивно спрашивалъ на страницахъ „Вѣст. Рус. Рев.": „что же насъ разъединяетъ?" „Насъ" — т. е. соціальдемократовъ разныхъ оттѣнковъ между собою, и ихъ всѣхъ въ совокупности, съ одной стороны, и соціалистовъ-революціонеровъ, съ другой. Явное сочувствіе террору, увлеченіе которымъ грозило ослабленіемъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности въ рабочихъ массахъ, призывы къ коренному измѣненію „въ 24 часа" нашей обычной тактики, разсчитанной на медленный эволюціонный ростъ сознательности рабочей массы, на систематическое воспитаніе ея, и къ такому же скоропалительному созданію боевой организаціи, „способной повести массу на *немедленную* аттаку противъ самодержавія", [1] аттаку, осуществимую — при тогдашнихъ условіяхъ — только путемъ быстраго подбора и сплоченія чисто боевыхъ, т. е. военныхъ силъ революціи, — все равно, къ какой бы партіи онѣ ни принадлежали, на почвѣ какихъ бы принциповъ онѣ ни стояли — въ особую, т. е. сверхпартійную организацію — наконецъ, въ логической или психологической связи со всѣмъ этимъ, ослабленіе принципіальной противоположности между воззрѣніями соціальдемократіи и другихъ революціонныхъ элементовъ — таковы симптомы и проявленія того крупнаго поворота въ настроеніи товарищей, которое вызвано было стихійнымъ вовлеченіемъ нашей партіи на арену непосредственной борьбы съ абсолютизмомъ. Этотъ поворотъ грозилъ намъ ни болѣе, ни менѣе, какъ принципіальнымъ и политическимъ обезличиваніемъ соціальдемократическаго и всего рабочаго движенія въ Россіи.

Революціонная соціальдемократія рѣзко выступила противъ этихъ тенденцій, опираясь при этомъ на такіе реальные факты, какъ громадный ростъ массового рабочаго движенія и тѣсная связь — практическая и идеальная, — создавшаяся между нимъ и нашей партіей въ періодъ экономизма. Немало благопріятствовали ей и несостоятельность такъ называемыхъ „соціалистовъ революціонеровъ" и пропасть, раздѣлявшая ихъ отъ тѣхъ принциповъ пролетарскаго соціализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли въ предыдущій періодъ въ плоть и кровь большинства практиковъ-соціальдемократовъ. Наконецъ, — и это очень существенное обстоятельство — провозвѣстникомъ крутого поворота къ „политикѣ", въ духѣ буржуазнаго революціонизма явились представители того же самаго лагеря, который еще наканунѣ новаго революціоннаго подъема стоялъ на почвѣ крайней постепеновщины.

Событія, которыми ознаменовался новый революціонный періодъ, наглядно подтвердили основательность опасеній, высказывавшихся въ изданіяхъ революціонныхъ марксистовъ по поводу тяготѣнія нашихъ практиковъ къ трэдъ-юніонской тактикѣ уже въ то время, когда она еще не была возведена въ систему, извѣстную подъ названіемъ „экономизма". Какъ разъ наканунѣ этого періода революціонная соціальдемократія выступила на сцену съ самостоятельнымъ органомъ, съ газетой „Искра", въ которой она объявила войну на жизнь и на смерть экономизму, идейнымъ шатаніямъ и организаціонной анархіи, какъ элементамъ, несовмѣстимымъ съ историческими задачами нашего движенія. А стремительный поворотъ оппортюнистическихъ элементовъ въ сторону „политики", съ готовностью пожертвовать настроенію минуты основными интересами пролетарскаго движенія явился прямымъ оправданіемъ для этой войны, такъ какъ сами событія, вызвавшія его, наглядно иллюстрировали справедливость того, что уже прежде говорила „Искра" о полномъ несоотвѣтствіи между идейнымъ и организаціоннымъ разбродомъ партіи, съ одной стороны, и революціонностью рабочихъ массъ, съ другой. Борьба не могла не окончиться побѣдой революціонной соціальдемократіи надъ ея сознательными и полусознательными противниками въ партіи. Бернштейніанство, оппортюнизмъ, экономизмъ и организаціонная анархія хронологически и фактически такъ ассоціировались другъ съ другомъ, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не могъ быть компрометированъ, не компрометируя остальныхъ, и банкротство одного изъ нихъ не могло не сопровождаться или не совпадать съ банкротствомъ другихъ. И въ то время, какъ слова „оппортюнизмъ", „ревизіонизмъ" и „экономизмъ" стали синонимами всѣхъ недочетовъ нашего движенія и названіями для первоисточника всѣхъ его бѣдъ, съ именемъ революціонной соціальдемократіи все болѣе и болѣе неразрывно сливалось представленіе объ якорѣ спасенія, чуть не о мессіи, явившемся для того, чтобы избавить движеніе отъ всѣхъ его грѣховъ и вывести его на широкую арену открытой борьбы съ абсолютизмомъ. Полная побѣда революціонной соціальдемократіи надъ другими теченіями въ нашей партіи оффиціально, такъ сказать, закрѣплена и провозглашена на ея второмъ съѣздѣ; но если мы теперь спросимъ себя, какими же собственно положительными результатами *принципіальнаго* соціалистическаго характера побѣда эта сопровождалась, то должны будемъ отвѣтить, что они ограничиваются почти исключительно областью стре-

---

[1] „Историческій поворотъ". Листокъ „Рабочаго Дѣла".

рическихъ, ни теоретическихъ основаній — измѣнять, по отношенію къ еврейскому пролетаріату, нашему международному девизу: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!, “и вмѣсто этого говорить евреямъ-пролетаріямъ: „Евреи-пролетаріи, ассимилируйтесь!“

В. Б — ъ.

P. S. Письмо мое было уже написано, когда вышелъ № 52 „Искры“ съ „Открытымъ письмомъ еврея къ евреямъ“. Письмо это еще болѣе убѣдило меня въ необходимости широкой дискуссіи по данному вопросу.

Авторъ трактуетъ вопросъ совершенно въ другой плоскости, чѣмъ я. Объ ассимиляціи, какъ программѣ, — онъ совершенно умалчиваетъ и совершенно правильно подчеркиваетъ, что *только соціализмъ уничтожитъ антисемитизмъ*. Но въ нѣкоторыхъ частяхъ своего письма онъ совершенно запутываетъ вопросъ, — именно тамъ, гдѣ вступаетъ на скользкую, схоластическую почву опредѣленія понятія „нація“. Оказывается, что это слово имѣетъ два значенія: съ точки зрѣнія *психологической* и *политической*, и то, что является національной единицей съ одной точки зрѣнія, не заслуживаетъ такой квалификаціи — съ другой. Но какъ можетъ въ соціальдемократической программѣ конкретно выразиться противорѣчіе между этими сторонами понятія „нація“?

Авторъ, по моему мнѣнію, путаетъ въ вопросѣ объ идеализмѣ Бунда и матеріализмѣ сіонизма; онъ ошибается, говоря, что сіонисты стремятся къ обоснованію *своего* государства, такъ какъ *трезво* понимаютъ, что безъ территоріи нѣтъ націи. Если внимательнѣе познакомиться съ сіонистической литературой, то увидимъ, что здѣсь авторъ не по заслугамъ похвалилъ сіонистовъ: по ихъ мнѣнію, евреямъ нужно свое собственное государство, такъ какъ это *единственное средство уничтожить антисемитизмъ*. Если къ этому прибавить, что по мнѣнію большинства сіонистовъ (по крайней мѣрѣ русскихъ сіонистовъ) въ еврейскомъ народѣ существуетъ врожденное стремленіе именно къ Палестинѣ-Сіону (вспомнимъ истерики на послѣднемъ конгрессѣ сіонистовъ, когда зашла рѣчь объ Африкѣ), то мы увидимъ, что въ этомъ сплошь идеалистически-утопическомъ теченіи, нѣтъ ни атома трезваго, научнаго анализа. Съ другой стороны, ошибка Бунда не въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ сохраненіе еврейства безъ территоріи (этотъ выводъ Бундъ можетъ сдѣлать изъ конкретнаго, реальнаго факта), а въ томъ, что онъ, выражаясь словами автора письма, свои обобщенія въ области психологіи народа перенесъ въ область политики и подчинилъ послѣднюю первымъ; между тѣмъ какъ, если нельзя говорить о подчиненіи первыхъ послѣдней, то *только потому*, что они находятся въ совершенно независящихъ другъ отъ друга областяхъ; пойти же по пути Бунда можно лишь съ рискомъ утонуть въ націоналистическихъ теченіяхъ.

В. Б — въ.

Отъ редакціи. Предлагаемъ вниманію читателей статью тов. Б — ва, какъ выражающую по вопросу, возбужденному націоналистическими теченіями въ еврейскомъ рабочемъ движеніи, нѣсколько иную точку зрѣнія, чѣмъ та, которая проводилась въ этомъ вопросѣ нами. Мы думаемъ, что въ настоящее время всестороннее обсужденіе этого вопроса могло бы быть полезнымъ для оцѣнки позиціи Бунда, приведшей его къ выходу изъ Партіи. Надѣясь, что по этому вопросу выскажутся еще другіе товарищи, мы ограничимся здѣсь указаніемъ на то, что тов. Б — въ врядъ ли вѣрно понимаетъ значеніе высказанной нѣкоторыми соціалистами мысли о желательности ассимиляціи евреевъ, когда ей противопоставляетъ лозунгъ: не ассимиляція, а уничтоженіе обособленности. *Политическое* значеніе для соціалистовъ имѣетъ именно уничтоженіе обособленности, и вопросъ о томъ, сохранятся ли въ еврействѣ при подобномъ уничтоженіи тѣ специфическіе элементы народной жизни, которые въ совокупности составляютъ понятіе *національной культуры*, этотъ вопросъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ существеннаго значенія. Соціалисты, высказывавшіеся за неизбѣжность ассимиляціи для евреевъ, имѣли въ виду тотъ несомнѣнный фактъ, что для развитія и укрѣпленія національной культуры отдѣльное государственное существованіе или, по крайней мѣрѣ, особая территорія являлись до сихъ поръ необходимымъ предварительнымъ условіемъ.

Вѣрно отмѣтилъ въ статьѣ тов. Б — въ, что отрицаніе необходимости ассимиляціи евреевъ не можетъ служить принципіальнымъ мотивомъ для оправданія тѣхъ взглядовъ на организаціонныя отношенія еврейскаго пролетаріата къ россійскому, которыя были отвергнуты II съѣздомъ Партіи.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

РѢЧЬ ЛЕОНА ГОЛЬДМАНА.

(Дѣло о кишиневской типографіи „Искры“).

Г.г. судьи и г.г. сословные представители!

Я признаю, что участвовалъ въ работахъ тайной типографіи въ г. Кишиневѣ, печатавшей соц.-демократическія произведенія

Но меня крайне удивило, когда я еще изъ обвинительнаго акта узналъ, что обвиняюсь въ возбужденіи къ бунту. Обвиненіе въ возбужденіи къ бунту я безусловно отвергаю. Соціальдемократія съ бунтомъ ничего общаго не имѣетъ. Я же соціальдемократъ и принадлежу къ Россійской Соц.-Демократической Рабочей Партіи.

Партія эта, какъ соціалистическая, стремится къ освобожденію трудящихся классовъ отъ гнета эксплуатаціи, къ замѣнѣ существующаго экономическаго строя строемъ соціалистическимъ, основой котораго будутъ: обобществленіе всѣхъ орудій производства, націонализація земли и обезпеченіе условій всесторонняго и гармоничнаго развитія человѣческой личности. Партія же, защищая интересы рабочаго класса, и исходя изъ убѣжденія, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ, развиваетъ ихъ классовое самосознаніе, указывая имъ на противоположность ихъ интересовъ интересамъ классовъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, организуетъ ихъ для борьбы съ эксплуататорами и подготовляетъ ихъ къ той великой исторической роли, которую этому классу суждено сыграть въ исторіи человѣчества. Какъ демократическая, партія эта стремится къ наибольшему вліянію и участію въ политической жизни страны, къ завоеванію политическихъ правъ для всего народа вообще и для трудящихся классовъ въ особенности

На пути своемъ къ соціалистическому строю пролетаріатъ Россіи встрѣчаетъ преграду въ самодержавномъ строѣ государства, строѣ, который является самымъ ужаснымъ пережиткомъ крѣпостной эпохи. Преграду эту ему необходимо сбросить со своего пути. А потому Россійская Соц.-Демократическая Рабочая Партія ближайшей своей политической задачей ставитъ освобожденіе Россіи отъ самодержавной опеки и замѣну ея демократически-конституціоннымъ строемъ государства.

Соціальдемократія прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы разъяснить рабочему классу, какъ ужасно его положеніе, и какъ необходима ему политическая свобода. Дѣйствительно, что можетъ быть ужаснѣе положенія трудящихся классовъ въ Россіи? — Сотни тысячъ безработныхъ, умирающихъ голодной смертью, полуголодное существованіе работающихъ; вредная антигигіеническая обстановка труда; неимовѣрно долгій рабочій день, тяжелый, каторжный трудъ и ничтожная заработная плата, не хватающая на хлѣбъ для семьи. Таково экономическое положеніе фабрично-заводскихъ и ремесленныхъ рабочихъ.

Положеніе крестьянъ еще хуже. Нищенскіе земельные надѣлы и голодъ, не прекращающійся уже второе десятилѣтіе. Въ правовомъ отношеніи, какъ тѣ, такъ и другіе находятся на положеніи безправныхъ рабовъ: у крестьянъ полная, еще почти крѣпостная зависимость отъ помѣщиковъ и земскихъ начальниковъ; позорная розга, какъ главное средство воздѣйствія; ломаніе шапокъ, какъ нѣчто обязательное, передъ всякимъ „бариномъ“; къ городскому рабочему всякій, носящій кокарду, относится, какъ къ существу низшаго порядка, какъ къ человѣку, лишенному правъ; его всякій полицейскій можетъ безнаказанно бить и ругать.

Мы же, соціальдемократы, развиваемъ въ рабочихъ чувство самоуваженія; пріучаемъ ихъ къ самодѣятельности и саморазвитію; научаемъ ихъ стойкой борьбѣ за лучшія условія жизни; прививаемъ имъ болѣе общественные, болѣе культурные инстинкты; привлекаемъ ихъ къ участію въ политической жизни ихъ родины. Вся наша дѣятельность въ средѣ рабочаго класса приноситъ громадную пользу всей странѣ, такъ какъ мы превращаемъ рабочихъ рабовъ въ рабочихъ гражданъ.

Обвинительный актъ гласитъ, что мы „съ цѣлью возбудить къ бунту, или явному неповиновенію Власти Верховной и съ умысломъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ, устроили въ г. Кишиневѣ тайную типографію“... Но мы не анархисты и не стремимся къ ниспроверженію *всякаго* правительства; а лишь боремся противъ самодержавнаго режима, который является самымъ страшнымъ врагомъ рабочаго класса и который противенъ интересамъ всей страны! Да, всей страны! И россійская соціальдемократія, въ борьбѣ своей за политическое освобожденіе Россіи, представляетъ интересы не только трудящихся классовъ, но и всѣхъ классовъ русскаго общества. Ведя эту борьбу, мы не устраивали террористическихъ покушеній; мы даже считаемъ терроръ средствомъ борьбы, не приводящимъ насъ къ намѣченной цѣли; мы не организовывали еще вооруженнаго возстанія. Нѣтъ, мы только печатали свободное слово. Но самодержавіе чувствуетъ уже себя въ Россіи, какъ во вражескомъ станѣ. Оно стало ненавистнымъ всей странѣ; оно противно интересамъ всѣхъ классовъ общества. И въ тайной типографіи оно справедливо видитъ для себя опасность. Для того, чтобы продлить свое существованіе, оно душитъ всякій проблескъ свободной мысли; тратитъ милліардъ народныхъ денегъ на содержаніе арміи, полиціи, жандармовъ и шпіоновъ, и лишь тюрьмами, ссылкой, казацкими нагайками, ударами полицейскихъ кулаковъ и ружейными залпами отвѣчаетъ оно на попытки крестьянъ и рабочихъ улучшить свое положеніе и на протесты лучшей части гражданъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, гражданъ стремящихся къ свободѣ и счастью своей родины.

И, дѣйствительно, свободное слово, указывающее на невозможность такого положенія вещей, является оружіемъ, способнымъ ниспровергнуть самодержавіе. Можно съ увѣренностью сказать, что день, когда Россія какимъ-либо чудомъ получила бы свободу печати, былъ бы послѣднимъ днемъ самодержавнаго режима.

Я, какъ и остальные подсудимые по настоящему дѣлу, еврей. Это, конечно, случайность. Но громадное участіе евреевъ въ русскомъ революціонномъ движеніи — далеко не случайность, и объясняется оно полнымъ безправіемъ евреевъ. Я самъ, какъ еврей, будучи еще подросткомъ 12 ти лѣтъ, столкнулся съ отношеніемъ правительства къ евреямъ, такъ какъ этотъ періодъ моей жизни совпалъ съ періодомъ крайнихъ ограниченій пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія, и, благодаря этому, я остался за порогомъ средней школы. Я былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобы оцѣнить по достоинству все значеніе этого факта; и лишь впослѣдствіи я понялъ, что фактъ этотъ является однимъ только звеномъ въ длинной цѣпи преслѣдованій и ограниченій, примѣняемыхъ правительствомъ по отношенію къ евреямъ. Русское правительство поставило еврейскій народъ въ положеніе безправныхъ паріевъ. 5-6 милліонное еврейское населеніе заперто въ городахъ и мѣстечкахъ унизительной „черты осѣдлости“, гдѣ еврейская масса задыхается въ нищетѣ и безправіи, гдѣ конкуренція между еврейскими пролетаріями, вслѣдствіе отсутствія права передвиженія, достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ эти пролетаріи обречены на голодную смерть и вырожденіе. Правительство лишило евреевъ даже тѣхъ мизерныхъ „правъ“, которыми обладаютъ другіе россійскіе граждане: оно закрыло имъ доступъ къ общественной и государственной службѣ; оно ограничило и продолжаетъ ограничивать права евреевъ на среднее и высшее образованіе; оно лишило ихъ права пріобрѣтать и обрабатывать землю; оно не допускаетъ еврейскихъ рабочихъ къ работѣ на фабрикахъ и заводахъ, которые имѣютъ хоть малѣйшее отношеніе къ казнѣ. А въ послѣднее время ко всему этому присоединились еще избіенія евреевъ, которыя время отъ времени правительство организовываетъ или поощряетъ.

Въ народѣ накопилось много революціонной энергіи, и правительство, боясь взрыва народнаго негодованія противъ истиннаго виновника всѣхъ золъ и бѣдствій народныхъ — самодержавнаго правительства, пользуется дикостью, некультурностью и звѣрскими инстинктами подонковъ нашего общества и натравливаетъ ихъ противъ мирно живущихъ вмѣстѣ съ ними гражданъ нерусской національности: евреевъ, поляковъ, финляндцевъ, армянъ, грузинъ и другихъ. Къ своимъ услугамъ оно находитъ писакъ, которые за народныя деньги, выдаваемыя имъ правительствомъ въ видѣ субсидій или, правильнѣе, подкупа, готовы продать не только евреевъ, поляковъ и другихъ, но и всю Россію. Подкупленная продажная печать эксплуатируетъ зоологическія инстинкты и религіозные предразсудки наиболѣе некультурной части населенія и возстановляетъ одну часть населенія противъ другой, а затѣмъ, на подготовленной уже почвѣ, агенты охранныхъ отдѣленій организуютъ избіенія еврейской бѣдноты. Но правительство глубоко ошибается, надѣясь такими дѣйствіями, дѣйствіями, которыя навсегда останутся позорнымъ пятномъ въ русской исторіи, парализовать революціонное движеніе! Что же касается въ частности евреевъ, то все, это, конечно, толкаетъ ихъ прямо на революціонный путь, такъ какъ еврею, любящему свою родину, считающему себя гражданиномъ своего отечества, а потому нежелающему, по совѣту г. Плеве, покинуть Россію, остается теперь одно изъ двухъ: или смерть, или борьба за свободу и гражданское равноправіе!

Но я долженъ замѣтить, что дальнѣйшее мое знакомство съ жизнью привело меня къ тому убѣжденію, что и права гражданъ русскаго происхожденія у насъ также весьма эфемерны: для каждаго русскаго, не слѣдующаго пословицѣ: „моя хата съ краю — ничего не знаю“, жизнь въ Россіи стала невыносимой. У насъ нѣтъ личной неприкосновенности, нѣтъ неприкосновенности домашняго очага: каждую ночь полиція можетъ ворваться въ домъ каждаго мирнаго обывателя, обыскать, оскорбить, побить его и бросить въ тюрьму. Никто, выходя на улицу, не можетъ быть увѣренъ, если онъ только не служитъ въ полиціи, что онъ не будетъ побитъ полиціей и казаками, арестованъ и подвергнутъ въ участкѣ всяческимъ оскорбленіямъ, надругательствамъ и побоямъ.

Во всей почти Россіи введено положеніе объ усиленной охранѣ. Что такое усиленная охрана? — Это полный просторъ дикому произволу полиціи и жандармовъ! При усиленной охранѣ весь тотъ полицейскій произволъ, о которомъ я только что говорилъ, достигаетъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Всякій, несогласно съ полиціей мыслящій, или почему-либо для нея неудоб-

---

мленій, симпатій и идей, между тѣмъ, какъ *практика* нашего движенія подвинулась впередъ только въ общереволюціонномъ, а не специально соціальдемократическомъ смыслѣ. Подъ вліяніемъ литературной пропаганды „Зари“ и „Искры“ въ партіи восторжествовало убѣжденіе, что „только принципы революціоннаго марксизма опредѣляютъ насущныя задачи россійскаго пролетаріата въ его классовой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ и русскимъ самодержавіемъ въ частности“[1]. „Внести эти принципы въ сознаніе россійскаго рабочаго класса“ — вотъ стремленіе, воодушевляющее массу товарищей. Но въ дѣйствительности, въ практикѣ нашего движенія оно находитъ себѣ очень слабое выраженіе. Классовую борьбу „со всѣмъ буржуазнымъ строемъ“ эта практика почти что игнорируетъ и фактически исчерпывается одной только „борьбой съ самодержавіемъ“, связанной съ „пролетарскимъ ученіемъ“ лишь соціальдемократической фразеологіей, въ „идеалѣ“, вообще — субъективными стремленіями платоническаго свойства. Объективную же тенденцію нашей практики съ классической наивностью формулировалъ въ своемъ уставѣ, какъ *субъективную* цѣль, одинъ комитетъ слѣдующими словами: „Признавая, что при настоящихъ условіяхъ насильственный переворотъ въ Россіи можно провести лишь опираясь на готовую къ *повиновенію*[2] и къ открытому возстанію рабочую массу крупныхъ промышленныхъ центровъ, мы главнымъ центромъ нашей работы ставимъ организацію рабочаго класса“.

III.

Между теоретическими или идейными завоеваніями революціоннаго соціальдемократизма въ нашемъ движеніи и фактическимъ содержаніемъ и объективной тенденціей нашей практики оказывается, такимъ образомъ, рѣзкій контрастъ, чтобы не сказать прямо-принципіальное противорѣчіе. Но тотъ же періодъ, втеченіе котораго оно создано было, подготовилъ элементы и для его устраненія, то есть для выступленія партіи на путь политическаго воспитанія и объединенія пролетаріата на почвѣ не одной только борьбы съ самодержавіемъ, но и принципіальнаго антагонизма рабочаго класса со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Прежде всего, нужно отмѣтить прогрессивное усиленіе революціонной активности все болѣе и болѣе широкихъ массъ, ростъ и распространеніе въ нихъ политической сознательности, а, слѣдовательно, и способности къ политической самодѣятельности на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата. Въ то же время образовался довольно многочисленный штабъ распростившихся съ своей легальностью и со своими профессіональными занятіями революціонеровъ-соціальдемократовъ, столь необходимый при современныхъ русскихъ условіяхъ, для образованія политической партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ рядахъ нашихъ практиковъ имѣется и контигентъ людей съ революціоннымъ опытомъ, съ иниціативой и съ организаціоннымъ смысломъ. Наконецъ, что особенно важно — это предрасположеніе массы товарищей къ марксизму, или, если можно такъ выразиться, ихъ психологическая подготовленность къ признанію и примѣненію на практикѣ истинно пролетарской политики въ борьбѣ съ абсолютизмомъ.

Но le mort saisit le vif, мертвые хватаютъ живыхъ, прошлое стоитъ поперегъ дороги и мѣшаетъ намъ двигаться впередъ. Воспоминаніе объ экономизмѣ, оппортюнизмѣ и ихъ неизмѣнныхъ спутникахъ — кустарничествѣ, организаціонной анархіи и т. п. еще такъ живо въ умахъ, война съ ними такъ недавно еще была въ полномъ разгарѣ, что неудивительно, если въ кругу соціальдемократовъ наканунѣ съѣзда и во время его гораздо больше заняты были мыслью о томъ, какъ бы на вѣки вѣчные оградить наше движеніе отъ такихъ зловредныхъ элементовъ, нежели вопросомъ о приведеніи нашей практики въ полную гармонію съ принципами, во имя и подъ знаменемъ которыхъ „Искра“ и „Заря“ вели борьбу съ антимарксистскими тенденціями. Это настроеніе и диктуемая имъ логика очень ясно отразились въ цитированномъ уже письмѣ товарищей изъ дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы съ абсолютизмомъ необходима централизованная организація, но такая соціальдемократическая организація можетъ быть вызвана къ жизни только „на почвѣ строгаго принципіальнаго единства“; подъ этимъ лишь условіемъ она будетъ жизнеспособна. А потому, пишутъ упомянутые товарищи, „однимъ изъ самыхъ важныхъ — вѣрнѣе *главнѣйшимъ* — способомъ (курсивъ мой) для подготовленія „фактическаго возстановленія Партіи“ мы и считаемъ неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу съ оппортунистическими, кустарническими и „демократическими“ тенденціями, продолжающими жить среди нѣкоторой части дѣйствующихъ въ Россіи соціальдемократовъ“. Большинство „искровцевъ“ явившихся на съѣздъ, и проникнуто было убѣжденіемъ, что главной ихъ задачей является созданіе организаціи для выполненія этой специальной миссіи — „вести неустанную, все болѣе и болѣе энергичную борьбу“ съ только что на голову разбитыми, внутренними врагами. Передъ этой миссіей совершенно стушевывалась предстоящая положительная задача организаціи — углубить и расширить содержаніе дѣятельности Партіи въ духѣ революціоннаго марксизма.

„Принципъ централизаціи — читаемъ мы въ томъ же письмѣ — строго проведенный при *постройкѣ* партійной организаціи, обезпечитъ за нею и силу, и крѣпость, и *принципіальную устойчивость* (курсивъ мой), и, безъ сомнѣнія, наилучшимъ образомъ отзовется на той будущей, громадной и сложной работѣ, которую предстоитъ выполнить съорганизовавшейся Р. С.-Д Р. П.“ Но переспектива „громадной и сложной“, т. е. положительной работы отодвигается въ туманную даль неопредѣленнаго будущаго, а теперь не до нея, потому что передъ Партіей стоитъ гораздо болѣе неотложная, военная задача усмиренія внутреннихъ враговъ и огражденія ея механическими средствами противъ вторженія въ нее „ненадежныхъ“ элементовъ. Разъ дѣло такъ стоитъ, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно болѣе самодержавнаго центра и подъ строжайшій надзоръ его бдительныхъ агентовъ.

Такова психологическая подкладка того централистическаго фетишизма, который проявился на съѣздѣ и, повидимому, довольно сильно владѣетъ умами въ нашей Партіи.

Но что будетъ, если въ самый центръ проникаетъ зараза оппортунизма, экономизма, и т. п. скверны. Нужно, стало быть уже при „*постройкѣ*“ партійной организаціи“ принять мѣры предосторожности противъ такого неожиданнаго сюрприза. Для этого, при данномъ пониманіи дѣла, нѣтъ другого средства, кромѣ учрежденія какой-нибудь надежной опеки — надъ самимъ Центромъ т. е. организаціи другого, еще выше стоящаго центра, составъ котораго давалъ бы безусловныя гарантіи твердости и недоступности вліянію „ненадежныхъ“, а, тѣмъ болѣе, прямо оппортунистическихъ элементовъ. Условія для созданія такого сверхъ-центра подготовлены были всѣмъ ходомъ и исходомъ борьбы революціонной соціальдемократіи противъ антимарксистскихъ тенденцій въ соціальдемократическомъ, какъ и вообще въ революціонномъ движеніи въ Россіи. Походъ этотъ предпринятъ былъ по собственной иниціативѣ, на свой рискъ и страхъ редакціей Искры и Зари. Она же довела его до конца и при помощи своихъ „агентовъ“ сыграла большую роль въ подготовкѣ и организаціи съѣзда. Втеченіе всей этой военной компаніи Искры названія „революціонный соціальдемократъ“ и „искровецъ“ стали у насъ синонимами, понятіями совершенно тождественными, такъ что тотъ, кто въ чемъ нибудь расходился съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ, высказываемымъ отъ имени редакціи названнаго органа, и самъ не всегда смѣлъ считать себя настоящимъ революціоннымъ соціальдемократомъ. Истинная революціонная соціальдемократія въ Россіи, это — редакція Искры. Значитъ, вопросъ о закрѣпленіи побѣдъ революціоннаго соціальдемократизма и объ огражденіи нашей Партіи на вѣчныя времена противъ оппортунистическаго или „экономическаго“ атавизма рѣшается самъ собою. Верховная власть надъ Партіей должна быть предоставлена въ руки редакціи „Искры“, а Цент Комитетъ долженъ быть только коллективнымъ агентомъ этой власти, находиться подъ ея строгой опекой и бдительнымъ контролемъ.

Періодъ борьбы съ наслѣдіемъ эпохи экономизма подготовилъ намъ, такимъ образомъ, организаціонную утопію теократическаго характера: свѣтское общество отдается во власть маленькаго духовнаго ордена, который, къ тому же, и по географическимъ и по инымъ условіямъ, не можетъ даже находиться на территоріи управляемыхъ имъ подданныхъ. За недостаткомъ мѣста, а также, въ виду логическихъ рамокъ настоящей статьи, я не могу останавливаться здѣсь на конкретныхъ попыткахъ осуществить эту утопію на практикѣ и на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя она при этомъ претерпѣла. Отмѣчу только, что дебютировала она на своемъ избранномъ поприщѣ внесеніемъ взаимнаго недовѣрія и раскола въ ряды „искровцевъ“. Для людей съ политическимъ смысный обыватель, можетъ быть безъ суда и слѣдствія арестованъ и высланъ въ Сибирь. При мнѣ въ кишиневскую тюрьму былъ посаженъ больной 60-тилѣтній старикъ и сосланъ на пять лѣтъ въ Якутскую область за то, что писалъ для обывателей жалобы чинамъ прокурорскаго надзора на поборы полиціи. Крестьянинъ, за желаніе возбудить искъ къ помѣщику за незаконно отнятую у него землю, попадаетъ въ тюрьму въ качествѣ политическаго преступника. Полиція и жандармы неистовствуютъ, грабятъ, насилуютъ обывателя и за все это получаютъ ордена и повышенные оклады жалованья. Привѣсить имъ метлу и собачью голову — и предъ нами предстанутъ живые опричники эпохи царствованія царя Ивана Грознаго! Самодержавное правительство довело Россію до полнаго истощенія. Для того, чтобы сохранить свою власть, оно жертвуетъ всѣми самыми насущными интересами страны: Россіи нужно просвѣщеніе, но оно вредно самодержавію, а потому — долой просвѣщеніе! Народу нужны самодѣятельность, саморазвитіе, но *самодѣятельность и саморазвитіе несовмѣстимы съ самодержавіемъ*, и народъ еще туже затягивается путами бюрократически-полицейской опеки: странѣ нужна гласность, отсутствіе которой даетъ возможность всякому, облеченному какой либо властью, безнаказанно совершать самыя дикія насилія надъ гражданами, учинять самыя наглыя преступленія; нужна честная, свободная печать, которая не съ полицейской точки зрѣнія освѣщала бы всѣ явленія нашей общественной и политической жизни; — но безгласность и подлая продажная пресса — необходимые аттрибуты самодержавія!

---

[1] „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ“, — письмо сибирск. соц.-дем. въ „Искру“ (№ 50).

[2] Курсивъ мой.

Мы посажены на скамью подсудимыхъ, но мы не *преступники*, а *военноплѣнные*, и само правительство доказываетъ это всѣмъ своимъ поведеніемъ по отношенію къ намъ. Для чего оно подвергаетъ насъ самымъ ужаснымъ пыткамъ и преслѣдованіямъ? Ужъ конечно не съ цѣлью наказанія и исправленія! Честныхъ людей не наказываютъ и не исправляютъ! Вѣрно, бываютъ случаи, что слабые люди, не выдержавъ всѣхъ ужасовъ правительственныхъ преслѣдованій, доходятъ до паденія, которое на языкѣ министерства полиціи называется исправленіемъ и благонадежностью, но такіе случаи, къ счастью, рѣдки. — Нѣтъ, оно хочетъ сломить нашу энергію, заставить насъ отказаться отъ борьбы! Но развѣ оно достигнетъ своей цѣли? Доказательствомъ противнаго служитъ исторія русскаго революціоннаго движенія за послѣднія тридцать лѣтъ, движенія, которое вопреки всѣмъ правительственнымъ преслѣдованіямъ въ послѣдніе годы разлилось по всей Россіи.

Правительство, выхвативъ насъ изъ борющейся революціонной арміи, продержавъ *два года* въ тюрьмѣ, и теперь предавъ суду, хочетъ какъ бы сдѣлать насъ отвѣтственными за революціонный пожаръ, охватившій всю Россію. Но гдѣ же логика? — Устроивъ тайную типографію и издавая прокламаціи и брошюры, мы этимъ самымъ протестовали противъ вынужденнаго молчанія, на которое правительство обрекло страну; мы этимъ самымъ шли на встрѣчу назрѣвшей въ народѣ потребности въ вольномъ словѣ, — потребности, которая въ послѣднее время такъ глубоко испытывается самыми широкими слоями народа и общества. И если съ точки зрѣнія самодержавнаго правительства мы совершили преступленіе, то отвѣтственны за него должны быть не мы одни, а громадная часть населенія Россіи, волю которой мы этимъ исполнили. Но цѣлый народъ не можетъ совершать преступленій. Воля народа — это законъ! И когда наступаетъ время, что правительству приходится судить народъ — это значитъ созрѣлъ моментъ, когда народъ долженъ посадить на скамью подсудимыхъ свое правительство!

Бардина на судѣ въ 77 году сказала, что „идеи на штыки не улавливаются“. Справедливость этого положенія съ тѣхъ поръ усугубилась: соціалистическо-демократическія идеи владѣютъ теперь сердцами и умами не горсти идейныхъ борцовъ, а широкой народной массы. Политическая свобода стала для народа такой же насущной необходимостью, какъ воздухъ, хлѣбъ и вода. Борьба „за народъ“, превратилась въ народную борьбу, а поднять на штыки борющіяся народныя массы не легче, чѣмъ улавливать идеи штыками. Да, наше современное революціонное движеніе не является дѣятельностью отдѣльныхъ „крамольниковъ“. Нѣтъ! Это — широкое народное движеніе: борьба народа за свободу, за лучшую долю, за человѣческія права. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ трудящееся населеніе Россіи съ кличемъ: „свободы и хлѣба“ поднялось на борьбу съ гнетущими его темными силами! Уже нѣсколько лѣтъ, какъ по родинѣ нашей изъ конца въ конецъ раздается грозное: „долой самодержавіе!“

Самодержавіе хочетъ остановить это движеніе; но развѣ мыслимо остановить культурное и общественное развитіе страны? Остановить стремленіе гражданъ къ свободѣ и прогрессу? Попытайтесь остановить теченіе рѣки — вы потонете! И самодержавіе погибнетъ! Гибель его неминуема и ужъ она близка! Ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни полицейскіе кулаки, ни казацкія нагайки, ни пули, ни висѣлица не задержатъ неизбѣжнаго паденія самодержавія!

Всякій, дѣйствительно любящій свою родину, небезучастно относящійся къ судьбѣ ея гражданъ, не можетъ и не долженъ оставаться пассивнымъ зрителемъ происходящей у насъ борьбы съ самодержавіемъ. Само правительство, объявивъ почти всю Россію на положеніи усиленной охраны, признало всѣхъ ея гражданъ неблагонадежными въ полицейскомъ отношеніи. И всѣ неблагонадежные, т. е. всѣ тѣ, въ комъ рабская покорность уступила мѣсто чувству гражданскаго долга, должны присоединиться къ революціонному движенію и стать въ ряды борцовъ за освобожденіе Россіи отъ власти бюрократіи, строящей свое благополучіе на потокахъ народной крови.

Я, какъ истинный гражданинъ своего отечества, такъ и поступилъ. Я вступилъ въ ряды этихъ борцовъ, я отдалъ дорогому дѣлу всѣ силы, всѣ свои способности. И вотъ за все это я попалъ на скамью подсудимыхъ.

Послѣднее слово Леона Гольдмана.

Г.г. судьи и г.г. сословные представители!

Самое большое наказаніе, какое вы можете намъ дать — ничто въ сравненіи съ тѣми ужасными физическими и нравственными пытками, которыя намъ пришлось пережить въ кишиневской тюрьмѣ, и которымъ, къ слову сказать, русское правительство почти всюду подвергаетъ своихъ политическихъ плѣнниковъ. Вы собрались здѣсь судить насъ въ полной увѣренности, что эти два года, проведенные нами въ тюрьмѣ, мы содержались подъ стражей лишь для того, чтобы не скрылись отъ суда и слѣдствія, какъ гласитъ постановленіе о заключеніи насъ подъ стражу. Но это не вѣрно. Вы ошибаетесь. И я долженъ разсказать объ одной изъ пытокъ, пережитыхъ нами въ кишиневской тюрьмѣ, исторія которой очень хорошо извѣстна обвиняющему насъ г. прокурору.

22 декабря прошлаго года начальникъ кишиневской тюрьмы Садовничій безъ всякаго повода грубо выругалъ одного изъ политическихъ заключенныхъ; обвиняемый попросилъ начальника быть повѣжливѣе, за что былъ посаженъ въ карцеръ и побитъ надзирателями по приказанію начальника. Мы по этому поводу вызвали прокурора Кишиневскаго Окружного Суда, который прибылъ въ тюрьму 24-го и, по обыкновенію, ничего не предпринявъ, уѣхалъ. Вечеромъ того же дня я изъ окна моей камеры спросилъ жену, сидѣвшую вмѣстѣ съ остальными политическими женщинами, былъ ли у нихъ прокуроръ. Это услыхалъ начальникъ и распорядился перевести всѣхъ женщинъ изъ камеръ въ холодный корридоръ; женщины отказались подчиниться этому дикому распоряженію, тѣмъ болѣе дикому, что у нихъ тогда находился нашъ ребенокъ, которому было лишь полтора года. Тогда начальникъ вмѣстѣ съ цѣлой оравой надзирателей ворвались къ нимъ въ камеры, побросали ихъ на полъ, связали, и на нихъ, связанныхъ уже, посыпалась дикая, грубая солдатская ругань начальника. Ребенокъ, припавшій къ связанной и лежавшей на полу матери, былъ оторванъ отъ нея грубыми руками палачей тюремщиковъ и вынесенъ на морозъ неодѣтымъ. Связанныя женщины были перенесены надзирателями въ другое помѣщеніе. Толпа тюремщиковъ ворвалась ночью въ камеры беззащитныхъ женщинъ, дорогихъ и близкихъ мнѣ людей, среди которыхъ находились моя жена и ребенокъ; я слышалъ ихъ душу раздиравшіе крики... Но кругомъ меня были стѣны, замки и рѣшетки! Я былъ близокъ къ умопомѣшательству. Человѣкъ, не переживавшій всего этого, не можетъ себѣ даже представить всего ужаса такого состоянія! Но это еще не все. Я въ изступленіи выбилъ стекло въ окнѣ своей камеры, — и тотчасъ же былъ брошенъ на трое сутокъ въ темный, вонючій, холодный и сырой каменный мѣшокъ, гдѣ мнѣ во снѣ и на яву только и слышались ужасные крики женщинъ. Женщины были посажены на пять сутокъ въ карцеръ. Всѣ мы послѣ этого были переведены въ отвратительныя камеры въ подземельѣ и на долгое время лишены прогулокъ.

Обо всемъ этомъ мы сообщили прокурору Одесской Судебной Палаты. Я все это подробно описалъ министру юстиціи. Прокуроръ палаты прислалъ обвиняющаго насъ г. Джибелли, который обѣщалъ намъ, что больше ничего подобнаго не повторится, но почти то же самое повторилось ровно черезъ три мѣсяца. А отъ министра юстиціи я и до сихъ поръ отвѣта не получилъ, хотя косвенно мы и получили отвѣтъ, весьма характерный для самодержавнаго правительства: злодѣй Садовничій получилъ повышеніе въ чинѣ и повышеніе по должности! О слѣдующихъ фактахъ насилій надъ нами мы уже никуда не сообщали, не желая награждать новыми чинами нашихъ насильниковъ.

Единственно, что поддерживаетъ мои силы и бодрость, это — глубокое убѣжденіе, что произволу и насиліямъ близокъ конецъ. Сквозь мракъ и ужасъ, окружающій насъ, я вижу близость освобожденія Россіи, когда не будетъ мѣста произволу и насиліямъ, и когда не будетъ мѣста на скамьѣ подсудимыхъ для лучшихъ и честнѣйшихъ гражданъ Россіи!

Представьте себѣ громадную, мрачную тюрьму, окруженную высокими стѣнами, преграждающими въ нее доступъ свѣту и свободѣ. Фундаментъ этихъ стѣнъ подгнилъ, онѣ дали глубокія трещины и колеблются. Съ одной стороны, мракъ и ужасъ тюрьмы, съ другой — лучи свѣта, пробивающіеся сквозь трещины стѣнъ, не даютъ обитателямъ этой тюрьмы покоя — и стѣны покрыты кровавыми пятнами многихъ поколѣній, пытавшихся разрушить ихъ! Близорукимъ и трусамъ разрушители этихъ стѣнъ кажутся сумасшедшими, разбивающими себѣ лбы о неприступныя твердыни. Но это невѣрно. Послѣ каждаго новаго удара, послѣ каждаго новаго напора — стѣны даютъ новыя трещины и сильнѣе колеблются. Эта тюрьма — это наша родина! Очень можетъ быть, что многіе изъ насъ, при паденіи этихъ стѣнъ, будутъ погребены подъ ними; но я не могу себѣ представить могилы болѣе почетной, чѣмъ подъ развалинами стѣнъ, преграждавшихъ людямъ свѣтъ и свободу.

Я еще молодъ но, помогая разрушать эти отвратительныя, ненавистныя стѣны, я получилъ уже достаточное количество почетныхъ ранъ! Я увѣренъ, что вы меня осудите, и, такимъ образомъ, къ полученнымъ мною прежде почетнымъ ранамъ прибавится еще одна...

Но Россія все-жъ таки будетъ свободна!

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Предпринятой правительствомъ организаціи своихъ сторонниковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ суждено, повидимому, оказать значительное вліяніе на движеніе нашей учащейся молодежи. Читатели „Искры“ видѣли уже, какую роль сыграла корпорація „Трудъ и надежда“ въ возникновеніи безпорядковъ въ Томскѣ. Теперь тамъ тянется продолженіе этой исторіи. Въ число захваченныхъ въ театрѣ студентовъ попалъ невзначай одинъ изъ членовъ этого благонамѣреннѣйшаго сообщества. Его предсѣдатель, студентъ технологъ Ершовъ, отправился въ соотвѣтствующія инстанціи выручать своего коллегу, но не довольствуясь доказательствами его невинности, онъ пополнилъ ихъ засвидѣтельствованіемъ политической злокозненности другихъ арестованныхъ. Когда этотъ фактъ дошелъ до свѣдѣнія томскихъ технологовъ, они созвали сходку, на которую позвали и Ершова въ качествѣ обвиняемаго. Онъ явился въ сопровожденіи своихъ сочленовъ. Передъ многолюдной сходкой человѣкъ 12 свидѣтелей одинъ за другимъ излагали факты, доказывавшіе, что Ершовъ дѣлалъ доносы на арестованныхъ товарищей. Ни самъ обвиняемый, ни его сторонники не смогли привести противъ этихъ показаній ничего убѣдительнѣе сообщенія одного изъ коллегъ Ершова, что въ уставѣ общества „Трудъ и надежда“ нѣтъ такого пункта, который обязывалъ бы членовъ быть шпіонами. Эта наивность была встрѣчена всеобщимъ хохотомъ. Но въ самую критическую для Ершова минуту на сходку прибѣжалъ директоръ, объявилъ собраніе незаконнымъ, пригрозилъ дисциплинарнымъ судомъ и ушелъ, уведя съ собою Ершова, за которымъ послѣдовали и его коллеги. По ихъ уходѣ, сходка почти единогласно признала фактъ шпіонства Ершова доказаннымъ и постановила требовать отъ профессорской коллегіи и директора исключенія шпіона изъ института. „Завтра, пишетъ намъ корреспондентъ, опять будетъ сходка для окончательнаго рѣшенія, какія мѣры принять, если требованіе студентовъ не будетъ удовлетворено... Какъ видите, добавляетъ онъ, борьба приняла очень острый характеръ и благополучно едва ли кончится“.

Утвержденное товарищемъ министра подъ громкимъ именемъ „Единеніе — сила“, одесское студенческое общество того же рода, прозванное за юдофобство „священной лигой“, носитъ еще болѣе провоцирующій характеръ, чѣмъ томское. Выступивъ подъ усиленнымъ покровительствомъ инспекціи въ крестовый походъ противъ „жидовской крамолы“, члены „лиги“ сразу повели себя въ высшей степени агрессивно. Они не только докладывали начальству обо всемъ, что говор[illegible] но пытались даже срывать ихъ. Всѣмъ этимъ они быстро привели въ воинственное настроеніе сравнительно мирное одесское студенчество и заставили его сплотиться для отпора объединеннымъ нахаламъ. Ихъ перестали пускать на сходки, на вечеринки, въ студенческую столовую. Не желающихъ уходить выталкивали силой. Этотъ дружный бойкотъ начинаетъ уже оказывать свое дѣйствіе. „Нужно быть благодарнымъ лигерамъ, пишетъ въ письмѣ одинъ студентъ, они сыграли здѣсь большую роль. Все студенчество объединилось для борьбы съ этой „лигой“ и инспекціей. И царитъ теперь у насъ лозунгъ: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“. Представителей „лиги“ исключили изъ всѣхъ землячествъ, никто имъ не подаетъ руки, и они ходятъ какъ прокаженные, не знаютъ, какъ имъ быть: мужаться или сдаться. Нѣкоторые, смущенные такимъ отношеніемъ студентовъ, молятъ уже принять ихъ обратно въ компанію. Такимъ даютъ срокъ на исправленіе. Главарей же товарищескій судъ студенчества присудилъ къ исклю-

---

омъ этого дебюта вполнѣ достаточно, чтобы безповоротно осудить эту своеобразную систему управленія нашей Партіей.

И такъ, торжество бюрократическаго централизма въ партійной организаціи — таковъ итогъ партійной борьбы революціонной соціальдемократіи съ „кустарничествомъ“. Но этотъ централизмъ, по своей внутренней тенденціи — родной братъ кустарничеству. Послѣднее резюмировало собою періодъ сближенія соціальдемократіи съ рабочими массами на почвѣ ихъ экономическаго недовольства и стихійныхъ его проявленій. Практика періода кустарничества революціонизировала рабочія массы, но не воспитывала и не объединяла ихъ для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцію или „конечную цѣль“ этой практики формулировали авторы „Credo“ — она подготовляла политическую опеку буржуазной демократіи надъ рабочими массами. Механическій централизмъ резюмируетъ періодъ „вовлеченія“ этихъ массъ въ борьбу съ абсолютизмомъ, массъ, начавшихъ уже стихійно проявлять накопившееся въ нихъ раздраженіе противъ полицейскаго произвола. Періодъ этотъ завершился (еще, впрочемъ, не окончательно завершился) созданіемъ почти принципіальнаго противорѣчія въ нашей Партіи — противорѣчія между ея идейнымъ, теоретическимъ знаменемъ и ея практикой, которая, хотя непосредственно будитъ политическую мысль рабочихъ массъ, все же, въ общемъ, мало развиваетъ въ нихъ пролетарское классовое сознаніе и еще меньше развиваетъ въ нихъ классовую политическую самодѣятельность. Словомъ, идейная оболочка — революціонно-соціальдемократическая, а реальное содержаніе, по существу, въ *принципіальномъ* смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма. Получается такой результатъ, какъ будто революціонный соціальдемократизмъ, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихійнымъ образомъ выполняетъ только роль замѣстителя буржуазной идеологіи въ освободительномъ движеніи Россіи противъ абсолютизма. И этотъ то результатъ, опять таки *безсознательно*, стихійно, отражается и фиксируется въ организаціонныхъ утопіяхъ, отмѣченныхъ печатью бюрократизма на заговорщицкой подкладкѣ. Верховныя власти обязаны поддерживать въ умахъ марксистское правовѣріе путемъ изданія и распространенія „принціпіально-выдержанной литературы“ и строгаго контроля за листками и пропагандистской дѣятельностью комитетовъ. Но какъ и въ чемъ проявляется эта принципіальная выдержанность на почвѣ агитаціи, въ области политическаго воспитанія и объединенія рабочихъ массъ, какъ, однимъ словомъ, воплощаются принципы „революціоннаго марксизма“ въ методахъ и содержаніи партійной практики? Этотъ вопросъ рѣшается для фетишистовъ централизаціи самъ собою, разными усовершенствованіями чисто техническаго свойства въ организаціонномъ аппаратѣ: необычайнымъ усиленіемъ спеціализаціи членовъ на мелкихъ и мельчайшихъ функціяхъ, внесеніемъ строгаго порядка въ распредѣленіе и іерархію этихъ функцій, учрежденіемъ безчисленнаго множества всевозможныхъ вѣдомствъ, департаментовъ, отдѣленій, канцелярій, мастерскихъ, между которыми въ іерархическомъ порядкѣ распредѣляются профессіональные и полупрофессіональные революціонеры, въ массѣ своей превращающіеся въ столоначальниковъ, канцеляристовъ, фельдфебелей, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ, стражниковъ, мастеровыхъ — или даже частицы мастера. Вся эта многочисленная армія штатскихъ, военныхъ и ремесленниковъ разбита на цѣлые ряды разсѣянныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга муравейниковъ, копошащихся, каждый въ своемъ углу, безъ связи съ другими. Политической работы въ соціалистически-пролетарскомъ смыслѣ не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партіи превращены въ винтики, колесики, которыми, по личному усмотрѣнію, распоряжается всевѣдущій центръ.?

Борьба съ абсолютизмомъ, при всемъ томъ, будетъ вестись, по меньшей мѣрѣ, съ прежней энергіей, тѣмъ болѣе, что и по этой части предусмотрена особая категорія спеціалистовъ. Въ концѣ концовъ, съ одной стороны—формулы, лозунги, слова революціонно-соціальдемократическія, а съ другой — самая что ни на есть буржуазно-революціонная работа „вовлеченія“ массъ въ движеніе, конечнымъ результатомъ котораго въ самомъ лучшемъ, самомъ идеально-благопріятномъ случаѣ было бы кратковременное господство радикальной демократіи, опирающейся на пролетаріатъ. Странно какъ то, по поводу такихъ, отмѣченныхъ печатью канцелярскихъ измышленій, организаціонныхъ утопій обращаться за историческими аналогіями къ эпохѣ великой французской революціи. Но все же для характеристики исторической *тенденціи* этой утопіи приходится рискнуть на это. Въ концѣ пути, на который она увлекаетъ наше движеніе, свѣтится, какъ блестящая точка, якобинскій клубъ, т. е. организація революціонно-демократическихъ элементовъ буржуазіи, ведущая за собою, при посредствѣ sociétés populaires, то бишь, децентрализованныхъ периферійныхъ народныхъ обществъ, наиболѣе активные слои пролетаріата.[1]) И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу великой французской революціи, „въ классически строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственныя формы иллюзій, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно ограниченное содержаніе своей борьбы“, то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически-революціонной соціальдемократіи, чтобы скрыть отъ насъ „буржуазно-ограниченное содержаніе“ нашего движенія?

Но мы постараемся перехитрить исторію. Да это и не такъ уже трудно. Періодъ политической агитаціи и восходящаго движенія революціонной соціальдемократіи не мало положительнаго создалъ и для дальнѣйшей работы въ смыслѣ принципіально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовленные этимъ періодомъ. Само собой ясно, что устраненіе того противорѣчія въ нашемъ движеніи, которое развилось въ послѣднее время, не можетъ быть дѣломъ однихъ только индивидуальныхъ усилій нѣсколькихъ лицъ. Оно потребуетъ коллективныхъ усилій всей партіи, сознательной иниціативы массы *практиковъ*, которымъ придется отъ спеціализированныхъ кустарей-техниковъ подняться на уровень политическихъ дѣятелей. Это, разумѣется, несовмѣстимо съ бюрократическимъ режимомъ въ партіи, которому придется сдаться при первыхъ же шагахъ наиболѣе самостоятельныхъ элементовъ партіи на новомъ пути — или же превратиться въ оплотъ и орудіе для новыхъ оппортюнистическихъ тенденцій, но уже не экономическаго, а *политическаго* характера[1]). Но чѣмъ систематичнѣе и энергичнѣе мы пойдемъ по пути реформированія нашей практики въ принципіально-пролетарскомъ смыслѣ, тѣмъ быстрѣе исчезнетъ почва изъ подъ ногъ у сторонниковъ системы централизма, уродующей и компрометирующей самый принципъ централизма. На западѣ, гдѣ рабочія массы политически сознательны, и принципіальная пролетарская политика на теоретическомъ базисѣ марксизма является не абстрактнымъ идеаломъ, а реальнымъ фактомъ, гдѣ рабочая партія сама, какъ коллективный организмъ, воплощаетъ въ себѣ принципіально-соціалистическое сознаніе, организаціоные проекты, основанные на идеѣ *административнаго* подчиненія цѣлой партіи одному или нѣсколькимъ хранителямъ или олицетвореніямъ доктрины ,немыслимы не только какъ факты, но и какъ глубоко затаенная мечта какого нибудь честолюбиваго фантазера, вдохновляемаго преданіями о диктатурѣ Швейцера. У насъ абсолютизмъ является, конечно, благодарной почвой для произрастанія такихъ плодовъ. Тѣмъ не менѣе, и этотъ источникъ централистическихъ излишествъ окажется безсильнымъ обезпечить имъ жизнеспособность, когда практика соціальдемократическая поставитъ наше рабочее движеніе на такую почву, которая сдѣлаетъ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, затруднитъ противопоставленіе горсти избранныхъ носителей соціальдемократической сознательности массѣ рабочихъ и массѣ практиковъ, какъ представителямъ „стихійности“, „безсознательности“.

П. Аксельродъ.

---

[1]) Это, конечно, утопическая перспектива, но за то она, по крайней мѣрѣ, гораздо болѣе соблазнительна, чѣмъ трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонируетъ съ общимъ революціоннымъ подъемомъ и размахомъ нашего движенія въ настоящій моментъ.

[1]) Когда хранители завѣтовъ кустарничества боролись или защищались противъ революціонныхъ марксистовъ, они только *задерживали* успѣхи послѣднихъ и мѣшали дѣлу партійнаго объединенія, котораго еще *не было*, къ которому еще только стремились. Еслиже теперь наши партійныя учрежденія, вмѣсто того, чтобы статьво главѣ передовыхъ элементовъ партіи, начнутъ тѣснить ихъ и третировать, какъ крамольниковъ, то они будутъ играть роль *дезорганизаторовъ партіи* — во имя формальнаго, безсодержательнаго централизма и — сознательно или безсознательно — въ интересахъ оппортюнизма политическаго.

ченію изъ университета безъ права поступленія въ другіе университеты. И какъ разъ это все сынки генераловъ да полковниковъ“.

Какъ это ни трудно, но харьковское „Общество русскихъ студентовъ“ перещеголяло даже одесскихъ лигеровъ своимъ наглымъ юдофобствомъ и провокаторствомъ. Оно отличается чрезвычайной предпріимчивостью и занимается даже нелегальнымъ (но одобряемымъ начальствомъ) издательствомъ. У насъ имѣется экземпляръ выпущеннаго этимъ „О. Р. С.“ гектографированнаго листка, гдѣ говорится, между прочимъ, о „сверхъ-обезьянничаньѣ нашихъ, съ позволенія сказать, соціальдемократовъ“ и высказывается самое рѣшительное отвращеніе къ политическимъ „усовершенствованіямъ запада“. Глупый листокъ гектографированъ въ 3.000 экземпляровъ и распространялся въ войскахъ не безъ содѣйствія, конечно, надлежащихъ властей. Генералу Бородкину, члену петербургскаго „Русскаго собранія“, пріѣхавшему на открытіе харьковскаго отдѣленія этого реакціоннѣйшаго сообщества, „Русскіе студенты“ поднесли икону Серафима Саровскаго и засвидѣтельствовали ему свою преданность престолу и реакціи. Расчувствовавшійся генералъ выразилъ желаніе видѣть такихъ идеальныхъ студентовъ на открытіи „Собранія“. Но, какъ и слѣдовало ожидать, благочестивымъ столпамъ реакціи пришлось увидѣть на этомъ открытіи не однихъ только реакціонныхъ овецъ студенческаго стада. Болѣе многочисленные революціонные козлища рѣшили выразить имъ также и свои собственныя чувства. Передъ зданіемъ первой мужской гимназіи, гдѣ происходило торжественное засѣданіе „Русскаго общества“, каждаго подъѣзжавшаго члена встрѣчалъ и провожалъ до двери громкій свистъ собравшейся на улицѣ значительной толпы студентовъ. Оставивъ затѣмъ „Собраніе“ засѣдать подъ охраной вызванныхъ для его защиты казаковъ, студенты съ пѣніемъ двинулись по Московской улицѣ, и, дойдя безпрепятственно до Петровскаго переулка, гдѣ находится редакція „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, выбили у нея стекла въ окнахъ. Это было продолженіемъ той же манифестаціи противъ „Русскаго собранія“, открытаго въ Харьковѣ по иниціативѣ редактора этихъ реакціонѣйшихъ „Вѣдомостей“, профессора каноническаго права, Остроумова. Не безъ участія той же редакціи основано и „Общ. Русс. Студ.“, главный вдохновитель котораго, ярый антисемитъ Павловскій, состоитъ ея секретаремъ.

И здѣсь такъ же, какъ въ Томскѣ и Одессѣ, выдѣленіе реакціонныхъ кривлякъ и негодяевъ въ особое „Общество“ лишь содѣйствуетъ обостренію протестантскаго настроенія остального студенчества. И здѣсь подвигамъ этихъ господъ студенты вынуждены противопоставлять бойкотъ, для котораго необходимо сплоченіе.

Интересно бы знать, на какія именно блага разсчитываютъ вѣрноподданные отцы отечества, устраивая это громогласное выдѣленіе изъ студенческой среды своихъ самыхъ кровныхъ, самыхъ пригожихъ и многообѣщающихъ дѣтей? Шпіоны и провокаторы, развращенные негодяи и просто благовоспитанные юноши, вынесшіе изъ родительскаго дома юдофобскія и монархическія фразы, всегда имѣлись среди студенчества и по всему вѣроятію въ такомъ же точно количествѣ, какъ и теперь. Но они не кричали и не потрясали знаменемъ, а скромно оказывали начальству тѣ посильныя услуги, которыя не терпятъ ни грома, ни блеска. Крикливое выступленіе подъ реакціоннымъ знаменемъ навѣрное не прибавитъ къ ихъ числу ни одной студенческой души, заранѣе не предназначенной всѣми своими качествами на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ. Брезгливая потребность какъ можно полнѣе отдѣлиться отъ организованнаго негодяйства и защитить отъ него „честь и достоинство“ студенчества (какъ говорится въ харьковской прокламаціи, цитированной въ „Освобожденіи“), вовлекаютъ, наоборотъ, въ горячую атмосферу борьбы и такія не холодныя, но и не горячія, а только теплыя сердца, про которыя нельзя сказать, чтобы они были заранѣе обречены своими свойствами на службу пролетарской революціи. Какого же блага можно ждать отъ этой затѣи для правительства? По всему вѣроятію никакихъ существенныхъ благъ оно и не ждетъ, а только пытается обмануть кого-то, выдать предъ кѣмъ-то злостное кривлянье нравственныхъ отбросовъ высшихъ учебныхъ заведеній за выраженіе истиннаго духа русскаго студенчества, какъ пыталось выдать звѣрства нравственныхъ подонковъ кишиневскаго населенія за выраженіе духа русскаго народа, возмущеннаго еврейской неблагонамѣренностью. Но каждая его затѣя неизбѣжно падаетъ теперь на его же голову.

Интересно также распространеніе „студенческаго“ гектографированнаго листка среди солдатъ. Тутъ сквозитъ какъ-будто такой разсчетъ: намъ, отъявленнымъ и патентованнымъ слугамъ правительства, никто не вѣритъ, никто даже не интересуется знать, что именно мы лжемъ. Не покажется ли интереснѣе и достовѣрнѣе то же самое реакціонное лганье, если выпустить его отъ чистаго до сихъ поръ имени отъявленнаго бунтовщика-студента?

Тверь. Здѣсь арестованъ извѣстный педагогъ Вахтеровъ, пріѣхавшій сюда изъ Москвы для чтенія лекцій. Увѣряютъ, будто главное обвиненіе, предъявленное ему, заключается въ томъ, что онъ на лекціяхъ объяснялъ рабочимъ нелѣпость басни, будто міръ созданъ въ шесть дней и тому подобное. Арестъ его связываютъ съ провокаторствомъ, учиненнымъ прибывшими въ этомъ году въ Тверь двумя агентами зубатовской школы. Они ходили въ студенческихъ мундирахъ, появлялись въ „обществѣ“ и фигурировали въ качествѣ „пострадавшихъ“ и высланныхъ подъ надзоръ полиціи. Легковѣрные тверичане вѣрили имъ на слово, и въ результатѣ — арестъ до 50 человѣкъ. Провокаторамъ этимъ удалось проникнуть и въ нѣкоторые нелегальные кружки.

„Смута“ въ народной школѣ.

М. Н. П.
Казанск. Учебн. Окр.
Дир. нар. учил. Саратовск. губ.
30 апрѣля 1903 г.
№ 1413.

Циркулярно.
(Конфиденціально.)
Въ городскія по положенію
1872 г. училища Сарат. губ.

Въ одномъ изъ городскихъ по положенію 1872 г. училищъ было обнаружено, что нѣкоторые изъ учениковъ этого училища писали на уличныхъ заборахъ и домахъ противоправительственныя надписи: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ политическая свобода“ и др., съ бранными словами по адресу Государя Императора, и занималась чтеніемъ изданій подпольной литературы, получая ихъ отъ нѣкоторыхъ изъ ссыльно-поднадзорныхъ, живущихъ въ томъ же городѣ, а иногда даже безъ вѣдома своихъ воспитателей готовились у этихъ поднадзорныхъ къ экзаменамъ, для поступленія въ другія учебныя заведенія или для полученія званія учителя народныхъ училищъ.

Указанный случай съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ о томъ, что названное учебное заведеніе упустило изъ виду воспитательныя задачи школы, и что учитель-инспекторъ и весь педагогическій персоналъ училища не стоитъ настолько близко въ учебно воспитательномъ отношеніи къ своимъ ученикамъ, чтобы успѣть охранить ихъ отъ зараженія превратными и преступными понятіями и увлеченіями, и этимъ единственно правильнымъ и цѣлесообразнымъ путемъ отстранить учащихся отъ вреднаго внѣшкольнаго вліянія.

Сообщая о семъ во исполненіе предложенія г. попечителя Каз. Учеб. Округа отъ 24 апрѣля сего года за № 233, и признавая въ настоящее время крайне необходимымъ усилить воспитательное вліяніе школы, покорнѣйше прошу учителей-инспекторовъ и педагогическіе совѣты городскихъ училищъ, ввѣренныхъ мнѣ дирекцій, въ цѣляхъ огражденія учащихся отъ нежелательныхъ внѣшкольныхъ вліяній, обратить вниманіе на воспитательныя задачи школы, на усиленіе надзора за внѣшкольнымъ поведеніемъ ввѣренныхъ учениковъ и на подробное знакомство съ условіями жизни и быта въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ на частныхъ квартирахъ внѣ надзора и наблюденія родителей и близкихъ родственниковъ.

Дир. нар. уч.: А. Карповъ. И. д. дѣлопроизводителя: Ивановъ.

Изъ молодыхъ, да ранній. Гимназистъ третьей тифлисской гимназіи, кн. Андрониковъ, поскакавшій за лицами, покушавшимися на жизнь кн. Голицына, и указавшій ихъ казакамъ, получилъ въ награду золотые часы. Товарищи его порвали съ нимъ всякія сношенія и нѣсколько разъ избили его. Быть можетъ, суровое отношеніе товарищей съумѣетъ заглушить въ юномъ Лекокѣ страсть къ доносамъ, съ такимъ „сердечнымъ попеченіемъ“ лелѣемую подарками начальства!

Москва. На Казанской жел. дор., да вѣроятно и на другихъ, имѣются сыщики кондуктора. По прибытіи поѣзда въ Москву и вообще на большія станціи они немедленно сообщаютъ мѣстнымъ шпіонамъ, есть ли въ поѣздѣ кто либо „подозрительный“. Ночью они даютъ соотвѣтствующіе сигналы фонаремъ. На Казанскомъ вокзалѣ дежурный сыщикъ—Людинъ; ходитъ въ офицерской шинели, съ портфелемъ; это брюнетъ, высокаго роста, съ небольшой бородкой, волосы съ просѣдью. — Въ казармахъ теперь производятся два раза въ недѣлю тщательные обыски въ присутствіи ротныхъ командировъ. — Вольноопредѣляющимся совсѣмъ не разрѣшается имѣть книгъ (кромѣ того имъ не дозволяется жить на частныхъ квартирахъ вмѣстѣ со студентами), а у остальныхъ солдатъ на каждой книгѣ должна быть надпись начальства въ доказательство того, что книга дѣйствительно разрѣшена.

Изъ письма съ дороги. Во время моего пути старикъ-еврей, видимо мелкій торговецъ, сѣвшій на промежуточной станціи въ страшно возбужденномъ состояніи, раскассказывалъ своимъ сосѣдямъ, что въ мѣстечкѣ *Скопище Могилевской губ.* были рабочіе безпорядки. Началось съ забастовки. Забастовало около 200 рабочихъ картонажныхъ и коробочныхъ фабрикъ и 600 рабочихъ кафельныхъ заводовъ. Требованіе восьмичасового рабочаго дня владѣльцы фабрикъ и заводовъ будто-бы удовлетворили; но повысить заработную плату отказались. Послѣ ряда собраній возбужденная толпа, недовольная какими-то продѣлками урядника, убила его. Въ мѣстечко пріѣхали губернскій прокуроръ и жандармскій полковникъ съ 200 казаками. Одинъ изъ слушавшихъ не удержался и среди гробового молчанія воскликнулъ: „И что такое дѣлается теперь вездѣ? Жить нельзя! Вездѣ, куда ни взглянешь, бунты и безпорядки, какъ были на югѣ. И скоро-ли будетъ спокойно? Торговать нельзя: работа пріостанавливается и тормозится.“ — „Весь воздухъ въ заразѣ!“ — отвѣтилъ разсказывавшій и, будто испугавшись сказаннаго, быстро вскочилъ и ушелъ въ другое отдѣленіе. — Остальные только вздыхали, а два мелкопомѣстныхъ дворянчика пугливо оглядывались по сторонамъ. Когда же всѣ улеглись, то они занялись политикой и, дойдя до паденія Витте, шопотомъ признались другъ-другу, что Плеве развернется теперь во всю, пока не свернетъ шею... и еще быстрѣе старика замолкли, испугавшись раздавшагося съ верхней полки храпа, и моментально разошлись... А въ этомъ же поѣздѣ, десятью вагонами впереди, въ биткомъ набитомъ арестантскомъ вагонѣ везли въ М. участниковъ „южныхъ волненій“, — какъ говорили въ толпѣ, собиравшейся на станціяхъ у вокзала. Блѣдныя, истомленныя лица этихъ героевъ дышали энергіей, и за рѣшеткой бросавшей вызовъ русскому самодержавію и трусливому „общественному мнѣнію“. Черезъ рѣшетку было видно, какъ одна дѣвушка все суетилась въ вагонѣ, помогая товарищамъ то въ одномъ, то въ другомъ; низенькій армянинъ по одеждѣ студентъ, шагалъ взадъ и впередъ въ глубокомъ раздумьѣ, а у окна стояли, обнявшись, типичный русскій рабочій плотникъ и высокій, худой, изможденный человѣкъ, съ нервно-возбужденнымъ лицомъ и движеніями. И сразу видно было, какъ страшно хочется имъ на волю, какъ рвутся они продолжать начатую борьбу....

Иркутскъ. Недавно врачебный инспекторъ Иркутской губерніи, врачъ Маковскій, разослалъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему врачамъ циркулярное предписаніе приблизительно слѣдующаго содержанія: въ виду того, что за послѣднее время наблюдается сильный наплывъ политическихъ ссыльныхъ, которые, чтобы задержаться въ пути, пользуются свидѣтельствами врачей; нерѣдко совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительному состоянію ихъ здоровья, строго предписываю не дѣлать имъ такихъ послабленій и т. д. — Изъ департамента полиціи въ августѣ полученъ циркуляръ о разселеніи всѣхъ политическихъ, живущихъ вблизи жел.-дор. станціи, на разстояніе 500 верстъ отъ жел. дор. — „Въ предупрежденіе побѣговъ и непосредственныхъ сношеній“ ссыльныхъ „съ сибирскими революціонными организаціями“ Иркутскій генералъ-губернаторъ распорядился, чтобы чины наружной полиціи имѣли неослабное наблюденіе за всѣми политическими поднадзорными и ежедневно доставляли о всѣхъ ихъ свѣдѣнія по особой приложенной къ циркуляру формѣ. „Форма“ эта требуетъ не только отмѣтокъ о поведеніи втеченіе дня и всевозможныхъ свѣдѣній о томъ, съ кѣмъ ссыльный видѣлся, куда ходилъ, о чемъ говорилъ и т. п., но даже, когда спалъ! Но и этого показалось мало зарвавшемуся сатрапу; онъ еще требуетъ, чтобы вся переписка ссыльныхъ просматривалась исправниками и ихъ помощниками! Такъ какъ требованіе это совершенно незаконно, то очевидно, что просмотръ будетъ совершаться „негласно“. Совѣтуемъ товарищамъ требовать привлеченія къ суду почтовыхъ чиновниковъ, которые будутъ выдавать ихъ корреспонденцію на просмотръ безъ прямого распоряженія о каждомъ данномъ лицѣ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ.

Вологда. Въ этомъ году, особенно послѣднее время не проходитъ ни одной недѣли, чтобы въ Вологду не прислали по этапу отъ 10—30 человѣкъ рабочихъ съ разныхъ концовъ Россіи. Въ Вологдѣ ихъ не оставляютъ, а отправляютъ въ уѣзды. Въ каждомъ изъ уѣздныхъ городовъ теперь оказалось 19 — 25 человѣкъ исключительно рабочихъ. 3-4 имѣютъ заработокъ — остальные голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Пособіе отъ полиціи, два съ половиною рубля, выдается только мѣсяцевъ черезъ 5-6 послѣ прошенія, а иногда прошеніе остается безъ послѣдствій. Самый ужасный голодъ въ Сѣверо-восточной части губерніи, въ наиболѣе отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ: Устьсысольскѣ, Яранскѣ и особенно Сольвычегодскѣ, гдѣ болѣе 20 человѣкъ рабочихъ, всѣ почти безъ заработка и многіе съ семьями, а интеллигентовъ только 3-4 человѣка. Оттуда студентъ пишетъ: „доѣдаемъ послѣднее, у многихъ нѣтъ теплой одежды, съ ужасомъ ждемъ будущаго“.

Такія же свѣдѣнія о положеніи политическихъ ссыльныхъ редакція непрерывно получаетъ и изъ всѣхъ концовъ Сибири. Матеріальное положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ не многимъ лучше. Какъ велико количество жертвъ, выхватываемыхъ царскимъ правительствомъ изъ среды народа, борющагося за свое освобожденіе, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что, наприм. черезъ Красноярскую тюрьму за время только съ 14 мая по 13 октября 1903 г. прошло 467 человѣкъ.

Между тѣмъ въ общемъ русское такъ называемое либеральное общество обнаруживаетъ преступное равнодушіе даже къ такому мелкому и вовсе ужь не „опасному“ дѣлу, какъ матеріальная помощь ссыльнымъ и заключеннымъ. Кассы „Краснаго Креста“ собираютъ гроши по сравненію съ тѣми средствами, которыя требуются, чтобы обезпечить хоть сколько нибудь сносное существованіе и возможность сохранить свои силы борцамъ, *временно* выбывшимъ изъ строя. Пролетаріатъ, наиболѣе самоотверженно борющійся противъ деспотизма и дающій въ этой борьбѣ наибольшее количество жертвъ, имѣетъ право требовать хотя бы матеріальной поддержки отъ всякаго, кто съ радостью встрѣтитъ свободу, завоеванную усиліями рабочаго класса, и въ комъ сохранилась еще хоть капля совѣсти...

Николаевъ. Весь городъ взволнованъ былъ недавно выдающимся по наглости и безсмысленности полицейскимъ убійствомъ. Десятаго ноября, за насмѣшливое замѣчаніе по адресу городового, упустившаго карманнаго воришку, мирный торговецъ масломъ Пукасенко былъ взятъ разсерженнымъ представителемъ власти въ участокъ. „Волокли“ его съ такимъ рвеніемъ и при этомъ такъ усердно угощали пинками, что несчастный едва доползъ до участка и тутъ же, присѣвъ къ столу, испустилъ духъ. Возлѣ участка собралась огромная толпа, и прибывшему градоначальнику едва удалось успокоить ее и удержать отъ разгрома участка. На слѣдующій день въ мѣстной газетѣ „Южная Россія“ появилась краткая замѣтка, въ которой сообщалось, что П. „неожиданно скончался“, причемъ, будто бы, жена и родственники его заявили, что онъ уже давно страдалъ „порокомъ сердца“. Разумѣется, вскрытіе тоже подтвердило, что Пукасенко умеръ отъ „разрыва сердца“. Въ концѣ концовъ дѣло, вѣроятно, такъ и заглохло бы, какъ это случается чуть не ежедневно на Руси при безчисленныхъ убійствахъ въ участкахъ, но въ дѣло вмѣшался мѣстный комитетъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Въ выпущенной прокламаціи (1200 экземпляровъ) убійство Пукасенко изображено въ настоящемъ свѣтѣ, и дана яркая характеристика полицейскаго произвола. Прокламація произвела на всѣ слои населенія сильнѣйшее впечатлѣніе, и замолчать дѣло уже не было возможности. Черезъ два дня появилось оффиціальное „извѣщеніе“ градоначальника, въ которомъ, повторяя старыя басни объ „ожирѣніи сердца“ и пр., онъ уже признаетъ, что „полицейскій Шило“ нанесъ Пукасенко „ударъ въ голову кулакомъ“ и „подталкивалъ его кулакомъ въ бокъ“, и заявляетъ, что городовой этотъ преданъ суду по обвиненію въ нанесеніи побоевъ, какъ деликатно квалифицируется убійство. Такъ то обличенія революціонеровъ заставляютъ говорить и начальство!

Александровскъ, Екат. губ. Четвертаго ноября здѣсь впервые произошла публичная манифестація. По поводу смерти одного товарища мѣстная соц.-дем. организація выпустила листокъ, которымъ приглашала рабочихъ принять участіе въ похоронахъ. Времени было слишкомъ мало, чтобы успѣть хорошо организовать манифестацію, но многіе рабочіе въ городѣ и на заводахъ побросали работу; къ нимъ присоединилась часть публики, такъ что на кладбище собралось человѣкъ 500. Рѣчь произнести по нѣкоторымъ причинамъ было невозможно, и потому ограничились разбрасываніемъ листковъ. Когда толпа начала расходиться, раздался возгласъ „долой самодержавіе“, встрѣченный громкимъ и продолжительнымъ „ура“. Въ этотъ же день была распространена въ 550 экз. прокламація „Къ новобранцамъ“. Полиція и жандармерія всполошились.

Въ концѣ октября мѣстной организаціей было устроено два собранія по 70 человѣкъ. Были произнесены рѣчи на темы: „Политическая и экономическая борьба“, „Современныя формы правленія и пролетаріатъ“, „Диктатура пролетаріата“. По окончаніи рѣчей были пренія, причемъ, по требованію рабочихъ, подробно разъяснялись принципіальныя и тактическія разногласія между соціальдемократами и соц.-революціонерами. Рабочіе собраніями остались очень довольны. Надняхъ у нѣсколькихъ рабочихъ были обыски; ни у кого ничего не найдено.

Гомель. Какъ извѣстно, въ началѣ ноября *(3-4)* здѣсь ждали повторенія погромовъ. Мѣстная организація Бунда быстро и энергично приняла цѣлый рядъ мѣръ для охраненія еврейскаго населенія не только отъ громилъ, но и отъ войска и полиціи. Изъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ составили отрядъ самообороны, послали людей за оружіемъ въ другіе города, сообщили сосѣднимъ организаціямъ и т. д. Совершенно частнымъ образомъ было передано, однако, въ Кіевъ, что погромъ уже начался. Мѣстный комитетъ Рос. Соц.-Дем. Партіи сейчасъ же послалъ въ Гомель нѣсколько русскихъ рабочихъ для противодѣйствія погрому. Какъ извѣстно, ни третьяго, ни послѣ, погрома не произошло. Но русскіе товарищи не сейчасъ уѣхали. Они познакомились близко съ организаціей Бунда, съ еврейскими сознательными рабочими, на которыхъ произвела сильное впечатлѣніе та удивительная готовность къ самопожертвованію и самоотверженіе, которое проявили по отношенію къ нимъ русскіе товарищи. Въ свою очередь русскіе рабочіе были пріятно поражены той серьезной подготовкой и развитіемъ, которыя они встрѣтили въ еврейскихъ товарищахъ. Въ своей бесѣдѣ съ русскими ж.-д. рабочими кіевляне сильно пристыдили тѣхъ, которые приняли участіе въ погромѣ. Въ горячихъ и сильныхъ словахъ они доказывали имъ, какой огромный вредъ причиняютъ они себѣ и всему рабочему движенію такими поступками. Они объяснили имъ, какъ сильно на руку царскому деспотизму подобная національная рознь. Они убѣждали ихъ соединиться съ товарищами евреями на борьбу противъ общаго врага всего трудящагося люда — самодержавія, которое такъ мѣшаетъ дальнѣйшей борьбѣ за свѣтлое будущее, соціалистическій строй. Несомнѣнно, что у многихъ ж.-д. рабочихъ начала оживленно работать мысль, а когда она начала работать, то неминуемо приведетъ ихъ, подъ руководствомъ соціальдемократіи, къ ясному классовому сознанію, которое такъ безконечно далеко отъ всѣхъ національныхъ предразсудковъ.

Нельзя не высказать еще разъ такъ часто повторявшагося уже пожеланія, чтобы тѣсное единеніе между пролетаріатомъ различныхъ національностей не встрѣчало себѣ никакихъ препятствій въ организаціонныхъ отношеніяхъ, чтобы оно развивалось какъ можно шире и глубже, такъ какъ въ этомъ единеніи — залогъ быстрой побѣды надъ врагомъ всѣхъ національностей — русскимъ самодержавіемъ.

Борьба противъ вооруженія народа.

Канцелярія
Главноначальствующаго
гражданскою частію
на Кавказѣ.
Отдѣленіе судебное.
11 ноября 1903 г.
№ 2072.
Въ Тифлисѣ.

Секретно.
Циркулярно.
Г. г. Губернаторамъ, Начальникамъ округовъ и Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ Управленій.

Въ виду нерѣдко возникающихъ на практикѣ сомнѣній по вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ надлежитъ возбуждать переписку въ порядкѣ Положенія о Государственной охранѣ противъ лицъ, тайно водворяющихъ оружіе въ предѣлы Кавказскаго края, Совѣтъ Главноначальствующаго, на обсужденіе коего былъ внесенъ означенный вопросъ, принявъ во вниманіе, что при существующемъ въ краѣ противоправительственномъ движеніи революціонныя банды, вооруженныя ружьями неусовершенствованныхъ системъ или только револьверами, равно опасны для государственнаго порядка, и что посему подлежитъ изслѣдованію въ порядкѣ закона объ охранѣ тайное водвореніе ружей всѣхъ системъ, равно какъ и револьверовъ, патроновъ и припасовъ къ нимъ, безотносительно къ роду сихъ предметовъ и цѣли ихъ водворенія, журналомъ отъ 25 октября сего года, утвержденнымъ Главноначальствующимъ, постановилъ: разъяснить подлежащимъ начальствамъ, что переписка въ порядкѣ охраны должна быть возбуждаема относительно всѣхъ безусловно случаевъ тайнаго водворенія оружія, какъ то и предписано въ циркулярѣ Его Сіятельства отъ 13 октября 1898 года за № 932.

Объ изложенномъ, по порученію Князя Главноначальствующаго, Канцелярія имѣетъ честь сообщить Вашему...... для руководства и зависящихъ распоряженій.

Подписалъ: Директоръ Вл. Трофимовъ. Скрѣпилъ: За Дѣлопроизводителя И. Христофоровъ. Вѣрно: За Помощника Дѣлопроизводителя Евг. Андреевъ.

Севастополь. Въ № 127 „Русскихъ Вѣдомостей“ была напечатана корреспонденція изъ Севастополя, гдѣ сообщалось о выходѣ въ отставку почти цѣликомъ всего врачебнаго персонала больницы до сидѣлокъ включительно. Указано при этомъ, что поводомъ было назначеніе новаго смотрителя, въ чемъ „врачебный персоналъ усмотрѣлъ недовѣріе къ себѣ“. Началомъ исторіи, финалъ которой въ такой путанной формѣ сообщается газетой, можно считать арестъ завѣдующаго аптекой городской больницы Николая Лазаревича Канторовича. Ведя пропаганду среди солдать, К. въ ночь съ 19 на 20 велъ занятія съ группой изъ 25 человѣкъ, среди которыхъ на этотъ разъ нашелся предатель. Сарай, въ которомъ собрались участники занятій, заперли снаружи и приставили часовыхъ. Солдаты, желая выпустить К., начали ломать дверь, но были тотчасъ окружены цѣлой ротой. Черезъ два дня при подобныхъ же условіяхъ была арестована другая группа солдатъ уже въ 50 человѣкъ, но ихъ выпустили въ ту же ночь, такъ какъ это число показалось слишкомъ компрометирующимъ начальство, тѣмъ болѣе, что оно къ своему удивленію узнало, что пропаганда въ послѣдніе годы велась въ обширныхъ размѣрахъ, и обнаруживать это было бы невыгодно. За этимъ арестомъ послѣдовало распоряженіе градоначальника удалить изъ больницы въ 24 часа смотрителя В. Т. Голикова, пробывшаго нѣкогда на Карѣ четыре года. На словахъ было прибавлено, что, въ случаѣ промедленія, смотрителя выведутъ съ городовыми. Поводомъ къ этому были цвѣты, посланные Голиковымъ Канторовичу въ тюрьму.

На мѣсто Голикова градоначальникъ сначала предложилъ, потомъ прямо предписалъ выбрать бывшаго помошника смотрителя — Д. В. Петропавловскаго. Этотъ субъектъ давно мечталъ о мѣстѣ смотрителя, зарекомендовывая себя передъ начальствомъ, главнымъ образомъ, доносами. Послѣднимъ его подвигомъ была неожиданная находка. Ему было поручено собрать вещи Канторовича, у котораго послѣ ареста былъ обыскъ, и ничего не было найдено; но Петропавловскій представилъ по начальству шесть нелегальныхъ книжекъ, будто бы найденныхъ въ вещахъ Канторовича. И такого то субъекта было предложено выбрать въ смотрители больницы! Тогда старшій врачъ С. А. Никоновъ подалъ въ отставку, но управа отставки не приняла Былъ собранъ медико-санитарный совѣтъ, который забаллотировалъ Петропавловскаго, выбралъ кандидата, предложеннаго старшимъ врачемъ, и просилъ старшаго врача взять свою отставку обратно, что и было сдѣлано. Но послѣ этого городской голова Максимовъ приглашаетъ къ себѣ старшаго врача и убѣждаетъ его назначить хоть временно Петропавловскаго; получивъ отказъ, онъ ѣдетъ въ больницу, созываетъ правленіе и объявляетъ, что по требованію высшаго начальства настаиваетъ на временномъ замѣщеніи должности смотрителя Петропавловскимъ. Тогда старшій врачъ снова подалъ въ отставку, но на этотъ разъ къ нему присоединились два другихъ доктора — Л. А. Флеровъ и А. И. Потаповъ, всѣ акушерки-фельдшерицы, нѣсколько сидѣлокъ и четыре служителя. Прошенія объ отставкѣ, поданныя единовременно, произвели большое впечатлѣніе въ городѣ и обратили на себя вниманіе высшаго начальства. Городской голова былъ вызванъ въ Петербургъ, но результатомъ его поѣздки было утвержденіе отставки всѣхъ, подавшихъ прошенія, назначеніе Петропавловскаго занимающимъ должность смотрителя, а нѣкоего господина Мертваго — старшимъ врачемъ. Карьера послѣдняго такова: онъ былъ нѣкогда старшимъ врачемъ больницы, но, прельстившись жалованьемъ, выставилъ свою кандитатуру на званіе городского головы и былъ выбранъ. На слѣдующее трехлѣтіе онъ оказался забаллотированнымъ и, за неимѣніемъ другихъ занятій, началъ писать доносы на больничный персоналъ, результатомъ чего были постоянные обыски въ больницѣ. Теперь онъ занялъ должность старшаго врача по назначенію отъ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ старшій врачъ избирался изъ своей среды самими врачами больницы.

Надо думать, что шпіонство будетъ теперь поставлено въ больницѣ хорошо, а больные, если и перемрутъ, то ужъ это.. „въ интересахъ государственнаго порядка и спокойствія“!

Новая пощечина самодержавію. Почти каждый массовый процессъ за послѣднее время грозитъ вытащить на свѣтъ божій такую массу гнусностей, подлостей, насилій и кровопійства самодержавнаго режима, что царское правительство вынуждено открыто признаваться въ невозможности для себя выдержать хотя бы самый снисходительный судъ своихъ собственныхъ чиновниковъ при „закрытыхъ дверяхъ“. Все это не помогаетъ, ибо, разъ есть свидѣтели, хотя бы и тщательно подобранные, есть защитники, есть очныя ставки, есть допросъ — фигура царизма, забрызганная кровью и грязью, начинаетъ вырисовываться передъ всѣми участниками процесса съ роковою неизбѣжностью. Остается одно: превратить судъ въ административную расправу уже безъ всякихъ прикрасъ. Надо сдѣлать защиту подсудимыхъ, допросъ свидѣтелей невозможнымъ. И вотъ мы видимъ: передъ началомъ дѣла о златоустовской бойнѣ адвокатовъ арестуютъ и высылаютъ; по дѣлу о крестьянскихъ безпорядкахъ защитники вынуждены уйти съ протестомъ; по дѣлу о тихорѣцкихъ безпорядкахъ въ связи со смертью Золотовой — тоже. Теперь на кишиневскомъ процессѣ всѣ гражданскіе истцы и почти всѣ защитники снова вынуждены были уйти, указавъ въ своихъ рѣчахъ, что все судебное слѣдствіе выяснило, гдѣ надо искать виновниковъ погрома, выяснило, что обвиняемые „простые исполнители преступнаго приказанія современнаго Ирода“, а судьи не дали возможности допросить нужныхъ свидѣтелей и посадить на скамью подсудимыхъ истинныхъ виновниковъ. И пусть царское правительство „наказываетъ“ каторгой и тюрьмой исполнителей его же приказаній! Новая пощечина, полученная имъ въ Кишиневѣ, только еще ярче будетъ горѣть на его щекѣ; потому что, если исполнители заслуживаютъ каторги, то какая же кара будетъ слишкомъ велика для тѣхъ, кто не получалъ а давалъ „приказанія“?

Какъ стало только что извѣстно изъ иностранныхъ газетъ, одинъ изъ представителей гражданскихъ истцовъ въ кишиневскомъ процессѣ, адвокатъ Н. Соколовъ, арестованъ за собираніе частнымъ путемъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ причинахъ и ходѣ погрома. „Расправа“ начинается!

Господа Манчжурцы. Въ Уссурійскомъ краѣ въ настоящее время громадное скопленіе войскъ — около 100000. Солдаты живутъ въ землянкахъ и мрутъ какъ мухи. Въ Манчжуріи солдаты ведутъ себя по отношенію къ китайцамъ возмутительно: бьютъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ. Примѣръ подаетъ конечно начальство. Гражданскіе чиновники также охулки на руку не кладутъ. Такъ, одинъ, извлекши изъ архива большое количество старыхъ циркуляровъ съ извѣщеніемъ о смерти Александра III, разослалъ ихъ съ предписаніемъ собирать пожертвованія на похороны его! И китайцы „жертвовали“. Другой, опираясь на распоряженіе высшаго начальства о томъ, что его должно „знать“ все населеніе, отпечаталъ собственный портретъ и взымаетъ по рублю за штуку. Такъ-то исполняютъ свою „цивилизаторскую миссію“ наши манчжурскіе турки, и таковы-то порядки на театрѣ грядущей войны съ Японіей!

Политическій процсссъ. Майскіе демонстранты въ Баку.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

О крестьянахъ: села Хильмили Шемахинскаго уѣзда, Иванѣ Яковлевичѣ Рядинскомъ, 24 лѣтъ, села Акбуланъ Шушинскаго уѣзда, Тигранѣ Саркисовѣ Караманьянцѣ, 20 л., мѣщанахъ: г. Таганрога Эсфири Владиміровнѣ Вирновской, 18 л., гор. Александрополя Егорѣ Ованесовѣ Калашевѣ 51 г., гор. Баку Агапдисанѣ Мартиросовѣ Микиртичевѣ, 28 л., гор. Сарапуля Алексѣѣ Ивановичѣ Лушниковѣ, 24 л., города Шемахи, Андреѣ Власьевичѣ Поповѣ 25 л., гор. Шуши Сумбатѣ Осиповѣ Саркисовѣ 17 л. и Михаилѣ Аваковѣ Григоровѣ (онъ же Саркисовъ) 18 л., и гор. Тифлиса Александрѣ Степановичѣ Мыслицкомъ 20 л. обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотренномъ 13 и 271 ст. Улож. о Наказаніяхъ.

27 апрѣля 1903 г., около 12 часовъ дня, гулявшая на Парапетѣ, въ г. Баку публика, соединившись въ большую толпу и выбросивъ революціонные флаги, двинулась по Великокняжеской ул., гдѣ, соединившись съ такою же толпой, шедшей по Ольгинской ул., направилась съ криками: „къ губернатору“ къ Михайловскому саду. Нарядъ городовыхъ и дворниковъ, во главѣ съ приставомъ Осиповымъ, ожидавшій этой демонстраціи и приготовившійся къ разсѣянію толпы демонстрантовъ, преградилъ толпѣ дорогу около зданія заведенія св. Нины. Толпа остановилась, но, когда приставъ предъявилъ ей требованіе разойтись, изъ нея стали раздаваться по адресу пристава и городовыхъ угрозы, какъ то „не подходите“, „убьемъ“ и т. п., а затѣмъ въ нихъ же стали бросать камнями. Видя, что словомъ нѣтъ возможности убѣдить толпу разойтись, приставъ вмѣстѣ съ городовыми и дворниками, произведя залпъ изъ револьверовъ въ воздухъ и обнаживъ шашки, бросились на демонстрантовъ, причемъ ударами шашекъ заставили большую часть толпы разбѣжаться, а часть ея была задержана и препровождена въ участокъ. При предъявленіи задержанныхъ лицъ приставу и городовымъ, принимавшимъ участіе въ разсѣяніи толпы, ими были опознаны, какъ принимавшіе участіе въ сопротивленіи властямъ: Рядинскій, Караманьянцъ, Вирновская, Калашевъ, Микиртичевъ, Лушниковъ, Поповъ, Саркисовъ, Григоровъ и Мыслицкій, при этомъ свидѣтели: Владиміръ Осиповъ, Андрей Харитовъ, Михаилъ Кашниковъ, Амираслань Кербалай Кадгыръ оглы, Саркисъ Саркисянцъ и Сафаръ Али бекъ, Хальфали бекъ оглы заявили, что они видѣли Вирновскую, шедшую около флага, Андрей Контайтисъ — что она кричала городовымъ „не подходите“, а Прокофій Вынцса, что она даже ударила его палкой. Григорій Банинъ и Мамедъ Садыкъ Мамедъ Ибрагимъ оглы удостовѣряли что Калашевъ замахнулся на пристава и грозилъ Герману Какаеву палкой. По словамъ свидѣтелей Михаила Кашникова и Егора Забраева, Михаилъ Григоровъ въ тотъ моментъ, когда полиція, остановивъ толпу, предложила ей разойтись, кричалъ ей „не подходите“ и бросалъ въ нее каменьями. Городовые Андрей Калининъ, Сафаръ Али бекъ и Германъ Какаевъ видали Сумбата Саркисова, бросавшаго въ нихъ камнями, Сафаръ Али бекъ кромѣ того удостовѣрилъ, что Тигранъ Караманьянцъ угрожалъ ему палкой, а Андрей Калининъ, Егоръ Забраевъ, Александръ Хабаевъ, Прокофій Дынка, Сандро Маріевъ и Петръ Мартыновъ, что Алексѣй Лушниковъ приказывалъ городовымъ не подходить къ толпѣ и бросалъ въ нихъ камнями. По словамъ свидѣтеля Мамедъ Селыка, Андрей Поповъ ударилъ его палкой. а Забраевъ видалъ, какъ онъ бросалъ въ чиновъ полиціи камнями. Сандро Маріевъ также видалъ, какъ Александръ Мыслицкій бросалъ камнями въ городовыхъ, а Иванъ Рядинскій ударилъ Ивана Хабаева палкой. Актами судебно медицинскаго освидѣтельствованія Агали Гасанъ оглы и Мамеда Садыка установлено, что у перваго на лѣвомъ плечѣ и предплечьи имѣются синяки, а на затылкѣ — ушибленная накожная рана, а у второго — на правой рукѣ ушибъ, а подъ правымъ глазомъ — синякъ.

Привлеченные къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ (переименованіе лицъ), себя виновными не признали, но ничего существеннаго въ свое оправданіе не представили. На основаніи вышеизложеннаго (такіе то) обвиняются въ томъ, что 27 апрѣля 1903 г., въ городѣ Баку, при появленіи пристава второй части вмѣстѣ съ городовыми для разогнанія толпы, согласились между собой силой воспрепятствовать его намѣренію, съ каковой цѣлью стали бросать въ чиновъ полиціи камнями, угрожали и били ихъ палками, вслѣдствіе каковыхъ насильственныхъ дѣйствій городовые Агали Гасанъ оглы и Мамедъ Садыхъ получили легкіе ушибы и раны т. е. въ преступленіи, предусмотренномъ 13 и 271 ст. Ул. о нак. Вслѣдствіе этого и согласно 1260 ст. У. У. С. (переименованіе лицъ) подлежатъ суду Бак. Окр. Суда.

Составленъ 30 іюня 1903 г.

Подписалъ тов. прокурора А. Гаръ.

Изъ тайнъ департамента полиціи.

Въ циркулярѣ отъ 1 іюля 1903 г. за № 6.300 сообщается о приговорахъ, коимъ должны подвергнуться разыскиваемые по старымъ циркулярамъ слѣдующія лица: 1) Кишиневскій мѣщанинъ Берко Батушанскій — 4 мѣсяца тюрьмы и 3 г. гласнаго надзора въ избранномъ мѣстѣ жительства, но внѣ столицъ и губерній столичныхъ, Таврической, Полтавской и Саратовской. 2) юрбург. мѣщ. Шепсель Бресскій — 4 мѣс. тюремн. закл. и 2 года гласн. надз. 3) мѣщ. Мойсей Вассеръ —5 л. Вост. Сиб. 4) дворянинъ Левъ Волковъ. по сценѣ Левко-Павленко — 3 г. Вологод. губ. 5) крестьянинъ Романъ Гольскій—3 г. Вологод. губ. 6) мѣщ. Израиль Гельманъ—5 л, Вост. Сиб. 7) мѣщ. Пейсахъ Гуданскій — 4 мѣс. тюрьмы и два года надзора. 8) мѣщ. Юдель Дворецкій — 6 м. тюр. 9) мѣщ. Шапсель Давидовичъ — 6 м. т. и одинъ годъ надз. 10) мѣщ. Гершъ Димантъ — 1 г. надз. 11) мѣщ. Израиль Израилевичъ — 3 м. тюр. 12) дворян. Фортунатъ Каминскій — 5 л. Вост. Сиб. 13) мѣщ. Лейзеръ и Мовша Клецкины — 3 м. тюр. 15) мѣщ. Фишель Кремерманъ — 2 м. тюр. 16) мѣщ. Лемпертъ — 6 м. тюр. и 2 года надзор. 17) мѣщ. Хаимъ Полякъ — 3 м. тюр. 18) мѣщ. Мееръ Ройтенбергъ — 3 г. Вост. Сиб. 19) мѣщ. Людовикъ Репета — 6 мѣс. 20) мѣщ. Малка Свѣчковская — 6 м. т. и 2 г. надз. 21) двор. Александръ Сулькевичъ — 3 г. Волог... 22) м. Хава Ханоимъ — 3 г. надз. 23) м. Лейба Стоцикъ — 8 л. Вост. Сиб. 24) м. Аб. Халофъ — 4 м. тюр. зак. 25) кр. Викторъ Шклярекъ — 4 г. Вост. Сиб. Далѣе слѣдуетъ примѣты разыскиваемыхъ по прежнимъ циркулярамъ м. Рояка, крест. Павла Ст. Тимашева, бывш. студ. Горн. Инст. Степана Романова и мѣщ. Ивана Санжура и предписывается разыскать бывш. слушат. женск. курсовъ Александру Гусарову.

Приводимъ списокъ разыскиваемыхъ циркулярами отъ 1 мая за № 4000, отъ 1 іюня за №5200 и перваго іюля за № 6300, причемъ упоминаемъ о судьбѣ, ожидающей тѣхъ, которыхъ не предписывается препроводить въ одно изъ жандармскихъ управленій: В. Ф. Волховской, К. І. Житловскій, Е. Е. Лазаревъ, Ш. А. Рапопортъ; Э. А. Серебряковъ, Н. В. Чайковскій, Л. Э. Шишко, М. А. Розенбаумъ, А. Н. Чернова, (рожд. Слетова), В. М. Черновъ, Раиса Р. Баргъ (два года гласнаго надзора внѣ столицъ и губерній столичныхъ, Варш., Петрок., Радомской, Бѣлост. у. и гор. Минска и Вильны). Хононъ Ш. Киршенбаумъ (Вост. Сиб. 5 л.), Хаимъ І. Я. Полякъ (тюр. закл. 3 мѣс.), Сильвестръ П. Сташайтисъ (одинъ годъ гл. надз.), Іосифъ М. Альтеръ, Сам. Нох. Ангельчикъ, ос., Андр. Вл. Бѣловольскій ос., Бер. И. Боруховичъ ос., Іосифъ Зейликъ Вигд. Варшавскій, Ант. Фел. Войткевичъ, Изр. Аб. Волчекъ ос., Шмуль-Бор. Іос. Гильдія, Ицко Аб. Глезеръ, заним. карм. кражами (?) гл., Соф. Ицк. Гликманъ. Мовша Раф. Гоцъ, Эшкіонъ, онъ же Экишіанъ, подд. Сѣв. Амер. С. Ш., Сем. Іосиф. Загорскій, онъ же Шульдингеръ; Вас. Алдр. Земсковъ; Сам. Зигельманъ, рядовой четвертаго сап. бат.; Марія Ицк.-Лейб. Зильберштейнъ, извѣстная подъ именемъ „Мари“; Андр. Вас. Ивановъ гл.; Зельманъ-Янкель Шоломъ Каганъ, кличка „Зиманъ“; Еля-Давидъ Мовша Кацъ; Вас. Ив. Козловъ (Вятск. губ.); Хана Изр. Кузнецова (ув. Д. П.); Ципа Изр. Кузнецова; (ув. Д. П.); Ицекъ-Лейба З. Леви; Мойсей Е.-Р. Левинбергъ ос.; Адель Янк. Левинъ ос.; Шмуль Ю. Левинъ (Енис. губ.); Янк. К. Левинъ ос.; Бейнусъ Вольф. Липманъ; Іуда Берка М. Лифшицъ ос.; Пинх. Шоломъ-Хаймъ Магаршикъ; Там. Л. Малкина гл.; Иванъ-Вацлавъ Конст. Махайскій; Файв.-Мешул.-Гиршъ Мееръ Мееровичъ; Бронисл. Конст. Миткевичъ; Фед. Прок. Монинъ; Евг. Сем. Носовичъ; Эст.-Рейза К. Орлова, рож. Левина (Ен. губ.); Ант. Я. Османскій ос.; Шмуль Гершъ-Ароновъ Павловъ; Матр. М. Погребнякова ос.; І. Т. Пустыльникъ ос.; Мих. Зин. Рѣзниковъ; Янкель-Юд. Рейхлинъ. женев. студ.; Лейба Э. Ренэинъ ос.; З. Б. Рогасскій ос.; Х. И. Розенбергъ ос.; Іосифъ Берк. Розинъ; Мих. Андр. Русовъ гл.; Фед. Конст. Рындинъ; Максимил. Ив. Савицкій ос.; Соф. Март. Сангали ос.; Ив. Ареф. Санжуръ; К. Ад. Степовичъ ос.; Сол. С. Требелевъ ос.; Над. И. Шевелина ос.; П. И. Шепелевскій ос.; Мойс. Ант. Шульдингеръ; Афонъ Ив. (въ іуд. Аронъ Іос.-Мих.) Юсимъ; Рыся Абр. Оршанская (3 года Вост. Сибири); Ив. Брожовскій (сообщ. списокъ его родныхъ); Мендель Абр.-Гирш. Казакъ; Овсей Перльштейнъ.

Списокъ лицъ, розыскъ которыхъ прекращается:

Г. Н. Бирзовскій; А. Ю. Броновицкая; В. Д. Бугульская, рожд. Гурари; І. Т. Герцовъ; А. И. Гулинскій, прусск. подд.; З. Т Дейчинъ, онъ же Васильевъ; А. В. Дзенціоловскій; Ц. Ш. Зеликсонъ (женщ.); К. Л. Зильбербергъ; В. В. Кокоринъ; Юдеса М. Кацъ; К. Н. Копыловъ; И. И. Король; Г. И. Какаенъ; Крапивниковъ-Картехшмуель; Ш. С. Левинъ; М. И. Маркельсъ; В. А. Новицкій А. М. Пивоваръ; В. И. Сметановъ; И. Н. Смирновъ; Ю. А. Станкевисъ; Е. И. Фрейдинъ; Ш. И. Шапиро; Г. М. Шерманъ (женщ.); К. И. Шаръ; М. И. Шульманъ; Л. А. Бедринъ; И. С. Бисоловскій; Мед. Абр. Богорадъ; Л. С. Бургинъ; Ф. К. Весманъ; В. В. Воровскій; И. А. Гаврюшинъ; Г. А. Гершуни; С. О. Дотуновъ; С. И. Доронинъ; Г. Л. Зетель; Я. В. Златкинъ; В. И. Ивліевъ; Г. Г. Козелъ; Л. Е. Комендантова; Н. В. Коньковъ; І. Д. Левинсонъ; В. Л. Летуновъ; В. В. Матвѣевъ; И. Ф. Мостицкій; И. В. Пастуховъ; И. А. Писманикъ; Ю. А. Попова; Ш. І. Рапопортъ, Б. А. Свежинская; М. Ю. Свидровскій; Е. М. Тарасовъ; И. Ш. Цапкинъ; І. М Цыбуля; З. М. Шульманъ; А. Л. Юдицкій; В. Н. Харьковцевъ; Б. М. Бруднеръ; А.-Б. Б. Гинзбургъ; Х.-І Э.-М. Корниловъ; И. С. Новаковская; М. М. Рѣзановъ, врачъ; Э. Ю. Степпинская, рожд. Чарношская; Е. Ш. Уидереръ.

Изъ области полицейскихъ „секретовъ“ почерпнуты нами еще слѣдующія свѣдѣнія:

„Переведенный изъ села Анциферовскаго на жительство въ село Богучанское Енис. уѣзда гласно-поднадзорный Серг. Алексѣевъ Кулагинъ... въ село Богучанское не прибылъ. Произведеннымъ разслѣдованіемъ выяснилось, что Кулагинъ, высадившись съ парохода въ селѣ Стрѣлковскомъ, Енис. уѣзда, 24 мая остановился у гласно-поднадзорнаго Барышникова и вечеромъ этого же числа выѣхалъ въ деревню Савину; далѣе же прослѣдить за проѣздомъ Кулагина не представилось возможнымъ. Кулагинъ обѣщалъ по прибытіи на мѣсто написать объ этомъ Барышникову, и, дѣйствительно, въ первыхъ числахъ іюня послѣдній получилъ открытое письмо изъ Европ. Россіи, судя по почерку — отъ Кулагина“.

„Гласно-поднадзорная Мальвина Мростъ, получивъ 19 сего іюля путевой видъ для прослѣдованія на озеро Учумъ,... туда не прибыла... Произведенными розысками по пути слѣдованія Мростъ установлено, что она выѣхала изъ Ачинска въ село Назарьевское, затѣмъ въ село Алтайское, и оттуда на ж.-д. станцію Краснорѣченскую, гдѣ и сѣла на поѣздъ“.

М. В. Д. Секретно.
Саратов. Полиціймейтеръ
17 сент. 1903 г. № 1866.
Г. Олекминскому Исправнику.

На отношеніе отъ 28 мая с. г. за № 58, честь имѣю увѣдомить Ваше Высокоблагородіе, что упомянутый въ ономъ состоящій подъ негласнымъ надзор полиціи мѣщанинъ Лейба Граппъ съ проходнымъ свидѣтельствомъ не являлся и по розыску на жительствѣ въ Саратовѣ не обнаруженъ; наблюденіе же за прибытіемъ его мною установлено. Полиціймейстеръ Земмель.

М. В. Д. Секретно.
Циркулярно.
Департам. Полиціи
По Особ. Отд.
8 авг. 1903 г.
№ 7412.
Гг. Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберъ-Полиціймейстерамъ, Начальникамъ Жандармскихъ Губернскихъ и желѣзнодорожныхъ Полицейскихъ Управленій, Начальникамъ Охранныхъ Отдѣленій и на всѣ пограничные пункты.

По полученнымъ изъ М. В. Д. свѣдѣніямъ, проживавшій въ Сѣверной Америкѣ, въ штатѣ Вашингтонъ, въ городѣ Сереѣ, нѣкій террористъ Маріо Манцини, около трехъ недѣль тому назадъ получилъ порученіе выѣхать въ Сибирь.

Принимая во вниманіе, что названный Манцини находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ опаснымъ анархистомъ Чіанкабилло, вслѣдствіе чего, можетъ быть, выѣхалъ въ Россію для совершенія террористическихъ предпріятій, Департаментъ Полиціи имѣетъ честь просить надлежащія власти принять мѣры къ обнаруженію мѣста жительства Маріо Манцини, и въ утвердительномъ случаѣ задержать его и телеграфировать о томъ Департаменту для полученія дальнѣйшихъ указаній.

Подписалъ: за Директ. Зуевъ. Скрѣпилъ: за завѣд. Отд. В. Зайцевъ. Вѣрно: Пом. Дѣлопр. Саргони.

ОППОЗИЦІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Опубликованіе свѣдѣній о засѣданіяхъ „коммиссіи о центрѣ“ вызвало своеобразные комментаріи нашихъ легальныхъ газетъ. Въ названную коммиссію, какъ извѣстно, вошло 14 чиновниковъ (а съ предсѣдателемъ коммиссіи, сенаторомъ Коковцевымъ, даже 15) и 18 представителей земскихъ учрежденій. Послѣдніе составили особую записку, въ которой изложили свой взглядъ на реформы, необходимыя въ интересахъ сельскаго населенія земледѣльческаго центра. Вокругъ этой-то записки и вертѣлись всѣ разговоры.

Первый накинулся на земцевъ кн. Мещерскій. По его мнѣнію, нельзя ждать никакой пользы отъ земскихъ дѣятелей, и лучше на будущее время приглашать въ коммиссіи представителей отъ крестьянъ по указанію губернаторовъ. За „Гражданиномъ“ сказали свое вѣское слово и „Московскія Вѣдомости“, которыя посовѣтовали обращаться въ такихъ случаяхъ къ людямъ дѣловитымъ — дѣловитые, молъ, люди не станутъ составлять такихъ ужасныхъ записокъ. О дѣловитости можетъ судить администрація, но, во всякомъ случаѣ, не среди земцевъ слѣдуетъ искать дѣловитыхъ людей. Въ такомъ духѣ агитировала реакціонная правая, а либеральная лѣвая, въ лицѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ взяла земцевъ и ихъ записку подъ свою защиту. Газета заявила, что „многіе взгляды, выраженные въ ней (т. е. въ запискѣ земцевъ) по отдѣльнымъ вопросамъ, могутъ вызвать сомнѣнія и споры, но такія разногласія не колеблютъ ея основного положенія“, состоящаго въ томъ, что „нынѣшнее правовое положеніе крестьянъ должно быть признано устарѣлымъ и требуетъ полнаго пересмотра, и что цѣлью послѣдняго долженъ быть подъемъ личности крестьянина, немыслимый безъ установленія прочнаго правопорядка“. Среднюю линію нашелъ г. Суворинъ: необходимо взаимное довѣріе между правительствомъ и земскими силами. „Та нравственная связь, — пишетъ онъ — которая существуетъ между правительствомъ и русскими людьми, выражается въ *мнѣніи*. (Курсивъ нашъ). Правительство можетъ *принять его или отвергнуть*. (Курсивъ опять нашъ). Но выслушать его слѣдуетъ. Не сегодня, такъ завтра оно пригодится“. Въ заключеніе г. Суворинъ заявляетъ, что „наступаетъ весна русской жизни“, и высказываетъ пожеланіе, чтобы въ нее „вѣрили всѣ русскіе люди и работали спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей“. „Средняя линія“ не замедлила оказать свое дѣйствіе и, прежде всего, на либераловъ, которые не могутъ, вѣдь, не причислять себя къ русскимъ людямъ. „Ужь и вправду не почуялъ ли „опытный старикъ“ весну? „Будемъ ждать этой весны“, — воскликнули „Русскія Вѣдомости“. А съ другой стороны, суворинская формула должна была дѣйствовать успокоительно, если не на самого князя Мещерскаго, то на большинство его реакціонныхъ сторонниковъ: вѣдь дѣло идетъ о мнѣніи, которое можно принять или отвергнуть, да и съ этимъ торопиться нечего, такъ какъ не обязательно это сдѣлать сегодня, а можно отложить и на завтра. Что русскимъ людямъ надо работать „спокойно и добросовѣстно, не увлекаясь призраками и оппозиціей“ — объ этомъ давно твердитъ и самъ князь. А что касается „весны“, то вѣдь весна веснѣ рознь: въ Петербургѣ вонъ весну дѣлаютъ дворники, и ничѣмъ она отъ любой осени не отличается.

Но что было всего курьезнѣе въ этой газетной вознѣ, это то, что все это происходило около пустого мѣста. Ни по формѣ, ни по содержанію записка земцевъ ничѣмъ не выдавалась и не отличалась отъ десятковъ всякихъ записокъ, ходатайствъ, адресовъ, съ которыми время отъ времени обращались къ правительству представители того или другого земства. Но время обязываетъ. Если лѣтъ десять тому назадъ еще можно было, при извѣстной дозѣ либеральной наивности, мечтать о реформаторской дѣятельности самодержавія и въ подачѣ земскихъ ходатайствъ видѣть выполненіе гражданскаго долга, то въ царствованіе фонъ-Плеве *обязательно* говорить другія рѣчи, если господа земцы не хотятъ превратить всю свою дѣятельность въ жалкій фарсъ. Въ парламентахъ Луи Филиппа всегда имѣлась къ услугамъ правительства своя доморощенная „оппозиція“ или даже цѣлыхъ двѣ оппозиціи — одна легитимистская, реакціонная и другая династическая, скажемъ либеральная, роль которыхъ (чаще всего помимо ихъ желанія) состояла въ томъ, чтобы облегчить тому или другому изъ многочисленныхъ министровъ іюльской монархіи шествіе по „средней линіи“, всегда болѣе или менѣе приближавшейся къ линіи реакціи. И такую же жалкую роль играютъ господа земцы въ правительственныхъ коммиссіяхъ, осужденныхъ по самой сути своей на бездѣйствіе.

Мы выше видѣли, со словъ „Русскихъ Вѣдомостей“, каковы основныя положенія записки земскихъ представителей. Та же газета старается, изо всѣхъ силъ старается доказать, что ничего революціоннаго въ этихъ положеніяхъ нѣтъ. Оказывается, что уже давно въ правительственныхъ сферахъ, и въ разныхъ коммиссіяхъ, и въ докладахъ „самого“ министра финансовъ высказывались тѣ же положенія. Земцы въ полномъ согласіи съ правительствомъ, — чего же лучше? Но... тутъ выступаетъ на сцену „средняя линія“, выразителемъ которой явился предсѣдатель коммиссіи, заявившій въ отвѣтъ на записку представителей земства, что „объяснять экономическій упадокъ земледѣльческихъ мѣстностей общими причинами едва ли вообще правильно“, — что „правовой порядокъ вездѣ въ Европейской Россіи одинъ и тотъ же, между тѣмъ, экономическое положеніе весьма различно“ и что „придавать исключительное значеніе причинамъ и мѣрамъ общаго характера, значитъ отождествлять задачи настоящей коммиссіи съ задачами Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и отрицать самую возможность какихъ-либо мѣръ, направленныхъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ средне-земледѣльческаго района, о которыхъ собственно должна идти рѣчь въ настоящей коммссіи“.

Отсюда слѣдовало, что весну должны дѣлать дворники, а реформы — чиновники, которые знаютъ, что входить „въ обсужденіе общихъ причинъ“ не полагается. Съ какимъ успѣхомъ совершается эта реформаторская дѣятельность бюрократіи, видно изъ признанія того же предсѣдателя коммиссіи. „Открывая засѣданія коммиссіи — разсказываютъ газеты — предсѣдатель В. Н. Коковцевъ познакомилъ собравшихся съ историческимъ очеркомъ вопроса объ изслѣдованіи экономическаго положенія центральнаго района Россіи. Уже въ началѣ 80-хъ годовъ въ повременной печати и въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, а также въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ изданіяхъ стала высказываться мысль объ особенно неблагополучномъ положеніи нѣсколькихъ центральныхъ губерній Россіи. Недородъ 1891-1892 г. и вызванныя этимъ недородомъ мѣропріятія по содѣйствію населенію пострадавшихъ мѣстностей пробудили болѣе внимательное отношеніе къ экономическому положенію страны. Начало выясняться, что такъ называемая средне-черноземная полоса, слывшая еще въ 70-хъ годахъ житницей Россіи, стала обнаруживать признаки экономическаго застоя. Но всѣ эти указанія и изслѣдованія имѣли разрозненный и случайный характеръ до тѣхъ поръ, пока при министерствѣ финансовъ въ 1897 г. не была образована коммиссія для изученія мѣръ по упорядоченію хлѣбной торговли. Лицами, принимавшими участіе въ этой коммиссіи, не были оставлены безъ вниманія и вопросы болѣе общаго характера, вопросы объ экономическомъ положеніи страны“. Образовался кружокъ лицъ для изученія экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній, и изъ опубликованныхъ этимъ кружкомъ трудовъ „можно было сдѣлать заключеніе объ особенномъ неблагополучіи девяти губерній центральной Россіи... 16 ноября 1901 года съ Высочайшаго утвержденія была образована коммиссія съ цѣлью изученія мѣръ, необходимыхъ для поднятія экономическаго благосостоянія средней полосы Европейской Россіи. Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ“.

Итакъ: уже около 25 лѣтъ тому назадъ (фактически гораздо раньше) правительству было извѣстно, что не все обстоитъ благополучно. За это время раззореніе страны шло гигантскими шагами, границы оскудѣвшаго центра все болѣе и болѣе приближались къ границамъ Россійской Имперіи, а главный виновникъ этого раззоренія — правительство собирало матеріалъ, созывало коммиссію и... только. Казалось бы, земскимъ членамъ коммиссіи оставалось только указать на эту абсолютную неспособность бюрократіи и предложить ей убраться, чтобы предоставить представителямъ народа рѣшеніе этихъ жгучихъ вопросовъ. Но представители оппозиціи Его Величества не умѣютъ требовать, они привыкли только смиренно просить. „Въ послѣднее время — пишутъ они въ концѣ своей записки — правительство, признавая полезнымъ участіе земскихъ дѣятелей при обсужденіи разныхъ вопросовъ, вызываетъ этихъ дѣятелей въ засѣданія при министерствахъ; для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы, подлежащія обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ“.

Да, „для пользы дѣла“ бюрократіи это крайне желательно! Бюрократія дѣлаетъ реформы или вѣрнѣе притворяется, что собирается что-то реформировать, но для того, чтобы вѣрнѣе дурачить страну, она отъ времени до времени принуждена обращаться къ содѣйствію „мѣстныхъ силъ“. Призывъ свѣдущихъ людей занимаетъ соотвѣтствующее мѣсто во внутренней политикѣ г. Плеве рядомъ съ еврейскими погромами, угнетеніемъ Финляндіи, грабежами въ Арменіи и пр. и пр. Господа земцы вольны принимать участіе въ этой комедіи и играть ту смѣшную роль, которую предписываетъ имъ самодержавный министръ. Но, дѣлая это, они не имѣютъ никакого права рядиться въ тогу „представителей населенія“.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Съ дороги. Броженіе среди крестьянства распространяется все шире и шире и даже тамъ, гдѣ революціонная бацилла еще никогда не пыталась свить себѣ гнѣздо, замѣтно общее напряженное настроеніе въ ожиданіи надвигающихся событій. Если вамъ удастся въ настоящее время вызвать крестьянина на откровенный разговоръ, то вы услышите намеки или же прямое указаніе на то, что скоро всему будетъ перемѣна, что отъ помѣщиковъ отберутъ всю землю и подѣлятъ между крестьянами, что надо ждать только какого-то постановленія, чтобы приступить къ раздѣлу земли. Намъ не удалось выяснить, отъ кого будетъ исходить это „постановленіе“, но, повидимому, рѣшающую роль тутъ будетъ играть „міръ“. Когда „постановленіе выйдетъ“, то, въ случаѣ сопротивленія помѣщиковъ раздѣлу ихъ земли — имъ пустятъ „краснаго пѣтуха“, а землю потомъ все-таки подѣлятъ. По хитрой, улыбающейся физіономіи вашего собесѣдника вы замѣчаете, что онъ знаетъ и еще что-то, но конспирируетъ и не хочетъ вамъ сказать. По мѣрѣ роста увѣренности во всемъ этомъ среди крестьянъ, они становятся независимѣе и смѣлѣе въ отношеніяхъ съ помѣщиками, а помѣщики въ той же мѣрѣ теряютъ и то и другое по отношенію къ крестьянамъ. „Мягкость“ помѣщиковъ въ послѣднее время, по словамъ крестьянъ, происходитъ отъ того, что помѣщики знаютъ, что отъ нихъ скоро землю отберутъ, и кромѣ того они получили приказъ относиться хорошо къ крестьянамъ.

Раннею весной въ одной изъ южныхъ губерній въ селѣ, находящемся въ 60 верстахъ отъ уѣзднаго города, происходило нѣчто вродѣ схода, на которомъ присутствовала, главнымъ образомъ, молодежь. Собраніе — въ связи съ тѣмъ, что земля вся должна принадлежать крестьянамъ и скоро будетъ имъ возвращена, — обсуждало между прочимъ вопросъ о томъ, не отправиться ли сейчасъ же въ „господскій“ садъ, чтобы забрать тамъ фрукты. Объ этомъ собраніи было дано знать старухѣ-помѣщицѣ, которая, явившись сама, произнесла увѣщательную рѣчь на тему о „незаконности“ такого рода дѣйствій и о томъ, какія плохія результаты могутъ быть отъ этого для крестьянъ. Въ виду ли того, что рѣчь была достаточно убѣдительной, или же въ виду того, что помѣщица пользуется вообще уваженіемъ мѣстнаго населенія, — фрукты были на этотъ разъ спасены. Тѣмъ не менѣе, на счетъ понятія о „незаконности“ тѣхъ или иныхъ поступковъ собраніе осталось при своемъ мнѣніи. Во время самой рѣчи помѣщицы ей кто-то замѣтилъ довольно рѣзко, что она вотъ выбрала себѣ нѣсколько любимчиковъ изъ среды деревенской молодежи и посылаетъ ихъ въ училище, а остальные должны пухнуть съ голоду. Когда же помѣщица собиралась уѣзжать, ей крикнули вслѣдъ, что вообще всѣхъ помѣщиковъ будутъ бить. Собраніе разошлось, сдѣлавъ постановленіе, чтобы помѣщицѣ за ея доброе отношеніе къ крестьянамъ оставить въ собственность домъ, садъ и огородъ.

По мѣрѣ роста революціоннаго настроенія среди крестьянства, страхъ охватываетъ помѣщиковъ... „Знаетъ кошка, чье мясо съѣла“! И въ темную ночь, въ одинокой усадьбѣ они съ ужасомъ ждутъ, что придетъ вдругъ возмездіе въ образѣ крестьянъ съ косами, топорами, пучками горящей соломы... Зловѣще шумитъ вѣтеръ вокругъ старой усадьбы, и каждый крикъ, доносящійся изъ далекаго села, кажется призывомъ къ возстанію. Что думаетъ, что готовитъ эта невѣдомая деревня, погруженная во мракъ, изъ котораго кое гдѣ выступаютъ слабые огоньки горящихъ въ хатахъ лампъ?...

Ташкентъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ группа крестьянъ-сектантовъ (баптисты), высланныхъ изъ разныхъ мѣстностей Европ. Росс. въ Туркестанъ, купила на очень выгодныхъ условіяхъ у вел. кн. Николая Константиновича участокъ земли въ 550 десятинъ за 24 тыс. руб. съ разсрочкой платежа на 20 лѣтъ, по 1200 руб. въ годъ. Къ сожалѣнію, на самомъ дѣлѣ покупка оказалась менѣе выгодной, чѣмъ можно было ожидать. Прежде всего, къ крестьянамъ былъ предъявленъ искъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія обществомъ киргизъ сосѣдняго кишлака (Хатнайлыкъ), которые отрицали фактъ покупки у нихъ великимъ княземъ земли (въ количествѣ 250 десятинъ), проданной имъ впослѣдствіи крестьянамъ и составляющей почти половину ихъ участка. Уѣздная администрація, къ которой первоначально обратились киргизы, дала заключеніе въ томъ смыслѣ, что земля, проданная великимъ княземъ, въ дѣйствительности ему не принадлежала, и посовѣтовала обратиться въ судъ. Затѣмъ дѣло разбиралось мировымъ судьей, но окружной судъ, по формальнымъ мотивамъ (истеченіе шестимѣсячнаго срока, установленнаго для исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія) рѣшеніе мирового судьи отмѣнилъ. Въ срединѣ 1902 г. киргизами былъ предъявленъ искъ къ крестьянамъ въ окружномъ судѣ, но, при разборѣ дѣла, крестьянами были предъявлены новые документы, неизвѣстные противной сторонѣ, и потому, по просьбѣ повѣреннаго истцовъ, дѣло отложено — и до сихъ поръ вторично не было назначено къ слушанію.

Тяжба съ киргизами была, однако, только началомъ приключеній злополучныхъ переселенцевъ. Покупая землю, крестьяне не укрѣпили своихъ правъ никакими документами, полагаясь на благородное княжеское слово. Да въ сущности, у нихъ и выбора не было: князь, по всѣмъ въ Туркестанѣ извѣстной пылкости своего характера, способенъ былъ избить нагайкой своихъ покупателей, если бы тѣ имѣли дерзость заикнуться о желательности удостовѣрить свою покупку болѣе прочнымъ способомъ, чѣмъ княжеское слово. Пока князь жилъ въ Туркестанѣ, крестьяне не имѣли повода жалѣть о своей довѣрчивости. Но вотъ князь уѣзжаетъ: его признаютъ помѣшаннымъ, а надъ имѣніемъ его учреждаютъ опеку. Въ Ташкентъ пріѣзжаетъ назначенный опекой управляющій туркестанскими имѣніями вел. кн., генералъ Гейшторъ. Съ пріѣздомъ Гейштора крестьяне, къ великому изумленію, узнали, что они считаются не собственниками, а только арендаторами княжескихъ имѣній, и что, принимая отъ нихъ деньги въ уплату условленнаго годичнаго взноса, Гейшторъ имъ выдавалъ квитанціи въ пріемѣ арендной платы, которыя, крестьяне, по своему невѣжеству, принимали.

Въ 1903 г. Гейшторъ предложилъ крестьянамъ арендовать землю, но только на одинъ годъ. Крестьяне отказались. Тогда Гейшторъ не принялъ отъ нихъ очередного годичнаго взноса и выдворилъ ихъ съ той части земли, относительно которой спора съ сосѣдями не было. Такимъ образомъ, теперь крестьяне владѣютъ только тѣми 250 десятинами, относительно которыхъ идетъ тяжба съ киргизами, и каждый день ждутъ, что ихъ погонятъ и съ этого клочка земли и окончательно раззорятъ новый поселокъ.

Когда окончательно опредѣлилось отношеніе Гейштора къ крестьянамъ, они отправили депутацію къ вел. кн., который тогда жилъ въ Балаклавѣ. Съ большимъ трудомъ депутатамъ удалось перехитрить полицію, которая собиралась арестоватъ ихъ. Они повидались съ княземъ, тотъ ихъ успокоилъ, снова своимъ княжескимъ словомъ удостовѣрилъ, что землю онъ имъ продалъ, — а затѣмъ, послѣ аудіенціи, депутаты были арестованы, и имѣвшіеся у нихъ съ собой документы (квитанціи и собственноручныя помѣтки вел. кн. на нѣсколькихъ прошеніяхъ крестьянъ, изъ которыхъ явствуетъ, что князь признаетъ право собственности на свои бывшія имѣнія за крестьянами) — отобраны и отправлены неизвѣстно куда.

Аудіенція у князя никакихъ практическихъ результатовъ не имѣла, такъ же какъ и нѣсколько прошеній крестьянъ къ предсѣдателю опеки, вел. кн. Константину Константиновичу. На эти прошенія нѣтъ даже никакого отвѣта. Крестьяне увѣрены, что ихъ прошенія, посланныя по почтѣ, перехватываются и не доходятъ по назначенію, и весьма наивно считаютъ виновникомъ всѣхъ своихъ невзгодъ одного только генерала Гейштора.

Изъ Вологодской губерніи. Начиная съ февраля, жандармерія произвела цѣлый рядъ набѣговъ на мужиковъ. Кое-гдѣ найдена нелегальщина; возбуждено нѣсколько дѣлъ о пропагандѣ среди крестьянъ. Извѣстны слѣдующія дѣла: 1) въ Кубенской волости, Волог. у., привлечены бывшій ученикъ Саратовской земледѣльческой школы Леонъ Волковъ и нѣсколько крестьянъ; 2) въ Устюжскомъ уѣздѣ привлечены одинъ фельдшеръ и нѣсколько крестьянъ; 3) въ Шубской вол., Тотемск. у., привлечены сапожникъ Иванъ Бабкинъ и нѣсколько крестьянъ; 4) въ Грязовецкомъ у. въ сентябрѣ и октябрѣ были массовые обыски среди крестьянъ, а также у учительницъ Поповой и Волоцкой, у Волкова и у ссыльной Глобы (изъ Кишинева). Послѣднюю хотѣли арестовать, но она успѣла бѣжать; 5) въ Кадниковскомъ у. одинъ крестьянинъ на сходѣ по поводу сбора податей обругалъ царя. По этому поводу жандармы произвели обыски у крестьянъ и возбудили дѣло объ оскорбленіи величества. Но весь сходъ показалъ: „знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, ничего не слыхали“, и дѣло пришлось прекратить. Нелегальная литература очень нравится крестьянамъ и возбуждаетъ среди нихъ оживленные толки. Спросъ на литературу значительно превышаетъ предложеніе. Жаль, что очень мало популярной крестьянской соц.-дем. литературы и приходится пользоваться мало пригодной литературой соц.-рев.

Въ Тверской губерніи пропаганда ведется почти повсемѣстно. По рукамъ крестьянъ, кромѣ брошюръ, ходятъ еще какія то двѣ нелегальныя газеты. По деревнямъ можно нерѣдко слышать пѣніе революціонныхъ пѣсенъ.

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ.

II.

Школа революціи. „Общая консервативная идея“. Мѣстный отрядъ „партіи порядка“ за работой.

Школа революціи — большая и умная школа, ибо это прежде всего школа политическаго *реализма*.

„Быстрое и страстное развитіе классового антагонизма, говоритъ Марксъ, дѣлаетъ въ старыхъ и сложныхъ общественныхъ организмахъ революцію могущественнымъ факторомъ общественнаго и политическаго прогресса... Во время этихъ бурныхъ потрясеній націи проходятъ въ пять лѣтъ больше, чѣмъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ теченіе вѣка“ („Революція и контръ-революція въ Германіи“).

Изъ подъ привычныхъ условностей гражданскаго обихода, изъ подъ религіозно-церковной мистики, изъ подъ хитротканной паутины юридическихъ обрядностей, условной казенной лжи, условного газетнаго народолюбія выступаютъ наружу подлинныя пружины общественной жизни.

Политическія идеи конкретизируются, политическія требованія оформляются...

Чѣмъ объяснить непропорціонально-большое вліяніе революціоннаго меньшинства? такой вопросъ ставитъ передъ собою органъ князя Мещерскаго и приходитъ къ слѣдующему поразительному по своей отчетливости отвѣту. Первая причина—„въ *организаціи* меньшинства“. Вторая — въ томъ, что „каждый отдѣльный актъ его революціонной пропаганды является неразрывной частью обширнаго революціоннаго движенія, *цѣльной революціонной программы*, направленной противъ всѣхъ формъ государственнаго строя и одновременно приводимой въ исполненіе въ отношеніи ко всѣмъ сферамъ общественной жизни“.

Силою роста и сплоченія революціонной арміи сама партія реакціи вынуждается къ политическому самоопредѣленію. И „Гражданинъ“ отъ дворянско-полицейскаго посвиста толкается къ доброму или худому, но несомнѣнно *политическому* выводу: „Лишь тогда — такъ гласитъ этотъ выводъ — попытки консервативно-мыслящихъ противодѣйствовать росту соціализма и революціонныхъ идей явятся авторитетными, когда будутъ вытекать изъ общей консервативной идеи, также обнимающей всѣ формы государственнаго строя и всѣ сферы общественной жизни и цѣльной программы дѣйствій противъ основной идеи революціи, во всемъ объемѣ ея тлетворнаго дѣйствія“.

Изъ номера въ номеръ переносится энергическій призывъ. „Пора приступить къ организаціи новой всесословной партіи порядка для защиты страны отъ всесословныхъ мародеровъ“ (№69). „Группируйте и объединяйте и въ центрѣ и въ каждой губерніи всѣхъ убѣжденныхъ приверженцевъ порядка, ищите ихъ и создайте изъ нихъ главный штабъ и мѣстные отряды людей порядка“ (№ 77).

Въ чемъ же состоитъ „общая консервативная идея“, и какова вытекающая изъ нея „цѣльная программа дѣйствій“?

Девятаго ноября въ засѣданіи Тверск. уѣздн. земск. собранія гласный Столпаковъ (тайный совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Столпаковъ, членъ совѣта министерства путей сообщенія, „истинно русскій человѣкъ, со строго-монархическимъ и православнымъ міровоззрѣніемъ„, какъ рекомендуютъ его „Моск. Вѣдом.“; „очень ярый революціонеръ“ въ 60-хъ гг., а впослѣдствіи—приспѣшникъ казнокрада Кривошеина“, какъ рекомендуетъ его „Освобожденіе“) внесъ предложеніе о преобразованіи школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это „энергично“ поддержалъ предсѣдатель собранія, уѣздный предводитель дворянства Трубниковъ. Собраніе большинствомъ 17 противъ семи *приняло предложеніе* „тайнаго“ кривошеинца съ „православнымъ міросозерцаніемъ“. Этимъ не ограничились. Постановлено учредить три врачебныхъ пункта, поручивъ ихъ *ротнымъ фельдшерамъ*, а не врачамъ, какъ было до сихъ поръ. За одно ужъ была упразднена и должность земскаго агронома.

„Такъ отнеслись къ русскому народу — поясняетъ „Гражданинъ“ — хорошіе русскіе люди во главѣ съ г. Столпаковымъ“, — и они были поддержаны „*всѣми до единаго* гласными отъ народа“, которые поняли, безъ чего русскій народъ „превратится въ звѣря и антихриста, что одно и тоже“ (93).

Этотъ союзъ „хорошихъ русскихъ людей“ съ „гласными отъ народа“, — дикихъ помѣщиковъ съ кулаками — старшинами, ставленниками тѣхъ же дикихъ помѣщиковъ въ роли земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, этотъ союзъ и долженъ формировать „мѣстные отряды людей порядка“, которые будутъ руководиться „общей консервативной идеей“ — борьбы противъ „основной идеи революціи“.

Но такъ какъ всякое самое скромное учрежденіе, служащее культурнымъ запросамъ населенія, неминуемо начинаетъ группировать вокругъ себя оппозиціонные элементы, то партія порядка должна придать своей работѣ характеръ систематическаго похода противъ такихъ элементарно-необходимыхъ культурныхъ учрежденій, какъ статистика, школа, медицина... И чѣмъ революціоннѣе темпъ жизни, чѣмъ шире идеи революціи захватываютъ культурныхъ работниковъ деревни, всѣхъ этихъ учителей, врачей агрономовъ, тѣмъ въ большей степени борьба „отрядовъ порядка“ противъ „всесословныхъ мародеровъ“ не только по существу, но и по формѣ превращается въ борьбу лѣсного варварства противъ культуры „во всемъ объемѣ ея тлетворнаго дѣйствія“; тѣмъ содержательнѣе, тѣмъ неотразимѣе становится политическая педагогика этой борьбы. Слѣдить за всѣми ея проявленіями, вскрывать ея революціонную мораль — такова одна изъ обязанностей соціальдемократіи.

Выступая въ этой борьбѣ, какъ носительница культурнаго развитія страны, соціальдемократія должна однако, между прочимъ, и въ интересахъ этого же самаго культурнаго развитія, оставаться собою, оставаться партіей революціоннаго класса. Ибо только какъ партія историческихъ интересовъ пролетаріата, она способна развить всю ту сумму революціонной энергіи, которая необходима для свершенія великаго національнаго предпріятія, второй участникъ котораго, *либеральная буржуазія*, обнаруживаетъ такъ мало активности, пока вопросъ идетъ о политическомъ *производствѣ*, а не о политическомъ *присвоеніи*. Т.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

За послѣднее время Плеве, Бобриковъ и прочая братія успѣли ввести систему россійскаго полицейскаго абсолютизма со всѣми его прелестями. Особенно выдѣляется гельсингфорская полиція съ полиціймейстеромъ Карлстедтомъ, извѣстнымъ взяточникомъ и воромъ, во главѣ. У нея на службѣ состоитъ масса сыщиковъ, наводнившихъ весь городъ. Пользуясь безплатнымъ проѣздомъ, они ѣздятъ на каждомъ трамваѣ, на каждомъ поѣздѣ. Теперь въ гельсингфорской полиціи служатъ лишь завѣдомые негодяи и мошенники (говоримъ это безъ всякихъ аллегорій). Смотря сквозь пальцы на уголовныя преступленія, полиція все свое вниманіе устремляетъ на „политическихъ преступниковъ“ и въ особенности на поимку нелегальной литературы. До чего власти боятся ея, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, недавній циркуляръ генералъ-директора финляндскаго таможеннаго вѣдомства. Онъ предписываетъ своимъ подчиненнымъ строго слѣдить за этимъ продуктомъ ввоза: раздѣвать подозрительныхъ лицъ, осматривать товары, не подлежащіе обложенію пошлиной, искать въ чемоданахъ двойное дно, осматривать яхты и т. п., за нахожденіе литературы онъ обѣщаетъ „великія и богатыя милости“. И этотъ же самый директоръ Боргенстремъ (одинъ изъ чиновъ канцеляріи Бобрикова) недавно приказалъ выдать женѣ Кайгородова завѣдомую контрабанду — пакетъ съ шелковой матеріей на 800 марокъ. Такъ-то слѣдятъ креатуры Бобрикова за „порядкомъ!“

Въ погонѣ за нелегальной литературой власти нерѣдко попадаютъ впросакъ. Любопытные факты сообщаетъ въ послѣднемъ № „Fria Oko“ корреспонденція изъ пограничнаго городка Торнео, въ которомъ недавно состоялось открытіе желѣзной дороги. Для охраны границы въ октябрѣ туда прибыло 25 новыхъ стражниковъ, и ожидается, по слухамъ, еще столько же. Задача сихъ мужей — преслѣдованіе литературы и надзоръ за пассажирами. На станціи они осматриваютъ всѣ отправляемые товары и вскрываютъ каждый подозрительный ящикъ. Недавно они остановили мирно ѣхавшаго на охоту господина и тщательно обыскали его экипажъ. Потревоженный субъектъ оказался мѣстнымъ цензоромъ!! За четыре года въ Торнео всего раза два конфисковали безделицу литературы. „Fria Oko“ выходитъ, и надѣемся, будетъ выходить исправно по четыре раза въ мѣсяцъ; многочисленные подписчики получаютъ ее по всей Финляндіи крайне аккуратно и очень быстро.

Шпіоны и сыщики, какъ видитъ читатель, часто попадаютъ въ просакъ. Въ связи съ только что приведеннымъ, стоитъ упомянуть объ обыскѣ у сенатора Неовіуса. Въ Гельсингфорсѣ, какъ мы уже писали, въ сентябрѣ былъ произведенъ обыскъ у доктора философіи А. Неовіуса, который былъ тогда высланъ изъ Финляндіи. Одновременно полиція произвела тщательный обыскъ на дачѣ его знатнаго однофамильца въ Ганге, попортила не мало мебели и нашла нѣсколько номеровъ „Fria Oko". Сенаторъ пожаловался Дейтриху; черезъ нѣсколько дней къ нему явился въ полной формѣ и. д. губернатора извиняться. Однако г. сенаторъ не удовольствовался такимъ платоническимъ удовлетвореніемъ и, какъ говорятъ, потребовалъ за убытки 15.000 марокъ. Прокуроръ сената, наконецъ-то, рѣшилъ заступиться за поруганный законъ, когда дѣло коснулось его коллеги, и потребовалъ отъ гангескаго полиціймейстера объясненій. Увидимъ, чѣмъ дѣло окончится!

Новая полиція въ Финляндіи въ звѣрствахъ не уступаетъ нашимъ россійскимъ держимордамъ. Даже и на любого русскаго читателя, знакомаго съ нашими отечественными порядками, произвело бы потрясающее впечатлѣніе подробное описаніе обращенія съ заключенными въ гельсингфоргскомъ участкѣ, опубликованное въ американской финской социалистической газетѣ. Авторъ статьи— рабочій соціалистъ Пирайенъ былъ арестованъ въ числѣ нѣсколькихъ другихъ въ іюнѣ, по подозрѣнію въ расклеиваніи прокламацій противъ подчиненія воинской повинности по новому „закону" и просидѣлъ въ участкѣ 20, а въ тюрьмѣ восемь сутокъ. По приговору ратгаузскаго суда, онъ былъ наконецъ выпущенъ; дѣло его было отложено на три недѣли; за это время онъ, опасаясь новаго ареста, эмигрировалъ въ Америку. Съ нимъ обращались, какъ съ тяжкимъ преступникомъ: напримѣръ, изъ участка въ тюрьму, изъ тюрьмы на судъ его водили въ ручныхъ оковахъ, въ арестантской одеждѣ и т. п. Онъ былъ брошенъ въ темную и сырую камеру въ подвальномъ этажѣ въ три сажени длиною, двѣ — шириною и полторы — высотою. Слабый свѣтъ падалъ черезъ два небольшія отверстія у потолка. Никакой мебели не было; къ ночи приносились соломенные матрацы, въ которыхъ кишѣли насѣкомыя. По стѣнамъ текла вода. Въ этой камерѣ Пирайенъ увидѣлъ семь человѣкъ, обвиняемыхъ въ кражѣ и пр. Пищу, состоявшую изъ ломтя сухого хлѣба и трехъ-четырехъ тухлыхъ салакушекъ, давали разъ въ сутки — въ три часа дня. Чтобы заставить обвиняемыхъ говорить на допросахъ, ихъ оставляли безъ всякой пищи на цѣлыя сутки; авторъ просидѣлъ два дня безъ куска хлѣба. Съ допросами въ полиціи не торопятся; такъ Пирайена продержали десять дней до допроса. Одного его товарища по заключенію не допрашивали двѣ недѣли; другого мучали тамъ цѣлый мѣсяцъ, хотя онъ немедленно сознался, что далъ свой паспортъ одному молодому человѣку въ призывномъ возрастѣ, который эмигрировалъ за границу. За пребываніе Пирайена въ заключеніи, въ камерѣ перебывало 18 человѣкъ, изъ которыхъ 15 были впослѣдствіи признаны ни въ чемъ невиновными. На допросахъ самая площадная брань смѣняется побоями; Пирайену уже два раза обнажали тѣло для истязаній, но всетаки почему то не били. Городовые особенно колотятъ пьяныхъ, которыхъ ногами и кулаками бьютъ по головѣ и по чему попало. Нерѣдко мучители изъ участка отвозятъ свои жертвы въ безчувственномъ состояніи въ хирургическую клинику, гдѣ, конечно, они сваливаютъ все на самого пьянаго. Въ такомъ видѣ, молъ, мы нашли его на улицѣ. Таковы пріемы „дознанія" въ гельсингфорскомъ застѣнкѣ. Тюрьма, куда перевели наконецъ, Пирайена показалась несчастному настоящимъ раемъ. Нашъ товарищъ, несмотря на всѣ мученія, не выдалъ своихъ сообщниковъ, и въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія изъ общей среды финскихъ рабочихъ.

Мы сообщали въ свое время о раскаяніи высланнаго пробста Валлина. Онъ недавно возвратился очень незамѣтно въ Улеаборгъ, гдѣ его ждетъ общее презрѣніе. Въ виду ложныхъ слуховъ о мнимомъ раскаяніи и малодушіи остальныхъ сосланныхъ, послѣдніе обратились „къ находящимся на родинѣ" съ воззваніемъ („Fria Oko" отъ 16 ноября), въ которомъ они опровергаютъ эти слухи, призываютъ къ продолженію борьбы и высказываютъ надежду на лучшее будущее. Это воззваніе подписано всѣми находящимися въ Европѣ финляндскими изгнанниками — 28 лицами.

Какъ ни хитеръ Плеве, а всетаки попалъ онъ въ просакъ, вступивъ въ корреспонденцію съ англійскимъ виднымъ публицистомъ Стэдомъ, бывшимъ до послѣдняго времени „другомъ" Николая II. Наконецъ, звѣрства и вѣроломство царизма открыли глаза и этому наивному человѣку. На іезуитское письмо Плеве къ Стэду, переведенное „Моск. Вѣд.", въ которомъ сей временщикъ оправдываетъ свою политику въ Финляндіи самыми *грубыми софизмами* и *передержками*, Стэдъ отвѣтилъ въ своемъ журналѣ еще однимъ посланіемъ, въ которомъ онъ съ убійственной ироніей клеймитъ россійское самодержавіе. Врядъ ли „ошибка" пройдетъ совершенно безъ послѣдствій для г. Плеве!

„Политика компромиссовъ" старо-фенноманской партіи потерпѣла полное крушеніе. Въ этомъ вынуждены уже сознаться даже и многіе члены партіи. 13 ноября (нов. ст.) въ Гельсингфорсѣ скончался глава и диктаторъ этой партіи, бывшій сенаторъ баронъ Иріо-Коскиненъ, занимавшій много лѣтъ каѳедру всеобщей исторіи въ гельсингфорскомъ университетѣ. Похороны его краснорѣчиво показали оцѣнку его политики большинствомъ финской интеллигенціи. Очень мало обществъ отправили депутаціи съ вѣнками; студенты на общемъ собраніи 468 голосами противъ 280 отклонили предложеніе 40 товарищей проводить со знаменами покойнаго. Всего лишь одна корпорація, состоящая почти исключительно изъ старо-фенномановъ, шествовала со своимъ знаменемъ за гробомъ. Надгробную рѣчь произнесъ нынѣшній вице-канцлеръ университета профессоръ Даніельсонъ, другъ и ученикъ покойнаго. Онъ говорилъ лишь отъ себя, и похвалы его были сдержанны. Исторія, молъ, безпристрастно оцѣнитъ покойнаго.

Плеве и Бобриковъ не забыли почтить память старца.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Красноярскъ. 12 ноября. Шестого числа здѣсь въ желѣзнодорожномъ депо вспыхнула маленькая забастовка. Поводомъ къ ней послужило объявленіе за подписью нарядчика паровозныхъ бригадъ Баррана. Въ немъ были выставлены слѣдующія условія: если рабочій къ началу дневныхъ работъ (въ 6 час. утра) опаздываетъ на пять минутъ, онъ не получаетъ пропуска къ работѣ до обѣда, что равносильно потерѣ цѣлаго дна. Именно: за неявку рабочій штрафуется по усмотрѣнію начальства депо минимумъ въ размѣрѣ половины дневного заработка, а такъ какъ выходя на работу съ полъ-дня, рабочій теряетъ уже половину заработка, то ему ничего не остается. За три такихъ опозданія рабочій увольняется. Такимъ образомъ черезъ извѣстное непродолжительное время всѣ рабочіе могли быть расчитаны... Обычныя же правила устанавливаютъ опаздываніе на 15 мин. и позволяютъ опоздавшему на большее время начать работу послѣ перваго перерыва (завтракъ) съ 8 час. Въ этомъ случаѣ рабочій не терялъ всего дня, а только 2½ часа.

Объявленіе было выставлено въ 8 час. утра. Черезъ какіе-нибудь полчаса всѣ рабочіе такъ наз. средняго и текущаго ремонта и всѣхъ цеховъ, исключая бригады Тымченко въ среднемъ ремонтѣ, побросали работу, кто по собственной иниціативѣ, кто по принужденію товарищей. Собравшись въ числѣ приблизительно 400, рабочіе требовали къ себѣ начальника депо. Сначала вышелъ монтеръ, потомъ вышеназванный Барранъ, но съ ними рабочіе не желали разговаривать. Помощникъ начальника депо Гинтовтъ, извѣстный въ здѣшнемъ желѣзнодорожномъ мірѣ своимъ пьянствомъ и грубостью, на полъ словѣ былъ оборванъ рабочими. Инженера Агапитова, замѣстителя больного начальника депо не было въ депо. Тогда рабочіе отправились въ контору для переговоровъ съ Агапитовымъ. Послѣдній обошелся съ рабочими очень мягко, убѣждалъ успокоиться и обѣщалъ сдѣлать для нихъ все возможное. Послѣ этихъ переговоровъ рабочіе разошлись и въ 3 часа явились въ депо на работу. Всѣ получили марки, а расчетъ сдѣланъ былъ за весь день по требованію рабочихъ. Свои требованія рабочіе подкрѣпили угрозой забастовки на цѣлый день завтра. Объявленіе было уже снято.

На другой день рабочіе работали, но вяло и недружно. На третій день 8-го послѣ обѣда стали распространяться слухи, что правила Баррана хотятъ оставить въ силѣ. Какъ по сигналу, около трехъ часовъ рабочіе побросали работу, не исключая бригады Тымченки, и потребовали снова начальника депо. До переговоровъ рабочихъ пугали полиціей, на что слѣдовалъ отвѣтъ: для полиціи у насъ достаточно молотковъ. За все это время не работали, только около 9 час. вечера явился Агапитовъ. Переговоры были долгіе и привели къ полной уступкѣ требованіямъ рабочихъ. Изъ полиціи никто не вмѣшивался. Тѣмъ не менѣе по слухамъ будетъ уволено 14 человѣкъ. Списокъ, составленный провокаторами и шпіонами изъ рабочихъ (напр., Тымченко), переданъ будто-бы начальнику здѣшняго жандармскаго отдѣленія Сибирской дороги Михайлову.

Добрушево, Могил. губ. (вблизи Гомеля). Знаменитая писчебумажная фабрика Паскевича ежегодно привлекаетъ массу пріѣзжихъ, восторгающихся практикующимися на ней порядками. Восьмичасовая смѣна, сравнительно аккуратно выдаваемая заработная плата, роскошная больница, образцовая школа, — вотъ внѣшняя, декоративная сторона этихъ порядковъ. Нѣсколько иной представляется однако ихъ оборотная сторона. Есть на фабрикѣ урядникъ, получающій жалованье отъ администраціи; цѣлый день онъ расхаживаетъ по фабрикѣ, ругаетъ всѣхъ попадающихся ему на глаза, и нерѣдко употребляетъ въ дѣло свои здоровые кулачищи; когда же рабочіе отправляются съ жалобой къ земскому начальнику, этотъ благородный дворянинъ заявляетъ имъ, что онъ урядику вѣритъ больше, чѣмъ всѣмъ рабочимъ вмѣстѣ. Бывали случаи, засвидѣтельствованные судомъ, когда въ результатѣ побоевъ, нанесенныхъ урядникомъ рабочимъ, земскій начальникъ сажалъ послѣднихъ въ холодную за то, что они являлись къ нему съ жалобой на урядника скопомъ (три-четыре человѣка). Роскошная школа и образцовая больница почти всегда пустуютъ. Гостямъ это объясняютъ, конечно, тѣмъ, что при блестящихъ условіяхъ труда и не можетъ быть много больныхъ, учениковъ же немного просто потому, что почти всѣ дѣти уже грамотны. Все это самая наглая ложь. Дѣти далеко не всѣ грамотны, а въ больницу очень неохотно принимаютъ больныхъ, а при первой же возможности, а всего чаще и безъ нея, отправляютъ ихъ домой. Немало денегъ сберегаетъ администрація и тѣмъ, что почти никогда не платитъ вознагражденія за увѣчья, здѣсь очень частыя. Состоящій у нея же на службѣ урядникъ отказывается даже составлять протоколы о несчастныхъ случаяхъ. Затѣмъ калѣкѣ въ лучшемъ случаѣ предоставляется какая нибудь подходящая работа, за которую онъ получаетъ нищенское вознагражденіе — 20-25 копѣекъ въ день. Не меньше гадостей проявляетъ администрація и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ она обязываетъ рабочихъ отдавать своихъ красивыхъ дочерей въ услуженіе начальству. Много, много можно было бы привести аналогичныхъ фактовъ, но мы думаемъ, что и этихъ достаточно, чтобы указать на тотъ гнетъ, который тяготѣетъ надъ рабочими, и который такъ хорошо рисуетъ подоплеку блестящихъ порядковъ на знаменитой дворянской фабрикѣ. И нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что несмотря на сравнительно благопріятныя условія труда въ матеріальномъ отношеніи среди рабочихъ растетъ недовольство, которое рано или поздно выльется въ открытый протестъ.

Одесса. Кожевенный заводъ Пекатороса. На заводѣ работаютъ 150-180 человѣкъ. Послѣ всеобщей стачки никого не разсчитали, но плату прибавили только тѣмъ, кто получалъ меньше рубля въ день; рабочій день укоротили до девяти часовъ, но за то ввели урочную систему. При заводѣ существуетъ вспомогательная касса; капитала въ ней „вспомогательнаго" 360 руб. и „общаго" — 600 рублей. Порядками этой кассы рабочіе очень недовольны, такъ какъ пособія выдаются только при легкихъ заболѣваніяхъ въ размѣрѣ ½ поденной платы; при хроническихъ же, затяжныхъ болѣзняхъ касса никакой помощи не оказываетъ. Недавно большое неудовольствіе рабочихъ возбудилъ отказъ директора завода считать пайщиками выигрышнаго билета, купленнаго рабочими на выручку отъ даннаго ими же въ пользу кассы спектакля, тѣхъ рабочихъ, которые будутъ уволены послѣ пріобрѣтенія билета. „Касса не ваша, а конторская", упорно твердилъ директоръ.

Тифлисъ. Въ предыдущей корреспонденціи (№ 54) мы говорили о положеніи рабочихъ въ громадныхъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ; теперь мы приведемъ маленькія письма рабочихъ изъ мелкихъ промышленныхъ заведеній, вѣрнѣе — сдѣлаемъ изъ нихъ выписки, которыя покажутъ недуги ремесленнаго труда.

„Работаемъ безъ отдыха; ѣдимъ, не выпуская иглы изъ рукъ". „Нѣтъ отдыха ни послѣ завтрака, ни послѣ обѣда. 15 часовъ безпрерывной каторжной работы"... „Работаемъ, пока не смыкаются глаза" и т. д. Вообще продолжительность рабочаго дня въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ не падаетъ ниже 15 часовъ.

Помѣщаются рабочіе (на хозяйскихъ квартирахъ) „на чердакахъ, гдѣ лѣтомъ отъ раскаленной крыши жарко, какъ въ огнѣ, и холодно зимою вслѣдствіе недостаточной защиты отъ вѣтра и непогоды"... или „въ сырыхъ подвалахъ"... „въ страшныхъ гигіеническихъ условіяхъ"...

Но и черезъ щели этихъ дырявыхъ чердаковъ и мокрыхъ подваловъ проникаетъ свѣтъ сознанія. Ремесленникъ начинаетъ осматриваться вокругъ себя, понимать, что оковы сами не спадутъ, что не снимутъ ихъ тѣ, которые надѣли ихъ на него...

Къ іюльской всеобщей забастовкѣ примкнуло большинство ремесленниковъ.

Не такъ давно въ портняжной мастерской Португалова рабочіе, благодаря дружной стачкѣ, добились того, что хозяинъ выдавалъ каждому рабочему и въ мертвый сезонъ по пяти рублей еженедѣльно. Но условіе это скоро было нарушено.

Въ сапожной мастерской Экон. Общ. офицеровъ объявлена забастовка, требуютъ повышенія расцѣнковъ и менѣе продолжительнаго дня. Тѣ же требованія выставлены и во многихъ другихъ сапожныхъ мастерскихъ. Результаты стачки пока неизвѣстны.

Раньше, именно 4 октября, рабочіе мастерской портного Куглера прекратили работу, требуя повышенія расцѣнковъ. Такъ какъ хозяинъ не соглашался на это, то 6 октября рабочіе вызвали хозяина въ ремесленную управу, чтобы при ея содѣйствіи добиться отъ него не своихъ требованій, читатель... своихъ аттестатовъ, безъ которыхъ трудно найти работу. Хозяинъ обѣщалъ выдать, если рабочіе кончатъ начатую работу. Рабочіе кончили и перешли въ другую мастерскую. Между тѣмъ Куглеръ предупреждаетъ полиціймейстера о стачкѣ. Тотъ призываетъ къ себѣ рабочихъ и говоритъ приблизительно такія слова: Если вы не можете работать при расцѣнкахъ, поставленныхъ Куглеромъ, не работайте (не потому ли, что Куглеръ нашелъ себѣ работниковъ?), но не мѣшайте другимъ работать. Смотрите, мы сердиты на армянъ и всѣхъ васъ вышлемъ отсюда. Не забывайте моихъ словъ". И дѣйствительно — полиція очень „сердита на армянъ". Пріостановлены сегодня на два мѣсяца „Мшакъ" и „Новое Обозрѣніе", какъ говорятъ, за то, что они не отмѣтили „гнуснаго, кровь леденящаго событія" сейчасъ же, а сдѣлали это черезъ два дня послѣ покушенія на Голицына, переписавъ сообщеніе цѣликомъ безъ комментарій изъ оффиц. „Кавказа". Постановленія объ усиленной разводкѣ шпіоновъ въ Карсѣ и Александрополѣ — проявленіе все того же „гнѣва на армянъ". Сюда же надо отнести многочисленные обыски и аресты среди армянъ. Учесть число жертвъ „гнѣва царскаго" невозможно пока. Но ихъ много по всему Кавказу.

Вологда. Забитый вологодскій ремесленникъ, до сихъ поръ покорно подставлявшій спину мѣстнымъ Титъ-Титычамъ, начинаетъ наконецъ просыпаться. Вотъ уже около двухъ недѣль идетъ стачка въ сапожной мастерской Архарова. Изъ 17 челов. бастуютъ 14, не бастуютъ только два мальчика и одинъ старикъ. Хозяинъ сдѣлалъ, было, кое-какія уступки, но стачечники заявили, что не будутъ работать, пока не будутъ удовлетворены всѣ ихъ требованія. Въ переплетной Грубина рабочіе одной угрозой забастовать воспрепятствовали увеличенію рабочаго дня. Въ іюлѣ бастовали каменьщики (около 200 ч.), работавшіе на постройкѣ жел.-дор. мастерскихъ. Поводомъ къ стачкѣ было пониженіе заработной платы. Стачка длилась четыре дня, затѣмъ часть рабочихъ уѣхала, а остальные вновь стали на работу, ничего не добившись. Стачка носила стихійный характеръ, такъ какъ каменьщики народъ сѣрый, изъ голодныхъ губерній, совсѣмъ незатронутый революціонной пропагандой.

Митава. Стачка солдатъ. Какъ извѣстно, при каждомъ полкѣ существуютъ свои мастерскія: портныхъ, столяровъ, сапожниковъ и т. д. Тѣсное помѣщеніе, смрадный воздухъ, изнуряющій трудъ, строгая военная дисциплина, сурово карающая за всякую мелочь — вотъ условія жизни этихъ работниковъ. Одна изъ такихъ мастерскихъ существуетъ и на Дамбѣ. Это мастерская сапожниковъ 29 дивизіи Новоторжскаго полка нестроевой роты. Въ ней работаютъ 28 человѣкъ, каждый изъ которыхъ долженъ сготовить въ недѣлю три пары сапогъ. Однако, начальникъ, желая выслужиться, вздумалъ прибавить еще четвертую пару. Надо замѣтить, что этотъ же „начальникъ" заставляетъ сапожниковъ работать ихъ собственными инструментами, а деньги, назначенные для казенныхъ, забираетъ себѣ. Но солдаты-сапожники рѣшили отказаться отъ непосильной работы, и въ концѣ недѣли сдали только три пары. Началась суматоха; — сапожниковъ, конечно, осудили (это было въ 20 числахъ октября), — и осудили сурово; они должны были стоять „подъ ружьемъ" по четыре часа въ день (два часа подрядъ). Надо замѣтить, что это наказаніе состоитъ въ томъ, что солдатъ при полной амуниціи (полтора пуда) долженъ стоять неподвижно, не моргая и глазомъ. Два часа такого стоянія „подъ ружьемъ" считаются равными 24 часамъ усиленнаго ареста. Усталость, конечно, послѣ этого ужасная. Несмотря на это наказаніе, солдаты рѣшили отстаивать свои интересы до крайности. Болѣе того, — теперь они не сдавали и трехъ паръ въ недѣлю, мотивируя свои дѣйствія чрезвычайною усталостью послѣ стоянки. Дѣло продолжалось болѣе двухъ недѣль, но, наконецъ, начальство должно было уступить. Солдаты добились своего. Большую услугу оказала въ этомъ случаѣ угроза солдатъ требовать казенныхъ инструментовъ. Во все время забастовки всѣ сапожники были удивительно единодушны и *сознавали* силу этого единодушія. Всѣ солдаты внимательно слѣдили за ходомъ забастовки и съ волненіемъ ожидали исхода неравной борьбы. Теперь о ней только и говорятъ да хвалятъ „молодцовъ-сапожниковъ"

ИЗЪ ОБЛАСТИ ПРОФЕССІОНАЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ.

Повальное зараженіе червемъ (Wurmkrankheit) — новая профессіональная болѣзнь горнорабочихъ.

(Письмо изъ Германіи).

Въ числѣ запросовъ, внесенныхъ въ новый рейхстагъ представителями германской соціальдемократіи, находится запросъ о „**Wurmkrankheit**" — заболѣваніи червемъ. Объ этомъ уже толковали въ старомъ рейхстагѣ, объ этомъ говорили и на послѣднемъ Дреазденскомъ Соціальдемократическомъ Партейтагѣ (съѣздѣ). Чтобы объяснить, почему нашихъ нѣмецкихъ товарищей такъ интересуетъ эта болѣзнь, мы здѣсь приведемъ вкратцѣ интересную и поучительную исторію возникновенія и распространенія этой болѣзни среди горнорабочихъ Германіи. Поучительна эта исторія потому, что здѣсь особенно рѣзко подтверждается старая истина: *Никто, кромѣ самихъ рабочихъ не заинтересованъ въ охраненіи здоровья рабочихъ*; предпринимателей здоровье рабочихъ интересуетъ лишь по-стольку, по-скольку это можетъ отразиться на ихъ доходѣ; для предпринимателей это вопросъ разсчета, кармана: если имъ выгодно, если расходы окупаются увеличеніемъ трудоспособности, — тогда мѣры „оздоровленія" принимаются, — и господа поэты, беллетристы, ученые, философы поютъ тогда хвалебные гимны любви къ ближнимъ, солидарности классовъ и т. п.; но, если по смѣтѣ „оздоровленіе" оказывается невыгоднымъ, если предвидятся крупные расходы — о! тогда къ черту и любовь къ ближнему, и Богъ, и доброта! Пусть гніютъ челюсти у рабочихъ на фосфорныхъ фабрикахъ, пусть на ртутныхъ копяхъ молодые, цвѣтущіе здоровьемъ люди въ ½ года-1 годъ превращаются въ дряхлыхъ, гнилыхъ стариковъ съ трясущимися руками и ногами; пусть въ текстильномъ производствѣ чахотка уноситъ сотни, — тысячи жизней, — на предпринимателей это не дѣйствуетъ! Изъ-за суммы приходо-расхода они не видятъ живыхъ людей; цифры умершихъ, сдѣлавшихся негодными рабочихъ, цифры людей, принесенныхъ въ жертву ихъ производству, — для нихъ только голыя цифры, которыя не могутъ побѣдить такихъ же голыхъ цифръ, указывающихъ, сколько получено дохода. Пока допустимо — они оттягиваютъ; если можно — они обманываютъ; но никогда добровольно не развяжутъ они своей мошны для серьезныхъ мѣръ оздоровленія. А правительство? Правительство боится вмѣшаться, чтобы не повредить интересамъ „отечественнаго производства"; правительство молчитъ, пока рабочіе позволяютъ ему молчать, или, если говоритъ, то такъ, какъ въ этой поучительной исторіи съ новой профессіональной болѣзнью горнорабочихъ — повальнымъ зараженіемъ червемъ.

Прежде всего, что это за червь? Называется онъ по латыни **anchylostoma duodenale** (анкилостома дуоденале), и называется такъ потому, что селится главнымъ образомъ въ двѣнадцатиперстной кишкѣ (**duodenum**) человѣка; здѣсь онъ довольно крѣпко присасывается къ стѣнкѣ кишки и начинаетъ сосать изъ нея кровь. Такъ какъ при зараженіи такихъ червячковъ всегда поступаетъ въ кишечникъ много, то въ результатѣ ихъ работы молодой, здоровый человѣкъ начинаетъ чахнуть, сохнуть и быстро превращается въ рѣзко-малокровнаго, изможденнаго человѣка, живого мертвеца; болѣзнь эта до такой степени быстро и сильно разрушаетъ организмъ, что, пока врачи не узнали ея причины, — такіе больные сходили за больныхъ злокачественнымъ малокровіемъ, часто доводящимъ до смерти. Когда причина была открыта, — борьба стала легче, излеченіе возможнымъ; но и теперь болѣзнь считается серьезной и опасной.

Почему же эта болѣзнь сдѣлалась профессіональной болѣзнью горнорабочихъ? Причина лежитъ въ условіяхъ зараженія, которое происходитъ такимъ образомъ: черви, поселившіеся въ кишечникѣ человѣка, выдѣляютъ массу яичекъ, которыя выходятъ съ каломъ больного; эти яички, попавъ въ благопріятныя для своего развитія условія, превращаются въ личинки; личинки же, попадая тѣмъ или другимъ способомъ въ ротъ человѣка, а оттуда въ желудокъ, — развиваются уже въ кишкѣ въ настоящаго червя. Таковъ круговоротъ. Такимъ образомъ каждый больной является разсадникомъ болѣзни. И вотъ, обстановка жизни и работы горнорабочихъ какъ бы нарочно приспособлена для развитія и распространенія этой болѣзни: во-первыхъ, скученность рабочихъ во время работы, необходимость вмѣстѣ проводить подъ землей цѣлый рабочій день въ тѣсныхъ шахтахъ, недостатокъ, а то и полное отсутствіе благоустроенныхъ отхожихъ мѣстъ — все это удобно для попаданія яичекъ въ почву и зараженія почвы; во-вторыхъ, сама почва въ шахтахъ съ ея сыростью и отсутствіемъ осушающаго, оздоровляющаго, дезинфецирующаго вліянія солнечныхъ лучей — очень благопріятствуетъ развитію этихъ, попавшихъ въ почву яичекъ въ личинки; наконецъ, въ-третьихъ, грязь, въ которой принуждены жить и работать рабочіе, отсутствіе не только кипяченной воды для питья, но и вообще чистой воды для мытья рукъ; необходимость тутъ же, грязными руками, сейчасъ же послѣ того, какъ копался въ этой зараженной землѣ, брать пищу и ѣсть — благопріятствуютъ попаданію этихъ личинокъ съ пылью, грязью, водой, пищей въ ротъ. Въ силу всего этого достаточно появиться на шахтѣ одному больному, чтобы вспыхнула настоящая эпидемія. Такъ какъ мы теперь знаемъ причину этой болѣзни, знаемъ какъ она распространяется, умѣемъ распознавать ее, то казалось бы и борьба съ ней должна быть очень легка и проста. Дѣйствительно, стоитъ только тщательно осматривать вновь поступающихъ рабочихъ, особенно изъ зараженныхъ шахтъ, чтобы не пропустить въ здоровыя шахты больного рабочаго; затѣмъ больныхъ рабочихъ лечить, а до излеченія освобождать отъ работы, чтобы они не заражали почвы; наконецъ, единственный источникъ зараженія почвы — *калъ*, какъ слѣдуетъ, дезинфицировать; устроить въ достаточномъ количествѣ отхожія мѣста съ дезинфекціей, — и болѣзнь побѣждена.

Такъ казалось бы, но вышло какъ разъ наоборотъ! Въ теченіе шести-семи лѣтъ у насъ на глазахъ болѣзнь появилась и выросла въ профессіональную болѣзнь цѣлаго, многочисленнаго слоя рабочихъ! И это произошло не потому, что наука ошиблась, не потому, что наши свѣдѣнія оказались ложными, — нѣтъ! факты непоколебимо и твердо установлены, — а потому, что *ни одна изъ этихъ мѣръ не примѣнялась!* Почему? Можетъ быть, предприниматели и правительство ничего не знали и болѣзнь вспыхнула внезапно? Но еще въ 1897 году докторъ Тенгольтъ, врачъ при союзѣ горнорабочихъ, обратилъ вниманіе на то, что въ рейнско-вестфальскихъ копяхъ появилась эта болѣзнь. Онъ указалъ тогда на то, что эта новая болѣзнь занесена изъ Австро-Венгріи; онъ описалъ способъ зараженія, указалъ, какія нужны мѣры для борьбы съ ней, и требовалъ, въ виду серьезности болѣзни, немедленнаго и энергичнаго вмѣшательства. И съ тѣхъ поръ не упускалъ ни одного случая, чтобы вновь не напомнить о болѣзни и необходимости борьбы съ ней.

И только почти черезъ три года услыхали его, и 12 марта 1900 года были изданы правила, нѣсколько регламентирующія устройство отхожихъ мѣстъ, дезинфекцію и чистоту. Но, когда въ 1902 году, т. е. опять черезъ два года, была произведена оффиціальная ревизія, оказалось, что *и эти недостаточныя мѣры не примѣнялись.* Чиновникъ Энгель обвинялъ въ этомъ некультурность рабочихъ; тогда союзъ горнорабочихъ въ декабрѣ 1902 г. и январѣ 1903 года самъ черезъ своихъ агентовъ производилъ разслѣдованіе: оказывается, что Энгель оклеветалъ рабочихъ; только въ очень незначительномъ числѣ шахтъ исполнялись правила 1900 г.; въ громадномъ большинствѣ шахтъ отхожія мѣста содержатся плохо, ихъ недостаточно, дезинфекція не производится; а во многихъ мѣстахъ только непосредственно передъ правительственной ревизіей построили отхожія мѣста; отовсюду идутъ жалобы на полное отсутствіе воды.

Неудивительно поэтому, что болѣзнь все росла и росла, все шире и шире развиваясь среди горнорабочаго населенія. Негодованіе рабочихъ, ихъ протесты въ печати, въ собраніяхъ становились все энергичнѣе и настойчивѣе, и правительство, наконецъ, рѣшило пойти на встрѣчу ихъ требованіямъ: 6 апрѣля текущаго года была созвана специальная конференція для обсужденія этого вопроса. Но что это была за конференція! Судя по ея составу, судя потому, что не сочли нужнымъ пригласить въ нее представителей рабочихъ, а только чиновниковъ и предпринимателей, — можно было заранѣе предвидѣть, каковы будутъ плоды ея работъ. И дѣйствительно, коммиссія оказалась вполнѣ на высотѣ своего состава: она, какъ зѣницу ока, оберегала. . . карманы предпринимателей. Всѣ дѣйствительно радикальныя мѣры (оздоровленіе почвы, осушеніе ея, дезинфекцію, введеніе контролеровъ отъ рабочихъ и т. п.) она отклонила. Главнымъ образомъ, рѣшено было *изслѣдовать* и *дѣлать опыты.* Въ заключеніе министръ поблагодарилъ членовъ коммиссіи за энергичную и плодотворную работу въ борьбѣ съ новой болѣзнью. Для министра это была *новая болѣзнь* послѣ *семилѣтней* упорной агитаціи рабочихъ по поводу ея, а работу коммиссіи, не предложившей ничего существеннаго, онъ считаетъ *энергичной!*

Болѣзнь же какъ росла, такъ все растетъ и растетъ. Еще въ 1869 году болѣзни этой въ Германіи вовсе не было. Теперь съ каждымъ годомъ число больныхъ все увеличивается. Въ 1897 году записано было 125 больныхъ, въ 1900 году уже 286, въ 1901 году — 1029. А въ отчетѣ, представленномъ 7 марта 1903 года докторомъ Гартманомъ союзу верхне-силезскихъ горныхъ рабочихъ, онъ говоритъ, что нужно считать теперь около 20,000 больныхъ! (См. Düwell. S. M. 1903, 6, стр. 418). По его даннымъ на нѣкоторыхъ шахтахъ больны изъ каждыхъ десяти рабочихъ отъ семи до девяти человѣкъ! Делегатъ изъ Гессена Штроссмайеръ на Дрезденскомъ партейтагѣ говорилъ, что $^{7}/_{10}$-$^{8}/_{10}$ шахтъ его района заражены червемъ!

Такова исторія этой болѣзни! У всѣхъ на глазахъ, при полномъ и ясномъ знаніи причины болѣзни и путей и средствъ противодѣйствія ея распространенію, — возникла, выросла новая профессіональная болѣзнь, захватывающая все большее и большее число жертвъ! Такъ охраняютъ правительства и предприниматели жизнь и здоровье рабочихъ!

И такъ было, есть и будетъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе сами не возьмутъ въ свои руки заботу о своемъ здоровьи. Только подъ давленіемъ силы рабочихъ, только подгоняемое мощнымъ кулакомъ рабочихъ организацій — правительство выходитъ изъ роли зрителя, а господа предприниматели-капиталисты вспоминаютъ о Богѣ, добрѣ и любви къ ближнимъ. . .

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Юпитеръ, ты сердишься. . .

Тов. Н. Ленинъ напечаталъ „письмо въ редакцію „Искры" на тему: „Почему я вышелъ изъ редакціи?" По мнѣнію автора, вопросъ этотъ носитъ не личный только характеръ, и тов. Ленинъ счелъ своимъ долгомъ объясниться объ этомъ съ публикой. Это было правомъ товарища Ленина, и редакція считала бы себя обязанной помѣстить его письмо въ „Искрѣ", если бы тов. Ленинъ не коснулся въ немъ *такихъ фактовъ изъ организаціонной жизни Партіи*, относительно которыхъ между Ц. К. Партіи и группой членовъ ея (въ томъ числѣ четырехъ редакторовъ „Искры") состоялось, по предложенію Ц. К., соглашеніе „предать ихъ забвенію". Поэтому, редакція, прежде чѣмъ рѣшиться напечатать письмо тов. Ленина, запросила заграничнаго представителя Ц. К., отмѣнено ли сообщенное упомянутымъ членамъ Партіи желаніе Ц. К. „предать забвенію" факты, нынѣ затронутые товарищемъ Ленинымъ. Получивъ на этотъ свой запросъ отвѣтъ, который нельзя назвать иначе, какъ уклончивымъ, редакція извѣстила тов. Ленина, что обратится непосредственно къ Ц. К. и только тогда помѣститъ „письмо", когда Ц. К. *оффиціально* возьметъ на свою отвѣтственность опубликованіе на столбцахъ „Искры" свѣдѣній изъ области его дѣловой практики, по существу своему не предназначавшихся для гласности. Несмотря на это предупрежденіе, тов. Ленинъ немедленно издалъ свое письмо, а вышеупомянутый членъ Ц. К. разрѣшилъ его печатаніе въ партійной типографіи (тайно отъ редакціи Ц. О.), причемъ, однако, не обозначилъ на брошюрѣ заголовка Партіи.

Находя такой образъ дѣйствій тов. Ленина и заграничнаго представителя Ц. К. неправильнымъ и выражая свое удивленіе по поводу того, что тов. Ленинъ, говоря объ „отказѣ" помѣстить его письмо, не привелъ мотивовъ этого „отказа" (который, какъ видитъ читатель, былъ только **отсрочкой впредь до выясненія истинныхъ намѣреній Ц. К.**), редакція, по существу поднятаго тов. Ленинымъ вопроса, заявляетъ:

Въ своемъ письмѣ Ленинъ, опровергая статью „Нашъ съѣздъ" въ № 53 „Искры", рѣшительно утверждаетъ, что возникшія на съѣздѣ и проявляющіяся до сихъ поръ въ Партіи организаціонныя разногласія имѣютъ корни *въ недовольствѣ части членовъ Партіи* тѣмъ, что ихъ или ихъ друзей *не выбрали въ центральныя учрежденія*, и что тѣ принципіально-различныя тенденціи организаціонной политики, которыя мы попытались намѣтить въ № 53, выдуманы для того, чтобы „прикрасить" позицію партійнаго меньшинства, позицію людей, дезорганизующихъ Партію ради того, чтобы добиться „представительства въ центрахъ".

Своимъ утвержденіемъ Ленинъ пытается набросить *моральную тѣнь* на мотивы дѣйствій половины Партіи и большинства редакціи „Искры" и свести ведущуюся въ Партіи борьбу двухъ организаціонныхъ тенденцій на уровень жалкой и презрѣнной борьбы „изъ-за мѣстъ".

Это — дѣло вкуса, и мы не намѣрены пойти за Ленинымъ по этому пути. Мы знаемъ, что и онъ, между прочимъ, очень энергично боролся и борется за *опредѣленный составъ Ц. К. и Ц. О.*, но до сихъ поръ мы думали, что въ основѣ этой борьбы лежало стремленіе добиться такимъ путемъ укрѣпленія въ Партіи опредѣленныхъ принциповъ, которые мы считаемъ ложными и для Партіи вредными, но тов. Ленинъ признаетъ единственно спасительными. Мы хотѣли бы думать то же самое и послѣ того, какъ тов. Ленинъ объявилъ своихъ политическихъ противниковъ „генералами", дезорганизующими Партію изъ-за „представительства въ центрахъ". Въ одномъ можемъ мы ручаться тов. Ленину: для борьбы съ вредными и дезорганизующими, на нашъ взглядъ, тенденціями, представителемъ которыхъ онъ является, *намъ никогда не придется, за недостаткомъ болѣе убѣдительныхъ аргументовъ, аппелировать къ низменности мотивовъ противника.* И мы теперь же заявляемъ: въ редактируемомъ нами органѣ Партіи не найдется мѣста для такого сорта „обсужденія" жгучихъ партійныхъ вопросовъ, которое, какъ мы уже говорили въ № 53, вмѣсто „свѣта" приводитъ къ затменію. На письмо тов. Ленина мы вынуждены отвѣтить фактическимъ разборомъ его „данныхъ" и его аргументовъ въ особой брошюрѣ, въ которой перепечатаемъ и его достопримѣчательное „письмо". Столбцы же „Искры" мы считаемъ себя обязанными приберечь для тѣхъ, которые намѣрены обсуждать всѣ волнующіе партію вопросы, не сводя ихъ на почву такъ называемыхъ, на обывательскомъ языкѣ, „личностей".

Празднованіе второго съѣзда Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи и 20-лѣтія „Группы Освобожденіе Труда". Во многихъ заграничныхъ городахъ были устроены торжественныя собранія, на которыхъ въ рѣчахъ ораторовъ выяснялось значеніе съѣзда. Въ Лондонѣ на митингѣ говорили Гайндманъ, Квельчъ и др. англійскіе соціальдемократы; въ Вѣнѣ горячую рѣчь произнесъ Викторъ Адлеръ; онъ привѣтствовалъ нашъ съѣздъ, указывалъ на значеніе русскаго революціоннаго движенія для европейскаго пролетаріата, на огромный ростъ нашего рабочаго движенія, на умѣлое руководительство Росс. Соц. Дем. Раб. Партіи, на роль „Искры" въ созданіи партіи и закончилъ выраженіемъ пожеланія близкой побѣды россійскаго революціоннаго пролетаріата надъ своимъ первымъ врагомъ — царизмомъ. Были привѣтствія отъ мѣстныхъ русской, русинской и польской соц.-дем. группъ, а также отъ мѣстнаго кружка бундистовъ. Въ праздникѣ приняли участіе и вѣнскіе рабочіе. Въ заключеніе собраніе приняло резолюцію съ выраженіемъ привѣтствія россійскому пролетаріату и Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Изъ разныхъ городовъ получены редакціей привѣтственныя телеграммы. Съѣзду посвящены статьи и замѣтки въ „Vorwärts". „Leipziger Volkszeitung", „Justice" и др. иностранныхъ газетахъ, даже такихъ, какъ „Times", „St. James Gasette". Описанія празднованія въ другихъ городахъ — Бернѣ, Лозаннѣ, Цюрихѣ и др. будутъ помѣщены въ слѣдующихъ номерахъ.

Тверскимъ Комитетомъ издано: въ видѣ брошюры „Законъ о старостахъ и объ увѣчьяхъ" (перепеч. изъ №№ 46 и 47 „Искры"); рѣчь Алексѣева (перепеч.); „Къ солдатамъ и новобранцамъ". **Николаевскимъ Комитетомъ** издано: „Ко всѣмъ гражданамъ гор. Николаева" (по поводу убійства торговца Пукасенко въ полицейскомъ участкѣ). **Кавказскимъ союзомъ** издано: „Звѣрь раненъ". **Екатеринославскомъ Комитетомъ**: „Ко всѣмъ народнымъ учителямъ и учительницамъ" (375 экз.) **Самарскимъ Комитетомъ** издано „Къ желѣзно-дорожнымъ рабочимъ станціи Самара". — Организаціями, примыкающими къ Р. С.-Д. Р. П., изданы слѣдующія прокламаціи: **Военно-революціонной организаціей**. — прокламація къ новобранцамъ. **С.-д. группой студ. С.-Пб. унив.** — о партійной группировокъ студенчества. **Организаціоннымъ Комитетомъ Екатеринося. Высш. Горн. Учил.** — объ „охранительныхъ" студен. обществахъ **Харьковскимъ союзомъ студ. с.-д.** — „Г. г. охранителямъ вѣковыхъ устоевъ русской жизни".

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Приговоры: По дѣлу **Сѣвернаго Союза** приговорены: В. Заваринъ, стат. Локтинъ, рабочіе Буяновъ и Кирсановъ, Екат. Новицкая и быв. студ. Дебюкъ — три года Арх. губ., Марія Дидрикиль — три года Волог. губ., Н. Богдановъ — четыре года Вост. Сибири, М. Александровъ, раб. Матвѣевъ, агрономъ Чернякъ, секретарь „Владим. газ." Панкратовъ — въ Арханг. губ. — По **Ярославскому** студ. дѣлу въ Вост. Сибирь на три года Б. Клириковъ и Першинскій, — По **Бакинскому** дѣлу 1902 года раб. Кригляшевскій и еще одинъ рабочій-грузинъ, инт. Эйзенбетъ и дант. Софья Гинсбургъ — три года В. С. — По **Харьк. дѣлу** въ Арх. г. до приговора высланы Смирнова и Вороницынъ. — По **Московскому дѣлу** до приговора въ Вост. Сиб. Вѣра Гурвичъ (нелег.). Сосланы въ сентябрѣ въ Вост. Сиб.: Герцманъ (Лодзин. дѣло — три года), Щеховичъ (Варшав. д. — до приг.), Загайный (Костром. — чет. г) Плохоцкій, Собковичъ, Миниxъ, Гдовскій, Нительбергенъ, Бандурскій (всѣ по Варшав. дѣлу — до приг.). Радовичъ, Желиховеръ, Венгроверъ (Варшав, дѣло — до приг.); изъ Либавы: Клейнъ Мединцъ, Русоникъ, Мекгаузъ — всѣ на три года; изъ Риги — Менделѣевъ на пять лѣтъ; Усышкинъ (Кіев. дѣло) — три года Зисерсонъ (Витеб.) — три года; Пальчикъ (Казанск. дѣло) — три года; Двиногорскій (Москва) — пять лѣтъ; Писаревская (Витеб.) — три года; изъ Либавы Гиршфельдъ (4 г.), Махлина и Энтинъ — на три года; изъ Кіева — Теплицкій на пять лѣтъ, съ границы Левенсонъ (5 лѣтъ) и изъ Саратова — Хотемкина (до приг.) — — По **Симфер.** д. (августъ 1902 г. — доносъ провокатора столяра Ивана Лебедева) приговорены: М. С. Лурье (студ.) — 8 л. Вост. Сиб.; О. Левина (акушерка) — 6 л. В. С; В. Зборовскій (студ.) — 5 л. В. С.; С. Цирклинъ, З. Михлинъ и Б. Осташинскій (рабочіе) — 3 г. В. С.; П. Бродскій (раб.) — 1 г. надзора; И. Сопотовъ, З. Глейзеръ (выдавалъ), Ив. Малохрино (рабочіе) — 3 года надзора; работницы А. и Ц. Левины до приговора высланы въ Западную Сиб. — Нелегальные Зараховичъ и Г. Вейсманъ (дѣло Сѣв. Союза) сосланы на 5 лѣтъ въ Вост. Сибирь. — По дѣламъ **Польской соц.-дем.** сосланы въ Восточную Сибирь: до приговора — Козловскій и Уншлихтъ; на 4 г. — Янъ Росолъ; на 3 г. — Бучинскій, Коецкій, Яковскій, Хвалевичъ; въ Вологодскую губ.: Юрчинскій и Стамировскій; въ Архангельск. губ.: Б. Овчарскій, С. Кудлацкій и Ольшевскій (предатель). — Въ Вологодскую губ. въ разное время сосланы: Чагадаевъ, Тесленко, Гастевъ — на 3 г. (по дѣлу революціонной организаціи Московскаго учительск. института, мартъ 1902 г.); Мусиновъ — по дѣлу объ организаціи въ учительской семинаріи въ Череповцѣ (1901 годъ, по тому же дѣлу Капустинъ сосланъ въ Усть-Цыльму, Архангельской губ.); Башко, крестьянинъ Балашевскаго уѣзда, Саратовской губ. — за пропаганду; Алфимовъ, рабочій — дѣло Екатериносл. Ком. Р. С.-Д. Р. П., 1900 г.; Тараевъ и Еланинъ, рабочіе — по дѣлу С.-Петербургской рабочей организаціи, 1901 г.; Козьмина, бестужевка — дѣло Пет. С. Б.; Своекошнова, учительница — за пропаганду среди крестьянъ Самарской губ.; Соколова — Пензенское дѣло с. р.; Красильниковъ, рабочій — Ив.-Вознесенское д.; Щаповъ, рабочій (Кохма); Сельдяковъ, рабочій (Орѣхово-Зуево); Скрипочникъ, крестьянинъ изъ Полтавской губ.; Гриневицкій и Левандовскій изъ Варшавы, Пентко и Роговская изъ Лодзи — всѣ на 5 л. по дѣлу П. П. С.; Деснякъ, рабочій изъ Варшавы — по польскому соц.-дем. дѣлу; Невѣдомскій и Выроженскій изъ Варшавы — на 3 г. по нац.-дем. дѣлу; Фурманъ — дѣло „Р. З." 1901 г.; Гавриловъ и Невѣровъ, чертежники изъ Тамбова — на 4 года по дѣлу Козловской типогр. с.-р. 1901 г.; Яровицынъ, рабочій изъ Кохмы — на 4 г.; Султаньянцъ, прикащикъ изъ Баку — на 3 г. по армянскому національному дѣлу; Вашекидзе, парикмахеръ изъ Тифлиса — на 3 г. по соц.-дем. дѣлу; Ивановъ, рабочій изъ Петербурга — на 3 года; Пушковъ, рабочій — на три года по дѣло Московскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П.; Кузнецовъ, рабочій изъ Иваново-Вознесенска — на 3 г.; Надеждинъ, ветеринарный врачъ и Тобейкинъ, ткачъ пятидесяти лѣтъ (оба изъ Казани) — на 3 г. по соц.-дем. дѣлу; Квята, бывшій студентъ, высланъ изъ Кишинева въ охранномъ порядкѣ на 5 л. — **Переведены** изъ Сибири: Ополовниковъ, моск. студ. и Амфитеатровъ, авторъ „Обмановыхъ". — **До приговора** высланы: Казанск. студ. Тарсинъ (соц.-дем. дѣло 1903 г.); бывш. гимназистъ Панченко (Серпуховское и Тульское дѣло); курсистки Неберо и Грекова (дѣло с.-р. въ СПБ); Шевцовъ и Клещевниковъ, рабочіе (дѣло СПБ. соц.-дем Ком. 1903 г.); Ванина, учительница изъ Симферополя; Добрушенко, семинаристъ изъ Полтавы; Соколовскій, рабочій изъ Екатеринослава; М. Дидрикиль, конторщица изъ Ярославля и много рабочихъ по Тверскому и Николаевскому соц.-д. дѣламъ. — Только что кончившій срокъ адвокатъ Шенъ (Кіевское дѣло 1898 г.) получилъ новую ссылку въ Архангельск. губ. на 3 г.; служащая въ Вологодскомъ земствѣ Броновицкая сослана на 2 г. въ Архангельскую губ.; Екатеринославскій рабочій Иванъ Бабкинъ приговоренъ къ 3 г. Вологодской губ.; рабочій Яковъ Андреевъ — къ 3 годамъ Сибари (по прошенію оставленъ въ Вологдѣ); ссыльный въ Вятской губ. семинаристъ изъ Самары Феофаровъ сосланъ въ Архангельскую губ. на 3 г.; рабочій Тим. Орловъ (бывш. вятскій ссыльный) — на 5 л. въ Арханг. губ. — **Елисаветградъ.** „За руководство стачкой" сосланъ на 5 лѣтъ въ Вост. Сиб. заводской рабочій Хаимъ Цехновицеръ, другіе двое приговоренныхъ — Олинскій и Фридманъ — скрылись. — Приговоры по дѣлу **Томской демонстраціи** 18 февраля 1903 года: Бродовиковъ (студ.) — 8 лѣтъ Якутской обл.; Домбровскій — 6 л. Якутской обл.; Федоръ Смирновъ — 3 года Архангельской губ.; 25 человѣкъ, въ ихъ числѣ присяжный повѣренный Вознесенскій, — къ тюремному заключенію отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ и гласный надзоръ на два года, 50 чел. оправданы.

Предостереженіе. *Николай Степановичъ Янкельсонъ*, привлекавшійся четыре года тому назадъ по дѣлу Союза Борьбы, бывшій ссыльный, уроженецъ Тверской грберніи 22 лѣтъ — *провокаторъ.* Годы ссылки онъ провелъ сначала въ Брестъ-Литовскѣ, а затѣмъ въ Ревелѣ, гдѣ онъ и прожилъ до половины января 1903 года. Въ половинѣ января, какъ окончившій срокъ ссылки, онъ переѣхалъ въ Выборгъ, гдѣ жилъ подъ именемъ Николая Иванова, время отъ времени навѣдываясь въ Петербургъ. Онъ, по всѣмъ признакамъ, былъ виновникомъ арестовъ въ Ревелѣ въ серединѣ января, онъ же и его братъ Василій, бывшій орудіемъ въ рукахъ Николая, устроили (это внѣ всякаго сомнѣнія) громадные аресты въ Петербургѣ передъ первымъ мая по новому стилю (18 апр.) 1903 года. Василій послѣ 18 апр. сидѣлъ нѣсколько времени въ Домѣ предвар. заключ., а Николай — недѣлю въ Пб. Охранномъ Отдѣленіи. Теперь онъ, повидимому, направилъ свои стопы на югъ.

Примѣты Николая: роста выше средняго, коренастый, лицо красное, брюнетъ, глаза маленькіе, брови густыя, сросшіяся, носъ большой, губы толстыя, говоритъ по русски не чисто съ акцентомъ (онъ корелъ). Примѣты Василія: высокій, худощавый, лицо блѣдное, глаза маленькіе, брови густыя, сросшіяся, ротъ всегда полуоткрытъ.

Бѣжалъ и благополучно прибылъ заграницу В. Лубоцкій изъ Канск. у. Енис. губ. (лиш. правъ, по дѣлу майской Нижег. дем. 1902 года).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Простодушному. Получено и использовано. Цѣликомъ помѣстить не могли по недостатку мѣста. — **Е—ъ Маріи.** Получили и используемъ въ слѣдующемъ №. Матеріалы, если можете, доставьте.

Получено Лигой изъ Кобурга „отъ нашихъ заграницей" 50 р., 40 мар. и 15 р. — Изъ Лондона, за литературу, 4 ф. 11 ш. 3 п. — Изъ м. Креславки, черезъ П. З. 3 ш. 2 п.

Поправка. Въ статьѣ „О пропагандѣ" въ № 54 „Искры" оказалась искажающая смыслъ опечатка: на двѣнадцатой строкѣ съ конца статьи напечатано: „такъ называемыхъ „листковъ" вмѣсто: „такъ называемыхъ „листовокъ".

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.

Въ моей статьѣ: О „Проблемахъ идеализма" вкрались слѣдующія ошибки.

Первая: На страницѣ 13 приведены двѣ цитаты къ характеристикѣ взглядовъ статьи г. Франка, между тѣмъ, какъ эти цитаты взяты изъ статьи г. Бердяева.

Сожалѣя объ этой технической оплошности, я долженъ замѣтить, что она нисколько не нарушаетъ изложенія *сущности* взглядовъ г. Франка. Въ статьѣ г. Франка не мало мѣстъ, совершенно совпадающихъ съ смысломъ тѣхъ цитатъ, которыя по недоразумѣнію приведены мною изъ статьи г. Бердяева. Приведу первое попавшееся мѣсто: Исполненіе нравственнаго закона и общественное благо, думается намъ, получили бы болѣе вѣрное обезпеченіе, если бы морально-сознательные люди думали не только объ интересахъ **ты** (курсивъ г. Франка), но и о томъ, что есть святого и неприкосновеннаго въ интересахъ ихъ собственнаго „я" (стр. 183-184). Вторая: На стр. 18 говорится объ „одинадцати апостолахъ" „Проблемъ идеализма". Это описка, — ихъ двѣнадцать. Число болѣе подходящее и болѣе утѣшительное для возрожденія религіи.

Ортодоксъ.

Этотъ № былъ уже набранъ, когда мы получили слѣдующее

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Недавно состоялся второй обще-студенческій съѣздъ, созванный по инициативѣ редакціи „Студента" и Союзн. Совѣта одного изъ высше-учебныхъ заведеній Россіи.

На съѣздѣ были представлены 19 высше-учебныхъ заведеній и редакція „Студента".

Съѣздъ опредѣлилъ физіономію современнаго студенчества и характеръ современнаго студенческаго движенія, разсмотрѣлъ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся тактики борьбы революціоннаго студенчества и призналъ революціонно-соціалистическій органъ „Студентъ" центральнымъ органомъ всего россійскаго революціоннаго, организованнаго студенчества, съ сохраненіемъ внѣпартійнаго характера и отдѣла „Свободной трибуны".

Съѣздъ посылаетъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ лицѣ ея Ц. К. слѣдующее привѣтствіе:

„Съѣздъ выражаетъ свое привѣтствіе Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ лицѣ ея Ц. К. по поводу объединенія Партіи, въ которомъ выразился ростъ русскаго революціоннаго движенія".

Протоколы съѣзда будутъ опубликованы въ самомъ непродолжительномъ времени. Редакція „Студента".

29 Декабря 1903 г.

Въ нашемъ распоряженіи находится также манифестъ второго студенческаго съѣзда, къ содержанію котораго мы еще вернемся.

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 56. 1-го января 1904 г. Годъ IV.

ВЪ ТИСКАХЪ.

Война съ Японіей надвигается... Спѣшно вооружаются суда, отливаются новыя пушки, заготовляются боевые снаряды, закупаются съѣстные припасы... Спѣшно стягиваются со всѣхъ концовъ Россіи войска, грузятся, какъ живая кладь, въ товарные вагоны и отправляются на дальній Востокъ... И, быть можетъ, недалека уже та минута, когда грянетъ первый выстрѣлъ, и эти сотни тысячъ одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры молодыхъ рабочихъ и крестьянъ пойдутъ на смерть и увѣчья, за десятки тысячъ верстъ отъ родныхъ городовъ и деревень, подъ японскіе бомбы, пули и штыки, и сами понесутъ смерть и ужасъ въ ряды такихъ же крестьянъ и рабочихъ изъ Японіи. Десятки, а можетъ быть и сотни тысячъ молодыхъ жизней закругъ на вѣки, десятки и сотни тысячъ вернутся искалѣченными, сотни тысячъ семей осиротѣютъ, потокъ злодѣяній, насилій, грабежей, пожаровъ зальетъ цѣлыя провинціи, смоетъ съ лица земли города и деревни... Самые грубые животные инстинкты, кровожадность, хищничество получатъ полный просторъ, и зараза нравственнаго одичанія распространится на весь народъ... А сотни милліоновъ рублей, добытыхъ потомъ и кровью трудящагося люда и выжатыхъ изъ него хищнической рукой правительства, пойдутъ на покрытіе расходовъ, вызванныхъ этой грандіозной бойней...

Вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ навѣки канули въ вѣчность золотые дни самодержавія. Никому ненужное, не связанное кровными узами ни съ какимъ прогрессирующимъ классомъ, оно все больше и больше становилось только тормазомъ для экономическаго, культурнаго и общественнаго развитія страны, все больше и больше вынуждено было давить все живое, все растущее ради сохраненія собственнаго своего существованія и все больше и больше держалось только подачками господствующимъ классамъ, займами и порабощеніемъ и обнищаніемъ народа.

Стремленіе купить „вѣрноподданническія" чувства крупной буржуазіи, насущнѣйшимъ интересамъ которой угрожало растущее разореніе страны, доставленіемъ ей внѣшнихъ рынковъ, что при сравнительно низкомъ уровнѣ русской промышленности, равносильно присоединенію къ Россіи все новыхъ и новыхъ земель; необходимость поддержать падающій кредитъ и, главное, позолотить позоръ своей внутренней политики, приведшей страну къ голоду, невѣжеству, разоренію и общему недовольству, блескомъ внѣшнихъ успѣховъ; все это непрерывно толкало и толкаетъ Чингисхановъ самодержавія, проливавшихъ крокодиловы слезы „миролюбія" на Гаагской конференціи, на завоевательныя авантюры.

Шагъ за шагомъ, пользуясь временными затрудненіями другихъ государствъ и всѣми силами стремясь сохранить въ состояніи варварства, слабости и разложенія сосѣднія страны — Турцію, Персію, Китай, Корею — русское самодержавіе спѣшило всюду захватить своими хищными лапами все, что только было возможно. Но каждый захватъ вызывалъ съ роковой необходимостью все новые и новые захваты. Захвативъ Манчжурію, Портъ Артуръ и Таліенванъ, самодержавіе, для сохраненія ихъ за собою, должно было подумать о томъ, чтобы укрѣпиться въ Кореѣ, безъ владѣнія которой всѣ прежнія „пріобрѣтенія" въ Китаѣ не могутъ быть прочно удержаны. Но тутъ интересы самодержавія столкнулись съ жизненными интересами капиталистической Японіи, для которой Корея и одинъ изъ главныхъ рынковъ сбыта, и резервуаръ, поглощающій избытокъ сгущеннаго японскаго населенія, и важный стратегическій пунктъ. Изъ за этого столкновенія моментально выросъ грозный призракъ войны.

Какъ зарвавшійся игрокъ, опьяненный удачей и позабывшій о неминуемомъ часѣ расплаты, стоитъ самодержавное правительство передъ созданнымъ имъ же самимъ положеніемъ; въ страхѣ и нерѣшительности мечется оно, ища исхода, стараясь какимъ-нибудь фокусомъ перехитрить историческую Немезиду, несущую ему отмщеніе за всѣ его грѣхи. Глупое фанфаронство, болтовня о „непобѣдимости" русскихъ войскъ — и это наканунѣ пятидесятой годовщины Севастополя! — о твердомъ намѣреніи не отступать отъ своей позиціи — сегодня; трусливое лепетаніе о „миролюбіи", о томъ, что Манчжурія намъ въ сущности вовсе не нужна, — завтра; фантастическія мечтанія, что, быть можетъ, война явится „единственнымъ средствомъ грозою очистить и разрядить воздухъ", наполненный электричествомъ грядущей революціи; попытки обмануть самихъ себя и разжалобить требующій свободы народъ робкой надеждой на то, что „мелкіе счеты съ полиціей или мѣстныя недоразумѣнія фабричныхъ рабочихъ замолкнутъ сами собой при первомъ боевомъ выстрѣлѣ"; все это со дня на день на столбцахъ „Новаго Времени" и „Гражданина" отражаетъ предсмертныя судороги самодержавія.

Да, это предсмертныя судороги, потому что самодержавіе само уже начинаетъ смутно понимать, что, какъ бы ни окончилась разыгрывающаяся теперь на міровой сценѣ трагедія, живымъ оно изъ нея не выйдетъ. И вѣрный царскій песъ, князь Мещерскій, недаромъ съ тоскою твердитъ, что „какой-бы ни былъ блестящій результатъ войны... всѣ виды унынія и неудовлетворенія, какъ отдѣльныя рѣки, сольются въ одно море общаго недомоганія", что на языкѣ „Гражданина" значитъ, конечно, не что иное, какъ неминуемость могучаго подъема революціонной борьбы, которой общій экономическій застой, огромное усиленіе котораго неизбѣжно даже при полной удачѣ военныхъ дѣйствій, придастъ небывалую силу, и которая, наконецъ, смететъ съ лица земли русской позоръ самодержавнаго варварства!

И это при полной удачѣ! Но можетъ ли правительство разсчитывать на удачу? Не говоря уже о всѣхъ выгодахъ положенія Японіи, воюющей у себя, почти дома, кто можетъ вѣрить въ успѣхи арміи, вся верхушка которой разъѣдена раболѣпствомъ, казнокрадствомъ, взяточничествомъ и даже прямой измѣной, какъ показали столь недавніе процессы Гримма, Парунова и др.? Кто можетъ не задуматься надъ тѣми порядками въ интендантствѣ, перевозочной части и пр. и пр., которые несомнѣнно царятъ подъ покровомъ безгласности и всплывутъ на свѣтъ божій такъ же, какъ всплыли въ русско-турецкую войну, когда солдаты питались гнилыми сухарями и ходили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ, а тифъ выхватывалъ изъ рядовъ несравненно больше людей, чѣмъ вражескія пули? И кто можетъ вѣрить въ воинскій духъ арміи и особенно ея офицерства, вотъ уже сколько лѣтъ получающаго военное воспитаніе въ сраженіяхъ „съ внутренними врагами" на „поляхъ" Ростова, Екатеринослава, Батума, Златоуста и всѣхъ другихъ городовъ и весей, гдѣ народъ борется за свое освобожденіе? И можно ли разсчитывать на тотъ „патріотическій" подъемъ чувства, который удесятеряетъ силы арміи, сознающей или по крайней мѣрѣ думающей, что она борется за свои кровные, „національные" интересы? Увы, всѣмъ и каждому, въ томъ числѣ и правительству вмѣстѣ съ той шайкой великосвѣтскихъ проходимцевъ и просто проходимцевъ, которые такъ усердно грѣли руки около Манчжуріи, настолько ясна невозможность разсчитываъ на такой „патріотическій" подъемъ, что тотъ же „Гражданинъ" меланхолично замѣчаетъ, какое „огромное различіе будетъ между духомъ японцевъ, идущихъ на свое „быть или не быть", и духомъ русскихъ", а „Новое Время", пытаясь какъ страусъ скрыть отъ себя опасность положенія, спрятавъ голову подъ крыло, можетъ мотивировать свою мнимую увѣренность, что „война съ Японіей будетъ популярнѣе всякой другой", только тѣмъ, что „эта война будетъ не династическая, не политическая и не экономическая, а расовая"! Въ переводѣ на обыкновенный языкъ это значитъ, что дѣйствительные политическіе и экономическіе интересы даже тѣхъ слоевъ населенія, которые снимаютъ сливки съ капиталистическаго развитія страны, настолько мало объясняютъ эту войну, а „династическая" идея настолько потеряла власть надъ умами и сердцами, что нечего и пытаться создать на этой почвѣ хотя бы тотъ „искусственный" подъемъ „патріотическаго" духа, какимъ былъ въ значительной мѣрѣ — по похвальному признанію кн. Мещерскаго — подъемъ во время войны 1877-1878 гг.

Остается одно: попытаться сыграть на струнѣ „расовой" вражды, не стѣсняясь даже указать на соблазнительную перспективу того, что вотъ, дескать, „негровъ линчуютъ"! Но, конечно, сами оффиціозные вдохновители продажной газеты отлично знаютъ, что это только „бесмысленныя мечтанія", что русскій народъ уже давно вышелъ изъ того состоянія варварства, при которомъ только и можно еще съ грѣхомъ пополамъ строить свои разсчеты на такомъ шаткомъ основаніи; и уже война съ Китаемъ въ достаточной мѣрѣ показала это, хотя самодержавная орда и могла еще найти въ захолустномъ Благовѣщенскѣ охотниковъ принять участіе въ великомъ „патріотическомъ" подвигѣ потопленія тысячъ безоружныхъ и беззащитныхъ китайцевъ. И немудрено, что газеты, вродѣ „Южнаго Края", подхватившія лозунгъ, данный имъ петербургскимъ оффиціозомъ, вынуждены апеллировать ко временамъ самой первобытной дикости и, защищая „святое дѣло", вытаскивать изъ архивной пыли воспоминанія о войнахъ, которыя наши предки вели когда-то съ татарами, съ половцами и даже со „змѣемъ Тугаринымъ"!

Да, самодержавіе предчувствуетъ неудачу и знаетъ съ какимъ грохотомъ и трескомъ свалится оно послѣ этого новаго Севастополя! Если крымскій Севастополь вырвалъ у самодержавія изъ подъ ногъ самую надежную опору его — крѣпостное право, то Севастополь восточный можетъ не оставить камня на камнѣ отъ всего зданія царской деспотіи. И тоскливо обращаетъ оно свои взоры къ третьей возможной перспективѣ — сохраненія мира во что бы то ни стало, отказа отъ всѣхъ своихъ заносчивыхъ притязаній, отъ всѣхъ „пріобрѣтеній", отъ всѣхъ завоеваній. Но миръ теперь, послѣ того, какъ зашли такъ далеко, поставили на карту все свое существованіе, означалъ бы такое позорное крушеніе всей политики самодержавія, такое неопровержимое свидѣтельство его внутренней гнилости и слабости, что это отступленіе было бы равносильно жестокому пораженію. Итакъ, чѣмъ бы ни кончилось созданное самодержавіемъ затрудненіе, оно приведетъ къ побѣдѣ, — побѣдѣ народа надъ самодержавіемъ! Война или миръ, побѣда или пораженіе, — Россія такъ или иначе быстро приближается къ политической свободѣ.

И соціальдемократія, партія рабочаго класса, должна отчетливо сознать всю колоссальную важность переживаемаго историческаго момента, должна напречь всѣ свои силы, чтобы использовать его цѣликомъ для ускоренія крушенія самодержавія и развитія классоваго сознанія пролетаріата чтобы идти не въ хвостѣ грядущей революціи, а во главѣ ея.

Нельзя терять времени, ибо и безъ того мы уже слишкомъ много пропустили его. И прежде всего необходимо сейчасъ же, какъ это дѣлаютъ уже и наши японскіе товарищи, развернуть самую широкую агитацію въ пользу сохраненія мира. Пусть самодержавіе лучше падетъ подъ гнетомъ собственной дряблости и безсилія, подъ гнетомъ общаго презрѣнія, чѣмъ подъ грудой мертвыхъ тѣлъ нашихъ братьевъ и дѣтей! Весь вѣсъ своего общественнаго значенія и вліянія соціальдемократія должна положить на то, чтобы постараться не допустить войны. Пусть милліоны листковъ во всѣхъ уголкахъ Россіи разнесутъ въ рабочую массу, разнесутъ въ крестьянство, въ армію, во всѣ слои общества обличеніе истиннаго виновника кроваваго призрака войны — русскаго самодержавія! Пусть неустанно раздается негодующій голосъ соціальдемократіи при всякихъ попыткахъ со стороны группъ хищниковъ, строющихъ на ужасахъ войны планы своего обогащенія, использовать событія на дальнемъ Востокѣ для пробужденія „патріотическихъ" чувствъ въ народѣ! Пусть рабочій классъ, отчетливо сознавшій свои историческія задачи, во главѣ всѣхъ другихъ слоевъ народа открыто выразитъ свой протестъ противъ безстыдной политики самодержавія, несущей всюду смерть, насиліе, разложеніе! Пусть всякая отправка войскъ, всякій актъ, связанный съ подготовкой военныхъ дѣйствій, всякія молебствія по случаю ихъ, всякое обращеніе правительства къ народу, всякія шовинистическія выходки подкупленной печати, пусть все это послужитъ все новымъ и новымъ поводомъ для манифестаціи народа противъ [illegible] самодержавія! Пусть соціальдемократія заставитъ всѣ группы общества открыто высказать свое отношеніе къ грядущей войнѣ, и пусть разъяснитъ она пролетаріату, что, кто въ этомъ случаѣ не съ нимъ, тотъ противъ него, тотъ съ самодержавіемъ! Мы уже вошли въ революціонную эпоху, наступленіе которой такъ безсмысленно ускорило самодержавіе своей политикой, и тутъ не можетъ быть недомолвокъ; пролетаріатъ долженъ знать, кто его врагъ, кто его другъ, кто его временный союзникъ.

И если война всетаки вспыхнетъ, если народу придется кровью своихъ сыновей расплачиваться за грѣхи самодержавія, соціальдемократія должна удесятерить свои усилія, чтобы добиться скорѣйшаго заключенія мира, чтобы уменьшить размѣры кровопролитія, чтобы использовать всѣ событія въ интересахъ классоваго развитія пролетаріата, чтобы ускорить свою первую историческую побѣду, побѣду народа надъ самодержавіемъ!

За работу же, товарищи! Пусть исполнится пророчество „Новаго Времени"; пусть дѣйствительно „мелкія стычки съ полиціей" замолкнутъ, но замолкнутъ только для того, чтобы съ удесятеренной силой возродиться въ грандіозной общероссійской борьбѣ всего рабочаго класса съ самодержавіемъ, борьбѣ за волю, свѣтъ и просторъ, за широкій путь для дальнѣйшей борьбы за свое полное освобожденіе отъ всѣхъ видовъ гнета и порабощенія, за соціализмъ! Пусть дѣйствительно „отдѣльныя рѣки" недовольства и возмущенія сольются въ одно могучее „море", море революціонной борьбы народа съ царскимъ самовластіемъ съ пролетаріатомъ во главѣ подъ краснымъ знаменемъ единой и сплоченной соціальдемократической партіи!

Для этого намъ нужно прежде всего отдать себѣ самимъ ясный отчетъ во всей сложности и важности задачъ, лежащихъ на насъ, какъ на сознательныхъ представителяхъ рабочаго класса; намъ надо безъ ложнаго стыда, безъ самообольщенія оцѣнить съ точки зрѣнія нашей соціальдемократической программы нашу собственную дѣятельность; намъ надо прежде всего и больше всего направить наши усилія на беспощадную борьбу противъ самодержавія и феодально-буржуазнаго общества; намъ надо наполнить нашу борьбу соціальдемократическимъ классовымъ содержаніемъ. Пусть наша мысль неустанно работаетъ въ этомъ направленіи, и мы будемъ дѣйствительно единой, сильной, сплоченной партіей рабочаго класса; мы сумѣемъ съ честью выполнить великія обязанности, взятыя нами на себя отъ имени пролетаріата; мы не окажемся несостоятельными передъ лицомъ великой русской революціи, которая уже стучится въ двери исторіи!

РАЗЛОЖЕНІЕ СІОНИЗМА И ЕГО ВОЗМОЖНЫЕ ПРЕЕМНИКИ[1]).

Послѣдній Сіонистскій Конгрессъ былъ демонстраціей безсилія. Люди съѣхались со всѣхъ концовъ міра, чтобы громогласно заявить: „Мы не подвинулись ни на шагъ. Мы исчерпали себя. Мы израсходовали всѣ фонды довѣрія къ нашимъ методамъ дѣятельности. И мы не видимъ ничего впереди. Султанъ приласкалъ г. Герцля (впрочемъ: кто это видѣлъ?), можетъ быть онъ приласкаетъ его еще разъ, — а дальше?"

Да, что дальше? Отвѣтъ долженъ былъ быть найденъ. Методъ мышленія отказывалъ въ реальномъ отвѣтѣ, психологія отчаянія подсказала фикцію — жалкую, вымороченную. Г. Герцль предложилъ постучаться въ Африку. Сношенія съ Чемберленомъ или Эдуардомъ VIII — дѣло идетъ о британскихъ владѣніяхъ — Герцль беретъ, разумѣется, на себя. Ему не въ первый разъ ходатайствовать предъ князьями міра за „свой" народъ. Этотъ беззастѣнчивый авантюристъ все еще пожиналъ на Базельскомъ конгрессѣ бурныя рукоплесканія. На съѣздѣ представителей „еврейскаго народа" не нашлось ни одной руки, которая занесла бы бичъ негодованія надъ этой отталкивающей фигурой...

Только истерическія рыданія романтиковъ Сіона огласили въ извѣстный моментъ залъ засѣданій: Герцль обѣщалъ Палестину — и не далъ ее.

Впрочемъ „вождь" не отказывается отъ Палестины. Его походъ въ Африку только военная (или, скорѣе, коммерческая) диверсія. Вотъ въ какихъ „образахъ" выясняетъ свои политическіе планы г. Герцль, защищаясь отъ нападокъ бѣдныхъ рыцарей „чистаго" сіонизма. „Положимъ — пишетъ онъ въ „Welt" послѣ конгресса — что я хочу пріобрѣсть себѣ домъ, хотя бы даже мой, перешедшій въ чужія руки, отчій домъ, — я вѣдь не отдамъ себя всецѣло на милость теперешняго собственника. Я, можетъ быть, сдѣлаю ему прямое предложеніе (г. Герцль отправляется къ султану). Но если онъ на это не пойдетъ, если онъ остается несговорчивымъ (султанъ оказался, какъ мы знаемъ, гостепріимнымъ, но „несговорчивымъ"), то я, можетъ быть, даже въ извѣстный моментъ заявлю, что я отъ дѣла отказываюсь. Я изберу домъ по близости или даже въ какой-нибудь отдаленной улицѣ (намекъ на Африку) и поведу о немъ серьезные переговоры... Итакъ дальше", многозначительно добавляетъ „вождь" и — умолкаетъ. Вы понимаете, какой это діавольски-коварный планъ? Притвориться, что покупаешь отечество въ отдаленной улицѣ, усыпить мнимо-„серьезными переговорами" на сторонѣ бдительность султана, а затѣмъ... затѣмъ исторгнуть у него Палестину и преподнести ее еврейскому народу. Одно только смущаетъ насъ: что, если статья г. Герцля будетъ переведена на турецкій языкъ и представлена султану? Вѣдь и онъ тоже можетъ догадаться, какая адская западня скрыта для него за словами „и такъ дальше".

Какъ видите, далѣе этого итти въ нахальной „дипломатической" вороватости нельзя. Но нельзя также далѣе поддерживать жизнь сіонизма подобными аляповатыми притчами.

Сіонизмъ исчерпалъ свое нищенское содержаніе, и базельскій конгрессъ былъ, повторяемъ, демонстраціей его разложенія и его безсилія. Г. Герцль можетъ еще нѣкоторое время прицѣниваться къ тому или другому „отечеству"; десятки интригановъ и сотни простаковъ еще могутъ поддерживать его авантюры, но сіонизмъ, какъ движеніе, уже приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ — на будущее. Это ясно, какъ полдень.

Къ такому выводу пришелъ и авторъ брошюры „VI-й Сіонистическій конгрессъ въ Базелѣ", изданной Бундомъ. „Ликвидація сіонизма началась". Безспорно. Но кому достанется его кліентелла? Другими словами: какъ распредѣлятся тѣ общественные элементы, которые питались имъ? „Подъ нимъ (сіонизмомъ) — говоритъ авторъ — скрываются вполнѣ реальные интересы извѣстныхъ слоевъ, и при наличности этихъ интересовъ движеніе не исчезнетъ, не оставивъ себѣ преемника... Будутъ новые враги, будетъ новая борьба." Кто же будетъ этимъ преемникомъ? Разумѣется, разложеніе сіонизма будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, политическимъ расчлененіемъ того конгломерата общественныхъ слоевъ, какой представляетъ собой эта „партія". Для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ дальнѣйшая судьба сіонистской *лѣвой*, состоящей изъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ представителей буржуазной демократіи.

Разочаровавшаяся въ сіонизмѣ, а значитъ и потерявшая вѣру во исходъ изъ Египта черты еврейской осѣдлости при помощи „политики" забѣганій съ чернаго крыльца; толкаемая въ оппозицію сапогомъ самодержавно-полицейской репрессіи; вынуждаемая къ нелегальнымъ методамъ самообороны правительственной практикой кишиневскихъ и гомельскихъ событій, — бывшая лѣвая сіонизма будетъ неизбѣжно вдвигаться въ революціонные ряды. Современная національная позиція Б., оторвавшагося отъ Партіи, облегчитъ этотъ процессъ. Армія Бунда станетъ пополняться тѣми, въ комъ только что цитированный авторъ хочетъ почему то непремѣнно видѣть „будущихъ враговъ". Почему же? Они могутъ стать и добрыми друзьями. И, вообще говоря, нельзя желать ничего лучшаго, какъ превратить врага въ друга. Остается только спросить: способенъ ли Бундъ безболѣзненно ассимилировать демократическое крыло отчаявшихся сіонистовъ? И мы боимся, что на этотъ коренной вопросъ нельзя отвѣтить утвердительно.

Не разъ указывалось, что националистическія тенденціи проникли въ Бундъ изъ буржуазныхъ сферъ сіонизма. Но такое утвержденіе можетъ показаться абсурднымъ. Развѣ не вскрывали публицисты Бунда реакціонный характеръ сіонизма? Развѣ не ведетъ Бундъ съ этимъ теченіемъ ожесточенной борьбы? Развѣ имя Бунда не вызываетъ у добраго сіониста припадковъ бѣшенства? Все это совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что именно внутренняя логика этой самой борьбы съ сіонизмомъ и вливала націоналистическое содержаніе въ политическую агитацію Бунда. Политическая борьба чаще всего бываетъ въ то же время политической конкурренціей, въ которой многому научаются отъ врага. Находясь въ атмосферѣ повышеннаго національнаго самочувствія, имѣя самодержавіе передъ собой и сіонизмъ за собою, Бундъ долженъ былъ настаивать на томъ, что именно онъ представляетъ подлинные *національные* интересы еврейскихъ массъ. Ставъ на эту почву, онъ оказался не въ силахъ установить настоящее соотношеніе между національнымъ и классовымъ моментами. Тутъ надъ частной судьбой Бунда тяготѣла трагическая судьба нашей партіи послѣ 1898 г. Организаціонная изолированность „Бунда“ вогнала революціонную энергію его работниковъ въ тѣсный резервуаръ и безжалостно сдавила — повидимому надолго — политическій горизонтъ его вождей.

---

[1]) Недавнее покушеніе русскаго студента — сіониста на жизнь Макса Нордау снова напомнило о сіонистскихъ распряхъ, возгорѣвшихся на происходившемъ осенью Базельскомъ конгрессѣ.

„Чѣмъ меньше число индивидуумовъ, участвующихъ въ данномъ общественномъ движеніи, чѣмъ въ меньшей степени движеніе это является движеніемъ массовымъ, — тѣмъ меньше выступаетъ въ немъ наружу всеобщее и закономѣрное, тѣмъ больше преобладаетъ въ немъ случайное и личное“ (Каутскій „Соц. революція“). Пролетарская партія можетъ ограничиваться только политическими, т. е. государственными рамками. Лишь въ этомъ случаѣ „всеобщее и закономѣрное“, т. е. принципы социальдемократіи, залягутъ въ основу движенія. Сфера дѣятельности Бунда характеризуется не государственнымъ, а національнымъ признакомъ. „Бундъ — организація еврейскаго пролетаріата“. Ко времени перваго съѣзда это положеніе имѣло не политическій, а техническій (въ широкомъ значеніи) смыслъ. Бундъ былъ партійной организаціей, приспособленной для работы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ большинство населенія говоритъ на еврейскомъ языкѣ. При „попустительствѣ“ партіи, которая, въ силу своей раздробленности, слишкомъ часто играла роль торжественной фикціи, „случайное“ или частное получило преобладаніе надъ „общимъ“ и „закономѣрнымъ“. Организаціонно-техническій фактъ возвелъ себя въ національно-политическую „теорію“. Пятый съѣздъ Бунда, предшествовавшій второму съѣзду партіи, выдвигаетъ, какъ извѣстно, новый тезисъ: „Бундъ — социальдемократическая, неограниченная въ своей дѣятельности никакими районными рамками организація *еврейскаго пролетаріата* и входитъ въ партію въ качествѣ его *единственнаго представителя*“. Такъ разрѣшилась внутри Бунда тяжба между частнымъ и всеобщимъ. Если прежде, по крайней мѣрѣ по замыслу, Бундъ былъ представителемъ интересовъ социальдемократической партіи въ средѣ еврейскаго пролетаріата, то теперь онъ превращается въ представителя интересовъ еврейскаго пролетаріата предъ социальдемократической партіей. Мало того. „Выступленіе отъ имени всего пролетаріата опредѣленной территоріи, на которой, кромѣ другихъ, входящихъ въ партію организацій, дѣйствуетъ и Бундъ, допустимо лишь при участіи послѣдняго“. Все передвинулось: *классовая* точка зрѣнія подчиняется *національной*, партія ставится подъ контроль *Бунда, всеобщее* отдается подъ начало *частному*.

Выходъ Бунда изъ партіи является послѣднимъ моментомъ и результатомъ этой пятилѣтней эволюціи. И, въ свою очередь, фактъ полнаго „оффиціальнаго“ обособленія Бунда неизбѣжно послужитъ отправнымъ базисомъ дальнѣйшаго развитія Бунда въ сторону націонализма. Говоримъ — *неизбѣжно*, ибо надъ доброй волей руководителей Бунда тяготѣетъ злая воля ихъ національно-политической позиціи. Какъ бы историческимъ „знаменіемъ“ является тотъ фактъ, что выступленіе Бунда изъ партіи совпало съ моментомъ фатальнаго кризиса въ сіонизмѣ. Эмансипировавшись отъ контроля „общаго“ и „закономѣрнаго“, Бундъ настежь распахнулъ двери „частному“. Взятый *объективно*, онъ представляетъ теперь организаціонный аппаратъ, какъ нельзя болѣе пригодный для совлеченія еврейскаго пролетаріата съ пути революціоннаго социальдемократизма на путь революціонно-демократическаго націонализма. Конечно, въ *субъективномъ* сознаніи вождей Бунда сохранилось еще достаточно социальдемократическихъ „переживаній“, чтобы бороться противъ такого совлеченія. Но логика фактовъ сильнѣе, чѣмъ косность мысли. Выводы, на которые не отваживаются сегодняшніе руководители Бунда, будутъ сдѣланы завтра тѣми, которые придутъ имъ на смѣну. Построивъ свою теперешнюю позицію подъ національнымъ угломъ зрѣнія, Бундъ облегчилъ переходъ въ свои ряды элементамъ, мысль которыхъ не стѣснена социальдемократическими традиціями. Они придутъ — они идутъ уже — и властно отстранятъ тѣхъ, которые покажутся имъ „доктринерами“. Конечно, Бундъ надолго сохранитъ социалистическую фразеологію, — какъ сохранила ее до настоящаго дня П. П. С. Это, однако, нисколько не помѣшаетъ ему — наоборотъ, поможетъ — выполнять ту политическую функцію, которую съ такимъ успѣхомъ выполняетъ хотя бы та же П. П. С., именно: поглощеніе классовыхъ интересовъ пролетаріата националистическими интересами революціонной демократіи. Да, публицистъ Бунда правъ: сіонизмъ „не исчезнетъ, не оставивъ преемника“. Но этимъ преемникомъ можетъ оказаться *Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи*.

НА ОЧЕРЕДИ.

(Кружокъ или партія?)

„Искра“ вступила въ четвертый годъ своего существованія... Для русской революціонной газеты это немалый срокъ, да и годы то были незаурядные... Второй съѣздъ нашей Партіи закончилъ собой первый періодъ того „собиранія земли русской“, во имя котораго три года назадъ „Искра“ выступила, какъ отдѣльный *кружокъ*, среди многочисленныхъ другихъ кружковъ социальдемократіи.

Много ихъ было тогда. Что ни кружокъ, то особая политическая физіономія, отражающая сквозь призму неизбѣжныхъ индивидуальныхъ и случайныхъ чертъ ту или иную, но всегда одну только, потребность социальдемократическаго рабочаго движенія: выражающая всегда одинъ только *моментъ* въ развитіи идеи революціоннаго пролетаріата. Что ни группа, то своеобразное, поэтому, *упрощеніе* социальдемократической программы и тактики, если не прямое искаженіе той и другой. И въ этомъ хаосѣ своеобразныхъ сочетаній основныхъ элементовъ великаго социальдемократическаго ученія дробилось и мельчало само рабочее движеніе — объектъ воспитательнаго воздѣйствія социальдемократіи — дробилось и мельчало въ то самое время, когда жизнь страны предъявляла ему каждый день все новые и новые, все болѣе требовательные запросы.

Соединить механически эти отдѣльные кружки и объявить это соединеніе Партіей — таковъ былъ пароль, который въ то время давали многіе и многіе на вопросъ „что же дѣлать?“

Создать центръ, къ которому стянулись бы всѣ наиболѣе зрѣлые элементы социальдемократіи; изъ этого центра „бомбардировать“ всю массу социальдемократовъ неустанной пропагандой „забытыхъ словъ“ революціоннаго марксизма и соотвѣтствующихъ имъ отвѣтовъ на новые *практическіе* запросы движенія; организовать общепартійныя функціи революціонной работы и, тѣмъ самымъ, положить начало „организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“; всѣмъ этимъ *собрать около себя Партію*, существующую номинально, и дать ей тѣмъ самымъ реальное существованіе. Таковъ былъ отвѣтъ „искровскаго“ кружка. Этотъ отвѣтъ диктовалъ новому кружку новыя, доселѣ не ставившіяся на практикѣ задачи, но самый характеръ *кружка* неминуемо осуждалъ его на пользованіе тѣми же самыми *методами организаціонной борьбы* за торжество своей точки зрѣнія, какія были въ ходу у другихъ кружковъ. Эти методы сводились, — не могли не сводиться, — къ борьбѣ за расширеніе и упроченіе вліянія своего кружка на всѣ остальные — въ большинствѣ, болѣе незрѣлые — элементы Партіи. Вновь появившійся кружокъ и не могъ дѣйствовать иначе, разъ вся арена партійной жизни была занята другими кружками, которые не могли не отличаться замкнутостью, обособленностью и стремленіемъ оградить себя отъ вторженія новыхъ элементовъ. Вновь возникшій кружокъ, чтобы подготовить созданіе партіи, долженъ былъ поставить себѣ практической цѣлью уничтожить силу сцѣпленія, искусственно связывающаго отдѣльные атомы движенія въ групповыя соединенія, чтобы, такимъ образомъ, постепенно поглощать всѣ освобождающіеся жизнеспособные элементы. Но, будучи членами *кружка*, „искровцы“ не могли не поддаться сами дѣйствію этой же самой силы сцѣпленія. Вступивъ во имя партійныхъ задачъ въ борьбу съ кружковой психологіей большинства товарищей, „Искра“ сама понемногу развивала въ своихъ адептахъ ту же кружковую психологію. И чѣмъ больше *идеи*, бывшія первоначально достояніемъ одной лишь „Искры“, переходили въ общую собственность партіи, тѣмъ все больше эта психологія „новаго“ — увы, уже старѣвшаго — кружка становилась *препятствіемъ для полнаго реальнаго* осуществленія тѣхъ самыхъ задачъ, которыя сплотили адептовъ „Искры“ въ одну организацію.

Къ моменту партійнаго съѣзда сила сцѣпленія, развиваемая кружковой обособленностью, сдерживала въ организаціи „Искры“ уже довольно разнородные элементы, которые при другихъ условіяхъ проявились бы въ своей несолидарности по многимъ важнымъ вопросамъ практики. Эти другія условія сразу наступили тогда, когда рѣшенія партійнаго съѣзда, санкціонировавъ *основную* точку зрѣнія „Искры“ въ программѣ, тактикѣ и организаціи, тѣмъ самымъ *уничтожили всякій политическій смыслъ* дѣленія социальдемократовъ на „искровцевъ“ и „не искровцевъ“.

Но человѣческая психологія косна по своей природѣ, и новыя группировки въ предѣлахъ единой партіи, группировки, связанныя съ различнымъ пониманіемъ методовъ проведенія въ жизнь „искровскихъ“ — т. е. революціонно-социальдемократическихъ — рѣшеній съѣзда, эти группировки упорно пользуются этимъ, потерявшимъ свой политическій смыслъ, дѣленіемъ, которое было въ свое время обусловлено именно отсутствіемъ партіи, какъ единаго цѣлаго.

Болѣе того. Поскольку эти новыя группировки раскололи прежній „искровскій“ кружокъ, поскольку онѣ еще до этого раздѣленія проявились на различномъ отношеніи „искровцевъ“ къ не-членамъ „искровскаго“ кружка, раздѣлявшимъ и отстаивавшимъ вмѣстѣ со всѣми „искровцами“ программу и организаціонныя идеи революціонной социальдемократіи, — постольку мы послѣ съѣзда получили счастливую возможность обогатить партію *четырьмя*, цѣлыми четырьмя опредѣленіями понятія „искровецъ“.

Это, во-первыхъ, тотъ, кто на съѣздѣ Партіи и до него выражалъ свою полную солидарность съ „Искрой“, отстаивалъ ея программу и ея организаціонные взгляды и поддерживалъ ея организаціонную политику. На съѣздѣ такихъ „искровцевъ“ было свыше 40 — столько голосовъ было подано за программу и за резолюцію о признаніи „Искры“ центральнымъ органомъ Партіи. Типичными для этихъ „искровцевъ“ могутъ служить члены группы „Южн. Раб.“. Прочтите рѣчи делегатовъ „Южн. Раб.“ въ защиту резолюціи объ „Искрѣ“, прочтите статьи этой газеты, популяризирующія книгу Ленина „Что дѣлать?“ — и вы должны будете согласиться съ характеристикой, которую до съѣзда далъ Воронежскій Комитетъ „Ю. Р.“, какъ „искровцу“.

Но — увы! — все въ мірѣ относительно. „Искровцы“ до съѣзда, члены бывшаго „Ю. Р.“ скоро стали казаться „антиискровцами“ (см. письмо Ленина „Почему я вышелъ изъ редакціи?“). Изъ числа 40 съ лишнимъ делегатовъ съѣзда, вотировавшихъ всѣ „искровскія“ рѣшенія, Ленину только 30 ($^{3}/_{5}$ всего числа делегатовъ) кажутся теперь „искровцами“ въ широкомъ смыслѣ слова. Критерій для этого отмежеванія — солидарность съ редакціей „Искры“ на съѣздѣ въ нѣсколькихъ второстепеннаго характера вопросахъ. Такова вторая „форма проявленія“ искровской идеи.

Но изъ числа 30 „искровцевъ“ этой второй формаціи не всѣ еще въ одинаковой мѣрѣ „искровцы“. Ибо нѣкоторые „сказали напротивъ“ основному организаціонному ядру „искровцевъ“ по такому „важному“ вопросу, какъ слѣдуетъ или не слѣдуетъ пригласить на съѣздъ такого то X. или У. изъ числа противниковъ „Искры“. Тѣмъ самымъ они оказались внѣ круга „настоящихъ искровцевъ“. Отсюда — раздуваніе бывшаго на партійномъ съѣздѣ столкновенія между Орг. Ком. и редакторами „Искры“, отсюда заподазриваніе политическаго характера того самаго Орг. Ком., который подготовилъ съѣздъ, состоявшій — по Ленину — на $^{3}/_{5}$ изъ „искровцевъ“, а, по другому разсчету, на $^{9}/_{10}$ слишкомъ изъ послѣдователей революціонной социальдемократіи. Такова третья метаморфоза понятія „искровецъ“.

И это не все: изъ числа процѣженныхъ такимъ образомъ „искровцевъ“ pur et simple меньшая половина не согласна съ большей по вопросу, считать ли оставшихся въ чистилищѣ не-настоящаго „искризма“ достойными вѣчнаго въ семъ чистилищѣ пребыванія (для нѣкоторыхъ, впрочемъ, замѣненнаго осужденіемъ на вѣчныя муки „анти-искровства“). Поводъ для новаго дѣленія, на сей разъ на „твердыхъ“ и „мягкихъ“ „искровцевъ“. Четвертая фаза развитія кружковаго „принципа“, въ результатѣ котораго „истинное искровство“ оказалось за предѣлами редакціи газеты, давшей имя кружку...

„Искровцы“, провозглашающіе „Искру“ своимъ руководящимъ органомъ, но не примыкавшіе къ организаціи „Искры“ — „искровцы“ изъ организаціи, не всегда соглашавшіеся съ редакціей во всѣхъ мелочахъ оцѣнки того или иного Икса — „искровцы“ изъ организаціи и изъ редакціи, всегда и во всемъ согласные съ самими собою, но не согласившіеся въ томъ, какъ реагировать на указанное ужасное разногласіе и, наконецъ, — „искровцы“, доведшіе свой фанатизмъ „единомыслія“ до того, что откололись отъ редакціи, не согласившейся съ ними въ оцѣнкѣ важности самого разногласія относительно оцѣнки икса и игрека. И замѣтьте: всѣ эти категоріи провозглашаются тѣми товарищами, которые упорно отрицаютъ, чтобы между „искровцами“, по крайней мѣрѣ, трехъ категорій, существовали дѣйствительныя разногласія принципіальнаго характера, хотя бы въ вопросахъ организаціонной политики.

И смѣшно, и грустно.

Смѣшно потому, что адепты направленія, *фактически восторжествовавшаго въ Партіи*, неумно копируютъ внѣшніе симптомы, свойственные обыкновенно кружку, выражающему идеи, напротивъ, осужденныя исторіей, побѣжденному въ борьбѣ съ врагами. Пока старое наше революціонное движеніе подвигалось по восходящей линіи своего развитія, термины „социально-революціонная партія“, „народничество“, „терроризмъ“, „пропагандисты“, „бунтари“, термины, выражавшіе *идею*, рѣшительно преобладали надъ терминами „землевольство“, „бакунизмъ“ и т. д.

„Рабочій бунтуетъ“

(Страничка изъ наблюденій).

I.

Русское революціонное рабочее движеніе, гигантскій ростъ котораго такъ быстро реформируетъ физіономію старой крѣпостной Россіи вызываетъ во всѣхъ остальныхъ слояхъ населенія разнообразныя ощущенія, соотвѣтствующія тѣмъ социально-политическимъ условіямъ, въ которыхъ эти слои живутъ. Это рельефно можно было наблюдать при самомъ началѣ зарожденія у насъ рабочаго движенія.

Послѣ бурной террористической единоборческой полосы движенія, наступаетъ, какъ извѣстно, полоса общественнаго затишья и критическаго анализа прошлыхъ революціонныхъ программъ.

Какъ разъ съ этимъ временемъ совпадаетъ глубокая внутренняя работа за фабричными станками въ городахъ. Въ этотъ періодъ времени назрѣваетъ тотъ духъ рабочаго протеста, который затѣмъ въ 90-хъ годахъ выливается въ многочисленныхъ стачкахъ рабочихъ. Въ обществѣ и литературѣ сначала робко и неувѣренно начинаютъ звучать сочувственныя нотки новому зарождающемуся движенію. Интеллигентско-разночинскіе мотивы, окрашивавшіе собою литературу безвременья 80-хъ годовъ, мало по малу отступаютъ на задній планъ. Все громче и громче началъ звучать бодрый, увѣренный, весенній тонъ. Правда, въ общемъ хорѣ голосовъ еще не дифференцировались голоса чистыхъ идеологовъ пролетаріата, но все же атмосфера была насыщена сочувствіемъ пролетаріату. Это ясно выражалось въ тогдашней молодой легальной марксистской литературѣ, съ пѣной у рта встрѣченной представителями отживавшихъ общественно-политическихъ направленій. „Рабочій“ мало по малу входитъ въ обиходъ русской жизни и русской общественной мысли, а вскорѣ становится и центромъ всѣхъ и всякихъ политическихъ разсчетовъ. Начало рабочаго движенія рѣзко измѣняетъ прежде всего физіономію такъ называемаго „политическаго преступника“. „Знаете теперь все мужикъ пошелъ, теперь времена не тѣ, все измѣнилось!“ — говорилъ мнѣ осенью 1895 года одинъ надзиратель московской пересыльной тюрьмы — „не то было въ 70-ые годы, какихъ только тогда не было среди политическихъ: и генеральскія, и даже княжескія дѣти; теперь не то!“ — меланхолически закончилъ мой тюремщикъ. Этотъ то тюремщикъ, прослужившій въ московской тюрьмѣ больше тридцати лѣтъ, съ умиленіемъ разсказывалъ мнѣ объ одномъ эпизодѣ, который заключался въ томъ, что черезъ его руки проходилъ очень давно одинъ богатый юноша въ Сибирь, и затѣмъ уже черезъ много лѣтъ, дойдя „до степеней извѣстныхъ“ и служа въ Москвѣ, посѣтилъ стараго тюремщика, какъ онъ говорилъ мнѣ съ гордостью, „съ орденами и крестами“... Да, конечно, этотъ политическій съ точки зрѣнія этого тюремщика, былъ не чета современному, какъ онъ выражался, „сиволапому мужику“, который тоже „сталъ тянуть за барами“.

„Рабочій бунтуетъ“ говорилъ мнѣ сельскій попъ въ глухой сѣверной деревнѣ послѣ большой лѣтней петербургской стачки 96 года. „Это не то, что вашъ братъ, интеллигентъ! Съ вами расправа коротка: выслать васъ вотъ въ какую либо сѣверную деревушку — и крамола долой, а что подѣлать нашему „бѣдному правительству“ съ рабочимъ который претъ, какъ лавина?“... Попикъ читалъ искони комаровскій „Свѣтъ“ и былъ по своему „политикомъ“; притомъ же онъ слыхалъ про германскую социальдемократію и чувствовалъ, что не за горами то время, когда и у насъ образуется такая же крѣпкая партія.

Мѣстные купцы и чиновничество, которые находились въ ближнемъ городкѣ, приняли извѣстіе о петербургской стачкѣ, какъ то нерѣшительно и робко. Многіе изъ нихъ, слывшіе за мѣстныхъ „радикаловъ“ и имѣвшіе со старыми политическими ссыльными — по преимуществу народовольческаго толка — постоянныя связи, не понимали совершенно характера современнаго политическаго ссыльнаго. „Тотъ, да не тотъ“, „обличьемъ какъ будто и тотъ, а нутро намъ мало извѣстно“, такими фразами характеризовалъ мнѣ современнаго ссыльнаго одинъ мѣстный богатый купецъ, слывущій за „краснаго“. Этотъ купецъ былъ всегда близокъ къ мѣстной политической колоніи и „вышелъ въ люди“, какъ говорили обыватели, благодаря помощи со стороны Ядринцева и Шашкова, бывшихъ здѣсь въ ссылкѣ въ началѣ 70-хъ годовъ. Большинство членовъ нашей политической колоніи были рабочіе, высланные изъ Питера и Москвы. Это обстоятельство какъ будто даже нѣсколько шокировало мѣстнаго обывателя, привыкшаго видѣть въ „политическомъ“ прежде всего „студента“, да зачастую принадлежащаго къ тому же къ состоятельнымъ классамъ. Начавшееся рабочее движеніе въ „сѣверныхъ палестинахъ“ не было еще понятно тогда мѣстному обывателю. Замкнутый характеръ новаго „политическаго“ не нравился обывателю, привыкшему къ запанибратскимъ отношеніямъ къ старому „политическому“. „Рабочій пошелъ, — говорили мнѣ мѣстные обыватели, — а чего онъ хочетъ — неизвѣстно“.

Разъ какъ то, помню, я далъ одному купцу прочитать „Наши разногласія“ Г. В. Плеханова для уясненія новаго міросозерцанія „политическихъ ссыльныхъ“, и онъ, прочитавши эту книжку, нашелъ, что „нехорошо, что буржуевъ ругаютъ“, „не надо ихъ ругать, вѣдь они вамъ могутъ быть очень полезны“, „съ одними рабочими ничего сдѣлать нельзя“, „вотъ, напримѣръ, народовольцы, — тѣ это хорошо понимали“ и т. д. Словомъ, наряду съ возраставшимъ интересомъ къ новому движенію у обывателя проскальзывала какъ будто нотка недовѣрія съ одной стороны, съ другой, даже и ироніи... Не смотря на это, многіе купцы и чиновники жертвовали на стачечниковъ Петербурга, а затѣмъ и Ярославля. „Вотъ нехорошо только, что вы чуждаетесь общества мѣстнаго“, нѣсколько разъ подчеркивали мнѣ обыватели. Но за этой фразой какъ будто чувствовалась вмѣстѣ съ [illegible] и скрытая боязнь по отношенію къ „новому ссыльному“. Словомъ, „рабочая блуза“ мало импонировала обывателю. Мѣстная администрація также относилась иначе къ новому типу ссыльныхъ, временами стараясь смѣшивать ихъ съ уголовными и т. д.

Съ каждымъ новымъ ссыльнымъ, прибывавшимъ въ наши глухія сѣверныя дебри, росъ интересъ у обывателя къ новой породѣ „политиковъ“, какъ насъ всѣхъ здѣсь сокращенно называли. Слово „социальдемократъ“ съ теченіемъ времени популяризировалось среди обывателей и завоевывало себѣ мало по малу право гражданства, хотя многіе и продолжали еще коситься на него.

За то съ большимъ сочувствіемъ встрѣчали новый типъ ссыльнаго тѣ крестьяне, которымъ приходилось сталкиваться съ нами. Помню одного крестьянина, который непремѣнно хотѣлъ послать и своего сына на фабрику „набираться уму-разуму“. Знакомые крестьяне при встрѣчѣ съ нами всегда подробно разспрашивали всѣхъ насъ о характерѣ рабочаго движенія въ Россіи, о его задачахъ и цѣляхъ. При этомъ они всѣ поголовно относились къ нему очень сочувственно. Многіе говорили, что „слава богу, настало время, когда и мужикъ начинаетъ расправлять свою спину“. Съ удовольствіемъ читали всю имѣвшуюся у насъ подъ руками нелегальную литературу и дѣлились съ нами своими впечатлѣніями.

Нѣкоторые знакомые намъ крестьяне съ трогательной лаской относились къ рабочимъ-ссыльнымъ, и все имъ въ нихъ казались такимъ новымъ и привлекательнымъ. „Эхъ Никита Егорычъ, хорошъ ты кавалеръ, — говорилъ крестьянъ одному нашему рабочему, — я вижу башковатый ты парень! Ишь что задумалъ — республику! Ловкачъ — миляй! Прямо таки, не хочу царя, а давай мнѣ республику и чтобы все общее! Никакъ и я съ тобой, парень, согласенъ, что такъ лучше!“. А другой крестьянинъ, помню, интересовался узнать у нашихъ рабочихъ объ ихъ хозяйствѣ въ Россіи и заключилъ: „сила васъ — аграмадная, да вотъ сила большущая и у царя, да и дураковъ насъ — мужиковъ много, и намъ нужно пойти за вами, тогда бы скоро мы расправились съ кровопивцами“. Такими и подобными репликами встрѣчали знакомые наши крестьяне нашихъ рабочихъ... Всѣ извѣстія о городскихъ стачкахъ крестьяне встрѣчали съ живѣйшимъ участіемъ, и былъ одинъ случай, когда крестьяне одной деревни, подъ вліяніемъ односельца — нашего знакомца, собрали нѣсколько рублей для ярославскихъ стачечниковъ.

Общество же мѣстное, какъ я сказалъ, хотя и давало подъ вліяніемъ интеллигентныхъ ссыльныхъ, деньги для стачечниковъ, но относились къ самимъ событіямъ чрезвычайно индифферентно. Для него „экономическая стачка“ была пустымъ звукомъ и сводилась она только къ „недоразумѣніямъ между хозяевами и рабочими“, а такъ какъ хозяйскіе интересы для „общества“ были несомнѣнно его собственными кровными интересами, то весьма понятенъ и тотъ индифферентизмъ его представителей, съ которымъ они относились къ такимъ явленіямъ, какъ стачки. И даже больше того. Общество мѣстное съ нескрываемымъ удивленіемъ относилось къ намъ, интеллигентнымъ ссыльнымъ, так надъ терминами, связанными съ именемъ кружка или вождя его. Только когда партія „Народной Воли“ стала окончательно склоняться къ упадку, люди стали называть свое направленіе преимущественно „народовольствомъ“. „Мы не соціалисты и не демократы, говорилъ одинъ вождь „Народной Воли“, мы — просто народовольцы“. Боюсь, что за „простымъ“ именемъ „искровцевъ“ скоро будетъ забыто само понятіе „революціонная соціальдемократія“.

Это — грустно, потому что въ процессѣ этой подмѣны идей именемъ ихъ первоначальныхъ носителей теряется совершенно *принципіальное отношеніе* къ жгучимъ вопросамъ партійной жизни, понятіе партійной политики слишкомъ легко подмѣняется понятіемъ *кружкового политиканства*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, соображенія минутнаго разсчета, успѣха даннаго дня, совершенно вытѣсняютъ всякую заботу о сколько нибудь послѣдовательной, принципіально-выдержанной „линіи поведенія“.

Вчера еще вѣрнымъ признакомъ для отличія „твердаго искровца“ отъ „мягкаго“ было признаніе „отечества въ опасности“ съ той минуты, какъ будетъ ослаблено непосредственное и неограниченное вліяніе редакціи „Искры“ на *практику* работы Центральнаго Комитета и на его составъ. Литература, водворенная *заграницей*, должна имѣть гегемонію надъ практическимъ центромъ. Это было недвусмысленно заявлено на съѣздѣ Партіи въ рядѣ рѣчей. Это былъ, во всякомъ случаѣ, *принципъ*, правда, довольно таки куцый, но все же принципъ. Логику и психологію этой позиціи намъ показалъ П. Б. Аксельродъ въ прошломъ № „Искры“. Все, что не видѣло въ такой позиціи неизбѣжнаго вывода изъ „искровской“ идеи, тѣмъ самымъ объявлялось внѣ „искровства“. Слово „оппортюнизмъ“ было сказано громко. Между „настоящими“ и „не-настоящими“ — пропасть принципіальнаго разногласія.

Сегодня все навыворотъ. Безуміемъ сталъ разумъ, и сущимъ бѣдствіемъ — вчерашнее добро. Указанная выше гегемонія Ц. О. надъ Ц. К., подъ знакомъ которой на съѣздѣ дѣлили на овецъ и козлищъ, уже никѣмъ не отстаивается, и наивные люди охотно вѣрятъ, что толки объ этой гегемоніи — клевета лицъ, желающихъ „прикрасить свою позицію“. Вчера говорили о „заграницѣ“, какъ единственно надежномъ убѣжищѣ ортодоксіи, долженствующей оберегать бѣдную практику отъ всѣхъ видовъ оппортюнистической заразы: сегодня „подымаютъ“ практиковъ на эту самую „заграницу“. Вчера, по мѣткому выраженію П. Б. Аксельрода, создавали теократическую систему господства литераторовъ; сегодня съ презрѣніемъ говорятъ о „литераторскихъ дрязгахъ“ и призываютъ практиковъ положить имъ конецъ. И завтра, безъ сомнѣнія, мы услышимъ, что партійная литература должна быть отдана подъ надзоръ „практиковъ“, что партійный органъ не имѣетъ права критиковать дѣятельность партіи. А послѣзавтра намъ повторятъ знаменитую идею Надеждина о томъ, что въ истинно-демократической партіи десять „умниковъ“ менѣе значатъ, чѣмъ сто „дураковъ“. Сегодня они уже кричатъ о своемъ возмущеніи нашими „пріемами борьбы“; завтра кто знаетъ? — они опустятся до... разговоровъ о „нетоварищескихъ пріемахъ полемики“. Вчера — здоровая реакція противъ сентиментальнаго „рабочелюбія“ порой выражалась въ ультра-недовѣрчивомъ отношеніи къ „чисто-рабочему“ элементу въ Партіи; завтра — это будетъ! — мы еще услышимъ аппеляцію отъ интеллигентскаго „любомудрія“ къ здравому смыслу пролетарія съ мозолистыми руками.

Все это дѣйствіе законовъ кружковой психологіи. Развитіе *партіи* вытѣсняетъ кружокъ съ одной практической позиціи на другую, и попытка освятить каждую новую, противорѣчащую прежней позицію „принципомъ“ неминуемо приводитъ къ... безпринципности. И мы дождемся того, что будущій историкъ при характеристикѣ „искровства“ послѣдней формаціи долженъ будетъ сказать, перефразируя слова Г. В. Плеханова о народовольцахъ: „въ исторіи русской соціальдемократіи не было болѣе безпринципнаго направленія, чѣмъ искровское“.

Бѣдная „Искра“! Могла ли ты ожидать *такого* финала своей трехлѣтней работы? Ты, такъ безпощадно осмѣивавшая приходскій кругозоръ теченій, съ которыми тебѣ приходилось бороться; ты, искавшая и находившая вездѣ *принципіальную* основу всяческихъ дѣленій и группировокъ въ партіи и тѣмъ самымъ *подымавшая* неизбѣжные въ живой партіи конфликты до высоты *войны принциповъ*, до высоты *общихъ задачъ партійной политики*, ты теперь должна послужить знаменемъ для борьбы противъ „литераторовъ“, которые своими „дрязгами“ мѣшаютъ „практической работѣ“, для смѣняющихся каждый день противорѣчивыхъ паролей приходской, кружковой „политики“ (политиканства — тожъ)?! Ты, много, безъ сомнѣнія, грѣшившая, потому что много возлюбила революціонное дѣло пролетаріата, заслужила ли ты, все же, своими грѣхами *такую* кару?

Къ счастью для добраго имени „Искры“, логика вещей повидимому, не допуститъ надолго такой профанаціи. По мѣрѣ того, какъ идея „твердаго искровства“ продѣлываетъ очерченныя здѣсь лишь отчасти метаморфозы, самая идея тощаетъ все болѣе и болѣе и недалекъ тотъ моментъ, когда по самой узкой модѣ скроенный „искровскій“ костюмъ будетъ висѣть на ней мѣшкомъ. Придется подмѣнить кличку, связанную все же съ коллективностью, хотя бы и кружкового типа, — кличкой персональнаго характера. Уже сегодня „истинные искровцы“ изъ всей „Искры“ знаютъ подчасъ только нѣсколько страницъ книги „Что дѣлать?“. Завтра они станутъ клясться одной какой нибудь фразой „Письма къ петербургскому товарищу“. Они отбросятъ кличку „искровцевъ“, чтобы стать „ленинцами“. И это будетъ послѣднимъ торжествомъ, реабилитаціей бѣдной „Искры“. Ибо несмотря на ея характеръ *кружка*, ея знамя окажется слишкомъ *партійнымъ* знаменемъ, чтобы надолго прикрывать борьбу *кружковщины* противъ *партійности*.

Но мы, революціонные соціальдемократы, тѣсно связанные съ работой „Искры“ въ прошломъ, не подберемъ этой кружковой клички, которую скоро отбросятъ сегодняшніе ультра-искровцы. Кризисъ, переживаемый нынѣ партіей, способенъ навсегда излечить всѣхъ серьезныхъ ея членовъ отъ недуга кружковщины.

Три года работы „Искры“ много содѣйствовали росту русской соціальдемократіи. Четвертый годъ своей работы мы можемъ начать пожеланіемъ всѣмъ нашимъ старымъ и новымъ товарищамъ — помочь Партіи возможно скорѣе перешагнуть черезъ тѣ послѣднія препятствія къ нормальной партійной жизни, которыя создались, благодаря неизжитому совершенно недугу *кружковщины*.

Организація „Искры“ нужна была въ свое время для созданія партійной организаціи; она стала ненужной съ момента возстановленія партійнаго единства. Вчера „искровцемъ“ долженъ былъ быть всякій революціонный соціальдемократъ, желавшій послѣдовательно проводить на практикѣ принципы революціонной соціальдемократіи. Сегодня „искровцемъ“ можетъ титуловать себя только тотъ, чья политическая практика въ цѣломъ не можетъ быть освящена и оправдана этими принципами. Вчера еще „искровство“ обязывало (по крайней мѣрѣ, въ принципѣ) работать надъ тѣмъ, чтобы поднимать партійныхъ „кустарей“ до такой высоты политическаго самосознанія, при которой утратило бы всякій — кромѣ чисто-техническаго — смыслъ дѣленія соц.-дем. на „управляющихъ“ — профессіональныхъ революціонеровъ — и „управляемыхъ“ — рядовыхъ пролетарскаго авангарда. Сегодня специфическое „искровство“ не можетъ не вырывать все болѣе и болѣе глубокую пропасть между тѣми и другими, тѣмъ самымъ ведя къ дезорганизаціи партіи. Вчера еще „искровство“ могло быть знаменемъ для тѣхъ, кто двигалъ партію впередъ, сегодня оно можетъ, — мы видѣли, что только на время — развѣваться надъ лагеремъ только тѣхъ, кто фактически тащитъ Партію назадъ.

Вчера еще органъ кружка, сегодня „Искра“ — органъ Партіи. И никакимъ воздѣйствіямъ не удастся вернуть ее въ ея „первобытное состояніе“.

Л. Мартовъ.

ДОЛЖНЫ ЛИ РАБОЧІЕ ВЫБИРАТЬ „ФАБРИЧНЫХЪ ДВОРНИКОВЪ“.[1]

Вмѣстѣ съ умноженіемъ способовъ борьбы правительства съ рабочимъ движеніемъ усложняется задача соц.-дем. Партіи, которая должна, руководя этимъ движеніемъ, реагировать на всѣ мѣропріятія правительства; опредѣлить на основаніи принциповъ соціальдемократіи свое отношеніе къ этимъ мѣропріятіямъ и использовать ихъ въ цѣляхъ борьбы. Чуть ли не каждый день ставитъ партіи новыя задачи, такъ что не только каждый отдѣльный дѣятель, но даже партійная печать не въ состояніи подробно разрабатывать всѣ вновь возникающіе вопросы тактики: печать не поспѣваетъ за жизнью. Неудивительно, поэтому, что въ „Искрѣ“ мы рѣдко встрѣчаемъ нѣсколько статей подрядъ по одному и тому же вопросу тактики. А, между тѣмъ, врядъ ли нужно доказывать, что существуетъ много такихъ вопросовъ, къ которымъ слѣдуетъ подойти съ разныхъ сторонъ. О такихъ вопросахъ слѣдовало бы поговорить въ „Искрѣ“ болѣе подробно, освѣщая ихъ въ цѣломъ рядѣ статей съ разныхъ сторонъ. Однимъ изъ такихъ вопросовъ представляется вопросъ о фабричныхъ старостахъ. Если понять сокровенный смыслъ недавно изданнаго закона очень не трудно, то вопросъ о томъ, какъ использовать его, вовсе ужъ не такъ простъ. Немудрено, что два смежныхъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, комитета дали на него два противоположныхъ отвѣта: въ то время, какъ Николаевскій Комитетъ нашелъ болѣе удобнымъ рекомендовать рабочимъ выбирать поднадзорныхъ товарищей въ старосты, Одесскій Комитетъ велъ широкую агитацію въ пользу отказа отъ выборовъ совсѣмъ. А, между тѣмъ, несмотря на то, что со времени изданія закона прошло болѣе пяти мѣсяцевъ, въ „Искрѣ“ по поводу его появилась за все время лишь одна статья („Эра реформъ“ въ № 46). Правда, у насъ есть уже резолюція II съѣзда Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи о фабричныхъ старостахъ, но это не избавляетъ насъ отъ необходимости разработать вопросъ о томъ, какъ цѣлесообразнѣе реагировать на этотъ законъ.

Дѣло въ томъ, что какъ резолюція съѣзда, такъ и авторъ упомянутой статьи, рекомендуя сознательнымъ рабочимъ принимать участіе въ выборахъ фабричныхъ старостъ съ тѣмъ, чтобы использовать эти выборы въ цѣляхъ агитаціи, подходятъ къ этому вопросу съ одной и той же стороны. Какъ съѣздъ, такъ и авторъ статьи ставятъ вопросъ въ слѣдующей формѣ: должны ли *сознательные* рабочіе отстраняться отъ выборовъ или нѣтъ? При такой постановкѣ вопроса на него нельзя дать никакого иного отвѣта, кромѣ того, который дали съѣздъ и авторъ статьи. Въ самомъ дѣлѣ, число сознательныхъ рабочихъ въ сравненіи со всей массой рабочихъ даже тамъ, гдѣ агитація ведется давно, очень незначительно, а въ такомъ случаѣ отказъ отъ участія въ выборахъ старостъ однихъ сознательныхъ не можетъ имѣть значенія для движенія; онъ можетъ имѣть только воспитательное значеніе для самихъ сознательныхъ рабочихъ: просто нравственно чистоплотно воздерживаться отъ участія въ выборахъ старостъ, обязанность которыхъ — исполнять функцію шпіоновъ. Но ссылаться на нравственную чистоплотность можно лишь въ томъ случаѣ, когда знаешь заранѣе, что твой вотъ не только никакого вліянія на исходъ борьбы не окажетъ, но даже останется незамѣченнымъ. Дѣло мѣняется, когда участіе въ выборахъ можетъ имѣть агитаціонное дѣйствіе; тогда это участіе возвышается и освящается тѣми цѣлями, которыя оно преслѣдуетъ, тогда участіе каждаго сознательнаго рабочаго даже обязательно. Но мнѣ кажется, что вопросъ слѣдуетъ ставить совсѣмъ въ иной формѣ: что должны мы совѣтовать *массѣ* относительно участія въ выборѣ фабричныхъ старостъ, какъ должна поступать *рабочая масса*, разумѣется, та масса, которая, не будучи сознательной, прислушивается однако къ голосу своихъ сознательныхъ товарищей, читаетъ прокламаціи и интересуется ими, словомъ, та масса, которая является объектомъ нашего воздѣйствія и которой мы можемъ давать совѣты? При такой постановкѣ вопросъ сводится къ тому, не должны ли мы препятствовать самому проведенію въ жизнь закона о старостахъ, между тѣмъ какъ при первой постановкѣ предполагается, что *выборы все равно состоятся*, будутъ ли сознательные рабочіе принимать въ нихъ участіе или нѣтъ. При новой постановкѣ вопросъ переносится совсѣмъ въ другую область. Законъ о фабричныхъ старостахъ можетъ служить въ рукахъ соціальдемократіи или средствомъ для агитаціи противъ правительства или орудіемъ борьбы съ нимъ. Другими словами, этотъ законъ можетъ дать намъ хорошій матеріалъ для агитаціи, на его примѣрѣ мы можемъ показать рабочимъ, чего можно ожидать отъ русскаго правительства, чѣмъ могутъ быть при самодержавіи рабочіе союзы и представительства рабочихъ, насколько эти союзы и это представительство не соотвѣтствуютъ нашимъ требованіямъ. Но этотъ законъ можетъ дать намъ хорошій поводъ для протеста противъ правительства: отказываясь совершенно отъ выбора старостъ, рабочіе тѣмъ самымъ говорятъ всѣмъ и каждому, что они настолько понимаютъ свои интересы, что ихъ нельзя обмануть никакими подачками со стороны правительства, что они достойнымъ образомъ цѣнятъ заигрываніе правительства съ ними и съ отвращеніемъ отталкиваютъ этотъ законъ.

Какой изъ этихъ двухъ противоположныхъ тактикъ слѣдуетъ держаться? Съѣздъ рекомендуетъ первую, выставляя при этомъ два аргумента: во-первыхъ, на почвѣ выборовъ мы можемъ развить широкую агитацію и мы не должны упускать

---

[1] *Отъ редакціи.* Мы охотно удѣляемъ мѣсто статьѣ тов. Н. В. о „фабричныхъ старостахъ“ и тактикѣ соціальдемократіи въ этомъ вопросѣ. Новый законъ представляетъ собой весьма удобный моментъ для нашей агитаціи, и было бы весьма желательно, чтобы товарищи возможно обстоятельнѣе и всестороннѣе обсуждали данный вопросъ въ партійной прессѣ. Такая дискуссія тѣмъ болѣе необходима, что, въ числѣ другихъ вопросовъ нашей тактики, и этотъ вопросъ могъ быть обсужденъ на съѣздѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. А, между тѣмъ, вопросъ несомнѣнно очень сложный, и безупречное его рѣшеніе невозможно безъ внимательнаго разсмотрѣнія — притомъ съ точки зрѣнія практическаго проведенія въ жизнь принятой съѣздомъ резолюціи — всѣхъ доводовъ за и противъ. Мы, поэтому, приглашаемъ особенно комитетскихъ дѣятелей познакомить всѣхъ товарищей съ тѣмъ опытомъ, который дали имъ попытки проведенія въ жизнь самого закона и резолюціи нашего съѣзда.

Свое отношеніе къ статьѣ тов. Н. В. редакція выскажетъ въ свое время. Здѣсь только замѣтимъ, что, въ нашихъ глазахъ, его соображенія не колеблютъ правильности основной точки зрѣнія, проводимой въ статьѣ „Эра реформъ“ и санкціонированной въ резолюціи съѣзда.

хлопотавшимъ объ интересахъ стачечниковъ, тѣмъ болѣе, что оно совершенно не видѣло въ стачкѣ политическихъ сторонъ. Послѣ бурнаго стачечнаго періода мѣстное общество какъ будто даже больше стало охладѣвать къ „политическимъ“, которые занимаются „такими пустяками“. И въ разговорахъ не разъ можно было слышать отъ обывателя: „и что за „политическій“ теперь пошелъ“, „куда вамъ угнаться за народовольцами“, „вы имъ въ преемники не годитесь!“. Такими фразами насъ часто награждало мѣстное буржуазно-оппозиціонное общество.

Припоминается мнѣ также крайне характерная сценка на этапѣ, связанная съ присутствіемъ въ нашей партіи шести человѣкъ рабочихъ. „Старшій“ нашей партіи, унтеръ, никакъ не могъ понять, за что ссылаютъ рабочихъ. „Раньше все студентовъ возилъ, и понятно, за что ихъ брали, а вотъ рабочій, кажись, свой братъ, а присмотришься къ нему поближе, глядишь, а онъ ученымъ духомъ зараженъ“... Когда одинъ товарищъ-рабочій началъ ему объяснять, почему его высылаютъ, именно за стачку, то унтеръ сразу перемѣнилъ свое мнѣніе о рабочемъ и началъ жаловаться на свое тяжелое положеніе въ деревнѣ, на то, какъ ихъ пронимаютъ земскіе начальники да помѣщики. Въ концѣ концовъ онъ призналъ, что рабочіе идутъ за „правое дѣло“. Послѣ этого во все время пути онъ съ большой симпатіей относился къ „политическимъ“, покупалъ на станціяхъ жел. дор. газеты, табакъ и другія запрещенныя инструкціей вещи. И когда сдавалъ насъ другому конвою, то очень трогательно прощался со всѣми нами, напутствуя насъ приблизительно слѣдующими словами: „помогай вамъ богъ въ вашей хорошей работѣ на пользу насъ, темныхъ людей!“. Вообще, нужно замѣтить, присутствіе рабочихъ-политическихъ въ нашей партіи настраивало конвойныхъ на оппозиціонный ладъ по отношенію къ правительству. Одинъ солдатъ, довольно смышленный парень, говорилъ мнѣ: „ловко, паря, что и нашъ братъ расшевелился!“. Такое явленіе, какъ стачка рабочихъ, было понятнѣе для солдата, чѣмъ, напримѣръ, „бунтъ студентовъ“.

По мѣрѣ роста рабочаго революціоннаго движенія фраза „рабочій бунтуетъ“ сдѣлалась крылатымъ словомъ. Во всѣхъ уголкахъ обширной Россіи время отъ времени вокругъ „рабочаго вопроса“, постоянно выплывавшаго наружу въ формѣ различныхъ забастовокъ, концентрировалось вниманіе русскаго обывателя, который постепенно пріучался разглядывать изъ за стачки политическіе и соціальные вопросы громадной важности и, смотря по своему соціальному положенію, или связывалъ съ начавшимся рабочимъ движеніемъ торжество своихъ крохотныхъ интересовъ, или же видѣлъ въ немъ „начало конца“ своему паразитическому существованію. Такъ незамѣтно, подъ вліяніемъ рабочаго движенія и параллельно его росту, росъ и формировался сознательно недовольный обыватель.

„Рабочій бунтуетъ“, все той же многозначительной фразой характеризовалъ мнѣ одинъ помѣщикъ Саратовской губерніи переживаемый нами моментъ. Это было въ началѣ осени 1900 г. Какъ разъ въ это время въ Саратовѣ разыгралась громадная стачка рабочихъ въ мастерскихъ Рязанско-Уральской жел. дор. „Знаете, батенька — обратился онъ ко мнѣ — теперь только объ этомъ у насъ здѣсь и толкуютъ. Ну и времячко же мы переживаемъ! Не успѣли еще отдохнуть отъ „нигилизма“ интеллигенціи 70 хъ годовъ, какъ на сцену выступилъ гораздо худшій видъ „нигилизма“ — рабочій. По моему правительство должно вмѣшаться въ экономическія отношенія предпринимателей и рабочихъ, принуждая первыхъ улучшать условія труда, потому что въ противномъ случаѣ стихійнымъ рабочимъ недовольствомъ могутъ воспользоваться разные агитаторы въ своихъ цѣляхъ. И это дѣло простого государственнаго разсчета. Нужно крамолу тушить въ самомъ началѣ, потому что она постепенно разольется по всей Руси и можетъ взбудоражить и деревню, а тогда и нашему сословію придется плохо. Вѣдь недовольства такъ много вездѣ накопилось. Вотъ въ Саратовѣ, напримѣръ, стачка, а уже пущены въ ходъ какія то прокламаціи, а это пахнетъ чортъ знаетъ чѣмъ“. Мой собесѣдникъ былъ очень крупный помѣщикъ и служилъ когда то предводителемъ дворянства, теперь же былъ земскимъ начальникомъ. Домъ его считался въ уѣздѣ очень интеллигентнымъ и служилъ центромъ, гдѣ собиралось почти все помѣстное дворянство. Здѣсь мнѣ приходилось встрѣчаться и съ предводителями дворянства, и съ акцизными чиновниками, и просто съ помѣщиками.

За мое почти пятилѣтнее отсутствіе изъ описываемой мѣстности, встрѣчи съ представителями „благороднаго сословія“ поразили той перемѣной, которая произошла въ рѣчахъ ихъ, взглядахъ, и настроеніяхъ. Прежде всего вмѣсто обычныхъ въ помѣщичьей гостинной разговоровъ о хозяйствѣ и, въ крайнемъ случаѣ, о внѣшней политикѣ, я впервые могъ наблюдать, что темой безконечныхъ разговоровъ служила „внутренняя политика“, вопросы о настроеніи русской деревни, о необходимости „ежевыхъ рукавицъ“ для мужика, посредствомъ укрѣпленія помѣстной власти, наконецъ, разговоры все чаще и чаще вращались на вопросѣ о смутахъ въ городѣ и о причинахъ ихъ, причемъ характерно отмѣтить, что ростъ строптивости въ деревнѣ косвеннымъ и прямымъ образомъ связывался съ рабочими волненіями въ городахъ.

Послѣднее обстоятельство, дѣйствительно, вскорѣ было доказано на фактахъ. Послѣ забастовки въ Саратовѣ было выслано нѣсколько рабочихъ на родину. Всѣ они нанялись на работы къ мѣстнымъ помѣщикамъ, и не прошло и мѣсяца послѣ этого, какъ начались въ этихъ экономіяхъ различныя „недоразумѣнія“ между помѣщиками и работниками. Такъ, по сосѣдству съ той экономіей, гдѣ я былъ на урокѣ, зимой, кажется въ декабрѣ, 300 рабочихъ графа Шереметьева, недовольные обращеніемъ съ ними и скверной пищей, отказались выйти на работы. Это такъ взволновало весь мѣстный помѣщичій мірокъ, что многіе помѣщики стали готовиться къ „бунтамъ“. Мой помѣщикъ потерялъ, буквально, сонъ и аппетитъ и все время бредилъ „бунтомъ“. „Вотъ, видите, говоритъ онъ мнѣ, я же вамъ говорилъ, что въ бунтахъ виноваты городскіе рабочіе, а не мужики. Не было рабочихъ, и было у насъ тихо и патріархально, а какъ только ихъ духомъ здѣсь запахло, бунтъ готовъ“. Кромѣ имѣнія Шереметьева въ зиму 1900-1901 г. почти на всѣхъ экономіяхъ нашего уѣзда происходили столкновенія рабочихъ съ помѣщиками. А въ деревняхъ крестьяне начали поговаривать о томъ, что на весну они „прогонятъ“ „съ вилами“ своихъ помѣщиковъ, и землю ихъ возьмутъ и раздѣлятъ между собою. Въ одномъ имѣніи, къ рабочему, высланному за стачку изъ Саратова и работавшему въ экономіи, „нагрянули“ жандармы и увезли его въ Саратовъ, найдя у него нѣсколько брошюръ. Это еще больше испугало мѣстныхъ обывателей-помѣщиковъ, которые во всемъ видѣли „тревожные признаки“ времени.

Слухи о стачкахъ въ другихъ городахъ Россіи, шедшіе отчасти изъ легальныхъ газетъ, отчасти отъ студентовъ, сыновей мѣстныхъ землевладѣльцевъ, еще больше будоражили мысль помѣщика, не видѣвшаго ничего утѣшительнаго для своего спокойнаго и сытаго существованія въ ростущемъ недовольствѣ окружающаго его крестьянства. Не было, конечно, въ нашемъ уѣздѣ ни одного помѣщичьяго „дворянскаго гнѣзда“, гдѣ бы событія послѣднихъ дней не обсуждались съ той или иной стороны. Среди помѣщиковъ нашего уѣзда были люди и съ „либеральнымъ“ прошлымъ, но они подъ вліяніемъ слуховъ и толковъ старались плыть по общему помѣщичьему теченію, пряча въ карманъ свои „идеи“. „Карманные интересы“ брали у нихъ верхъ надъ всѣмъ, и для защиты ихъ они часто въ разговорахъ требовали болѣе прочнаго порядка, чѣмъ тотъ, какой у насъ существуетъ. Они говорили о томъ, что необходимъ такой правовой строй, чтобы часть правъ была передана отъ бюрократіи имъ. Это были большею частью земцы, которые теперь, подъ вліяніемъ ростущаго рабочаго движенія, не одѣвали своихъ сословныхъ требованій въ мундиръ „народныхъ интересовъ“, а открыто заявляли, что „бунтовщиковъ“ они „успокоятъ“, какъ только получатъ въ свои руки власть. Что же касается другой части помѣщиковъ, съ которыми мнѣ пришлось здѣсь столкнуться, то они представляли собой реакціонную — въ духѣ „Гражданина“ — массу, видѣли отъ всѣхъ „золъ“ послѣдняго времени спасеніе только въ „розгѣ и кнутѣ“ и винили даже правительство въ томъ, что оно якобы распустило „рабочихъ бунтовщиковъ“.

Мнѣ пришлось наблюдать здѣсь, какъ незамѣтно проникаетъ во всѣ поры деревенской жизни и какъ дѣйствуетъ на представителей самыхъ разнообразныхъ группъ деревенскаго населенія тотъ духъ рабочаго протеста, который въ многочисленныхъ стачкахъ и забастовкахъ разлился по большимъ городамъ. Крестьяне, съ которыми мнѣ пришлось сталкиваться въ описываемой мѣстности, вполнѣ сочувственно относилось къ стачкамъ и даже, глядя на свое рабское житье, начали задумываться, какъ бы тоже начать добиваться лучшихъ условій труда и жизни. Многіе изъ нихъ побывали въ городахъ на заработкахъ, слыхали отъ рабочихъ, что существуютъ такія „книжки“, гдѣ „обо всемъ этомъ написано“, но не знали, гдѣ эти книжки можно достать. Чуялось въ воздухѣ тогда, что не за горами и то время, когда темный обитатель деревни разрѣшитъ свой вопросъ о мѣстѣ нахожденія книжки и вслѣдъ за рабочими пойдетъ добывать себѣ правъ.

А. Свѣтловъ.

удобнаго случая; во-вторыхъ, мы, какъ соціальдемократы, не должны отказываться отъ участія въ политической жизни страны, когда участіе становится для насъ возможнымъ. Разберемъ оба аргумента. Законъ о старостахъ такъ прозраченъ, правительство, издавшее его, настолько при этомъ оголилось, настолько раскрыло свои карты, что трудно не соблазниться мыслью использовать выборы въ цѣляхъ агитаціи. Никто не станетъ отрицать, что агитація на этой почвѣ будетъ имѣть большой успѣхъ. Но не слишкомъ ли дорогой цѣной будутъ купленъ этотъ успѣхъ? Съѣздъ рекомендуетъ принимать въ старосты надежныхъ представителей рабочихъ. Не значитъ ли это прямо передать ихъ въ руки жандармеріи? Съѣздъ приравниваетъ данный случай къ легализаціи рабочихъ союзовъ. То же дѣлаетъ авторъ статьи „Эра реформъ": „... мы посылаемъ на эти собранія сознательныхъ рабочихъ, которые учились сами и учили другихъ". Но еще никогда нигдѣ никто не рекомендовалъ сознательнымъ рабочимъ агитировать на этихъ собраніяхъ въ пользу выбора въ руководители „надежнаго" рабочаго, т. е. соціальдемократа. Скажутъ, что такая агитація была бы безполезной, что жандармерія никогда не утвердила бы соціальдемократа въ должности руководителя *ея* союза. Но вѣдь и на должность старосты сознательный рабочій никогда не попадетъ. Во-первыхъ, фабричная администрація имѣетъ слишкомъ много средствъ для того, чтобы провести своихъ людей; самое простое средство — это открытое или поименное голосованіе или даже голосованіе посредствомъ личнаго опроса рабочихъ (см., напр., кор. изъ Одессы въ № 54 „Искры"). Во-вторыхъ, если даже „надежный" рабочій будетъ выбранъ, то онъ никогда не будетъ утвержденъ. Примѣръ можетъ дать намъ Николаевъ, гдѣ изъ всѣхъ выбранныхъ старостъ были утверждены лишь тѣ, которые завоевали сердце фабричной администраціи. А если даже, вопреки двойной бдительности фабричной администраціи и полиціи, вопреки чернымъ спискамъ, въ старосты контрабанднымъ путемъ попадетъ сознательный рабочій или даже просто рабочій, радѣющій объ интересахъ своихъ товарищей, то послѣ перваго его проявленія, онъ будетъ смѣщенъ и замѣненъ другимъ. Проведеніе въ старосты надежнаго рабочаго будетъ имѣть только тотъ результатъ, что на его судьбѣ мы сумѣемъ иллюстрировать передъ рабочей массой весь предательскій смыслъ закона о старостахъ. Но такихъ иллюстрацій можно будетъ всегда найти въ достаточномъ количествѣ кругомъ, если даже мы не выдадимъ товарища своими руками въ руки жандармеріи. Не слѣдуетъ преувеличивать свои силы, не слѣдуетъ забывать, что, какъ бы широко ни развивалась наша агитація на выборахъ, будетъ не мало такихъ фабрикъ и заводовъ, которые окажутся внѣ сферы нашего вліянія, гдѣ, слѣдовательно, мы не въ состояніи будемъ оказывать какое-нибудь вліяніе на выборы. На такихъ фабрикахъ въ старосты попадутъ или ставленники фабричной администраціи — „агенты", — или средній безсознательный рабочій, и при первомъ столкновеніи интересовъ рабочихъ съ интересами фабриканта неминуемо произойдетъ конфликтъ или между старостой и рабочей массой, избравшей его, или между старостой и фабричной администраціей и полиціей, смотря потому, на чьей сторонѣ будетъ стоять староста. Въ томъ и въ другомъ случаѣ сокровенный смыслъ закона о старостахъ выйдетъ наружу, а роль правительства въ классовой борьбѣ станетъ вполнѣ ясной. Такихъ конфликтовъ между старостой съ одной стороны и одной изъ заинтересованныхъ сторонъ — съ другой, можно ожидать тѣмъ больше, что, по всей вѣроятности, фабричная администрація, отъ которой зависитъ, ввести ли старостъ или нѣтъ, прибѣгнетъ къ этому учрежденію лишь въ томъ случаѣ, когда между капиталистомъ и рабочими конфликтъ уже возникъ или ожидается со дня на день. Въ печать еще не проникли свѣдѣнія о томъ, гдѣ и какъ примѣненъ былъ законъ о старостахъ, и у насъ въ этомъ отношеніи еще мало опыта, но мы имѣемъ одинъ случай, доказывающій только что сказанное. Въ Николаевѣ рабочимъ было предложено выбирать старостъ еще раньше, чѣмъ законъ былъ опубликованъ въ окончательной формѣ, когда рабочіе объявили стачку (см. кор. изъ Николаева „Искра" № 50). Повторяю, всегда можно будетъ найти достаточно иллюстрацій, чтобы вести самую широкую агитацію противъ фальсификаціи правительствомъ нашего требованія представительства рабочихъ. Съ другой стороны тамъ, гдѣ намъ удалось бы склонить рабочую массу къ массовому отказу отъ выбора старостъ, агитація на этой почвѣ противъ правительства вообще имѣла бы не меньшій успѣхъ, чѣмъ агитація на почвѣ выбора того или иного старосты. Болѣе того, то революціонное сознаніе, которое мы внесли бы въ головы рабочей массы, благодаря агитаціи на почвѣ отказа отъ выборовъ, было бы полнѣе, оставило бы болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ если агитація будетъ вестись на почвѣ выборовъ. Рабочая масса не только стала бы сознательной, но и доказала бы на дѣлѣ свою сознательность соотвѣтствующими поступками.

Но намъ недостаточно вести агитацію противъ мѣропріятій правительства, намъ нужно бороться съ ними. Мы, конечно, не можемъ отказаться отъ исполненія всѣхъ ненавистныхъ намъ законовъ и этимъ выразить свой протестъ противъ современнаго строя, показать, что мы не признаемъ ни существующаго способа изданія законовъ, ни самихъ законовъ, но мы это часто дѣлаемъ въ интересахъ рабочаго движенія; всякій революціонный актъ есть или нарушеніе закона или неисполненіе его. Законъ о фабричныхъ старостахъ принадлежитъ именно къ числу тѣхъ законовъ, которымъ мы обязаны дать сильнѣйшій отпоръ, отрицать его цѣликомъ посредствомъ *демонстративнаго массового отказа* отъ проведенія его въ жизнь, а этимъ мы скоро отучимъ наше правительство отъ изданія впредь подобныхъ законовъ. Этимъ мы подошли ко второму аргументу въ пользу участія въ выборахъ. Авторъ статьи „Эра реформъ" говоритъ, что „отстраниться отъ активнаго участія въ современной политической дѣйствительности, какъ бы гнусна она ни была, тактика анархистовъ, а не соціальдемократовъ". Но если мы признаемъ необходимость участія соціальдемократіи въ политической жизни страны, то это еще не значитъ, что мы должны принимать участіе во всѣхъ актахъ современной политической дѣйствительности. Когда студенты въ отвѣтъ на новый законъ о студенческихъ корпораціяхъ отказались отъ выбора старостъ и протестовали противъ закона въ формѣ игнорированія его, то они встрѣтили сочувствіе со стороны всѣхъ соціальдемократовъ. Никто не предлагалъ студентамъ участвовать въ выборахъ въ цѣляхъ агитаціи, не предлагалъ потому, что рѣчь шла объ участіи не отдѣльныхъ студентовъ революціонеровъ, а всей студенческой массы. Неужели то, что здорово студентамъ — вредно рабочимъ? Резолюція съѣзда и авторъ статьи „Эра реформъ" ссылаются на легализацію союзовъ. Сошлемся на нихъ и мы. Легализація рабочихъ союзовъ есть тоже актъ современной политической дѣйствительности, и однако мы не рекомендовали рабочей массѣ (замѣтьте: *рабочей массѣ*, а не сознательнымъ рабочимъ) вступать въ эти союзы; наоборотъ, мы предостерегали массу отъ этихъ союзовъ, стараясь уничтожить ихъ совсѣмъ; сознательныхъ рабочихъ мы посылаемъ на собранія этихъ союзовъ съ тѣмъ, чтобы эти рабочіе „учились и учили другихъ" — чего не слѣдуетъ дѣлать, т. е. чтобы отвлечь массу отъ этихъ союзовъ и такимъ образомъ положить конецъ заигрыванію правительства съ рабочими. Наша дѣятельность по отношенію къ зубатовщинѣ была двоякая: ту часть рабочей массы, которая находилась подъ нашимъ вліяніемъ, мы предостерегали отъ легальныхъ союзовъ; къ той части же, которая находилась внѣ нашего вліянія и, поддавшись вліянію „агентовъ", стала „независимой", мы ходили на ея собранія и разъясняли ей значеніе легальныхъ союзовъ. Не то же ли самое мы должны дѣлать въ нашемъ случаѣ? Препятствовать проведенію въ жизнь закона о старостахъ во всей Россіи мы, конечно, не можемъ, но во многихъ мѣстахъ мы это въ состояніи сдѣлать, и наша тактика должна, поэтому, быть различной въ различныхъ мѣстахъ сообразно условіямъ. Тамъ, гдѣ наше вліяніе на массу незначительно, гдѣ заранѣе извѣстно, что организовать массовой отказъ отъ выбора старостъ намъ не удастся, мы должны участвовать вмѣстѣ съ массой въ выборахъ, чтобы показать ей всю негодность рабочаго представительства при самодержавіи, чтобы указывать ей, чего не слѣдуетъ дѣлать, т. е. не выбирать кандидатовъ, угодныхъ правительству и фабричной администраціи. Если эта агитація будетъ имѣть успѣхъ, то современемъ рабочіе сами откажутся отъ выборовъ, такъ какъ провести „надежнаго" человѣка имъ не удастся. Тамъ же, гдѣ мы пользуемся вліяніемъ на массу, мы должны предостерегать рабочихъ отъ участія въ выборахъ легальныхъ представителей, чтобы посредствомъ массового отказа выразить свой протестъ противъ закона. Это предостереженіе въ данномъ случаѣ еще болѣе умѣстно, чѣмъ въ случаѣ съ легальными союзами. Если въ послѣднемъ случаѣ правительство хотѣло развратить рабочихъ и выудить наиболѣе сознательныхъ, то въ случаѣ со старостами намѣренія правительства идутъ дальше. Правительство хочетъ учредить, какъ мѣтко выразился авторъ статьи „Эра реформъ", фабричныхъ дворниковъ, чтобы ни одинъ рабочій не ускользнулъ отъ надзора. Для этого оно хочетъ раздѣлить рабочихъ на небольшія группы (въ Одессѣ, напр., рабочихъ раздѣлили на „разряды" по 12-15 человѣкъ въ каждомъ. См. упомянутую коррес.), поставить во главѣ каждой своего „надежнаго" человѣка, который будетъ слѣдить за поведеніемъ каждаго подчиненнаго. Такую слѣжку очень легко установить, такъ какъ каждый рабочій со всѣми своими требованіями къ фабричной администраціи, со всякимъ своимъ недовольствомъ долженъ будетъ обращаться къ старостѣ, благодаря чему старостѣ будетъ очень легко знать степень сознательности каждаго рабочаго. Вспомните, хотя бы циркуляръ харьковскаго губернатора, появившійся въ русской печати одновременно съ закономъ о старостахъ и предписывавшій всѣмъ владѣльцамъ и управляющимъ фабрикъ, всѣмъ мастерамъ и *артельнымъ старостамъ* слѣдить за тѣмъ, чтобы въ среду рабочихъ не проникли нелегальныя изданія и тлетворныя ученія[1]). Должны ли мы рекомендовать рабочимъ принимать участіе въ выборахъ шпіоновъ? Нѣтъ, массовой демонстративный отказъ — не отъ участія въ такихъ выборахъ, которые во всякомъ случаѣ состоятся, а — отъ выбора старостъ — вотъ каковъ долженъ быть нашъ отвѣтъ на этотъ лицемѣрный законъ. Само собой разумѣется, что для того, чтобы такой отказъ имѣлъ силу и значеніе протеста, онъ долженъ быть массовымъ, охватить *цѣлыя* фабрики во многихъ городахъ. Можно ли надѣяться на это? Я утверждаю, что да. Я утверждаю, что, по крайней мѣрѣ, на югѣ Россіи, въ Одессѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, Николаевѣ, во многихъ городахъ Донецкаго бассейна и Кавказа можно будетъ организовать такой демонстративный отказъ. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ почти вся рабочая масса читаетъ нелегальныя изданія, прислушивается къ голосу агитаторовъ, гдѣ комитеты пользуются большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, въ этихъ мѣстахъ нетрудно будетъ доказать массѣ, что никакихъ выгодъ учрежденіе старостъ ей не дастъ, что весь законъ есть простой обманъ и имѣетъ цѣлью развратить рабочихъ и отвратить ихъ отъ революціоннаго движенія. А понявши это, масса съ отвращеніемъ отвернется отъ скверной и опасной игры въ рабочее представительства.

Повторяю, практически занимающій насъ вопросъ уже рѣшенъ съѣздомъ, а резолюцію съѣзда можетъ отмѣнить только другой съѣздъ. Но это обстоятельство не лишаетъ насъ права продолжать теоретическую разработку вопроса и приходить къ заключенію, противорѣчащему резолюціи съѣзда. Такая разработка не безполезна будетъ въ виду могущихъ возникнуть въ будущемъ аналогичныхъ тактическихъ вопросовъ. **Н. В.**

---

[1] Харьковскій губернаторъ получилъ, должно быть, наставленіе, что не всегда слѣдуетъ раскрывать смыслъ закона, такъ какъ впослѣдствіи онъ особымъ постановленіемъ замѣнилъ этотъ § другимъ, въ которомъ слова „артельные старосты" выпущены.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Духовная связь между арміей и обществомъ".

На разсмотрѣніи военнаго совѣта находится проектъ „положенія о продовольственныхъ комитетахъ". Дѣло идетъ, собственно, объ организаціи интендантскаго дѣла на широкихъ началахъ, о закупкѣ провіанта и фуража для арміи, „какъ въ мирное, такъ и военное время", а для военнаго времени не только о закупкѣ, но и *конфискаціи* („производство въ періодъ мобилизаціи и военныхъ дѣйствій *отчужденія* грузовъ, находящихся въ движеніи по желѣзнымъ дорогамъ и на складахъ въ различныхъ пунктахъ имперіи"); о всѣхъ связанныхъ съ продовольствіемъ арміи промышленныхъ, коммерческихъ и транспортныхъ предпріятіяхъ.

Въ наши дни, когда самодержавіе, что называется „плюнуть не можетъ" безъ содѣйствія „общества", естественно, что обычное дѣло организаціи „кухни", въ которой будутъ стряпаться „міровыя событія", ставится на началахъ „взаимодѣйствія правительства и общества". Организуемые по проекту областные и мѣстные комитеты продовольствія предполагается составлять, наряду съ чиновниками отъ разныхъ вѣдомствъ, изъ представителей дворянства, земства, думъ и биржевыхъ комитетовъ. Газета „Русскій Листокъ" скачетъ и играетъ по этому поводу: „Поручивъ работу о довольствіи арміи мѣстнымъ комитетамъ, законодатель установитъ живую, духовную связь между арміей и обществомъ, что, конечно, не замедлитъ отозваться самымъ благотворнымъ образомъ на настроеніи различныхъ слоевъ нашего народа. Приблизившись къ арміи, наше общество узнаетъ ее, а, узнавъ, научится ее любить и цѣнить".

„Не иначе, какъ большой грабежъ, значится, пойдетъ по всей Рассеѣ-матушкѣ", скажетъ себѣ, читая эти строки, какой нибудь скептикъ-купецъ, хорошо знающій, какая „живая связь" издавна существовала между имущимъ „обществомъ" и казнокрадами интендантства. Мѣстные и областные комитеты, внѣ сомнѣнія, будутъ ареной грязныхъ дѣлишекъ по части изготовленія гнилыхъ сухарей, картонныхъ подошвъ и фальшивыхъ счетовъ — свалочнымъ мѣстомъ для всѣхъ вещественныхъ отбросовъ отечественной промышленности и для всѣхъ отбросовъ личнаго состава казенныхъ и общественныхъ учрежденій. Особенно „пользительны" будутъ эти комитеты для благороднаго дворянства, которое не преминетъ воспользоваться своимъ „представительствомъ" въ оныхъ для огражденія своихъ интересовъ при закупкѣ хлѣба. (Само собой разумѣется, что отъ крестьянъ въ комитетахъ не предполагается никакихъ представителей). Не мало сулятъ эти комитеты и выгодныхъ дѣлъ для россійской адвокатуры — вѣдь, каждая блестящая военная кампанія у насъ всегда оставляла слѣдъ въ видѣ такъ называемыхъ „интендантскихъ процессовъ". Однимъ словомъ, предстоитъ большое „перемѣщеніе народныхъ сбереженій". „Представители общества", нагрѣвающіе свои руки около народнаго бѣдствія — войны и страданій русскаго солдата, конечно, свяжутъ себя и свое „общество" съ дѣломъ войны и арміи" самой „живой" связью — связью пособничества и попустительства. На основѣ этой, очень матеріальной связи создастся, разумѣется, и соотвѣтственная „духовная" связь, и „громъ побѣды раздавайся!" будетъ пѣть эта реакціонная банда.

Кое что изъ подвиговъ Екатеринославской полиціи. Сообщаемые ниже факты относятся къ настоящему и къ совсѣмъ еще недавнему прошлому и касаются, главнымъ образомъ, поведенія полиціи въ *мирное* время по отношенію къ *мирному* обывателю. Читатель уже самъ сообразитъ, что творится „на войнѣ"!

Во время маленькой едва замѣтной демонстраціи пятаго мая 1902 года полиціймейстеръ М шевскій, разъѣзжая по улицѣ въ коляскѣ, неистово кричалъ: „долой жидовъ"! Изъ толпы выхватили 11 евреевъ и одного русскаго. Все это были подростки. Ихъ привели въ полицію и раздѣлили на двѣ части, отдѣливъ въ то же время „козлищъ" отъ „овецъ". Къ послѣднимъ черезъ нѣсколько часовъ явился полиціймейстеръ и, стараясь быть съ нимъ, какъ можно вѣжливѣе, сказалъ имъ буквально слѣдующее: „Видите, господа, мы васъ совершенно не знаемъ. Вы, можетъ быть, случайно оказались въ толпѣ, а, можетъ быть, даже и въ толпѣ не были, а просто въ это время проходили по улицѣ. Держать васъ въ тюрьмѣ было бы жестоко, поэтому, мы васъ высѣчемъ и отпустимъ домой". Ихъ тотчасъ же вывели во дворъ и въ присутствіи губернатора, полиціймейстера, пристава третьей части и городового врача Яворскаго высѣкли. Остальные шесть человѣкъ, относительно которыхъ полиція предполагала, что они принимали активное участіе въ демонстраціи, были переданы суду сословныхъ представителей.

Черезъ короткое время послѣ разсказаннаго нами случая въ Екатеринославѣ произошло нѣсколько стачекъ въ мелкихъ мастерскихъ. Хозяева обратились съ жалобой къ полиціи. Стачечниковъ вызвали въ третью часть и тамъ ихъ избили, послѣ этого туда же пригласили хозяевъ и также избили, — и этимъ дѣло было покончено.

Приблизительно въ это же время изъ Екатеринославской тюрьмы былъ освобожденъ, подъ особый надзоръ полиціи, политическій, рабочій. Полиціймейстеръ велѣлъ ему явиться на другой день за полученіемъ проходного свидѣтельства. Рабочій почему-то во время не явился. Тогда зовутъ въ участокъ „на нѣсколько минутъ" его мать и тамъ ее арестовываютъ. На вторыя сутки послѣ этого въ этотъ же участокъ является сынъ. Не успѣлъ онъ произнести свою фамилію, какъ помощникъ пристава, со всего размаху, начинаетъ его бить кулакомъ по лицу. Ошеломленный рабочій хочетъ бѣжать, но тутъ на него набрасываются городовые, и удары сыплются со всѣхъ сторонъ. Онъ бросается къ окну и начинаетъ кричать о помощи. На Александровской улицѣ, и безъ того многолюдной, передъ зданіемъ участка собирается огромная толпа. Полиція, между тѣмъ, дѣлаетъ свое дѣло. Она вытаскиваетъ свою жертву на дворъ и бьетъ ее безпощадно. Старуха мать за рѣшеткой кордегардіи видитъ, какъ истязаютъ ея сына; отецъ и братъ, бывшіе въ это время въ толпѣ (участокъ находится рядомъ съ ихъ квартирой), машинально бросаются къ нему на помощь, но ихъ избиваютъ; сестренка, видя своего брата окровавленнымъ, въ отчаяніи бросается за докторомъ. Врачъ является въ участокъ; полиція его пропускаетъ; онъ подаетъ избитому первую медицинскую помощь и удаляется. Затѣмъ городовые выносятъ на рукахъ рабочаго на улицу. Лицо его мертвенно-блѣдно, голова безпомощно склонилась на бокъ; на бѣлой ситцевой косовороткѣ — огромное пятно крови. Его кладутъ на извозчика и отправляютъ въ тюрьму, откуда чрезъ нѣсколько дней уже по этапу отправляютъ его на „родину". Мать послѣ этого освобождаютъ. Всѣ жалобы прокурору и т. д. остаются, разумѣется, безъ послѣдствій.

Нахожденіе участка на Александровской улицѣ, куда онъ недавно былъ перемѣщенъ, вызываетъ въ жителяхъ одновременно трепетъ и негодованіе; его сосѣдство распространяетъ паническій ужасъ. Въ толпѣ, присутствовавшей при избіеніи рабочаго, разсказываютъ, что наканунѣ въ этомъ же участкѣ избили или даже убили какого то студента. Не хочется вѣрить. Думаешь, что это не болѣе, какъ обывательскія сплетни, плодъ напуганнаго воображенія. Но оказывается, что нѣчто подобное, дѣйствительно, было. На углу Казанской и Казачьей стоялъ на посту городовой. Онъ былъ пьянъ и ругательски ругалъ прохожихъ, а нѣкоторыхъ и поколачивалъ. Проходившій въ это время мимо него студентъ потребовалъ отъ городового предъявленія бляхи, чтобы знать ея номеръ для принесенія жалобы. Въ отвѣтъ на это городовой, сорвавъ съ своей головы фуражку, ткнулъ ее козырькомъ въ глазъ студенту. — „Вотъ тебѣ номеръ!". — Студентъ раскричался и сталъ требовать, чтобы городовой пошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ полицію. Тогда городовой далъ свистокъ, прибѣжали двое ночныхъ сторожей (дѣло было вечеромъ), схватили студента за шиворотъ и потащили его въ участокъ, награждая его по дорогѣ тумаками въ спину. Видѣвшій всю эту сцену рабочій потребовалъ отъ городового, чтобы онъ студента не билъ; вѣдь онъ самъ-де проситъ, чтобы съ нимъ пошли въ участокъ. „Ахъ, ты жидъ! За своихъ заступаешься!" и при этихъ словахъ городовой ударяетъ рабочаго со всего размаху шашкой по головѣ. Образовалась значительная рана; кровь хлынула ручьемъ. Растерявшійся отъ боли рабочій бросается искать доктора, но не можетъ его найти, тогда онъ догоняетъ городового и всѣ вмѣстѣ идутъ въ полицію. Туда, кромѣ нихъ, больше никого не впускаютъ. У рабочаго лицо и весь костюмъ въ крови. Послѣ настоятельныхъ требованій ему подаютъ воды для мытья. Дежурный околоточный его узнаетъ; рабочій оказывается политическимъ поднадзорнымъ. „Ага! изъ компаніи: Долой самодержавіе!" слѣдуетъ по его адресу возгласъ околоточнего. — „Вы что съ жидами якшаетесь?" (студентъ былъ еврей, рабочій — русскій). „Вы думаете, что вы въ самомъ дѣлѣ что нибудь выиграете... Министромъ васъ сдѣлаютъ?" — продолжаетъ ораторствовать околоточный. „Если даже будетъ перемѣна, то жиды все въ свои руки заберутъ, а намъ съ вами кукишъ покажутъ!". У рабочаго, между тѣмъ, изъ раны опять начинаетъ сочиться кровь. „Дайте доктора", проситъ онъ. Тогда двое городовыхъ съ обнаженными шашками, по приказу околоточнаго, отводятъ его въ больницу. Фельдшеръ дѣлаетъ ему перевязку и затѣмъ въ томъ же порядкѣ городовые съ обнаженными шашками приводятъ его обратно въ участокъ, гдѣ ему велятъ идти домой. Студента, между тѣмъ, обыскиваютъ. У него въ карманѣ находятъ шесть копѣекъ, — ничего больше. — „Кто такой?" — спрашиваетъ околоточный. — „Сынъ купца первой гильдіи". — „Чѣмъ отецъ занимается?" — „Банкиръ". — Наступаетъ молчаніе. Вдругъ околоточный неистово срывается съ мѣста: „Ты, прохвостъ, сынъ банкира, а въ карманѣ у тебя только шесть копѣекъ!... Арестовать его!" Студентъ арестованъ и помѣщенъ въ одну камеру вмѣстѣ съ какими то двумя уголовными. Черезъ нѣсколько минутъ его зачѣмъ то вызываютъ въ корридоръ. Тутъ его хватаютъ человѣкъ пять-шесть городовыхъ, бросаютъ на полъ и начинаютъ топтать его ногами, бить ножнами отъ шашекъ, кулаками; бьютъ по всему тѣлу, безъ разбора. Затѣмъ его вталкиваютъ въ камеру. Спустя полчаса, туда опять являются городовые, стаскиваютъ его съ наръ, выводятъ въ корридоръ и опять повторяется та же сцена; бьютъ смертнымъ боемъ. Еле живого его послѣ этого бросаютъ на нары. Спустя опять полчаса, открывается дверь. На порогѣ появляются околоточный и письмоводитель. Они начинаютъ издѣваться надъ арестованнымъ, потомъ за шиворотъ вытаскиваютъ его изъ камеры, по дорогѣ даютъ ему нѣсколько тумаковъ, подводятъ его къ крану и здѣсь заставляютъ его умыть лицо. Кто-то изъ знакомыхъ почти черезъ сутки узнаетъ объ его арестѣ; жалуются помошнику полиціймейстера и послѣ энергичныхъ требованій со стороны послѣдняго приставъ рѣшается освободить арестованнаго. При освобожденіи составляется протоколъ, гдѣ приставъ, между прочимъ, пишетъ, что студентъ такой-то задержанъ потому, что онъ Г., а также и рабочій (имя рекъ) намѣревались на Казанской улицѣ драться между собой на дуэли. Для приличія требуется имѣть хоть какой нибудь „законный" поводъ къ задержанію; за полнымъ отсутствіемъ таковаго, приставъ придумываетъ явную нелѣпость. Студентъ и рабочій подаютъ, каждый въ отдѣльности, жалобы прокурору, гдѣ всякими доводами отъ разума и отъ писанія доказываютъ, что чины полиціи совершили по отношенію къ нимъ цѣлый рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ цѣлымъ рядомъ статей Улож. о Наказ. Къ прошеніямъ прилагаются медицинскія свидѣтельства; ссылаются и на свидѣтелей. Дѣло происходитъ въ іюлѣ 1902 года. Въ январѣ 1903 года студентъ, будучи уже въ Кіевѣ, получаетъ повѣстку, гдѣ его вызываютъ въ Екатеринославъ въ камеру городскаго судьи, въ качествѣ обвиняемаго по тремъ статьямъ Устава: въ нарушеніи общественной тишины, въ нанесеніи побоевъ городовому и еще въ чемъ-то. Таковъ финалъ всей этой исторіи.

Осенью того же года въ канцеляріи все той же третьей части разыгралась другая исторія. Одинъ изъ поднадзорныхъ служащій въ желѣзнодорожномъ управленіи, человѣкъ уже с лиднаго возраста, былъ почему-то вызванъ въ участокъ. Он немедленно туда отправляется. Не заставъ пристава и не зная, зачѣмъ его зовутъ, онъ передаетъ дежурному околоточному, что онъ отсюда пойдетъ въ театръ и что тамъ его можно застать. Околоточный ничего не возражаетъ. На другой день чуть свѣтъ, его требуютъ къ приставу. Какъ только онъ вошелъ, приставъ срывается съ мѣста: „Ты, сволочь, заставляешь меня двадцать разъ тебя звать! Гдѣ ты, скотина, мерзавецъ, шляешься? Я тебѣ всю морду побью! Дай, болванъ, подписку, что будешь ежедневно являться въ участокъ.“ Оглушенный и ошеломленный такимъ неожиданнымъ пріемомъ, служащій стремглавъ выбѣгаетъ на улицу, бѣжитъ, куда глаза глядятъ, наконецъ попадаетъ къ вице-губернатору и разсказываетъ все дѣло. Вице-губернаторъ пожимаетъ плечами. „Согласитесь“, говоритъ онъ ему: „вы поднадзорный и ищете у насъ защиты“... „Но я, вѣдь, не объявленъ внѣ закона“, пробуетъ ему тотъ возразить. „Но вѣдь вы поднадзорный. Поймите это“, опять отвѣчаетъ вице-губернаторъ и совѣтуетъ ему перемѣнить квартиру — переѣхать въ районъ другого участка. Поднадзорный поступаетъ, согласно этому совѣту.

Лѣтомъ 1903 года какой то господинъ, гуляя въ городскомъ саду и заговорившись съ своимъ пріятелемъ, забылъ снять фуражку, когда оркестръ игралъ „Боже царя храни“. Приставъ ему это замѣтилъ, и тотъ немедленно снялъ шапку. На другой день господина требуютъ къ полиціймейстеру. Наградивъ пришедшаго отборной руганью, полиціймейстеръ объявляетъ ему, чтобы втеченіи семи сутокъ онъ оставилъ Екатеринославъ. И дѣйствительно, черезъ недѣлю приставъ отъ имени полиціймейстера напоминаетъ „провинившемуся“, что данный ему срокъ уже истекъ и чтобы онъ немедленно выѣхалъ. — Ангеломъ хранителемъ является жандармскій полковникъ, который въ поступкѣ полиціймейстера усматриваетъ вторженіе въ чужое вѣдомство, и господинъ остается жить въ Екатеринославѣ.

Наконецъ, еще совсѣмъ недавно, въ среднихъ числахъ августа имѣла мѣсто слѣдующая исторія. — Одинъ сіонистъ купилъ себѣ домъ. По этому случаю онъ пригласилъ вечеромъ гостей, человѣкъ 15-20. Только что гости расположились пить чай, какъ въ комнату ворвалось нѣсколько десятковъ полицейскихъ, кажется, съ приставомъ во главѣ. Самоваръ, скатерть, стаканы летятъ на полъ. Гостей вмѣстѣ съ хозяевами и со всей ихъ семьей выгоняютъ на улицу, и тутъ начинается страшное избіеніе. Воздухъ оглашается воплями, плачемъ и стонами избиваемыхъ. Ихъ загоняютъ въ участокъ, и здѣсь ужь полиція начинаетъ дѣйствовать во всю. Арестованныхъ гонятъ изъ одной комнаты въ другую и хлещутъ нагайками. На улицѣ всѣ двери и окна моментально закрываются; каждый спѣшитъ укрыться въ комнату; женщины падаютъ въ обморокъ; идущіе домой, боясь проходить мимо участка, стоятъ въ нерѣшительности или возвращаются обратно. Сіонистовъ, наконецъ, подъ сильнымъ конвоемъ отправляютъ въ тюрьму. Черезъ нѣсколько дней часть освобождаютъ, а иногороднихъ полиція рѣшаетъ отправить на „родину“, которой большая часть изъ нихъ никогда и въ глаза не видала. Послѣ долгихъ просьбъ, мольбы и униженій со стороны родныхъ и знакомыхъ это рѣшеніе отмѣняется. Освобожденныхъ изъ тюрьмы приводятъ къ полиціймейстеру. Одному изъ нихъ — молодому человѣку лѣтъ 20 — въ присутствіи его родителей, полиціймейстеръ, отечески-ласково похлопывая его по плечу, говоритъ: „А тебя, голубчикъ, слѣдуетъ высѣчь“... и тутъ же городовой вноситъ въ комнату пучекъ розгъ. „Ложись! ну ложись! ложись же!“ командуетъ полиціймейстеръ. „За что же вы меня, ваше высокоблагородіе, хотите сѣчь?„ спрашиваетъ сіонистъ. „Для твоей же пользы, дуракъ!“ отвѣчаетъ полиціймейстеръ. „Твои родители пользуются почетомъ въ еврейскомъ обществѣ, а ты ихъ позоришь; по тюрьмамъ валяешься“. Молодой человѣкъ, однако, отказывается исполнить требованіе полиціймейстера. Но послѣдній настаиваетъ на своемъ и не унимается до тѣхъ поръ, покуда, по его настоянію, отецъ не даетъ сыну нѣсколько ударовъ розгами по спинѣ.

Послѣ всего этого можно себѣ представить, до какихъ чудовищныхъ и нелѣпыхъ жестокостей доходила полиція во время всеобщей забастовки. Очень характеренъ распространившійся по городу слухъ, будто полиція, застигнувъ на Чечелевкѣ рабочихъ, возвратившихся съ собранія, загнала ихъ при помощи казаковъ въ какой то строющійся домъ и тамъ ихъ сбрасывали съ оконъ второго этажа на мостовую. Этого на самомъ дѣлѣ не было, но рабочихъ дѣйствительно, загнали въ подвалъ строившагося дома и тамъ ихъ продержали, кажется, двое сутокъ, послѣ чего ихъ распредѣлили по тюрьмамъ и участкамъ. Но предварительно къ нимъ въ подвалѣ явился полиціймейстеръ. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ закричалъ онъ, и городовые и казаки стали хлестать нагайками. Когда послѣ выстрѣловъ умиравшіе, сгорая отъ жажды, въ предсмертныхъ мукахъ просили дать имъ напиться, полиція въ отвѣтъ на это надъ ними только подтрунивала. „Собакѣ собачья смерть!“ отвѣчали имъ околоточные. Тогда женщины, ставъ на колѣни, начали умолять полицію, чтобы имъ позволили дать глотокъ воды умиравшимъ, но женщинъ избили нагайками и прогнали.

Въ арестантскихъ ротахъ на стачечниковъ, за смотрѣніе въ окно, надѣли смирительныя рубахи и въ такомъ положеніи продержали ихъ шесть часовъ сряду. Кричавшимъ закрывали ротъ мокрой тряпкой. Когда наказанные, отъ боли и отъ душившей ихъ злобы и ярости, стали биться головой о полъ, то имъ веревками привязывали голову къ нарамъ...

Этимъ мы покуда ограничимся. Сообщенные факты представляютъ собою только нѣсколько капель въ цѣломъ морѣ произвола, свирѣпости, наглости и жестокости царскихъ слугъ.

Ярославль. Въ декабрѣ за Котраслью взята типографія Сѣвернаго Комитета, при ней четыре человѣка. Захвачено три тысячи экземпляровъ отпечатаннаго № 3 „Листка“. У хозяина дома — смотрителя кадетскаго корпуса — былъ обыскъ. По другимъ версіямъ онъ былъ арестованъ. Типографія просуществовала ½ года. По городу много разговоровъ объ этой побѣдѣ жандармовъ, доставшейся имъ совершенно случайно. Говорятъ, что взята она по доносу, или даже простой болтовнѣ обывателей, обратившихъ вниманіе на обитателей со страннымъ образомъ жизни. Говорятъ чуть ли не о попыткѣ вооруженнаго сопротивленія, о роскошныхъ машинахъ, о 30 пудахъ шрифта и пр. Правда здѣсь развѣ только послѣднее. За послѣдніе мѣсяцы Сѣвернымъ Комитетомъ отпечатано было въ своей типографіи и распространено болѣе 12 тысячъ экземпляровъ слѣдующихъ произведеній: 1) программа для собиранія свѣдѣній о бытѣ рабочихъ; 2) листокъ къ рабочимъ о южныхъ событіяхъ; 3) „Первый шагъ“, тоже къ сѣвернымъ рабочимъ о южныхъ стачкахъ. 4 и 5) листки бюллетеней № 1 и 2: сообщенія изъ района, письма съ фабрикъ и заводовъ (пользовались среди рабочихъ громаднымъ успѣхомъ). 6) „Къ учащимся“ (о демонстраціи по поводу самоубійства гимназиста въ Петербургѣ). Въ учебныхъ заведеніяхъ Ярославля по поводу послѣдняго листка (распространеннаго въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, гдѣ имѣли мѣсто событія, аналогичныя съ Петербургскимъ) начальство говорило рѣчи, вывѣшивало объявленія. Кромѣ того, въ разное время по району распространялись письма къ рабочимъ и о государственномъ устройствѣ (изданіе быв. рев. соц.-демократической организаціи „Воля“). За послѣднее время по району распространены въ большомъ количествѣ извѣщенія Ц. К. о съѣздѣ, рѣчь Гольдмана, брошюра Дикштейна „Кто чѣмъ живетъ“. Послѣ ареста типографіи Сѣв. Комитетомъ выпущено воззваніе „Ко всѣмъ“. Жандармы свирѣпствуютъ во всю, понаѣхали изъ Питера и Москвы, появились какіе то новые шпики, должно быть изъ разряда кочующихъ, спеціально для ловли нелегальныхъ. Безъ обыска или ареста не обходится ни одна недѣля. Въ концѣ ноября въ Иваново-Вознесенскѣ было арестовано отъ 12 до 18 чел. рабочихъ, большая часть вскорѣ выпущена.

Баку. Броженіе въ средѣ армянскихъ націоналистовъ, вызванное послѣдними мѣрами правительства, толкаетъ ихъ все дальше влѣво. Я уже писалъ вамъ объ этомъ. „Центральный Комитетъ Національной Самообороны“, боявшійся раньше даже призыва „долой самодержавіе“, въ послѣднемъ листкѣ объявляетъ непримиримую борьбу съ самодержавіемъ и требуетъ уже не „народнаго самоуправленія“, а Россійской Демократической Федеративной Республики. О соціализмѣ въ его листкахъ — ни слова, за то пріятно поражаетъ отсутствіе какого бы то ни было національнаго шовинизма. „Отколовшіеся Дрошакисты“ еще дальше шагнули влѣво. Можно было думать, что по прикосновенности своей преимущественно къ слоямъ буржуазно-демократической интеллигенціи и по слабому знакомству своему съ идеями научнаго соціализма они, нуждаясь въ поддержкѣ армянскихъ рабочихъ массъ и толкаемые исторической необходимостью въ лагерь россійской революціи, заключатъ свободный „федеративный союзъ“ съ партіей соц.-революціонеровъ. Но, видно, невысокъ престижъ этой партіи у всѣхъ неослѣпленныхъ людей. Армянскіе революціонеры сочли ее, повидимому, слишкомъ слабой политической величиной, чтобы входить съ ней въ какую бы то ни было партійную связь. *Они предпочли организоваться въ особую Армянскую Соц.-Дем. Партію и предложили Бакинскому Комитету и Кавказскому Союзу перестроить связь съ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіей на федеративныхъ началахъ.* Они встрѣтили рѣшительный отпоръ и организуются теперь совершенно самостоятельно. На дняхъ они выпустили свой „манифестъ“. Основной ихъ принципъ, повидимому, тотъ, что „армянскій рабочій прежде всего армянинъ и затѣмъ уже — рабочій“. Въ средѣ армянскихъ рабочихъ, находящихся подъ вліяніемъ Бак. Комитета Росс. Соц.-Демократической Раб. Партіи, они встрѣчаютъ очень недружелюбный пріемъ, хотя къ нимъ и перебѣжала изъ комитета пара сомнительныхъ соціальдемократовъ. Мы надѣемся, что они найдутъ успѣхъ только среди армянской интеллигенціи и развѣ еще среди части армянскихъ рабочихъ — бывшихъ націоналистовъ. Громадной помѣхой соц.-демократическому движенію среди армянъ служитъ почти полное отсутствіе армянской соц.-демократической интеллигенціи. Надо было бы обратить вниманіе на заграничную армянскую молодежь.

Русскіе соц.-рев. пытаются дѣйствовать здѣсь, и выпустили уже (за подписью „Группы Соц.-рев.“) три листка, неважные по содержанію и скверные по техникѣ (мимеогр.). Пока они не имѣютъ сколько-нибудь замѣтнаго успѣха, хотя распространяютъ довольно много брошюрной литературы.

Изъ за рѣшетки. Изъ Луганской тюрьмы мы получили слѣдующее письмо: Товарищи! Пишемъ вамъ маленькое и коротенькое письмо. Простите, пишемъ наскоро, потому, что тюрьма наполнена солдатами и полиціей. Душевное напряженіе страшное и никогда еще гнетъ тюремной жизни не ложился съ такою тяжестью и не давилъ такъ, какъ теперь. Не далѣе, какъ вчера, стѣны наши наполнялись ужасами убійства: запахъ крови, стоны и проклятія — все это еще такъ живо встаетъ въ воображеніи. Волненіе еще не улеглось; оно еще бурлитъ и наполняетъ душу, и какое волненіе! Глубокое, глухое, сокрытое, какъ отдаленный шумъ моря! Въ немъ все: и сила страсти, и безсиліе воли; въ немъ жажда мести и сознаніе глубокой поруганности и униженія... Страшно!... Знавали-ли вы такіе моменты? Если нѣтъ, то тѣмъ лучше для васъ; если да, то тѣмъ скорѣе вы поймете то душевное состояніе, которое мы переживаемъ. Никогда еще ненавистное царское правительство не было такъ кровожадно, какъ въ нынѣшнемъ году. Начиная съ Баку и Златоуста и кончая Кишиневомъ, Гомелемъ и Екатеринославомъ, — повсюду, гдѣ только народъ подымался на защиту своихъ правъ, оно устраивало кровавыя бойни. Ни ужасъ убійства, ни потокъ крови, ни тысячи замученныхъ жертвъ — ничто не шевелитъ уснувшей совѣсти тирановъ; но пусть она дремлетъ, а мы будемъ готовить злодѣямъ справедливое мщеніе... И наша тюрьма была обагрена кровью. Четвертаго ноября арестантовъ приказано было забивать на „забой“. Однако ни мы, ни уголовные не хотѣли подчиниться произволу новаго начальника. Но жестокій холопъ самодержавія былъ неумолимъ. Въ толпу безоружныхъ и беззащитныхъ арестантовъ приказано было стрѣлять. Всего было дано около 20 выстрѣловъ. Убитъ одинъ уголовный, Эрастъ Позняковъ, тремя пулями навылетъ. Убійца, начальникъ тюрьмы приставъ Сошальскій продолжаетъ неистовствовать. Арестантовъ разогнали по одиночкамъ и забили на забой. У насъ отняли общія прогулки, общія столовыя и житье по-двое. Но земля все же вертится, и да будетъ проклято самодержавіе! А пока прощайте. Всѣмъ вамъ нашъ горячій привѣтъ. Будьте бодры и, какъ мы, свято вѣрьте, что борьба за жизнь и за лучшее будущее, хотя послѣ тяжелыхъ потерь и безчисленныхъ жертвъ, но все же увѣнчается побѣдой! Пусть эти жертвы не страшатъ васъ, если-бы даже и вамъ пришлось лечь въ ряду другихъ борцовъ! Умирать за то, что признаешь святымъ и во что вѣришь, такъ хорошо и прекрасно! Но, повторяемъ, будьте бодры и свято вѣрьте въ жизнь и ея обновленіе. Свобода! дивная, прекрасная, полная радости и святого счастья, съ лучезарной улыбкой любви и братства, она уже шествуетъ, и мы чувствуемъ ея приближеніе... Одна мысль о ней, одна возможность ея наполняетъ наши души огнемъ воодушевленія, сердца — мужествомъ и отвагой. Черпайте же въ грядущемъ вашу вѣру и силу и знайте, что, каково бы оно ни было, но оно — наше, оно будетъ принадлежать намъ! Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія!

Ваши товарищи. (Слѣдуютъ подписи.)

Митава. Еще не утихли разговоры по поводу обыска у акушерки Калпынь (28 сент.), какъ появившіяся въ большомъ количествѣ печатныя прокламаціи „Къ новобранцамъ“ дали поводъ для новыхъ разговоровъ нашимъ мирнымъ бюргерамъ. Прокламаціи были распространены Группой латышскихъ соціальдемократовъ въ Курляндіи и читались втеченіе первыхъ дней призыва открыто въ помѣщеніяхъ уѣзднаго воинскаго начальника и на улицахъ въ присутствіи полицейскихъ. Только когда нѣсколько экземпляровъ попались въ руки жандармеріи, былъ данъ приказъ городовымъ отбирать листки. Спачала многіе не повиновались, указывая на то, что на листкахъ имѣется надпись „дозволено цензурою“. Въ Митавѣ было распространенно 1000 штукъ, въ Гольдиненѣ 100, въ Виндавѣ 100, въ Туккумѣ 50 и столько же въ городахъ Бauскѣ, Фрауэнбургѣ и Якобштатѣ. Въ это время арестовали нѣсколько мѣстныхъ рабочихъ, которые были однако скоро выпущены. У одного жандарма разорвали шинель и разломили шашку, другого бросили въ рѣку. Теперь ходятъ вечеромъ по улицамъ патрули и обыскиваютъ каждаго встрѣчнаго. Такъ 23 окт. обыскали на улицѣ реалиста Дибра и реалиста Бисѣнька. Снова арестованы рабочій Аудрупъ съ отцомъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ были распространены прокламаціи мѣстной латышской соціальдемократической группы въ шоколадной фабрикѣ Ланговскаго и К. и въ льнопрядильныхъ Весгермана. Арестованные въ концѣ сентября Э. Калпынь, Менцендорфъ съ братомъ и иностранецъ Л. переведены въ Рижскую тюрьму. Сюда привезено изъ Фридрихштата нѣсколько евреевъ.

Харьковъ. Въ то время, какъ вездѣ въ Россіи за послѣдніе мѣсяцы рабочее движеніе дало себя знать яркими вспышками, въ Харьковѣ вотъ уже два года, повидимому, все спокойно и администрація можетъ только радоваться и самодовольно потирать руки отъ такого благопріятнаго для нея положенія вещей. Дѣйствительно, въ Харьковѣ теперь какое-то зловѣщее затишье, и не только среди рабочихъ; это затишье замѣтно и среди другихъ слоевъ общества и среди студенчества. Мы склонны думать, что это затишье передъ бурей, и что при первомъ удобномъ случаѣ харьковскіе рабочіе покажутъ свою силу. Пока что, правительство, и Харьковская администрація въ частности, не дремлетъ и старается всячески не только искоренить крамолу изъ города, но и насадить и укрѣпить въ немъ твердые устои самодержавія, православія и народности. Въ своей борьбѣ съ надвигающейся революціей и пробужденіемъ пролетаріата правительство не щадитъ ни средствъ, ни силъ и мобилизуетъ все, что только можно мобилизовать. Посредствомъ своихъ агентовъ, прошедшихъ зубатовскую школу, оно уже внесло довольно сильную деморализацію въ среду рабочихъ. Вѣрное своей политикѣ возбужденія національной вражды, оно всячески старается возбудить національную рознь въ средѣ интеллигенціи, что въ извѣстной мѣрѣ ему и удается. Отсюда достаточно извѣстныя попытки основать „Лигу истинно русскихъ студентовъ“, „Русское собраніе“ и пр. О дѣятельности этихъ „патріотическихъ“ учрежденій уже говорилось на столбцахъ „Искры“, и потому мы можемъ ограничиться лишь упоминаніемъ о новѣйшемъ подвигѣ „истинно-русскихъ студентовъ“. Когда были опубликованы ихъ фамиліи, какъ членовъ „Русскаго собранія“ (что, между прочимъ, тѣмъ болѣе естественно, что въ „Ю. К.“ все равно напечатанъ списокъ членовъ „Собранія“), господа эти выпустили листокъ съ угрозой опубликовать фамиліи студентовъ, извѣстныхъ имъ въ качествѣ соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Оно не удивительно: для полноты „истинно русской“ физіономіи необходимо къ славной тріадѣ самодержавія, православія и народности присоединить и наушничество!

Изъ Харькова же сообщаютъ намъ о сильномъ недостаткѣ въ литературѣ.

Харьковская дума подъ натискомъ реакціонной печати. „Искра“ уже указывала на новую фазу въ развитіи нашей правительственной реакціи — на усложненіе системы полицейской репрессіи систематическимъ воздѣйствіемъ печатнаго слова, отдаваемаго на „потокъ и разграбленіе“ Крушеванамъ и Грингмутамъ. Эта новая „струя“ политики Плеве привела къ интереснымъ дебатамъ въ засѣданіи Харьковской городской думы 12 декабря.

Читатель слышалъ, вѣроятно, о судьбѣ „Харьк. губ. Вѣдомостей“, нѣкогда бывшихъ единственной чистоплотной и либеральной (очень умѣренно-либеральной) газеты, которую терпѣло правительство въ городѣ, гдѣ монополія печатнаго слова давно уже была предоставлена „Южному Краю“ Юзефовича. („Когда въ Харьковѣ „бунтъ“, ужъ завсегда полагается бить стекла у Юзефовича“, отвѣтитъ вамъ сѣрый харьковскій обыватель на вопросъ о роли этого тайнаго совѣтника въ жизни города). Блѣдная, но чистоплотная газетка не давала спать мѣстнымъ темнымъ силамъ, и настала минута, когда либеральное гнѣздо было разорено грознымъ княземъ Иваномъ Оболенскимъ, и „Губ. Вѣдомости“ превращены во вторую твердыню „православія, самодержавія и народности“ въ градѣ Харьковѣ.

Органъ пресловутаго „Русскаго Собранія“, открывшаго свою секцію въ Харьковѣ, „Губ. Вѣдомомости“ предприняли систематическій походъ противъ мѣстной думы, обвиняя ее во всякихъ сквернахъ и призывая начальство раздѣлаться съ нею. И вотъ, въ засѣданіи 12 декабря думцы возбудили вопросъ о томъ, какъ бороться съ новымъ врагомъ, какъ оправдаться отъ взводимыхъ на думу обвиненій? При обсужденіи этого вопроса выяснилось, что отвѣчать въ печати же на печатное обвиненіе „было бы возможно, если бы у насъ было равное оружіе; здѣсь же этого равенства нѣтъ. Ни для кого не секретъ, что нѣкоторыя статьи и даже думскіе отчеты въ газетахъ не пропускаются... Въ дѣйствительности, могутъ высказываться лишь гг. Остроумовы (редакторъ „Вѣдомостей“) и Грингмуты. Они — „независимая печать“, допускающая умышленныя искаженія истины и доносы на общественныхъ дѣятелей“. Такъ говорилъ гласный Свѣтухинъ, мотивируя свое предложеніе — „возбудить ходатайство объ освобожденіи провинціальной прессы отъ предварительной цензуры“, „ибо, сказалъ онъ, только при этомъ условіи мы будемъ обладать средствомъ защиты общественныхъ интересовъ“.

Такъ, новыя средства, примѣняемыя Плеве въ его „внутренней политикѣ“, толкаютъ мысль самыхъ „солидныхъ“ круговъ населенія на путь требованій политической реформы. Въ мракѣ полицейскаго самодержавія печатное слово превращается въ орудіе проведенія самыхъ грязныхъ интересовъ той или другой шайки дѣльцовъ, схватившихся за знамя „порядка“. Нѣтъ другихъ средствъ борьбы съ этими реакціонными кликами внѣ борьбы съ политическимъ порядкомъ, питающимъ ихъ и содѣйствующимъ ихъ размноженію. Но борьба съ этимъ порядкомъ не должна останавливаться на полпути. Протестуя противъ современнаго положенія печати, смѣшно ограничиваться пожеланіемъ уравненія правъ провинціальной и столичной прессы. Отсутствіе предварительной цензуры для столичныхъ газетъ не развязываетъ имъ рукъ для борьбы съ силами реакціи. Надо требовать полной свободы печати, и тѣмъ менѣе имѣетъ смыслъ ограничивать это требованіе, что все его значеніе, когда его выставляютъ земцы или думцы, заключается въ *демонстраціи*, въ протестѣ противъ даннаго режима. Агитаціонное же вліяніе такого протеста прямо пропорціально принципіальности предъявленнаго требованія и степени его радикализма.

Праздникъ жандармеріи и науки. „Въ настоящее тревожное и смутное время общественная служба чиновъ жандармскаго корпуса является высоко-полезнымъ государственной важности дѣломъ“. Такими словами привѣтствовалъ въ своей „весьма горячей и прочувствованной“ рѣчи жандармъ отъ науки, попечитель томскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лаврентьевъ, жандармовъ отъ полиціи, съѣхавшихся „со всей Сибири“ въ Томскъ ко дню „корпуснаго праздника“ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Сыскъ, шпіонство, провокаторство — вотъ новая святая троица, во имя которой представители отдѣльнаго корпуса министерства народнаго просвѣщенія братаются съ представителями отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Поистинѣ непостижимо: къ чему еще раздѣльное существованіе этихъ двухъ братскихъ „корпусовъ“? Не лучше ли было бы имъ совмѣстно, въ одинаковыхъ голубыхъ мундирахъ, творить свои „государственной важности дѣла“? Но, впрочемъ, гдѣ два сердца бьются въ унисонъ, тамъ форма дѣло неважное, и конечно, подымая бокалъ за „успѣшную дѣятельность жандармскаго корпуса“ г. Лаврентьевъ тѣмъ самымъ пилъ и за свою „успѣшную дѣятельность“. И не будетъ ничего удивительнаго, если вскорѣ мы и впрямь увидимъ на университетской кафедрѣ жандармскаго фельдфебеля въ качествѣ россійскаго Вольтера. Читалъ же при Николаѣ I въ харьковскомъ университетѣ лекціи по философіи частный приставъ; отчего же бы при Николаѣ II не прочитать ихъ какому нибудь жандармскому ротмистру? А что г. Лаврентьевъ и его присные оказались бы вполнѣ на высотѣ „задачи“ на „славныхъ постахъ“ начальниковъ охранныхъ отдѣленій, въ этомъ, разумѣется, и сомнѣнія быть не можетъ.

Томскъ. 4 декабря. Никогда еще томская пересыльная тюрьма не видала въ стѣнахъ своихъ такой массы „политическихъ“, какъ въ настоящее время. Сидятъ въ ней больше 75 человѣкъ. Человѣкъ 40 переведено сюда изъ тѣхъ 170, которые отведены были въ арестантскія роты послѣ театральной демонстраціи 27 октября, сидятъ нѣсколько человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые арестованы были послѣ вечеринки 18-го и бала 22 октября, сидятъ трое рабочихъ за Лопуховскую стачку, сидитъ одинъ студентъ за демонстрацію 19 апрѣля г., наконецъ, на дняхъ посадили еще около 30 чел. изъ тѣхъ, которымъ пришелъ приговоръ по дѣлу о демонстраціяхъ 18 и 20 февраля.

Приговоръ этотъ полученъ былъ въ Томскѣ въ 20-хъ числахъ ноября и сталъ неоффиціально извѣстенъ только тогда, когда началъ приводиться въ исполненіе. Привлеченныхъ по дѣлу оказалось 56 челов., изъ нихъ оправданы 18, наказанію подвергнуты 38 чел., громадное большинство которыхъ были жестоко избиты во время демонстраціи 18 февр. Единственными свидѣтелями противъ нихъ явились участвовавшіе въ избіеніи полицейскіе, и только ихъ показаній было достаточно для того, чтобы назначить пятерымъ ссылку, а 33-мъ 3 мѣсяца тюрьмы и два года гласнаго надзора. Ссылка назначена: Бродовикову 8 л., Домбровскому 5 лѣтъ, Минскому и Малыхъ по 4 года каждому, всѣмъ четыремъ Якутской Области, и Смирнову 3 года Архангельской губерніи.

Интересна и очень характерна для нашего „судопроизводства“ судьба Бродовикова. Привлеченный за участіе въ демонстраціи

18 февр., Бродовиковъ на допросѣ откровенно заявилъ, что на демонстраціи былъ и, возмущенный произволомъ полиціи, онъ противъ насилія выставилъ свою собственную физическую силу (многимъ полицейскимъ героямъ очень памятны его могучіе кулаки). За такое признаніе Бродовиковъ былъ выпущенъ на свободу. „Пусть товарищи Ваши берутъ съ Васъ примѣръ“, сказалъ ему прокуроръ палаты Соболевъ, „тогда никому ничего не будетъ“. Тотъ же совѣтъ давалъ профессоръ Соболевъ, братъ прокурора, тѣмъ изъ привлеченныхъ къ допросу студентовъ, которые обращались къ нему за юридическимъ совѣтомъ. И вотъ, мы видимъ, каковъ результатъ — Бродовикову назначено наиболѣе суровое наказаніе.

Изъ числа 38 человѣкъ, подвергнутыхъ наказанію по приговору, 35 студентовъ мѣстнаго университета и технологическаго института, одинъ присяжный повѣренный, одинъ помощ. прис. повѣреннаго и одинъ врачъ — трое послѣднихъ получили три мѣс. тюр. и 2 г. гласнаго надзора. Театральную исторію 27 окт. жандармерія рѣшила, повидимому, раздуть. Свыше 40 человѣкъ посажены въ пересылочную тюрьму и, какъ долго просидятъ, неизвѣстно. Вначалѣ допросъ производился ежедневно и почти всѣхъ допрашиваемыхъ освобождали. Когда въ арестантскихъ ротахъ осталось всего человѣкъ 50, допросъ почему-то былъ прекращенъ, что и побудило оставшихся устроить трехдневную голодовку. Она оказала свое воздѣйствіе — допросы вновь начались, но уже почти всѣхъ допрашиваемыхъ стали препровождать въ пересылочную тюрьму.

За демонстрацію 18-го апрѣля сидитъ студентъ Поповъ, юноша лѣтъ 19. Обвиняютъ его въ произнесеніи нѣсколькихъ рѣчей передъ демонстрантами и, несмотря на то, что ни одна изъ примѣтъ оратора, перечисленныхъ въ обвинительномъ актѣ, не подходитъ къ Попову, его держатъ уже семь мѣсяцевъ и неизвѣстно, когда освободятъ.

За послѣдніе $1^1/_2$ мѣс. мѣстнымъ Комитетомъ Партіи выпущено: „Къ Томскимъ обывателямъ“ (по поводу театральной демонстраціи и бойни 27 окт.) — 2600 экз., „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Томска“, (по поводу смерти рабочаго, убитаго на заводѣ Квятковскаго осколками лопнувшаго маховика) — 2000 экземп. „Письмо къ революціонному студенчеству“ — 1500 экз., „Ко всѣмъ рабамъ Николая Второго“ (по поводу приговора надъ демонстрантами) — 4000 экз. Въ непродолжительномъ времени сообщимъ списокъ лицъ, осужд. за демонстрацію.

Вильна. Въ послѣднее время виленскій обыватель не можетъ пожаловаться на отсутствіе „политическихъ“ темъ. Начну по порядку. Еще въ сентябрѣ былъ кѣмъ-то сдѣланъ доносъ на магазинъ Аронсовъ, будто имѣющихъ для продажи оружіе. Былъ сдѣланъ обыскъ и нашли въ хламѣ желѣза коробку съ заржавѣвшими патронами. Случайно былъ сдѣланъ обыскъ у Аронсовъ на дому и найдено было немного литературы; сынъ былъ забранъ, а полиціймейстеръ сталъ хлопотать у бывшаго въ отъѣздѣ генералъ губернатора о закрытіи магазина. Магазинъ закрытъ и до сихъ поръ. Было много по этому поводу разговоровъ, которые стали понемногу умолкать. Но русская жизнь въ нынѣшнее время не молчитъ... Недѣльки черезъ двѣ послѣ этого ученики мѣстнаго еврейскаго учительскаго института, доведенные до крайняго раздраженія безпрестанными придирками, стѣсненіями и всѣмъ бурсацкимъ режимомъ, рѣшили чѣмъ нибудь выразить свой протестъ, и... изрѣзали ночью портреты Ники и Александра III и разбросали прокламаціи со своими требованіями. Святополкъ-Мирскій хотѣлъ это дѣло передать жандармамъ, но попечитель Ивановъ протестовалъ, а Спасскій — директоръ института, — поспѣшилъ въ Петербургъ для разъясненій. Тѣмъ не менѣе, дѣло это перешло въ руки прокурора и голубыхъ рыцарей. Слѣдствіе продолжается еще до сихъ поръ, учениковъ пока не выпускаютъ и держатъ все время въ интернатѣ при институтѣ, выпуская лишь на дворъ гулять. Господа жандармы и попечительное начальство силятся притянуть къ этому дѣлу исключенныхъ въ прошломъ году учениковъ института. Вѣдь надобенъ же козелъ отпущенія! Доказательствомъ служитъ огарокъ свѣчки, найденный около портрета и не подходящій къ типу институтскихъ свѣчей... Доказательство, какъ видите, достойное остроумія нашихъ охранителей.

Аналогичныя исторіи произошли въ коммерческомъ и въ реальномъ училищахъ; въ первомъ и въ третьемъ классахъ изрѣзали портретъ Александра III и залили физіономію Петра чернилами, а во второмъ въ актовомъ залѣ найденъ оплеваннымъ и облитымъ чернилами портретъ Ники. Актовый залъ запертъ на ключъ. Дѣло замяли....

Казалось, ужъ иссякъ всякій поводъ къ политическимъ пересудамъ, какъ вдругъ мѣстный самодержецъ всея Сѣверо-Западной Россіи, Святополкъ-Мирскій и иже съ нимъ охранное отдѣленіе преподнесли новый сюрпризъ, давъ пищу для разговоровъ. Подъ вліяніемъ бѣлостокскихъ волненій и покушенія на Метленко, нашъ помпадуръ счелъ нужнымъ напомнить о томъ, что „самодержавіе колеблется“, и опубликовалъ обязательное постановленіе съ обычнымъ содержаніемъ о дѣйствіяхъ скопомъ. Со своей стороны, охранка восьмого ноября, въ субботу пополудни съ пяти часовъ совершила цѣлый рядъ набѣговъ. Было, какъ насчитываютъ, до 80 обысковъ, при чемъ уловъ не удался, и гг. „охранители“ ушли ни съ чѣмъ, захвативъ нѣсколько интеллигентовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ крамолѣ. Хватали буквально съ бору да съ сосенки. На слѣдующій день сюда пріѣзжалъ самъ Валь, главнымъ образомъ изъ-за института. Шпики снуютъ по всѣмъ улицамъ, причемъ имъ на помощь приходитъ учебное начальство гимназій и реальнаго училища.

Вообще, наши педагоги за послѣднее время отличаются. Судите сами. На педагогическомъ совѣтѣ первой гимназіи постановили, чтобы вы думали?.., „читать въ послѣднихъ четырехъ классахъ обязательное постановленіе генералъ губернатора съ комментаріями“. Послѣднія достойны увѣковѣченія. Напримѣръ, въ седьмомъ классѣ учитель при чтеніи заявляетъ, что „если у кого нибудь изъ учениковъ найдутъ подметный листокъ, то за это полагается отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ каторжной работы (!)“. Всеобщій хохотъ... Педагогъ, сконфуженный, заявляетъ, что онъ только исполняетъ порученіе начальства. То же самое инспекторъ Оношко говоритъ матери одного ученика. Кромѣ того, классные наставники во всѣхъ классахъ и Оношко въ отдѣльности говорили о томъ, что ученики обязаны доносить по начальству о товарищахъ, призывающихъ къ дѣйствію скопомъ, а также доставлять всякаго рода прокламаціи. Въ этомъ смыслѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ написаны и выданныя ученикамъ правила. Словомъ, растлѣніе полнѣйшее. Чтеніе обязательнаго постановленія заставило даже самыхъ смиренныхъ учениковъ возмутиться, и оппозиціонныя силы нашего города могутъ очень хорошо учесть ту агитаціонную роль, которую сыграло учебное начальство.

Въ заключеніе могу сообщить слѣдующій интересный фактъ, переданный очевидцами. Какъ извѣстно, здѣсь судился солдатъ Анотинъ за покушеніе на жизнь своего ротнаго командира, и былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе. Казнь должна была произойти на военномъ полѣ. Рота Анотина и солдаты виленскаго гарнизона относились, понятно, сочувственно къ Анотину, и вотъ выбранные изъ различныхъ пѣхотныхъ частей 12 человѣкъ солдатъ стрѣляли три раза вверхъ. Тогда было приказано стрѣлять по одиночкѣ. Первымъ выстрѣломъ Анотинъ былъ убитъ...

Горы-Горки. Могил. губ. Въ полученной нами корреспонденціи изъ Горы Горокъ сообщается слѣдующій фактъ, выдающійся по своему безобразію даже въ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ, богатыхъ проявленіями какъ беззавѣтной смѣлости и самоотверженія, такъ и громадныхъ подлостей.

Разсказавъ, какъ среди учениковъ ремесленнаго училища, подъ вліяніемъ жестокой эксплуатаціи ихъ труда, на приписанномъ къ училищу заводѣ, началось движеніе, встрѣтившее откликъ также и въ земледѣльческомъ училищѣ, корреспондентъ собщаетъ, что 1903 г. было рѣшено отпраздновать въ Горы-Горкахъ первое мая демонстраціей, въ которой намѣревались участвовать какъ „заводъ“ (ученики и немногіе имѣющіеся на заводѣ наемные рабочіе), такъ и евреи, работающіе въ ремесленныхъ заведеніяхъ города. Предоставляемъ самому автору разсказать, почему именно пришлось отмѣнить эту демонстрацію. „При любезномъ содѣйствіи мѣстнаго врача-сіониста, полиція стала распространять слухи о погромѣ, будто бы подготовляемомъ учениками земледѣльческаго училища. Эти сейчасъ отвѣтили прокламаціей, въ которой выясняются истинные виновники кишиневской рѣзни и выражается горячее сочувствіе ея жертвамъ. Но Ангеницкаго — да будетъ его имя прибито къ позорному столбу — это не остановило. Онъ сталъ созывать съ разрѣшенія полиціи собранія еврейскихъ рабочихъ, произносилъ передъ ними пламенныя патріотическія рѣчи, гдѣ доказывалъ имъ выписками изъ всякихъ „чего изволите“, что правительство въ кишиневскомъ погромѣ не виновато, а виноваты только еврейскіе соціалисты, и что, поэтому, надо стать противъ нихъ на сторону правительства и, такимъ образомъ, *заслужить* его защиту. Запуганные рабочіе отказались отъ участія въ демонстраціи, и по указанію Ангеницкаго, сформировались въ отрядъ. Но тутъ низость нашего гуманнаго сіониста превзошла всякую мѣру. Онъ отправился вмѣстѣ съ однимъ изъ представителей города къ исправнику и *предложилъ ему воспользоваться сформированнымъ отрядомъ, какъ силой противъ демонстрантовъ.* При такихъ условіяхъ демонстрація состояться не могла, и 1-ое мая было отпраздновано вечеринкой въ загородной рощѣ“.

Нашъ корреспондентъ отмѣчаетъ и дальнѣйшія событія въ Горы-Горкахъ: демонстрацію въ день коронаціи учениковъ земледѣльческаго училища, прошедшихъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по всему городу, отказавшись предварительно увеселять своей музыкой публику въ паркѣ; затѣмъ въ іюнѣ — забастовку на заводѣ учениковъ, за которую 18 человѣкъ было исключено и послѣдовали новыя стѣсненія. Онъ отмѣчаетъ, наконецъ, совсѣмъ недавній фактъ распространенія среди новобранцевъ прокламацій мѣстнаго издѣлія, но среди этихъ извѣстій о дальнѣйшихъ тріумфахъ доктора Ангеницкаго нѣтъ ни слова. Неужели правительство не оцѣнило его преданности, неужели онъ не „заслужилъ“ своимъ поступкомъ должности при полиціи, соотвѣтствующей его рѣдкимъ дарованіямъ?

Но среди гг. сіонистовъ далеко не одинъ Ангеницкій утверждалъ, „что правительство не виновато, а виноваты еврейскіе соціалисты“. Что чувствуютъ они теперь, когда разоблаченія на судѣ далеко превзошли все то, что уже раньше говорила революціонная пресса? Можно, впрочемъ, утверждать, что въ „преступномъ приказаніи“, исполненномъ громилами виноваты все таки соціалисты, которые, пугая правительство доводятъ его до такихъ поступковъ, какъ и въ легендарномъ избіеніи іудейскихъ младенцевъ былъ виноватъ не Иродъ, а новорожденный Іисусъ, напугавшій Ирода своимъ появленіемъ на свѣтъ.

Неуклонное соблюденіе завѣтовъ вѣротерпимости. Какъ извѣстно, 26 февраля 1903 года огорченное смутой „родительское сердце“ Его Величества разразилось широковѣщательнымъ манифестомъ, въ которомъ, наряду съ самыми недвусмысленными обѣщаніями всѣхъ скорпіоновъ самодержавія, православія и народности, сулило осчастливить вѣрноподданныхъ, если они будутъ паиньки, и кое какими пряниками; такъ, между прочимъ, „всемилостивѣйше“ повелѣвалось „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые благоговѣйно почитая православную церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“.

Ну, что касается скорпіоновъ, то россійскій обыватель получаетъ ихъ, конечно, полностью и даже съ излишкомъ, а вотъ насчетъ пряника „вѣротерпимости“... не угодно ли прочитать хотя-бы слѣдующій документъ, адресованный, повидимому, директору департамента инославныхъ вѣроисповѣданій:

Виленскій, Ковенскій и Гродненскій
Генералъ-Губернаторъ Копія.
18 августа 1903 г. Секретно.
№ 169.
г. Вильна. М. Г.!

Князь Михаилъ Ивановичъ!

Епископъ Гродненскій и Брестскій довелъ до моего свѣдѣнія, что подрядчикъ по постройкѣ желѣзной дороги Сѣдлецъ-Клещели, нѣкто Ронъ, по освященіи закладки моста на р. Западномъ Бугѣ мѣстнымъ благочиннымъ, пригласилъ ксендза Казиміра Паукшта съ тою же цѣлью. Послѣдній выступилъ непосредственно по окончаніи отслуженнаго благочиннымъ молебна въ полномъ облаченіи и въ присутствіи неразошедшагося еще народа, служащихъ и чиновъ полиціи совершилъ чинъ освященія по обряду рим.-катол. церкви.

Сообщая объ этомъ на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, считаю долгомъ присовокупить, что описанный поступокъ подрядчика Рона, самъ по себѣ, казалось бы, незначительный, имѣетъ въ высочайше ввѣренномъ мнѣ краѣ совершенно опредѣленное значеніе — желаніе противопоставить православной русской церкви церковь польской народности — католичество. Такъ какъ постройка названной дороги есть предпріятіе правительственное, то участіе иновѣрческаго элемента въ торжествахъ по случаю освященія того или иного сооруженія можетъ привести мѣстное населеніе къ ложному убѣжденію, что въ настоящее время правительство склонно признать въ краѣ равноправность восточной и западной церкви. Такой ошибочный взглядъ при обычномъ отождествленіи католической церкви съ польской народностью, не можетъ не повліять на политическое настроеніе мѣстнаго населенія и отразится, поэтому, крайне неблагопріятно на мирномъ теченіи жизни. Въ виду изложеннаго имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство, не изволите ли Вы признать, во избѣжаніе повторенія подобныхъ описанному случаевъ, нужнымъ сдѣлать кому слѣдуетъ соотвѣтствующее разъясненіе, и распоряженіе и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить Ваше Сіятельство принять увѣреніе и пр.

Генералъ-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій.

Борисоглѣбскъ. Посылаемъ Вамъ слѣдующій не безынтересный документъ:

М. Н. П. Секретно.
Инспекторъ
Народныхъ училищъ. Циркулярно.
Борисоглѣбскаго у. Г.г. учителямъ и учительницамъ двуклассныхъ, приходскихъ и начальныхъ училищъ.
ноября 23 дня 1903 г.
№ 1003.

Вслѣдствіе предписанія г. Директора Народныхъ училищъ Тамбовской г. отъ 16 ноября за № 206., покорнѣйше прошу Васъ, Мм. гг., въ случаѣ появленія среди учащихъ противоправительственныхъ изданій, распространяемыхъ злонамѣренными людьми, а также въ случаѣ присылки таковыхъ на имя училищъ или учащихъ, *немедленно* и *безбоязно* представлять мнѣ таковыя въ запечатанныхъ конвертахъ при препроводительныхъ бумагахъ, для представленія Директору Училищъ. Въ чтеніи настоящихъ предписаній прошу росписаться и бумагу эту хранить для руководства при дѣлахъ училища.

Инспекторъ Уч. Н. Павловскій.

P. S. С. Р.-ами были распространены въ ноябрѣ „воззванія къ сельскимъ учителямъ и учительницамъ“, въ которыхъ они призывали учителей руководить „классовой“ борьбой крестьянъ, т. е. устраивать стачки для повышенія заработной платы и стачки для пониженія арендной платы и проч. Въ прокламаціи проводится мысль о классѣ крестьянъ, какъ о „трудовомъ“ классѣ, объ однородности интересовъ этого класса и т. д.

Въ Борисоглѣбскѣ появились прокламаціи къ рекрутамъ, (соц.-дем.), въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ во время стачекъ появлялись сочувственныя прокламаціи воронежскихъ рабочихъ, разъяснявшія смыслъ іюньскихъ и сентябрскихъ забастовокъ.

Воронежскими же товарищами прислано 50 р. для передачи арестованнымъ.

Въ началѣ декабря распространенны прокламаціи Центральнаго Комитета, извѣщающія о второмъ съѣздѣ.

Маріуполь. Въ ноябрѣ у насъ было распространено 500 экземпляровъ прокламацій Союза горнозаводскихъ рабочихъ „Чего мы требуемъ“ и 300 экземпляровъ „Ко всѣмъ“ — о таганрогской демонстраціи. Впечатлѣніе произвели очень хорошее.

Недѣли три тому назадъ у насъ прочиталъ шесть лекцій по правовѣдѣнію профессоръ Владимировъ изъ Харькова. Выражалъ свое преклоненіе передъ монархическимъ образомъ правленія, хотя во второй лекціи сказалъ, что вопросъ о томъ, какой образъ правленія лучше, — вопросъ деракій и не стоитъ на немъ останавливаться (дословно). Публика — чистая, чел. 150 — усердно хлопала.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Революціонизированіе деревни. Въ какихъ формахъ отражается въ нѣкоторыхъ слояхъ деревенскаго населенія революціонное настроеніе, показываетъ слѣдующій интересный „приговоръ“ одного тайнаго крестьянскаго союза, который мы перепечатываемъ съ сохраненіемъ орѳографіи (подлинникъ написанъ церковно-славянскими буквами):

Мы ниже подписавшійся; . . . крестьянскій союзъ соціалистовъ революціонеровъ, составили настояшій приговоръ: противъ угнетателей, въ союзе нашей братія не было бы лицемеровъ и предателей, и наше братство должны составлять одну нераздѣльную боевую семью. И не должны щадить своей жизни и крови за правду и свободу. Мы революціонеры должны истреблять все, что намъ ненавистно и противно, и мы должны, въ измѣне не щадить: отца, и мать, жену, детей, сродниковъ, друзей и знакомыхъ. Грозное мщеніе измѣнщикамъ есть смерть, и мы должны изъ среды себя избирать на доброе дѣло, по жребію, или же по желанію, отнюдь не отказыватся, а идти какъ на званный пиръ съ радостью, темъ болѣе хладнокровіемъ. И мы должны знать всѣ: что насъ ожидаетъ за правду; будутъ предавать насъ пыткамъ, заточеніямъ и даже смертной казни, и насъ это чтобы не страшило, и насъ въ будущемъ будутъ называть великими людьми, и слава наша не погибнетъ во веки, и мы должны быть связаны всѣ братскою любовію, и измѣны между нами не было, темъ болѣе лжи, уничтожить между нами всякую неправду. Аще же кто изъ насъ попадетъ подъ правосудіи, первымъ долгомъ не долженъ выяснять нашего тайнаго союза, вовторыхъ долженъ пропасть только одинъ попавшій. И долженъ всякій изъ насъ знать: кара нашего союза для измѣншиковъ есть смерть. Къ сему подписуемся.

Тифлисская губ. 18 ноября пріѣхалъ въ селеніе Бершусти Горійскаго уѣзда, Тифлисской губ. приставъ съ чапарами (стражниками) и сталъ требовать у крестьянъ денегъ на содержаніе мѣстнаго врача. Надо сказать, что бершустскій врачъ, несмотря на ежегодные поборы въ его пользу, не считалъ своею обязанностью лѣчить крестьянъ и никогда не пріѣзжалъ въ село по своему почину. Пользовалъ онъ только дворянъ-помѣщиковъ, если же крестьянинъ вызывалъ его, то докторъ требовалъ за каждый визитъ не менѣе трехъ рублей, сверхъ ежегодныхъ поборовъ. Такое положеніе вещей возмутило, наконецъ, крестьянъ: сельскій сходъ единогласно рѣшилъ отказаться отъ уплаты докторской дани, благоразумно предпочитая ѣздить въ уѣздный городъ за медицинской помощью или вызывать вольнопрактикующихъ докторовъ по мѣрѣ надобности...

Наткнувшись на сопротивленіе, приставъ принялся за мѣры пресѣченія и поставилъ стражниковъ у нѣсколькихъ крестьянъ, разсчитавъ, что стражники возьмутъ ихъ измором. И, дѣйствительно, одинъ крестьянинъ не вытерпѣлъ постоя и отдалъ свою часть. Другіе крестьяне, узнавъ объ этомъ, потребовали отъ пристава возвращенія денегъ. Тотъ не согласился. Крестьяне пересчитали ребра у пристава и стражниковъ и выгнали ихъ изъ села. Въ ожиданіи новаго набѣга была созвана сходка, на которую пригласили крестьянъ и изъ сосѣднихъ деревень. Уговорились сообща вести борьбу и всѣмъ собраться по первому колокольному звону. Въ восьмомъ часу пріѣзжаетъ снова приставъ съ подкрѣпленіемъ изъ 60 казаковъ. Деревня спала, только нѣсколько человѣкъ сидѣли мирно у изгороди. На нихъ-то и набросились казаки съ нагайками. Одному удалось добраться до колокольни, и онъ ударилъ въ набатъ. Сбѣжались крестьяне, и началась битва, продолжавшаяся до трехъ часовъ ночи, когда приставъ съ казаками, сильно избитые, принуждены были спасаться бѣгствомъ. Сходъ между тѣмъ еще разъ подтвердилъ свое прежнее рѣшеніе: бороться до послѣдней возможности. На слѣдующій день прибылъ уѣздный начальникъ съ казаками и тремя ротами солдатъ. Передъ тѣмъ, какъ ворваться въ село, онъ обратился къ дворянамъ-помѣщикамъ съ просьбой воздѣйствовать на крестьянъ, боясь, очевидно, подвергнуться участи пристава. Помѣщики не рискнули вмѣшаться въ дѣло, и уѣздный начальникъ двинулъ войско на „непріятельскія“ села. Видя, что силы уѣзднаго начальника значительно превосходятъ ихъ собственныя, крестьяне сдались и уплатили дань. Арестовано 13 человѣкъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Вѣстникъ Союза типографскихъ рабочихъ. Отпечатанный плохенькимъ *гектографомъ* на сѣрой бумагѣ, лежитъ предъ нами третій номеръ органа „Союза Московскихъ *типографскихъ* рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда“. Какое характерное сопоставленіе! Пуды свинцоваго шрифта, наборныя кассы, скоропечатныя машины съ газовыми и электрическими двигателями, всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія — къ услугамъ пролетарія, пока работаютъ его руки, работаютъ для распространенія въ милліонахъ печатныхъ страницъ всего, что смогутъ и пожелаютъ сказать народу самодержавіе и буржуазія всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, и — первобытный гектографъ, когда у этого пролетарія заработали не только руки, но и голова, когда онъ — худо-ли, хорошо-ли — захотѣлъ повѣдать всенародно и свои мысли! И развѣ только для типографскихъ рабочихъ создаетъ современный строй такое до нелѣпости противорѣчивое положеніе? Развѣ въ этомъ „лучшемъ изъ міровъ“ не осужденъ на голодъ земледѣлецъ, выращивающій хлѣбъ, не ходитъ сапожникъ безъ сапогъ, портной — въ рваномъ платьѣ? И развѣ вообще накопленіе богатствъ, груды товаровъ, не находящихъ сбыта, изобиліе всѣхъ благъ, матеріальныхъ и духовныхъ, на одномъ полюсѣ, и — нищеты, голода, лишеній, невѣжества, униженія на другомъ, не составляетъ самаго характернаго признака капиталистическихъ порядковъ? Намъ кажется, когда издатели „Вѣстника“ и руководимые ими типографскіе рабочіе хорошенько задумаются надъ этимъ вопросомъ, вытекающимъ уже не только изъ господствующаго въ Россіи самодержавнаго режима, а изъ самыхъ основъ капиталистическаго строя, они должны будутъ безконечно далеко отойти отъ нынѣшней своей точки зрѣнія, которая въ устройствѣ библіотеки (изъ „хорошихъ“ книгъ), прочной профессіональной организаціи, свободѣ сходокъ и стачекъ и подготовкѣ всеобщей стачки Московскихъ рабочихъ заставляетъ ихъ видѣть панацею отъ всѣхъ бѣдъ пролетарія. Потому что дальше этого политическая мудрость издателей „Вѣстника“ пока не идетъ. Не только вопросъ о капиталистическомъ обществѣ и о соціализмѣ, но даже вопросъ о самодержавіи не выдвинутъ ими сколько нибудь опредѣленно. По характерному выраженію авторовъ, они хотятъ освободиться отъ „путъ, наложенныхъ самодержавнымъ правительствомъ“, и какъ показываетъ уже перечень предлагаемыхъ „средствъ“, думаютъ освободится отъ „путъ“, не освободившись предварительно отъ самого самодержавія. И точно также они представляютъ себѣ возможнымъ освобожденіе отъ „путъ“ капиталистическаго общества безъ освобожденія отъ самаго капитализма.

Жизнь съ ея горькимъ опытомъ конечно скоро научитъ нашихъ товарищей — московскихъ типографщиковъ политическому разуму; она покажетъ имъ всю недостаточность предлагаемыхъ ими средствъ, излечитъ ихъ отъ ни на чемъ не основанной вѣры во всемогущество демонстрацій и „хорошо организованныхъ“ стачекъ, хотя-бы и „всеобщихъ“ (хотя, надо замѣтить, сейчасъ для „Вѣстника“ „всеобщность“ дальше Москвы не идетъ); словомъ она толкнетъ ихъ на тотъ единственный путь, на которомъ пролетаріатъ только и можетъ завоевать себѣ освобожденіе, путь классовой борьбы подъ знаменемъ соціальдемократіи. Мы можемъ только пожелать, чтобы „наука“ эта пришла въ видѣ сознательно воспринятаго соціальдемократическаго ученія, а не въ видѣ стихійнаго опыта жизни. Потому что стихійный опытъ — это дорого стоющій, тернистый путь испытаній, на которомъ пролетаріатъ своею кровью расплачивается за свои политическія ошибки, за свою наивную вѣру въ „одинаковость“ стѣсненій, испытываемыхъ „всѣмъ обществомъ“, въ возможность освободиться отъ „путъ“, не добившись торжества соціализма. И пусть историческій опытъ Западной Европы, на который такъ неудачно ссылаются издатели „Вѣстника“, увѣряющіе, будто демонстраціи „повсюду заграницей представляютъ любимѣйшее зрѣлище, причемъ полиція надзираетъ, чтобы никто не мѣшалъ демонстрантамъ“; пусть этотъ опытъ предостережетъ типографскихъ рабочихъ отъ повторенія той близорукой политики мелкихъ „назрѣвшихъ“ интересовъ, которая такъ дорого обходится въ концѣ концовъ рабочему классу, несмотря на свою видимую „практичность“. Подробнѣе останавливаться на этомъ вопросѣ мы здѣсь не будемъ. Полемика съ „экономизмомъ“, крайнимъ представителемъ котораго является „Вѣстникъ“, достаточно уже выяснила. какъ такое суженіе задачъ рабочаго движенія неизбѣжно отдаетъ его на службу буржуазіи, а — въ русскихъ условіяхъ — и самодержавно-полицейскому режиму, какъ бы благородны ни были руководители движенія и какъ-бы искренно ни ставили они себѣ цѣлью благо рабочаго класса.

Въ связи съ этимъ скажемъ пару словъ по поводу изданнаго тѣмъ же Союзомъ „Опроверженія“, въ которомъ самымъ рѣзкимъ тономъ говорится о помѣщенномъ въ № 50 „Искры“ свѣдѣніи, будто иниціатива стачки московскихъ типографскихъ рабочихъ исходила отъ „независимыхъ“. Авторы „опроверженія“ съ большимъ негодованіемъ говорятъ, что это свѣдѣніе, „исходящее, быть можетъ, изъ охраннаго отдѣленія“, помѣщено „безъ всякихъ оговорокъ“. Если бы они имѣли терпѣніе прочесть строки, слѣдующія непосредственно за инкриминируемымъ ими мѣстомъ, они увидѣли бы, что тамъ опредѣленно говорится, что попытка „независимыхъ“ не удалась, потому что, „замѣтивъ это, сознательные рабочіе ускорили стачку на двѣ недѣли, и этимъ спасли дѣло“. Слѣдовательно, вполнѣ ясно сказано, что *дѣйствительная* стачка произошла не по почину „независимыхъ“. Какія же еще „оговорки“ тутъ нужны, не касаясь даже вопроса о „непровѣренности“ свѣдѣній“, гдѣ тутъ „позорящіе слухи“ для дѣйствительныхъ руководителей стачки? Мы охотно вѣримъ, что „теперь съ возникновеніемъ Союза, благодаря его вліянію, авторитетъ „независимыхъ“ въ средѣ московскихъ рабочихъ значительно подорванъ“, и конечно можемъ пожелать молодому Союзу дальнѣйшаго развитія въ такомъ направленіи, которое исключало-бы всякую возможность припутыванія къ его дѣлу „независимыхъ“, но вѣдь въ № 50 „Искры“ говорилось о прошломъ, да и самая возможность такого припутыванія должна заставить членовъ Союза задуматься о правильности избраннаго ими пути.

Прибавимъ, что, судя по отчету за время съ девятаго сентября по 15 ноября, дѣла новаго Союза идутъ пока недурно: за этотъ періодъ въ кассу его поступило 1313 руб. 15 коп., не считая 170 руб., переданныхъ Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. для арестованныхъ во время забастовки.

Ярославль. Большая мануфактура. Администрація Большой мануфактуры выписываетъ для своихъ рабочихъ 300 экземпляровъ „Дружескихъ Рѣчей“. Эта газетка навязывается насильно тѣмъ изъ рабочихъ, которые какъ нибудь провинились непокорностью и неповиновеніемъ передъ администраціей. Такимъ образомъ, субсидируемыя правительствомъ, „Рѣчи“ употребляются, какъ это имъ и приличествуетъ, вмѣсто розги. Только зачѣмъ было называть ихъ „дружескими“?..

Не даютъ покоя царскіе шпіоны и рабочимъ Большой мануфактуры. Подъ руководствомъ самаго главнаго шпіона третьей части, шпіоны, вооружившись для удобства скамейками, подглядываютъ въ окна вольныхъ квартиръ рабочихъ и казармъ. А чего, кажется, не дѣлаетъ администрація фабрики, чтобы не дать проникнуть революціоннымъ элементамъ въ это гнѣздо эксплуатаціи и произвола. Берутъ въ рабочіе по родству со старыми закрѣпощенными рабочими, по кумовству съ мастеромъ и т. п. Чуть похожъ на „питерика“ — не получишь мѣста. Наша администрація подъ разными предлогами разсчитываетъ старыхъ рабочихъ, недослуживщихъ немного до пенсіи, чтобы воспользоваться послѣдней. По пословицѣ „доброму вору все впору“.

Спичечная фабрика Дунаева. У насъ что недѣля, то увѣчье. Машины безъ приспособленій, ограждающихъ отъ несчастій. Ремни часто спадаютъ со шкива. Чистить машины заставляютъ на ходу, а случись съ рабочимъ увѣчье, скажутъ — по своей винѣ. Не послушаешься, остановишь машину, оштрафуютъ. Увѣчный не получаетъ заработка и во время лѣченія. Вотъ какіе у насъ порядки: перевернешься — виноватъ, не довернешься — виноватъ. Это еще не все. Управляющій страшный развратникъ, отъ него проходу нѣтъ ни одной смазливой работницѣ. И плачутъ, да соглашаются на его приставанія. Много у насъ опозоренныхъ дѣвушекъ. Хозяйка чуть замѣтитъ за кѣмъ „безнравственное поведеніе“ увольняетъ, а не знаетъ, должно быть, что самый-то главный развратникъ — это ея управляющій. Плата у насъ самая низкая — нѣтъ возможности существовать.

Архангельская губ. Мезенскій уѣзда. (Изъ письма рабочаго). Въ семи верстахъ отъ г. Мезени и въ семи верстахъ отъ Бѣлаго моря находится лѣсопильный заводъ бр. Гужниковыхъ. Эксплуататорская природа капитала, благодаря исключительности положенія, проявляется здѣсь въ самыхъ беззастѣнчивыхъ формахъ. Мѣстные представители „законной власти“ — исправникъ, его помощникъ и послѣдній надзиратель — естественно готовы оказывать гг. капиталистамъ всякое „содѣйствіе“. Заводскіе рабочіе, набирающіеся изъ крестьянъ, частью Мезенскаго, частью Печорскаго уѣзда (есть даже зыряне), — народъ совершенно темный, забитый и невѣжественный. Земельные надѣлы и собственные домики, прикрѣпляющіе ихъ къ мѣсту, дѣлаютъ ихъ окончательно рабами хозяевъ завода. Всего рабочихъ на заводѣ, смотря по ходу производства, бываетъ 400—1000 человѣкъ. Заводъ всегда работаетъ въ двѣ смѣны — дневная 14 часовъ и ночная 14 час.

Комлевщикъ, на обязанности котораго лежитъ заправка бревенъ въ рамы (до 200 бревенъ въ день), получаетъ 26 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Работа эта чрезвычайно трудна и требуетъ огромной физической силы. Не менѣе трудна работа „обрѣзчика“, который втеченіе одного дня долженъ „обрѣзать“ (т. е. удалить ненужныя части) 1350 бревенъ. Плата — 25 руб. въ мѣсяцъ. Къ каждому обрѣзчику приставленъ „горбачъ“, который убираетъ обрѣзки. Его заработокъ — 24 р. въ мѣсяцъ. Но едва ли не самой трудной работой является переноска и складываніе бревенъ въ штабеля. О степени трудности этой работы можно судить по тому, что у „уборщиковъ“, занятыхъ этой работой, на плечахъ наростаютъ широкіе, толстые мозоли, дѣлающіе плечи совершенно нечувствительными. Уборщики получаютъ 20-22 руб. въ мѣс. Болѣе 150 рабочихъ заняты нагрузкой досокъ на пароходы и вытаскиваніемъ лѣса на берегъ. Заработокъ ихъ — около 30 руб. въ мѣсяцъ. Приказчики являются на заводѣ полными самодержцами и съ каждаго рабочаго ежемѣсячно вычитываютъ въ свою пользу по 5 руб. Желая выслужиться передъ хозяиномъ, они всячески притѣсняютъ рабочихъ.

Заводъ стоитъ на безлюдномъ берегу, окруженъ тундрой и непроходимымъ лѣсомъ. Кругомъ, кромѣ заводскихъ построекъ нѣтъ никакого жилого поселенія. Всѣ рабочіе живутъ въ казармѣ. Въ русскомъ лексиконѣ не найдется достаточно словъ, чтобы передать, выразить тотъ ужасъ и отвращеніе, которые являются у свѣжаго человѣка при видѣ этого вертепа. Нѣкогда во всю длину казармы были построены нары для спанья, но теперь отъ нихъ не осталось и слѣда; рабочіе спятъ на полу въ повалку; никакихъ подстилокъ нѣтъ и въ поминѣ; стѣны не крашены грязь кругомъ невообразимая; паразитовъ всѣхъ видовъ и породъ неисчислимое множество; кухни и столовой не имѣется. Въ русской печи дымовыя трубы развалились; дымъ идетъ въ казарму, наполняетъ ее сверху до низу и выходитъ черезъ двери и окна. Куба для кипятка также нѣтъ. Стекла въ окнахъ выбиты и заколочены досками или заткнуты тряпьемъ, иногда стоятъ не совсѣмъ открытыми, такъ что въ казармѣ вѣчная полутьма и сквозной вѣтеръ. Освѣщеніе устроено электрическое, но оно уже давнымъ давно не дѣйствуетъ, и рабочіе принуждены освѣщать свое помѣщеніе керосиномъ или свѣчами на свой счетъ.

Кто близко знакомъ съ жизнью рабочихъ артелей, тотъ знаетъ, что представляетъ собой артельная „матка“, но здѣсь уму непостижимо, что творится при совмѣстной жизни обоихъ половъ! Развратъ грубый, иногда даже не прикрытый, циничный происходитъ у всѣхъ на глазахъ. Лѣтомъ рабочіе выбираются изъ казармъ на волю и изъ досокъ строятъ себѣ лачуги (на 5 чел.) въ три аршина ширины, три длины и $2^1/_2$ арш. высоты. Въ такой лачугѣ безъ оконъ, понятно, тѣснота, но жить здѣсь сравнительно съ казармой вольготнѣе.

Заводъ до того обираетъ рабочаго штрафами и вычетами въ лавочку, что нѣкоторые за мѣсяцъ не получаютъ ничего или же получаютъ гроши. Никакихъ записей штрафовъ, никакихъ отчетовъ не существуетъ, и деньги идутъ всецѣло въ карманъ, если не хозяина, то управляющаго. Есть пріемный покой, но фельдшеръ, бывшій солдатъ, существуетъ больше для виду, чѣмъ для помощи. Докторъ не бываетъ вовсе. За увѣчье никакихъ вознагражденій не выдаютъ. Во время болѣзни рабочимъ платятъ только половину жалованья. Въ заводской лавкѣ почти на всѣ товары есть такса, утвержденная въ 1897 г. инспекторомъ, но всѣ товары продаются выше означенной цѣны на $^1/_2$-3 коп. съ фунта. Продукты всѣ худые — гниль, заваль; мясо и рыба часто совсѣмъ разложившіяся. Баня для мужчинъ и женщ. общая, безъ всякихъ перегородокъ или отдѣленій: тѣснота въ ней невообразимая, раздѣваются всѣ на улицѣ, на улицѣ многіе (особенно лѣтомъ) и моются. Винной лавки на заводѣ нѣтъ, и водку разные добровольцы продаютъ по 1 руб. за бутылку. Пьянство страшно развито.

Ни книгъ, ни газетъ, ни школъ на заводѣ нѣтъ и въ поминѣ, и свободное время рабочимъ остается тратить только на разгулъ.

Екатеринодаръ (запоздало). Въ одной изъ корреспонденцій изъ Екатеринодара сообщалось объ обидной случайности, благодаря которой были арестованы двое интеллигентовъ Ткаченко и Петлюра. Ихъ арестъ и около десятка обысковъ не дали никакихъ результатовъ, и кучка рабочихъ и интеллигентовъ ни на минуту не прекращала своей работы. На заборахъ, на дворахъ, на стволахъ деревьевъ, на тропинкахъ, ведущихъ къ заводамъ, въ большемъ, чѣмъ прежде, количествѣ продолжали появляться прокламаціи. Наконецъ, стали обыватели получать прокламаціи по почтѣ. Кромѣ города, прокламація были разосланы и по станицамъ Уже послѣ ареста и обысковъ распространена въ Екатеринодарѣ и Новоросейскѣ прокламація къ обществу; потомъ прокламація о судѣ надъ Тихорѣцкими рабочими. Въ продолженіи зимы происходили чтенія кружка рабочихъ. Широко захватывая всѣ слои населенія, распространялась литература... Характеръ и темпъ работы сразу измѣнила Златоустовская бойня. Чтенія, иногда посѣщавшіяся неаккуратно, ожавились. Сразу возросъ спросъ на литературу, и рабочіе начали поговаривать о чемъ нибудь болѣе активномъ, чѣмъ чтенія. На одной сходкѣ, незадолго передъ пасхой, большинствомъ 20 противъ двухъ былъ вырѣшенъ вопросъ о демонстраціи на первое мая. Въ виду такого положенія вещей мѣстнымъ работникамъ приходилось напрягать всѣ силы, чтобы подготовить демонстрацію. Была распространена прокламація о томъ, что такое демонстрація. Послѣ Кишиневскаго погрома была распространена прокламація „Донского Комитета“ о томъ, кто наши враги и друзья. На сходки приходили все новые и новые рабочіе. Наконецъ, на послѣдней сходкѣ, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, были замѣчены въ кустахъ двое переодѣтыхъ полицейскихъ. За день до демонстраціи было произведено нѣсколько арестовъ. Арестованы были совсѣмъ не задѣтые пропагандой рабочіе, и на допросахъ они дали жандармамъ описаніе внѣшности ораторовъ. Это, однако, не помѣшало рабочимъ собраться еще разъ передъ предполагавшейся демонстраціей, для обсужденія чисто технической стороны ея. Въ ближайшее къ первому мая воскресенье, на которое была назначена демонстрація, городъ наводнили, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, шпіонами, переодѣтыми и не переодѣтыми казаками и жандармами. Встрѣтили одного жандарма въ гимназической тужуркѣ — очевидно, не хватило костюмовъ. Но всѣ эти приготовленія оказались излишними. Утромъ, по разсказамъ одного интеллигента, на рынкѣ видѣли оратора, призывавшаго къ избіенію евреевъ. И возможность — при малой культурности населенія — еврейскаго погрома сильно ослабила настроеніе подготовлявшихъ демонстрацію. Въ довершеніе всего произошло небольшое недоразумѣніе со знаменемъ. Его удалось взять съ квартиры, гдѣ оно хранилось, слишкомъ поздно, и, вдобавокъ, нѣкоторые весьма подозрительные признаки заставили товарища, взявшаго знамя, въ тотъ же день уѣхать изъ Екатеринодара. Было арестовано пять-семь рабочихъ. Приподнятое настроеніе продержалось еще нѣсколько дней; но демонстрація не состоялась. Причиной этому, конечно, послужили не мѣры полиціи, арестовавшей наугадъ около десятка рабочихъ, не принимавшихъ въ организаціи демонстраціи никакого участія и наводнившей городъ шпіонами и казаками, а тотъ короткій срокъ, впродолженіе котораго подготовлялась демонстрація и низкій уровень мѣстныхъ рабочихъ. Настроеніе улеглось, но конечно не надолго. Порукою тому — тотъ энтузіазмъ, съ которымъ рабочіе относились къ рѣчамъ ораторовъ на собраніяхъ. Всѣ арестованные по этому дѣлу въ іюнѣ были выпущены.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСКЛЮЧЕНІЕ МИЛЬЕРАНА ИЗЪ ПАРТІИ ЖОРЕСИСТОВЪ.

4 января сенская федерація „французской соціалистической партіи“ (т. е. партіи мильеранистовъ и жоресистовъ) вотировала 65 голосами противъ двухъ слѣдующую резолюцію:

„Гражданинъ Мильеранъ, на конгрессѣ въ Бордо, формально обязался стать дисциплинированнымъ солдатомъ и идти рука объ руку со своими товарищами изъ парламентской соціалистической группы. Это было формальное обѣщаніе, что онъ оставитъ свою индивидуалистическую политику. — Эту политику, которая является полнымъ отрицаніемъ существенныхъ принциповъ соціализма и послѣдствія которой отразились не только во Франціи, но и во всемъ интернаціональномъ соціализмѣ, гражд. Мильеранъ не только продолжалъ, но все болѣе утверждался въ ней, нарушая такимъ образомъ свои обязательства и всѣ свои обѣщенія, особенно вотумомъ отъ 23 ноября, когда изъ всей парламентской соціалистической группы онъ одинъ голосовалъ съ реакціей. — Въ виду этихъ фактовъ, соціально-революціонная федерація сенскаго департамента, принимая во вниманіе, что такое поведеніе вызываетъ сильное смятеніе и смѣшеніе понятій въ партіи; что все перестаетъ быть вопросомъ принципа и становится вопросомъ обстоятельствъ; что политика превращается исключительно въ дѣло компромиссовъ и измѣны; что пропаганда среди рабочихъ становится невозможною; что чувство отвращенія овладѣваетъ наиболѣе старыми и твердыми членами партіи; что активные дѣятели теряютъ энергію и вѣру; что группы распадаются; что вся партія отравляется этимъ ядомъ; что жизненные интересы соціализма требуютъ, чтобы принята была энергичная мѣра, оправдываемая той сознательностью съ которой дѣйствуетъ гражданинъ Мильеранъ; принимая во вниманіе, что избирательный комитетъ гражданина Мильерана заявилъ, что онъ солидаризируется со своимъ депутатомъ, — постановляетъ: избирательный комитетъ гражданина Мильерана исключается изъ французской соціалистической партіи въ виду вотумовъ этого послѣдняго, равно какъ и самъ гражданинъ Мильеранъ“.

Въ этой резолюціи (текстъ которой мы нарочно привели цѣликомъ, потому что онъ очень яркими красками, устами самихъ жоресистовъ, рисуетъ состояніе жоресистской партіи) прежде всего поражаетъ крайнее несоотвѣтствіе приговора съ вызвавшими его мотивами. Послѣ конгресса въ Бордо Мильеранъ почти всегда голосовалъ вмѣстѣ со своими товарищами-жоресистами, не потому, конечно, что онъ перемѣнилъ свое „поведеніе“, а потому, что жоресисты все больше приближались къ нему. Всѣ они вмѣстѣ голосовали за то, чтобы войска не были отозваны изъ Сѣвернаго департамента, когда рабочіе текстильной промышленности объявили стачку; вмѣстѣ они голосовали за правительство, когда парижскій префектъ варварски избилъ безоружныхъ рабочихъ, устроившихъ собраніе въ Биржѣ труда; вмѣстѣ они голосовали бюджетъ тайной политической полиціи; вмѣстѣ они метали громы и молнія противъ итальянскихъ товарищей, рѣшившихъ освистать русскаго царя; вмѣстѣ, словомъ, они совершенно оставили пролетарскую политику и считаютъ себя не больше, какъ „лѣвымъ флангомъ партіи реформъ“, объявляя революціонный соціализмъ „дѣтской утопіей“ и „забавой“. Почему же одному Мильерану расплачиваться за всю „партію“?!

Правда, сенская федерація ссылается на вотумъ Мильерана отъ 23 ноября. Въ этотъ день одинъ радикальный депутатъ предложилъ въ палатѣ, чтобы французское правительство предложило другимъ правительствамъ приступить къ постепенному разоруженію. Изъ всѣхъ крайнихъ радикаловъ и соціалистовъ одинъ Мильеранъ, дѣйствительно, вотировалъ противъ этого предложенія. Но, вѣдь, онъ можетъ сказать, что такое требованіе въ современномъ буржуазномъ обществѣ есть не больше, какъ „дѣтская утопія“, „забава“, „платоническая манифестація“ — и въ гораздо большей степени, чѣмъ отказъ вотировать бюджетъ тайной полиціи — противъ соц. партіи — и всѣ прочіе вотумы, перечисленные выше.

Допустимъ, что вотумъ Мильерана противъ разоруженія есть вотумъ гнусный. Но развѣ этотъ вотумъ могъ вызвать всю деморализацію и дезорганизацію, все разложеніе „партіи“, картину котораго столь ярко рисуетъ намъ резолюція сенской федераціи? Конечно, нѣтъ, — и это не могутъ не сознавать сами авторы резолюціи. Что „партія“ разлагается — это вѣрно, но вызвано это разложеніе *всей* политикой Мильерана. Эта политика была и продолжаетъ быть политикой Жореса и всѣхъ жоресистовъ, которые тянутся въ хвостѣ радикальной партіи, не обнаруживая даже и той нѣкоторой смѣлости, которая отличаетъ нѣкоторыхъ простыхъ радикаловъ.

Резолюція сенской федераціи есть, по самому тексту своему, протестъ противъ *всей* этой политики, но протестъ трусливый, протестъ изъ за угла. Мильеранъ теперь активной роли не играетъ. Его престижъ въ партіи давно палъ. Вся отвѣтственность за политику „партіи“ послѣднихъ двухъ лѣтъ падаетъ исключительно на Жореса, дѣйствительнаго вожака ея, единственной ея теоретической силы, единственнаго автора всѣхъ „компромиссовъ и измѣнъ“. Мильеранъ поставилъ „принципъ“, сдѣлалъ первый практическій шагъ, — дальнѣйшее развитіе этого „принципа“ и этой практической политики принадлежитъ Жорессу. Но четыре года „сотрудничества классовъ“ настолько лишили мужества и смѣлости всю партію жоресистовъ, въ томъ числѣ и сенскую „соціально-революціонную“ федерацію, что она не рѣшается выступить противъ Жореса и его системы, — потому что Жоресъ боролся бы, и это значило бы признать, между прочимъ, и свое полное банкротство, — и предпочитаетъ свалить всю вину на Мильерана, который могъ только обрадоваться своему изгнанію, потому что его и безъ того тяготило пребываніе въ рядахъ партіи, связывавшей — хоть и въ очень слабой степени — его „иниціативу“.

Но какимъ бы слабымъ, трусливымъ, замаскированнымъ протестомъ ни была резолюція сенской федераціи, — это, всетаки, протестъ. И этотъ протестъ, рядомъ со многими другими фактами, показываетъ, что партія Жореса идетъ быстрыми шагами къ разложенію. Сумѣютъ ли наши товарищи, французскіе соціальдемократы, — теперь же использовать во всемъ объемѣ этотъ фактъ, — вотъ вопросъ, на который, откровенно говоря, мы бы сейчасъ не рѣшились дать опредѣленный отвѣтъ. К. Д.

СТАЧКА ВЪ КРИММИЧАУ.

Въ безконечно сложной жизни капиталистическаго общества трудно бываетъ часто разобраться во всей многообразной связи отдѣльныхъ эпизодовъ ея, трудно уловить то общее, главное, что красною нитью проходитъ черезъ всѣ — подчасъ, казалось бы, не имѣющія никакой связи между собою — перипетіи борьбы и треволненій отдѣльныхъ, изолированныхъ другъ отъ друга общественныхъ группъ и группокъ. И особенно трудно тому, кто подходитъ къ этой жизненной сутолокѣ съ однимъ „здравымъ смысломъ“, съ кругозоромъ не расширеннымъ путеводною нитью вѣрной и всеобъемлющей теоріи. Всѣ колесики громадной общественной машины движутся, на первый взглядъ, совершенно независимо и отдѣльно другъ отъ друга: тутъ стачка, тамъ демонстрація, тамъ война, тамъ „мирное сотрудничество“ рабочихъ и хозяевъ, тамъ крики „долой самодержавіе“, тамъ — „да здравствуетъ соціализмъ“... И все это, повидимому, странно, непонятно, не связанно между собою... Кажущаяся изолированность явленій вызываетъ и проекты изолированныхъ „средствъ“ противъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Профессіональные союзы, третейскіе суды, соглашенія хозяевъ и рабочихъ, мирныя конференціи, реформы — все это поочередно фигурируетъ въ качествѣ всеисцѣляющаго средства въ представленіи тѣхъ или другихъ идеологовъ „здраваго смысла“.

И вдругъ, какъ бы электрическая искра упадетъ во всю эту сумятицу мелкой повседневной борьбы и повседневныхъ столкновеній и сразу освѣтитъ ихъ глубокую взаимную связь, ихъ обусловленность, ихъ подчиненность одной основной тенденціи жизни капиталистическаго общества; и сразу мелкое, изолированное событіе, ничѣмъ, казалось бы, не выдающееся изъ ряда другихъ, такихъ же мелкихъ и такихъ же обыденныхъ, превращается въ ясно видимый для всѣхъ эпизодъ единой грозной борьбы, составляющей основное содержаніе всей жизни современнаго общества, борьбы пролетаріата со всѣмъ угнетающимъ его строемъ. И сразу всѣмъ, даже самымъ ослѣпленнымъ узостью своего „здраваго смысла“, становится понятно, какъ тѣсно, неразрывно связаны между собою всѣ части единаго общественнаго механизма, какъ смѣшны и жалки мечтанія о панацеяхъ мелкихъ средствъ.

Такова была судьба стачки, исторію которой мы хотимъ разсказать читателю. Начавшись по мелкому въ сущности поводу, ограниченная небольшой сравнительно группой рабочихъ и ихъ хозяевъ, она постепенно приковала къ себѣ вниманіе сознательнаго пролетаріата всѣхъ странъ, пріобрѣла значеніе важной и поучительной главы въ исторіи развитія классовой борьбы пролетаріата съ капиталистическимъ обществомъ. Но будемъ разсказывать по порядку.

I.

5 мѣсяцевъ уже, какъ маленькій рабочій городокъ въ Саксоніи Криммичау является ареной отчаянной борьбы между рабочими и предпринимателями. Начиная съ половины августа 1903 г. 7500 ткачей и прядильщиковъ, мущинъ и женщинъ, выдерживаютъ бойкотъ 1) со стороны предпринимателей, требующихъ отъ нихъ, какъ условія возобновленія работъ на фабрикахъ, безусловнаго подчиненія и отказа отъ всякихъ претензій. Подавленные и измученные тяжелымъ, непосильнымъ трудомъ, вѣчнымъ недоѣданіемъ и невозможными условіями существованія, рабочіе горькимъ опытомъ пришли, наконецъ, къ убѣжденію, что только требованія, настойчивыя требованія и упорная открытая борьба за нихъ могутъ хоть сколько-нибудь улучшить ихъ положеніе.

Больше четырехъ лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1899 года, рабочіе города Криммичау на громадномъ собраніи высказались за сокращеніе рабочаго времени и тогда же обратились къ союзу предпринимателей съ „покорной“ просьбой облегчить ихъ участь введеніемъ 10-тичасового рабочаго дня. Отвѣтомъ былъ категорическій отказъ. Производство въ Криммичау не въ состояніи выдержать самаго незначительнаго сокращенія рабочаго дня, какъ объяснили фабриканты. При переговорахъ съ отдѣльными хозяевами, одни заявляли, что они готовы скорѣе прекратить свое производство, чѣмъ согласиться на сокращеніе рабочаго дня; другіе, выражая рабочимъ свое сочувствіе, отдѣлывались отъ нихъ туманными, ни къ чему не обязывающими обѣщаніями. И все осталось попрежнему. На слѣдующій годъ движеніе среди рабочихъ въ Криммичау возобновилось, и они снова обратились къ фабрикантамъ, и съ прежнимъ успѣхомъ, со своей прошлогодней просьбой. То же самое повторилось и въ 1901 году. Фабриканты ничего и слышать не хотѣли ни о повышеніи заработной платы, ни о сокращеніи рабочаго дня. Между тѣмъ текстильное производство шло въ гору, барыши росли, а техническія усовершенствованія, увеличивая производительность труда, требовали отъ рабочихъ все большаго и большаго напряженія и физическихъ, и нервныхъ силъ. Прядильное колесо, напримѣръ, дѣлавшее когда то меньше 40 оборотовъ въ минуту, теперь дѣлало уже свыше 80, и рабочему приходилось напрягать все свое вниманіе, чтобы поспѣвать за машиной. Люди изнурились при такихъ условіяхъ до послѣдней степени, и сокращеніе рабочаго дня являлось крайней необходимостью. И дѣйствительно, почти по всѣмъ городамъ Германіи въ текстильномъ производствѣ былъ введенъ 10-тичасовой рабочій день. Даже въ сосѣднемъ съ Криммичау городѣ, въ Мееранѣ рабочимъ удалось наконецъ добиться зимою 1901-1902 года послѣ четырехмѣсячной забастовки введенія 10-ти часового рабочаго дня. Ссылаясь на это, рабочіе города Криммичау сдѣлали въ мартѣ 1902 года новую, уже четвертую, попытку склонить хозяевъ къ добровольному сокращенію рабочаго дня. Рабочіе, на этотъ разъ уже въ лицѣ своей организаціи — криммичаускаго отдѣла общегерманскаго союза текстильныхъ рабочихъ, „почтительно просили“ уважаемый союзъ предпринимателей оказать рабочимъ и работницамъ города Криммичау „благодѣяніе“ и назначить для обѣденнаго перерыва полтора часа, сокративъ такимъ образомъ рабочій день. Четвертая попытка рабочихъ снова потерпѣла неудачу. То, что было возможно для фабрикантовъ сосѣдняго города Меерана, оказывалось невозможнымъ для фабрикантовъ города Криммичау. Послѣдняя неудача вызвала глубокое броженіе среди рабочихъ. Организація ихъ стала быстро расти. Даже старики записывались въ ея члены. Но и въ этотъ разъ рабочіе не предприняли никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ. Казалось, долготерпѣнію и кротости ихъ нѣтъ предѣла. Такъ привыкли думать и фабриканты. Они ни на минуту не допускали мысли, что эти покорные, подавленные непосильнымъ трудомъ ткачи и прядильщики смогутъ когда нибудь поднять голову, смогутъ заговорить рѣшительнымъ языкомъ. И однако . . . такой моментъ наступилъ. Пролетарская душа заговорила въ покорныхъ массахъ.

25 іюля 1903 г. въ Криммичау состоялось два огромныхъ собранія текстильныхъ раб. Оба эти собранія единогласно высказались за предъявленіе фабрикантамъ рѣшительныхъ требованій. На слѣдующій же день Комитетъ криммичаускаго отдѣла общегерманскаго союза текстильныхъ раб., которому было поручено привести въ исполненіе постановленіе собраній, обратился къ союзу предпринимателей съ письмомъ, въ которомъ категорически предлагалось сократить рабочій день до 10 часовъ и одновременно повысить на $10^0/_0$ заработную плату для всѣхъ рабочихъ, занятыхъ сдѣльно. Рабочіе ждутъ отвѣта до 1 августа, чтобы затѣмъ принять какое нибудь рѣшеніе, говорило между прочимъ письмо. Фабриканты сразу уловили въ немъ совершенно непривычныя для себя ноты и тянуть съ отвѣтомъ, какъ это бывало раньше, не рѣшились. Отвѣтъ былъ данъ до 1 августа, но, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ слишкомъ уклончивый, чтобы кого нибудь удовлетворить. Состоявшіеся переговоры фабрикантовъ съ представителями отъ рабочихъ также ни къ чему не привели. Терпѣніе рабочихъ истощилось.

Въ тотъ же вечеръ произошло нѣсколько собраній, и на другой день рабочіе пяти фабрикъ, человѣкъ 600, объявили забастовку. Такой „дерзости“ никто изъ фабрикантовъ не ожидалъ. Требованія, предъявленныя рабочими, были крайне умѣренны. Онѣ сводились къ сокращенію рабочаго дня на $^3/_4$ часа (старое требованіе 10-ти часового рабочаго дня) и къ небольшому повышенію заработной платы — выполнить эти требованія фабрикантамъ ничего не стоило. Но „текстильные бароны“, какъ ихъ называютъ въ Саксоніи, города Криммичау, этого глухого, забытаго всѣми уголка, слишкомъ сжились со своей властью и слишкомъ привыкли къ безотвѣтности рабочихъ массъ, чтобы пойти на какія нибудь уступки. Новая струя, которую они начали замѣчать за послѣднее время среди своихъ рабочихъ, возмущала ихъ до глубины души. Всякое, болѣе или менѣе независимое проявленіе со стороны рабочихъ встрѣчалось ими какъ личное оскорбленіе, какъ нарушеніе своихъ кровныхъ правъ. Главнымъ виновникомъ всего этого они считали быстро ростущую рабочую организацію. Уступить теперь, значило содѣйствовать ея росту, значило поддержать бунтовщицкія наклонности рабочихъ. Къ тому же, послѣ грандіозной побѣды, одержанной германской соціальдемократіей 16 іюня этого же года при выборахъ въ рейхстагъ, всѣ германскіе фабриканты начали особенно ревниво оберегать свои „права“. Достойнымъ образомъ отвѣтить на дерзость рабочихъ, сломить ихъ упорство, въ корнѣ подорвать ихъ организацію и доказать имъ свою силу, вотъ какія задачи стали передъ фабрикантами. Тотчасъ же было принято рѣшеніе отвѣтить на забастовку 600 рабочихъ на пяти фабрикахъ закрытіемъ *всѣхъ* текстильныхъ фабрикъ въ городѣ впредь до полнаго и безусловнаго подчиненія рабочихъ волѣ своихъ работодателей Вызвать этой мѣрой страхъ и ужасъ среди рабочихъ, заставить ихъ сложить оружіе и однимъ ударомъ покончить со всѣмъ движеніемъ, вотъ на что разсчитывали фабриканты. Ихъ разсчеты не оправдались. Крикъ негодованія и возмущенія пронесся по рядамъ рабочихъ. Жажда борьбы охватила массы, борьбы за право на человѣческое существованіе. Спокойно и съ достоинствомъ покинули рабочіе свои фабрики, и долго еще въ этотъ августовскій вечеръ не замолкали улицы обыкновенно тихаго рабочаго городка.

Такъ началась эта борьба, вскорѣ разгорѣвшаяся благодаря вмѣшательству фабрикантовъ другихъ городовъ и правительства съ одной стороны и всего германскаго пролетаріата съ другой, въ грандіозную классовую борьбу. О всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы мы разскажемъ въ слѣдующемъ номерѣ „Искры“.

---

1) Бойкотъ или локоутъ — новая форма борьбы, примѣняемая предпринимателями противъ рабочихъ. Она состоитъ въ томъ, что хозяева въ отвѣтъ на забастовку *части* рабочихъ пріостанавливаютъ работу на всей фабрикѣ или на нѣсколькихъ фабрикахъ. При отсутствіи готовности примкнуть къ борьбѣ и поддержать стачечниковъ, выброшенные такимъ образомъ на улицу рабочіе могутъ оказать давленіе на стачечниковъ и заставить ихъ подчиниться. На это и разсчитываютъ предприниматели.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ редакціи. Заграничный представитель Ц. К. выпустилъ отдѣльнымъ листкомъ свое заявленіе по поводу замѣтки, помѣщенной редакціей въ № 55, въ отвѣтъ на письмо товарища Ленина.

По существу своего заявленія товарищъ изъ Ц. К. получитъ отвѣтъ въ подготовляемой нами къ печати брошюрѣ, о которой мы уже говорили. Что же касается непомѣщенія нами его письма въ „Искрѣ“, то онъ знаетъ, что мы возбудили передъ Ц. К. вопросъ, беретъ ли послѣдній на себя отвѣтственность за „боевыя“ дѣйствія упомянутаго товарища, и впредь до полученія недвусмысленнаго утвердительнаго отвѣта на этотъ запросъ мы не можемъ позволить этому товарищу на столбцахъ „Искры“ дѣлать утвержденія, могущія, по нашему мнѣнію, поставить Центральный Комитетъ Партіи въ затруднительное положеніе.

Въ редакцію доставлены слѣдующія воззванія партійныхъ организацій: **Бакинскаго Комитета** — „Ко всѣмъ товарищамъ“. **Томскаго Комитета** — „Рабамъ Николая II“ (по поводу приговора о демонстраціи 18 февраля); **Полтавскаго Комитета** — „Ко всѣмъ учащимся“; **Екатеринославскаго Комитета** — „Къ мукомоламъ“; **Харьковскаго Комитета** — „Къ обществу“. **Донскимъ Комитетомъ** издана прокламація — „Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Асмолова“. **Петербургскимъ Комитетомъ** за октябрь и ноябрь изданы прокламаціи: 1) „Гомельскій погромъ“, 2) „Таганрогскій судъ“, 3) „Неудавшаяся поѣздка царя въ Вѣну“, 4) „О сверхурочныхъ работахъ“, 5) „Новый законъ объ увѣчьяхъ“ — по 10.000 экземпляровъ; сверхъ того отдѣльные листки для 1) Патроннаго завода (три листка), 2) Инструментальнаго, 3) Пороховаго, 4) Виннаго склада, 5) Къ наборщикамъ, 6) Заводъ Мельзера и др.

Вышли слѣдующія изданія: **Правдинъ.** Революціонные дни въ Кіевѣ, съ приложеніемъ статьи Вѣры Засуличъ. **Н. Троцкій.** II съѣздъ Р. С.-Д Р. П. (отчетъ сибирской делегаціи).

Некрологъ: 5 декабря въ Нижнемъ-Новгородѣ скончался 38 л. отъ роду **А. В. Пановъ**, принимавшій близкое участіе въ революціонномъ движеніи. Въ 1890 г. покойный — въ то время студентъ духовной академіи — былъ арестованъ по дѣлу Сабунаева и, кромѣ предварительнаго заключенія, отсидѣлъ одинъ годъ въ петербургскомъ „Крестѣ“. Въ 1896 году Пановъ былъ снова арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ; продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ окончательно подорвало и безъ того слабое здоровье покойнаго. Послѣ тюрьмы послѣдовалъ двухгодичный гласный надзоръ въ Самарѣ, и только въ 1899 году А. В. Пановъ снова вернулся въ Нижній, но уже смерть стояла за плечами.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Были аресты послѣ вечеринки технологовъ. Арестованъ прис. повѣренный Волкенштейнъ и высланъ на пять лѣтъ въ Олонецкую губернію за рѣчь, сказанную имъ на вечеринкѣ; инженеръ-технологъ Смирновъ — пять мѣс. Крестовъ; студенты техники Коганъ и Шапшалъ. **Таганрогъ.** Арестована въ 20 числахъ декабря типографія и при ней четыре человѣка. **Томскъ.** Въ первыхъ числахъ декабря взята типографія При ней взято два человѣка. **Иркутскъ.** Въ концѣ ноября арестованы супруги Гутовскіе (освобождены), Новодворскій, Поповъ, Виноградовъ и Лусецкій. **Красноярскъ.** Арестованы супруги Бойцовы. **Вильно.** Въ здѣшней тюрьмѣ, такъ называемой № 14, кромѣ старыхъ заключенныхъ, прибавилось около 15 человѣкъ новыхъ. Вотъ фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ: Анна Барышникъ (акушерка), Коганъ (инт.), Ольга Гродзенская (инт., выпущ. послѣ $2^1/_2$ недѣль), Эсфирь Сольцъ (фарм.), Огузъ (раб., выпущенъ). **Харьковъ.** Къ 1 декабря въ мѣстныхъ тюрьмахъ сидѣло по политическимъ дѣламъ 64 человѣка. Высланы въ Архангельскую губернію до приговора Воронцынъ, Смирнова, Моравскій; въ Сибирь до приговора: Агаревъ, докторъ Леоновъ, Матвѣевъ; на три года въ Восточную Сибирь писатель Фоминъ. **Сумы.** Пятаго августа арестовано 60-70 человѣкъ интеллигентовъ и рабочихъ. Сидѣли въ Сумахъ и другихъ уѣздныхъ тюрьмахъ. Теперь большинство выпущено; остались три человѣка въ Юнаковкѣ: Горохъ (два брата) и Ковалевскій, и восемь въ Богодуховѣ: Гавриловичъ, Альбертъ (инт.), Ад. Гетлеръ (бывш. студ.), Степановъ (бывш. студ.), Киріевскій, Ликстановъ и рабочіе: Феня, Іосифъ, Барановъ, Завальный. Обвиняются по ст. 250, 251 и 1037. Климъ Фроловъ, осужденный харьковской судебной палатой на $2^1/_2$ года испр. арест. отд. за распространіе прокламацій, переведенъ изъ Харькова для отбыванія наказанія. Въ Богодуховѣ онъ покушался на самоубійство, но его спасли. Держали его на общемъ положеніи, въ арестантской одеждѣ.

Нижній-Новгородъ. Провокація въ нашемъ городѣ усиленно насаждается новымъ начальникомъ сыскного отдѣленія Грингоромъ. Онъ призываетъ къ себѣ рабочихъ и ведетъ съ ними рѣчи въ зубатовскомъ духѣ, вродѣ того, что „мы — за рабочихъ. только расходимся съ соціальдемократами въ средствахъ“.

На дняхъ было арестовано собраніе рабочихъ и интеллигентъ, который былъ съ ними. Вотъ ихъ фамиліи: Наумовъ (интел.), недавно пріѣхалъ изъ Перми; Обошниковъ, Гордѣевъ, Козловъ. Чимборисовъ, (раб.), дѣв. Рабиновичъ. Кромѣ того, взяты двѣ дѣвицы портнихи и Бѣлявская (тоже портниха); послѣднія три у себя на квартирахъ. Предполагаютъ доносъ. Шпіоновъ масса. Пришелъ приговоръ Комолову — 5 л. Арх. губ. **Харьковъ.** Въ ночь на 19 сент. были обыски у студ. унив.: братьевъ Барсадаковыхъ, Одоло-Кулакъ, Флокъ, Ковалевскаго и др. У пр. пов. Михновскаго опечатана квартира. Обыскъ у инжен. Ходкевича Арестованы: студ. техн. Хоменко и Гордіенко, ст. унив. Б. Мартосъ и Антоновскій, студ. вет. бр. Михновскіе, С. и П. Андріевскіе, одинъ съ литературой, Яновскій, фельдш. Безкровная и еще трое рабочихъ и одинъ технологъ. 18 арест. по приказу изъ Кіева гимназистъ VIII класса Горденко. Образовалась организація ветеринаровъ. **Елисаветградъ.** На дняхъ были арестованы и немедленно отправлены на 5 л. въ Вост. Сибирь Цехновицеръ и М. Дашевскій. Искали еще троихъ, но тѣ успѣли скрыться. Новымъ тутъ было то, что „приговоръ“ пришелъ совершенно неожидано. Кромѣ Дашевскаго никто не былъ прив. ни къ какому „дѣлу“ и даже не вызывался на какіе бы то ни было допросы. — 15 ноября ночью было накрыто собраніе въ 60 человѣкъ. Арестовано изъ нихъ 25 чел., остальные разбѣжались. Среди арестованныхъ называютъ слѣдующія имена: М. Стародубскій, Б. Гричевскій, Алексѣй Гордѣевъ, Илья Петлицкій (портной), Григорій-мельникъ. Виновникъ провала — проникшій на собраніе шпіонъ.

Кострома. Изъ Полтавской тюрьмы привезенъ Панфиловъ, арестов. весной въ Костромѣ на улицѣ, по доносу провокатора Кубрякова. Кубряковъ, раб. только что отбылъ гласный надзоръ въ Саратовѣ по Костр. дѣлу 1900 г., теперь онъ получаетъ жалованье отъ жанд. управл. Предупреждаемъ товарищей объ этомъ безусловно вредномъ провокаторѣ, тѣмъ болѣе, что говорятъ, онъ будто уѣзжаетъ изъ Костромы, гдѣ его уже узнали и недавно основательно побили. Панфиловъ будетъ судиться въ окр. судѣ за проживательство по чужому паспорту.

Вышли приговоры по дѣлу о демонстраціи 8-го мая въ Костромѣ: бывшій студ. Моск. Техн. Уч. Василій Крыловъ — 6 л. Вост. Сиб., раб. Куракинъ, взятъ со знаменемъ — 4 г., рабочіе Малышевъ, Корсаковъ, Даниловъ, Батуговскій, Былининъ и Поваровъ — на 3 г. Арханг. губ.

Арестованные наканунѣ демонстраціи и обвиняемые, какъ организаторы послѣдней, рабочіе Галочкинъ и Петровскій (по совокупности съ дѣломъ сѣвернаго рабочаго союза 1902 г.) по 4 г. Вост. Сиб. Вышли еще приговоры по апр. (902 г.) дѣлу о распр. майскихъ прокламацій: стат. Иванъ Никон. Савинъ и Метелкинъ — 3 г. Арх. губ., стат. Батуевъ и уч. химико-техническаго училища Тарелкинъ — 2 г. глас. надз.

За революціонные возгласы въ Костромскомъ дворянскомъ собраніи во время студ. концерта въ февралѣ 903 г. высл. моск. студенту Борису Яковлеву — 2 м. ареста при полиціи.

Въ ноябрѣ въ Костромѣ арестованы: Иванъ Арефьев. Санжуръ, интел. (у него найдено $2^1/_2$ пуда нелегальн. литературы), Василій Козловъ, сотрудникъ „Сѣвернаго Края“, Павелъ Лебедевъ. акциз. чиновн., Н. Романовъ, домовладѣлецъ, Е. С. Ширская, оконч. гимназію, Барабановъ Конст., рабочій, только что отбывшій глас. надз. въ Казанской губ. по Костром. дѣлу 900 г., Кулицкій и Задоринъ, раб., Мальцевъ и Лебедевъ, рабочіе, Лебедевъ и Клавдіевъ, учен. химико-технич. учил., послѣдніе 4 на другой день освобождены. Раб. Горшковъ, мужъ и жена Принцевы, рабочіе Шотманъ, Андреевъ и Бутягинъ. Былъ обыскъ у Загайной.

Полицейскій десятскій подгородной Ипатіевской слободы Комаровъ, арест. въ іюлѣ за разбр. проклам. Костр. Ком., сосланъ на 3 г. въ Арханг. губ.

Дѣло о стачкѣ разбиралось, какъ уголовное, въ Костр. окр. судѣ, приг. слѣдующіе: раб. Барабошкинъ — 1 г. арест. ротъ, Рубцовъ — тоже, Потаповъ — 2 г. арест. ротъ, трое по 3 мѣс. тюрьмы: Петровъ, Соглачаевъ, Кашинъ; 16 чел. оправдано.

Кременчугъ. Получили приговоры: Іосифъ Молдавскій — 6 л. Вост. Сиб. за очень странное провокатор. дѣло, гдѣ не было никакихъ уликъ, Мотька Смолянскій, мѣстное дѣло нынѣшняго года о распространеніи первомайскихъ листковъ — 3 г. Вост. Сиб. Александра Титаренко отправляютъ въ Вост. Сиб. до приговора. (Привлекается по ростовскому и др. дѣламъ). Извѣстны приговоры по Черниговъ. дѣлу типограф. соц.-рев. Шапиро 10 л. В. С. По Екатер. прошлогоднему дѣлу с.-р. Мееру Добровенскому — годъ отсидки и затѣмъ 5 л. Вост. Сиб.

Москва. Въ Бутырскую тюрьму въ декабрѣ прибыли слѣдующія лица, идущія въ Восточную Сибирь: Липкинъ (частный учитель) по Рославскому (Смоленской губ.) дѣлу с.-р. на 3 года Восточ. Сибири; Беньяминовичъ, портной, по Ковенской демонстраціи въ театрѣ на 3 г.; Зилотинъ, учитель, по Тамбовскому дѣлу с.-р., Багаевъ, рабочій, по Сѣверн. Раб. Союзу и Меленковско-Муромской крестьянско- рабочей организаціи до приговора; по дѣлу Виленской театральной демонстраціи рабочіе: Гейликманъ, Шицъ, Чижевскій и Шейнкманъ — 5 л. В. Сиб., Капланъ — 6 л., Кикоенъ — 3 г., Сергинъ — 4 г. Вост. Сиб.; работницы: Лія Каганъ и Сара Вишнарисъ — 3 г. Вост. Сиб., Магидинъ, раб., по Одесскому с.-р. дѣлу — 4 г. В. Сиб.; Перельманъ и Унгеръ, рабочіе, по Лодзинскому дѣлу Бунда до приговора; Глейберманъ, акушерка по Бѣлостокскому дѣлу Бунда до приговора; Абрамъ Бернадикъ, по Виленскому дѣлу Бунда — 6 л. В. Сиб.; Мещеряковъ, инж., по дѣлу Московскаго комитета Р. С.-Д. Р. П., до приговора.

13 декабря идетъ партія въ Вост. Сибирь изъ слѣдующихъ лицъ: упомянутые выше Зилотинъ, Чижевскій, Капланъ, Кикоенъ, Лія Каганъ, Вишнарисъ и Глейберманъ, Мещеряковъ. Затѣмъ слѣдующія лица: Ривкинъ, врачъ, Ривкина-Блуфштейнъ, его жена — на 5 и 4 г.; Гинсбургъ, сынъ купца, — на 3 года; по Рославскому дѣлу с.-р.: Штейманъ, Золотовицкій, рабочіе, — на 5 л., Миллеръ, рабочій, — на 3 г.; по Витебскому дѣлу Бунда: Каплановичъ, част. учитель, изъ Вильно за с.-р. пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ — на 3 г.; Комоловъ Макаръ, хоз. мастерской изъ Нижняго, за с.-д. пропаганду среди войска и крестьянъ — на 5 л.; Рабиновичъ, фармац., по СПБ. Комитету Р. С.-Д. Р. П.; Зильбербергъ, раб., по Лодзинскому и Бѣлостокскому дѣлу Бунда; Бѣленковъ, раб., и Юзвинскій по Одесскому дѣлу с. р. — до приговора; Богдановъ, б. студентъ Лѣсного Института, по СПБ. Союзу Борьбы 1901 г., Костром. с.д. дѣлу 901 г., Сѣверн. Раб. Союзу и Костр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 902 г. -- на 4 г.; Коганъ, част. учитель изъ Шклова, охр. пор. за неблагонадеж. вообще — на 5 л.; Минкинъ, раб. изъ Могилева, по дѣлу Бунда — на 3 г.; Левинъ, нелег., по Минскому дѣлу Бунда — на 5 л.; контрабандистъ изъ Варшавы и 5 контрабандистовъ изъ Вержболова идутъ охран. порядкомъ, какъ политическіе, первый — на 3 г., а остальные пять — на 5 л. В. Сиб. по подозрѣнію въ перевозкѣ эмигрантовъ.

Въ Архангельскую губ. идутъ солдатъ Ревенко на 3 г. и казакъ Асріевъ — на 4 года за то, что первый, будучи въ цѣпи во время Тифлисской демонстраціи, защищалъ демонстрантовъ, а послѣдній не только ихъ защищалъ, но даже уговаривалъ прочихъ казаковъ ихъ не трогать, Кряжинскій изъ Самары на 3 г., Калчанръ, рабочій, изъ Кіева, по дѣлу соціалистовъ-революц. по дѣлу Бакинской демонстраціи рабочіе: Волосовичъ, Асиріанцъ; Балагудзе, рабочій по дѣлу Батумской демонстраціи на 4 года и Баваніанцъ, — на 4 г. Багріану — на 4 г., Кахетелидзе раб. по дѣлу Тифл. демон. — на 3 г., Мартынова, 55 л., обвин. въ содержаніи конспиративной квартиры по Севастоп. соц.-дем. дѣлу — на 3 г., Ясинскій раб. изъ Одессы за пропаг. среди солдатъ — на 4 г., Косднеръ, раб, изъ Варшавы за стачку — на 3 г. Волог. губ.

Сосланы въ Вост. Сиб.: до приговора Леонила Биронтъ, по дѣлу Москов. Ком. Р. С. Д. Р. П.. Клириковъ, студ. Яросл. лицея по дѣлу Яросл. студ. Ком. на 3 г. и Квалевакъ, студ. изъ Варшавы по дѣлу с.-д. Литвы и Польши — на 3 г.

Бѣжалъ изъ Восточной Сибири и прибылъ заграницу П. Лепешинскій (былъ сосланъ во второй разъ до приговора по дѣлу „Искры“).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Центр. Комитета. 25 р. отъ № 26; 500 фр. (406 мар.) черезъ Г. С. Д., изъ нихъ отъ В. черезъ А. 20 мар.; 5 мар. отъ С. К.

Въ кассу Ц. К. для изданія армянской литературы поступило съ вечера — 300 фр., изъ Ж. — 35 фр., изъ Л. — 40 кронъ. отъ неизвѣстнаго — 100 фр.

Отчетъ Заграничной Лиги Русск. Рев. Соц.-Дем. Изъ Берна за ноябрь — 475 фр. 50 с. (за литературу 242 фр. 60 с., изъ Сибири на „Искру“ 40 фр., Б. К. Ф. 75 фр., на „Искру“ 20 фр., съ реф. 58 фр. 70 с., на соц.-дем. литературу 32 фр. 80 с., карточки 6 фр. 40 с.), за декабрь — 508 фр. (за литературу 219 ф. 10 с., Б. К. Ф 159 фр. 55 с., съ вечера 81 фр. 60 с., членскіе взносы 37 фр. 50 с., карточки 10 фр. 25 с.). Отъ бернской сиб. и эмигрантской кассъ послано черезъ Лигу въ См. К. 20 фр, и въ Екат. на поддержку товарища 20 фр. Отъ Лозаннской сибирской кассы черезъ Лигу послано въ Сибирь 120 фр. Отъ Мюнхенской группы содѣйствія Партіи — 500 мар. Отъ Цюрихской группы — 372 фр. 50 с. Отъ Парижской группы — 200 фр. Отъ Лозаннской группы за ноябрь — 186 фр. 25 с., за декабрь — 303 фр. Отъ Болг. тов. 40 шилл.

Въ кассу Ц. К. Лигой передано за ноябрь декабрь 420 фр. и 500 мар. Для стачечниковъ въ Криммичау отправлено 50 фр.

П. П. Получено. Благодаримъ. — **Орелъ.** Письмо отъ 3-го декабря получили; ключъ Даши намъ неизвѣстенъ. Сообщите его, а также адресъ для переписки. — **№ 1001.** Получено. — **Емельяну.** Получены №№ 4 и 5.

Продолженіе статьи П. Б. Аксельрода, помѣщенной въ № 55, откладывается за недостаткомъ мѣста.

Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей просятъ насъ заявить, что въ виду конспиративныхъ соображеній, они вынуждены въ помѣщаемыхъ въ „Искрѣ“ отчетахъ ограничиваться одними иниціалами.

Типографія Партіи. Genève, Coulouvrenière, 27.

Приложеніе къ № 56 „Искры“.

Организаціонные вопросы.

(Письмо въ редакцію).

Уважаемые товарищи! Организаціонные вопросы живо волнуютъ въ настоящее время всѣхъ партійныхъ работниковъ. Среди нихъ, какъ намъ извѣстно, происходятъ теперь дискуссіи о нашемъ организаціонномъ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ Партіи. Эти горячія дискуссіи нашли *нѣкоторый* откликъ и въ „Искрѣ“. А рѣзкія организаціонныя разногласія повели къ воскрешенію Петербургской „рабочей организаціи“, опять отколовшейся отъ Комитета Партіи. Повели недавно къ образованію „демократической“ армянской организаціи, не признающей нашего „централистическаго“ устава. Партійный органъ является той платформой, съ которой передъ *всей* партіей обсуждаются вопросы, ее волнующіе. Обращаюсь, поэтому, къ редакціи съ просьбой дать мѣсто на страницахъ „Искры“ моему письму.

* * *

Организаціонный уставъ нашей Партіи построенъ на централистическомъ принципѣ (хотя нужно признаться, принципъ этотъ во многихъ отношеніяхъ не выдержанъ, напримѣръ, въ первомъ пунктѣ устава. Но объ этомъ послѣ).

Организаціонный централизмъ, какъ показываетъ и само слово, означаетъ объединеніе всей партіи около своего центра. Но онъ означаетъ также и *постепенную* перестройку партіи сверху внизъ. Усиленіе центра несомнѣнно должно имѣть своимъ послѣдствіемъ ростъ размаха мѣстной работы... Но и обратно. Центръ можетъ быть только тогда силенъ, когда всѣ партійныя организаціи проникнутся сознаніемъ важности имѣть сильный, крѣпкій партійный центръ. Когда кругомъ со стороны *всѣхъ* партійныхъ организацій ему будетъ оказываться широкое товарищеское содѣйствіе... И пока централизація только, такъ сказать, вводится въ партію, пока центръ еще не окрѣпъ, особенно серьезная обязанность каждой партійной организаціи, каждаго члена партіи *всѣми* силами укрѣплять центръ, стянуть къ нему въ руки *всѣ* партійныя нити. Такъ какъ *только въ такомъ случаѣ центръ можетъ проявить въ полномъ размѣрѣ свою работоспособность и этимъ оправдать передъ партіей довѣріе, оказанное ему актомъ выбора.* Мало того. Эта задача укрѣплять всѣми силами партійный центръ не прекращается для партіи и тогда, когда центръ болѣе или менѣе уже окрѣпъ; когда онъ уже въ состояніи проявить тотъ широкій размахъ своей партійной работы, на который, по существу, въ силу своего положенія, неспособна никакая мѣстная организація.

Вполнѣ понятенъ *мѣстный*, такъ сказать, „патріотизмъ“. Вполнѣ законно, и, по существу, даже обязательно, стремленіе мѣстныхъ дѣятелей сосредоточиться на мѣстной работѣ... И отсюда безусловно обязательно въ партіи раздѣленіе функцій между мѣстными и центральными учрежденіями. Но, какъ *соціальдемократы*, мы представляемъ интересы пролетаріата въ его цѣломъ; и поэтому приходскіе, профессіональные, областные или „національные“ интересы какой нибудь части пролетаріата мы должны всегда связывать съ интересами общеклассового пролетарскаго движенія. И вотъ для того, чтобы мѣстное движеніе шло къ той цѣли, которую классовое движеніе россійскаго пролетаріата ставитъ, необходимо мѣстное движеніе и мѣстныя силы соціальдемократовъ приводить въ возможно болѣе тѣсную, непосредственную, товарищескую связь съ центромъ для того, чтобы, поддерживая его своими силами, вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться совѣтами, указаніями болѣе свѣдущихъ, болѣе опытныхъ товарищей. Партійный центръ для нашей соціальдемократической партіи, самой организующейся и организующей пролетаріатъ для боевой кампаніи противъ царизма, центръ, повторяю, въ нашихъ глазахъ, для партіи то же, что для военной арміи генеральный штабъ.

Второй съѣздъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи превосходно понялъ это. Въ самомъ дѣлѣ. Вглядитесь въ нашъ уставъ. Онъ предоставляетъ нашему Центральному Комитету огромныя и вполнѣ законныя полномочія. Ц. К., гласитъ пунктъ шестой, организуетъ комитеты, союзы комитетовъ и всѣ другія учрежденія Партіи и руководитъ ихъ дѣятельностью. *Распредѣляетъ силы и средства Партіи* Вообще *объединяетъ и направляетъ* всю практическую дѣятельность Партіи. Далѣе. По пункту девятому, новыя партійныя организаціи утверждаются Ц. К. *Всѣ* постановленія Ц. К. обязательны для всѣхъ партійныхъ организацій, которыя обязаны также давать *опредѣленныя Ц. К.* средства въ *центральную* партійную кассу...

* * *

Но тутъ приходитъ къ намъ цѣлая толпа критиковъ централизма. Одни, и это болѣе послѣдовательные изъ нихъ, отвергая централизмъ, какъ способъ построенія партіи, отвергаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ централистическій уставъ.

Другіе, признавая централизмъ въ теоріи, на практикѣ, въ примѣненіи централистическаго устава сводятъ его къ красивой „вывѣскѣ“, только *предвѣщающей*, и то въ *далекомъ будущемъ*, дѣйствительное организаціонное единство партіи, единство, при русскихъ условіяхъ мыслимое только при *послѣдовательномъ безусловномъ примѣненіи* на практикѣ централистическихъ принциповъ. Первые объявляютъ самый нашъ уставъ бюрократическимъ., вторые говорятъ, что при точномъ и безусловномъ проведеніи его жизнь, прекрасная идея („вывѣска“ тожъ) централизма превращается въ простой, неприкрашенный бюрократизмъ.

Эти критики централизма причислены въ передовицѣ 52 № къ „анархическимъ“ душамъ. И совершенно справедливо. Для насъ одно является только вопросомъ. Гдѣ у нихъ, у этихъ критиковъ, большая анархія: въ сердцѣ или разсудкѣ? Пожалуй, и здѣсь, и тамъ немалая.

Въ самомъ дѣлѣ. Критики заявляютъ свою полную и глубокую вѣру во всемогущее и всеспасительное вліяніе чистой идеи. Но они, какъ это намъ удалось уловить изъ ихъ критики отдѣльныхъ, наиболѣе существенныхъ пунктовъ нашего устава, аки бѣса, ненавидятъ всякія нормы, особенно нормы, въ которыхъ анархія поведенія должна замѣниться безусловной партійной дисциплиной.

Торжественно разсказывали намъ эти господа, что вотъ, превосходные „практики“, товарищи изъ Бунда, запротестовали на съѣздѣ противъ *такого* централизма... Но кто не понимаетъ, что бундовцы были противъ нашего устава совсѣмъ по особымъ, „музыкальнымъ“, такъ сказать, мотивамъ. И „музыка“ ихъ заключалась въ тѣхъ перегородкахъ, которыми они хотѣли разбить общеклассовое движеніе россійскаго пролетаріата, имѣющаго *общія* конечныя, и что въ данномъ случаѣ еще важнѣе, *общія* ближайшія цѣли. Хотѣли разбить, перестроивши единую россійскую соціальдемократическую партію на федерацію (союзъ) *національныхъ* соціальдемократическихъ организацій. А что касается до формы организаціи самого Бунда, то онъ построенъ по несравненно болѣе централистическому плану, чѣмъ это для нашей Партіи предлагаетъ нашъ уставъ. И только такіе политическіе младенцы, какъ товарищъ Акимовъ, могутъ говорит о республиканской организаціи Бунда, а такіе, воистину, любомудры, какъ критики нашего устава (или самыхъ существенныхъ его пунктовъ, что, въ сущности, то же самое), могутъ вѣрить осказнямъ Акимовыхъ и не видѣть „музыки“ бундовцевъ ..

Если же вы имъ, нашимъ критикамъ, укажете еще и то почти полное единодушіе, съ какимъ подавляющее большинство съѣзда (и „теоретиковъ“, и „практиковъ“) приняло нашъ усавъ, то вы услышите отъ нихъ въ отвѣтъ, что эпоха кустарничества, разброда, шатаній естественно выдвинула голую антитезу: организаціонный централизмъ; что партійные дѣятели, воспитавшіеся на узкомъ полѣ маленькой работы, порвавши съ кустарничествомъ и со свойственнымъ ему *специфическимъ* экономизмомъ, естественно перегнули дугу въ 180°, сдѣлавшись централитами. Кустари, обанкротившись, стали, молъ, рабами централизма. Ну, а вы, любомудры, вѣдь вы сами на съѣздѣ голосовали за нашъ уставъ! Значитъ, этимъ своимъ голосованіемъ вы *толко* указывали на свое банкротство, какъ кустарей... Своимъ голосованіемъ вы выдавали себѣ еще аттестатъ „рабовъ“ централизма... Выходитъ, что такъ нужно понимать признаніе вами нашего устава en bloc? Любомудры, любомудры!.. Но, можетъ, въ критикѣ централизма скрывается что-то другое? Я говорю о намекахъ, дѣлаемыхъ въ № 53 „Искры“ въ послѣсловіи редакціи къ письму Ленина, гдѣ говорится, напримѣръ, о „неуживчивости“... Вы помните, товарищи, то чудесное мѣсто въ плехановскомъ памфлетѣ противъ Рязанова, гдѣ Плехановъ, ища корней „буквоѣдства“ почтеннаго товарища Рязанова, находитъ ихъ въ „музыкѣ“, которую „хозяинъ“ очень любилъ. Мнѣ думается, и у нашихъ критиковъ „музыка“ спеціальнаго рода играетъ немалую роль... Конечно, „музыка“ — музыкѣ рознь. Мотивы нѣкоторыхъ критиковъ централизма напоминаютъ мнѣ скорѣе не „рязановщину“, а ту анархическую по существу позицію, въ которую часто становится Literatentum соціальдемократіи къ классовому пролетарскому движенію... По справедливому замѣчанію Каутскаго въ его статьѣ о Мерингѣ, люди мысли, пера, хотя отдавшіеся дѣлу пролетаріата, рѣдко бываютъ съ той партійной выдержкой, которая, пропитывая человѣка насквозь, его мысль, и чувства, и волю, заставляетъ его во имя высшихъ партійныхъ, объективныхъ интересовъ жизни, забыть свое личное, субъективное;[1]) заставляетъ окончательно порвать съ той „чуткостью“ таланта, „чуткостью“ развитого интеллекта, которая именно и даетъ такую богатую почву для специфическаго „индивидуализма“, мѣшающаго человѣку быть *солдатомъ* боевой партіи. Я употребляю и даже подчеркиваю слово „солдатъ“, хотя много намъ приходилось слышать горькихъ, и нужно признаться, жалкихъ фразъ относительно этого слова. На наши взгляды о партійной дисциплинѣ намъ возражали: Либкнехтъ, молъ, употреблявшій слово „солдатъ“, говорилъ о себѣ, какъ о солдатѣ революціи (а не *партіи*). Конечно, товарищи, наша партія не дѣлится на солдатъ и генераловъ. И въ *этомъ смыслѣ* нѣтъ въ партіи солдатъ. Но партія — не анархическая община, ячейка будущаго общества. Наша партія — это боевая организація, въ которую входятъ люди ради тѣхъ цѣлей, за которыя партія борется. Люди — единомышленники въ программѣ партіи, ея тактикѣ, ея организаціи. Конечно, „добрая воля“, а не принужденіе (какъ въ нынѣшнихъ войскахъ) заставляетъ людей входить въ партію.

Но сознательно и по „доброй волѣ“ войдя въ партію, мы должны считаться съ „доброй волей“ и нашихъ товарищей, уважать ее, и не должны допустить разрушенія нашего партійнаго единства, нашей партійной сплоченности изъ-за вопроса о тѣхъ или другихъ *выбранныхъ уже* съѣздомъ партіи въ дирижерскіе центры *руководителей* движенія, *временныхъ „генераловъ“*, выражаясь языкомъ военныхъ. Пусть за тѣми или другими „дирижерами“ скрываются различные оттѣнки организаціонной политики. Но, уважая коллективную волю партіи, мы должны не къ тому стремиться, чтобы каждый „оттѣнокъ“ былъ представленъ въ центральныхъ учрежденіяхъ партіи, а къ тому, чтобы, *не нарушая мира въ партіи, дать возможность всей партіи ознакомиться съ различными „оттѣнками“* организаціонной политики. съ нашими взглядами на нее, и критикуя взгляды и поступки товарищей-„противниковъ“, мы должны *товарищески* воздѣйствовать на *данный* составъ центральныхъ учрежденій и если нужно, то, опять таки не нарушая мира въ партіи, идейно воздѣйствовать и на *„добрую коллективную волю“* всей партіи.

А добрая воля революціонера“? Она у *человѣка партіи* естественно вызываетъ безграничную, неустанную работу въ партіи и для партіи, работу подъ руководствомъ болѣе опытныхъ товарищей. Вызываетъ еще партійную дисциплину. Конечно, до тѣхъ поръ, пока партія еще не выполнила своихъ цѣлей, послѣ чего она въ сущности. фактически перестанетъ уже, какъ таковая, существовать для своихъ членовъ. Или до тѣхъ поръ... пока человѣкъ не разочаровался въ своей партіи. И намъ всѣмъ хорошо извѣстно, какъ „партійность“ всегда возмущаетъ тѣхъ буржуа, которые не чувствуютъ нужды объединяться въ свою партію... Та партійность, которая заставляетъ людей партіи итти въ ея рядахъ, нога въ ногу, итти за своими вождями, поставленными на „дирижерскіе“ посты довѣріемъ партіи. Та партійность, которая заставляетъ „умѣть“ и „хотѣть“ подчинять во всѣхъ *частныхъ* вопросахъ свою личную добрую волю той коллективной волѣ партіи, которая выражается, между прочимъ, и черезъ посредство центральныхъ учрежденій...

Дѣлать все это заставляетъ насъ необходимость партійнаго единства, безъ строгой дисциплины немыслимаго въ боевой партіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами... И еще, и еще разъ повторяю. Мы *не можемъ* изъ-за неважныхъ *„расхожденій“* разрушать крѣпость партіи, образовывая *самостоятельныя* группы, вродѣ армянской вышеупомянутой организаціи, ослабляя этимъ существующія партійныя учрежденія. Потому что сила и крѣпость нашей партіи зиждется на единствѣ, сплоченности и, повторяю, партійной выдержкѣ, дисциплинированности ея членовъ. Да, да, мы всѣ солдаты партіи. Солдаты, поскольку мы всегда находимъ мужество скинуть со счетовъ жизни чисто индивидуальные или кружковые интересы, разъ они приходятъ въ конфликтъ съ интересами общепартійными.

Еще, товарищи, мы — солдаты постольку, поскольку личныя чувства, симпатіи и антипатіи умѣемъ умѣрять, когда этого требуютъ общепартійные интересы. Поскольку имѣемъ мужество прекратить *обостренную* форму борьбы, когда партія, по справедливому замѣчанію товарища Плеханова, особенно требуетъ мира.

Но, конечно, наша дисциплина вовсе не требуетъ отъ насъ превращенія въ автоматовъ, бездушныхъ, хотя и проворныхъ, преданныхъ исполнителей лозунговъ, даваемыхъ партійными учрежденіями... Конечно, не автоматовъ. И не только „умные“ Собакевичи, но и самые, самые глупые, самые тяжеловѣсные въ движеніяхъ своей мысли, дѣтки въ политическомъ отношеніи, не скажутъ вамъ, что въ партіи, опирающейся на живое движеніе. мыслимы вожди, махающіе палочкой, по мановенію которой члены партіи дѣлаютъ тѣ или другіе автоматическіе повороты, то вправо, то влѣво; то составляя *по мановенію одной палочки* компактное большинство, то *по мановенію другой палочки* образуя хотя и не совсѣмъ компактное, но довольно плотное и *твердое* меньшинство... Всѣ мы превосходно знаемъ, что сила и могущество соціальдемократіи зависитъ всецѣло отъ роста политической сознательности, зрѣлости пролетаріата. И *соціальдемократія перестаетъ, какъ таковая, существовать*, если работа ея не совершается въ этомъ именно направленіи. То есть, въ неустанномъ политическомъ воспитаніи всего пролетаріата, въ неустанномъ расширеніи его политическаго опыта, его сознательности.

* * *

Теперь выслушаемъ нашихъ критиковъ. Для доказательства того, что нашъ организаціонный уставъ при точномъ проведеніи его въ жизнь (что само собой разумѣется) неминуемо ведетъ къ бюрократизаціи, а, слѣдовательно, къ гибели движенія, наши критики приводятъ намъ слѣдующіе доводы.

Классовое движеніе пролетаріата требуетъ живыхъ, свободныхъ формъ, въ которыхъ самодѣятельности и свободѣ „индивидуальностей“ лицъ и группъ не ставились бы преграды. А пунктъ девятый нашего устава, между тѣмъ, требуетъ *утвержденія* всѣхъ новыхъ партійныхъ организацій Центральнымъ Комитетомъ. Пунктъ одиннадцатый говоритъ о правѣ Ц. К. распредѣлять партійныя силы. Ну, а если, говорятъ намъ, партійные работники по тѣмъ или другимъ причинамъ не найдутъ себѣ подходящей по ихъ способностямъ и желаніямъ работы *ни въ одной* изъ существующихъ организацій, если ихъ способности и взгляды не найдутъ себѣ *достаточной* оцѣнки въ Ц. К. Вѣдь не согласятся же они, конечно, чтобы ими, какъ пѣшками, распоряжался Ц. К. (смотри пунктъ девятый: право Ц. К. распредѣлять партійныя силы)... Смотрите на Западъ, кричатъ наши критики. Тамъ не только свободно, не бюрократическимъ путемъ, не сверху внизъ — возникаютъ многія организаціи, но и центръ не имѣетъ такихъ безусловныхъ огромныхъ правъ надъ организаціями партіи, надъ ихъ членами. Вѣдь, такимъ путемъ Ц. К. легко можетъ давить всякую *самомалѣйшую* (sic!) оппозицію себѣ, легко можетъ подавлять просто уставомъ всякія расхожденія, хотя бы въ оттѣнкахъ...

Ну какъ не вспомнить тутъ незабвеннаго Рязанова съ его *„критикой“* проекта программы „Искры“ и „Зари“, проекта, ставшаго теперь нашей партійной программой! Какъ кстати не вспомнить всѣхъ и всяческаго толка оппортюнистовъ съ ихъ криками о подавленіи нами, соціальдемократами, „свободы критики“! Эхъ, господа! „Свободолюбивы“ вы, это пожалуй, только въ любви вашей къ свободѣ мало дѣйствительной преданности тому *дѣлу свободы*, за которое мы, соціальдемократы, теперь ратуемъ, кладемъ наши силы. Но за то много любви у васъ къ той „музыкѣ“, нѣжной, сладкой, мирной до убаюкиванія, которая съ пролетарской борьбой ничего общаго не имѣетъ.

Кстати. По поводу призыва редакціи „Искры“ еще въ № 52 къ миру и уступкамъ „во что бы то ни стало“ (конечно, не уступкой въ „теоріи“) позволю себѣ предложить редакціи „Искры“ одинъ коварный вопросъ. Представимъ себѣ какую-нибудь безусловно ортодоксальную группу, которая для того, чтобы проявить въ партіи во что бы то ни стало свой особый оттѣнокъ, выступитъ съ требованіемъ представительства въ центрахъ. Не уступитъ ли ей редакція во имя мира въ партіи „во что бы то ни стало“ редакторство „Искры“? Не правда ли, товарищи, вопросъ коварный, но право же вполнѣ умѣстный. Ваша статья въ 52 номерѣ, приведшая въ недоумѣніе многихъ и многихъ изъ насъ, партійныхъ работниковъ, даетъ поводъ и къ такимъ „мирнымъ“ комбинаціямъ мысли...[1])

Но партійный долгъ прежде всего. Отвѣчу, поэтому, на критику будто бы нашего бюрократическаго централизма. Господа! вспомните тѣ специфическія условія, въ которыхъ приходится намъ, соціальдемократамъ, работать въ Россіи. Полное отсутствіе гласности; невозможность полнаго и безусловнаго контроля партійныхъ дѣятелей со стороны всѣхъ членовъ партіи; трудность отличить праздныхъ болтуновъ или „музыкантовъ“ отъ людей дѣла; возможность для организацій и отдѣльныхъ лицъ, не находящихся подъ неустаннымъ, товарищескимъ контролемъ выбранныхъ нами центральныхъ учрежденій, на которыя по уставу возложена партіей огромная и важная работа руководства и направленія всей практической дѣятельности партіи, такъ вотъ возможность для этихъ частныхъ организацій *подъ флагомъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи* безпошлинно и безданно проводить всякую оппортунистическую ветошь и сѣять дезорганизацію въ партіи своими оппозиціями партійной работѣ (смотр. Воронежскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. и его работу противъ О. К.; см. прошлую и нынѣшнюю Петербургскую рабочую организацію). Партіи важно, чтобы работа *ея* организацій, *ея* членовъ шла въ искровскомъ, т. е. революціонномъ соціальдемократическомъ духѣ. Неправда, что такъ называемые „соціалисты-революціонеры“ и „освобожденцы“ охраняютъ соціальдемократію отъ яда оппортунизма; что они будто бы выкачиваютъ вполнѣ изъ соціальдемократіи буржуазные элементы; а также тѣ ненадежные элементы, которые въ нашей партіи подъ флагомъ соціальдемократіи сѣяли авантюру, оппортунизмъ, политиканство. Еще болѣе невѣрно, что партіи эти только такіе элементы выкачиваютъ... Демократія только теперь просыпается, господа! Никогда вожди буржуазіи не возлагали большихъ надеждъ на самую буржуазію... Всегда они стремились подчинить своему вліянію, своему знамени самый революціонный классъ — пролетаріатъ. А у насъ въ Россіи они стремятся подчинить себѣ еще революціонную разночинную интеллигенцію. Борьба съ ними, съ идеологами мелкой и крупной буржуазіи только начинается...

---

[1]) Послѣднія слова я употребляю не въ шаблонно-обывательскомъ смыслѣ.

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, повторяю: я вовсе не хочу сказать, что всѣми нашими критиками владѣютъ именно подобные мотивы, ихъ специфическая музыка.

Борьба противъ затемненія классового сознанія пролетаріата враждебными или просто „ненадежными“ элементами. Борьба за гегемонію соціальдемократіи въ предстоящей революціи... И боевое искровское соціальдемократическое направленіе въ партіи можетъ и *должно* проводиться *не* одной идейной борьбой. Но и опредѣленными формами организаціи. Безъ послѣднихъ для партіи нѣтъ гарантій того, что прежній разбродъ, шатаніе, *кустарничество* въ постановкѣ задачъ не останутся живучими элементами въ партіи. Не гарантируется партіи и то, что подъ именемъ партіи соціальдемократія будетъ только дискредитироваться ненадежными, малосознательными элементами.

Полно, поэтому, глубокаго смысла замѣчаніе одного нашего товарища, что уставъ *поможетъ* революціонному соціальдемократическому направленію укрѣпиться въ нашей партіи... Глубокая мысль, хотя и звучитъ для поверхностныхъ людей бюрократизмомъ въ пониманіи значенія организаціи партіи и ея учрежденій.

И наши критики тоже, слыша эту мысль, выходятъ окончательно изъ себя, выскакиваютъ къ намъ и кричатъ: знаете ли вы, бюрократическіе централисты, что и россійское самодержавіе не въ состояніи изъ Петербурга при помощи своей совершеннѣйшей и дисциплинированнѣйшей бюрократіи управлять народной *жизнью?* И тутъ же перефразируя избитую истину, важно и серьезно, серьезно прибавляютъ въ поученіе намъ, централистамъ: идеи, молъ, на штыки—на параграфы не уловляются! Причемъ штыки? Причемъ параграфы? Въ отвѣтъ вы услышите всѣмъ уже надоѣвшую сказку о *кулакѣ*, долженствующемъ по нашимъ организаціоннымъ, централистическимъ планамъ, дать партіи, съ помощью устава, боевое соціальдемократическое направленіе.

Такъ поняли люди значеніе кулака, иронически поднятаго товарищемъ Ленинымъ на съѣздѣ во время рѣчи делегата Попова. Товарищи, бывшіе на съѣздѣ, замѣтимъ, поняли, конечно, шутку Ленина. И никто противъ шутки этой не протестовалъ... Эхъ, господа, господа! Ужъ и подлинно вы любомудры большіе!.. И какъ не вспомнить тутъ мудреца Рязанова съ его превосходной памятью, но удивительно сквернымъ разсудкомъ... Какъ не вспомнить, кстати, несчастіе этого мудреца, его потерю единственнаго сокровища: превосходной памяти... А сравненіе нашими „критиками“ строгаго, послѣдовательнаго, безусловнаго (по терминологіи критиковъ, „бюрократическаго“) централизма съ самодержавіемъ! Какъ оно набило оскомину, какъ оно надоѣло всѣмъ... Но такъ какъ долгъ партійнаго человѣка прежде всего, я отвѣчу и на этотъ пунктъ.

Партія наша опирается, во первыхъ, на классовое движеніе пролетаріата, во-вторыхъ, на вступившихъ въ партію по „доброй волѣ“ ея членовъ. При такомъ положеніи вещей бюрократическій способъ веденія Ц. К. дѣла партіи *безплоденъ*, *безжизненъ*, *утопиченъ* до безсмысленности въ самомъ своемъ замыслѣ. Неправа поэтому редакція, утверждающая, что партійнымъ бюрократизмомъ могутъ быть проникнуты не только глупые Собакевичи, но и очень умные. Умныхъ *Собакевичей*, признаться, я не встрѣчалъ и способенъ видѣть въ замѣчаніи редакціи злую иронію. Злоба же, извѣстное дѣло, всегда болѣе или менѣе затемняетъ ясность мысли даже у глубокихъ умовъ... Намъ задаютъ вопросъ. Какъ нужно понимать утвержденіе Ц. К. новыхъ организацій, направленіе и объединеніе всей партійной работѣ, распредѣленіе силъ? Конечно, конечно, господа, нельзя представлять себѣ, чтобы все это проводилось чисто бумажнымъ путемъ. Ц. К., конечно, долженъ будетъ считаться съ конкретными условіями, конкретными силами организацій и отдѣльныхъ членовъ партіи, ихъ способностями, преданностью дѣлу и прочее, и прочее, и прочее. Но именно отъ того, насколько у членовъ партіи проявляется готовность отдать въ распоряженіе *своею* Ц. К. всѣ свои способности, силы и средства, мы можемъ судить о степени ихъ преданности дѣлу... И въ этомъ отношеніи нашъ уставъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, прорѣху. Это — первый пунктъ, создающій лазейку, куда смогутъ укрыться всѣ тѣ группки, которыя, по остроумному выраженію товарища Троцкаго на съѣздѣ, пользуясь слабостью партіи, всегда ищутъ въ ней щелей, чтобы черезъ нихъ просунуть свою групповую физіономію... Въ эту лазейку укроются всѣ не партійные, въ полномъ смыслѣ этого слова, элемечты. И укрывшись, *подъ флагомъ партіи* будутъ сѣять свою дезорганизаторскую работу...

Но критики еще не успокаиваются... Они продолжаютъ стоять на своей ненависти къ строгой партійной централизаціи и выдвигаютъ противъ насъ послѣднее, самое грозное оружіе. Оно должно сразить насъ, централистовъ, съ перваго удара.

— А что, вопрошаютъ эти глубокіе и опытные знатоки жизни, а что, если въ центральныя учрежденія попадутъ люди неуживчивые, прямолинейные, упрямые, близорукіе, узкіе, подозрительные (чудища, обла, озорна, огромна, стозѣвна и лаяй), люди, которые, увы! возлюбили маханіе палочкой, стремятся копировать Швейцеровъ, и во имя безпрепятственнаго и невиннаго по внѣшности, но коварнаго по существу занятія — маханія палочкой — кулаками, по собакевически *вышибутъ изъ партіи* (о Господи, прости мои прегрѣшенія!..) всѣ невполнѣ и небезусловно искровскіе, т. е. не вполнѣ сознательные соціальдемократическіе элементы, вышибутъ всѣхъ, не желающихъ и протестующихъ противъ казарменной (sic!), солдатской (sic!!!) дисциплины. Хоть вы насъ любомудрами называете, но преданы мы дѣлу не меньше вашего и согласны съ вами, въ сущности, по всѣмъ основнымъ вопросамъ программы и тактики. Не соглашаемся только на бюрократизмъ, самодержавіе и на прочія скверныя вещи... Эхъ, господа! Но скажите, *кто*, *кто* въ партіи согласенъ на нихъ? Вы, господа критики, большіе любители музыки, тонкіе цѣнители, но все таки вышибаніе *изъ партіи* кулакомъ всѣхъ неискровскихъ элементовъ есть одинъ изъ тѣхъ совсѣмъ не музыкальныхъ мотивовъ, которыми вы только усыпляете партію, напѣвая и гипнотизируя ее рядомъ *другими* мотивами.

* * *

Но кому дано много, съ того и взыщется... Велика отвѣтственность Ц. К. И съѣздъ отлично понялъ всю огромную важность, имѣть хорошія, выдержанныя и *боевыя* центральныя партійныя учрежденія. Онъ имѣлъ полную возможность лично и черезъ разсказы товарищей, къ которымъ съѣздъ питалъ безусловное и глубокое довѣріе, ознакомиться со всѣми болѣе или менѣе видными дѣятелями, работающими въ партіи. На съѣздѣ были, кромѣ того, всѣ видные заграничные дѣятели нашей партіи. И на съѣздѣ, и въ публично работавшей программной коммисіи, съѣздъ имѣлъ возможность ознакомиться со всѣми дѣятелями, съ ихъ способностями на ту или другую „полочку“ (функцію тожъ). А делегаты съѣзда все таки наиболѣе видные дѣятели нашей партіи, еще разъ повторяю, и нельзя, какъ это наивно дѣлаетъ Бундъ въ своемъ отчетѣ о съѣздѣ, представлять, что, *по мановенію волшебной палочки*, делегаты съѣзда, какъ ребята, маршировали то вправо, то влѣво, образовывая компактное большинство и хотя и не совсѣмъ компактное, но во всякомъ случаѣ довольно плотное меньшинство. Наивно такое представленіе Бунда о нашей *партіи* Наивно и пахнетъ *демагогическимъ* пріемомъ полемики.

Александровъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ письмѣ тов. Александрова обращаетъ особенное вниманіе *общая* постановка вопроса, даваемая имъ при оцѣнкѣ существующихъ организаціонныхъ разногласій. Тов. Александровъ пытается свести весь споръ къ вопросу: плохъ или хорошъ нашъ организаціонный уставъ и, соотвѣтственно этому, приводя аргументы противной стороны, онъ ихъ пріурочиваетъ къ критикѣ устава. Эта „уставная“ позиція можетъ служить недурной иллюстраціей къ данной въ прошломъ № „Искры“ П. Б. Аксельродомъ характеристикѣ „бюрократическихъ“ тенденцій среди нѣкоторыхъ нашихъ централистовъ. Постановка вопроса безусловно ложная и абсолютно безплодная. Спорный вопросъ, скорѣе, можно поставить именно такъ: можетъ ли опредѣленный, желательный курсъ партійной политики обезпечиваться, главнымъ образомъ, *уставомъ* партіи? Упрощеніе всей организаціонной задачи революціонной соціальдемократіи до вопроса объ „уставѣ“ и о „составѣ“ организаціи является, какъ это показалъ П. Б. Аксельродъ, печальнымъ симптомомъ чисто стихійнаго поглощенія всѣхъ заботъ нашихъ товарищей одной ближайшей злобой дня — съ игнорированіемъ всей полноты содержанія задачъ соціальдемократической рабочей партіи.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ", могъ бы сказать себѣ Аксельродъ, читая письмо тов. Александрова. И подлинно: многія и многія мѣста въ этомъ письмѣ иллюстрируютъ его мысли. Такъ, напримѣръ, тов. Александровъ, развивъ въ самомъ началѣ своего письма общій принципъ партійнаго централизма, говоритъ: „Второй съѣздъ превосходно понялъ это. Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нашъ уставъ". Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе отдѣльныхъ пунктовъ устава, на которые тов. Александровъ не можетъ, что называется, налюбоваться. Не значитъ ли упрощать вопросъ о централизмѣ, сведя всю работу съѣзда по *централизаціи нашей работы* къ тѣмъ нѣсколькимъ засѣданіямъ, втеченіе которыхъ онъ вырабатывалъ уставъ? Не согласится ли съ нами тов. Александровъ, если мы скажемъ, что выработкой партійной *программы* съѣздъ гораздо больше содѣйствовалъ централизаціи партійной работы, чѣмъ принятіемъ устава, сколь совершеннымъ ни казался бы этотъ послѣдній? Не думаетъ ли тов. Александровъ, что признаніе единой общеобязательной программы и принятіе, хотя бы по немногимъ вопросамъ практической борьбы, рѣшеній, долженствующихъ объединить *тактику* отдѣльныхъ частей партіи, является гораздо больше сильнымъ толчкомъ къ централизаціи партійной работы, чѣмъ выработка самаго совершеннаго устава, который долженъ только дать *техническія средства* для проведенія въ жизнь рѣшеній съѣзда — первыхъ выраженій *воли партіи*.

Самый фактъ партійнаго съѣзда съ его обстоятельными дебатами и „фракціонной" борьбой, какъ ни печальны были подчасъ формы, въ которыя она выливалась, — самый этотъ фактъ, который служитъ уже и послужитъ еще больше темой для обсужденія во всѣхъ соціальдемократическихъ группахъ вопросовъ общепартійнаго характера, послужитъ, мы увѣрены, исходнымъ пунктомъ для углубленія и расширенія политическаго сознанія массы соціальдемократовъ и воспитанія изъ нея членовъ партіи въ истинномъ смыслѣ слова, а, тѣмъ самымъ, сдѣлаетъ для правильнаго функціонированія организаціоннаго централизма гораздо болѣе, чѣмъ то могъ бы сдѣлать самый лучшій уставъ, взятый самъ по себѣ.

Вотъ почему изображаемые тов. Александровымъ его противники сразу отдаются въ плѣнъ этому товарищу, когда, если судить по его изображенію, начинаютъ „наскакивать" на отдѣльные параграфы устава съ горячностью, которая рѣшительно ничѣмъ не оправдывается — ни даже тѣмъ усердіемъ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть", съ какимъ ихъ антагонисты отстаиваютъ безукоризненную красоту нашей Magna charta.

Мы склонны, однако, думать, что изображаемые тов. Александровымъ „критики" принадлежатъ къ числу тѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ полемическихъ произведеніяхъ, которыя, будучи осуждены авторомъ играть роль „advocatus diaboli", неизмѣнно оказываются надѣленными свойствами, обрекающими ихъ на немедленное пораженіе во славу праваго дѣла. Еще Герценъ замѣчалъ Бѣлинскому, что когда статьи послѣдняго носятъ характеръ діалоговъ, какъ то всегда выходитъ, что противникъ ужасно глупъ. А ужъ на что умный человѣкъ былъ Бѣлинскій.

Не разбирая, поэтому, доводовъ тѣхъ „критиковъ" системы т. Александрова, которымъ, по Герцену, заранѣе суждено быть глупыми, мы только укажемъ, что, съ своей стороны, мы отнюдь не взялись бы утверждать, чтобы „при точномъ и безусловномъ проведеніи въ жизнь" нашего устава „централизмъ превратится въ простой, неприкрашенный бюрократизмъ". Нашъ уставъ, дѣйствительно, далекъ отъ совершенства, но чтобы онъ былъ *такъ плохъ* — это невѣрно. Бюрократизмъ, по нашему мнѣнію, можетъ проявиться въ *примѣненіи всякаго устава*. Извѣстно что если заставить молиться нѣкоторыхъ простодушныхъ людей, они рискуютъ разбить себѣ лбы. Можно ли сказать, что они это сдѣлаютъ, благодаря „безусловному и точному проведенію" даннаго имъ совѣта? Не думаемъ. И точно также мы не полагаемъ, чтобы тѣ или другіе „бюрократическіе" эксцессы вытекали изъ „точнаго и безусловнаго" проведенія устава, а не изъ простодушія примѣняющихъ.

Немногаго стоитъ и „глубокая мысль", защищаемая товарищ. Александровымъ о томъ, что „уставъ поможетъ революціонному соціальдемократическому направленію укрѣпиться въ нашей партіи". Хорошій уставъ можетъ облегчить технику работы въ *умѣлыхъ рукахъ*, но если мы забудемъ о необходимости имѣть и воспитывать эти умѣлыя руки и при нихъ толковыя головы, мы рискуемъ остаться безъ всякаго направленія. „Боевое соціальдемократическое направленіе въ партіи *должно* проводиться не одной идейной борьбой", Вѣрно, тов. Александровъ! „Но и опредѣленными формами организаціи". Не дурно это сопоставленіе идейной борьбы и формъ организаціи. Идейная борьба есть процессъ, а формы организаціи только... формы, долженствующія облекать текучее, развивающееся содержаніе — развивающуюся практическую работу партіи. И пока вы, товарищъ Александровъ, не замѣтите, что внѣ развивающейся въ *опредѣленномъ направленіи* работы партійнаго организма нѣтъ никакихъ „гарантій того, что прежній разбродъ, шатаніе, кустарничество... не останутся живучими элементами въ партіи" — до тѣхъ поръ ваше мышленіе въ организаціонныхъ вопросахъ не сможетъ выбиться изъ круга тѣхъ формальныхъ понятій, которыя неизбѣжно приводятъ васъ къ бюрократической постановкѣ нашихъ задачъ. Нельзя лучше обезпечить торжество „боевого" т. е. революціонно-марксистскаго направленія въ партіи, какъ развивая на дѣлѣ, а не въ формахъ только, боевую энергію партіи, развивая, слѣдовательно, вширь и вглубь ея дѣятельность, объединяя фактически пролетарское движеніе, наполняя его дѣйствительно соціалистическимъ содержаніемъ... И еслибы мы, ради совершенства тѣхъ или другихъ формъ, создавали такія условія своей работы, которыя дѣлали бы фактически невозможнымъ такое развитіе нашей практики, мы неминуемо остались бы при однѣхъ красивыхъ формулахъ и были бы, какъ нельзя болѣе, далеки отъ торжества „боевого направленія".

Перейдемъ, однако, къ частнымъ вопросамъ, затрагиваемымъ тов. Александровымъ. Мы не должны допустить разрушенія нашей партійной сплоченности, говоритъ онъ, изъ за вопроса о составѣ тѣхъ или другихъ партійныхъ учрежденій. Святая истина. Разрушеніе партійной сплоченности — величайшее преступленіе передъ партіей. Но тов. Александровъ, вѣроятно, согласится съ нами въ томъ, что и обратно — при созданіи тѣхъ или иныхъ оффиціальныхъ учрежденій надо избѣгать всѣми силами разрушенія партійной сплоченности, ибо эти учрежденія, долженствующія выражать собою партійное *единство*, не могутъ превратиться въ символъ партійнаго разброда; они должны выражать собой торжество общепартійныхъ задачъ надъ частно-групповыми, и ни въ коемъ случаѣ не временное (всегда только временное!) вытѣсненіе первыхъ послѣдними. И если развитіе партійной жизни такъ или иначе создало такое во всѣхъ смыслахъ и для всѣхъ нежелательное положеніе, то передъ всѣми членами партіи стоитъ задача — возможно скорѣе исправить его, а передъ соотвѣтствующими учрежденіями — задача завоевать себѣ своей работой то довѣріе, котораго они лишились, въ силу отмѣченныхъ выше условій. Здѣсь нѣтъ мѣста метафизическому вопросу о курицѣ и яйцѣ — о томъ, что чему должно предшествовать: довѣріе ли членовъ партіи къ центру или полезная работа центра для партіи, обусловливающая ростъ этого довѣрія? Довѣріе — вещь деликатная, которую никакъ нельзя вколотить въ сердца и въ головы, его надо *завоевать силами*. А когда это завоеваніе происходитъ на самомъ дѣлѣ, то не приходится и ставить безплоднаго вопроса (его, вмѣстѣ съ тов. Александровымъ, ставитъ и другой видный представитель того же направленія, тов. Ленинъ) о правѣ членовъ партіи чувствовать, проявлять и выражать недовѣріе къ тѣмъ или другимъ, выбраннымъ или невыбраннымъ, „законнымъ" учрежденіямъ: не приходится ставить вопроса о „разрушеніи партійной сплоченности" въ результатѣ такого недовѣрія. Мы, напримѣръ, хорошо знаемъ, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ и „составѣ" „Искра" вызываетъ довольно сильное недовѣріе къ себѣ многихъ членовъ партіи. Мы очень сожалѣемъ объ этомъ, но нисколько не смущаемся этимъ и никогда не попытаемся поставить смотрящимъ на насъ съ укоризной товарищамъ щекотливый вопросъ: „како вѣруешь"?

Мы просто постараемся *вернуть* „Искрѣ" то довѣріе, которымъ она пользовалась раньше, и, пожалуй, даже въ большей степени. И если тов. Александровъ, говоря о „разрушеніи партійной сплоченности" ради „недовольства составомъ", имѣлъ въ виду недовольство составомъ редакціи „Искры", то мы просимъ его не безпокоиться: на партійной сплоченности это недовольство и недовѣріе не смогутъ отразиться... если мы сами будемъ имѣть достаточно такта, чтобы не требовать, какъ это дѣлали нѣкогда „Московскія Вѣдомости", „присяги" отъ каждаго встрѣчнаго. Но тов. Александровъ ставитъ „коварный вопросъ": какъ мы поступимъ, если какая нибудь ортодоксальная группа съ особымъ оттѣнкомъ потребуетъ для себя представительства въ редакціи? Одно можно сказать навѣрное: мы не возмутимся, не начнемъ кричать о „дисциплинѣ", а постараемся выяснить себѣ, что это за группа. Если выполненіе ея требованія можетъ поднять довѣріе партіи къ „Искрѣ", усилить ее морально и повысить ея работоспособность, — мы столкуемся съ ней и пожалѣемъ лишь, что до предложенія ею требованій не догадались о томъ, что для партіи можетъ быть полезно пополненіе состава нашей коллегіи. Если всего этого нѣтъ на лицо, мы посмѣемся въ отвѣтъ на требованія. Но, повторяемъ, ни въ какомъ случаѣ не подумаемъ „возмущаться" попытками оказать давленіе на нашу добрую волю. Ибо въ первомъ случаѣ результатъ этого давленія будетъ, какъ мы предположили, полезенъ для партіи; а во второмъ — и давленія мы не ощутимъ, и огорченіе все цѣликомъ достанется на долю предъявителямъ неоправданныхъ пользами партіи требованій. Voilà tout и мы очень рады, что „коварная" стрѣла тов. Александрова оказывается не такъ ужъ коварной.

На этомъ мы покончимъ съ тов. Александровымъ, выражая надежду, что характерный какъ симптомъ, его конфликтъ съ такъ называемымъ „любомудріемъ", окажется явленіемъ мимолетнымъ и не поведетъ къ новому революціонному „опрощенію" — мы слишкомъ много ихъ уже видѣли!

NEW YORK
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 57. 15-го января 904 г. Годъ IV.

НОВАЯ РОСПИСЬ И НОВЫЙ КУРСЪ.

Какъ извѣстно, на святкахъ полагается заполнять столбцы газетъ фантастическими разсказами и волшебными сказками. Такъ ужъ заведено изстари, и изъ года въ годъ читатели съ сердечнымъ трепетомъ читаютъ все ту же повѣсть о страданіяхъ угнетенной добродѣтели, прекращаемыхъ въ концѣ концовъ волшебной палочкой прекрасной феи. Фея должна явиться, потому что дѣло происходитъ на святкахъ, когда добродѣтели торжествовать полагается, когда неприлично огорчать читателя, когда, наконецъ, „по закону“ всѣмъ и каждому должно быть весело...

Въ ряду такихъ рождественскихъ сказокъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и произведеніе, неизмѣнно появляющееся на страницахъ газетъ перваго января каждаго года подъ скромнымъ заглавіемъ: „Всеподданѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на такой-то годъ“. Содержаніе этой сказки несложное: изъ года въ годъ прекрасная царевна, носящая прозаическое имя „русскіе финансы“, страдаетъ отъ притѣсненій злыхъ разбойниковъ; она страдаетъ отъ роста расходовъ на „обезпеченіе государственнаго порядка и спокойствія“, на „оборону страны“, на „государственное управленіе“, на „пути сообщенія“; ее мучитъ необходимость считаться съ „ходатайствами о болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей“, вызванныхъ несчастной „привычкой къ благопріятному положенію хозяйства“; да мало ли что еще терзаетъ бѣдную, прекрасную царевну! И вотъ она гибнетъ на глазахъ растроганнаго читателя; кажется, еще минута, и отъ прелестной дѣвы не останется ничего, кромѣ огромнаго дефицита. Но тутъ является на выручку прекрасной царевны не менѣе прекрасная фея „свободная наличность“, и картина сразу мѣняется: вмѣсто унынія и печали — радостное торжество, вмѣсто дефицита — „избытки“; царевна сохраняетъ невинность и пріобрѣтаетъ капиталъ, все кончается къ общему благополучію, и талантливый авторъ раскланивается съ почтеннѣйшею публикою до слѣдующаго года. Такова несложная фабула сказки, придуманной г. Витте и теперь съ неменьшею „талантливостью“ разсказанной русской публикѣ его преемникомъ. Разумѣется, для тѣхъ, кто слышитъ эту сказку уже не въ первый разъ, фабула эта давно потеряла свою притягательную силу. Немного найдется на свѣтѣ простаковъ, которые продолжали бы восхищаться чудесными подвигами „свободной наличности“, потому что происхожденіе этой феи давно уже извѣстно всѣмъ и каждому. Непрерывныя увѣренія о „вполнѣ удовлетворительномъ“ состояніи финансовъ и ежегодной реализаціи „избытковъ“ съ одной стороны, и столь же непрерывные лихорадочные поиски за займами на всѣхъ иностранныхъ и русскихъ биржахъ, повышеніе старыхъ и созданіе новыхъ налоговъ достаточно недвусмысленно указываютъ на источникъ той „свободной наличности“, которая позволяетъ русскому министру финансовъ прикрывать прорѣхи царскаго хозяйства золотыми заплатами. „Послѣ насъ хоть потопъ“ — вотъ въ концѣ концовъ историческій смыслъ этого хозяйства, обременяющаго страну колоссальными долгами и выжимающаго послѣднія крохи изъ мошны трудового народа. Долги съ одной стороны, непрерывно ростущіе косвенные налоги — и въ центрѣ ихъ доходъ съ водки — съ другой — вотъ довольно несложная система выкачиванія денегъ, на которой держится хозяйство самодержавнаго правительства. Введеніе новыхъ налоговъ на керосинъ, спички, сахаръ, пробирной пошлины и пошлинъ на паровые котлы и локомобили; повышеніе налоговъ на водку, вино, пиво, табакъ, повышеніе гербового сбор , повышеніе ввозныхъ пошлинъ почти на всѣ предметы, въ томъ числѣ на чай и хлопокъ; наконецъ, „винная монополія“, т. е. устройство собственной монопольной торговли водкой, оптомъ и въ розницу, по ростовщическимъ цѣнамъ — вотъ плоды хозяйничанья царскихъ откупщиковъ за послѣдніе 15 лѣтъ. Нечего и говорить, что всѣ эти налоги главною тяжестью своею ложатся на рабочій классъ и крестьянство.

Разумѣется, и роспись текущаго года ничѣмъ въ этомъ отношеніи не отличается отъ своихъ предшественницъ. По прежнему почти все бремя расходовъ на поддержаніе самодержавнаго правительства, дворянскаго землевладѣнія, разжирѣвшаго духовенства, „отечественной промышленности“ и проч. и проч. будетъ лежать на плечахъ трудящихся классовъ; по прежнему несомнѣнное истощеніе страны непосильными поборами, несомнѣнное разореніе и ростъ задолженности прикрываются кассовыми фокусами, въ которыхъ главную роль играетъ все та же „свободная наличность“, на этотъ разъ въ суммѣ почти 200 милліоновъ рублей. Поэтому останавливаться на разборѣ цифръ, приводимыхъ въ новой росписи, рѣшительно не стоитъ труда. Не стоитъ п тому, что это завѣдомо фальшивые счета вороватаго прикащика, единственная цѣль которыхъ такъ или иначе подвести „баланецъ“ въ разсчетѣ на то, что одинъ видъ этого „баланца“ долженъ подѣйствовать успокоительно на довѣрчиваго хозяина. Нѣсколько изумительна только та чрезмѣрная наглость, съ которою мошенники самодержавія, поощряемые молчаніемъ народа, производятъ на этотъ разъ свою операцію пусканія пыли въ глаза. Въ то время, какъ весь свѣтъ съ напряженіемъ слѣдитъ за ходомъ столкновенія Россіи съ Японіей, когда каждый день можетъ вспыхнуть война, и когда, завѣдомо для всѣхъ *уже* производятся огромныя экстренныя траты на закупку провіанта, снаряженіе и вооруженіе войскъ, военныхъ судовъ и крѣпостей; когда каждый день уноситъ все новые и новые милліоны народныхъ денегъ во славу самодержавнаго молоха; въ это самое время фокусники министерства финансовъ осмѣливаются публиковать „роспись“, въ которой умудряются ни единымъ словомъ не упомянуть объ этихъ колоссальныхъ расходахъ и даже показывать яко бы уменьшеніе расходовъ по... морскому министерству! Уже одинъ этотъ фактъ показываетъ, какую цѣну имѣютъ увѣренія о „сведеніи росписи съ соблюденіемъ должнаго равновѣсія между доходами и расходами“.

И надо сказать: это фальшивое счетоводство, это наглое издѣвательство надъ платящимъ налоги населеніемъ, это обремененіе страны все новыми и новыми долгами, это пренебреженіе всѣми насущными интересами и всѣмъ экономическимъ будущимъ Россіи во имя поддержанія хищническаго хозяйства самодержавной шайки, будутъ возможны до тѣхъ поръ, пока царское правительство еще пользуется нѣкоторымъ кредитомъ, пока оно находитъ еще возможность заключать займы на иностранныхъ рынкахъ. А кредитъ этотъ изсякнетъ, возможность эта уничтожится только тогда, когда народъ открыто и прямо заявитъ, что не будетъ признавать долговъ, заключаемыхъ самодержавіемъ безъ согласія народа. При всемогуществѣ банкировъ для капиталистическаго общества, быть можетъ, окажется невозможнымъ, не рискуя вызвать всемірной войны, отказаться платить долги, уже сдѣланные русскимъ правительствомъ, но можно и должно добиться такого положенія дѣлъ, когда заключеніе новыхъ займовъ станетъ невозможнымъ и самодержавія. Тотъ день, когда это случится, будетъ днемъ крушенія самодержавнаго режима, который держится только поддержкой международныхъ банкировъ.

И о такой некредитоспособности самодержавія должна прежде всего заявить соціальдемократія, партія рабочаго класса, на который падетъ главная тяжесть ликвидаціи организованнаго хищничества и разбоя, именуемаго самодержавіемъ. Но для того, чтобы такое заявленіе ея имѣло дѣйствительный вѣсъ и значеніе, а не оставалось реторической фразой, соціальдемократія должна прежде всего завоевать себѣ такое вліятельное положеніе во всей политической жизни страны, стать такимъ вліятельнымъ факторомъ въ группировкѣ общественныхъ силъ, чтобы къ словамъ ея вынуждены были прислушиваться, чтобы ихъ вынуждены были принимать во вниманіе. Биржа — это такой чуткій и трезвый оцѣнщикъ удѣльнаго вѣса всѣхъ факторовъ политической жизни, что, можно безъ преувеличенія сказать, мѣра впечатлѣнія, какое произведетъ такое заявленіе соціальдемократіи, можетъ служить мѣрой политическаго вліянія ея. Поэтому самая возможность для соціальдемократіи выступить съ серьезнымъ и открытымъ заявленіемъ о финансовой несостоятельности самодержавія предполагаетъ предварительно огромную работу по укрѣпленію и завоеванію вліянія во всѣхъ отрасляхъ общественно-политической жизни страны; предполагаетъ превращеніе стихійнаго движенія рабочихъ массъ, въ гораздо большей степени возбуждаемыхъ, чѣмъ руководимыхъ соціальдемократіей, въ сознательное движеніе рабочаго класса подъ всеобъемлющимъ руководствомъ соціальдемократической партіи, предполагаетъ — не на словахъ только и не въ собственномъ сознаніи, а на дѣлѣ — главенство соціальдемократіи надъ всѣмъ русскимъ революціоннымъ и оппозиціоннымъ движеніемъ. Соціальдемократія должна употребить всѣ усилія, чтобы заставить всѣ другія борющіяся съ самодержавіемъ партіи и группы населенія принять ея лозунги борьбы. Отъ степени пониманія соціальдемократами своихъ собственныхъ задачъ, отъ широты ихъ политическаго кругозора будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть наступленіе этого момента...

Мы сказали, что роспись нынѣшняго года почти ничѣмъ по существу не отличается отъ своихъ предшественницъ. Есть однако въ ней одна сторона, которая представляется совершенно новою и знаменуетъ собой новый этапъ въ политикѣ самодержавія. Послѣ эпохи „диктатуры сердца“, оставившей кровавый слѣдъ въ мартирологѣ русской революціонной интеллигенціи и манившей мирныхъ обывателей туманными посулами конституціонныхъ „гарантій“, наступило трезвое время „незабвеннаго родителя“. Поколебавшееся въ своей основѣ самодержавіе, лишенное сколько нибудь прочной опоры въ развивающихся классахъ капиталистическаго общества, стѣснявшее все политическое экономическое и культурное развитіе страны, искало спасенія въ [illegible] крѣпостного общества — дворянство и церковь и — еще больше — въ розничной покупкѣ благосклонности отдѣльныхъ группъ и группокъ населенія цѣною покровительства ихъ минутнымъ хозяйственнымъ интересамъ. Интересы эти сталкивались другъ съ другомъ, были противорѣчивы, мѣнялись со дня на день, и самодержавіе, какъ ловкій канатный плясунъ, балансировало на колеблющейся почвѣ этой купли-продажи.

Синдикаты, съѣзды промышленниковъ, сельско-хозяйственныя общества, непрерывная игра покровительственными таможенными пошлинами и желѣзнодорожными тарифами, казенные заказы и воспособленія, разсрочки выкупныхъ платежей, фабричные законы — все это не что иное, какъ пестрая смѣна правительственныхъ попытокъ удовлетворить поочередно хозяйственные интересы то тѣхъ, то другихъ группъ населенія и такими подачками — по самому существу дѣла всегда недостаточными и возбуждающими неудовольствіе другихъ группъ — связать непосредственно съ самимъ самодержавіемъ отдѣльныя, изолированныя группы, заставить всѣхъ ихъ видѣть въ царской казнѣ, въ царскомъ правительствѣ источникъ тѣхъ великихъ и богатыхъ милостей, на которомъ покоится ихъ хозяйственное благополучіе, и тѣмъ самымъ, изолируя ихъ другъ отъ друга и противопоставляя другъ другу, не дать ручейкамъ групповыхъ интересовъ слиться въ болѣе могучее русло интересовъ классовыхъ; потому что *классовые* интересы любого слоя капиталистическаго общества прежде всего потребовали бы сметенія того тормаза на пути капиталистическаго развитія страны, какимъ является самодержавіе.

При такой системѣ всѣ нити внутренней политики естественно стянулись въ руки, державшія тотъ мѣшокъ, изъ котораго сыпались всѣ субсидіи, воспособленія и покровительства. Министерство финансовъ стало истиннымъ самодержцемъ всея Россіи, и ежегодное выступленіе Витте съ государственною росписью ожидалось съ нетерпѣніемъ всѣми, кто на казенномъ покровительствѣ строилъ свое благополучіе. И если „докладъ“ Витте приносилъ неизмѣнно не столько дѣйствительную программу внутренней политики на предстоящій годъ, сколько quasi программу, единственною цѣлью которой было эскамотировать общественное мнѣніе, то причина тому не отсутствіе „всесилія“ у министерства финансовъ, а просто невозможность для самодержавія откровенно выразить свою постыдную программу, цѣликомъ заключающуюся въ поддержаніи своего паразитарнаго существованія на счетъ жизненныхъ соковъ народа. Но во всякомъ случаѣ ни одна роспись г. Витте не обходилась безъ того, чтобы руководящее положеніе министерства финансовъ въ ходѣ внутренней политики самодержавія не выразилось въ широковѣщательныхъ разглагольствованіяхъ по всѣмъ вопросамъ, занимавшимъ вниманіе сколько нибудь широкихъ слоевъ народа.

Однако, политика балансированія между минутными хозяйственными интересами отдѣльныхъ группъ населенія не могла быть долговѣчной. Не могла уже по одному тому, что интересы эти слишкомъ противорѣчивы, чтобы можно было удовлетворить одни, не нанося ущерба другимъ; поэтому въ концѣ концовъ почти всѣ группы населенія, даже тѣ, которыя, казалось бы, полными пригоршнями получали подачки отъ министерства финансовъ, начали чувствовать себя неудовлетворенными. „Аппетитъ приходитъ во время ѣды“, и кто задумалъ удовлетворить аппетиты изолированныхъ группъ и группокъ, тотъ долженъ быть готовъ къ тому, что — по мѣрѣ удовлетворенія — аппетитъ этотъ будетъ все болѣе и болѣе расти и превратится въ волчій голодъ. А главное, желѣзные тиски, въ которыхъ самодержавіе держитъ все развитіе страны, давали знать себя все сильнѣе и сильнѣе и должны были постепенно все въ большей и большей мѣрѣ консолидировать отдѣльные, особые интересы изолированныхъ группъ однихъ и тѣхъ же слоевъ капиталистическаго общества, въ ряды однородныхъ, прочныхъ классовыхъ интересовъ.

И дѣйствительно, процессъ такой консолидаціи, далеко еще не достигшій своего завершенія даже въ средѣ наиболѣе далеко подвинувшагося на этомъ пути класса — пролетаріата, непрерывно совершался и совершается за послѣдніе годы. Но поскольку этотъ процессъ наростанія классового характера, классовой окраски думъ, чувствъ и настроеній всѣхъ группъ общества совершается, онъ выражается — и при общественно-экономическихъ условіяхъ самодержавія и не можетъ не выражаться — въ ростъ политическаго недовольства. Это недовольство остается смутнымъ, не выливается въ опредѣленныя программы и сознательно формулированныя тактическія положенія постольку, поскольку этотъ процессъ „консолидаціи“ находится еще въ въ начальномъ періодѣ развитія. И лишь тогда, когда эти опредѣленныя программы и тактическія положенія войдутъ въ плоть и кровь не отдѣльныхъ кучекъ идеологовъ только, и значительной части тѣхъ массъ, интересы которыхъ они должны выражать, безформенное политическое недовольство и безформенная политическая борьба превратятся въ политическую борьбу ясно выраженныхъ общественныхъ классовъ.

Но какъ бы недостаточенъ ни былъ уровень классового объединенія интересовъ родственныхъ группъ капиталистическаго общества, онъ во всякомъ случаѣ подвинулся настолько далеко, что отразился въ огромномъ подъемѣ политическаго недовольства всѣхъ заинтересованныхъ въ капиталистическомъ развитіи страны группъ общества; и этотъ подъемъ знаменовалъ собою крушеніе политики покровительства карманнымъ интересамъ отдѣльныхъ группъ и группокъ. Выгоды такого покровительства въ сознаніи его участниковъ начинаютъ перевѣшиваться тѣмъ ущербомъ, который приносятъ клещи самодержавія. И царское правительство вынуждено было повернуть фронтъ. Слишкомъ неувѣренное въ завтрашнемъ днѣ, чтобы рѣшиться повторить политику „диктатуры сердца“; потерявшее возможность продолжать свою политику розничной купли-продажи, оно должно было прибѣгнуть къ единственно оставшемуся въ его распоряженіи средству — грубой силѣ и полицейскому сыску. Эта перемѣна фронта, выразившаяся внѣшнимъ образомъ въ паденіи Витте передъ всемогущимъ отнынѣ Плеве, ознаменовалась переходомъ руководящей роли во внутренней политикѣ изъ рукъ министерства финансовъ въ откровенно — полицейскія руки министерства внутреннихъ дѣлъ.

И новая „роспись“ — сѣрая, скупая на слова, чисто „дѣловая“ по внѣшности, какъ нельзя лучше отразила это превращеніе министерства финансовъ изъ „вершителя судебъ“ въ простой насосъ для выкачиванія денегъ изъ народа.

Если прежде г. Витте запускалъ свои лапы въ карманы народа и творилъ свои кассовые фокусы, непрерывно болтая и подчасъ намекая на такія перспективы, отъ которыхъ сердце замирало въ груди иного либерала, то теперь его преемники „сосутъ“ молча, сосредоточенно, „сосутъ“ sans phrases, съ самымъ дѣловымъ видомъ, а „перспективы“ перешли въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. И если иной либералъ и ощущаетъ еще по временамъ замираніе при мысли о всякихъ „особыхъ совѣщаніяхъ“, „коммиссіяхъ со свѣдущими людьми“, „обсужденіи на мѣстахъ“ и пр. и пр., то во всякомъ случаѣ полицейскій душокъ такъ недвусмысленно въѣлся во всѣ эти „благія начинанія“, что и самый нечувствительный носъ долженъ вскорѣ замѣтить его. Къ тому же полное отсутствіе у самодержавнаго правительства вѣры въ прочность собственнаго своего существованія и полицейскіе навыки министерства внутреннихъ дѣлъ заставляютъ его показывать самый недвусмысленный полицейскій кулакъ при всякой попыткѣ „мѣстныхъ людей“ не только совершить какую-нибудь микроскопическую „противозаконность“, но даже только собраться подумать о ней.

И эта перемѣна фронта — новый признакъ слабости и умиранія самодержавнаго режима — можетъ быть только выгодна для дѣла революціи. Срывая еще одинъ фиговый листокъ, прикрывавшій безобразную наготу деспотизма, свидѣтельствуя о дѣйствительной „несвязанности“ самодержавія съ интересами всѣхъ группъ развивающагося капиталистическаго общества, новый курсъ самою циничною откровенностью своею необычайно облегчаетъ задачу политическаго воспитанія народа. И соціальдемократія конечно использует этотъ благопріятный моментъ такъ, какъ только можетъ и должна использовать его классовая партія пролетаріата. Активное вмѣшательство рабочаго класса подъ ея руководствомъ во всѣ сферы общественно-политической жизни страны, содѣйствуя развитію классового сознанія пролетаріата и классового характера его политической борьбы, будетъ въ то же время содѣйствовать разслоенію безформенной массы политически недовольныхъ элементовъ и ускоренію консолидаціи групповыхъ интересовъ въ отчетливо сознанные интересы классовые, что и выразится въ усиленіи интенсивности политической борьбы всѣхъ прогрессирующихъ классовъ противъ тисковъ самодержавія. Только такимъ путемъ, одновременно борясь со всѣми другими классами и этой самой борьбой толкая ихъ впередъ, пролетаріатъ и стоящая во главѣ его соціальдемократическая партія и могутъ оказывать могучую поддержку всякому революціонному и оппозиціонному движенію другихъ слоевъ общества, не становясь въ то же время простымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

ГРУСТНОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

> ... Такова наша жизнь: сначала
> смѣшно, потомъ грустно!
> В. Г. Бѣлинскій.

Въ статьѣ „*Забавное недоразумѣніе*“, напечатанной въ № 55 „Искры“, я смѣялся надъ либеральнымъ публицистомъ, придавшимъ моей статьѣ „*Чего не дѣлать*“ очень странное истолкованіе. Теперь я буду говорить о недоразумѣніяхъ, порожденныхъ той же статьей, но вызывающихъ во мнѣ уже совсѣмъ другое чувство. Тамъ я имѣлъ дѣло съ противникомъ; здѣсь мнѣ придется спорить съ товарищами. Я хохоталъ, когда мою мысль наивно искажалъ человѣкъ чужого лагеря, мнѣ становится грустно, когда ея не хотятъ или не могутъ понять мои, такъ сказать, сослуживцы. Большимъ утѣшеніемъ было бы для меня думать, что я одинъ виноватъ въ такомъ непониманіи. Но, къ сожалѣнію, мы не властны въ своихъ мысляхъ...

Огорчающія меня недоразумѣнія не то что велики, а прямо необъятны. Одинъ „товарищъ изъ массы“ въ ехиднѣйшемъ письмѣ въ редакцію „Искры“, полномъ безпощаднѣйшихъ сарказмовъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него моей злополучной статьею.

„Куда аппелировать? Таковъ вопросъ, который являлся у насъ каждый разъ, когда приходилось натолкнуться на „ересь“ въ литературѣ или на практикѣ. — Въ „Искру“, бывалъ моментальный отвѣтъ. Онъ не высказывался, онъ мыслился и мыслился вслѣдъ за вопросомъ...... Отвѣтъ давался машинально какъ машинально притягивается рука къ глазамъ, чтобы защитить отъ внезапно ударившаго въ нихъ свѣта. Необходимое было всегда подъ рукой и мы умѣли цѣнить его. Необходимо „оно" было и сегодня, когда мы прочли статью „Чего не дѣлать" въ 52 №, но то, противъ чего „оно" было необходимо, оказалось... въ „Искрѣ". Странный оптическій обманъ — казалось, что заголовокъ „Искры" былъ отпечатанъ криво, и странное чувство — казалось, что читаешь что-то чужое, хотя хорошо знакомое, и надъ этимъ чужимъ выведенъ заголовокъ „Искра", немного криво, небрежно"...

Хотя авторъ этого письма самъ выражается, какъ видитъ читатель, нѣсколько „небрежно", но выписанныя мною строки всетаки произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я сталъ опасаться, что меня скоро заподозрятъ въ сочувствіи къ гг. Бернштейну, Миллерану и прочимъ „критикамъ Маркса". И это опасеніе еще болѣе усилилось подъ вліяніемъ слѣдующихъ мыслей автора письма.

Пришпиливъ ехиднѣйшими ковычками тѣ строки моей статьи, въ которыхъ говорится, что кому много дано, съ того много и взыщется, и что люди нашего центра должны быть мудры, какъ змія, онъ прибавляетъ, что люди центра, кромѣ того, должны „не дѣлать salto mortale въ буквальномъ смыслѣ, salto mortale, не способныхъ повлечь за собою сознательныхъ представителей россійскаго пролетаріата, — для этого „Искра" до 52 № слишкомъ хорошо воспитала ихъ, — но способныхъ на минуту сшибить васъ съ ногъ, а когда вы снова встанете и очнетесь, поставить передъ вами неизбѣжный вопросъ: что же это такое?"

Часъ отъ часу не легче! Ересь, высказанная мною, оказывается способной сшибить съ ногъ даже прекрасно воспитаннаго „Искрой" сознательнаго представителя россійскаго пролетаріата. Стало быть, это — съ-ногъ-сшибательная ересь въ полномъ смыслѣ этого слова. Каково же быть обвиненнымъ въ такой ереси? Необходимо оправдаться какъ можно скорѣе.

Но въ чемъ же собственно состоитъ эта страшная ересь?

Повидимому, она состоитъ въ слишкомъ снисходительномъ отношеніи къ тѣмъ изъ нашихъ соціальдемократовъ, которые, — какъ говорю я въ моей статьѣ, — прежде поддавались вліянію „ревизіонизма", а потомъ увидѣли заключающуюся въ немъ опасность, признали всѣ основныя положенія марксизма и теперь только по нѣкоторой непослѣдовательности и инертности мысли защищаютъ тѣ или иныя „догмы", любезныя „ревизіонистамъ". Я спрашивалъ, какъ долженъ былъ бы отнестись нашъ центръ къ такимъ соціальдемократамъ, и отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ бы большую ошибку, если бы вздумалъ исключить ихъ изъ партіи. Это очень не нравится товарищу, нечаянно сшибленному мною съ ногъ. На этотъ разъ онъ не только подчеркиваетъ и беретъ въ ехидныя ковычки періодъ, заключающій въ себѣ характеристику соціальдемократовъ, нѣкогда склонявшихся къ „ревизіонизму", но въ середину этого періода помѣщаетъ нѣсколько язвительныхъ скобокъ, изъ которыхъ торчатъ язвительныя замѣчанія. Такъ, послѣ того, что сказано у меня о нѣкоторой ихъ непослѣдовательности, у него въ скобкахъ посажено: „*только!*" (курсивъ нашъ); послѣ признанія извѣстной инертности ихъ мысли загородили дорогу скобки, заключающія въ себѣ негодующе-насмѣшливый вопросъ: „у сознательныхъ представителей пролетаріата?" (курсивъ нашъ). Словомъ, товарищъ не даетъ мнѣ ни отдыху, ни сроку. Но, къ стыду своему, я долженъ сознаться, что меня не сшибаютъ съ ногъ ни ехидныя ковычки, ни придирчивый курсивъ, ни язвительныя скобки. Я просто на просто недоумѣваю: неужели авторъ письма находитъ, что мы должны были бы гнать изъ партіи людей, провинившихся лишь въ нѣкоторой инертности мысли и непослѣдовательности? Это ужъ слишкомъ неблагосклонно, какъ говоритъ одинъ персонажъ у Г. И. Успенскаго. Много ли бы насъ осталось въ такомъ случаѣ? И удалось ли бы самому автору письма попасть въ число оставшихся? Я не твердо увѣренъ въ этомъ... Правда, онъ не выноситъ еретическаго духа. Но вѣдь этого еще недостаточно...

Впрочемъ, надо замѣтить, что авторъ письма прямо не говоритъ: „гони;" можно, значитъ, допустить, что и по его мнѣнію гнать не слѣдуетъ. Но тогда почему же онъ упалъ на землю отъ удивленія? почему же онъ колетъ меня ковычками, язвитъ скобками и стращаетъ курсивомъ? Чѣмъ отличалась бы тогда моя съ-ногъ-сшибательная ересь отъ его собственнаго мнѣнія?

„Но ихъ[1] нѣтъ, — гремитъ онъ; — „экономисты" вымерли, а наши отечественные „критики марксизма" находятся уже давно „по ту сторону добра и зла". Или, можетъ быть, есть признакъ ихъ скораго возрожденія — въ новой формѣ? Тогда, конечно, нашъ центръ долженъ знать, какъ поступать. Мы полагаемъ, онъ знаетъ, какъ поступить".

Замѣчу прежде всего, что „экономисты" въ свое время тоже принадлежали къ числу нашихъ отечественныхъ критиковъ марксизма, хоть и попали въ это число болѣе по недоразумѣнію.[2] Но это — мимоходомъ. Главнымъ же образомъ мнѣ интересно, какъ надо понимать слова автора письма о томъ, что экономисты вымерли. Если онъ хочетъ сказать, что „экономизмъ" пересталъ существовать, какъ теченіе нашей соціалистической мысли и какъ фракція нашей соціальдемократической партіи, то онъ правъ. Но вѣдь я говорю не о теченіи и не о фракціи, а только объ „одной или нѣсколькихъ группахъ". Или авторъ думаетъ, что у насъ теперь даже и группъ такихъ болѣе уже не существуетъ? Если да, то мнѣ легко показать ему, что онъ заблуждается. Тѣмъ лучше, что въ моей статьѣ говорилось не о такихъ „экономистахъ", съ которыми я воевалъ когда-то, навѣрно, не менѣе энергично, чѣмъ авторъ письма, не о такихъ экономистахъ, которые привѣтствовали теоретическіе подвиги г. Бернштейна и его русскихъ единомышленниковъ, а о такихъ, — пусть читатель проститъ мнѣ это вынужденное повтореніе, — о такихъ, которые поняли опасность, заключающуюся въ „ревизіонизмѣ" и признали всѣ основныя положенія „ортодоксальнаго" марксизма. Такіе „экономисты" уже перестали быть „экономистами". Сторонниками „ревизіонизма" ихъ можно называть развѣ только по преданію. „Ревизіонистъ" тѣмъ и отличается отъ „ортодокса", что не признаетъ основныхъ положеній марксизма подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ необходимо подвергнуть пересмотру (Revision, ревизія). Разъ онъ вернулся къ признанію этихъ положеній, онъ тѣмъ самымъ отказался отъ „ревизіонизма". И если я протягиваю ему руку, то странно кричать, что я примиряюсь съ ревизіонизмомъ, а падать отъ изумленія на землю значитъ или ровно ничего не понимать во всемъ этомъ вопросѣ, или страдать падучей болѣзнью ума, въ которой моя „ересь" ужъ конечно, совсѣмъ не „причина".

Я спрашиваю автора письма: существуютъ ли въ нашей средѣ группы такихъ товарищей, къ которымъ подходитъ сдѣланная мною выше характеристика? Если онъ имѣетъ хоть нѣкоторое понятіе о положеніи дѣлъ внутри нашей Партіи, то онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ, потому что иначе невозможно отвѣтить на него. А если онѣ существуютъ, то вопросъ о томъ, какъ должны относиться къ нимъ мы, „ортодоксальные" марксисты, получаетъ немаловажное значеніе. Теперь, когда объединеніе стало для насъ практическимъ вопросомъ дня, было бы смѣшно, если бы мы позабыли о той борьбѣ, которую мы вынуждены были вести съ нѣкоторой частью своихъ товарищей и не спросили себя: нельзя ли теперь, въ виду очевидной перемѣны ихъ позиціи, — въ виду явнаго отказа ихъ отъ „ревизіонизма", — заключить съ ними такой миръ, который положилъ бы конецъ печальному междоусобію, обезпечивъ въ то же время всю чистоту нашихъ принциповъ? И если бы была возможность закончить *это* междоусобіе *такимъ* миромъ, то мы не заслуживали бы названія серьезныхъ людей, если бы не воспользовались ею. Я убѣжденъ, что такая возможность въ настоящее время существуетъ въ полной мѣрѣ. Я печатно высказалъ это убѣжденіе и готовъ еще и еще разъ сдѣлать это. Если тотъ или другой товарищъ думаетъ, что я ошибаюсь, то пусть онъ покажетъ мнѣ это; пусть онъ возьметъ на себя трудъ доказать мнѣ, что существующія въ нашей средѣ группы бывшихъ „экономистовъ" до сихъ поръ еще чужды точки зрѣнія „ортодоксальнаго" марксизма. Это будетъ *„вопросъ факта"*, о которомъ можно спорить даже съ очень большимъ увлеченіемъ, но по поводу котораго ни одинъ здоровый человѣкъ не упадетъ на землю, не станетъ видѣть окружающіе его предметы „немного криво" и не закричитъ: „караулъ, измѣняютъ принципамъ!".

Правда, я допускаю, что у нашихъ бывшихъ экономистовъ осталась еще нѣкоторая непослѣдовательность и нѣкоторая инертность мысли, благодаря которымъ они всетаки продолжаютъ повторять иныя „догмы" ревизіонистовъ. И авторъ письма упираетъ на это своимъ придирчивымъ курсивомъ. Но послѣ всего вышесказаннаго ясно, что эти „догмы" никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ, которыя направляются ревизіонистами противъ основныхъ положеній нашего ученія и которыя заставляютъ насъ бороться съ этими господами не на животъ, а на смерть. Бывшіе „экономисты" расходятся иногда съ нами по второстепеннымъ или даже третьестепеннымъ вопросамъ нашей теоріи и практики, въ родѣ вопроса о томъ, какая доля участія въ выработкѣ соціалистическаго сознанія рабочихъ принадлежитъ интеллигенціи; вопроса о типахъ организаціи и т. п. Разойдясь въ этихъ вопросахъ съ нами, бывшіе „экономисты" и до сихъ поръ аргументируютъ подчасъ такъ, какъ не сталъ бы аргументировать ни одинъ вполнѣ послѣдовательный марксистъ. Тутъ имъ случается иногда, по старой памяти, заимствовать тотъ или другой доводъ у „ревизіонистовъ". Утверждая это, я не имѣю въ виду какихъ-нибудь печатныхъ произведеній этихъ товарищей, а просто припоминаю тѣ разговоры, которые мнѣ приходилось вести съ нѣкоторыми изъ нихъ. Именно разговоры съ ними и убѣдили меня въ томъ, что эти товарищи, — между которыми есть очень почтенные и цѣнные дѣятели, — страдаютъ лишь нѣкоторой непослѣдовательностью и инертностью мысли, по поводу которыхъ спорить необходимо, но расходиться было бы прямо безсмысленно.[1] Я не предлагалъ никакихъ уступокъ „ревизіонизму", а только констатировалъ почти окончательный отказъ отъ него бывшихъ „экономистовъ". Разумѣется, я могъ ошибиться въ опредѣленіи характера ихъ нынѣшнихъ взглядовъ, но причемъ тутъ ересь, да еще ужасная, съ-ногъ-сшибательная ересь?

Обо всемъ этомъ не стоило бы много толковать, если бы обвиненіе меня въ ереси, — которое заставитъ расхохотаться всякаго понимающаго человѣка, — не являлось печальнымъ проявленіемъ нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ мысли, усвоенныхъ нѣкоторыми нашими „ортодоксальными" товарищами. Товарищъ, сшибленный съ ногъ моею „ересью", говоритъ, что, когда онъ, встрѣтившись съ тѣмъ или инымъ еретическимъ мнѣніемъ, спрашивалъ себя: „куда аппелировать?", у него прежде, — до грѣхопаденія нашего органа, вверженнаго мною въ пучину еретическихъ мнѣній, — тотчасъ и „машинально" являлся отвѣтъ: въ „Искру". Я боюсь, что авторъ письма мыслитъ „машинально" чаще, чѣмъ онъ самъ подозрѣваетъ это. Мнѣ сдается, что онъ обвинилъ меня въ ереси тоже совершенно „машинально", т. е. совсѣмъ не вдумавшись въ смыслъ того, что было сказано мною, а слѣпо повинуясь той ассоціаціи, благодаря которой слово: „ревизіонистъ" обыкновенно вызывало у него крикъ: „ересь!". И это очень, очень жаль. Ортодоксальный марксизмъ — прекрасная вещь; но „машинальность" очень нехороша, особенно въ мышленіи „ортодоксовъ". „Ортодоксъ" долженъ мыслить діалектически, а діалектика исключаетъ „машинальный", разъ навсегда заученный ходъ мыслей. Вотъ почему меня такъ сильно огорчаютъ недоразумѣнія, вызванныя моей статьей „Чего не дѣлать" въ нашемъ собственномъ лагерѣ; вотъ почему я пустился въ такія пространныя объясненія съ авторомъ письма. Я хочу сказать этому автору и всѣмъ тѣмъ, которые съ нимъ согласны: „берегитесь, товарищи, вы усваиваете себѣ такіе пріемы мышленія, въ сравненіи съ которыми непослѣдовательность нѣкоторыхъ бывшихъ „экономистовъ" оказывается самымъ легкимъ недостаткомъ: вы, того и гляди, станете настоящими метафизиками, не умѣющими мыслить иначе, какъ по формулѣ: да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго; а это въ нашемъ дѣлѣ хуже всего"

Не знаю, приведетъ ли къ чему-нибудь такое предостереженіе, но думаю, что его слѣдовало сдѣлать. Реакція противъ утопической расплывчатости, стремящейся объединить всѣхъ и вся, привела нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей къ противоположной крайности. Они стали судить обо всемъ, совершающемся въ нашемъ движеніи, съ помощью двухъ-трехъ коротенькихъ формулъ, заключающихъ въ себѣ, по ихъ мнѣнію, всю квинтэссенцію „ортодоксіи". Но наше движеніе теперь такъ широко и такъ глубоко, что его не обнимешь подобными коротенькими формулами. Поэтому товарищи, оперирующіе съ ихъ помощью, по необходимости разсуждаютъ „криво" и, будучи одушевлены самыми лучшими намѣреніями, поступаютъ такъ, что врагамъ пролетаріата остается подчасъ только рукоплескать имъ. Они показываютъ себя неспособными „построить партію". Ихъ горизонтъ не выходитъ за предѣлы кружка. Отсюда — излишняя подозрительность во взаимныхъ отношеніяхъ людей, принадлежащихъ къ разнымъ кружкамъ; открываніе ересей тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ и слѣда, расхожденіе и разъединеніе тамъ, гдѣ люди должны были бы сойтись и объединиться. Формулы, приносящія эти печальные плоды, такъ узки, что во имя ихъ можно было бы обвинить въ измѣнѣ марксизму самаго Маркса. Въ самомъ дѣлѣ, Марксъ говоритъ гдѣ-то, что доктринеръ выдвигаетъ на первый планъ то, что разъединяетъ рабочихъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, незараженный доктринерствомъ, стремится объединить ихъ. Не оппортюнизмъ ли это? А какъ велъ себя Марксъ при основаніи Международнаго Товарищества Рабочихъ? Какъ старательно обходилъ онъ въ написанномъ имъ уставѣ этого общества всѣ тѣ спорные вопросы тогдашняго рабочаго движенія, по поводу которыхъ объединяемый пролетаріатъ могъ бы тотчасъ же, къ огромному вреду для дѣла, разбиться на враждующія между собою фракціи! Что скажетъ объ этомъ авторъ письма? Не было ли это торжествомъ систематическаго оппортюнизма? Мнѣ очень жаль, что около Маркса не было тогда никого изъ нашихъ „твердыхъ". Они бы шутить съ нимъ не стали. Они попадали бы на землю отъ благороднаго негодованія, а потомъ, поднявшись на ноги, смутили бы его роковымъ вопросомъ: „что же это такое?.."[1]

Хуже всего то, что близорукость, порождаемая и культивируемая такими пріемами мышленія, нѣкоторыми товарищами разсматривается, какъ нѣчто почти величественное. Вотъ примѣръ. Въ редакціонной замѣткѣ по поводу напечатаннаго въ № „Искры" письма тов. Ленина выражено пожеланіе относительно того, чтобы стремленіе къ дирижерской палочкѣ (о которой говорится въ указанномъ письмѣ) не дѣлало насъ неуживчивыми, прямолинейными, упрямыми, близорукими, узкими, подозрительными и т. д. Это пожеланіе было формулировано мною, и когда я формулировалъ его, я никакъ не ожидалъ, что я опять встрѣчу употребленные мною эпитеты въ слѣдующихъ строкахъ „письма

---

[1] Т. е. товарищей, когда-то увлекавшихся экономизмомъ, Г. П.

[2] О томъ, какъ и почему это произошло, см. мою статью: *„Нѣчто объ экономизмѣ и экономистахъ"* въ № 53 „Искры".

[1] Надо замѣтить еще, что въ разсужденіяхъ объ этихъ вопросахъ даже у тѣхъ изъ насъ, которыхъ никто не заподозритъ въ ревизіонизмѣ, замѣчается довольно значительная непослѣдовательность и довольно большая инертность мысли. Это легко было бы показать на примѣрѣ кое-какихъ печатныхъ произведеній, пользующихся у насъ, по недоразумѣнію, совершенно безупречной репутаціей. И я когда-нибудь сдѣлаю это.

[1] Правда, Марксъ умѣлъ и не уступать. Но онъ не всегда пользовался этимъ умѣньемъ. А это и есть оппортунизмъ. Не правда-ли?

Объединеніе россійской соціальдемократіи и ея задачи.

II.

Общереволюціонныя и пролетарскія тенденціи въ нашемъ движеніи.

> „Всякое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается. Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его."
>
> Лассаль.

Если скрываніе истиннаго положенія дѣлъ „въ политикѣ" вообще равносильно „мелочности, ничтожеству", то въ политикѣ соціальдемократовъ въ Россіи оно еще равносильно было бы измѣнѣ классовымъ интересамъ пролетаріата, т. е. основнымъ историческимъ задачамъ, провозглашеннымъ въ нашей партійной программѣ. Мы живемъ наканунѣ періода сведенія счетовъ новой, буржуазной, капиталистической Россіи съ самодержавно-бюрократическимъ режимомъ и остатками сословной общественной организаціи Россіи дворянской, крѣпостнической. Какъ велика будетъ доля, которая достанется эксплуатируемымъ народнымъ массамъ при ликвидаціи отжившаго соціально-политическаго строя, — это будетъ зависѣть прежде всего отъ той степени политической зрѣлости и силы, которой достигнетъ пролетаріатъ ко времени этой ликвидаціи, отъ того вліянія и значенія, которыя онъ пріобрѣтетъ къ этому времени, какъ самостоятельная революціонная сила. Но прежде, чѣмъ исторія подведетъ итогъ нашей работы на пользу пролетаріата, мы обязаны сами попытаться подвести итогъ результатамъ этой работы. Только такимъ путемъ мы можемъ еще въ большей или меньшей степени наверстать потерянное, пополнить недочеты и направить равнодѣйствующую общественныхъ силъ въ сторону представляемаго нами класса.

Этимъ именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. Въ предыдущей главѣ я, какъ характерную черту новѣйшаго, искровскаго фазиса нашего движенія, отмѣтилъ и подчеркнулъ образованіе глубокаго, принципіальнаго противорѣчія между его теоріей и практикой, между идейно восторжествовавшимъ въ нашей партіи революціоннымъ марксизмомъ и далеко не принципіально пролетарскимъ содержаніемъ ея дѣятельности. Нѣкоторые товарищи усмотрѣли въ этомъ противопоставленіи теоріи практикѣ своего рода возвеличеніе „теоретиковъ" или „литераторовъ", какъ живого источника всяческой премудрости, на счетъ „практиковъ", какъ представителей узости и какъ виновниковъ всѣхъ грѣховъ, паденій и отклоненій партіи въ сторону отъ требуемаго ея принципами пути. Но на самомъ дѣлѣ у меня рѣчь шла не о субъективныхъ добродѣтеляхъ однихъ и порокахъ другихъ. Я противопоставлялъ другъ другу не лицъ, а двѣ стороны нашего движенія: субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатіи, настроеніе,[1] господствующія въ средѣ большинства его представителей, съ одной стороны, и дѣйствительность, фактическое содержаніе ихъ дѣятельности, съ другой. Въ первый періодъ массовой агитаціи такого противорѣчія не было, по той простой причинѣ, что втеченіе этого періода подавляющее большинство товарищей не только безсознательно, въ своей практикѣ, но и въ своемъ субъективномъ сознаніи удалялось отъ первоначальнаго, строго марксисткаго теоретическаго базиса нашей партіи, заложеннаго въ работахъ Плеханова по самымъ разнообразнымъ вопросамъ современной жизни, исторіи, литературы, философіи, и все больше и больше тяготѣло къ эклектическимъ и антимарксисткимъ тенденціямъ. Практика движенія, конечно, не совпадала съ требованіями принципіальной пролетарской борьбы, но и теорія, объясняющая и формулирующая ихъ, подвергалась критикѣ и не пользовалась, въ цѣломъ, безраздѣльной симпатіей массы товарищей — и притомъ не только практиковъ, но и литераторовъ. „Искра" и „Заря" побили ревизіонизмъ и экономизмъ и воскресили въ средѣ русскихъ соціальдемократовъ при новыхъ условіяхъ, прежнія симпатіи къ „ортодоксальному" марксизму. И именно поэтому теперь только выступаетъ такъ рѣзко контрастъ между идейной оболочкой движенія и его реальнымъ содержаніемъ. Меньше, чѣмъ когда и гдѣ либо, въ данномъ случаѣ умѣстенъ вопросъ: „виноваты ли практики или теоретики?" Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, порождено стихійнымъ историческимъ процессомъ, вызвавшимъ къ жизни соціальдемократическе движеніе въ Россіи и опредѣлившимъ на довольно продолжительный періодъ его характеръ и общественное содержаніе. Выясненіе этого процесса одно только и можетъ имѣть для насъ насущный практическій интересъ.

Русскіе марксисты съ самаго начала ставили себѣ ту же самую принципіальную задачу, какую преслѣдуетъ интернаціональная соціальдемократія и которая является для нея верховнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ методовъ, средствъ и результатовъ своей дѣятельности. Развитіе классового самосознанія и политической самодѣятельности рабочихъ массъ, объединеніе ихъ въ самостоятельную революціонную силу, подъ знаменемъ соціальдемократіи — такова, какъ извѣстно, эта задача. Но въ то время, когда возникало наше движеніе, въ русской дѣйствительности не было еще самыхъ элементарныхъ условій для прямого и *непосредственнаго* выполненія именно его принципіальной задачи. Прежде, чѣмъ приступить къ ея выполненію, намъ пришлось взять на себя миссію создаванія этихъ *предварительныхъ* условій. Я не хочу этимъ сказать, что нами или кѣмъ либо изъ насъ заранѣе преднамѣренно составленъ былъ такой планъ: „Сначала мы достигнемъ этого, а потомъ примемся за свое настоящее, уже чисто пролетарское дѣло". Ничего подобнаго. Наоборотъ, для насъ это, „чисто пролетарское", дѣло обнимало и покрывало собою всѣ насущныя задачи современной русской жизни и намъ казалось, что въ дѣйствительности работа надъ *подготовленіемъ* и расширеніемъ *почвы* для широкой организаціи принціпіальной пролетарской борьбы и *непосредственная* работа надъ классовымъ воспитаніемъ рабочихъ сольются въ одно неразрывное цѣлое, въ одно соціально-революціонное дѣло. Но исторія распорядилась далеко не такъ, какъ намъ хотѣлось. Она, за нашей спиной, доставила преобладающую роль въ нашемъ движеніи не цѣли, а средству, не нашей основной, принципіальной задачѣ, а тѣмъ исторически болѣе элементарнымъ задачамъ, безъ, по крайней мѣрѣ, частичнаго осуществленія которыхъ не было *объективной* возможности послѣдовательно и всесторонне преслѣдовать первую. Этимъ самымъ въ развитіе русской соціальдемократіи внесено было противорѣчіе, которое проходитъ красной нитью черезъ всѣ его фазисы.

Ея основная задача, которая всюду опредѣляетъ собою содержаніе и направленіе соціальдемократической практики, заключалась и заключается въ развитіи классового самосознанія и политической самостоятельности пролетаріата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознаніе? Это — во-первыхъ, сознаніе пролетаріатомъ своего принципіальнаго антагонизма со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, и, во-вторыхъ, — сознаніе имъ всемірно-историческаго значенія своей освободительной борьбы. Неразрывно съ тѣмъ и другимъ связано и пониманіе историческихъ условій выполненія рабочимъ классомъ своей освободительной миссіи.[1] А что подразумѣвается подъ политической въ редакцію“ (мы переживаемъ теперь эпоху писемъ въ редакцію) тов. Александрова:

---

[1] Я употребляю здѣсь такія слова, какъ „симпатія", „настроеніе" и т. п. потому, что не впадая въ самообманъ, нельзя не признать, что теоретически вполнѣ сознательныхъ марксистовъ или революціонныхъ соціальдемократовъ у насъ все таки не много.

[1] „Ничто — говоритъ Лассаль нѣмецкимъ рабочимъ — до такой степени не придаетъ *сословію* достойнаго и глубоко нравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что оно... призвано возвысить

„А что, вопрошаютъ эти глубокіе и опытные знатоки жизни, а что если въ центральныя учрежденія попадутъ люди неуживчивые, прямолинейные, упрямые, близорукіе, узкіе, подозрительные (чудища, обла, озорна, огромна, стозѣвна, столаяй), люди, которые увы! возлюбили махать палочкой, стремятся копировать Швейцеровъ и во имя безпрепятственнаго и невиннаго по внѣшности, но коварнаго по существу занятія — маханія палочкой — кулаками по Собакевически вышибутъ изъ партіи... всѣ не вполнѣ и безусловно искровскіе, то есть не вполнѣ сознательные элементы? и т. д. [1])

Глубокими и опытными знатоками жизни называются здѣсь товарищи, расходящіеся съ тов. Александровымъ по нѣкоторымъ организаціоннымъ вопросамъ. Не мое дѣло рѣшать, въ какой мѣрѣ правильно передано въ цитированныхъ мною строкахъ то, что говорятъ эти товарищи. Я только нахожу необходимымъ замѣтить, что тов. Александровъ не понялъ, какое впечатлѣніе вызываетъ во мнѣ представленіе о людяхъ, характеризованныхъ мною эпитетами: неуживчивые, прямолинейные и т. д. Тов. Александровъ выразилъ, что это представленіе можетъ быть, хотя бы и въ насмѣшку, поставлено рядомъ съ представленіемъ о нѣкоемъ чудищѣ. Онъ жестоко ошибся. Люди, какими намъ не слѣдуетъ быть и которыхъ я характеризовалъ указанными эпитетами, представляются мнѣ, конечно, очень непріятными, но я не вижу въ нихъ ровно ничего чудовищнаго. Чудище, о которомъ онъ вспоминаетъ, во всякомъ случаѣ *обло* и *огромно*, т. е. очень *велико* по своимъ размѣрамъ.[2]) Люди же en question совсѣмъ, совсѣмъ маленькіе люди. „Чудище могло бы ужаснуть того, кто повѣрилъ бы въ его существованіе; а такіе люди, во мнѣ, по крайней мѣрѣ, неспособны были бы вызвать ничего, кромѣ презрѣнія къ нимъ самимъ, да глубочайшаго сожалѣнія о той партіи, въ которой они могутъ не только занимать извѣстное мѣсто, но даже вздорить изъ-за „дирижерской палочки“. Я смѣюсь надъ такими людьми, а тов. Александровъ вообразилъ, что они меня ужасаютъ, представляясь мнѣ какими-то романтическими злодѣями. Онъ, какъ видно, — и далеко не одинъ онъ — склоненъ къ идеализаціи этихъ „игрушечнаго дѣла людишекъ“. А это чрезвычайно плохой знакъ. Тутъ большая опасность для партіи.

Я сказалъ въ статьѣ „Чего не дѣлать“, что нашъ центръ долженъ быть смѣлымъ, настойчивымъ и рѣшительнымъ, но долженъ также умѣть *уступать*, когда этого потребуетъ польза дѣла. По этому поводу тов. Александровъ ставитъ вопросъ, кажущійся ему „коварнымъ“:

„Представимъ себѣ какую нибудь ортодоксальную группу, которая для того, чтобы проявить въ партіи во что бы то ни стало свой особый оттѣнокъ, выступитъ съ требованіемъ представительства въ центрахъ. Не уступитъ ли ей редакція во имя мира въ партіи, „во что бы то ни стало“ редакторство „Искры“? Не правда ли, товарищи, вопросъ коварный, но право же вполнѣ умѣстный. Ваша статья въ 52 номерѣ, приведшая во недоумѣніе многихъ и многихъ изъ насъ, партійныхъ работниковъ, даетъ поводъ и къ такимъ „мирнымъ“ комбинаціямъ мысли.“

Въ предыдущемъ № редакція „Искры“ уже разъяснила тов. Александрову, что его вопросъ не столь коваренъ, какъ кажется. Лично отъ себя я добавлю къ этому разъясненію, что это скорѣе до крайности, до нельзя простодушный, чѣмъ сколько нибудь коварный вопросъ; онъ показываетъ, что товарищъ Александровъ совершенно не понялъ статьи „Чего не дѣлать“. Этотъ товарищъ продолжаетъ думать схематически, разсуждая по формулѣ: да да, нѣтъ нѣтъ и пр., а между тѣмъ я всѣми силами старался доказать, что съ этой формулой далеко не уйдешь, и что намъ теперь необходимо усвоить другой методъ мышленія. Еще разъ попробую разъяснить свою мысль.

Тов. Александровъ стоитъ на точкѣ зрѣнія формальной; онъ справляется только съ *уставомъ*; онъ разсуждаетъ *юридически*. противорѣчитъ или не противорѣчитъ данное желаніе данныхъ товарищей данному параграфу устава. И такой точки зрѣнія держатся, такъ разсуждаютъ у насъ очень многіе. А я говорю, что мы должны умѣть *подняться выше формализма*, что намъ нужно теперь держаться *не юридической, а политической точки зрѣнія*. Въ этомъ и состоитъ наши *разногласія*.

Человѣкъ, сумѣвшій возвыситься *надъ формализмомъ*, разсуждаетъ по *существу*; человѣкъ, сумѣвшій подняться до *политической* точки зрѣнія, справляется *не съ уставомъ*, или, вѣрнѣе, *не только съ уставомъ, но и съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ, съ даннымъ соотношеніемъ силъ*. А каково у насъ въ партіи это положеніе? На что указываетъ намъ это соотношеніе?

Буду говорить прямо, иначе меня опять не поймутъ. Я принадлежалъ на съѣздѣ партіи къ *большинству*, которое, — какъ это видно изъ только что вышедшихъ протоколовъ съѣзда, — и произвело выборы въ партійные центры. Но большинство это было совершенно незначительное большинство. До того незначительное, что когда, на одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, одинъ изъ нашихъ перешелъ къ *меньшинству*, то съѣздъ оказался раздѣленнымъ *на двѣ равныя части*, — обстоятельство, нашедшее свое выраженіе въ формулировкѣ одной изъ его резолюцій. Выходило, что *люди, выбранные одной половиной, должны были руководить всѣми*. Я тогда же почувствовалъ, что это было ненормально. Но я еще не зналъ тогда, къ какимъ практическимъ неудобствамъ поведетъ такая ненормальность. Впослѣдствіи я увидѣлъ, что неудобства эти страшно велики, и постарался устранить ихъ, насколько это отъ меня зависѣло. Я сдѣлалъ извѣстную товарищамъ кооптацію. И для меня очевидно, что нашъ Ц. К. обязанъ поступить такимъ же образомъ: *онъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы явиться выраженіемъ всей нашей партіи, а не одной только ея части*. Это, разумѣется, не обязательно съ точки зрѣнія устава, но этого несомнѣнно требуетъ интересъ дѣла. И пока это требованіе не будетъ исполнено тѣми, „кому вѣдать надлежитъ“, до тѣхъ поръ нашъ *Центральный* Комитетъ останется, такъ сказать, *эксцентричнымъ*. А ему нужно сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ *центральнымъ*.

Будетъ ли исполнено это требованіе? Этого я не знаю. Но я хорошо знаю, что исполненіе его является единственнымъ средствомъ вывести нашу партію изъ состоянія тяжелаго кризиса, который чрезвычайно ослабляетъ наши позиціи и усиливаетъ позиціи нашихъ многочисленныхъ враговъ и противниковъ. Кому нуженъ этотъ кризисъ? Во всякомъ случаѣ не нашей партіи; во всякомъ случаѣ не тому классу, который она представляетъ.

Понимаете ли вы меня на этотъ разъ, тов. Александровъ? Если опять нѣтъ, то я посовѣтую вамъ вспомнить слова дѣдушки Крылова: „*что врагъ совѣтуетъ, то вѣрно худо*“, и прочитать послѣдніе №№ „*Революціонной Россіи*“, они разъяснятъ вамъ очень многое.

Публицисты этого почтеннаго органа захлебываются отъ радости при видѣ нашихъ распрей. Почему? *Потому, что онѣ полезны имъ.*

Публицисты этого органа обвиняютъ меня въ оппортюнизмѣ. Почему? Потому, что *для нихъ выгодна неуступчивость нашихъ „твердыхъ“*.

Кризисъ, переживаемый нами, возбудилъ въ соц.-рев. такія надежды, которыя имъ самимъ покажутся совершенно несбыточными, когда онъ окончится.

Соціалисты-реакціонеры опять спекулируютъ на наши несчастія, какъ спекулировали они на нихъ во время нашей борьбы съ „экономистами“, которыхъ они, кстати сказать, *усердно поддерживали*. Прислушайтесь къ тому, что говорятъ эти господа, тов. Александровъ, и вы, можетъ быть, поймете меня. *Что радуетъ врага, то вѣрно худо.*

Довольно! Я хотѣлъ было поговорить еще съ гг. соціалистами-реакціонерами, но недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ этого. Скажу только два слова.

Намъ, партіи пролетаріата, предстоитъ пережить, можетъ быть, еще не одинъ кризисъ. Но что дѣлать! Римъ построился не въ одинъ день. Построить его было несравненно, безконечно труднѣе, чѣмъ намалевать тѣ декоративные города и деревни, которыми любовалась Екатерина II во время своей поѣздки по Новороссіи. Внутри *этихъ* городовъ и деревень все обстояло благополучно; въ нихъ *невозможны* были никакія распри. Такъ же благополучно все и въ партіи соц.-реакціонеровъ. Вѣдь она сама есть не болѣе, какъ намалеванная декорація. Мы не завидуемъ *ея* благополучію!

Г. Плехановъ.

---

[1]) См. приложеніе къ № 55 „Искры“.

[2]) Товарищъ Александровъ почему-то снабжаетъ это чудище непонятнымъ признакомъ: столаяй — вмѣсто: и лаяй, т. е. и лающее. Кстати. Въ моей замѣткѣ ни о какихъ вышибаніяхъ кулакомъ не говорится. Это украшеніе слога принадлежитъ тов. Александрову.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

Въ манифестѣ[1]) всероссійскаго студенческаго съѣзда 1903 г. на который собрались представители центральныхъ революціонныхъ учрежденій 19 высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, констатируется по докладамъ делегатовъ тотъ фактъ, что „повсемѣстнымъ и наиболѣе характернымъ признакомъ настоящаго историческаго момента, переживаемаго студенчествомъ, является болѣе или менѣе рѣзкая дифференціація въ средѣ студенчества“.

Съ одной стороны, все оппозиціонное студенчество рѣзкою гранью отдѣлилось отъ реакціоннаго, сплачиваемаго въ различныя легальныя общества. Съ другой стороны: „въ передовыхъ слояхъ студенчества происходитъ непрерывный процессъ дифференціаціи, распредѣляющій ихъ между существующими революціонными идеологіями. Такимъ образомъ, въ нѣдрахъ организацій стараго типа, созданнаго періодомъ-академизма, растутъ и развиваются новыя силы. Съѣздъ находитъ возможнымъ лишь привѣтствовать этотъ процессъ, какъ залогъ растущаго политическаго самосознанія массъ студенчества, какъ залогъ его правильнаго революціоннаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится констатировать фактъ неудовлетворительности старыхъ типовъ организацій... На основаніи докладовъ пришлось констатировать въ большинствѣ случаевъ фактъ упадка вліянія на студенчество Союзныхъ Совѣтовъ и Организаціонныхъ Комитетовъ, какъ учрежденій искуственно поддерживающихъ свое существованіе. Объединеніе въ этихъ учрежденіяхъ самыхъ разнородныхъ по своему міровоззрѣнію элементовъ, являющееся слѣдствіемъ такого же искуственнаго объединенія и въ смѣшанныхъ организаціяхъ стараго типа (землячествахъ и т. д.), не даетъ возможности выработать „единой“ политической программы, которой по существу современнаго дифференцирующагося студенчества выработать и невозможно. Изъ столкновенія этихъ разнородныхъ и часто противоположныхъ элементовъ въ организаціяхъ и ихъ центральныхъ учрежденіяхъ создается такое положеніе вещей, при которомъ силы студенческихъ дѣятелей взаимно парализуются“. Выходъ изъ этого положенія съѣздъ находитъ въ замѣнѣ старыхъ организацій, искуственно соединявшихъ людей самыхъ различныхъ воззрѣній, обособленными организаціями, группирующими студентовъ съ одинаковыми соціально-политическими воззрѣніями. Но независимо отъ этой группировки все передовое студенчество, признающее лозунгъ: „долой самодержавіе“, можетъ въ извѣстные моменты выступать, какъ цѣлое. Съѣздъ нашелъ поэтому „необходимой, изъ тактическихъ соображеній, коалицію означенныхъ разнородныхъ группъ, которыя такимъ образомъ въ моментъ борьбы окажутся объединенными въ „Коалиціонномъ Совѣтѣ“ для соглашенія и планомѣрности дѣйствій всѣхъ группъ“.

Сообразно съ измѣнившимися условіями, съѣздъ находитъ прежній способъ студенческой борьбы: забастовки и обструкцію, не выдерживающими никакой критики и рекомендуетъ:

„а) агитаціонныя, систематически-организуемыя сходки;

б) устройство агитаціонныхъ митинговъ на публичныхъ лекціяхъ, концертахъ и проч.;

с) демонстративныя забастовки въ дни важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ событій, обязательныя въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи въ слѣдующіе дни: 8 февраля, 19 февраля, 4 марта, 1 и 3 мая и 3 ноября, какъ день, къ которому съѣздомъ пріурочено чествованіе всѣхъ товарищей, павшихъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ;

д) уличныя демонстраціи, какъ чисто студенческія, такъ и съ другими общественными слоями (что касается вооруженныхъ демонстрацій, съѣздъ находитъ возможнымъ ихъ устройство лишь послѣ предварительныхъ переговоровъ и соглашенія съ комитетомъ партіи)“.

Насколько можно судить по краткимъ даннымъ, сообщеннымъ въ цитируемомъ нами документѣ, рѣшенія студенческаго съѣзда, дѣйствительно, были, какъ говоритъ „Манифестъ“, „неизбѣжнымъ выводомъ изъ существующаго положенія вещей“.

Произошло именно то, что уже годъ тому назадъ предвидѣла „Искра“. Студенты не могли оставаться нейтральными, незаинтересованными зрителями происходящей борьбы соціально-политическихъ направленій, а, вникши въ эту борьбу, не могли не выбирать между противоположными мнѣніями, не могли, слѣдовательно, не внести разложенія въ организаціи, объединявшія прежде всю враждебную самодержавію часть студенчества.

При такихъ обстоятельствахъ распаденіе на группы различныхъ направленій до такой степени неизбѣжно, что самое нежеланіе углубляться въ вопросы, разъединяющіе студенчество, само стремленіе остаться при одномъ объединяющемъ его лозунгѣ: „долой самодержавіе“ уже образуетъ особое направленіе чистыхъ политиковъ-революціонеровъ, не соціалистовъ.

Разумѣется, студенческія соціальдемократическія организаціи будутъ въ своей дѣятельности на почвѣ обще-студенческаго движенія сообразоваться съ тактикой партіи, къ которой они примыкаютъ. Но что возможны и полезны политическія манифестаціи, въ которыхъ все студенчество, признающее лозунгъ „долой самодержавіе“, выступаетъ сообща, и что для соглашенія по тактикѣ такихъ выступленій можетъ понадобиться „коалиціонный совѣтъ“ изъ делегатовъ различныхъ организацій, — этого отрицать намъ не приходило въ голову, хотя Рев. Рос. и не преминула по этому случаю доставить себѣ двойное удовольствіе попытаться лишній разъ щипнуть „неумолимыхъ сектантовъ“, а, главное, польстить студенчеству, будто бы давшему намъ „и въ этомъ отношеніи хорошій урокъ“.

Но у соц.-революціонеровъ есть другая, болѣе реальная причина радоваться. Въ „докладѣ“ о съѣздѣ, напечатанномъ въ № 37 Рев. Рос.[1]) говорится о „крайне интенсивномъ ростѣ позднѣе (чѣмъ соц.-дем.) выступившихъ группъ соц.-революціонеровъ“. Мы такому „росту“, радоваться, конечно, не можемъ, но объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

---

[1]) Мы получили рукописный экземпляръ этого манифеста.

[1]) Нами полученъ гектографированный экземпляръ этого „Доклада“. Онъ подписанъ: „Группа студентовъ соц. революціонеровъ“. Въ Рев. Рос. онъ напечатанъ безъ этой подписи, какъ „докладъ съѣзда“. Въ текстѣ резолюцій, приводимыхъ въ этомъ „докладѣ“, имѣются нѣкоторыя отличія отъ текста резолюцій въ „Манифестѣ“.

самостоятельностью этого класса? Планомѣрное, систематическое вмѣшательство рабочихъ массъ, организованныхъ въ классовую партію или руководимыхъ ею, во всѣ сферы общественно-политической жизни. На этой аренѣ борьбы они сталкиваются лицомъ къ лицу, какъ съ враждебнымъ лагеремъ, не только съ своими непосредственными эксплуататорами, какъ съ частными лицами, преслѣдующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и съ тѣми элементами высшихъ классовъ, которые выступаютъ въ роли представителей и выразителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія и интересовъ „всего народа“, „всей страны“, а въ дѣйствительности являются не болѣе, какъ идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дѣльцами эксплуататорскихъ классовъ. Активное вмѣшательство въ общественную и политическую жизнь является, поэтому, и лучшей, чтобы не сказать единственной, школой и для развитія классового самосознанія пролетаріата. Развивая политическую самостоятельность пролетаріата, западная соціальдемократія этимъ самимъ развиваетъ и его классовое самосознаніе. Систематически вовлекая рабочія массы въ непосредственныя столкновенія и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазныхъ идеологовъ и политиковъ, соціальдемократія конкретно вскрываетъ передъ нимъ непримиримый антагонизмъ интересовъ пролетаріата съ господствомъ буржуазіи. Вынося на обсужденіе его активныхъ слоевъ всѣ вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями другихъ классовъ, организуя эти слои для предъявленія и отстаиванія принятыхъ ими рѣшеній, какъ по этимъ вопросамъ, такъ и по тѣмъ, которые они самостоятельно вносятъ, соціальдемократы наглядно обнаруживаютъ передъ рабочимъ классомъ, съ одной стороны, неспособность даже передовыхъ элементовъ буржуазіи послѣдовательно отстаивать интересы прогресса, а съ другой — его собственную роль единственнаго серьезнаго борца за эти интересы. Однимъ словомъ, процессъ всесторонняго классового воспитанія и объединенія рабочихъ въ самостоятельную пролетарскую партію совершается, и можетъ только совершаться, главнымъ образомъ на почвѣ и посредствомъ ихъ активнаго участія въ тѣхъ сферахъ общественной жизни, въ которыхъ и на западѣ еще въ недавнемъ прошломъ единственными хозяевами были представители высшихъ класеовъ.

Все это вещи общеизвѣстныя, но онѣ почти или совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ при оцѣнкѣ „положенія дѣлъ“ нашей Партіи. Въ противномъ случаѣ, мы не проявляли бы такого самоудовлетворенія по части достигнутыхъ ею результатовъ въ дѣлѣ классового воспитанія рабочихъ массъ.

Въ капиталистическихъ странахъ запада соціальдемократы[1]), какъ только появились на свѣтъ, такъ и начали свою пролетарскую воспитательную работу съ привлеченія рабочихъ массъ къ активному и самостоятельному участію въ политической борьбѣ. Это само собою подсказывалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальдемократія выступила на сцену въ этихъ странахъ въ то время, какъ буржуазія тамъ уже политически господствовала или, по крайней мѣрѣ, участвовала въ государственной власти. Широкая политическая агитація облегчалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы въ „правовомъ государствѣ“. Но что особенно важно помнить, такъ это то, что пролеторіатъ и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи уже былъ до извѣстной степени подготовленъ воздѣйствіемъ на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенціи въ эпоху революціонныхъ бурь буржуазіи и въ слѣдующій за нею періодъ. Въ большинствѣ случаевъ соціальдемократія на западѣ съ самаго начала представляла собою передовой отрядъ уже соціально активныхъ слоевъ пролетаріата (плюсъ нѣсколько единицъ изъ „интеллигенціи“) и выражала новый фазисъ въ развитіи уже начатой имъ классовой борьбы.

Ни одного изъ этихъ необходимѣйшихъ условій для развитія строго принципіальнаго пролетарскаго движенія у насъ не было на лицо въ тотъ моментъ, когда въ Россіи возникло соціальдемократическое теченіе. Рѣшающее и предопредѣляющее значеніе для развитія новаго движенія имѣли два обстоятельства: во-первыхъ, то, что пролетаріатъ въ Россіи — если не считать немногихъ спропагандированныхъ рабочихъ, тонувшихъ въ общей массѣ своихъ собратьевъ, да рѣдкія, изолированныя стачки — погруженъ былъ тогда еще въ глубокій историческій сонъ и находился въ совершенно безкультурномъ состояніи. Въ немъ самомъ не было элемента, способнаго взять на себя дѣло пробужденія его отъ этого сна и выведенія его на арену исторической активности Эту задачу долженъ былъ взять на себя посторонній ему соціальный элементъ — радикальная интеллигенція. Въ этомъ заключалось второе изъ двухъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Историческій или общественный смыслъ его таковъ: для того, чтобы вызвать къ жизни въ Россіи самостоятельное, сознательно-классовое движеніе среди рабочихъ массъ, предварительно необходимо было подчинить ихъ идейному и политическому вліянію и руководству соціально чуждаго имъ слоя, принадлежащаго въ массѣ своей къ другимъ классамъ населенія. На западѣ одной изъ первыхъ задачъ соціальдемократіи было освобожденіе пролетаріата отъ вліянія и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенціи. У насъ марксисты должны были, наоборотъ, въ интересахъ соціально-политическаго развитія рабочихъ, взять на себя иниціативу сближенія радикальной интеллигенціи съ пролетаріатомъ и систематически помогать ей въ дѣлѣ подчиненія его ея революціонному руководству. Какъ бы то ни было, здѣсь скрывалось крупное противорѣчіе между субъективной цѣлью иниціаторовъ нашего движенія и объективнымъ характеромъ того средства, которое имъ предоставила исторія.

Чѣмъ, однако, оправдывалась, на чемъ основана была ихъ вѣра въ призваніе и готовность радикальной интеллигенціи взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссію? Вѣра эта опиралась на фактическое настроеніе революціонной интеллигенціи и имѣла своей объективной основой или источникомъ историческое положеніе этой интеллигенціи. На западѣ вышеуказанный антагонизмъ соціальдемократіи съ лѣвымъ крыломъ свободомыслящей буржуазіи обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что ко времени появленія первой и наиболѣе радикальные элементы интеллигенціи уже распростились съ своимъ революціонно-демократическимъ идеализмомъ и настолько тѣсно политически ассоціировались съ демократическими, полудемократическими, и даже отчасти совсѣмъ недемократическими слоями непролетарскихъ классовъ, что фактически являлись выразителями и представителями интересовъ именно буржуазіи, играли роль ея идейнаго и политическаго авангарда. У насъ политическій индифферентизмъ эксплоататорскихъ классовъ и политическая пассивность „общества“ отдаляли отъ нихъ наиболѣе революціонные элементы интеллигенціи, обрекали эти послѣдніе на изолированность и общественное безсиліе и поддерживали въ нихъ стремленіе не только бороться „за народъ“, но и вовлечь его самаго въ эту борьбу. Но на западѣ народныя массы очутились вначалѣ на революціонной аренѣ, какъ стихійная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внѣшними импульсами, исходившими — въ особенности во Франціи и Англіи — преимущественно изъ внут

свой принципъ въ принципъ своего вѣка, сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества.“ И онъ старался, чтобы германскій пролетаріатъ проникся сознаніемъ, что рабочій классъ — въ современномъ обществѣ — „камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“. На языкѣ Маркса и Энгельса слова эти означаютъ, что высоко развитое пролетарское самосознаніе неразрывно связано съ яснымъ представленіемъ рабочихъ объ исторической роли своего класса, какъ революціоннаго носителя и представителя интересовъ всего общества, часть котораго они составляютъ, и всего человѣчества.

---

[1]) Чтобы не усложнять занимающаго меня вопроса, я здѣсь, какъ и вообще въ статьѣ, совершенно игнорирую фактъ кратковременнаго, такъ сказать, минутнаго существованія коммунистическаго союза въ промежуткѣ между выступленіемъ его съ манифестомъ Маркса и Энгельса и революціей 1848 г.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На попятный? Извѣстія послѣднихъ дней говорятъ, повидимому, за то, что самодержавіе рѣшило въ концѣ концовъ постараться вырваться изъ тисковъ, въ которые оно попало вслѣдствіе столкновенія съ Японіею, уступивъ по всѣмъ пунктамъ!

На новогоднемъ пріемѣ царь сказалъ, что „употребитъ все свое вліяніе для сохраненія мира", и немедленно вся печать затрубила на всѣ лады отступленіе.

Особенно усердствуетъ „Новое Время". Давно ли оно кричало въ своей передовицѣ, что „война съ Японіей будетъ популярнѣе всякой другой"? А теперь и ученый экономистъ доказываетъ на столбцахъ его, что выгоднѣе всего покинуть Манджурію; и „высокопоставленный собесѣдникъ" совершенно недвусмысленно и очень „невесело" заявляетъ устами репортера шустрой газеты, что въ случаѣ войны съ Японіей „гиганту"-самодержавію трудно разсчитывать на побѣду надъ „карликомъ"-Японіей, намекая при этомъ и на то деликатное обстоятельство, что „мужикъ", пожалуй, не съ особенной радостью встрѣтитъ „новое и ой-какое тяжелое бремя", которое наложитъ на его плечи война; наконецъ, откровенный г. Сыромятниковъ, очевидно не читающій передовицъ своего патрона, прямо выбалтываетъ въ фельетонномъ подвалѣ, „что война съ Японіей не будетъ популярна потому, что у народа есть одна глубокая дума —дума объ улучшеніи внутренняго быта" Яснѣе ставить точки надъ і не приходится. Самодержавіе устами своихъ рептилій открыто признаетъ, что народъ не съ нимъ, и отступаетъ передъ „карликомъ". „Для чего захваты? Для чего нарушеніе данныхъ нами обѣщаній?", спрашиваетъ, „высокопоставленный собесѣдникъ", отлично знающій, конечно, что вся внѣшняя политика самодержавія состоитъ изъ „захватовъ" и „нарушенія обѣщаній", и спрашиваетъ на страницахъ той самой газеты, которая вчера еще клялась и божилась, что Манджурія принадлежитъ намъ по праву, что „нарушеніе обѣщаній" — злостная выдумка коварной „англичанки". Самодержавіе отступаетъ, и конечно, соціальдемократическая Партія должна использовать это позорное признаніе царизмомъ собственной слабости и безсилія, чтобы раскрыть глаза всѣмъ и каждому, показать народу, какъ слаба и шатка та опора, на которой еще держится россійскій деспотизмъ. Безсиліе врага должно удесятерить нашу силу и нашу энергію, и пусть „тяжкія испытанія", о которыхъ плачется елейная новогодняя статья „Московскихъ Вѣдомостей", миновавъ народъ русскій, не минуютъ злѣйшаго врага его — самодержавія!

Петербургъ. Съѣздъ дѣятелей по техническому образованію.

За послѣдніе дни произошло нѣсколько инцидентовъ, характеризующихъ настроеніе нѣкоторой части членовъ съѣзда, тонъ которому даютъ преимущественно петербургскіе либералы. Весь этотъ элементъ сосредоточился главнымъ образомъ въ десятой секціи, занимающейся внѣшкольнымъ обученіемъ рабочихъ. На засѣданіяхъ этой секціи постоянно масса народу: курсистки, учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній и вообще молодежь. Понятно, что всѣ дебаты въ концѣ концовъ выходили изъ узкихъ рамокъ докладовъ.

Нельзя сказать, чтобы шумные даже бурные аплодисменты, привѣтствовавшіе „либеральныя" постановленія съѣзда, производили чрезмѣрно ободряющее впечатлѣніе; слишкомъ ужъ мелки были эти постановленія, особенно по нынѣшнимъ временамъ. Напримѣръ, когда говорили о необходимости всеобщаго обученія — громъ аплодисментовъ, о томъ, что не слѣдуетъ пороть — также и т. д. до безконечности. Тоже самое приходилось уже наблюдать не разъ на разныхъ бывшихъ съѣздахъ, когда и рѣчи были содержательнѣе и требованія даже рѣзче. Первые дни казалось, что настроеніе будто повышается. Но вышло не совсѣмъ такъ. Все вертѣлись вокругъ частностей хотя и дошли до такихъ, напр., резолюцій, какъ необходимость отмѣны цензуры, необходимость свободы рабочихъ союзовъ и т. п. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ засѣданій секція постановила не возбуждать ходатайствъ передъ правительствомъ, согласно резолюціямъ, какъ это дѣлаютъ всѣ съѣзды, въ виду того, что вообще всѣ ходатайства съѣздовъ, болѣе или менѣе претендующія на ослабленіе правительственной опеки, не удовлетворяются, а широко оповѣщать земства, города, учрежденія о своихъ постановленіяхъ и пригласить членовъ дѣйствовать въ духѣ резолюцій.

Отъ такого начала можно было бы ожидать и болѣе эффектнаго конца, болѣе категорически выраженнаго требованія политической свободы. И хотя очень и очень многіе съ засосомъ говорятъ о десятой секціи, на самомъ дѣлѣ на человѣка, болѣе серьезно относящагося къ дѣлу свободы, особенно импонирующаго впечатлѣнія она не производила.

Евреями тоже занимались. Въ отношеніи къ нимъ можно замѣтить и интересъ, и сочувствіе, выросшіе, конечно, на почвѣ послѣднихъ событій въ еврейской жизни. Не буду распространяться о томъ, почему это вылилось въ той формѣ, о которой разскажу. Разскажу только, какъ было дѣло. Въ первой секціи, высшихъ учеб. техн. завед., былъ докладъ объ условіяхъ пріема въ эти заведенія, говорилось о конкурсахъ, аттестатахъ и т. д. Одинъ выступилъ съ вопросомъ, почему докладчикъ не упомянулъ объ условіяхъ пріема евреевъ. Его стали поддерживать другіе, и, въ концѣ концовъ, послѣ нѣсколькихъ горячихъ рѣчей была принята резолюція о пріемѣ въ высшіе техн. учеб. заведенія безъ различія вѣроисповѣданій, національности и т. д. Потомъ была принята резолюція также о допущеніи женщинъ въ тѣ же заведенія, затѣмъ о правѣ проживанія по всей Россіи евреевъ, окончившихъ среднія учеб. заведенія, для поступленія въ высшія. Публики набилось множество, такъ какъ этого доклада ждали и знали, что будутъ внесены эти предложенія. Встрѣчены они были, конечно, бурными аплодисментами.

Наконецъ произошло событіе, въ которомъ протестъ противъ юдофобства вылился въ особенно рѣзкой формѣ. На съѣздѣ, въ секціи по ремесленному ученичеству, принимали участіе знаменитые Пронинъ и Степановъ изъ Кишинева. О присутствіи перваго не знали долгое время, но Степановъ началъ проявлять себя безсмысленностями и глупостями. У него, очевидно, манія выступать ораторомъ. Его и на смѣхъ поднимали, и ругали ругательски, и заставляли даже уходить изъ залы. Какъ то созрѣла мысль съ трескомъ удалить обоихъ со съѣзда, но все не представлялось случая: то они не являлись, то публики не было въ достаточномъ количествѣ. Комитетъ съѣзда, очевидно, зналъ о готовящемся скандалѣ и, кажется, заранѣе ихъ исключилъ изъ числа членовъ.

Наконецъ разыгралась сцена, финалъ которой я наблюдалъ лично. Я сидѣлъ въ одной изъ аудиторій на засѣданіи. Вдругъ раздались такіе неистовые крики и вопли, что могло показаться, будто въ университетѣ произошелъ пожаръ или землетрясеніе. Мы всѣ выбѣжали въ корридоръ. Одинъ молодой человѣкъ, окруженный большой толпой, неистовымъ голосомъ не то говорилъ рѣчь, не то выкрикивалъ что то истерическое. Дѣло произошло такъ. Онъ подошелъ въ корридорѣ къ Степанову (Пронина не было) и спросилъ его, что онъ здѣсь дѣлаетъ. Тотъ спроста отвѣтилъ, что онъ членъ съѣзда. Тогда первый закричалъ на весь корридоръ: „Вонъ отсюда! вы не членъ съѣзда, а убійца, громила! вонъ! вонъ!" Публика моментально окружила Степанова и подняла тотъ неистовый вопль: вонъ! убійца!, который и вызвалъ насъ въ корридоръ. Степановъ скрылся; думали, что онъ ушелъ, но оказалось, что онъ запрятался въ секретарской, недалеко отъ мѣста происшествія. Въ это время вышелъ секретарь съѣзда, блѣдный, взволнованный, началъ успокаивать публику и заявилъ, что комитетъ съѣзда по общему желанію исключилъ изъ числа членовъ Степанова и Пронина и разорвалъ ихъ заявленія. Затѣмъ онъ просилъ дать Степанову возможность уйти, не бить его и т. д. Публика согласилась, но потребовала, чтобы онъ прошелъ мимо нея (былъ и другой ходъ). Всѣ стали въ двѣ шеренги, и показалось шествіе: секретарь съѣзда Степановъ, нѣсколько распорядителей — студентовъ. Что произошло, трудно поддается описанію: неистовые вопли, крики, доходившіе до истерики, такъ что казалось, стѣны рушатся: на Степанова было страшно смотрѣть, онъ походилъ на затравленнаго звѣря, оглядывался, какъ волкъ по сторонамъ. Подъ неумолкаемые крики: вонъ! убійца! громила! руки въ крови! онъ спустился съ лѣстницы. Но здѣсь ему пришлось ждать шубы, и пока ее вынесли ему, та же сцена продолжалась съ неослабѣвающимъ неистовствомъ, пока, наконецъ, сквозь густую толпу ему не удалось вынести шубу и шапку, и онъ вышелъ. О постановленіи комитета и секцій было рѣшено напечатать въ дневникѣ съѣзда. Накопившійся горючій матеріалъ воспламенился, и этотъ — слишкомъ нервическій протестъ есть просто выраженіе того духа общаго протеста, который за послѣднее время охватилъ значительную часть съѣзда. Пока онъ выразился въ такой формѣ и именно противъ одного лица — Степанова. До сихъ поръ у насъ всегда такъ бывало. Весь запасъ нервной энергіи уходитъ на частности, мелочи: но здѣсь всетаки характерныя черты современнаго положенія дѣлъ, которыхъ раньше не было.

На слѣдующій день, когда собрались члены къ зданію университета на послѣднее собраніе, чтобы оформить резолюціи и торжествено закрыть съѣздъ, они были встрѣчены у входа цѣлой толпой полицейскихъ. Имъ заявили, что съѣздъ объявленъ закрытымъ и имъ оставалось только разойтись.

Такой финалъ, столь обычный при нашихъ порядкахъ, вызвалъ по обыкновенію же какъ-разъ обратные результаты, чѣмъ тѣ, которыхъ желало правительство. Боевое настроеніе повысилось. Собраніе изъ 300 членовъ закрытаго съѣзда составило письменный протестъ противъ новаго акта произвола. На вечеринкѣ, устроенной въ ихъ честь, было человѣкъ 600, изъ нихъ 500 учителей и учительницъ, остальные — молодежь и литераторы. Тутъ излагались партійныя программы, читались воззванія, вещи назывались ихъ собственными именами. Всѣ указывали на первопричину народной тьмы и невѣжества, и закончили возгласомъ: „долой самодержавіе!"

Только что начался Пироговскій съѣздъ врачей и естествоиспытателей. Онъ также успѣлъ уже ознаменоваться нѣкоторыми инцидентами: такъ и на этомъ съѣздѣ принята резолюція — не обращаться къ правительству ни съ какими ходатайствами.

Перваго января стала выходить въ Петербургѣ новая газета „Русская Земля" при составѣ редакціи и сотрудниковъ изъ бывшей „Россіи". Вышло всего 4 №№, какъ газета была уже закрыта за „вредное направленіе". Говорятъ, поводомъ къ закрытію послужила статья въ первомъ № о роли студенчества въ общественной жизни.

Самоубійства гимназистовъ.

За послѣдній годъ эти самоубійства приняли такіе размѣры, что ихъ нельзя разсматривать, какъ индивидуальные, случайные факты. Это страшный симптомъ опредѣленной болѣзни, закономѣрный результатъ все обостряющейся Иродовой политики правительства. Легальная пресса молчитъ объ этихъ жертвахъ, ихъ отмѣчаетъ только подпольная. Предъ нами разсказы о трехъ послѣднихъ жертвахъ „сердечнаго попеченія" гимназическаго начальства. Самый юный изъ этихъ самоубійцъ, ученикъ шестого класса виленскаго реальнаго училища Николай Сигъ покончилъ съ собой, узнавъ отъ директора, присудившаго его, по доносу товарища, къ карцеру, что тѣмъ самымъ доступъ въ высшее учебное заведеніе для него закрытъ. По словамъ корреспондента, товарища Сига, послѣдній всѣми силами души рвался въ университетъ — „онъ мечталъ, какъ тамъ онъ найдетъ отвѣтъ на все, что его волнуетъ, какъ студенческая среда, эта лучшая изъ всѣхъ, облагородитъ и возвыситъ его". Директоръ разбилъ мечты. Не стоитъ жить, рѣшилъ юноша. Онъ написалъ записку, въ которой говоритъ, что не хочетъ „жить безъ смысла", что виновникомъ своей смерти онъ признаетъ директора и доносчика товарища, и покончилъ съ собой.

Вторая исторія происходитъ въ Петербургѣ, въ гимназіи Гуревича. Жертвой оказался гимназистъ восьмого класса Бажинъ, которому закрыли доступъ въ университетъ тоже „за поведеніе". Гуревичъ („либеральный" педагогъ) и его послушныя орудія — преподаватели, преслѣдовали Бажина за то, что онъ сопротивлялся несправедливостямъ этихъ господъ. Получивъ на засѣданіи „совѣта" гимназіи семь двоекъ, онъ въ тотъ же вечеръ покончилъ съ собой. „Вамъ здѣсь не мѣсто!" встрѣтили Гуревича крики, когда онъ вздумалъ придти на отпѣваніе тѣла своего „воспитанника". Дѣйствительно, не мѣсто.

Юноша умеръ въ Петропавл. больницѣ. Его гробъ предстояло перенести на Никол. вокзалъ для отправки на кладбище. Наканунѣ товарищи покойнаго распространили по учебнымъ заведеніямъ приглашеніе придти на проводы гроба „новой жертвы нашего школьнаго строя". Самая тенденціозная изъ надписей на вѣнкахъ тоже говорила только о „жертвѣ рутины". Противъ своихъ школьныхъ порядковъ хотѣли протестовать гимназисты, но полиція рѣшила углубить и расширить этотъ протестъ. Маршрутъ похоронной процессіи былъ назначенъ по Литейной, Итальянской и Знаменской. Но когда въ сопровожденіи толпы молодежи гробъ сталъ спускаться съ Литейнаго моста, полиція конная и пѣшая преградила ему дорогу, стараясь своротить процессію по набережной въ обходъ Литейной. Произошла свалка, гробъ едва не выбили изъ рукъ несшихъ его гимназистовъ, но полицейская сила скоро одолѣла: процессія свернула на набережную. Тутъ то, однако, и начинается главное дѣйствіе", — пишетъ одинъ очевидецъ. — „процессію разбиваютъ на кучки и гонятъ ихъ по скату, избивая форменно, въ кровь студентовъ, гимназистовъ, дѣвицъ, но особенно достается почему то ближайшимъ роднымъ покойнаго. Одну его родственницу, жену присяжнаго повѣреннаго, сбили съ ногъ, били лежачую, сорвали юбку . . . ", наконецъ, остатки избитой процессіи снова двинулись въ путь, окруженные полиціей. Въ часовнѣ желѣзной дороги, куда принесли гробъ, одинъ гимназистъ пытался говорить, его тотчасъ же арестовали, арестовали и тѣхъ, которые пытались протестовать. На обратномъ пути порѣдѣвшую кучку товарищей умершаго ждетъ новая засада. Еще не доходя до вокзала, на нихъ налетаютъ конные и пѣшіе городовые и съ молодецкимъ покрикомъ разгоняютъ „скопъ".

У сколькихъ школьниковъ, пошедшихъ на похороны съ чувствомъ ненависти лишь къ гимназическому начальству, проснется послѣ такого урока сознаніе, что злая борьба, которую ведетъ противъ нихъ это начальство, есть только часть общей борьбы правительства противъ развитія всей страны?

Какъ борется гимназія со своими питомцами, объ этомъ разсказываетъ намъ корреспонденція изъ Ревеля. О самоубійствахъ въ ней не говорится, но начальство ревельскихъ гимназій дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы не отстать отъ другихъ въ этомъ отношеніи. Въ особенности плохо приходится ученикамъ одной изъ этихъ гимназій съ тѣхъ поръ, какъ инспекторомъ въ ней сдѣлался г. Липерскій. Онъ ввелъ систему частыхъ массовыхъ обысковъ на квартирахъ гимназистовъ. Ворвавшись внезапно, перешаривъ комнату гимназиста и ничего не найдя, онъ грозится: „припрятали, но отъ меня не ускользнете!". Ищетъ онъ „нелегальщины", но забираетъ и легальныя книги, вродѣ „Исторіи культуры" Липперта. Окончивъ обыскъ, онъ допрашиваетъ квартирныхъ хозяекъ, устраиваетъ допросъ прислуги . . . Наканунѣ табельныхъ дней, „крушенія царскаго поѣзда" и т. п. директоръ этой гимназіи Буковицкій собираетъ гимназистовъ въ залъ и внѣдряетъ въ ихъ сердца любовь къ царю и престолу. А въ это же время Липерскій, стоя передъ фронтомъ учениковъ, пристально всматривается въ выраженія лицъ подозрѣваемыхъ имъ слушателей

ренних междоусобій на верхнихъ этажахъ соціальнаго зданія... Въ Россіи не доставало элементовъ и силъ для того, чтобы вовлекать народныя массы стихійнымъ путемъ въ борьбу съ абсолютизмомъ. Для того, чтобы пробудить ихъ изъ историческаго сна и вывести на общественно-политическую арену, необходимо было начать *систематически* развивать въ нихъ революціонное настроеніе и революціонную активность, и прежде всего, *сознательное* отношеніе къ своему тяжелому положенію и къ его причинамъ. Эту историческую задачу пыталось, по своему, рѣшать народничество семидесятыхъ годовъ. Но оно неспособно было рѣшить ее и не рѣшило, потому что не могло понять и оцѣнить историческое значеніе новаго еще тогда въ Россіи класса промышленныхъ рабочихъ. Только марксизмъ могъ дать ключъ и указать пути и средства къ рѣшенію основного, общедемократическаго вопроса революціоннаго движенія въ Россіи. Въ этомъ, замѣчу мимоходомъ, коренится главный источникъ силы нашей Партіи, причина ея рѣшительнаго торжества надъ другими революціонными фракціями, прочности этого торжества, *несмотря* на ея собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизіонизма и другихъ фальсификацій марксизма освободить ее отъ вліянія „ортодоксіи". Марксисты аппелировали и должны, обязаны были аппелировать къ революціонному идеализму и народолюбію той же интеллигенціи, къ которой обращались народники-революціонеры; они обязаны были выяснять ей историческую миссію рабочаго класса, указывать ей на необходимость — въ интересахъ воодушевлявшихъ ее идеаловъ — отдать всѣ свои силы дѣлу политическаго пробужденія, развитія и объединенія этого класса подъ знаменемъ ученій научнаго соціализма.

Для всякаго, кто твердо помнитъ и ясно понимаетъ, что общественное содержаніе соціально-политическихъ движеній опредѣляется не столько теоріями, подъ флагомъ которыхъ они развиваются, сколько историческими условіями, вызывающими ихъ къ жизни, и въ частности, соціальнымъ характеромъ ихъ представителей, должно быть ясно, какъ божій день, что наше движеніе съ самаго начала скрывало въ себѣ двѣ противоположныя тенденціи, взаимный антагонизмъ которыхъ не могъ не развиваться и не отражаться на немъ параллельно съ его собственнымъ развитіемъ. Принципіально, пролетарская цѣль движенія — та же, что и у западной соціальдемократіи. Но окольный путь, предоставленный намъ исторіей, *непосредственно* не велъ къ этой цѣли, а скорѣе, въ противоположную сторону. На западѣ соціальдемократія составляетъ и съ самаго начала составляла ни что иное, какъ часть *самого пролетаріата*, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его. Онъ въ одно и то же время — субъектъ и объектъ своего собственнаго классового воспитанія и объединенія. Планомѣрное воздѣйствіе западной соціальдемократіи на рабочія массы, это—воздѣйствіе ихъ наиболѣе передовыхъ, наиболѣе принципіально-сознательныхъ и организованныхъ слоевъ на еще сравнительно отсталые слои тѣхъ же рабочихъ массъ. Развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата является, поэтому, на западѣ процессомъ *само*развитія, *само*воспитанія рабочаго класса. У насъ же планомѣрное воздѣйствіе соціальдемократіи на эти массы означало воздѣйствіе на нихъ *извнѣ*, со стороны чуждаго имъ соціальнаго элемента, воспитаніе ихъ ею равносильно было подчиненію ихъ руководству радикальной интеллигенціи. Процессъ же соціальдемократическаго *саморазвитія* и *само*воспитанія, объединеніе и развитіе революціонной *само*дѣятельности концентрировались, главнымъ образомъ, (я говорю не объ индивидумахъ, а о массѣ) въ этой самой интеллигенціи, миссія которой состояла въ подготовленіи россійскаго пролетаріата къ самостоятельной политической роли (въ соціальдемократическомъ смыслѣ). Успѣхи нашего движенія должны были, втеченіе извѣстнаго періода, въ дѣйствительности, сводиться, если не цѣликомъ, то преимущественно, къ расширенію круга адептовъ научнаго соціализма среди интеллигенціи, къ углубленію соціалистическаго сознанія этихъ адептовъ, къ прогрессивному увеличенію притока изъ ихъ среды соціальдемократическихъ пропагандистовъ и агитаторовъ, къ усовершенствованію организацій этихъ послѣднихъ къ накопленію ими революціоннаго опыта и увеличенію размаха ихъ дѣятельности и, наконецъ, — самое важное — къ вовлеченію все болѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ сферу вліянія этой организаціи. Вообразимъ теперь на минуту, что движеніе наше во всѣхъ этихъ отношеніяхъ достигло идеальныхъ результатовъ. Всѣ радикальные элементы интеллигенціи стали подъ знамя соціальдемократіи, группируются вокругъ ея центральной организаціи, поддерживаютъ послѣднюю всячески и доставляютъ ей непрерывно увеличивающійся контингентъ профессіональныхъ революціонеровъ, которые одни только и могутъ входить въ составъ этой организаціи. Это, съ одной стороны. А съ другой — рабочія массы, въ еще большемъ масштабѣ, чѣмъ теперь, слѣдуютъ ея указаніямъ и готовы повиноваться ей, какъ того требуетъ цитированный въ предыдущей главѣ уставъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ комитетовъ. Что это означало бы? Какой соціально-политическій смыслъ скрывался бы подъ этимъ гипотетическимъ случаемъ? Товарищи, не опасающіеся называть вещи настоящимъ ихъ именемъ, сами отвѣтятъ на этотъ вопросъ. Мы имѣли бы въ данномъ случаѣ революціонную политическую организацію демократической буржуазіи, ведущую за собою, въ качествѣ боевой арміи, рабочія массы Россіи. А для довершенія своей злой ироніи, исторія, пожалуй, поставила бы намъ еще во главѣ этой буржуазно-революціонной организаціи не просто соціальдемократа, а самаго что ни на есть „ортодоксальнаго" (по его происхожденію) марксиста1).

Предположенный нами случай только рѣзко и наглядно вскрываетъ и иллюстрируетъ ту тенденцію россійскаго соціальдемократическаго движенія, которая присуща ему, благодаря относительной отсталости общественныхъ условій, при которыхъ оно возникло и развивалось. Въ то время, какъ субъективное стремленіе соціальдемократовъ вызвать дѣйствительно самостоятельное политическое движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ идейно питалось и поддерживалось теоріей и, богатой крупными событіями, пролетарской борьбой на западѣ, другая объективная тенденція коренилась въ самой русской дѣйствительности и поддерживалась тѣмъ реальнымъ фактомъ, что эта дѣйствительность давала матеріалъ и средства лишь для такого подъема революціоннаго настроенія и революціонной активности рабочихъ массъ, который обезпечивалъ бы радикальной интеллигенціи возможность, опираясь на нихъ, вступить въ рѣшительный бой съ отживающимъ общественно-политическимъ строемъ. Поэтому, антагонизмъ между субъективной и объективной тенденціей движенія неизбѣжно долженъ былъ выразиться въ антагонизмѣ между теоріей и практикой. Но объ этомъ еще рѣчь будетъ въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же ограничусь только еще парой замѣчаній. Забѣгая впередъ, я скажу, что, выдвинувъ марксизмъ въ роли необходимаго идейнаго вдохновителя и руководителя интеллигенціи въ области выполненія ею общедемократической задачи революціонизированія пролетаріата, исторія тѣмъ самымъ доставила и субъективнымъ стремленіямъ соціальдемократовъ точку опоры на русской почвѣ. Но только теперь, послѣ того, какъ интеллигенція соціальдемократическая довольно далеко подвинулась впередъ въ выполненіи указанной задачи, является объективная возможность дать этимъ стремленіямъ полное принципіальное практическое выраженіе въ повседневной практикѣ партіи. И только когда она вступитъ въ этотъ новый фазисъ своего развитія, ея политическое руководство рабочими массами постепенно станетъ синонимомъ политической самостоятельности пролетаріата. А пока — оно означаетъ, главнымъ образомъ, только то, что въ лицѣ соціальдемократической части интеллигенціи, рабочими руководитъ непролетарскій элементъ. Разумѣется, для Россіи и это представляетъ прогрессивное явленіе первостепенной важности. П. Аксельродъ.

---

1) Вѣдь далъ же легальный или полумарксизмъ литературнаго вождя нашимъ либераламъ. Почему бы проказницѣ-исторіи не доставить революціонной буржуазной демократіи вождя — изъ школы „ортодоксальнаго", революціоннаго марксизма?

И львиная доля во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ достается дѣтямъ евреевъ. Въ другой ревельской гимназіи инспекторъ Ранчъ занимается на урокахъ надѣвательствомъ надъ своими учениками евреями и всячески старается возбудить вражду къ нимъ гимназистовъ другихъ національностей.

Въ концѣ 70-хъ годовъ Щедринъ писалъ, что русскому обывателю для доказательства своей благонадежности необходимо „окрестить жида". Теперь, повидимому, требованія повысились. Чтобы доказать свою преданность престолу и сдѣлать карьеру, еврея нужно затравить, хотя бы этотъ еврей былъ ребенокъ-гимназистъ, ввѣренный попеченію карьериста.

Тотъ же режимъ царитъ и въ полтавской гимназіи, гдѣ застрѣлился въ декабрѣ 16-тилѣтній гимназистъ Перцовичъ. „Энергичный, вдумчивый, революціонно настроенный юноша, сильно реагировавшій на всякую малѣйшую подлость!", какъ характеризуетъ покойнаго листокъ „Къ учащимся", выпущенный Полтавскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П.. — Перцовичъ не выдержалъ полицейскаго режима гимназіи, гдѣ директоръ производитъ гимназистамъ допросы по всѣмъ правиламъ жандармскаго искусства", а пьяный инспекторъ „ругаетъ" этихъ преступниковъ „площадными словами". Для Перцовича все это усугублялось еще разладомъ въ его собственной семьѣ между „дѣтьми и отцами".

Гдѣ же выходъ изъ этого ужаса? Чѣмъ удержать несчастныхъ дѣтей отъ бѣгства въ могилу? Повышенная общественная атмосфера послѣднихъ лѣтъ, созданная революціоннымъ выступленіемъ пролетаріата, не можетъ не отзываться на гимназистахъ и всего сильнѣе, конечно, на наиболѣе „энергичныхъ и вдумчивыхъ". Если бы правительство могло оставить гимназистовъ въ покоѣ; если бы гимназіи были только учебными заведеніями, а не какими то сыскными отдѣленіями, въ которыхъ производится безпрерывное дознаніе, повышенная общественная атмосфера, будя умъ и чувство, могла бы только содѣйствовать развитію юношей, и можно съ увѣренностью сказать, что далеко не всѣ „революціонно настроенные" гимназисты остались бы, созрѣвши, революціонерами. Но само правительство руками педагогическаго персонала раздуваетъ залетѣвшія искры, обостряетъ своими преслѣдованіями появившееся „настроеніе". И оно не можетъ не дѣлать этого. Пока самодержавіе стремится существовать, оно не можетъ разстаться съ неизмѣнной мечтой задушить гидру революціи въ ея колыбели, каковою кажутся ему гимназіи. Отцамъ и матерямъ гибнущихъ дѣтей давно пора убѣдиться, что не классицизмъ и вообще не та или иная система образованія дѣлаетъ наши гимназіи мѣстомъ погибели, а искусственный подборъ всего гимназическаго начальства, прямо противоположный тому, который нуженъ для успѣха какой бы то ни было „системы образованія". При всякой системѣ въ средѣ педагоговъ очень дороги люди съ педагогическимъ талантомъ, при всякой необходимо психологическое чутье, любовь къ дѣлу, способность съ интересомъ всматриваться въ развитіе дѣтей; но такіе люди не годятся для сыска, они не способны возненавидѣть и преслѣдовать мальчика за его „образъ мыслей", за живость характера, за то, что онъ сильно реагируетъ на все, что кажется ему несправедливымъ. А самодержавное правительство подбираетъ и будетъ подбирать, пока существуетъ, „жандармовъ въ образѣ педагоговъ", по выраженію полтавской корреспонденціи. Вся эта травля гимназистовъ, всѣ обыски и допросы клонятся къ тому, чтобы не пропустить въ университетъ юношу съ неблагонамѣренными образомъ мыслей, и ближайшей причиной огромнаго большинства самоубійствъ является именно потеря надежды попасть въ университетъ. Или „студенческая среда", которая „возвыситъ, облагородитъ", или „безсмысленное прозябаніе" — не видя иного исхода, они отъ послѣдней перспективы спасаются въ могилу. Не въ интересахъ соціальдемократіи слишкомъ раннее вовлеченіе въ борьбу еще не зрѣлыхъ силъ, но правительство само же своей травлей накаляетъ атмосферу гимназій. Противъ его дѣтоубійственной политики — одно лекарство: паденіе самодержавія, являющееся ближайшей цѣлью борьбы революціоннаго пролетаріата. А для тѣхъ гимназистовъ, которыхъ теперь изводятъ и загоняютъ въ могилу ихъ воспитатели — соціальдемократія можетъ сдѣлать одно: указывать имъ третій выходъ, помочь имъ находить и смыслъ, и цѣль жизни помимо университета, въ который ихъ не пускаютъ. Поэтому, тысячу разъ правъ Полтавскій Комитетъ, обратившійся къ товарищамъ Перцовича съ призывомъ сплотиться, сообща отстаивать другъ друга и „не терять бодрости въ неравномъ бою", въ который вовлекаютъ ихъ „воспитатели". Правы товарищи Сига, указывая на примѣръ „Южно-русской группы учащихся среднихъ школъ". „Организуйтесь, товарищи, — говорятъ они. — подъ знаменемъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Въ этомъ выходъ изъ вашего положенія, а не въ смерти, являющейся лишь бѣгствомъ",

Кишиневъ. Присяжный повѣр. Соколовъ былъ арестованъ въ Кишиневѣ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ. Просидѣлъ въ тюрьмѣ семь дней и отпущенъ, давъ подписку впредь въ Кишиневъ не являться. Ему предъявили слѣдующія обвиненія: 1) собиралъ свѣдѣнія о погромѣ нелегальнымъ путемъ при помощи въ высшей степени неблагонадежныхъ лицъ (имена), съ тѣмъ, чтобы толковать ихъ въ антиправительственномъ духѣ, 2) подговаривалъ евреевъ подавать иски о несуществующихъ убыткахъ, 3) училъ на судѣ евреевъ говорить въ антиправительственномъ духѣ и, наконецъ, 4) велъ знакомство съ неблагонадежными лицами. Изъ разговоровъ съ губернаторомъ, (посѣтившимъ его въ тюрьмѣ). Соколовъ узналъ, что былъ арестованъ по приказанію Плеве, причемъ губернатору было предложено назначить и наказаніе за содѣянное преступленіе. Если бы губернаторъ, въ видѣ наказанія, не выслалъ Соколова изъ Кишинева, то изъ министерства пришелъ бы, вѣроятно, гораздо болѣе строгій „приговоръ".

Одесса. Въ городской аудиторіи практикуется теперь новый пріемъ борьбы съ „крамолой" — послѣ начала лекціи сыщики производятъ обыскъ всей верхней одежды. Недавно въ карманѣ пальто одного изъ посѣтителей найдена была прокламація. Когда онъ передъ уходомъ потребовалъ свое пальто — ему заявили, что оно арестовано. Вслѣдъ за пальто былъ арестованъ и его владѣлецъ. — Мастеръ Манѣевъ, служащій въ Добровольномъ флотѣ, нашелъ связку прокламацій и, обливъ ихъ керосиномъ, началъ ихъ жечь; другой мастеръ поспѣшилъ спасти нѣсколько штукъ отъ огня и отнесъ ихъ въ контору. Мастеръ послѣ этого заявилъ рабочимъ, что онъ де будетъ доносить по начальству въ случаѣ, если замѣтитъ что либо „противозаконное".

Дворянская децентрализація. Еще проектъ г. Плеве о децентрализаціи странствуетъ по петербургскимъ канцеляріямъ, а уже саратовскіе дворяне спѣшатъ расширить его компетенцію. Проектъ г. Плеве касается только Европейской Россіи, а саратовскіе дворяне хлопочутъ о децентрализаціи... годныхъ для заселенія земель центральной Азіи. На своемъ собраніи 28 ноября саратовскіе дворяне, между прочимъ, рѣшили: 1) избрать Тургайскую область для будущаго группового поселенія крестьянъ и ходатайствовать объ открытіи въ этой мѣстности соотвѣтственнаго числа дворянскихъ участковъ; 2) ходатайствовать временно не открывать хотя бы Актюбинскій уѣздъ для переселенцевъ другихъ губерній, дабы съ весны 1904 года партія ходоковъ крестьянъ и дворянъ саратовской губерніи могла обслѣдовать переселенческіе участки и зачислить ихъ за собою. Саратовскіе дворяне облюбуютъ себѣ уголокъ и зачислятъ его за собою и... за группами крестьянъ (числомъ не менѣе 150, значится въ другомъ мѣстѣ). Заботливость о крестьянахъ, сирѣчь о дешевыхъ рабочихъ рукахъ и о сохраненіи крѣпостническихъ отношеній, поистинѣ трогательная! Разорившимся и прокутившимся дворянамъ другихъ губерній предоставляется сдѣлать то же самое въ другихъ уѣздахъ и областяхъ удобныхъ для колонизаціи мѣстностей. Объ одномъ еще забыли просить господа дворяне: для полнаго успѣха ихъ предпріятія необходимо еще ходатайствовать о децентрализаціи государственнаго казначейства и о передачѣ всѣхъ государственныхъ доходовъ въ руки дворянскихъ собраній, пропорціонально числу разорившихся дворянъ въ каждомъ изъ нихъ.

Изъ дѣятельности министерства финансовъ. Вятская губернія въ нынѣшнемъ году пострадала отъ неурожая. Вятское губернское земство обратилось въ министерство финансовъ съ ходатайствомъ о предоставленіи льготнаго тарифа на перевозку по желѣзной дорогѣ овса, закупленнаго земствомъ на прокормленіе крестьянскаго скота. Отвѣтъ министерства гласилъ: „Въ отношеніи овса льготная перевозка допускается въ послѣднее время исключительно для посѣвныхъ потребностей пострадавшихъ отъ неурожая, а не для прокормленія скота". Неправда ли, превосходно? И какой милый принципъ положенъ въ основу министерской дѣятельности? „Въ послѣднее время" мы поступали такъ-то, зачѣмъ же теперь себя безпокоить, входить въ подробности?.. Этакъ спокойнѣе!..

То же вятское земство хлопотало о пониженіи тарифовъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ крестьянъ Вятской губерніи, отправляющихся въ виду неурожая хлѣбовъ на заработки въ другія губерніи. Тутъ отвѣтъ получился даже поучительный: „Льготный проѣздъ для крестьянъ неурожайныхъ мѣстностей до сихъ поръ допускался лишь въ 1898 и 1901 гг., т. е. въ тѣ годы, когда неурожай охватывалъ громадныя пространства имперіи. Кромѣ того, частичные недороды въ имперіи представляютъ собою явленіе, ежегодно повторяющееся, и поэтому предоставленіе льготнаго тарифа для крестьянъ одного уѣзда можетъ явиться нежелательнымъ прецедентомъ для возбужденія цѣлаго ряда подобныхъ ходатайствъ, въ случаѣ удовлетворенія которыхъ массовое передвиженіе по желѣзнымъ дорогамъ рабочихъ, несомнѣнно, отразится на смѣтѣ доходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ". Откуда ясно слѣдуетъ, во-первыхъ, что голодающіе и разоренные крестьяне могутъ разсчитывать на льготный тарифъ только въ томъ случаѣ, когда съ ними за одно голодаетъ, по крайней мѣрѣ, половина Россіи, т. е. когда надежда найти заработокъ на сторонѣ почти равна нулю, и во-вторыхъ, что, какъ бы крестьянинъ ни голодалъ, онъ долженъ прежде всего помнить о „смѣтѣ доходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ".

Ростовскія впечатлѣнія. События послѣдняго года — ноябрская стачка и демонстр. 2 мар., выбили, наконецъ, ростовскаго обывателя изъ состоянія апатіи и общественнаго индифферентизма. Ростовская буржуазія не на шутку перепугалась... и не такъ ноябрьской стачки, какъ демонстраціи 2 марта. Объясняется это, по нашему мнѣнію, какъ тѣмъ, что смыслъ „ноябрьскихъ дней" былъ недостаточно понятъ ростовской буржуазіей, такъ и тѣмъ, что, возникнувъ на почвѣ чисто экономическихъ отношеній, ноябрьская стачка лишь въ послѣднее время приняла характеръ политической демонстраціи въ видѣ ряда митинговъ Этимъ отчасти объясняется и тотъ фактъ, что ростовская буржуазія сразу стала на сторону рабочихъ, оправдывала ихъ „справедливыя требованія" и всячески порицала желѣзнодорожную администрацію. Сочувствіе къ рабочимъ со стороны „общества" еще болѣе усилилось послѣ ничѣмъ не вызванныхъ ружейныхъ залповъ и казацкихъ безчинствъ. Всюду можно было слышать разговоры о неумѣстномъ вмѣшательствѣ полиціи и войскъ въ чисто экономическія отношенія рабочихъ съ дорогой.

Когда въ декабрѣ прошлаго года глупѣйшій изъ жандармовъ фонъ Валь, послѣ неудачной рѣчи къ народу, посѣтилъ городского голову инженера Горбачева, то этотъ „сознательный" буржуа высказалъ генералу свое недовольство не только желѣзнодорожной администраціей, но также полиціей и жандармами.

— „У насъ, ваше превосходительство, тоже начиналось броженіе и можно было ожидать безпорядковъ, но мы прекрасно поняли важность момента и полицейскимъ репрессіямъ предпочли мирное разрѣшеніе вопроса... Въ самомъ дѣлѣ: получасового дружескаго (sic!) разговора съ рабочими было вполнѣ достаточно чтобы доказать имъ всю вздорность и утопичность „политической свободы" и „восьмичасового рабочаго дня"... (да не воспитывался ли Горбачевъ у Зубатова?).

— „А что наша политика, продолжалъ ростовскій либералъ, имѣла несомнѣнный успѣхъ, видно ужъ изъ того, что въ воскресенье наши рабочіе слушали ораторовъ на Темерникѣ, а въ понедѣльникъ аккуратно становились на работу..."

— „Но почему же Вы недовольны полиціей?" спрашиваетъ Валь.

— „Намъ, ваше превосходительство, нужна не грубая казачья полиція, а болѣе культурная, во главѣ съ градоначальствомъ. Быстрое развитіе промышленности и торговли... ростъ населенія — все это сдѣлало Ростовъ промышленнымъ центромъ края, а этотъ „Русскій Чикаго" все еще не можетъ избавиться отъ казачества, все еще подчиненъ областной администраціи...

— „Ну а жандармы?"...

— „Мы не довольны и жандармами: они не сумѣли ни предотвратить, ни предупредить событій"...

Этотъ разговоръ ростовскаго „либерала" пересказывался на тысячу ладовъ въ ростовскихъ гостиныхъ и за Горбачевымъ упрочилась репутація независимаго и смѣлаго общественнаго дѣятеля.

Ждали крупныхъ перемѣнъ въ штатѣ полиціи и жандармеріи. И дѣйствительно: наказный атаманъ получилъ строгій выговоръ, а безобиднѣйшій старый развратникъ, жандармъ Артемьевъ, былъ совершенно убранъ изъ Ростова, къ величайшему сожалѣнію революціонеровъ...

Но вотъ наступило 2 марта. Улицы Ростова огласились революціонными возгласами пролетаріата и обагрились кровью ревностнаго слуги престола — пристава Антонова. Послѣ этого ужъ не осталось мѣста для разговоровъ объ „экономизмѣ", и ростовскій городской голова помчался въ Питеръ хлопотать о скорѣйшемъ введеніи граоначальства и о переводѣ въ Ростовъ Екатеринославскаго пѣхотнаго полка...

Между тѣмъ Донской Комитетъ продолжалъ свою работу, дѣятельность его развивалась и вглубь и вширь; въ глазахъ обывателя онъ пріобрѣлъ чуть ли не мистическій ореолъ. Старый фельдфебель Абрамовъ, онъ же и начальникъ гарнизона, про котораго только и можно сказать: „дуракъ единственный", все время метался по городу и произносилъ напыщенныя рѣчи къ народу о необходимости борьбы съ крамолой. Этотъ администраторъ до такой степени перепугался грядущей революціи, что при каждомъ появленіи новой прокламаціи Донского Комитета требовалъ по телеграфу изъ Новочеркасска сотню казаковъ, которую и расквартировывалъ на городской счетъ.

Пыталось было городское управленіе задобрить доблестнаго администратора: говорятъ, предлагало даже нѣкоторую сумму, но, повидимому, не сошлись въ цѣнѣ, и генералъ по прежнему чуть ли не ежемѣсячно требуетъ изъ Новочеркасска сотню казаковъ. Однако, осадное положеніе города начало уже тяготить обывателя, и гласный прис. пов. Севастьяновъ (тоже либералъ) рискнулъ даже сдѣлать по этому поводу запросъ въ думѣ.

— „Кажется, сказалъ онъ, все спокойно... никакой революціи не предвидится: съ какой же стати мы будемъ содержать казачью сотню?"

Испуганные столь неожиданнымъ пассажемъ гласные начали было потихоньку оставлять залъ засѣданія, но выручилъ Горбачевъ. Недопустивъ до обсужденія столь щекотливый вопросъ, онъ заявилъ, что расходъ этотъ обязательный и докладывается думѣ лишь къ свѣдѣнію...

Въ общемъ, въ Ростовѣ тихо, хотя полиція и жандармы бодрствуютъ, разъѣзжаютъ казачьи пикеты, и шмыгаютъ всюду шпики. До какой степени атмосфера насыщена революціей, до какой степени пролетаріатъ оказалъ давленіе на ходъ мѣстной жизни, можно судить по тому, что даже мальчики играютъ по улицамъ въ „бунтъ" на глазахъ у недоумѣвающей полиціи. Одна часть дѣтей со знаменами изображаетъ рабочихъ, другая съ кнутами — казаковъ, и вотъ по улицамъ Ростова происходятъ „примѣрныя сраженія"... Это ли не знаменіе времени? Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій здѣсь сложилась даже довольно своеобразная частушка на мотивъ „маруси", и эта своеобразная пролетарская пѣсня съ безконечнымъ количествомъ куплетовъ особенно раздается на Темерникѣ и Нахаловкѣ; поютъ взрослые и дѣти. Вотъ отрывки:

„Въ городѣ Ростовѣ
Это случилось,
Ноября четвертаго
Это и сбылось.

Тамъ забастовали
Три тысячи людей,
Стачку проиграли
Черезъ сволочей.

Казаковъ нагнали,
Привели солдатъ,
Начали рабочихъ
Бить и высылать.

Кого по участкамъ,
Кого въ карантинъ (?),
А мѣщанъ ростовскихъ
На островъ Сахалинъ.

Мужей разлучили,
Жены остались,
А малыя дѣти
Слезами залились.

Знаете-ль вы, дѣти,
Гдѣ вашъ отецъ?
Его погубилъ
Полковникъ подлецъ... и т. д.

И куда только не проникаетъ крамола... Администрація публичной библіотеки недавно не на шутку встревожилась. Въ книгѣ требованій обнаружили такую запись: просимъ выписать „Искру", „Революціонную Россію" и „Освобожденіе"... „Долой самодержавіе!.." Кажется возбуждается дѣло...

Хотѣлось мнѣ сказать нѣсколько словъ о нравахъ литераторовъ-обывателей; нравы эти, поистинѣ, достойны вниманія. Приближается предподписочное время и, само собой разумѣется, газетная конкурренція начинаетъ особенно проявляться. Такъ обывательская газета „Приазовскій Край" (органъ Владикавказской желѣзной дороги, Управленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ и табачной фабрики Кушнарева) распустила слухъ, что другая мѣстная газета „Донская Рѣчь" прекращаетъ де свое существованіе и съ будущаго (т. е. 1904 г.) не будетъ болѣе выходить. Приспѣшники „Приазовскаго Края" идутъ дальше и утверждаютъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ вызывали даже въ областное жандармское управленіе для дачи заключенія о сходствѣ шрифтовъ типографіи „Донского Комитета" со шрифтомъ „Донской Рѣчи". И когда эксперты дали благопріятное для жандармеріи заключеніе, областной жандармскій полковникъ Тихоновичъ будто бы воскликнулъ: „Ну теперь то я ихъ не пощажу и съ 1-го января закрою газету!" (sic!)... Мы нисколько не сомнѣваемся, что приспѣшники „Приазовскаго Края" явились въ качествѣ добровольцевъ въ жандармское управленіе, но мы никогда не допускали, чтобы эти господа воспользовались всей этой искусственно созданной исторіей въ цѣляхъ газетной конуренціи. Такой мерзости мы уже никакъ не ожидали!.. Впрочемъ, обыватель на все способенъ, слишкомъ еще прочна у него нравственная связь съ кварталомъ.

Кстати, о „Приазовскомъ Краѣ"... На крыльцѣ у директора средне-техническаго училища застрѣлился одинъ изъ воспитанниковъ этого училища, застрѣлился изъ за шпіонскихъ преслѣдованій директора. Желая предотвратить „исторію", директоръ явился въ редакцію „Приаз. Кр.", и просилъ дать замѣтку о томъ, что самоубійство произошло не у него, а въ квартирѣ родителей... Покладистая газета исполнила эту гнусную просьбу. Опроверженіе же этой гадкой лжи на страницахъ „Донской Рѣчи" было не пропущено цензурой. Общество было возмущено „Приазовскимъ Краемъ", а демонстранты 2-го марта произвели даже манифестацію передъ редакціей этой газеты, бросая камнями въ окна.

Копысь, Могил. губ. Въ № 52 „Искры" сообщалось уже объ арестахъ среди копысскихъ рабочихъ, не допустившихъ организованнаго полиціею въ м. Смолянахъ еврейскаго погрома, и о звѣрскомъ истязаніи, которому подвергъ нѣкоторыхъ изъ этихъ рабочихъ губернаторъ Клингенбергъ. Вотъ еще нѣкоторыя подробности: послѣ истязанія всѣхъ рабочихъ погнали въ городъ. Дойдя до имѣнія Левки, остановились на отдыхъ. Тутъ губернаторъ сѣлъ на пароходъ, а остальныя власти начали пьянствовать въ помѣщичьемъ домѣ; дальше казаки поѣхали мелкою рысью, а несчастныя, истерзанныя жертвы ихъ должны были поспѣвать за ними. Въ Копысѣ арестантамъ не дали отдохнуть и часу, а сейчасъ же, и опять пѣшкомъ, повели въ Оршу, гдѣ они и до сихъ поръ содержатся въ тюрьмѣ. Черезъ мѣсяцъ снова арестовали 12 человѣкъ (три евр. и девять русскихъ), одного изъ нихъ освободили, а другіе сидятъ и до сихъ поръ. Кромѣ того, арестовали на собраніи въ деревнѣ двухъ русскихъ рабочихъ, ведшихъ агитацію среди крестьянъ. — Рабочая масса крайне нуждается въ литературѣ, деньгахъ для арестованныхъ и пр. Могилевскій комитетъ Бунда желалъ-было, воспользовавшись временнымъ перерывомъ обычныхъ сношеній копысскихъ рабочихъ, вовлечь Копысь въ сферу своего вліянія, но встрѣтилъ отпоръ со стороны сознательныхъ рабочихъ, находящихъ по мѣстнымъ условіямъ необходимымъ продолжать работать подъ руководствомъ Р. С. Д. Р. П.

Баку. Насколько извѣстно до сихъ поръ изъ отзывовъ рабочихъ, манифестъ новой армянской соціальдемократической рабочей организаціи встрѣтилъ очень холодный пріемъ какъ въ средѣ армянскихъ рабочихъ, остающихся еще вѣрными старымъ національно революціоннымъ партіямъ, такъ и въ средѣ армянскихъ рабочихъ, примкнувшихъ уже къ Р. С.-Д. Р. П. Комитетъ нашъ со времени образованія новой Организаціи не утерялъ никакихъ связей среди армянскихъ рабочихъ. — Вышли № № 3 и 4 листка „Борьба Пролетаріата", періодическаго органа Кавказскаго Союза. Листокъ выходитъ на трехъ языкахъ (русскій, грузинскій, армянскій), газета „Борьба Пролетаріата" — на двухъ (грузинскій и армянскій). Литературы брошюрной и „Искры" положительно нѣтъ никакой, а между тѣмъ потребность громадна. „Искры" рабочіе почти совершенно не видятъ и не знаютъ. Становится *крайне трудно* работать при такихъ условіяхъ. Созданіе и доставка литературы должны составить первую заботу Ц. К. — Извѣщеніе Ц. К. о съѣздѣ на русскомъ и армянскомъ языкахъ было здѣсь распространено. Со времени провала типографіи (седьмаго ноября) Комитетомъ выпущено два листка (15 ноября и 12 декабря). — Надняхъ въ Бакинскомъ окружномъ судѣ (на Кавказѣ, какъ извѣстно, свободномъ отъ элемента „улицы") разбиралось при закрытыхъ дверяхъ дѣло рабочаго Калашникова по обвиненію въ сопротивленіи властямъ во время іюльской забастовки. Приговоръ жестокій — два съ половиною года арестантскихъ ротъ. Защищалъ пр. пов. Андрониковъ. Ожидается еще нѣсколько процессовъ. — Освобождены изъ числа взятыхъ седьмого ноября: Познеръ Евгенія, Ратнеръ Рахиль и Евсѣй, Грошевъ Кириллъ. — Въ городѣ масса гастролирующихъ сыщиковъ. На дняхъ одинъ изъ этихъ гастролеровъ былъ схваченъ рабочими на Баиловѣ и избитъ; при этомъ у него отняли билетъ № 7 Московскаго Сыскного отдѣленія. Фамилія не обозначена — конспирація, очевидно, у сыщиковъ строгая.

Вологда. Запрещается „вести знакомство". Въ концѣ октября вологодскимъ полиціймейстеромъ отъ губернатора былъ полученъ циркуляръ слѣдующаго содержанія:

М. В. Д.
По канцеляріи III ст.
28 окт. 1903 г.
№ 2773.

Г. полиціймейстеру г. Вологды.

По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, оказывается, что воспитанники находящихся въ г. Вологдѣ учебныхъ заведеній посѣщаютъ лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

Принимая во вниманіе, что учащіеся не имѣютъ права входить въ какое бы то ни было отношеніе съ поднадзорными, предлагаю вашему высокоблагородію объявить всѣмъ, состоящимъ подъ гласнымъ надзоромъ въ г. Вологдѣ, лицамъ, что имъ запрещается принимать у себя въ квартирахъ воспитанниковъ.

учебныхъ заведеній и вести съ ними знакомство, и что въ случаѣ неисполненія сего виновные будутъ при обнаруженіи высланы мною въ отдаленные уѣзды губерніи. Объ исполненіи же предлагаю мнѣ донести.

Губернаторъ. И. д. управ. канцеляріи.

Циркуляръ былъ объявленъ ссыльнымъ и вызвалъ массу остротъ и ироній. Какъ онъ отразится на судьбѣ ссыльныхъ, сообщу въ слѣдующей корреспонденціи.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Тверская губ. (Сообщено Тверскимъ Комитетомъ).

Село Пречистый Боръ. 23 ноября 1903 г. въ селѣ Пречистомъ Бору освящали церковь. На это торжество обѣщалъ пріѣхать Иванъ Кронштадскій, какъ было извѣстно изъ наклеенныхъ объявленій. Тверской Комитетъ выпустилъ на этотъ случай прокламацію подъ заглавіемъ „Къ пріѣзду Ивана Кронштадскаго". Жандармское правленіе распорядилось прислать жандармовъ и массу шпіоновъ, которые должны были слѣдить, кто подметываетъ прокламаціи. Деревенскихъ полицейскихъ мужиковъ отправили на колокольню, чтобы съ высоты слѣдить за опасными элементами. Подозрительнаго ничего не было видно, и жандармы отправились въ чайную пить чай. Черезъ часъ, во время самаго сильнаго стеченія народа, со всѣхъ концовъ посыпались прокламаціи. Ихъ принимали за божественные листки и охотно разбирали. Крестьяне-богомольцы, вмѣсто того, чтобы слушать богослуженіе, уходили за углы и читали прокламаціи. Между прочимъ, прокламаціи попали и въ алтарь. Псаломщикъ, найдя одну прокламацію, сталъ бѣгать по церкви и громко звать полицію. Тверской епископъ произнесъ проповѣдь, въ которой старался вооружить стариковъ противъ молодежи. Разсказывалъ, что молодые люди перестали вѣрить въ милость Бога, теряютъ уваженіе къ начальству и старшимъ и идутъ противъ царя и Бога и за все грозилъ, конечно, страшнымъ судомъ. Когда прокламаціи были распущены и разобраны крестьянами, разметчики захотѣли побезпокоить и жандармовъ, которые спокойно сидѣли въ чайной и пили чай. Подходятъ нѣсколько лицъ къ столу, гдѣ сидѣли жандармы, и просятъ ихъ освободить столъ, такъ какъ они свой чай уже отпили, а всѣ другія мѣста заняты. Но жандармы, понимая свое жандармское величіе, отказали, — а подъ столомъ черезъ нѣсколько времени оказалась прокламація. Одинъ жандармъ сталъ закуривать, нагнулся и увидѣлъ прокламацію. „Прокламація", воскликнулъ онъ отъ удивленія. „Мерзавцы"! восклицали разомъ всѣ жандармы, „всѣхъ переловимъ!" Но ловить уже было некого, разметчики смѣшались съ толпой народа. Послѣ обѣдни человѣкъ десять урядниковъ со становымъ во главѣ устроили совѣщаніе посреди села. Изъ ихъ разговора было видно, что они опасались крупныхъ безпорядковъ. Молодежь собралась въ кучу и съ пѣніемъ „Марсельезы" и „Смѣло, товарищи, въ ногу", отправилась по домамъ, оставивъ стариковъ разсуждать по поводу прокламацій.

Рабочій.

Деревня Савинская. Савинскій попъ, не имѣя никакихъ границъ своей жадности, съ каждымъ годомъ увеличиваетъ плату за требы, — сперва прибавлялъ по 5 коп., а теперь ужъ и по гривеннику, и больше. Крестьяне злятся, но пока ничего не предпринимаютъ. Приведу хотя одинъ примѣръ поповскаго выжиманія трудовыхъ грошей: въ нынѣшнюю Пасху приходитъ попъ къ крестьянину Николаю Петрову. Николай встрѣчаетъ его честь-честью у воротъ, даже подъ благословеніе подошелъ. Дьяконъ спрашиваетъ Николая, много ли у него денегъ. „А тебѣ что?" говоритъ Николай. „А то, что и служить не будемъ, коли мало денегъ". Николай возмутился и отвѣчаетъ повышеннымъ тономъ: „Да я васъ, кажется, и не звалъ". Переругиваясь такимъ образомъ, Николай и дьяконъ входятъ въ домъ, молебенъ слушать. Между тѣмъ, оказывается, во время перебранки, попъ уже отслужилъ, и Николаю оставалось только расплатиться Онъ даетъ 1 руб. вмѣсто 1 руб. 50 коп. Дьяконъ взъѣлся: „Ты, Николай, въ Бога не вѣришь; гдѣ у тебя совѣсть? Для Бога-то у тебя денегъ нѣтъ!" Дьяконъ назвалъ все семейство раскольничьимъ, но деньги все же взялъ. Точно такъ же и въ другихъ деревняхъ ходятъ съ иконами и ругаются. Спорятъ чуть ли не съ каждымъ мужикомъ, а сами вдрызгъ пьяные. Молодые ребята собираются и подымаютъ ихъ на смѣхъ: „Ну ка, отецъ дьяконъ, пробери ихъ хорошенько, а то они очень глупы, вмѣсто 20 коп. отдаютъ 25 коп., ну ка, хорошенько ихъ! быть, можетъ, поумнѣютъ". Дѣвушки, носившія иконы, все время смѣялись надъ даровымъ представленіемъ. Какой-то смѣльчакъ зашелъ впередъ попа, принялъ пьяную позу, уперся въ перила руками и тянетъ: „Благослови владыко". „Кто вѣкъ не смѣялся, и тотъ бы захохоталъ", такъ выражались о немъ деревенскія бабы. Хохотъ былъ несмолкаемый. Одна дѣвушка, изъ носившихъ иконы, чтобы скрыть свой смѣхъ, загородилась иконой, а свѣчка упала и на иконѣ загорѣлся вѣнокъ и полотняное покрывало. Дьяконъ быстро сорвалъ покрывало, бросилъ на полъ, а ребята затоптали пожаръ ногами. Попъ заупрямился, — „Не пойду дальше, давайте мнѣ полицейскаго". Полицейскій скоро явился. Дальше хожденіе совершалось такъ: сначала полицейскій войдетъ въ избу, а за нимъ уже пьяные попъ и дьяконъ съ восклицаніемъ „благословенъ Богъ нашъ", а на улицѣ подъ окнами раздается: „Долой поповъ!"

Рабочій.

Кавказское крестьянское движеніе. Политическіе заключенные въ астраханской пересыльной тюрьмѣ сообщаютъ о жертвахъ крестьянскаго движенія на Кавказѣ слѣдующія свѣдѣнія:

Весной 1902 г. въ западной части Озургетскаго уѣзда (Гурія) началось движеніе крестьянъ, направленное противъ среднихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства; крестьяне требовали отъ землевладѣльцевъ (дворянъ-помѣщиковъ) болѣе сносныхъ условій аренды, чѣмъ тѣ, которыя существовали. Помѣщики берутъ обыкновенно съ арендаторовъ-крестьянъ минимумъ четверть, треть, а то и половину урожая. По отношенію же къ духовенству требовали освобожденія крестьянъ отъ, такъ называемаго, драмового сбора (въ размѣрѣ двухъ рублей ежегодно отъ каждаго крестьянскаго дыма — двора). Дворянство, конечно, встрѣтило эти требованія враждебно, вслѣдствіе чего началась борьба въ формѣ бойкота. Крестьяне потребовали отъ всѣхъ лицъ своего сословія прекращенія всякой связи и службы у помѣщиковъ, начиная съ домашней прислуги и кончая управляющими помѣщичьими имѣніями. Дворянство, въ лицѣ самыхъ подлыхъ представителей, сочло нужнымъ, соединившись съ духовенствомъ, призвать административныя власти для подавленія „бунта". Нѣкоторые изъ помѣщиковъ, предчувствуя грозу, выразили готовность удовлетворить требованія крестьянъ. Также и попы не прочь были отказаться отъ драмовыхъ денегъ, но губернаторъ (Смагинъ) и его вицъ предупредили ихъ властно и категорически, что все, что они вздумаютъ уступить крестьянамъ, онъ, губернаторъ, отчислитъ въ казну — конфискуетъ, и кромѣ того привлечетъ ихъ къ отвѣтственности. Такое заявленіе власти сразу вверхъ дномъ перевернуло все міровоззрѣніе крестьянства. Крестьяне увидѣли, что правительство стоитъ на сторонѣ ихъ угнетателей и эксплуататоровъ. 7 августа 1902 г. начались аресты. Втеченіе одного мѣсяца было арестовано около **300** человѣкъ, которыми заполнили Кутаисскую, Потійскую, Озургетскую и Батумскую тюрьмы. Большинство черезъ два-три мѣсяца было выпущено на свободу. Два-три человѣка, какъ пропагандисты и призывавшіе народъ къ вооруженному сопротивленію (хотя, на самомъ дѣлѣ, во все время движенія никакого сопротивленія съ оружіемъ не было: правда, было два случая убійства помѣщиковъ, но кѣмъ они были совершены — неизвѣстно), были переданы во власть жандармовъ. Кромѣ этихъ двухъ-трехъ человѣкъ въ тюрьмѣ осталось еще десять человѣкъ, которые были высланы на пять лѣтъ во внутреннія губерніи Россіи. Имена и фамиліи этихъ десяти человѣкъ: Ермолай Хомерики, Мелитой Саришвили, Ермогинъ (?) Дарчія, Ивакимъ Чхартишвили, Антонъ Пурцелашвили, Андрей Каландадзе, Павелъ Абхазава (эти семь человѣкъ — семейные, мелкіе собственники), Петръ Домидзе, Мельхиседекъ Сіоридзе, Арсенъ Ормоцадзе (инт.). Изъ этихъ десяти человѣкъ двое сельскихъ старшинъ, одинъ помощникъ старшины, четверо мелкихъ землевладѣльцевъ, двое заводскихъ рабочихъ, одинъ интеллигентъ. Кромѣ этихъ десяти человѣкъ, къ высылкѣ во внутреннія губерніи приговоренъ рабочій, котораго ищутъ — Ражденъ Тугути.

Въ сентябрѣ того же года изъ Зугдидскаго уѣзда Кутаисской губерніи (Мингрелія) привезли въ кутаисскій замокъ десять мингрельцевъ, изъ которыхъ двое умерли въ тюрьмѣ, не вынеся тяжелыхъ условій тюремной жизни; остальные восемь человѣкъ были высланы во внутреннія губерніи на пять лѣтъ. Всѣ эти 18 человѣкъ просидѣли въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ безъ всякаго дознанія. На седьмой мѣсяцъ пришло распоряженіе главноначальствующаго о высылкѣ ихъ этапнымъ порядкомъ, и въ іюнѣ и іюлѣ они были освобождены на мѣстахъ ссылки. Въ августѣ 1903 года пришло высочайшее повелѣніе относительно упомянутыхъ 23 человѣкъ гурійцевъ: десять изъ нихъ были высланы въ Архангельскую губернію на три года и 13 пересылались черезъ Астрахань въ Восточную Сибирь — двое на десять лѣтъ, а остальные на шесть. Имена и фамиліи ихъ: Въ Архангельскую губернію: Митифо Габечава, Александръ Хомерики, Іосифъ Зоидзе, Ной Зоидзе, Ираклій Миминошвили, Самсонъ Центерадзе, Ананій Домадзе, Георгій Кадышвили (кажется такъ, неразборчиво написано), Несторъ Кечакмадзе. За исключеніемъ послѣдняго (рабочій) всѣ сельскіе семейные крестьяне.

Въ Восточную Сибирь высылаются: на десять лѣтъ — Варденъ Чхаидзе (учитель около 28 лѣтъ); Гургенъ Гургенадзе, Мизарбекъ Гобронидзе — на восемь лѣтъ; остальные — Аргилъ Гургенадзе, Степанъ Гургенадзе, Соломонъ Хомерики, Бебуръ Хомерики, Павелъ Хомерики (батумскіе рабочіе), Семенъ Хомерики, Вессаріонъ Митайшвили, Мерабъ Доборджгинадзе, Ираклій Центерадзе (кромѣ двухъ человѣкъ, всѣ сельскіе семейные крестьяне) — на шесть лѣтъ; Михаилъ Мжавіа по болѣзни остался въ Кутаисской тюрьмѣ. Въ апрѣлѣ 1903 года въ Кутаисскую тюрьму привели 20 человѣкъ изъ Кутаисскаго уѣзда. Изъ нихъ на четвертый мѣсяцъ освободили 13 человѣкъ, шесть изъ нихъ были высланы въ Россію на пять лѣтъ: Илья Окропировичъ Капалейшвили, Илья Ивановичъ Капалейшвили, Северіанъ Хвибія, Дариспанъ Хучуа, Антонъ Стурца, Георгій Какабадзе: изъ этихъ шести человѣкъ четверо батумскихъ рабочихъ, двое сельскихъ крестьянъ, четверо семейныхъ, въ то время (августъ, сентябрь) они еще сидѣли въ Кутаисской тюрьмѣ. Одинъ былъ высланъ съ гурійцами на пять лѣтъ въ Россію — Михаилъ Хемидзе. Въ апрѣлѣ 1903 года изъ Озургетскаго уѣзда привели въ Кутаисскую тюрьму девять человѣкъ. Изъ нихъ приговорены къ ссылкѣ четыре человѣка: Филиппъ Домидзе, Михаилъ Микія (оба на пять лѣтъ), Константинъ Гонза и Несторъ Думбадзе (оба на два года). Всѣ четверо семейные крестьяне. Въ маѣ сего года привели въ Кутаисскую тюрьму одиннадцать человѣкъ изъ Сухумскаго округа, рабочихъ мѣстнаго лѣсопильнаго завода. Во время пересылки 13 человѣкъ въ Восточную Сибирь въ Кутаисской тюрьмѣ оставалось еще 80 человѣкъ политическихъ, между которыми есть рабочіе Чіатурской марганцевой промышленности, батумскіе рабочіе, крестьяне, интеллигенты: семинаристы, гимназисты, учителя, телеграфисты и пр.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Походъ противъ увѣчныхъ. — Желѣзнодорожные рабочіе и правительство. — Голосъ фабриканта о „фабричныхъ дворникахъ".

Съѣздъ горнопромышленниковъ, общество металлургистовъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ и петербургское общество для содѣйствія улучшенію и развитію фабрично-заводской промышленности возбудили ходатайство объ отсрочкѣ введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня 1903 г. о вознагражденіи рабочихъ "за увѣчья. Чтобы понять всю наглость и безстыдство этихъ ходатайствъ, достаточно напомнить, что законъ этотъ началъ „разрабатываться" болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, въ ту эпоху, когда начавшіяся массовыя стачки, особенно Морозовская, заставили правительство подумать о томъ, какъ бы нѣсколько „успокоить" рабочихъ, и что еще въ 1893 году былъ уже опубликованъ „проектъ" его. И только послѣ двадцатилѣтнихъ мытарствъ по всѣмъ коммиссіямъ, канцеляріямъ, комитетамъ и пр. пр., подъ вліяніемъ новаго грознаго прибоя рабочаго движенія, вышелъ, наконецъ, на свѣтъ божій новый законъ, вся недостаточность, мизерность и двусмысленность котораго была уже освѣщена на страницахъ „Искры" (№ 47). Но все же, хотя очень мало, но *кое-что* новый законъ давалъ рабочимъ по сравненію съ тѣмъ совершенно безправнымъ и беззащитнымъ положеніемъ, въ которомъ они находились до сихъ поръ; и прежде всего — освобожденіе рабочихъ отъ обязанности доказывать на судѣ, что они потерпѣли увѣчье не по своей собственной винѣ.

Теперь гг. горнопромышленники и фабриканты предприняли настоящій походъ, чтобы лишить рабочихъ и этого ничтожнаго завоеванія. Необходимо, видите ли, чтобы „проведеніе въ жизнь столь важнаго закона... было тщательно сообразовано... съ интересами промышленности, и въ особенности съ охраненіемъ добрыхъ отношеній между предпринимателями и рабочими", иначе говоря, съ сохраненіемъ въ неприкосновенности и выгодъ хозяевъ и прежнихъ „патріархальныхъ" отношеній, при которыхъ между отцомъ-фабрикантомъ и дѣтьми-рабочими не стоялъ „листъ писаной бумаги", и увѣчные рабочіе могли спокойно умирать съ голоду въ надеждѣ, что на похороны ихъ фабрика выдастъ рубль-другой. Петербургскіе фабриканты прямо подчеркиваютъ „нежелательность" возложенія заботъ объ обезпеченіи пострадавшихъ на „личную отвѣтственность предпринимателей". Къ тому же 1) они „не успѣли" (это за 20 лѣтъ-то!) выполнить разныхъ „подготовительныхъ работъ" для того, чтобы путемъ взаимнаго страхованія уменьшить рискъ отдѣльныхъ хозяевъ и, 2) необходимо созвать „совѣщаніе изъ представителей промышленности для обсужденія порядка введенія закона 2 іюня", т. е. для обсужденія способовъ обхода тѣхъ статей закона, которыя хоть сколько нибудь полезны для рабочихъ. Все это заставляетъ ихъ ходатайствовать объ „отсрочкѣ", правда всего „на одинъ годъ", какъ скромно прибавляютъ они, но всякому хорошо понятно, что при нашихъ порядкахъ „отсрочка" будетъ тянуться гораздо больше и — главное — непремѣнно будетъ сопровождаться еще большимъ ухудшеніемъ и безъ того изъ рукъ вонъ плохого закона.

Гг. горнопромышленники и фабриканты не остались одинокими въ своемъ походѣ противъ увѣчныхъ рабочихъ. Къ нимъ сочли нужнымъ присоединиться и адвокаты, служащіе юрисконсультами на желѣзныхъ дорогахъ. Эти господа на своемъ „съѣздѣ" не постѣснялись открыто нападать на суды, которые, якобы, „становятся все болѣе снисходительными въ охраненіи интересовъ увѣчныхъ", и даже на своихъ товарищей-адвокатовъ, выступающихъ представителями интересовъ пострадавшихъ рабочихъ!

Этому соединенному походу всей промышленной буржуазіи и ея прислужниковъ на рабочихъ, пролетаріатъ и его представительница — соціальдемократія должны дать рѣшительный и дружный отпоръ. Въ противовѣсъ покушеніямъ капиталистовъ рабочій классъ долженъ требовать не только немедленнаго введенія въ дѣйствіе закона 2 іюня, но и значительнаго улучшенія его. Наша программа-минимумъ даетъ достаточныя указанія относительно того направленія, въ которомъ слѣдуетъ вести агитацію по этому вопросу.

* * *

Нынѣшней осенью особое, „высочайше утвержденное совѣщаніе" занималось обсужденіемъ вопроса о желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Совѣщаніе это, образованное 4 ноября 1902 г. (въ день начала стачки въ ростовскихъ жел.-дор. мастерскихъ), носитъ громкое и знаменательное названіе „Особаго Совѣщанія для обсужденія мѣропріятій къ прекращенію преступныхъ покушеній на безопасность движенія на нашей рельсовой сѣти". Въ числѣ членовъ Совѣщанія — Плеве, Витте, Хилковъ, Куропаткинъ и другія сановныя лица.

Въ „Освобожденіи" (№ 38) находимъ интересный журналъ засѣданія 2 августа 1903 г. этого Совѣщанія.

Прежде всего, какъ полагается, занялись вопросомъ объ усиленіи полиціи. Статсъ-секретарь Плеве сообщилъ отрадную новость, что „въ Минист. Вн. Дѣлъ имѣютъ въ виду предположенія объ усиленіи *сыскныхъ кредитовъ* на надобности государственнаго и общественнаго порядка, съ одной стороны, и нѣкотораго усиленія желѣзнодорожныхъ жандармскихъ командъ, съ другой".

Отъ жандармеріи и шпіоновъ перешли къ обсужденію вопроса о *положеніи рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ*. Оказывается, этотъ вопросъ „по существу своему, весьма близко связанъ" съ „интересами безопасности движенія", ибо стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ послѣдняго времени „отражались весьма неблагопріятно на правильности и безопасности движенія".

Какъ и подобаетъ современнымъ политикамъ, члены Совѣщанія начали съ проекта *внесенія раскола* въ среду рабочихъ. Предположено разными мелкими льготами, вродѣ безплатныхъ билетовъ, пенсій, пособій на случай болѣзни и т. д., даваемыми рабочимъ, прослужившимъ на одной дорогѣ не менѣе 10 лѣтъ подрядъ и заслужившимъ одобреніе начальства, „содѣйствовать созданію прочнаго кадра штатныхъ рабочихъ, общимъ числомъ до 40 тысячъ (изъ 125.000 всего числа жел.-дор. рабочихъ), который, „дорожа своей службой, несомнѣнно будетъ давать энергичный отпоръ всѣмъ попыткамъ къ нарушенію правильности работъ въ мастерскихъ". Не поздненько ли хватились, ваши превосходительства? Чай, теперь, и одесскіе желѣзнодорожники, послѣ того, какъ вкусили сладость обѣщаній „независимцевъ", не повѣрятъ посуламъ попечительнаго начальства и поймутъ, что всякія „льготы" являются завоеваніемъ той самой агитаціи соц.-дем., отъ которой хотятъ отвлечь рабочихъ?

Насколько „охотно" Совѣщаніе пошло на встрѣчу предложеніямъ о подобныхъ льготахъ (или подачкахъ) для части рабочихъ, настолько же отрицательно отнеслось оно къ „ходатайствамъ рабочихъ нѣкоторыхъ жел.-дор. мастерскихъ о сокращеніи рабочаго времени до 8 часовъ". По высочайшему повелѣнію, эти ходатайства, о которыхъ было доложено царю министромъ Хилковымъ, были переданы для разсмотрѣнія въ „Особое Совѣщаніе". Сообщая объ этомъ высоч. повелѣніи, Плеве указалъ, что „настоящій вопросъ... имѣетъ большое государственное значеніе... ибо то или иное рѣшеніе его *не можетъ не отразиться на положеніи рабочаго вопроса въ Россіи во всемъ его объемѣ*". Въ свою очередь, кн. Хилковъ прибавилъ, что, *хотя правленія нѣкоторыхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и ходатайствуютъ* о введеніи 8 час. раб. дня, но „введеніе въ настоящее время этой мѣры *было бы весьма несоотвѣтственно съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ* и отразилось бы даже неблагопріятно на матеріальномъ положеніи самихъ рабочихъ".

Послѣдней мысли кн. Хилковъ не пытался даже и доказывать, до того очевидна ея нелѣпость. Что же касается „государственныхъ интересовъ", то эта фраза, какъ и заявленіе Плеве, должны стать извѣстны всѣмъ русскимъ рабочимъ. Всѣ они должны узнать на этомъ новомъ фактѣ, какое положеніе занимаетъ царское правительство въ вопросѣ о сокращеніи рабочаго дня. Они должны узнать, что Особое Совѣщаніе, „вполнѣ соглашаясь съ сужденіями министровъ внутр. дѣлъ и путей сообщенія", признало, что „едва ли было бы соотвѣтственнымъ, въ общегосударственныхъ интересахъ, подвергать *вопросъ этотъ какому либо разсмотрѣнію въ настоящее время*".

Почтенные государственные мужи *боятся прикасаться даже къ этому вопросу*. Причина: „Вопросъ о введеніи 8 час. рабочаго дня сталъ лозунгомъ соціалистической партіи на западѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ существенныхъ элементовъ заграничной(?) революціонной пропаганды среди нашихъ рабочихъ. Поэтому „*самый фактъ принятія его къ обсужденію былъ бы истолкованъ совершенно превратнымъ и нежелательнымъ образомъ*".

Восьмичасового дня нельзя дать рабочимъ, нельзя даже думать о немъ потому, что соціалисты написали его на своемъ знамени. А соціалисты стали во главѣ борьбы за него *именно потому*, что имущіе классы добровольно не отдаютъ и не отдадутъ рабочему классу этой реформы.

Самъ по себѣ, восьмичасовой рабочій день представляетъ собой отнюдь не революціонное требованіе для современнаго строя. Но дѣла такъ сложились для буржуазіи, что осуществленіе этой *реформы* приблизило бы часъ ея гибели, ибо возродило бы физически и морально весь пролетаріатъ. Поэтому, 8 час. раб. день въ ходѣ классовой борьбы превратился въ *одно изъ самыхъ революціонныхъ требованій нашего времени*.

И именно потому къ нему боится даже прикоснуться самое реакціонное изъ всѣхъ современныхъ правительствъ — русское. И, борясь за 8 час. рабочій день, жел.-раб. должны знать, что это *частное* завоеваніе будетъ имѣть громадное значеніе для всего русскаго пролетаріата, ибо, какъ сказалъ Плеве, „не сможетъ не отразиться на положеніи рабочаго вопроса въ Россіи во всемъ его объемѣ". Отразиться подъемомъ самосознанія и укрѣпленіемъ боевого духа во всемъ рабочемъ классѣ.

Вотъ почему жел.-дор. рабочіе не должны покидать начатой борьбы за 8 час. раб. день. А, борясь за него, они должны помнить, что самодержавіе хорошо понимаетъ революціонное значеніе всякаго серьезнаго завоеванія, сдѣланнаго рабочими, и что оно попытается разъединить рабочихъ, отвлекая часть ихъ отъ этого требованія всякими „зубатовскими" средствами. Тѣмъ рѣшительнѣе должны жел.-дор. рабочіе сплотиться около соц.-дем. партіи и принять участіе въ руководимой ею борьбѣ, въ которой первая крупная побѣда, уничтоживъ самодержавіе, позволитъ бороться за 8 час. рабочій день на свободной аренѣ, лицомъ къ лицу съ владѣльцами капитала и опираясь на всѣ политическія права, которыя дастъ рабочимъ демократическая конституція.

* * *

Приводимъ документъ, полученный въ канцеляріи старшаго фабричнаго инспектора Одесскаго Округа, который мы здѣсь воспроизводимъ дословно, какъ *гласъ капиталиста объ институтѣ фабричныхъ старостъ*.

„Предсѣдательство въ коммиссіи по выборамъ старостъ я взялъ на себя по двумъ причинамъ:

Во-первыхъ, я хотѣлъ исключить какое бы то ни было воздѣйствіе на результаты ихъ съ чьей бы то ни было стороны, даже только изъ практическихъ видовъ: ибо какъ могутъ смотрѣть рабочіе на своего старосту, который не является въ дѣйствительности представителемъ большинства ихъ? (Это, вѣроятно,(?) соотвѣтствуетъ также и намѣреніямъ правительства).

Во-вторыхъ, я хотѣлъ получить ясное представленіе объ отношеніи къ выборамъ рабочихъ, чтобы имѣть потомъ возможность сдѣлать свое заключеніе обо всемъ происшедшемъ. Это, правда, очень щекотливое дѣло, но я, тѣмъ не менѣе, выскажу свое мнѣніе самымъ откровеннымъ образомъ для того, чтобы само правительство могло вывести изъ него на будущее время нѣкоторыя практическія указанія. При этомъ я считаю само собой разумѣющимся, что я долженъ занять золотую середину между правительствомъ, фабрикантами и рабочими, т. е. путь компромиссовъ, который всѣмъ тремъ даетъ одинаковыя выгоды такъ же, какъ и требуетъ отъ нихъ одинаковыхъ жертвъ".

За этимъ слѣдуетъ подробное описаніе подачи записокъ и т. д.

„Такова картина выборовъ съ точки зрѣнія механической подачи и сосчитыванія голосовъ. Если же ближе присмотрѣться къ поданнымъ голосамъ, то можно отлично разглядѣть въ нихъ избирательную борьбу со всѣми агитировавшими въ ней партіями. Сначала рабочіе отнеслись къ выборамъ очень холодно, даже отрицательно, но уже на второй и на третій разъ они нервно и энергично вели борьбу. Нѣкоторымъ рабочимъ, которые почему либо не хотѣли принять участія въ выборахъ, и безграмотнымъ записки навязывались.

Рабочіе получили аппетитъ къ выборамъ вообще[1]).

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Изъ самыхъ большихъ нашихъ отдѣленій одно, состоящее только изъ женщинъ, избирало всѣхъ трехъ умѣренныхъ кандидатокъ (работницы этого отдѣленія исполняютъ болѣе легкую и лучше оплачиваемую работу (прим. корреспонд.), въ то время, какъ другія два отдѣленія, состоящія тоже исключительно изъ женщинъ, выбрали *только неспокойные элементы.*

Съ трудомъ *удалось провести* изъ обоихъ отдѣленій среди шести кандидатокъ едва одну болѣе умѣреннаго направленія.

Подавляющее большинство избирало неспокойный элементъ. Ясно, что эти безпокойные элементы воспользуются всякимъ случаемъ для того, чтобы, имѣя за собой сплоченную массу, предпринять борьбу за заработную плату. Это выразится прежде всего въ массѣ недоразумѣній между рабочими и администраціей фабрики.

И это будетъ зависѣть исключительно отъ старостъ, за кѣмъ пойдетъ масса.

Организація рабочихъ создана, ихъ самосознаніе пробуждено!

Соотвѣтственно съ этимъ будутъ расти аппетиты, выплыветъ масса вопросовъ, о которыхъ рабочіе до сихъ поръ и не думали; будетъ предъявлена масса совершенно невозможныхъ требованій.

Окажется староста человѣкомъ ловкимъ, недовольство направится противъ правительства и фабрикантовъ, окажется онъ неловкимъ, недовольство направится противъ него самаго. И тѣ и другіе случаи будутъ имѣть мѣсто. Дальнѣйшее будетъ зависѣть отъ ловкости извѣстной агитаціи, которая до сихъ поръ была достаточно счастлива, чтобы направить всѣ теченія въ одно общее русло. И такъ какъ между фабрикантами есть больше неловкихъ людей, то конечный результатъ этого теченія находится внѣ всякаго сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что староста пользуется у рабочихъ большимъ довѣріемъ, чѣмъ капиталисты.

Въ общемъ создана сила, на которую невозможно разсчитывать (т. е. съ точки зрѣнія полицейскаго сыска. Ред.). Нельзя сказать: дѣло обстоитъ хорошо, но нужно сказать, что оно можетъ принять скверный оборотъ.

Но несмотря на недостатки, которыхъ невозможно не признать, немедленное введеніе старостъ имѣетъ для фабриканта ту выгоду, что онъ этимъ идетъ на встрѣчу рабочимъ.

Правительство же, если оно будетъ поддерживать требованія рабочихъ, направитъ фабрики, на которыхъ при нынѣшнемъ тяжеломъ положеніи вещей жертвы эти ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ, къ числу недовольныхъ.

Но если правительство, съ другой стороны, поддержитъ фабрики, то этимъ дастъ новую пищу для агитаціи, которую само оно организовало.

Какъ же, однако, быть?

Но выходъ — единственный къ тому хорошій — есть.

Это третейскій судъ! Коммиссіи, состоящія изъ пяти членовъ: старшаго фабричнаго инспектора, одного юриста, одного фабриканта и двухъ старостъ подъ предсѣдательствомъ старшаго фабричнаго инспектора, разрѣшаютъ всѣ споры по коллективнымъ требованіямъ рабочихъ, принявшимъ политическую или экономическую окраску.“

Присланный одесскимъ товарищемъ документъ показываетъ намъ прежде всего, какого громаднаго вліянія достигла уже наша партія, рѣшеніямъ которой, принятымъ на ея съѣздѣ, съ готовностью слѣдуетъ рабочая масса, хотя бы послѣдняя „стихійно“ была склонна идти по иному пути. Читатели помнятъ (см. № 54 „Искры“), что одесскіе организованные рабочіе первоначально рекомендовали воздержаніе отъ участія въ выборѣ „дворниковъ“ и только ознакомившись съ противоположной резолюціей второго съѣзда, измѣнили тактику. Донесеніе фабриканта показываетъ, что несмотря на неизбѣжное при такомъ поворотѣ смятеніе, агитація велась кое гдѣ успѣшно и даже женщины-работницы „энергично и нервно“ взялись за дѣло. Мы видимъ также, что вопреки давленію фабриканта, который, хоть и намѣренъ былъ „исключить какое бы то ни было воздѣйствіе“, не выдержалъ таки и постарался „провести“ одну „умѣренную“ кандидатку, — мы видимъ, что, вопреки этому давленію, работницамъ удалось, въ общемъ, одержать рѣшительную побѣду. И, наконецъ, справедливыя опасенія г. фабриканта насчетъ возможныхъ послѣдствій введенія „старостъ“ еще разъ подтверждаютъ мысль, что успѣвши *во время* схватиться за это новое, несомнѣнно „обоюдоострое“ оружіе, мы, соціальдемократы, сможемъ направить его противъ нашихъ враговъ. И это тѣмъ болѣе, что, какъ вѣрно подмѣчаетъ авторъ документа, наши капиталисты — какъ это ни странно — въ извѣстномъ смыслѣ хуже вооружены для политической борьбы на почвѣ какихъ бы то ни было выборовъ, чѣмъ рабочіе, руководимые соціальдемократіей; хуже вооружены потому, что самодержавіе создаетъ для всѣхъ такіе барьеры, черезъ которые перескочить могутъ только люди, освободившіеся отъ узъ „легальности“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Екатеринославъ. На дняхъ недалеко отъ Екатеринослава (въ Каменскомъ) произошло изрядное волненіе среди рабочихъ. Отсюда былъ посланъ туда человѣкъ, чтобы на мѣстѣ знакомиться съ дѣломъ и собрать матеріалъ. Оказалось, что возмущеніе рабочихъ по поводу пониженія расцѣнокъ проявилось въ чисто стихійной формѣ: они подожгли заводъ, поломали нѣсколько машинъ, разрушили потребительскую лавку и, кажется, порядкомъ побили директора завода. Рабочіе объявили было прекращеніе работъ на заводѣ, но, повидимому, стачка продолжится недолго, такъ какъ тамъ полное отсутствіе сознательныхъ рабочихъ и организаціи, которая бы взяла на себя руководство стачкой. Вокругъ завода разставлены патрули, полиція врывается во всѣ дома и производитъ повальные обыски. Арестовано много рабочихъ. — Литературы совсѣмъ нѣтъ. „Искра“ получается чуть не въ одномъ экземплярѣ на весь городъ.

* * *

Въ частномъ письмѣ о тѣхъ же безпорядкахъ сообщаютъ слѣдующее. Безпорядки произошли 20 декабря, въ субботу, при расчетѣ. Причина — пониженіе расцѣнковъ, которое должно было вступить въ силу съ 1 января. Повидимому, рабочіе, бросивъ работу и предъявивъ директору Гужевскому свои требованія, были выведены изъ себя его грубостью и перешли къ разгрому. Пострадали квартиры директора и другихъ лицъ изъ администраціи, двѣ лавки общества потребителей, двѣ заводскія конторы. Директоръ и полицейскій приставъ ранены. Въ три часа дня прибылъ екатеринославскій губернаторъ съ войскомъ, но улицы уже были пусты.

Пониженіе расцѣнковъ было не единственной причиной неудовольствія рабочихъ. Администрація, въ лицѣ новаго директора, грубымъ обращеніемъ и постоянными штрафами подготовила возмущеніе. Говорятъ, что 20 декабря при расчетѣ рабочимъ былъ не доданъ заработокъ, а изъ выданной доли (вопреки закону!) часть было велѣно получить товаромъ изъ потребительской лавки. Это и вызвало, по слухамъ, безпорядки, причемъ директора хотѣли даже бросить въ рѣку.

Большинство здѣшнихъ рабочихъ — поляки.

Одесса. На мельницѣ Анатра (около 40 рабочихъ) 20 сентября (въ субботу) произошла забастовка: забастовали всѣ накладчики, числомъ 12, требуя повышенія заработной платы на десять коп. въ день. Плата дѣйствительно была повышена, но… всѣ 12 стачечниковъ были расчитаны, и съ понедѣльника стали на работу новые накладчики. — Въ числѣ арестованныхъ въ сентябрѣ по приговору за іюльскія стачки для отправленія въ ссылку было 12 рабочихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Ихъ товарищи, желѣзно-дорожные рабочіе, рѣшили устроить сборъ въ ихъ пользу и въ пользу ихъ семей. Объ этомъ пронюхало начальство, и начальникъ мастерскихъ „предложилъ“ рабочимъ предварительно подать по начальству прошеніе о разрѣшеніи такого сбора. Прошеніе, дѣйствительно, было подано и пошло по разнымъ мытарствамъ. Въ концѣ концовъ, разумѣется, на него получился отказъ. Впрочемъ, рабочіе съумѣли организовать сборъ и безъ разрѣшенія. Въ первую же получку было собрано 183 рубля, во вторую — 92, въ третью — около 80. Въ сборѣ приняло участіе до 1000 человѣкъ (всего рабочихъ въ мастерскихъ 1700). — Какіе старосты попадаются иногда въ числѣ навязанныхъ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ихъ начальствомъ, показываетъ такой фактъ: одинъ изъ этихъ „старостъ“, Мартынъ Бѣлецкій, откровенно разсказывалъ какъ то подвыпивши въ трактирѣ, что ему поручено начальствомъ слѣдить за рабочими и давать начальству ихъ характеристику; что по его, Бѣлецкаго, характеристикамъ, двое рабочихъ разсчитаны, а на ихъ мѣсто по его же рекомендаціи, принятъ одинъ рабочій, отъ котораго онъ получилъ за это 15 рублей, а отъ другого ему еще предстояло получить столько же за рекомендацію.

Союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ. Въ прошломъ номерѣ мы посвятили „Вѣстнику союза типографскихъ рабочихъ“ замѣтку, въ которой выражали увѣренность, что жизнь рано или поздно приведетъ новую рабочую организацію подъ знамя соціальдемократіи, и высказали пожеланіе, чтобы эволюція эта была результатомъ не стихійнаго опыта, а сознательнаго усвоенія соціальдемократическихъ идей. Теперь передъ нами лежитъ заявленіе „Союза“, показывающее, что пожеланіе наше начинаетъ выполняться, и что „Союзъ“ началъ уже выступать на ту дорогу, на которой только и возможна плодотворная борьба рабочаго класса за свое освобожденіе. Заявленіе это гласитъ:

„Центръ Союза московскихъ типографскихъ рабочихъ, въ засѣданіи своемъ въ декабрѣ 1903 года, по всестороннемъ обсужденіи вопроса о программѣ своей дѣятельности, постановилъ:

1. „Союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ для борьбы за улучшеніе условій труда“ объявляетъ себя союзомъ политическимъ.

2. Программой своей Союзъ принимаетъ программу Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, изложенную въ № 21 „Искры“.

3. Присоединеніе къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи Союзъ считаетъ пока преждевременнымъ“.

Заявленіе это показываетъ, что руководители Союза сдѣлали огромный шагъ впередъ въ пониманіи своихъ собственныхъ задачъ. Признаніе Союза организаціей политической заключаетъ въ себѣ признаніе того факта, что на почвѣ борьбы чисто профессіональнаго характера рабочимъ невозможно хоть сколько-нибудь серьезно отстаивать самые насущные интересы свои. Ни исключительно профессіональная борьба, ни борьба исключительно за политическую свободу, а лишь объединяющая въ себѣ то и другое классовая борьба сознательнаго пролетаріата — вотъ единственный путь, дѣйствительно ведущій къ полному освобожденію рабочаго класса отъ цѣпей эксплуатаціи и угнетенія. Что эта мысль начинаетъ прочно входить въ сознаніе членовъ Союза, доказываетъ рѣшеніе ихъ положить въ основу своей дѣятельности программу Р. С.-Д. Р. П., цѣликомъ построенную на принципѣ классовой борьбы. Теперь „Союзу“ остается сдѣлать еще одинъ шагъ, который онъ пока считаетъ „преждевременнымъ“ — вступить въ ряды Р. С.-Д. Р. П. Что шагъ этотъ будетъ вскорѣ сдѣланъ, мы нисколько не сомнѣваемся; потому что онъ неизбѣжно вытекаетъ изъ правильнаго пониманія какъ политической дѣятельности вообще, такъ и, въ особенности, соціальдемократической программы. Профессіональную борьбу еще могутъ вести отдѣльныя, изолированныя другъ отъ друга группы рабочихъ. Но классовая политическая борьба только и возможна для организованнаго въ самостоятельную политическую партію пролетаріата. Потому что такая борьба неизбѣжно предполагаетъ отодвиганіе мѣстнаго, частнаго, группового передъ всеобщимъ, классовымъ; предполагаетъ сочетаніе разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ организацій въ планомѣрную дѣятельность объединеннаго пролетаріата.

На Московскомъ Комитетѣ нашей Партіи лежитъ важная и отвѣтственная задача облегчить дѣятелямъ „Союза“ правильное пониманіе и истолкованіе нашей программы и ускорить вступленіе въ ряды Россійской Соціальдемократіи организаціи, еще молодой, но уже успѣвшей получить почетныя раны въ борьбѣ за рабочее дѣло.

Ревдинскій заводъ (Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи). Ревдинскій чугунно-литейный и желѣзодѣлательный заводъ находится въ 45 верстахъ отъ г. Екатеринбурга и въ 35 верстахъ отъ станціи Тарасково Пермской ж. д. Онъ стоитъ на рѣкѣ Ревдѣ, водой которой почти исключительно и приводится въ движеніе.

Заводъ основанъ въ 18 вѣкѣ. При крѣпостномъ правѣ работа на заводѣ была обязательна для всѣхъ приписанныхъ къ нему крестьянъ съ 12 лѣтъ. Плата, самая нищенская, выдавалась хлѣбомъ и солью. Но самая работа была сравнительно легкою, такъ какъ при избыткѣ рукъ и необходимости занять всѣ ихъ, число часовъ работы на каждаго было невелико.

Эти же крестьяне, привязанные къ землѣ и опутанные остатками крѣпостныхъ отношеній къ собственникамъ завода, поставляютъ и теперь контингентъ заводскихъ рабочихъ.

Теперь на заводскихъ работахъ около 1000 чел., работы вообще очень мало, и половина завода стоитъ въ бездѣйствіи. Рабочій день для всѣхъ $10^1/_2$ час. и $1^1/_2$ час. на обѣдъ; почти весь заводъ работаетъ день и ночь, но не въ двѣ, а въ три самостоятельныя смѣны. Росписаніе и распредѣленіе работъ на заводѣ до того перепутано, что составляетъ большую трудность разобраться во всѣхъ комбинаціяхъ работъ. На *доменныхъ* печахъ работаетъ 50 чел. (цифры рабочихъ я беру круглыми), работаютъ на три смѣны: двѣ работаютъ, третья гуляетъ; смѣняются по очереди, т. е. черезъ каждые 12 часовъ работы приходится 24 часа гулять. Получаютъ подручные 9-11 руб. въ мѣсяцъ, старшіе рабочіе — 13 р. Въ *механическомъ* и *кузнечномъ* цехахъ занято 70 чел.; работаютъ на одну смѣну отъ 6 час. утра до 6 час. вечера; когда же является надобность, то работаютъ по 24 и больше часовъ сряду. Въ механическомъ получаютъ 30-40 к. въ день, кузнецы 60 к., а молотобойцы 40 к. На *пудлинговыхъ* печахъ рабочихъ 120 чел.; работаютъ на три смѣны и неопредѣленное время, смотря по выплавкѣ желѣза. Смѣняются черезъ три выплавленныхъ печи и черезъ 6 заступаютъ вновь; получаютъ по шесть коп. съ пуда и изготовляютъ въ смѣну (пудлингуютъ ручнымъ способомъ) 80-90 пудовъ 4 р. 80 коп. — 5 р. 40 коп. на пять человѣкъ. *Сварщиковъ* — 100 чел., работаютъ на двѣ смѣны и смѣняются черезъ сутки. Плата сдѣльная и составляетъ 40 к.-1 р. 50 к. въ день, причемъ старшій получаетъ полуторную долю: если, напримѣръ, зарабатываютъ по 60 коп., то старшіе получаютъ 90 коп. (простые рабочіе никогда не вырабатываютъ больше). Сторожа на заводѣ по цѣлымъ недѣлямъ не выходятъ изъ завода, за то другую совершенно свободны; получаютъ 4 рубля въ мѣсяцъ; остальные рабочіе получаютъ поденно по 35 коп. въ день и большинство работаетъ съ перерывами, то поступая, то вновь не работая. Огнеупорный кирпичъ отдаютъ дѣлать подрядами, и кирпичники работаютъ его съ женами и цѣлыми семействами. Мальчиковъ на заводы не принимаютъ моложе 15 лѣтъ, а пришлыхъ рабочихъ вовсе, пока имѣются незанятые односельчане. За прогулы штрафовъ не считаютъ, но на мѣсто невышедшаго становитя товарищъ изъ другой смѣны, а этотъ гуляетъ до слѣдующей очереди. Получка происходитъ черезъ двѣ недѣли, но часто случается, что въ кассѣ завода недостаетъ нужнаго количества денегъ, и тогда рабочимъ вмѣсто рубля выдаютъ 70 коп., остальную сумму удерживаютъ до появленія въ кассѣ денегъ. Подъ видомъ недостатка руды заводъ часто останавливается недѣли на три и больше. О существованіи фабричной инспекціи рабочіе и не знаютъ, а заводское управленіе расправляется собственными силами. Оригинальное наказаніе примѣняется къ виновнымъ. Предлагаютъ на выборъ: или въ кутузкѣ сидѣть, или убирать улицы и торговую площадь отъ навоза. При заводѣ есть потребительная лавка на паяхъ, стоимостью по 10 руб.; ихъ могутъ имѣть не только рабочіе завода, но и крестьяне. Конечно, паи пріобрѣтаетъ только разжившаяся сельская буржуазія, и потребительная лавка пріобрѣла видъ акціонернаго общества. Въ лавочкѣ товаръ могутъ покупать всѣ желающіе, даже даютъ въ кредитъ на книжку, но посторонней публикѣ, не пайщикамъ, товары продаютъ на 5-6% дороже сравнительно съ пайщиками; на каждый пай ежегодно выдается 1 рубль дивиденду, когда же пайщикъ пожелаетъ взять свои деньги обратно, то выдаютъ остальной дивидендъ, смотря по общему доходу предпріятія. Рабочимъ заводъ ежегодно выдаетъ 12 безплатныхъ саженъ дровъ, но ихъ надо нарубить, распилить и привезти домой самому, а рубить приходится часто довольно далеко, т. к. рубка связывается съ проведеніемъ лѣсныхъ просѣкъ. Крестьянамъ безплатныхъ дровъ не полагается, имъ они продаются на корню по 80 коп. за 12 саженъ.

Большинство (если не всѣ) уральскихъ заводовъ, въ томъ числѣ и Ревдинскій, принадлежитъ патентованнымъ аристократамъ, которые живутъ постоянно въ столицахъ или за границей, а на заводы никогда и не заглядываютъ. Это обстоятельство, а также изобиліе рабочихъ рукъ, прикрѣпленность рабочихъ-крестьянъ къ землѣ, принадлежащія заводамъ огромныя богатства въ видѣ лѣсовъ и вообще вся обстановка, унаслѣдованная отъ эпохи крѣпостного права, обусловливаютъ низкій техническій уровень заводовъ, малую производительность труда, безполезную трату силъ. Такъ, на Ревдинскомъ заводѣ плавятъ руду, а чугунъ для выдѣлки желѣза отправляютъ за 22 версты на Морцянскій заводъ того же хозяина, причемъ платятъ крестьянамъ за провозъ $1^3/_4$-3 коп. съ пуда; затѣмъ для дальнѣйшей разработки желѣзо привозятъ обратно въ Ревду, и все это на лошадяхъ. Всѣ заводы не живутъ, а прозябаютъ; развитіе производительныхъ силъ сковано тѣми полу-крѣпостническими отношеніями, которыя до сихъ поръ такъ усердно поддерживаетъ правительство.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА ВЪ КРИММИЧАУ.

II.

Первый ударъ фабрикантовъ, его рѣшительность и безсердечіе, съ которымъ 7500 человѣкъ обрекались на всѣ ужасы холода, голода и всякихъ лишеній, возмутили рабочихъ. Отступить теперь, даже безъ попытки борьбы, передъ наносимымъ ударомъ, это значило надолго отказаться отъ всякой мысли, отъ всякой надежды улучшить свое положеніе. Рабочіе города Криммичау рѣшили, какъ одинъ человѣкъ, бороться до конца.

Высокія фабричныя трубы перестали дымиться, необычная тишина охватила массивныя зданія, мрачно чернѣвшія по вечерамъ. Пронзительные гудки не прорѣзывали больше воздуха. Недѣля проходила за недѣлей, а рабочіе и не думали сдаваться. Время отъ времени созывались громадныя собранія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Небольшія совѣщанія происходили каждый день. Въ стачечную кассу начали притекать пожертвованія. Среди рабочихъ поддерживалось самое хорошее, бодрое настроеніе.

На шестой недѣлѣ предприниматели поняли, наконецъ, что передъ ними стоитъ не шуточный врагъ, и перемѣнили тактику.

Съ этого момента характеръ борьбы рѣзко измѣняется.

Снова, утромъ, въ полдень и вечеромъ загудѣли свистки, такъ долго молчавшіе, заработали машины, изъ фабричныхъ трубъ повалилъ дымъ. Начиная съ сумерокъ до обычнаго часа, когда кончаются работы, всѣ фабричныя зданія были ярко освѣщены сверху до низу. „Криммичау опять работаетъ“, говорили путешественники, проносясь мимо по желѣзной дорогѣ, одни съ злорадствомъ, другіе съ чувствомъ сожалѣнія. Буржуазная печать усиленно твердила о томъ же. И, однако, Криммичау вовсе не работалъ или работалъ только для видимости. Освѣщенныя окна обманывали. Буржуазная печать лгала. 7500 ткачей попрежнему дружно отстаивали свои права.

Всѣ усилія предпринимателей направились на то, чтобы разстроить ряды рабочихъ, внести въ ихъ среду расколъ и мало по малу заставить ихъ по одиночкѣ или отдѣльными группами вернуться на фабрики. Но всѣ попытки фабрикантовъ встрѣчали дружный отпоръ. Громадный, нисколько не уменьшающійся притокъ рабочихъ на созываемыя собранія наглядно опровергалъ лживыя завѣренія фабрикантовъ, а расположенные около каждой фабрики наблюдательные посты стачечниковъ давали возможность вести точный учетъ всѣмъ штрейкбрехерамъ[1]). Послѣднихъ оказывалось очень немного. Фабрики работали для вида, не окупая даже расходовъ по топкѣ и освѣщенію, чтобы привлечь больше народа. Предприниматели назначили сверхъ заработной платы — еженедѣльную премію въ двѣ марки всѣмъ, кто запишется на работу до опредѣленнаго срока. Рабочій союзъ отвѣтилъ на это тѣмъ, что повысилъ еженедѣльную субсидію стачечникамъ.

Между тѣмъ, всякая новая попытка завязать переговоры между двумя сторонами и такимъ путемъ уладить конфликтъ, встрѣчая себѣ поддержку и сочувствіе среди рабочихъ, каждый разъ натыкалась на сильное нежеланіе со стороны фабрикантовъ сдѣлать хотя бы шагъ навстрѣчу законнымъ желаніямъ рабочихъ. Работодатели упорно стояли на своемъ — полное и безусловное подчиненіе рабочихъ ихъ волѣ. Внѣ этого они не хотѣли ничего знать и ни о какихъ уступкахъ не думали. Сломить новую растущую силу, которую они только что начали замѣчать, и доказать ей свою собственную, вотъ что руководило фабрикантами все время. А что они представляютъ собою силу, это они сознавали очень хорошо. Они знали, что на защиту ихъ интересовъ станетъ и войско, и полиція, и судъ, и церковь, и всѣ остальныя учрежденія капиталистическаго государства.

И, дѣйствительно, съ перваго же момента борьбы рабочіе города Криммичау почувствовали на себѣ тяжелую руку полиціи. Началось со всевозможныхъ мелкихъ придирокъ къ собраніямъ стачечниковъ. Комисары искали только предлоговъ, чтобъ лишать ораторовъ слова. По самымъ ничтожнымъ поводамъ собранія распускались. Съ особенной суровостью преслѣдовала полиція наблюдательные посты, имѣвшіе для стачечниковъ большое значеніе. Достаточно было рабочему показаться вблизи отъ фабрики, чтобы къ нему устремилось нѣсколько жандармовъ. Всякія остановки на улицѣ, даже у воротъ и дверей домовъ были запрещены, подъ предлогомъ, что это мѣшаетъ уличному движенію. Приходилось прибѣгать къ тысячамъ хитростей, чтобы къ моменту конца или начала работъ оказаться вблизи отъ фабрики и сосчитать штрейкбрехеровъ. При малѣйшемъ возраженіи или протестѣ противъ придирчивыхъ и произвольныхъ распоряженій полицейскихъ тотчасъ же подымалось обвиненіе въ нарушеніи общественной тишины и спокойствія, въ оскорбленіи чиновника при исполненіи имъ своихъ обязанностей и т. д. Обвиненія, штрафы, тюремныя заключенія сыпались на рабочихъ, какъ изъ рога изобилія. Чтобъ показать безпристрастіе суда, достаточно привести нѣсколько примѣровъ. Только за слово „штрейкбрехеръ“ рабочіе приговаривались къ двухъ недѣльному аресту. Рабочаго, крикнувшаго одной работницѣ, шедшей на работу, „тьфу“ и „дерзко посмотрѣвшаго ей въ лицо“, судъ приговорилъ къ трехъ недѣлямъ ареста. Одна старая женщина попала на скамью подсудимыхъ за то, „что угрозами старалась помѣшать своей дочери взяться за работу“. И въ то же время фабриканты могли безнаказанно дѣлать все, что угодно. Одинъ фабрикантъ схватилъ, напр., дѣвушку, спокойно проходившую по улицѣ мимо его фабрики, и пробовалъ силой затащить ее въ фабрику. На отчаянные крики прибѣжала полиція и освободила дѣвушку. Верхняя кофточка на ней оказалась порванной, и всетаки противъ фабриканта не было даже поднято дѣла.

---

[1]) Нѣмецкое слово, въ буквальномъ переводѣ означающее нарушители, ломатели стачки. Такъ называются рабочіе, которые идутъ на работу въ то время, какъ стачка еще продолжается.

Всякаго рода стѣсненія въ пользованіи правомъ собраній усиливались по мѣрѣ того, какъ разгоралась борьба.

Особеннымъ покровительствомъ полиціи пользовались штрейкбрехеры. Ихъ охраняли и на фабрикахъ, и на улицахъ, и всѣми силами старались защитить отъ рабочихъ, хотя послѣдніе и не думали ихъ трогать. Любопытное зрѣлище представлялъ изъ себя вокзалъ каждый разъ, когда агенты фабрикантовъ „доставляли“ двухъ, трехъ новыхъ штрейкбрехеровъ. Человѣкъ 20 жандармовъ, полиція, фабриканты со своими служащими встрѣчали на платформѣ пріѣзжихъ. Окруженные такой свитой штрейкбрехеры, по три-четыре человѣка торжественно доставлялись съ вокзала прямо на фабрику. Оттуда ихъ старались по возможности даже не выпускать на улицу, „чтобъ оградить ихъ отъ оскорбленій со стороны стачечниковъ“, говорила полиція. На дѣлѣ, конечно, она, боялась вліянія на нихъ стачечниковъ. Смущенные такой торжественной встрѣчей и всѣмъ послѣдующимъ вниманіемъ полиціи, нѣкоторые изъ пріѣзжихъ очень быстро переходили на сторону забастовщиковъ.

Положеніе въ Криммичау становилось невыносимымъ. По городу расхаживали полицейскіе и жандармскіе патрули. Листки рабочихъ конфисковались, собранія распускались одно за другимъ. Даже хозяева ресторановъ, гдѣ происходили собранія, подвергались преслѣдованіямъ. Имъ грозили лишеніемъ права содержать рестораны.

Всѣ эти мѣры все же не могли помѣшать стачечникамъ собираться и столковываться, и правительство рѣшило пойти еще дальше, тѣмъ болѣе, что въ январѣ начинался новый сезонъ, и фабрикантамъ было въ высшей степени важно заставить рабочихъ вернуться на фабрики еще до начала его: всякія собранія, и даже танцовальные вечера, были запрещены вовсе. Съ этихъ поръ даже выдачи еженедѣльныхъ субсидій стачечникамъ должны были производиться подъ надзоромъ полиціи. На ея обязанности лежало слѣдить, за тѣмъ чтобъ въ помѣщеніяхъ, гдѣ производились выдачи, не собиралось больше шести человѣкъ и не велось при этомъ политическихъ разговоровъ. Городъ оказывался фактически въ осадномъ положеніи. Всякая общественная жизнь должна была замереть. При такихъ условіяхъ вести борьбу дальше было чрезвычайно трудно. И это понимали всѣ. Буржуазная печать каждую недѣлю предсказывала, что рабочіе скоро сдадутся, и заранѣе злобно ликовала по поводу „пораженія соціальдемократіи“. Организованный пролетаріатъ всего міра съ напряженіемъ ждалъ, что будетъ... А рабочіе города Криммичау, повидимому, и не думали сдаваться. На послѣдній ударъ они отвѣтили тѣмъ, что тотчасъ же, пользуясь близостью границы, устроили въ ближайшемъ городѣ сосѣдняго германскаго государства нѣсколько громадныхъ собраній. Длинной вереницей, въ одиночку или маленькими группами, съ женами и дѣтьми, на зло полиціи и предпринимателямъ, потянулось все рабочее населеніе по дорогѣ въ Альтенбургское княжество. Съ торжествомъ встрѣтили ихъ мѣстные рабочіе, и только поздно ночью, послѣ многочасового собранія, возбужденные и ликующіе, возвращались рабочіе домой. Ликованіе волной прокатилось по всей Германіи, вызвавъ новый взрывъ сочувствія къ криммичаускимъ борцамъ и усиленный притокъ пожертвованій въ ихъ пользу. Въ одномъ можно было быть увѣреннымъ—не голодъ, не недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставитъ сдаться рабочихъ. Объ этомъ позаботился германскій пролетаріатъ, собравъ уже для стачечниковъ больше 2½ милліоновъ марокъ и обѣщавъ имъ свою дѣятельную поддержку на все время борьбы.

Но и предприниматели не дремали. Увидѣвъ, кто стоитъ за спинами криммичаускихъ ткачей и прядильщиковъ, капиталисты всей Германіи поспѣшили сплотиться, чтобъ помочь своимъ криммичаускимъ собратьямъ. Въ Берлинѣ собрался настоящій „военный совѣтъ“ предпринимателей, чтобъ обсудить положеніе дѣлъ. Оказалось, что 50.000 марокъ, необходимыхъ криммичаускимъ фабрикантамъ для покрытія всѣхъ убытковъ, еженедѣльно вносятся уже „центральнымъ союзомъ германскихъ промышленниковъ“, и эту сумму они гарантировали имъ на долгое время для того, чтобъ „нанести соціальдемократіи такое пораженіе, о которомъ она не скоро забудетъ“. Притокъ средствъ въ кассу криммичаускихъ фабрикантовъ былъ такъ великъ, что они сочли возможнымъ отклонить предложеніе одного крупнаго банковаго учрежденія организовать для нихъ подписку въ широкихъ размѣрахъ. „Военный совѣтъ“ единогласно одобрилъ поведеніе криммичаускихъ предпринимателей и выразилъ полную готовность поддерживать ихъ до конца. Въ заключеніе рѣшено было основать общегерманскій союзъ работодателей для постоянной борьбы противъ профессіональнаго и политическаго рабочаго движенія и поддержки тѣхъ фабрикантовъ, у которыхъ произойдутъ стачки. Такъ, и капиталисты всей Германіи, и всѣ учрежденія капиталистическаго государства встали на борьбу съ рабочими, рѣшившимися бороться за лучшую долю. Не отстали отъ своихъ богатыхъ и чиновныхъ „братьевъ во Христѣ“ и служители церкви. Когда криммичаускимъ рабочимъ было запрещено устраивать вечеринки и праздничныя собранія на Рождество, не нашлось ни одного попа, который бы протестовалъ противъ этого. Лицемѣріе этихъ чиновниковъ въ рясѣ сказалось такъ ярко, что немедленно до 1000 рабочихъ семей, еще привязанныхъ до тѣхъ поръ къ церкви, объявили о своемъ выступленіи изъ нея. Такъ еще одна пелена спала съ глазъ рабочихъ. Товарищи же ихъ со всей Германіи рѣшили устроить для нихъ на Рождество такой праздникъ, котораго, конечно, никогда не видали криммичаускіе рабочіе: цѣлыми вагонами подвозились со всѣхъ сторонъ рождественскіе подарки отъ германскаго пролетаріата криммичаускимъ борцамъ; тутъ было все: платье, обувь, лакомства и игрушки для дѣтей, и даже духи. Каждый криммичаускій рабочій, его жена и дѣти могли брать въ подарокъ, что имъ было угодно, изъ огромнаго склада присланныхъ вещей.

* * *

Шесть мѣсяцевъ длилась эта упорная борьба, полная мелочныхъ, но тѣмъ болѣе тяжелыхъ, лишеній и страданій, полная незамѣтнаго геройства, самоотверженія, выдержки. И все же 18 (5-го) января вечеромъ стачка была объявлена законченной, и рабочіе начали становиться на работу. Рѣшеніе было принято единогласно стачечнымъ комитетомъ на совѣщаніи съ фабричными старостами, большинство которыхъ — молодыя дѣвушки, самоотверженно замѣнившія на этой видной должности стариковъ, чтобы не на нихъ пала вся месть разгнѣванныхъ фабрикантовъ. Много было причинъ, побудившихъ комитетъ къ такому рѣшенію: долгая борьба, однообразная, унылая, истощавшая терпѣніе; постепенный притокъ штрейкбрехеровъ изъ отдаленныхъ мѣстностей, гдѣ рабочій народъ еще мало сознателенъ; опасеніе полной гибели криммичауской промышленности и необходимости для 7000 рабочихъ семей разбрестись изъ родного города по всему свѣту въ поискахъ за кускомъ хлѣба; необходимость сохранить средства для поддержки тѣхъ тысячъ рабочихъ, которые, какъ это было ясно, во всякомъ случаѣ не будутъ приняты на работу и падутъ жертвой мести фабрикантовъ; наконецъ, и это главное, желаніе не дать стачкѣ окончиться путемъ постепеннаго упадка духа, въ разбродъ, и стремленіе поддержать организованность, необходимую для дальнѣйшей борьбы; все это, и многія другія соображенія заставили комитетъ и фабричныхъ старостъ положить конецъ стачкѣ. Рѣшеніе это держалось въ глубокой тайнѣ до послѣдней минуты, чтобы не дать возможности фабрикантамъ сговориться между собою о новыхъ притѣсненіяхъ противъ рабочихъ. Поэтому оно было неожиданно и для самихъ стачечниковъ, полныхъ еще жажды борьбы. Крикъ возмущенія былъ первымъ отвѣтомъ рабочихъ на рѣшеніе ихъ комитета и ихъ старостъ. Но такова была степень достигнутаго ими въ процессѣ борьбы уровня сознательности, организованности, дисциплины, что достаточно было комитету объяснить мотивы своего рѣшенія, чтобы всѣ рабочіе единогласно поддержали его. Съ жаждой мести въ душѣ, съ жаждой борьбы за лучшую жизнь, но и съ болѣе отчетливымъ пониманіемъ условій своего освобожденія, съ убѣжденіемъ въ невозможности отстоять свои интересы на почвѣ чисто профессіональной борьбы, съ болѣе развитымъ классовымъ сознаніемъ, началъ возвращаться криммичаускій пролетаріатъ въ мрачныя фабричныя зданія.

И такой конецъ борьбы означаетъ, что самое пораженіе рабочихъ есть лишь начало ихъ побѣды. Потому что побѣдить пролетаріатъ можетъ только какъ организованный рабочій классъ, завоевывающій политическую власть для совершенія соціалистической революціи. А криммичауская стачка внушила пониманіе этой необходимой связи явленій тысячамъ и десяткамъ тысячъ пролетаріевъ, до тѣхъ поръ возлагавшимъ свои надежды и на чисто профессіональную борьбу, и на добросердечіе капиталистовъ, и на правительство, и на церковь. „Освобожденіе рабочаго класса можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса“, эту великую истину начали понимать во всемъ ея объемѣ новые тысячи борцовъ за рабочее дѣло, и она приведетъ ихъ подъ красное знамя соціальдемократической партіи, дастъ имъ радостную увѣренность въ близости часа освобожденія. Пусть же ликуютъ капиталисты и буржуазная пресса! Они не видятъ, что минутный успѣхъ — на ихъ сторонѣ, прочное же завоеваніе — на сторонѣ рабочаго класса. И вотъ почему воспоминаніе о самоотверженной стачкѣ криммичаускихъ рабочихъ будетъ всегда занимать почетную страницу въ исторіи борьбы за рабочее дѣло.

ФРАНЦІЯ.

ПОСРЕДНИЧЕСКІЯ КОНТОРЫ И РЕВОЛЮЦІОННЫЙ СИНДИКАЛИЗМЪ.

Послѣдніе мѣсяцы истекшаго года ознаменовались во Франціи широкимъ стачечнымъ движеніемъ. Оно раскинулось по многимъ городамъ и, если не считать нѣкоторыхъ отдѣльныхъ стачекъ, вызвано было одной и той же причиной: рабочіе требовали уничтоженія частныхъ посредническихъ конторъ, жестоко эксплуатирующихъ ихъ вотъ уже много десятковъ лѣтъ.

Это одинъ изъ этаповъ длящейся уже лѣтъ двадцать борьбы профессіональныхъ организацій противъ посредническихъ конторъ, взимающихъ съ безработныхъ рабочихъ, съ согласія государства, огромный налогъ, который, по самымъ скромнымъ разсчетамъ, превышаетъ 10 милл. фр. въ годъ. Рабочіе требуютъ одновременнаго закрытія этихъ конторъ и сосредоточенія посредническихъ бюро въ рукахъ муниципалитетовъ и профессіональныхъ организацій. Втеченіе этой двадцатилѣтней борьбы парламентъ, департаментъ труда при министерствѣ торговли, профессіональныя организаціи и отдѣльные депутаты сдѣлали рядъ обслѣдованій („анкетъ“), давшихъ огромный цифровой и бытовой матеріалъ, который нельзя читать безъ ужаса и содраганія — до того мрачную картину жестокой эксплуатаціи рисуютъ сухія цифры оффиціальныхъ документовъ. Частныя посредническія конторы выступаютъ изъ этихъ безстрастныхъ анкетъ, какъ разбойничьи вертепы, владѣльцы которыхъ грабятъ, среди бѣла дня, на точномъ основаніи буржуазныхъ законовъ, несчастныхъ рабочихъ, которыхъ анархія капиталистическаго производства то и дѣло выбрасываетъ на улицу, снова и снова заставляя ихъ искать покупателей своей рабочей силы. Но опредѣленнаго рынка для рабочей силы, рынка, въ организаціи котораго, казалось бы, одинаково должны были бы быть заинтересованы и продавцы этого живого товара, и его покупатели, — не существуетъ, и очутившійся на улицѣ рабочій вынужденъ нести послѣдніе гроши частному посреднику, который пользуется тяжелой нуждой своего кліента и выжимаетъ изъ него послѣдніе соки. Наиболѣе несчастными жертвами этихъ вампировъ являются обыкновенно всѣ категоріи женской прислуги.

Естественно, что профессіональныя организаціи стараются бороться съ этимъ зломъ, создавая свои собственныя посредническія конторы. Къ нимъ на помощь приходятъ въ этомъ отношеніи демократическіе и соціалистическіе муниципалитеты. Но предприниматели предпочитаютъ обращаться именно къ частнымъ конторамъ, гдѣ имъ приходится имѣть дѣло отдѣльно съ каждымъ рабочимъ, который, такимъ образомъ, легче подчиняется ихъ произволу, между тѣмъ какъ сосредоточеніе посредничества въ рукахъ рабочихъ синдикатовъ содѣйствовало бы организаціи коллективныхъ договоровъ, болѣе выгодныхъ для рабочихъ, потому что они могли бы противопоставить свою организованную силу силѣ капиталистовъ.

Не разъ уже палата депутатовъ разбирала этотъ вопросъ и принимала рѣшенія, которыя, если и не давали полнаго удовлетворенія рабочимъ, то подготовляли постепенное уничтоженіе частныхъ конторъ. Сенатъ неизмѣнно отвергалъ постановленія палаты, которая, впрочемъ, именно потому и уступала требованіямъ рабочихъ, что разсчитывала на неуступчивость сенаторовъ, которые, по способу своего избранія, совершенно не зависятъ отъ рабочихъ, а потому безбоязненно стоятъ на стражѣ не только общихъ интересовъ буржуазіи, но и частныхъ интересовъ отдѣльныхъ группъ эксплуататоровъ.

Такъ, законопроектъ о посредническихъ конторахъ, подобно многимъ другимъ законамъ, интересующимъ рабочій классъ, путешествуетъ уже много лѣтъ изъ палаты депутатовъ въ сенатъ и обратно, не приводя ни къ какимъ практическимъ результатамъ, и владѣльцы частныхъ конторъ продолжаютъ наживаться безпощадной эксплуатаціей рабочихъ, эксплуатаціей, ужасающія свидѣтельства которой накоплены въ оффиціальныхъ анкетахъ, сдѣланныхъ по распоряженію парламента. Въ послѣдній разъ этотъ законопроектъ вернулся изъ сената въ палату нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Палата передала его на новое обсужденіе своей коммиссіи, которая рѣшила сдѣлать новыя уступки сенату. Но палата вмѣстѣ съ Жоресомъ и его „партіей“ занята „борьбой съ клерикализмомъ“ и втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ „не могла найти“ нѣсколько свободныхъ часовъ, чтобы обсудить предложеніе коммиссіи. Рабочимъ, наконецъ, надоѣло ждать, и этой осенью они рѣшили начать интенсивную агитацію и не прекращать ее до тѣхъ поръ, пока парламентъ не дастъ имъ удовлетворенія. Но когда они устроили первую демонстрацію возлѣ Биржи труда, префектъ полиціи, воспользовавшись пустяшнымъ предлогомъ, ворвался съ отрядомъ городовыхъ въ зданіе Биржи и ранилъ нѣсколько десятковъ безоружныхъ рабочихъ. Такихъ фактовъ не было даже при самыхъ реакціонныхъ министерствахъ; даже нѣкоторые простые радикалы пришли въ негодованіе и вотировали противъ министерства Комба, когда одинъ изъ нашихъ товарищей соц.-дем. сдѣлалъ по этому поводу запросъ въ палатѣ; но Жоресъ, Мильеранъ и вся партія „сотрудничества классовъ“, за небольшими исключеніями голосовали за правительство — „чтобы не помѣшать борьбѣ съ клерикализмомъ“[1].

Энергичное давленіе рабочихъ немедленно оказало свое дѣйствіе: палата сейчасъ же „нашла“ свободное время — и въ одно засѣданіе разсмотрѣла докладъ коммиссіи. Новая уступка послѣдней сенату состояла, въ общихъ чертахъ, въ томъ, что закрытіе частныхъ конторъ будетъ происходить постепенно втеченіе пяти лѣтъ, причемъ муниципалитеты обязаны выкупить ихъ, при денежномъ участіи государства, въ этотъ срокъ. Соціалисты, конечно, протестовали противъ выкупа предпріятій, основанныхъ исключительно на воровствѣ и обманѣ. Жоресъ и его „партія“ и здѣсь остались вѣрны своей „трезвенной политикѣ“ и голосовали за выкупъ. Палата согласилась съ коммиссіей. Законопроектъ сдѣлалъ новое путешествіе въ сенатъ, который выбралъ коммиссію для его обсужденія. Сенаторы ничего не имѣютъ противъ выкупа, но вовсе не желаютъ уничтоженія частныхъ конторъ — и въ этомъ смыслѣ составили докладъ. Правительство, серьезному давленію котораго сенатъ, можетъ быть, уступилъ бы, бездѣйствовало. Не подлежало сомнѣнію, что предложеніе коммиссіи пройдетъ. Тогда рабочіе усилили свою агитацію по всей странѣ и объявили стачку. Стачка вѣроятно, продолжалась бы до сихъ поръ, если бы Комбъ, подъ новымъ давленіемъ рабочихъ, не заявилъ, что министерство сдѣлаетъ все возможное, чтобы убѣдить сенатъ принять рѣшеніе палаты. Стачка временно пріостановлена, съ тѣмъ, что она снова будетъ объявлена, если сенатъ не уступитъ.

Таковы факты. Но какъ бы интересны они ни были сами по себѣ, меня въ этой стачкѣ интересуетъ сейчасъ не фактическая сторона, а совсѣмъ другая — и на ней-то я и хочу остановиться, потому что она чрезвычайно характерна для современнаго положенія соціализма во Франціи.

К. Д.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1] Комбъ для вида высказался противъ префекта и обѣщалъ произвести слѣдствіе. Но до сихъ поръ (прошло уже 2½ мѣсяца) палатѣ еще не сообщенъ результатъ этого „слѣдствія“, несмотря на неоднократныя требованія нашихъ товарищей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Японскіе соціалисты о войнѣ съ Россіей. Товарищъ Катаяма, представитель Японскихъ соціалистовъ въ международномъ соціалистическомъ бюро, помѣстилъ въ одной французской газетѣ статью о русско-японскомъ конфликтѣ. Указавъ на хищническую политику царскаго правительства, Катаяма говоритъ, что все-же, съ самаго начала кризиса японскіе соціалисты дѣлали и дѣлаютъ все возможное, чтобы предотвратить кровопролитіе. На многолюдныхъ собраніяхъ, въ рѣчахъ, въ газетахъ и брошюрахъ они ведутъ дѣятельную агитацію въ пользу мира. Потому что война, каковъ-бы ни былъ ея исходъ, можетъ принести пользу японской буржуазіи, пролетаріатъ-же, безъ всякой выгоды для себя, будетъ расплачиваться своею кровью и своими трудовыми деньгами за интересы капиталистовъ. Интересы пролетаріата всего міра одинаковы, и „японскіе рабочіе не желаютъ вести братоубійственной войны съ рабочими русскими“, говоритъ Катаяма; „они увѣрены, что и русскіе рабочіе думаютъ одинаково съ ними“. Статья кончается горячимъ призывомъ къ объединенной борьбѣ международнаго пролетаріата за соціализмъ съ международной буржуазіей.

Отъ лица Россійской Соціальдемократической Партіи, какъ выразительницы думъ и чувствъ сознательнаго россійскаго пролетаріата, мы шлемъ братскій привѣтъ нашимъ японскимъ товарищамъ. Пусть они будутъ увѣрены, что и мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, чтобы помѣшать войнѣ, которая заставитъ рабочихъ проливать кровь своихъ братьевъ, и чтобы повести русскій пролетаріатъ, рука объ руку съ международнымъ, въ томъ числѣ и японскимъ, на борьбу противъ общихъ враговъ—деспотизма и буржуазіи, гдѣ-бы они ни были — въ Россіи или Японіи!

Екатеринославскимъ Ком. изданы прокламаціи „Къ крестьянамъ“ (изложеніе программы Партіи) и „Памяти декабристовъ“. — **Одесскимъ Ком.** — „Одесская конка и россійское самоуправленіе“. — **Бердичевской организаціей** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Бердичева“ и „Къ обществу“. — **Маріупольской организаціей** Союза горнозаводскихъ рабочихъ — „Ко всѣмъ ремесленникамъ“. **Полтав. Ком.** „Къ обществу“ (о смерти рабочаго Бычкова).

Вышли „Протоколы второго съѣзда Р. С.-Д. Р. П.“ подъ редакціей товарищей Горина, Кольцова и Старовѣра.

Празднованіе второго съѣзда и двадцатилѣтія Группы Освобожденіе Труда. Очень торжественно прошелъ праздникъ шестого декабря (годовщина демонстраціи 1876 года на Казанской площади въ Петербургѣ) въ Бернѣ. Въ собраніи, насчитывавшемъ около 350 человѣкъ, тов. Ортодоксъ произнесъ обстоятельную рѣчь о дѣятельности Группы Освобожденіе Труда и значеніи ея въ исторіи развитія русскаго революціоннаго соціализма. Вторую рѣчь произнесъ тов. Троцкій; онъ выяснилъ значеніе второго съѣзда въ программномъ и тактическомъ отношеніяхъ и остановился подробнѣе на двухъ основныхъ положеніяхъ революціоннаго марксизма — соціальной революціи и диктатурѣ пролетаріата. — „Русское Соціальдемократическое общество“ въ Нью-Іоркѣ“ приняло единогласно резолюцію, въ которой привѣтствуетъ извѣстіе о съѣздѣ, выражаетъ свою солидарность съ программой, тактикой и направленіемъ Партіи, какъ оно выражалось и выражается въ „Искрѣ“ и „Зарѣ“, и высказываетъ сожалѣніе о выходѣ Бунда изъ Партіи, противорѣчащемъ интересамъ пролетаріата вообще, и еврейскаго въ особенности. Это же „Общество“ обратилось къ администраціи Заграничной Лиги Р. Р. С.-Д. съ просьбою зачислить его въ списокъ дѣйствующихъ подъ руководствомъ Лиги группъ содѣйствія Партіи и постановило передавать свободныя денежныя средства въ распоряженіе Лиги.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Ростовъ н. Д. 28 и 29 декабря былъ рядъ обысковъ и арестовъ. Обыскано нѣсколько богатыхъ и извѣстныхъ домовъ въ городѣ. У доктора Тиктина обыскъ длился 5 часовъ подрядъ; арестованъ сынъ доктора Ф. Ф. Тиктинъ; кромѣ того, обыски были у А. В. Іоффе, Л. В. Фрейбергъ, Б. М. Розенблюмъ, Грановскаго, В. Г. Коганъ, Т. Э. Гашеръ, М. Орловой, Сурашъ, М. Ширманъ, А. Компанѣецъ, А. Зѣнченко, М. Хаевской, А. Крыско, Д. Д. Тахчогло, у некоего меламеда Ревича, у старухи Фишзонъ и у многихъ другихъ. Арестованы, кромѣ Тиктина, М. Хаевская, Тахчогло, Крыско (на другой день выпущенъ), Орлова, г-жа Гашеръ, Ивановъ (взятъ у Тахчогло) и Заксъ; нѣкоторымъ было объявлено, что дѣлаютъ обыскъ по распоряженію департ. полиціи. Нигдѣ ничего не было найдено, за исключеніемъ Гашеръ и Тиктина, у которыхъ нашли нѣсколько брошюръ. Были аресты и у рабочихъ; нѣкоторыхъ арестовали. Говорятъ, что одновременно были обыски и во многихъ другихъ городахъ: Таганрогѣ, Новочеркасскѣ и друг. — **Одесса.** Въ числѣ арестованныхъ за послѣднее время находится нѣкто Розенталь. Послѣ перваго обыска жандармы снова явились на его квартиру на другой же день и снова перерыли все вверхъ дномъ, причемъ взрывали полы. — **Харьковъ.** Викторъ и Евгенія Раппъ освобождены. — **Полтава.** Здѣсь недавно были аресты и обыски. — **Нижній-Новгородъ.** Передъ Рождествомъ были аресты и обыски, главн. образомъ, среди служащихъ городской управы. Взяты: Пискуновъ, Чернышевъ, Кондратьевъ, студ. Корякинъ и Пушкарева. — **Кіевъ.** Въ ночь съ перваго на второе января арест.: адвокаты Штейнманъ и Дижуръ, врачъ Ульяновъ, его сестра, жена инженера Крыжановская, студентъ Левинъ, адвокатъ Рогачевскій и много другихъ. **Петербургъ.** Арест. литераторъ Фальборкъ.

Бѣжали и благополучно прибыли заграницу: Фофановъ (сосланный на поселеніе по дѣлу Саратовской демонстраціи); Голда Швецъ и Владиміръ Иковъ (изъ Красноярска, оба — ссыльные, снова привлеченные по Красноярскому дѣлу); Бронштейнъ и Злочевскій — оба изъ Восточной Сибири.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Е—ъ Маріи. Узнайте и сообщите о протестѣ офицеровъ. — **Ромулу.** Отчего не пишете? — **Августу.** Пришлите адресъ для писемъ. — **М. Д—ву.** Статья на эту тему уже помѣщена. — **Женевской группѣ.** Ваша резолюція будетъ напечатана въ № 58.

Получено загран. предст. Ц. К. изъ Ростова 25 р., отъ Донского Ком 10 р.; изъ Б. для Кавказск. Ком. 45 фр.; изъ В. съ вечеринки по поводу годовщины Ростовскихъ событій 175 кронъ; черезъ Нину изъ Л. для Сибирской кассы 31 фр.; для Сибирск. кассы 2.10 фр.; F. in H. получено 35 фр.; изъ Берлина для Сиб. кассы 20 фр.; изъ Вѣны отъ *бундиста* 90 кронъ; изъ Берна въ Центральную Сибирскую кассу 37.50 фр.; изъ К. для Кавказскаго Комитета отъ кавказцевъ 10 марокъ. **Въ пользу криммич. стачечниковъ получено Лигой** изъ Женевы 23.15 фр., изъ Лозанны 24.30 фр., изъ Цюриха 23 фр., изъ Мюнхена 40 фр., изъ Парижа 24 фр., изъ Льежа 31.50 фр.

Въ приложеніи къ этому № помѣщены статьи *Мартынова* „Голосъ изъ народа“ и *Практика* „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ“: объ организаціи.

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27.

Приложеніе къ № 57 „ИСКРЫ“.

Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ

Объ организаціи

Вопросъ о наилучшей организаціи соціальдемократической дѣятельности занимаетъ товарищей еще со времени борьбы съ „экономизмомъ“ и съ находящимся съ связи въ нимъ кустарничествомъ. На расчищенной программной почвѣ организаціонный вопросъ сталъ вопросомъ объ *общепартійной* организаціи, но вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣлъ совершенно исключительное значеніе. Въ созданіи централизованной организаціи значительная часть нашихъ практиковъ готова видѣть альфу и омегу соціальдемократіи; самый централизмъ понимается ими каррикатурно-упрощенно: въ видѣ „командующаго“ Центральнаго Комитета и „повинующейся“ ему периферіи... Выступать въ настоящее время съ опредѣленнымъ планомъ партійной организаціи и еще притомъ централистической, значитъ какъ бы „подливать воду на чужую мельницу“. Но съ другой стороны, именно теперь, когда централизмъ на практикѣ начинаетъ вырождаться въ бюрократизмъ, особенно необходимо показать *примѣрное* и возможное примѣненіе идеи централизма къ нашей конкретной дѣйствительности. Однако, предлагая вниманію товарищей планъ партійной организаціи, я далекъ отъ мысли рекомендовать его, какъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ и опасностей, грозящихъ нашей Партіи и могущихъ ее постигнуть. Если воспользоваться сравненіемъ тов. Ленина, то должно сказать, что вопросъ о подходящихъ организаціонныхъ формахъ сводится къ тому, какъ лучше и правильнѣе размѣститься оркестру; — важнѣе всего, разумѣется, умѣлые музыканты и хорошіе музыкальные инструменты...

* * *

Ростовская стачка конца 1902 года открыла, можно сказать, по степени своей организованности, по способамъ соціальдемократической агитаціи, по всѣмъ, совершенно новымъ, пріемамъ борьбы, новую эру въ исторіи нашего революціоннаго движенія. Начиная съ момента перехода отъ такъ называемой кружковщины къ массовой агитаціи до этой стачки, практика нашей революціонной дѣятельности не знала качественнаго роста. Втеченіе этого времени соціальдемократическое движеніе разлилось широкимъ потокомъ по обширной Россіи, разбѣгаясь большими и малыми ручьями по всѣмъ ея градамъ и весямъ. Тѣ первоначальные пріемы пропаганды и агитаціи, тѣ элементарныя формы революціонныхъ рабочихъ организацій, которыя выработала практика большихъ городовъ въ началѣ ихъ развитія, безъ труда примѣнялись повсюду, гдѣ движеніе только начиналось. Въ крупныхъ же центрахъ движенія, на форпостахъ нашей революціонной арміи царило мертвое затишье, безсильное топтаніе на одномъ мѣстѣ. Понадобилось нѣсколько лѣтъ настоящаго кризиса въ практической дѣятельности Партіи, чтобы придти къ мысли о необходимости освободить движеніе отъ тѣхъ оковъ, которыя налагались на него традиціонными формами революціонной жизни. Этотъ отрицательный урокъ практики далъ лишь возможность задуматься надъ созданіемъ новыхъ формъ организаціи, надъ выработкой новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ задачамъ Партіи, пріемовъ и способовъ борьбы.

Впервые планъ партійной организаціи разрабатывается въ извѣстномъ „Письмѣ“, написанномъ тов. Ленинымъ С.-Петербургскому Комитету и воспроизведенномъ послѣднимъ. Въ основу его положена мысль о централизаціи „*руководства*“ движеніемъ и обусловливаемой ею „децентрализаціи партійной освѣдомленности“ и „подотчетности“. Тов. Ленинъ съ особенной силой настаиваетъ на необходимости такой „децентрализаціи“, такъ какъ, не зная положенія дѣлъ въ Партіи, Центральный Комитетъ не въ состояніи будетъ ими руководить. Это, разумѣется, совершенно вѣрно: но тов. Ленинъ не знаетъ или забываетъ третье необходимое условіе, безъ котораго невозможна ни „централизація руководства“, ни „децентрализація подотчетности“, а именно: Центральный Комитетъ призванъ *прежде всего* централизовать *дѣятельность* Партіи, поскольку это требуется или допустимо въ тѣхъ или иныхъ ея областяхъ, и лишь на почвѣ *этой* централизаціи *сама собой* создастся его освѣдомленность и возможность единаго руководства движеніемъ. Здоровая мысль въ этомъ планѣ — организація революціонеровъ по ихъ функціямъ — совершенно тонетъ въ массѣ его аттрибутовъ: различной градаціи „военной дисциплины“, „дирижированія оркестромъ“, „перевода“ революціонеровъ на якобы исключительно имъ свойственныя революціонныя функціи „для исправленія диссонанса“, закрѣпощенія на вѣчныя времена каждаго революціонера на опредѣленной функціи и проч. и проч. Судя по этому „Письму“, Россійская Соціальдемокр. Рабочая Партія представляется тов. Ленину, какъ огромная фабрика, директоръ которой — Центр. Ком. — занятъ лишь чрезвычайно непроизводительнымъ „дирижированіемъ“ и одержимъ вреднымъ даже для управленія фабрикой мымрецовскимъ стремленіемъ „тащить и не пущать“. При подобныхъ условіяхъ нормальная партійная жизнь и соціальдемократическая дѣятельность, разумѣется, совершенно невозможны[1].

Характерная черта политической организаціи соціальдемократіи должна заключаться въ томъ, что она, въ отличіе отъ профессіонально-цеховой организаціи, объединяетъ не рабочихъ по ихъ профессіямъ, по тѣмъ конкретнымъ формамъ, въ какихъ проявляется ихъ рабочая сила „въ мірѣ эксплоатаціи и наживы“, а *организуетъ революціонеровъ по ихъ дѣятельности, по тѣмъ функціямъ, которыя они выполняютъ въ Партіи, какъ ея члены*, — какъ ея члены, ибо свою частную партійную дѣятельность революціонеръ долженъ проводить въ жизнь подъ угломъ зрѣнія соціальдемократической программы, въ связи съ общими задачами и цѣлями Партіи. При соблюденіи этого условія, указанный основной признакъ можетъ быть послѣдовательнѣйшимъ образомъ проведенъ, отъ партійнаго центра, начиная отъ Центральнаго Комитета Партіи и кончая любой функціей, любой стороной мѣстной революціонной работы.

Во главѣ рабочаго движенія города стоитъ комитетъ Партіи, состоящій, по возможности, изъ революціонеровъ по профессіи, отдающихъ весь свой досугъ и всѣ свои силы революціонному дѣлу. Всѣ члены комитета, каждый въ своей области, каждый въ своей, выполняемой имъ въ данное время, революціонной спеціальности, принимаютъ личное непосредственное участіе въ движеніи. Необходимо оставить тотъ рутинный, оказавшійся столь вреднымъ, взглядъ на назначеніе комитета, свойственный скорѣе заговорщицкой дѣятельности, чѣмъ широкой партійной работѣ, по которому комитетъ является какимъ то „таинственнымъ незнакомцемъ“, невидимой рукой своей руководящимъ и направляющимъ движеніе. Въ силу этого же соображенія, чѣмъ больше будетъ въ комитетѣ революціонеровъ-рабочихъ, лично связанныхъ съ рабочей средой, пользующихся въ ней вліяніемъ и популярностью, тѣмъ больше будетъ вліяніе комитета въ цѣломъ, тѣмъ больше будетъ довѣріе къ нему со стороны активно участвующихъ въ движеніи рабочихъ, тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ его связь со всѣмъ рабочимъ населеніемъ. Лишь при этихъ условіяхъ комитетъ осуществитъ свою задачу — задачу воплощенія въ себѣ всѣхъ сторонъ мѣстной соціальдемократической работы съ цѣлью ея фактическаго объединенія и полнаго руководства ею. По мѣрѣ того, какъ движеніе разростается, должно естественно увеличиваться число его членовъ и, если комитетъ дѣлается настолько многочисленнымъ, что исключаетъ возможность частыхъ собраній въ полномъ его составѣ, то слѣдуетъ выдѣлить изъ него небольшую группу лицъ, наиболѣе энергическихъ, теоретически и практически наиболѣе подготовленныхъ и опытныхъ, которые вмѣстѣ образуютъ центръ комитета, его правленіе въ собственномъ смыслѣ слова. Время отъ времени должны устраиваться общія собранія всего комитета, контролирующія свое правленіе, обсуждающія накопившіеся факты и случаи изъ революціонной дѣйствительности, вырабатывающія, по мѣрѣ необходимости, новые пріемы революціонной дѣятельности и дающія центру инструкціи для его дальнѣйшей работы. Въ военное время, при устройствѣ и веденіи крупныхъ стачекъ и демонстрацій весь комитетъ въ цѣломъ намѣчаетъ общій планъ дѣйствія и — въ томъ случаѣ, если онъ слишкомъ многочисленъ — поручаетъ проведеніе этого плана своему центру.

Среди всѣхъ многочисленныхъ областей и функцій революціоннаго соціальдемократическаго дѣла центральное мѣсто занимаютъ пропаганда и агитація въ рабочемъ классѣ. Всевозможныя стороны революціонной дѣятельности, работа въ типографіяхъ и управленіе ими, добываніе паспортовъ, добываніе средствъ, дѣятельность спеціальныхъ „финансовыхъ коммисій“, поддерживаніе связей въ обществѣ, пропаганда среди интеллигентной молодежи, имѣющая цѣлью выработку сознательныхъ интеллигентныхъ соціальдемократовъ, — вся эта работа играетъ подчиненную роль по отношенію къ пропагандистской и агитаціонной дѣятельности среди рабочаго класса, стоитъ къ ней въ зависимости средства къ цѣли. Сообразно съ этимъ комитетъ и распредѣляетъ ту сумму средствъ, силъ и революціонной энергіи, которой онъ располагаетъ.

Наибольшую важность для правильной постановки и успѣшнаго веденія агитаціоннаго дѣла имѣетъ тотъ способъ, посредствомъ котораго комитетъ ставитъ себя въ связь съ рабочимъ населеніемъ города. „Районные центра“, „рабочіе“ комитеты или „подкомитеты“ на томъ положеніи, на какомъ они до сихъ поръ существовали и существуютъ, по имѣющемуся опыту, не могутъ быть признаны подходящими для такой связи формами. Имѣя сферой своего вліянія обширный районъ или весь городъ, пользуясь правомъ *формальнаго* контроля дѣятельности комитета, иногда правомъ непосредственнаго смѣщенія его членовъ и замѣны ихъ путемъ выборовъ новыми, такого рода „подкомитеты“ дѣлаются рано или поздно изъ коллективнаго агитатора и революціонера по преимуществу самодовлѣющими бюрократическими учрежденіями, превращаются въ средостѣніе между комитетомъ и рабочей массой, изъ помощника становятся препятствіемъ его революціонной дѣятельности. Назначенные для дѣятельности на цѣломъ рядѣ заводовъ или фабрикъ, эти „подкомитеты“ раздробляютъ главную *объединительную* задачу комитета, составляющую весь смыслъ его существованя, и нарушаютъ *единство* въ общемъ руководствѣ движеніемъ. Въ виду этого, на каждый отдѣльный заводъ или фабрику, на каждую отдѣльную болѣе или менѣе крупную мастерскую, — повсюду, куда проникли идеи соціальдемократіи, комитетъ организуетъ группу рабочихъ, развивающихъ свою дѣятельность подъ *непосредственнымъ* руководствомъ одного изъ его членовъ. Свою роль коллективнаго агитатора рабочая группа выполняетъ тѣмъ путемъ, что, основательно познакомившись съ общимъ положеніемъ рабочихъ и условіями труда на данномъ заводѣ или въ данной мастерской, стремится расширить свое вліяніе на возможно большее количество рабочихъ, распространяетъ литературу и листки на мѣстахъ работы или же на рабочихъ квартирахъ, собираетъ деньги и свѣдѣнія, а въ случаѣ подготовляющихся волненій, стачекъ или демонстрацій, наблюдаетъ за общимъ настроеніемъ рабочихъ съ той цѣлью, чтобы можно было во время овладѣть положеніемъ. Знакомясь съ рабочимъ составомъ завода, фабрики или мастерской, группа-агитаторъ выбираетъ подготовленныхъ личными бесѣдами, чтеніемъ листковъ и брошюръ, надежныхъ рабочихъ и направляетъ ихъ на общія агитаціонныя собранія, составляющіяся изъ рабочихъ нѣсколькихъ заводовъ или разныхъ мастерскихъ. О дѣятельности каждой рабочей группы комитетъ въ точности освѣдомляется черезъ того своего члена, который состоитъ руководителемъ этой группы. Само собой понятно, что членъ комитета, имѣющій своей функціей непосредственную дѣятельность среди рабочихъ, можетъ вести не одну только рабочую группу, а двѣ или нѣсколько, въ зависимости отъ располагаемаго времени, степени энергіи и проч. Такимъ путемъ комитетъ *лично* связываетъ себя со всѣмъ рабочимъ населеніемъ города, въ каждую данную минуту въ состояніи судить о положеніи вещей на томъ или другомъ заводѣ и о настроеніи его рабочихъ, другими словами: руководя черезъ своихъ членовъ отдѣльными рабочими группами, комитетъ пріобрѣтаетъ *фактическую* возможность управлять во всемъ своемъ составѣ въ качествѣ единаго неразлагаемаго коллектива, всѣмъ рабочимъ движеніемъ въ городѣ.

Если большинство членовъ комитета занято непосредственнымъ веденіемъ рабочихъ группъ-агитаторовъ, то для руководства пропагандой въ рабочихъ кружкахъ достаточно, быть можетъ, одного только его члена, исключительно посвятившаго себя этому дѣлу. Посредствомъ этого члена-пропагандиста комитетъ болѣе или менѣе тѣсно связываетъ пропагандистскую работу со всѣми другими сторонами революціонной дѣятельности: съ одной стороны, это даетъ ему возможность держать пропагандистовъ „въ курсѣ дѣла“, что чрезвычайно важно для ихъ занятій въ кружкахъ, съ другой, — постоянно освѣдомляться о положеніи дѣлъ въ своей пропагаторской лабораторіи и подчинять ихъ своему общему контролю и руководству. Будучи наиболѣе опытнымъ и умѣлымъ пропагандистомъ и умѣя, къ тому же, вести необходимыя конспиративныя сношенія, этотъ членъ комитета организуетъ группу отборныхъ пропагандистовъ, дѣйствительно способныхъ стать на высотѣ своей задачи. По мѣрѣ надобности, пропагандисты со своимъ руководителемъ устраиваютъ общія совѣщанія, на которыхъ они обмѣниваются мыслями и наблюденіями по поводу своей работы и намѣчаютъ наиболѣе подходящіе способы веденія и пріемы пропаганды, сообразуясь съ уровнемъ развитія и со всѣми другими индивидуальными особенностями каждаго даннаго кружка. Область пропаганды, представляющая, въ противоположность агитаціи, ограниченное поле дѣйствія, должна вестись съ концентрированной энергіей и со всей той обдуманностью и тщательностью, какая требуется задачей воспитанія сознательныхъ и активныхъ агитаторовъ-рабочихъ съ революціоннымъ соціальдемократическимъ міровоззрѣніемъ.

Наряду съ группой пропагандистовъ организуется аналогичная, точно такимъ же образомъ функціонирующая группа агитаторовъ. Агитація посредствомъ листковъ и прокламацій должна быть дополнена живымъ непосредственнымъ словомъ агитатора, сказаннымъ передъ хорошо составленной, въ конспиративномъ отношеніи осторожно подобранной, рабочей аудиторіей. Серія рѣчей, намѣченныхъ комитетомъ, разрабатывается группой агитаторовъ, причемъ каждый ораторъ выбираетъ себѣ наиболѣе подходящее амплуа, выступая съ одной или двумя рѣчами на цѣломъ рядѣ агитаціонныхъ собраній. При наименьшей затратѣ силъ и времени со стороны небольшого количества агитаторовъ удается, такимъ образомъ, достигнуть наибольшаго результата, какъ въ смыслѣ полноты, законченности и правильности построенія самой рѣчи, такъ и относительно производимаго ею впечатлѣнія. Общія агитаціонныя собранія, регулярно устраиваемыя съ помощью рабочихъ группъ, являются наиболѣе пригоднымъ средствомъ для революціонизированія рабочей массы, воспитанія ея въ соціальдемократическомъ духѣ и созданія вокругъ нея революціонно-настроенной атмосферы.

Изъ такъ называемыхъ техническихъ функцій комитета очень важное значеніе имѣетъ распространеніе листковъ и прокламацій. Поскольку эта работа не выполняется уже рабочими группами, имѣющими въ числѣ своихъ обязанностей распространеніе литературы на заводахъ и рабочихъ квартирахъ, комитетъ организуетъ отдѣльную группу „сѣятелей“-распространителей, набирающуюся изъ наиболѣе энергичныхъ, ловкихъ и физически сильныхъ революціонеровъ. Каждый изъ нихъ спеціализируется на отдѣльномъ районѣ или части города, хорошо изучивъ ея улицы, дома и проч. Въ группу должны намѣчаться кандидаты, чтобы выбывшій „сѣятель“ могъ тотчасъ же замѣниться новымъ.

Такимъ же способомъ и на такихъ же началахъ, на которыхъ строится пропагандистская и агитаціонная работа комитета, организуется рѣшительно вся мѣстная революціонная дѣятельность. Комитетъ вмѣстѣ со своими группами испытанныхъ и спеціализировавшихся революціонеровъ образуетъ живой организмъ, всѣ части котораго въ своей совокупности создаютъ одно стройное и гармоническое цѣлое. Всѣ нити движенія сбѣгаются въ одномъ общемъ узлѣ, откуда онѣ, качественно переродившись, идутъ дальше и выше, — въ Центральный Комитетъ Партіи.

Съ основнымъ признакомъ предлагаемаго здѣсь плана партійной организаціи — объединенія революціонеровъ по характеру ихъ дѣятельности — въ тѣсной связи находится второй его признакъ — *централизація всей партійной работы по различнымъ ея родамъ и видамъ*. При однородности данной отрасли партійной дѣятельности, данной партійной функціи, степень ея организованности будетъ тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ строже и полнѣе она централизована. Уже комитетъ Партіи, организуя мѣстную дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ систематически ее централизуетъ. Какъ химическіе элементы въ новой комбинаціи даютъ новыя явленія, такъ всѣ стороны мѣстнаго движенія, объединенныя въ комитетѣ, образуютъ новое химически-однородное цѣлое. И точно также, направленная въ одно общее русло, дѣятельность всѣхъ комитетовъ даетъ въ результатѣ новое цѣлое — *единую* соціальдемократическую рабочую партію, представленную въ лицѣ ея Центральнаго Комитета.

До самаго послѣдняго времени каждый комитетъ представлялъ собой миніатюрную соціальдемократическую партію и несъ на себѣ, — не касаясь того, выполнялъ ли онъ ихъ или нѣтъ, — всѣ обязанности таковой. Единая соціальдемократическая партія ариѳметически складывалась изъ цѣлаго ряда такихъ партій-комитетовъ, очень рѣдко даже связанныхъ междусобой. Второй съѣздъ Партіи, закончившій собою долгую подготовительную работу, программа Россійской соціальдемократіи, имъ санкціонированная, выработанный на немъ организаціонный уставъ, созданіе партійныхъ центровъ и въ частности Центральнаго Комитета, — все это, вмѣстѣ взятое, дало необходимую платформу для полнаго объединенія всей партійной дѣятельности и послѣдовательной ея централизаціи.

Каждая отрасль партійной работы, въ зависимости отъ своего характера и отъ тѣхъ условій, среди которыхъ она проводится въ жизнь, требуетъ или дѣлаетъ возможнымъ различную степень централизованности. Устная и печатная пропаганда, какъ и устная же агитація среди рабочаго класса, должны быть въ интересахъ своей принципіальной выдержанности и экономіи партійныхъ силъ, всецѣло организованы и объединены Центральнымъ Комитетомъ Партіи. Для руководства этими важнѣйшими областями партійной дѣятельности организуются одна или двѣ группы революціонеровъ-соціальдемократовъ, работающихъ подъ непосредственнымъ контролемъ Центральнаго Комитета. Группы эти вырабатываютъ программы для занятій въ пропагандистскихъ кружкахъ и издаютъ пропагандистскія брошюры, намѣчаютъ темы для агитаціонныхъ рѣчей общаго характера и, разъѣзжая изъ города въ городъ, лично наблюдаютъ за правильнымъ веденіемъ пропаганды и агитаціи на мѣстахъ. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся агитаторы и хорошо освоившіеся со своей задачей пропагандисты находятся въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи этихъ группъ. Освѣдомленный о положеніи дѣлъ и знакомый съ потребностями момента, какъ всей Партіи въ цѣломъ, такъ и отдѣльныхъ ея частей, Центральный Комитетъ направляетъ своихъ пропагандистовъ и агитаторовъ въ тѣ мѣста, гдѣ въ данное время въ нихъ чувствуется наибольшая нужда.

Соотвѣтственныя группы революціонеровъ должны быть организованы для агитаціи среди войска, офицеровъ и солдатъ, среди крестьянскаго населенія и, главнымъ образомъ, учащейся молодежи и студенчества. Агитація среди названныхъ общественныхъ слоевъ и группъ, находящаяся въ тѣсной связи съ ближайшей политической задачей Россійской соціальдемократіи, начала развиваться лишь за самое послѣднее время. Организованная „сверху“, Центральнымъ Комитетомъ Партіи, она получитъ сильнѣйшій толчокъ для дальнѣйшаго своего развитія.

Какъ устная агитація на рабочихъ собраніяхъ революціонизируетъ рабочее населеніе на мѣстахъ, такъ печатная агитація по поводу событій и явленій, имѣющихъ значеніе для всей Россіи, создастъ революціонную атмосферу общую всей странѣ. Изданіе листковъ и прокламацій общепартійнаго характера — это та функція Центральнаго Комитета, въ которой „практическое“ руководство Партіей незамѣтно переходитъ въ „идейное“. Выполняемая систематически и въ духѣ соціальдемократической программы, она будетъ стимулировать и агитацію мѣстныхъ комитетовъ, касающуюся событій мѣстной жизни.

Среди вспомогательныхъ средствъ революціонной соціальдемократической дѣятельности предметъ особенныхъ заботъ Центральнаго Комитета составляютъ транспортъ нелегальной литературы изъ за-границы и типографское дѣло внутри Россіи. Чтобы при наименьшей затратѣ силъ и средствъ создать возможно большее количество агитаціонной и пропагандистской литературы, Центральный Комитетъ учреждаетъ при себѣ „техническое“ бюро, куда бы регулярно и періодически стекались свѣдѣнія о положеніи и работоспособности всѣхъ, находящихся при комитетахъ, мѣстныхъ типографій. На основаніи этихъ свѣдѣній Центральный Комитетъ опредѣляетъ, какую часть требующейся общепартійной литературы, прокламацій и брошюръ печатать въ мѣстныхъ типографіяхъ и какую часть восполнять работой своихъ собственныхъ типографій. Кромѣ того, работающая подъ вѣдѣніемъ Центр. Ком. „техническая“ группа имѣетъ своей задачей поднять на возможно большую техническую высоту всѣ комитетскія типографіи, повышая ихъ работоспособность увеличеніемъ производительности и интенсивности труда въ нихъ. Точно также, строго централизованный транспортъ литературы внутри Россіи дастъ возможность успѣшнаго и одновременнаго распространенія ея по всѣмъ комитетамъ и организаціямъ Партіи.

Можно сказать, что чѣмъ больше данная партійная функція связана съ мѣстными условіями, тѣмъ меньше она можетъ быть централизована, и наоборотъ. Напримѣръ, дѣятельность „боевыхъ дружинъ“ для защиты отъ шпіоновъ — дѣло исключительно мѣстное; организація же „паспортнаго бюро“, хотя и нуждается иногда для правильнаго функціонированія въ поддержкѣ мѣстныхъ комитетовъ, можетъ успѣшно работать только при Центральномъ Комитетѣ[1].

---

[1] Нельзя согласиться и съ тѣмъ пониманіемъ членства партіи и взаимныхъ отношеній центральныхъ учрежденій Партіи, которое въ „Письмѣ“ косвеннымъ образомъ высказывается. Но чтобы это разобрать, необходима была бы самостоятельная статья. Въ брошюрѣ „Что дѣлать?“ нѣтъ *плана* организаціи, хотя въ свое время о „ленинскомъ“ планѣ очень много говорили. То, что принималось, какъ таковой, относилось лишь къ созданію партійнаго органа. Правда, вызывало сомнѣніе оригинальное пониманіе газетнаго „сотрудничества“. По Ленину, всѣ, занятые распространеніемъ партійнаго органа и пропагандой его идей, являются его „сотрудниками“. Но для невѣрующихъ т. Ленинъ оговаривалъ, что все это не болѣе, какъ „лѣса“, которые должны быть сняты послѣ того, какъ будетъ выведено само партійно организаціонное зданіе...

[1] Необходимая оговорка. Централизація партійной дѣятельности составляетъ не *монополію*, а первѣйшую *обязанность* Центральнаго Комитета, сила и значеніе котораго можетъ увеличиваться лишь по мѣрѣ дѣйствительнаго выполненія имъ своей объединительной задачи. Такъ какъ осуществленіе этой задачи должно только начаться, то было бы совершенно неправильно стѣснять самодѣятельность мѣстныхъ комитетовъ даже въ тѣхъ

Таковъ въ общихъ чертахъ типъ политической централизованной организаціи, приспособленной къ существующимъ конспиративно-полицейскимъ условіямъ и наиболѣе отвѣчающей задачамъ политической борьбы и соціальдемократическаго воспитанія пролетаріата. Совершенно невѣренъ тотъ взглядъ, по которому организаціонный централизмъ и „принципъ демократизма“ взаимно исключаются, что съ проведеніемъ централизма въ организаціи неизбѣжно вытѣсняется ея демократизмъ. Это приходится сказать, какъ для нѣкоторыхъ сторонниковъ централизма, представляющихъ его себѣ въ видѣ слѣпка съ бюрократически-самодержавнаго режима, въ видѣ „кулака вездѣсущаго“, такъ и для нѣкоторыхъ его противниковъ, считающихъ его, по той же причинѣ, чѣмъ то не мирящимся съ убѣжденіями и задачами соціальдемократа. Мѣстные комитеты съ своими центральными учрежденіями во главѣ, какъ замкнутая въ себѣ система организацій, самымъ послѣдовательнымъ образомъ осуществляютъ въ своихъ предѣлахъ „принципъ демократизма“. Съѣзды, высшая инстанція Партіи, на которые комитеты посылаютъ своихъ делегатовъ, избраніе на нихъ центральныхъ учрежденій, предъ ними отвѣтственныхъ, — это такой же послѣдовательный демократизмъ, какъ наиболѣе совершенная организація партійной дѣятельности предполагаетъ возможно болѣе полный организаціонный централизмъ. Централизмъ *соціальдемократическій*, въ отличіе отъ централизма *бюрократическаго*, гарантируетъ каждой, входящей въ его систему, организаціи, каждому члену послѣдней, тѣ конституціонныя предпосылки, которыя необходимы для ихъ нормальной жизни и успѣшной дѣятельности, безъ которыхъ ростъ и развитіе Партіи были бы совершенно немыслимы.

Политическая организація революціонеровъ, построенная по принципу объединенія и централизаціи ихъ дѣятельности, это — тотъ долго не находившійся ключъ, который откроетъ доступъ нашему вліянію на широкія массы пролетаріата. Это — не та организація для организаціи, въ которую при нашихъ политическихъ условіяхъ профессіональные рабочіе союзы неизбѣжно превращаются. Строго конспиративная внутри себя, уменьшившая до минимума расходы по управленію, централистическая организація ставитъ каждаго своего члена *лицомъ* къ рабочему классу, направляя всѣ его силы и помыслы на служеніе ему, на выработку рабочей интеллигенціи и воспитаніе въ немъ революціоннаго соціальдемократическаго сознанія. Вмѣстѣ съ остальными членами Партіи, не входящими въ ея составъ, эта организація образуетъ тотъ фактическій авангардъ рабочаго класса, который способенъ руководить имъ въ его борьбѣ съ экономической эксплуатаціей и политическимъ гнетомъ, а въ рѣшительную минуту повести его на аттаку противъ твердыни самодержавія.

Однако, это совершенное орудіе воспитанія и борьбы рабочаго класса при плохомъ его примѣненіи можетъ оказаться скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, для дѣятельности и развитія Партіи. Того хочетъ наша историческая судьба, дающая ей острое и опасное средство централистической организаціи, въ то время, когда она далеко еще не достигла той политической зрѣлости, организаціонной выдержки и работоспособности, какой отличаются организаціи западно-европейскихъ соціальдемократическихъ рабочихъ партій. „Граждане“ политически неразвитой страны, мы въ свою партійную республику вносимъ тѣ понятія и представленія, въ которыхъ мы сами живемъ и воспитываемся. Съѣздъ, какъ высшая инстанція Партіи, представляется намъ въ образѣ „суверееннаго“ божества, всѣ желанія котораго должны быть приняты, какъ святыня, на вѣру, безъ разумной и обязательной критики. Многолѣтній разбродъ въ партійной дѣятельности вызвалъ въ нашемъ воображеніи фигуру Цент. Ком., по отношенію къ которому обязательно „безпрекословное повиновеніе и подчиненіе“. Организаціонная дисциплина рисуется намъ, какъ „военная“ автоматическая дисциплина солдата, притомъ дисциплина, отъ которой мы освобождаемъ своихъ офицеровъ, генераловъ, полководцевъ . . . Свои организаціонныя представленія мы даже облекаемъ въ жаргонъ, заимствуемый нами изъ военныхъ казармъ капиталистически самодержавнаго строя. Всѣ эти особенности, свойственныя переживаемому нами періоду *политическаго дѣтства*, мы ни на минуту не должны забывать при постройкѣ своей новой партійной организаціи.

Отличительная черта политической организаціи, единственно возможной въ рамкахъ самодержавнаго строя, заключается въ томъ, что она представляетъ собой *конспиративную организацію революціонеровъ*, тогда какъ въ составъ Партіи — Партіи рабочаго класса — входитъ *каждый соціальдемократъ*, оказывающій ей то или иное регулярное содѣйствіе. Масса сознательныхъ и революціонно-настроенныхъ рабочихъ, которые при западно-европейскихъ отношеніяхъ составили бы гордость и украшеніе соціальдемократической организаціи, у насъ, по необходимости, остаются за бортомъ ея, хотя и считаются членами партіи. Рабочій-членъ, напримѣръ, германской соціальдемократической партіи долженъ при этомъ состоять членомъ одной изъ ея организацій; у насъ же членъ партіи — еще не обязательно членъ партійной организаціи, такъ какъ для участія въ ней необходимы качества конспиратора и выдающаяся революціонная активность. Именно отъ этой особенности нашего партійнаго и организаціоннаго строя, обусловливающейся русскими политическими условіями и характеромъ переживаемаго предреволюціоннаго момента, проистекаютъ тѣ возможныя для Партіи опасности, которыя можно и необходимо предотвратить.

Отсутствующая у насъ *организаціонная* связь между партіей и рабочими массами, грозитъ нашей партійной организаціи оторванностью отъ правильно понятыхъ пролетарскихъ интересовъ, грозитъ превращеніемъ ея въ союзъ заговорщиковъ или, вѣрнѣе, въ мертвую форму безъ всякаго содержанія, въ бюрократическій аппаратъ, становящійся на пути широкаго развитія классоваго самосознанія въ пролетаріатѣ. Наша партія не можетъ располагать той кристаллизованной революціонной энергіей, которая дается въ лицѣ организаціи сознательной части рабочаго класса, не въ состояніи безошибочно учесть то вліяніе, какое послѣдней оказывается на широкія массы пролетаріата. Въ рѣшительный моментъ — при устройствѣ демонстраціи или во время открытаго возстанія — мы можемъ, поэтому, очутиться въ трагикомическомъ положеніи генераловъ безъ арміи или же — генераловъ, не способныхъ руководить этой арміей.

Чтобы всего этого избѣгнуть, необходимо усвоить себѣ такой взглядъ на нашу партійную организацію, по которому она является не цѣлью, самой по себѣ, а только подходящимъ *средствомъ* для соціальдемократической пропаганды и агитаціи въ рабочемъ классѣ, *формой*, которую необходимо лишь заполнить соотвѣтственнымъ содержаніемъ. Свою революціонную дѣятельность мы должны вести съ той удесятеренной энергіей, какая требуется задачами соціальдемократіи и характеромъ „кануна революціи“. Планомѣрная и усиленная дѣятельность, вполнѣ возможная и даже обусловливаемая данными формами организаціонной жизни, создастъ живую дѣйственную связь между комитетами и работающими подъ ихъ руководствомъ группами революціонеровъ, съ одной стороны, и широкими массами рабочаго класса, — съ другой. Она создастъ внутри Партіи и ея организацій прочное *общественное мнѣніе*, имѣющее почву въ дѣйствительныхъ интересахъ пролетаріата, мнѣніе, которымъ комитеты Партіи, а черезъ нихъ ея Центральный Комитетъ, сумѣютъ и должны будутъ такъ или иначе руководиться. Настоящимъ образомъ понятая, идея „боевой“ централистической организаціи, объединяющей и централизующей *дѣятельность* революціонеровъ, естественно претворится въ жизнь лишь при *наличности* этой дѣятельности; сама организація, какъ форма, можетъ выростать лишь *одновременно* съ ростомъ революціонной работы, составляющей ея содержаніе. И можно, поэтому, сказать, что съ созданіемъ такой партійной организаціи Россійская соціальдемократія выполнитъ свою историческую задачу — организаціи рабочаго класса, какъ авангарда всего революціоннаго движенія въ Россіи.

Россійская соціальдемократія прошла не мало „этаповъ“ за свою, сравнительно, короткую историческую жизнь. „Этапы“, — само это выраженіе, — свидѣтельствуютъ о томъ, что ростъ ея совершался не органически, подъ вліяніемъ направляющей его сознательной мысли, а происходилъ при непрерывной внутренней ломкѣ и борьбѣ. Сознательная мысль соц.-дем. лишь моментами становилась *впереди* рабочаго движенія и его задачъ съ тѣмъ, чтобы самой немедленно же подпасть подъ вліяніе окружающихъ ее условій, подъ вліяніе, вызванныхъ ею же, историческихъ силъ. Первое же соприкосновеніе русскихъ соціальдемократовъ съ рабочимъ классомъ, естественно направленное на выработку рабочей интеллигенціи, создало намъ, такъ называемую, „кружковщину“, послѣдствія которой не были такъ вредны, какъ остальныя наши увлеченія, лишь въ виду еще, сравнительно, узкихъ историческихъ рамокъ нашей соціальдемократической дѣятельности. Потребовалась, тѣмъ не менѣе, довольно упорная борьба, чтобы дать восторжествовать той, казалось бы, простой мысли, что соціальдемократія есть партія рабочаго класса, партія массового движенія. Но союзъ Россійской соціальдемократіи съ „массами“ произошелъ на счетъ ея принципіальной выдержанности и сопровождался приниженіемъ ея теоретическаго уровня, чрезвычайно упрощеннымъ пониманіемъ ея задачъ. Печальной памяти „экономизмъ“, какъ и его, нынѣ отходящій въ вѣчность, антиподъ, столь же, какъ и онъ, безплодный, — „политицизмъ“, — грозили отнять у русской соціальдемократіи все ея значеніе, лишивъ ее всего того, что есть въ ней живого и истинно-творческаго. И, — что всего замѣчательнѣе, — каждый такой „этапный“ привалъ сопровождался возведеніемъ въ теорію тѣхъ отсталыхъ противорѣчившихъ растущимъ задачамъ соціальдемократіи, формъ движенія, съ которыми болѣе дальновидные элементы Партіи вступали въ ожесточенную борьбу. Эта борьба вызвала въ концѣ концовъ къ жизни своеобразную теорію, выдаваемую за квинтъ-эссенцію сознательности, — теорію „выгибанія палки въ обратную сторону“1). „Сознательно“ направляя росс. соціальдемократію на путь *односторонняго* развитія, эта теорія, такая же стихійная, какъ стихійны „экономизмъ“ и „политицизмъ“, тѣмъ болѣе вредна и опасна, что имѣетъ стремленіе санкціонировать и освятить ту одностороннюю зигзагообразную эволюцію, которую проходитъ наша Партія.

Не въ этомъ заключается задача соціальдемократіи. Присматриваясь къ нашей революціонной дѣйствительности, нельзя не замѣтить двухъ, ясно въ ней обозначившихся, идущихъ одно другому навстрѣчу, явленій; это, — съ одной стороны, выросшее до огромныхъ размѣровъ революціонное движеніе рабочаго класса; а съ другой, — достигшая теоретическаго и программнаго единства, все болѣе и болѣе организующаяся соціальдемократія. „Задача русскихъ соціальдемократовъ“ всѣми силами *ускорить* сближеніе этихъ двухъ явленій, чтобы еще *до* надвигающагося переворота слить ихъ въ одно органическое цѣлое, превратить ихъ въ спаянныя воедино программу, организацію и тактику соціальдемократическаго рабочаго движенія.

Выполненіе *этой* задачи создастъ изъ Россійской соціальдемократіи такую громадную общественную силу, вложитъ ей въ руки такую необычайную мощь, какой не обладала и не обладаетъ никакая соціальдемократія въ мірѣ!

Практикъ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ НАРОДА.2)

Въ передовицѣ 53 № „Искры“ отмѣчается, что на съѣздѣ партіи обнаружилось „раздѣленіе среди единаго „искровскаго“ большинства, въ которомъ сказалось глубоко-различное отношеніе къ существеннымъ вопросамъ партійной организаціи. Но ни глубина этого разногласія, ни принципіальныя разногласія его не выяснились сразу громадному большинству съѣзда“. Это совершенно справедливо, и къ этому нужно прибавить: покуда „меньшинство“ не подвергло *принципіальной* критикѣ тотъ „планъ организаціи“, который выдвинулъ тов. Ленинъ и который завоевалъ себѣ сочувствіе у „большинства“ искровцевъ, оно не могло, съ своей стороны, выдвинуть цѣльнаго положительнаго плана. Задачи будущаго познаются только изъ критики настоящаго, а организаціонная тактика тов. Ленина, въ значительной степени, стала „настоящимъ“ въ жизни нашей партіи и только теперь, повидимому, начинаетъ отходить въ область прошлаго.

Въ своей бѣглой замѣткѣ я хочу подвергнуть критической оцѣнкѣ это „настоящее, отходящее въ область прошлаго“, точнѣе, я хочу подвергнуть оцѣнкѣ ту „скрипку“, которую тов. Ленинъ игралъ въ прежнемъ искровскомъ оркестрѣ.

Глубокій диссонансъ, который обнаружился на съѣздѣ среди искровцевъ, по моему убѣжденію, коренится въ различномъ пониманіи взаимоотношенія „теоріи и практики“, „соціализма и рабочаго движенія“.

Формулировать кратко и точно это отношеніе въ высшей степени трудно, и потому я позволю себѣ прибѣгнуть къ „экономической“ аналогіи.

Распространеніе соціализма не есть просто „распредѣленіе“ накопленнаго запаса соціалистической мысли, внесеніе ея извнѣ въ инертную массу. Это, скорѣе, „воспроизводство въ расширенныхъ размѣрахъ“ накопленнаго капитала соціалистической мысли. *Распространеніе* соціализма предполагаетъ постоянное возобновленіе главныхъ условій *возникновенія* соціализма.

Подобно тому, какъ *возникновеніе* современнаго соціализма предполагало умственный „живой трудъ“ пролетаріата: зарожденіе его классовой борьбы, пробужденіе его классового сознанія, которое вывело его на широкую историческую дорогу, пріобщило его къ прошлымъ прогрессивнымъ и революціоннымъ движеніямъ и содѣйствовало преобразованіямъ, путемъ критики, философскихъ и революціонныхъ идей революціонной буржуазной демократіи въ новыя идеи научнаго соціализма; подобно этому и *распространеніе* соціализма предполагаетъ тотъ же „живой трудъ“, пробужденіе классового сознанія у все новыхъ и новыхъ слоевъ пролетаріата.

Конечно, при этомъ „воспроизводствѣ“ роль „накопленнаго капитала“ все болѣе и болѣе увеличивается: безъ него, безъ революціоныхъ идейныхъ *традицій* наше движеніе было бы теперь безпомощнымъ, какъ безпомощно въ настоящее время кустарное производство. Но не надо забывать и обратно — безъ „живого труда“ пробуждающагося пролетаріата кристаллизованный идейный трудъ прошлыхъ революціонныхъ поколѣній остался бы „мертвымъ капиталомъ“. Это истина, банальная для марксиста, но, тѣмъ не менѣе, ее не слѣдуетъ забывать.

Какъ же эта истина выглядитъ у тов. Ленина?

Объ этомъ можно справиться въ его брошюрѣ „Что дѣлать?“, которая была, нѣкоторымъ образомъ, epochemachend для нашего движенія.

Брошюра эта написана подъ знакомъ критики экономизма. Но критика эта была не діалектическая, а то, что Марксъ называлъ — „критика посредствомъ рукопашной“ (Kritik im Handgemenge). Она имѣла цѣлью не анализировать противника, вскрывая его противорѣчія, а уничтожить его упрощеннымъ способомъ, — она ставила минусъ всюду, гдѣ противникъ ставилъ плюсъ.

При такой „критикѣ“ указанный мною принципъ оказался у Ленина выгнутымъ въ одну сторону настолько же, насколько онъ былъ экономистами выгнутъ въ другую сторону.

Экономисты, рядомъ съ экономической эволюціей Россіи, обращали вниманіе также на „живой трудъ“ пролетаріата, на пробужденіе рабочей массы.

Ленинъ, рядомъ съ этой эволюціей, обращалъ вниманіе только на роль „накопленнаго труда“, на наше идейное наслѣдство.

„Гр. Осв. Труда“ была продолжательницей дѣла революціоннаго народничества: она подвергла его всесторонней марксистской критикѣ и изъ этой критики вывела положительныя задачи русской соціальдемократіи. Экономисты, окунувшись съ головой въ массу пробуждающагося пролетаріата и выполнивши хожденіемъ въ народъ крупную историческую миссію, растеряли, къ сожалѣнію, значительную часть своей теоретической аммуниціи: они не критиковали народовольчества, которое, въ свое время, было, вѣдь, прогрессивнымъ движеніемъ, они просто отвергли его en bloc, изъ *стихійной реакціи* противъ него, и начали исторію сначала — со стачки.

Ленинъ, въ борьбѣ съ экономизмомъ, прибѣгъ къ тому же упрощенному, некритическому пріему: онъ выплеснулъ изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка: онъ свелъ все знаменательное пробужденіе русскаго пролетаріата къ тредъ-юніонизму и объ этомъ тредъ-юніонизмѣ говорилъ съ неподдѣльнымъ презрѣніемъ.

Экономисты усвоили истину марксизма, что пролетаріатъ, какъ и всякій общественный классъ, самъ вырабатываетъ свою идеологію. Но они усвоили эту истину въ упрощенной, догматической формѣ, они не понимали во-первыхъ, *тѣсной преемственной связи* между соціалистическимъ движеніемъ и прогрессивными историческими движеніями буржуазіи; вслѣдствіе этого они недостаточно уяснили себѣ значеніе русской революціи, какъ ликвидаціи сословно-крѣпостного строя, какъ буржуазно-демократической революціи, руководимой соціальдемократіей; смотрѣли на буржуазное общество, какъ на „сплошную реакціонную массу“ и на самодержавную власть, какъ на орудіе буржуазіи.

Они не поняли, во-вторыхъ, что пролетаріатъ самостоятельно идетъ очень *извилистыми* и *окольными* путями къ соціализму, пока и поскольку онъ не сталъ твердой ногой на слѣдъ своего развитія, пока онъ не сталъ подъ знамя *теоріи* научнаго соціализма; недостаточно усвоивши истинную теорію научнаго соціализма, они возвели въ теорію, въ принципъ окольный путь стихійнаго развитія рабочей массы къ соціализму („теорія стадій“).

Они не поняли, въ-третьихъ, что революціонная гегемонія теоріи научнаго соціализма является такимъ же необходимымъ условіемъ торжества пролетаріата, какъ революціонная гегемонія идей 18 вѣка была неизбѣжнымъ условіемъ торжества буржуазіи.

Ленинъ и въ этомъ вопросѣ въ борьбѣ съ экономистами выплеснулъ вмѣстѣ съ водой и ребенка. Въ противовѣсъ экономистамъ, онъ выдвинулъ теорію, что пролетаріатъ „самостоятельно“ вовсе не идетъ по пути къ соціализму, а къ подчиненію буржуазной демократіи, къ тредъ-юніонизму и, притомъ, къ теоретическому, самодовлѣющему тредъ-юніонизму, — что соціализмъ вносится въ пролетаріатъ извнѣ интеллигентными выходцами изъ имущихъ классовъ, „совлекающими“ пролетаріатъ съ его ложнаго пути. Такимъ образомъ, Ленинъ выбросилъ за бортъ всѣ политическія движенія пролетаріата до возникновенія научнаго соціализма и послѣ его возникновенія, но еще при слабомъ его вліяніи; выбросилъ за бортъ коммунистическія движенія пролетаріата, упустилъ изъ виду, наконецъ, ту рѣшающую роль, которую играли эти движенія въ переломѣ философскаго міровоззрѣнія основателей научнаго соціализма.

Экономисты, не понимая значенія „накопленнаго капитала“, *прочныхъ, идейныхъ традицій* въ партіи, не могли додуматься до плодотворной мысли „Искры“, что партію нужно раньше объединить идейно и потомъ уже — механически; что раньше всего нужно создать и обезпечить развитіе *прочнаго идейнаго ядра*, которое намѣтило бы главнѣйшія задачи россійской соціальдемократіи, въ связи съ традиціями революціоннаго марксизма, международной соціальдемократіи и съ „наслѣдствомъ“ прошлыхъ революціонныхъ движеній Россіи. Они не понимали, что въ соціальдемократіи *демократизмъ, обезпечивающій самодѣятельность и самовоспитаніе* членовъ партіи, долженъ быть *подчиненъ* указанному идейному единству, прочности революціонныхъ традицій. Они не понимали, что при отсутствіи этихъ прочныхъ традицій, при низкомъ уровнѣ политическаго развитія нашей партіи и при неизбѣжно низкомъ уровнѣ политической жизни самодержавной Россіи, „широко-демократическій принципъ“ организаціи низвелъ бы нашу партію до *равнодѣйствующей* перемѣнчивыхъ наличныхъ соціалистическихъ *настроеній*, низвелъ бы соціальдемократію до того, что Энгельсъ назвалъ Durchschnittsocialismus.

Если, такимъ образомъ, экономисты некритически возвели демократизмъ въ абсолютную догму, то Ленинъ, въ противовѣсъ имъ, возвелъ въ догму абсолютное отрицаніе демократизма. Но „абсолютное отрицаніе демократизма“ значитъ уничтоженіе „живого труда“, который рабочій классъ вноситъ въ соціальдемократію; политическое воспитаніе пролетаріата, при *абсолютномъ* отрицаніи демократизма напоминаетъ методъ спасенія утопающихъ: ихъ сначала оглушаютъ до потери сознанія, а потомъ уже свободно вытаскиваютъ. Ленинъ, проникнутый страхомъ передъ „тредъ-юніонизмомъ“ пролетаріата, представляетъ себѣ его въ видѣ „утопающаго“. Поэтому онъ выработалъ организаціонный планъ, сводящій классовую политическую партію къ ея центру, а центръ — къ ея дирижеру. Этотъ „дирижеръ“ разсылаетъ „циркуляры“ черезъ своихъ агентовъ, снабженныхъ инструкціями, вродѣ слѣдующихъ: „кулакъ центра долженъ быть вездѣсущъ“, „серьезный революціонеръ считается не съ правами, а съ возможностями“ и т. д.

Я не хочу быть несправедливымъ къ тов. Ленину. Онъ доказалъ, что онъ — блестящій діагностъ: онъ нащупалъ всѣ больныя мѣста нашего движенія и громко забилъ тревогу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оказался слишкомъ прямолинейнымъ хирургомъ — онъ слишкомъ часто рубилъ узелъ тамъ, гдѣ нужно было его распутывать.

Теперь тов. Ленинъ хочетъ „плебесцита“; онъ хочетъ, чтобы „народъ“ самъ рѣшилъ, какому музыканту — гдѣ сидѣть.

Я подаю „голосъ изъ народа“:

Вамъ, тов. Ленинъ, подобаетъ мѣсто „сердитаго контробаса“.

Мартыновъ.

областяхъ ихъ работы, которыя, по характеру своему, требуютъ наиболѣе полной и послѣдовательной централизованности. Въ ведущейся втеченіе послѣднихъ лѣтъ объединительной работѣ Партіи, вступившей послѣ съѣзда въ новую дальнѣйшую фазу своего развитія, мѣстные комитеты принимаютъ въ томъ смыслѣ участіе, что своей дѣятельностью создаютъ естественнымъ образомъ то, что Центральный Комитетъ долженъ объединить.

1) См. протоколы II очер. съѣзда П. рѣчь тов. Ленина. Стр. 132.

2) Помѣщая статью тов. Мартынова, редакція оговариваетъ, что далеко не со всѣми мыслями этого товарища она можетъ признать себя солидарной, по крайней мѣрѣ въ той бѣглой формѣ, съ какой эти мысли выражены. Тов. Мартынову, на нашъ взглядъ, не удалось показать интимную связь между неправильнымъ пониманіемъ „взаимоотношенія теоріи и практики“, съ одной стороны, и организаціоннымъ утопизмомъ — съ другой. Намъ кажется, что тов. Мартыновъ упустилъ нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ, которыя могутъ объяснить эту связь и безъ которыхъ выводы автора не могутъ не казаться нѣсколько произвольными. Вѣрной намъ представляется та мысль автора, что организаціонный утопизмъ новаго типа игнорируетъ задачи *политическаго самовоспитанія членовъ партіи* и что это игнорированіе есть результатъ рѣзкой реакціи противъ „экономизма“ съ его преклоненіемъ передъ „демократизмомъ“ въ организаціи. Какимъ образомъ этотъ дефектъ организаціоннаго утопизма ассоціируется съ неправильной постановкой вопроса объ отношеніи между „стихійностью“ и „сознательностью“ и насколько въ такой неправильной постановкѣ повиненъ тов. Ленинъ, — объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить неоднократно.

Редакція.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 58. 25-го января 1904 г. Годъ IV.

ПРОБУЖДЕНІЕ ДЕМОКРАТІИ И НАШИ ЗАДАЧИ.

Въ то время, какъ въ области международной политики царское правительство тщетно пыталось выпутаться изъ сквернаго положенія, въ которое его поставило столкновеніе съ Японіей, — въ области внутренней политики оно начало новый годъ двумя громкими актами: „упраздненіемъ“ тверского земскаго либерализма и закрытіемъ, съ помощью полицейской команды, имъ же самимъ разрѣшеннаго съѣзда дѣятелей по техническому образованію. Счастливое предзнаменованіе для 1904 года!

Торжественно обставленный актъ „раззоренія“ мятежнаго тверского гнѣзда завершаетъ девятилѣтнюю кампанію, начавшуюся съ высочайшаго запрещенія всякой общественной службы представителямъ тверского земства за „безсмысленныя мечтанія“ января 1895 года, продолженную систематическими неутвержденіями въ должностяхъ земскихъ избранниковъ, систематическими пререканіями губернской власти съ земскими собраніями, и въ самое послѣднее время, ознаменовавшуюся преданіемъ суду за „преступленія по службѣ“ нѣсколькихъ либеральныхъ дѣятелей тверского земства.

Внѣшнимъ поводомъ къ окончательной отдачѣ тверского земства „на потокъ и разграбленіе“ слугамъ г. Плеве послужило, повидимому, сопротивленіе, оказанное губернскимъ земствомъ „упразднительнымъ“ затѣямъ не безъ помощи администраціи подобраннаго въ реакціонномъ составѣ тверского уѣзднаго собранія, „раскассировавшаго“ и свѣтскую школу, и земскую агрономію, и все, вообще, сколько-нибудь культурныя начинанія земства. Но, независимо отъ этого внѣшняго повода, расправа съ тверскими земцами объясняется, въ конечномъ счетѣ, той славой „крамольнаго“ либеральнаго гнѣзда, которая установилась за тверскимъ земствомъ въ рядѣ лѣтъ. Ударъ тверскому земству направленъ противъ всего земскаго либерализма.

Тверское губернское земство царскимъ указомъ отдано въ полное распоряженіе губернатора, который получаетъ право замѣнять выборную управу управой по назначенію, высылать изъ губерніи лицъ, которыхъ дѣятельность „вредно“ отражается на земскомъ дѣлѣ, увольнять служащихъ и пр. и пр. Тому же Мамаеву нашествію подвергнуто и уѣздное новоторжское земство — наиболѣе радикальное изъ тверскихъ. Въ мотивировкѣ къ новымъ „скорпіонамъ“ говорится о крамолѣ революціонной, свившей гнѣздо подъ покровительствомъ крамольниковъ либеральныхъ; о пропагандѣ народныхъ учителей среди крестьянъ и т. п.*)

Новый набѣгъ, произведенный на тверское земство, представляетъ собой новое испытаніе политической зрѣлости нашего земскаго либерализма. Перенося безропотно расправы съ воронежскими и суджанскими земцами, отважится ли онъ на сколько-нибудь мужественный повсемѣстный протестъ противъ разгрома, которому подверглись его тверскіе представители? Мы не знаемъ этого, какъ не знаемъ того, какое вліяніе окажетъ этотъ разгромъ на только что начавшійся снова, — и начавшійся по взаимному соглашенію, какъ утверждаетъ „Освобожденіе“, — либеральный походъ губернскихъ собраній. Одно лишь можно сказать навѣрное: земцы потеряютъ прекрасный случай отплатить самодержавію за реакціонныя вакханаліи послѣднихъ лѣтъ, если не воспользуются затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ оно теперь находится, наканунѣ войны, если не встанутъ со всей энергіей на защиту своихъ, и безъ того уже почти къ нулю сведенныхъ „вольностей“.

Опираясь на реакціонные слои земельнаго дворянства, самодержавіе во всѣхъ современныхъ актахъ репрессіи по адресу органовъ самоуправленія преслѣдуетъ, между прочимъ, одну опредѣленную цѣль: разорвать насильственно ту политическую связь между имущими классами и демократіей, которая являлась постояннымъ источникомъ „радикализаціи“ земства и которую реакціонеры не перестаютъ обличать, какъ политическое зло первостепенной важности, со времени извѣстной рѣчи самарскаго вице-губернатора о „третьемъ элементѣ“.

Если бы самодержавію удалось „выкурить“ третій элементъ изъ земства, если бы, цѣной разрушенія всей произведенной этимъ элементомъ культурной работы, ему удалось политически „обездушить“ современное земство до той степени, чтобы оно превратилось въ представительство реакціонно-аграрныхъ интересовъ, оно, несомнѣнно, ослабило бы въ высшей степени организованную силу оппозиціонно-настроенныхъ имущихъ классовъ; но столь же несомнѣнно оно проложило бы дорогу *иного рода* концентраціи враждебныхъ его существованію соціальныхъ силъ, „концентраціи подъ знаменемъ болѣе радикальной и болѣе демократической программы, чѣмъ какою можетъ быть программа движенія, въ центрѣ котораго стоитъ организованное — съ сильно выраженнымъ сословнымъ началомъ — цензовое представительство. Разорвать политическую связь „третьяго элемента“ съ буржуазнымъ либерализмомъ, значитъ, конечно, ослабить политическую силу организованной въ земствахъ либеральной партіи. Но это значитъ въ то же время усилить „тягу“ третьяго элемента — демократической интеллигенціи — къ активнымъ народнымъ низамъ, это значитъ — содѣйствовать освобожденію ея отъ умѣряющаго вліянія либеральной буржуазіи.

Не даромъ г. Струве въ свое время (въ предисловіи къ „запискѣ“ Витте) съ своей точки зрѣнія умѣреннаго либерала предостерегалъ самодержавіе отъ разрушенія того моста между элементами „порядка“ и элементами революціи, какимъ можетъ явиться въ критическій часъ организованное представительство имущихъ классовъ. Направленная слѣпымъ инстинктомъ самосохраненія, разрушительная политика самодержавія несомнѣнно способствуетъ перемѣщенію *влѣво* политическаго центра системы оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ. И самодержавіе убѣдится въ томъ, когда въ революціонный моментъ будетъ тщетно искать окрестъ себя, кому бы отдать „полцарства за коня“.

Взрощенная въ нѣдрахъ земской организаціи, интеллигентная демократія начинаетъ оперяться на аренѣ самостоятельнаго политическаго дѣйствія, и выступая на ней, она подхватываетъ крайніе лозунги, выдвинутые земскимъ либерализмомъ, чтобы усложнить ихъ болѣе демократическими, болѣе активно-*политическими* лозунгами, данными революціонной борьбой *пролетаріата*.

Интеллигентная демократія уже не ограничивается въ своей борьбѣ сферой вопросовъ, въ которыхъ замыкался связанный съ опредѣленными классами населенія земскій либерализмъ; свои desideria она заимствуетъ уже не изъ одной лишь области сословнаго и бюрократическаго гнета, подъ тяжестью котораго изнываетъ крестьянство. Она прямо подходитъ къ вопросамъ, выдвинутымъ подъемомъ городской рабочей массы и изъ классовой борьбы пролетаріата черпаетъ матерьялъ для *своего* политическаго протеста противъ современнаго режима.

Это весьма интересный и знаменательный процессъ — процессъ политической концентраціи разночинной демократической интеллигенціи около рабочаго движенія. Начавшись идеологическимъ движеніемъ въ формѣ „легальнаго марксизма“ лѣтъ десять назадъ, которому сопутствовало сближеніе съ пролетаріатомъ на почвѣ удовлетворенія его культурныхъ запросовъ (воскресныя и вечернія школы и т. п.), — въ послѣдніе годы, съ обостреніемъ политической борьбы пролетаріата, онъ принимаетъ формы открытаго *политическаго сотрудничества* двухъ различныхъ соціальныхъ силъ въ борьбѣ съ общимъ политическимъ врагомъ. И если передовое студенчество въ своей демократически-настроенной массѣ, при самомъ началѣ новыхъ „безпорядковъ“, приглашаетъ на свои сходки городскихъ пролетаріевъ, чтобы совмѣстно съ ними вырѣшить вопросъ о формѣ политическаго протеста, то болѣе „солидные“ круги демократіи находятъ другіе методы сближенія съ рабочими. Вокругъ „рабочихъ процессовъ“, процессовъ о стачкахъ, демонстраціяхъ и всяческихъ „безпорядкахъ“, организуется цвѣтъ молодой адвокатуры — такъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ во Франціи около политическихъ процессовъ коммунистически-революціонныхъ обществъ формировались кадры будущихъ депутатовъ, журналистовъ и иныхъ вождей буржуазной демократіи. А за этими юристами-демократами уже начинаютъ втягиваться въ ту же работу по защитѣ „преступныхъ“ пролетаріевъ признанныя свѣтила юриспруденціи, далекіе отъ всякаго радикализма, „умѣренные отцы“ адвокатуры. За молодой демократіей долженъ будетъ пойти солидный буржуазный либерализмъ.

Фабрика съ вызываемыми ею новыми культурными запросами, паровая машина съ порождаемыми ею революціонными проявленіями классовой борьбы — вотъ тѣ новые факторы, которые формируютъ политически нашу демократію. Пока она, по преимуществу, организовывалась на почвѣ „содѣйствія“ многочисленнымъ нуждамъ вѣчно голоднаго и всегда пассивнаго крестьянства, она могла лишь служить вспомогательнымъ отрядомъ помѣщичьему либерализму и въ значительно большей степени проводила *его* программу, чѣмъ диктовала ему *свою*. Примыкая, по своему, къ соціальной борьбѣ пролетаріата, она получаетъ возможность проявить свою собственную политическую физіономію.

Упомянутый въ началѣ статьи съѣздъ дѣятелей по техническому образованію явился крупной демонстраціей этой новой политической силы. Уже самое количество участниковъ — двѣ съ лишнимъ тысячи — показываетъ, какой политической силой можетъ стать эта разбросанная по градамъ и весямъ, проникающая во всѣ общественныя учрежденія, соціальная группа. А общее направленіе работъ и рѣшеній съѣзда свидѣтельствуетъ о томъ, какой политическій прогрессъ отмѣчаетъ собою развитіе этой группы за послѣдніе годы. Либерально-культурническіе элементы явно пасуютъ передъ радикально-демократическими. Рядомъ съ старыми паролями общекультурной и либеральной борьбы съ бюрократіей, клерикализмомъ и сословностью, громко раздаются новые мотивы — отзвукъ выдвинутыхъ пролетарской борьбой радикальныхъ политическихъ и экономическихъ требованій.

Восьмичасовый рабочій день и свобода союзовъ — эти два требованія впервые раздались на русскомъ *легальномъ* съѣздѣ. И, вмѣстѣ съ этой данью растущему вліянію русскаго рабочаго движенія, легальные демократы отдали извѣстную дань и порожденной этимъ движеніемъ потребности радикальнѣе формулировать и полнѣе развить традиціонныя обще-культурныя и обще-прогрессивныя требованія о свѣтской и свободной школѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, о свободѣ печати, объ уравненіи евреевъ въ правахъ... Какъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ „легальной борьбы“ слѣдуетъ отмѣтить и особенно привѣтствовать рѣшеніе — замѣнить традиціонныя „ходатайства“ передъ правительствомъ пропагандой принятыхъ постановленій въ обществѣ. Этому примѣру послѣдовалъ и Пироговскій врачебный съѣздъ, явившійся, по своему политическому содержанію, отголоскомъ съѣзда „техническаго“.

Самодержавіе, разумѣется, не могло долго выносить такого „безпорядка“ и оба съѣзда должны были умереть насильственной смертью, причемъ, какъ увидитъ читатель изъ нижепомѣщаемой корреспонденціи, находчивая столичная полиція примѣнила даже новые методы безкровной расправы съ „общественнымъ мнѣніемъ“.

Мы, разумѣется, должны привѣтствовать проявившееся съ особенной силой на „техническомъ“ съѣздѣ стремленіе очень широкихъ и разнородныхъ круговъ интеллигентной демократіи внести въ свой коллективный протестъ такія соціально-политическія требованія, въ осуществленіи которыхъ спеціально заинтересованъ русскій пролетаріатъ. Внесеніе такихъ требованій въ программу русскихъ демократовъ подсказывается простымъ правильно понятымъ политическимъ разсчетомъ. Разумѣется также, что, привѣтствуя такую эволюцію демократіи, мы не отказываемся отъ своего права и своей обязанности подвергать тщательной и строгой, хотя и далекой отъ мелочности, критикѣ каждый шагъ, дѣлаемый ими въ новомъ направленіи, поскольку въ такихъ шагахъ, наряду съ стремленіемъ идти впередъ, будетъ болѣе или менѣе сказываться свойственная буржуазной демократіи непослѣдовательность и половинчатость въ постановкѣ чисто-демократическихъ требованій, какими бы психологическими факторами не объяснялась эта половинчатость. Поэтому мы не преминемъ указать дѣятелямъ съѣзда, что, взявшись протестовать противъ позорящаго Россію режима безправія евреевъ, они не должны были останавливаться на полпути и, требуя (замѣтьте, не ходатайствуя передъ правительствомъ!) предъ лицомъ общества равноправія для евреевъ, кончившихъ курсъ учебныхъ заведеній, закрывать глаза на гораздо болѣе тяжкое безправіе еврейской бѣдноты. Мы не преминемъ указать имъ, что требованіе свободы печати и союзовъ, требованіе свободы совѣсти, свѣтской школы и отмѣны сословности представляетъ собой, по своему объективному значенію, отрицаніе самодержавнаго режима и что въ этомъ отрицаніи останавливаться на полдорогѣ, не говоря прямо и ясно: *созывъ учредительнаго собранія и выработка конституціи*, — значитъ ослаблять агитаціонно-просвѣтительный характеръ резолюцій, весь смыслъ которыхъ — когда авторы ихъ сами отказались отъ надежды воздѣйствовать на правителей — именно во вліяніи на общественное мнѣніе.*) Мы укажемъ также, что, выбирая для яркой и внушительной демонстраціи противъ современныхъ порядковъ гг. Степанова и Пронина, участники съѣзда могли бы для демонстраціи своихъ положительныхъ прогрессивныхъ взглядовъ выбрать предметомъ сочувственной оваціи политическаго дѣятеля съ нѣсколько менѣе сомнительной репутаціей либерализма, чѣмъ какою обладаетъ третьягоднишній радикалъ, вчерашній вице-министръ, принимавшій участіе во всѣхъ реакціонныхъ оргіяхъ эры Сипягина, и сегодняшній фрондеръ — потому, что впалъ въ немилость — г. В. И. Ковалевскій.

Мы не замедлимъ, наконецъ, отмѣтить и особенно подчеркнуть это характерное ограниченіе требованія „свободы союзовъ“ свободою для союзовъ „экономическихъ“ (потребительныхъ и профессіональныхъ), съ игнорированіемъ союзовъ политическихъ — тѣхъ союзовъ, которые *всего нужнѣе* рабочему классу. Мы отмѣтимъ это ограниченіе, чтобы указать пролетаріату, что представители демократіи неспособны, съ своей точки зрѣнія, оцѣнить значеніе самостоятельной политической дѣятельности рабочаго класса, и что самъ пролетаріатъ долженъ позаботиться объ агитаціи въ пользу свободы *этой* его дѣятельности. И мы докажемъ демократамъ, что сознательный пролетаріатъ не желаетъ довольствоваться правомъ экономической дѣятельности, не желаетъ отдать дѣла политическаго прогресса въ монопольное вѣдѣніе „образованнаго общества“. Мы докажемъ имъ, что сознательный пролетаріатъ не намѣренъ за чечевичную похлебку экономическихъ и культурныхъ реформъ продавать право политическаго первородства, имъ пріобрѣтеннаго въ качествѣ перваго, главнаго и наиболѣе умѣлаго могильщика стараго порядка. И мы скажемъ радикальной буржуазной демократіи: мы пойдемъ рука объ руку съ вами только въ томъ случаѣ, если вы безъ недомолвокъ и безъ оговорокъ подпишете выдвинутыя нами основныя политическія требованія.

Какъ, однако, скажемъ мы демократіи все это, диктуемое намъ нашей программой и принципами нашей тактики?

Неужели мы ограничимся тѣмъ, что къ моменту того или иного выступленія демократовъ, подобнаго тому, какое имѣло мѣсто на техническомъ съѣздѣ, мы пошлемъ имъ прокламацію отъ нашего комитета и заявимъ въ ней о своемъ, соціальдемократическомъ, отношеніи къ выставляемымъ демократіей лозунгамъ, къ примѣняемымъ ею методамъ? Неужели мы удовлетворимся только такой демонстраціей *во имя* пролетаріата? Не слишкомъ ли мало будетъ этого для того, чтобы оказать замѣтное воздѣйствіе на соотношеніе общественныхъ силъ, опредѣляющихъ политическое направленіе пути, которымъ идетъ наша родина?

Этотъ вопросъ вполнѣ умѣстно поставить въ наше время, когда пониманіе сложныхъ практическихъ задачъ нашей объединенной партіи упрощается порою самымъ непростительнымъ образомъ. Слишкомъ часто въ представленіи товарищей вся наша агитаціонная работа сводится къ интенсивному выпуску прокламацій, къ широкому распространенію произведеній печати.

Если бы намъ удалось сколько нибудь хорошо приспособить свою организацію къ *этой* цѣли, то мы — при прочихъ равныхъ условіяхъ — были бы, вѣроятно, способны время отъ времени организовать политическія демонстраціи того типа, который установился практикой послѣднихъ лѣтъ, то есть, могли бы время отъ времени выводить для протеста противъ самодержавія въ его наиболѣе основныхъ и наиболѣе всеобщихъ проявленіяхъ болѣе или менѣе густыя толпы проснувшихся къ политической жизни рабочихъ.

Эту ли задачу должны мы преслѣдовать въ своей агитаціи? Такимъ ли путемъ мы, „подготовляя революцію“ подготовленіемъ рабочаго класса къ ней, выполнимъ свою обязанность политическаго воспитанія пролетаріата, какъ самостоятельной и всегда готовой къ борьбѣ за эту самостоятельность политической силы? Нетрудно видѣть, что выполняя *такую* работу, мы еще не выходимъ изъ рамокъ того, что на нашемъ мѣстѣ выполняла бы революціонно-демократическая партія, имѣющая извѣстное соприкосновеніе съ массой городского пролетаріата.

---

*) Въ корреспонденціи изъ Торжка, помѣщаемой въ этомъ номерѣ, читатель найдетъ разсказъ о преслѣдованіи учителей въ этомъ уѣздѣ.

*) Нечего говорить, что изловчившіеся въ своей работѣ легальные дѣятели всегда съумѣютъ „прицѣпить“ такое крайнее требованіе къ тѣмъ вопросамъ, которыми занимался съѣздъ.

Но, вѣдь, мы, выполняя эту работу, „наполняемъ ее классовымъ содержаніемъ“, поскольку въ этихъ самыхъ листкахъ разоблачаемъ буржуазную ограниченность и либеральную половинчатость политическихъ дѣйствій другихъ классовъ, поскольку связываемъ свою агитацію по данному вопросу съ основами нашей программы?

Все это, скажемъ мы, очень нужно, хотя, къ сожалѣнію, далеко не всегда и далеко не всегда умѣло выполняется при нашей агитаціи, но всего этого недостаточно для удовлетворительнаго рѣшенія стоящихъ передъ нами практическихъ задачъ.

Революціонное классовое воспитаніе пролетаріата не достигается однимъ только воздѣйствіемъ печатнаго и устнаго слова; а участіе болѣе или менѣе широкихъ слоевъ пролетаріата въ общеполитическихъ, общенародныхъ манифестаціяхъ противъ основъ самодержавнаго режима *само по себѣ* даетъ имъ только самое элементарное политическое воспитаніе, подобно тому, какъ участіе ихъ въ организованныхъ стачкахъ само по себѣ вырабатываетъ только *зачатки* классового самосознанія.

Необходимо живое, активное участіе самого пролетаріата, въ лицѣ хотя бы непосредственно руководимой нашей партіей его сознательной части, во всѣхъ актахъ политической и общественной жизни. Необходимо, чтобы соціальдемократія выступала не только *во имя*, но и *во главѣ* пролетаріата; необходимо, чтобы въ ея выступленіяхъ пролетаріатъ не только „стоялъ“ за нею, но и *шелъ* за нею.

Маленькій, мимеографомъ отпечатанный листокъ Петербургскаго Комитета нашей Партіи, обращенный „къ членамъ съѣзда дѣятелей по техническому образованію“, является хорошимъ свидѣтельствомъ того, какой характеръ принимаетъ на практикѣ наше „участіе въ политической жизни“ Россіи. Въ событіи, въ которомъ активно участвуютъ *тысячи* рядовыхъ буржуазной демократіи, демократія пролетарская фигурируетъ въ лицѣ одной лишь своей руководящей группы, и не невозможно, что этотъ актъ „хожденія партіи пролетаріата во всѣ классы“ совершился при полномъ даже невѣдѣніи сознательныхъ и способныхъ къ политической активности слоевъ пролетаріата о томъ, что его представителями совершенъ „по Искрѣ“ этотъ актъ...

Мы не думаемъ, чтобы большинство дѣйствующихъ въ Россіи товарищей надѣялось этой, по истинѣ, „отпиской“ отъ настоящаго дѣла замѣнить самое дѣло, необходимость котораго теперь признана всѣми; но мы знаемъ, что дальше такой отписки, въ большинствѣ случаевъ, дѣло не идетъ. И мы думаемъ, что наши разговоры о лучшей формѣ организаціи партійнаго дѣла рискуютъ оказаться праздными разговорами, если по главнѣйшимъ функціямъ этого дѣла мы будемъ отписываться листкомъ печатной бумаги.

Передовые, пробужденные нами къ политической мысли слои рабочаго класса должны активно участвовать въ каждомъ крупномъ актѣ общественной жизни, достойномъ привлечь ихъ вниманіе. Они — а не только ихъ сидящіе въ комитетахъ руководители — должны „разговаривать“ съ тѣми или другими организованными группами другихъ соціальныхъ классовъ; они — эти передовые слои пролетаріата — должны — открытой ли демонстраціей, принятіемъ ли на тайныхъ собраніяхъ резолюцій — пытаться оказать *политическое давленіе* на ту или другую общественную группу, столкнувшуюся съ самодержавіемъ, для того ли, чтобы побудить ее къ болѣе энергичному отстаиванію прогрессивныхъ требованій или для того, чтобы толкнуть ее на путь болѣе радикальнаго, болѣе демократическаго протеста. Только сталкиваясь *на практикѣ* съ различными общественными группами, только практически и непосредственно „сотрудничая“ съ ними въ дѣлѣ отстаиванія общихъ интересовъ противъ общаго врага, передовые — все болѣе широкіе — слои пролетаріата научатся понимать то реальное отношеніе общественныхъ силъ, которымъ должна опредѣляться тактика ихъ собственной партіи, научатся отличать своихъ возможныхъ союзниковъ отъ своихъ ложныхъ друзей, начнутъ воспитывать въ себѣ и во все болѣе и болѣе широкихъ массахъ своего класса конкретное представленіе о *своей классовой политикѣ*, отличной отъ политики всѣхъ остальныхъ, борющихся рядомъ съ пролетаріатомъ, общественныхъ группъ. Только путемъ такого живого участія пролетаріата въ общественной жизни можетъ выработаться у насъ дѣйствительно рабочая партія, достойная этого имени. И только содѣйствуя каждымъ актомъ своей повседневной работы образованію этой партіи, наши организаціи выполнятъ на дѣлѣ задачи, диктуемыя намъ нашей программой.

Ограниченный политическій кругозоръ буржуазной демократіи диктуетъ ей такую „формулу прогресса“ для рабочаго движенія: рабочіе организуются въ „экономическіе“ союзы, ведутъ при ихъ посредствѣ экономическую борьбу и предоставляютъ демократамъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ активное участіе въ политической жизни. Соціальдемократія отвергаетъ такое отстраненіе пролетаріата отъ активнаго участія въ выработкѣ высшихъ формъ политической жизни. Русская соц.-дем. интеллигенція отвергла предлагавшуюся ей программу — „содѣйствія экономической борьбѣ рабочихъ и участія въ политической борьбѣ общества“, — т. е. политическаго растворенія въ либерально демократическомъ „обществѣ“. Русская соціальдемократія написала на своемъ знамени — *выработку самостоятельной политической рабочей партіи, ведущую самостоятельную классовую политику*. Но до сихъ поръ и въ дѣлѣ выработки рабочей партіи, и, тѣмъ паче, въ дѣлѣ проведенія послѣдовательной классовой политики, мы сдѣлали очень мало, и — что хуже всего — мы какъ будто перестаемъ замѣчать, какъ мало мы сдѣлали. А, между тѣмъ, еслибъ дѣло выработки самостоятельной рабочей партіи не пошло у насъ дальше „распущенія“ всѣхъ „демократически“ устроенныхъ рабочихъ организацій и превращенія комитетовъ въ „агентуру“ Центральнаго Комитета, если бы дѣло веденія классовой пролетарской политики ограничилось бы полемикой между Женевой и Штутгартомъ, да прокламаціонной „отпиской“ нашихъ комитетовъ въ „вѣдомства либеральныхъ и демократическихъ дѣйствій“, то, нѣтъ сомнѣнія, что мы бы *на дѣлѣ* недалеко ушли отъ той самой перспективы, которою манили насъ авторы credo, которую мы отвергли *въ идеѣ*. Ибо мы — соціальдемократическая интеллигенція — участвовали бы, какъ крайняя лѣвая, въ политической работѣ демократіи, въ то время, какъ пролетаріатъ время отъ времени поддерживалъ бы насъ — а, вмѣстѣ съ нами, и демократію — внушительными нападеніями на твердыни царизма... Намъ нужно, настоятельно нужно развить до самыхъ широкихъ предѣловъ общепартійное и мѣстное издательство агитаціонной литературы, намъ нужно этой литературой реагировать на всякое серьезное явленіе общественной жизни. Но никогда это *средство*, примѣняемое нами для достиженія опредѣленной *цѣли*, не можетъ *замѣнить* собою самой цѣли, которою должно быть — систематическое *самовоспитаніе пролетаріата* путемъ участія въ политической жизни государства.

Соціальдемократическая политика рабочаго класса не тождественна съ политическимъ движеніемъ пролетаріата, руководимымъ людьми съ соціальдемократическими убѣждеіями. Запомнить это необходимо всякому, кто хочетъ на дѣлѣ выполнить долгъ идеолога пролетаріата. Никогда не забывать этого — значитъ потерять совершенно не идущую къ соціальдемократу счастливую способность — способность изъ за формы проглядѣть содержаніе, изъ за деревьевъ не видѣть лѣса, изъ за вопроса о „централизаціи вокругъ пустого мѣста“ проглядѣть серьезный вопросъ объ организаціи стихійной пролетарской борьбы въ *сознательную политическую борьбу пролетаріата*.

„ДЛЯ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНІЯ“.

Въ прошломъ номерѣ мы уже говорили о „новомъ курсѣ“ внутренней политики самодержавія, выразившемся въ отказѣ отъ потерпѣвшей крушеніе системы покупки „вѣрности престолу“ различныхъ группъ населенія на наличныя деньги и отдачѣ всей Россіи въ „вѣдомство“ министерства внутреннихъ дѣлъ или, говоря попросту, подъ полицейскій надзоръ и полицейскій кулакъ. Нужна, конечно, громадная доза самоослѣпленія со стороны одряхлѣвшаго развратника-самодержавія, чтобы надѣяться однимъ только грубымъ насиліемъ сколько нибудь прочно закрѣпить за собою ту благосклонность, которой не могло доставить ему даже всемогущее въ нашъ вѣкъ золото. Можно съ увѣренностью сказать, что для такого смѣлаго предпріятія у него не хватитъ уже силъ.

Но пока что „новый курсъ“ движется впередъ на всѣхъ парахъ съ цинизмомъ и безцеремонностью, не оставляющими — по своей откровенности — желать ничего лучшаго. Мы еще будемъ неоднократно имѣть случай бесѣдовать о различныхъ проявленіяхъ его; сейчасъ же передъ нами лежитъ документъ, дающій полную программу тѣхъ „реформъ“, которыя ожидаютъ россійскаго обывателя.

Документъ этотъ — „журналъ коммиссіи по преобразованію губернскаго управленія“. Коммиссія эта собралась впервые 27 февраля 1903 г. и, какъ извѣстно, ей предшествовалъ изданный наканунѣ манифестъ въ духѣ Іудушки Головлева. „Предначертанія“ этого манифеста сводились въ сущности лишь къ тому, чтобы давить обывателя, непремѣнно „осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ“, и — по возможности — при содѣйствіи самого обывателя — такъ называемыхъ „мѣстныхъ людей“. Между прочимъ, было „повелѣно“: „преобразовать губернское управленіе для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильною, закономѣрною и передъ нами строго отвѣтственною властью“. „Трудами мѣстныхъ людей“, „строгая отвѣтственность“, „многообразныя нужды“ — какъ видите, коронованный Іудушка по части языкоблудія ни мало не уступаетъ своему безсмертному прототипу. Но, конечно, коммиссія, состоявшая изъ восьми губернаторовъ и двухъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ всероссійскаго палача Плеве, поняла, въ чемъ тутъ сила, и не безъ юмора прежде всего рѣшила „не останавливаться на отвѣтственности губернаторовъ, въ виду того, что отвѣтственность эта нынѣ дѣйствующими законами поставлена вполнѣ правильно“. Съ „закономѣрностью“ порѣшили также довольно просто. До сихъ поръ, когда „законъ“ являлся „препоной“, такое трагическое положеніе, по показанію одного изъ участвовавшихъ въ коммиссіи сатраповъ „неизбѣжно обрекало губернатора на превышеніе власти“. Выводъ отсюда для россійскихъ самодержцевъ, разумѣется, совершенно ясный: надо самое „превышеніе власти“ обратить въ „законъ“, и тогда ужъ власть непремѣнно будетъ „закономѣрной“. Изъ дальнѣйшаго обзора „постановленій“ коммиссіи читатель увидитъ, что такъ дѣло и порѣшили, а затѣмъ осталась одна задача — сдѣлать властъ „сильной“, и къ ней почтенные члены коммиссіи и приступили со смакомъ и ужъ безъ всякаго юмора, а съ серьезностью, можно сказать, ужасающею. И, кажется, въ этомъ направленіи они поистинѣ совершили „въ предѣлахъ земныхъ все земное“.

Прежде всего, какъ то и подобаетъ „новому курсу“, одѣвающему самодержавіе въ полицейскій мундиръ, чиновникамъ министерства полиціи — губернаторамъ подчиняются представители рѣшительно всѣхъ „вѣдомствъ“ въ губерніи. Конецъ либерализму акцизныхъ чиновниковъ! Конецъ пикировкамъ управляющаго казенной палатой (а давно ли онъ, какъ представитель министерства финансовъ, посматривалъ на губернатора подчасъ даже немножко свысока?) съ „начальникомъ губерніи“! Отнынѣ черезъ губернатора будутъ идти „руководящія указанія и распоряженія“ всѣхъ „вѣдомствъ“: губернаторъ будетъ производить ревизію всѣхъ „административныхъ установленій“; губернаторъ будетъ „увольнять должностныхъ лицъ въ случаѣ обнаруженной неблагонадежности ихъ; губернаторъ будетъ „пещись“ о народномъ образованіи; губернаторъ будетъ распоряжаться по части „внутреннихъ распорядковъ“ на фабрикахъ и заводахъ“, его „требованія“ должна будетъ безпрекословно исполнять фабричная инспекція. Словомъ, всюду губернаторъ, губернаторъ, губернаторъ. А это значитъ, что, если до сихъ поръ „руководящимъ“ началомъ внутренней политики былъ подкупъ „вѣрноподданныхъ“, то теперь дѣятельность всѣхъ „вѣдомствъ“ будетъ направляться съ точки зрѣнія совершенно неприкрытаго полицейскаго сыска.

Такимъ образомъ, „препоны“ со стороны отдѣльныхъ „вѣдомствъ“, съ ихъ корпоративнымъ патріотизмомъ и подчасъ отсутствіемъ спеціальнаго „образованія“ по части полицейскихъ дѣлъ, благополучно устраняются. Остается сокрушить препоны, еще мѣшающія въ лицѣ „общественныхъ учрежденій“. Разумѣется, и тутъ коммиссія оказалась болѣе, чѣмъ на высотѣ задачи.

Уже и до сихъ поръ губернаторамъ въ отношеніи земствъ и городскихъ думъ была предоставлена такая необъятная власть по части „пресѣченія“, что даже „коммиссія“ должна была признать губернаторскія полномочія „достаточными со стороны надзора“. Но за то она „не могла не обратить вниманія на то, что губернаторъ относительно общественныхъ учрежденій совершенно лишенъ правъ положительныхъ“. „Не пущать“ — оказывается для полицейскаго Аллаха слишкомъ мало; ему надо еще „тащить“ обывателя въ самодержавный „рай“. А, между тѣмъ, „за органами земскаго и общественнаго управленій всегда остается право, такъ сказать, пассивнаго сопротивленія“. „Право пассивнаго сопротивленія“ — это ужасъ! Вмѣсто того, чтобы обнаруживать всѣмъ существомъ своимъ „готовность“, принимать отеческіе удары начальства, обыватель пытается „уклониться“! Конечно, такому „ненормальному положенію дѣлъ“ рѣшено было немедленно положить конецъ и постановлено: „Въ случаѣ уклоненія земскихъ или городскихъ общественныхъ учрежденій отъ выполненія обязательныхъ для нихъ повинностей, а равно неисполненія ими мѣропріятій, вызываемыхъ сими повинностями, и признанія такихъ мѣропріятій со стороны губернатора неотложными, губернаторъ имѣетъ право назначать на приведеніе ихъ въ исполненіе опредѣленный срокъ. По истеченіи такого срока и при неисполненіи предложенія, губернаторъ приступаетъ къ осуществленію необходимыхъ мѣропріятій за счетъ земскихъ или городскихъ средствъ“. То есть: я тебѣ „предлагаю“, можешь принять или отвергнуть; но ежели ты, такой сякой, отвергнешь, то ужъ, голубчикъ, извини! Тогда ужъ я „распоряжусь“. А къ чему будутъ главнымъ образомъ относиться эти „распоряженія“, изъ журнала засѣданій коммиссіи видно достаточно ясно, хотя деликатный предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, и не называется прямо. Извѣстно, конечно, какъ часто за послѣдніе годы „общественныя учрежденія“ начинали „почтительно“ вздыхать по случаю все усиливаемыхъ и усиливаемыхъ „предложеній“ о повышеніи „обязательныхъ“ расходовъ на содержаніе полиціи, расквартированіе войскъ и тому подобныя мѣропріятія для охраненія „спокойствія“ самодержавія. Немудрено, что приходится „предложенія“ замѣнять „распоряженіемъ“. Послѣ этого подвига коммиссія надумала прекратить ненужные разговоры въ „общественныхъ учрежденіяхъ“ (Мымрецовъ всегда любилъ, чтобы не было „шуму“), и немедленно губернаторъ получаетъ право, помимо предсѣдателя земскаго или думскаго собранія, „снимать съ очереди обсужденіе какого-либо вопроса, признаваемаго губернаторомъ неумѣстнымъ по отношенію къ порядку управленія“.

Административная прожорливость достигла такихъ размѣровъ, неумолкаемое чавканіе губернаторскихъ ртовъ приняло такой ужасающій характеръ, что тутъ ужъ даже одинъ изъ засѣдавшихъ въ коммиссіи старцевъ не выдержалъ и робко заявилъ „опасеніе, чтобы мѣры эти, которыя несомнѣнно являются чрезвычайно важными для порядка управленія, не были бы истолкованы, какъ желаніе сузить права общественныхъ управленій, что неминуемо произведетъ неблагопріятное на мѣстахъ впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ первый избранникъ губерніи — губернскій предводитель, который усмотритъ въ этомъ ограниченіе своихъ правъ“. Но старичка сейчасъ же „успокоили“. Коммиссія „не могла не признать нѣкоторую преувеличенность его опасеній“. Ибо, что касается превращенія „предложеній“ въ „распоряженія“, то сіе будетъ обсуждено предварительно „въ коллегіальномъ губернскомъ установленіи, при участіи представителей земства и города[1])“. Слѣдовательно, согласно „Высочайшему“ манифесту сѣченіе „мѣстныхъ людей“ будетъ производиться между прочимъ и ихъ собственными „трудами“. А безобидное „снятіе съ очереди въ земскомъ собраніи вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе“, разумѣется, вполнѣ обезпечивается... „тактомъ губернатора“. Что же касается „перваго избранника“, то коммиссія довольно таки строгонько напомнила умственному старичку, что „губернскій предводитель исполняетъ обязанности предсѣдателя губернскаго земскаго собранія только въ томъ случаѣ, если государь не назначитъ особое лицо“. Избранникъ-то, избранникъ, но въ случаѣ чего, можно сдѣлать такъ, какъ будто и не избранникъ.

Засимъ, порѣшивъ войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, коммиссія приступила къ „увѣнчанію зданія“. Вѣнецъ полицейскаго творенія конечно — положеніе объ усиленной охранѣ. Но вотъ бѣда: всякія „обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности“ губернаторы могутъ („по закону!“) издавать пока только тамъ, гдѣ дѣйствуетъ усиленная охрана. Какъ только выяснился этотъ прискорбный фактъ, коммиссія сейчасъ же приняла героическое рѣшеніе и постановила, что „было бы соотвѣтственнымъ распространить этотъ порядокъ и на губерніи, не находящіяся въ исключительномъ положеніи“, или, иначе говоря, и тамъ, гдѣ нѣтъ усиленной охраны, считать ее яко бы сущей, и ужъ затѣмъ дѣйствовать „закономѣрно“. При этой окказіи вспомнили опять „высочайшія“ указанія о необходимости пользоваться „трудами мѣстныхъ людей“ и потому положили: „обязательныя постановленія могутъ касаться обязанности владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и ихъ управляющихъ по внутреннему наблюденію въ границахъ ихъ владѣнія и также способовъ сего наблюденія“. Шпіонство становится, такимъ образомъ, „закономѣрною“ гражданской обязанностью „мѣстнаго человѣка“.

Превративъ такимъ манеромъ губернатора въ „земного бога“ въ полицейскомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ, коммиссія впала очевидно снова въ юмористическое настроеніе и — явно уже ради озорства — рѣшила показать, что и на судъ губернаторамъ „въ высокой степени наплевать“, почему, въ заключительномъ аккордѣ своей „пѣсни торжествующей свиньи“ и признала, что „высокому значенію“ губернатора „несоотвѣтственно участіе его, въ качествѣ члена, въ составляемыхъ подъ предсѣдательствомъ старшаго предсѣдателя мѣстной судебной палаты, особыхъ присутствіяхъ для разсмотрѣнія пререканій между судебными и правительственными установленіями о подсудности дѣлъ о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства“; отнынѣ будетъ замѣнять его вице-губернаторъ.

Таковъ кругъ предначертанной „реформы“. Резюмировать его можно въ краткихъ словахъ: сугубое положеніе объ усиленной охранѣ, расширяемое до безконечности, въ качествѣ „рамокъ“ административной дѣятельности; полицейскій сыскъ — какъ главный источникъ „соображеній“ внутренней политики и нагайка, какъ самый убѣдительный аргументъ для насажденія „безпредѣльныхъ“ чувствъ.

Все это было бы очень страшно, если бы самою безстыдною обнаженностью своею этотъ полицейскій режимъ не свидѣтельствовалъ о своей недолговѣчности. Въ странѣ, гдѣ уже милліоны трудящагося народа проснулись къ сознательной жизни и требуютъ человѣческихъ правъ, безумна попытка заставить весь народъ не жить ради „порядка управленія“ и править, опираясь только на нагайку. Безумна и лишь выгодна для дѣла свободы. Она поможетъ намъ, партіи пролетаріата, толкнуть въ открытую борьбу съ самодержавіемъ тѣ слои народа, которые до сихъ поръ только робко, обиняками проявляли свои свободолюбивыя стремленія. Передъ системой „бѣлаго террора“, направленнаго рѣшительно противъ всѣхъ группъ населенія, невозможно долго сказываться „въ нѣтяхъ“. Того, кто не хочетъ служить активнымъ пособникомъ ея, она бьетъ слишкомъ больно и волей-неволей заставляетъ громко выкрикнуть такъ долго подавляемый возгласъ: „долой самодержавіе!“. А соціальдемократія должна постараться, чтобы этотъ возгласъ смѣнился другимъ: „да здравствуетъ республика!“

НА ОЧЕРЕДИ.

Въ изданіи Центральнаго Комитета вновь вышло извѣстное письмо Н. Ленина „о нашихъ организаціонныхъ задачахъ“.

Книжка снабжена предисловіемъ и послѣсловіемъ. Въ предисловіи Ленинъ упрекаетъ насъ въ томъ, что мы „не спѣшимъ“ изложить наши организаціонные взгляды, и сейчасъ же сводитъ эти организаціонные взгляды къ „тѣмъ кореннымъ измѣненіямъ, которыя проектировались бы ею (редакціей) въ нашемъ партійномъ уставѣ“. Для товарища Ленина несомнѣнна слѣдующая истина: „Сравнивая „Что дѣлать“ и статьи въ „Искрѣ“ по организаціоннымъ вопросамъ съ предлагаемымъ „Письмомъ къ товарищу“, а это послѣднее съ уставомъ, который принятъ на второмъ съѣздѣ, читатели могутъ составить себѣ ясное представленіе о томъ, насколько послѣдовательно проводилась нами, большинствомъ искровцевъ и большинствомъ партійнаго съѣзда, наша организаціонная „линія“. Мы уже объяснили по поводу аналогичныхъ заявленій тов. Александрова, какимъ наивнымъ бюрократизмомъ мысли отдаетъ отъ попытокъ искать воплощенія системы организаціонныхъ взглядовъ въ опредѣленномъ *уставѣ*. Конечно, мы не удовлетворены нашимъ партійнымъ уставомъ и желали бы коренной реформы его; разумѣется, мы займемся и детальной критикой устава и указаніемъ тѣхъ поправокъ къ нему, которыя, на нашъ взглядъ, необходимы. Но, прежде чѣмъ приступить къ той и другой работѣ, мы предпочитаемъ сначала освѣтить въ „Искрѣ“ тѣ общіе вопросы организаціи, которыхъ ложное или одностороннее рѣшеніе обусловило не столько выработку несовершеннаго устава, сколько готовность сводить весь сложный вопросъ объ организаціи къ вопросу объ уставѣ. Товарищъ Ленинъ самымъ очевиднымъ образомъ занимается такимъ съуживаніемъ организаціоннаго вопроса. И всего курьезнѣе, что онъ дѣлаетъ это въ предисловіи къ той самой брошюрѣ, въ которой сказано (стр. 23): „въ сущности, можно бы, пожалуй, обойтись *безъ устава* (курсивъ подлинника), замѣнивъ его регулярной отчетностью о каждомъ кружкѣ, о каждой функціи работы... Составленіе такого устава (передъ этимъ перечислены, въ видѣ предполагаемыхъ параграфовъ устава, пункты, очень схожіе съ пунктами нынѣшняго устава Партіи) тѣмъ менѣе полезно въ настоящее время, что у насъ почти нѣтъ общепартійнаго опыта дѣятельности различныхъ такихъ группъ и подгруппъ, а для выработки такого опыта нуженъ *не уставъ* (курсивъ нашъ), а организація партійной, если можно такъ выразиться, освѣдомленности“. — „Пусть *старые* организаціонные взгляды „Искры“, говоритъ Ленинъ, станутъ извѣстными во всѣхъ деталяхъ“. Впервые мы слышимъ, чтобы „Письмо“ Ленина выражало старые взгляды „Искры“, и протестуемъ противъ такого безцеремоннаго обращенія Ленина съ подписью коллективности, въ которой онъ работалъ. Писанное, какъ частное письмо, не прошедшее редакціи нашей группы и оспоренное въ рядѣ деталей тѣми товарищами, которымъ оно было *показано*, это письмо никогда не могло претендовать быть выраженіемъ взглядовъ „Искры“, оно выражало только взгляды Ленина.

---

[1] А именно, по проекту „Губернскаго Совѣта“ ихъ должно быть въ немъ человѣкъ 5-6 на 15-20 чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернатора.

Общая основа организаціонныхъ взглядовъ у членовъ редакціи и организаціи „Искры“ была одинакова: всѣ они были централистами. И вотъ почему въ борьбѣ съ „демократическими“, въ специфическомъ смыслѣ, тенденціями редакція и организація дѣйствовали, какъ коллективность. Другое дѣло — *детальная* разработка положительныхъ организаціонныхъ плановъ. Я не стану касаться причинъ, которыя обусловили тотъ фактъ, что именно о *деталяхъ* организаціи во время „ликвидаціи третьяго періода“ въ „Искрѣ“ писалось очень мало, и особенно мало тѣми, отъ которыхъ должна была бы исходить иниціатива въ этомъ дѣлѣ: русскими практиками. Редакція, какъ цѣлое, на себя не взяла этой иниціативы. Товарищъ Ленинъ взялъ ее на себя и выступилъ съ книгой „Что дѣлать“, которая появилась за его личной отвѣтственностью и, что важнѣе всего, *не могла появиться не подписанной* (совѣты товарищей Ленина по редакціи убѣдили его измѣнить нѣкоторыя фразы первоначальнаго текста, но на всѣ предлагавшіяся измѣненія онъ не согласился). Члены организаціи „Искры“, примѣняя наши общіе принципы въ своей практикѣ, далеко не склонны были видѣть во *всѣхъ* детальныхъ указаніяхъ „Что дѣлать“, и особенно „Письма“, необходимое слѣдствіе изъ „старыхъ организаціонныхъ взглядовъ „Искры“. Не одинаково примѣняли ихъ „искровцы“ въ Петербургѣ, въ Екатеринославѣ, въ Ростовѣ. Дѣятельность „искровскаго“ по направленію Организаціоннаго Комитета отнюдь не руководилась пресловутымъ „Письмомъ“. Передъ партійнымъ съѣздомъ вопросъ объ организаціи партійнаго центра совершенно различно рѣшался отдѣльными „искровцами“ какъ въ Россіи, такъ и заграницей.

Этихъ указаній достаточно, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ смѣлое заявленіе Н. Ленина о томъ, что нынѣшняя редакція „стала сжигать то, чему поклонялась“. Что для нынѣшней редакціи „Искры“ теперь стали ясны нѣкоторыя стороны тѣхъ тенденцій, которыя и прежде проводились отдѣльными „искровцами“ — стороны, прежде не замѣчавшіяся, — это вѣрно. Но редакція и не закаивалась „вѣкъ учиться“ и очень благодарна такимъ своимъ „учителямъ“, какъ тов. Ленинъ.

Смѣлому предисловію Ленина къ его брошюрѣ соотвѣтствуетъ еще болѣе... смѣлое послѣсловіе. Въ немъ тов. Ленинъ — безъ особенной связи съ содержаніемъ брошюры — еще разъ „съ яснымъ лбомъ“ утверждаетъ, что „дѣйствительный источникъ этихъ сказокъ (о „бюрократизмѣ“ системы товарища Ленина. Л. М.) — „дрязги литераторовъ“. На эту тему долго спорить не приходится. Отъ насъ очень недалеко то время, когда война „Искры“ съ „Рабочимъ Дѣломъ“ очень многимъ людямъ представлялась ничѣмъ инымъ, какъ „литераторскими дрязгами“, а самые термины „экономизмъ“ и „кустарничество“ — выдумкой падкихъ до дрязгъ литераторовъ, желающихъ „прикрасить свою позицію“. Недалеко отъ насъ это время. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что это было время *дѣтства* русской соціальдемократіи. Мы очень далеки отъ излишняго оптимизма, когда говоримъ о нашихъ партійныхъ дѣлахъ. Одно только мнѣ кажется: это время все-таки не возвратится, и русскую соціальдемократію не заставитъ снова *впасть въ дѣтство* даже тотъ способный человѣкъ, который въ то время писалъ о людяхъ, привыкшихъ „сказываться въ нѣтяхъ“ по вопросу объ особомъ направленіи: „Я не я, лошадь не моя, я не извощикъ. Мы не экономисты. „Рабочая Мысль“ не экономизмъ, въ Россіи нѣтъ, вообще, экономизма. Это замѣчательно ловкій и „политичный“ пріемъ, имѣющій только то маленькое неудобство, что органы, его практикующіе, принято называть кличкой: „чего изволите?“ („Что дѣлать“, стр. 72).

Строгонекъ-таки, надо признаться, былъ товарищъ Ленинъ два года назадъ!

Товарищъ Ленинъ утверждаетъ, что онъ въ своемъ „письмѣ въ редакцію“ сдѣлалъ попытку „совершенно точно разграничить область“ принципіальныхъ разногласій и „дрязгъ“ въ борьбѣ между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“. Онъ спрашиваетъ, почему редакція „не потрудилась сообщить свое мнѣніе о правильномъ отграниченіи этихъ областей“? Я думаю, что, напротивъ, редакція именно и старалась все время рѣзко *разграничить* эти двѣ области, когда, давая въ статьѣ „Нашъ съѣздъ“ оцѣнку возникшихъ въ Партіи разногласій, совершенно *абстрагировалась* отъ всякихъ „дрязгъ“, т. е. отъ всякой борьбы *организаціонной*, возросшей на почвѣ борьбы направленій или тенденцій. Что сдѣлалъ тогда тов. Ленинъ? Онъ выступилъ съ своимъ „Письмомъ“, въ которомъ насъ за эту попытку разграниченія обвинилъ въ искаженіи истины, чтобы затѣмъ дать свое „разграниченіе“, состоящее въ голословномъ отрицаніи всякаго политическаго смысла борьбы, занимавшей вторую половину съѣзда. И теперь онъ же съ невиннымъ видомъ спрашиваетъ: „почему же редакція не попытается разграничить?“.

Вѣроятно, для того, чтобы показать воочію, какъ *онъ* умѣетъ отдѣлять принципіальную сторону дѣла отъ „дрязгъ“, товарищъ Ленинъ вслѣдъ затѣмъ „наскакиваетъ“ на статью П. Б. Аксельрода, чтобы данную въ ней критику „ленинизма“ попытаться представить, какъ „оскорбленіе величества“ нашей Партіи и ея съѣзда, какъ вопіющій примѣръ непочтительнаго отношенія новой редакціи къ товарищамъ-практикамъ. Знакомыя пѣсни! Я ихъ не переставалъ слышать съ тѣхъ поръ, какъ пошла „война“ съ „экономистами“, а П. Б. Аксельроду онѣ знакомы съ еще болѣе давняго времени. Самъ тов. Ленинъ, вѣроятно, еще не износилъ башмаковъ съ того времени, когда грозно обличалъ нѣкіихъ „хвостистовъ“, пытавшихся такими же взглядами задерживать развитіе нашей Партіи. Да, времена мѣняются...

Я думаю, что новая редакція „И.“ почтительнѣе — въ достойномъ смыслѣ этого слова — относится къ Партіи и къ съѣзду, чѣмъ иные выразители воли „большинства“ этого съѣзда. Но отъ негодованія тов. Ленина на статью Аксельрода слишкомъ вѣетъ дѣланностью и разсчетомъ на опредѣленный эффектъ, чтобы намъ стоило доказывать это положеніе. Слишкомъ хорошо мы помнимъ книгу „Что дѣлать“, чтобы въ серьезъ принимать *такія* „позы“ ея автора. И точно также приходится только отмѣтить фразу: „По фельетону уважаемаго товарища Аксельрода читатели могутъ судить... во что превращается нашъ центральный партійный органъ“. Старайтесь, голубчикъ! авось, добьетесь „резолюцій“ отъ трехъ съ половиной собраній заграничной молодежи съ протестами противъ „такихъ пріемовъ“ старой грѣшницы „Искры“. Я даже увѣренъ, что на такихъ „безпартійныхъ“ собраніяхъ непремѣнно будутъ горячиться въ томъ же духѣ, что и т. Ленинъ, наши общіе друзья — „соціалисты-революціонеры“.

Непонятно мнѣ только одно: вѣдь, тов. Ленинъ на слѣдующей страницѣ укоряетъ того же Аксельрода за его отказъ изложить свою точку зрѣнія на разногласія въ „Искрѣ“, редактировавшейся Ленинымъ, который „*открывалъ* страницы нашихъ изданій“ такъ называемому меньшинству? Страшно подумать, во что превратился бы нашъ центральный органъ еще при Ленинѣ, если бы Аксельродъ послѣдовалъ предложенію тогдашней редакціи!

Тов. Ленинъ заявляетъ, что признаніе нами желательнымъ предать забвенію нѣкоторые факты изъ отношеніи между „меньшинствомъ“ Партіи и Ц. К. свидѣтельствуетъ о томъ, что у насъ не было принципіальныхъ разногласій съ нимъ, ибо „одна уже мысль о желаніи „предать забвенію“ *принципіальныя* разногласія нелѣпа“. Но еще нелѣпѣе думать *провести* читателя, цитируя редакціонное заявленіе № 55 такъ, чтобы заявленный тамъ *фактъ* выраженнаго Ц. К. желанія, превратить въ желаніе, выраженное „меньшинствомъ“. Кто могъ желать „предать забвенію“ — это увидятъ всѣ, когда будутъ нами опубликованы всѣ документы изъ этой поучительной исторіи (это будетъ очень скоро). Что при этомъ не было и рѣчи о „забвеніи“, напримѣръ, нѣкоторыхъ принципіальныхъ рѣчей тов. Ленина на партійномъ съѣздѣ, это само собой разумѣется.

Тов. Ленинъ кончаетъ свое послѣсловіе полученнымъ имъ письмомъ рабочаго, очень мило и довольно наивно выражающаго взгляды такъ называемыхъ „твердыхъ“ „искровцевъ“. Письмо даетъ прекрасную иллюстрацію къ мыслямъ той самой статьи П. Б. Аксельрода, противъ которой, можно сказать, „шипитъ“ все послѣсловіе. Послушайте только: „Если они („вожди“) ортодоксы, то и направленіе партіи ортодоксальное, если они оппортюнисты, то и партія такая же“. Поэтому „я безусловно высказываюсь за преобладаніе Ц. О. надъ Ц. К. въ идейномъ руководствѣ партіей“... ибо „какъ бы ни былъ Ц. К. ортодоксаленъ, но онъ, находясь въ Россіи, не можетъ быть застрахованъ отъ провала, а, слѣдовательно, и отъ потери ортодоксальности (!) помимо своей воли“. Интересно знать: не чувствуетъ ли нѣкоторую неловкость тов. Ленинъ, приводя это письмо, послѣ того, какъ вчера еще объявлялъ, что разговоры о преобладаніи Ц. О. надъ Ц. К. „сказка“, выдуманная жадными до „дрязгъ“ литераторами?

Рабочій, цитируемый Ленинымъ, даетъ нѣчто еще болѣе цѣнное для уразумѣнія нынѣшней позиціи „твердыхъ“. Изложивъ въ приведенныхъ цитатахъ свои *недавніе* взгляды, онъ прибавляетъ: „Но я не знаю, товарищъ, можно ли рѣшать этотъ вопросъ разъ навсегда, т. е., или чтобы всегда преобладалъ Ц. О. надъ Ц. К. или Ц. К. надъ Ц. О. Я думаю, что нельзя. Возьмемъ такое положеніе: вдругъ Ц. О. измѣнился и изъ ортодоксальнаго сталъ оппортюнистическимъ... ну, можно ли тогда дать ему преобладаніе въ идейномъ руководствѣ?.. Нѣтъ, наша обязанность была бы отнять у него право на преобладаніе и передать его въ руки другого учрежденія, и если бы этого не было сдѣлано по какому-нибудь поводу, все равно, будь-то *партійная дисциплина* (курсивъ мой) или еще что-нибудь, то всѣ мы достойны бы были названія измѣнниковъ рабочему соціальдемократическому движенію. Такъ я смотрю на это и никакъ не могу согласиться съ рѣшеніемъ разъ навсегда, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые товарищи!“.

Да, положеніе почти трагическое, особенно если вспомнить, что еще *вчера* вопросъ „о преобладаніи Ц. О. надъ Ц. К.“ казался вопросомъ принципіальнымъ и на него давался отвѣтъ „разъ навсегда“, причемъ этотъ отвѣтъ тѣмъ и мотивировался, что Ц. К. „помимо своей воли“ не можетъ не становиться по временамъ „оппортюнистическимъ“, Ц. О. же, яко заграницей сущій, отъ этого „застрахованъ“. „И вдругъ“... понимаете ли вы теперь, товарищи, почему Ленинъ *долженъ* самъ себѣ противорѣчить на каждомъ шагу? Очень, очень благодарны мы тов. Ленину за напечатаніе письма рабочаго: оно многихъ должно просвѣтить именно своей искренностью.

* * *

Черезвычайно содѣйствуетъ „просвѣтленію умовъ“ такой оборотъ дѣлъ, когда данное „разъ навсегда“ рѣшеніе начинаетъ „стѣснять“ „человѣка въ футлярѣ“ такъ же, какъ нѣкоторыхъ правителей у Щедрина стѣснялъ „разъ навсегда“ данный законъ. Люди тогда начинаютъ освобождаться отъ нѣкоторыхъ узенькихъ „догматовъ“ (рѣшеній разъ навсегда), которые положительно закрывали отъ нихъ весь свѣтъ, кромѣ одного уголка, который виденъ изъ одного окошечка. Такое просіяніе, повидимому, напало на „Женевскую группу содѣйствія Р. С.-Д. Р. П.“, которая прислала намъ для опубликованія нижеслѣдующую свою резолюцію:

„Женевская группа содѣйствія Партіи, ознакомившись съ послѣдними номерами „Искры“, пришла къ тому заключенію, что появившаяся въ № 55 статья П. Аксельрода (какъ отчасти и статья въ № 53 „Нашъ съѣздъ“), во-первыхъ, является искаженіемъ фактовъ второго партійнаго съѣзда и невѣрно изображаетъ создавшіяся отношенія внутри Партіи, во-вторыхъ, набрасываетъ тѣнь на Партію и дискредитируетъ ея представительныя учрежденія, внося тѣмъ лишь расколъ и анархію, и, такимъ образомъ, даетъ въ руки врагамъ пролетаріата средства къ отвлеченію рабочихъ массъ отъ революціонной соціальдемократіи. Въ виду этого, группа высказываетъ свой протестъ противъ того, что прежде столь принципіально выдержанная „Искра“, сдѣлавшись Центральнымъ Органомъ Партіи, теряетъ свою серьезную физіономію, становясь орудіемъ меньшинства, не выясняющаго даже своей принципіальной позиціи, и заявляетъ, что, продолжая еще считать „Искру“, по уставу второго съѣзда, Центральнымъ Органомъ, она тѣмъ не менѣе призываетъ всѣхъ членовъ Партіи къ широкой агитаціи противъ указанной тенденціи и къ энергичной борьбѣ въ рамкахъ существующаго партійнаго устава.

„Группа проситъ Ц. К. представить настоящее заявленіе третьему партійному съѣзду.

„Рабочій бунтуетъ“

(Страничка изъ наблюденій.)

II.

Отголоски разгоравшейся въ Россіи пролетарской борьбы разлетались по захолустьямъ и производили здѣсь въ умахъ обывателей настоящую революцію, перевертывая вверхъ дномъ всѣ обиходныя понятія, на почвѣ которыхъ испоконъ вѣку зиждились всѣ устои обывательскаго житья-бытья. Начавшаяся горячая волна политическихъ демонстрацій, прокатившаяся „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“, мало по малу въ глазахъ обывателя закрѣпила силу рабочаго движенія, которая еще подвергалась различнаго рода сомнѣніямъ въ періодъ чисто стачечнаго движенія. Теперь русскій обыватель воочію увидѣлъ передъ своими глазами надвигавшуюся надъ самодержавіемъ грозу. Теперь онъ увидѣлъ, что давящее ярмо царизма, казавшееся еще такъ недавно несокрушимымъ и передъ которымъ оказался безсильнымъ интеллигентный человѣкъ въ эпоху героическихъ усилій русскихъ террористовъ, это ярмо постепенно начинаетъ трещать подъ систематическими ударами рабочаго движенія, руководимаго соціальдемократіей.

Нужно было жить въ нашей провинціи при началѣ демонстраціоннаго періода, чтобы оцѣнить его значеніе во всей полнотѣ. Обыватель, еще такъ недавно заполнявшій содержаніе своей жизни сплетней, подъ вліяніемъ начавшихся демонстрацій въ большихъ центральныхъ городахъ, словно ожилъ къ новой жизни. „Политика“ мало-по-малу начала вытѣснять изъ главныхъ позицій сплетню, и разговоры на тему о томъ, что „рабочій бунтуетъ“, начали играть въ сѣренькой обывательской жизни не послѣднюю роль. Обыватель, по крайней, мѣрѣ тотъ, который съ прадѣдовскихъ временъ привыкъ служить матеріаломъ главныхъ административно-полицейскихъ „усмотрѣній“ и экспериментовъ, поднялъ теперь голову, почувствовалъ на первыхъ порахъ еще инстинктивно, подъ вліяніемъ манифестацій, что есть же и на начальство „управа“, и что всему на свѣтѣ можетъ прійти свой конецъ, а въ томъ числѣ и безграничному произволу самодержавно-бюрократической клики.

Въ то самое время, когда на улицахъ Тифлиса въ 1901 году рабочіе проливали свою кровь за свободу, на всемъ Сѣверномъ Кавказѣ не было ни одного мало-мальски большого города, въ которомъ бы мѣстная интеллигенція, главнымъ образомъ, представители „свободныхъ профессій“, не собирали бы по подпискѣ или инымъ путемъ пожертвованія „въ пользу жертвъ тифлисскаго избіенія“. Я въ то время временно проживалъ въ одномъ изъ близъ лежащихъ къ Сѣверному Кавказу городовъ и никогда не забуду того оживленія и энтузіазма, съ какимъ тифлисская демонстрація была встрѣчена представителями интеллигенціи нашего города. Помню, одинъ адвокатъ, съ которымъ я имѣлъ дѣловыя сношенія, очень сдержанный по натурѣ человѣкъ, при извѣстіи о демонстраціи рабочихъ въ Тифлисѣ встрѣтилъ меня слѣдующими характерными словами: „вотъ теперь и я готовъ помогать соціальдемократіи, чѣмъ могу, теперь и я вижу, что она принимается „за дѣло“, а то, что она до сихъ поръ дѣлала? — занималась стачками. Но, повѣрьте, сколько бы она ни занималась ими, самодержавію отъ этого ни тепло, ни холодно, а теперь другое дѣло — правительство, напримѣръ, въ тифлисской демонстраціи поставлено лицомъ къ лицу съ своимъ непримиримымъ врагомъ. Демонстраціи — это предвѣстникъ, это первая ласточка грядущей русской революціи, это прототипъ будущаго народнаго возстанія“.

Я былъ очень удивленъ словами моего собесѣдника. Но впечатлѣніе, произведенное на него Тифлисской демонстраціей при ближайшемъ ознакомленіи съ настроеніемъ мѣстнаго общества, оказалось весьма типичнымъ. Изъ устъ многихъ обывателей мнѣ приходилось слышать въ эти дни много похвалъ и комплиментовъ русской соціальдемократіи. Одинъ лавочникъ, у котораго я былъ постояннымъ покупателемъ, по поводу Тифлисской демонстраціи замѣтилъ мнѣ, что „ваши бунтуютъ“ и хорошо дѣлаютъ, пора уже давно за умъ приняться. Рабочій — сила и если наше правительство „раздразнитъ“ его, то плохо ему прійдется, потому что теперь не то время, теперь рабочему будутъ сочувствовать многіе, такъ какъ всѣхъ насъ давятъ. Ежели Карповичъ убилъ Боголѣпова, то намѣсто его поставятъ другого такого же прохвоста, а съ рабочими ничего не подѣлаешь, ихъ не удовлетворишь: сегодня они требуютъ 8 час. работы, а завтра „республики“. „Долой самодержавіе“ — это не пустой разговоръ одинъ, а страшная нужда въ этомъ, всѣ знаютъ, что не будь у насъ самодержавія, не было бы и того чиновничьяго самовластія, которое мы уже давно всѣ проклинаемъ.“ Долго еще мой лавочникъ распространялся на эту тему въ связи съ тифлисскими событіями. Въ это же приблизительно время мнѣ пришлось быть по дѣламъ въ одной большой деревнѣ, похожей скорѣе на уѣздный городъ, чѣмъ на село. По пріѣздѣ въ деревню, я остановился у одного моего стараго пріятеля-крестьянина, довольно состоятельнаго человѣка. Не успѣлъ я еще хорошенько отдохнуть отъ дороги, какъ сынъ крестьянина и самъ онъ засыпали меня вопросами по поводу послѣднихъ тифлисскихъ событій. Эта крестьянская семья считалась „умственной“ въ деревнѣ и выписывала „Биржевыя Вѣдомости“, откуда она черпала всѣ свѣдѣнія, касавшіяся событій внѣшняго міра. Въ газетахъ уже тогда появилось „правительственное сообщеніе“. „Вотъ славно устроили ребята въ Тифлисѣ“, сказалъ мнѣ старикъ крестьянинъ, „не худо бы было, ежели бы и у насъ то же произошло, пора и въ нашихъ мѣстахъ показать „кузькину мать“ нашимъ правителямъ, пора показать, чтобы не зазнавались, чтобы страхъ имѣли“. Нужно, чтобы кто нибудь и намъ прислалъ тѣ книжки, гдѣ разъясняется, для чего нужно „долой самодержавіе“, а мужики наши, не думайте, не хуже понимаютъ весь гнетъ чиновенства, нужно только „искру“, чтобы „возгорѣлось пламя“, и все пойдетъ, какъ по маслу. Одно плохо, что „насъ всѣ забываютъ“. Вотъ въ Тифлисѣ нашлись люди, которые открыли рабочему народу глаза на его угнетеніе. Недавно туда пошелъ на заработки одинъ нашъ деревенскій парень, не особенно мудреный даже, а не прошло и года, какъ онъ началъ писать такія письма къ своимъ въ село, что имъ-бы могъ позавидовать и всякій „студентъ“. Онъ описалъ и „бунтъ“ въ Тифлисѣ, и что требуютъ рабочіе, и какъ ихъ били на площади, когда рабочіе сошлись требовать свободы съ красными знаменами. Вишь, какъ придумали ловко со знаменами, будто войско“. „Нѣтъ, продолжалъ мой собесѣдникъ, нужно, чтобы и мужикъ встряхнулся и чтобы и онъ пошелъ нога въ ногу со своимъ братомъ рабочимъ. Эхъ, какъ бы славно было, если бы и въ нашихъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, а коли здѣсь, въ деревняхъ онъ вспыхнетъ, то не затушить его и во вѣки. Мужикъ упрямъ, да вотъ плохо, что никто не прійдетъ ему на помощь. Теперь же онъ только безъ толку ругается съ начальствомъ, а тогда бы совсѣмъ другое дѣло. Недавно здѣсь распространилъ кто то два листка „Свободной Мысли“, такъ ихъ зачитали до дыръ. Читали его и старъ, и младъ. Но видно по всему, что издатели его „не въ ту точку бьютъ“, хоть и хорошіе, видно, они люди. Не смиреніе намъ нужно, а „возмущеніе“. Оттого плохо и живется мужику, что его всякій норовитъ согнутъ въ дугу, а онъ только отмалчивается, прибергая свою злобу на „слушный“ часъ. Нѣтъ, „Свободная Мысль“ не годится, намъ нужны такія книжки, „какъ въ Тифлисѣ“. Вечеромъ изба моего крестьянина переполнилась его односельцами, которые часто заходятъ къ моему знакомому узнать новости: „что пишутъ въ газетахъ?“ Одинъ изъ присутствующихъ крестьянъ задалъ такой вопросъ: „не пишутъ ли чего въ газетахъ про надѣлъ землею“, и когда ему отвѣтилъ мой крестьянинъ, что объ этомъ имъ долго ничего не будутъ писать, то крестьянинъ, спрашивавшій его, сказалъ: „ну и газета твоя ничего не стоитъ, ежели она объ этомъ ничего не пишетъ“. Другой крестьянинъ сказалъ по этому поводу, что всѣ „газеты царскія“, да „чиновничьи“, а потому и ждать отъ нихъ нечего. Намъ нужны другія газеты, которыя бы о насъ писали. Вотъ какъ въ Тифлисѣ, пишетъ одинъ нашъ парень, который тамъ же на желѣзной дорогѣ служилъ, что у нихъ есть свои газеты и книжки, которыя о правдѣ пишутъ, я такія газеты понимаю. Ежели бы такія у насъ были газеты, тогда-бы мы уже давно съ „дрючками“ вышли на поповъ и чиновниковъ, которые давно пьютъ нашъ потъ и издѣваются надъ нами. На этой почвѣ завязался среди присутствующихъ нескончаемый разговоръ. Тутъ были крестьяне разныхъ соціальныхъ положеній. Были здѣсь и представители того „хозяйственнаго, крѣпкаго крестьянства“, которое возведено „Революціонной Россіей“ въ „трудовое крестьянство“, были также и „однолошадные“ и „безлошадные“. Интересно попутно отмѣтить разницу въ характерѣ взглядовъ этихъ антиподовъ деревенской жизни, которая ярко бросается въ глаза даже при спорѣ по поводу опредѣленныхъ вопросовъ. Такъ, одинъ изъ присутствующихъ крестьянъ, принадлежащій къ деревенской бѣднотѣ, вѣчный недоимщикъ, говоря о своемъ недовольствѣ окружающимъ, прежде всего оцѣнивалъ свое отношеніе къ окружающимъ съ точки зрѣнія недостатка, бѣдности и противопоставлялъ свое положеніе положенію богатѣевъ, къ какому бы сословію послѣдніе ни относились, и, говоря о нихъ, указывалъ, что нужно отнять отъ нихъ „землю и капиталы“, тогда и „бунтовать не будутъ“. „Рабочіе въ городахъ, говорилъ онъ, поднялись противъ богатыхъ, купившихъ все въ мірѣ“. Это, мы вотъ какъ знаемъ, говорилъ онъ, показывая выразительно на свою спину. Мой же хозяинъ въ разговорѣ подходилъ къ событіямъ какъ будто только съ политической стороны и указывалъ, какъ главное зло, существованіе полиціи и чиновничества, разоряющихъ народъ. Мѣстность, въ которой происходили описанныя встрѣчи, черезъ полгода „бунтовалась“, не на шутку испугавъ губернскую помпадурію, усмирявшую бунтовщиковъ казацкими плетьми и прикладами. Чѣмъ дольше я жилъ въ предкавказской провинціи, тѣмъ больше убѣждался въ томъ обстоятельствѣ,

„Резолюція принята 10 гол. противъ 3 при 2 воздерж.

„Изъ неприсутствовавшихъ на собраніи членовъ группы къ резолюціи присоединились 3 чел.“

Итакъ, значитъ можно бороться въ рамкахъ устава съ „центрами“, не рискуя быть объявленными „дезорганизаторами“? Можно даже призывать всѣхъ товарищей къ этой борьбѣ? Можно даже (о ужасъ, ужасъ! что скажетъ тов. Ленинъ?) признавать „руководство“ этого центра только „до поры до времени“? А ежели не исправится? Я боюсь даже подумать... Но моей „крамольной“ душѣ милъ этотъ духъ возмущенія (хотя этотъ капризный бѣсенокъ и выбралъ несуразную форму для своего воплощенія), даже когда онъ явно направляется противъ нашей „Искры“. Только начните „вникать“, друзья мои, только начните, только откажитесь отъ „разъ навсегда“ данныхъ истинъ, вродѣ „чинъ чина почитай“, „звѣзда отъ звѣзды“ и т. д. — а тамъ ужъ пойдетъ и пойдетъ, и вы и не замѣтите, какъ станете... ну, совсѣмъ „любомудрами“!

Одно только запомните, друзья мои, одного слѣдуетъ все-таки держаться „разъ навсегда“: это утверждать что-нибудь только о томъ, что знаешь: иначе какъ-то неловко. Резолюцію свою вы приняли прежде, чѣмъ появились протоколы нашего съѣзда, на которомъ, сколько мнѣ помнится, не было делегатовъ вашей группы. Ну, скажите по совѣсти: какъ же вы могли провѣрить показанія Аксельрода и автора статьи „Нашъ съѣздъ“ о ходѣ работъ съѣзда? Солдатъ проѣзжій, вѣрно разсказалъ? Такъ это, вѣдь, ненадежный источникъ...

А знаетъ ли женевская группа, почему ея резолюція имѣетъ нѣкоторое право на помѣщеніе на столбцахъ Ц. О.? Потому, что она *введена въ Партію* съ принятіемъ того § 1 устава, который предложилъ пишущій эти строки и за который онъ объявленъ оппортюнистомъ. Въ самомъ дѣлѣ: тов. Ленинъ, какъ извѣстно, предлагалъ считать членами Партіи лишь членовъ одной изъ партійныхъ организацій. А, по нашему уставу, заграницей имѣется только одна партійная организація — Лига. Не члены Лиги не считались бы членами Партіи. Принятая съѣздомъ моя формулировка § 1 подвергалась на съѣздѣ и послѣ съѣзда сильнымъ нападкамъ; говорили, что она облегчаетъ вхожденіе въ нашу Партію оппортюнистовъ. Я не думаю этого, но обращаю вниманіе товарищей, приславшихъ намъ резолюцію, что именно эта формулировка сдѣлала ихъ членами Партіи, какъ лицъ, работающихъ регулярно „подъ руководствомъ одной изъ партійныхъ организацій“ — въ данномъ случаѣ Лиги. Нѣтъ, значитъ, худа безъ добра, не такъ ли?

* * *

Да, „разъ на всегда“ данное рѣшеніе вопроса отходитъ въ область дней минувшихъ. Какія рѣчи мы уже слышимъ о „партійной дисциплинѣ“ въ письмѣ, которое съ сочувствіемъ цитируетъ тов. Ленинъ! А далеко ли то время, когда эти два слова были альфой и омегой „истиннаго искровства“? Давно ли былъ написанъ, напримѣръ, нижеслѣдующій документъ, вѣрно выразившій, безъ сомнѣнія, идею „разъ на всегда даннаго“ рѣшенія *всѣхъ* вопросовъ нашей партійной жизни?

КРАТКАЯ КОНСТИТУЦІЯ РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБ. ПАРТІИ [1].

(Уставъ-максимумъ „твердыхъ“)

§ 1. Партія дѣлится на заѣзжателей и заѣзжаемыхъ.

Прим. Группы и лица, кои не склонны быть заѣзжаемыми, но также не способны заѣзжать, упраздняются вовсе.

§ 2. Заѣзжатели, вообще, заѣзжаютъ. Что же касается заѣзжаемыхъ, то оные преимущественно бываютъ заѣзжаемы.

§ 3. Въ интересахъ централизма заѣзжатели бываютъ разныхъ степеней довѣрія. Заѣзжаемые уравнены въ правахъ.

§ 4. Для обжалованія уже воспослѣдовавшихъ заѣзжаній учреждается Совѣтъ. Впрочемъ, послѣдній заѣзжаетъ и самостоятельно.

§ 5. Іерархія сія увѣнчивается Пятымъ, права коего по заѣзжанію ограничены лишь естественными законами природы.

§ 6. Ц. О. заѣзжаетъ мѣрами духовнаго вразумленія. Въ случаѣ закоренѣлости вразумляемыхъ, предаетъ оныхъ въ руки Ц. К.

§ 7. Тогда Ц. К. *поступаетъ*.

§ 8. Заѣзжаемые дѣлаютъ взносы въ партійную кассу на расходы по заѣзжанію, а равно и по пропагандѣ.

§ 9. Въ свое время всѣ члены партіи, и заѣзжатели, и заѣзжаемые, дѣлаютъ революцію.

Прим. Отъ сей повинности увольняются *заѣзженные*.

А еще говорятъ, что русскіе не умѣютъ выражать кратко свои мысли? Parlez moi de ça!

Л. Мартовъ.

---

[1] Въ моментъ набора этого документа въ редакцію поступила нижеслѣдующая резолюція, которую мы, въ интересахъ безпристрастія, печатаемъ тутъ же. Мы привѣтствуемъ это свободное выраженіе нашими товарищами-наборщиками ихъ мнѣнія о набираемыхъ ими статьяхъ.

Л. М.

РЕЗОЛЮЦІЯ.

Мы, наборщики партійной типографіи, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что соглашаемся набирать такъ назыв. „Уставъ-максимумъ „твердыхъ“, *только* подчиняясь своей партійной обязанности, но считаемъ помѣщеніе подобнаго рода „документовъ“ недостойнымъ центральнаго органа нашей Партіи, тѣмъ болѣе, что редакціей было дано обѣщаніе, что помѣщаться будутъ статьи лишь принципіальнаго характера, способныя внести свѣтъ, а не затменіе въ создавшіяся въ Партіи отношенія.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Два съѣзда. Петербургъ теперь въ большомъ оживленіи. Закрытый вчера III съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію далъ не мало матеріала для возбужденія общественнаго настроенія. А сейчасъ засѣдаетъ IX пироговскій съѣздъ, который тоже привлекаетъ вниманіе публики. Петербургское общество, мало избалованное коллективнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ, видитъ въ этихъ многолюдныхъ съѣздахъ какъ бы зародышъ общественной самодѣятельности и привѣтствуетъ это „странное“ при самодержавномъ режимѣ явленіе, какъ симптомъ борьбы культуры съ варварствомъ самодержавнаго гнета.

Не доведенный до конца техническій съѣздъ довольно рельефно обнаружилъ несовмѣстимость культурной дѣятельности съ существующимъ государственнымъ строемъ Россіи. Бурное настроеніе замѣчалось на съѣздѣ съ самаго начала. Первое недовольство участниковъ съѣзда было вызвано неразрѣшеніемъ общихъ собраній. Полиція боялась повторенія инцидента II техническаго съѣзда въ Москвѣ въ 1895 г., на которомъ была вынесена резолюція общаго собранія о необходимости всеобщаго народнаго образованія. Благодаря этой „ужасной“ резолюціи, не удавалось такъ долго созвать III съѣздъ, и когда, наконецъ, хлопоты и ходатайства распорядительной коммиссіи рѣшили уважить, полиція превратила съѣздъ въ рядъ отдѣльныхъ спеціальныхъ собраній. Были, кромѣ того, приняты самыя рѣшительныя мѣры, чтобы какъ-нибудь не проходили доклады съ нежелательнымъ содержаніемъ. Всѣ доклады по всѣмъ секціямъ должны были быть доставлены до открытія съѣзда распорядительной коммиссіи и проходить черезъ ея цензуру. Предсѣдатели для всѣхъ секцій назначались „казенные“. Никакія резолюціи не могли быть предложены, за исключеніемъ тѣхъ, которыя одобрены распорядительной коммиссіей. Такъ заботливо охранялась полиціей благонадежность съѣзда. Но пришлось и ей получать сюрпризы...

При открытіи съѣзда письмо великаго князя Александра Михайловича и предложеніе предсѣдателя выразить телеграммой вѣрноподданическія чувства государю были встрѣчены довольно холодно. Жиденькіе апплодисменты послѣ этихъ предложеній и демонстративное хлопанье при появленіи „опальнаго“ В. И. Ковалевскаго уже въ день открытія съѣзда обнаружили недружелюбное отношеніе членовъ съѣзда къ правительству. А затѣмъ почти во всѣхъ секціяхъ члены съѣзды искали всякаго удобнаго случая для выраженія протеста противъ существующаго безправія. Дѣлалось это частью эзоповскими заявленіями, частью болѣе или менѣе открыто, всегда окольными путями, половинчато, „по либеральному“. Но съ каждымъ засѣданіемъ росло оппозиціонное настроеніе и духъ протеста усиливался. Для Россіи и для нашего либеральнаго общества, во всякомъ случаѣ, знаменательное явленіе.

Больше всего интереса, какъ среди членовъ съѣзда, такъ и въ публикѣ, возбуждали занятія X секціи (школы и курсы для рабочихъ). Въ эту секцію стекалось больше всего народа, такъ что засѣданія X секція фактически превратились въ общія собранія съѣзда, т. е. въ то, что такъ упорно недопускалось полиціей. Но, какъ уже сказано, предсѣдатели во всѣхъ секціяхъ были назначенные. И, чтобъ избавиться отъ полицейскаго вмѣшательства этихъ „должностныхъ лицъ“, которыя не давали возможности касаться общей постановки какого-либо вопроса даже въ самой лойальной формѣ, члены съѣзда рѣшили образовать по отдѣльнымъ вопросамъ коммиссіи, въ которыхъ пренія велись бы подъ руководствомъ выборныхъ представителей. Эти коммиссіи, въ свою очередь, фактически превратились въ общія собранія съѣзда и въ нихъ предсѣдательскій звонокъ дѣйствовалъ уже не такъ усердно. Принятыя въ коммиссіяхъ рѣшенія должны были перебаллотировываться въ секціяхъ и затѣмъ быть перенесены на голосованіе всѣхъ членовъ съѣзда при закрытіи его. Но до этого не дошло.

Первая коммиссія секціи рѣшила отказаться отъ обычнаго способа выраженія желаній съѣздовъ, возбужденія ходатайствъ передъ правительствомъ. Практика показала, что эти ходатайства ни къ чему не приводятъ и являются безсмысленной тратой времени. Изъ 90 ходатайствъ московскаго съѣзда удовлетворены только два (ничтожныхъ по своему общему значенію) а на остальныя не получилось даже отвѣта. „Не ходатайств а постановленія“ — стало лозунгомъ этой секціи. Впослѣдст къ этому рѣшенію присоединилась также IX секція (о ручно трудѣ въ общеобразовательныхъ учрежденіяхъ).

Изъ резолюцій, вынесенныхъ въ X секціи, наиболѣе заслуживаютъ вниманія слѣдующія: введеніе обязательнаго всеобщаго народнаго образованія; преподаваніе въ народныхъ школахъ должно вестись на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ населеніе данной мѣстности; школьное дѣло должно быть всецѣло отдано въ руки земства (а въ неземскихъ губерніяхъ должны быть введены земства); упраздненіе школьнаго вѣдомства св. синода и передача его средствъ и школъ земству. Курсъ народной школы долженъ быть четырехклассным. Устраненіе административнаго вліянія на школьное дѣло; открытіе школъ для взрослыхъ безъ ограниченія программы; устройство училищнаго совѣта, какъ постояннаго учрежденія, изъ выборныхъ представителей учителей и земскихъ учрежденій; начальныя школы должны быть только общеобразовательныя; школы учреждаются явочнымъ порядкомъ. Было вынесено также нѣсколько резолюцій по рабочему законодательству, находящемуся въ тѣснѣйшей связи съ распространеніемъ образованія въ рабочемъ классѣ. Изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія резолюція о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ. Это пролетарское требованіе было встрѣчено особенно сочувственно, чѣмъ, между прочимъ, было также выражено косвенное сочувствіе пролетарской борьбѣ. За то предложеніе объ отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ не прошло, а было замѣнено резолюціей о нормировкѣ сверхурочныхъ работъ. Тутъ уже обнаружилась половинчатость либераловъ. То же сказалось въ преніяхъ и въ рѣшеніи относительно свободы рабочихъ союзовъ. Общее требованіе свободы рабочихъ союзовъ (подъ которыми надо понимать и политическіе союзы) показалось членамъ съѣзда черезъ-чуръ радикальнымъ, и оно было замѣнено требованіемъ свободы потребительныхъ и профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Наиболѣе политически-выдержанной и радикальной надо считать резолюцію *объ отмѣнѣ цензуры*. Это общее политическое требованіе было пристегнуто къ спеціальной резолюціи о необходимости изданія общерусскаго школьнаго органа, которое является невозможнымъ при существующихъ условіяхъ печати, а потому признано необходимымъ требовать отмѣны цензуры. Всѣ эти резолюціи прошли почти единогласно при перебаллотировкѣ на общемъ собраніи X секціи.

Бурное политическое настроеніе X секціи передавалось и въ другія секціи, которыя также при обсужденіи резолюцій, имѣющихъ политическій характеръ, были очень многолюдны. Первая, такъ называемая профессорская секція (о высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ) вынесла слѣдующія резолюціи: уничтоженіе ограниченій разныхъ вѣроисповѣданій при поступленіи въ высшія учебныя заведенія; разрѣшеніе евреямъ, кончившимъ среднюю школу, права повсемѣстнаго жительства въ имперіи (опять либеральная половинчатость); предоставленіе студентамъ права открывать курсы для рабочихъ безъ ограниченія программы. II секція приняла резолюцію объ уничтоженіи вѣроисповѣдныхъ ограниченій при пріемѣ въ техническія учебныя заведенія. III секція постановила необходимость предоставленія школьныхъ библіотекъ въ пользованіе всего населенія. IV секція постановила, что съѣзды должны быть учрежденіемъ постояннымъ, независимымъ отъ администраціи (къ этой резолюціи присоединились и другія секціи). VII секція (ремесленное ученичество) постановила отмѣну тѣлеснаго наказанія. Въ этой секціи участвовали въ качествѣ членовъ съѣзда Степановъ и Пронинъ, герои кишиневскаго погрома. Во время рѣчи одного оратора, защищавшаго эту резолюцію, Степановъ крикнулъ: „А что, теперешнее небитое отродье лучше?“ Л. Кремлевъ на это ему отвѣтилъ, обращаясь къ членамъ собранія: „Присутствующіе знаютъ, какъ цѣ-

---

что революціонное рабочее движеніе всколыхнуло съ верху до низу нашу провинціальную глушь, наполнивъ ее содержаніемъ разыгравшейся пролетарской борьбы, будя въ ней давно дремавшее недовольство существующими политическими отношеніями. Разнообразные слухи и толки соціально-политическаго характера, шедшіе изъ большихъ городовъ, преломлялись въ головахъ мѣстныхъ обывателей, соотвѣтственно той соціальной средѣ, въ которой обыватель жилъ. Все вниманіе провинціи было направлено на большіе фабрично-заводскіе центры. Оттуда въ провинцію долженъ прійти ангелъ-спаситель отъ произвола самодержавно-бюрократической рати, такъ думали весьма многіе въ описываемое время. Характерно отмѣтить то обстоятельство, что во время крестьянскихъ волненій, происшедшихъ лѣтомъ 1901 года на Сѣверномъ Кавказѣ въ экономіяхъ такъ называемыхъ „тавричанъ“ — мѣстныхъ лэндлордовъ, волновавшимися крестьянами были пущены средства борьбы, аналогичныя съ тѣми, которыя всегда употребляются рабочими, какъ то стачка или бойкотъ.

Кромѣ того, изъ экономіи въ экономію ходила по рукамъ волновавшихся крестьянъ какая то „прокламація“, писанная печатными буквами, заканчивавшаяся словами „долой живодеровъ и грабителей, забирайте земли и земледѣльческія машины“. Объясняется это отчасти тѣмъ, что среди волновавшихся крестьянъ, какъ это было впослѣдствіи установлено слѣдствіемъ, было нѣсколько человѣкъ, очень долгое время ходившихъ на заработки въ Екатеринославскую губернію, гдѣ, очевидно, ими и была усвоена форма прокламаціи отъ прокламацій, распространяемыхъ среди тамошнихъ рабочихъ.

Въ это же лѣто 1901 года губернская администрація, отчасти напуганная мѣстными крестьянскими волненіями, а отчасти и демонстраціями въ другихъ городахъ, со дня на день ждала у себя „начала возстанія“, для чего стянула въ городъ всю имѣвшуюся у нея подъ руками царскую опричину и войска. Въ городѣ шли толки самаго разнообразнаго характера. Участились „оскорбленія величества“ въ кабакахъ и харчевняхъ и даже на улицахъ. На ярмаркѣ одинъ крестьянинъ подвыпивши, идя по многолюдной площади, крикнулъ: „долой царя и всѣхъ разбойниковъ“. Нарядъ полиціи весь сбѣжался спасать царское имя и набросился на крестьянина съ нагайками, повидимому думая, что за возгласомъ должна послѣдовать демонстрація. Но хотя демонстраціи и не было, зато толпа вмѣшалась въ избіеніе крестьянина, вырвавъ его еле живого изъ лапъ разъяренныхъ царскихъ приспѣшниковъ. Атмосфера была черезвычайно наэлектризована, — нет; Атмосфера была черезвычайно взвинчена. Кто то крикнулъ изъ толпы: „бейте, чортовы псы, прійдетъ и на васъ скоро Тифлисская управа“. — Мѣстная интеллигенція жила также лихорадочной жизнью. Слухи о томъ, что „рабочій бунтуетъ“, заставляли и ее оглядываться вокругъ себя и подыскивать своему прозябанію какое-либо оправданіе.

Многіе изъ мѣстной интеллигенціи дѣятельно собирали деньги на разныя соціальдемократическія предпріятія. Начала время отъ времени приходить въ нашъ городъ „Искра“, читавшаяся на расхватъ. Она передъ читавшими обобщала все то, что происходило вокругъ. Даже ярые противники идей марксизма и соціальдемократіи серьезно начинали интересоваться рабочимъ движеніемъ.

Особенно интересъ къ рабочему движенію выросъ въ провинціи во время знаменитой кіевской февральской манифестаціи 1902 года, продолжавшейся, какъ извѣстно, цѣлыхъ три дня, свидѣтельствуя о громадной революціонной энергіи рабочихъ, накопленной ими во все время стачечнаго движенія, всколыхнувшаго рабочія массы съ верховъ до низовъ ихъ. Здѣсь въ провинціи кіевская манифестація почти всѣми представителями мѣстнаго общества была понята, какъ первая крупная схватка рабочаго класса съ самодержавіемъ на виду у всѣхъ. Я помню очень хорошо этотъ моментъ. Онъ вселилъ надежду въ обывательскія души на приближающійся день расплаты народа съ царизмомъ. Помню, что, когда въ нашемъ городѣ было получено первое извѣстіе объ этой грандіозной демонстраціи, то представители свободныхъ профессій, какъ-то врачи и мѣстные юристы не на шутку начали подумывать о присоединеніи своемъ къ общему движенію требованіемъ скорѣйшаго осуществленія конституціоннаго порядка, который имъ всѣмъ представлялся, какъ фактъ завтрашняго дня. Чтобы начать что-либо дѣлать въ этомъ отношеніи, на собраніи мѣстныхъ либераловъ было рѣшено послать въ ближайшіе два города своего делегата, который бы освѣдомился о положеніи дѣлъ и, въ случаѣ благопріятнаго характера ихъ, предложилъ бы тамошней адвокатской корпораціи присоединиться къ выработанной ими петиціи. И делегатъ, дѣйствительно, ѣздилъ въ эти города, хотя движенія петиціи не было дано. Въ свою очередь, въ это время пріѣзжалъ къ намъ одинъ видный журналистъ съ цѣлью агитаціи идеи присоединенія представителей мѣстныхъ интеллигентныхъ профессій къ общему рабочему движенію, понимая его, конечно, только съ конституціонной стороны. Слухи и вѣсти о готовящихся повсемѣстныхъ демонстраціяхъ переполнили весь городъ. Даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ и частныхъ коммерческихъ банкахъ шли безконечные толки о близкомъ политическомъ крахѣ. Былъ кѣмъ то пущенъ въ это время слухъ о смерти Л. Н. Толстого и о запрещеніи говорить о смерти его въ газетахъ, дабы избѣжать, въ такое тревожное время, возможныхъ со стороны рускаго общества демонстраціи. Въ городѣ нашемъ появилась откуда то масса прокламаціи изъ Кіева, а также и Одессы, гдѣ также разыгралась въ февралѣ демонстрація.

Чиновничество мѣстное, въ виду слуховъ о смерти Л. Н. Толстого, рѣшило провѣрить слухъ посылкой телеграммы его семьѣ, и въ случаѣ полученія извѣстія о смерти, рѣшило устроить демонстративно панихиду, не смотря на будто бы уже разосланный циркуляръ по епархіямъ о запрещеніи служить панихиду по „богохульникѣ“ послѣ его смерти. Эти и другіе слухи въ связи съ демонстраціями въ Петербургѣ, Москвѣ и цѣломъ рядѣ другихъ городовъ совершенно сбили съ толку мѣстнаго губернатора, который въ одномъ частномъ общественномъ собраніи для характеристики переживаемаго момента сказалъ слѣдующее: „мы переживаемъ тяжелое время, когда поручиться за завтрашній день очень трудно, мы сидимъ на вулканѣ, который ежеминутно можетъ взорвать“. И, дѣйствительно, администрація купно съ мѣстной жандармеріей металась изъ стороны въ сторону, не зная, „съ чего начать“ свои „операціи“. Въ обществѣ только и говорили, что о рабочихъ демонстраціяхъ, въ каждой газетѣ обыватель какъ то инстинктивно искалъ „правительственныхъ сообщеній.“ „Рабочій бунтуетъ“ сказалъ мнѣ при встрѣчѣ со мной одинъ крупный землевладѣлецъ, пріѣхавшій какъ разъ въ это время въ городъ „освѣжиться“ изъ своей глухой берлоги.

Да, батенька, нѣтъ ни въ комъ повиновенія, вездѣ, куда ни глянь, строптивость и дерзость. Знаете, благодаря начавшимся „бунтамъ“ рабочихъ въ городахъ, намъ въ деревнѣ становится жутко жить, мужикъ сталъ какъ то приподымать свой носъ, требуетъ всему объясненія, пошли какіе то раньше небывалые въ нашей деревнѣ темные толки о томъ, что земля должна принадлежать тому, кто работаетъ своими руками... Одна распущенность и только... Сынъ не слушается отца, дочь матери, а всѣ вмѣстѣ начальства, дворянину нѣтъ никакого почета. Нѣтъ, одно спасеніе въ „ежевыхъ рукавицахъ“, а то скоро намъ дворянамъ, не будетъ житья въ деревнѣ. Пошли поджоги, грабежи убійства и т. д. Конечно, правительству нашему не легко справиться со смутой въ заводскихъ районахъ, но оно должно, по крайней мѣрѣ, спасти отъ нея деревню, пока еще не поздно“. Долго еще мой помѣщикъ распространялся о „смутѣ въ деревнѣ“ и о „мѣрахъ пресѣченія“. На другой день послѣ этого разговора онъ ужъ мчался въ свое „дворянское гнѣздо“, вызванный по телеграммѣ, которую онъ мнѣ показалъ и въ которой значилось буквально слѣдующее: „пріѣзжайте въ экономію безотлагательно“ а дальше роковыя слова „рабочіе бунтуютъ“. Помѣщикъ былъ ни живъ, ни мертвъ.

Не успѣли еще остыть у мѣстнаго обывателя впечатлѣнія отъ демонстраціи, какъ въ маѣ мѣсяцѣ разыгралась на ст. Тихорѣцкой Владикавказской жел. дор. извѣстная драма съ Золотовой, изнасилованной и задушенной станичными властями во главѣ со слѣдователемъ. Рабочіе, какъ извѣстно, первые выступили на защиту поруганной человѣческой личности и разгромили станичное управленіе, гдѣ совершено было задушеніе Золотовой. Вѣсть объ этой драматической исторіи и манифестаціи желѣзнодорожныхъ рабочихъ облетѣла всю нашу губернію. Въ деревняхъ интересовались ею не меньше, чѣмъ въ самомъ губернскомъ городѣ. Здѣсь слово „рабочій“ стало выше даже слова „студентъ“. Не было ни одного человѣка, въ нашемъ городѣ, по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходилось встрѣчать такого, который бы не сочувствовалъ тихорѣцкимъ рабочимъ въ ихъ мужественномъ протестѣ. Даже въ салонахъ буржуазно-аристократической знати выражались симпатіи героямъ рабочимъ. И здѣсь я замѣтилъ, что былое сочувствіе студентамъ замѣнилось сочувствіемъ рабочимъ. Во время студенческихъ безпорядковъ прежде всего спрашивали о томъ, была-ли поддержка со стороны рабочихъ.

Словомъ, недовольный элементъ изъ обывательской среды, по крайней мѣрѣ, въ той русской провинціи, гдѣ я жилъ въ 1902 г., всѣ свои надежды всецѣло возлагалъ на дальнѣйшій ходъ разгорающейся борьбы пролетаріата за свободу. Все было пріурочено къ этой борьбѣ. Всякая вѣсть о демонстраціи и даже стачкѣ приподымала теперь бодрость духа у обывателя. Къ рабочему движенію многіе изъ обывателей начали относиться сознательно. И мѣсто стараго отжившаго народовольства и его эпигоновъ въ глазахъ обывателя заняла молодая соціальдемократія, растущая не по днямъ, а по часамъ.

А. Свѣтловъ.

нить подобное выраженіе человѣка, достаточно опозорившаго себя своимъ участіемъ въ кишиневскомъ погромѣ“.

Исторія „изгнанія“ Степанова со съѣзда была уже разсказана въ „Искрѣ“. Этотъ инцидентъ переполнилъ чашу терпѣнія Плеве. Обиды своего милаго сотрудника онъ не могъ простить съѣзду, и въ 12 часовъ ночи послѣдовала въ полицію телеграмма министра о немедленномъ закрытіи съѣзда. Въ 1 часъ ночи полиція сорвала всѣ вывѣски, плакаты, флаги и пр. и наклеила у входныхъ дверей объявленіе, что на основаніи 321-ой статьи устава объ усиленной охранѣ и т. д. градоначальникъ закрываетъ съѣздъ. На другое утро члены пришли и должны были удовольствоваться прочтеніемъ этого объявленія.

На вечернемъ собраніи пироговскаго съѣзда циркулировалъ между членами листокъ отъ членовъ техническаго съѣзда, въ которомъ послѣдніе извѣщаютъ о принятомъ ими „протестѣ противъ насильственнаго закрытія съѣзда и противъ существующаго режима, позволяющаго такія насилія, просятъ членовъ пироговскаго съѣзда присоединиться къ этому протесту“.

Отдѣльныхъ инцидентовъ на техническомъ съѣздѣ было много. Почти всѣ ораторы такъ или иначе отмѣчали свое оппозиціонное настроеніе. Подчеркивалось „отсутствіе правового порядка“, „невыносимыя существующія условія“ и т. д. Сегодня полиція распорядилась объ удаленіи евреевъ членовъ съѣзда, которымъ послѣ закрытія его пребываніе въ столицѣ не дозволяется, и сдѣлала она это „демонстративно“. Городовые явились въ гостиницы, приказали немедленно укладывать вещи и увозили бывшихъ членовъ съѣзда на вокзалъ. Тамъ полиція стояла до тѣхъ поръ, пока поѣздъ не уносилъ этихъ „гостей“ столицы.

Нашъ комитетъ выпустилъ прокламацію къ членамъ техническаго съѣзда еще до его закрытія.

* * *

Пироговскій съѣздъ врачей также принялъ въ нѣкоторыхъ секціяхъ крамольное направленіе. Съ перваго дня открытія (4 января) гг. врачи восприняли традиціи профессіональнаго съѣзда. Выдѣлились секціи „общественной медицины“, „фабрично-заводской медицины“ и подсекція „борьбы съ алкоголизмомъ“. Вы легко можете себѣ представить, какой богатый матеріалъ дали докладчикамъ эти темы. Алкоголизмъ было слишкомъ нетрудно связать съ общими условіями мужицкой жизни; при изслѣдованіи вопросовъ о прекращеніи эпидемій, очень легко было указать на низкій уровень развитія народа, скрывающаго заразныхъ больныхъ и дезинфекцію приравнивающаго къ „порчѣ“. Фабричная медицина дала изобильный матеріалъ для сужденія объ условіяхъ жизни рабочихъ, недостаточнаго огражденія ихъ отъ несчастныхъ случаевъ и пр. и пр. Вы легко представите себѣ и постановленія секцій: отмѣна тѣлесныхъ наказаній, развитіе дѣятельности органовъ самоуправленія, обязательное обученіе, свобода рабочихъ ассоціацій и пр. и пр. Однако секціи довели свои работы до конца. Правительство надѣялось на „благоразуміе“ распорядительнаго комитета съѣзда, составленнаго изъ тузовъ медицинскаго міра съ Таренецкимъ и Бехтеревымъ во главѣ, и разсчитывало, что они не допустятъ чтенія постановленій крамольныхъ секцій на общемъ заключительномъ собраніи всѣхъ членовъ съѣзда въ залѣ Дворянскаго Собранія, ибо послѣ такого чтенія и надлежащей апробаціи со стороны собранія постановленія отдѣльныхъ секцій дѣлаются постановленіями съѣзда. Итакъ, секціи довели свои работы до конца 10 января; 11 января въ 1 часъ дня въ залѣ Дворянскаго Собранія должно было состояться торжественное закрытіе въ присутствіи почетныхъ гостей, съ академическими рѣчами и пр. пр. Между тѣмъ, распорядительный комитетъ занялся труднымъ вопросомъ о постановленіяхъ секцій. Гг. распорядители засѣдали въ конференцъ залѣ академіи съ 8 часовъ вечера до 4 часовъ утра въ ночь съ 10 на 11 января. Говорятъ, засѣданіе было достаточно бурное, и въ результатѣ большинство комитета оказалось на сторонѣ „крамолы“ и рѣшило „постановленія секцій на общемъ собраніи читать“. Итакъ благоразумные не всегда бываютъ благоразумными: г. Плеве не принялъ въ разсчетъ давленія общественнаго мнѣнія и ту непріятную роль, какую пришлось бы играть комитету, если бы онъ рискнулъ выступить въ роли цензора.

До сихъ поръ я разсказывалъ со словъ достовѣрныхъ свидѣтелей; дальнѣйшему былъ очевидцемъ.

Общее собраніе открылось честь-честью. Впускъ по распоряженію полиціи былъ строжайшій — исключительно по билетамъ (членскимъ). Засѣданіе носило характеръ почтенный, но въ воздухѣ носилось неуловимое „нѣчто“. Часть оффиціальная достаточно хорошо описана въ легальныхъ газетахъ, а потому я ограничиваюсь частью неоффиціальной.

Около трехъ часовъ, послѣ окончанія обѣихъ рѣчей и прочтенія отчета о числѣ членовъ, выставкахъ и пр., предсѣдатель поднялся и при общемъ напряженномъ вниманіи сказалъ приподнятымъ голосомъ: „Что касается постановленій съѣзда, то въ силу только что полученнаго распоряженія, по особымъ обстоятельствамъ они прочитаны быть не могутъ“. Въ залѣ воцарирось гробовое молчаніе, среди котораго предсѣдатель добавилъ скороговоркой: „объявляю съѣздъ закрытымъ“. Для объясненія происшедшаго надо сказать, что (какъ намъ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ) уже во время самаго хода засѣданія, около двухъ часовъ по полудни, предсѣдателю была подана бумага за подписью градоначальника, въ которой „за личной его отвѣтственностью“ предлагалось не читать тѣхъ постановленій секцій, кои содержатъ критику правительственныхъ мѣропріятій или выражаютъ неосновательныя требованія реформъ. Чтобы до нѣкоторой степени спасти свое достоинство, бюро съѣзда тутъ же во время рѣчи Левашева собралось гдѣ-то въ комнатѣ и рѣшило: „не читать никакихъ постановленій секцій“.

Итакъ, въ залѣ водворилось гробовое молчаніе. И въ этотъ критическій мигъ съ хоръ-надъ эстрадой грянулъ оглушительный военный оркестръ, невѣдомо ни для кого таившійся доселѣ за колоннами. Дальнѣйшее можетъ смѣло носить названіе: „музыка въ борьбѣ съ крамолой!“ Публика очнулась и заволновалась. Раздалось нѣсколько оглушительныхъ свистковъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Послышались крики: „долой музыку“! Но музыка продолжала играть, заглушая все. Волненіе овладѣвало заломъ все болѣе и болѣе. Застучали ногами, стульями, залъ загудѣлъ отъ свистковъ, криковъ, топота сотенъ ногъ. Многіе взобрались ногами на стулья. Въ центрѣ залы образовалась густая толпа: тамъ кто-то пытался прочесть постановленія секцій, но его никто не слышалъ, даже стоящіе рядомъ. Музыка продолжала оглушительно ревѣть. Оркестръ переигралъ нѣсколько маршей и началъ свой репертуаръ сначала. Публика приходила въ неистовство: „намъ зажимаютъ ротъ! это насиліе“! „Долой оркестръ!“ „Читайте постановленія!. Никогда я не слыхалъ такого музыкальнаго бѣснованія. Это былъ какой-то ревъ мѣдныхъ инструментовъ, не смолкавшій ни минуты. Жерла тромбоновъ теперь были продѣты сквозь перила хоръ и направлены прямо на публику. Бравый дирижеръ, поглядывая внизъ, выбивался изъ силъ. А внизу происходило нѣчто невѣроятное. Сотни рукъ хватали цѣлыя полосы стульевъ, навязанныхъ на жерди во всю длину залы и молотили ими о полъ. Я видѣлъ сѣдыхъ старичковъ съ лысинами, съ локонами жиденькихъ бѣлыхъ волосъ по плечамъ, красныхъ, какъ вишни, которые сосредоточенно работали стульями. Получалась самая чудовищная барабанная дробь, какую можно себѣ представить. Одинъ ораторъ, извѣстный врачъ, появился было на кафедрѣ. Публика смолкла. У него былъ сильный голосъ, но оркестръ не дремалъ. Часть музыкантовъ перешла по хорамъ прямо надъ головой оратора, опустила свои трубы ему надъ теменемъ и испустила такой музыкальный ревъ, что тотъ махнулъ рукой и сошелъ обратно. Какофонія возобновилась съ новой силой. Снизу въ оркестръ летѣли какіе-то предметы, кажется, свѣчи со стола, карандаши, какіе то палки, но, не долетая, падали обратно. Сраженіе съ музыкой, которая не смолкала ни на мгновеніе, продолжалось больше часа (кажется музыканты мѣнялись). И музыка побѣдила. Приблизительно половина публики разошлась, а остальная половина двинулась къ лѣстницѣ, въ курительныя комнаты (что противъ эстрады на противоположномъ концѣ залы). Толпа залила раздѣвальню, всю широкую лѣстницу, колоннаду вокругъ лѣстницы и часть боковыхъ комнатъ. Тутъ человѣческій голосъ былъ слышнѣе музыки и въ залѣ никого не осталось. Музыка немедленно смолкла. Гг. врачи чувствовали себя, какъ будто бы ихъ сейчасъ только отхлестали розгами. Послышался чей-то голосъ старческій, возбужденный, и все смолкло: говорилъ съ лѣстницы одинъ почтенный старикъ-литераторъ. Сущность этой рѣчи резюмировалась въ ея заключительной фразѣ: „Намъ дали пощечину, намъ, серьезнымъ людямъ, собравшимся не бунтовать, а обмѣняться своими завѣтными взглядами, желаніями. Такъ больше жить нельзя. Намъ нужна свобода — свобода собраній, совѣсти, слова!“ Оглушительные апплодисменты покрыли этотъ крикъ. Выступилъ другой ораторъ, врачъ и общественный дѣятель. Этотъ былъ кратокъ: „Господа! Радій найденъ! И хотя онъ въ коробѣ, но лучи его дѣйствуютъ черезъ стѣнки, которымъ не удержать радія, какъ бы толсты онѣ не были!“ Громъ апплодисментовъ. И вотъ тутъ-то и наступила развязка: двери главнаго входа распахнулись и отрядъ городовыхъ, во главѣ съ приставами и околодочными, клиномъ врѣзался въ толпу, смялъ стоявшихъ на лѣстницѣ и прорвался во мгновеніе ока наверхъ къ дверямъ зала. Раздались женскіе крики, нѣкоторымъ дамамъ сдѣлалось дурно. Полиція заняла верхнюю площадку (колоннаду) лѣстницы, согнала гг. врачей внизъ въ раздѣвальню, а нѣкоторую часть, стоявшую въ колоннадѣ, отрѣзала и задержала. На мой взглядъ тамъ осталось человѣкъ около ста. Что съ ними сдѣлалось, неизвѣстно и доселѣ; вѣрнѣе всего переписали и поодиночкѣ отпустили. Можетъ быть, кто-нибудь и задержанъ. Трудно теперь это выяснить потому, что гг. члены — люди пріѣзжіе, съ Петербургомъ не знакомые и потому хватятся ихъ нескоро. Когда мы выходили изъ подъѣзда, намъ навстрѣчу попался второй большой отрядъ городовыхъ, которыхъ ввели внутрь зданія. Около зданія на площади Мих. сквера стояла толпа, которую полиція разгоняла. Вотъ и все. Легко себѣ представить, какъ все это пріятно отразилось на настроеніи врачей. Ждутъ арестовъ.

Таковы современныя культурныя формы борьбы со смутой. Гг. врачей высѣкли діезами и бемолями. „Всыпать имъ порцію болгарскаго марша!“ Какія перспективы, какое обогащеніе русскаго языка новой терминологіей! Жаль только, что новое средство оказалось недостаточнымъ и въ концѣ концовъ понадобилось все-таки вмѣшательство традиціонныхъ „закубанскихъ молодцовъ“.

Приводимъ изъ другихъ писемъ заключительныя постановленіе обоихъ съѣздовъ, какъ бы резюмирующія сущность ихъ работъ: 1) „Члены III съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію протестуютъ противъ насильственнаго закрытія съѣзда до окончанія его работъ и противъ существующаго режима, который возвелъ въ принципъ систематическое уничтоженіе самодѣятельности и общественнаго мнѣнія въ Россіи“.

2) Резолюція распорядительнаго собранія Пироговскаго съѣзда: „При существующемъ режимѣ невозможенъ какой-либо прогрессъ медицинскаго дѣла въ Россіи и только по проведеніи широкихъ реформъ въ направленіи свободы личности, печати, слова и собраній возможенъ какой-либо прогрессъ“.

Торжокъ (Тверской губ.). Нашъ городъ уже издавна служилъ предметомъ особеннаго попеченія начальства. Правда, въ немъ нѣтъ рабочаго движенія (хотя имѣется нѣсколько кожевенныхъ и мукомольныхъ заводовъ съ двумя стами, приблизительно, рабочихъ), но, вѣдь, правительство стремится уничтожить *все*, что только выражаетъ претензію на свѣтъ и свободу. Сначала оно придиралось къ нашимъ земцамъ, издавна извѣстнымъ своимъ либерализмомъ. Всякое ихъ желаніе расширить школьное и врачебное дѣло встрѣчало со стороны губернатора грозные окрики и внушительныя напоминанія о „предѣлахъ“. Затѣмъ его благосклонное вниманіе обратилось на народныхъ учителей, и здѣсь оно нашло чрезвычайно благопріятную почву для упражненія своихъ „искоренительныхъ“ наклонностей. Жившее нѣкогда исключительно узкими интересами *только* своей школы, учительство Новоторжскаго уѣзда съ середины 90-хъ годовъ начало проявлять болѣе широкій интересъ къ дѣлу постановки народнаго образованія въ уѣздѣ. При управѣ и по всему уѣзду начали происходить учительскія собранія, на которыхъ дебатировались разнообразныя школьныя и чисто-учительскія дѣла. Казалось бы во всемъ этомъ не было ничего страшнаго. Однако начальство забезпокоилось, и въ результатѣ — запрещеніе собраній и удаленіе нѣсколькихъ учителей. Но такъ какъ школьное дѣло, благодаря введенію въ уѣздѣ всеобщаго обученія, для чего число школъ было доведено до 100 слишкомъ, стало черезчуръ сложнымъ, то управа волей неволей принуждена была прибѣгать къ помощи и совѣтамъ учителей. При управѣ вновь стали происходить совѣщанія, несмотря даже на предостереженія „вліятельныхъ“ гласныхъ. Начальство опять зарычало, но на этотъ разъ безъ особеннаго успѣха, такъ какъ управѣ удалось опереться на какой-то пунктъ земскаго положенія, въ силу котораго она имѣетъ право пользоваться совѣщаніями со всякаго рода спеціалистами, а въ томъ числѣ, конечно, и съ учителями. Разумѣется, ссылка на какія-то тамъ „права“ для начальства всегда подозрительна, и если оно не добьется своего мытьемъ, такъ оно пускаетъ въ ходъ катанье. Такъ и въ данномъ случаѣ. Какъ разъ въ то время, когда возобновились учительскія совѣщанія при управѣ (года полтора тому назадъ), въ уѣздъ, причислявшійся до сихъ поръ къ другому инспекторскому округу, назначенъ былъ особый инспекторъ народныхъ училищъ. Лилеевъ, главная миссія котораго заключалась въ очищеніи уѣзда отъ „заразы“. Умомъ убогій, грубый и невѣжественный, онъ не нравился даже смиреннымъ обывателямъ Торжка. И такому-то господину поручили наблюденіе за нравственнымъ и политическимъ „благонравіемъ“ народныхъ учителей. Сей радѣтель интересовъ „престолъ-отечества“ чрезвычайно косо смотрѣлъ на собранія учителей при управѣ и, какъ уже объ этомъ своевременно сообщалось въ нелегальной печати, вкупѣ съ мѣстнымъ исправникомъ, состряпалъ нѣсколько доносовъ на управу и учителей. Правда, непосредственныхъ результатовъ эти доносы, кажется, не имѣли, но они заставили начальство еще болѣе внимательно наблюдать за „крамолой“. Эти наблюденія привели Лилеева къ тому заключенію, что нѣкоторые учителя должны быть во что бы то ни стало удалены. Поводомъ къ этому могло послужить любое обстоятельство, возведенное шпіономъ министерства народнаго просвѣщенія въ рангъ „преступленія“. Исторія началась съ учителя А. Просьба его о выдачѣ паспорта (учителя не имѣютъ при себѣ ни бумагъ, ни паспортовъ: то и другое хранится въ канцеляріи инспектора), несмотря на неоднократныя и настоятельныя напоминанія, не удовлетворялась. Помимо этой, ничѣмъ, кромѣ начальственнаго упрямства, не вызванной медлительности инспектора, учитель особенно былъ обиженъ тѣмъ, что инспекторъ величалъ его въ оффиціальныхъ бумагахъ по имени и фамиліи, примѣрно: Иванъ Антоновъ, не называя отчества. Конечно, само по себѣ это пустякъ, но въ связи со всѣми другими условіями учительской жизни и этотъ пустякъ кажется и даже, дѣйствительно, является оскорбленіемъ. А. такъ къ этому и отнесся и обжаловалъ дѣйствія инспектора дирекціи, требуя привлеченія Лилеева къ суду. Понятно, что это послѣднее требованіе уважено не было, но паспортъ былъ въ скоромъ времени выданъ. Затѣмъ произошло столкновеніе инспектора съ другимъ учителемъ С. Встрѣтивъ его гдѣ-то въ общественномъ мѣстѣ, инспекторъ накричалъ на него и выругалъ „неблагонадежнымъ“. С. подалъ на него жалобу, но мѣстный городской судья нашелъ это дѣло себѣ неподсуднымъ и переслалъ его въ дирекцію, гдѣ оно благополучно лежитъ и по сей день. Вообще же инспекторъ то и дѣло грозилъ учителямъ, выдававшимся среди другихъ на управскихъ совѣщаніяхъ, прогнать ихъ, какъ „неспокойныхъ“ людей. Постоянныя и мелочныя придирки такъ надоѣли, что учителя рѣшили, наконецъ, какъ нибудь избавиться отъ него. На сентябрьскомъ собраніи учительск. общ. взаимопомощи въ Твери, А. разсказалъ о всѣхъ продѣлкахъ Лилеева и предложилъ собранію довести обо всемъ до свѣдѣнія попечителя округа. Предложеніе было единогласно принято. Черезъ мѣсяцъ инспекторъ увѣдомилъ управу, что по распоряженію попечителя А., С. и еще одинъ учитель увольняются отъ должности. Таковъ былъ отвѣтъ начальства на совершенно справедливый протестъ учителей. Но дѣло этимъ не кончилось. Собрался училищный совѣтъ и разобралъ мотивы инспектора. Оказалось, что А. уволенъ, какъ плохой педагогъ (съ полицейской точки зрѣнія Лилеева, конечно) и какъ авторъ предложенія въ обществѣ взаимопомощи; С. за „антирелигіозное“ направленіе, а третій, Л., за распространеніе въ школѣ „*соціальныхъ*“(?) идей. Кромѣ того указывалось, что у двоихъ изъ этихъ трехъ былъ въ іюлѣ (когда на Торжокъ внезапно нагрянула цѣлая свора жандармовъ) безрезультатный обыскъ. Въ противовѣсъ этимъ обвиненіямъ, въ училищный совѣтъ поступили заявленія отъ крестьянскихъ обществъ, въ которыхъ выражалось желаніе, чтобы „плохой педагогъ“ А. былъ оставленъ на мѣстѣ. Нѣсколько неожиданно, училищный совѣтъ, это вполнѣ бюрократическое учрежденіе, не согласился съ доводами Лилеева и постановилъ учителей оставить въ должности. Разсвирѣпѣвшій отъ такой неожиданности, инспекторъ перенесъ дѣло въ губернскій училищный совѣтъ. Но еще раньше, чѣмъ оно было тамъ разсмотрѣно, учителя были немедленно уволены по распоряженію министра народнаго просвѣщенія. Въ деревни, подавшія въ училищный совѣтъ свои заявленія, нѣсколько разъ навѣдывались жандармы. Въ заключеніе земскій начальникъ Ермоловъ (кстати замѣтить, удивительно ограниченный и заносчивый держиморда, о подвигахъ котораго говоритъ весь уѣздъ) посадилъ подъ арестъ трехъ старостъ на семь дней, двухъ „зачинщиковъ“ на три дня и 45 крестьянъ на два дня. Черезъ нѣсколько дней инспекторъ, почувствовавшій, что на его дворѣ праздникъ, удалилъ еще трехъ учителей „по подозрѣнію“ одного въ „педагогической“, двухъ остальныхъ въ „политической неблагонадежности“.

Орелъ. Въ настоящее время полученіе нелегальной прессы изъ заграницы въ Орлѣ стало немыслимо, такъ какъ вся заграничная корреспонденція вскрывается на почтѣ, какъ въ Орлѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ. При полученіи „Освобожденія“, къ нащупыванію котораго привыкли чиновники, на имя адресата получается повѣстка съ предложеніемъ явиться для вскрытія заграничнаго пакета. Въ срединѣ декабря видѣли на столѣ въ кабинетѣ вице-губернатора шесть конвертовъ съ свѣжими №№ „Революціонной Россіи“, присланные съ почтой изъ Ельца. На вопросъ, читаетъ ли ихъ вице-губернаторъ, онъ отвѣтилъ, что читаетъ съ крайнимъ интересомъ, такъ какъ свѣдѣнія, помѣщаемыя въ нелегальныхъ газетахъ, для него доступны только изъ этихъ источниковъ, ибо ни изъ легальной прессы, ни, тѣмъ менѣе, изъ оффиціальныхъ источниковъ, онъ ихъ узнать бы не могъ.

Гвардейскій офицеръ кн. Енгалычевъ, прибывъ съ поѣздомъ на ст. Мценскъ, съ площадки вагона обратился къ стоящему на платформѣ жандармскому унтер-офицеру съ просьбой позвать ему носильщика. Жандармъ, заложивъ руки въ карманы, отвѣтилъ, что это не его дѣло бѣгать за носильщиками. Офицеръ подскочилъ къ нему и, вытащивъ его руки изъ кармановъ, спросилъ, какъ онъ, нижній чинъ, смѣетъ въ такой позѣ разговаривать съ офицеромъ? Въ это время на платформу вышли начальникъ станціи и нѣсколько служащихъ. Жандармъ обратился къ нимъ съ приглашеніемъ быть свидѣтелями ,что онъ (жандармъ) получилъ оскорбленіе дѣйствіемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Былъ составленъ протоколъ и въ результатѣ гвардейскому офицеру, князю Енгалычеву пришлось подать въ отставку, несмотря на его сильныя связи. Говорятъ, что князь всетаки остался на службѣ лишь послѣ того, какъ принесъ извиненія непосредственному начальнику оскорбленнаго жандарма.

Новочеркасскъ. По станицамъ оффиціально возвѣщенъ предстоящій пріѣздъ царя. Во многихъ мѣстахъ пробивается уже наружу недовольство казаковъ тѣми поборами, которыми грозитъ имъ „высочайшій“ пріѣздъ. Въ нѣсколькихъ станицахъ казаки отказались отдать своихъ дѣтей 13-14 лѣтнихъ мальчиковъ, которыхъ забираютъ для обученія джигитовкѣ. Причиною отказа служили, во-первыхъ, требованіе начальства, чтобы дѣти были снаряжены на счетъ родителей, и, во вторыхъ, та опасность, которая сопряжена съ джигитовкой.

Изъ Новочеркасской тюрмы отправленъ въ Москву А. Браиловскій.

Ростовъ на Дону. Несмотря на тревожное настроеніе, новый годъ удалось встрѣтить хорошо. Было нѣсколько вечеринокъ, говорили рѣчи о съѣздѣ, о соц.-революціонерахъ, о централизмѣ и т. д. Собрано нѣсколько десятковъ рублей въ пользу Д. К. Характерно, что жандармы тоже встрѣчали новый годъ тостами за царя батюшку, за уничтоженіе „нашихъ враговъ — соціалистовъ и жидовъ“.

Ростовъ на Дону. Наши жандармы берутъ на себя роль не только искоренителей крамолы, но и воспитателей своихъ жертвъ. Такъ, рабочимъ въ тюрьму совершенно не пропускаютъ такихъ книгъ, какъ Ланге „Рабочій вопросъ“, Зомбартъ и т. д., а также и книгъ по политической экономіи. Мотивируется это такъ: „я вовсе не хочу, чтобы тюрьма стала для рабочихъ высшей школой, глубокомысленно изрекаетъ царскій опричникъ Карповъ: интеллигентамъ я разрѣшаю, потому что они понимаютъ эти книги. Рабочіе же не получили на волѣ достаточной подготовки для чтенія такихъ книгъ, и я не желаю, чтобы здѣсь они научились читать эти книги“. Когда ему указали, что книги разрѣшены цензурой и всюду допускаются заключеннымъ, онъ отвѣтилъ: „ну, знаете, законъ даетъ мнѣ въ этомъ отношеніи полную свободу, необходима лишь достаточная формулировка“. Ясно и вполнѣ беззастѣнчиво. Въ обращеніи Карповъ и тов. прокурора Рейхтеръ рѣзко раздѣляютъ рабочихъ и интеллигентовъ. Уже сообщалось, что недавно здѣсь одинъ помѣшанный уголовный зажегъ камеру. Всѣхъ политическихъ вывели изъ камеръ и соединили въ одномъ корридорѣ. Они сошлись и спѣли марсельезу. Теперь Карповъ объявилъ одному изъ заключенныхъ, Селенину, что, хотя дѣло его и закончено, но, тѣмъ не менѣе, онъ его не выпуститъ; а интеллигента Станчинскаго обѣщалъ посадить въ карцеръ. Интересно заявленіе, сдѣланное тов. прокурора рабочему Левину: ему не выдаютъ его же собственныхъ книгъ потому, что онѣ принадлежатъ Донскому Комитету... Выпущенъ интеллигентъ, Поповъ, взятый восьмого сентября „въ балкѣ“, а также рабочій Кравцовъ.

Сыщики-добровольцы. Въ одной изъ станицъ Майкопскаго Отдѣла въ началѣ лѣта разыгрался слѣдующій инцидентъ. Въ станицу Абсебай забрели два интеллигента. Обстоятельства заставили ихъ познакомиться съ мѣстными интеллигентами, и это знакомство кончилось такъ же, какъ года два тому назадъ знакомство Баумана съ земскимъ врачемъ, роль корораго играли здѣсь ветеринарный врачъ Петровъ и лѣсничій Олейниковъ. Въ виду того, что особенной надобности скрывать свои фамиліи не было, интеллигенты назвали при знакомствѣ свои имена, а въ разговорѣ назвали и свои профессіи. Но, несмотря на откровенность, физіономіи путешественниковъ почему то показались подозрительными ветеринарному врачу, и онъ рѣшилъ, что тутъ дѣло не чисто. Горя жаждой подвига, онъ устраиваетъ тому и другому по одиночкѣ допросъ, справляется о документахъ, наконецъ, устраиваетъ по всѣмъ правиламъ полицейскаго искусства очную ставку съ какой то дѣвицей и, придя на основаніи всего этого, къ заключенію, что его догадки основательны, объявляетъ въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ, что путешественники-самозванцы и что онъ и мысли не допускаетъ, чтобы одинъ изъ нихъ состоялъ дѣйствительно городскимъ врачемъ. Путешественники ушли изъ Абсебая. Но добровольная полиція не дремала. Результаты допросовъ и очной ставки лѣсничій Олейниковъ немедленно сообщилъ въ станичное правленіе, и, по настоянію ветеринарнаго врача и лѣсничаго, атаманъ долженъ былъ отправиться въ погоню за ушедшими интеллигентами. Верстахъ въ 12 ихъ догнали и арестовали за безпаспортность. Дальше — 3-4 сутокъ путешествія по этапу, на лошадяхъ, на волахъ, пѣшкомъ, ночлеговъ въ клоповкахъ и на въѣзжихъ квартирахъ подъ карауломъ часовыхъ... Но полиція иногда оказывается не настолько подозрительной, какъ добровольцы изъ ветеринарныхъ врачей и лѣсничихъ. По доставленіи арестантовъ въ Майкопъ, ихъ тотчасъ освободили, и въ настоящее время они оба уже внѣ полицейскихъ преслѣдованій. Этотъ инцидентъ одному изъ арестованныхъ могъ обойтись очень дорого. Во время путешествія по этапу выяснилось, что сельская полиція подтянута до послѣднихъ предѣловъ.

— „Никакъ нельзя не арестовать васъ, извинялся одинъ изъ полицейскихъ, у насъ то и дѣло циркуляры о розыскѣ подозрительныхъ личностей“. Когда арестованныхъ приводили въ станичное правленіе, то писаря, прочитавши на пакетѣ фамиліи арестованныхъ, справлялись по гектографированнымъ листкамъ, въ которыхъ, очевидно, заключались фамиліи и примѣты разыскиваемыхъ лицъ. Когда одному изъ арестованныхъ послѣ освобожденія пришлось снова проѣзжать черезъ одну станицу, то атаманъ прислалъ казака справиться, кто ѣдетъ и куда. Рекомендуемъ ветеринарнаго врача Петрова и лѣсничаго Олейникова вниманію ихъ сослуживцевъ. Если они не хотятъ, чтобы и на нихъ пала доля позора за этотъ добровольный сыскъ, они обязаны какъ слѣдуетъ проучить этихъ господъ.

⁂

Много надо, конечно, накопить душевнаго гноя и подлости, чтобы вступить на славный путь гг. Петровыхъ и Олейниковыхъ. Но вотъ въ Петербургѣ отыскались двое лицъ, которымъ несомнѣнно предстоитъ затмить славу этихъ господъ, ибо еще на студенческой скамьѣ они предались дѣлу сыска и доносовъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ молодежи. Вотъ что мы читаемъ въ гектографированномъ листѣ, подписанномъ „Очевидцы“.

„Въ пятницу, пятаго декабря, на вечерѣ медиковъ произошелъ слѣдующій инцидентъ: одна изъ собиравшихъ деньги на Красный Крестъ обратилась къ студенту-медику пятаго курса съ просьбой дать всю имѣвшуюся у него мелочь. „У меня сейчасъ нѣтъ, но я вамъ дамъ. Я васъ замѣчу, я вамъ дамъ!“ отвѣтилъ онъ многозначительно. Черезъ нѣсколько времени она уже продавала у одного изъ столовъ. Рядомъ съ ней сидѣлъ студентъ третьяго курса В. Къ нимъ подходитъ штабъ-офицеръ Птицынъ въ сопровожденіи двухъ студентовъ-медиковъ пятаго курса и отзываетъ студента В. въ сторону: „Вотъ ваши товарищи пятаго курса доложили мнѣ, что сидѣвшая рядомъ съ вами дѣвица собираетъ деньги на нелегальныя цѣли. Предупредите ее, чтобы она больше этого не дѣлала“. Вскорѣ эта исторія стала извѣстна многимъ изъ студентовъ. Тотчасъ же были выяснены фамиліи двухъ добровольцевъ-доносчиковъ. Доводимъ ихъ до всеобщаго свѣдѣнія — Александровъ и Афанасьевъ, пятаго курса“. Повидимому, размѣръ подлости этихъ двухъ „студентовъ“ изумилъ даже искушеннаго въ шпіонствѣ „штабъ-офицера“! Но какова картина нравовъ, нарождающихся въ сыскной атмосферѣ самодержавія?

Баку. Общественная жизнь Баку, нѣсколько притихшая было послѣ іюльской забастовки и сентябрьской рѣзни армянъ, снова подымается. Отчаянная борьба, которую вольный печатный станокъ Бакинскаго Комитета ведетъ съ полиціей и жандармеріей, обогащается все новыми инцидентами. Послѣ провала первой типографіи Комитета (седьмого ноября) уже съ 15 ноября стали появляться, хотя и весьма нерегулярно, печатныя воззванія Комитета. Приближался Новый годъ, который рабочіе не хотѣли пропустить безъ какого-либо проявленія своей революціонной энергіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снова началось усиленное броженіе въ рабочей массѣ, стали поговаривать о новой всеобщей забастовкѣ. Полиція напрягла свои усилія, чтобы лишить въ эту минуту Комитетъ могучаго орудія агитаціи — вольнаго печатнаго станка, и 29 декабря ей удалось захватить вторую типографію Комитета. При ней взяты грузинъ-рабочій и быв. студентъ Г. Хунтадзе (рецид.). Но успѣхъ полиціи былъ неполонъ, а торжество — непродолжительно. Перваго января все таки въ театрѣ Тагіева разбросаны были печатныя поздравительныя карточки Комитета съ провозглашеніемъ смерти самодержавію. Полиція видѣла, что что-то готовится, и была насторожѣ. Электрическіе огни не тушатся, среди публики — переодѣтые полицейскіе и сыщики. Тѣмъ не менѣе, карточки разбросаны и расхватаны публикой. Полиція ходитъ по партеру и отнимаетъ ихъ; часть публики отдаетъ. Арестовано съ балкона и амфитеатра до восьми человѣкъ совершенно случайно, настоящіе „злоумышленники“ — цѣлы и невредимы. Почти всѣ арестованные на другой день выпущены, кромѣ одного-двухъ. Еще большее огорченіе постигло полицію четвертаго-пятаго января: въ эти дни усердно распространенъ, а мѣстами и расклеенъ на видныхъ мѣстахъ, новый листокъ Комитета, хорошо отпечатанный въ новой, третьей счетомъ, типографіи Комитета. „Старая типографія умерла, да здравствуетъ новая типографія!“ подхватываютъ съ восторгомъ рабочіе призывъ листка. Послѣдніе ноябрьскіе и декабрьскіе аресты вызвали въ широкой публикѣ сочувствіе къ „политическимъ“ и обострили ея ненависть и презрѣніе къ гнусной жандармеріи. Мѣстами она рѣшается открыто выразить это презрѣніе. Передъ новымъ годомъ состоялся здѣсь грузинскій вечеръ, на которомъ собирается рѣшительно все грузинское общество, начиная отъ аристократіи и кончая мелкимъ ремесленникомъ. Грузины здѣсь немногочисленны (до полутора тысячъ), но выдвигаютъ изъ своихъ рядовъ не мало горячихъ самоотверженныхъ революціонеровъ. Достаточно упомянуть о героѣ-борцѣ Владимірѣ Кицховели, предательски убитомъ солдатской пулей въ Тифлисскомъ замкѣ. Зато грузинское дворянство выдвигаетъ изъ своихъ рядовъ и подлыхъ слугъ самодержавія, вродѣ жандарма кн. Микеладзе. Этотъ самый Микеладзе предалъ и арестовалъ своихъ соплеменниковъ 29 декабря, причемъ Г. Хунтадзе приходится ему чуть не школьнымъ товарищемъ. Есть тутъ и другой кн. Микеладзе, кажется, полицейскій приставъ. Негодованіе грузинъ на эти жалкія отребья своего народа было такъ велико, что когда они осмѣлились явиться на грузинскій вечеръ, къ одному изъ нихъ подошелъ простой грузинъ, бывшій лакей, а нынѣ содержатель номеровъ, и спросилъ, какъ не совѣстно негодяю являться среди своихъ соплеменниковъ съ руками, обагренными кровью своихъ же братьевъ. Пусть возьмутъ съ этого простого человѣка примѣръ „образованные“ грузины съ университетскими значками, не стыдящіеся якшаться съ шпіонами и жандармами. Инцидентъ произвелъ огромное впечатлѣніе на собравшееся общество, и вечеръ прошелъ въ совершенно необычномъ настроеніи. Нѣкоторые плакали и многіе не могли уже заснуть эту ночь. Еще большее впечатлѣніе — уже на все городское населеніе — произвелъ инцидентъ съ городскимъ головой Ал. И. Новиковымъ, извѣстнымъ въ Россіи общественнымъ дѣятелемъ и публицистомъ. Перваго января въ залѣ Общественнаго Собранія состоялся обычный новогодній раутъ въ присутствіи губернатора и др. лицъ. Губернаторъ и городской голова обмѣнялись взаимными тостами. Послѣ тоста г. Новикова къ нему подходитъ жандармъ Микеладзе и, поздравляя съ новымъ годомъ, протягиваетъ ему руку. Голова, заложивъ руки, корректно заявляетъ ему, что съ нимъ не знакомъ. Но нахальный жандармъ не отстаетъ и настаиваетъ на своемъ. „Въ такомъ случаѣ *я не желаю* быть съ вами знакомымъ“, получаетъ онъ въ отвѣтъ. Обрушившись на г. Новикова площадной бранью, жандармъ спѣшитъ жаловаться своему начальству. Голова въ свою очередь жалуется губернатору. За Микеладзе вступается его начальство. „Вы оскорбили честь жандармскаго мундира“, бросаетъ благородный полковникъ г. Новикову. „Честь жандармскаго мундира!“ получаетъ онъ въ отвѣтъ: „я еще понимаю честь офицерскаго мундира, но честь жандармскаго мундира — извините, это я отказываюсь понимать“. Тѣмъ дѣло пока и закончилось. Жандармы спѣшатъ, конечно, придать всему дѣлу политическій оттѣнокъ и уже послали въ этомъ смыслѣ доносъ главноначальствующему. Г. Новиковъ съ своей стороны считаетъ себя оскорбленнымъ въ качествѣ городского головы и подалъ заявленіе губернатору, требуя удовлетворенія. По слухамъ, губернаторъ — на сторонѣ городского головы, такъ какъ Микеладзе имѣлъ нахальство чокаться съ городскимъ головой послѣ того, какъ онъ же сдѣлалъ на него доносъ министру внутреннихъ дѣлъ послѣ протеста г. Новикова противъ превращенія городского дома въ полицейскій застѣнокъ во время демонстраціи 27 апрѣля 1903 года. Въ городѣ только и разговоровъ, что про инцидентъ съ гор. головой.

Я уже вамъ писалъ объ образованіи новой соц.-дем. „фракціи“, какъ ее здѣсь называютъ, объ „Армян. Соц.-дем. Рабочей Организаціи“. Пока она проявила себя выпускомъ своего Манифеста (на армянскомъ и русскомъ языкахъ), а въ послѣднихъ числахъ декабря — листкомъ на русскомъ языкѣ ко всѣмъ рабочимъ съ призывомъ ко всеобщей забастовкѣ. Въ листкѣ формулированы даже требованія и отпечатаны жирнымъ шрифтомъ. Этотъ странный шагъ „фракціи“ поразилъ всѣхъ своей неожиданностью, тѣмъ болѣе, что „фракція“ знала, что Комитетъ Россійской Партіи считаетъ всеобщую забастовку въ данный моментъ и невозможной, и преждевременной. Какъ и слѣдовало ожидать, листокъ оказался холостымъ выстрѣломъ; къ тому же въ силу слабости своихъ связей, „фракція“ сумѣла распространить его лишь на немногихъ промыслахъ въ Балаханахъ: въ городѣ листокъ вовсе не распространялся. Вообще, успѣхи „фракціи“ не велики и были-бы совершенно ничтожны, еслибы Комитетъ не чувствовалъ такого недостатка въ умѣлыхъ и принципіально выдержанныхъ соц-дем. дѣятеляхъ, знакомыхъ съ армянскимъ языкомъ и исторіей. Еще разъ обращаю вниманіе на это. Только благодаря недостатку армянской соціальдемократической интеллигенціи, изъ послѣднихъ событій, пока что, наибольшую пользу извлекли *не* соціальдемократы, а армянскіе націоналисты.

Казань. Здѣсь настоящее царство жандармовъ и шпіоновъ. Аресты въ первую половину года повторялись аккуратно ежемѣсячно. Дѣятельность комитета пріутихла къ лѣту, и жандармы потирали руки отъ удовольствія, что имъ удалось уничтожить зловредную смуту. Къ великому ихъ смятенію, 18 ноября комитетомъ были распространены среди рабочихъ болѣе крупныхъ заводовъ прокламаціи на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Въ прокламаціяхъ вкратцѣ излагались лѣтнія событія на югѣ и разъяснялась рабочимъ необходимость политической борьбы. Прокламаціи съ охотой читались и обсуждались отдѣльными группами рабочихъ, но не вездѣ. На заводѣ Крестовникова (свѣчной и мылов., около $2\frac{1}{2}$ тыс. рабочихъ) нѣкоторые рабочіе относили прокламаціи директору, который, къ ихъ огорченію и злорадству другихъ, встрѣтилъ ихъ бранью, запретивъ имъ даже прикасаться къ листкамъ. Явленіе объясняется патріархальнымъ характеромъ отношеній между владѣльцемъ и рабочими: заработная плата нищенская — сплошь и рядомъ 6-8 руб. въ мѣсяцъ, — но владѣльцы построили казармы, гдѣ не только поселили рабочихъ, но и кормятъ ихъ; когда производство сокращается, то хозяева не всегда отказываютъ отъ работы лишнимъ рабочимъ, а это время кормятъ ихъ, конечно, не платя уже жалованья. Татары, работающіе на этомъ заводѣ, напротивъ, встрѣтили листки очень хорошо, какъ это было и весной. На вопросъ одного изъ рабочихъ, что написано въ ихъ листкахъ, одинъ татаринъ отвѣтилъ: „по вашему не разскажешь, а только правда все писана, справедливыя слова; я читалъ бумагу и дома всѣмъ, и тоже говорятъ — справедливыя слова“. Того же дня были распространены еще: 1) прокламаціи съ призывомъ общества къ борьбѣ съ самодержавнымъ строемъ; 2) къ учащейся молодежи, съ выясненіямъ задачъ нашего времени и необходимости серьезной подготовки, чтобы стать сознательными общественными дѣятелями и 3) къ ней же (гектогр.) о смерти студ. Самопова и демонстрація 5 ноября на его похоронахъ. Всего было распространено въ этотъ день около 1600 прокламацій (мимеогр.). Конечно, число это оказалось очень недостаточнымъ, и комитетъ въ будущемъ будетъ выпускать въ большемъ количествѣ. Полицію особенно возмущала раздача прокламацій среди бѣла дня на улицахъ, черезъ мальчишекъ-татарчатъ.

Томскъ. Необычайный ростъ революціоннаго движенія въ Сибири заставилъ Плеве прибѣгнуть и здѣсь къ испытанной, хотя и не вполнѣ удавшейся, попыткѣ отвлечь вниманіе пробуждающихся массъ національной травлей. Мы знаемъ, чѣмъ кончилась такая попытка. Когда томская полиція, вслѣдъ за грандіозной рабочей демонстраціей 18 апрѣля, захотѣла сорганизовать (несомнѣнно, по предписанію свыше) еврейскій погромъ, мѣстный пролетаріатъ далъ дружный отпоръ и въ лицѣ мѣстнаго комитета громко заявилъ, кого считаетъ онъ истиннымъ врагомъ всего народа, и возгласъ „бить жидовъ“ былъ заглушенъ другимъ: „бейте полицію“. И, тѣмъ не менѣе, г. Плеве продолжаетъ сознательно тѣшиться самообманомъ, остается вѣренъ и послѣдователенъ себѣ. Какъ бы отрицательно ни относились массы къ попыткѣ свалить вину всѣхъ бѣдъ на евреевъ, какъ бы ни была нелѣпа такая попытка, все же слово не должно расходиться съ дѣломъ и, если ужъ найденъ „главный“ виновникъ, то, естественно, его должно доканать. „И я его доканаю“, кричитъ въ отчаяніи г. Плеве, „я сдѣлаю жизнь евреевъ въ Россіи невыносимой“.

Въ Сибири за послѣднее время началось безпощадное гоненіе на евреевъ. Людей, родившихся и десятки лѣтъ проживавшихъ на одномъ мѣстѣ, выселяютъ на мѣста приписки, подчасъ въ двухнедѣльные сроки. Многія сотни семействъ, большею частью мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ, принуждены перебраться изъ крупныхъ центровъ въ глухія трущобы, и тѣмъ самымъ обрекаются на полуголодное существованіе. Изъ Иркутска, говорятъ, выселяютъ до 400 семействъ, такая же приблизительно цифра наберется и у насъ въ Томскѣ. Подлежатъ выселенію и многія „зажиточныя“ семьи, но онѣ, вѣроятно, смогутъ устроиться и остаться на старыхъ мѣстахъ. Поговариваютъ сибирскіе евреи о томъ, что не мѣшало бы послать въ Петербургъ депутацію, собравъ предварительно крупную сумму денегъ (не менѣе, конечно, сотенъ тысячъ). Многіе, и очень даже многіе, вѣрятъ, что стоитъ захотѣть, стоитъ только раскошелиться — и еврейскій вопросъ будетъ рѣшенъ.

Не успѣли еще закрыться двери тюрьмы за демонстрантами 18 февраля, какъ пришелъ приговоръ привлеченнымъ за участіе въ первомайской демонстраціи 18 апрѣля. И этотъ приговоръ, какъ и прежній, становится извѣстенъ лишь по мѣрѣ приведенія его въ исполненіе, и такъ какъ не всѣ изъ подлежащихъ наказанію находятся въ настоящее время въ Томскѣ — точныхъ данныхъ нѣтъ. Взятъ и уже отправленъ въ Якутскую область на четыре года пом. начальника Томской жел.-дор. станціи Меженинoвка В. Н. Цимбаловъ (за возгласъ „долой самодержавіе“), высылается на три года въ Вологодскую губ. Жаркова (неграмотная женщина, раздавала вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ прокламаціи), на три года въ Забайкальскую область, на родину, сидѣвшій до послѣдняго времени въ тюрьмѣ студентъ Поповъ (за произнесеніе рѣчей); на три мѣсяца посаженъ въ тюрьму зубной врачъ Н. Г. Березницкій. Носятся слухи, что Якутка же назначена студенту и двумъ рабочимъ, которыхъ въ данное время нѣтъ въ Томскѣ. Кромѣ того, около 30 человѣкъ уже отбыли наказаніе (отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ) вслѣдъ за демонстраціей. Благодаря дружному отпору, полиціи не удалось пробраться къ ядру демонстрантовъ, не удалось даже арестовывать на глазахъ толпы: всѣ пострадавшіе были выхвачены съ периферіи или арестованы по улицамъ уже по окончаніи демонстраціи.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Бѣлозерскъ, Новг. губ. Декабрь 1903 г. Широкое развитіе противоправительственной пропаганды, за послѣднее время въ той или иной формѣ охватившее почти всю Россію, коснулось и нашего захолустнаго городка и его уѣзда. Работа, правда, ведется, большею частью, одиночками или группами въ три-четыре человѣка, почти не имѣющими между собой никакой связи, кромѣ того, веденіе правильной и цѣлесообразной пропаганды сильно затрудняется отсутствіемъ пригодной для деревни нелегальной литературы, — приходится пользоваться литературой С.-Р.; между тѣмъ, тѣ немногія изданія С.-Д., которыя случайно сюда попадали, пользовались, сравнительно съ первыми, громаднымъ успѣхомъ среди крестьянъ, какъ болѣе обоснованныя и серьезныя.

Для пополненія литературы мѣстными революціонерами были изданы двѣ прокламаціи: „О конституціонномъ управленіи“ и „О подоходномъ налогѣ“, отпечатанныя на ремингтонѣ въ количествѣ 1000 экземпляровъ каждая. Въ праздникъ Кирилла Новозерскаго 15 іюня эти прокламаціи были разбросаны среди богомольцевъ въ монастырѣ, а также въ сосѣднихъ деревняхъ, гдѣ обыкновенно останавливаются богомольцы. Полиція была настолько бдительна, что узнала объ этомъ только нѣсколько дней спустя. Въ концѣ іюня по этому дѣлу были арестованы состоящій подъ особымъ надзоромъ по дѣлу череповецкихъ семинаристовъ народный учитель И. Сараевъ и уѣздный агрономъ Романовскій — оба сидятъ до сихъ поръ въ Бѣлозерской тюрьмѣ. Въ началѣ ноября такія же прокламаціи были разбросаны по всѣмъ домамъ дер. Солмасъ. Нѣсколько штукъ попало въ руки полиціи; но, такъ какъ вблизи этой деревни верстъ на 15 не оказалось ни одного подозрительнаго интеллигента, то ни обысковъ, ни арестовъ не было.

Для искорененія крамолы понагнали въ уѣздъ шпіоновъ и жандармовъ, но покуда результатъ этого для жандармовъ только нѣсколько нелегальныхъ брошюръ, отобранныхъ у крестьянъ. Крестьяне упорно отказываются называть лицъ, снабжающихъ ихъ литературой.

Въ половинѣ декабря былъ произведенъ обыскъ у предсѣдателя Бѣлозерской Земской Управы — Холопова, но безрезультатно. Въ сосѣднемъ Кирилловскомъ уѣздѣ той же губерніи 16 декабря были произведены обыски у сельскихъ учительницъ — Степухиной и Терещенко, у бывшаго череповецкаго семинариста Деньгина, у Рыбакова, у сельскаго учителя Дрочнева и арестованъ сельскій учитель А. Верещагинъ; при обыскахъ ни у кого ничего не было найдено. Предполагаютъ, что обыски и арестъ были слѣдствіемъ доноса священника-законоучителя дитятевской земской школы.

Какъ расправляются съ крестьянами. Приводимъ копію съ прошенія, поданнаго на имя М. В. Д. крестьяниномъ, проживающимъ въ с. Усть-Цыльмѣ Архангельской губ.:

„Обстоятельства, заставляющія меня обратиться съ настоящимъ прошеніемъ, заключаются въ слѣдующемъ: общество крестьянъ Попова Гребля, Чечельниковской волости, Ольгопольскаго уѣзда, К.-Подольской губ. уполномочило меня подать на Высочайшее имя прошеніе по дѣлу съ княземъ Орловымъ — сосѣднимъ землевладѣльцемъ... Я имѣлъ счастье быть допущеннымъ лично подать просьбу Е. И. В. и, по исполненіи возложеннаго на меня уполномочія, возвратился въ вышеуказанное общество въ ожиданіи праваго суда по поданному мною прошенію. 6 мая с. г. мѣстная администрація въ лицѣ исправника арестовала и препроводила въ ольгопольскую тюрьму въ одиночное заключеніе. На вопросы мои, наконецъ, на слезы мои, за что я подвергнутъ тюремному заключенію, исправникъ отвѣтилъ лишь слѣдующія слова, которыя запечатлѣлись въ душѣ моей до самой смерти: „сажаю тебя въ тюрьму за то, чтобы не подавалъ прошеній царю, потому что я тебѣ царь, а не тотъ, къ которому ты ѣздилъ“. Съ 6 мая по 2 августа я находился, какъ сказалъ выше, въ одиночномъ заключеніи, былъ лишенъ возможности подать прошеніе о несправедливомъ арестѣ, которое отъ меня не принимали и не позволяли писать. За этотъ періодъ времени исправникъ, мировой посредникъ, доктора и еще не знаю, сказать даже, какія личности, нѣсколько разъ вызывали въ контору исключительно въ ночное время и исключительно занимались вопросами: „какъ ты подавалъ прошеніе царю?“ Я обыкновенно, едва не въ сотый разъ, разсказывалъ, что 25 марта имѣлъ счастье видѣть лично Гос. Имп. въ Михайловскомъ манежѣ и подать прошеніе съ уполномочіемъ отъ общества, затѣмъ предлагали 1000 руб. съ тѣмъ, чтобы я болѣе никогда не подавалъ прошеній и бросилъ тяжбу, и въ концѣ концовъ, когда я не согласился, исправникъ угрожалъ сослать туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. 2 августа мнѣ въ тюрьмѣ было объявлено предписаніе отъ Вашего Высокопр-ства слѣдующаго содержанія: „Вызвать Боровскаго, арестовать въ тюрьму и препроводить въ Архангельскую губ. на пять лѣтъ за распространеніе ложныхъ слуховъ“. Ваше Пр—во! Нѣтъ возможности описать то удивленіе, когда мнѣ объявили резолюцію. Откуда меня вызвать? Съ 6 мая я находился въ тюрьмѣ, слѣдовательно, для меня ясно стало, что, даже и власть не знала о моемъ арестѣ. Но еще болѣе поразило меня то, что я распространялъ ложные слухи. Какіе ложные слухи — это до настоящаго времени остается для меня тайной. Среди кого я распространялъ, — это также неизвѣстно. И кто могъ такъ нагло наклеветать на меня, также не знаю. Есть основаніе предполагать, что вымыселъ этотъ, эта вопіющая несправедливость составлена мѣстною администраціей за подачу прошенія на Высочайшее имя, которая совершенно вымышленно донесла, что я распространитель ложныхъ слуховъ. Я никакихъ ложныхъ слуховъ не распространялъ, наоборотъ, своей правотой заслужилъ довѣріе цѣлаго общества, хотя человѣкъ малограмотный. Я исполнилъ возложенное на меня порученіе честно, искалъ тѣхъ правъ, которыя считаетъ за собой общество, преодолѣлъ всѣ трудности и препятствія и добился возможности лично подать прошеніе Гос. Имп., такъ неужели за это караютъ ссылкою? Обращаюсь къ Вашему П—ву и прошу разслѣдовать вновь мое дѣло. Я жертва ложныхъ доносовъ со стороны полицейской власти, (попытки?) вывести эти ложные доносы на чистый путь и избавить отъ невиннаго страданія“.

Намъ сообщаютъ, что приведенное прошеніе недавно послано, и потому отвѣта на него еще не было.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Агитація среди новобранцевъ въ Прибалтійскомъ краѣ.

До сихъ поръ латышскіе новобранцы пользовались весьма позорной честью считаться самыми лучшими солдатами въ арміи и слугами самодержавнаго царя. Поэтому, многихъ тотчасъ же, послѣ зачисленія въ солдаты, размѣщали либо въ гвардіи, либо въ конвоѣ, а большую часть въ артиллерію. Вездѣ и повсюду они славились своей усердной услужливостью и преданностью начальству. Неудивительно, поэтому, что многихъ отслужившихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ выбирали для дальнѣйшей службы въ качествѣ жандармовъ и разсылали, большей частью, по городамъ средней Россіи. Въ прошлое лѣто былъ, между прочимъ, случай, когда начальникъ военной коммиссіи въ городѣ Венденѣ оффиціально пригласилъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ латышей поступить на жандармскую службу въ Финляндіи. Намъ, латышамъ, надо краснѣть, слыша такіе факты, видя, что правительство искало среди насъ своихъ лучшихъ слугъ въ качествѣ жандармовъ-сыщиковъ. Но времена мѣняются. Въ городкѣ Венденѣ во время пріема новобранцевъ, были распространены печатныя прокламаціи: „Долой милитаризмъ“ (въ числѣ 500). Распространены были весьма удачно, причемъ никто не попался. Были случаи, когда солдаты сами брали на себя распространеніе прокламацій между своими товарищами. Настроеніе между новобранцами приподнятое. Въ городѣ Фридрихштадтѣ, во время пріема новобранцевъ, были распространены въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ прокламаціи: „Къ новобранцамъ“ съ подписью: „Революціонное общество новобранцевъ“. Содержаніе прокламацій было соціальдемократическое. Въ Якобштадтѣ и въ Крейцбургѣ было распространено болѣе, чѣмъ 500 экз. прокламацій: „Къ новобранцамъ“ на латышскомъ языкѣ и около 300 экз. на русскомъ ныхъ. Распространены были удачно. Прокламаціи либо передавались въ руки, либо были разбросаны по постоялымъ дворамъ, или же были расклеены по улицамъ. Полиція встревожена. Въ Виндавѣ, во время пріема новобранцевъ, были распространены прокламаціи: „Вниманію новобранцевъ“ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, съ подписью: „Сельско-рабочій соціальдемократическій Комитетъ „Циня“ (Борьба)“; кромѣ этого были въ немногихъ экземплярахъ распространены прокламаціи: „Вниманію солдатъ“. Въ городѣ Талсенѣ были въ то же время распространены прокламаціи (около 500 экз.) различнаго содержанія: „Вниманію солдатъ“, „Вниманію новобранцевъ“, „Къ новобранцамъ“. Во время самаго отбытія новобранцевъ были еще распространены прокламаціи: „Долой милитаризмъ“. Распространены были удачно и съ успѣхомъ; никто не попался. Во время присяги многіе отказались повторять слова священника и молчали все время. Надо прибавить, что въ концѣ октября въ этомъ же уѣздѣ были распространены воззванія къ сельскимъ рабочимъ, въ которыхъ излагались ихъ экономическія требованія. Въ Тукумѣ тоже были распространены прокламаціи въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ съ обращеніемъ къ новобранцамъ, и кромѣ того по окрестностямъ того же города были распространены воззванія: „Къ сельскимъ рабочимъ“. Въ Гробинѣ во время пріема новобранцевъ были распространены прокламаціи Либавской организаціи. Прокламаціи были разбросаны по улицамъ, по которымъ новобранцы шли въ коммиссію и возвращались изъ нея. Ими были переполнены всѣ постоялые дворы, всѣ чайныя, однимъ словомъ, мѣста, служащія для сборища новобранцевъ. То же самое повторились во второй и третій день. Прокламаціи читались съ большимъ интересомъ и производили бодрящее, приподнятое впечатлѣніе на новобранцевъ. Были случаи, когда новобранцы отрывали кокарды съ надписью: „За вѣру царя и отечество“ и вмѣсто ихъ приклеивали прокламаціи, уча другихъ: „Вотъ кому должны присягать!“ Полиція не зѣвала, но ничего не удалось найти. Съ такимъ же успѣхомъ были распространены прокламаціи и въ Айдтумѣ (?) 15 и 23 октября. Въ Либавѣ прокламаціи къ новобранцамъ были распространены внутри коммиссіонныхъ зданій и въ казармахъ, гдѣ онѣ оставили особенно большое впечатлѣніе. Начальство, напуганное этимъ фактомъ, отсылало новобранцевъ не сразу, какъ это оно дѣлало въ прежніе годы, а партіями, по 10-15 человѣкъ въ каждой. Это повторялось нѣсколько дней. Въ то же время были распространены прокламаціи къ новобранцамъ и въ Митавѣ. Въ Ригѣ, при отъѣздѣ новобранцевъ, были распространены прокламаціи: „Долой милитаризмъ“ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ. Онѣ были распространены очень удачно.

Ростовъ. Пріемъ новобранцевъ этой осенью прошелъ очень оживленно. Листокъ „Къ новобранцамъ“, выпущенный Донскимъ Комитетомъ, былъ удачно распространенъ, несмотря на приготовленія полиціи и жандармовъ. Призывные ходили съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, кричали: „долой самодержавіе“. Нѣсколько разъ избили полицію. На молебнѣ, когда попъ затянулъ: „царю небесный“, послышалась въ рядахъ новобранцевъ „марсельеза“, что произвело отличное впечатлѣніе на присутствовавшихъ рабочихъ и крестьянъ. Наконецъ, оппозиціонное настроеніе вылилось въ отказъ отъ присяги до 20 человѣкъ. Послѣдствія этого поступка пока неизвѣстны.

Передъ пріемомъ новобранцевъ Комитетъ повелъ среди рабочихъ агитацію по вопросу о подготовкѣ къ работѣ среди солдатъ. Было для этого организовано нѣсколько спеціальныхъ кружковъ.

Съ юга. Работа среди солдатъ ведется у насъ съ лѣта, но велась съ перерывами; регулярная же работа ведется четыре недѣли. Несмотря на столь короткій срокъ, несмотря на то, что работа среди солдатъ богата разными сюрпризами: назначается собраніе или кружокъ, а солдатъ какъ разъ въ это время отправятъ на караулъ, — и опять выбирай мѣсто, время, веди переговоры и т. д., она дала уже нѣкоторые осязательные результаты. Это еще разъ указываетъ на важность момента, нами переживаемаго... Такъ какъ до сихъ поръ почти не появлялось свѣдѣній о работѣ среди солдатъ, — я думаю, представитъ нѣкоторый интересъ описаніе одного небольшого собранія, — „летучки“, какъ оно называется у насъ. На „летучку“ 14 декабря должно было прійти 22 человѣка. Къ сожалѣнію, было лишь 14. Все же „летучка“ была оживленной... Разсказавъ и охарактеризовавъ событіе 14 декабря, я перешелъ къ положенію солдатъ и выяснилъ, какую печальную роль играютъ солдаты во время стачекъ, служа послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своры жандармовъ. Затѣмъ объяснилъ, чего добиваются рабочіе, соціальдемократическая партія, разсказалъ о порядкахъ въ Западной Европѣ, объяснилъ, кто наши внѣшніе и внутренніе враги и закончилъ приглашеніемъ — если солдатъ будетъ достаточное количество — отказываться стрѣлять по стачечникамъ... На вопросъ, кто наши внутренніе враги, послѣдовалъ отвѣтъ: „царь, министры, свора чиновниковъ да капиталисты“, поддержанный всѣми солдатами. Во время моей рѣчи вошли двѣ женщины съ годовалыми ребятами — жены солдатъ. Онѣ внимательно прислушивались къ моимъ словамъ, покрикивая время отъ времени на своихъ дѣтишекъ: „цыцъ“. Затѣмъ начался общій разговоръ. Одинъ солдатъ поставилъ такой вопросъ: должна ли имѣть значеніе присяга, данная при принятіи на службу, и самъ разрѣшилъ его въ отрицательномъ смыслѣ, мотивируя это тѣмъ, что обязательно лишь то, что принимается добровольно, а присяга по принужденію не можетъ имѣть нравственнаго обязательства для солдатъ. Вообще, вопросъ о присягѣ очень интересуетъ всѣхъ солдатъ, какъ мнѣ объ этомъ передавали и другіе товарищи — и о немъ, объ этомъ вопросѣ я совѣтовалъ бы говорить всѣмъ товарищамъ, дѣйствующимъ въ арміи. Говоря о присягѣ, тотъ же солдатъ продолжалъ: „у меня берутъ присягу за царя, за Русь святую, за вѣру православную и т. д. Какъ же я могу сражаться за вѣру православную, если я, напримѣръ, католической вѣры. — А если я не вѣрю въ Іисуса Христа? — заявилъ тутъ же присутствовавшій солдатъ-еврей — Я такъ думаю, неожиданно закончилъ солдатикъ, что вѣра должна быть каждому предоставлена своя, и никто не имѣетъ права ее насиловать, важенъ лишь тотъ богъ, который въ совѣсти каждаго человѣка. Другой солдатъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ на „о“ защищалъ замѣну регулярной арміи народной милиціей, доказывая, что за 3-4 мѣсяца всякій, даже самый тупой солдатъ превзойдетъ всю солдатскую премудрость. Зачѣмъ же потомъ народъ морить, зачѣмъ его отъ работы отрывать?“... На мой вопросъ, много ли среди нихъ солдатъ, такъ же думающихъ, какъ они, я получилъ отвѣтъ, что много, но что боятся другъ друга: „Вотъ я знаю о немъ, онъ обо мнѣ, а мы другъ другу не скажемъ, боимся“. Начальство, почитай, каждые два дня обыски дѣлаетъ“. — „Сильно солдаты измѣнились за послѣдніе два года, каждый думаетъ теперь, мало такихъ, которые вовсе ничего не знаютъ“... Мы разошлись въ бодромъ настроеніи. Какъ то легко и вольно дышалось мнѣ, когда я возвращался домой. „Послѣдняя опора самодержавія, — думалъ я — и та начинаетъ трещать“. Работать, работать, не покладая рукъ, не теряя бодрости и скоро, скоро рушится колеблющійся тронъ коронованнаго жандарма!...

Новая жертва на алтарѣ милитаризма.

8 октября драгунскій (29 одесскаго полка) ротмистръ Шахтахтинскій нанесъ нѣсколько ударовъ по лицу унтеръ-офицеру Потапу Лохманюку. На слѣдующій день оскорбленный унтеръ-офицеръ стрѣлялъ въ ротмистра и нанесъ ему легкую рану. Командиръ полка постановилъ предать Лохманюка кіевскому военно-окружному суду по обвиненію въ покушеніи на убійство. Начальникъ округа нашелъ это постановленіе недостаточнымъ и приказалъ кіевскому военному суду судить дѣло о Лохманюкѣ „съ примѣненіемъ наказанія, опредѣленнаго для военнаго времени“.

Каторги мало — нужна смертная казнь, какъ она нужна была для виленскаго солдата Анотина.

Начальникъ округа объясняетъ свой приговоръ „особенно важнымъ нарушеніемъ воинской дисциплины“. Не покушеніе на убійство карается смертью, а *покушеніе на право офицера истязать солдата и издѣваться надъ нимъ!*

Какъ живется солдату. Пятая артиллерійская бригада (Вознесенскъ, Херсонской губерніи). Бьютъ солдатъ нещадно. Недавно при офицерѣ фельдфебель четвертой батареи билъ солдата на плацу. На жалобу солдата офицеръ цинично отвѣтилъ: „а ты бы и самъ ему далъ“. Тотъ же фельдфебель избилъ недавно одного солдата шашкой и затѣмъ избилъ кулакомъ по головѣ. Солдатъ слегъ въ лазаретъ. По жалобѣ избитаго начато слѣдствіе. Предварительно командиръ батареи и завѣдующій хозяйственной частью приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы затушить дѣло. Во время слѣдствія запугивали свидѣтелей, но безуспѣшно. Приговоръ: *избитый* — на десять сутокъ подъ арестъ, фельдфебель — на пять. Завѣдующій хозяйственной частью Кабановъ избилъ лазаретнаго служителя, на котораго пало подозрѣніе въ выбитіи стеколъ въ квартирѣ врача. Несмотря на то, что слѣдствіе объ этихъ стеклахъ (хотѣли создать дѣло о покушенія на жизнь врача!) установило, что стекла разбиты нечаянно, дѣло о побояхъ заглохло.

Грабятъ солдатъ на всемъ: на пищѣ, одеждѣ, сапогахъ. На сапогахъ систематически обсчитываетъ нижнихъ чиновъ упомянутый Кабановъ. Пожаловаться солдаты не смѣютъ: жалобщиковъ замучаютъ тяжелыми работами и проч. Пища постоянно гнилая, а въ день смотра покупаютъ лишній пудъ костей и командиръ остается весьма доволенъ щами. Одежда выдается, когда предварительно полежитъ на складѣ лѣтъ 15 и станетъ никуда негодной. Обувь рѣдко-рѣдко хватаетъ мѣсяца на три. Словомъ, прекрасное житье! „Жалованье, пишетъ солдатъ, выдаютъ намъ 32 коп. въ мѣсяцъ, и на эти деньги надо купить ваксы, мыла, имѣть портянки, полотенца, держать себя чисто, чинить обувь. Условія прекрасныя. Притомъ еще, если на солдата ассигнуется одинъ руб., то можно увѣренно сказать, что изъ нихъ крадутъ 75 коп.“

„А сколько издѣвательствъ!, продолжаетъ тотъ же солдатъ. И не только въ строю, но и въ лазаретѣ. Не дай, боже, быть больнымъ. И еще хуже — не быть русскимъ! Всѣ не русскіе — по мнѣнію начальства — симулянты (притворно-больные).“

„А какъ насъ стараются изолировать (отъ вредныхъ вліяній). Знаніе нужно, ибо нужно сильное, знающее войско, нужно поспѣть за сосѣдями, иначе отстанешь. И вотъ принимаютъ мѣры для того, чтобы обезвредить его. До этого года въ библіотеки выписывали газеты, теперь прекратили — чтеніе можетъ будить мысль. Письма солдатъ читаются. Писать можно только по русски и польски, ибо другихъ языковъ офицеры не знаютъ: писанныя на другихъ языкахъ письма часто рвутъ на глазахъ получившаго. Несчастныхъ людей донимаютъ постами, молитвами, поученіями и т. п. Книги преобладаютъ духовно безнравственныя и о томъ, какъ мы турку и китайца били, и сколько пользы и исправленія нравовъ вноситъ солдатчина въ крестьянство.“

Москва. Въ Таврическомъ полку двое изъ молодыхъ солдатъ покончили самоубійствомъ: одинъ повѣсился, другой отравился. Въ Кіевскомъ полку арестованъ вольноопредѣляющійся перваго разряда Склифасовскій. Адьютантъ Гренадерскаго корпуса, видя, что писарь (изъ штаба) идетъ по улицѣ со студентомъ и разговариваетъ, донесъ объ этомъ случаѣ и возбудилъ дѣло: когда, гдѣ и по какому случаю познакомился со студентомъ, о чемъ говорилъ съ нимъ и т. д. Писарь только что былъ прикомандированъ въ канцелярію изъ Владиміра, но за это преступленіе опять былъ возвращенъ во Владиміръ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. Мелкія стачки здѣсь были въ октябрѣ. Такъ, втеченіе пяти-шести дней бастовала столярная фабрика Брандера, изъ за перемѣны рабочихъ часовъ (30 человѣкъ). Стачка кончилась неудачей. На фабрикѣ Емельянова противъ пониженія расцѣнковъ бастовало 100 рабочихъ, также неудачно. Къ стачечникамъ той и другой фабрики было выпущено по листку.

Изъ донецкаго бассейна. Втеченіе осени настроеніе рабочихъ на большинствѣ рудниковъ и заводовъ было возбужденное, благодаря общему пониженію расцѣнокъ. Сами рабочіе съ завода Юза и нѣкоторыхъ крупныхъ рудниковъ требовали отъ Союза призыва къ стачкѣ. Можно было ожидать всеобщей стачки, но изъ-за слабости и недостаточной организованности Союза, не удалось использовать настроеніе, дѣло ограничилось рядомъ частичныхъ стачекъ у Юза. Вообще, листки Союза встрѣчаются все съ большимъ и большимъ интересомъ рабочими массами. Читаютъ артелями, обсуждаютъ и тогда уже замасленными и истрепанными пересылаютъ на родину въ деревню. Безработные, переходя съ шахты на шахту въ поискахъ за работой, тоже переносятъ съ собой листки, и о соціальдемократіи, объ ея задачахъ и борьбѣ узнаютъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у Союза нѣтъ никакихъ связей. Выставленное Союзомъ требованіе трехъ восьмичасовыхъ смѣнъ вызвало общее сочувствіе, было подхвачено рабочими и сдѣлалось очень популярнымъ. Спросъ на литературу огромный. Къ сожалѣнію, Союзъ не въ состояніи удовлетворять его даже въ слабой степени. Необыкновенной популярностью пользуются „Пауки и мухи“ Либкнехта и „Сказка о попѣ и чортѣ“. Первую брошюрку Союзъ издалъ и распространилъ за время своей дѣятельности въ 18.000 экземпляровъ.

Баку. Въ концѣ декабря обнаружилось среди рабочихъ явственное стачечное теченіе. Внѣшнимъ проявленіемъ его служили частныя забастовки, возникавшія то тутъ, то тамъ. Возникали они по мелкимъ чисто мѣстнымъ поводамъ, требованія выставлялись небольшія (квартирныя деньги, вода, выдача жалованья и пр). Но за этими мелкими требованіями чувствовалась зачастую глубокая неудовлетворенность рабочихъ, сознаніе невыполненныхъ іюльскихъ требованій, замѣчалась боевая готовность. Неожиданный подъемъ въ нефтяной промышленности, оказавшійся стойкимъ, стремительный ростъ цѣнъ на нефтяные продукты до уровня, на которомъ онѣ давно уже не стояли, громадные барыши капиталистовъ дѣлали ихъ менѣе, чѣмъ когда либо способными, упорно противостоять требованіямъ рабочихъ: каждый часъ простоя грозилъ имъ громадными убытками. Все это заставляло задумываться надъ возможностью новой всеобщей забастовки. Однако, послѣ выясненія вопроса, Комитетъ счелъ всеобщую забастовку въ данный моментъ недостаточно назрѣвшей, а потому и отнесся отрицательно къ попыткѣ армянской „фракціи“. Наступившіе холода положили конецъ разговорамъ о немедленной забастовкѣ, но это не мѣшаетъ ей оставаться очереднымъ вопросомъ мѣстнаго движенія, вопросомъ, быть можетъ, близкаго будущаго. Вообще, настроеніе среди рабочихъ хорошее, бодрое. Спросъ на нелегальную литературу громадный, а предложеніе ничтожно. За осень и зиму распространено до пяти пудовъ агитаціонныхъ брошюръ нѣсколькихъ названій, но запросы рабочихъ гораздо глубже: они требуютъ „Искры“, серьезныхъ брошюръ по основнымъ вопросамъ соціальдемократической программы и т. д., а ихъ совсѣмъ нѣтъ. Недостатокъ подобной литературы становится весьма серьезной помѣхой развитію движенія. Перейду къ забастовкамъ послѣдняго времени. Въ ноябрѣ было нѣсколько мелкихъ удачныхъ забастовокъ на Биби-Эйбатѣ. Наканунѣ Рождества произошла забастовка на заводѣ Левенсона въ Черномъ городѣ (250 рабочихъ), забастовавшемъ однимъ изъ первыхъ и въ іюльскую забастовку. Пріѣхавшій помощникъ полиціймейстера сталъ заигрывать съ рабочими. „*Они намъ* (sic!) должны будутъ уступить“, сказалъ рабочимъ г. Полонскій, отличившійся своимъ звѣрствомъ въ лѣтнюю забастовку и еще въ ноябрѣ выславшій отсюда въ 24 часа семь дѣвушекъ-работницъ за стачку въ мастерской Вайнштейна: „вѣдь теперь работы вездѣ много“. Стачка выиграна, а хозяева возмущены зубатовскимъ поведеніемъ Полонскаго. 3 января возникла забастовка на заводѣ Хатисова въ Черномъ городѣ; начали стачку армяне-рабочіе, требуя выдачи жалованья къ празднику внѣ очереди. Къ нимъ изъ сочувствія присоединились и русскіе рабочіе; всѣхъ забастовавшихъ было до 300 человѣкъ. Рабочіе заранѣе условились не вступать ни въ какіе переговоры съ полиціей. Когда все тотъ же Полонскій сталъ спрашивать рабочихъ объ ихъ требованіяхъ, они упорно молчали, а отдѣльные рабочіе, къ которымъ онъ обращался, отворачивались отъ него. Наконецъ, какой-то юноша не удержался и изложилъ ему требованія. „Жалованье вамъ будетъ выдано“, рѣшилъ мудрый судія: „а вотъ этого паренька я у васъ возьму“. — „Нѣтъ, не возьмете“, получилъ онъ отвѣтъ: „не дадимъ“. Такъ и не взялъ. По этому поводу выпущенъ листокъ Районнымъ Комитетомъ. Было броженіе и у Нобеля въ Балаханахъ и въ городѣ, и рабочіе открыто выражали намѣреніе устроить забастовку, но нефтяной король предпочелъ удовлетворить требованія рабочихъ и подъ разными предлогами прибавилъ всѣмъ рабочимъ плату. — На состоявшемся недавно очередномъ съѣздѣ нефтепромышленниковъ прошелъ, наконецъ, вопросъ объ устройствѣ рабочихъ поселковъ. Вопросъ этотъ имѣетъ свою длинную исторію; цѣлый рядъ лѣтъ онъ не выходилъ изъ сферы академическаго обсужденія. Нужна была всеобщая забастовка рабочихъ, чтобы сразу перевести вопросъ изъ области „благихъ пожеланій“ въ сферу практической политики. Какъ извѣстно, выводъ рабочихъ жилищъ изъ предѣловъ промысловаго района и устройство для этого рабочихъ поселковъ былъ однимъ изъ трехъ главныхъ требованій рабочихъ во время всеобщей лѣтней забастовки. Къ сожалѣнію, дѣло можетъ снова затянуться изъ-за стремленія правительства ввести, пользуясь этимъ случаемъ, свою опеку и въ область самоуправленія нефтепромышленниковъ. Справедливость требуетъ указать, что нефтепромышленники весьма рѣшительно отвергли эти притязанія административныхъ сферъ.

Рига. 18 ноября на здѣшнемъ пистонномъ заводѣ, благодаря наглому пренебреженію со стороны администраціи элементарными мѣрами безопасности, произошелъ взрывъ, стоившій жизни шести рабочимъ. Похороны сопровождались демонстраціей. — Въ серединѣ декабря на Курмановской ул. полиціей разогнано большое рабочее собраніе. — Подъ новый годъ въ четырехъ кирхахъ во время провозглашенія многолѣтія посыпались прокламаціи, раздались свистки и гиканье. — 9 января здѣсь распространена первая прокламація новаго Рижскаго Комитета Партіи, въ количествѣ 2300 шт. (печатныя): „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“. Онѣ произвели сильное впечатлѣніе, особенно на фаянсовой фабрикѣ Кузнецова, гдѣ работаетъ 3000 рабочихъ. Рисовальщики, въ количествѣ 100 человѣкъ, направились въ контору и потребовали прибавки. Управляющій согласился прибавить по двѣ коп.

Изъ Прибалтійскаго края. Съ радостью нужно отмѣтить, что рабочее движеніе среди латышей растетъ не днями, а часами, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Обѣ мѣстныя организаціи (Прибалт. лат. соц.-дем. раб. организація и Группа латышскихъ соц.-демократовъ въ Курляндіи) ведутъ, главнымъ образомъ, пропаганду въ большихъ городахъ: въ Ригѣ, Митавѣ и Либавѣ, но нѣсколько разъ въ годъ распространяютъ прокламаціи общаго характера и среди сельскаго населенія. Для этого выбираются праздничные дни. Въ этомъ году, во время рождественскихъ праздниковъ, были распространены прокламаціи: „Церковь и соціализмъ“ и „Заря восходитъ“ (Aust rihts); вмѣстѣ 2500 экз. Нужно, кромѣ того, указать на двѣ удачныя демонстраціи послѣдняго времени. Болѣе крупная была устроена въ Ригѣ на похоронахъ 6 ноября убитаго городовымъ рабочаго А. Т. Исторія этого ужаснаго дѣла вкратцѣ слѣдующая: Въ трактирѣ къ [illegible] рабочимъ привязался городовой. Чтобы освободиться отъ незваннаго гостя, рабочій Т. брызнулъ городовому остаткомъ пива въ лицо. Храбрый полисменъ выхватилъ шашку и ударилъ одного рабочаго. Когда вмѣшались другіе товарищи, городовой началъ въ нихъ стрѣлять и не переставалъ и тогда, когда рабочіе собирались уходить, словомъ, не присмирѣлъ, пока не попала пуля въ спину Т., который упалъ мертвымъ на улицѣ. 16 ноября собрались на кладбищѣ провожать товарища около 1000 организованныхъ рабочихъ. Пѣли революціонныя пѣсни, при чемъ надъ головами развивались два красныя знамени съ надписью: „Долой самодержавіе!“ и „Да здравствуетъ соціализмъ!“ Присутствующіе околоточный надзиратель съ городовыми при первыхъ возгласахъ скрылись. Рабочіе потомъ пошли съ пѣніемъ до полотна желѣзной дороги. Городовой до сихъ поръ еще *не уволенъ*, но арестованъ братъ убитаго. Стараются вынудить показанія, что рабочіе имѣли намѣреніе убить городового.

Вторая, случайно вызванная демонстрація имѣла мѣсто въ Митавѣ, гдѣ 12 декабря въ Ремесленномъ обществѣ была дана латышская пьеса „Земля“, въ которой выдвигается латышская интеллигентная буржуазія носителемъ всего блага народнаго. Автора освистали троекратно. Потомъ, по указанію учителей, полиція арестовала нѣсколько учениковъ. Собравшіеся послѣ спектакля у выхода ученики и рабочіе ожидали арестованныхъ и толпой въ 200 человѣкъ двинулись, съ полиціей во главѣ, по направленію къ участку. У мужской гимназіи толпа кинулась на полицію, освободила арестованныхъ и потомъ съ пѣніемъ „дубинушки“ и нѣкоторыхъ латышскихъ рев. пѣсенъ пошла по Большой и Католической. Въ половинѣ перваго ночи вышла „для усмиренія“ рота солдатъ, но на улицахъ уже больше никого не встрѣтила. По настоянію жандармеріи, исключены изъ реальнаго училища три ученика. О дѣятельности мѣстныхъ организацій можно, до нѣкоторой степени, судить по числу распространенныхъ прокламацій. Съ августа распространено Прибалтійской лат. соц.-дем. раб. организаціей 95.000 прокламацій и Группой лат. соц.-демократіи въ Курляндіи около 15.000. Въ послѣднее время арестованы въ Ригѣ слѣдующія лица: Зубной врачъ Э. Гибшманъ и рабочіе: Рольштейнъ, Петерсонъ, Ванагъ, Далбинъ, Страздъ и братья Шталь. Изъ митавской тюрьмы переведенъ иностранецъ, назвавшій свою настоящую фамилію, бывшій цюрихскій студентъ Скубикъ.

Невьянскій чугуноплавильный и механическій заводъ (Екатер. у пермск. губ.) ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется изъ ряда прочихъ уральскихъ заводовъ. Онъ находится въ 88 верстахъ отъ гор. Екатеринбурга на рѣкѣ Нейвѣ, водой которой отчасти и приводится въ движеніе. Селеніе Невьянскъ представляетъ собой ни деревню, ни село, а скорѣе городокъ. Жителей всего насчитывается около 17.000 человѣкъ. Здѣсь живутъ не только мѣстные рабочіе, но также масса кустарей и торговцевъ. Въ началѣ октября на невьянскомъ заводѣ были раскиданы листки Пермскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. и нѣсколько брошюрокъ. За все время существованія завода революціонное слово впервые залетѣло въ него, и, конечно, вызвало бурю толковъ, пересудовъ и всевозможныхъ ожиданій. Начальство, какъ заводское, такъ и полицейское, страшно перетрусило и, растерявшись, металось, какъ нервная дама въ истерикѣ. Многихъ таскали къ становому, и онъ спрашивалъ, не знаютъ ли они, откуда появились зловредные листки; нѣкоторыхъ рабочихъ онъ уговаривалъ честно сказать правду, на нѣкоторыхъ топалъ ногами, потрясалъ кулаками и грозилъ согнуть въ бараній рогъ, но, не смотря на всю свою ретивость нигдѣ не отыскалъ сѣятелей нечестивой крамолы. По подозрѣнію въ причастности къ сѣянью смуты у рабочаго И. Стародубова были три раза обыски, но не привели къ желанному результату, и крамола осталась не пойманной. Стародубову все таки записали разсчетъ. Работы вообще на заводѣ мало, и рабочихъ продолжаютъ понемногу разсчитывать. Организованные рабочіе говорятъ, что многіе для того, чтобы остаться на работѣ, выслужиться въ глазахъ мастера, ревностно ука зываютъ на тѣхъ рабочихъ, которые больше всѣхъ ругаютъ начальство, недовольные существующимъ порядкомъ и совѣтуютъ бороться; говорятъ, доносчиками становятся иногда даже организованные рабочіе.(?) Таковъ то страхъ разсчета и неблагонадежности на Уралѣ. Оно и понятно, отказъ отъ работы и лишеніе возможности быть когда либо принятымъ обратно на заводъ означаетъ для привязаннаго къ землѣ рабочаго голодную смерть и полное раззореніе. Разъ выгнали его за ворота, ему остается уйти на другое мѣсто, но почти на всѣхъ заводахъ Урала постороннихъ рабочихъ абсолютно не принимаютъ, и рабочій, не нашедшій работы у себя дома, принужденъ идти въ городъ или въ глубь Россіи. Для того, чтобы разрушить консерватизмъ уральскаго пролетаріата, вывести его на болѣе широкую дорогу, увѣрить въ осуществимости свѣтлаго будущаго, надо положить очень и очень много упорнаго труда или же должно случиться какое-нибудь необычайное злодѣяніе способное всколыхнуть стоячее болото патріархальности и апатіи.

Но вернемся къ Невьянску. Потерпѣвъ посрамленіе въ поискахъ за смутьянами, начальство не успокоилось и созвало сельскій сходъ. Для большей торжественности прибылъ земскій начальникъ, и вотъ по его иниціативѣ сходъ, на которомъ присутствовало много торговцевъ и прочихъ „хозяйственныхъ“ людей (а для нихъ тишина и спокойствіе важнѣе всего, интересы же рабочихъ и деревенской бѣдноты совершенно безразличны), большинствомъ голосовъ вынесъ приблизительно такую резолюцію: „Послѣ девяти часовъ ежедневно всѣхъ идущихъ по улицѣ осматривать или же доставлять для осмотра въ полицію. Всѣ жители Невьянска должны неуклонно слѣдить, чтобы въ ихъ средѣ не завелась крамола, а буде появится, немедленно докладывать о томъ начальству, дабы своевременно принять мѣры къ ея пресѣченію“. Подобное постановленіе не прошло безслѣдно и создало лишнія препятствія для соціалистической пропаганды. Рабочіе изъ страха не берутъ читать нелегальщину, а если и возьмутъ, то возвращаютъ обратно тому, у кого взяли. Всѣ жители превратились въ соглядатаевъ другъ за другомъ и ревностно подсматриваютъ и подслушиваютъ. Всякій новый человѣкъ внушаетъ недовѣріе; книжка у рабочаго, не разбирая ея содержанія, (разумѣется, исключая религіозныхъ) считается признакомъ порочности и знакомства съ „политикой“. Мимолетное знакомство съ листками, больше по раздутымъ и разукрашеннымъ слухамъ, чѣмъ по личному чтенію (листковъ было распространено немного, да и изъ нихъ много попало въ руки администраціи) создаетъ невѣроятныя легенды, въ которыхъ защита интересовъ рабочихъ совершенно устраняется, а на ея мѣсто выступаетъ традиціонный „студентъ“ или аналогичный ему „политическій“ съ обязательнымъ „невѣріемъ въ бога“, „бунтомъ противъ царя“ и т. д. Листки, хотя пока и мало достигаютъ своей цѣли развитія рабочаго вообще и указанія ему его друзей и враговъ, но сильно способствуютъ возникновенію толковъ о революціонерахъ. Если въ данное время населеніе по незнанію и держится легендарнаго представленія о „политическихъ“, то на обязанности сознательныхъ рабочихъ и мѣстнаго комитета лежитъ неотложная задача разрушить это ложное представленіе, показать несознательной массѣ истинныхъ враговъ и повести ее на борьбу съ ними.

Рабочій.

Нижній-Тагилъ. Желѣзнодорожное депо. (Письмо рабочаго). У насъ рабочихъ въ депо сравнительно немного — около 80 человѣкъ, а заработокъ совсѣмъ плохъ. Мальчикъ-ученикъ, поступая въ депо, работаетъ полгода или даже годъ безплатно, а потомъ ему назначаютъ поденную плату въ 20 коп., и онъ работаетъ за эту плату столько же времени, сколько работалъ безплатно; послѣ этого ему прибавляютъ пять или десять коп. и зачисляютъ въ чернорабочіе. Чернорабочіе получаютъ 30-55 коп., а слесаря отъ 55 коп. до 1 руб. 35 коп. Прибавки у насъ бываютъ три раза въ годъ; это правило, но прибавляютъ большей частью черезъ полгода или годъ, а если не попросить начальства, то и вовсе ничего не получишь.

Вообще, порядки у насъ ничѣмъ не отличаются отъ порядковъ [illegible] ученикъ поступаетъ въ депо, чтобы работѣ учиться, а его заставляютъ мести полъ, чистить части паровоза, убирать залу, поднимать и таскать тяжести и т. д. Вообще, на ученикахъ у насъ ѣздятъ, какъ на волахъ, и это дѣлается по распоряженію ремонтера и начальника депо. Рабочій день — десяти-часовый и, кромѣ того, бываютъ сверхурочныя работы и почти что каждый день; но ученикъ, получающій плату, или слесарь не могутъ отказаться отъ этой работы безъ „уважительныхъ“ причинъ; а если откажутся, то ремонтеръ ругаетъ „лѣнтяемъ“ — намъ, говоритъ, такихъ лѣнтяевъ не надо, ты можешь убираться къ черту. Сверхурочныя работы бываютъ всю ночь, а отмѣчаютъ ихъ не полностью; напр., проработалъ шесть часовъ, а тебѣ отмѣчаютъ три-четыре часа. Штрафы и вычеты дѣлаются за всякую мелочь и даже ни за что, ни про что: такъ, за опозданіе на 15 минутъ вычитаютъ ½-1 час.; не поспѣлъ кончить работу, сгрубилъ ремонтеру — опять вычеты. Жаловаться некому, отъ начальника отвѣтъ одинъ: „ты дуракъ, оселъ, стало быть, такъ и надо. Ступай, а если не хочешь работать, то уходи вонъ, намъ такихъ не надо, мы обойдемся безъ тебя“. Такъ у насъ живется рабочимъ въ депо. Кромѣ того, еще испытываемъ сильный холодъ, такъ какъ, благодаря дыму и отсутствію вентиляціи, постоянно открываютъ ворота при входѣ и выходѣ паровозовъ изъ депо. Иногда до того бываетъ дымно, что постороннему человѣку не пробыть и двухъ-трехъ минутъ, а холодъ такой, что руки коченѣютъ. Вотъ тутъ и работай, а работу спрашиваютъ. „Давай скорѣе“, говоритъ ремонтеръ, „работа нужна“. „Какъ же я могу сдѣлать скорѣе, когда работать невозможно; видите, какой холодъ и дымъ“. „Ты лѣнтяй, пьяница, тебя прогнать надо“, начинаетъ ругаться ремонтеръ, и смотришь — два-три часа съ заработка долой. Рабочій требуетъ не отмѣченные ему часы и оправдывается, что онъ не въ силахъ былъ скорѣе работать. Отвѣтъ на это обычный: „У насъ перерасходъ большой, надо васъ гулять посылать, вотъ вы и не будете лодыря гнуть, лѣнтяи! Много васъ, шарлатановъ! Уходи вонъ, если не хочешь работать!“ Рабочій уже не возражаетъ, боясь опять лишиться 2-3 часовъ, и, скрѣпя сердце, идетъ наверстывать „штрафъ“. Не мало трудовыхъ грошей пропадаетъ такимъ образомъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Постановленіе Совѣта Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Совѣтъ Партіи, созванный редакціей Ц. О. для согласованія и объединенія дѣятельности Ц. К. и Ц. О. по изданію партійной литературы, занялся, по предложенію представителей Ц. К., вопросомъ „о мѣрахъ къ возстановленію добраго мира въ Партіи“. Послѣ продолжительнаго обсужденія Совѣтъ принялъ и постановилъ опубликовать слѣдующую резолюцію:

„Совѣтъ Партіи, сожалѣя о распряхъ, существующихъ теперь въ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, глубоко оубѣжденъ, 1) что существованіе этихъ распрей обусловливается тѣмъ, что Ц. К., по своему составу, представляетъ лишь одну часть Партіи и 2) что для ихъ устраненія необходимо измѣненіе его состава путемъ кооптаціи лицъ, принадлежавшихъ къ такъ называемому „меньшинству“ партійнаго съѣзда или солидарныхъ съ нимъ“.

Намъ доставленъ отчетъ о третьемъ очередномъ съѣздѣ „Союза Горнозаводскихъ рабочихъ“. На съѣздѣ были представлены: Маріуполь, Таганрогъ, Лугапскъ, Юзовка и Славянскъ. Съѣздъ начался съ докладовъ мѣстныхъ представителей. Эти доклады выяснили слѣдующее о силахъ Союза:

Въ **Юзовкѣ** организовано 35 заводскихъ рабочихъ (четыре кружка) и намѣчено еще два кружка (15 чел.). Постоянныхъ читателей нелегальной литературы — 75 чел. Въ ремесленной организаціи въ кружкахъ — 50 чел. и постоянныхъ читателей литературы — 50 чел. На рудникахъ юзовскаго района имѣется два кружка съ 24 членами. Читателей нелегальной литературы — 40 чел. Имѣются связи на кое-какихъ заводахъ района, но организацій еще нѣтъ. За время дѣятельности Союза было пять сходокъ, на которыхъ присутствовало отъ 40 до 80 человѣкъ на каждой. Бюджетъ мѣстной организаціи достигаетъ до 100 рублей въ мѣсяцъ.

Въ **Таганрогѣ** имѣется десять кружковъ съ числомъ членовъ около ста и столько же читателей. Втеченіе осени было восемь сходокъ съ количествомъ участниковъ отъ 80 до 150 чел. За время дѣятельности Союза были двѣ забастовки и одна демонстрація. Бюджетъ организаціи отъ 50 до 75 рублей въ мѣсяцъ.

Въ **Маріуполѣ** шесть кружковъ съ 43 членами, читателей 60. Весною мѣстная организація провела стачку. Была одна сходка въ 25 чел. Бюджетъ — 50 рублей въ мѣсяцъ. О Луганскѣ и Славянскѣ нельзя было представить точныхъ свѣдѣній, такъ какъ въ обоихъ городахъ передъ съѣздомъ были провалы и товарищи только начали возстановлять порванныя связи. Въ моментъ съѣзда въ Славянскѣ имѣлась всего одна группа изъ пяти человѣкъ, имѣвшая связи съ мѣстными заводами, а въ Луганскѣ — два кружка съ 25 членами.

Разсмотрѣвъ докладъ своего делегата на партійномъ съѣздѣ, Союзъ выразилъ одобреніе его поведенію.

Далѣе, съѣздъ занялся организаціонными вопросами и принялъ слѣдующую резолюцію: „Въ настоящій моментъ Союзъ обращаетъ особое вниманіе на организаціонную работу. Предпочтеніе, оказываемое этой сторонѣ революціонной дѣятельности, не должно, однако, отражаться ограниченіемъ агитаціи экономической и политической“.

Съѣздъ опредѣлилъ функціи своего центральнаго учрежденія и отмѣнилъ названіе „комитетовъ“ для своихъ мѣстныхъ организацій, присвоивъ имъ названіе „группъ“. Послѣ этого съѣздъ занялся выработкой плана агитаціи и программы занятій пропагандистскихъ кружковъ. Въ виду того, что Союзъ охватилъ своей дѣятельностью какъ заводскихъ, такъ и ремесленныхъ рабочихъ разныхъ отраслей, съѣздъ постановилъ замѣнить прежнее названіе организаціи новымъ — „Донецкій Соціальдемократическій Рабочій Союзъ“.

Союзомъ Горнозаводскихъ рабочихъ (нынѣ **„Донецкимъ Соц.-дем. Союзомъ“**) изданы листки: 1) „Ко всѣмъ рабочимъ заводовъ и шахтъ Донецкаго бассейна“ (по поводу пониженія расцѣнокъ) — 3000 экз.; 2) „Къ заводскимъ рабочимъ Юзовскаго металлургическаго завода“ (призывъ къ стачкѣ съ формулировкой требованій) — 600 экз.; 3) „Чего мы требуемъ“ (популяризація программы) — 3000 экз.; 4) „Ко всѣмъ ремесленникамъ Донецкаго бассейна“ (съ призывомъ къ стачкѣ) — 500 экз.; 5) „Къ раб. Никополь-Маріупольск. завода“ (предостереженіе о провокаціи Цѣхановскаго) — 300 экз.; 6) „Ко всѣмъ рабочимъ Таганрогскаго завода“ — 500 экз.; 7) „Рѣчи защитниковъ въ Таганрогскомъ процессѣ“ — 100 экз.; 8) „Ко всѣмъ“ (призывъ къ демонстраціи въ Таганрогѣ) — 2000 экз.; 9) Описаніе сходки 10 ноября 1902 г. въ Ростовѣ (Къ годовщинѣ стачки) — 2000 экз.; 10) Памяти убитыхъ 11 ноября 1902 г. въ Ростовѣ — 2000 экз.; 11) „Ко всѣмъ“ (послѣ таганрогской демонстраціи) — 3000 экз.; 12) „Ко всѣмъ рабочимъ Юзовск. завода“ (по поводу стачки коксоваго и доменнаго цеховъ) — 600 экз.; 13) „Къ шахтерамъ карповскихъ рудниковъ“ — 500 экз. Итого 18.100 экз. **СБП. К.** изданы листки къ членамъ техническаго съѣзда и о предстоящей войнѣ съ Японіей; **Бак. К.**: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о новой типогр.); **Дон. Ком.**: перепечатка изъ „Рабочаго дѣла въ Россіи“ Мартова; **Кіевск. Ком.**: листокъ по поводу годовщины 14 дек. 1825 г.; **Херсонскимъ Ком.**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“; **Екатеринославскимъ Ком.**: „Къ рабочимъ трубопрокатнаго завода“ (по поводу пониженія расцѣнокъ).

Вышелъ первый номеръ соціальдемократическаго листка для сектантовъ „Разсвѣтъ“, издаваемаго тов. Бончъ-Бруевичемъ. Редакціей „Искры“ изданы брошюры: „Либерализмъ и соціализмъ“ и „Классовая борьба въ Кримичау“. — **Центр. Комитетомъ** издано „Письмо къ товарищамъ“ о нашихъ организаціонныхъ задачахъ. Н. Ленина.

Японскіе соціалисты о войнѣ. Сообщаемъ текстъ резолюціи, предложенной нашими Японскими товарищами и принятой на созванныхъ ими народныхъ собраніяхъ:

„Мы, соціалисты — противники всякихъ войнъ, потому что онѣ всегда губительны для интересовъ человѣчества и всегда противорѣчатъ интересамъ пролетаріата. Японскій рабочій классъ не питаетъ ни малѣйшей вражды къ русскому рабочему классу, а, между тѣмъ, въ случаѣ войны, рабочіе обѣихъ сторонъ будутъ убивать другъ друга для удовольствія тѣхъ, кто извлекаетъ выгоды изъ войны. Война нарушаетъ самые высшіе и самые благородные интересы человѣчества!“

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Казань. Студ. Ахтямовъ, Либензонъ, Байкаловъ и техникъ Бржезовскій сосланы до приговора въ Восточную Сибирь; бывшій студ. Потрясовъ — въ Арханг. губ. (дѣло марта 1903 года); по декабрьскому дѣлу 1902 года студ. Н. Кролюницкій высланъ до приговора въ Вятку, вольноопр. Ю. Кролюницкій — въ Вологодскую губ., студ. Кибардинъ — въ Вятскую губ., рабочій Бѣлявскій — въ Уфу. Арестованная на границѣ въ іюнѣ учительница Кузнецова выслана на два года въ Вост. Сиб. Въ ноябрѣ арестовано трое рабочихъ. — **Таганрогъ.** Послѣ демонстраціи 9 ноября арестованы: рабочіе Калашниковъ, Стуканевъ (освоб.), Шульженко, Мартыновъ (освоб.), братья Шахматовы, Стариковъ и еще одинъ (фамилія не разборчива), бывшій гимн. Старцевъ, инт. Л. Залкиндъ и Готлоберъ, раб. Прокопенко и нелегальный Михайловъ (разыскивался по дѣлу прошлогодней Ростовской стачки). 28 ноября арестованы Чайкинъ, Синявскій и Чермаковъ (рабочіе). Въ таганрогской тюрьмѣ еще сидятъ Журавская (дѣло типогр. Донского Ком.), Ольштейнъ (по дѣлу села Юрино, Нижегородской губ.) и Ефремовъ (арестованъ на Алексѣевскихъ рудникахъ 26 апрѣля). — **Петербургъ.** Въ концѣ ноября и декабрѣ арестованы: горняки Мироновъ и Матвѣевъ и путеецъ А. Булгаковъ (послѣдній выпущенъ). — **Одесса**. Рабочій Керхинъ получилъ 3 года Восточной Сибири. Въ одесскихъ каменоломняхъ арестованы рабочіе Матвѣй Шишкинъ, Сомовъ и Евтушенко; въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ арестованъ конторщикъ Василій Астаховъ, ар. Виленская. — По **Кавказскимъ** соціальдемократическимъ дѣламъ сосланы, кромѣ ранѣе упоминавшихся, Захарій Чадрошвили, Калистратъ Гонза — въ Вост. Сибирь: Миронъ Шавченко, Ованесъ Учановъ, Вацлавъ Пуловскій, Георгій Лелашвили — въ Архангельскую губ.; Иванъ Петровъ, Валер. Билановъ, Романъ Альшерскій, Георгій Хадчевъ, Николай Флонтаевъ, Василій Грушадзе, Георгій Мансурадзе, Константинъ Салувадзе — въ Вологодскую губ.

Баку. Ссылаются въ Восточную Сибирь на 5 лѣтъ: Григляшевскій, Браге и Жалевичъ (апрѣльская демонстрація 1903 г.) и Петръ Ишхоевъ (іюльская забастовка): — на 4 г.: Ждановъ (апрѣльская демонстр.): — на 3 г.: Мирзаянцъ. — Въ Архангельскую губ. на 3 г.: Апримовъ и Вукертъ (апрѣльская демонстрація), Артемъ Дадаевъ (мартовская демонстрація). Всѣ 9 рабочіе. **Виндава.** Въ началѣ октября на пароходѣ „Шталь“ былъ арестованъ матросъ Георгій Берзинъ съ транспортомъ русскихъ нелегальныхъ книгъ. **Нижній-Новгородъ.** Получили приговоръ: въ Сибирь — (врачъ) И. Бродская — 3 г., Макаръ Комоловъ (рабочій) — 5 лѣтъ; — Арх. губ.: Петръ Комоловъ (рабочій) — 5 лѣтъ, Е. Никитина и А. Никитина — 3 г.; — Вологодской губ.: Лапушкинъ (отставной военный 67 лѣтъ) — 3 г. **Петербургъ.** Кромѣ Фальборка, 9 января арестованы: Аносова, Дмитріевская, Багровъ, Циммерманъ и др. Выпущены арестованные 2 мѣсяца тому назадъ: Раньева, Миклашевская, Журавская и Аничковъ. **Уфа.** Съ 30 на 31 декабря арестованы: гимназистъ восьмого класса Казариновъ и еще одинъ, Михаилъ Козловъ, Зинаида Козлова, Сперанскій, Геневскій (пом. провизора), Рабиновичъ, (студенты) Филоновъ и Голынко. Изъ Златоуста и заводовъ везутъ цѣлыми партіями. Высланный отсюда осенью въ Тверь докторъ Бѣльскій арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ; туда же увезенъ изъ Архангельска пом. прис. пов. Плаксинъ. — **Рига.** Латышскій соціальдемократъ Пунга сосланъ на 8 лѣтъ въ Восточ. Сибирь. **Житоміръ.** Изъ арестованныхъ 19 декабря 130 человѣкъ на собраніи, устроенномъ въ память декабристовъ, освобождены всѣ, за исключеніемъ 12 человѣкъ (8 интеллиг. и 4 раб.), на которыхъ полиція, видно, собирается вымѣстить свою злобу. Провалъ собранія приписывается провокаціи. **Тифлисъ.** Съ начала января 1904 г. происходятъ безпрерывные обыски и аресты. Дешевая библіотека, основанная О. В. Кайдановой и переданная ею обществу учительницъ, опечатана, всѣ относящіеся къ ней лица арестованы и посажены въ Метеху. Арестованъ предсѣдатель общества трезвости докторъ Н. А. Худадовъ, старый либералъ, не имѣющій никакого отношенія къ революціи. Опечатана редакція газеты „Квали“.

Бѣжали изъ Екатеринославской тюрьмы: Артемій Коптюхъ и Сара Рабиновичъ (рабочіе), преданные суду по дѣлу о всеобщей стачкѣ. Изъ Восточ. Сибири — Лавриновичъ (рабочій изъ Екатеринослава по дѣлу Комитета 1900 г.), Вѣра Гурвичъ (сослана до приговора по дѣлу Московскаго Комитета 1902 года), Житкова (моск. с.-д. дѣло) нелег. рабочій Панинъ (Сѣв. Союзъ), и Денисовъ, раб., сосланный на поселеніе по Саратов. проц.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

ВОЙНА!

Этотъ номеръ былъ уже сверстанъ, когда телеграфъ принесъ извѣстіе, что 24 января въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ опубликовано сообщеніе объ отозваніи японскаго посольства изъ Россіи и русскаго изъ Японіи.

День этотъ будетъ долго памятенъ въ исторіи. Имъ начинается война, которая грозитъ превратиться во всемірное столкновеніе всѣхъ культурныхъ государствъ, грозитъ залить кровью и пожаромъ весь свѣтъ. Не только политическая карта всѣхъ странъ свѣта можетъ измѣниться до неузнаваемости въ результатѣ того пожара, который загорается теперь на Дальнемъ Востокѣ, но, быть можетъ, всѣ основы современнаго капиталистическаго строя будутъ въ корнѣ потрясены надвигающейся бурей. Быть можетъ, близится уже день, когда изъ подъ груды обломковъ стараго, разъѣденнаго гнетомъ и эксплуатаціей общества начнетъ вставать новый, болѣе счастливый порядокъ, который принесетъ наконецъ трудящимся классамъ освобожденіе отъ всѣхъ цѣпей рабства, насилія и угнетенія. Вотъ почему пролетаріатъ, и только одинъ пролетаріатъ безъ страха можетъ смотрѣть въ будущее сквозь заволакивающія его теперь грозныя тучи.

Но какъ бы ни отразилась драма, начинающаяся теперь на берегахъ Тихаго океана, на ходѣ міровыхъ событій, для нашей родины значеніе ея будетъ огромно. Уступчивость и трусливость, проявленныя царскимъ правительствомъ въ послѣдніе дни, когда у него съ ужасомъ открылись глаза на ту пропасть, передъ которой оно себя поставило, только обнаружили слабость его, но не могли избавить его отъ страшной войны. Не могли, потому что было уже поздно: всѣ прошлыя преступленія самодержавія толкали его съ роковою неизбѣжностью на тотъ путь, на которомъ ждетъ его гибель.

Гибель эта почти неминуема, потому что самодержавіе вступаетъ въ войну, ненавидимое всѣми народами, проклинаемое въ своей собственной странѣ, съ истощенными финансами, разъѣденное до мозга костей взяточничествомъ, казнокрадствомъ, всѣми видами подлости, безраздѣльно царящими подъ прикрытіемъ императорской мантіи.

Недаромъ ходятъ слухи, что на время войны вся Россія будетъ объявлена на осадномъ положеніи. Самодержавіе знаетъ, что оно, а не японцы, истиный врагъ народа; оно знаетъ, что сумѣло зажечь неугасимую ненависть къ себѣ въ милліонахъ сердецъ и знаетъ, что только пулями, штыками и висѣлицами можетъ оно на время сдержать проявленіе народнаго гнѣва. Недаромъ во многихъ городахъ уже начался настоящій штурмъ на сберегательныя кассы; вкладчики знаютъ, что нельзя довѣрять этому правительству, которое умѣетъ изворачиваться только займами и грабежемъ народа и которое несомнѣнно пуститъ по міру милліоны семей, неосторожно вручившихъ ему на сохраненіе свои мелкія сбереженія. И недаромъ также говорятъ о грандіозныхъ хищеніяхъ и грабежахъ, уже теперь происходящихъ во всѣхъ операціяхъ, соприкасающихся съ подготовкой военныхъ дѣйствій. Подъ гнетомъ народнаго гнѣва и недовѣрія и собственной гнилости долженъ пасть этотъ азіатскій режимъ, въ тискахъ котораго задыхается все, рвущееся къ свѣту, къ развитію, къ жизни!

Народъ русскій стоитъ передъ тяжелымъ испытаніемъ. Сотни тысячъ дѣтей его, оторванныхъ отъ сохи, отъ фабричнаго станка, отъ ремесленной мастерской должны съ проклятіемъ и ненавистью въ сердцѣ итти умирать за чуждое имъ дѣло самодержавія. А весь народъ, и прежде всего трудящіеся классы его, должны будутъ взвалить на свои плечи еще новое бремя, которое наложитъ на нихъ нуждающееся въ деньгахъ царское правительство. Пусть же жертвы эти не будутъ безплодны! Пусть война эта принесетъ народу побѣду надъ самодержавіемъ! Пусть царское правительство падетъ первой жертвой своихъ преступленій! Пусть родина наша, залитая слезами и кровью, выйдетъ изъ этого моря бѣдствій освобожденною отъ ига самодержавія!

Самодержавіе стоитъ на краю пропасти; столкнемъ же его въ нее! Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціальдемократіей, былъ бы лучшимъ средствомъ положить конецъ самодержавному режиму. Приложимъ же всѣ усилія, чтобы рабочій классъ, а за нимъ и всѣ другіе слои населенія, сознательно и открыто потребовалъ заключенія мира и заставилъ самодержавіе склониться передъ волею народа.

Да здравствуетъ миръ! и — долой самодержавіе! — эти два лозунга должны отнынѣ неразрывно сплестись въ нашей агитаціи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

От коммиссіи по редактированію протоколовъ съѣзда Партіи:

„Тов. Мартыновъ обратилъ наше вниманіе на то, что въ протоколахъ съѣзда вкралась, между прочимъ, одна опечатка, которая искажетъ смыслъ его доклада по вопросу о прграммѣ: на стр. 115 напечатано: „Растетъ число, сплоченность и сознательность пролетаріевъ и обостряется борьба *рабочей массы*…“ Должно быть: „растетъ число, сплоченность и сознательность пролетаріевъ и обостряется борьба *рабочаго класса*“.

Просимъ читателей протоколовъ внести въ нихъ соотвѣтственную поправку“.

Климу. Просимъ доставлять корресп. и матеріалъ для хроники раб. движенія. **Аскольду.** Рукописи не получали. **Вѣрѣ.** Отчета о процессѣ не получено; позаботьтесь о корреспонденціяхъ, особенно для хроники рабоч. движенія. **Стихіи.** Съ мѣсяцъ уже нѣтъ писемъ, что это значитъ?

Нѣсколькимъ читателямъ. Отсутствіе въ „Искрѣ“ статей тов. Ленина объясняется просто тѣмъ, что со времени *отложеннаго* нами его письма („Почему я вышелъ изъ редакціи?“), тов. Ленинъ до сихъ поръ больше ничего для „Искры“ не присылалъ.

Получено заграничнымъ представителемъ Цент. Ком.: Черезъ Днѣпрова: отъ докторши изъ Россіи 5 руб., отъ Б. 18 мар., отъ предпріятія Днѣпрова 6 мар., отъ № 26 — 25 руб., отъ К. С. 5 мар., отъ Lachs'а 2 м. 10 п., отъ нѣм. товарища д-ръ А-тъ 10 мар.

Въ кассу Цент. Ком. поступило на изданіе „Разсвѣта“: „отъ друга“ 1423 фр. 80 сант., „отъ духоборца изъ Канады“ 2 фр. 5 сант., итого 1425 фр. 85 сант.

Въ приложеніи къ этому № помѣщены статьи: *Егоръ* „Нѣсколько словъ въ отвѣтъ тов. Е—ву“ и *К.* „Нѣкоторыя замѣчанія по національному вопросу.

Типографія Партіи. Genève. Rue de la Coulouvrenière. 27.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ товарищу Б—ву.

Was mich Euch zum Christen macht,
Das macht Euch mir zum Juden.
Lessing.

Товарищъ Б — въ начинаетъ свою статью „Антисемитизмъ, ассимиляція и пролетарская борьба“ выраженіемъ своей полной солидарности съ той позиціей, которую заняла Росс. Соц.-Дем. Раб. Партія по отношенію къ Бунду. Но, будучи солидарнымъ съ окончательнымъ организаціоннымъ выводомъ, тов. Б — въ, тѣмъ не менѣе, рѣзко возстаетъ противъ нѣкоторыхъ аргументовъ, которые приводились соціальдемократами на страницахъ „Искры“ въ защиту этого вывода.

Товарищъ Б — въ совершенно правъ, что придаетъ серьезное значеніе способу аргументаціи и что, не смотря на свою солидарность съ отношеніемъ нашей партіи къ Бунду, счелъ своей обязанностью выступить отчасти противъ его принципіальнаго обоснованія. Правильныя теоретическія посылки часто оказываются важнѣе и цѣннѣе случайно правильнаго вывода.

Именно поэтому мы сочли своимъ долгомъ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу статьи нашего товарища.

Товарищъ Б — въ не совсѣмъ согласенъ съ содержаніемъ статьи „Положеніе Бунда въ Партіи“, напечатанной въ № 51 „Искры“. Онъ думаетъ, что авторъ этой статьи совершенно напрасно пытается доказать, что евреи не нація. „Если бы это даже можно было доказать, то къ чему это?“ спрашиваетъ товарищъ Б — въ. Если еврейство находитъ достаточное основаніе для того, чтобы считать себя націей, то никто, по мнѣнію товарища Б — ва, не долженъ оспаривать у него этого права. Мало того, товарищъ Б — въ заходитъ такъ далеко, что даже усматриваетъ противорѣчіе между непризнаніемъ евреевъ націей и пунктомъ нашей программы, признающимъ „право націи на самоопредѣленіе“. Насъ, признаться, очень удивило такое разсужденіе и такое странное толкованіе пункта о самоопредѣленіи націй. Намъ думается, что тотъ фактъ, что евреи считаютъ себя націей, не долженъ лишать кого бы то ни было права доказывать противоположное, хотя бы на томъ основаніи, что самоопредѣленіе націй не должно исключать автономіи науки. Въ такомъ случаѣ Б — въ долженъ находить противорѣчіе между критикой религіи и православной церкви и пунктомъ нашей программы, требующимъ свободы совѣсти и союзовъ. Право націи на самоопредѣленіе говоритъ только то, что никто не имѣетъ права *насильственнымъ* путемъ уничтожать національность. Но изъ этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что націоналистическія стремленія являются сами по себѣ желательнымъ явленіемъ съ точки зрѣнія соціальдемократіи. Если бы, напримѣръ, русскому правительству вздумалось закрыть еврейскія синагоги, то мы, соціальдемократы, возстали бы противъ этого и рекомендовали бы евреямъ оказать энергическое сопротивленіе и защищать негодныя и вредныя съ нашей точки зрѣнія учрежденія. Но, возставая и рекомендуя протестовать противъ насилія надъ ихъ національной религіей, мы должны были бы въ то же время аппелировать къ ихъ сознанію, указывая на всю реакціонность и на все то вредное, растлѣвающее дѣйствіе, которое оказываютъ синагоги на еврейскій народъ. Такъ именно поступили наши кавказскіе товарищи, когда взяли подъ свою защиту церковныя имущества армянъ. Иллюстрируя этимъ фактомъ пунктъ программы о самоопредѣленіи націй, редакція „Искры“ писала: „Именно на примѣрѣ этой борьбы за свободу церковныхъ союзовъ мы можемъ уяснить себѣ особенно наглядно какъ слѣдуетъ примѣнять на дѣлѣ тотъ пунктъ нашей программы, который требуетъ признанія за каждой націей права на самоопредѣленіе. Армяне имѣютъ церковныя общества, которыя сами распоряжаются своими церковными дѣлами и церковными имуществами въ томъ числѣ. Мы, соціальдемократы, будемъ, конечно, агитировать за то, чтобы армяне нашли лучшее употребленіе для этихъ имуществъ“. „Но отъ полицейскаго насилія мы должны защищать и будемъ защищать не только пролетаріевъ, а всѣ классы общества, даже и поповъ въ томъ числѣ“. Кажется, что трудно яснѣе выразить и объяснить смыслъ этого пункта программы. Но не смотря на полную ясность его, этотъ пунктъ истолковывается обыкновенно самымъ ошибочнымъ образомъ. Причиной такого ошибочнаго толкованія является та путаница, которая образовалась въ головахъ національно *чувствующихъ* соціальдемократовъ. Вслѣдствіе ихъ националистическаго настроенія всякая соціалистическая *критика кажется имъ подавленіемъ національной свободы*. Поэтому, когда имъ указываютъ на противорѣчивость соціальдемократической и національной точки зрѣнія, они аппелируютъ къ пункту о самоопредѣленіи націй, давая ему совершенно неправильное, одностороннее толкованіе.

Но вернемся къ разсужденіямъ товарища Б — ва. Онъ открываетъ сходство между *аргументаціей* автора статьи № 51 „Искры“, и Каутскаго съ одной стороны и аргументаціей антисемитовъ съ другой. Авторъ статьи № 51 „Искры“, какъ и Каутскій, стоятъ на точкѣ зрѣнія ассимиляціи, слѣдовательно, они также, какъ антисемиты, находятъ самобытные національные элементы еврейства негодными, достойными уничтоженія. Товарищъ Б — въ дѣлаетъ поэтому такое заключеніе: „сказать ассимиляція — это единственное средство борьбы съ антисемитизмомъ, — это значитъ дать патентъ антисемитизму, если не на безсмертіе, то во всякомъ случаѣ на очень и очень продолжительное существованіе“. Странная параллель и странное заключеніе.

На основаніи такихъ аналогій можно, напримѣръ, открыть сходство между крайними реакціонерами и соціальдемократами. Наши реакціонеры исходятъ изъ того утвержденія, что народъ невѣжественъ, не доросъ до политическаго самоуправленія, изъ чего слѣдуетъ, что для Россіи необходимъ монархическій образъ правленія. Соціальдемократія ставитъ своей задачей развитіе самосознанія народа; слѣдовательно, она подтверждаетъ мысль реакціонеровъ о народной политической неправоспособности; слѣдовательно, она „выдаетъ патентъ“ реакціи, „если не на безсмертіе, то во всякомъ случаѣ, на очень и очень продолжительное существованіе“. Нѣтъ, подобнаго рода параллели являются утомительной и безполезной тратой умственныхъ силъ — въ данномъ случаѣ даже вредной тратой. Со словомъ „антисемитизмъ“ слѣдуетъ обращаться въ высшей степени осторожно. Во-первыхъ, это слово часто мѣшаетъ благороднымъ и искреннимъ друзьямъ еврейскаго народа серьезно и разносторонне обсуждать еврейскій вопросъ; во-вторыхъ, оно можетъ подать поводъ къ самымъ нелѣпымъ и самымъ безсмысленнымъ толкамъ и обвиненіямъ.

Товарищъ Б — въ глубоко ошибается, когда считаетъ главнымъ отличительнымъ признакомъ антисемитизма отрицательное отношеніе къ національнымъ особенностямъ еврейскаго народа. Подвергать критикѣ народные самобытные элементы могутъ очень искренніе и очень горячіе патріоты. Врядъ ли удалось какому нибудь антисемиту такъ высмѣивать евреевъ, какъ высмѣивалъ Диккенсъ англичанъ, Раблэ и Мольеръ французовъ, Гейне нѣмцевъ (Гейне былъ большой нѣмецкій патріотъ), Гоголь и Щедринъ русскихъ и т. д. Дѣло, стало быть, не въ одной критикѣ, а въ томъ, съ какой цѣлью она предпринимается, и какіе выводы дѣлаетъ изъ нея критикъ. Антисемиты подвергаютъ критикѣ національныя особенности еврейскаго народа вовсе не затѣмъ, чтобы доказать необходимость ассимиляціи. Наоборотъ, антисемитизмъ старается главнымъ образомъ показать, что еврей былъ и *останется* чужимъ, и что, какъ чужой, онъ только эксплуататоръ, только ростовщикъ и вообще негодный и вредный членъ христіанскаго общества. Съ точки зрѣнія антисемитизма еврейство *неспособно къ ассимиляціи* и именно поэтому необходимо для спасенія христіанскаго міра избавиться отъ него во чтобы то ни стало. И если ужъ искать аналогіи со взглядомъ антисемитовъ на ассимиляцію, то аналогію можно скорѣе открыть у еврейскихъ націоналистовъ, такъ какъ и тѣ и другіе приходятъ къ одинаковому заключенію, что еврейство не способно слиться съ христіанскимъ населеніемъ. Далѣе. Не правъ также тов. Б — въ, полагая, что вопросъ о томъ, можетъ ли еврейство считаться націей, не имѣетъ никакого отношенія къ организаціонно-сепаративнымъ стремленіямъ Бунда. Въ данномъ случаѣ намъ приходится констатировать, что Бундъ логически послѣдовательнѣе тов. Б — ва. Рѣшивъ вступить въ общероссійскую соціальдемократическую партію только на федеративныхъ условіяхъ, четвертый очередный съѣздъ Бунда счелъ необходимымъ признать еврейство самостоятельной національностью. Этимъ признаніемъ Бундъ несомнѣнно хотѣлъ оправдать свои организаціонно-сепаративныя цѣли. Бундовскіе публицисты и бундовскіе агитаторы безпрестанно подчеркиваютъ ту мысль, что современное, всемірное движеніе пролетаріата не *космополитическое*, а международное. Этимъ различеніемъ они хотятъ сказать, что пролетаріатъ всякой данной страны организуется пока въ „національный классъ“ и ведетъ свою борьбу въ предѣлахъ своей націи. На это тов. Б — въ совершенно правильно отвѣчаетъ, когда говоритъ, что „только различной политической атмосферой, въ которой приходится бороться пролетаріату, и объясняется необходимость распаденія пролетаріата на отдѣльныя національныя или государственныя арміи для того, чтобы скорѣе разрушить эти перегородки“. Однако, это справедливое возраженіе Бунду имѣетъ у тов. Б — ва слишкомъ общій и абстрактный видъ. Еслибы тов. Б — въ захотѣлъ подвергнуть дальнѣйшему анализу вопросъ о томъ, чѣмъ главнымъ образомъ обусловливается распаденіе пролетаріата на отдѣльныя или государственныя арміи, то онъ бы легко увидѣлъ, что основнымъ базисомъ такого распаденія является въ послѣднемъ счетѣ самостоятельность той территоріи, на которой пролетаріатъ ведетъ свою борьбу. Иными словами, при болѣе детальномъ анализѣ тов. Б — въ долженъ былъ бы стать на точку зрѣнія автора статьи 51 № „Искры“. И еслибы рѣчь шла только о томъ, какъ себя хотятъ называть евреи, то можно сказать съ увѣренностью, что ни авторъ статьи „Положеніе Бунда въ партіи“, ни самъ Бундъ не сталъ бы спорить объ этомъ названіи. Дѣло не въ названіи, а въ томъ, какое содержаніе въ него влагается и къ какимъ результатамъ приходятъ на этомъ основаніи спорящія сторочы. Авторъ статьи 51 № „Искры“ хочетъ сказать, что еврейскій пролетаріатъ, находясь на одной и той же территоріи съ всероссійскимъ пролетаріатомъ, терпя отъ однихъ и тѣхъ же притѣснителей и борясь при однихъ и тѣхъ же экономическихъ и политическихъ условіяхъ, не имѣетъ рѣшительно никакихъ *національныхъ* данныхъ для того, чтобы слагаться въ отдѣльную, самостоятельную организацію. Бундъ же, напротивъ того, находитъ достаточно національныхъ моментовъ для того, чтобы считать еврейство самостоятельной націей, и отстаиваетъ на этомъ основаніи независимость еврейской организаціи. Естественно, что оспаривающимъ позицію Бунда приходится доказывать, что главнымъ отличительнымъ признакомъ національной самостоятельности является территорія.

Теперь мы подходимъ къ самому щекотливому вопросу, къ вопросу объ еврейской ассимиляціи. Въ этомъ пунктѣ тов. Б — въ серьезно расходится съ Каутскимъ и съ авторомъ статьи 51 № „Искры“, онъ усматриваетъ въ ихъ взглядѣ на ассимиляцію, во-первыхъ, непослѣдовательность, во-вторыхъ, обидное отношеніе къ еврейскому пролетаріату. „Мы, — пишетъ тов. Б — въ, — никому не имѣемъ права и *не имѣемъ нужды говорить: перестань быть самимъ собою, уподобляйся своимъ сосѣдямъ: старайся елико возможно походить на нихъ*“[1]). Нѣтъ, совсѣмъ не то говоритъ россійская соціальдемократія, когда становится на точку зрѣнія ассимиляціи. Соціальдемократія не культурная ассимиляторская партія, проповѣдующая евреямъ *уподобленіе* православному русскому народу. Соціальдемократія стоитъ прежде всего и главнымъ образомъ на научной точкѣ зрѣнія и проповѣдуетъ по мѣрѣ силъ и возможности ясное и научное міровоззрѣніе всякому пролетаріату, безъ различія рода и племени. Либкнехтъ гдѣ-то говоритъ: „Es giebt ein Princip, eine Wahrheit und eine Wissenschaft“. Именно съ этимъ однимъ принципомъ, одной истиной и одной наукой обращается соціальдемократія какъ къ еврейскому, такъ и къ „христіанскому“ пролетаріату. Соціальдемократія подвергаетъ одинаковой критикѣ какъ національные пережитки еврейскаго народа, такъ и русскаго; она съ одинаковой силой возстаетъ противъ національныхъ предразсудковъ, національной ограниченности и самобытнаго невѣжества второго, какъ и перваго; ей такъ же ненавистны православная церковь съ ея попами, какъ и синагоги съ ихъ раввинами и цадиками. И если еврейскій пролетаріатъ раньше всероссійскаго освободится отъ всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ и усвоитъ сознательное, научное, соціалистическое міросозерцаніе, то россійская соціальдемократія скажетъ русскому рабочему: „*уподобляйся еврейскому пролетарію*“. И фактически россійская соціальдемократія не разъ ставила еврейскій пролетаріатъ въ примѣръ русскому, указывая на его способность къ организаціи и дисциплинѣ. *Соціальдемократія рекомендуетъ взаимное уподобленіе, причемъ критеріемъ сходства служитъ всестороннее революціонное сознаніе.* Она можетъ поэтому характеризовать свою точку зрѣнія на ассимиляцію словами, которыми *человѣкъ* Лессинга, Натанъ мудрый, обращается къ христіанину: „Was mich Euch zum Christen macht, das macht Euch mir zum Juden“. Въ этомъ и исключительно въ этомъ смыслѣ понимаетъ Каутскій ассимиляцію, когда говоритъ: „Наряду съ ассимиляціей еврейства, революціонное сознаніе массы есть лучшее противоядіе противъ антисемитизма. Уже съ давнихъ поръ въ Западной Европѣ всякій революціонно настроенный классъ, стремящійся избавиться отъ пережитковъ прошлаго, не только не проявлялъ вражды, но, наоборотъ, выступалъ съ симпатіями къ еврейству. Соотвѣтственно этому, самые глубокіе мыслители еврейства постоянно воспринимали революціонное сознаніе своего времени, что однако для нихъ было возможно только тогда, когда они порывали съ традиціями еврейства и становились на почву общеевропейскаго культурнаго развитія. Эта тѣсная связь между революціоннымъ чувствомъ и эмансипаціонными стремленіями еврейства не осталась незамѣченной правительствами разныхъ странъ въ томъ числѣ и русскимъ. Поэтому-то оно ненавидитъ и преслѣдуетъ еврейство не менѣе революціонныхъ теченій и дѣлаетъ все возможное, чтобы раздуть и усилить въ населеніи ненависть къ евреямъ“ (Кишиневская рѣзня и еврейскій вопросъ“ „Искра“ № 42). Мысль Каутскаго, кажется, вполнѣ ясна. Ассимиляція еврейства происходитъ на почвѣ революціоннаго сознанія какъ самого еврейства, такъ и тѣхъ народовъ, среди которыхъ оно живетъ. Преслѣдованіе же, выражающееся большей частью въ изоляціи евреевъ, является слѣдствіемъ реакціонныхъ стремленій господствующихъ классовъ и правительствъ разныхъ странъ. Исторія какъ нельзя лучше подтверждаетъ мысль Каутскаго. Эмансипація и связанная съ ней ассимиляція евреевъ фактически совпадали съ революціоннымъ подъемомъ тѣхъ странъ, гдѣ жили евреи. Революціонная буржуазія конца XVIII и начала XIX столѣтія, поднявъ возстаніе противъ старыхъ привилегій и борясь за свое собственное освобожденіе, приносила вездѣ, куда только проникали ея революціонныя идеи, освобожденіе евреевъ и уравненіе ихъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. Но либеральное, гуманное отношеніе къ евреямъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока буржуазія укрѣпляетъ свою привилегированную позицію. Но лишь только она пріобрѣтаетъ полное и окончательное господство, она становится консервативной, сжигаетъ все то, чему она такъ недавно поклонялась. Поэтому, если революціонная буржуазія была космополитична, то консервативная и реакціонная буржуазія становится националистической; если лозунгами революціонной буржуазіи были свобода, равенство и братство, то лозунгами консервативной и реакціонной буржуазіи является Monarchisch (буржуазія современной Франціи охотнѣе поетъ „Боже царя храни“ чѣмъ „Марсельезу“) и „National“. Размѣры газетной статьи не позволяютъ намъ проводить подробную параллель между крупными историческими фактами политическаго освобожденія современныхъ государствъ, съ одной стороны, и эмансипаціей и ассимиляціей евреевъ, съ другой. Но кто хоть сколько нибудь знакомъ съ выдающимися событіями этого порядка, тому должно быть совершенно ясно, что ассимиляція евреевъ идетъ рядомъ съ развитіемъ и торжествомъ революціонныхъ идей, — и въ зависимости отъ нихъ, — и что, наоборотъ, изоляція еврейства является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ реакціонныхъ стремленій тѣхъ государствъ, въ которыхъ оно живетъ. Совершенно справедлива та мысль Каутскаго, что еврейство только тогда дѣлается способнымъ усвоить плоды западноевропейскаго просвѣщенія, когда окончательно порываетъ со всѣми традиціями своего историческаго прошлаго. Еврейская національная культура создана и выработана болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ и носитъ исключительно религіозный, теологическій и строго догматическій характеръ. Если всякое религіозное міровоззрѣніе стоитъ въ логическомъ, коренномъ противорѣчіи со всѣми выводами науки, то еврейская религія отличается этимъ свойствомъ въ самой высокой степени. Дѣло въ томъ, что въ еврейскую религію вошли — болѣе чѣмъ въ какую-либо другую, національные, историческіе моменты, которые получили догматическое значеніе. Вслѣдствіе тѣхъ жестокихъ и безсердечныхъ гоненій, которымъ подвергался этотъ скитающійся по всѣмъ странамъ народъ, онъ возвелъ въ религіозную догму отрицательное отношеніе ко всей культурѣ и всей наукѣ, которыя выработаны его гонителями, враждебными ему народами. Разсматривая свое пребываніе среди чужихъ народовъ какъ третье плѣненіе, еврейство не должно, согласно національно-религіозному ученію, принимать участіе въ общественной и политической жизни чужой страны. Настоящее національное еврейство ждетъ своего избавителя, Мессію, который поведетъ еврейскій народъ въ обѣтованную землю. Вполнѣ очевидно, такимъ образомъ, что еврейство лишь тогда всецѣло примыкаетъ къ европейской культурѣ, когда окончательно разстается съ своимъ національнымъ вѣрованіемъ, иными словами, когда ассимилируется.

Товарищъ Б — въ, оспаривая точку зрѣнія Каутскаго, дѣлаетъ указаніе на тотъ фактъ, что еврейскій пролетаріатъ, сохраняя свою національную физіономію, тѣмъ не менѣе обнаружилъ черты „международной пролетарской психологіи: способность понимать и усваивать соціализмъ, мужество и энергію въ борьбѣ съ деспотизмомъ и капитализмомъ“. Конечно. Но развѣ Каутскій потому стоитъ на точкѣ зрѣнія ассимиляціи, что считаетъ евреевъ психологически и умственно ниже другихъ народовъ? Онъ говоритъ не объ умственныхъ способностяхъ, не о психологіи еврейства, а объ его національныхъ традиціяхъ. Кромѣ того необходимо замѣтить, что само еврейское пролетарское движеніе, противорѣчащее кореннымъ образомъ всему національному міровоззрѣнію евреевъ, есть не что иное, какъ результатъ ассимиляціи.

Подвергая критикѣ все ту же точку зрѣнія Каутскаго и автора статьи въ № 51 „Искры“, Б — въ спрашиваетъ: „Гдѣ тѣ абсолютныя нормы эстетики, съ точки зрѣнія которыхъ вы осуждаете данныя формы рѣчи, обычаевъ, привычекъ еврейскаго пролетаріата“? Обычаевъ и привычекъ еврейского пролетаріата никто не осуждаетъ, а вотъ, что касается осужденія формы рѣчи, то такой грѣхъ за нами, дѣйствительно, водится: мы не считаемъ еврейскій жаргонъ за культурный языкъ. И, хотя тов. Б — въ не признаетъ, какъ это видно, эстетическихъ нормъ, онъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно считаетъ стихи Пушкина красивѣе и звучнѣе стиховъ Тредьяковскаго, и русскій языкъ, навѣрно, кажется ему красивѣе и благозвучнѣе, чѣмъ еврейскій жаргонъ. Но, оставляя эстетическія соображенія въ сторонѣ, тов. Б — въ долженъ будетъ согласиться съ нами хотя бы въ томъ, что знаніе русскаго языка даетъ полную возможность ознакомиться съ главными результатами культуры, между тѣмъ, какъ знаніе еврейскаго жаргона этой возможности не даетъ. Интеллигенту, владѣющему русскимъ языкомъ, а часто даже иностранными языками, можетъ показаться такое обстоятельство незначительнымъ. Пресыщенный европейской культурой (быть пресыщеннымъ не значитъ еще хорошо усвоить ее), интеллигентъ можетъ найти нѣкоторое пикантное удовольствіе въ еврейскомъ жаргонѣ, на которомъ можно выразить нѣкоторыя специфическія народныя изрѣченія и шутки. Но для истинно стремящагося къ знанію еврейскаго пролетарія, которому, кстати сказать, не до шутокъ, знаніе культурнаго языка является необходимымъ орудіемъ для его развитія. Вотъ почему мы, соціальдемократы, осуждаемъ еврейскій жаргонъ. Для иллюстраціи негодности ассимиляторской точки зрѣнія тов. Б — въ напоминаетъ о тѣхъ еврейскихъ типахъ, которые усвоили культурныя формы внѣшнимъ образомъ, и горько насмѣхается надъ ними. Мы, разумѣется, никому не рекомендуемъ безсмысленнаго подражанія, но мы все-таки возьмемъ подъ свою защиту эти несчастные типы. Еврей, который остригъ бороду, одѣлъ короткій сюртукъ и старался говорить по русски, не мучилъ своихъ дѣтей надъ талмудомъ, а отдавалъ ихъ въ гимназію и университетъ; правда, онъ при этомъ любилъ пощеголять отмѣтками и успѣхами своего ученаго потомства, что, разумѣется, не эстетично, но въ культурномъ отношеніи былъ этотъ еврей, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе передовымъ и болѣе полезнымъ членомъ общества, чѣмъ тотъ красивый еврейскій типъ стараго стиля, который производилъ тщательные обыски у своихъ дѣтей и съ мрачной торжественностью сжигалъ грамматику Кирпичникова и географію Смирнова, коль скоро находилъ эти еретическія произведенія.

Реакціонеры, славянофилы и народники, защищавшіе русскую деревенскую „самобытность“, тоже высмѣивали тѣхъ крестьянъ, которые ассимилировались съ городомъ. Смѣшонъ, конечно, деревенскій парень, который, побывавши въ городѣ, танцовалъ потомъ съ дѣвицей въ „калошахъ и подъ зонтикомъ“. Но и этотъ комичный типъ переходнаго историческаго момента проявлялъ гораздо болѣе стремленія къ прогрессу, чѣмъ цѣльный крестьянинъ, смотрѣвшій на калоши и зонтикъ, какъ на принадлежности барскаго костюма, которыя мужику не къ лицу. Не будемъ же осуждать этихъ типовъ съ эстетической точки зрѣнія. Эстетически можно любоваться и цѣльнымъ деревенскимъ типомъ и евреемъ стараго стиля, эстетически можно также любоваться иногда и пустыней; тотъ, кому привелось попасть въ нее и кто потратилъ свои лучшія силы для того, чтобы изъ нея выбраться, того она, вѣроятно, наводитъ не на одни эстетическія размышленія.

---

[1]) „Искра“ № 49.

[1]) Курсивъ тов. Б — ва.

Намъ остается отвѣтить тов. Б — ву на тѣ возраженія, которыя онъ сдѣлалъ на нашу статью („Открытое письмо еврея къ евреямъ“ № 52 „Искры“). Но раньше считаемъ не лишнимъ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, кратко резюмировать нашъ взглядъ на ассимиляцію.

Мы не націоналисты, и потому не проповѣдуемъ еврейскому пролетаріату, чтобы онъ воспринималъ „національныя стороны“ русскаго пролетаріата. Какъ соціальдемократы, мы обращаемся ко всѣмъ пролетаріямъ съ однимъ и тѣмъ же соціалистическимъ ученіемъ. Еврейство же постольку воспринимаетъ революціонныя идеи, поскольку уходитъ отъ своего національнаго культа, такъ какъ *весь* еврейскій національный культъ стоитъ въ рѣзкомъ и непримиримомъ противорѣчіи ко всему истинно революціонному.

Переходимъ къ возраженіямъ тов. Б — ва, направленнымъ противъ насъ. Недовольный различіемъ, сдѣланнымъ нами между психологическимъ и политическимъ опредѣленіемъ націи, тов. Б — въ спрашиваетъ: „какъ можетъ въ соціальдемократической программѣ конкретно выразиться противорѣчіе между этими сторонами понятія „нація“?“ Но именно на этотъ вопросъ есть отвѣтъ въ нашей же статьѣ. „Соціальная психологія, говорится тамъ, можетъ съ своей чисто описательной, аналитической точки зрѣнія найти во всякой части населенія данной страны достаточное количество специфическихъ свойствъ для того, чтобы ее признать особой національностью. Но политика преслѣдуетъ иныя цѣли. Для нея важны не тѣ особенности, которыми характеризуется данная часть населенія, какъ психологическая разновидность, а тѣ ея конкретные, реальные элементы, на основаніи которыхъ можно было бы отстаивать ея самостоятельное экономическое и правовое существованіе“. Первымъ же основнымъ конкретнымъ базисомъ для національной самостоятельности является территорія, о чемъ сказано въ другомъ мѣстѣ статьи. Затѣмъ тов. Б — въ находитъ, что мы „путаемъ“ въ вопросѣ объ идеализмѣ Бунда и матеріализмѣ сіонизма. Объ идеалистическомъ характерѣ бундовскаго націонализма мы, дѣйствительно, говоримъ, и тов. Б — въ намъ противъ этого ничего не возразилъ. Но о „матеріализмѣ сіонизма“ мы писали вотъ что: „Христіанство и юдаизмъ разсматриваются съ этой (сіонистической) точки зрѣнія, какъ двѣ совершенно враждебныя *идеологическія* категоріи, результатомъ столкновенія которыхъ является вѣчный и неизмѣнный антисемитизмъ. Изъ этого *идеалистическаго* объясненія антисемитизма сіонизмъ дѣлаетъ то матеріалистическое *заключеніе*, что евреи могутъ только тогда *избавиться* отъ своего угнетенія и стать самостоятельной національностью, *когда пріобрѣтутъ свою собственную территорію*“. А тов. Б — въ, *возражая* на это, пишетъ: „По ихъ мнѣнію (сіонистовъ), евреямъ нужно свое собственное государство, такъ какъ это *единственное средство уничтожить антисемитизмъ*“[1]). Читателю, надѣемся, ясно, что тов. Б — въ говоритъ рѣшительно то же самое о сіонизмѣ, что было сказано и нами. Но, вообразивъ почему то, что мы говоримъ о научной трезвости мышленія сіонистовъ, тов. Б—въ возражаетъ: „если прибавить что, по мнѣнію большинства сіонистовъ, въ еврейскомъ народѣ существуетъ врожденное стремленіе именно къ Палестинѣ, Сіону, то мы увидимъ, что въ этомъ, сплошь идеалистически утопическомъ теченіи, нѣтъ ни атома трезваго, научнаго анализа“. А мы говорили: „Какъ бы ни были *ложны идеалистическія посылки сіонизма, какъ бы ни были утопичны его мечтанія*, въ немъ всетаки есть правильное *понятіе*: признаніе того, что національная самостоятельность опредѣляется, главнымъ [illegible] Б — въ, считаемъ сіонизмъ чисто утопическимъ теченіемъ. Разница между нами и имъ, очевидно, только та, что по нашему мнѣнію сіонизмъ послѣдовательнѣе Бунда въ своей утопіи.

Пора, однако, кончить. Въ другой разъ поговоримъ о томъ *политическомъ* значеніи, которое можетъ имѣть Бундъ, если онъ будетъ продолжать свою сепаративную политику.

Еврей.

Нѣкоторыя замѣчанія къ „національному вопросу“.

Въ нашей партіи почему-то господствуетъ убѣжденіе, высказанное въ категорической формѣ авторомъ „Письма еврея къ евреямъ“, что „проклятый еврейскій вопросъ“ разрѣшится *только* въ соціалистическомъ строѣ. Это убѣжденіе повидимому считается общимъ мѣстомъ, непосредственно вытекающимъ изъ нашей теоріи классовой борьбы, и на немъ строятся, какъ на прочномъ фундаментѣ, всѣ возраженія противъ обособленной политики Бунда. Мало того, это убѣжденіе принимаетъ универсальный характеръ и оказывается, по мнѣнію многихъ товарищей, примѣнимымъ къ національному вопросу вообще; оказывается, что угнетенныя національности могутъ избавиться отъ своего національнаго гнета только при соціализмѣ. До нашей окончательной побѣды надъ буржуазнымъ строемъ возможны только разные палліативы, умаляющіе національный гнетъ и отнимающіе у него его острый характеръ, но полное устраненіе его невозможно въ обществѣ, разъѣдаемомъ классовой борьбой. Таково вкоренившееся въ нашей Партіи убѣжденіе, считающееся неопровержимымъ. А между тѣмъ, такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?

Для соціальдемократіи въ высшей степени важно точно разграничить тѣ требованія, которыя могутъ быть осуществлены въ современномъ строѣ, отъ тѣхъ, осуществленіе которыхъ требуетъ устраненія всего буржуазнаго строя. Такое разграниченіе важно и въ техническомъ и въ практическомъ отношеніи. Наши теоретическія положенія, даже въ самой общей формѣ, основаны на точномъ анализѣ буржуазнаго общества, я бы сказалъ, на точномъ анализѣ идеальнаго буржуазнаго общества, т. е. того общества, которое свободно отъ всѣхъ пережитковъ и идей феодальнаго порядка и имѣетъ своей основой свободную конкурренцію и свободную эксплуатацію чужого труда. Точный анализъ правовыхъ нормъ, соціальныхъ идей, отношеній государственной власти къ личной самодѣятельности, связанныхъ съ буржуазнымъ строемъ, фиксирующихъ его и защищающихъ его учрежденія, даетъ намъ непосредственно наши основныя положенія о непримиримости интересовъ пролетаріата съ интересами буржуазіи и о безысходномъ положеніи пролетаріата въ существующемъ строѣ. Но этотъ же анализъ представляетъ собою не что иное, какъ разграниченіе того, что возможно, что достижимо при существующемъ порядкѣ отъ того, что необходимо для освобожденія рабочаго класса, но невозможно безъ устраненія основъ этого порядка. Въ области приложенія нашихъ принциповъ къ конкретной жизни, въ области практики, это разграниченіе даетъ намъ единственную возможность занять опредѣленную позицію и познакомить своихъ друзей и своихъ враговъ съ характеромъ борьбы, которую мы ведемъ. О томъ, что буржуазное общество намъ давать не можетъ, намъ и разговаривать съ нимъ нечего, и мы ему предъявляемъ одно внушительное требованіе: долой его. Намъ нѣтъ необходимости точно формулировать тѣ правовыя нормы, которыя потребуются въ соціалистическомъ строѣ, разъ мы убѣждены, что безъ нашей диктатуры онѣ непроводимы. Иное наше положеніе по отношенію къ тому, что мы можемъ отвоевать у буржуазіи при существующемъ порядкѣ. Тутъ мы должны предъявить нашему врагу точныя требованія и настаивать на точномъ исполненіи ихъ. Отсюда распаденіе нашей программы на общую и специальную части, или, какъ принято ихъ называть, на программу-максимумъ и программу-минимумъ. Можно сказать, что это разграниченіе составляетъ квинтэссенцію соціальдемократической программы, и та программа, въ которой наиболѣе отчетливо и точно проведено это разграниченіе, есть вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе удачное и полное выраженіе нашего соціальнаго міровоззрѣнія.

Ошибка въ ту или другую сторону нарушаетъ цѣльность нашего міровоззрѣнія и должна вредно отразиться на нашей практической работѣ. „Соціалисты-революціонеры“ въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ толкованій своего требованія соціализаціи земли, какъ пункта программы-минимумъ, дали намъ наглядный примѣръ той пагубной путаницы, которая получается при перенесеніи какого либо пункта изъ программы-максимумъ въ программу-минимумъ. Но не менѣе вредна ошибка въ обратномъ направленіи, а таковой мнѣ представляется утвержденіе, что еврейскій вопросъ или національный вопросъ вообще разрѣшимъ *только* при соціализмѣ.

Авторъ „Письма еврея къ евреямъ“ обосновываетъ это утвержденіе тѣмъ простымъ соображеніемъ, что антисемитизмъ, который, какъ общественное настроеніе, порождаетъ еврейскій вопросъ, выросъ на почвѣ классовыхъ интересовъ и питается, главнымъ образомъ, все обостряющейся конкурренціей между мелкими производителями. Изъ-за кости грызутся голодныя собаки, и только съ устраненіемъ кости можетъ прекратиться грызня. Но какъ это мало убѣдительно! Вѣдь точно такія же соображенія можно привести буквально относительно *каждаго* пункта нашей программы-минимумъ? Можно, напримѣръ, утверждать, что византійство, которое, какъ общественное настроеніе, безъ сомнѣнія, является главнымъ оплотомъ монархическаго режима, выросло на почвѣ классовыхъ интересовъ, и потому монархическій режимъ устранимъ только „съ устраненіемъ кости“, т. е. съ уничтоженіемъ классовъ; или, что клерикализмъ выросъ на почвѣ той или другой формы классовой борьбы, и потому наше требованіе отдѣленія государства отъ церкви и церкви отъ школы выполнимо только при соціализмѣ. Да и самыя грубыя, самыя варварскія учрежденія, отъ которыхъ мы надѣемся освободиться въ самомъ недалекомъ будущемъ, безспорно питаются общественнымъ настроеніемъ, выросшимъ на почвѣ классовыхъ интересовъ, ибо всякое современное общественное настроеніе имѣетъ подъ собой ту или другую классовую подкладку. Все, что происходитъ въ классовомъ обществѣ, имѣетъ своей основой ту или другую форму классовой борьбы, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ничто не можетъ быть устранено изъ современнаго общества безъ устраненія самого классоваго характера общества. Логическая ошибка автора упомянутаго письма можетъ быть выражена нѣсколько видоизмѣненной старинной формулой неправильнаго умозаключенія: „in hoc ergo propter hoc“. Что только въ классовомъ обществѣ возможенъ антисемитизмъ и вообще всякій національный гнетъ, что при соціализмѣ такой гнетъ, какъ и всякій другой соціальный гнетъ, будетъ невозможенъ, — для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Но невѣрно то, что въ классовомъ обществѣ необходимъ антисемитизмъ, что послѣдній представляетъ собою какъ бы неизбѣжный аттрибутъ классоваго характера общества. Правда, что буржуазія все болѣе и болѣе проникается антисемитизмомъ. Но, вѣдь, буржуазія становится все болѣе и болѣе реакціонной вообще. Однако, это обстоятельство не заставляетъ насъ утверждать, что завоеваніе политической свободы возможно только послѣ уничтоженія классовъ. Какъ бы ни прогрессировала буржуазія въ сторону охраны порядка, мы сумѣемъ отвоевать народныя политическія права, раньше чѣмъ у насъ накопится достаточно силъ для устраненія буржуазнаго строя. Мы думаемъ даже, что своей борьбой мы заставимъ буржуазію, по крайней мѣрѣ, часть ея, бороться за политическую свободу. То же примѣнимо и по отношенію къ еврейскому вопросу.

То же самое примѣнимо и по отношенію къ національному положенію поляковъ. И тутъ требов. откладывать освобожденіе Польши до торжества соціализма ничѣмъ не обосновано. Если польскимъ капиталистамъ выгодно имѣть въ центральныхъ губерніяхъ Россіи не отгороженный таможенной стѣной внутренній рынокъ для своихъ товаровъ, то, во-первыхъ, такая хозяйственная комбинація далеко не вѣчна и можетъ измѣниться подъ вліяніемъ роста русской промышленности и разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, а во-вторыхъ, группа крупныхъ капиталистовъ, настроенныхъ и дѣйствующихъ въ интересахъ наживы, вопреки своей *классовой идеологіи*, вовсе не можетъ считаться представительницей польской буржуазіи. А если даже допустить (что фактически не вѣрно), что вся польская буржуазія, во имя своихъ классовыхъ интересовъ, желаетъ оставаться подъ русскимъ владычествомъ, то и тогда польскому пролетаріату нѣтъ никакого резона вычеркнуть изъ своей программы-минимумъ независимость Польши, которая еще во всякомъ случаѣ не уничтожаетъ основъ буржуазнаго строя. Польскій пролетаріатъ можетъ и долженъ думать, что онъ завоюетъ себѣ нужную національную свободу и безъ содѣйствія буржуазіи и даже вопреки ея волѣ, и опять таки гораздо раньше, чѣмъ у него накопится силъ для нанесенія послѣдняго удара буржуазному обществу.

Итакъ, разрѣшеніе національнаго вопроса вообще, а тѣмъ болѣе разрѣшеніе „проклятаго еврейскаго вопроса“, должно составить часть нашей программы-минимумъ, и мы не имѣемъ никакого права освободить себя отъ выработки точнаго отвѣта на эти вопросы ссылкой на разрѣшимость ихъ только при соціализмѣ.

Въ статьяхъ „Искры“, затрагивающихъ ту или другую форму національнаго гнета, національный вопросъ выставляется, какъ одинъ общій вопросъ, на который можетъ быть данъ одинъ опредѣленный отвѣтъ, и этотъ отвѣтъ отыскивается въ международномъ характерѣ соціальдемократіи. И то и другое невѣрно. Международность соціальдемократіи выражается, какъ извѣстно въ девизѣ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Этотъ девизъ составляетъ особенность партіи пролетаріата въ отличіе отъ всѣхъ буржуазныхъ партій. Ни одна буржуазная партія не можетъ написать на своемъ знамени такой призывъ, хотя бы по отношенію къ „гражданамъ“ или „людямъ“ вообще. Свою международность соціальдемократія противопоставляетъ буржуазнымъ проявленіямъ внѣшней политики. Но по отношенію къ разнымъ народностямъ, живущимъ въ одной странѣ при однихъ и тѣхъ же политическихъ условіяхъ, международность не является исключительной особенностью пролетарской партіи. Разныя буржуазныя партіи, особенно въ революціонное время, сплачиваютъ вокругъ себя представителей разныхъ народностей. И тѣмъ не менѣе, одинъ этотъ фактъ не даетъ еще отвѣта на тотъ или другой національный вопросъ. Невѣрной я считаю и самое постановку вопроса. Нельзя говорить о національномъ вопросѣ, какъ о чемъ-то единомъ, потому что условія, вызывающія для разныхъ націй, даже одного государства, національный вопросъ, совершенно разнородны и не могутъ быть приведены къ одному знаменателю. Для одной націи національный гнетъ выражается въ такихъ условіяхъ, которыя для другой націи вовсе не являются гнетущими. Какъ на примѣрѣ, а также въ виду дальнѣйшаго развитія темы настоящей статьи, остановлюсь на сопоставленіи еврейскаго вопроса съ польскимъ въ Россіи. Какъ поляки, такъ и евреи, страдаютъ, помимо общаго политическаго безправія, отъ специфическаго національнаго гнета. Но для поляковъ онъ выражается въ угнетеніи ихъ національной культуры, въ руссификаторской политикѣ русскаго правительства; для евреевъ же онъ выражается какъ разъ въ обратномъ, въ недопущеніи ихъ русскимъ правительствомъ къ русской культурѣ. Конечно, это объясняется просто тѣмъ, что нельзя угнетать того, чего нѣтъ, что жалкіе остатки еврейской національной культуры не имѣютъ никакого значенія въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ и потому не представляютъ собой ничего опаснаго для русскаго правительства. Но это именно обстоятельство, отсутствіе у евреевъ свѣтской національной культуры, составляетъ характерное отличіе еврейскаго національнаго вопроса. И если польскія стремленія къ политической самостоятельности могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ прогрессивнымъ явленіемъ, то у евреевъ всякое національное стремленіе неминуемо является реакціоннымъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ національный вопросъ является для соціальдемократіи лишь вопросомъ о народныхъ правахъ и народномъ просвѣщеніи. Нація, имѣющая вполнѣ развитую свѣтскую національную культуру, безъ сомнѣнія теряетъ въ своихъ правахъ и задерживается въ своемъ духовномъ развитіи, когда государство принуждаетъ ее начать жить по чужой культурѣ. Демократическія и представительныя учрежденія, если таковыя имѣются на лицо, не могутъ быть использованы такой угнетенной націей. И чѣмъ демократичнѣе становится общественная жизнь, чѣмъ популярнѣе становится общее образованіе, литература, искусство, пресса, тѣмъ острѣе чувствуется этотъ національный гнетъ, и тѣмъ больше онъ затрагиваетъ интересы пролетаріата. И пролетарская партія должна, въ ряду своихъ политическихъ требованій, выставить также требованіе уничтоженія этого гнета въ точно формулированномъ положеніи, въ видѣ полной или такъ или иначе ограниченной автономіи. Но нація, лишенная свѣтской національной культуры или имѣющая ее въ мало развитой формѣ и въ видѣ ничтожныхъ остатковъ традиціоннаго прошлаго, лишена также возможности пользоваться той или другой формой автономіи для демократической общественной жизни и для развитія народнаго просвѣщенія. Для такой націи автономія означала бы темную реакцію, такъ какъ при отсутствіи развитой свѣтской національной культуры автономная общественная и духовная жизнь должна неминуемо примыкать къ традиціямъ прошлаго и къ національной религіи. Вѣдь не случайно сіонистское движеніе у евреевъ совпадаетъ съ реакціоннымъ движеніемъ. Самъ фактъ подчеркиванія своего еврейства въ виду безчеловѣчныхъ и оскорбительныхъ нападокъ антисемитовъ не заключаетъ въ себѣ ничего реакціоннаго; онъ, напротивъ, вытекаетъ изъ стремленія отстаивать свое человѣческое достоинство. Но національно-политическія и національно-культурныя стремленія евреевъ не могутъ опираться ни на что другое, какъ на традиціи прошлаго и религію. И поэтому, когда Бундъ выдвигаетъ національныя стремленія, онъ безсознательно играетъ въ руку еврейской реакціи. Національная школа для евреевъ явилась бы задерживающимъ элементомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, національный судъ для евреевъ означалъ бы либо административный произволъ, либо приспособленіе судебной практики къ еврейскому канону (стоитъ вспомнить практику раввинскаго суда и исторію его устраненія). Часто приходится слышать отъ приверженцевъ политики Бунда указаніе на развитіе жаргонной литературы, которая, по ихъ мнѣнію, является носительницей особой національной культуры. Но съ такимъ доводомъ неловко даже считаться. Люди, говорящіе серьезно о національной культурѣ, въ виду появленія нѣсколькихъ десятковъ брошюръ на некультурномъ языкѣ, показываютъ только, какъ мало они понимаютъ значеніе и объемъ современной національной культуры.

Приведенные примѣры (евреи и поляки) иллюстрируютъ два вида національнаго гнета въ болѣе или менѣе чистой формѣ. Но изъ 110 народностей, населяющихъ Россію, найдутся многія, для которыхъ національный гнетъ существуетъ въ смѣшанной формѣ. Тутъ вопросъ еще больше осложняется, и рѣшеніе его въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуетъ еще большей осторожности. Я не намѣренъ здѣсь разобрать всѣ національные вопросы, которые могутъ быть выдвинуты въ Россіи; не считаю даже такой работы своевременной, ибо при существующемъ режимѣ общее безправіе можетъ иногда затушевать національный вопросъ и иногда, напротивъ, заставить его видѣть тамъ, гдѣ его нѣтъ. Для большинства угнетенныхъ національностей Россіи національный вопросъ созрѣетъ и обнаружится во всей полнотѣ лишь при политической свободѣ. Поэтому, нашей партіи еще можно обождать съ выработкой полной національной программы. Считаю однако нужнымъ отмѣтить свою основную мысль, что каждый изъ національныхъ вопросовъ, выплывающихъ въ Россіи, требуетъ особаго разбора и, пожалуй, особаго рѣшенія. Вопросы эти, даромъ, что они носятъ общее названіе, разнородны, а на разнородные вопросы не можетъ быть данъ одинъ общій отвѣтъ.

К.

Отъ редакціи. Открывая дискуссію по тому или другому вопросу программы или тактики, редакція „Искры“, разумѣется, предоставляетъ авторамъ присылаемыхъ статей, — поскольку они стоятъ на почвѣ нашей программы, — полную свободу, не отвѣчая за излагаемые въ нихъ взгляды на тѣ или другіе частные вопросы. При этомъ редакція оставляетъ за собой право *выбора* среди присланныхъ статей такихъ, которыя, на ея взглядъ, наиболѣе полно и послѣдовательно проводятъ ту или другую точку зрѣнія.

---

[1]) Курсивъ тов. Б — ва.

Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 59. 10-го февраля 1904 г. **Годъ IV.**

Война и революція.

I. КАПИТАЛИЗМЪ и ВОЙНА.

Русско-японская война — кровавая заря грядущихъ великихъ событій. Ея не ждали, а между тѣмъ она надвигалась закономѣрно и грозно, какъ неумолимый фатумъ. Она подготовлялась капиталистической эксплуатаціей, колоніальнымъ хищничествомъ, разбойнической политикой русскаго самодержавія, она подготовлялась въ Европѣ больше, чѣмъ въ Азіи, она подготовлялась въ Америкѣ; потребности капиталистическаго производства, безпрерывно пожирающаго самого себя, дѣлающаго разрушеніе принципомъ своего существованія, конкурренція, разжигающая политическую вражду, ломка общественнаго уклада странъ съ докапиталистической культурой, англійскій имперіализмъ и нѣмецкій милитаризмъ, интересы аграріевъ въ Пруссіи и интересы сахарныхъ плантаторовъ на островѣ Кубѣ, американскій джингоизмъ и задолженность русскаго казначейства, развитіе Японіи и отсталость Турціи, идея реванша и борьба французской буржуазіи съ пролетаріатомъ, все это, и еще многое другое, вытекающее изъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій капиталистическаго развитія, подготовляло войну, все это смѣшалось, перепуталось, связалось въ кровавый узелъ, требующій кровавой развязки.

Прусско-французская война 1870 года завершила циклъ войнъ, начавшихся съ Великой Французской Революціи и перекроившихъ карту Европы. Объединеніе Италіи и Германіи, сопровождавшееся ослабленіемъ Франціи, Австріи и Россіи (въ Крымскую кампанію), создало теперешнее политическое равновѣсіе Европы. Равновѣсіе очень шаткое, такъ какъ часть нѣмецкаго народа осталась за рубежемъ объединенной Германіи, Австрія, потерявъ связь съ большинствомъ нѣмецкой націи, стала страной парализующихъ другъ друга національныхъ отрѣзковъ, Франція готовилась возвратить себѣ обратно отнятыя у нея провинціи, а на Балканскомъ полуостровѣ выдѣленіе самостоятельной Греціи, ограниченной однако же клочкомъ земли, въ то время какъ значительная часть эллинской націи осталась подъ турецкимъ владычествомъ, только усложнило и безъ того запутанное положеніе; а надъ всѣмъ этимъ вѣчной угрозой миру нависло русское самодержавіе — силы стомилліоннаго народа во власти одного лица, — вѣчно стоящее на сторожѣ, всегда готовое урвать кусокъ, ненавидящее новые порядки Западной Европы, ту формальную свободу, которую завоевали себѣ народы, безпрерывно увеличивающее свои военныя силы съ явной цѣлью подчинить Европу и весь міръ своему вліянію. Русско-турецкая война 1877 года съизнова напомнила Европѣ, насколько велика опасность со стороны царскаго правительства.

Политическое равновѣсіе чувствовалось настолько непрочнымъ, что Европа все это время съ лихорадочнымъ усердіемъ готовилась къ войнѣ. Образовались огромныя арміи, техника человѣкоубійства и разрушенія была усовершенствована до умопомрачающихъ тонкостей, военные запасы накоплялись и безпрерывно возобновлялись — получился „вооруженный миръ“, давившій народы своей неимовѣрной, все возрастающей, невыносимой тягостью. Въ то же время демократизація государственной власти, носившая въ себѣ залогъ мира, пріостановилась. Съ тѣхъ поръ какъ организованный пролетаріатъ вступилъ въ политическую жизнь парламентарныхъ странъ, буржуазія потеряла интересъ къ политической формѣ демократіи и становилась все болѣе реакціонной. Развитіе индустріи въ отдѣльныхъ странахъ создало конкурренцію капиталистическихъ націй на всемірномъ рынкѣ: выросшій на землѣ, не знавшей еще ренты, американскій хлѣбъ сбилъ поземельную ренту европейскихъ землевладѣльцевъ — на этой почвѣ создались таможенныя системы Западной Европы. Пошлины стали экономическими преградами историческаго процесса культурнаго объединенія народовъ, онѣ увеличили политическую рознь государствъ и создали тьму новыхъ враждебныхъ интересовъ. Капиталистическая конкурренція націй, политическая обособленность, милитаризмъ, реакціонныя тенденціи буржуазіи — все вмѣстѣ вело къ усиленію правительственной власти, такъ что даже въ Германіи получился на конституціонной почвѣ новый расцвѣтъ монархизма. А чѣмъ болѣе усиливается власть правительствъ, тѣмъ легче становятся столкновенія между государствами.

Европейскій миръ держался шаткостью своего равновѣсія. Чувствовалось, что стоитъ его нарушить въ одномъ мѣстѣ, и пойдетъ общая ломка. Это перешло, наконецъ, въ общее сознаніе и стало до нѣкоторой степени руководящей нитью дипломатическихъ отношеній. Общественное мнѣніе буржуазіи, трусливое и легковѣрное, мелкой зыбью разбѣгающееся въ ширь, но неспособное поднять глубины, успокоилось на самомъ фактѣ мира, а идеологи его, приспособляющіе свои историческіе взгляды къ моменту, пускающіе свою бумажную философію по вѣтру, какъ мальчишки бумажнаго змѣя, создали даже теорію невозможности войны. Теорія эта сводилась къ необыкновенной разрушительности современнаго оружія, къ необыкновенной огромности современныхъ войскъ, къ необозримой гибельности войны между современными индустріальными государствами. Мелкій и робкій умъ разсуждалъ: такъ какъ чудовищность европейской войны превосходитъ всѣ предѣлы моего представленія, то, слѣдовательно, ея и не можетъ быть.

Между тѣмъ капиталистическое развитіе продолжало свою разрушительную дѣятельность и подкапывалось подъ миръ Европы далеко за предѣлами ея — въ странахъ Тихаго океана.

Разразилась японско-китайская война. Она поразила своей неожиданностью, но еще болѣе тѣмъ, что война между монгольскими націями велась изъ-за *капиталистическихъ* интересовъ. Европа считала до тѣхъ поръ исключительно своей культурной миссіей распространять капиталистическую эксплуатацію по всему міру, даже какъ будто особымъ свойствомъ кавказской расы и чуть ли не преимуществомъ христіанской религіи. Успѣшная торговая война Японіи свидѣтельствовала о промышленныхъ интересахъ, предполагающихъ значительную степень капиталистическаго развитія, и показала — а это самое главное — что въ Восточной Азіи образовалось самостоятельное государство со всѣмъ политическимъ и военнымъ аппаратомъ капитализма, вполнѣ по европейскому образцу. Это былъ новый факторъ въ исторіи Азіи, который долженъ былъ перемѣшать и обострить всѣ отношенія на Дальнемъ Востокѣ.

Второю неожиданностью была война Америки съ Испаніей. Индустріальное развитіе Соединенныхъ Штатовъ ни для кого не было тайной. Но и здѣсь буржуазная мысль только еле плелась за фактами и не была въ состояніи охватить ходъ развитія. Покуда буржуазія была революціонна, она умѣла заглядывать далеко впередъ, потому что впереди ея лежала ея собственная историческая будущность, ея господство и торжество; въ настоящее время широкій захватъ мысли только мѣшаетъ буржуазіи, потому что онъ показываетъ исторію ея паденія, — и вотъ буржуазная идеологія, которая можетъ строить свои умозрѣнія только въ той плоскости, на которой стоитъ ея классъ, непроизвольно съузила свои перспективы. Американско-испанская война показала, что капиталистическое развитіе уже передвинуло центръ тяжести экономической жизни Соединенныхъ Штатовъ съ сельского хозяйства на индустрію. А съ тѣмъ вмѣстѣ стали все болѣе требовательны интересы экспорта и колоніальной политики. Первымъ послѣдствіемъ была колоніальная война, а дальнѣйшимъ должно было быть развитіе милитаризма. Такъ образовался джингоизмъ. Соединенные Штаты начинаютъ вести агрессивную внѣшнюю политику и дѣлаютъ даже попытки вмѣшаться въ европейскія дѣла. Но главное ихъ вниманіе обращено на страны Тихаго океана, которыя по своему экономическому и географическому положенію являются наиболѣе подходящимъ рынкомъ для индустріальной Америки. Вотъ почему въ настоящемъ русско-японскомъ конфликтѣ Америка съ самаго начала играетъ активную роль, какая еще десять лѣтъ тому назадъ казалась бы немыслимой.

Къ тому же времени все яснѣе сталъ вырисовываться переворотъ на всемірномъ рынкѣ. Открытіе Америки отвлекло торговлю отъ Средиземнаго [illegible] Тихаго океана и сдѣлало съ развитіемъ индустріи Атлантическій океанъ средоточіемъ морскихъ торговыхъ сношеній. Малая и Западная Азія (Персія) были даже совершенно заброшены. Колоніальное значеніе Остъ-Индіи обезпечивало ей сношенія съ Европой, а благодаря этому развивались также сношенія съ Китаемъ. Ростъ капиталистическаго производства, требующій все большихъ и большихъ рынковъ, долженъ былъ направить торговлю опять въ Тихій океанъ. Процессъ этотъ былъ ускоренъ прорытіемъ Суэзскаго канала. Развилось громадное интернаціональное мореходство въ Индійскомъ океанѣ, и индустріализація Южной какъ и Восточной Азіи быстро двинулась впередъ. Безъ Суэзскаго канала, замѣчу кстати, Японія и до сихъ поръ еще была бы отсталой азіатской страной. Помимо Японіи, и Индія развила богатую собственную индустрію. На томъ же пути находится Австралія, равно какъ и Южный берегъ Африки. Здѣсь, какъ извѣстно, революціонная работа капитала уже привела къ кровавой развязкѣ. Полноты ради замѣтимъ, что капиталистическій переворотъ въ Южной Африкѣ былъ ускоренъ и обостренъ открытіемъ золотыхъ розсыпей.

Торговое развитіе Тихаго океана подняло снова значеніе Средиземнаго моря, а въ немъ Балканскаго полуострова и Малой Азіи. Восточный вопросъ, этотъ гордіевъ узелъ европейскихъ конфликтовъ, подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ еще болѣе обострился. Національная борьба шла своимъ чередомъ. Русско-турецкая война отбросила Турцію за Балканы и сдѣлала ее безпомощной. Это подняло шансы христіанскихъ національностей. Первая воспользовалась положеніемъ Болгарія, объединившись съ Румеліей. Послѣдовало критское возстаніе. Затѣмъ македонское возстаніе. Попытка Греціи объединиться съ Критомъ окончилась неудачно не только благодаря ничтожеству и дезорганизаціи ея военныхъ силъ, но также благодаря давленію Россіи. Царское правительство сознательно поддерживаетъ смуту на европейскомъ Востокѣ. Оно исподволь поощряетъ возстанія и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшаетъ образованію независимыхъ христіанскихъ государствъ. Такимъ образомъ, оно разлагаетъ существующія политическія силы, мѣшаетъ развитію новыхъ и держитъ національности Балканскаго полуострова въ равновѣсіи взаимной слабости. Цѣль ясна — облегчить путь къ завоеванію страны на случай взятія Константинополя.

Еще раньше, чѣмъ въ Азіи и Америкѣ, капитализмъ выдвинулъ новыя индустріальныя государства въ Европѣ. На первомъ планѣ стоитъ Германія. Германскій экспортъ долгое время развивался при помощи мирнаго проникновенія въ колоніальныя страны нѣмецкихъ торговыхъ агентовъ. Нѣмецкіе коммиссіонеры и коммивояжеры залѣзали во всѣ щели въ Южной и Центральной Америкѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, въ Китаѣ. Отовсюду они протянули паутинки къ германскимъ фабрикамъ, и германскіе товары стали все большими массами приплывать въ заокеанскія страны, пользуясь при этомъ германскимъ же мореходствомъ, сильно развившимся благодаря ввозу хлѣба изъ Америки и вывозу людей въ Америку. Дошло до того, что даже въ главныхъ портахъ Остъ-Индіи нѣмцы успѣшно конкуррируютъ съ англичанами и уже успѣли ихъ отчасти вытѣснить. Однако въ 80-ыхъ гг. мы видимъ первыя попытки колоніальныхъ захватовъ Германіи. По мѣрѣ роста потребностей экспорта, при явно непріязненномъ отношеніи Англіи къ нѣмецкой конкурренціи въ ея колоніяхъ, съ развитіемъ колоніальной политики другихъ странъ, передъ капиталистической Германіей сталъ на очереди вопросъ о завоеваніи колоній. Но центръ тяжести германской политики до тѣхъ поръ лежалъ въ упроченіи ея европейскаго положенія, а колоніальная политика вводила ее въ сферу міровыхъ интересовъ, ставила ее передъ новыми задачами, требовала развитія морской силы и грозила тысячами непредвидѣнныхъ сцѣпленій интересовъ и конфликтовъ. На это трудно было рѣшиться. Но нашелся человѣкъ, который рѣшился — германскій императоръ. Вильгельмъ II вступилъ на престолъ съ непремѣннымъ желаніемъ стать героемъ. Не то, чтобы въ немъ были геройскія качества. У него умъ живой, но не проницательный, рѣшимость быстрая, но не устойчивая, интересъ, легко воспламеняющійся, но такъ же легко остывающій. Первые годы его царствованія прошли въ безпокойномъ шатаніи. Съ любопытствомъ и стремительностью диллетанта, не умѣющаго охватить глазомъ всѣ трудности дѣла, онъ бросался то на соціальное реформаторство, то на уничтоженіе соціальдемократіи, то на школьныя реформы, то на реформы военныхъ мундировъ, на искусство, музыку, литературу, на передѣлку правописанія и преобразованіе христіанской религіи. Вездѣ, гдѣ онъ натыкался на трудности, онъ моментально уставалъ и отставалъ. Но, бросаясь безъ разбору туда и сюда, онъ невзначай наткнулся на колоніальную политику. И именно потому, что онъ не могъ предвидѣть трудностей и послѣдствій, онъ рѣшился тамъ, гдѣ другіе колебались. Но оказалось, что онъ попалъ въ струю капиталистическаго развитія, которая его понесла все дальше и дальше. Я остановился на личной характеристикѣ Вильгельма II, потому что, помимо царя, германскій императоръ единственная личность, которая по положенію своему можетъ оказать сильное вліяніе на ходъ надвигающихся событій.

Англійскій капиталъ революціонизировалъ весь міръ, сломилъ старые уклады, уничтожилъ старыхъ боговъ и создалъ новыхъ по образу и подобію своему, — но, сдѣлавъ весь міръ капиталистическимъ, Англія весь міръ возстановила и вооружила противъ себя и подорвала основы своего собственнаго существованія. Она раньше создала повсюду рынки, затѣмъ создала — снабжая міръ машинами, рабочими, капиталомъ — во всѣхъ странахъ индустрію, а индустрія въ каждой странѣ стала захватывать свой внутренній рынокъ, подняла политическія силы государства и употребила ихъ на искусственное огражденіе національнаго рынка и насильственное [illegible] капиталистическое государство — огромная и многосложная машина для выжиманія труда изъ народа и для безконечной капиталистической ломки всего окружающаго. Каждое капиталистическое государство само по себѣ въ состояніи разрушить и возсоздать міръ. И вотъ государства эти окружили землю желѣзными путями, оцѣпили ее сѣтью телеграфовъ и почтъ, завязали узлы торговыхъ агентуръ, пустили по океанамъ многочисленные флоты, создали цѣлый міръ на водѣ съ сотнями тысячъ людей, безпрерывно поддерживающихъ сношенія между материками, разослали по всѣмъ частямъ свѣта войска, чтобы открыть пути торговлѣ, и понастроили въ Европѣ и Америкѣ города фабрикъ, безпрерывно воздвигающіе горы товаровъ, которые безостановочно чудовищными массами распространяются по всему міру и переполняютъ рынки. И земля стала капиталистамъ тѣсна и малолюдна, потому что трудъ они сдѣлали обильнымъ, а заработокъ скуднымъ, потому что богатства, которыми они наводняютъ міръ, они отымаютъ у рабочихъ, ихъ создающихъ, потому что они отдѣлили міръ товаровъ отъ міра производителей. Производители бѣдствуютъ, груды произведенныхъ, но не использованныхъ богатствъ, ростутъ до безконечности, и такъ какъ не удалось еще открыть такой дыры внѣ человѣческаго міра, куда можно было бы свалить ненужные товары, то капиталисты, эти собственники общественнаго производства въ капиталистическомъ строѣ, стараются вышибить другъ друга изъ рынковъ, и конфликты ихъ, когда другія средства исчерпаны, неизбѣжно ведутъ къ міровымъ войнамъ.

Къ концу прошлаго столѣтія стало ясно, что Англія вытѣсняется на всемірномъ рынкѣ другими промышленными странами. Капиталистическій классъ Англіи убѣдился, что ему приходится бороться уже не за господство на всемірномъ рынкѣ, а за самое свое существованіе. Въ силу этого онъ сталъ развивать необыкновенную энергію, чтобы удержать и обезпечить за собой то, чѣмъ онъ владѣетъ. Политическая летаргія, столь характерная для періода экономическаго застоя Англіи, исчезла, и эта чрезвычайно осторожная держава, къ изумленію Европы, стала вести агрессивную политику и рѣшается на рискованныя войны. Англія стремится консолидировать свои колоніальныя владѣнія и оградить созданную такимъ образомъ „имперію“ пошлинами отъ иностранной конкурренціи.

Между Англіей и Россіей издавна конфликтъ на столько очевидный, что правительства ему даже придали характеръ національной вражды. Споръ идетъ о Константинополѣ и въ связи съ этимъ о политическомъ устройствѣ Балканскаго полуострова. Споръ этотъ, какъ извѣстно, въ свое время былъ причиной Крымской войны. Съ тѣхъ поръ положеніе не улучшилось, а, наоборотъ, гораздо болѣе обострилось, благодаря почти полному уничтоженію силы сопротивленія Турціи послѣ войны 1877 года. Цѣлость Турціи являлась посредствующимъ элементомъ, затягивавшимъ разрѣшеніе конфликта, — а теперь Англія и Россія стоятъ непосредственно другъ передъ другомъ и неминуемо должны разрѣшить споръ силой оружія. Однако область столкновеній между Россіей и Англіей вышла далеко за предѣлы Балканскаго полуострова. Завоевательная политика Россіи въ Центральной Азіи привела ее почти что къ границамъ Индіи. Англіи приходится уже не только отстранять Россію отъ Средиземнаго моря, но и защищать противъ Россіи свою главнѣйшую колонію. Въ то же время Россія подбирается къ Персидскому заливу. Между тѣмъ и Центральная Азія, и Персія, и Малая Азія получили сами по себѣ непредвидѣнное до того промышленное значеніе благодаря развитію торговли въ Тихомъ океанѣ. Это особенно важно для Англіи въ виду конкурренціи, подавляющей ее на всемірномъ рынкѣ. Но тѣ же интересы уже привлекли къ этимъ странамъ вниманіе другихъ индустріальныхъ государствъ — Германіи и Франціи. И вотъ они также затягиваются въ этотъ новый узелъ конфликтовъ.

Наконецъ, еще одно поле тренія образовалось между Англіей и Россіей на Дальнемъ Востокѣ.

Для характеристики развитія отношеній въ Восточной Азіи, приведшихъ непосредственно къ настоящей войнѣ, я позволю себѣ сослаться на свою статью, появившуюся въ германской соціальдемократической печати въ ноябрѣ прошлаго года.

„Политика Англіи въ Восточной Азіи была съ 60-ыхъ годовъ, со времени ея войны съ Китаемъ, политикой консервативной. Многочисленныя колоніи, долголѣтнія торговыя сношенія, добытыя путемъ военнаго насилія права, точно такъ же, какъ поднятый, благодаря побѣдоносной войнѣ, престижъ, обезпечили за Англіей развитіе ея торговли съ Китаемъ, и она гораздо больше была заинтересована въ томъ, чтобы остатки китайской замкнутости, отъ которыхъ главнымъ образомъ страдали ея конкурренты, — далеко отставшіе отъ нея въ отношеніи колоніально-политическомъ и въ развитіи морскихъ силъ, — прочно сохранить и на будущее время. „Цѣлость“ Китая сдѣлалась ея лозунгомъ. За японской войной Англія слѣдила со смѣшаннымъ чувствомъ. Поскольку дѣло шло о добываніи новыхъ торговыхъ льготъ, эта война могла быть ей только на руку, но въ образованіи японскаго промышленнаго государства она увидѣла опасную для себя конкурренцію. Какъ всегда, „коварный Альбіонъ“ сталъ на сторону сильнѣйшаго и измѣнилъ Китаю самымъ позорнымъ образомъ. Скоро послѣ этого, когда нѣмецко-русская коалиція въ Восточной Азіи внушила ей должное уваженіе, Англія измѣнила и Японіи. Тогда Россія и Германія направили свои стопы къ китайскимъ берегамъ. Идея нераздѣльности Китая была нарушена, тогда и Англія начала присоединять. Скоро, однако, стало ей ясно, что опасность угрожаетъ не только одному Китаю, но также и англійской торговлѣ и политическому вліянію Англіи въ Китаѣ. Съ того времени она тѣсно примкнула къ Японіи и стремится употребить ее преимущественно какъ боевое орудіе противъ Россіи.

Политика Россіи въ Восточной Азіи представляла изъ себя исключительно систему захватовъ. Уже по тому одному, что русская промышленность слишкомъ незначительна, чтобы обезпечить себѣ колоніи путемъ торговыхъ сношеній. Торговые интересы, которые въ колоніальной политикѣ Европы играютъ главную роль, въ политикѣ царскаго правительства отступаютъ на задній планъ. Ея цѣль — распространить могущество россійской имперіи: обратить весь міръ въ собственность дома Романовыхъ. Сумасбродный романтизмъ! Весь земной шаръ со всѣми его странами и народами привести къ подножію царскаго трона: всю игру міровой исторіи, промышленность, войны, національную борьбу, классовую борьбу, матеріальную и духовную жизнь народовъ направить къ единой цѣли: къ вящшей славѣ династіи Романовыхъ! Это, конечно, глупость, но глупость, образовавшаяся путемъ историческимъ и потому порождающая абсурды, которые становятся „разумнымъ“ факторомъ человѣческой исторіи. Но самъ по себѣ идеалъ царизма въ чистомъ видѣ больше не существуетъ: онъ раскрошенъ, раздробленъ, разорванъ; другіе интересы подставлены вмѣсто него. Сознательныя стремленія, безсознательные порывы, пережитки прошлаго, идеи будущаго перемѣшиваются между собою, и въ этомъ водоворотѣ идей, поступковъ и событій въ концѣ концовъ и тѣ теряютъ голову, кто считаетъ себя руководителями всего процесса.

Въ политикѣ Россіи въ Восточной Азіи нужно различать двѣ, взаимно поддерживающія другъ друга, группы интересовъ: *распространеніе могущества* россійской имперіи и *потребность въ займахъ* для пополненія государственной казны. Финансовая нищета Россіи такъ же безгранична, какъ безгранично стремленіе ея дипломатіи къ захвату чужихъ странъ. Царское правительство употребляетъ иностранное золото на добываніе новыхъ земель и забираетъ чужія земли, чтобы снова добыть себѣ золото. Когда вспыхнула японско-китайская война, царская дипломатія сейчасъ же направила свои взоры на то, чтобы чѣмъ нибудь поживиться. Но успѣхи Японіи раньше всего вызвали въ ней рѣшеніе ослабить эту страну. Это та же политика, которую Россія практикуетъ и на европейскомъ востокѣ. Благодаря вмѣшательству Вильгельма II, который, испытавъ къ тому времени свою геніальность въ различныхъ областяхъ, сталъ смѣшной фигурой и горѣлъ желаніемъ попытать счастья въ колоніальной политикѣ, русской дипломатіи удалось выкинуть геніальную штуку: демонстраціей международнаго флота запугать Японію и заставить ее покинуть занятую ею на сушѣ позицію. Вытѣснивъ конкуррента, Россія приготовилась стать на его мѣсто. Она только ждала повода. Какъ нарочно, случилось убійство нѣмецкихъ миссіонеровъ. Съ злорадствомъ, съ плохо разыграннымъ негодованіемъ, Германія оторвала себѣ Кіао-Чоу. Заодно съ Германіей двинулась Россія; она завладѣла Портъ-Артуромъ и протянула свою длань къ Манчжуріи. То, что Японіи было запрещено, практиковалось теперь другими съ самымъ наглымъ безстыдствомъ.

Русскія оккупаціи полны опасностей для будущности Восточной Азіи, гораздо болѣе, чѣмъ колоніальные захваты другихъ странъ. Въ то время, какъ Германія или Англія должны еще посылать свои корабли въ отдаленныя моря, чтобы охранять и поддерживать свои владѣнія на Тихомъ океанѣ, Россія непосредственно присоединяетъ свои восточно-азіатскія земли къ своей огромной имперіи, а сибирская желѣзная дорога служитъ ей могучимъ орудіемъ къ дальнѣйшему упроченію тамъ своей политической и военной силы. Такимъ образомъ, эти владѣнія уже не просто колоніи, слабо связанныя съ своей метрополіей, — Россія создала себѣ здѣсь стратегическій пунктъ, откуда она безостановочно и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ можетъ распространять свою завоевательную, по отношенію къ Китаю, политику. Она ведетъ себя здѣсь такъ же, какъ она привыкла это дѣлать втеченіе десятковъ лѣтъ въ Средней Азіи: она строитъ желѣзную дорогу, посылаетъ войска, устанавливаетъ военные посты, а затѣмъ опять желѣзная дорога, войска, крѣпости и т. д. Впрочемъ, также и въ средней Азіи Россія все ближе и ближе подвигается къ Китаю. Кромѣ Японіи, Россія единственная страна, которая въ Восточной Азіи ведетъ вполнѣ послѣдовательную политику. Но потому-то нигдѣ и не существуетъ болѣе противоположныхъ интересовъ, чѣмъ между Россіей и Японіей.

Опасность со стороны Россіи, благодаря ея оккупаціямъ, была слишкомъ очевидна. Англія заявила протестъ. Положеніе было критическое. Но Англія неохотно рѣшается выступать противъ значительной силы, не имѣя союзниковъ. Японія, въ качествѣ союзника, была еще слишкомъ слаба; Германія могла считаться скорѣе врагомъ, чѣмъ другомъ. Къ тому же Британія вообще очень медленно рѣшается на что-нибудь. Кромѣ того, Англія уже тогда была сильно занята своими дѣлами въ Южной Африкѣ. Мы едва ли сдѣлаемъ большую ошибку, если скажемъ, что южно-африканскій кризисъ былъ отчасти вызванъ Англіей, благодаря ея желанію развязать себѣ руки въ Азіи. Во время южно-африканской войны всѣ ожидали, что Россія сдѣлаетъ Англіи вызовъ; въ глазахъ храбрыхъ буровъ, послѣ библіи, первымъ оплотомъ былъ русскій царь. Но тому, кто знаетъ состояніе дѣлъ въ Россіи, было ясно, что при ея бѣдственномъ экономическомъ положеніи, при ея отсталомъ и негодномъ административномъ механизмѣ, при ея хронической нищетѣ, — правительство царя не смѣетъ и думать о какой либо наступательной войнѣ противъ Англіи.

Но какъ же объяснить, что русская дипломатія, — несмотря на то, что она должна сознавать слабость государства, — такъ вызывающе себя ведетъ? Она принуждена такъ поступать. Безумная погоня царскаго правительства за успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ необходима, чтобы скрыть внутреннюю слабость имперіи. Стоитъ Россіи показать себя слабой во внѣшней политикѣ, — и она теряетъ заграницей весь свой престижъ, теряетъ свой кредитъ. Царизмъ уже давно сталъ пенсіонеромъ европейскихъ биржъ. Русскій абсолютизмъ въ настоящее время не болѣе, какъ биржевая спекуляція: покуда продолжается игра на повышеніе, тронъ царя еще цѣлъ, но если биржа найдетъ, что игра на пониженіе для нея выгоднѣе, — онъ разлетится въ дребезги. Практикующаяся въ теченіе долгихъ лѣтъ безпрерывная система займовъ въ высшей степени навострила русскихъ министровъ финансовъ и закалила ихъ способность добывать деньги. Умѣнье обращаться съ биржей — это высшая финансовая наука, которая требуется отъ русскаго государственнаго мужа. И къ какимъ только пріемамъ не прибѣгаютъ въ Россіи, чтобы привлечь иностранные капиталы въ государственныя кассы. Желѣзнодорожная политика все больше становится средствомъ къ добыванію займовъ, постоянные и значительные „остатки“ которыхъ, — остатки, получающіеся очень часто на счетъ самого желѣзнодорожнаго строительства, — поступаютъ въ государственную казну. Дружба съ Франціей отъ начала до конца была употреблена на то, чтобы обчистить карманы французскимъ капиталистамъ — это было величайшее биржевое мошенничество минувшаго столѣтія. Такимъ же путемъ каждый успѣхъ во внѣшней политикѣ Россіи сопровождается новымъ займомъ. Но чѣмъ значительнѣе эти успѣхи, тѣмъ большей, съ другой стороны, оказывается нужда въ деньгахъ и потребность въ займахъ. Въ частности, проникновеніе Россіи къ Тихому океану поставило ее лицомъ къ лицу съ новыми расходами на морскія вооруженія — расходами, которые въ такихъ захватывающихъ размѣрахъ никогда раньше не были извѣстны. Русскій флотъ до сихъ поръ имѣлъ исключительной задачей охрану береговъ. Теперь Россіи приходится содержать на Тихомъ океанѣ броненосцы и состязаться въ морскихъ силахъ съ Англіей и Японіей. Ни одна страна не въ состояніи содержать свой военный флотъ исключительно на счетъ налоговъ. Издержки на флотъ, какъ и на желѣзныя дороги, покрываются путемъ займовъ. Но въ то время, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ становится все дешевле, постройка флота обходится все дороже, и этимъ расходамъ, въ противоположность желѣзнодорожнымъ, не предвидится конца: у нихъ нѣтъ предѣла насыщенія. Постройка флотовъ сама по себѣ уже въ состояніи довести любую страну до банкротства. Что же, въ такомъ случаѣ, сказать о Россіи, которая живетъ одними займами? И въ то время, какъ затраты Англіи или Германіи на ихъ военный флотъ въ нѣкоторой степени вознаграждаются развитіемъ ихъ торговаго оборота. — Россія въ этомъ отношеніи знаетъ одни расходы и не имѣетъ никакихъ доходовъ отъ своей колоніальной торговли. Итакъ, займы и опять займы! Безъ займовъ царизму придется увидѣть свой флотъ и свою армію значительно уступающими боевымъ силамъ другихъ государствъ, и Россія такъ же мало будетъ въ состояніи вести войну съ какой-либо современной военной державой, какъ мало въ состояніи это дѣлать Турція или Китай. Понятно ли теперь, почему царь такъ жалобно пѣлъ о необходимости мира? Такъ какъ у него нѣтъ денегъ, чтобы покрывать все возрастающіе расходы на армію и флотъ, то онъ доброжелательно предлагалъ другимъ государствамъ пріостановить свои вооруженія. Поэтому царь въ своей внѣшней политикѣ не можетъ идти назадъ. Онъ долженъ идти впередъ, или все сразу рухнетъ.

Наконецъ, еще одинъ моментъ — политика абсолютизма, по самой природѣ своей, исключительна. Она не считается съ чужими интересами, съ историческимъ развитіемъ и знаетъ одну только силу — кулакъ. Подобно тому, какъ въ своей собственной странѣ русскій абсолютизмъ игнорируетъ кричащіе факты ея поступательнаго развитія, насильственно затыкаетъ каждую скважину и такимъ образомъ толкаетъ народъ на путь революціи, точно такъ же, закрывъ Японіи всѣ пути къ развитію ея внѣшнихъ сношеній, онъ толкаетъ ее на путь войны“.

Это было написано больше чѣмъ за два мѣсяца до начала военныхъ дѣйствій. А общія идеи этой статьи, взглядъ на міровыя отношенія капиталистическихъ странъ явились результатомъ моихъ наблюденій надъ ходомъ событій втеченіе моей многолѣтней публицистической дѣятельности въ рядахъ нѣмецкой соціальдемократіи. Я ихъ впервые высказалъ въ своихъ статьяхъ о китайско-японской войнѣ въ 1895 году въ „Leipziger Volkszeitung“, затѣмъ въ многочисленныхъ статьяхъ о восточномъ вопросѣ, объ американско-испанской войнѣ, объ оккупаціи Манчжуріи, о франко-русскихъ отношеніяхъ, о торговой политикѣ Англіи etc. etc. въ „Sächsische Arbeiter Zeitung“ въ Дрезденѣ, въ „Neue Zeit“ и въ издаваемой мною соціальдемократической корреспонденціи Aus der Weltpolitik. Упоминаю объ этомъ, чтобы показать, что это не спекулятивныя разсужденія a posteriori, а обобщенія и выводы, до сихъ поръ находившіе себѣ подтвержденіе въ слѣдовавшихъ за ними событіяхъ.

Что касается интересовъ Японіи, приведшихъ къ войнѣ, то они даны ея положеніемъ капиталистическаго государства Восточной Азіи. Съ тѣхъ поръ какъ Японія стала современной индустріальной страной, въ ней образовалось перенаселеніе и перепроизводство. Капиталистическая революція, которую она сама продѣлала, заставляетъ ее революціонизировать міръ вокругъ себя. Какъ Англія передѣлала на капиталистическій ладъ производство въ странахъ европейскаго континента, такъ Японія имѣетъ своей миссіей снабдить Восточную Азію дарами капиталистической культуры, каковы: фабрики, банки, утонченное мошенничество, проституція, желѣзныя дороги, военный флотъ, англійская болѣзнь и пролетаризація массъ. Если ей это не удастся, то рухнетъ ея собственное капиталистическое благополучіе, а вернуться снова къ порядкамъ своего докапиталистическаго времени, она уже будетъ не въ состояніи. Китайскій вопросъ, такимъ образомъ, сталъ для Японіи вопросомъ ея собственнаго существованія.

Война между Японіей и Россіей надорвала и безъ того еле еще державшуюся связь политическихъ отношеній капиталистическихъ государствъ. Политическое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено, и врядъ ли его удастся возстановить безъ дальнѣйшихъ войнъ. Больше всего затронуты интересы Англіи. Побѣда Россіи надъ Японіей отдала бы Китай въ полное распоряженіе царскаго правительства. Вліяніе Англіи въ Восточной Азіи было бы совершенно парализовано. Понятно также, что Россія, упрочившись въ Пекинѣ, всего менѣе имѣла бы основаній отказаться отъ своей наступательной политики въ Центральной Азіи. Конфликтъ съ Англіей, слѣдовательно, былъ бы только отсроченъ до момента, для Англіи, благодаря росту могущества Россіи, менѣе благопріятнаго. Вотъ почему Англія уже теперь начала агрессивную политику, пославъ военную экспедицію въ Тибетъ и побудивъ Японію къ войнѣ. Въ то же время Германія, основавшаяся въ Кіао-Чоу, горитъ нетерпѣніемъ расширить свои азіатскія владѣнія. Колоніальные планы на Дальнемъ Востокѣ имѣютъ также Соединенные Штаты. Упомянемъ еще Австрію, Италію, Бельгію, военныя эскадры которыхъ тутъ же снуютъ, готовясь урвать и себѣ кусочекъ при общемъ дѣлежѣ. Колоніальная политика Франціи до сихъ поръ была очень несчастлива: французы истратили на свои колоніи милліарды безъ видимой пользы для промышленности страны. Общая борьба изъ-за колоній въ Китаѣ подняла также и во французской буржуазіи надежду поправить свои колоніальныя дѣла на счетъ имперіи богдыхана. Дѣйствуетъ тутъ также старый конфликтъ съ Англіей изъ-за Египта, наконецъ, и связь съ Россіей и перемѣна, происшедшая въ силу этого съ идеей реванша. Это, впрочемъ, интересный вопросъ, котораго мы еще, можетъ быть, коснемся въ другой связи. Въ то же время связанность Россіи въ Восточной войнѣ дѣлаетъ болѣе возможнымъ развязку національныхъ конфликтовъ Балканскаго полуострова, что заставляетъ Австрію серьезно готовиться къ вмѣшательству. Итакъ, одно тянется за другимъ, и все зданіе трещитъ и рушится.

Война началась изъ-за Манчжуріи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемоніи въ Восточной Азіи, она разростется въ вопросъ о міровомъ положеніи царской Россіи и завершится перемѣщеніемъ политическаго равновѣсія всего міра.

Первымъ ея послѣдствіемъ будетъ паденіе русскаго самодержавія. Объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

Парвусъ.

НАША „КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІЯ“.

Политически развитымъ людямъ Запада, сначала, показались мало вѣроятными сообщенія телеграфныхъ агенствъ о такъ называемыхъ патріотическихъ манифестаціяхъ въ Россіи. Эта волна беззастѣнчиваго холопства, захватившаго „всѣ слои“ русскаго народа, слишкомъ ужъ рѣзко отличалась отъ цѣлаго ряда вспышекъ народнаго недовольства, которыми отмѣчены были послѣдніе годы внутренней жизни Россіи. Европа переживаетъ моментъ, когда всякій мало мальски замѣтный фактъ въ домашнихъ распорядкахъ нашего отечества котируется на биржахъ, когда высота курса русскаго самодержавія, его кредитоспособность, оцѣниваются по результатамъ его борьбы не только съ внѣшнимъ врагомъ, но и съ внутреннимъ, оцѣниваются по самому спросу на самодержавіе со стороны его потребителей, русскихъ гражданъ. И надо отдать справедливость изворотливости нашего правительства: оно, провоцируя восточныхъ сосѣдей на войну, стремилось не только закрѣпить успѣхъ своихъ авантюристскихъ затѣй на крайнемъ Востокѣ, но и поднять въ нѣкоторыхъ слояхъ народа спросъ на абсолютизмъ, служащій, якобы, могучимъ оплотомъ русскаго и другихъ народовъ Европы отъ „желтой опасности“. Но Россія, казалось, выросла уже изъ стадіи поповско-полицейскаго толкованія политическихъ учрежденій: ея либеральные элементы начинали становиться на путь открытыхъ протестовъ противъ полицейской опеки и обратились къ свободной прессѣ; ея радикальная интеллигенція продумала соціально политическія проблемы и нерѣдко стала переходить подъ красныя знамена быстро пробуждающагося россійскаго пролетаріата; они, наконецъ, подняли эти знамена, на улицахъ столицъ и большинства крупныхъ городовъ Россіи: своей кровью, пролитой въ борьбѣ за свободу, нашъ передовой рабочій завоевалъ себѣ гордое убѣжденіе, что онъ поставилъ родину на путь революціи. И вотъ, та толпа, которая вчера подбодряла самоотверженныхъ демонстрантовъ и кричала „долой самодержавіе“, сегодня „проливаетъ слезы умиленія“ передъ царскими дворцами, носитъ и лобызаетъ портреты своихъ же палачей, реветъ безсмысленное „ура“ въ отвѣтъ на звуки „боже царя храни“.

Неудивительно, если первой мыслью иностранцевъ было предположеніе, что, вслѣдъ за жалкой комедіей, разыгранной щедро оплаченными манифестантами-сыщиками, имъ преподносится сказка о многотысячныхъ патріотическихъ демонстраціяхъ. Неужто же было повѣрить, что дикая оргія вѣрноподданническаго холопства разыгралась даже и въ Ростовскихъ ж.-дор. мастерскихъ — въ мастерскихъ, откуда еще вчера выходили дружной толпой воодушевленные рабочіе на массовые политическіе митинги? Этому не вѣрилось. Легче было предположить, что ложь оффиціальныхъ телеграммъ раскроется въ завтрашнихъ частныхъ корреспонденціяхъ. Но дни идутъ за днями, а слухи не опровергаются, они даже подтверждаются. При самомъ оптимистическомъ толкованіи фактовъ, мы должны признать, что не только безличная и запуганная масса нашего купечества земно челомъ бьетъ и раскошеливается „на святое дѣло войны“, что толпу „патріотовъ“ составляютъ не только босяки и мальчуганы, французскіе собратья которыхъ первыми падали на баррикадахъ Великой революціи. Одни только эти факты насъ ни мало бы не озадачили: очевидно, въ рѣшительный моментъ борьбы съ самодержавіемъ эти элементы или останутся инертны — или подадутся въ сторону демократіи. Но мы узнаемъ и другое: „просвѣщенные друзья“ царизма, отъ аграрія — графа, жертвующаго милліонъ на грабительскую войну, до „священныхъ лигъ“ реакціоннаго студенчества, словомъ, „отцы и дѣти“, и дѣятели изъ разряда кишиневскихъ, вчера работавшіе подъ сурдинку, — всѣ сегодня слились въ открытомъ циничномъ культѣ варварскаго самодержавія. Что же, это побѣда царизма? Значитъ разсчеты его на войну оправдались? Нѣтъ, это побѣда нашей революціонной арміи — арміи Россійскаго пролетаріата!

Такова ужъ наша судьба, что не суждено намъ убить нашего классового врага спящимъ. Наша борьба его разбудила. Ли только пролетаріатъ сталъ на путь революціонной борьбы с отжившимъ политическимъ строемъ, онъ заставилъ очнуться отъ спячки широкіе круги демократической интеллигенціи и она пошла къ нему на встрѣчу. За ней и интеллигентскій либерализмъ изъ литературной идилліи сталъ превращаться въ опредѣленную политическую силу, которая отмежевалась отъ пролетаріата и поставила себѣ свои собственныя политическія цѣли. Такова была первая наша побѣда: дрогнуло сонное болото! Теперь оно всколыхнулось до дна — вотъ почему и разитъ такимъ политическимъ смрадомъ!...

Въ данный роковой для самодержавія моментъ, когда первые шаги по пути военной авантюры отозвались тяжкими пораженіями застигнутаго въ расплохъ и деморализованнаго войска, правительство пытается спекулировать на „патріотизмъ“ народа. Оно хочетъ обмануть внимательность европейской буржуазіи и получить заемъ подъ вѣрное обезпеченіе своей прочной власти надъ Россіей. И вотъ жандармско-полицейская свора скликаетъ всѣхъ „вѣрноподданныхъ“. Не много ихъ, правда, осталось, но они изъ силъ выбиваются поддержать престижъ своего „державнаго вождя“. Еще недавно, когда мы боролись, устраивали стачки и демонстраціи — эти патріоты скромно стушевывались. Теперь они подняли свои знамена: вотъ ихъ патріотическая демонстрація, вотъ ихъ каррикатурная „контръ-революція“, которая еще сегодня шумитъ на всю Европу и которая завтра исчезнетъ подъ нашимъ рѣшительнымъ натискомъ, подъ кличъ: „долой царя, да здравствуетъ Учредительное собраніе“.

Отрѣзавшее себя отъ всѣхъ сознательныхъ элементовъ народа, самодержавіе спѣшитъ создать свой собственный „патріотическій“ народъ и, тѣмъ самымъ, даетъ, съ своей стороны, первый толчокъ *политическому пробужденію* этихъ отсталыхъ массъ. За этимъ первымъ толчкомъ — когда пройдетъ, подъ вліяніемъ краха царской политики, чадъ патріотическаго воодушевленія — послѣдуетъ другой, болѣе могучій, который неминуемо броситъ эти массы въ объятія революціи.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ СТУДЕНЧЕСТВО.

II.

Въ „Докладѣ“ о второмъ общестуденческомъ съѣздѣ „Группы студентовъ соц.-революціонеровъ“, напечатанномъ въ № 37 Рев. Рос., говорится, что распространеніе среди студенчества взглядовъ соц.-революціонеровъ идетъ такъ интенсивно, что теперь уже нельзя опредѣлить, имъ или соц.-демократамъ принадлежитъ „идейное преобладаніе“, несмотря на то, что группы соц.-рев. образовались позднѣе. Мы далеко не увѣрены въ полномъ безпристрастіи „Доклада“, но, что соц. революціонеры имѣютъ нѣкоторый успѣхъ среди студенчества — это видно и изъ другихъ данныхъ. Чѣмъ объясняется это явленіе? У него можетъ быть, конечно, много временныхъ, побочныхъ, второстепенныхъ причинъ. Но все же, то обстоятельство, что эти взгляды распространяются именно теперь, когда соц.-революціонеры все рѣшительнѣе возвращаются отъ соціализма къ народничеству, убѣждаетъ насъ, что извѣстное настроеніе, вызывающее желаніе быть соціалистомъ, распространено среди студенчества гораздо шире стремленія выяснять себѣ трудные и сложные вопросы соціализма. Почему соціальдемократы связываютъ соціализмъ именно съ пролетаріатомъ и призываютъ всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ стать на точку зрѣнія пролетаріата? Почему, стремясь къ низверженію самодержавія, они характеризуютъ тотъ политическій строй, который замѣнитъ его, такимъ непріятнымъ эпитетомъ, какъ „буржуазный“? Почему, считая экономическія измѣненія основными, обусловливающими собою и измѣненіе взглядовъ и политическія перемѣны въ жизни обществъ, соціальдемократы признаютъ, тѣмъ не менѣе, своей главнѣйшей задачей вліяніе на умы рабочихъ, пробужденіе ихъ классоваго самосознанія, а ближайшей цѣлью проснувшагося пролетаріата считаютъ завоеваніе политической свободы? Съ жаромъ и напряженнымъ вниманіемъ выяснялись эти и многіе другіе вопросы въ то время, когда соціальдемократамъ приходилось пробиваться сквозь сплошной строй устоявшихся народническихъ воззрѣній, долго выполнявшихъ у насъ подъ цензурнымъ туманомъ должность чего-то въ родѣ соціализма и повліявшихъ на самый способъ мышленія цѣлыхъ поколѣній русской интеллигенціи. Въ этихъ спорахъ народничество было разбито. Его старые адепты остались, конечно, при своихъ взглядахъ, но ихъ воззрѣнія потеряли силу надъ свѣжими умами, а, главное, исчезли старые пріемы мысли, пріучавшіе умъ довольствоваться въ самыхъ жгучихъ соціальныхъ вопросахъ туманными и неопредѣленными положеніями.

Но вотъ соц.-революціонеры начинаютъ за послѣдній годъ быстро отступать въ эту область тумана и увлекаютъ за собою часть студенчества.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого возстановленія народничества является критика нашей программы въ 32-33 номерахъ „Рев. Рос.“ Она цѣликомъ переноситъ насъ въ тѣ блаженныя времена, когда гг. В. В. и Михайловскій обвиняли соц.-дем. въ прислужничествѣ буржуазіи, а г. Кривенко серьезнѣйшимъ образомъ увѣрялъ, что всякій послѣдовательный соц.-дем. долженъ открыть кабакъ или, по меньшей мѣрѣ, лавочку. Юнымъ студентамъ, незнакомымъ со спорами того времени, но тяготѣющимъ къ соц.-рев., мы совѣтовали бы хорошенько подумать надъ слѣдующимъ мѣстомъ этой статьи: „Исторія знаетъ, конечно, не мало примѣровъ, когда кровь трудящихся массъ проливалась затѣмъ, чтобы доставить побѣду однимъ эксплуататорамъ надъ другими. Бывали случаи, что интеллигенція, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей *въ угоду буржуазіи* (курсивъ нашъ), вела народъ на баррикады. Но массы шли, и герои ихъ вели, не зная объ обманѣ, который таился для нихъ въ ближайшемъ будущемъ. Мы этотъ обманъ уже хорошо знаемъ. И въ наши дни, конечно, только герои догмы съ легкимъ сердцемъ могутъ посылать трудящійся людъ въ бой за „ускореніе буржуазнаго прогресса“.

Итакъ, разъ „обманъ открылся“, то звать на борьбу противъ самодержавія, зная, что на его мѣстѣ водворится тотъ буржуазный политическій строй, какой въ болѣе или менѣе законченной формѣ господствуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, могутъ только „герои догмы“ соціальдемократы, но ужъ никакъ не соц.-революціонеры?

Нѣтъ, конечно. Мы отлично знаемъ, что такъ далеко назадъ къ анархическому народничеству „Земли и Воли“ или реакціонному народничеству г. В. В. соц.-революціонеры не идутъ. Вина соціальдемократовъ не въ томъ, что они призываютъ къ низверженію самодержавія, а въ томъ, что это низверженіе „мыслится ими не какъ возможность реализировать нѣкоторую часть своихъ основныхъ (т. е. соціалистическихъ) требованій и нанести въ то же время ударъ буржуазіи, а лишь какъ актъ, долженствующій расчистить дорогу наступающему капитализму. Говоря коротко, революція, включаемая „Искрой“ въ число ближайшихъ задачъ партіи, должно быть осуществлена не во имя соціализма противъ всѣхъ старыхъ и новыхъ враговъ его, а во имя буржуазнаго общества противъ стѣсняющихъ его остатковъ феодализма“.

На той же (6) страницѣ г. Новобранцевъ сознается, что хотя авторы разбираемой имъ программы „съ особою силой напираютъ“ на свое требованіе политической свободы, необходимой пролетаріату въ борьбѣ съ буржуазіей и „закругляютъ“ имъ, по выраженію г. Новобранцева, выше приведенныя рѣчи, но что онъ „намѣренно прерывалъ цитаты въ мѣстахъ только что упомянутаго имъ закругленія, чтобы поговорить о немъ не мимоходомъ“.

Слѣдовательно, вина соціальдемократовъ въ томъ, что они не внушаютъ пролетаріату, будто, свергая самодержавіе, онъ можетъ немедленно получить „нѣкоторую часть“ соціалистическаго строя и нанести ударъ господству буржуазіи, что они не обѣщаютъ ему ничего, кромѣ политической свободы, которую при этомъ ему самому придется постоянно отстаивать отъ посягательства буржуазныхъ партій и въ этомъ отстаиваніи, въ непрерывной классовой борьбѣ рости, развиваться и набираться силы для своей великой, конечной цѣли — соціалистической революціи.

А что же именно обѣщаютъ пролетаріату соц.-рев.? Во первыхъ, объединивъ его мысленно въ одно слитое цѣлое съ крѣпкимъ землѣ хозяйственнымъ крестьянствомъ и назвавъ это мысленное цѣлое рабочимъ классомъ, они обѣщаютъ ему, въ лицѣ его непролетарской части, землю, а затѣмъ... затѣмъ слѣдуютъ рѣчи объ „ударахъ господству буржуазіи“, „брешахъ въ цитадели царства эксплуатаціи“ и прочія столь же опредѣленныя вещи. „Всѣ наши усилія, говоритъ г. Новобранцевъ на слѣдующей страницѣ, должны быть направлены къ тому, чтобы въ рѣшительный моментъ (паденія самодержавія) буржуазія не торжествовала, а трепетала“. Послѣдняя задача дѣйствительно достижима. Заставить „трепетать“, если не буржуазію, то многихъ и многихъ буржуа очень легко. Только кому и зачѣмъ это нужно? Всѣ *наши* усилія должны быть направлены къ тому, чтобы тотъ буржуазный строй, который замѣнитъ самодержавіе былъ возможно болѣе демократиченъ и возможно полнѣе гарантировалъ свободу, чтобы борющійся за это пролетаріатъ вынесъ изъ революціонной эпохи, когда и люди и классы и учрежденія въ нѣсколько мѣсяцевъ переживаютъ десятилѣтія, какъ можно больше для своего развитія, чтобы онъ вышелъ изъ нея сплоченнымъ въ сильную классовую соціальдемократическую партію, способную отстоять свои революціонныя пріобрѣтенія во всѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ и колебаніяхъ. Таковы должны быть *наши* главнѣйшія задачи въ революціонную эпоху. Когда та или другая часть буржуазіи будетъ противиться ихъ выполненію, заставить „затрепетать“ ее войдетъ, конечно, въ эти задачи. Но трепетъ для трепета пролетаріату не нуженъ. А чтобы вся буржуазія, вся разнородная масса русскихъ гражданъ, не принадлежащихъ къ пролетаріату, трепетала при мысли о возстаніи „черни“, этого страстно хотѣлось бы Московскимъ Вѣдомостямъ, объ этомъ хлопочетъ иной разъ полиція, подбивавшая кіевскихъ рабочихъ во время всеобщей стачки идти громить Крещатикъ. Успѣхомъ всѣ эти хлопоты, конечно, не увѣнчаются.

На самомъ дѣлѣ, соц.-рев. чрезвычайно облегчаютъ себѣ задачу составленія туманныхъ фразъ съ революціонной внѣшностью, посредствомъ особаго употребленія слова „буржуазія“.

Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое передавало бы смыслъ нѣмецкаго слова бюргерство, или французскаго буржуазія. Когда въ нѣмецкой соціальдемократической литературѣ говорятъ о бюргерскихъ партіяхъ, бюргерской прессѣ (bürgerliche Parteien,... Presse), то подразумѣваютъ всѣ непролетарскія партіи, всю несоціальдемократическую прессу. Ближайшее опредѣленіе буржуазіи, бюргерства — это все населеніе за исключеніемъ пролетаріата, съ одной стороны, и привиллегированныхъ сословій — гдѣ они имѣются — съ другой.

Буржуазный политическій строй это — (предполагая всеобщую подачу голосовъ) политическое полноправіе и равноправіе всего „народа“, всѣхъ гражданъ данной страны, въ томъ числѣ и пролетаріата, съ тою только разницей, что ему-то — лишенному собственности въ мірѣ собственниковъ — невозможно фактически пользоваться своими политическими правами иначе, какъ сплотившись въ прочно организованную, самостоятельную политическую партію.

При отсутствіи у насъ въ Россіи легальной политической жизни, открытыхъ гласныхъ политическихъ партій, наша легальная пресса не особенно нуждается въ томъ широкомъ европейскомъ понятіи „буржуазія“, которое мы только что отмѣтили. А при надобности она составляетъ его себѣ изъ нѣсколькихъ элементовъ: „народъ“, затѣмъ „общество“ и, наконецъ, его наилучшая часть „интеллигенція“. Французскому же слову „буржуазія“, во всей нашей окрашенной народничествомъ прессѣ, дано было особое употребленіе. Изъ хорошаго, „симпатичнаго“ цѣлаго: народъ, общество, интеллигенція, была выдѣлена его непріятная часть: капиталисты, ростовщики, частные землевладѣльцы недворянскаго происхожденія и проч. и имъ только спеціально и исключительно было присвоено званіе буржуазіи, поскольку, конечно, ихъ представители не являлись людьми просвѣщенными, заботящимися о чемъ нибудь хорошемъ, вродѣ народнаго образованія. Въ этомъ случаѣ ихъ переводили въ „общество“, такъ какъ „буржуазіи“ никакихъ интересовъ, кромѣ барышей, не полагается.

Когда народники употребляли слово буржуазія въ своемъ спеціальномъ смыслѣ, разговаривая промежъ себя о легальныхъ русскихъ дѣлахъ, большой путаницы еще не выходило. Но намъ въ нашихъ нелегальныхъ разговорахъ понятіе *буржуазія* въ его европейскомъ смыслѣ совершенно необходимо. И когда соц.-рев., говоря объ исторіи Европы, употребляютъ слово буржуазія въ народническомъ смыслѣ изъ этого выходитъ величайшая нелѣпость, а когда, полемизируя съ нами, они этотъ смыслъ намъ подсовываютъ, то кромѣ нелѣпости получается еще и передержка. Напримѣръ „Искра“ называла „Освобожденіе“, органомъ либеральной буржуазіи. „Нечего сказать, нашли буржуазію“, восклицаетъ г. Новобранцевъ и поучаетъ насъ, что русская буржуазія въ противоположность инымъ прочимъ, не думаетъ о своей миссіи освобождать. Что наши либералы соединяются вовсе не во имя классовыхъ интересовъ (барышей что ли?), а „во имя лежащихъ на интеллигенціи обязанностей придти на помощь угнетенному народу...“ „и если „Освобожденіе“ объединило и объединяетъ кого, то дѣйствительно только „отцовъ“ изъ той самой интеллигенціи, „дѣти“ которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы несомнѣнно отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій. Но это не принципіальная противоположность... Результаты движенія будутъ, конечно, умѣреннѣе, чѣмъ желали бы мы, и именно потому, что отцы вѣроятнѣе всего, явятся бухгалтерами революціи...“ „Буржуазные же классы, какъ классы, въ движеніи не причемъ, поучаетъ онъ въ заключеніе. Политическое освобожденіе Россіи — дѣло русской интеллигенціи и русскаго рабочаго народа, и пора понять, что никто другой въ немъ не приметъ активнаго участія. А если это такъ, то имъ же должны принадлежать и соціальные результаты грядущаго переворота“.

Разумѣется, „Освобожденіе“ группируетъ людей образованныхъ и ужъ нисколько не „во имя“ карманныхъ интересовъ тѣхъ — кого „Рев. Рос“ угодно называть спеціально и исключительно буржуазіей, а во имя именно освобожденія, хотя бы только отъ излишествъ тѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ самодержавіе всему „угнетенному народу“. Но гдѣ же и когда въ предреволюціонное время самые умѣренные изъ буржуазныхъ органовъ, ратовавшихъ за освобожденіе, требовали его во имя барышей богатой части буржуазіи? И группировали такіе органы вездѣ и всегда людей интересующихся политической жизнью всей страны, а не однимъ только благополучіемъ своего личнаго кармана. Точно также и представители крайнихъ демократическихъ теченій среди европейской буржуазіи, какъ нельзя лучше подходили подъ русское понятіе „революціонной интеллигенціи“. Переберите вождей великой французской революціи и вы увидите, что большинство изъ нихъ окажется по народнической терминологіи интеллигентами, причемъ изъ этихъ интеллигентовъ очень многіе (послѣдователи Руссо) носились съ планами такихъ „ударовъ“ богачамъ, которые оказались бы полезны дѣлавшимъ революцію санкюлотамъ.

Во всѣхъ революціяхъ первой половины XIX вѣка выдающаяся роль среди революціонныхъ элементовъ принадлежала учащейся молодежи и та ея часть, которая входила въ тайныя общества, браталась съ рабочими, конспирировала и агитировала, дѣлала все это ужъ, конечно, не „въ угоду“ тому элементу, которому соц.-рев. исключительно присваиваютъ имя буржуазіи. Въ 40 г. г. среди нихъ были сильно распространены различные виды первоначальнаго соціализма и много, много неопредѣленныхъ соціальныхъ благъ, много ударовъ богатой буржуазіи ожи-

---

Почему царское правительство затѣяло войну?

(Письмо къ товарищамъ.)

Нельзя, мнѣ кажется, найти такой вопросъ международной политики, который представлялъ бы менѣе трудностей для своего пониманія, чѣмъ теперешнее столкновеніе между Россіей и Японіей. Наше правительство всячески старается запутать этотъ вопросъ, но ни одного рабочаго его хитросплетенія не должны обмануть. Наши комитеты и пропагандисты должны всѣмъ раскрывать глаза на истинное положеніе дѣлъ, — для этого имъ нужно только дать каждому простое и ясное изложеніе вопроса.

Царское правительство въ рядѣ оффиціальныхъ сообщеній и дипломатическихъ нотъ жалуется на „нетерпѣливость“ Японіи и хочетъ взвалить на послѣднюю всю отвѣтственность за войну, чтобы обмануть русскій народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечить себѣ симпатіи общественнаго мнѣнія Европы. Такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли одна Японія повинна въ томъ, что на Дальнемъ Востокѣ теперь, быть можетъ, втеченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ будетъ рѣками литься человѣческая кровь?

Какова, въ самомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, непосредственная причина войны? Какъ извѣстно, Японія сдѣлала за послѣдніе 40 лѣтъ огромные успѣхи въ промышленномъ отношеніи; ея народонаселенію, превышающему въ настоящее время 50 милліоновъ душъ, слишкомъ тѣсно становится на небольшой территоріи. Ей нужны, слѣдовательно, рынки для сбыта ея товаровъ; ей нужно и расширеніе территоріи, чтобы она могла переселять туда излишекъ своего населенія. Съ другой стороны, все усиливающаяся конкурренція капиталистическихъ странъ въ борьбѣ за международный рынокъ толкнула капиталистовъ къ экономическому завоеванію „желтаго міра“. Правительства, которыя являются простыми слугами капиталистовъ, поддерживали ихъ домогательства своими войсками, содержимыми на пролетарскія деньги и состоящими изъ пролетаріевъ. Японія должна была, поэтому, поторопиться пріобрѣсти хоть какую-нибудь территорію въ своемъ сосѣдствѣ и укрѣпить свои позиціи для отпора „носителямъ европейской цивилизаціи“. Такой территоріей являлась, по своему географическому положенію, сосѣдняя съ Японіей Корея. Но такъ какъ осуществленію этого плана мѣшалъ Китай, то Японія десять лѣтъ тому назадъ объявила послѣднему войну. Въ короткое время Японія одержала рядъ крупныхъ побѣдъ, и Китай сдался. Но когда она готовилась уже воспользоваться плодами своей побѣды, русское правительство, къ которому присоединились съ одной стороны — всегда слѣпо идущая за нимъ Франція, съ другой — Германія, заставило Японію подписать извѣстный симоносекскій договоръ, который сохранилъ положеніе, существовавшее до войны. Японія ровно ничего не получила. Но такъ какъ ей территорія и рынокъ были все же необходимы, то симоносекскій договоръ вопроса, въ сущности, не рѣшалъ, а только еще болѣе запутывалъ его, создавъ на Дальнемъ Востокѣ постоянный очагъ всевозможныхъ международныхъ усложненій.

Почему же царское правительство заставило Японію принять симоносекскій договоръ? А потому, что оно само имѣло виды на Корею, на Маньчжурію, на Желтое море, на Китай, на всю Азію. Зачѣмъ ему все это? Если Японія можетъ сказать, что пріобрѣтеніе рынка и территоріи есть для нея вопросъ жизни или смерти, если она могла къ этому прибавить, что ей необходимо укрѣпить свои позиціи для отпора алчнымъ аппетитамъ капиталистическихъ правительствъ и компаній, то царское правительство никакихъ такихъ резоновъ привести не могло. Промышленность Россіи вовсе не настолько развита, чтобы пріобрѣтеніе новыхъ внѣшнихъ рынковъ являлось для нея необходимостью. Одного внутренняго рынка хватитъ еще на долго. Территорія ея настолько велика, что намъ еще очень долго не будетъ тѣсно въ Россіи. Съ другой стороны, всякій здравомыслящій человѣкъ, даже оставаясь на чисто-буржуазной точкѣ зрѣнія, можетъ понять, что чѣмъ Россіи тратить милліарды на завоеваніе совсѣмъ ей ненужной Азіи, лучше бы ей употребить ихъ на введеніе всеобщаго народнаго образованія, на улучшеніе положенія вымирающихъ отъ постоянныхъ голодовокъ крестьянъ, на устройство новыхъ университетовъ и мало ли еще, сколько хорошихъ дѣлъ, которыя куда вѣрнѣе содѣйствовали бы развитію нашей промышленности и улучшенію положенія нашего народа. Царское правительство, конечно, и само прекрасно понимаетъ, что новыя территоріи ему совсѣмъ не нужны, что у насъ нѣтъ товаровъ, которые мы могли бы туда вывозить, нѣтъ излишка населенія, чтобы ихъ заселить. Нѣтъ, завоевательная политика служитъ для него средствомъ только для того, чтобы пускать пыль въ глаза, чтобы прикрывать свое насквозь прогнившее тѣло, всѣ тѣ бѣдствія, которыя, по его милости, угнетаютъ русскій народъ. И царское правительство заявляло еще, что оно потому стремится пріобрѣсти Желтое море и нѣкоторые порты, что у него нѣтъ не замерзающихъ зимою гаваней. Мы увидимъ ниже, что оно сдѣлало съ ними, когда оно ихъ пріобрѣло.

Какъ бы то ни было, если Японія ровно ничего не получила послѣ своей побѣдоносной войны съ Китаемъ, то разныя европейскія державы и Америка фактически присвоили себѣ по куску Китая. Россія, „спасшая Китай отъ расчлененія“, получила незамерзающую гавань Портъ-Артуръ и право провести желѣзную дорогу черезъ Маньчжурію (въ которой, повторяемъ, у нея не было никакой надобности). Но это былъ только первый шагъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ происходитъ въ Китаѣ извѣстное возстаніе боксеровъ, и Россія, подъ тѣмъ предлогомъ, что возстаніе имѣетъ мѣсто на границахъ ея владѣній, занимаетъ „временно“ всю Маньчжурію. При этомъ она „торжественно“ обѣщала въ цѣломъ рядѣ дипломатическихъ заявленій, что она очиститъ эту провинцію, какъ только она будетъ „замирена“. Но слово русскаго царя, извѣстно, чего стоитъ. „Замиреніе“ давно произошло, а Россія Маньчжурію и не думаетъ оставлять.

Взгляните, товарищи, на карту Азіи — вы увидите, что Маньчжурія прилегаетъ къ Кореѣ. Прибавьте къ этому, что Россія даже не скрывала, что она имѣетъ виды на Корею, что она не переставала интриговать какъ въ этой послѣдней, такъ и въ Китаѣ. Что было дѣлать Японіи? Замѣтьте, мы вовсе не защищаемъ Японію. Во главѣ ея, какъ и во главѣ Россіи стоитъ буржуазное правительство, защищающее одни только интересы капиталистовъ. Оба правительства другъ друга стоятъ, и нашимъ японскимъ товарищамъ приходится вести такую же борьбу, какъ и нашей партіи въ Россіи, хотя при нѣсколько лучшихъ условіяхъ, потому что въ Японіи существуетъ конституціонный режимъ, между тѣмъ какъ насъ гнететъ еще самодержавіе. Но, излагая причины столкновенія, мы должны стать на точку зрѣнія этихъ правительствъ. Итакъ, повторяемъ, что было дѣлать Японіи? Молча ждать, пока Россія, постепенно укрѣпляя свои позиціи, захватитъ и Корею? Но Корея необходима Японіи, какъ мы выяснили выше.

И вотъ, Японія предлагаетъ Россіи завязать переговоры о разграниченіи „сферъ вліянія“ на Дальнемъ Востокѣ. Къ чему сводятся ея требованія? Для того, чтобы я постоянно не боялась нападенія съ вашей стороны, — говоритъ она, — вы должны подписать договоръ, которымъ вы обязуетесь признать, что Маньчжурія составляетъ владѣніе Китая. Замѣтьте, товарищи, Японія даже не требуетъ, чтобы Россія немедленно оставила Маньчжурію, хотя она имѣла на это полное право, потому что, согласно обѣщаніямъ Россіи, эта китайская провинція уже давно ею должна быть оставлена. Въ этомъ — и только въ этомъ — состоялъ весь непосредственный предметъ спора. Но именно на этотъ вопросъ Россія отвѣта не давала, въ то же время дѣлая самыя лихорадочныя приготовленія къ войнѣ. А это что означало? Только то, что Россія желаетъ войны, но медлитъ съ отвѣтомъ, чтобы имѣть время приготовиться къ ней.

дали они отъ развивавшагося движенія и своими ожиданіями заражали и тѣмъ самымъ „обманывали“ рабочихъ. И тотъ же безсознательный „обманъ“ стремятся теперь организовать по всей линіи соц.-рев.

Не всѣ соц.-рев. доходятъ до такой явной наивности въ сужденіяхъ о революціи, какъ г. Новобранцевъ. Мы взяли его статью потому главнымъ образомъ, что именно онъ, заведя рѣчь о „герояхъ“, которые вели толпу „въ угоду буржуазіи“ и объ „обманѣ“, который „мы уже хорошо знаемъ“, въ то же время, въ той же статьѣ призываетъ современныхъ героевъ и прежде всего студенчество къ производству того же, буквально того же самаго безсознательнаго „обмана“, который невольно совершали революціонные дѣти европейской буржуазіи. Мы уже сказали, что не всѣ соц.-рев. такъ откровенно наивны, но къ самообману, а слѣдовательно и „обману“ призываютъ теперь всѣ. Всѣ они топятъ понятіе *пролетарій* въ общемъ понятіи *трудящійся человѣкъ* и, тѣмъ самымъ, уничтожаютъ идею соціализма, уничтожаютъ (если бы пролетаріатъ ихъ послушался) самую возможность организованной и самостоятельной партіи пролетаріата, а, слѣдовательно, и вообще партіи трудящихся и угнетенныхъ, такъ какъ ихъ разношерстная масса можетъ группироваться лишь, вокругъ однороднаго, сплоченнаго ядра пролетаріата. Словомъ, уже этимъ однимъ отрицаніемъ самостоятельнаго значенія пролетаріата соц.-рев. зачеркиваютъ всѣ пріобрѣтенія второй половины XIX вѣка и возвращаютъ насъ къ понятіямъ господствовавшимъ среди дѣтей западной буржуазіи въ то время, когда она была революціонна. Всѣ соц.-рев. хвалятся затѣмъ неимѣніемъ „догмы“, вынуждающей соціальдемократовъ знать, что практически возможно и что невозможно „завтра или послѣ завтра“. Они чужды той „астрологіи, которая смѣло пускается въ историческія пророчества“ относительно предстоящей революціи, они не хотятъ довольствоваться той ничтожной программой минимумъ, которую выставили соціальдемократы, они потребуютъ гораздо большаго. Опредѣленное требованіе они выставляютъ, правда, только одно: *землю крестьянамъ*[1]. Утопленному пролетарію обѣщаются лишь „удары господству буржуазіи“, „глубокія преобразованія въ соціальномъ строѣ“, „брешь въ циталели царства эксплуатаціи“ и другія столь же ясныя фразы. (Сборникъ программныхъ статей Рев. Рос. стр. 69-70). Но тѣмъ хуже, тѣмъ труднѣе было бы рабочему, попавшему въ сѣти этихъ туманныхъ фразъ, изъ нихъ выпутаться. Пока что, однако, въ эти сѣти запутывается, повидимому, легче всего учащаяся молодежь. Предъ ней стараются соц.-рев. далеко, далеко перещеголять соціальдемократовъ въ революціонности; ей поютъ они свои лучшіе дифирамбы то прямо, то подъ именемъ революціонной интеллигенціи. Намъ хотѣлось бы, чтобы студенты, увлекающіеся этими взглядами, ясно представили себѣ, какую отвѣтственность за состояніе пролетаріата тотчасъ же послѣ революціи, о которой идетъ рѣчь, взяли бы они на себя, если бы въ качествѣ соц.-рев. съумѣли внушить ему свои взгляды.

Большая разница, въ самомъ дѣлѣ, выйти изъ побѣдоносной битвы съ убѣжденіемъ, что завоевана лишь возможность свободно объединяться, учиться, организовать и ростить свою силу, что пріобрѣтена лишь легальная почва для борьбы за улучшенія условій найма, лишь свободная арена для проявленія энергіи пролетаріата, его стремленія къ свѣту, къ знанію. Въ этомъ случаѣ сознательнымъ рабочимъ пришлось бы на просторѣ и въ широкихъ размѣрахъ продолжать то же самое уже привычное и дорогое дѣло, которымъ съ величайшими трудностями и жертвовами они уже и раньше занимались. Они знали бы, что всѣ дальнѣйшія пріобрѣтенія, весь путь къ тому счастью, которое можетъ дать только соціалистическій строй зависитъ отъ ихъ собственной активности и энергіи, что входящіе въ партію пролетаріата образованные люди могутъ помогать ему своими знаніями, но сами по себѣ ничего — кромѣ этихъ знаній — дать не могутъ.

Другое дѣло выйти изъ боя съ мыслью, что какія-то большія экономическія блага уже завоеваны, что возможность реализовать какую-то часть соціализма уже пріобрѣтена одержанной побѣдой. Понимали бы рабочіе во всемъ этомъ, конечно, такъ же мало, какъ и сами с. р., и вынуждены были бы возложить всѣ надежды по части „реализаціи“ завоеванныхъ благъ на великую „внѣклассовую“ силу интеллигенціи. Чутко настороживщись, они ждали бы отъ нея чудесъ, готовые поддерживать ее своей боевой силой и „заставить трепетать буржуазію“.

Но предъ яркимъ свѣтомъ широкой гласности и ясности положенія не сможетъ устоять никакая привычка къ туманнымъ фразамъ. Студенты отрезвились бы, и поняли, наконецъ, границы возможнаго. Вѣдь и самъ г. Новобранцевъ, гремя противъ „догматиковъ“, не соглашающихся „мыслить“ немыслимое, тутъ же мимоходомъ свидѣтельствуетъ о своей полной готовности стать очень трезвымъ, когда дѣло дойдетъ до подсчета „результатовъ“. Онъ заранѣе знаетъ, что эти результаты будутъ довольно „умѣренны“, такъ какъ бухгалтерами революціи явятся умѣренные „отцы“.

Да, волей неволей, революціонные дѣти отрезвлились бы, какъ отрезвлялись и ихъ западные предшественники, но въ какомъ положеніи очутились бы пролетаріи, возложившіе на нихъ всѣ надежды? Студенчество Западной Европы сыграло большую и красивую роль въ революціонныхъ драмахъ первой половины XIX вѣка. Но драмы доигрывались, и исторія принималась тотчасъ же писать эпилогъ, въ которомъ значилось: „буржуазія обманула рабочихъ“. Но вѣдь рабочіе вѣрили не фабрикантамъ или ростовщикамъ, не тѣмъ, кому по народнической терминологіи присвоено имя буржуазіи. Тѣхъ они ненавидѣли, а любили съ ними братавшихся и вмѣстѣ съ ними дравшихся на баррикадахъ студентовъ, вѣрили лишь той буржуазіи, которая у насъ называется революціонной интеллигенціей. Только она и могла „обмануть“ рабочихъ, заражая ихъ своимъ искреннимъ самообманомъ. Нашему студенчеству исторія впервые даетъ возможность сыграть ту же блестящую роль въ революціонной драмѣ, избѣгнувъ эпилога. Научный соціализмъ, гарантируя рабочихъ отъ роли обманутыхъ, гарантируетъ въ то же время студентамъ возможность быть революціонерами, не обманывая ни себя, ни другихъ, прямо смотря въ лицо дѣйствительности и называя вещи ихъ именами. Но эта возможность налагаетъ на нихъ обязанность не относиться слишкомъ легко къ идеѣ соціализма, не называть себя соціалистами, не познакомившись сперва съ научнымъ соціализмомъ, не попытавшись понять его и провѣрить собственнымъ умомъ, дѣйствительно ли только злая воля мѣшаетъ намъ говорить объ одновременномъ сверженіи самодержавія и господства буржуазіи, или для мыслящихъ людей это дѣйствительно немыслимо.

---

[1] Требованіе нашей программы относительно возвращенія сельскимъ обществамъ отрѣзанныхъ земель, служащихъ для закабаленія цѣлыхъ селеній, г. Новобранцевъ называетъ „подаркомъ буржуазіи“. Положимъ, что именно эти земли, необходимыя всѣмъ домохозяевамъ, будутъ лучше защищены отъ перехода въ исключительное владѣніе сельскихъ богачей („буржуазіи“), чѣмъ всякія другія. Но мы знаемъ, конечно, что, во-первыхъ, отрѣзки принесутъ пользу только крестьянамъ, ведущимъ самостоятельное хозяйство, и что, во-вторыхъ, эта польза будетъ прямо пропорціональна степени зажиточности каждаго хозяина. Но если „отрѣзки“ будутъ подаркомъ буржуазіи, то и переходъ всѣхъ земель въ руки крестьянъ былъ бы точно такимъ же „подаркомъ“ той же буржуазіи, только по размѣрамъ превосходящимъ отрѣзки ровно настолько, насколько всѣ земли, принадлежащія помѣщикамъ, больше той части, которую они отрѣзали у крестьянъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Война налагаетъ на нашу партію большія обязанности. Неустанная, принципіальная и политически выдержанная агитація во время войны должна завоевать нашей партіи и дѣлу пролетаріата такую благопріятную позицію, съ высоты которой мы сможемъ разгромить нашего непріятеля. Надо только не терять даромъ времени.

Мутныя волны воинствующаго патріотизма вздымаются въ настоящее время довольно высоко. Можетъ показаться, что „патріотизмъ“ поднялся до такого „градуса“, до какого не подымался во время прежнихъ войнъ. Но такъ кажется только при поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Тѣхъ уличныхъ манифестацій, которыя имѣли мѣсто въ многихъ городахъ, не бывало во время прежнихъ войнъ. Но это потому, что такъ называемые „низшіе классы“ населенія въ прежнее время вовсе не *жили политической жизнью*, не имѣли политическихъ интересовъ и, въ силу этого, даже временный острый подъемъ національнаго чувства не могъ находить себѣ коллективнаго выраженія въ открытой манифестаціи. Народныя массы не претендовали на большее, чѣмъ на роль статистовъ, на роль той „толпы“, которая на театральныхъ подмосткахъ „исполняетъ должность“ народа.

Въ наши дни народная масса, даже въ лицѣ самыхъ отсталыхъ своихъ мелкобуржуазныхъ и босяцкихъ элементовъ, стремится къ политической активности, и слуги царизма уловили этотъ моментъ, постаравшись пріобщить толпу къ манифестаціямъ оффиціальной Россіи. Не придавая войнѣ „національнаго“ характера, самодержавію не легко было бы поддерживать свой престижъ въ глазахъ того буржуазнаго западно-европейскаго общества, безъ поддержки котораго — моральной и матеріальной — его дѣло въ начавшейся войнѣ проиграно безповоротно. Само того не замѣчая, самодержавіе утилизируетъ для этой цѣли тѣ политическія *потребности*, которыя пробудились во всемъ народѣ, благодаря *нашей* революціонной работѣ и одной ей. Посмотрите на формы этихъ патріотическихъ манифестацій: онѣ скопированы съ тѣхъ, которыя нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ громомъ, оглушили русскаго обывателя, открывъ передъ нимъ незнакомыя ему перспективы участія въ національной жизни въ роли *гражданина*.

Такимъ образомъ, *особо-активная форма* проявленія въ началѣ нынѣшней войны обычнаго въ такіе моменты шовинизма отсталыхъ массъ не можетъ служить показателемъ сравнительнаго напряженія этого чувства въ данный моментъ. Скорѣе правъ патріотъ кн. Ухтомскій, когда называетъ нынѣшнюю войну „самой непопулярной“ изъ всѣхъ когда либо веденныхъ Россіей.

И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ пестрой толпѣ, шествующей по городскимъ улицамъ подъ „національнымъ“ знаменемъ, немало такихъ элементовъ, которые въ безсмысленныхъ патріотическихъ выкрикахъ выливаютъ простое желаніе „пошумѣть“, простое, смутное и безсознательное чувство недовольства настоящимъ.

Это не значитъ, чтобы нынѣшнее напряженіе націоналистическихъ чувствъ, хотя оно и слабѣе прежняго, представляло собой въ дѣлѣ нашей агитаціи факторъ, съ которымъ можно было бы не считаться. О, нѣтъ! И болѣе сильныя, чѣмъ наша, соціалистическія партіи, оказывались въ крайне затруднительномъ положеніи *на первыхъ порахъ* своей „войны противъ войны“, войны противъ воинствующаго шовинизма. Положеніе германскихъ соціальдемократовъ во время франко-русской войны 1870-71 гг. было крайне тягостно, и нѣмецкимъ товарищамъ порой самымъ ощутительнымъ образомъ приходилось испытывать на себѣ, что значитъ мобилизованная реакціонными демагогами политическая безсознательность народа.

Придется испытать это, безъ сомнѣнія, и нашимъ товарищамъ. Первые шаги антимилитарской агитаціи будутъ очень нелегки. Ослѣпленная шовинизмомъ масса не захочетъ слушать нашихъ доводовъ. Мы должны заставить ее выслушать насъ, и мы заставимъ ее, если сумѣемъ энергично, на всѣ лады и по каждому поводу разъяснять, какъ ее дурачатъ.

А поводовъ такихъ будетъ безчисленное множество. Пропаганда объ „отчисленіи“ процента заработной платы на военныя цѣли; оваціи тому или другому полководцу Редедѣ; молебны по случаю „одолѣнія супостата“; вѣсти о хищеніяхъ и обирательствахъ нашихъ „героевъ“; фальсификаторскія „правительственныя сообщенія“; „неисправности“, разоблачаемыя даже легальной прессой, открывающіяся уже теперь, въ самомъ началѣ, и въ береговой оборонѣ, и въ флотѣ, и въ провіантской, и въ санитарной части; финансовыя операціи съ выпускомъ кредитокъ, попытками займовъ, новыми налогами и т. п.; спекуляціи эксплуататоровъ на народномъ бѣдствіи и пр.-и пр. и пр., — все это даетъ богатѣйшій матеріалъ для агитаціи, всѣмъ этимъ надо воспользоваться, какъ опорными пунктами для систематической кампаніи противъ войны.

Надо ознакомить пробудившіяся къ политическимъ интересамъ массы съ исторіей настоящей войны, надо выяснить имъ авантюристскій и антинаціональный характеръ царской политики, надо открыть имъ глаза на несостоятельность существующаго режима даже въ дѣлѣ государственной обороны. Исподволь, изо дня въ день, тысячами листковъ, прокламацій, бюллетеней, надо вести кампанію противъ фальсификаціи правительственныхъ сообщеній и легальной прессы. На рабочихъ тайныхъ собраніяхъ и въ пропагандистскихъ кружкахъ должно систематически пріучать сознательную часть пролетаріата къ воздѣйствію на менѣе сознательные слои населенія, къ критикѣ милитаризма и агитаціи противъ данной войны и ея виновниковъ.

За послѣднее время снова начинаютъ возникать (въ Нижнемъ-Новгородѣ, Тулѣ, въ районахъ Донецкаго и Кавказскаго союзовъ и Сѣвернаго Ком.) соц.-дем. „мѣстные органы“ того типа, который представляется мнѣ самымъ практичнымъ при нынѣшнихъ условіяхъ — типа подвижныхъ, сравнительно часто и сравнительно легко выпускаемыхъ, агитаціонныхъ бюллетеней, содержащихъ свѣжія извѣстія о болѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни и мѣстной пролетарской борьбы. Этотъ типъ изданія можетъ быть съ успѣхомъ примѣненъ въ „военное время“ для систематическаго воздѣйствія на населеніе въ нашихъ цѣляхъ, и комитетамъ слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы съ самаго начала войны въ такого рода бюллетеняхъ велась агитація.

Первый порывъ квасного патріотизма, весьма возможно, еще не достигшій своего апогея, начнетъ проходить по мѣрѣ того, какъ станетъ давать себя чувствовать оборотная сторона блестящей медали: по мѣрѣ того, какъ станутъ ощущаться всѣ тяготы, налагаемыя на народъ войной; станутъ проходить въ широкія массы свѣдѣнія о пораженіяхъ русскаго воинства и скандалахъ и преступленіяхъ оффиціальной, ведущей войну Россіи. Намъ необходимо къ этому моменту подготовить свои кадры, чтобы, опираясь на нихъ, мы могли въ благопріятное время развернуть всю ту энергію дѣйствія, которая намъ понадобится, чтобы овладѣть положеніемъ и громко и открыто голосомъ самого пролетаріата заявить о требованіяхъ и нуждахъ Россіи народной, освобождающейся отъ опеки и обмана Россіи оффиціальной.

Намъ предстоятъ громадныя, трудныя, но вполнѣ выполнимыя задачи. За работу же! и пусть рѣшительная минута встрѣтитъ каждаго изъ насъ готовымъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Л. М.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Намъ пишутъ: „Въ описаніи патріотическихъ манифестацій, въ смыслѣ ихъ грандіозности, нѣтъ никакихъ преувеличеній. Если бы не былъ свидѣтелемъ, то ни за что не повѣрилъ бы. Вожаками явились сотни-двѣ студентовъ университета, членовъ „высочайше утвержденной студенческой корпораціи „Денница“, которые перенесли свои досуги изъ отдѣльныхъ кабинетовъ Доминика на служеніе престолъ-отечеству и устроеніе молебновъ въ Казанскомъ Соборѣ о дарованіи побѣдъ и т. д. и т. д. Числа 28 января человѣкъ 40 изъ „Денницы“ ходили по длинному корридору университета съ портретомъ Ники-Милуши и съ пѣніемъ гимна. Студенты, не имѣющіе чести, или, точнѣе, имѣющіе честь *не* принадлежать къ этой корпораціи, смотрѣли холодно и молча на „патріотическія“ манифестаціи. Гг. „патріоты“ созвали свою сходку въ актовомъ залѣ и прокламировали тамъ свой адресъ „обожаемому вождю арміи и флота“. Послѣ этого, снабженные заранѣе приготовленными флагами, двинулись къ Зимнему дворцу. Въ толпѣ было много зѣвакъ, интересовавшихся этой „демонстраціей“, передъ которой жандармы и городовые отдавали честь. Впрочемъ, всѣ эти событія хорошо описаны въ № 10.025 „Нов. Времени“; правильно описанъ тамъ же и отирающій слезы радости жандармъ. Только гнусная ложь, что *весь* университетъ принималъ участіе: вся „Денница“ — это правда. Адресъ, написанный отъ имени *всего* петербургскаго студенчества, лежалъ въ комнатѣ правленія, и на немъ красовалось до 200 подписей. Для собиранія послѣднихъ въ ходъ были пущены слѣд. средства: изъ „Коллегіи“ (университетское общежитіе на 120 чел., при основаніи котораго въ 1882 г. были большіе безпорядки) вызывали поодиночкѣ живущихъ тамъ студентовъ и „предлагали“ имъ подписать адресъ. Отказавшихся выселяютъ, по слухамъ, изъ общежитія. Манифестировавшая толпа производила насиліе надъ тѣми, кто не снималъ шапки при пѣніи „боже, царя храни“; кое-кому пришлось спасаться бѣгствомъ отъ побоевъ. Изъ нѣсколькихъ источниковъ сообщаютъ, что радикалы, какъ будто, немного растерялись и подавлены этими взрывами шовинизма. По крайней мѣрѣ, въ университетѣ студенческія нелегальныя организаціи дезорганизованы. На возникновеніе стунденческихъ безпорядковъ теряютъ всякую надежду. Даже контръ-манифестація въ стѣнахъ университета противъ патріотическихъ завываній осуждена, какъ будто, на неудачу. Однако, люди опытные не смущаются манифестаціями, находя полезнымъ, что народъ пріучается выносить свои чувства на улицу, къ дворцу и т. д... Чувства мѣняются, а обстоятельства, вызвавшія наростаніе революціоннаго настроенія до японской войны, не только не исчезнутъ съ войной, но и возрастутъ послѣ пораженія самодержавія. Такъ что форма демонстраціи у Зимняго и прочихъ дворцовъ и участковъ останется, но содержаніе будетъ иное. Тяжело, однако, быть свидѣтелемъ взрыва шовинизма. Во время послѣдней манифестаціи, когда господа изъ „Денницы“ снова (въ третій или четвертый разъ) явились поглядѣть на „обожаемаго монарха“, къ нимъ вышелъ изъ Зимняго дворца генералъ-адъютантъ Клейгельсъ и дружески уговаривалъ студентовъ разойтись: „А то ваши *враги* придутъ сюда и устроятъ скандалъ и вамъ и намъ!“... Старая полицейская собака понимаетъ обоюдоострый смыслъ

Что же, Японія должна была ждать, пока Россія наводнитъ Дальній Востокъ своими войсками, перевезетъ туда свой флотъ, запасется углемъ и пр. и пр.? Она еще нѣсколько разъ обратилась къ царскому правительству и, видя, что отвѣта ей не добиться, начала войну.

Итакъ, товарищи, на кого падаетъ отвѣтственность за войну? На Японію ли, которая вынуждена была защищать свое существованіе отъ надвигавшагося съ сѣвера врага, или на царское правительство, преслѣдующее завоевательную политику въ краѣ, который Россіи совершенно не нуженъ? Самодержавію стоило только подписать договоръ, которымъ бы оно признало, что Маньчжурія принадлежитъ Китаю — не было бы войны, не было бы тысячъ, а можетъ быть и десятковъ тысячъ человѣческихъ жертвъ, не были бы выброшены на войну сотни милліоновъ рублей, на которые можно было бы такъ много полезнаго сдѣлать внутри страны. Но царское правительство хотѣло войны!..

Оно хотѣло войны, хотя заранѣе знаетъ, что должно будетъ принять то самое требованіе, которое предъявила ей Японія, и изъ-за котораго война вспыхнула. Какъ мы уже видѣли выше, на Дальнемъ Востокѣ „заинтересованы“ не только Японія и Россія, но и рядъ западно-европейскихъ державъ и Сѣв. Америка, которыя тоже хотятъ завоевать тамъ рынки для своихъ продуктовъ. Но укрѣпленіе Россіи въ Маньчжуріи расширяетъ „операціоный базисъ“ Россіи, усиливаетъ ея вліянія на Дальнемъ Востокѣ, можетъ грозить торговымъ интересамъ державъ — и онѣ не хотятъ этого допустить. И вотъ, какъ только война была объявлена, Сѣв. Американ. Соед. Штаты обратились ко всѣмъ правительствамъ, въ томъ числѣ къ русскому, съ предложеніемъ, чтобы было заявлено, что *ни во время, ни послѣ войны цѣлость Китайской имперіи не будетъ нарушена*, т. е. что *Маньчжурія во всякомъ случаѣ останется китайскимъ владѣніемъ*. Когда я пишу эти строки, большинство державъ уже отвѣтили согласіемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и Россія должна будетъ на это согласиться, чтобы не возстановить противъ себя другія правительства, которыя могли бы тогда оказать помощь Японіи. Другими словами, царское правительство вынуждено черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія войны подписать самое заявленіе, отказъ отъ подписанія котораго вызвалъ войну.

Товарищи! Неужели же наша несчастная родина такъ низко пала, чтобы терпѣть дальше такое преступное правительство? Неужели вы не подниметесь всѣ, чтобы изгнать его съ презрѣніемъ и негодованіемъ?...

Такое чувство презрѣнія и негодованія должно охватить теперь всѣхъ русскихъ гражданъ, даже простыхъ буржуазныхъ патріотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ жертвы, принесенныя на Дальнемъ Востокѣ, были сдѣланы, какъ заявляло наше правительство, для того, чтобы получить не замерзающіе порты. Наконецъ-то Россія пріобрѣла блестящій не замерзающій портъ, съ прекраснымъ рейдомъ, шириною въ 12 верстъ. Когда онъ былъ въ рукахъ „нецивилизованныхъ“ китайцевъ, онъ составлялъ предметъ зависти всѣхъ европейцевъ. Послѣ японско-китайской войны этотъ портъ переходитъ къ Россіи, — осуществлена многовѣковая мечта царскаго правительства! Знаете ли вы, русскіе патріоты, какъ оно распорядилось имъ? Оно приступило къ сооруженію „улучшеній“ и такъ долго „улучшало“ его, что *вся внутренняя гавань теперь замерзаетъ*, и русскій флотъ, поэтому, именно долженъ былъ стоять въ открытомъ морѣ подъ угрозой японскихъ торпедъ, что не могъ укрыться во внутренней гавани. Царское правительство умѣетъ только грабить и расхищать, — оно портитъ все, что попадетъ въ его руки!

Но если самодержавіе знаетъ заранѣе, что война ему не принесетъ даже Меньчжурію, то зачѣмъ оно пошло на войну? А затѣмъ, чтобы поддержать свой военный престижъ для своихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ стремленій, Россіи не только не нужныхъ, но прямо вредныхъ; затѣмъ, чтобы шумомъ военной славы заглушить стоны измученнаго народа; затѣмъ, чтобы пытаться поднять „патріотическое“ чувство народа и отвлечь его вниманіе отъ тѣхъ преступленій, которыя ежедневно, ежечасно совершаетъ самодержавіе во всѣхъ углахъ русской земли.

Но есть еще одна причина, которая заставила царское правительство пойти на войну: нѣкоторые члены царской фамиліи и „крупные сановники“, отъ которыхъ зависѣло рѣшеніе войны, пріобрѣли въ послѣдніе годы концессіи на рудники и огромныя пространства земли въ Кореѣ и Маньчжуріи, и они ждутъ только побѣды, чтобы потомъ выгодно продать ихъ англійскимъ и американскимъ капиталистамъ....

И для всего этого ведется война! Ничего она русскому народу не можетъ дать, кромѣ горя десяткамъ тысячъ семействъ и грабежа народныхъ денегъ.

Товарищи! Распространяйте правду о войнѣ, распространяйте ее всѣми средствами — путемъ бесѣдъ, прокламацій, собраній, демонстрацій. Нѣтъ лучшаго средства будить въ рабочихъ и во всѣхъ слояхъ русскаго населенія политическое сознаніе, какъ раскрывать имъ глаза на то, какъ и почему царское правительство затѣяло войну съ Японіей!

К. Д.

манифестацій лучше „вѣрноподданныхъ“ молодыхъ щенковъ Курсистки высшихъ женскихъ курсовъ пошли по стопамъ университета. Группа ихъ обратилась къ директору курсовъ Раеву съ просьбой совмѣстно отслужить молебенъ „о дарованіи побѣды одолѣнія“. Затѣмъ выпустили *нелегальный* листокъ, въ которомъ порицали „грязное содержаніе“ прокламаціи Петербургскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, разъяснявшей смыслъ войны.

Одесса, 1 февраля. „Вчера и сегодня были здѣсь патріотическія манифестаціи. Вчера манифестацію устроили студенты главнымъ образомъ члены Священной Лиги. Человѣкъ 100 студентовъ подошло къ Университету съ національными флагами въ рукахъ и пѣніемъ „Боже, царя храни“. Собралось нѣсколько тысячъ народа. На балконѣ появилось нѣсколько лигистовъ съ портретомъ государя. Всѣ сняли шапки и снова запѣли гимнъ. Не сняла шапокъ лишь группа студентовъ человѣкъ въ 15, стоявшая вдали. Съ балкона студентами были произнесены соотвѣтствующія рѣчи. Толпа была настроена очень бурно. Тутъ же собирались пожертвованія. Въ заключеніе произошло нѣчто возмутительное, едва не закончившееся очень печально. Одинъ изъ лигистовъ сказалъ съ балкона, указывая на ту кучку студентовъ, которые не снимали шапокъ: „А вотъ группа русскихъ студентовъ, которые не любятъ ни царя ни, отечества“, или что-то въ этомъ родѣ. Толпа бросилась на нихъ, но они успѣли скрыться. Эта разъяренная масса могла бы разорвать ихъ.

Сегодня манифестацію втеченіе всего дня устраивала ремесленная управа. Ходили съ оркестромъ, съ флагами, носили портретъ государя, пѣли гимнъ, качали офицеровъ, кричали „ура“ т. п. Въ этой манифестаціи студентовъ было мало.

Москва. Разнузданіе „патріотизма“ и его внезапное прекращеніе. Оживленіе и лихорадочное состояніе въ публикѣ проявилось еще наканунѣ объявленія манифеста, какъ только стало извѣстно, что „японцы дерзко напали“ и проч. Вездѣ и всюду только и слышно было объ этомъ. Манифестъ былъ объявленъ послѣ молебствія въ Успенскомъ соборѣ. На площади въ Кремлѣ была многочисленная толпа, выражавшая громогласнымъ „ура“ и пѣніемъ гимна свои патріотическія чувства. Съ этого дня начинается эра патріотическихъ манифестацій и посылка „адресовъ“, причемъ въ Губ. Зем. Собраніи произошелъ слѣд. эпизодъ. Открывъ собраніе, Трубецкой предложилъ повергнуть и пр. „адресъ“; имъ же предложенъ текстъ. Публика встаетъ, выслушиваетъ и покрываетъ „ура“; студенты и нѣкоторая часть публики продолжаетъ сидѣть безмолвно. Тогда профессоръ Зографъ подскакиваетъ къ одному изъ студентовъ, схватываетъ его за шиворотъ и начинаетъ его трясти и кричать. Поднимается шиканье, свистъ... Студенты негодуютъ по поводу такого дерзкаго поведенія профессора и требуютъ, чтобы онъ извинился. Тутъ какой то сотрудникъ Моск. Вѣд. кричитъ: „всѣ студенты мерзавцы и подлецы!“ Собраніе моментально закрывается. Говорятъ, что профессоръ оправдываетъ свой поступокъ внезапно нахлынувшимъ на него потокомъ патріотическихъ чувствъ, настолько сильнымъ, что онъ не могъ сдержаться при видѣ „нахальства“ студентовъ... Конечно, его рѣшили освистать на лекціи, но онъ заболѣлъ, какъ водится... Патріотическія манифестаціи происходили ежедневно по вечерамъ, больше, такъ съ 10-11 час.: появлялись небольшія группы людей неопредѣленнаго званія съ флагами, на которыхъ обязательно былъ „портретъ“, кричали „ура“ и „шапки долой“. Кто не снималъ, съ того сбивали. Къ этому ядру постепенно присоединялись люди всякаго званія изъ прохожихъ, и кончалось это тѣмъ, что передъ домомъ генералъ-губернатора собиралась уже тысячная толпа и выражала свои восторги. День ото день манифестанты все больше и больше воодушевлялись (больше всего, конечно, монополькой!) и вели себя все непринужденнѣе, такъ что начали стаскивать проѣзжихъ съ извозчиковъ, бить не снимающихъ шапку и даже снимать шляпки съ женщинъ. Такъ продолжалось дня четыре-пять; дебоширствовали они до двухъ-трехъ часовъ ночи, и полиція поощряла и не вмѣшивалась. Два дня тому назадъ, 1 февраля, все это привело къ слѣдующей развязкѣ: день праздничный, воскресенье. Народу пьянаго масса. Часовъ съ десяти вечера появилось десятка полтора кучекъ по 8-10 человѣкъ съ флагами. Онѣ кричали пьяными голосами „ура“ и „шапки долой“, ходили по Тверской улицѣ и собрали за собой огромную толпу народа. Вся эта толпа пришла къ дому ген. губернатора и начала славить царя. Но такъ какъ наканунѣ была тоже порядочная толпа, и ген. губернаторъ выходилъ уже на балконъ и сказалъ: „я передамъ ваши слова государю“, и тутъ же раздались свистки и шиканье, заглушившіе крики „ура“ и пѣніе „гимна“, то, очевидно, еще большая толпа не внушала больше довѣрія къ себѣ, а потому моментально появился отрядъ городовыхъ, человѣкъ въ 50, и окружилъ „знаменоносцевъ“, начавъ ихъ гнать съ этой площади. Толпа двинулась вверхъ по Тверской на Страстную площадь, куда прибыли и конные жандармы человѣкъ 50, наскочили на передовыхъ, т. е. несшихъ флаги, и начали отбирать. Тѣ вполнѣ резонно возмутились подобнымъ поведеніемъ, ибо, гдѣ же это видано, чтобы народу мѣшали царя прославлять, и начали тузить полицію палками отъ флаговъ, стаскивать жандармовъ съ лошадей. Жандармы ускакали, а полиція пустила въ ходъ шашки. Побоище было изрядное. Передаютъ, что восемь городовыхъ сильно избиты, одинъ околоточный будто бы убитъ, и обывателямъ перепало не мало колотушекъ. На другой день никакихъ патріотическихъ чувствъ выражать уже не полагалось. Тверская была охраняема усиленнымъ составомъ городовыхъ и околодочныхъ, которые дерзко покрикивали: „не останавливаться, проходите, проходите и пр.“. Вчера въ газетахъ появился отеческій совѣтъ генералъ-губернатора населенію благочестивой Москвы — успокоиться и заняться повседневной работой. Не мало, вѣрно, стоила эта затѣя, ибо иниціаторамъ манифестацій платили отъ 50 коп. до одного рубля за вечеръ. Право, какъ не преклониться передъ всемогуществомъ нашего начальства. Захотѣло — и патріотическія чувства появились, захотѣло — и замолкли. Вспомнился даже разсказъ о всемогуществѣ Николая I, который, въ виду частаго появленія новыхъ иконъ по Невѣ, запретилъ имъ являться, и онѣ перестали.

Московскіе студенты адреса не согласились посылать, освистали предложеніе и прошлись изъ университета по улицѣ въ количествѣ 200 чел. съ пѣніемъ „дубинушки“ и „марсельезы“.

(Изъ другого письма): „Параллельно съ извѣстіями о безпрерывныхъ неудачахъ, идущимъ съ дальняго Востока съ театра военныхъ дѣйствій, въ Москвѣ наблюдается формированіе „патріотически“ настроенной уличной толпы, проходящей съ шумными криками и пѣснопѣніями. Вопреки оффиціознымъ увѣреніямъ газетъ о „тысячахъ“ народа, участвующаго въ этомъ, дѣло пока ограничивается совершенно ничтожною кучкою городской сволочи (200 300) и переодѣтыхъ полицейскихъ. Первоначально демонстраціи совершались лишь по вечерамъ, но сегодня, 31 января, были устроены днемъ. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ особенною очевидностью можно было наблюдать жалкій характеръ этой затѣи и брезгливое отношеніе къ ней со стороны всѣхъ слоевъ городского населенія. По всѣмъ признакамъ, дѣло это развивается и искусственно культивируется полиціей и администраціей. До чего оно можетъ дойти, трудно сказать. О послѣдующемъ увѣдомимъ.

Харьковъ. Въ новой политической тюрьмѣ на Холодной горѣ снова имѣла мѣсто голодовка. Начата она была заключеннымъ Драхановымъ, сидящимъ уже болѣе семи мѣсяцевъ и, несмотря на всѣ свои просьбы, не получавшимъ свиданія со своей невѣстой, единственнымъ близкимъ ему человѣкомъ. Изнервничавшись въ томительномъ ожиданіи приговора, не имѣя никакихъ свиданій, Драхановъ, наконецъ, рѣшилъ объявить голодовку 18 января. Черезъ три дня узнали объ этомъ остальные заключенные и присоединились. Всего голодало 16 человѣкъ (Ломоносовъ, Самаровъ, Жукъ, докторъ Левинъ, Кузьменко, Яглинъ и др.) На *десятый день* голодовки требованіе Драханова было удовлетворено. Всѣ голодавшіе уже на седьмой день были отправлены въ земскую больницу. Большинство изъ нихъ голодало уже второй и третій разъ (съ августа это третья голодовка). Четыре человѣка на десятый день были при смерти, безъ пульса. Драхановъ голодалъ всѣ 10 дней, остальные всѣ по семи дней. Ослабѣли всѣ страшно. За послѣднее время выпущено и выслано нѣсколько человѣкъ, между ними В. Раппъ, его жена и жена прис. пов. Евг. Раппъ. Послѣдній все еще сидитъ. — Вызванное было въ обществѣ возмущеніе по поводу ужасной голодовки потонуло въ полицейско-самодержавномъ патріотизмѣ, искусственно поднятомъ членами Русскаго Собранія и ихъ единомышленниками-студентами при любезномъ содѣйствіи явной и тайной полиціи. Уже три дня по улицамъ ходятъ толпы мальчишекъ и оборванцевъ, предводительствуемые околоточными надзирателями или подозрительнаго вида здоровенными парнями, а то и самими студентами-волонтерами изъ Р. Собр., впереди волокутъ портретъ Николая; все это поетъ гимнъ, кричитъ: ура! Главное удовольствіе для нихъ — состоитъ въ томъ, что вызываютъ оркестры изъ театровъ на улицу и заставляютъ играть „боже, царя храни“. — Сознательное же населеніе съ нетерпѣніемъ ожидаетъ извѣстій о пораженіяхъ русскихъ. Японцамъ всѣ сочувствуютъ. Г. г. добровольцы изъ Р. С. переносятъ свою дѣятельность и въ стѣны средне-учебныхъ заведеній, причемъ стараются свалить вину войны на евреевъ. Такъ, во II гимназіи есть учитель Маляренко, никогда не пропускающій случая прочесть лекцію о вредѣ евреевъ. Недавно, онъ сдѣлалъ это въ пространной формѣ въ одномъ изъ старшихъ классовъ, а затѣмъ вызвалъ ученика-еврея и, спросивъ урокъ и получивъ прекрасный отвѣтъ, потребовалъ повторенія сказанной имъ филиппики противъ евреевъ. Тотъ отказался. Маляренко отомстилъ ему, поставивъ за урокъ не пять, а три! Тотъ же господинъ, узнавъ, что въ книгѣ требованій Харьковской Общественной Библіотеки подъ заявленіемъ о нежелательности „Знамени“ значатся подписи нѣсколькихъ гимназистовъ, пошелъ списать ихъ и донесъ директору. Всѣ были наказаны, а одинъ изъ нихъ, гимназистъ восьмаго класса (второгодникъ) Зейденбергъ, былъ исключенъ. Нужно прибавить, что Маляренко имѣлъ личные счеты съ Зейденбергомъ. Плоды дѣятельности учителя-мракобѣса дали себя знать три дня тому назадъ. Узнавъ объ объявленіи войны, гимназисты собрались въ корридорахъ и начали пѣть „боже царя храни“ и кричать „ура“, а затѣмъ во многихъ классахъ раздались крики „все жиды виноваты“, „бей жидовъ“ и ученикъ VI класса Васильевъ, выскочивъ въ корридоръ, ударилъ въ лицо проходившаго мимо ученика V класса еврея Слуцкаго. Старшіе классы возмутились. Наиболѣе передовые послали делегацію къ директору съ требованіемъ объ исключеніи Васильева. Но къ нему же явилась другая группа съ заявленіемъ о своей несолидарности съ первыми! — Г. Плеве можетъ потирать руки; его политика человѣконенавистничества приноситъ плоды! Стыдъ и позоръ обществу, не принимающему мѣръ противъ г. г. Маляренко и tuti quanti!

Кіевъ. 2 февраля. Въ институтѣ происходятъ очень бурныя событія. 30 января нѣсколько студентовъ „патріотовъ“ просили, заручившись разрѣшеніемъ полиціймейстера, отслужить въ актовомъ залѣ института молебствіе о побѣдахъ русскаго войска, что и было исполнено. Въ городѣ въ это время и наканунѣ происходили патріотическія манифестаціи. 30 января въ 1-2 ч дня, когда шелъ молебенъ, къ институту явилась съ національными флагами толпа студентовъ университета, политехникума, духовной академіи (большинство), семинаристовъ, гимназистовъ и пр., въ сопровожденіи оркестра военной музыки, полиціи и толпы штатскихъ и бродягъ.

Въ институтъ впустили только полицію, студентовъ, (большинство коихъ были пьяны) и оркестръ; запѣли „Боже царя храни“, заиграли гимнъ.

Группа студентовъ-революціонеровъ усмотрѣла въ этомъ оскверненіе института и встрѣтила гимнъ кошачьимъ концертомъ и свистомъ. Произошла дикая драка на лѣстницѣ, площадкахъ и вестибюлѣ института; дрались палками, молотками, обломками національныхъ флаговъ, сбрасывали съ лѣстницы. „Результаты“ точно неизвѣстны. Говорятъ, что семь человѣкъ ранены тяжело, лежатъ въ лазаретѣ, нѣкоторые даже смертельно (проломъ головы, вышибъ глаза), и нѣсколько десятковъ легко. Хотя въ институтѣ имѣется свой лазаретъ, докторъ и фельдшеръ, тѣмъ не менѣе, пришлось вызывать карету скорой медицинской помощи. Видѣлъ я часть этой драки съ противоположнаго конца корридора, гдѣ стояла группа нейтральныхъ студентовъ. Какъ кажется, ни полиція, ни солдаты военнаго оркестра не пожелали, или не имѣли приказа разнять озвѣрѣвшихъ студентовъ. Завтра ожидается подобная же драка и закрытіе института на продолжительное время. Не знаю, можетъ быть рѣшатся на водвореніе въ институтѣ военной силы или полиціи. Сегодня на дверяхъ института имѣется только одно объявленіе, гласящее, что студентовъ просятъ выходить изъ института исключительно черезъ парадный ходъ, — боковые ходы будутъ закрыты.

Патріотическія манифестаціи были и въ университетѣ, но такими явленіями не сопровождались. Прокламаціи этого года касались закрытія профессіональнаго техническаго и пироговскаго съѣздовъ, тверского земства, назначенія Клейгельса, политическихъ заключенныхъ, японской войны.

Вильно. Здѣсь полиція старается вызвать въ обывателѣ такой патріотизмъ, что хоть зажимай носъ, да бѣги: даютъ даровые патріотическіе спектакли (взятіе Измаила), обязываютъ учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній съ педагогами и всѣхъ чиновниковъ въ парадѣ являться туда, тамъ же сосредоточиваютъ донцовъ и солдатъ и вся эта орава подъ руководствомъ полиціи оретъ „ура“ и требуетъ „народнаго гимна“. Полиціей же были устроены въ воскресенье и понедѣльникъ (1 и 2 го) національныя манифестаціи: послѣ театра, часа въ четыре, „публика“ высыпала на улицу, полиція собрала ее вмѣстѣ, роздала флаги, а отрядъ шпіоновъ повелъ ее къ дому генералъ губернатора и губернатора. Околодочные дирижировали и подавали знаки, когда кричать „ура“, мальчуганы и ученики подхватывали, а дворники и шпики злобно поглядывали на мирныхъ пѣшеходовъ, которые не присоединялись къ манифестаціи. Два чиновника генералъ губернатора забѣгали-впередъ толпы, становились на крыльцахъ домовъ, гдѣ рѣшено было останавливаться, выносили портреты царя и показывали ихъ „народу“, который неистово оралъ и потрясалъ кулаками. Здѣшнее русское населеніе, по преимуществу чиновническое-обрусительное, до того распалилось, что нельзя говорить съ ними: сейчасъ закричатъ „измѣна“; но такой патріотизмъ наблюдается только въ этой средѣ; въ остальныхъ слояхъ населенія его нѣтъ, а, наоборотъ, чувствуется, что скоро придетъ часъ расплаты.

Ростовъ на Дону. Война началась, и льется уже кровь русскихъ рабочихъ и кретьянъ... Кто знаетъ, сколько человѣческихъ жертвъ принесетъ эта война, сколько новыхъ бѣдствій ожидаетъ Россію. Самодержавіе, неувѣренное въ своихъ силахъ, изо всѣхъ силъ стараясь вызвать „патріотическія“ чувства, нагло увѣряетъ всѣхъ въ своемъ миролюбіи, выставляетъ себя „вовлеченнымъ въ войну“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта война ускоритъ паденіе самодержавія, даже если и кончится побѣдой правительства. Правительство, поэтому, старается теперь устраивать манифестаціи не столько „въ честь“ войны, сколько въ честь Николая II. И дѣйствительно, читая легальныя газеты, можно вынести впечатлѣніе, что буквально вся Россія шлетъ „возлюбленному“ монарху выраженіе своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ. Къ счастью, все это происходитъ только на бумагѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что война приковала къ себѣ все вниманіе русскаго народа: на улицахъ, въ вагонахъ только и разговору, что о войнѣ,; теллеграммы изъ С.П.-Б. берутъ прямо на расхватъ, читаютъ вслухъ на улицѣ... Конечно, это все вполнѣ естественно, но какъ, дѣйствительно, встрѣтилъ русскій народъ объявленіе о войнѣ?

У насъ въ Ростовѣ, какъ и повсюду, происходятъ на улицахъ молебны о дарованіи побѣды „храброму воинству“: послѣ молебна пом. атамана Абрамовъ говорилъ рѣчь. Присутствовало народу около десяти тысячъ, изъ которыхъ половина приходилась на солдатъ, полицію и пр. Конечно, при такомъ составѣ „народа“ восхваляли царя батюшку и кричали громовое „ура“..., Но не больше. Въ толпѣ совершенно отсутствовалъ какой либо энтузіазмъ, „патріотическій“ подъемъ. Да и „ура“ кричать лишь солдаты, полиція, „архангелы“ да мальчишки. Тоже замѣчается и при манифестаціяхъ въ театрахъ: организованы эти манифестаціи полиціей довольно недурно; обыкновенно по требованію шпиковъ и переодѣтыхъ полицейскихъ при любезномъ содѣйствіи вѣрноподданныхъ раздаются крики: „народный гимнъ“. Моментально играетъ оркестръ, и полиція слѣдитъ, чтобы вся публика стояла. Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующій фактъ, показывающій, какъ правительство заставляетъ выражать „вѣрноподданническія“ чувства... Въ мастерскихъ Владикавказской ж. д. начальство устраиваетъ молебенъ, на который сгоняютъ (въ буквальномъ смыслѣ) всѣхъ рабочихъ и послѣ молебна отъ имени рабочихъ посылаютъ телеграмму Николаю (по этому поводу Д. Ком. выпущена прокламація).

Приходится, однако, констатировать крайне печальный фактъ, что наша Партія далеко не подготовлена къ столь серьезному моменту, который переживаетъ Россія. Колосальное значеніе въ настоящее время имѣла бы общепартійная прокламація о войнѣ, но, къ сожалѣнію, Ц. К. почему-то еще не откликнулся на настоящую злобу дня.

Полученныя сегодня телеграммы о побѣдѣ японцевъ и гибели броненосца съ 100 матросами произвели страшно угнетающее впечатлѣніе. Сообщаютъ о сильной паникѣ на биржѣ.

2 февраля.

Таганрогъ. Послѣ бывшей здѣсь довольно удачной демонстраціи, сочувственные разговоры о которой не прекращаются по сіе время, а также ареста типографіи, — мѣстныя власти приняли „энергичныя“ мѣры къ „охраненію государственнаго порядка“: по улицамъ шмыгаютъ шпики, увеличенъ штатъ „наружной“ полиціи, по малѣйшему подозрѣнію, у мирныхъ обывателей производятъ обыски... Къ числу же „энергичныхъ“ мѣръ слѣдуетъ отнести и воспрещеніе обывателямъ... *гулять* послѣ восьми часовъ вечера!.. Кажется, подобнаго усердія не проявилъ еще ни одинъ изъ россійскихъ помпадуровъ... Но — какъ гласитъ русская пословица — палка о двухъ концахъ: когда въ одинъ изъ воскресныхъ дней полиція начала разгонять гулявшихъ по Петровской улицѣ, публика стала сопротивляться и изъ толпы раздались крики: „долой полицію“, „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ свобода“!... (какіе то обыватели кричали: „*соціалія*, соединяйтесь!“), поддержанные всей гулявшей публикой. Полицейскія власти были крайне смущены результатомъ своихъ энергичныхъ дѣйствій и поспѣшили ретироваться...

Отголоски техническаго и пироговскаго съѣздовъ. Сообщаемъ еще нѣкоторыя подробности объ этихъ съѣздахъ, явившихся такой внушительной политической демонстраціей интеллигенціи. Конечно, среди нѣсколькихъ тысячъ участниковъ съѣздовъ оказались и поборники мракобѣсія, подчасъ даже изъ вчерашнихъ ярыхъ либераловъ. Вотъ отрывки письма изъ Петербурга о Пироговскомъ съѣздѣ: „нашелся среди членовъ съѣзда субъектъ, который собиралъ подписи для протеста „противъ всего, что происходитъ на съѣздѣ“; но онъ собралъ только шесть подписей и скрылся съ позоромъ. Многіе солидные мужи, какъ нынче водится, обвиняли во всей „революціи“ на съѣздѣ „жидовъ“... Уже въ самомъ началѣ, когда обнаружилось „революціонное“ настроеніе съѣзда, организаціонное бюро задумалось, какъ быть. Предсѣдатель его Лукьяновъ (тов. мин. нар. прос.) предложилъ испытать свои силы. Въ случаѣ же, если резолюціи пройдутъ, уйти съ засѣданія: тогда не можетъ состояться общее собраніе. Но это значило бы закрыть съѣздъ. Надъ этимъ призадумались и, видя, что настроеніе ростетъ, рѣшили, чтобы общее собраніе состоялось, но чтобы на немъ были прочитаны научныя рѣчи и объявлено о мѣстѣ будущаго съѣзда и составъ организаціоннаго бюро. Когда же дойдетъ до чтенія резолюцій, закрыть засѣданіе. Но и это было не такъ заманчиво. Надо было подождать распорядительнаго собранія: авось! На этомъ распорядительномъ собраніи было настоящее сраженіе правой и лѣвой. Каждую резолюцію правая хотѣла отвоевать у лѣвой, но ничего не выходило. Надо было либо признать себя обскурантомъ, либо подчиниться. Позорную роль сыгралъ М. И. Петрункевичъ. Онъ оказался предателемъ. Когда его избрали въ товарищи почетнаго предсѣдателя, онъ въ своей отвѣтной рѣчи указалъ, что онъ апплодисментами обязанъ идеямъ тверского земства, гдѣ онъ служилъ. И на него, конечно, смотрѣли, какъ на одного изъ выразителей этихъ идей. На распорядительномъ собраніи онъ стоялъ всецѣло на сторонѣ реакціи. Когда шла рѣчь о принятіи резолюціи объ уничтоженіи сословности крестьянъ, онъ заявилъ: какъ же принять такую резолюцію, когда только что вышелъ высочайшій указъ, коимъ признается сословность. Этого одного достаточно для характеристики Петрункевича. Другіе лидеры правой были и смѣшны и жалки. Когда упоминались „соціальныя реформы“ ужасъ охватывалъ многихъ профессоровъ и они единодушно спрашивали: что это такое? Профессоръ кіевскаго комитета Морозовъ, вообще, не понималъ, къ чему общественные вопросы, когда рѣчь идетъ о медицинѣ. Туберкулезъ и соціальныя реформы — непостижимо! Когда рѣчь зашла о мелкой земской единицѣ, предсѣдатель Разумовскій (проф. Казан. ун.) и проф. Сиротининъ и Нижегородцевъ никакъ не могли понять, какую связь это имѣетъ съ земской медициной, и когда выясняли, предсѣдатель пожималъ плечами и говорилъ „три профессора этого не понимаютъ, и я не могу эту резолюцію баллотировать“. Ему заявляли, что для всѣхъ земскихъ врачей это азбука, и не бѣда если три профессора не постигли этой премудрости, тѣмъ болѣе, что это засѣданіе не профессоровъ, а членовъ съѣзда. Предсѣдатель не зналъ что дѣлать. Но Петрункевичъ, Дмитріевъ, Сиротининъ и др. подсказали, что § 14 устава даетъ возможность предсѣдателю не ставить резолюцію на баллотировку, буде онъ этого пожелаетъ. Это вызвало бурный протестъ собранія.

Когда рѣчь шла о принятіи резолюціи: „для борьбы съ алкоголизмомъ и туберкулезомъ нужны свобода слова, печати“ и проч., профес. Сиротининъ видѣлъ въ этомъ узаконеніе порнографіи. Когда же его убѣдили, что это не совсѣмъ такъ, онъ согласился, что нужна свобода печати, и проч., „но объ этомъ *опасно* говорить“.

Когда читали резолюцію объ участіи рабочихъ въ выработкѣ законопроекта о страхованіи рабочихъ, растерявшійся въ конецъ предсѣдатель заявилъ: „насколько ему извѣстно въ Россіи законы издаетъ одинъ государь императоръ, причемъ же тутъ рабочіе!“

Самой опасной оказалась резолюція объ уравненіи крестьянъ съ другими сословіями. Ее удалось отвоевать правой. Одна побѣда за все засѣданіе!

Много преній вызвали резолюціи, выражающія протестъ противъ черты осѣдлости и особенно слѣдующая резолюція: „секція врачебнаго быта признала недостойнымъ общественныхъ утвержденій и, въ особенности, товарищей принимать на службу врачей, считаясь съ ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ. Здѣсь и въ лѣвой чувствовалось неблагополучно. — Такимъ образомъ, на распорядительномъ собраніи прошли всѣ почти резолюціи и на завтра онѣ должны были быть объявлены во всеуслышаніе.

Какъ извѣстно, объявлены онѣ все же не были, но объ этомъ уже сообщалось въ прошломъ номерѣ. Стоитъ еще отмѣтить роль профессора Лихачева, который усердно собиралъ прокламаціи и представлялъ ихъ, куда слѣдуетъ.

Эпилогъ съѣздовъ былъ обычный при нашихъ порядкахъ: по дѣлу техническаго съѣзда были арестованы и немедленно высланы въ Якутскую область на пять лѣтъ Фальборкъ и Чарнолусскій; арестованы еще Воробьевъ, Переверзевъ (высл. на три года въ Арханг. губ.) и Кремлевъ (послѣдніе двое изъ-за инцидента съ Степановымъ). Изъ участниковъ Пироговскаго съѣзда арестованы Радіоновъ, Картапаловъ, Грапъ и другіе.

Въ Петербургѣ ходитъ слухъ, что среди казаковъ Донской и Кубанской областей сильныя волненія въ связи съ отправкой казаковъ на войну.

Изъ тайнъ департамента полиціи.

М. В. Д. Секретно.
Департаментъ полиціи. Циркулярно
По особому отдѣлу. Гг. Начальникамъ жандармскихъ пограничныхъ пунктовъ.
21 дек. 1903 г.

Департаментъ полиціи, препровождая при семъ списокъ лицъ, выбывшихъ заграницу, имѣетъ честь просить Ваше Высокоблагородіе установить наблюденіе за возвращеніемъ означенныхъ лицъ въ предѣлы Имперіи и, въ случаѣ проѣзда черезъ ввѣренный Вашему наблюденію пограничный пунктъ, обратить вниманіе таможенныхъ чиновъ на тщательный осмотръ ихъ багажа и, въ случаѣ нахожденія при обыскѣ чего-нибудь предосудительнаго, арестовать и телеграфировать Департаменту для полученія дальнѣйшихъ указаній, въ противномъ же случаѣ предоставить имъ свободно слѣдовать, увѣдомивъ о направленіи избраннаго ими пути Департаментъ полиціи и Начальника подлежащаго жандармскаго управленія для установленія за дѣятельностью и сношеніями секретнаго наблюденія съ тѣмъ, чтобы о результатахъ онаго по истеченіи двухъ мѣсяцевъ обязательно было сообщено Департаменту.

Подписалъ: директоръ Лопухинъ. Скрѣпилъ: за завѣдующаго отдѣломъ Пешковъ.

Списокъ лицъ, за коими по возвращеніи въ предѣлы Россіи надлежитъ установить секретное наблюденіе:

Алейсъ, Екатерина Осиповна (домашняя учительница); Альтшулеръ, Владиміръ Алексѣевичъ (бывш. студ. Кіевскаго унив.), заграничный паспортъ выданъ Начальникомъ Кубанской области 29 окт. 1903 г. за № 387; Балліевъ, Валеріанъ Павловичъ (окон. курсъ Моск. сельскохоз. инст., сынъ канцелярскаго служителя). — канцеляріей Московскаго ген.-губернатора 20 окт. 1903 г. за № 7372; Богатина, Муша Цукова, мѣщанка Минск. губ., — Одесскимъ градоначальникомъ 3 ноября 1903 г. за № 9495; Борисовъ, Иванъ Петровичъ, дворянинъ (бывш. студ. Моск. унив.), — Саратовскимъ губернаторомъ 18 ноября 1903 г. за № 993; Версилова, Марія Андреевна, дочь ст. сов. (домашн. учительница), — канцеляріей Моск. ген.-губернатора 25 сент. 1901 г.; Вилейтисъ, Иванъ Викентьевичъ (адвокатъ). — Виленскимъ губернаторомъ 12 дек. 1903 г.; Гальдеръ, Анна; Горяевъ, Александръ Петровичъ, сынъ статскаго совѣтника, — Казанскимъ губернаторомъ 28 окт. 1903 г. за № 222; Замятина, Аграфена Григорьевна, — Казанскимъ губернаторомъ 7 ноября 1903 г. за № 981; Качаловскій, Александръ Лукьянов., Екатеринославскій мѣщ.; Кейлеръ, Абрамъ Матвѣевичъ; Ландесманъ, Абрамъ Умеровичъ, — Одесскимъ градоначальникомъ 18 ноября 1903 г. за № 10527; Меркуровъ, Петръ Лукинъ; Новомейская, Агнія Абрамовна, дочь купца, — канцелярія Иркутскаго ген.-губернатора 14 декабря 1903 г. за № 140; Пахаруковъ, Евгеній Дмитріевичъ (бывш. ст. Моск. унив.); Рашковичъ, Марія Павловна (женщина-врачъ), гор. Маянска, Херсонской губерніи, — Бессарабскимъ губернаторомъ 4 дек. 1903 г. за № 2604; Тихомировъ, Игорь Михайловичъ (бывш. студ. Моск. Техн. учил.), — Волынскимъ губернаторомъ 4 сент. 1903 г. за № 2604; Шустова, Лидія Романовна (бывш. сл. высш. женск. курс.); Ярускій, Мендель Давидовъ, мѣщанинъ.

Томскъ. 6-го декабря въ 7 час. вечера у насъ произошелъ небольшой провалъ. Участившіяся кражи побудили полицію устроить облаву, и вотъ совершенно случайно задержанъ былъ интеллигентъ Доброхотовъ въ то время, когда онъ несъ въ своей кошевкѣ небольшой ящикъ. По прибытіи въ участокъ, ящикъ былъ вскрытъ. Въ немъ оказалось около пуда шрифта и до 700 прокламацій „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Томска". Но Доброхотова уже не было, онъ успѣлъ скрыться на глазахъ полиціи и до сихъ поръ не разысканъ. Арестованъ и препровожденъ въ тюрьму бывшій съ Доброхотовымъ, служащій въ магазинѣ Макушина — Роговъ. Арестована наборщица — слушательница женскихъ акушерскихъ курсовъ Калмыкова, изъ квартиры которой вышелъ Доброхотовъ съ ящикомъ. Роговъ и Калмыкова наотрѣзъ отказались назвать Доброхотова, тѣмъ не менѣе личность его установлена по лошади. Арестованы были родители Калмыковой и жена Доброхотова, но вскорѣ выпущены.

28 декабря выпустили изъ тюрьмы 25 чел. арестованныхъ за театральную демонстрацію 27 октября. Продержали 2 мѣсяца, оставлены въ тюрьмѣ еще 22 человѣка.

Порядки въ нашей тюрьмѣ царятъ просто удивительные. Отбывающимъ уже наказаніе не даютъ пользоваться даже карандашами, не смотря на то, что во всѣхъ камерахъ имѣются бланки съ извлеченіемъ изъ тюремнаго устава, гдѣ, между прочимъ, сказано, что политическимъ могутъ выдаваться тетради съ занумерованными листами и карандашами. Кормятъ отвратительно. Приносимую для заключенныхъ пищу не принимаютъ, мотивируя тѣмъ, что при тюрьмѣ имѣется „своя лавка".

Приходящимъ на свиданіе приходится стоять „въ ожиданіи" по нѣскольку часовъ на улицѣ при изрядныхъ морозахъ. Свиданія даются черезъ двѣ рѣшетки и ограничиваются 5-7 минутами.

Тифлисъ. 5 января хоронили товарища рабочаго Топурія. На похоронахъ было до семисотъ рабочихъ. На кладбищѣ произнесена была рѣчь рѣзко политическаго характера. Полиція пыталась схватить оратора рабочаго, но ей не дали сдѣлать этого. Съ кладбища всѣ присутствовавшіе на похоронахъ дорогого товарища, беззавѣтнаго борца за рабочее дѣло, спустились къ Авчальской улицѣ и прошли по ней вплоть до вокзала съ дружнымъ пѣніемъ „Марсельезы" и „Дубинушки". Всѣ попытки полиціи остановить демонстрантовъ разбивались о стойкость и бодрость товарищей. У вокзала была сказана вторая рѣчь, по грузински, на тему „Долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ". Послѣ этой рѣчи демонстранты разошлись бодрые и увѣренные въ торжествѣ своихъ идеаловъ.

Дряхлѣющее самодержавіе побиваетъ само свой послѣдній козырь, которымъ оно такъ недавно въ саровской комедіи морочило народъ. На Крещеніе процессія изъ духовенства и лицъ „бѣлой кости", шедшая на Іордань, двигалась подъ защитою живого кольца дворниковъ. Опасались „бунта", какъ здѣсь называютъ демонстраціи. Замѣтимъ кстати, что мѣстнымъ комитетомъ вовсе не намѣчалась такая демонстрація. Но подозрительное правительство увидѣло демонстрантовъ въ народѣ, собравшемся примкнуть къ поповской комедіи и обошлось съ нимъ соотвѣтственнымъ образомъ. Казаки нещадно избивали обывателей нагайками, выколачивая послѣднюю вѣру въ божественную природу православнаго самодержавія, наглядно показывая, что правительство не пощадитъ ни мощей, ни боговъ и не прочь даже подкрасить святую воду человѣческой кровью: ему это необходимо для его сохраненія.

Передъ рождественскими праздниками тифлисскій обыватель былъ пораженъ внезапными раскопками передъ дворцомъ главноначальствующаго, кн. Голицына. Можно было подумать, что ищутъ мощи, ибо саровскихъ оказалось недостаточно для подавленія „крамолы". Обывателя не подпускали ко дворцу на пушечный выстрѣлъ, хотя мѣсто раскопокъ, Головинскій проспектъ, самое [illegible]кое въ городѣ. Издали только видны были горы земли, выброшенныя изъ нѣдръ ея саперами, работавшими день и ночь, въ теченіе двухъ недѣль. Изрыли улицу вдоль и поперекъ. Обывателя не подпускали и тѣмъ больше разжигали его любопытство. Вскорѣ онъ узналъ (свозили ко дворцу лѣсъ и кирпичи, и вывозили землю на артилерійскихъ фургонахъ), что нашъ сатрапъ день и ночь не спитъ, боясь краснаго призрака, и строитъ себѣ подземные хоромы, на случай, если лишатъ его надземнаго дворца. Не шутя, выстроены подземныя галлереи съ электрическимъ освѣщеніемъ вокругъ дворца.

Въ Шушѣ 17 декабря навсегда закрыта армянская духовная семинарія, „за вредное ея направленіе". Высланы за отказъ подписать опись церковныхъ имуществъ, отнимаемыхъ во исполненіе высочайшей воли у армянскаго общества, городской голова Ишхановъ и пять ктиторовъ.

Былъ пущенъ слухъ, что въ Карсѣ армянскіе націоналисты увезли изъ крѣпости 600.000 патроновъ (30 повозокъ). На провѣрку вышло, что администрація крѣпости уворовала эти патроны, показавъ ихъ похищенными армянами. Рука руку моетъ: слѣдственная коммиссія ищетъ мнимыхъ похитителей.

Покушеніе на карскаго полиціймейстера, кн. Херхеулидзе, о которомъ писало телеграфное агентство, вымышлено. Дѣло было такъ. Въ городѣ стояла мгла отъ сильнаго мороза. Въ проходившаго по улицѣ полиціймейстера игравшій мальчикъ нечаянно бросилъ ледяной снѣжкой. Херхеулидзе вообразилъ, что въ него стрѣляютъ, и самъ далъ выстрѣлъ изъ револьвера по силуэтамъ, вырисовывавшимся во мглѣ. Такъ были ранены городовой и какой-то старикъ. Но власти склонны думать, что на кн. Херхеулидзе было сдѣлано покушеніе.

Ростовъ на Дону. Послѣднее время нашъ Комитетъ употребилъ на укрѣпленіе, расширеніе и углубленіе организаціи. Было выпущено нѣсколько листковъ общаго и профессіональнаго характера и устроено нѣсколько массовыхъ собраній (15-40 чел.), на которыхъ говорили о съѣздѣ Партіи, о централизмѣ, соціалистахъ-революціонерахъ, о предстоящей войнѣ съ Японіей и о многомъ другомъ. Ввиду того, что вся эта работа остается скрытой (за исключеніемъ появляющихся листковъ) отъ „общества", жандармерія, повидимому, поставила себѣ задачей будировать и революціонизировать обывателей своими, воистину, нелѣпыми и дикими набѣгами на ростовцевъ. Въ послѣднія три недѣли было, по меньшей мѣрѣ, 50 обысковъ, большинство которыхъ приходится на самыхъ мирныхъ, ни о какой крамолѣ не помышлявшихъ обывателей. Нѣтъ, кажется, ни одного жителя, если только онъ не служитъ въ полиціи или явно не состоитъ на содержаніи у охраны, который не возбуждалъ бы подозрѣнія въ неблагонадежности. Жандармерія до того растерялась, что самыхъ видныхъ представителей буржуазіи заподозрила въ стремленіи подорвать основы и не „въ отдаленномъ будущемъ", а теперь, въ данный моментъ. Обыски дали много „матеріала" для жандармскихъ изслѣдованій. Черезъ нѣсколько дней послѣ обысковъ къ начальнику „охранки" таскали десятками родственниковъ и прислугъ арестованныхъ и пытались создать „дѣла". Не смотря на усиленное шпіонство (на кое-какихъ улицахъ на каждаго прохожаго приходится по шпіону), жандармамъ приходится хватать встрѣчнаго и поперечнаго, въ надеждѣ: авось изъ этого что нибудь выйдетъ. 7 января, напримѣръ, свора жандармовъ, съ „самимъ" Карповымъ во главѣ, ворвалась въ квартиру фабриканта Емельянова, гдѣ въ то время молодая компанія мирно попивала чаекъ и собиралась на студенческій вечеръ. Безъ всякихъ основаній вся компанія была арестована. Но изъ жандармскихъ глупостей создать дѣло не удалось и всѣхъ освободили, за исключеніемъ одного, у котораго найдена какая то нелегальная книжка и газета. Вообще, арестованнымъ предъявляли самыя несуразныя обвиненія. Большинство взято по предписанію изъ департамента полиціи. Организація даже не задѣта всѣми этими жандармскими покушеніями съ негодными средствами. И въ то же время нѣтъ, кажется, мѣста, нѣтъ угла, куда бы не проникали вѣсти о непрекращающейся революціонной борьбѣ. Въ вагонахъ, въ магазинѣ, въ любомъ мѣщанскомъ домѣ вы то и дѣло слышите, какъ изъ устъ въ уста передаются вѣсти самаго что ни на есть крамольнаго характера. Между прочимъ здѣсь широко распространяется извѣстіе, что „обожаемый монархъ" не пріѣдетъ въ Новочеркаскъ, какъ предполагалось, такъ какъ по донесеніямъ мѣстныхъ самодержцевъ не все у нихъ спокойно. Въ гимназіяхъ рѣшено было поспѣшить съ экзаменами и закончить ихъ до пріѣзда „обожаемаго", а теперь уже не торопятся и экзамены будутъ въ обычное время. Наши босяки тоже приспособились къ духу времени и, вмѣсто обычнаго: „благородному человѣку", вы теперь уже слышите: „административному... высланному пожалуйте на серафимчика!..." Отмѣчу отрадное явленіе. Все чаще и чаще мы узнаемъ, что товарищи, попадающіе даже по пустяковымъ дѣламъ, отказываются отъ дачи показаній.

Рига. Въ лютеранскихъ церквахъ было распространено очень много прокламацій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, кажется, были демонстраціи. Объ одной изъ нихъ мы получили слѣдующую замѣтку одного рабочаго. Передаю такъ, какъ написано послѣднимъ. „1 января 1904 года въ городѣ Ригѣ, въ лютеранской церкви св. Павла происходила демонстрація, которая вполнѣ удалась. Происходила она при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда проповѣдникъ кончилъ молиться за царя и весь царствующій домъ, то прихожане запѣли послѣдній стихъ, которымъ заканчивается богослуженіе; едва они кончили пѣніе, замолкъ послѣдній звукъ органа, какъ раздались съ правой и лѣвой сторонъ хоровъ возгласы: „Долой самодержавіе" и посыпались прокламаціи. Народъ моментально стихъ, какъ будто ожидая еще чего то, и вдругъ заволновался и съ шумомъ сталъ ловить летѣвшія прокламаціи; нѣкоторые тутъ же стали ихъ читать, другіе прятали въ карманы и смотрѣли на верхъ, какъ бы спрашивая, „откуда богъ послалъ ихъ"; часть толпы бросилась къ алтарю, другая къ выходу; съ хоровъ толпа бросилась внизъ за прокламаціями. Церковные служители съ помощью своихъ знакомыхъ прибѣжали на хоры ловить бросившихъ прокламаціи, но имъ это совсѣмъ не удалось. Одинъ изъ демонстрантовъ протолкался сквозь толпу, выбѣжалъ изъ церкви и по Орлиной ул. добѣжалъ до Ревельской, гдѣ и скрылся, а народъ кричалъ „ура". Между тѣмъ, проповѣдникъ скрылся въ служительскую комнату за алтаремъ, схватилъ свою шубу и черезъ церковную ограду, провожаемый снѣжками, такъ что воротникъ побѣлѣлъ, побѣжалъ въ свою квартиру. Въ концѣ концовъ, явилась полиція въ лицѣ одного околоточнаго надзирателя и нѣсколькихъ городовыхъ уничтожать „крамолу", но демонстранты разошлись вмѣстѣ съ толпою богомольцевъ. Черезъ три дня, четвертаго января, въ церкви, при богослуженіи присутствовало два околоточныхъ надзирателя и 12 городовыхъ, и было задержано два человѣка, одинъ изъ нихъ вырвался и убѣжалъ, а другого отправили въ въ участокъ. Демонстраціи не было. Очевидецъ рабочій.

„Бундъ" и сіонисты. Намъ доставили одно частное письмо изъ Одессы, написанное лицомъ, всецѣло раздѣляющимъ взгляды такъ назыв. „Пойале-Ціона" (сіонисты-соціалисты). Между прочимъ, это лицо пишетъ слѣдующее: „По поводу праздника „Ханука" мѣстные Пойале-Ціонъ устроили собраніе, на которомъ произносились рѣчи и провозглашались тосты. Зашла, между прочимъ, рѣчь и о Бундѣ. Вотъ что говорилъ по этому поводу одинъ изъ ораторовъ:

„Мнѣ, радостно, оптимистически настроенному въ данный моментъ, хочется видѣть въ отдѣленіи Бунда отъ общей организаціи нѣчто утѣшительное и могущее оказать большую услугу интересамъ еврейскаго пролетаріата. Мнѣ, кажется, что Бундъ начинаетъ, наконецъ, понимать свою глубокую ошибку, заключающуюся въ отрицаніи необходимости территоріи для еврейскаго народа. Я склоненъ видѣть въ происшедшемъ возвращеніе къ здоровой мысли, къ сознанію необходимости территоріи, и мы надѣемся, что недалеко уже то время, когда Бундъ соединится съ Пойале Ціонъ, съ которымъ онъ расходится *только* (курсивъ письма) въ вышеуказанномъ пунктѣ. Я пью, поэтому, за объединеніе всей еврейской рабочей арміи и за дальнѣйшее процвѣтаніе ея, уже объединившейся!!, Въ такомъ же духѣ высказывались и нѣкоторые другіе ораторы".

ЗАМѢТКИ ЖУРНАЛИСТА.

Тройная мобилизація.

Война! Никогда еще волны патріотизма не вздымались, казалось, такъ высоко, какъ въ эти дни, когда вѣсть о войнѣ ударила „съ невѣдомой силой" по нерву общественнаго сознанія, въ одинъ мигъ спутавъ прежнія карты и перемѣстивъ вниманіе отъ наростающей *внутренней* борьбы къ кровавымъ итогамъ *внѣшней* политики.

Еще вчера, въ залахъ „дворянскаго собранія" Петербурга, раздавался протестующій голосъ двухъ съѣздовъ, а сегодня — послѣ долгаго перерыва — столица Россіи опять увидала демонстрирующія колонны студентовъ, но, о чудо! казацкія нагайки висѣли спокойно, а вмѣсто краснаго знамени развѣвался желтый стягъ съ двухглавою хищною птицей...

Недавно еще рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Ростова крупными буквами вписали свое имя въ мартирологъ революціоннаго движенія Россіи, имъ не разъ грудь съ грудью приходилось встрѣчаться съ царскимъ воинствомъ, и эти самые рабочіе теперь — безмолвно созерцали, какъ именемъ ихъ возносились вѣрноподданическія молитвы за царя, который посылалъ убивать, и за войско, истреблявшее братьевъ...

Въ Москвѣ многотысячная толпа направляется къ редакціи реакціонной газеты. Зачѣмъ? Для того, чтобы излить свое чувство градомъ камней? — Нѣтъ! Эта толпа проситъ пресловутаго Грингмута — снабдить ее національными флагами и почтительно передаетъ ему — всеподданнѣйшій адресъ!..

Съ разныхъ концовъ Россіи летятъ телеграммы, возвѣщающія о патріотическихъ манифестаціяхъ. На улицахъ Валдая и Холмогоръ, какъ и на площадяхъ Одессы или Кіева, движутся взволнованныя толпы, и вмѣсто клича — долой самодержавіе — раздается національный гимнъ!..

Кн. Мещерскій лобызается со студентами, рабочіе съ тріумфомъ несутъ на рукахъ отъѣзжающихъ офицеровъ. Презираемая улица стала вдругъ героиней реакціи, и огромный газетный хоръ торжественно поетъ отходную — русской революціи!

Что значитъ этотъ сонъ? Или и въ самомъ дѣлѣ „проснувшееся русское чувство" развѣяло, какъ кучу „мусора" — по образному выраженію одного нововременнаго ренегата — всю огромную работу освободительныхъ силъ? Или и въ правду „духъ" русскаго народа далъ отвѣтъ „клеветникамъ Россіи", увѣрявшимъ, „будто бы война можетъ быть сигналомъ смутъ", какъ полагаютъ „Московскія Вѣдомости", — и передъ „всенароднымъ патріотическимъ настроеніемъ" „замолкли прежнія шайки безусыхъ соціальдемократовъ"? И не былъ ли тысячу разъ правъ елейно-хитроумный г. Меньшиковъ, который еще до начала военныхъ дѣйствій рисовалъ намъ войну, какъ палладіумъ революціоннаго замиренія, какъ единственное, въ своемъ родѣ, средство для отведенія буйныхъ — „горьковскихъ" — элементовъ въ лоно патріотическаго героизма?

Не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ о судьбахъ русской революціи неотвязно стоялъ передъ самодержавіемъ въ тотъ рѣшительный для него моментъ, когда „дерзкій и коварный" желтолицый противникъ поторопился подвести балансъ его многолѣтней антрепризѣ на Востокѣ. Тревожно прислушиваясь къ революціонному гулу, царизмъ прекрасно понималъ, что начинаетъ войну при исключительныхъ условіяхъ: это не крымская кампанія, зачатая въ атмосферѣ мертвой николаевщины; это не „освободительная" борьба за „братушекъ", окруженная вначалѣ хотя тѣнью популярности. Это смертный бой, въ которомъ можно кое-что выиграть, но за то и все потерять, потому что главный врагъ не на дальнемъ востокѣ, у береговъ печелійскаго залива, а здѣсь, дома, въ тылу войны, разбросанный всюду, по градамъ и весямъ Россіи.

Va banque! Отступать было поздно!

Но за то тѣмъ усерднѣе начиналась — рядомъ съ *мобилизаціей военныхъ силъ — мобилизація патріотизма.* Не даромъ же Николай, обращаясь къ чинамъ государственнаго совѣта, выражалъ надежду, что Россія, то есть русское самодержавіе, выйдетъ изъ посланныхъ ей испытаній укрѣпленной не только извнѣ, но и изнутри...

Пущено въ ходъ было все: полицейско-бюрократическій аппаратъ, рабочіе союзы — птенцы Зубатова, свѣжеиспеченныя студенческія „корпораціи", вродѣ Петерб. „Денницы", „Рус. Собраніе" съ его филіальными отдѣленіями въ провинціи, армія пламенѣющихъ газетныхъ добровольцевъ и просто расторопныхъ рептилій; даже театральныя зрѣлища — „Севастополи" и „Измаилы", — предназначенныя подымать температуру общественнаго настроенія. Самъ маленькій царь, своей собственной персоной, являясь народу, пытался внести посильную лепту въ дѣло самодержавной агитаціи. А въ то же самое время публицисты старались: призракъ панмонгольской „желтой опасности", гипнотизируя читателя, говорилъ ему: забудь свободолюбивыя мечты, оставь „партійные" „счеты" бойся и ненавидь Японію. „Все русское общество безъ различія партій должно сознавать, что въ настоящую минуту выясняется направленіе, какое получатъ силы Россіи въ теченіе вѣка" — писалъ на страницахъ „Петербургскихъ Вѣдомостей" к. Сергѣй Трубецкой московскій „передовой" „идеалистъ".

Мобилизація „духа" шла, какъ будто бы, куда успѣшнѣе той „матеріальной" мобилизаціи, которая производилась, между тѣмъ, съ великими трудностями на безконечныхъ пространствахъ Сибири.

Фейерверкъ патріотическаго подъема былъ блестящъ, онъ слѣпилъ глаза, помрачалъ разсудокъ, но онъ былъ... фейерверкъ и горѣлъ онъ такъ ярко потому, что воздухъ кругомъ былъ насыщенъ — грозовымъ электричествомъ.

Уже теперь, когда я пишу эти строки, „потѣшные огни" догорая, чадятъ... Начальство спѣшитъ убрать „національные флаги", умѣрить экспансивную „улицу"; патріотовъ просятъ честью успокоиться, и за слишкомъ громкое „боже царя храни" можно, пожалуй, попасть въ кутузку...

Непослушная, буйная нотка затесалась кое-гдѣ въ патріотическую мелодію. И этого было довольно. Самодержавіе испугалось тѣхъ силъ, которыя само оно вызвало; оно начало смутно понимать, что мобилизація патріотизма въ массахъ — при настоящемъ положеніи дѣлъ — неизбѣжно ведетъ — къ *мобилизаціи политическаго смысла.*

Тамъ, гдѣ власть пережила себя, гдѣ на лицо широкое броженіе, война — незамѣнимый агитаторъ. Разрушая равнодушную безсознательность — исконную опору самодержавнаго строя, она изо дня въ день гонитъ въ школу политическаго интереса самые отсталые слои народа. Посмотрите, какой огромный кругъ описала вокругъ себя патріотическая агитація! Вѣдь, Пошехонье всколыхнулось! Оно кричитъ еще ура, но — будьте спокойны, именно потому, что оно всколыхнулось, завтра оно разнесетъ по камнямъ свою доморощенную Бастилію...

Самодержавіе сѣетъ, жатву соберетъ революція!

Ст.

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ.

Новое „среднее сословіе". Выборы въ Петербургскую думу. „Болѣе или менѣе соціалистическая" демократія. „Осѣдло-образовательный" цензъ. Кто скажетъ послѣднее слово?

Русская „интеллигенція" дописываетъ послѣднія страницы своей исторіи. Ея ростъ, развитіе, упроченіе ея позицій вызываютъ полное ея перерожденіе. Изъ своеобразнаго „ордена" съ привлекательной романтической окраской она превращается въ прозаическое „среднее сословіе" буржуазнаго общества. Въ *среднее* сословіе, ибо она стоитъ *между* крайними соціальными классами, буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ этомъ она уподобляется старому мѣщанству. Но въ то же время она глубоко отличается отъ него — и по своей роли въ хозяйствѣ современнаго общества и по своему политическому и идеологическому облику. Она является среднимъ сословіемъ новаго типа. Старое мѣщанство, какъ представитель хозяйственной рутины и идейной примитивности, дробится каждымъ взмахомъ капиталистическаго колеса. Косное, невѣжественное, политически-суевѣрное,—оно все въ прошломъ. Съ полнымъ основаніемъ оно могло бы обратиться къ новому „среднему сословію“: „Тебѣ я мѣсто уступаю, мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти“... *Новая* демократія, поглощающая нашу старую милую „интеллигенцію“, не только не сокрушается развитіемъ крупнаго производства,—наоборотъ, расцвѣтаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Можно даже сказать, что эта развивающаяся группа въ цѣломъ есть не что иное, какъ воплощенный отвѣтъ на техническіе, административные и „идеологическіе“ запросы крупнаго производства и вырастающаго съ нимъ въ связи буржуазно-демократическаго государства. Она живетъ продажей своей „умственности“. Поэтому, въ отличіе отъ стараго мѣщанства, она профессіонально-интеллигентна, профессіонально-иниціативна, гибка, подвижна, не боится новыхъ словъ, не прячется отъ реформъ въ общественныя щели, наоборотъ, всегда толчется на политическомъ солнопекѣ...

Ростъ этой интеллигентной демократіи обусловливаетъ повышеніе ея нравственной самостоятельности (отъ „народа“) и политической самоувѣренности. Она организуется, сплачивается, выдвигаетъ самостоятельные лозунги, вырабатываетъ (не стѣсняясь, разумѣется, плагіатомъ) самостоятельныя формы политическаго и философскаго мышленія. Она подбираетъ себѣ не слишкомъ скомпрометированное имя: въ послѣднее время она предлагаетъ называть себя „*гражданской* демократіей“, чтобы не оказаться демократіей *буржуазной*[1]). Нѣтъ болѣе ни одного факта общественной жизни, на который она не налагала бы или не стремилась бы наложить свою печать. И чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе и увѣреннѣе. Пролетаріатъ, поскольку онъ вступаетъ въ сферу политическихъ интересовъ, на первыхъ же шагахъ встрѣчается съ буржуазной демократіей. И его борьба за классовое самоопредѣленіе на половину, если не на три четверти будетъ сводиться къ борьбѣ противъ опекунскихъ посягательствъ буржуазной демократіи. Не понимать этого имѣютъ привиллегію только тѣ горе-соціалисты, которые продолжаютъ надѣяться, что россійская интеллигенція въ непорочности донесетъ себя до соціализма. Наши ссылки на политическую волю буржуазной демократіи представляются имъ маневрированіемъ въ царствѣ призраковъ. „Излишне пускаться въ хитроумныя объясненія (извѣстныхъ явленій)... злыми кознями несуществующей (*несуществующей*!) у насъ „буржуазной демократіи“, пытающейся отнять у пролетаріата предстоящую ему гегемонію во время переворота. Нашимъ „ахъ бѣднымъ“ изъ „Рус. Вѣд.“... далеко до такого маккіавелизма“. („Вѣстн. Рус. Рев.“, № 2, стр. 132). Таково противорѣчивое положеніе нашей буржуазной демократіи. Въ то время какъ *субъективно* она вынуждается къ *самоотриканію*, *объективно* она изо дня въ день и изъ часа въ часъ занимается *самоутвержденіемъ*.

Послѣдніе выборы въ Петербургскую думу, произведенные на новыхъ началахъ, пріобщили къ избирательной кампаніи умѣренные верхи либеральной демократіи столицы въ лицѣ нанимателей дорогихъ квартиръ[2]). „Цвѣтъ обезпеченной, знатной и популярной интеллигенціи Петербурга“, какъ писали наши газеты, столкнулся съ трактирщиками, подрядчиками, лѣсоторговцами. Побѣдителями оказались послѣдніе, такъ какъ „интеллигенція“ оказалась застигнутой врасплохъ и обнаружила — „отсутствіе *твердой организаціи*, а также недостатокъ *партійной дисциплины*“. („СПБ. В.“). Но урокъ выборовъ не прошелъ безслѣдно. Въ той напряженной вознѣ, которая происходила во время выборовъ — вокругъ нихъ, на собраніяхъ и въ прессѣ, буржуазная интеллигенція столицы накопляла элементы организаціи и партійной дисциплины. И одна изъ петербургскихъ газетъ, утѣшая разбитыхъ квартиронанимателей, говоритъ съ полнымъ основаніемъ: „Это періодъ ученичества. Будемъ надѣяться, что выдѣлится нѣсколько хорошихъ „учениковъ“, которые могутъ стать учителями“... Будемъ надѣяться!..

Нѣкая умѣренно-либеральная и умѣренно-умная провинціальная газета такими рѣчами характеризуетъ общественный смыслъ петербургскихъ выборовъ.

„Крупный квартиронаниматель, *по своему матеріальному обезпеченію*, а слѣдовательно и по условіямъ жизни, ничѣмъ не отличается отъ домовладѣльцевъ и купцовъ. На этой почвѣ(?) розни между ними нѣтъ и не можетъ быть. Но, съ другой стороны, въ категорію крупныхъ квартиронанимателей въ Петербургѣ входитъ почти весь цвѣтъ русской интеллигенціи. Это-то обстоятельство раздѣлило людей, соединенныхъ общностью матеріальныхъ интересовъ, раскололо *русскую, если можно такъ выразиться, буржуазію*. („Если можно такъ выразиться“?.. Конечно, можно! Дерзайте, почтеннѣйшій). Другими словами, петербургскіе выборы лишній разъ доказали, что доктринерское дѣленіе населенія на буржуазію и не-буржуазію (цензура очевидно мѣшаетъ сказать газетѣ: *пролетаріатъ*) не имѣетъ никакой почвы въ современной Россіи: что если что-нибудь раздѣляетъ русское общество на двѣ половины, то это — степень культурности, умственнаго развитія и гражданскаго самосознанія“...

„Такимъ образомъ, у насъ въ сущности нѣтъ либеральной *буржуазной* партіи. Всѣ наши либералы въ земствахъ, въ городскихъ думахъ и въ литературѣ держатся хотя умѣренной, но чисто демократической политики, такъ какъ отстаиваютъ чисто народные интересы: заботятся о развитіи мѣстнаго самоуправленія, о школахъ, о народной медицинѣ... Все наше прогрессивное движеніе... опирается на интересы рабочаго класса, а потому по существу своему, оно носитъ *болѣе или менѣе соціалистическій характеръ*. Внѣ соціализма у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одной прогрессивной политической программы!“.

Долженъ извиниться предъ читателемъ: конецъ цитаты (съ красной строки) взятъ мною не изъ либеральной газетки, а изъ „соціалистически-революціоннаго“ органа („Вѣстн. Р. Р.“, № 1, стр. 236). Конецъ этотъ, тѣмъ не менѣе, какъ видите, прекрасно гармонируетъ съ началомъ. Но пусть нашъ бѣдный подцензурный коллега не пугается сдѣланнаго сопоставленія: оно означаетъ не то, что буржуазно-либеральная газета мыслитъ „революціонно-соціалистически“, а лишь то, что „соціалисты-революціонеры“ мыслятъ буржуазно.

„Цвѣтъ русской интеллигенціи“ стоитъ на одномъ *матеріальномъ* уровнѣ съ домовладѣльцами, купцами и фабрикантами. Слѣдовательно „розни между ними нѣтъ и быть не можетъ“. *Тѣмъ не менѣе*, интеллигенція, въ противовѣсъ капиталистамъ „опирается на интересы рабочаго класса“ и выдвигаетъ программу „болѣе или менѣе соціалистическаго характера“. Либеральная газета, въ полномъ согласіи съ „доктриной“ „Рев. Рос.“, думаетъ, что соціально-политическая „рознь“ вызывается только разными степенями „матеріальнаго обезпеченія“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она опредѣляется *различными ролями въ общественно-производственномъ процессѣ*. Капиталисты владѣютъ средствами производства и непосредственно эксплуатируютъ наемный трудъ. Интеллигенція средствами производства не владѣетъ: живетъ продажей своей „интеллигентности“; *непосредственно* пролетаріата не эксплуатируетъ. Въ связи съ этимъ она заинтересована не столько въ повышеніи *нормы* прибавочной стоимости, сколько въ увеличеніи своей *доли* въ общемъ фондѣ національнаго дохода. А эта доля возрастаетъ по мѣрѣ „развитія мѣстнаго самоуправленія, школъ, народной медицины“, словомъ по мѣрѣ повышенія народно-культурнаго уровня — *на общемъ для всей буржуазіи базисѣ капиталистическихъ отношеній*. Вотъ почему дѣятельность интеллигенціи по необходимости охватываетъ нѣкоторые „чисто народные интересы“, ни мало не пріобрѣтая этимъ путемъ „соціалистическаго характера“. Такого рода характеромъ отличается только дѣятельность по объединенію пролетаріата въ классовую партію во имя *соціальной революціи*. Мы же до сихъ поръ не слышали, чтобы „цвѣтъ русской интеллигенціи“ занимался въ петербургской думѣ или вокругъ нея такого рода работой.

Повторяемъ. Различія въ политическихъ физіономіяхъ извѣстныхъ группъ опредѣляются не степенями матеріальной обезпеченности, а характеромъ выполняемыхъ этими группами общественныхъ функцій. Капиталисты, въ томъ числѣ землевладѣльцы и домовладѣльцы, несущіе извѣстный налогъ съ имущества, всегда тяготѣютъ къ установленію *имущественнаго ценза* во всѣхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ. Наоборотъ, интеллигенція въ цѣломъ всегда противъ „несправедливаго“ имущественнаго ценза. Ея симпатіями пользуется цензъ *образовательный*.

Джонъ Стюартъ Милль въ своемъ „Представительномъ правленіи“ высказываетъ ту мысль, что „только въ просвѣщенномъ меньшинствѣ можно найти восполненіе или коррективъ стремленіямъ демократическаго большинства“. Въ интересахъ такого „корректива“ Милль допускаетъ множественность вотума,[1]) но онъ не склоненъ обосновывать ее на имущественномъ цензѣ, ибо „критерій этотъ очень несовершененъ въ житейской борьбѣ: случай играетъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ заслуга, и весьма трудно, — съ горечью жалуется Милль, — образованіемъ обезпечить себѣ соотвѣтственное соціальное положеніе“. Посему — „единственнымъ основаніемъ для предоставленія одному лицу нѣсколькихъ голосовъ можетъ служить *личное умственное превосходство*“. Не слѣдуетъ только забывать, прибавимъ мы, что это „*личное* умственное превосходство“ (образованіе) составляетъ *монополію* господствующихъ классовъ.

Образовательный цензъ, какъ дань „личному умственному превосходству“, всегда выдвигался нашей „болѣе или менѣе соціалистической“ демократіей противъ чумазаго думскаго купечества и противъ дикаго земскаго дворянства. Въ этомъ, если хотите, „прогрессивная“ идея образовательнаго ценза. Но другой своей стороной онъ выдвигается противъ *всеобщаго равнаго избирательнаго права*, выталкивая за черту политической активности широкія народныя массы. Въ этомъ его глубоко-реакціонная сторона, которая заставляетъ нашу партію видѣть въ „образовательномъ цензѣ“ не что иное, какъ „козни буржуазной демократіи“, обусловливаемыя ея сознательнымъ или безсознательнымъ стремленіемъ отнять у пролетаріата „гегемонію во время переворота“...

Въ связи съ разбиравшимся въ земствахъ вопросомъ о пониженіи избирательнаго ценза въ нашей литературѣ снова была выдвинута „симпатичная“ идея „осѣдло-образовательнаго ценза“, въ пользу котораго все чаще „раздаются голоса“. Основными требованіями указаннаго ценза выставляются: возрастъ 25 лѣтъ, три года жительства въ данной мѣстности и образованіе не ниже *полнаго средняго*. Для уѣздовъ Саратовской губерніи (внѣ городовъ) этотъ критерій означалъ бы приращеніе въ 286 избирателей: земскихъ служащихъ — 152, служащихъ въ экономіяхъ — 77, другихъ служащихъ — 57. При этомъ среди земскихъ служащихъ 59 врачей, 26 ветеринаровъ, 10 страховыхъ агентовъ и 57 учителей. Все это кадры „несуществующей у насъ буржуазной демократіи“. Но стремится ли она сама къ политической роли? Несомнѣнно. Въ той же Саратовской губерніи были опрошены всѣ врачи, ветеринары и страховые агенты по губерніи — не согласились ли бы они уплачивать за право голоса отъ одного до двухъ процентовъ со своего жалованья. Изъ 102 опрошенныхъ лицъ 99 высказали полное согласіе.[2]) Здѣсь гражданская зрѣлость „гражданской“ демократіи выдержала серьезное испытаніе. А какъ относятся къ „осѣдло-образовательному“ принципу — хотя бы, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“? Съ горячей симпатіей. Значитъ ли это, что наши „ахъ бѣдные“ изъ „Русск. Вѣд.“ ставятъ себѣ прямую задачу — исторгнуть гегемонію у пролетаріата? Нѣтъ, не думаемъ. — къ этой цѣли сознательно стремятся пока лишь наши „ахъ бойкіе“ изъ „Рев. Россіи“. Что же касается широкой легальной „болѣе или менѣе соціалистической“ демократіи, то она „просто“ строитъ политическія формы по образу и подобію своему. Она осѣдла, она образована. А значитъ — „осѣдло-образовательный“ цензъ.

Отсюда видно, что не только „соціалистическій“, но и чисто-*демократическій* характеръ значительнѣйшей части нашей интеллигенціи является чрезвычайно сомнительнымъ. Вся она и матеріально и духовно,—въ крайнемъ случаѣ только „духовно“ (въ литературѣ)—связана съ органами общественнаго самоуправленія—сословно и имущественно привиллегированными земствами, отчасти—думами. Земство рисуется ей провиденціальнымъ хозяиномъ Россіи. За предѣлами земской элиты начинается пассивный демосъ, опекаемый народъ. Очертить изъ земскаго центра избирательный кругъ тѣмъ или другимъ „осѣдло-образовательнымъ“ радіусомъ — таковъ пока максимальный размахъ гражданскаго демократизма нашей гражданской демократіи.

„Обвиненіе“ большинства интеллигенціи въ *недемократизмѣ* можетъ показаться продуктомъ болѣзненной политической подозрительности. Въ самомъ дѣлѣ, мы такъ привыкли вѣрить въ нѣсколько неопредѣленныя, но все же лучшія чувства интеллигенціи къ народу. И эта столь знакомая намъ публика можетъ отказать народу въ политическихъ правахъ? Клевета! На это мы отвѣтимъ. *Въ исторіи никогда не слѣдуетъ полагаться на добрыхъ знакомыхъ*. Ибо ихъ лучшія чувства могутъ придти въ конфликтъ съ ихъ общественнымъ положеніемъ — и тогда они предадутъ, — разумѣется, „скрѣпя сердце“, можетъ быть, „со слезами на глазахъ“, — но всетаки предадутъ...

И психологическіе и политическіе моменты такого предательства подготовляются совершенно независимо отъ воли самой интеллигенціи. Выше мы отчасти намѣтили уже механизмъ этого процесса. Интеллигенція выдвигала противъ думскихъ и земскихъ хозяевъ свой принципъ образовательнаго (или пониженнаго имущественнаго) ценза. Въ этомъ проявлялось и проявляется ея народолюбіе, такъ какъ именно во имя интересовъ *народа*, она требуетъ *для себя* избирательныхъ правъ. Въ процессѣ ея постепеннаго общественнаго самоопредѣленія этотъ цензъ становился для нея *естественной нормой*, — естественной тѣмъ болѣе, что онъ даетъ опорный базисъ для борьбы на два противоположные фронта: сегодня — съ реакціонной буржуазіей, завтра — съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Такова тенденція. Она не исключаетъ, разумѣется, дальнѣйшаго выдѣленія изъ интеллигенціи радикальныхъ элементовъ.

Нужно помнить при этомъ, что демократія въ цѣломъ поставлена въ гораздо болѣе благопріятныя условія политическаго развитія, чѣмъ пролетаріатъ: къ ея услугамъ громадный литературный аппаратъ легальной прессы; вся практика органовъ нашего самоуправленія и нашихъ легальныхъ съѣздовъ упражняетъ и закрѣпляетъ въ извѣстныхъ формахъ ея общественные инстинкты и развиваетъ въ ней вполнѣ опредѣленные навыки политическаго мышленія, — и не только въ тѣхъ верхахъ интеллигенціи, которые уже теперь достучались въ городскія думы, но и въ широкой „периферійной“ интеллигентской массѣ, которая составляетъ агитаціонный аппаратъ всѣхъ избирательныхъ кампаній, легкую кавалерію всѣхъ оппозиціонныхъ „оказательствъ“.

Не будетъ, поэтому, ничего неожиданнаго, если демократія окажется способной сказать свое опредѣленное и очень вѣское слово въ моментъ ликвидаціи нынѣшняго государственнаго режима.

„Долой самодержавіе!“ скажетъ на уличныхъ баррикадахъ революціонизированный нами пролетаріатъ. — „И да здравствуетъ осѣдло-образовательный цензъ!“ отзовется согласнымъ хоромъ интеллигентная буржуазія, приступая къ созыву Учредительнаго Собранія. Въ этомъ рѣшающемъ „діалогѣ“ послѣднее слово должно принадлежать пролетаріату — *должно*, если не жалкой насмѣшкой надъ собственнымъ безсиліемъ были наши рѣчи объ *авангардѣ*... Это послѣднее слово прозвучитъ такъ: „Да здравствуетъ *всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право!*“

Т.

---

[1]) См. въ „Рус. В.“ берлинскія корреспонденціи г. I., бернштейніански-сервированнаго либерала, умнаго и талантливаго газетнаго фальсификатора германской политической жизни.

[2]) Въ Петербургѣ весьма значительную и притомъ наименѣе интеллигентную, иниціативную и либеральную часть этой публики составляетъ *бюрократія*.

[1]) Избиратели одной категоріи имѣютъ по одному голосу, избиратели другой — по два и т. д. Такова, напримѣръ, система въ Бельгіи.

[2]) Три высказались противъ, но не потому, чтобы ихъ пугалъ налогъ на жалованье, а по другимъ соображеніямъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ практики рабочаго-агитатора. Сообщено Тверскимъ Комитетомъ.

Перестали люди вѣрить
Что отъ бога созданъ свѣтъ.
(Изъ фабричной „частушки“)

Было около полуночи, когда мы, пробираясь задворками фабричнаго поселка, выбрались на большую дорогу и пошли по направленію къ деревнямъ, гдѣ Тверскимъ Комитетомъ было предположено устроить на праздникахъ сходку. Электрическіе огни фабрики освѣщали поселокъ и дорогу. Чѣмъ дальше мы уходили, тѣмъ больше блѣднѣли огни. Въ ближнихъ деревняхъ окна избъ были еще кое-гдѣ освѣщены: фабричные вернулись домой на праздники, но дальше все тонуло во мракѣ. Только молочно-бѣлое зарево фабрики виднѣлось на горизонтѣ. Мой спутникъ — молодой ткачъ, читавшій много легальныхъ книгъ изъ фабричной библіотеки; онъ входитъ въ пропагандистскій кружокъ мѣстной организаціи и очень вдумчиво разбирается въ вопросахъ борьбы пролетаріата. „Насъ деревня непосредственно не интересуетъ, —говорилъ онъ мнѣ, — фабрика настолько занимаетъ все наше время, что деревенскіе вопросы и деревенская неурядица даютъ себя знать только въ тѣ праздники, когда бываешь дома и съ тебя тянутъ сколоченные на недоѣданіи и недопиваніи трудовые гроши“. — „Существуютъ ли въ вашихъ деревняхъ тѣ пережитки крѣпостничества, о которыхъ говоритъ Ленинъ въ своей брошюрѣ „Къ деревенской бѣднотѣ“? спрашивалъ я его. — „Конечно, все какъ слѣдуетъ быть, существуетъ: и клинья всякіе, и выпасы („воля“, по нашему) въ рукахъ помѣщиковъ, отработки и бѣшеныя цѣны за аренду этихъ клиньевъ. Многіе изъ крестьянъ хотѣли бы развязаться съ землей, но общество, принимая землю, налагаетъ на безземельнаго тѣ же налоги, какъ и съ землей: крестьянская земля у насъ очень плоха и истощена, скота мало, нѣтъ удобренія, однимъ словомъ, земледѣліе наше только переливаніе изъ пустого въ порожнее. Недовольство своимъ положеніемъ безусловно есть, но оно несознательно и ни въ чемъ не проявляется. Намъ, фабричнымъ, какъ-то не хочется, да отчасти и невозможно быть въ курсѣ деревенскаго недовольства, потому у насъ уже другіе, фабричные интересы, хотя, конечно, по своей сознательности мы могли бы очень много и въ деревнѣ сдѣлать, гораздо больше, чѣмъ наши старики, неспособные не только къ планомѣрной борьбѣ, но даже и какимъ-нибудь дикимъ вспышкамъ, въ родѣ поджоговъ и т. д. Старики наши забиты, невѣжественны, консервативны до одурѣнія. Да вотъ вы ихъ сами увидите“, съ горечью вполголоса закончилъ свою длинную рѣчь мой спутникъ. — „Значитъ, по вашему выходитъ, — замѣтилъ я, — что старики совсѣмъ безнадежный народъ?“ — „Да, пожалуй, — подумавъ отвѣчалъ онъ, — имъ наши идеи, что къ стѣнѣ горохъ, если не всѣмъ, то огромному большинству, особенно тѣмъ, которымъ уже перевалило за 40 лѣтъ и которые не выварились въ фабричномъ котлѣ; кромѣ того, громадное значеніе имѣютъ проповѣди духовенства. Смотрите сами, прошли мы какихъ-нибудь десять деревень, а въ нихъ пять церквей. Наши мужики религіозны, т. е. язычески религіозны, до глупости, и попы, пользуясь этимъ, громятъ съ амвона „студентовъ“, „злонамѣренныхъ личностей“ и т. д., а мужики и слушаютъ, и вѣрятъ“. — Тогда собственно, зачѣмъ же вы несете сейчасъ листки къ крестьянамъ и распространяете ихъ?“ — „Кромѣ стариковъ, въ деревнѣ есть еще и молодежь, и эта-то молодежь является страстно воспріимчивой къ нашимъ идеямъ. Изъ деревни не всѣ идутъ на фабрику, половина остается дома, и бывшіе фабричные по семейнымъ условіямъ возвращаются въ деревню и занимаются земледѣліемъ. Эту крестьянскую молодежь вы увидите на сходкѣ и, вѣроятно, останетесь довольны“, закончилъ онъ. Мы подходили къ деревнѣ моего спутника. Почернѣвшія и покосившіяся избы въ предразсвѣтномъ туманѣ производили впечатлѣніе умирающихъ калѣкъ, забытыхъ всѣмъ міромъ. Начиналась заутреня, и толпы народа валили въ церковь; мы также вошли. Среди молящихся, кромѣ насъ, появились и другіе „злонамѣренные“, „студенты“[1]) въ полушубкахъ и валенкахъ, выжидавшіе болѣе удобнаго момента для распространенія прокламацій. Данъ былъ какой-то сигналъ, и бѣлые листочки пошли гулять по всей церкви. „Словно черти на ножкахъ побѣжали эти студенческія бумажонки“, такъ характеризовалъ сѣдой, кряжистый старикъ, поклонникъ царя, Іоанна Кронштадскаго да сивухи. Молитвенное настроеніе прихожанъ было нарушено, и попу ничего не оставалось дѣлать, какъ покончивъ поскорѣе съ псалмами и эктеніями, приняться за раздѣлку „студентовъ“. А „студенты“ чуть не фыркали со смѣху отъ глупыхъ поповскихъ рѣчей.

Послѣ заутрени по деревнѣ пошелъ пиръ на весь міръ. Началось пьянство, продолжавшееся всѣ праздники. Пропивались послѣдніе гроши, заработанные съ такимъ трудомъ крестьяниномъ или ткачемъ. Въ то же время праздничныя яства были черезъ чуръ плохи: мѣсиво изъ капусты со студнемъ изъ ржавой солонины, просоленной до степени неперваримости, кисель — жидкость изъ воды, горсти риса и изюма и маленькіе куски бѣлаго хлѣба, вродѣ дессерта. Мнѣ для пущей конспираціи передъ стариками пришлось выполнять весь ритуалъ моленія на иконы, креститься передъ рюмкой водки, чашкой чая, жать руки, благодарить за угощеніе хозяевъ и „за компанію“ всѣхъ присутствующихъ, не курить за столомъ и т. д. Пришли еще кой-кто изъ своихъ и подъ вечеръ наша молодежь отправилась на посѣдки“. Здѣсь крестьянская и фабричная молодежь обоего пола танцуетъ кадриль, поетъ пѣсни, устраиваетъ игры въ сосѣди и т. д. Въ большой избѣ набивается до 50 человѣкъ. Меня очень поразило отношеніе мужчинъ къ дѣвушкамъ. Мужчины, какъ только заходятъ въ избу, большинство не крестясь, а нѣкоторые и не снимая шапки, прямо лѣзутъ въ передній уголъ и садятся на скамьи. Сидѣвшія на этихъ скамьяхъ дѣвушки поднимаются и становятся у порога. Даже „сознательные“ такъ привыкли къ этому явленію, что сначала не понимали, что тутъ возмутительнаго. Наша компанія вела себя на посѣдкахъ не совсѣмъ обычно. При входѣ мы затягивали революціонныя пѣсни, но удачно могли пѣть только „Смѣло, товарищи, въ ногу“, какъ болѣе простую по мотиву. „Марсельеза“ выходила совсѣмъ плохо, а „Красное знамя“ никто, кромѣ меня, пѣть не умѣлъ, но я не унывалъ и тянулъ одинъ. На одной изъ посѣдокъ мы подстроили слѣдующій маневръ. На середину избы подбросили прокламацію. Одинъ изъ „студентовъ“ подобралъ ее и сталъ читать вслухъ. Въ прокламаціи указывалось на то грабительство, угнетеніе и насиліе, которое совершаетъ самодержавіе надъ безправнымъ крестьяниномъ. Съ энтузіазмомъ заправскаго агитатора онъ закончилъ конецъ прокламаціи, гдѣ крестьяне призывались въ союзѣ съ городскими рабочими вести борьбу съ правительствомъ, „черезъ трупъ котораго мы быстрыми шагами пойдемъ къ царству свободы, — къ соціализму“. Прокламація произвела сильное впечатлѣніе, только старикъ ворчалъ: „сломите вы себѣ головы, связать васъ надо, „студентовъ“ проклятыхъ, ишь ихъ сколько развелось“. Но мы торопились на сходку. Надо было идти верстъ 8-9 и, вновь, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, мы двинулись въ путь. По дорогѣ пѣли, стрѣляли изъ револьверовъ. Когда мы проходили мимо волостного правленія и квартиры урядника, я совѣтовалъ вести себя тише, но разошедшаяся во всю публика, успокаивая меня, говорила: „онъ привыкъ, урядникъ отказался теперь даже прокламаціи собирать. Это, говоритъ, не мое дѣло, а жандармовъ“.

---

[1]) „Студентами“ крестьяне называютъ соціалистовъ-рабочихъ.

Наконецъ добрались до лѣса, въ которомъ была назначена сходка. На опушкѣ насъ встрѣтилъ свой „патруль“. Просвистѣли сигналъ, и по направленію отвѣтнаго сигнала, мы пробрались въ чащу густого сосноваго лѣса, споконъ вѣка не слыхавшаго свободнаго слова. Насъ ждали. Всѣхъ было человѣкъ 40, изъ нихъ нѣсколько женщинъ. Половина была фабричныхъ, половина крестьянъ. Незначительное количество собравшихся объясняется тѣмъ, что организаторовъ сходки слишкомъ поздно предупредили, а затѣмъ еще и холодъ помѣшалъ придти изъ дальнихъ деревень. Собраны были, кромѣ того, не всѣ, а по выбору, изъ „затронутыхъ“ и только изъ ближайшихъ деревень, на скорую руку. Говорить хотѣлось много и долго, но холодъ страшно мѣшалъ. Ноги застыли, говорить было больно, „перехватило“ горло. Слушатели топтались на мѣстѣ, чтобы согрѣться, и все это отвлекало вниманіе. Несмотря на холодъ, мнѣ удалось разобрать классовыя противорѣчія современнаго общества, доказать необходимость политической борьбы подъ знаменемъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи., разбирая программу которой, я останавливался на различіи программы соц.-дем. и соц.-рев. по аграрному вопросу и доказывалъ всю утопичность послѣдней. Собраніе закончилось криками: „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ политическая свобода!“, „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П.!“, „да здравствуетъ союзъ городскихъ рабочихъ и крестьянъ!“, „да здравствуетъ соціализмъ!“.

Собраніе разошлось съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; и издалека доносились слова: „Свергнемъ могучей рукою гнетъ роковой навсегда...“

Меня провожалъ со сходки одинъ изъ организаторовъ, очень дѣльный и энергичный крестьянинъ, бывшій нѣсколько лѣтъ на фабрикѣ и тамъ спропагандированный. Онъ разсказалъ мнѣ о своихъ планахъ агитаціи и пропаганды, о томъ, что у нихъ дѣла идутъ прекрасно, только нѣтъ подходящей для крестьянъ литературы и пропагандистовъ. Брошюра Ленина ему очень понравилась, хотя онъ и говорилъ, что ее трудно сразу усвоить, но что она излечила его отъ многихъ с-р-скихъ „утопическихъ“ положеній. По вопросу о пропагандистахъ я замѣтилъ ему, что вѣроятно учителя могутъ имъ помочь въ этомъ отношеніи. „Что учителя, ихъ самихъ надо пропагандировать, вотъ теперь мы одну учительницу перевоспитываемъ и, кажется, изъ нее толкъ будетъ“. Вскорѣ мы простились до скорѣйшаго свиданія. „Да, подумалъ я, времена измѣнились серьезно. Крестьяне пропагандируютъ учительницъ“.

Часа черезъ 4-5 мы подходили къ городу. Фабрика уже сіяла своимъ молочнымъ свѣтомъ и тревожные гудки будили пролетаріевъ на „работу“.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Ежедневно сотни рабочихъ, въ различныхъ концахъ „дорогого“ отечества, получаютъ болѣе или менѣе тяжкія увѣчья; ежедневно жизнь нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ приносится въ жертву капиталу, жизнь другихъ оказывается разбитой, изувѣченной, въ подлинномъ и ужасномъ значеніи этого слова. Вмѣсто, вчера еще бодрыхъ и здоровыхъ людей, сегодня — калѣки, обломки человѣка, выброшенные фабрикой, какъ ни кому ненужные и ни къ чему непригодные куски мяса; вмѣсто полуголодной, подневольной, призрачной, но все же трудовой самостоятельности, сегодня, — нищенство, побираніе „именемъ общественной благотворительности“ и въ будущемъ — смерть отъ голода...

Статистика этихъ, какъ ихъ принято называть, несчастныхъ случаевъ представляетъ не только научный, но и большой практическій интересъ. Если статистическимъ изслѣдованіемъ будетъ установлено, что въ данномъ производствѣ, по данной категоріи рабочихъ, при опредѣленномъ характерѣ работъ и т. д. число несчастныхъ случаевъ велико абсолютно или въ отношеніи къ другимъ производствамъ, то это указываетъ, что въ данной отрасли промышленности имѣются причины, создающія для рабочихъ особенно неблагопріятныя условія, и на обязанности государства лежитъ устраненіе такихъ причинъ и измѣненіе такихъ условій. Государство обязано выработать рядъ мѣръ, которыя оградили бы жизнь и здоровье рабочихъ, оно обязано поставить предпринимателя въ такія границы, чтобы его хищническая рука не разрушала рабочей силы. Для этого рода дѣятельности государства статистика несчастныхъ случаевъ даетъ необходимый матеріалъ, и потому во всѣхъ странахъ, гдѣ рабочее законодательство достигло замѣтнаго развитія, созданы „бюро труда“, которыя собираютъ и разрабатываютъ статистическія данныя, касающіяся всѣхъ сторонъ жизни рабочихъ, въ томъ числѣ, конечно, и несчастныхъ случаевъ.

Нужно ли говорить, что такой статистики у насъ нѣтъ и быть не можетъ при господствующемъ произволѣ и бюрократическомъ самодержавіи? Правда, мнѣніемъ государственнаго совѣта, 14 марта 1894 г. царемъ утвержденнымъ, фабричнымъ инспекторамъ предоставлено *право* требовать, чтобы предприниматели сообщали имъ о несчастныхъ случаяхъ, а наказъ чинамъ инспекціи 1900 года даже ставитъ имъ въ *обязанность* наблюдать за тѣмъ, „чтобы несчастные съ рабочими случаи зарегистрировались и свѣдѣнія о нихъ сообщались симъ чинамъ“, но правительство постаралось, чтобы это его общее и безсодержательное опредѣленіе правъ и обязанностей фабричныхъ инспекторовъ превратилось въ мертвую букву. Циркуляръ отдѣла промышленности отъ 2 января 1902 года, обращенный непосредственно къ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній, „считаетъ необходимымъ“ разъяснить имъ, что „обязательное для нихъ заявленіе о каждомъ несчастномъ случаѣ установлено *исключительно въ цѣляхъ статистическихъ* (курсивъ циркуляра) и для изысканія общихъ мѣръ и способовъ къ уменьшенію числа несчастныхъ случаевъ, къ очевидной выгодѣ обѣихъ сторонъ, т. е. нанимателя и рабочаго.“ Хотя въ дальнѣйшемъ циркуляръ упоминаетъ, что „министерство финансовъ и внутреннихъ дѣлъ признаютъ чрезвычайную важность установленія у насъ точной статистики несчастныхъ случаевъ“, а „виновные въ несоблюденіи этихъ правилъ будутъ привлекаемы къ законной отвѣтственности“, но сила и значеніе подчеркнутыхъ циркуляромъ словъ отсюда нисколько не уменьшается. Предприниматели любезно поставлены въ извѣстность, что заявленіе о несчастныхъ случаяхъ установлено исключительно съ статистической цѣлью и законная отвѣтственность, которая имъ угрожаетъ, будетъ вполнѣ соотвѣтствовать этой безобидной цѣли. „Холостая“ угроза, безъ опредѣленія порядка отвѣтственности и мѣры наказанія, не можетъ умалить дружескаго совѣта — поддержать статистику, „чрезвычайно важную“ для министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Конечно, совѣты предпринимателями всегда принимаются къ свѣдѣнію. Въ особенности, статистика — она такъ близка ихъ сердцу, а „изысканіе общихъ мѣръ и способовъ къ уменьшенію числа несчастныхъ случаевъ“ имъ такъ желательно! И еще до изданія упомянутаго циркуляра (но послѣ нѣсколькихъ другихъ просьбъ и увѣщаній) накопилось столько матеріала, что министерство финансовъ поспѣшило обработать его и опубликовать „Статистику несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1901 годъ.“ Послѣ сказаннаго никто не удивится, если мы скажемъ, что эта „статистика“ — сплошной статистическій курьезъ, пущенный однако, въ обращеніе съ злымъ умысломъ ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и убѣдить довѣрчивыхъ людей, что даже въ области несчастныхъ случаевъ съ рабочими у насъ все обстоитъ благополучно. Оказывается, что свѣдѣнія, положенныя въ основу „статистической“ работы, доставлены только 16 % промышленныхъ заведеній, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи; относительно остальныхъ 84 % или ⁵/₆ заведеній гг. статистики изъ министерства финансовъ ровно ничего не знаютъ: въ ихъ распоряженіи не имѣется ни одной цифры, которая могла бы иллюстрировать дѣйствительное положеніе вещей въ подавляющемъ большинствѣ промышленныхъ предпріятій. Къ тому же, какъ бы въ насмѣшку надъ правительственными статистиками, свѣдѣнія поступили изъ различныхъ мѣстностей въ самомъ различномъ количествѣ. Больше всего свѣдѣній — отъ 60,4 % заведеній — получено, — откуда бы вы думали? — изъ Архангельской губерніи, вся то промышленность которой исчерпывается нѣсколькими лѣсопильными заводами. За то промышленные районы поскупились и дали свѣдѣнія по самому незначительному числу промышленныхъ предпріятій. Изъ польскихъ губерній, усѣянныхъ фабриками и заводами, только Петроковская прислала свѣдѣнія отъ 27,7 % предпріятій, въ остальныхъ губерніяхъ это процентное отношеніе не превышаетъ 17, а въ Сувалкской даже падаетъ до 1,3. Въ Нейзбургскомъ фабричномъ округѣ доставили свѣдѣнія 24,7 % предпріятій, въ Харьковскомъ — всего 12,4 %; наиболѣе промышленныя губерніи, — Московская и Владимірская — дали: первая — 16,8 %, вторая — 28,1 %. И все же, не смотря на эту явную неполноту, отрывочность и неравномѣрность свѣдѣній, министерство финансовъ не только не выбросило ихъ, какъ негодный матеріалъ, въ мусорный ящикъ, но и сдѣлало изъ нихъ весьма выгодное примѣненіе. Наши статистики подсчитали до курьезнаго мелкія цифры и опредѣлили, что въ Россіи въ среднемъ по всѣмъ производствамъ на 1000 рабочихъ приходится 14,6 несчастныхъ случаевъ, т. е. — статистики это умышленно подчеркиваютъ — *въ три или четыре раза меньше, чѣмъ на Западѣ.* Въ самомъ дѣлѣ, картина получается заманчивая: на тысячу рабочихъ приходится несчастныхъ случаевъ — въ Австріи 38,6, въ Германіи 40.2, въ Швейцаріи 53,5, во Франціи 58,6 и въ Россіи всего лишь 14,6! Намъ ли не гордиться и не забросать шапками свободный Западъ! Намъ ли не пѣть хвалебные гимны министерству финансовъ и фабричной инспекціи, столь ревностно охраняющимъ интересы рабочихъ, поставившимъ нашу промышленность, по технической безопасности производства, впереди Австріи, Германіи, Швейцаріи и Франціи! Бѣда только, что въ оффиціальной „Статистикѣ“ все, отъ начала до конца, ложно. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ по ¹/₆ всѣхъ промышленныхъ заведеній, собранныхъ случайно, безъ всякой системы, при игнорированіи наиболѣе промышленныхъ губерній, нельзя дѣлать выводовъ, касающихся всей Россіи, да еще ставить себя въ примѣръ Западу. Если министерству финансовъ во что бы то ни стало хотѣлось доказать, что фабричная работа въ Россіи не представляетъ серьезной опасности для жизни и здоровья рабочихъ, то оно могло поступить проще и получить еще болѣе блестящіе результаты. Для этого стоило удовольствоваться данными по одной Сувалкской губерній, отъ которой свѣдѣнія доставили 1,3 % промышленныхъ заведеній, вычислить, сколько въ ней приходится несчастныхъ случаевъ на 1000 рабочихъ, а затѣмъ, путемъ простыхъ умноженій, сдѣлать выводъ для всей Россіи. Ручаемся, что въ этомъ случаѣ количество несчастныхъ случаевъ упало бы съ 14.6 до 0,6 на 1000 рабочихъ, и такая статистика, по достовѣрности и правдивости своей, ничуть не уступила бы сложной работѣ, безъ толку совершонной неутомимыми счетчиками отдѣла промышленности.

Пользоваться лживой и тенденціозной статистикой, конечно, не приходится. Но одну подробность отмѣтить не мѣшаетъ. По вопросу объ исходѣ несчастныхъ случаевъ оффиціальная статистика даетъ наименѣе годный матеріалъ. „Вмѣсто врачей, говорится, въ „Статистикѣ“ отвѣты объ исходѣ несчастнаго случая, которыхъ требуетъ статистическая карточка, даются кѣмъ либо изъ служащихъ, какимъ нибудь конторщикомъ“; „не только эти отвѣты, но и отвѣты врачей ровно ничего не говорятъ о дѣйствительномъ исходѣ въ отношеніи сохраненія или потери трудоспособности; обычный отвѣтъ объ окончательномъ исходѣ — „выздоровѣлъ.“ Съ такимъ вниманіемъ относятся у насъ къ жизни и здоровью рабочихъ! При поломкѣ машины обозначается въ какомъ нибудь гроссъ-бухѣ: „повреждена и исправлена на такомъ то заводѣ за такую то сумму денегъ“; объ исходѣ несчастнаго случая довольствуются записью: „выздоровѣлъ“, независимо отъ того, потерялъ рабочій трудоспособность на всегда или нѣтъ, оторвало ему руку, ногу или только палецъ... Но и этого мало. Оказывается, читаемъ въ „Статистикѣ“, „нельзя съ полной увѣренностью сказать, что свѣдѣнія объ убитыхъ на мѣстѣ или умершихъ впослѣдствіи отъ полученныхъ поврежденій заключаютъ въ себѣ всѣ случаи, бывшіе въ дѣйствительности.“ Даже о такого рода „исходѣ“ нѣтъ полныхъ свѣдѣній, точно *убитые* не люди, а мухи, точно *насильственная смерть* рабочихъ никого не можетъ и не должна интересовать!... Наши статистики, вѣрные своей привычкѣ не обращать вниманія на неполноту данныхъ, считаютъ и въ этомъ мѣстѣ вычисленія ихъ наиболѣе интересны: на 1000 несчастныхъ случаевъ въ Россіи заканчиваются *смертью* 15.6 — *ровно въ полтора раза больше, чѣмъ въ Германіи и Австріи.* Если оффиціальная, въ основахъ своихъ гнилая статистика говоритъ: въ полтора раза, то можно смѣло сказать, что въ дѣйствительности у насъ убиваютъ на фабрикахъ рабочихъ по крайней и самой скромной мѣрѣ, въ три раза больше, чѣмъ въ Германіи или въ Австріи.

Въ этомъ — голая и жестокая правда, которую желаетъ, статистическими фокусами, скрыть правительство. Оно лжетъ, когда утверждаетъ, что по числу несчастныхъ случаевъ Россія находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Австрія, Германія, Швейцарія и Франція. Оно лжетъ, когда говоритъ, что смертный исходъ наблюдается только въ 15,6 несчастныхъ случаевъ изъ тысячи. Оно лжетъ во всѣхъ остальныхъ цифрахъ и выводахъ, представляющихъ положеніе вещей инымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Суровая дѣйствительность, съ которой рабочимъ приходится изо дня въ день имѣть дѣло, говоритъ совсѣмъ другое. Нигдѣ въ Европѣ жизнь рабочихъ не цѣнится такъ дешево, какъ именно въ Россіи: нигдѣ фабричная работа не сопряжена со столькими опасностями и нигдѣ предприниматели не пренебрегаютъ такъ интересами рабочихъ, какъ у насъ. Въ этомъ не меньше предпринимателей виновато и правительство. До самаго послѣдняго времени, до изданія закона 2 іюня 1903 года, гражданская отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи совсѣмъ не опредѣлялась закономъ, а къ уголовной ихъ отвѣтственности законодательство и теперь относится снисходительно; надзоръ за технической безопасностью производства почти отсутствуетъ, при машинахъ, большею частью нѣтъ самыхъ простѣйшихъ огражденій. Фабричной инспекціи наказъ предоставляетъ лишь право давать „подробныя разъясненія завѣдывающему по поводу и въ устраненіе замѣченныхъ неустройствъ“, но и это право — только „холостая“ угроза, которая не можетъ запугать предпринимателя. И если теперь своей лживой статистикой правительство пытается извратить истину, то это, конечно, ему не удастся, какъ не удастся ему поколебать твердаго убѣжденія, что въ самодержавіи — источникъ безправія рабочихъ и что только съ паденіемъ самодержавія станетъ возможной планомѣрная борьба за всестороннюю охрану жизни и здоровья рабочихъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. Стачечное движеніе въ Баку, о началѣ котораго я вамъ уже писалъ, все болѣе разростается и грозитъ превратиться въ настоящую стачечную эпидемію, подобную лѣтней. Со времени моего послѣдняго письма произошелъ цѣлый рядъ забастовокъ и попытокъ къ нимъ, такъ что перечислить и подробно разсказать обо всѣхъ ихъ, я не имѣю возможности. Укажу на тѣ, которыя мнѣ болѣе извѣстны, и которыя произвели большее впечатлѣніе. На Биби-Эйбатѣ произошла забастовка въ мастерскихъ Шиховскаго товарищества. Длилась нѣсколько дней и кончилась неудачей: трое рабочихъ высланы изъ Баку, около 30 человѣкъ разсчитаны по требованію полиціи. Была, если не ошибаюсь удачная, забастовка у Арафелова. На станціи Электрической Силы было броженіе, дѣло кончилось мирно — путемъ переговоровъ съ администраціей. Далѣе стачечное броженіе перебросилось въ Черный Городъ. На заводѣ Хатисова дѣло многократно едва не доходило до забастовки. Имѣла мѣсто забастовка на заводѣ Эйзеншмидта (250 человѣкъ), здѣсь забастовка началась по призыву Черногородскаго Районнаго Комитета, который выпустилъ свой листокъ, только убѣдившись, что стачка неизбѣжна и неотложна. Продолжалась стачка дня полтора. Крупныя требованія — отмѣна штрафовъ и 20% прибавки къ платѣ — не удовлетворены, выиграны лишь мелкія (вродѣ ночныхъ дежурствъ фельдшера на случай несчастья, 15 минутъ льготныхъ послѣ свистка, открытія заводскихъ воротъ во время завтрака и проч.), стачка велась не достаточно дружно (арестовано два-три рабочихъ). Она дала толчокъ стачкѣ *на городской конно-желѣзной дорогѣ,* которая началась еще раньше, чѣмъ успѣла закончиться стачка у Эйзеншмидта. Кондуктора и кучера этой дороги уже въ прошломъ году добились забастовкой установленія двухъ смѣнъ вмѣсто одной 16-17 часовой. Контролеры же ограничивались до сихъ поръ одпѣми просьбами у дирекціи и ходатайствами передъ городской управой. (Они получили тогда отъ дирекціи классическій въ своемъ родѣ отвѣтъ: „А гдѣ же вы были во время забастовки?“). На этотъ разъ и они присоединились къ забастовкѣ. Стачка началась съ утра и кончилась къ обѣду — почти полной побѣдой; выиграли: 1) двѣ смѣны для контролеровъ, 2) казенную одежду, 3) двойную плату за праздничные дни, 4) открытіе библіотеки на счетъ процентовъ съ капитала, который служащіе обязаны вносить компаніи, въ видѣ залога, при вступленіи на службу. Проценты эти до сихъ поръ шли въ карманъ общества конно-желѣзной дороги. Относительно пятаго требованія, касающагося квартиръ для рабочихъ, отвѣтъ долженъ былъ быть данъ вчера. Итакъ на полдня всѣ линіи городской конно-желѣзной дороги опустѣли и движеніе по нимъ было совершенно пріостановлено. Городъ имѣлъ въ этотъ день совершенно особенный видъ: опустѣвшія линіи конки взывали къ рабочимъ, оставшимся въ мастерскихъ, зовя ихъ на улицу. И несомнѣнно, что не у одной тысячи рабочихъ забилось сильнѣе сердце при вѣстяхъ о стачкѣ конки... Въ Балаханахъ были забастовки въ мастерскихъ Біерингъ и Раабе и у фирмы Вотанъ. Въ первыхъ стачка длилась одинъ день; требованіе — 20% прибавки къ заработной платѣ, обѣщано удовлетворить. Если прибавить, что у Нобеля и въ городѣ, и въ Балаханахъ стачка предотвращена была только своевременными уступками фирмы, въ видѣ довольно значительныхъ прибавокъ къ платѣ почти всѣмъ категоріямъ рабочихъ, и что крупная табачная фабрика и часть ремесленныхъ заведеній дрожитъ отъ той же стачечной лихорадки, то вамъ представятся ясными объемъ и размѣры того движенія, которое снова охватило все бакинское рабочее населеніе. Надо замѣтить, что неудачи забастовокъ у отдѣльныхъ фирмъ отнюдь не расхолаживаютъ рабочихъ, а только выдвигаютъ передъ ними *вопросъ объ общей забастовкѣ*: они обвиняютъ въ своихъ неудачахъ только свою слабую организованность. Несомнѣнно, что рабочее населеніе Баку и Балахановъ ждетъ въ настоящее время только призыва своего Комитета, чтобы открыть по всей линіи боевыя дѣйствія. Но Комитетъ не довольствуется уже простымъ взрывомъ всеобщей забастовки и потому рѣшилъ, поддерживая частныя забастовки рабочихъ тамъ, гдѣ онѣ дѣйствительно неотложны, работать надъ углубленіемъ существующаго недовольства и организаціей силъ рабочихъ съ тѣмъ, чтобы — *въ недалекомъ будущемъ* — вывести всю рабочую массу на путь широкой соціально-политической борьбы, нога въ ногу со всѣмъ россійскимъ пролетаріатомъ. Во всякомъ случаѣ тактика Бакинскаго Комитета и дѣйствіе неблагопріятныхъ для всеобщей стачки условій — холодное время года, существованіе еще порядочной арміи безработныхъ, несмотря на сильное оживленіе нефтяной промышленности, и даже сознаніе самими рабочими необходимости солидарныхъ дѣйствій съ пролетаріатомъ другихъ городовъ — всѣ эти причины, взятыя вмѣстѣ, способны оттянуть всеобщую забастовку, повидимому, лишь на короткое время (если, конечно, не произойдетъ какихъ либо важныхъ событій). — Въ силу техническихъ условій печатная агитація Бакинскаго Комитета за послѣдніе мѣсяцы значительно ослабѣла; нѣкоторой компенсаціей ея служатъ листки (гектографирован.) районныхъ комитетовъ, особенно Черногородскаго и Бѣлогородскаго. — Вопросъ о старостахъ здѣсь сильно осложняется. Здѣшнее рабочее населеніе настолько сознательно, что ясно понимаетъ характеръ новаго закона, и врядъ ли агитація на почвѣ новаго закона можетъ служить средствомъ для развитія его классового самосознанія. Быть можетъ, рабочіе старосты могутъ еще служить орудіемъ развитія сознанія отсталыхъ рабочихъ гдѣ-нибудь въ центрѣ Россіи, но во всякомъ случаѣ не въ Баку. Намъ кажется поэтому проявленіемъ зрѣлости бакинскаго пролетаріата отказъ или нежеланіе рабочихъ многихъ заводовъ выбирать старостъ; намъ кажется, только подъ давленіемъ снизу Бакинскій Комитетъ въ августѣ далъ лозунгъ: „не выбирайте старостъ!“ Резолюція партійнаго съѣзда по этому вопросу ставитъ Бакинскій Комитетъ въ очень затруднительное положеніе: съ одной стороны — требованіе партійной дисциплины, съ другой — отрицательное отношеніе къ рабочимъ старостамъ весьма многихъ рабочихъ и самого Комитета. Намъ кажется, было бы правильнѣе со стороны съѣзда предоставить рѣшеніе вопроса мѣстнымъ комитетамъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.[1] Справедливость заставляетъ насъ, однако, сказать, что пока нельзя указать никакихъ отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности старостъ тамъ, гдѣ они выбраны. У Нобеля, напримѣръ, они предъявили администраціи тѣ самые пункты, которые были выставлены въ видѣ требованій въ листкѣ Районнаго Комитета.

По сообщеніямъ матросовъ нобельскихъ наливныхъ шкунъ, командиръ одной изъ нихъ недавно получилъ „бумагу“ отъ соціальдемократическаго комитета. Въ „бумагѣ“ (оказавшейся листкомъ Районнаго Комитета) этой, въ отдѣлѣ хроники отмѣчалось грубое обращеніе командира съ служащими. Она произвела прямо ошеломляющее дѣйствіе на достойнаго командира: онъ немедленно созвалъ низшее начальство судна, прочелъ вслухъ „бумагу“ и затѣмъ заперся въ каютѣ. Теперь онъ обращается къ матросамъ не иначе, какъ „голубчики“. Повидимому, командиръ ставитъ „бумагу“ не ниже губернаторскаго приказа.

Изъ Донецкаго бассейна. Краматоровка. На мѣстномъ заводѣ въ началѣ декабря новый управляющій, инженеръ, началъ сбавлять расцѣнки по всѣмъ цехамъ. За двѣ недѣли его пребыванія рабочіе успѣли возненавидѣть его, чему способствовало крайне грубое обращеніе его съ рабочими. Кончилось тѣмъ, что 15 декабря вечеромъ толпа рабочихъ, человѣкъ въ 300, изъ механическаго цеха съ крикомъ и свистомъ вывезла управляющаго на тачкѣ изъ завода. Когда ему, по обычаю, надѣвали мѣшокъ на голову, онъ умолялъ рабочихъ отпустить его, обѣщая уйти съ мѣста. Обѣщанія, однако, не сдержалъ.

На слѣдующій день, на заводъ пріѣхалъ фабричный инспекторъ для изслѣдованія дѣла. Рабочіе, съ своей стороны, выбрали представителя для объясненій. Они потребовали удаленія инженера и обѣщанія, что никого не будутъ преслѣдовать за тріумфальный вывозъ этого господина. Обѣщаніе было торжественно дано директоромъ завода и фабричнымъ инспекторомъ, а на слѣдующій день полиція арестовала 20 рабочихъ, въ томъ числѣ и делегата, говорившаго съ начальствомъ.

Ирменскіе рудники. (ст. Алмазовка). 4 декабря здѣсь произошли безпорядки изъ-за пониженія расцѣнокъ. Шахтеры бросили работу и силой заставили ночную смѣну забастовать. Собралась огромная толпа, разбили машину, контору и лавку, войска прибыли когда уже все успокоилось. 8 шахтеровъ арестованы и отправлены въ Луганскъ.

---

[1] *Примѣч. редакціи.* Принятая съѣздомъ резолюція, указываетъ только *желательность* опредѣленной тактики, а, слѣдовательно, не стѣсняетъ самодѣятельности комитетовъ.

Юзовка. Подъ новый годъ было устроено собраніе въ 120 человѣкъ. Собраніе прошло довольно оживленно; оно было открыто рѣчью одного рабочаго, который постарался сдѣлать обзоръ положенія какъ крестьянскаго, такъ и рабочаго класса. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе, вызвала негодованіе противъ виновниковъ народныхъ бѣдствій. Въ заключеніе ораторъ указалъ на борьбу, которую рабочій классъ ведетъ со своими угнетателями, главнымъ образомъ, съ царскимъ самодержавіемъ, на несомнѣнную побѣду рабочихъ, и воодушевилъ всѣхъ присутствовавшихъ, вызвавъ у нихъ желаніе бороться противъ существующаго строя. Затѣмъ говорила одна интеллигентка, которая также привѣтствовала собравшихся и сдѣлала обзоръ всего революціоннаго движенія въ Россіи. Въ своей рѣчи она старалась подчеркивать ту безконечную преданность революціонному дѣлу, которую выказали наши предшественники, и указывала на то, что они должны быть для насъ живымъ примѣромъ. Затѣмъ говорилъ одинъ интеллигентъ о самодержавіи и почему мы требуемъ сверженія его. Послѣднимъ ораторомъ говорилъ рабочій, который поздравилъ присутствовавшихъ съ созданіемъ Цент. Ком., указалъ на крупное значеніе съѣзда и на то, какъ важно для движенія происшедшее объединеніе. Собраніе произвело на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе. Настроеніе было бурное. Во время празднества одинъ изъ патрулей заявилъ, что грозитъ провалъ, на что рабочіе отвѣтили, что они не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не закончится праздникъ, а если придутъ арестовать, то дадутъ полиціи отпоръ. Къ счастью, все прошло благополучно.

Рабочій.

Типографщики въ Москвѣ. № 4 „Вѣстника Союза типографскихъ рабочихъ“ вышелъ уже недурно отпечатаннымъ въ собственной типографіи. „Союзъ“, видимо, развивается. Новый № его органа открывается задушевнымъ стихотвореніемъ о „стачкѣ 9 сентября“, посвященымъ рабочимъ С. Иванову, В. Кайровичу и И. Поташеву, которые подверглись наибольшимъ полицейскимъ преслѣдованіямъ за участіе въ движеніи. Стихотвореніе кончается такъ:

„Слава тремъ вамъ, пострадавшимъ
„За всѣхъ насъ въ гнилой тюрьмѣ,
„Дѣла свѣта не предавшимъ
„Всегубящей властной тьмѣ!“

Передовая статья объясняетъ читателямъ, почему въ органѣ необходимо обсуждать политическіе вопросы. За ней слѣдуетъ статья по поводу новаго законопроекта объ уничтоженіи праздниковъ. Далѣе — замѣтка объ обыскахъ и хроника, очень недурно составленная. Отчетъ „Союза“ отмѣчаетъ поступленій 534 руб. 68 коп. (изъ нихъ 300 руб. съ спеціальнымъ назначеніемъ).

Иваново-Вознесенскъ. (Два отрывка изъ письма рабочаго съ фабрики Гандуриныхъ). „Сердце сжимается отъ боли, когда видишь кругомъ несправедливость и притѣсненія, видишь, какъ на фабрикахъ безсердечно мучаютъ женщинъ, этихъ матерей будущаго поколѣнія, мучаютъ до послѣдней крайности, до истощенія силъ, за грошовую плату, за кусокъ чернаго хлѣба. Вотъ, напримѣръ, на ситценабивной фабрикѣ Н. и Л. Гандуриныхъ женщинъ заставляютъ исполнять непосильныя работы, ихъ посылаютъ на хозяйскій дворъ стирать бѣлье, заваливаютъ всякой домашней работой; тамъ онѣ находятся безъ всякаго отдыха часовъ до 12, а то и до часу ночи, вмѣсто того, чтобы уйти въ семь часовъ вечера съ фабрики на свои квартиры. За эти пять-шесть часовъ сверхурочной каторжной работы платы никакой не получаютъ и, довольствуясь лишь ужиномъ, состоящимъ изъ суровыхъ щей и чернаго хлѣба, онѣ, усталыя и голодныя, съ мозолями на рукахъ, уходятъ на свои квартиры. А утромъ въ шесть часовъ приходятъ на фабрику къ такому же каторжному труду. Пробовали женщины протестовать противъ такого насилія, указывая на мозоли своихъ рукъ, но имъ грозили разсчетомъ, и онѣ покорно шли на страданіе“!..

„[illegible] даже вредно; такъ, напримѣръ, на плюсовкѣ, во время плюсованія чернымъ анилиномъ, воздухъ пропитывается вредными испареніями, губы у рабочихъ синѣютъ, лицо становится блѣднымъ, голова кружится, и у рабочаго начинается рвота, если приходится дышать этимъ воздухомъ подрядъ часа три-четыре. Противоядіемъ служитъ лукъ, молоко и свѣжій воздухъ. Но молоко у Гандуриныхъ не выдается, свѣжій воздухъ можешь получить только послѣ окончанія шести-часовой смѣны, а луку то этого получишь, но не иначе, какъ съ выговоромъ отъ приказчика, „что вы жрете больно много“. Но одинъ лукъ не приноситъ столько пользы, сколько вреда, и рабочій замѣтно хирѣетъ“...

Ярославль. Массовое распространеніе литературы (нелегальной), которое велось въ послѣднее время Сѣв. Комитетомъ, дало плоды — такъ, втеченіе послѣдняго времени состоялось нѣсколько собраній рабочихъ (40-60 чел.), возникшихъ помимо почина организаціи, на которыхъ обсуждались не только „экономическіе“, но и политическіе вопросы. Одно собраніе (въ трактирѣ) было накрыто полиціей, при немъ было арестовано пять человѣкъ, въ томъ числѣ и половой трактира. Всѣ уже освобождены, а половой высланъ на родину. На табачной фабрикѣ насл. Вахрамѣева въ концѣ декабря было вывѣшено объявленіе, подписанное фабричнымъ инспекторомъ три года тому назадъ, о сокращеніи рабочаго дня на два съ половиною часа. Рабочіе, обезпокоенные значительной урѣзкой ихъ, и безъ того низкой, заработной платы, послали человѣкъ 15 для объясненій съ администраціей завода. Тогда продолжительность рабочаго дня была оставлена прежней, но 28 рабочимъ объявленъ разсчетъ. На фабрикѣ броженіе. Вообще, литература пользуется у рабочихъ большимъ уваженіемъ, листковъ не хватаетъ для удовлетворенія спроса на нихъ со стороны рабочихъ. Рабочіе охотно посѣщаютъ кружки, которые въ послѣднее время организуются Сѣв. Комитетомъ такъ что можно съ увѣренностью сказать, что несмотря на серьезные потери, которыя получилъ Сѣв. Комитетъ (арестъ типографіи), рабочее дѣло здѣсь окончательно укрѣпилось.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

„Vorwärts“, центральный органъ германской соціальдемократіи:

„Интернаціональный пролетаріатъ — и въ томъ числѣ русскій — могъ бы испытать лишь чувство наибольшаго удовлетворенія, если бы русская имперіалистская политика захвата потерпѣла тяжелое крушеніе въ Восточной Азіи. Царскій деспотизмъ поддерживаетъ свое проклятое существованіе только своей безстыдной международной политикой. Страна кнута давно уже пережила бы свою внутреннюю Іену, если бы глиняный колоссъ абсолютистскаго государства не могъ постоянно отдалять часъ своего банкротства своей внѣшней политикой. Русская интеллигенція борется уже десятки лѣтъ, проникнутые идеалистическими стремленіями элементы учащейся молодежи томятся въ казематахъ крѣпостей и въ Сибири. Крестьяне вымираютъ отъ хроническаго голода; даже внутри самой буржуазіи, въ духовныхъ семинаріяхъ и среди офицерства, происходитъ броженіе. Если, несмотря на это, абсолютистскій режимъ еще не рухнулъ, то это объясняется лишь той отчаянной игрой въ международной политикѣ, которой удавалось скрывать нищету и процессъ разложенія внѣшней славой и поддерживать безконечными военными и морскими укрѣпленіями шатающееся въ самыхъ основахъ своихъ государственное зданіе. Къ этому прибавилось еще и то, что близорукая политика Бисмарка толкнула Францію въ объятія царя, такъ что французская идея о реваншѣ могла быть эксплуатируема Россіею для добыванія денегъ. Крупные и мелкіе французскіе капиталисты дали глиняному колоссу милліарды, на которые онъ могъ поддерживать свое существованіе и постоянно расширять свою алчную грабительскую политику.

„Vorwärts“ допускаетъ затѣмъ, что Россія можетъ потерпѣть пораженіе, и заключаетъ: „Франція, вѣроятно, откажется тогда поддерживать своими милліардами царскій абсолютизмъ, и германское правительство тоже почувствуетъ стыдъ за тѣ униженія, которымъ царизмъ подвергаетъ его со времени священнаго союза. Быть можетъ, и въ Россіи разразится тогда, наконецъ, внутренній кризисъ, кризисъ, который сброситъ абсолютизмъ и насквозь прогнившую чиновничью іерархію и созданіемъ конституціоннаго режима подготовитъ необходимыя условія дальнѣйшаго политическаго и соціальнаго прогресса“.

„Le Peuple“, центральный органъ бельгійской рабочей партіи:

Первая мысль соціалиста должна обратиться къ тѣмъ тысячамъ, быть можетъ, милліонамъ существъ, молодыхъ и сильныхъ, которыхъ бросятъ другъ противъ друга и которыя въ ужасныхъ бойняхъ будутъ принесены въ жертву аппетитамъ двухъ воюющихъ правительствъ.

Противъ такого возмутительнаго неистовства милитаризма все человѣчество должно было бы подняться, тѣмъ болѣе, что однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ начинающейся трагедіи является именно тотъ, кого по жестокой ироніи назвали „царемъ мира“, между тѣмъ, какъ вѣкъ всеобщаго братства, наступленіе котораго онъ возвѣщалъ, уже дважды видѣлъ кровавое зарево войны...

Для предупрежденія такихъ грозныхъ событій нечего разсчитывать на капиталистическія правительства; послѣднія событія обнаружили все лицемѣріе тѣхъ, кто говоритъ постоянно о мирѣ, чтобы вѣрнѣе подготовлять войну.

Только народу, первой жертвѣ международныхъ конфликтовъ, должно принадлежать послѣднее слово. Онъ тоже долженъ подготовлять войну — противъ тѣхъ, кто нарушаетъ нормальное теченіе общественной жизни, не войну между людьми и различными расами, но необходимую, неизбѣжную войну противъ правящихъ классовъ, вызывающихъ такія бѣдствія, какъ то, которому міръ теперь будетъ свидѣтелемъ.

Когда цари, правительства и называющіе себя руководителями народовъ будутъ лишены возможности приносить вредъ, народы, освобожденные отъ политическаго и экономическаго рабства, смогутъ жить въ мирѣ“.

На слѣдующій день та же газета помѣстила статью „Да здравствуетъ Интернаціоналъ!“ Мы приводимъ эту статью почти цѣликомъ:

„Съ одной стороны, Англія интригуетъ съ микадо, а Соединенные Штаты, которые хотѣли бы захватить въ Китаѣ львиную долю, болѣе или менѣе скрыто благопріятствуютъ этимъ интригамъ; съ другой стороны, Германія тайно радуется, что царю приходится биться въ такихъ затрудненіяхъ, а Франція должна безпомощно сложить руки. Между тѣмъ, космополитическіе финансисты, уже опутавшіе своими сѣтями Корею и Маньчжурію, потираютъ руки въ ожиданіи тѣхъ блестящихъ гешефтовъ, которые они будутъ обдѣлывать, послѣ кровопусканія, съ побѣдителями, кто бы они ни были!

Передъ такой жадностью къ наживѣ, передъ такимъ низкимъ и жестокимъ эгоизмомъ, обнаруживаемымъ правящими классами, — народы поймутъ ли, наконецъ, что пора положить конецъ въ Европѣ соціальному режиму, который освящаетъ одно лишь господство грубой силы и денегъ — денегъ, этого рычага современнаго общества!

Ни въ Европѣ, ни въ огромной Азіи нѣтъ ни одной націи, которая не заинтересована была бы въ сохраненіи мира; и если бы всѣ онѣ были проникнуты сознаніемъ своихъ интересовъ и сами могли распоряжаться своими судьбами, правительства не въ состояніи были бы больше, подъ предлогомъ распространенія цивилизаціи, бросать насъ въ варварскую бездну войны.

По какому праву бѣлая раса силою навязываетъ желтой расѣ [illegible] собою эти якобы ростущія благосостояніе, справедливость и безопасность, которыя мы силою оружія должны навязать якобы низшимъ расамъ? Развѣ мы имъ въ самомъ дѣлѣ приносимъ господство труда и прогресса, а не всѣ злоупотребленія, весь непорядокъ, всѣ грабежи и всѣ преступленія системы, которая у насъ приводитъ къ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ и которая у нихъ выразится въ эксплуатаціи одной расы другою расой?

Вчера, когда международное соціалистическое бюро заканчивало свои занятія и дуновеніе высшаго, чистаго, новаго человѣчества проносилось еще надъ этими лучшими представителями европейскаго пролетаріата, внезапно распространился мрачный слухъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей; и никогда, быть можетъ, не обнаруживалась глубже, чѣмъ въ сознаніи этихъ просвѣщенныхъ и честныхъ людей... та бездонная пропасть, которая отдѣляетъ капиталистическій строй, со всей его дикой жестокостью, отъ соціализма съ его идеаломъ человѣческаго единенія!

Рабочіе всего міра, объединитесь, чтобы не позволить больше властителямъ политики и финансовъ бросать васъ другъ противъ друга подъ лживымъ предлогомъ расовыхъ антагонизмовъ и враждебныхъ интересовъ, съ единственною цѣлью — тѣмъ легче подчинить всѣхъ васъ своему алчному господству!

Да здравствуетъ интернаціоналъ всего міра!“

„Arbeiter Zeitung“, центральный органъ австрійской соц.-дем.:

„Что придаетъ значеніе этой войнѣ въ глазахъ Европы, это надежда всѣхъ сторонниковъ прогресса, что съ нею связано измѣненіе внутреннихъ отношеній русскаго государства. Міровое господство не можетъ долго основываться на деспотіи, и ни побѣда, ни пораженіе не могутъ продлить существованіе царизма. И эта война, которая намъ, соціальдемократамъ, внушаетъ только ужасъ, будитъ въ насъ великую и глубокую надежду, что она надорветъ цѣпи, сковывающія русскій народъ, и что кровавый призракъ, встающій въ Азіи, возвѣститъ зарю свободы для русскаго народа!“

„Le Socialiste“, центральный органъ соціалистической партіи Франціи (французскихъ революціонныхъ соціальдемократовъ):

„. . . Съ международной точки зрѣнія, эта война является однимъ изъ наиболѣе чреватыхъ послѣдствіями событій наступившаго вѣка. . . Какъ заявилъ международный соціалистическій конгрессъ въ Брюсселѣ въ 1891 году и какъ это повторилъ недавно тов. Зингеръ на публичномъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто послѣ засѣданія Международнаго соціалистическаго бюро, единственной серьезной Лигой мира является Соціалистическая Партія. Она — лучшая опора мира въ настоящемъ, ибо она укрѣпляетъ солидарность между рабочими всѣхъ націй, и организуетъ свою борьбу съ капиталистическимъ государствомъ. Она одна только подготовляетъ царство мира въ будущемъ.

Каковъ будетъ исходъ войны? Повидимому, каковъ бы онъ ни былъ, онъ можетъ только уменьшить вліяніе царизма въ Европѣ. Если Россія побѣдитъ, она очутится лицомъ къ лицу съ финансовыми затрудненіями, которыя возрастутъ еще вслѣдствіе огромныхъ военныхъ издержекъ. Русское правительство поддерживаетъ свое существованіе лишь на деньги капиталистовъ другихъ странъ; его кредитъ не перестаетъ падать. Найдетъ ли оно неизсякаемый источникъ для займовъ? Мы не говоримъ уже о томъ, что, въ случаѣ побѣды, Россія подниметъ противъ себя Англію, которой она тогда непосредственно будетъ угрожать.

Если Россія потерпитъ пораженіе, рухнетъ не только ея вліяніе на европейскія правительства, но и система абсолютизма. Въ лицѣ царизма будетъ поколеблена въ своемъ основаніи главная помѣха революціи. Неспособное противустоять нападеніямъ растущей радикальной буржуазіи и организующагося пролетаріата, царское самодержавіе перестанетъ въ то же время повсюду укрѣплять преграды, которыми капиталистическія правительства преграждаютъ путь соціализму. Ударъ, нанесенный царизму, ранитъ смертельно силы реакціи во всѣхъ индустріальныхъ странахъ.

Вотъ почему всемірный пролетаріатъ, и въ особенности французскій, будетъ съ глубокимъ интересомъ слѣдить за всѣми фазами этой войны, которой онъ не могъ предотвратить.

... И когда взвѣшиваешь всѣ послѣдствія, которыя можетъ имѣть низверженіе царскаго режима въ Россіи... то можно только всѣми силами желать скораго и рѣшительнаго пораженія русскаго абсолютизма!“

Въ томъ же № „Соціалиста“ тов. Вальянъ, бывшій коммунаръ, обсуждая вопросъ о возможномъ вмѣшательствѣ въ войну Франціи (а, слѣдовательно, и Англіи), говоритъ: Поэтому, мы не должны колебаться, и уже теперь нужно обсудить, что намъ нужно будетъ предпринять. И если международный и нашъ національный пролетаріатъ не отвѣтитъ достаточно рѣшительно на нашъ призывъ, если онъ не сумѣетъ всеобщей стачкой защищать себя, защищать свою жизнь, свои требованія, свое освобожденіе, — тогда лишь возрастетъ нашъ долгъ дѣйствовать и не отступать ни передъ чѣмъ, чтобы спасти его, чтобы предотвратить опасность, чтобы избѣжать войны. Нѣтъ блага выше мира, международнаго мира. Все предпочтительно войнѣ. Лучше возстаніе, чѣмъ война!“

Чтобы читатели могли понять тревогу товарища Вальяна, мы должны напомнить имъ, что если Франція связана союзомъ съ царемъ, то Англія заключила такой же союзъ съ Японіей. Вмѣшательство этихъ двухъ странъ бросило бы другъ противъ друга двѣ наиболѣе свободныя націи Европы, что могло бы надолго укрѣпить международную реакцію.

Въ согласіи съ приведеннымъ взглядомъ тов. Вальяна и по его предложенію, Федеративный совѣтъ сенской федераціи франц. соц.-дем. партіи единогласно вотировалъ слѣдующую резолюцію:

„Отвѣчая призыву международнаго соціалистическаго бюро и соціалистическому долгу, Федеративный совѣтъ приглашаетъ всѣхъ пролетаріевъ и соціалистовъ бороться словомъ и дѣломъ противъ преступныхъ маневровъ царскихъ агентовъ, пытающихся въ прессѣ и публикѣ совратить общественное мнѣніе страны въ пользу войны; приглашаетъ ихъ организовать свою дѣятельность въ видахъ непремѣннаго сохраненія мира въ Европѣ и нейтралитета Франціи; приглашаетъ, наконецъ, бюро созвать экстренное собраніе, въ случаѣ если окажется необходимымъ приступить къ немедленнымъ энергичнымъ дѣйствіямъ“.

Рядомъ съ этимъ энергичнымъ поведеніемъ революціонныхъ соціальдемократовъ особенно рѣзко выступаетъ недостойная, прямо измѣнническая политика жоресистовъ. Эти сторонники „новой методы“ заботятся только о томъ, чтобы „не создавать затрудненій правительству“. Поэтому они, вмѣстѣ съ радикалами, вмѣстѣ съ націоналистами и реакціонерами, рѣшили не дѣлать даже запроса министерству о томъ, должна ли Франція, по смыслу договора съ Россіей, вмѣшаться въ войну или нѣтъ. Вмѣстѣ со всѣми реакціонерами, они рѣшили предоставить полную свободу дѣйствія министерству, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы послѣднее не начало войну безъ разрѣшенія парламента. Какъ будто правительство, въ силу самой конституціи, можетъ начать войну безъ разрѣшенія парламента, какъ будто оно можетъ расходовать хоть одинъ сантимъ безъ его разрѣшенія!

Чтобы оцѣнить истинное значеніе этой „реалистической“ политики, нужно напомнить, что именно Франція и своими милліардами, и своей прямой поддержкой Россіи послѣ японско-китайской войны дала возможность царскому правительству заставить Японію принять симоносекскій договоръ, а самому занять то положеніе на дальнемъ Востокѣ, которое послужило непосредственной причиной теперешней войны. Но Россія, связанная по рукамъ и по ногамъ на Востокѣ, должна, по необходимости, становиться все менѣе и менѣе полезнымъ союзникомъ Франціи въ европейской политикѣ. Такимъ образомъ, французское правительство, желавшее своими милліардами и своей дипломатической поддержкой купить себѣ въ лицѣ царизма сильнаго союзника, само ослабляетъ его, какъ союзника, и иммобилизируетъ его на дальнемъ Востокѣ. И этому „дальновидному“ правительству представители „трезвенной“, „реалистической“ политики ввѣря[illegible] страны, предоставляя имъ „полную свободу дѣйствій“.

БЕЛЬГІЯ.

Вандервельдъ о классовой борьбѣ въ деревнѣ.

Въ воззрѣніяхъ на то, къ кому должна обращаться соціалистическая пропаганда въ деревнѣ, можно въ нѣкоторыхъ странахъ прослѣдить за послѣднія десять лѣтъ два періода. Первый изъ нихъ характеризуется *апріорными* построеніями. Это былъ періодъ, когда соціальдемократическія партіи, придя къ необходимости расширить сферу своей дѣятельности и распространить ее на деревню, увлекались мыслью о вовлеченіи въ ряды партіи возможно большаго числа крестьянъ, — періодъ Bauernfang'а. Въ это время была создана нантская программа во Франціи (1894 г.); въ это же время Вандервельдъ читаетъ свой извѣстный докладъ на съѣздѣ бельгійской партіи (1895 г.), въ которомъ онъ почти буквально повторяетъ то, что Лафаргъ говорилъ въ Нантѣ. Въ общемъ, тотъ и другой руководились той мыслью, что соціальдемократія можетъ и должна защищать крестьянина не только какъ пролетарія, но и какъ мелкаго собственника, поскольку эта собственность не является въ его рукахъ орудіемъ эксплуатаціи. Съ этими программами обѣ партіи отправились въ деревню.

Прошло меньше десяти лѣтъ, втеченіе которыхъ онѣ могли провѣрить свои воззрѣнія на опытѣ. И что же? Фактически программы совершенно оставлены, и ихъ защитники, теперь уже на основаніи почти десятилѣтняго опыта, вернулись къ прежнимъ соціалъ-демократическимъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ. Уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вандервельдъ заявилъ, что не придаетъ никакого значенія сельскимъ производительнымъ коопераціямъ (см. его статью, перепечатанную въ „Essais sur la question agrarie en Belgique“), а теперь онъ въ центральномъ органѣ бельгійской партіи „Le Peuple“ (отъ 17 февраля 1904 года) слѣдующимъ образомъ формулируетъ свой общій взглядъ на пропаганду среди крестьянъ (курс. всюду мой):

„Но дѣло вовсе не въ томъ только, чтобы организовать дѣятельную пропаганду. Нужно предварительно согласиться относительно характера, который должна носить наша пропаганда, относительно группъ населенія, къ которымъ она должна прежде всего обращаться. И по этому то вопросу между нами существуетъ разногласіе или, вѣрнѣе, простое недоразумѣніе, которое проявилось на послѣднемъ нашемъ земледѣльческомъ конгрессѣ и которое болѣе глубокимъ обсужденіемъ въ значительной степени разсѣяно.

Одни утверждаютъ, что наша пропаганда должна обращаться безразлично ко всѣмъ сельчанамъ (Campagnards). Мы, наоборотъ, думаемъ, что она должна, прежде всего, распространяться на живущіе въ сельскихъ коммунахъ пролетарскіе элементы.

Въ самомъ дѣлѣ, рабочая партія есть, по существу своему, классовая партія. Она старается организовать на почвѣ классовой борьбы рабочихъ, пролетаріевъ, тѣхъ, которые, не имѣя орудій производства, вынуждены продавать другимъ свою рабочую силу. Но если мы посмотримъ, каковы тѣ группы сельскаго населенія, которыя можно считать пролетарскими въ собственномъ смыслѣ, мы найдемъ:

1) Классъ, очень многочисленный, промышленныхъ рабочихъ, которые, благодаря рабочимъ поѣздамъ, отправляются каждый день или на всю недѣлю работать въ городѣ, откуда они возвращаются въ деревню каждый вечеръ или разъ въ недѣлю.

2) Классъ бродячихъ рабочихъ, отправляющихся съ началомъ весны на кирпичные заводы или перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто втеченіе части года, чтобы убирать хлѣбъ или копать свеклу.

3) Классъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ собственномъ смыслѣ, поденщиковъ или батраковъ на фермахъ.

Къ этимъ то тремъ категоріямъ рабочихъ должна прежде всего обращаться наша пропаганда, слѣдуя по линіи наименьшаго сопротивленія. Впрочемъ, именно они и составляютъ уже въ настоящее время наиболѣе значительную часть нашихъ силъ въ деревнѣ. Но рядомъ съ ними и вокругъ нихъ есть тысячи мелкихъ земледѣльцевъ, арендаторовъ или даже собственниковъ, которые, владѣя ничтожнымъ капиталомъ, не отличаются существенно отъ рабочихъ, ведутъ тотъ же образъ жизни, принадлежатъ къ тѣмъ же семействамъ и имѣютъ, въ конечномъ счетѣ, скорѣе пролетарскіе, чѣмъ капиталистическіе интересы.

Въ виду своего промежуточнаго характера полурабочихъ, полукапиталистовъ, они гораздо труднѣе доступны соціалистической пропагандѣ; тѣмъ не менѣе, мы, само собой разумѣется, совершенно не претендуемъ оставить ихъ внѣ нашего воздѣйствія. Намъ не слѣдуетъ только начинать дѣло съ конца, стараясь воздѣйствовать на мелкихъ земледѣльцевъ, прежде чѣмъ мы организуемъ рабочихъ, не слѣдуетъ замѣнять защиту прололетарскихъ интересовъ, которая составляетъ raison dêtre рабочей партіи, *защитою интересовъ деревенской мелкой буржуазіи.*

Конечно, соціальдемократія должна дѣятельно заниматься мелкими земледѣльцами. Она не должна оставлять въ сторонѣ ни одного средства, чтобы освободить ихъ отъ тяготъ военной службы, отъ налоговаго бремени, отъ давленія ренты. Но она должна заниматься ими *постольку, поскольку они рабочіе, въ той мѣрѣ, въ какой ихъ интересы совпадаютъ съ интересами другихъ рабочихъ.* Она, наоборотъ, *измѣнила бы своимъ основнымъ принципамъ,* если бы она поставила себѣ задачей *консолидировать то,* что, все слабѣе и слабѣе, *отличаетъ еще самостоятельныхъ земледѣльцевъ отъ собственно пролетаріевъ*".

Теперешній взглядъ Вандервельда имѣетъ, повторяю, тѣмъ большую цѣнность, что это уже не апріорное построеніе, а убѣжденіе, составленное на основаніи почти десятилѣтняго опыта. Вандервельдъ, къ тому же, въ теченіе этихъ десяти лѣтъ больше, чѣмъ кто-нибудь другой, занимался аграрнымъ вопросомъ и теоретически, и практически: онъ написалъ за это время три книги по этому вопросу, усердно занимался созданіемъ сельскихъ коопераційй и велъ крайне интенсивную пропаганду среди крестьянъ.

Наши соціалисты-революціонеры, которые переживаютъ въ настоящее время періодъ говоренія и апріорныхъ построеній, любятъ цитировать прежнія воззрѣнія Вандервельда на крестьянскій вопросъ, хотя онъ отказался отъ нихъ еще два-три года тому назадъ. Они также охотно ссылаются на Комперъ-Мореля, который тоже ведетъ очень энергичную пропаганду среди французскихъ крестьянъ. Мы скоро представимъ имъ и теперешніе взгляды этого товарища. К. Д.

Антоніо Лабріола (Некрологъ). Въ лицѣ Антоніо Лабріола смерть унесла изъ дѣйствующей арміи марксизма одного изъ самыхъ крупныхъ бойцовъ. Втеченіе долгихъ лѣтъ съ кафедры Римскаго университета Лабріола проповѣдывалъ систему марксизма широкой и чуткой массѣ итальянскаго студенчества. Всѣ его сочиненія послѣднихъ лѣтъ были проникнуты такимъ глубокимъ и широкимъ пониманіемъ ученія Маркса, къ которому насъ отнюдь не пріучили „марксисты“ кафедры. Среди нихъ Лабріола представлялъ рѣдкое и счастливое исключеніе. Обладая широкимъ, превосходно дисциплинированнымъ образованіемъ, пройдя хорошую философскую школу, Лабріола, сохранивъ всѣ эти формальныя качества профессора, остался совершенно чуждъ той профессорской „широты взгляда“, которая считаетъ задачей ученаго всѣ точки зрѣнія знать и ни одной изъ нихъ не придерживаться, изготовляя изъ всѣхъ нихъ, какъ выразился Лабріола по адресу проф. Массарика, „итальянскій салатъ“.

Лабріола пришелъ къ марксизму, если можно такъ выразиться, путемъ исключеннаго третьяго. Онъ занималъ различныя теоретическія и практическія позиціи, и только убѣдившись въ ихъ непрочности и негодности, онъ сдѣлался убѣжденнымъ и убѣждающимъ сторонникомъ ученія Маркса, которое онъ тотчасъ же громко и смѣло, безъ всякихъ оговорокъ и сироповъ, сталъ провозглашать съ кафедры, хотя это и грозило ему лишеніемъ профессорскаго званія.

Съ тѣхъ поръ Лабріола непоколебимо стоялъ на точкѣ зрѣнія ученія Маркса, и въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій онъ далъ блестящее истолкованіе историко-философской системы марксизма. Такъ называемое „критическое“ направленіе въ марксизмѣ было имъ встрѣчено съ ироніей и скептицизмомъ. Въ частности, онъ подвергъ строгой критикѣ призывы вернуться къ Канту. „Проблема познанія, писалъ онъ по этому поводу въ статьѣ „Къ кризису марксизма“, есть чисто практическая проблема. Между человѣческой натурой и человѣческой исторіей царитъ полное согласіе. Человѣкъ не обладаетъ никакими источниками познанія самого себя, кромѣ исторіи. Сущность человѣка вся заключается въ его дѣятельности. Именно въ силу этого экономическій базисъ является основой, въ силу этого трудъ проходитъ руководящею нитью черезъ всю исторію и въ силу этого складывается убѣжденіе, что различныя общественныя формы суть ни что иное, какъ различныя формы организаціи труда“. Лабріола далѣе доказываетъ всю схоластичность „критическихъ“ попытокъ ввести марксизмъ во владѣніе всяческимъ философскимъ хламомъ. Къ какому Канту насъ призываютъ, спрашиваетъ Лабріола въ вышеупомянутой статьѣ, къ Канту ли, замкнувшемуся въ свою частную жизнь, къ кенигсбергскому мирному филистеру, или къ тому другому Канту, революціонному автору революціонныхъ сочиненій, тому Канту, котораго Гейне называлъ героемъ великой революціи?“

Лабріола не дожилъ до торжества своихъ идеаловъ, но до конца дней своихъ онъ былъ убѣжденъ, что это торжество не за горами.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Международное соціалистическое бюро. 7 февраля (25 января) состоялось засѣданіе международнаго соціалистическаго бюро. Присутствовали представители Германіи (Зингеръ, Каутскій и Роза Люксембургъ), Франціи (Вальянъ и Чиппріани), Англіи (Гэнтеръ Уоттъ и Квельчъ), Голандіи (Трэльстра и Фанъ Коль), Россіи (Плехановъ), Австріи (Адлеръ), Польши (Валецкій) и Аргентины (Комбье). Бюро занималось главнымъ образомъ вопросами, связанными съ предстоящимъ Амстердамскимъ международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ. Затѣмъ бюро приняло нѣсколько резолюцій. Первая изъ нихъ касалась преслѣдованій русскихъ соціалистовъ въ Германіи. Вотъ ея текстъ:

„Международное соціалистическое бюро энергично протестуетъ противъ преслѣдованій русскихъ соціалистовъ полиціею и правительствомъ въ Германія;

„строго осуждаетъ политику унизительныхъ услугъ, превращающую Германію въ простое орудіе русскаго деспотизма;

„поздравляетъ нѣмецкихъ и итальянскихъ соціалистовъ за ихъ дѣятельную помощь русскимъ борцамъ, преслѣдуемымъ царизмомъ;

„приглашаетъ соціалистическія партіи всѣхъ странъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы противодѣйствовать вліянію царизма, стремящемуся все въ большей мѣрѣ распространиться на страны Запада и представляющему постоянную опасность для демократіи и цивилизаціи“.

По поводу русско-японской войны (во время засѣданія бюро еще не было извѣстно объ ея объявленіи) была принята слѣдующая резолюція:

„Если, благодаря преступленіямъ правительствъ и капиталистовъ, вспыхнетъ война между Россіей и Японіей, бюро приглашаетъ соціалистовъ всѣхъ странъ, и, въ особенности, соціалистическія партіи Франціи, Англіи и Германіи, бороться со всею энергіею соединенными усиліями, чтобы не допустить распространенія войны, чтобы заставить свои страны не только не участвовать въ ней, но, напротивъ, стараться во[illegible] и сохран[illegible]“.

Въ заключеніе была принята резолюція въ пользу независимости балканскихъ народностей.

Собранія для протеста противъ Русско-Японской войны. 18 (5) февраля состоялось въ Женевѣ собраніе россійскихъ гражданъ, созванное четырьмя соціальдемократическими организаціями: Заграничною Лигою Русской Революціонной Соціальдемократіи, Заграничнымъ Комитетомъ Бунда, Соціальдемократіей Польши и Литвы и Польской Соціалистической Партіей „Пролетаріатъ“. Присутствовало 313 человѣкъ. Были произнесены рѣчи, въ которыхъ выяснялось значеніе войны съ точки зрѣнія внутренней политики Россіи и международнаго положенія дѣлъ. 289 голосами противъ 3 при 21 воздержавшихся было рѣшено послать японскимъ соціалистамъ слѣдующую телеграмму: „289 россійскихъ гражданъ, созванныхъ въ Женевѣ 18 февраля на собраніе соціальдемократическими организаціями Россіи, протестуя противъ преступленія русскаго самодержавнаго правительства и японскихъ господствующихъ классовъ, вовлекшихъ оба народа въ войну, шлютъ привѣтъ японскимъ соціалистамъ, ведущимъ энергичную борьбу за миръ“.

Затѣмъ 274 голосами противъ 33 при 6 воздержавшихся была принята слѣдующая резолюція, предложенная созвавшими собраніе организаціями:

Собраніе констатируетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что

война Россіи съ Японіей не есть война русскаго народа съ народомъ японскимъ. Болѣе того. Эта война не является даже войною за жизненные интересы буржуазныхъ классовъ русскаго общества. Она представляетъ собою послѣдній актъ многолѣтней авантюристской внѣшней политики, диктуемой самодержавію его полнымъ несоотвѣтствіемъ основнымъ потребностямъ развитія страны.

Заглушить народный протестъ громомъ орудій, поддержать свой престижъ шумомъ военныхъ дѣйствій, развратить общественное сознаніе націоналистическими и шовинистическими чувствами — такъ стремится самодержавіе использовать эту войну, за которую народъ заплатитъ тысячами человѣческихъ жизней и неизмѣримыми матеріальными жертвами.

Война противъ войны, мобилизація оппозиціонныхъ и революціонныхъ элементовъ противъ правительственной мобилизаціи націоналистическихъ и шовинистическихъ силъ — такова обязанность всѣхъ честныхъ гражданъ Россіи. При данномъ положеніи дѣлъ эта война противъ войны есть неизбѣжно борьба противъ царизма, борьба за созданіе нормальныхъ условій государственнаго существованія, борьба за интересы культуры.

Собраніе выражаетъ твердую увѣренность въ томъ, что всѣ оппозиціонные элементы Россіи, рука объ руку съ революціоннымъ пролетаріатомъ, поведутъ правильную политическую кампанію, задачи которой превратить войну оффиціальной Россіи противъ Японіи въ войну русскаго народа противъ оффиціальной Россіи.

Эта же резолюція была принята въ Лозаннѣ 139 голосами при 3 воздержавшихся и (съ нѣкоторыми добавленіями) въ Бернѣ на собраніи 240 человѣкъ.

Митинги въ Лондонѣ (500 чел.) и въ Парижѣ, созванные группами Партіи, приняли резолюціи соотвѣтствующаго содержанія.

Вышла брошюра *М. Панина* „Кустарничество и партійная организація“. Ред. „Искры“ выпущены прокламаціи: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?“ и „Война противъ войны“. — **Сѣвернымъ Ком.** выпущенъ листокъ на первое января. — **Тульск. Ком.** выпущены два номера газеты „Правда“. — **Нижегородскимъ Ком.** — два номера „Листка“. — **Донскимъ Ком.** — „Къ рабочимъ фабрики Токарева“; „Къ рабочимъ фабрики Максимова“, къ рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ по поводу молебна о побѣдѣ надъ Японіей и еще два листка о войнѣ и статья № 56 „Искры“ „Въ тискахъ“. — **Гомельской** группой партіи — извѣщеніе объ ея образованіи и листокъ: „поднялся православный народъ на поповъ и царя!“ (печатн.). — **Херсонскимъ Ком.** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (о войнѣ и свободѣ, печатн.). — **Донецкимъ Союзомъ** (Союзъ Горнозаводск. рабочихъ) — „Новогодніе итоги“, вышелъ въ 2.500 экз. — **Кіевскимъ Ком.** — листокъ „Въ застѣнкѣ“ (объ истязаніяхъ въ тюрьмѣ). — **Берлинской** секціей заграничной Лиги русской революціонной соціальдемократіи — „Къ русской колоніи въ Берлинѣ“ (по поводу объявленія войны). — **Группой с.-д.** въ Харьковѣ и **Орг. Ком. учащихся** въ Кіевѣ изданы листки противъ войны.

Денежный отчетъ за 1903 г. Сѣвернаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. (до октября Сѣвернаго Рабочаго Союза). Приходъ: январь-мартъ 357 рублей, Апрѣль 105 рублей, Май 284 рубля, іюнь 210 рублей, іюль 146 рублей, августъ 286 рублей, сентябрь 318 рублей, окт.-декабрь 1,611 р. 03 к., всего 3,317 рублей 03 коп. Расходъ: литература 394 р. 50 к., дост. „Искрѣ“ 300 рублей, техника 210 р., помощь заключеннымъ 549 руб., конспиративные расходы 1511 р. 78 коп., въ долгъ 50 рублей, всего 3.015 рублей 28 коп. Къ 1-му января 1904 года въ кассѣ 301 рубль 75 коп.

Свѣдѣнія за 1903 г. объ издательской дѣятельности бывшаго Сѣверн. Раб. Союза были своевременно сообщены въ „Искрѣ“. Литературная дѣятельность Сѣвернаго Ком. (съ октября): издано въ типографіи: „Листокъ Сѣвернаго Ком.“ № 1, 2,500 экз., тоже № 2, 2,500 экз. (тоже № 3 изданъ въ количествѣ 3,000 экземпл., взятъ съ типографіей), листокъ къ рабочимъ (3,000 экз.), къ учащимся (2.000 экз.), опросные листки о положеніи рабочаго класса и классовой борьбы (1,000 экз.). Издано на гектографѣ: къ рабочимъ Дунаева (100), ко всѣмъ (объ арестѣ типографіи — 100), новогодній листокъ (два изданія — 700), къ костромскимъ рабочимъ о голодовкѣ (300), денежный отчетъ Сѣвернаго Ком. (200), Нелегальной литературы распространено: Сѣвернымъ Рабочимъ Союзомъ (съ января по октябрь) 10 пудовъ, Сѣвернымъ Комитетомъ (октябрь-декабрь) 10 пудовъ 30 фунтовъ; всего за 1903 г. 20 пудовъ 30 фунтовъ. Изъ полученной литературы распространено: „Искра“ №№ 25-34, „Заря“ 2-3, 4, почти всѣ отдѣльныя изданія „Лиги“, „Зари“ и „Искры“, нѣкоторыя изданія Союза Русск. С.-Д. (Стачка лжи и др.), календарь на 1902 годъ, изданіе „Борьбы“, изд. Одесскаго Ком. (Пауки и мухи, Іюльскіе дни въ Одессѣ), изд. Ц. К. (Кто чѣмъ живетъ, Манифестъ коммунист. Партіи и извѣщеніе о съѣздѣ), рѣчь Гольдблята, изд. „Воли“: „Государственное устройство“, „Письма къ другу о недругѣ“ и много другихъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Нижній-Новгородъ. Сентябрскіе и декабрскіе аресты и обыски вызваны провокаціей Бѣляева. — **Москва.** Арестован. въ числѣ взятыхъ 6-7 іюня 1903 года Константинъ Петровичъ Давыдовъ, выпущенный послѣ двухъ недѣль и оставленный въ Москвѣ на прежней службѣ въ банкирской конторѣ Юнкеръ и К., оказался **предателемъ.** По упомянтому дѣлу оставлены въ тюрьмѣ до приговора: нелегальные М. Лещинскій и М. Батыревъ, Н. Котельниковъ (моск. студ.), А. Орловъ (бывш. студ.-лѣсн.) и С. Черномордикъ (студ.). — **Вильна.** 17 декабря арестованъ Александръ Бакстъ, 1-3 января арест. дантистъ Мозесъ. — **Либава.** 1-3 янв. арестов. Марія Гамбургъ, Тереза Маркъ, Давидкинъ, Вильманъ, Рабиновичъ, Гелеръ, Рамъ, г-жа Гринбергъ. — **Рига.** Взяты въ началѣ января Евгеній Лысевичъ и Миссунъ. — **Митава.** Рабочій Ленцманъ (арестованный въ маѣ) сосланъ на три года въ Иркутскую губ. — **Кіевъ.** На улицѣ взятъ Гринбергъ. — **Житоміръ.** Въ первыхъ числахъ декабря арестованы раб. Тетерчукъ и „неизвѣстный“. Въ мѣстной тюрьмѣ, кромѣ нихъ, сидятъ Россинъ, Ушеренко (раб.), Либерфарбъ, Коганъ, Ароновичъ, Шнайдерманъ, Петляръ, другой Тетерчукъ, Махинка, Дубъ, Быкъ, Пятецкій, Пробусевичъ, Горнштейнъ и еще двое. — **Луцкъ.** Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Якобсонъ (раб.), Плавскинъ, Виленкинъ и еще трое. Якобсонъ былъ арестованъ въ Житомірѣ въ августѣ съ прокламаціями виленской соц.-дем. группы, получилъ приговоръ 3 года Вост. Сиб. — **Одесса.** Въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ 185 мужчинъ и 23 женщины. — **Ярославль.** Въ ярославской тюрьмѣ находятся: Ванновскіе (мужъ и жена) и еще двое (фамиліи не установлены) — всѣ четверо взяты съ типографіей С. К.; Принцевы (мужъ и жена), Ханскій и Козловъ (типограф., Коровинъ (чин.), Распопова (зав. публ. библ.), К. Крыловъ (быв. студ.), Крыловъ, Розановъ, Смирновъ и Рождественскій (семин.), Барщевскій (инт.), Дубининъ (уч. торг. шк.), Эгельманъ (интел.), Семеновъ и Амбаровъ (крест.), Габеманъ (интел.). На квартирѣ уѣхавшей въ Москву Ю. Д. Воровской былъ обыскъ. Жандармы увѣряютъ, что она арестована. — **Шуя.** Арестован. Афанасьевъ (60-тилѣтній старикъ) трехднѣвной голодовкой добился улучшенія пищи. — **Владиміръ.** Въ тюрьмѣ находятся: Шотманъ (рабочій по СПБ. и Ив.-Возн. дѣлу), Бутягинъ (техникъ) и Андреевъ (рабочій по Кіевскому и Ив.-Возн. д.). — **Иваново-Вознесенскъ.** 15 декабря изъ арестантск. отд. при Ив.-Возн. полиц. домѣ освободили рабочаго Малкова, предавшаго за 27 рублей своихъ товарищей. Кромѣ него выдавалъ еще и рабочій Красавинъ. Освобождены: Поляковъ, Клюкинъ, Барашковъ, Голубевъ, Ивановъ. Перевезены: во Владиміръ — Мыловъ и въ Муромъ — Козловъ. — **Кострома.** Послѣдняя голодовка въ здѣшней тюрьмѣ была 24 ноября и продолжалась восемь дней. Въ это время распространенъ былъ листокъ Сѣвернаго Ком., приглашающій товарищей на волѣ зорко слѣдить за борьбой сидящихъ товарищей и въ случаѣ надобности придти къ нимъ на помощь. На восьмой день голодовки девять человѣкъ (демонстранты) получили приговоры: Крыловъ (бывш. студ.) — 6 л. В. С., рабочіе Курановъ, Галочкинъ и Петровскій по 4 года В. С., остальные пять человѣкъ (рабочіе, изъ нихъ одна неграмотная работница) по 3 года Архангельской губ. Недавно арестованъ по указанію ярославскихъ жандармовъ Лебедевъ, а по указанію иногородняго шпіона арестованъ Сенжуръ. По инціативѣ мѣстн. жандармовъ арестованы Ширская (вып.) и рабочій Задоринъ. Въ настоящее время въ костромской тюрьмѣ сидятъ: Романовъ (сотр. Сѣв. Кр.), изъ Яросл., Козловъ (сотр. Сѣв. Кр.), Горшковъ (столяръ) и еще двое рабочихъ. — Въ **Новоторжскомъ** уѣздѣ, Тверской губ. арестованы народные учителя: Пухлемскій, Митропольскій, Марковъ, Нестеровъ и учительницы: Понатина, Ширяева. — Въ **Вологдѣ** арест. Бляхеръ (стат.). Было нѣсколько обысковъ. — Въ **Архангельской** губерніи всего ссыльныхъ до 400 чел., изъ нихъ въ г. Архангельскѣ до 50 челов., столько же и въ Вологодской губерніи. — Въ **Екатеринославѣ** 18 и 19 января былъ большой провалъ. Число арестованныхъ пока установить трудно. Пока извѣстны слѣдующія лица: губ. врачъ Чериковеръ, пом. прис. пов. Гальперинъ, фельдшерицы Лесманъ и Моисеева, поднадзорные Аркина и Золковеръ, дант. Вайнтрубъ, экстернъ Грушко, гимназ. Шульгинеръ, студ. Горнаго училища Ханкинъ, еще нѣсколько студентовъ и рабочихъ. — Въ **Тифлисѣ** — небывалый провалъ. 5-6 января взято на собраніи 12 интеллигентовъ и 40 рабочихъ; 13 января провалъ повторился: взяты на собраніи 14 чел. и отдѣльно три грузинки. Кромѣ того были одиночные аресты, такъ что общее число арестованныхъ превышаетъ 100 чел. Метехскій замокъ, совершенно очищенный отъ уголовныхъ, переполненъ. Извѣстны слѣдующія фамиліи: Аршакъ Зурабовъ, Цхакая, докт. Худатовъ (выпущенъ), Борисова, студ. Пересъ, Постоловскій (поднадзорн.), нѣсколько армянокъ и много грузинъ, въ томъ числѣ вся редакція грузинской газеты „Квали“ (студ. Церетели, бывш. моск. ст., возвращенный „высочайшей милостью“ изъ В. Сиб., Нанешвили и др.). Особенно рылись въ редакціи и въ одной библіотекѣ. Паника въ Тифлисѣ — громадная. Обстоятельства арестовъ подозрительны. Собраніе 13 января было окружено казаками, для чего-то стрѣлявшими въ воздухъ. — **Таганрогъ.** Изъ числа арестованныхъ по дѣлу демонстраціи 5 рабочихъ освобождены. Въ настоящее время въ Таганрогской тюрьмѣ сидятъ по мѣстнымъ дѣламъ: Альштейнъ, Готлоберъ, Залкиндъ, Чайко, Прокопенко, Сиповскій (послѣдніе трое — рабочіе): по дѣлу Донск. Ком. Журавская (инт.) и двѣ женщины, взятые по дѣлу типографіи. Всѣхъ взятыхъ по дѣлу типографіи на дняхъ уже отправляютъ до приговора въ Восточную Сибирь.

Приговорены: Сергѣй Ивановъ, студ.-лѣсн. (по д. транспорта соц.-рев. въ Варшавѣ въ 1903 г.) — 5 лѣтъ Архангельской губ.; М. Брондо (дѣло „Раб. Вил.“ 1901 г.) — 5 лѣтъ Якутской обл.; по тому же д. въ Сибирь до приговора были сосланы Липская и Ципкина; по Полтавскому дѣлу на 5 лѣтъ въ Вост. Сиб. сосланъ К. Шехтеръ (бывш. студ.-медикъ). — **Брусиловскій,** привлекавшійся по дѣлу соц.-рев. въ Одессѣ, получилъ приговоръ два года креста и 6 лѣтъ Восточ. Сиб. Въ Самарской пересыльной тюрьмѣ **онъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи,** но получилъ отказъ. Товарищи прекратили съ нимъ всякія сношенія.

Сосланы: Михаилъ Затонскій 3 года Архангельской губ., Григорій Калининъ, Иванъ Ивановъ по 3 года Олонецкой губ., всѣ три за пѣніе рев. пѣсенъ и избіеніе шпіоновъ и полицейскихъ чиновъ въ Саратовѣ 16 февраля 1903 г.; Николай Ивановъ — 4 г. Арханг. изъ Нижняго; Михаилъ Калюжный — 4 г. Олонецкой губ. изъ Тулы; выданный Бокаемъ изъ Екатеринослава, Вл. Кирриловъ, студ. изъ Аккермана — Архангельск. до приговора. Іосифъ Нароцкій, Яковъ Миллеръ по 3 г. Вост. Сибири изъ Сморгони по дѣлу „Бунда“; Абрамъ Баскинъ до приговора Вост. Сиб. изъ Одессы: Спожникъ, Ривекка Новогородская (демонстр. въ Вильнѣ) на 5 лѣтъ Вост. Сиб.; Зельманъ Эринбургъ, Абрамъ Ицковичъ, Мовша Левинъ, Есель Цигельманъ, за Ковенскую демонстрацію по 4 года Вост. Сиб.; Борисъ Фастовичъ Тарасовъ — 5 лѣтъ Вост. Сиб., за типографію въ Пензѣ, сидѣлъ 1½ г. въ Петропавловской крѣпости: Марія Бойко изъ Петербурга до приговора въ Архангельск. губ.; Энта Каменаръ — 5 лѣтъ Вост. Сибирь (изъ Петропавловской крѣпости)

Въ Архангельск. или Олонецк. губ. идутъ слѣдующіе: Ревенковъ, Никитины Елена и Александра, Аѳанасій Кабановъ, Ал. Ивановъ.

Бѣжали: Наз. Занцевичъ (Петерб. соц.-дем. дѣло) изъ Архангельской губ.; Леонилла Биронтъ (Моск. Ком. 1902 года) — изъ Енисейской губ.; Софья Фихманъ (Одесское дѣло) — изъ Иркутской губерніи; Анна Шейнбаумъ — изъ Енисейской губ.

Некрологи: 1) 5 января въ городской Одесской больницѣ умеръ рабочій **Юсовичъ,** сильно пострадавшій во время послѣдняго избіенія въ Одесской тюрьмѣ. Рабочіе хотѣли устроить демонстрацію на похоронахъ, но полиція тайно похоронила замученнаго ею человѣка. 2) 4 января въ Полтавѣ умеръ, послѣ недолгаго заключенія въ мѣстномъ исправительн. отдѣл., Бычковъ, извѣстн. рабочій-агитаторъ, выдвинувшійся въ стачкѣ екатеринославскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ 1899 г. Покойный былъ арестованъ для ссылки на 3 г. въ Сибирь.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Математику. Используемъ. — **Беру.** Письма не поняли; кто вы — не знаемъ, сообщите отъ кого получили адресъ и дайте ключъ.

Отчетъ Заграничной Лиги русской революціонной соціальдемократіи. Черезъ Аксельрода отъ земскихъ врачей сѣверянъ 50 руб. Изъ Нью Іорка 253 фр. Отъ одной барышни 15 и еще 12 фр. Изъ Митвейды 30 марокъ. Изъ Вѣны въ общей сложности 150.70 фр. Изъ Берна за январь 500 фр. (въ томъ числѣ ежемѣсячн. взносъ 39.50 фр., за литературу 170.50 фр., Б. И. Ф. 105 фр., вечеринка подъ новый годъ 145 фр., въ пользу кримичаускихъ стачечниковъ 40 фр.). Изъ Льежа за декабрь 116.85 фр. и за январь 100 фр. Изъ эмигрантской кассы въ Цюрихѣ 50 и 50 фр. Изъ Лозанны за январь 124 фр. Изъ Фрейбурга 25 фр. Изъ сибирской кассы въ Карлсруэ 122 фр. Изъ Женевы въ пользу кримичаускихъ стачечниковъ 41 фр. Изъ Давоса въ пользу Лиги по листу № 117 черезъ Нину получено 100 фр. Въ Лондонѣ изъ м. Креславки получено за „Искру“ черезъ И. З. 3 шил. 2 пенс. Отъ П. П. 400 фр.

Отчетъ заграничнаго представителя Ц. К. Изъ Нанси 140 фр. для Иркутской кассы ссыльныхъ; черезъ Астраханскій Ком. отъ Арх. въ полное распоряженіе Ц. К. 363 руб. 65 коп.; отъ Г. С. Д. — 118 мар. на спеціальную цѣль и еще отъ него — 250 мар.; отъ М—цева 30 рублей.

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 60. 25-го февраля 1904 г. Годъ IV.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

ЕВРОПЕЙСКІЙ СУДЪ НАДЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІЕЙ.

Четыре нѣмецкихъ министра торжественно и рѣшительно осудили русскую революцію. Они заявили, что германское правительство намѣрено и впредь, какъ это дѣлало до сихъ поръ, преслѣдовать русскихъ соціалистовъ и сочувствующихъ соціализму русскихъ студентовъ, выслѣживать ихъ съ помощью шпіоновъ нѣмецкихъ и содѣйствовать травлѣ ихъ шпіонами русскими, при случаѣ арестовывать ихъ и выдавать Россіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, карать и тѣхъ нѣмецкихъ подданныхъ, которые будутъ уличены въ „пособничествѣ и попустительствѣ“ дѣлу русской революціи.

Четыре дня дебатовъ въ германскомъ рейхстагѣ и прусскомъ ландтагѣ, вызванныхъ запросомъ нашихъ нѣмецкихъ товарищей по поводу систематическихъ происковъ русской политической полиціи въ Германіи и преслѣдованій нѣмецкихъ соціальдемократовъ за содѣйствіе транспорту русскихъ революціонныхъ изданій — эти четыре дня дебатовъ не прошли все же даромъ. Вѣрная своей обычной тактикѣ, германская соціальдемократія и въ этомъ случаѣ *заставила* германское буржуазное общество въ лицѣ его оффиціальныхъ представителей сорвать съ себя маску и высказать сокровенный смыслъ своей политики. Послѣ ряда попытокъ отрицать самый фактъ полицейскаго хозяйничанія русскаго царизма въ Германіи и своихъ лакейскихъ услугъ царизму въ этой области, послѣ того, какъ — не безъ помощи фальсификаціи цитатъ — оно попыталось увѣрить, что преслѣдуетъ однихъ только „анархистовъ“, — германское правительство устами канцлера Бюлова цинично признало, что оно *намѣрено всѣми зависящими отъ него средствами помогать царизму въ его борьбѣ съ русской революціей*.

Да! Царизму, преслѣдующему балтійскихъ нѣмцевъ, какъ „агентовъ пангерманизма“; царизму, варварски преслѣдующему, во имя православія, русскихъ евангелистовъ-баптистовъ, какъ проводниковъ „нѣмецкой интриги“; царизму, заключившему двойственный союзъ въ цѣляхъ парализованія германской гегемоніи на международной аренѣ; этому царизму оффиціальная Германія обѣщаетъ свое безусловное содѣйствіе въ дѣлѣ борьбы за его существованіе. Силы одной изъ культурнѣйшихъ европейскихъ странъ отдаются въ распоряженіе злѣйшаго врага европейской культуры.

Г. Бюловъ не удержался на позиціи борьбы съ террористическимъ анархизмомъ, въ понятіе котораго онъ пытался втиснуть русскій *политическій* терроризмъ. Выбитый изъ этой традиціонной полицейской позиціи, онъ, ссылаясь на недавнюю статью Каутскаго, сказалъ ясно и кратко: нѣмецкіе соціальдемократы привѣтствуютъ предстоящее паденіе царизма, какъ первый ударъ дѣлу международной реакціи, какъ такое событіе, которое должно повлечь за собою политическую демократизацію Германіи. *И именно поэтому мы намѣрены душить русскую революцію.* Именно поэтому честь и доброе имя Германіи будутъ отданы въ полную собственность агентамъ Плеве!

И германская буржуазія апплодировала этимъ словамъ. Стыдливо прячась за ширмой „борьбы съ анархизмомъ“, несуществующимъ въ Россіи, и борьбы съ терроризмомъ, отрицаемымъ громаднымъ большинствомъ русскихъ революціонеровъ, она, поддержавъ свое правительство, публично признала, что дѣло распространенія европейской культуры, дѣло *политической и гражданской свободы* навсегда предано ею врагамъ культуры и свободы.

И русская революція, единственная представительница европейской культуры въ своей странѣ, вышла изъ этихъ недавнихъ дебатовъ все такъ же изолированной, все такъ же лишенной другихъ союзниковъ, кромѣ сознательныхъ пролетаріевъ Запада. Германская буржуазія, не перестающая чтить своихъ великихъ революціонеровъ 48-го года; французская буржуазія, молящаяся тѣнямъ титановъ 1789 и 1792 годовъ, отреклись разъ навсегда отъ всякой солидарности съ тѣми, кто борется за русскіе 1789 и 1848 годы, отъ солидарности съ тѣми, на кого исторія возложила задачу — додѣлать въ Петербургѣ и въ Москвѣ то, что было начато въ Парижѣ и продолжено въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

Процессъ ликвидаціи стараго порядка въ Европѣ переносился изъ одной страны въ другую при восторженныхъ рукоплесканіяхъ гражданъ, успѣвшихъ ранѣе освободиться отъ одного и того же, по своей природѣ, сословно абсолютистскаго ига. За паровой машиной, разрушавшей основы стараго порядка, въ преобразовывавшіяся ею страны неслись изъ передовыхъ странъ не только революціонныя идеи, но и живыя симпатіи освободившей себя уже буржуазіи. Революціонный классъ — буржуазія — двигала дѣло міровой культуры, способствуя революціонизированію новыхъ и новыхъ обществъ.

Россія не успѣла воспользоваться крохами съ этого богатаго пира буржуазной революціи. Пасынки исторіи, мы пробуждены были европейской культурой въ тотъ моментъ, когда она исчерпала свою буржуазную оболочку и когда вчерашній борецъ за нее — европейская буржуазія — *утратила интересъ борьбы* за ея міровое распространеніе. И вторженіе паровой машины въ наше народное хозяйство принесло намъ, вмѣстѣ съ потребностью въ свободѣ, звуки великой классовой борьбы пролетаріата, но, вмѣстѣ съ ними, къ намъ залетѣлъ и похоронный мотивъ той отходной, которую исторія поетъ европейской буржуазіи.

И вотъ мы одни въ борьбѣ съ сильнымъ еще царскимъ варварствомъ, подкрѣпленнымъ всей матеріальною мощью, которую европейская буржуазія можетъ еще принести своему верховному повелителю — самодержцу всѣхъ русскихъ бастилій. Одни — ибо европейскій пролетаріатъ, съ живымъ сочувствіемъ слѣдящій за нашей борьбой, не властенъ воспрепятствовать буржуазной Европѣ въ ея предательствѣ интересовъ европейской культуры. Одни, потому что не свергнутый нами еще царизмъ самъ доставляетъ буржуазной Европѣ средства для того, чтобы держать въ уздѣ революціонный пролетаріатъ свободныхъ странъ.

Германія арестуетъ, преслѣдуетъ, изгоняетъ и выдаетъ русскихъ революціонеровъ; Австрія состязается съ ней въ этомъ благородномъ занятіи; французская пресса отравляетъ общественное мнѣніе культурнаго міра апологіей царизма и замалчиваніемъ русскаго освободительнаго движенія; французская, германская и бельгійская буржуазія соревнуютъ въ поставкѣ царизму капиталовъ, необходимыхъ для поддержанія его паразитарнаго существованія. Освободившіе себя — подъ натискомъ пролетарскаго движенія — отъ всякихъ обязанностей передъ дѣломъ культуры и свободы, во имя котораго сражались и умирали ихъ великіе предки, — буржуазные классы Запада всѣ свои силы отдаютъ дѣлу сохраненія послѣдняго оплота до-буржуазнаго варварства.

И не при побѣдныхъ кликахъ человѣчества, освобожденнаго отъ кошмара той „азіатской опасности“, которую воплощаетъ царизмъ, освободимся мы отъ нашего рабства. Европа, отъ имени которой говорятъ Бюловы и Делькассэ, встрѣтитъ нашу свободу зубовнымъ скрежетомъ и реакціоннымъ воемъ попытается заглушить привѣтствія европейскаго пролетаріата.

Пасынкамъ исторіи — намъ не суждено испытать иллюзій, которыя окрасили первые дни свободы на Западѣ... Съ первыхъ же минутъ передъ нами будетъ стоять во всеоружіи своей матеріальной мощи міровая буржуазія, историческое дѣло которой мы додѣлываемъ, и попытается оторвать насъ отъ той культуры, пріобщеніе къ которой мы покупаемъ потоками своей крови.

И, чтобы отстоять *свое* право на активное участіе въ міровой цивилизаціи, мы должны быть готовы изъ глубины своихъ „восточныхъ степей“ бросить гордый вызовъ измѣнившей своему дѣлу буржуазной Европѣ, должны возжженный у насъ факелъ революціи перебросить назадъ въ Европу, гдѣ революціонной искры ждутъ горы приготовленнаго самой буржуазіей горючаго матеріала...

Невольные участники вѣковыхъ преступленій, совершенныхъ отъ имени Россіи надъ европейской цивилизаціей, мы сторицей воздадимъ своимъ европейскимъ учителямъ. Кровь, которую щедро прольетъ русскій пролетаріатъ въ дни близкой уже революціи, будетъ пролита во имя свободы Россіи и во имя дѣла *пролетаріата всего міра*. Буржуазная Европа топчетъ въ грязь свою политическую и національную честь ради русскаго царизма. Дѣломъ классовой чести русскаго пролетаріата, дѣломъ политической чести русской революціи является дать первый толчокъ къ ликвидаціи всеевропейской реакціи, къ освобожденію всего міра отъ антикультурной и реакціонной въ наши дни классовой диктатуры всемірной буржуазіи.

Только геройская борьба — борьба на жизнь и смерть — позволитъ воителямъ русской свободы свалить съ ногъ чудовище царизма. Эта геройская борьба оживитъ въ европейскихъ народахъ воспоминанія о славныхъ дняхъ революцій, создавшихъ современный гражданскій строй. Она живымъ примѣромъ напомнитъ народамъ, что долгія десятилѣтія подготовительной исторической работы имѣютъ свое логическое завершеніе въ бурныхъ мѣсяцахъ коренной революцонной ликвидаціи...

Гг. фонъ-Бюловъ, Гаммерштейнъ, Рихтгофенъ и Шёнштедтъ скрѣпили своей подписью обвинительный приговоръ европейской буржуазіи надъ дѣломъ русской революціи, дѣломъ русскаго пролетаріата. Тѣмъ самымъ они подписали европейской буржуазіи обвинительный приговоръ по дѣлу о предательствѣ ею интересовъ міровой культуры. Тѣмъ самымъ они освятили наше революціонное дѣло въ глазахъ наслѣдника этой культуры — пролетаріата цивилизованнаго міра. И черезъ головы оффиціальныхъ представителей Европы пролетаріи „восточныхъ степей“ привѣтствуютъ своихъ западныхъ собратьевъ побѣднымъ кличемъ: положитесь на насъ, мы исполнимъ свой долгъ — долгъ пасынковъ европейской цивилизаціи!

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

Въ лицѣ Н. К. Михайловскаго сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ литературныхъ представителей цѣлаго періода нашего общественнаго развитія, — того періода, когда проснувшаяся передовая демократія, состоявшая почти исключительно изъ интеллигенціи, очутилась лицомъ къ лицу съ народомъ, про котораго еще можно было сказать словами Некрасова:

> Прочна суровая среда,
> Гдѣ поколѣнія людей
> Живутъ безсмысленнѣй звѣрей
> И умираютъ безъ слѣда
> И безъ урока для дѣтей.

Шестидесятые годы, когда складывалось міросозерцаніе Михайловскаго, были эпохой формированія этой демократіи — интеллигенціи. Къ концу упомянутаго десятилѣтія, когда Михайловскій сразу занялъ прочное положеніе въ литературѣ, его взгляды уже сложились и въ своихъ теоретическихъ основахъ не измѣнялись за всѣ долгіе годы его неустанной литературной дѣятельности. Лучшимъ временемъ этой дѣятельности, какъ объективно, такъ и по личнымъ воспоминаніямъ Михайловскаго, было время „Отечественныхъ Записокъ“, совпавшее и съ героическимъ періодомъ въ жизни оторванной отъ народа революціонной интеллигенціи.

„Властителемъ думъ“, какъ теперь часто говорятъ, революціоннаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ Михайловскій не былъ и не могъ быть, какъ по индивидуальнымъ особенностямъ своего ума, такъ и по обстоятельствамъ времени. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ несомнѣнно составлялъ нѣчто единое и нераздѣльное съ этимъ поколѣніемъ. Вся сила его ума была направлена на то, чтобы подвести теоретическій фундаментъ подъ тѣ задачи, которыя ставило, по его мнѣнію, предъ русской интеллигенціей современное положеніе русскаго народа. Мы не хотимъ сказать, чтобы въ глазахъ Михайловскаго его теорія „борьбы за индивидуальность“, его различеніе типовъ и степеней развитія обществъ и прочее, были бы примѣнимы лишь къ Россіи даннаго момента. Онъ придавалъ имъ, наоборотъ, не то что общечеловѣческое, но общебіологическое значеніе. Тѣмъ не менѣе, кровный интересъ для него представляли, главнымъ образомъ, тѣ выводы, которые вытекали изъ нихъ для Россіи въ данный моментъ: она отличается отъ Западной Европы по типу, а не только по степени своего развитія; въ ней сохранился нетронутый дифференціацией типъ крестьянина, производящаго собственнымъ трудомъ все для себя нужное, здѣсь именно для интеллигенціи возможна побѣда въ борьбѣ за индивидуальность этого крестьянина противъ общества, стремящагося посредствомъ раздѣленія труда превратить его въ свой органъ. Субъективный методъ примѣняли, по мнѣнію Михайловскаго, мыслители всѣхъ временъ и народовъ, но въ Россіи этотъ методъ былъ особенно дорогъ, такъ какъ ограждалъ умы отъ подавленія авторитетомъ западныхъ ученыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выводы этихъ ученыхъ оказывались въ противорѣчіи съ задачами русской интеллигенціи.

Не смотря, однако, на свою кровную связь съ даннымъ моментомъ русской дѣйствительности, философско-соціологическія построенія Михайловскаго были слишкомъ общи и отвлеченны, чтобы рвавшееся къ дѣятельности революціонное поколѣніе могло находить въ нихъ отвѣты на свои наиболѣе жгучіе вопросы. „Отечественныя Записки“, и въ нихъ Михайловскаго, читала вся радикальная молодежь. Извѣстный отпечатокъ не на содержаніе только, а на самые пріемы мышленія интеллигенціи, Михайловскій, несомнѣнно, наложилъ, тѣмъ не менѣе „властителемъ думъ“, семидесятниковъ, ихъ любимымъ и авторитетнымъ учителемъ, какими были раньше Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, — Михайловскій не былъ. Но и самая задача учителя была уже не та. Овладѣть думами этого революціоннаго поколѣнія, вѣроятно, не смогъ бы ни одинъ писатель, — оставаясь на почвѣ легальной литературы. Типъ „кающагося дворянина“ и по мысли самого Михайловскаго относится къ шестидесятымъ годамъ. Его разрывъ съ родной средой, его самоотрицаніе и перевоспитаніе въ „новаго человѣка“, входило въ задачи литературы 60 годовъ, формировавшей первые кадры нарождавшейся демократіи. Вопросъ: что дѣлать — тогда еще тѣсно сплетался съ болѣе доступнымъ литературѣ вопросомъ: чѣмъ быть. Въ 70хъ годахъ создалась уже атмосфера, помогавшая юношамъ предназначеннымъ судьбою въ „новые люди“, такъ рано усваивать отрицательное отношеніе къ своей дворянской, чиновничьей или поповской средѣ, такъ рано заканчивать свое личное воспитаніе, что въ жизнь они вступали уже съ запросами, которыхъ легальная литература не могла касаться.

„На свой личный рискъ и страхъ, безъ малѣйшей помощи со стороны, онъ (революціонеръ) долженъ былъ додѣлывать, передѣлывать и раздѣлывать эфимериды Писарева“, писалъ Михайловскій въ январѣ 1881 года, защищая, какъ революціонную молодежь, такъ и „извѣстную часть литературы“, которая объ этихъ вопросахъ „молчала и будетъ молчать пока не будетъ въ состояніи взять полнаго аккорда...“ Это былъ моментъ нѣкотораго послабленія для литературы, но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ времена круто перемѣнились. Послѣ перваго марта въ литературѣ сразу разыгралась цѣлая оргія безстыднѣйшей травли и величайшей трусости, вызывавшей мгновенныя выворачиванія наизнанку всѣхъ своихъ взглядовъ. И теперь еще нельзя безъ сочувственнаго волненія читать статьи Михайловскаго, писанныя въ „это время ужаса... и добровольнаго шпіонства“, когда не уступая ни шагу, не взявъ ни одной фальшивой ноты, онъ отбивается отъ всей стаи „дикаго патріотизма, который, какъ хорошая охотничья собака обнюхиваетъ каждый кустъ, не пахнетъ ли жидомъ, полякомъ вообще не русскимъ или русскимъ измѣнникомъ.“ Въ первые годы реакціи статьи Михайловскаго дышатъ однимъ лишь бодрымъ, бичующимъ негодованіемъ и презрѣніемъ, въ нихъ не видно еще и тѣни подавленности и унынія. Дикая оргія казалась ему, вѣроятно, лишь скоропреходящей комбинаціей травли съ трусостью. Но годы шли, закрыты „Отечественныя Записки“, реакція не ослабѣвая, изъ острой переходитъ въ хроническую и, что еще того хуже, изъ правительственной въ общественную.

Индефферентизмъ, трезвенность, за тѣмъ толстовщина развивались все шире и шире, захватывя постепенно и учащуюся молодежь. Уже и уже становится кругъ истинныхъ „друзей читателей“, съ убѣжденіемъ повторяющихъ „старыя слова“. Но за то именно въ это время Михайловскій дѣйствительно становится „властителемъ думъ“, чуть не единственнымъ лучемъ свѣта для этой части интеллигенціи, хранившей вѣрность старымъ завѣтамъ и жившей воспоминаніями прошлаго и смутными надеждами на его возвращеніе.

Начало новаго движенія, разросшаеося затѣмъ въ современную революціонную борьбу, не могло принести Михайловскому новыхъ надеждъ на будущее. Оно предстало предъ нимъ въ лицѣ „учениковъ Маркса“, появленіе которыхъ на русской почвѣ всегда казалось ему полнѣйшей психологической невозможностью. Нѣкоторые изъ „учениковъ“ удивлялись въ то время, какъ это „умный, ученый, талантливый Михайловскій“ не только не признаетъ, а просто не понимаетъ ихъ взглядовъ. Иные выражали это удивленіе даже въ письмахъ къ самому Михайловскому. Но понять марксизмъ, какъ революціонное ученіе, зовущее на борьбу и работу, Михайловскій не могъ именно потому, что вложилъ всю силу своего ума и таланта въ созданіе и обоснованіе своей собственной теоріи. Прежде всего онъ не могъ допустить идеи пролетаріата, какъ революціоннаго класса съ развитіемъ котораго связано лучшее будущее всего человѣчества. Центральный пунктъ его собственной теоріи говорилъ ему наоборотъ, что пролетарій есть продуктъ частичной побѣды общества, стремящагося посредствомъ раздѣленія труда превратится въ организмъ высшаго порядка, это существо побѣжденное въ борьбѣ за индивидуальность, искалѣченное и низведенное на степень простого органа чужого организма. Съ точки зрѣнія Михайловскаго пролетарія слѣдуетъ жалѣть, ему слѣдуетъ помогать, но немыслимо возлагать на него надежды и ставить его впереди народныхъ массъ, состоящихъ изъ цѣльныхъ, не утратившихъ своей индивидуальности личностей. А не допуская этой главной идеи, превращающей марксизмъ изъ научной теоріи въ революціонную программу классовой борьбы, онъ долженъ былъ нравственно возмущаться самой возможностью распространенія этой теоріи въ Россіи. Въ то же время субъективный методъ, обязательный по его мнѣнію для всѣхъ и каждаго, дозволялъ ему приписывать привлекательность этой теоріи сознательному или безсознательному стремленію части интеллигенціи помогать капитализму или, въ лучшемъ случаѣ, мириться съ дѣйствительностью, пассивно складывая на груди ненужныя руки.

Самъ Михайловскій никогда мысленно не мирился съ злой дѣйствительностью, не мирился онъ и съ существованіемъ русскихъ марксистовъ. За послѣдніе годы, уйдя изъ легальной литературы, марксисты перестали заслонять отъ взоровъ Михайловскаго новую революціонную зарю, поднявшуюся надъ нашимъ отечествомъ. Онъ, повидимому, вѣрилъ, что предсказанное имъ быстрое исчезновеніе марксистовъ изъ русской жизни уже совершилось.

Не будемъ жалѣть объ этой иллюзіи.

Михайловскій былъ нашимъ непримиримымъ противникомъ, но мы можемъ пожелать, чтобы у соціальдемократіи было побольше сторонниковъ, которые съ такой же неизмѣнной и неподкупной преданностью защищали бы въ теченіе цѣлой жизни ея идеи, какъ Михайловскій защищалъ свои, — а это желаніе есть величайшая дань уваженія, какую только можно воздать противнику.

„ВЪ ОЖИДАНІИ УСПѢХОВЪ“.

Какъ и слѣдовало ожидать, царское правительство оказалось совершенно неподготовленнымъ къ вызванной имъ же войнѣ. Подъ покровомъ оффиціальнаго благополучія таилось то казнокрадство, та безстыдная безпечность хищниковъ, стремящихся, каждый, только урвать свой кусокъ, только пожить всласть сегодня, не думая о томъ, что будетъ завтра, то чудовищное презрѣніе къ жизни и достоянію милліоновъ трудового народа, которое издавна составляетъ душу самодержавнаго режима и заранѣе осуждаетъ его на пораженіе въ минуты рѣшительныхъ испытаній.

Захватывая Портъ-Артуръ, Таліенванъ, Манчжурію, дерзко провоцируя Японію на войну, царское правительство разсчитывало только на свою наглость и безстыдство; оно оказалось совершенно неспособнымъ разсчитать послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій и подготовиться къ той минутѣ, когда ему приходится сильно защищать свои „пріобрѣтенія". Таковъ суровый фактъ, который съ неумолимою ясностью выступаетъ сквозь груду ложныхъ извѣстій съ театра войны, фабрикуемыхъ на задворкахъ петербургскихъ и портъ-артурскихъ канцелярій, сквозь искусственный пафосъ лакействующей печати всѣхъ оттѣнковъ, сквозь шумиху полицейски-патріотическихъ манифестацій.

Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуетъ не только рядъ внушительныхъ пораженій, которыми началось война для Россіи. Само правительство вынуждено было печатно заявить о своей неподготовленности къ военнымъ дѣйствіямъ, о необходимости „терпѣливо ожидать извѣстій объ успѣхахъ нашего оружія". Видно, много надо будетъ „терпѣнія", долго придется „ожидать" и не объ одномъ пораженіи суждено намъ услышать раньше, чѣмъ дойдутъ извѣстія о проблематическихъ „успѣхахъ", если дерзкіе авантюристы, безконтрольно распоряжающіеся судьбами 130-милліоннаго народа, нашли необходимымъ заранѣе подготовлять народъ къ неудачамъ. Потому что это „правительственное сообщеніе", конечно, есть ничто иное, какъ трусливое и недоговоренное сознаніе въ преступленіи противъ народа. И жалкія оправданія — отдаленность театра войны отъ центра и „искреннее желаніе нашего правительства сохранить миръ" — никого не могутъ обмануть. Если дальній Востокъ „отстоитъ отъ центра государства на многія тысячи верстъ", зачѣмъ царское правительство совалось туда, чего искало оно тамъ? И если у него было „искреннее желаніе сохранить миръ", зачѣмъ захватывало оно чужую землю, зачѣмъ стремилось оно къ дальнѣйшимъ захватамъ, зачѣмъ вызывало оно Японію на войну?

„Правительственное сообщеніе" недвусмысленно говоритъ, что Россія должна готовиться къ дальнѣйшимъ пораженіямъ. А „Московскія Вѣдомости" находятъ, что, хотя фактъ неподготовленности правительства къ войнѣ „не радостенъ", но „онъ уже касается прошлаго, а потому о немъ не стоитъ и вспоминать". Нельзя лучше выразить трусливость прогнившаго и гибнущаго режима, который боится заглянуть въ будущее и хочетъ „не вспоминать" о „прошлыхъ" грѣхахъ своихъ, за которые наступилъ теперь часъ расплаты! Но пусть царское правительство старается „не вспоминать!" Мощные удары, которые, одинъ за другимъ, наноситъ ему Японія, заставятъ его еще не разъ „вспомнить" о томъ, что оно тщетно хотѣло бы забыть! И не только правительству, но и народу пораженія русскаго флота и русской арміи неустанно будутъ напоминать о преступленіяхъ самодержавія. Какъ грозный набатъ, они пробудятъ спящихъ, ударятъ по сердцамъ и отзовутся гнѣвомъ и местью въ душахъ милліоновъ людей, сыновья и братья которыхъ гибнутъ жертвой неспособности и дерзости царизма!

И какимъ жалкимъ и презрѣннымъ фиглярствомъ являются всѣ вопли о „вѣроломствѣ" японцевъ, „нападеніи изъ за угла", „азіатской хитрости и невѣжествѣ", вопли, такъ усердно расточаемые реакціонными наемниками и „либеральными" добровольцами самодержавія! Въ нихъ сказывается только безсильная злоба правительства, привыкшаго держаться чужою слабостью и охваченнаго безумною трусостью и яростью при первой встрѣчѣ съ противникомъ сильнымъ, дѣятельнымъ, энергичнымъ. Но видно надъ „карликомъ"-Японіей „гиганту"-самодержавію не такъ легко одерживать „побѣды", какъ надъ безоружными пролетаріями Златоуста или Ростова!

Пораженія русскаго флота подъ Портъ-Артуромъ не случайность. Одинъ за другимъ выплываютъ факты, еще и еще разъ подтверждающіе, что только счастливая случайность можетъ задержать окончательное пораженіе царскихъ войскъ. Носятся упорные слухи, что огромная часть боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, которые должны были находиться въ Портъ-Артурѣ и Владивостокѣ, давно раскрадена и значится только на бумагѣ. Солдаты въ Портъ-Артурѣ уже теперь, говорятъ, питаются не хлѣбомъ и мясомъ, а только рисомъ. Между тѣмъ, благодаря побѣдамъ японскаго флота, подвозъ съ моря совершенно прекращенъ, и все продовольствіе арміи и снабженіе ея боевыми снарядами и аммуниціей обезпечивается только сибирской желѣзной дорогой. Но, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, дорога эта по своему оборудованію совершенно не можетъ удовлетворить тѣмъ усиленнымъ требованіямъ, которыя предъявляются ей войною. Благодаря полной неподготовленности правительства къ войнѣ, по желѣзной дорогѣ приходится одновременно возить и войска и припасы. Но пропускная способность дороги очень невелика. По разсчетамъ одного русскаго инженера, опубликованнымъ въ „Figaro", дорога въ лучшемъ случаѣ можетъ перевезти не болѣе 1500 солдатъ въ день. Да и то, такъ какъ дорога одноколейная, а разъѣзды слишкомъ коротки, чтобы вмѣстить длинные воинскіе поѣзда, приходится теперь же наспѣхъ удлинять ихъ. Рельсы оказываются слишкомъ легкими, чтобы выдержать такое усиленное движеніе, и это обстоятельство заставляетъ опасаться частыхъ крушеній, а каждое крушеніе останавливаетъ движеніе по всей линіи. Какъ извѣстно, одно крушеніе уже произошло вблизи Байкала. На дорогѣ 1871 мостъ, и большая часть изъ нихъ деревянные, что также увеличиваетъ опасность крушеній при чрезмѣрномъ движеніи тяжелыхъ поѣздовъ. Изъ двухъ ледоколовъ на Байкалѣ одинъ не дѣйствуетъ, а другой съ осени сидитъ на мели, такъ что весь путь черезъ озеро солдатамъ приходится совершать по льду, въ трескучій морозъ, пѣшкомъ. Тяжести приходится перевозить на лошадяхъ, и все это конечно еще больше замедляетъ перевозку людей, боевыхъ снарядовъ и припасовъ на театръ войны и дѣлаетъ сибирскую дорогу, эту единственную линію сообщенія русскихъ войскъ, отрѣзанныхъ уже съ моря, крайне ненадежной опорой дѣйствующей арміи. Если же прибавить, что на всемъ протяженіи манчжурской и восточно-китайской дороги можно ежеминутно опасаться поврежденія пути не только японскими отрядами, но и мѣстными жителями-китайцами, которые конечно сдѣлаютъ все, чтобы отплатить своимъ угнетателямъ и грабителямъ, то — не говоря уже о тѣхъ десяткахъ тысячъ солдатъ, которые нужны для охраны пути и, слѣдовательно, не могутъ принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ — немудрено, если войска, посланныя правительствомъ сражаться за дѣло самодержавія, падутъ жертвой его же преступленій, оставшись безъ хлѣба и безъ боевыхъ снарядовъ, обреченные на голодную смерть или позорную сдачу. Начиная войну, царское правительство не сумѣло заготовить нужное для нея количество запасовъ и охранить заготовленное отъ разграбленія его же слугами.

Отъ мысли о грозящемъ русскому войску голодѣ жутко становится и самимъ самодержавнымъ виновникамъ войны, и, по своему обыкновенію, они стараются уже самымъ наглымъ образомъ обмануть народъ и на этотъ счетъ. И вотъ подъ перомъ досужаго парижскаго корреспондента „Новаго Времени" Манчжурія изъ безплодной и пустынной страны превращается внезапно въ рай земной, изобилующій и хлѣбомъ, и скотомъ, и овощами; китайцы оказываются „превосходными и очень честными коммерсантами", которые спятъ и во снѣ видятъ, какъ бы „продать продовольствіе русскимъ" и уморить съ голоду японцевъ; „хунхузы", столь недавно еще служившіе главнымъ предлогомъ для занятія Манчжуріи, существуютъ только „въ дипломатическихъ нотахъ"; желѣзная дорога „охраняется превосходно", подвижного состава на ней „сколько угодно", и поѣздовъ можно пускать „множество, одинъ за другимъ, на небольшомъ разстояніи", несмотря на „одноколейность" и, очевидно, „несмотря" на невозможность пропускать встрѣчные поѣзда обратно. Словомъ, все обстоитъ превосходно, и все это какой-то проѣзжій французъ „самъ видѣлъ". Для насъ поучительны эти оплаченныя звонкой монетой славословія, ибо за каждой гнусной ложью, которою стараются обмануть народъ, виднѣется ужасная противоположная правда, такъ аляповато прикрываемая суздальской мазней шустраго газетчика.

Не только боевыми снарядами и хлѣбомъ не сумѣло правительство обезпечить войско, но и другими предметами первой необходимости. Въ „Новомъ Времени" появилась оффиціозная замѣтка, въ которой открыто заявлялось, что „военное вѣдомство безъ общественной помощи не въ состояніи снабдить каждаго солдата теплой одеждой". Около 400 милліоновъ рублей взимается съ русскаго народа ежегодно на содержаніе арміи, и вотъ „безъ общественной помощи" солдаты должны въ 40-градусные морозы обходиться безъ теплаго платья! Военное вѣдомство „въ состояніи" „снабдить" тысячными окладами генераловъ, „въ состояніи снабдить" всѣхъ солдатъ блестящими пуговицами, погонами, разноцвѣтными мундирами, всѣми погремушками, нужными только для приданія блеска правительству и отдѣленія арміи отъ народа, но оно „не въ состояніи снабдить" солдата тѣмъ, что нужно для сохраненія его жизни и здоровья! Впечатлѣніе, произведенное этимъ неосторожнымъ признаніемъ, было столь ошеломляющее, что черезъ нѣсколько дней пришлось уже спохватиться и приступить къ „опроверженіямъ". Въ результатѣ оказалось, конечно, какъ и слѣдовало ожидать, что все обстоитъ болѣе чѣмъ превосходно: обыкновенные товарные вагоны, которые „видятъ зрители", на самомъ дѣлѣ оказываются необыкновенными; въ нихъ „тепло и свободно"; солдаты могутъ въ нихъ „лежать въ растяжку"; пища — „превосходная"; случаи обмороженія рукъ и лица — „единичны". (Про ноги ничего не говорится, хотя увѣряютъ, что многихъ солдатъ выносятъ изъ вагоновъ съ отмороженными ногами). Словомъ, все какъ нельзя лучше. Нѣтъ, конечно, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ опубликовано положительное увѣреніе, что интенданты не крадутъ, но пока что въ иностранныхъ газетахъ появилось извѣстіе, что въ Варшавѣ при отправленіи врачей на войну обнаружена самими же врачами попытка „военнаго вѣдомства" своровать 40.000 рублей казенныхъ денегъ. При такихъ порядкахъ, пожалуй, и немудрено, что солдатъ нельзя „снабдить" теплой одеждой!

Пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ, и когда сегодня адмиралъ Алексѣевъ телеграфируетъ, что „Ретвизанъ покрылъ себя неувядаемою славою", то, можно быть увѣреннымъ, на завтра выяснится, что „подвигъ" гиганта-броненосца заключался въ потопленіи четырехъ старыхъ барокъ, нагруженныхъ камнями и предназначенныхъ японцами именно для потопленія, чтобы запереть выходъ изъ бухты. Портъ-Артуръ и Владивостокъ блокированы съ моря, а послѣдній „приказъ" коменданта Портъ-Артура, напоминающій о необходимости защищаться „до послѣдней капли крови", звучитъ грустнымъ признаніемъ, что недалекъ часъ, когда падетъ „неприступная" крѣпость; падетъ, быть можетъ, похоронивъ подъ своими развалинами тысячи жертвъ безумнаго геройства. Безумнаго, потому что не за освобожденіе народа отъ напора внѣшнихъ враговъ борется русское войско на берегахъ Тихаго Океана, а за порабощеніе народа самодержавіемъ. Это надо помнить всѣмъ, кто дѣйствительно стремится къ народному освобожденію и знаетъ, что лишь упорной борьбой, а не трусливымъ политиканствомъ можетъ быть оно завоевано. Это надо помнить прежде всего пролетаріату: пусть не забудетъ онъ, что въ эти дни печать всѣхъ оттѣнковъ, до „Освобожденія" включительно, призывала войско исполнить „свой долгъ". Пусть не забудетъ онъ, что публицисты всѣхъ лагерей сочли „долгомъ" дѣтей народа умирать во славу самодержавія! Пусть не забудетъ онъ этого, и да послужитъ ему это мѣрою тѣхъ надеждъ, которыя онъ можетъ возлагать на стойкость своихъ „союзниковъ" въ дѣлѣ сверженія деспотизма!

Пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ. Что ждетъ насъ завтра? Сколько еще крови, сколько бѣдствій, сколько разоренія нужно этому проклятому режиму, который оказался неспособенъ организовать даже то дѣло военной обороны, которое такъ долго служило въ устахъ „патріотовъ" единственнымъ доводомъ въ пользу самодержавія? И неужели народъ русскій дѣйствительно захочетъ „терпѣливо ждать", пока послѣдній изъ сыновей его, занесенныхъ волею царскаго правительства за тысячи верстъ отъ родного дома, закроетъ на вѣки глаза свои? Нѣтъ, довольно крови, довольно жертвъ во имя порабощенія народа! Если суждено еще литься крови, пусть прольется она за свободу народа! Если суждено еще падать жертвамъ, пусть падутъ они въ борьбѣ съ самодержавіемъ!

Миръ и свобода! — вотъ лозунгъ пролетаріата. Ему не на кого положиться въ эти трудныя минуты, кромѣ какъ на самого себя. Ему надо зорко слѣдить не только за прямымъ врагомъ своимъ — царизмомъ, но и за своими временными и ненадежными союзниками. Ему надо изощрить свой политическій взоръ, надо съ лихорадочной быстротой учиться охранять свои интересы, вести свою линію посреди сложной сѣти переплетающихся и сталкивающихся общественныхъ движеній. Времени мало. За науку же и за работу! Наступаетъ минута, когда соціальдемократіи предстоитъ на дѣлѣ показать, насколько сумѣла она организовать рабочій классъ въ самостоятельную и независимую рабочую партію. То, что не додѣлано въ этомъ отношеніи, то, что упущено, должно быть исправлено сейчасъ же. События идутъ быстро, за ними трудно угнаться. Но самая быстрота ихъ и самая яркость выступающихъ на ихъ фонѣ общественныхъ движеній создаютъ почву, необычайно благопріятную для развитія классового сознанія пролетаріата. Эти дни могутъ каждый сойти за годъ. И мы все еще можемъ выиграть, если умѣло воспользуемся ими.

ВѢРНОПОДДАННАЯ ПРЕССА.

О чемъ шумите вы, народные витіи?..

Въ минуту, когда русская жизнь настолько осложнилась, что только ударъ революціи можетъ придать ей устойчивость и способность къ неуклонному развитію, въ минуту, когда, истощенная и разоренная, Россія, по волѣ самодержавнаго правительства, втянута въ ненужную, опасную и губительную войну, когда внѣшній врагъ выдвинутъ на сцену для борьбы съ врагомъ внутреннимъ и побѣда надъ первымъ имѣетъ въ виду уничтоженіе второго, — въ эту минуту легальная печать не пожелала воспользоваться даже своимъ „драгоцѣннымъ" правомъ молчать и тѣмъ засвидѣтельствовать свою непричастность къ реакціонной кликѣ. Захлебываясь отъ патріотическаго волненія, она вдругъ забыла „эзоповскій" языкъ и заговорила откровенно, нагло, цинично. Съ газетныхъ столбцовъ, привыкшихъ къ трусливой либеральной рѣчи, послышались странныя ноты, которыя, разростаясь и увеличиваясь, выросли въ стройный гимнъ русскому самодержавію... Но патріотическій жаръ, подогрѣваемый явными и тайными агентами Плеве, пройдетъ; общественная мысль протрезвится — если уже не протрезвилась, — ей станетъ ясной роль патріотовъ, подмѣнявшихъ интересы Россіи интересами самодержавія. И слѣдуетъ позаботиться, чтобы въ эти дни расплаты не было забыто положеніе, занятое въ русско-японской войнѣ легальной печатью, „выразительницей русскаго общественнаго мнѣнія".

Мы не станемъ здѣсь цитировать „Новаго Времени" и „Московскихъ Вѣдомостей". О томъ, сколько патріотической грязи влили они въ голову довѣрчиваго русскаго читателя, говорить не приходится. Предъ нами — другая галлерея, гораздо болѣе интересная, галлерея просто либеральствующей и прогрессивно-либеральной прессы.

Вотъ, — начнемъ съ менѣе „зарекомендованнаго" экземпляра — „Русское Слово", издаваемое при ближайшемъ участіи Дорошевича, бывшаго сотрудника фрондировавшей „Россіи". Приведя патріотическое четверостишіе:

Идутъ всѣ полки могучи,
Шумны, какъ потокъ,
Страшно медленны, какъ тучи.
Прямо на востокъ, —

эта газета продолжаетъ въ высоко-патріотическомъ стилѣ: „Это идутъ не звѣри, раззадоренные запахомъ крови. Ихъ не будетъ напутствовать приказаніе раздробить броненоснымъ кулакомъ все, что попадается на пути. Имъ не будутъ преподаны наставленія убивать плѣнныхъ, добивать раненыхъ. Нѣтъ, это идутъ Микулы Селяниновичи, идутъ Ильи Муромцы — люди, вскормленные и взрощенные землей и знавшіе одинъ только мечъ — остріе сохи или плуга". Чувствуете, сколько подъема въ этихъ немногихъ строкахъ! Намекъ на „гуннскую" рѣчь Вильгельма, восхваленіе „доблестнаго русскаго воинства", фиміамъ „державному вождю" арміи, миролюбивому даже въ войнѣ, и, наконецъ, Микулы Селяниновичи и Ильи Муромцы! Послѣднее въ особенности у мѣста. Изголодавшіеся, обезсиленные, забитые самодержавной нагайкой крестьяне, рабочіе съ немногими остатками силы, высосанной эксплуататоромъ-капиталомъ, — это они-то Ильи Муромцы, люди, вскормленные и взрощенные землей!

„Новости Дня" — другая бульварно-либеральствующая газета — пустила въ ходъ иное патріотическое средство. Замѣтивъ, что ожидающее Россію будущее „предуказывается прошлымъ", московская газета прямо захлебывается отъ любви къ родинѣ: „Страницы русскаго прошлаго являются увлекательнымъ разсказомъ о томъ, какъ всѣхъ своихъ враговъ побѣждала Россія одной силой ни съ чѣмъ несравнимой беззавѣтной любви къ родинѣ... Могучая родина! Великая земля русская! Ты съ понятной грустью узнала, что противъ тебя ополчаются враги твои. Но ты знаешь также, что каждый изъ сыновъ твоихъ — твой до послѣдней капли крови... Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ, а правда русская не на концѣ меча, но въ непоколебимой вѣрѣ. И да свершится надъ нами воля Господня!.." Бѣдная родина! Если бы ты могла сознательно относиться ко всему, что пишутъ о тебѣ, по истинѣ, блудные сыны твои, ты бы увидѣла, какъ торгуютъ тобой и твоимъ именемъ, какъ продаютъ тебя за чечевичную похлебку злѣйшимъ врагамъ твоимъ!.. Московскимъ публицистамъ нужно создать патріотическое воодушевленіе, нужно оглушить разумъ людей, чтобы они не знали, что дѣлаютъ, и дѣлали все, что имъ приказываютъ. Потоки жалкихъ словъ, разбавляемые лубочнымъ пафосомъ, имѣютъ единственной цѣлью омрачить сознаніе и фальсифицировать чувство. Вѣра въ непогрѣшимость царя поколебалась въ самыхъ глухихъ и темныхъ слояхъ русскаго народа; однихъ словъ царскаго манифеста, призывающаго „благословеніе Божіе на доблестныя войска наши", недостаточно для сколько-нибудь прочнаго воодушевленія. И пресмыкающаяся печать, не взирая на либеральныя „традиціи", беретъ на себя благодарную задачу — вдолбить въ душу всѣмъ и каждому любовь къ родинѣ, олицетворяемой въ россійскомъ самодержцѣ, заставить всѣхъ вѣрить въ справедливость и необходимость войны, отъ исхода которой зависитъ „честь" и "достоинство" Россіи.

Могутъ, впрочемъ, замѣтить, что „Русское Слово" и „Новости Дня" не примѣръ. Мало ли какихъ благоглупостей они не наговорятъ — не можетъ же за нихъ отвѣтствовать вся либеральная печать. Въ такомъ случаѣ привлекаемъ къ отвѣту двѣ другія газеты, либерализмъ которыхъ и даже „радикализмъ" до сихъ поръ, кажется, не подлежали сомнѣнію.

Старый либералъ, искусившійся въ цензурныхъ трудностяхъ, — „высокочтимыя" „Русскія Вѣдомости" раскрыли свои карты не сразу. Какую позицію занять въ вопросѣ о войнѣ, не имѣющей ближайшаго отношенія къ земскому самоуправленію и крестьянской общинѣ, для которыхъ „профессорская" газета за словомъ въ карманъ не полѣзетъ? Это колебаніе сказалось въ первой статьѣ „Русскихъ Вѣдомостей", заключающей въ себѣ незначительную и мутную примѣсь патріотизма. „Война, — пишетъ газета, — великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затянулась на долгое время и не отразилась чрезмѣрно тяжкими испытаніями для русскаго народа. Русскія войска, конечно, исполнятъ свой долгъ, всѣ русскіе люди будутъ сопровождать ихъ пожеланіями успѣха и готовностью возможно облегчить предстоящія имъ тяготы. Россія неоднократно находилась въ еще болѣе трудныхъ обстоятельствахъ и шла бодро навстрѣчу угрожавшимъ ей опасностямъ". Конечно, война — великое бѣдствіе, и если ея нельзя избѣжать, то естественно желать, чтобы она не затянулась и не принесла чрезмѣрно тяжкихъ испытаній русскому народу. Это ясно. Зато болѣе, чѣмъ подозрителенъ призывъ къ „долгу" русскихъ войскъ, призывъ ко „всѣмъ русскимъ людямъ", которые должны желать успѣха доблестнымъ дѣяніямъ „славнаго русскаго воинства", и въ особенности — идеализація „могучей родины", по духу родственная пафосу „Новостей Дня". Эти подозрѣнія, для малоопытнаго читателя робкія, переходятъ въ твердое убѣжденіе, когда знакомишься съ слѣдующими строками другой статьи той же газеты: „Вопреки миролюбивому настроенію Россіи, несмотря на искреннія заявленія въ пользу мира, особенно часто повторявшіяся въ послѣднее время во всей Европѣ, — война разразилась, и русскому народу придется нести ея тягости. Какъ всегда бывало и ранѣе, при первыхъ извѣстіяхъ о ея началѣ русскія общественныя собранія спѣшатъ выразить одушевляющія ихъ чувства и отозваться на выдвигаемыя войной чрезвычайныя нужды". Вѣдь, на страницахъ тѣхъ же „Русскихъ Вѣдомостей" еще недавно неоднократно, хотя и робко, отмѣчались „ложные шаги" „нашей" внѣшней политики. И вотъ теперь, когда война разразилась, и долгъ каждой честной, прогрессивной газеты — поставить точку надъ і или, въ худшемъ случаѣ, молчать, — „Русскія Вѣдомости" снимаютъ съ правительства всю вину, увѣряютъ, что оно съ начала до конца было миролюбивымъ! Къ чему это? Конечно, къ тому же, къ чему упоминаніе о чувствахъ, „одушевляющихъ" общественныя собранія. Льстивыя вѣрноподданническія изліянія, патріотическія манифестаціи, созданныя шпіонами Плеве, газета отмѣчаетъ въ передовой статьѣ, какъ фактъ, достойный общественнаго вниманія... Зачислившіеся къ либеральному штату патріоты своего отечества отличаются отъ „Русскаго Слова" или „Новостей Дня" только тѣмъ, что послѣдніе откровенно бьютъ въ кимвалы и громко зовутъ въ походъ, а первые, въ критическую минуту, гнусавятъ на мотивъ „народнаго гимна"...

Гнусавитъ и прогрессивный „Курьеръ". Тотъ самый „Курьеръ", въ которомъ пишутъ „молодые беллетристы" и который иногда заигрываетъ—скажемъ такъ—съ экономическимъ матеріализмомъ, молодой „Курьеръ" конкуррирующій съ старыми „Русскими Вѣдомостями по части прогрессивности, совсѣмъ потерялъ голову и впалъ въ патріотическую эпилепсію. Бросивъ „отрадныя" явленія, которыя отмѣчались имъ со старательностью архиваріуса, „Курьеръ" весь отдался войнѣ и патріотическому воспитанію своихъ читателей. „Россія, — говоритъ онъ, — въ продолженіе 25 лѣтъ не обнажавшая меча, вынуждена теперь, несмотря на миролюбіе Монарха, призывавшаго всѣ народы къ рѣшенію своихъ споровъ третейскимъ судомъ, обнажить мечъ для защиты своихъ торгово-политическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ". Бѣдные „прогрессисты" забыли все, чему они еще такъ недавно поклонялись, и усердно бьютъ челомъ квасному патріотизму. „Всѣ недоразумѣнія въ Европѣ, пишутъ они, должны быть ликвидированы и ничто не должно отвлекать насъ отъ скорѣйшаго и *успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ* на Дальнемъ Востокѣ". И въ другой статьѣ: „Итакъ, война началась. Мы ея не желали, но разъ приходится съ оружіемъ въ рукахъ защищать *достоинство и честь Россіи и неприкосновенность ея территоріи* — нѣтъ мѣста колебаніямъ". И, наконецъ, въ передовой статьѣ „Курьеръ" предрекаетъ: „исходъ войны заранѣе обезпеченъ, потому что японская сухопутная армія при самомъ большемъ напряженіи военныхъ силъ Японіи не можетъ идти въ сравненіе съ русской арміей, которая можетъ быть сосредоточена *въ любой части* Дальняго Востока *въ какомъ угодно количествѣ и въ каждый данный моментъ*".

Сравните все, что говорили наши либералы различныхъ оттѣнковъ, и вы не найдете въ ихъ словахъ существенной разницы. Не одинаковъ стиль, различны методы, но основа и цѣль одна и та же. Національно-либеральное „Русское Слово" разжигаетъ шовинизмъ Ильями Муромцами и Микулами Селяниновичами, — либерально-прогрессивный „Курьеръ" преувеличиваетъ силу русской арміи, кричитъ о защитѣ оружіемъ достоинства и чести Россіи. Бульварно-либеральныя „Новости Дня" поютъ о „непоколебимой вѣрѣ" и требуютъ, чтобы каждый изъ сыновъ родины принадлежалъ ей до послѣдней капли крови. — „Курьеръ" желаетъ „успѣшнаго довершенія нашихъ задачъ на Дальнемъ Востокѣ“. Ложь и подхалимство связали ихъ всѣхъ столь тѣсными узами, что не разберешь, кто изъ нихъ сыгралъ болѣе позорную роль въ „патріотическомъ воодушевленіи“, охватившемъ „русское общество“, или въ патріотическихъ манифестаціяхъ, подготовленныхъ шпіонами по министерству внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Эти „друзья народа“, въ свободную минуту толкующіе о „правопорядкѣ“, „самодѣятельности“ и прочихъ либеральныхъ чаяніяхъ, предательски продаютъ интересы народа какъ разъ въ такое время, когда на защиту не престола-отечества, а именно этихъ интересовъ нужно стать грудью. Недаромъ „Петерб. Вѣдомости“, редактируемыя Столыпинымъ, ставленникомъ Плеве, откровенно заявляютъ, что „теперь на первый планъ выступаетъ вопросъ о нашемъ внутреннемъ единеніи, на которое только и можно расчитывать при столкновеніи съ внѣшнимъ врагомъ. Ни прочность броненосцевъ, ни неприступность крѣпостей, ни даже сила самой арміи не могутъ служить такимъ оплотомъ противъ нашествія внѣшняго врага, какъ единство и сплоченность народныхъ массъ“. Конечно, теперь, когда престолъ въ опасности и чувствуется потребность въ пушечномъ мясѣ, умѣстно вспомнить о народныхъ массахъ. Противъ единства и сплоченности народныхъ массъ, когда они обращаются на самооборону этихъ массъ или на борьбу ихъ за лучшую жизнь, пускаются штыки и нагайки. Когда же приходится спасать престолъ и самодержавное отечество, — „единство и сплоченность“ ставятся выше неприступныхъ крѣпостей, народныя массы превращаются въ богатырскую рать, предводительствуемую Ильей Муромцемъ. И тѣ же „Петерб. Вѣдом.“, спѣшатъ сдѣлать практическій выводъ изъ „единства и сплоченности народныхъ массъ“ и предлагаютъ „воспользоваться“ настоящимъ моментомъ, чтобы „сейчасъ же подать руки другъ другу и идти вмѣстѣ на общую работу внутренняго строительства. Довольно трепетанія передъ призраками несуществующихъ козней и вражды: пора съ довѣріемъ отнестись къ каждому, приносящему или желающему принести камень къ фундаменту государственнаго зданія. Тутъ всякая рука нужна и полезна, всякая единица силы служитъ къ облегченію и ускоренію общей работы“. Еще бы! Органъ господина Плеве убѣдился, что козни и вражда со стороны либераловъ только призрачны. На самомъ дѣлѣ, стоило удачно забросить патріотическую удочку, чтобы безъ труда поймать „оппозицію его величества“. Теперь, въ атмосферѣ политическаго разврата, можно заговорить объ уничтоженіи „гидры революціи“, о взятіи народныхъ массъ на буксиръ реакціоннаго строительства. Не торопитесь, господа!..

НА ОЧЕРЕДИ.

Ниже, въ отдѣлѣ „Изъ партіи“, мы помѣщаемъ резолюціи двухъ партійныхъ комитетовъ, стоящихъ въ нынѣшнихъ организаціонныхъ разногласіяхъ на точкѣ зрѣнія такъ назыв. „большинства“. Мнѣ непонятно, какимъ образомъ тверскіе товарищи ухитрились совмѣстить свое признаніе того, что „различіе мнѣній во всякой партіи можетъ способствовать выясненію истины“, съ своимъ протестомъ противъ появленія въ печати отчета сибирской делегаціи. Сибирскіе делегаты пожелали познакомить Партію съ мотивами своего поведенія на партійномъ съѣздѣ, съ своей точкой зрѣнія на организаціонныя задачи Партіи. Пытаться, хотя бы окрикомъ протеста, задержать подобную критическую работу, не вдаваясь въ оцѣнку излагаемыхъ взглядовъ по существу, значитъ, на мой взглядъ, самымъ вопіющимъ образомъ противорѣчить собственнымъ заявленіямъ о желательности свободнаго обмѣна мнѣній.

Само собой разумѣется, что для опубликованія своего отчета сибирскіе делегаты не нуждались въ „одобреніи редакціи“. Уставъ Партіи никакихъ правъ *по цензурѣ* не даетъ редакціи, да и не могъ бы давать ихъ ей, такъ какъ въ социальдемократической партіи цензура немыслима. Само собой также разумѣется, что сибирская делегація имѣла право *свое* изданіе выпускать подъ заголовкомъ той партіи, на съѣздѣ которой она представляла одну изъ ея организацій. О „фальсификаціи“, значитъ, не приходится и говорить.

Тверскіе товарищи укажутъ намъ, что они протестуютъ не противъ содержанія „отчета“, а противъ его *формы*. Насъ этотъ доводъ не можетъ убѣдить въ правотѣ тверскихъ товарищей. Мы хорошо знаемъ — и совѣтуемъ объ этомъ подумать тверичамъ — что къ *формѣ* люди становятся очень чувствительны именно тогда, когда не могутъ ничего возразить противъ *содержанія*. Совѣтую тверскимъ товарищамъ познакомиться съ исторіей прошлыхъ полемикъ „искровцевъ“ противъ экономистовъ, террористовъ, народниковъ и націоналистовъ: они вездѣ найдутъ этотъ вѣчный припѣвъ о формѣ, о „нетоварищескихъ пріемахъ“. Развѣ не обвиняли Плеханова за „Vademecum“, Ленина за „Что дѣлать“, „Искру“ за статьи противъ „экономистовъ“, въ томъ самомъ „неуваженіи“ къ партіи, въ которомъ тверскіе „искровцы“ обвиняютъ теперь Троцкаго? Скоро же сбылось сдѣланное мною въ № 56 „предсказаніе“, что наши ультра-„искровцы“ кончатъ перепѣвами на эти затасканные оппортюнистами мотивы.!

Товарищи изъ Баку хотятъ отъ насъ „положительной“ работы по „выясненію принциповъ революціоннаго соціализма и основныхъ вопросовъ программы и тактики“. Но... они желаютъ, чтобы организаціонные вопросы были „устранены“ со страницъ „Искры“, по крайней мѣрѣ, поскольку по этимъ вопросамъ ведется „полемика между центральными учрежденіями“. Какъ же быть, если по этимъ именно вопросамъ имѣются въ партіи разногласія и если въ этихъ разногласіяхъ центральныя учрежденія стоятъ на разныхъ точкахъ зрѣнія? Неужели объявить, что все обстоитъ благополучно и *замолчать* разногласія? Не отдаетъ ли, товарищи, это *новое* желаніе очень *старой* отрыжкой временъ безпринципнаго „хвостизма“?

* * *

Отъ „разногласій“ никакъ не отвертишься и не отмолишься, да и нечего ихъ черезчуръ бояться: при *нормальныхъ* отношеніяхъ между разногласящими по тому или другому организаціонному вопросу легко можно свести до минимума потерю дѣловой энергіи, порождаемую такими „треніями“. Надо только отказаться отъ всякихъ попытокъ чисто-*механическими* средствами обезпечить внѣшнее „благополучіе“ въ смыслѣ единомыслія внутри партійныхъ организацій.

Объ этомъ вопросѣ мнѣ приходится здѣсь говорить по поводу запроса, полученнаго редакціей изъ Московскаго Комитета. Одинъ товарищъ запрашиваетъ мнѣніе редакціи о рѣшеніи этого комитета по вопросу о пріемѣ новыхъ членовъ въ его составъ. Согласно изложенію, представленному московскимъ товарищемъ, комитету предложены были двѣ резолюціи: 1) относительно личнаго состава Комитета, числа его членовъ, введенія новыхъ, перерѣшенія старыхъ, Московскій Комитетъ подчиняется всѣмъ распоряженіямъ Центр. Ком. на основаніи § 9 устава. 2) Относительно состава, числа членовъ и пр., Московскій Комитетъ считаетъ себя автономнымъ (§ 12 устава). При голосованіи принята первая резолюція. Товарищъ спрашиваетъ, какъ смотритъ Центр. Органъ на этотъ спорный для москвичей вопросъ.

Мнѣ кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній на этотъ счетъ. Автономія комитета въ внутреннихъ его дѣлахъ признана § 12 устава (а вопросъ о „числѣ членовъ“, надо полагать, „спеціально и исключительно“ касается данной организаціи) и спеціально оговорена автономія въ вопросѣ о коoптаціи и исключеніи членовъ. Первое условіе какой бы то ни было автономіи — самоопредѣленіе въ вопросахъ о личномъ составѣ. И автономія нашихъ комитетовъ въ вопросѣ о личномъ составѣ знаетъ по уставу только одно ограниченіе — аппеляцію въ высшее учрежденіе Партіи — Совѣтъ, котораго контроль установленъ съѣздомъ въ спеціальныхъ цѣляхъ — дабы обусловленое квалифицированнымъ большинствомъ право непринятія и исключенія членовъ не превратилось въ орудіе превращенія руководящихъ органовъ движенія въ „семейные“ кружки (эу опасность никто, знакомый съ условіями нелегальной работы не станетъ отрицать). Если бы полный составъ мѣстнаго комитета опредѣлялся Ц. К., то уставъ указывалъ бы недовольному рѣшеніемъ меньшинству аппеляцію не въ Совѣтъ, а именно въ Ц. К.

Обращу вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: Центр. Комитетъ, по уставу, отвѣтственъ передъ съѣздомъ; съѣздъ же состоитъ изъ делегатовъ отъ комитетовъ. Если предполагать, что Ц. К. опредѣляетъ личный составъ комитетовъ, то оказалось бы, что на слѣдующемъ съѣздѣ Ц. К. давалъ бы отчетъ делегатамъ отъ организацій, составъ которыхъ имъ самимъ предопредѣленъ. Очевидно, это безсмыслица.

А обязательность всѣхъ постановленій Ц. К.? Разумѣется, уставъ говоритъ объ обязательности лишь тѣхъ постановленій, которыя вытекаютъ изъ опредѣленныхъ уставомъ правъ и функцій Ц. К. и этотъ параграфъ не можетъ упразднять автономіи, установленной тѣмъ же уставомъ. Вѣдь, никто не выведетъ изъ § 9 устава, что, напримѣръ, Ц. К. можетъ лишить какой-нибудь комитетъ права посылать на съѣздъ делегатовъ, согласно параграфу 3 устава.

Конечно, московскіе товарищи вправѣ добровольно ограничить собственныя свои права по опредѣленію нужнаго имъ количества членовъ, требованій, которыя они должны предъявлять кандидатамъ и т. д. Они вправѣ передать рѣшеніе этихъ вопросовъ въ чьи угодно руки, и если они не считаютъ себя правоспособными воспользоваться своимъ „законнымъ“ правомъ, то всего лучше, если они поручатъ „думать“ вмѣсто себя именно Ц. К. Съ этой стороны трудно что либо возразить противъ рѣшенія москвичей. Но есть въ этомъ дѣлѣ еще одна сторона, которой нельзя не коснуться въ связи съ вопросомъ о пользѣ для партіи отъ свободнаго обмѣна мнѣній, затронутымъ Тверскимъ Комитетомъ.

Какъ всѣмъ извѣстно, наши нынѣшнія разногласія, къ сожалѣнію, приняли такую острую форму, что въ вопросѣ о личномъ составѣ мѣстнаго комитета на первый планъ ставится не вопросъ объ интеллигентности, революціонномъ прошломъ и дѣеспособности кандидатовъ, а объ ихъ принадлежности къ „большинству“ или „меньшинству“. Это очень печальный фактъ, отвѣтственность за который я всецѣло возлагаю на данный еще на съѣздѣ пароль: „осадное положеніе и исключительные законы“. Въ литературѣ, порожденной новыми разногласіями, сказано очень много жалкихъ и неумныхъ словъ о такъ называемомъ „бойкотѣ“ центральныхъ учрежденій. Теперь всѣ знаютъ, что этотъ „бойкотъ“ сводился къ несогласію полдюжины литераторовъ писать именно въ „Искрѣ“ и къ желанію десятка-другого практиковъ отдать свои силы мѣстной работѣ, отстраняясь отъ „агентскихъ“ ролей при Ц. К., связанныхъ съ *непосредственной* отвѣтственностью за дѣйствія этого важнаго органа Партіи, совершаемыя во имя принциповъ, съ которыми данные дѣятели не могли согласиться. *Такой* „бойкотъ“ со стороны тѣхъ или другихъ членовъ Партіи почти неизбѣженъ при всякихъ условіяхъ: Партія наша слишкомъ велика, чтобы въ ней не нашлось работы для людей, не могущихъ нести отвѣтственность за тотъ или иной видъ работы, связанный съ „службой“ при данномъ учрежденіи Партіи. Легко себѣ представить, что въ нашей Партіи имѣются товарищи, не согласные съ тактикой Партіи по отношенію къ „Бунду“. Такіе товарищи должны, подчиняясь волѣ Партіи, оставаться въ ея рядахъ, если они согласны съ ея программой и общими принципами тактики, но едва ли что-нибудь можно было бы возразить противъ нежеланія *такихъ* товарищей работать тамъ, гдѣ имъ пришлось бы непосредственно „воевать“ съ „Бундомъ“ по вопросу, въ которомъ личные ихъ взгляды расходятся съ взглядами большинства Партіи. Точно также, такъ называемое „меньшинство“ имѣло право желать отдать всѣ свои силы работѣ при мѣстныхъ комитетахъ.

Къ сожалѣнію, здѣсь пришлось столкнуться съ нашей кружковой психологіей, не допускающей возможности „работать рядомъ“ людямъ, разошедшимся въ вопросѣ о типѣ и формахъ организаціи. Члены „меньшинства“ не получали доступа въ рядъ комитетовъ. Полезные партійные работники рисковали попасть въ положеніе, неслыханное въ нашей Партіи, гдѣ всегда такъ мало нужныхъ силъ, въ положеніе людей, не могущихъ найти себѣ работы. Во времена самой острой борьбы „Рабочаго Дѣла“ съ „Искрой“ сторонники обоихъ теченій могли уживаться кое-какъ въ однихъ и тѣхъ же комитетахъ. Такъ было и въ Петербургѣ, и въ Одессѣ, и въ Нижнемъ, и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ. Теперь же, когда повсюду говорили о мнимомъ „самоустраненіи отъ положительной работы“, *лучшихъ* мѣстныхъ работниковъ пытались *устранять* отъ всякой работы. Мнѣ извѣстенъ случай, когда провинціальный комитетъ, вѣчно нуждающійся въ интеллигентахъ, предложилъ бывшему члену Организаціоннаго Комитета, стало быть, не „первому встрѣчному“, вовсе недюжинному товарищу, нелегальному, заняться... организаціей гимназистовъ. Товарищамъ изъ „меньшинства“ приходилось ютиться въ нѣсколькихъ „своихъ“ комитетахъ, для нихъ создавалась „черта осѣдлости“. Интересы положительной работы явно приносились въ жертву интересамъ „осаднаго положенія“, цѣли преобладанія опредѣленнаго *оттѣнка* въ большинствѣ организацій. Въ концѣ концовъ, такого рода „политика“ должна была привести къ тому, чтобы и комитеты „меньшинства“, въ свою очередь, отгородились китайской стѣной отъ несогласномыслящихъ, дабы сохранить для своихъ единомышленниковъ какое нибудь „убѣжище“... Лучшее средство расколоть партію во имя единообразія въ рядахъ партіи!

Я потому счелъ возможнымъ коснуться здѣсь этого больного вопроса, что, по моему мнѣнію, онъ пережилъ ту свою острую фазу, когда дѣлу невозможно помочь словами. Я увѣренъ, что громадное большинство партійныхъ работниковъ неизбѣжно придеть къ убѣжденію, что такая „кружковая политика“ никуда не годится. Тотъ, кто цѣнитъ значеніе свободнаго обмѣна мнѣній въ предѣлахъ программнаго единства, не можетъ не видѣть этого. Между тѣмъ, рѣшеніе Московскаго Комитета, приведенное выше, все еще дышетъ этой боязнью „открытыхъ дверей“, боязнью дать доступъ въ комитетъ товарищамъ, съ которыми не солидарно „большинство“ — и его выразитель Ц. К. — въ той или другой оцѣнкѣ *частныхъ* вопросовъ нашей работы. Московскіе товарищи, повидимому, ищутъ *внѣ себя* гарантій противъ грозящаго одолѣть ихъ соблазна, они надѣются *со стороны* получать, когда это нужно, надлежащій запасъ „твердости“. Это значитъ, на мой взглядъ, сбрасывать съ себя ту отвѣтственность за веденіе мѣстнаго дѣла, которая служитъ хорошей школой столь нужнаго всѣмъ нашимъ работникамъ революціоннаго воспитанія.

Да и выгодно ли было бы для дѣла валить всю отвѣтственность за подборъ революціонныхъ силъ въ мѣстные комитеты на нашъ Ц. К.? На послѣднемъ лежитъ такая масса практической неотложной работы, что отвлеченіе части этихъ силъ на заботы объ опредѣленіи личнаго состава, количества членовъ комитета, вопроса — „кому и какъ сидѣть?“, грозило бы прямымъ ущербомъ непосредственно несомой имъ работѣ. Ему надо обезпечить Партію правильнымъ и обильнымъ снабженіемъ партійной литературой, которой въ послѣднее время, какъ пишутъ намъ отовсюду, нигдѣ нѣтъ въ сколько-нибудь достаточномъ количествѣ; ему необходимо выпускать въ громадномъ количествѣ общеполитическія прокламаціи, въ которыхъ такая нужда въ настоящій моментъ; рѣшеніями съѣзда ему поручено объединить пропагандистскую работу на мѣстахъ и подготовить общерусскія политическія демонстраціи; онъ долженъ озаботиться о включеніи въ Партію организацій, которыя стоятъ еще внѣ ея и могли бы войти въ нее; и, наконецъ, работа по проведенію планомѣрныхъ и цѣлесообразныхъ методовъ мѣстной дѣятельности, содѣйствія обмѣну мѣстныхъ организацій своимъ опытомъ, все это потребуетъ такой затраты энергіи Ц. К., что въ области личнаго состава мѣстныхъ учрежденій онъ можетъ смѣло ограничиться одной заботой о регулированіи распредѣленія между ними свободныхъ силъ. Возлагать на Ц. К. отвѣтственность за опредѣленіе состава мѣстныхъ учрежденій, значило бы, отвлекать его отъ его главной и настоятельно-нужной работы.

А, съ другой стороны, совмѣстная работа въ однихъ и тѣхъ же мѣстныхъ организаціяхъ, независимо отъ того или иного взгляда на правоту „большинства“ или „меньшинства“, на степень „эксцентричности“ того или иного „центра“, могла бы въ сильной мѣрѣ ослабить ту взаимную отчужденность, которая создалась между членами Партіи въ результатѣ событій, протекшихъ со времени съѣзда.

Надо только помнить, что слова о „свободномъ обмѣнѣ мнѣній“ останутся пустой фразой до тѣхъ поръ, пока мы не научимся подчинять соображенія объ „однородности“ состава данной группы соображенію объ ея наибольшей революціонной дѣеспособности.

* * *

Мнѣ болѣе, чѣмъ неловко отвѣчать на вопросъ, заданный одесскимъ товарищемъ: правильно ли поступаетъ мѣстный комитетъ, не разрѣшая своимъ членамъ излагать въ рабочихъ кружкахъ сущность организаціонныхъ разногласій между двумя частями Партіи? Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, свелась трехлѣтняя работа „Искры“, если теперь, послѣ торжества „искровства“ приходится еще разъяснять, что оппортюнистическая тактика затушевыванія разногласій передъ членами Партіи — тактика вредная, деморализующая Партію и недостойная революціонныхъ соціальдемократовъ, и что тактика затушевыванія этихъ разногласій передъ *сознательными рабочими* представляетъ лучшее средство питать то недовѣріе рабочихъ къ интеллигентамъ, которое сплошь и рядомъ является плодомъ недоразумѣнія, но которое было бы вполнѣ заслуженнымъ, если бы „одесская“ тактика привилась повсюду. Я глубоко увѣренъ, что наши сознательные рабочіе *прорвутъ силой* тотъ барьеръ, которымъ пытаются оградить ихъ отъ „познанія добра и зла“; я увѣренъ, что они *не позволятъ* лишать себя партійнаго органа, чтеніе котораго въ настоящее время кое-гдѣ признается „соблазнительнымъ“ для пролетаріевъ... Было бы очень жаль, если бы „искровскіе“ комитеты доводили дѣло до того, чтобы къ этому познанію рабочимъ приходилось приходить, *вопреки имъ*, какъ это случалось съ комитетами „экономистовъ“. Въ моментъ борьбы съ „экономизмомъ“ у насъ не было фактически единой Партіи, и постольку „экономисты“ могли еще оправдывать свое упорное нежеланіе нарушать „тишь да гладь“ мѣстной жизни возбужденіемъ передъ рабочими новыхъ вопросовъ. Сейчасъ у насъ единая Партія, и ни одинъ ея руководящій органъ не имѣетъ права отрѣзывать доступъ въ среду руководимыхъ имъ членовъ Партіи представителямъ несимпатичныхъ ему взглядовъ, принадлежащимъ къ составу той же партіи. Когда же, наконецъ, наши практики станутъ политическими дѣятелями и членами Партіи въ полномъ смыслѣ этого слова? Когда они перестанутъ съ высоты своего „комитетскаго“ положенія третировать рабочихъ, какъ малыхъ дѣтокъ? Л. М.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Закрытіе газеты „Квали“. (Страничка изъ исторіи соц.-дем. движенія въ Грузіи). По постановленію четырехъ министровъ закрыта навсегда грузинская еженедѣльная газета „Квали“. Товарищамъ, незнакомымъ съ исторіей социальдемократическаго движенія на Кавказѣ, врядъ ли придетъ въ голову мысль, что судьбы этой газеты неразрывно переплетены съ судьбами первыхъ шаговъ социальдемократической мысли и борьбы на Кавказѣ. Исторія „Квали“ за послѣдніе 6 лѣтъ — это отрывокъ изъ исторіи кавказскаго марксизма и социальдемократическаго движенія. До 1898 года „Квали“ влачила жалкое существованіе, находясь въ рукахъ грузинскаго либерала — шестидесятника, князя Георгія Церетели. Съ этого года газета перешла въ руки небольшой группы молодыхъ грузинъ марксистовъ, которая была окрещена именемъ „месаме даси“, т. е. „третья группа“ — въ отличіе отъ господствовавшихъ тогда въ грузинскомъ обществѣ и литературѣ двухъ старыхъ теченій — феодаловъ и шестидесятниковъ.

Это было время полнаго оскудѣнія общественной мысли въ Грузіи. Въ обществѣ и въ печати идеалы были вытѣснены дѣловитостью коммерческаго свойства, въ кругу грузинской дворянской интеллигенціи господствовали дряблость и общественный развратъ, на почвѣ которыхъ пышно расцвѣла шовинистическая маниловщина. Бывшія свѣтила грузинской интеллигенціи совсѣмъ померкли: поэтъ и гуманистъ прошлаго періода князь Илья Чавчавадзе, редакторъ газеты „Иверія“ превратился въ типичнаго представителя феодалистической идеологіи, крѣпостническихъ повадокъ котораго не могли вытравить даже тѣ интимныя и дѣятельныя связи, въ которыя онъ вступилъ съ банковскими дѣльцами. Столпъ грузинской (и не только грузинской!) литературы Н. Николадзе, извѣстный литераторъ 70-хъ и первой половины 80-хъ годовъ, дѣятельный сотрудникъ „Отечественныхъ Записокъ“, „Слова“ и „Устоевъ“, — тотъ самый публицистъ, за статью „Луи-Блапъ и Гамбетта“ котораго получилъ въ 1879 году предостереженіе журналъ „Слово“ — повернулъ въ обратную сторону, въ сторону „приспособленія къ подлости“ и, прочно засѣвши лордъ-меромъ въ г. Поти, весь жаръ своей талантливой натуры вкладывалъ въ ловкія банковскія и другія операціи. Наконецъ, либералъ шестидесятникъ князь Церетели свои прежніе завѣты размѣнялъ на пустозвонство, предаваясь въ то же время шовинистскому суесловію въ перемежку съ торговыми операціями.

И вотъ въ эту эпоху безвременья появилась группа „месамедасистовъ“, воспитавшихся на русской легальной и нелегальной марксистской литературѣ, явилась вооруженной почти только убѣжденіемъ въ вѣрности метода марксисткаго анализа. Къ этой группѣ отчасти примкнула пара русскихъ соціальдемократовъ, заброшенныхъ судьбою, то есть полиціей, на Кавказъ. Рѣшено было откупить у вдовы умершаго къ тому времени князя Г. Церетели газету „Квали“ и сдѣлать ее проводникомъ марксистскихъ идей на Кавказѣ.

Въ новомъ изданіи „Квали“ начала проповѣдь матеріалистическаго освѣщенія исторіи, проводила идею классовой дифференціаціи, какъ объективнаго процесса, и борьбы классовъ, какъ содержанія общественно-политической жизни народа въ примѣненіи къ населенію Закавказья.

Буря негодованія, вызванная въ грузинской прессѣ этой „дикою“ проповѣдью, заставила новую редакцію „Квали“ сдѣлать шагъ впередъ и отъ теоретическихъ статей перейти къ публицистическимъ, если хотите — отъ самозащиты къ нападенію. Началась прямая полемика съ „Иверіей“, борьба противъ феодалистической романтики, наконецъ борьба противъ дряблаго шовинизма грузинской интеллигенціи — самой бездѣятельной и самой развращенной въ общественной смыслѣ.

Впрочемъ склонность къ теоретическимъ схемамъ, отвлеченность, преобладаніе общей идеи объ „экономическомъ факторѣ“ если хотите — нѣкоторая безжизненность характеризовали „Квали“ еще и въ эту пору. Въ этомъ отношенія „Квали“ шла до извѣстной степени по стопамъ русскаго легальнаго марксизма первой половины 90-хъ годовъ, отраженіемъ котораго эта газета и являлась. Въ этомъ духѣ, въ духѣ почти исключавшемъ мысль о непосредственномъ политическомъ вліяніи на рабочій классъ, „Квали“ и задумана была. Но человѣкъ предполагаетъ, а логика жизни располагаетъ. Пока „месамедасисты“ доказывали возможность развитія капиталистическихъ отношеній и классовой борьбы на ихъ почвѣ на Кавказѣ, въ то же самое время зрѣло и подготовлялось движеніе страдающаго отъ капитализма рабочаго класса и активное его выступленіе на арену общественной жизни.

Начатая еще лѣтомъ 1896 г. полутора соціальдемократами (изъ русской и „месамедасистской“ интеллигенціи) болѣе чѣмъ скромная пропаганда среди русскихъ и грузинскихъ рабочихъ г. Тифлиса попала на благодарную почву: 1-ое мая 1897 года впервые было отпраздновано на Кавказѣ Тифлисскимъ собраніемъ отборныхъ 12 рабочихъ (русскихъ, грузинъ и армянъ) в одного интеллигента — съ соотвѣтствующими рѣчами. Постепенно число спропагандированныхъ рабочихъ въ Тифлисѣ, затѣмъ и въ Батумѣ росло. Соціальдемократическая литература, выписывавшаяся отъ „Бунда“ и изъ Петербурга, читалась на расхватъ. Наконецъ, замѣчательно выдержанная, хотя почти стихійно возникшая забастовка трехъ тысячъ рабочихъ тифлисскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ декабрѣ 1898 года, прекратившая движеніе товарныхъ поѣздовъ и кончившаяся полной побѣдой рабочихъ, раскрыла всѣмъ глаза на новый факторъ, выступившій на арену кавказской общественной жизни. Всѣмъ стало ясно, что грузинскій, армянскій и друг. пролетаріатъ —не чета праздно болтающей кавказской буржуазной интеллигенціи, что въ лицѣ энергичныхъ, впечатлительныхъ, легко дисциплинирующихся кавказскихъ пролетаріевъ россійское рабочее движеніе получаетъ свѣжую могучую струю, которая въ значительной мѣрѣ увеличитъ силу движенія.

Въ такой атмосферѣ „Квали“ получила совсѣмъ иное значеніе, голосъ ея получилъ другой резонансъ. Эта атмосфера вдохнула въ „Квали“ новую жизнь и, въ свою очередь, стала отъ нея получать живую умственную пищу: *„Квали“ сдѣлалась легальнымъ органомъ нелегальнаго рабочаго движенія*, — по крайней мѣрѣ движенія среди грузинскихъ рабочихъ, отчасти и армянскихъ (въ Тифлисской и Кутаисской губ. армяне большей частью владѣютъ и грузинскимъ языкомъ). При интенсивно растущемъ спросѣ на нелегальную пропагандисткую и агитаціонную литературу, спросѣ постоянно оставляющемъ позади предложеніе, „Квали“ фактически пополняла собой ощущаемый недостатокъ. Этому способствовали особыя своеобразныя условія цензуры на окраинѣ. Грузинская, какъ и армянская цензура на Кавказѣ привыкла бояться призрака — армянской или грузинской „интриги“, то есть національно-сепаратистскихъ тенденцій, какъ бы невинны онѣ ни были по своему политическому значенію. Теперь, правда, режиму самодержавной бюрократіи грозила опасность, конечно, не со стороны беззубаго грузинскаго націонализма, а скорѣе со стороны приходящей къ сознанію своихъ классовыхъ задачъ рабочей массы,— и верхи администраціи не могли не понять этого. Но сложность, громоздкость бюрократическаго аппарата имѣла слѣдствіемъ то, что это пониманіе долго еще не доходило до отдѣльныхъ винтиковъ и колесъ этого механизма. И вотъ несомнѣнно „старательные“ чиновники — цензора грузинской литературы на Кавказѣ продолжали смотрѣть сквозь пальцы на ненаціоналистическую газету даже и тогда, когда сознательная жизнь рабочей массы уже била въ Грузіи ключемъ и отодвинула всѣ другія теченія грузинскаго общества на задній планъ. Вотъ почему марксистская „Квали“ во многихъ статьяхъ могла принимать почти явно соціальдемократическій характеръ. Впрочемъ, само собой разумѣется, что путь этой газеты былъ усыпанъ не только розами...

Среди рабочихъ грузинъ „Квали“ пользовалась широкой популярностью. Ее читали и комментировали въ кружкахъ, смотрѣли на нее, какъ на свой органъ. Изъ числа тифлисскихъ абонентовъ этой газеты около $^2/_3$ (до 250) были рабочіе. Во время многочисленныхъ обысковъ, жандармы находили „Квали“ у массы рабочихъ. Редакторы этой газеты подвергались арестамъ одинъ за другимъ. Во время массовыхъ арестовъ 1901 г. многихъ арестованныхъ обвиняли въ сношеніяхъ съ „Квали“. Жандармы, наконецъ, добрались до того, что въ ней помѣщенъ переводъ одной нелегальной вещи. Во время послѣднихъ массовыхъ арестовъ были арестованы редакція и сотрудники „Квали“.

Естественнымъ финаломъ явилось постановленіе четырехъ министровъ.

„Квали“ погибла на честномъ посту...

Погибла ли? Достаточно прислушаться къ пульсу соціальдемократическаго движенія на Кавказѣ, достаточно присмотрѣться къ тому, какимъ вѣсомымъ факторомъ общественно-политической жизни Кавказа и вообще Россіи сдѣлалось это движеніе, какъ это засвидѣтельствовано и послѣднимъ секретнымъ отчетомъ Тифлисскаго губернатора, достаточно понять какимъ запасомъ живыхъ силъ оно обладаетъ, чтобы сказать: нѣтъ, „Квали“ не погибла, она живетъ полной жизнью въ томъ движеніи, на пользу и во имя котораго она упорно вела свою линію подъ кнутомъ самодержавныхъ цензоровъ.

Честный органъ соціальдемократической мысли умеръ!

Да здравствуетъ соціальдемократическая мысль и борьба!

Петербургъ. Патріотическія неистовства. Предлагаю маленькую иллюстрацію современнаго положенія вещей. Фактъ самъ по себѣ незначительный, что, однако, не мѣшаетъ ему быть въ высшей степени характернымъ. Я имѣю въ виду патріотическую манифестацію передъ Аничковскимъ дворцомъ, случайнымъ свидѣтелемъ которой или, точнѣе, одного ея момента мнѣ пришлось быть. Наслаждаться дольше лицезрѣніемъ холопствующей толпы, тѣмъ болѣе топчущей себя въ грязь, чѣмъ презрительнѣй къ ней относятся, я не могъ: до того это было противно.

Уже издали я увидѣлъ толпу съ какими то знаменами, какъ оказалось потомъ, національными флагами (3-4). Кричали „ура“, что то пѣли. Сперва я подумалъ: не проводы ли это добровольцевъ? Впрочемъ, мое недоумѣніе немедленно же разсѣялось: новый взрывъ „ура“ — въ серединѣ толпы замахали университетскими фуражками. Я видѣлъ только университетскія фуражки. Правда, въ толпѣ была и другая публика, но, очевидно, студенты-универсанты составляли ядро манифестантовъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Ну, стало быть „все обстоитъ благополучно“, рѣшилъ я и пошелъ далѣе. „Однако, ворота то заперли“, услышалъ я сбоку чье то ядовитое замѣчаніе. И, дѣйствительно, ворота Аничковскаго дворца были затворены. Наши самодержцы до того отвыкли, сидя за семью замками, отъ проявленій всякихъ общественныхъ настроеній, что уже пугаются одного слова „демонстрація“, какой бы характеръ ни имѣла послѣдняя. „Конечно, ежели съ патріотической цѣлью..., а всетаки за запорами то спокойнѣе...“ Жалкіе, несчастные люди! Они не умѣютъ даже настоящимъ образомъ использовать благопріятное для нихъ стеченіе обстоятельствъ... Въ окнахъ мелькаютъ чьи то лица Что написано на нихъ, я не разглядѣлъ. Въ газетахъ потомъ сообщали, что старая царица благодарила манифестантовъ „милостивыми улыбками“. Дѣло извѣстное, „они“ имѣютъ привычку улыбаться непремѣнно „милостиво“ и даже, собственно, не улыбаются, а „изволятъ улыбаться“. Но... но запертыя то ворота! Вѣдь этакая предательская вещь! И, въ сущности, всѣ эти „милостивыя“ улыбки ничего не обозначаютъ, кромѣ укоренившейся привычки пускать ихъ въ ходъ при своихъ „выходахъ“. Это дѣйствуетъ на нѣкоторую часть публики, а, главное, это — единственное, что еще умѣютъ и могутъ дѣлать наши выродившіеся правители.

Что настоящая демонстрація не была вызвана искусственно, что, по крайней мѣрѣ, часть студенчества дѣйствовала въ порывѣ увлеченья — несомнѣнно. Насколько эта часть сознательна, вопросъ другой. Я хотѣлъ бы только еще сослаться, въ пользу искренности манифестантовъ, на свидѣтельство моей знакомой, попавшей къ демонстраціи еще позднѣй и видѣвшей такую сцену: ѣдетъ молодая царица; толпа окружаетъ ее и останавливаетъ экипажъ; и вотъ тутъ то произошло буквально слѣдующее: студенты военно-медицинской академіи, окружавшіе сани, стали *на колѣни*, обнажили головы и, махая шапками, кричали: „Ура, наша матушка!“ — съ такимъ энтузіазмомъ, который не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно искренности манифестантовъ.

Петербуржецъ

Какъ фабрикуютъ „патріотизмъ“. Петербургъ, 4 февраля. Патріотическія манифестаціи далеко не имѣли тѣхъ размѣровъ, какіе имъ приписывала печать. Больше всего отличались студенты университета, члены корпораціи „Денница“. На сходкѣ (разрѣшенной) въ университетѣ баллотировался всеподданнѣйшій адресъ; 500 человѣкъ за, 300 противъ. По окончаніи сходки, патріоты начали пѣть „Боже, царя храни“, другіе начали шикать. Произошла жестокая свалка. Радикалы оказались въ меньшинствѣ и были смяты патріотами. Другія высшія учебныя заведенія пока еще не пристали къ патріотамъ. Манифестаціи больше происходить не будутъ. Полиція ихъ запретила, боясь контръ-манифестацій. Рабочіе почти никакого участія въ манифестаціяхъ не принимали. Ядро манифестантовъ состояло изъ шпіоновъ. Полиція закупила на толкучкѣ массу старыхъ студенческихъ пальто и одѣла въ нихъ разныхъ босяковъ. На заводахъ совершаются молебствія и рабочимъ приказываютъ кричать ура, но ура выходятъ весьма жиденькія. Съ особой безцеремонностью производятся сборы на военныя нужды на заводахъ: кто отказывается отъ пожертвованій, того немедленно разсчитываютъ. Въ консерваторіи директоръ предложилъ адресъ и пригрозилъ исключеніемъ всякому кто откажется отъ подписи.

Патріотическія манифестаціи закончились 31-го ночью курьезнымъ столкновеніемъ манифестантовъ съ полиціей. Въ 12 часовъ ночи группа „патріотовъ“ человѣкъ въ 80, прооравши нѣкоторое время у Александровской колонны, направилась съ пѣніемъ гимна по Невскому. Но тутъ на нихъ набросилось человѣкъ 40 городовыхъ и жестоко избили ихъ.

Пробовали также сфабриковать манифестацію изъ гимназистовъ, но на зовъ начальства откликались только „приготовишки“ и ученики первыхъ трехъ классовъ. Изъ двухъ гимназій погнали, однако, мальчиковъ со знаменами, а въ другихъ директора смутились отсутствіемъ учениковъ старшихъ классовъ.

Петербургъ. Только что въ Горномъ институтѣ была сходка, на которой присутствовали почти всѣ слушатели. Эта сходка имѣетъ большое общественное значеніе, такъ какъ вынесенная на ней резолюція является отвѣтомъ здравомыслящей части студентовъ института на тѣ „патріотическія“ манифестаціи, въ которыхъ такую позорную роль играетъ въ послѣднее время извѣстная часть студенчества.

Въ первый день, 28 января, студентовъ среди манифестантовъ было мало, но въ слѣдующіе дни число учащихся, какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній, принимавшихъ участіе въ манифестаціяхъ, значительно усилилось. 30 января, во время похоронъ Михайловскаго, толпа студентовъ, принадлежавшихъ, главнымъ образомъ, къ корпораціи „Денница“, устроила, какъ извѣстно, позорнѣйшую манифестацію передъ Зимнимъ дворцомъ. 31 января въ Горномъ институтѣ была созвана сходка, на которую собралось 100 человѣкъ (въ институтѣ 600 человѣкъ) по дѣлу, касавшемуся частной жизни института (столкновеніе съ директоромъ). По окончаніи сходки нѣкоторые изъ присутствовавшихъ предложили воспользоваться ею, чтобы выяснить свое отношеніе къ вчерашней манифестаціи. Большинствомъ 67 противъ 19 при 14 воздержавшихся сходка вынесла слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что въ настоящее время правительство стремится привлечь на свою сторону народъ на время войны, явившейся естественнымъ результатомъ традиціонной политики русскаго имперіализма, причемъ дѣлается все возможное, чтобы замаскировать историческія противорѣчія интересовъ народа и правящей бюрократіи, — сходка осуждаетъ близорукое поведеніе нѣкоторой части студенчества, своими патріотическими манифестаціями вводящей въ заблужденіе народъ относительно политики правительства“.

Нѣкоторое время въ институтѣ было тихо, если не считать молебна въ институтѣ о ниспосланіи побѣды русскому воинству и скандала, учиненнаго въ столовой группой „патріотовъ“. Вчера эта „группа патріотовъ“ (ихъ около 100 человѣкъ) разослала всѣмъ студентамъ института приглашеніе явиться сегодня на сходку, чтобы „обсудить позорное рѣшеніе сходки 31 января, которое наложило пятно на патріотизмъ студенчества“. На сходку явился почти весь институтъ. Сходка продолжалась съ 12 часовъ дня до девяти часовъ вечера, когда была вынесена слѣдующая резолюція: „Въ виду того, что настоящая война съ Японіей является слѣдствіемъ политики, основанной на привилегіяхъ небольшого меньшинства въ ущербъ огромному большинству народа, а также въ значительной степени результатомъ авантюры, характерной для правительственаго предпріятія на Дальнемъ Востокѣ, — студенты Горнаго института, исходя изъ положенія, что патріотизмъ обязываетъ служить интересамъ народа, а не кучкѣ эксплоататоровъ, выражаетъ глубокое негодованіе правительству, какъ виновнику народныхъ бѣдствій и рѣшительное осужденіе той части русской молодежи, которая своими псевдопатріотическими манифестаціями и всеподданнѣйшими адресами пошла на встрѣчу правящей кликѣ, помогая ей расположить народъ въ пользу безчеловѣчной, не въ его интересахъ предпринятой, войны“. Рѣшеніе это было принято большинствомъ 215 противъ 21, причемъ 107 человѣкъ осталось при особомъ мнѣніи и устроило особую сходку.

Петербургъ. (Изъ частнаго письма). „У насъ на Бестужевскихъ курсахъ сильное волненіе. Начало было положено письмомъ группы „русскихъ курсистокъ“ и желаніемъ ихъ устроить „патріотическій“ молебенъ. Публика устроила экстренно сходку и на ней рѣшено было большинствомъ 285 противъ девяти не допускать молебна, чего и добились отъ директора, подъ угрозой устроить общую сходку. Но общей сходкѣ всетаки суждено было состояться, такъ какъ профессора подали вѣрноподданническій адресъ, включивъ въ него имя курсистокъ, не спросясь, конечно, ихъ. Тутъ поднялась цѣлая буря. Мгновенно была созвана сходка, и на ней единогласно (было около 700 душъ) постановили выразить каждому изъ профессоровъ передъ лекціями „порицаніе и глубокое негодованіе“. Но на слѣдующій день лекціи не читались. Профессора собрались на экстренный совѣтъ. Среди курсистокъ, какъ и слѣдовало ожидать, явилась оппозиція — почему то на сходкѣ онѣ не присутствовали. Чѣмъ дѣло кончится, еще неизвѣстно“.

Въ томъ же письмѣ сообщается слѣдующее о похоронахъ Михайловскаго.

„На похоронахъ Михайловскаго было около 7000 народу, преимущественно молодежи изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Гробъ несли все время на рукахъ. Пѣлись все время „панихидныя“ пѣсни, хотя настроеніе замѣчалось бодрое; нѣсколько разъ пытались измѣнить характеръ пѣнія, но „вы жертвою пали“ и другія пѣсни въ томъ же духѣ быстро заглушались болѣе благоразумной „вѣчной памятью“. Немного рѣчей говорилось на могилѣ, но за то были и свободныя. Былъ и призывъ къ демонстраціи, начинались опять революціонныя пѣсни, но ничего не вышло. На видномъ мѣстѣ, на катафалкѣ, лежалъ вѣнокъ, на лентахъ котораго была надпись „отъ сидящихъ въ домѣ предварительнаго заключенія“. А около него маленькій вѣнокъ съ красными лентами безъ всякихъ надписей (говорятъ, что отъ соц.-революціонеровъ). Былъ вѣнокъ и отъ соц.-демократовъ съ надписью „отъ марксистовъ“.

Москва. Собравшаяся на засѣданіе московскаго губернскаго земскаго собранія 27 января, публика первоначально была удивлена полнымъ отсутствіемъ гласныхъ въ залѣ; оказалось, что послѣдніе совѣщаются по вопросу о выраженіи „вѣрноподданническихъ чувствъ“. Когда, наконецъ, зала наполнилась гласными, всѣ почувствовали наступленіе торжественнаго и томительнаго момента; самъ собою всталъ мучительный вопросъ: неужели ни у кого изъ этихъ почтенныхъ, хорошихъ и честныхъ людей, тамъ, въ закрытомъ совѣщаніи, не хватило гражданскаго мужества, чувства долга и сознанія обязанности передъ страною — поднять голосъ противъ той традиціонной лжи, которою должно прозвучать теперь всякое изліяніе рабской покорности со стороны общественнаго учрежденія, задыхающагося подъ тисками самодержавнаго произвола и той реакціи, на службѣ которой находится это „возлюбленное“ самодержавіе..: Но вотъ... звонокъ предсѣдателя и его рѣчь (передана газетами) о „неслыханной дерзости“ японцевъ и т. д., въ концѣ — предложеніе сдѣлать перерывъ засѣданія для составленія телеграммы самодержцу. Отвѣтное „просимъ“, „просимъ“ гласныхъ. Они встаютъ съ мѣстъ. Нѣкоторые выкрикиваютъ „ура“ и апплодируютъ. Но этого мало. На этотъ разъ потребовалось участіе публики въ патріотической манифестаціи. Изъ толпы гласныхъ отдѣляется плотная фигура профессора зоологіи московскаго университета Н. Ю. Зографа. Въ изступленіи, съ сжатыми кулаками, профессоръ кричитъ публикѣ: „встаньте! встаньте!“ — и по адресу одного изъ студентовъ — „развѣ ты не русскій?!!... Мерзавцы, негодяи! Мы васъ разорвемъ“, — кричитъ далѣе изступленный профессоръ. Та же брань слышится изъ устъ, оказавшагося рядомъ съ профессоромъ, корреспондента газеты „Московскій Листокъ“. Въ публикѣ сначала мгновенное замѣшательство и смущеніе, затѣмъ — шумъ, свистки, возгласы, между которыми можно разслышать „долой самодержавіе!“ Въ послѣдовавшемъ затѣмъ перерывѣ засѣданія земскаго собранія происходили два разъединенныхъ между собой совѣщанія — среди возмущенной публики и среди гласныхъ. Громадное большинство этихъ послѣднихъ, почувствовавъ всю пошлость и низость происшедшаго инцидента, обрушилось на Зографа и наговорило ему не мало нелестнаго; меньшинство его защищало. Однако, всѣ почувствовали неизбѣжность политической демонстраціи при предстоящемъ засѣданіи; нужно было сколько нибудь смягчить черезчуръ обостренное положеніе. И вотъ къ публикѣ, шумѣвшей въ другой залѣ, отправляются изъ среды гласныхъ, какъ бы въ качествѣ парламентеровъ, нѣсколько популярныхъ лицъ, на вліяніе которыхъ можно было разсчитывать. Они стараются успокоить публику и ораторовъ; послѣдніе, въ силу естестественнаго хода вещей, склоняются къ обобщеніямъ и истолкованію происшедшаго инцидента на болѣе широкой почвѣ. Почтенные земцы говорили, что отъ этого скандала будетъ плохо и „намъ“ и „вамъ“, что все это „угрожаетъ земству“, что обиженная публика можетъ подать „письменное заявленіе предсѣдателю собранія“, который „по глубокому убѣжденію“ говорявшаго (П. Д. Долгоруковъ), „никому этого не покажетъ“ и, слѣдовательно, вреда отъ этого не произойдетъ. Съ противной стороны было выражено желаніе, чтобы собраніе выразило свое отношеніе къ поступку Зографа и корреспондента, удаливъ ихъ съ засѣданія. Наконецъ, кое какъ сошлись на томъ, что Зографъ принесетъ свое извиненіе въ собраніи, обратившись къ предсѣдателю послѣдняго. По открытіи засѣданія, предсѣдатель Трубецкой пробормоталъ нѣсколько словъ о томъ, что „корреспондентъ одной газеты позволилъ себѣ въ засѣданіи неприличный поступокъ“, а потому онъ проситъ его удалиться изъ залы, и что одинъ изъ гласныхъ имѣетъ сдѣлать заявленіе. Послѣ этого Зографъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Ваше превосходительство, я долженъ выразить свое глубокое сожалѣніе, что, выслушавъ вашу пламенную и прочувствованную рѣчь, настолько увлекся ею, что, можетъ быть, позволилъ себѣ сказать нѣсколько неумѣстныхъ словъ по адресу одного изъ присутствующихъ...“ Послѣ словъ, сказанныхъ Зографомъ, въ публикѣ послышалось „это — не то... не все...“ Трубецкой приглашаетъ приступить къ чтенію „всеподданнѣйшей телеграммы“. Лишь только были произнесены первыя слова этой телеграммы, публика встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, и начинаетъ выходить изъ залы. Торжественность момента была грубо нарушена... Оставшіеся въ залѣ гласные испускали патріотическіе крики; уходящая публика провозглашала другія слова, которыя едва ли ранѣе когда либо раздавались въ этихъ стѣнахъ. Вслѣдъ за этимъ, въ виду выраженныхъ нѣкоторыми опасеній относительно возможности повторенія демонстраціи, рѣшено было сдѣлать перерывъ засѣданій земскаго собранія и разъѣхаться до первой недѣли поста. Теперь возникаетъ тревожный вопросъ: „а что, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ воспользуется моментомъ и не разрѣшитъ дальнѣйшихъ занятій собранія?“ Смѣта осталась неутвержденной и выборы должностныхъ лицъ на трехлѣтіе не были еще произведены. Патріотическое, легальное и корректное московское земство находится въ несомнѣнной опасности, угрожающей со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ. — Аналогичныя опасенія руководили губернской управой въ ея рѣшеніи отсрочить XVI губернскій врачебный съѣздъ (по школьно-санитарнымъ вопросамъ), назначенный было на первыя числа февраля. — Очевидный выводъ изъ собранія 27 января дѣлается тотъ, что, по условіямъ переживаемаго нашей страной времени, лишь закрытыя двери могутъ обезпечить благополучное проведеніе „всеподданнѣйшихъ изліяній“, адресовъ, телеграммъ... въ общественныхъ собраніяхъ. Справедливость этого была сегодня, 28 января, фактически признана представителями московской городской думы, собравшимися на публичномъ засѣданіи думы для прочтенія манифеста и молебствія „о дарованіи побѣды русскому оружію“. Это „публичное засѣданіе“ было устроено такимъ образомъ, что всю явившуюся въ большомъ количествѣ публику направили ложнымъ ходомъ въ сторону — въ такъ называемый „малый“ залъ, гдѣ она и ожидала открытія дверей въ залъ засѣданія. Въ послѣдній же, черезъ особый входъ, были пропущены лишь гласные думы и нѣкоторая часть служащаго въ городской управѣ персонала, по преимуществу, женскаго. По открытіи засѣданія, на скорую руку былъ прочитанъ манифестъ и совершено молебствіе, послѣ чего поспѣшили закрыть собраніе и разойтись. Попавшая въ ловушку публика шумѣла, произвела „безпорядки“ въ зданіи думы и была переписана полиціей.

Москва. Здѣшнія патріотическія манифестаціи организованы охраннымъ отдѣленіемъ. Съ флагами и транспарантами, а позднѣе, съ олеографическими портретами въ рамахъ (чтобы придать болѣе непосредственности, а то транспаранты наводятъ на размышленія), шествовали сыщики, окруженные „распропагандированными“ рабочими механическихъ мастерскихъ съ Афанасьевымъ, Слѣповымъ и проч. сволочью; когда число манифестантовъ увеличивалось, они передавали флаги и отправлялись въ другіе районы. Въ первый же день, вечеромъ 29 числа, имъ пришлось весь вечеръ нести флаги и пѣть — участниковъ было мало.

Такъ какъ большинство манифестантовъ состояло изъ шпіоновъ и жуликовъ (ихъ особенно много), то сбитыя шапки часто пропадали. Когда толпа ворвалась въ ресторанъ „Эрмитажъ“ и требовала „музыку“, то послѣ ея ухода исчезло столовое серебро. Даже съ женщинъ сбивали шляпки. Пострадали и чины полиціи (приставъ, околоточные и городовые), съ которыхъ тоже были сбиты фуражки.

Придя къ Иверской въ часъ ночи, манифестанты потребовали поповъ и отслужили молебенъ; вся толпа стояла на колѣняхъ въ снѣгу, и прохожіе насильно ставились тоже на колѣни. Въ Успенскомъ соборѣ одинъ изъ манифестантовъ заснулъ на императорскомъ мѣстѣ, а другой — на архіерейскомъ. Картина!

Перваго февраля вечеромъ, двѣнадцать человѣкъ сыщиковъ стояли впереди толпы на колѣняхъ передъ домомъ генералъ губернатора; это былъ апофеозъ. Послѣ того манифестаціи приказано было прекратить. Возмущались ими многіе и не только интеллигенты, но и народъ; послѣдній разсуждалъ очень наивно: „къ чему эти торжества, музыка, пѣніе, — вѣдь побѣждаемъ не мы, насъ бьютъ!“

Перваго числа около дома генералъ-губернатора конные жандармы разогнали толпу, при чемъ они обнажили шашки для устрашенія. Кровь, тѣмъ не менѣе, пролилась: жандармъ разсѣкъ високъ 14 лѣтнему мальчику; его унесли на рукахъ. Съ нѣсколькими дамами сдѣлался обморокъ и послѣ того толпа стащила жандарма съ лошади и жестоко побила, но онъ всетаки сумѣлъ улизнуть очень скоро. Когда „порядокъ“ былъ водворенъ, поперекъ Тверской около генералъ-губернаторскаго дома поставили въ рядъ городовыхъ, и манифестанты не пропускались. Раздавались иногда и свистки среди манифестирующихъ.

Второго числа полицейскіе разгоняли кулаками всѣхъ, кричавшихъ „ура“ и пѣвшихъ „Боже царя храни“. Никогда не забуду такой картины: на Страстной площади городовой, бляха № 29, ударилъ по шеѣ одного субъекта (по костюму чернорабочаго) въ тотъ моментъ, когда онъ кричалъ „Ура батюшкѣ царю“.

Проходя по Тверскому бульвару, я замѣтилъ группу городовыхъ, среди которыхъ было два-три студента, гимназисты и другіе учащіеся; подойдя, услыхалъ протестующіе голоса студентовъ: „какъ смѣете драться?“ Околоточные же приглашали ихъ въ участокъ; по дорогѣ многіе присоединялись; около магазина Елисѣева раздались крики „ура“! и вотъ тутъ то мнѣ удалось лицезрѣть изумительную работу городовыхъ кулаками; работали артистически, и въ мигъ толпа была разсѣяна, — исчезли и студенты съ гимназистами, посреди мостовой остались одни городовые и околоточные.

Либеральныя „Русск. Вѣд.“ и на сей разъ отличились — въ нихъ было сказано, что „фабричные и заводскіе рабочіе въ количествѣ свыше 10½ тысячъ манифестировали вчера и т. д.“, тогда какъ во всѣхъ консервативныхъ, даже реакціонныхъ органахъ было сказано: „толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ“, „люди разныхъ сословій“, „обыватели“ и т. п., и это было ближе къ истинѣ.

Война не популярна не только среди народа, но даже и военныхъ. Въ Семеновскомъ полку вызывались охотники, и никто не откликнулся, предлагали жеребьевку — не согласились, тогда *принуждены* были назначить одну роту.

Ростовъ на Дону. Патріотическія манифестаціи. У насъ въ Ростовѣ, какъ и въ другихъ городахъ, происходятъ патріотическія манифестаціи, отъ которыхъ теперь приходятъ въ неописуемый восторгъ гг. Суворины и Мещерскіе. Надо отдать справедливость нашему начальству: оно буквально выбивается изъ силъ, чтобы выжать изъ ростовцевъ „патріотическія“ (сирѣчь вѣрноподданническія) чувства. Вѣдь ростовцы въ послѣдніе два года сильно скомпрометировали себя въ глазахъ правительства — говорилъ ген. Абрамовъ въ своей рѣчи, обращенной къ толпѣ, и какъ было бы пріятно начальственному сердцу, если бы ростовцы, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, „преисполнились чувствомъ безпредѣльной любви къ „обожаемому монарху“ (почти дословно). Въ первые дни начальство колебалось; повидимому, оно опасалось какъ бы „неблагонадежный“ элементъ не воспользовался этими манифестаціями въ своихъ „преступныхъ“ цѣляхъ. Поэтому, въ первый день въ городѣ держали наготовѣ казаковъ и солдатъ.

Читая газеты (легальныя), можно предположить, что, дѣйствительно, ростовцы привѣтствовали Николая II, что весь городъ принималъ участіе въ вѣрноподданническихъ манифестаціяхъ и т. д. Къ счастью, газеты до наглости извращаютъ дѣйствительность. Даже въ первый день, когда чувствовался особый подъемъ, въ манифестаціяхъ принимали участіе 600-700 чел. (кромѣ солдатъ). Да и эта толпа наполовину состояла изъ мальчишекъ да праздношатающейся публики, и лишь весьма незначительный контингентъ составляли рабочіе. Большая часть публики, которой, по случаю чудной погоды, было дѣйствительно много, относилась почти безучастно. Принимали еще участіе въ этихъ манифестаціяхъ ученики торговой школы... Толпа съ портретомъ Николая и флагами ходила по всему городу съ криками „ура“; генералъ Абрамовъ вмѣстѣ съ жанд. рот. Карповомъ произносятъ рѣчи, ликуя, что, наконецъ-то, ростовцы исправились, и совѣтуютъ и впредь не слушать „преступниковъ-соціалистовъ“, а прямо тащить ихъ въ полицію (рѣчь Абрамова). Вмѣстѣ съ раздавшимся въ отвѣтъ на его рѣчь „ура“ довольно отчетливо слышатся крики: „дуракъ“. Разыгрываются на улицѣ довольно интересныя сценки, характеризующія настроеніе „народа“. Какой-то „интеллигентъ“ произноситъ „горячую“ патріотическую рѣчь, исполненную вѣрноподданническихъ чувствъ. Когда онъ кончилъ и отошелъ отъ толпы, рабочіе набросились на него и изрядно поколотили, приговаривая: „не говори такихъ пакостей!“ Когда говорилъ рѣчь прис. пов. Севастьяновъ, призывая жертвовать на защиту отечества свое имущество, изъ толпы раздается возгласъ: „покажи примѣръ, „святая скотина“. Мы уже и такъ для васъ всѣмъ жертвуемъ“... Севастьяновъ говорилъ, окруженный жандармомъ Карповомъ и офицерами. Всѣ они были пьяны; злые языки изъ той же толпы увѣряли, что они пропивали деньги, собранныя во время манифестаціи въ пользу „краснаго креста“. Довольно характерна и слѣдующая сценка. Пьяный офицеръ набрасывается на еврея; послѣдній срываетъ ему погонъ, происходитъ всеобщая суматоха, и манифестанты разбѣгаются. Стоявшій неподалеку шпикъ бѣжитъ къ городовому и говоритъ: „уведите скорѣе этого офицера, а то остынутъ патріотическія чувства“. Къ вечеру толпа начинаетъ уже прямо безчинствовать; раздавались даже крики (повидимому, шпіоновъ) „бей жидовъ“.

Три дня мальчишки, ученики торговой школы, босяки и обыватели привѣтствовали Николая II и ген. Абрамова. Манифестаціи носили тотъ же характеръ, что и въ первый день. Повидимому, и для ген. Абрамова было ясно, что рабочіе совершенно индифферентно относятся къ патріотическимъ манифестаціямъ, и неутомимый генералъ направляетъ агитацію въ рабочую среду. Въ главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Владикавказскихъ желѣзныхъ дорогъ собираютъ рабочихъ и въ присутствіи всего начальства служатъ молебенъ о дарованіи побѣды. Когда рабочихъ собирали, отъ нихъ скрывали, для чего ихъ собираютъ, а мастера говорили, что полученъ отвѣтъ на ноябрскія требованія рабочихъ. Послѣ молебна начальникъ мастерскихъ предложилъ рабочимъ послать черезъ министра телеграмму Николаю съ просьбой удовлетворить требованія рабочихъ, выставленныя въ ноябрѣ прошлаго года. Раздалось оглушительное „ура“.

Черезъ три дня былъ полученъ отъ царя отвѣтъ, въ которомъ онъ выражалъ „царское спасибо“, а о требованіяхъ рабочихъ даже не упоминалось. Въ мастерскихъ было вывѣшено объявленіе, что работы прекратятся въ два часа, причемъ уже заранѣе были приготовлены всѣ принадлежности для манифестаціи: флаги, портреты, шпіоны и пр. По предложенію начальника, рабочіе направились въ городъ. Этотъ печальный фактъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что изъ главныхъ мастерскихъ послѣ стачки были выброшены лучшіе рабочіе (около 800 чел.), а листки комитета сильно запоздали. Кромѣ того, несомнѣнно, что несознательная часть была искренно воодушевлена патріотизмомъ (но не вѣрноподанными чувствами), не понимая истинной причины войны. Однако, и во время этой манифестаціи раздавались возгласы: „долой самодержавіе“. Вечеромъ группа человѣкъ въ 50-60 около мастерскихъ устроила манифестацію... противъ самодержавія. Пѣли Дубинушку, Марсельезу, кричали „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ политическая свобода“. Манифестація продолжалась около 15 минутъ.

По предложенію начальства, желѣзно-дорожные рабочіе обратились къ рабочимъ завода Пастухова съ предложеніемъ примкнуть къ манифестаціи. Рабочіе Пастухова рѣшительно отказались, заявивъ, что у нихъ нѣтъ охоты заниматься подобными глупостями. Рабочіе завода Мартенса рѣшили освистать желѣзнодорожныхъ, но случайность помѣшала осуществить это намѣреніе. Только 15-20 человѣкъ, бросивъ работу, встрѣтили манифестантовъ свистомъ. Рабочіе фабрики Асмолова тоже отказались участвовать въ манифестаціи, а когда были пущены кружки „краснаго креста“, всѣ отказались давать деньги. Можно было бы еще привести рядъ фактовъ, ясно показывающихъ, что ростовскіе рабочіе не увлеклись патріотическими и вѣрноподанническими чувствами, и ген. Абрамовъ преждевременно расточалъ похвалы ростовцамъ и ихъ вѣрноподанничеству... Въ своей рѣчи, обращенной къ желѣзно-дорожникамъ, генералъ, между прочимъ, говорилъ, что „соціалисты, увидавъ, что рабочіе преданы царю-батюшкѣ, боятся выпускать листки“. Бѣдный генералъ! Черезъ два-три часа ему пришлось горько разочароваться: во время манифестаціи разбрасывались листки къ... желѣзнодорожникамъ по поводу устроенной ими манифестаціи.

Донской Комитетъ ведетъ дѣятельную агитацію по поводу войны и противъ манифестаціи. Въ громадномъ количествѣ распространены листки и устраивается цѣлый рядъ большихъ собраній.

Кишиневъ. Подвиги патріотовъ. 1 февраля отправлялось на войну двѣ роты солдатъ. Изъ пригорода, гдѣ были ихъ казармы, ихъ сопровождала на вокзалъ толпа съ четырьмя оркестрами музыки, пѣвшая гимнъ. По дорогѣ толпа все увеличивалась и на вокзалѣ возросла до десяти тысячъ, такъ что поѣзда, которые должны были уходить и приходить, принуждены были останавливаться за полъ версты отъ вокзала, такъ какъ весь этотъ путь былъ занятъ толпой. По дорогѣ офицеровъ толпа несла на рукахъ. Простымъ народомъ дѣлалась масса приношеній въ видѣ яствъ и питій. Затѣмъ одному босяку, бывшему „георгіевскому кавказцу“, пришла въ голову мысль понести по городу портретъ Николая съ музыкой. Ему дали музыку, и вотъ толпа съ крикомъ, пѣніемъ, музыкой разгуливала по городу до 11 часовъ ночи. На вокзалѣ въ первыхъ рядахъ толпы была, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь: гимназисты, семинаристы и т. д.. 2-го эта манифестація началась съ утра по иниціативѣ, опять таки, подростковъ учащихся, которые пришли въ городскую управу и потребовали портретъ Николая, а потомъ съ музыкой и съ массой портретовъ они до двухъ часовъ дня ходили по главнымъ улицамъ города; все время пѣли, бросали вверхъ шапки, останавливались передъ военнымъ клубомъ, гдѣ офицеры, съ своей стороны, тоже выставили на балконъ портретъ Николая. Всѣхъ, находившихся на улицѣ офицеровъ останавливали и качали, такъ что нѣкоторые офицеры, завидѣвъ толпу, прятались въ первый попавшійся дворъ. Къ этой группѣ манифестантовъ, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ подростковъ учащихся, присоединилась потомъ и масса „чистой“ публики. Въ два часа дня манифестанты снова вломились въ управу и возвратили портретъ. Ихъ, повидимому, забавляло, что они могутъ пѣть, кричать, дѣлать все, что угодно, и никто ихъ не можетъ остановить. Какой нибудь малышъ кричитъ взрослому бородачу, чтобы онъ снялъ шапку, и тотъ долженъ исполнить. Съ четырехъ часовъ дня манифестація началась снова съ тѣми же иниціаторами, но къ вечеру толпа измѣнила ея характеръ и начала заходить уже слишкомъ далеко; такъ, напримѣръ, толпа подошла къ дому доктора Д., извѣстнаго всему городу либерала; часть толпы ворвалась къ нему въ квартиру и съ пѣніемъ, неся флаги и портреты, заполнила двѣ первыхъ комнаты и потребовала у хозяина портретъ Николая; услыша отвѣтъ, что портрета нѣтъ, въ толпѣ заговорили: „А, значитъ, не признаете!“ Д. отвѣтилъ, что „признаетъ“, но портрета не имѣетъ, и попросилъ толпу выйти, что она, въ концѣ концовъ, съ пѣніемъ и криками и сдѣлала. Эта же самая толпа часовъ въ девять вечера ломилась къ городскому головѣ Сацинскому (тоже слыветъ въ городѣ либераломъ) съ тѣмъ же требованіемъ, хотя въ квартиру и не вошла. Кажется, подобныя исторіи были еще кой у кого. Эти же двѣ квартиры такъ или иначе отмѣчены „Бессарабцемъ“ и не менѣе знаменитымъ здѣсь Щербаномъ.

Николаевъ. Интересъ къ войнѣ сообщился широкой массѣ населенія и городского и сельскаго, ждутъ съ нетерпѣніемъ и жадно ловятъ сообщенія съ театра военныхъ дѣйствій. Патріотическія манифестаціи съ рабочими кончились очень печально. Лишь только рабочіе начинали проявлять свою иниціативу и затягивали русскую „Марсельезу“, какъ ихъ разгоняли и били нагайками. Теперь манифестаціи запрещены повсюду; создается и поддерживается рѣзко враждебное отношеніе къ англичанамъ и евреямъ. Настроеніе тревожное. Когда здѣсь толпы рабочихъ шли по улицамъ во время патріотической манифестаціи, то сторонкою бѣжали мальчишки и любопытные съ крикомъ: „бунтъ!“, но когда слышали пѣніе гимна, разочарованно заявляли, отплевываясь: „зналъ бы, не стоило и ходить“, и уходили прочь. Количество рабочихъ, принимавшихъ участіе въ манифестаціи, было небольшое. Интересно, что въ день манифестаціи здѣсь въ одной изъ казармъ до четырехъ час. держали солдатъ подъ ружьемъ, заявивъ, что рабочіе „бунтуютъ“ и что пойдутъ ихъ усмирять. Въ день манифестаціи отъ станковъ отгоняли почти палками. Если же кто проявлялъ дольше свое упорство, то рабочіе, извѣстные за шпіоновъ и прихвостней заводоуправленія, начинали бить себя въ грудь, вопить на всю мастерскую, что, молъ, такой-то не русскій человѣкъ и т. д. Администрація заводовъ заявила, что полдня рабочимъ зачтется, но будетъ передано въ пользу Краснаго Креста. Предлагали потомъ рабочимъ подписывать извѣстный процентъ на военныя нужды — большинство отказалось категорически.

Кутаисъ. Настроеніе въ настоящее время вездѣ приподнятое; во всѣхъ слояхъ общества замѣчается враждебность къ правительству: въ гимназіи и въ реальномъ училищѣ при чтеніи манифеста раздались свистки и пѣніе и крики „долой самодержавіе“, такъ что директоръ гимназіи принужденъ былъ остановить попа во время чтенія манифеста и попросить учениковъ старшихъ отдѣленій выйти изъ залы. Въ городскомъ театрѣ „Боже, царя храни“ встрѣчается свистками и шиканьемъ. Каждый ударъ, наносимый самодержавной власти на востокѣ, принимается съ какимъ-то необыкновеннымъ восторгомъ, надѣются, что съ пораженіемъ рус. правительства на войнѣ, во внутреннемъ строѣ Россіи необходимо произойдутъ радикальныя измѣненія.

Въ Кутаисѣ только что произошли крупныя демонстраціи учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Принимали участіе всѣ учебныя заведенія и мужскія, и женскія. Подробное описаніе пришлемъ на дняхъ. Въ Батумѣ рабочіе также произвели антивоенныя демонстраціи, причемъ они отняли у „патріотовъ“ (дворниковъ и т. п.) флагъ и развернули свое знамя.

Уфа. Кончился судъ надъ златоустовцами. Привлечено было къ дѣлу 35 человѣкъ обвиняемыхъ. Весь обвинительный актъ пошелъ на смарку. Изъ свидѣтельскихъ показаній выяснилось, что никакого вооруженнаго сопротивленія въ мартѣ 1903 г. въ Златоустѣ не было. Та толпа, въ которую безпощадно стрѣляли, якобы для усмиренія, была мирной толпой рабочихъ, собравшихся на площади по приглашенію начальства для объясненія съ заводской администраціей, и не требовавшихъ, а только просившихъ администрацію завода исполнить заключенный договоръ (въ прежнихъ разсчетныхъ книжкахъ, которыя администрація хотѣла замѣнить новыми, былъ, между прочимъ, пунктъ договора, гласившій, что при нарушеніи условій найма заводъ долженъ выдать плату впередъ за три мѣсяца).

Свидѣтели какъ обвиненія, такъ и защиты были ниже всякой критики. Два свидѣтеля обвиненія были выпровожены изъ залы суда: одинъ, какъ шпіонъ (Бимбуровъ), а другой, какъ завравшійся до такой степени, что онъ самъ, повидимому, пересталъ понимать то, что говорилъ. Даже прокуроръ не принялъ во вниманіе ихъ показаній.

Хорошъ былъ, между прочимъ, врачъ — свидѣтель, сознавшійся на судѣ въ томъ, что, подъ давленіемъ прокурора и слѣдователя, онъ призналъ простую царапину за рану, сдѣланную огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Не обошлось и безъ курьезовъ такого рода. Про одну изъ обвиняемыхъ женщинъ свидѣтель полицейскій сказалъ, что она вооружилась машиннымъ гвоздемъ. На вопросъ, предложенный ей на судѣ, что у нея было въ рукахъ, эта женщина сказала: „съ базару, голубчики мои, шла, купила спицы — чулки шерстяные вязать, только онѣ у меня и были“...

Но чулочныя спицы не были признаны судомъ за оружіе... А потому пришлось обвинять не въ оказаніи вооруженнаго сопротивленія, а только въ произведеніи безпорядковъ. Тѣмъ не менѣе, прокуроръ требовалъ отъ судей строгаго наказанія виновныхъ *для поддержанія престижа закона и власти.* Это требованіе прокурора поддержать престижъ закона было высмѣяно адвокатами въ рѣчахъ, съ которыми они обрушились на обвиненіе. Пріѣзжихъ адвокатовъ было пять: Мандельштамъ и Іогансонъ изъ Москвы, Феодосьевъ и Баръ изъ Петербурга и Коряковъ изъ Воронежа. Рѣчи Мандельштама и Корякова были особенно удачны. Приговоръ былъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ: 30 человѣкъ оправданы, трое мужчинъ осуждены на 3 мѣсяца тюремнаго заключенія, одна женщина — на 2 мѣсяца тюремнаго заключенія (за оскорбленіе офицера, котораго она ударила по щекѣ) и одна женщина на 1 мѣсяцъ при арестномъ домѣ. Опасаются только за судьбу оправданныхъ, — думаютъ, администрація ихъ разошлетъ.

Несмотря на то, что приговоръ былъ объявленъ при открытыхъ дверяхъ, публики почти не было кромѣ двухъ дамъ). Настроеніе въ Уфѣ до такой степени подавленное, всѣ такъ запуганы, что, къ сожалѣнію, ни у кого не нашлось достаточнаго запаса гражданскаго мужества, чтобы выразить сочувствіе оправданнымъ. Вся молодежь, которая была арестована въ концѣ декабря и въ началѣ января въ Уфѣ, выпущена теперь (гимназисты приняты вновь въ гимназію), кромѣ Хавкина, котораго стараются, кажется, примазать къ дѣлу 6-го мая. Зато арестованъ за послѣднее время гимназистъ Николаевскій, который уже теперь исключенъ изъ гимназіи.

Батумъ. 2 февраля въ военной церкви отслужили молебенъ за побѣду русскихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ. По окончаніи молебна духовенство съ губернаторомъ во главѣ, съ военной музыкой и съ пѣніемъ гимна „Боже царя храни“ направились къ морскому берегу въ Александровскій садъ, гдѣ должны были второй разъ отслужить молебенъ. Во время шествія эту процессію встрѣтила группа рабочихъ изъ 100 челов. съ краснымъ знаменемъ, съ возгласами „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ демократическая республика“ и револьверными выстрѣлами (50 разъ) въ воздухъ. Губернаторъ исчезъ, а полицейскіе, обнаживъ шашки, напали на рабочихъ, но они, видя свою малочисленность, разошлись. Арестовали 8 раб. (7 грузинъ и 1 армянинъ).

Отъ ред. Только что получено сообщеніе, еще не провѣренное нами, но, повидимому, заслуживающее довѣрія, о томъ, что 6 арестованныхъ за контръ-демонстрацію батумскихъ рабочихъ военнымъ судомъ приговорены къ смертной казни и уже повѣшены.

Корреспондентъ обѣщаетъ прислать подробности.

Протестъ политическихъ ссыльныхъ. Царское правительство, движимое лицемѣріемъ и желаніемъ внести въ среду революціонеровъ деморализацію и распри, сочло возможнымъ обратиться къ намъ, политическимъ ссыльнымъ въ г. Холмогорахъ, съ манифестомъ, въ которомъ намъ предлагается поступить въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ; царское правительство, „движимое чувствомъ милосердія къ революціонерамъ“, даетъ имъ возможность загладить грѣхъ своего прошлаго, принявъ въ ряды борцовъ за интересы его и интересы капитализма на Дальнемъ Востокѣ.

Возмущенные наглостью и тайнымъ вожделѣніемъ царизма пустить кровь революціонизму въ Россіи, мы, политическіе ссыльные въ Холмогорахъ, въ количествѣ 18 человѣкъ (*единогласно*), съ негодованіемъ отвергли милость царскаго манифеста, какъ новое проявленіе зубатовской политики. Мы не можемъ допустить совмѣстимость достоинства революціонера съ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ арміи ни въ качествѣ рядового, ни въ качествѣ санитара или медика, если это участіе покупается цѣной компромисса. Мы горячо призываемъ и другихъ политическихъ ссыльныхъ товарищей, разсѣянныхъ по городамъ и селамъ Архангельской губерніи, присоединиться къ настоящему протесту.

8 февраля 1904 г.

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ.

Картина патріотической Руси. — Роль города. — Выигрышная позиція реакціи. — Либеральные лозунги по сю и по ту сторону Вержболова. — Фактическое самоустраненіе либерализма.

„Россія единна“... Впереди — съ манифестомъ — царь, заплетающійся ногами въ длинномъ хвостѣ собственнаго титула, а за нимъ въ хаотическомъ энтузіазмѣ русскій „народъ“ — весь, всѣмъ стадомъ... Петербургское дворянство и харьковскіе студенты, таганрогское военное собраніе и ростовскіе мастеровые, жители Новой Бухты и брянскіе гимназисты, святѣйшій синодъ и чистопольскіе старообрядцы, — всѣ готовы принести животы свои и достояніе свое на защиту Россіи.

Сверху до низу — всѣ объединены чувствомъ патріотическаго братства. Студенты качаютъ офицеровъ, генералы цѣлуютъ студентовъ, „измѣнники и гады, по увѣренію „Московскихъ Вѣдомостей“ располались“, „консерваторы“, „либералы“ и „реакціонеры“ дружно поютъ „Боже, царя храни“, кишиневская еврейская община конкурируетъ въ христіанскомъ всепрощеніи и въ монархической преданности съ Суворинымъ, Юзефовичемъ и Крушеваномъ, дирекція казеннаго завода, строющаго броненосцы, называетъ рабочихъ въ патріотической прокламаціи „*товарищами*“, царь величаетъ отправляемыхъ имъ на убой солдатъ „*братцами*“... Такова суздальская картина, которую рисуютъ патріотическіе простаки и газетные проходимцы. Въ этой картинѣ много художественныхъ „дефектовъ“, но самый важный — полное отсутствіе перспективы. Мы хотимъ возстановить ее для нѣкоторыхъ элементовъ картины.

Но прежде всего обратимъ вниманіе на то поучительное обстоятельство, что главнымъ, почти исключительнымъ, полемъ картины является *городъ*.

Въ критическія минуты политической жизни нашей „крестьянской“, нашей „деревенской“ Россіи *о мужикѣ и о деревнѣ почти совсѣмъ забыли.* Патріотическіе адреса и денежныя „даянія“, извлекаемые земскими начальниками изъ „ввѣреннаго“ имъ крестьянскаго населенія, проходятъ почти незамѣтно, тогда какъ патріотическій визгъ двухсотъ или трехсотъ студентовъ находитъ всероссійскій, можно сказать — всемірный резонансъ. Относительное политическое значеніе города и деревни вырисовывается — и для реакціонныхъ и для революціонныхъ стародумовъ — съ замѣчательной яркостью. На лицо выступаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что организующая рука реакціи шаритъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя посѣтила рука революціи, — что спѣшно вербуемые кадры царистской арміи по необходимости рекрутируются не изъ цѣлинныхъ „мужичьихъ“ пластовъ, а изъ политически взбудораженныхъ массъ городского населенія? Въ приближающійся „судный день“ судьбу Россіи рѣшитъ городъ.

Техника мобилизаціонной кампаніи патріотизма была подготовлена многочисленными прежними, болѣе частными попытками реакціи овладѣть толпой и создать среди ея составныхъ частей — студентовъ, рабочихъ, городской буржуазіи — постоянныя организованныя ячейки, какъ опорные пункты дальнѣйшихъ операцій... Въ этомъ отношеніи патріотическія демонстраціи прибавили мало новаго къ московскому опыту монархическаго празднованія 19 февраля или къ практикѣ антиеврейскихъ погромовъ.

Что въ послѣднихъ событіяхъ ново и чрезвычайно важно, такъ это та благодарная позиція, на которую попала реакція.

Воинствующій шовинизмъ — одна изъ немногихъ формъ политическаго идеализма, доступнаго еще сегодня силамъ реакціи. Патріотическія иллюзіи, наиболѣе отдаленныя отъ повседневныхъ толчковъ жизни, позже другихъ реакціонныхъ иллюзій разъѣдаются ея стихійной критикой, дольше другихъ удерживаются въ сознаніи массы... Патріотическіе лозунги были поставлены войной въ порядокъ дня, — и реакція выиграла.

Тѣ самые студенты — „антиобструкціонисты“, которые во время студенческихъ волненій жались къ стѣнѣ, тѣ самые думскіе и земскіе гласные, которые рѣшались проваливать школы и больницы преимущественно при закрытой баллотировкѣ, тѣ самые мѣщане, купцы, студенты и журналисты — юдофобы, которые были покрыты плевками общественнаго презрѣнія послѣ антисемитскихъ вакханалій прошлаго года, — теперь всѣ оказались вынесенными на широкую улицу, вдвинутыми въ самую гущу политическихъ событій. Они даютъ улицѣ лозунгъ, они поютъ первый голосъ въ народномъ гимнѣ, властно вызываютъ на улицу театральные оркестры, они во главѣ, они вожди, они герои...

А либерализмъ?

Большія событія сшибли его съ ногъ. Онъ привыкъ къ мелкимъ схваткамъ. Онъ отваживался встрѣчать реакціоннаго врага законнымъ, но дешевымъ свистомъ, когда врагъ выступалъ въ явно позорной роли земскаго (въ Твери) или уличнаго (въ Кишиневѣ) громилы. Но теперь, когда вчерашній громила волной событій вознесенъ на выигрышную позицію выразителя патріотическихъ „энтузіазмовъ“ націи, — либерализмъ затрубилъ отступленіе.

Сила реакціи сказалась въ томъ, что ея лозунги — очень общіе — въ это время отвѣчаютъ великому національному событію — войнѣ. Либерализмъ не нашелъ въ своемъ арсеналѣ ничего равносильнаго, ничего равноцѣннаго.

И не могъ найти. Противопоставить лозунгамъ реакціи можно только одинъ единственный лозунгъ: *Долой войну и ея виновника — самодержавіе!* Но это лозунгъ — *революціонный!*

Сдѣлавъ сперва попытку сохранить подъ цензурнымъ прикрытіемъ (цензура во многихъ случаяхъ — непроницаемая броня либерализма!) вынужденный нейтралитетъ, либерализмъ не устоялъ на этой позиціи подъ высокимъ давленіемъ съ обѣихъ сторонъ. Тогда онъ рѣшилъ (конечно, безъ сговора) подхватить всей грудью лозунгъ, данный реакціей. Понявъ — а понять было нетрудно, — что поднятый патріотическими хулиганами походъ есть злѣйшая, энергичнѣйшая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся травля либерализма, либеральное „общество“ послѣ минутнаго раздумья бросается впередъ съ дикимъ крикомъ: „Держите вора!“ и... тонетъ въ общемъ потокѣ. Одновременно оно спасаетъ себя и — предаетъ либерализмъ.

Разумѣется, оно обольщаетъ себя при этомъ тѣмъ, что борется съ врагомъ его же оружіемъ. Ему кажется, что сдѣлавъ — „внѣшнимъ образомъ“ — лозунги реакціи лозунгами „общества“, болѣе того, — „народа“, оно обезвредитъ ихъ, лишитъ ихъ первоначальнаго, то есть, реакціоннаго значенія, и можетъ быть даже перетянетъ ихъ, за неимѣніемъ другихъ, на службу либерализму.

И не только либерализмъ по сю сторону Вержболова, но и либерализмъ „по ту сторону“, либерализмъ штутгартскій поднялся до уровня событій. Г. Струве втеченіе долгаго времени систематически отклонявшійся влѣво, тоже оказался вышибленнымъ налетѣвшей волной изъ сѣдла. Онъ снова, — какъ въ своей игрѣ со славянофилами, пытается дать лозунгъ, „цѣнный своей неопредѣленностью“, лозунгъ, который не врѣзался-бы рѣзко диссонирующей нотой въ шумный шовинистическій хоръ.

Рядомъ съ возгласомъ въ честь „свободы“ (политической?) г. Струве рекомендуетъ кричать: „Да здравствуетъ армія!“ и „Да здравствуетъ Россія!“

Какая армія? Армія ярославскихъ „молодцовъ-фанагорійцевъ“, армія златоустовскихъ убійцъ, армія, топчущая Польшу, армія, закрѣпляющая царскія хищенія на Кавказѣ? Или ему предносится армія, стряхнувшая съ себя казарменный идіотизмъ и сдающая ружья революціонной улицѣ? Но если г. Струве думаетъ объ этомъ, если онъ вѣритъ въ это, — тогда лозунгу: „Да здравствуетъ армія!“ долженъ предшествовать лозунгъ „Да здравствуетъ революція!“. Иначе г. Струве будетъ слишкомъ напоминать іезуита, который давая ложную клятву, про себя произноситъ частицу *не*.

„Да здравствуетъ Россія!“ Но какая? Россія, наступившая сапогомъ на грудь Финляндіи, Россія, штыками пришившая къ себѣ Польшу, Россія, жадно протянувшая руку къ Манчжуріи и Корeѣ? Россія — историческая хищница? Или тутъ рѣчь идетъ о той Россіи будущаго, которая признаетъ за каждой націей право на самоопредѣленіе? Если такъ, — тогда, вмѣсто того, чтобы спекулировать на ложный патріотизмъ, который знаетъ только одну — кровью и желѣзомъ спаянную Россію, необходимо имѣть (а если нѣтъ — добыть) политическую честность и политическую отвагу — выдвинуть другой лозунгъ: „Да здравствуетъ свобода національнаго самоопредѣленія!“

Но нѣтъ, — „въ настоящій трудный моментъ неумѣстны(!) и потому нежелательны(!!) другіе болѣе острые и воинствующіе лозунги“ (Лист. Освоб. стр. 2).

Это „въ настоящій моментъ“, когда вопросъ о судьбѣ самодержавія вынесенъ на улицу самимъ самодержавіемъ, — неумѣстны воинствующіе лозунги!

Заигрывая съ военнымъ шовинизмомъ („да здравствуетъ армія!“ ибо „армія — вооруженный народъ“), заигрывая съ штатс-патріотизмомъ („да здравствуетъ Россія!“), штутгартскій либерализмъ хочетъ направить патріотическій потокъ на колесо либеральной мельницы. Онъ не замѣчаетъ, что у этой мельницы нѣтъ колеса, ибо она... вѣтряная!.. И патріотическій потокъ несется мимо нея — на мельницу реакціи...

Слишкомъ ясно, слишкомъ очевидно — *почему.* Такъ какъ армія *не* есть, какъ думаетъ нелегальный либерализмъ, „*вооруженный народъ*“, но его искусственно дрессированная часть, *вооруженная противъ народа*; такъ какъ въ международной игрѣ военныхъ силъ одной изъ ставокъ теперь является не честь государства, — какъ говоритъ легальный либерализмъ, — а честь его безчестья, то есть самодержавія; такъ какъ войной затронуты не „національные интересы“, но интересы самаго *анти*національнаго учрежденія Россіи, того же самодержавія, — то лозунги въ честь Россіи и арміи, хотя бы и перенесенные на страницы либеральныхъ органовъ, остаются вѣрными своей реакціонной природѣ, служатъ мобилизаціи темныхъ силъ и выполняютъ единственную миссію — развращенія политической совѣсти общества.

Выражая радостную увѣренность въ „нашей“ побѣдѣ, — ибо „мы“ сильны и богаты — оффиціальное либеральное общество (думы, земство, пресса...) твердо знаетъ, что мы бѣдны и слабы. Оно лжетъ, оно сознаетъ свою ложь, и оно не можетъ не понимать, что его по достоинству оцѣнятъ и вверху, и внизу. Посылая вслухъ патріотическія проклятія Японіи, общество снова лжетъ и лжетъ цинично, ибо втихомолку оно желаетъ „нашимъ“ войскамъ пораженія, и — какъ увидимъ далѣе — не можетъ не желать, такъ какъ именно на этомъ оно строитъ въ настоящій моментъ всѣ свои политическіе разсчеты.

Какой урокъ!... Либерализмъ, который послѣднее время пытался вдохновиться священнымъ огнемъ на вершинахъ метафизики и религіи, какъ будто только ждалъ критическаго момента, чтобы непосредственно съ этихъ высотъ съ головой окунуться въ лужу политическаго предательства. „Умѣренность обязываетъ“, учило „Освобожденіе“. Теперь мы видимъ, что умѣренность обязываетъ — къ политическому цинизму.

Не внушая большого довѣрія и уваженія къ себѣ сосѣду справа, реакціонному вою котораго онъ подражаетъ, выбивая послѣдніе остатки довѣрія изъ сосѣда слѣва, революціонный лозунгъ котораго онъ не въ силахъ поддержать, либерализмъ просто сбрасываетъ себя со счетовъ на весь критическій періодъ. Конечно, онъ выступитъ снова — либо къ моменту новой временной реакціи, если, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, переживаемый нами политическій подъемъ, не найдя исхода и утомившись внутренней работой, снова разобьется на дробныя политическія тренія; — либо только къ моменту окончательнаго подведенія итоговъ... И либерализмъ силится ускорить наступленіе этого торжественнаго момента, своей лицемѣрной патріотической лойяльностью стараясь облегчить самодержавію душевную драму „сближенія“.

Но и съ точки зрѣнія голаго „подведенія итоговъ“ — либерализмъ безпощадно обворовываетъ свое будущее.

Полтора года тому назадъ Антонъ Старицкій („Освоб.“, № 7) совѣтовалъ земскимъ либераламъ „не спѣшить учесть свое первородство“. Этотъ совѣтъ можно бы теперь повторить съ удвоенной энергіей. Именно „въ настоящій трудный моментъ“, когда такъ туго приходится врагу — мы говоримъ конечно о самодержавіи, а не объ Японіи, — ясный и нетрусливый политическій разсчетъ долженъ былъ бы заставить либераловъ повысить энергію своего оппозиціоннаго давленія, выдвинуть „болѣе острые“ и „болѣе воинствующіе“ лозунги, и ужъ во всякомъ случаѣ не торопиться съ учетомъ своего первородства... Но они не ждутъ — и они не вольны ждать: ихъ неудержимо влечетъ по уклону ихъ собственная классовая тяжесть, а сзади ихъ подгоняетъ мятежная революціонная волна.

Имъ не терпится, и въ этомъ — свидѣтельство того, что либерализмъ разлагается прежде, чѣмъ успѣлъ сложиться. Близорукій и тупой, онъ раздѣлитъ судьбу нѣмецкаго либерализма, основныя черты котораго онъ несетъ въ себѣ.

А эти черты таковы.

„Нѣмецкая буржуазія развивалась такъ лѣниво, трусливо и медленно, что въ тотъ моментъ, когда она враждебно противостала феодализму и абсолютизму, она увидѣла, что ей самой враждебно противостоятъ пролетаріатъ и всѣ фракціи буржуазныхъ классовъ, интересы и идеи которыхъ родственны пролетаріату... Оппозиціонно настроенная къ обоимъ и нерѣшительная по отношенію къ каждому изъ своихъ противниковъ, врозь взятому, потому что она всегда видѣла — одного впереди, другого позади себя; съ самаго начала склонная къ предательству народа и къ компромиссу съ коронованнымъ представителемъ стараго общества, потому что она сама уже принадлежала къ старому обществу;... безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, брюзжа противъ верховъ, дрожа предъ низами, эгоистичная на оба фронта и сознающая свой эгоизмъ;... не довѣряющая своимъ собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей, запуганная міровой бурей и ее же эксплуатируя... пошлая за отсутствіемъ оригинальности и оригинальная въ пошлости — барышничая своими собственными желаніями, безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мірового историческаго признанія... безъ глазъ, безъ ушей, безъ зубовъ, безъ всего...“1) — такою являлась нѣмецкая либеральная буржуазія около 1848 года... А „самобытный“ духъ нашей исторіи ничего не нашелъ нужнымъ прибавить къ этимъ чертамъ. Изъ нихъ и нужно исходить, уясняя себѣ линію поведенія современнаго русскаго либерализма. Какія перспективы открываются передъ нимъ? Каждый новый день политической жизни толкаетъ самодержавіе далѣе по его пути, накопляетъ недовольство въ массахъ, и, такимъ образомъ, заостряетъ противорѣчіе, все болѣе и болѣе уменьшая возможность „мирнаго обновленія“ и увеличивая за счетъ этой возможности историческіе шансы революціи, — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенося центръ тяжести съ буржуазной оппозиціи на революціонныя массы, въ первую голову — на городской пролетаріатъ. Отсюда — политическое суевѣріе либерализма, его жадныя надежды на вмѣшательство чего-то *третьяго* — случая, судьбы...

Является война. Либеральная буржуазія привѣтствуетъ ее, какъ мессію. Война должна взять на себя ту задачу, выполнить которую у оппозиціи нѣтъ энергіи, отказаться отъ которой нѣтъ возможности. Какъ? Тутъ открываются два пути.

Первый путь, это — колоссальный погромъ извнѣ, повтореніе Севастополя. Крахъ военнаго „могущества“ скомпрометтируетъ весь правительственный персоналъ, болѣе того, — самый режимъ. Неизбѣжное слѣдствіе отсюда — необходимость правительственнаго обновленія, а единственное средство обновленія — обращеніе къ „обществу“.

Не исключена возможность и другого болѣе „планомѣрнаго“ пути. Придти къ полному внѣшнему разгрому самодержавіе можетъ, лишь исчерпавъ всѣ возможности побѣды, а значитъ — доведя до высшаго напряженія всѣ силы и средства государства. Но максимальная степень такого напряженія — если отвлечься отъ общаго хозяйственнаго положенія страны — опредѣляется объемомъ общихъ интересовъ, связывающихъ правительство съ обществомъ. Взявъ отъ послѣдняго все, что можно было взять и даже сверхъ того, самодержавіе, прежде чѣмъ расшибить свою преступную голову объ англо-японскій бронированный кулакъ, можетъ попытаться расширить поле соприкосновенія правительственныхъ интересовъ съ интересами „общества“, т. е. заинтересовать господствующіе классы въ успѣхахъ правительственнаго предпріятія *въ цѣломъ*, поставивъ его, въ той или другой *части*, подъ ихъ контроль. На либерально-канцелярскомъ жаргонѣ это значитъ „призвать къ участію въ правительственныхъ трудахъ земскія силы страны“. Незачѣмъ, разумѣется, говорить, что такого рода „призывъ“ будетъ означать не энергичную ликвидацію пришедшаго къ банкротству государственнаго хозяйства, а лишь внесеніе въ него нѣкоторыхъ коррективовъ. Но незачѣмъ, пожалуй, и разъяснять, что классъ, „съ самаго начала склонный къ предательству народа и къ компромиссу съ коронованнымъ представителемъ стараго общества“, ни на что большее и не посягаетъ. И онъ не только не пытается отрѣзать монархическое правительство съ его авантюрой отъ всего общества, наоборотъ, съ дряблымъ паѳосомъ говоритъ о „нашей“ войнѣ, „нашихъ“ успѣхахъ, о „нашемъ“ миролюбіи и о вѣроломствѣ „нашего“ врага. Буржуазные инстинкты подсказываютъ оппозиціи необходимость не наносить ударовъ тѣмъ фетишамъ, которые называются „національной честью“, „національной славой“, „національнымъ дѣломъ“, которые играютъ по отношенію къ интересамъ господствующихъ классовъ роль добрыхъ историческихъ геніевъ, — не только при крѣпостническомъ абсолютизмѣ, но и въ самой свободной изъ демократій. Эти націоналистическія иллюзіи, переходящія въ народное сознаніе со страницъ школьныхъ учебниковъ, съ церковной паперти, съ ораторской трибуны, со столбцовъ буржуазной прессы, позволяютъ господствующимъ классамъ поддерживать въ народѣ необходимое душевное равновѣсіе въ то время, когда фискальный аппаратъ — во имя колоніальной политики — тянетъ изъ народа жилы щипцами милитаризма. Останавливаясь сегодня съ лицемѣрнымъ уваженіемъ предъ образами националистической миѳологіи, либеральная буржуазія обнаруживаетъ этимъ, что она не рѣшается плевать въ колодезь, изъ котораго ей еще не разъ придется утолять свою жажду. „Да здравствуетъ Россія!“ и „да здравствуетъ армія!“

Да, пасуя предъ патріотической вакханаліей, оппозиція обнаруживаетъ не только полицейскій страхъ, она повинуется смутному голосу классоваго инстинкта. Но сознательный голосъ классоваго интереса требуетъ отъ нея немедленнаго и активнаго участія въ политическомъ размежеваніи общественныхъ силъ. Это противорѣчіе непримиримо, — оно коренится въ историческомъ положеніи буржуазіи. Практическій выходъ изъ противорѣчія опредѣляется *степенью* ея политическаго разложенія. Въ данномъ случаѣ степень такъ высока, что либерализмъ пришелъ къ необходимости *самоустраненія...* пока-что. Изъ страха предъ силами революціи онъ уступаетъ имъ мѣсто. Т.

---

1) Марксъ, „N. R. Zeit.“

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

„Черкесскіе порядки“. Въ Московской судебной палатѣ только что закончился разборъ дѣла о крестьянскихъ безпорядкахъ въ имѣніи княгини Гагариной въ Михайловскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Какъ „солнце въ каплѣ водъ“, отражается въ этомъ процессѣ вся прелесть „свободнаго труда“, „домашняго благополучія“ и „блага общественнаго“, созданнаго для крестьянъ тѣмъ ограбленіемъ ихъ въ пользу помѣщиковъ, которое называется „освобожденіемъ“ 19 февраля 1861 года.

Изъ обвинительнаго акта съ достаточною ясностью рисуется то — столь обычное — „земельное обезпеченіе“, съ которымъ крестьяне вышли изъ крѣпостного состоянія, „обезпеченіе“, при которомъ, какъ выразился одинъ свидѣтель, „мужики сидятъ на своемъ надѣлѣ, какъ въ коробкѣ, — курицу некуда выгнать“. Нечего, конечно, и говорить, что и тутъ, какъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это превращеніе надѣла въ „коробку“ совершалось, главнымъ образомъ, при помощи тѣхъ самыхъ „отрѣзковъ“ — отрѣзковъ крестьянской земли въ пользу помѣщика, — которые служили и до сихъ поръ служатъ самымъ могучимъ средствомъ закабаленія и закрѣпощенія всей массы „свободнаго“ крестьянства. Благодаря „отрѣзкамъ“, размѣры надѣла у счастливыхъ обитателей деревни Волосовки (крестьяне этой деревни и обвинялись въ „безпорядкахъ“) достигали цѣлыхъ... $^3/_8$ десятины на душу. Благодаря имъ же, у крестьянъ, разумѣется, не оказалось во владѣніи ни одной десятины лѣсу, а „господская“ земля окружила крестьянскую съ трехъ сторонъ; благодаря имъ, граница помѣщичьяго имѣнія отстоитъ отъ крестьянскихъ ригъ всего на 5 саженей; наконецъ, благодаря имъ же, не арендуя помѣщичьей земли, крестьяне „вовсе не имѣли бы выгона для скота и даже встрѣчали бы затрудненіе въ пользованіи водопоемъ“. Словомъ, положеніе въ своемъ родѣ „классическое“, и разумѣется, и взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщика выросли на этой почвѣ тоже „классическія“.

Крестьянскій скотъ, упорно не желающій сидѣть въ „коробкѣ“, совершаетъ „потравы“, крестьянскія дѣти, мерзнущія въ нетопленныхъ избахъ, тащутъ изъ „господскаго“ лѣса „пеньки“, крестьяне не желаютъ ходить весною и осенью по непролазной грязи той дороги, которая предназначена для нихъ сіятельными владѣльцами имѣнія, а ходятъ по краямъ ея и „топчутъ траву“ (самъ князь, конечно, въ распутицу „ѣздитъ“ прямо по крестьянскимъ землямъ, жалѣючи своихъ дорогихъ лошадей и дорогого экипажа), а то и просто проходятъ черезъ княжескій лѣсъ, не желая совершать большого крюка по дорогѣ, — словомъ, совершаютъ цѣлый рядъ „дерзкихъ нарушеній права собственности“.

Съ своей стороны, и владѣльцы имѣнія не дремали. Земля, необходимая крестьянамъ, сдавалась за ростовщическія цѣны, и угроза лишеніемъ аренды служила магической палочкой, приводившей къ повиновенію обнаруживавшихъ склонность къ „непочтительности“ крестьянъ; потравы, порубки, потоптаніе и пр. и пр. являлись постояннымъ источникомъ „штрафовъ“. Пока былъ живъ старый владѣлецъ имѣнія, самъ не занимавшійся хозяйствомъ и, очевидно, больше проживавшій на „теплыхъ водахъ“, еще можно было кое какъ дышать. Хотя, по свидѣтельству его наслѣдницы, „дядя“ тоже дралъ „штрафы“ немилосердные, но все же послѣ его смерти крестьяне даже „записали его въ поминаніе“. Видно, предчувствовали они, что это были только цвѣточки, а ягодки будутъ при новомъ владѣльцѣ, сіятельномъ потомкѣ Рюриковичей, мужѣ „племянницы“.

И дѣйствительно, князь, начавшій самолично „завѣдывать хозяйствомъ“, показалъ, что онъ намѣренъ вести дѣло въ серьезъ. Штрафы и уголовныя преслѣдованія за потравы и порубки посыпались градомъ. Угрозы лишеніемъ аренды стали раздаваться все чаще и чаще. Кабальныя условія труда въ экономіи достигли такой степени, что даже „записавшіе дядю въ поминаніе“ крестьяне не выдержали и „въ послѣднее время совсѣмъ перестали работать у князя“. „Князь“, конечно, приписываетъ такую „дерзость“ крестьянъ тому, что они „избаловались“, имѣя возможность „каждый день загребать деньги полными горстями“ при постройкѣ желѣзной дороги (проведенной черезъ „эту мѣстность“, т. е. черезъ княжеское имѣніе, „моими же стараніями“, объясняетъ князь, бросая, такимъ образомъ, попутно свѣтъ на причины „зигзагообразныхъ“ направленій нашихъ желѣзнодорожныхъ линій); свидѣтельскія показанія обнаружили, разумѣется, иное.

Но такъ какъ ходить по непроходимымъ мѣстамъ все таки нельзя и топить печи надо, а скотъ, по невѣжеству своему, такъ и не съумѣлъ уразумѣть всю святость „правъ собственности“ и продолжалъ нарушать ихъ самымъ „дерзкимъ“ образомъ, то война между деревней и экономіей продолжалась по всей линіи.

Въ борьбѣ со своими „внутренними врагами“ рязанскій самодержецъ копируетъ, конечно, по примѣру многихъ своихъ собратьевъ, самодержца всероссійскаго. Онъ вводитъ у себя въ имѣніи „усиленную охрану“ и поручаетъ ее своему „отдѣльному корпусу жандармовъ“ — наемнымъ „черкесамъ“.

Эти сыны Юга, появились въ рязанской губерніи еще при министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстомъ. Онъ выслалъ ихъ въ „административномъ порядкѣ“ съ Кавказа за „разбои“. Быть можетъ, именно по этой причинѣ, шуйца министра, отлично знавшая административные подвиги его десницы, пересадила этихъ самыхъ черкесовъ въ его собственное министерское имѣніе, для организаціи помѣщичьяго „разбоя“ противъ крестьянъ. Отъ министра черкесы перешли въ имѣніе кн. Гагарина.

Четыре года хозяйничали они тутъ на полномъ просторѣ. Они „запарывали“ скотъ, такъ что у коровъ оставались рубцы на ногахъ, били нагайками народъ по всевозможнымъ поводамъ и даже безъ всякаго повода, просто потому, что крестьянамъ приходилось идти въ церковь „мимо“ дома, гдѣ жили черкесы; они насиловали женщинъ, разъѣзжали вооруженные кинжалами, ружьями и револьверами, какъ въ завоеванной странѣ, и творили всевозможныя безобразія. Только при такой охранѣ сіятельнымъ господамъ имѣнія стало „возможно жить“, и князь даже возгордился своими вѣрными сторожами. „У нихъ что за объѣздчики“, говорилъ онъ про сосѣдей, „вотъ у меня не то: палка, нагайка, а то и пуля въ лобъ!“ Довольны были и сосѣдніе помѣщики; и имъ стало жить „спокойнѣе“. Доволенъ былъ и „батюшка“; хоть его „прихожанъ“ и избивали по дорогѣ въ церковь, не давая пощады и въ пасхальную ночь, такъ что они подумывали даже о томъ, чтобы перейти въ другой приходъ, лишь бы не ходить „мимо“ черкесовъ, но за то „батюшка“ увѣрялъ „княгиню“, что „чувствуетъ себя съ черкесами, какъ у Христа за пазухой.“ Благочестивый іерей охотно промѣнялъ Христову „пазуху“ на нагайку „иновѣрнаго“ черкеса.

Что же касается „народа“, то онъ, по свидѣтельству того же батюшки, „сталъ привыкать къ черкесамъ“. Сталъ, очевидно, „привыкать“ къ тому, чтобы скотъ его „запарывали“, самого его били, женъ насиловали. Впрочемъ, мудрено было и не „привыкнуть“. Сначала пытались „жаловаться“. Но исправникъ показываетъ, что „о безчинствахъ черкесовъ онъ много разъ слышалъ“, „доходили до него свѣдѣнія и объ изнасилованіяхъ“, но все это не въ силахъ было вызвать съ его стороны такое проявленіе любознательности, чтобы начать дознаніе.

Зналъ обо всемъ и мѣстный становой. О нанесеніи побоевъ одному крестьянину онъ „довелъ до свѣдѣнія князя, но онъ (князь) сказалъ, что незачѣмъ было крестьянину идти черезъ лѣсъ — на это есть дорога“. „Докладывалъ“ становой князю и объ изнасилованіи черкесами одной женщины; но и тутъ „князь не повѣрилъ; ему казалось, что на черкесовъ нарочно наговариваютъ“. Разумѣется, разъ „князь сказалъ“, „князь не повѣрилъ“, не можетъ уже быть и рѣчи о производствѣ дознанія. Не даромъ его сіятельство открыто заявилъ: „въ Рязанской губерніи я — судъ и власть. Бей въ мою голову!“

„Жаловались“ и земскому начальнику. Но, какой толкъ могъ выйти изъ такихъ жалобъ, видно ужъ изъ того, что и послѣ всего, обнаружившагося на судѣ, „свидѣтель показалъ, что не считаетъ черкесовъ негодными для службы въ сторожахъ“; онъ даже „нанялъ къ себѣ въ имѣніе одного изъ черкесовъ, уволенныхъ отъ князя Гагарина“. Наконецъ, въ уѣздномъ съѣздѣ предсѣдательствуетъ самъ кн. Гагаринъ, и, слѣдовательно, о „жалобахъ“ въ съѣздъ совсѣмъ не можетъ быть и рѣчи. Немудрено, что женщина, избитая нагайками въ послѣдніе мѣсяцы беременности, выкинувшая и проболѣвшая послѣ этого шесть недѣль, и не думаетъ „жаловаться“. „Кому же жаловаться?“, говоритъ она. И „свободный“ крестьянинъ при встрѣчѣ съ черкесами снимаетъ смиренно шапку и говоритъ: здравствуй, баринъ! „Какъ начнутъ бить, такъ и вашимъ благородіемъ назовешь“, поясняетъ одинъ свидѣтель.

Наконецъ, подъ сѣнью такихъ порядковъ происходитъ нѣчто уже совсѣмъ невѣроятное. Черкесы начинаютъ „бить нагайкой“ крестьянина, скосившаго „съ окружающей княжескую рощу канавы охапку(!) травы“, а когда тотъ сталъ защищаться, — убиваютъ его на мѣстѣ кинжаломъ. Сбѣгается вся деревня и, вооружившись кольями и косами, „чтобы при случаѣ обороняться отъ черкесовъ“, отправляется „жаловаться князю“, и, не заставъ его дома и думая, что онъ, какъ это неоднократно бывало, не желаетъ даже выслушать „жалобы“, выбиваетъ стекла въ домѣ и сжигаетъ избу, въ которой жили черкесы.

Тѣмъ временемъ, князь съ другой стороны подъѣзжаетъ къ кучкѣ крестьянъ, стоявшей у теплаго еще трупа. Узнавъ въ чемъ дѣло, слыша негодующіе крики крестьянъ, „твердившихъ, что нельзя убивать человѣка за клокъ сѣна“, стоя у самого трупа жертвы „священныхъ правъ собственности“, благородный князь, всѣми помыслами своими устремляется къ той „охапкѣ“ травы, которая похищена изъ его „канавы“. Онъ, по собственному показанію его, „говорилъ, что тутъ дѣло не въ убійствѣ, а въ томъ, что они нарушаютъ его права“. „Дѣло не въ убійствѣ! Дѣло не въ человѣкѣ! Дѣло въ той „охапкѣ“, которая въ глазахъ представителя благороднаго россійскаго дворянства олицетворяетъ собою „священный принципъ собственности“. Во имя этой „охапки“ пусть падаютъ подъ ударами кинжаловъ живые люди. На крики возмущенія князь имѣетъ отвѣтъ, на который даютъ ему возможность тѣ безчисленныя „охапки“, которыя получилъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ благороднымъ дворянствомъ при „освобожденіи“ крестьянъ. Этотъ отвѣтъ — угроза „отнять аренду“, подать ко взысканію „исполнительные листы“.

Невозможно, кажется, нарочно придумать болѣе яркую картину тѣхъ „черкесскихъ“ порядковъ, которые царятъ безраздѣльно въ нашей деревнѣ, чѣмъ это козырянье „охапками“, „арендами“, „исполнительными листами“ надъ плавающимъ въ крови трупомъ, этотъ апофеозъ вѣкового грабительства, насилія, кабалы. А въ заключеніе тѣ же крестьяне, ограбленные при „освобожденіи“, эксплуатируемые арендой и отработками, избитые нагайками, крестьяне, жены которыхъ были изнасилованы, а даже сынъ убитаго, сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, обвиняемые въ „поврежденіи имущества“ и „нанесеніи раны“ камнемъ кн. Гагарину.

Крестьянское движеніе на Кавказѣ. Вотъ уже второй годъ, какъ жители селъ Ахпатъ, Боргалинскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, крестьяне-арендаторы, ведутъ неустанную борьбу противъ мѣстнаго помѣщика Баратова. Въ началѣ борьба носила чисто экономическій характеръ, хотя Ахпатскіе крестьяне имѣютъ „надѣлы“, но доходы съ нихъ не удовлетворяютъ потребностямъ крестьянъ, потому что на каждый „дымъ“ приходится всего двѣ десятины (въ „дымѣ“, среднимъ числомъ, десять душъ). Поэтому, крестьяне арендуютъ пахотныя земли, пастбища и лѣсъ у помѣщика Баратова, который съ каждымъ годомъ повышаетъ арендную плату и доводитъ крестьянъ до разоренія. Крестьяне начали продавать скотъ для уплаты податей. Наконецъ-то чаша терпѣнія переполнилась и среди крестьянъ началось броженіе, которое приняло угрожающіе размѣры, послѣ назначенія новаго управляющаго имѣніями Баратова — либерала съ университетскимъ дипломомъ кн. Авдушелишвили, звѣрскія выходки котораго не знаютъ границъ. По ничтожнымъ поводамъ онъ избиваетъ крестьянъ; было даже нѣсколько случаевъ расправы кинжаломъ. Жалобы крестьянъ оставались безъ послѣдствій, мѣстная полиція на это смотрѣла сквозь пальцы. Кн. Авдушелишвили, не довольствуясь этимъ, вдвое больше повысилъ арендную плату. Крестьяне отказались арендовать земли у кн. Баратова и начали уходить изъ деревни на заработки въ города и по Карской желѣзной дорогѣ, чтобы принудить этимъ князя Баратова къ пониженію арендной платы. Звѣрь Авдушелишвили понизилъ арендную плату, но хотѣлъ отдать землю въ аренду крестьянамъ сосѣднихъ деревень. Крестьяне другихъ деревень, изъ-за солидарности съ Ахпатцами, отказались отъ любезнаго предложенія. Но патентованный интеллигентъ нашелъ другія средства для притѣсненія Ахпатцевъ. „Надѣлы“ крестьянъ раздѣлены другъ отъ друга *отрѣзками*, которые находятся въ рукахъ кн. Баратова, и этими то отрѣзками онъ началъ притѣснять крестьянъ при пользованіи „надѣлами“. Крестьяне начали требовать „отрѣзковъ“; кн. Авдушелишвили обратился къ полиціи. Съ этого момента борьба принимаетъ политическій характеръ. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ село Ахпатъ явился уѣздный начальникъ съ отрядомъ казаковъ (50 чел.) и нахально приказалъ отказаться не только отъ отрѣзковъ, но платить арендную плату въ размѣрѣ, установленномъ кн. Авдушелишвили. Крестьяне категорически отказались и подали жалобу по телеграфу главноначальствующему на Кавказѣ кн. Голицыну, но она осталась безъ послѣдствій. Уѣздный начальникъ настаивалъ на своемъ, но крестьянъ это не пугало. Тогда онъ приказалъ казакамъ отнять скотъ у крестьянъ для продажи. Казаки моментально приступили къ исполненію „служебныхъ обязанностей“, но крестьяне напали на царскихъ башибузуковъ съ камнями и дубинами и отбили скотъ. Уѣздный начальникъ, видя, что [illegible] характеръ, приступилъ къ арестамъ. Арестовалъ массу крестьянъ. Послѣ этого, втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, полиція и Авдушелишвили старались всячески принудить крестьянъ къ сдачѣ, но это никакъ не удавалось. Солидарность крестьянъ день ото дня крѣпла. Приставъ неоднократно являлся съ угрозой отправить всѣхъ въ тюрьму. Наконецъ, въ декабрѣ 1903 года, приставъ явился съ чапарами (стражниками) и приступилъ къ избіенію. Разъяренные крестьяне жестоко избили пристава и стражниковъ, которые обратились въ бѣгство. Но на другой день пріѣхалъ уѣздный начальникъ съ 200 казаковъ, которыхъ натравилъ на крестьянъ. Избивъ всѣхъ крестьянъ, арестовали всю молодежь и загнали въ конюшню. Согнали скотъ для продажи. Старики и женщины начали умолять уѣзднаго начальника сжалиться надъ ними и возвратить скотъ, но онъ обратился съ площадной руганью и приказалъ „ребятамъ“ — проучить „негодяевъ“. Разыгралась возмутительная сцена. Казаки начали избивать женщинъ и дѣтей, но они начали защищаться дубинами и камнями. Тогда озвѣрѣвшій казачій офицеръ приказалъ стрѣлять. Казаки однимъ залпомъ уложили восемь человѣкъ (четыре женщины). Испуганная толпа разбѣжалась. Кн. Авдушелишвили и уѣздный начальникъ достигли своей цѣли, объявили крестьянъ мятежниками и приступили къ арестамъ. Арестовали 60 человѣкъ, изъ нихъ 40 отправили въ Тифлисъ. Кромѣ того, арестованъ и препровожденъ въ тифлисскій Метехскій замокъ приходской священникъ Теръ Арутюнъ Ерзинкіянцъ, котораго обвиняютъ, какъ организатора и руководителя крестьянскаго возстанія. — Оставшіеся крестьяне продолжаютъ бойкотировать кн. Баратова.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Криммичау въ Россіи. Читателямъ памятна только что закончившаяся геройская борьба германскихъ ткачей, и съ ними всего германскаго пролетаріата, вызванная локкоутомъ (закрытіемъ фабрикъ ихъ владѣльцами — въ цѣляхъ уничтоженія рабочаго союза) въ Криммичау. Германскіе фабриканты хотѣли доказать рабочимъ, что, — несмотря на силу классовой организаціи послѣднихъ, — первые все еще „хозяева у себя дома“. Тоже самое, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ примѣра германскихъ коллегъ, захотѣли доказать Шерешевскій и Ко., владѣльцы табачной фабрики въ Гроднѣ, закрывшіе временно свое предпріятіе, въ видѣ наказанія рабочихъ за стачку. Корреспонденціи „Посл. Изв.“ полны описаній бѣдствій, подвергнутыхъ локкоуту еврейскихъ рабочихъ. Россійскіе буржуа (г. Шерешевскій, говорятъ, сіонистъ, но въ борьбѣ съ рабочими онъ опирается, конечно, на жандармовъ его величества Романова, а не на башибузуковъ его величества Абдула Гамида), россійскіе буржуа еще не достигли того вліянія въ государствѣ, какимъ пользуются ихъ германскіе товарищи по эксплуатаціи неоплаченнаго труда, но это не мѣшаетъ имъ усваивать себѣ самыя реакціонныя „новыя вѣянія“, идущія отъ магнатовъ европейскаго капитализма. Рабы полицейскаго правительства, еврейскіе фабриканты, считаютъ дѣломъ своей чести доказать, что они „хозяева въ своемъ домѣ“, что они абсолютные владыки надъ „своими“ рабочими.

Рига. Стачка въ джутовой фабрикѣ (2.000 рабочихъ, началась 17 января) окончена. Требованія рабочихъ удовлетворены. Во время стачки были арестованы слѣдующія лица: Гайденъ, Ошупъ, Линтенъ, Вейсъ, Траубергъ, Спруде и г-жи Берзинь и Траубергъ (послѣдняя черезъ пять дней выпущена). Хуже всего содержаніе арестованныхъ въ участкахъ, гдѣ нѣкоторыхъ рабочихъ полицейскіе даже обокрали. Никакими привилегіями для политическихъ также не пользуются женщины въ здѣшней темной и вонючей женской тюрьмѣ. Интеллигентки Риппа и Менцендорфъ (арестов. 28 сентября въ Митавѣ) *цѣлый* мѣсяцъ не получали ни прогулокъ, ни письменныхъ принадлежностей, ни ваннъ. Акушерка Кальнынь, сильно больная чахоткой, не переводится въ больницу. Начальникъ тюрьмы на просьбу Кальнынь отвѣтилъ, что въ больницу переводятся только заразные больные. На прогулку выпускаютъ здѣсь два раза въ день, каждый разъ на *пять* минутъ.

Архангельскъ. Въ октябрѣ 1903 года въ Архангельскѣ произошла небольшая стачка на лѣсопильномъ заводѣ Кыркалова. Стачка вызвана попыткой пониженія заработной платы (съ 25-30 рублей до 20 и съ 20 до 17). Стачка ограничилась узкимъ кругомъ заводской мастеровщины (машинистовъ, кочегаровъ и проч.) и совершенно не затронула широкую массу неквалифицированныхъ рабочихъ. Окончилась стачка неудачей[1]): стачечниковъ съ легкимъ сердцемъ замѣнили другіе рабочіе, которыхъ послалъ Кыркалову Ульсенъ — тоже лѣсозаводчикъ. Однако, воспитательное значеніе этой стачки не подлежитъ сомнѣнію: до нея въ Архангельскѣ не было ни одного сознательнаго протеста. Кыркаловскіе смазчики, машинисты и амбарные слесаря своей стачкой показали разнымъ Русановымъ, Макаровымъ, Ульсенамъ и пр. хищникамъ, что время безмолвнаго подчиненія рабочихъ капиталу миновало... Сами рабочіе увидѣли — кто ихъ враги, пріобрѣли нѣкоторую увѣренность въ возможности открытой борьбы съ этими врагами и сознаніе, что при болѣе благопріятныхъ условіяхъ возможна побѣда. Насколько такая побѣда страшна врагамъ ихъ, показываютъ разосланные по всѣмъ заводамъ списки фамилій 16 стачечниковъ съ просьбой не принимать ихъ на другіе заводы. Администрація каждаго завода поспѣшила выразить своими подписями подъ этими листами солидарность съ Кыркаловымъ.

Стачка рабочихъ, какъ небывалое явленіе, взволновала весь Архангельскъ. На каждой улицѣ, въ каждомъ домѣ заговорили о томъ, какъ Кыркаловъ притѣсняетъ рабочихъ. Одни съ недоумѣніемъ распрашивали о подробностяхъ стачки, порицали штрейкбрехеровъ, другіе загорались сочувствіемъ къ забастовщикамъ и ненавистью къ Кыркалову. „Убить эту скотину и то мало!“, говорили женщины на базарѣ. А Кыркаловъ напугался, окружилъ заводъ полиціей и десятниками; боится по вечерамъ ѣздить въ городъ. Онъ, очевидно, считаетъ рабочихъ способными жечь, грабить и убивать такъ же, какъ это дѣлаютъ Кыркаловы, Ульсены, Пецъ, Мейеры и друг., поджигающіе свои заводы ради полученія страховыхъ премій, снимающіе съ бѣдняка-рабочаго послѣднюю рубаху, калѣчащіе десятки людей неогражденными машинами... Сознательными рабочими соціальдемократами изданы двѣ прокламаціи къ стачечникамъ.

Уральскіе гвоздари (Ревдинскій зав., Екатеринбург. у. Перм. губ.). Среди крестьянъ Ревдинскаго призаводскаго поселка человѣкъ 100-150 занимаются кустарнымъ производствомъ гвоздей. Гвоздари, собственно, носятъ два названія: шпикарей, — занятыхъ производствомъ мелкихъ сортовъ кованныхъ гвоздей исключительно ручнымъ способомъ, и гвоздарей, изготовляющихъ болѣе крупные сорта гвоздей съ помощью ручного станка. Шпикаря начинаютъ работать въ три-четыре часа утра и работаютъ до семи часовъ вечера, при полуторачасовомъ перерывѣ на обѣдъ и завтракъ, значитъ рабочій день у нихъ $13^1/_2$-$14^1/_2$ час. Систѣма работы такова: шпикарь съ колотушкой (молоткомъ) и торбой (ведеркомъ подъ готовые гвозди) является къ содержателю „шпикарни“ (мастерской), барину, какъ его въ насмѣшку называютъ, и изъявляетъ свое желаніе поработать. „Баринъ“, поломавшись, принимаетъ его къ себѣ, онъ идетъ къ другому собственнику, болѣе крупному (ихъ въ Ревдинскѣ трое, шпикарей же „баръ“, имѣющихъ по семи-десяти рабочихъ, человѣкъ 15) и беретъ у него желѣзо на гвозди. Болѣе крупный собственникъ покупаетъ желѣзо на заводѣ по 1 р. 30 к. за пудъ, продаетъ „барину“ по 1 р. 45 к., а послѣдній отпускаетъ шпикарю-рабочему по 1 р. 55 к., и обыкновенно безъ денегъ въ счетъ будущихъ заработковъ. Въ субботу каждой недѣли баринъ-шпикарщикъ отбираетъ у шпикарей, работающихъ въ его мастерской, готовые гвозди по 2 р. 30 к. - 3 р. 50 к. за пудъ, причемъ угаръ желѣза идетъ въ счетъ рабочаго. Каждый шпикарь за недѣлю выковываетъ 1-$2^1/_2$ пуда готовыхъ гвоздей и зарабатываетъ 75 к. - 2 р. 50 к. на всемъ своемъ содержаніи, „баринъ“ же выгадываетъ на каждомъ рабочемъ по 20-30 к. въ недѣлю.

Гвоздари работаютъ при помощи самодѣльнаго станка, разумѣется, самаго незатѣйливаго и допотопнаго устройства. Работать гвоздари начинаютъ въ три-четыре часа утра и кончаютъ въ пять час. веч., при полуторачасовомъ перерывѣ на обѣдъ и завтракъ, слѣдовательно, работаютъ ежедневно $11^1/_2$-$12^1/_2$ часовъ. Станокъ вертятъ руками двѣ женщины, часто дочери гвоздаря, и получаютъ отъ гвоздаря 15-20 к. поденно. За эти несчастные гроши дѣвушка обязана цѣлый день ($11^1/_2$-$12^1/_2$ ч.) вертѣть руками безъ устали гвоздарный станокъ, качаться, поднимаясь и опускаясь всѣмъ туловищемъ, не имѣть правильной точки опоры при стояніи: это такъ трудно, такъ невыносимо тяжело, что всѣ органы тѣла: руки, ноги, поясница, грудь постоянно ноютъ и болятъ. Система работы та же самая, что у шпикарей, только гвоздарни имѣются у болѣе богатыхъ лицъ. Желѣзо гвоздари берутъ по 1 р. 25 к. - 1 р. 35 к., а готовые гвозди сдаютъ по 2 р. 30 к. - 2 р. 40 к., зарабатываютъ рубля три въ недѣлю; хозяинъ гвоздарни гвозди продаетъ опять таки крупному буржуа и за свое посредничество получаетъ копеекъ 50 отъ человѣка. Работа гвоздарей, а особенно шпикарей, такъ трудна, что и представить себѣ невозможно; шпикарни обыкновенно, въ видахъ экономіи матеріала, бываютъ чуть-чуть повыше человѣческаго роста, жара стоитъ невообразимая, зимой работаютъ въ рубашкахъ, а лѣтомъ на тѣлѣ буквально все бываетъ мокро. Въ день шпикарь выковываетъ около 20 фун. или 800 шт. По каждому гвоздю надо ударять трехфунтовымъ молотомъ не меньше 30 разъ, значитъ за день ему доводится сдѣлать 24.000 ударовъ. Шпикарь, какъ приходитъ на работу съ утра, такъ и работаетъ абсолютно безъ передышки, на бѣгу кое-какъ пообѣдавъ. Вынужденная конкурренція съ машиннымъ производствомъ гвоздей заставляетъ натягивать всѣ силы, напрягать все проворство. Очевидцы разсказываютъ, что шпикари часто, проработавъ недѣлю, сдавъ гвозди и получивъ 75 к.—1 р. 50 к., прямо таки плачутъ: за что они работали, къ чему выбивались изъ силъ? Нѣкоторые со злости собственныя орудія производства — молотокъ и ведерко — закапывали въ землю, проклинали ихъ, вбивали надъ ними осиновый колъ и давали клятву во всю жизнь больше не браться за нихъ (это фактъ). Но увы, голодъ не внималъ проклятью, не слушалъ анафемы и властно терзалъ изнуренное тѣло; и несчастные шпикари брали снова свою колотушку и торбу и шли на опостылѣвшую работу, за нищенскимъ заработкомъ. Какъ у шпикарей, такъ и у гвоздарей имѣется человѣкъ на семь-десять одинъ *дувачъ*, мальчикъ лѣтъ 10-12; онъ обязанъ приходить на работу немного раньше остальныхъ, разводить горно и работать до вечера, т. е. до пяти-семи часовъ; во время работы онъ долженъ дуть мѣхомъ и подкладывать угля въ горно. Нужда и голодъ гонятъ и дѣтей на этотъ, поистинѣ, каторжный трудъ. Одна женщина говорила, что ея 12 лѣтній сынъ по вечерамъ, приходя съ работы, тотчасъ же ложился спать, часто даже забывъ поѣсть и попить, по утрамъ плакалъ отъ изнуренія и, вставши съ постели, шатался отъ слабости. Устройство шпикарни обходится руб. въ 2—30. Когда я спросилъ одного шпикаря, почему они не устроятъ артельную мастерскую, онъ сказалъ: „а куда же дѣнемся мы-ка съ гвоздями?“ — „Будете продавать тѣмъ, кому продаютъ и „баре“, отвѣтилъ я“. — „Че, да онъ у насъ не возьметъ, они и уже стакнулись; желѣза заводъ намъ также не продастъ, тамъ продаютъ гуртомъ, а мы гдѣ-ка возьмемъ денегъ?“ Когда то шпикари зарабатывали хорошо — по $1^1/_2$-2 р. въ день, но золотое время ручного труда миновало; его смѣнила деспотическая и самодержавная, какъ русскій царь, машина, неспособная слушаться голоса совѣсти и внимать стонамъ и воплямъ жертвъ. И теперь, несмотря на всю растяжимость мускульной энергіи, борьба мускульной демократіи съ аристократкой-машиной становится все труднѣе и невозможнѣе. Для того, чтобы поспѣвать за ней, надо увеличивать напряженность труда, увеличивать рабочій день, уменьшать заработную плату. Но и это не помогаетъ. Машина все давитъ и давитъ, вырываетъ изъ-подъ ногъ кустаря послѣднія точки опоры, и ему не остается больше ничего, какъ бросить свое завѣщанное дѣдами производство, искать заработка въ другомъ мѣстѣ и бороться за новое будущее, которое положитъ конецъ капиталистической эксплуатаціи и сдѣлаетъ машину изъ орудія угнетенія человѣка орудіемъ его благосостоянія.

Черниговъ. Мы сообщили о лѣтнихъ стачкахъ. Сейчасъ стачечное движеніе затихло и смѣнилось внутренней организаціонной работой. Стоило большихъ усилій мѣстную рабочую организацію, построенную на демократическомъ принципѣ, перестроить на новыхъ началахъ, болѣе конспиративныхъ. Немало потрачено времени на борьбу съ мѣстной группой такъ называемыхъ „революціонеровъ-соціалистовъ“ (объявившихъ себя ни соц.-дем., ни соц.-рев.). Лѣтомъ нашей группой была выпущена прокламація къ обществу по поводу забастовокъ на югѣ; осенью — къ рабочимъ, общеполитическаго характера; въ послѣднихъ числахъ ноября, во время губернскаго земскаго собранія, къ гласнымъ. Въ половинѣ ноября одновременно были выпущены двѣ соціальдемократическія прокламаціи; къ „новобранцамъ“ и „рабочимъ“, и прокламація къ новобранцамъ, подписанная группой революціонеровъ-соціалистовъ. Не только центръ, даже окраины города, были буквально засыпаны листками. Начальство всполошилось. Губернаторъ, по слухамъ, пригласилъ начальника жандармскаго управленія Рудова и, показывая ему по экземпляру каждой изъ трехъ прокламацій, спрашивалъ: „Гдѣ же виновные? Пойманы лица, разбрасывавшія эти листки?“ На это, вѣроятно, послѣдовало краснорѣчивое молчаніе, такъ какъ до сихъ поръ, сколько ни выпускалось прокламацій, еще *никогда никто* не былъ пойманъ на „мѣстѣ преступленія“. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого соціальдемократическая группа снова выпустила прокламацію (къ гласнымъ), и — виновные не были найдены. Помимо прокламацій и обычной пропаганды въ кружкахъ, велась агитаціонная работа на большихъ собраніяхъ. Между прочимъ, была устроена торжественная встрѣча новаго года. Собралось болѣе 60 человѣкъ. Пришли также рабочіе, сторонники группы „рев.-соц.“. Собраніе открылось рѣчью одного товарища, горячо и правдиво разсказавшаго небольшую исторію мѣстнаго рабочаго движенія. Другой товарищъ вкратцѣ изложилъ важнѣйшіе моменты русскаго революціоннаго движенія, начиная съ декабристовъ и кончая соціальдемократіей. Говорилось затѣмъ о классовой борьбѣ, о задачахъ соціальдемократіи, о долѣ рабочаго и буржуа, о томъ, что обѣщаетъ новый годъ тому и другому...

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Произволъ „блюстителей порядка“ въ Финляндіи нерѣдко превосходитъ усердіе ихъ собратій у насъ на святой Руси и поражаетъ своимъ пародоксальнымъ безсмысліемъ. 27 декабря (нов. ст.) вечеромъ нагрянула цѣлая шайка царскихъ разбойниковъ въ помѣщеніе общиннаго управленія въ Перно (Нюландской губ., недалеко отъ г. Ловизы), гдѣ у предсѣдателя общинной управы магистра Мейнандера было нѣсколько человѣкъ въ гостяхъ. Лэнсманъ Пернской общины (становой) Сюннебергъ, отличающійся особымъ безстыдствомъ, распоряжался обыскомъ и арестомъ и велъ себя крайне нагло. Всѣ присутствующіе, прислуга, кучера и др. были самымъ тщательнымъ образомъ обысканы; сначала всѣ были объявлены арестованными, затѣмъ гостей выпустили, кромѣ отставного коллежскаго ассесора Сегерстролэ, настоящаго калѣки, не имѣющаго одной ноги и ходящаго на костыляхъ, котораго вмѣстѣ съ хозяиномъ, полуслѣпымъ и глухимъ старикомъ, въ пять часовъ утра, по окончаніи продолжавшагося всю ночь обыска, отвезли подъ сильнымъ жандармскимъ конвоемъ черезъ Ловизу на одну желѣзнодорожную станцію, а оттуда на поѣздѣ въ Петербургъ. При этомъ опричники не осмѣлились со своими „арестантами“ сѣсть на поѣздъ въ Ловизѣ. Ночью часть разбойниковъ отправилась отъ Мейнандера производить обыскъ у Сегерстролэ, жившаго въ 20 верстахъ оттуда также въ деревнѣ. Здѣсь грубо разбудили его жену и гостью учительницу. Оба обыска не дали никакихъ результатовъ, хотя были взяты частныя письма, разныя бумаги, даже сочиненія Рунеберга, которыя изучаются во всѣхъ школахъ и пр. Обоихъ калѣкъ продержали нѣсколько дней въ Предварилкѣ, откуда отправили подъ конвоемъ въ Новгородъ. Если читатель увѣренъ, что эти лица являются опасными „политическими преступниками“ (въ нашемъ русскомъ смыслѣ), то онъ сильно ошибается. Оба они арестованы и сосланы лишь по доносу Сюннеберга, который 15 декабря совершенно беззаконно присутствовалъ на общинномъ собраніи, рѣшавшемъ вопросъ о выборѣ членовъ въ коммиссію по воинскому призыву. Такъ какъ онъ не подчинился требованію удалиться, Мейнандеръ, поддержанный Сегерстролэ, распустилъ собраніе. Этого было достаточно Бобрикову для ссылки ихъ въ Россію.

Вскорѣ послѣ этого эпизода послѣдовалъ царскій „указъ“ о лишеніи высланныхъ изъ Финляндіи ихъ общинныхъ правъ, которыми они пользовались черезъ уполномоченныхъ. Въ декабрѣ было произведено по доносу два обыска у купцовъ въ г. Нюстадѣ и два въ Або; въ послѣднемъ городѣ искали склада оружія, который, разумѣется, существовалъ лишь въ фантазіи властей. Въ январѣ въ томъ же городѣ произведено три обыска — у одного доктора и двухъ купцовъ, — которые не обнаружили ничего преступнаго; однако, докторъ не былъ утвержденъ губернаторомъ въ должности предсѣдателя гласныхъ. Этотъ же энергичный губернаторъ — финляндецъ Лангъ — попросилъ Бобрикова закрыть на шесть мѣсяцевъ одну кондитерскую, хозяинъ которой приказалъ убраться одному измѣннику-чиновнику. Вообще, деморализованные финляндцы-чиновники не уступаютъ въ преступной ревности своимъ славнымъ коллегамъ изъ „русскихъ уроженцевъ“.

Курьезную выходку выкинула въ началѣ января полиція въ Выборгѣ. Здѣсь, по доносу уволеннаго псаломщика, былъ приглашенъ на допросъ къ губернатору апостолъ обрусительной политики пасторъ Э. Бергрутъ, ярый борецъ съ „крамолой“; въ то же приблизительно время былъ арестованъ также старофенноманъ гласный Шюттэ, предложившій обратиться къ царю *съ ходатайствомъ о помилованіи* — о прощеніи штрафа выборгской общины въ 20.000 марокъ, незаконно наложеннаго за вѣрность гласныхъ растоптанной клятвопреступникомъ финляндской конституціи. Г. Шюттэ за свои вѣрноподданническія чувства просидѣлъ нѣсколько дней. Видно, своя своихъ не познаша! Старо-фенноманамъ были бы очень полезны подобные уроки.

Въ одной сельской общинѣ Вазаской губерніи „богатый мужикъ на общинномъ собраніи предложилъ не приступать къ незаконнымъ выборамъ. Его предложеніе, несмотря на угрозы становаго, было принято. Становой отправился немедленно къ т. н. „губернатору“ Книповичу съ доносомъ. Храбрый мужикъ былъ арестованъ и отправленъ въ г. Вазу. Вотъ тебѣ и „народный“ царь-батюшка!

„Фин. Газ.“ постоянно хвастаетъ огромнымъ числомъ „раскаявшихся“ молодыхъ людей, не явившихся въ призывныя присутствія. Любопытныя свѣдѣнія публикуетъ „Fria Ord“ по этому случаю въ № отъ 2 февраля. Въ приходѣ Клэмисъ (Выборг. губ.) многіе юноши, уклонившіеся въ 1902 г. отъ воинской повинности, были арестованы полиціей, заключены въ оковы и отправлены въ выборгскую тюрьму, гдѣ съ ними обращались по-звѣрски. Черезъ нѣсколько времени имъ предложили подписать уже готовое покаянное прошеніе, причемъ имъ, въ случаѣ отказа, угрожали Сибирью. Подобныя деликатныя мѣры принимались во многихъ мѣстахъ для обращенія на путь спасенія юныхъ грѣшниковъ, которые, по словамъ „Фин. Газ.“, трогательно каются. Можно-ли послѣ всего извѣстнаго намъ о преступленіяхъ царизма еще сомнѣваться въ томъ, насколько вѣрный путь сторонники „пассивнаго сопротивленія“ предлагали финскому народу, когда они требовали единодушнаго сопротивленія проведенію военной „реформы“? Правительство боится больше огня столь опасныхъ для него военныхъ стачекъ. Финляндцы имѣли въ рукахъ такое могучее средство борьбы съ нашимъ общимъ заклятымъ врагомъ и упустили въ прошломъ году его изъ рукъ по наущенію и агитаціи мудрыхъ политиковъ и дипломатовъ реакціонной старо-фенноманской партіи, дѣйствовавшей хуже всякихъ измѣнниковъ.

---

[1]) Черезъ три дня заводъ пошелъ „денно и нощно“, какъ желалъ Кыркаловъ.

Преступленія, естественно, вызываютъ негодованіе всѣхъ порядочныхъ финляндцевъ. Въ г. Вазѣ въ началѣ января, трое молодыхъ еще несовершеннолѣтнихъ людей вздумали попугать и проучить полиціймейстера но дѣйствовали настолько ребячески, назначивъ ему свиданіе въ лѣсу, что двое были пойманы тамъ, а третьяго они выдали по своей глупости. Сообщеніе „Фин. Газ.“ невольно заставляетъ насъ заподозрить провокацію со стороны полиціи, которой удалось поймать трехъ мальчишекъ посредствомъ „молодой финки“, написавшей любовное письмо и во время извѣстившей полиціймейстера. Послѣдній раздулъ глупую мальчишескую выходку въ опасный политическій заговоръ и покушеніе на жизнь. Юнцы были такъ вооружены, словно они отправлялись въ настоящій походъ, тогда какъ они хотѣли лишь поколотить отъявленнаго мерзавца-полиціймейстера. Это дѣло еще не окончено.

Разумѣется, не такими мѣрами должны серьезные финляндцы вести борьбу съ россійскимъ самодержавіемъ, и эта выходка вызвала всеобщее осужденіе. Враги свободы боятся единодушія и тѣсной массы борцовъ. Это прекрасно видно изъ предварительнаго запрещенія иллюминаціи, кромѣ царскихъ дней, а затѣмъ изъ агитаціи гельсингфорской полиціи среди жителей Гельсингфорса объ обращеніи съ ходатайствомъ къ „губернатору“ о разрѣшеніи иллюминовать въ столѣтнюю годовщину рожденія финляндскаго національнаго поэта Рунеберга 15 февраля. Нѣсколько человѣкъ попалось на эту удочку и подписали ходатайство, на что немедленно послѣдовало милостивое разрѣшеніе. Власти понимали, что ихъ запрещеніе потерпѣло бы фіаско и потому сами же поспѣшили отступить, но сдѣлали это крайне комично.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГЕРМАНІЯ.

29 февраля въ германскомъ рейхстагѣ закончились дебаты, вызванные запросомъ социальдемократовъ о проискахъ русскихъ шпіоновъ въ Германіи и о гнусномъ пособничествѣ, оказываемомъ германскимъ правительствомъ русской полиціи въ преслѣдованіи русскихъ революціонеровъ.

Начиная съ ареста и выдачи Коляева въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ идетъ непрерывный рядъ наглыхъ преслѣдованій, жертвой которыхъ падаютъ какъ русскіе, такъ и нѣмецкіе подданные, навлекшіе на себя немилость русскихъ агентовъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы обыски и высылки русскихъ становятся обычнымъ явленіемъ. Арестуютъ и осуждаютъ въ тюрьму Щеколдина и Красикова — нелегально проживающихъ въ Германіи, изгоняютъ изъ Пруссіи Вечеслова, возбуждаютъ цѣлое дѣло о Новограцкомъ, Браунѣ и другихъ *нѣмецкихъ* подданныхъ за содѣйствіе транспорту революціонныхъ изданій въ Россію. Подвергаютъ истинно-русскимъ преслѣдованіямъ и надзору русскихъ студентовъ въ германскихъ университетахъ, производятъ обыскъ у г. Струве...

Германскіе товарищи разоблачили рядомъ неопровержимыхъ данныхъ правильное функціонированіе бюро тайной русской полиціи въ Берлинѣ, которое, при благосклонномъ содѣйствіи германскаго правительства, установило „россійскую“ шпіонскую травлю всѣхъ „подозрительныхъ“ личностей, не стѣсняясь ни подкупомъ почтальоновъ, ни вторженіемъ въ чужія квартиры.

Краска стыда, повидимому, покрыла на время щеки даже буржуазныхъ политиковъ, когда имъ былъ предъявленъ этотъ итогъ русско-нѣмецкой дружбы. Но слабые протесты почтенныхъ буржуа мигомъ замолкли, когда съ высоты министерской трибуны были произнесены слова „анархизмъ“ и „терроризмъ“. Тщетны были напоминанія социальдемократовъ, что въ Россіи нѣтъ анархистовъ, что терроризмъ отвергается русской социальдемократіей, противъ которой, главнымъ образомъ, направляются всѣ эти преслѣдованія, что всѣ русскіе революціонеры борятся за тотъ политическій строй, который санкціонированъ европейскими конституціями. Тщетны были аппеляціи Бебеля, Гаазе и другихъ товарищей къ той „національной чести“, которой кичится буржуазія и на которую неизгладимымъ пятномъ ложатся рабскія услуги, добровольно оказываемыя самодержавію этой самой буржуазіей... Резолюція социальдемократовъ, требующая закрытія русской полицейской лавочки въ Берлинѣ, была отвергнута всѣми голосами противъ социальдемократовъ. Германія Вильгельма второго и Бюлова покрыла себя новымъ позоромъ. И еще ненавистнѣй стало имя русскаго царизма всѣмъ дѣйствительнымъ демократамъ въ Германіи.

Резолюція собранія Сенской Федераціи Социалистической Партіи Франціи.

Революціонные социалисты, собравшись въ субботу 27 февраля въ тавернѣ Henri IV по приглашенію Сенской Федераціи С. П. Ф. для чествованія пріѣзжавшаго въ Парижъ гражданина Плеханова, — подчеркиваютъ солидарность, существующую между ними и всемірнымъ пролетаріатомъ, а въ особенности рабочимъ классомъ Россіи; констатируютъ, что царизмъ, прямой врагъ русскаго пролетаріата, является въ то же время наиболѣе опаснымъ препятствіемъ революціоннаго движенія во всѣхъ странахъ; привѣтствуютъ въ русско-японской войнѣ нанесеніе смертельнаго удара царскому самодержавію и толчокъ международному социализму; — напоминаютъ французскимъ рабочимъ, что ихъ обязанность настоятельно и рѣшительно противиться всякому вооруженному вмѣшательству, въ которое правители буржуазной республики желали бы вовлечь Францію на помощь русской имперіи, во имя яко бы союза, ни права, ни существованія котораго они не въ состояніи были бы доказать; — и восклицаютъ: „Да здравствуетъ Россійская Социальдемократическая Рабочая Партія!“ — „Да здравствуетъ предстоящая русская революція! — „Да здравствуетъ международный союзъ рабочихъ!“

Бюро состояло изъ гражданъ: Лафарга, Ландрена, Браке.

Ораторами выступали: Лафаргъ, Лагарделль, Ландренъ отъ имени Сенской Федераціи С. П. Ф. Рапопортъ. Раковскій отъ Болгарской С. Дем. Партіи. Пироди отъ Итальянской Социалистической Партіи. Ремэ.

Эта резолюція прислана Г. В. Плеханову при слѣдующемъ письмѣ:

Парижъ 28/II 04.

Дорогой гражданинъ, я пользуюсь случаемъ повторить вамъ выраженіе благодарности отъ имени всѣхъ моихъ товарищей Сенской Федераціи. Большой радостью для насъ было видѣть въ своей средѣ давнишняго друга, одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые пошли съ нами за одно въ тѣ дѣйствительно трудные дни, когда, осыпаемые оскорбленіями и клеветой, мы должны были кричать „берегись“ рабочему классу, обманываемому фразерами. Мы встрѣчали болѣе чѣмъ друга, — это былъ братъ по тяжелымъ сраженіямъ. Я заканчиваю пожеланіемъ, чтобы вы возможно чаще доставляли намъ удовольствіе видѣть васъ и прошу васъ засвидѣтельствовать передъ нашими русскими друзьями нашу солидарность съ ними и горячее желаніе низверженія ихъ самодержца, въ ожиданіи низверженія всѣхъ нашихъ эксплуататоровъ.

Съ своей стороны, угрозой возстанія, мы не дадимъ нашему правительству двинуть свои войска на помощь царизму. Миръ или революція! — таковъ пароль, который мы дали рабочимъ Франціи, и правительство должно будетъ съ этимъ считаться.

Братски преданный вамъ: (подпись секретаря).

ИЗЪ ПАРТІИ.

Нами получены слѣдующіе документы:

1) **Письмо Тверского Комитета.** Въ редакцію Ц. О. Прежде всего мы извиняемся передъ редакціей въ томъ, что за ходомъ работы, такъ долго не отвѣчали на ея письмо. Просимъ не принимать этого за безучастное отношеніе къ неурядицамъ, происходящимъ въ нашей партіи.

Напротивъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ тотъ взглядъ Ц. О., что въ интересахъ партіи необходимо, чтобы „всѣ организаціи свободно и рѣшительно высказали свое положительное или отрицательное отношеніе ко всѣмъ событіямъ партійной жизни и въ частности ко всѣмъ дѣйствіямъ партійныхъ „властей“ — и при первой возможности приступаемъ къ дѣлу.

Мы считаемъ необходимымъ указать, что первый пунктъ организаціоннаго устава совершенно неудовлетворителенъ, такъ какъ даетъ возможность проникнуть въ нашу партію нежелательнымъ элементамъ, могущимъ внести въ нее буржуазныя тенденціи и тѣмъ посѣять въ ней „сѣмена раскола“. Давая такую оцѣнку первому пункту устава и находя, что и весь уставъ во многихъ частяхъ редактированъ довольно неудовлетворительно, мы дѣлаемъ это лишь для свѣдѣнія будущему съѣзду. Вообще же мы, работающіе въ комитетахъ партіи, поскольку мы освѣдомлены съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ и русской дѣйствительности, находимъ, что въ настоящее время для проведенія въ жизнь рѣшеній второго съѣзда и созданія партіи, наиболѣе приспособленной къ борьбѣ съ правительствомъ при современныхъ условіяхъ — необходимо принять строго централистическій типъ организацій, которому болѣе соотвѣтствуетъ планъ тов. Ленина. Затѣмъ, исходя изъ того положенія, что различіе мнѣній во всякой партіи можетъ способствовать выясненію истины, мы признаемъ необходимымъ и обязательнымъ для каждаго члена партіи, не согласнаго съ рѣшеніями съѣзда и общепартійной политики, высказывать — для подготовки будущаго съѣзда — свои взгляды на страницахъ партійныхъ изданій, поскольку они не уклоняются отъ соц.-демократической точки зрѣнія и не вносятъ буржуазныхъ тенденцій. Всякія же попытки измѣнять иными способами постановленія съѣзда партіи мы считаемъ вредными и нежелательными, какъ вносящія рознь и дезорганизацію. Относительно Ц. К. мы находимъ, что, принимая во вниманіе громадность задачъ, возложенныхъ на него, и трудность выполненія ихъ при русскихъ условіяхъ, необходимо всѣмъ комитетамъ партіи оказывать ему возможно большее содѣйствіе. Принимая во вниманіе особенно критическій характеръ момента, переживаемаго русскимъ правительствомъ (Японская война), который легко можетъ явиться рѣшающимъ для судьбы самодержавія и соц.-демократической партіи, — мы считаемъ необходимымъ особенно тѣсное сплоченіе всѣхъ социальдемократовъ вокругъ Ц. К., какъ практическаго руководителя партіи, и особенно вредными и опасными всякія попытки противодѣйствія въ его организующей дѣятельности. Для того, чтобы возстановить миръ въ партіи, необходимо редакціи какъ можно скорѣе ясно и обстоятельнѣе выяснить всѣ принципіальныя разногласія „меньшинства“, необходимо напечатать какъ можно скорѣе протоколы съѣзда партіи и Лиги, не скрывать ничего отъ рядовыхъ работниковъ партіи, — по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это можетъ быть допустимо по конспиративнымъ соображеніямъ. Желая только мира въ партіи, мы не измѣняемъ своего отношенія къ редакціи, если только она не измѣнитъ прежняго направленія „Искры“. Что же касается заявленія редакціи, что въ своемъ теперешнемъ составѣ она „почти“ не измѣнилась, то съ этимъ мы согласиться не можемъ. Тов. Ленинъ достаточно большая величина, и выходъ его изъ редакціи — потеря для общаго дѣла. Но мы надѣемся, что какъ сотрудникъ, онъ осуществитъ свое участіе въ идейномъ руководительствѣ партіи. Итакъ, больше гласности.

Основываясь на обѣщаніяхъ редакціи, просимъ напечатать это письмо.

P. S. Нами получено письмо делегатовъ Сибирскаго Союза. Эта брошюра проникнута неуваженіемъ къ съѣзду и нетоварищескими пріемами полемики, и такія брошюры печатаются съ оффиціальнымъ заголовкомъ Росс. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Пусть редакція разъяснитъ, съ ея ли одобренія она напечатана и не есть ли этотъ заголовокъ просто фальсификаціей.

Тверской Комитетъ.

2) **Резолюція Бакинскаго Комитета.**

а) Бакинскій Комитетъ выражаетъ свое полное довѣріе Ц. К. Партіи и надѣется, что Ц. К. будетъ продолжать положительную работу, опираясь на наиболѣе зрѣлые элементы партіи.

б) Бакинскій Комитетъ ожидаетъ отъ Центр. Органа Партіи положительной работы въ смыслѣ выясненія принциповъ революціоннаго социализма и основныхъ вопросовъ партійной программы и тактики и полнаго устраненія со страницъ „Искры“ полемики между центральными учрежденіями Партіи по организаціоннымъ вопросамъ.

Отъ редакціи: Намъ сообщаютъ, что резолюція эта принята шестью голосами противъ пяти, которые приложили къ ней свое особое мнѣніе. Послѣднее, къ сожалѣнію, намъ пока не доставлено.

Международная солидарность. Итальянскими рабочими въ Балтиморѣ (Соед. Штаты) было собрано 53 фр., предназначавшихся для покупки свистковъ ко дню предполагавшагося пріѣзда Николая II въ Италію. Царь, какъ извѣстно, счелъ за лучшее не рисковать и отъ поѣздки въ Италію отказался. Теперь товарищи рѣшили направить собранныя ими деньги черезъ Международное бюро въ нашу партію.

Митинги протеста противъ войны состоялись въ Брюсселѣ (50 человѣкъ) и Цюрихѣ (150 человѣкъ). На нихъ приняты резолюціи тождественнаго содержанія съ помѣщенной въ № 59.

Агитація противъ войны. Издано: **редакціей „Искры“**: „Ко всему русскому народу“ (листовка), „Всемірный жандармъ“ (о международной роли царизма) и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“. — **Одесскимъ Комитетомъ:** „Японцы ли наши враги и съ кѣмъ слѣдуетъ намъ воевать?“ (въ 10,000 экзем.); **Бердичевской** Организаціей — „Война и самодержавіе“; ею же переиздана прокл. „Искры“: „Война противъ Войны“; **Батумскимъ Комитетомъ** — „Къ обществу“; **Полѣсскимъ Комитетомъ** — „О Русско-Японской войнѣ“ (5000 экз.) и „О патріотическихъ манифестаціяхъ“; **Кіевскій** и **Харьковскій Комитеты** также выпустили по двѣ прокламаціи по поводу войны. Харьковской группой социальдемократовъ перепечатана статья „Война“ изъ № 58 „Искры“. **Донецкимъ Союзомъ** изданъ въ 4000 экз. листокъ „Къ рабочимъ“ — о войнѣ. **Маріупольской** Организаціей Донецкаго раб. союза изданы ст. „Въ тискахъ“ и проклам. „Ко всѣмъ“; **Московскій Комитетъ** выпустилъ листокъ „Война Россіи съ Японіей“; Группой студентовъ социальдемократовъ въ **Кіевѣ** изданъ листокъ по поводу патріотическихъ манифестацій, такіе же листки изданы студенческой социальдемократической группой въ **Харьковѣ** и Орг. Комитетомъ Горн. Училища въ **Екатеринославѣ**.

Гомельская группа объединилась съ организаціями въ Клинцахъ и Новозыбковѣ, образовавъ **Полѣсскій** Комитетъ. **Бердичевской Организаціей** изданъ листокъ „Что такое политическая свобода?“ — **Самарскимъ Ком.** — листокъ „Чего хотятъ социальдемократы?“; — **Тверскимъ Ком.** — „Первое января 1904 года“; — **Одесскимъ Ком.** — „Россійская смута и социальдемократія“ (10.000 экз. на русскомъ и малорусскомъ языкахъ); **Бакинскій Комитетъ** — листокъ о полицейской агитаціи въ пользу погрома армянъ.

Вышелъ № 2 газеты „Разсвѣтъ“, издаваемой для сектантовъ тов. В. Бончъ-Бруевичемъ. — Въ изданіи Центральнаго Комитета вышло „Письмо къ товарищамъ о II съѣздѣ“, Павловича.

Некрологъ. 14 (27) февраля въ Парижѣ, послѣ долгой болѣзни, скончался *Владиміръ Павловичъ Иваньшинъ*, одинъ изъ видныхъ дѣятелей „Союза Русскихъ Социальдемократовъ“ и бывшій редакторъ „Рабочаго Дѣла“. В. П. Иваньшинъ занялъ вліятельное положеніе въ социальдемократической эмиграціи съ 1898 года, когда онъ прибылъ заграницу по своемъ освобожденіи изъ петербургской тюрьмы (арест. въ концѣ 1896 года). Въ администраціи „Союза“ онъ былъ однимъ изъ самыхъ активныхъ членовъ. Въ 1903 году Иваньшинъ вступилъ въ „Лигу революціонной соц.-дем.“

Уваженіе, которымъ пользовался покойный въ революціонной средѣ, собрало на его могилѣ въ день похоронъ многочисленную русскую публику. Редакціей „Искры“, администраціей Лиги, ея парижской секціей и парижской группой содѣйствія Партіи были возложены на могилу вѣнки. Говорили Г. В. Плехановъ, Ю. Невзоровъ, Раковскій и Рубановичъ (отъ эмигрантской кассы).

Въ лицѣ Иваньшина русская социальдемократія потеряла одного изъ самыхъ преданныхъ дѣлу товарищей, который до конца своихъ дней, терзаемый неизлечимымъ недугомъ, не переставалъ болѣть горестями своей партіи и радоваться ея побѣдамъ.

Некрологъ. 1 января 1904 года умеръ въ Якутскѣ Павелъ Максимовичъ Хомерике, 33 лѣтъ. Покойный былъ родомъ изъ Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи; впервые административная кара постигла его въ 1902 году. Тогда онъ работалъ на заводѣ Ротшильда, принималъ участіе въ стачкѣ, закончившейся стрѣльбою войскъ въ рабочихъ, и былъ высланъ изъ Батума на родину. Здѣсь онъ принялъ участіе въ революціонной работѣ и снова былъ арестованъ на одной изъ станцій Закавказской жел. дороги въ то время, какъ онъ везъ прокламаціи въ Батумъ. Просидѣвъ два мѣсяца въ Кутаисской тюрьмѣ, онъ опять вернулся на родину, опять принялъ участіе въ революціонной работѣ и былъ вновь арестованъ въ августѣ 1902 года вмѣстѣ со многими другими товарищами. Просидѣвъ въ тюрьмѣ 13 мѣсяцевъ, онъ получилъ приговоръ — шесть лѣтъ Восточной Сибири. Изъ Александровской тюрьмы онъ выѣхалъ въ Якутскъ 28 ноября 1903 года, заболѣлъ въ дорогѣ, но не остановился, такъ какъ мѣстная администрація соглашалась оставить его лишь въ тюрьмѣ въ Киренскѣ, гдѣ ему, совершенно одному, пришлось бы сидѣть четыре мѣсяца до весеннихъ партій. Партія ѣхала по мѣстностямъ, пораженнымъ эпидеміей оспы (сѣв. часть Киренскаго уѣзда, Олекминскій и Якутскій округа), и Павелъ Максимовичъ Хомерике оказался первой жертвой распоряженія администраціи, не позволяющей политическимъ задерживаться ни въ Александровской тюрьмѣ, ни въ селахъ по дорогѣ и направляющей ихъ прямо въ зараженныя мѣстности. П. М. Хомерике заразился въ дорогѣ оспой и умеръ отъ нея въ Якутской больницѣ.

Покойный былъ однимъ изъ лучшихъ представителей глубоко революціоннаго и глубоко преданнаго дѣлу русской революціи кавказскаго пролетаріата.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Харьковъ. Въ ночь на 30 января арестовано 42 человѣка и произведено до 60 обысковъ. — **Саратовъ.** Въ январѣ арест. интеллигентъ Кутомановъ, рабочіе Калашниковъ и Бочковъ, интеллигенты: Фомичевъ и Николаевъ, Ольга Кеслеръ, Лапшинъ, Волочковъ. — **Москва.** 29 января и въ слѣдующіе дни арест.: Л. Никифоровъ, Высоцкій, Ермолова, Езерская, Зелененко, Зауеръ, Жебунева. — **Шостка**, Черниговск. губ. Приговорены; акушерка Брандъ — на два мѣсяца, учительница Брегина — на три мѣсяца въ тюрьму (по оговору провокатора Рудова); студ. Кіевск. Полит. Института В. Глуздовскій — на три года въ Олонецкую губ. — **Черниговъ.** 24 января обыскъ у завѣдующаго земскимъ сельскохозяйственнымъ складомъ Кондакова.

Вышній Волочекъ. Здѣсь съ 31 декабря производились повальные обыски. Былъ обыскъ у фельдшера Дѣвлинга, у учителя воскресной школы Дружинина и у очень многихъ рабочихъ. При обыскахъ ничего нелегальнаго не найдено. Арестовано трое рабочихъ. — **Бердянскъ.** Арестовано 60 человѣкъ: кромѣ Энгеля и Константиновскаго все — рабочіе.

Въ Восточную Сибирь сосланы: Самуилъ Альтшулеръ (на 3 года — дѣло Кіевск. Ком. Росс. Соц.-Дем. Партіи); Анна Розенфельдъ (на 3 г., за распространеніе соц.-дем. литературы); Оржеровскій (соц.-дем., на 5 лѣтъ); Казиміръ Теляковскій (4 года по дѣлу Польск. Соц. Партіи); Ипп. Франчески и В. Курнатовскій (Тифл. с.-д. ком. — 4 г.); С. Джибладзе и Н. Царцавадзе (тоже 3 года); Штернбергъ (Николаевск. с.-д. комитетъ — 4 г.); Сергѣй Дроздовъ на 6 лѣтъ; Т. Трифоновъ (раб.), Дм. Виноградовъ (раб.) — на 5 лѣтъ, всѣ въ Якутскую область; по Смоленскому с.-д. дѣлу; Мих. Синявскій и Василій Царьковъ (6. лѣтъ, терроp. кружокъ въ Смоленскѣ); М. Каганъ и раб. С. Гдалинъ — по тому же дѣлу на 4 года; Сергѣй Константовъ (5 лѣтъ Якутск. обл. — Петерб. ком Р. С.-Д. Р. П.); Теодоръ Езіоровскій (партія „Пролетаріатъ„ — 3 г.): Марія Осадчая — до приговора по дѣлу Николаевск. с.-д. ком.; Рахиль Іохельсонъ (3 г. Южная рев. группа с.-д.); Абрамъ Шварцъ — 3 г.; Сима Фишманъ — 4 г., Х. Бронтманъ — 6 лѣтъ и рабочій Егоръ Матлаховъ — 6 лѣтъ, всѣ по дѣлу той же группы; раб. Окунскій — 4. г. и К. Колтунъ — 5 лѣтъ (Од. с.-д. Комитетъ); раб. С. Рубинъ (3 г. Партія С. Р.); раб. Як. Роберманъ (3 г. — с.-д. дѣло); раб. Л. Мірскій (с.-д. дѣло, 3 года); раб. Б. Мірскій (то же — 4 г.); раб. І. Капланъ (Одесс. с.-д. ком. — 4 г.); раб. А. Гурвичъ (перевозка литературы — 5 лѣтъ); мясники С. Райхеръ съ женой, Абрамъ Карисскій, Н. Шапиро и Суперфайнъ — всѣ за стачку на 5 лѣтъ въ Якутскую область); раб. М. Штаммъ (4 г. — Одесс. с.-д. ком.), Алексѣй Савинковъ (3 г. Моск. с.-д. комитетъ); раб. Геся Шерманъ (Николаевск. соц.-дем. ком., 4 г.), Мина Юдельсонъ (Бундъ — 3 г.); раб. П. Бернштейнъ — 3 г. и Л. Рудавскій — 5 лѣтъ; Анна Краснянская — 5 лѣтъ всѣ по дѣлу Южн. Группы с.-д.), Ал. Добросмысловъ (пропаг. среди крестьянъ — 6 лѣтъ Якутск. обл.); Мих. Никольскій (5 лѣтъ Якутск. обл., Моск. с.-д. ком.); Вацл. Нелѣпецъ (3 г. П. С. П.); Дав. Виккеръ (Кіевск. соц.-дем. ком. — 5 лѣтъ); крестьяне П. Орловъ и М. Неклюдовъ — безсрочно въ Якутск. область за отказъ отъ воинской повинности; Крыловъ на 6 лѣтъ; Петровскій, Галочкинъ, Курановъ по 4 г. (всѣ за демонстрацію въ Костромѣ 8 мая 1903 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Поправка. Упоминая въ №59 о реакціонной роли, сыгранной на Пироговскомъ съѣздѣ *Петрункевичемъ*, мы забыли упомянуть, что рѣчь идетъ о бывшемъ завѣдующемъ губ. зем. больницей, *врачъ М. И. Петрункевичъ*, а не объ извѣстномъ лидерѣ тверскихъ земцевъ *И. И. Петрункевичъ*.

Межъ двухъ стульевъ. Не годится. **М. Днѣпрову.** Тоже. „**Сугубо мягкому**“. № 2 полученъ, № 1 — нѣтъ. Пишите, пришлите адресъ.

Отчетъ заграничн. представителя Ц. К.: 50 рублей изъ Харькова отъ друга технолога, 20 марокъ на литературу, 4 марки отъ К.

Отчетъ Загр. Лиги Р. Р. С. Д. Пожертвовано Н. Н. П. черезъ М. для уплаты постепенными взносами 600 фр.; „отъ П. П. въ память Иваньшина“ — 50 фр. Уплочено Лигой по порученію Ц. К. долгъ въ 500 руб.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“ просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Центральный Комитетъ

Пролетарiи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россiйской Социальдемократической Рабочей Партiи.

№ 61. 5-го марта 1904 г. Годъ IV.

Война и революцiя.

II. ПАДЕНIЕ САМОДЕРЖАВIЯ.

Самодержавiе поставлено въ необходимость защищать свое мiровое положенiе. Самодержавная Россiя борется за свое мѣсто среди державъ. Вся ея внѣшняя политика поставлена на карту. Могущество и величiе царя, мiровые планы, успѣхи прошлаго и задачи будущаго, все. чѣмъ самодержавiе жило и чего ради оно подчиняло себѣ и собирало въ своихъ рукахъ всѣ силы страны, все, что давало историческiй смыслъ этой политической нелѣпицѣ, подвергнуто риску, надъ всѣмъ этимъ поставленъ вопросъ: быть или не быть?

Не надо забывать, что самодержавiе имѣетъ свое собственное политическое содержанiе. Конечно, оно экономически является представителемъ имущихъ классовъ, но *политически* оно старается ихъ подчинить себѣ. Оно самую капиталистическую эксплуатацiю дѣлаетъ орудiемъ для достиженiя своихъ политическихъ цѣлей. Буржуазный либерализмъ, закрывающiй глаза передъ классовымъ характеромъ государства, видитъ въ самодержавiи только власть чиновничества. Больно ужъ просто! Чиновничiй произволъ существуетъ и въ Китаѣ, и въ Персiи, и въ Турцiи, не только въ Россiи. Россiя, правда, была на пути къ тому, чтобы стать азiатской деспотiей. Она даже огораживала себя китайской стѣной. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на линiи крѣпостей московскаго государства, построенныя, между прочимъ, какъ и Китайская стѣна, противъ набѣговъ кочующихъ монголовъ. Тенденцiя къ замкнутости была настолько велика, что еще нѣсколько столѣтiй спустя частоколы, воздвигнутые противъ татаръ, снова могли воскреснуть въ идеологiи русскихъ самобытниковъ. Но никакими рвами и валами не могли оградить Россiю отъ влiянiя Западной Европы. Дѣло тутъ было не столько въ культурномъ воздѣйствiи, сколько въ безпрерывной опасности для самостоятельности Россiи со стороны королевства польскаго и прилегающихъ государствъ. Это привело самодержавiе къ агрессивной внѣшней политикѣ и заставило вмѣстѣ съ тѣмъ приспособлять армiю къ развитiю военной организацiи Запада. Такъ создался русскiй государственный порядокъ: абсолютизмъ на азiатскiй манеръ, поддерживаемый армiей на образецъ европейскiй. Абсолютизмъ завоевательный, стремящiйся весь мiръ подчинить себѣ и перекроить по своему, въ отличiе отъ самодовлѣющаго жесткаго деспотизма Китая, который только требуетъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Поэтому, русское самодержавiе, въ свою очередь, грозитъ безпрерывной опасностью политическому развитiю Западной Европы, въ историческихъ судьбахъ которой оно уже сыграло столь жестокую роль. Поэтому-то съ нимъ такъ трудно справиться: можно разбить орду чиновниковъ, но не такъ-то легко парализовать военную организацiю, перенятую самодержавiемъ отъ развитыхъ капиталистическихъ государствъ. Мало того, своей завоевательной политикой самодержавiю даже удалось создать подобiе нацiональной идеи: подъ знаменемъ защиты и расширенiя могущества Россiи, царское правительство до сихъ поръ еще всегда собирало вокругъ себя всѣ политически реагирующiе слои населенiя и даже весь народъ. Въ мирное время, съ этой точки зрѣнiя, содержанiе войска и флота получало смыслъ и оправданiе въ глазахъ общества. Въ настоящiй моментъ также, на что „Искра“ неоднократно указывала, одной изъ причинъ войны нужно признать стремленiе правительства посредствомъ подъема военнаго патрiотизма заглушить оппозицiонное настроенiе общества и придушить революцiонную энергiю народныхъ массъ. Отнимите у самодержавiя его агрессивную внѣшнюю политику, и его военная энергiя падетъ, войско перестанетъ вѣрить въ самого себя и государство, неудержимо разлагаясь, пойдетъ по пути Турцiи. Вотъ почему самодержавiе, защищая свое мiровое господство, борется за самое свое существованiе.

Война разгорѣлась и неудержимо влечетъ за собой все новыя и болѣе сложныя послѣдствiя. Уже самый фактъ войны показалъ, что царское правительство оказалось безсильнымъ остановить ходъ событiй, вызванныхъ имъ же самимъ. Такъ проявляется историческая необходимость: она рветъ и уноситъ, какъ бурный порывъ вѣтра тонкую паутинку, всѣ хитросплетенiя политиковъ и оголяетъ объективный процессъ историческаго развитiя; стихiйныя силы, работавшiя въ глубинѣ, выступаютъ наружу, и правительства, мнившiя себя вершителями судебъ народовъ, мечутся безпомощно, тщетно отыскивая точку опоры въ разразившемся урaганѣ элементарныхъ политическихъ силъ, и становятся ихъ игрушкой. Царское правительство съ необыкновенной дипломатической ловкостью улавливало каждый моментъ, представлявшiй какiя либо выгоды его внѣшней политикѣ, но оно никогда не было способно заглядывать далеко впередъ и вотъ, подвигаясь впередъ отъ успѣха къ успѣху, оно неожиданно достигло такого пункта, когда всякiй дальнѣйшiй шагъ грозитъ разорвать всю длинную цѣпь прежнихъ успѣховъ и всего того, что съ ними было связано. Правительство, быть можетъ, и не рѣшилось бы сдѣлать этотъ чреватый рискованными послѣдствiями шагъ, но было уже поздно: его толкалъ впередъ тотъ самый ходъ событiй, руководителемъ котораго оно себя считало — такъ горныя массы, тронувшись съ мѣста, неудержимо съ возрастающей быстротой катятся впередъ, разрушая и увлекая за собой все на пути своемъ. Война началась, и каковъ бы ни былъ исходъ ея, исторiя оставитъ за собой среди массы развалинъ рухнувшiй тронъ царя-самодержца.

Частичная развязка настоящей войны всего менѣе мыслима. Уступить Манчжурiю царское правительство не можетъ. Оно захватило эту страну хитростью и вѣроломствомъ, а получить ее обратно, уступивъ теперь, оно смогло бы только военной силой. Но вести войну пришлось бы уже не противъ беззащитнаго Китая, а противъ Японiи, которая не преминула бы позаботиться и объ укрѣпленiяхъ, и о военныхъ силахъ.

Отстранивъ Россiю, Японiя получитъ гегемонiю въ Восточной Азiи. Въ этомъ цѣль и смыслъ ея агрессивной политики. Только въ виду этой задачи она рѣшилась на войну, въ которой рискуетъ всѣмъ своимъ политическимъ и экономическимъ развитiемъ. Насколько вѣренъ ея разсчетъ, видно изъ того, что авторитетъ ея въ Китаѣ, по всѣмъ свѣдѣнiямъ, уже сейчасъ чрезвычайно усилился. Рядомъ съ этимъ идетъ подъемъ нацiональнаго чувства монголовъ. Первыя преобразованiя, которыя Японiя введетъ въ Манчжурiи, Кореѣ и Китаѣ, несомнѣнно выразятся въ реорганизацiи войска на европейскiй образецъ, постройкѣ стратегическихъ и торговыхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. И эта политика Японiи опять таки не просто продуктъ политическихъ соображенiй японскаго правительства, а результатъ историческаго развитiя. Японiя только является историческимъ завершителемъ революцiонной работы европейскаго капитала въ Восточной Азiи. Тѣ же силы, которыя создали въ Японiи капиталистическое государство, создали по всей береговой полосѣ Китая торгово-промышленные центры, пробрались по теченiю рѣкъ въ глубину страны, подточили весь экономическiй и политическiй укладъ „Срединной имперiи“ и подготовили ее къ восприятiю военной культуры капитализма. Идея объединенiя монгольской расы на капиталистическихъ основахъ отнюдь не утопiя, она историческая дѣйствительность, которая сильно отразится на историческихъ судьбахъ европейскаго капитализма.

Итакъ, если самодержавiе упуститъ теперь Манчжурiю, оно потеряетъ ее навсегда. Но, потерявъ Манчжурiю, оно теряетъ свои новые порты, и выходъ къ Тихому океану въ широтахъ, удобныхъ для мореплаванiя, ему опять закрытъ. Если бы оно даже сохранило за собой Манчжурскую желѣзную дорогу, то ужъ безъ всякаго сомнѣнiя этотъ желѣзный путь, при измѣнившихся политическихъ условiяхъ, не могъ бы больше служить военнымъ планамъ царскаго правительства, а сохранилъ бы только еще торговое значенiе. Стратегически, наоборотъ, онъ послужилъ бы на пользу Японiи и Китаю. Но и въ торговомъ отношенiи желѣзная дорога, проходящая по чужой землѣ, должна была бы получить широко интернацiональный характеръ. Въ результатѣ, она не столько служила бы вывозу московскихъ мануфактуръ, сколько ввозу иностранныхъ, въ значительной мѣрѣ японскихъ, товаровъ въ Сибирь. А это, хотя и дало бы сильный толчокъ промышленному развитiю Сибири, отнюдь не входитъ въ политическiе планы русскаго самодержавiя. Отступленiе передъ Японiей, слѣдовательно, означаетъ полное фiаско политики самодержавiя на Дальнемъ Востокѣ. Все, что было потрачено на желѣзную дорогу, порты, военный флотъ, пропадаетъ даромъ, идетъ на пользу Японiи и Китая. Престижъ правительства падаетъ въ глазахъ Китая и въ глазахъ иностранныхъ державъ, Россiя вычеркивается изъ списка державъ, имѣющихъ право вмѣшательства въ политическую жизнь Восточной Азiи.

Вотъ почему царское правительство съ своей стороны поставило себѣ цѣлью уничтожить военное могущество Японiи. Однако, это, въ свою очередь, повело бы къ полному перераспредѣленiю соотношенiя политическихъ силъ на Востокѣ. Уничтоженiе противовѣса Японiи выдвинуло бы противъ Россiи *Англiю*. По всей вѣроятности, послѣдняя даже не стала бы ждать полнаго пораженiя Японiи и заблаговременно вмѣшалась бы въ борьбу, чтобы быть въ состоянiи воспользоваться стратегическимъ положенiемъ и военными силами японскаго государства. Я уже указалъ въ прошлой статьѣ, какъ послѣ Крымской кампанiи создались еще новые узлы конфликтовъ между царской Россiей и Англiей, а отношенiя между ними и на Востокѣ, и въ Центральной Азiи обострились почти до кризиса. Далѣе, если гегемонiя Японiи ведетъ къ объединенiю монголовъ, то гегемонiя русскаго самодержавiя на Востокѣ ведетъ къ дѣлежу Китая. Не подлежитъ сомнѣнiю, что Россiя, упрочившись побѣдоносной войной въ Манчжурiи, не остановится передъ Пекиномъ. Въ интересахъ державъ предупредить дальнѣйшую завоевательную политику Россiи. Онѣ, поэтому, воспользуются моментомъ ея, хотя бы временнаго, ослабленiя послѣ войны, чтобы расширить и обезпечить за собой свои „сферы колонiальныхъ интересовъ“ въ Китаѣ. Этимъ, между прочимъ, объясняется дружественный Россiи нейтралитетъ Германiи. Вильгельмъ II собирается повторить въ провинцiи Шантунгъ то же самое, что царское правительство сдѣлало въ Манчжурiи, а побѣды Россiи ему только проложили бы путь къ этой цѣли. Но съ юга ту же завоевательную политику ведетъ Францiя, а Англiя заинтересована и на югѣ, и на сѣверѣ, и въ центрѣ; къ тому же и Соединенные Штаты, давно стремящiеся упрочить за собой торговый рынокъ тихоокеанскихъ странъ — этой цѣли, между прочимъ, служитъ также прорытiе Панамскаго канала — разумѣется, не захотятъ остаться въ сторонѣ при общемъ дѣлежѣ добычи. Очень сомнительно, чтобы конкуррирующiя державы при распредѣленiи своихъ колонiальныхъ владѣнiй могли поладить между собой безъ военныхъ столкновенiй — ужъ не говоря о томъ, что война между Россiей и Англiей можетъ повлечь за собой, въ силу договора, вмѣшательство Францiи. Но если бы даже у самодержавiя хватило силъ побѣдить Японiю, то не можетъ у него ихъ хватить на то, чтобы бороться съ Англiей и пережить мiровую войну, которая потребовала бы крайняго напряженiя всѣхъ нацiональныхъ силъ Россiи.

На самомъ дѣлѣ, ходъ военныхъ событiй принялъ совершенно другой оборотъ. О скорой побѣдѣ надъ Японiей не можетъ быть и рѣчи. Война, во всякомъ случаѣ, затянется и истощитъ силы самодержавiя.

Всѣ европейскiе военные критики согласны въ томъ, что ударъ, нанесенный Японiей русскому флоту, совершенно парализовалъ его дѣятельность. Это сразу опредѣлило ходъ военныхъ дѣйствiй, совершенно неожиданный для царскаго правительство. Назначенiе русскаго флота было — по возможности отрѣзать Японiю отъ материка, блокировать японскiя гавани, всячески безпокоить врага, мѣшая его высадкамъ и разрывая сообщенiе между армiей и страной. Но послѣ понесенныхъ потерь русскiй флотъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять японскому, онъ не рѣшается выйти въ открытое море и остается въ бездѣйствiи въ Портъ-Артурѣ, гдѣ онъ совершенно не нуженъ — военной наукой давно установлено, что „берега хорошо укрѣпленной военной гавани защищаютъ себя сами“. Попытки освободить флотъ присылкой подкрѣпленiй кончились неудачей, такъ какъ, не имѣя угольныхъ станцiй по пути, царское правительство не въ состоянiи даже доставить корабли на мѣсто дѣйствiя. Суть, значитъ, не только въ томъ, что три броненосца повреждены, — вся многолѣтняя работа надъ сооруженiемъ тихоокеанскаго флота пропала даромъ, Японiя сразу обезпечила за собой господство на морѣ. И дѣйствительно, Японiя безъ всякихъ помѣхъ производитъ десанты своихъ войскъ и, вмѣсто того, чтобы тратить силы на защиту своихъ военныхъ транспортовъ и своихъ гаваней, перехватываетъ идущiе изъ Америки транспорты консервовъ для русской армiи, блокируетъ Портъ-Артуръ и находится на пути къ тому, чтобы отрѣзать его съ суши отъ центра русской армiи. Польза измѣнившагося положенiя для Японiи такъ велика, что чрезвычайно осторожный и авторитетный военный сотрудникъ „Frankfurter Zeitung“ рѣшается заявить: „шансы Японiи на побѣду въ виду этого увеличились наполовину; даже усиленiе военныхъ силъ Японiи на 50 процентовъ не имѣло бы такой огромной важности для нея, какъ это полное господство на морѣ“.

Итакъ война затянется. Со времени Крымской кампанiи самодержавiю не приходилось вести такой серьезной войны. Русско-турецкая война по степени напряженiя силъ останется далеко позади нея. Населенiе Турцiи уже тогда было почти наполовину меньше теперешней Японiи. Кромѣ того, турецкiя полчища, конечно, нельзя сравнить съ образцовой военной армiей Японiи. Наконецъ, война тогда велась въ самой Европѣ, сообщенiя съ театромъ военныхъ дѣйствiй были близки и удобны, недостатка въ продовольственныхъ средствахъ не было. Теперь же Россiи приходится вести войну на краю Азiи, при чрезвычайно затруднительныхъ условiяхъ.

Разстоянiе между центромъ страны и центромъ военныхъ дѣйствiй около 8,000 верстъ. Петербургъ почти одинаково отдаленъ отъ Портъ-Артура, какъ отъ Нью-Iорка, но сообщенiе его съ Нью-Iоркомъ гораздо болѣе скорое и удобное, чѣмъ съ Портъ-Артуромъ. Говорятъ о томъ, что Россiя граничитъ въ Азiи съ Китаемъ, и забываютъ, что граница эта отдѣлена отъ страны громадными пространствами малонаселенной Сибири. *Въ транспортномъ* отношенiи доставлять войска изъ центра Россiи въ Америку было бы несомнѣнно легче, чѣмъ по сибирской желѣзной дорогѣ въ Манчжурiю. Дорога эта одноколейная и построена, какъ извѣстно, на скорую руку, въ началѣ въ разсчетѣ только на три пары поѣздовъ въ день со скоростью не болѣе 20 верстъ въ часъ. Потомъ ее передѣлывали: легкiя рельсы замѣнили тяжеловѣсными, а насыпи подняли — отъ этой „*подсыпки*“ наполнились золотымъ порошкомъ карманы строителей, но насколько удалось укрѣпить полотно желѣзной дороги соотвѣтственно новымъ задачамъ, это еще только теперь должно сказаться на дѣлѣ. Далѣе, вопросъ очень сомнительный, удастся ли охранить манчжурскую вѣтвь желѣзной дороги отъ разрушенiя. Населенiе возстало. Сѣрошевскiй еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сообщалъ съ пути о скопленiи большихъ массъ монголовъ „подозрительнаго свойства“ вблизи желѣзной дороги. О томъ же были извѣстiя англiйскихъ и нѣмецкихъ корреспондентовъ. Полчища эти, разбросанныя небольшими отрядами по всей линiи, теперь по всѣмъ видимостямъ оперируютъ подъ руководствомъ японцевъ. Достаточно разрушить нѣсколько верстъ дороги въ разныхъ мѣстахъ, и русской армiи придется подвигаться пѣшкомъ черезъ Манчжурiю. Затѣмъ, не мѣшаетъ помнить, что для подавленiя одного только возстанiя въ Манчжурiи царскому правительству въ свое время пришлось выставить 220,000 войска.

Война потребуетъ крайняго напряженiя всѣхъ силъ государства: военныхъ, административныхъ, финансовыхъ. Въ какомъ положенiи эти силы?

Въ Россiи въ мирное время миллiонъ войска. Цифра внушительная. Но, вѣдь, Россiя неимовѣрно велика, ея пограничная линiя составляетъ около 70,000 верстъ, а самодержавiе по всей линiи границъ государства создало безпрерывныя политическiя тренiя. Вѣдь недаромъ же въ мирное время *почти половина* всей армiи сконцентрирована въ военныхъ округахъ виленскомъ и варшавскомъ, т. е. на западной границѣ! А если присчитать одесскiй и кiевскiй военные округа, то окажется, что двѣ трети армiи необходимы для защиты западной и южной границъ. Затѣмъ два корпуса въ Петербургскомъ округѣ, болѣе 100,000 постояннаго войска въ средней Азiи. Вотъ и вся почти армiя! Это въ мирное время, а въ военное время всякое ослабленiе военныхъ силъ на Западѣ и Югѣ европейской Россiи немедленно скажется на политикѣ Австрiи, Румынiи и балканскихъ государствъ. Македонское возстанiе и такъ обострило положенiе дѣлъ, въ Австрiи — очевидно въ разсчетѣ на русско-японскую войну — открыто дебатируется въ оффицiозной прессѣ вопросъ о военномъ вмѣшательствѣ въ балканскiя дѣла, и можно даже сейчасъ предвидѣть, что, если война затянется, то царскому правительству не только нельзя будетъ уменьшить свои войска на европейской границѣ, но придется еще ихъ значительно увеличить. Мы видимъ, что правительство уже сейчасъ созываетъ запасныхъ не только изъ Сибири, но и изъ Казанской, Пермской, Уфимской губернiй. Въ скоромъ времени придется тронуть центральныя губернiи.

У насъ считаютъ всей армiи съ запасными, кромѣ ополченiя, три миллiона. Но, вѣдь, это въ громадномъ числѣ просто массы крестьянъ, которые, въ сравненiи съ возросшими требованiями современной войны, немногимъ лучше ратниковъ ополченiя, которыхъ гнали къ Севастополю. Народу въ Россiи всегда много было, народу много также въ Китаѣ, но народъ еще не армiя. У насъ даже активная армiя далеко не соотвѣтствуетъ требованiямъ современнаго военнаго искусства. Нуженъ солдатъ интеллигентный, думающiй, не теряющiйся, когда онъ, — а главная борьба производится разсыпнымъ строемъ, — предоставленъ самому себѣ и не слышитъ за собой окрика начальства. Въ нашемъ же солдатѣ начальство систематически убиваетъ всякое душевное движенiе, его не развиваютъ, а дрессируютъ и превращаютъ въ автомата безъ мысли и безъ воли, слушающагося только команды. Это военный рабъ. И разъ только солдатъ оставилъ казарму и попалъ опять въ деревню, съ него скоро слетаетъ вся муштровка. Повторительная служба немного улучшаетъ дѣло.

Нашъ офицерскiй корпусъ состоитъ изъ недоучекъ, непригодныхъ для всякой другой дѣятельности, требующей большаго усилiя ума и воли. Жизнь въ провинцiи, въ замкнутомъ кругу, окончательно стираетъ съ нихъ слѣды культуры. Между ними и солдатами не только классовая, но и сословная рознь. Въ ихъ собственной средѣ, за отсутствiемъ связывающихъ интеллектуальныхъ интересовъ, пьянство является единственнымъ объединяющимъ элементомъ. Даже нацiональную идею въ ея историческомъ смыслѣ они не въ состоянiи воспринять и замѣняютъ ее мордобойствомъ. Это не исключаетъ того, что у насъ можетъ оказаться нѣсколько толковыхъ, свѣдущихъ генераловъ, но судьбу сраженiй, при современныхъ условiяхъ, рѣшаютъ не генералы, а низшiе начальники и солдатская масса.

Безпорядки, господствующiе въ нашей армiи, уже успѣли съ достаточной яркостью проявить себя при столкновенiи въ Портъ-Артурѣ. Причина послѣдняго пораженiя не только моментальная безпечность, сама по себѣ, конечно, характерная въ послѣднiя минуты передъ открытiемъ военныхъ дѣйствiй. Дѣло въ томъ, что въ Портъ-Артурѣ совершенно не были орiентированы относительно мѣстонахожденiя японскаго флота. Даже еще нѣсколько дней послѣ сраженiя не могли понять, откуда онъ взялся, и дѣлали самыя невѣроятныя предположенiя, вродѣ того, что японскiй флотъ, нарушивъ нейтралитетъ Англiи, сдѣлалъ Вей-Ха-Вей базисомъ своихъ операцiй. А, на самомъ, дѣлѣ японская эскадра стояла у острововъ Эллiота совершенно вблизи Портъ-Артура!

Японцы же, какъ оказывается, поразительно орiентированы и относительно Портъ-Артура и вообще относительно всѣхъ нашихъ стратегическихъ пунктахъ въ Сибири и Манчжурiи. Доказано, что они передъ своей войной съ Китаемъ послали въ страну массу шпiоновъ, которые, прикрываясь мирными профессiями, основательно изслѣдовали ея военное положенiе. При открытiи военныхъ дѣйствiй оказалось, что среди этихъ агентовъ были активные офицера армiи. То же самое они, очевидно, въ теченiе многихъ лѣтъ продѣлывали и въ Манчжурiи. Расовая общность съ туземнымъ населенiемъ и полная недоступность языка для русскихъ должны были имъ при этомъ сослужить громадную службу. А наше военное начальство какъ будто не знаетъ даже самыхъ обыкновенныхъ данныхъ о японской армiи. Только этимъ, или же самымъ нелѣпымъ презрѣнiемъ къ силамъ противника, можно объяснить первоначальное предположенiе, что достаточно будетъ армiи въ двѣсти, триста тысячъ, чтобы справиться съ японцами. Въ Японiи, по оффицiальнымъ отчетамъ за 1900 годъ, было 640,000 войска — такъ какъ съ тѣхъ поръ набралось еще три годовыхъ контингента резервистовъ, то приходится предположить, что она въ военное время можетъ поставить чуть ли не милліонъ войска. Освободившись отъ опасности со стороны русскаго флота, она большую часть своей арміи можетъ поставить въ Манчжурію. При этомъ она имѣетъ туземное населеніе за себя и при первыхъ значительныхъ побѣдахъ на сушѣ можетъ разсчитывать на открытое содѣйствіе Китая. Не мѣшаетъ также имѣть въ виду, что идея расовой борьбы воодушевляетъ прежде всего самое японскую армію и сплачиваетъ офицеровъ и солдатъ въ одно солидарное цѣлое.

На административные порядки нашей арміи пролили свѣтъ обнаруженныя въ Портъ-Артурѣ растраты продовольственныхъ запасовъ. Что творилось при постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, отъ которой прежде всего зависитъ успѣхъ русской арміи, достаточно извѣстно. А все это, вѣдь, только частичная картинка общей административной неурядицы въ самодержавной Россіи.

Можетъ ли даже быть вопросъ о томъ, что чиновничья администрація не будетъ въ состояніи справиться съ такими колоссальными задачами, какія ставитъ война всему управленію страны? Вспомнимъ голодные годы. Уже тогда, хотя все сводилось къ доставкѣ опредѣленнаго количества хлѣба въ голодныя губерніи, выказалась полная несостоятельность администраціи. Отсутствіе точнаго распредѣленія функцій между государственными учрежденіями, конфликты агентовъ различныхъ вѣдомствъ между собой, споры о компетенціи, конфликты между земствами, губернскими, уѣздными, и министерствами, центральная власть, которая произвольно вламывается повсюду, спеціальные агенты, внезапно врывающіеся въ губерніи и переворачивающіе все вверхъ дномъ, полная нераспорядительность, суетливая, крикливая торопливость и безпрерывное запаздываніе — въ результатѣ неимовѣрная путаница, уйма затраченныхъ денегъ и полная безпомощность нуждающихся въ помощи. Наскоро организованные комитеты интеллигентной молодежи лучше справлялись съ задачами, которыя они себѣ ставили, чѣмъ правительственный административный аппаратъ. Что же будетъ теперь, когда приходится мобилизовать во всѣхъ концахъ Россіи, собирать на всемъ протяженіи громадной имперіи запасныхъ, снаряжать ихъ, распредѣлять по частямъ войскъ, концентрировать на отправочныхъ пунктахъ, перевозить сотни тысячъ войска за тысячи верстъ на театръ военныхъ дѣйствій, заботиться о продовольствіи арміи, о доставкѣ военныхъ средствъ, о раненныхъ и больныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускать изъ виду общаго управленія страны — и все это подъ страшными ударами кровопролитной войны?! Не трудно предвидѣть, что рядъ пораженій совершенно разстроитъ административный механизмъ самодержавія.

Наконецъ, финансовыя средства. Русско-турецкая война обошлась Россіи въ 1075 милліоновъ рублей. Настоящая война оставитъ эту цифру далеко позади. Нужны займы, немедленно и сразу въ громадныхъ суммахъ. Но кредитъ царскаго правительства продѣлалъ ту же эволюцію, что и его внутренняя политика: подымался, падалъ, снова подымался и достигъ кульминаціоннаго пункта, чтобы разразиться кризисомъ. *Лондонская* биржа закрыта для русскихъ займовъ уже съ шестидесятыхъ годовъ. Центромъ для царскихъ займовъ стала Германія. Но къ восьмидесятымъ годамъ и германскій кредитъ началъ изсякать. Въ 1887 г. ему былъ положенъ окончательный предѣлъ, когда имперскій германскій банкъ отказался принимать подъ залогъ русскія государственныя бумаги. Это было время самаго сильнаго упадка кредита и заодно политическаго вліянія самодержавія, то время, когда ничтожная Болгарія подъ управленіемъ Стамбулова могла съ успѣхомъ противостоять политикѣ царскаго правительства. Русскіе кредитные билеты потеряли свой курсъ, а русская дипломатія потеряла свой кредитъ. Тутъ началось любезничанье съ Франціей, которая раскрыла царю-самодержцу душу французской буржуазіи — кошельки мелкихъ капиталистовъ. Потянулся золотой потокъ изъ Франціи. Французы подсчитываютъ, что они дали Россіи около семи милліардовъ франковъ взаймы. Точнаго учета не можетъ быть, но названная сумма, навѣрное, остается еще позади дѣйствительности, такъ какъ французы не только почти цѣликомъ покрыли новые займы, но еще — при консилидаціи займовъ — скупили старые долги самодержавія. Французскій кредитъ долженъ былъ изсякнуть уже въ виду тѣхъ огромныхъ размѣровъ, которые онъ принялъ. А тутъ еще наступилъ промышленный кризисъ. Французы потеряли массу денегъ на акціяхъ русскихъ промышленныхъ предпріятій. И вотъ трудно стало дѣлать во Франціи займы. Однако, благодаря прежнимъ французск. займамъ и въ связи съ этимъ — новому подъему во внѣшней политикѣ царскаго правительства, поднялся и его кредитъ вообще. Поэтому, удалось заключить заемъ въ Германіи. Но новый германскій кредитъ Россіи, явившись рефлексомъ кредита французскаго, остается, въ особенности тогда, когда рѣчь идетъ о столь большихъ и рискованныхъ займахъ, какъ военные, въ полной отъ него зависимости. Попытки правительства заключить заемъ передъ войной окончились полной неудачей. Если бы война началась русскими побѣдами, то первый военный заемъ, можетъ быть, еще былъ бы возможенъ. Но случилось какъ разъ наоборотъ, и это сдѣлало заемъ впредь до дальнѣйшаго не осуществимымъ. Ударъ, нанесенный японскими побѣдами русскому самодержавію на биржѣ, еще гибельнѣе для него, чѣмъ потеря морской военной кампаніи. Теперь европейская биржа требуетъ отъ царя побѣдъ, настоящихъ, кровопролитныхъ, рѣшительныхъ — безъ этого она не даетъ денегъ. Только еще моремъ крови можетъ самодержавіе купить милліоны золота. А, между тѣмъ, и для побѣдъ нужны прежде всего *деньги*.

Въ то же время война разстраиваетъ всѣ торговыя и промышленныя дѣла, а слѣдствіемъ этого является уменьшеніе доходовъ казны и невозможность выполнить бюджетъ, даже независимо отъ военныхъ расходовъ. Купцы въ Владивостокѣ первые прекратили платежи. Это отразилось на Одессѣ, Москвѣ, Варшавѣ. Русскія торговыя сношенія съ Тихимъ океаномъ вообще сведены на нѣтъ. По свѣдѣніямъ изъ Кенигсберга, уже сейчасъ произошло сильное уменьшеніе хлѣбнаго вывоза Россіи. Цѣны на хлѣбъ въ портахъ сильно поднялись. Берлинскіе банки сократили кредитъ варшавскимъ фабрикантамъ — въ силу этого послѣдніе сократили производство. Но, вѣдь, это только еще начало началъ. И то же самое скоро скажется и въ сношеніяхъ съ Лондономъ, Парижемъ, Брюсселемъ. Индустріальное развитіе Россіи связало ее тысячами нитей съ промышленными центрами Европы и сдѣлало ее очень чувствительной ко всѣмъ движеніямъ капиталистическаго рынка. Повышеніе вексельнаго дисконта, сокращеніе кредита, уменьшеніе цифръ ввоза и вывоза — все это ведетъ къ банкротствамъ и безработицѣ, причемъ крахъ въ одномъ мѣстѣ влечетъ за собой ломку въ другихъ мѣстахъ. Мужику тоже, конечно, не станетъ легче отъ войны. Помѣщики заработаютъ, конечно, отчасти на казенныхъ поставкахъ хлѣба, но и на нихъ долженъ отразиться общій промышленный кризисъ.

Правительство, чтобы добыть хоть нѣсколько денегъ на военные расходы, пріостанавливаетъ работы по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Въ бюджетѣ на этотъ счетъ предполагалось 200 милліоновъ рублей — почти цѣликомъ на дороги, постройка которыхъ уже близится къ концу. Этотъ внезапный перерывъ работъ, съ которыми связаны желѣзо-дѣлательное, машинное и еще много другихъ отраслей производства, не преминетъ усилить и расширить промышленный кризисъ.

Кромѣ того, правительство стало сокращать платежи золотомъ и выпустило на 50 милліоновъ бумажныхъ денегъ. И вотъ изъ Манчжуріи уже сообщаютъ, что курсъ рубля упалъ. Но 50 милліоновъ это только капля въ морѣ. Съ горечью вспоминаютъ времена, когда бумажекъ можно было выпускать (такъ какъ обязательнаго размѣна на золото не существовало), сколько угодно. Волей или неволей, съ золотой валютой придется распроститься. Рубль упадетъ до марки или франка. Послѣдствіемъ будетъ подъемъ цѣнъ товаровъ, слѣдовательно, еще большая нужда въ деньгахъ. Кредитъ окончательно упадетъ, заграничная торговля прекратится, промышленная дѣятельность всей страны будетъ совершенно парализована. Мужицкая Россія могла кое-какъ существовать и при безпорядочной монетной системѣ. Но введеніе золотой валюты стало необходимостью съ развитіемъ фабричнаго производства, интернаціональной торговли и финансовыхъ связей Россіи. Назадъ пути отрѣзаны. Уничтоженіе обязательнаго размѣна на золото равносильно объявленію финансоваго банкротства.

Разстройство войска, административныя неурядицы и хищничество, безденежье, финансовое банкротство, промышленный кризисъ — все это не можетъ не отразиться на военныхъ дѣйствіяхъ царской арміи. А новыя пораженія или даже только продолжительное отступленіе, доказывающее слабость, не только умножатъ и усилятъ военное, административное, экономическое разстройство государства, деморализуютъ армію, нагонятъ страхъ на общество и приведутъ въ негодованіе народъ, они, кромѣ того, приведутъ къ новымъ политическимъ осложненіямъ. Заявленіе англійскаго правительства въ палатѣ общинъ, что до Тибета никому нѣтъ дѣла, кромѣ Англіи, ясно показываетъ направленіе его политики въ Средней Азіи. Тибетскій Лама до сихъ поръ еще твердо убѣжденъ въ могуществѣ царя и не вѣритъ сообщеніямъ о пораженіи русскаго флота. Въ концѣ концовъ, факты убѣдятъ и его, и тогда отношеніе его къ Россіи настолько же радикально измѣнится, насколько теперь безгранично его довѣріе къ царю. Азіаты не хуже европейцевъ понимаютъ, что въ политикѣ все сводится къ силѣ. Чѣмъ безуспѣшнѣе для Россіи восточная война, тѣмъ агрессивнѣе станетъ политика Англіи въ Тибетѣ, въ Авганистанѣ, въ Персіи, въ Малой Азіи. Германское правительство, какъ я уже упомянулъ, надѣется на русскія побѣды, чтобы обезпечить за собой провинцію Шентунгъ. Но Вильгельмъ II отнюдь не заклялся ограничить политику колоніальныхъ захватовъ Китаемъ. Германія уже создала себѣ „интересы" въ Малой Азіи. Заодно съ Россіей она готова дѣлить Востокъ, при ослабленіи Россіи она не прочь раздѣлить и Западъ Азіи. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. И если самодержавію ужъ очень круто придется, то не трудно вспомнить и родство съ балтійскими нѣмцами. Въ особенности, если Австрія воспользуется кризисомъ на Балканскомъ полуостровѣ, что опять-таки очень вѣроятно при неблагопріятномъ ходѣ восточной войны для Россіи, въ такомъ случаѣ Германіи можетъ показаться очень заманчивымъ компенсировать нарушенное равновѣсіе политическихъ силъ насчетъ Россіи. Вѣдь, остзейскія провинціи для Германіи — это новая Эльзасъ-Лотарингія.

Война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россію. Каждый день безуспѣшной войны приводитъ къ новымъ затрудненіямъ и осложненіямъ. Каждое пораженіе царскихъ войскъ въ Восточной Азіи обостряетъ опасность войны и на Западѣ, и на Югѣ, и въ Средней Азіи. Ослабленіе военныхъ силъ въ Азіи требуетъ усиленія войскъ на европейской границѣ. Каждое новое пораженіе создаетъ новыхъ враговъ и превращаетъ „дружественный" нейтралитетъ государствъ въ враждебный. Каждое новое пораженіе на полѣ битвы сугубо отражается на рынкѣ капиталовъ, гдѣ, покуда существуетъ капиталистическое общество, въ конечномъ счетѣ рѣшаются судьбы войнъ, и превращаетъ государственный кредитъ въ государственный долгъ, немилосердно предъявляемый биржей къ востребованію.

Выходъ изъ того позорнаго положенія, въ которое царское правительство вогнало Россію, возможенъ только при условіи ликвидаціи самодержавія. Только революція въ состояніи поднять національныя силы страны. Она создастъ новый порядокъ и новое войско и замѣнитъ мордобойный патріотизмъ національнымъ воодушевленіемъ. Русской революціи не страшны внѣшніе враги, какъ не страшны они были Великой Французской Революціи. Судъ исторіи совершается надъ русскимъ самодержавіемъ. Оно рушится потому, что оно пыталось военной силой покорить себѣ не только интеллигенцію, но и всемірные законы общественнаго развитія. Военное могущество капиталистическихъ странъ явилось результатомъ экономическаго и политическаго развитія этихъ странъ. Самодержавіе хотѣло возсоздать въ Россіи военныя силы Запада, но при этомъ сохранить старый политическій порядокъ. Покуда основой экономическаго уклада Западной Европы было земледѣліе, это было возможно, не смотря на различіе общественныхъ формъ. Но положеніе измѣнилось, когда съ развитіемъ капиталистической индустріи измѣнился весь общественный и культурный укладъ Западной Европы, создалось парламентарное государство, создалась армія на основахъ всеобщей воинской повинности и военное дѣло было подвергнуто революціонному развитію капиталистическаго производства. Самодержавіе впервые почувствовало происшедшую перемѣну въ 1812 году. Военная тактика, созданная французской революціей, дала Наполеону I возможность дойти до Москвы. Побѣдила не русская армія, а русская отсталость — бездорожье, недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, да русскіе морозы. Прошло еще 40 лѣтъ политическаго развитія Европы, а въ Россіи все оставалось по старому. Противорѣчіе между русскимъ самодержавіемъ и политическими, равно какъ и экономическими требованіями военнаго развитія, соотвѣтствующаго строю капиталистическихъ странъ, привело къ катастрофѣ Крымской войны. Историческое развитіе, передъ которымъ самодержавіе закрывало глаза, отразилось на немъ страшными ударами потерянной войны. Это внушило революціонную энергію даже царскому правительству. Крымская кампанія показала, что новая военная техника требуетъ новаго человѣческаго матеріала для арміи, что крѣпостной холопъ для нея не годится. Она показала, что громадныя арміи на европейскій образецъ требуютъ также европейскихъ средствъ сообщенія, т. е. желѣзныхъ дорогъ; что для того, чтобы пользоваться такими арміями, необходимо государственное устройство, гораздо болѣе сложное, чѣмъ русская централизованная кабальная система, носящая названіе государственнаго строя; наконецъ, что войны съ капиталистическими странами требуютъ финансовыхъ средствъ, которыя могутъ быть добыты только при капиталистическомъ способѣ производства. И самодержавіе принуждено было произвести реформы во всѣхъ этихъ областяхъ.

Реформы 60-хъ годовъ были только жалкой каррикатурой тѣхъ коренныхъ политическихъ преобразованій, которыя стали для Россіи исторической необходимостью. Самодержавіе не рѣшалось идти дальше: во-первыхъ, потому что оно было еще слишкомъ тѣсно связано съ крѣпостническимъ дворянствомъ, во-вторыхъ, потому что еще свѣжо было въ памяти революціонное прошлое капитализма и правительства смѣшивали господство буржуазіи съ господствомъ народа, съ демократіей.

Опять прошло 40 лѣтъ. Въ Россіи развилась капиталистическая индустрія. Въ то же время капитализмъ на Западѣ сталъ реакціоннымъ. Онъ уже не свергаетъ больше монаршихъ троновъ, а наоборотъ, заботится о централизаціи и усиленіи правительственной власти. Самодержавіе уже не боится капиталистическаго развитія, но у него явилась идея подчинить его себѣ. Оно насаждаетъ индустрію въ интересахъ фиска. Витте возвелъ это въ систему: дать капитализму широкую возможность выжимать прибавочную стоимость изъ рабочихъ, а выжатую прибавочную стоимость экспропріировать въ пользу казны. Вышло, однако, наоборотъ: не столько казна получила отъ русскихъ капиталистовъ, сколько русскіе капиталисты отъ казны, для которой западноевропейская биржа служила неизсякаемымъ золотымъ источникомъ. А такъ какъ самодержавіе игнорировало политическія условія капиталистическаго развитія и, наоборотъ, боясь новаго, выдвинувшагося на политическую арену капиталистической Европы соціально революціоннаго класса, вмѣсто политическихъ реформъ, усиливало реакцію, то развитіе капитализма въ Россіи шло туго, медленно и безпорядочно. Создавалась индустрія, но самодержавіе мѣшало тому, чтобы создалось индустріальное государство.

И вотъ теперь опять настало моментъ перелома, когда исторія по отношенію къ самодержавію, не понимающему политическихъ доводовъ, употребляетъ доводы, ему доступные — военныя пораженія.

Опять, какъ въ крымскую кампанію, на сцену выступаетъ противорѣчіе между военными условіями и соціальнымъ матеріаломъ русской арміи. Оказывается, что для успѣшнаго веденія современной войны наряду, съ бездымнымъ порохомъ и скорострѣльными пушками не менѣе того необходимы *народныя школы* и *политическая свобода*, создающая толковаго, вдумчиваго, самостоятельнаго солдата. Опять противорѣчіе между колоссально разросшимися требованіями передвиженія войскъ, управленія арміей и страной во время войны и административной отсталостью русскаго государства. Опять противорѣчіе между финансовыми требованіями войны и финансовыми средствами страны. Иностранными займами самодержавіе создало свою военную силу, — но именно потому война превращаетъ его военное могущество въ фикцію, такъ какъ страна, по своему экономическому и политическому развитію, оказывается не въ силахъ оплачивать военныхъ издержекъ громадной арміи, созданной на чужія средства. Европейская биржа оплачивала военныя вооруженія самодержавной Россіи — и вотъ теперь отъ европейской биржи зависитъ судьба русской арміи.

Исторія, ликвидируя самодержавіе, создала ему надлежащаго противника.

Японія въ борьбѣ противъ самодержавія, помимо своего географическаго положенія, имѣетъ еще и другія преимущества передъ капиталистическими государствами западной Европы.

Японія, безъ исторической критики, перенесла капиталистическій строй въ свою страну. Невѣрно, однако, будто она обезьянничаетъ. Она считается съ своими національными особенностями и примѣняетъ къ нимъ какъ производство, такъ и военную технику. Но она воспринимаетъ капитализмъ, какъ наиболѣе совершенный общественный строй. Въ отличіе отъ русскаго самодержавія, она перенесла его цѣликомъ: и экономическій, и политическій, и военный порядокъ. Перенесла сознательно, пользуясь разроставшимися государственными силами для наибольшаго насажденія капиталистической культуры. Поэтому она въ короткое время достигла громадныхъ успѣховъ и создала не только индустрію, но и дѣйствительное капиталистическое государство. Та же историческая некритичность, въ связи съ достигнутыми успѣхами, создаетъ въ ней національное воодушевленіе, подобное тому, которое характеризовало европейскую буржуазію въ ея революціонный періодъ. Отсюда вытекаетъ также воинственное настроеніе страны.

Замѣчу, кстати, что блестящіе успѣхи Японіи въ прививкѣ капитализма къ экономическимъ формамъ, ему совершенно чуждымъ, являются историческимъ доказательствомъ въ пользу того, до какой степени возможно ускорить ходъ соціальной революціи, пользуясь государственной властью. Чтобы не впасть въ слишкомъ поспѣшные выводы, не мѣшаетъ, однако же, помнить, что капиталистическая революція Японіи произошла въ средѣ міроваго капитализма.

Только молодая капиталистическая страна могла рѣшиться нанести рѣшительный ударъ самодержавной Россіи — буржуазія Западной Европы, наоборотъ, полная страха, старается сохранить политическій status quo со всѣми его несовершенствами, недоконченностью, раздробленностью, національными и государственными промежуточными формами, такъ какъ боится, что нарушеніе политическаго равновѣсія Европы поведетъ къ катастрофамъ, могущимъ завершиться соціальной революціей.

Наконецъ, Японія, какъ я уже упоминалъ, въ борьбѣ противъ царской Россіи является выразителемъ міроваго процесса, создающаго въ Тихомъ Океанѣ новую группу капиталистическихъ странъ.

Самодержавіе, борясь за свое существованіе, борется противъ исторической необходимости: стремясь парализовать политику Японіи, оно борется противъ міровыхъ законовъ капиталистическаго развитія.

Съ одной стороны историческій процессъ съ его законами развитія производства, общественныхъ формъ, политическаго устройства, культуры — а съ другой самодержавіе, опирающееся на войско, дезорганизованное и безпомощное, потому что самодержавіе хотѣло устроить военное государство на европейскій манеръ, но безъ тѣхъ политическихъ формъ, которыя неизбѣжно сопутствуютъ ему въ Европѣ. Каковъ будетъ исходъ столкновенія, не можетъ подлежать сомнѣнію.

Парвусъ.

ЖЕЛТАЯ ОПАСНОСТЬ.

Самодержавіе нашло свою миссію, оно спасаетъ цивилизацію отъ нашествія желтой расы. Досужій газетчикъ далъ лозунгъ, который былъ подхваченъ европейскимъ филистеромъ и россійскимъ обывателемъ. „Это будетъ война расъ!" провозгласило „Новое Время". „Необходимо проучить этихъ желтыхъ дикарей!" подхватила европейская буржуазная пресса, а обыватель, позабывъ о своей недавней оппозиціи, заговорилъ языкомъ вчерашняго раба, которому больше подобаетъ кричать: „заложимъ женъ и дѣтей!" чѣмъ „долой самодержавіе!"

Ловкій газетчикъ не изъ пальца высосалъ свой лозунгъ: онъ подслушалъ тайный вздохъ европейскаго буржуа и разгадалъ настроеніе обывателя. Европейскій капиталъ давно уже косился на выскочку-японца, пожелавшаго принять участіе въ общемъ капиталистическомъ пиршествѣ и примащивавшагося около капиталистическаго пирога, съ цѣлью сорвать себѣ добрую долю его. Съ ужасомъ глядѣла европейская буржуазія на новаго пришельца, который, усвоивъ въ совершенствѣ пріемы своихъ цивилизованныхъ учителей, неудержимо стремится къ расширенію своего вліянія, къ захвату новыхъ земель, къ эксплуатаціи „нецивилизованныхъ" странъ и народовъ. Правда, она сама, европейская буржуазія, втянула Японію въ капиталистическій водоворотъ, заставила ее открыть свои порты для европейской торговли, навязала ей свои капиталы, свои желѣзныя дороги, свои пароходы, своихъ инженеровъ и своихъ офицеровъ, но въ упоеніи своего величія она не задумывалась о будущемъ. А теперь она со страхомъ ждала, что вотъ-вотъ ненасытный аппетитъ новаго пришельца приведетъ къ конфликту или къ краху, или къ тому и другому вмѣстѣ. Неудивительно, поэтому, что она всей душой рада, что не ей придется свести эти счеты, что вынимать для нея каштаны изъ огня будетъ „добродушный и великодушный" русскій народъ. И чтобы поддержать воодушевленіе этихъ добрыхъ людей, европейскій буржуа готовъ разрѣшить своимъ женамъ и дочерямъ собирать пожертвованія въ пользу раненныхъ, готовъ самъ пожертвовать на это дѣло пару франковъ или марокъ, готовъ кричать до хрипоты о надвигающейся на „насъ" желтой опасности и призывать Россію къ борьбѣ за блага цивилизаціи! (Замѣтимъ въ скобкахъ, что это не мѣшало и не будетъ, вѣроятно, мѣшать впредь европейскому буржуа ввозить въ свои колоніи китайскихъ кули, какъ извѣстно, очень непритязательныхъ и довольствующихся весьма минимальной заработной платой. „Желтая опасность" перестаетъ быть опасной, когда дѣло идетъ о прибавочной стоимости капиталиста!)

А что же русскій обыватель?... Что смутило его душу и разбудило его шовинизмъ? Надо быть къ нему справедливымъ: онъ не настолько еще вкусилъ плодовъ капиталистическаго рая, чтобы съ яростью набрасываться на каждаго новаго конкурента. Нѣтъ, онъ искренно хотѣлъ мира и былъ увѣренъ, что наступаетъ, наконецъ, эпоха „домашняго строительства". И вдругъ всѣ его иллюзіи были уничтожены японскими выстрѣлами. Очевидно, виноватъ японецъ, который начинаетъ стрѣлять безъ формальнаго объявленія войны и въ темную ночь дѣлаетъ нападеніе на нашъ флотъ. Смущенный обыватель теперь повѣрилъ, что „желтый" человѣкъ зазнался, что покою не будетъ землѣ русской, пока его не проучишь. Желтая опасность и покой земли русской... Эти два понятія тѣсно слились въ его представленіи, спутали всѣ его мысли и заставили забыть все, что онъ пережилъ или узналъ въ послѣдніе годы. Забыто клятвопреступленіе царя, обманувшаго довѣрчивыхъ финляндцевъ. Забыто избіеніе мирныхъ жителей, насилованіе женщинъ и уродованіе дѣтей въ Кишиневѣ! Забыто разстрѣливаніе стачечниковъ, забыты аресты тысячъ невинныхъ, тюрьма и ссылка! Забыты разграбленіе народнаго добра, разореніе крестьянина гоненія иновѣрцевъ и травля иноплеменниковъ. Забыты казацкія нагайки и розги полицейскихъ застѣнковъ!... Забыли даже, что и настоящая война вовсе не является случайностью, что давно уже была предсказана, что она подготовлялась всей царской политикой грабежа и захвата! Забыли и то, что наши солдаты не износили еще сапогъ, въ которыхъ они шагали по улицамъ Пекина, гдѣ, безъ всякаго предварительнаго объявленія войны, хозяйничали или, вѣрнѣе, мародерствовали представители всѣхъ „цивилизованныхъ“ странъ Европы, и что еще не такъ давно тысячи мирныхъ китайцевъ были брошены въ воды Амура или просто замучены по приказанію русскихъ сатраповъ въ Благовѣщенскѣ и Айгунѣ.

Но если такая забывчивость простительна легкомысленному и падкому на сенсацію обывателю, то рабочій классъ долженъ помнить, что, становясь хоть на минуту въ тѣ ряды, которые шествуютъ подъ знаменемъ самодержавія, онъ лишь помогаетъ ковать для себя новыя цѣпи. Желтая опасность, если уже угодно ее такъ называть, дѣйствительно существуетъ, но не тамъ, гдѣ ее ищетъ испуганный обыватель. Не Японія съ ея лихорадочно быстрымъ темпомъ развитія характеризуетъ желтую цивилизацію, а Китай съ его тысячелѣтнимъ застоемъ. И война, грозящая разореніемъ Россіи и Японіи, сулитъ обѣимъ странамъ судьбу того же Китая, несетъ имъ мракъ и невѣжество, нищенство и рабство. Не одинъ Китай будетъ вывозить въ чужія страны дешевыхъ рабочихъ и низкую культуру: съ нимъ вступятъ въ состязаніе Россія и Японія. Этого ли хочетъ, за это ли борется рабочій классъ? Близорукимъ либераламъ простительно (если такія вещи можно простить) сложить руки на груди и ждать, пока самодержавіе падетъ подъ тяжестью собственныхъ преступленій, но такъ не можетъ, такъ не долженъ разсуждать рабочій классъ. Пусть гибнетъ самодержавіе, но пусть оно гибнетъ не на развалинахъ опустошенной и обнищалой страны.

НА ОЧЕРЕДИ.

Революціонные протесты противъ войны всколыхнули нашу реакціонную печать. Ярко намалеванная картина „всей Россіи“, сплотившейся „у подножія престола“, сразу какъ-то потускнѣла при появленіи на свѣтъ этихъ бѣленькихъ бумажекъ, вышедшихъ изъ подпольныхъ типографій. Въ нестройный хоръ патріотическихъ пѣвцовъ смѣлой нотой врѣзался свистъ революціонера-рабочаго и революціонера-студента... Злобно шипятъ „Московскія Вѣдомости“ о внутреннемъ врагѣ, помогающемъ врагу внѣшнему; лицемѣрно вздыхаетъ князь Мещерскій къ патріотическимъ чувствамъ студентовъ, а нововременецъ Сыромятниковъ силится увѣрить самихъ революціонеровъ и демократовъ, что въ разгарѣ войны „несвоевременно и неприлично“ сводить политическіе счеты съ самодержавіемъ. „Кто не протестуетъ въ мирное время? Но только глупый можетъ протестовать въ военное“. Такъ же точно и Мещерскій говоритъ о дозволительности студенческихъ протестовъ въ мирное время. Сыромятниковъ обѣщаетъ намъ, что, если революціонеры не будутъ вести агитаціи, то „прекратятся разговоры объ иностранномъ золотѣ, будто бы возбуждающемъ безпорядки на той или иной окраинѣ“. Слышите: „будто бы“! Это говоритъ тотъ самый господинъ, который года два назадъ утверждалъ, что русская революція ведется на англійскія и австрійскія деньги. Удивляться, впрочемъ, нечего этому противорѣчію, ибо г. Сыромятниковъ по-просту шантажируетъ во славу Плеве, и его слова значатъ не болѣе, какъ угрозу революціонерамъ окраинъ: если вы не угомонитесь, „мы“ пустимъ кличъ, что васъ подкупила Японія, Англія, Америка... А пока что, изъ другихъ литературныхъ подворотенъ идетъ уже прямая травля евреевъ и революціонеровъ, которые обвиняются въ пособничествѣ „внѣшнимъ врагамъ“ Россіи. „Пет. Вѣдомости“ говорятъ о золотѣ, которое, якобы, получаютъ русскіе революціонеры отъ Англіи; Крушеванъ и Грингмутъ раздуваютъ пламя юдофобіи, тоскуя о деньгахъ, данныхъ американскими евреями Японіи. Уличные и газетные демагоги явно подготовляются къ тому, чтобы, будучи побиты японцами, насытить свою жажду славы въ новомъ Кишиневѣ.

Не было такого времени, когда бы революціонеры не обвинялись реакціей въ томъ, что продали свою душу иностраннымъ правительствамъ. Злостное намѣреніе въ этихъ обвиненіяхъ зачастую сплетается съ наивной неспособностью представить иную политическую мораль, чѣмъ та, которую исповѣдуютъ сами реакціонеры. Лакеи *своего* правительства, они не представляютъ себѣ политики внѣ служенія политическаго дѣятеля *купившему* его правительству. Комми-вояжеры той государственной фирмы, ради „величія и славы“ которой они распинаются, они первымъ дѣломъ ставятъ себѣ вопросъ: „*отъ кого*“ дѣйствуютъ эти люди? Чья фирма стоитъ за ними? „Кто изъ акціонеровъ сталъ бы уничтожать предпріятіе, которое основано на его деньги?“ съ наивнымъ безстыдствомъ вопрошаетъ Сыромятниковъ, убѣждая „поляка, армянина и бурята“, что и ихъ деньги вложены въ предпріятіе, во главѣ котораго стоятъ Николай Романовъ и компанія. Съ точки зрѣнія „акціонернаго“ патріотизма, въ основѣ политическаго дѣйствія лежитъ прямая заинтересованность въ доходности предпріятія, въ которое вложенъ капиталъ, и, видя людей, холодно относящихся къ преуспѣянію акціонерной компаніи, биржевой политикъ спрашиваетъ себя: въ чье же конкурирующее предпріятіе вложенъ ихъ капиталъ?

Наивные юношескіе возгласы „да здравствуетъ Японія“ естественно эксплуатируются владѣльцами „патріотическихъ“ акцій Романовской фирмы въ цѣляхъ сѣянія реакціонной клеветы. „Да здравствуетъ Японія“ въ устахъ радикальнаго юношества значитъ только: еще разъ долой самодержавіе, еще разъ — да здравствуетъ свобода! Зрѣлая революціонная мысль чужда этого наивнаго японофильства. Презрѣніе и ненависть къ бандитамъ самодержавной бюрократіи въ Россіи не обязываютъ къ восторгамъ передъ пиратами капиталистической эксплуатаціи въ Японіи. Возмущеніе противъ россійскихъ бюрократическихъ „просвѣтителей“ Манчжуріи не имѣетъ ничего общаго съ апологіей буржуазныхъ японскихъ „просвѣтителей“ Кореи. Не воспламеняясь желаніемъ побѣды императорской Россіи, мы менѣе всего жаждемъ побѣды *буржуазной* Японіи. Словомъ, дѣйствительно-революціонная, то есть, соціальдемократическая точка зрѣнія не мирится ни съ реакціонной монголофобіей, ни съ жидко-либеральнымъ „японофильствомъ“.

Правда, мы должны признать, что въ борьбѣ между Россіей и Японіей не нашему отечеству — въ его нынѣшней государственной оболочкѣ — приходится играть — относительно — болѣе прогрессивную роль. Не Россія, а Японія олицетворяетъ собой въ данный моментъ революціонизирующія тенденціи капитализма. И — увы! — не Россія, а Японія представляетъ собой *культурный* прогрессъ, доступный, вообще, капитализму. Къ нашему глубокому стыду, изъ числа этихъ двухъ — *равно чуждыхъ намъ противниковъ* — самодержавной Россіи и конституціонной Японіи, не въ Японіи четыре раза въ годъ разстрѣливаютъ на улицахъ рабочихъ, не въ ней запарываютъ на смерть „бунтующихъ“ на колѣняхъ мужиковъ, не въ ней устраиваютъ Варфоломеевскія ночи надъ „инородцами“, не въ ней изувѣрски преслѣдуютъ иновѣрцевъ. Не Японія, а Россія состязается съ Испаніей въ достиженіи максимальнаго процента безграмотности, не Японія соревнуетъ съ Китаемъ въ утонченности и „популярности“ системы тѣлеснаго наказанія, не Японія, а именно императорская Россія, соперничаетъ съ Турціей въ дѣлѣ расцвѣта взяточничества и казнокрадства. И мы достаточно „патріоты“, чтобы этотъ свой *позоръ* насильственной связи съ режимомъ кнута и нагайки искупить активной работой для революціоннаго возрожденія обезчещенной самодержавіемъ Россіи.

Мы достаточно „патріоты“ въ этомъ смыслѣ, чтобы пальцемъ о палецъ не ударить, дабы „помочь“ самодержавію побѣдой надъ Японіей укрѣпить свое, безчестящее Россію владычество надъ нашей родиной. Но въ то же время мы интернаціональные соціалисты, а потому не наше дѣло „помогать“ правящимъ классамъ Японіи разгромить реакціонную Россію и тѣмъ заложить прочныя основы реакціоннаго подавленія японскаго пролетаріата. Мы — интернаціональные соціалисты, и въ союзѣ съ такими же соціалистами Японіи ведемъ войну *и* противъ русскаго самодержавія, *и* противъ буржуазіи парламентской Японіи. Не „да здравствуетъ Японія“, написано на нашемъ знамени, а „да здравствуетъ миръ“! Мы — интернаціональные соціалисты, а *потому* всякій политическій союзъ соціалистовъ нашей страны съ какимъ бы то ни было *классовымъ государствомъ* сочли бы предательствомъ дѣла революціи. Ибо — мыслимый только въ воображеніи гг. Сыромятниковыхъ — „союзъ“ между какой-либо революціонной группой въ Россіи и какимъ-нибудь „внѣшнимъ врагомъ“ русскаго царизма былъ бы въ глазахъ соціальдемократовъ простымъ поступленіемъ революціонной группы на службу буржуазному государству (службу, по существу, близкую къ полицейской). И если бы сонъ гг. Столыпиныхъ какимъ-нибудь чудомъ осуществился и Японія стала бы искать готовыхъ продаться ей русскихъ, она не нашла бы ихъ въ средѣ россійскихъ соціалистовъ. Можетъ быть, — и очень вѣроятно, — что она отыскала бы новыхъ полковниковъ Гриммовъ, какъ Германія нашла среди французскихъ „патріотовъ“ — Анри и Эстергази; но русскій соціалистъ, который согласился бы, — во имя борьбы съ абсолютизмомъ, — вступить въ какую бы то ни было сдѣлку съ японскимъ правительствомъ, былъ бы беезпощадно выброшенъ изъ среды соціалистовъ.

Именно патріоты изъ господствующихъ классовъ, любящіе кричать о нашемъ космополитизмѣ, не брезгаютъ, когда затронуты ихъ классовые интересы, въ борьбѣ съ враждебными имъ народными массами вступать въ политическій союзъ съ „врагами отечества“. Французское дворянство въѣхало обратно во Францію, изъ которой его выбросила метла великой революціи, подъ охраной прусскихъ, англійскихъ и россійскихъ штыковъ. Французская буржуазія затопила Парижъ въ крови его пролетарскихъ сыновъ при помощи германской арміи. А прусское дворянство готовилось воспользоваться услугами казаковъ Николая I для возвращенія своей родины въ „первобытное“ состояніе до-революціонныхъ порядковъ. И наши казенные патріоты, шумящіе о мнимыхъ иноземныхъ рессурсахъ русской революціи, не постѣснятся въ цѣляхъ борьбы съ этой революціей прибѣгнуть къ услугамъ нынѣшнихъ своихъ „внѣшнихъ“ враговъ.

Классовая солидарность эксплуататоровъ — въ извѣстныхъ случаяхъ — такъ же точно переходитъ національныя границы, какъ и классовая солидарность эксплуатируемыхъ. Разница только въ томъ, что классовый интересъ пролетаріевъ дѣлаетъ *невозможнымъ* для нихъ союзъ съ какой бы то ни было *организаціей классоваго господства*, т. е., съ какимъ бы то ни было чужимъ государствомъ, тогда какъ классовый интересъ эксплуататоровъ вполнѣ допускаетъ такой союзъ съ органомъ классового господства за предѣлами своего отечества.

Пролетаріату незачѣмъ компрометировать себя союзомъ съ какой бы то ни было государственной организаціей классового господства низведеніемъ себя до роли политическаго наемника одной изъ борющихся между собой эксплуататорскихъ силъ. Его политика не имѣетъ ничего общаго съ авантюризмомъ. Ибо его политика опирается на непреложный ходъ историческаго развитія. А это развитіе систематически и все ускоряющимся темпомъ работаетъ намъ на пользу. Съ захватывающей духъ быстротой мчитъ насъ исторія къ той минутѣ, когда самодержавіе разлетится въ прахъ. Ускорить этотъ моментъ мы можемъ, только организуя свои силы такъ, чтобы достойно встрѣтить предстоящее намъ политическое испытаніе. Эта задача достаточно обширна, чтобы оберечь насъ отъ отъ всякаго искушенія попытаться „ускорить“ естественный процессъ авантюристскимъ политическимъ актомъ.

Л. М.

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ.

Двѣ толпы.

Патріотическимъ манифестаціямъ приказано не быть. Полицейскіе регистраторы уровня патріотическихъ чувствъ забили тревогу. Ихъ охватило опасеніе, какъ бы „патріотизмъ“ не перешелъ въ свою противоположность — жизнь послѣднихъ лѣтъ не разъ доставляла имъ такіе „діалектическіе“ сюрпризы! — и они приказали „порыву“ прекратиться. И, повидимому, въ высшей степени во время...

За широкую толпу пассивныхъ демонстрантовъ, примыкавшихъ по пути, въ силу законовъ массоваго сцѣпленія, за эту толпу никакъ нельзя было ручаться. Въ ея „патріотическихъ“ крикахъ, по-скольку они были, точно спертый воздухъ въ отдушину, выливались ея накипѣвшія по всякимъ и всяческимъ поводамъ чувства. И еслибъ ей былъ брошенъ съ энергіей другой лозунгъ, она подхватила бы и его. Уже слышался неосмысленный, но несомнѣнно непатріотическій крикъ: „Соціалія, соединяйтесь!“ (въ Таганрогѣ)... Создавались и подхватывались и другіе боевые крики... Опасность наростала.

Что же касается другой, наиболѣе „дѣятельной“ и активной части демонстрантовъ („все гнусное повылазило изъ своихъ угловъ!“ пишетъ объ этой другой части кіевскій корреспондентъ), — то ея непринужденное поведеніе прямо и непосредственно требовало полицейскаго „призыва къ порядку“.

Почувствовавъ возможность расправить руки, эта публика вошла въ азартъ: останавливала извозчиковъ, стаскивала проѣзжихъ, многихъ заставляла обращаться въ бѣгство. Тѣ, которымъ всегда приходится ломать шапку, теперь получили возможность кричать всѣмъ и каждому: „Шапки долой!“ Нѣкоторыхъ настигали, сбивали съ нихъ шляпы палками, не щадили при этомъ и женщинъ. Шляпы исчезали нерѣдко съ толпой. Въ порывѣ пьянаго возбужденія вламывались въ частныя квартиры и подвергали хозяевъ патріотическимъ испытаніямъ. Врывались въ рестораны и трактиры, пили, ѣли и не платили. Сплошь да рядомъ, какъ пишетъ московскій корреспондентъ, уносили съ собой изъ ресторановъ — очевидно, на память о патріотическихъ минутахъ — серебряныя ложки. Забирались въ театры во время представленій, заставляли играть и пѣть „Боже, царя храни!“ и уходя, прихватывали съ собой чужія вещи. Кіевскій корреспондентъ пишетъ объ исчезновеніи изъ театра Соловцова семидесяти биноклей... Уносились ридикюли, кошельки... Мирные граждане роптали.

Все это получало слишкомъ скандальный характеръ, — и патріотамъ предложено было вернуться къ обычнымъ занятіямъ... По градоначальническому или губернаторскому мановенію, пріостановилась только что вызванная патріотическая волна, которая въ своемъ „величавомъ“ теченіи успѣла унести такое количество ложекъ, биноклей, кошельковъ...

Да, такъ широко затѣяно, такъ торжественно возвѣщено, такъ шумно обставлено — столько восторга, столько энтузіазма, столько готовности отдать жизнь и достояніе — и въ результатѣ обогащеніе уголовной хроники.

И это не случайность, что на патріотическій посвистъ полицейскаго соловья-разбойника откликнулись въ первую голову граждане, готовые приложить руку — по поводу, собственно, Портъ-Артурской блокады — къ серебрянымъ ложкамъ. Это не случайность, — это точный и категорическій отвѣтъ, данный обществомъ царизму, на вопросъ: какихъ волонтеровъ оно можетъ выдвинуть изъ себя на активно-патріотическія роли? Это отвѣтъ на вопросъ, какіе чувства и инстинкты могутъ быть пробуждены шовинистическими лозунгами въ толпѣ, нарочитыми людьми для нарочитой цѣли созванной.

Война и государственные финансы.

На какія средства вести войну съ Японіей? Правительственные финансисты съ гордостью указываютъ, что денегъ для войны хватитъ. Политика Витте была, молъ, такъ „блестяща“, что нѣтъ даже необходимости прибѣгать къ займу, — стоитъ только министру финансовъ, подобно сказочному герою, приказать милліарду — „встань передо мной, какъ листъ передъ травой“, и милліардъ перельется въ бюджетъ военнаго министерства. Эта самоувѣренность, конечно, не что иное, какъ обычное самохвальство, обычная попытка порисоваться передъ Западно-европейской денежной буржуазіей, въ надеждѣ, что она поддержитъ финансовый престижъ Россіи, попытка увѣрить россійскаго обывателя, что онъ можетъ чувствовать себя въ безопасности подъ крылышкомъ самодержавія. На самомъ дѣлѣ, въ распоряженіи правительства находятся столь ничтожныя свободныя суммы, что оно должно будетъ прибѣгнуть къ чрзвычайнымъ мѣрамъ, если пожелаетъ довести до конца войну съ Японіей.

Трудно съ точностью опредѣлить, въ какую сумму должна обойтись Россіи война. Въ иностранной печати появились приблизительныя, но весьма вѣроятныя, исчисленія, согласно которымъ война будетъ стоить Россіи около *трехъ милліардовъ рублей*, при томъ условіи, если она будетъ продолжаться не больше одного года. Ближайшая къ намъ по времени крупная война, которую вела Россія — война съ Турціей 1877-78 г.г. — обошлась Россіи въ милліардъ съ лишнимъ (1.075 милліоновъ рублей); война эта продолжалась десять мѣсяцевъ, и численность русскихъ войскъ, выставленныхъ противъ Турціи, не превышала 400 тысячъ человѣкъ. Къ началу войны съ Японіей, по словамъ правительства, собрана на Дальнемъ Востокѣ армія въ 250 тысячъ чел.; въ концѣ же концовъ, численность войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій должна достигнуть, по меньшей мѣрѣ, 500 тысячъ, а возможно, что и вдвое больше, чѣмъ въ войнѣ съ Турціей, т. е. 800 тысячъ. Если принять во вниманіе, что доставка войскъ на Балканскій полуостровъ стоила многимъ дешевле, чѣмъ перевозка ихъ на Дальній Востокъ; что въ русско-турецкую войну провіантъ, фуражъ, амуницію и прочее можно было покупать на мѣстѣ или, хотя бы и отчасти, перевозить дешевымъ морскимъ путемъ, въ то время какъ теперь все приходится перевозить изъ Россіи и не иначе, какъ сухопутно; что въ войнѣ съ Турціей въ дѣло пущена была только армія, въ войнѣ же съ Японіей на Дальній Востокъ должны быть собраны также морскія силы; — если все это принять во вниманіе, то необходимо признать, что, при численности войскъ въ 400 тысячъ, война будетъ стоить Россіи приблизтельно вдвое дороже, чѣмъ война съ Турціей — свыше двухъ милліардовъ рублей, а при весьма вѣроятномъ увеличеніи численности дѣйствующей арміи — около трехъ милліардовъ руб.

Откуда взять эту колоссальную сумму? Настолько ли прочны и обильны финансовые источники Россіи, чтобы можно было безъ труда покрыть всѣ издержки по войнѣ?

Первый лакомый кусокъ, которымъ постарается воспользоваться правительство — это запасъ золота, хранящагося въ государственномъ банкѣ. Такого запаса въ настоящее время числится около 700 милліоновъ. Но всей этой суммой казна не вправѣ распоряжаться свободно: большая половина ея — именно 380 мил. руб., — согласно закону, должна остаться неприкосновенной въ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи. Остаются свободными въ запасѣ 320 мил., свобода которыхъ, однако, также весьма относительна. Использовать запасъ золота правительство можетъ, выпустивъ его въ видѣ золотой монеты или кредитныхъ билетовъ, — въ обоихъ случаяхъ операція эта одинаково рискована при нынѣшнемъ состояніи денежнаго рынка. Въ странѣ не можетъ обращаться безконечное количество денежныхъ знаковъ; оно должно соразмѣряться съ промышленнымъ и торговымъ оборотомъ, съ запросами товарнаго и денежнаго рынка, — иначе деньги обезцѣнятся, не смотря на принудительные курсы, золото уплыветъ заграницу, и денежное обращеніе будетъ выбито изъ сколько-нибудь нормальной колеи. Это опасное для народнаго хозяйства положеніе обострится скорѣе всего, если рискованные опыты будутъ произведены въ настоящее время, когда на денежномъ рынкѣ замѣчается большое смятеніе. Подъ вліяніемъ войны, какъ это всегда бываетъ, цѣнность биржевыхъ бумагъ сильно понизилась; въ серединѣ февраля (стар. стиль), по сравненію съ началомъ января текущаго года, государственная рента пала съ 99½ до 92½, выигрышные билеты перваго займа пали на 79 р., второго займа на 30 р., дворянскаго на 39 р. Столь сильное паденіе этихъ „солидныхъ“ бумагъ, которыя всегда охотно покупались, никогда не наблюдалось въ спокойное время и знаменуетъ собою основательное потрясеніе денежнаго рынка. 1)

При такихъ условіяхъ пустить въ обращеніе новыя груды денегъ — значитъ подвергнуть рынокъ хроническому, тяжелому кризису, который не замедлитъ привести къ небывалому замѣшательству въ промышленной жизни. Не даромъ Витте, въ своемъ лебединомъ докладѣ о росписи на 1903 годъ, указываетъ, что „самыя прочныя основанія денежнаго обращенія въ каждой странѣ могутъ поколебаться, если бы въ управленіи государственными финансами были когда-либо допущены неосторожныя или неблагоразумныя мѣропріятія“. Правда, Витте „убѣжденъ, что въ соблюденіи ясныхъ и опредѣленныхъ указаній закона о выпускѣ кредитныхъ билетовъ и обезпеченіи ихъ заключается ручательство за невѣроятность сколько нибудь серьезныхъ потрясеній въ нашемъ денежномъ обращеніи“, но при „неблагопріятныхъ мѣропріятіяхъ“ сотрясеніе это станетъ неизбѣжнымъ, въ особенности, въ „нашемъ денежномъ обращеніи“, которое покоится больше на принудительномъ регулированіи со стороны финансоваго управленія, чѣмъ на базисѣ здороваго торгово-промышленнаго оборота.

Слѣдующій лакомый кусокъ — пресловутая „свободная наличность“, которой къ январю 1904 года числилось 312 мил. р.; изъ этой суммы свыше 195 мил., согласно росписи, должны пойти на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ, и, стало быть, въ государственномъ казначействѣ свободными останутся 116 мил. Очевидно, до трехъ милліардовъ еще очень далеко, и правительству, за неимѣніемъ свободныхъ средствъ, придется прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ источникамъ, которыми въ данномъ случаѣ могутъ быть: 1) сокращенія въ росписи на 1904 годъ, 2) повышеніе существующихъ и введеніе новыхъ налоговъ и 3) внутренній или внѣшній заемъ. Посмотримъ, при какихъ обстоятельствахъ можетъ быть использованъ каждый изъ этихъ трехъ источниковъ.

Объ экономіи въ бюджетѣ правительство уже подумываетъ и назначило для этой цѣли особую коммиссію. Едва-ли, однако, самодержавію удастся выѣхать на экономіи. Народные представители, преданные интересамъ страны, понятно, могли бы произвести не малыя измѣненія и даже сокращенія въ двухъ милліардномъ бюджетѣ, но самодержавіе, которое приспособляетъ бюджетъ къ своимъ нуждамъ, этого сдѣлать не можетъ: оно должно сохранить каждый винтикъ созданной имъ машины подъ угрозой рушиться самому вмѣстѣ съ машиной. Нельзя ему соблюсти экономіи на платежахъ по государственному долгу (289 мил. р.), такъ какъ платить за долги, въ особенности, въ виду предстоящихъ новыхъ долговъ, всегда нужно. Не будутъ сокращены, конечно, расходы по военному и морскому министерствамъ и, въ связи съ ними, бюджетъ министерства иностранныхъ дѣлъ и ассигновка на случай возвышенія стоимости провіанта и фуража (по всѣмъ статьямъ, въ общей сложности, 483 милліона р.). Не

---

1) Вотъ еще одинъ изъ многихъ показателей потрясенія денежнаго рынка: „по даннымъ „Торг. Газеты“, за двѣ недѣли, съ 24 января по 8 февраля, изъ *варшавскихъ* частныхъ банковъ одного общества взаимнаго кредита и кассы варшавскихъ промышленниковъ взято частными лицами на 3 238,779 руб. вкладовъ“. Высоко стоитъ „курсъ“ самодержавія въ Варшавѣ!

И сама собою просится на сопоставленіе съ толпой, которую царизмъ на часъ, на недѣлю или на мѣсяцъ вырываетъ изъ круга нашего вліянія, мысль и чувства которой онъ дразнитъ и разжигаетъ бряцающими лозунгами человѣконенавистничества, — другая, совсѣмъ другая толпа — прошлогоднихъ южнорусскихъ событій, или та, которую Донской Комитетъ отрываетъ отъ варварскихъ ощущеній кулачнаго боя и которую онъ электризуетъ огненными лозунгами революціи и свободы. Эта одухотворенная масса приподнимала каждаго изъ своихъ членовъ, и онъ самъ себѣ казался выше цѣлой головой. „Какъ чудно было смотрѣть на нихъ! писалъ елисаветградскій корреспондентъ. Стройные, съ головами вверхъ, шли они безъ препятствій!“ („Искра“. № 46). „Не бойтесь, не бойтесь, — успокаивала перепуганныхъ одесскихъ обывателей толпа, — это вамъ не Кишиневъ, мы совсѣмъ другого хотимъ, среди насъ нѣтъ ни жидовъ, ни русскихъ, мы всѣ рабочіе...“ (№ 45). „Мы не лавки бьемъ, мы свободы добиваемся“, говорили участники „антипатріотической“ манифестаціи въ Твери (см. корр. въ этомъ №).

Великодушная и благородная, какъ всякая масса, которая связала себя невидимыми нитями революціонной солидарности и почувствовала свою коллективную силу, многотысячная толпа не позволяла себѣ никакихъ насилій. „Яблочка не тронули!“ восклицаетъ изумленный обыватель торговой улицы.

Не было пьяныхъ, потому что въ такіе дни толпа не пьетъ. Не оскорбляли женщинъ, потому что въ такіе дни толпа не оскорбляетъ. „Казалось — пишетъ участникъ событій — что живешь удесятеренной жизнью, все было такъ легко, цѣль такъ ясна и близка, въ сердцѣ столько безконечной отваги и самозабвенья!..“

И эти кіевскіе, екатеринославскіе и бакинскіе демонстранты — пока только демонстранты — связываютъ мысль съ тѣмъ революціоннымъ „народомъ“, который умираетъ на уличныхъ баррикадахъ... который умиралъ на нихъ столько разъ въ разныхъ странахъ Европы со времени 1789 года...

Въ тѣ большіе дни, когда толпа, обычная, сѣрая, продающая и покупающая, забитая и угнетенная толпа покидала молотокъ и прилавокъ, ради ружья и баррикады, — уличный воздухъ становился чище и яснѣе, грубые и дрянные инстинкты уходили куда-то прочь вмѣстѣ съ мелкими и дрянными заботами, — возвышающій и облагораживающій трепетъ охватывалъ все общество до самыхъ его трущобныхъ низовъ. И — замѣчательный фактъ! — чѣмъ выше поднимались волны революціи, тѣмъ меньше было число обычныхъ „преступленій“ противъ „нравственности“ и „собственности“... Когда революціонный вихрь проносился надъ Европой, полицейскіе нотабли напряженно слѣдили за барометромъ преступности. Къ серединѣ марта 1848 г. прусскій министръ усмотрѣлъ тревожный признакъ въ уменьшеніи числа преступленій противъ собственности... Онъ не ошибся: 18 марта въ крови 183 труповъ захлебнулся прусскій абсолютизмъ „божьей милостью“. Черезъ мѣсяцъ послѣ берлинскихъ баррикадъ президентъ полиціи объявляетъ публично, что „поведеніе подмастерьевъ и рабочихъ по праву заслуживаетъ всеобщей признательности“. Съ прохожихъ не сбивали палками шляпъ, женщины могли безопасно ходить по улицамъ, и берлинскіе рестораторы могли быть спокойны за свои серебряныя ложки...

Таково нравственное вліяніе „революціоннаго насилія!“ Реакціонные поденщики университетской каѳедры не разъ пытались опорочить революцію, какъ явленіе, которое своимъ историческимъ смысломъ слишкомъ презрительно третируетъ ихъ грошовыя теорійки мирнаго преуспѣянія и во всемъ благого поспѣшенія... Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ людишекъ утверждали, между прочимъ, что въ числѣ 183 убитыхъ было нѣсколько „уголовныхъ преступниковъ“, выпущенныхъ незадолго до 18 марта изъ берлинской тюрьмы,—утвержденіе, ничѣмъ не подтвержденное... Но еслибъ и такъ! Пошлые, бездарные фальсификаторы — они не понимаютъ, что чѣмъ больше они силятся скомпрометировать личный персоналъ баррикадной арміи, тѣмъ выше и выше они возносятъ возрождающую силу самой революціи... Жалкіе филистеры, они не понимаютъ объективной морали своего утвержденія, которое по ихъ замыслу должно служить клеветой на революцію. Эта мораль ясна. Она гласитъ: смотрите, эти люди, которые въ дни „мирнаго преуспѣянія“ ютились въ щеляхъ преступленія и въ трущобахъ порока, которые въ дни реакціонной разнузданности оскорбляли бы прохожихъ, вламывались бы въ театры, опустошали бы карманы, — сегодня, когда изъ подъ земли вырвались огненные языки революціи, нашли лучшимъ умереть на баррикадахъ!...

Ровно 23 года спустя послѣ берлинскихъ баррикадъ, 18 марта 1871 года, революція опять обнаружила свою чудотворную силу. Парижъ, старый временно потухшій вулканъ, снова выдохнулъ изъ себя волну революціонной лавы... Пролетарская коммуна, отшвырнула отъ себя разномастную реакціонную сволочь, красу, гордость и силу Второй Имперіи, — и Парижъ, международный Вавилонъ, обновилъ свою нравственную физіономію... Исчезли кутежи, прекратился пьяный развратъ — высшаго и низшаго разряда. Ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи. Въ первый разъ со времени февральской революціи 1848 г. улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. Моргъ пустовалъ — не было самоубійцъ, не было таинственныхъ, никѣмъ не опознанныхъ труповъ.

„Мы не слышимъ болѣе — говоритъ одинъ изъ членовъ коммуны — ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей“...

А затѣмъ? Порокъ и преступленіе залили улицы Парижа вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками буржуазной реакціи. Воровство вернулось вмѣстѣ съ полиціей. Развратъ и насиліе вздохнули свободно, какъ только увидѣли, что трехцвѣтное знамя буржуазнаго шовинизма нагло красуется на томъ мѣстѣ, гдѣ часъ тому назадъ гордо развѣвалось красное знамя пролетарской коммуны.

Идеализмъ революціи смѣнился идеализмомъ „реванша“... Война, этотъ „элементъ порядка, установленнаго богомъ“, эта школа „мужества и безкорыстія, вѣрности долгу и самоотверженія“, по опредѣленію военнаго мясника Мольтке, война, втеченіе десятилѣтій проповѣдуемая со всѣхъ реакціонныхъ кровель, заполнила политическую атмосферу Франціи, — и въ этой атмосферѣ выросла панама, выросла дрейфусіада...

На эти большія параллели память толкается сопоставленіемъ протестующей стачечной массы, не трогающей „яблочка“, и патріотической толпы, вторгающейся въ жилища и сбивающей шляпы съ беззащитныхъ женщинъ. И это не внѣшняя только связь малаго съ большимъ. Потому что волею исторіи мы съ каждымъ днемъ подвигаемся отъ малаго къ большому. Историческій потокъ, въ составъ котораго входитъ и кіевская, и ростовская, и бакинская, и тверская стачечная толпа, все ближе и ближе подходитъ къ тому обрыву, за которымъ могучее теченіе превращается въ революціонный водопадъ...

... Пусть же полицейскіе псы реакціи зорко слѣдятъ за регистромъ преступленій: когда они замѣтятъ, что въ центрахъ политической жизни, несмотря на возбужденіе улицы, недопускающее правильнаго полицейскаго надзора, число преступленій становится все ниже и ниже, что оно готово склониться къ нулю, тогда — не рискуя ошибиться — они смогутъ сказать себѣ: „Это идетъ революція!“

Т.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Россія“ жертвуетъ.

Начальникъ
41-ой
Пѣхотной дивизіи
14 февраля 1904 г.
№ 518
Гор. Витебскъ.

ЕВБ. Командиру 161-го
Александропольскаго полка.

Милостивый Государь
Вацлавъ Лаврентьевичъ!

Патріотическій *порывъ* русскаго народа, подъ впечатлѣніемъ войны нашей съ коварной Японіей, кромѣ щедрыхъ пожертвованій на Красный Крестъ и другія военныя надобности, выразился въ желаніи усилить нашъ флотъ новыми боевыми судами и подводными лодками, пріобрѣтая ихъ на особыя *доброхотныя* пожертвованія. Горячее патріотическое сочувствіе войскъ къ такимъ благимъ начинаніямъ побуждаетъ меня просить васъ организовать сборъ пожертвованій на добровольный флотъ между чинами ввѣреннаго Вамъ полка, направляя таковыя пожертвованія г. С.-Петербургъ въ Управленіе дѣлами Государя Наслѣдника. Съ своей стороны полагалъ бы, что *отчисленіе* ежемѣсячнаго, для означенной надобности во время войны, *извѣстнаго процента* (напр. 1%) представляется наиболѣе соотвѣтственнымъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

А. Биргеръ

Патріотическій „порывъ“, который вносится въ войска начальникомъ дивизіи посредствомъ циркуляра за № 518 и который вызываетъ „доброхотныя“ пожертвованія въ видѣ сверху предписаннаго однопроцентнаго налога на солдатское „жалованья“ (45 коп. въ два мѣсяца)!.. „Россія“ жертвуетъ!

Николаевскій Комитетъ Партіи говоритъ въ своей прокламаціи отъ 21 февраля: „По всѣмъ заводамъ отъ насъ *требуютъ*, чтобы мы „*добровольно*“ давали 2% своего заработка на постройку миноноски“... „Россія“ жертвуетъ!

И въ то время, какъ изъ рабочихъ, кромѣ обычной сверхстоимости, выжимаютъ еще крупную патріотическую „сверхстоимость“, — капиталисты реализуютъ свою любовь къ отечеству въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и, гдѣ возможно, стараются даже сдѣлать изъ такой „реализаціи“ прибыльное предпріятіе.

Въ Петербургѣ засѣдалъ на дняхъ съѣздъ винокуренныхъ заводчиковъ, поставляющихъ вино въ казну и потому — патріотовъ въ силу профессіи. Возникли разногласія на тему о томъ, въ какую долю копейки оцѣнить собственный патріотизмъ. Винокуры центральнаго района предлагали 1/4 коп. съ ведра — для себя и 1 коп. съ ведра — для привислянскихъ коллегъ. Тѣ не хотѣли превосходить коренныхъ граждан въ самопожертвованіи и, повидимому, склонялись къ равенству, — если не къ обратной пропорціи. Это соревнованіе великодушій, въ силу крайней настойчивости обѣихъ сторонъ, не привело ни къ чему.

„Новое Время“, снисходительное къ винокурамъ центральнаго района (ихъ патріотизмъ внѣ сомнѣнья!), выражаетъ свое глубокое неудовольствіе винокурамъ „привислянскимъ“, получающимъ отъ казны цѣны, „чуть ли не вдвое превышающія стоимость производства“ (этому не такъ трудно повѣрить!) и не желающимъ, однако, проявить свою благодарность щедрому къ нимъ „отечеству“ въ размѣрахъ выше... четвертой доли копейки!

Рядомъ съ винокуреннымъ патріотизмомъ стоитъ патріотизмъ сахарозаводческій. Рафинадные патріоты предложили правительству поставить безплатно извѣстное количество сахару для арміи съ тѣмъ небольшимъ условіемъ, что 1) имъ будетъ возвращенъ акцизъ и 2) что правительство дастъ имъ свидѣтельство на вывозъ соотвѣтственнаго дополнительнаго количества сахару заграницу. „Россія“ жертвуетъ!

Въ мірѣ купли-продажи и патріотизмъ ищетъ для себя эквивалента... Петербургскія канцеляріи укрываютъ въ своей таинственной мглѣ немало патріотическихъ сдѣлокъ, въ результатѣ которыхъ является щедрыя, во всеобщее свѣдѣніе публикуемыя пожертвованія на флотъ или Красный Крестъ.

Нѣкоторое представленіе объ этихъ спекуляціяхъ можно составить себѣ по слѣдующему письму къ предсѣдательницѣ Петербургскаго Комитета Краснаго Креста княгинѣ Лобановой Ростовской.

С.-Петербургъ 28 октября 1903 г.

Ваше Сіятельство
Марія Августовна!

Согласно желанію Вашего Сіятельства, выраженному въ полученномъ мною письмѣ, я порекомендовалъ Вамъ Ивана Константиновича Кутузова, который пожертвовалъ для Пріюта 3000 руб. *подъ тѣмъ условіемъ, что за эту жертву будетъ ему выхлопотано Потомственное Почетное Гражданство*, каковаго онъ до сихъ поръ не получилъ, хотя со времени взноса имъ денегъ прошло болѣе двухъ лѣтъ. Въ настоящее время онъ, Кутузовъ, буквально не даетъ мнѣ ступить шагу, чтобы не напомнить объ обѣщанномъ. Находясь при такихъ обстоятельствахъ нѣсколько въ неловкомъ положеніи, осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Ваше Сіятельство не отказать сообщить мнѣ для успокоенія Кутузова, въ какомъ положеніи находится его дѣло о гражданствѣ или же, что считаю еще болѣе удобнымъ, сообщить ему, Кутузову, объ этомъ лично по мѣсту жительства: Старо Петергофскій проспектъ, домъ № 15 кв. 18.

Въ ожиданіи благосклоннаго вниманія Вашего Сіятельства къ сей моей просьбѣ, остаюсь съ искреннимъ почтеніемъ

Е. Черкасовъ.

„Россія“ жертвуетъ!

Г-нъ Кутузовъ слишкомъ поторопился. Теперь, когда Красный Крестъ, вслѣдствіе войны, жалуется на недостатокъ средствъ, „Марья Августовна“, безъ сомнѣнія, болѣе щедро раздаетъ чины, кресты и званія, и „неотчуждаемыя права потомственнаго почетнаго гражданина“ продаются, надо думать, съ значительной скидкой противъ обычной цѣны!

Хвостъ вытащилъ, носъ увязъ. Когда японцы 26-го января захватили „Корейца“, а 27-го „поранили“ три крейсера, вся печать — и реакціонная, и либеральная — вопила о „нападеніи изъ-за угла“, о „полной неожиданности“ и пр. Напримѣръ, „Рус. Вѣд.“ въ № 42 писали: „Насколько наступившая война съ Японіей была неожиданной для нашихъ моряковъ на Дальнемъ Востокѣ“... далѣе слѣдовали достовѣрнѣйшія доказательства. Когда же въ обществѣ стали ходить слухи, что „наши моряки на Дальнемъ Востокѣ“ промигали японскій флотъ только потому, что занимались нетрезвымъ препровожденіемъ времени, явилась необходимость доказать, что моряки отнюдь не имѣли возможности заниматься совмѣстнымъ пьянствомъ, потому что все время проводили въ *ожиданіи неожиданнаго* нападенія. Адмиральша, пріѣхавшая въ Петербургъ изъ Портъ Артура, разсказываетъ, а всѣ газеты съ восторгомъ подхватываютъ: „Помилуйте, какое же неподготовленными!.. Не говоря уже о томъ, что всѣ суда находились въ полной боевой готовности, уже за нѣсколько дней до внезапнаго(!) нападенія японцевъ были приняты всевозможныя экстренныя мѣры“... и пр. и пр.

Хвостъ вытащилъ, носъ увязъ. Носъ вытащилъ, хвостъ увязъ.

Новая перемѣна начальства. Телеграфъ сообщаетъ, что адмиралъ Старкъ, такъ блестяще начавшій кампанію противъ Японіи, удаленъ съ своего поста. Г. Старкъ признанъ неспособнымъ. Будущее покажетъ, много ли побѣдъ и одолѣній принесетъ съ собою новое начальство. Мы думаемъ, что немного. Неспособность, отсутствіе таланта — отличительныя черты правящей нами клики. А энергична всегда она была только въ дѣлѣ угнетенія народа. Вотъ почему, въ виду частыхъ перетасовокъ военно административнаго персонала на крайнемъ Востокѣ, невольно вспоминаются слова Крылова:

Какъ ни садитесь,
А въ музыканты не годитесь!

Москва. Итакъ, къ сожалѣнію, война началась. Держится упорный слухъ, что при переправѣ черезъ Байкалъ потонуло три тысячи солдатъ. А то, что иногда въ перемежку съ боевыми отправляются, на поле военныхъ дѣйствій, учебные патроны — это фактъ, подтвержденный чинами артиллерійскаго склада. Телѣжки для пушекъ только еще отправили въ починку. Сегодня были у насъ два солдата и просили помочь деньгами на

рѣшится правительство сэкономить на бюджетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (114 мил. р.), потому что, съ отвлеченіемъ войска на Дальній Востокъ, придется, пожалуй, увеличить расходы на полицію, жандармерію и партикулярную армію, воюющую съ внутреннимъ врагомъ. Неприкосновенными должны остаться бюджеты министерства финансовъ и государственнаго контроля (вмѣстѣ 380 мил. р.), такъ какъ именно на эти учрежденія теперь выпадаетъ мудреная задача — выколотить изъ населенія побольше податей, налоговъ и недоимокъ. Кромѣ того, какъ министерство финансовъ, такъ и министерство путей сообщенія (со смѣтой въ 473 м. р.) завѣдуютъ государственными предпріятіями — винная монополія и казенныя желѣзныя дороги, — которыя приносятъ доходъ, и сокращенія по этимъ министерствамъ могутъ отразиться на сокращеніи дохода. Само собою разумѣется, что ни на одну копѣйку не будетъ уменьшена смѣта высшихъ государственныхъ учрежденій, вѣдомства св. синода и министерства императорскаго двора. Остаются тощіе бюджеты министерствъ земледѣлія, народнаго просвѣщенія, юстиціи и государственнаго коннозаводства, въ общей суммѣ свыше 145 м. р. Если даже сдѣлать совершенно невѣроятное предположеніе, что сокращеніе этихъ бюджетовъ послѣдуетъ на половину, то въ распоряженіи правительства окажется всего 70 м. р.! Болѣе удачно можетъ быть достигнута экономія въ чрезвычайныхъ расходахъ. Какъ сообщалось въ газетахъ, здѣсь предполагается сэкономить 150 м. р., предназначенныхъ на сооруженіе новыхъ жел. дорогъ.

Такимъ образомъ, сокращеніе въ бюджетѣ можетъ дать свыше 220 м. р. Присоединивъ ихъ къ 116 м. р. свободной наличности, получимъ около 350 м. р., которые правительство можетъ употребить на войну. Очевидно, очередь дойдетъ до слѣдующаго источника — повышенія существующихъ и введенія новыхъ налоговъ. Но здѣсь правительство впервые столкнется съ нелѣпой финансовой системой, имъ созданной. Изъ девяти статей обыкновенныхъ доходовъ — семь (пошлины, правительственныя регаліи, казенныя имущества и капиталы, отчужденіе государственныхъ имуществъ, выкупные платежи, возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства, доходы разнаго рода) не поддаются увеличенію: за самыми ничтожными исключеніями, правительство не можетъ извлечь изъ нихъ больше того, что предположено къ поступленію по росписи. Остаются прямые и косвенные налоги — и надъ ними-то будутъ оперировать „финансовые геніи“ разнаго калибра. Но, увы, здѣсь генію нѣтъ простора! Косвенные налоги — основа финансовой системы — туго поддадутся сколько нибудь значительному увеличенію. Въ настоящее время косвенные налоги вмѣстѣ съ доходомъ отъ винной монополіи, которая замѣнила питейный налогъ и остается имъ по существу до нашихъ дней, доставляютъ казнѣ *свыше одного милліарда рублей*, т. е., покрываютъ половину всего бюджета. Такіе „блестящіе“ результаты явились не послѣдствіемъ роста народнаго потребленія — напротивъ, потребленіе нѣкоторыхъ продуктовъ, обложенныхъ налогомъ, уменьшилось, — а исключительно послѣдовательнаго роста обложенія, увеличенія роста бремени. Табакъ, сахаръ, нефть, спички и привозные товары обложены у насъ столь высокимъ налогомъ, что дальнѣйшее повышеніе его должно неизбѣжно повести къ уменьшенію потребленія и, слѣдовательно, къ пониженію налоговыхъ поступленій. Повышеніе косвеннаго обложенія станетъ равносильнымъ ограниченію обращенія на рынкѣ обложенныхъ продуктовъ, повышеніе таможенныхъ пошлинъ превратитъ ихъ въ запретительныя, особенно въ настоящее время при затяжномъ промышленномъ кризисѣ, усугубленномъ войною. Если правительство рѣшится поиграть на повышеніе косвенныхъ налоговъ, оно должно будетъ обратиться къ самымъ реакціоннымъ мѣрамъ, вродѣ возстановленія налоговъ на соль или другіе предметы необходимѣйшаго потребленія, такъ какъ, въ предѣлахъ существующихъ налоговъ имъ награблено у народа все, что можно было награбить. Во всякомъ случаѣ, повышеніе косвеннаго обложенія не можетъ дать казнѣ крупнаго, сообразно нуждѣ въ средствахъ, дохода. Вспомнимъ, что повышеніе налоговъ въ 1900 году въ виду „усмиренія“ Китая — это „временное“ повышеніе, благополучно дожившее до войны съ Японіей — даетъ ежегодно около 40 м. р. Если правительству удастся теперь высосать изъ народнаго потребленія приблизительно такую же сумму, оно, навѣрное, сочтетъ себя удовлетвореннымъ.

При повышеніи первыхъ налоговъ оно натолкнется еще на большія трудности. Объ увеличеніи сбора съ крестьянскихъ земель, конечно, не можетъ быть и рѣчи; крестьяне платятъ въ шесть разъ больше окладныхъ сборовъ, чѣмъ частные владѣльцы различныхъ сословій, при всеобщемъ раззореніи крестьянскаго хозяйства и хроническихъ голодовкахъ, повышеніе прямыхъ налоговъ, взимаемыхъ съ крестьянъ, не встрѣтитъ, вѣроятно, поддержки даже въ правительственныхъ сферахъ. Но, быть можетъ, правительство повыситъ поземельные налоги, падающіе на помѣщиковъ, государственный промысловый налогъ и сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ? Предположеніе это такъ-же наивно, какъ наивны надежды либеральныхъ газетъ, рекомендующихъ правительству воспользоваться моментомъ и ввести... подоходный налогъ. Десятки лѣтъ, подъ всякими благовидными и неблаговидными предлогами, правительство погребало проекты о подоходномъ налогѣ; десятки лѣтъ оно всю свою финансовую систему строитъ на обложеніи малоимущихъ, трудящихся слоевъ населенія, старательно охраняя неприкосновенность кармана буржуазіи и создавая взамѣнъ подоходнаго налога такіе скверные и призрачные суррогаты его, какъ квартирный и промысловый налогъ и сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ; — теперь-же, когда самодержавіе въ опасности и судорожно ищетъ выхода къ спасенію, оно почему то должно радикально измѣнить свою политику и посягнуть на капиталы того класса, поддержка котораго для него — вопросъ жизни или смерти. Либеральныя газеты, въ погонѣ за маниловскими проектами, никакъ не могутъ понять, что русское самодержавіе занято исключительно защитой царскаго престола, что, какъ всегда и всюду, такъ и въ вопросѣ о средствахъ для войны, оно будетъ руководствоваться не интересами народнаго хозяйства, не интересами государственныхъ финансовъ, не экономическими судьбами Россіи, а только интересами и судьбой самодержавія; все, что можетъ содѣйствовать побѣдѣ и укрѣпленію самодержавной власти, какъ бы эта побѣда ни отразилась тяжело на массѣ народной, будетъ пущено въ ходъ, и, наоборотъ, въ загонѣ останутся самыя радикальныя мѣры, если онѣ съ какой бы то ни было стороны и въ какой бы то ни было степени угрожаютъ самодержавію. Поэтому, верхъ наивности предполагать, что въ критическую минуту правительство посягнетъ на интересы дворянства и промышленной буржуазіи, рискнетъ поколебать въ нихъ „вѣрноподданническія“ чувства.

Мы пришли къ заключенію, что въ предѣлахъ существующаго финансоваго строя правительство не найдетъ источниковъ, которыми оно могло бы покрыть военныя издержки. Финансовая система, построенная, главнѣйшимъ образомъ, на косвенныхъ налогахъ и открыто пренебрегающая прямымъ обложеніемъ имущихъ классовъ, въ критическую минуту оказывается несостоятельной. Насосъ, которымъ правительство перекачиваетъ деньги изъ народнаго кармана въ царскую казну, перестаетъ работать: подъ нимъ — истощенная почва, отъ которой съ трудомъ можно взять небольшой излишекъ. Въ лучшемъ случаѣ, если будетъ тронутъ запасъ золота и свободная наличность, если послѣдуетъ небольшое повышеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и будутъ сдѣланы сбереженія въ росписи, въ распоряженіе правительства въ теченіе года перейдетъ 500-600 мил. рублей. Этой суммы хватитъ только „на первое время“, и въ самомъ близкомъ будущемъ нужно прибѣгнуть къ займу, сколько бы ни кричало правительство о своемъ финансовомъ могуществѣ и о блестящемъ царствованіи Витте.

И о займѣ уже говорятъ. Въ самомъ началѣ войны правительство поспѣшило опровергнуть слухи о томъ, что Россія намѣрена сдѣлать внѣшній заемъ. Но дыма безъ огня не бываетъ. Въ иностранной печати усиленно говорили, что русское правительство ведетъ переговоры о займѣ съ французскими и бельгійскими капиталистами, а опытъ прошлаго учитъ, что вопреки всѣмъ „опроверженіямъ“, министер. финанс., дѣйствительность нерѣдко впослѣдствіи потверждаетъ опровергаемые слухи. Хадорогу. Факты попрошайничанья солдатъ не рѣдки, и я прежде не вѣрилъ, но пришлось убѣдиться самому. Въ Челябинскѣ при стоянкѣ поѣзда солдаты ходятъ по вагонамъ и, показывая на свои худые сапоги, обращаются за помощью къ проѣзжающимъ. Съ мѣсяцъ же тому назадъ на станціи „Сасово“ по Рязанской дорогѣ (Тамбовской губ.) каждый разъ по приходѣ воинскаго поѣзда солдаты бросались на станціонныя лавки и вмигъ все расхищали. Торговцы (пять лавокъ на станціи) обращались къ офицеру (коменданту), дежурному, встрѣчающему воинскіе поѣзда, съ жалобой. „Что жъ я подѣлаю съ ними? Оставить здѣсь не могу, теперь время военное. Самое лучшее запирайте лавки“. И лавки запирались. Тогда христолюбивое воинство расширило свою дѣятельность за предѣлы станціи. Поѣздъ стоитъ четыре часа. Близъ станціи село (того же наименованія, что и станція). Двѣ тысячи двѣсти человѣкъ приходятъ на базаръ и, раздѣлясь на группы въ сто-двѣсти солдатъ, съ криками „ура“ бросаются въ лавки и берутъ, что попало. Разграбили возъ калачей. Торговцы завопили: „разбой“, „караулъ“! Собралась толпа крестьянъ. Пришелъ волостной старшина съ бляхой на груди. Солдаты сорвали бляху и ударили по физіономіи старшину. Крестьяне вступили въ драку съ солдатами. Одинъ изъ воиновъ выхватилъ финскій ножъ, но его удалось отнять крестьянамъ, и солдатъ былъ жестоко избитъ. На подмогу выступили мужики съ кольями, и въ то время, когда съ одной стороны стояло нѣсколько сотенъ солдатъ, а съ другой крестьяне съ кольями — отъ станціи показались патрули (вооруженные). Крестьяне, думая, что будутъ въ нихъ стрѣлять, бросились въ разсыпную. Послѣ того было приказано не пускать солдатъ со станціи дальше пяти шаговъ.

Вмѣсто войлока нѣкоторые вагоны обиты бумазеей. „Быки съ большимъ комфортомъ перевозятся, чѣмъ солдаты, у тѣхъ хоть подстилка изъ сѣна, а солдаты спятъ на голыхъ доскахъ и вагонъ холодный“.

Съ сестеръ милосердія берется клятва, что онѣ будутъ посылать только открытки (закрытыя письма — нельзя) и не будутъ писать о ходѣ военныхъ дѣйствій.

Офицеры жалуются на то, что теперь „*даже* обругать солдата нельзя“: полученъ и разосланъ начальствующимъ лицамъ секретный циркуляръ съ предписаніемъ обращаться во время войны съ солдатами гуманно и не раздражать ихъ. „Ужъ очень много негодяевъ развелось, всю пѣхоту развратили прокламаціями, дисциплина нарушена, а тутъ еще этотъ приказъ! Вотъ у насъ въ кавалеріи, слава Богу, никакой смуты еще нѣтъ“.

Дерптъ (Юрьевъ). Пишу вамъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бывшей здѣсь вчера демонстраціи. Вчера, т. е. 19 февраля, была назначена у насъ публичная лекція професора Пергамента, „Страничка изъ исторіи права“. Еще до лекціи ходили слухи, что „что-то будетъ“: одни говорили — демонстрація, другіе — что пропоютъ только въ залѣ и до демонстраціи дѣло не дойдетъ. Началась лекція. Все тихо, спокойно. Только присутствіе „субовъ“, педелей и главнаго университетскаго оберъ-шпіона показывало, что не совсѣмъ „все обстоитъ благополучно“. Послѣ лекціи, тема которой не имѣла ничего общаго съ 19-мъ февраля, но которую профессоръ закончилъ красивой фразой о „многострадальномъ крестьянствѣ“ начали разбрасывать прокламаціи — перепечатка изъ 59 номера „Искры“ — „Почему царское правительство начало войну съ Японіей“ — и маленькіе листочки съ надписями: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ „Долой самодержавіе!“ „Долой войну“. Черезъ минуту запѣли марсельезу. Студенты и публика, боязливо поглядывая другъ на друга, бросились поднимать прокламаціи, а инспекторъ закричалъ: „господа, что вы дѣлаете, вѣдь вы себя губите“. Въ отвѣтъ новый куплетъ марсельезы, новый пукъ прокламацій и новые крики „долой самодержавіе, долой войну“. Затѣмъ всѣ направились къ выходу. Подождавъ, пока не сошли всѣ, студенты толпой, человѣкъ въ 600, если не больше, направились по улицѣ къ ратушѣ, и оттуда на главную Рыцарскую. Марсельеза, прерываемая криками „да здравствуетъ соціальдемократія, долой войну“, стройно неслась. Какой-то эстонецъ, лакей, выскочивъ изъ гостиницы фракѣ, и безъ пальто и шляпы присоединился къ демонстрантамъ съ крикомъ „долой самодержавіе!“ Но вотъ замелькали полицейскія рожи. „Господа, прошу не пѣть“, пискнулъ какимъ-то сдавленнымъ голосомъ одинъ надзиратель, но въ отвѣтъ послышалось: „Долой полицію!“ „Не слушайте его, господа!“ и несчастный околодочный со своими собратіями и однимъ жандармомъ шествуетъ рядомъ съ демонстрантами. Наконецъ, минутъ 25 спустя послѣ выхода на улицу раздался сигналъ: „Довольно, господа, расходитесь“, и мы всѣ бросились въ разныя стороны. Лишь послѣ этого разсвирѣпѣвшая полиція стала хватать ротозѣевъ, не принимавшихъ участія въ демонстраціи, а только глазѣвшихъ на демонстрантовъ...

Интересенъ тотъ фактъ, что теперь всѣ обыватели смотрѣли сочувственно на демонстрантовъ, многіе сами присоединялись, а прокламаціи прямо хватали на лету, въ то время какъ два года тому назадъ, когда была здѣсь демонстрація, обыватели нѣмцы разбѣгались и говорили, что русскіе студенты перепились и дерутся... Арестованные, какъ я уже писалъ, есть, въ эту ночь были обыски; пріѣхала жандармерія.

Рига. Первую патріотическую демонстрацію устроили гимназисты Александровской гимназіи. Они съ утра спрашивали инспектора, можно ли устроить демонстрацію, но онъ отвѣчалъ, что ни запретить, ни разрѣшить онъ не можетъ. Тогда вечеромъ они всѣ собрались во дворѣ гимназіи и потребовали царскій портретъ. Инспекторъ совѣтовалъ имъ не шумѣть и разойтись, но присутствовавшій околоточный заявилъ, что патріотическія манифестаціи разрѣшены и что онъ ждетъ приказанія сопровождать гимназистовъ. Ну, и пошли они шлепать по грязи безъ шапокъ подъ мокрымъ снѣгомъ. Вызвали оркестръ изъ театра, пѣли подъ окнами губернатора и французскаго консула. То и дѣло иззябшіе околоточные спрашивали: „не будетъ ли?“ но принуждены были шествовать дальше, отгоняя пристававшую публику назадъ, такъ какъ „иниціатива принадлежитъ гимназистамъ.“ На другой день всѣ остальныя средне учебныя заведенія устроили демонстрацію. Затѣмъ наступила очередь политехникума. Говорятъ, иниціатива исходила отъ директора. Собрались всѣ корпораціи на конвентъ для рѣшенія этого вопроса, но вошедшій директоръ удивленно спросилъ: „Зачѣмъ совѣщаться, когда возможно лишь единственное рѣшеніе“? Двѣ польскія корпораціи на отрѣзъ отказались участвовать, а болѣе 1,000 человѣкъ со знаменами вышли на улицу. Но говорятъ, что истинныхъ патріотовъ было не болѣе 50 человѣкъ. На крыльцѣ политехникума собрались противники (около 500 чел.), изъ которыхъ человѣкъ 100, болѣе рѣшительные, запѣли дубинушку и провозгласили „извѣстную русскую пословицу“. Въ результатѣ черезъ нѣсколько дней человѣкъ шесть было арестовано, а нѣкоторыхъ призывали для разговоровъ. Говорятъ, ректоръ въ отчаяніи, что задумалъ эту исторію.

Витебскъ. Въ субботу 31 января арестовали 13 человѣкъ. Съ этого дня, почти ежедневно были аресты. Въ четвергъ была въ клубѣ лекція Рожкова „о паденіи крѣпостного права въ Россіи.“ Во время лекціи были разбросаны въ залѣ прокламаціи, послѣ чего были переписаны всѣ находившіеся на хорахъ, восемь чел. арестованы, пять изъ нихъ выпущены, одинъ бѣжалъ за границу. Въ субботу седьмого февраля сыскная полиція, переодѣтая въ пожарныхъ, подъѣхала къ одному дому, гдѣ было собраніе въ 28 человѣкъ, аттаковала его и увезла всѣхъ. Тутъ же на улицѣ арестовано одно лицо. При немъ нашли литературу. Отправились къ нему на домъ и тамъ накрыли сходку въ 13 чел. Въ этотъ же вечеръ была масса обысковъ и еще нѣсколько новыхъ арестовъ. Въ воскресенье 8 февраля на улицѣ задержано и арестовано еще четыре чел. У одного на квартирѣ нашли наборъ прокламаціи и печатную машинку. Аресты продолжаются. 12 апрѣля еще арестовано четыре человѣка Ждутъ опять повальныхъ обысковъ. Въ городѣ сильное волненіе. Вся полиція на ногахъ. Изъ гимназіи исключили *пять* человѣкъ *евреевъ*. Вообще, поведеніе учебнаго начальства по отношанію къ гимназистамъ — евреямъ возмутительное. Учителя натравливаютъ русскихъ гимназистовъ на еврейскихъ. Одинъ даже прямо таки проповѣдуетъ: „Ихъ (евреевъ) слѣдовало бы растерзать и убить, если бы вы были истинными христіанами.“ Вообще, здѣсь въ гимназіи творятся чудеса. Учитель французскаго языка (французскій гражданинъ) на урокѣ обозвалъ инспектора и директора шпіонами, сорвалъ свои погоны съ плечъ, растопталъ ихъ и ушелъ изъ гимназіи, отказавшись отъ должности. Среди учениковъ IV класса нашлось четыре русскихъ провокатора, которые и выдали товарищей. Одному изъ исключенныхъ евреевъ (Виленскому), наговорившему послѣ этого много „грубостей“, (т. е. правды) было приказано оставить предѣлы витебской губ. въ теченіе 48 час., что онъ, конечно, и сдѣлалъ. Народъ принуждаютъ устраивать патріотическія манифестаціи. Распространяютъ по деревнямъ всевозможные слухи объ евреяхъ (напримѣръ, будто евреи собираютъ деньги въ пользу Японіи и др.) для того, чтобы устроить погромъ, и этимъ съ одной стороны отвлечь народъ отъ „вредныхъ“ элементовъ, а съ другой возбудить въ немъ патріотизмъ. Въ гимназіи случилась такая исторія. Одинъ христіанинъ (оказавшійся провокаторомъ) крикнулъ: „да здравствуетъ Японія!“... *Весь* классъ (VII) крикнулъ „Ура!“ На слѣдующій день всѣхъ христіанъ повели къ присягѣ(!), а евреевъ (пять гимназистовъ VII класса) исключили, объявивъ ихъ революціонерами и соціальдемократами. И на это православные товарищи ничѣмъ не отвѣтили и остались равнодушными. Стыдно и возмутительно! Губернаторъ послѣ этого телеграфировалъ въ министерство, что онъ снимаетъ съ себя отвѣтственность за могущій произойти погромъ евреевъ, въ виду того якобы, что отношенія между христіанами и евреями очень натянуты: въ то время, какъ первые устраиваютъ патріотическія манифестаціи, „евреи“ кричатъ: „Да здравствуетъ Японія!“ Чтобы загладить немножко всю эту исторію, еврейскій городской раввинъ собралъ и поднесъ губернатору отъ имени „всѣхъ“ евреевъ нашего города 4,000 руб. въ пользу краснаго креста.

На дняхъ разстрѣливали здѣсь солдата еврея, пойманнаго при побѣгѣ.

Вильно. Не знаю, какъ обстоятъ дѣла въ Россіи, но здѣсь на окраинахъ царствуетъ какая то напряженность, лихорадочное возбужденіе во всѣхъ слояхъ населенія. Польское и еврейское населеніе, угнетаемое на всяческіе лады правительствомъ, конечно, отнюдь не поддалось „одушевленію“ подъ вліяніемъ этой войны, затѣянной ненавистнымъ царизмомъ. Насколько всетаки мало активна эта ненависть, показываетъ то, что деньги на „Красный крестъ“ и на усиленіе арміи и флота все таки поступаютъ отъ этихъ слоевъ населенія. Что же касается русскаго населенія, то оно здѣсь почти сплошь чиновное, обрусительное и среди него господствуетъ настоящая вакханалія „патріотизма“; оно теперь въ каждомъ, кто не кричитъ „смерть японцамъ“, видитъ измѣнника „престолу и отечеству“, грозитъ погромами евреямъ и полякамъ и усилило бдительность по охранѣ основъ самодержавія.

На дняхъ, напримѣръ, изъ реальнаго училища исключили ученика поляка изъ III класса, написавшаго на доскѣ: „да здравствуетъ Японія“; ученицу института исключили за то, что она отказалась шить бѣлье будущимъ раненымъ, заявивъ, что она шьетъ теперь бѣлье для жертвъ кишиневскаго погрома; послѣ распространенія среди учениковъ прокламаціи о войнѣ съ призывомъ не ходить на устраиваемыя полиціей манифестаціи, ученика реальнаго училища IV класса исключили за то, что другой ученикъ сказалъ, что видѣлъ у него прокламаціи. До чего здѣсь доходитъ озвѣрѣніе обрусителей, показываетъ примѣръ инспектора торговой школы, до сихъ поръ бывшаго довольно добродушнымъ существомъ, а теперь съ пѣною у рта грозящаго инородцамъ, что онъ будетъ рѣзать ихъ за полное равнодушіе къ манифестаціямъ... Отказы въ добровольныхъ пожертвованіяхъ денегъ на флотъ повлекли за собой изгнаніе нѣкоторыхъ служащихъ изъ казенныхъ учрежденій, которые были приняты обратно лишь послѣ того, какъ „добровольно“ внесли суммы, въ нѣсколько разъ большія.

Даже чиновники либералы и тѣ грозятъ сжечь Лондонъ...

Болѣе жалкихъ манифестацій, чѣмъ здѣсь, я думаю, нигдѣ не было: пристава и городовые съ царскимъ портретомъ, шпіоны, чинуши, да толпа мальчугановъ — вотъ и вся „громадная толпа“, предъ которой даже простой обыватель не снималъ шапки. Вообще, для царскаго правительства, пользоваться революціоннымъ средствомъ, манифестаціями, оказалось не пригоднымъ; онѣ возбуждали только смѣхъ и были запрещены. Въ противоположность имъ, проводы солдатъ на вокзалѣ собирали большую толпу народа и это при условіи, что полиція запрещала посѣщать вокзалъ. Слезы, рыданія, угрюмыя лица солдатъ и офицеровъ — составляли такую потрясающую картину, что крики и пѣніе „боже царя храни“ казались всѣмъ, и даже солдатамъ, неприличными. Именно, солдатамъ, потому что однажды, когда ихъ загнали въ вагонъ, какъ скотину, а „публика“ затянула гимнъ, нѣсколько солдатъ выскочило изъ вагона, и одинъ изъ нихъ закричалъ во все горло „боже солдатъ храни, а не царя.“ Вообще, отправляющіеся на войну солдаты уже не тѣ покорные, темные люди, которые въ прежнихъ войнахъ безропотно переносили всѣ тягости и страданія; теперешній солдатъ разсуждаетъ, и многіе уже осуждаютъ затѣянную войну. Офицеры тоже мало проявляютъ патріотизма и ведутъ себя настолько сдержанно, что „истинно-русскіе люди“ начинаютъ поругивать ихъ: изъ одного города (крупнаго) есть свѣдѣнія, что офицера просятъ выпустить прокламацію къ солдатамъ и вообще къ войску по поводу войны, — все это данныя, чрезвычайно непріятныя для правительства

Среди крестьянства тоже идутъ толки, что царь, молъ, неправильно захватилъ чужую землю, а теперь пойдутъ налоги и сборы денегъ, да и народу на войнѣ погибнетъ много. Земскіе начальники на сельскихъ сходахъ уже „собираютъ“ среди крестьянъ деньги на флотъ и на красный крестъ, и выколачиваютъ рублей по 300 съ общества. Даже извозчиковъ виленскихъ не оставили въ покоѣ: на дняхъ призвалъ ихъ полиціймейстеръ и говоритъ, чтобы собрали на флотъ, хоть по полтиннику, по двугривенному съ каждаго, всему царь радъ будетъ, — недоумѣніе среди извозчиковъ очень большое. Рабочіе одной фабрики тоже собрали на флотъ, какъ говорятъ, не безъ давленія хозяина и полиціи; но должно замѣтить, что это рабочіе изъ Москвы, замѣнившіе стачечниковъ изъ мѣстныхъ рабочихъ.

Здѣсь страшно возмущены тѣмъ беззастѣнчивымъ нахальствомъ, которое проявили власти по отношенію къ евреямъ-врагамъ, которыхъ теперь берутъ на войну. Оказывается, беря ихъ на войну, ихъ женъ и семейства безцеремоннымъ образомъ выселяютъ изъ городовъ, какъ не имѣющихъ права жительства; это возбуждаетъ здѣсь положительно ярость, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, недѣли за двѣ до войны евреямъ было воспрещено жительство въ Портъ-Артурѣ, и ихъ выселили оттуда, а теперь посылаютъ умирать тамъ. Печально, что это возмущеніе происходитъ только „промежду себя“ и никакъ еще не проявляется.

Кіевъ. Куда ни заглянешь, вездѣ говорятъ о войнѣ, всѣ занимаются „политикой“. Но каждый, недоумѣваючи, спрашиваетъ: кому нужна эта война? изъ-за чего мы будемъ кровь проливать? Даже старики рабочіе, которые бываютъ болѣе всего консервативно настроены и меньше другихъ склонны протестовать, и тѣ выражаютъ свое негодованіе. Каково настроеніе буржуазнаго общества, показываетъ паника на биржѣ и поразительно быстрое паденіе курса на всякія бумаги. Есть попола-

---

рактерно при этомъ, что харьковскій профессоръ Мигулинъ совѣтуетъ правительству отложить заемъ до ближайшаго будущаго, когда настроеніе денежнаго рынка станетъ болѣе благопріятнымъ. Весьма вѣроятно, что съ такимъ же разсчетомъ дѣйствуетъ и правительство; оно надѣется оттянуть время, чтобы заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Но надеждѣ этой не суждено оправдаться. На Западѣ все больше перестаютъ вѣрить въ кредитоспособность россійскаго самодержавнаго правительства: подъ видомъ русскихъ бумагъ на европейскихъ биржахъ котируется курсъ самодержавія. Капиталисты съ опасеніемъ отдаютъ свои деньги оффиціальной Россіи; они не увѣрены, что сулитъ нашему отечеству завтрашній день, не принесетъ ли онъ съ собой радикальнаго измѣненія государственнаго строя и вмѣстѣ съ нимъ — перемѣны въ финансовой политикѣ и меньшей беззаботности на счетъ условій внѣшняго займа. Эта неувѣренность заставляетъ ихъ съ осторожностью относиться ко всегдашней готовности русскаго правительства призанять крупныя суммы, и, если они рѣшаются пуститься въ рискованное предпріятіе, то исключительно за крупное вознагражденіе. Эта же неувѣренность капиталистовъ отражается на биржевомъ настроеніи, которое съ крайней чувствительностью относится къ событіямъ внутренней жизни Россіи. Въ обыкновенное спокойное время цѣнность русскихъ бумагъ то быстро падаетъ, то поднимается—въ зависимости отъ перипетій борьбы правительства съ „крамолой“ и „смутой“. Война съ Японіей, какъ чрезвычайное событіе, произвела настоящую панику на всѣхъ европейскихъ биржахъ; цѣнность русскихъ бумагъ рѣзко понизилась всюду, кромѣ Парижа, гдѣ агентъ русскаго правительства съ помощью русскихъ денегъ спасалъ отечественные фонды во славу франко-русскаго союза. Въ этой паникѣ сказался не только страхъ передъ неизвѣстностью исхода войны, но и опасеніе за участь денегъ, легкомысленно довѣренныхъ русскому правительству. При такихъ условіяхъ трудно разсчитывать на успѣшное заключеніе новаго займа. Но въ ближайшемъ будущемъ эти условія могутъ только ухудшиться. Пройдетъ немного времени — и обнаружится отчетливо слабость правительства, неподготовленнаго къ войнѣ, обнаружатся гнилыя основы финансового строя и все растущая сила броженія внутри Россіи. Биржевой курсъ самодержавія падетъ еще сильнѣе, и параллельно повысится процентъ уплаты по займу. Правительство, конечно, не остановится предъ высотой процента; разъ ему нужны деньги, оно достанетъ ихъ и заключитъ заемъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Къ шести миллiардамъ долга, тяготѣющимъ теперь надъ Россіей, присоединятся новыя сотни милліоновъ; ежегодные платежи по займамъ оторвутъ еще большую часть государственнаго бюджета; расплата за грѣхи самодержавія будетъ переложена на всѣ послѣдующія поколѣнія.

Въ концѣ концовъ, правительству можетъ и удастся раздобыть для войны средства. Въ атмосферѣ деспотическаго произвола любой бюрократъ награбитъ милліарды — для этого совсѣмъ не нужно быть „геніемъ“, и патріотическія газеты понапрасну кадятъ фиміамъ новому министру финансовъ Коковцеву, ближайшему сотруднику Витте. Не остановилось же правительство предъ подпиской на усиленіе флота — гнуснѣйшей подпиской, какую когда либо зналъ свѣтъ, подпиской, подъ видомъ добровольныхъ взносовъ скрывающей принудительность платежа, налогъ на укрѣпленіе милитаризма. Въ настоящую минуту нѣтъ уголка въ безправной и темной Россіи, гдѣ бы не шла эта „добровольная“ подписка, и каждый, кто знакомъ съ силой полицейской власти на святой Руси, легко возстановитъ въ памяти обычную картину — властное „предложеніе“ начальства и безпрекословный взносъ на усиленіе флота — картину, которая въ миніатюрѣ всегда виднѣется на русскомъ фонѣ. Если правительство пошло по этой дорогѣ открытаго грабительства, то оно, конечно, не остановится предъ другими средствами. Но какой бы путь оно ни избрало, его всюду ждетъ карающій мечъ исторической немезиды. Позаимствованіе изъ запаса золота потрясетъ денежный рынокъ и экономическую жизнь страны; повышеніе косвенныхъ и прямыхъ налоговъ увеличитъ податное бремя и обезсилитъ платежеспособность населенія, за исключеніемъ кучки буржуазіи, которая отъ войны останется въ прибыли: внѣшній заемъ увеличитъ задолженность Россіи и обременитъ государственный бюджетъ новыми обязательствами; кредитныя операціи на почвѣ „патріотическаго воодушевленія“, вродѣ подписки на усиленіе флота, займа у старообрядцевъ и т. п., — воочію иллюстрируютъ финансовую безпомощность самодержавія, прибѣгающаго къ замаскированному обиранію довѣрчивыхъ обывателей. Куда ни прикоснется грабительская рука правительства — всюду она оставитъ по себѣ глубокую рану на организмѣ народнаго хозяйства. Собранные милліарды, какую бы внѣшнюю форму они ни носили, въ конечномъ счетѣ, взяты у трудящагося малоимущаго класса, который своей кровью и имуществомъ долженъ защищать „престолъ отечество“. Ко всѣмъ ужасамъ войны, къ тысячамъ погибающихъ молодыхъ жизней, къ морю слезъ и людского горя, къ промышленному застою, влекущему за собою безработицу и голодъ, къ земледѣльческому кризису, связанному съ крестьянскимъ обнищаніемъ, присоединяется гнетъ финансовой системы, напряженной до послѣдней степени, бремя налоговъ и насильственныхъ поборовъ правительства на покрытіе военныхъ издержекъ. Милліарды всею своею тяжестью падаютъ на народный бюджетъ, на „могучую спину“ городскихъ и сельскихъ тружениковъ; эти милліарды, затрачиваемые на политическую авантюру самодержавія, грозятъ придавить промышленную жизнь страны и надолго подвергнутъ ее разрушительному вліянію застоя и безконечнаго кризиса.

Нужно, по мѣрѣ возможности, предотвратить мрачное будущее. Нужно внести во всѣ слои населенія, не развращенные вѣрноподданническимъ раболѣпіемъ и пресмыкательствомъ, сознанье необходимости мира, прекращенія военныхъ дѣйствій и скорѣйшей ликвидаціи безумной авантюры правительства на Дальнемъ Востокѣ. Только миръ можетъ устранить грядущую опасность, только миръ, заключенный подъ властнымъ требованіемъ народа, можетъ превратить самодержавіе изъ побѣдителя въ осужденнаго, который долженъ понести кару за всѣ совершенныя имъ преступленія... Правительство готово затянуть петлю надъ пробуждающейся Россіей, — нужно смѣлое движеніе, чтобы петля эта пала на самодержавіе и прикончила съ нимъ разъ навсегда, на вѣки...

* * *

Въ дополненіе къ статьѣ нашего содрудника полезно привести слѣдующія указанія, сдѣланныя тов. ***Парвусомъ*** въ № 10-мъ его изданія „Aus der Weltpolitik“ за текущій годъ.

При сужденіи о величинѣ золотого запаса, имѣющагося въ кассахъ государственнаго банка (730 милл. руб.), нужно имѣть въ виду, что — судя по даннымъ прежнихъ лѣтъ и не принимая даже во вниманіе экстренныхъ расходовъ, вызываемыхъ военнымъ временемъ — не менѣе 200 милл. должно пойти на покрытіе обыкновенныхъ издержекъ государственнаго казначейства. Затѣмъ, въ то время, какъ въ прежніе годы проценты по заграничнымъ займамъ неизбѣжно покрывались новыми займами, въ нынѣшнемъ году — въ виду выяснившейся уже невозможности заключить заемъ теперь же — ихъ придется платить наличнымъ золотомъ. И, дѣйствительно, рядъ цыфръ, приводимыхъ тов. Парвусомъ, показываетъ непрерывное возрастаніе переводовъ золота заграницу. По самымъ скромнымъ вычисленіямъ, для этой цѣли потребуется еще не менѣе 100 милл. рублей. Так. обр., весь запасъ золота, на который можетъ разсчитывать правительство, составитъ не болѣе 430 милл. руб. Изъ нихъ 380 милл. рублей нужны для обезпеченія уже выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Остается еще 50 милл. руб., подъ обезпеченіе которыхъ, согласно закону, правительство можетъ выпустить не болѣе 50 же милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Но правительство и тутъ прибѣгаетъ къ прямому мошенничеству. Оно уже теперь начинаетъ выпускать новые кредитные билеты, на основѣ золотого запаса, нарочно стянутаго въ кассы государственнаго банка изъ казначейства, и имѣющагося на лицо въ данную минуту, т. е. совершенно не считаясь съ неизбѣжнымъ и нормальнымъ уменьшеніемъ его въ ближайшіе же мѣсяцы. Так. обр. оно получаетъ новеніе искуственно возбудить патріотическое чувство и въ рабочихъ, но это плохо удается. Вотъ образчикъ подобныхъ стараній. Собираютъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ числѣ болѣе 1000 человѣкъ служить молебенъ о дарованныхъ побѣдахъ(!). Священникъ съ амвона велитъ пропѣть гимнъ. Толпа рабочихъ безмолвствуетъ. Тогда онъ обращается къ хору; хоръ поетъ гимнъ. Кругомъ тишина. Полиція видитъ, что она ничего подѣлать не можетъ и приказываетъ рабочимъ сейчасъ же разойтись. Этотъ инцидентъ служитъ яркимъ примѣромъ настроенія рабочихъ. Въ городѣ недовольство тоже росло. Хотя отъ соціальдемократическаго комитета не было никакихъ распоряженій, но рабочіе были очень возбуждены. Они съ нетерпѣніемъ ждали, что Соц.-Дем. Раб. Партія скажетъ о войнѣ. Полиція чувствуетъ, что въ воздухѣ пахнетъ грозой.

Къ пріѣзду Клейгельса (пріѣхалъ 7 февраля) полиція усердно выметала „крамолу“ изъ Кіева, чтобы отличиться передъ высшимъ начальствомъ. Въ ночь съ 6 на 7 февраля было произведено много обысковъ. Накрыты три соц.-дем. собранія. На одномъ арестовано около 30 человѣкъ, на другомъ — 22 человѣка, а на третьемъ 8 человѣкъ (нѣкоторымъ удалось убѣжать).

Кременчугъ, 9 февраля. Настроеніе у насъ самое шовинистическое. По улицамъ патріотическія манифестаціи съ портретами и гимнами; по городу торжественно разъѣзжаетъ въ трамваѣ оркестръ, наигрывающій гимнъ и пр. и пр.

Въ населеніи *страшное* возбужденіе противъ евреевъ; говорятъ, что евреи послали громадныя суммы Японіи, снарядили японцамъ на свой счетъ броненосцы. Губернаторъ призывалъ представителей еврейскаго общества и говорилъ имъ, что, хотя онъ, конечно, этимъ слухамъ не вѣритъ, но что, съ другой стороны, евреи такъ мало проявляютъ патріотизма, что онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія... Евреи, поэтому боятся новыхъ погромовъ, къ которымъ, между прочимъ, Крушеванъ въ „Знамени“ уже давно призываетъ для того, чтобы дать надлежащій отвѣтъ американскимъ и англійскимъ евреямъ за оказанную ими, якобы, денежную помощь японцамъ.

Одесса. У насъ, какъ извѣстно, существуетъ организація „Лига“, которая устраивала патріотическія манифестаціи и посылала отъ имени русскихъ студентовъ вѣрноподданническую телеграмму. „Коалиціонный совѣтъ“ въ своей прокламаціи пригласилъ студентовъ на сходку на 19 февраля, съ тѣмъ, чтобы поговорить о войнѣ и о другихъ наболѣвшихъ вопросахъ нашей жизни. Но двери университета были заперты. Пока что, собрались у столовой напротивъ университета. Во всѣхъ дворахъ тѣхъ улицъ, на которыя выходитъ храмъ науки, были попрятаны кучи городовыхъ и конныхъ жандармовъ съ нагайками. Около 90 человѣкъ студентовъ стали ожидать около столовой, а остальные, въ количествѣ не большемъ, чѣмъ 60 чел., расхаживали по улицамъ. Раздавались голоса о томъ, чтобы разойтись. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и безплодныхъ ожиданій рѣшили расходиться. Не желая, однако, отдаваться полиціи, рѣшили идти гурьбой. Какъ вдругъ набрасываются городовые (ихъ было больше, нежели насъ) и окружаютъ толпу. Къ студентамъ примкнули курсистки и сочувствующая публика. И вотъ, когда полиція пѣшая оцѣпила публику, въ кругъ влетѣли конные жандармы и стали жестоко избивать ихъ; кто выказывалъ болѣе или менѣе протестъ, тутъ же былъ арестовываемъ. Улица была замкнута со всѣхъ сторонъ; некуда было бѣжать. Кто забѣгалъ въ подъѣзды домовъ, былъ оттуда изгоняемъ и снова битъ. Жандармы загоняли по 2-3 студента во дворъ и тамъ продолжали доблестное наступленіе. Это было нѣчто ужасное, напоминающее казанское побоище. Одну курсистку сильно избили. Студенты падали съ ногъ, вскакивали и снова были биты.

Были арестованы на улицѣ: студенты Фейерштейнъ, Успенскій, Медвѣдевъ, Воскресенскій и др. Былъ арестованъ также коммерсантикъ, нагнувшійся, чтобы поднять прокламацію. Наканунѣ ночью, были арестованы на квартирахъ товарищи: Шварцъ, Немзеръ, Саловъ, Лежава, Ожудтава, Велуа и жившій съ нимъ мальчикъ-ученикъ.., Были также арестованы студ.: Лейбзонъ, Кругляковъ (сіонисты?). Сходка, такимъ образомъ, не удалась. На 20-ое была созвана вторично сходка. Явилось, къ стыду студенчества, 167 человѣкъ. Начали первымъ дѣломъ обсуждать инцидентъ 19-го, т. е. демонстрацію, которую устроила полиція. Вошелъ ректоръ и приказалъ немедленно разойтись. Его выгнали. Онъ вышелъ и сейчасъ же аудиторія наполнилась полиціей (околоточные и городовые). Ихъ стали выгонять. Тогда они заявили: „Что вы на насъ кричите? Насъ призвало университетское начальство“. Сходка продолжалась. Резолюція: „заклеймить проклятіемъ всѣхъ виновниковъ сего. Начали пробиваться черезъ строй городовыхъ къ дверямъ. Оказалось, однако, что всѣ двери были заперты, корридоры полны полиціей и жандармами. Дворъ наполненъ также ими. На улицѣ тоже ихъ видимо невидимо. Противъ университета много публики. Разбили окна на улицу, пѣли пѣсни и говорили рѣчи. Говорились рѣчи также и городовымъ. Наконецъ, рѣшили выходить. У дверей сидѣлъ полицеймейстеръ, начальникъ охраннаго отдѣленія, два пристава, околоточные, педеля, всѣ субъ-инспектора, жандармскіе офицеры; каждаго студента обыскивали, записывали подробно адреса и проч. Выпускали поодиночкѣ, на улицѣ нѣкоторыхъ хватали и увозили. Всего арестовано теперь 20 студентовъ. 21 февраля 1904 г.

Ростовъ на Дону. (Изъ частнаго письма). Сообщаемъ нѣкоторыя подробности нашихъ „манифестацій“.

Особенно возмутительно было очень дѣятельное и активное участіе въ оргіяхъ учениковъ средне-техническаго училища (послѣдняго класса). Они очень энергично помогали жандармамъ и шпіонамъ расчищать дорогу, останавливали вагоны трамвая, чтобы „публика“ могла свободно лицезрѣть портретъ царя на балконѣ клуба, охраняемый Севастьяновымъ (присяжн. повѣрен., тотъ самый мерзавецъ, который оказался, неизвѣстно, какимъ образомъ, въ числѣ защитниковъ подсудимыхъ въ Таганрогскомъ процессѣ), подвыпившей дирекціей и... двумя околодочными съ саблями на голо!

Наибольшее рвеніе оказывали ученики: Акимовъ, Болдыревъ, Коровянскій, Словачевскій, Скугаревскій и др., особенно послѣдній. Этотъ развратный и уже пьянствующій юноша говорилъ толпѣ рѣчи, въ которыхъ образно показывалъ, какъ надо „слегка придушить пойманнаго соціалиста, а потомъ представить въ участокъ“. За это его тутъ же поцѣловалъ Абрамовъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, однако, что значительное количество учениковъ средне-техническаго училища воздерживалось отъ участія въ позорныхъ оргіяхъ, точно также и старшіе классы реальнаго училища. Въ мастерскихъ рабочихъ заставили отчислить 3% жалованья на Красный Крестъ, тамъ слышится уже сильный ропотъ.

Наше еврейское общество, испугавшись начавшихся разговоровъ на счетъ „жидовъ“, тоже поспѣшило излить свои холопскія чувства и манифестировало въ синагогѣ и на улицѣ возлѣ нея.

Въ Нахичевани тоже были манифестація, также и въ театрахъ.

Реалистъ Панченко хотѣлъ прочитать со сцены стихотвореніе, за которое „его поцѣловалъ самъ жандармскій ротмистръ Карповъ“, но артисты Людвиговъ и Степановъ не позволили.

Въ общемъ, хмель уже прошелъ...

Настроеніе казачества. Съ Дона пишутъ: Война сказалась и у насъ; многихъ офицеровъ, а также нѣкоторыя части двинули на театръ войны. Тяжелые расходы по снаряженію вызываютъ всеобщій ропотъ среди казаковъ. Офицеры открыто заявляютъ недовольство, во-первыхъ, цѣлью войны (на коего черта намъ Манчжурка эта?), во вторыхъ, той поразительной неподготовленностью, которую обнаружило правительство, провоцировавшее Японію. Недовольны также ужаснымъ сумбуромъ, воцарившимся, какъ на театрѣ войны, такъ и во всей Сибири. Въ общемъ, впечатлѣніе, что происходитъ что-то несуразное, затѣянное подъ прикрытіемъ царскаго имени, ненужное и не сулящее впереди ни пользы, ни славы. Такъ говорятъ офицеры. Негодованіе было направлено на отдѣльныхъ лицъ („всякіе интриганы — Безобразовы“). Ходятъ всяческія легенды изъ сферы придворно-лакейско-государственной. Старые офицеры упрекаютъ молодыхъ, что нѣтъ никакого воодушевленія, какъ въ 1877-78 годахъ, но и сами то никакъ не могутъ воодушевиться. Вообще, казачій Донъ остался въ сторонѣ при всѣхъ этихъ полицейски-бараньихъ манифестаціяхъ, „волной прокатившихся по матушкѣ-Россіи“. Война для казака равносильна теперь почти раззоренію, потому что снаряженіе съ ногъ до головы на собственный счетъ стоитъ громадныхъ денегъ, а принятіе этихъ расходовъ на счетъ государства — не предвидится.

Донъ теперь не тотъ, что раньше. Всенивелирующее самодержавіе мало по малу отобрало всѣ существенныя права казаковъ, оставивъ лишь призракъ былого самоуправленія да декоративный „войсковой кругъ“. Потомъ пришелъ капитализмъ со своими заводами, угольными рудниками, съ товарнымъ хозяйствомъ, и многое перевернулъ на Дону. Все, чѣмъ занимается въ мирное время казакъ — хлѣбопашество, винодѣліе, коневодство и т. д. — все стало въ прямую зависимость отъ требованій и колебаній всемірнаго рынка.

Почти поголовно безграмотное, лишенное медицинской помощи, и всего того, что даетъ мужику въ центральныхъ губерніяхъ земство, казачество было вовлечено въ круговоротъ міровой экономической жизни. Народонаселеніе увеличилось, надѣльныя земли остались тѣ же; земля истощена хищническимъ хозяйствомъ, пашни засыпаются песками: Донъ обмелѣлъ, рыба исчезаетъ наглядно съ каждымъ годомъ. Казакъ, инстинктивно обороняясь отъ наступающей на него новой жизни (которую онъ олицетворяетъ въ лицѣ „иногороднихъ“, „не войсковыхъ“), все же чувствуетъ, что дальше такъ жить нельзя. Но отвѣта на свой инстинктивный вопросъ: „что же дѣлать?“ онъ не получаетъ ни откуда. Земство отнято въ 1882 г., подъ тѣмъ предлогомъ, что оно будто бы стѣсняло права самоуправленія казачества; въ 1887-88 г.г. происходитъ закрытіе гимназій, прогимназій и школъ, и замѣна ихъ военно-ремесленными школами, школами для изготовленія сбруи, сѣделъ и т. п. предметовъ снаряженія. Въ казакѣ усиленно начинаютъ „будить его древній воинскій духъ“, гонять на „ученья“, а грамотность становится равносильной „крамолѣ“. Въ уцѣлѣвшихъ школахъ начинаютъ усиленно „налегать“ на чистописаніе, изученіе премудростей славянскаго языка и ораніе военныхъ пѣсенъ. Права еще болѣе урѣзываются.

Наконецъ, умираетъ или подъ видомъ смерти вычеркивается изъ списковъ Святополкъ-Мирскій, наказный атаманъ, (упразднитель, хапнувшій не въ мѣру чудовищную сумму). Часть донского дворянства, очнувшись немного отъ долгой спячки, отправляетъ депутацію „открыть всю правду царю.“ Царь приказываетъ „изслѣдовать“ и если возможно „полегчить казакамъ“. Но, съ одной стороны, всеобщая борьба съ „крамолой“, съ другой — завѣренія новаго атамана Максимовича, что „все благополучно“ — заставляютъ всякія „изслѣдованія“ бросить. Предъ казакомъ ставятъ великую и достойную задачу — бороться съ „внутреннимъ“ врагомъ („рабочіе, студенты, курсистки и прочая сволочь“) — и нести тяжелую службу всероссійскаго полицейскаго. Всѣ тяжести казачьей жизни — поголовная и пожизненная воинская повинность, съ снаряженіемъ на собственный счетъ, — усугублены теперь результатами насильственнаго двадцатипятилѣтняго подавленія всякаго культурнаго развитія казачества. Экономически, казакъ, при всѣхъ данныхъ условіяхъ, почти *совершенно* раззоренъ. И вотъ *теперь* именно приходитъ война, съ ея возможной поголовной мобилизаціей и съ окончательнымъ раззореніемъ въ перспективѣ. Немудрено, что казакъ, еще не оправившійся до сихъ поръ отъ войны 1877-78 г., безъ всякаго патріотическаго восторга смотритъ на будущее, на войну и на ея причины и слѣдствія. Въ высшей степени важно для сверженія самодержавія, чтобы русская соціальдемократія сумѣла воспользоваться недовольствомъ, которое создано естественнымъ путемъ въ казачествѣ, расширить и должнымъ образомъ направить это недовольство.

Кутаисъ. Въ мужской гимназіи директоръ читалъ манифестъ по поводу войны. Ученики подняли шумъ и свистъ. То же самое повторилось и въ реальномъ училищѣ, за что изъ реальнаго училища удалили трехъ учениковъ. По этому поводу гимназисты и реалисты 1 февраля созвали митингъ на Цхалъ-Цитела, гдѣ собралось 300 человѣкъ. На нихъ напала полиція и арестовала больше половины. Тогда ученики рѣшили устроить всеобщую забастовку. 3 февраля, по подачѣ звонка, всѣ вышли изъ классовъ, поразбивъ стекла, и направились къ бульвару. Туда же пришли: реалисты, сельско-хозяйственная школа, семинаристы, епархіалистки, а подъ конецъ и гимназистки, которыя насилу вырвались на дворъ, такъ какъ ихъ не пускали. Итакъ, здѣсь собралась тысячная толпа молодежи. Скоро на нихъ напала полиція и задержала 20 гимназистовъ, 10 гимназистокъ, 12 епархіалистокъ, и много другихъ. Исключено 100 учениковъ, если не больше.

Красноярскъ. ...У насъ теперь такое оживленіе по случаю войны, что вы и представить себѣ не можете. По всей Сибири призываютъ къ оружію нижнихъ чиновъ запаса. Изъ города взяли нѣсколькихъ политическихъ ссыльныхъ, а также значительное количество ихъ вызвали изъ уѣздовъ, вмѣстѣ съ другими лицами, къ Красноярскому уѣздному воинскому начальнику для дальнѣйшаго слѣдованія на поле военныхъ дѣйствій.

Пріемъ грузовъ и товаровъ прекращенъ по всей Сибирской жел. дор. Для пассажировъ ходитъ только одинъ поѣздъ (почтово-пассажирскій). Благодаря сокращенію подвоза изъ Россіи, продукты страшно вздорожали. Напримѣръ, за три дня сахаръ поднялся въ цѣнѣ съ 18 коп. до 25 коп. за фунтъ. Ждутъ, что скоро исчезнутъ съ рынка многіе съѣстные продукты, благодаря прекращенію подвоза изъ Россіи. Изъ-за войны почта задерживается: три дня сидимъ безъ газетъ. Красноярская дума, по примѣру прочихъ, рѣшила выразить свои „вѣрноподданическія“ чувства...

Отвѣтъ на „царскую милость“.

Резолюція.

Императорское правительство, воспользовавшись единичнымъ случаемъ ребяческаго малодушія, предложило политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ „загладить свою вину передъ Престоломъ и Отечествомъ вступленіемъ въ ряды дѣйствующей на Дальнемъ Востокѣ арміи.“

Мы, политическіе ссыльные города Архангельска, усмотрѣвъ: Во 1-хъ, что означенное предложеніе императорскаго правительства является столь же тупымъ, сколь и предательскимъ средствомъ очернить россійскихъ революціонеровъ въ глазахъ несознательной части общества, либо представивъ ихъ идущими на позорную сдѣлку съ самодержавіемъ (если они примутъ это предложеніе), либо объявивъ ихъ измѣнниками отечества (если оня отвергнутъ „царскую милость“);

Во 2-хъ, что ведущаяся императорскимъ правительствомъ на Дальнемъ Востокѣ война можетъ принести выгоды только капитализму и бюрократіи за счетъ полнаго раззоренія рабочихъ и крестьянъ, выносящихъ на своихъ плечахъ всѣ тягости государственныхъ бюджетовъ, и

Въ 3-хъ, что эта война, искусственно возбуждая ложный патріотизмъ, отвлекаетъ вниманіе населенія отъ господствующихъ въ странѣ *тьмы, нищеты и безправія* и служитъ для императорскаго правительства лишь средствомъ, хотя бы на одно мгновеніе, уклониться отъ предначертаннаго ему исторіей удара, — *постановили*: Выразить свое глубокое презрѣніе слабоумному правительственному акту, столь торжественно возвѣщенному „съ высоты“ подгнившаго престола.

Ростовская бѣднота и городское управленіе. Какъ бы въ отвѣтъ на упреки мѣстной прессы объ „игнорированіи“ городскимъ управленіемъ интересовъ „большинства населенія“ — городской бѣдноты, ростовскій лордъ-мэръ, инженеръ-технологъ и фабрикантъ Горбачевъ, въ одной изъ своихъ „программныхъ“ рѣчей, какъ-то сказалъ, что городское управленіе должно служить не „большинству“, а городскимъ плательщикамъ, сообразно ихъ долѣ участія въ городскомъ бюджетѣ... кто больше платитъ, тотъ больше и получаетъ... Садовая улица даетъ городу сотни тысячъ рублей, а потому и обыватели ея заслуживаютъ наибольшаго вниманія... Не правда ли, характерна эта беззастѣнчивая откровенность этого „сознательнаго“ буржуа? Законодатель полагаетъ, а буржуазія располагаетъ... Въ самомъ дѣлѣ, сантиментальное городовое положеніе 1870 года обязываетъ городскія управленія „пещись о всѣхъ классахъ населенія“, а ростовская купеческая дума распространяетъ благодать культуры и цивилизаціи лишь на плательщиковъ оцѣночнаго сбора... Мы искренно сочувствуемъ нашимъ собратьямъ по перу — либеральнымъ писателямъ ростовскихъ газетъ, возмущающимся этой беззастѣнчивостью, но въ то же время мы положительно не вѣримъ въ успѣхъ ихъ „легальной пропаганды, ибо скорѣе генералъ Абрамовъ перейдетъ на точку зрѣнія пролетаріата, (говорятъ, онъ подверженъ эволюціи), чѣмъ ростовскимъ журналистамъ удастся распропагандировать хотя бы одного буржуа изъ „стаи славной“ ростовскихъ табачниковъ и мукомоловъ.

Въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ ли право ростовская бѣднота, населяющая окраины, на болѣе внимательное къ ней отношеніе со стороны „командующихъ“ классовъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо знать, чѣмъ живетъ Ростовъ на Дону, этотъ городъ, выросшій какъ-то внезапно, точно грибъ; этотъ „русскій Чикаго“ съ огромнымъ фабричнымъ населеніемъ и еще съ болѣе огромной арміей босяковъ и портовой команды? Самую значительную часть городского дохода составляютъ такъ называемыя „городскія арендныя статьи“, т. е. платежи многочисленныхъ владѣльцевъ рундуковъ, лотковъ, лавокъ и просто „мѣстъ“ на базарѣ. Въ общемъ, это все полупролетаріи, хотя, быть можетъ, и не свободные отъ нѣкоторой мѣщанской психологіи, но всегда готовые пополнять ряды пролетаріата; эти сдавленные торговымъ капиталомъ и перебивающіеся съ хлѣба на квасъ „торговцы“ гнѣздятся по окраинамъ и положительно ведутъ полуголодное существованіе, въ особенности же это можно сказать объ арендаторахъ Новопоселенскаго и Темерницкаго базаровъ, обираемыхъ къ тому же городскими комиссарами, базарными и прочей полицейскою сволочью. Нахальство городской торговой полиціи дошло, наконецъ, до такихъ предѣловъ, что комиссаръ Македонскій, былъ преданъ суду за взяточничество и поборы, но „одначе, оправдался“, какъ говорятъ въ Нахичевани... Не малое значеніе для городского бюджета имѣетъ и извозный промыселъ. Всѣ эти драгали, ломовики, извозчики выбираютъ номеровъ на десятки тысячъ рублей, живутъ же они на тѣхъ же окраинахъ, въ тѣхъ же норахъ фабричнаго пролетаріата, все это — городская бѣднота, живущая изо дня въ день продажей рабочей силы.

Въ 1901 году въ Ростовѣ оффиціально зарегистрировано свыше 25 тысячъ рабочихъ (съ портовыми), не считая ремесленниковъ: эта довольно таки внушительная армія „свободныхъ, какъ птицы“, пролетаріевъ населяетъ Темерникъ, Нахаловку, Собачій хуторъ и смежные районы; тамъ же, какъ мы сказали, тѣснятся мелкіе торговцы, ремесленники, драгиля и т. п. отщепенцы буржуазнаго строя. Вся эта армія *все* покупаетъ, продаетъ же одинъ только трудъ... Можно, слѣдовательно, судить, какое вліяніе имѣетъ городская бѣднота на ходъ мѣстной торговли. Городъ *живетъ* этой бѣднотой, богатѣетъ ея трудомъ, и этотъ же городъ, въ лицѣ ведущихъ его хозяйство плутократовъ, отказываетъ этой бѣднотѣ въ попеченіи объ ея нуждахъ на томъ основаніи, что она *не платитъ оцѣночнаго сбора*.

Кстати, объ оцѣночномъ сборѣ... Городская бѣднота все же живетъ по квартирамъ, слѣдовательно, непосредственно вліяетъ на доходность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, а въ конечномъ счетѣ, и на городской бюджетъ. Все это такъ просто, такъ очевидно, что, казалось бы, не стоило объ этомъ и говорить... Кто, напримѣръ, не знаетъ, какой шумъ подняли ростовскіе домовладѣльцы и купцы, когда распространился слухъ о переводѣ мастерскихъ владикавказской желѣзной дороги изъ Ростова во Владикавказъ?. До 6000 человѣкъ должны были бы выселиться изъ Ростова! буржуазія это хорошо поняла, и приняла соотвѣтствующія мѣры къ предупрежденію разрыва города съ желѣзной дорогой. Все было забыто передъ грядущею опасностью: и политическіе митинги, и демонстраціи — все спасовало передъ купеческимъ карманомъ. „Рабочій бунтуетъ“... но покупаетъ и квартируетъ, а съ этимъ приходится считаться...

Какъ же живетъ городская бѣднота — эти незамѣтные для поверхностнаго наблюдателя городскіе плательщики? Возьмемъ хотя бы Темерникъ, сплошь населенный рабочими, мелкими торговцами, ремесленниками, драгалями и проч. обитателями окраинъ: немощеныя улицы, полное отсутствіе освѣщенія, непролазная грязь, болѣе чѣмъ примитивное устройство ретирадовъ, отсутствіе выгребныхъ ямъ, мусорныхъ ящиковъ, огромный недостатокъ воды и въ довершеніе всего этого — долина рѣки Темерника съ вонючей и гнилой рѣчкой, куда фабрикантъ Панченко спускаетъ всяческіе отбросы и вонючую жидкость... Въ

возможность, будто бы по „закону“, выпустить кредитныхъ билетовъ на лишнихъ 300 милл. руб.

Относительно пресловутой „свободной наличности“ тов. Парвусъ говоритъ: „По оффиціальнымъ увѣреніямъ, „свободная наличность“ это — накопленные избытки. Въ дѣйствительности же она образуется потому, что государственные расходы постоянно показываются преуменьшенными противъ дѣйствительности. Это преуменьшеніе затѣмъ всплываетъ въ видѣ покрытія „невыполненныхъ расходовъ по росписямъ прежнихъ лѣтъ“ Такъ, напримѣръ, за первые 9 мѣсяцевъ 1903 года на такое покрытіе истрачено 145 милл. руб.; — сколько еще остается такихъ, невыполненныхъ расходовъ“, какого рода и за какіе годы, мы не знаемъ[1]). Такимъ образомъ, съ одной стороны, — хроническіе „избытки“, съ другой, — хроническій дефицитъ.

„Но допустимъ даже, что „свободная наличность“ представляетъ собою дѣйствительно свободный избытокъ, хотя это и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. По росписи на 1904 годъ свободная наличность къ первому января должна была составлять не менѣе 312 милл. руб. Сколько можно истратить отсюда на войну? Согласно самой росписи, 196 милл. должны пойти на покрытіе высчитаннаго — безъ войны — на 1904 годъ дефицита. Остаются, слѣдовательно, 116 милл. Но роспись разсчитываетъ, съ другой стороны, на возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ на 83 милл. Большую часть этого возрастанія, а именно 72,5 милл., должны дать казенныя желѣзныя дороги, винная монополія и таможенныя пошлины. Но при войнѣ, вслѣдствіе застоя въ дѣлахъ, всѣ эти поступленія не растутъ, а *уменьшаются*. Слѣдовательно, эти 72 милл. придется во всякомъ случаѣ брать изъ той же „свободной наличности“. Остается, такимъ образомъ всего на все 44 милл“.

Эти данныя еще болѣе ярко подчеркиваютъ всю безнадежность финансоваго положеніе царскаго правительства.

Одно только и осталось у него въ распоряженіи: безграничный выпускъ кредитныхъ билетовъ и уничтоженіе золотой валюты, ограбленіе вкладчиковъ сберегательныхъ кассъ и — какъ послѣднее средство — платежъ обезцѣненными бумажными рублями по золотымъ займамъ, т. е государственное банкротство.

---

[1]) *Примѣчаніе редакціи.* Чтобы дать представленіе о размѣрахъ этихъ „невыполненныхъ расходовъ по росписямъ прежнихъ лѣтъ“ укажемъ, что, напримѣръ, къ 1901 году общая сумма ихъ достигала 311,5 милл. руб.! Теперь, несомнѣнно, сумма эта еще выше.

акихъ условіяхъ живетъ ростовскій рабочій!.. Но это не все: агляните въ жилыя помѣщенія, побывайте въ „артельныхъ квартирахъ", и вы получите полное представленіе объ ужасахъ пролетарскаго существованія!.. Сырыя стѣны, наполовину земляные полы, о количествѣ кубическаго воздуха не приходится и говорить!.. Вотъ почему въ Ростовѣ такъ высока смертность вообще (33 на тысячу жизней) и дѣтская въ особенности (56% всѣхъ смертей). Вотъ почему тифъ — неизмѣнный спутникъ пролетарскаго существованія. Вѣдь, городская бѣднота не платитъ оцѣночнаго сбора — такъ пусть же платится избыткомъ болѣзней и смертей!

На всемъ Темерникѣ всего лишь одинъ врачъ для бѣдныхъ, одна городская школа! Такъ же обстоитъ дѣло и на Новомъ Поселеніи: дѣти бѣдняковъ и, главнымъ образомъ, рабочихъ лишены даже возможности получить элементарное образованіе. Въ прошломъ году городская бѣднота осаждала квартиру гласнаго Бугаева (якобы представителя окраинъ) съ просьбой открыть школу для ребятъ, за недостаткомъ мѣстъ лишенныхъ возможности учиться... Что сдѣлала дума? Она открыла школу на Садовой улицѣ въ городскомъ домѣ, чтобы зря не пустовало городское помѣщеніе!.. Но это еще не все... она учредила поистинѣ налогъ на бѣдныхъ и обложила платой каждаго городского плательщика для образованія спеціальнаго фонда на открытіе новыхъ школъ. Дальше уже, кажется, некуда идти! Эта буржуазная, купеческая дума, ворующая городскія земли и городскія деньги, отказывающая въ прибавкѣ жалованья учительницамъ, подерживающая разныя церковно-пѣвческія общества, и вызвавшая для борьбы съ рабочимъ цѣлый полкъ солдатъ, — выколачиваетъ трудовые гроши съ нищей массы...

До какой степени воровство вошло въ традицію у ростовскихъ городскихъ дѣльцовъ, видно ужъ изъ того, что у судебнаго слѣдователя и областной администраціи имѣется въ настоящее время три дѣла о преданіи суду разныхъ городскихъ героевъ за взяточничество, подлоги и воровство. Особенно характерно дѣло бухгалтера Сафронова; этотъ герой спеціализировался исключительно на „оцѣночномъ дѣлѣ", передѣлывалъ въ книгахъ тысячи на сотни, сходился съ плательщиками оцѣночнаго сбора и обкрадывалъ городскую кассу на десятки тысячъ рублей. „Дѣло" этого героя, по просьбѣ муниципальныхъ воротилъ, лежитъ подъ сукномъ въ канцеляріи областного присутствія исключительно потому, что судебный процессъ обѣщаетъ привлечь на скамью подсудимыхъ цѣлую стаю сообщниковъ, соучастниковъ и просто сподручныхъ... Не менѣе интересно „дѣло" городского кассира Корнѣева. Въ городской кассѣ обнаруженъ недочетъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, и городское управленіе всѣ силы напрягаетъ на то, чтобы выгородить изъ этой „исторіи" многихъ видныхъ дѣятелей, начиная съ членовъ управы и до помощника бухгалтера включительно, какъ извѣстно, дѣлавшихъ „позаимствованія" изъ городской кассы сотнями и тысячами рублей. Такъ расточаются городскіе финансы! Такъ хозяйничаетъ буржуазная клика!

Но все это пустяки передъ тѣмъ колоссальнымъ мошенничествомъ, которое продѣлано съ духовнымъ завѣщаніемъ покойнаго доктора медицины Ткачева, завѣщавшаго все свое огромное состояніе харьковскому университету и городскому управленію на нужды народнаго образованія. Городской голова, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хмѣльницкій, (нынѣ членъ суда) сошелся съ сыномъ покойнаго Ткачева, (въ то время членомъ городской управы, а нынѣ судебнымъ слѣдователемъ) Ткачевымъ и путемъ невѣрныхъ оффиціальныхъ справокъ, представленныхъ въ судъ, далъ возможность получить Ткачеву-сыну около 150 тысячъ рублей, завѣщанныхъ исключительно городской бѣднотѣ на народныя школы... Но и это не все... Когда стало выясняться, что въ мошенничествѣ принимали участіе нѣкоторые „вліятельные" гласные, какъ напримѣръ пароходовладѣлецъ Кошкинъ, то дума новаго состава, во главѣ съ инженеромъ Горбачевымъ, сочла за благо „потушить" это надѣлавшее столько шуму непріятное дѣло!... Любопытно то, что либеральный инженеръ Горбачевъ, умѣетъ какъ-то удивительно искусно приручить къ себѣ дѣятелей легальной прессы. „Знаете, часто говорилъ онъ репортерамъ, у насъ, конечно, много недостатковъ, но зачѣмъ же объ этомъ кричать!... Вы знаете, какъ на насъ смотрятъ въ Петербургѣ? Какъ тамъ пользуются нашими недочетами и деффектами... Но господа, принципъ общественнаго самоуправленія"... и т. д. и т. д. до „эпохи реформъ" включительно! И легальные ростовскіе журналисты долгое время молчали о кражахъ, мошенничествахъ и расхищеніи городской земли, пока дѣло не зашло уже слишкомъ далеко, до скамьи подсудимыхъ включительно. Тутъ уже нельзя было молчать...

До какой степени нахальства дошла вліятельная купеческая партія видно уже изъ того, что цѣлая полоса городской земли, такъ называемая „Генеральная Балка", въ одинъ прекрасный день, послѣ прокладки канализаціонныхъ трубъ, очутилась въ собственности купцовъ и крупныхъ заводчиковъ. Стоимость этой земли опредѣляется почти въ два милліона рублей. Мало того, даже городской бичевникъ, по закону составляющій неотъемлемую общественную собственность, и тотъ очутился во владѣніи милліонера пароходовладѣльца Парамонова, а цѣлое поселеніе, такъ называемый „Богатый Источникъ", разворовано при участіи городского инженера Соколова и его сообщниковъ, находящихся и понынѣ на городской службѣ...

Такъ хозяйничаетъ ростовская буржуазія!...

Пусть знаетъ ростовскій рабочій и, вообще, вся городская бѣднота, кто и какъ распоряжается общественными суммами и общественной собственностью; пусть знаетъ рабочій, что пока кореннымъ образомъ не измѣнится выборное начало, пока въ мѣстное самоуправленіе не будетъ открытъ доступъ всѣмъ городскимъ обывателямъ безъ различія ихъ имущественнаго ценза, до тѣхъ поръ интересы большинства населенія, интересы городской бѣдноты, будутъ игнорироваться правящей буржуазной кликой.

Черниговъ. Въ началѣ декабря мѣсяца прошлаго года закончилось очередное губернское земское собраніе. Объ этой сессіи губернскаго земскаго собранія мѣстные либеральные элементы говорятъ съ чувствомъ политической гордости, признавая, что и черниговское губернское земство положило де извѣстную тяжесть на чашку вѣсовъ политической свободы въ Россіи. „Но что же такое случилось въ Черниговѣ?" спроситъ читатель. А вотъ что: два ходатайства: *одно* о допущеніи выборныхъ представителей земствъ въ губернскія совѣщанія по выработкѣ законоположеній о крестьянахъ, а *другое* — чтобы всѣ законопроекты, касающіеся мѣстныхъ пользъ и нуждъ, были предварительно обсуждаемы въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ. (Пренія, имѣвшія мѣсто при этомъ въ губернскомъ земскомъ собраніи, были въ главныхъ чертахъ приведены въ легальной печати — „Кіевской Газетѣ", „Южныхъ Запискахъ" и др.)

Губернская Управа, между прочимъ, предлагала собранію ходатайствовать, чтобы представителямъ земства въ губернскихъ совѣщаніяхъ былъ предоставленъ „полный просторъ" въ изложеніи своихъ мнѣній. Казалось бы, какой удобный поводъ заговорить о необходимости свободы слова вообще, о свободной общественной дѣятельности и о томъ произволѣ, который царитъ въ Россіи... и однако черниговскіе земцы не только не сдѣлали этого, но, наоборотъ, въ своихъ рѣчахъ они прямо заявляли, что они хотятъ держаться законныхъ рамокъ, что дѣло идетъ не о принципѣ вообще, а о смягченіи въ предѣлахъ закона существующей практики... Въ концѣ концовъ, къ своему позору, губернское земское собраніе не пожелало не только „*полнаго* простора" для изложенія своихъ мнѣній, но даже и „*возможно* полнаго". Этотъ фактъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ чрезвычайно серьезное явленіе земской жизни, воочію показывающее, насколько глубоко русскія земства сидятъ въ болотѣ политическаго холопства и недомыслія... Дѣйствительно, если земцамъ пока еще не нужна свобода слова, даже условная, (какъ въ данномъ случаѣ), или, если земцы боятся предъявить правительству подобныя требованія, то можно ли говорить въ настоящее время, что земство представляетъ для правительства какую-то опасность, что оно есть какая то серьезная политическая сила, съ которой нужно правительству считаться?! Стоило послушать въ черниговскомъ земскомъ собраніи рѣчи гласныхъ[1]), а рѣчи были во многихъ отношеніяхъ очень интересны, — чтобы убѣдиться въ томъ, насколько земцы чрезвычайно внимательны къ тому, чтобы какъ нибудь, по неосторожности, не ослабить правительства, чтобы земскія ходатайства, боже упаси, не носили остраго характера. Въ такомъ именно смыслѣ выразился молодой гласный Скоропатскій. Другіе же гласные не постѣснялись прямо вышучивать требованія свободы слова (напримѣръ, гласный Красовскій, бывшій оберъ-прокуроръ общаго собранія кассац. д-въ сената; гласный Кринскій — бывшій предсѣдатель козелецкой уѣздной земской управы). Необходимо также отмѣтить здѣсь слѣдующее обстоятельство: во время губернскаго земскаго собранія мѣстной соціальдемократической группой была выпущена прокламація къ гласнымъ, взывавшая къ гражданскому мужеству гласныхъ и доказывавшая несовмѣстимость самодержавія съ культурной работой на пользу родинѣ. И что же? Гласные такъ перепугались этой прокламаціи, что, по свидѣтельству одного изъ земцевъ, послѣдніе прямо грозили было совсѣмъ провалить предложенія губернской управы, о которыхъ говорилось выше, (прокламація была выпущена до разсмотрѣнія этого предложенія), для того де, между прочимъ, чтобы показать революціоннымъ элементамъ вредъ ихъ вмѣшательства въ земскую работу. Это уже à la Плеве. Насколько земцы политически еще не воспитаны, насколько имъ чуждо и непонятно все то, что хоть сколько-нибудь напоминаетъ политическое движеніе, — это ясно обнаружилось при обсужденіи предложенія Губернской Управы возбудить ходатайство о томъ, чтобы земству была дана возможность снабдить своихъ представителей въ губернскихъ совѣщаніяхъ руководящими указаніями[2]). Какъ только стали обсуждать это предложеніе, такъ сейчасъ раздались рѣчи: да вѣдь это mandat impèratif, а земству не подобаетъ прибѣгать къ такимъ вещамъ... А губернскій предводитель дворянства Мухановъ, тотъ прямо развилъ передъ собраніемъ такую мысль: недостойно-де земства связывать своихъ представителей какими нибудь указаніями. Онъ, Мухановъ, никогда не выбралъ-бы того гласнаго, который согласился бы принять на себя какое-либо обязательство; пусть де чиновники казенные работаютъ по указкѣ, а мы, земцы, будемъ подавать свое мнѣніе свободно. Одинъ гласный резонно возразилъ Муханову, что гласный не долженъ принять наше избраніе, разъ онъ не раздѣляетъ нашихъ руководящихъ указаній. Но губернское собраніе осталось глухо: оно и здѣсь испугалось представшаго предъ его очами политическаго призрака, и предложеніе управы было отвергнуто. Одно, что можно было вывести изъ наблюденій надъ черниговскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, — это, что въ его средѣ нѣтъ (за исключеніемъ развѣ двухъ-трехъ человѣкъ) идейныхъ защитниковъ самодержавія, какъ извѣстнаго образа правленія. Замѣтно было, что земцы ничего не имѣютъ противъ конституціоннаго строя, но съ тѣмъ, чтобы его пожелало само правительство; сами же земцы не имѣютъ ни малѣйшей охоты пускаться въ „опасную" борьбу съ правительствомъ...

Ромны. (Полт. губ.). Послѣ кишиневскаго и особенно гомельскаго погромовъ юдофобствующимъ купечествомъ, вѣчно враждующимъ изъ-за конкуренціи съ еврейскими торговцами, во главѣ съ его достойными представителями изъ крушевановскаго лагеря, купцами бр. Зѣнченко и Бондаренко, были распространены слухи о готовящемся погромѣ. Слухи имѣли цѣлью напугать иновѣрныхъ конкурентовъ, которымъ юдофобы приписываютъ всѣ несчастья русскаго народа, забывая, конечно, какова собственная роль патріотствующихъ эксплуататоровъ въ этомъ процессѣ выжиманія народныхъ соковъ. Толки эти поддерживались сонмомъ прикащиковъ, вѣчно загнанныхъ за ничтожную плату, а часто за кормъ лишь, въ тяжеломъ ярмѣ безобразно-длиннаго рабочаго дня. Обстоятельство это сильно встревожило еврейскихъ капиталистовъ, которые обратились къ исправнику Кальницкому (недавно переведенному въ Хоролъ исправникомъ) съ просьбой о защитѣ. Послѣдній нашелъ небезполезнымъ для себя выступить заступникомъ „угнетенныхъ", такъ какъ просьба „беззащитнаго купечества" въ лицѣ ея депутаціи, съ купцами Аврашевымъ и Гамзой во главѣ, сопровождалась довольно заманчивой мздой, собранной въ торговой средѣ. Исправникомъ были сдѣланы надлежащія внушенія лицамъ, вызвавшимъ тревожные толки, которые скоро унялись, давъ возможность г. исправнику прослыть „отцомъ и ангеломъ хранителемъ" еврейской общины. Но буржуазія не отдѣлалась отъ своего шкурнаго вопроса, пока въ городѣ не были водворены нѣсколько сотенъ казаковъ, производящихъ возмутительныя опустошенія на окраинахъ города, преимущественно среди довѣрчивыхъ обывательскихъ дѣвицъ... Недавно на одной изъ ближайшихъ отсюда пересадочныхъ станцій была найдена спрятанной въ мѣшокъ молодая крестьянка, жена зажиточнаго хозяина, которая была сманена казаками и, отдавъ имъ похищенныя у мужа крупныя деньги, была ими оставлена на произволъ судьбы на платформѣ, откуда и была возвращена во свояси. Въ окрестностяхъ башибузуки похищаютъ лучшихъ свиней, сѣно и другіе хозяйственные продукты. Два находчивыхъ казака увели недавно со двора одного городского жителя теленка, одѣвъ его въ казацкую шинель и, поставивъ на заднія ноги, подъ руки прошлись съ нимъ въ казармы. На улицахъ города офицеры творятъ невозможныя безчинства, въ пьяномъ видѣ набрасываясь на мирно гуляющую публику съ нагайками въ рукахъ, или пуская своихъ бѣшеныхъ лошадей на запруженные народомъ тротуары... Жалобамъ обывателей за набѣги казачьей орды нѣтъ конца... И все это дѣлается съ вѣдома начальниковъ, а часто для нихъ самихъ.

Но за то мѣстные капиталисты успокоились, и нѣтъ конца выраженіямъ благодарности съ ихъ стороны отцу-исправнику. Вышеназванный г. Гамза, управляющій банковой конторой, еврейскій „патріотъ", краса мѣстныхъ сіонистовъ, дошелъ до такого энтузіазма въ своемъ душеизліяніи, что, поставивъ къ столу исправника нѣсколько бутылокъ ликеру, по случаю разрѣшенной къ открытію еврейской школы, добивался и добился цѣлованія руки этой мелкой сошки, а на прощальномъ вечерѣ переѣзжающаго самодура, тотъ же лакей Гамза передъ нетрезвой компаніей выразилъ отъ имени всей еврейской общины (неуполномочившей его на это), чувства горячей благодарности покровителю угнетенныхъ, и скорбь свою по поводу отъѣзда столь благодѣтельнаго мздоимца. У всякаго же другого обывателя переводъ исправника вызываетъ надежды на то, что, въ угоду новой исправницѣ, уже не будутъ перерѣзаны пѣтухи всей окрестности, и запрещаться заводскіе и мельничные гуки (что ведетъ къ опозданію рабочихъ), лишь потому, что и тѣ и другіе раздражали и рано будили предшествующую ей нервную помпадуршу.

Всѣ эти факты могли бы нагнать невеселыя думы, если бы на ряду съ этимъ дикимъ торжествомъ грубой силы не поднималось и не росло и въ нашемъ богоспасаемъ градѣ истинно — освободительное рабочее движеніе, объ успѣхахъ котораго пока умолчимъ, чтобы не смущать несвоевременно опьяненную и мирно почивающую на лаврахъ полицейскую власть. Провинціалъ.

Изъ гимназическихъ нравовъ. Житоміръ. Директоръ I гимназіи Антонюкъ, извѣстный своей грубостю и своимъ мракобѣсіемъ, былъ присланъ когда то сюда со спеціальной цѣлью „искоренять крамолу", но своей грубостью и придирками къ „радикаламъ" онъ, конечно, только способствовалъ рост оппозиціоннаго настроенія. Недавно ученикъ VIII класса С. далъ пощечину одному „узколобому"[3]), оскорбительно отозвавшемуся о его сестрѣ. Директоръ, не разобравши дѣла и оставивъ безъ всякаго наказанія обидчика, посадилъ С. въ карцеръ на 24 часа „на хлѣбъ и на воду" (ему не было позволено ни пойти пообѣдать, ни послать домой за обѣдомъ и подушкой; старые педагоги не помнятъ случая, чтобы было примѣнено такое безсмысленно-строгое и, конечно, совершенно незаконное наказаніе)[1]). Это переполнило чашу: съ этого дня въ гимназіи началось открытое броженіе. — Черезъ два дня „Комитетъ Гимназической Организаціи" выпустилъ не особенно удачную агитаціонную прокламацію, неопровержимо свидѣтельствующую о той путаницѣ, которую произвели въ головахъ составителей идеи соц. рев. — она приглашаетъ гимназистовъ примкнуть къ борьбѣ, которую ведутъ „сознательные рабочіе, крестьяне и трудовая интеллигенція" за соціализмъ, „т. е. счастіе, свободу и равенство всѣхъ людей." Прокламація, по отзывамъ гимназистовъ, произвела мало впечатлѣнія. Въ слѣдующую ночь былъ возобновленъ старый пріемъ борьбы: у директора были разбиты три окна. Между тѣмъ, организованные гимназисты начали поговаривать о „забастовкѣ", какъ наиболѣе цѣлесообразной формѣ протеста. Сперва это казалось фантастичнымъ, неисполнимымъ; но постепенно мысль о „забастовкѣ съ обструкціей" находила все больше приверженцевъ. 23 появилась прокламація, которую привожу дословно:

„Къ учащимся, обществу и гимназической администраціи. — И сталь имѣетъ свой предѣлъ упругости. Доведенные гимназическимъ режимомъ, администраціей и нѣкоторыми педагогами до предѣла терпѣнія, гимназисты рѣшили, несмотря ни на какія жертвы, вступиться за элементарныя права — права человѣка и учащагося. Отъ имени гимназистовъ (всѣхъ старшихъ классовъ), оставленныхъ обществомъ, которому нѣтъ никакого дѣла до того, что дѣлаютъ съ учениками въ тѣхъ заведеніяхъ, куда оно съ такими стараніями опредѣляетъ своихъ дѣтей; отъ имени гимназистовъ, изводимыхъ рядомъ гнусныхъ измышленій не менѣе гнусныхъ педагоговъ, направляющихъ всѣ свои силы, чтобы выбить изъ молодыхъ головъ все живое, дѣятельное, критически мыслящее, гимназистовъ, отданныхъ въ руки полнаго произвола сторожей, надзирателей, доносчиковъ, служащихъ въ охранномъ отдѣленіи, — мы, во имя справедливости и во имя свободы развивающейся личности, протестуемъ противъ всей системы и постановки учебнаго дѣла въ нашихъ гимназіяхъ. Вполнѣ сознавая, что при общемъ нынѣшнемъ режимѣ невозможно коренное измѣненіе средней школы, мы выставляемъ требованія, которыя *должны* быть вполнѣ удовлетворены. Итакъ, въ частности мы требуемъ. I Отмѣны внѣшкольнаго надзора, выражающагося въ запрещеніи выходить на улицу послѣ шести часовъ вечера, посѣщенія (безъ особаго разрѣшенія) концертовъ, театра, вечеровъ, лекцій, и въ шпіонскомъ выслѣживаніи ослушниковъ при помощи подкупленныхъ негодяевъ — гимназистовъ и сторожей. II. Отмѣны обязательнаго посѣщенія церковной службы въ субботу. III. Отмѣны системы двойныхъ и тройныхъ наказаній, вродѣ одновременнаго примѣненія карцера, выговора и уменьшенія балловъ по поведенію. IV. Уничтоженія заключенія на хлѣбъ и на воду. V. Вѣжливаго обращенія со стороны нѣкоторыхъ учителей, и, въ особенности, инспектора Сергѣя Чемолосова, и директора Юл. Антонюка. VI. Гимназія не должна быть обращаема въ монастырь, но ученики должны пользоваться полной свободой входа и выхода изъ гимназіи домой и на улицу. — Вы, учащіеся, сознающіе свое рабское положеніе, но неумѣющіе найти средствъ борьбы съ существующимъ положеніемъ, вы, которымъ дорога свобода, дороги знаніе и правда, всмотритесь въ окружающую васъ обстановку, посмотрите, какъ рядомъ сознательныхъ мѣръ изъ васъ хотятъ сдѣлать тупоголовыхъ, забитыхъ служителей „вѣры, царя и отечества"... Васъ зовемъ мы: отрезвитесь, пусть ненавистью наполнятся ваши юныя сердца, другъ другу подайте руки, сомкнитесь тѣсно, дружно и смѣло боритесь съ насиліемъ и мракомъ, какъ одинъ человѣкъ, поддержите наши требованія и единодушно клеймите презрѣніемъ тѣхъ, кто, продавая честь и совѣсть, становится предателемъ вашихъ друзей, борющихся вмѣстѣ съ вами за ваше человѣческое достоинство. Вы, отцы и матери, довѣрившіе своихъ дѣтей чуждымъ вамъ людямъ, коверкающимъ ихъ души полицейскими мѣрами, высасывающимъ ихъ соки ненужными знаніями и ненужной работой, осмотритесь, покуда не поздно. Васъ зовемъ мы прислушаться къ нашимъ требованіямъ и своимъ дѣятельнымъ сочувствіемъ оказать поддержку нашему дѣлу. Васъ, гнусные педагоги, артисты императорскихъ православныхъ учебныхъ заведеній, сгубившихъ уже не мало дарованій умныхъ головъ и свѣтлыхъ душъ, васъ зовемъ мы одуматься и посмотрѣть что творите вы, какой мракъ сѣете вы, куда вы насъ ведете, какой самой гнуснѣйшей изъ неправдъ вы служите. — Выставляя наши требованія, мы объявляемъ съ 29 января забастовку, въ случаѣ, если наши требованія не будутъ удовлетворены втеченіе предстоящей недѣли. Жертвы падутъ на отвѣтственность тѣхъ, кто будетъ препятствовать нашему правому дѣлу. — Комитетъ Житомірской Гимназической Организаціи. (Отъ имени большинства гимназистовъ).

23 января 1904 года. Житоміръ". —

Эта прокламація оказала сильное вліяніе на молодежь. Въ нѣкоторыхъ классахъ ее читали громогласно. Всѣ въ напряженномъ состояніи, всѣ съ напряженіемъ ждутъ 29. На урокахъ то и дѣло случаются столкновенія, свидѣтельствующія о враждебномъ настроеніи къ учителямъ, и директору въ особенности. Между тѣмъ боевое настроеніе уже вылилось въ немного своеобразной формѣ. Нѣсколько времени тому назадъ, одинъ классъ „удралъ" въ субботу съ четвертаго урока; послѣ этого было запрещено всѣмъ во время „большой перемѣны" выходить изъ гимназическаго двора. И вотъ, 24-го въ 12 час., множество гимназистовъ собралось на дворѣ, и нѣсколько десятковъ изъ нихъ столпились у воротъ и съ криками дружно ихъ выломали. За воротами собралось много зрителей, съ удивленіемъ глядѣвшихъ на это: директоръ и инспекторъ благоразумно не показывались; надзиратели смирно стояли въ сторонѣ, но позже „записали" нѣкоторыхъ замѣченныхъ. Черезъ нѣсколько времени въ гимназію явился Каталей (исполняющій обязанность губернатора), пріѣхалъ исполняющій обязанность полиціймейстера. Послѣ уроковъ Антонюкъ поѣхалъ къ жандармскому полковнику; позже у него же былъ инспекторъ. Вечеромъ состоялся педагогическій совѣтъ, на которомъ, по слухамъ, присутствовалъ жандармскій полковникъ. — Говорятъ, составленъ протоколъ, и нѣсколько десятковъ гимназистовъ будутъ привлечены къ суду „за нарушеніе общественной тишины". Послѣ совѣта Антонюкъ уѣхалъ въ Кіевъ. Между тѣмъ мать С. ѣздила къ попечителю, который обѣщалъ прислать ревизора. Говорятъ, многіе родители собираются жаловаться ему на гимназическое начальство. Въ городѣ много говорятъ о гимназической „смутѣ"; значительная часть „общества" относится сочувственно къ протестующей молодежи.

Ростовъ н Д. Мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія объ осужденныхъ на каторгу демонстрантахъ. Еще при отправкѣ ихъ изъ таганрогской тюрьмы у нихъ были отобраны книги; обращались съ ними конвойные офицера очень грубо, тыкали и т. п. Въ новочеркасской тюрьмѣ къ нашимъ каторжанамъ явился полиціймейстеръ. Столкарцъ и Браиловскій обратились къ нему съ просьбой — взять книги Браиловскаго изъ конторы. Онъ отвѣтилъ, что, какъ каторжанамъ, онъ имъ книги получить не разрѣшитъ. Повернулся и ушелъ. Тогда Столкарцъ спрашиваетъ въ окно (выходящее во дворъ), почему онъ собственно не разрѣшаетъ. На это послѣдовалъ такой отвѣтъ: „Смотри — буду пороть!" Затѣмъ, обратившись къ стоявшему рядомъ начальнику тюрьмы, онъ сказалъ: „Вы не церемоньтесь съ ними с... с..., разложите и всыпьте. Не забудьте, что у васъ есть карцеръ, такъ вы не стѣсняйтесь и садите туда этихъ с... с..., мерзавцевъ и такихъ сякихъ" (тутъ послѣдовала непечатная брань). Вечеромъ, во время повѣрки, политическіе заявили, что хотятъ видѣть атамана, чтобъ лично принести жалобу на возмутительную брань полиціймейстра. Если атаманъ не явится, они начнутъ голодовку. Но въ это время пять каторжанъ были отправлены (остался одинъ Браиловскій), и они всѣ подали жалобу атаману на дѣйствія полиціймейстра.

---

[1]) Объ исключеніяхъ мы здѣсь не говоримъ.

[2]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что черниговская губернія, по составу либеральныхъ земцевъ, очень выдается среди другихъ земскихъ губерній.

[3]) Такъ называются здѣсь благонамѣрные.

[1]) Эта мѣра тѣмъ болѣе возмутительна, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ „узколобый", отпустившій въ спорѣ пощечину своему противнику, не былъ подвергнутъ никакому наказанію. Кромѣ того, директоръ заявилъ, что уменьшитъ С. отмѣтку по поведенію, т. е. лишитъ возможности поступить въ университетъ. Говорятъ, впечатлительный юноша послѣ случившагося заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ.

Заключенные по этому поводу пишутъ слѣдующее: „Въ виду того, что это первые каторжане-политическіе — отношеніе къ которымъ опредѣлитъ и отношеніе ко всѣмъ послѣдующимъ за ними, мы смотримъ на эти факты повторяющагося оскорбительнаго обращенія и запрещенія имѣть книги, не какъ на частные случаи произвола отдѣльныхъ лицъ, а рѣшили обратить на нихъ серьезное вниманіе и придать имъ общій характеръ. Мы вызвали товарища прокурора и черезъ него попросили передать атаману свой протестъ противъ грубаго обращенія съ каторжанами и просьбу о разрѣшеніи имѣть имъ книги на основаніяхъ, общихъ всѣмъ политическимъ. Мы рѣшили этотъ свой словесный протестъ, въ случаѣ необходимости, поддержать и болѣе существеннымъ образомъ".

Затѣмъ они просятъ передать объ этомъ въ другія тюрьмы, расчитывая на поддержку.

Изъ Архангельска сообщаютъ слѣдующее: Въ городѣ теперь человѣкъ 70-80 ссыльныхъ, а по уѣздамъ 250-300; въ городѣ имъ живется довольно сносно — многіе находятъ работу, не то по уѣздамъ: тамъ иногда находятся въ ужасныхъ условіяхъ; бывали случаи, что пріѣхавшимъ, напр., въ Александровскъ, пришлось ночевать на голыхъ камняхъ подъ открытымъ небомъ, такъ какъ жители къ себѣ не пустили (дѣло было подъ вечеръ), а тамошній полицейскій (кажется становой), когда сосланные потребовали у него помѣщенія, показалъ имъ свою квартиру, въ которой и ему-то было тѣсно. — Отношенія полиціи, въ общемъ, сносныя, хотя бываютъ отдѣльные случаи грубаго обращенія. Въ уѣздахъ столкновенія чаще: возникаютъ они изъ-за держанія огнестрѣльнаго оружія, изъ-за задержки пособія, корреспонденціи и т. д. Особенно рѣзкое столкновеніе было въ селеніи Усть-Важкѣ. Подробности пока неизвѣстны.

М. Н. П. Секретно.
С.-Петерб. Учеб. Округъ.
Дирекція
Народныхъ училищъ
Архангельск. губ.
Декабрь 1903 годъ.

Въ послѣднее время значительно увеличилось число лицъ, водворенныхъ на временное жительство въ г. Архангельскѣ и въ уѣздахъ Архангельской губ. и состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, по обвиненію ихъ въ политической или нравственной неблагонадежности. Между означенными лицами, вѣроятно, найдутся и такія, которыя въ цѣляхъ противоправительственной пропаганды, будутъ искать сближенія съ народными учителями и учительницами и позволятъ себѣ злоупотребить ихъ неопытностью и довѣрчивостью, столь свойственными молодымъ людямъ, къ числу каковыхъ принадлежитъ большинство подвѣдомственныхъ дирекціи учителей и учительницъ.

Поэтому, въ видахъ предостереженія учителей и учительницъ городскихъ и начальныхъ приходскихъ и сельскихъ, министерскихъ и общественныхъ училищъ Архангельской губ. и частныхъ школъ г. Архангельска отъ вреднаго вліянія и печальныхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собой сближеніе съ людьми преступнаго образа мыслей, считаю своею обязанностью предложить означеннымъ учителямъ и учительницамъ избѣгать всякаго знакомства съ лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи, не входить съ ними ни въ какія сношенія, ни личныя, ни письменныя, отнюдь не допускать ихъ къ пользованію училищными библіотеками и самимъ не брать у нихъ книгъ для чтенія и неупустительно слѣдить, чтобы въ учебныя заведенія не проникли какія-либо нелегальныя изданія, печатныя и рукописныя, распространяемыя людьми злонамѣренными; въ случаѣ же обнаруженія въ стѣнахъ учебныхъ заведеній такого рода изданій, немедленно отправлять таковыя въ подлинникѣ: изъ городскихъ училищъ непосредственно ко мнѣ, а изъ приходскихъ и сельскихъ, министерскихъ и общественныхъ училищъ и частныхъ школъ — къ подлежащему инспектору народныхъ училищъ, для препровожденія въ мѣстное Губернское Жандармское управленіе, согласно предписанію Министерства Народнаго Просвѣщенія, сообщенному въ циркулярномъ предложеніи г. Попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа отъ 24 іюня сего года за № 96.

Само собой разумѣется, что учащіе обязаны заботливо и неуклонно оберегать своихъ воспитанниковъ (особенно старшихъ классовъ учебныхъ заведеній) отъ знакомства съ злонамѣренными людьми и сочиненіями нелегальнаго характера.

Директоръ Народныхъ Училищъ Острогскій.

„Посягательство противъ вѣрноподданическихъ чувствъ". Даже „полудикихъ кочевниковъ" — агинскихъ бурятъ — сумѣло самодержавіе возстановить противъ себя! Чѣмъ — не стоитъ и спрашивать. Вездѣсущая рука царской бюрократіи постаралась и этотъ маленькій народецъ осчастливить такимъ „новымъ положеніемъ по управленію", которое, — по словамъ самихъ бурятъ — „чуждо особенностямъ ихъ жизни, противно свободѣ вѣротерпимости, вредно экономическому благосостоянію и окончательно уничтожаетъ національную самобытность", словомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ прелести, свойственныя вообще режиму кнута и нагайки. „Возбужденные безпримѣрнымъ страданіемъ", буряты — въ телеграммѣ къ царицѣ — „въ первый и послѣдній разъ" просятъ „пріостановить введеніе новаго положенія". Росписавшись въ „глубокой преданности царю и отечеству", буряты тутъ же не безъ юмора указываютъ на то, что по ихъ „ограниченному разумѣнію" такія мѣры „посягаютъ противъ ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ", и потому просятъ разрѣшить имъ всѣмъ выселиться въ Монголію. Результатъ телеграммы обычный. „Любвеобильная" царица передала дѣло на разсмотрѣніе „боготворимаго" монарха, и тотъ „всемилостивѣйше" положилъ: „ходатайство отклонить". Для вящшаго же вкорененія „вѣрноподданническихъ чувствъ" пять бурятъ выслано въ административномъ порядкѣ на пять лѣтъ въ Баргузинскій уѣздъ „за подстрекательство къ непринятію реформы управленія"[1]). Какъ бы то ни было, самодержавіе пріобрѣло себѣ новаго врага, да притомъ такого, который, живя по сосѣдству съ Китаемъ, можетъ, несмотря на свою малочисленность, быть не совсѣмъ безопаснымъ въ нынѣшнія военныя времена.

Между прочимъ, не мѣшало бы кое кому изъ „либеральныхъ" любителей составлять и подносить „всеподданнѣйшіе" адреса поучиться хоть у бурятъ говорить о своихъ требованіяхъ и желаніяхъ не совсѣмъ ужъ „подлымъ штилемъ"!

---

[1]) Изъ Петербурга также высланы двое бурятъ — Бадмаевыхъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Хлопоты начальства объ укрѣпленіи солдатскаго „патріотизма".

Приказъ по 161 п. Александропольскому полку № 35 и 6.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца бѣжало изъ полка четыре нижнихъ чина, при чемъ три изъ нихъ евреи. Не могу не обратить особеннаго вниманія на побѣгъ изъ полка въ теченіе мѣсяца четырехъ нижнихъ чиновъ вообще, а въ частности на то обстоятельство, что три изъ нихъ (евреи) изъ 10-ой роты.

Видно, ротный командиръ мало бесѣдуетъ съ нижними чинами, не старается вложить въ нихъ сознаніе высокаго значенія воина, какъ защитника престола и отечества и всю гнусность постыднаго побѣга изъ части.

Очевидно, нравственныя начала въ десятой ротѣ стоятъ не на должной высотѣ.

Предлагаю командиру 3-го батальона обратить самое строгое вниманіе на 10-ю роту и всесторонне разобрать и выяснить причины побѣговъ въ этой ротѣ.

Приказъ № 33.

„Завтра, 5-го сего февралякъ, 11½ час. утра собрать всѣхъ, безъ исключенія, нижнихъ чиновъ іудейскаго вѣроисповѣданія въ помѣщеніи пятой роты".

И вотъ въ одиннадцать съ половиной утра собрали всѣхъ Раньше вошелъ батальонный командиръ подполковникъ Ушинскій и многозначительно замѣтилъ:

„Сколько есть среди этой компаніи, которые уже упаковались и уложились?" Сказываетъ ему сердечко.

Затѣмъ зашелъ командиръ полка. Поздоровавшись, онъ выдержалъ, для пущей важности, паузу и, повысивъ голосъ, началъ:

„Вы, навѣрное, читали въ приказѣ, что за этотъ мѣсяцъ уже три еврея удрало. Теперь оказывается, что успѣлъ уже удрать четвертый Объявляю вамъ, что это подлость, гнусная трусость бѣжать отъ такой великой миссіи защищать отечество (?) и престолъ. Это позоръ не только вашъ, но всей части, всего полка и я не дамъ портить имени моего полка; если кто-либо изъ васъ еще убѣжитъ, то такъ и знайте, что къ каждому еврею будутъ приставлены дневальные, васъ никуда не будутъ пускать и будутъ стеречь каждый шагъ — и я это съумѣю исполнить.

Вѣдь, вы нація такая, что между собою все сговариваетесь и другъ у друга все знаете, а потому совѣтую, кто знаетъ (про намѣренія другого) пусть доложитъ по командѣ — для васъ лучше будетъ".

Коротко, зато сильно!

На дняхъ командиръ 6-ой роты капитанъ Воробьевъ, выстроивъ всю роту и подойдя къ одному еврею, предложилъ ему вопросъ: „Почему ты еще не удралъ?" У остальныхъ онъ спрашивалъ: *когда они удерутъ*? Вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ всей ротѣ. Вся его рѣчь сводилась къ тому, что евреи самый „паршивый" народъ и ихъ, по мнѣнію говорившаго, передъ тѣмъ, какъ отправить на войну, нужно выстроить и разстрѣлять, такъ какъ они-де будутъ служить помѣхой истиннымъ слугамъ царя и престола.

Приложеніе къ приказу № 39. Копія.

Приказъ по 1-ой бригадѣ 41 пѣхотной дивизіи № 5. 6-го февраля 1904 года города Могилева губ.

Усмотрѣно мною, что въ періодъ отправленія командъ и ротъ на Дальній Востокъ изъ полковъ ввѣренной мнѣ бригады бѣжало шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ евреевъ. Не допускаю сей мысли, чтобы подобные побѣги свидѣтельствовали о нравственномъ уровнѣ роты вообще и полагаю, что причины побѣговъ евреевъ слѣдуетъ усматривать въ недостаточномъ воспитаніи въ полкахъ этого элемента. Нижніе чины евреи, по окончаніи четырехмѣсячнаго образованія, почти всѣ убываютъ изъ ротъ въ музыкальную команду, полковую швальню, нестроевую роту и вообще заполняютъ собой учрежденія полка, гдѣ находятся большую часть своей службы и теряютъ всякую духовную связь съ ротой. Естественно, что при такомъ положеніи вещей воспитывать нижнихъ чиновъ евреевъ въ должномъ направленіи является трудно исполнимой задачей для гг. ротныхъ командировъ и ихъ помощниковъ, а потому предлагаю гг. командирамъ полковъ теперь же приступить къ отчисленію евреевъ изъ всѣхъ учрежденій полка въ строй своихъ ротъ и на будущее время наполнять эти учрежденія нижними чинами не іудейскаго вѣроисповѣданія. Увольняемые часто въ отпускъ евреи, повидимому, не находятъ нравственной поддержки на честную службу среди своихъ родныхъ и знакомыхъ, а потому предписываю увольнять ихъ одиночнымъ порядкомъ со двора только въ крайнихъ случаяхъ до вечерней переклички и по запискамъ ротныхъ командировъ; увольненіе же ихъ въ молитвенные дома и по собственнымъ нуждамъ въ городъ должно производиться командами — назначая въ эти команды старшими расторопныхъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Кромѣ того предлагаю командирамъ полковъ принять мѣры къ тому, чтобы нижніе чины евреи не уклонялись отъ бесѣдъ, которыя ведутся въ батальонахъ подъ руководствомъ офицеровъ. Не могу не обратить вниманія командира 161 п. Александропольскаго п. на несвоевременное отданіе пункта шестого приказа по полку отъ 4-го февраля наканунѣ приказа по бригадѣ о мѣрахъ противъ побѣга нижнихъ чиновъ и на то обстоятельство, что командиръ полка, повидимому, не находитъ вины командира 3-го батальона подполковника Михайлова въ томъ, что имъ не были своевременно приняты мѣры къ устраненію побѣговъ изъ десятой роты, а ограничивается тѣмъ, что предлагаетъ командирамъ батальоновъ обратить строгое вниманіе на воспитаніе роты, всесторонне разобрать и разъяснить причины побѣговъ.

Команд. 1 бриг. 41 пѣх. дивизіи Генералъ Маіоръ Элліотъ.

(*Отъ редакціи:* Дезертирство рядовыхъ-евреевъ является прямымъ слѣдствіемъ распоряженія „начальства" о предпочтительной отправкѣ на Дальній Востокъ евреевъ.)

По этому поводу намъ пишутъ.

Какъ времена измѣняются!

Я служилъ въ 1900 году въ К.....скомъ полку. Получился приказъ выбрать нижнихъ чиновъ изъ каждой роты для пополненія тѣхъ полковъ и ротъ, которые отправляются въ дѣйствующую армію на Дальнемъ Востокѣ.

Командиръ полка приказалъ выстроиться всѣмъ ротамъ передъ лагеремъ, вызвалъ желающихъ пойти защищать царя и отечество впередъ.

Впереди ротъ вышло порядочное количество солдатъ, между ними, нужно признаться, преобладали русскіе, ужъ потому, что ихъ большее количество въ полку, а можетъ быть, еще по другимъ причинамъ. Въ числѣ добровольцевъ были также татары и другіе иновѣрцы, евреевъ тамъ было всего двое, въ числѣ которыхъ былъ я. Считаю я себя соціальдемократомъ и, конечно, защищать царя и существующій произволъ я никогда не думалъ. Почему же я выразилъ готовность убивать мирныхъ китайцевъ?

Чтобы этотъ поступокъ былъ болѣе или менѣе понятенъ, вамъ придется познакомить васъ съ жизнью солдата вообще и интеллигентовъ въ частности. Это отчасти исполнилъ Гаршинъ въ своихъ запискахъ „Воспоминанія рядового", хотя нужно сказать, что Гаршинъ не могъ переживать всего того, что приходится переживать солдату, не пользующемуся никакими привиллегіями и преимуществами. Словомъ, скажу, что жизнь въ казармѣ, вѣчное поворачиваніе направо и налѣво кругомъ, произволъ офицеровъ и прочей мелкой сошки, сраженія съ вѣтряными мельницами во время маневровъ, такъ угнетали меня, что я рѣшилъ физическими страданіями заглушить нравственныя.

Другой мой товарищъ еврей былъ сапожникъ; желаніе свободы было настолько развито у него, что онъ неоднократно бѣжалъ со службы, за что былъ переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ и долгое время сидѣлъ на гауптвахтѣ на хлѣбѣ и водѣ. И этотъ несчастный тоже рѣшилъ лучше пойти на войну, чѣмъ остаться въ казармѣ. Полковой адъютантъ переписалъ всѣхъ добровольцевъ и похвалилъ за храбрость. Очередь дошла до этого еврея сапожника; онъ со смѣхомъ велѣлъ ему вернуться въ строй. Потомъ подошелъ ко мнѣ, записалъ мою фамилію и по имени онъ узналъ, что еврей, и сейчасъ же вычеркнулъ меня и сказалъ, что евреевъ не принимаютъ. Когда я сталъ настаивать и доказывать, что всѣ вѣрноподданные достойны защищать царя и отечество, онъ посовѣтовалъ мнѣ принять православіе. Ротный командиръ мой сталъ на мою сторону, и сталъ хлопотать за меня; ему лестно было, что евреи изъ его роты настолько хорошо воспитаны, что сами выражаютъ желаніе итти на войну, но всѣ его хлопоты оказались тщетными.

Бывшій солдатъ.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Новые подвиги горнопромышленниковъ юга Россіи. (Письмо съ юга).

Въ „Искрѣ" уже была сдѣлана надлежащая оцѣнка мизерности закона 2-го іюня 1903 года о вознагражденіи промышленными заведеніями увѣчныхъ рабочихъ; своевременно же была дана надлежащая отповѣдь наглости и безстыдству горнопромышленниковъ, возбудившихъ, какъ извѣстно, ходатайство объ отсрочкѣ примѣненія новаго закона. Испугавшись грознаго взрыва рабочаго негодованія, царское правительство вынуждено было поступиться своей исконной политикой — „поддержки отечественной промышленности" — и уступить требованіямъ времени. „Всякая отсрочка въ примѣненіи закона, — заявилъ старшій фабричный инспекторъ на 27-мъ съѣздѣ горнопромышленниковъ, — можетъ вызвать неправильные толки среди рабочихъ и повести къ безпорядкамъ". Мудрое царское правительство, только что учредившее институтъ т. н. фабричныхъ старостъ, не могло не считаться съ этимъ „трезвымъ голосомъ жизни" и, привѣтствуемое ликованіями либеральной прессы и „общества", открыто стало на сторону рабочаго класса, отклонивъ ходатайство горнопромышленниковъ. Въ настоящее время мы констатируемъ новый конфликтъ, возникшій на почвѣ примѣненія того же закона. Защитникомъ интересовъ рабочаго класса, какъ это ни странно, выступилъ фабричный инспекторъ... Проникся-ли онъ симпатіей къ чернорабочимъ, доведеннымъ въ горной промышленности до отчаянія, или это не болѣе, какъ заигрываніе, обычный зубатовскій пріемъ — трудно сказать. Но фактъ все же остается фактомъ. Ст. 18 правилъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ на работахъ обязываетъ губернскія и областныя присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ опредѣлять среднія платы чернорабочимъ для исчисленія годовыхъ заработковъ потерпѣвшимъ на работахъ. Въ засѣданіи Харьковскаго фабричнаго присутствія 15 января 1904 г. старшимъ фабричнымъ инспекторомъ была представлена слѣдующая „схема" среднихъ заработныхъ платъ чернорабочимъ:

	г. Харьковъ, Сумы и Харьк. уѣздъ.		Прочіе уѣзды и города Харьк. губ.	
	муж.	женщ.	муж.	женщ.
Взрослые	85	70	70	50
Подр. 15-17 л.	60	50	50	40
Малол. 12-15 л.	40	35	35	25

Эта „схема", какъ „слишкомъ высокая", была отклонена и за руководство были приняты „среднія" цѣны, сообщенныя спеціально приглашенными въ засѣданіе представителями горныхъ заводовъ. Эти цѣны оказались ниже дѣйствительныхъ на 25%. Фабричный инспекторъ остался при особомъ мнѣніи.

Горнопромышленники юга Россіи до сего времени обкрадывали только живыхъ. Законъ 2-го іюня „вынуждаетъ" ихъ обворовывать и мертвыхъ! Чтобы хоть какъ нибудь ослабить дѣйствіе мизернаго закона о вознагражденіи потерпѣвшихъ, они рѣшили скрыть и безъ того ничтожный истинный заработокъ чернорабочихъ. Имъ помогли въ этомъ дѣлѣ чиновники и жандармы, на половину составляющіе фабричное присутствіе.

Но мы все же должны знать заводы, приславшіе своихъ представителей. Вотъ они: паровозный заводъ, механическій заводъ К. Трепке и заводъ Беренгейма — всѣ въ Харьковѣ.

Горнопромышленники Харьковской губерніи ликуютъ. Да и есть отъ чего: въ одномъ только Харьково-Полтавскомъ округѣ ежегодно регистрируется нѣсколько десятковъ тысячъ увѣчій и тысячи смертей... (докладъ горн. инж. Дитмара 27-му съѣзду). Какое огромное поле открывается для „сбереженія"!? Но мы думаемъ, какъ ни тяжелы условія труда въ горной промышленности, какъ ни придавленъ нуждой чернорабочій, подобные факты будутъ по достоинству оцѣнены сознательными пролетаріями.

Чернорабочимъ Екатеринославской губерніи посчастливилось: Екатеринославскимъ присутствіемъ установлены цѣны, въ общемъ, почти на 40% выше, чѣмъ въ сосѣдней Харьковской губерніи:

	муж.	женщ.
Взрослому	1 —	80
Подростку	60	60
Малолѣтнему	50	50

Екатеринославскіе горнопромышленники уже проливаютъ крокодиловы слезы; имъ не удастся, какъ харьковскимъ, обворовывать мертвыхъ!!

N.

Регулированіе производства.

Необычайный подъемъ цѣнъ на американскій хлопокъ за послѣдніе мѣсяцы породилъ мысль о международной борьбѣ съ этимъ явленіемъ. Когда сталъ извѣстенъ плохой урожай хлопка и выяснилось, что спросъ на американскій хлопокъ въ этомъ году можетъ быть покрытъ еще въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ предыдущіе годы, шайка спекуляторовъ тотчасъ же принялась извлекать выгоды изъ такого положенія дѣлъ. Цѣны начали быстро подыматься въ гору и достигли высоты, неслыханной уже втеченіе тридцати лѣтъ. Ткацкія и прядильныя фабрики вынуждены были покупать сырой матеріалъ по чудовищнымъ цѣнамъ и переплачивать милліоны спекулянтамъ. При такомъ положеніи дѣлъ у англійскихъ предпринимателей начала возникать мысль о международномъ регулированіи спроса. Они пришли къ заключенію, что общее сокращеніе производства во всѣхъ странахъ должно дать возможность сократить спросъ и такимъ образомъ понизить цѣны на хлопокъ, вопреки усиліямъ спекулянтовъ. Во всѣ страны полетѣли изъ Англіи телеграммы къ организаціямъ текстильныхъ промышленниковъ съ приглашеніемъ принять участіе въ замышляемомъ предпріятіи. Однако, только австрійскіе и бельгійскіе прядильщики, да и то не безусловно, дали свое согласіе. Другіе же — рейнско-вестфальскіе и южногерманскіе прядильщики, русскіе, французскіе, итальянскіе и американскіе, отвѣтили отказомъ. Одни заявили, что обезпечены запасами хлопка до самаго лѣта, другіе — что работаютъ не исключительно на американскомъ хлопкѣ, словомъ, подъ разными предлогами отказались отъ участія въ общемъ дѣлѣ, разсчитывая такъ или иначе воспользоваться сокращеніемъ производства на другихъ фабрикахъ для своихъ собственныхъ выгодъ. Они готовы скорѣе платить спекулянтамъ самыя невозможныя цѣны, чѣмъ упустить случай подставить ножку своимъ конкуррентамъ.

Разумѣется, если бы такое соглашеніе между прядильщиками и состоялось, то оно означало бы только переложеніе убытковъ отъ высокихъ цѣнъ на хлопокъ на потребителей пряжи. Вмѣсто хлопковаго „голода" наступилъ бы прядильный „голодъ". Если же и ткацкія фабрики присоединились бы къ проекту, то, въ концѣ концовъ, потребители текстильныхъ товаровъ все же должны были бы платить такія же высокія цѣны, какъ и до сихъ поръ; иначе сказать, все дѣло свелось бы только къ тому, что барыши отъ спекуляціи на неурожай хлопка попали бы въ карманъ не производителей хлопка и не хлопковыхъ маклеровъ, а владѣльцевъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ. Въ этомъ смыслѣ „регулированіе производства", предлагаемое англійскими предпринимателями, есть дѣло, можно сказать, домашнее, сводится къ регулированію барышей въ средѣ буржуазіи и въ этомъ смыслѣ ничего общаго не имѣетъ съ соціалистическимъ регулированіемъ производства, охватывающимъ *все* производство и предполагающимъ общественную собственность на всѣ средства производства.

Вообще, самая идея планомѣрнаго регулированія производства для тѣхъ или иныхъ цѣлей можетъ возникать въ головахъ предпринимателей лишь въ минуты крайней нужды, да и въ этомъ случаѣ они оказываются неспособными осуществить ее. Руководящій принципъ капиталистическаго хозяйства — производство частное, индивидуальное, безъ отношенія къ существующей потребности и къ производству другихъ лицъ. Развитіе капитализма ставитъ отдѣльнаго предпринимателя все въ большую и большую зависимость отъ мірового рынка и все болѣе уравниваетъ условія производства для всѣхъ. Однако, отдѣльные предприниматели не въ состояніи приспособиться къ этимъ новымъ условіямъ. Они неспособны планомѣрно регулировать производство даже тогда, когда это выгодно для нихъ самихъ. Поэтому, если даже такое регулированіе и носится иногда передъ взоромъ болѣе дальновидныхъ предпринимателей какъ неосуществимый идеалъ, то дѣйствительно тью оно можетъ стать лишь тогда, когда за него возьмется пролетаріатъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь. Бунтъ „Ситцевой“ фабрики мануфактуры Морозова. 19 февраля у двоихъ рабочихъ набивного отдѣленія помощникъ директора „Ситцевой“ фабрики во время работы выбросилъ на полъ картофель и растопталъ его ногами. Рабочіе возмутились, тѣмъ болѣе, что безъ ѣды работать 6 часовъ и болѣе прямо невозможно. Собралось человѣкъ 30, вродѣ депутатовъ, и отправились къ директору Сахарову. — На вопросъ: „чего они хотятъ“, — всѣ отвѣчали: „дайте намъ кипятокъ“. Сахаровъ сказалъ, что онъ безъ хозяина (Н. А. Морозова) сдѣлать этого не можетъ. На другой день, 20-го, съ утра 150 человѣкъ вновь направилось къ конторѣ и потребовали инспектора. Инспекторъ явился и далъ тотъ же отвѣтъ. Морозова въ Твери не было. Послѣ обѣда, часа въ 4, группа сознательныхъ рабочихъ объявила стачку, выставивъ требованія: кипятокъ для ситцевой и связанное съ этимъ уменьшеніе рабочаго дня на одинъ часъ. Тотчасъ же вся масса бросила работу и выбѣжала во дворъ. Часть разошлась по домамъ, часть осталась во дворѣ ждать ночную смѣну. Сознательные рабочіе предостерегали массу отъ погрома и частью тоже разошлись. Появилась „хозяйка“, знаменитая своимъ либерализмомъ, В. А. Морозова. На ея вопросъ: „кто васъ выгналъ съ работы“, всѣ отвѣчали, что они ушли сами и требуютъ кипятокъ. Почтенная благотворительница стала ссылаться на то, что это невозможно, и что вообще она ничего не можетъ сдѣлать. Затѣмъ она удалилась. Торчавшій на фабрикѣ съ обѣда приставъ Заруцкій сталъ покрикивать на рабочихъ, чтобы они расходились. На намозолившую глаза полицейскую ищейку посыпались сначала ругательства, а затѣмъ полетѣли камни и палки. Съ этого момента начался „бунтъ“. Заруцкаго еле живого куда то увезли, сильно побили квартальнаго Оглоблина и бывшихъ съ нимъ полицейскихъ. Говорятъ, что досталось и полиціймейстеру. Полиція заперлась въ главной конторѣ. Подростки-рабочіе, человѣкъ 20-30, 12-16 лѣтъ, начали бить стекла въ механическомъ отдѣленіи. Молодежь постарше, человѣкъ 300, гикала и свистала. Взрослые всѣ разошлись. Послѣ механическаго отдѣленія выбили стекла почти во всѣхъ нижнихъ этажахъ фабричныхъ зданій. Мотивы были слѣдующіе: заставить забастовать и другіе цехи фабрики. И, дѣйствительно, работы были прекращены во всѣхъ отдѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что „ситцевые“ врывались въ зданія и силой выгоняли на дворъ. Въ 8 часовъ всѣ 17 тысячъ прекратили работу. Въ 8½ часовъ явилась кавалерія, но уже никого не было. Кавалерію смѣнила пѣхота. 21-го вышелъ гектографированный листокъ (300 экз.) Тверского Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, въ которомъ рабочіе Тверской Мануфактуры приглашались къ стойкой и дружной борьбѣ съ своими врагами — капиталистами и правительствомъ, а битье стеколъ порицалось, какъ вредная форма борьбы. Въ этомъ листкѣ были сформулированы требованія рабочихъ: 1) 8 часовой рабочій день, 2) увеличеніе заработной платы на 50%, 3) вѣжливое обращеніе и отмѣна обысковъ, 4) удаленіе мастера Маркова и директора Балашева, 5) хорошая основа для ткачей, 6) кипятокъ для всей фабрики, 7) облегченіе труда въ ситцевой. Листокъ кончался призывомъ: „Долой самодержавіе!“, „Долой капитализмъ!“, „Да здравствуетъ соціализмъ!“. Прокламаціи очень быстро разошлись, ихъ не хватило. Передъ обѣдомъ 21-го на воротахъ фабрики было вывѣшено объявленіе о разсчетѣ всѣхъ рабочихъ „ситцеваго“ отдѣленія (около 3000 человѣкъ). 21-го днемъ и ночью все было спокойно. Полиція искала намѣченныхъ, но безуспѣшно. Подъ вечеръ случайно арестовано 10 человѣкъ около Залогинской фабрики. 22-го, въ половинѣ двѣнадцатаго дня, на главную улицу Твери, Милліонную, выбѣжала съ толкучки толпа рабочихъ около 150 200 человѣкъ съ криками „ура“, „ведутъ японцевъ“. (Это было придумано съ цѣлью заставить народъ съ толкучки бѣжать на Милліонную). Произошла политическая демонстрація, подготовленная и организованная Тверскимъ Комитетомъ. Были развернуты знамена, и, съ пѣніемъ „смѣло товарищи“, рабочіе направились по направленію къ губернаторскому дому, гдѣ было назначено произнесеніе рѣчей и пр. Но въ это время случайно проходилъ отрядъ пѣхоты, и демонстранты, боясь быть отрѣзанными, повернули на толкучку. На всемъ пути пѣніе пѣсенъ, крики „долой самодержавіе“, „долой войну“ не прекращались, какъ не прекращалось и раскидываніе въ толпѣ любопытныхъ прокламацій о войнѣ, изд. Тверск. Комитета (900 экземпляровъ) и „За что долженъ умирать русскій солдатъ?“ (800 экз.). На толкучкѣ, на берегу Помахи произошелъ страшный переполохъ. Толпа бѣжала отъ демонстрантовъ. Въ сутолокѣ сами торговцы опрокидывали свои товары, частью, тоже въ сутолокѣ, это дѣлали и демонстранты. Такъ, въ одномъ мѣстѣ опрокинули столики съ жульнической игрой въ „шарики“, въ другомъ разсыпали мѣшокъ съ перьями, какая-то женщина застряла между саней и вопила благимъ матомъ. Демонстранты высвободили ее. Торговцамъ въ лавочкахъ кричали, чтобъ они не запирали своихъ лавочекъ, такъ какъ они не лавки бьютъ, а свободы добиваются. Съ толкучки демонстранты повернули на Затьмацкій мостикъ, такъ какъ на Милліонную возвращаться было очень рискованно. И, дѣйствительно, скоро показались жандармы и солдаты. Организаторамъ былъ отданъ приказъ разойтись. Все время развѣвавшіяся знамена были сняты съ древковъ, и демонстранты разбѣжались. Говорятъ, что арестовано четыре рабочихъ, какихъ — неизвѣстно.

Демонстрація произвела большую сенсацію въ нашемъ захолустномъ городѣ, гдѣ отъ роду никогда не бывало такихъ „безобразій“, по опредѣленію обывателя. Хожденіе по толкучкѣ отразилось въ умахъ обывателей и темной массы, какъ погромъ толкучки. Объ этомъ говорятъ вездѣ и всюду, хотя уже съ примѣсью „политики“, такъ какъ знамена и пѣсни не вяжутся даже у обывателя съ мыслью, что цѣлью демонстраціи былъ погромъ толкучки.

Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, — что будетъ, сообщу немедленно.

Очевидецъ-рабочій.

Ростовъ н.Д. Среди ремесленниковъ. (Запоздала). Нашъ городъ преимущественно фабричный; однако, здѣсь можно насчитать большое количество мелкихъ мастерскихъ, гдѣ работаетъ нѣсколько сотъ ремесленниковъ: заготовщиковъ, кроватчиковъ, шапочниковъ и др. Вездѣ работа тяжелая и плохо оплачивается; отношенія между хозяевами и рабочими до недавняго времени были самыя патріархальныя. Особенно плохо живется заготовщикамъ и шапочникамъ. Здѣсь въ душныхъ и тѣсныхъ мастерскихъ, безъ всякой вентиляціи, при коптящихъ лампахъ, съ ранняго утра до поздней ночи сидятъ, согнувшись, труженики и добываютъ капиталы своимъ эксплуататорамъ. Какъ и вездѣ, въ Ростовѣ не соблюдается никакихъ правилъ для ремесленниковъ: работаютъ по 12-14 часовъ въ сутки, а въ такъ называемое „сезонное“ время и по 16-17 часовъ, особенно у шляпочницъ и модистокъ. Ремесленная управа и полиція смотрятъ на это сквозь пальцы, а если и обращаютъ иногда вниманіе, то вся исторія съ протоколами и прочими атрибутами бюрократическаго разслѣдованія заканчивается.... 2-хъ или 3-хъ рублевымъ штрафомъ для владѣльца мастерской.

Однако, „революціонная бацилла“, прочно засѣвшая уже въ нашемъ городѣ, общій подъемъ духа среди рабочихъ и просыпающееся сознаніе ремесленниковъ привели къ тому, что и послѣдніе вступили на тотъ единственный правильный путь, который открывается теперь для рабочаго класса: путь упорной борьбы съ эксплуататорами — хозяевами и ихъ защитникомъ — самодержавіемъ.

Съ лѣта прошлаго года наша организація стала пополняться ремесленниками, появились среди нихъ кружки. Одинъ за другимъ были затронуты всѣ крупнѣйшія производства: заготовщики, шапочники, кроватчики, столяры и др. Съ осени Донской Комитетъ повелъ среди нихъ усиленную агитацію по поводу сокращенія числа взрослыхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ мастерскихъ, напримѣръ, у заготовщиковъ, и замѣны ихъ подростками.

Въ это — же время (въ ноябрѣ) по иниціативѣ неорганизованныхъ столяровъ — подмастерьевъ было устроено нѣсколько совѣщаній по поводу того, слѣдуетъ ли обращаться къ атаману съ прошеніемъ о соблюденіи 10 часоваго рабочаго дня въ ремесленныхъ мастерскихъ. На нихъ присутствовало нѣсколько организованныхъ рабочихъ и интеллигентъ. Послѣ жаркихъ дебатовъ, во время которыхъ указывалось столярамъ на всю безполезность чисто легальной борьбы при современныхъ условіяхъ и приводились соотвѣтствующіе примѣры, удалось поколебать твердую сначала рѣшимость столяровъ: прошенію не дали хода. Вскорѣ послѣ этого Донской Комитетъ выпустилъ листокъ къ ремесленникамъ (2500 экз., это было первый опытъ), распространявшійся и на заводахъ. Листокъ вышелъ удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и произвелъ на всѣхъ ремесленниковъ хорошее впечатлѣніе. Начавшееся среди ремесленниковъ движеніе вылилось въ формѣ нѣсколькихъ частныхъ забастовокъ въ коробочныхъ и и столярныхъ заведеніяхъ, гдѣ рабочіе боролись противъ пониженія расцѣнковъ. Первые протесты, однако, кончились пока неудачей: среди ремесленниковъ нѣтъ еще той сплоченности и единодушія, которыя прежде всего нужны для борьбы за лучшее будущее.

Но время и революціонная работа возьмутъ свое. Въ настоящее время агитація среди ремесленниковъ идетъ такъ же широко, какъ и среди городскихъ рабочихъ.

Сильной задержкой служитъ ,однако, недостатокъ агитаторовъ и литературы.

Декабрь 1903 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФРАНЦІЯ.

КОНГРЕССЪ ЖОРЕСИСТОВЪ.

I. Уставъ и организація жоресистской партіи.

На послѣднемъ конгрессѣ „Французской Соціалистической Партіи“ (жоресистовъ), состоявшемся въ Сентъ-Этьеннѣ, 14-16 февраля, въ центрѣ дебатовъ стоялъ вопросъ о пересмотрѣ партійнаго устава, поднятый „лѣвымъ“ крыломъ.

Уставъ былъ выработанъ на турскомъ конгрессѣ 1902 г., на которомъ жоресисты окончательно сложились въ особую партію. Работа самого конгресса надъ уставомъ состояла, впрочемъ, лишь въ томъ, что делегаты выслушали и безъ дебатовъ единогласно вотировали единогласно же предложенный коммиссіей проектъ. Идиллія, какъ видите, достойная Аркадіи. И, однако, всего черезъ два года возгорѣлась борьба изъ-за этого единодушно принятаго устава. Почему? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и, вообще, выяснить значеніе сентъ-этьеннскаго конгресса, необходимо прежде всего разсмотрѣть турскій уставъ и его примѣненіе на практикѣ.

Организація партіи не представляетъ собою чего-либо произвольнаго, случайнаго. Она такъ же органически связана со всѣмъ внутреннимъ характеромъ партіи, какъ политическая форма государства съ его соціально-экономическимъ строеніемъ. Основныя черты партійной организаціи мѣняются, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ того, на какой классъ опирается партія, въ зависимости отъ ея цѣлей и средствъ, ея принциповъ и тактики. Поэтому, организація соц.-дем. партій различныхъ странъ, — несмотря на все различіе историческихъ и національныхъ условій, въ которыхъ дѣйствуетъ каждая изъ этихъ партій, — имѣетъ одинаковыя коренныя черты, вытекающія изъ однородности ихъ пролетарски-класового характера, изъ однородности ихъ принциповъ и тактики[1]).

Не то мы видимъ въ жоресистской партіи. По своей организаціи, она отличается отъ всѣхъ соц.-дем. партій не менѣе, чѣмъ по своему внутреннему характеру. Она копируетъ внѣшнюю сторону соц.-дем. организаціи, какъ она превращаетъ въ фразеологію коренные принципы международнаго соціализма. По существу же, ея организація — вѣрный сколокъ съ организаціи, точнѣе, съ дезорганизованности буржуазныхъ партій, особенно французскихъ. Буржуазный духъ министерскаго соціализма отразился на турскомъ уставѣ еще ярче, чѣмъ на турской программѣ. Оно и понятно: программа для жоресистовъ парадная мебель, которою пользуются лишь въ торжественныхъ случаяхъ; „обезвредить“ же строгія организаціонныя нормы, регулирующія ежедневный обиходъ партійной дѣятельности, гораздо труднѣе.

Турскій уставъ послѣдовательно формулируетъ полную дезорганизацію партіи. Подъ вывѣской партіи устанавливается союзъ совершенно самостоятельныхъ департаментскихъ федерацій, союзъ до того слабый, что „партія“ является низшей, первобытной формой федеративнаго государства — не „союзнымъ государствомъ“, вродѣ современной Швейцаріи (со времени конституціи 1874 г.), а „союзомъ государствъ“, какимъ была Швейцарія въ первой половинѣ XIX вѣка. Общаго центра въ партіи нѣтъ, а есть только блѣдное подобіе его — „интерфедеральный комитетъ“, члены котораго выбираются не конгрессомъ партіи, а каждой федераціей въ отдѣльности. Далѣе, Комитетъ лишенъ всякаго права на общее политическое руководство партіей, ему присваиваются только административныя функціи да „организація пропаганды и дѣятельности“. Это по уставу. На дѣлѣ же комитету нечѣмъ и некѣмъ управлять и почти нечего организовывать по части пропаганды и дѣятельности. Суверенныя мѣстныя федераціи не прочь, конечно, получать ораторовъ для своихъ собраній, но онѣ не желаютъ жертвовать ничѣмъ для общепартійныхъ дѣлъ. Правда, жоресистскія федераціи — за немногими исключеніями — организаціи дутыя, безсильныя, безденежныя. Но не въ томъ дѣло. Безсиліе комитета вытекаетъ не изъ безсилія федерацій, а прежде всего изъ ихъ полнаго равнодушія къ нему. Это равнодушіе доходитъ до того, что онѣ обыкновенно даже не посылаютъ въ комитетъ своихъ *собственныхъ* людей! Роль федеральнаго представителя передается заглазно, по рекомендаціи, первому встрѣчному молодому человѣку изъ среды парижанъ. Прежде эти *подставные* делегаты фабриковались оптомъ и въ розницу исключительно редакціей газеты Жореса „Petite République“. Въ послѣднія времена, по мѣрѣ усиленія оппозиціи, фабрикація эта производится все болѣе и болѣе секретаремъ интерфедеральнаго комитета... Хваленое федеративное самоуправленіе партіи — лозунгъ, выдвинутый жоресистами въ борьбѣ противъ гедистовъ — выродилось въ полное отсутствіе всякаго партійнаго правленія, а органъ самоуправленія партіи посредствомъ делегатовъ федерацій, интерфедеральный комитетъ, выродился въ собраніе фиктивныхъ представителей, играющее роль пятаго колеса въ телѣгѣ.

Прибавьте къ этому, что Ф. С. П. лишена также собственнаго идейнаго центра въ видѣ газеты, хотя бы еженедѣльной, хотя бы ежемѣсячной, и что, съ другой стороны, ея вожаки имѣютъ въ своемъ распоряженія *частную независимую отъ партіи*, ежедневную газету, безконтрольно „дѣлающую“ общественное мнѣніе внутри партіи, — и вы найдете вторую, крайне важную черту сходства между жоресистской и любой буржуазной партіей.

Сказаннаго достаточно, чтобы понять что ежегодный *конгрессъ* Ф. С. П. не можетъ служить даже суррогатомъ партійнаго центра. По уставу конгрессъ, конечно, высшая инстанція партіи, ея законодательная власть и у жоресистовъ. Но на дѣлѣ онъ не можетъ выражать волю *партіи*, какъ разбитое зеркало не можетъ отражать цѣльнаго образа. Делегаты суверенныхъ федерацій, дѣйствительные и *подставные* (есть подставные делегаты и тутъ, какъ въ комитетѣ!), являются на конгрессъ, проникнутые духомъ мѣстной обособленности. Общіе интересы партійнаго цѣлаго имъ чужды или даже непонятны. Ихъ интересуетъ единственно польза, которую можно извлечь изъ „партіи“ для своего собственнаго околодка — въ видѣ болѣе или менѣе краснорѣчивыхъ ораторовъ.

Попробуйте сложить мѣшокъ картофеля, бочку вина и корзину яицъ — вотъ такую безсмысленную ариѳметическую операцію представляютъ собою жоресистскіе конгрессы, силящіеся изображать сумму разнородныхъ слагаемыхъ.

Этого мало. Конгрессъ-законодатель лишенъ исполнительнаго органа. Мы уже знаемъ, что такое интерфедеральный комитетъ. Это — „почтовый ящикъ“, не болѣе. Такъ его теперь называютъ сами жоресисты лѣваго крыла, повторяя мѣткую кличку, данную ему гедистами. И какъ рѣдко пользуются этимъ ящикомъ федераціи!

Плохъ, никуда негоденъ турскій уставъ, но еще хуже его примѣненіе на практикѣ. Раздробленная на рядъ мѣстныхъ департаментскихъ федерацій-партій, лишенная головы и рукъ, лишенная идейной связи въ видѣ общепартійной газеты, этого наиболѣе дѣйствительнаго орудія партійной гласности и контроля, Ф. С. П. неизбѣжно должна была подъ пасть подъ безконтрольное начало самозванной коллегіи — *парламентской фракціи*. И тѣмъ неизбѣжнѣе, что вожаки фракціи въ тоже время, при помощи частной, независимой отъ партіи, прессы, фабрикуютъ партійное общественное мнѣніе.

Господство парламентской фракціи надъ партіей, эта отличительная черта всякой буржуазной партійной организаціи, должно было проявиться и въ министеріалистской Ф. С. П. Разница между жоресистской и буржуазной организаціей и тутъ лишь чисто формальная. Буржуазнымъ партіямъ, особенно во Франціи, незачѣмъ заботиться даже о бумажномъ контролѣ надъ депутатами. Жоресистамъ пришлось подумать объ этомъ, ради соблюденія внѣшняго соціалистическаго декорума. И вотъ они ввели въ свой уставъ *контроль отдѣльныхъ федерацій надъ депутатами*, выбранными съ помощью данной федераціи.

Нетрудно догадаться, къ чему привело на дѣлѣ это федералистическое расхищеніе общепартійнаго права контроля. Являясь слѣдствіемъ федералистическаго раздробленія всей партіи, оно, въ свою очередь, во-первыхъ, раздробило самое фракцію на отдѣльныя группы и лица, объединенныя только однимъ общимъ интересомъ — дружнымъ стремленіемъ къ полной независимости отъ партійнаго цѣлаго. Избавивъ фракцію отъ отвѣтственности передъ партіей, турскій уставъ вмѣстѣ съ тѣмъ убилъ въ зародышѣ чувство отвѣтственности каждаго отдѣльнаго депутата передъ всей партіей и самой фракціей. Жоресистскій депутатъ и безъ того поглощенъ единственно заботой о сохраненіи своего мандата, а стало быть, о мѣстныхъ, обывательскихъ интересахъ своего избирательнаго округа. Уставъ пошелъ на встрѣчу этой буржуазной истинѣ: онъ оторвалъ его отъ партіи и обезпечилъ ему свободу дѣйствій, позволяющую ему жертвовать партійными интересами интересамъ своего мандата. И ужъ, конечно, не мѣстная организація Ф. С. П., сама проникнутая духомъ обособленности, станетъ ограничивать эту свободу дѣйствій своего депутата. Въ результатѣ обычное тройное раздѣленіе фракціи при важныхъ голосованіяхъ: часть вотируетъ *за*, часть *противъ*, часть *воздерживается* отъ голосованія. Да и вообще, фракція точно воспроизводитъ царящій во всей партіи организаціонный хаосъ. На общія засѣданія она собирается рѣдко, ея рѣдкія засѣданія посѣщаются ничтожной частью членовъ, еще рѣже принимаетъ она общія рѣшенія, и эти рѣшенія никогда не обязательны. Въ Сентъ-Этьеннѣ депутатъ Габріэль Девилль наивно разсказалъ, что депутаты разъ, въ видѣ исключенія, понатужились и собрались на фракціонное засѣданіе въ значительномъ количествѣ. Это чудо объясняется тѣмъ, что предстояло обсудить вопросъ о голосованіи... *секретныхъ фондовъ*. Чудесное засѣданіе само совершило чудо: въ видѣ исключенія, на немъ было принято большинствомъ голосовъ рѣшеніе, а именно, рѣшеніе въ пользу голосованія за секретные фонды. И что же? Благодать двойного чуда оказалась недѣйствительной. Меньшинство, къ прискорбію Девилля и Жореса, рѣшенію большинства не подчинилось.

Во-вторыхъ, федералистическое расхищеніе контроля надъ депутатами привело на дѣлѣ къ полному его уничтоженію во всѣхъ смыслахъ. Какъ во всякой буржуазной партіи, такъ и у жоресистовъ, господинъ депутатъ сильнѣе, вліятельнѣе организаціи, помогшей его избранію. Не только потому, что организація слаба, но и потому, что *министерскій* депутатъ во Франціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи рядъ маленькихъ, но сильно дѣйствующихъ средствъ, для того чтобы расположить избирателей въ свою пользу. Въ его распоряженіи рядъ болѣе или менѣе теплыхъ мѣстечекъ, начиная отъ табачныхъ лавочекъ (во Франціи существуетъ казенная табачная монополія) и кончая должностью сельскаго сторожа. Въ его распоряженіи всякія льготы и привиллегіи, какъ-то: школьныя стипендіи, отпуски, отсрочки и увольненія солдатъ, рекрутовъ и ополченцевъ и т. п. Къ его услугамъ, наконецъ, ордена и медали, на которые такъ падки французы. Рука руку моетъ: депутатъ вотируетъ за министерство, а министерство помогаетъ ему пріобрѣсти признательность избирателей... Нечего говорить, что этой „освященной“ обычаемъ система подачекъ министерски-соціалистическіе депутаты пользуются наравнѣ и на перебой со своими буржуазными коллегами[1]).

При такихъ условіяхъ жоресистскому депутату конфликтъ съ федераціей не страшенъ. Его переизбраніе меньше всего зависитъ отъ департаментской федераціи. Избирательный же комитетъ его округа никогда съ нимъ не разойдется — по той простой причинѣ, что этотъ комитетъ состоитъ изъ его креатуръ, обязанныхъ ему и лично заинтересованныхъ въ его переизбраніи.

Теперь читатель легко пойметъ, почему парламентская фракція Ф. С. П. смѣло начала свою дѣятельность (съ іюня 1902 г.) грубымъ нарушеніемъ только-что вотированнаго турскаго устава. Параграфъ 15 этого устава, принятый наканунѣ и въ виду новыхъ палатскихъ выборовъ, объявляетъ соціалистами лишь тѣхъ депутатовъ, которые во время избирательной борьбы расклеили въ видѣ афиши, за своей подписью, партійную программу. Конечно, призрачность этой гарантіи ясна сама собою. Программная афиша не можетъ помѣшать кандидату въ другихъ афишахъ и въ рѣчахъ заниматься безпринципной ловлей избирателей. Тѣмъ болѣе, что отъ § 15 можно отдѣлаться расклейкой пары-другой афишъ въ болѣе или менѣе укромныхъ уголкахъ. Однако, даже это формальное требованіе показалось черезчуръ опаснымъ для избирательнаго успѣха многочисленнымъ бывшимъ и будущимъ жоресистскимъ депутатамъ. Больше половины выбранныхъ кандидатовъ, 16 изъ 31, не расклеили ни одной программной афиши. Несмотря на это, новая фракція приняла въ свою среду 16 депутатовъ, которыхъ по уставу *нельзя считать соціалистами*. Съ тѣхъ поръ состоялись два конгресса Ф. С. П., но въ серьезъ никто на нихъ не подымалъ вопроса о грубомъ нарушеніи устава фракціи. Дѣло ограничилось охами да вздохами одного-двухъ оппозиціонныхъ делегатовъ.

Да что говорить о нарушеніи какого-то параграфа устава? Это — милая шалость, не болѣе, по сравненію со всей дѣятельностью фракціи. Наши читатели знаютъ, какіе позорные плоды выросли на почвѣ постояннаго союза жоресистовъ съ буржуазно-демократическими фракціями, союза, превратившаго ихъ въ простой придатокъ министерскаго большинства. Эти позорные, бьющіе въ глаза результаты министеріализма заставили, наконецъ, оппозицію поднять знамя борьбы противъ всей фракціи, а не только, какъ это было на прошлогоднемъ конгрессѣ въ Бордо, противъ одного Мильерана.

---

[1] Я имѣю въ виду, конечно, прежде всего соц.-дем. партіи свободныхъ странъ. Исключительное положеніе россійской соц.-дем. партіи вызываетъ необходимость сильнаго видоизмѣненія общихъ организаціонныхъ формъ международной соц.-дем. Но и наша партія не можетъ не стремиться — по мѣрѣ своего усиленія, дѣйствительно, все болѣе и болѣе стремится — къ воплощенію общихъ принциповъ всякой соц.-дем. организаціи въ приспособленныхъ къ русскимъ условіямъ формахъ.

[1] Впрочемъ, не будемъ несправедливы. Жоресисты хлопочутъ не только о своихъ избирателяхъ. Жирныя синекуры они безкорыстно распредѣляютъ между заслуженными товарищами. Такъ, напр., недавно Леженъ, бывшій секретарь редакціи „Petite République“, получилъ мѣсто... смотрителя тюремъ въ Нанси.

Теперь посмотримъ, какъ оппозиція боролось въ Сентъ-Этьеннѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АВСТРІЯ.

21 сего февраля львовскій пролетаріатъ отдалъ послѣдвія почести убѣжденному и несокрушимому бойцу за дѣло польской и русской свободы, главному дѣятелю въ дѣлѣ подготовленія послѣдняго польскаго возстанія, — Брониславу Шварце.

Приговоренный въ 1862 году къ смертной казни черезъ повѣшеніе, Шварце въ теченіе двухъ недѣль ожидалъ исполненія смертнаго приговора. Послѣ томительнаго ожиданія узналъ Шварце объ отмѣнѣ приговора: благодаря вмѣшательству французскаго правительства смертная казнь была замѣнена пожизненной каторгой въ Нерчинскихъ рудникахъ. По дорогѣ въ Сибирь Шварце изъ Перми былъ возвращенъ и заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Семь лѣтъ одиночнаго заключенія въ царской бастиліи, затѣмъ 23 лѣтняя ссылка въ Восточной Сибири не надломили мощной натуры покойника — вернувшись въ отечество, онъ и здѣсь не разорвалъ связи съ революціонными традиціями своей юности. Но увы! шляхетски-клерикальный строй „конституціонной“ Галиціи не представляетъ удобныхъ условій для того, чтобы въ ней могъ найти широкое поле для революціонной дѣятельности эмигрантъ изъ Россіи... международная солидарность защитниковъ „порядка“ связала руки бодраго старца-революціонера. —

Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ... оклеветанный и оплеванный при жизни „патріотами“, Шварце послѣ смерти удостоился рѣдкой для революціонера почести... за его гробомъ шли многія тысячи львовскихъ гражданъ, самыхъ смирныхъ и благонамѣренныхъ, включительно до представителей высшей польской аристократіи. Гробъ почившаго провожали галиційскій ландтагъ, гласные городской думы, патріотическія, гимнастическія и студенческія общества съ 22 корпоративными знаменами, чудный оркестръ — вотъ какъ, благодаря ироніи судьбы, почтилъ Львовъ почившаго революціонера. Несмѣтныя толпы народа провожали гробъ покойника, но національно-польскія похороны превратились въ грандіозную соціальдемократическую манифестацію, благодаря участію организованныхъ рабочихъ.

Возвращаясь съ кладбища, многотысячная толпа устроила грандіозную демонстрацію. Съ пѣніемъ „Краснаго Знамени“ и „Марсельезы“, рабочіе дошли до центра города, гдѣ одинъ изъ представителей соціалистической молодежи произнесъ горячую рѣчь, въ которой выразилъ надежду на близость русской и польской революціи и высказалъ убѣжденіе, что всѣ здѣшніе рабочіе радостно и дѣятельно откликнутся на ея взрывъ...

Огромная толпа разошлась при оглушительныхъ крикахъ: „долой царя“, „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ революція!!“

Здѣшнія власти, ожидая разгрома русскаго консульства, приняли самыя энергичныя мѣры: мобилизировали всю львовскую полицію, нѣсколько ротъ пѣхоты и отрядъ гусаръ. 150 чел. пѣшихъ и конныхъ городовыхъ, во главѣ съ директоромъ полиціи, оберегали зданіе русскаго консульства. Сормовецъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны:

Центральн. Комитетомъ Партіи изданъ слѣдующій листокъ:

КЪ РУССКОМУ ПРОЛЕТАРІАТУ.

Война началась. Японцы успѣли уже нанести русскимъ войскамъ рядъ пораженій, и теперь царское правительство напрягаетъ всѣ силы, чтобы отмстить за эти пораженія. Мобилизуются одинъ за другимъ военные округа, десятки тысячъ солдатъ спѣшно отправляются на Дальній Востокъ, заграницей дѣлаются отчаянныя усилія заключить новый заемъ, подрядчикамъ обѣщаютъ премію по нѣсколько тысячъ рублей въ день за ускореніе работъ, необходимыхъ для военнаго вѣдомства. Всѣ силы народа подвергаются величайшему напряженію, ибо борьба начата не шуточная, борьба съ пятидесяти милліоннымъ народомъ, который превосходно вооруженъ, превосходно подготовленъ къ войнѣ, который борется за настоятельно необходимыя, въ его глазахъ, условія свободнаго національнаго развитія. Это будетъ борьба деспотическаго и отсталаго правительства съ политически свободнымъ и культурно быстро прогрессирующимъ народомъ. Война съ хилой Турціей въ 1877-78 годахъ, обошедшаяся такъ дорого русскому народу, была ничтожна по сравненію съ начатой теперь войной.

Изъ за чего же борется теперь не на жизнь, а на смерть, русскій рабочій и крестьянинъ съ японцами? Изъ за Манджуріи и Кореи, изъ за этой новой земли, захваченной русскимъ правительствомъ, изъ за „Желтороссіи“. Русское правительство обѣщало всѣмъ другимъ державамъ сохранять неприкосновенность Китая, обѣщало отдать Манджурію Китаю не позже 8 октября 1903 г. и не исполнило этого обѣщанія. Царское правительство настолько уже зарвалось въ своей политикѣ военныхъ приключеній и грабежа сосѣднихъ странъ, что идти назадъ оно уже оказалось не въ силахъ. Въ Желтороссіи настроены крѣпости и гавани, проведена желѣзная дорога, собраны десятки тысячъ войска.

Но какая же польза русскому народу отъ этихъ новыхъ земель, пріобрѣтеніе которыхъ стоило столько крови и жертвъ и будетъ стоить еще гораздо больше? Русскому рабочему и крестьянину война сулитъ новыя бѣдствія, потерю бездны человѣческихъ жизней, разореніе массы семей, новыя тягости и налоги. Русскому военному начальству и царскому правительству война кажется обѣщающей военную славу. Русскому купцу и промышленнику-милліонеру война кажется необходимой, чтобы отстоять новые рынки для сбыта товаровъ, новыя гавани въ свободномъ незамерзающемъ морѣ для развитія русской торговли. Голодающему мужику и безработному рабочему у себя дома не продать много товаровъ, надо искать сбыта въ чужихъ земляхъ! Богатства русской буржуазіи созданы обнищаніемъ и разореніемъ русскихъ рабочихъ. — и вотъ, чтобы увеличить еще болѣе эти богатства, рабочіе должны теперь своею кровью добиваться того, чтобы русская буржуазія могла безпрепятственно покорять и кабалить работника китайскаго и корейскаго.

Интересы алчной буржуазіи, интересы капитала, готоваго продать и разорить свою родину въ погонѣ за прибылью, — вотъ что вызвало эту преступную войну, несущую неисчислимыя бѣдствія рабочему народу. Политика деспотическаго правительства, которая попираетъ всѣ человѣческія права и держитъ въ рабствѣ свой народъ, — вотъ что привело къ этой азартной игрѣ кровью и достояніемъ русскихъ гражданъ. И въ отвѣтъ на бѣшенные военные клики, въ отвѣтъ на „патріотическія“ манифестаціи холоповъ денежнаго мѣшка и лакеевъ полицейской нагайки сознательный соціальдемократическій пролетаріатъ долженъ выступить съ удесятеренной энергіей съ требованіемъ: „Долой самодержавіе!“ „Пусть будетъ созвано народное учредительное собраніе!“

Царское правительство зарвалось до такой степени въ своей азартной игрѣ военныхъ приключеній, что поставило на карту слишкомъ, слишкомъ многое. Даже въ случаѣ удачи, война съ Японіей грозитъ полнымъ истощеніемъ народныхъ силъ — при совершенной ничтожности результатовъ побѣды, ибо другія державы такъ же не позволятъ Россіи воспользоваться плодами побѣды, какъ не позволили онѣ этого Японіи въ 1895 году. А въ случаѣ пораженія, война приведетъ прежде всего къ паденію всей правительственной системы, основанной на темнотѣ и безправіи народа, на угнетеніи и насиліи.

Кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ пожнетъ бурю!

Да здравствуетъ братское единеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ, борющихся за полное освобожденіе отъ ярма международнаго капитала! Да здравствуетъ японская соціальдемократія, протестовавшая противъ войны! Долой разбойническое и позорное царское самодержавіе!

Центральный Комитетъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Просятъ перепечатывать.

Редакціей „Искры“ изданы листки: „Къ обществу“ и „Кому помогать“ (обращеніе къ тѣмъ, кто записывается въ отряды Краснаго Креста). **Петербургскимъ Комитетомъ**: 1) „Война началась“, 2) „Наши неудачи на дальнемъ Востокѣ“, 3) „Вопросъ о войнѣ долженъ рѣшать самъ народъ“; 4) Статья изъ „Искры“ № 56 „Въ тискахъ“, 5) „Разсчетъ на невѣжество“ (по поводу статьи „Новаго Времени“, привѣтствовавшей гнусную выходку Жеро-Ришара въ защиту царизма, какъ „голосъ французскихъ соціалистовъ“), 6) „Голосъ страны“, 7) „Тайны успѣха патріотическихъ манифестацій“, 8) „Правительственный грабежъ и высочайшее попрошайничество“, 9) Севастополь“ и Портъ-Артуръ“; **Николаевскимъ Комитетомъ**: „О Японской войнѣ“ (5600 экземпляровъ) и „Товарищи, протестуйте противъ грабежа“ (о „добровольныхъ пожертвованіяхъ“ — 2600 экз.); **Екатеринославскимъ Ком.** „Ко всѣмъ рабочимъ г. Екатеринослава“ (о причинахъ и характерѣ войны); **Донецкимъ союзомъ** изданъ листокъ: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“ (2500 экз.); **Полѣсскимъ Ком.** переизданъ этотъ же листокъ „Искры“. Тотъ же листокъ переизданъ **Тверскимъ Ком.** (800 экз.). Этимъ же комитетомъ изданъ самостоятельный листокъ о войнѣ; **Бердичевской Организаціей** переизданъ листокъ „Искры“: „Война противъ войны“; **Кіевск. Ком.** — статья „Война“ (изъ № 58 „Искры“) и еще нѣсколько листковъ о войнѣ. **Одесск. Ком.** выпущенъ листокъ: „Кто нашъ врагъ“?: **Рижскимъ Ком.** — листокъ: „О войнѣ“ (5000 экз.); **Моск. Ком** — „Кто виноватъ?“; **Рижскимъ Комитетомъ Прибалтійской Латышск. Организаціи** — листокъ подъ названіемъ „Довольно обмановъ“ (на русскомъ яз.); **Дерптск. Группой соц.-дем.** переизданъ листокъ „Искры“: „Война противъ войны“, а **Дерпт. студ. Союзнымъ Совѣтомъ**: „Почему царское правительство затѣяло войну съ Японіей?“ (оттискъ изъ № 59 „Искры“).

Изданія Комитетовъ и группъ Партіи: Пет. 1) О смерти Н. Михайловскаго; 2) Къ переплетчикамъ; 3) по поводу изгнанія Пронина и Степанова съ техни. съѣзда; 4) „19 февраля“; **Тверск. Ком**: 1) Къ стачечникамъ Мороз. фабрики и 2) Къ солдатамъ; **Берд. Организаціи**: „19 февраля“ По поводу той же годовщины изданы листки: **Екатеринославскимъ** Ком., **Донскимъ** Ком. (4000 экз.), **Донецкимъ** Союзомъ (1600 экз.); **Ворон. Ком.** — листокъ (№ 12). Къ новому году; **Берлинской** группы содѣйствія: О преслѣдованіяхъ русскихъ въ Берлинѣ.

Вышла брошюра *Энгельса* „Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи“ съ предисловіемъ *В. Г. Плеханова*.

При Центральномъ Комитетѣ Р. С.-Д. Р. Партіи заграницей, образовалась „Коммиссія по изданію соц.-демократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ“. „Коммиссія“ обращается ко всѣмъ товарищамъ и сочувствующимъ съ просьбою оказывать ей возможное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Деньги, литратурные матеріалы и письма можно посылать по адресу Центр. Комитета или Центр. Органа съ обозначеніемъ на конвертѣ: *„для Коммиссіи“*.

Коммиссія проситъ также оговаривать, для изданія какой литературы предназначается денежное воспомоществованіе: грузинской, армянской или обоихъ.

Минскъ. Январь. „На реферадѣ „Выходъ Бунда изъ Партіи,“ вызвавшемъ продолжительныя и обстоятельныя пренія, мы, еврейскіе рабочіе гор. Минска въ числѣ 21 противъ 3 воздержавшихся, выразили свою полную солидарность съ Р. С.-Д. Р. П. и присоединяемся къ послѣдней.“

Намъ прислана слѣдующая резолюція:

Петербургская рабочая организація („СПБ. союзъ борьбы за осв. раб. класса“), полагая, что энергичный протестъ „Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Демократіи“ противъ бюрократическаго централизма и та позиція, которую заняла „Искра“, начиная съ 53 номера, даетъ основаніе надѣяться, что процессъ объединенія Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи не будетъ подвергаться насильственнымъ воздѣйствіямъ и пріобрѣтетъ характеръ естественнаго внутренняго развитія, опредѣляемаго ростомъ классового самосознанія россійскаго пролетаріата, — въ интересахъ скорѣйшаго объединенія пріостанавливаетъ свою дѣятельность и предоставляетъ своимъ работникамъ войти отдѣльными лицами въ мѣстную работу партійныхъ организацій. Да здравствуетъ единая Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія! Да здравствуетъ международная соціальдемократія!“

Съ другой стороны, Воронежскій Комитетъ въ январской своей прокламаціи говоритъ: „Хотя положеніе дѣлъ въ Партіи насъ еще не удовлетворяетъ, но мы вѣримъ, что общими усиліями трудная организація Партіи будетъ усовершенствована. Въ виду многихъ слуховъ, Воронежскій Комитетъ заявляетъ товарищамъ, что о выходѣ Воронежскаго Комитета изъ Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи и рѣчи не можетъ быть. Воронежскій Комитетъ прекрасно понимаетъ, какимъ опаснымъ прецедентомъ сталъ бы выходъ рабочей организаціи, какой является Воронежскій Комитетъ, изъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи... Намъ надо не создавать новыхъ расколовъ, а настойчиво стремиться къ объединенію всѣхъ сознательныхъ рабочихъ и соціалистовъ въ одну партію. При томъ второй съѣздъ былъ съѣздомъ очереднымъ, а не учредительнымъ. Исключеніе изъ Партіи можетъ быть лишь по партійному суду и никакая организація, ни самый Центральный Комитетъ, не имѣетъ права исключать какую-либо соціальдемократическую организацію изъ Партіи. Больше того: на второмъ съѣздѣ принятъ § 8 устава, по которому всякая организація въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ автономна, а потому Воронежскій Комитетъ имѣетъ полную возможность проводить свои организаціонные взгляды въ жизнь и въ Партію.“

Насколько намъ извѣстна прежняя дѣятельность Воронежскаго Комитета и „Союза борьбы“, члены этихъ организацій во многихъ вопросахъ сильно расходятся, какъ съ такъ называемымъ „большинствомъ“, такъ и съ „меньшинствомъ“ партіи. Тѣмъ болѣе желательно, чтобы представители этого особаго оттѣнка соціальдемократіи работали рука объ руку со всѣми партійными организаціями. Самораспущеніе Петербургской рабочей организаціи, какъ и аналогичныхъ рабочихъ организацій въ Екатеринославѣ и Одессѣ, слѣдуетъ привѣтствовать, какъ шагъ по пути сплоченія всѣхъ партійныхъ силъ.

Лондонскіе товарищи просятъ насъ внести поправку въ помѣщенную въ № 59 замѣтку о митингѣ противъ войны. Дѣло въ томъ, что этотъ митингъ созванъ былъ не только группой содѣйствія Партіи, но и ферейномъ „Веккеръ“, примыкающимъ къ „Бунду“.

Заявленіе. Въ вышедшемъ недавно, въ изданіи Ц. К., достопримѣчательномъ произведеніи Павловича содержится одна злостная выходка противъ т. Н. Рязанова, члена бывшей группы „Борьба“, имѣющая цѣлью набросить тѣнь на его моральную личность. Товарищи, не освѣдомленные о томъ, кто такой Павловичъ, могутъ тѣмъ скорѣе отнести эту выходку на счетъ мнѣнія всѣхъ „искровцевъ“, что въ протоколахъ партійнаго съѣзда, въ одной моей рѣчи, найдутъ рѣзкое замѣчаніе по адресу т. Рязанова, которое можетъ быть истолковано, какъ квалификація самаго отрицательнаго свойства. Въ интересахъ справедливости, я, поэтому, считаю своимъ долгомъ на столбцахъ „Искры“ возстановить то, что мною уже было сказано на засѣданіи съѣзда Лиги по этому поводу, и что, вслѣдствіе суженія круга читателей протоколовъ этого съѣзда одними членами Партіи, остается неизвѣстнымъ болѣе широкой публикѣ. На засѣданіи съѣзда Лиги, *т. е. еще до появленія протоколовъ второго съѣзда Партіи въ печати*, я счелъ себя обязаннымъ *взять назадъ* сказанное мною о т. Рязановѣ, сдѣлавъ это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „долженъ признаться, что я не имѣлъ основанія такъ третировать Рязанова“ и указавъ, что мои слова на съѣздѣ Партіи были сказаны „въ раздраженіи“. Пользуюсь случаемъ, даннымъ мнѣ брошюрой Павловича, чтобы повторить это мое заявленіе передъ всей той публикой, которой доступны протоколы второго партійнаго съѣзда. Л. Мартовъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Харьковъ Кромѣ арестованныхъ въ концѣ января и началѣ февраля 42 лицъ, (студенты Эпштейнъ, Якубовичъ, Короткевичъ, Золотаревъ, Геншель, Суровъ, ст.-ветер. Андреевъ и др.) въ ночь на 19 февраля было арестовано еще очень много народу, такъ что всѣ тюрьмы переполнены. Обыски производятся днемъ; аресты на улицахъ сплошь да рядомъ. Взяли Рауша и еще нѣкоторыхъ извѣстныхъ либераловъ. Арестованные раньше устроили три голодовки — причемъ послѣдняя продолжается уже 11 дней (12-22 февраля). Причины слѣдующія: отказъ дать одному заключенному свиданія съ невѣстой; требованія: выпуска давно сидящихъ, удаленія нѣкоторыхъ надзирателей, открыть забитыя форточки (причемъ одному изрѣзали руки за попытку отперепь форточку). **Орѣхово-Зуево.** 8 февраля на квартирѣ управляющаго торфяными болотами Саввы Морозова г. Новодворскаго было арестовано нѣсколько человѣкъ: его жена, завѣдующій электрической станціей фабрики С. Морозова Вышемірскій, нынѣшній годъ только кончившій институтъ, десятникъ одного изъ болотныхъ участковъ и нѣсколько рабочихъ. Въ тотъ же день былъ обыскъ у фельдшерицы Васильевой, но ее не арестовали. 10 февраля были опять аресты. Всего арестовано 14 человѣкъ; арестованные увезены въ уѣздную Покровскую тюрьму. Настроеніе рабочихъ въ массѣ подавленное, на масленицѣ пришлось даже отмѣнить въ мѣстномъ клубѣ спектакль, въ виду угрозъ рабочихъ разнести собранія веселящихся въ такое мрачное время.

Товарищи просятъ остерегаться рабочаго Федора Скворцова. Физіономія шпика, все лицо изрыто оспинами, безбородый; ткачъ изъ фабрики В. Морозова.

Ростовъ н/Д. Всѣ арестованные подъ новый годъ, за исключеніемъ одной, выпущены, т. е. Гашеръ, Орлова, Хаевская, Тахчогло и др. Арестованный у Тахчогло нелегальный съ паспортомъ Иванова открылся и отправленъ въ Архангельскую губ. (мѣсто побѣга). Анна Браиловская, (изъ Кременчуга) жена А. Д. Браиловскаго, сосланнаго на 5 лѣтъ въ Восточную Сибирь, получила тотъ же приговоръ; сидитъ пока въ Ростовѣ, такъ какъ этапы въ Сибирь прекращены по случаю войны.

Москва. Къ 1 января нынѣшняго года въ „Таганкѣ“ находилось 67 лицъ (63 мужчины и 4 женщины). Изъ нихъ 24 рабочихъ, 17 учащихся, одинъ прикащикъ, два конторщика, одинъ статистикъ, пять народныхъ учителей, одинъ художникъ, одинъ учитель гимназіи, одинъ писатель-педагогъ (Вахтеровъ), одинъ отст. офицеръ, одинъ чиновникъ особыхъ поруч., одна фельдшерица и одиннадцать „интеллигентовъ“ разнаго рода. Въ теченіе января поступили въ тюрьму студенты Борисъ Подвицкій и Николай Сапожковъ, гимназистка О. Дилевская и четверо рабочихъ изъ Коломны. Студ. Георгій Пашинъ (Вяземское дѣло) высланъ на 3 г. въ Архангельскую губ., конторщикъ А. Малышевъ (Пензенское дѣло) высланъ на 4 г. въ Архангельскую губ. Приговорены: по московскому соц.-дем. дѣлу октября 1902 г. Сем. Вайнштейнъ — 4 г. Восточной Сибири; Мещеряковъ — 3 г. В. Сиб.; Марія Олигеръ — 4 г. гласн. надзора; Мар. Манасевичъ — 4 г. Архангельской губ. Рабочій Правдинъ — на 3 г. въ Олонецкую губ.; рабочій Бугаевъ — на 5 л. въ Архангельскую губ. (оба изъ Одессы). Съ конца января по 15 февраля арестованы: студенты Плат. и Влад. Лебедевы, два брата Пейко, Григ. Ривкинъ, раб. Катаньянъ, бывш. студ. Надежинъ, Марія Жебунева, инженеръ Ѳ. Зауеръ, А. Высоцкій, Левъ Никифоровъ (70 лѣтъ), фельдш. Люб. Лекоринская, банковскій служащій Борисъ Слуцкій, Нина Ермолова, свободный художникъ Гр. Ивановъ, пом. прис. повѣр. Зелененко и его жена, зубной врачъ Лидія Езерская, земскіе служащіе Кирьяковъ, Щербаковъ, Лузина, Ордынскій, фармац. Краузе, прис. пов. Стааль, докторъ Рахмановъ съ сестрой, курсистки Рыжова, Антонова, Никулина, студ. Дунаевъ, Каранчукъ, Александровъ, гимназ. Воскресенскій, баронъ Левисъ офъ-Менаръ. — **Ярославль.** За послѣднее время было много обысковъ и арестовъ. Взяты ученицы фельдшерской школы Суетова, Ковина, Костерина, Хадзинская, Голованова, служащая въ ред. „Сѣвер. Края“ Горшкова, студ. Смоленскій. — **Ковровъ.** Арестов. шесть человѣкъ. — **Муромъ.** Взяты агрономъ и его жена, техникъ, пріѣзжій ткачъ съ женой и еще нѣсколько человѣкъ (фамиліи не извѣстны). — **Екатеринославъ.** Судъ по дѣлу о всеобщей стачкѣ лѣтомъ 1903 г. назначенъ на 1-4 марта въ Харьковѣ.

Бѣжали: Мих. Гурешидзе (Тифлисское соц.-дем. дѣло 1902 г.), приговоренъ на 3 года въ Восточную Сибирь; Шофманъ (соц.-д. изъ Одессы) изъ Енисейской губерніи.

Предостереженіе: Въ Одессѣ находится извѣстный въ Варшавѣ провокаторъ Адамъ Рошковскій, по професіи слесарь. Изобличенный нами, онъ скрылся изъ Варшавы, и вотъ теперь мы узнали, что онъ продолжаетъ свое провокаторство въ Одессѣ. Примѣты Рошковскаго: 22 лѣтъ, роста средняго, темный шатенъ, смуглое, продолговатое лицо, глаза черные, немного картавитъ, интеллигентный, полякъ. Изъ Варшавы скрылся лѣтомъ 1903 года.

Главное Управленіе Соціальдемократіи Польши и Литвы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ заграничнаго представителя Центр. Комитета.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено „отъ грязнаго велосипедиста изъ Геттингена“ — 62 франка, собрано Ниной въ Давосѣ по листу № 29 въ пользу Сибирской кассы — 53 фр.

Поправки. 1) „Въ № 55 „Искры“, безъ указанія мѣсяца и числа, было напечатано сообщеніе изъ Твери слѣдующаго содержанія: „Здѣсь арестованъ извѣстный педагогъ Вахтеровъ. Арестъ его связанъ съ провокаторствомъ, учиненнымъ прибывшими въ этомъ году въ Тверь двумя агентами зубатовской школы. Легковѣрные тверичане вѣрили имъ на слово, и въ результатѣ — арестъ до 50 чел. Провокаторамъ этимъ удалось проникнуть въ нѣкоторые нелегальные кружки“. Все это невѣрно. Вахтеровъ арестованъ въ Москвѣ, а не въ Твери. Никакихъ агентовъ зубатовской школы у насъ не появлялось, ареста до 50 человѣкъ у насъ вовсе не было. Такъ что легковѣрными оказались, во всякомъ случаѣ, не тверичане“. Тверской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Пар.

2) Латышская Соц.-Дем. Организація города Риги проситъ насъ указать, что въ № 58 „Искры“, въ сообщеніи изъ Риги невѣрно указано, что похороны рабочихъ, убитыхъ взрывомъ на пистонномъ заводѣ, сопровождались демонстраціей рабочихъ. Далѣе, по словамъ латышскихъ товарищей, демонстраціи подъ новый годъ произошли не въ четырехъ, а во всѣхъ семи киркахъ города Риги.

Деньги и письма для „Искры“, „Зари“ и „Лиги русской революціонной соц.-дем.“ просимъ направлять по слѣд. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse)

Всю заграничную корреспонденцію, простую и денежную, предназначенную для Ц. К. Партіи или для партійной экспедиціи, Ц. К. проситъ направлять по адресу:

V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (PRES PONT-NEUF). GENEVE (SUISSE).

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 62. 15-го марта 1904 г. Годъ IV.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

ТАКЪ ЛИ МЫ ГОТОВИМСЯ?

Самодержавіе задыхается, потому что окружающая его общественно-политическая атмосфера находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ его собственной природой. Историческое оправданіе самодержавія заключалось въ томъ, что оно являлось единственной организаціей, воплощавшей въ себѣ политическіе интересы страны — интересы самосохраненія и развитія государственнаго организма въ его экономической и политической борьбѣ. Общественное развитіе вырвало изъ подъ ногъ самодержавія эту почву, поскольку это развитіе, дифференцируя націю и усложняя отношенія между отдѣльными ея составными частями, создавало новые политическіе интересы, новыя соціальныя потребности. Изъ организатора общества самодержавіе превратилось въ его дезорганизатора, въ препятствіе всякому дальнѣйшему экономическому и культурному прогрессу. Съ этого момента самодержавіе было обречено на гибель.

Искусственно создать на одинъ моментъ вокругъ себя ту общественную атмосферу, которая соотвѣтствовала бы его исторической природѣ, — значитъ для самодержавія продлить свое существованіе.

Въ нынѣшней войнѣ передъ самодержавіемъ предстала соблазнительная перспектива новаго „героическаго" возрожденія въ роли оберегателя „національныхъ интересовъ", въ роли защитника страны отъ внѣшняго врага.

Надо ловить моментъ, моментъ временнаго, искусственно вызваннаго оживленія общественнаго спроса на государственную власть въ ея нынѣшнемъ видѣ. Этотъ моментъ такъ долго ожидался, въ предвкушеніи его такъ много струнъ было натянуто до той степени, когда катастрофа можетъ быть вызвана новымъ легкимъ толчкомъ... Было бы наивностью ожидать, что самодержавіе не воспользуется временнымъ подъемомъ его акцій на внутреннемъ рынкѣ, для попытки отвоевать хотя бы нѣкоторыя изъ позицій, отбитыхъ у него въ предыдущіе дни. И не затѣмъ организовывало оно оргіи „патріотизма", чтобы упустить случай взять хотя бы временный реваншъ въ борьбѣ съ внутренними врагами.

Борьба развившихся въ нѣдрахъ современной Россіи общественныхъ силъ логически неизбѣжно ведетъ къ такому моменту, когда передъ самодержавіемъ встанетъ во всей своей рѣзкости дилемма: или добровольно сойти со сцены, или вызвать эти силы на открытый, безпощадный бой, чтобы, раздавивъ ихъ, попытаться отсрочить на неопредѣленное время ликвидацію своей фирмы. Длительная борьба съ революціонными силами истощаетъ всѣ ресурсы самодержавія. Нѣтъ ничего худшаго для него, какъ *привыканіе* массы населенія къ самому факту политической борьбы, систематически ведущейся въ странѣ. Всѣ устои самодержавія разлагаются, когда населеніе осваивается съ этимъ фактомъ, стоящимъ въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ политической системой, отрицающей въ корнѣ политическую самодѣятельность общественныхъ силъ. Инстинктъ самосохраненія долженъ толкать царизмъ на попытку однимъ сильнымъ кровопусканіемъ ускорить развязку переживаемой нами революціонной борьбы. И чѣмъ скорѣе — тѣмъ лучше для самодержавія, ибо тѣмъ съ меньшимъ рискомъ для него связана будетъ такая попытка, въ которой оно поставитъ на одну карту *все* свое существованіе. Это хорошо понимали наши самодержцы, когда время отъ времени пытались провоцировать насъ на быструю ликвидацію нашей „будничной", такъ глубоко подтачивающей царизмъ, работы. Начиная съ военныхъ судовъ въ Варшавѣ осенью 1900 года, продолжая массовой сдачей студентовъ въ солдаты, жестокимъ избіеніемъ демонстрантовъ 1901 года, розгами фонъ-Валя и процессами противъ демонстрантовъ 1902 года и кончая кишиневской бойней и возвращеніемъ къ военному суду въ Таганрогѣ, — не прекращаются попытки *форсировать* революціонное настроеніе охваченныхъ движеніемъ массъ, чтобы принудить революціонеровъ выйти на открытый бой въ такой моментъ, когда перевѣсъ силъ безусловно на сторонѣ самодержавія. Но самодержавіе уже не могло послѣдовательно проводить политику осаднаго положенія со всѣми его выводами. Не могло потому, что за революціонными организаціями, противъ которыхъ непосредственно обращались его удары, стояли густыя колонны революціонизирующагося класса, всѣмъ вѣсомъ своей массы сдерживающія политическую экспансивность наиболѣе обстрѣливаемыхъ элементовъ. Безумное предпріятіе Боголѣпова, казалось, увѣнчалось успѣхомъ: Карповичъ и Лаговскій грозили начать новую эру революціоннаго единоборчества, новую эру постепеннаго истощенія революціонной энергіи. Но выстрѣлъ Карповича раздался не въ безвоздушномъ пространствѣ. На него отвѣтило громовое эхо рабочей и разночинной толпы, пробужденной предыдущей соціальдемократической агитаціей и только ждавшей сигнала, котораго не рѣшались подать тогдашнія организаціи. Стихійный потокъ увлекъ за толпой ея колебавшихся руководителей — и снесъ — на время — слабые ростки новаго терроризма. Ледъ былъ сломленъ — на „политику" предъявили спросъ широкія народныя массы, и передъ правительствомъ, вызвавшимъ на отчаянный, короткій бой тысячи революціонныхъ студентовъ, оказались десятки тысячъ готовыхъ къ систематической наступательной войнѣ рядовыхъ борцовъ, за которыми прозорливое полицейское око не могло не видѣть быстро формирующіеся новые и новые легіоны. Самодержавіе отступило, и репрессія вернулась къ обычнымъ „будничнымъ" формамъ, къ которымъ такъ недурно приспособилась разрушительная работа русской революціи.

Новые акты „сверхсмѣтной" провокаціи вызвали черезъ годъ покушенія Балмашова, Лекерта и Качура. Нервное настроеніе охватило значительные революціонные круги и на этотъ разъ, казалось, грозило подчинить себѣ всю боевую тактику революціонной арміи. „Терроръ" и „вооруженная оборона" грозили увлечь всю революціонную молодежь. Но соціальдемократія, имѣя за собою годъ массовыхъ проявленій политической борьбы, могла противопоставить „новымъ" увлеченіямъ внушительную силу своего вліянія. Чего не сдѣлала критика литераторовъ, то было додѣлано практикой элементарнаго массоваго движенія. Ростовскіе митинги съ ихъ десятитысячными толпами „призвали къ порядку" рвавшихся отъ массъ революціонеровъ. Началась эра дѣйствительно массовой, хотя и очень еще раздробленной, антицаристской агитаціи, началась болѣе широкая работа по организаціи самихъ „профессіонально-революціонныхъ" элементовъ. Новая „террористическая" полоса прошла, не задѣвъ нашихъ формирующихся кадровъ. Ростовская демонстрація 2 марта и іюльская всеобщая стачка наградили соціальдемократію за вѣрность принципамъ той тактики, которая создала ея силу и вывела страну изъ состоянія политической дремоты.

Ростовскіе ноябрьскіе дни нанесли сильный ударъ не только „красному", но и „бѣлому" террору. У самодержавія хватило силы и „мужества", чтобы задушить въ казематахъ двухъ смѣлыхъ юношей, чтобы варварскими мѣрами задавить демонстраціи малочисленныхъ передовыхъ отрядовъ — хотя бы они и были вооружены и готовы биться на жизнь и смерть; но оно снова и снова опускало руки передъ лицомъ новыхъ, поднятыхъ революціоннымъ плугомъ, пластовъ народной массы. Чтобы преодолѣть все противодѣйствіе, оказываемое его провокаціи энергіей опирающейся на массы революціонной силы, ему нужно было прежде всего создать вокругъ себя хотя бы какую-нибудь сочувственную атмосферу. Наступила пора усиленнаго „хожденія въ народъ" подъ руководствомъ Шаевича и барона Левендаля. Новая неудача! На кишиневскую бойню рабочія массы отвѣтили всеобщей стачкой, смывшей жалкое зданіе зубатовщины и обезцѣнившей въ глазахъ правительства дорогіе эксперементы Варѳоломеевской ночи. И послѣ всѣхъ этихъ судорожныхъ попытокъ самодержавіе снова стоитъ передъ неуловимой, неистребимой — ибо не могущей быть въ любой моментъ *насильственно* выведенной на открытое поле — революціонной силой, самымъ фактомъ своего существованія подтачивающей существованіе самодержавія. Революціонная агитація стала уже своего рода стихійной силой, которая — даже при отсутствіи всякаго руководства — долго еще продолжала бы свое разрушительное дѣйствіе.

И вотъ теперь, когда самодержавіе, кромѣ своихъ открытыхъ враговъ, видитъ передъ собой не однихъ только равнодушныхъ, когда ряды его „умѣренныхъ" противниковъ порѣдѣли, а вчерашніе бандиты Кишинева, худо ли, хорошо ли, собрали вокругъ себя кое-какіе патріотическіе кадры, — теперь самодержавіе можетъ возобновить попытку посчитаться разъ навсегда съ современнымъ революціоннымъ движеніемъ и, въ первую голову, съ партіей пролетаріата. Оно не можетъ развернуть всѣхъ своихъ силъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, которая стала для него борьбой за его существованіе, не задавивъ у себя дома подрывающаго его мощь, его престижъ, его кредитъ, революціоннаго движенія. Оно захочетъ воспользоваться и стихійной паникой, которую вызоветъ рядъ пораженій, и стихійнымъ подъемомъ шовинизма, который удастся ему вызвать на время, если русской арміи достанутся тѣ или иные побѣдные лавры. Воспользоваться, — чтобы всѣми жестокостями, которыя можно совершать подъ прикрытіемъ „военнаго положенія", затопить въ морѣ крови наше движеніе. Всякое политическое проявленіе нашей Партіи будетъ настойчиво толкать его на такую попытку, для повторенія которой исторія ему уже не предоставитъ болѣе благопріятныхъ условій. И въ то же время эта новая попытка будетъ носить *азартный* характеръ, ибо она будетъ совершаться въ такой моментъ, когда *все* населеніе пробудилось къ интересамъ „политики", когда при сколько-нибудь широкомъ развитіи открытой борьбы между реакціей и революціей не будетъ равнодушныхъ, не будетъ стоящихъ внѣ того или другого лагеря; въ такой моментъ, когда какой-нибудь маленькій пробѣлъ въ разсчетѣ (а самодержавіе показало уже, какъ мало оно способно разсчитывать) перебросить въ ряды его враговъ многія тысячи новыхъ адептовъ. Иначе говоря, самодержавіе должно будетъ вызвать насъ на рѣшительный бой при условіяхъ, *которыя могутъ оказаться для насъ, для [illegible] революціи самыми благопріятными. Могутъ оказаться* постольку, поскольку мы окажемся способны *овладѣть* событіями, умѣло лавируя между Сциллой нерѣшительности и Харибдой политической нервозности, поскольку мы съумѣемъ — въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ, вообще, это возможно — заставить врага принять генеральное сраженіе тамъ и тогда, гдѣ и когда это *для насъ* удобнѣе.

Самодержавіе въ опредѣленный моментъ попытается обрушиться на насъ со всей силой своей власти и раздавить рядомъ террористическихъ набѣговъ. Тѣмъ легче это будетъ для него, чѣмъ плотнѣе будетъ его облекать атмосфера шовинистическаго сочувствія, чѣмъ крѣпче окажется толща обывательскаго индеффирентизма, отдѣляющаго міръ реакціи отъ міра революціи. Первой задачей нашей, стало быть, является усиленная работа разрушенія этой толщи, работа, которая всячески затрудняла бы уплотненіе шовинистической атмосферы. Чѣмъ успѣшнѣе поведемъ мы эту работу, чѣмъ шире, разностороннѣе и революціоннѣе развернемъ мы свою агитацію, чѣмъ революціоннѣе, т. е. чѣмъ болѣе послѣдовательно соціалистическимъ, будетъ содержаніе этой агитаціи, — тѣмъ затруднительнѣе будетъ образованіе такой реакціонной атмосферы, которая сдѣлала бы для самодержавія психологически и физически мыслимымъ переходъ въ открытое наступленіе. Первой, поэтому, обязанностью всѣхъ партійныхъ работниковъ является самое энергичное развитіе всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ агитаціи и пропаганды, а, слѣдовательно, и всѣхъ, доступныхъ намъ, методовъ *организаціи* пролетарскихъ силъ. Громадный вредъ былъ бы нанесенъ нашему дѣлу, если бы въ этотъ именно моментъ мы не сумѣли, благодаря той или другой предвзятой идеѣ, оцѣнить и использовать *всѣ* моменты агитаціи. Большимъ промахомъ, напр., было бы игнорированіе значительно умножаемыхъ „военнымъ положеніемъ" поводовъ для агитаціи на почвѣ непосредственныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ капиталистами. Отовсюду идутъ вѣсти объ обостряющемся, подъ вліяніемъ войны, промышленномъ кризисѣ, о растущемъ недовольствѣ самыхъ отсталыхъ рабочихъ массъ. И въ то же время мы получаемъ все больше свѣдѣній, позволяющихъ заключить, что въ глазахъ многихъ товарищей этотъ видъ нашей агитаціи представляется „еретическимъ" пережиткомъ временъ „экономизма". Такъ, два члена Николаевскаго Комитета въ своемъ особомъ мнѣніи къ резолюціи своего комитета готовы, повидимому, усмотрѣть „возвращеніе къ идеямъ credo" въ сдѣланномъ имъ Г. В. Плехановымъ (въ № 53 „Искры"), напоминаніи, что голое отрицаніе „экономической" борьбы такъ же мало приличествуетъ соціальдемократу, какъ и самый „экономизмъ"... А одесскіе товарищи, какъ намъ пишутъ, отказываютъ рабочимъ отдѣльныхъ профессій въ выпускѣ „спеціальныхъ" листковъ къ данному цеху на томъ основаніи, что это было бы „экономизмомъ". Мы еще разъ обращаемъ вниманіе всѣхъ товарищей на необходимость борьбы со всѣми подобными увлеченіями.

Чѣмъ больше мы успѣемъ въ дѣлѣ умѣлой и принципіально-выдержанной агитаціи, тѣмъ легче будетъ наша задача въ тотъ моментъ „начала конца" самодержавія, который можетъ наступить скорѣе, чѣмъ всѣ мы думаемъ. Мы обязаны напречь всѣ свои силы, чтобы къ наступленію этого момента наша агитація проложила пути во всѣ слои начинающей пробуждаться народной массы, чтобы нами были завязаны крѣпкія организаціонныя связи со всѣми революціонными элементами пролетаріата и смежныхъ съ нимъ и способныхъ поддаться его воздѣйствію классовъ. Для достиженія этой цѣли, намъ нужно соблюдать величайшую экономію въ тратѣ нашихъ силъ, намъ нужно научиться, наконецъ, утилизировать всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ средства. Всякая „расточительность" въ этомъ отношеніи, готовность, во имя того или другого чисто-формальнаго организаціоннаго принципа легко, разрушить то, что, несмотря на всѣ наши великія прегрѣшенія, намъ удалось создать въ дѣлѣ партійной организаціи, всякая легкомысленная игра въ новые „расколы" — являются, при данныхъ обстоятельствахъ, вопіющимъ проявленіемъ революціонной незрѣлости, прямымъ преступленіемъ передъ партіей. Всякая попытка подавленія во имя такихъ же формальныхъ принциповъ — свободной коллективной иниціативы въ главномъ нашемъ дѣлѣ революціонизированія рабочихъ массъ и организаціи ихъ авангарда являются въ данный критическій моментъ особенно вредными. Всякое стремленіе добиваться однородности и отсутствія всякихъ „разногласій" внутри организаціи путемъ систематическаго „отсѣченія" несогласно мыслящихъ или ихъ приведенія къ тому знаменателю, при которомъ они „лишились бы возможности" кого то „подсиживать", иначе говоря, путемъ постояннаго дробленія организованныхъ силъ, повело бы къ полному обезсиленію нашей партіи, къ полной потерѣ ею способности явиться дѣятельнымъ, умѣлымъ и серьезнымъ *руководителемъ массъ*.

И для чего могли бы понадобиться *такіе* методы партійной политики? Для огражденія „строго ортодоксальнаго" характера нашей партіи? Но всякій, неослѣпленный упорнымъ созерцаніемъ одной свѣтящейся точки и не оглушенный трескомъ лишенныхъ всякаго содержанія формулъ, долженъ — хотя бы на примѣрѣ приводимыхъ въ другомъ мѣстѣ прокламацій нашихъ руководящихъ организацій — убѣдиться, какъ мало гарантій „ортодоксальности" можетъ дать эта безжизненная, хотя и очень „твердая" система. Подъ „знакомъ" вполнѣ ортодоксальной программы въ нашей партіи начинаютъ развиваться элементы, которые, несмотря на усвоенную ими революціонную фразеологію или благодаря именно ей, грозятъ положить начало новому виду вульгаризаціи соціализма, доходящей до утраты всякаго соціалистическаго содержанія. Главной гарантіей „ортодоксальности" нашей партіи должно служить всестороннее революціонное развитіе нашей политической *практики*, нашей работы пропаганды, агитаціи и организаціи. Только упражняя свои силы во все развивающейся политической дѣятельности, организующей и углубляющей классовую борьбу, наша, по необходимости, „заговорщическая" по формѣ организація можетъ успѣшно противоборствовать тѣмъ стихійнымъ факторамъ, которые, замыкая ее въ подпольѣ кружковщины, стремятся превратить самое жизненное теоретическое міровоззрѣніе ея членовъ въ сухую абстракцію, внѣшнимъ образомъ пришпиленную къ политической *психологіи* вульгарно-соціалистическаго пошиба. И все, что задерживаетъ развитіе *такой* политической дѣятельности, все, что мѣшаетъ концентраціи всѣхъ, накопленныхъ прошлымъ нашей партіи, силъ на дѣлѣ активной агитаціи и организаціи, — тѣмъ самымъ подтачиваетъ ту самую „ортодоксальность" нашего движенія, ради прекрасныхъ глазъ которой примѣняются эти методы. И если — пока! — вѣроятно, только крайней непродуманностью подсказаны заключительныя строки одной изъ первыхъ прокламацій нашего Ц. К. („Ко всѣмъ гражданамъ" январь 1904 г.), обѣщающаго, что „... передъ алтаремъ народной свободы почтительно *склонитъ свое боевое красное знамя* единая Росс. Соц.-Дем. Раб. Партія", — то, можно опасаться, что слишкомъ усердное примѣненіе *оперативныхъ* методовъ обереганія нашей „ортодоксальности" обезсилитъ нашу партію до того, что она и впрямь вынуждена будетъ „почтительно" опустить передъ [illegible] знамя тогда именно, когда получитъ возможность развернуть его передъ всей страной!

Думаютъ еще, что „централизація" въ той специфической формѣ, которая требуетъ, чтобы въ партіи не было „постоянныхъ, устойчивыхъ различныхъ теченій", не было „опредѣленнаго дѣленія на соперничающія большинство и меньшинство" (какъ требуютъ представители трехъ уральскихъ комитетовъ въ присланномъ ими редакціи весьма интересномъ письмѣ), — думаютъ, что такая самобытная централизація спеціально нужна для цѣлей выработки „строго-законспирированной" организаціи, которая могла бы „подготовить всероссійское возстаніе". Но *если* методы созданія такой организаціи сами въ себѣ таятъ опасность пренебреженія живымъ дѣломъ агитаціи *въ массахъ* и организаціи *массъ* и, тѣмъ самымъ, атрофируютъ политическія способности самихъ руководителей, то не менѣе того они грозятъ замѣнить тотъ „естественный отборъ" конспиративно-революціонныхъ способностей, который дается, худо ли, хорошо ли, живымъ соревнованіемъ равноправныхъ и равноактивныхъ товарищей, „искусственнымъ" отборомъ, не всегда совершаемымъ умѣло и успѣшно. Товарищи хорошо знаютъ, что — по ироніи судьбы — съ того времени, какъ мы начали „вплотную" заниматься „выработкой строго-конспиративной организаціи", нѣкоторыя важныя технико-конспиративныя функціи нашей партійной работы стали выполняться изъ рукъ вонъ плохо. И, разумѣется, такая искусственно „подобранная" организація, оказавшаяся не въ состояніи справиться съ обыденными задачами конспиративной техники, едва ли сможетъ воспитаться для такой „экстренной" задачи, какъ „подготовка всероссійскаго возстанія".

Да и о какой „подготовкѣ возстанія", вообще, можетъ идти рѣчь у нашей партіи? Съ прискорбіемъ приходится констатировать, что среди нашихъ товарищей начинаютъ замѣтно проявляться чисто-утопическія воззрѣнія на этотъ вопросъ, грозящія очень далеко отвести ихъ отъ русла классовой борьбы пролетаріата. Говорятъ о „подготовкѣ возстанія" въ смыслѣ прямого *заговора*, сфабрикованнаго „строго-конспиративной организаціей" такъ, какъ, примѣрно, фабриковали ихъ нѣкогда французскіе революціонеры 40-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Чѣмъ больше суживается въ сознаніи иныхъ товарищей представленіе о текущихъ *политическихъ* задачахъ нашей партіи, чѣмъ больше проявляютъ они *на практикѣ* склонность пассивно мириться съ „бѣдностью и несовершенствомъ" нашей ежедневной работы, и ея поразительной — ничуть не меньшей, чѣмъ во времена экономизма, — отсталостью, по сравненію съ требованіями, которыя предъявляются стихійно подымающимися массами, — тѣмъ усиленнѣе обращаются ихъ помыслы къ той свѣтящейся точкѣ, которая представляется имъ въ видѣ сфабрикованнаго въ подпольѣ „строго-конспиративной организаціи" и по приказу „властнаго центра" приведеннаго въ дѣйствіе возстанія. Между убожествомъ нынѣшняго дня и этой свѣтящейся вдали точкой не перекинутъ мостъ реально представляемой и реально осуществляемой во все болѣе широкомъ масштабѣ политической работы. Сегодня, завтра и послѣ-завтра одно „закрѣпленіе" однихъ и тѣхъ же результатовъ, достигнутыхъ неизбѣжной въ свое время борьбой — закрѣпленіе путемъ все новыхъ „расколовъ", путемъ постоянной отсрочки въ выполненіи самыхъ неотложныхъ работъ, а тамъ — когда-то — откуда-то появится изъ одного куска вылитая „строго-конспиративная организація", которая „вдругъ" поведетъ на штурмъ въ назначенный день и часъ массы пролетаріевъ. И вы не думаете, что — если бы такое чудо и совершилось — къ этому моменту между „конспиративнымъ ядромъ" и этими массами не окажется никакихъ промежуточныхъ звеньевъ, черезъ которыя передалась бы имъ энергія революціоннаго призыва? Что въ такого рода „строго-законспирированной" организаціи не окажется ни достаточно свѣтлыхъ политическихъ головъ, ни достаточно крѣпкихъ рукъ, чтобы она могла выступить въ роли дѣйствительнаго народнаго вождя?

Соціальдемократія можетъ „подготовлять возстаніе" только въ одномъ смыслѣ: *готовя свои собственныя силы* къ возможному моменту возстанія массъ. *Техническая* сторона такой подготовки, какъ она ни важна, должна быть рѣшительно подчинена *политической* сторонѣ этого дѣла. А политическая подготовка нашей партіи и всего сознательнаго пролетаріата къ вполнѣ возможному возстанію должна заключаться опять таки въ углубленіи и расширеніи агитаціи, въ упроченіи и развитіи организаціи всѣхъ революціонныхъ элементовъ пролетаріата. Только такая работа будетъ развивать насъ, какъ *политическую* партію, а тѣмъ самымъ укрѣплять наше вліяніе на народныя массы и повышать наше революціонное „самочувствіе“ въ той мѣрѣ, какая необходима для сознательной и рѣшительной постановки новыхъ и новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и рискованныхъ практическихъ задачъ. Всѣ вопросы о *формахъ* организаціи, о *методахъ* объединенія и координированія нашей текущей работы должны разрѣшаться такъ, чтобы ни на минуту не задерживалось развитіе этой *политической* въ полномъ смыслѣ слова дѣятельности партіи. Политическая организація, которая, передъ лицомъ наступившихъ уже грозныхъ событій, сосредоточилась бы на тщательномъ процѣживаніи комаровъ сквозь сито своей якобы „ортодоксальной“ нетерпимости, попала бы въ самое смѣшное положеніе. Революціонеры, думающіе о подготовкѣ возстанія и начинающіе съ „подготовки“ раскола между связанными единствомъ программы частями партіи, оказались бы просто революціонными фразерами. Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлаютъ вышецитированные уральскіе товарищи, думать о подготовкѣ для пролетаріата якобы нужныхъ ему на случай возстанія „диктаторовъ“, надо начать *проявлять* себя въ роли самостоятельныхъ и отвѣтственныхъ политическихъ дѣятелей. Масса агитаціонныхъ и организаціонныхъ задачъ стоитъ передъ нами, и безъ успѣшнаго выполненія *этихъ* задачъ мы, какъ бы мы ни „централизовали“ себя въ своемъ собственномъ представленіи, не окажемся способны даже *замѣтить* наступленіе рѣшительнаго момента въ борьбѣ съ царизмомъ, не то, что овладѣть имъ. Эта масса задачъ можетъ быть выполнена только при тѣсномъ сплоченіи всѣхъ соц.-дем. силъ. Такое сплоченіе можетъ быть достигнуто только добровольнымъ сотрудничествомъ во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ представителей различныхъ „оттѣнковъ“ одной и той же революціонной соціальдемократіи. Политическое руководство этой дружной работой достанется только тѣмъ дѣятелямъ, которые проявятъ больше всего таланта, больше всего такта, больше всего энергіи въ дѣлѣ организаціи классовой борьбы, въ дѣлѣ объединенія и систематизированія ведущейся по всей площади движенія революціонной агитаціи.

МУДРЫЯ ПТИЦЫ.

„Ужъ сколько лѣтъ твердили міру, что лесть гнусна, вредна“, и однако и до сихъ поръ, и теперь болѣе чѣмъ когда-либо прежде, либеральныя вороны не могутъ не выронить своего крошечнаго кусочка либеральнаго сыра, лишь только лисицы реакціи начнутъ хоть чуть-чуть похваливать ихъ носикъ, перышки и, въ особенности, голосокъ. Правда, вороны бываютъ разной степени добродѣтели. Иныя оказываются не въ силахъ устоять при первомъ же взметѣ игривыхъ лисьихъ глазокъ, другія — дѣлаютъ отчаянныя усилія въ борьбѣ со своимъ податливымъ сердцемъ. Но какъ бы то ни было, сердце не камень, и нѣтъ такой вороны, которая устояла бы до конца противъ всѣхъ нѣжныхъ приступовъ лисы и рано или поздно не каркнула бы „во все воронье горло“.

Это истина настолько старая и настолько очевидная для всякаго, хоть немножко знакомаго съ исторіей развитія либеральнаго вороньяго рода со времени героической эпохи его — великой французской революціи, — что не надо было обладать даромъ пророчества, чтобы предсказать, что и нашъ россійскій либерализмъ не преминетъ „каркнуть“ именно въ ту минуту, когда его гражданскія доблести будутъ призваны совершить [illegible] свои великія подвиги во славу народнаго „освобожденія“.

И если въ ту достопамятную эпоху, когда отчаянные удары борцовъ Народной Воли поколебали тронъ самодержца и подали надежду на возможность превращенія конституціонныхъ „мечтаній“ въ конституціонное дѣло, политическая добродѣтель либераловъ не устояла передъ ухаживаніями „диктатуры сердца“ и позволила имъ совершенно явственно „каркнуть“ о своей полной готовности искоренять крамолу и крамольниковъ въ дружественномъ сотрудничествѣ съ „ненавистнымъ“ самодержавіемъ, то нѣтъ, конечно, никакой причины изумляться, что теперь, когда война, обостривъ переживаемый страною внутренній политическій кризисъ, потребовала отъ всѣхъ участниковъ политической жизни рѣшительнаго отвѣта на выдвинутые ею вопросы, отвѣта не только словомъ, но и дѣломъ, — нѣтъ причины изумляться, что и теперь либеральная ворона не обнаружила той непреклонности сердца, которая не дарована ей историческими судьбами, и что, разинувъ свое „горло“, она не могла запѣть иначе, какъ... по вороньи. Если что и изумительно, то только та чрезмѣрная, можно сказать, податливость, которую обнаружила въ данномъ случаѣ почтенная птица. Можно быть увѣреннымъ, что даже крыловская ворона нашла бы такую степень сердечной слабости нѣсколько шокирующею.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если когда либо либеральные „отцы“ имѣли случай показать непочтительнымъ революціоннымъ „дѣтямъ“ образецъ мужественной „мирной“ борьбы за свободу, то именно теперь. Задыхающееся въ тискахъ его же политикой вызванныхъ несчастій, самодержавіе безпомощно размахиваетъ руками во всѣ стороны, ища хоть какой-нибудь опоры. Вчера еще казацкими нагайками разгонявшее народныя „скопища“, оно сегодня само зоветъ манифестантовъ на улицу, пытаясь опереться на ту самую „толпу“, которая до сихъ поръ не упоминалась правительственными устами иначе, какъ съ прибавленіемъ эпитета „безчинствующая“ и съ перечисленіемъ убитыхъ, раненыхъ, арестованныхъ. Устами своихъ продажныхъ газетъ оно начинаетъ восхвалять ту самую „европейскую культуру“, которая до сихъ поръ только едва терпѣлась на задворкахъ россійской самобытности и состояла подъ усиленнымъ надзоромъ; оно пытается рядиться въ плащъ борца за „цивилизацію“ „гнилого“ Запада противъ „азіатскаго варварства“. А давно ли съ цинизмомъ, почти граціознымъ, царскій лейбъ-газетчикъ, князь Ухтомскій, провозглашалъ, что „мы — азіаты?“ Нынѣ же, даже спеціальный органъ политическаго сыска, „Московскія Вѣдомости“, торжественно возвѣщаютъ всему міру, что „можно имѣть разныя политическія программы и идеалы... Можно... принадлежать къ разнымъ политическимъ партіямъ, потому что формы правленія въ мірѣ разнообразны“. Эти истины, неслыханныя въ устахъ ищейки, даже къ безобиднымъ „Русскимъ Вѣдомостямъ“ пристававшей съ упорнымъ вопросомъ: „како вѣруешь?“ свидѣтельствуетъ о совершенно исключительномъ нервномъ разстройствѣ правящей клики. Еще большимъ свидѣтельствомъ служатъ игривыя мелодіи „Новаго Времени“ и другихъ рептилій на тему о грядущемъ внутреннемъ „обновленіи“, о благодѣтельномъ вліяніи войны на ходъ „реформъ“. Цѣлыя передовицы посвящаются даже доказательствамъ того, что не нужно вовсе превращенія Портъ-Артура въ новый Севастополь для водворенія въ Россіи конституціонной „весны“, что „весна“ и такъ будетъ, непремѣнно будетъ. Наконецъ, и самъ коронованный недоросль, привыкшій выражаться лишь нечленораздѣльными окриками, заговорилъ, по счастливому выраженію „Петербургскихъ Вѣдомостей“, „въ краткой, *но* вполнѣ вразумительной формѣ“, и заговорилъ, чтобы произнести диѳирамбъ печати и поощрить ее говорить „правду, только правду“. Это необычайное явленіе — что царь заговорилъ въ „вполнѣ вразумительной формѣ“ — должно было и самымъ недогадливымъ внушить мысль, что недаромъ самодержавная лиса, сдерживая свои плотоядные инстинкты, занимается замысловатыми комплиментами.

Словомъ, либералы „понадобились“, а г-ну Струве пылкая фантазія рисовала даже, что они уже „призваны“ и — съ разрѣшенія начальства конечно — „говорятъ монарху смѣлое и честное слово“. Увы! Фантазіи не суждено было воплотиться въ дѣйствительность. Если „улица“, хоть и подобранная спеціалистами по части сыска и вѣрноподданности, оказалась слишкомъ близкой, физически близкой, къ той заправской, трудящейся „улицѣ“, которая по части благонамѣренности состоитъ въ великомъ подозрѣніи, слишкомъ близкой, чтобы опасность заигрываній съ нею сейчасъ же не дала себя знать самымъ чувствительнымъ образомъ, то ворона оказалось только вороной и ничѣмъ больше. По обыкновенію, въ тотъ самый моментъ, когда могучая волна историческихъ событій сразу вознесла русскую политическую жизнь на необычайную высоту, обострила и выдвинула въ самой рѣзкой формѣ коренной русскій вопросъ о борьбѣ съ самодержавіемъ, въ тотъ самый моментъ, когда можно и нужно было сказать наконецъ свое „смѣлое и честное слово“ и сказать не въ потайныхъ аппартаментахъ дворца, а всенародно, въ этотъ самый моментъ либералы даже самой высокой марки не нашли ничего лучшаго, какъ шмыгнуть въ подворотню. Мало того. Они не нашли въ себѣ даже настолько гражданскаго „мужества“, чтобы молчать. Они заговорили. И языкъ ихъ былъ языкъ рабовъ. Предательство, измѣна дѣлу свободы, той самой свободы, на алтарѣ которой вицмундирные герои либерализма приносили торжественныя аннибаловы клятвы, началось по всей линіи и достигло такихъ размѣровъ, передъ которыми не устоялъ даже штутгартскій рыцарь безъ страха и упрека. „Да здравствуетъ армія!“ каркнула мужественная ворона и на крайній случай оставила себѣ про запасъ „простое и выразительное — долой фонъ Плеве!“ Это каркнуто дѣйствительно „въ мѣру“ вороньяго мужества и доблести, и „попадаетъ“ въ завѣтную „цѣль“ — „совѣщаній“ съ этимъ самымъ „фонъ Плеве“ „о государственныхъ дѣлахъ“ и „смѣлыхъ словъ“ въ Зимнемъ Дворцѣ. И поистинѣ не вполнѣ понятна та „скорбь и обида“, которую г. Струве сначала хотѣлъ „молча перестрадать“, а затѣмъ излилъ публично, и все по той только причинѣ, что его „учителя“, гг. Стасюлевичъ и Арсеньевъ — перевели его нерѣшительное карканье — „да здравствуетъ армія“ на „простое и выразительное“ и къ тому же „вполнѣ вразумительное“ — „да здравствуетъ самодержавіе“. Либеральный кусочекъ сыра одинаково вываливается изо рта и въ томъ и въ другомъ случаѣ, и если для гг. Стасюлевича и Арсеньева подношеніе рабьяго „всеподданнѣйшаго“ адреса и составляло конечную „мѣру“ ихъ гражданскаго мужества, то вѣдь вопросъ о „мѣрѣ“ есть вопросъ частный, второстепенный, о которомъ можно спорить. Къ тому же „учителя“ г. Струве — вороны старыя и умудренныя опытомъ и не безъ основанія могутъ полагать, что, вступивъ на путь податливости, и ихъ непреклонный „ученикъ“ современемъ начнетъ говорить „вполнѣ вразумительно“ и нѣсколько измѣнитъ свою „мѣру“ вещей. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ могутъ они это полагать, что уже и теперь, при всей глубинѣ своей „скорби“, г. Струве спѣшитъ заявить, что цѣлованіе самодержавной десницы „конечно не измѣна убѣжденіямъ“. Въ этомъ драгоцѣнномъ признаніи заключается дѣйствительная „мѣра“ вороньихъ „убѣжденій“, ни къ чему кромѣ „словъ“ не обязывающихъ; словъ, хотя бы ужъ не „честныхъ и смѣлыхъ“, ибо конечно поднесенный гг. Стасюлевичемъ и Арсеньевымъ адресъ петербургскаго земства врядъ ли кто-нибудь въ мірѣ сможетъ признать „смѣлымъ“, а тѣмъ паче „честнымъ“. Г-ну Струве — „нельзя молчать“. Нѣтъ, ему необходимо заговорить и указать „патріотическому чувству“ гг. Стасюлевичей и Арсеньевыхъ ту подворотню, въ которой оно можетъ какъ нибудь прикрыть свой позоръ отъ „простого“ народа и не вызывать слишкомъ ужъ скандальныхъ для столповъ либерализма похвалъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ рекомендуетъ имъ „кормить и грѣть зябнущихъ, лѣчить больныхъ и раненыхъ“. Указывая эту лазейку, участвуя въ „сокрытіи слѣдовъ преступленія“ либеральныхъ воронъ передъ народомъ, не является ли г. Струве косвеннымъ участникомъ самого преступленія, и далеко ли отъ этого укрывательства до прямого пособничества? А тогда не [illegible] г. Арсеньева, [illegible] котораго г. Струве „получилъ свое политическое образованіе!“

Еще большія надежды въ этомъ отношеніи подаетъ г. „Земскій гласный Т.“, тотъ самый „непреклонный“ воитель либерализма, который и сапогъ не успѣлъ еще износить съ тѣхъ поръ, какъ кричалъ, что, „не останавливаясь передъ жертвами, мы должны энергичнымъ протестомъ показать... мы должны засвидѣтельствовать свою солидарность съ политическими цѣлями революціонеровъ“ и пр. и пр. Г. Т. тоже впалъ было въ „отчаяніе“, увидѣвши, что въ „кораблѣ его надеждъ“ обнаружилась такая огромная „брешь“ измѣны и предательства. Но воронье сердце манило его отыскать въ этой „бреши“ — „пшеницу естественнаго и здороваго національнаго чувства“, и онъ нашелъ ея столько, что „плевелъ“, въ сущности, почти не оказалось. Все дѣло въ томъ, что мужественные рыцари либерализма втеченіе своей продолжительной героической борьбы все еще не удосужились „найти новыя формы“ для своего „энергичнаго протеста“. Только это несчастное обстоятельство и заставило ихъ „засвидѣтельствовать свою солидарность“ съ революціонерами въ „шаблонной, вѣками установленной формѣ“... „припаданія къ стопамъ державнаго вождя!“ И съ радостью спѣшитъ г. Т. „засвидѣтельствовать“ свое твердое „убѣжденіе“, что „многіе изъ *колѣнопреклоненныхъ* подданныхъ были и останутся *не примиримыми* врагами самодержавія“. Мигъ одинъ, и соблазнительная картина колѣнопреклоненной „непримиримости“ безповоротно увлекаетъ земскаго Баяна на путь того самаго карканья, которое только что приводило его въ „отчаяніе“. Онъ уже рѣшаетъ „отложить до болѣе благопріятнаго момента все хоть сколько нибудь спорное“, въ томъ числѣ и вопросъ „о причинахъ войны“ и „тему — нужна ли Россіи Манчжурія“; онъ отказывается „оспаривать цѣлесообразность денежныхъ ассигновокъ“ на войну. Онъ требуетъ лишь, чтобы либеральныя вороны „приняли на себя обязательство энергически добиваться его (народа) освобожденія *послѣ* окончанія войны“. Спрашивается, если въ листкѣ г. Струве разрѣшается всѣмъ „непримиримымъ“ земскимъ воронамъ пребывать „колѣнопреклоненными“ до самого окончанія войны, т. е. вплоть до того момента, когда имъ не нужно будетъ самимъ *становиться* на колѣни по той простой причинѣ, что къ тому времени лисица перестанетъ говорить комплименты и сможетъ *поставить* ихъ на колѣни, если онѣ сами того „добровольно“ не пожелаютъ, то чѣмъ же провинились гг. Арсеньевъ и Стасюлевичъ? Неужели только тѣмъ, что избрали для своего предательства „шаблонную форму?“ „Послѣ“, о, послѣ они, разумѣется, ополчатся на брань за свободу, и притомъ непремѣнно самымъ „энергичнымъ“ образомъ! Только не теперь, когда они, вмѣстѣ съ г. Струве, проникнуты сознаніемъ „огромной важности обдуманнаго поведенія“, вмѣстѣ съ нимъ считаютъ „острые и воинствующіе лозунги — неумѣстными, и вмѣстѣ съ нимъ же желаютъ встать „твердой ногой“ на ту „общую почву“, которая создалась у нихъ, благодаря „національной бѣдѣ“, съ „массой равнодушныхъ людей“.

Шаблонная форма! Да, за нее не только не вправѣ сердиться г. Струве, но, пожалуй, и лучше, чтобы вороны каркали въ „формахъ“, издревле для того установленныхъ. Это дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, всякое недоразумѣніе немыслимымъ и избавляетъ добрыхъ людей отъ заблужденія. Увидя „колѣнопреклоненную“ ворону, конечно, только земскій гласный Т. приметъ ее за „непримиримаго врага самодержавія“ и возложитъ на нее свои свободолюбивыя надежды. Но не всегда вороны бываютъ такъ просты; вороватость — не послѣднее изъ прекрасныхъ свойствъ, присущихъ мудрой птицѣ, и нѣтъ числа тѣмъ „новымъ формамъ“, въ которыя она облекаетъ свое предательское карканье. Гг. Струве и земскій гласный Т., мечущіе громы негодованія въ своихъ „учителей“, показали уже намъ „какъ это дѣлается“. А вотъ, если вѣрить „Гражданину“, гг. либеральные земцы добиваются отсрочки губернскихъ совѣщаній по крестьянскому дѣлу, ибо „никто не рѣшится въ такое время выступать въ активной роли оппозиціи“ и „представители оппозиціи предпочтутъ не являться на совѣщаніе“. Если это такъ — а естественная исторія вороньяго рода заставляетъ думать, что это именно такъ — тутъ оказывается на лицо не только предварительное учитываніе своего собственнаго вѣроломства и признаніе полнѣйшей невозможности для вороны удержаться отъ карканья, лишь только ее начнетъ раззадоривать лиса, но и одна изъ столь желанныхъ „новыхъ формъ“ того же стараго предательства. Сказаться „въ нѣтяхъ“, когда жизнь требуетъ къ отвѣту, значитъ предать то дѣло, которому якобы служишь. И не нужно думать, что „формы“ эти вообще столь просты и однообразны. Мы присутствуемъ только при началѣ повальнаго „карканья“. Идутъ другіе, болѣе бурные, болѣе боевые дни, дни революціи, которые потребуютъ рѣшительныхъ дѣйствій и подлинныхъ, а не игрушечныхъ жертвъ. Эти дни однимъ ударомъ сметутъ всѣ подворотни, разрушатъ всѣ лазейки, сорвутъ всѣ покровы, которыми можетъ маскироваться предательство въ наше время, лишь предвѣщающее грозный часъ подведенія политическихъ итоговъ царскаго хозяйства. Тогда всѣ участники политической жизни должны будутъ, хотятъ они того или нѣтъ, сказать открыто и прямо свое слово. И тогда многія, многія изъ тѣхъ воронъ, которыя теперь еще крѣпятся въ борьбѣ со своимъ блудливымъ сердцемъ, которыя подчасъ даже и сами начинаютъ искренно любоваться своею твердостью, многія и многія изъ нихъ не выдержатъ рѣшительнаго испытанія и каркнутъ свое „да“, когда народъ скажетъ „нѣтъ“.

Рабочій классъ долженъ предвидѣть это и заранѣе учитать истинную мѣру тѣхъ надеждъ и упованій, какія онъ можетъ возложить на неустрашимыхъ борцовъ либерализма и демократіи всѣхъ оттѣнковъ. Онъ долженъ знать, что вороны каркать будутъ во всякомъ случаѣ, и только отъ силы пролетаріата будетъ зависѣть не дать этому карканью погубить дѣло свободы. Война, съ вызваннымъ ею обостреніемъ постановки всѣхъ политическихъ вопросовъ, должна послужить политическому воспитанію рабочаго класса. Зорко и внимательно долженъ онъ слѣдить за всѣми изгибами политической жизни, долженъ пріучить слухъ свой различать воронье карканье и въ заглушающемъ его стройномъ аккордѣ самыхъ нѣжныхъ звуковъ. И главное, онъ долженъ съ неослабной энергіей вести свою собственную политическую кампанію, не смущаясь ни злобнымъ завываніемъ реакціонныхъ шакаловъ, ни нѣжными мелодіями либерально-демократическихъ сиренъ.

Гг. Стасюлевичъ и Арсеньевъ и всѣ, иже съ ними, своимъ „патріотическимъ“ пыломъ заслужили полное одобреніе и „всемилостивѣйшаго“ монарха, и цѣпныхъ псовъ московскаго Страстного бульвара. Г. Струве не такъ посчастливилось, ибо онъ жеманится и каркаетъ пока лишь вполголоса, между тѣмъ какъ спросъ предъявленъ на чувства „безпредѣльныя“. „Московскія Вѣдомости“ жестоко обругали его, и можно себѣ представить, что г. Струве чувствуетъ себя теперь мученикомъ и великимъ воителемъ свободы. Но, пожалуй, въ душѣ его зародился ужъ и червь сомнѣнія, не слишкомъ ли мало пшеницы здороваго національнаго чувства“ предъявилъ онъ, точно ли „въ мѣру“ каркнулъ[1].

Но рабочій классъ во всякомъ случаѣ не убоится тѣхъ „острыхъ и воинственныхъ лозунговъ“, которыхъ побоялись рыцари либерализма и демократіи. Пролетаріатъ не испугается и лицемѣрныхъ упрековъ Угрюмъ-Бурчеевыхъ, упрековъ въ „измѣнѣ отечеству и народу русскому“. Не испугается потому, что слишкомъ хорошо умѣетъ отличать отечество отъ терзающей его шайки хищниковъ, и слишкомъ хорошо знаетъ, что служеніе самодержавной кликѣ есть худшій видъ измѣны отечеству и народу. И потому-то, во имя существованія отечества и народа, „до послѣдняго человѣка“ долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма, пошатнувшейся подъ ударами той войны, которую самодержавіе хочетъ сдѣлать новымъ орудіемъ порабощенія россійскаго отечества и народа. Со своими собственными лозунгами, подъ своимъ собственнымъ знаменемъ, знаменемъ соціальдемократіи, долженъ пойти рабочій классъ въ бой. Сквозь всѣ бури революціи долженъ онъ пронести это знамя, и въ самый день наступленія политической свободы оказаться сплоченнымъ вокругъ него. Онъ долженъ, — потому что иначе политическій итогъ той революціи, которую своею кровью оплатитъ пролетаріатъ, опредѣлится... карканьемъ воронъ.

ЗАМѢТКИ ЖУРНАЛИСТА.

О патріотизмѣ.

Ихъ много сейчасъ, имъ хоть прудъ пруди — „патріотовъ своего отечества“, всѣхъ тоновъ и мастей: наступленыхъ — отъ реакціи, и стыдливыхъ — отъ либерализма! Упразднителей, привыкшихъ заушать, и упраздняемыхъ, въ полученіи заушеній привыкшихъ расписываться! Тѣхъ, что бряцали на страхъ врагамъ о россійскомъ „срединномъ царствѣ“, объ азіатскомъ „бѣломъ царѣ“, и тѣхъ, что лелѣяли украдкой мечту о новомъ Севастополѣ!

Ихъ смелъ въ одну кучу военный катаклизмъ, и они всѣ твердятъ теперь наперерывъ „о любви къ отечеству и о народной гордости“.

Патріотизмъ — на очереди! какъ всегда, въ видѣ той ходячей „звонкой“ монеты, которою самодержавная власть, въ критическіе для нея моменты, пытается купить податливыя души своихъ подданныхъ. Но стоитъ только пройти моменту, и приманка оказывается ненужной, монета обезцѣнена, а душа, воспламененная не въ мѣру патріотическимъ чувствомъ, неукоснительно шествуетъ въ участокъ, гдѣ ей преподносится забытый урокъ „вѣрноподданическаго“ поведенія. Слушаться и держать языкъ за зубами! — эту русскую добродѣтель вбивалъ въ свое время пресловутый Бенкендорфъ не менѣе пресловутому Булгарину, заявляя, что самодержавію не нужна похвала литературы. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь возможность похвалъ носитъ въ себѣ зародышъ возможнаго порицанія. *Патріотическая иниціатива подданныхъ* есть первичная форма для *политической агитаціи гражданъ*. Потому то мы и видимъ въ исторіи самодержавной Россіи, что за каждымъ подъемомъ патріотическаго настроенія неминуемо слѣдовалъ общественный натискъ на власть. Только въ рѣдкіе періоды общенаціональнаго возбужденія злосчастному представителю русской государственности удавалось подняться до идеи общественнаго цѣлаго, до сознанія необходимости о судьбахъ его позаботиться. Но зато, когда удавалось, въ аморфной обывательской массѣ тотчасъ начинался процессъ кристализаціи.

Такъ, еще три вѣка назадъ патріотическій призывъ Пожарскаго и Минина открылъ собою эру земскихъ соборовъ; такъ, за „отечественной войной“ противъ Наполеона непосредственно слѣдовало то броженіе дворянъ, заключительнымъ аккордомъ котораго явился заговоръ декабристовъ; такъ, наконецъ, послѣдняя, дѣйствительно серьезная „національная“ встряска, пережитая пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Россіей, завершилась „эпохой великихъ реформъ“, этимъ сложнымъ клубкомъ разнородныхъ общественныхъ движеній.

Но связь между „частью“ и „цѣлымъ“, едва закрѣпленная
Во дни торжествъ и бѣдствъ народныхъ,
неизмѣнно стиралась въ наступавшіе за тѣмъ будни — ее безъ пощады рвалъ весь укладъ самодержавно-бюрократическаго строя, укладъ, не знающій „цѣлаго“, потому что онъ не знаетъ и „части“, какъ творца этого „цѣлаго“: вмѣсто „цѣлаго“ существуетъ начальство всѣхъ ранговъ, вмѣсто самодѣятельной „части“ — объектъ начальственнаго усмотрѣнія. А гдѣ нѣтъ связи между „цѣлымъ“ и „частью“, тамъ нѣтъ и не можетъ быть патріотизма, который является вѣдь не чѣмъ другимъ, какъ элементарнымъ проявленіемъ этой связи. Неудивительно, поэтому, что

---

[1] Судя по № 43 „Освобожденія“, появившемуся, когда наша статья уже печаталась, предположеніе это вполнѣ оправдалось, и г. Струве имѣетъ всѣ надежды, съ дальнѣйшимъ ростомъ своихъ „національныхъ“ чувствъ, заслужить, если не похвалу, то хоть снисходительное прощеніе „патріотовъ“.

у насъ процвѣтаетъ патріотическая „словесность“, но давнымъ давно не было патріотизма, какъ составного элемента общественной жизни. Въ поискахъ за нимъ надо идти въ глубь исторіи, когда Русь „собиралась“, когда только что простылъ слѣдъ татарина, когда „ляхъ“ угрожалъ Москвѣ, словомъ — когда царская власть еще служила эмблемой національной обороны отъ враговъ съ Востока и съ Запада. *Тогда* кличъ — заложимъ женъ и дѣтей, но отстоимъ родную землю! — звучалъ величественно-грозно, *теперь*, повторенный въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ привѣтствій, онъ кажется грубымъ фарсомъ, циничной пародіей на стародавнюю трагедію народа. По мѣрѣ того, какъ самодержавіе изъ оплота противъ вѣчно грозящей „внѣшней“ опасности превращалось въ символъ всенароднаго закрѣпощенія, все рѣже и рѣже приходилось Россіи переживать тѣ кризисы, которые требовали отъ нея напряженія всѣхъ силъ и таковыми же являлись въ общественномъ сознаніи. Характерный въ этомъ смыслѣ симптомъ назрѣвшихъ перемѣнъ: даже нашествіе Наполеона и пожаръ Москвы въ прошломъ вѣкѣ (не говоря уже про крымскую кампанію) не вызвали чего либо отдаленно подобнаго стихійному взрыву 1612 года. Національный энтузіазмъ отливался въ преходящія настроенія, не успѣвая формировать патріотовъ. И о томъ же непререкаемо свидѣтельствуетъ и русская литература. Въ большой галлереѣ ея образовъ нѣтъ ни одного лица, для котораго мысль о „цѣломъ“ была бы властной идеей, той пламенной страстью, которая заполняетъ собою личность человѣка. Канцелярія, полкъ, губернскій или уѣздный муравейникъ, помѣщичья усадьба, товарищескій кружокъ, семейный очагъ — около этихъ дробныхъ ячеекъ сосредоточивался интересъ безчисленныхъ героевъ русскаго романа; замкнутые въ нихъ, они жили и умирали, не тревожимые думой объ „отечествѣ“, ибо дума объ „отечествѣ“ относится къ вѣдѣнію того коллектива, который зовется высшимъ начальствомъ. Оно велитъ, и обмундированный обыватель — побѣдитель провинціальныхъ сердецъ, герой зеленаго поля или скромный семьянинъ, — идетъ во имя несознанной цѣли погибать на дальнемъ Кавказѣ, въ траншеяхъ Севастополя, подъ „солнцемъ Аустерлица“.

Зачѣмъ? — Жизнь, катящаяся годъ за годомъ по традиціонной колеѣ, раздробленная на рядъ не связанныхъ между собою мірковъ, не знаетъ этого „зачѣмъ?“ какъ не знаетъ, вообще, проклятыхъ вопросовъ, и тѣ простые, незамѣтные, но храбрые люди, котрыхъ обезсмертило перо Толстого въ его военныхъ разсказахъ, въ великой эпопеѣ двѣнадцатаго года, столь же мало помышляютъ и размышляютъ объ отечествѣ, какъ и растительное существо — Платонъ Каратаевъ, какъ и вся безымянная масса, безропотно устилавшая своими тѣлами кровавый путь самодержавныхъ успѣховъ. Даже въ самое пекло войны они приносятъ свою скорлупу, скорлупу облекающей ихъ ячейки. И эту скорлупу оказываются безсильными разбить и горячій порывъ и романтическая греза, такъ часто рождаемые — вспомните юношу Петю Ростова — подъ шумъ и грохотъ событій.

Война не создавала патріотовъ, еще меньше создавалъ ихъ тотъ миръ, который походилъ на спокойствіе кладбища. И недаромъ, конечно, автору „Наканунѣ“ пришлось, когда онъ захотѣлъ нарисовать фигуру патріота, обратиться... къ Болгаріи и произвесть въ ней заемъ, за отсутствіемъ отечественнаго матеріала. Но за то же и казался „ирой“ Инсаровъ тургеневскимъ россіянамъ какимъ-то страннымъ чудакомъ, маніакомъ своей идеи. Маленькая страна имѣла то, чего не было у большой Россіи — она имѣла общенародное дѣло!

А въ Россіи все сидѣло по клѣткамъ-ячейкамъ и занималось приватно, и горе было тому смѣльчаку, кто пытался бы просунуть голову въ щель своей клѣтки: такъ, изъ дали почти цѣлаго вѣка на насъ смотритъ печально-величаво обликъ того, кто, по словамъ поэта:

...Въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ — Периклесъ,
У насъ онъ офицеръ гусарскій!

Гусаръ имѣлъ несчастье задуматься надъ тѣмъ, что представляетъ собою его отечество, задуматься и сказать это вслухъ, и „отечество“ немедленно распорядилось признать „гусара“ безумнымъ... Сиди въ своей клѣткѣ!

Литература, дѣйствительно, „сидѣла“ и ограничивалась тѣмъ, что живописала многообразныя клѣтки, на которыя распадается строй обывательской жизни. Когда, однако, въ потребные моменты, „отечеству“ приходилось обращаться къ литературѣ и говорить ей — воспой меня! — оно получало, къ удивленію, въ отвѣтъ лишь хриплые звуки бездарныхъ писакъ — на родномъ Парнассѣ не оказывалось пѣвцовъ патріотизма!

Двѣ-три строфы Пушкина, нѣсколько Тютчевскихъ стиховъ — таковъ едва ли не весь поэтическій багажъ россійскаго патріотизма. Даже даровитые люди, какъ Майковъ, пріобрѣтали моментально... бездарность, какъ только припадали къ этой заклятой почвѣ.

Что то, очевидно, творилось, какой-то переломъ подготовлялся въ странѣ, величайшій лирикъ которой говорилъ своимъ современникамъ: „потому что я не слышу музыки въ звяканьѣ цѣпей и потому что меня не привлекаетъ блескъ штыковъ — вы утверждаете, что я не патріотъ! — Потому что я совсѣмъ не стараго покроя и закала, и не иду съ каждымъ шагомъ назадъ — вы утверждаете, что я не патріотъ, не люблю своей страны и не понимаю ея! — Они правы: самъ чортъ не разберетъ, отчего у насъ быстрѣе подвигаются тѣ, которые идутъ назадъ, такъ что они достигаютъ ужъ своей цѣли, когда я по своей дорогѣ только что двинулся впередъ! — Богъ даровалъ мнѣ языкъ; но когда я вздумалъ заговорить, захватило у меня горло! Страшныя вещи происходятъ въ моей странѣ, и удивительный обычай завелся у насъ: разумному нуженъ разумъ для глупости, а языкъ для молчанія!“ ...

Это было столь же симптоматично, сколь былъ симптоматиченъ и тотъ единственный герой Льва Толстого, который обладалъ всѣми данными для патріота. Мы знаемъ, князь Андрей Болконскій, по замыслу своего творца, былъ прототипомъ декабриста. Прихоть художника увела, правда, его раньше времени изъ жизни, но она же оставила ему замѣстителя въ сынѣ. Въ послѣдней главѣ знаменитаго романа уже чувствуется отдаленное дыханье надвигающейся грозы, чувствуется въ рѣчахъ Пьера Безухаго, въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ мальчикъ Николинька прислушивается къ этимъ рѣчамъ, Николинька, со дня на день становящійся все болѣе похожимъ на отца, и такой гордый этимъ сознаніемъ....

Цѣлое столѣтіе совершался въ Россіи знаменательный процессъ; на мѣстѣ, остававшемся вакантнымъ отъ старозавѣтнаго патріотизма, сквозь толщу историческихъ переживаній, — мало-по-малу, медленно и трудно пробивался къ свѣту и къ жизни — патріотизмъ новый, патріотизмъ обновляющейся Россіи, патріотизмъ активнаго протеста. Сначала одинокія фигуры, какъ Радищевъ, потомъ маленькія группы людей — декабристы, затѣмъ [illegible] слой народолюбивой интеллигенціи и, наконецъ, цѣлый пластъ народный — передовой пролетаріатъ. Въ прерывисто-растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію „частью“, которая готова была принесть себя въ жертву только что познанному „цѣлому“; ея взору предносилось идеальное, преображенное мыслью „отечество“, и къ этому „отечеству“ тѣмъ рѣшительнѣе тяготѣла воля сознательной „части“, чѣмъ болѣе сама „часть“ ощущала на себѣ давящую лапу конкретнаго „отечества“, чѣмъ болѣе она чувствовала себя — отверженцемъ современности.

Революціонность стала непремѣннымъ аттрибутомъ патріотизма, — патріотизмъ растворился въ революціонности. Подъ сѣнью самодержавнаго режима только революціонеръ былъ патріотомъ, потому что онъ одинъ болѣлъ горемъ своей родины. И только тотъ общественный классъ или слой могъ взвалить на себя тяжелую ношу патріотизма, который волею судебъ вмѣстилъ въ себя необходимый запасъ протестантской энергіи, дабы объявить войну проклятому режиму.

И въ этомъ смыслѣ соціальдемократія патріотична par excellence. Интернаціональная въ своемъ существѣ, она ставитъ себѣ *патріотическія* задачи и, именно осуществляя ихъ, творитъ свое — *интернаціональное* дѣло. Но потому же самому ея патріотизмъ — патріотизмъ воинствующаго пролетаріата, — не есть и не можетъ быть патріотизмомъ порабощенія.

Она знаетъ на сценѣ исторіи лишь одно соперничество, одно законное патріотическое желаніе: чтобы мой народъ внесъ какъ можно больше своего въ міровой процессъ общественнаго пересозданія!

Ст.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дѣло Гершуни и другихъ. Все дѣло было возбуждено по предательству Григорьева. Этотъ послѣдній, артиллерійскій офицеръ, былъ арестованъ 8 января прошлаго года съ литературой с.-р. Испугавшись послѣдствій ареста, онъ на завтра же (9 января) написалъ въ департаментъ полиціи письмо, въ которомъ съ головой выдавалъ своихъ товарищей. Съ того времени Григорьевъ началъ сыпать показаніями (большей частью лживыми) для впутыванія въ это дѣло всѣхъ, кого онъ только зналъ. Такое усердіе въ предательствѣ возбудило омерзѣніе къ нему даже въ военныхъ судьяхъ. На вопросъ одного изъ защитниковъ, что побудило его — Григорьева, къ выдачѣ товарищей, послѣдній попытался стать въ позу героя роковой трагедіи, пережитой имъ будто бы въ тюрьмѣ. Это показалось слишкомъ очевидной наглостью даже предсѣдателю, который его оборвалъ словами: „Какую же драму вы пережили? Вы были арестованы восьмого, а девятаго уже предали своихъ товарищей.“ Тогда Григорьевъ попробовалъ попарадировать въ офицерскомъ мундирѣ, утверждая, что честное слово офицера, данное имъ жандармамъ, заставляло его говорить правду, и что если отъ этого пострадали его товарищи, то въ этомъ виноваты жандармы, вынудившіе у него это „честное слово“. Защитникъ Гершуни, Карабчевскій, указалъ тогда судьямъ, что артиллерійскій офицеръ Григорьевъ въ своей жизни далъ три честныхъ слова и сдержалъ только одно изъ нихъ: онъ далъ подъ присягой честное слово царю и измѣнилъ ему, далъ честное слово революціонерамъ и предалъ ихъ и, наконецъ, далъ честное слово жандармамъ и его только сдержалъ въ точности. Не меньшимъ предательскимъ рвеніемъ отличалась жена Григорьева, урожденная Юрковская. Она все время находилась на свободѣ, хотя и она участвовала въ какой то революціонной организаціи и хранила у себя нелегальную литературу, которая и была у нея найдена при обыскѣ. Поданное ею „чистосердечное раскаяніе“ и „подписка“ (прочтенная на судѣ), что она никогда больше не дотронется до чего либо революціоннаго, поставили ее въ особенныя условія. Около ста листовъ бумаги Григорьевъ и его жена исписали своими предательскими показаніями. Свое послѣднее слово Григорьевъ заключилъ словами: „дайте мнѣ, г.г. судьи, возможность въ сѣрой солдатской шинели, въ борьбѣ съ непріятелемъ, заслужить у царя и отечества прощенье за свои вины“. Но, однако, надо полагать, что, несмотря на вынесенный ему смертный приговоръ, Григорьеву будетъ дана возможность загладить свою вину не въ сѣрой шинели, а въ синемъ мундирѣ чиновника охраннаго отдѣленія. На судѣ фигурировали еще два предателя: Ѳ. Качуръ и Бартошкинъ. Первый, заключенный въ шлиссельбургской крѣпости, уже давно началъ оговаривать товарищей. Сдѣлано это имъ было отчасти изъ трусости, отчасти вслѣдствіе наивнаго довѣрія жандармамъ. Послѣдніе, какъ подтвердилось потомъ на судѣ, показали ему фотографическую карточку Гершуни въ кандалахъ и увѣряли его, что Гершуни уже осужденъ на каторгу, и что его показанія о немъ не могутъ уже ему повредить, такъ какъ за одно и то же преступленіе два раза не судятъ. Качуръ повѣрилъ и разсказалъ все, что онъ зналъ о немъ. Вообще Ѳ. Качуръ оказался совсѣмъ неспособнымъ на ту героическую роль, которую онъ взялъ на себя, и при первомъ же искусѣ не выдержалъ. Это маленькій, лишенный всякой устойчивости человѣкъ, легко поддающійся всякому вліянію. Бартошкинъ представляетъ собою лишь злостнаго предателя. По какимъ то личнымъ связямъ, онъ попалъ въ революціонную среду, за что-то озлобился на товарищей и, съ момента ареста, началъ выдавать и разсказывать всякія небылицы съ явной цѣлью, какъ можно больше повредить тѣмъ, которыхъ онъ случайно зналъ, и про которыхъ онъ только слышалъ.

Гершуни, все время державшійся съ большимъ достоинствомъ, съ омерзѣніемъ отрицалъ свое знакомство съ нимъ. Бартошкинъ разсказывалъ какую то басню о томъ, что Гершуни его послалъ убить Зубатова. Но при допросѣ это оказалось чистѣйшимъ вымысломъ.

Впечатлѣніе отъ омерзительной картины четырехъ предателей было еще усилено той грязью, которой забросалъ обвиняемыхъ революціонеровъ защитникъ Григорьева, Бобрищевъ-Пушкинъ, который построилъ всю свою защитительную рѣчь на опороченіи нравственной личности другихъ обвиняемыхъ, причемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, щедро лилъ помои на революціонеровъ вообще, и на обвиняемыхъ въ частности. Не пощажена имъ была и память погибшихъ героевъ революціи. Слова: „зловоніе“, „негодяи“, „мошенники“, „отбросы общества“ и т. д. такъ и сыпались въ его рѣчи, чередуясь съ злостными клеветами и безсмысленными извращеніями исторической истины. Это была какая то вакханалія омерзительнаго оплевыванія связаннаго по рукамъ и ногамъ врага; и все это дѣлалось почтеннымъ юристомъ, такъ сказать, изъ любви къ искусству, такъ какъ на три четверти его рѣчь не имѣла никакого касательства къ дѣлу его кліента. За этотъ подвигъ онъ былъ разъ награжденъ возгласомъ „подлецъ!“, вырвавшимся изъ устъ одного изъ защитниковъ. Предсѣдатель, повидимому, самъ возмущенный поведеніемъ Бобрищева-Пушкина, даже не призвалъ бросившаго это оскорбленіе защитника къ порядку.

Прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи держался въ строгихъ рамкахъ юридическаго разбора, ни словомъ не обмолвившись о революціи и революціонныхъ дѣятеляхъ. Защитники Гершуни, Ремянникова, Вейсенфельда, Мельникова также разбирали дѣло только съ юридической стороны, но энергично отражали позорный походъ Бобрищева-Пушкина и надлежащимъ образомъ квалифицировали его поведеніе. По существу дѣла, защитѣ удалось уничтожить всякое подобіе доказательства виновности подсудимыхъ, что, конечно, не помѣшало судьямъ вынести обвинительный приговоръ всѣмъ. Характерно чистосердечное признаніе секретаря департамента полиціи (присутствовавшаго на судѣ), что жандармское дознаніе велось такъ неумѣло и противорѣчиво, что, при судѣ присяжныхъ, всѣ обвиняемые были бы оправданы. Но, очевидно, военному суду не нужно было составить себѣ мнѣніе на основаніи судебнаго слѣдствія; ихъ мнѣніе было уже выработано гораздо раньше — волей и приказомъ фонъ-Плеве.

Петербургъ. Настроеніе рабочихъ. „Что же это такое?“, спрашивали рабочіе по поводу патріотическихъ манифестацій, — какъ могло случиться, что въ нихъ принимали участіе студенты? „Я такъ полагаю, что это само правительство расписало въ газетахъ, что этого на самомъ дѣлѣ не было... не можетъ быть, чтобы студенты участвовали... пѣли... „Боже царя храни...“, совсѣмъ смущенно добавляетъ одинъ рабочій. — „Расписало-то, расписало... да я самъ видѣлъ, человѣкъ двѣсти ихъ было...“, говоритъ другой, будто въ чемъ-то провинившись. Именно рабочіе были будто сконфужены участіемъ студентовъ въ манифестаціи и заинтересованы этимъ фактомъ. Будто ихъ обманули... Странно было имъ сочетать „студенчество“ съ патріотическими манифестаціями, съ портретомъ царя, съ „боже царя храни“ и т. д. Они старались понять это, выяснить себѣ этотъ фактъ и при всякомъ удобномъ случаѣ возвращались къ нему. Видно было, что „студенчество“ представлялось имъ чѣмъ-то единымъ, цѣлымъ и нѣлымъ „хорошимъ“, непремѣнно соціальдемократическимъ и революціоннымъ... и вдругъ—манифестаціи. По поводу этихъ манифестацій были выпущены прокламаціи, объяснявшія ихъ, распространялись и студенческіе листки, выражавшіе порицаніе манифестантамъ. Рабочіе говорили о томъ, что „этого зла“ такъ оставить нельзя, надо что-нибудь, какъ-нибудь *рабочимъ отвѣтить на это*. (На предложеніе выразить протестъ свой письменно, не предложеніе, а скорѣй „подсказку“, отвѣчали нерѣшительно, что надо умѣть „изложить это“, нѣкоторыхъ будто смущала смѣлость такого поступка, — „студентамъ“ порицаніе письменно выражать!) Жаловались рабочіе и на то, что многіе изъ работающихъ съ ними на фабрикахъ записывались въ добровольцы, и когда они пытались отговорить своихъ несознательныхъ товарищей, тѣ ссылались на студентовъ: „люди образованные и тоже записываются“. „Ну что же, что образованные, а, оказывается, глупѣе насъ“ — раздраженно замѣтилъ рабочій, „всякіе между ними есть“. Послѣ возбужденія, записей въ добровольцы, пожертвованій и т. д. настроеніе упало, и большинство рабочихъ и настроено и высказывается противъ войны; такъ передаютъ тѣ сознательные рабочіе, которые прежде жаловались на своихъ товарищей. Господствуетъ недовѣріе къ правительственнымъ сообщеніямъ о ходѣ войны, которыя расклеиваются на улицахъ, плюютъ на нихъ и не хотятъ читать. Прокламаціи читаютъ и просятъ еще... *Каждую недѣлю выпускаются прокламаціи, три четыре раза въ недѣлю...* Была перепечатана статья изъ „Искры“ „Въ тискахъ“, понравилась рабочимъ, хотя многаго они въ ней не поняли. Прокламаціи выпускаются въ числѣ 1000, 800 и меньше на одинъ районъ, распространяются на фабрикахъ, кладутъ въ карманы, возлѣ станковъ и т. д. (кому прямо нельзя дать), на улицѣ разбрасываются рѣдко, когда бываетъ большой запасъ прокламацій. На агитаціонныхъ собраніяхъ человѣкъ въ семь-восемь разъ въ недѣлю ведется постоянная агитація. На нѣкоторыхъ фабрикахъ рабочіе отказывались отъ пожертвованій на войну, ихъ разсчитывали, — это были все лучшіе, сознательные рабочіе... Комитетъ рѣшилъ, чтобы такіе рабочіе не отказывались отъ пожертвованій, такъ какъ иначе полиція получитъ указаніе, на кого ей обратить особое вниманіе. Рабочіе волнуются по поводу предстоящихъ разсчетовъ съ фабрикъ; нѣкоторымъ уже объявили, что въ недалекомъ будущемъ имъ предстоитъ или полдневная работа, или удаленіе половины рабочихъ съ фабрики (у Беккера). Отказъ отъ пожертвованій былъ вполнѣ самостоятеленъ. Комитетъ опоздалъ предупредить его. Необходимы хорошія прокламаціи, выясняющія, какъ должны рабочіе держаться при разсчетахъ, необходимо, также чтобы онѣ являлись передъ *дѣйствіемъ*, а не послѣ, какъ большею частью. Когда окончился съѣздъ дѣятелей по техническому образованію, тогда спохватились и выпустили прокламацію, а, между тѣмъ, рабочіе съ большимъ интересомъ относились, когда приходилось разсказывать мнѣ, какіе вопросы и какъ разбирались тамъ... Хотя многіе пропагандисты упустили изъ виду и разсказать... подѣлиться тѣмъ, что дѣлается далеко отъ фабрикъ... Не знаю, впрочемъ, многіе ли изъ пропагандистовъ сами бывали на этомъ съѣздѣ... Очень ужъ замкнуто живутъ, другъ съ другомъ никогда не видятся (впрочемъ, одно собраніе было, и, между прочимъ, на немъ говорилось о необходимости „почаще видѣться“, о томъ, что конспирація „заѣдаетъ“..., но и послѣ этого собранія все идетъ по прежнему). Каждый живетъ въ своей скорлупѣ и не только рабочихъ не пріобщаетъ къ общимъ, широкимъ интересамъ, но, мнѣ кажется, и самъ съуживается. Такое впечатлѣніе я вынесла изъ этого одного собранія (этого, конечно, быть можетъ, и слишкомъ мало), всѣ будто *растерялись*, когда „старшій“ сказалъ, что „Искра“ выразила удивленіе по поводу небрежнаго отношенія къ съѣзду... Нашли, что она требуетъ слишкомъ многаго, но сознались,—что и требовалось,—что не было сдѣлано и того, что было возможно. „Проворонили“ съѣздъ. Литературы совсѣмъ нѣтъ. Работа налажена хорошо далеко не во всѣхъ районахъ (людей мало). Въ одномъ районѣ работа идетъ хорошо. Комитетъ, между прочимъ, выпустилъ прокламацію, которую рабочіе мало распространили. А, между тѣмъ, цѣль ставилась очень хорошая: прокламація была написана по поводу статьи Суворина въ „Новомъ Времени“ о статьѣ Жеро-Ришара въ „Petite République“, но написана она была такъ кратко, что осталась совершенно непонятной для рабочихъ, да еще „съ *нѣмецкими* словами“ („Petite Rép.“ и т. п.). Очень было пріятно встрѣтить прокламацію на такую тему, но она написана была такъ, какъ будто всѣ уже достаточно освѣдомлены о соціалистическихъ партіяхъ во Франціи.

Пропагандистка.

„Военныя“ настроенія. Изъ **Петербурга** пишутъ: Послѣ подъема настроенія во время съѣздовъ и патріотически-полицейскихъ бѣснованій наступило затишье, тупое съ виду, мрачное и тревожное. Обыватель очнулся отъ „патріотическаго“ угара и начинаетъ разбираться точнѣе въ событіяхъ: флотъ разбитъ, портъ-артурскіе запасы разграблены самими же русскими (интендантами), солтаты на Байкалѣ мерзнутъ, побѣда-одолѣніе хоть бы одна, начинаютъ ходить слухи, что изъ Краснаго Креста уже по первоначалу, господи, благослови, здорово украдено, а изъ Варшавы и Кіева слыхать, какъ обсчитали уже врачей, ѣдущихъ на войну. Выпустили 50 милліоновъ бумажекъ, и еще собираются; насчетъ сберегательныхъ кассъ неладно поговариваютъ. А тутъ сокращеніе всѣхъ насущныхъ расходовъ; въ торговлѣ застой начался; упорно говорятъ о повышеніи налоговъ. Вотъ тебѣ и война, вотъ тебѣ и „Боже, царя храни“! Но главное, гдѣ причина? Однѣ газеты ничего не отвѣчаютъ и только *ура* кричатъ: разбили три броненосца — ура! потоплено два судна — ура! Алексѣевъ телеграфируетъ — ура! Куропаткинъ бѣлую лошадь, какъ у Скобелева, купилъ — ура! потому съ бѣлой лошадью ужъ, конечно, побѣдимъ, — ура! Словомъ, чтобы ни случилось — все: ура! Другія говорятъ, что это все „жидъ“ пакоститъ: это все онъ — и броненосцы потопилъ, и японца натравилъ и денегъ ему далъ. Бей „жида“! Начальство тоже, повидимому, не прочь на „жида“ все свалить: недаромъ съ юга приходятъ вѣсти о предстоящихъ и, якобы, уже бывшихъ погромахъ. Третьи газеты стыдливо молчатъ, молчатъ, впрочемъ, потому, что по рукамъ и ногамъ связаны, да и ротъ такъ забитъ клиномъ, что и самое „караулъ“, доходя до слуха читателей, чрезвычайно походитъ на „ура“. Такъ или иначе, но ни откуда нѣтъ правдиваго звука. „Гдѣ же я узнаю *правду* о войнѣ, вопіетъ обыватель, гдѣ?“ Предо мной два письма изъ разныхъ концовъ Россіи и въ обоихъ *умоляютъ* доставлять имъ *правду* о войнѣ, ибо „въ телеграммахъ и газетахъ такая ложь, что читать тошно“. Авторы писемъ не заражены никакими „измами“. Война становится явно непопулярной, хотя и раньше-то, до манифестацій, ей не особенно обрадовались. Изъ Батума слышно, что тамъ начали „манифестаціей“ (т. е. патріотической), а кончили „демонстраціей“ (т. е. противоправительственной). Въ Питерѣ тихо. Высшіе женскіе курсы, послѣ своего протеста, были закрыты, теперь же снова открыты, но пускаютъ туда лишь по билетамъ. Въ университетѣ была назначена на 17 февраля сходка, но администрація, нынѣ весьма бдительная и остроумная, преградила входъ въ университетъ неблагонадежнымъ элементамъ, устроивъ впускъ по билетамъ, которые изъ 1000 человѣкъ выданы лишь 600 студентамъ. Такимъ образомъ, хотя въ университетѣ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядковъ и нѣтъ, но состояніе, въ виду необычайной „нервности“ администраціи, напоминаетъ осадное положеніе. Патріотическія манифестаціи окончательно прекратились. Въ общемъ, положеніе должно разрѣшиться въ нѣчто болѣе „выразительное“, чѣмъ одиночный протестъ курсистокъ. Въ студенческой и интеллигентской средѣ ходитъ масса листковъ.

Москва. Здѣшнія манифестаціи устраивались стараніями полиціи, причемъ дворникамъ, полицейскимъ и шпіонамъ платили по 20 коп. въ часъ за участіе въ шествіяхъ. Всѣ только и говорятъ о войнѣ, которая очень не популярна. Вся интеллигенція на сторонѣ японцевъ(?) и за заключеніе мира. Крестьян же относятся къ войнѣ совершенно равнодушно. Приходилось слышать такое сужденіе: „Что же! Тѣсно стало жить. Война народъ порѣдитъ — лучше будетъ. А опосля войны непремѣнно манифестъ выйдетъ, царь-батюшка земли прирѣжетъ!“ Характерно, что въ то время, какъ г. Струве заграницею рекомендуетъ націоналистическія манифестаціи, его поклонники пишутъ не менѣе двусмысленно. Здѣсь вышелъ „Летучій листокъ“ № 1, помѣченный 14 февраля 1904 г. Подпись — „Друзья Освобожденія“. Печать хорошая, но не заграничная. Онъ кончается такъ: „... Теперь, когда вы оказались безъ глазъ и безъ рукъ, даже въ дѣлѣ военныхъ приготовленій, вы захотѣли единенія. Вы будете удовлетворены: вы получите это единеніе, поскольку оно указывается необходимостью момента(!!) Но и только! Того единенія, которое нужно вамъ не на берегахъ Желтаго моря, а здѣсь, внутри страны, нѣтъ и не будетъ. Борьба русскаго народа съ его внутреннимъ врагомъ, непримиримая борьба съ вами, началась не въ ночь съ 26 на 27. Въ этой борьбѣ нѣтъ отсрочекъ, нѣтъ перемирій. Вы продолжаете дѣлать все отъ васъ зависящее въ этой борьбѣ противъ народа. Мы же сдѣлаемъ все, чтобы разсѣять тотъ туманъ, которымъ вы опутали нашу родину“.

Демонстрація въ Кіевѣ. (Изъ листка „группы соц.-дем.“) 28 фев. состоялось засѣданіе Юридическаго Общества, посвященное памяти Чичерина. Въ актовомъ залѣ собралось около 2000 чел., было много студентовъ. Послѣ рѣчи профессора Челпанова были разбросаны прокламаціи Кіевскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. „Война противъ войны“ и „Искра о войнѣ“. Публика моментально расхватала прокламаціи. Послѣ рѣчи профессора Цытовича снова посыпались тѣ же прокламаціи. Публика встрѣтила ихъ апплодисментами. Предсѣдатель закрылъ собраніе, хотя по программѣ чествованія долженъ былъ произнести рѣчь Билимовичъ (сотрудникъ и идейный продолжатель[1]) Пихно). Не успѣла публика двинуться къ выходу, какъ изъ среды студентовъ раздалась пѣсня: „Смѣло, друзья, не теряйте...“ Публика осталась въ залѣ, и многіе изъ среды ея присоединились къ пѣнію.

Революціонное настроеніе охватило всѣхъ присутствующихъ, и звуки чудной пѣсни громко разносились подъ сводами актоваго зала. „Смѣло, друзья, не теряйте...“ смѣнилось рабочей марсельэзой: „Отречемся отъ стараго міра“. Давно такой энтузіазмъ не охватывалъ студенчество и революціонное общество. Раздались крики: „Долой самодержавіе“, „Долой войну“, и толпа подхватывала эти крики громкимъ „ура“. Около четверти часа пѣли въ залѣ, затѣмъ двинулись къ выходу, продолжая пѣть. На улицѣ подъ колоннадой возлѣ главнаго выхода снова громко запѣли. Въ это время околоточный надзиратель съ тремя городовыми выхватили одного студента изъ толпы. Раздается чей то крикъ изъ толпы: „одного арестовали!“ „товарищи, выручай“, и околоточный надзиратель, свисткомъ призывавшій городовыхъ, стремглавъ летитъ внизъ со ступенекъ, городовыхъ смяли, и арестованный товарищъ освобожденъ. Вновь прибывшіе городовые, обнаживъ шашки, мчатся за студентомъ по Нижней Владимірской. За ними бѣгутъ студенты на выручку товарища. Насколько намъ извѣстно, никто не арестованъ.

Теперь, когда темныя силы Россіи празднуютъ свою гнусную оргію, эта, хотя и небольшая, демонстрація имѣла громадное значеніе. Кіевъ, 29 февраля.

Къ патріотическимъ вакханаліямъ въ Кіевѣ. Что „патріотическія манифестаціи“, устраивавшіяся въ Кіевѣ, имѣли главной своей цѣлью уничтожить въ нѣсколько дней то вліяніе рабочаго движенія, которое было добыто упорнымъ и систематическимъ трудомъ русской соціальдемократіи въ средѣ мѣстнаго населенія за послѣдніе годы, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Для того, чтобы это сказать, нужно было только издали видѣть эти „манифестаціи“, характеръ манифестантовъ, купленныхъ щедрой рукой полиціи и жандармеріи. Наконецъ, тѣ лозунги, которые являлись особенно важными для манифестантовъ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ бывшихъ здѣсь „манифестацій“ не оканчивалась безъ того, чтобы на ней не были произнесены заклинанія по адресу россійской революціи. Наконецъ, съ откровенностью, доходящей до цинизма, одинъ изъ мѣстныхъ реакціонеровъ-профессоровъ университета говорилъ по поводу манифестировавшихъ націоналистовъ-студентовъ, добровольно отдавшихъ себя въ распоряженіе жандармеріи и полиціи (ибо всѣ „манифестаціи“ были охраняемы плотнымъ кольцомъ полиціи): „какъ жаль, что я не могу имѣть на остальную массу студенчества вліянія, а то я бы прямо организовалъ весь университетъ съ цѣлью избіенія жидовъ“. Этотъ профессоръ — докторъ Павловскій, почтенное имя котораго должно быть вписано отнынѣ на скрижали мѣстнаго университета. Говорилъ Павловскій открыто въ большомъ обществѣ, и фраза, сказанная имъ, на другой день облетѣла весь Кіевъ и сдѣлалась крылатой въ кругу мѣстныхъ реакціонеровъ. „Бей жидовъ и долой соціалистовъ!“ — вотъ главная цѣль „манифестацій“ по случаю объявленія войны.

Война объявлялась, значитъ, двоякаго рода: съ японцемъ внѣшнимъ и внутреннимъ. До сихъ поръ война съ внутреннимъ японцемъ велась посредствомъ избіенія его на улицахъ городовъ царской опричниной, теперь же хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ войны съ Японіей, чтобы продажными устами лицъ изъ русскаго общества провозгласить открыто яко бы общественное мнѣніе по адресу русской революціи. Но мистификація не удалась, и правительству пришлось вскорѣ же запретить комедіи съ патріотизмомъ. Общество сразу раскусило, что „умыселъ другой тутъ былъ“. Всѣ въ Кіевѣ ясно видѣли, что „патріотическія“ манифестаціи по случаю войны — это только внѣшній удобный предлогъ, чтобы свести свои старые счеты съ „крамолой“.

Чувствуя это, мѣстный обыватель даже избѣгаетъ тѣхъ улицъ, по которымъ полиція устраивала свои манифестаціи. „Какъ бы чего не вышло“, тревожно шептали его уста при видѣ „манифестацій“. А когда были разоблачены воровство и грабежъ, съ которыми манифестанты подъ звуки „національнаго гимна“ демонстрировали свои „патріотическія чувства“, то обыватель прямо таки завопилъ. Словомъ, игра въ патріотизмъ не вышла. „Манифестаціи“, помимо воли ихъ устроителей, имѣли и свою хорошую сторону, ибо они помогли мѣстному обществу разобраться въ истинномъ характерѣ войны съ Японіей. Теперь многіе кіевляне разсматриваютъ японскую войну, какъ необходимый русскому правительству предохранительный клапанъ противъ „крамолы“, многіе истинно возмущены войной, и даже изъ числа тѣхъ, кто вначалѣ искренне раздѣлялъ взгляды правительства на войну. Въ войскахъ Кіевскихъ не видно также замѣтнаго оживленія. Солдаты и офицера ходятъ, какъ тѣни, въ ожиданіи того момента, когда ихъ отправятъ въ качествѣ пушечнаго мяса на войну. Говорятъ здѣсь упорно, что одинъ полкъ, ѣхавшій изъ кіевскаго округа на войну въ „скотскомъ“ поѣздѣ, подъ вліяніемъ случайной агитаціи потребовалъ на одной изъ станцій Кіево-Воронежской жел. дороги пересадки въ „человѣческіе“ вагоны. Вообще, компетентные люди толкуютъ о томъ, что теперь очень удобный моментъ, чтобы пустить глубокіе корни политической агитаціи среди солдатъ. Сравнивая настроеніе солдатъ въ русско-турецкую войну и теперь, одинъ офицеръ мѣстной дивизіи говорилъ, что такого удрученнаго настроенія солдатъ онъ въ 1877 г. никогда не запомнитъ. Поэтому, въ высшей степени необходимымъ является, чтобы всѣ мѣстныя организаціи откликнулись на это явленіе выпускомъ прокламацій соотвѣтствующаго содержанія къ солдатамъ и офицерамъ. Чѣмъ скорѣе это будетъ дѣлаться, тѣмъ лучше.

Одесса. Нашъ городъ все больше и больше охватываетъ торгово-промышленный кризисъ, вызванный войной. Многія заведенія сократили работу, нѣкоторыя совсѣмъ закрылись, заработная плата пала, число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ — въ силу тѣхъ же причинъ — начинаютъ расти цѣны на продукты. Хлѣбъ уже вздорожалъ на одну коп. на фунтъ, и предвидится еще большее вздорожаніе. На Молдаванкѣ уже имѣется сыпной (голодный) тифъ. Въ настоящее время работаютъ усиленно только двѣ отрасли: экспортъ хлѣба заграницу и желѣзныя дороги. На желѣзной дорогѣ, благодаря усиленному движенію, масса работы, и рабочихъ заставляютъ работать на нѣсколько часовъ дольше, платя имъ, правда, очень крупную прибавку. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь растетъ недовольство на своеобразной почвѣ. Чтобы внѣдрить русскому рабочему любовь къ отечеству, управленіе дорогъ „постановило“ вычитать изъ заработка 1% въ пользу раненыхъ. Не довольствуясь этимъ „обязательнымъ“ вычетомъ, оно предложило „желающимъ“ жертвовать больше: 2%, 3%. „Желающихъ“, конечно, не находилось, тогда начальство начало приглашать рабочихъ по одиночкѣ и съ глазу на глазъ повторяло то же предложеніе. Эффектъ получился. Хорошій примѣръ „уроковъ патріотизма“ даетъ слѣдующій случай: рабочій, у котораго на рукахъ жена и нѣсколько ребятъ и который зарабатываетъ всего 30 рублей въ мѣсяцъ, вынужденъ платить 1%, то есть 30 коп. на раненыхъ. Онъ идетъ къ своему начальству и говоритъ, что это ему не подъ силу, что въ его бюджетѣ каждая копѣйка на учетѣ, и проситъ, чтобы его освободили отъ „добровольнаго пожертвованія“. Начальство говоритъ, что оно этого сдѣлать не можетъ, и рекомендуетъ ему подать прошеніе въ управленіе дорогъ. Рабочій подаетъ. Черезъ нѣсколько времени получается въ отвѣтъ телеграмма: если не хочетъ „жертвовать“, уволить со службы. Коротко и ясно. Всѣ этого сорта выходки сильно раздражаютъ болѣе развитыхъ и сознательныхъ рабочихъ. Масса же пока еще зарится на большой заработокъ. Что не сегодня завтра можно ожидать рабочихъ волненій на почвѣ кризиса и безработицы, это предвидитъ даже князь Мещерскій.

Вѣроятно, въ виду предупрежденія этого бѣдствія мѣстная „интеллигенція“ изъ охраннаго отдѣленія упражняется въ такого рода курьезахъ: недавно была здѣсь пущена печатная прокламація Ком. подъ заглавіемъ: „японцы-ли наши истинные враги?“ И вотъ въ „Вѣдом. Одес. Градон.“ появляется цѣлый фельетонъ на тему: отвѣтъ на вопросъ, японцы ли наши истинные враги? Я видѣлъ этотъ фельетонъ только мелькомъ, но общій характеръ его — это симфонія, развивающая одну музыкальную фразу: „Боже царя храни“! Пахнетъ отъ фельетона душкомъ дежурной комнаты въ охранномъ отдѣленіи.

Общее настроеніе у публики сильно пало. Интересъ къ войнѣ ослабъ, и даже бомбардировка Владивостока — событіе очень важное — не въ силахъ вызвать прежняго оживленія. Это замѣтно и на спросѣ на телеграммы, и на разговорахъ, и на пожертвованіяхъ. Жертвуютъ теперь все больше разныя общественныя учрежденія да подначальныя лица, гдѣ „добровольныя даянія“ собираются такъ же, какъ на желѣзной дорогѣ. Но гнусное — именно гнусное, потому что сомнительной искренности — настроеніе въ обществѣ держится по прежнему.

Николаевъ. 21-го февраля было захвачено собраніе восьми чел. рабочихъ, а съ ними одна интеллигентка Евдокія Шнеерсонъ (скрывшаяся изъ подъ надзора изъ Екатеринослава). Изъ рабочихъ извѣстны фамиліи: Егоръ Кащевскій, Игнатъ Макаровъ и Сергѣй Макаровъ. Были произведены обыски. Полиція страшно свирѣпствуетъ и мечется изъ угла въ уголъ: хватаетъ прямо на улицахъ слободки и другихъ рабочихъ кварталовъ и обыскиваетъ: многихъ рабочихъ при входѣ, на заводѣ, тоже очень тщательно обыскиваютъ. На всѣхъ заводахъ разсчитываютъ десятками; въ объясненіе причинъ большей частью не входятъ, хотя иногда объясняютъ сокращеніемъ работъ, что не вяжется съ пріемомъ новыхъ рабочихъ, хотя въ меньшемъ числѣ, чѣмъ дѣлается разсчетъ: очевидно, дѣлаютъ „смѣнку“ — увольняютъ строптивыхъ.

Много разговоровъ ведется по поводу добровольныхъ вычетовъ на флотъ; находятся среди рабочихъ такіе, которые отказываются платить, ихъ разсчитываютъ; есть также и такіе, которые большія надежды возлагаютъ на „либеральнаго“ градоначальника и пишутъ ему письма, въ которыхъ просятъ, чтобы не дѣлалось насильныхъ сборовъ. Комитетомъ былъ выпущенъ листокъ по поводу сборовъ, результатомъ чего былъ приказъ въ адмиралтействѣ объ отмѣнѣ вычетовъ: вмѣсто того, рабочіе приглашаются жертвовать въ кружки. Приказъ объ этомъ появился въ одно утро съ листкомъ по этому поводу.

На Донскомъ заводѣ администрація особенно усердно дѣлаетъ сборы. Хозяинъ, который получаетъ „Знамя“ и даетъ его читать „хорошимъ“ рабочимъ, — заявилъ сперва, что будетъ дѣлать вычетъ съ рабочихъ по 2 процента съ ихъ мѣсячнаго заработка: въ первую получку послѣ этого, когда былъ выпущенъ листокъ, вычетовъ не производилось, но зато черезъ недѣлю опять хозяинъ сталъ требовать, чтобы рабочіе давали по одному проценту на флотъ. Нѣкоторые рабочіе протестовали, хотя и очень слабо; многихъ изъ нихъ за это разсчитали.

Ростовъ н Д. 2 марта. Только мѣсяцъ тому назадъ ростовскіе обыватели приводили въ умиленіе нашего помпадура Абрамова своей преданностью престолу, своими холопскими чувствами, только мѣсяцъ тому назадъ три-четыре дня подрядъ толпа 500-600 человѣкъ ходила по улицамъ съ пѣніемъ „народнаго“ гимна, только мѣсяцъ тому назадъ желѣзнодорожные рабочіе посылали холопскую телеграмму Николаю, только вѣдь одинъ мѣсяцъ тому назадъ мы были свидѣтелями хотя и незначительнаго, но все-таки несомнѣнно „патріотическаго“ (точнѣе — націоналистическаго) подъема, а между тѣмъ настроеніе рѣзко успѣло измѣниться. Въ первый день всеобщаго возбужденія шовинистическое настроеніе охватило даже нѣкоторую часть (опять таки весьма незначительную) рабочихъ, а наши „либералы“ уже призывали къ забвенію борьбы съ правительствомъ, дабы спасти отечество отъ нашествія „варваровъ“... Либеральная буржуазія осталась вѣрна самой себѣ, и не приходится удивляться подобнымъ „призывамъ“. Что касается „простого“ народа, то причиной воинствующаго патріотизма была лишь недостаточная сознательность, непониманіе тѣхъ бѣдствій, которыя принесетъ Россіи война. Приходилось слышать, напримѣръ, разсужденія, что съ присоединеніемъ Манчжуріи „работы больше будетъ“, а отъ войны „народу поубудетъ, легче жить станетъ“ и т. д. Кромѣ того господствовало убѣжденіе, что войну вызвала Японія, что русское правительство лишь вынуждено защищаться. Вѣдь царскій манифестъ говоритъ лишь объ „отраженіи врага“! Но и въ этой несознательной части рабочаго люда отсутствовалъ тотъ „патріотическій“ подъемъ, о которомъ доносилъ генералъ Абрамовъ царю. Даже въ первый день, когда чувствовался особен

---

[1] Публика готовилась освистать Билимовича, зная напередъ по программкѣ въ какомъ духѣ онъ будетъ говорить, захватили даже такъ называемыхъ „умирающихъ чертей“ съ „Контрактовъ“, но онъ остроумно уклонился отъ чтенія, и „настроеніе“ вылилось въ болѣе отчетливой формѣ.

Наша „военная“ кампанія.

Россія экзаменуется — такъ можно бы назвать переживаемые дни. Орудіемъ испытанія въ рукахъ исторіи служитъ война. Къ экзамену привлечены всѣ общественныя силы. Въ первую голову, конечно, отвѣтъ держать пришлось самодержавію — отвѣтъ по части его финансовой мощи, популярности его предпріятій въ народѣ, подвижности и гибкости его правительственнаго аппарата, расторопности и честности его административнаго персонала.

Отвѣтъ пришлось держать либераламъ — по части ихъ „государственной мудрости“, оппозиціонной настойчивости, гражданской доблести и... политической порядочности...

Отвѣтъ приходится держать и соціальдемократіи, партіи революціи, — по части ея боевой подготовленности, революціонной предпріимчивости и принципіальной выдержанности ея политической агитаціи.

Россія экзаменуется... Съ трескомъ проваливается самодержавіе, либералы просятъ у исторіи отсрочки, чтобъ еще „подготовиться“, — а соціальдемократія?

Работа соціальдемократіи — въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ — сводится къ разоблаченію несостоятельности силъ реакціи въ одной области, либеральной оппозиціи — въ другой.

Политическій уголъ зрѣнія соціальдемократіи — критическій по существу, и можно сказать, что соціальдемократія ровно въ той мѣрѣ *хорошо* выполняетъ свою политическую обязанность, въ какой проводитъ въ сознаніе пролетаріата пониманіе того, какъ *плохо* выполняютъ свою работу всѣ другія общественныя организаціи и партіи.

Если соціальдемократія недостаточно полно, разносторонне и глубоко или просто неправильно ведетъ свою политически-обличительную кампанію, это значитъ, что она недостаточно полно, т. е. не по надлежащей линіи отмежевываетъ пролетаріатъ отъ буржуазнаго общества. А именно въ этомъ — смыслъ ея существованія.

Труднѣе всего, разумѣется, противопоставить пролетаріатъ лѣвому флангу буржуазіи, который, съ точки зрѣнія литературнаго представительства, можетъ быть распредѣленъ между „Освобожденіемъ“ и „Революціонной Россіей“.

„Освобожденіе“ разсматриваетъ самодержавіе, какъ антинаціональное учрежденіе, современную политическую борьбу, какъ тяжбу націи съ царизмомъ, войну, какъ антинаціональное предпріятіе. И это вѣрно, — если только прибавить, что рѣчь идетъ о *буржуазной* націи, таящей въ себѣ и открывающей на каждомъ шагу непримиримыя противорѣчія, если только помнить, что одна часть націи готовитъ себя къ диктатурѣ надъ другой частью тѣмъ, что въ критическій моментъ покидаетъ оппозиціонные посты.

„Революціонная Россія“ говоритъ не иначе, какъ о борьбѣ „рабочаго класса“ противъ „самодержавно-буржуазныхъ устоевъ“. На первый взглядъ — прямая противоположность съ точкой зрѣнія „Освобожденія“. Но если принять во вниманіе, что „Революціонная Россія“ впихиваетъ въ рабочій классъ и крестьянство и интеллигенцію, что она, далѣе, не соглашается считать буржуазіей: во первыхъ, — себя, во вторыхъ, — либеральныхъ земцевъ и думцевъ, то окажется, что изъ буржуазной націи ею вычитаются только тѣ реакціонные, финансовые и промышленные слои капиталистовъ, которые присосались къ самодержавію и играютъ роль паразитовъ на тѣлѣ паразита. Все же, что сверхъ того, парадируетъ подъ видомъ антицаристской и антибуржуазной Россіи, въ которой пролетаріатъ утопаетъ такъ же безслѣдно, какъ и въ единой націи г. Струве.

Какъ же извлечь его?

Къ этой задачѣ можно подходить различно.

Во первыхъ, „по поводу“ данной войны можно говорить о войнѣ, какъ о продуктѣ классового строя общества вообще. Можно указывать на Японію, гдѣ война, являясь несомнѣнно „національнымъ“ предпріятіемъ, сохраняетъ въ то же время въ полной мѣрѣ свой *анти*пролетарскій характетъ... Намъ, въ виду нерасчлененности нашихъ общественныхъ отношеній, не разъ приходилось при помощи примѣровъ изъ сферы отношеній западно-европейскаго пролетаріата къ западно-европейской буржуазіи отдѣлять *нашъ* пролетаріатъ, отъ *нашей* буржуазіи, отъ *нашей* буржуазной демократіи. То же можно и должно повторить и теперь. И, разумѣется, такая позиція, принципіально правильная, несравненно выше того вульгарнаго японофильства, которое тамъ и сямъ прорывается въ революціонныхъ кругахъ. Но нечего, конечно, и думать, что лозунги, полученные путемъ аналогіи, могутъ пріобрѣсти широкое и притомъ дѣйственное политическое значеніе. Они сохраняютъ исключительно свой „пропагандистскій“ характеръ — для единицъ и десятковъ изъ того класса, а руководительство которымъ мы претендуемъ. Конечно, этого мало.

Можно — и это дѣлается, и это должно дѣлаться — всѣ наши демократическіе лозунги ставить подъ начало нашихъ соціально-революціонныхъ лозунговъ: свобода, какъ средство, — соціализмъ, какъ цѣль. Но, разумѣется, въ каждой прокламаціи этого дѣлать нельзя, — это свелось бы къ простому соціалистическому доктринерству, выродилось бы въ шаблонъ, — какъ и вырождается на самомъ дѣлѣ — и потеряло бы всякое значеніе. И, разумѣется, эти соціально-революціонные лозунги, какъ не имѣющіе сейчасъ никакого актуальнаго значенія, не побуждающіе ни къ какимъ непосредственнымъ дѣйствіямъ, не могутъ поспѣвать въ популярности и вліятельности за лозунгами демократическими, во имя которыхъ масса сейчасъ выходитъ на улицу. Въ худшемъ случаѣ, — который несомнѣнно чаще всего оказывается на лицо — лозунги демократическій и соціалистическій („Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ!“) сливаются во-едино и порождаютъ такое представленіе, что уничтоженіе самодержавія равносильно введенію соціалистическаго строя.

Можно, далѣе, политически отдѣлять пролетаріатъ отъ буржуазіи, хотя бы практика пролетарской политики и не выходила изъ лозунговъ либерализма и демократіи. Возможность такого отдѣленія создается каждый разъ, когда либерализмъ уклоняется отъ активной поддержки тѣхъ или иныхъ боевыхъ очередныхъ лозунговъ, — не потому, что эти лозунги *принципіально* несовмѣстимы съ либерализмомъ, а потому, что либерализмъ оказывается фактически несовмѣстимымъ съ собственными принципами. Соціальдемократія должна умѣть повернуть каждое явленіе вокругъ его оси такъ, чтобы на немъ отразился не только противоправительственный, но и антиреволюціонный и антипролетарскій характеръ либеральнаго „поведенія“. Такія политическія качества либеральнаго общества, какъ половинчатось, неопредѣленность, нерѣшительность и „склонность“ къ предательствамъ, — въ настоящій моментъ, когда предъявляется спросъ на качества совершенно обратнаго порядка, — хотя и затрудняютъ въ высшей мѣрѣ дѣло демократіи, но облегчаютъ и до извѣстной степени упрощаютъ задачи классового самоопредѣленія пролетаріата. Другой вопросъ — окупается ли политически это „облегченіе“. Но никто не предлагаетъ намъ выбора. Факты приходится брать, какъ они даны. Нужно только умѣть вывести изъ нихъ политическую мораль и къ этой морали пріобщить массу.

Можно, наконецъ, примѣнять и еще одинъ методъ: уродовать каждое событіе примѣнительно къ потребностямъ „строго классовой“ политики.

При столь широко распространенномъ у насъ чисто *формалистическомъ* пониманіи политическихъ задачъ партіи обращаются чаще всего именно къ этому послѣднему „методу“. Живой классовый критерій превращается въ мертвый и мертвящій шаблонъ (прокламаціи вездѣ, всегда и по всякому поводу даютъ только одинъ „совѣтъ“: свергнуть самодержавіе и буржуазію), — либо — что въ сущности одно и то же — въ прокрустово ложе, на которомъ каждое явленіе не анализируется, а обтесывается ad usum delfini, для употребленія пролетаріата. Въ результатѣ — физіономія событія оказывается совершенно искаженной, политическій лозунгъ — доктринерски безжизненнымъ, а классовая позиція, во славу которой все это продѣлывается, сдается безъ боя. Какъ это происходитъ, мы сейчасъ увидимъ на живыхъ образцахъ: именно такимъ образомъ большинство нашихъ комитетовъ ведетъ свою агитацію по поводу войны. Выпускаемыя комитетами прокламаціи могли бы быть безъ измѣненій переведены на японскій языкъ для политическаго вразумленія японскаго пролетаріата, а это, разумѣется, величайшее ихъ осужденіе, ибо война Россіи съ Японіей совсѣмъ не то, что война Японіи съ Россіей. Коренное различіе въ позиціи воюющихъ сторонъ, которое должно опредѣлить характеръ всей нашей „военной“ кампаніи, выяснялось „Искрой“ уже не разъ. Со стороны Японіи — это война буржуазной „націи“ за условія ный подъемъ, и то толпа манифестантовъ не достигла тысячи душъ, изъ которыхъ добрая половина приходилась на мальчишекъ, учениковъ торговой школы, шпіоновъ, босяковъ, а рабочихъ почти не было... Примите во вниманіе, что наши самодержцы употребляли всѣ усилія, чтобы возбудить „патріотическія" чувства, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что полиція принимала значительное участіе въ организаціи этихъ манифестацій. И все же, въ общемъ, эти манифестаціи были крайне незначительны.

Удачной для правительства была манифестація желѣзнодорожныхъ рабочихъ, о которой я уже писалъ. Манифестація произвела крайне удручающее впечатлѣніе не только на сочувствующихъ, но и на соціальдемократовъ. Чувствовалось угнетенное настроеніе, несмотря на то, что группа рабочихъ (человѣкъ 60-70) устроила небольшую контръ-манифестацію съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Для борьбы съ подобнымъ выраженіемъ „патріотическихъ" чувствъ, Донской Комитетъ рѣшилъ сорвать хотя бы одну манифестацію и заставить полицію прекратить ихъ. Въ это же время были распространены прокламаціи о войнѣ, о манифестаціяхъ, былъ устроенъ рядъ собраній. Было выбрано воскресенье, послѣдній день масляницы.

Но... даже втеченіи этихъ нѣсколькихъ дней настроеніе значительно измѣнилось, манифестаціи обратились въ какую то жалкую комедію. Представьте себѣ картину: два босяка несутъ портретъ Николая, вокругъ нихъ 20-25 мальчишекъ, вопящихъ: „долой шапки", „ура"... а на улицѣ масса гуляющей публики, лишь иронизирующей надъ „патріотами". Конечно, подобную манифестацію не имѣло смысла срывать.

А теперь, спустя лишь одинъ мѣсяцъ, настроеніе поразительно рѣзко измѣнилось. Даже наши либералы начинаютъ понимать, что нужно не складывать оружія, а съ удесятеренной энергіей *теперь* бороться съ самодержавіемъ. Послѣдствія войны уже начинаютъ сказываться: на заводахъ и фабрикахъ сокращаютъ работу, понижая расцѣнки; въ торговлѣ почти застой; доблестный русскій флотъ пока лишь доблестно терпитъ пораженія, а „внутренній врагъ" выясняетъ истиннаго виновника тѣхъ бѣдствій, которыя принесетъ война. Правительственнымъ сообщеніямъ никто не вѣритъ, всѣ прекрасно понимаютъ, что правительство скрываетъ истинное положеніе дѣлъ, и въ то же самое время по городу циркулируютъ всевозможные слухи о печальномъ положеніи русской арміи,—слухи, которые еще болѣе усиливаютъ недовольство.

Но правительство пока не смущается и по прежнему старается показать преданность русскаго народа престолу... Въ легальныхъ газетахъ появляются сообщенія, что рабочіе нѣкоторыхъ заводовъ рѣшили отчислять въ пользу „Краснаго Креста" столько то процентовъ. При этомъ обыкновенно добавляютъ: „руководимые патріотическими чувствами". Это клевета, это наглая ложь! Рабочихъ *заставляютъ* давать деньги на „Кр. Кр.".

На заводѣ Парамонова первоначально предлагали три процента отчислять, но рабочіе наотрѣзъ отказались. Тогда начальство во время получки прямо заставляло платить два процента. Когда же рабочіе стали упираться, то мастеръ заявилъ, что нежелающихъ платить будутъ разсчитывать.

Акціонерное общество „Аксай" предлагало жертвовать „кто сколько можетъ". Всѣ рабочіе отказались, тогда начальство объявило: „или разсчетъ, или жертвуй". Рабочіе согласились платить; отказавшихся уволили.

На заводахъ Пастухова и Дутикова ожидаются тѣ же мѣры. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ монтеры одновременно ходили по всѣмъ цехамъ съ подписными листами и приглашали записываться въ число желающихъ отчислять на нужды „Краснаго Креста" одинъ процентъ изъ всего заработка, но рабочіе не соглашались на подписку такого листа и просили дать кружку. Имъ въ этомъ было отказано: съ своей стороны также рабочіе отказались подписывать листъ. Тогда мастера въ каждомъ цехѣ просто принудили подписывать листъ: напримѣръ, въ сборномъ цехѣ листы были розданы бригадамъ съ приказаніемъ, чтобы каждый въ своей бригадѣ принуждалъ рабочихъ подписывать листъ подъ угрозой увольненія. Въ кузнечномъ цехѣ помощникъ мастера нежелающимъ угрожалъ пониженіемъ расцѣнокъ. Въ литейномъ цехѣ заставляли платить подъ угрозой многозначительнаго „смотри". Во всѣхъ другихъ цехахъ происходило то же самое: если первоначально никто не соглашался, то впослѣдствіи вынужденъ былъ согласиться, дабы не быть „бѣльмомъ" на глазу начальства.

Вотъ какими подлыми средствами правительство выжимаетъ изъ рабочихъ „патріотическія" чувства.

На дняхъ получилось требованіе съ Дальняго Востока прислать слесарей на должность помощниковъ машиниста. Въ паровозномъ и сборномъ цехахъ начали вербовать охотниковъ, но желающихъ нашлось только двое, остальныхъ просто назначили, а кто отказывался, то заявляли расчетъ. Такъ царское правительство выжимаетъ изъ рабочихъ „вѣрноподданническія чувства". А наши продажныя легальныя газеты спѣшатъ возвѣстить міру о добровольномъ пожертвованіи, о преданности престолу рабочихъ.

Харьковъ. Еще не такъ давно (въ 59 №) я писалъ вамъ о голодовкѣ, имѣвшей мѣсто въ нашей политической тюрьмѣ на Холодной Горѣ. И снова я долженъ брать перо въ руки, чтобы приняться за описаніе новыхъ тюремныхъ ужасовъ, къ которымъ мы мало-по-малу должны привыкнуть, какъ къ постоянному явленію въ Харьковѣ. Снова голодовки, уже въ обѣихъ тюрьмахъ, съ приправой репрессій за „бунтъ". Въ ночь съ 29 на 30 января, какъ извѣстно, было арестовано до 40 человѣкъ, большей частью по дѣлу соц.-рев. Помѣстили большинство изъ нихъ въ новую тюрьму на Холодной Горѣ, построенную по послѣднему слову „науки". Обращались съ ними грубо, кормили скверно. Нуженъ былъ поводъ, чтобы прорвалось раздраженіе заключенныхъ. И наконецъ, капля переполнила чашу. Заключенный Кабельмахеръ, сидящій ужъ полгода, за какую-то грубость надзирателя послалъ его къ чорту и былъ посаженъ за это на два дня въ карцеръ. Когда товарищи узнали объ этомъ на второй день, они потребовали немедленнаго освобожденія его. Требованіе было отклонено въ самой грубой формѣ; натянутые нервы не выдержали, нѣкоторые начали бить стекла, двери, большинство присоединилось, начальствомъ была позвана команда, ставшая въ корридорѣ, у дверей камеръ. Ночь прошла въ возбужденіи, а на слѣдующій день, 16 человѣкъ, у которыхъ были найдены перебитыя форточки, двери, были посажены въ карцеръ на четыре дня, лишены свиданій на одинъ мѣсяцъ, книгъ, переведены на арестантскую пищу. Остальные, узнавъ объ этомъ, рѣшили голодать, причемъ не всѣ столковались, а потому лишь около 40 человѣкъ приступили къ голодовкѣ. Нѣкоторые голодали въ четвертый разъ за шесть мѣсяцевъ (Левинъ, Кузьменко, Драхановъ, Ломоносовъ, Бойтовъ). Голодали пять дней. Начальство въ отвѣтъ усилило репрессіи, лишило всѣхъ прогулки, книгъ, свиданій, подняли койки. Черезъ пять дней голодовка прекратилась безъ всякихъ результатовъ. Насколько грубо обходились съ заключенными — можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ: Бойтовъ не пожелалъ вторично пойти въ карцеръ послѣ того, какъ его выпустили и онъ снова нагрубилъ; тогда на него съ помощью солдатъ накинули сумашедшую рубаху и свезли въ губернскую тюрьму. При этомъ, онъ, сильный, здоровый человѣкъ, страшно кричалъ: „товарищи, меня бьютъ". — На всѣ вопросы возмущенныхъ товарищей, смотритель отвѣчалъ, что это неправда. Черезъ нѣсколько дней такая же трагедія происходила и въ губернской тюрьмѣ. Тамъ начальство вздумало „подтянуть распустившуюся тюрьму", велѣло закрыть форточки на замки, дабы не переговаривались, не разрѣшало ставить вечеромъ лампы на столъ; и этимъ оно вызвало возмущеніе заключенныхъ. Въ результатѣ — восьмидневная голодовка, достигшая частичнаго успѣха. Таковы ужасныя условія тюремной жизни въ Харьковѣ, прославившемся печальной извѣстностью въ этомъ смыслѣ.

„Патріотизмъ" немного заглохъ. О немъ вспомнило земское собраніе, пожертвовавшее полтора милліона на нужды арміи и флота. На этомъ замѣчательномъ собраніи произошелъ не менѣе замѣчательный инцидентъ. Когда была рѣшена эта ассигновка, на хорахъ раздался свистъ. Черезъ секунду сбѣжалъ внизъ студентъ медикъ пятаго курса Саковичъ и, обратившись къ какому то земцу, попросилъ распорядиться объ удаленіи съ хоръ нѣсколькихъ студентовъ, которыхъ онъ видѣлъ свиставшими. Г-на Саковича попросили отправиться съ доносомъ въ полицію, а земцевъ оставить въ покоѣ. Этотъ „студентъ" въ настоящее время исключенъ изъ университета сходкой, имѣвшей мѣсто 28 февраля по поводу его и еще нѣсколькихъ студентовъ — членовъ Русскаго Собранія. Дѣло въ томъ, что дней десять тому назадъ молодой профессоръ г. Яснопольскій (сынъ кіевскаго профессора) прочелъ лекцію о войнѣ, освѣтивъ ея послѣдствія со всѣхъ сторонъ. Послѣ этого, группа 19 студентовъ (пресловутые „русскіе": Павловскій, Остроумовъ, Хижняковъ, Бретеловъ, Ивановъ и др.) подала ректору мотивированное заявленіе объ оскорбленіи ихъ національнаго и патріотическаго чувства. Въ результатѣ отеческое внушеніе Яснопольскому со стороны попечителя и совѣтъ подать въ отставку, что Яснопольскій и исполнилъ. Созванная сходка носила мирный характеръ, чисто академическій. Рѣшено было исключить семь человѣкъ (въ томъ числѣ Саковича). На слѣдующій день было 11 обысковъ, но никакихъ высылокъ. На второе марта назначены сходки, какъ въ университетѣ, такъ и въ институтѣ.

Общее положеніе здѣсь не блестящее; усиленный надзоръ, масса шпіоновъ, провокація, отсутствіе литературы — все это сильно тормозитъ работу. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

Батумъ. 2-го февраля въ 10 час. 40 мин. была устроена грандіозная демонстрація. Какъ извѣстно, событія на Дальнемъ Востокѣ застали врасплохъ самодержавное правительство. Казна опустошена. Народъ-рабъ молчитъ. Нужно его поднять, заставить его заговорить, поддержать царя-батюшку. И вотъ царское правительство рѣшило само уничтожить корень, на которомъ держится зданіе царизма — безгласность народа. И пошли чиновники по Руси святой собирать народъ... манифестировать... Поднялась и наша полиція. Она отдала приказъ дворникамъ „оповѣстить" народъ о предполагавшейся „патріотической" манифестаціи... Совершенно случайно 1-го февраля въ 10 час. вечера одинъ изъ членовъ Комитета узналъ объ этомъ отъ пьянаго дворника. Членъ поспѣшилъ оповѣстить объ этомъ своихъ товарищей. Комитетъ, собравшись въ полномъ составѣ въ 10½ ч. в., принялъ резолюцію объ устройствѣ контръ-демонстраціи. На другое утро, час. въ семь-восемь, вся рабочая масса знала объ этомъ. Народъ шелъ съ небывалымъ даже въ Батумѣ энтузіазмомъ. Съ 10 час. направились къ Собору кадры рабочихъ. Полиція смѣялась, радуясь „обращенію" рабочихъ, предполагая, что они пришли „манифестировать". Была наготовѣ „патріоты": босяки, околодочные, дворники; трехцвѣтные флаги съ золотыми надписями: „Боже, царя храни!" Ровно въ 10 час. 40 мин. было поднято огромное красное знамя съ надписями: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ республика! Долой буржуазію! Да здравствуетъ соціализмъ! Демонстранты ринулись на „патріотовъ", отняли у нихъ флагъ и разорвали на куски. Манифестанты съ полиціей и „патріотами" разбрелись по духанамъ спасать „животъ". Столкновеній не было: такъ великъ былъ страхъ! Демонстранты же дружной толпой направились внизъ по Маріинскому Проспекту, крича: „долой царское правительство!" „долой патріотовъ!" „Да здравствуетъ демократическая республика, свобода, соціализмъ" и пр. Демонстрантами было сдѣлано около 100 выстрѣловъ. („Разоруженіе" населенія не лишило возможности имѣть револьверы!). Были разбросаны прокламаціи въ огромномъ количествѣ „Къ обществу" по поводу войны. Демонстрація продолжалась минутъ 10-15. На мѣстѣ арестовъ не было. Арестовано впослѣдствіи чел. 11, изъ нихъ рабочіе Ома Ломинадзе, Владиміръ Джибути, Павелъ Долобая, Чхеккеіи, Чхаидзе и др. Ищутъ многихъ. Въ демонстраціи участвовало свыше 2000 чел., не считая гимназистовъ и посторонней публики. Многіе рабочіе не подоспѣли.

Отъ редакціи. Полученное прежде нами извѣстіе о повѣшеніи шести батумскихъ товарищей, къ счастью, не подтверждается.

Баку. Пора написать Вамъ о проявленіяхъ нашего кавказскаго „потреотизма".

Немедленно вслѣдъ за объявленіемъ войны власти начали отчаянно раздувать русскій шовинизмъ. Средства для этого были пущены въ ходъ тѣ же, что и въ другихъ городахъ Россіи. Сначала молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, затѣмъ — непрекращающіяся шумныя манифестаціи на улицахъ, военные и „патріотическіе" марши, громъ барабановъ, — все это должно было воздѣйствовать на слабые умы, тѣмъ болѣе, что публика у насъ совсѣмъ не привыкла къ подобнаго рода зрѣлищамъ: вѣдь и правительство у насъ впервые прибѣгаетъ къ содѣйствію массъ, впервые организуетъ массовыя демонстраціи. Въ этомъ несомнѣнно сказывается вліяніе соціальдемократическихъ методовъ агитаціи и соціалистическихъ демонстрацій. И если посмотрѣть на дѣло поверхностно, если судить по внѣшности, то придется признать, что агитація правительства имѣла несомнѣнный успѣхъ. Пришлось бы, пожалуй, заключить и то, что въ массахъ имѣется еще достаточный запасъ вѣрноподданничества и тупости. *Отчасти* патріотическія манифестаціи и подтверждаютъ такой выводъ, но только отчасти. Болѣе внимательное отношеніе къ нимъ должно въ значительной мѣрѣ разсѣять такой правительственный оптимизмъ. Прежде всего — о составѣ демонстрантовъ. Ядро ихъ вездѣ и повсюду составляли гимназисты и безработная голь, которую голодъ заставилъ записаться въ волонтеры. Нужно же было этимъ людямъ, съ отчаянія бросающимся въ военное рабство, чѣмъ-нибудь прикрасить свою горькую долю. Патріотическія манифестаціи дѣлали ихъ героями дня, позволяли забыть хоть на время о своей горькой участи, давали иногда и матеріальную поддержку бренному патріотическому духу въ видѣ національной водки. Что касается учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, то ихъ большая роль въ патріотическихъ демонстраціяхъ объясняется несомнѣннымъ подъемомъ „потреотизма" въ слояхъ русской (мелкой и средней) буржуазіи и чиновничества, отчасти — давленіемъ начальства; младшіе классы галдѣли просто ради галдежа. Къ этому ядру на пути шествія присоединялись болѣе или менѣе значительныя толпы любопытныхъ; мелкій чиновничій и торговый людъ, а отчасти и русскіе рабочіе присоединялись въ качествѣ активныхъ манифестантовъ, послѣдніе особенно — въ рабочихъ кварталахъ. Общая численность манифестантовъ была не особенно значительна, по большей части толпа была человѣкъ въ 300-500-600, но нѣкоторые достовѣрные свидѣтели видѣли и двухтысячныя толпы. Во всякомъ

буржуазнаго развитія, т. е. дальнѣйшаго расширенія капиталистической эксплуатаціи. Со стороны Россіи — это война самодержавнаго правительства, ставшаго въ непримиримое противорѣчіе съ условіями *буржуазнаго* развитія націи. Отсюда — разница въ политическомъ настроеніи общества воюющихъ странъ: искренній и напряженный національно-патріотическій подъемъ широкихъ соціальныхъ круговъ Японіи — и полный „антипатріотизмъ" либеральныхъ и демократическихъ слоевъ нашего общества.

Благодаря этому въ протестѣ японскаго пролетаріата противъ войны слышится лишь чистая классовая нота: пролетаріатъ — противъ всего буржуазнаго міра. Въ такомъ же протестѣ россійскаго пролетаріата еще нѣтъ непремѣннаго классового содержанія, — есть только содержаніе демократическое: пролетаріатъ, который хочетъ положить конецъ милитаризму и колоніальной политикѣ, и либерализмъ, который хочетъ только подчинить милитаризмъ и колоніальную политику своему контролю, — одинаково осудятъ нынѣшнюю „антинаціональную" войну.

Чтобы не ограничиться ссылкой на „Освобожденіе", укажемъ на Петербургскую „группу демократовъ", которая спрашиваетъ въ выпущенной ею печатной прокламаціи: „каковъ можетъ быть интересъ Россіи въ занятой на Дальнемъ Востокѣ позиціи? — и отвѣчаетъ: „Отвѣтъ можетъ быть только одинъ — *такого интереса нѣтъ*... Это разъяснялось не въ нелегальныхъ листкахъ, а *во всей легальной печати, все общество явно было настроено противъ преступной авантюры*"... И здѣсь то именно и начинается для насъ трудность и сложность задачи: на пути общедемократическаго протеста противъ войны найти колею самостоятельной политики пролетаріата.

Къ сожалѣнію, громадное большинство партіи, — отъ Центральнаго Комитета до небольшой Прибалтійской группы, печатающей свои прокламаціи на плохомъ гектографѣ, — справляется съ этой трудностью крайне упрощенными средствами. Ц. К. находитъ, „что интересы алчной буржуазіи, интересы капитала, готоваго продать и разорить свою родину въ погонѣ за прибылью, — вотъ что вызвало эту преступную войну", а прибалтійская группа уже прямо заявляетъ, что Николая „*принудили* воевать съ Японіей наши каждодневные кровопійцы, фабриканты и другіе капиталисты".

Усматривая за войной — со стороны Россіи — „интересы алчной буржуазіи", Ц. К. не рѣшается, однако, игнорировать различіе общественно-политическаго характера двухъ воюющихъ сторонъ. И потому оказывается, что со стороны Японіи за войной стоитъ не „алчная буржуазія", а „пятидесятимилліонный народъ,... который борется за настоятельно необходимыя, въ его (?) глазахъ, условія свободнаго національнаго развитія". Кому это предоставляетъ Ц. К. говорить отъ имени японскаго народа? Очевидно, все-таки „алчной японской буржуазіи". Ибо японскій пролетаріатъ въ войнѣ видитъ борьбу не за условія „свободнаго національнаго развитія", а за условія дальнѣйшаго закабаленія труда капиталомъ. И мы думаемъ, что сознательный японскій пролетаріатъ правильнѣе оцѣниваетъ войну, чѣмъ японская буржуазія, отзывъ которой Ц. К. приводитъ, какъ мнѣніе японскаго „народа".

Екатеринославскій Комитетъ находитъ, что „эта губительная война ведется *всецѣло* (!) *въ интересахъ буржуазіи*"...

Петербургскій Комитетъ пишетъ, что война „ведется исключительно въ интересахъ капиталистовъ и *послушнаго имъ* правительства, желающихъ даже силою оружія удержать за собой на Дальнемъ Востокѣ рынки для сбыта своихъ товаровъ"[1].

Полѣсскій Комитетъ живописно изображаетъ, какъ россійскій купецъ пересталъ находить сбытъ своимъ товарамъ и ударился по этому случаю „въ горькія слезы", и какъ батюшка-царь не забылъ о купцѣ и рѣшилъ добыть для него новые рынки на Дальнемъ Востокѣ.

Та же ошибка, осложненная нѣкоторыми роковыми выводами, составляетъ содержаніе двухъ прокламацій Одесскаго Комитета: „Японцы ли наши истинные враги и съ кѣмъ слѣдуетъ воевать?" и „Кто нашъ врагъ?".

Сказавъ все, что слѣдовало о „рынкахъ" для рус. буржуазіи, первая прокламація заключаетъ: „Теперь вы поняли, кто вашъ истинный врагъ? Врагъ этотъ — это буржуазія. Но она не одна. Ее поддерживаетъ наше самодержавное правительство... Въ другихъ странахъ самъ народъ черезъ своихъ представителей въ парламентѣ рѣшаетъ: воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать, когда воевать? Правительство тамъ не смѣетъ ни одной копейки народныхъ денегъ тронуть для войны, ни одного человѣка не смѣетъ послать въ бой, пока народъ не разрѣшитъ этого. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ: шайка придворныхъ и высшихъ чиновниковъ во главѣ съ царемъ рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, рѣшаетъ судьбу сотни тысячъ людей, распоряжается сотнями милліоновъ народныхъ денегъ. *И это опять-таки для того, чтобы угодить буржуазіи*".

Такимъ образомъ, оказывается, что война затѣяна самодержавіемъ „для того, чтобъ угодить буржуазіи". При политической свободѣ буржуазія лишена возможности себѣ такъ „угождать", ибо всѣ дѣла рѣшаетъ „самъ народъ". Но если такъ, то очевидно, что наша буржуазія должна сойти съ ума, прежде чѣмъ стремиться къ политической свободѣ. Иначе сказать: группы и классы, стремящіеся къ политической свободѣ, не могутъ принадлежать къ буржуазіи. Но вѣдь именно эта политическая „идея" и составляетъ сущность писаній „Вѣстника Рус. Революціи" и „Револ. Россіи". И именно на основаніи этихъ писаній мы причислили „соц.-рев." къ неспособной познать себя буржуазной демократіи. Не придется ли Одесскому Камитету, если „Искра" укажетъ ему, напримѣръ, на „Освобожденіе", отвѣтить ей безсмертными словами „соціалиста" Новобранцева: „Нечего сказать, нашли буржуазію!" („Рев. Рос.", № 32). Не придется-ли?

Московскій Комитетъ, разъяснивъ, что война есть продуктъ соперничества изъ-за рынковъ между рускимъ фабрикантомъ и японскимъ буржуа, поясняетъ: „Пока государственная власть находится въ рукахъ буржуазіи, она всегда будетъ употреблять эту власть для достиженія своихъ цѣлей въ ущербъ интересамъ трудящихся слоевъ населенія. *Особенно проявляется это у насъ*, гдѣ власть сосредоточена въ рукахъ самодержца — царя..."

Мы очень боимся, что нашъ Московскій Комитетъ, на взглядъ котораго въ современной войнѣ „особенно проявляется" зло того порядка, когда государственная власть находится въ рукахъ „*всей буржуазіи*", долженъ будетъ въ интересахъ логики придти къ выводу, что *ближайшая* революція, къ которой Мос. Комитетъ готовитъ московскихъ рабочихъ, вырветъ политическую власть изъ рукъ *буржуазіи* и передастъ ее въ другія руки — въ *чьи же собственно*? И не права ли опять-таки „Р. Рос.", которая учитъ, что ближайшая революція будетъ *не чисто* буржуазной, даже *анти*буржуазной — ибо будетъ... „политической", „демократической" и даже „соціальной"?

Николаевскій Комитетъ имѣлъ насчетъ войны „свои" вѣрныя и надежныя мысли — о рынкахъ и объ интересахъ буржуазіи. № 56 „Искры" механически вдвинулъ въ сознаніе Николаевскихъ товарищей новый порядокъ мыслей. Пришлось эти два порядка соединить: „рынки и буржуазію"—для соціализма, „антинаціональную авантюру самодержавія" — для политики. Связь соціализма съ политикой установлена очень просто. Приводится фраза изъ „Искры" (правда, безъ указанія источника), ее смѣняетъ соображеніе объ интересахъ „воинствующей буржуазіи", потомъ снова неоговоренная выдержка изъ „Искры" и снова „ортодоксальная" отсебятина, И такъ — въ нѣсколько слоевъ. Отъ этого прокламація похожа не столько на прокламацію, сколько на слоенный пирогъ.

Отдѣльные слои этого своеобразнаго произведенія имѣютъ чрезвычайно подозрительный характеръ. Такъ, напримѣръ, сравнивая самодержавную Россію съ странами, которыми „управляютъ капиталисты", Николаевскій Комитетъ говоритъ: „Тамъ, ища выхода въ расширеніи рынковъ внѣшнихъ для сбыта своихъ товаровъ, стараются (!) и внутри страны сдѣлать возможно больше для подъема благосостоянія массы населенія, тамъ не только выкачиваютъ, но и заботятся (!) о дальнѣйшемъ наполненіи, принимаются мѣры для облегченія налогового бремени и переложенія его на имущихъ, для поднятія образовательнаго уровня населенія, для широкой помощи массѣ неимущаго населенія..." И все это совершается, какъ видите, тѣми, кто ищетъ „внѣшнихъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ".

---

[1] Отмѣтимъ, что въ другихъ прокламаціяхъ Петербургскій Комитетъ сталъ на правильную точку зрѣнія. Прокламація „Война началась!" говоритъ: „Этой войной мы обязаны только нашему самодержавному правительству. Ни въ одной странѣ, пользующейся политической свободой, немыслимо возникновеніе такой безумной войны... Даже господствующіе классы, классы капиталистовъ, не позволили бы правительству пуститься въ такую опасную и безсмысленную игру". Улучшеніе замѣчается и въ послѣдней прокламаціи Одесскаго Комитета.

случаѣ 2000 — это высшій предѣлъ здѣшнихъ манифестацій[1] (если не говорить объ армянской манифестаціи, о которой рѣчь ниже). Руководили толпой нерѣдко явно-полицейскіе агенты; они же несли портретъ царя, если только эта обязанность не возлагалась начальствомъ на учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (были, впрочемъ, и добровольные „бѣшеные патріоты“ изъ числа учениковъ). Разсказываютъ объ одной манифестаціи, впереди которой несли два царскихъ портрета: одинъ несъ какой-то подозрительнаго вида субъектъ, выступавшій рядомъ съ околодочнымъ надзирателемъ, другой — единственная въ толпѣ женщина. Естественно, что взоры всѣхъ обратились къ этой патріоткѣ. Скоро личность таинственной незнакомки выяснилась. На вопросъ: „кто это?“ мѣстные люди отвѣчали: „да развѣ вы не знаете? Это — содержанка околодочнаго“ Мы уже признали несомнѣнный фактъ пробужденія рѣзко шовинистическаго настроенія въ русскомъ мелкомъ (не-рабочемъ) людѣ. При поддержкѣ полиціи эти элементы совершенно терроризировали улицу, заставляли всѣхъ снимать шапки при своемъ появленіи, нагло врывались въ общественныя собранія (театръ, клубъ), наполняли городъ своими криками и гимнами. Понятно, все это могло совершаться только при отсутствіи противодѣйствія со стороны рабочей массы. Переходя къ ней, мы должны признать, что, хотя она до сихъ поръ чужда грубаго шовинизма русской буржуазіи и чиновничества, она не сумѣла сама, своими собственными силами, разобраться въ шквалѣ неожиданно налетѣвшихъ событій, чувствъ и настроеній. Вотъ тутъ-то и необходимо было могущественное соціальдемократическое печатное слово, которое разъяснило бы массамъ смыслъ происходящихъ событій. Обстоятельства сложились какъ нельзя болѣе печально въ этомъ отношеніи: Союзный Комитетъ и Бакинскій Комитетъ еще не успѣли къ тому времени оправиться отъ полицейскихъ ударовъ, Ц. К. не поспѣлъ во время. Устная же пропаганда и агитація въ такіе моменты недостаточна. Предоставленная самой себѣ, недоумѣвающая рабочая масса бездѣйствовала, а наиболѣе темные ея элементы принимали и активное участіе въ полицейскихъ манифестаціяхъ. Нѣкоторые все же таки думаютъ, что, прояви Бакинскій Комитетъ больше рѣшительности, не остановись онъ въ раздумьи передъ неожиданнымъ взрывомъ шовинизма, при его вліяніи на массы ему удалось бы если не сорвать полицейскія манифестаціи, то во всякомъ случаѣ внести въ общій хоръ рѣзкую дисгармонію. Можетъ быть, они и правы, но перейдемъ къ событіямъ. 31 января въ театрѣ состоялась небольшая контръ-манифестація. Когда заиграли „Боже царя храни“, рабочіе потребовали „Марсельезу“, и подъ звуки революціоннаго марша успѣли разбросать маленькіе плакаты съ „возмутительными надписями“, а при вторичномъ гимнѣ раздались и свистки. Произведено около семи арестовъ *по указанію, главнымъ образомъ, публики*, въ томъ числѣ — три ученика среднихъ учебныхъ заведеній (Бакинскій Ученич. Ком. выпустилъ по этому поводу два листка съ опубликованіемъ именъ доносчиковъ). Продолжающіяся манифестаціи нагнали страхъ на буржуазную публику. И вотъ, вслѣдъ за русскими, и туземцы начинаютъ устраивать патріотическія манифестаціи самого лицемѣрнаго свойства. Начали татары, отношенія которыхъ къ русскому правительству пока глаже, чѣмъ у другихъ національностей: на нихъ правительство хочетъ опереться въ борьбѣ съ болѣе культурными армянами и грузинами. Татарскіе заправилы отвергли было уличную манифестацію, рѣшивъ ограничиться молебствіемъ въ мечетяхъ, но полиція сама прислала оркестръ, и тогда татарскіе „интеллигенты“, вопреки своему собственному рѣшенію, организовали уличное шествіе, направились къ дому губернатора, и здѣсь старый шельма — гласный думы Гасанъ-бекъ-Меликовъ — произнесъ „горячую“ рѣчь. Насколько искрененъ этотъ русско-татарскій патріотизмъ, можно видѣть изъ тѣхъ ликованій, которыми встрѣчается пораженіе Россіи въ мусульманскихъ странахъ, особенно въ Турціи. Намъ достовѣрно извѣстно, что и здѣшніе (буржуа-мусульмане втайнѣ ликуютъ, такъ какъ ихъ идеалъ — торжество исламизма, во образѣ ли турецкаго султана или персидскаго шаха. Поведеніе г. Г.-бекъ-Меликова вызвало негодованіе даже въ средѣ татарской буржуазіи. Слѣдомъ за татарами пошли немногочисленные здѣсь грузины. И вотъ, полиція стала производить самое отчаянное давленіе на армянъ. „Если, — говорила она виднымъ армянамъ, — вы не устроите патріотической манифестаціи, то татары устроятъ армянскій погромъ. Пущенные полиціей слухи о погромѣ страшно перепугали армянскую буржуазію, хотя армяне здѣсь хорошо вооружены и многочисленны и, казалось бы, они приготовлены къ защитѣ. Но буржуазія — вездѣ буржуазія. И вотъ, въ назначенный для молебствія день видные армянскіе буржуа (какъ, напримѣръ, крупный фабрикантъ Мирзабекянцъ и „либералы“ Хатисонъ и Вачьянцъ) обходили всѣ армянскія лавки и убѣждали всѣхъ идти на молебствіе. Нашелся даже доброволецъ, который приглашалъ на молебствіе, якобы отъ имени армянскаго національно-революціоннаго комитета. Результаты превзошли всѣ ожиданія: на Парапетѣ, томъ самомъ Парапетѣ, на которомъ еще не обсохла кровь армянскихъ жертвъ, убитыхъ пулями русскихъ солдатъ во время трагической защиты армянской церкви, собралась 10-титысячная толпа армянъ, колѣнопреклоненная передъ царскимъ портретомъ, слала „Всевышнему“ лицемѣрныя мольбы о побѣдѣ русскаго оружія. И некому было протестовать противъ этого проявленія крайняго политическаго разврата, до того неожиданна для всѣхъ была эта манифестація. Извѣстно, что терроръ, какъ средство борьбы, является признакомъ слабости революціоннаго движенія. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда толпа готовилась идти къ дому губернатора, чья-то ужасная рука, не остановившаяся передъ кровью невинныхъ дѣтей, пригнанныхъ силою гимназическимъ начальствомъ и своими трусливо-раболѣпными родителями, бросила къ ногамъ армянскихъ священниковъ и лицъ, несшихъ царскіе портреты, динамитную бомбу. Бомба произвела страшныя опустошенія въ густой толпѣ дѣтей, женщинъ и мужчинъ: убитыхъ считается отъ 3 до 7, раненныхъ — свыше 40. Озлобленная толпа набросилась на нѣсколькихъ случайныхъ русскихъ, считая ихъ виновниками жестоко-безсмысленнаго протеста. Избивъ ихъ, она передала ихъ окровавленными въ руки полиціи. Арестованные оказались совершенно непричастными и уже выпущены.

Вся гнилость армянской буржуазіи сказалась въ день 3 февраля. Выбора нѣтъ — одинъ пролетаріатъ является дѣйствительно революціоннымъ классомъ! Два слова объ Армянской Соц.-Дем. Раб. Организаціи. За послѣдніе дни она выпустила нѣсколько листковъ: къ мусульманской интеллигенціи (по поводу холопской депутаціи мусульманскаго дворянства къ кн. Голицыну). къ армянскому обществу, по поводу событія 3 февр. (на арм. яз.), ко всѣмъ гласнымъ думы (съ приглашеніемъ не являться на молебствіе въ думѣ). Вообще, она, повидимому, привлекаетъ къ себѣ сторонниковъ среди армянской интеллигенціи, хотя въ массахъ она по-прежнему находитъ очень мало поддержки. Перехожу къ дальнѣйшему изложенію. Первымъ слѣдствіемъ взрыва былъ новый подъемъ русскаго шовинизма. До ночи 3 февр. происходили бѣшеныя патріотическія манифестаціи. Но этотъ день положилъ конецъ дальнѣйшимъ холопскимъ манифестаціямъ туземцевъ, тѣмъ болѣе, что полиція, очевидно, подъ вліяніемъ контръ-манифестацій рабочихъ въ Батумѣ (2 фев.) и учащихся въ Кутаисѣ (3 фев.), а также и въ русскихъ городахъ, уже затрубила отбой. И тутъ-то сказалась вся истинная цѣна россійскаго патріотизма: чуть только полиція перестала инсценировать манифестаціи, ихъ какъ рукой сняло, несмотря даже на наступившую масляницу съ ея пьянымъ разгуломъ. Полиція продолжала, однако, распускать слухи о готовящемся армянскомъ погромѣ. Въ виду этого Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П. рѣшилъ на всякій случай организовать оборону. Въ выпущенныхъ имъ на русскомъ (печ.) и татарскомъ (гект.) яз. листкахъ онъ приглашалъ рабочихъ вооружиться для защиты армянъ отъ возможнаго нападенія руководимыхъ полиціей громилъ; объявлялъ, что всякій рабочій, который не приметъ участія въ оборонѣ, будетъ немедленно исключенъ изъ организаціи; угрожалъ — въ случаѣ погрома — правительственнымъ лицамъ и правительственнымъ учрежденіямъ терроромъ; объявлялъ объ организуемыхъ имъ рабочихъ патруляхъ. Дѣйствительно, 7 8 февр. вооруженные рабочіе патрули были разставлены въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ опасности немедленно созвать организованныхъ рабочихъ, разогнать громилъ и силой воздѣйствовать на администрацію. Патрули произвели на рабочую массу отличное впечатлѣніе и подняли нѣсколько упавшеее было подъ вліяніемъ патріотическихъ манифестацій настроеніе. Обращаетъ на себя вниманіе и участіе въ патруляхъ рабочихъ мусульманъ, явившихся наилучше вооруженными. Все растущее участіе въ рабочемъ движеніи бакинскихъ мусульманъ (а мусульмане составляютъ большинство населенія на всемъ Кавказѣ) сдѣлаетъ въ недалекомъ будущемъ кавказскую соціальдемократію неуязвимой. Побольше бы только интеллигентныхъ соціальдемократовъ — мусульманъ и армянъ! Намъ остается еще сказать о молебствіи въ думѣ. Мы уже говорили, что Арм. С.-Д. Р. О. разослала всѣмъ гласнымъ предложеніе не являться на молебствіе. Послѣдніе увидѣли въ этомъ угрозу динамитомъ и — боже! — какъ задрожали ихъ „патріотическія“ сердца! Хотѣли было отмѣнить молебенъ, но было уже поздно. Молебенъ состоялся при восьми гласныхъ, четырехъ членахъ управы, нѣсколькихъ сторожахъ и холопахъ изъ служащихъ и при полицейскихъ. Каждую минуту ждали храбрые думцы своей гибели, но богъ на этотъ разъ спасъ! Теперь патріотизмъ попрятался по угламъ. Надо думать — новое оживленіе его встрѣтитъ нашу соціальдемократію болѣе подготовленной. Ожидаются листки о войнѣ Центр. Ком., Союзн. Ком. и Бак. Ком. Рос. Соціальдемократической Рабочей Партіи.

P. S. Спѣшу исправить свое предыдущее сообщеніе. Въ числѣ арестованныхъ въ Тифлисѣ ложно названъ Цхакай (у него былъ только обыскъ). Типографія Союза цѣла. Стачка въ Балаханахъ была не у Біеринга и Раабе, а у Беринга.

Петербургъ. Какъ извѣстно, у Плеве состоялось совѣщаніе евреевъ. Внявши просьбѣ мѣстнаго богача-еврея барона Гинзбурга, министръ позволилъ ему пригласить 40 евреевъ изъ разныхъ городовъ для частнаго совѣщанія вмѣстѣ съ нимъ, министромъ. Гинзбургъ поспѣшилъ по телеграфу выписать 40 лицъ изъ своихъ знакомыхъ и представилъ министру ихъ списокъ. Плеве выбралъ изъ нихъ 10 человѣкъ, недипломированныхъ и людей старшаго возраста, и пригласилъ ихъ къ себѣ. „Напрасно думаютъ, что я врагъ евреевъ, — обратился къ нимъ съ рѣчью министръ — ни я, ни бывшій министръ Игнатьевъ, издавшій временныя правила, не враги евреевъ. Мы своими постановленіями объ евреяхъ ограждаемъ ихъ отъ враждебно относящагося къ нимъ коренного населенія. Притомъ положеніе евреевъ вовсе не такое плачевное. Вотъ я минувшимъ лѣтомъ распорядился о расширеніи черты осѣдлости. Теперь же внесенъ уже проектъ объ отмѣнѣ пятидесятиверстной пограничной черты, а въ близкомъ будущемъ готовится проектъ о разрѣшеніи евреямъ въ мѣстностяхъ черты осѣдлости покупать землю въ деревняхъ до одной десятины на душу.“ Никто изъ приглашенныхъ не нашелся, что ему возразить. Кто-то забормоталъ объ ограниченіи пріема евреевъ въ учебныя заведенія. Плеве на это отвѣтилъ, что, пропорціонально населенію, евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ не мало. „Вотъ то, что евреи принимаютъ такое дѣятельное участіе въ революціонныхъ партіяхъ, не можетъ послужить имъ въ пользу. А. вообще, евреямъ нечего жаловаться. Возможно ли было бы 20 лѣтъ тому назадъ, чтобы евреи засѣдали за однимъ столомъ съ министромъ?“ Этимъ закончилось засѣданіе.

Слухи о томъ, что воинскіе поѣзда привозятъ половину солдатъ замерзшими, подтверждаются. По дорогѣ масса солдатъ заболѣваетъ и умираетъ. Перевозятъ въ открытыхъ товарныхъ вагонахъ и частью безъ теплой одежды. Въ Портъ-Артурѣ долженъ былъ быть запасъ продовольствія на пять лѣтъ. Оказалось, что его хватитъ только на годъ, и то мука сгнившая.

Черезъ Пензу прошелъ на дняхъ какой-то батальонъ Сибирскаго полка, командированный на Дальній Востокъ. По прибытіи солдатъ въ Пензу у тамошняго интендантскаго управленія ничего не было заготовлено. Земская и городская управы быстро закупили хлѣбъ и небольшое количество другихъ продуктовъ и угощали солдатъ.

Витебскъ. Какъ подготовляются погромы. По городу распространенъ нелѣпый слухъ (кѣмъ?), будто у умершаго недавно богача-еврея, Соловья, были собранныя евреями деньги для японцевъ... Пишущему эти строки пришлось быть случайно свидѣтелемъ, какъ нѣсколько хулигановъ, стоя возлѣ собравшейся толпы, читавшей послѣднія телеграммы, ругали евреевъ за посылку денегъ черезъ Соловья въ Японію. Когда къ присутствовавшему при этомъ городовому, который глупо ухмылялся, слушая разсказы хулигановъ, подошелъ одинъ еврей и просилъ его записать фамиліи тѣхъ, которые распускали нелѣпые слухи, и указалъ, къ чему они могутъ привести, то городовой, только что прислушивавшійся къ баснямъ говорившаго, громко заявилъ, что онъ ничего подобнаго не слыхалъ и потому записывать не будетъ, и тутъ же разогналъ спокойно идущихъ по троттуару обывателей.

Недавно у насъ была прочитана Рожковымъ лекція о паденіи крѣпостного права въ Россіи. Народу было масса. Группа соц.-рев. разбросала подъ конецъ карточки съ нѣсколькими стихами изъ „Отречемся отъ стараго міра“ и т. д. Впечатлѣнія онѣ не произвели никакого. По этому дѣлу было много арестовъ, но всѣ выпущены.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону. На извѣстнаго провокатора-шпіона, бывшаго главнымъ свидѣтелемъ по дѣлу о демонстраціи второго марта — Ноземцева — было совершено покушеніе. Негодяй тяжело раненъ. Стрѣлявшій скрылся.

На заводѣ Пастухова были волненія. Поводомъ къ нимъ послужила задержка жалованья. Какъ извѣстно, по закону хозяинъ обязанъ выдавать получку не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ. Пастуховъ же толкуетъ законъ по своему: выдаетъ лишь перваго и пятнадцатаго числа, а если эти числа не приходятся на субботу, то задерживаетъ получку на недѣлю, а то и больше. Рабочіе потребовали, чтобы жалованье выдавали обязатель

---

[1] Одинъ неглупый обыватель, видѣвшій майскія демонстраціи рабочихъ, удачно выразился, что нынѣшнія манифестаціи доказываютъ только одно: что въ Баку гораздо больше охотниковъ кричать „долой самодержавіе“, чѣмъ пѣть „Боже царя храни“.

„Да вѣдь это уже бернштейніанство!“ воскликнетъ соціальдемократъ, знающій о бернштейніанствѣ кое-что сверхъ того, что противъ этой болѣзни редакціей „Искры“ изобрѣтена, а вторымъ съѣздомъ Партіи принята „ортодоксальная“ программа. И отъ этого соціальдемократа Николаевскіе товарищи могли бы узнать, что можно говорить прозой, совершенно не подозрѣвая этого.[1]

Такимъ образомъ, основной недостатокъ „военныхъ“ прокламацій, а значитъ и всей агитаціи — неумѣнье связать интернаціональныя задачи россійскаго пролетаріата съ условіями его національнаго положенія, или, какъ мы формулировали выше — неумѣнье найти на пути общедемократическаго движенія колею самостоятельной политики пролетаріата.

Это лишь частный примѣръ пасованья передъ тѣмъ вопросомъ, постановка и освѣщеніе котораго составляетъ задачу послѣднихъ статей П. Б. Аксельрода. Къ сожалѣнію, тѣ товарищи, мысль которыхъ, какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей, не только не пытаются теоретически и практически искать рѣшенія задачи, но и не пробуютъ ее поставить.

Они просто игнорируютъ „антинаціональный“ (не только антипролетарскій) характеръ войны, видятъ въ Манчжуріи и Кореѣ рынокъ, въ которомъ одинаково заинтересованы японская и россійская буржуазія, уравниваютъ на бумагѣ соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и въ Японіи и думаютъ, что это именно означаетъ творить классовую политику. А между тѣмъ это только значитъ отрекаться отъ нея. Въ самомъ дѣлѣ. Чтобъ „отдѣлить“ пролетаріатъ отъ буржуазіи, мы выставляемъ все бужуазное общество виновникомъ войны. Этимъ самымъ каждый протестующій противъ войны получаетъ возможность „выписаться“ изъ буржуазнаго общества. А соц.-рев., имитирующіе нашу терминологію, уже совершенно сливаются съ нами. Таковы результаты „строго выдержанной классовой политики“.

„Экономисты“ говорили, что буржуазная демократія есть фантомъ, и даже не задумывались надъ тѣмъ, какъ отдѣлиться отъ нея. „Политики“ признали буржуазную демократію за реальность и, чтобы покрѣпче размежеваться съ нею, стали валить на нее всѣ политическія преступленія — даже тѣ, противъ которыхъ она борется въ собственныхъ интересахъ. Выигрышъ выходитъ небольшой, потому что буржуазная демократія, торжественно признанная реальностью, все-таки остается какъ-бы фантомомъ: *она совершенно не подходитъ подъ свои „статейные списки“* и отличить ее для пролетарія, воспитаннаго (?) „политиками“, будетъ такъ же трудно, какъ и для пролетарія, прошедшаго школу „экономистовъ...“

Казалось бы, мы мыслимъ безукоризненно: „... Частная собственность на средства производства... Конкурренція... Анархія... Перепроизводство... Необходимость внѣшнихъ рынковъ... Интересы буржуазіи... Война!..“

Самыя „ортодоксальныя“ слова, мы произносимъ ихъ съ самыми „ортодоксальными“ намѣреніями и, къ удивленію своему, слышимъ, что кто-то повторяетъ ихъ за нашей спиной. Это — „соц-революціонеры“. Они тоже выучили на зубокъ многіе соціалистическіе лозунги и обороты.

Напримѣръ, Кіевскій Комитетъ „Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“, который знаетъ всѣ эти слова — буржуазія, классовые интересы, соціализмъ, — говоритъ въ своей прокламаціи: „Эта война — война изъ-за интересовъ правящихъ классовъ, всѣ выгоды отъ нея достанутся на долю этихъ классовъ“, — сообразно съ чѣмъ кіевскіе „соціалисты-революціонеры“ заканчиваютъ свою прокламацію лозунгомъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціализмъ!“

Оказывается, что въ такомъ остромъ боевомъ вопросѣ они анализируютъ (если можно тутъ говорить объ анализѣ), какъ мы, дѣлаютъ тѣ же выводы, что и мы, даютъ тѣ же лозунги, какіе даемъ мы, учатъ тому же, чему учимъ мы... Не потому, что они стали на матеріалистически-классовую точку зрѣнія, а потому что мы сошли съ нея, подмѣнивъ ее шаблономъ. Но насъ это не пугаетъ. Мы убѣждены, что если только исправить нѣкоторые маленькіе недостатки организаціоннаго механизма, то исторія даже при самой большой суматохѣ не спутаетъ насъ съ „соціалистами-революціонерами“, не посмѣетъ свалить насъ въ одну кучу съ революціонной буржуазной демократіей.

Но къ лицу ли намъ на самомъ дѣлѣ такая увѣренность? Мы уже видѣли выше, какъ „увязъ коготокъ“ у Московскаго Комитета, у Одесскаго, у Николаевскаго и у нѣкоторыхъ другихъ очень вліятельныхъ организацій. И увязъ, разумѣется, не въ тѣхъ пунктахъ, по которымъ даны рѣшенія „разъ на всегда“: не въ вопросѣ о *диктатурѣ пролетаріата* (ее мы признаемъ всѣ, хотя и смѣшиваемъ иногда съ диктатурой *надъ пролетаріатомъ*), не въ вопросѣ о террорѣ, а въ такомъ „пунктѣ“, котораго никакъ нельзя предусмотрѣть „разъ на всегда“ — *въ умѣніи политически оріентироваться въ ходѣ событій*.

Что есть у Партіи, что ей дано прошлымъ періодомъ, въ частности, „Искрой“ періода борьбы съ экономизмомъ и съ „соц.-рев.“ — такъ это *стремленіе* отмежеваться отъ буржуазной демократіи. „Вратъ адовыхъ“ Партія боится искренно. Очень искренно опасается она подчиненія пролетаріата либеральной буржуазіи. Но какъ „это“ происходитъ, и какими мѣрами отъ „этого“ застраховать себя, — по этимъ вопросамъ мысль Партіи только скользитъ. И опасенія и боязнь имѣютъ чрезвычайно поверхностный характеръ и удовлетворяются совершенно формальными рѣшеніями.

Товарищи искренно „ненавидятъ“ оппортунизмъ и во всякое время готовы предать его огню и мечу.

Но гдѣ они ищутъ его?

Всюду и вездѣ: въ параграфахъ, въ примѣчаніяхъ, заглядываютъ даже подъ лавку... только въ *собственное сознаніе* они не согласны заглянуть, не смотря на всѣ наши настоянія. А, между тѣмъ, единственно лишь марксистская самокритика, вмѣсто „ортодоксальнаго“ самодовольства, пышущаго теперь изо всѣхъ поръ объединенной Партіи, могла бы, дѣйствительно, помочь въ борьбѣ съ оппортунизмомъ. Ибо — и это нужно понять — у насъ въ Партіи теперь едва ли возможенъ оппортунизмъ, какъ система *мышленія*, но онъ вполнѣ возможенъ, какъ „система“ *недомыслія*. Революціонный періодъ, который мѣшаетъ нашему оппортунизму принять законченныя политическія формы, мѣшаетъ въ томъ же и революціонному теченію въ соціальдемократіи. Требованія революціоннаго момента наскоро заостряютъ на „централистическій“ ладъ самое примитивное полусоціальдемократическое содержаніе политической психологіи... Всѣ члены Партіи оказываются подстрижены подъ строго классовую скобку, всѣ бряцаютъ ортодоксальными шпорами, всѣ щеголяютъ мундирами самаго „централистическаго“ покроя... Но, на повѣрку, эти централистическіе мундиры оказываются у нѣкоторыхъ сшитыми изъ самыхъ различныхъ лоскутовъ: лоскутъ экономизма, лоскутъ соціалистическаго доктринерства, лоскутъ вульгарнаго радикализма...

Да, таково положеніе дѣлъ. Изъ него долженъ быть выходъ. Изъ него не можетъ не быть выхода. Одно изъ средствъ выхода — въ энергичномъ политическомъ руководствѣ работой мѣстныхъ комитетовъ, — не въ томъ преимущественно административномъ „руководствѣ“, которое многимъ, слишкомъ многимъ товарищамъ, рисуется какъ рядъ безпощадно-наступательныхъ актовъ, — разумѣется, не по отношенію къ нимъ самимъ, ибо себя они считаютъ, къ сожалѣнію, непогрѣшимыми, — нѣтъ въ систематическомъ идейномъ руководствѣ революціонной практикой, въ указаніяхъ и разъясненіяхъ со стороны болѣе опытныхъ въ политическомъ отношеніи товарищей. Слишкомъ ужъ это простой методъ „руководства“ и „контроля“ — выбросить за бортъ тѣхъ товарищей, которые говорятъ рабочимъ, будто капиталисты въ Западной Европѣ „не только выкачиваютъ, но и заботятся о дальнѣйшемъ наполненіи“, или тѣхъ товарищей, которые заодно съ „соціалистами-революціонерами“ пишутъ, что наша государ каждыя двѣ недѣли и къ этимъ требованіямъ присоединили слѣдующія: 1) замѣну почасной платы — поденной, 2) сокращеніе рабочаго дня на одинъ часъ, 3) полчаса на завтракъ и др. требованія. Конечно, немедленно начальству было сообщено о волненіяхъ, и оно не замедлило явиться въ лицѣ фабричнаго инспектора, жандармовъ и казаковъ. Началась обычная исторія, обычное провоцированіе рабочихъ. Инспекторъ требуетъ выбора депутатовъ, такъ какъ, молъ, „съ толпой онъ разговаривать не можетъ“. Рабочіе категорически отказываются выбирать депутатовъ, напомнивъ ему о тѣхъ товарищахъ депутатахъ, которые сосланы въ Сибирь... Несмотря на „честное“ слово и увѣренія инспектора, что депутаты не будутъ арестованы, рабочіе отказались выбирать и потребовали старшаго инспектора (Въ своей „рѣчи“ инспекторъ увѣрялъ рабочихъ, что онъ не можетъ допустить десятичасового дня, такъ какъ по закону рабочій день опредѣленъ $11^1/_2$ часами... Эта наглость возмутила всѣхъ рабочихъ). Донской Комитетъ выпустилъ къ рабочимъ прокламацію, въ которой призывалъ рабочихъ настаивать на удовлетвореніи требованій. Какъ водится, жандармы поспѣшили на помощь Пастухову и арестовали семь рабочихъ. Состоялась сходка изъ 50 человѣкъ, на которой было рѣшено стачки не устраивать. На слѣдующій день рабочимъ было объявлено, что требованіе ихъ относительно двухнедѣльной получки удовлетворено, въ остальныхъ отказано. Арестованные черезъ нѣсколько дней были освобождены.

---

[1] Можетъ быть тѣмъ-же самымъ перомъ, которымъ написана цитированная прокламація, два члена Ник. Ком. — это уже самые „непримиримые“ — пишутъ редакціи „Искры“, что не станутъ перепечатывать ея прокламацій, какъ-бы хороши онѣ ни были и какъ бы осязательно ни чувствовалась недостаточность общаго руководства — дабы не потакать дезорганизаторамъ. Мы не понимаемъ точки зрѣнія этихъ товарищей. Казалось бы, что величайшую дезорганизацію въ сознаніи пролетаріата совершаетъ именно Николаевскій Комитетъ, давшій несоціальдемократическое освѣщеніе событій. Если Николаевскій Комитетъ не хочетъ своей несоціалдемократической агитаціи замѣнить соціальдемократической, чтобъ не популяризовать несимпатичнаго ему *имени* Ц. О. своей партіи, — на этотъ конецъ вѣдь у него оставалась возможность перепечатывать листки и статьи, не указывая источника, къ чему онъ уже прибѣгъ въ цитированной прокламаціи.

До этихъ волненій было совершено покушеніе на мастера, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „качалы-мочалы“. Ему было нанесено восемь ранъ. Арестовали одного рабочаго, котораго жандармы обвиняютъ въ покушеніи на убійство. Его предали окружному суду.

Юзовка. Здѣсь, на юзовскомъ заводѣ, была стачка, вызванная пониженіемъ расцѣнковъ. Стачка продолжалась три дня. Всѣ требованія рабочихъ были удовлетворены. Здѣсь арестованы: Папирный, Рейхъ и одинъ рабочій, во время разбрасыванія прокламацій.

Таганрогъ. На металлургическомъ заводѣ были стачки, вызванныя пониженіемъ расцѣнковъ (это пониженіе происходитъ во всемъ донецкомъ районѣ): вмѣсто 1 р. 50 к. за 100 листовъ назначено 82 к. Ночная смѣна отказалась идти на работу, требуя прежнихъ расцѣнокъ. Къ ней присоединилась и дневная смѣна. Требованія рабочихъ были удовлетворены, но на другой день было заявлено, что старые расцѣнки будутъ сохранены лишь до перваго марта. 26 человѣкъ были совсѣмъ уволены. То же пониженіе было произведено и въ рельсопрокатномъ отдѣленіи, на что рабочіе отвѣтили стачкой, продолжавшейся два дня. Требованія были удовлетворены.

Наконецъ, пониженіе было объявлено и въ бессемеровскомъ цехѣ, что опять вызвало стачку. „Начальство“ здѣсь уже рѣшило не уступать, и рабочіе были разсчитаны. Броженіе среди рабочихъ сильное. По всей вѣроятности, вспыхнетъ всеобщая стачка.

— Здѣсь арестованъ Александръ Скрынниковъ, репортеръ „Донской Рѣчи“. У него взятъ какой то рабочій. Въ Ростовѣ на Дону арестована нѣкая Сигида съ четырьмя съ половиною пуд. литературы соц.-рев.

Кутаисъ. До 1900 года въ Кутаисѣ не было признаковъ рабочаго движенія. Но послѣ большой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Тифлисѣ, сюда попали въ ссылку кое кто изъ интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ; этимъ-то рабочимъ и интеллигентамъ обязаны кутаисскіе рабочіе пробужденіемъ классового самосознанія.

Кутаисъ — одинъ изъ захолустныхъ губернскихъ городовъ Закавказья; въ городѣ всего нѣсколько мелкихъ механическихъ мастерскихъ (отъ 5 до 20 человѣкъ), но много сапожниковъ, занимающихся шитьемъ азіатской обуви; одна табачная фабрика Пиралова (30 человѣкъ), баритовая мельница рижской фирмы Тольгеймъ (20 чел. мальчиковъ и 15 взрослыхъ), нѣсколько типографій и заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ Лагидзе.

Продолжительность рабочаго дня, малая плата и грубое обращеніе съ рабочими — обычное явленіе и до сихъ поръ во всѣхъ отрасляхъ производства.

Такъ, сапожники азіатской обуви работаютъ съ пяти часовъ утра до девяти вечера. Въ общемъ же, положеніе рабочихъ за послѣдніе два года значительно улучшилось благодаря стачкамъ, которыя удалось вызвать усиленной пропагандой социальдемократическихъ идей.

Первая стачка была здѣсь въ 1901 году на табачной фабрикѣ Пиралова. Своей двухнедѣльной стойкой борьбой рабочіе Пиралова доказали пониманіе значенія солидарности и дружной борьбы съ эксплуатаціей. Они потребовали увеличенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня, отмѣны штрафовъ и подчиненія фабричному надзору. Хотя Кутаисская губернія и подчинена надзору фабричной инспекціи, но этотъ надзоръ оставался только фиктивнымъ, на самомъ дѣлѣ, фабричный инспекторъ живетъ въ г. Батумѣ и завѣдуетъ Батумскимъ округомъ. Фабричный инспекторъ былъ вызванъ изъ Батума, но переговоры депутатовъ не привели ни къ какимъ соглашеніямъ. Арестованы были какъ депутаты, такъ и еще нѣсколько человѣкъ. Пираловъ слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ. Затянувшаяся стачка вызвала вмѣшательство администраціи. Губернаторъ Смагинъ, вызвавъ хозяина, приказалъ ему „уступить“, въ противномъ случаѣ грозилъ закрыть фабрику, мотивируя это тѣмъ, что въ настоящее время происходятъ повсемѣстныя волненія рабочихъ, и что при такихъ обстоятельствахъ ихъ не слѣдуетъ возбуждать. Благодаря угрозѣ губернатора, Пиралову пришлось уступить. Удовлетворивъ всѣ требованія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказался принять обратно 20 человѣкъ. Принятые тоже отказались стать на работу, требуя принятія и уволенныхъ товарищей. Видя упорство хозяина, рабочіе собрали сходку, на которой разсчитанные настояли на томъ, чтобы остальные стали на работу. Часть уволенныхъ уѣхала въ другіе города, а нѣкоторые, имѣвшіе свои лачуги, остались въ Кутаисѣ.

Вскорѣ послѣ стачки у Пиралова забастовали ученики механической мастерской Николая Инджія (10 человѣкъ).

Въ декабрѣ этого же года была забастовка на баритовой мельницѣ, но за неорганизованностью окончилась неудачей. Весной 1903 года, по иниціативѣ управляющаго мельницей, рабочій день былъ сокращенъ для взрослыхъ на полчаса, а для малолѣтнихъ (20 человѣкъ) установленъ восьмичасовой рабочій день. Въ концѣ концовъ оказалось, что все это было сдѣлано въ виду пріѣзда фабричнаго инспектора, по отъѣздѣ же его все пошло по старому, и малышей вновь заставили работать наравнѣ со взрослыми. Когда одинъ изъ служащихъ началъ протестовать, управляющій отвѣтилъ, что теперь все равно.

Большинство кутаисскихъ промышленныхъ мастерскихъ процвѣтаетъ благодаря безсовѣстной эксплуатаціи труда учениковъ. Хозяева берутъ ихъ по контракту, съ неустойкой на случай, если ученикъ сбѣжитъ, не докончивъ ученія. Выучка продолжается пять лѣтъ, иногда и больше. Хозяинъ обязывается кормить и одѣвать ученика, но условія эти, большей частью, остаются на бумагѣ; а такъ какъ большинство учениковъ изъ деревень и не находятся подъ наблюденіемъ родныхъ, то и ходятъ въ тряпьѣ, живутъ впроголодь, получая колотушки.

Такъ, въ механической мастерской Вацадзе ученики получаютъ одежду одинъ разъ въ пять лѣтъ. За неимѣніемъ отдѣльнаго помѣщенія для спанья, спятъ въ пыли и грязи мастерской. Кутаисскій соц.демократическій кружокъ организовалъ стачку, которая продолжалась недѣлю и кончилась удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ требованій.

Результатомъ этихъ стачекъ было то, что рабочіе все больше и больше проникались сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ выясняться для нашего загнаннаго рабочаго его безправіе при существующемъ соціальномъ строѣ, а отсюда пониманіе своихъ интересовъ и болѣе сознательное отношеніе къ явленіямъ жизни. Объ этомъ очень ясно свидѣтельствуютъ тѣ симпатіи и интересъ, съ которыми кутаисскіе рабочіе слѣдятъ за борьбой ихъ братьевъ въ Россіи и заграницей. Въ настоящее время носителями соціальдемократическихъ идей среди кутаисскихъ рабочихъ являются развитые рабочіе мелкихъ ремесленныхъ производствъ.

1903 годъ ознаменовался въ жизни нашего города совершенно новымъ для обывателя явленіемъ. Вѣсти, доходившія со всѣхъ сторонъ Закавказья и Россіи, разбудили отъ вѣкового сна и нашего толстокожаго обывателя. Несущаяся революціонная волна заставила его задуматься надъ новымъ явленіемъ и толковать на разные лады о возрастающемъ съ каждымъ днемъ движеніи кавказскаго пролетаріата.

Существующій въ Кутаисѣ кружокъ соціальдемократовъ постарался разъяснить въ прокламаціяхъ смыслъ всѣхъ этихъ событій. Но прокламаціи только напугали нашихъ тупоголовыхъ мѣщанъ и чиновниковъ. Еще больше всполошился обыватель, когда до его слуха дошли вѣсти объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Гуріи... Между тѣмъ, кутаисскіе сознательные рабочіе, въ числѣ 50 человѣкъ, 20 апрѣля отпраздновали маевку. Съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ на грузинскомъ языкѣ праздновали первый разъ кутаисскіе рабочіе великій праздникъ пролетаріата. На другой день только и было разговору что о празднованіи маевки. Послѣ дошедшихъ до обывателя слуховъ о демонстраціяхъ въ Баку, Тифлисѣ и Батумѣ, онъ совсѣмъ растерялся. Слухи распространялись неимовѣрно быстро, вызывая массу фантастическихъ толковъ. Обыватель рѣшилъ, что и въ Кутаисѣ перваго мая будетъ „бунтъ“, какъ здѣсь называютъ демонстрацію. Администрація подняла на ноги весь штатъ полиціи, явной и тайной, которая, ругая начальство и бунтовщиковъ, стояла безъ смѣны двое сутокъ. Перваго мая въ казармахъ „на всякій случай“ была готова сотня казаковъ. Все это не помѣшало перваго мая распространить прокламаціи Кавказскаго союза, Тифлисскаго и Батумскаго комитетовъ. Перваго мая на улицахъ была необыкновенная тишина. Занятія въ мужской и женской гимназіяхъ происходили при пустыхъ классахъ. Гимназисты сговорились перваго мая не приходить на занятія, и тѣмъ выразить солидарность съ борющимся пролетаріатомъ. Но всѣ ожиданія и предсказанія обывателей не оправдались, только второго забастовали ученики сельскохозяйственной школы. Требованія ихъ немедленно были удовлетворены перепугавшейся администраціей.

Замѣчательно сильное возбужденіе было среди кутаисскихъ рабочихъ во время іюльскихъ дней прошлаго года. Они рвались въ бой и желали, въ свою очередь, выразить протестъ противъ самодержавія. Накопившаяся энергія была вылита на демонстративныхъ похоронахъ рабочаго Жоржоладзе (участвовало 300 человѣкъ).

Рабочій.

ственная политика выражаетъ интересы „всей буржуазіи“ и такимъ образомъ совершенно лишаютъ смысла — признаваемое и ими — причисленіе „соціалист.-революціонеровъ“ къ буржуазной оппозиціи; — слишкомъ это простой и экономный методъ — выбрасывать: ибо выбросивъ, нужно же кѣмъ-нибудь и замѣнить!

Нѣтъ, не выбрасывать, а разъяснять! Прежде всего разъяснить этимъ товарищамъ, что, по точному смыслу ихъ собственныхъ организаціонно-тактическихъ взглядовъ, имъ самимъ слѣдовало бы оказаться внѣ предѣловъ „строго выдержанной“ соц.-дем. партіи; затѣмъ объяснить имъ, что напрасно они считаютъ себя застрахованными отъ бернштейніанства тѣмъ, что не читали Бернштейна; разъяснять имъ время отъ времени, что оппортунизмъ прокрадывается не столько въ „щели“ организаціи, сколько въ щели политическаго сознанія; разъясняя это, вкладывать по возможности палецъ въ ихъ собственныя язвы; разъяснять имъ далѣе, — и по возможности на конкретныхъ политическихъ актахъ, — что гарантію устойчивости партіи нужно искать въ ея базѣ, въ активномъ и самодѣятельномъ пролетаріатѣ, а не въ ея организаціонной верхушкѣ, которую, незамѣтно для пролетаріата, революція можетъ нечаянно смести своимъ крыломъ, какъ историческое недоразумѣніе...

Если все это дѣлать — и дѣлать изо дня въ день, настойчиво, умно, тактично, со знаніемъ дѣла, — тогда можно надѣяться, что мы, хотя и не прыгнемъ, разумѣется, выше собственной головы, но сдѣлаемъ крупный шагъ въ дѣлѣ ликвидаціи переживаемаго ненормальнаго періода: во-первыхъ, освободимся отъ „ортодоксальной“ самоувѣренности и отъ вздутаго „централистическаго“ бахвальства, во-вторыхъ, приблизимся къ замѣнѣ quasi-марксистской схоластики матеріалистическимъ политическимъ анализомъ, въ-третьихъ, будемъ искать въ игрѣ событій политическихъ средствъ — отдѣлять пролетаріатъ отъ буржуазіи, вмѣсто того, чтобъ искать технически-организаціонныхъ средствъ — отдѣлять себя отъ пролетаріата.

Это большая, трудная и въ значительной мѣрѣ „черная“ работа. Но ее нельзя обойти, черезъ нее нельзя перескочить. Только на этой работѣ можетъ связать себя съ партіей и развиться въ дѣйствительную величину партійный центръ. Пока этого нѣтъ — жалкими и оскорбительно-неумѣстными кажутся столь частыя теперь рѣчи о „призывѣ къ возстанію“, о „революціонной диктатурѣ“...

И мы не сомнѣваемся, товарищи, что еслибъ въ *этой истинно-политической* работѣ была проявлена со стороны партійнаго центра широкая иниціатива — вся партія, какъ одинъ человѣкъ, тронулась бы ему на встрѣчу!

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФРАНЦІЯ.

II. Борьба за пересмотръ устава.

Что такое оппозиція или лѣвая Ф. С. П.? Она сама считаетъ себя антиминистеріалистской и всегда взываетъ къ пролетарскому соціализму, къ классовой борьбѣ. Несомнѣнно то, что въ ея средѣ есть элементы, которые съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать *въ рядахъ и подъ руководствомъ дѣйствительно соціалистической партіи*. Но столь же несомнѣнно и то, что и ея наиболѣе дѣльные представители не въ силахъ повернуть *жоресистскую* партію въ сторону пролетарскаго соціализма. Не въ силахъ потому, что они сами, въ сущности, очень не твердо стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія, не говоря уже о томъ, что по образованію, уму и таланту они не могутъ помѣряться съ Жоресомъ или даже съ другими вожаками фракціи праваго крыла тожъ. Обладай оппозиція сколько-нибудь ясной и твердой принципіальной точкой зрѣнія, она, навѣрно, порвала бы съ Жоресомъ и товарищами, по крайней мѣрѣ, уже послѣ прошлогодняго конгресса въ Бордо, на которомъ Жоресъ собственной персоной защитилъ Мильерана отъ исключенія, — порвала бы для того, чтобы присоединиться къ „Соціалистической Партіи Франціи“, съ 1902 года объединившей гедистовъ и бланкистовъ.

Упорство оппозиціи оставаться въ одной партіи съ Жоресомъ яснѣе всего обнаруживаетъ ея собственную принципіальную половинчатость. Съ ослѣпленіемъ, которое уже трудно *не* считать добровольнымъ (по крайней мѣрѣ, со стороны извѣстной ея части), она стремится примирить непримиримое — соединить министеріализмъ Жореса и товарищей, безъ которыхъ „партія“ фактически не можетъ существовать, съ пролетарской тактикой. Подобно мольеровской свахѣ, она обѣщаетъ повѣнчать султана съ венеціанской республикой.

Въ погонѣ за своей фантастической цѣлью она дала правому крылу два генеральныхъ сраженія: въ Бордо и въ Сентъ-Этьеннѣ. Оба раза она была разбита. Пустяки! Искатели квадратуры круга и философскаго камня не останавливаются передъ парой неудачъ. Впрочемъ, она себя не считаетъ разбитой — особенно послѣ Сентъ-Этьенна. Послѣ Бордо она, по крайней мѣрѣ, ворчала по поводу своего пораженія; послѣ сентъ-этьеннскаго пораженія она торжествуетъ побѣду — „battue et contente“.

За фантастическую цѣль невозможно бороться цѣлесообразными средствами: къ фантастической цѣли не приведетъ никакое средство. Въ этой тавтологіи разгадка призрачной борьбы оппозиціи.

Въ Бордо она боролась за исключеніе Мильерана изъ партіи, ожидая отъ своего успѣха пролетарскаго возрожденія Ф. С. П. Напрасно Мильеранъ и его откровенные приверженцы тамъ безспорно доказали, что его самые скандальные, съ соціалистической точки зрѣнія, вотумы не что иное, какъ логическое слѣдствіе всей министеріалистской основы партіи. Напрасно Жоресъ, сначала лавировавшій между Мильераномъ и оппозиціей, вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, открыть свои карты и на собственныхъ плечахъ вынести Мильерана изъ опасной свалки. Оппозиція не прозрѣла. Послѣ Бордо изъ Ф. С. П. выступили лишь двѣ федераціи и нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Не прозрѣла оппозиція и черезъ годъ, послѣ того какъ вся фракція или ея большинство съ Жоресомъ во главѣ провинились въ такихъ же позорныхъ вотумахъ, какъ прежде одинъ Мильеранъ. Это фантастическое подтвержденіе мильерановской аргументаціи въ Бордо, выводившей необходимость антипролетарской и антисоціалистической тактики фракціи изъ министеріализма, не раскрыло оппозиціи глазъ. Она продолжала гнаться за однимъ Мильераномъ, борьбу же противъ всей фракціи она повела не на почвѣ принциповъ, а на почвѣ пересмотра устава.

Объ исключеніи Мильерана сенской федераціей, происшедшемъ не задолго до сентъ-этьеннскаго конгресса, „Искра“ уже писала. Напомню только, что Мильеранъ былъ пойманъ на сравнительно невинномъ вотумѣ, и пойманъ потому, что онъ въ данномъ случаѣ провинился *одинъ*. Та же сенская федерація спокойно проглотила гораздо худшіе вотумы Мильерана и другихъ, стоящихъ подъ ея „контролемъ“ парижскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, единственный случай примѣненія федеральнаго контроля надъ депутатомъ, какъ нельзя ярче подтверждаетъ общее правило полнаго отсутствія контроля. Но и это исключеніе изъ правила было возможно только потому, что сенская федерація является центромъ оппозиціи. Черезъ посредство этой федераціи оппозиція просто взяла реваншъ за свое бордосское пораженіе, — реваншъ ребяческій, поскольку она вѣрила и если она вѣрила вмѣстѣ съ древними евреями въ магическую силу изгнанія въ пустыню козла отпущенія въ цѣляхъ искупленія всѣхъ грѣховъ Израиля, — реваншъ постыдный, лицемѣрный, поскольку она разсчитывала исключеніемъ Мильерана отвести глаза извѣстной части рабочихъ... Впрочемъ, изгнанный въ пустыню Мильеранъ чувствуетъ себя тамъ вовсе не одинокимъ. Цѣлый рядъ партійныхъ группъ вотировалъ ему адресы сочувствія, довѣрія, преданности и преклоненія. Федерація Шаронскаго департамента и группа гор. Рошфора чествовали исключеннаго на публичныхъ собраніяхъ, на которыхъ онъ, по ихъ приглашенію, произнесъ „соціалистическую“ рѣчь.

Какъ бы то ни было, рѣшеніе сенской федераціи, а главное, отказъ Мильерана отъ аппелляціи къ конгрессу избавили сентъ-этьеннскіе дебаты отъ новаго пережевыванія личнаго вопроса. Оппозиція могла перенести борьбу на болѣе широкую почву. Но борьба отъ этого отнюдь не стала глубже, такъ какъ она велась исключительно на почвѣ пересмотра устава.

Уставъ, нормирующій форму партійной организаціи и взаимное отношеніе ея частей, — вещь, несомнѣнно, важная. Но, какъ я уже замѣтилъ, не уставъ опредѣляетъ внутренній характеръ партій, а наоборотъ. О партійномъ уставѣ можно сказать то же, что Фердинандъ Лассаль сказалъ о „сущности конституціи“. И далѣе, отношеніе между „писанымъ“ и „дѣйствительнымъ“ уставомъ такое же, какъ отношеніе между „писаной“ и „дѣйствительной“ конституціей. Идеальнѣйшая конституція превратится въ мертвую букву, если она не является выраженіемъ реальнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ — точно также превосходнѣйшій партійный уставъ останется на бумагѣ, если онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру партіи, ея цѣлямъ, принципамъ и тактикѣ, реальному соотношенію силъ входящихъ въ нее элементовъ.

Мы уже видѣли, что такое турскій уставъ, писаный и дѣйствительный. Въ основѣ своей онъ былъ приноровленъ къ дѣятельности партіи, которая болѣе или менѣе скрыто подмѣнила пролетарскую точку зрѣнія сотрудничествомъ классовъ. Постоянный союзъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, — короче, министеріализмъ (съ соціалистическимъ министромъ или безъ него, все равно) есть отрицаніе самостоятельной и единой классовой политики пролетаріата. Онъ, поэтому, несовмѣстимъ и съ организаціонной формой этой политики — съ единой, крѣпко сплоченной партіей, въ которой общепартійныя функціи, реализующія общеклассовые интересы пролетаріата, необходимо должны быть централизованы. Отсюда, во-первыхъ, освященная турскимъ уставомъ федералистическая разрозненность партіи и, въ связи съ этимъ, преобладаніе мѣстнаго надъ общимъ. Отсюда, во-вторыхъ, низведеніе партійнаго конгресса, этой, по буквѣ устава, высшей инстанціи партіи, на роль безсильной швейцарской Tagsatzung (сейма) стараго времени, превращеніе его въ собраніе представителей суверенныхъ федерацій, мало интересующихся или вовсе не интересующихся общепартійными дѣлами. Отсюда, въ-третьихъ, низведеніе общаго, исполнительнаго и руководящаго учрежденія партіи до положенія „почтоваго ящика“. Отсюда, въ-четвертыхъ, раздробленіе важнѣйшей (при западно-европейскихъ, а особенно французскихъ условіяхъ) партійной функціи, контроля надъ депутатами, между отдѣльными федераціями, — раздробленіе, равносильное полному уничтоженію всякаго контроля. Отсюда, наконецъ, и суверенное, безконтрольное положеніе парламентской фракціи, — болѣе того, ея фактическое господство надъ партіей.

Это послѣднее, чисто буржуазное, увѣнчаніе зданія жоресистской партіи является, такимъ образомъ, лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внутренняго обуржуазенія Ф. С. П. и принаровленнаго къ нему организаціоннаго строительства. И властныя требованія министеріалистской основы всей партіи, какъ мы видѣли, свели на нѣтъ даже тѣ немногія слабенькія гарантіи, которыми составители турскаго устава — одни искренне и легковѣрно, другіе лицемѣрно — разсчитывали отмежеваться отъ организаціонныхъ или дезорганизаціонныхъ формъ буржуазныхъ партій.

Ясно, стало быть, что новая попытка оппозиціи возродить партію путемъ пересмотра устава, въ сущности, не далеко ушла отъ ея прошлогодней попытки оздоровить партію посредствомъ исключенія Мильерана. Въ Бордо она смѣшивала личный вопросъ съ вопросомъ политическимъ; въ Сентъ-Этьеннѣ она отождествляла форму съ содержаніемъ, организацію партіи съ ея внутреннимъ характеромъ.

Этого мало. Оппозиція не додумала до конца даже своей узко уставной цѣли. Рѣшивъ бороться противъ слѣдствія, не касаясь причины, она и въ борьбѣ противъ слѣдствія остановилась на поверхности. Въ ея новомъ проектѣ устава федералистически разрозненная основа организаціи осталась неприкосновенною. Перестройку организаціоннаго зданія она начала съ крыши. Важнѣйшій пунктъ новаго устава вручалъ „общее политическое руководство“ партіей, въ промежуткахъ между конгрессами, интерфедеральному комитету. Таковъ текстъ этого пункта. Смыслъ же его болѣе скромный, такъ какъ общее руководство партійной дѣятельностью было бы покушеніемъ на суверенитетъ федерацій, о чемъ никто и думать не хотѣлъ. Новая крыша въ дѣйствительности была только кусочкомъ крыши. Оппозиція хотѣла залатать лишь наиболѣе скандальную прорѣху партійнаго зданія — она мѣтила только въ суверенное, безконтрольное хозяйничаніе фракціи.

На этомъ-то пунктѣ и сосредоточились дебаты конгресса.

[illegible] двѣ недѣли и къ этимъ требованіямъ присоединили слѣдующія: 1) замѣну почасной платы — поденной, 2) сокращеніе рабочаго дня на одинъ часъ, 3) полчаса на завтракъ и др. требованія. Конечно, немедленно начальству было сообщено о волненіяхъ, и оно не замедлило явиться въ лицѣ фабричнаго инспектора, жандармовъ и казаковъ. Началась обычная исторія, обычное провоцированіе рабочихъ. Инспекторъ требуетъ выбора депутатовъ, такъ какъ, молъ, „съ толпой онъ разговаривать не можетъ". Рабочіе категорически отказываются выбирать депутатовъ, напомнивъ ему о тѣхъ товарищахъ депутатахъ, которые сосланы въ Сибирь... Несмотря на „честное" слово и увѣренія инспектора, что депутаты не будутъ арестованы, рабочіе отказались выбирать и потребовали старшаго инспектора (Въ своей „рѣчи" инспекторъ увѣрялъ рабочихъ, что онъ не можетъ допустить десятичасового дня, такъ какъ по закону рабочій день опредѣленъ 11½ часами... Эта наглость возмутила всѣхъ рабочихъ). Донской Комитетъ выпустилъ къ рабочимъ прокламацію, въ которой призывалъ рабочихъ настаивать на удовлетвореніи требованій. Какъ водится, жандармы поспѣшили на помощь Пастухову и арестовали семь рабочихъ. Состоялась сходка изъ 50 человѣкъ, на которой было рѣшено стачки не устраивать. На слѣдующій день рабочимъ было объявлено, что требованіе ихъ относительно двухнедѣльной получки удовлетворено, въ остальныхъ отказано. Арестованные черезъ нѣсколько дней были освобождены.

До этихъ волненій было совершено покушеніе на мастера, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „качалы-мочалы". Ему было нанесено восемь ранъ. Арестовали одного рабочаго, котораго жандармы обвиняютъ въ покушеніи на убійство. Его предали окружному суду.

Юзовка. Здѣсь, на юзовскомъ заводѣ, была стачка, вызванная пониженіемъ расцѣнковъ. Стачка продолжалась три дня. Всѣ требованія рабочихъ были удовлетворены. Здѣсь арестованы: Папирный, Рейхъ и одинъ рабочій, во время разбрасыванія прокламацій.

Таганрогъ. На металлургическомъ заводѣ были стачки, вызванныя пониженіемъ расцѣнковъ (это пониженіе происходитъ во всемъ донецкомъ районѣ): вмѣсто 1 р. 50 к. за 100 листовъ назначено 82 к. Ночная смѣна отказалась идти на работу, требуя прежнихъ расцѣнокъ. Къ ней присоединилась и дневная смѣна. Требованія рабочихъ были удовлетворены, но на другой день было заявлено, что старые расцѣнки будутъ сохранены лишь до перваго марта. 26 человѣкъ были совсѣмъ уволены. То же пониженіе было произведено и въ рельсопрокатномъ отдѣленіи, на что рабочіе отвѣтили стачкой, продолжавшейся два дня. Требованія были удовлетворены.

Наконецъ, пониженіе было объявлено и въ бессемеровскомъ цехѣ, что опять вызвало стачку. „Начальство" здѣсь уже рѣшило не уступать, и рабочіе были разсчитаны. Броженіе среди рабочихъ сильное. По всей вѣроятности, вспыхнетъ всеобщая стачка.

— Здѣсь арестованъ Александръ Скрынниковъ, репортеръ „Донской Рѣчи". У него взятъ какой то рабочій. Въ Ростовѣ на Дону арестована нѣкая Сигида съ четырьмя съ половиною пуд. литературы соц.-рев.

Кутаисъ. До 1900 года въ Кутаисѣ не было признаковъ рабочаго движенія. Но послѣ большой стачки желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Тифлисѣ, сюда попали въ ссылку кое кто изъ интеллигентовъ и сознательныхъ рабочихъ; этимъ-то рабочимъ и интеллигентамъ обязаны кутаисскіе рабочіе пробужденіемъ классового самосознанія.

Кутаисъ — одинъ изъ захолустныхъ губернскихъ городовъ Закавказья; въ городѣ всего нѣсколько мелкихъ механическихъ мастерскихъ (отъ 5 до 20 человѣкъ), но много сапожниковъ, занимающихся шитьемъ азіатской обуви; одна табачная фабрика Пиралова (30 человѣкъ), баритовая мельница рижской фирмы Тольгеймъ (20 чел. мальчиковъ и 15 взрослыхъ), нѣсколько типографій и заводъ искусственныхъ минеральныхъ водъ Лагидзе.

Продолжительность рабочаго дня, малая плата и грубое обращеніе съ рабочими — обычное явленіе и до сихъ поръ во всѣхъ отрасляхъ производства.

Такъ, сапожники азіатской обуви работаютъ съ пяти часовъ утра до девяти вечера. Въ общемъ же, положеніе рабочихъ за послѣдніе два года значительно улучшилось благодаря стачкамъ, которыя удалось вызвать усиленной пропагандой соціальдемократическихъ идей.

Первая стачка была здѣсь въ 1901 году на табачной фабрикѣ Пиралова. Своей двухнедѣльной стойкой борьбой рабочіе Пиралова доказали пониманіе значенія солидарности и дружной борьбы съ эксплуатаціей. Они потребовали увеличенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня, отмѣны штрафовъ и подчиненія фабричному надзору. Хотя Кутаисская губернія и подчинена надзору фабричной инспекціи, но этотъ надзоръ оставался только фиктивнымъ, на самомъ дѣлѣ, фабричный инспекторъ живетъ въ г. Батумѣ и завѣдуетъ Батумскимъ округомъ. Фабричный инспекторъ былъ вызванъ изъ Батума, но переговоры депутатовъ не привели ни къ какимъ соглашеніямъ. Арестованы были какъ депутаты, такъ и еще нѣсколько человѣкъ. Пираловъ слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ. Затянувшаяся стачка вызвала вмѣшательство администраціи. Губернаторъ Смагинъ, вызвавъ хозяина, приказалъ ему „уступить", въ противномъ случаѣ грозилъ закрыть фабрику, мотивируя это тѣмъ, что въ настоящее время происходятъ повсемѣстныя волненія рабочихъ, и что при такихъ обстоятельствахъ ихъ не слѣдуетъ возбуждать. Благодаря угрозѣ губернатора, Пиралову пришлось уступить. Удовлетворивъ всѣ требованія, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказался принять обратно 20 человѣкъ. Принятые тоже отказались стать на работу, требуя принятія и уволенныхъ товарищей. Видя упорство хозяина, рабочіе собрали сходку, на которой разсчитанные настояли на томъ, чтобы остальные стали на работу. Часть уволенныхъ уѣхала въ другіе города, а нѣкоторые, имѣвшіе свои лачуги, остались въ Кутаисѣ.

Вскорѣ послѣ стачки у Пиралова забастовали ученики механической мастерской Николая Индзія (10 человѣкъ).

Въ декабрѣ этого же года была забастовка на баритовой мельницѣ, но за неорганизованностью окончилась неудачей. Весной 1903 года, по иниціативѣ управляющаго мельницей, рабочій день былъ сокращенъ для взрослыхъ на полчаса, а для малолѣтнихъ (20 человѣкъ) установленъ восьмичасовой рабочій день. Въ концѣ концовъ оказалось, что все это было сдѣлано въ виду пріѣзда фабричнаго инспектора, по отъѣздѣ же его все пошло по старому, и малышей вновь заставили работать наравнѣ со взрослыми. Когда одинъ изъ служащихъ началъ протестовать, управляющій отвѣтилъ, что теперь все равно.

Большинство кутаисскихъ промышленныхъ мастерскихъ процвѣтаетъ благодаря безсовѣстной эксплуатаціи труда учениковъ. Хозяева берутъ ихъ по контракту, съ неустойкой на случай, если ученикъ сбѣжитъ, не докончивъ ученія. Выучка продолжается пять лѣтъ, иногда и больше. Хозяинъ обязывается кормить и одѣвать ученика, но условія эти, большей частью, остаются на бумагѣ; а такъ какъ большинство учениковъ изъ деревень и не находятся подъ наблюденіемъ родныхъ, то и ходятъ въ тряпьѣ, живутъ впроголодь, получая колотушки.

Такъ, въ механической мастерской Вацадзе ученики получаютъ одежду одинъ разъ въ пять лѣтъ. За неимѣніемъ отдѣльнаго помѣщенія для спанья, спятъ въ пыли и грязи мастерской. Кутаисскій соц.-демократическій кружокъ организовалъ стачку, которая продолжалась недѣлю и кончилась удовлетвореніемъ нѣкоторыхъ требованій.

Результатомъ этихъ стачекъ было то, что рабочіе все больше и больше проникались сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ выясняться для нашего загнаннаго рабочаго его безправіе при существующемъ соціальномъ строѣ, а отсюда пониманіе своихъ интересовъ и болѣе сознательное отношеніе къ явленіямъ жизни. Объ этомъ очень ясно свидѣтельствуютъ тѣ симпатіи и интересъ, съ которыми кутаисскіе рабочіе слѣдятъ за борьбой ихъ братьевъ въ Россіи и заграницей. Въ настоящее время носителями соціальдемократическихъ идей среди кутаисскихъ рабочихъ являются развитые рабочіе мелкихъ ремесленныхъ производствъ.

1903 годъ ознаменовался въ жизни нашего города совершенно новымъ для обывателя явленіемъ. Вѣсти, доходившія со всѣхъ сторонъ Закавказья и Россіи, разбудили отъ вѣкового сна и нашего толстокожаго обывателя. Несущаяся революціонная волна заставила его задуматься надъ новымъ явленіемъ и толковать на разные лады о возрастающемъ съ каждымъ днемъ движеніи кавказскаго пролетаріата.

Существующій въ Кутаисѣ кружокъ соціальдемократовъ постарался разъяснить въ прокламаціяхъ смыслъ всѣхъ этихъ событій. Но прокламація только напугали нашихъ тупоголовыхъ мѣщанъ и чиновниковъ. Еще больше всполошился обыватель, когда до его слуха дошли вѣсти объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Гуріи... Между тѣмъ, кутаисскіе сознательные рабочіе, въ числѣ 50 человѣкъ, 20 апрѣля отпраздновали маевку. Съ краснымъ знаменемъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ на грузинскомъ языкѣ праздновали первый разъ кутаисскіе рабочіе великій праздникъ пролетаріата. На другой день только и было разговору что о празднованіи маевки. Послѣ дошедшихъ до обывателя слуховъ о демонстраціяхъ въ Баку, Тифлисѣ и Батумѣ, онъ совсѣмъ растерялся. Слухи распространялись неимовѣрно быстро, вызывая массу фантастическихъ толковъ. Обыватель рѣшилъ, что и въ Кутаисѣ перваго мая будетъ „бунтъ", какъ здѣсь называютъ демонстрацію. Администрація подняла на ноги весь штатъ полиціи, явной и тайной, которая, ругая начальство и бунтовщиковъ, стояла безъ смѣны двое сутокъ. Перваго мая въ казармахъ „на всякій случай" была готова сотня казаковъ. Все это не помѣшало перваго мая распространить прокламаціи Кавказскаго союза, Тифлисскаго и Батумскаго комитетовъ. Перваго мая на улицахъ была необыкновенная тишина. Занятія въ мужской и женской гимназіяхъ происходили при пустыхъ классахъ. Гимназисты сговорились перваго мая не приходить на занятія, и тѣмъ выразить солидарность съ борющимся пролетаріатомъ. Но всѣ ожиданія и предсказанія обывателей не оправдались, только второго забастовали ученики сельскохозяйственной школы. Требованія ихъ немедленно были удовлетворены перепугавшейся администраціей.

Замѣчательно сильное возбужденіе было среди кутаисскихъ рабочихъ во время іюльскихъ дней прошлаго года. Они рвались въ бой и желали, въ свою очередь, выразить протестъ противъ самодержавія. Накопившаяся энергія была вылита на демонстративныхъ похоронахъ рабочаго Жоржоладзе (участвовало 300 человѣкъ).

Рабочій.

ственная политика выражаетъ интересы „всей буржуазіи" и такимъ образомъ совершенно лишаютъ смысла — признаваемое и ими — причисленіе „соціалист.-революціонеровъ" къ буржуазной оппозиціи; — слишкомъ это простой и неэкономный методъ — выбрасывать: ибо выбросивъ, нужно же кѣмъ-нибудь и замѣнить!

Нѣтъ, не выбрасывать, а разъяснять! Прежде всего разъяснить этимъ товарищамъ, что, по точному смыслу ихъ собственныхъ организаціонно-тактическихъ взглядовъ, имъ самимъ слѣдовало бы оказаться внѣ предѣловъ „строго выдержанной" соц.-дем. партіи; затѣмъ объяснить имъ, что напрасно они считаютъ себя застрахованными отъ бернштейніанства тѣмъ, что не читали Бернштейна; разъяснять имъ время отъ времени, что оппортунизмъ прокрадывается не столько въ „щели" организаціи, сколько въ щели политическаго сознанія; разъясняя это, вкладывать по возможности палецъ въ ихъ собственныя язвы; разъяснять имъ далѣе, — и по возможности на конкретныхъ политическихъ актахъ, — что гарантію устойчивости партіи нужно искать въ ея базѣ, въ активномъ и самодѣятельномъ пролетаріатѣ, а не въ ея организаціонной верхушкѣ, которую, незамѣтно для пролетаріата, революція можетъ нечаянно смести своимъ крыломъ, какъ историческое недоразумѣніе...

Если все это дѣлать — и дѣлать изо дня въ день, настойчиво, умно, тактично, со знаніемъ дѣла, — тогда можно надѣяться, что мы, хотя и не прыгнемъ, разумѣется, выше собственной головы, но сдѣлаемъ крупный шагъ въ дѣлѣ ликвидаціи переживаемаго ненормальнаго періода: во-первыхъ, освободимся отъ „ортодоксальной" самоувѣренности и отъ вздутаго „централистическаго" бахвальства, во-вторыхъ, приблизимся къ замѣнѣ quasi-марксистской схоластики матеріалистическимъ политическимъ анализомъ, въ-третьихъ, будемъ искать въ игрѣ событій политическихъ средствъ — отдѣлять пролетаріатъ отъ буржуазіи, вмѣсто того, чтобъ искать технически-организаціонныхъ средствъ — отдѣлить себя отъ пролетаріата.

Это большая, трудная и въ значительной мѣрѣ „черная" работа. Но ее нельзя обойти, черезъ нее нельзя перескочить. Только на этой работѣ можетъ связать себя съ партіей и развиться въ дѣйствительную величину партійный центръ. Пока этого нѣтъ — жалкими и оскорбительно-неумѣстными кажутся столь частыя теперь рѣчи о „призывѣ къ возстанію", о „революціонной диктатурѣ"...

И мы не сомнѣваемся, товарищи, что еслибъ въ *этой истинно-политической* работѣ была проявлена со стороны партійнаго центра широкая иниціатива — вся партія, какъ одинъ человѣкъ, тронулась бы ему на встрѣчу!

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ФРАНЦІЯ.

II. Борьба за пересмотръ устава.

Что такое оппозиція или лѣвая Ф. С. П.? Она сама считаетъ себя антиминистеріалистской и всегда взываетъ къ пролетарскому соціализму, къ классовой борьбѣ. Несомнѣнно то, что въ ея средѣ есть элементы, которые съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать *въ рядахъ и подъ руководствомъ дѣйствительно соціалистической партіи*. Но столь же несомнѣнно и то, что и ея наиболѣе дѣльные представители не въ силахъ повернуть *жоресистскую* партію въ сторону пролетарскаго соціализма. Не въ силахъ потому, что они сами, въ сущности, очень не твердо стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія, не говоря уже о томъ, что по образованію, уму и таланту они не могутъ помѣряться съ Жоресомъ или даже съ другими вожаками фракціи, праваго крыла тожъ. Обладай оппозиція сколько-нибудь ясной и твердой принципіальной точкой зрѣнія, она, навѣрно, порвала бы съ Жоресомъ и товарищами, по крайней мѣрѣ, уже послѣ прошлогодняго конгресса въ Бордо, на которомъ Жоресъ собственной персоной защитилъ Мильерана отъ исключенія, — порвала бы для того, чтобы присоединиться къ „Соціалистической Партіи Франціи", съ 1902 года объединившей гедистовъ и бланкистовъ.

Упорство оппозиціи оставаться въ одной партіи съ Жоресомъ яснѣе всего обнаруживаетъ ея собственную принципіальную половинчатость. Съ ослѣпленіемъ, которое уже трудно *не* считать добровольнымъ (по крайней мѣрѣ, со стороны извѣстной ея части), она стремится примирить непримиримое — соединить министеріализмъ Жореса и товарищей, безъ которыхъ „партія" фактически не можетъ существовать, съ пролетарской тактикой. Подобно мольеровской свахѣ, она обѣщаетъ повѣнчать султана съ венеціанской республикой.

Въ погонѣ за своей фантастической цѣлью она дала правому крылу два генеральныхъ сраженія, въ Бордо и въ Сентъ-Этьеннѣ. Оба раза она была разбита. Пустяки! Искатели квадратуры круга и философскаго камня не останавливаются передъ парой неудачъ. Впрочемъ, она себя не считаетъ разбитой — особенно послѣ Сентъ-Этьенна. Послѣ Бордо она, по крайней мѣрѣ, ворчала по поводу своего пораженія; послѣ сентъ-этьеннскаго пораженія она торжествуетъ побѣду — „battue et contente".

За фантастическую цѣль невозможно бороться цѣлесообразными средствами: къ фантастической цѣли не приведетъ никакое средство. Въ этой тавтологіи разгадка призрачной борьбы оппозиціи.

Въ Бордо она боролась за исключеніе Мильерана изъ партіи, ожидая отъ своего успѣха пролетарскаго возрожденія Ф. С. П. Напрасно Мильеранъ и его откровенные приверженцы тамъ безспорно доказали, что его самые скандальные, съ соціалистической точки зрѣнія, вотумы не что иное, какъ логическое слѣдствіе всей министеріалистской основы партіи. Напрасно Жоресъ, сначала лавировавшій между Мильераномъ и оппозиціей, вынужденъ былъ, въ концѣ концовъ, открыть свои карты и на собственныхъ плечахъ вынести Мильерана изъ опасной свалки. Оппозиція не прозрѣла. Послѣ Бордо изъ Ф. С. П. выступили лишь двѣ федераціи и нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Не прозрѣла оппозиція и черезъ годъ, послѣ того какъ вся фракція или ея большинство съ Жоресомъ во главѣ провинились въ такихъ же позорныхъ вотумахъ, какъ прежде одинъ Мильеранъ. Это фантастическое подтвержденіе мильерановской аргументаціи въ Бордо, выводившей необходимость антипролетарской и антисоціалистической тактики фракціи изъ министеріализма, не раскрыло оппозиціи глазъ. Она продолжала гнаться за однимъ Мильераномъ, борьбу же противъ всей фракціи она повела не на почвѣ принциповъ, а на почвѣ пересмотра устава.

Объ исключеніи Мильерана сенской федераціей, происшедшемъ не задолго до сентъ-этьеннскаго конгресса, „Искра" уже писала. Напомню только, что Мильеранъ былъ пойманъ на сравнительно невинномъ вотумѣ, и пойманъ потому, что онъ въ данномъ случаѣ провинился *одинъ*. Та же сенская федерація спокойно проглотила гораздо худшіе вотумы Мильерана и другихъ, стоящихъ подъ ея „контролемъ" парижскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, единственный случай примѣненія федеральнаго контроля надъ депутатомъ, какъ нельзя ярче подтверждаетъ общее правило полнаго отсутствія контроля. Но и это исключеніе изъ правила было возможно только потому, что сенская федерація является центромъ оппозиціи. Черезъ посредство этой федераціи оппозиція просто взяла реваншъ за свое бордоское пораженіе, — реваншъ ребяческій, поскольку она вѣрила и если она вѣрила вмѣстѣ съ древними евреями въ магическую силу изгнанія въ пустыню козла отпущенія въ цѣляхъ искупленія всѣхъ грѣховъ Израиля, — реваншъ постыдный, лицемѣрный, поскольку она разсчитывала исключеніемъ Мильерана отвести глаза извѣстной части рабочихъ... Впрочемъ, изгнанный въ пустыню Мильеранъ чувствуетъ себя тамъ вовсе не одинокимъ. Цѣлый рядъ партійныхъ группъ вотировалъ ему адресы сочувствія, довѣрія, преданности и преклоненія. Федерація Шаронскаго департамента и группа гор. Рошфора чествовали исключеннаго на публичныхъ собраніяхъ, на которыхъ онъ, по ихъ приглашенію, произнесъ „соціалистическую" рѣчь.

Какъ бы то ни было, рѣшеніе сенской федераціи, а главное, отказъ Мильерана отъ апелляціи къ конгрессу избавили сентъ-этьеннскіе дебаты отъ новаго пережевыванія личнаго вопроса. Оппозиція могла перенести борьбу на болѣе широкую почву. Но борьба отъ этого отнюдь не стала глубже, такъ какъ она велась исключительно на почвѣ пересмотра устава.

Уставъ, нормирующій форму партійной организаціи и взаимное отношеніе ея частей, — вещь, несомнѣнно, важная. Но, какъ я уже замѣтилъ, не уставъ опредѣляетъ внутренній характеръ партій, а наоборотъ. О партійномъ уставѣ можно сказать то же, что Фердинандъ Лассаль сказалъ о „сущности конституціи". И далѣе, отношеніе между „писанымъ" и „дѣйствительнымъ" уставомъ такое же, какъ отношеніе между „писаной" и „дѣйствительной" конституціей. Идеальнѣйшая конституція превратится въ мертвую букву, если она не является выраженіемъ реальнаго взаимоотношенія общественныхъ силъ — точно также превосходнѣйшій партійный уставъ останется на бумагѣ, если онъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному характеру партіи, ея цѣлямъ, принципамъ и тактикѣ, реальному соотношенію силъ входящихъ въ нее элементовъ.

Мы уже видѣли, что такое турскій уставъ, писаный и дѣйствительный. Въ основѣ своей онъ былъ приноровленъ къ дѣятельности партіи, которая болѣе или менѣе скрыто подмѣнила пролетарскую точку зрѣнія сотрудничествомъ классовъ. Постоянный союзъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, — короче, министеріализмъ (съ соціалистическимъ министромъ или безъ него, все равно) есть отрицаніе самостоятельной и единой классовой политики пролетаріата. Онъ, поэтому, несовмѣстимъ и съ организаціонной формой этой политики — съ единой, крѣпко сплоченной партіей, въ которой общепартійныя функціи, реализующія общеклассовые интересы пролетаріата, необходимо должны быть централизованы. Отсюда, во-первыхъ, освященная турскимъ уставомъ федералистическая разрозненность партіи и, въ связи съ этимъ, преобладаніе мѣстнаго надъ общимъ. Отсюда, во-вторыхъ, низведеніе партійнаго конгресса, этой, по буквѣ устава, высшей инстанціи партіи, на роль безсильной швейцарской Tagsatzung (сейма) стараго времени, превращеніе его въ собраніе представителей суверенныхъ федерацій, мало интересующихся или вовсе не интересующихся общепартійными дѣлами. Отсюда, въ-третьихъ, низведеніе общаго, исполнительнаго и руководящаго учрежденія партіи до положенія „почтоваго ящика". Отсюда, въ-четвертыхъ, раздробленіе важнѣйшей (при западно-европейскихъ, а особенно французскихъ условіяхъ) партійной функціи, контроля надъ депутатами, между отдѣльными федераціями, — раздробленіе, равносильное полному уничтоженію всякаго контроля. Отсюда, наконецъ, и суверенное, безконтрольное положеніе парламентской фракціи, — болѣе того, ея фактическое господство надъ партіей.

Это послѣднее, чисто буржуазное, увѣнчаніе зданія жоресистской партіи является, такимъ образомъ, лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ внутренняго обуржуазенія Ф. С. П. и принаровленнаго къ нему организаціоннаго строительства. И властныя требованія министеріалистской основы всей партіи, какъ мы видѣли, свели на нѣтъ даже тѣ немногія слабенькія гарантіи, которыми составители турскаго устава — одни искренне и легковѣрно, другіе лицемѣрно — разсчитывали отмежеваться отъ организаціонныхъ или дезорганизаціонныхъ формъ буржуазныхъ партій.

Ясно, стало быть, что новая попытка оппозиціи возродить партію путемъ пересмотра устава, въ сущности, не далеко ушла отъ ея прошлогодней попытки оздоровить партію посредствомъ исключенія Мильерана. Въ Бордо она смѣшивала личный вопросъ съ вопросомъ политическимъ; въ Сентъ-Этьеннѣ она отождествляла форму съ содержаніемъ, организацію партіи съ ея внутреннимъ характеромъ.

Этого мало. Оппозиція не додумала до конца даже своей узко уставной цѣли. Рѣшивъ бороться противъ слѣдствія, не касаясь причины, она и въ борьбѣ противъ слѣдствія остановилась на поверхности. Въ ея новомъ проектѣ устава федералистически разрозненная основа организаціи осталась неприкосновенною. Перестройку организаціоннаго зданія она начала съ крыши. Важнѣйшій пунктъ новаго устава вручалъ „общее политическое руководство" партіей, въ промежуткахъ между конгрессами, интерфедеральному комитету. Таковъ текстъ этого пункта. Смыслъ же его болѣе скромный, такъ какъ общее руководство партійной дѣятельностью было бы покушеніемъ на суверенитетъ федерацій, о чемъ никто и думать не хотѣлъ. Новая крыша въ дѣйствительности была только кусочкомъ крыши. Оппозиція хотѣла залатать лишь наиболѣе скандальную прорѣху партійнаго зданія — она мѣтила только въ суверенное, безконтрольное хозяйничаніе фракціи.

На этомъ-то пунктѣ и сосредоточились дебаты конгресса.

Правое крыло, съ депутатами Жоресомъ, Бріаномъ, Руанэ и Девиллемъ во главѣ, безъ труда доказало, что превращеніе интерфедеральнаго комитета въ руководящій центръ партіи противорѣчитъ, какъ реальному соотношенію силъ между комитетомъ и фракціей, такъ и федералистической основѣ организаціи, признаваемой самими новаторами.

Фракція, говорилъ Жоресъ, опирается на силу всеобщаго избирательнаго права, т. е. на самый могущественный факторъ во Франціи, такъ какъ французскій пролетаріатъ, дескать, уже въ своей колыбели, въ Великой Революціи, нашелъ вѣру въ единоспасающую силу всеобщаго избирательнаго права. И въ Сентъ-Этьеннѣ не нашлось, разумѣется, никого, кто раскрылъ бы несостоятельность жоресовской аргументаціи, подмѣнивающей революціонную борьбу французскаго пролетаріата борьбой за парламентскіе мандаты и подмѣнивающей, далѣе, самостоятельную парламентскую борьбу соціалистическихъ депутатовъ ихъ постояннымъ союзомъ съ буржуазно-демократическими фракціями... Въ противоположность всесильной фракціи, аргументировалъ Жоресъ дальше, интерфедеральный комитетъ не имѣетъ за собой никакой реальной силы: ни избирательнаго права, ни экономической организаціи пролетаріата, ни революціонной силы въ смыслѣ баррикадной борьбы. Словомъ, Жоресъ превосходно доказалъ, что въ министеріалистской партіи фракція — все, а главный комитетъ партіи — ничто, такъ какъ онъ за собой никакой партіи въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. *единой политической организаціи*, не имѣетъ, — что это такъ есть и такъ должно быть. — Бріанъ, по своему обыкновенію, демагогически наигрывалъ на стрункѣ суверенитета федерацій: руководящій комитетъ есть, молъ, грядущая диктатура, которая убьетъ самостоятельность федерацій и возвратитъ партію къ тѣмъ страшнымъ временамъ, когда гедисты и бланкисты, составлявшіе большинство въ „генеральномъ комитетѣ“ (объединенной соціалистической партіи, въ 1899 1900 гг.) тиранили бѣдныхъ депутатовъ. — Руанэ предостерегалъ федерацію отъ тиранніи парижанъ, которые по прежнему будутъ господствовать въ комитетѣ, благодаря подставнымъ делегатамъ: спорный пунктъ устава отдаетъ-де партію въ руки „революціоннаго меньшинства“ изъ среды столичной молодежи. — Девилль говорилъ наиболѣе откровенно: въ полномъ согласіи съ буржуазными понятіями, онъ прямо отрицалъ за какой бы то ни было партійной организаціей право на контролированіе депутатовъ, ибо депутатъ связанъ „договоромъ“ съ одними избирателями, т. е. съ неорганизованной массой. Забывая, что федеративный контроль все же начертанъ въ *старомъ* уставѣ (забывчивость вполнѣ естественная!), онъ настаивалъ, далѣе, чтобы пунктъ о контролѣ, во всякомъ случаѣ, не получилъ „обратнаго дѣйствія“ по отношенію къ до сихъ поръ выбраннымъ депутатамъ, такъ какъ это было бы нарушеніемъ ихъ „договора“ съ избирателями...

Лѣвая парировала критику правой, какъ умѣла, т. е. очень слабо. Ея однобокая, непослѣдовательная позиція заранѣе обезоружила ее. Она критиковала отдѣльные вотумы фракціи и другія нарушенія принциповъ и дисциплины со стороны отдѣльныхъ депутатовъ, но ни словомъ не коснулась первой причины всего зла — министеріализма! Впрочемъ, наиболѣе позорнаго вотума въ дебатахъ о вооруженномъ нападеніи полиціи на парижскую Биржу Труда — не упомянулъ никто! Она охала по поводу вѣчнаго раздѣленія фракціи при важныхъ голосованіяхъ, но умолчала объ основѣ этой анархіи — преобладаніи въ самой „партіи“ мѣстныхъ интересовъ надъ общими и преобладаніи въ средѣ фракціи личныхъ заботъ о сохраненіи мандата надъ соображеніями принціпіальными. Да и то сказать, въ виду свирѣпаго министеріализма вожаковъ фракціи, единство голосованій было бы чаще всего единствомъ въ позорѣ... Ренодель и Жанъ Лонгэ, наиболѣе выдающіеся представители лѣвой, ухитрились далѣе взывать къ классовой борьбѣ и обходить молчаніемъ постоянный союзъ съ буржуазными партіями, или же (рѣчь Лонгэ) ограничиться слабымъ намекомъ на необходимость держаться золотой средины между слѣпой любовью къ министерству и равнодушіемъ къ нему.

Въ организаціонной области оппозиція сама чувствовала свою слабость, отлично зная, что висящій въ воздухѣ и некомпетентный по своему составу, интерфедеральный комитетъ съ фракціей помѣряться не можетъ. И она начала борьбу за пересмотръ устава прямо заявленіемъ о готовности на... компромиссъ: вѣрный способъ свести на нѣтъ даже частичную, поверхностную цѣль ея поверхностной борьбы. Въ результатѣ она достигла компромисса, который далъ ей фантомъ ея частичной, поверхностной цѣли, фантомъ фантома.

Интерфедеральный комитетъ остается на старомъ положеніи „почтоваго ящика“. Для общаго же политическаго руководства партіей, — точнѣе, фракціей, созданъ нигдѣ невиданный новый органъ, „Національный Совѣтъ“, который собирается не меньше трехъ разъ въ годъ, а именно, наканунѣ каждой парламентской сессіи. Совѣтъ состоитъ изъ *всѣхъ* членовъ интерфедеральнаго комитета и — подлежащей руководству — фракціи, въ общей сложности уже теперь изъ 60-70 членовъ! Нечего говорить, что фракціи заранѣе обезпечено большинство въ Совѣтѣ: при приблизительномъ численномъ равенствѣ съ комитетомъ, фракція имѣетъ за себя часть самого комитета, тогда какъ ни одинъ изъ депутатовъ „своихъ не выдастъ“. (Напомню, что фракція до конгресса *единогласно* вотировала противъ всякаго пересмотра устава). Далѣе. Парадный Національный Совѣтъ не въ силахъ былъ бы помѣшать антисоціалистической дѣятельности фракціи даже въ томъ случаѣ, если бы лѣвая была тамъ въ большинствѣ. Вѣдь ни одинъ конгрессъ ни словомъ не высказался противъ министеріализма фракціи. По этой же причинѣ Совѣтъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы устранить тройного раздѣленія фракціи при голосованіяхъ. За то онъ можетъ уничтожить и тѣ жалкіе зародыши партійнаго контроля надъ фракціей, каковыми является оппозиціонная критика на конгрессахъ. Прикрываясь авторитетомъ Національнаго Совѣта, въ которомъ, кстати, будутъ самодовольно засѣдать всѣ вожаки оппозиціи, фракція заткнетъ ротъ всякому критику, буде еще найдется такой смѣльчакъ. Наконецъ, Совѣтъ, вообще, долженъ свести къ нулю значеніе ежегоднаго конгресса. По своей численности, онъ уже сейчасъ очень мало уступаетъ конгрессу, авторитетъ же этого трижды въ годъ засѣдающаго конгрессообразнаго учрежденія будетъ гораздо выше, въ виду его болѣе квалифицированнаго состава.

Общій итогъ Сентъ-Этьенна: законнаго партійнаго правительства нѣтъ по прежнему; тайное правительство — фракція укрѣпила и узаконила свою узурпированную власть подъ пышнымъ покрываломъ „Національнаго Совѣта“; законодательный органъ партіи — конгрессъ — превращенъ въ блѣдную копію своего ставленника... И эту злую каррикатуру на свои новаторскія стремленія оппозиція привѣтствуетъ, какъ побѣду! Никогда еще одураченные не были такъ самодовольны, не давались въ обманъ съ такой радостью, какъ оппозиція въ Сентъ-Этьенѣ.

Послѣ этого всѣ ея поклоны въ сторону революціоннаго соціализма оказываются въ лучшемъ случаѣ забавнымъ недоразумѣніемъ. Въ Сентъ-Этьеннѣ она снова вздыхала по „объединенію“ съ революціонно-соціалистической партіей, съ „Соціалистической Партіей Франціи“. Но дѣйствовала она такъ, что трудно объяснить ея поведеніе иначе, чѣмъ боязнью разрыва съ Жоресомъ и товарищами, боязнью, которая является другой стороной ея нежеланія примкнуть къ партіи Геда и Вальяна.

До сихъ поръ можно было говорить о двухъ теченіяхъ въ жоресистской партіи. Теперь слѣдуетъ признать, что разница между правымъ и лѣвымъ крыломъ сводится къ разницѣ между послѣдовательными, сознательными и непослѣдовательными, безсознательными министеріалистами.

Вожаки лѣвой сами объясняютъ свою тактику за послѣдніе два года необходимостью работать надъ пролетарскимъ возрожденіемъ жоресистской партіи изнутри, ибо только такимъ путемъ возможно, молъ, подготовить объединеніе всего французскаго соціализма. Но, что бы они не думали о своей роли, объективный фактъ таковъ: своимъ, якобы пролетарскимъ, флагомъ они покрываютъ гнилой товаръ буржуазнаго соціализма и тѣмъ задерживаютъ объединеніе всѣхъ политически организованныхъ силъ рабочаго класса подъ знаменемъ пролетарскаго, революціоннаго соціализма.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Первый натискъ японцевъ на Портъ-Артуръ, первое пораженіе русскихъ въ восточныхъ водахъ было неожиданностью только для русскихъ офицеровъ, кутившихъ въ эту ночь на балу, и для русскихъ политиковъ, которые никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы японцы посмѣли вступить въ борьбу съ сѣвернымъ исполиномъ. Несмотря на то, что „Сѣверно-телеграфное Агентство“, подкупленое русскимъ правительствомъ, разсылало лживыя и успокоительныя сообщенія, оповѣщавшія о мирныхъ намѣреніяхъ русскаго царя и имѣвшія цѣлью создать настроеніе въ пользу Россіи и разубѣдить всѣхъ въ возможности войны между Россіей и Японіей, — въ Австріи для всѣхъ было ясно, что война неминуема. И когда она разгорѣлась, печать не замедлила выразить свои симпатіи Японіи и свое пожеланіе, чтобы она вышла побѣдительницей въ борьбѣ съ русскимъ абсолютизмомъ. Почти всѣ газеты подчеркивали ту мысль, что въ русско-японской войнѣ онѣ усматриваютъ борьбу не двухъ народовъ или двухъ расъ, а борьбу культурнаго восточнаго народа, отстаивающаго свои насущныя потребности, съ ненасытнымъ русскимъ самодержцемъ, добивающимся Манджуріи только для того, чтобы она, какъ выразился одинъ русскій генералъ, „ослѣпительнымъ діамантомъ сверкала въ его коронѣ“. Въ этомъ же смыслѣ высказалось въ лицѣ своихъ выдающихся дѣятелей и все либерально-демократическое населеніе. Извѣстный вѣнскій юристъ Офнеръ, депутатъ парламента и членъ радикальной партіи соціаль-политиковъ, заявилъ на одномъ собраніи: „пораженіе принесетъ россійскимъ народамъ свободу, а обновленная Россія, я увѣренъ, дастъ современной международной политикѣ другое направленіе...“

Иначе смотритъ на это дѣло та часть австрійскихъ славянъ, которыхъ безумная политика нѣмецкихъ націоналистовъ-шовинистовъ толкнула въ объятія русскаго самодержца. Не имѣя собственныхъ силъ для борьбы съ нѣмцами, они по наивности своей надѣятся на „добрую славянскую душу“ русскаго царя, который въ одинъ прекрасный день совершитъ походъ на нѣмечину и освободитъ подъяремныхъ славянъ. Въ своемъ ослѣпленіи эти славяне не замѣчаютъ гнета, подъ которымъ находятся ихъ собратья въ Россіи. А надежда на мягкую, „славянскую“ душу русскаго царя, не мѣшающую ему давить Польшу и притѣснять малороссовъ, можетъ вызвать лишь улыбку на лицѣ трезваго человѣка. Эти-то славяне рѣшили демонстративно выразить свои симпатіи Россіи. Они устроили въ церкви русскаго посольства въ Вѣнѣ богослуженіе о „ниспосланіи побѣды русскому воинству“.

Я видѣлъ ихъ, когда они шли въ церковь. Жалкое впечатлѣніе производила эта кучка панславистовъ во главѣ со своимъ лидеромъ, Д. Вергуномъ, котораго два года тому назадъ съ такимъ трескомъ освистали кіевскіе студенты. Провожаемая улыбками, насмѣшками и далеко недвусмысленными замѣчаніями относительно ея политической зрѣлости и сознательности, группа эта по окончаніи богослуженія выстроилась предъ зданіемъ русскаго посольства и пропѣла русскій гимнъ. Продѣлавъ то же самое предъ зданіемъ французскаго посольства, манифестанты послали въ московское славянское общество отъ имени *всѣхъ австрійскихъ славянъ* телеграмму съ выраженіемъ симпатій русскому самодержцу и съ пожеланіемъ одержать побѣду надъ „коварнымъ японцемъ“. Радикальная и соціалистическая славянская молодежь возмутилась дерзкимъ поступкомъ этихъ неправозванныхъ представителей славянъ и рѣшила высказать и свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ. Черезъ три дня собрались они съ вѣнскими организованными рабочими въ одномъ ресторанѣ и тамъ подвергли рѣзкой критикѣ какъ лакейскія выходки австрійскихъ панславистовъ, такъ и русскій абсолютизмъ, который однимъ росчеркомъ пера вверіъ русскій народъ во всѣ бѣдствія кровопролитной войны.

Залъ былъ переполненъ. Кромѣ славянъ — поляковъ, русиновъ, чеховъ, кроатовъ, болгаръ и сербовъ — присутствовали нѣмцы, румыны, итальянцы и евреи. Отъ имени австрійскихъ соціальдемократовъ говорилъ парламентскій депутатъ Элленбогенъ. Разъяснивъ исторію и причину возникновенія этой войны, онъ мѣткими словами охарактеризовалъ роль царизма въ Россіи, его авантюристскую политику, приведшую его нынѣ на край гибели, и закончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что русская соціальдемократія сумѣетъ использовать этотъ новый козырь (войну), который русскій абсолютизмъ далъ ей въ руки, что она навсегда очиститъ Европу отъ позорнаго пятна, отъ русскаго самодержавнаго правительства. Въ этомъ же духѣ была вынесена и резолюція. Пропѣвъ „Красное Знамя“, собравшіеся стали маленькими группами расходиться... но не домой... Всѣ рѣшили болѣе осязательнымъ образомъ выразить свой взглядъ на русскій абсолютизмъ и на русско-японскую войну...

Когда я, уходя съ собранія, подошелъ къ зданію русскаго посольства, тамъ еще никого не было. Дежурный городовой стоялъ на углу, прислонившись къ стѣнѣ. Десятый часъ вечера былъ на исходѣ. Вѣнцы собирались спать. Огни не были еще вездѣ потушены, не всѣ ворота были еще заперты. Въ помѣщеніяхъ русскаго посольства и консульства — они находятся рядомъ — свѣтло. Улица, между тѣмъ, все больше и больше оживляется. Со всѣхъ сторонъ стремится народъ. Занявъ весь троттуаръ предъ консульствомъ и посольствомъ, собравшіеся сразу огласили воздухъ криками: „Да здравствуетъ грядущая революція въ Россіи!“, „Долой русскаго самодержца!“, „Долой абсолютизмъ!“, „Да здравствуетъ миръ!“, „Да здравствуетъ русская соціальдемократія!“ и т. д. Въ консульствѣ, какъ видно, подумали, что это манифестація панславистовъ. На улицу выбѣжалъ секретарь консула. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ пожать демонстрантамъ руки и обратиться къ нимъ съ рѣчью, но раздавшійся надъ его ухомъ возгласъ: „Долой самодержавіе!“ убѣдилъ его въ противномъ и онъ, хлопнувъ калиткой, поспѣшилъ скрыться. Съ противоположной стороны улицы я ясно видѣлъ, какое смятеніе произошло въ квартирѣ консула, когда секретарь, запыхавшись, донесъ въ чемъ дѣло. Поспѣшили опустить шторы, потушить огни и убраться во внутренніе покои.

А улица, между тѣмъ, продолжала оглашаться революціонными возгласами на всѣхъ языкахъ. Кричали и по-русски. Свистъ стоялъ оглушительнѣйшій. Прохожіе останавливались и присоединялись къ демонстрантамъ. Лишь черезъ 20-25 минутъ явился нарядъ городовыхъ и сталъ разгонять демонстрантовъ.

Когда мы уже были далеко оттѣснены отъ зданія консульства, къ намъ вѣжливо обратился городовой съ просьбой разойтись и не нарушать тишины въ такую позднюю ночную пору. „Согласны!“ возразилъ на это одинъ товарищъ — русинъ. — но позвольте еще одно „ура!“ прокричать въ честь русской соціальдемократіи и „тьфу!“ русскому правительству.“ Оглянувшись и замѣтивъ, что никто изъ полицейскихъ за нами не послѣживаетъ, онъ лаконически отвѣтилъ: „Скорѣй только!“ Мы не замедлили воспользоваться этимъ любезнымъ разрѣшеніемъ и послали русскому самодержавію въ догонку еще нѣсколько проклятій. Бѣдный русскій царь! даже у австрійскихъ полицейскихъ ты вызываешь только отвращеніе!

Демонстрація произвела сильное впечатлѣніе. На слѣдующій день только о ней и говорили. Многіе рабочіе выразили сожалѣніе, что ихъ не предупредили о готовящейся демонстраціи. Митинги протеста были устроены соціальдемократами и въ другихъ австрійскихъ и венгерскихъ городахъ. Въ Краковѣ обвинительную рѣчь противъ русскаго самодержавія произнесъ Игнацъ Дашинскій, вождь польскихъ соціальдемократовъ и депутатъ парламента. Въ Прагѣ къ соціальдемократамъ присоединились радикалы и всѣ либеральныя общества.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Кіевъ. Новый годъ кіевскіе жандармы ознаменовали цѣлымъ рядомъ набѣговъ на мирныхъ обывателей. Обыску подверглись нѣсколько сотъ человѣкъ, причемъ болѣе сотни арестовано въ ночь съ 1-го на 2-ое. Эти грандіозныя неистовства жандармовъ не прекращаются до сихъ поръ. То и дѣло слышишь о все новыхъ и новыхъ арестахъ и обыскахъ.

Но всѣ эти аресты нисколько не затронули мѣстной организаціи, жизнь которой все время идетъ обычнымъ путемъ. За все время, т. е. съ начала января, мѣстный комитетъ выпустилъ слѣдующія прокламаціи: 1) „О назначеніи Клейгельса“, 2) „Война“, 3) „Кому нужна война?“, 4) „О патріотическихъ манифестаціяхъ“, 5) перепечатка о войнѣ изъ № 58 „Искры“, 6) перепечатка листка „Искры“: „Почему долженъ умирать русскій солдатъ?“, 7) листокъ „Искры“: „Война противъ войны“, 8) „Къ солдатамъ о войнѣ“, 9) „Къ студентамъ о войнѣ“, 10) „19 февраля“. Кромѣ того, три профессіональныхъ листка и о безпорядкахъ въ тюрьмѣ. Каждая прокламація выходила не менѣе, чѣмъ въ 3.000 экземпляровъ. Вся работа въ городѣ распредѣляется территоріально между пятью районами. Въ каждый районъ входитъ руководитель, пропагандисты даннаго района и сознательные организаторы и „подъ-организаторы“ (члены подгруппъ), непосредственно работающіе въ массѣ. Каждый районъ имѣетъ одну организаторскую группу и нѣсколько подгруппъ. Организаторская группа состоитъ изъ руководателя района, всѣхъ пропагандистовъ и организаторовъ. Эта группа намѣчаетъ и слѣдитъ за проведеніемъ въ жизнь всей практической работы даннаго района. Болѣе сознательная часть рабочихъ входитъ въ подготовительные кружки, которые собираются не меньше двухъ разъ въ недѣлю для бесѣдъ теоретическихъ и для обсужденій практическихъ организаціонныхъ дѣлъ. Теоретическія бесѣды ведутся по слѣдующему плану: 1) положеніе рабочихъ, 2) сущность капиталистическаго способа производства, 3) противорѣчія капиталистическаго способа производства, 4) задачи соціальдемократовъ, 5) отношеніе соціальдемократовъ къ другимъ оппозиціоннымъ фракціямъ: соціалистамъ-революціонерамъ, Бунду, „Освобожденію“. Начиная съ четвертой бесѣды, знакомятъ съ программой Р. С.-Д. Р. П., принятой вторымъ съѣздомъ Партіи. Бесѣдамъ стараются придать живой характеръ, вовлекая всѣхъ членовъ кружка въ дискуссію. Далѣе, еженедѣльно устраиваются въ районахъ по два массовыхъ собранія; нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ численностью до 100 человѣкъ. На этихъ собраніяхъ происходятъ бесѣды на злободневныя темы. Такъ были бесѣды: 1) Итоги революціоннаго движенія за прошлый годъ, 2) Что такое война вообще и настоящая русско-японская въ частности? 3) О развращеніи русскимъ самодержавіемъ народныхъ массъ (зубатовщина, еврейскіе погромы, патріотическія манифестаціи), 4) 19 февраля, 5) О первомъ марта.

На массовыхъ собраніяхъ мы стараемся отмѣтить болѣе выдающіяся силы, чтобы ближе пріобщить ихъ къ организаціонной жизни. Изъ нихъ устраиваются такъ называемыя „летучки“. Собираются „летучки“ не меньше раза въ недѣлю, и на этихъ собраніяхъ ведутся бесѣды о задачахъ соціальдемократовъ и на злободневныя темы. Теоретическія и злободневныя бесѣды служатъ цѣли углубленія движенія, а путемъ массовыхъ собраній мы выискиваемъ все большія и большія связи и такимъ образомъ стараемся расширить его. Ознакомленіе съ идеями научнаго соціализма въ принятой нами формѣ даетъ очень хорошіе результаты. Сами рабочіе сознаютъ эти результаты и выражаютъ это восторженными восклицаніями: „Теперь мы, дѣйствительно, становимся сознательными соціальдемократами!“

Агитація по поводу войны. Редакціей „Искры“ изданы листки: „Патріотическій грабежъ“, „Жертвуйте, русскіе люди!“ (оба по поводу вымогательствъ „добровольныхъ пожертвованій“), „Правдивое слово министра“ (по поводу заявленія мин. фин. Коковцева объ ожидаемомъ приливѣ пожертвованій въ сберегательныя кассы) и „Зачѣмъ нужны еврейскіе погромы?“ (по поводу анти-еврейской агитаціи „патріотовъ“). **Одесскимъ Ком.** — „Послѣдній козырь самодержавія“ (8.000 экз.). **Харьковскимъ Ком.** переизданъ листокъ „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?“ **Екатеринославск. Ком.** перепечатаны листки: Ц. К-та „Къ россійскому пролетаріату“ и листокъ „Искры“ „За что долженъ умирать русскій солдатъ?“; **Нижегородскимъ Ком.** 1) „Война съ Японіей“, 2) „Къ гражданамъ“ — о войнѣ, 3) „Война противъ войны“ (лист. „И.“), 4) „За что долженъ умирать русскій солдатъ?“, 5) „Къ сормовскимъ рабочимъ“ — о вычетахъ въ пользу Краснаго Креста; **Томскимъ Ком.** „Полицейскій патріотизмъ“; **Сибирскимъ Союзомъ** „Ко всѣмъ рабочимъ Сибири“ (объ объявленіи войны). Объ изданіяхъ **Кіевскаго Ком.** см. въ особой замѣткѣ. Въ **Харбинѣ** (Манджурія) распространенъ листокъ **Читинскаго Ком.** о войнѣ.

Вышли изданія: Центральнаго Комитета „Ко всѣмъ гражданамъ“ (январь 1904 г.), **„Искры“** „Кто долженъ быть самодержцемъ Россіи?“ (листовка); **Кавказскаго Союза** № 5 6 „Борьбы пролетаріата“ (на армян. яз.); **Харьковскаго Ком.** „Къ обществу“ (о тюремныхъ ужасахъ); **Тверского Ком.** — листокъ къ рабочимъ Франко-русс. завода; **Екатеринославскаго Ком.** — отчетъ комитета за окт. 1903 — янв. 1904 г. и листокъ „Къ обществу“ — по поводу арест. въ январѣ; **Одесск. Ком.** „19 февраля 1861 — 1 марта 1881“ (въ 6.000 экз.); **Нижегородск. Ком.** №№ 5 и 6 „Нижегород. рабочаго листка“. Вышли: № 3 „Разсвѣта“ и „Резолюція товарищескаго третейскаго суда по обвиненію тов. Гусева и тов. Дейчемъ“.

(Продолженіе отдѣла „Изъ Партіи“ см. въ приложеніи).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Н. Ф. Анненскому предложили въ 24 часа закончить всѣ свои дѣла и выѣхать въ Ревель. Н. Ф. отказался, указывая, что у него на рукахъ такъ много дѣлъ, что окончить ихъ въ 24 часа невозможно; тогда его перевели изъ дома Предварительнаго заключенія въ Крестъ, гдѣ онъ будетъ сидѣть, по слухамъ, долго. **Николаевъ.** Въ ночь съ 8 на 9 марта взята типографія, при ней 4 человѣка. Сверхъ того взяты братъ и сестра Соколовскіе, супруги Бовшевѣровы, рабочій Я. Зивъ и мн. др. **Харьковъ.** Въ началѣ марта арест. быв. студ. Ив. Лазаревъ, студ. Л. Жбанковъ, Л. Розенфельдъ, врачъ Влад. Обувъ, Лидія Огрошенко, курс. Александра Гусарова и др. **Таганрогъ.** Здѣсь арестованъ Александръ Скрынниковъ, репортеръ „Донской Рѣчи“. У него взятъ какой-то рабочій. **Ростовъ н.Д.** Арест. нѣкая Сигида съ $4^1/_2$ п. литературы соц.-рев. Здѣсь во время разбрасыванія прокламацій арест. 3 раб. **Юзовка.** Арест. собраніе въ 12 чел. **Бердянскъ.** Арест. 20 рабочихъ. **Батумъ.** Въ ноябрѣ 1903 г. изъ минной роты Черноморскаго полка былъ арест. рядовой Архипъ Яшвили, котораго подозрѣвали въ распространеніи нелегальной литературы въ войскахъ. Жандармы заключили его въ гауптвахту, но черезъ 7 дней смѣлый солдатъ-революціонеръ перепилилъ рѣшетку и убѣжалъ. Въ ту же ночь убѣжали 4 солдата изъ той же роты, которыхъ хотѣли арестовать за распространеніе литературы. **Нижній-Новгородъ.** 26-27 фев. арестованы садоводъ Лазаревъ и Тихомировъ.

Бѣжали: изъ В. Сиб. и благополучно прибыли заграницу: Агаревъ (по дѣлу Харьк. Ком.) и А. Кузнецова (по Кіевск. дѣлу „Искры“); изъ Холмогоръ, Арх. губ. — раб. Моравскій (Харьк. с.-д. дѣло).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Берлинскимъ представителемъ Лиги З. Р. Р. С.-Д. получено черезъ Днѣпрова: съ предпріятія — 160 м. 30 пф., отъ М. Д. — 10 м., изъ кассы — 15 м. Черезъ него-же ранѣе получено: отъ л.-гв. гусарскаго полка штабъ-офицера (по поводу И.) — 115 м., отъ Рюрика — 5 м., отъ Саврасика — 3 м., Z — 3 м., портреты — 1 м. 50 пф.

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Приложеніе къ № 62 „Искры“.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Резолюція Батумскаго Комитета, одобренная также **Гурійскимъ Комитетомъ** сельскихъ рабочихъ:

„Съ глубокимъ прискорбіемъ Комитетъ узналъ, что партійная „смута“ вступила въ новый, еще болѣе трудный фазисъ развитія. Батумскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, будучи не посвященъ во всѣ тонкости происходящей полемики между различными группами Партіи, констатируетъ особенную необходимость въ объединеніи именно теперь, въ виду чрезвычайно важныхъ для Партіи событій на Дальнемъ Востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ выражаетъ свое *полное довѣріе* Ц. К. Партіи и смѣло можетъ заявить, что никакого „бюрократизма“, „формализма“ etc. въ его дѣятельности не примѣчалъ, а лишь вполнѣ товарищеское отношеніе, чѣмъ, въ свою очередь, и Комитетъ отвѣчалъ.

Что же касается Ц. О., то довѣріе къ нему у Комитета поколебалось послѣ его (Ц. О.) отношенія къ съѣзду и Ц. К. Партіи. Посему Комитетъ единогласно выражаетъ желаніе объ изъятіи со столбцовъ „Искры“ *всякой полемики* съ Ц. К. и другими законными учрежденіями Партіи, а равно о сохраненіи старыхъ „*непримиримыхъ*“ тенденцій „Искры“, что и стяжало ей такую огромную славу. Пусть Ц. О. серьезно отнесется къ происходящимъ въ Россіи событіямъ и тогда смѣло откажется отъ ненужной и оскорбляющей всякаго партійнаго дѣятеля полемики съ центральными учрежденіями Партіи, памятуя, что этимъ срубается то дерево, на которомъ сидитъ вся Партія.“

Отъ ред. Мы очень желаемъ „сохранить старыя непримиримыя тенденціи“ въ отстаиваніи принциповъ революціонной соціальдемократіи, но какъ быть, если именно такая непримиримость обяжетъ насъ къ полемикѣ... съ однимъ изъ законныхъ учрежденій Партіи?

Резолюція Астраханскаго Комитета.

Ознакомившись съ постановленіями съѣзда, съ заявленіемъ редакціи — съ одной стороны, и съ письмомъ тов. Ленина съ другой, мы, за недостаткомъ матеріаловъ и неполученіемъ до сихъ поръ копій протоколовъ съѣзда, воздерживаемся пока отъ выраженія нашего взгляда на сущность направленія, усвоеннаго новой редакціей „Искры“, и заявляемъ, что находимъ въ дѣйствіяхъ редакціи полное пренебреженіе къ постановленіямъ съѣзда и недозволительную агитацію, имѣвшую цѣлью сведеніе на нѣтъ всей работы съѣзда. Неисполненіе постановленій съѣзда выразилось, прежде всего, въ произвольномъ измѣненіи числа членовъ и состава редакціи, вопреки ясно выраженному желанію съѣзда, который къ тому же обсуждалъ и не принялъ предложенія меньшинства членовъ съѣзда. Оно выразилось затѣмъ въ совершенно неслыханномъ давленіи на нѣкоторыхъ членовъ большинства, имѣвшемъ цѣлью добиться осуществленія своихъ желаній не путемъ открытаго и единственно законнаго отстаиванія своихъ мнѣній. Мы считаемъ такіе пріемы совершенно недопустимыми и вводящими полнѣйшую дезорганизацію въ дѣятельность партіи. Съ этой точки зрѣнія, мы не только протестуемъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ поведенія меньшинства участниковъ съѣзда, но и считаемъ образъ дѣйствій тов. Плеханова, не выказавшаго достаточной твердости въ исполненіи постановленій съѣзда, неправильнымъ. Мы полагаемъ, затѣмъ, что тов. Ленину, несмотря на всю тяжесть его положенія, не слѣдовало покидать своего мѣста, такъ какъ было бы лучше, чтобы выходъ „Искры“ временно вовсе пріостановился, лишь бы не вносить началъ дезорганизаціи и произвола въ дѣятельность партіи. Мы полагаемъ, что т. Плехановъ и Ленинъ должны были во что бы то ни стало исполнить постановленія съѣзда, если бы даже пришлось для этой цѣли отказаться отъ работы старыхъ сотрудниковъ. Мы полагаемъ затѣмъ, что предоставленіе редакціи права приглашать членовъ въ редакцію ни въ какомъ случаѣ не должно выражаться въ формѣ кооптаціи нѣсколькихъ членовъ однимъ тов. Плехановымъ, ибо тогда теряетъ всякое значеніе постановленіе съѣзда о томъ, что такое приглашеніе должно быть единогласно (вѣдь не каламбурами же занимался съѣздъ). Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что съѣздъ не замѣнилъ тов. Мартова, вслѣдъ за его отказомъ отъ участія въ редакціи, и, такимъ образомъ, поставилъ тов. Плеханова и Ленина въ тяжелое положеніе. Мы удивляемся затѣмъ заявленію редакціи, что, добившись недозволительными пріемами предоставленія большинства мѣстъ въ совѣтѣ для меньшинства, она даетъ обѣщаніе не пользоваться создавшимся, такимъ образомъ, преимуществомъ для подавленія мнѣнія представителей большинства. Мы полагаемъ, что центральныя учрежденія партіи должны представлять изъ себя такую среду, гдѣ увѣренія въ исполненіи примитивныхъ правилъ порядочности не должны имѣть мѣста[1]. Столь же неумѣстными кажутся намъ и прочія обѣщанія меньшинства. Въ виду сказаннаго, мы требуемъ: 1) точнаго исполненія постановленій второго съѣзда съ возстановленіемъ числа и состава лицъ, избранныхъ съѣздомъ въ составъ редакціи Ц. О.; 2) устраненія изъ состава редакціи Ц. О. всѣхъ, которые не пожелаютъ и впредь подчиняться постановленіямъ съѣзда; 3) прекращенія непроизводительной затраты силъ и средствъ партіи на расходы по агитаціи меньшинства (*Примѣчаніе.* Требованіе это выставлено, въ виду заявленія редакціи о присылкѣ своего делегата[2]). 4) опубликованія какъ настоящаго заявленія, такъ и всѣхъ заявленій, поступавшихъ раньше.

Резолюція Николаевскаго Комитета.

Николаевскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. привѣтствуетъ второй очередной съѣздъ, завершившій дѣло фактическаго объединенія Партіи, давшій ей общую программу, положившій въ основу партійной работы и партійнаго строительства идею строгой централизаціи, выработавшій организаціонный уставъ и избравшій центральныя учрежденія Партіи. Считая нормальный укладъ партійной жизни лучшимъ условіемъ для учитыванія и разрѣшенія всѣхъ возникающихъ внутри Партіи разногласій и необходимымъ условіемъ плодотворной, положительной партійной работы, Николаевскій Комитетъ Партіи заявляетъ свое лойяльное отношеніе къ выбраннымъ партійнымъ центральнымъ учрежденіямъ.

Порицая партійное „меньшинство“ за его непартійныя дѣйствія и дезорганизаціонную тактику внутри Партіи и призывая его выяснить и обосновать свою основную точку зрѣнія и свое разногласіе съ „большинствомъ“ въ рамкахъ, предоставляемыхъ всѣмъ партійнымъ работникамъ организаціоннымъ уставомъ Партіи, призывая „меньшинство“ оставить свою враждебную и дезорганизаціонную позицію, Николаевскій Ком. Партіи выражаетъ полное свое довѣріе Ц. К. и объявляетъ полную готовность всѣми силами способствовать водворенію въ Партіи „добраго мира“. Вмѣстѣ съ этимъ, Комитетъ выражаетъ свое пожеланіе, чтобы была дана широкая возможность сторонникамъ, какъ большинства, такъ и меньшинства, выяснять на страницахъ партійной печати свою точку зрѣнія.

Резолюція принята шестью изъ семи членовъ Комитета. Седьмой членъ не присоединился, но особаго мнѣнія не представилъ, выйдя изъ Комитета. Два члена присоединили къ резолюціи особое мнѣніе:

„Два члена комитета считаютъ необходимымъ и устно отстаивали важность вставить во второмъ абзацѣ передъ „порицая“ слово „рѣзко“, мотивируя это тѣмъ, что дѣйствія „меньшинства“ были рѣзки, рѣзко кричали о себѣ въ такой въ высшей степени важный, исключительный моментъ жизни Партіи, какъ реальная возможность имѣть, наконецъ, фактически единую Партію“.

Общее отношеніе къ позиціи „меньшинства“ выразилось въ двухъ слѣдующихъ резолюціяхъ:

I. „Предложеніе двухъ членовъ комитета вынести резолюцію, отрицательную къ принципіальнымъ взглядамъ „меньшинства“, а также къ характеру, который приняла „Искра“ въ статьяхъ: „Чего не дѣлать“ (№ 52), „Нашъ съѣздъ“, въ примѣчаніи къ письму тов. Ленина, ст. „Нѣчто объ экономизмѣ и экономистахъ“ (№ 53), и къ позиціи, занятой настоящей редакціей Ц. О. въ письмѣ, разосланномъ по нѣкоторымъ комитетамъ, — было отклонено большинствомъ четырехъ голосовъ противъ двухъ, въ виду невозможности вынести въ настоящее время по этому поводу опредѣленное сужденіе.“

II. Мнѣніе двухъ членовъ М. и П. „Имѣя въ виду принципіальную позицію „меньшинства“, поскольку она нашла себѣ выраженіе на страницахъ „Искры“, а особенно въ „подпольной“ литературѣ (письмо Дана и „Еще разъ въ меньшинствѣ“ Мартова) и проявляющіяся на практикѣ стремленія разобщить Ц. О. и Ц. К., въ отстаиваніи компромисснаго характера Ц. К., въ возвращеніи ко взгляду Р. Д. и „Credo“ о вредѣ „главенства теоріи надъ практикой“, въ извращеніи идеи централизма и въ стремленіи создать организацію, не гарантирующую ортодоксальносоціальдемок. характера партійной работы, въ проповѣди (не разобрано) примирительнаго отношенія къ тѣмъ элементамъ, главное содержаніе работы которыхъ заключалось и заключается въ борьбѣ противъ основныхъ началъ революціонной соціальдемократіи (см. листокъ возродившагося Петербургскаго Союза[1]) о демократичности, смотри органъ Союза московскихъ типографщиковъ, сравни отстаиваніе нашими ростовскими товарищами десяти часового рабочаго дня[2]) и въ предоставленіи всѣмъ оппортунистическимъ элементамъ возможности проникать въ центръ, руководящій всей практической работой (Ц. К.) — и усматривая въ этой принципіальной и практической позиціи шагъ въ сторону оппортунизма и дѣйствительныя попытки стащить Рос. соц.-дем. движеніе съ пути принципіальной выдержанности и устойчивости и отбросить его назадъ на весь періодъ долгой подготовительной работы организаціи „Искры“, мы считаемъ необходимымъ поднять свой голосъ противъ этихъ попытокъ. Въ частности, мы никакъ не можемъ мириться съ искаженіемъ основного характера „Искры“, какъ партійнаго руководящаго органа, и съ тѣмъ, что на ея страницахъ проводятся взгляды, рѣзко и категорически осужденные партійнымъ съѣздомъ (смотри резолюцію о Центральномъ Органѣ Партіи)“.

Отъ ред. Печатаемъ обѣ эти резолюціи безъ всякихъ коментарій. Онѣ сами за себя говорятъ.

Особое мнѣніе, вынесенное по поводу резолюціи Бакинскаго Комитета (см. № 60) тремя членами Бакинскаго Комитета и однимъ членомъ Кавказскаго Союза, присутствовавшимъ съ правомъ рѣшающаго голоса; большинство составилось изъ четырехъ членовъ Бакинскаго Комитета и одного представителя Ц. К., тоже съ рѣшающимъ голосомъ.

„Признавая, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія можетъ и должна быть организована на началахъ послѣдовательнаго централизма; считая въ тоже время, что централизованная партія будетъ дѣйствительно сильна, прочна и устойчива только при условіи, если принципъ централизма будетъ осуществляться не механическими средствами подчиненія, а путемъ органическаго роста Партіи и постепенной фактической централизаціи всѣхъ наиболѣе важныхъ партійныхъ функцій, — мы приглашаемъ Ц. О. и Ц. К. устранить существующія внутри Партіи разногласія путемъ взаимныхъ уступокъ и направить всѣ усилія къ развитію положительной работы на почвѣ принциповъ революціонной соціальдемократіи. Мы ставимъ на видъ Ц. К.: Партія ждетъ, чтобы онъ въ своей положительной работѣ опирался на всѣ зрѣлые элементы Партіи, не взирая на мелкія групповыя различія, совершенно блѣднѣющія передъ великимъ дѣломъ пролетаріата. Мы ставимъ на видъ Ц. О., что Партія ждетъ отъ него той же положительной работы въ смыслѣ выясненія программныхъ и тактическихъ вопросовъ нашего движенія и дальнѣйшаго развитія идей революціоннаго соціализма. Мы признаемъ — въ предѣлахъ соціальдемократической программы — безусловную свободу критики внутри Партіи и считаемъ необходимой въ настоящую минуту свободную дискуссію по вопросамъ организаціонной политики. Но — въ интересахъ положительной работы и престижа Партіи — мы считаемъ нежелательнымъ заполненіе страницъ Ц. О. статьями по вопросамъ, доступнымъ пониманію только незначительной части партійныхъ работниковъ, и желали бы видѣть обсужденіе ихъ въ особыхъ листкахъ и приложеніяхъ, разсылаемыхъ мѣстнымъ комитетамъ“ (слѣдуютъ подписи).

Письмо въ редакцію.

Товарищи! Россія переживаетъ историческій моментъ необычайно серьезный и глубокій, всѣ многообразныя послѣдствія котораго трудно предвидѣть и предсказать. Война съ Японіей, на которую съ безумнымъ отчаяніемъ рѣшилось русское правительство, грозитъ повлечь за собой кровавое состязаніе всѣхъ капиталистическихъ странъ, въ которомъ Россіи придется отражать нападенія нѣсколькихъ державъ. А это неминуемо должно вызвать глубокое потрясеніе всего государственнаго организма.

Характеръ переживаемаго нами времени возлагаетъ на насъ, соціальдемократовъ, рядъ серьезныхъ обязанностей первостепенной, можетъ быть, даже міровой важности. Но съ мучительной болью мы должны сознаться, что настоящій моментъ снова засталъ нашу Партію совершенно неподготовленной. И на этотъ разъ Россійская Соціальдемократія вмѣсто единой сплоченной централизованной силы, — предстала въ видѣ ряда оторванныхъ другъ отъ друга „кустарныхъ“ комитетовъ. Эти комитеты не сумѣли или не догадались своевременно подготовить общественное сознаніе къ войнѣ, они своевременно не возстановили противъ войны всѣхъ тѣхъ, кого можно и должно было возстановить. И потому то полицейско-патріотическія манифестаціи прошли съ такимъ полнымъ успѣхомъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ комитеты только послѣ объявленія войны выпустили листки въ чрезвычайно ограниченномъ количествѣ. Въ то время, когда нужно залить всю Россію агитаціонной литературой, россійскіе соціальдемократы съ трудомъ и только отчасти обслуживаютъ потребности передового пролетаріата большихъ городовъ. Къ сожалѣнію, также ни редакція Ц. О., ни тѣмъ менѣе Ц. К. не выполнили на этотъ разъ своего партійнаго призванія. Статьи „Искры“ появились съ чрезвычайнымъ опозданіемъ и въ недостаточномъ количествѣ.[3]) Какъ реагировалъ на эти событія нашъ Ц. К. и реагировалъ ли онъ хоть какъ-нибудь, — мы до сихъ поръ не знаемъ.

Пусть же этотъ печальный фактъ послужитъ намъ урокомъ и указаніемъ для будущаго. А будущее теперь таково, что мы должны быть готовы ежедневно и ежечасно ко всякимъ случайностямъ и неожиданностямъ, ко всевозможнымъ осложненіямъ государственной и общественной жизни Россіи вплоть даже до того, что тѣснимое финансовыми невзгодами, промышленнымъ кризисомъ и безработицей, смертельно боящееся внутренняго врага, — самодержавіе прибѣгнетъ къ послѣднему средству самосохраненія — реформамъ „сверху“. Мы, конечно, не станемъ спекулировать на всѣ эти возможности и не будемъ мѣнять своей тактики въ надеждѣ на различныя случайности, — но *мы должны быть готовы ко всему.* Событія не должны застать насъ врасплохъ, измѣненія не должны насъ поставить втупикъ. Въ противномъ случаѣ мы покажемъ, что мы не способны и недостойны руководить освободительной борьбой пролетаріата.

Въ виду этого Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи предлагаетъ Центральному Органу Партіи, немедленно выработать всесторонній планъ практическихъ дѣйствій и передать его на обсужденіе всѣхъ комитетовъ Партіи, чтобы на грядущія событія партійныя организаціи могли отвѣтить приблизительно однообразными мѣрами дѣйствій.

Кіевскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи

Изъ Ростова н/Д. намъ пишутъ: Настроеніе рѣзко измѣнилось, и кто знаетъ, что ждетъ Россію въ близкомъ будущемъ... „Мутныя волны воинствующаго патріотизма“ уже совсѣмъ улеглись, шовинистическій туманъ, застилавшій многимъ сознаніе, разсѣивается. Можетъ быть, мы наканунѣ великихъ событій... Готовы ли мы, соціальдемократы, къ этому историческому моменту, готовы ли мы къ тому, чтобы исполнить свой долгъ передъ пролетаріатомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Товарищи! Мы не должны долѣе скрывать того тяжелаго положенія, въ которомъ находится теперь наша Партія. Послѣ съѣзда уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а за это время наша Партія сдѣлала колосальный шагъ... *назадъ*. Не мѣсто здѣсь въ этомъ письмѣ разбирать, на кого падаетъ отвѣтственность за настоящее печальное положеніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ съѣзда не было сдѣлано ни одной попытки къ дѣйствительному объединенію, къ созданію политической партіи. Мы также разрознены, какъ и до образованія О. К., наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было. Можно ли говорить о правильной постановкѣ работы, когда комитетъ шесть-семь мѣсяцевъ не имѣетъ ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ? При ухудшающихся все болѣе и болѣе полицейскихъ условіяхъ, когда устройство большихъ собраній дѣлается почти невозможнымъ, безъ агитаціонной литературы, отвѣчающей на всѣ запросы движенія, комитеты не могутъ вести широкой соціальдемократической агитаціи. Вѣдь комитетъ самостоятельно, кромѣ листковъ, ничего издавать не можетъ. А что сдѣлано за это время?.. Ровно ничего!

Гдѣ же, товарищи, выходъ изъ этого ужаснаго положенія?! Мы чувствуемъ свое безсиліе, мы видимъ, что мы не сумѣемъ исполнить своего долга передъ рабочими, что мы совершенно не готовы къ той роли, которую мы, и только мы, соціальдемократы, можемъ исполнить!

Гдѣ же выходъ? Членъ Донского Комитета.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Уважаемые товарищи! Появленіе въ печати новаго изданія Центральнаго Комитета, подъ названіемъ: „Коментаріи къ протоколамъ второго съѣзда Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи“, вынуждаетъ насъ, какъ выполнившихъ порученіе съѣзда Лиги объ опубликованіи этихъ протоколовъ, просить васъ дать на страницахъ „Искры“ мѣсто нижеслѣдующему письму.

Разумѣется, мы отнюдь не имѣемъ въ виду вступать здѣсь въ полемику по существу затронутыхъ въ „Коментаріи“ вопросовъ. Дѣло вкуса и умѣнья читателей оцѣнить то толкованіе преній и событій, имѣвшихъ мѣсто на съѣздѣ Лиги и въ связи съ нимъ, которое угодно было предложить авторамъ „Коментарія“ — тов. В. Бончъ-Бруевичу, Перовой, Шарко, Эммануилову, Литвинову, Сарафскому, Петрову, Тагу, Инсаровой и Инсарову. Но мы не можемъ пройти молчаніемъ возмутительный пріемъ заподазриванія точности и вѣрности изданныхъ подъ нашей редакціей протоколовъ и потому заявляемъ слѣдующее.

1) Бончъ-Бруевичъ, Сарафскій, Инсаровъ, Петровъ, Инсарова и Эммануиловъ сами исполняли обязанности секретарей и своими подписями на подлинникахъ протоколовъ соотвѣтствующихъ засѣданій приняли на себя ручательство за вѣрную передачу преній и всего, происходившаго на съѣздѣ.

2) Всѣ прочіе участники съѣзда имѣли право принимать, а нѣкоторые и принимали, участіе въ провѣркѣ протоколовъ. Ссылка на „установившіяся отношенія“, благодаря которымъ это право обратилось будто бы въ „пустую комедію“, явно не выдерживаетъ критики, ибо въ бюро по провѣркѣ протоколовъ работали одновременно представители обѣихъ сторонъ, и для утвержденія протоколовъ требовалось единогласіе. Слѣдовательно, у всякаго была полная возможность, если только онъ могъ убѣдить секретаря или вицепредсѣдателя изъ своей собственной „стороны“ въ неточности записей, помѣшать такому утвержденію и добиться провѣрки „на засѣданіяхъ съѣзда“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и провѣрки той „*общей* картины дебатовъ“, которая по словамъ авторовъ „Коментарія“ яко бы искажена въ протоколахъ.

3) Печатаніе протоколовъ „не въ партійной типографіи“, разумѣется, никакого отношенія къ точности протоколовъ имѣть не можетъ и было вызвано тѣмъ, что въ виду упорныхъ настояній члена Ц. К. — не печатать протоколовъ вовсе — администрація Лиги видѣла въ „такомъ пріемѣ“ единственное средство обезпечить своевременный выходъ ихъ въ свѣтъ и распространеніе.

4) Несмотря на свое смѣлое утвержденіе о „своеобразномъ способѣ редактированія“, лишившемъ будто бы протоколы значенія „безпристрастнаго историческаго документа“, авторы „Коментарія“ нигдѣ и не пытаются указать, въ чемъ же именно сказывается эта „своеобразность“, гдѣ искаженія и неточности, а посвящаютъ всѣ страницы своей брошюрки *оцѣнкѣ* самыхъ событій и преній по существу. Тѣ три указанія, которыя они дѣлаютъ, рѣшительно не даютъ имъ права на такія „своеобразныя“ утвержденія. Вотъ эти указанія:

а) Смыслъ словъ тов. Мартова „эти господа“ и пр. „извращенъ простой перестановкой словъ“ и т. д. (стр. 1). Стоитъ только взглянуть въ протоколы (стр. 75-76), чтобы убѣдиться; что, если бы даже секретари (какъ это неизбѣжно при не стенографическомъ записываніи) и не совсѣмъ точно записали слова тов. Мартова, то никакого отношенія къ „извращенію смысла“ это не имѣетъ. Тов. Бончъ Бруевичъ протестовалъ не противъ выраженія „эти господа“, а именно противъ того, что тов. Мартовъ назвалъ его и уходившихъ вмѣстѣ съ нимъ товарищей „господами“, что ясно видно изъ словъ тов. Бончъ-Бруевича: „тов. Мартовъ обращается къ намъ, называя насъ „господами“, мы же въ своемъ заявленіи называемъ его товарищемъ“. Такимъ образомъ, если „поведеніе“ такъ называемой группы партійнаго „большинства“ сказывается въ данномъ случаѣ „даже просто лишеннымъ смысла“, то протоколы и ихъ редакція въ этомъ неповинны.

б) Тов. Мартовъ въ своей рѣчи „извратилъ“ слова тов. Ленина, сказавшаго будто, что „неискровскіе элементы“ должны быть отстранены „отъ центральныхъ учрежденій“, между тѣмъ, какъ тов. Мартовъ передѣлалъ это въ удаленіе „изъ партіи“. Мы полагаемъ, вполнѣ достаточно указать, что это будто бы „извращеніе“ словъ тов. Ленина тов. Мартовъ дѣлалъ въ присутствіи самого Ленина, который и не думалъ протестовать противъ неточности передачи, хотя въ другихъ случаяхъ и прибѣгалъ къ такимъ протестамъ.

---

[1] Рѣчь идетъ о письмѣ редакціи въ комитеты. Въ этомъ письмѣ новая редакція указывала, что она продолжаетъ считать необходимой самостоятельность Центр. Комитета въ сферѣ его дѣятельности и отказывается отъ мысли воздѣйствовать на добрую волю Центр. Комитета силой *власти* Совѣта. Ред.

[2] Делегатъ долженъ былъ познакомить астраханскихъ товарищей съ положеніемъ дѣлъ въ партіи и планами редакціи. Ред.

[1] „Союзъ“ не возродился, а, напротивъ, теперь только распустился. *Ред.*

[2] Повидимому, какое-то недоразумѣніе. *Ред.*

[3] Въ наше время, когда... *такіе* упреки намъ особенно симпатичны. *Ред.*

в) Эпизодъ съ представителемъ Ц. К., эпизодъ, устраненіе котораго изъ печати ставится намъ въ укоръ. Прежде всего мы должны сказать, вообще, о „формальномъ и моральномъ правѣ" не *печатать* всего, что происходитъ на засѣданіяхъ партійныхъ организацій. Давно-ли, вообще, стало печататься хоть что либо? Затѣмъ авторы „Коментарія", вмѣстѣ съ тов. Ленинымъ, увѣрены, что мы обязаны были печатать „все". Какъ же совмѣстить это съ требованіемъ представителя Ц. К., того самаго, который присутствовалъ на съѣздѣ Лиги, чтобы мы не печатали „*ничего*"?[1] Пусть столкуются объ этомъ авторы „Коментарія" съ этимъ членомъ Ц. К. Сообщенный же публикѣ въ „Коментаріи" эпизодъ съ „жандармомъ", „почему-то не воспроизведенный въ протоколахъ", на самомъ дѣлѣ, въ *протоколахъ* воспроизведенъ, а изъятъ изъ *печати* по настоятельной просьбѣ другого члена Ц. К., который ставилъ на видъ, что воспроизведеніе этой сцены въ высшей степени компрометтируетъ того члена Ц. К., къ которому восклицаніе „жандармъ" и пр. относится, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь Ц. К. Но разъ авторы „Коментарія" сочли нужнымъ воспроизвести эту сцену въ печати, мы считаемъ себя обязанными позаботиться, чтобы воспроизведеніе это было сдѣлано точно, а потому безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій ограничимся тѣмъ, что печатаемъ рядомъ тотъ текстъ, который опубликованъ въ „Коментаріи", и тотъ, который записанъ въ подлинномъ протоколѣ, гдѣ непосредственно послѣ этой „сцены" стоитъ — въ числѣ другихъ — подпись тов. Эммануилова, бывшаго на этомъ засѣданіи однимъ изъ секретарей, а нынѣ одного изъ авторовъ „Коментарія".

Въ „Коментаріи":	Въ протоколахъ:
Членъ Ц. К. X. „Объявляю это собраніе незаконнымъ, какъ не исполнившее распоряженія Ц. К., удаляюсь съ него и предлагаю всѣмъ, подчиняющимся постановленію Ц. К., послѣдовать за мной". При шумѣ большинства съѣзда и крикахъ: Долой полицію! Долой жандармовъ! Вы нѣмецкіе шутцмана! — обозначенныя въ протоколахъ лица оставляютъ залъ засѣданія. *Перова* (обращаясь къ предсѣдателю): Прошу занести въ протоколъ крики: „Долой полицію! Долой жандармовъ!" *Предсѣдатель.* Ничего занесено не будетъ: вы сами закрываете засѣданіе.	*Членъ Ц. К. X.* „Объявляю это собраніе незаконнымъ, какъ не исполнившее распоряженія Ц. К., удаляюсь съ него и предлагаю желающимъ послѣдовать за мной. *Предсѣдатель.* Долой жандармовъ! Долой полицію! *Троцкій.* Нѣмецкій шутцманъ! *Многіе голоса:* Долой полицію! Долой жандармовъ! Долой комиссара! *Перова.* Ахъ, это ужасно, ужасно! Они кричатъ: жандармы. Это нужно внести въ протоколъ. *Голоса.* Будетъ внесено для вашего же назиданія! Долой полицію! Долой жандармовъ! (Одинъ за другимъ оставляютъ залъ засѣданія...)

Повторяемъ: непосредственно за этимъ мѣстомъ, стоитъ подпись утверждавшаго протоколы бюро — въ томъ числѣ и тов. Эммануилова, — такъ какъ лишь дальнѣйшая часть засѣданія велась при другомъ составѣ бюро. Если среди прочихъ „своеобразныхъ" неточностей въ передачѣ этой сцены авторы „Коментарія" утверждаютъ, что „представитель Ц. К. предлагалъ произвести *именное* голосованіе", и требованіе это будто бы было даже поддержано „нашей стороной (18 голосовъ)", то, вѣроятно, тов. Эммануиловъ — одновременно и авторъ „Коментарія", и одинъ изъ „18 голосовъ" „нашей стороны", и секретарь, своею подписью утверждавшій протоколъ этого именно засѣданія, протоколъ, въ которомъ и помину нѣтъ объ „именномъ голосованіи", — лучше насъ сумѣетъ разъяснить недоумѣнія своихъ сотрудниковъ по „Коментарію".

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на всѣхъ мелкихъ неточностяхъ и „извращеніяхъ", содержащихся въ „Коментаріи" (въ оцѣнку его по существу мы вовсе не входимъ), но уже и сказаннаго достаточно, чтобы показать, съ какимъ правомъ авторы „Коментарія" бросили свой легкомысленный упрекъ редакціи протоколовъ и съ какою добросовѣстностью стремятся они опорочить протоколы въ глазахъ читателя. Ничего не „исправляя" въ „картинѣ засѣданій съѣзда", „свидѣтельскія показанія" „Коментарія" представляютъ собою дѣйствительно „своеобразный" „историческій документъ".

Считаемъ нужнымъ сказать лишь еще нѣсколько словъ по поводу трехъ злостныхъ выходокъ авторовъ „Коментарія".

1) Увѣреніе ихъ, будто „слухи" о намѣреніи „оппозиціи" завести при Лигѣ издательство, типографію и транспортное дѣло „впослѣдствіи подтвердились" (стр. 18) — представляетъ собой чистѣйшій вымыселъ, хотя администрація Лиги и сейчасъ убѣждена, что Лига несомнѣнно не лишена права имѣть собственное издательство и собственную типографію.

2) Если подъ документомъ № 1 (отвѣтъ Ц. К.) значится не 12 подписей, а 19 (стр. 3), то не потому, что *редакторы* „дополнили" число подписавшихся, а потому, что послѣ передачи „отвѣта" Ц. К. получились листы (они были разосланы въ гектографированномъ видѣ всѣмъ членамъ Лиги) съ новыми подписями. Полагаемъ, всѣмъ — кромѣ, быть можетъ, авторовъ „Коментарія" — ясно, что, если бы „дополненіе" исходило отъ редакторовъ, лица, именами которыхъ они воспользовались, не преминули бы протестовать противъ такого самовольнаго распоряженія ихъ подписями.

3) Относительно пріема новыхъ членовъ въ Лигу нигдѣ не установлено, чтобы комитеты (правами которыхъ пользуется Лига) обязаны были принимать въ свой составъ любого члена другихъ комитетовъ. Лига, какъ и всякая партійная организація, обязана только давать работу всякому члену партіи, потому что, не работая подъ руководствомъ Лиги — единственной заграничной организаціи — бывшій членъ какого либо комитета пересталъ бы — согласно партійному уставу — быть членомъ Партіи. Отказа же въ работѣ со стороны Лиги никому не было. Что касается непринятія въ число членовъ Лиги „цѣлаго ряда членовъ", то не знаемъ, насколько умѣстны жалобы авторовъ „Коментарія" на то, что „не нашлось 20 членовъ, знающихъ ихъ (кандидатовъ) или желающихъ подать за нихъ голосъ". Изъ „цѣлаго ряда" кандидатовъ, выдвинутыхъ изъ среды такъ называемаго партійнаго „большинства", въ число членовъ Лиги были приняты двое. Почему были отвергнуты другіе, могутъ сказать лишь тѣ члены Лиги, которые голосовали противъ нихъ. Администрація же Лиги можетъ лишь указать на то, что огромное большинство этихъ кандидатовъ было изъ числа лицъ, въ Россіи никогда не работавшихъ, и *всѣ они* были рекомендованы лишь *однимъ членомъ* „меньшинства" Лиги, а именно тов. Литвиновымъ, однимъ изъ авторовъ „Коментарія". Если эта рекомендація въ глазахъ большинства членовъ Лиги не оказалась достаточнымъ основаніемъ для пріема кандидата въ Лигу, пенять тутъ не на кого.

Въ заключеніе заявляемъ, что въ виду появленія „Коментарія", дѣлающаго безцѣльнымъ и даже вреднымъ ограниченіе круга читателей протоколовъ съѣзда Лиги, администрація Лиги постановила ограниченіе это отнынѣ снять.

Съ товарищескимъ привѣтомъ *Ф. Данъ, И. Лѣсенко*

Насъ просятъ напечатать.

Резолюція товарищескаго третейскаго суда, состоявшагося въ .... 19 февраля (3 марта) 1904 г. по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію т. Дейча.

Девятнадцатаго февраля (3 марта) 1904 г. состоялся въ .... товарищескій третейскій судъ въ составѣ товарищей .... (слѣдуютъ имена трехъ судей), по обвиненію тов. Дейчемъ тов. Гусева въ умышленной клеветѣ и въ распространеніи имъ — Гусевымъ — завѣдомо ложныхъ слуховъ, съ цѣлью опорочить политическую репутацію тов. Дейча. На судѣ, при разборѣ дѣла присутствовали, кромѣ товарищей Дейча и Гусева, также товарищи. .... (слѣдуютъ имена пяти товарищей изъ числа мѣстныхъ членовъ Партіи и четырехъ свидѣтелей).

Обстоятельства дѣла слѣдующія:

Въ недавно изданной брошюрѣ тов. Павловича, озаглавленной: „Письмо къ товарищамъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р.П." на стр. 12 въ выноскѣ напечатано: „Среди делегатовъ съѣзда циркулируетъ списокъ, составленный изъ излюбленныхъ лицъ меньшинства...`Тов. Мартовъ въ то время еще находилъ этотъ списокъ „позорнымъ", а на съѣздѣ Лиги утверждалъ, что этотъ списокъ фальшивый. Фактъ тотъ, что тов. Дейчъ является въ дѣлѣ этого списка первоисточникомъ. Онъ передалъ его одному изъ делегатовъ „большинства" тов. Гусеву... Въ этомъ спискѣ были: „Штейнъ, Егоровъ, Поповъ, Троцкій, Ѳоминъ."[1]

Товарищескій третейскій судъ призналъ:

I. что тов. Дейчъ, какъ это признаетъ и Гусевъ, никакого списка Гусеву не передавалъ, и, принимая во вниманіе:

1) что тов. Дейчъ не имѣлъ ни личнаго, ни политическаго интереса составить или распространить подобный списокъ,

2) что Дейчу подобныхъ порученій никто не давалъ,

3) что Дейчъ не велъ никакой агитаціи въ пользу тѣхъ или другихъ кандидатовъ въ Ц. К.

4) что личныя отношенія между Дейчемъ и Гусевымъ были такого рода, что исключали возможность особаго сообщенія со стороны Дейча Гусеву и наконецъ,

5) принимая во вниманіе ту обстановку, при которой Дейчъ, по словамъ Гусева, перечислилъ ему пять именъ, фигурировавшихъ впослѣдствіи въ спискѣ, товарищескій третейскій судъ пришелъ къ заключенію:

II. что тов. Дейчъ и устно не могъ сообщить, а, слѣдовательно, не сообщилъ т. Гусеву имена кандидатовъ, содержащихся въ спискѣ, указанномъ въ брошюрѣ Павловича.

III. что сообщеніе Гусева Павловичу, будто Дейчъ передалъ ему — Гусеву — списокъ, лишено всякаго основанія.

Настоящую резолюцію судъ постановилъ сообщить товарищамъ: 1) Дейчу, 2) Гусеву и 3) Ц. К. Имѣя же въ виду, что сообщеніе, сдѣланное т. Гусевымъ Павловичу, предано послѣднимъ гласности и можетъ скомпрометировать политическую репутацію тов. Дейча, судъ постановилъ сообщить настоящую резолюцію редакціи „Искры" въ цѣляхъ опроверженія неправильнаго сообщенія.

2 (15) марта 1904 г.

(Слѣдуютъ подписи).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ".

Быстрый ростъ революціоннаго движенія разбудилъ русскую учащуюся молодежь. Съ каждой новой побѣдой пролетаріата, съ каждымъ новымъ проявленіемъ его растущаго классового самосознанія, все шире и шире разливалось среди нея недовольство существующимъ строемъ, росло стремленіе выяснить себѣ смыслъ и значеніе великаго освободительнаго движенія, охватившаго Россію. Огромная нива ждала сѣятелей, а сѣятелей не было. То было время нераздѣльнаго господства экономизма и кустарничества въ нашей партіи. Замкнувшись въ узкія рамки трэдъ-юніоновъ, громогласно провозгласивши, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, „а отнюдь не интеллигентовъ", дѣйствовавшіе въ Россіи товарищи не обращали никакого вниманія на воспитаніе изъ молодежи энергичныхъ, стойкихъ и выдержанныхъ соціальдемократовъ, которые смогли бы „продолжать начатое раньше, сразу становиться въ ряды и шеренги, двигать впередъ движеніе, поднимать его на высшую ступень". Да и зачѣмъ было обращать вниманіе на воспитаніе молодежи, когда по всей линіи господствовало полнѣйшее презрѣніе къ „теоріи", когда на всѣхъ перекресткахъ открыто заявлялось, что „одинъ шагъ рабочаго движенія важнѣе цѣлой дюжины программъ", — хотя бы этимъ шагомъ было завоеваніе лишняго пятака заработной платы. Результатомъ такого положенія было то, что послѣ какого-нибудь „провала" мѣсто старыхъ работниковъ занимала неопытная молодежь, не выработавшая еще себѣ цѣльнаго и послѣдовательнаго соціальдемократическаго міросозерцанія, — что такъ облегчило проникновеніе въ среду нашей партіи оппортюнистическихъ идей „ревизіонизма", національзма, „организованной мести" и т. п.

Но, несмотря на такое невниманіе партіи къ молодежи, движеніе въ ея средѣ не прекращалось. Скоро уже — отчасти совершенно стихійно, отчасти подъ вліяніемъ членовъ партіи, почему либо не порвавшихъ своихъ связей съ молодежью, — возникъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ группъ и кружковъ, начавшихъ пропаганду соціальдемократическихъ идей среди русской интеллигентной молодежи. Всѣ эти группы и кружки работали, однако, внѣ всякаго контроля партійныхъ организацій, при чисто случайныхъ связяхъ съ ними, — что такъ вредно отражалось на ихъ работѣ.

Второй съѣздъ Партіи, на всегда покончившій съ экономизмомъ и кустарничествомъ, въ своей резолюціи о молодежи призналъ необходимымъ поручить партійнымъ организаціямъ ту работу, которую вели до сихъ поръ самостоятельныя организаціи соціальдемократической молодежи. Этимъ онъ лишилъ права на существованіе всѣ тѣ отдѣльныя группы и кружки, которые работали среди молодежи, — между прочимъ, и нашей Южно Русской Группы. На этомъ основаніи, съ согласія всѣхъ нашихъ мѣстныхъ организацій, — мы объявляемъ нашу Группу распущенной, и всѣ ея организаціи присоединившимися къ организаціямъ Партіи.

Прекращая свою обособленную работу, мы призываемъ всѣ соціальдемократическія организаціи Россіи, отдѣльное существованіе которыхъ въ свое время можно было объяснить организаціоннымъ хаосомъ и разбродомъ, господствовавшимъ въ нашей партіи, отказаться отъ самостоятельнаго выступленія и начать дружную работу подъ знаменемъ единой Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Центральный Комитетъ Южно-Русской Группы учащейся молодежи.

Февраль 1904 года.

Въ концѣ февраля Ц. К. Южно-Русской Группы издалъ два листка: „Къ ученикамъ средне-техническаго училища въ Ростовѣ на Дону" (по поводу гнуснаго поведенія нѣкоторыхъ учениковъ этого училища въ „патріотическихъ" манифестаціяхъ, См. „Искру" № 61). 2) Къ учащейся молодежи, о распущеніи Южно-Русск. Группы и присоединеніи ея къ Партіи.

Международное Соціалистическое бюро. **Брюссель, 12 марта 1904 г.**

Секретаріатъ:
63, Rue Heyvaert, Брюссель.

Къ соціалистическимъ и рабочимъ организаціямъ.

Товарищи,

Международное Соціалистическое Бюро приглашаетъ вас принять участіе въ Шестомъ Международномъ Соціалистическо Конгрессѣ, который будетъ имѣть мѣсто въ Амстердамѣ (Голландія) съ 14 по 20 августа 1904 года.

Бюро въ засѣданіи отъ 7 февраля этого года въ Брюссел установило слѣдующій порядокъ дня Конгресса:

1. Утвержденіе мандатовъ;
2. Избраніе бюро, образованіе секцій, утвержденіе порядка дня;
3. Отчетъ секретаріата;
4. Отчеты различныхъ національностей;
5. Международные принципы соціалистической политики. Резолюція по вопросу о тактикѣ партіи (Соціалистическая Партія Франціи);
6. Колоніальная политика (Гайндманъ: Соціальдемократическая Федерація Англіи и Ванъ-Коль: Соціалистическая Партія Голландіи);
7. Эмиграція и иммиграція (Соціалистическая Партія Аргентинской республики);
8. Всеобщая стачка (Рабочая Революціонно-соціалистическа Партія Франціи и Соціалистическая Партія Голландіи);
9. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ (Мольке‑бургъ: Германская Соціальдемократическая Партія). 8-мичасовой рабочій день (Федерація профессіональныхъ союзовъ Даніи);
10. Тресты и локкоутъ (Соціалистическая Партія Соединенныхъ Штатовъ).

Различные вопросы.

11. Протекціонизмъ и свободная торговля (Англійская Независимая Рабочая Партія);
12. Милитаризмъ (Англійская Независимая Рабочая Партія);
13. Клерикализмъ и школы (Соціальдемократическая Федерація Англіи);
14. Трэдъ-юніонизмъ и политика (Англійское Фабіанское Общество);
15. Международный третейскій судъ (Англійская Независимая Рабочая Партія);
16. Жилища для народа (Workmen's National Housing Council въ Англіи).
17. Международная солидарность (Союзъ нѣмецкихъ, австрійскихъ и венгерскихъ соціалистовъ въ Швейцаріи).

Бюро напоминаетъ всѣмъ соціалистическимъ ассоціаціямъ и профессіональнымъ организаціямъ резолюціи, принятыя на Лондонскомъ Конгрессѣ (1896 года), дополненныя постановленіями Брюссельской конференціи (1899 года) и утвержденныя потомъ на Парижскомъ Конгрессѣ (1900 года), — въ силу каковыхъ резолюцій на международные соціалистическіе конгрессы допускаются

Лондонская резолюція:

1. Представители организацій, ставящихъ своею цѣлью замѣну капиталистической формы собственности и производства соціалистическою, и видящихъ въ законодательной и парламентской дѣятельности одно изъ необходимыхъ средствъ для достиженія этой цѣли.

2. Ассоціаціи чисто профессіональныя (трэдъ-юніоны), хотя и не принимающія участія въ активной политической дѣятельности, но признающія необходимость и законодательной дѣятельности, и политической борьбы; слѣдовательно, анархисты исключаются.

Брюссельская резолюція:

1. Всѣ ассоціаціи, признающія основные принципы соціализма: соціализацію средствъ производства и обмѣна; международное единеніе и международную дѣятельность рабочихъ; завоеваніе власти соціалистическимъ пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію.

2. Всѣ кооперативныя организаціи, стоящія на почвѣ классовой борьбы и признающія необходимость политической дѣятельности, слѣдовательно, законодательной и парламентской, хотя и не принимающія прямого участія въ политическомъ движеніи.

Согласно рѣшенію, принятому на собраніи Бюро отъ 7 фев. слѣдующій порядокъ былъ установленъ для утвержденія мандатовъ на Конгрессѣ.

Делегаты различныхъ національныхъ группъ явятся утромъ перваго дня Конгресса, снабженные своими мандатами, для полученія — по уплатѣ 10 фр. каждымъ делегатомъ — временнаго свидѣтельства о допущеніи, которое будетъ имъ вручено либо ихъ національной секціей, либо организаціонной коммисcіей Конгресса.

Мандаты будутъ утверждаться національными секціями по большинству мандатовъ. Въ послѣдней инстанціи утверждаетъ мандатъ самъ Конгрессъ, который вмѣшивается только въ случаѣ оспоренныхъ мандатовъ.

Для международныхъ засѣданій нанята зала Concert Gebouw въ Амстердамѣ.

Соціалистическія и профессіональныя организаціи приглашаются прислать, какъ можно скорѣе, отчетъ о рабочемъ и соціалистическомъ движеніи, о положеніи партіи въ ихъ странѣ, со времени Парижскаго Конгресса 1900 г.

Просятъ своевременно адресовать отвѣтъ въ Международный Секретаріатъ, Rue Heyvaert, 63, Брюссель.

Примите, дорогіе товарищи, наши братскія привѣтствія.

Секретарь *Викторъ Серви.*

Международное Соціалистическое Бюро:

Англія: Г. М Гайндманъ, Г. Квельчъ. *Германія:* И. Ауэръ, П. Зингеръ, К. Каутскій. *Аргентинская респ.:* П. Комбье. М Угартъ. *Австралія:* Ш. Эйръ. *Австрія:* В. Адлеръ, Ф. Скаретъ. *Бельгія:* Э. Вандервельдъ, Э. Ансель. *Богемія;* А. Нѣмецъ, Ф. Сукупъ. *Болгарія:* Н. Харлаковъ. *Данія:* П. Кнудсенъ. *Испанія:* П. Иглезіасъ, А. Г. Кехидо. *С.-А. Соед. Штаты:* Г. Д. Херронъ. *Финляндія:* І. К. Кари. *Франція:* Э. Вальянъ, А. Чипріани. *Голландія:* П. Трельстра, Г. Ванъ-Коль. *Венгрія:* І. Вельтнеръ, Е. Гарами. *Италія:* Э. Ферри, Ф Турати. *Японія:* Сенъ Катайама. *Норвегія:* О. Крингенъ, К. Іеппесенъ. *Польша:* Б. Іендржеіовскій, Р. Люксембургъ. *Португалія:* І. Гвекко. *Россія:* Г. Плехановъ. *Швеція:* X. Брантингъ, К. Винкманъ. *Швейцарія:* В. Фюргольцъ. *Сербія:* В. М Стояновичъ.

Организаціонный Комитетъ Конгресса:

Казначей: *П. Л. Такъ.* Президентъ: *Генри Полакъ.* Секретарь *Генріетта Роландъ-Гольстъ-Ванъ-деръ-Шенкъ.*

Члены: *Ж. Ф. Анкерсмитъ, Ж. Г. Ванъ-Кійкхофъ, Ж. Лупит, Ж. В. Слійсъ.*

N. B. Просятъ соціалистическіе журналы и газеты дат возможно большее распространеніе этому циркуляру.

---

[1] Такъ именно заявлялъ этотъ членъ Ц. К. неоднократно въ устныхъ бесѣдахъ съ членами администраціи и редакціи Ц. О. А вотъ выписка изъ письма его къ тов. Мартову (отъ 12 декабря 1903 г.), показывающая, что, повидимому, наперекоръ негодованію авторовъ „Коментарія", онъ не прочь былъ присвоить себѣ „формальное и моральное право" требовать отъ редакціи протоколовъ устраненія изъ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ: „Еще не поздно обезпечить этотъ миръ (въ партіи), еще не поздно *изъять отъ свѣдѣнія публики и враговъ подробности раскола и рѣчи о порядочности и о фальшивыхъ спискахъ* (курсивъ нашъ), — рѣчи, которыми воспользуются, вѣроятно, даже и Моск. Вѣдомости. Я гарантирую, что большинство охотно согласится предать забвенію всю эту грязь, при условіи обезпеченія добраго мира въ Партіи". Итакъ, можно требовать „изъятія отъ свѣдѣнія публики" отдѣльныхъ мѣстъ протоколовъ! Почему мы, въ противоположность нѣкоторымъ сторонникамъ „большинства", отъ имени котораго говорилъ представитель Ц. К., не могли „охотно" согласиться „предать забвенію всю эту грязь", читатель, несомнѣнно, безъ труда пойметъ изъ отчета о третейскомъ судѣ между тов. Дейчемъ и Гусевымъ, приговоръ по которому печатается въ этомъ номерѣ.

[1] Дальнѣйшія подробности самаго дѣла приводятся въ особомъ листкѣ; здѣсь ограничиваемся рѣшеніемъ суда.

NEW YORK

PREIS

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 63. 1-го апрѣля 1904 г. Годъ IV.

„А ВСЕ-ТАКИ ДВИЖЕТСЯ!“

Наши товарищи-соціальдемократы, находящіеся теперь въ акатуевской каторжной тюрьмѣ написали слѣдующее воззваніе *ко всѣмъ революціонерамъ Россіи*.

„Наканунѣ катастрофы царское правительство стоитъ во всей своей безобразной наготѣ. Оно торопится свершить все, что только въ состояніи свершить правительство, совмѣщающее азіатскій деспотизмъ со служеніемъ интересамъ буржуазіи.

„Голодъ и раззореніе крестьянскихъ массъ; всенародное невѣжество, охраняемое попами; алкоголизмъ, какъ главная статья государственныхъ доходовъ; армія, флотъ и шпіонство, какъ главныя статьи государственныхъ расходовъ; казни, ссылки, тюрьма, каторга, розги; полицейскій и чиновный произволъ; убійства сотенъ рабочихъ (самодержавіе не больше щадитъ русскія жизни, чѣмъ враги — японцы); предательство, какъ систематическая политика въ области рабочаго вопроса; раздуваніе безсмысленной племенной вражды, іезуитское натравливаніе національностей другъ на друга; внутренняя политика, спекулирующая на народное ослѣпленіе; грабежъ національныхъ имуществъ армянъ, вандальское разрушеніе европейской цивилизаціи Финляндіи; полное всеобщее политическое рабство, — вотъ неполный перечень признаковъ, которыми будутъ очерчены послѣдніе дни царскаго самодержавія на страницахъ исторіи.

„Вынужденная“ война съ Японіей — его послѣднее слово: „вынужденная“ — разбойнической внѣшней политикой въ несчастномъ Китаѣ!

„Товарищи! До насъ, оторванныхъ отъ родины, глухо доходятъ свѣдѣнія о томъ, какъ относится народъ къ войнѣ. Мы слышали лишь казенные доклады о порывахъ патріотическихъ чувствъ, о „народныхъ“ манифестаціяхъ вѣрноподданничества и шовинизма.

„И среди этой оргіи ни одного звука сознательности, ни одной нотки революціоннаго протеста.

„Не въ такой моментъ мы сошли со сцены. Мы видѣли массы городского пролетаріата, таящія тлѣющую ненависть къ самодержавной шайкѣ. Мы оставили революціонную соціальдемократію наканунѣ дѣйствительнаго сплоченія во всероссійскую политическую партію пролетаріата, единую программой, крѣпкую стройной организованностью. Передъ нами прошелъ небывалый смерчъ стихійныхъ южныхъ стачекъ. На нашихъ глазахъ разбойнически обобранныя самодержавными холопами и задыхающіяся въ мертвой петлѣ гражданскаго безправія „инославныя“ національности Россіи сочувственно протягивали руку революціонному пролетаріату, какъ единственному истинному борцу за національное освобожденіе и въ нашемъ слухѣ еще не замолкли отголоски весеннихъ буревѣстниковъ — демонстрацій.

„И вотъ теперь, при этихъ вѣстяхъ о молебнахъ, адресахъ, манифестаціяхъ, восторгахъ, привѣтствующихъ бойню и ея создателя-императора и самодержца Сибирскаго, царя Кишиневскаго и палача Виленскаго, хищника и душителя Польскаго, Армянскаго, финляндскаго, Всероссійскаго и пр., и пр., и пр., — можно подумать, что русскій пролетаріатъ превратился въ слѣпое стадо барановъ. Что война для „миролюбиваго“ царизма новый громоотводъ.

„Мы не знаемъ, какъ обстоитъ дѣло взаправду, и хорошо знаемъ цѣну правительственнымъ сообщеніямъ. Но все-же мы считаемъ умѣстнымъ обратиться ко всѣмъ товарищамъ-революціонерамъ съ настоящимъ воззваніемъ.

„Война выдвигаетъ передъ нашей партіей важнѣйшую задачу. Въ этотъ рѣшительный моментъ революціонная соціальдемократія должна стоять на высотѣ своего историческаго призванія.

„Въ 1877 году правительству легко еще было рядить бойню въ гуманный и даже либеральный уборъ („братья-славяне, освобожденіе изъ подъ ига“ и т. д.). Но теперь, вѣдь, дѣло идетъ только о „нашихъ торговыхъ интересахъ“ то есть о выгодахъ нашихъ купцовъ, — и вотъ массовыя убійства съ этой „культурной задачей“ оффиціальное фразерство превращаетъ въ какую-то отечественную войну.

„Самой широкой и энергичной агитаціей должна соціальдемократія освѣтить значеніе милитаризма и войны, несущихъ лишь смерть, нищету и слезы, разоблачить истинную подкладку трескучихъ шовинистическихъ фразъ. Она должна напомнить, на чьи плечи падаютъ щедрыя пожертвованія городскихъ думъ.

„На вѣрноподданныя манифестаціи мы должны отвѣчать повсемѣстными массовыми революціонными демонстраціями. Красный флагъ мы должны поднять всюду, гдѣ поднимаютъ „національные“.

„На патріотическія завыванія холопской прессы объ „интересахъ Россіи на Дальнемъ Востокѣ“ мы отвѣтимъ указаніемъ на безчисленныя культурныя потребности народа. Довольно крови за рынки капиталистическому Молоху! Долой войну и милитаризмъ!

„На человѣконенавистническіе крики о „врагахъ Россіи“ мы отвѣтимъ возгласомъ: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

„На оффиціальную шумиху о вѣрноподданническихъ чувствахъ, объединяющихъ „всѣхъ русскихъ безъ различія національностей“ мы отвѣтимъ выраженіемъ дѣйствительнаго чувства, объединяющаго всѣ національности Россіи. Мы отвѣтимъ: долой самодержавіе!

„Насъ ни на минуту не покидаетъ глубокая надежда и увѣренность, что могучій голосъ революціоннаго пролетаріата открыто на всю Россію произнесетъ (и, можетъ быть, уже произноситъ) свой приговоръ надъ новымъ преступленіемъ самодержавія. И мы, выбитые изъ строя, дѣлаемъ все, что въ силахъ: пусть это воззваніе послужитъ нашей демонстраціей противъ царскаго правительства. Пусть нашъ голосъ присоединится къ открытому протесту пролетарскихъ массъ Россіи.

„Долой милитаризмъ! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ международная революціонная соціальдемократія!

(Слѣдуютъ подписи).

Февраль 1904 г. *Акатуевская Каторжная тюрьма.*

Просятъ распространять“.

Когда мы прочитали это воззваніе, намъ прежде всего представились тѣ гоненія, которыя его авторы навлекаютъ на свою голову. Русское правительство не церемонится со своими врагами, и у него есть тысяча средствъ для того, чтобы наказать дерзкихъ преступниковъ, осужденныхъ на каторжное рабство, но сохранившихъ въ себѣ беззавѣтную преданность соціалистическому идеалу. И мы спросили себя: хорошо ли мы сдѣлаемъ, напечатавъ это воззваніе и тѣмъ самымъ усиливъ озлобленіе царскихъ палачей противъ ихъ политическихъ жертвъ? Но, принявъ въ соображеніе, что наши товарищи „просятъ распространять“ ихъ воззваніе, мы увидѣли себя *обязанными* исполнить ихъ просьбу.

Ихъ горячее *слово* имѣетъ значеніе чрезвычайно плодотворнаго дѣйствія, и у насъ не должно быть такихъ соображеній „осторожности“, которыя позволяли-бы намъ *мѣшать* этому дѣйствію. Царское правительство можетъ лишить революціонера „всѣхъ правъ состоянія“, но оно не можетъ отнять у него права на *самоотверженіе.* Къ этому святому праву всѣ мы должны относиться съ безусловнымъ уваженіемъ.

Польскіе товарищи, находящіеся въ акатуевской тюрьмѣ вмѣстѣ съ русскими авторами воззванія, объявляютъ себя совершенно солидарными съ нимъ. Они говорятъ:

„Мы, польскіе товарищи, отъ всей души присоединяемся къ воззванію нашихъ русскихъ товарищей. Мы увѣрены, что рабочіе Польши враждебно отнеслись къ царскому манифесту, и пользуемся случаемъ подчеркнуть полную братскую солидарность пролетаріата всей Россіи, безъ различія національностей“.

(Слѣдуютъ подписи).

Призывъ выбитыхъ изъ строя героевъ еще не успѣлъ дойти до ихъ родины, а передовые ростовскіе пролетаріи уже подняли свой голосъ для того же протеста.

На собраніи 120 чел., состоявшемся въ 20-хъ числахъ марта въ Ростовѣ на Дону, была принята слѣдующая резолюція:

„Принимая во вниманіе,

1) что война является, съ одной стороны, слѣдствіемъ той политики захвата, которую царское правительство всегда вело на Дальнемъ Востокѣ въ интересахъ буржуазіи, стремящейся къ расширенію внѣшняго рынка и въ интересахъ поддержанія своего престижа внутри страны и заграницей;

2) что война требуетъ громадныхъ жертвъ людьми и деньгами отъ народа, влечетъ за собой раззореніе крестьянства, усиленіе застоя въ промышленности и безработицу и что эти жертвы не могутъ быть ничѣмъ вознаграждены даже въ томъ случаѣ, если война будетъ побѣдоносна;

3) что всей своей тяжестью война ляжетъ несомнѣнно на рабочій классъ и крестьянство, какъ потому, что изъ этихъ слоевъ населенія составляется армія, такъ и потому, что правительство возлагаетъ на эти слои всю тяжесть государственныхъ налоговъ;

4) что война, возбуждая и раздувая національную рознь, отвлекаетъ вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ государства и мѣшаетъ росту классового сознанія рабочихъ,

собраніе протестуетъ противъ войны и призываетъ всѣхъ товарищей къ борьбѣ противъ самодержавія, которое постоянно измѣняетъ народнымъ интересамъ ради интересовъ его эксплуататоровъ и собственнаго самосохраненія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе, признавая, что международная соціальдемократія является единственно надежной защитницей мира и братства народовъ, шлетъ свой привѣтъ японскимъ рабочимъ, протестовавшимъ противъ войны и выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что ни эта война, ни тѣ осложненія въ международной политики, которыя она можетъ повлечь за собой, не остановитъ роста соціальдемократіи.

Да здравствуетъ международное братство народовъ!
Долой войну! Долой царское правительство!“

Одновременно съ ростовскими рабочими, высказались тверскіе.

Вотъ резолюція, единогласно принятая на собраніи 150 организованныхъ рабочихъ г. Твери, 21 марта (с. с.),

„Мы, организованные тверскіе рабочіе, какъ одинъ изъ отрядовъ Р. С.-Дем. Р. П., единогласно протестуемъ противъ русско-японской войны, начатой самодержавнымъ правительствомъ безъ согласія народа. Мы признаемъ, что эта война ведется во вредъ народу: преждевременная смерть десятковъ тысячъ работниковъ-кормильцевъ своихъ семействъ, потеря трудоспособности многими изъ оставшихся въ живыхъ, возрастаніе налоговъ и раззореніе — вотъ что несетъ она и безъ того уже обездоленнымъ массамъ. Мы признаемъ, что эта война ведется въ интересахъ самодержавія и буржуазіи: первое шумомъ военныхъ дѣйствій хочетъ заглушить все растущее народное недовольство, а вторая, въ случаѣ удачнаго исхода войны, можетъ получить новые рынки для сбыта своихъ товаровъ.

„Какъ одинъ изъ отрядовъ всемірной революціонной соціальдемократіи, мы протягиваемъ братскую руку нашимъ японскимъ товарищамъ соціальдемократамъ, и дружно присоединяемся къ ихъ протесту противъ войны, выгодной только нашимъ правительствамъ и пагубной для рабочаго класса безъ различія языка и національности.

„Мы категорически высказываемся, какъ вообще противъ международныхъ войнъ, такъ, въ частности, и противъ русско-японской войны и признаемъ лишь одну непримиримую войну съ нашими врагами — самодержавіемъ и буржуазіей.

„Долой самодержавіе! Долой войну! Да здравствуетъ международная соціальдемократія! Да здравствуетъ Рос. Соц.-Дем. Рабочая Партія!

Когда, наканунѣ франко-прусской войны, французскіе сознательные работники обмѣнивались выраженіями братской солидарности съ нѣмецкими соціалистическими пролетаріями, Карлъ Марксъ писалъ 27 іюля 1870 г. отъ имени Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества рабочихъ:

„... Одинъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ оффиціальная Франція и Германія бросаются въ братоубійственную войну, рабочіе Франціи и Германіи обмѣниваются миролюбивыми и дружественными посланіями, одинъ этотъ великій фактъ, подобнаго которому нѣтъ въ исторіи прошлаго, открываетъ перспективу лучшаго будущаго. Онъ доказываетъ, что лицомъ къ лицу со старымъ обществомъ, съ его экономическими бѣдствіями и его политическими ужасами, встаетъ новое общество, въ которомъ *миръ* будетъ основой международныхъ сношеній, потому что его законодателемъ будетъ *трудъ*“...

Эти строки великаго основателя международнаго научнаго соціализма невольно вспомнились намъ по поводу привѣта, посылаемаго ростовскими и тверскими пролетаріями своимъ японскимъ товарищамъ. Марксъ былъ правъ. Солидарность соціалистическихъ рабочихъ различныхъ странъ въ самомъ дѣлѣ есть великій, безпримѣрный въ исторіи фактъ, открывающій человѣчеству перспективу отраднаго будущаго.

Но въ эпоху Международнаго Товарищества Рабочихъ только самые передовые пролетаріи самыхъ передовыхъ *западныхъ* странъ способны были испытывать чувство этой солидарности. *Теперь* идея международнаго соціализма дошла даже до „*крайняго Востока*“. И это обстоятельство является однимъ изъ самыхъ яркихъ признаковъ ея распространенія. Какъ ни велико то искусство, съ которымъ буржуазія отстаиваетъ свои привилегіи, какъ ни вреденъ для пролетаріата разладъ, вызванный въ его собственныхъ рядахъ малодушіемъ и робостью мысли такъ называемыхъ ревизіонистовъ, „*а все-таки движется*“.

И все таки движется гораздо быстрѣе, чѣмъ этого можно было ожидать!

ГРЯДУЩІЙ КРИЗИСЪ.

Еще не улеглись грозныя волны кризиса, охватившаго русскую промышленность за послѣдніе четыре года, какъ уже доносятся вѣсти о новомъ усиленіи экономическаго застоя. Если продолжительный кризисъ, угнетавшій всю хозяйственную жизнь до сихъ поръ, былъ проявленіемъ глубочайшихъ противорѣчій капиталистическаго способа производства, противорѣчій между быстрымъ развитіемъ производительныхъ силъ и тѣсными рамками буржуазныхъ отношеній собственности, сковывающихъ это развитіе, то нынѣшнее обостреніе застоя является непосредственнымъ слѣдствіемъ войны. Всего два мѣсяца прошло со времени объявленія войны, а уже могучіе удары ея болѣзненно отзываются на всемъ хозяйственномъ организмѣ страны, и прежде всего, конечно, на тѣхъ „бѣлыхъ рабахъ“, на плечи которыхъ въ конечномъ счетѣ перелагаются всѣ бѣдствія, всѣ лишенія, всѣ язвы современнаго общества.

Незачѣмъ, конечно, говорить о Сибири, весь торгово-промышленный оборотъ которой въ корнѣ подорванъ войной. Призывъ запасныхъ, оторвавшій отъ обычной трудовой жизни цвѣтъ населенія, конская мобилизація, лишившая крестьянина рабочаго скота, необходимаго для работы и подвоза продуктовъ въ города, и, наконецъ, полное прекращеніе движенія грузовъ по желѣзной дорогѣ, уже успѣвшей наложить свою печать на весь укладъ хозяйственной жизни Сибири, — все это не могло не сказаться въ рядѣ банкротствъ, дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, безработицѣ. Еще большими бѣдствіями грозитъ созданное войною положеніе въ будущемъ. Недостатокъ рабочаго скота съ одной стороны, прекращеніе подвоза сельскохозяйственныхъ машинъ, съ поразительной быстротой начавшихъ было входить въ обиходъ земледѣльческаго хозяйства Сибири, съ другой, должны до крайности затруднить какъ обработку и обсѣмененіе полей, такъ и сборъ хлѣбовъ и травъ. Нѣтъ сомнѣнія, что война дастъ сильнѣйшій толчокъ тому разслоенію сибирскаго крестьянства на зажиточную буржуазію и сельскій пролетаріатъ, которое уже не со вчерашняго дня началось и значительно усилилось съ проведеніемъ желѣзной дороги и ростомъ денежнаго хозяйства. Обостреніе этого процесса подъ вліяніемъ войны отзовется острыми лишеніями, быстрымъ раззореніемъ для массы сельскаго населенія Сибири.

Но не одною Сибирью ограничились вызванныя войною бѣдствія. Потрясеніе кредита, остановка торговли съ Дальнимъ Востокомъ, общая неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, мѣшающая заключенію всякихъ долгосрочныхъ сдѣлокъ, усиленное навязываніе бумажныхъ денегъ, внушающее законное опасеніе за судьбу золотой валюты, — все это вызвало застой въ торговыхъ оборотахъ, раньше всего сказавшійся въ крупныхъ торговыхъ центрахъ: изъ Одессы, Риги, Кіева, Варшавы, Лодзи, Тифлиса, Баку — отовсюду сообщаютъ о прекращеніи платежей торговыми фирмами, о сокращеніи экспорта, о застоѣ во всѣхъ дѣлахъ. Такія же вѣсти идутъ и изъ Петербурга, гдѣ особенно отмѣчается почти полное отсутствіе иностранныхъ комми-вояжеровъ, обыкновенно въ это именно время переполнявшихъ всѣ петербургскія гостинницы. Область застоя какъ бы кольцомъ охватила всю Россію и все ближе и ближе подвигается къ ея центру.

Застой въ торговлѣ немедленно же отразился безработицей прежде всего въ цѣломъ рядѣ мелкихъ промысловъ — портняжномъ, столярномъ, слесарномъ и пр. Строительныя работы также почти прекратились, и десятки тысячъ рабочихъ и работницъ выброшены на улицу и подвергнуты всѣмъ ужасамъ безвыходной нищеты. Съ мелкихъ промысловъ безработица перекинулась уже и на крупныя производства. Уменьшается вывозъ керосина на востокъ, закрываются ящичные заводы въ Баку; грозятъ „сокращеніемъ рабочаго времени и вознагражденія“ (Курьеръ № 38), т. е., попросту говоря, безработицей и пониженіемъ заработной платы, на варшавскихъ фабрикахъ; „почти на половину“ сокращаютъ производство Лодзинскіе фабриканты (Нов.); „цѣлый рядъ фабрикъ и мастерскихъ прекратили уже работу“ въ Одессѣ (прокл. Одес. Ком. „Война и рабочіе); въ Ригѣ „на многихъ фабрикахъ, за недостаткомъ работы, распущено много рабочихъ, на другихъ же работаютъ всего нѣсколько дней въ недѣлю“ (Новости № 71); поколебались уже и Московскія фабрики (см. корр. изъ Вильны въ этомъ №).

А вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшительно всюду алчные спекулянты бѣлой и черной кости создаютъ себѣ богатства на бѣдствіяхъ народа. „Благородное“ дворянство и „именитое“ купечество, жертвуя одной рукой „патріотическую“ дань на алтарь отечества, другою тщательно запираютъ въ амбарахъ запасы хлѣба и другихъ жизненныхъ продуктовъ, разсчитывая на повышеніе цѣнъ, на выгодныя поставки и подряды, на наживу насчетъ тѣхъ самыхъ „героевъ“, которыхъ не устаютъ прославлять лицемѣрно крикливыя уста. Для сахарозаводчиковъ, даже ихъ собственныя „патріотическія“ пожертвованія, и безъ того обставленныя ростовщическими условіями („Искра“ № 61), служатъ предлогомъ повысить цѣны на сахаръ „въ виду сокращенія запаса“ (Одесск. Новости № 6245). Проявившееся кое-гдѣ стремленіе правительства нормировать цѣны полицейскими указами, разумѣется, немногимъ поможетъ дѣлу.

И одновременно съ пониженіемъ заработковъ, съ полной безработицей идетъ быстрое повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, мясо овощи, дрова, сахаръ и пр. и пр. Голодъ стучится въ двери рабочаго народа, того самаго народа, именемъ котораго прикрываютъ самодержавные хищники свои завоевательныя авантюры. Кризисъ, вызванный войною, только начинается, а мы уже слышимъ о тифѣ въ рабочихъ кварталахъ Одессы, о „сильномъ развитіи проституціи“, объ „увеличеніи грабежей, кражъ и убійствъ“ въ Прибалтійскомъ краѣ и другихъ мѣстностяхъ. Тифъ — это послѣдній даръ „отечества“ работнику, выматывавшему изъ себя всѣ силы, пока капиталъ находилъ въ томъ свою выгоду. Проституція — это послѣдній удѣлъ работницы, которая даже за грошевую плату не находитъ покупателей на свои трудовыя руки и можетъ избѣжать голодной смерти, лишь отдавъ на поруганіе денежному мѣшку свое тѣло и свою душу. Грабежи, кражи и убійства — это послѣднее средство, къ которому прибѣгаетъ доведенный до отчаянія пролетарій, не захваченный еще облагораживающимъ потокомъ классовой борьбы; это месть за всѣ лишенія, за голодающую семью, за униженія, за вѣковой гнетъ, за невѣжество, которое служитъ въ рукахъ капиталистическаго общества орудіемъ, задерживающимъ развитіе классового сознанія въ его паріяхъ.

Но, конечно, этими примитивными формами непосредственнаго протеста и самообороны дѣло не ограничится. И не только потому, что сознательность, сплоченность, политическая воспитанность русскаго рабочаго класса слишкомъ далеко подвинулись впередъ, но и потому, что бѣдствія кризиса охватываютъ уже, и еще больше охватятъ въ недалекомъ будущемъ, слишкомъ большую массу рабочаго народа, а протестъ массы никакъ не можетъ уложиться въ тѣсныя рамки „своихъ средствій“, дающихъ тотъ или иной исходъ накипѣвшему чувству отдѣльныхъ лицъ. Распространеніе же застоя на всю экономическую жизнь страны почти несомнѣнно. Слишкомъ тѣсными узами связаны другъ съ другомъ всѣ отрасли производства въ капиталистическомъ обществѣ, чтобы возможна была локализація кризиса. И временный подъемъ производства въ сферахъ, непосредственно обслуживающихъ военныя потребности, мало что можетъ измѣнить въ общей картинѣ положенія дѣлъ. Къ тому же, русскіе заводы слишкомъ неприспособлены къ производству многихъ предметовъ военнаго потребленія, чтобы быть въ состояніи исполнять заказы въ требуемый срокъ, и въ газетахъ проскользнуло уже извѣстіе, что — въ виду отказа русскихъ заводчиковъ — военное министерство вынуждено обращаться съ заказами заграницу. Внезапная пріостановка желѣзнодорожнаго строительства, затрудненія въ транспортѣ, ожидаемое повышеніе всевозможныхъ пошлинъ и налоговъ, грозящій переходъ къ бумажной валютѣ — все это еще болѣе усилитъ кризисъ и расширитъ его область распространенія. Прекращеніе же или затрудненіе подвоза американскаго хлопка, весьма возможное при современномъ положеніи международныхъ дѣлъ, грозило бы такимъ промышленнымъ крахомъ, такими неслыханными бѣдствіями для пролетаріата, какихъ еще не знала капиталистическая Россія.

Широкій разливъ безработицы и огромный подъемъ недовольства и протеста рабочей массы стоятъ на очереди. И вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ соціальдемократіей, передъ сознательнымъ авангардомъ рабочаго класса — наряду съ усиленной пропагандой соціалистическихъ идей, для которой создается такая благодарная почва той обнаженностью, съ какой выступаютъ въ кризисѣ непримиримыя противорѣчія капиталистическаго общества — встаетъ неотложная задача овладѣть этимъ стихійнымъ движеніемъ протеста, подчинить его своему руководству, направить въ русло классовой политики пролетаріата.

Соціальдемократія должна помочь пролетаріату политически оріентироваться, отдѣлить себя отъ соприкасающихся съ нимъ элементовъ и уяснить себѣ антагонистическую игру интересовъ современнаго русскаго общества. Въ какую форму выльется стихійный взрывъ — почти не зависитъ отъ насъ. И потому было бы чистымъ безуміемъ, еслибы мы вздумали пріурочить всю нашу организаціонную и агитаціонную дѣятельность лишь къ одной изъ возможныхъ формъ массоваго протеста. Все, что мы — по состоянію нашихъ силъ — можемъ сдѣлать въ этомъ направленіи, это употребить всѣ усилія, чтобы разъяснить рабочему классу невозможность разсчитывать въ эпоху кризиса на стачку, какъ на орудіе завоеванія непосредственныхъ матеріальныхъ выгодъ, съ одной стороны, и указать на опасность изолированныхъ, малолюдныхъ, не руководимыхъ ясно сознанною цѣлью насильственныхъ взрывовъ, съ другой; такіе взрывы въ атмосферѣ осаднаго положенія послужили бы только въ рукахъ правительства средствомъ — рядомъ кровопусканій ослабить рабочій классъ къ моменту рѣшительной битвы.

Конечно, эти задачи наши, какъ онѣ ни малы относительно, все же достаточно велики и важны, чтобы соціальдемократія отнеслась къ нимъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ. Онѣ же будутъ неоднократно вставать передъ нами въ самомъ ходѣ стихійнаго движенія; и поскольку для насъ вообще возможно внести въ этотъ массовый потокъ элементы организаціи и подготовленности, постольку мы обязаны сдѣлать это, хотя бы цѣною напряженія всѣхъ нашихъ силъ. Но было бы крупной ошибкой преувеличивать доступную намъ мѣру воздѣйствія въ *этомъ* направленіи и закрывать глаза на то, что въ значительной степени *стихійной* будетъ та форма, въ которую воплотится наростающая неудовлетворенность и недовольство рабочихъ массъ, и что съ этой стихійной формой — будь то всеобщая стачка, не ставящая себѣ никакихъ опредѣленныхъ экономическихъ цѣлей, массовыя манифестаціи безработнаго и голодающаго народа на улицахъ городовъ, попытки силою подчинить своимъ интересамъ административную и хозяйственную машину, или, наконецъ, постепенный переходъ отъ стачки черезъ демонстрацію къ возстанію — намъ придется считаться, какъ съ данною. Было бы въ высшей степени опасно, еслибы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго *организаціоннаго* руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили бы въ полной мѣрѣ первостепенную важность укрѣпленія элементовъ нашего *политическаго* руководства рабочимъ классомъ, и позабыли бы, что если первое и допускаетъ еще при извѣстныхъ условіяхъ концентрированіе всей соціальдемократической сознательности и политическаго умѣнья въ кружкѣ руководителей движенія, „вождей“ его, то второе настоятельно требуетъ разлитія этой сознательности и этого умѣнья въ непрерывно расширяющіеся слои пролетаріата. Только при такомъ условіи и становится возможнымъ дѣйствительное политическое руководство, когда лозунги, исходящіе изъ верхушки партіи и основанные на тщательномъ и продуманномъ изученіи политической жизни, встрѣчаютъ ростущую волну пониманія съ низинъ рабочей массы; и только при такомъ условіи возможны и сколько-нибудь прочныя организаціонныя связи наши съ массой.

Потому-то тѣ немногіе дни, которые еще отдѣляютъ насъ отъ открытаго проявленія пролетарскаго протеста, подъ напоромъ безработицы, нужды и голода, мы должны прежде всего посвятить политическому воспитанію того авангарда рабочаго класса, который уже охваченъ и съ каждымъ днемъ все болѣе охватывается организаціонной и агитаціонной дѣятельностью нашей партіи; онъ послужитъ резервуаромъ, изъ котораго обильными струями будетъ просачиваться классовое сознаніе въ глубины рабочаго моря, цементомъ, который неразрывно свяжетъ соціальдемократическую партію съ тѣми аморфными пролетарскими массами, интересы которыхъ она стремится безпримѣсно выразить въ своей программѣ, тактикѣ, организаціи. Только такая крѣпкая, живая связь и сдѣлаетъ соціальдемократію дѣйствительно политической партіей рабочаго класса, не дастъ ей превратиться въ машину, съ которой снятъ передаточный ремень, и которая — какую бы огромную силу она ни развивала — работаетъ безплодно, не приводя въ движеніе и не направляя никакого реальнаго производственнаго процесса...

Итакъ, политическое воспитаніе доступныхъ нашему воздѣйствію массъ — вотъ очередная задача. Но воспитаніе массъ не можетъ быть основано исключительно на устной проповѣди отвлеченныхъ началъ соціалистической науки; оно не можетъ ограничиться и однимъ агитаціоннымъ воздѣйствіемъ. Агитація — устная и посредствомъ прокламацій — будитъ чувство протеста, будитъ политическую мысль, даетъ элементы политическаго пониманія, но всего этого мало. Масса дѣйствительно учится, дѣйствительно воспитывается лишь въ процессѣ *политическаго дѣйствія*. Чѣмъ шире будетъ кругъ рабочихъ, вовлеченныхъ въ непосредственную политическую дѣятельность, принимающихъ активное участіе въ направленіи политической работы нашей партіи, тѣмъ плодотворнѣе будетъ этотъ подготовительный періодъ въ смыслѣ обезпеченія за соціальдемократіей руководства движеніемъ рабочаго класса въ революціонную эпоху.

Война и вызванный ею кризисъ даютъ благодарную почву для такого воспитанія передовыхъ слоевъ рабочаго класса въ активной политической дѣятельности, и мы должны умѣло воспользоваться политической конъюнктурой, чтобы поставить этихъ застрѣльщиковъ пролетаріата лицомъ къ лицу не только съ самодержавнымъ правительствомъ, истиннымъ виновникомъ войны и вызванныхъ ею бѣдствій, но и со всѣми классами русскаго общества, которые въ процессѣ политической ликвидаціи царизма окажутся то явными врагами, то временными союзниками рабочаго класса.

Безработица — первый результатъ войны — должна послужить поводомъ для протеста противъ тѣхъ организацій имущихъ классовъ, которыя въ той или иной формѣ поддерживаютъ войну. Городскія думы, земства, дворянскія и купеческія собранія, съѣзды промышленниковъ, всѣ общественныя учрежденія, жертвующія деньги на флотъ и другія военныя надобности, всѣ они должны натолкнуться на протестъ пролетаріата, въ формѣ ли вынесенныхъ на рабочихъ собраніяхъ резолюцій, разсылаемыхъ по домамъ или разбрасываемыхъ на улицахъ, въ формѣ ли враждебныхъ манифестацій явившихся на засѣданія рабочихъ, или въ какой-либо иной формѣ, наиболѣе соотвѣтствующей условіямъ времени и мѣста.

Дороговизна съѣстныхъ припасовъ сблизитъ рабочій классъ въ его протестѣ съ мелкимъ городскимъ мѣщанствомъ, одинаково страдающимъ отъ этой дороговизны, и крупнымъ завоеваніемъ для пролетаріата будетъ пробужденіе подъ его вліяніемъ *политическаго* недовольства въ этой инертной доселѣ средѣ. Здѣсь также возможенъ рядъ обращеній рабочихъ собраній къ мелкому городскому населенію съ разъясненіемъ причинъ угнетающаго всѣхъ кризиса, съ призывомъ къ совмѣстной борьбѣ въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускаются классовымъ положеніемъ мѣщанства, отличнымъ отъ классового положенія пролетаріата. Такъ своей борьбой рабочій классъ пробудитъ къ сознательной политической жизни, толкнетъ въ политическую борьбу новый слой мелкой буржуазіи. Еще болѣе благопріятная почва создается для агитаціи среди страдающаго отъ дороговизны и безработицы сельскаго пролетаріата, обостренія его классоваго антагонизма съ сельской буржуазіей и сближенія съ городскими рабочими. А протестъ рабочаго класса противъ поддержки военныхъ авантюръ правительства со стороны представителей имущихъ классовъ усилитъ тѣ элементы ихъ, которые умѣютъ уже ставить основные интересы своего класса выше соображеній минутнаго политиканства и понимаютъ, что *классовые* интересы всѣхъ развивающихся слоевъ русскаго капиталистическаго общества повелительно требуютъ низверженія самодержавія и, слѣдовательно, не могутъ мириться съ поддержкой той войны, главная цѣль которой — укрѣпленіе самодержавія. Такъ, самой борьбой своей противъ имущихъ классовъ, рабочій классъ толкнетъ ихъ на путь болѣе широкой политической борьбы, заставивъ струну ихъ *классовыхъ* интересовъ звучать сильнѣе и заглушать нестройный аккордъ противорѣчивыхъ групповыхъ и личныхъ интересовъ минуты.

Такимъ образомъ, открывается необозримое поле для политическаго дѣйствія и политическаго воспитанія все растущихъ массъ рабочаго класса, и задача соціальдемократіи использовать этотъ процессъ столкновенія рабочихъ лицомъ къ лицу съ представителями всѣхъ классовъ русскаго народа для выясненія тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, тѣхъ граней, которыя его отъ нихъ отдѣляютъ. Но, конечно, — и это необходимо помнить — въ полной мѣрѣ эта политическая активность можетъ быть использована лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ остерегаться тѣхъ шаблонныхъ формъ, которыя позволяютъ намъ подмѣнять *самодѣятельность* рабочаго класса нашей собственной дѣятельностью. Всѣ резолюціи, протесты, петиціи, постановленія и пр. и пр. имѣютъ въ этомъ смыслѣ цѣну лишь постольку, поскольку они являются сознательнымъ выраженіемъ политической воли участниковъ всѣхъ этихъ дѣйствій, поскольку каждое слово резолюціи дѣйствительно сознательно продумано и усвоено каждымъ голосующимъ за нее рабочимъ.

Не надо ни на минуту забывать, что тотъ взрывъ стихійнаго протеста, на встрѣчу которому мы идемъ, совершится въ такой соціально-политической обстановкѣ, что можетъ послужить непосредственнымъ прологомъ той революціи, которую такъ долго ждутъ, и которая все-же придетъ вдругъ, незамѣтно, какъ „тать въ нощи“. Но революція — это не просто штурмъ Зимняго дворца и изгнаніе оттуда самодержца, это — насильственная развязка тысячи самыхъ сложныхъ, самыхъ запутанныхъ вопросовъ соціально-политической жизни, и схематическія формулы „долой самодержавіе“ и „да здравствуетъ соціализмъ“, давая общіе руководящіе принципы нашей агитаціи, сами по себѣ, безъ отчетливаго и яснаго пониманія конкретной соціально-политической обстановки и умѣнья оріентироваться въ ней, ни на іоту не могутъ помочь въ отысканіи той нити классоваго движенія, за которую мы должны крѣпко держаться въ нашихъ странствованіяхъ по лабиринту текущей политики.

Но если мы будемъ все это помнить и направимъ наши силы на подготовку элементовъ для политическаго руководства нашего борьбой рабочаго класса, грядущій кризисъ, грядущая волна стихійнаго протеста не застанутъ насъ безпомощными. Если бы тогда какой-нибудь несчастный случай и вырвалъ изъ среды борющагося пролетаріата руководившій имъ до тѣхъ поръ комитетъ, мы можемъ быть спокойны: сѣмя политическаго воспитанія, соціальдемократической сознательности, сѣмя, посѣянное нами въ періодъ „подготовительныхъ“ работъ, не заглохнетъ. Въ атмосферѣ обостренной политической борьбы оно взойдетъ пышнымъ колосомъ, и масса, лишившаяся однихъ вождей, съумѣетъ выдвинуть изъ своей среды десятки другихъ, привыкшихъ къ самодѣятельности и политической активности. А это будетъ значить, что наша Партія исполнила свое дѣло, и, если какимъ-нибудь чудомъ исчезнутъ вдругъ всѣ нынѣшніе комитетскіе соціальдемократы, рабочимъ классомъ все же будетъ руководить соціальдемократія!

ПОРАЖЕНІЯ И ПОБѢДЫ НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКѢ.

Два извѣстія пришли почти одновременно съ Дальняго Востока...

Броненосецъ „Петропавловскъ“ взлетѣлъ на воздухъ... Японская ли мина взорвала его, или русская — объ этомъ еще спорятъ. Но все равно. И тѣ и другія уже не мало поработали надъ разрушеніемъ царскаго флота. Ретвизанъ, Цесаревичъ, Паллада, цѣлый рядъ затопленныхъ миноносцевъ и раненыхъ крейсеровъ съ одной стороны; Енисей, Бояринъ — съ другой. А кромѣ того еще Варягъ и Кореецъ, взорванные потому, что иначе они попались бы въ плѣнъ Японцамъ. Такъ не все-ли равно, въ какую категорію зачислить Петропавловскъ Въ чемъ больше чести для царскаго флота: быть взорваннымъ японскимъ динамитомъ, или русскимъ? Быть можетъ, для „патріотовъ“ послужитъ большимъ утѣшеніемъ мнѣніе одного французскаго адмирала, что катастрофа съ Петропавловскомъ доказываетъ „превосходныя качества русскихъ минъ“, но и это утѣшеніе не вернетъ царскому флоту одинъ изъ лучшихъ его броненосцевъ, не превратитъ остатки русской эскадры въ грозную боевую силу...

„Счастье, счастье, надо же сколько нибудь и ума“, говорилъ Суворовъ тѣмъ, кто всѣ его успѣхи приписывалъ слѣпому случаю. „Несчастье, несчастье, надо же сколько нибудь, да и не мало, глупости“, можно сказать тѣмъ „патріотамъ своего отечества“, которые силятся на „неисповѣдимую волю судебъ“ свалить всѣ неудачи царской военной кампаніи.

Нѣтъ, не случайность всѣ эти неудачи. Онѣ подготовлены той безпорядочностью, той халатностью, съ которою вообще ведется все царское хозяйство и которою пропитаны всѣ слуги его; той безпечностью авантюристовъ, которая позволяетъ затѣвать самыя рискованныя предпріятія и спустя рукава относиться къ подготовкѣ ихъ; тѣмъ канцелярскимъ формализмомъ, для котораго все обстоитъ благополучно, когда всѣ соотвѣтствующія бумаги составлены по формѣ и занумерованы надлежащимъ образомъ; тѣмъ неумѣньемъ организовать сколько-нибудь сложныя предпріятія, которое неизбѣжно для хищниковъ, привыкшихъ жить со дня на день, жить, закрывая глаза на будущее. Онѣ подготовлены той ролью паразита на народномъ организмѣ, которую уже такъ давно играетъ самодержавіе; той ролью, которая заставляетъ его душить всякіе проблески самостоятельной мысли, всякіе порывы свободнаго творчества, смѣлой инниціативы, забивать человѣка въ крестьянинѣ, въ рабочемъ, превращать въ машину, слѣпого исполнителя чужихъ приказаній — солдата, фатально концентрировать вокругъ трона самодержца всѣ виды низости, раболѣпства, дряблости, умственнаго и нравственнаго убожества, хищничества. Онѣ подготовлены, наконецъ, тѣмъ хвастливымъ самодовольствомъ, той безмѣрною наглостью, тѣмъ презрѣніемъ къ врагу, которое воспитано въ самодержавіи привычкой къ хищническимъ набѣгамъ на слабыхъ восточныхъ сосѣдей, систематическимъ угнетеніемъ всѣхъ „подвластныхъ“ народовъ, длиннымъ рядомъ лѣтъ побѣдоносной войны противъ безоружныхъ подданныхъ.

Вотъ гдѣ корень того неумѣнья бороться съ серьезнымъ противникомъ, которое такъ ярко обнаружилось въ нынѣшней войнѣ, того сцѣпленія кажущихся „случайностей“, которое непрерывно толкаетъ царскія суда то на японскія, то на русскія мины. И уже первый день войны, этотъ знаменитый балъ у адмирала въ то время, какъ японскіе миноносцы взрывали русскія суда; и „забытый“ въ Шанхаѣ „Манджуръ“; и раскраденные запасы въ Портъ-Артурѣ; и „недостатокъ провизіи“ въ Манджуріи, „окупающійся“, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 72), „высокимъ подъемомъ духа“; и та общая „неподготовленность“, въ которой сознавалось само правительство... Какихъ еще нужно свидѣтельствъ, чтобы раскрыть глаза тѣмъ, которые видятъ въ несчастіяхъ самодержавія простую случайность?

И вотъ, вчера Баянъ поврежденъ миной, сегодня Побѣда получила пробоину, миноносецъ затопленъ. И, наконецъ, Петропавловскъ... Адмиралъ Макаровъ — надежда „патріотовъ“ популярный вождь царскаго флота, — весь его штабъ, почти всѣ офицеры и весь экипажъ — болѣе 700 человѣкъ — въ одну минуту стали добычей смерти. И вѣсть объ этой трагической гибели сотенъ молодыхъ жизней; объ этомъ внезапномъ исчезновеніи той силы, которая еще за минуту передъ тѣмъ казалась такою увѣренною, такою несокрушимою, и въ то же время съ роковой необходимостью неслась на мину, таившую въ себѣ ея смерть; объ этомъ погруженіи въ морскія пучины могучаго броненосца, соименника той Петербургской Бастиліи, на которую такъ долго опиралось самодержавіе, въ которой оно душило и душитъ борцовъ за новую, свободную и развивающуюся Россію; эта вѣсть грознымъ пророчествомъ должна прозвучать для самодержавія. Пусть оно кажется сильнымъ, грознымъ, могучимъ; кто умѣетъ заглядывать впередъ, кто привыкъ не скользить взоромъ по поверхности, а смотрѣть въ глубины народнаго моря, тотъ видитъ, какъ на всѣхъ парахъ несется самодержавіе на тѣ мины, которыя взорвутъ его. И эти мины не японскія; онѣ заложены собственной рукой самодержавія, онѣ начинены той ненавистью, которая вызвана вѣковымъ гнетомъ царизма, тою жаждою свободы и свѣта, которая охватила уже широкіе слои трудящихся массъ...

Еще одна вѣсть пришла почти въ то же время съ Дальняго Востока. Это вѣсть о побѣдѣ царскихъ войскъ. Еще въ началѣ марта одержана эта побѣда, но царское правительство не спѣшило сообщить о ней по телеграфу ни своимъ „подданнымъ“, ни другимъ народамъ. И только теперь появляются въ иностранныхъ газетахъ реляціи объ этой побѣдѣ. Она одержана не въ Портъ-Артурѣ, не во Владивостокѣ, не на берегахъ Ялу; она одержана въ Якутскѣ. Царскія войска штурмомъ взяли домъ, въ которомъ заперлось чел. 50-60 политическихъ ссыльныхъ.

Уже неоднократно сообщалось о тѣхъ драконовскихъ мѣрахъ, которыя правительство начало примѣнять въ послѣднее время къ попавшимся въ его руки борцамъ за свободу. Висѣлица, каторга, арестантскія роты снова появились на сцену. Къ ссылаемымъ въ Сибирь — а они теперь насчитываются сотнями — правительство начало также относиться съ безпощадною жестокостью. Цѣлыми сотнями препровождаютъ ссыльныхъ въ самыя отдаленныя, самыя глухія мѣста Якутской области. Профессіональные революціонеры и случайно замѣшанные въ политическія дѣла, интеллигенты и рабочіе, семейные люди и молодыя дѣвушки — всѣхъ ихъ безъ разбору разселяютъ по одиночкѣ, въ глухихъ якутскихъ улусахъ, среди инородческаго населенія, безъ общества, безъ книгъ, безъ почты, безъ возможности услышать дружеское слово, безъ сколько-нибудь сносныхъ жилищъ, безъ заработка. Сотни молодыхъ жизней, полныхъ силъ, жажды свободы и счастья, осуждены на медленное увяданіе, на голодъ и холодъ въ этой обстановкѣ, по сравненію съ которой раемъ представляется тюрьма, гдѣ за стѣной слышишь сосѣда — соратника въ славной борьбѣ...

И вотъ, къ началу марта „самовольно отлучившіеся“ ссыльные изъ ближнихъ улусовъ начали съѣзжаться въ Якутскъ, чтобы сообща протестовать противъ той медленной казни, которой подвергаетъ ихъ царское правительство, слишкомъ трусливое, чтобы казнить ихъ однимъ ударомъ.

Ихъ требованія, предъявленныя Якутскому губернатору, остались, разумѣется, безъ результата. Дальше, по сообщеніямъ иностранныхъ газетъ, дѣло пошло такимъ образомъ: губернаторъ приказалъ окружить домъ, въ которомъ пребывали всѣ съѣхавшіеся ссыльные, арестовывать каждаго, кто выйдетъ изъ этого дома, и — главное — *не пропускать въ домъ провизіи.*

Такимъ образомъ съ 5 по 17 марта (повидимому, нов. стиля) осажденныхъ морили голодомъ. Когда же они, доведенные до отчаянія, начали стрѣлять въ часовыхъ, на помощь къ цѣлой оравѣ полиціи прибыло „подкрѣпленіе“ изъ 80 солдатъ, и, на концѣ, 20 марта славное царское войско взяло штурмомъ деревянную крѣпость, въ которой забаррикадировались 56 ссыльныхъ, въ числѣ которыхъ было много женщинъ. При этомъ изъ 56 осажденныхъ одинъ былъ убитъ и трое ранены. Всѣ „плѣнные“ предаются суду.

Такова вѣсть о побѣдѣ царскихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ.

Честь и слава царскимъ войскамъ! Честь и слава самодержавію, прикрывающему Портъ-Артурскія пораженія якутскими побѣдами! Пусть японскія мины взрываютъ царскія суда, пусть японскія войска заставляютъ отступать передъ собою царскую армію, самодержавіе будетъ искать утѣшенія въ побѣдахъ надъ безоружными россійскими гражданами, свои пушки, ружья, штыки оно направитъ противъ борцовъ за свободу, противъ борющихся за лучшую долю рабочихъ, противъ возставшихъ крестьянъ! Такихъ побѣдъ уже не мало насчитываетъ за последніе годы царское правительство; не будетъ скоро, кажется, такого клочка русской земли, который не впиталъ бы въ себя кровавые слѣды этихъ побѣдъ. Будутъ онѣ еще и впереди. Но близится день, когда и борьба съ россійскими гражданами перестанетъ дарить побѣдные лавры самодержавію, когда и внутренняя война принесетъ ему такія же пораженія, какія несетъ съ каждымъ днемъ война внѣшняя. Въ томъ порукою — тотъ потокъ возмущенія и недовольства, который съ каждымъ годомъ охватываетъ все болѣе и болѣе широкіе слои народа, который начинаетъ уже захлестывать и главную опору царскаго трона — армію. А пока имена Портъ-Артура и Якутска пусть громко говорятъ всему свѣту о пораженіяхъ и побѣдахъ самодержавія на Дальнемъ Востокѣ, о воинскихъ доблестяхъ царскаго правительства!

НА ОЧЕРЕДИ.

По поводу последней моей статьи подъ этой же рубрикой въ №60 „Искры“ намъ пишетъ одинъ товарищъ: „Въ статьѣ Мартова въ № 60 кое что не совсѣмъ ладно сказано. „Оппозиція“ (меньшинство-тожь) принципіально высказалась за кооптацію въ „свои“ комитеты сторонниковъ „большинства“, разъ они удовлетворяютъ дѣловымъ требованіямъ, и не только приняла это рѣшеніе, но и примѣняетъ его на практикѣ. Такъ, недавно Кіевскій комитетъ кооптировалъ одного рѣшительнаго сторонника большинства“.

Указанный товарищемъ фактъ, какъ и нѣкоторые другіе, не былъ извѣстенъ, когда я писалъ свою статью. „Меньшинство“ и не можетъ, если не захочетъ измѣнять своимъ принципамъ, проводить тактику самоотгораживанія „китайской стѣной“ отъ товарищей, въ данный моментъ расходящихся съ нимъ по ряду организаціонныхъ вопросовъ. Но, какъ бы ни понимало хорошо „меньшинство“, что совмѣстная работа во всѣхъ организаціяхъ — лучшее средство для исцѣленія всѣхъ золъ, вызванныхъ нынѣшнимъ конфликтомъ, — оно можетъ быть, какъ я старался показать, приведено къ печальной необходимости обороняться противъ системы „выживанія“ его изъ партійной организаціи такими средствами, которыя имъ осуждаются. Если я, упоминая объ этомъ въ № 60, говорилъ не предположительно только, то я дѣлалъ это, имѣя въ виду слышанныя мною отъ товарищей изъ „большинства“ жалобы на то, что та или иная организація, солидарная съ „меньшинствомъ“, не допустила въ свои ряды того или другого „твердаго“ товарища. Факты, приводившіеся при этомъ, до сихъ поръ не могли быть провѣрены мною. Цитированное мною письмо позволяетъ надѣяться, что „меньшинство“ не позволитъ товарищамъ изъ „большинства“ довести его до этой печальной необходимости.

Товарищъ говоритъ далѣе: „Слѣдовало бы рѣзче подчеркнуть связь московской резолюціи съ общей позиціей „бюрократическаго“ централизма“. Мнѣ кажется, связь эта достаточно ясна. Московскіе товарищи, видимо, хорошо понимаютъ, что сильная централизованная организація предполагаетъ возможно полную гармонію между отдѣльными ея частями. Стремленіемъ поддержать эту гармонію я только и могу объяснить ихъ желаніе ограничить свои собственныя права по опредѣленію своего состава. Къ сожалѣнію, они не замѣчаютъ, что выбранныя ими для этого средства не ведутъ къ цѣли. Вѣдь, гармонія отдѣльныхъ частей организаціи намъ нужна не сама по себѣ, а лишь какъ средство *усиленія* организаціи. Послѣдняя же можетъ усиливаться только въ той мѣрѣ, въ какой будетъ поглощать всѣ наиболѣе политически зрѣлые, сознательные и революціонно-выдержанные элементы движенія. При *демократическомъ* типѣ партійной организаціи это основное условіе ея силы достигается широкимъ примѣненіемъ выборности и гласности. Въ періодъ, предшествовавшій второму съѣзду партіи, тотъ же результатъ достигался „свободнымъ соревнованіемъ“ отдѣльныхъ группъ и единицъ, и достигался очень несовершенно, поскольку такому „естественному отбору“ противодѣйствовалъ обратный „полицейскій отборъ“, періодически отрывавшій отъ движенія самыхъ лучшихъ дѣятелей. Если задачей централистической организаціи является внесеніе въ этотъ стихійный процессъ возможно большей планомѣрности, то было бы крайне нелѣпо начинать съ того, чтобы пытаться вовсе уничтожить этотъ живой и всегда дѣйствительный источникъ силы организаціи — свободное соперничество революціонеровъ. Къ такой цѣли неизбѣжно служило бы предносящееся многимъ „твердымъ“ централистамъ превращеніе партійной организаціи, призванной руководить движеніемъ, въ строго замкнутую группу, каждая часть которой рядомъ „законовъ“ и „циркуляровъ“ a priori закрыта доступу всѣхъ элементовъ, могущихъ внести въ организацію какой-нибудь новый оттѣнокъ партійной мысли. Если бы эта цѣль была достигнута, мы добились бы только того, что ослабили бы партійную организацію, лишивъ ее ровно столькихъ источниковъ ея вліянія на массы, сколько революціонныхъ силъ оставлено ею за ея бортомъ.

Партійной организаціи въ цѣломъ нужна такая гармонія всѣхъ ея частей, при которой возможно было бы единство политическаго дѣйствія. Но такая гармонія — при тѣхъ условіяхъ, которыя исключаютъ возможность демократическаго контроля надъ нашей организаціей со стороны массы сознательныхъ пролетаріевъ — мыслима только, какъ результатъ *взаимоприспособленія* отдѣльныхъ элементовъ, которые — при всемъ разнообразіи оттѣнковъ, характеризующемъ ихъ, — сочли возможнымъ провозгласить *формальное* свое объединеніе въ одну партію. Связанные общностью программы и основныхъ тактическихъ взглядовъ, различные элементы нашей партіи должны *заставить* себя работать сообща въ отдѣльныхъ частяхъ партійной организаціи, ибо только при такой совмѣстной работѣ будетъ совершаться процессъ *фактическаго* сплоченія россійской соціальдемократіи въ организованную партію. Легкое дѣло — и это хорошо знаемъ — добиться полной однородности всѣхъ партійныхъ комитетовъ, искусственно „составивъ“ ихъ изъ людей одного „оттѣнка“ или искусственно ограничивъ для всѣхъ въ пропорцію людей другого оттѣнка. Но достигнутая такимъ образомъ „гармонія“ внутри руководящей партійной организаціи съ избыткомъ будетъ парализована вопіющей дисгармоніей между нею и партійной „периферіей“. Реальное соотношеніе политическихъ силъ такъ или иначе дастъ себя знать и выгнанное въ окно комитетской организаціи вліяніе „постороннихъ“ элементовъ (а въ наши дни иногда достаточно не согласиться съ одной страницей „Что дѣлать?“, чтобы быть зачисленнымъ въ „посторонніе“ элементы) влетитъ въ эту организацію черезъ ту или другую дверь партійной периферіи.

Ясно, что обезпечивать „гармонію“ такимъ „легкимъ“ способомъ, — значитъ, совершенно *бюрократически* представлять себѣ задачи партійнаго развитія.

При условіи, что руководящія партійныя организаціи на мѣстахъ *не могутъ* набираться совокупностью сознательныхъ рабочихъ, элементъ „авантюризма“ — случайности и произвола — въ подборѣ состава этихъ организацій, по необходимости, всегда будетъ играть извѣстную роль. Въ этомъ ахиллесова пята такой организаціи, какъ наша. Тѣмъ важнѣе для нея существованіе такого партійнаго центра, который бы *могъ* видѣть задачу своего политическаго руководства въ томъ, чтобы систематически противоборствовать тенденціи каждой отдѣльной группки революціонеровъ замкнуться въ „однородный“ кружокъ. Тѣмъ легче, разумѣется, эта задача могла бы выполняться, чѣмъ скорѣе, подъ руководствомъ *такого* центра, политическая дѣятельность партіи принимала бы размѣры дѣйствительно *партійной* работы, чѣмъ болѣе отходилъ бы въ прошлое тотъ разрозненный, „кустарный“ характеръ работъ отдѣльныхъ организацій, который воспиталъ нашу „психологію кружка“.

Вотъ почему такъ справедливо требованіе — не то, чтобы центръ „отражалъ“ въ себѣ всѣ „оттѣнки“ (это и фактически немыслимо), — а чтобы онъ стоялъ „выше“ отдѣльныхъ оттѣнковъ, т. е. выше отдѣльныхъ враждующихъ между собой по тѣмъ или инымъ вопросамъ партійныхъ группъ. Стоять выше ихъ — не значитъ относиться съ одинаковымъ равнодушіемъ къ тому и другому изъ представленныхъ этими группами теченій; это значитъ только — сумѣть стать выше „организаціонныхъ осложненій“ борьбы между ними, это значитъ, — обладать тѣмъ политическимъ *тактомъ*, безъ котораго нельзя и представить себѣ дѣйствительнаго политическаго вождя. Разумѣется, представленіе о партійномъ центрѣ, какъ призванномъ, прежде всего, поддерживать „осадное положеніе“ противъ той или другой части партіи, прямо исключаетъ *такую* задачу его политики.

Но если, за грѣхи наши, мы до такой централизаціи партійнаго разума (а весь разумъ пролетарской политики и сводится, въ сущности, къ сплоченію всѣхъ силъ пролетарскаго движенія) еще не дожили, то обязанность всѣхъ тѣхъ членовъ партіи, въ комъ живо чувство отвѣтственности за сохраненіе партійнаго единства, не допускать, чтобы *мѣстныя* организаціи „отгораживались китайской стѣной“ отъ несогласномыслящихъ товарищей по партіи. Объ этомъ особенно важно напоминать теперь, когда въ партіи ведется замѣтная пропаганда *раскола во что бы то ни стало*. Политически незрѣлые и склонные къ политикѣ авантюризма элементы должны въ дѣлѣ *такой* пропаганды встрѣтить самый рѣшительный отпоръ со стороны болѣе серьезныхъ членовъ партіи. Организаціонный расколъ былъ бы величайшимъ несчастіемъ для россійской соціальдемократіи, и именно товарищи изъ „большинства“, понимающіе это вмѣстѣ съ нами, обязаны проявить надлежащую рѣшительность въ дѣлѣ борьбы съ дѣйствительно-дезорганизаторскими попытками такого рода. Въ этой борьбѣ они могутъ разсчитывать на поддержку всего такъ называемаго „меньшинства“, какъ бы оно съ ними ни расходилось въ оцѣнкѣ многихъ сторонъ партійной дѣйствительности.

* *
*

Употребляя слова „бюрократическій централизмъ“, всегда надо быть готовымъ встрѣтить широко-раскрытые отъ удивленія глаза и наивный вопросъ: „да гдѣ же факты?“. Всѣ тѣ несомнѣнные факты, документированные печатью, на которые можно сослаться „въ свое оправданіе“, находятъ у такихъ вопрошателей шаблонный отвѣтъ: это — частное отклоненіе, а это — личная безтактность и т. п. Дѣлать нечего, приходится снова и снова приводить факты, въ надеждѣ, что, наконецъ, самые невѣрующіе увѣруютъ. Предварительно только нужно сдѣлать одну оговорку.

Ошибаются тѣ, кто думаетъ, что мы, критикуя разныя стороны наличнаго положенія партійныхъ дѣлъ, стремимся пріурочить тѣ или иные пороки нашей организаціи къ одному опредѣленному теченію, къ „большинству“ или „твердымъ искровцамъ“. Критикуя *всю* партійную дѣйствительность, какъ неизбѣжный продуктъ ея предыдущаго развитія, мы, тѣмъ самымъ, не можемъ убѣдить себя, что все зло цѣликомъ воплощено въ такъ называемомъ „большинствѣ“ съ тов. Ленинымъ и Центральнымъ Комитетомъ во главѣ. Отмѣчая тѣ или иныя вредныя тенденціи, проявившіеся въ послѣднемъ фазисѣ партійнаго развитія, мы уже a priori должны предполагать, что въ большей или меньшей степени всѣ товарищи, независимо отъ своей принадлежности къ „твердымъ“ или „мягкимъ“, отразили въ своей работѣ эти тенденціи — въ области-ли организаціонной дѣятельности, или въ дѣлѣ агитаціи и пропаганды.

Вся разница въ этомъ отношеніи между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“ — та, что послѣднее, въ силу своего положенія въ нынѣшнемъ конфликтѣ, является психологически склоннымъ къ самокритикѣ, къ недовольству тѣмъ, что уже удалось сдѣлать въ области „положительной работы“. Вотъ почему, какъ выразился одинъ товарищъ, меньшинство потенціально олицетворяетъ собой въ данный моментъ партійный *прогрессъ* подобно тому, какъ два года назадъ его олицетворяли „искровцы“ вообще. И самымъ объективнымъ доказательствомъ несостоятельности „большинства“ было бы, еслибъ оно стало олицетвореніемъ партійнаго statu quo, узкимъ и самодовольнымъ апологетомъ нынѣшняго состоянія движенія во всей его мизерности.

Послѣ этой оговорки я перейду къ сообщеннымъ мнѣ фактамъ изъ партійной нашей практики послѣдняго времени.

Въ одномъ большомъ городѣ есть комитетъ партіи. Въ числѣ прочихъ, онъ опубликовалъ „громовую“ резолюцію противъ „меньшинства“. Одинъ товарищъ, нѣкогда работавшій въ этомъ комитетѣ, запросилъ по этому поводу товарищей-членовъ комитета и вотъ что сообщаетъ онъ о результатѣ своего запроса: „Оказывается, ... комитетъ и не зналъ, что онъ послалъ резолюцію (!!); узнали только послѣ моего запроса. Навели справки и оказалось, къ ихъ удивленію, что резолюція, дѣйствительно, послана *безъ вѣдома комитета* такъ называемой „Исполнительной коммиссіей“. У „комитетчиковъ“ съ этой коммиссіей давно уже идутъ ожесточенные споры, грозящіе привести къ разрыву. Коммиссія обвиняется въ чрезмѣрномъ централизмѣ“. Только въ этомъ?

Черезъ нѣкоторое время изъ того же города товарищи пишутъ: „Нѣтъ литературы, прямо голодъ въ ней. Совѣстно становится передъ рабочими — все кормятъ ихъ обѣщаніями. Теряется кредитъ партіи въ глазахъ рабочихъ... Литературы не хватаетъ и для интеллигентовъ, кои ведутъ пропаганду и агитацію: имъ, прежде чѣмъ пойти къ рабочимъ, необходимо самимъ подготавливаться, а матеріала нѣтъ... До съѣзда, въ періодъ такъ называемаго кустарничества, были и періодическіе органы, и перепечатки; попадала литература изъ заграницы отъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, а нынѣ... все ждемъ“.

„Ко всему этому“, юмористически звучитъ письмо, „исполнительная коммиссія избрана на полъ-года. Чего либо серьезнаго безъ общаго собранія она не можетъ предпринимать. Но со времени ея избранія собраній не было, да коммиссія находитъ ихъ и „излишними“, предпочитая замѣнять ихъ своими собраніями, а свой составъ пополняетъ самоизбраніемъ (?). Благодаря установившемуся порядку, замѣчается пассивное отношеніе къ дѣлу со стороны многихъ. Дѣлались попытки собраться и потолковать, но таковыя отклонялись подъ предлогомъ, что это можетъ привести къ расколу. Теперь уже прямо заявляютъ, что установившійся порядокъ взаимоотношеній вполнѣ нормаленъ и отвѣчаетъ § 6 Устава и формѣ организаціи, предлагаемой Ленинымъ въ „Что дѣлать?“. Появляются (?) новыя лица отъ Ц. К., которыя о чемъ-либо иномъ и слушать не хотятъ“.

Авторъ письма „противъ того, чтобы совершенно новыя лица, неизвѣстныя по своимъ качествамъ и способностямъ (дѣловитость и конспиративность), хотя бы они и были отъ Ц. К., — являлись руководителями мѣстной жизни. Такимъ лицамъ сначала нужно поручить какія-либо функціи, чтобы въ маломъ они „показали товаръ лицомъ“, могли бы проявить себя, а дальше видно будетъ — что дѣлать“?

Читаешь и удивляешься: описываютъ дѣла въ партіи, а похоже, какъ будто это страничка изъ исторіи „тридцати лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ“.

А вотъ другой, еще болѣе значительный городъ. „Нашелъ удивительную картину“, описываетъ нашъ товарищъ. „Среди рабочихъ сплошное недовольство комитетомъ. Нѣтъ литературы, мало листковъ, нѣтъ пропагандистовъ. Это — какъ вездѣ. Но вотъ особенности. Комитетъ не имѣетъ непосредственныхъ сношеній съ рабочими, въ самомъ комитетѣ рабочихъ тоже нѣтъ, члены комитета не сносятся непосредственно съ районными собраніями. Для этого существуютъ особые посредники. А такъ какъ пропаганду сами комитетчики тоже не ведутъ, то выходитъ такъ, что комитетъ живыхъ рабочихъ вблизи никогда не видитъ. Комитетъ завелъ изумительную канцелярщину и изумительный „централизмъ“. Если рабочіе, напримѣръ, на районномъ собраніи дѣлаютъ какой нибудь запросъ комитету, то посредникъ заявляетъ, что онъ передастъ его и отвѣтъ принесетъ въ слѣдующій разъ т. е. черезъ недѣлю. А если запросъ исходитъ отъ какой нибудь низшей инстанціи, то отвѣтъ можетъ получаться не раньше, чѣмъ недѣли черезъ двѣ, а большей частью „низшіе служащіе“ не получаютъ отвѣта совсѣмъ. Не думайте, что я утрирую — это такъ есть на самомъ дѣлѣ. Вотъ при такихъ то обстоятельствахъ прослышали здѣшніе пролетаріи про „меньшинство“. Спрашиваютъ. Черезъ установленное время получился отвѣтъ, что „не вашего, молъ, ума дѣло — въ свое время узнаете“. Въ то же время случилось тутъ собраться нѣсколькимъ дѣвицамъ и хлопцамъ (понаѣзжали изъ другихъ мѣстъ), и — какъ на грѣхъ — всѣ сторонники „меньшинства“. Комитетъ ихъ къ работѣ не допустилъ. Но такъ какъ эта публика легальная и связанная разнаго рода обстоятельствами, — то отсюда не уѣхали и понемногу стали „пущать критику“. Такъ, окольными путями доходитъ до рабочихъ вѣсть о „меньшинствѣ“. Интересъ рабочихъ возрастаетъ, а комитетъ еще больше тревожится и принимаетъ свои мѣры. Опрашиваетъ пропагандистовъ, не заразился ли кто ересью. Одна дѣвица что то замялась и не сумѣла глядѣть начальству въ глаза, — говорятъ, за это ее отстраняютъ отъ пропаганды и заставляютъ, вмѣсто того, шлепать комитетской печатью (по прокламаціямъ)... Въ довершеніе всего, одинъ комитетчикъ встрѣтилъ на улицѣ Х (одинъ товарищъ изъ „меньшинства“) и, разумѣется, принялъ его за японскій миноносецъ. Теперь комитетъ страшно тревожится: все недовольство среди рабочихъ онъ приписываетъ агитаціи нашихъ сторонниковъ. Жалуется на появленіе „подпольной“ литературы, къ которой онъ склоненъ относить и послѣдніе №№ „Искры“. Послѣднюю онъ вообще рѣшилъ вычеркнуть изъ списка изданій, допускаемыхъ къ обращенію въ народныя библіотеки и читальни“...

Я не указываю здѣсь, о какихъ городахъ идетъ рѣчь: товарищи изъ „большинства“, вѣроятно, сообразятъ это. Я спрашиваю только: нужно ли было „освобождаться отъ кустарничества“, чтобы прійти къ такому положенію, какъ описанное въ приведенныхъ письмахъ? „Пускай меня ославятъ старовѣромъ“, но воистину „патріархальность“ былыхъ „демократическихъ“ комитетовъ была менѣе невыносима, чѣмъ „централизація“, подобная описанной здѣсь. И кто рѣшится, положа руку на сердце, утверждать, что изложенные здѣсь порядки или безпорядки являются единичнымъ явленіемъ? Развѣ не очевидно, что намъ нужна центральная организація для устраненія именно этихъ порядковъ, прочно укоренившихся въ нашей партіи, и что нашъ центръ долженъ начать свое объединеніе партійной работы съ внесенія болѣе нормальныхъ отношеній во внутреннюю жизнь мѣстныхъ организацій? Повѣрьте, что въ въ этой прогрессивной работѣ онъ легко, не прибѣгая къ мѣрамъ „осаднаго положенія“, преодолѣлъ бы заскорузлое противодѣйствіе „консерваторовъ“ и имѣлъ бы за себя, въ случаѣ конфликта, общественное мнѣніе *всей* партіи, которая, право-же, пошире, чѣмъ сотня товарищей, составляющихъ въ данный моментъ комитеты. Разумѣется, такая организаціонная реформа, задачей которой было бы окончательно убить кружковщину въ нашей организаціи, требуетъ болѣе сложныхъ и деликатныхъ средствъ, чѣмъ ссылка на уставъ и аппеляція къ „дисциплинѣ“. Разумѣется также, что она осуществима тѣмъ легче, чѣмъ болѣе сложной и всесторонне-развитой будетъ становиться *дѣятельность* мѣстной руководящей организаціи, чѣмъ больше будетъ создавать она политически мыслящихъ членовъ партіи вокругъ себя, чѣмъ больше она будетъ формировать въ нихъ чувство *отвѣтственности* за общее положеніе дѣлъ. Вѣдь, какъ ни больно выговорить это, но порядки, подобные очерченнымъ въ приведенныхъ выше письмахъ, вопіютъ о томъ, что наши организованные рабочіе все еще страдаютъ тѣмъ „проклятымъ отсутствіемъ потребностей“, которое Лассаль ставилъ въ вину нѣмецкому пролетаріату. Только при такомъ отсутствіи потребностей мыслима въ теченіе долгаго времени описанная здѣсь практика „политическаго руководства пролетаріатомъ“ со стороны комитета. Да что пролетаріи! Вѣдь, и сами члены комитета въ первомъ городѣ, только благодаря собственной нетребовательности, могутъ такъ эпически разсказывать о „централизаторскихъ“ экспериментахъ ими же выбранной коммиссіи. Они, повидимому, ждутъ, когда ихъ освободитъ отъ вавилонскаго плѣненія какой нибудь сторонникъ изъ „меньшинства“, и не рѣшаются даже послать въ Ц. О. оффиціальное заявленіе о томъ, что написанная отъ ихъ имени резолюція послана безъ ихъ вѣдома...

Важная и отвѣтственная задача нынѣшняго „меньшинства“ — не покладая рукъ, работать надъ такимъ углубленіемъ и расширеніемъ мѣстной комитетской работы и мѣстной организаціонной жизни, чтобы воспитывать изъ сотенъ товарищей, соприкасающихся съ комитетами, дѣйствительныхъ Parteigenossen — дѣйствительно сознательныхъ рядовыхъ пролетарскаго авангарда. Только окруженные *такимъ* — достаточно многочисленнымъ, къ тому же — авангардомъ, могутъ вырабатываться наши „комитетчики“ въ дѣйствительныхъ „руководителей“. Одной „централизаціей руководства“ и „децентрализаціей отвѣтственности“ нельзя вчерашнихъ первыхъ въ своемъ муравейникѣ „кустарей“ превратить въ „вождей“ пролетаріата. Централизація руководства слишкомъ легко сбивается на практику вышеописанной „исполнительной коммиссіи“, а децентрализація отвѣтственности грозитъ выработать дѣятелей, привыкшихъ „глядѣть прямо въ глаза“... начальству и не желающихъ также прямо глядѣть въ глаза истинѣ — дѣйствительному положенію дѣлъ въ Партіи.

Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Маленькая иллюстрація къ состоянію нашихъ финансовъ. Намъ пишутъ изъ СПБ. Выборгской тюрьмы: здѣшнее начальство измѣнило своей прежней тактикѣ, перестало ограждать заключенныхъ отъ тлетворныхъ вліяній „свободной“ жизни: съ начала войны по камерамъ стали разносить телеграммы съ поля военныхъ дѣйствій. Отечески щадя наши и безъ того угнетенныя чувства, оно давало читать намъ только такія извѣстія, отъ которыхъ „храбрый россъ“ долженъ былъ веселиться. Диву дались мы, когда проявились эти новыя вѣянія, но вскорѣ намъ предъявили счетъ вознагражденія за эти вольности. Недавно начальство обходило всѣ камеры, весьма велерѣчиво громило дерзость и лукавство японцевъ, превозносило храбрость нашихъ войскъ и... предлагало жертвовать, елико возможно, на войну. Обхожденіе при этомъ было столь любезное, что сердца многихъ заключенныхъ размякли, и листъ покрылся подписками въ 50 к. — 1 р. — 3 р.; нѣкоторые давали по 5 руб. и болѣе. Этимъ, однако, дѣло не ограничилось. Какъ извѣстно, нашъ „крестъ“ представляетъ собой значительную мануфактуру, основанную на принудительномъ трудѣ. Изъ всей суммы своихъ заработковъ заключенные получаютъ только $^1/_{10}$, при чемъ расцѣнка такъ низка, что заработокъ мотальщиковъ, напримѣръ, не превышаетъ 10 коп. въ мѣсяцъ. Но и изъ этихъ $^1/_{10}$ заключенный можетъ расходовать только половину, другая отчисляется въ „неприкосновенный“ капиталъ, который долженъ выдаваться по освобожденіи изъ тюрьмы „для устройства новой жизни“. Идя на встрѣчу „желанію“ заключенныхъ жертвовать на войну, либеральное начальство отбросило стѣснительное правило о неприкосновенности капитала и предоставило право пользоваться имъ, разумѣется, только для сей оккaзіи. Такимъ образомъ многіе *освободились* отъ результатовъ собственнаго труда въ теченіе года. Сосѣдъ нашъ, рабочій, вышедшій недавно изъ деревни, молвилъ по этому поводу: „надо быть, съ моихъ братовъ на волѣ ужъ совсѣмъ нечего взять, коли позарились на арестантскія деньги“.

Въ Александровской пересыльной тюрьмѣ (Иркут. губ.) „кормовыя“ уменьшены съ 16 коп. на 13 въ день, и это — при вздорожаніи всѣхъ продуктовъ!

Вильно. 9 марта. Никогда, кажется, разнузданная шайка правительственныхъ разбойниковъ не вела себя такъ дерзко и цинично, какъ теперь. Вотъ, напримѣръ, для борьбы съ „революціонной бациллой“ создано „положеніе объ усиленной охранѣ“; однако, бацилла-то „приспособилась“ къ нему и ее не уничтожаетъ оно, а смиреннѣйшимъ обывателямъ сильно таки достается отъ этого „положенія“: на дняхъ, напримѣръ, полиція на основаніи „положенія“ прижала мѣстныхъ фабрикантовъ и (вѣроятно, по случаю малаго размѣра взятокъ) грозитъ закрыть ихъ заведенія, если не будутъ исполнены ея предписанія о мѣрахъ гигіены, санитаріи и всевозможной безопасности. Бѣдная Европа, она сочиняетъ рабочее законодательство, расширяетъ компетенцію суда по этимъ вопросамъ и не знаетъ, что стоитъ только создать помпадура, вооружить его „положеніемъ объ усиленной охранѣ“, и всяческія „гигіены“ сразу процвѣтутъ. Или вотъ тоже современный фактикъ: околодокъ заподозрилъ, что въ одномъ домѣ происходитъ собраніе, натурально, преступное, а такъ какъ онъ не зналъ, въ какой именно квартирѣ, то произвелъ обыскъ во всѣхъ квартирахъ, руководствуясь принципомъ: пусть лучше пострадаетъ сто невинныхъ, чѣмъ выскользнетъ изъ рукъ одинъ тоже невинный, но относительно коего полицейскій носъ кое что чуетъ. Но особенно „умилительныя“ картинки были послѣ взрыва въ часовнѣ. Часовня эта была выстроена Муравьевымъ Вѣшателемъ въ память солдатъ, погибшихъ во время возстанія 63 года, со специальной цѣлью оскорбить польское населеніе; разумѣется, одинъ видъ этой часовни вызывалъ у поляковъ такія жгучія и ужасныя воспоминанія о тысячахъ повѣшенныхъ и разстрѣленныхъ отцахъ и дѣдахъ, что любви и почтенія къ этой „святынѣ“ могъ ожидать отъ нихъ только сумашедшій. Такъ вотъ, кто-то положилъ въ этой часовнѣ взрывчатое вещество. Взрывъ разбилъ всѣ стекла, попортилъ аналой, немного полъ и еще меньше — какую-то икону. Выстрѣлъ былъ сильный, проходящая публика бросилась бѣжать, а полиція начала ловить бѣгущихъ. Никого не поймавъ, проницательная полиція рѣшила, что „злоумышленники“ обязательно должны уѣхать въ поѣздѣ въ тотъ же вечеръ; и вотъ приставъ Снитко съ городовыми прибыли на вокзалъ, чтобы арестовать, но кого?... всѣхъ молодыхъ людей въ возрастѣ отъ 17 до 30 лѣтъ, которые имѣли несчастье быть въ эту ночь на вокзалѣ. Набрали такимъ путемъ массу народа, держали въ участкѣ и отпускали; „преступника“ все нѣтъ; какъ вдругъ вспомнили, что дня за два до взрыва около здѣшняго химико-техническаго училища тоже былъ „взрывъ“. Человѣкъ у 10 изъ учениковъ произвели обыски, одного арестовали, нашли какой-то листокъ; а на повѣрку вышло, что „взрывъ“ около училища былъ просто шалостью ученика, который взялъ кусокъ металлическаго натрія и бросилъ его въ снѣгъ, отчего натрій зашипѣлъ и загорѣлся. Кто устроилъ взрывъ въ часовнѣ — неизвѣстно, но есть косвенныя улики противъ полиціи и поповъ: во-первыхъ, часовня была въ ремонтѣ, ремонтъ тянулся подозрительно долго; а, между тѣмъ, результатовъ его что-то не было видно; во-вторыхъ, убытку отъ взрыва не болѣе 25 рублей, а сборы теперь идутъ усиленные и для чиновниковъ обязательные; въ-третьихъ, поляки мало проявляютъ теперь, во время войны, обязательнаго для „вѣрноподданныхъ“ патріотизма, т. е. почти ничего не жертвуютъ на армію и флотъ, и губернаторъ уже призывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и грозилъ съ ними расправиться, и въ-четвертыхъ, вообще, полиція любитъ устраивать переполохи, чтобы удить въ мутной водѣ рыбу. Что послѣднее справедливо, примѣръ на лицо: облавы на рабочихъ производятъ каждую ночь, арестуемыхъ масса.

Слуховъ о войнѣ здѣсь не оберешься: сообщаютъ о голодѣ, который терпятъ войска, о холодѣ и массѣ замерзшихъ, о тифѣ и другихъ болѣзняхъ, — всѣ эти слухи, вѣроятно, имѣютъ за собою достаточно основаній, — ибо для чего же потребовалась такая масса врачей, отправленныхъ въ Манджурію; помимо полковыхъ, потомъ, слишкомъ уже подозрительно, въ одномъ хвалебномъ тонѣ, пишутся донесенія о „быстрой“ переправѣ черезъ Байкалъ, о „полнѣйшей исправности дороги“, о томъ, что солдатъ кормятъ на славу, чуть не кофе съ сухарями даютъ, о „молодецкомъ“ видѣ и пр. Читалъ я письмо ссыльнаго изъ Сибири, въ которомъ говорится, что солдаты мерзнутъ десятками, больныхъ пропасть, а ѣсть нечего; что, благодаря этому, солдаты грабятъ обывателей, а послѣдніе угоняютъ скотину въ лѣсъ и прячутъ всѣ припасы. Распоряженія намѣстника Алексѣева и Стесселя, объявленныя по полкамъ, косвенно подтверждаютъ это.

Въ интендантствѣ теперь идетъ пиръ горой; даже здѣсь, такъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, идетъ спѣшная закупка всевозможныхъ припасовъ, отчего цѣны страшно поднялись: за лошадь, стоющую 60-70 руб., берутъ 200-250 руб., причемъ на взятки уходитъ 50 руб.; полушубки поднялись съ 7-8 руб. до 20-25, со включеніемъ взятокъ въ 3-5 руб.; въ вагонѣ только сверху полушубки новые, а внизу—рвань и рухлядь. Вчера я услышалъ отъ одного, пріѣхавшаго изъ Питера знакомаго, что на дняхъ *повѣсили* одного интендантскаго чиновника за то, что онъ продалъ японцамъ за 16.000 руб. планы расположенія и наличной готовности интендантскихъ складовъ въ Манджуріи и Сибири: называли мнѣ даже фамилію его, но я точно не помню (что-то вродѣ Ивкова).

Быстро идетъ по всей Россіи экономическое разстройство, вызванное войной, отовсюду читаешь, что кредитныя учрежденія лопаются или сокращаютъ свои операціи, торговля самыми крупными по значенію въ народномъ хозяйствѣ товарами падаетъ (контракты въ Кіевѣ обратились въ сплошной крахъ) и, наконецъ, промышленность во многихъ мѣстахъ стала; напримѣръ, въ Лодзи нѣсколько тысячъ семейныхъ рабочихъ выброшены на улицу, въ Москвѣ кустари безъ работы, и даже Морозовская мануфактура и другія крупныя фабрики ведутъ, какъ выражаются капиталисты, „дѣло въ убытокъ“. Ужъ я не говорю объ Одессѣ, въ которой всеобщая торговопромышленная паника съ тысячами умирающихъ отъ голода рабочихъ, и о Сибири, въ которой остановилась всякая производительная дѣятельность, и цѣны на всѣ продукты возрасли до неслыханныхъ размѣровъ. Вотъ въ этой области экономическихъ отношеній и находится страшная ахиллесова пята современнаго режима: здѣсь онъ найдетъ своихъ могильщиковъ, которые скоро погребутъ ненавистный всѣмъ произволъ и рабство. Близится моментъ, когда развертывающаяся на фонѣ войны экономическая встряска породитъ такой взрывъ общественныхъ силъ, отъ котораго не смогутъ уже спастись темныя силы реакціи: жалкая неудавшаяся комедія патріотическихъ манифестацій только подтверждаетъ это.

Рига. Въ началѣ этого года среди среднихъ классовъ здѣсь циркулировали упорные слухи, якобы латыши хотятъ устроить погромъ русскихъ. Будутъ бить чиновниковъ, такъ какъ они всѣ почти-русскіе. Нѣкоторые говорили даже, что латыши хотятъ своего царя. „Русская пресса“, во главѣ съ „Моск. Вѣд.“ и „Нов. Вр.“ давно, уже кивала на латышей, какъ на становящійся все болѣе зловреднымъ элементъ. Всѣ тюрьмы въ Прибалтійскомъ краѣ переполнены латышами политическими, вопили уже съ годъ тому назадъ „Моск. Вѣд.“. А латыши дѣйствовали все шире и шире. Въ Приб. краѣ всѣ дороги усѣяны прокламаціями, ими оклеены столбы и деревья. Встаемъ мы на новый годъ — разсказываетъ одинъ крестьянинъ — смотримъ, всѣ заборы и у меня всѣ телѣги оклеены преступными прокламаціями. Приходится часто встрѣчать замѣтки въ здѣшнихъ русскихъ газетахъ, что вотъ, молъ, тамъ то и тамъ то крестьяне бойкотируютъ пасторовъ и помѣщиковъ, и что, дѣйствительно, и порядки этого края не хороши, и пасторы и помѣщики изъ нѣмцевъ и т. д. Но при этомъ высказывается сѣтованіе, что этотъ бойкотъ выражается въ неподходящихъ формахъ: разбрасываются и разсылаются письма (читай прокламаціи) и т. д. Распространеніе прокламацій на новый годъ въ киркахъ вызвало громовое письмо въ „Нов. Вр.„ о латышской крамолѣ. Наконецъ, и правительство „приняло мѣры“ изъ арсенала самой модной политики. Рижскимъ губернаторомъ Пашковымъ было созвано собраніе 24 предсѣдателей латышскихъ, конечно, легальныхъ обществъ для борьбы съ крамолой — такъ заявлялось въ газетахъ. Предсѣдатели собрались и прежде всего занялись реабилитаціей латышской народности, а потомъ изысканіемъ мѣръ для расправы съ мятежными элементами. Правительство начинаетъ урѣзывать „свободу дѣйствій“ разныхъ, въ свое время поощрявшихся, латышскихъ легальныхъ обществъ и совсѣмъ не позволяетъ открывать новыхъ, хотя бы для бокса и т. п. Приходилось выслушивать жалобы на это отъ рабочихъ.

Митава. Революціонное движеніе дѣлаетъ у насъ очень быстрые успѣхи. Если бы годъ тому назадъ кто-нибудь говорилъ о демонстраціи въ Митавѣ, то даже самый ярый оптимистъ, знающій мѣстныя условія, не могъ бы скрыть иронической улыбки. Теперь же это совершившійся фактъ. 31 января отправили одного здѣшняго рабочаго Ленцмана въ ссылку, въ Архангельскую губ. Утромъ собралась у вокзала толпа рабочихъ, чтобы провожать товарища. Но оказалось, что полиція, боясь проводовъ, отправила Л. уже ночью. Узнавъ объ этомъ, провожающіе, числомъ до 200 чел., собрались въ одну толпу, выкинули красное знамя съ надписью на латышскомъ языкѣ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись къ городу. Полиція появилась только послѣ того, какъ толпа уже разсѣялась. Хотя демонстрація эта не велика по числу участниковъ, но для небольшого городка Митавы она была вполнѣ достаточной, чтобы всѣ слои населенія заговорили о соціалистахъ и заинтересовались ихъ требованіями.

Въ февралѣ на всѣхъ фабрикахъ и по всему городу были распространены миміографированныя прокламаціи на латышскомъ языкѣ: „Ни гроша для войны!“. Разошлось 2.000 экз. Спросъ на прокламаціи и нелегальную литературу про войну громадный не только среди городского населенія, но и среди крестьянъ. Митавскимъ же комитетомъ была выпущена прокламація и на русскомъ языкѣ. Потомъ была распространена печатная прокламація на латыш. яз. въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Жандармерія неистовствуетъ. Обыски производятся у различныхъ лицъ, но обыкновенно ничего не находятъ. Сюда прислали новаго жандармскаго генерала. Усердно ищутъ типографію. Цѣлая орава жандармовъ пріѣхала въ одну крестьянскую усадьбу; тамъ ломали стѣны, копались въ навозныхъ кучахъ, рылись въ соломѣ на скотномъ дворѣ, но, конечно, ничего не нашли. Сюда прислали двѣ сотни казаковъ.

Война подняла на ноги всѣ темные элементы нашего общества. Повсюду собираются деньги для Краснаго Креста и для усиленія флота. Пасторы разъѣзжаютъ по крестьянскимъ усадьбамъ, собирая пожертвованія. Населеніе относится къ войнѣ отрицательно, и сборы даютъ мало денегъ. Мѣстное Русское Общество устроило представленіе, сборъ съ котораго былъ назначенъ для войны. Но въ началѣ представленія въ залѣ распространилась такая вонь, что публика поспѣшно должна была оставить помѣщеніе. Возбужденіе повсюду сильное.

Изъ Прибалтійскаго края. Съ приближеніемъ 1-го мая и появленіемъ во всѣхъ городахъ прокламацій противъ войны на мѣстныхъ языкахъ начались и здѣсь массовые обыски и аресты. Въ г. Либавѣ обыски начались 29 февраля и продолжались больше недѣли. Обыскано всего до 45 человѣкъ; арестовано—14. Изъ арестованныхъ — 8 рабочихъ (латышей) здѣшней проволочной фабрики (Биранякъ, братья Гричи, Фишеръ, Бергъ, Ретеюмъ, Адамсонъ и Штейнъ). Кромѣ того, арестованъ бывшій рабочій И. Шварцъ и толстовецъ Лаудеръ (оба рецидивисты). У Шварца искали типографію мѣстнаго комитета, у Лаудера найдено нѣсколько шифрованныхъ писемъ. Шварца жандармы при первомъ своемъ набѣгѣ не нашли дома и отправились его искать въ деревню. Арестованъ также заграничный студентъ Сетрякисъ. Будутъ, вѣроятно, еще аресты, такъ какъ отданъ приказъ очистить еще нѣсколько камеръ въ мѣстной тюрьмѣ. Несмотря на все это, было въ Либавѣ въ мартѣ распространено 3000 прокламацій противъ войны. Лопухинъ недоволенъ „бездѣйствіемъ“ мѣстныхъ жандармовъ и объявилъ недавно выговоръ Мезенцеву (либ. жанд. ротм.). Въ Митаву присланъ генералъ Шатовъ изъ Петербурга. Начальникъ жандармскаго управленія Кладо получилъ двухмѣсячный отпускъ и, какъ говорятъ, больше не возвратится.

Въ Митавѣ были распространены послѣ объявленія войны Курляндской группой латышскихъ соціальдемократовъ слѣдующія прокламаціи: „Ни гроша для войны!“ и „Долой войну!“ (5000 экз.). На представленіи 14 марта въ ремесленномъ обществѣ, устроенномъ мѣстными патріотами въ пользу войны, были разбиты флаконы съ соотвѣтствующими жидкостями, такъ что многимъ патріотамъ сдѣлалось дурно, и нѣсколько человѣкъ только выдержали до конца спектакля. Шпиковъ было масса въ театрѣ. Въ Ригѣ выпущена прокламація: „Война“. Женская тюрьма потребовала уже свою жертву. 2-го марта была перевезена въ домъ умалишенныхъ политическая обвиняемая А. Риппа (арест. 27 сент.). Больше мѣсяца ее продержали безъ письменныхъ принадлежностей, книгъ и ваннъ. Для прогулокъ имѣется крошечный дворикъ, на которомъ моютъ бѣлье, и тамъ же находятся отхожія мѣста. Прогулки длятся въ этой атмосферѣ всего *пять* минутъ. Тюрьма находится въ центрѣ стараго города.

Юрьевъ. Въ Юрьевѣ за послѣднее время произошло нѣсколько событій, которыя всколыхнули нашу однообразную жизнь. Прежде всего — обнаружилось, что наша публика (не студенческая) значительно выросла: антиправительственная демонстрація произвела возбуждающее дѣйствіе на рабочихъ-эстонцевъ, и они обѣщали на будущее время свою поддержку. За послѣднее время у нихъ замѣчается большой подъемъ духа: не видно уже прежней забитости и подавленности нѣмцами. Вообще, эстонцы сплотились теперь между собою и повели упорную борьбу противъ нѣмцевъ — прежнихъ своихъ господъ. Такъ, они провели въ члены банка почти исключительно своихъ и теперь хотятъ тоже сдѣлать и съ ратушей.

Послѣ нашей антиправительственной демонстраціи патріоты хотѣли устроить свою манифестацію, но вмѣстѣ съ ними на манифестацію пришли и антипатріоты, и даже въ большемъ количествѣ, такъ что, еслибъ сдѣлана была попытка запѣть гимнъ, то, вѣроятно, вышло бы побоище, какъ это было въ Москвѣ и Кіевѣ. Но этого не вышло, потому что патріоты, увидѣвъ свое безсиліе, поспѣшили разойтись.

Послѣ этого было около 25 арестовъ.

Въ довершеніе всего произошелъ такой случай: у насъ учатся около четырехъ священниковъ. Одного изъ нихъ на дняхъ призываетъ къ себѣ инспекторъ и говоритъ ему: „Батюшка, Вы обвиняетесь въ разбрасываніи прокламацій и въ участіи въ демонстраціи и потому увольняетесь изъ университета.“

Нижній-Новгородъ. Крайнее равнодушіе и индифферентизмъ къ дѣламъ Дальняго Востока, послѣ Высочайшаго манифеста, смѣнились у насъ грандіознымъ подъемомъ патріотическихъ чувствъ. Передаю только факты, выводы дѣлайте сами.

Патріотическія манифестаціи были всюду. Въ Нижнемъ въ первый разъ начали демонстрировать въ день объявленія манифеста. Первымъ иниціаторомъ былъ полиціймейстеръ баронъ Таубе. Онъ былъ замѣтно возбужденъ и увлеченъ патріотическимъ чувствомъ, едва ли по прямому приказу свыше, но разумѣется, заручившись достовѣрными извѣстіями, что это поощряется. Въ театрѣ оркестръ заигралъ „Боже, царя храни“, послѣ театра всѣ актеры вышли на Покровку, хоромъ запѣли гимнъ и закричали: „ура“. Затѣмъ двинулись по Покровкѣ, сопровождаемые зрителями, вышедшими изъ театра, всего челов. 200.

На другой день съ середины дня по Покровкѣ, Благовѣщенской площади и Кремлю двигались стройными колонками учащіеся средне-учебныхъ заведеній и очень стройно пѣли гимнъ, привлекая громадныя толпы любопытныхъ. Затѣмъ эти демонстративныя шествія съ пѣніемъ, не прекращаясь, продолжались подрядъ дня три. Въ толпѣ меньшинство было взрослыхъ, большинство молодежи лѣтъ 15-20, окруженной, разумѣется, цѣлой тучей мальчишекъ. На другой день демонстранты несли уже трехцвѣтные флаги въ формѣ знаменъ. Шествія направлялись къ квартирамъ разныхъ начальственныхъ лицъ, которымъ устраивали оваціи, заставляя раскланиваться толпѣ. Ходили: къ губернатору, полиціймейстеру, къ директорамъ учебныхъ заведеній(!) и къ... жандармскому полковнику(!!) — чей-то руководящій перстъ былъ ясенъ въ этихъ передвиженіяхъ.

Уже въ первый день сказались плоды поощренія демонстрацій. Въ классахъ патріоты рѣшительно срывали занятія: за уроками затягивали „Боже, царя храни“, орали: „ура“ и въ безсильной злобѣ преподаватель принужденъ былъ вставать на кафедрѣ и терпѣливо ждать конца. („Нельзя-съ: рекомендовано поощрять!“)

Въ первый же день немало публики получило синяки: это патріоты палками сшибали шапки у тѣхъ, которые не слишкомъ быстро снимали ихъ. Примѣръ подала полиція, которая при первыхъ демонстраціяхъ сшибала шапки съ недостаточно патріотично настроенныхъ извозчиковъ. Потомъ патріоты освободили полицію отъ заботы о благоговѣйности и патріотическихъ чувствахъ и сшибаніе шапокъ производили сами съ явнымъ удовольствіемъ. Чѣмъ дальше — тѣмъ больше росло число мордобитій, стали уже сшибать шляпки у дамъ, а потомъ просто бить прохожихъ. Напр., побили нѣсколько студентовъ за одну только ихъ студенческую форму. Ночью ходить по улицамъ было небезопасно. Количество пьяныхъ было ненормально велико.

На третій день патріотизма появились разбитыя стекла въ магазинахъ, а затѣмъ оказались случаи вымогательства денегъ, подъ угрозами расправиться со скупыми, какъ съ анти-патріотами. Врывались толпами въ частныя квартиры на Покровкѣ и просили „на чай“. „Потрудитесь на чаекъ: мы пѣвчіе, что пѣли народный гимнъ-съ!“ Разумѣется, на чай торопливо отдавали полностью всю сумму, какую требовали (два-три рубля).

Въ первые дни обезпокоенная полиція ничего противъ этого не рѣшалась дѣлать — „нельзя-съ: рекомендовано поощрять!“ На пятый или шестой день на улицахъ появляются конные полицейскіе: то и дѣло, можно видѣть пьяныхъ патріотовъ, ведомыхъ въ участокъ. Затѣмъ какъ-то сразу и безъ слѣда манифестаціи исчезаютъ.

Трудно сказать, какіе элементы особенно усердствовали въ дни патріотизма. Было много пѣвчихъ духовныхъ хоровъ, много гимназистовъ, но больше всего почему-то семинаристовъ. Разумѣется, ученики ремесленнаго училища, уѣзднаго и рѣчного тоже маху не дали.

Херсонъ. (Изъ частнаго письма)... „Директора учебныхъ заведеній *обязываютъ* воспитанниковъ принимать участіе въ демонстраціяхъ (патріотическихъ), начальники разныхъ учрежденій приказываютъ подчиненнымъ, а въ болѣе „либеральныхъ“ учрежденіяхъ „приглашаютъ“ ихъ къ такому участію. Въ деревняхъ же дѣло обстоитъ еще проще. Земскій начальникъ приказываетъ устроить манифестацію. Для привлеченія публики выписывается музыка изъ города. Священникъ, діаконъ и пѣвчіе открываютъ шествіе, а за ними тянуться мужики, которые не знаютъ, что имъ дѣлать — радоваться ли, или плакать — и они идутъ, словно на похороны... Не иначе обстоитъ дѣло съ „вѣрноподданическими“ адресами. Въ учебныхъ заведеніяхъ эти адреса пишутся директорами, которые никогда не справляются о желаніи учениковъ. Послѣдніе обыкновенно узнаютъ о выраженіи ихъ чувствъ изъ газетъ. Въ другихъ же учрежденіяхъ начальники или завѣдующіе разносятъ листъ съ „чувствами“ для подписи своимъ подчиненнымъ. Конечно, всѣ подписываются. Такъ называемыя „доброхотныя“ пожертвованія носятъ характеръ очень беззастѣнчиваго, открытаго, наглаго грабежа среди бѣла дня. Напримѣръ, въ Талмудъ-Торѣ у мальчиковъ насильно отобрали гроши, данные имъ родителями на завтраки, а потомъ докладывали, что десятилѣтніе мальчики отдали свой завтракъ на усиленіе флота... Земскіе начальники въ деревняхъ, губернаторы въ городахъ, гдѣ можно приказываютъ, гдѣ нѣтъ „намекаютъ“, смотря по условіямъ, грубо или вѣжливо, что необходимы „доброхотныя“ пожертвованія. И вотъ начинаются отчисленія %, съ жалованья служащихъ, возникаютъ дамскіе комитеты — истинное испытаніе для мужей... Гдѣ не помогаютъ приказанія, а намековъ публика не понимаетъ, пускаются въ ходъ угрозы. Такъ, напримѣръ, здѣсь врачи въ земской больницѣ прикинулись не понимающими, вотъ губернаторъ зоветъ старшаго врача и имѣетъ съ нимъ внушительную бесѣду о необходимости „доброхотныхъ“ пожертвованій. Поджавши хвостъ, старшій врачъ созываетъ собраніе врачей. Никто не хочетъ давать, а кончилось все же такъ, какъ всегда кончается у нашихъ либераловъ: % отчислили.

Отношеніе къ войнѣ самое отрицательное. Японцевъ боятся, считаютъ ихъ храбрыми и большинство думаетъ, что русскимъ не сдобровать. Не вѣрятъ правительству и его сообщеніямъ: въ народѣ носятся слухи самаго превратнаго характера: что русскій флотъ приведенъ въ состояніе негодности, что взятъ Портъ-Артуръ и т. д. Общее мнѣніе всѣхъ слоевъ населенія, что войны не слѣдовало затѣвать, что земли у насъ много, что цѣлая Сибирь не заселена и т. д., что война затянется на цѣлые годы, а успѣхъ ея очень сомнителенъ“. Далѣе авторъ письма сообщаетъ о ведущейся въ населеніи агитаціи противъ евреевъ, какъ мнимыхъ виновниковъ войны.

Николаевъ. У насъ большой разгромъ. Въ ночь съ шестого на седьмое марта арестована типографія мѣстнаго комитета. Взято четыре человѣка — супруги Колчинскіе, Ефроимовичъ и еще парень — фамилія пока неизвѣстна. Колчинская серьезно больна и вчера, 14 марта, ее выпустили изъ тюрьмы. При арестѣ типографіи присутствовалъ градоначальникъ. Въ слѣдующую ночь были массовые аресты. Взяты, кромѣ указанныхъ въ прошломъ номерѣ, Федяковъ П. Н., Н. П. Соколовъ, Лубенцовъ и др., всего 21 человѣкъ. Обыски были произведены у многихъ лицъ и, между прочимъ, у женщины-врача г-жи Петерсъ.

Типографія успѣла за время своего двухмѣсячнаго существованія выпустить нѣсколько прокламацій, причемъ послѣдніе листки, посвященные войнѣ, были отпечатаны въ очень громадномъ количествѣ. Послѣдній листокъ былъ вынесенъ за нѣсколько часовъ до разгрома и разбросанъ. Предполагалась еще одна прокламація по поводу слуховъ о погромѣ, которая была уже набрана. Ожидаются еще аресты и обыски. Въ настоящій моментъ въ нашей тюрьмѣ находится до 50 человѣкъ политическихъ заключенныхъ.

9 марта отправленъ въ Архангельскую губ. на три года (вмѣсто Восточной Сибири, изъ за войны) мѣстный интеллигентъ Дыбнеръ. Николаевская полиція и шпіоны распространяютъ слухи о предстоящемъ погромѣ, разжигаютъ городскую чернь, усиленно распространяютъ крушевановское „Знамя“, ставшее правительственнымъ лейбъ-органомъ въ травлѣ евреевъ. Со стороны евреевъ готовится серьезная самооборона. Организованные и сознательные рабочіе составляютъ вооруженныя дружины для защиты еврейской массы.

Агитація „патріотовъ". Приводимъ присланный намъ текстъ слѣдующаго возванія: „Жалкая кучка недоучекъ, именующая себя революціонерами, въ данный тяжелый для нашей родной отчизны часъ, ярко и беззастѣнчиво заявила, что у нея „нѣтъ отечества, нѣтъ чести, родины, нѣтъ никакихъ нравственныхъ принциповъ, нѣтъ даже и простой порядочности", въ этотъ часъ, когда все населеніе Россіи, какъ одинъ человѣкъ, грозно сплотилось на защиту отчизны, когда изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ нашей родины, безъ различія національностей, слышатся крики возмущенія противъ дѣйствій дикой Японіи, и каждый спѣшитъ принести дань на алтарь отечества, кто личными силами, кто послѣдней копейкой, кто горячимъ призывомъ въ молитвѣ къ всемогущему богу даровать побѣду надъ неправымъ врагомъ, когда населеніе чуть не всего міра, горячо возмущенное дѣйствіями Японіи, шлетъ выраженіе сочувствія Россіи словами, деньгами и молитвами, — въ этотъ часъ эти господа, извращая и ложно толкуя факты, расчитывая только на невѣжество массы, обращаются съ безумнымъ, поистинѣ, призывомъ противъ вырвавшагося изъ сердецъ 140 милліоновъ людей патріотическаго одушевленія. Конечно, такой призывъ только смѣшенъ, но мы всѣхъ призываемъ обсудить и рѣшить своимъ умомъ, и нѣтъ сомнѣнія, что каждый мало-мальски порядочный человѣкъ пойметъ, какъ низка по нравственности, какъ недостойна и безчестна должна быть личность такихъ людей. Этимъ призывомъ они показали, чего они стоятъ. Ихъ наглая ложь, что полиція организуетъ патріотическія манифестаціи, не требуетъ опроверженій, такъ какъ каждый, особенно рабочій, видитъ, какъ организовались эти манифестаціи. — Это только показываетъ, до какой наглости можетъ доходить эта ложь, и заставитъ массу не вѣрать слѣпо распространяемымъ различнымъ возваніямъ, наполненнымъ сплошной ложью и бранью. Къ выясненію этого мы постараемся вернуться, а пока призываемъ всѣхъ честныхъ людей сплотиться за Вѣру, Царя и Отечество и показать достойно, какъ сильна и мощна наша родина съ своимъ державнымъ вождемъ во главѣ.

Ура Царю, Ура Россіи!
Съ нами Богъ!

Группа патріотовъ.

12 февраля 1904 г. г. Тифлисъ.

Люди „безъ отечества и безъ чести", разсчитывающіе на „невѣжество массъ", съ удовольствіемъ перепечатываютъ для назиданія читателей эту прокламацію. Можетъ быть, гг. „патріоты" сдѣлаютъ тоже съ нашими листками, дабы массы перестали пребывать въ невѣдѣніи того, что такое представляютъ собой „люди безъ отечества"?.

Лугансꙗъ. (Изъ тюрьмы.) Послѣ іюльскаго бунта въ тюрьмѣ окна въ камерахъ задѣланы, и оставленъ лишь просвѣтъ, такъ что за отсутствіемъ свѣта днемъ невозможно читать, и у большинства заключенныхъ болятъ глаза. „Параша" цѣлый день стоитъ въ камерѣ и выносится всего два раза въ день, отчего въ камерѣ крайне удушливый воздухъ. Нѣсколько арестованныхъ заболѣли цынгой, у нѣкоторыхъ заболѣли зубы. Обращеніе какъ со стороны начальника тюрьмы, такъ и надзирателей довольно грубое. Было нѣсколько протестовъ, но они остались безрезультатны. Въ здѣшнюю тюрьму привезли восемь рабочихъ изъ Екатеринослава по дѣлу объ августовской всеобщей стачкѣ. Дѣло будетъ слушаться въ Луганскѣ.

Послѣ появленія пресловутаго циркуляра о помилованіи „политическихъ преступниковъ", если они поступятъ въ дѣйствующую армію, начальникъ луганской тюрьмы, Старцевъ, съ циркуляромъ въ рукахъ обходилъ политическихъ, говоря: „вотъ милость отъ царя-батюшки, прочтите", на что ему отвѣчали: „отъ врага пощады не просимъ".

Архангельскъ. На 5-ое марта въ уѣздное воинское присутствіе былъ вызванъ для освидѣтельствованія политическій ссыльный по Костромскому дѣлу, бывшій учитель Н. Ф. Насимовичъ. Послѣ освидѣтельствованія ему тутъ же предложили принять присягу, но онъ, прочтя текстъ, отказался, послѣ чего былъ арестованъ и отправленъ въ мѣстный батальонъ. 6-го марта, вызванный на допросъ въ жандармское управленіе, отказался отвѣчать, а 7-го письменно изложилъ, въ какихъ выраженіяхъ онъ отказался 5 марта отъ присяги. Вотъ приблизительный текстъ его заявленія.

„Не могу давать клятвы служить вѣрой и правдой царю, котораго считаю злѣйшимъ врагомъ русскаго народа. Заявляя это, я руководствуюсь слѣдующимъ: По глубокому моему убѣжденію, всѣ ненормальности существующаго строя (б... равіе рабочихъ, полный произволъ капиталистовъ, забитость народа и его невѣжество, усиленно поддерживаемое полиціей и духовенствомъ, угнетеніе личности интеллигентнаго человѣка и т. д.) — всѣ эти ненормальности объясняются прежде всего существованіемъ у насъ самодержавнаго образа правленія, только съ уничтоженіемъ котораго и съ полученіемъ политической свободы можно будетъ добиваться улучшенія и кореннаго измѣненія всего соціальнаго строя на началахъ равенства, братства, свободы."

Подпись: соц.-дем. Николай Федоровичъ Насимовичъ.

Случай этотъ надѣлалъ тревоги: поскакали съ донесеніями къ губернатору, а затѣмъ былъ посланъ запросъ въ Питеръ. Насимовичъ арестованъ.

„Добровольныя" пожертвованія на военныя надобности въ различныхъ учрежденіяхъ собираются слѣдующими способами. 1) Управляющій казенной палатой А. П. Ушаковъ „предложилъ" своимъ подчиненнымъ отчислять 1% на „Красный Крестъ" и на флотъ. Не желающіе дѣлать взносъ могутъ уходить со службы. 2) Архіерей Іоанникій отдалъ распоряженіе по консисторіи, чтобы вольнонаемнымъ канцеляристамъ уменьшить жалованіе (напр., вмѣсто 20 р. теперь 14 р. въ мѣсяцъ), а разницу передавать въ „Красный Крестъ". Штатные чиновники должны давать 2-3%. 3) Управляющій отдѣленіемъ госуд. банка С. А. Деціушъ получилъ „предложеніе" отъ управляющаго Госуд. Банкомъ „организовать" сборы, если окажутся желающіе. Онъ, въ свою очередь, написалъ „предложеніе" подчиненнымъ. — и въ результатѣ отчисленіе 1%. Когда же банковскіе сторожа записали кто 5, кто 10 к., то онъ призвалъ всѣхъ ихъ (12 чел.) и сказалъ, что они могутъ не служить, если не хотятъ дѣлать взносовъ.

Въ селѣ Ижмѣ, Архан. губ., двое полит. ссыльныхъ: Крыжинскій и Кораблевъ записались въ фельдшера санитарнаго отдѣла для отправки на театръ военныхъ дѣйствій. Товарищи порвали съ ними всякія сношенія.

Въ концѣ февраля здѣсь полиціей накрыто собраніе въ частной квартирѣ; участники (люди абсолютно невинные) были переписаны, причемъ приставъ заявилъ имъ, что, если они желаютъ избавиться отъ непріятностей, пусть записываются въ добровольцы.

Архангельскъ. *Н. Ф. Насимовичъ* (о которомъ я сообщалъ раньше) послѣ отказа отъ присяги 5 марта въ воинскомъ присутствіи содержался при мѣстномъ батальонѣ подъ присмотромъ, а въ городъ его отпускали сначала въ сопровожденіи 2 солдатъ, а потомъ 1-го. 9-го марта онъ пошелъ въ баню, на обратномъ пути зашелъ къ полит. ссыльному Юре, а затѣмъ исчезъ. Солдатъ, сопровождавшій его, просидѣлъ тамъ до 10 час. вечера (съ 3 ч. дня), ожидая, что онъ вернется, а затѣмъ отправился въ батальонъ. Дорогой онъ встрѣтилъ взводъ солдатъ, которые шли искать Насимовича и его. По его указанію они окружили квартиру Юре, обшарили весь домъ, но, разумѣется, ничего не нашли. Затѣмъ, туда же являлась съ обыскомъ полиція — и съ тѣмъ же результатомъ. Вообще, искали Насимовича, какъ иголку. Приходили ко многимъ полит. ссыльнымъ и наивно спрашивали: „не у васъ ли Насимовичъ?", на что получали отвѣтъ: „да, вѣдь, онъ же въ батальонѣ".

Полиціймейстеръ призывалъ къ себѣ Юре, кричалъ на него, говорилъ, что это дѣло его рукъ, грозилъ прибавить еще годъ, но ничего не добился.

Почти *каждый этапъ* сюда приходятъ новые, а теперь сюда же временно посылаютъ часть тѣхъ, кому назначена Сибирь (въ виду войны), другую часть посылаютъ въ Вологодскую и въ Олонецкую губ.

Здѣшній *полиціймейстеръ Губскій*, бывшій харьковскій приставъ по сыскной части, очевидно, не забылъ еще своей профессіи: иногда онъ сбриваетъ свою бороду, переодѣвается въ штатское платье и въ такомъ видѣ куда-то таинственно путешествуетъ, иногда даже уѣзжаетъ изъ города.

Олекминскъ. Седьмого февраля мѣстнымъ политикамъ была объявлена телеграмма о „монаршей милости". На состоявшемся, послѣ прочтенія этой телеграммы, собраніи олекминской колоніи политическихъ ссыльныхъ единогласно принята слѣдующая резолюція:

„Съ чувствомъ живѣйшаго негодованія мы отвергаемъ обращенное къ намъ предложеніе самодержавнаго правительства: между нами и палачемъ Россіи не можетъ быть никакихъ соглашеній, никакихъ сдѣлокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ лицомъ нашей родины, вовлеченной въ преступную военную авантюру, въ интересахъ небольшой кучки капиталистовъ, — мы клеймимъ циничное поползновеніе правительства, разсчитывавшаго нашимъ участіемъ въ войнѣ поднять ея популярность среди народа, сыграть на подъемѣ патріотическаго ажіотажа и тѣмъ повредить революціонной работѣ нашихъ товарищей".

Къ резолюціи этой присоединилась единогласно прошедшая 10 февраля въ Якутскъ партія, обсуждавшая телеграмму въ числѣ 15 человѣкъ.

Красноярскъ. Намъ пишутъ: ...Понемногу общество начинаетъ остывать отъ своихъ „патріотическихъ" восторговъ по случаю войны. Вліяніе послѣдней чувствуется и сказывается повсемѣстно и на всѣхъ сторонахъ жизни. Такъ, за послѣднее время изъ за войны совершенно не было партій (съ „политическими") изъ Россіи, а также не отправляли ихъ отъ насъ въ Александровскую тюрьму (Иркут. губ.). На дняхъ получилось распоряженіе отъ генаралъ-губернатора о томъ, чтобы политическихъ, назначенныхъ въ Якутскую обл. и Иркутскую губ., не отправляли въ виду войны, а размѣстили по Енисейскому уѣзду. Въ тюрьмѣ сейчасъ остались лишь одни слѣдственные... А число послѣднихъ, т. е. привлекаемыхъ по мѣстнымъ (сибирскимъ) дѣламъ, все растетъ. На дняхъ были большіе аресты, главнымъ образомъ въ Иркутскѣ и Томскѣ, гдѣ взята типографія. Были обыски и аресты и у насъ въ Красноярскѣ. Между прочимъ, взятъ раб. Шестаковъ. Результатомъ его некрасиваго поведенія на допросахъ было его освобожденіе и арестъ гласно-поднадзорнаго Ляшевскаго, недавно только получившаго 3 г. гласнаго надзора по мѣстному дѣлу...

P. S. Два студента Томскаго университета, высылаемые въ Якутскую область за томскую весеннюю демонстрацію (прошлаго года): Домбровскій на 6 лѣтъ и Бродовиковъ на 8 лѣтъ, послали изъ Красноярской тюрьмы телеграмму въ Петербургъ съ просьбой зачислить ихъ въ дѣйствующую армію, но не рядовыми, а санитарами. Недавно эти господа получили отвѣтъ, что ихъ просьба отклонена, ибо вступать въ войска можно только рядовыми и что только тогда снимается гласный надзоръ и его послѣдствія.

Дѣло о копейкѣ. Въ Красноярской женской гимназіи одна ученица еврейка подписала копейку на Красный Крестъ. Губернаторъ вызвалъ начальницу и сдѣлалъ запросъ, какъ допущена такая профанація патріотическаго чувства? Педагогическій совѣтъ рѣшилъ исключить, а затѣмъ оставили до перваго замѣчанія, но все таки сообщили жандармамъ; выходитъ политическое дѣло объ еврейской копейкѣ.

Томскъ. Благодаря войнѣ, на поверхности томской жизни, какъ гады, вылѣзаютъ разные субъекты, почуявшіе „моментъ". Кое кто старается разжечь національную рознь слухами, что неудачи Россіи въ войнѣ зависятъ отъ „жидовъ" и поляковъ.

Настроеніе въ низахъ не воинственное, а скорѣе, по словамъ очевидцевъ, подавленное. Новобранцы пьютъ и плачутъ, отправляясь на убой, и по всей линіи на Востокъ выпрашиваютъ милостыню у проѣзжающихъ, а въ случаѣ чего и грабятъ. На Востокѣ свирѣпствуютъ голодный тифъ, оспа, дезинтерія, масса заболѣвшихъ солдатъ отправляется обратно по линіи въ Иркутскъ и другія мѣста, гдѣ открыты госпитали. Эпидемія добралась и до Красноярска, гдѣ сыпной тифъ появился въ такихъ серьезныхъ размѣрахъ, что созываются экстренныя засѣданія думы для изысканія мѣръ борьбы.

Ходятъ слухи, что въ Иркутскѣ арестовали одного солдата за ругань съ офицеромъ, а остальныхъ изъ полка разсортировали по разнымъ пунктамъ, и что около Иркутска разстрѣляли трехъ солдатъ за оскорбленіе жандармскаго офицера, а въ Оби двухъ за уходъ съ поста.

Отразилась война и на „политикахъ". Объявленіе мобилизаціи застало нѣсколько партій въ пути, и такъ какъ начальству теперь некогда возиться съ ними, да и желѣзная дорога занята перевозкой войскъ, то ихъ разсовали по пути въ разныя тюрьмы.

Въ Красноярскѣ скопилось до 100 чел. и поговариваютъ, что до окончанія войны отправки на мѣсто ссылки не будетъ.

Въ Томскъ завезли семь чел.: Шехтеръ (интел.) изъ Петербурга, Юліанъ Григляшевскій (пугов. мастеръ), Макаръ Мирзоянцъ и Алексѣй Жалевичъ (кузнецы) — всѣ трое изъ Баку. Изъ Кременчуга: Михаилъ Медвѣдовскій (маляръ), изъ Минска: Хаимъ Лапицкій (желѣзнодорожный техникъ) изъ Петербурга Сулимовъ (слесарь съ Обуховскаго завода). Первые четыре на 5 л. В. Сибири: Лапицкій — 3 года, Медвѣдовскій по одному дѣлу на 3 года, по другому до приговора. Сулимовъ въ Иркутскъ подъ особ. надзоръ. Всѣ по соц.-дем., только Медвѣдовскій по одному изъ двухъ дѣлъ числится с.-р-омъ,

Рига. 14-го марта хоронили одного рабочаго, принадлежащаго къ мѣстной организаціи Бунда. За гробомъ несли вѣнки съ красными лентами. На похоронахъ было 500-600 человѣкъ. Во время процессіи полиціи не было видно, но на кладбищѣ находился помощникъ пристава съ двумя околоточными и нѣсколькими городовыми. На могилѣ одна дѣвушка сказала рѣчь на еврейскомъ жаргонѣ, которая была прервана полиціей. Больше никто не говорилъ. Когда стали расходиться, кто то изъ толпы крикнулъ: „Долой самодержавіе!" Его поддержали. Полиція бросилась въ толпу, чтобы схватить виновныхъ. Помощникъ пристава задержалъ одного, хотя тотъ утверждалъ, что онъ не кричалъ. Задержанный вырвался и бросился въ толпу, которая его старалась отбить. Его все-таки задержали. Но тутъ произошло нѣчто ужасное. Полицейскіе съ обнаженными шашками бросились на толпу, продолжавшую кричать „Долой самодержавіе!", и стали рубить безоружныхъ людей, среди которыхъ было много женщинъ. Многіе бросились къ выходу, другіе же защищались палками, камнями. Между тѣмъ оказалось, что ворота были заперты, отперта была только узенькая калитка. Всѣ бросились черезъ эту калитку, а кровожадная свора опричниковъ стала у выхода и била шашками по головамъ. Нѣкоторые сопротивлялись, защищая себя и другихъ отъ полиціи. Помощникъ пристава дошелъ до того, что сталъ стрѣлять. Одинъ околоточный до того разсвирѣпѣлъ, что нѣкоторое время размахивалъ шашкой, хотя всѣ почти разбѣжались. Всего раненыхъ изъ демонстрантовъ около 12 чел. (изъ нихъ одинъ раненъ пулей въ шею); изъ полиціи — помощникъ пристава (тяжело), околоточный и около 6 городовыхъ. Арестовано на кладбищѣ, а затѣмъ на улицѣ при помощи роты солдатъ 17 ч. Теперь полиція распространяетъ въ массѣ слухи, что „жиды" хотѣли совершить на кладбищѣ ритуальное убійство.

И въ Ригѣ теперь приходится считаться съ возможностью еврейскаго погрома. Циркулируетъ уже масса слуховъ. Одни говорятъ, что будто бы убили русскаго передъ Пасхой. Другіе, что хоронили не человѣка, а куклу, имъ нужно было получить документы для одного бѣжавшаго солдата. Полиція въ этихъ слухахъ играетъ роль раскрывающаго козни евреевъ. По слухамъ, исходящимъ изъ участка, русскіе рабочіе(?!) уже просили позволенія расправиться съ евреями, но имъ, конечно,(?) не позволили. Особенно какъ будто бы русскіе рабочіе (русскихъ на кладбищѣ было не много) не взвидѣли свѣта, когда крикнули „Долой самодержавіе!" — тутъ ужъ ихъ нельзя было удержать, сообщаетъ полиція, кто кулакомъ, кто чѣмъ, давай сражаться. А между прочимъ достовѣрно извѣстно, что среди нападавшихъ на полицію былъ одинъ русскій рабочій, очень энергично боровшійся. Его забрали въ числѣ 17. Извѣстно также, что нѣкоторые всячески помогали скрываться, хотя другіе и относились индифферентно. Говорятъ, что приставъ въ отвѣтъ на возгласъ „долой самодержавіе" сказалъ: „что, а погрома на Пасху не хотите?"

Москва. Самодержавіе въ борьбѣ съ малолѣтними внутренними врагами. (Изъ частнаго письма). Есть здѣсь товарищъ прокурора Добрынинъ, который на замѣчаніе одной матери, что ея дочери лишь 15 лѣтъ, а потому она не можетъ обвиняться, какъ политическая, возразилъ, что есть законъ и для малолѣтнихъ, и что, по теперешнимъ временамъ, легко встрѣтить восьмилѣтняго ребенка, развращеннаго противоправительственными идеями. Какъ видите, юристы неистовствуютъ не хуже жандармовъ.

Жандармы имѣютъ сильное желаніе создать здѣсь дѣло объ организаціи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы и страшно злятся, когда имъ говорятъ, что такой организаціи не существовало. Уже съ октября сидитъ одна гимназистка (объ этомъ было напечатано въ „Освобожденіи" въ декабрѣ), при обыскѣ у нея почти ничего не нашли, но все-таки ее обвиняютъ, что она была руководительницей кружка, и въ настоящее время заняты разыскиваніемъ ея связей съ кіевскимъ кружкомъ. Она и прежде была дѣвочкой съ очень больной и разстроенной нервной системой, а что теперь съ нею сталось, — трудно себѣ представить. Надо еще прибавить, что въ семьѣ средствъ къ жизни никакихъ нѣтъ. Вторая ея сестра бросила гимназію и поступила въ контору; у третьей были сдѣланы два раза обыски, и отъ нея потребовали, чтобы она вышла изъ гимназіи. Въ округѣ даже выражаютъ желаніе, чтобъ изъ гимназіи исключили еще двухъ маленькихъ ея сестеръ 13 и 10 лѣтъ. Министра народнаго просвѣщенія до сихъ поръ нѣтъ, и въ округѣ не знаютъ, какой тактики держаться.

Изъ Олонецкой губ. Олонецкая губ. въ послѣднее время усиленно наводняется ссыльными. Условія ссылки тамъ очень тяжелы: разсылаютъ всѣхъ въ одиночку въ глухія деревушки, отстоящія на десятки и сотни верстъ отъ города и вдобавокъ населенныя корелами. Разъединенные, лишенные товарищеской поддержки, книгъ и газетъ, наши олонецкіе товарищи подвергаются, кромѣ того, ряду тяжелыхъ насилій и оскорбленій со стороны полицейской сволочи.

Передо мной два письма изъ этого края. Одинъ товарищъ пишетъ: „Я заѣхалъ по пути къ одной ссыльной, бывшей 5 лѣтъ въ Сибири. Первыя ея слова, когда она узнала, что я ссыльный — были: „А я съ ума здѣсь схожу одна, ни писемъ, ни книгъ, ни газетъ, ни одного человѣка, съ которымъ можно было перекинуться словомъ. Сибирь, — это рай, въ сравненіи съ Олонецкой губ. Тамъ масса своихъ, здѣсь тюрьма" Она совсѣмъ больна, а ее не пускаютъ лѣчиться въ Петрозаводскъ.

Пишетъ своимъ — но отвѣта не получаетъ. Ни денегъ, ни чаю, ни сахару. Я оставилъ ей денегъ и обѣщалъ заботиться о ней. Она была страшно обрадована моимъ посѣщеніемъ. Очевидно, она голодала, такъ какъ у нея нѣтъ даже хлѣба... Она подала прошеніе, чтобы ей ссылку замѣнили тюрьмой... Она просила правительство о пособіи, но ей въ этомъ отказали, говоря, что она можетъ заниматься физическимъ трудомъ... Злѣе насмѣшки нельзя придумать".

Изъ другого письма узнаемъ о возмутительномъ насиліи, учиненномъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей: „Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, Шуйской волости, въ деревнѣ Ивановкѣ живетъ ссыльная Н. Губарева... Она все время подвергалась угрозамъ, что полиція можетъ поступать съ ней, какъ захочетъ. Недѣли за двѣ до описываемаго случая, ей въ волости не хотѣли дать повѣстку, мотивируя это тѣмъ, что полиція запрещаетъ это дѣлать, такъ какъ Губарева не имѣетъ права получать съ почты ни писемъ, ни денегъ, ничего. 23 декабря волостной писарь задержалъ денежную повѣстку и отправилъ ее исправнику, хотя переписка Губаревой не находится подъ надзоромъ. 24 д. въ 9 час. вечера къ Губаревой явился совершенно пьяный урядникъ и на требованіе Губаревой удалиться потребовалъ у нея рюмку или стаканъ, заявляя, что онъ желаетъ пить водку въ ея комнатѣ и что онъ это можетъ, такъ какъ Губарева поднадзорная и не смѣетъ ему противорѣчить и что онъ не только не уйдетъ, но ляжетъ на ея кровать, и Губарева не посмѣетъ его выгнать, ибо онъ все можетъ (прямо божеское всемогущество!) Губарева убѣжала къ хозяевамъ, прося защиты; вышла дочь и, увидѣвъ, что урядникъ дѣйствительно пьетъ водку, не посмѣла его увести, а сказала ему: „тятенька дома ждутъ". Тогда урядникъ ушелъ, а Губарева все время дрожала въ холодномъ сараѣ".

Списокъ политическихъ ссыльныхъ въ селѣ Керети, Кемскаго уѣзда, Архангельской губерніи: А. Фогельманъ, Я. Кочетковъ, В. Ольшевскій, Ѳедоръ Карелый, Григорій Кривоножкинъ, Михаилъ Арефьевъ и В. Крысинъ.

Еще о послѣднихъ голодовкахъ въ харьковской тюрьмѣ. Вы, вѣроятно, знаете ближайшій поводъ къ голодовкѣ въ пересыльной тюрьмѣ: нѣкоему Драханову не разрѣшили свиданій съ невѣстой. Онъ началъ голодать, и къ нему присоединились всѣ остальные шестнадцать политическихъ. Изъ этого единодушія видно, что эта пустячная репрессія была только послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія. Дѣйствительно, режимъ пересыльной тюрьмы еще хуже, чѣмъ въ губернской, одной изъ худшихъ въ Россіи. Въ то время, какъ въ послѣдней заключенные успѣли августовской голодовкой добиться кое-какихъ льготъ, вродѣ прогулокъ вдвоемъ, удлиненія прогулокъ, встрѣчъ въ корридорѣ и т. д., въ пересыльной система одиночекъ проводится со всею строгостью, прогулки длятся около 15 минутъ, пища невозможная, причемъ не позволяютъ улучшать ее по желанію, обращеніе грубое, мало отличающееся отъ обращенія съ уголовными. Всѣ сидящіе были настолько истощены этимъ режимомъ, что уже на четвертый и пятый день (26 и 27 января) четырнадцать изъ нихъ, въ виду опаснаго положенія, должны были быть переведены въ губернск. земск. больницу. Вотъ ихъ фамиліи: (26 января) Никифоръ Драхановъ, Александръ Ломоносовъ, Андрей Жукъ; (27 января) Лейба Раскинъ, Мойсей Самаровичъ, Григорій Кузьменко, Ефремъ Левинъ, Вульфъ Камермахеръ (онъ же Каплунъ), Лейба Яглинъ, Іосель Хайкинъ, Иванъ Сусликовъ, Петръ Андріевскій; (28 января) Петръ Стешенко, Ефремъ Бойко. 27 января явился къ исполняющему должность старшаго врача прокуроръ и потребовалъ, чтобы врачи примѣнили искусственное кормленіе, грозя въ противномъ случаѣ привлечь ихъ къ уголовной отвѣтственности за каждаго умершаго отъ голода. Старшій врачъ, посовѣтовавшись со всѣми врачами больницы, отказался исполнить это на томъ основаніи, что врачъ не имѣетъ права производить операціи безъ согласія больного; но въ виду того, что прокуроръ продолжалъ грозить (говорятъ, онъ прямо кричалъ), старшій врачъ обѣщалъ снестись съ врачебнымъ инспекторомъ. Врачебный инспекторъ (членъ Русскаго Собранія) отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что врачей могутъ привлечь къ отвѣтственности за искусственное кормленіе голодающихъ безъ ихъ согласія. Потерпѣвъ неудачу, прокуроръ отправился къ голодающимъ и обѣщалъ Драханову исполнить его требованіе. Голодовка прекратилась, но не успѣли изгладиться ея слѣды, какъ началась новая въ обѣихъ тюрьмахъ (четвертая по счету въ Харьковѣ съ августа прошлаго года). Въ три часа ночи подъ 13-ое февраля, тюремный инспекторъ нагрянулъ съ ревизіей въ губернскую тюрьму и нашелъ „безпорядки“: форточки въ дверяхъ не вездѣ были заперты, нѣкоторыя лампы были вынуты изъ фонарей, прикрѣпленныхъ къ потолку, и стояли на столѣ. Инспекторъ поднялъ шумъ, вызвалъ смотрителя, началъ кричать, разбудилъ всѣхъ заключенныхъ. На утро помощникъ смотрителя, завѣдующій „секретомъ“ (отдѣленіе для политическихъ) — Дмитріевъ, объявилъ заключеннымъ, что инспекторъ распорядился придѣлать снаружи къ форточкамъ задвижки и запереть лампы въ фонари. Заключенные, собравшись на совѣщаніе, постановили: „не препятствовать придѣлать задвижки и запереть лампы, но съ такимъ условіемъ, чтобы форточки отворялись по первому требованію, а фонари были прикрѣплены не на потолкѣ, а вблизи стола, чтобы можно было заниматься вечеромъ“. Это постановленіе было передано Дмитріеву. Черезъ часъ или два одинъ изъ заключенныхъ попросилъ Дмитріева перевести его въ болѣе свѣтлый, недавно освободившійся номеръ. Дмитріевъ грубо отказалъ. Заключенный потребовалъ смотрителя; „я и самъ знаю, что дѣлать“, отвѣтилъ Дмитріевъ. Нѣсколько товарищей, вышедшихъ изъ камеръ, присоединились къ просившему перевода съ требованіемъ позвать смотрителя. Дмитріевъ уступилъ, но явившійся смотритель, раньше чѣмъ спросить, въ чемъ дѣло, началъ грубо кричать на присутствующихъ. Можетъ быть, онъ былъ раздраженъ выговоромъ инспектора, но, вѣрнѣе, это было желаніе провоцировать безпорядки, съ цѣлью уничтожить „вольности“, добытыя голодовками. Черезъ нѣсколько минутъ въ корридоръ врывается старшій помощникъ пересыльной тюрьмы Дюковъ съ двадцатью надзирателями. Надзиратели бросаются на бывшихъ въ корридорѣ и начинаютъ тащить ихъ въ карцеръ. Въ отвѣтъ на это всѣ остальные, запертые въ камерахъ заключенные поднимаютъ страшный шумъ и крикъ. Нѣсколько форточекъ вылетаютъ съ петлями. Тогда надзиратели врываются въ камеры шумящихъ и, угрожая револьверами, приказываютъ замолчать. Въ концѣ концовъ, семь изъ заключенныхъ выносятся на рукахъ въ карцеръ (Никоновъ, Еремей Исаковичъ, Пичхая, Гавриловичъ, Ланге, Паль, Пакуль). Двое изъ нихъ (Никоновъ и Паль) помѣщаются въ темные и сырые карцеры уголовнаго отдѣленія, но, по требованію фельдшера, переводятся опять въ „секретъ“. Всѣ заключенные объявляютъ голодовку съ требованіемъ освободить товарищей изъ карцера, удалить Дмитріева, возстановить прежній режимъ. Голодовка продолжалась больше недѣли и окончилась побѣдой заключенныхъ. Нѣсколько эпизодовъ: когда во время суматохи Владиміръ Исаковичъ выбилъ форточку и, просунувъ голову въ корридоръ, кричалъ, чтобы освободили товарищей, то одинъ изъ надзирателей съ такой силой ударилъ его кулакомъ по головѣ, что онъ ввалился въ камеру. Когда началась голодовка, то тюремный врачъ Дракинъ сообщилъ своимъ фельдшерамъ, что предстоитъ искусственное кормленіе. Тѣ отказались принимать участіе. „Тогда я буду самъ съ надзирателями кормить“, заявилъ Дракинъ. Этотъ же Дракинъ (бывшій подъ судомъ по дѣлу Алчевскаго, какъ членъ ревизіонной коммиссіи) прославился во время августовской голодовки, когда онъ заставилъ нѣкоторыхъ ѣсть, съ испугомъ заявивъ имъ, что у нихъ сдѣлается разрывъ сердца, если они не выпьютъ молока; кромѣ того онъ издѣвался надъ голодающими, кричалъ на нихъ и т. д. Въ это же самое время въ пересыльной тюрьмѣ одинъ изъ заключенныхъ поссорился съ смотрителемъ и выругалъ его. Заключеннаго потащили въ карцеръ, остальные подняли шумъ и крикъ. Въ результатѣ оказалось 14 душъ въ карцерѣ. Была объявлена голодовка, продожавшаяся недѣлю; заключенные были возвращены изъ карцеровъ, но все-таки на нихъ были наложены наказанія, въ видѣ лишенія свиданій, переписки и т. д. Кстати, заключеніе въ карцеръ — дѣло, давно уже неслыханное въ Харьковѣ; здѣсь, несомнѣнно вліяніе войны, отвлекающей вниманіе общества.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Харьковъ 10 марта. Среди крестьянъ Волчанскаго уѣзда, Харьковск. губ., уже нѣкоторое время ведется работа. Недавно издали два листка. Листки были разбросаны въ нѣсколькихъ селахъ и имѣли успѣхъ. Ихъ читали на улицахъ во всеуслышаніе; сначала въ одномъ мѣстѣ, затѣмъ переходили дальше, и такъ по всему селу. Полиція арестовала нѣсколько человѣкъ изъ нашедшихъ листки, но принуждена была выпустить, за неимѣніемъ никакихъ уликъ.

Ощущается очень сильный недостатокъ въ популярной литературѣ для крестьянъ. Брошюра Ленина для нихъ все-таки мало доступна и, въ особенности, при условіяхъ работы въ нашемъ уѣздѣ, когда тамъ почти нѣтъ пропагандистовъ и приходится лишь ограничиваться распространеніемъ литературы — она не пользуется большимъ успѣхомъ.

Результаты работы несомнѣнно сказываются въ нѣкоторомъ подъемѣ настроенія деревни, гдѣ каждая книжка часто гуляетъ отъ одной околицы до другой, чуть ли не по всѣмъ хатамъ, а также и въ появленіи десятка — другого спропагандированныхъ крестьянъ, стремящихся уже къ активной работѣ. Особенно трудно бываетъ отговорить этихъ пылкихъ неофитовъ отъ совершенія поджоговъ, убійствъ и пр., къ чему они часто проявляютъ непреодолимую склонность. Это служитъ, конечно, и мѣркой того болѣе или менѣе сильнаго революціоннаго настроенія, которое они проявляютъ, и сравнительно неглубокаго пониманія тѣхъ вопросовъ, въ кругъ которыхъ они только что начинаютъ входить.

Въ общемъ, вся, въ сущности, необширная работа среди крестьянъ Волчанскаго уѣзда уже показала, что дѣятельность въ деревнѣ вовсе не такъ трудна и безплодна, какъ это можетъ показаться сначала. Ясно, что крестьянство теперь стало весьма благопріятной средой для революціонной проповѣди. Только надо побольше силъ: людей, литературы, листковъ, и работа закипитъ, какъ никогда.

Всѣ эти свѣдѣнія сообщены мнѣ работающимъ среди крестьянъ товарищемъ.

Мелитополь. Война у насъ захватила все и вся. Всюду только и слышно, что о миноноскахъ, крейсерахъ, аттакахъ... А пока втихомолку, какъ и всюду въ Россіи, правительство и у насъ ведетъ свою патріотическую аттаку противъ внутреннихъ враговъ. Прежде всего мѣстные патріоты организовали рядъ патріотическихъ манифестацій. Первая изъ нихъ (человѣкъ въ 200) — все изъ чистой публики — была устроена мѣстнымъ землевладѣльцемъ, членомъ мѣстной земской управы О. А. Эссеномъ. Этотъ господинъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ отослалъ какъ то полученный въ управѣ на его имя номеръ „Освобожденія“ губернатору, за что получилъ особую благодарность. Правой же рукой Эссена въ устройствѣ манифестацій явился нѣкій Берловичъ, котораго весь городъ знаетъ, какъ шпіона. Берловичъ несъ во время самаго шествія знамя и кричалъ: „да здравствуетъ армія“. Эта шпіонская любовь къ арміи пріобрѣтаетъ въ данномъ случаѣ особенный вкусъ въ виду того, что будучи взятъ въ солдаты, Берловичъ самъ только кое-какъ отдѣлался отъ службы всякими правдами и неправдами... Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по улицамъ (причемъ въ число зданій, передъ которыми манифестанты останавливались, былъ включенъ также и полицейскій участокъ), манифестанты подошли къ мѣстному такъ называемому Общественному Собранію, и здѣсь Эссенъ произнесъ передъ ними рѣчь на тему „отечество въ опасности“.

Вторая манифестація должна была быть произведена учащимися. Но напрасно училищное начальство сгоняло реалистовъ и гимназистокъ. Большая часть ихъ разбѣжалась, и на манифестаціи были почти одни только малыши. Не отстало отъ другихъ въ выраженіи своихъ вѣрноподданническихъ патріотическихъ чувствъ и главное управленіе мѣстной синагоги, устроившее еврейскую манифестацію, руководителемъ которой явился все тотъ же Берловичъ. Остроуміе манифестантовъ и тутъ, какъ и всюду, не шло дальше тасканія портретовъ царя и пѣнія того самаго народнаго гимна, въ которомъ такъ много говорится о царѣ и ничего не говорится о народѣ. Интересный случай произошелъ во время патріотической манифестаціи приказчиковъ. Небольшая кучка манифестантовъ уныло плетется по улицѣ. Вдругъ чей-то одинокій голосъ въ толпѣ затягиваетъ: „Но настанетъ пора, — и проснется народъ“... Никѣмъ не поддержанный, голосъ обрывается, и кучка молча плетется дальше.

Патріотическая агитація правительства противъ внутреннихъ враговъ заключаетъ въ себѣ, конечно, и націоналистическую травлю, особенно противъ евреевъ. Для характеристики пріемовъ и результатовъ этой травли приведу нѣсколько примѣровъ: крестьянка — кухарка разсказываетъ на кухнѣ: „кажуть, что американка послала два корабля на жидивски гроши, шобъ бить русскихъ... потимъ того ще кажуть, що піймалы одного жидюгу-солдата, що винъ сулемою мясо посолывъ, такъ 5,000 солдатъ, кажуть, вмерло... а бо 3,000, я вже не знаю... „*У волости читалы*“... Въ села Рубановка и Большая Лопатиха, Мелитопольскаго уѣзда, попали купечествомъ и почтовыми чиновниками пущенные слухи о томъ, что въ войнѣ виноваты евреи: американскіе евреи дарятъ японцамъ деньги и суда, а русскіе евреи покупаютъ для Японіи лошадей и собираютъ пожертвованія. Попы читаютъ въ церквахъ и чайныхъ „Новое Время“, „Знамя“ и стараются распространять среди крестьянъ эти газеты. Въ селахъ, гдѣ ведется систематическая агитація, настроеніе самое патріотическое. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Михайловкѣ, крестьяне, возбужденные „Знаменемъ“, чуть не устроили погромъ. Каплей, переполнившей чашу ихъ патріотическаго терпѣнія, какъ оказалось, было прочитанное ими сообщеніе, что Корея перешла на сторону Японіи. Спутавъ Корею съ евреями, крестьяне уже готовы были начать погромъ. Насилу одному еврею удалось убѣдить ихъ перечитать злосчастное газетное извѣстіе. Характерно, что мѣстные патріоты изъ полуинтеллигентовъ поддерживаютъ въ крестьянахъ это заблужденіе насчетъ „Кореи“. Среди еврейскаго населенія настроеніе, разумѣется, самое угнетенное. Когда исправникъ ѣздилъ по уѣзду собирать на Красный Крестъ, евреи старались щегольнуть своими пожертвованіями. Въ то же время жаловались на распространителей клеветническихъ слуховъ и просили защиты. Въ одномъ селѣ, гдѣ евреи не дали мады, исправникъ приказалъ мѣстнымъ властямъ выслать къ нему по этапу всякаго такого распространителя, если только его виновность будетъ доказана свидѣтельскими показаніями „*крестьянъ*“! Въ другомъ же селѣ, гдѣ такая мада была дана, урядникъ получилъ приказъ, по первому заявленію любого еврея, безъ всякаго разговора, высылать „смутьяновъ“. Во многихъ селахъ, однако, настроеніе противъ войны. — „Что, вы жертвовали ли на войну?“ — спрашиваю одну крестьянку... „Какъ не дать, коли ѣздятъ собирать. Берутъ — только подавай... Бѣда, да и только: цари побуркаются, а насъ обираютъ. Имъ-то что!“ — Это далеко не единичный голосъ въ общемъ хорѣ крестьянскихъ голосовъ. Мнѣ приходилось, напримѣръ, натыкаться на такія соображенія, высказываемыя потомъ вслухъ безъ стѣсненія: „Ишь, царь-то нашъ!.. Своихъ дѣтей, небось, не посылаетъ на войну, чужіе пусть идутъ!..“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта мысль ходитъ въ видѣ легенды, будто „святой Іоаннъ Кронштадтскій“ явился-де къ царю и говоритъ: „Что жъ, молъ, царь-батюшка, ты другихъ на войну посылаешь, ты бы забралъ своихъ дѣтей да и самъ бы отправился!..“. А вотъ вамъ соображеніе хохла-крестьянина на тему о томъ, для чего устраиваются патріотическія манифестаціи: „Це мабудь дила плохи, то вже воны для хвабрости...“.

Война вызвала громадное возбужденіе въ сельскомъ населеніи. Въ этомъ возбужденіи стихійно рвется наружу все то, что составляетъ внутренній міръ деревенскаго люда, что въ обыкновенное время никогда не принимаетъ такихъ рѣзкихъ, обостренныхъ формъ, никогда не доростаетъ до такихъ размѣровъ. Тутъ и подъемъ слѣпого патріотическаго чувства, тутъ и готовность бить перваго попавшагося, тутъ и ожесточеніе на то, что дерутъ съ насъ не по силамъ, тутъ и явно противоправительственные разговоры и сужденія. Сквозь громъ орудій на Дальнемъ Востокѣ чувствуется дыханіе приближающейся революціи. Дѣло соціальдемократіи внести во всю эту путаницу настроеній лучъ сознанія. Крестьяне съ радостью накидываются на каждую бумажку, гдѣ только что-нибудь говорится о войнѣ. Прежнія войны были имъ еще понятны, но до смысла теперешней они никакъ не могутъ добраться, а, между тѣмъ, желаніе допытаться, изъ-за чего война, громадное. Недавно въ селахъ Мелитопольскаго у., Малая Бѣлозерка и Баяки, ночью были разбросаны прокламаціи, а уже часовъ въ десять утра по всѣмъ дворамъ были обыски, произведенные сельской полиціей и становымъ приставомъ. Однако, многіе изъ крестьянъ успѣли прочесть, а нѣкоторые даже и припрятать „книжки“. Къ сожалѣнію намъ не удалось еще видѣть эти прокламаціи. Одни говорятъ, будто тамъ было написано, что царь дескать — разрѣшаетъ отобрать у помѣщиковъ и поповъ имущество, и крестьяне призывались послѣдовать примѣру харьковцевъ и полтавцевъ. Другіе передаютъ, что въ прокламаціи, между прочимъ, указывалось, что самымя страшными піявками народа являются дворяне и попы: первые — забрали землю, а вторые — досасываютъ. Крестьяне были сильно заинтересованы появленіемъ прокламацій. Изъ окружныхъ селъ пріѣзжали за ними. „Отъ, колы бъ мыні така кныжка? У мене бісова батька уже забралы бъ!.. Кажуть, праведни булы книжки“, сожалѣли пріѣхавщіе. А вотъ отрывки изъ разговоровъ крестьянъ о прокламаціяхъ: — „Ишь, сами святые — а безплатно на поповъ по праздникамъ работать можно!“ или:

— Бить поповъ надо!

— А за что?

— А что же — длинноволосые — забрали все въ свои руки!

— А въ церкви кто служить будетъ?

— Кто вѣритъ, и на дворѣ помолится. Богъ вездѣ! А другіе и въ церкву идутъ, да по карманамъ лазятъ!

У поповъ было скверно на душѣ. Они серьезно боялись.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Революціонное изобрѣтеніе. По сообщенію газеты „Confectionär“, въ Зонтгофенѣ (Баварія) образовалось акціонерное общество для эксплуатаціи патентованнаго изобрѣтенія Гемига. Изобрѣтеніе это съ самаго начала вызвало сенсацію въ ткацкой промышленности; цѣль его заключается въ томъ, чтобы дать возможность ткачу, управляющему теперь двумя-тремя станками, управлять цѣлыми шестью и даже восемью и еще болѣе, и притомъ съ меньшей затратой силъ. Особенно же выгодно новое изобрѣтеніе потому, что его легко можно примѣнить ко всѣмъ нынѣшнимъ станкамъ. Всѣ другія приспособленія въ этомъ направленіи не шли дальше опытовъ, потому что, съ одной стороны, они были очень сложны, съ другой же — примѣненіе ихъ требовало переустройства наново всей фабрики. Способъ же Гемига, какъ уже сказано, легко можетъ быть цѣликомъ примѣненъ во всякой существующей ткацкой фабрикѣ и притомъ съ гораздо меньшими издержками.

Въ гигіеническомъ отношеніи способъ Гемига также представляетъ большія выгоды; такъ, онъ совершенно устраняетъ вредное вдѣваніе нитки при помощи рта и опасность зараженія работницъ отъ ихъ чахоточныхъ товарокъ. Многочисленные заказы изъ всѣхъ странъ свидѣтельствуютъ о большомъ интересѣ къ новому изобрѣтенію. Прежде всего примѣняется новое приспособленіе къ станкамъ Баварской бумаго-ткацкой фабрики въ Зонтгофенѣ, а вскорѣ оно будетъ введено и на другихъ крупныхъ фабрикахъ.

Въ разумно организованномъ обществѣ такая сберегающая трудъ машина была бы встрѣчена общею радостью. Примѣненіе ея было бы одинаково полезно и для производителей и для потребителей. Теперь же каждое такое изобрѣтеніе наполняетъ рабочихъ ужасомъ. Увеличеніе производительности означаетъ не улучшеніе, а ухудшеніе ихъ положенія, безработицу для „лишнихъ рукъ“, переполненіе рабочаго рынка, пониженіе, а не повышеніе заработной платы и пр. Есть только одно средство, чтобы нѣсколько ослабить это вредное дѣйствіе и въ современномъ обществѣ: это — *сокращеніе рабочаго времени*. Но когда рабочіе начинаютъ предъявлять такое требованіе, не только тѣ капиталисты, которые снимаютъ всѣ сливки съ новыхъ изобрѣтеній, но и всѣ организованныя силы современнаго общества — церковь, полиція, правительственная власть, войска, встаютъ противъ рабочихъ на защиту тѣхъ „правъ собственности“, которыя требуютъ, чтобы каждый новый успѣхъ человѣческаго знанія, техники, науки, искусства шелъ на пользу богатымъ и былъ источникомъ новаго порабощенія для неимущихъ.

* * *

Пассажирскіе тарифы.

Въ Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйств. промышленности зашла рѣчь объ удешевленіи проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ для рабочихъ, идущихъ на сельскія работы. По порученію Совѣщанія, департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ вычислилъ, сколько желѣзныя дороги получаютъ при нынѣшнихъ тарифахъ выгоды отъ пассажировъ разныхъ классовъ. Въ разсчетъ приняты всѣ расходы, падающіе на одного провезеннаго пассажира.

При разсчетѣ на 100 верстъ получается:

Отъ пассажира I класса	4 р. 59 к. *убытка.*
„ „ II класса	— 50 к. *убытка.*
„ „ III класса	— 8 к. *прибыли.*
„ „ IV класса	— 27 к. *прибыли.*

Эти цифры говорятъ сами за себя. Онѣ говорятъ о томъ, что для того, чтобы люди бѣлой кости разъѣзжали съ подходящими ихъ званію удобствами и съ достаточной быстротой, необходимо — при современномъ строѣ, — чтобы люди черной кости тратили лишнее время, мерзли и задыхались въ дрянныхъ вагонахъ. Онѣ говорятъ о томъ, что и желѣзнодорожная плата, что и этотъ налогъ, собираемый казной и кучкой монополистовъ, какъ и всѣ другія обложенія въ современномъ обществѣ, *падаетъ съ наибольшей силой* на тѣхъ, кто имѣетъ *всего менѣе*. Въ Совѣщаніи заговорили о пониженіи тарифа для IV класса, которымъ слѣдуютъ сельскіе рабочіе. Желѣзнодорожный департаментъ выработалъ соотвѣтствующій проектъ новаго тарифа, уменьшающаго плату за провозъ на большія разстоянія, сравнительно съ нынѣшней. По этому проекту, прибыль, получаемая желѣзными дорогами съ пассажира IV класса на 100 верстъ должна составить уже только около 9 коп., т. е. всетаки больше, чѣмъ съ пассажира III класса.

Но тутъ встаетъ новая забота, которую высказалъ министръ путей сообщенія, „не приведетъ ли проектированное пониженіе тарифа къ уменьшенію дохода желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе вѣроятнаго перехода пассажировъ III класса въ IV-ый, въ виду значительной, особенно на дальнихъ разстояніяхъ, разницы въ провозной платѣ по этимъ двумъ классамъ“? (понятно, что если количество пассажировъ низшаго класса увеличится на счетъ высшаго, то соотвѣтственно измѣнятся и наши цифры, и пассажиръ этого низшаго класса можетъ стать *менѣе выгоднымъ* для желѣзныхъ дорогъ).

Совѣщаніе успокоило министра: „Разница въ удобствахъ и скорости сообщенія между этими двумя классами останется весьма существенной, что, конечно, будетъ многихъ удерживать отъ перехода въ IV классъ“.

Вы видите, что прихвостни капитала *должны* заботиться о томъ, чтобы пассажиру IV класса было *не слишкомъ удобно* въ его вагонѣ. Ибо, какъ указывалъ еще Чернышевскій, только *искусственно ухудшая* условія пользованія тѣмъ или другимъ „благомъ“ для людей неимущихъ, можно людей, сколько нибудь платежеспособныхъ, облагать налогомъ, достаточнымъ для полученія прибыли. Пассажиръ IV класса *долженъ* перевозиться хуже, чѣмъ скотъ, *для того*, чтобы пассажиръ III класса вынужденъ былъ охотнѣе отдавать лишніе трудовые рубли, чѣмъ рѣшиться перейти въ IV классъ. А все вмѣстѣ нужно для того, чтобы пассажиру I класса пользованіе особыми удобствами обходилось дешевле, и чтобы капиталъ, затраченный на желѣзныя дороги, приносилъ „приличный“ дивидендъ.

Понятно, поэтому, что „Высочайше Утвержденное Совѣщаніе“ рѣшило, въ концѣ концовъ, что выработку какихъ-нибудь мѣръ для улучшенія условій путешествія въ рабочихъ поѣздахъ (о чемъ ходатайствовали нѣкоторые земскіе комитеты), ему не слѣдуетъ брать на себя, ибо такія мѣры, поскольку онѣ возможны (возможны безъ ущерба для капитала), могутъ послѣдовать въ порядкѣ административныхъ трудовъ министерства путей сообщенія. Мы видѣли, о чемъ прежде всего заботится глава этого министерства, когда рѣчь заходитъ объ интересахъ „простонародья“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь. (Изъ бюллетеня № 5 Тверскаго Комитета партіи)

Бунтъ ситцевой фабрики, первая въ Твери политическая демонстрація, дружная стачка рабочихъ вагоностроительнаго завода, всѣ эти событія всколыхнули застоявшееся болото нашего захолустья, заставили говорить о себѣ и городъ, и деревню, и фабричную массу. Теперь всѣ убѣдились, что наши ряды, ряды борцовъ за свободу, за человѣческое счастье не фикція, а фактъ. Теперь всѣ убѣдились, что соціальдемократы и у насъ въ Твери представляютъ изъ себя извѣстную силу, силу организованную и революціонно настроенную. Но малосознательная рабочая масса и консервативный обыватель города, и еще болѣе темная Тверская деревня, увидѣвъ, что произошло, во многомъ не разобрались и многаго не поняли.

Цѣлую недѣлю послѣ демонстраціи 22 февраля всюду говорили о бунтѣ, политикѣ, внутреннихъ японцахъ. Дальній Востокъ исчезъ изъ разговоровъ. Еще больше подлила масла въ эти разговоры стачка рабочихъ вагоностроительнаго завода (3000). Она началась такъ: 21-го столярный цехъ (300 чел.) заявилъ администраціи, чтобы убрали мастера Кречмера и повысили расцѣнки. 23-го имъ объявили, что ихъ просьба оставлена безъ послѣдствій. Кстати, въ этотъ день всѣ рабочіе ситцевой фабрики были разсчитаны. 24-го вновь стали набирать. Пошли на работу всѣ, не заявляя никакихъ требованій. Всѣхъ „замѣченныхъ“ не приняли (около 300 чел.). На остальныхъ наложили штрафъ по 5 коп. съ человѣка, за „бунтъ“. Выпущенные Тверскимъ Комитетомъ листки съ призывомъ къ ткачамъ объявить стачку не имѣли успѣха. „Забастовка теперь не во время“, говорили ткачи: „нѣтъ хлѣба для себя и кормовъ для скота“, да и Пасха близко. На вагоностроительномъ заводѣ, въ просторѣчіи „французскомъ“, Тверской Комитетъ выпустилъ 23-го листокъ, въ которомъ описывалъ безобразія администраціи и положеніе рабочихъ. Эти листки и создали почву для стачки. Когда столярамъ отказали въ исполненіи ихъ справедливаго требованія, они рѣшили начать стачку не только своего цеха, но и всего завода. Съ этой цѣлью 25-го утромъ всѣ организованные были оповѣщены о началѣ стачки. Ровно въ 9 часовъ толпа столяровъ бросилась по всѣмъ цехамъ съ криками: „бросай работу, одѣвайся, одѣвайся“. Черезъ 10 минутъ всѣ, какъ одинъ, уже стояли толпой и разговаривали съ администраціей о своихъ требованіяхъ. Вскорѣ явились три инспектора. Изъ среды рабочихъ выдвинулись представители и заявили, что стачка началась и не кончится, пока не будутъ удовлетворены слѣд. требованія: отмѣна штрафовъ, отмѣна обысковъ, библіотека, школа, баня, вѣжливое обращеніе, измѣненіе расцѣнковъ съ согласія рабочихъ и вывѣшиваніе ихъ по цехамъ, за 10 минутъ до свистка дѣлать уборку инструментовъ, выбирать самимъ „бригадировъ“, получать жалованье въ рабочее время, кипятокъ три раза въ день, теплые ватерклозеты, выдача больничныхъ по первому требованію, кончать работу подъ праздники въ два часа и др. Эти требованія намѣчены были въ листкѣ Тверского Комитета.

Въ 11 часовъ всѣ разошлись, при чемъ не лишнее отмѣтить слѣдующій фактъ. Рабочіе потребовали отъ инспекторовъ удаленія солдатъ и полиціи со двора завода, грозя въ противномъ случаѣ „бунтомъ“. Требованіе было немедленно удовлетворено.

На слѣдующій день въ 9 часовъ утра во дворѣ завода опять собрались всѣ забастовщики, инспектора, администрація. Выбрали депутатовъ для формулировки частныхъ требованій. Общія были само собою отклонены. Часа въ два дня администрація объявила уступки по пустячнымъ требованіямъ. Рабочіе встрѣтили эти уступки смѣхомъ, шутками. Тогда имъ объявили, что завтра для всѣхъ согласныхъ начнется работа съ 9 часовъ утра. Наступило завтра. Раздался свистокъ. Штрейкбрехеровъ набралось около 200 чел. Забастовщики встрѣтили камнями, криками: „подлецы, негодяи“. Нѣкоторыхъ избили. Администрація распорядилась подать поѣздъ и штрейкбрехеровъ, погрузивъ въ товарные вагоны подъ свистъ и шумъ толпы, отправили на станцію Тверь. Часовъ въ 10 появилось объявленіе губернатора: „по распоряженію губернатора рабочимъ, нарушившимъ договоръ съ Акціонернымъ обществомъ и не пошедшимъ на работу сего 26-го февраля, объявляется полный разсчетъ. Не явившимся паспорта и деньги будутъ высланы на родину“. Подпись — фабричныхъ инспекторовъ. Это объявленіе ошеломило рабочихъ. „Заранѣе подготовили“, кричали одни. „Пойдемъ объясняться съ губернаторомъ“, кричали другіе. „Правительство вмѣшалось въ нашу стачку“, агитировали рабочіе соц.-дем. Вечеромъ въ этотъ день была сходка организованныхъ, около 50 чел., на которой рѣшили не давать брать разсчетъ и не брать самимъ, но на другой день рѣшили разсчетъ брать, такъ какъ у многихъ пропала сдѣльная и затерялся инструментъ, и масса ни за что не соглашалась на это. Рѣшили разсчетъ брать. Получка продолжалась до 3 марта. 4-го стали набирать. Очень много разъѣхалось. 5-го стали работать. Уступокъ никакихъ. Арестованныхъ за стачку нѣтъ. 29-го избили шпіоновъ. Задержанныхъ отпустили безъ протокола. Въ полицію взято 165 паспортовъ, выдаютъ послѣ долгихъ мытарствъ. Стачка „французовъ“ явленіе такое же небывалое въ Твери, какъ и демонстрація. Рабочая масса, хотя и не сознаетъ, но чувствуетъ что-то особенное въ ней. „Тамъ, должно быть, соціалисты орудуютъ“, говорятъ одни. „А зачѣмъ же они стекла на Морозовской фабрикѣ били?“ спрашиваютъ другіе, и въ недоумѣніи рѣшаютъ, что „политикѣ лишь бы смуты побольше надѣлать, а тамъ хоть трава не рости“. „Нѣтъ, имъ царя не надо, войны не надо, а надо свободу“, поучаютъ наиболѣе толковые, и идутъ разговоры все въ такомъ же родѣ. Что же говорятъ намъ всѣ эти событія? Во-первыхъ, „бунтъ“ ситцевой фабрики ясно указываетъ на темноту и невѣжество массы, которая, услыхавъ, что подростки начали бить стекла, попряталась по домамъ, часть массовыхъ, даже при этомъ сочувственно отнеслась къ погрому, а потомъ ругала самое себя и соціалистовъ, которые будто бы подучили и другихъ и сами били стекла. Во-вторыхъ, демонстрація указала намъ на ядро организованныхъ рабочихъ съ революціоннымъ настроеніемъ, готовыхъ идти на революцію съ одной стороны, и съ другой — темную крестьянскую массу и обывателей никогда не видѣвшихъ демонстрацій и въ страхѣ и ужасѣ разбѣжавшихся. Стачка „французовъ“ показала намъ сплоченность рабочихъ-мастеровыхъ, преобладающій среди нихъ элементъ — „экономистовъ“, ихъ болѣе культурную форму борьбы, проведенную весьма корректно, если не считать избіенія штрейкбрехеровъ и шпіоновъ.

Кутаисъ. Наши кутаисскіе приказчики, въ свою очередь, не захотѣли отстать отъ тифлисскихъ и батумскихъ товарищей: они рѣшили потребовать сокращенія рабочаго дня и отдыха по воскресеньямъ. Передъ стачкой было два агитаціонныхъ собранія въ 80 человѣкъ. Здѣсь возникъ такой вопросъ: что дѣлать съ „штрейкбрехерами“? Собраніе единогласно рѣшило таковыхъ бить, что и было примѣнено къ нѣкоторымъ, за невозможностью доказать имъ словами, что въ такихъ случаяхъ надо поддерживать товарищей. Послѣ переговоровъ съ хозяевами, которые, какъ и всегда, ничего не хотѣли слышать, — къ удивленію и негодованію нашихъ лавочниковъ, приказчики начали уходить домой, какъ только било восемь часовъ вечера (магазины запирались въ 11-11½ часовъ ночи). Хозяева никакъ не ожидали такой солидарности между приказчиками. Надо было видѣть нашу „интеллигенцію“ и „обывателей“, съ какимъ интересомъ собирались они къ восьми часамъ къ магазинамъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ уходить приказчики. Нѣсколько человѣкъ было арестовано и черезъ нѣсколько дней выпущено; въ нѣкоторыхъ магазинахъ были побиты стекла. Не смотря на всѣ старанія руководителей, стачка кончилась пораженіемъ, только нѣкоторые „либералы“-хозяева уступили требованіямъ рабочихъ. Къ характеристикѣ нашихъ лавочниковъ разскажу слѣдующій случай, бывшій во время стачки. Хозяинъ мануфактурнаго магазина Габунія во время волненій благодушествовалъ на дачѣ, магазинъ былъ порученъ старшему приказчику. Узнавъ о волненіяхъ среди приказчиковъ, онъ пріѣхалъ и, какъ нарочно, въ воскресный день. Магазинъ оказался запертымъ (до этого по воскресеньямъ магазины бывали открыты цѣлый день). На другой день, придя въ магазинъ, онъ началъ ругать старшаго приказчика, а когда тотъ что-то возразилъ, онъ выхватилъ револьверъ съ цѣлью выстрѣлить въ него. Приказчикъ схватилъ его за руку, раздался выстрѣлъ, въ результатѣ — прострѣленная рука. Габунія „выкрутился“ какимъ то образомъ изъ этой исторіи, отдѣлавшись недѣльнымъ арестомъ.

Съ Урала. (Нижне-Тагильскій заводъ). Заводъ является однимъ изъ самыхъ первыхъ заводовъ на Уралѣ, основанъ Никитой Демидовымъ и со дня основанія находится во владѣніи потомковъ знаменитаго Никиты. Въ Заводскѣ собственно два завода, Нижне-Тагильскій, главное производство котораго выдѣлка желѣза, и другой, Выйскій мѣдно-плавильный заводъ; затѣмъ по близости къ Заводскому поселку находятся два рудника: желѣзный и мѣдный. Жителей всего въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ приблизительно три тысячи пятьсотъ, заводскихъ же рабочихъ тысячи четыре-пять. На Нижне-Тагильскомъ заводѣ работаютъ тысячи двѣ. Въ доменномъ цехѣ 150 человѣкъ работаютъ въ двѣ смѣны по 12-ти часовъ безъ выхода изъ завода и зарабатываютъ приблизительно 18-20 рублей въ мѣсяцъ; въ мартеновскомъ цехѣ 200 человѣкъ работаютъ частью въ одну, частью въ двѣ смѣны по десять часовъ съ перерывомъ въ полтора часа на обѣдъ для денной и полчаса для ночной смѣны; чернорабочіе получаютъ 30-40 к., мастеровые 40 к.-1 руб. поденно, ученики по 20 коп. Въ листокатальномъ цехѣ 250 чел. работаютъ въ 3 смѣны по восьми часовъ безъ перерыва, зарабатываютъ 20-23 рубля въ мѣсяцъ. Въ столярно-плотницко-модельномъ цехѣ 100 человѣкъ работаютъ по 11 часовъ въ день, получаютъ 50-90 коп. въ день. Въ литейномъ цехѣ 60 чел. работаютъ въ одну смѣну по 10 час., зарабатываютъ: литейщики 20-25 руб., подручные 15-18 руб. въ мѣсяцъ. Въ кузницѣ и котельной 25 чел., работаютъ въ одну смѣну по 10 час., получаютъ 40-90 коп. въ день. Нижне-Тагильскій заводъ съ прочими Демидовскими заводами (съ Н. Сальдинскимъ и съ Вес. Уткинскимъ и пр.) соединенъ собственной желѣзной дорогой. При Нижне-Тагильскомъ заводѣ находится бюро для ремонта паровозовъ и вагоновъ, въ которомъ работаетъ 75-100 чел., слесари получаютъ 75 к.-1 рубль поденно и работаютъ по десять часовъ въ одну смѣну, но часть работаетъ сверхъ-урочную работу за полуторную плату. Въ общемъ на заводѣ штрафуютъ не особенно часто, но въ отдѣльныхъ цехахъ, напримѣръ въ механическомъ, штрафуютъ очень сильно, а также донимаютъ браковкой. Пропускъ даютъ свободно, а если рабочій прогуляетъ полдня, то заставляютъ гулять цѣлую недѣлю. Куда идутъ штрафные капиталы — неизвѣстно. Рабочіе однажды просили у управителя завода, чтобы изъ штрафной суммы выдавали нуждающимся рабочимъ вспомоществованія, но управитель сказалъ, что объ этомъ нужно просить не у него, а въ главномъ управленіи заводовъ, онъ же съ своей стороны ничего не можетъ сдѣлать. Рабочіе замолчали и разошлись. Всѣмъ увѣчнымъ рабочимъ во время болѣзни платятъ 30 коп. поденно. Заводская амбулаторія и аптека находятся въ верстѣ отъ завода. Главной двигательной силой завода является вода изъ рѣки Тагиля, запруженная верстъ на десять-двѣнадцать, есть и паровая машина, но въ качествѣ вспомогательной силы. Доменный цехъ работаетъ на древесномъ углѣ, выжигаемомъ изъ собственнаго лѣса. Мартеновскій и листокатальный цехи отопляются дровами со своихъ земель (дачъ). Въ отношеніяхъ между мастерами и рабочими сохранились слѣды старыхъ патріархальныхъ порядковъ, напримѣръ, рабочіе называютъ мастера просто: мастеръ, безъ присовокупленія господинъ и притомъ часто на „ты“. Какъ мастеръ, такъ и рабочій „тутошные“ жители, ихъ отцы и дѣды жили рядомъ, они и воспитывались рядомъ, рядомъ продолжаютъ и работать. Но при этомъ они все-же не равны между собой.

Съ самаго дѣтства между ними лежало сословное раздѣленіе: это — сынъ слесаря; это — сынъ мастера, а это — чернорабочаго. Мастеръ выводилъ своего сына въ мастера, въ служащаго при конторѣ или въ что нибудь въ этомъ родѣ, слесарь въ большинствѣ случаевъ дѣлалъ своего сына слесаремъ и самъ обучалъ его, чернорабочій коснѣлъ въ черной работѣ и не смѣлъ лѣзть выше своего ранга. Крѣпостничество легло на нихъ неизгладимой чертой, и его закваска продолжаетъ существовать еще до сихъ поръ. Въ тѣхъ мастерскихъ, въ которыхъ отъ рабочихъ требуется кое какое профессіональное обученіе, напр., въ механической, эти патріархальныя черты понемногу начинаютъ стираться, и отношенія принимаютъ мало по-малу истинно капиталистическій характеръ; здѣсь, напримѣръ, къ пришлымъ рабочимъ начинаютъ относиться, какъ къ своимъ односельчанамъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОЛОНСКІЙ СЪѢЗДЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ.

Съѣздъ итальянскихъ соціалистовъ, происходившій въ Болоньѣ 8—11 апрѣля н. с., привлекъ къ себѣ вниманіе всѣхъ тѣхъ, которые интересуются „кризисомъ“, совершающимся теперь въ международномъ соціалистическомъ движеніи. Этотъ съѣздъ самъ долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій названнаго кризиса. Борьба „ревизіонистовъ“, — которыхъ въ Италіи называютъ *реформистами*, — съ *революціонерами* болѣе или менѣе послѣдовательнаго образа мыслей дошла на немъ до крайняго обостренія, принявъ весьма поучительный и для многихъ, вѣроятно, неожиданный видъ.

Извѣстно, что „ревизіонисты“ почти во всемъ мірѣ пользовались до сихъ поръ лестной репутаціей въ высшей степени уживчивыхъ людей, требующихъ для себя лишь нѣкоторой свободы критики и больше всего дорожащихъ партійнымъ единствомъ. Какъ трогательно и какъ... напыщенно говорили на тему о партійномъ единствѣ Жоресъ и его французскіе послѣдователи! Съ какимъ скромнымъ достоинствомъ добивались свободы критики, — *только* свободы критики! Бернштейнъ и его нѣмецкіе единомышленники! Наивные люди, которыхъ — увы! — всегда было и — боимся — всегда будетъ очень много на бѣломъ свѣтѣ, восторженно слушали эти трогательныя рѣчи, сочувственно внимали этимъ скромнымъ требованіямъ и не находили достаточно словъ для осужденія строптивыхъ „ортодоксовъ“, не умилявшихся рѣчами и „не терпѣвшихъ“ критики. Если „ревизіонисты“ пріобрѣли пріятную репутацію уживчивости, то „ортодоксы“ пользовались непріятной славой придирчивыхъ и нетерпимыхъ „сектантовъ“. Но на болонскомъ съѣздѣ „ревизіонисты“ (реформисты), съ Турати во главѣ, оказались гораздо болѣе „нетерпимыми“ и „фанатичными“, чѣмъ крайніе революціонеры, группировавшіеся вокругъ Арт. Лабріолы, а „непримиримый“ Энрико Ферри выступилъ горячимъ и безусловнымъ сторонникомъ единства партіи. Что же это за странность? Чѣмъ это объясняется? Исключительными особенностями характера итальянскихъ реформистовъ, или же какими-нибудь другими болѣе общими причинами?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, во-первыхъ, выяснить себѣ, каковы принципіальныя позиціи различныхъ фракцій, боровшихся между собою на болонскомъ съѣздѣ, а во-вторыхъ, принять въ соображеніе силы, стоявшія за боровшимися фракціями.

Въ принципіальномъ отношеніи итальянскіе реформисты — родные братья нѣмецкихъ „ревизіонистовъ“. Они также держатся теоріи постепеннаго „опустошенія“ капитализма, которую они излагаютъ еще болѣе послѣдовательно и защищаютъ гораздо болѣе страстно, чѣмъ Бернштейнъ, Давидъ и братія. Тому, кто захотѣлъ бы ознакомиться съ итальянскимъ изданіемъ этой теоріи, получившей свое начало въ туманномъ Альбіонѣ, а свою филистерскую отдѣлку въ „ревизіонистской“ Германіи, мы настойчиво рекомендуемъ статью очень извѣстнаго Ивиноэ Бономи: „Riformismo socialista é riformismo rivoluzionario“, напечатанную, можно сказать, наканунѣ болонскаго съѣзда въ теоретическомъ органѣ реформистовъ: „Critica Sociale“ (см. № отъ перваго апрѣля н. с.). Но такъ какъ мы едва ли ошибемся, предположивъ, что она останется недоступной огромнѣйшему большинству русскихъ читателей, то мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ ея основныхъ положеній.

Начинается она ироническимъ выраженіемъ увѣренности въ томъ, что на болонскомъ съѣздѣ всѣ фракціи, до крайней революціонной фракціи Арт. Лабріолы включительно, поспѣшатъ признать пользу, приносимую пролетаріату соціальными реформами. И. Бономи говоритъ, что иначе и быть не можетъ. Рабочія массы склоняются къ реформамъ по инстинкту и по необходимости, и съ этой ихъ склонностью принуждена считаться каждая фракція, не желающая утратить всякое вліяніе на нихъ. Но со стороны революціонеровъ признаніе практической пользы соціальныхъ реформъ является лишь оппортунизмомъ, уступкой реалистическому настроенію массъ. По существу своихъ взглядовъ революціонеры, — утверждаетъ Бономи, — не могутъ дорожить реформами и ужъ ни въ какомъ случаѣ они не смотрятъ на нихъ глазами реформистовъ: „по нашему, реформа относится къ конечной задачѣ нашего движенія, какъ средство къ цѣли“. Она измѣняетъ строеніе политическаго общества и, увеличивая энергію рабочаго класса, нарушаетъ то равновѣсіе силъ, которымъ это общество поддерживается. „Вотъ почему, — продолжаетъ нашъ авторъ, — реформа является для насъ частью революціи или, точнѣе, всякая реформа производитъ, по нашему мнѣнію, свою революцію (produce una sua rivoluzione“. Сумма всѣхъ реформъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою отрицаніе капиталистическаго общества, послѣдовательный рядъ большихъ и малыхъ измѣненій общественнаго устройства приведетъ къ новой общественной организаціи, основанной на трудѣ. По словамъ Бономи, эта организація получитъ свое начало не отъ какого-нибудь будущаго акта насилія: она *уже* создается (*становится*, diviene, говоритъ нашъ авторъ) ежедневно всѣмъ ходомъ рабочаго движенія.

Итальянскій теоретикъ реформизма настойчиво повторяетъ, что революціонеры очень далеки отъ такого взгляда на реформы. Онъ ссылается на Арт. Лабріолу и Э. Ферри. Въ своей книгѣ „Riforma e rivoluzione sociale“ А. Лабріола говоритъ, что реформы могутъ способствовать измѣненію той общественной среды, въ которой живетъ и дышетъ капиталистическій организмъ, но не могутъ измѣнить самый организмъ; подобно этому и Ферри утверждаетъ, что реформы смягчаютъ общественное зло, но не устраняютъ коренной его причины — монополіи одного класса на средства производства и обмѣна[1].

Въ этомъ и состоитъ, — по собственному мнѣнію И. Бономи, — самое важное изъ всѣхъ тѣхъ разногласій, которыя раздѣлили итальянскихъ соціалистовъ на два большихъ лагеря, ведущихъ непрерывную и жестокую борьбу между собою. Всѣ остальные спорные вопросы или вытекаютъ изъ этого различія во взглядѣ на реформы, или имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Такъ, напр., если реформисты далеко расходятся съ революціонерами по вопросу *о пути*, который можетъ и долженъ вести къ реформамъ, то это какъ нельзя проще объясняется именно тѣмъ, что они очень различно смотрятъ на самыя реформы. Для реформистовъ реформы имѣютъ, по очень неловкому, но чрезвычайно характерному выраженію И. Бономи, максимальное значеніе, принадлежатъ къ *субстанціи соціализма*; неудивительно, поэтому, что реформисты готовы добиваться ихъ всѣми тѣми средствами, которыя только могутъ быть въ данную минуту въ ихъ распоряженіи. Они были бы очень непослѣдовательны, если бы въ виду реформъ остановились передъ „сотрудничествомъ классовъ“, т. е. передъ союзомъ съ передовыми слоями буржуазіи. И. Бономи такъ и говоритъ: „Кто хочетъ цѣли, тотъ хочетъ и средствъ, къ ней ведущихъ“. Это неоспоримо.

Но революціонеры, убѣжденные въ томъ, что иное дѣло *реформы*, совершаемыя на почвѣ и въ предѣлахъ свойственныхъ капитализму производственныхъ отношеній, а иное дѣло *революція*, устраняющая эти производственныя отношенія, не могутъ оцѣнивать тактику своей партіи исключительно съ точки зрѣнія реформъ. Это тоже неоспоримо. Если въ глазахъ И. Бономи и его единомышленниковъ реформы составляютъ *главную цѣль* рабочаго движенія, то для революціонеровъ онѣ — *лишь одно изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли*; революціонеры дорожатъ этимъ средствомъ, — равно какъ и всѣми другими средствами, — лишь въ мѣру его *цѣлесообразности*. По мнѣнію реформистовъ, реформы, изъ совокупности которыхъ составится революція, не могутъ быть куплены слишкомъ дорогой цѣною. По мнѣнію революціонеровъ, твердо убѣжденныхъ въ томъ, что реформы еще не составляютъ революціи, *тѣ реформы обошлись бы слишкомъ дорого, за которыя надо было бы платить затемненіемъ революціоннаго самосознанія пролетаріата*. А такъ какъ „*сотрудничество классовъ*“ способствуетъ такому затемненію, то революціонеры и возстаютъ противъ него, видя въ немъ самую большую и непростительную тактическую ошибку реформистовъ.

Реформисты не только допускаютъ „сотрудничество классовъ“; они провозглашаютъ его главнымъ средствомъ осуществленія своихъ соціальныхъ стремленій. Поэтому, они опять таки поступаютъ вполнѣ логично, когда объявляютъ себя принципіальными *противниками насильственнаго способа дѣйствій*; всякій намекъ на признаніе этого способа могъ бы только запугать тѣ передовые, или, точнѣе, менѣе консервативные, слои буржуазіи, на союзѣ съ которыми основываются всѣ ихъ реформаторскіе планы[1]). Въ своемъ спорѣ съ революціонерами, отстаивающими насильственный способъ дѣйствій, итальянскіе реформисты, подобно „ревизіонистамъ“ всего міра, нерѣдко прибѣгаютъ къ самымъ смѣшнымъ софизмамъ въ родѣ того, напримѣръ, что насиліе только разрушаетъ, но ничего не создаетъ, — какъ будто *разрушить препятствія*, загораживающія дорогу новымъ формамъ жизни, не значитъ ускорить *созданіе* этихъ формъ! Не менѣе странно звучатъ и тѣ ихъ увѣренія, что сторонники насильственнаго способа дѣйствій измѣняютъ *марксизму*, потому что самъ Энгельсъ подъ конецъ своей жизни сдѣлался будто бы сторонникомъ мирнаго развитія. Кто же не знаетъ теперь, что это неправда?[2]) Но реформисты приводятъ такіе доводы, вѣроятно, не потому, что считаютъ ихъ вполнѣ правильными, а просто потому, что надѣются произвести съ ихъ помощью сильное впечатлѣніе на своихъ, не всегда достаточно освѣдомленныхъ читателей. Тутъ они, повидимому, руководствуются правиломъ, на которое опирается И. Бономи въ своихъ разсужденіяхъ о тактикѣ: „кто хочетъ цѣли, тотъ хочетъ и средствъ, къ ней ведущихъ“.

Въ интересахъ безпристрастія надо, однако, замѣтить, что вопросъ о насильственномъ способѣ дѣйствій не всегда удачно разрѣшался также и революціонерами. Нѣкоторые изъ нихъ, — напримѣръ, Арт. Лабріола, — еще недавно говорили о насиліи, какъ о *методѣ дѣйствія*. Это — *ошибка* или, по меньшей мѣрѣ, *ошибочное выраженіе* вѣрной мысли. Сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новое. Это — фактъ, отъ котораго нельзя отболтаться. Но этотъ фактъ еще не означаетъ того, что революціонные классы въ своемъ освободительномъ движеніи *методически* прибѣгали къ насилію. Совсѣмъ нѣтъ. Они поступали такъ же, какъ поступаютъ государства, борющіяся за свое существованіе съ другими политическими организмами. Въ такой борьбѣ *сила* всегда служитъ послѣднимъ, необходимымъ доводомъ: успѣхъ всегда склоняется на сторону „*большихъ батальоновъ*“. Но *методомъ* такой борьбы далеко не всегда является *насиліе*: многіе вопросы съ гораздо меньшими затратами рѣшаются въ ней не „батальонами“, а дипломатіей... за которой стоятъ „батальоны“. Если бы какое-нибудь государство хотѣло прибѣгать къ оружію даже и въ томъ случаѣ, когда оно и безъ войны можетъ получить то, чего добивается въ данную минуту, или когда его „батальоны“ еще не готовы къ выступленію въ походъ, то подобный „методъ“ не только не увеличилъ бы его силы, а напротивъ, скорехонько привелъ бы къ полному ея уничтоженію. Насиліе, возведенное въ „методъ“, такъ же мало цѣлесообразно, какъ и законный способъ дѣйствій. И тотъ, и другой должны составлять лишь различные *способы* революціонной борьбы, лишь различныя стороны революціоннаго метода. Обстоятельства времени и мѣста, — и только эти обстоятельства, а не какія нибудь отвлеченныя соображенія — опредѣляютъ, къ какому изъ этихъ способовъ должна прибѣгнуть революціонная партія.

Впрочемъ, Арт. Лабріола самъ понялъ, — насколько извѣстно, не безъ помощи со стороны Каутскаго, — что въ своихъ соображеніяхъ о насиліи онъ держался не вполнѣ правильнаго „метода“. Такъ, въ проектѣ рѣшенія, предложеннаго имъ болонскому конгрессу, о насиліи, какъ методѣ, нѣтъ рѣчи, а просто говорится, что партія не откажется отъ насильственнаго способа дѣйствій, если найдетъ его необходимымъ. Противъ такой формулировки нельзя рѣшительно ничего возразить, и мы не понимаемъ Ферри, который сказалъ на съѣздѣ, что онъ не можетъ признать формулировку, предложенную Лабріолой. Намъ не ясно, въ чемъ состоитъ его собственный взглядъ на этотъ предметъ. По отчету, напечатанному въ „Vorwärts“, выходитъ, будто онъ тоже призналъ, что соціалистической партіи можетъ представиться надобность въ насильственномъ способѣ дѣйствій, но что, по его мнѣнію, ей не слѣдуетъ говорить объ этомъ. Однако, его рѣчь, напечатанная въ „Avanti“ отъ 13 апрѣля (нов. ст.), не содержитъ въ себѣ такого опредѣленнаго заявленія. Да если бы оно и заключалось въ ней, то Ферри всетаки былъ бы неправъ. Почему же мы не должны говорить пролетаріату о томъ, въ чемъ ему можетъ встрѣтиться историческая необходимость? Развѣ главная задача соціалистовъ не состоитъ въ выясненіи этому классу задачъ и условій предстоящей общественной революціи? Что выигрываетъ пролетаріатъ, сохраняя предразсудокъ *законности*, усердно внушаемый ему буржуазіей, которая сама въ своей освободительной борьбѣ не разъ прибѣгала къ насилію, но которая теперь, добившись господства и ставши консервативной, существенно заинтересована въ томъ, чтобы угнетенный классъ нашего времени воспитывался въ благоговѣйномъ уваженіи къ закону? И можетъ ли онъ вообще выиграть что-либо, сохраняя тотъ или другой предразсудокъ? Объ этихъ вопросахъ не мѣшаетъ подумать Ферри, который придаетъ такое большое значеніе выработкѣ въ рабочей массѣ соціалистическаго сознанія.

---

[1] И. Бономи приводитъ это мнѣніе изъ одного стараго номера органа Ферри „Le Socialismo“. Мы отъ себя замѣтимъ, что въ своей большой рѣчи на Болонскомъ съѣздѣ Ферри почти тѣми же словами говорилъ о значеніи реформъ въ капиталистическомъ обществѣ. О книгѣ Лабріолы, мы надѣемся довольно подробно поговорить въ „*Зарѣ*“.

[1]) Замѣтьте, при этомъ, что реформисты не прочь идти даже съ *монархіей*, если она захочетъ опираться на демократическіе классы населенія. Это — Геркулесовы столбы „реальной политики“.

[2]) По вопросу о мнимомъ превращеніи Энгельса въ сторонника мирнаго развитія см. „Манифестъ Коммунистической Партіи“, предисловіе русскаго переводчика къ женевскому изданію 1900 г.

Но какъ бы тамъ ни было и какіе бы логическіе промахи ни дѣлали тѣ или другіе представители революціоннаго направленія, а все таки очевидно, что коренное разногласіе по вопросу о реформахъ дѣлитъ итальянскихъ соціалистовъ на двѣ большія группы, связанныя между *собою* только чисто формальнымъ образомъ. Возстановить единство партіи — и возстановить не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, — можно было бы только при томъ условіи, чтобы одна изъ этихъ большихъ группъ согласилась покинуть свою собственную точку зрѣнія и усвоить себѣ точку зрѣнія своей противницы. Но ни одна изъ нихъ не имѣетъ къ этому ни самомалѣйшей склонности. Стало быть, о *дѣйствительномъ* возстановленіи единства партіи болонскимъ съѣздомъ нечего было и думать. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, нужно ли было кому-нибудь отстаивать ея *формальное* единство.

Что касается этого послѣдняго вопроса, то итальянскіе реформисты находились въ положеніи прямо противоположномъ тому, въ которомъ были ихъ французскіе братья, — жорэсисты, — около времени парижскаго международнаго съѣзда 1900 года. Жорэсистамъ *выгодно* было поддерживать единство французской соціалистической партіи, потому что, составляя въ ней большинство, они надѣялись воспользоваться *всей* ея силой — т. е. также и силой революціонныхъ ея элементовъ — въ цѣляхъ любезной имъ политики союза съ буржуазной демократіей. Поэтому, они выступали горячими сторонниками единства и обвиняли въ фанатизмѣ революціонеровъ, не желавшихъ сдѣлаться предметомъ политической эксплуатаціи и отказывавшихся идти съ ними подъ однимъ знаменемъ. А итальянскіе реформисты не настолько многочисленны, чтобы имъ можно было разсчитывать на господство въ соціалистической партіи. Напротивъ, у нихъ были всѣ основанія думать, что на съѣздѣ побѣдятъ умѣренные революціонеры, руководимые Ферри. Хотя образъ мыслей этихъ революціонеровъ и не отличается, какъ мы видимъ, полной стройностью, но въ вопросѣ о значеніи реформъ они выступаютъ непримиримыми противниками реформистовъ. Этимъ послѣднимъ было ясно, что побѣда фракціи Ферри лишитъ ихъ возможности проводить свою политику „сотрудничества классовъ". Поэтому, они стали находить, что имъ, въ сущности, выгоднѣе было бы отдѣлиться отъ партіи, чѣмъ работать въ ея рядахъ на пользу направленія, считаемаго ими совершенно безплоднымъ. И вотъ они стали насмѣхаться надъ сторонниками единства, упрекая ихъ въ робости мысли, въ желаніи обмануть партію на счетъ ея собственнаго положенія. Они объявили себя сторонниками „*искренности*". Къ „искренности" ихъ газеты и ораторы взывали такъ же часто, какъ нѣкогда Жорэсъ взывалъ къ „лояльности". Призывъ къ „искренности" имѣлъ у нихъ еще значеніе агитаціоннаго маневра. Когда они говорили революціонерамъ: „предложите съѣзду резолюцію, которая представляла бы собою искреннее выраженіе вашего образа мыслей", это на самомъ дѣлѣ значило: „намъ очень хотѣлось бы, чтобы вы какими-нибудь необдуманными и рѣзкими выраженіями запугали часть делегатовъ и тѣмъ толкнули бы ихъ на-право". Это ясно видно изъ того, что съ особенной энергіей они нападали на проектъ резолюціи, предложенный Ферри: этотъ проектъ имѣлъ въ ихъ глазахъ тотъ недостатокъ, что не могъ запугать даже тѣхъ, не въ мѣру робкихъ товарищей, которымъ смутилъ бы проектъ, предложенный Лабріолой. Онъ не нравился имъ именно потому, что имѣлъ шансы понравиться большинству съѣзда.

Итакъ, въ Италіи, въ противоположность тому, что было во Франціи, противниками партійнаго единства явились не революціонеры, а реформисты. Но между тѣмъ, какъ реформисты разныхъ странъ, присутствовавшіе на парижскомъ международномъ съѣздѣ, честили революціонеровъ за ихъ „нетерпимость" эпитетами *сектантовъ*, *фанатиковъ* и т. д., итальянскіе реформисты, собиравшіеся ѣхать на съѣздъ въ Болонью, возвели свою собственную нетерпимость въ величайшее достоинство и не переставали умиляться надъ своей собственной искренностью. На самомъ дѣлѣ ихъ „нетерпимость", — равно какъ и „нетерпимость" французскихъ революціонеровъ, — является простой расчетливостью и заслуживаетъ похвалы, а не порицанія: зачѣмъ было имъ дорожить единствомъ партіи, если партія отказывалась дѣлать то дѣло, которое казалось имъ единственнымъ плодотворнымъ дѣломъ настоящаго времени? Когда разногласія такъ велики, то лучше разойтись въ разныя стороны. Но всетаки очень интересно и достойно замѣчанія то обстоятельство, что одно и то же политическое свойство называется *искренностью*, когда оно принадлежитъ реформистамъ, и *фанатизмомъ*, когда имъ отличаются революціонеры. Такъ и запишемъ.

Опасенія реформистовъ оправдались: съѣздъ принялъ резолюцію Ферри. Вотъ эта резолюція:

„Убѣжденный въ томъ, что методъ борьбы классовъ совершенно несовмѣстимъ съ поддержкой министерства или съ участіемъ соціалиста въ правительствѣ,

„Съѣздъ заявляетъ, что для полноты работы соціалистической партіи, необходимы многообразныя формы дѣятельности, вырабатывающей соціалистическое сознаніе, разрушающей и критикующей системы эксплуатаціи и паразитизма (Sistemi di sfruttamento e di parasitismo) и ведущей къ завоеванію пролетаріатомъ экономическихъ, политическихъ и административныхъ реформъ,

„И подтверждаетъ единство партіи на основѣ совмѣстной работы всѣхъ соціалистовъ и подчиненія меньшинства во имя дисциплины".

Принятіе этой резолюціи, рѣшительно осуждающей участіе соціалистовъ въ буржуазныхъ министерствахъ и требующей „*завоеванія*" реформъ путемъ *классовой борьбы*, а не выторговыванія ихъ путемъ „*сотрудничества классовъ*", означаетъ пораженіе реформистовъ. Это — большой выигрышъ для итальянскаго пролетаріата и хорошее предзнаменованіе для амстердамскаго международнаго съѣзда, на которомъ тотъ же вопросъ выступитъ въ первую очередь. Но что будетъ съ единствомъ партіи, „подтвержденнымъ" болонскимъ съѣздомъ?

Оно кажется намъ ненадежнымъ: реформисты врядъ ли подчинятся рѣшенію съѣзда; мы думаемъ, что Миланъ, ихъ твердыня, скоро подастъ сигналъ къ разрыву; а впрочемъ, поживемъ — увидимъ.

Голосованіе по поводу резолюціи Ферри закончилась въ *десять часовъ вечера послѣдняго дня съѣзда*. Можете судить, въ виду этого, какъ быстро пришлось делегатамъ раздѣлываться съ остальными очередными вопросами! О нихъ почти не спорили. Ферри предложилъ, чтобы въ *Правленіе Партіи* (Direzione) входило семь человѣкъ, изъ которыхъ пять выбиралось бы съѣздомъ, шестой — соціалистической парламентской фракціей[1]), а седьмой входилъ бы въ Правленіе въ качествѣ редактора Центральнаго Органа партіи. Это предложеніе, — согласно поправкѣ, внесенной Лабріолой, — было самимъ Ферри измѣнено въ томъ смыслѣ, чтобы съѣздомъ выбиралось въ Правленіе не *пять*, а *семь* человѣкъ. При его голосованіи реформисты воздержались, и въ Правленіе оказались выбранными: докторъ Фаби, Евдженіо Гварини, Гвидо Марангони, Джузеппе Кроче, Джіованни Лерда, Лонгобарди и Сольди.

Марангони, Лонгобарди, Кроче и Гварини *принадлежатъ къ крайней революціонной фракціи*. Это тоже очень недурно. Въ редакторы Центральнаго Органа, — который печатается теперь въ 30.000 экземпляровъ, — съѣздъ выбралъ Ферри. Когда поставлена была его кандидатура, реформисты кричали: „лучше Лабріолу!" Послѣ сказаннаго нами выше, это понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій.

Упомянемъ, наконецъ, что Правленію съѣздъ поручилъ выработать *новый уставъ партіи*.

Было уже за полночь, когда предсѣдатель Андреа Коста закрылъ съѣздъ при крикѣ: „да здравствуетъ соціализмъ!" Корреспондентъ вѣнской „Arbeiter-Zeitung" № 104 говоритъ, что крикъ этотъ былъ не единодушенъ. Мы потому отмѣчаемъ это свидѣтельство, что оно, по нашему мнѣнію, указываетъ на настроеніе нѣкоторой части делегатовъ. Повторяемъ, единство итальянской партіи кажется намъ непрочнымъ.

Мы уже видѣли: разногласіе по вопросу о реформахъ и революціи вырыло такую глубокую пропасть между реформистами съ одной стороны и революціонерами съ другой, что имъ уже нельзя идти вмѣстѣ. Когда положеніе дѣлъ принимаетъ такой оборотъ, то расколъ представляется совершенно естественнымъ явленіемъ. Это совсѣмъ не то, что мы видимъ въ одной отдаленной отъ Италіи и чрезвычайно обширной странѣ, гдѣ меньшинство соціальдемократической партіи вполнѣ согласно съ большинствомъ и по отношенію къ программѣ, и по отношенію къ основнымъ вопросамъ тактики, а, между тѣмъ, большинство всетаки стремится къ расколу. Тутъ уже можно сказать напередъ и съ полнѣйшей увѣренностью, что отъ такой политики выиграетъ не *партія*, а только нѣкоторые ея „политиканы".

---

[1] Т. е. соціалистическими депутатами въ парламентѣ.

АМЕРИКА.

АМЕРИКАНСКІЕ ИНСТИТУТЫ ШПІОНОВЪ.

Рабочее движеніе Англіи и Америки было и остается излюбленнымъ примѣромъ буржуазныхъ профессоровъ Европы, ведущихъ борьбу съ соціализмомъ. То, что въ этихъ, наиболѣе промышленно-развитыхъ, странахъ соціализмъ не получилъ еще должнаго развитія, является, якобы, опроверженіемъ всей его теоріи. А самыя формы рабочаго движенія, по мнѣнію тѣхъ же жрецовъ буржуазной науки, въ Англіи и Америкѣ гораздо совершеннѣе европейскихъ, а потому и европейскіе рабочіе должны де отказаться отъ своихъ воззрѣній и перейти къ такъ называемому „чистому" рабочему движенію. Даже матушка Россія не отстала въ этомъ отношеніи отъ своихъ европейскихъ собратій, выставивъ такихъ апостоловъ независимаго движенія, какъ Зубатовъ и его присные.

За нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, однако, соціальдемократическая мысль дѣлаетъ большіе успѣхи въ Америкѣ, старательно вскрывая всѣ слабыя стороны чисто-экономическаго движенія и раскрывая глаза американскому пролетаріату на закулисную сторону борьбы, искусно ведущейся капиталистами. Въ статьѣ „Зубатовщина въ Америкѣ" мы приводили уже образцы капиталистической изобрѣтательности въ области развращенія рабочихъ массъ и вскрыли сокровенный смыслъ всѣхъ предпріятій, разсчитанныхъ на борьбу съ рабочими союзами. Въ нынѣ приводимыхъ документахъ уже ясно и опредѣленно указывается, что главныя задачи всѣхъ этихъ „агентовъ" и „представителей" состоятъ въ борьбѣ съ могучимъ распространеніемъ соціалистической мысли. Уничтожить и раздавить ее, развратить рабочія массы, поставить во главѣ ихъ ловкихъ руководителей и тѣмъ дать перевѣсъ консервативнымъ элементамъ въ рабочихъ союзахъ, вотъ къ чему стремятся американскіе буржуа. Въ извѣстной мѣрѣ имъ удается это и потому-то ихъ европейскіе собратья съ печальнымъ вздохомъ бросаютъ завистливые взгляды за океанъ. Соціальдемократическая газета „Appeal to Reasan" опубликовала слѣдующее письмо одной американской фирмы:

„The corporations auxiliary C°".

Лично. Конфиденціально.

М. Г.!

Принимая во вниманіе современныя условія труда, мы надѣемся, что для васъ будетъ не безынтересна прилагаемая брошюра подъ названіемъ „Промышленная инспекція", которая въ общихъ чертахъ рисуетъ практикуемую нами систему. Повсюду, гдѣ наша система примѣнялась соотвѣтствующее время, результатомъ ея являлось то, что число членовъ рабочихъ союзовъ не возрастало, если это не было угодно нашимъ кліентамъ. Многія мѣстныя организаціи порвали связи съ центральной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ были совершенно распущены, не вызывая при этомъ общественнаго вниманія. Нашъ опытъ научилъ насъ, что *лучшій путь покорить рабочіе союзы — это не насиліе, а ловкое руководительство ими. Мы убѣждены, что консервативные элементы всегда будутъ имѣть въ нихъ перевѣсъ, если только во главѣ ихъ будутъ поставлены искусные руководители*, — и мы достаточно сильны, чтобы выполнить эту задачу.

Мы помогаемъ вытравлять агитаторовъ и организаторовъ тихо и безъ лишнихъ треній. Благодаря нашей системѣ, Вы всегда будете знать, на кого изъ вашихъ служащихъ Вы можете положиться. Вамъ своевременно будутъ сообщать о прогулахъ или о порчѣ матеріаловъ и Вы будете въ состояніи достигнуть наибольшаго эффекта при наибольшей экономіи во всемъ производствѣ. *Въ виду быстраго распространенія соціализма, который, дѣйствительно, является элементомъ, вносящимъ наибольшую смуту въ современную индустріальную жизнь, мы хотимъ обратить особое вниманіе на воспитательную сторону нашей дѣятельности. Наши представители воспитаны въ промышленномъ направленіи (?) съ исключительной цѣлью спокойными аргументами бороться съ соціализмомъ. Во многихъ случаяхъ наши люди поставляются съ единственной цѣлью противодѣйствовать распространенію соціалистическихъ идей.* Мы будемъ очень рады заключить съ Вашей фирмой контрактъ и пришлемъ Вамъ своего агента, какъ только онъ попадетъ въ Вашъ районъ. Если же Вы попадете сюда, то мы надѣемся, что Вы посѣтите наше бюро, потому что многое трудно изложить письменно, а преимущества и распространеніе нашей системы можно вполнѣ выяснить лишь въ личномъ разговорѣ.

Директоръ Смитъ Кливелендъ."

Комментаріи къ этому письму излишни. Но, не довольствуясь „ловкимъ руководительствомъ" рабочими союзами, для огражденія ихъ отъ соціалистовъ, американская буржуазія выработала также „ловкіе" пріемы борьбы и съ проявленіемъ „чистаго" рабочаго движенія — со стачками.

Вотъ что пишетъ предсѣдатель „Національной ассоціаціи металлургической промышленности": „М. Г.! Главная цѣль нашей организаціи состоитъ въ защитѣ нашихъ членовъ отъ стачекъ. Въ распоряженіи нашей организаціи находится опредѣленный контингентъ „штрейкбрехеровъ", людей, которые безъ страха пойдутъ куда угодно и при нуждѣ сумѣютъ защитить себя. 500 человѣкъ заняты въ производствахъ у членовъ нашей ассоціаціи въ различныхъ городахъ. Если у одного изъ нихъ грозитъ разразиться стачка, онъ извѣщаетъ объ этомъ нашего коммиссіонера, и мы посылаемъ ему столько людей, сколько потребуется для поддержанія его производства. Эти люди получаютъ обычную заработную плату и, кромѣ того, долларъ въ день отъ нашей ассоціаціи. 65 изъ нашихъ людей постоянно заняты на такихъ фабрикахъ, которыя безъ нихъ должны были бы остановиться вслѣдствіе самыхъ ничтожныхъ рабочихъ безпорядковъ. Наши люди — прекрасно обученные рабочіе изъ различныхъ отраслей промышленности и потому тѣ сложныя производства, которыя могутъ быть остановлены при отказѣ отъ работы нѣсколькихъ искусныхъ рабочихъ, будутъ поддержаны въ случаѣ такого рода стачки. Эрнестъ Дюбрюль". Но какъ ни ловка американская буржуазія, и ей не подавить могучаго роста соціализма. Неотвратимо и неизбѣжно американскій пролетаріатъ придетъ къ нему. Соціалистическое же воспитаніе создастъ не „людей", за лишній долларъ продающихъ своихъ товарищей, а дальновидныхъ политиковъ, воодушевленныхъ великой идеей освобожденія всего рабочаго класса, кругозоръ которыхъ гораздо шире тѣхъ узкихъ взглядовъ личнаго благополучія, которые такъ старательно пытаются развить въ рабочихъ ихъ непрошенные благодѣтели.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація по поводу войны.

Изданы листки: **Редакціей „Искры"**: „Кризисъ, безработица, война"; **Тверскимъ Ком.** — „Война противъ войны" (2.500 экз., печатн.); **Петербургскимъ Ком.** — „Къ солдатамъ" (печатный); **Кіевскимъ Ком.** — „Въ ожиданіи успѣховъ" (ст. № 60 „Искры") и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ"; (листокъ „Искры"); **Одесскимъ Ком.** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Одессы" (объ агитаціи по поводу погромовъ въ связи съ войной — 10.000 э.) и „Война и рабочіе" (объ экономическомъ кризисѣ, вызванномъ войной — 10.000 экз.); **Донскимъ Ком.** — листокъ „Искры" — „Международный жандармъ" и листокъ о пожертвованіяхъ на войну; **Николаевскимъ Ком.** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (по поводу патріотическихъ демонстрацій); **Полѣсскимъ Ком.** — „Война противъ войны"; **Бакинскимъ Ком.** — „Долой войну" (выпущенъ въ новой, четвертой, типографіи); **Сибирскимъ Союзомъ** — „Ко всѣмъ" (съ призывомъ къ демонстраціямъ противъ войны и къ активной борьбѣ съ демонстрантами-патріотами); организаціей **Казачья Воля** изд. лист. къ казакамъ о войнѣ; „**Харьковскими**-рабочими-соціальдемократами" выпущенъ гектографированный листокъ „Ко всѣмъ крестьянамъ Харьковской губерніи", о причинахъ войны.

Крымскимъ Союзомъ выпущены: „Война противъ войны" и „За что долженъ умирать русскій солдатъ?" — **Таганрогской** организаціей Донецкаго Союза — листокъ „Къ рабочимъ котельнаго завода" (о пожертвованіяхъ на Кр. Кр.).

Редакціей „Искры" изданы брошюры: К. Л. „Двѣ Европы" (объ отношеніи къ русско-японской войнѣ европейскаго пролетаріата и буржуазіи — 10.000 экз.) и П. С. „Во что обходится русскому народу война" (10000 экз.).

Комитетами Партіи изданы листки: **Петербургскимъ** — „Къ рабочимъ завода Лангезиппенъ"; **Рижскимъ** — „Что такое наша партія" (4.500 экз., печатн.); **Тверскимъ** — „19 февр. 1861-1904 г." (2.500 экз.), „1 марта" и бюллетень съ изложеніемъ февр. стачки; **Мингрельско-Имеритинскимъ Ком.** — „Къ учащимся" (печ.); **Бакинскимъ Ком.** — „О соц.-рев." (печ.) и 2 №№ газ. „Прикащикъ". **Могилевской** группой Партіи — „Къ учащимся"; **Полѣсскимъ Ком.** — листокъ противъ „Пейеле-Ціонъ".

Продолженіе отдѣла „Изъ партіи" и хроника революціонной борьбы см. въ отдѣльномъ приложеніи къ этому №.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Лелѣ. Получено. — Si bemol major. Адресомъ можете пользоваться и для присылки корреспонденцій. Свв. Получено. Какимъ ключемъ шифруете? Адреса №№ 209 и 210 *безусловно* отмѣняются

Отчетъ заграничнаго представителя Ц. К.

Въ экспедицію Р. С.-Д. Р. П. поступило:

За декабрь 1903 г. 1. За проданную литературу — 556 фр. 90 с. 2. Изъ Вѣны съ вечера (111 кронъ) — 116 фр. **Итого за декабрь: 672 фр. 90 с.**

За Январь 1904 г. 1. За проданную литературу — 1.434 фр. 22 с. 2. Отъ Neim — 369 фр. 45 с. 3. Изъ Берлина для Ц. К. — 264 фр. 77 с. 4. Изъ Карлсруэ для Лиги — 170 фр. 5. Изъ Берлина для Лиги — 295 фр. 56 с. 6. Въ распоряженіе В. И. З. отъ Д. — 100 фр. 7. Отъ X — 66 фр. 50 с. 8. Отъ Бердической организаціи черезъ Вѣну — 132 фр. 28 с. 9. Для Ц. К. отъ Лейпц. группы — 869 ф. 45 с. **Итого за январь: 3,202 ф. 23 сантима.**

Съ 1 по 20 февраля 1904 г. 1. За проданную литературу — 168 фр.

Съ 20 февраля по 1 апрѣля 1904 г. 1. Изъ Д. (12 мар. 50 пф.) — 15 фр. 39 с. 2. Отъ Саратовца 5 фр. 3. Отъ неизвѣстнаго — 11 с. 4. Отъ №№ (10 коп.) — 25 с. 5. Отъ „Донцовъ" — 265 фр. (100 руб.). 6. Изъ Берлина, отъ группы — 379 ф. 35 с. 7. Отъ Лиги Рус. Соц.-Дем. „на спеціальную цѣль" (500 р.) — 1.325 фр. 8. Отъ № — 10 с. 9. Отъ „Орла" — 1.184 ф. 25 с. 10. На дѣло въ долгъ 126 фр. 11. Изъ Breslau (2 мар. 50 пф.) — 3 фр. 8 с. 12. Изъ Breslau (12 мар. 50 пф.) — 15 фр. 40 с. въ пользу „Сибирской кассы". 13. Изъ Т. черезъ П. Аксельрода для Ц. К. (2 руб.) — 5 фр. 30 сант. 14. Изъ Б. — 15 фр. 15. Отъ Ф—та (100 р.) — 265 фр. 16. Отъ Л. — 10 с. 17. Отъ R. S. D. для Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. (20 мар.) — 24 фр. 60 сан. 18. Изъ Америки отъ Итальянцевъ — 51 фр. 50 с. 19. Отъ Ф—та — 1.322 фр. 50 с. 20. Для „Сибирской кассы" — 8 фр. 80 с. 21. Отъ Женевской группы № 1, за литературу — 303 ф. 22. Въ пользу гродненскихъ стачечниковъ со спектакля въ Женевѣ, черезъ группу содѣйствія № 1 — 100 фр. 23. Отъ Казанскаго Комитета за литературу — 275 фр. 24. Отъ К. Л. П. — 10 с. 25. Изъ Вѣны отъ W. — 20 фр. 95 сан. 26. Изъ Вѣны отъ В. В. — 20 фр. 95 с. 27. Отъ Ф. 335 фр. 28. Отъ Деферента на изданіе литературы для казаковъ — (105 фр. 90 с. — 53 фр. 19 с.) = 169 фр. 9 с. 29. На дѣло — 6 фр. 50 с. 30. Возвращено долга — 30 фр. 31. На транспортъ отъ L. L. изъ B — 50 фран. 32. отъ А. (уплата долга) — 53 фр. 33. Черезъ Олина отъ „преданнаго дѣлу товарища" — 1,000 фр. 34. За литературу, проданную изъ экспедиціи по мелочамъ — 332 фр. 67 с. **Итого: 7,707 фр. 99 с.**

Отчеты о суммахъ, поступаемыхъ въ экспедицію, впредь будутъ публиковаться ежемѣсячно, причемъ суммы, получаемыя за продажу партійной литературы, не будутъ обозначаться каждый разъ въ отдѣльности, а будутъ соединяться въ одну рубрику. О полученіи суммъ за проданную литературу экспедиція въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будетъ письменно увѣдомлять адресат

Отчетъ заграничной Лиги Русской Рев. Соц.-Дем.

Изъ Брюсселя 210 фр. (изъ нихъ на Криминч. раб. 21 фр., на эмигрантовъ-рабочихъ отъ Ф. 5 фр., въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ отъ Ф. 7 фр., для Ц. К. 52 фр.); отъ Женевск. гр. содѣйствія Партіи „Единеніе" съ реферата 64 фр., за литературу 43 фр.; изъ лозаннскаго Кр. Кр. 50 фр.; „изъ мягкаго знака" за февраль 200 фр.; за мартъ 260 фр.; изъ Фрейберга 37 фр.; изъ Лозанны за февраль 126 фр.; за мартъ 117 фр.; изъ Берна за февраль 426 фр. (въ томъ числѣ за литературу 205.40 фр., ежемѣсячные взносы 27.25 фр., по листу 50 ф., съ реферата Мартова 113.45 фр., Б. К. Ф. 50 фр., выдано бернской сибирской и эмигрантской кассой двумъ товарищамъ за январь и февраль 50 фр. на поддержку Екат. тов. 30 фр. и послано въ Енисейскую гу 10 руб.); изъ Цюриха за февраль 358 фр.; отъ R. S. D. 20 мар. Отъ Париж. гр. сод. Партіи 614 фр. 50 с.; изъ Давоса черезъ Нину за литературу 36 фр.; черезъ экспедицію изъ Карлсру 170 фр.; отъ Париж. рабочей группы соц.-дем. 75 фр.; отъ ученика Тимофеева 25 руб.; отъ него же на изданіе воспоминані Дейча 25 руб.; изъ Берлина получено 317 мар. (отъ подписч. за литературу 53 м., отъ К° 3 м. 50 пф., за проданную литератур 40 м. 20 пф., черезъ эмигр. для Лиги 120 м. 65 пф., отъ него же для эмигр. 100 м.).

Поправка. Въ № 62 „Искры", въ статьѣ о конгрессѣ жоресистовъ въ Этьенѣ, на стр. 9, третій столбецъ, строка 52 свер *напечатано*: „Уставъ пошелъ на встрѣчу этой буржуазной тинѣ"; *должно быть*: „уставъ пошелъ... *психикѣ*".

Въ № 62, въ продолженіи той же статьи слѣдуетъ исправи слѣдующія грубыя опечатки: 1) стр. 7, столбецъ 3, строка сверху: *напечатано*: „*фантастическое* подтвержденіе"; *должно быть*: *фактическое*. 2) Тамъ же, строка 53 сверху: *напечатано*: *Шаронскаго*; *должно быть*: *Шарантскаго*.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центральнымъ Ко тетомъ:

V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (pr
Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Р волюціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse

(Просятъ обозначать: „для редакціи" или „для Лиги".

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Приложеніе къ № 63 „Искры“.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Отвѣтъ на письмо Ц. О. представителей Уфимскаго. Средне-Уральскаго и Пермскаго комитетовъ.

Пользуемся оффиціальнымъ приглашеніемъ редакціи Центральнаго Органа, сдѣланнымъ въ письмѣ, разосланномъ по комитетамъ и приглашеніемъ, идущимъ отъ Центральнаго Комитета удовлетворить желаніе редакціи, — чтобы высказаться по этому вопросу. Матерьяломъ служитъ „Искра“ до № 53 включительно. Къ сожалѣнію, приложенія къ № 53, т. е. уставъ и резолюціи партійнаго съѣзда, такъ же какъ и протоколовъ, мы еще не имѣемъ, мы знаемъ ихъ по устной передачѣ.

Съѣздъ одобрилъ „Искру“ и утвердилъ ее въ качествѣ партійнаго Ц. О. Смыслъ этого рѣшенія ясенъ: „Искра“ должна быть впредь того же направленія, что и до съѣзда. Такъ, видно, думаетъ и почти старая коллегія редакціи, судя по ея заявленію о происшедшихъ въ ней перемѣнахъ. Такъ ли вышло на самомъ дѣлѣ? Статья „Чего не дѣлать“ (въ № 52) и руководящая статья № 53 указываютъ на то, что „Искра“, съ выходомъ Ленина изъ состава редакціи, сразу измѣняетъ свой взглядъ на экономистовъ и ревизіонистовъ. Для доказательства происшедшаго поворота отмѣтимъ сперва взгляды, выраженные въ старой „Искрѣ“. Въ № 49, въ передовой статьѣ „Красный съѣздъ въ красной странѣ“, между прочимъ, указывается на вредъ, причиняемый соціальдемократической партіи Германіи не только ревизіонизмомъ, но и ревизіонистами, привѣтствуется резолюція второго берлинскаго округа, настаивающая на исключеніи Бернштейна, Гере и Брауна изъ партіи, указывается на то, что ревизіонистъ Бернштейнъ, остающійся въ рядахъ партіи, надѣлаетъ ей еще много хлопотъ. Въ этой статьѣ отмѣчается дальновидность одного русскаго соціальдемократа, съ самаго начала — много лѣтъ назадъ — указавшаго на серьезную опасность, грозящую партіи со стороны Бернштейна („Бернштейнъ похоронитъ соціальдемократію или соціальдемократія похоронитъ Бернштейна“) и этотъ русскій соціальдемократъ совѣтовалъ по отношенію къ ревизіонистамъ рѣшительныя мѣры. Въ этой статьѣ съ сожалѣніемъ смотрятъ на принятіе международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ въ Парижѣ „каучуковой резолюціи“ Каутскаго, церемонно относящейся къ ревизіонистамъ и ревизіонизму. Должно отмѣтить, что № 49 одинъ изъ тѣхъ, которые редактировались только Плехановымъ и Ленинымъ, старая коллегія редакціи была сильно сокращена, но это нисколько не повліяло на направленіе газеты. Мысли, высказанныя въ № 49, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что мы раньше читали по этому вопросу въ „Искрѣ“ и „Зарѣ“.

Вспомнимъ отчетъ Плеханова о Парижскомъ международномъ съѣздѣ статью въ „Зарѣ“, о „Vorwärts“ и т. д... Съ выходомъ Ленина „Искра“ сразу повернула кругомъ. Еще не высохли чернила, которыми Ленинъ писалъ и училъ о томъ, какой большой вредъ приносятъ партіи ея внутренніе враги — ревизіонисты, оппортюнисты и экономисты, — какъ пошли въ „Искрѣ“ писать о тактичности, мягкости, миролюбіи, снисходительности по отношенію къ этимъ внутреннимъ врагамъ. Экономисты стали бывшими экономистами въ кавычкахъ, товарищами не вполнѣ еще ортодоксальными, но подающими большія надежды, не отдѣлавшимися отъ старыхъ плохихъ привычекъ, но исправляющимися. Можно ли такъ радушно смотрѣть на будущее экономистовъ? Дѣйствительно ли это веньямины партіи, слабые, еще не окрѣпшіе, требующіе къ себѣ любви и заботливости? Казалось бы, послѣ съѣзда и объединенія партіи, послѣ признанія громаднымъ большинствомъ принциповъ, программы, организаціоннаго и тактическаго плановъ „Искры“ и „Зари“ партійными, послѣ того, казалось бы, на очереди болѣе существенныя задачи, чѣмъ вопросъ о группкахъ (какъ выражается сама „Искра“) бывшихъ ревизіонистовъ и бывшихъ экономистовъ и ихъ реабилитаціи.

Прямо кажется непонятнымъ на первый взглядъ, зачѣмъ это понадобилось теперь писать о бывшихъ ревизіонистахъ и экономистахъ, если, несмотря на рѣшительную, открытую и безпощадную борьбу съ ихъ взглядами, несмотря на рѣзкій тонъ (или, вѣрнѣе, благодаря всему этому) они все таки пошли къ намъ, согласились съ нами, восприняли наши взгляды? Вѣдь они для насъ теперь не бывшіе экономисты, не бывшіе оппортюнисты, они для насъ революціонные соціальдемократы.

Но нѣтъ, мало того, что о бывшихъ неортодоксальныхъ пишутъ, у нихъ предлагается поучаться. Экономисты практики, видите ли, всѣ свои помыслы направляли на рабочую массу, на ея нужды, о политикахъ это не всегда можно сказать. Политики грѣшили, узнаемъ мы, отвлеченностью, оторванностью отъ живой жизни и повседневныхъ нуждъ пролетаріата.

Такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Если экономисты практики шли къ рабочимъ, думали объ ихъ болячкахъ, старались вліять на широкія массы, то, намъ помнится (провѣрьте это по брошюрѣ „Что дѣлать“), что экономисты только продолжали — и плохо, узко продолжали — дѣло, начатое въ 94-96 годахъ такими организаціями, какъ „Союзъ Борьбы“ въ Питерѣ, „Московскій Рабочій Союзъ“.

Организаціи эти шли по пути, завершившемуся первымъ съѣздомъ и его манифестомъ.

Если уже поучаться, то лучше это сдѣлать не у подражающихъ узко экономистовъ, а у оригинала. Отвлеченность, оторванность отъ массы, приписываемую политикамъ, слѣдовало бы отнести къ времени кружковщины, это было бы вѣрнѣе. Ставя на одну доску политиковъ съ экономистами, дѣлается еще та погрѣшность, что берутся лучшіе экономисты и худшіе политики. Обыкновенно не такъ сравниваютъ. Если же взять лучшихъ экономистовъ и оппортюнистовъ и ихъ выразителей, и лучшихъ политиковъ и ихъ выразителей, то на одной чашкѣ вѣсовъ будетъ „Рабочая Мысль“, „Рабочее Дѣло“, на другой — „Работникъ“, „Рабочая Газета“, „Южный Рабочій“, „Искра“ и „Заря“. Теперь „Искра“ находитъ, какъ невинная донна Бланка въ „Диспутѣ“ у Гейне, что и политики и экономисты — они воняютъ оба. Были у „Искры“ лавры, но не было лавровъ унтеръ-офицерской жены.

Какъ же объяснить историческій поворотъ, новый курсъ „Искры“? Мы думаемъ, такъ. Если пишутъ и стараются реабилитировать экономизмъ, хвостизмъ, если ради этого грѣшатъ противъ истины, если слово „расколъ“, призракъ его можетъ появиться послѣ съѣзда на столбцахъ „Искры“, то дѣло ясно. Вчерашніе экономисты, хвостисты — совсѣмъ не веньямины, за которыхъ ихъ выдаютъ, а пресловутыя казанскія сироты. Это волки въ овечьей шкурѣ. Русскіе экономисты, хвостисты, не лучше нѣмецкихъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, проигравъ битву въ открытой борьбѣ, ведутъ теперь борьбу партизанскую. Они готовы, пока они въ меньшинствѣ, подписаться въ полученіи всякихъ порицаній, выговоровъ, пощечинъ — это имъ не мѣшаетъ оставаться въ партіи, проникать во всѣ ея щели и продолжать свою разрушительную работу. (Конечно, хороша организація, которая даетъ имъ эту возможность и хороша физіономія редакціи Ц. О., которая одобряетъ такую организацію, желаетъ ее копировать). И надо отдать имъ справедливость: кроты, они хорошо роютъ свои подземные ходы. Экономисты вошли въ партію, чтобы сломить ее извнутри. Они рѣшили воспользоваться дѣломъ, организаціей, созданными ихъ врагами, для своихъ хвостистскихъ цѣлей. Они рѣшили самое „Искру“ пропитать своимъ духомъ и ядомъ. Они на съѣздѣ, какъ хамелеоны, назвались „искровцами“ и способствовали внесенію противорѣчій въ организаціонный уставъ, они уже успѣли оказать вліяніе на направленіе Ц. О. Повторяемъ, — кроты, они хорошо роютъ свои подземные ходы. Самого Плеханова слабахарактерные редакторы, замѣнившіе Ленина въ коллегіи редакціи, сбили съ позиціи и онъ сталъ писать нѣчто объ экономизмѣ и экономистахъ въ совершенно новомъ для него духѣ. Ревизіонисты могутъ себя поздравить съ блестящей побѣдой: они обошли и приручили, наконецъ, одного изъ самыхъ непримиримыхъ и энергичныхъ противниковъ. И какъ это политично сдѣлано. Какъ будто экономисты ни при чемъ: оффиціально выступаетъ — почти та же коллегія. Кто за кулисами, этого публика и не замѣчаетъ. Публика прямо въ недоумѣніи. Что это случилось? Чего это Ленинъ удалился? Ленинъ! Какъ могъ онъ рѣшиться выпустить изъ рукъ редакцію органа, ввѣреннаго ему и Плеханову партіей... Что-то очень неладное дѣлается...

Не зная причины выхода Ленина изъ редакціи, считая это прямымъ вредомъ для дѣла, въ ожиданіи разъясненій, остается констатировать только тотъ положительный результатъ, что врагъ, бывшій въ скрытомъ состояніи, благодаря уходу Ленина, теперь обнаруженъ. Карты раскрыты, истинныя стремленія „меньшинства“ извѣстны партіи... Бейте въ цимбалы, друзья „Рабочаго Дѣла“, торжествуйте побѣду! „Рабочее Дѣло“ умерло, да здравствуетъ „Рабочее Дѣло“!

Дѣло не въ названіи органа, а въ его взглядахъ. А новые взгляды „Искры“ по вопросу объ организаціи Партіи стали „рабочедѣльческими“. Развѣ не „Рабочее Дѣло“ возставало противъ сектантства, фанатизма — за терпимость къ еще не усвоившимъ себѣ взглядовъ соціальдемократіи и умѣнія послѣдовательно проводить ихъ въ жизнь? Развѣ не „Рабочее Дѣло“ писало о необходимости концентраціи всѣхъ силъ партіи, полагая, что крайности экономическаго свойства обломаются о противоположныя крайности, что партія должна идти по равнодѣйствующей всѣхъ теченій ея? Развѣ не „Рабочее Дѣло“ протестовало противъ обвиненія его въ экономизмѣ, въ смѣшеніи его съ „Рабочей Мыслью“? Развѣ не „Рабочее Дѣло“ находило придирчивой, основанной на недоразумѣніяхъ, на ловлѣ неудачныхъ выраженій, критику „Искры“ и заявляло, что его счеты съ „Группой Освобожденія Труда“ — счеты личнаго свойства. Мы полагали все время, что правда на сторонѣ не „Рабочаго Дѣла“, а „Искры“, мы полагали, что „Искра“ уничтожаетъ разбродъ, шатаніе въ теоріи и практикѣ соціальдемократіи, мы считали, что подчеркиваніе и выставленіе на свѣтъ оппортунистическихъ тенденцій, непослѣдовательности „Рабочаго Дѣла“ учитъ насъ, что дѣлать и чего не дѣлать, мы полагали, что несостоятельность „Рабочаго Дѣла“ состоитъ въ томъ, что не оно учило партію, а партія его учила. Теперь, когда „Искрой“ прояснены умы настолько, что оказалось возможнымъ возстановить единство партіи, теперь новѣйшій составъ редакціи „Искры“ совѣтуетъ намъ вернутся къ старому положенію. Оказывается, что нечего было огородъ городить, можно было остаться въ одной компаніи съ Кричевскимъ, Акимовымъ и Мартыновымъ. Партія, узнаемъ мы теперь, не кружокъ, партія имѣетъ дѣло съ массами, въ партію входятъ люди, хоть и подписывающіеся подъ программой и уставомъ партіи, но еще не могущіе вполнѣ усвоить наши взгляды, освоиться съ положеніемъ пролетаріевъ-соціалистовъ. Съ этимъ надо считаться. Къ этимъ людямъ надо примѣнять мягкость, тактичность, не надо ихъ отпугивать. Старая погудка на новый ладъ. Бѣда „Рабочаго Дѣла“, какъ и вообще оппортунистовъ, та, что они не умѣютъ поступать съ тактомъ и говорить о тактичности не впопадъ. Несостоятельность, неумѣстность, противорѣчивость передовицы „Чего не дѣлать“ прекрасно выражены въ письмѣ Ленина въ редакцію (въ 53 №): однимъ только сжатымъ изложеніемъ этой передовицы онъ заставилъ редакцію оговорить сейчасъ же кое что изъ своей передовицы, кое что заставилъ онъ выразить болѣе точно. И редакція не замѣтила (а можетъ, закрыла глаза) что она споритъ не съ Ленинымъ, а съ собой, что Ленинъ примѣняетъ здѣсь всегдашнюю свою тактику — ребромъ поставить вопросъ и одной уже постановкой вопроса сбиваетъ противника съ двусмысленной позиціи.

Вообще, передовица № 52 полна мудрыми сентенціями: такъ и кажется, что напутствіе „Искры“ Ц. К. . . . .[1]) взято у Полонія, благословляющаго въ путь юнаго и пылкаго Лаэрта. Но „Искра“ забыла одну мудрую сентенцію, — есть такія вещи, которыя иногда и допускаются, но о которыхъ говорить не слѣдуетъ. Приходится иногда смотрѣть сквозь пальцы на нарушеніе дисциплины, рекомендовать же снисходительность къ нарушающимъ дисциплину въ то время, когда — и это признаетъ и „Искра“ — партія недостаточно дисциплинирована и нуждается въ дисциплинѣ, не правда ли, какъ это умно и тактично? И какъ такое непониманіе задачъ партіи характерно для поссибилизма и хвостизма!.. Не случайна, хотя часто не сознается, связь между предлагаемымъ планомъ организаціи и цѣлями, которымъ организація должна служить. Возьмемъ, для примѣра, экономизмъ. Если экономисты не заботились о созданіи общерусской организаціи, то это потому, что они не задавались общерусскими цѣлями. Нѣкотораго сокращенія рабочаго дня, увеличенія платы и т. п. можно добиться и дѣйствительно добиваются и при самодержавіи стачками, разрозненной полустихійной борьбой. Экономистамъ казалось достаточно одно руководительство этой борьбой.

Понятно, что для этой цѣли нужна хорошая мѣстная профессіональная организація, а не сложный общерусскій аппаратъ организаціи пролетаріевъ-революціонеровъ. Для проведенія только чисто экономическихъ стачекъ нѣтъ особенной надобности въ хорошей соціалистической литературѣ; можно обойтись самодѣльными прокламаціями, призывающими къ солидарности — и только.

Въ руководители, въ вожаки стачки могутъ идти, хоть и полусознательные, но энергичные и рѣшительные мѣстные же рабочіе. Этихъ рабочихъ можетъ знать цехъ, ремесло, фабрика, и такъ какъ они популярны, то они могутъ быть и выбраны. Роль революціонной интеллигенціи въ профессіональномъ движеніи пассивна. Интеллигенція только формулируетъ желанія рабочихъ, она собираетъ деньги, помогаетъ составить и напечатать прокламаціи. Движеніемъ руководятъ мѣстные рабочіе. Понятно, что экономисты организуютъ профессіональныя кассы борьбы, что у экономистовъ существуетъ стремленіе къ выборному началу, къ демократической организаціи. На интеллигенцію, т. е. на революціонную соціальдемократію они смотрятъ свысока. Ихъ комитеты влачатъ жалкое существованіе. И вездѣ профессіональныя рабочія организаціи демократически основаны на выборномъ началѣ. Укажемъ на англійскіе тредъ-уніоны — у нихъ нѣтъ общеанглійскихъ цѣлей. Только необходимость выступленія на арену политической борьбы — появленіе политическихъ цѣлей — заставляетъ ихъ въ послѣднее время подумывать объ общеанглійской рабочей организаціи — о политической партіи. — Отъ чистаго экономизма обратимся къ оппортунизму. Если „Рабочее Дѣло“ было сторонникомъ демократическаго принципа въ организаціи, то это согласуется съ его задачами. Практически и фактически „Рабочее Дѣло“ шло по пути экономизма, формально оно имѣло въ виду политическія, соціалистическія цѣли. И профессіоналистская практика была плохо связана съ потугами на политику. Желая плыть по теченію, оно представляло себѣ русскую политическую революцію такъ, какъ поссибилисты другихъ странъ — соціалистическую. Революція — это безконечный рядъ этаповъ, стадій, каждая со своими цѣлями, каждая со своей тактикой. Рабочее движеніе идетъ, какъ идетъ. Каждый комитетъ дѣйствуетъ сообразно стадіи, въ которой находится. Вчера комитетъ былъ чисто экономическимъ, завтра отъ будетъ стараться стать политическимъ, насколько это могутъ позволить ему его мѣстныя силы. Въ томъ и другомъ случаѣ комитетъ дѣйствуетъ самостоятельно. Онъ полагаетъ, что лучше какой либо чужой для него центральной организаціи понимаетъ свои задачи. Самое большое, для чего ему нуженъ центральный комитетъ — это для обслуживанья его. Центральный Комитетъ для него хорошій транспортеръ, хорошо освѣдомленное центральное справочное бюро. Комитеты времени „Рабочаго Дѣла“ вполнѣ автономны. Какъ цеховыя рабочія организаціи относятся къ комитетамъ, такъ мѣстные комитеты относятся къ центральному. Ни центральный, ни мѣстные комитеты не руководятъ движеніемъ пролетаріата, они обслуживаютъ его. Поэтому и комитеты и „Рабочее Дѣло“ были застигнуты врасплохъ неожиданнымъ для нихъ подъемомъ политической волны, и они оказались банкротами. Поздно стали дѣлать историческій поворотъ.

Пролетарская политическая борьба не могла быть предвидѣна автономными комитетами автономныхъ цеховыхъ организацій; къ ней они не могли, не умѣли подготовить себя — пролетарская политическая борьба не мѣстное дѣло профессіональной организаціи. Предвидѣть пролетарскую политическую борьбу, подготовиться къ ней, идти впереди массъ можетъ только общерусская централизованная организація революціонеровъ, въ полномъ распоряженіи которой находятся мѣстные комитеты, въ свою очередь, организаціи не чисто профессіональной только борьбы, а организаціи пролетаріевъ революціонеровъ. И комитеты и отдѣльные члены партіи могутъ получить очень широкія полномочія, но это должно зависѣть отъ центральнаго комитета. Центральный комитетъ можетъ и наоборотъ, — если найдетъ нужнымъ и полезнымъ — своею властью раскассировать комитетъ или другую организацію, онъ можетъ лишить того или другого члена партіи его правъ. Иначе нельзя успѣшно организовать дѣло пролетарской борьбы. Конечно, центральный комитетъ намъ представляется какъ коллегія самыхъ опытныхъ, самыхъ энергичныхъ, самыхъ закаленныхъ борцовъ, самыхъ умныхъ испытанныхъ послѣдователей идей революціоннаго соціализма, имъ, поэтому, можно разрѣшить вникнуть въ каждую мелочь дѣла, имъ можно и должно разрѣшить давать широчайшія полномочія. — Понятно, что поссибилисты, хвостисты, которымъ достаточно центральной организаціи въ смыслѣ справочнаго и транспортнаго бюро, будутъ за концентрацію въ центральной организаціи въ смыслѣ справочномъ и транспортномъ, повторяю, будутъ за концентрацію въ центральной организаціи всѣхъ партійныхъ теченій — ихъ центральная организація не управляетъ, не должна идти впереди рабочей массы; если роль центральной организаціи пассивна, то она можетъ имѣть въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ партійныхъ теченій и стадій — и экономиста и ревизіониста и поссибилиста и революціоннаго соціальдемократа.

Для транспортера и члена справочнаго бюро не важны взгляды его товарища. Не то въ организаціи пролетаріевъ-революціонеровъ. Если центральная организація учитъ бороться и управляетъ борьбой за пролетарскій соціализмъ, то нѣтъ въ партіи постоянныхъ устойчивыхъ, различныхъ теченій, нѣтъ опредѣленнаго дѣленія на соперничающія большинство и меньшинство, нѣтъ давленія одной части партіи на другую. Центральная организація должна состоять изъ тѣсно сплоченной, вполнѣ единодушно дѣйствующей и мыслящей однородной коллегіи. Иначе возъ будутъ тащить лебедь, ракъ да щука. Если партія дѣлится не случайно, а постоянно на большинство и меньшинство, если одна часть боится быть подавленной, склонна не подчиняться добровольно естественно образовавшейся центральной организаціи опредѣленнаго состава, то это значитъ, что въ партію, такъ или иначе, попали представители разныхъ классовъ населенія, съ разными, можетъ быть, и противорѣчивыми стремленіями. Нѣкоторые элементы должны быть, въ такомъ случаѣ, выдѣлены, нѣкоторые организаторы раскассированы и т. д., иначе дѣятельность партіи будетъ тормозиться, страдать будутъ интересы наиболѣе революціонной, истинно пролетарской части партіи. Такъ обстоитъ дѣло въ Германіи (не даромъ сторонники концентраціи, поссибилисты, хвостисты и новѣйшая редакція „Искры“ указываютъ на Германію, какъ на достойный подражанія примѣръ. „Въ Германіи, — указываетъ „Искра“ въ № 53, въ отвѣтъ на письмо Ленина въ редакцію, — вопросъ о дирижерской палочкѣ утрачивалъ свое значеніе прямо пропорціонально росту классового самосознанія пролетаріата. Классовое самосознаніе пролетаріата неуклонно, хоть и медленно дѣлаетъ свое дѣло“. Такое, чисто оппортунистическое положеніе „Искра“ считаетъ вѣрнымъ признакомъ зрѣлости партіи въ ея организаціи!).

Въ партіи революціоннаго пролетаріата, повторяемъ мы, не можетъ быть, не должно быть постояннаго дѣленія на большинство и меньшинство, не можетъ быть и рѣчи о представительствѣ въ центральныхъ организаціяхъ какихъ-то разныхъ теченій. Если въ партіи есть дѣленіе на болѣе или менѣе опытныхъ и развитыхъ членовъ, то центральная организація должна состоять изъ однородной коллегіи наиболѣе опытныхъ и развитыхъ членовъ партіи, ни о какой концентраціи партійныхъ теченій и рѣчи быть не можетъ. Чѣмъ единодушнѣе, энергичнѣе, талантливѣе центральная организація, тѣмъ охотнѣе, естественнѣе всѣ члены и организаціи будутъ ей подчиняться.

Если франкфуртскій парламентъ представлялъ всѣ революціонныя теченія Германіи 48-го года, то онъ былъ простой говорильней, неспособной ничего предпринять для успѣха революціи Если парижская коммуна 71-го года пала, то ближайшая причина та, что въ ней были представлены разныя направленія, представители разныхъ, часто противоположныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ. Каждый тянулъ въ свою сторону, въ результатѣ спору было много, дѣла — мало. Если Гора 93 года дѣйствовала энергично, рѣшительно, то потому, что была достаточно однородна. И Гора 93 года, хоть и погибла, но навсегда безповоротно рѣшила дѣло революціи. И надо сказать не только о Россіи, но и о всемірномъ пролетаріатѣ, что ему необходимо подготовлять и подготовляться къ полученію сильной, властной организаціи. Безъ сильной и властной централизованной организаціи онъ не сможетъ управлять, не сможетъ использовать въ своихъ цѣляхъ власть, которая — уже недолго ждать этого — попадетъ въ его распоряженіе (которая уже попадала въ его руки въ февральскіе дни въ Парижѣ) . . . .

. . . .

Не имѣя самъ власти, онъ не сможетъ осуществить не только максимальной цѣли своей, но и всѣхъ минимальныхъ желаній. Подготовка пролетаріата къ диктатурѣ — такая важная организаціонная задача, что ей должны быть подчинены всѣ прочія. Подготовка состоитъ, между прочимъ, въ созданіи настроенія въ пользу сильной, властной пролетарской организаціи, выясненіе всего значенія ея. Можно возразить, что диктаторы являлись и являются сами собой. Но такъ не всегда было, и не стихійно, не оппортюнистически должно быть въ пролетарской партіи. Здѣсь должны сочетаться высшая степень сознательности съ безпрекословнымъ повиновеніемъ — одно вызывать должно другое (сознаніе необходимости есть свобода воли). Можно также выставить опасеніе, что властная центральная организація будетъ подавлять личную иниціативу, превращать членовъ партіи въ пѣшекъ. Но это совершенно напрасное опасеніе. Это такое же опасеніе, какъ и то, что самостоятельный крестьянинъ полуфеодальнаго времени потеряетъ самостоятельность и цѣльность, становясь пролетаріемъ.

Итакъ, центральная организація, вообще, пролетарской соціалистической партіи должна быть строго централизованной. Тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ сейчасъ приходится выступать противъ централизованнаго полицейскаго и бюрократическаго самодержавія, гдѣ этого требуютъ, кромѣ того, и условія конспиративной дѣятельности, вопросъ объ организаціи, строго централизованной, конспиративной, способной идти впереди партіи и руководить ея ближайшей задачею — а она совпадаетъ съ конечною.

---

[1]) Мѣста, обозначенныя многоточіемъ, остались неразобранными.

Въ своей пролетарской организаціи мы должны быть очень и очень осмотрительны, чтобы туда не попали неисправимые, упорные ревизіонисты, оппортюнисты и хвостисты.

Центральная организація особенно должна быть чиста отъ всякихъ мало развитыхъ, недоразвившихся элементовъ, не говоря уже о закоренѣлыхъ ревизіонистахъ и оппортюнистахъ (чего, къ сожалѣнію, нѣтъ въ Германіи), если хоть чуть-чуть туда попадетъ этой скверной травы, то это будетъ ложка дегтю въ кадкѣ меду. Если редакція „Искры" новаго курса такое отношеніе къ недорослямъ партіи и къ поссибилистамъ, экономистамъ, считаетъ неумѣстнымъ собакевическимъ наступаніемъ на ноги, то мы считаемъ, что не только слѣдуетъ въ указанныхъ случаяхъ „наступать на ноги", но также скажемъ, что не надо и прощенія просить.

Понятно теперь, каковы, по нашему разумѣнію, должны быть отношенія между Ц. О. и Ц. К.

Конечно, въ пролетарской партіи они должны быть связаны самымъ тѣснымъ образомъ. Если Ц. О. только отражаетъ разныя партійныя теченія, отмѣчаетъ ихъ и аппелируетъ къ общественному мнѣнію партіи, то это будетъ оппортюнистическій органъ, каковой нуженъ сторонникамъ концентраціи и поссибилизма. Мы же полагаемъ, что Ц. О. долженъ еще и подготовлять пролетаріатъ къ пониманію пролетарскихъ цѣлей.

Ц. О. долженъ имѣть свое собственное мнѣніе о вещахъ, его то онъ постоянно долженъ предлагать читателямъ. Всѣ статьи, взгляды, соображенія, данныя, стекающіяся въ Ц. О. отъ всѣхъ партійныхъ организацій и отъ членовъ служатъ для него лишь матеріаломъ для выясненія точки зрѣнія центральной организаціи и для созданія ей добровольнаго сознательнаго и необходимаго безпрекословнаго подчиненія. Повторяемъ, въ революціонной пролетарской партіи должно быть полное единодушіе между Ц. О. и Ц. К., они должны составлять вполнѣ солидарную, спѣвшуюся коллегію. Довольно мы плыли на утлыхъ ладьяхъ по волѣ теченій; мы строимъ большой корабль, послѣднее слово знанія и искусства, для него намъ нуженъ хорошій командиръ, мы поплывемъ съ нимъ по теченію, противъ теченія и вынесемъ бури.

Пора покончить съ организаціонными стадіями — вчера организація кружковщины, сегодня организація экономической агитаціи въ массахъ, завтра — организація политической агитаціи и т. д.

Неужели надо теперь опять ждать, пока стихія научитъ насъ понимать нужду въ организаціи не только обслуживающей, но и сильной, властной рукой управляющей? Неужели мало крови потерялъ рабочій классъ, мало развѣ страдалъ онъ не только отъ ударовъ враговъ, но и отъ собственной слабости и неподготовленности, чтобы его вожди и организаціи не научились быть получше повивальныхъ бабокъ, чтобъ они не научились стать акушерами исторій, вооруженными всѣмъ знаніемъ, опытомъ и техникой?

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Печатая здѣсь письмо, написанное въ отвѣтъ намъ „представителями комитетовъ" Уфимскаго, Средне-Уральскаго и Пермскаго, мы, — оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему намъ отвѣчаютъ *представители комитетовъ, а не сами комитеты*, — считаемъ полезнымъ сдѣлать отъ себя нѣсколько замѣчаній.

I. Авторы письма упрекаютъ „Рабочее Дѣло" въ томъ, что „не оно учило партію, а партія его учила". Это значитъ, что, по ихъ мнѣнію, органъ, претендующій на сколько-нибудь серьезное значеніе, долженъ имѣть смѣлость *руководить* партіей и не бояться давать подчасъ нѣкоторымъ ея „представителямъ" болѣе или менѣе суровые уроки. Мы думаемъ, что это мнѣніе справедливо особенно въ примѣненіи къ *центральному органу*, которому, по уставу, принадлежитъ идейное руководство партіей. Вотъ почему мы прямо и откровенно скажемъ авторамъ письма, что ихъ разсужденія о событіяхъ 1848 г. и о парижской Коммунѣ отличаются сбивчивостью, предполагающей до послѣдней степени скудныя историческія свѣдѣнія. Люди, объясняющіе слабость франкфуртскаго парламента тѣмъ, что въ немъ были представлены „всѣ революціонныя теченія Германіи 1848 года", хорошо сдѣлали бы, если бы, вмѣсто того, чтобы „представлять" тѣ или другіе комитеты, рѣшились поучиться. Въ противномъ случаѣ они ничего хорошаго не скажутъ тому рабочему классу, „впереди" котораго имъ хочется шествовать. Мы знаемъ, что авторы письма могутъ, позабывъ свое собственное мнѣніе, обидѣться на насъ за нашъ прямой совѣтъ и даже, по свойственной имъ рѣшительности, пожелать такъ или иначе „раскассировать" насъ. Но, какъ ни страшенъ намъ ихъ гнѣвъ, а нечего дѣлать: долгъ прежде всего.

II. Авторы письма, характеризуя „экономистовъ", говорятъ: „на интеллигенцію, т. е. на революціонную соціальдемократію они смотрятъ свысока". Это „*то есть*" очень замѣчательно. Въ головахъ авторовъ письма понятіе: „*революціонная соціальдемократія*", очевидно, покрывается понятіемъ: „*интеллигенція*". Тутъ — несомнѣннѣйшая ересь и притомъ такая ересь, на какую способенъ теперь далеко не всякій соціалистъ-„революціонеръ". Чтобы, „ни мало сумняшеся", держаться такой ереси, надо обѣими ногами встать на точку зрѣнія „*интеллигенціи*", т. е. *мелкой буржуазіи*, занимающейся „свободными профессіями". А между тѣмъ, авторы письма воображаютъ себя *ортодоксами*. О, дѣти, какъ опасны ваши лѣта! Бѣдный товарищъ Ленинъ! Хороши же его „ортодоксальные" сторонники!

III. Просакъ, въ который попали авторы письма, ясно показываетъ намъ, что совершенно правъ былъ П. Аксельродъ, утверждавшій въ одномъ изъ своихъ недавнихъ фельетоновъ, что организаціонные взгляды нѣкоторой части нашихъ товарищей грозятъ въ концѣ концовъ вплотную подвести ихъ къ воззрѣніямъ *буржуазной демократіи*. П. Аксельродъ, вѣроятно, совсѣмъ не радъ тому, что его опасенія такъ скоро начали оправдываться.

IV. Авторы письма, повидимому, думаютъ, что статья „*Красный съѣздъ въ красной странѣ*", напечатанная въ № 49 „Искры", написана Ленинымъ. На самомъ же дѣлѣ она принадлежитъ пишущему эти строки. И ему же принадлежитъ статья „*Чего не дѣлать?*", напечатанная въ № 52 нашего органа. Названныхъ товарищей очень удивитъ это открытіе, и они обвинятъ насъ въ непослѣдовательности. Но такое обвиненіе только покажетъ намъ лишній разъ, *до какой степени низкопробна ихъ собственная послѣдовательность*. Нѣмецкіе ревизіонисты совсѣмъ не похожи теперь на нашихъ *бывшихъ* „экономистовъ". Нынѣшнее положеніе ихъ въ партіи тоже совсѣмъ иное. Неудивительно, поэтому, что теперь и относиться къ нимъ приходится иначе, чѣмъ къ „экономистамъ". Казалось бы, это понятно само собою. Но авторы письма видятъ предметы сквозь такой густой туманъ, что для нихъ остаются непонятными самыя безспорныя истины. Чтобы хоть нѣсколько разсѣять этотъ туманъ, необходимы довольно длинныя, хотя и весьма элементарныя разсужденія; недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ отложить ихъ до слѣдующаго номера; теперь же мы ограничимся высказываніемъ слѣдующей мысли, справедливость которой, надѣемся, несомнѣнна даже и для авторовъ письма: *наша* послѣдовательность, послѣдовательность марксистовъ, заслуживающихъ этого названія, т. е. усвоившихъ себѣ извѣстныя понятія и способныхъ оперировать ими, отнюдь, никогда и ни мало не должна походить на „дикую непреклонность убѣжденій" той партіи *крѣпкоголовыхъ* (въ „*Помпадурахъ*" Щедрина), которая славилась умѣньемъ „зыкомъ наводить трепетъ на противниковъ" и вся политическая мудрость которой сводилась къ убѣжденію въ томъ, что „для предводителя нужно одно: чтобы онъ шелъ неуклонно". Sapienti sat.

Г. Плехановъ.

Товарищи! Просимъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ „Искры" слѣдующее заявленіе:

Въ № 1-2 „Вѣстника Бунда" сообщается слѣдующее: „Изъ рядовъ *Кавказскаго Союза* выступила часть членовъ и образовала новую организацію подъ названіемъ „Армянская соціальдемократическая Рабочая Организація." Сообщеніе это лишено всякаго основанія; никто не выступалъ изъ Кавказскаго Союза и отдѣльной организаціи не основывалъ. Упомянутая здѣсь Армянская Рабочая Организація основана не членами Кавказскаго Союза или мѣстныхъ комитетовъ Партіи, а парою интеллигентовъ, ничего общаго не имѣвшихъ ни съ Кавказскимъ Союзомъ, ни съ комитетами.

Коммиссія по изданію соціальдемократической партійной литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Красноярскъ. Въ февралѣ въ тюрьмѣ сидѣли слѣдующія лица: мѣстные (дѣло Сибирскаго Союза): Ник. Семененко, лѣсной кондукторъ; Петръ Миловидовъ, бывшій семинаристъ; Марія Келерманъ, фельдшерица; Елизавета Бражникова, наборщица; рабочіе Масловъ и Росляковъ; горшечникъ Никита Ивановъ; бывш. студентъ Казанскаго университета Анатолій Байкаловъ; Аронъ Зисманъ (руководитель Воткинскаго „бунта" 1902 года), арестов. въ селѣ Мокрушинскомъ за „вредное вліяніе на крестьянъ"; Борисъ Носель, ссыльный (портной), арест. въ селѣ Есаульскомъ (найдена при арестѣ нелегальная рукопись). Пересыльные: бывшій студентъ Лѣсного Института Николай Богдановъ (Сѣв. Рабочій Союзъ) — 4 года Якутской области; Александръ Браиловскій, газетный сотрудникъ (дѣло Кременчугскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.) — 5 лѣтъ Восточной Сибири; Маріанъ Плохоцкій, Карлъ Нитенбергъ, Владиславъ Гдовскій, Феликсъ Минихъ, Янъ Росолъ и Шиманскій, рабочіе по варшавскому дѣлу Соц.-Дем. Литвы и Польши — ждутъ объявленія приговора; Марія Нагель и Анна Логачева, бывшія курсистки (по дѣлу Ростовской демонстраціи 2 марта 1903 года) — по приговору военнаго суда на вѣчное поселеніе въ Пинчугскую волость, Енисейскаго уѣзда; Елена Каминьяръ, модистка (по кіевскому дѣлу с.-р.) — 5 лѣтъ Якутской области; Клавдія Марциновская, бывш. курс. — 4 года Як. обл.; Фанни Ривкина, дантистка — 4 года Якутской области; Рауль Гинсбургъ, сынъ купца — 3 года Енисейской губ.; Хаимъ Липкинъ, частный учитель — 3 года Енисейской губ.; Павелъ Турчаниновъ, бывшій студентъ Московскаго университета — 6 лѣтъ Якутской области — всѣ по Рославльскому (Смоленской губерніи) дѣлу соц.-рев.; Анна Ривкина, заграничная курсистка (перевоз. соц.-рев. литературы) — 3 года Енисейской губ.; Федоръ Никитинъ, рабочій (по красноярскому дѣлу Сибирскаго Союза) — 3 г. Якутской области; Михаилъ Вилоновъ, техникъ (по дѣлу кіевск. всеобщей стачки 1903 г.) — охран. порядкомъ 3 года Иркутской губерніи; Михаилъ Смирновъ, прис. пов. — 5 лѣтъ Вост. Сиб. (по Уфимскому дѣлу); Пестеревъ, рабочій (по дѣлу соц.-дем. организаціи и безпорядковъ на Воткинскомъ заводѣ) — 5 л. Вост. Сиб., и Оскаръ Линга, бывшій реалистъ (по либавскому дѣлу латышской соц.-дем.) — 3 г. Вост. Сиб. — всѣ трое пересылаются за отлучки изъ Енисейской губерніи въ отдаленныя мѣста Якутской области; Мякутинъ, рабочій (за тихорѣцкіе безпорядки) — охраннымъ порядкомъ пять лѣтъ Якутской области; Воронинъ и Сотскій, рабочіе, за Борисоглѣбскую (Тамбовской губ.) стачку — охраннымъ порядкомъ 3 года Иркутской губ.; Ихиль Фельдманъ, рабочій (по дѣлу „Южнаго Рабочаго") — 3 года Енисейской губ.; Басовъ, частный учитель (по одесскому дѣлу соц.-рев.) — 3 года Енисейской губ.; Молдавскій, частн. учитель (по кременчугскому дѣлу соц.-рев.) — 6 лѣтъ Якутск. области; Рафаилъ Цурвизовъ, наборщикъ (по дѣлу пензенской типографіи соц.-рев.) — 7 лѣтъ Якутской области; Бернадикъ, переплетчикъ (по виленскому д. Бунда) — 6 лѣтъ Якутской области; Каганъ, нелегальный (по кишиневскому дѣлу Бунда) — 6 лѣтъ Якутской обл.; Нейманъ, контрабандистъ (по подозрѣнію въ перев. нелегальной литерат. и эмигрантовъ) — охраннымъ порядкомъ 5 лѣтъ Якутской области; Рубинъ и Теръ Осиповъ, рабочіе (по дѣлу Бакинскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.) — 3 года Енисейской губ; Домбровскій — 5 лѣтъ Якутской области и Бродовиковъ — 8 лѣтъ Якутской области (томскіе студенты, за томскую демонстрацію, февраль 1903 года); Миллеръ, рабочій (по сморгонскому дѣлу Бунда) — 3 года Якутской области; Асташинскій, сапожникъ (по дѣлу Симферопольскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.) — 3 года Иркутской губерніи. — Кромѣ того, въ отдѣльномъ помѣщеніи сидятъ еще слѣдующія лица, тоже, якобы, „политики": Шаевичъ, докторъ философіи — 5 лѣтъ Якутской области и Трель, кондукторъ — 3 года Вост. Сиб. (независимцы изъ Одессы, сосланные охраннымъ порядкомъ); Муницъ, отецъ и сынъ (по дѣлу витебской орг. Бунда) — 5 л. и 3 года Вост. Сиб. (отецъ подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи); Александра Пріѣзжева, бывшая курс. (по двинскому, Витебской губ., дѣлу соц.-рев.) — 5 лѣтъ Якутской обл. (подала прошеніе на высочайшее имя о помилованіи). Недавно всѣ эти лица служили молебенъ о дарованіи побѣды „Обожаемому Монарху" (!?).

За послѣднее время, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, прекратились этапы изъ Россіи въ Красноярскъ и изъ Красноярска въ Иркутскую губернію и Александровскую тюрьму. Начальство заявило, что движеніе не будетъ открыто до окончанія войны, такъ что всѣмъ пересылаемымъ въ Сибирь политикамъ предстоитъ „удовольствіе" пробыть въ тюрьмахъ долгое время.

2 февраля пришли въ **Якутскъ**: Алексѣевъ съ вольнослѣдующей женой (по дѣлу Кіевскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.) — 5 л.; Бромберъ съ вольнослѣдующей женой (Екатеринославское дѣло соц.-рев.) — 3 года; Багише (по дѣлу Бунда) — 4 года; Бодневскій (пропаганда въ войскахъ) — до приговора; Иванъ Данникъ (Красноярскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.) — 3 г.; Домоникъ (P. P. S.) — 4 года; Калабуховъ (тихорѣцкое дѣло) — 5 лѣтъ; Кароль (д. польской соц.-дем.) — 6 лѣтъ; Кацъ (дѣло Бунда) — 4 г.; Орловскій (P. P. S.) — 4 года; Мацюкевичъ (ковенское дѣло) — 4 года; Либеръ (виленская стачка мясниковъ) — 5 лѣтъ; Осинскій (P. P. S.) — 4 года; Піончковскій (П. С.-Д.) — 4 года; Ржонця (П. С.-Д.) съ вольнослѣдующей женой — до приговора; Сидоровичъ (Красноярскій Комитетъ) — 3 года; Соколинскій (тоже) — 3 года; Цеховницеръ (елисаветградское соц.-дем. дѣло) — 5 лѣтъ; Слюсаревъ (тихорѣцкое дѣло) — 5 лѣтъ; Талановъ, съ вольнослѣдующей женой (дѣло Сѣвернаго Союза) — 4 года. — 4 февраля пришли въ Якутскъ: Каганъ, изъ Шклова (политически неблагонадежный) — 5 лѣтъ; Малыхъ (студ. демонстрація въ Томскѣ) — 4 г.; Прагоръ — 4 г., Идебимонъ, Золотницкій и Чижевскій — 5 л.; Кикойтенъ, Вишнаресъ и Вольтбертова — 3 г. — всѣ по дѣлу Бунда; Верховскій, съ вольнослѣдующей женой (дѣло соц.-рев.) — 4 года; Красиковъ, съ вольнослѣдующей женой (дѣло красноярскаго соц.-дем. комитета) — 3 г.; Панинъ (дѣло Сѣвернаго Союза и Ив.-Вознесенскаго Ком.) — 5 л.; Панина, Екатерина (дѣло Московскаго Комитета) — 3 г.; Клява (латышск. соц.-дем. дѣло) — переведенъ изъ Туруханска за вредное вліяніе на мѣстное населеніе; Лузинъ (иркутское дѣло) — до приговора; Быкова, Екатерина (дѣло соц. рев.) — до приговора; Скаличевъ (транспортъ соц.-рев. литер.) — до приговора; Хацкелевичъ (кіевскій соц.-дем. комитетъ) — 5 л.; Адоной (контрабандистъ) — 3 г.; Прѣсняковъ (томская демонстрація 18 апрѣля) — 3 г.; Камоловъ (нижегородское соц.-дем. дѣло) 5 лѣтъ. — 10 февраля прошли въ Якутскъ: Букерманъ — 5 лѣтъ, В. Рабиновичъ — 4 года оба по дѣлу одесскаго соц. дем. ком.); Крюковъ (севастопольскій соц.-дем. комитетъ) — 4 г.; Эренбургъ, Ицковичъ, Левинъ и Цыгельниковъ — 4 года — всѣ по дѣлу демонстраціи въ ковенскомъ театрѣ 21 марта 1903 г.; Гейликманъ, Шицъ, Сапожниковъ и Шейнкманъ — всѣ по дѣлу Бунда на 5 л.; Петровскій и Галочкинъ (костромская демонстрація) — 4 года; Мароцкій (дѣло сморгонскихъ кожевенниковъ) — 3 года; Джухадзе — 4 г., Мжавія — 6 л. — оба за кутаисскую демонстрацію; Гургенадзе, съ вольнослѣдующей женой (крестьянское дѣло въ Кутаисѣ) — 6 лѣтъ; Доброженидзе, вольнослѣдующая жена къ мужу въ Якутскій округъ; Магидинъ (одесское соц.-дем. дѣло) — 4 года.

По свѣдѣніямъ „Рев. Россіи" Гершуни помилованъ; смертная казнь замѣнена безсрочной каторгой.

Харьковъ. 20 марта арестовано около 25 чел., до 45 обысковъ. Арестованы Т. Залкиндъ (ученица), Браславская, Камельницкая, Вѣра Ан. Цируль, Дора Двойресъ (за то, что говорила по телефону съ человѣкомъ, за которымъ слѣдили), нѣсколько ветеринаровъ и одинъ рабочій. Были обыски у Гербъ, Студенецкой, Бейзенъ и др. Предполагаютъ ловкую провокацію. — **Новозыбковъ.** Въ ночь на 18 февраля арестованы Егоръ Зайченко и Им. Приходько (рабочіе) по обвиненію въ распространеніи листковъ Полѣсскаго Комитета. Въ ту же ночь въ Клинцахъ арестованъ Локшинъ. — **Кишиневъ.** Арестована Марія Учитель. — **Томскъ.** Начиная съ марта, разлетѣлась опричина шарить по обывательскимъ квартирамъ. День и ночь разъѣзжали жандармы съ обысками по заранѣе составленнымъ спискамъ. Арестовано свыше 30 человѣкъ, взята типографія Сибирск. Союза (16 пуд. шрифта, всѣ типографскіе принадлежности, масса литературы, между прочимъ 5,000 экземп. почти законченной брошюры Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ"). Вотъ большинство фамилій арестованныхъ: Смирновъ (фельдшеръ), Смирновъ (служащій Сибирской желѣзной дороги), Поповъ, Павловъ (слушат. общеобразовательныхъ курсовъ), Павловъ (студентъ-технологъ), Шиловская (интеллигентка), Липинъ (студентъ), Извощиковъ (экспедиторъ при „Сибирскомъ Вѣстн."), Левинъ (типографщикъ), Калико (бывшій студентъ Томскаго университета), Калико (типографщикъ), Егоръ Семеновъ (рабочій), Семеновъ (разсыльный), Булыгинъ (интеллигентъ), два брата Дробышевы (типографщики), Меленинъ (аптекарскій ученикъ), Стахѣева (служащая на жел. дор.), Бѣляевъ (рабочій), Кононовъ (рабочій), Волковъ (студентъ), Писаревъ, Подлевскій, Павловъ (студенты). Бѣжалъ при нашествіи жандармеріи Константинъ Волковъ (студентъ), на квартирѣ котораго взятъ шрифтъ. — **Воронежъ.** Арестованы 18 февр.: гимн. Часовниковъ, Карякинъ, Анисимовъ, Неутратовъ и черезъ нѣсколько дней Перчихинъ (фармацевтъ). Въ ту же ночь было много обысковъ. — **Баку.** Арестованы: Зейцъ, гимн. Фишбейнъ, наборщикъ Корнѣевъ. Бенделіани, сидящій въ Кубинской тюрьмѣ, подалъ прошеніе о помилованіи. — **Елисаветградъ.** Арестовано три крестьянина въ дер. **Калиновкѣ** по обвиненію въ устройствѣ сходокъ и революціонной агитаціи. — Въ **Вознесенскѣ** арест. земскій ветеринаръ Проданъ и съ нимъ девять крестьянъ. — **Екатеринодаръ.** Арестовано 20 чел. — Отданъ приказъ обыскать при проѣздѣ черезъ границу Лидію *Шереметьевскую*.

Приговоры: Чеславъ Петрашкевичъ (бѣжалъ изъ Вологодской губерніи въ 1902 году) — 10 лѣтъ Восточной Сибири; Тарасовъ (бывшій студентъ) — 1 годъ Креста и 8 лѣтъ Восточной Сибири (оба по петербургскому дѣлу 1903 г.).

Списокъ сидящихъ въ Ростовской тюрьмѣ: Образцовъ, Кронинъ, Казиміръ, Тендетникъ, Бороховъ, Кучунъ, Грачевъ, Кривенко, Скоробогатовъ, Понамаревъ, Борзиковъ, Гавриловъ, Грѣловъ, Грановъ (всѣ рабочіе). Браиловская (получила приговоръ 5 л. Восточной Сибири), Венгеровъ (арестованный въ Таганрогѣ) — бѣжалъ неудачно изъ Сибири,—Гальберштадтъ, Сигида (взятъ съ транспортомъ литературы соц.-рев.) и Станчинскій (интел.).

Бѣжали: Изъ Енисейской губерніи Абрамъ Айзенбетъ, сосл. по Бакинскому дѣлу 14 мая 1902 г. Горенштейнъ (Одесск. с.-д. дѣло) и Серебряковъ (Ростовск. с.-д. дѣло). Изъ Иркутской губ. тюрьмы 20 декабря 1903 года бѣжалъ Алексѣй Яхимовичъ. Всѣ прибыли заграницу.

Въ декабрѣ застрѣлился въ Женевѣ русскій эмигрантъ, оказавшійся только что прибывшимъ, бѣжавшимъ изъ Сибири, Ивановъ Цыбишко (сосланъ по дѣлу „Рабочаго Знамени" 1902 г).

Предостереженіе. (Изъ Луганска). Осташковъ, Иванъ Петровичъ, граверъ, работаетъ на заводѣ Гартмана въ инструментальномъ, низкаго роста, блондинъ, бороду брѣетъ, — *провокаторъ*. Зимонинъ, Михаилъ, выше средняго, блондинъ, бороду подстригаетъ, ходитъ согнувшись, слесарь, — *провокаторъ*. Ивановъ, Михаилъ, слесарь, работаетъ въ механической, высокаго роста, борода и усы чернаго цвѣта; Брыковъ, высокаго роста, блондинъ. Всѣ изъ Тулы.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующіе отчеты:

Отчетъ Женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ съ 23 іюля 1903 года по 23 февраля 1904 года.

ПРИХОДЪ. Мѣсячныхъ сборовъ 222 фр. 55 с.; по подписному листу 33 фр.; отъ Аграрной Лиги 35 фр.; отъ бала Партіи С.-Р. 27 фр.; отъ бала П. С.-Д. 20 фр.; отъ армянской соціальдемократіи 15 фр.; отъ Сибирской кассы 802.95 фр.; отъ реферата Житловскаго (изъ Лозанны) 2 ф.; отъ лекціи Ка—кар. 4 ф.; отъ литературнаго вечера Сибирской кассы 166.40 фр.; отъ консума 34.63 фр.; изъ Ниццы 70 фр.; отъ лозанцевъ въ честь юбилея Вл. Г. Короленко 30 фр.; Отъ Б. (черезъ Бундъ) 25 фр.; изъ Давоса по листу 31 фр.; изъ Берлина отъ Я. Б. и Ко 20 фр.; изъ Arose 2.20 фр.; изъ Лозанны черезъ Т. 50 с.; отъ К—ча 7 фр.; „съ бесѣды" 85 с.; „съ бесѣды" 70 с.; отъ спец. сбор. 23.10 фр.; отъ случайнаго сбора (X.) 16.50 фр.; отъ специальн. сбор. 10 фр.; отъ пожертвов. 3 фр.; остатокъ прошл. лот. 2.40 фр.; отъ реферата Владимирова 11 фр. Итого 1,615 фр. 78 с.

РАСХОДЪ — 1,615 фр. 78 с., отправлено ссыльнымъ и заключеннымъ черезъ: 1. Р. С.-Д. Р. П. 2. Черезъ П. С.-Р. и 3. черезъ Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Представителемъ Р. С. Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено изъ Breslau 15.40 фр.; съ 23 іюля по 23 февраля черезъ него же передано изъ Женевской кассы ссыльнымъ и заключеннымъ товарищамъ: Б—ому 26 фр.; В—ому 26.60 фр.; М—у 25.25 фр.; С—у 32.75 фр.; С—у 50 фр.; Р—ому 25.25 фр.; Д—у 25.25 фр.; Д—ову 50 фр.; К—ову 50 фр.; С—ому 66.25 фр.; С—у 50 фр.; М. Л. 53 фр.; К—у 53 фр. Почтовые расходы 75 с., осталось 4.50 фр.

Отчетъ Цюрихской Сибирской кассы отъ 15 іюля 1903 года до 6 февраля 1904 года.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ къ 15 іюля 1903 года 163.45 фр. Собрано въ Цюрихѣ: ежемѣсячныхъ взносовъ 180.10 фр., по подписнымъ листамъ 137 фр., доходъ съ бала 274.80 фр., съ реферата 7.20 фр., на локалъ 6.09 ф.; черезъ Нью Іоркскую секцію Бунда 272.10 ф.; Изъ Ма разныхъ 229 фр.; изъ Льежа по листамъ 100 фр.; отъ „F.-i-H." 86.20 фр.; изъ Штутгарта по листамъ 48 фр.; изъ St-g. von Arb. Ver. 10.40 фр.; единовремен. пожертвов. (8+0,20) 8.20 ф.; собрано на собраніи 80 с. Итого 1,523 фр. 34 с.

РАСХОДЪ.

Въ разные города Европейской и Азіатской Россія черезъ П. Соц.-Рев. 291 фр.; черезъ Рос. Соц.-Дем. Раб. П. 246 фр.; черезъ Бундъ 228.25 фр. Отослано Комитетомъ Сибир. Кассы: въ одну изъ сѣверн. губ. 214.60 фр.; на Сахалинъ 106.30 фр.; ссыльнымъ въ К. въ Сибири 92.55 фр.; ссыльнымъ въ Иркутской губерніи 67 фр.; петербургск. ссылаемымъ 67 фр.; въ Якутскую обл. 40 ф.; въ Сибирь 26.50 фр.; заключеннымъ черезъ „Л. С.-Д." 15 фр.; почтовые и разные расходы 33.50 ф.; въ кассѣ наличными 6 февраля 1904 года 95.14 фр. Итого 1,523 фр. 34 с.

Русское Соціаль-Демократическое Общество. NEW YORK. Russian Social Democratic Society

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 64. 18-го апрѣля 1904 г. Годъ IV.

Россійской Соціал... Центр... Рабочей Партіи

ПЕРВОЕ МАЯ.

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника всемірнаго пролетаріата.

Много пораженій, много побѣдъ пережилъ международный соціализмъ за эти полтора десятка лѣтъ, протекшіе со времени его перваго „майскаго смотра". Непосредственный результатъ перваго, послѣ паденія Интернаціонала, оформленнаго сближенія рабочихъ партій разныхъ странъ, — идея майской манифестаціи, принятая на Парижскомъ Конгрессѣ, родилась въ атмосферѣ горячихъ надеждъ, возбужденныхъ тѣмъ обостреніемъ классовой борьбы, которое характеризовало восьмидесятые годы, смѣнивъ собою затишье предыдущаго десятилѣтія, хоронившаго несбывшіяся упованія коммуны. Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ началось революціонно-соціалистическое движеніе и ознаменовалось бурными и кровавыми демонстраціями въ Трафальгаръ-скверѣ, съ одной стороны, Чикагскимъ юридическимъ убійствомъ якобы-„анархистовъ", съ другой. Во Франціи и въ Бельгіи въ крупныхъ и бурныхъ стачкахъ восьмидесятыхъ годовъ выливался накопленный запасъ энергіи несложившагося еще въ единую партію классового движенія. Въ Германіи соціальдемократія закалялась, политически воспитывалась и воспитывала пролетаріатъ подъ тяжелыми ударами исключительнаго закона — въ борьбѣ съ нимъ. А кругомъ рушилась, треща по всѣмъ швамъ, европейская буржуазная демократія, сдавая безъ боя свои политическія позиціи, отступая по всей линіи передъ той всемірной реакціей, которая сформировалась въ эти восьмидесятые годы, чтобы отлиться въ окончательную, повидимому, политическую форму всемірной классовой диктатуры буржуазіи. И провозглашенная впервые наканунѣ послѣдней міровой буржуазной революціи, идея международной пролетарской солидарности, пытавшаяся воплотиться *политически* въ Интернаціоналѣ и слегка затертая въ сѣрые будни, послѣдовавшіе за неудачей революціи 71 года, снова выплывала на свѣтъ божій, какъ только на очереди стали, въ силу хода классовой борьбы въ разныхъ отдѣльныхъ странахъ, великіе основные интересы пролетарской политики, лишь только почувствовавшее свою силу рабочее движеніе отдѣльныхъ націй вплотную подошло къ вопросамъ о крупныхъ, революціонныхъ по своимъ послѣдствіямъ, соціальныхъ реформахъ, къ вопросамъ борьбы съ основнымъ устоемъ политической реакціи — милитаризмомъ. Ибо идея международной солидарности, ибо интернаціонализмъ современнаго соціалистическаго движенія не есть *одинъ* изъ частныхъ пунктовъ его программы; нѣтъ, въ немъ находитъ свое выраженіе самая сущность этой программы, ея „революціонная душа". И подобно кислотѣ, очищающей металлъ отъ окислившихся на немъ постороннихъ элементовъ, идея международности пролетарской политики, воплощающая ея революціонную сущность, обладаетъ свойствомъ, охвативъ собой „національное" рабочее движеніе данной страны, революціонизировать его и дать ему сильный толчокъ по пути его освобожденія отъ исторической накипи всякаго рода буржуазныхъ вліяній.

Ближайшее слѣдствіе развитія классовой борьбы въ разныхъ странахъ цивилизованнаго міра въ 1880-ыхъ гг. — Парижскій международный конгрессъ оказалъ значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе пролетарской борьбы въ разныхъ странахъ, санкціонировавъ впервые, такъ сказать, оффиціально господство надъ этой борьбой программы *современнаго научнаго соціализма*. Майская демонстрація подъ знаменемъ международной солидарности и во имя однородныхъ требованій международно-единой *классовой политики* — таковъ былъ боевой лозунгъ, данный этимъ конгрессомъ. Въ ней подводились итоги завоеваніямъ, сдѣланнымъ *марксистскимъ* пролетарскимъ соціализмомъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ.

Прошли годы. Рабочій Интернаціоналъ, вновь провозглашенный въ Парижѣ, раскинулъ свои вѣтви по всему лицу земного шара. Его основное ядро — западно-европейскій континентъ — представленъ намъ гораздо болѣе внушительными силами, чѣмъ тѣ, которыя впервые послѣдовали призыву къ майской демонстраціи. Германская соціальдемократія утроила свои силы, бельгійская и австрійская лишь въ теченіе девяностыхъ годовъ заняли то положеніе, которое дѣлаетъ ихъ сильнѣйшими — послѣ германской — рабочими партіями. Гораздо болѣе болѣзнено развивавшаяся французская партія лишь черезъ десять съ лишнимъ лѣтъ послѣ Парижскаго конгресса достигла того объединенія, безъ котораго былъ немыслимъ ростъ ея политическаго значенія. Быстро выросла итальянская соціальдемократія, и однѣ за другими возникали и дѣлали свои политическія завоеванія рабочія партіи въ Венгріи, Голландіи, Даніи, Швеціи, балканскихъ государствахъ. А на крайнемъ востокѣ Европы десятилѣтіе девяностыхъ годовъ впервые увидѣло быстро растущее и непрерывно развивающееся пролетарское движеніе, съ первыхъ же шаговъ окрашенное идеологіей соціальдемократіи.

Новому рабочему интернаціоналу тѣсно уже, однако, въ предѣлахъ стараго міра, рамки котораго безостановочно раздвигалъ прогрессъ капиталистическаго развитія. Старая Англія продолжала еще спать въ блаженномъ невѣдѣніи широкой классовой борьбы въ ея современной революціонной формѣ, но въ Соединенныхъ Штатахъ уже сложилась сильная соціалистическая партія, и съ чисто-„американской" быстротой она въ нѣсколько лѣтъ нагнала нѣкоторыхъ своихъ европейскихъ сестеръ. Перекинувшись черезъ Америку, свилъ себѣ гнѣздо соціализмъ въ Японіи, а черезъ Уральскія горы перебросилъ пламя своей агитаціи въ города восточной Сибири. А въ самые послѣдніе дни первая избирательная побѣда соціалистической партіи въ Аргентинской республикѣ показала старому міру, что капиталистическій прогрессъ даетъ одни и тѣ же соціальные продукты на югѣ и на сѣверѣ отъ экватора.

Экстенсивное распространеніе соціализма придало широко-интернаціональный характеръ тѣмъ явленіямъ, которыми сопровождался и сопровождается процессъ внутренняго роста движенія, его интенсивнаго развитія. Протекшія 15 лѣтъ полны были явленіями этого рода, полны были моментовъ такъ называемаго у враговъ пролетаріата „кризиса соціализма". И по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтала гегемонію въ пролетарскомъ движеніи идеологія научнаго соціализма, эти критическіе моменты принимали повсюду, по существу, однородную идеологическую оболочку — „кризиса марксизма".

Быстрое поглощеніе организованнымъ соціалистическимъ пролетаріатомъ новыхъ рекрутовъ изъ отсталой части этого класса и изъ передовыхъ элементовъ другихъ классовъ буржуазнаго общества; эволюція буржуазной демократіи въ вопросахъ соціальной реформы, сопровождавшая реакціонную эволюцію верховъ буржуазнаго общества въ области „общей" политики; усложненіе задачъ пролетарской политики, вызванное самымъ ростомъ рабочаго движенія, съ одной стороны, реакціонной эволюціей буржуазіи — съ другой: таковы тѣ основные факторы, которые подготовляли и дѣлали неизбѣжнымъ возникновеніе этого „кризиса", а временное смягченіе формъ классового гнета въ короткіе періоды промышленнаго подъема создавало благопріятную почву для наростанія и формированія *оппортюнистическихъ* тенденцій въ соціализмѣ. И чѣмъ болѣе опредѣленные методы борьбы и укрѣпившіяся въ нихъ формы политическаго сознанія, сложившіеся въ предыдущій періодъ, оказывались на практикѣ ограниченными въ своей законченности и консервативными въ столкновеніи съ новыми, болѣе сложными задачами, тѣмъ скорѣе могло казаться, что въ этихъ „кризисахъ" современное рабочее движеніе ставитъ крестъ на своемъ революціонномъ прошломъ, что, отлившись въ планомѣрно функціонирующія и такъ или иначе признанныя современнымъ государствомъ политическія и экономическія организаціи, оно лишается своей революціонной „души", а, слѣдовательно, и своего интернаціонализма.

Судьба майскаго празднества, казалось, подтверждала такія предположенія. Встрѣченное восторгомъ рабочихъ разныхъ странъ, это празднество обѣщало, повидимому, стать такой небывалой еще манифестаціей, которой суждено расшатать современный порядокъ. Буржуазія повсюду съ трепетомъ ожидала наступленія рокового дня, и первыя майскія демонстраціи вызывали — въ силу этого трепета буржуазіи — открытыя революціонныя схватки пролетаріевъ съ вооруженной силой. Въ этой на обоихъ полюсахъ современнаго міра возбужденной атмосферѣ демонстрація интернаціонализма легко и естественно связывалась съ текущей борьбой за ближайшія національныя задачи пролетаріата данной страны и давала этой борьбѣ революціонный импульсъ.

Но прошли годы, и буржуазный міръ приспособился къ ежегодной революціонной демонстраціи своего врага. Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ усложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны, годичная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль. Планомѣрная политика соціальдемократіи извлекаетъ изъ майской демонстраціи все то, что можно изъ нея извлечь безъ излишняго напряженія революціонныхъ силъ, которыя всѣ на счету у организованной партіи, которымъ всѣмъ она находитъ примѣненіе тогда и тамъ, гдѣ и когда онѣ могутъ дать максимальный результатъ. Политическое значеніе майскаго празднества, какъ революціонной манифестаціи противъ буржуазнаго міра, несомнѣнно ослабѣло. Но въ общей суммѣ выполняемой каждой соціалистической партіей работы майская агитація продолжаетъ давать незамѣтные плоды систематическаго воспитанія во все болѣе широкихъ пролетарскихъ массахъ сознанія международной солидарности.

Только на „окраинахъ" всемірной имперіи капитала, въ вновь пробуждающихся къ современной классовой борьбѣ странахъ, майскій праздникъ сейчасъ, какъ и 15 лѣтъ назадъ въ Западной Европѣ, становится днемъ, когда силы стараго и новаго міра мѣряются другъ съ другомъ.

Эта эволюція майскаго праздника, повторяемъ, естественно наводила на пессимистическое заключеніе о томъ, что ростъ рабочаго движенія сопровождается ослабленіемъ его революціонности, вытѣсненіемъ общихъ революціонныхъ задачъ его частными и временными, международныхъ — національными. Люди поверхностныхъ обобщеній спѣшатъ увидѣть лишнее доказательство того, что „естественная" эволюція пролетарскаго движенія ведетъ къ оппортунизму и „притупленію" общественныхъ противорѣчій. Одни изъ нихъ изъ этого положенія дѣлаютъ выводъ объ устарѣлости марксистской „догмы", пасующей, якобы, передъ этого рода явленіями, и требуютъ такого ея „пересмотра", который бы выразилъ въ программѣ-тактикѣ соціалистовъ неизбѣжность и прогрессивность такой эволюціи; другіе, наоборотъ, заключаютъ къ оппортунизму и анти-пролетарскому характеру самой этой „догмы", къ отвѣтственности, падающей на соціальдемократію за такую именно эволюцію.

И тѣ и другіе, и ревизіонисты, со стоящими за ихъ спиной соціальреформаторами, и анархисты съ ихъ болѣе или менѣе безсознательными подражателями въ лагерѣ соціалистовъ, — и тѣ, и другіе дѣлаютъ ту основную ошибку, что въ своемъ прогнозѣ считаютъ „безъ хозяина", не справляясь съ основными тенденціями развитія современнаго общества. Враги „революціонной фразы" и идеологіи, они знаютъ историческое движеніе пролетаріата только въ томъ видѣ, въ какомъ оно отражается въ каждый данный моментъ въ головахъ и на устахъ его политическихъ представителей; горделивые повстанцы противъ „фаталистическаго преклоненія передъ слѣпымъ историческимъ процессомъ", они на дѣлѣ являются безвольными его рабами, поскольку въ ихъ идеологическихъ гримасахъ автоматически отражается судорожный ходъ антагонистическаго развитія современнаго общества. Скользящія по поверхности, якобы-трезвая, и якобы революціонная критика равнымъ образомъ оказываются неспособными понять дѣйствительную причину отдѣльныхъ заминокъ и отдѣльныхъ регрессивныхъ шаговъ въ историческомъ движеніи пролетаріата и, тѣмъ самымъ, имъ оказывается не по плечу найти дѣйствительные факторы неизбѣжнаго поступательнаго развитія.

Отлившаяся въ опредѣленныя, устойчивыя организаціонныя формы съ возвышающейся надъ нею устойчивой идеологіей текущей политики, партія пролетаріата тѣмъ больше развиваетъ въ себѣ присущія всему устойчивому консервативныя тенденціи, чѣмъ прочнѣе ея организаціонное основаніе, чѣмъ однороднѣе и цѣльнѣе она связана воедино опредѣленной идеологіей практической борьбы. „Критическіе" моменты въ жизни рабочихъ партій, когда обнаруживается рѣзкое несоотвѣтстіе между основными принципіальными посылками и практическими выводами, между написанной на знамени конечной цѣлью и примѣняемыми средствами, — эти „критическіе" моменты говорятъ всего лишь о томъ, что примѣнившаяся къ обычнымъ формамъ борьбы даннаго дня идеологія „практиковъ" столкнулась съ непредусмотрѣнными ею скрытыми силами общественнаго развитія. Задачи дѣйствительно революціонной критики — постоянное внесеніе того корректива къ „практичности" повседневной борьбы, который заключается въ неизмѣнной апелляціи къ основнымъ силамъ общественнаго развитія, дающимъ ключъ къ пониманію и того, почему данная преходящая фаза въ ходѣ пролетарскаго движенія явилась неизбѣжной и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, прогрессивной, и того, почему и какъ въ извѣстный моментъ развитія она должна быть превзойдена. Найти этотъ ключъ и не терять его, никогда не упускать изъ вида основныхъ факторовъ историческаго движенія, — значитъ быть равно неспособнымъ къ дряблому фатализму филистера и къ „революціонному" авантюризму демагога. Обладать этимъ ключемъ — значитъ всегда умѣть за пестрой картиной разнообразныхъ отдѣльныхъ деревьевъ видѣть живущій единой жизнью лѣсъ; значитъ въ любыя сѣрыя будни революціоннаго безвременья не утрачивать той духовной зоркости, которая нужна для того, чтобы въ числѣ первыхъ дѣйственно привѣтствовать возрождающуюся зарю.

Дилетантская критика оппортунистовъ и анархистовъ спѣшитъ въ каждой заминкѣ той производной исторической работы, которая совершается на подмосткахъ политической арены, привѣтствовать или проклинать отклоненіе пролетарскаго движенія отъ его революціонныхъ завѣтовъ. Въ эти сѣрые моменты анахроничными и безплодными представляются революціонныя формулы научнаго соціализма, проявленіемъ политическаго атавизма кажутся то тамъ, то сямъ, прорывающіеся сквозь кору „обычныхъ" формъ борьбы огненные языки подземной лавы. Но колесо исторіи дѣлаетъ новый, неизбѣжный поворотъ, „разумъ" исторіи властно проявляется въ видимомъ безуміи общественныхъ потрясеній, и „частное", случайное, эпизодическое въ исторіи уступаетъ мѣсто явному дѣйствію ея основныхъ движущихъ силъ. И тогда „забытыя слова" революціонной „догмы" внезапно пріобрѣтаютъ для всѣхъ очевидное значеніе самостоятельной прогрессивной силы и начинаютъ непосредственно выражать собой мысль цѣлаго класса; падаютъ внезапно, казалось бы, непреодолимыя преграды между властными требованіями „практики" и неумолимыми, несгибаемыми принципами „теоріи". Безплодная, казалось, работа мысли является теперь незамѣнимымъ подсобнымъ орудіемъ осуществленія навязанныхъ историческимъ развитіемъ практическихъ, нетерпящихъ отлагательствъ задачъ. И тѣмъ скорѣе „абстрактныя" вчера еще формы наполняются живымъ содержаніемъ конкретной исторической борьбы, тѣмъ подготовленнѣе оказывается и самъ революціонный классъ къ правильной постановкѣ и правильному рѣшенію исторической задачи, — чѣмъ неуклоннѣе и „непримиримѣе" въ предыдущій періодъ велась работа „теоретической" пропаганды и чѣмъ шире былъ операціонный базисъ соціалистической партіи, чѣмъ устойчивѣе ея организаціонная постройка, чѣмъ глубже залегло ея основаніе въ грунтѣ представляемаго ею класса.

Пятнадцатая годовщина майскаго праздника наступаетъ наканунѣ такого поворотнаго момента. Сѣрыя будни промышленнаго благополучія и общественной реакціи, не дававшія развиться подававшимъ столько надеждъ росткамъ революціонной манифестаціи интернаціонализма, — эти будни снова смѣнились періодомъ общественныхъ потрясеній. Основныя революціонныя силы буржуазнаго общества выступаютъ на его поверхность. Устойчивое равновѣсіе капиталистическаго міра нарушено. Политическая жизнь отдѣльныхъ странъ начинаетъ прорывать тѣ тѣсныя рамки, въ которыя ей удалось было замкнуться. Вопросы міровой политики всей тяжестью таящихся въ нихъ неразрѣшимыхъ проблемъ начинаютъ давить на общественныя отношенія отдѣльныхъ націй. Тѣмъ самымъ неизбѣжно создается политическая почва и соотвѣтственная атмосфера для новаго революціоннаго подъема пролетаріата. Пролетарская политика должна концентрироваться на томъ, что составляетъ ея революціонную душу — на обнажившейся отъ всякихъ національныхъ покрововъ всемірной классовой борьбѣ. Завѣса, скрывающая отъ еще не прозрѣвшихъ и притупившихъ свое зрѣніе глубокую пропасть между міромъ буржуазіи и міромъ пролетаріата, будетъ разодрана первой же грозой, которая унесетъ тощія деревца реформистскаго оппортунизма, ороситъ живительной влагой могучіе корни пролетарской революціи.

Наканунѣ этого новаго поворота исторіи, майская агитація вновь пріобрѣтаетъ значеніе непосредственной подготовки къ не знающей государственныхъ рамокъ революціонной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ. Вчера еще „забытое слово" для близорукихъ, сегодня — формула „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" становится самымъ дерзкимъ вызовомъ, который пролетаріатъ можетъ бросить сверкающимъ стальной щетиной и готовымъ каждую минуту ринуться другъ на друга — буржуазнымъ государствамъ.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПРОЦЕССА.

Когда три года тому назадъ — въ отвѣтъ на боголѣповскій приказъ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты — раздался выстрѣлъ Карповича, и въ революціонныхъ кружкахъ молодежи опять, какъ и встарь, забродилъ старый призракъ террора, передъ русской соціальдемократіей всталъ тревожный вопросъ: не грозитъ ли этотъ стихійный взрывъ террористическихъ настроеній откристаллизоваться въ партійный пріемъ, не имѣетъ ли онъ всѣ шансы закрѣпить свое выраженіе въ соотвѣтствующей организаціи? Тревога соціальдемократовъ была тѣмъ болѣе законна, что преобладающе-интеллигентскій составъ авангарда движенія дѣлалъ революціонную среду нарочито воспріимчивой для террористическаго повѣтрія, воспріимчивой особенно въ тотъ моментъ пробужденія демократіи, когда политическое сознаніе ея, казалось, такъ быстро росло, а рабочія массы такъ медленно за нимъ поспѣвали.

Повѣтріе и на самомъ дѣлѣ захватило тогда весьма многихъ соціальдемократовъ, но главное отвело немаловажную струю отъ интеллигентскаго потока, безраздѣльно направлявшагося до тѣхъ поръ въ единое русло соціальдемократіи. Воздухъ, насыщенный симпатіями къ террору и отголосками студенческой борьбы, взростилъ въ сравнительно короткое время то, что ранѣе лишь едва прозябало: меньше чѣмъ черезъ годъ послѣ выстрѣла въ Боголѣпова, худо ли, хорошо ли, но консолидировалась „партія" „соціалистовъ-революціонеровъ", а съ небольшимъ черезъ годъ — въ прокламаціи отъ [illegible] апрѣля 1902 года — политическому міру уже рекомендовалась „боевая организація" этой партіи.

Правда, отъ наблюденія тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за жизнью революціонныхъ организацій, и тогда уже не ускользнули нѣкоторыя... какъ бы сказать — „странности": съ первыхъ же шаговъ, въ первыхъ же словахъ новорожденнаго почуялось что-то неладное, какое-то противорѣчіе, не поддающееся еще точному учету, но отъ того не менѣе ощутимое, противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что кажется, между показной стороной и стороной интимной дѣйствительности. Дальнѣйшія событія, точнѣе — ихъ полное почти отсутствіе, какъ нельзя лучше подтверждали первоначальныя предположенія — террористическій цвѣтокъ былъ простымъ пустоцвѣтомъ!

Но почему? — вотъ вопросъ. Почему террористическое слово такъ изъ рукъ вонъ плохо претворилось въ дѣло, и террористически настроенные слои демократической интеллигенціи оказались безсильными выдѣлить сколько нибудь дѣеспособную организацію для осуществленія поставленной цѣли.

Кое какимъ матеріаломъ для сужденія объ этихъ и связанныхъ съ ними вопросахъ можетъ служить намъ теперь процессъ Гершуни, разбиравшійся недавно въ Петербургѣ.

Процессъ Гершуни есть процессъ „боевой организаціи" или — правильнѣе было бы сказать — процессъ „боевой организаціи" есть процессъ Гершуни. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте снять окутавшій „боевую организацію" „романтическій" флеръ, и передъ вами предстанетъ фигура одного человѣка, несомнѣнно энергичнаго, самоотверженно-преданнаго своему дѣлу и — что особенно важно — умѣющаго влать, подчинять своей волѣ людей.

Кто стоитъ за спиной Григорьевыхъ? — Гершуни, тотъ самый таинственный „Өедоръ Петровичъ“, который по словамъ Дорошенка-Бартошкина, „можетъ разъяснить всякіи споръ“ и „агитаціонныя бесѣды“ котораго дѣйствуютъ такъ неотразимо.

Кто подготовляетъ Качура? — Гершуни. Гершуни настолько подчинилъ его своей волѣ, — говоритъ Качуръ въ своемъ показаніи — что онъ сталъ слѣпо вѣрить, что убійство князя Оболенскаго есть заслуга передъ обществомъ“...

Кто, наконецъ руководитъ молодымъ Балмашевымъ, вырабатывая ему планъ кампаніи? — Все тотъ же Гершуни.

Снаряжая въ походъ, онъ заботливо слѣдитъ — до послѣдняго шага — за подысканымъ имъ же исполнителемъ, онъ входитъ въ мельчайшія детали предпріятія, вплоть до отпиливанія шекъ у револьверовъ Браунинга, онъ всюду и вездѣ — искусный ловецъ человѣковъ, иниціаторъ, режисеръ, лѣтописецъ, пиндаръ адвокатъ „боевой организаціи“. Способный, кажется, на все, передъ однимъ онъ только пасуетъ — онъ не въ силахъ замѣнить многообразіемъ таланта коллективный трудъ организаціи. Въ томъ цѣломъ, которое олицетворяетъ собою Гершуни, есть все что хотите, есть въ лучшемъ случаѣ — бюро для прискания и экипировки одиночекъ террористической борьбы, но нѣтъ и самомалѣйшей тѣни планомѣрно дѣйствующей кооперации; нѣтъ того, что составляло когда то отличительную черту Исполнительнаго Комитета Народной Воли.

Достаточно вспомнить прежніе подкопы или сложную въ своихъ развѣтвленіяхъ „осаду“ царя, извѣстную подъ именемъ дѣла перваго марта, чтобы признать, что одно дѣло работа революціонной группы въ нѣсколько десятковъ членовъ, и другое — обмундированіе смѣльчака, снабженіе его деньгами, совѣтами и револьверомъ съ подходящей надписью. Для послѣдней цѣли за глаза довольно, пожалуй, и одной энергичной личности, время отъ времени секундируемой — для отдѣльныхъ случаевъ — тѣмъ или другимъ пособникомъ.

Гершуни и пришлось взяться именно за эту, единственно возможную для него, *упрощенную* задачу. Онъ только не понималъ фатальности такого упрощенія, не понималъ, что тѣмъ самымъ онъ сразу замыкаетъ террористическое дѣло своей, soi-disant, организаціи въ тѣ же тѣсныя рамки, о которыя обычно бьется порывъ террориста-одиночки, что тѣмъ самымъ исключена даже *возможность* развитія, возможность того наростанія сенсацій, безъ котораго терроръ — мертворожденное дѣтище. Что-что другое, а охранить своихъ членовъ, находящихся на важнѣйшихъ политическихъ аванпостахъ, самодержавная бюрократія умѣетъ и при малѣйшемъ намекѣ на опасность создаетъ такія условія, при которыхъ наиболѣе „заинтересованныя“ лица достаточно гарантированы отъ дѣйствій упрощеннаго террора. Недаромъ посмотрите: начавъ оперировать съ министровъ, „боевая организація“ немедленно затѣмъ принуждена была отступить... къ губернаторамъ и — внѣ всякаго сомнѣнія — только дальнѣйшее ея небытіе спасло ее отъ печальной необходимости — поддерживать свое существованіе истребленіемъ квартальныхъ...

Это было необходимое слѣдствіе — упрощенной системы.

Но зачѣмъ было упрощать? — скажутъ намъ. И не было ли это упрощеніе первороднымъ грѣхомъ Гершуни?

Нѣтъ, то была не вина, а бѣда его, бѣда всего новѣйшаго періода террора: Гершуни не имѣлъ возможности создать организаціи, потому что для *такой* организаціи не существовало, да и не могло существовать за послѣдніе годы, — подходящаго персонала. Если въ свое время Исполнительный Комитетъ Народной Воли, вмѣстѣ со всѣмъ наслѣдьемъ предшествовавшаго періода, унаслѣдовалъ и испытанныхъ борцовъ, закаленныхъ въ жестокомъ искусѣ революціоннаго отбора, то въ совершенно иномъ положеніи находилась современная демократія, едва пробудившаяся къ политической жизни и уже охваченная террористической лихорадкой. Она застала пустившее глубокіе корни движеніе, но это движеніе — отдѣльныя колебанія, неоформленныя настроенія не въ счетъ — не обнаружило ни малѣйшаго намѣренія поступаться ради нея своимъ революціоннымъ достояніемъ. Волей-неволей пришлось демократіи вербовать адептовъ террористической практики среди того хаоса элементовъ, который былъ вызванъ къ активности водоворотомъ студенческихъ волненій, среди лицъ, еще вчера не имѣвшихъ касательства къ „нелегальной“ работѣ, а сегодня — волею судебъ — предназначенныхъ играть отвѣтственныя роли. Неудивительно, что въ этой средѣ, лишенной преемственности и не успѣвшей создать традицій, можно было — на худой конецъ — найти храбраго юношу, готоваго схватиться за предложенный ему револьверъ и сложить свою побѣдную голову, но никоимъ образомъ нельзя было отыскать — спеціалистовъ революціи, необходимыхъ кандидатовъ для *подлинной* боевой организаціи.

Конечно, случайности всегда приходится отводить извѣстное мѣсто, но нельзя *одной* злой случайностью объяснить то непомѣрно большое число предателей, которое фигурировало въ настоящемъ процессѣ. Это былъ симптомъ органическаго порока, основного неустройства современнаго террористическаго движенія: результатъ необходимости для организатора-террориста быть недостаточно строго разборчивымъ, дѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ ощупью, въ темную, въ обстановкѣ, лишенной организаціонныхъ опоръ. А лучшимъ свидѣтельствомъ того, какой нетронутой революціонною новью была вся та почва, которая питала своими соками террористическое теченіе, можетъ служить намъ примѣръ самого Гершуни, этого несомнѣнно наиболѣе выдающагося представителя современнаго терроризма.

„Кто мы и что насъ принесло сюда“, спрашиваетъ Гершуни на судѣ и отвѣчаетъ разсказомъ своей жизни. Онъ былъ долгое время культурнымъ работникомъ. „Мнѣ казалось, — говоритъ онъ, — что, не жертвуя своей личной жизнью, а на такъ называемой легальной почвѣ, можно истинно служить народу, можно, хотя и медленно, но прочно строить совмѣстно съ нимъ зданіе его будущаго блага“. И Гершуни остался бы этимъ культурнымъ работникомъ, если бы не тѣ невыносимыя условія, въ которыя поставлена въ самодержавной Россіи просвѣтительная дѣятельность. Подъ ихъ вліяніемъ онъ началъ приходить къ заключенію, „что все то, что онъ дѣлаетъ, есть не то, что долженъ дѣлать, и что единственный виновникъ этого современный политическій строй“. „И все же, — замѣчаетъ онъ, — какъ ни тягостно такое состояніе, я, какъ и многіе, тянулъ ту несчастную лямку, ограничиваясь лишь однимъ сочувствіемъ и услугами революціонному дѣлу. Не знаю, долго ли тянулось бы для меня такое положеніе при другихъ условіяхъ, но одно событіе въ 1900 году для меня, какъ и многихъ другихъ, положило конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и колебаніямъ. Я говорю о „временныхъ правилахъ“, какъ чудовище Павловскихъ временъ придавившихъ Россію“.

Эти слова необычайно знаменательны: не картина ростущаго массового движенія, не отчаянная борьба приходящаго въ сознаніе пролетарія, усмиряемаго солдатскими прикладами, не тотъ основной контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, который когда-то заставлялъ „семидесятника“ „отрекаться отъ стараго міра“ и „отрясать его прахъ съ своихъ ногъ“, выбилъ Гершуни изъ колеи народолюбиваго просвѣтительства, а только лишь звѣрская расправа со студентами, и не мѣшай, не уродуй правительство его культурныхъ начинаній, онъ — возможно — до скончанія дней своихъ такъ и остался бы на этой излюбленной стезѣ либеральной демократіи.

Такъ думали, такъ чувствовали многие — прибавляетъ Гершуни. Возможно, скажемъ мы, — мы никогда не сомнѣвались въ томъ, что террористъ нашихъ дней есть лишь взбунтовавшееся чадо двуликой демократіи, которая однимъ своимъ ликомъ обращена къ народу, а другимъ — къ просвѣщеннымъ элементамъ имущаго общества.

Но если правъ Гершуни, то что значатъ тѣ громы, читатель, которые обрушились когда то на „Искру“ — съ легкой руки „боевой организаціи“, и почему то, что является возможной, — и не только возможной, но и громогласно исповѣдуемой на судѣ — подоплекой революціонера Гершуни, вождя террористовъ, превращается въ собственную свою противоположность, въ оскорбленіе величества русской революціи, разъ рѣчь заходитъ — о студентѣ Бальмашевѣ? Мудрый Эдипъ разрѣши!..

Въ своемъ послѣднемъ „письмѣ къ товарищамъ“ Гершуни говоритъ о вредѣ партійной полемики, онъ заклинаетъ — не полемизировать, онъ признаетъ, что „много тяжелаго пришлось... за все это время пережить, благодаря тому, что жандармы начали пользоваться совершенно новымъ орудіемъ“ — „партійной полемикой“.

Мы не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ Гершуни, мы думаемъ, что и здѣсь ему измѣнило его чувство дѣйствительности, какъ измѣняло ему оно не разъ, какъ измѣняетъ и въ томъ случаѣ, когда онъ хочетъ насъ увѣрить, что изъ процесса „съ очевидностью выяснилось“, что „правительство готово временно примириться съ существованіемъ всѣхъ другихъ теченій, но рѣшило направить всѣ свои удары, чтобы раздавить партію соціалистовъ-революціонеровъ“. Мы полагаемъ: если изъ процесса что-либо съ несомнѣнной „очевидностью“ „выяснилось“, такъ это — негодность, нецѣлесообразность, недопустимость пріемовъ, которые мы окрестили когда то названіемъ революціонной беллетристики. Это она, это — фантазія „беллетриста“ несетъ теперь невыносимо тяжелую расплату, это ей на каждомъ шагу мститъ печальная изнанка террористическаго дѣла, та некрасивая проза жизни, съ которой только что смыли румяна. И если Качуръ явился чьей либо жертвой, то ужъ, конечно, прежде всего жертвой той внутренней фальши, которая пропитала — съ головы до пятъ — такъ называемую боевую организацію.

И плакаться приходится теперь не на полемику: рѣзкая полемика обычно только сыпь, которой разрѣшается скрытая болѣзнь, подтачивающая силы революціонной среды, но она въ то же время и единственное лекарство, могущее иногда спасти больного, или тотъ оперативный ножъ, который тѣмъ вѣрнѣе даетъ желанный результатъ, чѣмъ острѣе отточенъ.

Подымать же приходится въ настоящее время вопросъ не о томъ, имѣла ли какую либо возможность „Искра“ повѣрить на слово заявленію „боевой организаціи“ и тѣмъ самымъ — признать послѣднее слово Балмашева не отвѣчающимъ истинѣ, а гораздо болѣе серьезный вопросъ: почему завелась эта фальшь въ революціонномъ организмѣ?

Было бы большою ошибкой свалить весь грѣхъ на ту или другую отдѣльную личность. Дѣло не въ отдѣльномъ лицѣ, хотя бы и склонномъ къ „романтизму“, а въ томъ роковомъ противорѣчіи среди котораго вращается любая заговорщическая группа, и отъ котораго только особенно круто пришлось — въ силу извѣстныхъ условій — злополучной „боевой организаціи“: это противорѣчіе между поставленными цѣлями и реальными возможностями, роковое противорѣчіе, изъ котораго — въ конспиративной, заговорщической обстановкѣ — такъ легко развиваются тенденціи провести, обмануть дѣйствительность, хотя-бы вытаскивая себя изъ болота безсилія за собственные волосы.

Отъ этого противорѣчія, а значитъ — въ извѣстной мѣрѣ — и отъ этой фальши не застрахована никакая группа, никакая партія, разъ только въ ней начинаютъ развиваться элементы заговора. Только постоянное общеніе съ массой и тактика, разсчитанная вся — съ начала до конца — на это общеніе, могутъ спасти такую партію или группу отъ надвигающейся опасности.

Таковъ урокъ, преподанный процессомъ Гершуни.

Caveant Consules!

АНТИ-ЕВРЕЙСКАЯ КАМПАНІЯ.

„По словамъ южныхъ газетъ праздники св. Пасхи прошли въ Одессѣ, Кишиневѣ и другихъ городахъ при полномъ спокойствіи“. — Этими тремя строками, напечатанными петитомъ на послѣдней страницѣ, „Новое Время“ отмѣчаетъ конецъ предпринятой правительствомъ анти-еврейской кампаніи.

Кампанія эта началась задолго до „св. Пасхи“, и, если пониманіе истинныхъ причинъ и цѣлей Кишиневской кровавой бани требовало нѣкотораго, хотя и слабаго, напряженія ума, то нынѣшній крестовый походъ г. Плеве и его сподвижниковъ совершался съ такою циничною откровенностью, что суть дѣла съ первой же минуты была ясна и для самихъ крестоносцевъ, отъ мала до велика, и для намѣченныхъ жертвъ, и для посторонняго наблюдателя.

Въ доброе старое время польскіе да и иные короли имѣли обыкновеніе, при нуждѣ въ деньгахъ, прежде всего распускать слухи объ употребленіи евреями христіанской крови. Затѣмъ, когда напуганные евреи припадали къ „стопамъ всемилостивѣйшаго монарха“ съ мольбой о защитѣ отъ грозящаго имъ погрома, начинался самый прозаическій торгъ, и за сходную цѣну „помазанникъ божій“ выдавалъ торжественную грамоту, въ которой подъ страхомъ самыхъ ужасныхъ каръ, земныхъ и небесныхъ, запрещалось распространять „злонамѣренные слухи“, и возвѣщалось „всѣмъ и каждому“, что всѣ „подданные“, въ томъ числѣ и евреи, равно близки „любвеобильному сердцу монарха“ и пр. и пр. И такъ изъ года въ годъ. Еврейскіе архивы полны такихъ грамотъ, и каждый разъ, какъ какой нибудь либеральный историкъ чувствуетъ надобность демонстрировать „просвѣщенность“ того или иного изъ средневѣковыхъ тирановъ, въ этихъ грамотахъ онъ можетъ найти обильныя доказательства самыхъ гуманныхъ чувствъ, отсутствія „предразсудковъ“, вѣротерпимости и прочихъ прекрасныхъ качествъ; и только прямая пропорціональность всѣхъ этихъ добродѣтелей величинѣ вырученной за нихъ денежной суммы наводитъ на нѣкоторыя подозрѣнія и размышленія.

Московское и петербургское самодержавіе въ средніе вѣка и при началѣ новыхъ не имѣло удовольствія владѣть собственными „жидами“ и потому долго не подозрѣвало, какія золотыя яица можетъ нести еврейская курица, если только ее прижать хорошенечко. До такой степени не подозрѣвало, что когда при Елизаветѣ Петровнѣ нѣкоторые проницательные люди совѣтовали ей открыть доступъ въ Россію евреямъ, „кроткая Елисаветъ“ простодушно заявила, что „отъ враговъ Христовыхъ не желаетъ интересной прибыли“, не будучи въ состояніи взять въ толкъ того чудеснаго метода, благодаря которому полученіе „интересной прибыли“ сочетается именно съ прославленіемъ „имени Христова“ и униженіемъ „враговъ“ его.

Съ раздѣлами Польши самодержавіе получило „своихъ“ евреевъ. Но на первое время ихъ приходилось до извѣстной степени щадить и даже оказывать имъ кое-какое покровительство, какъ возможной опорѣ русскаго царизма въ борьбѣ съ польскимъ шляхетствомъ. А затѣмъ наступили времена, когда неудобно уже стало производить набѣги на еврейскій карманъ en grand, и дѣло было „децентрализовано“, отдано на откупъ всей сворѣ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ царскихъ чиновниковъ, производившихъ операцію грабежа евреевъ въ розницу, каждый за себя, а мѣстами соединявшихся и въ цѣлыя торгово-промышленныя кампаніи для этой цѣли. Извѣстно, что и до сихъ поръ евреями „кормятся“ всѣ полицейскія и иныя власти, прикосновенныя такъ или иначе къ наблюденію за „неуклоннымъ“ выполненіемъ тысячи запутанныхъ и крайне эластичныхъ, исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. И несомнѣнно, что одной изъ непослѣднихъ причинъ сохраненія въ силѣ и усугубленія ограниченій въ правѣ жительства, пріема въ учебныя заведенія и пр. и пр. служитъ упорное нежеланіе многочисленной царской бюрократіи разстаться съ этимъ неизсякающимъ источникомъ „безгрѣшныхъ“ доходовъ.

Но царскому правительству въ лицѣ его центральныхъ учрежденій не приходилось еще учинять сколько нибудь крупнаго, единовременнаго „всееврейскаго“ грабежа, да, казалось, никогда и не придется, ибо „времена не тѣ“. Въ XX вѣкѣ не принято какъ-то, чтобы „монархи“ торговали покровительственными грамотами. И, однако, въ царствованіе Николая II, при „всемогущемъ“ г. Плеве невозможное оказалось возможнымъ, и съ началомъ войны, когда явилась острая нужда въ деньгахъ, немедленно начался самый открытый шантажъ, направленный противъ евреевъ.

Само собою понятно, что никакихъ особыхъ „патріотическихъ“ чувствъ по случаю войны, имѣющей цѣлью укрѣпленіе азіатскаго деспотизма въ Россіи, евреи питать не могли. Для этого они слишкомъ больно чувствуютъ всѣ прелести черты осѣдлости, усиленной воинской повинности, ограниченія доступа въ учебныя заведенія и другихъ даровъ россійскаго самодержавія. Воспоминаніе о кишиневскомъ „праздновании св. Пасхи“ и осеннихъ погромахъ, усиленная отправка именно еврейскихъ солдатъ на Дальній Востокъ также врядъ ли могли расположить къ „добровольнымъ“ пожертвованіямъ на дѣло войны тѣхъ евреевъ, которыхъ рабья психологія не лишила окончательно человѣческаго образа. Но, устроивъ всероссійскій грабежъ съ „добровольными“ вычетами изъ жалованья и заработной платы, съ „добровольными“ пожертвованіями сельскихъ сходовъ при усердномъ „содѣйствіи“ земскихъ начальниковъ, царское правительство не могло, конечно, равнодушно смотрѣть на уклоненіе отъ этой „добровольной“ повинности евреевъ, самимъ небомъ предназначенныхъ не для чего иного, какъ для подкрѣпленія пустующихъ кассъ „благочестивѣйшихъ“ монарховъ.

По знаку, данному изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, немедленно начался самый ожесточенный походъ противъ евреевъ. Газетныя шавки не знали предѣла своему усердію. Застрѣльщикомъ въ погромной агитаціи явился достаточно уже извѣстный Крушеванъ и впервые дебютировавшій въ этой роли ренегатъ толстовства — г. Меньшиковъ, нѣкогда цѣлые томы наполнявшій „мучительными“ размышленіями о томъ, имѣетъ ли онъ „право“ убить блоху, а нынѣ подстрекающій къ повторенію кишиневской бойни. Безстыдство руководимыхъ департаментомъ полиціи писакъ превзошло всякое вѣроятіе. Не только печатались выдуманныя извѣстія о какомъ-то броненосцѣ, якобы подаренномъ евреями японскому микадо, причемъ даже сами японцы оказывались „семитическаго происхожденія“, но г. Меньшиковъ увѣрялъ даже, что „вся нынѣшняя война, намъ нагло навязанная, есть чуть не прямое слѣдствіе еврейской агитаціи“, и сочувственно вторилъ Крушевану, пророчествовавшему, что „сама жизнь“ дастъ „страшный, жестокій отвѣтъ“ на эту „еврейскую агитацію“, отвѣтъ, который покажетъ, что „нельзя безнаказанно издѣваться надъ всѣмъ человѣчествомъ“. Газета „Знамя“ раздавалась безплатно во многихъ южныхъ городахъ, а нѣкоторые магазины начали даже спеціально въ нее завертывать всѣ покупки. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ оффиціозномъ характерѣ похода, гг. градоначальники и губернаторы одновременно начали вести „бесѣды“ съ „почтеннѣйшими“ евреями и внушать имъ, что при „таковомъ анти-патріотизмѣ“ правительство не можетъ „ручаться“, что требуются „доказательства“ вѣрноподданныхъ чувствъ и пр. пр. Въ Юзовѣ „командиръ казачьей сотни“ произнесъ даже „сильную рѣчь“ въ синагогѣ: проповѣдникъ въ казацкомъ мундирѣ и съ нагайкой за поясомъ приглашалъ евреевъ „деньгами придти на помощь нашимъ героямъ“.

Еврейская буржуазія уступила. Вѣрноподданныя чувства и вещественныя доказательства ихъ полились рѣкою. Отвратительная картина трусости, лицемѣрія, раболѣпства могла порадовать сердце г. Плеве. И радость эта была такъ велика, что немедленно же стали появляться „покровительственныя“ грамоты губернскихъ сатраповъ, съ самымъ наивнымъ безстыдствомъ возвѣщавшія „населенію“, что „всѣ государевы подданные, какой бы вѣры они ни были, пользуются одинаковымъ покровительствомъ и защитой законовъ“ по той собственно причинѣ, что и евреи „добровольно и охотно вносятъ свои пожертвованія въ пользу Краснаго Креста“. Бессарабскому духовенству было предписано „съ церковной кафедры“ обличать распространителей „злонамѣренныхъ“ слуховъ и даже доносить о нихъ по начальству; „субъектовъ“, возбуждающихъ „нелѣпые толки“, велѣно наказывать „по всей строгости законовъ“ и т. д. Словомъ, царское правительство явило всѣ тѣ признаки „просвѣщенной гуманности“, которою искони отличались отцы отечества, стянувшіе положенный за гуманность кушъ.

Большою ошибкою было бы, однако, думать, что этотъ отбой по всей линіи вызванъ только уступчивостью еврейской буржуазіи и проявленной ею готовностью расплатиться наличными. Скорѣе можно сказать, что не столько дѣйствительная опасность, сколько исконная трусливость заставила эту буржуазію уступить угрозамъ г. Плеве. Потому что угрозы эти на самомъ дѣлѣ были вовсе не такъ страшны.

Прежде всего царское правительство не могло, конечно, не понимать, что, какъ бы ни прижало оно „своихъ“ евреевъ, ему никогда не удастся выжать изъ нихъ столько, чтобы избѣгнуть необходимости обращаться за займами на войну къ „гнилому Западу“. Западъ же вообще и короли биржи, на которой еврейскіе капиталисты — Ротшильдъ и Ко — играютъ не малую роль, въ частности отнюдь не благосклонно смотрятъ на такіе пріемы „внутренней политики“, какъ еврейскіе погромы. И не столько по человѣколюбію или особой симпатіи къ евреямъ, сколько потому, что система управленія при помощи періодическихъ боенъ колеблетъ правильный ходъ торгово-промышленной жизни и неопровержимо свидѣтельствуетъ о непрочности, авантюристскомъ характерѣ правительства, прибѣгающаго къ такимъ методамъ. Съ мнѣніемъ же европейской буржуазіи царскому правительству, хотя и со скрежетомъ зубовнымъ, приходится серьезно считаться въ настоящее „затруднительное“ время, и невозможно было показаться „Европѣ“ въ грязномъ, забрызганномъ кровью бѣльѣ.

Затѣмъ уже прошлогодній кишиневскій „опытъ“, затѣянный съ цѣлью „отвлеченія“ вниманія народной массы и расправы съ „внутреннимъ врагомъ“, окончился полной неудачей для царскаго правительства. Если празднованіе дня перваго мая и потерпѣло нѣкоторый ущербъ, то этотъ внѣшній успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною подъема классовой солидарности и организованности пролетаріата, подъема, выразившагося какъ въ организаціи „самообороны“ еврейскихъ рабочихъ, такъ и въ помощи имъ со стороны рабочихъ русскихъ. Агитаціонный же матеріалъ, доставленный разоблаченіемъ дѣйствительнаго смысла прошлогоднихъ погромовъ, своею революціонною цѣнностью конечно, далеко превысилъ всю цѣнность достигнутыхъ правительствомъ жалкихъ „успѣховъ“, выразившихся въ нѣсколькихъ десяткахъ убитыхъ, раненыхъ и ограбленныхъ.

Предпринимая въ нынѣшнемъ году „по случаю войны“ походъ на еврейскіе карманы, правительство придавало, конечно, огромную цѣну и новой попыткѣ направить не совсѣмъ удобное для него вниманіе народа къ причинамъ и ходу войны въ сторону евреевъ. На „политическія“ причины анти еврейской агитаціи указывалось и въ газетахъ, обвинявшихъ евреевъ въ „плетеніи политической смуты“, и въ бесѣдѣ министра внутреннихъ дѣлъ съ еврейской депутаціей. Но едва началась анти еврейская агитація, все безуміе ея съ точки зрѣнія самого правительства, противъ котораго, въ атмосферѣ вызваннаго войною возбужденія и недовольства, грозитъ обратиться всякое массовое движеніе, каковы бы ни были его первоначальныя, ближайшія цѣли, стало ясно даже г. Плеве. И именно это сознаніе своего безсилія, страхъ передъ Европой, сознаніе опасности своего положенія, смертельная боязнь всякаго массового движенія — именно это парализовало руку правительства раньше, чѣмъ она успѣла серьезно подготовить элементы погрома. Инспирированная министерствомъ внутреннихъ дѣлъ агитація только еще началась, какъ уже велѣно было бить отбой, и Плеве началъ разсылать секретные циркуляры, въ которыхъ рекомендовалъ примѣнять существующія „ограничительныя законоположенія“ противъ евреевъ съ осторожностью, чтобы не усиливать недовольства въ „настоящее затруднительное время“. Только политической дряблости и трусости еврейской буржуазіи обязана успѣхомъ эта спекуляція на ея карманы.

Еврейскій пролетаріатъ отвѣтилъ на брошенный ему вызовъ не колѣнопреклоненіемъ, не униженными мольбами о „защитѣ", а новой организацией и усиленіемъ самообороны. Это единственно правильный путь, не только потому, что лишь онъ одинъ можетъ радикально отбить охоту у правительства устраивать погромы, но и по своему политическому воспитательному значенію. Организація самообороны пріучаетъ рабочій классъ полагаться лишь на свои силы, она толкаетъ и еврейскую буржуазію на путь борьбы. Сколько бы ни гремѣли казенные раввины противъ самообороны, какъ бы чудовищно-дерзкою ни казалась ветхозавѣтнымъ, пропитаннымъ рабьимъ духомъ евреямъ попытка противопоставить силѣ силу, и прошлогодніе погромы и событія въ Паричахъ (см. корр. въ этомъ № „Искры") показываютъ съ очевидностью, что все растущіе слои еврейскаго мѣщанства начинаютъ, если не принимать активное участіе въ самооборонѣ, то по крайней мѣрѣ возлагать всѣ свои надежды на организованный рабочій классъ. И это концентрированіе общественнаго вниманія и общественныхъ упованій на организованномъ авангардѣ пролетаріата, это перенесеніе надеждъ съ трепетнаго ожиданія „милостей" на боевой отпоръ сознательныхъ пролетаріевъ несомнѣнно является крупнымъ политическимъ пріобрѣтеніемъ для пролетаріата. Не затемняя классоваго сознанія рабочаго класса, укрѣпляя его сплоченность, организація самообороны создаетъ для рабочаго движенія атмосферу симпатіи, позволяетъ ему использовать въ своихъ интересахъ средства и силы части буржуазіи и въ то же время толкать самое буржуазію къ активной политической борьбѣ.

Но неправильно было-бы думать, что дѣло „самообороны" есть исключительно дѣло еврейскихъ рабочихъ. Уже самыя причины провоцированія погромовъ со стороны правительства — въ конечномъ счетѣ всегда сводящіяся къ стремленію укрѣпить позицію самодержавія — достаточно громко говорятъ о томъ, какой существенный интересъ для всего россійскаго пролетаріата въ помѣхѣ кровожаднымъ авантюрамъ царизма. Точно такъ же, какъ, защищая отъ погрома еврейскую буржуазію, еврейскій пролетаріатъ защищаетъ самого себя, такъ же и пролетаріатъ всѣхъ національностей борется за свое собственное дѣло, когда становится поперекъ дороги самодержавнымъ палачамъ, пытающимся разжечь національныя страсти. И какъ ни недостаточны были попытки сознательныхъ русскихъ пролетаріевъ придти на помощь избиваемымъ евреямъ въ прошломъ году, принципіальное значеніе ихъ было огромно. Онѣ явились не только живымъ примѣромъ солидарности и единства дѣла пролетаріевъ всѣхъ національностей, но и намекомъ на ту активную, самостоятельную роль во всѣхъ перипетіяхъ политической жизни страны, которую долженъ играть пролетаріатъ, если хочетъ, чтобы классовая пролетарская политика была не платонической фразой, а реальнымъ фактомъ. И такая активная политическая дѣятельность скорѣе, чѣмъ цѣлые томы краснорѣчивыхъ разсужденій, покажетъ всѣмъ пролетаріямъ Россіи полное тождество ихъ интересовъ рѣшительно во всѣхъ областяхъ политической жизни и весь вредъ раздѣленія единаго россійскаго рабочаго класса національными, профессіональными, территоріальными и иными перегородками, не имѣющими никакого основанія въ классовыхъ интересахъ пролетаріата.

Погромная кампанія, поскольку она преслѣдовала политическія цѣли, не удалась. Но значеніе ея отъ этого не менѣе огромно. Она не только еще разъ показала въ истинномъ свѣтѣ отвратительную физіономію царскаго правительства, она — и это самое главное — обнаружила въ самодержавіи упадокъ вѣры въ себя, въ собственныя силы, обнаружила нерѣшительность, колебанія, боязнь передъ народомъ. Тѣмъ дружнѣе долженъ быть нашъ натискъ на него.

TUA RES AGITUR (О ТЕБѢ ИДЕТЪ ДѢЛО)[1]

(переводъ съ нѣмецкаго).

Прусское правительство еще разъ выслало дюжину русскихъ студентовъ. Какая крупная побѣда правительства! Вообще, съ нѣкотораго времени имперское правительство не перестаетъ одерживать побѣды: такъ, по крайней мѣрѣ, возвѣщаютъ буржуазныя газеты. Сперва побѣда въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ два прусскихъ министра, подъ прикрытіемъ 200 юнкеровъ, побѣдили противника, для котораго входъ въ палату предварительно былъ герметически закупоренъ трехкласнымъ избирательнымъ правомъ. Врагъ былъ представленъ манекеномъ либерально-демократической оппозиціи. Этотъ врагъ изъ соломы и картона палъ, сраженный бумажными ядрами поддѣльныхъ цитатъ. А газеты восклицали: „Побѣда надъ соціальдемократіей!" Послѣ того побѣда въ рейхстагѣ. Побѣдоносные министры такъ были отдѣланы соціальдемократіей, что только клочья летѣли. Но вотъ „были пущены въ ходъ телефонныя проволоки", какъ пишутъ въ газетныхъ бюллетеняхъ по поводу крупныхъ сраженій, и графъ Бюловъ появился, бряцая оружіемъ изъ блестящей жести. И вслѣдъ затѣмъ пресса восклицала: „Осанна Бюлову! Онъ отважился бороться съ Бебелемъ, и онъ побѣдилъ, не смотря на „осиный голосъ". „Уничтожающій ударъ соціальдемократіи!". Наконецъ, въ третій разъ, прусское военное государство побѣдило русскихъ студентовъ.

Преступленіе этихъ послѣднихъ заключалось въ томъ, что они не хотѣли позволить обращаться съ собой, какъ съ собаками, которымъ даютъ пинокъ, когда онѣ надоѣдаютъ. Въ этомъ пресса, представляющая въ Пруссіи общественное мнѣніе, усматриваетъ „неслыханную дерзость", и даже самые либеральные изъ демократовъ ворчливо поучаютъ горячія русскія головы, что было бы благоразумнѣе склониться передъ болѣе сильнымъ, и что они засвидѣтельствовали бы свою политическую зрѣлость, если бы безпрекословно проглотили оскорбленія, идущія отъ высшей власти.

Но русскіе не захотѣли этого понять. Ихъ грубо оскорбили не только въ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, но и въ ихъ личномъ чувствѣ чести: русскихъ учащихся женщинъ поносили при этомъ площадными словами. они защищались противъ этого и аппелировали къ чувству справедливости и порядочности всѣхъ цивилизованныхъ людей. И въ странѣ націи „мыслителей и поэтовъ" имъ данъ былъ отвѣтъ... полицейскимъ служителемъ.

Представьте себѣ — конечно, невозможный — случай: французскій министръ-президентъ оскорбилъ живущихъ въ Парижѣ нѣмцевъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы ихъ упрекнуть въ томъ, что они своимъ неудержимымъ стремленіемъ къ свободѣ приводятъ въ смущеніе гостепріимную Францію. Но можетъ быть онъ сказалъ бы: „Нѣмцы ищутъ въ Парижѣ либо денегъ, либо женщинъ. Пресытившись неуклюжими ласками женщинъ своей націи, они ищутъ идеала женственности въ парижскомъ полусвѣтѣ. Но они столь же нечистоплотны въ любви, какъ и въ торговыхъ оборотахъ. Нѣмецкіе поэты мечтательны безъ чувственности, нѣмцы въ Парижѣ чувственны безъ изящества. Имъ не достаетъ той страстности, которая облагораживаетъ эротичность людей романскихъ націй. Они понизили нравственный уровень кокотокъ, подобно тому, какъ въ торговые обороты они внесли духъ восточно-прусскихъ проходимцевъ".

Какъ сказано, мы предполагаемъ невозможный случай. Но если бы студенты и другіе нѣмцы въ Парижѣ организовали собраніе протеста противъ нанесеннаго имъ оскорбленія, — считали ли бы ихъ въ Германіи не имѣющими права на уваженіе, незрѣлыми людьми, злоупотребившими чужимъ гостепріимствомъ? Не прославляли ли бы ихъ скорѣе за то, что они своимъ протестомъ выполнили по отношенію къ своей націи *долгъ чести*? Но по отношенію къ русскимъ не хотятъ допускать, что они тоже могутъ обладать національнымъ чувствомъ.

428 русскихъ, подписавшихъ протестъ и рисковавшихъ за это не только высылкой изъ Пруссіи, но и сверхъ того преслѣдованіями по возвращеніи своемъ на родину, сдѣлали это, конечно, не для того, чтобы выдвинуться политически. Въ Россіи требованія, предъявляемыя къ политическому мученичеству очень высоки. Тамъ, гдѣ лучшіе люди націи въ повседневной политической борьбѣ ставятъ на карту свою жизнь, политическая извѣстность пріобрѣтается не такъ легко. Поэтому, мы должны признать, что эти русскіе юноши проявили во всякомъ случаѣ не меньше мужества и чувства чести, чѣмъ прусскіе министры и нѣмецкій имперскій канцлеръ, которые, опираясь на сильную власть огромнаго нѣмецкаго государства оскорбительными рѣчами обрушились на беззащитныхъ иностранцевъ.

Но еще болѣе, чѣмъ эти новѣйшіе политическіе подвиги нѣмецкаго правительства, характерны побѣдные клики буржуазнаго „общественнаго мнѣнія". Оно смѣется само надъ собой и не сознаетъ этого! Доказано, что нѣмецкое правительство оказываетъ царю полицейскія услуги — и не со вчерашняго только дня, но еще со времени Бисмарка. Всѣ указанія на „анархизмъ", вплоть до поддѣльныхъ цитатъ, отброшены за негодностью послѣ прочитанныхъ вслухъ имперскимъ канцлеромъ документовъ. Совершенно ясно было высказано въ дѣлѣ Льва Дейча: царь *лично* заинтересованъ въ его выдачѣ, слѣдовательно, нужно уступить его желанію[1]). Чтобы добиться благосклонности царя, Левъ Дейчъ выдается, *какъ уголовный преступникъ*, хотя не только изъ документовъ по его дѣлу, но и изъ настойчиваго интереса къ этому дѣлу „августѣйшей особы" царя, вытекало, что дѣло идетъ о *политическомъ борцѣ*. Совершается торговля людьми, торговля самаго худшаго сорта: законъ обходится, общественное мнѣніе вводится въ обманъ, и человѣка выдаютъ съ головой, потому что благосклонность царя обѣщаетъ *политическія выгоды*. И въ этой попыткѣ подслужиться царю, въ погонѣ за мнимыми выгодами при помощи недостойныхъ средствъ, свидѣтельствующихъ о жалкой слабости, равно какъ и въ послѣдующихъ шпіонскихъ услугахъ, буржуазія усматриваетъ проявленія величія и силы Имперіи.

Левъ Дейчъ отбылъ сибирскую каторгу: послѣ 16 лѣтъ ссылки ему удалось бѣжать изъ Сибири. Онъ издалъ книгу, которая появилась и на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „16 лѣтъ въ сибирской ссылкѣ". Отъ этапа къ этапу, изъ тюрьмы въ тюрьму развертываетъ онъ передъ нами эти шестнадцать лѣтъ. Онъ пошелъ туда юношей и вернулся съ сѣдыми волосами. Но удивительно: во всей книгѣ ни слова жалобы, ни слова *ненависти* — печать эпическаго спокойствія лежитъ на всемъ изложеніи, заставляющемъ забывать, что здѣсь кто-то разсказываетъ свою личную трагическую судьбу. И черезъ 16 лѣтъ онъ снова вступаетъ въ ряды своей партіи, какъ будто только вчера оставилъ свой постъ. Г-нъ Бюловъ, знаете ли Вы, что это означаетъ? Страшную силу! Партія, сообщающая своимъ приверженцамъ такую спокойную и непоколебимую стойкость, должна располагать неистощимыми источниками убѣжденія.

Обладай буржуазная публика хоть нѣкоторымъ пониманіемъ политической психологіи, она совсѣмъ иначе оцѣнила бы протестъ русскихъ студентовъ. Глупо смѣяться надъ тѣмъ, что они еще не заняли положенія въ обществѣ, не обзавелись семьей и состояніемъ. Чѣмъ объясняется, что эти молодые люди интересуются, въ противоположность нѣмецкимъ студентамъ корпорантамъ, не пивомъ и фехтованіемъ, но политикой и соціализмомъ? На этомъ вопросѣ слѣдовало бы остановиться. Русскіе въ Берлинѣ не составляютъ исключенія изъ числа другихъ русскихъ студентовъ, какъ заграницей, такъ и на родинѣ. Факты, свидѣтельствующіе объ этомъ всѣмъ извѣстны. Причина этого явленія настроеніе всей вообще русской интеллигенціи, о которомъ свидѣтельствуетъ столь часто поражающая насъ русская литература. Кто понялъ это, тотъ не можетъ не сдѣлать опредѣленныхъ выводовъ о характерѣ соціальной среды, порождающей подобныя явленія, тотъ долженъ убѣдиться, что революціонное настроеніе русской молодежи является только выраженіемъ общаго политическаго броженія въ Россіи, достигшаго громадной силы. Но буржуазія уже потеряла всякую способность понимать прогрессивныя политическія явленія. Ея теперешняя травля русскихъ представляетъ собой культурный барометръ, показывающій, какъ низко она пала въ политическомъ отношеніи.

Было время, когда буржуазія низвергала троны и брала приступомъ небо, когда она указывала человѣчеству новыя цѣли, мечтала о „свободѣ, равенствѣ и братствѣ", грезила объ единеніи народовъ, о всемірной республикѣ, о царствѣ разума, счастья и высшей культуры. Это фактъ, хотя онъ уже забытъ и самое воспоминаніе о немъ выброшено изъ школьныхъ учебниковъ. Царство буржуазіи стало царствомъ безстыдной эксплуатаціи и дикой погони за прибылью. Такъ какъ буржуазія не можетъ больше выставить никакого идеала, то она, вообще, отрицаетъ его возможность и провозглашаетъ соціальную борьбу всѣхъ противъ всѣхъ величайшимъ закономъ человѣческой культуры. Наука стала простымъ предметомъ торговли, искусству было отведено служебное мѣсто — оно живетъ еще потому, что изображаетъ лица тѣхъ, кто можетъ его оплачивать. Буржуазія лишилась духа свободнаго изслѣдованія и заключила миръ съ богомъ на небѣ и съ попами на землѣ. И она, нѣкогда боровшаяся за парламентскій режимъ, какъ за главное требованіе своей политической жизни, видитъ теперь въ поддержкѣ русскаго абсолютизма основное условіе своего существованія.

„Tua res agitur" (о тебѣ идетъ дѣло) — таково было спасительное слово, произнесенное нѣмецкимъ имперскимъ канцлеромъ. Поддержка царскаго трона необходима въ интересахъ защиты европейской буржуазіи. Вотъ что заслужило громкое одобреніе буржуазнаго общественнаго мнѣнія. Но если буржуазія связываетъ свою судьбу съ царемъ, то это должно насъ, революціонныхъ соціалистовъ, наполнить радостной увѣренностью въ побѣдѣ. До наступленія крупныхъ историческихъ поворотныхъ пунктовъ, внутреннія движущія силы историческаго развитія, могутъ быть открыты только при строго-научномъ изученіи. Но бываютъ такія внѣшнія проявленія историческаго процесса, которыя, хотя они и производнаго характера, но могутъ быть легче замѣчены, такъ какъ выступаютъ на поверхность соціальной жизни, и эти-то проявленія, будучи оцѣнены съ правильной точки зрѣнія, бросаютъ свѣтъ на то, что творится глубоко внизу. Такія проявленія даются намъ культурнымъ и политическимъ упадкомъ буржуазіи. Ибо мыслимо ли, чтобы это политическое малодушіе, сухой практицизмъ въ наукѣ, ограниченность, отсутствіе всякой серьезной точки зрѣнія въ литературѣ, формалистика въ искусствѣ, трусливое подавленіе всякаго смѣлаго полета мысли во всѣхъ областяхъ, могло завершить величественное культурное развитіе человѣчества?

Должна ли вся всемірная исторія подчиниться дому Романовыхъ? Возможно ли, чтобы прогрессивныя силы, создававшіяся и умножавшіяся въ теченіи безконечныхъ тысячелѣтій человѣческой исторіи, могли быть разъ навсегда остановлены въ своемъ развитіи посредствомъ полицейской силы? Все воодушевленіе, почерпнутое каждымъ изъ насъ въ твореніяхъ человѣческой мысли и въ человѣческой жаждѣ идеала все, чѣмъ мы живы духовно, возмущается противъ этого. Это абсурдъ, это *должно* измѣниться.

Буржуазія препятствуетъ культурному развитію, потому что она должна отказаться отъ своей собственности, чтобы дать ему свободную дорогу. Тѣмъ самымъ она сама сдаетъ ему свои позиціи. Борьба за освобожденіе рабочаго класса становится борьбой за будущее человѣческой культуры.

Поэтому, мы съ своей стороны взываемъ къ работникамъ: Tua res agitur! Это о васъ идетъ дѣло! Буржуазія боится не русскихъ студентовъ, но *европейской соціальдемократіи*. Буржуазія встрѣтила бы съ ликованіемъ паденіе русскаго абсолютизма, если бы не боялась за свое собственное господство. Да и теперь она мягче относилась бы къ русскимъ революціонерамъ, если бы они въ то же время не мыслили *соціалистически*.

Tua res agitur! Дѣло касается нѣмецкихъ рабочихъ. Уже изъ бывшихъ до сихъ поръ парламентскихъ дебатовъ стало ясно, что подъ предлогомъ борьбы съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ борятся съ нѣмецкой соціальдемократіей. Каковъ бы ни былъ конецъ этого, суть дѣла ясна: не русскія нелегальныя произведенія вредятъ нѣмецкой соціальдемократіи, но, наоборотъ, легальная дѣятельность нѣмецкихъ соціальдемократовъ отнимаетъ у русскаго революціоннаго движенія симпатіи буржуазіи. Признать это — для соціальдемократіи является дѣломъ справедливости!

Tua res agitur! Нѣмецкіе рабочіе поняли это выраженіе. Никогда еще классовая борьба, свирѣпствовавшая внутри нѣмецкой націи, не была такъ грубо раскрыта, какъ этимъ выраженіемъ германскаго имперскаго канцлера.

И вотъ пресса ликуетъ и возвѣщаетъ о побѣдѣ надъ соціальдемократіей! Но самоубійственной политикѣ буржуазіи свойственно всегда считать свое собственное мнѣніе „голосомъ націи" и она, поэтому, постоянно поражается смертельно, когда выборы въ рейхстагъ снова ей показываютъ, что въ Германіи существуютъ *пролетарскія массы, иначе*, чѣмъ она, относящіяся ко всѣмъ явленіямъ.

Tua res agitur! Эти слова канцлера должны запомнить и тѣ чудаки-фантазеры въ нашихъ собственныхъ рядахъ, которые думаютъ, что послѣ того, какъ историческое проявленіе могущества соціалистически-революціоннаго пролетаріата заставило буржуазію отказаться отъ всѣхъ своихъ идеаловъ, предать свои собственные политическіе интересы, сдѣлало ее величайшимъ трусомъ, ищущимъ себѣ прикрытія за спиной правительства и цѣпляющейся за колеблющійся тронъ царя — что послѣ всего этого ея парламентскимъ ораторамъ удастся влить при помощи умныхъ словъ въ буржуазныя партіи политическое мужество и внушить правительству широкіе историческіе взгляды.

Tua res agitur! Пролетаріатъ можетъ разсчитывать только самъ на себя, онъ является исполнителемъ воли исторіи въ борьбѣ съ враждебной культурѣ буржуазіей!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ЯКУТСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Намъ присланы слѣдующіе документы, относящіеся къ событіямъ, происшедшимъ въ Якутскѣ во второй половинѣ февраля и началѣ марта:

Прокламація забаррикадировавшихся товарищей:

ЧЕГО МЫ ХОТИМЪ?

(Къ Якутскому обществу).

Фактъ предъявленія нами требованій якутскому губернатору вызвалъ много толковъ среди мѣстнаго населенія, и мы считаемъ долгомъ объяснить, чего мы хотимъ и чего мы требуемъ.

Мы не можемъ допустить, чтобы ссылка превращалась въ рукахъ правительства въ способъ медленнаго или быстраго убійства.

Насъ держатъ подъ постоянной угрозой высылки въ Колымскъ за каждую самовольную отлучку. Мы не можемъ допустить такого порядка вещей, такъ какъ очень часто, въ виду экстренности отъѣзда, нѣтъ никакой возможности дожидаться завершенія всей канцелярской волокиты.

Мы не можемъ допустить, чтобы ѣдущимъ безъ средствъ товарищамъ запрещали видѣться съ собратьями по ссылкѣ въ дорогѣ и пользоваться помощью.

Мы не можемъ допустить, чтобы въ случаѣ попытокъ свиданія съ товарищами насъ связывали и избивали.

Мы не можемъ допустить, чтобы изъ ссылки для насъ дѣлали мышеловку и отказывали въ возвращеніи на казенный счетъ товарищамъ, отбывшимъ срокъ ссылки и неимѣющимъ собственныхъ средствъ для возвращенія на родину.

Мы предпочитаемъ лучше умереть защищаясь, чѣмъ позволить издѣваться надъ нами и нашими товарищами. Мы не отступимъ ни передъ какими средствами въ случаѣ какихъ либо насильственныхъ противъ насъ мѣръ, и надѣемся, что якутское общество отнесется къ намъ сочувственно и съ его стороны мы встрѣтимъ и пониманіе и поддержку.

Группа протестующихъ". 20 февраля 1904.

„Подъ приводимымъ ниже заявленіемъ, предъявленнымъ якутскому губернатору подписались 41 человѣкъ. Эта группа лицъ, глубоко убѣжденная, что вопросъ о рѣшительномъ отпорѣ все рѣзче проявляющимся репрессивнымъ тенденціямъ въ достаточной степени назрѣлъ, и что съ другой стороны отпоръ этотъ каковъ бы ни былъ его исходъ, помимо общереволюціоннаго значенія, не останется безплоднымъ и для ссылки—рѣшила отстаивать свои требованія, хотя бы съ оружіемъ въ рукахъ, не останавливаясь даже предъ возможностью кровавыхъ репрессій. Группа протестующихъ надѣется, что товарищи въ другихъ колоніяхъ въ той или иной формѣ присоединятся къ протесту.

Съ горячимъ товарищескимъ привѣтомъ группа протестующихъ".

Текстъ переданнаго якутскому губернатору заявленія.

„Якутскій Губернаторъ!

Мы никогда не считали ссылки и прочихъ репрессіи правительства противъ революціонеровъ явленіемъ нормальнымъ, или имѣющимъ что-либо общее со справедливостью. Тѣмъ менѣе мы не можемъ допустить попытки отягченія ссылки путемъ примѣненія къ намъ разныхъ измышленій большихъ или маленькихъ властей, не стѣсняющихся въ своей изобрѣтательности даже рамками законовъ, изданныхъ съ репрессивными цѣлями самодержавнымъ русскимъ правительствомъ. За послѣднее время чиновничій произволъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе даетъ себя чувствовать. Насъ били и бьютъ по тюрьмамъ и въ дорогѣ, намъ создаютъ обстановку, въ которой жить нельзя; насъ водворяютъ въ улусы, гдѣ большей частью нѣтъ сносныхъ квартиръ; а за самовольныя отлучки высылаютъ безъ разслѣдованія обстоятельствъ въ отдаленнѣйшія мѣста; намъ набавляютъ сроки опять таки безъ гласнаго разслѣдованія и неизвѣстно по чьему фактическому усмотрѣнію; насъ везутъ безъ средствъ и въ негодной одеждѣ, лишая даже возможности пользоваться товарищеской помощью. Изъ ссылки намъ устраиваютъ западню, въ которой мы должны оставаться и послѣ окончанія срока, такъ какъ, вопреки точному смыслу законовъ, намъ отказываютъ въ возвращеніи на казенный счетъ; наши самыя законныя ходатайства остаются безъ удовлетворенія по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, и т. д. и т. д.

Служить объектомъ произвола и административныхъ измышленій, откуда бы они не исходили, мы не желаемъ и заявляемъ, что никто изъ насъ не уѣдетъ изъ Якутска, и что мы не остановимся передъ самыми крайними мѣрами до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣдующія требованія:

1 Гарантія немедленной, безъ всякихъ проволочекъ и пререканій, отправки всѣхъ оканчивающихъ срокъ товарищей на казенный счетъ.

2. Отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ воспрещеніи отлучекъ.

3. Отмѣна всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ „положеніи о гласномъ надзорѣ" репрессій за нарушеніе этого „положенія".

4. Отмѣна циркуляра, запрещающаго свиданія партій съ мѣстными политическими ссыльными.

5. Гарантія въ томъ, что никакихъ репрессалій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ настоящія требованія примѣнено не будетъ.

---

[1]) Статья написана Парвусомъ по поводу изгнанія изъ Пруссіи 14 участниковъ собранія въ Берлинѣ, созваннаго для протеста противъ наглыхъ рѣчей германскихъ министровъ, которые пытались очернить русскихъ студентовъ и студентокъ.

[1]) Эти факты изъ переписки имперскаго и баденскаго правительствъ (тов. Дейчъ, какъ извѣстно, былъ арестованъ въ Баденѣ), сообщены были рейхстагу гр. Бюловымъ во время недавнихъ дебатовъ.

Отмѣну упомянутыхъ циркуляровъ и распоряженій мы считаемъ тѣмъ болѣе настоятельной, что примѣненіе ихъ вызываетъ и будетъ вызывать рядъ серьезныхъ столкновеній, а повторенія такихъ гнусныхъ фактовъ, какъ избіеніе въ Усть-Кутѣ товарищей, прибывшихъ въ Якутскъ 2 февраля, всегда будетъ вызывать рѣзкій протестъ. Мы убѣждены, что тотъ или иной исходъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ вашего собственнаго образа дѣйствій, и что поэтому отвѣтственность за могущія возникнуть недоразумѣнія и столкновенія падетъ лично на васъ. Являться по требованіямъ полиціи мы никогда не будемъ и всѣ сношенія рекомендуемъ вести письменно, адресуя любому изъ подписавшихся товарищей.

1 Маріанна Айзенбергъ, 2 М. Бройдо, 3) Ж. Вардоянцъ, 4) Д. Викеръ, 5) Ольга Викеръ, 6) Аронъ Гинзбургъ, 7) Гельфантъ, 8) Жмуркина, 9) Журавель, 10) Аронъ Залкиндъ, 11) Зараховичъ, 12) Израильсонъ, 13) Н. Каганъ, 14) Костолянецъ, 15) Костюшко, 16) Кудринъ, 17) Курнатовскій, 18) Лаговскій, 19) Лейкинъ, 20) Г. Лурье, 21) М. Лурье, 22) Матлаховъ, 23) Медяникъ, 24) Никифоровъ, 25) Ольштейнъ, 26) Оржеровскій, 27) Погосовъ, 28) Ржонца, 29) Анна Розенталь, 30) П. Розенталь, 31) Ревекка Рубинчикъ, 32) Рудавскій, 33) Соколинскій, 34) Солодухо, 35) Тепловъ, 36) Теслеръ, 37) Трифоновъ, 38) Рубинштейнъ, 39) Фридъ, 40) Хацкелевичъ, 41) Цукеръ. 18 февраля.

19 февраля присоединились:

42) Цехтерадзе, 43) Габронидзе, 44) Камермахеръ, 45) Песя Шрифтеликъ, 46) Рабиновичъ, 47) Бодневскій, 48) Виноградовъ, 49) и 50) Катя и Исаакъ Ройзманъ, 51) Хаимъ Законъ.

Часть товарищей, оставшихся внѣ баррикадъ прислала забаррикадировавшимся слѣдующее письмо за 41 подписью:

„Товарищи! Мы просимъ васъ отказаться отъ формы вашего предпріятія. Мы всѣ рѣшительно высказываемся противъ нея и снимаемъ съ себя всякую отвѣтственность за неизбѣжныя тяжкія послѣдствія для всей ссылки:

1) Шебалинъ, 2) Панкратовъ, 3) В. Гориновичъ, 4) В. Пріютовъ, 5) Хавскій, 6) В. Вознесенскій, 7) М. Синявскій, 8) В. Царьковъ, 9) А. Евсѣевъ, 10) Ожиговъ, 11) В. Ендржіевскій, 12) М. Файнъ, 13) Н. Скаличевъ, 14) К. Лузинъ, 15) М. Комоловъ, 16) В. Ивановъ, 17) Вираховскій, 18) Кикоенъ, 19) Вишенарисъ, 20) Ш. Вольпертова, 21) А. Бромбергъ, 22) А. Алексѣевъ, 23) С. Цехновицеръ, 24) Р. Башисъ, 24) Орловъ, 26) Б. Штейнбахъ, 27) К. Сидоровичъ, 28) Фишъ, 29) Масюкевичъ, 30) Піонтковскій, 31) М. Манцевичъ, 32) М. Жирякова, 33) М. Галановъ, 34) С. Рейхеръ, 35) О. Каревинъ, 36) Ф. Карчмарчикъ, 37) Т. Андреевъ, 38) Н. Рейхеръ, 39) В. Окольскій, 40) В. Волынскій, 41) И. Клява".

Отвѣтъ товарищей забаррикадировавшихся:

„Товарищамъ, приславшимъ свое заявленіе отъ имени 42-хъ. Письмо ваше мы получили и, само собою разумѣется, съ настоящаго момента ни о какой *вашей* отвѣтственности за *наши* поступки рѣчи быть не можетъ. Воспользоваться въ какой бы то ни было формѣ помощью со стороны кого бы то ни было изъ подписавшихся было бы ниже нашего достоинства, и вы можете быть увѣрены, что никто изъ насъ на это не пойдетъ. Но отвѣтственность за *ваши* поступки лежитъ несомнѣнно на васъ. Разъ вы выступаете противъ нашего образа дѣйствій коллективно, то вы должны нести коллективную отвѣтственость и за методы борьбы съ нами. Вы должны помнить, что выражая свое несогласіе съ нашей формой протеста, вы создаете иллюзію, что для васъ есть другая форма, съ которой вы согласны, и что никто изъ васъ не прикрываетъ этой фразой неспособности идти на какой бы то ни было протестъ. Лучшіе изъ васъ должны понимать это и не должны выставлять знамени, подъ которымъ можетъ укрываться трусость и безпринципность. Вы должны знать, что среди подписавшихся должны быть лица, въ борьбѣ противъ насъ не останавливающіеся даже передъ натравливаніемъ на насъ квартирохозяевъ и т. п.

Надѣемся на одно, что вы будете дѣйствовать открыто и напечатаете свое заявленіе за всѣми подписями въ нелегальной печати. Пусть всѣ знаютъ, кто, кромѣ властей, боролся противъ насъ, а сколько искренности было въ этой борьбѣ — надѣемся, разобраться сумѣютъ.

P. S. Считаемъ долгомъ прибавить, что со стороны многихъ изъ подписавшихся не было сдѣлано никакихъ попытокъ къ проведенію своихъ взглядовъ. На общемъ собраніи, рѣшившемъ протестовать большинствомъ 54 противъ 11, не присутствовали очень и очень многіе изъ васъ, — очевидно интересы ссылки дѣлаются для васъ дорогими только тогда, когда надо сохранять спокойствіе. Группа протестующихъ".

Прокламація (гектографированная), расклеенная въ Якутскѣ, товарищами оставшимися внѣ баррикадъ, но не присоединившихся къ письму 41: (таковыхъ въ Якутскѣ болѣе 50):

„Отъ группы политическихъ.

Ссылка переживаетъ тяжелые дни, притѣсненія администраціи становятся вызывающими. Въ Иркутскѣ составляются циркуляры, посягающіе на права, которыхъ не отнимаетъ у насъ даже русскій убогій законъ. Въ Усть-Кутѣ творится даже избіеніе шашками и прикладами нашихъ товарищей. Въ Киренскѣ имъ связываютъ руки. Замѣчается общая тенденція подвергнуть жизнь политическихъ ссыльныхъ новому болѣе гнетущему режиму. Въ настоящіе дни въ Якутскѣ разыгрывается тяжелая драма.

Часть нашихъ товарищей, протестуя противъ этихъ попытокъ новаго административнаго гнета, ставитъ на карту все; въ крайнемъ случаѣ она не остановится передъ смертью. Гибель столькихъ жизней, столькихъ силъ — это слишкомъ страшная, слишкомъ дорогая цѣна, и мы предостерегаемъ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, предотвратить возможную катастрофу. Мы предостерегаемъ правительственныя власти отъ новой „Якутской бойни"; отвѣтственность за которую ляжетъ на нихъ. Отвѣтъ же на нее спросится съ насъ. Якутскъ, 21 февраля.

Изъ дальнѣйшихъ событій опредѣлилось, что забаррикадированные дѣлали вылазки для добычи пищевыхъ продуктовъ (подъ простыней одинъ выбрался по снѣгу не замѣченнымъ, а потомъ верхомъ на лошади на всемъ скаку влетѣлъ во дворъ къ забаррикадированнымъ; лошадь пошла на мясо). Вѣроятно во время такой новой вылазки завязалась перестрѣлка, въ результатѣ которой убито два казака изъ цѣпи, а со стороны товарищей убитъ одинъ и много раненныхъ. Болѣе точныхъ данныхъ еще нѣтъ. — Теперь изъ надежныхъ источниковъ узнали, что всѣхъ товарищей за баррикадами предали военному суду. Болѣе точныя свѣдѣнія вскорѣ сообщимъ. На почтѣ въ Иркутскѣ открываютъ всю корреспонденцію изъ Якутска. Сибирскій Союзъ.

Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о лицахъ, подписавшихся подъ тѣмъ и другимъ заявленіемъ: І. М. Бройдо — дѣло „Раб. библіотеки" (8 л.). Д. Викеръ — дѣло Кіев. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 1901 г. (5 л.). Ар. Залкиндъ — дѣло Бунда 1897 г., Зараховичъ, нелег., дѣло Сѣв. Союза 1902 г. (5 л.). Н. Кудринъ — нелег., бѣжавшій изъ Сибири и нынѣ сосланный на 8 л. по дѣлу трансп. „Искры". Курнатовскій — сосланъ въ третій разъ по Тифлис. с.-д. дѣлу на 4 года. Лаговскій — братъ стрѣлявшаго въ Побѣдоносцева, сосланъ по его дѣлу. М. Лурье — по дѣлу Симферопольскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П. на 8 л., Матлаховъ, раб. и Ройзманы — по дѣлу Южн. группы рев. с.-д., Л. Никифоровъ — моск. с.-д. (въ 1901 г.), Ржонца — дѣло Польск. с.-д., П. и А. Розенталь — дѣло Бѣлостокск. конференціи Р. С.-Д. Р. П., Рев. Рубинчикъ — по дѣлу Петерб. группы „Искры" на 5 л., Рудавскій и Соколинскій — дѣло Краснояр. Ком. Р. С.-Д. Р. П., Солодухо и Теслеръ — по дѣлу перваго съѣзда Р. С.-Д. Р. П. 1898 г., Тепловъ — эмигрантъ с.-д., арест. въ 1900 г. въ Россіи, Цукеръ — раб. изъ Минска по дѣлу убійства шпіона. Цехтерадзе и Габронидзе — по дѣлу крест. с.-д. агитаціи на Кавказѣ. П. Шрифтеликъ — одесс. с.-д. дѣло. Рабиновичъ — дѣло Симф. Ком. Р. С.-Д. Р. П., Законъ — дѣло Бунда. Журавель, Каганъ, Трифоновъ, Виноградовъ — дѣло смоленскаго „террористическаго" кружка. Бодневскій, быв. офицеръ, за пропаганду въ войскахъ на 10 лѣтъ.

П. Шебалинъ и Панкратовъ — быв. Шлиссельбуржцы по дѣлу „Нар. Воли", Пріютовъ, портной по дѣлу Лахтинец. типографіи „группы народовольцевъ" 1896 г., Вознесенскій — по дѣлу соц.-рев. 1898 г. въ С.П.Б., Ожиговъ — дѣло Балаганскаго протеста 1889 г., Файнъ — дѣло с.-р. въ Нѣжинѣ. Ендржіевскій — дѣло P. P. S., Скаличевъ — дѣло транспорта с.-р., Комоловъ — дѣло пропаг. въ войскахъ въ Нижнемъ Нов., Вишенарисъ, Кикоенъ и Вольпертова — по дѣлу Бунда, Бромбергъ по дѣлу с.-р. въ Екатеринославѣ. Цехновицеръ — дѣло іюльской стачки въ Елисаветградѣ. Орловъ — казакъ, сосланный навсегда за отказъ отъ воинской повинности. Сидоровичъ и Масюкевичъ — дѣло Красноярскаго соц.-дем. Ком., Піонтковскій — дѣло P. P. S., Манцевичъ и Жирякова — дѣло „Народнаго Права". В. Окольскій — дѣло „народовольцевъ" 1894 г., Клява — дѣло латышск. соц.-дем.

Согласно послѣднимъ, полученнымъ нами, извѣстіямъ, перестрѣлка между забаррикадировавшимися и солдатами продолжалась *три дня*. 4 марта убитъ тов. *Матлаховъ*. Покойный ссылался на 6 лѣтъ по дѣлу о демонстраціи въ одесскомъ театрѣ въ декабрѣ 1901 года, организованной Южно-русской революціонной группой, въ составъ которой онъ вступилъ по выходѣ своемъ изъ Одесскаго Ком. Партіи. До этого Матлаховъ работалъ въ Екатеринославѣ и Харьковѣ. Работалъ въ Одессѣ нелегально, по профессіи былъ токаремъ, привлекался четвертый разъ. Ранены: Медяникъ, Костюшко, Хацкелевичъ и Рабиновичъ (послѣдній — легко).

Близъ театра войны (Забайкалье, 19 марта). У насъ теперь и всѣ разговоры только и вертятся вокругъ войны, газеты полны военныхъ извѣстій, часто совершенно не соотвѣтствующихъ дѣйствительности; такъ, напримѣръ, въ началѣ мобилизаціи помѣщались такія сообщенія: „Казаки съ энтузіазмомъ разъѣзжаютъ по станицамъ, горя желаніемъ отомстить коварному врагу". „Воодушевленіе и подъемъ патріотическихъ чувствъ въ населеніи — необыкновенный", „жители готовы принести на алтарь отечества все" и т. п. перлы холуйскаго краснорѣчія. На самомъ же дѣлѣ, все обстоитъ совершенно иначе. Со дня объявленія мобилизаціи *всѣ буквально* прошли передъ моими глазами. Со многими и многими изъ солдатъ я вступалъ въ разговоры, и *ни одного разу* не пришлось мнѣ услышать не только выраженія энтузіазма, или какихъ-нибудь „возвышенныхъ" чувствъ, но даже простого удовольствія. Состоящіе на дѣйствительной службѣ идутъ безропотно, машинально, такъ какъ имъ приходится идти, куда погонятъ, а запасные идутъ грустные, подавленные, убитые горемъ. Да и не удивительно: почти каждый изъ нихъ оставилъ жену съ двумя тремя, а то и съ пятью шестью дѣтьми, которымъ надо ѣсть и пить... Относятся они къ войнѣ въ высшей степени отрицательно. „И зачѣмъ намъ эта война", говорятъ они, „одно разстройство; гонятъ богъ знаетъ куда, да и нешто у насъ въ Россіи земли мало? Зачѣмъ нашимъ чужая земля? Да и какая въ ней корысть, ничего она не родитъ, пусто, глухо кругомъ, а народу гонятъ сколько, какъ барановъ, отбирать эту землю". Такихъ разсужденій приходится слышать очень много. Видъ этихъ запасныхъ, пожилыхъ бородачей, лѣтъ тридцатипяти-тридцативосьми, производитъ тяжелое впечатлѣніе... Вотъ въ Срѣтенскѣ ведутъ ихъ на смотръ, роту за ротой. Походка у всѣхъ развинченная, вялая, шинели висятъ, какъ на вѣшалкахъ, идутъ они не стройно, не въ ногу, какъ регулярное войско, а какъ-то въ разбродъ, точно стадо, возвращающееся домой съ пастбища. Впереди идутъ барабанщики. Фельдфебель командуетъ: „Пѣсельники, выходи впередъ!". Выходятъ два три, много пять человѣкъ изъ самыхъ молодыхъ и затягиваютъ „черную галку", но изъ остальныхъ никто пѣсни не подхватываетъ, не поддерживаетъ и она обрывается и замираетъ... Идутъ еще нѣкоторое разстояніе, — отдается приказъ барабанщикамъ играть, чтобы шли дружнѣе. Но и барабанная дробь не улучшаетъ дѣла, идутъ все такъ же растерянно, развинченно (годы-то выбили строевую выучку!), лица у всѣхъ угрюмыя, на лбу залегли глубокія складки... Фельдфебель начинаетъ злиться... „Лѣвой, лѣвой, лѣвой", кричитъ онъ... „Лѣвой, чтобъ тебя навило въ душу", ворчитъ одинъ солдатъ. „А, чтобъ тебѣ пропасть", ворчитъ другой, подкрѣпляя свое ругательство другимъ, болѣе вѣскимъ. Такимъ образомъ таскаютъ ихъ ежедневно на ученье въ полномъ боевомъ снаряженіи, которое вѣситъ больше пуда! Нельзя равнодушно смотрѣть на ихъ суровыя, печальныя лица! Видно, что у каждаго изъ нихъ на душѣ тяжелое горе, что всѣхъ ихъ мучитъ одна и та же мысль о семьѣ и домѣ... Къ одному изъ воинскихъ поѣздовъ на маленькой станціи (я не пропускалъ днемъ ни одного) вышелъ я съ маленькимъ мальчикомъ. Идетъ по платформѣ солдатъ лѣтъ тридцати пяти, остановился и смотритъ на ребенка. Смотритъ такъ нѣжно и ласково, точно онъ ему родной, а на глазахъ сверкаютъ слезы... „Что, дядя, говорю, вѣрно тоже оставилъ дома?" — Да, такой же вотъ точно остался, по четвертому году, бѣленькій, хорошій. Эхъ..." вздохнулъ онъ, махнулъ рукой и пошелъ дальше... И столько горя, муки и отчаянья было въ этомъ вздохѣ, что у меня всю душу перевернуло, а горло сдавила судорога... „Энтузіазмъ"! Вотъ какой энтузіазмъ выказываетъ населеніе! И всѣ эти лакействующія газетки смѣютъ говорить объ энтузіазмѣ, о восторгахъ... А забайкальскіе казаки, такъ тѣ прямо стонутъ: „Одно раззоренье эта война, говорятъ они, не успѣли еще ладомъ оправиться отъ прошлой „мулизаціи", а тутъ опять новая. Опять изъ насъ жилы тянутъ". (Дѣло въ томъ, что казаки обязаны явиться къ мѣсту своего служенія во всемъ своемъ, начиная отъ формы и лошади и кончая шашкой. Только винтовки казенныя. За это они въ мирное время надѣлены извѣстными льготами въ пользованіи землей, лѣсомъ и т. д.)

А какъ ихъ везутъ! Условія перевозки ужасны и способны погасить самый пылкій энтузіазмъ, еслибъ онъ и явился у кого нибудь! Везутъ *всѣхъ* солдатъ, какъ запасныхъ, такъ и дѣйствительныхъ, въ вагонахъ съ надписью: 40 человѣкъ — 8 лошадей. Это обыкновенный товарный вагонъ, въ срединѣ котораго поставили желѣзную печку, по бокамъ устроили нары изъ досокъ, стѣны обили войлокомъ и досками (послѣднее, впрочемъ, далеко не во всѣхъ вагонахъ). Дверь отпирается вбокъ и занимаетъ третью часть вагона, по длинѣ его. Каждый разъ, какъ отопрутъ дверь, все тепло, накопившееся внутри, улетаетъ на улицу. На полу холодъ, отовсюду дуетъ. Сейчасъ благодать, тепло ужъ, средина марта, а въ началѣ мобилизаціи ночью доходило до 30-35° ниже нуля. Тѣсно, душно, грязно, мерзко. Умываться приходится на улицѣ, такъ какъ ни для умыванья, ни для другихъ надобностей *никакихъ приспособленій нѣтъ, и приходится ждать отъ станціи до станціи.* Не устроено ступеней въ вагонахъ, и приходится прыгать съ высоты двухъ аршинъ. И въ такихъ-то условіяхъ люди ѣдутъ *шесть недѣль*.

Воззванія Краснаго Креста къ публикѣ гласятъ: „особенно требуются полушубки, валенки, рукавицы, теплыя портянки, шапки... Вещи эти будутъ приниматься съ благодарностью". Какъ разъ эти же самые предметы *продаются запасными въ пути по баснословно дешевымъ цѣнамъ.* Такъ, напримѣръ, въ Срѣтенскѣ торговцы на базарѣ установили таксу: за валенки даютъ 30-40 коп. (стоили же они отъ 2 до 6 руб.), за шапку 10-15 коп., за шубу 1 р.-1 р. 50 коп. и т. д. Дѣло въ томъ, что запасныхъ въ сборномъ пунктѣ снабжаютъ казенной одеждой, свою же имъ приходится продавать за гроши, такъ какъ отправить ее домой не на что. Многіе солдаты жаловались мнѣ, что, уходя изъ дому, унесли шубу, которой пользовалась вся семья, „а теперь приходится отдавать даромъ, да и ребятишкамъ дома укрыться нечѣмъ". Неужели же начальство не могло устроить безплатную пересылку вещей для желающихъ отправить ихъ домой? При поглощаемыхъ войной колоссальныхъ суммахъ это стоило бы какіе нибудь жалкіе гроши. А такъ получается форменный курьезъ: съ одной стороны, просятъ жертвовать полушубки, валенки и т. д., съ другой, люди, которые будутъ эти полушубки носить, продаютъ и даже *бросаютъ* (были и такіе случаи, такъ какъ покупатели не всегда находятся, а тащить на себѣ, кромѣ казенныхъ вещей, еще и свои силъ нѣтъ) — свои собственные.

Еще нѣсколько словъ о продовольствіи солдатъ. Ожидающіе отправки запасные, въ томъ же Срѣтенскѣ, получаютъ пищу *одинъ разъ въ день!* Въ 12 ч. дня имъ выдаютъ хлебово изъ гороху, воды, муки и самаго ничтожнаго количества мяса. Что же имъ выдаютъ утромъ и вечеромъ? спрашиваю кашевара. „А ничего". — Какъ ничего, что же они ѣдятъ? — „А на свои покупаютъ". — А если своихъ нѣтъ? — „Около товарищей кормятся". — А если и у товарищей нѣтъ? — Кашеваръ пожалъ плечами: „такое ужь распоряженіе отъ начальства!"... Многіе солдаты жаловались, что въ Западной Сибири, гдѣ жизненные продукты баснословно дешевы, имъ выдавались харчи готовые, а какъ проѣхали Иркутскъ, стали выдавать кормовые деньгами; а хлѣбъ-то въ Забайкальѣ бѣлый 10 коп., черный 5-6 коп., мясо 13-15 коп. за фунтъ. „Вотъ и живи, какъ хочешь, хошь ѣшь, — хошь не ѣшь", говорятъ они. Надо замѣтить, что къ офицерамъ они относятся очень критически. „Дай богъ, чтобы къ намъ дошла десятая часть того, что намъ полагается отъ казны, говорятъ, а офицеры — они ужъ попьютъ, поѣдятъ за наше здоровье".

Екатеринославъ. Война поглощаетъ въ настоящее время всѣ интересы обывателя. Замѣтно только, что вниманіе его по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій становятся все скуднѣе, обращается уже болѣе, чѣмъ вначалѣ, къ мѣстнымъ, сопутствующимъ войнѣ явленіямъ общественной жизни. А такія явленія приноситъ съ собой каждый день. Патріотическія манифестаціи носили у насъ тотъ же характеръ, что и въ другихъ городахъ. Военный оркестръ получалъ предписаніе быть готовымъ къ такому-то часу. Къ этому времени стягивалась полиція, шпики и десятка два босяковъ. За любопытными дѣло не станетъ. Ужъ слишкомъ въ диковину русскому обывателю, что онъ можетъ свободно гулять по улицамъ скопомъ, пѣть пѣсни и что-то кричать. Два-три студента, уже заклейменныхъ общественнымъ мнѣніемъ своихъ товарищей, пара пьяныхъ офицеровъ, часть педагогическаго состава коммерческаго училища во главѣ оркестра учениковъ, да редакція „Приднѣпровскаго Края" берутъ на себя руководство и — манифестація готова! У губернаторскаго дома выносится царскій портретъ, и шествіе движется по главной улицѣ. Всего такихъ манифестацій было пять-шесть: послѣ первыхъ телеграммъ, при проводахъ войскъ и при проводахъ губернатора. Только очень близорукій человѣкъ не могъ не видѣть дѣйствительной цѣны этихъ манифестацій. А между тѣмъ нашлись малодушные люди, которымъ одинъ фактъ патріотической манифестаціи, не касаясь вопроса о томъ, чьи чувства выражаютъ эти манифестаціи, показался столь страшнымъ, что они совершенно отчаялись въ политической зрѣлости русскаго народа и готовы были отказаться отъ всякаго содѣйствія революціонному движенію. Среди революціонеровъ такихъ лицъ, разумѣется, не нашлось, но нашлись они среди мѣстныхъ либераловъ болѣе или менѣе радикальнаго оттѣнка.

Такихъ либераловъ и радикаловъ здѣсь вообще очень много. Принадлежатъ они къ либеральнымъ профессіямъ и къ торгово-промышленному міру. Многіе изъ нихъ теперь держатъ голову высоко и ждутъ отъ будущаго даже много хорошаго. Слушая ихъ разговоры, невольно вспомнишь слова Каткова: „Разница между либералами и революціонерами та, что вторые говорятъ: „дайте намъ, что мы требуемъ или *мы* будемъ стрѣлять", а первые „дайте намъ, что мы требуемъ, или *они* будутъ стрѣлять". Теперь не рѣдкость услышать здѣсь отъ нашихъ либераловъ уже такую фразу, какъ напр.: „Россію разобьютъ, ослабятъ, рабочіе устроятъ революцію, добьются конституціи, и тогда мы (sic!) покажемъ этимъ дворянчикамъ, что и мы умѣемъ управлять Россіей". Развѣ эта фраза не могла бы служить прекраснымъ эпиграфомъ для новаго изданія 18 Брюмера? Но да не покажется вамъ, что нашъ городъ состоитъ изъ однихъ революціонеровъ и радикальныхъ буржуа. О, нѣтъ, и темная, реакціонная сила имѣетъ у насъ своихъ представителей! Такими, прежде всего, здѣсь являются представители нашей прессы. Была у насъ газета „Вѣстникъ Юга". Газета хоть не важная, но все таки приличная. То есть въ ней не бывало доносовъ, она относилась съ сочувствіемъ къ народному образованію и инымъ гуманнымъ и просвѣтительнымъ начинаніямъ и не спеціализировалось на культѣ „Громъ побѣды раздавайся", а для провинціальной газеты и это много. Въ началѣ февраля ее прикрыли на шесть мѣсяцевъ. Причина: незадолго передъ этимъ въ одинъ прекрасный день часть №№ газеты была разослана съ приложеніемъ прокламацій (повидимому не соціальдемократическихъ). Виновники обнаружены не были, и за ненахожденіемъ оныхъ газету прикрыли. Взамѣнъ ее возникъ уже совершенно блѣдный „Екатеринославскій Листокъ", который съ яростными мракобѣсами „Приднѣпровскаго Края" конкуррировать не можетъ. Редакторъ этой послѣдней газеты, бывшій сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" г. Духовецкій, лѣзетъ изъ кожи вонъ, чтобы показать свою „преданность". Съ театра войны онъ получаетъ „собственныя" телеграммы, оказывающіяся потомъ лживыми. Получаетъ по телеграфу же сообщенія о пожертвованіи Иваново-Вознесенскими купцами 15 милліоновъ на флотъ, также потомъ не подтверждающіяся. Утверждаютъ даже, что его супруга ходила первые дни по Проспекту съ кружкой для Краснаго Креста. Въ газетѣ онъ полемизируетъ все время съ неблагонадежнымъ элементомъ, старательно отмѣчая въ ней полученіе нашихъ прокламацій. Въ отвѣтъ на послѣднія, онъ замѣчаетъ только, что родина есть мать для каждаго изъ насъ, а кто не любитъ мать, тотъ — выродокъ. О мачехахъ и о томъ, что Николай II и родина не совсѣмъ одно и то же — онъ, повидимому, и не догадывается. Вся завоевательная политика Россіи ведется, по мнѣнію Духовецкаго, въ интересахъ русскаго мужичка, которому надо выселяться въ Манджурію и Корею. Даже Ермакъ воевалъ въ интересахъ того же русскаго крестьянина. Когда отсюда уѣзжалъ на войну губернаторъ графъ Келлеръ, то Духовецкій въ фельетонѣ „Нашъ графъ" до того изолгался, что даже обыватель выпучилъ глаза. У Келлера, этого стараго развратника, пьяницы и убійцы, оказались младенчески чистые глаза, передъ которыми нельзя было лгать и пр. и пр.

Смрадно, товарищи, въ обывательской средѣ! И душно было бы, еслибъ обыватель не доходилъ отъ времени до времени до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ, по поводу которыхъ уже нельзя возмущаться, а можно только смѣяться.

Вотъ примѣры курьезовъ: отправился добровольцемъ на войну служащій управленія желѣзныхъ дорогъ нѣкто Илличевскій, пьяница и скандалистъ самаго обыкновеннаго пошиба. Изъ Челябинска онъ телеграфируетъ, что переступилъ порогъ Азіи, собирается грудью отразить дерзкаго врага отъ отечества и по сему поводу шлетъ привѣтъ екатеринославцамъ, благословившимъ его на подвигъ трудный.

Эта телеграмма печатается въ мѣстной газетѣ, а публика читаетъ и конфузится. Или другое явленіе: о патріотизмѣ и самопожертвованіи кричатъ всѣ и въ то же время изо всѣхъ силъ стараются избавиться отъ возможности призыва въ случаѣ мобилизаціи. Усиленно ищутъ мѣстъ учителей и проч. Низшіе канцелярскіе служащіе полиціи и другихъ учрежденій, въ числѣ первыхъ также сверхштатные околодочные, съ разрѣшенія каждый разъ полиціймейстера, заносятся въ списки городовыхъ и тѣмъ избавляются отъ необходимости идти на войну. Но оставимъ либераловъ и реакціонеровъ и перейдемъ къ тому, что интересуетъ насъ непосредственно. О жандармскомъ набѣгѣ 18 января вамъ извѣстно. Три недѣли послѣ этого типографія не работала внѣ всякой зависимости отъ этого набѣга, чтобы вскорѣ послѣ начала войны съ удвоенной энергіей распространять нашу литературу въ массахъ. Спросъ на нее былъ дѣйствительно очень силенъ, особенно изъ нашихъ сельскихъ районовъ, куда къ 19 февраля потребовалось огромное количество листковъ. Вы уже знаете, какіе листки мы выпускаемъ, и хотя они выходили въ количествѣ отъ 8 до 12 тысячъ, всего спроса они удовлетворить не могли. Недостатокъ литературы, вообще нашъ бичъ здѣсь, и только онъ тормозитъ работу. Вос вость у массы, какъ городской, такъ и сельской, громадна, и только недостатокъ литературы связываетъ намъ руки. А на сколько вопросовъ, возбуждаемыхъ той же войной, необходимо дать отвѣты!.. Отдѣльные заводы распускаютъ рабочихъ, въ пользу Краснаго Креста насильно дѣлаютъ вычеты, усиленно появляются въ обращеніи кредитные билеты, запасные ждутъ призыва — все это волнуетъ массы, на все это надо дать отвѣтъ. Вопросы возникаютъ и другого рода. Въ пропагандистскихъ кружкахъ ставятся вопросы о партійныхъ разногласіяхъ. Требуется ихъ освѣщеніе и толкованіе. А литературнаго и принципіальнаго освѣщенія пока еще такъ мало получено нами. Пока во всякомъ случаѣ работа этимъ не тормозится. Что-то будетъ дальше? Въ настоящее время большая часть мѣстной организаціи еще не разобралась въ этихъ разногласіяхъ, т. к. пока они замалчивались. Теперь это уже невозможно.

Послѣ большого жандармскаго набѣга, о которомъ говорилось выше, было 2-3 частныхъ ареста. Послѣдній выдается по своей наглости. Къ своимъ знакомымъ днемъ шелъ гимназистъ, который былъ два мѣсяца тому назадъ безрезультатно обысканъ. Вслѣдъ за нимъ въ квартиру вваливается частный приставъ, случайно проходившій по улицѣ, и остается тамъ, пока не являются синія власти, за которыми онъ послалъ дворника. У гимназиста находятъ какую-то брошюру и его сажаютъ въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ сейчасъ всего около 80 человѣкъ.

Заводы мѣстнаго района получили запросъ отъ правительства: могутъ ли они безъ казенныхъ заказовъ продолжать производство, не распуская рабочихъ во избѣжаніе волненій? Заводы, разумѣется, отвѣтили, что никакъ не могутъ.

Томскъ. Разлившаяся по всей Россіи волна полицейско-патріотическихъ манифестацій по поводу войны докатилась и до насъ.

Перваго февраля, въ воскресенье, гнусная комедія обмана безсознательнаго народа была разыграна на улицахъ Томска. Планъ и кампанія манифестаціи были обдуманы заранѣе, роли розданы, обстановка подготовлена.

Началъ кампанію архіерей Макарій, прославившійся приспособленіемъ идей христіанства къ интересамъ царскаго деспотизма и заслужившій за свои старанія бриллiантовый крестъ. Начало положилъ онъ молебномъ въ соборѣ за побѣду Россіи, собравъ въ церковь съ помощью полиціи старухъ, лавочниковъ, уличныхъ мальчишекъ, десятка два подвыпившихъ солдатиковъ, переодѣтыхъ городовыхъ и сыщиковъ.

Старая полицейская крыса, полиціймейстеръ Аршауловъ, съ бандой полицейскихъ выжидалъ конца молебна, чтобы начать свою роль.

Молебенъ кончился, кончилась рѣчь Макарія, призывавшаго на подвигъ защиты отечества, народъ высыпалъ на улицу. Аршауловъ со сворой полицейскихъ запѣлъ „Боже царя храни“, лавочники и мальчишки подтягивали, шпіоны неистовствовали, любопытные стекались на оригинальное зрѣлище. Извѣстный воръ и мошенникъ Аршауловъ плакалъ, всхлипывая и поглаживая мальчишку, пѣвшаго „Б. Ц. храни“, приговаривая „пой, мальчикъ, пой“. Заранѣе приготовленный оркестръ игралъ гимнъ. Переодѣтые городовые и сыщики, „скромно“ затерявшись въ толпѣ, кричали ура, пристава сбивали съ проходящей публики шапки. Макарій виднѣлся въ толпѣ. Постоявъ немного около собора, полиція повела толпу къ театру, думѣ, университету, гдѣ ждали подготовленные оркестры. Въ толпѣ откуда то появились бутылки съ водкой, и пьяное „ура“ висѣло въ воздухѣ. Нѣсколько пижоновъ-технологовъ въ порывѣ патріотическаго экстаза сорвали съ себя погоны съ иниціалами „Н. II“ и торжественно несли на рукахъ. Одинъ студентъ юристъ выступалъ съ патріотической рѣчью, профессоръ Ефимовъ, прославившійся еще во время прошлогодней забастовки студентовъ площадной руганью обструкціонистовъ, кричалъ ура и яро махалъ шляпой. Какой то студентъ собиралъ деньги на военныя нужды. Около думы толпа опять остановилась, опять заигралъ оркестръ, и на крыльцѣ думы появился ставленникъ городской „интеллигенціи“, доброволецъ самодержавія — городской голова, врачъ Макушинъ съ портретомъ царя въ рукахъ, а его братъ — издатель халуйской газеты, разжигающей „патріотическія“ чувства — Петръ Макушинъ, съ портретомъ царицы.

Нѣсколько часовъ продолжалось это шествіе, и нѣсколько часовъ жидкое „ура“ разносилось по городу. Благомыслящіе граждане трусливо торопились заявить о своей благонамѣренности и преданности. Дума въ экстренномъ засѣданіи спѣшила повергнуть къ стопамъ Ники Милуши вѣрноподданическія чувства, мѣстные комерсанты, какъ члены купеческаго общества и биржевого комитета, торопливо раскошеливались по 30 руб. на брата, прикидывая вслѣдъ за этимъ по нѣскольку коп. на продаваемые товары.

Моментъ смутный, правительство предлагаетъ постараться, а патріотизмъ въ ходу, не дай богъ, чего бы не вышло, лучше патріотами объявиться, такъ спокойнѣе будетъ.

Время тяжелое. Только вѣдь на дняхъ мѣстный помпадуръ губернаторъ распушилъ начальника пенсіонной кассы Сибирской ж. д. за непредставленіе получаемыхъ по почтѣ прокламацій, куда слѣдуетъ. И вотъ, трусливое начальство, готовое похалуйствовать, когда надо, стало стараться.

Въ самыхъ разнообразныхъ учрежденіяхъ замелькали разграфленные листы съ полнымъ спискомъ всѣхъ служащихъ, забѣгали разные помощники начальниковъ отдѣловъ, подсовывая мелкой сошкѣ листы съ категорическимъ вопросомъ „сколько и куда подпишете“. Не подпишешь — въ неблагонадежные попадешь, а то и мѣста лишишься — и заполняетъ мелкая сошка листы, проклиная начальство. А начальство старается, отчисляетъ на военныя нужды собранныя съ мелкихъ сошекъ библіотечныя суммы.

Трясется и холопствуетъ мѣстная пресса въ лицѣ „Сибирской Жизни“. Описаніемъ патріотическихъ манифестацій, вѣрноподданническими телеграммами, воззваніями къ пожертвованіямъ, призывами къ исполненію долга защиты нашего „колосса“ родины такъ и пестрятъ столбцы этой бульварной газеты. Не можетъ забыть издатель ея, Петръ Макушинъ, той гонки, которую задалъ ему Плеве, во время своего пріѣзда, за напечатаніе неодобрительной замѣтки о дѣйствіяхъ полиціи, и въ опасный моментъ быстро зарабатываетъ себѣ славу патріота. Хоть и всегда была газета подленькая, но теперь эта подлость брызжетъ смраднымъ фонтаномъ.

Холопствуетъ и профессура въ лицѣ Тихова, зовущаго студентовъ исполнять „святой долгъ“ передъ родиной, холопствуетъ съ одобренія папаши-попечителя, провозгласившаго 6 декабря, на жандармскомъ праздникѣ, тостъ „за процвѣтаніе труднаго дѣла жандармеріи въ наше смутное время“. Струсили и жандармы. Только началась война, какъ городъ сталъ наводняться прокламаціями по поводу войны къ обывателямъ, къ рабочимъ и работницамъ, призывая къ самому энергичному протесту противъ войны. Струсили — и послѣ почти исчерпывающей вопросъ о войнѣ агитаціи, стали истреблять крамолу.

Иркутскъ. 21 марта. Война, конечно, является теперь центромъ общественной жизни. Въ городѣ то и дѣло слышится „призывный звукъ“ трубы, на тротуарѣ звучитъ цвѣтистая русская рѣчь изъ устъ солдатъ, расположенныхъ по обывательскимъ квартирамъ. На Востокъ ѣдутъ почти исключительно военные съ сопутствующими ихъ пушками, лошадьми, провіантомъ и т. п. Всѣ пріѣзжіе съ Востока въ одинъ голосъ утверждаютъ, что война застала насъ весьма къ ней неподготовленными. Ѣхавшій по Маньчжуркѣ 29 января говорилъ, напримѣръ, что у охранной стражи запасъ патроновъ не превышалъ одной сумки. На Забайкальской дорогѣ былъ страшный недостатокъ въ паровозахъ и вагонахъ, т. ч. пришлось соорудить рельсовый путь черезъ Байкалъ, чтобы конной тягой перебросить туда потребное количество тѣхъ и другихъ. Особеннаго подъема патріотизма, на мой взглядъ, нѣтъ.

Всѣ манифестаціи до нѣкоторой степени были даже комичны. Напримѣръ, компанія чиновниковъ контроля, вытребовавъ духовой оркестръ вольной пожарной дружины, отправляется къ театру и, согласно сообщенію „Россійск. Тел. Агентства“, требуетъ, чтобы ей выслали театральный оркестръ. Дежурный приставъ заявляетъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ. Когда же ему объявили, что оркестръ нуженъ для исполненія народнаго гимна, онъ заявилъ, что разрѣшеніе этого вопроса онъ предоставитъ полиціймейстеру, котораго и вызоветъ по телефону. Тотъ по пріѣздѣ прежде всего спрашиваетъ: „Вамъ что угодно, господа?“ Объяснили. „А вы обѣщаете потомъ разойтись?“ — Обѣщаемъ. — Тогда выходитъ театральный оркестръ, играетъ одинъ (у дружинниковъ инструменты замерзли) трижды гимнъ, стоя въ дверяхъ театра, публика реветъ „Ура!“ и расходится.

Устраивали, по иниціативѣ учителей, шествіе школьники, а затѣмъ, по собственной иниціативѣ, группа учениковъ изъ средне-учебныхъ заведеній. Что касается мобилизаціи, то, по сравненію съ прошлой, она проходитъ удивительно вяло. На вокзалѣ, при отправкѣ, слышенъ плачъ бабъ, но не слышно, какъ тогда, хотя и пьянаго, пѣнія. Видимо, народъ хорошо еще помнитъ тяготу и той войны. Въ Забайкальѣ во многихъ мѣстахъ настолько плохой урожай хлѣбовъ, что теперь уже начался форменный россійскій голодъ, когда на сцену выступаетъ лебеда.

Сибирская дорога, вопреки увѣреніямъ „Нов. Врем.“, оказалась не вполнѣ пригодной для перевозки войскъ, отчего здѣсь уже все готово къ мобилизаціи ратниковъ ополченія перваго разряда.

Не прекращается, какъ слышно, и война съ „внутреннимъ врагомъ“: здѣсь недѣли три тому назадъ схватили 13 человѣкъ. Изъ гимназіи также выгнали порядочное количество гимназистовъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ на время войны генералъ-губернатору предоставлено здѣсь право издавать обязательныя постановленія по охранѣ государственнаго порядка и даже предоставлено право высылки изъ нѣкоторыхъ мѣстъ или даже всего края. Говорятъ, что генералъ-губернаторъ уже воспользовался этимъ правомъ и выслалъ одного еврея-фармацевта Минскаго.

Одесса.[1] Въ первое время начала войны, какой то патріотическій зудъ охватилъ все одесское населеніе съ низу до верху.

Начиная съ либеральныхъ журналистовъ и кончая чинами сыскной полиціи, всѣ, всѣ спѣшили выразить охватившій ихъ порывъ патріотическихъ чувствъ. Мѣстное земство и городская дума во главѣ съ своимъ „либераломъ“ Зеленымъ, общественныя учрежденія и частныя лица — начали посылать патріотическія телеграммы на высочайшее имя, изъявляя готовность жертвовать всѣмъ достояніемъ для спасенія дорогого отечества и чести обожаемаго монарха. Пожертвованій въ пользу войны военнаго флота и раненныхъ — собрано уже больше 200 тысячъ руб. Жертвовали: всѣ чиновныя и гражданскія учрежденія, благотворительныя общества, частныя банкирскія конторы, торговопромышленныя предпріятія, ученики и ученицы гимназій, реальныхъ, городскихъ и народныхъ училищъ, педагогическіе персоналы мѣстныхъ учебныхъ заведеній и *масса* частныхъ лицъ и фабричныхъ и ремесленныхъ рабочихъ.

Собирались деньги разно: давали добровольно, давали, желая обратить на себя вниманіе высшаго начальства, на фабрикахъ, заводахъ и въ частныхъ мастерскихъ — деньги собирались хозяевами и мастерами, которымъ неудобно отказать. Не малая толика попала, благодаря усердію полиціи.

Надзиратели ходили по магазинамъ, къ владѣльцамъ домовъ, хозяевамъ лавокъ и смиренно „обращали вниманіе“ на необходимость „что нибудь тоже дать“.

И, конечно, никто не желалъ навлечь на себя гнѣвъ всесильной полиціи, которая уже найдетъ предлогъ, чтобы напакостить — и они давали деньги.

Въ изверженіи патріотическихъ чувствъ не отставали также владѣльцы домовъ терпимости и чины сыскной полиціи, имена которыхъ долго красовались въ газетахъ, съ полнымъ обозначеніемъ ихъ титуловъ и суммы, какую каждый далъ. Не ударили лицомъ въ грязь также мѣстные трактирщики (которые отдавали цѣлую дневную выручку и собирали деньги въ своихъ трактирахъ) и содержатели „отдѣльныхъ номеровъ“ и ночлежекъ. И все это тоже спасало отечество.

Собственно говоря, много удивляться гадости сихъ пресмыкающихся нечего.

Гораздо интереснѣе физіономія „патріотовъ на часъ“ — изъ такъ называемаго интеллигентнаго общества. Такъ, напримѣръ, мѣстное литературное общество, общественныя и просвѣтительныя учрежденія, корпораціи профессоровъ, врачей, педагоговъ, дѣятелей по народному образованію и оперные артисты — всѣ они сочли нужнымъ и своевременнымъ пощеголять своими патріотическими чувствами и высокимъ патріотическимъ настроеніемъ. Напримѣръ, антрепенерша городского театра Лубковская на сборномъ спектаклѣ итальянской оперной труппы, въ своей рѣчи сказала: „я увѣрена, что какъ *Россія побѣдитъ Японію*, такъ и дѣла оперы поправятся и интеллигентная публика приняла эти слова съ аплодисментами. Извѣстный драматургъ и артистъ, князь Сумбатовъ Южинъ, помѣстилъ въ газетахъ письмо, въ которомъ онъ доказываетъ, что дѣло устройства новыхъ броненосцевъ для скорѣйшей побѣды надъ японцами — это есть дѣло чести русскаго народа.

Главную роль во всей этой патріотической оргіи играла мѣстная пресса. Никто себѣ раньше не могъ представить до какой *изступленности, до какого идіотизма и поразительнаго неумѣнья понимать положеніе вещей*, до какого грязнаго, низкопробнаго квасного патріотизма опустятся наши либеральныя и радикальныя газеты. Либерально-конституціонныя *Одесскія новости*, крайне радикальное *Южное Обозрѣніе* и просто консервативный *Одесскій Листокъ* начали свою позорную дѣятельность на почвѣ затемнѣнія народнаго сознанія. Начиная съ передовицъ, звавшихъ все русское общество оказаться на высотѣ положенія по начертаніямъ обожаемаго монарха и указывавшихъ на великій историческій моментъ, переживаемый теперь Россіей, по волѣ провидѣнія, долженствующей стоять на стражѣ европейской цивилизаціи (какая иронія!) и бороться противъ вторженія азіатской культуры, отражая нападеніе дерзкихъ японцевъ, начиная съ этихъ передовицъ и кончая задворками этихъ газетъ, фельетонами мѣстныхъ ремесленныхъ „публицистовъ“ — все, все нагло и дико праздновало вакханалію разнузданнаго патріотизма, все восхваляло царское правительство и клеветало на японцевъ, и все это имѣло одну цѣль: усыпить могущія пробудиться умъ и чувство народныхъ массъ и общества. Всѣ эти „Лоэнгрины“, „Сиги“, „Знакомые“, „Кармены“ и прочіе ремесленники литературнаго цеха — такъ и чувствовали, что на ихъ улицѣ теперь праздникъ, такъ и щеголяли своей невѣжественностью, тупостью и продажностью, демонстрируя свою мелочность и болтовню...

Тѣ самыя газеты, которыя *раньше* либеральничали, радикальничали, робко заговаривали о конституціи и даже не прочь были заигрывать съ рабочимъ — теперь всѣ эти газеты въ одинъ голосъ, съ замѣчательной стройностью и единодушіемъ стали славословить русское самодержавіе, начали пѣть хвалебные гимны русскому оружію, возбуждая среди своихъ многочисленныхъ читателей шовинистское настроеніе и этимъ самымъ укрѣпляя позиціи самодержавныхъ хищниковъ.

Теперь такъ ясно, такъ очевидно, какъ одинокъ пролетарій, какъ отвертываются отъ него въ нужную минуту и какъ готовы безцеремонно обращаться съ его кровными денежками, его личной жизнью всѣ, не исключая и радикальныхъ фразеровъ, лишь бы утолить жажду молоха милитаризма...

Да, не на кого надѣяться намъ, рабочимъ, не отъ кого ожидать намъ помощи. Въ рѣшительную минуту насъ всѣ готовы продать. И не маленькаго ума былъ тотъ, кто сказалъ, что „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ его же рукъ“. И рѣшительно все, что передъ нами происходитъ съ замѣчательной наглядностью доказываетъ намъ, что только организуясь въ самостоятельную и сильную партію — только тогда мы сумѣемъ улучшить основательно наше положеніе. И работая самъ на заводѣ, присматриваясь къ моимъ товарищамъ по работѣ — я вижу сколько могла бы сдѣлать наша партія, если бы она была достаточно сильной. Чертъ побери, вѣдь мы теперь переживаемъ такой моментъ, когда все и вся заставляетъ всѣхъ призадуматься, когда возникаетъ масса вопросовъ и сомнѣній, когда голова работаетъ „на всѣхъ парахъ“, и теперь нужно было только агитировать и агитировать, устраивать массовыя сходки и собранія, организуя демонстраціи и, ей богу, повторись теперь ростовскія событія и іюльскіе дни, и самодержавному хищничеству пришлось бы ретироваться. Но ничего подобнаго у насъ нѣтъ! Нашъ Комитетъ имѣетъ возможность только выпускать листки и устраивать ничтожныя собраньица въ нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Нужно отдать справедливость: что касается агитаціи печатной, Одесскій Комитетъ дѣйствовалъ довольно сносно. До сихъ поръ были выпущены слѣдующіе листки: 1) Японцы ли наши дѣйствительные враги, 2) Кто нашъ врагъ, 3) Послѣдній козырь самодержавія, 4) Рабочіе и война. Были изданы также: листокъ о 19 февраля 1861 г. и 1 марта 1881 г., брошюра о податяхъ и налогахъ, листокъ къ рабочимъ о еврейскомъ погромѣ — въ общей сложности около 70 тысячъ экземпляровъ. Почти всѣ эти прокламаціи изданы въ собственной типографіи Комитета и напечатаны довольно чисто.

Но, къ сожалѣнію, всѣ эти печатныя произведенія рѣдко доходятъ до *широкой массы фабричныхъ рабочихъ русскаго населенія.*

Больше всего они распространяются среди организованныхъ еврейскихъ ремесленниковъ, среди учащейся молодежи и обывательской публики.

Громаднѣйшую пользу принесли бы теперь соотвѣтствующіе №№ „Искры“, но ихъ нѣтъ и нѣтъ. За все время случайно попадетъ какой нибудь номерокъ изъ „свѣженькихъ“ и его зачитываютъ буквально до дыръ. Начиная съ 40 № — мы „Искры“ и въ глаза не видали.

Какъ жаль, что въ такое интересное время, какъ наше, когда жизнь идетъ усиленнымъ темпомъ, когда событія мѣняются буквально съ головокружительной быстротой — мы рабочіе, за неимѣніемъ текущей литературы — не имѣемъ возможности оріентироваться во всемъ этомъ хаосѣ. Листки Комитета и рѣдкія кружковыя собранія даютъ намъ очень мало...

На нелегальную литературу громаднѣйшій спросъ, а ея нѣтъ. Мы теперь переживаемъ такое время, когда пытливая мысль и здравое чувство нашего брата рабочаго бьется очень сильно, но на всѣ проклятые вопросы — никакого отвѣта.

Именно теперь нужна была-бы систематическая и хорошо составленная популярная литература, которая разъяснила бы *всѣмъ* намъ смыслъ происходящаго, углубляла и расширяла бы уже пробудившуюся мысль русскаго рабочаго. А такой литературы нѣтъ. Нужна была мнѣ, напримѣръ, книжка „Рабочее дѣло въ Россіи“ — и я съ трудомъ, послѣ большихъ хлопотъ и побѣгушекъ, досталъ всего одинъ экземпляръ и то на короткое время.

И просто больно становится, когда подумаешь — какой важный моментъ мы проживаемъ!!.. И неужели противъ этого ничего нельзя подѣлать? Неужели все такъ и останется? Я вотъ уже больше трехъ лѣтъ въ движеніи, а мнѣ будто кажется, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ...

Не знаю, можетъ быть это такъ только у насъ въ Одессѣ — можетъ быть въ другихъ мѣстахъ лучше — не знаю, но такъ печально...

Ко всему этому прибавляются еще организаціонныя дрязги. Я вовсе не принадлежу къ тѣмъ узкоголовымъ, которые не обращаютъ вниманія на необходимость сильной теоретической позиціи и потому недовольны полемикой, въ особенности когда она (полемика) не особенно вѣжливо ведется.

Я это отлично понимаю, но мнѣ все-таки кажется, что кромѣ *многихъ важныхъ причинъ*, которыя мѣшаютъ намъ хорошо сорганизоваться, немалую роль играютъ также: отсутствіе сильной теоретической выдержанности и нежеланіе понять другъ друга.

Нашъ Комитетъ очень долгое время просто замалчивалъ существующія партійныя разногласія.

Какія у него были соображенія — богъ его вѣдаетъ!

Но гони природу въ дверь и она влетитъ черезъ окно!

Объ организаціонныхъ разногласіяхъ заговорили всѣ.

И такъ какъ номеровъ „Искры“ совсѣмъ нѣтъ, подробныхъ отчетовъ о съѣздѣ у насъ въ Одессѣ не имѣется — то начали толковать и вкривь и вкось. Приходится вѣрить на слово нашимъ „интиллигентамъ“, но одинъ изъ нихъ противорѣчитъ другому. Больше вниманія обращаютъ на декораціонныя подробности, на сенсаціонныя штукенціи: Ленинъ сказалъ то-то, Плехановъ сдѣлалъ такъ-то, а Мартовъ сказалъ вотъ что. Вотъ, объ этихъ подробностяхъ передаютъ очень много и всѣ знаютъ до мелочей скандальныя подробности и не имѣютъ никакого понятія, *чего же собственно хотятъ большинство и меньшинство?* Вообще у нашихъ „руководителей“ (мѣстныхъ) совершенно отсутствуетъ принципіальная и теоретическая выдержка, основательный теоретическій кругозоръ. Такъ и чувствуешь, когда кто нибудь начинаетъ излагать сущность разногласій — что когда вопросъ уже переходитъ на принципіальную почву — наши интеллигенты начинаютъ хромать...

Возможно, что я уже слишкомъ обобщаю, но, право, мнѣ просто *смѣшно* видѣть, когда какая нибудь дѣвица, съ благородствомъ вмѣсто тактики и нервностью вмѣсто программы — горячась и волнуясь обвиняетъ меньшинство въ оппортюнизмѣ, измѣнѣ рабочему дѣлу, называетъ „Искру“ „дрянной и паршивой газетой“!.. Или когда какой нибудь юнецъ, изъ „учащейся молодежи“, едва усвоившій азы соц.-дем. ученія, *тоже*, со словъ „добраго человѣка“ обвиняетъ Мартова и другихъ въ разныхъ прегрѣшеніяхъ.

И больно видѣть, какъ легкомысленно и поверхностно относятся къ такимъ важнымъ вопросамъ, какъ организаціонные...

И теперь я вижу, что будь у нашего брата, рабочаго, побольше знаній — мы могли бы во сто кратъ больше сдѣлать, да и отношеніе къ дѣлу было бы просто другое, болѣе серьезное и продуманное...

Сильно даетъ себя чувствовать отсутствіе какой нибудь руководящей брошюры, брошюры принципіально выдержанной, популярной и объективной, безъ глупыхъ полемическихъ красотъ, какъ, напримѣръ, книжка какого то Павловича, которую на дняхъ случайно досталъ.

Товарищъ-рабочій

Если ты имѣешь много.
то тебѣ еще дадутъ...

Иностранныя газеты сообщаютъ, что царь приказалъ дать вдовѣ Макарова 250 000 рублей *единовременнаго пособія* и, кромѣ того, выдавать *пенсію* въ размѣрѣ жалованья, получавшагося ея мужемъ. Интересно было бы знать, какое пособіе и какія пенсіи получатъ вдовы *матросовъ*, погибшихъ вмѣстѣ съ Макаровымъ?

Сокращеніе „воспособленій“ и сберегательныя кассы. Война начинаетъ бить по карману и излюбленныхъ людей самодержавной Россіи — г.г. дворянъ. „Воспособленія“ дворянскому землевладѣнію, производившіяся — со времени „незабвеннаго родителя“ — такою щедрою рукою изъ народныхъ денегъ, приходится посократить.

Дворянскій банкъ, основанный для необычайно льготныхъ ссудъ землевладѣльцамъ, и крестьянскій банкъ, имѣвшій задачею покупать по повышенной оцѣнкѣ имѣнія дворянъ, прогорѣвшихъ несмотря ни на какія покровительства, и по еще болѣе повышенной оцѣнкѣ продавать эти имѣнія крестьянамъ, оба эти банка по „высочайшему повелѣнію“ должны сократить свои операціи „въ связи съ наступившимъ военнымъ временемъ“. Дворянскій банкъ отнынѣ будетъ выдавать ссуды „только по нормальнымъ оцѣнкамъ“; до сихъ поръ онъ выдавалъ ихъ по оцѣнкѣ, явно „ненормальной“. Крестьянскій банкъ впредь можетъ затрачивать не болѣе полутора милліоновъ рублей въ годъ на покупку земель, да и то лишь въ Уфимской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ тратилъ на это 6-7 мил. руб. въ годъ. Конечно, г.г. дворяне больно восчувствуютъ это сокращеніе „покровительства“, гораздо больнѣе, чѣмъ они чувствуютъ тѣ жертвы людьми и деньгами, которыя война требуетъ отъ „простого“ народа, и, быть можетъ, не дубьемъ, такъ рублемъ, судьба научитъ и ихъ не съ такою пламенностью чувствъ привѣтствовать „обожаемаго монарха“ въ его военныхъ авантюрахъ.

---

[1] *Отъ редакціи:* Корреспонденція эта получена нами отъ совершенно неизвѣстнаго намъ товарища. Въ письмѣ, приложенномъ къ корреспонденціи, авторъ даетъ „свое честное пролетарское слово, что все, что тутъ написано, вѣрно и правдиво“.

Но большимъ заблужденіемъ было бы думать, что народныя денежки, не попавшія по случаю войны въ дворянскіе карманы, останутся въ рукахъ народа. Дѣло въ томъ, что „вспособленіе“, оказываемое дворянскимъ и крестьянскимъ банками землевладѣльцамъ на счетъ народа отнюдь не ограничивается „ненормальными“ ссудами и повышенными цѣнами за землю, платимыми дворянамъ и сдираемыми съ мужиковъ. И проценты по ссудамъ взымаются съ помѣщиковъ ненормально низкіе, а потому закладные листы обоихъ банковъ невозможно было бы размѣстить безъ убытка, если бы расчитывать на покупку ихъ капиталистами, не склонными получать на свои деньги такіе низкіе проценты, какіе платятъ банку дворяне. Дешевыя деньги для дешеваго кредита помѣщикамъ находились инымъ способомъ: въ закладные листы помѣщались, обыкновенно, капиталы сберегательныхъ кассъ, и такимъ образомъ еще разъ насчетъ мелкаго люда, крестьянъ, рабочихъ, городскихъ мѣщанъ, мелкихъ лавочниковъ, несущихъ свои мелкіе „капиталы“ въ кассы, оказывался льготный кредитъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ большая часть „воспособленій“ производилась непосредственно насчетъ вкладиковъ сберегательныхъ кассъ. Нынѣшнее сокращеніе операцій дворянскаго и крестьянскаго банковъ означаетъ только, что, если раньше мелкіе вкладчики оказывали поневолѣ „дешевый“ кредитъ дворянамъ и давали деньги на „дорогую“ покупку ихъ земель, то теперь ихъ вклады пойдутъ прямо въ руки правительства, нуждающагося въ средствахъ на веденіе войны. Не надо забывать, что и безъ того милліоновъ 150, если не больше, изъ капиталовъ сберегательныхъ кассъ находятся на текущемъ счету въ государственномъ банкѣ, который платитъ по нимъ $^1/_2$ и 1 %, между тѣмъ какъ ни одинъ крупный капиталистъ не отдастъ своихъ денегъ въ заемъ менѣе чѣмъ за 4-5 %. Теперь же, очевидно, почти всѣ новые вклады въ сберегательныя кассы будутъ немедленно передаваться въ государственный банкъ. Такимъ образомъ, правительство, вопреки своимъ торжественнымъ „опроверженіямъ“ слуховъ, распускаемыхъ „злонамѣренными людьми“, и вопреки разглагольствованіямъ продажныхъ писакъ, начинаетъ уже запускать свою руку въ карманъ мелкихъ вкладчиковъ, точно такъ же, какъ, вопреки всѣмъ опроверженіямъ, оно уже ведетъ переговоры о новыхъ займахъ и выпускаетъ новыя бумажныя деньги. И это только начало!

Харьковъ. Земскіе либералы.

Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу.
Но, гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу... я не могу...

Некрасовъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ на чрезвычайномъ собраніи губернскаго земства, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Колокольцева и созванномъ для обсужденія вопроса о пожертвованіи на войну, разыгрался слѣдующій инцидентъ. По общему соглашенію, постановили пожертвовать 550 тысячъ. Кажется, чего бы еще нужно? Сумма весьма солидная даже и для такого земства какъ Харьковское. Постановили и, прослушавши самое постановленіе очевидно хотѣли расходиться по домамъ. Въ это время одинъ изъ гласныхъ, нѣкто Плещеевъ, онъ же и членъ русскаго общества, охваченный патріотическимъ порывомъ, стремительно поднялся съ своего мѣста и громко крикнулъ: „къ стопамъ его величества повергнемъ милліонъ“. Бывшіе на собраніи, въ качествѣ зрителей студенты, члены русскаго общества, радостными возгласами поддержали Плещеева, а за ними стали выражать свое одобреніе и восторгъ и другіе гласные. Гласные, либералы крайней лѣвой подъ неистовые крики консерваторовъ и патріотовъ: встать! встать! медленно встали съ своихъ мѣстъ съ вытянутыми блѣдными лицами... Колокольцевъ стремительно было направился къ выходной двери, но на полдорогѣ остановился и, поколебавшись съ секунду, возвратился обратно и присоединился къ общему ликованію консервативныхъ патріотовъ. Происходило, что-то ужасное, трагическое: страшный шумъ, крики ура, радостныя, оживленныя лица членовъ русскаго общества и, въ то же время, на фонѣ этого торжества, блѣдныя лица, перекошенныя безсильной злобой либераловъ крайней лѣвой, молчаливо стоящихъ съ покорностью рабовъ. И ни одного протеста изъ ихъ партіи, не раздалось въ защиту крестьянъ, деньги которыхъ были повергнуты къ стопамъ его величества безъ ихъ вѣдома, благодаря лишь трусости ихъ либеральныхъ „представителей“, не проявившихъ гражданскаго мужества и не открывавшихъ своихъ сахарныхъ устъ, выпускающихъ въ другое время столько прекрасныхъ, теплыхъ словъ. Такимъ образомъ, съ общаго согласія консерваторовъ и либераловъ, было пожертвовано одинъ милліонъ 550 тысячъ: милліонъ обожаемому монарху, „къ стопамъ“, на карманные расходы, а остальныя въ пользу семей убитыхъ и раненыхъ и на другія потребности войны. Консерваторы одержали полную побѣду надъ либералами. Мало этого, они нанесли послѣднимъ публичную пощечину и показали на дѣлѣ всю несостоятельность того *либерализма изъ-за угла*, который проявляется только „примѣнительно къ подлости“.

Децентрализація права ходатайствъ. Уѣздныя земства получили право „представлять правительству ходатайства, касающіяся исключительно мѣстныхъ пользъ и нуждъ уѣзда“. До сихъ поръ такимъ „правомъ“ пользовались только губернскія земства.

Это расширеніе права „ходатайствъ“ представляетъ собою реакціонный фортель, вызванный тѣмъ огорченіемъ, которое часто причиняли правительству скромныя либеральныя нотки, звучавшія въ „ходатайствахъ“ губернскихъ земствъ. Объ этомъ открыто говоритъ оффиціальная статья въ „Новомъ Времени“, жалующаяся на „отвлеченность руководящихъ воззрѣній въ губернскихъ земствахъ, какъ естественное послѣдствіе обобщенія явленій, происходящихъ на пространствѣ болѣе крупной территоріальной единицы“, на отдаленность ихъ отъ „прозаическихъ потребностей нашихъ селъ и деревень и преобладаніе въ нихъ „чуждыхъ элементовъ“. Разъединеніе отдѣльныхъ группъ и группокъ, стремленіе поставить каждую въ отдѣльности лицомъ къ лицу съ всемогущимъ правительствомъ, какъ подателемъ всякихъ благъ, низвести всѣ помыслы до уровня „прозаическихъ потребностей“ желудка и кармана, подавленіе всякихъ попытокъ „обобщенія“, т. е. попытокъ добраться до основныхъ, единообразныхъ причинъ, тяготѣющихъ надъ отдѣльными лицами и группами разнообразныхъ бѣдствій, попытокъ слить единичныя и групповыя нужды въ одно широкое классовое русло — таковы всегда были задачи и такова всегда была политика царскаго правительства, послѣ того какъ соціально-экономическое развитіе страны вырвало у него почву изъ подъ ногъ. „Раздѣляй и властвуй“ — вотъ десять заповѣдей царизма. Новый законъ только и интересенъ, какъ новое проявленіе этой политики и какъ „первый шагъ“ къ перемѣщенію „центра тяжести земской дѣятельности изъ губерніи въ уѣздъ“, какъ говоритъ то же „Новое Время“, т. е. къ уничтоженію губернскихъ земствъ.

Сама же по себѣ эта „децентрализація“ права хозяйствъ, конечно, никакого существеннаго значенія имѣть не можетъ, и мы боимся даже, не увлечетъ ли примѣръ, данный „третьимъ элементомъ“ на техническомъ и пироговскомъ съѣздѣ, и „прозаическихъ“ людей уѣзда на путь пагубныхъ мыслей о безпомощности всякихъ „ходатайствъ“ передъ правительствомъ. Не слишкомъ ли поздно надумало самодержавіе надѣлять своихъ „вѣрноподданныхъ“ такими огромными „правами“?

Изъ Бобруйска. Въ среду 13 апрѣля въ мѣстечкѣ Паричахъ со стороны христіанскаго населенія сдѣлана была попытка къ погрому, но оказалась неудачной. Мѣстечко Паричи имѣетъ тысячъ пять населенія, изъ коихъ человѣкъ 300-400 приходится на долю христіанъ, такъ называемыхъ „мѣщанъ“. „Мѣщане“ почти всѣ люмпенъ-пролетаріи, занимаются нагрузкой и выгрузкой плотовъ, барокъ, пароходовъ, а также „найденными вещами“, при чемъ находятъ ихъ, какъ въ домахъ и погребахъ, такъ и въ окрестныхъ лѣсахъ. Какъ и всѣ люмпенъ-пролетаріи, они пьянствуютъ, безобразничаютъ и до сихъ поръ, не смотря на свою малочисленность, были грозою мирныхъ еврейскихъ обывателей. „Мѣщане“ знаютъ это и пользуются этимъ, требуя „на водку“, а въ противномъ случаѣ грозятъ погромомъ. Въ пасху прошлаго 1903 года толпа „мѣщанъ“ человѣкъ въ 20 обходила еврейскіе дома и просила на водку. Когда ихъ спрашивали, за что на водку давать, они отвѣчали: „А за то, что сидите у насъ спокойно, что погромовъ не дѣлали“. И обыватели давали. Но времена мѣняются. Паричская организація, слабая еще въ прошломъ году, успѣла за послѣдній годъ окрѣпнуть. Въ Паричахъ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ и рабочіе тамъ исключительно подмастерья. Ихъ немного: всего человѣкъ 200, но изъ нихъ 100 организованныхъ, и при томъ они имѣютъ вліяніе и на грузчиковъ, вязчиковъ и т. д. Передъ ярмаркой, которая бываетъ ежегодно около пасхи, мѣщане хвастались, что вмѣстѣ съ крестьянами сдѣлаютъ погромъ. Населеніе было объято ужасомъ, а буржуазія поспѣшила дать приставу порядочный кушъ. Погрома тогда не было. Въ этомъ году незадолго до пасхи кѣмъ-то были разбросаны среди христіанскаго населенія прокламаціи Полѣсскаго комитета партіи. Послѣ этого, нѣкоторые изъ христіанъ интеллигентовъ стали агитировать въ пользу еврейскаго погрома. Особенно отличались бывшій кантонистъ Шахаратовъ, отставной полковникъ и учитель мѣстнаго женскаго духовнаго пансіона Чистяковъ. Одинъ приказчикъ случайно подслушалъ разговоръ Шахаратова съ кучкой мѣщанъ. Онъ сказалъ имъ, между прочимъ: „Я самъ, вѣдь, былъ евреемъ и знаю, что они на пасху употребляютъ христіанскую кровь“. Пасха прошла тихо. Въ среду 31 марта утромъ человѣкъ 25 пьяныхъ мѣщанъ стали нападать на евреевъ рабочихъ. Сначала они напали на лозокрутовъ и страшно избили ихъ. Послѣдніе, однако, зная, что мѣщане хотятъ вызвать погромъ, предпочли разойтись. Оттуда мѣщане направились къ плотникамъ. Повторилась та же исторія, но было выказано больше звѣрства: въ плотниковъ бросали топорами, но какимъ-то чудомъ никто изъ нихъ не былъ поврежденъ. Плотники тоже разошлись. Мѣщане направились оттуда къ рѣкѣ, гдѣ повторили тоже съ грузчиками. Затѣмъ они направились по мѣстечку, хватали перваго попавшагося, брали на водку и били до тѣхъ поръ, пока не подвернется другая новая жертва. Полиція, которая состоитъ только изъ пристава, урядника и трехъ городовыхъ, разгоняла ихъ въ одномъ мѣстѣ, но они собирались въ другомъ. Самооборона, устроенная мѣстной организаціей, все еще не желала вмѣшаться. Но отдѣльные рабочіе стали вмѣшиваться въ драки, при чемъ были жестоко избиты бр. Пине и Нони. Совершая свои дѣйствія, мѣщане кричали: „погромъ“, „бей жидовъ“, „бей демократовъ“. Грабить почему то не рѣшились. Только послѣ этихъ дракъ въ дѣло рѣшила вмѣшаться самооборона. По командѣ собрались хлопцы и выстроились: впереди „боевой отрядъ“, за нимъ — „авангардъ“. Публика не приставала. Лавки были закрыты. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ воздухъ со стороны самообороны, мѣщане вдругъ отрезвились и бросились со всѣхъ ногъ бѣжать. Послѣ этого къ самооборонѣ пристала и посторонняя публика. Оборона прошлась по улицамъ, назначила посты караульнымъ и велѣла разойтись толпѣ. Мѣщане убѣжали съ тѣмъ, чтобы получить подкрѣпленіе у сосѣднихъ крестьянъ и напасть на завтра снова. Прилагаемое письмо рабочаго показываетъ, что имъ это не удалось. Мѣщане, однако, намѣреваются въ воскресенье снова напасть. Они къ тому готовятся, но не дремлетъ и противная сторона. Полиція была на сторонѣ евреевъ. Исправникъ, пріѣхавшій на завтра, позвалъ къ себѣ громилъ, составилъ протоколъ и говорилъ имъ между прочимъ: „Чего буяните? Нашихъ, (?) вѣдь 5,000, а васъ всего 200 человѣкъ. Если вы еще будете буянить, я велю приставу взять этихъ 5,000 и васъ всѣхъ перебьютъ“. Въ пятницу пріѣхалъ изъ Минска также жандармскій полковникъ, товарищъ прокурора, чиновникъ особыхъ порученій и т. д. Ничѣмъ особеннымъ себя не проявили. Изъ составленнаго протокола явствуетъ, что мѣщане нападали на евреевъ, били ихъ, истязали, и что пять евреевъ принуждены были(!) сдѣлать выстрѣлы на воздухъ, послѣ чего безпорядковъ не повторилось.

Отъ себя прибавлю, что фактъ обращенія въ бѣгство мѣщанъ въ Паричахъ небывалый. Люди привыкшіе трепетать при одномъ только имени громилъ мѣщанъ, рѣшили выступить противъ нихъ и даже обратить ихъ въ бѣгство. Такой переворотъ могла сдѣлать только революціонная соц.-демократическая пропаганда.

Между прочимъ, одинъ мѣщанинъ, не походившій на другихъ, разсказывалъ мнѣ, что въ прошломъ году на пасхѣ, когда толпа изъ мѣщанъ и крестьянъ собралась ко всеношной, приставъ сказалъ имъ, что евреи собираются во время всеношной устроить погромъ, такъ что надо зарядить ружья (обыкновенно кто имѣетъ ружье, беретъ съ собой на всеношную и стрѣляетъ при крестномъ ходѣ) холостыми зарядами и стрѣлять въ евреевъ. Изъ толпы кто-то спросилъ: „А можетъ быть, можно и настоящими“? Приставъ молчалъ, и толпа поняла это молчаніе, какъ знакъ согласія. Къ счастью въ ту пасху никто изъ евреевъ не приходилъ ко всеношной.

Письмо рабочаго изъ Паричей. Въ Паричахъ спокойно. Мѣщане боятся. Изъ Щедрина пріѣхало 14 хлопцевъ, изъ Бобруйска 7. Итого 21. Всѣ ссыльные. Въ числѣ Бобруйскихъ находятся извѣстные силачи. Буржуазія даетъ квартиры. Собрали у нихъ 60 руб. Мы очень хорошо успѣли сорганизоваться. Настроеніе духа бодрое и боевое. На „демократовъ“, общество смотритъ какъ на „ангеловъ-спасителей“ и относится къ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Разсказываютъ, что мѣщане обратились къ мужикамъ за помощью. Мужики, воспитанные на правилѣ: „въ чужое дѣло не суй носа“, отвѣтили имъ, что, пока что, „демократы“ еще ихъ не затронули и они биться не пойдутъ.

Александровскъ. Екатер. губ. Мартъ мѣсяцъ у насъ прошелъ тревожно. Забрано и сидитъ въ участкѣ и городской тюрьмѣ больше 30-го человѣкъ. Большинство рабочіе; извѣстны фамиліи троихъ интеллигентовъ: Константинъ Коршунъ, Шехмейстеръ (присланъ изъ Екатеринослава по александровскому дѣлу) и Шульдинеръ (екатеринославскій гимназистъ). Изъ рабочихъ 27 забрано на сходкѣ, изъ нихъ 13 дѣвушекъ. Обыски были и въ деревняхъ, но безъ послѣдствій. Были и у насъ манифестаціи по иниціативѣ начальства ж.-д. мастерскихъ — участвующихъ было меньше половины. Остальные заводы не примкнули. Теперь въ городѣ настроеніе злобно-подавленное, а послѣднія событія на Дальнемъ Востокѣ развязали рты даже тѣмъ, которые еще такъ недавно кричали на улицахъ „да здравствуетъ самодержавіе“, теперь съ такимъ же азартомъ, въ унисонъ со всѣми, и они ругаютъ правительство.

Были проводы матросовъ; картина самая мрачная, хотя начальство и старалось смягчить настроеніе веселой музыкой „гопака“. Не было ни патріотическихъ криковъ „ура“, ни пѣнія гимна — ихъ замѣняли стоны и плачъ провожающихъ. Одинъ крестьянинъ, узнавъ, что его требуютъ, какъ запасного, съ горя бросился въ колодезь, другой пришелъ вмѣстѣ съ тремя малолѣтками и сказалъ, что дальше не пойдетъ, пока не обезпечатъ существованія его дѣтей — ихъ помѣстили въ пріютъ.

Выпущенные комитетомъ листки о войнѣ были распространены и въ деревняхъ. Александровскъ имѣетъ теперь живыя связи съ 16 деревнями и двумя мѣстечками уѣзда. Недостатокъ въ литературѣ страшный, особенно въ крестьянской. Ближайшіе крупные центры — Екатеринославъ и Харьковъ — насъ неудовлетворяютъ и сами жалуются на недостатокъ литературы. За неимѣніемъ листковъ, Александровскъ не смогъ использовать такого случая, какъ проводы запасныхъ на войну. Потребность въ листкахъ на тему о войнѣ такъ велика, что ихъ съ нетерпѣніемъ ждутъ не только рабочіе, но и всѣ городскіе обыватели и даже буржуа, бранящіе комитетъ „за нерадѣніе“ въ такую минуту. Городъ испытываетъ страшный недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ, а о деревнѣ нечего и говорить.

Изъ тайнъ департ. полиціи.

Секретно.
Циркулярно.

М. В. Д.
Департ. пол.
По особому отдѣлу.
28 іюля 1903 г.

Гг. Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберполицiймейстер., Начальникамъ жандармскихъ губернскихъ и жандармскихъ желѣзнодорожныхъ полицейскихъ управленій, Начальникамъ охранныхъ отдѣленій и на всѣ пограничные пункты.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о преступной демонстраціи 5 мая 1902 г. въ городѣ Екатеринославѣ и отданный на поруки съ денежной отвѣтственностью въ суммѣ 500 рублей присяжному повѣренному Харьковской Судебной Палаты г. Вальцу, мѣщанинъ г. Василькова, Кіевской губерніи Янкель Моисеевъ Гальперинъ не явился въ засѣданіе на 21 августа 1903 г. Харьковской Судебной палаты, а также не обнаруженъ ни на мѣстѣ постояннаго своего мѣстожительства въ г. Екатеринославѣ, ни въ Одессѣ, куда онъ на время отлучался. Сообщая о семъ Департаментъ полиціи покорнѣйше имѣетъ честь просить надлежащія власти принять надлежащія мѣры къ розыску названнаго Гальперина и въ случаѣ его обнаруженія — арестовать и препроводить къ прокурору Харьковской Судебной Палаты, телеграфировать о семъ Департаменту.

Къ сему Департаментъ полиціи считаетъ долгомъ добавить, что Гальперинъ родился 9 октября 1882 г. въ г. Звенигородѣ, Кіевской губерніи, сынъ столяра, іудейскаго вѣроисповѣданія, малограмотный, портной, холостъ, имѣетъ мать Лею, проживающую въ г. Звенигородѣ; брата Исаака — на военной службѣ въ крѣпости Новогеоргіевскѣ и Абрама — въ Екатеринославѣ, торгующаго бубликами и сестру Розу замужемъ за портнымъ Нотою Гончаровымъ въ г. Екатеринославѣ, 6 мая умершимъ.

Подписалъ: за директора Языковъ.
Скрѣпилъ: за завѣдующаго отдѣломъ Пешковъ.
Вѣрно: помощникъ дѣлопроизводителя Сагинъ.

Департаментъ Полиціи
по 3 дѣлопроизводит.
10 января 1904 г.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. начальникамъ губернскихъ жанд. и желѣзнодорожныхъ полицейскихъ Управленій. Начальникамъ Охран. Отдѣленій и на всѣ пограничные пункты.

Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію государственныхъ преступленій путемъ наблюденія за лицами сомнительной политической благонадежности Министер. Внут. Дѣлъ выработано было положеніе о негласномъ надзорѣ полиціи, утвержденное министерствомъ Вн. Дѣлъ Генералъ-адъютантомъ графомъ Игнатьевымъ 3 марта 1882 года и сообщено при циркулярномъ отношеніи Министра Вн. Дѣлъ отъ 9 апрѣля того же года за № 1365, гг. губернаторамъ, градоначальникамъ, оберъ-полицеймейстерамъ и начальникамъ Губернс. жандармс., полицейскихъ и желѣзнодорожныхъ Управленій къ надлежащему руководству. Примѣненіе на практикѣ втеченіе свыше 20-лѣтняго періода означеннаго надзора полиціи убѣдило въ настоящее время министерство Внутр. Дѣлъ въ недостаточности для сохраненія общественнаго порядка и спокойствія тѣхъ результатовъ наблюденія за политически-неблагонадежными лицами, которые имѣлись ввиду при введеніи негласнаго надзора и признавались въ то время вполнѣ достаточными для возможныхъ предупрежденій государственныхъ преступленій. Осуществленіе намѣченныхъ въ положеніи 1 марта 1882 г. задачъ сложилось по силѣ сего положенія главнымъ образомъ на членовъ общей полиціи, которые при ихъ малочисленности и отсутствіи притомъ средствъ были освѣдомленными о вредной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или цѣлой противоправительственной организаціи, смогли въ дѣйствительности собирать лишь общеизвѣстныя или оффиціальныя свѣдѣнія о лицахъ, подчиненныхъ на основаніи данныхъ о ихъ прошломъ — негласному надзору, при этомъ внѣ сферы вѣдѣнія чиновъ полиціи при осуществленіи сего надзора оказались, главнымъ образомъ, лица наиболѣе серьезныя и дѣятельныя, относительно коихъ свѣдѣнія могли получиться не иначе, какъ при посредствѣ правильно организованнаго внутренняго и наружнаго наблюденія. Такимъ образомъ, при возрастающемъ съ каждымъ годомъ числѣ негласно-поднадзорныхъ и развитіи втеченіе послѣдняго десятилѣтія организаціи съ преступными политическими цѣлями, предупредительная борьба съ ними путемъ негласнаго надзора осуществляемая на основаніи положенія 1 марта 1882 г. черезъ чиновъ общей полиціи, являлась крайне недостаточной и потребовала со стороны правительства противопоставленія лицамъ неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи соотвѣтственной вооруженной опытомъ и знаніемъ силы, спеціально организованной политической полиціи въ лицѣ чиновъ Жандармскихъ Управленій и охранныхъ отдѣленій съ ихъ внутренней агентурой и наружнымъ наблюденіемъ. На основаніи вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что въ наиболѣе крупныхъ и важныхъ центрахъ Имперіи устроены розыскные пункты политической полиціи, я признаю необходимымъ отмѣнить дѣйствіе „положенія о негласномъ надзорѣ полиціи 1 марта 1882 г.“, а также изданныхъ въ развитіе и разъясненіе его циркулярныхъ предписаній. При этомъ въ цѣляхъ сохраненія возможности веденія подсчета лицъ, вредныхъ въ политическомъ отношеніи поручаю Начальникамъ жандармскихъ Управленій и охранныхъ отдѣленій вести во ввѣренныхъ имъ учрежденіяхъ списки какъ лицъ, состоящихъ подъ внутреннимъ агентурнымъ или наружнымъ наблюденіемъ, такъ и тѣхъ лицъ, которыя представляются сомнительными по ихъ образу жизни и независимо особой отчетности о лицахъ первой категоріи представлять въ Департаментъ полиціи и одинъ разъ въ годъ, а именно къ 1 января въ двухъ экземплярахъ списки лицъ, политически неблагонадежныхъ по прежней формѣ лит. б., установленной циркуляромъ отъ 16 октября 1894 г. за № 7315, проживающихъ въ районѣ ввѣренному наблюденію сихъ Управленій и отдѣленій съ указаніемъ фактовъ, давшихъ основаніе включить ихъ въ эти списки. Объ изложенномъ мною вмѣстѣ съ симъ сообщеніемъ гг. Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберполиціймейстерамъ, поставлю вамъ, милостивый государь, въ извѣстность для подлежащаго исполненія(?). Подписалъ: министръ Внутр. Дѣлъ Ст. Секрет. Плеве. Скрѣпилъ: директоръ Лопухинъ. Вѣрно: за дѣлопроизводителя Лихаревъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Крамола въ войскахъ. Копія съ отношенія начальника штаба кавказскаго военнаго округа по вопросу объ огражденіи войскъ отъ вліянія противоправительственной пропаганды.

Отзывомъ отъ 26 августа сего года за № 481, военный министръ сообщилъ командующему войсками о томъ, что лѣтомъ 1902 года на одной изъ военныхъ гауптвахтъ три содержавшихся въ общей камерѣ нижнихъ чина, подлежавшихъ по приговорамъ военнаго суда лишенію воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и заключенію въ исправительныя арестантскія отдѣленія, желая избавиться отъ угрожавшаго имъ продолжительнаго лишенія свободы и быть вмѣсто этого высланными на „вольное поселеніе“ въ Восточную Сибирь, — позволили себѣ научить помѣщавшихся съ ними нижнихъ чиновъ разныхъ частей войскъ пѣнію социально-революціонной пѣсни, разъяснивъ имъ смыслъ послѣдней; кромѣ того, въ написанныхъ ими письмахъ и запискахъ они порицали современный порядокъ вещей и осмѣливались употреблять дерзкія сужденія по поводу висѣвшихъ въ камерѣ изображеній августѣйшихъ особъ.

Усматривая изъ этого случая, что зловредныя ухищренія сѣятелей крамолы проникаютъ даже и на военныя гауптвахты, военный министръ просилъ подтвердить по войскамъ округа о настоятельной необходимости принятія подлежащими начальниками самыхъ строгихъ мѣръ къ охраненію нижнихъ чиновъ отъ вліянія политическихъ лжеученій.

Въ виду этого и въ дополненіе къ мѣрамъ, которыя уже раньше были приняты въ войскахъ округа, въ цѣляхъ огражденія послѣднихъ отъ вліянія преступной политической пропаганды (какъ напримѣръ, усиленія надзора за нижними чинами, за казарменными помѣщеніями, ими занимаемыми, и т. п.) и которыя съ неукоснительною строгостью должны быть осуществляемы и впредь, — командующій войсками округа поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству для свѣдѣнія и въ подлежащихъ случаяхъ для руководства, нижеслѣдующія общія соображенія, по вопросу объ огражденіи войскъ отъ тлетворнаго вліянія политическихъ лжеученій, каковыя соображенія его превосходительство представилъ на благоусмотрѣніе военнаго министра.

Главнѣйшія въ этомъ отношеніи мѣры должны заключаться въ постоянномъ поддержаніи строгой дисциплины и внутренняго порядка въ частяхъ войскъ: пока эти устои арміи строго поддерживаются внутри, никакія попытки извнѣ не могутъ оказать вреднаго вліянія на духъ части и на ея способность къ беззавѣтному исполненію священныхъ обязанностей военной службы, — охранять внутренній и внѣшній миръ родины.

Въ прежнее время, при продолжительныхъ срокахъ службы, при единствѣ сознанія своихъ обязанностей передъ царемъ и родиной, какъ среди высшихъ, такъ и среди низшихъ классовъ населенія, при комплектованіи арміи почти исключительно русскими людьми и при однородномъ, въ большинствѣ дворянскаго происхожденія, составѣ корпуса офицеровъ, — дѣло поддержанія внутренняго порядка представлялось сравнительно легкимъ.

По введеніи же всеобщей воинской повинности, когда въ составъ корпуса офицеровъ вошли разнообразные элементы, когда составъ нижнихъ чиновъ въ племенномъ отношеніи сталъ разнообразнѣе, а срокъ службы, постепенно сокращаясь, дошелъ до настоящей нормы, *когда сознаніе собственнаго достоинства нижнихъ чиновъ все болье возрастаетъ*, (вотъ бѣда! Ред.) — задача поддержанія порядка усложнилась въ весьма сильной степени и должна основываться на личномъ превосходствѣ во всѣхъ отношеніяхъ офицеровъ и начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ надъ рядовыми, при чемъ вся тяжесть этой задачи легла нынѣ на командный составъ и, въ особенности, на командировъ отдѣльныхъ частей.

Только начальникъ, живущій одною жизнью съ своею частью, начальникъ, для котораго дороги интересы части, ея слава, ея честь, который, наконецъ, свое личное благополучіе основываетъ на преуспѣяніи ввѣренной ему части, будетъ вкладывать всю свою душу въ дѣло поддержанія порядка въ части и всѣми силами будетъ оберегать ее отъ растлѣвающаго вліянія тлетворныхъ воздѣйствій.

Благотворное вліяніе начальника на ввѣренную ему часть можетъ проявиться, конечно, не сразу, но при болѣе или менѣе продолжительной совмѣстной жизни, когда подчиненные узнаютъ командира, станутъ его уважать, а можетъ и полюбятъ, и когда онъ самъ успѣетъ узнать всѣхъ своихъ офицеровъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, и многихъ нижнихъ чиновъ.

Такой начальникъ съ успѣхомъ можетъ проводить въ жизнь благотворные принципы службы не только за страхъ, всегда ненадежное средство, но и за совѣсть. Ему будутъ слѣдовать изъ любви или изъ уваженія.

Командиръ части, достойный своего званія, руководимый сознаніемъ необходимости превосходства офицеровъ надъ нижними чинами, конечно, будетъ уже въ силу естественнаго чувства подбирать себѣ и соотвѣтствующихъ помощниковъ, въ особенности, если не будетъ стѣсненъ слишкомъ формальными требованіями, и если вся система управленія будетъ проникнута духомъ довѣрія къ начальникамъ, поставленнымъ во главѣ большей или меньшей единицы, какъ это указано было уже въ приказѣ по военному министерству 20 дек. 902 г. за № 57.

Кромѣ того, на сохраненіе внутренняго порядка въ войскахъ весьма важное значеніе имѣетъ составъ унтеръ офицеровъ, которые оказываютъ громадное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія солдата, а потому на надлежащую подготовку и выборъ этихъ лицъ необходимо обратить особое вниманіе, стараясь возможно шире развить въ нихъ сознаніе высокихъ принциповъ, на которыхъ зиждется наша армія: строгой дисциплины и беспредѣльной преданности царю и родинѣ.

Необходимо также обратить вниманіе и на внутренній бытъ нижнихъ чиновъ въ казармахъ, въ особенности на препровожденіе ими свободнаго отъ службы времени. Имѣя ввиду, что скорѣе всего зловредныя усилія сѣятелей крамолы могутъ быть направлены на нижнихъ чиновъ, часто командируемыхъ по службѣ внѣ района войсковыхъ частей, часто увольняемыхъ въ отпускъ или же живущихъ на частныхъ квартирахъ, необходимо за такими нижними чинами находящимися внѣ беапрерывнаго наблюденія со стороны своего начальства, имѣть особо бдительный и дѣятельный надзоръ.

Сообщая обо всемъ изложенномъ, присовокупляю, что командующій войсками округа, поручилъ мнѣ просить ваше превосходительство не оставить вновь подтвердить всѣмъ подвѣдомственнымъ вамъ войсковымъ начальникамъ о необходимости принятія самыхъ энергичныхъ мѣръ, какъ по охраненію въ ввѣренныхъ имъ частяхъ строжайшаго внутренняго порядка, такъ и къ огражденію нижнихъ чиновъ отъ вліянія политическихъ агитаторовъ, избравшихъ нынѣ армію предметомъ своей преступной пропаганды.

Исполняющій должность начальника штаба кавказскаго военнаго округа, отъ 26 февраля 1903 г. № 689. Подписалъ: начальникъ штаба ген. лейтен. Бѣляевскій.

Копія за надлежащей подписью.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Въ рабочей средѣ незамѣтно подъема патріотическаго чувства — есть интересъ къ извѣстіямъ съ театра военныхъ дѣйствій, но патріотизма не видать. Лучшимъ подтвержденіемъ тому служитъ, что отъ начала военныхъ дѣйствій до настоящаго момента ни на одной изъ петербургскихъ окраинъ не было ни одной патріотической манифестаціи. Я наблюдалъ Шлиссельбургскій трактъ въ дни масляницы: работы на заводахъ прекратились на три дня, рабочіе толпами ходили по улицамъ, „веекъ“ было неисчислимое количество, но хоть бы единый патріотическій звукъ вырвался изъ груди рабочаго, хоть бы кто спьяну крикнулъ „ура“, запѣлъ: „Коль славенъ“, „Боже царя храни“; а, вѣдь, тогда всѣ находились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нападенія японцевъ на нашъ флотъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ царскаго манифеста, правительственнаго сообщенія!.. Рабочіе веселились какъ обычно въ масляничные дни прошлыхъ лѣтъ, — ни единой перемѣны. Фактъ весьма знаменательный! Какъ ни старались правительство и холопскія газеты воодушевить народъ, рабочіе остались глухи и нѣмы. Рабочія массы показали этимъ, что онѣ никакъ не могутъ отождествить интересы царскаго правительства и гг. купцовъ, фабрикантовъ и заводчиковъ со своими — рабочими — интересами. Онѣ не въ силахъ, конечно, разобраться въ дѣйствительныхъ причинахъ, вызвавшихъ войну, и тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя эта война можетъ за собой повлечь; но онѣ, — эти массы, — инстинктивно чуютъ, что не въ интересахъ рабочихъ она затѣяна.

А въ то время, какъ продажныя газеты призываютъ всѣ классы населенія соединиться въ одну семью въ виду общаго врага, вотъ какъ живется петербургскимъ пролетаріямъ, судя по письмамъ съ заводовъ:

Фабрика Торнтона (шерст. изд.). „... За каторжный трудъ въ $11\frac{1}{2}$ часовъ, намъ — ткачамъ — платятъ 70-80 коп., а женщинамъ — 50-55 коп.... Но и такой нищенскій заработокъ кажется нашимъ фабрикантамъ слишкомъ большимъ — молъ, больно ужъ обживется рабочій и можетъ еще, пожалуй, зазнаться. И придумали наши грабители различные фокусы. Табель съ расцѣнками лежитъ въ карманѣ у старшаго мастера „Володьки“, и пишетъ онъ такіе расцѣнки, какіе ему вздумается... Часто этотъ помощникъ грабителя мѣняетъ названіе товара для того, чтобы понизить его расцѣнокъ; и вотъ, къ концу мѣсяца смотришь — заработка-то всего 4-5-6 рублей, а ожидалъ 8-10-12 р.... а попробуй сказать слово — ступай на улицу. Такъ-то за одно лишь слово выбрасываютъ у насъ на мостовую товарищей, которые работали на фабрикѣ много лѣтъ и отдали этой фабрикѣ всю свою жизнь, всѣ силы и потеряли на ней способность къ труду. Какъ обглоданную кость, обобравши и ограбивши, насъ выбрасываютъ вонъ изъ фабрики... Раньше прядильщикъ получалъ за грубые сорта 21 коп., теперь — 16; за крашеные 55, теперь — 37... За почти 16-тичасовый рабочій день передъ раскаленной печью кочегары получаютъ 90 коп.... Но всего этого нашимъ грабителямъ мало. И вотъ, подъ видомъ благодѣтельства, они построили для насъ общежитіе. Съ виду-то благодѣтельство, а на дѣлѣ что? На дѣлѣ мы за грязную, тѣсную, вонючую конуру, въ которой спать бы свиньямъ, а не людямъ, платимъ пять-восемь рублей...“.

Фабрика Цаля. „У насъ въ ткацкомъ отдѣленіи работаютъ три смѣны: первая — съ четырехъ часовъ утра до перваго часу дня; вторая — съ перваго часа дня до десяти часовъ вечера; третья — съ шести часовъ утра до семи часовъ вечера. Такъ полагается по росписанію; въ дѣйствительности же — въ виду того, что машины за все время съ четырехъ часовъ утра до десяти часовъ вечера не останавливаются, — рабочіе первой группы работаютъ съ четырехъ часовъ утра до пяти часовъ вечера, то есть 13 часовъ; рабочіе второй группы — съ восьми часовъ утра до десяти часовъ вечера, т. е. 14 часовъ; рабочіе третьей группы — съ пяти часовъ утра до десяти часовъ вечера, т. е. 17 час. И все безъ выхода для обѣда“. Слушайте дальше: „Рабочими было послано объ этомъ инспектору Иванову письмо съ требованіемъ воспретить такія работы, въ противномъ случаѣ грозили, что сами изыщутъ средства для прекращенія такихъ порядковъ. Это было на Рождествѣ. И дѣйствительно, послѣ новаго года съ 7 января стали работать по законному росписанію, но нашлись такіе рабочіе, которые изъ боязни и изъ прислужничества передъ начальствомъ продолжали приходить раньше времени и оставаться позже: администрація воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и написала инспектору, что рабочіе сами хотятъ работать по старому. Этотъ наглый обманъ удался, и мы снова работаемъ по 13-17 часовъ въ сутки“.

Городскіе водопроводы. „...Мы — машинисты, кочегары и смазчики городскихъ водопроводовъ — изъ 365 дней въ году не имѣемъ ни одного свободнаго праздничнаго дня, — нѣтъ у насъ ни Рождества, ни Пасхи... Послѣ десяти дней работы намъ дается 32 часа свободы, но за эти часы мы въ продолженіи слѣдующихъ десяти дней должны два раза отстоять по 16 часовъ въ сутки. Не насмѣшка ли это надъ нами? Стоя день и ночь, рабочій работаетъ безпрерывно 16 часовъ въ помѣщеніи, пропитанномъ прогорклымъ масломъ и дымомъ, не имѣя времени отлучиться отъ машины хоть на одну минуту, не смѣя вздремнуть изъ боязни вычета и разсчета. На ночного десятника возложена обязанность замѣчать спящихъ рабочихъ и доносить на нихъ начальнику Хитрово. Рабочій, опоздавшій на $\frac{1}{4}$ часа, къ работѣ не допускается съ вычетомъ изъ мѣсячнаго жалованья поденнаго заработка. Опоздавшіе во второй разъ на $\frac{1}{2}$ часа увольняются на недѣлю съ вычетомъ за двѣ недѣли. Если рабочій хочетъ уволиться на два часа, то высчитывается $\frac{1}{4}$ дня. ...А на зарѣчныхъ станціяхъ... Тамъ, на Васильевской станціи въ 1903 году инженеръ Немчинскій избилъ у пріемной трубы рабочаго палкой за то, что тотъ не поклонился... Кто изъ нашихъ рабочихъ представителей находится въ городскомъ управленіи? Никто!..“ (Изъ корресп. раб. городскихъ водопроводовъ).

Казенный трубочный заводъ. „...У насъ въ пятой мастерской умеръ рабочій Павловъ. 20 лѣтъ работалъ онъ на заводѣ, всю жизнь отдалъ онъ ему. Жена Павлова просила помощи у генерала Ограновича, — генералъ совѣтовалъ подать прошеніе на имя наслѣдника. Пока что, пришлось пустить дѣтей по міру. Наконецъ, получился отвѣтъ. Павлову позвали въ участокъ, и приставъ выдалъ ей... рубль... „Вотъ, говоритъ, голубушка, тебѣ наслѣдникъ изъ своихъ прислалъ“. За двадцатилѣтнюю работу на казну, за цѣлую жизнь — одинъ рубль. Развѣ это не жестокая насмѣшка надъ нами, развѣ это не гнусное издѣвательство надъ нашей бѣдностью?..“ (изъ корреспонденціи рабочаго трубочнаго завода).

Казенная пробочная фабрика. „...Когда основалась наша фабрика, то управленіе стало вербовать себѣ людей съ частной фабрики Нечаева, — откликнулись 50 человѣкъ. Намъ обѣщали лучшія условія жизни, болѣе высокій заработокъ и увѣряли, что „казна насъ не обидитъ“. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что мы всѣ въ мѣсяцъ получаемъ теперь на 1024 рубля меньше, чѣмъ имѣли у Нечаева... Работа тяжелая и изнурительная: работаемъ безъ передышки подъ неослабнымъ надзоромъ мастера — тюремщика, который заставляетъ выработать до 20000 и болѣе пробокъ въ день. А кто не въ силахъ выработать такой громадный урокъ, того безжалостно выбрасываютъ на улицу. Такъ было съ Матвѣевымъ: проработавъ мѣсяцъ, на самой тяжелой работѣ, онъ сталъ просить болѣе легкую, но управленіе „царской фабрики“ выбросило несчастнаго, полуголоднаго больного за бортъ, вымотавъ изъ него всѣ силы...“ (Изъ корреспонденціи рабочаго казенной пробочной фабрики).

Такова жизнь рабочаго, какъ на частныхъ, такъ и на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ предпріятіяхъ городского управленія. Можетъ ли послѣ этого рабочій видѣть въ купцѣ, фабрикантѣ, заводчикѣ, царѣ, царскомъ чиновникѣ своихъ друзей, съ которыми ему слѣдуетъ любовно идти рука объ руку противъ врага?

Тверь. Въ Твери на Трехсвятской улицѣ существуетъ типографія Н. М. Радіонова. Въ декабрѣ 1903 года Н. М. Радіоновъ праздновалъ 25-лѣтіе со дня открытія своего учрежденія. Къ собравшимся на праздникъ рабочимъ (у Радіонова работаетъ въ типографіи около 80 человѣкъ) онъ обратился съ слѣдующей рѣчью:

„Господа! Навѣрное, изъ васъ кто-нибудь помнитъ, когда типографія у меня была еще въ подвалѣ — это, навѣрное, помнитъ... Но въ настоящее время, какъ видите теперь уже сами, я получилъ блестящіе результаты, въ особенности въ настоящемъ году. Теперь уже вы можете сами видѣть, какъ у меня дѣла идутъ хорошо, и я расширяю свою типографію.

И вотъ теперь, господа, я пришелъ подѣлиться съ вами именно тѣмъ, что вы мнѣ даете. Конечно, тѣ, которые прослужили съ іюля по іюль, получатъ больше, а тѣ, которые съ іюля по декабрь — тѣ поменьше, а остальные рабочіе получатъ только праздничныя.

Но это все зависитъ отъ васъ, такъ какъ вы мнѣ даете пользы по одному рублю, но вы замѣсто рубля можете дать два рубля, и тогда, въ будущемъ, вы получите награду вдвойнѣ противъ той, которую я вамъ выдамъ въ настоящее время. Но это все зависитъ отъ васъ“.

Два голоса: „Постараемся“.

Г. Радіоновъ не читалъ, конечно, Маркса. Понятіе о прибавочной стоимости онъ усвоилъ на практикѣ.

Рабочій.

Баку. 28 марта во время распространенія по церквамъ прокламацій Кавказскаго Союза „Долой войну!“ было арестовано нѣсколько человѣкъ. Въ городскомъ соборѣ двое, въ Балаханахъ и на Баиловѣ двое. На Баиловѣ усердствовалъ десятникъ Бяби-Эйбатскаго шоссе. По его указанію схвачены, какъ говорятъ, токарь Карповъ и помощникъ бурового мастера Ферштандъ. Ни у того, ни у другого прокламацій съ собой не оказалось, и надо думать, указаны они были десятникомъ по злобѣ. Военные матросы, бывшіе свидѣтелями стараній десятника, въ ту же ночь, какъ говорятъ, хорошенько проучили его за шпіонство. То же съ своей стороны собираются продѣлать и рабочіе, до сихъ поръ не бывшіе вполнѣ увѣрены въ шпіонствѣ этого господина.

25 марта была однодневная стачка на конно-желѣзной дорогѣ. Стачка продолжалась всего одинъ день, и хотя время для стачки было выбрано удачно, но кончилась она неудачей. По крайней мѣрѣ, коночники не придаютъ никакого значенія обѣщаніямъ правленія удовлетворить ихъ требованія. Въ своей неудачѣ коночники винятъ свою неорганизованность. 25-го въ 6 час. вечера изъ 54 вагоновъ ходили 12, правда, по насильственному побужденію (солдаты выталкивали кондукторовъ изъ казармъ и ставили на вагоны) и подъ охраной солдатъ и жандармовъ; тѣмъ не менѣе, съ слѣдующаго дня рѣшено было стать на работу. Рѣшеніе это означало: не теперь — въ другой разъ. Требованія стачечниковъ состояли въ увеличеніи заработной платы до той нормы, которая была при существованіи одной смѣны, въ выдачѣ квартирныхъ денегъ и еще въ 2-3 мелкихъ требованіяхъ. Въ числѣ этихъ требованій было и требованіе выдачи на руки инструкцій. Инструкціи на руки не выдавались, несмотря на то, что § 58 ихъ гласитъ, что „инструкція замѣняетъ собой договоръ о личномъ наймѣ“. Рабочіе, выставляя это требованіе, разсчитывали найти въ этой инструкціи охрану своихъ интересовъ, имѣя въ виду при возможныхъ столкновеніяхъ въ будущемъ опираться въ своихъ требованіяхъ на инструкцію. Такъ, среди нихъ было распространено убѣжденіе, что по инструкціи всѣмъ полагаются квартирные: кучерамъ 5 руб., кондукторамъ 7 и контролерамъ 12 рублей въ мѣсяцъ; кромѣ того, „по инструкціи“ кондуктора получаютъ одежныхъ 30 руб., кучера 25, вмѣсто 15 и 10, выдаваемыхъ правленіемъ. Получивъ теперь инструкцію въ руки, они будутъ глубоко въ ней разочарованы. Въ ней подробно изложены лишь ихъ обязанности и права правленія. Въ то же время имъ станетъ ясно, что возлагать надежды по охранѣ своихъ интересовъ на представителей буржуазіи — городскую управу — не приходится.

Петербургъ. Балтійскій заводъ.

Приказъ № 5796. Копія.

Управляющій морскимъ министерствомъ, для содѣйствія Портъ-Артуру къ скорѣйшему исправленію боевыхъ поврежденій нашего флота послѣ боевъ его съ Японцами, приказалъ мнѣ выслать немедленно инженера, указателей и мастеровыхъ въ распоряженіе командира Артурскаго Порта для экстренныхъ ремонтныхъ работъ. Мастерамъ я предложилъ набрать охотниковъ ѣхать туда изъ числа наиболѣе опытныхъ, крѣпкихъ, въ возрастѣ 21-40 л. надежныхъ мастеровыхъ для корабельныхъ работъ разныхъ спеціальностей. По утвержденіи министерствомъ примѣрнаго комплекта я собралъ этихъ охотниковъ въ день Срѣтенія Господня, второго февраля сего года, въ судостроительной мастерской для переговоровъ относительно условій этой командировки, заводу посторонней и для него даже обременительной. Выслушавъ объясненія охотниковъ, я съѣздилъ къ управляющему морскимъ министерствомъ съ докладомъ о результатахъ переговоровъ. Когда послѣ вторичнаго переговора по телефону съ министерствомъ была утверждена командируемымъ двухъ съ половиною поденная заводская плата и другія условія, на которыя съ благодарностью согласилось большинство въ 128 человѣкъ, нижеперечисленное меньшинство, около одной трети состава, преимущественно изъ высокоплатныхъ, требовавшее *тройной* и даже *четверной* поденной платы, дерзко отказалось отъ заявленнаго имъ согласія на поѣздку, а часть ихъ даже совсѣмъ удалилась изъ завода, считая несогласіе свое поконченнымъ. Нѣсколько человѣкъ, по малодушію, взяли назадъ свое согласіе на поѣздку еще до рѣшенія вопроса о платѣ, и да будетъ имъ стыдно за боязнь ѣхать на помощь оборонѣ отечества!

Въ нынѣшнюю тяжелую годину нежданной войны съ Японцами, давно къ ней приготовившимися и измѣннически напавшими на русскій флотъ безъ объявленія войны, масса народа: крестьянъ, ремесленниковъ, горожанъ, студентовъ, ученыхъ и прочаго люда, презирая боязнь, напрашиваются добровольцами въ ряды арміи и полевыхъ госпиталей на Дальній Востокъ съ предложеніемъ ѣхать туда даже на собственный счетъ; города, общества и отдѣльныя лица, съ лишеніемъ для себя, жертвуютъ изъ средствъ каждаго большія суммы на помощь государству, на отраженіе зазнавшагося непріятеля. Только на Балтійскомъ заводѣ, мастеровые котораго трижды увѣряли государя императора въ своей преданности ему, отечеству и флоту, нашлись люди, которые изъ гнуснаго барышничества презрѣли этими увѣреніями и, вопреки общему нраву русскаго люда, отказались даже за высокую предложенную плату помочь въ государственной нуждѣ, ради неудовлетворенія ихъ маклаческихъ, чрезмѣрныхъ требованій. Такихъ позорныхъ людей я считаю недостойными остальныхъ, любящихъ Россію мастеровыхъ и служащихъ на Балтійскомъ заводѣ и объявляю имъ сего же 3 февраля разсчетъ, согласно закона, черезъ двѣ недѣли къ 17 февраля, мастерамъ же предлагаю до этого дня увольненія не ставить ихъ впредь на задѣльныя и сверхурочныя работы.

Списокъ уволенныхъ, безъ правъ дальнѣйшаго поступленія на заводъ и на его суда, слѣдующій: (слѣдуетъ списокъ фамилій).

Начальникъ завода.

Въ дополненіе къ этому привожу нѣсколько строкъ изъ корреспонденціи рабочаго Балтійскаго завода: „Начальникъ завода при объявленіи о записи увѣрилъ насъ, что ѣдутъ не по принужденію, а ежели кто раздумаетъ, то можетъ во всякое время отказаться безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для себя...

Таково генеральское слово...“

Нѣтъ словъ, чтобы достаточно заклеймить эту гнусную попытку чиновнаго безсеребренника ошельмовать нѣсколько десятковъ тружениковъ за то, что они воспользовались своимъ правомъ отказаться отъ предложенной имъ работы.

Офицеры, отправляясь на войну, не отказываются отъ двойныхъ окладовъ; рабочіе же, приглашаемые на „добровольную“ службу на театрѣ войны, не смѣютъ ставить своихъ условій! Ничѣмъ лучше нельзя показать, до какой степени отношенія къ рабочимъ въ Россіи проникнуты крѣпостническимъ духомъ, какъ документами, подобными этому приказу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЦЕНТРАЛИЗМЪ ВЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Въ германской соціальдемократической партіи разыгралась въ послѣднее время исторія, чрезвычайно характерная для ея внутренней партійной жизни. Для насъ, русскихъ, эта исторія тѣмъ поучительнѣе, что, въ связи съ многимъ другимъ, она дагет нѣкоторое представленіе объ организаціонныхъ взглядахъ, господствующихъ внутри германской партіи.

Смерть даровитаго товарища Розенова сдѣлала вакантнымъ двадцатый саксонскій избирательный округъ — Чопау-Маріенбергъ. Товарищи изъ этого округа не успѣли еще отдохнуть отъ интенсивной и напряженной борьбы, подготовившей день шестнадцатаго іюня, — день общихъ выборовъ въ рейхстагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательной побѣды германской соціальдемократіи, — какъ они были поставлены въ необходимость снова поднять избирательную агитацію. Но успѣхъ казался несомнѣннымъ. Въ послѣдній разъ Розеновъ былъ посланъ въ парламентъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Небольшихъ усилій, казалось, будетъ достаточно, чтобы удержать за собою округъ. Тѣмъ сильнѣе поразила, тѣмъ неожиданнѣе оказалась неудача. Шестнадцатаго іюня товарищъ Розеновъ былъ избранъ 13.616 голосами противъ 9,876, поданныхъ за кандидатовъ буржуазныхъ партій. При дополнительныхъ выборахъ, происшедшихъ 18 марта этого года, кандидатъ соціальдемократической партіи, Пинкау, получилъ лишь 10,277 голосовъ, антисемитъ же Циммерманъ и консерваторъ докторъ Шанцъ — вмѣстѣ 10,323 голоса. Втеченіе недѣльнаго срока, остававшагося до перебаллотировки, соціальдемократамъ удалось завербовать еще 900 голосовъ, но за то Циммерманъ, кромѣ голосовавшихъ за него консерваторовъ, получилъ еще 1,600 голосовъ и вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы. Такимъ образомъ, соціальдемократическая партія потеряла не только мандатъ, но и — что гораздо важнѣе — около 3,500 своихъ приверженцевъ, — и это черезъ полгода послѣ 16 іюня!

Всѣ политическіе органы партіи выясняли причины этого поразительнаго явленія. По ихъ единодушному признанію главная причина его, кромѣ ряда общихъ и частныхъ факторовъ, лежитъ въ томъ „спорѣ изъ-за кандидатовъ", который предшествовалъ дополнительнымъ выборамъ.

Товарищи изъ двадцатаго округа назначили было своимъ кандидатомъ, бывшаго пастора, Гере, кандидатура котораго, однако, не могла быть партіей одобрена. Дѣло въ томъ, что лишь незадолго до этого Гере сложилъ съ себя мандатъ, полученный имъ въ одномъ изъ саксонскихъ округовъ при выборахъ 16 іюня. Ничего не заявивъ ни партіи, ни своимъ избирателямъ, Гере возвратилъ свои депутатскія полномочія въ бюро парламента. Помимо реальнаго вреда, нанесеннаго партіи, этотъ поступокъ, и по формѣ, и по существу, явился грубымъ нарушеніемъ партійныхъ обязанностей и оказаннаго партіей довѣрія, такъ какъ мандатъ, полученный отъ партіи, могъ быть сложенъ лишь съ ея одобренія. Побудительнымъ мотивомъ для такого образа дѣйствія, какъ Гере впослѣдствіи объяснялъ, послужили тѣ нападки, которымъ онъ вмѣстѣ съ другими ревизіонистами подвергался на дрезденскомъ партійномъ конгрессѣ за сотрудничество въ буржуазной прессѣ. Какъ бы тамъ ни было, внезапно сложивъ съ себя депутатскія полномочія, Гере показалъ себя человѣкомъ недисциплинированнымъ, политически неустойчивымъ и ненадежнымъ. Политическая организація округа допустила поэтому большую неосторожность, выставивши его кандидатомъ, не справившись предварительно съ волей партіи. Принятіемъ же этой кандидатуры Гере еще болѣе подчеркнулъ несостоятельность своего прежняго отказа отъ мандата и свою политическую непослѣдовательность. Партіи въ лицѣ ея центральныхъ учрежденій пришлось вмѣшаться въ это дѣло. При участіи представителя отъ центральнаго комитета партіи, агитаціонные комитеты Саксоніи и ея центральное правленіе категорически потребовали снятія кандидатуры Гере. Въ духѣ этого же требованія высказалась и соціальдемократическая парламентская фракція. Неизвѣстно, какъ далеко зашелъ бы этотъ конфликтъ, если бы Гере не отказался добровольно отъ предложенной и уже принятой имъ кандидатуры.

Съ устраненіемъ Гере, исчезло „яблоко раздора", и кандидатомъ для округа былъ назначенъ уже упомянутый товарищъ Пинкау. Но, недовольная рѣшеніемъ представительныхъ партійныхъ учрежденій, организація округа недостаточно энергично повела избирательную агитацію. По свидѣтельству одной партійной газеты, знающей мѣстныя условія по собственнымъ наблюденіямъ, агитація, какъ печатная, такъ и устная, велась вяло и неудовлетворительно. Не былъ использованъ весь агитаціонный матеріалъ; мѣстный органъ запаздывалъ съ сообщеніями о состоявшихся агитаціонныхъ собраніяхъ. Всѣ эти упущенія не были исправлены и за время, оставшееся до перебаллотировки. Въ то время, какъ антисемиты начали свою агитацію на другой же день послѣ главныхъ выборовъ, въ лагерѣ соціальдемократовъ царила полная бездѣятельность. Сотни и тысячи избирателей, именно тѣ рекруты соціальдемократіи, которые усиленной агитаціей должны были быть вовлечены въ избирательную борьбу, остались, такимъ образомъ, въ сторонѣ отъ нея. Результатъ всего этого — потеря мандата и рѣзкое уменьшеніе соціальдемократическихъ голосовъ.

Такое поведеніе мѣстной организаціи вызвало рѣзкое осужденіе ея со стороны общественнаго мнѣнія партіи. „Если только благодаря *личности* Гере, — говоритъ одинъ изъ партійныхъ органовъ, — можно было удержать округъ, тогда, право, лучше, что мы его потеряли. Ибо соціальдемократическое движеніе держится не отдѣльными личностями, и если гдѣ-либо личные вопросы слишкомъ выдвигаются на передній планъ, то лучше уже потерпѣть пораженіе, которое заставило бы товарищей придти къ сознанію, что у насъ дѣло идетъ не о личныхъ антипатіяхъ или симпатіяхъ, а о принципахъ, о твердыхъ политическихъ убѣжденіяхъ. Кто не голосовалъ за Пинкау потому, что Гере былъ ему пріятнѣе, тотъ пусть прежде всего наединѣ съ собою больше вдумается въ сущность соціализма". Таково въ общемъ мнѣніе громадной части партійной прессы. Но нѣкоторыя газеты партіи стали на сторону мѣстной организаціи, въ защиту ея якобы нарушенныхъ „автономныхъ" правъ. Отъ частнаго случая онѣ поднялись до неправильныхъ обобщеній, заговорили объ отношеніяхъ между округомъ и партіей, объ основахъ „демократизма". Ревизіонистъ Гейне воспользовался этимъ поводомъ для того, чтобы попытаться расшатать зданіе партійной организаціи. Въ „Socialistische Monatshefte" онъ обвинилъ партію въ бюрократизмѣ, въ стремленіи все упрощать и нивеллировать, въ силу чего-де стѣсняется „духовная самостоятельность", дѣлается невозможной свободная игра „индивидуальностей". Принципы демократизма требуютъ, чтобы въ выборѣ кандидата округъ былъ совершенно самостоятеленъ, за партіей здѣсь не можетъ быть признано право контроля.

Чтобы оцѣнить основательность брошенныхъ ревизіонистами обвиненій, надо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: представители организаціоннаго централизма въ Германіи всего менѣе думаютъ суживать до minimum'а автономію отдѣльныхъ частей партіи въ вопросахъ *организаціонныхъ*. Никому не приходитъ въ голову, напримѣръ, требовать, чтобы было ограничено право мѣстной организаціи назначать редактора мѣстной газеты или другое должностное лицо; никто не вздумаетъ посягать на право организаціи ввести въ свой составъ или исключить того или другого члена. Никто не подумаетъ такимъ ограниченіемъ автономіи частей партіи гарантировать принципіальную устойчивость ея направленія. А только въ этомъ случаѣ и можно было бы говорить о бюрократическихъ пріемахъ. Напротивъ, рѣчь шла о вмѣшательствѣ партіи, въ лицѣ ея исполнительныхъ органовъ, въ такую сферу дѣятельности членовъ партіи, гдѣ эта дѣятельность выходитъ изъ подъ исключительнаго контроля организаціи и поступаетъ подъ контроль широкой массы избирателей. Конституція дѣлаетъ депутатовъ парламента представителями населенія; рабочая партія стремится имѣть въ нихъ представителей организованнаго для классовой борьбы пролетаріата. Въ антагонизмѣ этихъ двухъ тенденцій скрывается антагонизмъ между классовой борьбой пролетаріата и демократіей, какъ политической формой буржуазнаго общества. Ослабленіе организаціонной зависимости депутата отъ партіи приводитъ къ усиленію его политической зависимости отъ неорганизованной и разнородной массы избирателей, зависимости, которая, благодаря именно этой неорганизованности и разнородности, сплошь и рядомъ превращается въ фикцію, скрывающую *безотвѣтственность* „вождей". Недаромъ Гейне заявляетъ: „въ рамкахъ указаннаго имъ круга дѣятельности они (депутаты) должны пользоваться самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ и нѣкоторой *безотвѣтственностью*" (!). А такое именно ослабленіе организаціонной зависимости отъ своей партіи достигается такого рода „автономіей", которой хочетъ Гейне, когда политическую силу всей партійной организаціи — во имя „демократическаго" принципа — предлагаетъ замѣнить ничтожной силой ея отдѣльной части. Идеальнымъ образомъ принципъ, отстаиваемый Гейне, проведенъ уже во французской жорессистской партіи, гдѣ депутатъ — соціалистъ считаетъ себя отвѣтственнымъ не передъ партіей, а передъ округомъ. Извѣстно, къ какому политическому разврату приводитъ жорессистскую партію такое положеніе дѣлъ. Понятно, что и ссылка на „демократизмъ" является тутъ простымъ софизмомъ. Демократическій контроль и политическая отвѣтственность осуществимы только въ предѣлахъ организаціи, и представителями демократическаго контроля являлись въ данномъ столкновеніи именно тѣ, которые боролись за укрѣпленіе вліянія партіи на депутатовъ, а не тѣ, которые стремились ослабить это вліяніе и подмѣнить его тѣмъ формальнымъ контролемъ избирателей, который дается системой современнаго парламентаризма.

Въ такомъ же смыслѣ высказался Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на статью Гейне[1]. Демократія, говоритъ онъ, есть не анархія, а господство массы надъ исполнителями ея воли, въ противоположность другимъ формамъ правленія, въ которыхъ такъ называемые слуги народа въ дѣйствительности являются его господами. Исторія парламентаризма потверждаетъ это положеніе. Тамъ, гдѣ пролетаріатъ не имѣетъ представительства, парламентаризмъ всегда является средствомъ для господства буржуазіи. Разрозненность избирателей между собой, большіе періоды времени между одними выборами и другими позволяютъ депутатамъ измѣнять интересамъ своихъ избирателей, обманывать ихъ ожиданія. Эта отрицательная сторона парламентаризма парализуется лишь съ развитіемъ пролетарской партійной организаціи. Лишь она дѣлаетъ возможнымъ дѣйствительный контроль партіи, то есть всего организованнаго пролетаріата, надъ отдѣльными ея членами. Въ ней избранный депутатъ остается членомъ партіи и, какъ таковой, подчиняется ея дисциплинѣ. „Депутатъ рейхстага есть представитель нѣмецкаго народа, а не какого нибудь округа; какъ членъ партіи, онъ представитель всей партіи въ цѣломъ, ея трехъ милліоновъ, а не тѣхъ, быть можетъ, 10000 избирателей, которые подали за него свой голосъ. Онъ получаетъ трибуну, съ которой онъ говоритъ не только къ своему округу, но ко всей Германіи; его поведеніе въ рейхстагѣ отражается не только на избравшемъ его округѣ, но и на всей партіи въ цѣломъ. Если его дѣятельность полезна, то она къ выгодѣ всей партіи, если она вредна, то она позоритъ и компрометтируетъ всю партію. Выборъ каждаго отдѣльнаго кандитата въ рейхстагъ есть поэтому такое важное дѣло, въ которомъ заинтересована вся партія". Разумѣется, дѣло не можетъ быть отдано на рѣшеніе „одной только высшей инстанціи, напримѣръ, партійному правленію, или какому нибудь центральному избирательному комитету. Товарищи въ избирательномъ округѣ несутъ на себѣ главную тяжесть работы, связанной съ выборами, отъ нихъ прежде всего зависитъ успѣхъ кандидатовъ. Было бы безсмысленно навязывать имъ кандидата, котораго они не хотѣли бы. Они только не должны имѣть права навязать партіи депутата, противъ котораго большинство ея питаетъ тяжелыя сомнѣнія. Пусть они сами себѣ выберутъ кандидата, но выступить съ нимъ они могутъ только послѣ того, какъ ихъ выборъ будетъ одобренъ представителями партіи, для этого назначенными." Въ дѣйствительности таково и было обычное право въ партіи, дѣйствовавшее втеченіе десятковъ лѣтъ. Утвержденіе кандидата представительными учрежденіями партіи всегда было дѣломъ пустой формальности. Самъ Гейне приводитъ такой случай, когда желаніе одного избирательнаго округа въ Саксоніи было удовлетворено, несмотря на то, что всѣ избирательные комитеты Саксоніи единогласно высказались противъ намѣченнаго округомъ кандидата. Но, хотя „случай съ Гере" — быть можетъ, въ исторіи партіи первый, когда выборъ округа ни въ коемъ случаѣ не могъ быть санкціонированъ партіей, тѣмъ не менѣе интересы дѣла потребовали теперь, чтобы это обычное право было сформулировано въ опредѣленную юридическую норму. „Партія — говоритъ Каутскій — стала слишкомъ велика, чтобы довольствоваться этимъ молчаливо признаннымъ обычнымъ правомъ". Когда установившееся обычное право начало кѣмъ-либо оспариваться, то его необходимо кодифицировать, такъ какъ въ противномъ случаѣ проведеніе его въ жизнь сопряжено съ большой тратой времени и труда, даетъ матеріалъ для многихъ лишнихъ конфликтовъ.

Всѣ эти соображенія вполнѣ совпали съ тѣми дебатами, которые происходили на, состоявшейся въ началѣ апрѣля, конференціи саксонскихъ партійныхъ организацій. Въ рѣчахъ ораторовъ этой конференціи, общественное мнѣніе партіи выразилось точно такъ же, какъ оно проявилось въ рѣшеніяхъ ея верховныхъ учрежденій и въ сужденіяхъ ея политической прессы. Поразительно то единодушіе, та точность, съ какой сказалась воля партіи въ разнообразныхъ проявленіяхъ партійной жизни! Можно сказать: резолюція, принятая на саксонской конференціи, точно формулируетъ отношеніе партіи къ событіямъ, предшествовавшимъ выборамъ въ Чопау-Маріенбергъ. Резолюція эта принята 66 голосами противъ 9, она имѣетъ силу для саксонскихъ организацій, и гласитъ: „Въ случаѣ, если относительно выставленія кандидатуры между организаціей избирательнаго округа и агитаціонными либо же центральными комитетами не произойдетъ соглашенія, то дѣло передается въ правленіе партіи — центральный комитетъ и контрольную коммиссію — для окончательнаго рѣшенія."

ЯПОНСКІЕ ТОВАРИЩИ О ВОЙНѢ[2].

Въ № отъ 28 февраля органъ японской соціальдемократической рабочей партіи „Heimbin Schimbun" пишетъ по поводу войны:

„Мы, соціалисты, со стойкостью должны встрѣтить парадные воинственные крики и употребить всѣ усилія для того, чтобы, при современномъ настроеніи общества, распространять перомъ и словомъ наши идеи. Никакой бѣшеный восторгъ народа по поводу нашихъ морскихъ побѣдъ не можетъ поколебать наше отношеніе къ войнѣ. Энтузіазмъ народа, дѣйствительно, ростетъ съ каждымъ днемъ; народъ готовъ согласиться отпустить правительству новыя денежныя средства. Лишь только правительство заявило о своемъ намѣреніи сдѣлать заемъ въ въ 100 мил. іенъ, токійскіе банкиры, послѣ нѣкотораго совѣщанія, выразили желаніе взять этотъ заемъ на себя. Насколько весь народъ горитъ желаніемъ принять въ этомъ участіе, показываетъ то обстоятельство, что заемъ былъ покрытъ три раза. Нѣтъ никого въ странѣ, кто пришелъ бы въ себя на мгновеніе и подумалъ бы о тѣхъ губительныхъ послѣдствіяхъ, которыя несомнѣнно принесетъ эта война. Даже рабочій классъ упускаетъ изъ виду, что война является для него самымъ ужаснымъ событіемъ; даже и онъ мечтаетъ въ серьезъ о томъ, что послѣ этихъ временныхъ золъ наступитъ улучшеніе его положенія.

Положительно, такое состояніе, какъ будто люди опьянены алкоголемъ. Кто вѣчно дрожитъ отъ ледяного холода, хочетъ, хоть на мгновеніе, почувствовать облегченіе, вливая въ себя глотокъ водки; но развѣ не покажется ему еще болѣе ужаснымъ его бѣдственное положеніе, когда исчезнетъ дѣйствіе алкоголя? Мы, соціалисты, воздержимся отъ этого опьяненія и должны трезво обсуждать вещи. Дѣйствительно ли была *неизбѣжна* война между Японіей и Россіей? Правиленъ ли взглядъ, что независимость Японіи могла пострадать, если бы русскія войска не были вытѣснены изъ Манчжуріи? Развѣ не вѣрно, что эта война несетъ огромную выгоду лишь нѣсколькимъ капиталистамъ, а для пролетаріата является самымъ ужаснымъ событіемъ? До тѣхъ поръ, пока намъ не дадутъ удовлетворительнаго отвѣта на всѣ эти вопросы, мы отказываемся оправдывать эту войну!"

По поводу мнимаго патріотизма капиталистическаго общества тотъ же органъ пишетъ:

„Если находятся нѣкоторые японцы, которыми въ этой войнѣ руководитъ искреннее патріотическое чувство любви къ родинѣ, то, съ другой стороны, каждый день увеличивается на нашихъ глазахъ число тѣхъ, которые именно во время этой войны думаютъ больше о собственной выгодѣ, чѣмъ о своихъ ближнихъ.

Бѣдные, въ большинствѣ случаевъ, вполнѣ искренно исполняютъ свой долгъ; они могутъ отдать за свою родину лишь кровь свою. Богатые не совершаютъ ничего, не имѣя въ виду собственной выгоды, и если они теперь вносятъ свою долю въ военный фондъ, они совершаютъ это лишь въ ожиданіи какой-нибудь пользы для себя. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что одинъ изъ богачей въ Нагайѣ обратился къ одному вліятельному сановнику для того, чтобы узнать черезъ него, не наградитъ ли императоръ орденомъ или чиномъ того, кто пожертвуетъ въ военный фондъ крупную сумму. Если же ему не могутъ обѣщать ничего въ этомъ родѣ, онъ предпочтетъ вложить свои деньги въ военный заемъ, который всетаки гарантируетъ ему 5%. Завидное соединеніе патріотизма съ барышами!"

Очень интересно также письмо одного рабочаго императорскаго арсенала: „Начиная съ декабря минувшаго года, прижимки достигли высшей степени. 19 рабочихъ арсенала принуждены были въ теченіе цѣлой недѣли не возвращаться домой. Послѣдствіями этой эксплуатаціи явились ужасные несчастные случаи. Одинъ изъ измученныхъ рабочихъ попалъ, вслѣдствіе головокруженія, въ машину и былъ моментально раздавленъ; другой умеръ моментальной смертью, принимая дома ванну послѣ восьмидневной не прекращавшейся работы; третій — упалъ со строящагося корабля и утонулъ. Еще одинъ упалъ въ ровъ двухъ футовъ глубины и лишился жизни. До сихъ поръ я отдѣлывался счастливо, но теперь придется *безостановочно* работать *тридцать четыре* часа".

По поводу „военнаго воодушевленія", которое проявила въ училищахъ японская молодежь, тотъ же органъ замѣчаетъ:

„Самый распространенный органъ страны „Осака Азаги" отвелъ значительное количество мѣста свѣдѣніямъ о событіяхъ, происшедшихъ въ училищахъ; приводится цѣлый рядъ фактовъ о томъ, какъ дѣти удѣляли свои собранные грошики на военный фондъ. Мы находимъ неразумнымъ подстрекательство дѣтей къ подобнаго рода манифестаціямъ. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось удержать современное поколѣніе отъ увлеченія всеобщимъ военнымъ опьяненіемъ. Будемъ всетаки надѣяться, что наши дѣти получатъ болѣе просвѣщенный взглядъ на назначеніе человѣчества!"

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація по поводу войны:

Центральнымъ Комитетомъ переизданъ въ Россіи листокъ „Искры" „Война противъ войны"; тотъ же листокъ переизданъ **Крымскимъ Союзомъ** въ количествѣ 5000 экз., **Донскимъ Ком.** — 7000 экземп., **Донецкимъ Союзомъ** — 4000 экземп., **Кіевскимъ Ком.** — 2000 экз. **Тульскимъ Ком.** — 2000 экз., **Елизаветградскимъ** — 1000 э. Листокъ „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" перепечатанъ одной группой товарищей въ количествѣ 30000 экз., а листовка „Искры" „Ко всему рабочему народу" — въ количествѣ 25000 экземп. — **Кавказскимъ Союзомъ** изданъ листокъ „долой войну!"; подъ тѣмъ же заглавіемъ выпущенъ другой листокъ. — **Черногородскимъ Районнымъ Комитетомъ въ Баку** изданъ листокъ противъ пожертвованій на войну. — **Петербургскимъ Ком.** изданы листки „Ко всѣмъ рабочимъ" (объ увольненіи рабочихъ балтійскаго завода за отказъ ѣхать на Дальній Востокъ) и „Къ обществу". — **Саратовскимъ Ком.** издано письмо рабочаго „Ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ" по поводу „добровольныхъ" пожертвованій. — **Астраханской Группой** изд. „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" и свой листокъ о причинахъ войны. — **Александровскимъ Ком** изд. „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?" (4000 экз. и о причинахъ войны (2500 экз.). — **Воронежской Кассой Борьбы** изд. „Двѣ войны" (400 экз.), „Къ учащимся о войнѣ" и „Ко всѣмъ рабочимъ о войнѣ" (600 экз.). — **Астраханская Гр** соціальдемократовъ переизд. „Международный жандармъ" (изданіе редакціи „Искры").

Вышли изданія:

Редакціи „Искры" и Центральнаго Комитета — листокъ „Перв мая"; **Петербургскаго Комитета** — 1) „Что дѣлается на Руси" (бюллетени, №№ 1-4), 2) „Къ рабочимъ завода военно-врачебныхъ заготовленія", 3) „Къ рабочимъ Лесснера", 4) „Къ рабочимъ каретнаго трубочнаго завода" и 5) „Къ рабочимъ желѣзно-прокатнаго общества"; **Рижскаго Ком.** — „Къ рабочимъ и работницамъ" (о политической свободѣ) и „Пауки и мухи" Либкнехта (1000 э. вмѣстѣ съ листкомъ „Что такое наша партія?" раскиданы въ ночь подъ Пасху по улицамъ и въ церквахъ); **Смоленскаго Ком.** — „Открытое письмо генералу Тихомірову" (ревизору, присланному для разгрома мѣстной семинаріи); **Астраханской группы** — листокъ по поводу арестовъ въ этомъ городѣ; **Иркутскаго Комитета** — листокъ объ Якутской бойнѣ.

Продолженіе отдѣла „Изъ партіи" и хроника революціонной борьбы см. въ отдѣльномъ приложеніи къ этому №

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Каспійцу. Пришлите вашъ адресъ.

Въ отчетѣ заграничн. представителя Ц. К. за январь 190 напечатано: Для Ц. К. отъ Лейпцигской группы 869 фр. 15 нужно читать: 369 фр.

Тверскимъ Комитетомъ получено на спеціальныя нужды отъ „механика" 50 руб.

Представителямъ Р. С. Д. Р. П. въ женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено изъ Breslau — 8 фр. 80 сан. Черезъ него же передано изъ женевской кассы ссыльнымъ и заключеннымъ товарищамъ въ Россіи; С—у — 20 руб.; С—ому — 15 руб.; черезъ товарища К. ссыльнымъ въ Восточной Сибири — 109 фр. 80 сант. Почтовые расходы 1 фр. 80 сант.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центральнымъ Комитетомъ:

V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse)

(Просятъ обозначать: „для редакціи" или „для Лиги").

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

---

[1] „Die Neue Zeit". Wahlkreis und Partei.

[2] Vorwärts № 89.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Т. ЛЕНИНЪ О НАШИХЪ ОРГАНИЗАЦІОННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ.[1]

Такова, повидимому, судьба тов. Ленина: о важныхъ вопросахъ писать „до послѣдней степени на спѣхъ“ или печатать свои писанія „въ черновомъ видѣ“. Но времена мѣняются, съ ними мѣняются отношенія и люди... Если свое „до послѣдней степени на спѣхъ“ написанное „Что дѣлать?“ т. Ленинъ предлагалъ „читателю“ съ кокетливой граціей человѣка, знающаго себѣ цѣну и увѣреннаго въ своемъ успѣхѣ, то, опубликовывая полтора года спустя свое „Письмо къ товарищу“, тов. Ленинъ сопровождаетъ его злобными нападками на „новую редакцію“, которая стала „новой“ лишь потому, что его, Ленина, нѣтъ въ ея составѣ. И, хотя отъ этого злобствованія чтеніе и бесѣда о „Письмѣ“ не дѣлается пріятнѣе, тѣмъ не менѣе, бесѣдовать о немъ необходимо, ибо „черновикъ“ тов. Ленина есть классическое выраженіе того формально-бюрократическаго централизма, творцомъ и выразителемъ котораго онъ одновременно является.

„Главнымъ недостаткомъ“ Ленинскаго письма, красной нитью проходящимъ черезъ него, является усиленное подчеркиваніе *технической* и военно-*революціонной сторонъ* нашей дѣятельности и полное игнорированіе ея *соціальдемократическихъ цѣлей и задачъ*. „Планъ“ тов. Ленина, какъ мы увидимъ, есть планъ организаціи революціонеровъ, о цѣлесообразности котораго „чистые“ революціонеры и конспираторы могли бы, впрочемъ, спорить, но отнюдь не представляетъ собой плана организаціи соціальдемократической рабочей партіи.

Каждый, сколько-нибудь опытный, революціонеръ знаетъ, что его вліяніе въ революціонной средѣ прямо пропорціонально важности взятыхъ имъ на себя функцій, той энергіи и умѣлости, съ какой онъ эти функціи выполняетъ. Въ еще большей мѣрѣ это справедливо по отношенію къ комитету — руководителю всего движенія въ городѣ. Исторія многихъ комитетовъ показываетъ, что популярность ихъ среди рабочихъ и въ „обществѣ“ растетъ лишь вмѣстѣ съ ихъ революціонной дѣятельностью. Чѣмъ крупнѣе, чѣмъ разностороннѣе эта дѣятельность, чѣмъ энергичнѣе и успѣшнѣе она ведется, тѣмъ больше политическое вліяніе и „власть“, вмѣстѣ съ нею и черезъ нее пріобрѣтаемыя. Центральный Комитетъ Партіи долженъ сыграть въ исторіи нашего революціоннаго движенія очень крупную роль. Движеніе, руководить которымъ онъ призванъ, ждетъ лишь *фактическаго* объединенія. Повсюду мѣстная дѣятельность нуждается въ соотвѣтственныхъ организаціонныхъ формахъ, которыя могли бы обезпечить ея нормальный ростъ и теченіе. Во многихъ мѣстахъ ему нужно будетъ впервые оформить зарождающееся соціалистическое движеніе; тамъ же, гдѣ оно слабо, способствовать его развитію. Въ интересахъ обслуживанія движенія чрезвычайно важно гарантировать регулярное распространеніе Центральнаго Органа, правильный и обильный притокъ партійной литературы, которая наводнила бы отъ края до края всю обширную Русь. Многія отрасли революціонной работы лишь Центральнымъ Комитетомъ могутъ быть поставлены на должныя начала и пріобрѣсти надлежащій размахъ. Вотъ эта-то объединительная и творческая въ одно и то же время дѣятельность создастъ, естественнымъ образомъ, изъ Центральнаго Комитета ту силу, которая будетъ фактически руководить пролетарскими батальонами.

Все это такъ понятно, такъ элементарно-ясно даже для профановъ, что излишне было бы объ этомъ говорить. Но т. Ленинъ, „убѣжденный централистъ“, иначе представляетъ себѣ функціонированіе нашего Центральнаго Комитета. „Чтобы центръ, — пишетъ онъ, — могъ не только совѣтовать, убѣждать, спорить (какъ это было до сихъ поръ), а дѣйствительно дирижировать оркестромъ, для этого необходимо, чтобы было въ точности извѣстно, кто, гдѣ и какую скрипку ведетъ, гдѣ и какъ какому инструменту обучался и обучается, кто, гдѣ и почему фальшивитъ (когда музыка начинаетъ ухо драть), и кого, какъ и куда надо для исправленія диссонанса перевести и т. п.“[2] „*Центръ будетъ безсиленъ*, если въ то же время мы не проведемъ *максимальной децентрализаціи* и въ отвѣтственности передъ нимъ и въ освѣдомленности его о всѣхъ колесахъ и колесикахъ партійной машины“.[3] И только! Чтобы Центральный Комитетъ „дѣйствительно“ могъ „распоряжаться“ всей практической дѣятельностью, необходимо лишь — „децентрализовать отвѣтственность и освѣдомленность“! Ну, а какъ достигнете требующейся „максимальной децентрализаціи“? Для этого стоитъ „только захотѣть, — убѣждаетъ тов. Ленинъ, — а возможность передать (или переслать) сообщенія и связи есть и *будетъ всегда*, пока у насъ будутъ комитеты, будетъ Ц. К. и Ц. О.“[4] Центральный Комитетъ долженъ „руководить“ движеніемъ. Чтобы руководить, нужна его полная „освѣдомленность“. А чтобы быть освѣдомленнымъ, „надо только захотѣть...“! О той дѣятельности Центральнаго Комитета, которая единственно можетъ создать и его освѣдомленность, и *фактическую* возможность управлять движеніемъ, во всемъ „Письмѣ“ „убѣжденнаго централиста“ нѣтъ *ни единаго слова!* Но за то онъ не устаетъ „еще и еще разъ повторять“, что необходима „децентрализація“, дѣлая изъ нея различные перепѣвы: то она является „коррективомъ“ „централизаціи руководства движеніемъ“, то — „обратной стороной того *раздѣленія труда*, которое по общему признанію составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ потребностей нашего движенія“.[5]

То „зерно истины“, которое имѣется во всемъ, касающемся *мѣстной* работы, спрятано въ такую толстую и грубую шелуху „военно“-бюрократическихъ соображеній, что здоровый отростокъ ни въ коемъ случаѣ не могъ бы пробиться. Организація революціонеровъ по характеру ихъ дѣятельности — это естественный выводъ, подсказываемый долголѣтними исканіями наиболѣе подходящихъ организаціонныхъ формъ. При нашихъ политическихъ условіяхъ единственно этотъ организаціонный принципъ можетъ намъ обезпечить успѣхъ соціальдемократической пропаганды и агитаціи въ рабочемъ классѣ.[6] Но во что превращается эта правильная мысль у тов. Ленина? Надъ многочисленными группами революціонеровъ, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ спеціальныя группы „по устройству конспиративныхъ квартиръ“ и „по снабженію оружіемъ“, возвышаются два ряда центральныхъ „районныхъ группъ и заводскихъ подкомитетовъ“, дѣятельность которыхъ въ „мирное время“ сводится къ „распространенію литературы, листковъ, прокламацій и конспиративныхъ сообщеній комитета“; въ военное же — къ устройству демонстрацій и т. п. коллективныхъ дѣйствій“.[7] Всю дѣятельность соціальдемократіи тов. Ленинъ дѣлитъ на „мирную“ и „военную“. Та и другая не являются ему ни цѣлью самой по себѣ, какъ пробужденіе и развитіе классового сознанія въ пролетаріатѣ, ни „прологомъ“ къ широкой классовой борьбѣ, открывающейся намъ послѣ сверженія самодержавія. „Военныя дѣйствія“ рисуются ему въ качествѣ „конечной цѣли“ самыхъ смѣлыхъ его „мечтаній“, къ которой все остальное должно быть пріурочено. „Наладить, — говоритъ онъ, — организовать дѣло быстрой и правильной передачи литературы, листковъ, прокламацій и проч., пріучить къ этому цѣлую сѣть агентовъ — это значитъ сдѣлать *большую* половину дѣла по подготовкѣ въ будущемъ демонстрацій или возстанія.[1]) Въ полной со всѣмъ этимъ гармоніи принадлежность „революціонеровъ“ къ Партіи опредѣляется не ихъ пониманіемъ нашей программы, а той степенью „подчиненія начальству“, какая требуется отъ нихъ при выполняемыхъ ими функціяхъ. Такъ, напримѣръ, „группы разносчиковъ должны принадлежать къ Р. С.-Д. Р. П.“, такъ какъ отъ нихъ требуется „строжайшая конспирація и военная дисциплина“.[2] Тамъ же, гдѣ ея нужно „гораздо менѣе“, — членство партіи „необязательно“, а иногда и не желательно.

Странное сочетаніе — бюрократъ и революціонеръ рѣшительно преобладаютъ въ товарищѣ Ленинѣ надъ соціальдемократомъ. Раздѣленіе труда составляетъ, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, „насущную потребность“ всякой коллективной дѣятельности. Но то раздѣленіе труда, которое тов. Ленинъ, вводитъ въ нашу *соціальдемократическую* дѣятельность, отличается своимъ специфическимъ фабричнымъ характеромъ. „Кто, гдѣ и какъ, какому инструменту обучался и обучается“, — это значитъ, что, выбравъ себѣ какую нибудь спеціальность, революціонеръ долженъ навсегда при ней остаться. А если онъ свой выборъ неудачно совершилъ, если онъ плохо „самоопредѣлился“ и въ общемъ „оркестрѣ“ „фальшивитъ“, то Центральный Комитетъ, „въ точности“ обо всемъ „освѣдомляющійся“, уже „переведетъ“ его, куда слѣдуетъ... Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь! Соціальдемократическая дѣятельность, требующая свободнаго развитія всѣхъ, имѣющихся въ наличности, способностей и талантовъ, — эта дѣятельность производится совершенно автоматически, подъ управленіемъ „дирижерской палочки“ Центральнаго Комитета, одного мановенія которой достаточно, чтобы все привести въ движеніе! Центральный Комитетъ „сносится“, „распредѣляетъ“, „назначаетъ“, „распоряжается“ (это главное), — Центральный Комитетъ опредѣляетъ даже „кто, гдѣ и почему“ какія склонности имѣть можетъ и долженъ, Центральный Комитетъ пишетъ, наконецъ, „уставы“, ибо, по знаменитому изрѣченію тов. Ленина, „организовать, прежде всего значитъ составить уставъ“.[3] И тов. Ленинъ говоритъ еще, что „рѣчи о бюрократизмѣ, формализмѣ и проч. являются прежде всего простымъ *отзвукомъ* бывшихъ *послѣ съѣзда* дрязгъ“![4]

Петербургскіе товарищи, рабочіе, желаютъ знать мнѣніе и взгляды авторитетнаго товарища на наши организаціонныя задачи. Вмѣсто того, чтобы подчеркнуть *содержаніе* нашей дѣятельности, указавъ *связь* его съ этими организаціонными задачами, вмѣсто того, чтобы разъяснить, почему же для нашей дѣятельности нужны именно такія, а не иныя, организаціонныя формы и строй, — тов. Ленинъ „спѣшитъ“ сдѣлать „черновой набросокъ“ (благо, онъ не для печати назначается), въ которомъ онъ weit und breit распространяется о перекрестныхъ „допросахъ съ пристрастіемъ“, объ „искусахъ“, о „военной дисциплинѣ“, о „распорядительствѣ и дирижированіи“, о „централизаціи и децентрализаціи“ и обо многомъ другомъ въ этомъ родѣ, „безусловно и во всѣхъ случаяхъ настоятельно необходимомъ“. Вѣское слово авторитетнаго товарища принимается, конечно, на вѣру, и просвѣтившіеся дѣятели начинаютъ перекраивать свои организаціонныя отношенія „по письму Ленина“... Таковъ нашъ „единственный“, по мнѣнію одного изъ „большинства“, „политическій вождь!“

„Черновыя“ произведенія, подобныя тому, которое лежитъ теперь предо мною, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на тайну происхожденія „пресловутаго“ централизма „твердыхъ“ и на источникъ популярности нашего „единственнаго“ вождя. Здѣсь не мѣсто подробно объ этомъ говорить, достаточно лишь нѣкоторыхъ указаній. Извѣстно, что цѣлыя поколѣнія соціальдемократовъ воспитывались, за неимѣніемъ болѣе подходящей умственной пищи, на легальной марксистской литературѣ. Поколѣніе смѣнялось поколѣніемъ, и идеи революціоннаго марксизма, на протяженіи двухъ десятковъ лѣтъ пропагандируемыя „Группой Освобожденія Труда“, все больше и больше забывались. Революціонная борьба становилась въ это время интенсивнѣе. Учиться стало некогда... Программно-теоретическіе вопросы отодвигались на задній планъ предъ вопросами узко-практическаго характера. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о наилучшихъ организаціонныхъ формахъ, — вопросъ, диктуемый потребностями непосредственной борьбы. Въ такой умственной атмосферѣ энергично сказанное „новое слово“ тов. Ленина принималось, какъ откровеніе, какъ новое евангеліе. А между тѣмъ, объ этомъ словѣ можно сказать: „что вѣрно, то не ново, а что ново, то невѣрно“, — невѣрно, потому, что сказано *однобоко*, безъ подчеркиванія всѣхъ остальныхъ задачъ соціальдемократіи. „Новое слово“ тов. Ленина, именно, по своей несложности и односторонности оказалось по плечу недостаточно развитымъ соціальдемократамъ, съ головой ушедшимъ въ окружающую ихъ революціонную сутолоку. Создалась особая методика пропаганды и борьбы, методика „твердыхъ“ искровцевъ, „не стыдящихся быть искровцами“. И это самобытное теченіе въ средѣ „искровской“ соціальдемократіи, стало формоваться въ особое направленіе „твердыхъ“, когда оно впервые натолкнулось на отпоръ и борьбу.

Подъ вліяніемъ этой борьбы тов. Ленинъ, самый яркій представитель очерченнаго направленія, воспѣвая политику „осаднаго положенія“, заявлялъ со всѣмъ свойственнымъ ему категоризмомъ о „глубокомъ *политическомъ* расхожденіи съ тов. Мартовымъ“.[5] Подъ вліяніемъ этой же борьбы тов. Ленинъ силится теперь „показать“, что „*расхожденія*“ вовсе нѣтъ, что оппозиція „*вообразила*“ себѣ бюрократизмъ, чтобы скрыть „*дѣйствительный* источникъ сказокъ о бюрократизмѣ“. Отвлекаясь отъ индивидуальныхъ свойствъ нашего „политическаго противника“, должно сказать, что тов. Ленинъ раздѣляетъ въ этомъ отношеніи судьбу экономистовъ, „хвостистовъ“ тожъ. Послѣдніе одно время также отрицали наличность какихъ либо „принципіальныхъ“ разногласій. И экономисты, и наши доморощенные бюрократы, по своему правы. Между ними лишь та разница, что первые въ области *программныхъ*, а вторые въ области *организаціонныхъ* вопросовъ принижаютъ задачи соціальдемократіи до своего примитивно-упрощеннаго разумѣнія. сходство же, и большое сходство, именно въ этомъ примитивномъ пониманіи нашихъ задачъ. По этой же несложности и примитивности своего пониманія, наши бюрократы, какъ и, сошедшіе съ исторической сцены, экономисты, неспособны понять своего „расхожденія“ съ соціальдемократизмомъ.

Но если экономизмъ явился отраженіемъ дѣйствительной *массовой* борьбы рабочаго класса и давалъ свои турниры на почвѣ *программы*, то бюрократизмъ, какъ прямолинейная реакція противъ кустарничества, не имѣетъ подъ собой этой благодарной для развитія и долгаго процвѣтанія почвы. Эти особенности его возникновенія дѣлаютъ его еще каррикатурнѣе и уродливѣе, чѣмъ былъ въ свое время экономизмъ. Эти же особенности позволяютъ намъ надѣяться, что мы еще скорѣе, еще основательнѣе „изживемъ“ свою новую бѣду, какъ мы „превозмогли“ экономизмъ. Надежда эта подкрѣпляется первой „побѣдой“ тов. Ленина и его „большинства“, послужившей началомъ цѣлаго ряда ихъ крупныхъ пораженій.!!

Тов. Ленину принадлежитъ, какъ мы видѣли, до извѣстной степени честь „сотворенія“ того „пресловутаго“ бюрократическаго централизма, котораго онъ никакъ не можетъ найти и который тутъ же за его спиной дѣлаетъ ему всяческія гримасы. Но тов. Ленинъ является въ то же время и выразителемъ, и жертвой этого централизма. „Издавна интересуясь нашими организаціонными задачами“[1], тов. Ленинъ разрѣшилъ ихъ согласно своей теоріи „выгибанія палки въ обратную сторону“. Разброду, шатанію и кустарничеству онъ, по прямой антитезѣ, противопоставилъ бюрократизмъ, политику „твердыхъ“, политику „осаднаго положенія“ и „ежевыхъ рукавицъ“. Но вмѣстѣ съ „палкой“ онъ „перегнулъ“ и самаго себя, и „перегнулъ“ настолько, что принимая во вниманіе „твердость“ его „политическаго“ характера, едва ли ужъ ему „выпрямиться“...

Практикъ.

Резолюція Одесскаго Комитета.

Наша Партія въ настоящее время переживаетъ тяжелый внутренній кризисъ. Обязанность какъ отдѣльныхъ сознательныхъ членовъ Партіи, такъ и каждой партійной организаціи, всѣми силами содѣйствовать скорѣйшему устраненію этого кризиса. Одесскій Комитетъ, признавая это и видя, что положеніе вещей съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе невыносимымъ, послѣ тщательнаго и всесторонняго обсужденія вопроса *единогласно* пришелъ къ опредѣленному его рѣшенію.

Однако, прежде чѣмъ изложить свое заключеніе, Одесскій Комитетъ считаетъ необходимымъ, хотя бы въ краткихъ чертахъ, указать на тѣ обстоятельства, которыя, по его глубокому убѣжденію, привели Партію къ такому положенію. Въ періодъ расцвѣта такъ называемаго „экономизма“ въ теоріи и „кустарничества“ съ „демократизмомъ“ на практикѣ, въ области организаціонной въ періодъ всеобщаго разброда, шатанія и оппортюнизма, возникла „Искра“, съ ясно и твердо установленными принципами революціонной соціальдемократіи въ теоріи не менѣе ясными и опредѣленными началами партійной организаціи въ области практической.

Съ перваго же дня своего существованія „Искра“ вступила — и не могла не вступить — въ борьбу со старыми, указанными выше направленіями нашей Партіи. Борьба эта была упорная, непрерывная, страстная! Въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ она велась дружно и неутомимо. Въ концѣ этого періода всѣмъ стало казаться, что идеи „Искры“, въ томъ числѣ и организаціонныя, восторжествовали въ нашей Партіи и что моментъ ликвидаціи третьяго періода, наконецъ, насталъ. Говоря точнѣе, казалось, насталъ моментъ санкціонировать эту ликвидацію и формально провозгласить идейное и *организаціонное* единство партіи, выработать строго-опредѣленныя нормы для дальнѣйшаго существованія и функціонированія партіи на новыхъ началахъ. Совершить и завершить это могъ только съѣздъ, какъ верховный органъ и выразитель воли партіи.

Необходимость самого съѣзда и его значеніе, какъ высшаго органа партіи, постановленія котораго безусловно обязательны для всей партіи, признавалось опять таки всѣми, и было ясно и отчетливо выражено въ уставѣ второго съѣзда, выработанномъ Орг. К. и принятомъ всѣми организаціями. Съѣздъ этотъ, наконецъ, состоялся. Онъ дружно принялъ программу партіи, рядъ практическихъ резолюцій, утвердилъ всѣ основныя черты организаціоннаго плана „Искры“ въ видѣ устава партіи, осуществляя этотъ планъ распущеніемъ отдѣльныхъ мелкихъ группъ (группа „Борьба“, гр. „Южный Рабочій“ и др.). Но при обсужденіи § 1 устава оказалось, что среди „искровцевъ“ было — небольшое, правда, число людей, плохо понимавшихъ организаціонные принципы „Искры“, способныхъ защищать оппортюнистическими разсужденіями весьма ошибочные взгляды. Когда дошло до выборовъ въ центральныя учрежденія партіи, то изъ этихъ непослѣдовательныхъ и неустойчивыхъ искровцевъ, которыхъ поспѣшили поддержать всѣ неискровцы и принципіально наименѣе выдержанные соціальдемократы, и образовалось меньшинство. Большинство (ставшее большинствомъ послѣ ухода Бунда) составили тѣ, кто послѣдовательно отстаивалъ воззрѣнія революціонной соціальдемократіи и боролся со всякой узкой кружковщиной въ какихъ бы „высокопоставленныхъ“ коллегіяхъ она ни таилась.

Продолжая свою работу, съѣздъ принялъ цѣлый рядъ постановленій, которыя — все равно, принимаются ли единогласно или только большинствомъ голосовъ — *обязательны для всей партіи*, для всѣхъ членовъ ея. Это, наконецъ, было категорически выражено въ уставѣ Орг. К., но оказывается, что меньшинство участниковъ съѣзда, съ того времени какъ оно сдѣлалось меньшинствомъ, смотритъ на это дѣло совсѣмъ иначе. И вотъ, тотчасъ же послѣ съѣзда оно начинаетъ неслыханную, недостойную по своему характеру антипартійную борьбу противъ постановленій съѣзда, противъ установленныхъ имъ центральныхъ учрежденій партіи, стараясь дискредитировать какъ эти учрежденія, такъ и значеніе всего съѣзда, какъ выразителя верховной воли партіи. Прикрывая сначала свое дезорганизаторское поведеніе такими фразами, какъ: „лойяльный бойкотъ“, „въ рамкахъ партійнаго устава“ и т. п., меньшинство само срываетъ съ себя эту „лойяльную“ маску на съѣздѣ Лиги, гдѣ уже открыто попираетъ постановленія съѣзда, издѣвается надъ уставомъ партіи и ея Ц. К. Такъ кончается, такъ сказать, первый періодъ столь славной борьбы, періодъ преимущественно подсиживаній, сплетенъ, интригъ и прочихъ достойныхъ пріемовъ, завершившійся бѣшеными криками „жандармы“, „казаки“ и проч. по адресу защитниковъ постановленій партійнаго съѣзда и Ц. К. въ томъ числѣ. Послѣ этого одинъ изъ членовъ Ц. О., Плехановъ, исходя, повидимому, изъ самыхъ лучшихъ намѣреній и во избѣжаніе, по его мнѣнію, раскола въ партіи, совершаетъ печальную, чтобы не сказать больше, ошибку и, цѣною выхода Ленина изъ редакціи съ одной стороны и вопреки волѣ съѣзда — съ другой, кооптируетъ всю четверку, изъ которой трое были не выбраны съѣздомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и не смотря на прежнія свои ожесточенныя нападки на меньшинство, Плехановъ становится на сторону послѣдняго и помѣщаетъ въ № 52 „Искры“ статью, которая, изъ какихъ бы благихъ намѣреній авторъ ея ни исходилъ и какія бы исключительныя обстоятельства онъ ни имѣлъ въ виду, во всякомъ случаѣ даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ до оппортюнизма включительно. Съ момента перехода „Искры“ въ руки вождей меньшинства начинается второй, литературный, періодъ борьбы меньшинства съ рѣшеніями съѣзда, съ организаціонными принципами „Искры“, получившими торжественное признаніе на съѣздѣ, и наряду съ этимъ заигрываніе съ такъ называемыми „экономистами“, безъ единой попытки ясно и опредѣленно изложить, какія именно воззрѣнія и какихъ именно „экономистовъ“ признала вдругъ правильными новая „Искра“. Появляется съ одной стороны довольно разнообразная литература, сначала въ рукописномъ видѣ и предназначенная лишь для опредѣленнаго круга читателей, для „своихъ“,[2] съ другой — серія статей въ самой „Искрѣ“, какъ, напримѣръ, въ № 53 статья „Нашъ съѣздъ“, совершенно ложно освѣщающая происходившее на съѣздѣ, фельетоны П. Аксельрода въ №№ 55 и 56, разносящіе централизмъ „Искры“ и проводящіе подъ флагомъ соціальдемократіи обрывки анархическихъ идей, оппортюнистическихъ фразъ противъ „якобинства“, буржуазно-индивидуалистическихъ разсужденій, долженствующихъ оправдать недостойное поведеніе меньшинства, и

---

[1] Статья эта прислана намъ уже два мѣсяца тому назадъ, немедленно послѣ выхода „Письма къ Товарищу“ Н. Ленина.
Редакція.

[2] „Письмо къ товарищу“, стр. 22.

[3] Тамъ же, стр. 21.

[4] „Письмо къ товарищу“, стр. 20.

[5] Стр. 21.

[6] Статья „Объ организаціи“ въ № 57 „Искры“.

[7] „Письмо къ товарищу“, стр. 17.

---

[1] Тамъ же, стр. 11.

[2] Тамъ же, стр. 18.

[3] Какъ это изрѣченіе показываетъ, эволюція, продѣланная тов. Ленинымъ втеченіе года въ сторону совершенствованія своего идеала, довольно значительная. Въ 1902 году онъ обстоятельно доказывалъ петербургскимъ дѣятелямъ всю „никчемность“ параграфовъ и уставовъ. Только на основаніи широкаго и многолѣтняго опыта, — говорилъ онъ тогда, — могутъ выработаться *не бумажные уставы*“ „Письмо къ товарищу“, стр. 24. „Какой съ божьей помощью поворотъ!“, — скажетъ иной читатель. Но эта эволюція лишь „увѣнчала зданіе“ „ленинскаго“ централизма и вся его „система“ только выиграла въ законченности и послѣдовательности...

[4] Протоколы второго очередного съѣзда Лиги, стр. 95.

[5] Протоколы II очередного съѣзда Партіи, стр. 333.

---

[1] См. предисловіе къ „Что дѣлать?“

[2] Впослѣдствіи литература эта появилась въ печати, но, къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ были сдѣланы измѣненія, выпущены или передѣланы нѣкоторыя ставшія неудобными мѣста и проч.

т. п.; въ томъ же № 53 — заигрываніе съ „экономистами“, въ № 58 — статья Мартова противъ Ленина и вообще большинства, статья, хлесткости стиля которой могъ бы позавидовать самъ Викторъ Буренинъ... И это послѣ того, какъ редакція торжественно заявила въ отвѣтѣ на непропущенное письмо Ленина, что она прибережетъ страницы „Искры“ для объективной, принципіальной полемики! Каковъ объективизмъ, какова принципіальность! — Ожидаемый миръ, котораго такъ жаждалъ мудрый змій Плехановъ и не менѣе его жаждали остальные члены большинства, не насталъ. Сдѣланныя вопреки волѣ съѣзда уступки не удовлетворили меньшинства. Напротивъ. Оно меньше всего думало о мирѣ и удовлетвореніи именно въ этотъ моментъ, т. е. послѣ полученія этихъ уступокъ. Водворившись въ лицѣ своихъ вождей въ редакціи Ц. О. и въ Совѣтѣ, меньшинство возобновило свою борьбу съ Ц. К. съ новой силой. То, что ему было дано ради мира, и въ устраненіе партійнаго раскола, оно немедленно пустило въ ходъ, какъ орудіе дальнѣйшей борьбы съ Ц. К. Стремясь дискредитировать и подавить избранный съѣздомъ Ц. К., меньшинство произвольно вторгается въ область функцій, возложенныхъ съѣздомъ исключительно на Ц. К., съ каковой цѣлью посылаетъ изъ Ц. О. особаго делегата по комитетамъ для завязыванія *непосредственныхъ сношеній* съ Ц. О. по части не только составленія и изданія листковъ и брошюръ, но и транспорта литературы и проч. Смыслъ предложенія этихъ непосредственныхъ услугъ слишкомъ ясенъ, чтобы останавливаться здѣсь на немъ. Не ограничиваясь этимъ, редакція разсылаетъ циркулярное письмо по комитетамъ, въ которомъ на ряду съ грязными нападками на Ленина силится расшатать принципы централизма, тѣ самые принципы, за которые „Искра“ такъ упорно боролась съ самаго начала своего существованія, и которые съѣздъ призналъ и постановилъ проводить въ жизнь. Наконецъ, въ Совѣтѣ, тотчасъ послѣ торжественнаго заявленія членовъ изъ меньшинства партіи, что они не будутъ пользоваться своимъ преобладаніемъ тамъ для давленія на Ц. К., принимается, несмотря на протесты членовъ изъ большинства, резолюція о кооптаціи въ Ц. К. представителей меньшинства. Таково положеніе дѣлъ въ партіи въ настоящій моментъ. Резюмируя свое отношеніе къ нему, Одесскій Комитетъ заявляетъ: 1) Съѣздъ есть высшее учрежденіе партіи, всѣ рѣшенія котораго безусловно обязательны для всѣхъ членовъ и организацій партіи независимо отъ того — приняты ли эти рѣшенія единогласно или простымъ большинствомъ голосовъ; 2) оставшіеся въ меньшинствѣ второго съѣзда, упорно отказываясь разъяснить и защищать свою принципіальную позицію на страницахъ Ц. О. партіи, затѣяли вмѣсто того мелкую личную борьбу противъ избранныхъ съѣздомъ центральныхъ учрежденій, не останавливаясь передъ рѣшеніями съѣзда; 3) борьба эта, сопровождаемая всякими „бойкотами“, интригами, подсиживаніями, внося расколъ и взаимное недовѣріе внутри партіи, направлена была къ подрыву довѣрія ко вновь избраннымъ центральнымъ учрежденіямъ: она имѣла въ виду затормозить и парализовать положительную работу этихъ учрежденій; 4) этимъ путемъ меньшинство стремилось и стремится передѣлать рѣшенія съѣзда прежде всего по вопросу о составѣ центральныхъ учрежденій, добиваясь введенія туда лицъ, забаллотированныхъ съѣздомъ при выборахъ; 5) достигнувъ (и притомъ не путемъ убѣжденія товарищей, а путемъ дрязгъ и прямой подготовки раскола) въ значительной мѣрѣ своихъ цѣлей, а именно водворившись въ редакціи Ц. О. и Совѣтѣ, меньшинство не только не успокаивается на этомъ, но пользуется своимъ новымъ положеніемъ для дальнѣйшаго передѣлыванія результатовъ съѣзда, то есть, попросту, ставитъ себя выше съѣзда, открыто издѣваясь надъ „божественностью“ его, другими словами, надъ обязательностью его рѣшеній для партіи, — тутъ кончается борьба меньшинства *за* власть и начинается его борьба *при помощи* власти; 6) продолжая еще болѣе усиленную борьбу противъ Ц. К., еще не попавшаго въ ихъ руки, меньшинство немедленно по своемъ водвореніи въ редакціи открыло походъ по всей линіи противъ организаціонныхъ принциповъ старой „Искры“, принятыхъ съѣздомъ; 7) помимо области организаціонной, поворотъ дѣлается также (хотя и не такъ рѣшительно) въ области теоретической, какъ, напримѣръ, заигрываніе съ „экономизмомъ“, оппортюнизмомъ, повтореніе анархическихъ фразъ, обвиненіе въ „односторонности“, „буржуазности“ нынѣшняго направленія нашей соціальдемократической политической борьбы; 8) предпринимая всѣ эти нападки, нынѣшняя „Искра“ *нигдѣ ни разу* не выставила своей положительной позиціи въ разбираемыхъ вопросахъ.

Въ виду всего этого, Одесскій Комитетъ, считая поведеніе и дѣйствія меньшинства противорѣчащими постановленіямъ съѣзда, вредными для интересовъ общепартійнаго дѣла, рѣзко осуждаетъ какъ самый характеръ борьбы меньшинства, такъ и тѣ пріемы, которыми оно пользуется въ этой борьбѣ, съ глубокимъ сожалѣніемъ констатируетъ, что „Искра“, признанная съѣздомъ въ виду ея вполнѣ опредѣленнаго и испытаннаго направленія центральнымъ органомъ партіи, съ момента своего перехода въ руки меньшинства сильно стала мѣнять свою физіономію, все болѣе переставая походить на ту старую „Искру“, которая была утверждена съѣздомъ. Все это вмѣстѣ взятое вноситъ въ нашу партію полную деморализацію и дезорганизацію, отвѣтственность за которую всецѣло падаетъ на такъ называемое „меньшинство“.

Единственнымъ же выходомъ изъ этого невыносимаго положенія, по глубокому убѣжденію Одесскаго Комитета, это — скорѣйшій созывъ III съѣзда, который только и можетъ положить конецъ этому совершенно ненормальному состоянію.

Одесскій Комитетъ призываетъ остальные комитеты Партіи примкнуть къ его требованію созыва III съѣзда.

Одесскій Комитетъ
Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Мартъ, 1904 года.

* * *

Отъ редакціи. Эта резолюція издана Комитетомъ въ собственной типографіи. Мы сочли умѣстнымъ перепечатать ее цѣликомъ, несмотря на то, что, по своему объему, она является не столько резолюціей, сколько прокламаціей, для того, чтобы ознакомить широкій кругъ партійныхъ работниковъ съ методами мышленія и политической точкой зрѣнія самыхъ „твердыхъ искровцѣвъ“. Полемизировать съ авторами прокламаціи не считаемъ нужнымъ.

Письмо въ редакцію. Въ № 60 „Искры“, въ отдѣлѣ „На очереди“ говорится, между прочимъ, объ одномъ постановленіи Одесскаго Комитета. Какъ видно изъ замѣтки, по поводу этого постановленія, „одесскій товарищъ“ спрашивалъ кого-то: „правильно ли поступаетъ мѣстный комитетъ, не разрѣшая своимъ членамъ излагать въ рабочихъ кружкахъ сущность организаціонныхъ разногласій (? Одес. Ком.) между двумя частями партіи?“ Узнавъ объ этомъ, авторъ замѣтки, тов. Мартовъ (Л. М.) почувствовалъ себя болѣе, чѣмъ неловко и... пустился немедленно въ демагогію съ цѣлымъ потокомъ жалкихъ словъ по адресу Одесскаго Комитета. Но въ чемъ же дѣло? Въ чемъ состояло наше постановленіе, столь возмутившее демократическую душу нашего второго Надеждина? А въ томъ, что въ виду отсутствія протоколовъ партійнаго съѣзда и другихъ печатныхъ матеріаловъ, комитетъ рѣшилъ не касаться на рабочихъ собраніяхъ до полученія этихъ протоколовъ вопроса о „большинствѣ“ и „меньшинствѣ“ и распряхъ, поднятыхъ меньшинствомъ послѣ съѣзда, а указывать пока на положительную сторону съѣзда, подчеркивая громадное значеніе такихъ работъ его, какъ утвержденіе программы и органа, установленіе центральныхъ учрежденій, выработка партійнаго устава, резолюціи и проч. — Постановленіе это относится къ тому времени, когда, во первыхъ, никакой „сущность организаціонныхъ разногласій“ не было, а были (какъ и до сихъ поръ) „лойяльный бойкотъ“, т. е. противодѣйствіе рѣшеніямъ съѣзда, сплетни, интриги и ожесточенныя личныя нападки на отдѣльныхъ представителей большинства членовъ съѣзда и въ частности на Ц. К. Партіи; во вторыхъ, совершенно отсутствовалъ печатный матеріалъ, относящійся, какъ къ съѣздамъ партіи и лиги, такъ и къ послѣсъѣздовскимъ событіямъ вообще; въ третьихъ, какъ разъ въ то время повѣяло „миромъ“, и надежда на то, что эта мелкая распря кончится, наконецъ, и жизнь партіи войдетъ въ свою обычную колею, — не только еще не была потеряна, но, наоборотъ, стала сильнѣе, чѣмъ когда либо: всѣмъ хотѣлось вѣрить, что объ этихъ печальныхъ событіяхъ скоро придется повѣствовать, какъ о чемъ-то уже прошломъ, историческомъ; въ четвертыхъ, наконецъ, со дня на день должны были прибыть изъ за границы протоколы партійнаго съѣзда. Вотъ въ это самое время товарищи изъ комитета, которые имѣли дѣло съ рабочими, стали заявлять, что до отдѣльныхъ рабочихъ доходятъ смутные слухи о какихъ-то раздорахъ въ партіи на съѣздѣ и послѣ него, о расколѣ, объ устраненіи изъ редакціи такихъ-то лицъ и проч. и что нѣкоторые изъ нихъ (т. е. рабочихъ) просятъ разъяснить имъ, въ чемъ дѣло. — *Необходимость, полезность* изложенія и всесторонняго выясненія передъ рабочими всѣхъ событій, касающихся второго съѣзда, такъ же какъ и вообще всего, что происходитъ въ партіи, для комитета *никогда ни разу не составляли вопроса*. Комитетъ всегда признавалъ, что это нужно, полезно, необходимо дѣлать, что онъ обязанъ, въ интересахъ всего дѣла, знакомить рабочихъ какъ можно шире съ партійной жизнью и всегда это дѣлалъ. Итакъ, вопросомъ являлось *не это*, а вотъ что: приступить ли сейчасъ же (т. е. *въ то* время, при *тѣхъ* четырехъ указанныхъ только что обстоятельствахъ) излагать передъ рабочими истинное положеніе вещей или выждать самое короткое время: выхода протоколовъ и возможнаго наступленія полнаго мира, а пока выяснить всю важность состоявшагося съѣзда и указывать на громадное значеніе для партіи положительныхъ результатовъ его. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и составилось наше постановленіе. Наша позиція, какъ тогда, такъ и теперь, — позиція большинства съѣзда. Наше объективное изложеніе и освѣщеніе событій по необходимости и само собой является обвинительнымъ актомъ противъ меньшинства. По поводу этого можно впадать въ истерику, до хрипоты кричать „помпадуры“, „жандармы“, „казаки“, выкрикнуть серію демагогическихъ фразъ, но сдвинуть насъ съ извѣстной политической позиціи этимъ невозможно: требовать, чтобы мы излагали вещи съ точки зрѣнія меньшинства (а это и будетъ вѣдь по вашему мнѣнію „вѣрнымъ, яснымъ, осмысленнымъ“ изложеніемъ, тов. Мартовъ, не правда ли?), требовать или ждать отъ насъ этого было бы нелѣпо. Мы хотѣли, чтобы рабочіе могли сами разобрать, на основаніи документовъ, насколько наша позиція была и остается правильной и чтобы наши обвиненія не были голословными. Тов Мартовъ на съѣздѣ Лиги, послѣ доклада Ленина, началъ свою рѣчь такимъ образомъ: „Я просилъ о разрѣшеніи представить коррефератъ потому, что предчувствовалъ, что стоя на той политической позиціи, которую представляетъ теперь Ленинъ, невозможно дать вѣрную, ясную и осмысленную картину того политическаго событія, какимъ явился съѣздъ Партіи“. (Протоколы Лиги, стр. 51.) Помнитъ ли тов. Мартовъ эти слова тов. Мартова? Если онъ ихъ помнитъ, то, будучи послѣдовательнымъ, долженъ про Одесскій Комитетъ сказать, то же, что онъ на съѣздѣ Лиги сказалъ про Ленина, такъ какъ Одесскій Комитетъ стоитъ именно на той самой политической позиціи, „которую теперь представляетъ Ленинъ“. Тов. Мартовъ можетъ на это возразить, — если „одесскій товарищъ“ позаботился оповѣстить его о составѣ комитета, что въ то время въ нашемъ комитетѣ были и сторонники меньшинства, которые могли бы представить рабочимъ „вѣрную, ясную, и осмысленную картину“... Мы нисколько не сомнѣваемся въ этомъ и хорошо знаемъ, во что превратили это представленіе тов. Мартовъ и другіе члены меньшинства партіи на съѣздѣ Лиги: это была „картина“ сведенія счетовъ со стороны обиженнаго меньшинства съ большинствомъ съѣзда партіи. Это было констатировано, какъ въ коллективномъ заявленіи членовъ Лиги изъ большинства партіи, такъ и отдѣльно — въ заявленіи тов. Петербуржца, что видно изъ документовъ, приложенныхъ къ протоколамъ съѣзда Лиги. И мы отказались отъ представленія столь великолѣпной „картины“. Вотъ и все! Кричать по этому поводу о „вредной, деморализующей, недостойной, оппортюнистической тактикѣ затушевыванія разногласій передъ членами Партіи“, о какомъ то „барьерѣ“, который сознательные рабочіе „порвутъ силой“, и тому подобныхъ козняхъ, рисующихся истерическому воображенію — говорить все это по данному случаю дѣйствительно *болѣе* чѣмъ неловко, тов. Мартовъ!

Въ заключеніе мы можемъ вполнѣ успокоить тов. Мартова. Какъ только были получены матеріалы, и въ томъ числѣ номера новой „Искры“, комитетъ единогласно постановилъ: „на основаніи имѣющагося матеріала приступить немедля къ широкому ознакомленію съ положеніемъ дѣлъ въ партіи, какъ всѣхъ сознательныхъ рабочихъ, такъ и интеллигентныхъ работниковъ, такъ или иначе связанныхъ съ комитетомъ, предоставляя по возможности всѣмъ пользоваться всѣми матеріалами“. Къ осуществленію этого постановленія приступлено было тотчасъ же. Рабочіе, по мѣрѣ ознакомленія, очень сознательно опредѣляютъ свое отношеніе къ создавшемуся положенію вещей въ партіи.

Наконецъ, что касается до распространенія номеровъ новой „Искры“, то, по крайней мѣрѣ, нашъ комитетъ не только не „лишаетъ“ рабочихъ этого органа, но, наоборотъ, всѣми силами, и какъ можно шире, старается его распространить среди нихъ, такъ какъ вопреки практикѣ новой редакціи „Искры“, онъ безусловно противъ всякой цензуры. Комитету приходится только глубоко жалѣть, что номера новой „Искры“, какъ и прочая заграничная литература, получается у насъ въ слишкомъ скудныхъ количествахъ. Вы теперь видите, тов. Мартовъ, что весь вашъ демагогическій зарядъ былъ ни къ чему и въ намѣченную вами цѣль совершенно не попалъ.

15 марта. Одесскій Комитетъ.

Отъ редакціи. Помѣщаемая въ этомъ же номерѣ корреспонденція рабочаго изъ Одессы и свѣдѣнія, сообщенныя въ прошломъ номерѣ въ статьѣ „На очереди“ (второй изъ упоминяющихся въ ней комитетовъ) даютъ достаточно данныхъ для оцѣнки этого письма Одесскаго Комитета во всемъ томъ, что изъ него можно извлечь, за вычетомъ „крѣпкихъ словъ“.

Резолюція Кавказскаго Союзнаго Комитета. Въ виду продолжающейся неурядицы въ нашей Партіи, мы призываемъ всѣ дѣйствующіе въ Россіи комитеты сплотиться вокругъ Ц. К. и просить его: 1) Принять послѣднія и самыя энергичныя мѣры къ устраненію ненормальныхъ отношеній между нимъ и Ц. О., не дѣлая при этомъ никакихъ уступокъ меньшинству въ стремленіи его быть во что бы то ни стало представленнымъ въ Ц. К. 2) Если же послѣднія попытки Ц. К. не приведутъ къ установленію добраго мира въ Партіи, то просить Ц. К. немедленно приступить къ организаціи партійнаго съѣзда, дабы положить конецъ тому невыносимому положенію вещей въ Партіи, при которомъ страницы Ц. О. наводняются статьями, въ которыхъ личныя ошибки и личныя искательства отдѣльныхъ членовъ меньшинства, по законамъ своеобразной діалектики, превращаются въ свою противоположность, вслѣдствіе чего партійный органъ является ареной сведенія личныхъ счетовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами идейнаго руководительства.

Кавказскій Союзный Комитетъ.

Резолюція Екатеринославскаго Комитета отъ 27 фев. 1904 г. Въ виду существующихъ и все обостряющихся конфликтовъ внутри Партіи, ведущихъ къ уменьшенію сплоченности Партіи и препятствующихъ ей осуществить выступающія передъ нею теперь огромныя задачи, Екатерин. Ком. *единогласно* постановилъ выразить свою увѣренность въ безусловной необходимости третьяго съѣзда и требуетъ, чтобы центральныя учрежденія приняли всѣ мѣры къ устроенію его въ возможно болѣе близкомъ будущемъ.

Московскій Комитетъ считаетъ, что по уставу (§§ 8 и 12) мѣстныя организаціи въ вопросѣ о личномъ составѣ и пр. автономны, а потому отмѣняетъ прежнее постановленіе Комитета о полной зависимости въ этомъ вопросѣ отъ распоряженія Ц. К.

Резолюція Крымскаго Союза. Съѣздъ крымскихъ организацій, недавно состоявшійся, въ слѣдующей резолюціи выражаетъ свое отношеніе къ существующимъ въ Партіи разногласіямъ.

„Глубоко сожалѣя о томъ, что обнаружившіяся на второмъ очередномъ съѣздѣ Партіи организаціонныя разногласія такъ рѣзко раздѣлили ее на двѣ части, что эти разногласія грозятъ вырыть все большую пропасть между одной частью Партіи и другой, съѣздъ крымскихъ организацій не въ состояніи, однако, высказаться по существу разногласій въ виду того, что освѣщеніе ихъ въ партійной литературѣ лишь только началось и что вышедшая и до настоящаго времени литература далеко не во всей своей полности дошла до членовъ Крымскаго Союза.

„Но не будучи въ состояніи высказаться по существу вопроса, съѣздъ считаетъ нужнымъ указать на тѣ необходимыя условія, при которыхъ нормальное его разрѣшеніе и находящагося въ связи съ нимъ остраго партійнаго конфликта единственно возможно. Полагая, что Ц. К. въ своемъ нынѣшнемъ составѣ представляетъ лишь одну часть Партіи и не можетъ, въ силу этого, при существующихъ отношеніяхъ, пользоваться довѣріемъ всей Партіи; что переживаемый нашей соціальдемократіей кризисъ никакимъ искусственнымъ способомъ не можетъ быть разрѣшенъ, а *долженъ естественнымъ образомъ изжиться въ партійной практикѣ, т. е. именно тамъ, гдѣ онъ и возникъ*, — съѣздъ считаетъ необходимымъ:

„1) Ц. К. долженъ согласиться измѣнить свой составъ такимъ образомъ, чтобы такъ называемое „меньшинство“ нашло себѣ въ немъ соотвѣтственное представительство,

„2) чтобы комитеты „большинства“ открыли доступъ въ свою среду сторонникамъ „меньшинства“ для совмѣстной работы“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Въ **Петербургѣ** арестованы 15 апрѣля супруги Корсакъ и курсистка-медичка Пожидаева. — Въ **Юрьевѣ** 9 марта арестованъ В. Тритшель. — въ **Харьковѣ** 20 марта арестованы (кромѣ уже упомянутыхъ): Мерцаловъ, Кожевниковъ, Годинъ, Бреславская, Егоровъ, Кобылянская, Золотарева. — Въ **Астрахани** 9 и 10 марта произведено 53 обыска у мѣстной интеллигенціи, рабочихъ и ссыльныхъ. Арестовано 14 человѣкъ, въ томъ числѣ присяжный повѣренный Сережниковъ, зубоврачебный техникъ Буковскій, Колонтадзе, Бендерскій, Сосницкій (выпущ.), рабочіе Полунецкій съ женой, Черкеръ и Образцовъ. — Въ **Екатеринодарѣ** 21-22 марта начались аресты среди рабочихъ. Взяты: литейщикъ Яковъ Подгорный, сапожникъ Поціевскій, литейщикъ Херсанъ, портные Горловъ (отецъ и сынъ), слесаря Житиковъ, Бородинъ, Бурдуновъ, Мизерацкій, сапожникъ Юзлякъ и др. Въ тюрьмѣ, сверхъ того, сидятъ Гулькевичъ и еще одно лицо, арестованные мѣсяцъ тому назадъ на ст. Кавказской. — **Баку.** 30 марта арестованы собравшіеся у некоего Шпакова его знакомые, докт. Фейнбергъ, Гуковскій (бывшій ссыльный), Мейсеръ (тоже), Марковъ; были обыски у Колашкевича и Козаренко. — **Рига.** На фабрикѣ Кузнецова арестованы рабочіе Соколовъ (выпущ.) и Дунаевъ. — Въ **Батумѣ** 30 марта взята типографія, при ней арестованъ Шикаладзе.

Предостереженія: Въ **Баку** прибылъ опасный шпіонъ — зубатовецъ **Богатыревъ**, служившій прежде на „Электрич. Силѣ“, а теперь выдающій себя за агента Сименса и Галике; въ **Москвѣ** подвизается Петръ **Карамышевъ**, нѣкогда работавшій въ соціальдемократическихъ рабочихъ кружкахъ въ С.-Петербургѣ (1894-1895 гг.), а въ 1899 году сыгравшій весьма подозрительную роль въ Тверскомъ-Нижегородскомъ дѣлѣ; въ **Вильнѣ** живетъ шпіонъ **Пагеръ**, выдающій себя за дантиста, часто по дѣламъ службы бываетъ въ Петербургѣ и Варшавѣ. Онъ же организаторъ патріотическихъ манифестацій. Выдалъ недавно дант. Мозеса, Гродзенскую, Сольцъ, Пупко и друг. Примѣты: высокій ростъ, брюнетъ, черные усы.

Архангельская хроника за мартъ 1904 г. Въ селѣ Ижмѣ Печорскаго уѣзда арестованъ по предписанію уфимскаго жандарм. управленія полит. ссыльный Проколовъ (раб. изъ Златоуста) и отвезенъ въ Архан. тюрьму. Вышелъ приговоръ — 3 года Арханг. губ. — профессору Мих. Юр. Гольдштейну (дѣло с. р.). Въ Кеми подалъ прошеніе царю о помилованіи и о желаніи поступить въ армію на Дальній Востокъ полит. ссыльный Малышевъ (малосознательный раб. изъ Костромы). Товарищи порвали съ нимъ всякія сношенія. Во всей губ. до 8 „добровольцевъ“; имена въ слѣд. разъ. Въ половинѣ марта въ Архангельскѣ были обыски у полит. ссыльныхъ: Маріи Смирновой (харьковск. с.-д. ком.) и Покровскаго-Водоватовскаго (дерптскій союзный совѣтъ). Полиціймейстеръ заявилъ, что ищетъ какую-то посылку, такъ какъ до свѣдѣнія полиціи дошло, что Пок. Водов. получена подозрительная посылка. На обыскѣ ничего не нашли. На слѣдующую ночь съ такимъ же успѣхомъ жандармы произвели обыскъ у полит. ссыльнаго Назарьева (дѣло кіевскихъ с. р.). Противъ полит. ссыльнаго Александра Иванова (дѣло екатеринос. с. р.) жандармами возбуждено новое дѣло по обвиненію его въ составленіи (или перепискѣ) текста резолюціи холмогорскихъ ссыльныхъ, выражающей протестъ противъ „милостиваго“ манифеста, приглашающаго политическихъ „загладить вины“ передъ престоломъ службой въ манчжурской арміи. Ник. Насимовичъ (земскій учитель по дѣлу Костромск. с. дем. организаціи), взятый въ солдаты и отказавшійся принести присягу въ вѣрности „злѣйшему врагу народа“ — скрылся изъ казармъ и не найденъ, несмотря на всѣ поиски. Послѣднимъ этапомъ прибыло 11 чел., въ томъ числѣ: Вас. Ромашко (раб. по екатеринославск. дѣлу), Николай Воробьевъ (по техническому съѣзду — на три года), средне техникъ Ник. Ростопчинъ и раб. Ив. Калиновскій (оба на 3 г. по Нижегород. с.-дем. ком.), сапожникъ Острожскій изъ Варшавы и друг. Архангельск. губернаторъ выслалъ изъ Архангельска въ уѣздъ полит. ссыльнаго Канюкова (рабоч. изъ Мотовилихи) за то только, что послѣдній настаивалъ на назначеніи его семьѣ казен. пособія, на которое онъ имѣлъ право, какъ полит. ссыльный.

По распоряженію прокурора въ половинѣ марта въ почтовой конторѣ произведена „выемка“: обнаружены прокламаціи, разсылавшіяся въ уѣзды и мѣстнымъ обывателямъ. Прокуроръ лѣзетъ изъ кожи, чтобъ создать дѣло ... но — увы и ахъ! — все напрасно.... Власти предупредительно сообщаютъ каждую недѣлю учителямъ гимназій и город. училищъ фамиліи вновь прибывающихъ полит. ссыльныхъ, дабы съ „оными злодѣями“ общенія не имѣли.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 65. 1-го мая 1904 г. Годъ IV.

„СТРОГОСТЬ НЕОБХОДИМА...“

Когда русская тихо-океанская эскадра терпѣла одно пораженіе за другимъ и когда русскіе моряки, несмотря на все свое несомнѣнное мужество, оказывались не въ состояніи причинить сколько нибудь значительный вредъ непріятелю, царское правительство и его рептиліи увѣряли Россію, что этимъ не нужно смущаться, такъ какъ дѣло приметъ другой оборотъ, и военное счастье повернется въ нашу сторону, когда начнется сухопутная кампанія. Теперь эта кампанія началась, и вопреки успокоительнымъ обѣщаніямъ телеграфъ снова и снова разноситъ по свѣту вѣсти объ японскихъ побѣдахъ. Наши охранители дѣлаютъ видъ, что ихъ нисколько не смущаютъ и эти печальныя для Россіи вѣсти.

Газета г. Грингмута съ ученымъ видомъ знатока говоритъ, что „отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, повидимому, уже давно и составляетъ слѣдовательно, одно изъ частныхъ явленій общаго плана дѣйствій, съ которымъ, быть можетъ, можно и не соглашаться, но который несомнѣнно, представляетъ собой нѣчто цѣльное и строго обдуманное“. Но этому врядъ-ли повѣрятъ даже самые простодушные читатели „Московскихъ Вѣдомостей“. Если отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ уже давно, то зачѣмъ же было загораживать дорогу японцамъ, зачѣмъ было начинать то сраженіе, которое по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не могло не закончиться для русскихъ неудачей? Или, можетъ быть, это неудачное сраженіе, эти тысячи убитыхъ и раненыхъ, эти орудія, доставшіяся непріятелю, этотъ новый подъемъ духа въ японской арміи составляли необходимую часть плана, „строго обдуманнаго“ нашими мудрыми военачальниками? Если — да, то это, конечно, хорошо; но въ такомъ случаѣ почему не пойти дальше и не сказать, что для выполненія этого оригинальнаго плана непремѣнно нужны были наши морскія неудачи до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпитъ. Правда, русскій читатель уже не настолько простодушенъ, чтобы могъ повѣрить такимъ нелѣпымъ росказнямъ. Но вѣдь онъ не повѣритъ и тому, что наше отступленіе отъ Ялу не было новой неудачей нашей арміи. Кто не видитъ теперь, что на самомъ дѣлѣ у царскаго правительства вовсе нѣтъ никакого серьезнаго плана; что оно было совсѣмъ не готово къ той самой войнѣ, которую дѣлала неизбѣжной его же политика на Дальнемъ Востокѣ; что оно не знало хорошенько размѣровъ ни своихъ собственныхъ военныхъ средствъ, ни средствъ непріятеля*)? Это во всеуслышаніе признаютъ даже тѣ наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать дѣйствія предержащихъ властей и подрывать довѣріе къ нимъ въ народѣ и обществѣ. „Мы съ благородной славянской честностью не готовились къ войнѣ, когда вели съ Японіей переговоры“, говоритъ г. Суворинъ въ № 10,106 „Новаго Времени“, забывая только прибавить, что подобную же „честность“ обнаружило правительство Наполеона III лѣтомъ 1870 года, ведя переговоры съ Пруссіей. „Теперь ясно для всѣхъ — продолжаетъ онъ, — что Японія гораздо лучше знаетъ Россію, чѣмъ Россія Японію... Мы, простые смертные, вообще знаемъ мало. Но очевидно, что и въ высшихъ сферахъ знали Японію мало. Мы не знали о большомъ развитіи у нея техники, объ этой жаждѣ хвататься за всякое изобрѣтеніе въ Европѣ и тотчасъ же имъ пользоваться, не дожидаясь пока оно оправдаетъ себя. Трусость китайцевъ обманывала насъ и на счетъ храбрости японцевъ.“ Словомъ, наши „высшія сферы“ совсѣмъ не знали, какого противника вызываютъ онѣ на бой своей политикой захвата чужихъ земель, хотя онѣ обязаны были знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, и хотя исполненіе этой обязанности очень облегчалось для нихъ недавнимъ опытомъ войны Японіи съ Китаемъ. Думаетъ-ли нашъ публицистъ, что и этотъ непростительный промахъ объясняется „благородной славянской честностью“? Это, безспорно, очень лестное для насъ объясненіе. Жаль только, что свѣтлая картина „славянской честности“ омрачается той „алчностью наживы“, на которую указываетъ самъ г. Суворинъ и которая, — приводя къ безчисленнымъ „хищеніямъ“ на всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ и во всѣхъ возможныхъ „вѣдомствахъ“ нашей администраціи, — еще болѣе ослабляла и безъ того сравнительно слабыя силы Россіи. Трудно представить себѣ, чтобы „честность“ этого рода могла нравиться кому нибудь, кромѣ „правящихъ сферъ“. И самъ публицистъ „Новаго Времени“ заканчиваетъ свое „маленькое письмо“ строками, дающими поводъ думать, что она начинаетъ находить себѣ у насъ надлежащую оцѣнку.

„Судите нашу распущенность, халатность, пренебреженіе долгомъ, нашими обязанностями къ общественному порядку, къ пользамъ нашего отечества и Государя, — взываетъ онъ, — но судите не для праздныхъ проклятій, а для того, чтобы быть лучшими, благороднѣйшими, великими сынами Россіи!“ Стало быть, *проклятія* раздаются? Противъ кого же они направляются? Не противъ той ли правительственной системы, которая господствуетъ въ нашей несчастной странѣ и которая какъ будто нарочно придумана для того, чтобы воспитывать въ своихъ представителяхъ распущенность, халатность и пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ „общественному порядку“? Очень на то похоже. Въ своемъ предыдущемъ письмѣ (№ 10.105 „Н. В.“) г. Суворинъ уже сообщилъ намъ, что теперь русское общество начинаетъ скептически относиться не только къ обѣщаніямъ будущихъ побѣдъ нашихъ надъ японцами, но и ко всей политикѣ, приведшей насъ къ вооруженному столкновенію съ Японіей. Этотъ скептицизмъ уже самъ по себѣ долженъ предрасполагать наше общество къ сознанію той простой истины, что *отвѣтственность за бѣдствія, переживаемыя Россіей, падаетъ не на отвлеченныя свойства человѣческой природы, а на существующій у насъ политическій порядокъ.*

Весьма возможно, правда, что это сознаніе далеко не у всѣхъ еще достигло надлежащей ясности и что весьма многіе изъ людей, „проклинающихъ“ существующіе у насъ порядки, еще не успѣли возвыситься до отрицательнаго отношенія къ ихъ *политической основѣ.* Самъ г. Суворинъ въ своемъ разсужденіи смѣшиваетъ отечество съ „государемъ“ и отождествляетъ интересы Россіи съ интересами господина, дерзко обозвавшаго „*безсмысленными мечтаніями*“ всякую мысль объ ограниченіи царской власти.

Не желая пускаться по этому поводу въ полемику собственно съ г. Суворинымъ, — отъ котораго мы никогда не ожидали ни правильнаго сужденія, ни смѣлаго слова, — мы замѣтимъ, что *логика жизни сильнѣе самой застарѣлой нелогичности мысли.* Если севастопольскій погромъ въ корень подорвалъ систему Николая Перваго, то портъ-артурскій крахъ обѣщаетъ до основанія расшатать режимъ Николая Второго.

Г. Суворинъ приглашаетъ всѣхъ своихъ читателей быть строгими къ самимъ себѣ. „Строгость необходима, — хнычетъ онъ, — для нашего нравоученія, чтобы не повторить нашихъ ошибокъ, заблужденій, вольныхъ и невольныхъ, и пороковъ, чтобъ не жить такъ какъ мы жили“. Намъ, — т. е. Россіи, — дѣйствительно нельзя жить такъ, какъ мы до сихъ поръ жили, потомучто если мы будемъ продолжать жить такъ, то мы по роковой необходимости будемъ повторять ошибки, за которыя намъ приходится платить теперь страшно дорогой цѣною. И намъ дѣйствительно „*необходима строгость*“ — необходима не для „праздныхъ“ нравоученій, которыя ровно никому и ровно ничему не помогали и не помогутъ, а для *безпощадной борьбы съ царизмомъ,* который уже давно сталъ сильнѣйшимъ препятствіемъ для внутренняго развитія Россіи, а теперь завлекъ ее въ безсмысленную войну, грозящую ей цѣлымъ рядомъ непоправимыхъ бѣдствій. Въ *этой* борьбѣ мы на самомъ дѣлѣ должны быть „*строги*“ не только по отношенію къ прямымъ представителямъ господствующей у насъ позорной политической системы, — съ которыми у насъ не можетъ быть ни продолжительнаго мира, ни самаго короткаго перемирія, — но также и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ „загадочнымъ натурамъ“, которыя, не принадлежа къ числу обывателей, мало разбирающихся въ политическихъ вопросахъ, и не становясь прямо на сторону царскаго правительства, а порой нося даже либеральный плащъ, въ то же самое время усиливаютъ позиціи царизма своимъ неразуміемъ, своей дряблостью, слабостью и непослѣдовательностью. Люди этого разряда, — люди-трава, люди-слизняки, какъ говаривалъ покойный А. И. Герценъ, — повидимому, еще долго у насъ не переведутся, и эти люди заслуживаютъ самаго строгаго осужденія, потому что дѣлу свободы они иногда, хотя, можетъ быть, и невзначай, вредятъ больше, чѣмъ самые убѣжденные и упорные охранители.

Къ ихъ числу мы, къ искреннѣйшему нашему сожалѣнію, вынуждены отнести либеральнаго корреспондента либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“, г. Sh., который, подобно г. Суворину, не умѣетъ отличить отечество отъ начальства. Въ своемъ письмѣ отъ перваго апрѣля (см. н. 97 „Р. В.“) онъ, списывая впечатлѣніе, произведенное на англичанъ гибелью „Петропавловска“, приводитъ мнѣнія тѣхъ „радикальныхъ“ англійскихъ изданій, которыя въ вопросѣ о войнѣ „рѣшительно выступили сторонниками русскаго народа, сдѣлавъ соотвѣтственныя оговорки“ (Р. В. №. 97). Какія же именно оговорки, г. корреспондентъ? Самой естественной и самой основательной изо всѣхъ оговорокъ, возможныхъ въ настоящемъ случаѣ, является та, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а его злѣйшій и опаснѣйшій врагъ — русское правительство; но съ точки зрѣнія этой оговорки вопросъ о томъ, на чью сторону должна стать англійская и всякая другая демократія представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видятъ „Московскія Вѣдомости“, г. Суворинъ, лондонскій корреспондентъ либеральной московской газеты и англійскіе „радикалы“. Г-нъ Sh. говоритъ, что, по мнѣнію „Reynolds Newspapers“, всякій знакомый съ произведеніями нашихъ великихъ писателей, — Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, — „не колеблясь станетъ на сторону русскихъ въ войнѣ“. Цитируемой г. Sh. „радикальной“ газетѣ, вѣроятно, неизвѣстно положеніе русской литературы, а образованнымъ русскимъ людямъ прекрасно извѣстно все, сдѣланное царскимъ правительствомъ для того, чтобы помѣшать ея развитію и какъ можно больше отравить существованіе лучшихъ и талантливѣйшихъ ея представителей. Странно, поэтому, что г. либеральный корреспондентъ съ своей стороны не прибавилъ къ выпискѣ, сдѣланной имъ изъ „Reynolds Newspapers“, „соотвѣтственной оговорки“, гласящей, что кто любитъ русскую литературу, тотъ *вездѣ и всегда* противъ русскаго правительства. Далѣе г. Sh. повторяетъ то, несомнѣнно очень „радикальное“ и справедливое мнѣніе, что японскій имперіализмъ основанъ „на страшной нищетѣ массъ“. Но и оно вовсе не рѣшаетъ вопроса, такъ неумѣло затронутаго г. Sh.: вѣдь нашъ россійскій имперіализмъ зиждется тоже не на обогащеніи массъ, какъ это извѣстно всему міру, а лучше всего самимъ „массамъ“. Человѣкъ имѣетъ право быть смѣшнымъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ правомъ, а г. либеральный корреспондентъ положительно злоупотребляетъ имъ, цитируя, — вслѣдъ за „однимъ англійскимъ изслѣдователемъ“, — слова „выдающагося и блестящаго японскаго соціолога“, который говоритъ: „каждый броненосецъ поглощаетъ сотни и тысячи рисовыхъ полей. Вотъ почему наши крестьяне не могутъ ѣсть риса“. „Соціологъ“, конечно, правъ; но г. корреспондентъ, какъ видно, позабылъ, что *наши* броненосцы, — тѣ самые броненосцы, которые оказались до такой степени никуда негодными, — тоже очень не дешево обходятся русскому крестьянину, который еще рѣже, чѣмъ японскій, наѣдается до сыта. Но все это только цвѣточки, а вотъ невѣроятно крупная, удивительно сочная ягодка. „Цитируемый изслѣдователь, — продолжаетъ г. Sh., — обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ (т. е. японскій) пролетаріатъ отнюдь не настроенъ такъ враждебно къ Россіи, какъ самураи*) или какъ консервативное деревенское населеніе. Наоборотъ, городской пролетаріатъ желаетъ жить въ мирѣ съ нами, но съ его желаніями не справлялись“. Это звучитъ не только либерально, но даже очень „радикально“. Однако, и это цѣликомъ основано на выгодной лишь для царскаго правительства путаницѣ понятій. Изо всѣхъ элементовъ японскаго населенія не желали войны только пролетаріи, усвоившіе себѣ соціалистическія понятія. Съ мнѣніями этихъ пролетаріевъ дѣйствительно никто не считался. Но вѣдь г. корреспонденту не безызвѣстно, что сознательные пролетаріи существуютъ и въ Россіи. Пусть же онъ скажетъ намъ, считалось ли съ ихъ желаніями царское правительство, ведущее теперь войну съ Японіей; спросило ли оно ихъ, что они думаютъ о занятіи Портъ-Артура, о захватѣ Манчжуріи? „Англійскій изслѣдователь“ могъ и не знать или позабыть, а г. Sh. нравственно обязанъ былъ знать и помнить, что россійскій пролетаріатъ еще гораздо больше безправенъ, чѣмъ японскій, и что на всѣ его желанія царское правительство отвѣчаетъ только нагайками и прикладами, штыками и пулями. Г. корреспондентъ нравственно обязанъ былъ знать, что въ борьбѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ и съ голодающимъ крестьянствомъ „христолюбивое“ россійское воинство пожало очень много лавровъ. Какъ же могъ онъ могъ хоть на мгновеніе вообразить, что демократы, достойные своего названія и искренно сочувствующіе трудящемуся населенію Россіи, могутъ желать побѣды тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханнаго угнетенія своего собственнаго народа? Нѣтъ, если бы г. Sh. дѣйствительно захотѣлъ узнать мнѣніе современной *передовой* демократіи, то онъ спросилъ бы себя, на чью сторону склоняется сочувствіе *международныхъ соціальдемократовъ,* и тогда ему легко было бы, — ознакомившись съ ихъ литературой, — убѣдиться, что соціальдемократы всѣхъ странъ — не исключая и Англіи, — безъ всякихъ „оговорокъ“ желаютъ побѣды *японскому* оружію**). И это вполнѣ понятно. Не японскій микадо, а русскій царь всегда служилъ надежнѣйшимъ оплотомъ европейской реакціи; не японскій микадо, а русскій царь давилъ Польшу, усмирялъ Венгрію, травитъ „жидовъ“, нарушаетъ конституцію Финляндіи; не японскій микадо, а русскій царь до сихъ поръ является величайшей угрозой освободительному движенію въ Европѣ. Вотъ почему представители и друзья этого движенія не могутъ желать, чтобы побѣдило царское правительство. Международная соціальдемократія ни мало не склонна къ идеализаціи японскихъ порядковъ. Принципіальная противница милитаризма, она вообще не сочувствуетъ войнѣ и знаетъ, во что обойдется японскому *народу* побѣда Японіи. Но знаетъ она также, что несравненно дороже обошлась бы Россіи, а съ нею и всей Европѣ, побѣда русскаго царя надъ Японіей. *Изъ двухъ золъ она выбираетъ меньшее.* Это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кого интересуетъ великое революціонное и единственное истиннодемократическое движеніе нашего времени. И намъ совершенно непонятно, какимъ образомъ г. либеральный корреспондентъ московской газеты рѣшился умолчать объ этомъ, заговоривъ о сочувствіи къ Россіи „радикальныхъ“ элементовъ одной изъ европейскихъ странъ. Г. корреспондентъ не солгалъ, но онъ исказилъ истину, сообщивъ своимъ читателямъ лишь ничтожную и наименѣе важную ея часть. А такое искаженіе хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами какъ нельзя лучше понимаетъ, что въ данномъ случаѣ истина не заключаетъ въ себѣ ничего лестнаго для русскаго національнаго чувства. Намъ очень больно за Россію. Но горю не поможешь искаженіемъ истины. Чтобы помочь ему, необходимы такія серьезныя „оговорки“, которыя, войдя въ нашу внутреннюю жизнь, радикально измѣнили бы роль нашей страны въ международной политикѣ. Если намъ обидно, что наша страна представляется передовымъ партіямъ другихъ странъ чѣмъ-то въ родѣ общеевропейскаго жандарма, которому они не могутъ не желать неудачъ и пораженій, то у насъ есть лишь одинъ выходъ: мы должны какъ можно скорѣе покончить съ правительствомъ, позорящимъ насъ въ глазахъ всего цивилизованнаго міра. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, которыя позволяли бы намъ, — и, говоря „намъ“, мы имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы и честь нашей страны, — хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь нѣсколько шаговъ идти рядомъ съ царизмомъ. Даже и война ничего не измѣняетъ въ этомъ, потому что и во время войны интересы нашего *народа* ни на одно мгновеніе не перестаютъ самымъ кореннымъ образомъ расходиться съ интересами нашего *правительства.* Тѣ огромныя бѣдствія, которыя война навлекаетъ на русскій народъ, являются лишь новымъ доказательствомъ того, что ему нужно какъ можно скорѣе освободиться. И чѣмъ больнѣе отзы
ся
гро-
лась
е тор-

---

*) Иностранныя газеты сообщаютъ, что генералъ Куропаткинъ въ длинной телеграммѣ, посланной имъ царю, протестуетъ противъ поведенія адмирала Алексѣева, который хочетъ навязать ему планъ военныхъ дѣйствій, прямо противоположный его собственному, г. Куропаткина, плану. Выходитъ, что у насъ есть не одинъ, а цѣлыхъ два плана (а у генерала Засулича былъ, пожалуй, третій), и каждый изъ нихъ, вѣроятно, „строго обдуманъ“. Это полнѣйшая анархія, какъ двѣ капли воды похожая на ту, которая господствовала во французской арміи во время семилѣтней войны, т. есть въ эпоху глубочайшаго упадка неограниченной монархіи во Франціи.

*) Т. е. мелкое японское дворянство.

**) Что касается Англіи, то мы рекомендуемъ г. Sh. ю лишь
замѣтку: „Crush the Muscovite Tyranny“ въ послѣднемъ, смяте-
мерѣ органа Англійской Соц. Дем. Федераціи „Justice“ есть ка-
гаго, дез-

ются въ нашемъ сердцѣ эти огромныя бѣдствія войны, тѣмъ тверже должны мы помнить, что теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь *строгость необходима,* — не та фразистая, но беззубая строгость, о которой болтаетъ г. Суворинъ, и не та строгость школьнаго „фискала“, о которой распространяется г. Меньшиковъ, а та строгость, которая называется революціонной непримиримостью, та спасительная строгость, которая разрушитъ безобразное зданіе царизма, „грянетъ божьею грозой“ надъ „неправдою лукавою“, насажденною царскимъ самовластіемъ въ нашей странѣ, и сдѣлаетъ насъ, наконецъ, *свободнымъ народомъ.* Справившись съ *внутреннимъ врагомъ,* мы, въ качествѣ такого народа, уже сравнительно легко уладимъ свои дѣла со всѣми „*внѣшними* врагами“.

РАЗГРОМЪ.

Послѣ Портъ-Артура — Ялу, послѣ гибели „Петропавловска“ — позорное бѣгство съ сдачей японцамъ трехъ четвертей русской артиллеріи! Сотни плѣнныхъ — въ томъ числѣ десятки офицеровъ — тысячи убитыхъ и раненыхъ! Выбитые изъ строя генералы и деморализованные паническимъ страхомъ солдаты! „Великій“ и „непобѣдимый“ Куропаткинъ, телеграфирующій о томъ, что у него — на третій день послѣ пораженія — нѣтъ никакихъ извѣстій о размѣрахъ потерь и что эти потери „должны быть очень велики“. Генералъ Засуличъ, посылающій подробные отчеты о разныхъ деталяхъ сраженія, но забывающій сообщить одну маленькую подробность: конечный результатъ, число убитыхъ и раненныхъ. И, наконецъ, Петербургское правительство, держащее населеніе нѣсколько дней въ неизвѣстности о судьбахъ арміи, не рѣшающееся высказать — даже въ извращенномъ видѣ — горькую истину. А вокругъ — рой жужжащихъ во всѣ уши журналистовъ, увѣряющихъ почтенную публику, что пораженіе не настоящее, и что самое сраженіе съ тысячами выбитыхъ изъ строя было не настоящее, и что — невѣроятно, но вѣрно! — „неудача“ на Ялу „входила въ планъ“ великаго и непобѣдимаго Куропаткина! Онъ, собственно говоря, зналъ, что японцевъ нельзя не пустить черезъ Ялу, онъ зналъ, что ими собраны громадныя силы, и онъ даже поставилъ себѣ цѣлью завлечь ихъ въ Манчжурію. Цѣль достигнута — и напрасно японцы торжествуютъ: послѣ пятидневнаго сраженія они, перейдя рѣку, только приблизились къ той „ловушкѣ“, которую готовитъ имъ Куропаткинъ.

Всѣ эти и подобныя благоглупости охотно воспринимаются той публикой, для которой спеціально и нарочито измышляются оффиціальныя телеграммы петербургскихъ манчжурцевъ и стратегическія соображенія подкупленныхъ ими европейскихъ журналистовъ. *Эта* публика, передъ которой *одной* даетъ отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ царское самодержавіе, эта публика владѣльцевъ русскихъ бумагъ и возможныхъ заимодавцевъ, эта трусливая, глупая и утратившая всякое политическое чутье европейская буржуазія удовлетворяется подобнымъ грубымъ обманомъ. Подъ гипнозомъ тѣхъ барышей, которые сулитъ ей соучастіе въ эксплуатаціи всѣхъ несчастій нашего отечества, она слѣпа и глуха ко всѣмъ доводамъ логики и самыя идіотскія „объясненія“ способны удовлетворить ея политическій разумъ. Примитивной зоологической хитрости „сѣвернаго медвѣдя“ надолго еще хватитъ, чтобы вести за носъ эту разновидность животнаго царства.

Но русская публика — ее-то неужели еще разъ проведутъ аферисты Зимняго дворца и проститутки печатнаго слова? Неужели и сейчасъ, послѣ первой пробы силъ на сушѣ, они не поймутъ, что наступило уже, что неотвратимо надвигается уже „начало конца“ той исторической драмы, въ которой эта широкая русская публика, это буржуазное „общество“ играло преступную роль пособника и попустителя?... Развѣ не ясно уже теперь, что это — разгромъ, самый полный разгромъ императорской Россіи?

„Судьбы свершился приговоръ“. Стратегическое значеніе перехода японской арміи черезъ Ялу, высадки другой въ Ліао-Дунѣ и блокады Портъ-Артура можетъ оказаться не такъ велико, какъ представляется на первый взглядъ. „Геройски“ отступая къ Мукдену или даже Харбину, русскія войска, покинувъ на произволъ судьбы Портъ-Артуръ, быть можетъ, успѣютъ избѣжать рѣшительныхъ сраженій до тѣхъ поръ, пока Куропаткину удастся собрать трехсоттысячную армію. Возможна еще и перемѣна „военнаго счастія“. Но *политическое* значеніе этого ряда неудачъ не можетъ быть ослаблено тѣми успѣхами, на которые вообще можетъ надѣяться русская армія. Внутренняя гнилость самодержавія, какъ политической организаціи современнаго государства вскрыта гораздо раньше, чѣмъ можно было ожидать, и всѣ тѣ шовинистическія предсказанія, которыя раздавались въ прессѣ и правящихъ сферахъ въ первые дни войны, только еще ярче освѣщаютъ теперь позоръ фактическаго разгрома. Даже рептильная пресса вынуждена дать выраженіе обывательскому недоумѣнію, вызываемому все яснѣе развертывающейся картиной абсолютной неподготовленности русскаго правительства, такъ необдуманно игравшаго съ огнемъ. Даже „Гражданинъ“ отмѣчаетъ, что раненые въ битвѣ на Ялу должны были пройти пѣшкомъ 45 верстъ потому, что за войскомъ не слѣдовали фургоны Краснаго Креста. Даже „Новое Время“ выражаетъ сомнѣніе, хватитъ ли въ Портъ-Артурѣ боевыхъ средствъ для долгой осады. Замѣчаются уже попытки „искать виноватаго“ въ томъ или другомъ казенномъ „вѣдомствѣ“ — въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ канцеляріи намѣстника, въ морскомъ министерствѣ. Несоотвѣтствіе между вчерашними хвастливыми увѣреніями и сегодняшними трусливыми и увертливыми самооправданіями въ правительственныхъ сообщеніяхъ и отчетахъ съ театра войны не можетъ быть скрыто отъ глазъ публики. Хочетъ она того или нѣтъ, она должна будетъ придти къ общему выводу: самодержавіе утратило всякія организаторскія способности, оно играетъ одну лишь роль паразита.

О! „здравый смыслъ“ современнаго культурнаго человѣка не легко поддается такого рода обобщеніямъ, когда они ему преподносятся въ видѣ выводовъ теоріи соціальнаго развитія. Здравый смыслъ, подавленный внѣшнимъ величіемъ этой стомиллюнной громады, занимающей шестую часть свѣта и располагающей двухмилліарднымъ бюджетомъ не могъ повѣрить, чтобы маленькая, еще очень бѣдная страна осмѣлилась, какъ равная съ равной, помѣряться силами съ Россіей. Здравый смыслъ, оперируя съ „очевидными“ — потому что онѣ однѣ доступны ограниченному буржуазному кругозору, — истинами, рѣшалъ разъ навсегда, что Россія безъ особеннаго напряженія раздавитъ Японію. Какъ было не вѣрить этому буржуазіи европейской, когда вся международная политика ея государственныхъ людей привыкла исходить изъ этого традиціоннаго убѣжденія въ неистощимыхъ рессурсахъ „шестой части свѣта“, въ непоколебимой доблести ея дикихъ казаковъ, въ неограниченности могущества ея карлика-царя? Какъ было не вѣрить этому россійской либеральной буржуазіи, когда ея внутреняя политика, трусливая и ничтожная, цѣликомъ опиралась на признаніе величества царизма, способности его раздавить военной силой всякаго врага, возможности сломить его только соединенными силами чуть-ли не всего цивилизованнаго міра? Отраженіе дѣйствительнаго нѣкогда положенія дѣлъ — это традиціонное воззрѣніе оставалось въ силѣ и послѣ того, какъ соціальное развитіе по своему переоцѣнило всѣ установившіяся цѣнности. Здравый смыслъ, привыкшій оперировать съ закостенѣвшими понятіями, не замѣчалъ этого, онъ не видѣлъ, какъ соціальное развитіе выѣдало всякое положительное содержаніе изъ всѣхъ историческихъ завоеваній нѣкогда совершенныхъ царизмомъ.

Чтобъ молодой японскій флотъ могъ, шутя, раздавить флотъ русскій? Никогда! И, однако, русскій флотъ въ три мѣсяца политически обезцѣнивается, и уже заходитъ рѣчь о предстоящемъ „добровольномъ“ потопленіи его въ Портъ-Артурѣ (чтобы не достался японцамъ). Чтобы русскія сухопутныя войска могли быть разбиты на голову полуварварами, усвоившими себѣ культуру на обезьяній манеръ? Здравый смыслъ этого не могъ допустить. И, однако, это случилось, и русскіе въ безпорядкѣ удираютъ отъ японцевъ и не смѣютъ попытаться задержать ихъ побѣдоносное шествіе. Двѣсти лѣтъ интенсивнѣйшаго развитія военнаго финансоваго могущества. 15 лѣтъ правдами и неправдами завоеванной гегемоніи на международной аренѣ, среди ослабленныхъ обостренными внутренними противорѣчіями европейскихъ классовъ. 40 лѣтъ побѣдоносной борьбы противъ враговъ существующаго политическаго режима... этотъ колоссальный политическій капиталъ, впитавшій въ себя трудовой потъ и кровь безчисленныхъ поколѣній, долженъ оказаться жалкой игрушкой передъ молодой силой маленькой націи, принадлежащей къ низшей расѣ, только вчера еще разбуженной къ міровой жизни капиталистическимъ развитіемъ и въ тридцать лѣтъ успѣвшей наскоро напялить европейскій сюртукъ на желтое тѣло и съ ученической добросовѣстностью завести прусскіе мундиры, много дешевыхъ газетъ, много начальныхъ школъ и плохенькую парламентскую говорильню. Страна, имѣющая въ своемъ послужномъ спискѣ имена Пушкиныхъ, Чернышевскихъ, Толстыхъ, должна спасовать передъ народомъ, который еще не обзавелся ни національной литературой, ни искусствомъ, ни наукой? Этого не понять здравому смыслу.

А, между тѣмъ, „сѣрая теорія“ овладѣть которою теперь подъ силу только соціализму, — сѣрая теорія безошибочно предсказывала именно то, что случилось, что развертывается теперь въ калейдоскопѣ военныхъ событій. Въ Портъ-Артурѣ и на Ялу, въ Ліао-Дунгѣ и въ Манчжуріи демонстрируется теперь не непобѣдимость „національной идеи“, выразителями коей являются японцы, а непобѣдимость соціальнаго прогресса, безнадежность историческаго застоя. Теорія говорила, что закованный въ броню гигантъ не можетъ удержаться на глиняномъ основаніи, что политическая конкурренція на міровой аренѣ несовмѣстима съ соціальной и культурной отсталостью, что народная школа, общественная самодѣятельность и правовой порядокъ — необходимыя предпосылки для желающаго отстаивать свои политическія позиціи буржуазнаго государства; что немыслимо государственное могущество безъ развитія современной техники, что немыслима эта техника безъ соотвѣтствующей культурной и правовой обстановки. „Теорія“ осуждала, какъ непроизводительную трату силъ, одностороннее развитіе „государственной мощи“, не сопровождаемое тѣмъ общественымъ прогрессомъ, который по плечу буржуазному строю. Теорія дѣлала увѣренный выводъ о томъ, что коренная общественная реформа является, прежде всего, неотложной потребностью всего буржуазнаго общества въ цѣломъ.

И вотъ, капиталистическое развитіе, въ своихъ интересахъ создавшее и питавшее самодержавную Россію и притуплявшее, ради ея сохраненія, дѣйствіе всѣхъ своихъ разрушительныхъ силъ, — капиталистическое развитіе черезъ Японію выполняетъ свою миссію... ударами извнѣ ставитъ передъ обезоруженной Россіей дилемму — или освободиться отъ самодержавія, или потерять позицію. Снова на поляхъ сраженія побѣждаетъ „школьный учитель“, побѣждаетъ высшая культурность солдата, большая связь его съ „національной“ политикой классовъ-угнетателей, большая приспособленность его къ высокой техникѣ современнаго милитаризма. Какъ рыцарская доблесть оказывалась безсильной противъ болѣе совершенной военной техники армій, созданныхъ абсолютными монархами, такъ теперь личное и коллективное мужество нашихъ солдатъ и матросовъ скидывается со счетовъ лучшими броненосцами, лучшей артиллеріей, болѣе совершенной мобилизаціей, болѣе пунктуальной и интеллигентной организаціей военнаго руководства, хорошей постановкой военнаго шпіонства, лучшимъ знаніемъ географіи, болѣе умѣлой постановкой желѣзнодорожнаго и интендантскаго дѣла, недоступной для самодержавія организаціей бюрократіи, и пр. и пр. *техническими* силами. Нивеллирующая все и вся техника является побѣдителемъ, передъ которымъ стушевывается все — и выработанный вѣковымъ хищничествомъ „воинскій духъ“, и колоссальная сила концентрированной рабской покорности стомилліонной массы, и престижъ „великой державы“.

Буржуазная Европа, деморализованная разъѣдающими ее внутренними противорѣчіями, не хочетъ признать въ побѣдителѣ свое законное дѣтище, не видитъ въ Японіи выполнительницы ея исторической миссіи. Разлагающійся классъ утратилъ способность глядѣть впередъ, поверхъ преходящихъ комбинацій интересовъ настоящей минуты. Общественное развитіе уже не сулитъ ему ничего добраго, и интересы барыша перестали уже совпадать для него съ интересами этого развитія. Счастливый конкуррентъ представляется буржуазіи воплощеніемъ всѣхъ злыхъ силъ исторіи, и, вопреки всѣмъ очевидностямъ, она славословитъ въ русскомъ абсолютизмѣ „борца за культуру“, клеймитъ въ Японіи „варварскую націю“ и „низшую расу“. Наша отечественная реакція съ радостью хватается за эту наивную ложь, чтобы идеализировать свою авантюристскую политику, чтобы

Централизмъ или бонапартизмъ?

(Новая попытка образумить лягушекъ, просящихъ себѣ царя.)

> Э, что тутъ за рѣзкости?! Развѣ можно быть спокойнымъ, когда говоритъ не языкъ, а душа человѣка? Нельзя! У всякаго человѣка есть такое мѣсто, до котораго ему больно дотрогиваться.
>
> *Нахманъ въ „Евреяхъ“ г. Чирикова.*

Читатель помнитъ, конечно, съ какимъ юморомъ описываетъ А. И. Герценъ въ „*Быломъ и Думахъ*“ то увлеченіе философскими вопросами, которое господствовало въ средѣ нашей передовой московской молодежи тридцатыхъ годовъ. „Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности и ея *по-себѣ бытіи*“. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней“. Вся жизнь, даже въ ничтожнѣйшихъ своихъ мелочахъ, разсматривалась сквозь философскіе очки. „Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ „гемюту“ или къ „трагическому въ сердцѣ“. То же и въ искусствѣ... Философія музыки была на первомъ планѣ“ и т. д.

Нѣчто подобное этому увлеченію замѣчается теперь въ нашей партіи, выражающей передовыя стремленія нашего времени. Правда, предметъ увлеченія теперь совсѣмъ другой, отъ философіи чрезвычайно далекій. Наша революціонная соціальдемократія увлекается теперь *организаціонными вопросами.* Но теперешнее увлеченіе такъ же страстно, какъ и тогдашнее; какъ тогда зачитывались философскими статьями и брошюрами, такъ теперь жадно глотаютъ брошюры и статьи, толкующія объ организаціи. Какъ тогда друзья расходились между собою, не согласившись въ опредѣленіи какого-нибудь философскаго понятія, такъ теперь близкіе товарищи отдаляются другъ отъ друга и даже проникаются взаимнымъ недоброжелательствомъ, не сумѣвъ столковаться насчетъ формулировки того или другого параграфа устава. И какъ тогда, такъ и теперь, наше увлеченіе, при всей его исторической важности, не лишено нѣкотораго оттѣнка чудаковатости. Если тогда семыя естественныя впечатлѣнія лишались всякой естественности, потому что на нихъ смотрѣли черезъ очки философіи, то теперь самый простой вопросъ революціонной практики пріобрѣтаетъ подчасъ забавно-схоластическій характеръ, благодаря тому, что его [illegible]мѣнно стараются уложить въ модную организаціонную схему. [illegible]о, намъ не суждено обходиться безъ смѣшныхъ крайностей: [illegible] печетъ русская печь“, говорилъ Погодинъ. Но крайно[illegible]айностямъ рознь. Тѣ чудачества, до которыхъ доходили [illegible] московскіе гегельянцы, лишь въ самыхъ исключитель[illegible]лучаяхъ могли имѣть вредныя практическія послѣдствія. [illegible] и чудачества добродушныя по преимуществу. Поэтому и взаимныя ссоры московскихъ философовъ были непродолжительны: люди расходились *на недѣли,* какъ свидѣтельствуетъ А. И. Герценъ. А наши взаимныя ссоры изъ-за организаціонныхъ вопросовъ, во-первыхъ, длятся несравненно больше; во-вторыхъ, благодаря ограниченности и неразумному усердію нѣкоторыхъ изъ нашихъ „практиковъ“, онѣ грозятъ принести нашей партіи очень большой, можетъ быть, непоправимый вредъ: онѣ могутъ, пожалуй, даже привести къ расколу. Вотъ почему онѣ не всегда просто смѣшны; порой онѣ гораздо болѣе возмутительны, чѣмъ забавны. Пусть же не удивляется читатель, если я иногда буду говорить о нихъ рѣзко. Нахманъ правъ: „развѣ можно быть спокойнымъ, когда говоритъ не языкъ, а душа человѣка?“ Некрасовъ выразилъ ту же мысль прекрасными словами:

Кто живетъ безъ печали и гнѣва.
Тотъ не любитъ отчизны своей...

Къ стыду нашему надо сознаться, что вредныхъ чудачествъ замѣчается у насъ въ послѣднее время таки многонько. Мнѣ, вѣроятно, довольно часто придется возвращаться къ нимъ. Но теперь я буду имѣть въ виду исключительно тѣ непростительныя чудачества, которыми, можно сказать, обезсмертили себя „представители“ уфимскаго, средне-уральскаго и пермского комитетовъ. Я уже обѣщалъ имъ обстоятельно побесѣдовать съ ними и теперь спѣшу исполнить свое обѣщаніе.

Эти интересные „представители“ никакъ не могутъ допустить, что одно и то же лицо могло, не противорѣча самому себѣ, написать статью „*Красный съѣздъ въ красной странѣ*“ и статью „*Чего не дѣлать?*“. Это кажется имъ совершенно невѣроятнымъ, и узнавъ, что вторая изъ этихъ статей принадлежитъ мнѣ, они первую приписали Ленину. Они говорятъ съ большимъ паѳосомъ: „Еще не высохли чернила, которыми Ленинъ писалъ и училъ о томъ, какой вредъ приносятъ партіи ея внутренніе враги — ревизіонисты, оппортюнисты и экономисты, какъ пошли въ „*Искрѣ*“ писать о тактичности, мягкости, миролюбіи, снисходительности по отношенію къ этимъ внутреннимъ врагамъ.“

Въ № 63 „Искры“ я уже довелъ до свѣдѣнія „представителей“, что статья „*Красный съѣздъ*“ написана не ленинскими, а моими собственными „чернилами“. Теперь я постараюсь выяснить имъ логичность того, что показалось имъ до крайности нелогичнымъ.

„Въ передовой статьѣ „Красный съѣздъ въ красной странѣ“, — говорятъ они, — между прочимъ указывается на вредъ, причиняемый соціальдемократической партіи Германіи не только ревизіонизмомъ, но и ревизіонистами, привѣтствуется резолюція второго берлинскаго округа, настаивающая на исключеніи Бернштейна, Гере и Брауна изъ партіи, указывается на то, что ревизіонистъ Бернштейнъ, остающійся въ рядахъ партіи, надѣлаетъ ей еще много хлопотъ... Въ этой статьѣ съ сожалѣніемъ указывается на принятіе международнымъ соціалистическимъ конгрессомъ въ Парижѣ „каучуковой резолюціи“ Каутскаго, церемонно относящейся къ ревизіонистамъ и ревизіонизму.“

Все это такъ: тутъ мои взгляды переданы вѣрно, хотя говорится о нихъ тѣмъ страннымъ языкомъ, какимъ пишутся у насъ обвинительные акты по политическимъ процессамъ. Но дѣло-то въ томъ, что я и до сихъ поръ очень твердо держусь этихъ взглядовъ и не менѣе твердо держался ихъ въ то время, когда писалъ статью „*Чего не дѣлать*“. И если „представители“ съ горечью восклицаютъ: „ревизіонисты могутъ себя поздравить съ блестящей побѣдой: они обошли и приручили, наконецъ, одного изъ самыхъ непримиримыхъ и энергичныхъ (своихъ? Г. П.) противниковъ“, то это одно „недоумѣніе“, какъ выражается избитый жандармами купецъ у Г. И. Успенскаго. Въ статьѣ „*Чего не дѣлать*“ я рекомендовалъ „тактичность, мягкость, миролюбіе, снисходительность“ *вовсе не по отношенію къ господамъ въ родѣ Бернштейна, Гере* и братіи и не по отношенію къ тѣмъ политиканамъ, которыхъ непремѣнно должна была имѣть въ виду резолюція Каутскаго (отъ меня же получившая эпитетъ *каучуковой*) и которые, подъ предлогомъ „пересмотра марксизма“, толкали французскій пролетаріатъ въ объятія буржуазной демократіи. Эти господа и эти политиканы — наши враги, потому что они враги революціоннаго соціализма, и кто сталъ бы относиться къ нимъ снисходительно, кто захотѣлъ бы помириться съ ними, тотъ тѣмъ самымъ показалъ бы, что онъ мирится съ *измѣной всему нашему дѣлу.* Но я говорилъ о людяхъ, которые совсѣмъ не похожи на нихъ. *Я* говорилъ, во-первыхъ, о тѣхъ россійскихъ соціальдемократахъ, которые *когда-то* увлекались ревизіонизмомъ, *не замѣтивъ его анти-пролетарской сущности,* а потомъ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли и оцѣнили эту его сущность, повернулись къ нему спиною, признали всѣ основныя положенія „критикуемаго“ ревизіонистами ортодоксальнаго марксизма и теперь только по нѣкоторой инерціи мысли сохранили извѣстныя дурныя (я хотѣлъ сказать: *метафизическія*) привычки мысли. Я говорилъ, во-вторыхъ, о тѣхъ нашихъ товарищахъ изъ такъ называемаго меньшинства, которые не только никогда не увлекались ревизіонизмомъ, но которые, наоборотъ, всегда принадлежали къ числу самыхъ энергичныхъ и способныхъ его противниковъ. Я говорилъ, что интересы нашего дѣла, — *т. е. того же ортодоксальнаго марксизма,* — требуютъ, чтобы мы не отталкивали отъ себя ни *бывшихъ* экономистовъ, ни *нынѣшнее* наше „меньшинство“. И я не перестану говорить это до тѣхъ поръ, пока не замолкнутъ голоса не по разуму усердныхъ ревнителей „ортодоксіи“, обвиняющихъ ихъ въ ересяхъ и кричащихъ: „распни ихъ! распни!“

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на „меньшинство“. По вопросамъ *программы* оно стоитъ на одной съ нами теоретической позиціи. Даже гораздо болѣе: его вожаки, — тт. Старовѣръ, П. Аксельродъ, В. Засуличъ, Л. Мартовъ, — принимали самое дѣятельное и плодотворное участіе въ *выработкѣ и защитѣ нашей программы.* По основнымъ вопросамъ тактики они явились даже главными выразителями взглядовъ (надѣюсь, ортодоксальныхъ?) нашей партіи, потому что *ими предложена была* наибольшая часть тѣхъ рѣшеній, которыя нашъ второй съѣздъ принялъ даже безъ преній. Правда, до тактическихъ вопросовъ очередь дошла лишь въ послѣдній день съѣзда, т. е. когда уже и некогда было о нихъ спорить. Но если бы мы и не были вынуждены спѣшить, то всетаки мы безъ проволочекъ приняли бы предложенные меньшинствомъ проекты рѣшеній, можетъ быть, сдѣлавъ въ нихъ нѣкоторыя, совершенно несущественныя поправки преимущественно стилистическаго свойства: такъ хорошо выражали эти проекты тактическія воззрѣнія, которыя мы излагали и защищали въ „*Зарѣ*“ и въ „*Искрѣ*“. Нѣкоторые отмѣчаютъ, что проектъ рѣшенія, предложеннаго мною по вопросу о либералахъ, не похожъ на проектъ, предложенный тов. Старовѣромъ. Но, во-первыхъ, за проектъ Старовѣра голосовало чуть не все „большинство“ съѣзда и, слѣдовательно, если онъ содержалъ въ себѣ что-нибудь еретическое, то въ ереси повинны многіе „твердые“ искровцы; а во-вторыхъ, и ереси-то въ немъ ровно никакой не откроешь никакимъ реактивомъ. Я самъ сдѣлалъ на съѣздѣ нѣсколько частныхъ замѣчаній по его поводу. Но мнѣ и не снилось, что эти мои частныя замѣчанія могутъ быть истолкоразвратить окончательно общественное сознаніе. Но наша либеральная буржуазія, при всей своей политической наивности и моральной дряблости, не можетъ не увидѣть, наконецъ, что на Дальнемъ Востокѣ побѣждаетъ не Востокъ, такъ законченно воплощенный въ отечественномъ самодержавіи, а Западъ, съ его культурнымъ и экономическимъ превосходствомъ. Она видитъ это и потому не можетъ сдѣлать войну съ Японіей своимъ „національнымъ“ дѣломъ. Но сможетъ ли она сдѣлать послѣдовательные выводы изъ этого положенія и теперь, наконецъ, найти своего „національнаго“ врага не въ Токіо, а въ Петербургѣ?

Увы! Политически развращенная, прежде чѣмъ пресытилась обладаніемъ политической властью, она въ полномъ смятеніи глядитъ на совершающуюся міровую драму и, очертя голову, ищетъ лазейки, куда могла бы скрыться отъ поставленной передъ ней дилеммы — съ самодержавіемъ на Востокъ, или черезъ его трупъ — къ Западу? Втайнѣ вожделѣя разгрома, она афишируетъ свой „патріотизмъ“, тѣмъ, что отдаетъ народныя деньги въ руки царскаго правительства. Дождавшись этого разгрома, она усыпляетъ собственное чувство протеста реакціонными увѣреніями въ томъ, что надо „годить“, что „не время“ наложить руку на шиворотъ преступника, пока не миновала „опасность“, т. е. пока еще преступникъ у нея въ рукахъ...

Такова логика ограниченной, внутренне-противорѣчивой политической точки зрѣнія либерализма. Онъ не прочь попытаться сдѣлать свое дѣло „народнымъ дѣломъ“ въ видѣ протеста противъ „анти-національной“ политики самодержавія, компрометтирующаго Россію передъ цивилизованнымъ міромъ. Но для этого ему надо выдвинуть „національную идею“, ту идею, которая традиціонно сплелась съ политической реакціей, которая въ дни полнаго банкротства всемірной буржуазіи не можетъ быть уже освобождена отъ реакціонной оправы, не можетъ не отождествляться съ „политикой крови и желѣза“. Чтобы написать на своемъ знамени „національную честь“, надо центральнымъ пунктомъ обвинительнаго акта противъ самодержавія сдѣлать его измѣну „національнымъ“ интересамъ, т. е. — въ данной исторической обстановкѣ — неполное, неумѣлое и неэкономное выполненіе имъ той политической задачи, которая означаетъ для народныхъ массъ — разореніе и гнетъ, порождаемые милитаризмомъ, для угнетенныхъ національностей — беззастѣнчивый грабежъ и растущее порабощеніе. Такого перемѣщенія политическаго фокуса въ программѣ либерализма вполнѣ достаточно, чтобы безнадежно развратить и обезличить его революціонную энергію, и вотъ почему русскій либерализмъ едва успѣлъ подняться на высоту исторической задачи борьбы за „національные“ интересы государства, какъ тотчасъ же безсильно палъ передъ реакціей подъ тяжестью оппортунистическихъ соображеній о томъ, что данное правительство — каково бы оно ни было — дѣлаетъ, въ силу инстинкта самосохраненія, то же самое дѣло, — борется, какъ умѣетъ, за цѣлость и могущество государства. Либерализмъ палъ, и въ своемъ новомъ паденіи гнусно предалъ интересы народныхъ массъ. И каждое новое событіе, свидѣтельствующее о разгромѣ самодержавія, вноситъ, повидимому, еще больше сумятицы въ умы либераловъ.

Пролетарской партіи остается сдѣлать выводы изъ этого положенія дѣлъ. Свободный отъ заботъ о „національномъ величіи“ классового государства, свободный отъ всякой положительной связи съ нынѣшнимъ режимомъ, — представляемый ею классъ одинъ можетъ послѣдовательно и неуклонно рыть ему могилу. Такова сущность его классового положенія. И одинъ только пролетаріатъ, въ цѣломъ, оказался внѣ „патріотическаго“ потока, охватившаго Россію съ начала войны и потопившаго столько политическихъ репутацій въ „обществѣ“. Отдѣльные факты участія рабочихъ въ патріотическихъ манифестаціяхъ — участія изъ подъ палки, большей частью — не окупили политическихъ издержекъ той реакціонной кампаніи, которая имѣла въ виду разгромъ соціалистическаго рабочаго движенія. Если этимъ отдѣльнымъ фактамъ пролетаріатъ не противоставилъ массовыхъ активныхъ протестовъ, если, отлученный новыми для него явленіями политической жизни, подавленный бѣдствіями, которыя обрушила на него война и еще не оправившійся отъ ранъ, понесенныхъ прошлымъ лѣтомъ, онъ *не* вступилъ еще въ открытый бой съ поднявшей голову реакціей, — зато онъ, въ своей массѣ, не только не пошелъ за патріотами реакціи, но и не отвернулся отъ *своей* партіи, занявшей опредѣленную принципіально враждебную войнѣ позицію, а въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей и заявилъ свой активный протестъ противъ войны во имя международной солидарности рабочихъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что, будь мы организаціонно сильнѣе, будь мы въ состояніи организовать болѣе широкую агитацію, этотъ протестъ былъ бы шире, и непосредственное вліяніе его на массы значительнѣе.

Пролетаріатъ, въ своей массѣ, еще не занялъ той позиціи по отношенію къ войнѣ, которая соотвѣтствуетъ его классовымъ интересамъ, принципіально формулируемымъ нашей программой. Но онъ уже настолько отдѣлился отъ оффиціальной Россіи, чтобы быть вполнѣ воспріимчивымъ къ нашей агитаціи противъ войны и противъ ея виновника — самодержавія. И логика его классового положенія, силой связанныхъ съ войной бѣдствій, толкаетъ его къ все большей воспріимчивости въ этомъ направленіи. И въ нынѣшней войнѣ, ставшей узловымъ пунктомъ, въ которомъ сплелись всѣ противорѣчія, отъ которыхъ погибаетъ и погибнетъ царизмъ, — въ нынѣшней войнѣ пролетаріатъ имѣетъ всѣ шансы точно и отчетливо выполнять ту политическую роль, которая диктуется ему такъ хорошо себя „оправдавшей“, „догмой“ — теоріей тожъ. Выполнитъ ли онъ ее на дѣлѣ — это не въ послѣдней мѣрѣ зависитъ отъ нашей партіи.

Молекулярныя силы, подготовляющія „стихійный“ взрывъ соціальнаго протеста даннаго класса, не могутъ быть замѣчены и опредѣлены съ полной точностью во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, особенно при нашихъ условіяхъ политической жизни. Въ этомъ смыслѣ въ каждомъ такомъ взрывѣ, въ каждомъ революціонномъ подъемѣ всегда будетъ элементъ неожиданности. Но изъ этого не слѣдуетъ, что партія осуждена всегда быть застигаема врасплохъ. Ничуть не бывало. Не говоря уже о томъ, что отъ степени активности самой партіи, отъ степени ея близости къ массамъ зависитъ большая или меньшая ея проницательность въ этомъ отношеніи; отъ нея самой зависитъ подготовиться къ предвидимому заранѣе, хотя точно не опредѣлимому моменту, который потребуетъ отъ нея проявленія полной политической зрѣлости. Это — дѣло умѣлой тактики и толковой, политически-продуманной организаціоной работы.

Лѣтнія стачки прошлаго года показали намъ, какихъ проявленій массоваго протеста можемъ мы ждать отъ пролетаріата. Все говоритъ за то, что по мѣрѣ того, какъ будетъ затягиваться война, *а наша агитація будетъ осмысливать ростущее недовольство ею*, будетъ приближаться и моментъ новаго стихійнаго подъема рабочаго класса. Въ такой моментъ онъ и безъ всякаго политическаго руководства, произведетъ сильное революціонное сотрясеніе. Если же этотъ моментъ онъ встрѣтитъ въ тѣсной политической связи съ нашей партіей, расширившей свой организаціонный базисъ, охватившей своимъ регулярнымъ агитаціоннымъ воздѣйствіемъ широкіе его слои и успѣвшей воспитать ихъ политически этой агитаціей — тогда революціонне значеніе этого момента не можетъ быть измѣрено достаточно высоко. Съ „обществомъ“ или безъ него, пролетаріатъ вступитъ въ активную борьбу съ самодержавіемъ во имя соціалистическихъ требованій. И тогда еще разъ оправдается столь непонятная здравому смыслу „теорія“, и процессъ политическаго разгрома самодержавія будетъ внесенъ въ книгу исторіи, какъ процессъ политическаго самоопредѣленія россійскаго пролетаріата.

ДУРНАЯ ИГРА.

Патріотическое безуміе, охватившее имущіе классы русскаго общества, достигло высшихъ предѣловъ. Городскія думы, вѣчно плачущія о недостаткѣ средствъ, и земскія собранія, постоянно кричащія о бѣдственномъ положеніи сельскихъ хозяевъ, съ какою-то бѣшеною щедростью жертвуютъ сотни тысячъ рублей на нужды арміи, на усиленіе флота, на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ. Харьковское земство дошло даже до такого изступленія, что ассигновало милліонъ безъ указанія опредѣленной цѣли, просто въ непосредственное распоряженіе царя, словно онъ, въ самомъ дѣлѣ, способенъ чѣмъ-либо распоряжаться. Какъ бы позабывъ о горькихъ жалобахъ на произволъ и неспособность бюрократіи, еще недавно окрасившихъ яркимъ цвѣтомъ неблагонадежности труды уѣздныхъ комитетовъ, излюбленные мѣстные люди наперерывъ спѣшатъ спасать эту самую бюрократію въ тотъ моментъ, когда она очевидно изнемогаетъ подъ бременемъ собственнаго безсилія. Либеральное знамя, только что выброшенное надъ нестройною обывательскою толпою, снова падаетъ на землю и топчется въ грязь при благосклонномъ содѣйствіи старыхъ аннибаловъ либерализма Стасюлевича и Арсеньева. Холопскія чувства и раболѣпныя дѣйствія развиваются въ такую отвратительную панораму, что даже мудро-кроткое „Освобожденіе“ не выдержало и вынуждено было признать, что и въ формѣ и въ размѣрахъ земскихъ пожертвованій, „какъ будто нѣтъ чувства мѣры и политическаго такта“.

Но, разумѣется, уклончивая и умѣренная либеральная газета ограничивается только стыдливыми ужимками и кивками. Между тѣмъ, поведеніе мѣстныхъ людей представляетъ настолько крупное и, въ своемъ родѣ, знаменательное явленіе русской общественности, что мы обязаны ясно и точно опредѣлить его характеръ и значеніе въ борьбѣ, которая избавитъ Россію отъ позора и несчастья самодержавія.

Первый вопросъ, который возникаетъ при извѣстіи о каждомъ новомъ пожертвованіи и о каждомъ новомъ адресѣ, гдѣ, по выраженію Валуева, знавшаго толкъ въ этой литературѣ, отголоски золотой орды соединяются съ византійскою витіеватостью семинарій, это — вопросъ объ искренности и глубинѣ монархическихъ чувствъ, проявляемыхъ теперь „черноземными силами“ въ такой убѣдительной формѣ, какъ денежная помощь промотавшемуся — и морально и матеріально — царскому правительству. Вниманіе, которое сосредоточивается около этого вопроса, вполнѣ понятно. Одни хотятъ найти въ отвѣтѣ на него показатель степени политическаго развитія русскаго общества, другіе думаютъ доказать отсутствіе въ Россіи оппозиціонно настроенной буржуазіи, третьи пытаются подкрѣпить мнѣніемъ большинства свои реакціонныя вожделѣнія.

Болѣе объективное отношеніе къ вопросу, однако, не даетъ основаній ни для пессимистическихъ, ни для оптимистическихъ выводовъ. По крайней мѣрѣ, Россійская Соціальдемократическая Партія не имѣетъ повода измѣнять ни одного изъ своихъ взглядовъ на соотношеніе общественныхъ силъ въ современной Россіи. Безъ сомнѣнія, въ патріотическихъ манифестаціяхъ есть очень и очень значительная доля искренности, но эта доля цѣликомъ исчерпывается ненавистью къ внѣшнему врагу, „посягающему на честь и безопасность родной страны“. Націонализмъ и шовинизмъ, руководившіе толпами уличныхъ манифестантовъ, свойственны въ полной мѣрѣ и буржуазіи. Либеральная чернь по существу мало отличается отъ черни въ обычномъ смыслѣ слова; и Стаховичъ въ національномъ вопросѣ едва ли стоитъ на высшей точкѣ зрѣнія, чѣмъ пресловутый „унтеръ“ Половинкинъ, открывшій въ „Новомъ Времени“ пожертвованія на усиленіе русскаго флота. Но въ вопросахъ внутренней государственной жизни либеральная чернь отличается болѣе развитымъ сознаніемъ, чѣмъ чернь уличная. И уѣздные комитеты и вся вообще провинціальная жизнь въ послѣдніе годы показываютъ съ несомнѣнной ясностью, какъ упадокъ беззавѣтной преданности монарху, такъ и желаніе обывателя освободить свою шею отъ бюрократическаго ярма. Было бы совершенно святою наивностью думать, что тѣ же люди, которые годъ тому назадъ писали доклады и произносили рѣчи о необходимости разныхъ „правъ и свободъ“, которые еще въ январѣ этого года принимали горячее участіе въ техническомъ и пироговскомъ съѣздахъ, которые, наконецъ, и въ „своихъ мѣстахъ“ ведутъ хотя и мелкую, но непрерывную борьбу съ бюрократическимъ самодержавіемъ на почвѣ культурныхъ начинаній, — чтобы эти люди питали сколько-нибудь горячую вѣру въ троицу самодержавія, православія и народности. Въ мѣстной жизни желѣзныя лапы тріединаго чудовища чувствуются слишкомъ болѣзненно, чтобы не желать освобожденія, и, конечно, не случайность, что всякій разъ, когда правительство „обращается къ обществу“, послѣднее возбуждаетъ вопросъ о правахъ и по поводу какого-либо деревенскаго акушерства требуетъ свободы печати. Слѣдовательно, земцы и думцы искренно манифестировали противъ японцевъ, но вовсе не искренно — за царя. Николай II напрасно отнесъ на свой счетъ витіеватыя славословія земскихъ адресовъ. Земскими политиками, несомнѣнно, руководилъ разсчетъ самаго корыстнаго свойства, разсчетъ далеко не новый. Съ шестидесятыхъ годовъ и вплоть до настоящаго времени наши либералы полагаютъ мѣрами кро-

---

ваны въ смыслѣ обвиненія тов. Старовѣра въ склонности къ ревизіонизму. Въ такомъ истолкованіи опять слишкомъ много уже знакомаго намъ *усердія не по разуму*.

Заговоривъ о „меньшинствѣ“, я считаю полезнымъ объяснить здѣсь, какъ надо понимать тотъ упрекъ, который я дѣлалъ ему по поводу перваго параграфа нашего устава. На съѣздѣ я сказалъ, что этотъ параграфъ въ томъ видѣ, въ какомъ его предложилъ тов. Мартовъ и въ какомъ онъ былъ принятъ, открываетъ дверь для вторженія въ нашу партію разныхъ оппортюнистическихъ элементовъ. Чтобы устранить эту опасность, говорилъ я, надо принять ту его формулировку, которую отстаиваетъ тов. Ленинъ. Я и теперь продолжаю думать, что ленинская формулировка была удачнѣе. Но вѣдь это — частность, на основаніи которой архи-нелѣпо было бы дѣлить нашихъ товарищей на козлищъ и овецъ, на непримиримыхъ и умѣренныхъ. И замѣчательнѣе всего то, что многіе изъ тѣхъ, которыхъ теперь можно назвать не только „*твердыми*“, а прямо *твердокаменными*, и которые готовы со свѣту сжить все слишкомъ „мягкое“, по ихъ мнѣнію, „меньшинство“, *сами голосовали за мартовскую формулировку*. Надо надѣяться, что они хоть самихъ-то себя не подозрѣваютъ, на этомъ основаніи, ни въ „мягкости“, ни въ оппортюнизмѣ.

„Ина слава лунѣ, ина слава солнцу“. Иное дѣло частный вопросъ о томъ или другомъ параграфѣ устава, а иное дѣло тотъ общій вопросъ, изъ-за котораго спорятъ и борются между собою, во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, ревизіонисты съ ортодоксами. На томъ основаніи, что я съ большимъ одобреніемъ отнесся бы къ исключенію изъ списковъ соціальдемократіи господина Бернштейна, отрицающаго всѣ основы революціоннаго соціализма, вовсе еще не слѣдуетъ, что я долженъ враждовать съ товарищемъ Мартовымъ, предложившимъ свою формулировку перваго §. Господинъ Бернштейнъ — неисправимый ревизіонистъ, и мы обязаны до конца бороться съ нимъ въ интересахъ пролетаріата; а товарищъ Мартовъ — непримиримый врагъ ревизіонизма, ортодоксъ чистѣйшей воды, и мы обязаны идти съ нимъ рука объ руку и плечо съ плечомъ въ интересахъ того же самаго класса. По отношенію къ господину Бернштейну надо быть *какъ можно болѣе неуступчивымъ*, а по отношенію къ товарищу Мартову надо быть *уступчивымъ какъ можно болѣе*. Неужели все это не просто? Неужели все это не ясно? Неужели все это не понятно само собою?

Все это и просто, и ясно, и понятно само собою, только — увы! — не для всѣхъ и не для каждаго. Умѣть быть уступчивымъ въ *частностяхъ* ради интересовъ *общаго и цѣлаго* необходимо. Но быть уступчивымъ въ частностяхъ съумѣетъ только тотъ, у кого голова наполнена не однѣми только частностями и кто способенъ возвыситься до пониманія общихъ интересовъ движенія. А у кого весь кругозоръ имѣетъ не больше полувершка въ поперечникѣ, для того мелочи — все, и тотъ изъ-за мелочей съ легкимъ сердцемъ пойдетъ на все. У Щедрина гдѣ-то фигурируетъ какой-то совѣтникъ Ивановъ, который былъ такъ малъ ростомъ, что рѣшительно „не могъ вмѣстить ничего пространнаго“. Такіе Ивановы имѣются, къ сожалѣнію, и у насъ. И нашей партіи подчасъ плохо приходится отъ этой низкорослой породы людей. Не то, чтобы они отличались косностью и консерватизмомъ. Напротивъ, они очень подвижны и измѣнчивы, „какъ въ полѣ вѣтерокъ“. Сегодня они идутъ съ „*экономистами*“, а завтра всѣмъ „соборомъ“ перекочевываютъ на сторону „*политиковъ*“; сегодня они и слушать не хотятъ тѣхъ, которые говорятъ имъ о необходимости организаціи, а завтра ни слышать не хотятъ ни о чемъ, кромѣ организаціи; сегодня они рѣшаютъ организаціонные вопросы по принципу „*демократизма*“, а завтра они становятся отчаянными *централистами*. Но съ кѣмъ бы они ни шли, что бы ни защищалось ими и чѣмъ бы они ни увлекались, — въ своемъ умственномъ развитіи они никогда не дѣлаютъ ни одного шага впередъ, и ихъ головы всегда остаются рѣшительно недоступными ни для чего „*пространнаго*“. Они хотятъ вести рабочій классъ, а сами неспособны безъ поводыря перейти даже отъ одной своей смѣшной крайности къ другой. Ихъ не покидаетъ мучительное сознаніе этой неспособности и, нули, стремящіеся поскорѣе пристать къ какой-нибудь единицѣ, они подобно крыловскимъ лягушкамъ, просившимъ себѣ царя, старательно ищутъ себѣ „вождя“, и когда имъ удается обрѣсти таковаго — а отъ времени до времени всегда находится какой-нибудь *кривой*, достойный чести водить этихъ *слѣпорожденныхъ*, — они воображаютъ, что пришелъ мессія, и на тотъ или другой ладъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, подъ тѣмъ или другимъ названіемъ требуютъ для него *диктатуры*. Я сподобился видѣть уже не одного такого мессію и боюсь, что въ будущемъ мнѣ предстоитъ еще не одинъ разъ испытать это несказанное удовольствіе.

Нашимъ совѣтникамъ Ивановымъ ничего не стоило бы разорвать нашу партію по той простой причинѣ, что понятіе о партійномъ единствѣ тоже представляетъ собою „пространное“ понятіе, а ихъ головы, какъ мы уже знаемъ, ничего „пространнаго“ отнюдь не вмѣщаютъ.

Если бы судьбы россійской соціальдемократіи зависѣли отъ этихъ вѣчныхъ недорослей, то она никогда не сдѣлалась бы серьезной общественной силой. Но, къ счастью, въ ней есть много другихъ, *сознательныхъ* элементовъ: иначе она и не была бы выразительницей самыхъ передовыхъ стремленій своего времени. Эти сознательные элементы не дадутъ восторжествовать совѣтникамъ Ивановымъ; они отстоятъ единство и честь нашей партіи.

Но вернемся къ „представителямъ“. Кромѣ моего отношенія къ „меньшинству“, ихъ смущаетъ также мое отношеніе къ нашимъ бывшимъ „экономистамъ“.

Когда „экономисты“ преобладали въ нашей партіи и когда на ихъ сторонѣ были, — какъ это само собою разумѣется, — всѣ совѣтники Ивановы, я жестоко воевалъ съ ними. Они не сомнѣвались тогда, что они будутъ побѣдителями. Вышло не такъ: они оказались побѣжденными, и теперь мнѣ приходится защищать ихъ подчасъ отъ тѣхъ самыхъ совѣтниковъ Ивановыхъ, которые прежде, стоя въ ихъ рядахъ, обвиняли меня въ ереси за мое отрицательное отношеніе къ „экономизму“, на всѣ голоса крича, что я бланкистъ, „народоволецъ“. Теперь совѣтники Ивановы перемѣнили фронтъ и во что бы то ни стало хотятъ „раскассировать“ своихъ бывшихъ учителей и союзниковъ, меня же обвиняютъ въ „экономизмѣ“. Я не считаю нужнымъ защищать здѣсь самаго себя, но о бывшихъ нашихъ „экономистахъ“ скажу что разъ они увидѣли свою ошибку и поправили ее, *отказавшись отъ ревизіонизма*, которому они одно время, *по недоразумѣнію*, сочувствовали, то мы были бы *клеветниками*, если бы продолжали называть ихъ ревизіонистами. Разъ они признали нашу программу, они — наши единомышленники, и тотъ, кто вздумалъ бы третировать ихъ, какъ неполноправныхъ членовъ партіи, поступилъ бы въ высшей степени несправедливо и страшно неразсчетливо. У насъ, — революціонныхъ соціальдемократовъ, — такъ много настоящихъ, непримиримыхъ и неисправимыхъ враговъ, что съ нашей стороны было бы безуміемъ искусственно создавать себѣ непріятелей, отталкивая отъ себя тѣхъ, которые вмѣстѣ съ нами стоятъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго пролетаріата. Отталкивая ихъ, мы ослабляемъ свои собственныя силы и тѣмъ самымъ относительно увеличиваемъ силы нашихъ враговъ, — *тѣхъ, которые боролись и борются съ нами не по недоразумѣнію, а повинуясь безошибочному классовому инстинкту*. Отталкивая бывшихъ „экономистовъ“, мы дѣйствуемъ, стало быть, *во вредъ* той революціонной соціальдемократіи, которую мы хотимъ защищать, и *на пользу* тому оппортюнизму, съ которымъ мы хотимъ сражаться: мы идемъ въ комнату, а попадаемъ въ другую. Какой промахъ можетъ быть смѣшнѣе этого? Какое положеніе можетъ быть болѣе жалкимъ?

Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы совѣтники Ивановы, гремящіе теперь противъ бывшихъ „экономистовъ“, имѣли хоть какой-нибудь поводъ къ ложному истолкованію моихъ словъ. Поэтому оговорюсь.

Я утверждаю, что на пользу оппортюнизма — *болѣе того*: на пользу консервативной буржуазіи и полицейскаго участка работаютъ теперь тѣ наши малоумные ревнители „твердости“, которые съ легкимъ сердцемъ готовы отрывать отъ нашей партіи одну категорію товарищей за другою, въ родѣ того, какъ отрываютъ листикъ за листикомъ отъ артишока. Но прошу замѣтить: *я совсѣмъ не говорю, что они сознательно дѣлаютъ это.* Они просто на просто не вѣдаютъ, что творятъ. Пока продолжалась наша борьба съ „экономизмомъ“, они заучили слова: оппортюнизмъ, ревизіонизмъ, бернштейніанство, и теперь кидаютъ эти слова совершенно не кстати, не разбирая, въ кого и по поводу чего они ихъ кидаютъ, не понимая, что обстоятельства измѣнились и даже обвиняя въ оппортюнизмѣ всякаго, указывающаго имъ на перемѣну обстоятельствъ. Представьте себѣ, что у васъ виситъ въ клѣткѣ попугай, въ присутствіи котораго вы, видя, что идетъ дождь, восклицаете: „скверная погода!“ Ненастье продолжается день, другой, третій, тянется такъ долго, что попугай запоминаетъ, наконецъ, ваше восклицаніе и каждое утро вмѣстѣ съ вами повторяетъ: „скверная погода!“ Но вотъ ненастье кончилось, небо очистилось, засіяло солнце, вы говорите: „наконецъ-то хорошо стало!“, а вашъ пернатый сожитель попрежнему кричитъ: „скверная погода!“ и укоризнено смотритъ на васъ своими круглыми глазами, какъ бы обвиняя васъ въ оппортюнизмѣ. Что съ нимъ дѣлать? Современемъ онъ, конечно, научится говорить: „наконецъ-то хорошо стало!“ Но, можетъ быть, онъ научится этому лишь тогда, когда опять наступитъ ненастье, а кромѣ того вѣдь до тѣхъ-то поръ онъ не перестанетъ надоѣдать вамъ неумѣстнымъ возгласомъ: „скверная погода!“ и нелѣпымъ подозрѣніемъ васъ въ оппортюнизмѣ. Подите-ка, переспорьте попугая!

Латинская пословица говоритъ: что прилично Юпитеру, то неприлично волу, а я скажу: что прилично попугаю, то неприлично „искровцу“, хотя бы онъ, по своей „твердости“, принадлежалъ даже къ числу совѣтниковъ Ивановыхъ. Нашъ второй съѣздъ былъ полнымъ торжествомъ ортодоксальнаго марксизма; противъ ортодоксальнаго марксизма говорилъ на немъ развѣ только какой-нибудь Акимовъ; но Акимовъ никому не страшенъ, имъ не испугаешь теперь даже воробьевъ на огородѣ. Мы должны воспользоваться своей побѣдой, а намъ предлагаютъ слѣдовать такой политикѣ, благодаря которой въ нашихъ собственныхъ рядахъ, — въ рядахъ „ортодоксовъ“, — родятся и множатся несогласія и раздоры, и наше намѣреніе „построить партію“ грозитъ окончиться такой же жалкой неудачей, какой окончилась извѣстная попытка построить башню до небесъ. Это не торжество побѣдителей, это смятеніе, царствующее обыкновенно лишь въ рядахъ побѣжденныхъ. И виновники этого нелѣпаго смятенія мнятъ себя *организаторами!* Нѣтъ, если у нихъ и есть какой-нибудь талантикъ, то талантикъ *чисто отрицательнаго, дезорганизаторскаго* свойства.

тости вразумить монарха и убѣдить его совершить... самоубійство. Въ цѣляхъ успѣшнаго исхода своего замысла, либералы считаютъ долгомъ показывать лойяльность и преданность верховной власти, ожидая, что она наградитъ ихъ участіемъ въ дѣлахъ государственнаго управленія. И хотя полувѣковой опытъ непреложно показалъ, что россійскіе самодержцы не обнаруживаютъ ни малѣйшей склонности къ самоубійству, тѣмъ не менѣе либералы продолжаютъ вѣрить въ возможность столь противоестественнаго акта и ухаживать за самодержцемъ съ тѣмъ большимъ усердіемъ, чѣмъ скорѣе они надѣются заклать его на алтарѣ конституціи. Эти завѣтныя мечты проснулись теперь съ особой силой. Безсиліе самодержавія окрыляетъ фантазію, и либералы удваиваютъ любезность передъ коронованнымъ Аписомъ.

Но, быть можетъ, подъ вліяніемъ испытанныхъ неудачъ, они вносятъ въ обычную тактику новый пріемъ: подкупъ. „Общество“ не только шлетъ заскучавшихъ дворянъ, подъ предлогомъ національзма, искать сильныхъ ощущеній, вмѣсто Монако въ Портъ Артуръ, но и жертвуетъ сотни тысячъ на алтарь отечества. Эти сотни тысячъ — послѣдній ходъ либераловъ въ ихъ игрѣ съ правительствомъ и на немъ необходимо остановиться, такъ какъ онъ открываетъ многое, на что теперь стараются набросить покровъ сторонники „единенія“ всѣхъ партій и теченій.

Мы не видимъ необходимости останавливаться на доказательствѣ полной невѣрности обычной тактики земскихъ либераловъ. Самое поверхностное знакомство съ исторіей мѣстнаго самоуправленія въ Россіи показываетъ, что никакихъ результатовъ заигрываніе съ правительствомъ не принесло. Не принесетъ оно и теперь ожидаемой пользы. Ни Плеве ни Николай II не дадутъ Россіи даже самой куцой конституціи, несмотря на жертвуемые милліоны. Такимъ образомъ, искренніе и честные либералы, мечтающіе о конституціи, ничего не выиграютъ; за то могутъ очень много выиграть тѣ, кто, хотя и состоитъ теперь въ оппозиціи, но заботится не столько о конституціи, сколько о севрюжинѣ съ хрѣномъ. Новыя льготы по займамъ въ дворянскомъ банкѣ, различныя привиллегіи въ мѣстномъ самоуправленіи, быть можетъ, даже нѣкоторое, если не фактическое, то формальное участіе въ государственной жизни путемъ разнообразныхъ совѣщательныхъ учрежденій при министерствахъ, откуда ловкіе люди будутъ перескакивать въ ряды бюрократіи, — вотъ тѣ мѣры, которыя можно предвидѣть и которыя, несомнѣнно, способны вылѣчить отъ либеральной заразы значительную часть нынѣшней „оппозиціи его величества“.

Эти мѣры, конечно, только отчасти облегчатъ ярмо бюрократическаго самодержавія для привиллегированнаго класса и, вѣроятно, почти не затронутъ разночиннаго слоя буржуазіи, который быстро растетъ и начинаетъ захватывать вліяніе и въ городѣ и въ деревнѣ. Такимъ образомъ, буржуазно-оппозиціонное и даже революціонное движеніе не только не растаютъ отъ царскихъ милостей, но даже, быть можетъ, обострятся. Буржуа-разночинецъ, „трудомъ“ сбившій копейку и чуждый дворянской сентиментальности, предъявитъ самодержавію ростовщическій счетъ за ту долю патріотическихъ милліоновъ, которую онъ уплатитъ теперь для спасенія бюрократіи въ военныхъ затрудненіяхъ. Но эти счеты насъ теперь не касаются. Важно то, что ни раболѣпные адреса, ни милліонныя взятки не дадутъ русскому пролетаріату ни въ городѣ ни въ деревнѣ даже того minimum'а политической свободы, который открываетъ дорогу къ широкой соціальной борьбѣ. И не только пролетаріату. Тѣ „плевыя“ реформы, которыя можетъ купить либерализмъ, не будутъ, вообще, имѣть всенароднаго значенія, такъ какъ онѣ ограничатся рядомъ льготъ для наиболѣе обезпеченныхъ слоевъ, принимающихъ теперь участіе въ мѣстномъ управленіи. Но эти льготы будутъ куплены на чужія деньги: на деньги трудящейся массы. У насъ принято выкрикивать шаблонныя фразы въ томъ родѣ, что „въ земствѣ нѣтъ сословной розни“, что „земство въ равной мѣрѣ заботится о нуждахъ всего населенія“ и т. п. Многіе вѣрятъ этимъ жалкимъ словамъ, загипнотизированные парадными отчетами о земскихъ школахъ и земской медицинѣ. Но существуетъ очень скучная и недоступная публикѣ сторона земской жизни, которая неопровержимо показываетъ, что изъ 10.243 земскихъ гласныхъ, опредѣленныхъ для 34 губерній Положеніемъ 1.890 года, 7081 человѣкъ принадлежитъ къ дворянамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, и только 3162 человѣкъ — къ крестьянамъ. Мы говоримъ о земскомъ обложеніи. Вопросъ этотъ мало изслѣдованъ въ нашей литературѣ, но нѣкоторыя данныя все же имѣются. Такъ, напримѣръ, въ ростовскомъ земствѣ по раскладкѣ на 1880 годъ дворяне платили земскаго сбора по 11 коп. съ десятины, а надѣльные крестьяне — по 20 коп. Въ тѣхъ же 80-хъ годахъ въ либеральной тверской губерніи дворяне платили по 10 коп., а крестьяне по 19 коп. съ десятины. Та же „уравнительность“ раскладки отмѣчена въ московской и во многихъ другихъ губерніяхъ. Мы не имѣемъ подъ руками новѣйшихъ цифръ, но „система“ земскаго обложенія остается до сихъ поръ безъ перемѣны. Въ 1900 году псковскіе статистики обнаружили въ нѣкоторыхъ уѣздахъ такія упрощенныя основанія раскладки земскихъ сборовъ, какъ занесеніе всей крестьянской земли въ первый разрядъ, помѣщичьей же — во второй и третій. Затѣмъ, въ послѣднихъ отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ за 1901 годъ неоднократно констатируется, что крестьянская земля облагается земствомъ на „сомнительныхъ и темныхъ“ основаніяхъ. Принимая во вниманіе, что огромное большинство земли находится въ рукахъ крестьянъ, мы можемъ съ увѣренностью заключить, кто, по преимуществу, выплатитъ земскія пожертвованія. Городскіе сборы въ такихъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, думы которыхъ ассигновали по милліону съ лишнимъ на военныя нужды, составляются также главнымъ образомъ, изъ рабочихъ копеекъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что рабочій народъ уплачиваетъ и всѣ налоги, которые перекладываютъ на него домовладѣльцы и содержатели харчевенъ, трактировъ и т. п. Слѣдовательно, патріотическія пожертвованія земскихъ собраній и городскихъ думъ упадутъ преимущественно на наиболѣе необезпеченные классы населенія, многіе представители которыхъ даже и не узнаютъ, что имъ выпала высокая честь „добровольными“ пожертвованіями создавать русскій флотъ. Голодаевки и Неѣловки съ недоумѣніемъ разложатъ „по душамъ“ милліоны, брошенные царизму дворянскими земствами; харьковскіе крестьяне, еще не уплатившіе помѣщикамъ знаменитой „контрибуціи“, по постановленію этихъ же помѣщиковъ, обречены въ теченіе 20 лѣтъ выплачивать $1^1/_2$ милліона, изъ которыхъ одинъ предназначаютъ прямо царю, т. е. непосредственно въ карманы Безобразовыхъ и другихъ предпріимчивыхъ придворныхъ проходимцевъ. Городскія думы оказались прижимистѣе дворянскихъ земствъ, но и ихъ пожертвованія, разложенныя на домохозяевъ и торговцевъ, отзовутся на бюджетѣ рабочихъ массъ. При современномъ положеніи русской деревни и промышленной заминкѣ, эти сверхштатные налоги больно ударятъ и крестьянина и рабочаго. На какомъ-то земскомъ собраніи дворяне, очевидно, послѣ хорошаго завтрака или обѣда, кричали: „заложимъ женъ и дѣтей нашихъ“, за что и получили выговоръ въ „Освобожденіи“, которое указало, что въ настощее время эти слова лишены всякаго смысла. Увы! они лишены смысла только по отношенію къ дворянамъ. Крестьянамъ же и рабочимъ, несомнѣнно, придется не только закладывать, но, подъ бременемъ патріотическихъ налоговъ, и продавать своихъ женъ и дѣтей въ кабалу. Такимъ образомъ, деньгами трудящейся части населенія „мѣстные люди“ думаютъ купить у правительства льготы для обезпеченнаго меньшинства. Не всѣ они, конечно, сознаютъ свою позицію, хотя, несомнѣнно, очень многіе изъ нихъ прекрасно понимаютъ, чего можно добиться такимъ путемъ отъ такихъ правителей, какъ Плеве и Николай II, и, если не идутъ дальше, то только потому, что опасаются демократической пучины. Арсеньевъ, этотъ Аннибалъ, на старости превратившійся въ Маргариту, уже запѣлъ въ „Вѣстн. Европѣ“ о „довѣріи“ къ лойяльному вѣрноподданному земству, которое нельзя смѣшивать съ революціонно-настроенными народными массами. Но эта пѣсня извѣстна. Ее давно поютъ и либералы, и консерваторы славянофильскаго типа...

Современная патріотическая оргія ничего, такимъ образомъ, не измѣнитъ въ соотношеніи общественныхъ силъ Россіи. Взятка, которую буржуазія даетъ промотавшемуся правительству, избавляетъ послѣднее отъ непосредственной опасности, но не вноситъ ничего новаго въ дальнѣйшій ходъ событій. Это — спекуляція имущихъ классовъ чужими деньгами, спекуляція, результаты которой явно ничтожны и ограничатся мелкими подачками въ пользу верхнихъ слоевъ населенія. Поэтому, на обязанности соціальдемократіи, какъ единственной защитницѣ народныхъ интересовъ, лежитъ выясненіе истиннаго значенія щедрости земскихъ и городскихъ учрежденій. Комитеты нашей партіи должны тщательно изучить, какъ будутъ разложены на деревенское и городское населеніе громадныя суммы, пожертвованныя на „патріотизмъ“ и попытаться организовать протесты въ различныхъ формахъ (неплатежъ новаго налога рабочими-мѣщанами, имѣющими собственные дома, какъ въ Николаевѣ, Севастополѣ, небольшія демонстрація предъ домами вліятельныхъ гласныхъ, изданіе литературы, которая должна отмѣчать повышеніе цѣнъ на квартиры, и призывать рабочихъ къ подачѣ петицій въ городскія думы о нормировкѣ квартирной платы и т. п.) Показывая массѣ на конкретныхъ фактахъ связь общаго съ частнымъ, комитеты должны вовлечь ее въ активную повседневную борьбу съ вызванными войною мѣропріятіями правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, и увеличеніе налоговъ явится однимъ изъ лучшихъ поводовъ къ ряду *дѣйственныхъ* протестовъ массы противъ правительства и буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, настоящій моментъ является чрезвычайно удобнымъ и для доказательства необходимости рабочимъ организоваться въ самостоятельную политическую партію, не довѣряя своихъ интересовъ либераламъ, позиція которыхъ обрекаетъ ихъ на вольное и невольное предательство народныхъ массъ. Мы не скрываемъ трудности предстоящей задачи; но наши цѣли никогда не опредѣлялись легкостью ихъ достиженія. Какими бы соображеніями не осложнялась наша борьба противъ „общества“, мы обязаны вести ее, такъ какъ патріотическая вакханалія, не имѣя историческаго значенія, приноситъ непосредственный вредъ не только пролетаріату, но и широкимъ слоямъ населенія. И на этотъ разъ борьба тѣмъ болѣе неизбѣжна, что она направляется и противъ главнаго виновника войны — самодержавія.

Н. Негоревъ.

ЯКУТСКАЯ ДРАМА.

Возлѣ забытыхъ могилъ Когана-Бернштейна, Зотова, Подбѣльскаго, Гаусмана и ихъ пяти товарищей, убитыхъ пятнадцать лѣтъ назадъ, разыгрался кровавый эпизодъ той драмы, въ которой дѣйствующими лицами являются тысячи революціонеровъ, брошенныхъ въ сибирскія трущобы. Словно какая-то властная сила звала изъ глубины этихъ могилъ нашихъ товарищей — звала послѣдовать ихъ примѣру и вторично отвѣтить вооруженнымъ протестомъ на новую попытку самодержавія окончательно раздавить своихъ плѣнныхъ враговъ. Якутскія могилы краснорѣчиво говорили имъ о томъ, какъ боролось предыдущее поколѣніе съ такими попытками, какою цѣною его наиболѣе смѣлые сыны добивались — и, въ концѣ концовъ, добились — для всей „ссылки“ уничтоженія „сверхсмѣтныхъ“, никому ненужныхъ и оттого еще болѣе невыносимыхъ притѣсненій, въ которыхъ самодержавіе изливаетъ свой безсильный гнѣвъ противъ скованныхъ, но все еще непокорныхъ, враговъ. И новое революціонное поколѣніе откликнулось на этотъ призывъ изъ за могилъ.

То, что произошло теперь въ Якутскѣ, не является неожиданностью для людей, знакомыхъ съ жизнью нашей ссылки за послѣдніе годы. Кровавый финалъ подготовленъ всѣмъ предыдущимъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ вѣчная глухая борьба „политиковъ“ съ администраціей все болѣе обострялась.

Вмѣстѣ съ небывалымъ еще переполненіемъ Сибири и другихъ мѣстъ ссылки, шла систематическая травля военноплѣнныхъ царскаго правительства, руководимая инструкціями изъ Петербурга. Въ рядѣ безчисленныхъ мелкихъ стычекъ накоплялся горючій матеріалъ, который долженъ былъ, наконецъ, вспыхнуть. Тысячи выбитыхъ изъ строя борцовъ (по оффиціальному отчету, только „по Высочайшему повелѣнію“ въ 1903 году сослано въ одну В. Сибирь до 1000 человѣкъ), выбитыхъ изъ строя, но еще всецѣло проникнутыхъ повышеннымъ боевымъ настроеніемъ того движенія, въ которомъ большая часть изъ нихъ была простыми рядовыми, — тысячи борцовъ не могли склонить головъ передъ этимъ недостойнымъ и мелочнымъ преслѣдованіемъ. То, что еще возможно для заключенныхъ въ тюрьмѣ, разсматривающихъ свое заключеніе, какъ кратковременное, — упорная, изо дня въ день, оборонительная и наступательная война за немного больше свѣта, немного лучшую

„Представители“ уфимскіе, средне-уральскіе и проч. изображаютъ дѣло такъ, какъ будто „экономисты“, до сихъ поръ не отказавшіеся отъ сочувствія ревизіонизму и желающіе всякаго вреда революціонной соціальдемократіи, повліяли на литературныхъ представителей „меньшинства“: Аксельрода, Мартова, В. Засуличъ и т. д., — а тѣ въ свою очередь испортили меня, ввергнувъ меня въ пучину нѣкогда ненавистнаго мнѣ оппортюнизма. И что всего интереснѣе — эта адски-коварная интрига осуществилась еще до того, какъ я произвелъ всѣмъ извѣстную кооптацію, такъ какъ статья *„Чего не дѣлать?“ появилась еще въ то время, когда я былъ единоличнымъ редакторомъ „Искры“*. Съ помощью этого объясненія не трудно выставить въ надлежащемъ свѣтѣ и самый актъ кооптаціи: она сама есть продуктъ такъ наглядно изображенной „представителями“ интриги. Это очень ловко и удобно, жаль только, что такое объясненіе слишкомъ напоминаетъ знаменитыя объясненія *„Московскихъ Вѣдомостей“*, всюду видящихъ *„польскую интригу“*. Кто умѣетъ скептически относиться къ „польской интригѣ“, тотъ, разумѣется, недовѣрчиво отнесется и къ болтовнѣ о будто бы сгубившей меня „экономической“ интригѣ: онъ просто посмѣется надъ этой „неистовой“ болтовнею.

Въ замѣткѣ, напечатанной въ № 63 „Искры“, я обратилъ вниманіе „представителей“ на то обстоятельство, что ихъ разсужденія о разныхъ революціонныхъ движеніяхъ въ западной Европѣ обнаруживаютъ самое безотрадное незнакомство съ исторіей этихъ движеній. Здѣсь я не буду касаться этой слабой стороны ихъ, — если позволительно здѣсь такъ выразиться, — міросозерцанія, а поговорю объ ихъ *организаціонныхъ взглядахъ*. Вѣдь это теперь главное.

„И комитеты, и отдѣльные члены партіи могутъ получать очень широкія полномочія, но это должно зависѣть отъ Центральнаго Комитета. Центральный Комитетъ можетъ и, наоборотъ, если найдетъ нужнымъ и полезнымъ, своей властью раскассировать комитетъ, или другую организацію, онъ можетъ лишить того или другого члена партіи его правъ. Иначе нельзя успѣшно организовать дѣло пролетарской борьбы“.

Этими словами „представители“ выражаютъ всю сущность своихъ организаціонныхъ взглядовъ. И не только своихъ. Я увѣренъ, что съ ними согласятся почти всѣ сторонники „большинства“, а самъ Ц. К. не разъ выражалъ свою увѣренность въ томъ, что ему принадлежитъ, въ интересахъ „пролетарской борьбы“, неограниченное право „раскассировывать“ человѣковъ.

Именно это право и отказывается признать за нимъ „меньшинство“ нашей партіи. Основательна ли претензія Ц. К.? Мы сейчасъ увидимъ.

Вообразите, что за Центр. Ком. всѣми нами признано пока еще спорное право „раскассированія“. Тогда происходитъ вотъ что. Въ виду приближенія съѣзда Ц. К. всюду „раскассировываетъ“ всѣ недовольные имъ элементы, всюду сажаетъ своихъ креатуръ и, наполнивъ этими креатурами всѣ комитеты, безъ труда обезпечиваетъ себѣ вполнѣ покорное большинство на съѣздѣ. Съѣздъ, составленный изъ креатуръ Ц. К., дружно кричитъ ему: „ура!“, одобряетъ всѣ его удачныя и неудачныя дѣйствія и рукоплещетъ всѣмъ его планамъ и начинаніямъ. Тогда у насъ, дѣйствительно, не будетъ въ партіи ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у насъ осуществится идеалъ персидскаго шаха. Щедринъ говоритъ, что когда Макъ-Магонша спросила у этого повелителя „твердыхъ“ магометанъ, издавна пользующагося правомъ „раскассированія“, какая изъ европейскихъ странъ нравится ему больше всѣхъ остальныхъ, онъ, не колеблясь, отвѣтилъ: „Россія“ и тотчасъ же кратко пояснилъ свою мысль: „Jamais politique, toujours hourrah!“ et puis фюить!“ У насъ тогда будетъ какъ разъ это самое: jamais politique, toujours hourrah! et puis... раскассированіе...

„Представители“ называютъ это централизмомъ. Полноте, совѣтники! Это просто напросто была бы мертвая петля, туго затянутая на шеѣ нашей партіи, это *бонапартизмъ*, если не абсолютная монархія старой, дореволюціонной „манеры“. Вы воображаете, что такой *будто бы „централизмъ“* необходимъ для дѣла пролетарской борьбы, а я говорю вамъ, что онъ не имѣетъ ровно ничего общаго съ пролетарской борьбой, и что самое возникновеніе мысли о немъ въ головахъ русскихъ соціальдемократовъ показываетъ, что наша партія, къ сожалѣнію, еще не вышла изъ своего дѣтскаго періода. *Такой* централизмъ, навѣрное понравился бы покойному Сергѣю Нечаеву, но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ встрѣтить себѣ одобренія со стороны ортодоксальнаго марксиста, сохранившаго обладаніе своими умственными способностями.

Представители продолжаютъ: „Подготовка пролетаріата къ диктатурѣ — такая важная организаціонная задача, что ей должны быть подчинены всѣ прочія. Подготовка состоитъ, между прочимъ, *въ созданіи настроенія въ пользу сильной, властной пролетарской организаціи*, выясненіе всего значенія ея. Можно возразить, что *диктаторы* являлись и являются сами собой. Но такъ не всегда было, и не стихійно, не оппортюнистически должно быть въ пролетарской партіи. Здѣсь должны сочетаться высшая степень сознательности съ безпрекословнымъ повиновеніемъ одна вызывать должна другое“. (Въ примѣчаніи они прибавляютъ: сознаніе необходимости есть свобода воли).

Философическое примѣчаніе на счетъ *свободы воли* есть чистокровнѣйшая галиматья, которая показываетъ одно: что совѣтникамъ Ивановымъ никогда не слѣдуетъ пускаться въ философію. А на счетъ *диктатуры* я замѣчу представителямъ, что *они, очевидно, смѣшиваютъ диктатуру пролетаріата съ диктатурой надъ пролетаріатомъ*. Впрочемъ, нѣтъ, даже и это не точно. Въ ихъ бонапартистскомъ планѣ „централистической“ организаціи вообще нѣтъ мѣста дѣлу пролетаріата: онъ выкроенъ по маленькому росту „интеллигентныхъ“ заговоровъ *до-пролетарскаго періода*: онъ представляетъ собою лишь новое изданіе нечаевской диктатуры.[1])

„Конечно“, — продолжаютъ „представители“, Центральный Комитетъ намъ представляется какъ коллегія самыхъ опытныхъ, самыхъ энергичныхъ, самыхъ закаленныхъ борцовъ, самыхъ умныхъ и испытанныхъ послѣдователей идей революціоннаго соціализма, имъ поэтому можно и должно разрѣшить вникнуть въ каждую мелочь дѣла, имъ можно и должно разрѣшить давать широчайшія полномочія“.

Коллегія борцовъ самыхъ опытныхъ и самыхъ умныхъ! Да что вы, совѣтники, надъ кѣмъ вы смѣетесь? Какой же опытный и умный человѣкъ захотѣлъ бы войти въ такую коллегію, которая, — согласно вашему плану, — представляла бы собою не болѣе, какъ преступное покушеніе на жизнь россійской соціальдемократической рабочей партіи?! Въ *такую коллегію захотѣли бы войти только ограниченные честолюбцы*. Честолюбцы — потому что они рѣшились бы изъ интересовъ партіи сдѣлать пьедесталъ для своего личнаго тщеславія. Ограниченные — потому что они не понимали бы, до какой степени низокъ, хрупокъ и жалокъ такой пьедесталъ. Нѣтъ, если бы наша партія, въ самомъ дѣлѣ, наградила себя такой организаціей, то въ ея рядахъ очень скоро не осталось бы мѣста ни для умныхъ людей, ни для закаленныхъ борцовъ: въ ней остались бы лишь лягушки получившія, наконецъ, желаннаго царя, да *Центральный Журавль*, безпрепятственно глотающій этихъ лягушекъ одну за другою. Jamais politique, toujours hourrah et puis... прощай, бѣдныя, неразумныя лягушки!

„Представители“ убѣждены, что меня испортили экономисты, и что я вслѣдствіе этого сдѣлался слишкомъ уступчивъ. Меня такъ часто обвиняли въ неуступчивости, что мнѣ очень пріятно пріобрѣсти репутацію уступчиваго человѣка. Но подъ страхомъ утраты этой только что пріобрѣтенной мною репутаціи, я скажу „представителямъ“, что въ этомъ вопросѣ я буду неуступчивъ до конца[1]). *Я — централистъ, но не бонапартистъ*. Я стою за созданіе сильной централистической организаціи, но я не хочу, чтобы центръ нашей партіи съѣлъ всю партію, подобно тому, какъ тощія фараоновы коровы съѣли жирныхъ. И по моему глубокому убѣжденію, никто изъ разсудительныхъ соціальдемократовъ не имѣетъ никакого права быть уступчивымъ въ этомъ вопросѣ, потому что этотъ вопросъ касается самаго существованія нашей партіи, какъ партіи сознательнаго растущаго и развивающагося пролетаріата.

Уступить здѣсь могутъ и должны лишь тѣ, которые выставляютъ и защищаютъ претензіи, подобныя только что разсмотрѣннымъ. *Этимъ* людямъ пора, давно пора склониться къ уступкамъ, потому что уже много, слишкомъ много вреда принесли они всему нашему движенію, всему дѣлу освободительной борьбы въ Россіи!

Разставаясь пока съ „представителями“, я очень хотѣлъ бы вѣрить, что они не откажутся поразмыслить надъ тѣмъ, что я сказалъ. Понять это, право же, совсѣмъ не трудно. Надо только сдѣлать маленькое усиліе, какъ выражалась у Диккенса миссъ Домби.

И пусть хорошенько запомнятъ это разные „представители“: *указанный мною вопросъ есть центральный пунктъ всѣхъ нашихъ организаціонныхъ споровъ. Какъ только онъ получитъ надлежащее разрѣшеніе, всѣ остальные спорные пункты уладятся почти сами собой.* Вѣдь Ц. К. потому и не желаетъ кооптировать въ свою среду товарищей изъ „меньшинства“, что онъ опасается противодѣйствія ихъ нынѣшнимъ его чудовищнымъ и „смѣха достойнымъ“ претензіямъ. Онъ превосходно знаетъ, что „меньшинство“ затѣмъ и хотѣло бы ввести въ его среду своихъ представителей, чтобы попытаться остановить и образумить его пока еще не поздно. Потому-то онъ и аппелируетъ противъ „меньшинства“ къ тому самому „Monsieur le Plebiscite“, къ которому такъ любилъ обращаться когда-то одинъ не весьма хорошо кончившій императоръ!

Г. Плехановъ.

---

[1]) Не даромъ въ умахъ „представителей“ понятіе: „революціонная соціальдемократія“ покрывается понятіемъ: „интеллигенція“. Это совсѣмъ не простая описка, какъ говорятъ теперь ихъ, стыдящіеся за нихъ, защитники. И свою изумительную „диктатуру“ они готовы преподнести, какъ важное открытіе, западному пролетаріату. Вотъ такъ комики! Нечего сказать, отличились!

[1] Я крайне сожалѣю о томъ, что на съѣздѣ Лиги я поддерживалъ нѣкоторыя требованія Ц. К., стоящія въ близкой связи съ организаціоннымъ принципомъ, защищаемымъ „представителями“. Тогда для меня еще не выяснился истинный характеръ этихъ требованій. Я еще не зналъ, до чего можетъ дойти нашъ эксцентричный комитетъ, и считалъ себя нравственно обязаннымъ отстаивать его престижъ.

пищу, за немного болѣе сносное обращеніе, — для обреченныхъ на долголѣтнее пребываніе въ ссылкѣ становится невыносимымъ. Потребность коллективнаго и рѣшительнаго отпора становилась все болѣе жгучей. Высшая администрація, разумѣется, хорошо понимала, что она своей политикой идетъ навстрѣчу повторенію Якутской бойни 1889 года. Понимала и, всетаки, гнула свою линію, и — дождалась. Рядъ безобразій завершился жестокимъ избіеніемъ пересыльныхъ въ Усть-Кутѣ. Произвольныя увеличенія срока ссылки, пересылка въ отдаленнѣйшіе углы за ничтожные „проступки“, шпіонство „надзирателей“ — все это переполнило чашу. Развязка не замедлила, кто знаетъ, каковъ будетъ ея окончательный балансъ?

Въ моментъ, когда общественный интересъ цѣликомъ поглощенъ великой исторической драмой, разыгрывающейся въ Манчжуріи и Портъ-Артурѣ, маленькая трагедія въ Якутскѣ имѣетъ всѣ шансы пройти незамѣченной широкой публикой. Глубокой скорбью отзовутся якутскіе выстрѣлы и предстоящія судебныя убійства въ сердцахъ ближайшихъ друзей и единомышленниковъ пострадавшихъ въ многотысячной семьѣ политическихъ ссыльныхъ, дѣло не обойдется безъ тѣхъ проявленій солидарности съ якутскими протестантами, за которыми послѣдуютъ новыя репрессіи и, быть можетъ, новыя драмы. И это — все: живущая политическими интересами Россія не сможетъ отдать больше вниманія „якутской исторіи“.

Но для массы политическихъ ссыльныхъ этотъ эпизодъ останется надолго памятнымъ. И, къ сожалѣнію, не только по своей драматической обстановкѣ, по своимъ трагическимъ послѣдствіямъ. Явившись, какъ естественная развязка обострившейся нѣсколько лѣтъ борьбы съ администраціей, якутскій протестъ одновременно демонстрировалъ неуклонно совершавшійся процессъ *внутренняго разложенія* политической „ссылки“.

Читатель знаетъ, что на 50 съ лишнимъ протестантовъ, рѣшившихся идти до конца въ своемъ протестѣ, нашлось свыше 40 ихъ „товарищей“, которые не только не присоединились къ протестующимъ, но и — напали на нихъ съ тылу, объявивъ торжественно, что снимаютъ съ себя отвѣтственность за могущія быть послѣдствія и умываютъ руки. Это — неслыханный фактъ въ богатой фактами исторіи борьбы „заживо погребенныхъ“. Всякія неизбѣжныя „внутреннія тренія“ и разногласія въ этой борьбѣ не выходили до сихъ поръ на свѣтъ божій и разрѣшались единымъ дѣйствіемъ всѣхъ, связанныхъ общей неволей, заключенныхъ или ссыльныхъ. Сколько лѣтъ прошло до тѣхъ поръ, пока даже въ широкихъ кругахъ *революціонеровъ* узнали о внутреннихъ треніяхъ, которыя сопровождали собой долгую исторію Карійскаго протеста, закончившагося убійствомъ Сигиды и самоубійствомъ ея пяти товарищей! Кто знаетъ всѣ подробности подготовки и обсужденія того коллективнаго протеста, который закончился „Якутской бойней“ 1889 года? Въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, коварнымъ, безмѣрно свирѣпымъ и мстительнымъ, тюрьма и ссылка держались, какъ сплоченная армія. А теперь? Теперь эхо разногласій, возникшихъ въ Якутскѣ и раздѣлившихъ ссылку, быстро перенеслось въ революціонную прессу и органъ „партіи соц.-рев.“ взялъ на себя задачу оправдать поведеніе „42-хъ“ — цѣною осужденія протестантовъ, ожидающихъ военнаго суда надъ собою! Нужна была далеко подвинувшаяся дифференціація среди политическихъ ссыльныхъ, чтобы сдѣлать возможнымъ *такой* фактъ.

Сообщивъ (корреспонденція изъ Якутска, № 45) о томъ, что новѣйшія притѣсненія администраціи привели къ принятію „значительнымъ большинствомъ“ якутскихъ ссыльныхъ рѣшенія „протестовать всѣми мѣрами до вооруженной схватки включительно“, „Революціонная Россія“, далѣе, приводитъ всѣ доводы, высказывавшіеся на собраніи противъ принятія этого рѣшенія и сводившіеся къ тому, что новыя притѣсненія администраціи не столь существенны, какъ это казалось большинству. И вслѣдъ затѣмъ, органъ партіи соц.-рев., разсказавъ о началѣ осады Романовки (изба, въ которой засѣли ссыльные), прибавляетъ: „*Какъ мало затруднены отлучки изъ улусовъ, видно по тому, что всѣ улусники, какъ только узнали о происходящемъ, тотчасъ же пріѣхали къ намъ въ Якутскъ*“. Напомнимъ, что затрудненія въ отлучкахъ и все усиливающаяся кара за нихъ фигурировали въ числѣ обвиненій, предъявляемыхъ администраціи протестантами.

Аргументъ корреспондента носитъ явно софистическій характеръ. Ссыльные, разумѣется, хорошо знаютъ, что „затруднить“ отлучки такъ, чтобы сдѣлать ихъ физически невозможными, — внѣ власти сибирской администраціи; они протестовали противъ *стремленія* затруднить ихъ и, главное, противъ тенденціи карать за эти отлучки такими репрессіями, которыя сдѣлали бы отлучки для многихъ фактически невозможными. Но для насъ здѣсь интересно не то, что аргументы корреспондента „Рев. Рос.“ неосновательны, а то, что эти аргументы приведены въ революціонномъ органѣ. Понимаютъ ли авторъ и редакція „Рев. Россіи“, что въ предстоящемъ судѣ надъ нашими товарищами вопросъ объ основательности обвиненій, поднятыхъ протестантами противъ администраціи, будетъ равнозначущъ съ вопросомъ о большей или меньшей степени ихъ „виновности“? Понимаютъ ли они, насколько неловко и щекотливо въ такой моментъ обсуждать въ революціонномъ органѣ не *методъ* борьбы противъ несомнѣннаго и для „Рев. Россіи“ гнета, а степень основательности тѣхъ частныхъ поводовъ, которые приведены въ защиту своего протеста возставшими противъ этого гнета ссыльными?

Вся эта, до послѣдней степени безтактная, вылазка сотрудника „Рев. Рос.“ (неоговорившей ни однимъ словомъ, ни однимъ вопросительнымъ знакомъ, своего несогласія), — вся эта вылазка представляетъ собой продолженіе полемики, начатой въ Якутскѣ между запершимися въ Романовкѣ соціальдемократами и умывшими свои руки 42 ссыльными, во главѣ которыхъ стали десятки „соціалистовъ революціонеровъ“ и близкихъ имъ по направленію старыхъ ссыльныхъ (Шебалинъ, Панкратовъ, Ожиговъ, Манцевичъ, Жирякова, Вознесенскій, Гориновичъ, Окольскій, Пріютовъ, Файнъ, Скаличевъ и др.) Объ остротѣ этой полемики можно судить уже по отвѣту забаррикадировавшихся на заявленіе 42 хъ, помѣщенному въ № 64 „Искры“. Если же еще прибавить, что, согласно сообщенію Сиб. Союза, умышленно не помѣщенному нами въ прошломъ номерѣ, изъ числа „42 хъ“ нѣкоторые на предварительной сходкѣ отстаивали болѣе „крайнюю“ форму протеста въ видѣ единоличнаго „террора“ (корреспонденція „Р. Р.“ глухо говоритъ, что они „предлагали другія формы протеста“), то легко понять, какъ должны относиться широкіе круги ссыльныхъ къ той манифестаціи разложенія „ссылки“, которую дали эти 42.

Въ этой манифестаціи — все значеніе выступленія сорока двухъ, поддержанныхъ органомъ „партіи соц.-рев“. Внимательные наблюдатели замѣчали постепенный процессъ разложенія и разслоенія ссылки. Старый, однородный типъ „политика“, выходца изъ узкаго, сравнительно, круга общества, — существа, непонятнаго окружающей его обывательской средѣ захолустныхъ угловъ и, отчасти, поэтому внушавшаго къ себѣ своеобразное почтеніе со стороны обывателей и мѣстной администаціи, — существа, которое, въ качествѣ экземпляра рѣдкой человѣческой породы, за эту самую рѣдкость цѣнилось средой, нуждавшейся въ его знаніяхъ и трудѣ, — этотъ старый однородный типъ, по мѣрѣ измѣненія характера революціоннаго движенія и его роста, смѣнился цѣлымъ рядомъ новыхъ и разнородныхъ типовъ, къ которымъ „по другому“ отнеслись и мѣстное „общество“ и администрація. Пролетарій — рядовой своей партіи, зачастую членъ угнетенной націи, оказался для приспособившейся къ старому типу „политика“ среды совершенно новымъ существомъ, съ которымъ у нея не находилось никакихъ точекъ соприкосновенія. Пролетарій принесъ съ собою въ ссылку проклятіе своего класса — полную необезпеченность своего положенія, полное гражданское безправіе, печать презрѣнія къ себѣ со стороны всего, что сыто, всего, что обладаетъ крупицей власти и правъ. А, вмѣстѣ съ пролетаріемъ-соціалистомъ, въ ссылку хлынулъ еще одинъ элементъ — представитель сѣрой массы, только еще захваченной движеніемъ, начиная безсознательнымъ „массовымъ“ рабочимъ к кончая разношерстными „революціонерами на часъ“ изъ „интеллигенціи“, принижавшими общій уровень „ссылки“ и затруднявшими на каждомъ шагу борьбу за человѣческое достоинство, которую новое поколѣніе революціонеровъ, вмѣстѣ съ другими лучшими традиціями, переняло отъ стараго поколѣнія. Въ рѣзко дифференцированной средѣ разные элементы, въ зависимости отъ своего соціальнаго положенія и степени политической сознательности, различно воспринимали наносимые правительствомъ удары. Общность интересовъ угнетенныхъ все больше отходила въ область традиціи. Мѣры, грозившія ссыльному сознательному пролетарію голодной смертью и невыносимыми униженіями, притуплялись въ своемъ дѣйствіи, ударяя въ „устроившіеся“ и „приспособившіеся“ элементы ссылки. Одни и тѣ же циркуляры, вышедшіе изъ административнаго центра, оказывались „безрезультатными“ для ссыльной и тюремной аристократіи и полными плачевныхъ послѣдствій для плебса. Иной результатъ — иная оцѣнка; иная оцѣнка — иная форма реагированія. Сила традиціонной солидарности все меньше могла сдерживать поставленные въ разныя условія элементы, по мѣрѣ того, какъ росла „промежуточная“ среда случайныхъ „политиковъ“, становившаяся самостоятельной силой, фатально укрѣплявшей всякія „оппортунистическія“ тенденціи... Таковъ тотъ процессъ, въ результатѣ котораго, передъ лицомъ новыхъ репрессалій, „политики“ заговорили на разныхъ языкахъ и въ моментъ коллективнаго рѣзкаго протеста противъ правительства оказались подѣленными на два лагеря. Какъ бы ни была печальна для нашихъ ссыльныхъ товарищей картина этого разлада, они должны признать его неизбѣжность, должны помнить, что, чѣмъ болѣе ссылка „демократизируется“, чѣмъ болѣе точно отражаетъ она картину политической борьбы въ Россіи, тѣмъ болѣе положеніе дѣйствительныхъ революціонеровъ въ ссылкѣ приближается къ положенію ихъ „на волѣ“, тѣмъ больше задачъ „внутренней“ работы, работы политическаго воспитанія окружающей среды, падаетъ на нихъ. Движеніе протеста, нашедшее свое выраженіе въ Якутскихъ событіяхъ, имѣетъ своей цѣлью борьбу противъ режима, стремящагося сдѣлать невыносимыми условія существованія не единицъ, не десятковъ, а тысячъ военно-плѣнныхъ самодержавія. Отпоръ такому режиму является политической обязанностью наиболѣе зрѣлыхъ элементовъ ссылки. Организація коллективнаго „массового“ отпора есть единственное средство, могущее, если не для участниковъ его, то для слѣдующихъ „поколѣній“, для всей массы ссыльныхъ, улучшить условія ихъ существованія. При выборѣ *формъ* протеста надо, конечно, сообразоваться съ наличными силами, надо сопоставить возможные результаты съ неизбѣжными жертвами. Здѣсь возможны споры и рѣзкія разногласія, возможенъ выборъ большинствомъ неудачныхъ средствъ. Но для того, кто понимаетъ значеніе начинаемой борьбы для *массы* жертвъ царскаго произвола, не можетъ быть вопроса объ отношеніи къ уже начавшемуся активному протесту. И наши смѣлые товарищи — инціаторы, стоящіе теперь передъ перспективой военнаго суда и новыхъ каръ, могутъ быть увѣренными въ томъ, что всѣ дѣйствительные революціонеры сумѣютъ оцѣнить ихъ поведеніе и признаютъ свою солидарность съ ними.

ПО ПОВОДУ ЯКУТСКОЙ ИСТОРІИ.

Трагически кончившаяся попытка нашихъ товарищей ссыльныхъ Восточной Сибири — протестовать противъ административнаго режима, была естественнымъ завершеніемъ и отвѣтомъ на цѣлый рядъ систематически-провокаторскихъ мѣръ по отношенію къ ссылкѣ, проведенныхъ мѣстной сибирской властью съ высочайшаго г-на фонъ Плеве соизволенія. Если у насъ нѣтъ еще самыхъ подробныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ послѣдніе моменты передъ столкновеніемъ, если не выяснена достаточно ясно роль всѣхъ заинтересованныхъ и причастныхъ къ кровавому „эпизоду“ сторонъ, то, наоборотъ, слишкомъ много разбросано по русскимъ революціоннымъ изданіямъ и по европейской прессѣ матеріала для характеристики положенія ссылки. Я попытаюсь скомбинировать лишь данныя о тѣхъ фактахъ, которые разыгрались у меня на глазахъ. Можетъ быть моя замѣтка послужитъ лишнимъ горючимъ матеріаломъ для пожара, все сильнѣе разгорающагося вокругъ проклятой самодержавной власти.

Съ весны прошлаго 1903 года сибирская ссылка попала въ положеніе опаснаго звѣря, противъ котораго ведутъ по всѣмъ правиламъ охотничьяго искусства самую рѣшительную облаву. Причины этого само правительство, устами г-на Кутайсова, указало: дѣло въ усиленныхъ побѣгахъ и въ революціонномъ броженіи, охватившемъ Сибирь. Всѣ мѣры были направлены къ тому, чтобы оторвать ссылку отъ всякой связи съ обществомъ, изолировать ее и поставить въ самыя тяжелыя условія. Это ясно. Фактъ тотъ, что генералъ-губернаторъ Кутайсовъ пріѣхалъ съ чрезвычайными полномочіями. Пріѣздъ въ Сибирь фонъ Плеве, свиданіе достойныхъ другъ друга дѣятелей въ Томскѣ окончательно опредѣлили планъ *немедленно* начавшейся кампаніи. Подчеркиваю „немедленно“, такъ какъ Кутайсовъ пріѣхалъ въ половинѣ августа, а черезъ нѣсколько дней были объявлены въ Енисейской губ. (а за тѣмъ и по всей Сибири) два циркуляра, которыми подъ угрозой ссылки въ Якутскую область были запрещены самовольныя отлучки и встрѣча партій на вокзалахъ, пристаняхъ и пр. Въ половинѣ сентября былъ объявленъ третій циркуляръ, гласившій, что всѣ прошенія должны подаваться по инстанціямъ и каждая изъ нихъ имѣетъ право не пустить его дальше; прошенія, посланныя не въ такомъ порядкѣ, остаются безъ послѣдствій. Начавшееся немного раньше подъ указаніями свыше „выжиманіе пота“ изъ ссыльныхъ, теперь стало дѣломъ оффиціально благословленнымъ и это развязало руки всѣмъ большимъ и малымъ сатрапамъ.

Тайные циркуляры Кутайсова были еще характернѣе: сюда вошли указанія на революціонное движеніе, на побѣги и пр. и предписанія о строгомъ неусыпномъ, подъ угрозой потери мѣстъ, надзорѣ за ссыльными. По многимъ селамъ были опять введены „политическіе надзиратели“, отмѣненные раньше и оставленные лишь въ городахъ. Немедленно явились и результаты новаго политическаго курса: въ сентябрѣ или октябрѣ Яланская колонія (Енис. у.) изъ шести человѣкъ была разослана по деревушкамъ за отказъ пустить къ себѣ въ домъ урядника, любопытствовавшаго узнать „что за сборище“; тогда же въ селѣ Казачьемъ (того же уѣзда) разыгралась дикая сцена, когда становой самымъ грубымъ образомъ изругалъ ссыльнаго, отказавшагося исполнить какое-то требованіе неизвѣстнаго „штатскаго“ человѣка (послѣдній оказался сыщикомъ). Извѣстнымъ указомъ Кутайсова санкціонировалось самое грубое вмѣшательство въ личную жизнь ссыльныхъ. А вотъ какъ принимались его приказанія внизу: въ одну деревушку Красноярскаго уѣзда выслали дѣвушку (между прочимъ, это было сдѣлано въ отвѣтъ на ея просьбу перевода въ городъ!); сельскія власти совершенно потеряли голову — цѣлыми днями они торчали передъ окнами ея дома и лишь только она пыталась пойти погулять, за ней бѣжалъ безъ шапки староста и чуть не на колѣнямъ просилъ ее вернуться. И такъ шло мѣсяцами! Не всегда крестьяне были такъ любезны: въ Киренскомъ уѣздѣ, Иркутской губ. они до полусмерти избили ссыльнаго, вышедшаго къ пароходу встрѣтить партію ссыльныхъ. Въ селѣ Казачьемъ писарь собиралъ сходъ, гдѣ велъ усиленную агитацію противъ ссыльныхъ и, опираясь на точный смыслъ циркуляровъ, запрещалъ крестьянамъ давать политическимъ лошадей! Неутомимый агитаторъ, онъ достигъ блестящихъ результатовъ и прежде прекрасныя отношенія стали немыслимы. (Между прочимъ, во многихъ мѣстахъ перестали пускать ссыльныхъ на жительство).

Тайный циркуляръ о разселеніи ссыльныхъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ возымѣлъ немедленное дѣйствіе. Я уже упомянулъ выше о дѣвушкѣ, просившейся въ городъ и высланной въ деревушку: аналогичный случай былъ въ Канскомъ уѣздѣ, гдѣ товарищъ за просьбу перевода въ Красноярскъ былъ отправленъ въ село за 160 верстъ отъ желѣзной дороги и около 400 верстъ отъ Красноярска; въ одинъ прекрасный день колонія села Кимильтей, Ирк. губ. (это село по желѣзной дорогѣ) была, безъ всякаго объясненія, цѣликомъ выслана за 35 верстъ. Прежде можно было попасть въ городъ, напр., приписавшись къ аптекѣ, къ зубоврачебному кабинету, по болѣзни и т. д. Часть товарищей въ одномъ городѣ и при новомъ режимѣ осталась на старыхъ мѣстахъ: однажды узнаютъ, что полиція наводитъ тщательнѣйшія справки, дѣйствительно ли такой-то посѣщаетъ аккуратно свои занятія. Нѣсколько товарищей пало жертвой своей лѣности и, какъ „рабы лукавые“, были немедленно удалены изъ города по деревнямъ.

Кутайсовъ былъ неутомимъ въ своей борьбѣ съ ссылкой: онъ ударилъ ее по самому больному мѣсту — денежной сторонѣ и нужно отдать ему полную справедливость: онъ сдѣлалъ все, что могъ въ этомъ отношеніи. Однажды „политическій надзиратель“ одного города сообщаетъ товарищамъ: „вышелъ новый циркуляръ о наведеніи справокъ о вашемъ имущественномъ состояніи, нѣтъ ли, молъ, заработка, мѣста, не получаете ли по почтѣ денегъ“ и т. д. Въ результатѣ „изслѣдованія“, изъ колоніи въ 10-12 человѣкъ пособіе (8 руб.) было оставлено только двумъ, при чемъ второму его не выдавали до этого цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ и выдали послѣ „разслѣдованія“, черезъ три мѣсяца. А какъ легко было имѣть работу, показываетъ такой фактъ: поднадзорная заняла мѣсто по частному найму при лечебницѣ (на что *не надо* было разрѣшенія свыше по правиламъ о надзорѣ); Кутайсовъ распорядился уволить ее и ссыльная потеряла мѣсто. Лишали пособій, конечно, безъ всякаго разбора, точно также какъ достаточно было сыщику заявить, что вы не лечитесь или не ходите на занятія, чтобы васъ выслали изъ города.

Въ прежнее время медицинскія свидѣтельства о болѣзни играли громадную роль: ни одинъ изъ администраторовъ не посягалъ на то, чтобы отрѣзать ссыльнымъ возможности лечиться. Теперь пріѣхать въ городъ для леченія или получить отъ доктора свидѣтельство о болѣзни стало совершенно недоступнымъ дѣломъ. Всякія прошенія отклонялись. Врачамъ были сдѣланы настоятельныя указанія, что нельзя потворствовать „крамольникамъ“ и наши „ахъ бѣдные“ культурные работники смиренно стушевались. Одинъ врачъ былъ удаленъ изъ тюремной больницы за то, что выдаетъ слишкомъ много свидѣтельствъ; это такъ перепугало его коллегъ, что одинъ изъ нихъ крупный чиновникъ медицинскаго учрежденія (и либералъ!) доказывалъ товарищу, что несовмѣстимо съ убѣжденіями революціонера брать свидѣтельства о болѣзни и *просить* оставленія въ городѣ. Самъ же намѣстникъ министра Плеве былъ совершенно безпощаденъ: товарища съ серьезной глазной болѣзнью не пускали изъ деревни въ городъ, пока, наконецъ, становой приставъ не сталъ хлопотать за него передъ губернаторомъ; другого выслали въ глухую деревню изъ города, хотя спеціалистъ по глазнымъ болѣзнямъ заявилъ, что ему грозитъ слѣпота; чахоточный больной проситъ назначить коммиссію для освидѣтельствованія и назначенія ему другого села; три мѣсяца сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ и ждалъ отвѣта... наконецъ, его выслали въ глухую деревушку на Ангарѣ верстъ за 300 400 отъ медицинскаго пункта и т. д., и т. д. — нѣтъ возможности перечислить всѣхъ фактовъ.

Вскорѣ пошли и ласточки кутайсовской весны — выселяемые за отлучки: вотъ товарищъ изъ Енис. уѣзда, переѣхавшій на лодкѣ черезъ рѣку въ другую деревню; вотъ товарищъ изъ Ачинскаго уѣзда, пришедшій пѣшкомъ въ городъ за пособіемъ; шли и изъ Канскаго и изъ Минусинскаго уѣздовъ, изъ Иркутск. губ., наконецъ въ самой Якутской области настигла ихъ карающая десница „намѣстника края“. Совершенно напрасно старались выдворять публику, напр., изъ Енис. уѣзда: тамъ есть мѣста, мало чѣмъ уступающія какимъ-либо улусамъ. Распредѣленіе ссыльныхъ по Сибири характерный показатель того, какъ расправляется съ ними правительство: vae victis! За воткинскими рабочими шелъ циркуляръ, приказывавшій поселить ихъ въ мѣстахъ наиболѣе отдаленныхъ отъ городовъ и преимущественно тамъ, гдѣ нѣтъ ссыльныхъ. Не знаю шли ли такіе же циркуляры и за другими товарищами, но фактъ тотъ, что назначенія были ужасны. Циркулярами Деп. пол. рекомендовалось селить въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, а циркулярами Кутайсова закрывался доступъ въ села, гдѣ есть скопленіе политическихъ и въ уѣзды съ болѣе хорошимъ климатомъ (какъ Минусинскій и Ачинскій). Есть предположеніе, что скоро въ эти уѣзды не будетъ совсѣмъ назначеній и для ссылки отведутъ еще Тобольскую губ. Пока же усердно колонизуютъ Якутск. область и Енис. уѣздъ. Изъ массы фактовъ приведу лишь два: товарищъ попалъ въ село, гдѣ нельзя было достать яицъ и молока(!), другой — въ деревню, гдѣ нельзя было купить бумаги (почтовой и писчей), карандашъ и проч. предметы „роскоши“. Не говорю уже о томъ, что, напр., по Енисейскому уѣзду большинство товарищей лишено книгъ, газетъ и пр. Напр., тѣмъ же воткинцамъ посылались книги изъ города за 400 верстъ.

Еще до пріѣзда Кутайсова функціонировало въ Сибирскихъ городахъ охранное отдѣленіе. При немъ оно, явственно инспирируемое сверху, заняло весьма независимое положеніе. Такъ, напр., одинъ товарищъ подалъ прошеніе губернатору о разрѣшеніи пріѣхать въ городъ; черезъ нѣкоторое время получаетъ отвѣтъ... отъ начальника охраннаго отдѣленія, что послѣдній препятствій не имѣетъ! Врагъ, съ которымъ вскорѣ вступили въ борьбу Кутайсовъ и охр. отдѣленіе, была тюрьма. Отмѣчу, что репрессіи были распространены и на уголовныхъ. Безъ всякаго согласія со стороны чиновъ прокурорскаго надзора, въ одной тюрьмѣ было вывѣшено объявленіе, что по приказанію генералъ губернатора уголовныхъ за нарушенія правилъ будутъ наказывать розгами въ такомъ то размѣрѣ! А вотъ что дѣлали по отношенію къ политическимъ. Первымъ актомъ распорядительности г-на Кутайсова по пріѣздѣ въ Красноярскъ было запрещеніе личныхъ свиданій. На жалобу по телеграфу министру юстиціи дали отвѣтъ черезъ три мѣсяца такого сорта: „Мин. Юст. передаетъ на разсмотрѣніе генер. губ. рѣшеніе этого вопроса!“ Исходъ ясенъ. Далѣе былъ запрещенъ пріемъ всякихъ припасовъ извнѣ (вродѣ бѣлаго хлѣба для больныхъ). Охранное отдѣленіе прислало (къ свѣдѣнію и руководству) бумагу, гдѣ говорилось, что „политическіе арестанты“ слишкомъ хорошо питаются (напр., получаютъ за свои деньги изъ больничной кухни котлеты), выписываютъ сладкое, фрукты и т. д. — все это рекомендовалось запретить. Не знаю, въ результатѣ ли этого „циркуляра“ въ тюрьму пріѣзжали врачебный инспекторъ съ помощникомъ, производили разслѣдованіе и обнародовали открытіе, долженствующее сыграть крупную роль въ исторіи медицины: болѣзнями, не заслуживающими хорошаго питанія, были признаны истощеніе организма, малокровіе, катарръ кишекъ и желудка, и больныхъ такого сорта списали съ больничныхъ порцій. Назначеніе въ тюрьму новаго начальника, вѣрнаго исполнителя указовъ Кутайсова и усердное „подтягиваніе“ имъ „распущенной“ толпы „политическихъ арестантовъ“ привело вскорѣ къ крупному столкновенію, едва не кончившемуся кровавымъ побоищемъ. Послѣ блестящей побѣды, съ помощью конвойной команды, тюрьма была поставлена на образцовую ногу! Грубое обращеніе Кутайсова и рядъ дикихъ мѣръ кончились въ Иркутской тюрьмѣ побоищемъ и голодовкой.

Такова картина, которую я постарался набросать, оперируя, въ общемъ, незначительнымъ количествомъ фактическаго матеріала и главнымъ образомъ, за первые мѣсяцы эры новаго правленія. Дикое издѣвательство надъ ссыльными, учиняемое сибирскими властями отъ урядника до генералъ губернатора завершилось сухопутнымъ сраженіемъ въ Якутскѣ и правительство одержало полную побѣду (какъ извѣстно, русское оружіе издревле непобѣдимо на сушѣ!). Я старался показать, въ какія невозможныя условія ставятъ нашихъ товарищей циркуляры Департ. Полиціи и мѣропріятія сибирскихъ властей. Шагъ за шагомъ связываютъ ихъ по рукамъ и ногамъ паутиной бумажекъ, вся цѣль которыхъ отравить существованіе. Представьте себѣ всю картину жизни гдѣ либо даже въ ближайшихъ селахъ Енисейской губ. Ежедневно, ежеминутно вамъ самымъ грубымъ образомъ даютъ почувствовать, что вы беззащитны, что надъ вами властенъ всякій, носящій (а порой и не носящій) форменную кокарду, уже въ началѣ „боевой кампаніи“ г-на Кутаисова можно было предвидѣть, что протестъ неизбѣженъ. Уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ были отказы отъ подписки циркуляровъ, столкновенія съ „властями предержащими“, самовольныя отлучки. Два послѣдніе циркуляра, совершенно безсмысленные по своей жестокости и не имѣющіе хоть и тѣни оправданія, какое можно дать первымъ мѣрамъ, — именно лишеніе пособій добровольныхъ женъ и дѣтей и запрещеніе отправлять на казенный счетъ кончившихъ надзоръ — были послѣдними каплями, переполнившими чашу терпѣнія. Послѣднія мѣры особенно чувствительны для якутянъ, и понятно, что наиболѣе чуткая и активная часть ссылки бросилась въ неравную борьбу. И у кого повернется языкъ бросать имъ упреки?

Ни у кого... кромѣ нѣкоторыхъ сотрудниковъ пресловутой „Революціонной Россіи!“ Въ № 45 этого почтеннаго органа появились двѣ корреспонденціи изъ Якутска. Всякій согласится, что, если редакція не отвѣтственна за фактическія неточности корреспонденцій, то она обязана оговаривать тѣ произведенія пера, содержаніе которыхъ по меньшей мѣрѣ... странно. Cum tacet — clamat! Своимъ молчаніемъ „Револ. Россія“ какъ бы заявляетъ о своемъ согласіи съ тенденціями своего малограмотнаго сотрудника. Въ кор. отъ 26 февраля первая половина ея посвящена описанію всѣхъ мѣропріятій по отношенію къ ссыльнымъ, высылокъ, избіеній въ Усть-Кутѣ и т. д. „Со времени изданій циркуляровъ прошла лишь одна недѣля, однако ихъ успѣли уже примѣнить къ нѣсколькимъ лицамъ“, говоритъ корреспондентъ и далѣе приводитъ „фактическій“ матеріалъ. Все это недостаточно вѣрно и полно, такъ какъ циркуляры объявлены были не въ февралѣ, а въ августѣ-сентябрѣ, Шадовскій (на котораго ссылается корреспондентъ) получилъ прибавку не за отлучку, но все пока терпимо. Дальше „собственный корреспондентъ“ „Рев. Рос.“, говоритъ о рѣшеніи протестовать, о борьбѣ двухъ теченій на собраніи и т. д. Оказывается, что и циркуляры не примѣняются, все обстоитъ благополучно, „настроеніе администраціи миролюбивое, ссыльныхъ воинственное!“ „Собственный корреспондентъ“ становится щедринскимъ „достовѣрнымъ лжесвидѣтелемъ“, когда начинаетъ притягивать за волосы факты для оправданія возмутительнаго поведенія 42-хъ товарищей и, поистинѣ, ихъ пилатовскаго умыванія рукъ. Только съ этой точки зрѣнія понятенъ его ехидный вопросъ, какимъ образомъ собрались въ Якутскъ изъ улусовъ товарищи, разъ запрещено давать лошадей. Наивный читатель, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, будетъ подавленъ этимъ соображеніемъ. Въ 1900 г. на Ангарѣ изъ аналогичнаго распоряженія возникла упорная борьба съ администраціей, кончившаяся прибавкой надзора многимъ участникамъ, но и побѣдой ихъ: та же исторія повторилась и въ 1902 г. въ Красноярскомъ уѣздѣ. Но сыльные ѣздили? Неужели г-ну корреспондену неизвѣстно, какъ это дѣлается, а почтенной редакціи не совѣстно за своего сотрудника! А вотъ ужъ и совсѣмъ... цѣнное заявленіе, что администрація „настроена миролюбиво“. У меня нѣтъ словъ, чтобы достаточно сильно заклеймить эту выходку, цѣнность которой будетъ понята реакціонной прессой и судомъ и которая будетъ великолѣпнымъ оружіемъ въ ихъ рукахъ противъ „воинственно“ настроенной ссылки! И еще разъ, неужели „Рев. Рос.“ не стыдно за выходки своего почтеннаго сотрудника?

Бывшій ссыльный.

* * *

Подите прочь, пророки всепрощенья.
Оставьте насъ, апостолы любви —
Здѣсь жертвы вопіютъ о мщеньи,
Здѣсь задыхаются въ крови!
Здѣсь что ни день — то гибнутъ силы,
И что ни часъ — грознѣе бой.
Здѣсь сходятъ въ раннія могилы
За рядомъ — рядъ, за строемъ — строй...
А вы пришли съ евангельемъ смиренья,
Со словомъ кротости и мира на устахъ!
Довольно ужъ учились мы терпѣнью,
Довольно сковывалъ насъ страхъ!
Довольно были мы покорными рабами,
Идущими смиренно подъ ярмомъ,
Пришла пора помѣряться съ врагами
Не проповѣдью рабской, а мечомъ.
Не вамъ учить любви насъ къ меньшей братьи:
Любовь ваша мертва и холодна, какъ ледъ.
Лишь тотъ, съ чьихъ устъ срываются проклятья,
Въ чьемъ сердцѣ ненависть живетъ,
Кто мечъ на палачей народа подымаетъ,
Кто за народъ готовъ пролить по каплѣ кровь,
И на кровавый бой товарищей сзываетъ,
Лишь тотъ таитъ въ груди великую любовь...
Нѣтъ, вашу проповѣдь и кроткія молитвы
Храните для рабовъ, для трусовъ и глупцовъ.
Намъ — не до васъ! На полѣ грозной битвы
Сошлась ужъ рать безтрепетныхъ бойцовъ.
Не словомъ лишь — свинцомъ и сталью
Развѣемъ мы царящую вкругъ ночь,
А вы, съ своею рабскою моралью,
Подите прочь!

Д. Калининъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Якутская драма. Намъ сообщаютъ слѣдующія подробности объ Якутской драмѣ.

Когда товарищи отправили свое заявленіе къ губернатору, хозяинъ дома, въ которомъ забаррикадировались протестующіе, испугавшись стука отъ устройства баррикадъ и заколачиванія оконъ, побѣжалъ въ полицію. Прилетѣли вице-губернаторъ Чаплинъ и полиціймейстеръ Березкинъ. Чаплина впустили: по одну сторону баррикадъ была администрація, а по другую товарищи. Чаплинъ заявилъ, что „на казенный счетъ будутъ отправлять всѣхъ этапнымъ порядкомъ, что пріѣздъ въ городъ будетъ разрѣшаться при наличности уважительныхъ причинъ, но отмѣнять циркуляры, имъ не изданные, онъ не въ правѣ“. Ему предложили телеграфировать въ Питеръ, но онъ заявилъ, что не можетъ быть посредникомъ между политиками и высшимъ правительствомъ, просилъ разойтись, гарантируя безнаказанность. Для болѣе подробныхъ переговоровъ просилъ отправить къ нему делегата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что дастъ распоряженіе начальнику почт.-тел. конторы принимать телеграммы отъ забаррикадировавшихся, на чье бы имя онѣ адресованы ни были.

Первые нѣсколько дней отношенія между администраціей и забаррикадировавшимися были таковы. Ежедневно делегатъ отъ забаррикадировавшихся отправлялся къ губернатору для переговоровъ; „Романовку“ окружалъ кордонъ солдатъ и городовыхъ, никого туда не пропускавшій: улусниковъ въ улусы не возвращали, а вновь пріѣзжавшихъ не высылали. Но въ мартѣ отношенія эти намѣнились. Прежде всего, былъ арестованъ делегатъ Никифоровъ на обратномъ пути отъ губернатора и отправленъ въ тюрьму. Затѣмъ улусники — Дроздовъ, Шадовскій и Штейнбахъ были вызваны къ губернатору и оттуда препровождены въ тюрьму. Кордонъ былъ увеличенъ, какъ полагаютъ, по слѣдующему поводу: 1 марта въ 6 часовъ вечера съ неимовѣрной быстротой промчались въ ворота „Романовки“ тройка и пара, а на нихъ пять политиковъ съ запасами провизіи. Кордонъ былъ ошеломленъ неожиданностью и прозѣвалъ. Съ этого дня кордонъ состоялъ изъ городовыхъ и 20 солдатъ. Для усиленія якутской команды были прикомандированы солдаты, конвоировавшіе политиковъ.

3 марта арестованы были отказавшіеся ѣхать въ улусъ Торбасъ и Левонскій. Арестованъ и находится въ больницѣ Евсеевъ. Наконецъ, 4 марта началась перестрѣлка...

Другое письмо товарища изъ Якутска передаетъ обстоятельства сдачи борцовъ баррикады:

„Романовка“ кончилась. Романовцы сдались 7-го числа безъ всякихъ уступокъ со стороны администраціи. 4-го началась перестрѣлка, вызванная насмѣшками и издѣвательствами солдата. Выстрѣлами со стороны протестантовъ убиты — этотъ самый солдатъ и еще одинъ. Отвѣтными залпами солдатъ убитъ одинъ товарищъ Егоръ Матлаховъ, ранены тогда же еще двое. 5-го и 6-го снова начиналась перестрѣлка, вызванная самими солдатами. Она прекращалась по приказу вице-губернатора. 6-го было сдѣлано много залповъ; обстрѣливали домъ съ двухъ сторонъ... Послѣ этой перестрѣлки они согласились сдаться, идти въ тюрьму и подвергнуться суду. 7-го вышли, переломавъ предварительно оружіе. Раненые въ больницѣ. У Костюшко пуля прошла въ мягкихъ частяхъ ноги и пуля засѣла въ спинѣ; вчера пуля вынута, было сильное кровотеченіе, но сегодня чувствуетъ себя хорошо. Внутренніе органы не повреждены. У Мѣдяника пуля засѣла въ бедряной кости, будетъ операція. Остальные двое ранены легко.

Въ прокламаціяхъ они говорили, что ихъ девизъ: „побѣда или смерть“. Сдача рѣшена большинствомъ голосовъ. Ждутъ военнаго суда...

Что приходилось переживать тѣмъ товарищамъ, которые принуждены были, въ силу нѣкоторыхъ условій, оставаться на волѣ, — легко судить изъ слѣдующихъ строкъ переписки между двумя товарищами:

„За эти 20 дней, пока товарищи сидѣли въ забаррикадированномъ домѣ (въ силу нѣкоторыхъ условій, мнѣ и еще нѣсколькимъ товарищамъ пришлось остаться на свободѣ), я пережила столько, что хватило бы на нѣсколько лѣтъ: каждая пуля, вонзавшаяся въ этотъ домъ, какъ бы проходила черезъ мою душу и мозгъ; а ихъ было много — за три обстрѣла этого дома выпущено было болѣе 1000 пуль“. Въ томъ же письмѣ пишутъ: „У насъ здѣсь въ тюрьмѣ сидятъ 53 человѣка и семь въ больницѣ, которые по выздоровленіи отправятся туда же. Тюрьма и больница — результатъ предпринятаго протеста. Нужны деньги на содержаніе заключенныхъ и больныхъ. Предстоитъ еще военный судъ. Нужно позаботиться о защитѣ. Одного товарища, павшаго на баррикадахъ, мы похоронили“.

Изъ Петербурга сообщаютъ, что нѣкоторые адвокаты поѣхали защищать; между прочимъ — Бернштамъ.

Олекминскъ. Узнавъ о якутскихъ баррикадахъ, олекминцы отправили губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ телеграммы слѣдующаго содержанія:

„Мы вполнѣ присоединяемся ко всѣмъ требованіямъ забаррикадировавшихся якутскихъ товарищей и заявляемъ, что не будемъ подчиняться ни циркулярамъ, отмѣны которыхъ они требуютъ, ни административнымъ наказаніямъ за нарушеніе этихъ циркуляровъ. Политическіе ссыльные города Олекминска: Урицкій, Радіоновъ, Зильберманъ, Теодоровичъ Иванъ, Теодоровичъ Глафира, Шипулинскій Ѳеофанъ, Шипулинская Раиса, Рабиновичъ Соломонъ, Рабиновичъ Григорій, Сара Брукеръ, Левинъ, Геншафтъ, Бронтманъ Костя, Бронтманъ Чарна, Берконъ, Берконъ Хава, Цвиллингъ, Розенштейнъ“. На другой день къ этой телеграммѣ присоединился Бродскій. Полушкинъ и Гуринодзе отправили телеграмму однороднаго же содержанія, но въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ.

По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, переписка всѣхъ, подписавшихъ первую телеграмму, взята подъ контроль.

Проживающіе въ Нохтуйскѣ, Олекминскаго округа, ссыльные: Капланъ и Красиковы, отправили телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Присоединяемся къ заявленію, поданному Вамъ якутскими товарищами. На неудовлетвореніе выставленныхъ въ этомъ заявленіи требованій мы будемъ реагировать всѣми подходящими средствами, не останавливаясь передъ самыми крайними“.

Аргуновы, Павловъ и Кислицинъ отправили телеграмму нѣсколько иного содержанія:

„Присоединяемся къ заявленію, поданному Вамъ якутскими товарищами объ отмѣнѣ циркуляровъ, направленныхъ къ стѣсненію условій нашей ссылки. Исполнять же циркуляры отказываемся“. О томъ, какъ отнеслись къ факту якутскихъ баррикадъ въ другихъ колоніяхъ, провѣренныхъ сообщеній еще нѣтъ. Поговариваютъ, впрочемъ, о какой-то исторіи въ Вилюйскѣ и Киренскѣ.

14 марта должна была пройти партія ссыльныхъ въ Якутскъ, и олекминцы рѣшили добиться свиданія съ нею силой. Администрація, знавшая о нашихъ приготовленіяхъ, съ своей стороны приняла мѣры къ тому, чтобы свиданій у насъ не было. Партію остановили верстахъ въ 10-12 отъ города; въ ущельѣ, въ полверстѣ отъ дома, гдѣ находилась партія, была устроена засада изъ казаковъ, которые, повидимому, должны были дать намъ вооруженный отпоръ и не допустить къ дому...

Олекминцы немного запоздали и, приближаясь къ дому, гдѣ остановилась партія, замѣтили, что партія уже уѣзжаетъ. При содѣйствіи ѣхавшихъ товарищей удалось задержать лошадей. Соскочившіе жандармы, солдаты и казаки направили на насъ ружья, револьверы и шашки. Казалось, что схватка сейчасъ начнется, и олекминцы готовились уже дать сильный отпоръ, но въ рѣшительную минуту начальникъ партіи струсилъ и разрѣшилъ свиданія... Такимъ образомъ, олекминцы и на этотъ разъ добились свиданія безъ жертвъ. Впрочемъ, жандармъ немного потерпѣлъ: размахивая шашкой, онъ самъ себѣ порѣзалъ руки; кромѣ того, онъ сильно ушибся, когда выскакивалъ изъ кошевы...

Дней черезъ десять черезъ Олекминскъ пройдетъ еще одна партія. Удастся ли намъ и на этотъ разъ добиться свиданія безъ жертвъ съ нашей стороны, или кое-кто поплатится жизнью, а кое-кто свободой — покажетъ ближайшее будущее...

Изъ Братской волости, Нижнеудинскаго уѣзда, сообщаютъ, что тамъ — хроническое задержаніе пособія при ужасной дороговизнѣ цѣнъ, и циркуляръ объ уничтоженіи отлучекъ даже въ предѣлахъ стана — вызвали движеніе среди ссылки. Въ волостномъ селѣ Братскомъ собралось человѣкъ 15-17 ссыльныхъ и, заявившись къ приставу, подало рѣзкое коллективное заявленіе губернатору о томъ, что не станутъ подчиняться правиламъ надзора, если пособіе по прежнему будетъ задерживаться. Нѣкоторымъ, какъ пишутъ, приходилось буквально голодать. Вскорѣ послѣ этого приказано было выдать пособіе изъ волостныхъ суммъ, не дожидаясь распоряженія изъ Иркутска.

Циркуляръ, прикрѣпляющій ссыльныхъ къ околицѣ, оставляетъ многихъ за 50-70 верстъ отъ врачебной помощи, чѣмъ обрекаетъ на вѣрную смерть въ случаѣ серьезнаго заболѣванія.

Еще раньше рѣшили въ случаѣ новыхъ притѣсненій сойтись всѣмъ колоніямъ въ одну и сообща двинуться по направленію желѣзной дороги. Жизнь становится невыносимой.

Прикрѣпленіемъ къ мѣсту Кутаисовъ желаетъ, по видимому, помѣшать эпидеміи побѣговъ. Однако уже послѣ циркуляра изъ Братской волости бѣжали: Горнштейнъ и Вик. Гутовскій, выселенный передъ Рождествомъ изъ Иркутска.

Повидимому всѣ циркуляры безсильны.

Въ Петербургѣ, въ началѣ марта, принятъ С. П. Б. Комитетомъ, семью комитетскими группами, представителями отъ организацій — 20 заводовъ и около 50 рабочими собраніями и кружками нижеслѣдующая *резолюція противъ войны:*

Международная борьба за соціализмъ объединяетъ пролетаріевъ всего міра въ одну великую армію. Соціальдемократія передовой отрядъ пролетаріата ставитъ себѣ одной изъ первыхъ задачъ созданіе международнаго мира и прекращеніе войнъ, во время которыхъ пролетаріи вынуждены во имя интересовъ господствующихъ классовъ сражаться съ своими братьями-пролетаріями другихъ націй.

Русскіе соціальдемократы, сознавая свою солидарность съ японскими товарищами, шлютъ японскому пролетаріату свой братскій привѣтъ и выражаютъ отвращеніе и презрѣніе виновникамъ начавшагося кровопролитія.

Считая главнымъ тормазомъ освободительнаго движенія въ Россіи и главнымъ виновникомъ настоящей войны — преступную внутреннюю и внѣшнюю политику русскаго правительства, русскіе соціальдемократы заявляютъ свое глубокое негодованіе правительству и выражаютъ увѣренность, что растущее революціонное сознаніе народныхъ массъ выльется въ недалекомъ будущемъ въ побѣдоносную революцію, освободитъ родину отъ позорнаго рабства и проложитъ путь для свободной борьбы за соціализмъ и международный миръ.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ миръ!

Петербургъ. Здѣсь носятся слухи о возможной войнѣ съ Англіей. Усиленныя приготовленія дѣлаются въ Кронштадтѣ, крѣпость приводятъ въ боевую готовность; балтійскій флотъ усиливаютъ подъ предлогомъ готовящейся якобы посылки его на Дальній Востокъ, на самомъ же дѣлѣ на случай осложненій съ Англіей. Въ Туркестанъ отправляются войска и военные припасы. Энтузіазма болѣе нѣтъ и слѣда, да и былъ то онъ заказной, о чемъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и слѣдующій документъ.

Попечитель
СПБ. Учеб. Округа.
2 фев. 1904 г.

Секретно.

Гг. Директорамъ СПБ. гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и народныхъ училищъ СПБ. губ.

По приказу Его Превосходительства имѣю честь увѣдомить вышепоименованныхъ гг. начальниковъ, что предположенное на вторникъ третьяго сего февраля собраніе учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній у Зимняго Дворца отлагается впредь до особаго извѣщенія, и что дальнѣйшія собранія на улицахъ и площадяхъ по распоряженію администраціи не разрѣшаются. Посему необходимо предупредить подобныя собранія учащихся.

Правитель канцеляріи В. Деманій.

Среди студенчества творится что-то небывалое: все гадкое, подлое, что раньше молчало, пряталось — теперь вдругъ подняло голову и громко заговорило. Въ Горномъ Институтѣ второго апрѣля была обструкція; никто не былъ замѣченъ, но все-таки было исключено якобы за проведеніе ея, кажется, 35 чел., но между ними было нѣсколько человѣкъ, которые въ это время даже не были въ Петербургѣ. Списокъ исключенныхъ былъ составленъ при помощи „свободомыслящихъ“.

Отвѣтъ ссыльныхъ царизму. Настоящій протестъ присланъ намъ отъ 15 товарищей изъ трехъ колоній Иркутской губерніи. Печатая его, мы не печатаемъ, однако, именъ подписавшихъ этотъ протестъ. Въ тотъ тяжелый моментъ, который переживаетъ теперь повсемѣстно ссылка, мы не рѣшаемся нашимъ опубликованіемъ взвалить на плечи товарищей еще новыя тяготы. Мы надѣемся, что они не посѣтуютъ на насъ за это умолчаніе.

НИКОЛАЮ ВТОРОМУ И ЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Вы пригласили насъ боевой службой загладить наши вины предъ престоломъ и отечествомъ. Мы съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвергаемъ ваше предложеніе. И вотъ почему:

Никакой вины передъ горячо любимой нами родиной мы не совершили, и каяться намъ рѣшительно не въ чемъ. По мѣрѣ силъ своихъ и способностей всякій изъ насъ старался быть полезнымъ русскому народу, и исторія покажетъ, чья дѣятельность была полезнѣе — ваша или наша.

Мы слышали стоны изголодавшагося народа, обираемаго вами, мы знали, что вы десятками разстрѣливаете людей за сопротивленіе насиліямъ вашей власти и эксплуататоровъ, мы видѣли и сами переживали гоненія за слово правды, направленное къ русскому рабочему и крестьянину, которыхъ вы низводите на положеніе животнаго, которыхъ вы дерете розгами. Мы видѣли тысячи мерзостей, тысячи насилій, творимыхъ вами и ставленниками вашими по всей Россіи. Возмущенные оскорбленные и постоянно вновь оскорбляемые въ лучшихъ своихъ чувствахъ, мы прониклись глубочайшей ненавистью и презрѣніемъ къ вашему гнусному режиму и своей дѣятельностью всегда протестовали противъ вашей дѣятельности, всегда звали родину на борьбу съ вами во имя высокихъ идеаловъ соціализма и демократіи. И если мы виноваты передъ отечествомъ, такъ только въ томъ, что не вложили во сто кратъ большей энергіи въ эту борьбу, не напрягали всѣхъ своихъ силъ до послѣдней возможности. Если мы виновны, то только въ томъ, что вы существуете, еще царствуете надъ нами, еще пьете народную кровь.

Но не вамъ бросать намъ подобный упрекъ, не вамъ говорить объ отечествѣ и отъ лица его! У васъ хватаетъ, конечно, цинизма и дерзости соединять престолъ съ отечествомъ, но мы вмѣстѣ со всѣми честными людьми протестуемъ противъ подобнаго кощунства.

У отечества нѣтъ большаго, нѣтъ злѣйшаго врага, чѣмъ забрызганный кровью престолъ, занятый вами. Нѣтъ пропасти глубже той, что легла между ними, и съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ она растетъ и будитъ сознаніе все въ новыхъ и въ новыхъ массахъ, вызываетъ все новыя силы, все новыхъ борцовъ на борьбу съ вами. Каждый шагъ вашъ, каждое распоряженіе вызываетъ или негодованіе или насмѣшки! истерзанное вами отечество не всегда протестуетъ противъ нихъ, часто на ваши глумленія оно въ состояніи отвѣтить лишь стонами, но оно всегда ненавидитъ васъ, всегда стыдится за васъ, всегда отворачивается отъ васъ. Теперь вы затѣяли войну съ Японіей, — и пропасть раскрылась еще шире, стала еще грознѣе для васъ.

Народъ не желалъ этой войны. Отечеству не нужна она. Она потребуетъ огромныхъ жертвъ отъ истощеннаго, ограбленнаго вами народа и, чѣмъ бы она ни кончилась — побѣдой вашей или пораженіемъ, ничего не дастъ ему, кромѣ новыхъ налоговъ и тяготъ; въ случаѣ благопріятнаго для васъ исхода, онъ получитъ на свои плечи еще Манджурію, чтобы дать вамъ возможность къ ухлопаннымъ на нее милліонамъ прибавить еще новые и новые. Манджурія тяжелымъ бременемъ ляжетъ на него. И это тогда, когда онъ голодаетъ, когда первыя его потребности не удовлетворены, когда онъ такъ нуждается въ правовомъ порядкѣ, въ хорошей школѣ, въ развитіи широкой самодѣятельности!

Въ такое время вы вызвали эту войну. Вы вызвали ее потому, что она нужна вамъ и только вамъ, т. е. самодержавному русскому правительству и его приспѣшникамъ, вызвали разбойническимъ захватомъ Манджуріи, никому не нужной, кромѣ опять таки васъ, вашихъ чиновниковъ и вашихъ инженеровъ. Тамъ, гдѣ вами безъ толку разбросаны и разворованы сотни милліоновъ кровныхъ народныхъ денегъ, гдѣ вами уже убито безъ нужды столько силъ народныхъ, тамъ задумали вы пролить еще потоки народной крови, уложить еще сотни тысячъ молодыхъ жизней.

Зачѣмъ! Къ чему понадобилось вамъ это новое величайшее и отвратительнѣйшее преступленіе предъ народомъ и отечествомъ?

Вы добиваетесь военныхъ захватовъ и политическаго могущества въ Азіи, вы разсчитываете раздобыть нѣсколько новыхъ рынковъ для искусственно поддерживаемой вами, за счетъ народа, горсти промышленниковъ, и въ жертву этимъ личнымъ выгодамъ и эгоистическимъ интересамъ приносите интересы всего народа. Но есть у васъ еще и другая цѣль, еще болѣе низменная: грохотомъ пушекъ, блескомъ и шумомъ внѣшней борьбы вы хотите затуманить сознаніе пробуждающагося россійскаго пролетаріата и крестьянства, хотите отвлечь ихъ вниманіе отъ позорныхъ дѣлъ вашихъ внутри Россіи, отъ вашихъ звѣрствъ и надругательствъ надъ родиной!

Ради достиженія этихъ низкихъ цѣлей вы готовы погубить теперь хоть милліонъ солдатъ, выбросить хоть милліардъ народныхъ денегъ! Вы ни передъ чѣмъ не остановитесь, какъ никогда не останавливались ни передъ чѣмъ, когда дѣло касалось вашихъ своекорыстныхъ интересовъ и вашей своекорыстной политики, какъ не остановились ни передъ разстрѣливаніемъ сотенъ невинныхъ рабочихъ, ни передъ устройствомъ Кишеневскаго погрома...

Съ такими точно цѣлями 35 лѣтъ тому назадъ, правительство Наполеона III, этотъ прообразъ вашего правительства, начало войну съ Германіей, и если теперь ваша Манджурская авантюра принесетъ какую нибудь пользу отечеству, то лишь окончившись столь же поучительно, какъ кончилась памятная Наполеоновская авантюра для ея авторовъ. И вотъ, начиная это новое безстыдное дѣло свое, готовясь къ новому гнуснѣйшему своему преступленію, вы, разбойники и палачи земли родной, осмѣливаетесь обращаться къ намъ съ предложеніемъ стать вашими пособниками, обѣщая за это „забвеніе прошлаго“!

Что можетъ быть наглѣе, циничнѣе подобнаго предложенія?!.. Оно не оскорбляетъ насъ, конечно, — чѣмъ грязнѣе ваши выходки, тѣмъ болѣе пачкаютъ онѣ васъ самихъ, — но мы не могли игнорировать его, не могли отвѣтить вамъ однимъ презрительнымъ молчаніемъ, чтобы не дать ни малѣйшаго повода лакействующей и подкупленной вами печати къ различнымъ кривотолкамъ.

Мы должны были сдернуть съ васъ маску и на вашъ лицемѣрный и наглый вызовъ открыто и опредѣленно заявить, что отказываемся не отъ защиты родины, — потому что, будь она въ опасности, мы первые стали бы въ ряды арміи, — а отъ пособничества вамъ въ совершаемыхъ вами преступленіяхъ противъ всего русскаго народа и нашего дорогого отечества, отказываемся отъ всякой солидарности съ заклятыми внутренними врагами Россіи — Николаемъ II и его правительствомъ.

И мы дѣлаемъ это.

Долой самодержавіе!

О томъ, какъ они мобилизуютъ. (Изъ частнаго письма одной матери). 29 марта по городу были расклеены объявленія о Высочайшемъ приказѣ явиться всѣмъ запаснымъ, находившимся въ Петербургѣ, въ участокъ со своими документами, такъ какъ была объявлена мобилизація Петербургской губ. На другой день онъ (сынъ пишущей) понесъ свои документы въ участокъ; тамъ отъ него ихъ отобрали и велѣли явиться туда же на другой день — 31 марта — въ шесть часовъ утра. Велѣли принести съ собою новые большіе сапоги и по двѣ пары бѣлья, если онъ не хочетъ получить казенное по *прикону*. В. прибѣжалъ, сообщилъ намъ объ этомъ, сейчасъ же были куплены сапоги и все, что нужно. 31-го, какъ ушелъ въ шесть часовъ, не приходитъ и не приходитъ. Можете себѣ представить, какъ мы волновались, предполагая Богъ знаетъ что, но всетаки подождали до вечера. Вечеромъ я побѣжала въ участокъ узнать, что съ нимъ и гдѣ онъ. Оказалось, что всю партію изъ участка погнали въ казармы. Перваго апрѣля мы все его поджидали, страшно волновались, а о немъ не было никакого слуха. Наконецъ второго я получила отъ него письмо, что онъ въ казармахъ, ихъ заперли, не выпускаютъ, *какъ арестантовъ*, держали 31-го цѣлый день на дворѣ казармъ подъ снѣгомъ и страшнымъ вѣтромъ *голодными* до десяти часовъ вечера съ шести утра. Въ 10 часовъ вечера впихнули въ грязныя казармы безъ наръ, о ѣдѣ они сами себѣ должны были позаботиться, а какъ же имъ можно было достать или купить чего-нибудь, когда ихъ не выпускали, да у В. къ тому же не было ни копейки. Вчера отпустили до восьми часовъ вечера; разсказывалъ онъ, что съ ними поступали, какъ со скотомъ, который ведутъ на бойню. Пища тамъ ужасная: щи изъ гнилой капусты, и даже солдатской каши не полагается; грязь въ помѣщеніи, переполненномъ и своими матросами, а тутъ новая партія въ тысячу человѣкъ, тѣснота и, какъ выражается фельдфебель, „*микробы* такъ и ползаютъ по стѣнамъ“. За деньги, конечно, все улучшится, всякій фельдфебель такъ и смотритъ въ руку.

Съ дороги. Въ ночь полученія телеграммы о гибели „Петропавловска“ я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ. Обсуждалось событіе. Говорило больше среднее сословіе: мелкіе помѣщики, торговцы, чиновники; мужичекъ, плохо разбираясь въ доводахъ и предположеніяхъ спорящихъ, молчалъ и вздыхалъ. Пессимистическая нотка у разговаривающихъ была очень замѣтна. Патріотическое настроеніе за это время несомнѣнно понизилось, это можно было наблюдать и по общему тону и по тому, что разговоръ чаще останавливался на будущихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, и по тому съ какой особенной охотой сообщались разные слухи о хищеніяхъ, о какомъ-то милліонѣ, будто бы украденномъ уже велик. княгиней Маріей Павловной и пр. Особенно ругали Алексѣева, попадало и вообще „плясунамъ“, проворонившимъ первую аттаку... Макарова очень жалѣютъ, такъ какъ на него возлагались большія надежды, при чемъ, говоря о его гибели, обыкновенно вспоминаютъ и о спасенномъ Кириллѣ, приблизительно въ такой формѣ: „и замѣтьте, какого-то тамъ Кирилла спасли, а вотъ Макаровъ погибъ!“

Въ деревнѣ, гдѣ мнѣ случилось побывать, о фактической сторонѣ войны среди крестьянства ходятъ самые разнообразные (часто совершенно невѣроятные) слухи. Бѣдствія отъ войны предчувствуются большія, но настроеніе въ мѣстностяхъ, не затронутыхъ пропагандою, покорное, по формулѣ: „какъ прикажутъ“. Бабы частенько уже и теперь проливаютъ слезы, боясь, что мужей заберутъ. Больше всего въ деревнѣ заняты вопросомъ, когда будетъ мобилизація, кого будутъ брать и т. д. Агитація противъ войны была бы, какъ мнѣ кажется, принята въ деревнѣ сочувственно, но увы! опять мы не на высотѣ своего призванія. „Дружескія Рѣчи“ распространяютъ все шире и шире: въ одномъ мѣстѣ обязали каждое сельское общество выписывать по экземпляру. Необходима немедленная борьба съ ними, иначе, заключая въ себѣ большой отдѣлъ техническихъ свѣдѣній и сообщая кое-что о войнѣ, онѣ смогутъ укорениться въ народѣ и развратятъ, попутно, его сознаніе.

Вооруженное сопротивленіе при арестѣ типографіи С. Д. Ц. П. и Л. въ Варшавѣ. 27 апрѣля по новому стилю въ два часа дня полиція въ количествѣ до 60 человѣкъ нагрянула на квартиру одного сапожника въ предмѣстьѣ Чистомъ, на улицѣ Дворской. Полиція напала на слѣдъ типографіи Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы. Дверь комнаты, въ которой находилась типографія, была забаррикадирована, и полиціи пришлось ее выламывать. Въ это время товарищи уничтожали всѣ рукописи и бумаги, такъ что кромѣ разбросаннаго набора шрифта и станка полиція ничего не удалось захватить съ собой: они приготовились также къ защитѣ и рѣшили попытаться бѣжать, прорвавшись сквозь ряды полицейскихъ. Сквозь проломанныя двери первый вошелъ ротмистръ охраны Винничукъ, недавно присланный изъ Петербурга. Раздался выстрѣлъ — пуля попала въ глазъ, и онъ палъ замертво. Товарищи бросились въ толпу, стрѣляя. Паника охватила полицію ужасная. Помощникъ пристава Ордановскій былъ убитъ на мѣстѣ, одинъ околодочный умеръ 29 апрѣля, трое городовыхъ тяжко ранено. Товарищи боролись кто съ револьверомъ въ рукахъ, кто съ кинжаломъ, кто, какъ говорятъ, съ шашкой убитаго ротмистра, а жена сапожника дралась ножомъ. (Въ квартирѣ было четверо мушинъ и одна женщина. Товарищамъ удалось бѣжать, и только тогда, когда они вырвались изъ цѣпи казаковъ и полиціи, тѣ погнались за ними. Полиція хвастается, что всѣхъ поймали; другіе же говорятъ, что двое самыхъ энергичныхъ бѣжали. Разсказываютъ про одного бѣжавшаго, нѣкоего, по паспорту, Вильгельма Майера, заграничнаго подданнаго, что поймали его казаки далеко въ лѣсу, потому что былъ безъ шапки. Упорно носится слухъ, что другой, навѣрное, бѣжалъ, хотя слухъ этотъ не подтвердился до сихъ поръ. Какъ только фамиліи арестованныхъ будутъ удостовѣрены — сообщу вамъ.

Демонстрація на похоронахъ. 3 мая въ одной изъ варшавскихъ больницъ скончался товарищъ Борухъ Биренцвайгъ, членъ Соціальдемократіи Царства Польскаго и Литвы. Арестованный (вторично) въ Лодзи въ мартѣ 1903 года, онъ былъ заключенъ въ десятый павильонъ Варшавской цитадели и только за три дня до смерти его перевели оттуда въ больницу. Несмотря на развившуюся у Биренцвайга чахотку, жандармы отказали его родственникамъ освободить его изъ тюрьмы.

4 мая состоялись похороны. Собралось около 200 человѣкъ рабочихъ, студентовъ и интеллигенціи. На одной изъ улицъ рабочаго квартала запѣли „Красное Знамя“. Полиція окружила демонстрантовъ и никого не пропускала за цѣпь. На кладбищѣ демонстрантовъ не допустили до могилы. Въ это время прискакало 50 полицейскихъ, съ и. д. полиціймейстера, его помощникомъ и приставами во главѣ и повели плѣнныхъ „японцевъ“ обратно въ городъ, въ участокъ. По дорогѣ полиція разошлась во всю. Публику, толпившуюся вокругъ шествія, по звѣрски избивали. Одного пятнадцатилѣтняго мальчугана избили такъ сильно, что врядъ ли его живымъ дотащили до участка. Арестовано около 70 человѣкъ.

Одесса. Подъ вліяніемъ рѣчей князя Мещерскаго, который уже давно съ грустью указывалъ на то, что въ то время, какъ революціонныя партіи хорошо организованы, — силы реакціи въ самомъ обществѣ дѣйствуютъ въ одиночку и не пробуютъ организоваться, — подъ вліяніемъ этихъ рѣчей и при непосредственномъ содѣйствіи полиціи и жандармеріи во многихъ городахъ стали образовываться „Русскія Собранія“, „Священныя Лиги“ и прочія общества, которыя соединили въ себѣ всѣ отбросы нашего студенчества. Эти защитники престола дѣйствуютъ и у насъ въ Одессѣ и съ нервной поспѣшностью стремятся они вынести на показъ всю свою отвратительную сущность, всю свою моральную низость. Это имъ удается настолько, что они вызываютъ порой отвращеніе даже среди своихъ принципіальныхъ сторонниковъ. Такъ, напримѣръ, когда нѣсколько „лигистовъ“ явилось къ одному старому профессору, онъ ихъ встрѣтилъ слѣдующей фразой: „Я убѣжденный консерваторъ, но съ такими грязными людьми, какъ вы, не желаю имѣть ничего общаго“. Но лигисты привыкли „страдать за правду“ и такая отповѣдь не можетъ смутить ихъ смѣлыя сердца: поддерживаемые морально и матеріально инспекціей, министерствомъ, полиціей и жандармеріей — они чувствуютъ за собой силу и преисполнены энергіи и вѣры въ побѣду.

Лига „Единенія и Силы“ образовалась довольно давно и однимъ изъ дѣятельныхъ ея учредителей былъ студентъ Пуришкевичъ. Предупредительное университетское начальство, не забывающее о необходимости „сердечнаго попеченія“, предоставило въ распоряженіе Лиги въ университетѣ помѣщеніе. Члены Лиги находятся въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ инспекціей, что фактически слились съ нею въ одну солидарную организацію, одушевленную одними и тѣми же стремленіями и одинаковыми задачами. Это проявляется между прочимъ въ томъ фактѣ, что пріемъ новыхъ членовъ въ Лигу зависитъ отъ согласія инспекціи. Такой строгій контроль при кооптаціи объясняется тѣми отвѣтственными обязанностями по шпіонству и доносамъ, которыя составляютъ одну изъ главныхъ задачъ членовъ Лиги. При выполненіи ея, впрочемъ, члены Лиги входятъ въ непосредственный союзъ не только съ инспекціей, но и съ жандармеріей. Одинъ изъ лигистовъ, студ. Сизовъ, былъ уличенъ публично въ шпіонствѣ и избитъ въ студенческой столовой. Принявъ на себя обязанности шпіоновъ и педелей, лигисты, конечно, были надѣлены и соотвѣтственными правами: такъ, напримѣръ, участіе на сходкѣ для нихъ не является преступленіемъ и даже поощряется.

Но всего этого лигистамъ показалось мало и они послали жалобу въ министерство на то, что ихъ недостаточно поддерживаютъ. Министерство прислало циркуляръ съ предписаніемъ поддерживать лигистовъ энергичнѣй.

„Искра“ въ 59 № уже сообщала о томъ, какъ лигисты устроили патріотическую манифестацію и старались провоцировать толпу на избіеніе несочувствующихъ имъ студентовъ. Въ это же время совѣтъ профессоровъ послалъ всеподданнѣйшую телеграмму самаго низкаго сорта и, хотя были между профессорами несочувствующіе телеграммѣ „либералы“, но никто не рѣшился выступить съ открытымъ протестомъ. Когда въ отвѣтъ на эту телеграмму была получена благодарность, то ректоръ на засѣданіи совѣта предложилъ увѣковѣчить столь радостное событіе, вывѣсивъ мраморную доску съ надписью, —но это предложеніе было встрѣчено гробовымъ молчаніемъ и не нашло поддержки.

Когда ввиду начавшейся войны и провоцирующей дѣятельности лигистовъ, а также вслѣдствіе посылки вѣрноподданическаго адреса профессорами приходилось ожидать безпорядковъ въ университетѣ, изъ министерства было получено предложеніе принять всѣ мѣры для предупрежденія безпорядковъ, „которые были бы теперь очень несвоевременны“ и для этого предлагалось всѣхъ неисправимыхъ буяновъ увольнять и высылать административнымъ порядкомъ“. При этомъ профессорамъ предлагалось на дѣлѣ проявить патріотизмъ, выраженный въ телеграммѣ.

Предписаніемъ увольнять „буяновъ“ университетское начальство очень скоро воспользовалось, проведя рядъ исключеній на засѣданіи правленія. Когда же состоялась сходка въ зданіи юридическаго факультета, то ректоръ Деревицкій, послѣ того, какъ студенты отказались разойтись, пригласилъ въ зданіе университета полиціймейстера съ цѣлой сворой чиновъ полиціи и передалъ имъ свою „власть“. Даже представители полиціи „возмущались“, по ихъ словамъ, поведеніемъ ректора. Всѣ участники сходки около 200 человѣкъ были обысканы, переписаны и арестованы на два и три мѣсяца и часть изъ нихъ сидитъ еще до сихъ поръ въ полицейскихъ участкахъ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ. 70 изъ нихъ уволены правленіемъ.

Въ отвѣтъ на эти репрессіи въ университетѣ началась забастовка и въ теченіе двухъ недѣль продолжалась борьба между лигистами, рѣшавшимися посѣщать даже лекціи не своихъ факультетовъ, и обструкціонерами. Фактически лекціи и всѣ практическія занятія почти прекратились на это время, хотя вести борьбу обструкціонерамъ было трудно ввиду большого количества арестованныхъ и уволенныхъ товарищей и ввиду недостаточнаго единства массы студентовъ. Эта борьба сопровождалась цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ столкновеній при чемъ физіономіи лигистовъ сильно пострадали. Тогда лигисты обратились къ градоначальнику за разрѣшеніемъ, ввиду ихъ сравнительной малочисленности и „недружелюбнаго“ къ нимъ отношенія, носить при себѣ оружіе, что и было имъ разрѣшено. Послѣ этого лигистамъ удалось остановить обструкцію въ юридическомъ зданіи угрозой стрѣлять изъ револьверовъ.

Въ настоящее время, ввиду того, что по уставу въ Лигу можетъ входить не болѣе 60 членовъ, въ Одессѣ образовалась вторая лига: „Разсвѣтъ“. Девизъ ея: „Университетъ для науки“, — фактическая ея задача — борьба съ крамолой и подготовка еврейскихъ погромовъ.

Пріѣзжалъ сюда Крушеванъ передъ пасхой и устраивалъ съ лигистами засѣданія, на которыхъ обсуждался вопросъ объ организаціи еврейскаго погрома. Лигисты все время распространяли „Знамя“, а послѣ отъѣзда Крушевана появились на Пересыпи прокламаціи антиеврейскаго содержанія, призывающія къ погрому, и картинки, изображающія, какъ евреи, приготовляя мацу, подливаютъ въ тѣсто христіанскую кровь.

Все это, конечно, не составляетъ и десятой доли подвиговъ „организованной реакціи“, но достаточно, кажется, характеризуетъ эту одну изъ гнойныхъ язвъ, которыя въ такомъ обиліи вскрываются теперь на разлагающемся трупѣ самодержавія.

Все это должно толкнуть революціонное студенчество еще больше влѣво, должно заставить его подготовлять въ своей средѣ крѣпкую организацію и идти на помощь выступающимъ на поприще все болѣе рѣшительной и все болѣе сознательной политической борьбы массамъ революціоннаго пролетаріата.

Кіевъ. Передъ Пасхой въ Кіевѣ ходили упорные слухи, что погромъ неизбѣженъ. Нѣкоторые грозные признаки, обычные въ такихъ случаяхъ, уже давали о себѣ знать. Когда наступила русская Пасха, то начали раздаваться голоса о пропажѣ русскаго мальчика наканунѣ еврейской Пасхи съ обычными на этотъ счетъ комментаріями. Всѣ наличныя революціонныя организаціи рѣшили образовать Комитетъ Самообороны и для этой цѣли договориться насчетъ совмѣстной дѣятельности на случай еврейскихъ погромовъ. Изъ организацій приняли участіе: „Бундъ“, „Поэль-Ціонъ“, „Кіевскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.“ и „Организація Соц.-Революціонеровъ“. Организація погрома должна была исходить отъ самой администраціи; ея высшій представитель, губернаторъ, пригласилъ къ себѣ представителей еврейской буржуазіи и заявилъ, что если будетъ рабочая демонстрація въ Кіевѣ, то онъ не ручается, не послѣдуютъ ли за этимъ еврейскіе погромы. Далѣе, наканунѣ самой Пасхи, когда эти же представители явились къ генералъ-губернатору съ просьбой принять мѣры для предотвращенія погромовъ, онъ отвѣтилъ: „У меня нѣтъ никакихъ инструкцій изъ Петербурга; если будетъ предписаніе не допустить развиться погромамъ, тогда я приму мѣры, въ противномъ случаѣ не пеняйте на меня“. Не ручаюсь за полную точность переданныхъ словъ, но смыслъ во всякомъ случаѣ именно таковъ.

Мобилизація всѣхъ наличныхъ организованныхъ силъ за короткій срокъ (3-4 дня) дала въ общемъ итогѣ свыше тысячи человѣкъ. Кое-какъ, наскоро, удалось и вооружиться. Но тревога оказалась напрасной — погрома не было. Во всякомъ случаѣ самый фактъ подготовки къ этому событію чрезвычайно важенъ, такъ какъ онъ далъ намъ опытъ мобилизаціи своихъ силъ въ короткій промежутокъ времени. На Ѳоминой недѣлѣ въ понедѣльникъ рабочіе фабричнаго района рѣшили отслужить панихиду въ память товарищей, убитыхъ во время лѣтней забастовки въ Кіевѣ. Полиція предупредила ихъ, оцѣпивъ казаками все кладбище. Явилось свыше 200 чел., которые, по совершеніи панихиды, разошлись безъ рѣчей и безъ всякихъ инцидентовъ.

Въ послѣднее время было устроено нѣсколько массовыхъ собраній, на которыхъ поднимались вопросы: о значеніи перваго мая, о судѣ надъ лѣтними забастовщиками и о послѣднихъ пораженіяхъ на войнѣ. Вышли прокламаціи: 1) „Черная годовщина“ (по поводу погрома); 2) перепечатана искровская — „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“.

Изъ жизни нашихъ учебныхъ заведеній (письмо изъ Кутаиса).

Нынѣшній учебный годъ начался при тревожныхъ ауспиціяхъ. Учащаяся молодежь возвратилась съ лѣтнихъ каникулъ неспокойной и возбужденной. Это стало обнаруживаться сразу. Настроеніе массы было благопріятно для соціальдемократической пропаганды. Масса стала понемногу пріобщаться къ революціонной литературѣ, интересъ сильно увеличился, настроеніе росло, и скоро это стало обнаруживаться въ фактахъ, изъ которыхъ самымъ крупнымъ была демонстрація, устроенная гимназистами 6 декабря вечеромъ, въ день храмового праздника, передъ зданіемъ учебнаго заведенія. 14 января въ день храмового праздника въ женской гимназіи, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ изъ гимназіи и реальнаго училища не оказалось желающихъ идти на балъ, устраиваемый въ зданіи гимназіи по случаю праздника.

Въ среднихъ числахъ января Имеретинско-Мингрельскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. была выпущена прокламація: „Къ учащейся молодежи“, которая произвела на нее сильное впечатлѣніе. Прокламація попала и въ руки гимназическаго начальства, причемъ преподавателемъ русскаго языка Дзюбинскимъ, человѣкомъ растерзавшимъ на своемъ вѣку много юныхъ сердецъ, въ 7 классѣ было дано весьма оригинальное толкованіе идеи соціализма: „если соціализмъ осуществится, то это — говорилъ достопочтенный педагогъ — продлится не болѣе, какъ два-три дня, т. к. на четвертый день уже одинъ пойдетъ въ духанъ и спуститъ свое добро, другой найметъ зурну и тоже спуститъ и т. д. и т. д., и, такимъ образомъ, опять нарушится равновѣсіе“... Были обысканы два ученика гимназіи: К...дзе и А...ли VI кл., первый гимназистъ — гимназическимъ начальствомъ, второй — жандармами; у перваго были найдены: прокламація „Къ учащейся молодежи“, „Солдатская памятка“, „Рѣчь Гольдмана“, у второго — ничего. 30 января въ зданіи гимназіи, въ корридорѣ производилось чтеніе царскаго манифеста. День былъ будничный и всѣ ученики были въ сборѣ. Едва священникъ закончилъ чтеніе, какъ раздалось протестующее шиканье со свистомъ. Священникъ продолжалъ служить молебенъ, но шиканье не прекращалось. Все начальство, бывшее на лицо, было сбито съ толку. Директоръ, прервавъ священника, предложилъ ученикамъ старшихъ классовъ разойтись сначала по классамъ, а затѣмъ по домамъ. На другой день 31 января, въ реальномъ училищѣ чтеніе манифеста на дворѣ было также встрѣчено сильнымъ свистомъ. По окончаніи молебна, послѣ предварительнаго обыска (ничего при этомъ не найдено) были арестованы на дому жандармами четыре реалиста: Рижинашвили, Рѣзниковъ, Бережіани и Канделаки и заключены въ тюремный замокъ. Реалистъ Эмухвари, обысканный и призванный въ жандармское управленіе, былъ отпущенъ, но на третій день его снова арестовали (ничего не найдено). Въ ночь съ 1 на 2 февраля были обысканы и арестованы три гимназиста: Ломинадзе, Чантуришвили, и Вас. Канделаки. На утро 2 числа было назначено экстренное общее собраніе учащихся реальнаго училища и гимназіи за городомъ, на берегу Красной рѣчки, для принятія совмѣстнаго рѣшенія. Объ этомъ вечеромъ же пронюхало гимназическое начальство, и утромъ учитель Юрковскій уже стоялъ на посту. Не успѣло собраться и 200 чел., какъ явилась полиція въ сопровожденіи отряда стражниковъ. Сходку накрыть не удалось, т. к. собравшимся было сообщено во-время, но изъ возвращавшихся разными путями было арестовано 20, которые, послѣ установленія ихъ личности въ ближайшемъ участкѣ, были отпущены. Вечеромъ того же дня было рѣшено устроить уличную демонстрацію 3 февраля утромъ для протеста противъ русскаго самодержавнаго правительства и требованія освобожденія заключенныхъ товарищей. Обстоятельства, при которыхъ разыгрались безпорядки третьяго числа, слѣдующія: въ гимназіи никакихъ предварительныхъ мѣръ не было принято — ни въ самой оградѣ, ни на улицѣ полиціи не было. Гимназисты собрались, неся каждый для отвода глазъ по одному или по два учебника. За нѣсколько минутъ до начала перваго урока были наведены справки и оказалось, что многіе не явились, но настроеніе было самое возбужденное. Раздался звонокъ и 8 первый, 8 второй, 6 первый 6 второй, 5 первый классы (было нѣсколько человѣкъ изъ младшихъ классовъ), образовавъ одну большую группу, двинулись съ верхняго этажа въ нижній, гдѣ къ нимъ присоединились 7 первый, 7 второй и 5 второй классы. Въ нижнемъ этажѣ учащіеся были окружены учителями и инспекторомъ, которые и словомъ, и руками хотѣли остановить ихъ. Но масса быстро хлынула къ выходу и, раскрывъ настежь выходныя двери, выбѣжала на дворъ; отсюда были перебиты всѣ окна верхняго, нижняго и подвальнаго этажа. Ворота, черезъ которыя должны были выйти на улицу, оказались запертыми. Это обстоятельство, совсѣмъ непредвидѣнное заранѣе, на минуту остановило всѣхъ. Масса налегла на ворота, но большія желѣзныя ворота не поддавались; тогда, не имѣя иного исхода, она стала перепрыгивать на улицу, а нѣкоторымъ удалось проникнуть на улицу черезъ окна подвальнаго этажа. Такимъ образомъ, на улицѣ оказалось человѣкъ 70-80, которые сразу, соединившись въ группу, понеслись съ крикомъ: „долой царя!“, „долой самодержавіе!“. Напротивъ городского театра демонстрантовъ поджидала группа учениц҃ъ эпархіальнаго училища, которыя присоединились къ нимъ. Достигнувъ бульвара, масса быстро двинулась къ женской гимназіи и остановившись передъ нею кричала: „выходите къ намъ на помощь!“, этимъ дала знать о демонстраціи (было разбито нѣсколько стеколъ); но такъ какъ оттуда никто не показывался (ихъ заперли), масса, принявшая еще большіе размѣры (здѣсь къ ней присоединилась группа семинаристовъ и нѣсколько человѣкъ реалистовъ) повернула на Пушкинскую улицу и, достигнувъ зданія „Кредитнаго общества“, двинулась по направленію къ бульвару. У гостиницы „Сѣверные номера“ демонстрантовъ нагналъ помощникъ полиціймейстера Бутлеръ съ нѣсколькими городовыми, но онъ не осмѣлился подступиться. Крики: „долой царя!“, „долой самодержавіе!“ не прекращались. Передъ гостинницей „Belle-vue“ приставъ Махарадзе получилъ весьма чувствительные побои. Проникнувъ на бульваръ съ восточной стороны, демонстранты остановились на площадкѣ на серединѣ бульвара, отстранивъ околодочнаго надзирателя, встрѣтившаго ихъ тамъ съ шашкой на-голо и съ револьверомъ въ рукахъ. Раздались крики: „гдѣ знамя!“, „марсельезу!“, „долой царя!“ и т. д. Но знамени случайно не оказалось, вмѣсто него замелькалъ красный платокъ и толпа опять двинулась по направленію къ западнымъ воротамъ бульвара. Но едва она успѣла выйти на улицу, какъ явилась полиція во всеоружіи, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ стражниковъ, съ городовыми и пожарной командой. Стражники и полицейскіе съ шашками на-голо набросились на демонстрантовъ и начали бить. Былъ слегка пораненъ и сильно избитъ смѣльчакъ Датешидзе, ученикъ шестого класса, который, сбросивъ съ лошади одного стражника и поваливъ его на землю, намялъ ему бока. Здѣсь было рѣшено разойтись и демонстранты стали расходиться, оставивъ въ рукахъ полиціи товарища Датешидзе и двухъ учениц҃ъ эпархіальнаго училища, которыя были выпущены въ тотъ же день. Всѣ расходились недоумѣвая: „почему нѣтъ реалистовъ“, но недоумѣніе скоро разсѣялось слѣдующимъ сообщеніемъ: 3-го утромъ всѣ ученики собрались въ нижнемъ корридорѣ съ намѣреніемъ послѣ второго звонка подойти къ учительской (находящейся въ нижнемъ этажѣ) и, представивъ извѣстныя требованія, выйти на дворъ съ пѣніемъ „Марсельезы“ и двинуться къ городскому бульвару, гдѣ ихъ должны были встрѣтить учащіеся другихъ учебныхъ заведеній. Но задуманный планъ не удался, т. к. полиція, заранѣе предувѣдомленная о предполагаемой демонстраціи, сконцентрировала уже рано утромъ свои силы у реальнаго училища, спрятавъ отряды стражниковъ въ близъ находящейся конюшнѣ губернатора и въ подвальномъ этажѣ самаго училища. Ученики успѣли только послѣ второго звонка собраться у учительской, вызвать начальство и вступить въ нимъ въ самыя рѣзкія объясненія: „мы требуемъ освобожденія нашихъ товарищей, преданныхъ вами въ лапы жандармеріи“ говорили нѣсколько человѣкъ за всѣхъ. „Мы не хотимъ продолжать занятія въ такомъ учебномъ заведеніи, гдѣ учителя исполняютъ роль полицейскихъ агентовъ, шпіоновъ, гдѣ безцеремонно распоряжаются жандармы, которые засѣдаютъ и предсѣдательствуютъ на вашихъ собраніяхъ; мы не хотимъ заниматься съ вами, т. к. васъ считаемъ низкими жандармами и шпіонами, а не гуманными педагогами“... Директоръ реальнаго училища Бабанскій, выслушавъ такой панегирикъ, упалъ въ обморокъ. За него началъ говорить инспекторъ Романовскій, но крики „жандармъ, шпіонъ, не хотимъ съ вами говорить“ заставили его замолчать. Тогда онъ обратился къ священнику Цагарейшвили: „отецъ Гавріилъ, можетъ быть васъ послушаютъ“. И отецъ Гавріилъ, взявъ свой нагрудный крестъ и, поднявъ его выше головы, началъ говорить отъ имени „Всевышняго“, но слова духовнаго пастыря были встрѣчены криками: „долой іезуита“, „не хотимъ слушать іезуита“, и при словахъ: „чего же много разговаривать съ жандармами, идемъ господа!“, учащіеся вышли на дворъ съ пѣніемъ „Марсельезы“, но путь былъ прегражденъ имъ отрядомъ стражниковъ, повылѣзавшихъ изъ своихъ засадъ, во главѣ съ помощникомъ полиціймейстера Бутлеромъ и приставомъ Костава. Столкновенія не было, и скоро ученики были распущены изъ учебнаго заведенія. Результатомъ происшедшихъ безпорядковъ было освобожденіе заключенныхъ товарищей. Нѣсколько дней послѣ безпорядковъ занятій не было. Наѣхавшее начальство (попечитель Завадскій, окружной инспекторъ Славинскій) исключило изъ гимназіи 17 ч., изъ реальнаго училища 11 ч., изъ женской гимназіи 4 ч., (а дѣло о 21 ученицѣ, обвиняемой въ изъявленіи желанія присоединиться къ демонстрантамъ, передано для разбора женѣ Голицына), изъ семинаріи 18 ч., изъ городского училища 18 ч. (тамъ были безпорядки пятаго числа). По поводу этихъ событій мѣстнымъ комитетомъ была выпущена прокламація. Въ гимназіи и реальномъ училищѣ шла впродолженіе двухъ недѣль химическая обструкція.

Петербургъ (корреспонденція сѣвернаго союза учащихся среднихъ школъ). Пробужденіе общественной мысли, подъемъ общественнаго настроенія, начавшійся съ середины девяностыхъ годовъ, не прошли безслѣдно и для среднихъ школъ. Жизнь поставила передъ учащимися цѣлый рядъ вопросовъ, желаніе разобраться въ пестрыхъ явленіяхъ современности толкнуло ихъ къ кружковой работѣ, но первые годы этой работы носили узкій характеръ замкнутости и изолированности.

Участники кружковъ свято охраняли свои мысли отъ постороннихъ „непосвященныхъ“, широкая масса учащихся оставалась внѣ всякаго воздѣйствія. Въ ноябрѣ 1897 года возникла въ Петербургѣ организація среднихъ учебныхъ заведеній, большинство кружковъ объединилось, но существеннаго измѣненія въ дѣло это не внесло. Оторванность и обособленность массы продолжали существовать, все, что создавалось петербургской организаціей, все это предназначалось для опредѣленной, правда, довольно значительной группы „участниковъ“: кассы, библіотеки, журнала и т. п. Только въ прошломъ году петербургская организація сознала свою ошибку. Послѣ бурнаго общаго собранія 10 декабря 1902 года характеръ организаціи рѣзко измѣнился; 15 декабря этого же года появился первый ея листокъ, призывающій учащихся „къ выработкѣ твердыхъ общественныхъ идеаловъ“. Выходъ этого листка является важнымъ моментомъ въ развитіи среднешкольнаго движенія въ Петербургѣ. Движеніе выходитъ за предѣлы кружка и захватываетъ широкую массу учащихся. Кружковая работа оживляется, число организованныхъ учащихся сильно возрастаетъ, среди неорганизованныхъ усиленно распространяются листки и журналъ организаціи. Втеченіе 1902-1903 учебнаго года организаціей было выпущено два номера журнала „Къ свѣту“ и четыре листка, но уцѣлѣвшая еше замкнутость въ кружкахъ, громоздкость организаціоннаго механизма и выборное начало въ исполнительные органы все это тормозило дѣйствіе организаціи и, наконецъ, привело къ полному краху всего дѣла. Весною 1903 года „организація“ перестала существовать, въ ноябрѣ 1903 года возникъ и началъ свою работу „Сѣверный союзъ учащихся среднихъ школъ“. Обстоятельства насъ заставили выступить съ открытымъ протестомъ въ то время, какъ разрѣшеніе вопросовъ тактики, программы и организаціи хотя и приближалось къ концу, но далеко еще не было закончено. 10 ноября союзъ организовалъ демонстративныя похороны гимназиста Бажина, покончившаго жизнь самоубійствомъ. Демонстрація сильно подняла активность учащихся и значительно облегчила организаціонную и пропагандистскую работу союза. Подробная программа союза появилась 19 декабря. „Обострившаяся за послѣднее время революціонная борьба, говоритъ программа, требуетъ часто сильнаго напряженія всѣхъ агитаціонныхъ силъ, благодаря чему часто приходится привлекать къ работѣ даже лицъ, только что окончившихъ среднюю школу, необходимо, чтобы учащіеся выходили подготовленными въ жизнь, чтобы ихъ активная работа была продуктомъ не настроенія, а убѣжденій“. Главная цѣль союза — выработка въ учащихся твердыхъ убѣжденій, средства къ этому — кружковая работа, полагающая научный фундаментъ и развивающая широкій духъ критики и анализа; изданіе журнала и листковъ, посвященныхъ явленіямъ общественной жизни, которыя могли бы пройти незамѣченными, не попавъ на столбцы легальной печати; союзъ поддерживаетъ академическую борьбу учащихся — пусть учащіеся привыкнутъ бороться за свою подавляемую личность, пусть борятся за сохраненіе своей индивидуальности, пусть реагируютъ на каждое проявленіе неправды и насилія. Человѣкъ, съ дѣтства привыкшій „не клонить головы, гордо понесетъ ее и въ дальнѣйшей жизни. Духъ же рабской покорности и пассивнаго повиновенія можетъ воспитать только кадры послушныхъ холоповъ и лакеевъ“. „Союзъ стоитъ внѣ всякой партійности, считая, что таковая не только неумѣстна, но и нежелательна въ предѣлахъ среднешкольнаго движенія“.

Въ періодъ съ 10 ноября 1903 года по 20 февраля 1904 года союзомъ выпущены два номера журнала „Среди борьбы“ (декабрь-январь, январь-февраль) и 10 летучихъ листковъ: № 1 Самоубійство гимназиста Бажина, № 2 Демонстративныя похороны Бажина, № 3 Процессъ студ. мед. Дикхофа, привлекавшагося къ отвѣтственности по дѣлу демонстраціи на похоронахъ Бажина, № 4 Програма союза, № 5 Закрытіе „Русской земли“ и съѣзда по техническому и профессіональному образованію, № 6 Пироговскій съѣздъ, № 7 Тверское земство, № 8 Японская война, № 9 Стачка въ Гродно, № 10 Къ 43 лѣтней годовщинѣ освобожденія крестьянъ. Листки и журналъ издаются на миміографѣ и распространяются среди учащихся въ количествѣ 350-450 экземпляровъ.

11 января жандармы въ поискахъ за Сѣвернымъ союзомъ захватили собраніе 14 гимназистовъ, всѣ были арестованы, четыре человѣка просидѣло три дня, семь человѣкъ — недѣлю, два человѣка — двѣ недѣли, одинъ содержится подъ стражей до сихъ поръ. Лопухинъ поторопился хвастаться, что весь комитетъ союза пойманъ. Послѣ ареста 14 вышли листки №№ 6, 7, 8, 9, 10 и одинъ номеръ журнала. 11 марта 1904 года

Воронежъ. Департаментъ Полиціи думаетъ, что Воронежъ засыпается нелегальною литературою изъ заграницы въ почтовыхъ конвертахъ. По крайней мѣрѣ, секретарю городской управы было прямо объявлено, что правительство охраняетъ управу отъ наводненія ея возмутительными изданіями. Данныя Департамента Полиціи основаны на самыхъ достовѣрныхъ доказательствахъ: десятки собственноручныхъ письменныхъ заявленій воронежскихъ обывателей, что они отказываются получить пришедшій на ихъ имя изъ заграницы пакетъ. Если эта „возмутительная“ литература не попала къ адресатамъ, то единственно благодаря умѣлымъ и энергичнымъ мѣрамъ пресѣченія, принятымъ особымъ почтовымъ чиновникомъ спеціально для этого присланнымъ въ Воронежъ. Такъ какъ за царемъ служба не пропадаетъ, то бравый чиновникъ, навѣрное, получитъ достойное вознагражденіе по заслугамъ. Но велики ли его заслуги? Воронежцы начинаютъ обсуждать этотъ вопросъ послѣ одного происшествія. Какъ только новый чиновникъ пріѣхалъ въ Воронежъ, обывателей стали приглашать на почту и предлагали имъ написать заявленіе объ отказѣ получить пришедшій на ихъ имя отъ неизвѣстныхъ имъ лицъ изъ заграницы почтовый пакетъ. Одинъ изъ обывателей воспротивился и потребовалъ, чтобы ему показали, отъ чего именно онъ долженъ отказаться. Тогда на почту была приглашена полиція, и о случившемся составленъ протоколъ. Это такъ напугало обывателей, что послѣ этого по первому приглашенію они торопились написать требуемое заявленіе безпрекословно, лишь бы избѣжать протокола. Надняхъ докторъ К. получилъ приглашеніе явиться для выше указанной цѣли на почту. Для доктора и для всей его семьи вся заграница сводится къ его дочери, студенткѣ въ Швейцаріи. Письмо изъ заграницы — значитъ письмо отъ его дочери. Оно конфисковано — значитъ оно преступно, значитъ его дочь набралась заграницей вредныхъ идей; старикъ расплакался, говоря, что больше уже не увидитъ своей дочери. На почтѣ доктору предложили отказаться отъ письма, не показывая ему даже конверта. Но онъ настаивалъ, чтобы письмо было вскрыто, говоря, что получаетъ письма только отъ дочери и отъ своей дочери не откажется. Письмо было торжественно вскрыто и громко прочитано. Дочь писала, что она очень соскучилась по всѣмъ домашнимъ и даже по собачкѣ Бобикѣ и трогательно просила отца снять съ собачки фотографію и прислать ей. Доктору было разрѣшено это письмо получить, и протоколъ составленъ не былъ. Все бы хорошо. Но спрашивается, отъ сколькихъ такихъ нелегальныхъ пакетовъ отреклись уже воронежскіе обыватели въ пользу изобрѣтательнаго чиновника?

Харьковъ. 18 февраля служащій въ меблированныхъ комнатахъ Высочина донесъ въ полицію, что утромъ этого дня въ комнатѣ для угля, находящейся около входа въ корридоръ, одна изъ горничныхъ нашла пакетъ нелегальной литературы (нѣсколько сотъ листковъ о войнѣ, какія то брошюры и пр.) и что эту литературу выкупилъ у главнаго „корридорнаго“ студентъ-технологъ М. Сосенскій. Сейчасъ же въ номера нагрянули полиція и жандармы, которые произвели тщательный обыскъ у Сосенскаго и пяти его товарищей, жившихъ въ этихъ же нумерахъ. Таинственнаго пакета не нашли,—но всетаки арестовали Сосенскаго (у него нашли немного литературы) и студента-технолога Зусмана, у котораго нашли какую-то брошюру и студенческую прокламацію. Прислуга на допросѣ показала, что литературу эту спряталъ не Сосенскій, а его товарищъ — студентъ Г., который будто бы раньше Сосенскаго пытался ее выкупить. За Г. приходила полиція — но онъ успѣлъ скрыться.

Асхабадъ. У насъ разыгрались двѣ драмы. Одна, уже извѣстная изъ газетъ, состоитъ въ томъ, что генералъ-майоръ Ковалевъ, начальникъ казачьей дивизіи, подъ предлогомъ болѣзни позвалъ къ себѣ на квартиру старшаго врача Средне-азіатской желѣзной дороги Забусова и велѣлъ казакамъ высѣчь его. Казаки исполнили приказаніе. Дѣло передано прокурору Другая драма такова: казакъ Есауловъ, подчиненный Ковалева, высѣкъ жену полковника Кошуба, уѣхавшаго на Дальній Востокъ. Все гражданское общество глубоко возмущено этими событіями, но военные въ большинствѣ относятся къ генералу совершенно снисходительно.

Ташкентъ. (Изъ частнаго письма.) Въ нашемъ краѣ спѣшно готовятся къ войнѣ. Со дня на день жду призыва въ полкъ, который будетъ двинутъ въ Афганистанъ противъ Англіи.

Екатеринодаръ. Аресты у насъ продолжаются. На прошлой недѣлѣ (т. е. вначалѣ апрѣля) опять арестовали нѣсколькихъ рабочихъ, между прочимъ Андріашинко и Швитко. Жандармы собрались „спустя лѣто по малину“ и ко всѣмъ арестованнымъ рабочимъ предъявляютъ одно и тоже обвиненіе: встрѣча „скопомъ“ новаго года на квартирѣ освобожденаго уже изъ тюрьмы портного Горлова. Дѣло ведется домашнимъ жандармскимъ порядкомъ. Арестованныхъ допрашиваютъ на квартирѣ подполковника Соколова; противъ арестованныхъ рѣшительно нѣтъ никакихъ уликъ, кромѣ того, что нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, встрѣчали вмѣстѣ новый годъ.

Подполковникъ Соколовъ ведетъ слѣдствіе и, очевидно, все таки надѣется, пользуясь давленіемъ тюремнаго режима на арестованныхъ, создать первое въ Екатеринодарѣ рабочее дѣло. Кстати сказать, тюремные порядки въ екатеринодарской тюрьмѣ отличаются тоже своей патріархальностью. Арестованнымъ не даютъ свиданій, они не имѣютъ права пользоваться книгами и табакомъ, знакомымъ не позволяютъ передавать съѣстные припасы и деньги. Брань и кулачная расправа смотрителя Скачкова съ уголовными вошли въ систему. Прокурорскій надзоръ совершенно не вмѣшивается въ тюремные порядки. Къ первому апрѣля въ тюрьмѣ было 20 политическихъ.

Аресты и обыски здѣсь почти исключительно происходили среди рабочихъ. Изъ интеллигентовъ былъ только обыскъ у недавно пріѣхавшей въ Екатеринодаръ Ц. Мартыновской, неизвѣстно чѣмъ вызванный.

Ростовъ н/Д. Въ женской гимназіи есть попъ, о. Василій Тимофѣевъ. Во время „ноябрскихъ дней“ онъ производилъ сыскъ, не былъ ли кто изъ учениц҃ъ на сходкахъ за Темерникомъ, самъ допрашивалъ и слѣдилъ за ученицами. Благодаря его настояніямъ, едва не исключили гимназистку, сестру одного изъ ораторовъ. Объ его доблестной дѣятельности было кое-что въ „Освобожденіи“. Теперь онъ изобрѣлъ маневръ, до него, впрочемъ, удачно примѣнявшійся Зубатовымъ. Рѣшивши, что въ виду усиленной пропаганды среди учащейся молодежи, все равно молодежь слышитъ о нелегальныхъ вещахъ, онъ началъ, вмѣсто уроковъ закона божія, въ старшихъ классахъ цѣлые часы посвящать лекціямъ о соціализмѣ, анархизмѣ, нигилизмѣ (?) и т. п. Система его такая: онъ хвалитъ нѣкоторыя („благородныя“) черты „крайнихъ ученій“, но тутъ же прибавляетъ, что вотъ, къ сожалѣнію, другія черты — отвратительны. „Соціализмъ въ чистомъ видѣ, говоритъ онъ, согласенъ съ христіанской религіей, но когда, съ теченіемъ времени, на почвѣ его возникъ анархизмъ и появилась проповѣдь насилія, убійства, отнятія имуществъ и всеобщаго оныхъ раздѣла, то соціализмъ сталъ вреднымъ ученіемъ, почему и преслѣдуется. Доказательствомъ того, что соціализмъ и анархизмъ тѣсно сплетены между собою, являются листки „Южно-русской группы учащейся молодежи“, проповѣдующіе „убійство, насиліе и возстаніе“... Попъ не противъ рабочихъ организацій, ибо рабочіе, конечно, не могутъ не имѣть общихъ интересовъ, но онъ противъ вожаковъ, толкающихъ ихъ на преступленіе и всеобщій грабежъ. Сами же вожаки обжираются на гроши, собранные среди рабочихъ. Такъ, Бебель имѣетъ милліоны и дворецъ въ Швейцаріи (!!), таковы же и русскіе коноводы. Но *мирный* соціализмъ, желаніе помочь страждущему человѣчеству — это по христіански и попъ сіе одобряетъ. При этомъ попъ вступаетъ въ бесѣду, вызываетъ *на споръ* учениц҃ъ (бываютъ очень горячіе споры, напр., защита ученицами „Южно-русской группы“), таинственно помаваетъ главой, какъ-бы приглашая конспирировать все отъ начальства. Словомъ, хотя бы онъ и не былъ провокаторомъ и предателемъ въ полномъ смыслѣ слова, нужно прекратить его проповѣди, политически развращающія молодежь и затемняющія ея сознаніе. Удивительно, какъ „Южно-русская группа учащейся молодежи“ не предостерегла до сихъ поръ гимназистокъ отъ этихъ весьма опасныхъ и, во всякомъ случаѣ, вредныхъ діалоговъ съ новоявленнымъ „христіанскимъ соціалистомъ“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Варшава. Цѣлую недѣлю до перваго мая (н. ст.) въ городѣ чувствовалось какое то напряженное состояніе. Полиція, очевидно, получила приказаніе во что бы то ни стало не допустить демонстраціи. Полицейскій надзоръ былъ усиленъ, число городовыхъ — увеличено, — по городу стали расхаживать массы сторожей, вооруженныхъ дубинами, шнырять толпами шпіоны. Во всѣхъ газетахъ и по всему городу было опубликовано постановленіе о запрещеніи сходбищъ и пр. Правительство хотѣло какъ видно, показать всей Европѣ, что несмотря на войну у него хватитъ силъ подавить и своего внутренняго врага — революціонный пролетаріатъ — помѣшать ему открыто протестовать противъ царскаго гнета. Это ему, однако, не удалось. Наша организація рѣшила въ день перваго мая устроить демонстрацію и цѣлый мѣсяцъ вела усиленную майскую агитацію среди варшавскаго пролетаріата. За городомъ и въ самомъ городѣ устраивались массовыя агитаціонныя собранія, на которыхъ перебывало до 800 чел. Распространены были въ тысячахъ экземпляровъ прокламаціи нашего „Главнаго Правленія“, призывающія къ демонстраціи. (Прокламаціи эти, какъ и десятки тысячъ карточекъ, приглашающія на демонстрацію, были распространены послѣ взятія нашей типографіи). Несмотря на массы шпіоновъ прокламаціи были распространены очень удачно; расклеены по улицамъ, на фабричныхъ воротахъ разбросаны по мастерскимъ, фабрикамъ и улицамъ. Взятіе нашей типографіи въ Чистомъ (предмѣстье Варшавы) и вооруженное сопротивленіе товарищей вызвали сильное волненіе среди рабочихъ и панику среди буржуазіи. Среди буржуазіи ходили слухи, что всѣ соціалисты вооружились къ первому мая. Убѣждали другъ друга не показываться въ этотъ день въ городѣ, особенно на Маршалковской улицѣ.

Пришло наконецъ воскресенье. Въ городѣ замѣчалось небывалое движеніе. На Маршалковской, Св. Кржиской, Пружной, на Зеленой площади и въ окрестности видны были массы народу, почти одни рабочія лица проясненныя, воодушевленныя, горящіе глаза, быстрыя движенія. По большей части идутъ группами, оживленно бесѣдуя. Можно слышать отдѣльныя фразы, что вотъ въ этотъ день всѣ рабочіе празднуютъ въ цѣломъ свѣтѣ, тамъ дѣйствительно празднуютъ — а для насъ это день кровавой борьбы, — долженъ однако настать и для насъ день свободы. И по лицамъ этихъ борцовъ видно, что день этотъ ужъ не за горами. Движеніе и на улицѣ необыкновенное: цѣлыми рядами ѣдутъ извозчики другъ за другомъ съ любопытными, конки переполнены. Это буржуи, пріѣхавшіе сюда изъ любопытства и трусящіе идти пѣшкомъ. Полиціи цѣлыя своры. Приближается пятый часъ, время когда рѣшено выступить съ демонстраціей. Движеніе усиливается. Рабочіе, собравшіеся въ окрестныхъ улицахъ начинаютъ сходиться на Маршалковской между св. Кржиской и Пружной. Въ 5½ час. уже двухтысячная масса народу, создается уже центръ, еще секундъ нѣсколько и развернутся красныя знамена, но вдругъ съ трескомъ открываются ворота углового дома на Маршалковской и Пружной и вскачь летятъ въ массу конные жандармы. Выѣхало ихъ двѣ сотни. Ворвались на тротуары, мчатся по срединѣ улицы. Ротозѣи въ паникѣ бросаются въ бѣгство, врываются въ ряды рабочихъ-демонстрантовъ, а за ними жандармы и уже скоро все разстроено. Съ сіяющими отъ легко давшейся побѣды физіономіями жандармы проѣзжаютъ еще нѣсколько разъ вскачь улицу, а затѣмъ около 50 остаются на улицѣ, а остальные снова въѣзжаютъ во дворъ того же дома. При такихъ условіяхъ нельзя было и мечтать устроить еще на Маршалковской улицѣ шествіе. Рѣшено тогда устроить въ другомъ мѣстѣ. На Банковой площади на углу Электоральной собралось человѣкъ до 500 рабочихъ, построились они въ ряды, а за ними на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ шла масса народу и тутъ развернуто три знамени (два польскія и одно еврейское). На нашемъ красивомъ шелковомъ знамени видны были надписи: съ одной стороны: „Долой самодержавіе!“, Да здравствуетъ соціализмъ!“, а съ другой: „Да празднуется 1-ое мая!“, „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ („Towarsysze, waleszni o 8-mio godzinny dzien roboezy!“). На знаменахъ Бунда и „Пролетаріата“ были тѣ же надписи. Какъ только показались знамена изо всѣхъ грудей раздался могучій, единодушный, крикъ „ура“. Со знаменами, съ неумолкаемыми криками: „долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ 1-ое мая!“, „Да здравствуетъ соціальдемократія!“, „Да здравствуетъ соціализмъ!“

Съ пѣсней „красное знамя“ демонстранты прошли всю Электоральную. Шествіе продолжалось полъ часа. На углу Бѣлой улицы на демонстрантовъ набросились казаки (50 штукъ)—первымъ рядамъ демонстрантовъ удалось однако сдержать ихъ при помощи палокъ и ножей такъ что всей массѣ демонстрантовъ удалось разойтись и жертвъ не было, знамена остались при насъ. Часть рабочихъ вернулась отсюда на Маршалковскую съ намѣреніемъ попробовать еще разъ устроить демонстрацію, но массъ тамъ не удалось собрать. На Маршалковской арестовано два студента.[1]

---

[1] Характерно, что въ прошломъ году среди демонстрантовъ былъ большій процентъ еврейскихъ рабочихъ, въ этомъ году наоборотъ: нееврейскихъ было гораздо больше.

Въ предмѣстьи Воли каменьщики тоже демонстрировали. Незадолго передъ 1-мъ мая они бастовали въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Такъ прошло наше соціальдемократическое празднованіе перваго мая въ Варшавѣ.

Рига. Въ пасхальную ночь были распространены 2.000 экз. „Пауки и мухи“ — на улицахъ около церквей, на кладбищахъ и въ старообрядческой молельнѣ. Въ послѣдней листки были приняты очень сочувственно. „Вишь ты, прямо какъ Іисусъ Христосъ, — впередъ притчу, а потомъ разъясненіе“ говорили. Читались листки довольно открыто и даже нѣкоторыми нарочно передъ глазами присутствующихъ полицейскихъ. Каждому уже знакомъ участокъ изъ пеленокъ. „Пусть попробовали бы взять, мы бы спустили со второго этажа“. Мнѣнія передаются вслухъ сейчасъ здѣсь же, несмотря на богослуженіе. Суматоха и возбужденіе. Очень многимъ нравится, что въ томъ же листкѣ помѣщена пѣсня — марсельеза — „отречемся отъ стараго міра“. 10 апр. были распространены по дворамъ и фабрикамъ вновь тѣ же листки въ количествѣ 5000 экз.

За то же время было распространено 400 экз. листковъ гектографированныхъ по поводу исторіи 14 марта на еврейскомъ кладбищѣ. 11 апрѣля въ воскресенье здѣшняя мѣстная латышская организація устроила празднованіе 1 мая. Къ 11 часамъ утра около Павловской кирхи собралась толпа тысячи въ четыре. Мѣстность эта представляетъ изъ себя небольшой плацъ, окруженный домами. На крышахъ домовъ виднѣлись люди. Полиція сосредоточилась въ ближайшихъ переулкахъ. Были подняты на ноги войска, офицеровъ вытребовали въ казармы въ два часа ночи подъ воскресенье. Товарищи очевидно не хотѣли дать сраженіе при неблагопріятныхъ условіяхъ. Скомандовали собраться въ другомъ мѣстѣ около Гертрудинской кирхи. Но тутъ еще менѣе удобныя условія. Полиція воспользовалась вагонами трамвая, которыми была загорожена одна сторона. Собравшіеся были разъединены на четыре части, кое-гдѣ полиція провоцировала драку. Вообще она всячески старалась возбудить толпу.

Были пущены въ ходъ со стороны полиціи шашки и револьверы. Стрѣляли въ упоръ. Извѣстно, что у одного поранена рука у другого пуля засѣла въ пальто (благодаря воровству, вслѣдствіе котораго у полиціи двухрублевые револьверы, съ которыми далеко не уйдешь). Къ двумъ часамъ публика разошлась. Было распространено много прокламацій на разноцвѣтной бумагѣ. Конечно много забрано изъ глазѣвшихъ. Изъ причастныхъ къ организаціи кажется никто не попался. Побито нѣсколько полицейскихъ. Послѣ того городовыхъ водили отпаивать; видно было какъ нѣсколько десятковъ ихняго брата входили и выходили изъ кабаковъ. Послѣ неудачъ съ японцами и это хорошо. Говорятъ, что недѣли за двѣ уже до того городовыхъ начали обучать всѣмъ пріемамъ войны съ врагомъ. Между прочимъ послѣднее слово полицейскаго искусства говоритъ кажется, что шашками нужно не рубить съ плеча, а рѣзать. Большое возбужденіе въ городѣ, разговоры и пересуды.

Митава. Намъ пишутъ про маевку: Демонстрація была назначена на 12 часовъ дня. Шествіе должно было начаться у латышской церкви. Но богослуженіе почему-то кончилось въ 11 часовъ. Съ перваго же момента видно было, что и здѣсь полиція обо всемъ раньше провѣдала. Объ этомъ знали также и устроители, но настроеніе рабочихъ было настолько приподнятое, что отмѣнить демонстраціи нельзя было, ее отложили только на нѣсколько часовъ, т. е. шествіе должно было начаться вслѣдъ за послѣобѣденнымъ богослуженіемъ. Ядро демонстрантовъ, человѣкъ 70, было вооружено палками и пескомъ. Раздался призывъ: „Товарищи, впередъ! Отпразднуемъ первое мая въ этомъ году демонстраціей“ и т. д. Вся масса двигается на Большую улицу. Раздались звуки рабочей марсельезы, и появилось красное знамя. Посыпались со всѣхъ сторонъ разноцвѣтныя прокламаціи, которыми въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оказался покрытымъ весь церковный садъ. Но не успѣло еще человѣкъ двадцать-тридцать выйти на Большую улицу, какъ изъ сосѣднихъ дворовъ выскочили съ обнаженными шашками засѣвшіе тамъ городовые. Рабочіе ихъ дружно встрѣтили, сбивъ совершенно съ ногъ первые ряды. Число полицейскихъ, между тѣмъ, все увеличивалось; появились также переодѣтые городовые, и началась страшная бойня. А прокламаціи, между тѣмъ, сыпались въ большомъ количествѣ и исчезали въ карманахъ публики. На сторонѣ оказались сильно избитыми околодочный надзиратель Штейнгардъ, пристава — баронъ Фитинговъ и Гензноръ. Перваго (околод. надзирателя) отправили въ больницу; говорятъ, что онъ на другой день умеръ. Были также отправлены въ больницу нѣсколько рабочихъ и одинъ ночной сторожъ. Арестовано 11-13 человѣкъ: Даненфельдъ, Упманъ, Грюнгофъ, Книсъ и др. Среди арестованныхъ нѣсколько женщинъ. На квартирѣ была арестована ученица Либеръ. Въ слѣдующую ночь всю митавскую тюрьму оглашало стройное революціонное пѣніе. Число избитыхъ полицейскихъ превышаетъ число избитыхъ рабочихъ. Настроеніе рабочихъ хорошее, и можно сказать, что демонстрація достигла своей цѣли. Повсюду только и говорятъ о рабочемъ праздникѣ. Нашъ новый жандармскій генералъ очень недоволенъ тѣмъ, что не удалось отнять красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Между прочимъ, въ Митавѣ штатъ полицейскихъ значительно увеличенъ.

Чіатуры (Кутаисской губерніи). 20 марта въ Кутаисскомъ окружномъ судѣ при закрытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ промысловомъ селѣ Чіатуры 17 іюля прошлаго года. Обвиняемыхъ рабочихъ — 34, свидѣтелей со стороны обвиненія 64. Читатели „Искры“ уже нѣсколько освѣдомлены объ іюльскихъ безпорядкахъ, произведенныхъ чіатурскими рабочими три-четыре дня спустя послѣ „иродова“ истребленія и избіенія рабочихъ на станціи Михайлово. Извѣстіе о михайловской бойнѣ, въ которой пало 20 рабочихъ, съ быстротой молніи облетѣло всю Чіатуру и до крайности озлобило всѣхъ рабочихъ. За три дня до безпорядковъ представитель Имеретинскаго комитета[1]) собралъ въ Чіатурахъ наиболѣе сознательныхъ рабочихъ и предложилъ имъ выработать требованія къ промышленникамъ, объявить 17 іюля забастовку и не приниматься за работу до тѣхъ поръ, пока требованія эти не будутъ удовлетворены (требованія въ печатномъ видѣ вышли на третій день послѣ безпорядковъ, запоздали по причинѣ неимѣнія собственной типографіи). И, дѣйствительно, 17 іюля въ шесть часовъ утра первые бросили работу нагрузчики вагоновъ; они, числомъ до 200, направились изъ Чіатуры въ мѣстность Чикаури, гдѣ, какъ и въ Чіатурѣ, находятся громадные склады марганца. Они не успѣли дойти туда, какъ явился приставъ Демчинскій со своими стражниками; онъ предложилъ рабочимъ черезъ своихъ уполномоченныхъ объяснить ему, чего они требуютъ; рабочіе отвѣтили, что дальше не желаютъ работать на старыхъ условіяхъ. Изъ нихъ человѣкъ 100, по распоряженію пристава, были препровождены въ промысловое управленіе, тамъ ихъ переписали всѣхъ и кромѣ шести, не имѣвшихъ вида на жительство, отпустили на свободу. Въ это время часть рабочихъ, разбросанныхъ въ окрестностяхъ промысловъ, уже успѣла сойти внизъ въ ущелье рѣки Квирилы близъ промывательнаго завода анонимнаго общества „Даркветы“; здѣсь къ нимъ присоединились заводскіе рабочіе и съ крикомъ „ура“ направились къ Чіатурѣ; по дорогѣ къ нимъ еще пристали рабочіе съ окрестныхъ рудниковъ, такъ что общее число достигло трехъ тысячъ; человѣкъ 200 отдѣлились и пошли къ арестному помѣщенію, желая немедленно освободить арестованныхъ товарищей; имъ удалось это безъ особенныхъ усилій, такъ какъ приставъ не осмѣлился оказать сопротивленія. Отсюда всѣ рабочіе направились къ платформамъ; тутъ они начали разрушать вѣсы, навѣсы и будки. Всего было разрушено до 30 вѣсовъ. Только въ четыре часа пополудни рабочіе разошлись по домамъ и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль во всемъ Чіатурскомъ районѣ всѣ работы были прекращены. Всѣ рабочіе обвиняются теперь въ участіи въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ насиліе и истребленіе чужого имущества, вслѣдствіе вражды, происшедшей изъ экономическихъ отношеній. Спрашивается, что это за имущество, что истребили рабочіе 17 іюля прошлаго года? Это вѣсы, при помощи которыхъ доморощенные промышленники и разные скупщики уже два десятка лѣтъ обираютъ чіатурскихъ рабочихъ. Въ подтвержденіе сошлемся на показаніе свидѣтеля обвиненія инженера Фитингофа[1]): „Еще до проведенія Чіатурской вѣтви, когда руду возили на арбахъ въ Квирилы и тамъ сдавали на вѣсахъ экспортерамъ, была установлена нѣкоторая скидка съ привезеннаго вѣса на сырость руды. Скидка эта была около 10$^0/_0$. Послѣ проведенія желѣзной дороги до Чіатуры, эта скидка существовала въ томъ же размѣрѣ, но когда цѣна заграницей упала, скупщики руды, вмѣсто пониженія цѣны на пудъ руды, повысили процентъ скидки и довели его мало-помалу до 20-25$^0/_0$, причемъ, говорятъ, что ловкій вѣсовщикъ беретъ и до 40$^0/_0$... Такимъ образомъ, скупщики около 25-30$^0/_0$ берутъ у промышленниковъ даромъ подъ видомъ скидки. Понятно, что промышленники, не желая терять своего, стремятся въ свою очередь, взять тамъ, гдѣ возможно, и именно — пополняютъ свою потерю за счетъ рабочихъ. До послѣдняго времени расчетъ между промышленниками и рабочими, занятыми добычей руды, производился на основаніи обмѣра поставленной рабочими кучи руды. Но, при этомъ, въ основаніи обмѣра полагался аршинъ. Этотъ аршинъ первоначально заключалъ 16 вершковъ, но по мѣрѣ увеличенія скидки и „аршинъ“ измѣнялся и постепенно увеличивался до 18, 20 и даже 22 вершк. Но когда скидка дошла до 25-30$^0/_0$, промышленники нашли удобнѣе для себя расплачиваться съ рабочими не по размѣру кучи, а на основаніи вѣса опредѣленнаго на вѣсахъ экспортера-прикащика, т. е. и рабочіе стали получать со скидкой, которую получалъ ихъ хозяинъ; при томъ и другомъ способѣ расплаты, въ концѣ концовъ, приходилось страдать рабочему и сожженные вѣсы ясно показываютъ, гдѣ, по мнѣнію рабочихъ, „было зло для нихъ“. Изъ этого показанія явствуетъ только одно: рабочихъ обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ гг. промышленники, а о прочихъ безобразіяхъ инженеръ Фитингофъ умалчиваетъ. „Шила въ мѣшкѣ не утаишь“, и чего не досказалъ г. Фитингофъ, о томъ пусть разскажутъ другіе. По существующимъ законамъ промышленники обязаны предоставлять своимъ рабочимъ жилыя помѣщенія; каковы эти помѣщенія объ этомъ говорится въ докладѣ члена совѣта съѣзда марганцепромышленниковъ г. Церцвадзе[2]). „На Чіатурскихъ марганцовыхъ промыслахъ ни у кого не имѣется для рабочихъ жилыхъ помѣщеній, хотя бы въ малой степени удовлетворяющихъ требованію гигіены. У большинства промышленниковъ помѣщеній не имѣется вовсе. Имѣющіяся же помѣщенія — это нарочно выстроенные деревянные бараки, сѣрые, темные и грязные, со щелями и зимою до того холодные, что никакой рабочій не рѣшается провести въ нихъ ночь. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщенія до того тѣсны, что въ баракахъ, размѣромъ около шести квадратныхъ саженей, помѣщается 20 и болѣе рабочихъ. Считая высоту такого помѣщенія 1,5 саж., всего воздуха окажется въ немъ девять кубическихъ саженей, что на одного рабочаго составляетъ 0,5 куб. саж. воздуха. Неудивительно, поэтому, что рабочіе лѣтомъ предпочитаютъ спать подъ открытымъ небомъ, а зимою ночевать въ сырыхъ штольняхъ, ложась прямо на землю. Нѣтъ сомнѣнія, что такая обстановка жизни рабочихъ пагубно вліяетъ на ихъ здоровье, причиняя имъ разныя простудныя болѣзни“... Эти больные впослѣдствіи попадаютъ въ Чіатурскій пріемный покой, который содержится на счетъ марганцепромышленниковъ. Да не думаетъ читатель, что этотъ „покой“ — больница съ извѣстными удобствами и приспособленіями, это скорѣе всего конюшня. Что мы не говоримъ слишкомъ гиперболически, можетъ подтвердить ревизіонная коммиссія, избранная на третьемъ очередномъ съѣздѣ марганцепромышленниковъ[3]): „При первомъ посѣщеніи ревизіонная коммиссія нашла пріемный покой переполненный больными (16 человѣкъ), причемъ тифозные и рожистые больные находятся въ одномъ зданіи со всѣми прочими больными, хотя и въ отдѣльныхъ комнатахъ, но которыя такъ тѣсно связаны съ прочими помѣщеніями покоя, что о радикальной изоляціи заразныхъ больныхъ и рѣчи быть не можетъ; комната заразныхъ находится какъ разъ напротивъ каморки, въ которой хранится больничное бѣлье и гдѣ спятъ нѣсколько сторожей больницы; при томъ помѣщеніе это содержится такъ грязно, что просто жаль больныхъ, за которыми ухаживаютъ сторожа, выходящіе изъ этой грязной, находящейся рядомъ съ заразнымъ отдѣленіемъ конуры; какова же дезинфекція бѣлья въ этомъ помѣщеніи!

Правда, для заразныхъ больныхъ построенъ отдѣльный баракъ, но такъ какъ этотъ баракъ построенъ съ большой экономіей, то и получилась плохая конюшня, но отнюдь не то, что принято понимать подъ названіемъ больничнаго барака; въ виду этого онъ и пустуетъ, и гніетъ. Далѣе, въ зданіи пріемнаго покоя нѣтъ ни ванной, ни отхожаго мѣста, вслѣдствіе чего больнымъ въ дождь и холодъ приходится выходить изъ душныхъ жаркихъ комнатъ прямо на сырой холодный воздухъ. Пріемная для приходящихъ больныхъ, аптека и помѣщеніе для фельдшеровъ помѣщаются прямо таки въ развалинахъ, которыя вотъ-вотъ окончательно разрушатся, вслѣдствіе чего, даже при форсированной топкѣ, здѣсь почти та же температура, что и на дворѣ“.

Комментаріи излишни...

Кто же послѣ всего этого долженъ сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ?

Чіатурскіе ли рабочіе или ихъ хищные угнетатели?!

24 марта въ 12 часовъ ночи была объявлена резолюція. Изъ 34 обвиняемыхъ трое не дожили до суда, — сдѣлались жертвой тяжелыхъ тюремныхъ условій, трое по суду оправданы, 22 приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію, одинъ несовершеннолѣтній, къ полуторамѣсячному; пять признаны были подстрекателями и руководителями стачки, и какъ таковыхъ, четырехъ изъ нихъ приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, а Терентія Церетели, (случайно находившагося въ толпѣ бывшаго студента Юрьевскаго университета къ шестимѣсячному. Обвиняемыхъ защищали гг. Муравьевъ, Корякинъ, Еліава и Мзареуловъ. На судебномъ слѣдствіи были обнаружены грубыя насилія и угрозы со стороны полиціи обвиняемымъ и свидѣтелямъ: двухъ обвиняемыхъ приставъ Демчинскій, чтобы вынудить сознаніе, избилъ въ арестномъ помѣщеніи, одного держалъ голоднымъ въ теченіи трехъ сутокъ; нѣсколько свидѣтелей на судѣ показали, что ихъ показанію, данному на предварительномъ слѣдствіи, вѣрить нельзя, т. к. то показаніе было дано подъ угрозой — со стороны пристава Демчинскаго — немедленнаго ареста, если они не укажутъ именно на такихъ-то лицъ, какъ на виновниковъ стачки и безпорядковъ. Объ неслыханной въ мірѣ эксплуатаціи рабочихъ въ Чіатурахъ, я уже сообщилъ вамъ въ письмѣ „изъ Чіатуръ“; лучшимъ подтвержденіемъ этого на судѣ было показаніе одного бывшаго марганцепромышленника: „мнѣ стало, наконецъ, совѣстно такъ безцеремонно обмѣривать и обвѣшивать рабочихъ, и я предпочелъ бросить это предпріятіе и взяться за другое“.

Таганрогъ. (Письмо рабочаго). Настоящее положеніе мастеровыхъ и рабочихъ желѣзнодорожнаго депо ужасное. Работы, положенныя на всѣхъ, слишкомъ тяжелыя. Напримѣръ, мастеръ Свиринъ заставляетъ учениковъ поднимать тяжести по пять-шесть пудовъ, что послѣднимъ совсѣмъ не подъ силу. Всѣ рабочіе работаютъ отъ 6 утра до 5$^1/_2$ часовъ пополудни съ перерывомъ только въ полтора часа для обѣда, не имѣя зато самаго короткаго промежутка времени для завтрака, такъ что рабочему приходится прятаться отъ начальства, чтобы грязными отъ сала и сажи руками съѣсть кусокъ чернаго хлѣба; и за эти 5-10 минутъ рабочій, замѣченный начальствомъ, штрафуется отъ 50 коп. до одного рубля, такъ что лишается своего деннаго заработка. Начальникъ Ѳедоровъ даетъ работу тяжелую и требуетъ быстраго исполненія, а если рабочій не въ состояніи исполнить ее, то штрафуется или увольняется. Живущимъ далеко приходится опаздывать иногда на 10 минутъ, ихъ штрафуютъ за одинъ часъ, а опаздывающихъ на 20 минутъ — за два часа. Работающій семь лѣтъ получаетъ повышеніе заработной платы только на 20 коп. и на эти 50-70 к. онъ долженъ кормить всю семью, чего едва хватаетъ, чтобы не умереть съ голода. Дежурный по депо заставляетъ отправляться съ поѣздомъ, не обращая вниманія, отдохнулъ-ли машинистъ и помощникъ или нѣтъ; если же тѣ не въ состояніи ѣхать, то подвергаются штрафу и рискуютъ быть уволенными какъ-бы за неисполненіе обязанностей. Обращеніе крайне грубое.

Ростовъ н/Д. Заводъ Мартыно. — У насъ на заводѣ всякими способами стараются какъ можно больше урвать изъ жалкаго заработка рабочаго, при чемъ пользуются сдѣльнымъ способомъ расплаты. Недавно у двухъ литейщиковъ лопнула цѣпь отъ шестерни послѣ двухъ дней работы, когда все уже почти было готово. Литейщики, конечно, требовали съ мастера платы за шестерню. Мастеръ повелъ ихъ къ хозяину, а хозяинъ прогналъ литейщиковъ со словами: „ступайте, молъ, работать, а не то—за ворота; много васъ, такихъ умниковъ“. Если образуется въ отливкѣ раковина (пустота) — тоже не платятъ за вещь, равно какъ и за лопнувшія; и все это даромъ достается хозяину. Завели обыкновеніе оцѣнивать вещи не въ литейной, а у бухгалтера. Тотъ произвольно понижаетъ оцѣнку, недовольныхъ отсылаетъ къ хозяину; хозяинъ же отзывается незнаніемъ, сваливаетъ все на мастеровъ. Ничего бы этого не было, еслибы клали расцѣнки по-прежнему въ литейной, или, по крайней мѣрѣ, было бы ясно, что понижаютъ расцѣнки.

Ниж.-Тагильское горно-заводское училище. Ниж.-Тагильское горнозаводское училище по типу своей оригинальной организаціи принадлежитъ къ той старой крѣпостной формаціи уральскаго общественнаго строя, которую одинъ изъ апологетовъ уральскихъ заводчиковъ назвалъ „привиллегированнымъ капитализмомъ“. Организація этого училища очень оригинальна. По правилу внутренняго распорядка всѣхъ Демидовскихъ заводовъ, копей, рудниковъ и пріисковъ Урала, изъ жалованья всѣхъ служащихъ 20$^0/_0$ идетъ на содержаніе училища; съ рабочихъ также производится вычетъ и на полученную сумму содержится училище. Педагогическій совѣтъ тоже не имѣетъ своей спеціальной коллегіи, а составляется изъ тѣхъ же служащихъ на Ниж.-Тагильскомъ заводѣ. Преподаватели эти уходятъ съ завода на время урока и по окончаніи его возвращаются обратно на заводъ; за свой трудъ они получаютъ приблизительно по одному рублю въ часъ сверхъ заводского жалованья. Всѣ рабочіе и служащіе имѣютъ право безплатно обучать въ этой школѣ своихъ дѣтей. Но громадная масса рабочихъ, живя на далекомъ разстояніи отъ школы и находясь въ крайней бѣдности, не имѣетъ возможности содержать своихъ дѣтей въ періодъ ученичества, и свой процентъ на содержаніе школы платитъ буквально даромъ. Выгодами этой школы пользуются почти исключительно служащіе и тѣ заводскіе рабочіе, которые, живя бокъ о бокъ со школой, могутъ какъ-никакъ содержать своихъ дѣтей во время ученья. Въ школу принимаютъ также дѣтей и не Демидовскихъ рабочихъ и служащихъ, но обыкновенно ихъ принимаютъ лишь въ томъ случаѣ, когда своихъ не хватаетъ. Посторонніе за право ученья платятъ 24 рубля въ годъ. Всѣ окончившіе курсъ ученики обязаны проработать годъ на практической работѣ, — прежде чѣмъ получить дипломъ объ окончаніи школы — и непремѣнно на Демидовскихъ заводск. копяхъ, рудникахъ, вообще, гдѣ найдетъ нужнымъ администрація главнаго управленія. Практиканты эти получаютъ за годъ 15 рублей въ мѣсяцъ; но такъ какъ большинство ихъ — дѣти Демидовскихъ служащихъ и рабочихъ, то, получивши дипломъ, они поселяются тамъ же, гдѣ и отцы, создавая, такимъ образомъ, поразительно дешевый и прикрѣпленный къ мѣсту контингентъ лицъ, опытныхъ и способныхъ замѣнить дорого стоющихъ инженеровъ. Трудъ ихъ страшно дешевъ: къ 15 руб. прибавляютъ 5-15 рублей и такъ остается на долгое время. Количество учениковъ въ школѣ доходитъ до 125 человѣкъ; учебный курсъ четырехгодичный; программа занятій очень широка, и, несмотря на это, училище не даетъ никакихъ правъ образовательнаго ценза. Образованіе считается по третьему разряду, и окончившіе имѣютъ право на завѣдованіе самостоятельными горными работами, какъ сказано въ дипломѣ, а на практикѣ случается, что ученики становятся лаборантами. Школа фактически является учрежденіемъ не правительственнымъ, а Демидовскимъ. А Демидовскій капиталистъ эксплуатируетъ ее, какъ свою собственность, елико возможно. Онъ заставляетъ въ четыре года проходить такую школьную программу, которой хватило бы лѣтъ на шесть. Онъ не даетъ ученикамъ никакихъ правъ сравнительно съ другими училищами того же разряда, ибо онъ отлично знаетъ, что если онъ дастъ ихъ, у него никто не останется работать за такую цѣну. Въ виду этого, Демидовъ старается удержать ихъ въ безправномъ положеніи, дѣлая ихъ рабами своихъ эксплуататорскихъ цѣлей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПИСЬМО ЯПОНСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ КЪ РУССКИМЪ.

Въ то самое время, какъ телеграфъ разносилъ во всѣ концы свѣта извѣстіе о первой встрѣчѣ японскихъ и русскихъ войскъ и о кровавомъ слѣдѣ, этой встрѣчей оставленномъ на берегахъ далекаго Ялу, къ намъ дошло — съ того же дальняго Востока — письмо, обращенное японскими соціалистами къ русскимъ и напечатанное въ ихъ еженедѣльномъ органѣ „Heimin Schimbun“

„Дорогіе товарищи! — пишутъ они (цитируемъ по нѣмецкому переводу Vorwärts'a). — Много лѣтъ мы слышимъ о васъ, часто о васъ думаемъ, но, отдѣленные тысячами миль, мы до сихъ поръ не имѣли случая пожать вашу руку, вступить съ вами въ сношенія. 20 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы начали проповѣдывать высокіе принципы человѣчности подъ знаменемъ соціальдемократіи. Втеченіе этого времени преслѣдованія деспотическаго правительства и полицейскія жестокости обрушивались на васъ съ никогда невиданной силою. Ваши предшественники прошли черезъ самыя тяжкія испытанія, выносили нужду и голодъ и безчисленными рядами шли въ тюрьмы и въ пустыни Сибири, или кончали жизнь на эшафотѣ. И тѣмъ не менѣе, энергія вашей агитаціи ничуть не ослабѣвала, — ваше мужество, наоборотъ, возрастало съ каждой казнью. Въ прошломъ году различныя соціалистическія группы по всей Россіи объединились въ одну сильную организацію, и съ тѣхъ поръ соціализмъ сталъ большой силой также и въ вашей странѣ. Мы заявляемъ, что всѣмъ сердцемъ сочувствуемъ вашему тяжелому положенію и дивимся той твердости, съ которой вы отстаиваете свои основныя убѣжденія.

Дорогіе товарищи, наши правительства ринулись въ бой ради осуществленія своихъ имперіалистскихъ стремленій, для насъ же, соціалистовъ, не существуетъ границъ, создаваемыхъ расой, страной или національностью. Мы — товарищи, мы — братья и сестры, и не имѣемъ ни малѣйшаго основанія бороться другъ съ другомъ. Вашъ врагъ — не японскій народъ, а нашъ милитаризмъ и, такъ называемый, патріотизмъ, — точно такъ же, какъ нашимъ врагомъ является не русскій народъ, а вашъ милитаризмъ и вашъ, такъ называемый, патріотизмъ. Да, патріотизмъ и милитаризмъ — нашъ общій съ вами врагъ! И не одни мы, но и соціалисты всего міра видятъ въ этихъ явленіяхъ своего общаго противника. Мы, соціалисты, должны сильно ратовать противъ него, и именно теперь мы имѣемъ для этого наилучшій случай. Мы увѣрены, что вы этого случая не упустите; мы тоже постараемся сдѣлать все отъ насъ зависящее.

---

[1] Комитетъ тогда только что завязалъ сношеніе съ Чіатурой.

[1] См. предварительное слѣдствіе.

[2] См. докладъ г. Г. Я. Церцвадзе въ трудахъ пятаго съѣзда марганцепромышленниковъ.

[2] См. „Труды пятаго съѣзда марганцепромышленниковъ“.

Позвольте, однако, прибавить къ сказанному еще нѣсколько словъ. Мы — ни нигилисты, ни террористы, а соціальдемократы и всегда боремся за миръ. Въ нашей борьбѣ мы рѣшительно отвергаемъ употребленія насилія (militärische Gewalt) и боремся мирными средствами, силою разума и поученія. Мы допускаемъ, что для васъ бороться этими средствами и мирнымъ путемъ совершить роволюцію очень трудно, и что въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія конституціоннаго строя, легко поддаться искушенію, силою низвергнуть правительство. Но мы всѣ, борющіеся за принципы человѣчности, должны помнить, что цѣль не оправдываетъ средства.

Мы не можемъ предвидѣть, которое изъ двухъ правительствъ окажется побѣдителемъ. Но кто бы ни побѣдилъ, результаты войны будутъ во всякомъ случаѣ одни и тѣ же: общая нищета, гнетъ увеличившихся налоговъ, нравственный упадокъ и дальнѣйшее развитіе милитаризма. Поэтому гораздо важнѣе вопроса о томъ кто побѣдитъ, является для насъ вопросъ о томъ, какъ скоро сможемъ мы положить конецъ войнѣ.

Хорошимъ примѣромъ для насъ можетъ служить положеніе, занятое международнымъ товариществомъ рабочихъ и его агитація во время франко-прусской войны. Для насъ, товарищей и братьевъ, нѣтъ ни малѣйшихъ поводовъ бороться между собою. Человѣческихъ жертвъ требуетъ лишь нашъ общій противникъ общій всѣмъ намъ врагъ. И для общаго сопротивленія этому врагу мы, соціалисты, должны подать другъ другу руки по завѣту Карла Маркса: „рабочіе всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Дорогіе товарищи! Страдая подъ гнетомъ вашего правительства, преслѣдуемые вашей жестокой полиціей, вспоминайте о томъ, что тысячи товарищей въ далекой странѣ всей душой горячо желаютъ вамъ благополучія и успѣха“.

* * *

Это обращеніе — документъ *исторической* важности. Если русскіе соціальдемократы знаютъ хорошо, какія трудности приходится имъ самимъ преодолѣвать въ военное время, когда правительственная машина работаетъ во всю надъ разжиганіемъ „патріотизма“, — трудности встрѣчающіяся на каждомъ шагу, несмотря на то, что самодержавная авантюра въ общемъ непопулярна, — то они должны помнить, что еще болѣе затруднительно положеніе ихъ японскихъ товарищей, демонстративно протягивающихъ намъ руку въ тотъ моментъ, когда, быть можетъ, національное возбужденіе ихъ страны достигло наивысшаго предѣла.

Когда-то Либкнехтъ и Бебель оказали безсмертную услугу международному дѣлу соціализма, протестуя противъ присоединенія къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, — за что и поплатились тюрьмой. Не меньшую услугу оказываютъ теперь этому дѣлу передовые представители японскихъ рабочихъ. Ихъ голосъ звучитъ — среди шовинистическаго хора двухъ странъ — какъ отголосокъ того лучшаго міра, который находится пока еще только въ головахъ сознательнаго пролетаріата, но который станетъ дѣйствительностью завтрашняго дня.

Мы не знаемъ, скоро-ли придетъ это „завтра“, но мы всѣ соціальдемократы, къ какой бы національности ни принадлежали, работаемъ надъ его приближеніемъ: мы хоронимъ проклятое „сегодня“ — современный общественный строй, мы организуемъ и собираемъ ту *силу*, которая его уложитъ въ могилу.

Сила противъ силы! Насиліе противъ насилія! — Не потому чтобы мы были нигилисты и террористы, нѣтъ: нигилистовъ создало напуганное воображеніе европейской буржуазіи, съ легкой руки романиста Тургенева; съ терроромъ же, какъ съ нецѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы, мы воюемъ и поднесь, съ первыхъ дней нашего существованія; а потому, что господствующіе классы — какъ это ни печально — никогда не уступали такъ называемой силѣ идеи, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что они въ будущемъ когда либо ей уступятъ.

Но въ данномъ случаѣ это вопросъ второстепенный, для насъ важно то выраженіе солидарности, съ которымъ къ намъ обратились наши японскіе товарищи.

Мы шлемъ имъ нашъ горячій привѣтъ. Долой милитаризмъ и да здравствуетъ международная соціальдемократія!

СТАЧКА ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫХЪ СЛУЖАЩИХЪ ВЪ ВЕНГРІИ.

Только пять дней длилась эта стачка! Но тѣ условія, которыя ее подготовили, причины, непосредственно ее вызвавшія, стихійность взрыва и насильственность конца, событія, которыми она полна, — все это является страшнымъ обвинительнымъ актомъ противъ хищническаго венгерскаго правительства. Эксплуататорскій антикультурный характеръ правящей въ Венгріи клики обнаружился во всей своей ужасной наготѣ.

Стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ, поражая центральный нервъ современнаго жизненнаго уклада, влечетъ за собой полный застой во всей жизни страны. Однимъ ударомъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, жизнь повсюду мгновенно прекращается: неподвижная тишина наступаетъ тамъ, гдѣ только за минуту до этого царило крупное движеніе. Пріостанавливается пассажирское сообщеніе, и путешественники вынуждены прервать свой путь, переждать стачечную бурю на томъ мѣстѣ, гдѣ они были ею застигнуты. Бездѣйствуетъ почта и телеграфъ. На станціяхъ желѣзной дороги накопляются, загромождая путь, вагоны съ товарами. Города, эти громадные потребительные центры, остаются безъ продовольственныхъ припасовъ. И въ то время, когда продукты въ деревнѣ, откуда они не могутъ быть вывезены, подвергаются порчѣ, — цѣны на средства существованія въ городѣ быстро повышаются, за короткое время. Прекращается подвозъ сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго производства на фабрикахъ; готовые же фабрикаты не могутъ быть отправляемы. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ странѣ создается атмосфера крайне тревожнаго возбужденія. Стачкамъ на желѣзныхъ дорогахъ обыкновенно сопутствуютъ стачки въ другихъ отрасляхъ производства, къ которымъ первыя имѣютъ то или иное отношеніе. Такую именно картину застоя и разрушенія представляла собой вся Венгрія съ ея 19-ю милліоннымъ населеніемъ въ дни этой стачки, такъ какъ тѣ государственныя желѣзныя дороги, на которыя она распространилась охватываютъ почти всю страну.

Но, что всего замѣчательнѣе въ этой стачкѣ — это участіе въ нихъ такихъ элементовъ населенія, которые по самому своему общественному положенію склонны враждебно относиться ко всякому революціонному движенію.

Въ стачкѣ принимали участіе всѣ служащіе поголовно — отъ начальниковъ станцій и ихъ помощниковъ до желѣзнодорожныхъ сторожей. Въ то время, когда организаторами крупныхъ стачекъ обыкновенно являются сознательные рабочіе, — здѣсь стачку начали и вели высшіе чиновники желѣзныхъ дорогъ. Велики были гнетъ и эксплуатація правительства-капиталиста, если вся неорганизованная масса со своими случайными вожаками, въ количествѣ 37.000 человѣкъ, такъ единодушно выкинула знамя протеста и борьбы!

Втеченіе 30 лѣтъ жалованье служащихъ не повышалось, несмотря на то, что цѣны на всѣ средства существованія все время росли, а требованія, предъявляемыя по службѣ все увеличивались. Движеніе среди служащихъ, начавшееся подъ вліяніемъ этихъ условій, заставило правительство обратить вниманіе на ихъ экономическое положеніе. Три года чиновники и рабочіе не переставали требовать, чтобы правительство повысило имъ жалованье. Въ своей докладной запискѣ, поданной правительству за нѣсколько мѣсяцевъ до стачки, служащіе требовали установленія трехъ разрядовъ минимальнаго жалованья: для высшаго чиновника 1600 кронъ въ годъ (1 крона — около 40 коп.), для низшаго — 1200 кронъ, для простыхъ служащихъ — 700 кронъ. Кромѣ того въ докладной запискѣ требовалось пропорціональное повышеніе квартирныхъ денегъ. Угроза начать стачку, наконецъ, подѣйствовала и вынудила у правительства обѣщаніе „урегулировать“ жалованье. Но возмущеніе служащихъ не имѣло предѣла, когда съ этой цѣлью въ парламентъ былъ внесенъ проектъ, по которому на всѣхъ 36.900 служащихъ ассигновалась ежегодная прибавка въ 264.300 кронъ. Сумма эта въ среднемъ давала на каждаго служащаго не свыше шести кронъ въ мѣсяцъ, на отдѣльныя-же категоріи она распредѣлялась еще менѣе благопріятно. Высшимъ чиновникамъ проектъ обѣщалъ, правда, повышеніе жалованья отъ 200-400 кронъ въ годъ; но повышеніе это было совершено фиктивное, такъ какъ соотвѣтственно уменьшались квартирныя деньги. Еще больше проявилась жадность правительства по отношенію къ низшему желѣзнодорожному персоналу: помощникамъ машинистовъ, кондукторамъ, фонарщикамъ и проч. Для отдѣльныхъ категорій этихъ государственныхъ служащихъ повышеніе равнялось 60, а иногда и 40 кронамъ въ годъ. Желѣзнодорожные же сторожа вовсе не получали прибавки, если ихъ жалованье достигало 720 кронъ въ годъ.

На цѣломъ рядѣ собраній въ различныхъ городахъ чиновники и служащіе потребовали отъ правительства, чтобы оно взяло обратно свой проектъ. При этомъ они рѣшили созвать въ ближайшіе дни съѣздъ всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ съ цѣлью обсудить свое положеніе и основать союзъ для всей Венгріи. Но правительство не только не взяло обратно проекта, но запретило, вдобавокъ, предположенный съѣздъ, сразу пустивъ въ ходъ насильственныя мѣры. Подъ угрозой разсчета и дисциплинарнаго взысканія служащимъ запрещено было отлучаться съ своихъ постовъ, запрещена выдача имъ желѣзнодорожныхъ билетовъ. Служащимъ оставалось либо сдаться на милость своему угнетателю, либо дать ему отпоръ — начать стачку. Они предпочли вступить въ борьбу — ихъ исполнительный комитетъ объявилъ стачку, охватившую втеченіе одного дня всѣ желѣзныя дороги. Условіемъ прекращенія стачки служащія выставили слѣдующія требованія: повышеніе жалованья въ размѣрахъ, указанныхъ въ докладной запискѣ; разрѣшеніе основать венгерскій желѣзнодорожный союзъ; обѣщаніе не преслѣдовать вожаковъ движенія; удовлетвореніе всѣхъ требованій законодательнымъ путемъ.

Первымъ правительственнымъ актомъ послѣ начала стачки былъ приказъ объ арестѣ съѣзжавшихся въ Будапештъ делегатовъ конгресса. 950 чел. изъ нихъ было арестовано при въѣздѣ въ городъ и выслано. Въ парламентѣ венгерскіе министры говорили, что поддержатъ желѣзнодорожное сообщеніе *всѣми* мѣрами. „Даже при помощи штыковъ?“ — спрашиваетъ одинъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ. „Даже при помощи штыковъ!“ — отвѣчаетъ министръ-президентъ, графъ Тисса, при бурномъ одобреніи всей правой.

Но на другой же день въ политикѣ министерства наступилъ переломъ. Столь же трусливое, сколь жестокое, оно вначалѣ испугалось серьезныхъ послѣдствій этой грандіозной стачки и первое же выкинуло парламентерскій флагъ. Въ „лагерь стачечниковъ“ былъ отправленъ депутатъ парламента Воэроэсъ, чтобы наладить переговоры. Уступки правительства были довольно значительныя. Оно обѣщало стачечникамъ полную амнистію, разрѣшало основаніе союза, разрѣшало конгрессъ и, наконецъ, предлагало подождать съ обсужденіемъ внесеннаго въ парламентъ проекта до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не вынесетъ по этому вопросу своихъ рѣшеній.

Стачечники, однако, не приняли этихъ предложеній. Они справедливо находили, что о „помилованіи“ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ, защищая свои права, они ничего преступнаго не сдѣлали. Сомнительнымъ же обѣщаніямъ правительства „урегулировать содержаніе служащихъ сообразно рѣшеніямъ ихъ конгресса стачечники противопоставляли свое требованіе — повышеніе жалованья въ тѣхъ размѣрахъ, какіе были указаны въ докладной запискѣ. Депутатъ Воэроэсъ заявилъ было, что правительство пойдетъ на дальнѣйшія уступки, но переговоры такъ и были прерваны на этомъ пунктѣ.

Съ этого времени начинается никогда не слыханное въ конституціонныхъ государствахъ насильственное прекращеніе стачечнаго движенія. Былъ изданъ приказъ отъ имени австрійскаго императора и за подписью венгерскаго военнаго министра, которымъ всѣ запасные военные чины среди желѣзнодорожныхъ служащихъ — 11.000 человѣкъ изъ 37.000, вступившихъ въ стачку — „призывались“ на службу, но не на службу въ строю, а на свою гражданскую, желѣзнодорожную службу. Изъ свободныхъ людей, борющихся за улучшеніе условій своей жизни, стачечники превращались въ слѣпо-повинующихся солдатъ. Одѣтые въ военные мундиры, они должны были стать измѣнниками своего собственнаго дѣла. Трудно было въ одномъ актѣ совершить больше беззаконій. По уставу о военной службѣ, запасные чины могутъ быть призываемы на службу только въ военное время. Помимо того, законъ имѣетъ въ виду не какія нибудь опредѣленныя профессіи, которыя резервисты выполняютъ въ своей гражданской жизни, а продолженіе ихъ военной службы. Приказъ могъ „призвать“ либо весь наличный военный запасъ, либо же тѣ его части, которыя въ военное время должны были въ первую голову пойти на службу. Вмѣсто этого изъ резервныхъ войскъ вырывались желѣзнодорожные служащіе, независимо отъ ихъ отношенія къ военной службѣ. И, наконецъ, „призванные“ въ качествѣ солдатъ, резервисты должны были, однако, выполнять частныя гражданскія обязанности. Такимъ способомъ, трижды нарушивъ имъ же созданный законъ, венгерское правительство выходило изъ своего затруднительнаго положенія. Какъ обѣщалъ венгерскій министръ-президентъ, жел.-дор. движеніе должно было быть поддержано *всѣми* средствами!

Если практически этотъ наглый и беззаконный „приказъ“ не могъ достигнуть своей цѣли, такъ какъ трудно было бы въ короткое время стянуть всѣ 11.000 резервистовъ, то его достаточно было, чтобы терроризировать стачечниковъ и отнять у нихъ всякую надежду на успѣхъ. Первое его примѣненіе въ Будапештѣ привело къ распущенію „стачечнаго лагеря“. Залъ, гдѣ стачечники собрались, былъ окруженъ полиціей и гусарами. Всѣ тѣ, которые состояли въ резервѣ, должны были легитимироваться и тутъ же отдавались въ руки военныхъ властей. При этомъ арестованъ былъ вожакъ стачечниковъ Сарленъ. Новымъ насиліемъ — арестомъ стачечнаго комитета правительство нанесло движенію окончательный ударъ. Безъ общаго руководства разбросанные по всей странѣ, ничѣмъ между собою не связанные, передъ лицомъ угрожавшей имъ вооруженной силы, стачечники вынуждены были прекратить борьбу. Ссылаясь на всѣ эти условія, новообразовавшійся стачечный комитетъ объявилъ стачку законченной и предложилъ стачечникамъ возобновить работу. А венгерское правительство, отдавъ руководителей движенія подъ судъ и распустивъ парламентъ, чтобы избѣгнуть готовившагося на него штурма всѣхъ оппозиціонныхъ фракцій, достойнымъ образомъ завершило свои подвиги.

Эта видимая побѣда правительства въ дѣйствительности компрометтируетъ всю венгерскую политическую систему. Ограниченное цензомъ избирательное право выбрасываетъ на поверхность политической жизни страны лишь весьма небольшую часть ея населенія. Интересы своего разнузданнаго грабительства отождествляются правящей частью буржуазіи съ интересами всего государства, всей націи. Нація же, лишенная свободы союзовъ, собраній, безъ свободной печати, безъ права участія въ управленіи страной, находится на пути соціальнаго и политическаго упадка. Съ совершенной очевидностью вскрылся смыслъ политическихъ отношеній Венгріи въ этой знаменательной стачкѣ. Это должны будутъ понять всѣ и прежде всего „патріотически“ настроенные желѣзнодорожные служащіе.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація по поводу войны. Изданы листки: **Донскимъ Комитетомъ** — „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“ (5000 экз.) и листокъ по поводу сборовъ на Кр. Крестъ(?) (5000 экз.). За все время издано Ком. листковъ по поводу войны 48.000 экз. **Донецкимъ Союзомъ** — „Международный жандармъ“ (4000 экз.). „Жертвуйте русскіе люди“ (2000 экз.). **Николаевскимъ Комитетомъ** — „Къ запаснымъ“.

Комитетами Партіи изданы листки: **Петербургскимъ Ком.** — „О якутской трагедіи“ и „Ко всѣмъ рабочимъ городскихъ водопроводовъ. **Николаевскимъ Ком.** — „Первое мая“. **Курскимъ Ком.** — „Первое мая“.

Памяти Матлахова. Безконечный списокъ преступленій правительства пополнился 4 марта еще однимъ — убійствомъ Юрія Матлахова.

Юрій Павловичъ Матлаховъ — сынъ рабочаго, работающаго теперь, кажется, въ Екатеринославѣ на „Французск.“ заводѣ. Въ Екатериносл. же Юрій обучался слесарному мастерству; тамъ же онъ получилъ и свое революціонное крещеніе.

Въ апрѣлѣ 1900 г., во время массовыхъ арестовъ въ Екатеринославѣ, онъ былъ арестованъ, по указанію Закса, и вмѣстѣ съ другими 24 арестованными по дѣлу „Екатеринославскаго Комитета“ препровожденъ сначала въ кіевскую, а затѣмъ въ московскую тюрьму. Послѣ 13-тимѣсячнаго предварительнаго заключенія, онъ былъ высланъ до приговора въ г. Гомель, откуда черезъ нѣкоторое время переѣхалъ въ Полтаву. Но здѣсь онъ былъ арестованъ по обвиненію въ привозѣ въ г. Гомель прокламацій. Освобожденный черезъ 3-4 мѣсяца, онъ черезъ нѣсколько дней вновь арестовывается по обвиненію въ пропагандѣ среди полтавскихъ рабочихъ, но бѣжитъ изъ участка въ Одессу, гдѣ живетъ нелегально до новаго своего ареста 20 января 1902 г. (въ городскомъ театрѣ при разбросѣ прокламацій). До избіенія въ одесской тюрьмѣ политическихъ онъ сидѣлъ въ Одессѣ, а затѣмъ переведенъ былъ въ Кишиневъ, гдѣ сидѣлъ до приговора, по которому былъ высланъ въ Якутскую область на 6 лѣтъ... Прибывъ въ Якутскую область въ январѣ этого года, онъ присоединился къ товарищамъ, рѣшившимъ устроить „баррикады“ съ цѣлью протестовать этимъ способомъ противъ стѣсненія условій ссылки, и 4 марта былъ убитъ солдатами во время перваго обстрѣливанія администраціей „баррикадъ“...

По своимъ убѣжденіямъ Матлаховъ былъ соціальдемократомъ. Да другимъ и не можетъ быть рабочій, сознающій свои классовые интересы. А Матлаховъ былъ безусловно сознательнымъ рабочимъ, ясно представлявшимъ себѣ и причины современнаго положенія вещей, и средства къ коренному его измѣненію...

И попадая въ тюрьму, Матлаховъ не прекращалъ своей энергичной революціонной работы. Въ тюремной борьбѣ, невольно выпадающей на долю каждаго изъ насъ, онъ всегда былъ въ переднихъ рядахъ. Я сидѣлъ съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кіевской тюрьмѣ въ 1900 году и помню хорошо, что во всѣхъ исторіяхъ, какого бы мнѣнія онъ ни былъ самъ по вопросу о томъ, стоитъ ли, или не стоитъ ихъ затѣвать, онъ всегда принималъ участіе въ первыхъ рядахъ, разъ большинство заключенныхъ рѣшало начинать ихъ... Когда въ ноябрѣ 1903 г., во время „баррикадъ“ въ Александровской тюрьмѣ, солдаты бросились со штыками на „забаррикадировавшихся“, то впереди былъ Матлаховъ... И на „якутскихъ баррикадахъ“ онъ одинъ убитъ изъ 59...

Ему было не болѣе 25 лѣтъ.

Со времени моей первой встрѣчи съ Матлаховымъ прошло уже около 4-хъ лѣтъ. Много я зналъ и раньше хорошихъ рабочихъ, готовыхъ душу свою положить за рабочее дѣло, еще больше я узналъ такихъ въ тюрьмахъ и ссылкѣ, но образъ Матлахова какъ-то особенно запечатлѣлся въ моей памяти своей беззавѣтной преданностью товарищамъ...

Матлаховъ не былъ руководителемъ движенія и, быть можетъ, никогда таковымъ бы не сдѣлался. Онъ былъ среднимъ рабочимъ южной полосы Россіи. Но именно потому, что онъ былъ „среднимъ“ рабочимъ, мнѣ особенно дорога память о немъ, и я не сомнѣваюсь въ томъ, что она будетъ долго жить среди всѣхъ его знавшихъ...

Товарищъ.

Отдѣлъ „Хроника революціонной борьбы“ и рядъ корреспонденцій откладываются за недостаткомъ мѣста до слѣдующаго №.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ заграничнаго представителя Ц. К.

Съ 1 апрѣля по 1 мая экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. были получены слѣдующія суммы:

1. Отъ R. S. D. (для библіотеки при Ц. К.). 5 мар. — *6 фр. 15 с.* 2. Отъ Н. для библіотеки при Ц. К. — *10 фр.* 3. Изъ Саратова для Ц. К. (100 рублей) — *265 фр.* 4. Отъ Г. З. И. въ распоряженіе Ц. К. — *50 фр.* 5. Отъ „соціальдемократки“ — *4 ф. 53 с.* 6. Отъ „Сидора изъ Екатеринослава“ (10 руб.) — *26 фр. 50 с.* 7. „Остатокъ отъ суммъ Донского Комитета, присланныхъ на спеціальную цѣль“ — *18 фр. 50 с.* 8. Отъ Парижской соціальдемократической группы рабочихъ — *15 фр.*[1] 9. Отъ Заграничной Лиги русской революціонной соціальдемократіи за литературу — *150 фр.* 10. Отъ Лейпцигской группы содѣйствія Партіи: а) по подписнымъ листамъ (105 марокъ) — 129 фр. 15 с., б) пожертвованія частныхъ лицъ въ пользу Ц. К. (150 марокъ) — 184 ф. 50 с., в) въ пользу эмигрантовъ: отъ Оеди 15 марокъ) — 18 фр. 75 с. — на ту же цѣль черезъ Г. (24 марки) — 29 ф. 82 с., г) за литературу (226 марокъ) — 277 фр. 98 с.; *всего* отъ Лейпцигской группы содѣйствія Партіи получено (520 марокъ) — *640 фр. 20 с.* 11. Отъ Женевской группы содѣйствія Партіи за литературу — *40 фр.* 12. Собрано товарищу — *10 фр.* 13. Отъ Х. для Ц. К. — *4 фр.* 14. Отъ Deferment'а за литературу — *220 фр.* 15. Подписка на „Разсвѣтъ“ — *45 фр. 40 с.* 16. Пожертвовано на „Разсвѣтъ“ Изъ Москвы — *71 фр.* 17. За проданную литературу по мелочамъ — *373 фр. 59 с.* 18. Взято взаимообразно — *123 фр.* 19. Возвращено долговъ — *170 фр. 75 с.* 20. % скидки со счета — *3 фр. 45 с.* *А всего съ 1 апрѣля по 1 мая* въ экспедицію Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи поступило — *2247 фр. 7 с.*

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено отъ Вѣнской группы содѣйствія Партіи 62 фр. 85 с. Черезъ него же передано изъ Женевской кассы для арестованныхъ въ Якутскѣ товарищей 30 ф

---

[1] 15 фр. изъ присланной суммы въ 30 фр. войдутъ въ отчетъ за май мѣсяцъ.

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniére, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.“, въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій“. Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ“. На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ“.

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать“ съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія“.

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи“. Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело“) были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело“) и анархисты(!!)“. Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ“ приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному націонализму, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму“ — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія“ разногласія „государственниковъ“ и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ пропагандой *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться“ въ „единую“ партію съ принципіальными противниками соціальдемократіи не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей“ принципіальной почвы: такіе поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.“, были приняты за „систематическую обструкцію“, за желаніе „разстроить“ конференцію, и эта „обструкція“ вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ“. Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное“ знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго націонализма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи“ съ своей спеціальной „теоріей“ соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи“.

Что такое „свободныя націи“? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго“ антагонизма, къ „вооруженному миру“ съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты“ партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная“ эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества“; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство“ явится результатомъ „братскаго единенія“ между „свободными націями“, т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство“, т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемого „демократическаго“ національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ“ вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью“, а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами“.

Если подъ „экономическимъ равенствомъ“ слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей“, какъ необходимой *предпосылки* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.¹) Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать“ для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго гасударства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ націоналистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа“, подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-матеріалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества“, совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только съ существующимъ въ Россіи самодержавіемъ, но и съ возможной въ ней централистической республикой, которая можетъ стать препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и національнаго освобожденія грузинскаго народа“. Демократическая республика является препятствіемъ для соціальнаго освобожденія рабочаго класса постольку, поскольку политическая власть въ ней представляетъ собой выраженіе классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не „*борьба съ республикой*“, а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ *за* политическую демократію и борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи *въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика“) — значитъ черезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую“ политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа“.

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической“ партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ“ новой „партіи“. Опредѣливъ *свою* политическую задачу внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу“ (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи“, мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ“, конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какіе-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно другому, что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ условіяхъ, — признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны, проникнута шовинизмомъ, а съ другой, совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата“.

„Запахъ“ этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію“, въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки“, или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній“ (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы“ для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты“ додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ“) „не является лучшимъ залогомъ“ культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націи“, а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные“ интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціальдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу“ угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?“

„Рев. Россія“ считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая“ резолюція анархисто-націоналистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры“. Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, соціальдемократія „надѣлала себѣ не мало вреда“. Вамъ то нечего, казалось бы, печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ“, причиненномъ „Искрой“ нашей партіи, „Рев. Россія“ констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas“; 3) съ „Бундомъ“ — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа... Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами“.

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу“ нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ“? Пессимизмъ „Револ. Россіи“ ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. Равнымъ образомъ, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами-революціонерами“ въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ“ заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими“, національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи“. Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ“ (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ“ федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи“ („Р. Р.“, № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ...

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и націоналистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ нея, какъ представительницы „шовинизма“, руссификаторства etc. Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго націонализма, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ“ партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность про-

---

¹) Это, конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся достигнуть полной демократизаціи пролетаріатъ не сможетъ овладѣть политической властью. Отсутствіе или неполное развитіе демократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій переворо [illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій". Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ". На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ такъ называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ".

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать" съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія".

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи". Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи (созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело") были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело") и анархисты(!!)". Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ" приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному національному, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму" — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія" разногласія „государственниковъ" и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ принципами *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться" въ „единую" партію съ принципіальными противниками соціальдемократія не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей" принципіальной почвы: такіе поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", были приняты за „систематическую обструкцію", за желаніе „разстроить" конференцію, и эта „обструкція" вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ". Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное" знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго національма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи" съ своей спеціальной „теоріей" соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи".

Что такое „свободныя націи"? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго" антагонизма, къ „вооруженному миру" съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты" партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная" эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества"; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство" явится результатомъ „братскаго единенія" между „свободными націями", т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство", т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемаго „демократическаго" національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ" вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью", а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами".

Если подъ „экономическимъ равенствомъ" слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей", какъ необходимой *предпосылкѣ* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.[1] Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать" для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго государства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ націоналистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа", подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-матеріалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества", совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только [illegible] въ Россіи самодержавіемъ, но и съ во[illegible] централистической республикой, которая [illegible] препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и [illegible] освобожденія грузинскаго народа". Демократическая [illegible] является препятствіемъ для соціальнаго освобожденія [illegible] постольку, поскольку политическая власть [illegible] собой выраженіе классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не „*борьба съ республикой*", а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ *за* политическую демократію и борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи *въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика") — значитъ чрезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую" политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа".

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической" партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ" новой „партіи". Опредѣливъ *свою* политическую задачу внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу" (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи", мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ", конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какіе-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно другому; что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ усло[illegible] признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны проникнута шовинизмомъ, а съ другой, [illegible] совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата".

„Запахъ" этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію", въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки", или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній" (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы" для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты" додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ") „не является лучшимъ залогомъ" культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націи", а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные" интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціалдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу" угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?"

„Рев. Россія" считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая" резолюція анархисто-націалистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры". Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ соціалдемократія „нажила себѣ не мало вреда". Намъ то [illegible] печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ", причиненномъ „Искрой" нашей партіи, „Рев. Россія" констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas"; 3) съ „Бундомъ" — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа... Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами".

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу" нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ"? Пессимизмъ „Револ. Россіи" ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. Равнымъ образомъ, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами революціонерами" въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ" заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими", національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи". Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ" (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ" федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи" („Р. Р.", № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ...

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и націоналистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ *нея*, какъ представительницы „шовинизма", руссификаторства *etc.* Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго національма, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ" партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность про-

---

[1] [illegible] конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся до[illegible]гнуть полной демократизаціи пролетаріатъ не сможетъ овла[illegible]ть полит[illegible]ческой властью. Отсутствіе или неполное развитіе [illegible]мократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій переворо[illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 66. 15-го мая 1904 г. Годъ IV.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ НАЦІОНАЛИЗМЪ И СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ.

Какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", въ апрѣлѣ этого года состоялась въ Женевѣ „первая конференція грузинскихъ революціонныхъ фракцій". Цѣлью конференціи, для ея участниковъ, было „выясненіе взаимныхъ отношеній этихъ фракцій, настоящаго положенія дѣлъ въ Грузіи и насущныхъ потребностей революціонной борьбы въ этой странѣ". На самомъ дѣлѣ, эту конференцію слѣдуетъ признать первой попыткой консолидаціи мелкобуржуазно-демократическихъ элементовъ грузинскаго общества для борьбы съ организованнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ. И именно поэтому, упомянутая конференція рекламируется органомъ так называемыхъ „соціалистовъ-революціонеровъ".

До послѣдняго времени о грузинской революціонной демократіи было слышно очень мало, и она не спѣшила „конкурировать" съ мужественнымъ грузинскимъ пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы съ господствующимъ режимомъ. Но могучее движеніе кавказскихъ рабочихъ всколыхнуло всѣ оппозиціонно и революціонно настроенные элементы этой провинціи и вызвало въ нихъ потребность „политическаго самоопредѣленія".

Какъ и подобаетъ мелкобуржуазнымъ демократамъ, грузинскіе революціонеры націоналисты начали съ попытки объединить „всѣ фракціи". Соотвѣтственно этому „вначалѣ на конференціи (созванной по иниціативѣ ред. органа „Сакартвело") были представлены четыре революціонныя грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты или автономисты (группа „Сакартвело") и анархисты(!!)". Давно извѣстно, что истинную красу истинно-демократической партіи составляетъ вавилонское смѣшеніе языковъ въ области вопросовъ принципа и тактики. Les beaux esprits se rencontrent. Индивидуально психологическій процессъ, которымъ современный „интеллигентъ" приходитъ, въ одномъ случаѣ, къ революціонному націонализму, въ другомъ, къ его прямой противоположности — анархизму, въ третьемъ — къ такъ назыв. „соціаль-революціонизму" — этотъ процессъ носитъ самый разнообразный характеръ. Но классовая подоплека процесса сказывается въ одинаковости *политической позиціи*, которую, въ концѣ концовъ, занимаютъ въ отношеніи къ кристализовавшимся общественнымъ силамъ эти разношерстные элементы. „Теоретическія" разногласія „государственниковъ" и анархистовъ, націоналистовъ и космополитовъ не могутъ помѣшать единству политическаго движенія, связывающаго разные элементы одного и того же соціальнаго слоя.

На праздникѣ этой классовой идилліи нашимъ грузинскимъ товарищамъ не было, разумѣется, мѣста. Они явились по приглашенію для того, чтобы выступить съ пропагандой *своей* программы, программы революціоннаго пролетарскаго соціализма. Они съ самаго начала показали, что „сливаться" въ „единую" партію съ принципіальными противниками соціальдемократіи не намѣрены, а потому и предложили конференціи заняться обмѣномъ мнѣній, не пытаясь искать „общей" принципіальной почвы: такіе поиски могли только обнаружить всю несоединимость приглашенныхъ на совѣщаніе элементовъ. Дальнѣйшія событія оправдали эту позицію соціальдемократовъ: ихъ доводы, какъ разсказываетъ „Рев. Рос.", были приняты за „систематическую обструкцію", за желаніе „разстроить" конференцію, и эта „обструкція" вызвала противъ нихъ „сильнѣйшее раздраженіе въ средѣ конгрессистовъ". Требованіе о томъ, чтобы не выносилось принципіальныхъ резолюцій, было отвергнуто, и наши товарищи удалились съ конференціи, тѣмъ самымъ позволивъ большинству ея свободно развернуть свое „принципіальное" знамя. Знамя это оказалось сшитымъ изъ самыхъ разнообразныхъ лоскутковъ. Преобладающій, впрочемъ, цвѣтъ — мелкобуржуазнаго націонализма чистѣйшей воды.

Полюбуйтесь-ка на эту резолюцію новоиспеченной „соціалистической фракціи (Теперь, вѣдь, въ Россіи ни одна полдюжина интеллигентовъ не можетъ съорганизоваться для борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ, чтобы не образовать новой „соціалистической фракціи" съ своей специальной „теоріей" соціализма и съ своимъ собственнымъ сумбуромъ въ области всѣхъ политическихъ понятій!):

„Резолюція о сепаратизмѣ, автономіи и федераціи:

Принимая во вниманіе, что эволюція человѣчества направлена въ сторону установленія солидарности между свободными націями и къ ихъ объединенію; что федерація автономныхъ національностей, являясь лучшей формою братскаго единенія между народами, представляетъ въ тоже самое время самую подходящую почву, какъ для общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія ихъ, такъ и для установленія экономическаго равенства между людьми; принимая во вниманіе, что русскій деспотизмъ, становясь поперекъ дороги этимъ стремленіямъ, мѣшаетъ ихъ осуществленію, — мы находимъ, что прямымъ нашимъ долгомъ является революціонная борьба съ деспотизмомъ, рука объ руку со всѣми русскими, а равно и со всѣми иными національностями, входящими въ составъ Россійской Имперіи, и проникнутыми тѣми же стремленіями. Принимая все это во вниманіе, грузинская конференція, отвергая сепаратизмъ, какъ форму, еще не являющуюся лучшимъ залогомъ ни свободнаго культурнаго развитія націи, ни солидарности между народами, признаетъ, что для освобожденія Грузіи самымъ лучшимъ, необходимымъ политическимъ строемъ явится автономная Грузія, федеративно объединенная съ остальными національностями Россіи".

Что такое „свободныя націи"? Повидимому, это должно означать: національныя республики, хотя, къ слову сказать, въ заключительныхъ строкахъ резолюціи нѣтъ упоминанія объ опредѣленномъ политическомъ строѣ, такъ что, можно подумать, для конференціи вопросъ: республика или монархія? абсолютизмъ или конституціонный режимъ? — вопросъ частный, по сравненію съ вопросомъ объ автономіи и федераціи. Допустимъ, однако, что здѣсь рѣчь идетъ о свободныхъ демократическихъ республикахъ. Вѣрно ли, что эволюція человѣчества направлена въ сторону солидарности между такими республиками? Не наоборотъ ли? Не ведетъ ли эволюція современнаго общественнаго строя къ усиленію „національнаго" антагонизма, къ „вооруженному миру" съ все большимъ подавленіемъ тѣхъ національныхъ организмовъ, которые не успѣли политически эмансипироваться къ моменту окончательнаго закрѣпленія буржуазнаго режима? Намъ не сообщаютъ, какъ, въ частности, отнеслись къ этой резолюціи „соціалисты" партіи соц.-рев. и анархисты; судя по тому, что съ уходомъ соц.-дем. воцарилась идиллія, надо полагать, что они вотировали за эту — отъ начала до конца пропитанную буржуазной идеологіей — резолюцію. Господа конгрессисты не поставили вопроса о томъ, въ какомъ отношеніи ихъ „идеальная" эволюція (желательная *для нихъ* эволюція) стоитъ къ реальной эволюціи буржуазнаго „человѣчества"; ибо, поставивъ этотъ вопросъ, они должны были бы упомянуть о той *борьбѣ классовъ* внутри современныхъ обществъ, которая одна только является факторомъ, подготовляющимъ международную солидарность *будущаго* человѣчества, освободившагося отъ капитализма. Заговоривъ о борьбѣ классовъ, конгрессисты, можетъ быть, вспомнили бы (анархистамъ не мѣшаетъ помнить это), что не „экономическое равенство" явится результатомъ „братскаго единенія" между „свободными націями", т. е. *демократическими* національными государствами, а, наоборотъ, братское единеніе между народами станетъ возможно только тогда, когда они установятъ „экономическое равенство", т. е. освободятся отъ капитализма, а вмѣстѣ съ нимъ, и отъ такъ называемаго „демократическаго" національнаго государства — отъ нынѣшней политической формы классового угнетенія. Не годится „въ принципѣ" вопить на всѣ лады о борьбѣ съ „государственностью", а засимъ подписываться подъ резолюціями, идеализирующими опредѣленную форму классового государства, какъ „лучшую форму братскаго единенія между народами".

Если подъ „экономическимъ равенствомъ" слѣдуетъ понимать соціализмъ, то положеніе о „федераціи автономныхъ національностей", какъ необходимой *предпосылки* соціалистической революціи, является безусловно невѣрнымъ и ничѣмъ недоказаннымъ. Очень важной предпосылкой соціалистической революціи является *политическая демократія*, въ рамкахъ которой только и можетъ съ надлежащей полнотой развернуться классовая борьба пролетаріата за политическую власть.[1]) Федеративная республика можетъ, конечно, при извѣстныхъ условіяхъ, оказаться наиболѣе удобной для даннаго пролетаріата и вполнѣ осуществимой формой политической демократіи. Однако, общія тенденціи капиталистическаго развитія ведутъ къ тому, что такія конкретныя условія оказываются на лицо скорѣе въ видѣ исключенія, чѣмъ какъ общее правило. Не политическое доктринерство, какъ склонны думать противники соціальдемократіи, а пониманіе реальныхъ политическихъ отношеній заставляетъ нашу партію „выбирать" для политической организаціи пролетарской борьбы тѣ рамки централизованнаго государства, которыя даются намъ историческимъ развитіемъ современнаго общества. И нужно быть метафизикомъ-идеалистомъ со стороны политическаго мышленія, и буржуазнымъ націоналистомъ, со стороны соціальной психологіи, чтобы при опредѣленіи политическихъ задачъ революціонной партіи исходить отъ „федеративнаго принципа", подчиняя ему классовые интересы пролетаріата. Идеалистическая постановка вопроса нисколько не ослабляется мнимо-матеріалистической ссылкой на „эволюцію человѣчества", совершенно безсодержательной и фактически неправильной.

Грузинскому народу, заявляетъ другая резолюція, „необходима борьба не только съ существующимъ въ Россіи самодержавіемъ, но и съ возможной въ ней централистической республикой, которая можетъ стать препятствіемъ для соціальнаго, экономическаго и національнаго освобожденія грузинскаго народа". Демократическая республика является препятствіемъ для соціальнаго освобожденія рабочаго класса постольку, поскольку политическая власть въ ней представляетъ собой выраженіе классовой диктатуры буржуазіи. Задачей пролетаріата является поэтому, не *„борьба съ республикой"*, а борьба за власть *въ республикѣ*, за сверженіе классовой диктатуры буржуазіи и установленіе собственной диктатуры класса. Ставить на одну доску борьбу съ самодержавіемъ *за политическую демократію* и борьбу съ классовымъ господствомъ *буржуазіи въ демократіи* за соціальное освобожденіе рабочаго класса, — значитъ, прежде всего, затушевывать дѣйствительное значеніе борьбы съ самодержавіемъ и затемнять пониманіе дѣйствительныхъ условій соціальнаго освобожденія пролетаріата. Превращать борьбу съ классовымъ господствомъ буржуазіи при свободномъ режимѣ въ борьбу съ опредѣленной исторически данной формой политической демократіи („централистическая республика") — значитъ чрезчуръ поспѣшно стараться заранѣе направить рабочее движеніе, послѣ того какъ будетъ свергнутъ царизмъ, на ложный путь; значитъ, подмѣнять борьбу рабочаго класса за соціализмъ мелкобуржуазной борьбой за „справедливую" политическую форму. Нужно своеобразное сочетаніе мелкобуржуазнаго націонализма съ анархизмомъ, чтобы *такъ* извращать задачи освободительнаго движенія „народа".

Изъ приведенной выше программной резолюціи видно, что борьба съ царскимъ абсолютизмомъ мотивируется у новоявленной „соціалистической" партіи не классовыми интересами грузинскаго пролетаріата, а антагонизмомъ между самодержавіемъ и національными интересами угнетенныхъ народностей. Это уже достаточно характеризуетъ „соціализмъ" новой „партіи". Опредѣливъ *свою* политическую задачу, внѣ всякой связи съ классовымъ движеніемъ пролетаріата, она уже можетъ воздать должное требованіямъ вѣка и перейти къ резолюціи „по рабочему вопросу" (резолюція четвертая). Ну, точь въ точь конгрессъ какихъ-нибудь почтенныхъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ или по охраненію народнаго здравія!

Установивъ исходныя точки политической позиціи новой „партіи", мы не удивимся, узнавъ какое отношеніе занимаетъ она къ организованному движенію россійскаго пролетаріата.

Выразивъ „свое сочувствіе и готовность помогать всѣмъ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, борющимся съ россійскимъ самодержавіемъ", конференція приняла слѣдующую многознаменательную резолюцію:

„Принимая во вниманіе, что народныя политическія движенія въ исторіи были направлены всегда противъ централизма и склонялись къ федерализму; что признаніе централистическаго принципа въ какой-либо партіи является признаніемъ принципа реакціоннаго, противорѣчащаго сущности соціализма, который провозгласилъ свободу не только отдѣльныхъ народовъ, но даже отдѣльныхъ ассоціацій; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, согласно своей политической программѣ, слѣдуетъ принципу, ограничивающему свободу, препятствуя этимъ разрѣшенію національнаго вопроса, тогда какъ правильное его разрѣшеніе необходимо для свободнаго развитія рабочаго движенія; принимая во вниманіе, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія во имя соціализма подноситъ русскому народу узко-демократическую программу и этимъ препятствуетъ распространенію настоящаго соціализма въ Россіи и у насъ; что эта партія не считается съ интересами крестьянства, проповѣдуетъ пролетаризацію деревни и даетъ крестьянству какіе-то отрѣзки, что противорѣчитъ одно другому; что она противъ соціализаціи земли при теперешнихъ усло[illegible] — признаетъ, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, скованная [illegible] съ одной стороны, проникнута шовинизмомъ, а съ другой [illegible] совершенно отстала отъ революціоннаго движенія, парализуя всякое активное стремленіе къ свободѣ. Что же касается грузинскихъ соціальдемократовъ, то, помимо всѣхъ вышеуказанныхъ недостатковъ, они имѣютъ еще тотъ, что являются рабски подчиненными Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., его слѣпымъ орудіемъ и этимъ, наряду съ полнымъ отрицаніемъ своей самостоятельности, они, вмѣсто свободной солидарности, признали насильственную форму единенія русскаго и грузинскаго пролетаріата".

„Запахъ" этой, во всѣхъ смыслахъ слова, нелѣпой, резолюціи слишкомъ бьетъ въ носъ, чтобы подвергать ее серьезному разбору. Гимназисты отъ революціи, писавшіе ее, имѣли въ своемъ распоряженіи столько доводовъ, что не справились съ этимъ богатствомъ. Намъ, поэтому, осталось непонятнымъ, въ чемъ, собственно, провинилась наша партія по отношенію къ крестьянамъ: въ томъ ли, что она „проповѣдуетъ пролетаризацію", въ томъ ли, что она препятствуетъ этой пролетаризаціи, „давая(!!) какіе-то отрѣзки", или, наконецъ, въ томъ, что, давая имъ запутанную аграрную программу, она оскорбляетъ здравый смыслъ крестьянина (или буржуа-націоналиста?) и его логику?

Не приходится останавливаться и на замѣчательной исторической справкѣ о связи „народныхъ движеній" (какихъ? напр., вандейскаго?) съ федерализмомъ. Въ двухъ словахъ мы только отвѣтимъ на лживое обвиненіе нашей партіи въ „ограниченіи свободы" для угнетенныхъ національностей. Борясь и агитируя за свободное самоопредѣленіе всѣхъ угнетенныхъ царизмомъ націй, соціальдемократія тѣмъ самымъ обязывается быть всегда и вездѣ на сторонѣ націи, борющейся за свое освобожденіе. Но это обстоятельство вовсе не обязываетъ ее признавать, что всегда и вездѣ для угнетенной націи путь къ освобожденію лежитъ черезъ федерацію. Вѣдь, могли же сами грузинскіе „соціалисты" додуматься до того, что образованіе самостоятельнаго государства („сепаратизмъ") „не является лучшимъ залогомъ" культурнаго развитія. Стало быть, вопросъ о политической формѣ для стремящейся къ освобожденію отъ гнета націи можетъ быть подчиненъ нѣкоторымъ интересамъ высшаго порядка? Но для соціалистовъ эти интересы высшаго порядка должны заключаться не въ „культурномъ развитіи націи", а въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата. А съ точки зрѣнія *этихъ* интересовъ, намъ иногда приходится и придется показывать пролетаріату, что такъ называемые „національные" интересы, ради которыхъ его зовутъ добиваться отдѣленія или федераціи, суть ничто иное, какъ интересы національной буржуазіи. Въ этихъ случаяхъ мы не скажемъ пролетаріату: откажи своей націи въ правѣ на самоопредѣленіе, но скажемъ: воздѣйствуй на ея политическую волю такъ, чтобы это свободное самоопредѣленіе направилось въ сторону такой, а не иной формы государственныхъ отношеній. Какой же смыслъ въ этихъ нелѣпыхъ обвиненіяхъ соціальдемократіи, что она „ограничиваетъ свободу" угнетенныхъ націй, что она „проникнута шовинизмомъ?"

„Рев. Россія" считаетъ нужнымъ пояснить, что „крайне рѣзкая" резолюція анархисто-націоналистическаго треста для борьбы съ пролетаріатомъ вызвана „централистическими тенденціями Искры". Почтенная газета сообщаетъ, что въ этомъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, соціальдемократія „надѣлала себѣ не мало вреда". Вамъ-то нечего, казалось бы, печалиться по этому поводу?

Скорбя о „вредѣ", причиненномъ „Искрой" нашей партіи, „Рев. Россія" констатируетъ такіе плоды нашей политики: „1) ни съ одной изъ польскихъ соціалистическихъ партій союзъ для нея (Р. С.-Д. Р. П.) сталъ надолго невозможнымъ; 2) отношенія съ литовской соціальдемократіей достаточно характеризуются помѣщаемымъ въ этомъ же № (Р. Р.) письмомъ редакціи „Darbininku Balsas"; 3) съ „Бундомъ" — полный расколъ; 4) въ отношеніяхъ съ армянами и грузинами (надо сказать: съ армянскими и грузинскими буржуа... Ред.) — прогрессивно обостряющійся кризисъ и 5) отсутствіе всякихъ отношеній съ латышами и украинцами".

Мы не видимъ, однако, почему бы это „союзу" нашему съ польскими товарищами быть „надолго невозможнымъ"? Пессимизмъ „Револ. Россіи" ни на чемъ, — кромѣ добрыхъ желаній этой газеты, — не основанъ. Равнымъ образомъ, мы не теряемъ надежды на сближеніе ни съ какой другой *пролетарской* организаціей въ Россіи, стоящей нынѣ внѣ партіи. Болѣе того: мы думаемъ, что этому сближенію, этой концентраціи пролетарскихъ силъ, сильно будетъ содѣйствовать позиція, занятая нашими добрыми друзьями — „соціалистами-революціонерами" въ національномъ вопросѣ.

Эта позиція, которую „партія с.-р-овъ" заняла въ процессѣ и въ интересахъ борьбы съ соціальдемократіей, можетъ быть опредѣлена такъ: образовать федерацію всѣхъ, называющихъ себя „соціалистическими", національныхъ организацій и сгруппировать ихъ вокругъ собственной „партіи". Ради этой цѣли, неблагодарные потомки централистовъ-народовольцевъ внезапно стали федералистами; они „обѣщаютъ" (революціонному авантюризму ничего не стоитъ обѣщать все, что угодно) каждой такой организаціи, при перемѣнѣ нынѣшняго государственнаго режима, все, чего она хочетъ; они не „навязываютъ" федерирующимся организаціямъ никакой общей программы: вѣдь, въ Россіи „столько районовъ, совершенно различныхъ въ географическомъ, въ климатическомъ (особенно важно для разнообразія политическихъ программъ. Ред.), промышленномъ, культурномъ, національно-расовомъ отношеніи" („Р. Р.", № 46, стр. 9). Соц.-рев. хотятъ сами жить и обѣщаютъ давать жить другимъ; они открываютъ широко объятія всѣмъ націоналистамъ...

Итакъ, россійскую соціальдемократію хотятъ окружить кольцомъ всевозможныхъ революціонно-демократическихъ и националистическихъ организацій, чтобы вести войну противъ нея, какъ представительницы „шовинизма", руссификаторства etc. Наша партія безъ труда справится съ этой новой напастью. А дѣйствительно-пролетарскимъ элементамъ не-русскихъ національностей, стоящимъ еще внѣ нашей партійной организаціи, слѣдуетъ обратить особое вниманіе на ту эволюцію демократическаго національзма, проявленіемъ которой являются грузинская конференція и отношеніе, занятое соціалистами-революціонерами по національному вопросу.

Новѣйшія національно-революціонныя движенія въ Россіи, возникшія подъ вліяніемъ бурнаго роста рабочаго движенія на окраинахъ и, въ силу этого, пытающіяся опереться на пролетарскіе и соціалистическіе элементы, эти движенія выражаютъ собой двѣ тенденціи. Одна — прогрессивная — означаетъ революціонный протестъ мелкой буржуазіи противъ самодержавія. Другая — реакціонная — цѣликомъ направлена противъ сознательнаго революціоннаго пролетаріата, къ его политической изоляціи отъ пробуждающихся къ протесту народныхъ массъ или же къ растворенію его въ рядахъ „внѣклассовыхъ" партій. Для успѣшной борьбы съ этими реакціонными тенденціями, сознательнымъ пролетаріямъ каждой отдѣльной національности необходима организація, достаточно свободная въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы вести энергичную борьбу за классовую самостоятельность пролетарскаго движенія на той самой конкретной исторической почвѣ, которая породила всѣ эти „народовыя демократіи“, „P. P. S.“, армянскихъ и грузинскихъ „соціалистовъ-федералистовъ“, еврейскихъ „пейлэ-ціонъ“ (рабочихъ-сіонистовъ) и пр., и пр. Нужна, слѣдовательно, достаточно автономная организація, обладающая политической иниціативой и умѣющая приспособлять общепартійную программу и тактику къ спеціальнымъ условіямъ среды. Но для того, чтобы такія автономныя организаціи обладали достаточной силой въ борьбѣ съ националистическими соперниками за вліяніе на народныя массы, чтобы всегда неизбѣжное политическое взаимодѣйствіе между организаціей и средой, въ которой она работаетъ, не направлялось, — при тѣхъ специфически благопріятныхъ для національзма условіяхъ, которыя даются національнымъ гнетомъ, — въ сторону стихійнаго подчиненія организаціи интересамъ чистаго національзма, — для этого необходимо, чтобы автономныя пролетарскія организаціи отдѣльныхъ націй или окраинъ не номинально, а реально являлись частями обще-партійной пролетарской организаціи, политика которой выражаетъ въ чистомъ видѣ классовые интересы пролетарскаго движенія въ его цѣломъ. Давленіе централизованной партійной организаціи на ея отдѣльныя составныя части сплошь и рядомъ воспринимается болѣзненно этими послѣдними (особенно при переходѣ отъ полной „самостоятельности“ къ координированной работѣ въ рядахъ большой партіи), и можетъ казаться, что это давленіе приводитъ только къ стѣсненію свободы приспособленія данной части къ спеціальнымъ условіямъ ея политической работы. Это не такъ: давленіе всей партіи на ея отдѣльныя части является, прежде всего, важной гарантіей того, что это приспособленіе не будетъ носить *оппортюнистическій* характеръ. (Мы имѣемъ въ виду, разумѣется, дѣйствительную централизацію партійной работы, а не ту, чисто-бумажную „централизацію“, которая фактически узаконяетъ приходскую обособленность и примитивность работы отдѣльныхъ организацій, восполняя ее бюрократической регламентаціей внѣшнихъ проявленій партійной жизни). А такое давленіе всей партіи невозможно фактически при той слабой связи между частями, какую даетъ организаціонная федерація. Мелкобуржуазнымъ національнымъ „партіямъ“ такая федерація безусловно необходима, поскольку ихъ соединеніе для общаго дѣйствія, навязанное имъ *извнѣ* политикой царизма, только и возможно на почвѣ *полной самобытности* политической физіономіи каждой изъ федерирующихся группъ. Только закрывая глаза на идеологическій уборъ своего „союзника“, можетъ буржуазный революціонеръ-націоналистъ одной народности протянуть руку своему классовому собрату другой народности. Политическій союзъ для борьбы съ самодержавіемъ является для обоихъ прелюдіей къ отчаянной дракѣ, которая въ той или другой формѣ „національной борьбы“ возгорится между ними на другой день послѣ сверженія царизма. Напротивъ, объединеніе пролетарскихъ организацій диктуется послѣднимъ безусловной и полной общностью *классовыхъ* интересовъ пролетаріевъ разныхъ націй, болѣе глубокихъ и основныхъ, чѣмъ преходящіе интересы сегодняшней борьбы съ опредѣленной политической формой. Эта общность основныхъ интересовъ такъ абсолютна, что только навязанныя пролетаріату *извнѣ* государственныя учрежденія могутъ воспрепятствовать выраженію этой общности въ единой политической организаціи.

---

[1]) Это, конечно, не значитъ, что въ странахъ, которымъ не удастся достигнуть полной демократизаціи, пролетаріатъ не сможетъ овладѣть политической властью. Отсутствіе или неполное развитіе демократическихъ учрежденій только затруднитъ соціалистическій переворотъ.

ГОЛЛАБРУНЪ И КА-ЛЬЕНЪ-ТЗЕ.

Таково заглавіе одной изъ статей г. Бернэ, который печатаетъ въ „Le Temps“ свои „Propos Militaires“ и который, какъ говорятъ, принадлежитъ (Бернэ — псевдонимъ) къ числу самыхъ крупныхъ военныхъ авторитетовъ Франціи. Эта статья написана имъ по поводу того, что какой-то русскій военный писатель сравнилъ недавнее Тюренченское сраженіе (французы называли его сраженіемъ при Ка-льенъ-тзе отъ имени главнаго пункта русской позиціи) съ битвой при Голлабрунѣ (часто называющейся у насъ Шенграбенской битвой), во время которой Багратіонъ съ семи-тысячнымъ отрядомъ мужественно отражалъ въ ноябрѣ 1805 года нападеніе трехъ французскихъ дивизій и отступилъ только въ одиннадцать часовъ вечера, потерявъ половину своихъ людей. Русскому военному писателю, какъ видно, пріятно было вспомнить объ этой битвѣ, чтобы лестнымъ сравненіемъ съ нею выставить въ возможно болѣе благопріятномъ свѣтѣ храбрость русскихъ войскъ, такъ стойко сопротивлявшихся на рѣкѣ Ялу превосходнымъ силамъ непріятеля. Г. Бернэ находитъ, однако, это сравненіе не совсѣмъ удачнымъ: сраженіе при Голлабрунѣ *было необходимо* для того, чтобы прикрыть отступленіе арміи Кутузова, которому угрожала участь генерала Мака, принужденнаго сдаться на капитуляцію при Ульмѣ; на рѣкѣ же Ялу „Засуличъ не прикрывалъ ничего и онъ, можетъ быть, совершилъ ошибку, позволивъ вовлечь себя, — за 150 верстъ отъ главныхъ силъ арміи, — въ серьезное столкновеніе, въ которомъ онъ могъ все потерять и отъ котораго армія не могла получить никакой пользы“. Слова: „можетъ быть“ стоятъ здѣсь лишь для того, чтобы удовлетворить строгимъ требованіямъ французской вѣжливости. На самомъ дѣлѣ г. Бернэ, — какъ это показываетъ вся его статья, — очень твердо убѣжденъ, что сраженіе при Тюренченѣ было ровно никому не нужно и что генералъ Засуличъ только даромъ погубилъ тысячи человѣческихъ жизней и тѣмъ потратилъ много драгоцѣнныхъ силъ, которыя очень и очень могли бы пригодиться русской арміи въ другомъ мѣстѣ[1]. Но именно это совершенно нерасчетливое отношеніе къ силамъ своей собственной арміи и составляетъ, по мнѣнію г. Бернэ, отличительную черту психологіи русскихъ военачальниковъ. Французскій военный авторитетъ вспоминаетъ, какъ описана голлабрунская битва въ „*Войнѣ и Мирѣ*“ Толстого, и не безъ наивности называетъ героя этой битвы *грузина* Багратіона „чисто русской фигурой“. Эта „чисто русская фигура“ особенно сильно поражаетъ г. Бернэ *вялостью своихъ движеній, отсутствіемъ всякаго почина и равнодушіемъ къ участи солдата*. Г. Бернэ приводитъ то мѣсто въ романѣ Л. Толстого, гдѣ изображено, какъ Багратіонъ, увидѣвъ, что французское ядро убило казака, „равнодушно отвернулся, какъ будто говоря: стоитъ ли глупостями заниматься!“. Толстой умышленно подчеркиваетъ это отсутствіе почина и это равнодушіе, какъ доводъ въ пользу того своего мнѣнія, что роль начальника на войнѣ равна нулю, а все зависитъ отъ настроенія войска. „Какъ знать, — говоритъ г. Бернэ, — не доказываетъ ли примѣръ Ка-льенъ-тзе, подобно Голлабруну, что мнѣніе великаго писателя справедливо? Начальство не обнаружило тамъ, насколько извѣстно, ни особенной проницательности, ни большой дѣятельности, между тѣмъ какъ войско, наоборотъ, выказало ту непобѣдимую стойкость и ту безграничную преданность, которыя всегда являлись главными свойствами русскаго солдата“. Далѣе, г. Бернэ приводитъ цифры потерь, понесенныхъ нами на р. Ялу и, указавъ на то, что въ нѣкоторыхъ частяхъ отряда ген. Засулича онѣ достигали до 25% наличнаго состава, говоритъ: „эта огромная пропорція достигалась нами, французами, только въ самые кровавые дни нашей военной исторіи: при Маренго, при Ваграмѣ или при Ватерлоо; она превосходитъ всѣ пропорціи, отмѣченныя къ чести нашихъ солдатъ во время войны 1870 года. Даже въ сраженіи при Виссембургѣ, которое похоже на битву при Ка-льенъ-тзе какъ по упорной энергіи войска, такъ и — увы! — по слабости командованія, цифра нашихъ потерь была сравнительно невелика: въ „Révue d'Histoire“ мы читаемъ, что первый стрѣлковый полкъ, пострадавшій болѣе всѣхъ остальныхъ, потерялъ въ этомъ сраженіи лишь 518 человѣкъ изъ 2270 своего наличнаго состава“. Эти слова заключаютъ въ себѣ горькую, хотя и позолоченную, пилюлю. Уже одно напоминаніе о сраженіи при Виссембургѣ, — которое останется въ военной исторіи печальнымъ памятникомъ не только „слабости“, какъ выражается вѣжливый галлъ, а полной неспособности французскихъ военачальниковъ 1870-71 гг., — является весьма чувствительнымъ уколомъ самолюбію нашихъ „архистратиговъ“. Далѣе г. Бернэ колетъ еще больнѣе. Онъ противопоставляетъ японцевъ, одержавшихъ побѣду на р. Ялу, русскимъ, потерпѣвшимъ пораженіе: между тѣмъ, какъ побѣдители стараются утаить истинную цифру людей, выбывшихъ у нихъ изъ строя, побѣжденные громко кричатъ о своихъ великихъ и безплодныхъ потеряхъ. Это обстоятельство кажется г. Бернэ очень характернымъ для всей нашей системы. „Въ русскую систему не входитъ умолчаніе о томъ, что безъ всякой нужды (pour rien) вытерпѣли ихъ войска; русскіе гордятся своими потерями, какъ подвигомъ, невозможнымъ для солдатъ другихъ странъ, и какъ главной чертой, которая ихъ отличаетъ, которая, въ концѣ концовъ, является главнымъ ихъ козыремъ въ теперешней игрѣ и которая позволяетъ имъ не опасаться за будущее“. Русскимъ хочется показать, что на рѣку Ялу русскій солдатъ пришелъ такимъ же, какимъ онъ былъ при Голлабрунѣ, и что онъ не разучился умирать. „Русское начальство тоже не измѣнилось, — ѣдко прибавляетъ военно-литературный представитель нашихъ союзниковъ, — подобно тому, какъ Багратіонъ онъ равнодушно отворачивался отъ убитаго казака, оно до сихъ поръ охотно выказываетъ полное равнодушіе къ смерти солдата“.

Каждый изъ насъ прекрасно знаетъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ нѣтъ никакого преувеличенія. Наше военное начальство, совсѣмъ не полагаясь на свои собственныя знанія и таланты, уповаетъ только на мужество того самаго солдата, котораго оно безсовѣстно обкрадываетъ во всякое время, со всѣхъ сторонъ и подъ всевозможными предлогами, котораго оно бьетъ по лицу, наказываетъ (въ разрядѣ штрафованныхъ) розгами и награждаетъ лишь никому и ничего не стоющимъ „царскимъ спасибо“ да цинически насмѣшливымъ титуломъ „святой скотины“. Оно и прежде ни мало не дорожило жизнью нижнихъ чиновъ, не дорожитъ ею и теперь. Въ этомъ отношеніи, — равно, какъ и въ смыслѣ полнаго отсутствія всякаго сознанія своей нравственной отвѣтственности передъ своей страною, — оно совершенно неисправимо и какъ двѣ капли воды похоже на тѣхъ восточныхъ рабовъ-сановниковъ, — евнуховъ и царедворцевъ, — которые нѣкогда предводительствовали полчищами персидскихъ царей и другихъ азіатскихъ деспотовъ. Г. Бернэ очень хорошо подмѣтилъ эту отличительную черту нашихъ „отцовъ-командировъ“ и очень не дурно сдѣлалъ, поднеся имъ свою горькую пилюлю. Онъ былъ совершенно правъ, когда ставилъ имъ на видъ, что со времени голлабрунской битвы, — т. е., въ теченіе ста лѣтъ, ознаменовавшихся невѣроятно быстрыми успѣхами военной науки, — они не только ничему не научились, но даже многое позабыли. И этотъ упрекъ, раздавшійся изъ Франціи, свидѣтельствуетъ о томъ, что наши союзники, такъ долго имѣвшіе нелѣпо-преувеличенное мнѣніе о нашей военной силѣ, начинаютъ замѣчать свою ошибку. Правда, они до сихъ поръ еще не видятъ всей громадности этой ошибки. Даже скептическій г. Бернэ, повидимому, искренно вѣритъ въ то, что, благодаря стойкости нашего солдата, наши предержащія власти могутъ и „не опасаться за будущее“. Но это не такъ. Чѣмъ больше развиваются производительныя силы современнаго общества, тѣмъ болѣе совершенствуется военная наука: а чѣмъ болѣе она совершенствуется, тѣмъ труднѣе становится воевать, не имѣя въ рукахъ другихъ „козырей“, кромѣ стойкости. Это чрезвычайно убѣдительно показываетъ нынѣшняя русско-японская война, въ теченіе которой на долю Россіи не досталось ни одного успѣха. Да и сама стойкость, производящая такое выгодное впечатлѣніе на французскаго военнаго писателя, врядъ ли составляетъ такое неоспоримое свойство русскаго солдата, какимъ она кажется г. Бернэ и какимъ она несомнѣнно была въ прежнее время. Франсуа Кенэ говорилъ когда-то: „pauvres paysans — pauvre royaume“ (бѣдны крестьяне — бѣдно королевство). Мы можемъ, нѣсколько измѣняя смыслъ его словъ, сказать безъ всякаго риска ошибиться: *изнурены голодомъ крестьяне — плохи солдаты*. А мало-ли у насъ теперь такихъ мѣстностей, въ которыхъ голодъ сталъ хроническимъ явленіемъ и въ которыхъ выросло цѣлое поколѣніе, — и именно поколѣніе, находящееся теперь подъ россійскими знаменами, — рѣдко наѣдавшееся до сыта и страдающее тѣмъ, что врачи называютъ *физіологической нищетою? Солдаты, происходящіе изъ этихъ несчастныхъ мѣстностей, если бы даже они имѣли самую искреннюю готовность „лечь костьми“, органически не могутъ быть выносливыми, а слѣдовательно и стойкими*. И по мѣрѣ того, какъ къ участію въ кампаніи будутъ привлекаться солдаты, происходящіе изъ голодающихъ мѣстностей, стойкость русскихъ войскъ будетъ падать въ быстро возрастающей прогрессіи.

Это несомнѣнно: но это еще дѣло болѣе или менѣе близкаго будущаго. Сейчасъ россійскій солдатъ, происходящій, главнымъ образомъ, изъ мѣстностей, еще не испытавшихъ ужасовъ хроническаго голоданія, пока еще продолжаетъ сохранять за собой славу изумительной стойкости. Новое наше пораженіе ни мало не уменьшаетъ этой его славы: кровавое и такъ страшно неудачное для насъ дѣло тринадцатаго мая лишній разъ выставило нашего солдата въ очень лестномъ для него свѣтѣ. Но то же неудачное дѣло опять обнаружило полную неспособность нашихъ полководцевъ: достаточно сказать, что мы потеряли почти всю артиллерію, — фактъ, отъ котораго врядъ-ли удастся отолгаться нашимъ, столь искуснымъ во лжи, „отцамъ-командирамъ“. Подъ впечатлѣніемъ этой новой неудачи, г. Бернэ и его читатели сдѣлаютъ, вѣроятно, новый шагъ въ своемъ разочарованіи и врядъ ли уже будутъ вѣрить, что въ войнѣ съ Японіей Россія можетъ „не опасаться за будущее“.

Правительство Николая второго чувствуетъ, что для всѣхъ очевидная неспособность его полководцевъ можетъ окончательно подорвать вѣру въ его военное могущество и, вообще, въ его состоятельность, и вотъ оно заставляетъ генерала Куропаткина

---

[1] Просимъ замѣтить, что мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствовалъ ли ген. Засуличъ по собственному усмотрѣнію, или же по приказанію свыше. Это послѣднее предположеніе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Но подтвердится оно, — если подтвердится, — развѣ лишь въ отдаленномъ будущемъ, какъ выражается Щедринъ, лѣтъ черезъ тридцать въ „Русской Старинѣ“.

Каутскій о нашихъ партійныхъ разногласіяхъ.

Отъ редакціи. Печатаемое ниже письмо К. Каутскаго къ одному члену нашей партіи обратитъ на себя, вѣроятно, вниманіе всѣхъ интересующихся нашими партійными дѣлами и, надо надѣяться, будетъ способствовать болѣе хладнокровному и серьезному отношенію массы членовъ партіи къ тѣмъ конфликтамъ, начало которымъ положено вторымъ съѣздомъ Партіи. Происхожденіе письма таково: одинъ изъ товарищей, являющійся активнымъ представителемъ т. н. „большинства“ Партіи, прислалъ Каутскому для „Neue Zeit“ статью, въ которой старался познакомить нѣмецкихъ читателей съ сущностью нашихъ конфликтовъ. Какъ легко замѣтитъ читатель изъ отвѣта Каутскаго, центральная идея этой статьи заключалась въ сведеніи нынѣшняго конфликта къ антагонизму между „пролетарской дисциплиной“ и „интеллигентскимъ индивидуализмомъ“ (подробное развитіе этой идеи см. въ новой брошюрѣ Н. Ленина: „Шагъ впередъ, два шага назадъ.“). Каутскій не счелъ удобнымъ выносить на судъ европейской публики этотъ конфликтъ, на разрѣшеніе котораго еще имъ не потеряна надежда, но не отказался сообщить автору статьи свое мнѣніе о данномъ вопросѣ, поскольку онъ могъ себѣ его составить, главнымъ образомъ, по этой статьѣ товарища изъ „большинства“. Тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ можемъ мы констатировать, что „великій инквизиторъ“ ортодоксіи (какъ его любятъ ругать оппортунисты), даже въ предѣлахъ той узкой постановки вопроса, какую ему даютъ товарищи изъ „большинства“, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ высказался противъ позиціи, занятой авторомъ статьи, а, вмѣстѣ съ нимъ, и всѣмъ „большинствомъ“. Теперь надо опасаться, что Каутскаго объявятъ оппортунистомъ![1])

Копію съ своего письма К. Каутскій отослалъ одному изъ редакторовъ „Искры“, предоставивъ ему воспользоваться ею для печати на случай, еслибъ о мнѣніи редактора „Neue Zeit“ возникли въ нашей Партіи „превратныя толкованія“. Появленіе упомянутой выше книги тов. Ленина, въ которой этотъ лидеръ „большинства“ прикрываетъ свою позицію авторитетомъ Каутскаго, побудило насъ немедленно обратиться къ послѣднему за разрѣшеніемъ ознакомить русскихъ товарищей съ его дѣйствительнымъ мнѣніемъ. Такое разрѣшеніе не замедлило послѣдовать. Мы печатаемъ письмо, устранивъ изъ него первыя строки, въ которыхъ Каутскій объясняетъ упомянутыя выше причины непомѣщенія статьи.

---

[1]) Разумѣется, если бы Каутскаму были извѣстны остроумныя попытки „углубить“ позицію „большинства“, сдѣланныя уральскими и нѣкоторыми иными „представителями“ и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, онъ еще менѣе нашелъ бы въ себѣ солидарности съ этимъ „большинствомъ“.

Дорогой товарищъ!

...Вы просите меня высказать мое мнѣніе по интересующему васъ вопросу. Я не считаю себя въ немъ особенно компетентнымъ. Онъ касается организаціонной области, — а я никогда не работалъ, какъ практикъ-организаторъ. Для того, чтобы рѣшить его, необходимо также болѣе глубокое знаніе русскихъ условій, чѣмъ то, которымъ я обладаю. Но само собою разумѣется, что я имѣю всетаки о немъ свое мнѣніе, и если вы желаете знать его, — то у меня нѣтъ никакихъ основаній скрывать его отъ васъ. Опытъ, пріобрѣтенный мною во время господства исключительнаго закона въ Германіи, возмѣститъ, быть можетъ, мое недостаточное знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи.

Всѣ дошедшія до меня свѣдѣнія сходятся въ томъ, что исходнымъ пунктомъ раздоровъ внутри Партіи были разногласія по поводу организаціоннаго устава — по вопросу о томъ, кто долженъ считаться членомъ партіи, — тотъ, кто принадлежитъ къ какой-нибудь партійной организаціи — или тотъ, кто поддерживаетъ партію, признавая ея программу и ея контроль надъ своею дѣятельностью?

Еслибы вопросъ этотъ былъ поставленъ въ Англіи, Франціи или Швейцаріи, то я, не колеблясь, высказался бы за первую формулировку. Тамъ, гдѣ соц.-демократія можетъ открыто организовать свои силы, членомъ партіи долженъ считаться только тотъ, кто участвуетъ въ какой-нибудь партійной организаціи.

Не такъ, однако, обстоитъ дѣло въ Россіи. Партійная организація можетъ существовать тамъ лишь въ видѣ *тайнаго общества* (Geheimbund), и вопросъ долженъ быть формулированъ для Россіи такъ: Слѣдуетъ ли заставлять каждаго члена партіи вступать въ тайную организацію? Или, другими словами, слѣдуетъ-ли ограничивать партію рамками тайнаго общества?

Этотъ вопросъ стоялъ передъ нѣмецкою соц.-демократіей во время господства исключительныхъ законовъ, и она отвѣтила на него *отрицательно*. „Не въ интересахъ нашего дѣла считать членами нашей партіи только тѣхъ, кто можетъ вступить въ нашу тайную организацію. Но не въ интересахъ нашего дѣла также вводить всѣхъ, преданныхъ этому дѣлу, людей въ нашу тайную организацію. Такая организація не должна переходить извѣстныхъ минимальныхъ границъ, если только она хочетъ остаться дѣеспособной и предохранить себя отъ проваловъ. Намъ совершенно не зачѣмъ раздвигать ее въ какой-нибудь мѣстности за границы, которыя опредѣляются каждый разъ практическими соображеніями. Распространенію же нашей партіи мы, наоборотъ, не должны ставить никакихъ границъ.

Уже изъ этого ясна вся разница между партіей и тайной организаціей.

Во время законовъ противъ соціалистовъ, мы старались вводить въ наши организаціи тѣхъ только, въ комъ онѣ нуждались, кто работалъ надъ изданіемъ, транспортомъ и распространеніемъ литературы, кто занимался добываніемъ и расходованіемъ денежныхъ средствъ, устройствомъ демонстрацій и т. п. Нецѣлесообразно было, наоборотъ, принимать въ организацію людей, которые не должны были регулярно работать въ ней, которые лишь, по мѣрѣ надобности, поддерживали партію денежными средствами, личными услугами или участіемъ въ демонстраціяхъ. Конечно, мы старались, по возможности, сорганизовать и эти элементы — въ профессіональные союзы, въ пѣвческіе ферейны и т. п. Въ Россіи это все, конечно, невозможно. Но и у насъ въ дѣйствительную тайную партійную организацію эти сравнительно-широкія организаціи не входили.

Однимъ изъ пережитковъ (Nachwirkungen) исключительнаго закона противъ соціалистовъ, а также и того обстоятельства, что законы многихъ нѣмецкихъ государствъ не допускали устройства организацій, является тотъ пунктъ нашего устава, въ которомъ говорится, что членомъ партіи считается всякій, принимающій ея программу и регулярно поддерживающій ее денежными взносами. Принадлежности къ партійной организаціи этотъ пунктъ не требуетъ.

Вы говорите, затѣмъ, что противоположность взглядовъ, проявляющаяся въ этомъ организаціонномъ вопросѣ, есть та же самая, которая занимаетъ теперь насъ въ Германіи: что это то же столкновеніе пролетарской дисциплинированности и организованности съ интеллигентскимъ стремленіемъ къ автономіи. Дѣло, однако, обстоитъ совсѣмъ не такъ. Въ основѣ того русскаго спора, о которомъ идетъ рѣчь, лежитъ противоположность между условіями существованія открытой организаціи, съ одной стороны, и тайной — съ другой. И только случайно этотъ споръ имѣетъ внѣшнее сходство съ нашимъ столкновеніемъ между пролетарской дисциплинированностью и интеллигентскимъ индивидуализмомъ. При открытой организаціи каждое пролетарское движеніе должно стремиться къ проведенію самой строгой дисциплины и самой тѣсной сплоченности; при тайной организаціи приходится, наоборотъ, отказаться отъ этихъ стремленій. Здѣсь нужно предоставить каждой отдѣльной организаціи очень широкую автономію. Здѣсь всякая *формальная*[1] централизація только уменьшаетъ дѣеспособность организаціи и увеличиваетъ опасность и опустошительность проваловъ. Во время исключительнаго закона въ Германіи каждая мѣстная часть партіи (Localität) была автономна также и въ отношеніи того способа организаціи, который она для себя вырабатывала, примѣняясь повсюду къ мѣстнымъ условіямъ.

Эту автономію не слѣдуетъ, однако, смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ руководящаго центра.

На *каждой части* партійнаго цѣлаго лежало тогда больше отвѣтственности, но каждая имѣла и больше правъ, должна была дѣйствовать съ большей самостоятельностью, — и все это относится не къ низшимъ только, но также и къ высшимъ звеньямъ организаціонной цѣпи. Самостоятельнѣе были въ то время и редакціи партійныхъ органовъ, не исключая центральнаго, гораздо большей иниціативой, чѣмъ въ настоящее время, пользовался также и партійный центръ — Parteivorstand.

Но связующей силой, объединявшей всѣ эти самостоятельные элементы, было взаимное *довѣріе* — не формальная централизація, а прежде всего довѣріе къ вождямъ, къ ихъ честности, уму, вѣрности своимъ убѣжденіямъ и энергіи. Безъ престижа такихъ личностей какъ Бебель, Либкнехтъ, Зингеръ, Ауэръ телеграфировать царю, что взятіе японцами Кинъ-чеу было имъ предвидѣно и ничего въ его планахъ не измѣняетъ.[1] Выходитъ, что и это наше пораженіе составляетъ лишь часть „строго обдуманнаго плана“ нашихъ военныхъ дѣйствій. Это поистинѣ изумительный планъ: онъ такъ „строго обдуманъ“, что позволяетъ „предвидѣть“ окончательное пораженіе россійской арміи. Теперь со дня на день можно ожидать извѣстія о томъ, что японцы на голову разбили самого автора этого остроумнаго плана, генерала Куропаткина. Но если россійскому войску придется испытать эту новую неудачу, то она, конечно, не смутитъ предводительствующаго имъ хитраго Улисса. Даже находясь въ плѣну у японцевъ, онъ сумѣетъ послать въ Петербургъ успокоительную телеграмму, въ которой повѣдаетъ удивленному міру, что онъ очень хорошо предвидѣлъ свое пораженіе. Жалкіе люди! Смѣшные шарлатаны! Они не теряютъ надежды „благоудивить“ своими „благоглупостями“ весь цивилизованный міръ, между тѣмъ какъ весь цивилизованный міръ начинаетъ проникаться вполнѣ заслуженнымъ презрѣніемъ и къ нимъ самимъ, и ко всей ихъ „системѣ“...

---

[1]) Курсивъ нашъ.

* * *

Статья эта была уже набрана, когда въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что генералъ Куроки разбилъ Куропаткина недалеко отъ Ляо-Янга. Англійская пресса утверждаетъ, что русское войско покинуло свою позицію, оставивъ свою артиллерію въ рукахъ непріятеля. Мы еще пока не знаемъ, что это: газетная ли утка, или же новый рѣшительный шагъ къ осуществленію „строго обдуманнаго“ плана нашего дальновиднаго главнокомандующаго. Этотъ вопросъ, конечно, очень скоро разрѣшится въ томъ или другомъ смыслѣ. Но уже и теперь несомнѣнно, что Куропаткинъ находится въ критическомъ положеніи. Это видятъ всѣ, кромѣ Николая II, который, ничего не „предвидя“, охотно вѣритъ всему тому, въ чемъ увѣряетъ его придворная клика. Римляне не даромъ говорили: кого Юпитеръ захочетъ погубить, у того онъ отниметъ разумъ. Правда, что у Николая II и отнимать-то было нечего.

ПУТЕШЕСТВІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Говорятъ, что не бываетъ такой завалящей ветоши, которая рано или поздно не пригодилась бы „въ хозяйствѣ“. Отъ дѣйствія этого правила не изъятъ и ничтожный россійскій самодержецъ, въ обычное время годный лишь на то, чтобы „храниться“ въ какомъ нибудь закоулкѣ Зимняго или иного дворца, ничѣмъ не проявляя своей „личности“. Время отъ времени, однако, и жалкая самодержавная ветошь оказывалась „нужной“. Такъ, уже два раза, по требованію парижскихъ лавочниковъ и рантьеровъ, вкладывающихъ свои „сбереженія“ въ русскія бумаги, „могущественнѣйшій монархъ“ послушно являлся на парижскіе бульвары, лобызался съ президентомъ республики, жалъ руки республиканскимъ министрамъ и депутатамъ, раскланивался, мило улыбаясь, съ парижской толпой на той самой площади, гдѣ пала голова Людовика XVI, оживлялъ парижскую торговлю, привлекая массу иногороднихъ любопытнымъ зрѣлищемъ самодержца, являющагося въ качествѣ комми-вояжера въ гости къ „безбожнымъ“ республиканцамъ, словомъ, продѣлывая все, чего требовали отъ него французскіе буржуа, а затѣмъ скромно сходилъ со сцены, и въ мѣшки, услужливо подставляемые русскимъ министерствомъ финансовъ, начинало обильной струей литься французское золото. А „скорбный главою“ самодержецъ снова запирался въ своемъ дворцѣ-тюрьмѣ, гадалъ на кофейной гущѣ съ „отцомъ“ Филиппомъ, прозрѣвалъ погоду съ Демчинскимъ, велъ „политическія“ бесѣды съ княземъ Мещерскимъ, и лишь изрѣдка давалъ знать о себѣ міру краткими литературными упражненіями: „быть по сему“, „искренно благодарю“, „прочелъ съ удовольствіемъ“. И такъ вплоть до тѣхъ поръ, пока въ карманахъ снова оказывалось пусто, и парижскіе лавочники опять начинали требовать „оживленія“ торговли. И снова отправлялся царь въ путешествіе, снова изъ кожи лѣзъ вонъ, чтобы „faire marcher la commerce“, снова кланялся и улыбался, улыбался и кланялся и т. д. до вожделѣннаго конца въ видѣ золотого потока.

И богъ вѣсть, сколько-бы длилось такое времяпрепровожденіе, сколько бы разъ еще ѣздилъ Николай II „показывать себя“ парижанамъ и слышалъ грозное „вонъ!“ итальянскаго пролетаріата при попыткѣ „показаться“ и римлянамъ, если бы могучія волны историческаго потока, долго и упорно, съ неодолимою силою стихійности, подмывавшаго основаніе трона самодержца, не начали вздыматься такъ бурно, такъ грозно, что отъ холодныхъ брызгъ ихъ сжалось сердце самодержавной клики. Отдѣльныя стачки, студенческія волненія, земская оппозиція, ростъ политическаго броженія среди „третьяго элемента“, демонстраціи съ ихъ громкимъ „долой самодержавіе“, разносившимся изъ конца въ конецъ русской земли, крестьянскіе „бунты“, всеобщія стачки, всколыхнувшія сотни тысячъ обывателей, обнаружившія огромное наростаніе ищущаго исхода недовольства и гнѣва въ низинахъ народа, и неустанная, все растущая, все глубже проникающая, все шире разливающаяся революціонная пропаганда — все это тяжелымъ кошмаромъ, неумолимымъ рокомъ надвигалось на самодержавіе, заставляло его судорожно метаться, искать спасенія передъ надвигающимся грознымъ призракомъ небытія. Тѣ дикія преслѣдованія всякихъ проблесковъ свободной мысли и свободнаго слова, которыя мы видѣли за послѣдніе годы, оргіи опричинны, кровавыя „усмиренія“, нагайки и висѣлицы — все это ни на минуту не можетъ закрыть отъ внимательнаго взора ту утрату вѣры въ свою долговѣчность, въ прочность своего царствованія, которая такъ характерна для времени упадка самодержавія.

И чѣмъ больше росло народное недовольство и возмущеніе, чѣмъ выше вздымались революціонныя волны, чѣмъ яснѣе становилась безнадежность, шаткость позиціи самодержавія, тѣмъ больше и больше — наряду съ безшабашнымъ разгуломъ полицейскаго сыска и кулака — ощущали слуги самодержавія потребность въ гашишѣ, который далъ бы возможность забыться, не видѣть грядущей гибели, обмануть не только другихъ, но и самихъ себя. Дѣйствительность дарила лишь горькими сюрпризами, несчастіями, которыя казались необъяснимыми, непонятными. Только чудо, казалось, могло еще спасти гибнущій корабль самодержавія. Нужно было обратиться къ міру призраковъ, нужно было извлечь тѣ обрывки романтическаго хлама, которые еще хранились въ архивахъ трезвенно-прозаическаго россійскаго самодержавія, нужно было подновить ихъ, прикрыть ими жалкую фигуру самодержца, своимъ убожествомъ какъ бы нарочно свидѣтельствующаго о вырожденіи самодержавія.

И самодержецъ снова понадобился въ собственной своей персонѣ. При звонѣ колоколовъ, посреди густой цѣпи солдатъ, окруженный цѣлой сворой сыщиковъ и полицейскихъ, отправился самодержавный царь въ новое путешествіе, на поиски за чудомъ. И чудо было обрѣтено. Серафимъ Саровскій явится святымъ, взявшимъ на себя спеціальную миссію борьбы съ крамолой; онъ окружитъ ореоломъ святости самодержца; онъ благословитъ и освятитъ всѣ насилія, всѣ жестокости, весь произволъ деспотизма, борющагося за свое существованіе; онъ спасетъ самодержавіе... Что-то болѣзненное, почти истерическое чудилось въ этой жадной погонѣ разлагающагося режима за призрачнымъ чудомъ, въ этихъ романтическихъ поискахъ волшебнаго эликсира, который далъ бы забвеніе и покой...

Двадцатый вѣкъ, обстановка развивающагося капиталистическаго общества, неудержимо рвущаго сковывающія его цѣпи азіатскаго деспотизма и толкающаго на историческую сцену къ сознательной жизни массы трудящагося народа, жгучая реальная боль отъ впившихся въ народное тѣло когтей самодержавнаго орла — все это мало благопріятствовало подвигамъ новоявленнаго охранителя-чудотворца, и вся съ такимъ трудомъ и съ такою надеждою инсценированная феерія ни къ чему не повела. Серафимъ былъ забытъ и заброшенъ такъ же быстро, какъ былъ „обрѣтенъ“, и только жиръ, нагулянный саровскими „отшельниками“, напоминаетъ о мимолетной славѣ „святого“.

Романтическая феерія оказалась плоскимъ фарсомъ, и на первый дебютъ новоявленнаго „чудотворца“ россійская дѣйствительность дала немедленно грозный отвѣтъ въ видѣ всеобщей забастовки на югѣ. Снова потянулись для самодержавія обычныя будни съ ставшими уже „будничными“ тревогами и пораженіями. Самодержецъ былъ, за ненадобностью снова, сданъ въ архивъ и снова приступилъ къ безобидному надписыванію краткихъ изрѣченій на бумажкахъ, услужливо подносимыхъ царствующими именемъ самодержавія министрами. „Монархъ“ снова былъ спрятанъ въ кладовую до слѣдующаго „случая“. Какого — этого никто не зналъ. Понадобится ли Николай II снова парижскимъ лавочникамъ, или придется его заставлять говорить крестьянамъ затверженныя наизусть слова „незабвеннаго родителя“, или, наконецъ, опять нужно будетъ устраивать какую-нибудь мистически-монархическую комедію? Все могло быть.

Историческія судьбы распорядились, однако, такъ, что царь понадобился раньше, чѣмъ можно было думать. Хищническое по самой природѣ своей, хищническое въ своей внутренней и внѣшней политикѣ самодержавіе слѣпо шло на встрѣчу войнѣ, шло тогда, когда ему во что бы то ни стало нужно было сохранить миръ; ибо всякій рѣшительный актъ, всякій острый кризисъ, всякое рѣзкое напряженіе силъ не могло не обнаружить сразу всей гнилости, всей шаткости давно отжившаго свое время режима. Но самодержавіе, которое психологически не могло не закрывать глазъ на будущее — какъ все не живущее, а только прозябающее — давно разучилось разсчитывать послѣдствія своихъ собственныхъ шаговъ, давно питалось само и морочило другихъ лишь иллюзіей безвозвратно отлетѣвшей отъ него мощи, силы и крѣпости.

Война съ Японіей была для царизма неожиданностью. Не въ томъ, конечно, смыслѣ, какъ старается толковать лакействующая печать, что Россія и не думала „готовиться“ къ войнѣ; въ этомъ отношеніи все, что могъ и какъ могъ сдѣлать гнилой самодержавный режимъ, было сдѣлано, и если сдѣланное изъ рукъ вонъ плохо, то это обнаруживаетъ только лишній разъ полнѣйшую неспособность самодержавной бюрократіи организовать сколько нибудь серьезное предпріятіе, подчеркиваетъ ея паразитскую и дезорганизаторскую роль. Нѣтъ, неожиданна война была лишь въ томъ смыслѣ, что самодержавіе было поражено „дерзостью“ японцевъ, осмѣлившихся не повѣрить въ то призрачное „могущество“, кредитомъ котораго до сихъ поръ держалась царская политика. „Будетъ-ли война? Какой безсмысленный вопросъ послѣ того, какъ царь сказалъ, что онъ войны не хочетъ!“ И эти хвастливыя фразы писались тогда, когда японскій флотъ, поразившій „Ретвизана“ и „Цесаревича“, уже отплывалъ отъ береговъ Японіи! И даже послѣ того, какъ японцы на русскихъ броненосцахъ показали, какъ мало значитъ то, что „царь сказалъ“, самоувѣренный, задорный тонъ еще не исчезъ со страницъ „патріотической“ печати. „Макаки“, „невѣжественные азіаты“, „зазнавшіеся дикари“ и пр. и пр. — такими отборными перлами выражало царское правительство, устами всегда готовой къ услугамъ прессы, свое презрѣніе къ врагу и въ то же время свое полное непониманіе настоящаго положенія дѣлъ. Пораженіе на морѣ — это случайность, это плодъ японскаго „коварства“ и россійскаго благородства. Но дайте срокъ. Первая же встрѣча на сушѣ покажетъ японцамъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, дастъ имъ такой „страшный“ урокъ, котораго они долго не забудутъ. И опьяненное воображеніе рисовало уже картину высадки русскихъ войскъ въ Японію и заключенія блистательнаго мира въ Токіо, непремѣнно въ самомъ Токіо. И царскіе дипломаты спѣшили даже возвѣстить urbi et orbi, что никакого вмѣшательства со стороны какой нибудь третьей державы они при заключеніи мира не допустятъ.

И вотъ, состоялась эта первая „встрѣча“ на сушѣ, и поля Тюренченя, заваленныя грудою русскихъ тѣлъ, тысячи убитыхъ и раненыхъ, сотни попавшихъ въ плѣнъ, десятки пушекъ, оставленныхъ непріятелю, поспѣшное отступленіе, чуть не бѣгство, осажденный Портъ-Артуръ — громко свидѣтельствуютъ о начинающемся крушеніи самодержавія. Этого удара ничѣмъ не поправишь, и даже будущими „успѣхами“, если бы таковые оказались. И чѣмъ болѣе восхваляютъ „патріоты“ геройство русскихъ солдатъ, дравшихся съ безпримѣрной храбростью, тѣмъ болѣе суровый обвинительный актъ составляется русскому самодержавію! Всѣмъ ясно и очевидно, что ни той организованности и планомѣрности, ни той разсчетливости и осторожности, ни той сообразительности и умѣнья пользоваться обстоятельствами, ни технической подготовленности и полной координированности всѣхъ отдѣльныхъ движеній, какую обнаружили японцы, не съумѣло показать россійское самодержавіе. Въ лицѣ азіатовъ-японцевъ Европа, съ ея техническимъ прогрессомъ, съ ея цивилизаціей, съ ея просвѣщеніемъ, съ ея, хотя бы и ограниченной, политической и гражданской свободой, наносила жестокій, непоправимый ударъ европейской Азіи, русскому царизму. Впечатлѣніе этого удара было ошеломляющее. Жалкій лепетъ о „заранѣе обдуманномъ планѣ“ долженъ былъ замолкнуть въ виду такого неопровержимаго факта, какъ 50 русскихъ пушекъ въ рукахъ японцевъ. Хвастливый задоръ смѣнился [illegible] попытками увѣрить себя и другихъ, будто прежнія кичливыя фразы никогда не говорились и не писались. Игрушечная война съ „макаками“ стала вдругъ „ужасной войной, опасность которой для Россіи, къ сожалѣнію, недостаточно сознается, вслѣдствіе легкомысленнаго и неосновательнаго отношенія къ Японіи“, какъ будто не тѣ же „Московскія Вѣдомости“, не то же „Новое Время“ больше всѣхъ проявляли это „легкомысліе“.

Передъ лицомъ этого новаго удара самодержавію, удара „внѣшняго“ послѣ того, какъ на него не перестаютъ градомъ сыпаться удары „внутренніе“, передъ этимъ новымъ „memento mori“ еще сильнѣе вспыхнула жажда самоопьяненія и забвенія, мистическія чаянія, ожиданія новыхъ „чудесъ“. Ибо что, кромѣ чуда, можетъ еще спасти этотъ режимъ, такъ наглядно показав

---

[1] См. „La Suisse“ отъ 30 мая (новаго стиля).

безъ обаянія имени Энгельса, стоявшаго за спиной Бернштейна и постепенно создававшаго ему вліяніе въ партіи, — нѣмецкая соц.-демократія не справилась бы такъ легко съ исключительнымъ закономъ.

Такая организація не можетъ считаться, конечно, идеальной; она страдала большими недостатками, — эти недостатки выступаютъ теперь наружу, такъ какъ пережитки былой автономіи еще сохранились, по традиціи, въ нашей организаціи. Задачей нѣмецкой соціальдемократіи является устраненіе такой автономіи, которая теперь служитъ только убѣжищемъ для неорганизованныхъ (desorganisierte) интеллигентовъ. Тамъ, гдѣ возможна открытая организація, — пролетаріатъ долженъ стремиться къ централизаціи, онъ долженъ принципіально предпочитать ее. Разговоры о демократическомъ принципѣ, будто бы требующемъ автономіи, просто смѣшны. Но наши автономныя организаціи были созданы не интеллигентами, а самыми дисциплинированными элементами нѣмецкаго пролетаріата, когда — при исключительномъ законѣ — открытая организація стала невозможной.

Мы хорошо знаемъ всѣ отрицательныя стороны этого типа организаціи, — но всѣ эти отрицательныя стороны необходимо присущи всякой тайной организаціи.

Поэтому, еслибы на вашемъ съѣздѣ мнѣ пришлось выбирать между Мартовымъ и Ленинымъ, то, на основаніи всего опыта нашей дѣятельности въ Германіи, — я рѣшительно высказался бы за Мартова.

Не менѣе ошибочнымъ представляется мнѣ также и слѣдующій шагъ Ленина — исключеніе Аксельрода, Старовѣра и Засуличъ изъ редакціи „Искры“. Я долженъ указать на то, что говорилъ уже выше о роли довѣрія и престижа въ тайной, широко развѣтвленной и потому крайне слабо объединенной организаціи. Эти невѣсомыя величины въ высшей степени важны и никогда не могутъ быть замѣнены какими бы то ни было организаціонными формами (въ подлинникѣ: formale Organisation).

Для тайной оргнизаціи, поэтому, въ высшей степени важно, чтобы ея вожди, выступая публично, всегда держались солидарно и отстаивали другъ друга, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по существу, держатся разныхъ мнѣній. Частыя и очень значительныя разногласія Бебеля съ Либкнехтомъ имѣли бы при исключительномъ законѣ роковыя послѣдствія для партіи, еслибы наши вожди рѣшали ихъ открытой борьбой въ формѣ пользованія большинствомъ для вытѣсненія противника съ поля его дѣятельности, — или еслибы Либкнехтъ, часто бывавшій недоволенъ „Соціаль-демократомъ“ — открыто выступилъ противъ него, т. е. противъ Энгельса и Бернштейна.

Могутъ быть, конечно, моменты, когда благо партіи требуетъ такого выступленія. Но только крайняя необходимость можетъ оправдать его. Мнѣ же не привели до сихъ поръ ни одной причины, почему нужно было удалить трехъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ.

Вы говорите, положимъ, что новая редакція должна была, рядомъ съ вопросами теоріи, рѣшать также вопросы практики, а трое удаленныхъ — теоретики, а не практики. Но еслибы это было такъ, если даже предположить, что Аксельродъ и др., дѣйствительно, такъ ужъ непрактичны, то и въ этомъ случаѣ не было бы никакихъ основаній удалять ихъ изъ редакціи. Когда *рядомъ* съ теоріей хотятъ заниматься практикой, то *рядомъ* съ теоретиками выбираютъ также и практиковъ, но не выбрасываютъ первыхъ вонъ. Фактически „Искра“ и ея направленіе (die Partei der Iskra) выросли, благодаря работѣ тѣхъ шести лицъ, которые ее редактировали. Эти шесть именъ вмѣстѣ представляютъ цѣльность и единство Партіи гораздо лучше, чѣмъ это могла бы сдѣлать при русскихъ условіяхъ любая формальная организація. Разъ тремъ изъ нихъ была объявлена война, — это означало полное разстройство организаціи. Если Ленинъ не хотѣлъ раскола, если онъ хотѣлъ сохранить единство партіи, онъ долженъ былъ стараться ужиться съ прежними редакторами, которыя выростили gross gemacht „Искру“. Изъ-за разногласій въ организаціонныхъ вопросахъ нельзя ставить на карту единство партіи. Можетъ быть, для этого имѣются еще какія-нибудь другія основанія, но я о таковыхъ не знаю.

— Всѣ послѣдовавшія событія были необходимымъ слѣдствіемъ происшедшаго. Вы жалуетесь на непозволительные способы борьбы вашихъ противниковъ. То же самое говорятъ они противъ васъ. Я не принимаю этихъ жалобъ слишкомъ трагически. Онѣ всегда раздаются съ обѣихъ сторонъ въ каждой междуусобной борьбѣ и безпристрастному зрителю онѣ доказываютъ только, что идетъ горячая борьба, борьба острымъ оружіемъ, наносящимъ тяжелыя раны.

Вы утверждаете, далѣе, что Аксельродъ и его друзья склоняются къ экономизму и оппортунизму. Я не могу провѣрить этихъ обвиненій, такъ какъ я не въ состояніи слѣдить за вашей литературой. Но я не могу имъ повѣрить: для этого я слишкомъ давно знаю Аксельрода, Плеханова, Засуличъ, какъ ясные и послѣдовательно мыслящіе умы. И мнѣ вдругъ говорятъ, что они внезапно, за нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно перевернулись! Я долженъ предположить, что ожесточеніе борьбы заставляетъ васъ видѣть въ слишкомъ черномъ свѣтѣ.

Какъ ни сильно, однако, противорѣчатъ другъ другу увѣренія обѣихъ сторонъ, — въ одномъ они сходятся: въ признаніи того печальнаго факта, что разногласія внутри партіи совершенно ослабляютъ ее въ такой моментъ, когда положеніе дѣлъ требуетъ отъ нея настоятельнѣе чѣмъ когда либо, — мобилизовать всѣ ея силы, — въ моментъ, когда рѣшается судьба Россіи, судьба всего міра на многія десятилѣтія. Необходимо возможно скорѣе выйти изъ такого положенія. Но что дѣлать?

Одесскій Комитетъ требуетъ немедленнаго созыва съѣзда. Но, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, съѣздъ можетъ только ухудшить положеніе, — и непремѣнно ухудшитъ его, если ему будетъ поставлена задача маіоризировать одно изъ направленій, безразлично — какое.

Къ характернымъ особенностямъ тайной организаціи относится также и то, что на съѣздахъ принадлежащихъ къ ней группъ, какъ и на международныхъ съѣздахъ, необходимо гораздо больше разсчитывать на соглашеніе, чѣмъ на маіоризированіе. Особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оба направленія приблизительно одинаково сильны, большинство не должно и пытаться навязывать меньшинству свои мнѣнія, если только возможенъ какой-нибудь иной выходъ для рѣшенія вопроса. И это потому, что въ конспиративной организаціи случай играетъ такую большую роль, контроль же надъ силами различныхъ организацій такъ труденъ, — что легко можетъ случиться, что при приблизительномъ равенствѣ въ силахъ обѣихъ сторонъ, меньшинство въ партіи на съѣздѣ окажется сильнѣе представленнымъ, чѣмъ большинство. Рѣшенія, принятыя незначительнымъ большинствомъ голосовъ, имѣютъ, при такихъ обстоятельствахъ, нравственную силу только тогда, когда меньшинство видитъ необходимость признать ихъ.

Объ этомъ должно прежде всего столковаться еще до съѣзда. Обѣ стороны должны проникнуться убѣжденіемъ, что всякое рѣшеніе организаціоннаго вопроса, если даже оно будетъ принято большинствомъ одного голоса и при томъ сомнительнаго, все же лучше теперешняго положенія.

Не нужно преувеличивать значеніе организаціонныхъ вопросовъ, въ томъ видѣ, какъ они поставлены теперь передъ русскими соціальдемократами. Я не вижу здѣсь принципіальнаго противорѣчія ни между пролетарскими и интеллигентскими стремленіями, ни между „*демократизмомъ*“ и „*диктатурой*“, а простой вопросъ цѣлесообразности; вопросъ о томъ, какая форма организаціи, при настоящихъ русскихъ условіяхъ, наилучше обезпечиваетъ необходимую комбинацію подвижности и приспособляемости къ измѣнчивымъ условіямъ борьбы съ единствомъ и планомѣрностью дѣйствія.

Но если это лишь вопросъ цѣлесообразности, — то не слѣдуетъ преувеличивать значенія возможныхъ слѣдствій побѣды того или другого направленія. Невѣрное рѣшеніе можетъ, конечно, привести къ ошибкамъ и лишней тратѣ силъ, но нужно же помнить, что не машины будутъ проводить въ жизнь это рѣшеніе, а мыслящіе люди, которые уже сами позаботятся о приспособленіи его къ обстоятельствамъ. При идейномъ единствѣ партіи, при признаніи всѣми ея членами одной и той же программы, практика исправитъ, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ложныхъ шаговъ, всѣ ошибки теоріи. Какъ бы велики, однако, ни были потери силъ и средствъ, вслѣдствіе этого невѣрнаго рѣшенія организаціоннаго вопроса, — онѣ, всетаки, не были бы такъ велики, какъ тѣ потери, которыя несетъ съ собой теперешнее положеніе дѣлъ, — потери въ силѣ партіи и ея вліяніи. Аксельродъ и его друзья могутъ быть увѣрены, что если даже пройдетъ на съѣздѣ проектъ Ленина, но за то возстановится прежнее партійное единство, — партія меньше пострадаетъ отъ проведенія въ жизнь этого проекта, чѣмъ она страдаетъ теперь отъ раздирающихъ ее междоусобицъ. Все это относится и къ Ленину на тотъ случай, если новый съѣздъ станетъ на сторону Мартова.

И прежде, чѣмъ созвать съѣздъ, необходимо, по моему мнѣнію, чтобы съ обѣихъ сторонъ имѣлась добрая воля пойти на возможно большія уступки другъ другу и въ то же время безусловно подчиниться какому бы то ни было рѣшенію съѣзда, — рѣшенію, къ которому меньшинство этого съѣзда должно будетъ отнестись, какъ къ меньшему изъ двухъ золъ, въ сравненіи съ этой злополучной междоусобицей.

Если же обѣ стороны явятся на съѣздъ съ твердымъ намѣреніемъ подавить и унизить противника, въ увѣренности, что шій свою неспособность и непригодность ни для какого дѣла? Покаянное настроеніе, молитвенныя стенанія, какой-то бредъ о „священной миссіи“, о „терновыхъ вѣнцахъ“, какое-то полупарлатанское, полуистерическое бормотанье заполняетъ столбцы реакціонной печати, показываетъ предсмертную тоску гибнущаго деспотизма.

Для войны, казавшейся сначала лишь „эпизодомъ на Дальнемъ Востокѣ“, нужны все новыя и новыя войска. И приходится мобилизовать все новыя и новыя губерніи, не потому, чтобы имѣющійся на лицо запасъ войска былъ уже дѣйствительно исчерпанъ, а потому, что царское правительство не можетъ отправлять противъ японцевъ войскъ, нужныхъ ему противъ своихъ собственныхъ „подданныхъ“. Ради этого, при все разростающемся народномъ недовольствѣ, приходится созывать запасныхъ, давая новую пищу ненависти къ самодержавному режиму, углубляя пропасть передъ своими ногами. Но уже одного росчерка „быть по сему“ недостаточно; нужна какая нибудь особенная умилостивительная жертва недовольному народу, нужно какъ нибудь задобрить его, подогрѣть „патріотическія“ чувства. И царская „персона“ снова понадобилась. Царя послали самолично въ тѣ губерніи, гдѣ производилась мобилизація.

И онъ ѣдетъ жалкій, растерянный, умѣющій только вездѣ — и въ Полтавѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Курскѣ и въ другихъ городахъ — пролепетать одну и ту же нескладную фразу о своихъ надеждахъ на доблесть войскъ и „божію помощь“. Вездѣ одна и та же мистическая церемонія „благословенія“ полка иконою, которую офицеры принимаютъ, стоя на колѣняхъ. Вездѣ одна и та же посылка съ ближайшей станціи телеграммы, въ которой „монархъ“ самымъ наивнымъ образомъ благодаритъ „населеніе“ за „соблюденіе порядка“, какъ бы нарочно подчеркивая, какъ напряженно, какъ нервно ждетъ онъ всюду „безпорядковъ“.

Чѣмъ то глубоко меланхоличнымъ, чѣмъ то отживающимъ вѣетъ отъ этого смѣшнаго объѣзда царя. Эти „благословенія“ эти иконы, эти колѣнопреклоненные офицеры — не вызываютъ ли въ памяти тѣ сцены посѣщенія гвардейскихъ офицеровъ Людовикомъ XVI, послѣднимъ французскимъ самодержцемъ, такимъ же ничтожнымъ, такимъ же жалкимъ, какъ послѣдній самодержецъ всероссійскій? И тогда призывалось „имя божіе“, и тогда офицеры склоняли колѣни передъ лицомъ „обожаемаго монарха“, и тогда меланхоліей и грустью вѣяло отъ этого „предсмертнаго“ прощанія монарха съ тѣми немногими „подданными“, которые еще оставались ему „вѣрны“; и тогда мистическіе порывы, надежды на „чудеса“, погоня за призраками начинали овладѣвать развратнымъ, жестокимъ, преступнымъ версальскимъ дворомъ.

И когда мы видимъ, что всѣ надежды царизма все больше и больше возносятся къ небу, это значитъ, что всѣ земныя силы слишкомъ явно возстаютъ противъ него; это значитъ, что ближе и ближе надвигается смерть самодержавія, что оно само все быстрѣе и быстрѣе приближается къ царству призраковъ; это значитъ, что уже загорается заря освобожденія русскаго народа отъ ига деспотизма.

КАКЪ ПОДГОТОВЛЯЛИСЬ ПОРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Русскія войска и флотъ терпятъ одно пораженіе за другимъ. И взволнованный обыватель ищетъ всюду причины этихъ неудачъ; — прежде всего видитъ онъ ее въ неспособности полководцевъ. И вотъ даже консервативные круги начинаютъ шушукаться о необходимости отвѣтственности Куропаткина[1]), объ „отвѣтственности“ министровъ (передъ кѣмъ? Передъ его величествомъ?! — Суду народа отвѣтятъ они за пролитую кровь. Но этотъ судъ — революція)

Безспорно, стратегическая несостоятельность нашихъ высокопоставленныхъ полководцевъ была одной изъ важныхъ ближайшихъ причинъ всѣхъ этихъ ужасныхъ пораженій. Раздѣлить и безъ того незначительный флотъ на двѣ эскадры, каждая изъ которыхъ не въ состояніи ни къ наступательной, ни даже къ оборонительной[2]) борьбѣ! Поставить армію въ такое положеніе, что въ случаѣ, если Китай присоединится къ Японіи[1]), наши войска очутятся между двухъ огней! Сдѣлать рѣку Ялу оборонительной базой, — и не загородить ея устье минами! — Какъ обдуманно была составлена диспозиція войскъ въ Златоустѣ, когда рабочихъ разстрѣливали съ двухъ сторонъ! Какъ адски-хитро былъ задуманъ (неудавшійся, однако) стратегическій планъ западни для бакинскихъ демонстрантовъ! И какъ жалки оказались эти стратеги въ борьбѣ не съ разрозненными волненіями недовольнаго люда, но съ обученной, дисциплинированной арміей! Убійцы златоустовскихъ, батумскихъ и сотенъ другихъ рабочихъ явились жалкими, неспособными стратегами; обращенные въ слѣпыя, неразсуждающія орудія, русскіе солдаты оказались неспособными противостоять умѣющимъ самостоятельно дѣйствовать японцамъ.

Но, наряду съ этимъ, какъ одну изъ ближайшихъ причинъ пораженій необходимо отмѣтить, что русская артиллерія оказалась несравнено хуже японской, не говоря уже о томъ, что японская гораздо многочисленнѣе.

И здѣсь уже становится ясной неизбѣжность всѣхъ этихъ кровавыхъ пораженій. Неизмѣримо больше японскаго растратило русское правительство на военное дѣло — и неизмѣримо хуже оказалась у него артиллерія! Но не такія суммы затрачены въ дѣйствительности; — не только въ интендантствѣ крадутъ. Въ Россіи — этомъ царствѣ насилія и грабежа — крадетъ всякій, „облеченный царскимъ довѣріемъ“, крадетъ, гдѣ только можетъ и сколько лишь сможетъ!

Артиллерія плоха. Но развѣ она можетъ быть хорошей, если сталь для пушекъ выдѣлываютъ на наихудшемъ углѣ, если пушки льютъ изъ плохого матеріала! На уральскихъ пушечныхъ заводахъ заводоуправленія всегда даютъ взятки пріемщикамъ. Заводоуправленіе *казеннаго* завода даетъ взятки пріемщику *отъ казны же* — и отъ этой воровской „игры въ четыре руки“ гремитъ музыка стоновъ гибнущихъ русскихъ солдатъ на рѣкѣ Ялу!

Снаряды никуда не годятся. Но развѣ они могутъ быть пригодны, если они признаны „годными“ при слѣдующихъ, напримѣръ, обстоятельствахъ. Рачинскій заводъ (на Уралѣ) по заказу морского вѣдомства выдѣлывалъ пушечные снаряды. Пріемщикомъ былъ капитанъ NN[2]). Штатнаго, „казеннаго“ жалованья получалъ онъ что-то около 120 руб. въ мѣсяцъ, „жалованье“ отъ заводоуправленія доходило до тысячи за тотъ же срокъ! Но въ 1903 году дѣла завода были плохи (насколько лишь они могутъ быть плохими при усиленномъ „использованіи“ казеннаго заказа), и управитель началъ экономить, да на свою голову вздумалъ распространить „экономію“ и на жалованье своего сотоварища по операціямъ, предлагая ему уменьшить это жалованье. Тотъ промолчалъ, но когда начался пріемъ, сталъ принимать, какъ это и слѣдуетъ, по инструкціямъ. Испытываются снаряды „на ударъ“, полновѣсными ударами по носку снаряда. *И подрядъ сотня снарядовъ оказалась негодной!* Каждый снарядъ стоитъ заводу изрядную сумму и заводчикъ поспѣшилъ предложить пріемщику „жалованье“, въ условленномъ раньше размѣрѣ. Тотъ — ни слова, молча продолжаетъ свою испытательную работу и отбиваетъ носки у снаряда за снарядомъ. Тогда заводчикъ повысилъ жалованье на нѣсколько сотъ рублей, — и *остальные снаряды оказались „годными“*[3]) *и были приняты казной!*

Артиллерія плоха. Фуражъ, продовольствіе и военные припасы въ огромномъ количествѣ раскрадены. Войскъ недостаточно. И всего этого привезти изъ Россіи въ количествѣ потребномъ для войны невозможно, потому что съѣвшая больше полумилліарда народныхъ денегъ Сибирско-Манчжурская „стратегическая“ желѣзная дорога „обладаетъ незначительной провозоспособностью“.

Видите ли, „рельсы легковѣсны и не могутъ выдержать усиленнаго движенія“. — Да, онѣ легковѣсны, потому что ихъ недовѣсъ украденъ казнокрадами! Да, онѣ легковѣсны, потому что, напримѣръ, на Богословскихъ заводахъ (Верхотурскаго уѣзда) пріемщикъ рельсъ при 2000 штатнаго жалованья, получаетъ въ годъ отъ заводоуправленія *двѣнадцать тысячъ рублей* взятки! И то же самое происходитъ на другихъ заводахъ, на Уралѣ и на югѣ Россіи.

Такъ исподволь подготовлялись теперешнія пораженія русскихъ войскъ! Такъ это есть, и такъ это будетъ, пока будетъ существовать въ Россіи царское самодержавіе, основанное на безгласности народа и на господствѣ бюрократіи. И никакія „поправки“ и коррективы, такъ любимыя корректными людьми изъ лагеря Освобожденія и Русскихъ Вѣдомостей, въ этомъ повальномъ грабежѣ ничего не могутъ устранить. Надзоръ? Но надзору у насъ и безъ того достаточно, слишкомъ достаточно! За указанными Уральскими заводами, напримѣръ, надзираютъ помощники окружныхъ инженеровъ, окружные инженеры, и главный начальникъ Уральскаго Горнаго Управленія. Они надзираютъ — надзираютъ, чтобы рабочіе не смѣли даже пытаться выпутаться изъ той кабальной паутины, которою ихъ окружили заводчики — и главный начальникъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ Златоустовской трагедіи. Они надзираютъ старательно, чтобы не произошло ни одного казнокрадства, ни одного хищенія... безъ того, чтобы имъ не была удѣлена извѣстная доля награбленнаго! И главный начальникъ, наряду съ восьмью тысячами рублей въ годъ штатныхъ, имѣетъ еще около пятидесяти тысячъ въ годъ „постороннихъ“ доходовъ. Постороннихъ... для народа?! Но гибели сколькихъ русскихъ солдатъ стоитъ каждая изъ этихъ тысячъ? сколько же, сколько еще ужасныхъ, стоющихъ тысячъ человѣческихъ жизней, пораженій придется на каждый награбленный царскою челядью народный милліонъ?!

---

[1] Въ день пораженія на Ялу Куропаткинъ распивалъ шампанское у мукденскаго дзянь-дзюня.

[2] Портъ-Артурская эскадра защищается выстрѣлами крѣпостныхъ баттарей!

[1] Китайская армія генерала Ма стоитъ въ тылу арміи Куропаткина.

[2] Къ глубокому сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить его фамилію. Но это дѣло поправимо: пусть лишь морской министръ справится по спискамъ.

[3]) Будетъ ли отбитъ носокъ если снарядъ плохой, это зависитъ отъ силы удара и его направленія.
Не такими ли снарядами защищались русскія войска на рѣкѣ Ялу?!

рѣшеніе организаціоннаго вопроса не въ ихъ пользу, погубитъ русскую соціальдемократію, чему они будутъ, конечно, противиться всѣми средствами, — въ этомъ случаѣ съѣздъ обостритъ разногласія и увеличитъ хаосъ и разбродъ въ партіи.

Но гораздо болѣе труднымъ, кажется мнѣ, устранить въ данный моментъ личный элементъ въ разногласіяхъ, чѣмъ дѣловой. Междуусобная война всегда накопляетъ столько горечи, столько недовѣрія среди борющихся сторонъ, что эту борьбу едва ли возможно сразу превратить въ дружеское сотрудничество. Прежде чѣмъ собирать съѣздъ — нужно достигнуть *перемирія*, которое съ теченіемъ времени внесло бы успокоеніе. Было бы желательно, чтобы стороны на время, предшествующее созыву съѣзда, прекратили всякую полемику между собою — не только прямую, но также и скрытую, которая раздражаетъ еще сильнѣе. Не слѣдуетъ въ этотъ періодъ пытаться измѣнить status quo.

Будучи слишкомъ мало знакомъ съ русскими условіями, я не знаю, насколько можетъ быть жгучимъ вопросъ объ организаціи: является-ли организаціонный вопросъ на столько жгучимъ, чтобы требовать немедленнаго разрѣшенія. Если это не такъ, то лучше всего было бы отложить на время всякое его обсужденіе. Теперь гораздо важнѣе укрѣплять и возможно болѣе интенсивно пользоваться уже существующими организаціонными формами, чѣмъ экспериментировать надъ новыми.

Заключеніе перемирія по этому вопросу имѣло бы самыя благія послѣдствія для партіи. Она смогла бы тогда, въ ближайшіе же мѣсяцы, обратить всѣ свои объединенныя силы на использованіе настоящаго положенія, — и передъ нею встали бы такія задачи, которыя оттѣснили бы на задній планъ, — даже, быть можетъ, лишили бы всякаго содержанія, — разногласія по оранизаціоннымъ вопросамъ.

Если же не удастся установить такого перемирія, если междоусобная борьба продолжится, не ослабѣвая, до самаго съѣзда, если на него соберутся не съ тѣмъ, чтобы найти выходъ изъ лабиринта, а съ намѣреніемъ насильственно подавить противниковъ, то отъ такого съѣзда я не жду ничего хорошаго.

На русской соціальдемократіи лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ международнымъ пролетаріатомъ, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ-за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю. Такими, по крайней мѣрѣ, кажутся эти разногласія иностранному наблюдателю.

Но отвѣтственность за возникновеніе этой злополучной борьбы падетъ, въ такомъ случаѣ, на Ленина.

Если я могу чѣмъ-нибудь посодѣйствовать прекращенію раскола, — я готовъ сдѣлать все возможное.

Я готовъ даже измѣнить свои выводы, если мнѣ покажутъ, что мои предпосылки невѣрны.

Я пишу въ томъ же смыслѣ одному товарищу, держащемуся противоположнаго направленія, — или лучше я отправлю ему копію съ этого письма.

Съ товарищескимъ привѣтомъ, вашъ *К. Каутскій.*

КОНЕЦЪ Г. ШИПОВА.

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлаютъ робкіе зигзаги и безсмысленные выверты, „министръ борьбы“ неуклонно ведетъ свою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызваное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ Тверского и Новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія „мѣстныхъ людей“, мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что „фактъ необходимости, въ которую было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающійся дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской иниціативы“... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ „съ своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства, соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противудѣйствуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главаря московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи“. Такимъ образомъ, умерщевляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой „школы земской оппозиціи“. Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокого принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической „школы“, которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывшій предсѣдатель московкаго губ. земства занималъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и „школы“, и ея представителя. Г. Шиповъ никогда не чувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему населеніе. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Плеве въ „спасительную силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подножьи“, но ничего революціоннаго онъ въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Плеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрія къ демократіи. Во время нашумѣвшей агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его „школа“ вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ пріемомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проэктъ „экономическихъ попечительствъ“, въ которыхъ крестьянская самодѣятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ помѣщиковъ. Выступая за руководительство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о представленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ Шиповскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, они, однако, считали возможнымъ заключить съ нею договоръ самого сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ задушевнаго разговора съ Плеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основані[illegible] отказа отъ первоначальной программы онъ выставлялъ [illegible] Плеве, будто бы эта программа, при ея очевидной неосуществимости, раздражаетъ „извѣстныя сферы“ и препятствуетъ министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестрахованіи, когда Плеве арестовалъ участвовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ псковскаго и московскаго за нежеланіе подавать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ коммиссіи, распоряженіе министра, чтобы „третій элементъ“ разъѣзжался немедленно по домамъ. „Освобожденіе“, въ мельчайшемъ примѣчаніи, „совершенно не могло понять“ тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполнѣ вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевладѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишенная, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая яснаго представленія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользъ, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ что нибудь сохранить и даже что нибудь когда нибудь получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ „здравомыслящихъ“ обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта „школа земской оппозиціи“, таковы ея вожди и учители. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризуетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Одного онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступить: своей талантливости, своей работоспособности: ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумѣнію. Бюрократія не вынесла этого. Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности... Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо, — это его личное дѣло, но для его школы и, вообще, для русскаго либерализма „печальный фактъ необходимости“ неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лорисъ-Меликова, пассивная тактика — свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ „Освобожденія“. И та и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ. Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ „овецъ безъ стада“, россійскихъ интеллигентовъ — разночинцевъ. Въ результатѣ — то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: „зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?“

Н. Негоревъ.

ПЕРЕОЦѢНИВАЕМЪ ЛИ МЫ?

Со „свободной трибуны“, открытой редакціей „Освобожденія“ для „всѣхъ искреннихъ сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“ раздались ироническія слова „революціонера“ Дебагорія-Мокріевича: „Въ № 62 революціонной газеты „Искры“ — говоритъ онъ — неизвѣстный авторъ, нападая въ статьѣ на рекомендуемый Вами (П. Струве.) возгласъ: „да здравствуетъ армія“, просто на просто приравниваетъ его къ возгласу: „да здравствуетъ самодержавіе“. Переоцѣнивая силы своей россійской соц.-дем. рабочей партіи, онъ высказываетъ, между прочимъ, надежду на то, что русская соціальдемократія безъ ничьей помощи сама поишій свою неспособность и непригодность ни для какого дѣла? Покаянное настроеніе, молитвенныя стенанія, какой-то бредъ о „священной миссіи“, о „терновыхъ вѣнцахъ“, какое-то полушарлатанское, полуистерическое бормотанье заполняетъ столбцы реакціонной печати, показываетъ предсмертную тоску гибнущаго деспотизма.

Для войны, казавшейся сначала лишь „эпизодомъ на Дальнемъ Востокѣ“, нужны все новыя и новыя войска. И приходится мобилизовать все новыя и новыя губерніи, не потому, чтобы имѣющійся на лицо запасъ войска былъ уже дѣйствительно исчерпанъ, а потому, что царское правительство не можетъ отправлять противъ японцевъ войскъ, нужныхъ ему противъ своихъ собственныхъ „подданныхъ“. Ради этого, при все разростающемся народномъ недовольствѣ, приходится созывать запасныхъ, давая новую пищу ненависти къ самодержавному режиму, углубляя пропасть передъ своими ногами. Но уже одного росчерка „быть по сему“ недостаточно; нужна какая нибудь особенная умилостивительная жертва недовольному народу, нужно какъ нибудь задобрить его, подогрѣть „патріотическія“ чувства. И царская „персона“ снова понадобилась. Царя послали самолично въ тѣ губерніи, гдѣ производилась мобилизація.

И онъ ѣдетъ жалкій, растерянный, умѣющій только вездѣ — и въ Полтавѣ, и въ Бѣлгородѣ, и въ Курскѣ и въ другихъ городахъ — пролепетать одну и ту же нескладную фразу о своихъ надеждахъ на доблесть войскъ и „божію помощь“. Вездѣ одна и та же мистическая церемонія „благословенія“ полка иконою, которую офицеры принимаютъ, стоя на колѣняхъ. Вездѣ одна и та же посылка съ ближайшей станціи телеграммы, въ которой „монархъ“ самымъ наивнымъ образомъ благодаритъ „населеніе“ за „соблюденіе порядка“, какъ бы нарочно подчеркивая, какъ напряженно, какъ нервно ждетъ онъ всюду „безпорядковъ“.

Чѣмъ то глубоко меланхоличнымъ, чѣмъ то отживающимъ вѣетъ отъ этого смѣшнаго объѣзда царя. Эти „благословенія“ эти иконы, эти колѣнопреклоненные офицеры — не вызываютъ ли въ памяти тѣ сцены посѣщенія гвардейскихъ офицеровъ Людовикомъ XVI, послѣднимъ французскимъ самодержцемъ, такимъ же ничтожнымъ, такимъ же жалкимъ, какъ послѣдній самодержецъ всероссійскій? И тогда призывалось „имя божіе“, и тогда офицеры склоняли колѣни передъ лицомъ „обожаемаго монарха“, и тогда меланхоліей и грустью вѣяло отъ этого „предсмертнаго“ прощанія монарха съ тѣми немногими „подданными“, которые еше оставались ему „вѣрны“; и тогда мистическіе порывы, надежды на „чудеса“, погоня за призраками начинали овладѣвать развратнымъ, жестокимъ, преступнымъ версальскимъ дворомъ.

И когда мы видимъ, что всѣ надежды царизма все больше и больше возносятся къ небу, это значитъ, что всѣ земныя силы слишкомъ явно возстаютъ противъ него; это значитъ, что ближе и ближе надвигается смерть самодержавія, что оно само все быстрѣе и быстрѣе приближается къ царству призраковъ; это значитъ, что уже загорается заря освобожденія русскаго народа отъ ига деспотизма.

КАКЪ ПОДГОТОВЛЯЛИСЬ ПОРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

Русскія войска и флотъ терпятъ одно пораженіе за другимъ. И взволнованный обыватель ищетъ всюду причины этихъ неудачъ; — прежде всего видитъ онъ ее въ неспособности полководцевъ. И вотъ даже консервативные круги начинаютъ шушукаться о необходимости отвѣтственности Куропаткина[1]), объ „отвѣтственности“ министровъ (передъ кѣмъ? Передъ его величествомъ?! — Суду народа отвѣтятъ они за пролитую кровь. Но этотъ судъ — революція)

Безспорно, стратегическая несостоятельность нашихъ высокопоставленныхъ полководцевъ была одной изъ важныхъ ближайшихъ причинъ всѣхъ этихъ ужасныхъ пораженій. Раздѣлить и безъ того незначительный флотъ на двѣ эскадры, каждая изъ которыхъ не въ состояніи ни къ наступательной, ни даже къ оборонительной[2]) борьбѣ! Поставить армію въ такое положеніе, что въ случаѣ, если Китай присоединится къ Японіи[1]), наши войска очутятся между двухъ огней! Сдѣлать рѣку Ялу оборонительной базой, — и не загородить ея устье минами! — Какъ обдуманно была составлена диспозиція войскъ въ Златоустѣ, когда рабочихъ разстрѣливали съ двухъ сторонъ! Какъ адски-хитро былъ задуманъ (неудавшійся, однако) стратегическій планъ западни для бакинскихъ демонстрантовъ! И какъ жалки оказались эти стратеги въ борьбѣ не съ разрозненными волненіями недовольнаго люда, но съ обученной, дисциплинированной арміей! Убійцы златоустовскихъ, батумскихъ и сотенъ другихъ рабочихъ явились жалкими, неспособными стратегами; обращенные въ слѣпыя, неразсуждающія орудія, русскіе солдаты оказались неспособными противостоять умѣющимъ самостоятельно дѣйствовать японцамъ.

Но, наряду съ этимъ, какъ одну изъ ближайшихъ причинъ пораженій необходимо отмѣтить, что русская артиллерія оказалась несравнено хуже японской, не говоря уже о томъ, что японская гораздо многочисленнѣе.

И здѣсь уже становится ясной неизбѣжность всѣхъ этихъ кровавыхъ пораженій. Неизмѣримо больше японскаго растратило русское правительство на военное дѣло — и неизмѣримо хуже оказалась у него артиллерія! Но не такія суммы затрачены въ дѣйствительности; — не только въ интендантствѣ крадутъ. Въ Россіи — этомъ царствѣ насилія и грабежа — крадетъ всякій, „облеченный царскимъ довѣріемъ“, крадетъ, гдѣ только можетъ и сколько лишь сможетъ!

Артиллерія плоха. Но развѣ она можетъ быть хорошей, если сталь для пушекъ выдѣлываютъ на наихудшемъ углѣ, если пушки льютъ изъ плохого матеріала! На уральскихъ пушечныхъ заводахъ заводоуправленія всегда даютъ взятки пріемщикамъ. Заводоуправленіе *казеннаго* завода даетъ взятки пріемщику *отъ казны же* — и отъ этой воровской „игры въ четыре руки“ гремитъ музыка стоновъ гибнущихъ русскихъ солдатъ на рѣкѣ Ялу!

Снаряды никуда не годятся. Но развѣ они могутъ быть пригодны, если они признаны „годными“ при слѣдующихъ, напримѣръ, обстоятельствахъ. Рачинскій заводъ (на Уралѣ) по заказу морского вѣдомства выдѣлывалъ пушечные снаряды. Пріемщикомъ былъ капитанъ NN[2]). Штатнаго, „казеннаго“ жалованья получалъ онъ что-то около 120 руб. въ мѣсяцъ, „жалованье“ отъ заводоуправленія доходило до тысячи за тотъ же срокъ! Но въ 1903 году дѣла завода были плохи (насколько лишь они могутъ быть плохими при усиленномъ „использованіи“ казеннаго заказа), и управитель началъ экономить, да на свою голову вздумалъ распространить „экономію“ и на жалованье своего сотоварища по операціямъ, предлагая ему уменьшить это жалованье. Тотъ промолчалъ, но когда начался пріемъ, сталъ принимать, какъ это и слѣдуетъ, по инструкціямъ. Испытываются снаряды „на ударъ“, полновѣсными ударами по носку снаряда. *И подрядъ сотня снарядовъ оказалась негодной!* Каждый снарядъ стоитъ заводу изрядную сумму и заводчикъ поспѣшилъ предложить пріемщику „жалованье“, въ условленномъ раньше размѣрѣ. Тотъ — ни слова, молча продолжаетъ свою испытательную работу и отбиваетъ носки у снаряда за снарядомъ. Тогда заводчикъ повысилъ жалованье на нѣсколько сотъ рублей, — и *остальные снаряды оказались „годными“*[3]) *и были приняты казной!*

Артиллерія плоха. Фуражъ, продовольствіе и военные припасы въ огромномъ количествѣ раскрадены. Войскъ недостаточно. И всего этого привезти изъ Россіи въ количествѣ потребномъ для войны невозможно, потому что съѣвшая больше полумилліарда народныхъ денегъ Сибирско-Манчжурская „стратегическая“ желѣзная дорога „обладаетъ незначительной провозоспособностью“.

Видите ли, „рельсы легковѣсны и не могутъ выдержать усиленнаго движенія“. — Да, онѣ легковѣсны, потому что ихъ недовѣсъ украденъ казнокрадами! Да, онѣ легковѣсны, потому что, напримѣръ, на Богословскихъ заводахъ (Верхотурскаго уѣзда) пріемщикъ рельсъ при 2000 штатнаго жалованья, получаетъ въ годъ отъ заводоуправленія *двѣнадцать тысячъ рублей* взятки! И то же самое происходитъ на другихъ заводахъ, на Уралѣ и на югѣ Россіи.

Такъ исподволь подготовлялись теперешнія пораженія русскихъ войскъ! Такъ это есть, и такъ это будетъ, пока будетъ существовать въ Россіи царское самодержавіе, основанное на безгласности народа и на господствѣ бюрократіи. И никакія „поправки“ и коррективы, такъ любимыя корректными людьми изъ лагеря Освобожденія и Русскихъ Вѣдомостей, въ этомъ повальномъ грабежѣ ничего не могутъ устранить. Надзоръ? Но надзору у насъ и безъ того достаточно, слишкомъ достаточно! За указанными Уральскими заводами, напримѣръ, надзираютъ помощники окружныхъ инженеровъ, окружные инженеры, и главный начальникъ Уральскаго Горнаго Управленія. Они надзираютъ — надзираютъ, чтобы рабочіе не смѣли даже пытаться выпутаться изъ той кабальной паутины, которою ихъ окружили заводчики — и главный начальникъ былъ однимъ изъ видныхъ дѣйствующихъ лицъ Златоустовской трагедіи. Они надзираютъ старательно, чтобы не произошло ни одного казнокрадства, ни одного хищенія... безъ того, чтобы имъ не была удѣлена извѣстная доля награбленнаго! И главный начальникъ, наряду съ восьмью тысячами рублей въ годъ штатныхъ, имѣетъ еще около пятидесяти тысячъ въ годъ „постороннихъ“ доходовъ. Постороннихъ... для народа?! Но гибели сколькихъ русскихъ солдатъ стоитъ каждая изъ этихъ тысячъ? сколько же, сколько еще ужасныхъ, стоющихъ тысячъ человѣческихъ жизней, пораженій придется на каждый награбленный царскою челядью народный милліонъ?!

---

[1]) Въ день пораженія на Ялу Куропаткинъ распивалъ шампанское у мукденскаго дзянь-дзюня.

[2]) Портъ-Артурская эскадра защищается выстрѣлами крѣпостныхъ баттарей!

[1]) Китайская армія генерала Ма стоитъ въ тылу арміи Куропаткина.

[2]) Къ глубокому сожалѣнію, сейчасъ не могу припомнить его фамилію. Но это дѣло поправимо: пусть лишь морской министръ справится по спискамъ.

[3]) Будетъ ли отбитъ носокъ если снарядъ плохой, это зависитъ отъ силы удара и его направленія.
Не такими ли снарядами защищались русскія войска на рѣкѣ Ялу?!

рѣшеніе организаціоннаго вопроса не въ ихъ пользу, погубитъ русскую соціальдемократію, чему они будутъ, конечно, противиться всѣми средствами, — въ этомъ случаѣ съѣздъ обостритъ разногласія и увеличитъ хаосъ и разбродъ въ партіи.

Но гораздо болѣе труднымъ, кажется мнѣ, устранить въ данный моментъ личный элементъ въ разногласіяхъ, чѣмъ дѣловой. Междоусобная война всегда накопляетъ столько горечи, столько недовѣрія среди борющихся сторонъ, что эту борьбу едва ли возможно сразу превратить въ дружеское сотрудничество. Прежде чѣмъ собирать съѣздъ — нужно достигнуть *перемирія*, которое съ теченіемъ времени внесло бы успокоеніе. Было бы желательно, чтобы стороны на время, предшествующее созыву съѣзда, прекратили всякую полемику между собою — не только прямую, но также и скрытую, которая раздражаетъ еще сильнѣе. Не слѣдуетъ въ этотъ періодъ пытаться измѣнить status quo.

Будучи слишкомъ мало знакомъ съ русскими условіями, я не знаю, насколько можетъ быть жгучимъ вопросъ объ организаціи; является-ли организаціонный вопросъ на столько жгучимъ, чтобы требовать немедленнаго разрѣшенія. Если это не такъ, то лучше всего было бы отложить на время всякое его обсужденіе. Теперь гораздо важнѣе укрѣплять и возможно болѣе интенсивно пользоваться уже существующими организаціонными формами, чѣмъ экспериментировать надъ новыми.

Заключеніе перемирія по этому вопросу имѣло бы самыя благія послѣдствія для партіи. Она смогла бы тогда, въ ближайшіе же мѣсяцы, обратить всѣ свои объединенныя силы на использованіе настоящаго положенія, — и передъ нею встали бы такія задачи, которыя оттѣснили бы на задній планъ, — даже, быть можетъ, лишили бы всякаго содержанія, — разногласія по ораниэаціоннымъ вопросамъ.

Если же не удастся установить такого перемирія, если междоусобная борьба продолжится, не ослабѣвая, до самаго съѣзда, если на него соберутся не съ тѣмъ, чтобы найти выходъ изъ лабиринта, а съ намѣреніемъ насильственно подавить противниковъ, то отъ такого съѣзда я не жду ничего хорошаго.

На русской соціальдемократіи лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ международнымъ пролетаріатомъ, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ-за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю. Такими, по крайней мѣрѣ, кажутся эти разногласія иностранному наблюдателю.

Но отвѣтственность за возникновеніе этой злополучной борьбы падетъ, въ такомъ случаѣ, на Ленина.

Если я могу чѣмъ-нибудь посодѣйствовать прекращенію раскола, — я готовъ сдѣлать все возможное.

Я готовъ даже измѣнить свои выводы, если мнѣ покажутъ, что мои предпосылки невѣрны.

Я пишу въ томъ же смыслѣ одному товарищу, держащемуся противоположнаго направленія, — или лучше я отправлю ему копію съ этого письма.

Съ товарищескимъ привѣтомъ, вашъ *К. Каутскій.*

КОНЕЦЪ Г. ШИПОВА.

Можно и должно отказать Плеве въ государственномъ умѣ, въ чести и совѣсти, но нельзя отказать ему въ твердости и послѣдовательности. Въ то время, какъ либеральныя группы русскаго общества дѣлаютъ робкіе зигзаги и безсмысленные выверты, „министръ борьбы“ неуклонно ведетъ свою политическую линію. Еще не улеглось смятеніе, вызваное въ либеральныхъ рядахъ разгромомъ Тверского и Новоторжскаго земствъ, а на земскія головы свалилась уже новая лавина: неутвержденіе г. Шипова въ должности предсѣдателя московской губ. земской управы. Оцѣнивая эти факты съ точки зрѣнія „мѣстныхъ людей“, мы затрудняемся сказать, какой изъ нихъ важнѣе, настолько выдающуюся роль играетъ г. Шиповъ въ земской средѣ. Даже князь Мещерскій признаетъ, что „фактъ необходимости, въ которую было поставлено правительство, не утверждать г. Шипова, есть глубоко печальный фактъ, ибо жертвою его является одинъ изъ самыхъ выдающихся, если не самый выдающійся дѣятель въ земскихъ учрежденіяхъ, по обширнымъ размѣрамъ его дѣятельности въ области земской самодѣятельности и земской иниціативы“... Но значеніе этого факта далеко не исчерпывается тѣмъ, что правительство выбросило за бортъ талантливаго работника. По соображенію того же Мещерскаго, причины неутвержденія г. Шипова заключаются въ томъ, что онъ „съ своею безспорно даровитою дѣятельностью въ области земскаго хозяйства, соединялъ стремленіе не только не вести эту дѣятельность въ общеніи съ административною властью, но, напротивъ, обособляясь отъ нея и подчасъ противудѣйствуя ей. Долго она терпѣла это совмѣстительство полезной дѣятельности главаря московскаго земства съ оппозиціею противъ правительства, но, наконецъ, вынуждена была не утвердить выбора г. Шипова уже тогда, когда около него начала образовываться цѣлая школа земской оппозиціи“. Такимъ образомъ, умерщевляя г. Шипова, какъ гражданина, Плеве имѣлъ цѣлью совершить убійство цѣлаго политическаго направленія, цѣлой „школы земской оппозиціи“. Мы не думаемъ, чтобы Мещерскій ошибался въ своемъ толкованіи; столкновеніе Шипова и Плеве, дѣйствительно, полно глубокого принципіальнаго смысла: оно раскрываетъ практическую цѣнность той политической „школы“, которая считаетъ въ своихъ рядахъ многочисленныхъ земскихъ дѣятелей и въ которой бывшій предсѣдатель московкаго губ. земства занималъ, несомнѣнно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Но Мещерскій, по обыкновенію, преувеличилъ антиправительственные замыслы и „школы“, и ея представителя. Г. Шиповъ никогда не чувствовалъ склонности къ крайнимъ мнѣніямъ. Насколько можно судить объ его политическихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ сильно зараженъ ядовитыми пережитками славянофильскихъ мечтаній о земскомъ царѣ, опирающемся непосредственно на вѣрное ему населеніе. Разумѣется, этотъ взглядъ далеко не совпадаетъ съ твердою вѣрою Плеве въ „спасительную силу централизованной администраціи съ цезаризмомъ во главѣ и съ тайною полиціею въ подножьи“, но ничего революціоннаго онъ въ себѣ не заключалъ и не заключаетъ. Политическая безопасность г. Шипова и его школы усугубляется еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Шиповъ, какъ и г. Плеве, не питалъ ни симпатій, ни довѣрія къ демократіи. Во время нашумѣвшей агитаціи по поводу мелкой земской единицы г. Шиповъ и его „школа“ вели самую энергичную борьбу противъ демократизаціи земскихъ учрежденій, хотя изъ всѣхъ земскихъ покушеній съ негодными средствами на существующій порядокъ, мелкая земская единица была наиболѣе прилично задуманнымъ пріемомъ. При этомъ г. Шиповъ и его сторонники, повторяя обычные доводы о крестьянскомъ безправіи и невѣжествѣ, предлагали свой проэктъ „экономическихъ попечительствъ“, въ которыхъ крестьянская самодѣятельность должна была попасть подъ тщательную опеку не только правительства, но и земцевъ помѣщиковъ. Выступая за руководительство дворянъ и крупныхъ землевладѣльцевъ въ мѣстныхъ дѣлахъ, школа г. Шипова, безусловно, мечтала о представленіи имъ нѣкотораго участія и въ дѣлахъ государственнаго правленія. Но практическая цѣнность этихъ мечтаній сводится почти къ нулю, какъ ихъ славянофильскою туманностью, такъ и методами ихъ проведенія въ жизнь. Для земцевъ Шиповскаго толка борьба съ правительствомъ не существовала и не существуетъ. Ненавидя самовластную бюрократію, они, однако, считали возможнымъ заключить съ нею договоръ самого сомнительнаго свойства, въ надеждѣ на различныя уступки привилегированной части землевладѣльцевъ. Тотъ же самый г. Шиповъ, въ пресловутые дни уѣздныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, послѣ задушевнаго разговора съ Плеве, съ политически-безстыднымъ легкомысліемъ настаивалъ на исключеніи изъ принятой для комитетовъ тайнымъ земскимъ съѣздомъ программы нѣкоторыхъ необходимыхъ общихъ требованій и, между прочимъ, требованія объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Какъ извѣстно, основані[illegible] отказа отъ первоначальной программы онъ выставлялъ [illegible] Плеве, будто бы эта программа, при ея очевидной неосуществимости, раздражаетъ „извѣстныя сферы“ и препятствуетъ министру расширить права земствъ въ мѣстныхъ дѣлахъ. Еще недавно, во время весенняго совѣщанія представителей губернскихъ земствъ о взаимномъ перестраховании, когда Плеве арестовалъ участвовавшихъ въ совѣщаніи страховыхъ инспекторовъ псковскаго и московскаго за нежеланіе подавать руку агенту назначенной тверской управы, г. Шиповъ, какъ и всѣ его сторонники, не только не выразилъ протеста, но и взялъ на себя обязанность передать земскимъ служащимъ, членамъ коммиссіи, распоряженіе министра, чтобы „третій элементъ“ разъѣзжался немедленно по домамъ. „Освобожденіе“, въ мельчайшемъ примѣчаніи, „совершенно не могло понять“ тогда, почему Шиповъ является въ роли глашатая полицейскихъ распоряженій. Между тѣмъ, эта роль вполнѣ вытекаетъ изъ той тактики, которой всегда придерживается оппозиціонная земская группа шиповскаго толка. Проникнутая крупно-землевладѣльческимъ и отчасти сословно-дворянскимъ недовѣріемъ и презрѣніемъ къ рядовому крестьянству, лишенная, вслѣдствіе этого, прочной опоры и серьезной, активной политической силы, чуждая яснаго представенія о неразрывной органической связи между формами правленія и управленія, эта группа ведетъ робкую, уклончивую и безрезультатную защиту мѣстныхъ нуждъ и пользъ, постоянно уступая натискамъ самовластной бюрократіи самыя существенныя свои права въ наивной надеждѣ что нибудь сохранить и даже что нибудь когда нибудь получить въ награду за лояльность. Узкій практицизмъ ея задачъ создаетъ въ глазахъ „здравомыслящихъ“ обывателей иллюзію ихъ осуществимости, ея политическій оппортунизмъ навѣваетъ сладкія мечты о мирномъ соглашеніи съ правительствомъ въ смыслѣ полученія скромной доли въ государственномъ пирогѣ. Такова эта „школа земской оппозиціи“, таковы ея вожди и учители. Если Плеве осуждаетъ ихъ на политическую смерть, то этотъ приговоръ характеризуетъ только требованія бюрократіи, а не требованія оппозиціонной группы. Г. Шиповъ, какъ и его союзники, уступилъ правительству все, что могъ. Одного онъ не могъ и, вѣроятно, не желалъ уступить: своей талантливости, своей работоспособности: ихъ онъ не продалъ Плеве, предпочитая распахивать земскую ниву по своему разумѣнію. Бюрократія не вынесла этого. Современный государственный механизмъ не терпитъ даже скромной мѣстной самостоятельности. Случилось то, что давно должно было случиться: г. Шиповъ лишенъ права общественной дѣятельности... Дальнѣйшая эволюція г. Шипова для насъ не имѣетъ интереса: пойдетъ ли онъ налѣво или направо, — это его личное дѣло, но для его школы и, вообще, для русскаго либерализма „печальный фактъ необходимости“ неутвержденія талантливаго работника даетъ поучительный урокъ. Склонность къ мирнымъ соглашеніямъ, недовѣріе къ народнымъ массамъ, оппортунистическое заигрываніе съ правительствомъ, наивное ожиданіе какого нибудь новаго Лорисъ-Меликова, пассивная тактика — свойственны не только г. Шипову и его сторонникамъ, но даже и болѣе лѣвой земской группѣ, собирающейся подъ знаменемъ „Освобожденія“. И та и другая соединены тѣсными узами общихъ свойствъ и общихъ интересовъ. Между тѣмъ, послѣдняя начинаетъ затягивать въ свои сѣти и многихъ „овецъ безъ стада“, россійскихъ интеллигентовъ — разночинцевъ. Въ результатѣ — то поразительное политическое безплодіе, которое обнаружили наши либерально-демократическія теченія въ критическій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей. Ихъ представителямъ шиповская исторія должна послужить предостереженіемъ и напомнить, что только на одномъ, единственно вѣрномъ, революціонномъ пути, указываемомъ рабочимъ движеніемъ, имъ не придется, какъ нѣкогда Герцену, въ тоскѣ и разочарованіи восклицать: „зачѣмъ не взялъ я ружье у работника и не остался за баррикадой?“

Н. Негоревъ.

ПЕРЕОЦѢНИВАЕМЪ ЛИ МЫ?

Со „свободной трибуны“, открытой редакціей „Освобожденія“ для „всѣхъ искреннихъ сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“ раздались ироническія слова „революціонера“ Дебогорія-Мокріевича: „Въ № 62 революціонной газеты „Искры“ — говоритъ онъ — неизвѣстный авторъ, нападая въ статьѣ на рекомендуемый Вами (П. Струве.) возгласъ: „да здравствуетъ армія“, просто напросто приравниваетъ его къ возгласу: „да здравствуетъ самодержавіе“. Переоцѣнивая силы своей россійской соц.-дем. рабочей партіи, онъ высказываетъ, между прочимъ, надежду на то, что русская соціальдемократія безъ ничьей помощи сама пойдетъ на штурмъ „твердынь деспотизма“. Но какъ ни куражитъ самъ себя авторъ неоднократнымъ повтореніемъ словъ: „бой“, „бури революціи“ и пр., разсчитывая, повидимому, подбодрить этими словами и своихъ окружающихъ, всѣ эти воинственные возгласы указываютъ только на одну необдуманность.“

За этотъ скептическій окрикъ по адресу партіи пролетаріата въ отвѣтѣ — не „видный революціонеръ 70 хъ годовъ“ — нѣтъ: былое молодцу не укоръ! Достаточно и того, что это, по мнѣнію редакціи журнала, голосъ одного изъ „сторонниковъ политическаго освобожденія Россіи“. И надо сказать, что сейчасъ этотъ окрикъ пришелся какъ разъ къ моменту!

Мы только что слыхали призывъ къ благоразумію, обращенный группой изъ 42 „революціонеровъ“ къ нашимъ якутскимъ товарищамъ-борцамъ, которые все же, не внявъ укорамъ, готовы были „лучше умереть защищаясь, чѣмъ позволить издѣваться надъ собой и своими товарищами“.

Отовсюду—вопли о благоразуміи. И какое трогательное сближеніе мыслей у витій свободной либеральной трибуны со свободными отъ революціонной солидарности якутскими ссыльными!

Куда же, наконецъ, идетъ „революціонная Россія“? Гдѣ же дѣятели надвигающейся революціи?

Передъ нами судебная рѣчь одного изъ дѣйствительно самоотверженныхъ исполнителей „рѣшительныхъ боевыхъ дѣйствій“ — Гершуни. Онъ сегодня еще одинокимъ титаномъ, скрѣпя сердце, вершитъ самъ и зоветъ другихъ на геройскія дѣла, онъ еще далекъ отъ мысли сейчасъ расхолаживать чьи нибудь революціонные порывы, но — увы!.. — и онъ уже предрекаетъ близкое ихъ упраздненіе. Да! „не съ легкимъ сердцемъ“... оставлялъ онъ „мирныя поля“, но все же сталъ революціонеромъ-террористомъ, потому что для него „трудовой народъ — это единственная общественная святыня“. Но только сегодня онъ несетъ на алтарь этого бога—личную жизнь, рѣшимость на „*жестокія насилія*“¹), а завтра, вслѣдъ за водвореніемъ политической свободы, божеству будетъ посвящена борьба за экономическое и политическое освобожденіе „трудового народа“, ведомая „культурными средствами“, далекая отъ насилій. При этомъ чудномъ „завтра“ герой террора превратится въ „общепризнаннаго общественнаго дѣятеля“, разъ родная страна станетъ на уровень „любой страны цивилизованнаго міра“.

Эта рѣчь — талантливый окрикъ судьямъ, а въ лицѣ ихъ и обществу. На кого поднимаете руку! Сами же завтра признаете насъ!

Значитъ, и для этого героя трагедія въ томъ, что „своя своихъ не познаша“?.. Что же значатъ всѣ эти новые звуки?. Это крикъ журавлей буржуазной весны. Въ одну стройную стаю слетаются всѣ: либералы, радикалы и „революціонеры“. Либералы опьянены видимой близостью желаннаго переворота. Взглядомъ, не проникающимъ дальше кругозора ихъ класса, они не различаютъ тѣхъ силъ, которыя вызываютъ эту весну и, передъ картиной разрушительной работы потоковъ, мечтаютъ объ укатанныхъ дорожкахъ. „Да здравствуетъ самъ г. Витте, если онъ откажется отъ своихъ прежнихъ пріемовъ и станетъ искренно работать въ пользу освобожденія!“ „Да здравствуетъ Николай II, царь русскій, если только онъ добровольно отступится отъ своихъ самодержавныхъ правъ!“

Характеренъ для буржуазныхъ политиковъ этотъ фетишизмъ въ оцѣнкѣ историческихъ лицъ и событій, — это припаданіе либераловъ къ ногамъ тѣхъ, отъ кого они ждутъ магическаго разрѣшающаго слова! И они повергаются въ прахъ теперь, когда столько надежды быть „призванными“ съ высоты престола, когда счастье такъ близко, такъ возможно! А, между тѣмъ, лѣвое крыло буржуазнаго стана, которое въ періоды безнадежной реакціи устрашало фетишей государственной власти терроромъ, — теперь уступаетъ и „экситацію“ и „устрашенье“ японцамъ, а само отдается благоразумію. И „тигръ“ революціи, Гершуни, говоритъ о царствѣ мира, которое водворится съ приходомъ политической весны.

Но если окажется, что теперь то не весна, а оттепель, если Витте не „откажется отъ своихъ прежнихъ пріемовъ“, японцы не выручатъ, Николай II конституціонный отодвинется въ область несбыточныхъ мечтаній, тогда изъ штутгардскихъ архивовъ извлекутъ для второго изданія восемьнадцатый номеръ съ обѣщаніемъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Извлекутъ съ болью въ душѣ, но не видя другого исхода, и предъявятъ по той же системѣ выдачи политическихъ авансовъ, которая сейчасъ заставляетъ либераловъ кричать: „да здравствуетъ армія!“

А на лѣвомъ крылѣ вновь раздастся набатъ, призывающій рабочихъ „къ кровавой борьбѣ“, а то и „къ мести“.

Но уроки исторіи полезны, и можно быть увѣреннымъ, что не пойдетъ пролетаріатъ на демагогическіе призывы... и все же, быть можетъ, не разъ еще станетъ беззавѣтно защищать баррикады, не идя на позоръ отступленія.

И оцѣнщикамъ силъ и стойкости соціальдемократіи пора бы понять, что классовое сознаніе пролетаріата и революціонность его психологіи не знаетъ возврата въ своемъ ростѣ, и что партія этого класса далека отъ политической растерянности либераловъ и радикаловъ. Она не переоцѣниваетъ своего значенія, разсчитывая только на пролетарскія силы — она сознаетъ свое историческое одиночество въ дѣлѣ защиты классовыхъ интересовъ пролетаріата. Передъ ней нѣтъ диллеммы: итти ли ей за буржуазіей или своей дорогой? Первый путь для нея — измѣна классовымъ интересамъ пролетаріата — извлеченіе каштановъ изъ революціоннаго огня для буржуазіи. Второй путь — тяжелый, но единственный путь къ ея цѣли.

Это путь ея партійной программы, съ котораго она не сойдетъ, въ угоду шатаніямъ либеральной мысли. Но ближайшіе шаги по тому же пути можетъ и должна сдѣлать буржуазія. — Не гора подойдетъ къ Магомету, а Магометъ — къ горѣ.

И кличъ „да здравствуетъ армія“ можетъ быть кличемъ рабочихъ. — призывомъ солидарности къ солдатамъ, въ моменты, когда значеніе этого лозунга ни въ комъ не возбудитъ сомнѣній — въ часы революціонныхъ схватокъ. Но онъ не можетъ быть подхваченъ рабочими, когда съ этой фразой русская буржуазія кидается въ объятія арміи, мобилизуемой реакціей для націоналистической авантюры.

Пусть же органъ П. Струве, подслушавъ любовные намеки двухъ крайнихъ фракцій буржуазіи на противоположныхъ полюсахъ оппозиціи, спѣшитъ, какъ чеховская мамаша, впопыхахъ благословить ихъ на законный бракъ портретомъ Николая II, — вмѣсто скрижалей демократической конституціи, — этимъ онъ явитъ только міру лишній разъ всю политическую дряблость русскаго либерализма — либерализма, освободительныхъ силъ, энергіи котораго мы уже конечно никогда не переоцѣнимъ!

П. С.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Народный трауръ и царскій праздникъ. Телеграфъ принесъ вѣсть о новой кровавой битвѣ подъ Портъ-Артуромъ, и, конечно,—извѣстіе о новой битвѣ, значитъ — извѣстіе о новомъ пораженіи царскихъ войскъ. Одну за другой, должны были покидать русскія войска „неприступныя“ позиціи подъ Портъ-Артуромъ, и, наконецъ, ничего больше не оставалось, какъ удалиться за крѣпостныя стѣны, оставивъ въ рукахъ японцевъ свыше 70 пушекъ. 70 пушекъ! Какого еще надо свидѣтельства полнѣйшей неспособности царскихъ военачальниковъ? Или, въ придачу къ 40 пушкамъ на Ялу, и эти 70 орудій должны служить вѣчнымъ напоминаніемъ японцамъ о „глубоко обдуманныхъ планахъ“ Куропаткина? Быть можетъ, японцы будутъ очень довольны этимъ царскимъ „сувениромъ“, но что скажетъ русскій народъ, дѣтей котораго будутъ теперь поражать бомбы этихъ самыхъ пушекъ? Каждая такая бомба будетъ служить кровавымъ напоминаніемъ преступленій самодержавія, „планы“ котораго только еще и еще разъ обнаруживаютъ, какимъ предательствомъ всѣхъ интересовъ народа является этотъ режимъ кнута и нагайки, режимъ, весь смыслъ существованія котораго сводится только къ высасыванію всѣхъ соковъ изъ народа на пользу кучки хищниковъ, впившихся въ его тѣло. А въ тотъ самый день, когда въ Петербургъ пришло извѣстіе о новой кровавой жертвѣ подъ Портъ-Артуромъ, столица „праздновала“ день „священнаго“ коровованія. Дома были „украшены флагами“, а вечеромъ снисходительное начальство „предоставило“ обывателямъ зажечь иллюминацію. И холопы обыватели покорно подчинились этимъ „праздничнымъ“ распоряженіямъ властей! Стыдъ и позоръ тѣмъ петербургскимъ домовладѣльцамъ, которые не нашли въ себѣ мужества хоть тутъ нарушить эти гнусныя „распоряженія“, которые осмѣлились вывѣшивать флаги и устраивать иллюминаціи въ тотъ день, когда тысячи русскихъ жизней гибли жертвой преступной дерзости и неспособности „коронованнаго“ недоросля и его правительства! Стыдъ и позоръ петербургскимъ гражданамъ, которые терпѣли это наглое издѣвательство надъ народомъ, которые десять лѣтъ тому назадъ находили въ порядкѣ вещей, что весь городъ облекается на нѣсколько дней въ трауръ по случаю смерти самодержца, а теперь допускаютъ „празднованіе“ въ день смерти тысячъ сыновей народа! Необходимо теперь же потребовать, что бы всякіе холопскіе, „вѣрноподданическіе“ праздники, всякіе украшенія и иллюминаціи въ честь вампировъ самодержавія были прекращены, когда весь городъ въ трауръ, благодаря преступленіямъ самодержавія.

Интендантскій патріотизмъ. Изумительный приказъ „командующаго войсками сибирскаго военнаго округа“ напечатанъ въ „Русскомъ инвалидѣ“.

Г. „командующій“ сообщаетъ, что „по наряду главнаго интенданта“ заготовлены большіе запасы провіанта и фуража по линіи сибирской дороги. „Командующій“ признается, что „запасы“ эти „не удовлетворяютъ нормальнымъ качествамъ, но (!) могутъ быть употреблены въ пищу безъ вреда для здоровья“; признается, что „продолжительнаго храненія они (запасы) выдержать не могутъ“; признается, наконецъ, что закуплены они по дорогой цѣнѣ, причемъ, будто бы, „съ окончаніемъ заготовокъ, цѣны пали и войска имѣютъ нерѣдко возможность купить дешевле цѣнъ заготовительныхъ интендантскихъ“. Какимъ образомъ „цѣны пали“ по линіи ж. д. послѣ того, какъ были скуплены огромные запасы, про то вѣдаютъ, вѣроятно, лишь „главный“ и не главные интенданты. Но вотъ что любопытно: проходящія войска отказываются получать эти великолѣпные „запасы“, ссылаясь именно на ихъ „неудовлетворительность“, на возможность „купить дешевле“ и на неудобство везти съ собою „непрессованное сѣно“. Но, господа, „командующій“ не можетъ допустить „подобнаго порядка уклоненій отъ получки“, такъ какъ де „казна понесла громадные убытки“, а посему „намѣренъ воспретить эшелонамъ покупку фуража и провіанта“. Что сказать объ этомъ покрытіи „громадныхъ убытковъ“, очевидно, вызванныхъ блистательными порядками въ интендантствѣ, насчетъ солдатскаго здоровья? Впрочемъ, справедливость обязываетъ добавить, что „командующій“ требуетъ употребленія въ пищу „неудовлетворяющихъ нормальнымъ качествамъ“ продуктовъ „безъ вреда для здоровья“. Конечно, строгая военная дисциплина подѣйствуетъ, и солдаты, питаясь гнилой мукой, будутъ здоровы... на бумагѣ, по крайней мѣрѣ.

Преступленія японцевъ и московская добродѣтель. „Московскія Вѣдомости“ негодуютъ на японцевъ. И такіе-то они, и сякіе, и „торговые пароходы наши захватываютъ“, и „мины по морю разбрасываютъ“, и „уничтожаютъ наши рыбные промыслы“, и „бомбардируютъ незащищенные города“, и пр. и пр. Словомъ, „своими преступленіями онъ (врагъ) поставилъ себя внѣ закона. Всякія репрессаліи противъ него были бы вполнѣ справедливы“. И затѣмъ, въ той же статьѣ, добродѣтельная газета набрасываетъ планъ „крейсерской войны“, очевидно ужъ безъ „преступленій“, приличныхъ „язычникамъ“, но недостойныхъ „христіанскаго“ народа. Но что же оказывается? Предполагаемый крейсерскій флотъ „дѣлаетъ внезапныя нападенія на берега, бомбардируетъ города, взимаетъ контрибуціи, захватываетъ и уничтожаетъ пароходы непріятеля десятками, а джонки сотнями, уничтожаетъ рыбные промыслы, распространяетъ страхъ и ужасъ по всей странѣ“. И далѣе: „наши крейсеры имѣли бы задачей нападеніе на многочисленный беззащитный торговый флотъ непріятеля, на его беззащитные рыбные промыслы и берега“, да притомъ еще на каждомъ такомъ крейсерѣ обязательно должны быть „дальнобойныя орудія и мины“. Очевидно, что разорять „беззащитные“ города и промыслы во имя отца и сына и святого духа и захватывать пароходы съ крикомъ „боже, царя храни“ — дѣло весьма почтенное и добродѣтельное, ничего общаго не имѣющее съ „преступленіями“ язычниковъ. И на какихъ простодушныхъ читателей разсчитываетъ наша изолгавшаяся „пресса“ (ибо отнюдь не одни „Московскія Вѣдомости“ морочатъ публику такими разсужденіями), сегодня требующая объявленія японцевъ „внѣ закона“ за „разбрасываніе минъ“, а завтра хвастающая, что японскій броненосецъ взлетѣлъ на воздухъ отъ минъ, „разбросанныхъ“ русскими?

Харьковъ. Недѣлю тому назадъ въ Харьковѣ появилось объявленіе о конской мобилизаціи, и черезъ день всѣ лошади города были собраны въ нѣсколькихъ мѣстахъ на сборныхъ пунктахъ. Что происходило при пріемахъ — трудно себѣ вообразить. Это былъ настоящій грабежъ среди бѣлаго дня! Дѣло въ томъ, что по закону во время мобилизаціи лошади принимаются по нѣсколькимъ разрядамъ, причемъ за каждый разрядъ установлена особая плата. Такъ, за лошадей перваго разряда правительство выдаетъ по 200 рублей, второго — по 170 и третьяго — по 120 рублей. Такимъ образомъ выходило, напримѣръ, что за тысячныхъ рысаковъ получали по 200 руб. Но это еще бы ничего, такъ какъ такіе рысаки принадлежатъ, вѣдь, настолько состоятельнымъ людямъ, что эта потеря для нихъ не особенно чувствительна. Но вотъ, напримѣръ, ломовымъ извозчикамъ, у которыхъ лошади нерѣдко стоятъ по 500-600 рублей, давали по 170-120. Многіе изъ нихъ прямо таки плакали при этомъ. Значительное количество извозчиковъ остались теперь безъ лошадей, а, слѣдовательно, и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Но это еще брали на войну лишь скотъ. Черезъ нѣсколько же дней всѣ заборы и столбы города украсились красными (какая иронія!) объявленіями. По высочайшему повелѣнію, запасные всѣхъ годовъ призывались въ 24 часа явиться въ участокъ. Однимъ почеркомъ пера нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ были призваны къ исполненію „священнаго долга“. Въ газетахъ уже появились сообщенія о „великой радости“, съ которой шли вѣрноподданные „положить свой животъ за царя и отечество“. Нечего и говорить, что все это наглая ложь.

Картины были ужасныя. Толпы воиновъ шли, сопровождаемыя плачущими женами, дѣтьми, родственниками. На улицахъ появилась масса пьяныхъ.

Настроеніе толпы, стоявшей у квартиры воинскаго начальника, было далеко и далеко не патріотическое. Офицеры, проходившіе тутъ же по дѣламъ службы, пробирались сторонкой, такъ какъ по ихъ адресу сплошь и рядомъ отпускались очень рѣзкія и совсѣмъ не двусмысленныя замѣчанія.

Я спросилъ одного изъ призывавшихся: „А что, если бы отказаться итти?“ „Да что-жь, отвѣтилъ онъ, кабы всѣмъ вмѣстѣ, такъ много можно бы надѣлать“... Однимъ словомъ, война становится все менѣе и менѣе популярной. Въ широкихъ массахъ народныхъ уже совершенно перестаютъ вѣрить оффиціальнымъ сообщеніямъ. За послѣднее, напримѣръ, время упорно распространился слухъ о томъ, что одинъ русскій генералъ, якобы, „продалъ“ японцамъ сраженіе... Когда я стоялъ передъ этой громадной толпой, въ которой одни суетливо торопились узнать что-нибудь о своей судьбѣ, а другіе стояли и совершенно безучастно и безстрашно смотрѣли на все происходившее, многое и многое приходило въ голову. Казалось, достаточно только бросить туда одну искру, — и все вспыхнуло бы страшнымъ пожаромъ.

Изъ Харькова же въ одномъ частномъ письмѣ, между прочимъ, сообщаютъ: У насъ теперь мобилизація. Почти въ каждой семьѣ стоны, слезы и горе. Изъ одной харьковской губерніи забрано до 40.000 мужей, отцовъ, братьевъ, оставляющихъ свои семьи на произволъ судьбы. Съ одного паровозостроительнаго завода у насъ взято на службу 1000 человѣкъ. *Трое повѣсилось.*

Приходится наблюдать картины, не поддающіяся описанію...

Харьковъ. (изъ частнаго письма). У насъ цѣлую недѣлю шла мобилизація. На площади сосредоточивались десятки тысячъ народу, хмураго, недовольнаго. Настроеніе у запасныхъ угнетенное. Идти помирать никому не хочется. Кромѣ плача и горя, можно еще было видѣть картины безшабашнаго веселья съ отчаянья, но желанія идти на войну, я, шляясь часами на площади, ни у кого не подмѣтилъ. Для поднятія „духа“ выписали на гастроли царя. Подъема и здѣсь не было. Встрѣча была до крайности жалкая. По улицамъ шпалерами вмѣсто войска, какъ прежде, теперь стояла народная охрана изъ мужиковъ, пригнанныхъ изъ уѣздовъ, дворниковъ и шпіоновъ. Въ ней принимали участіе и рабочіе изъ паровозостроительнаго завода, конечно, подонки. У всѣхъ на груди были „желтые“ билеты. Солдаты имѣютъ ужасный видъ: грязные, одѣтые положительно въ тряпье, голодные, они нерѣдко ходятъ по городу побираться. Возвращаясь съ ученья въ городъ въ полномъ вооруженіи, они отъ утомленія и голода иногда падаютъ.

Въ городѣ все это время была, положительно, паника. Не было семьи, которая такъ или иначе не пострадала бы. Чтобы ходить на вокзалъ и смотрѣть сцены прощанья, особенно крестьянскихъ семей, брошенныхъ на произволъ судьбы, нужно имѣть желѣзные нервы. А вѣдь это только частная мобилизація. 15-го предполагаютъ произвести общую, а затѣмъ возьмутъ и ополченіе. Врачей берутъ не всѣхъ, а по жребію. Изъ Харькова взято уже 35, да 20 ушли добровольно въ земскіе отряды.

О либералахъ и даже радикалахъ и говорить не хочется — тошно! Объ ихъ настроеніи можно судить по тому, какъ они стремились перещеголять другъ друга вчера въ припаданіи къ „стопамъ“.

Въ тюрьмѣ, послѣ цѣлаго ряда голодовокъ, теперь наступилъ попросту голодъ, потому что не кормятъ изъ экономіи.

Кременчугъ. (картина мобилизаціи). Получился приказъ временно распустить созванныхъ запасныхъ артиллеристовъ. На долго ли? Это неизвѣстно. Пока они свободны, хотя книжекъ имъ не отдали. Пѣхотинцевъ же, какъ ихъ забрали и отправили въ казарму, такъ и не даютъ имъ возможности пойти даже съ семьей повидаться. Ихъ уже обмундировали и, должно быть, скоро отправятъ. Пока около казармъ очень оживленно. Къ каждому приходятъ жена, дѣти; иногородніе совсѣмъ тамъ поселились, изъ боязни, что вотъ вотъ ихъ мужей могутъ отправить безъ ихъ вѣдома. Наконецъ, имъ все равно дома ѣсть нечего.

У одного изъ запасныхъ умерла жена. Онъ еле отпросился пойти ее хоронить, а затѣмъ, забравъ своихъ шесть дѣтей, пошелъ съ ними въ казарму. Не думаю, однако, чтобы ему позволили держать ихъ при себѣ. Скорѣе всего помѣстятъ, куда попало, дѣтей, а отца пошлютъ на убой... Одинъ фабричный инспекторъ, когда его свидѣтельствовали, обратился къ врачу со слезами на глазахъ и умолялъ пощадить его, такъ какъ у него десять человѣкъ дѣтей, матери у нихъ нѣтъ, а онъ самъ бѣденъ и не можетъ ихъ обезпечить. Врачъ назначилъ его на испытаніе. А сегодня его приняли. Такихъ сценъ очень много.

Забираютъ и лошадей. У многихъ мужиковъ и горожанъ забрали по два-три сына, и къ тому же, и лошадей. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ забирали у одного мужика лошадей. Отнимали ихъ, конечно, не у него одного, а у многихъ, но этотъ одинъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Онъ стоялъ съ опустившимися руками, не спуская глазъ съ своихъ лошадей. По всей вѣроятности, онъ замѣтилъ мой пристальный взглядъ и обратился ко мнѣ со словами: „Вчера забрали моихъ сыновей, сегодня лошадей. Хоть не возвращайся назадъ домой“.

Предсѣдателемъ военно-конской коммиссіи былъ нашъ городской голова, который своихъ лошадей за нѣсколько дней до мобилизаціи сплавилъ, чтобы ихъ не забрали. Такъ же распорядились и многіе изъ дворянъ. А мужицкія и извозчичьи лошади забирались, конечно, „по закону“.

Ѳеодосія. Здѣсь флотскіе запасные отказались присягать. Такое положеніе продолжается уже почти двѣ недѣли. Они заявили, что не будутъ присягать до тѣхъ поръ, пока ихъ семейства не будутъ обезпечены. Недавно застрѣлился одинъ запасной флотскій, который просилъ вспомоществованія у воинскаго начальника, но получилъ отказъ. Онъ оставилъ дома шесть человѣкъ дѣтей и больную жену, вдобавокъ, онъ безземельный. Покончилъ онъ съ собой неожиданно, въ кругу товарищей, возлѣ казармы, выстрѣливъ себѣ въ ротъ.

У насъ въ городѣ были разбросаны прокламаціи (Крымскаго Союза), а накануне, прокламаціи были разбросаны въ большомъ количествѣ по всѣмъ деревнямъ. Жандармерія сейчасъ же бросилась по горячимъ слѣдамъ. „Виновниковъ“ не нашли, но много крестьянъ арестовано. Терпеньскія священникъ и учитель вызвались помогать жандармамъ. Въ городѣ ждутъ обысковъ и арестовъ.

Послѣ побѣды японцевъ страшно какъ всѣ пріуныли и почти ужъ нѣтъ проявленій патріотизма, почти всѣ осуждаютъ дѣйствія правительства, даже прислуга — знаю изъ личныхъ разговоровъ — проклинаетъ Николая съ его присными. По уѣзду и въ городѣ все населеніе только и говоритъ о „письмахъ“. Вотъ вамъ картинка: одинъ рабочій утромъ шелъ на работу, нашелъ прокламацію и, остановившись, сталъ ее читать. Къ нему подошелъ ополченецъ, одинъ, другой... Мало-по-малу ихъ собралось человѣкъ 30, и рабочій продолжалъ свое чтеніе вслухъ, среди общаго вниманія, пока подоспѣвшій городовой не забралъ рабочаго въ полицію. Продержали его до полудня и выпустили.

Москва (изъ частнаго письма). Для характеристики отношенія кое-кого изъ публики къ военнымъ дѣйствіямъ на Дальнемъ Востокѣ, приведу мой разговоръ съ мелкимъ лавочникомъ послѣ гибели „Петропавловска“. *Онъ* — „и занесло же ихъ туда... черти!.. на что имъ Корея нужна? Мало своей Сибири — Сибирь непочатый край, а имъ въ Корею нужно! Только народъ губятъ!“ *Я* — „да еще народныя деньги въ море спускаютъ...“ *Онъ* — „шутка сказать! восемнадцать милліоновъ только постройка броненосца, а сколько на немъ орудій и проч. Городъ Клинъ того весь не стоитъ, что одинъ „Петропавловскъ“, а они его въ двѣ минуты ко дну пустили... черти!..“.

Знакомая намъ башмачница очень возмущалась застоемъ въ торговлѣ. Хотя и не ругалась такъ, какъ лавочникъ, но въ тонѣ слышалось раздраженіе, когда она передавала (циркулирующій въ народѣ) разсказъ о посѣщеніи царя десятью купцами. Купцы говорятъ, что торговля плохо идетъ. Онъ имъ отвѣчаетъ: „въ прежнія времена народъ терпѣлъ во время войны, и вы потерпите“. „Да, вѣдь, умирать придется, — заявляютъ купцы. — „Это уже дѣло ваше, — отвѣчаетъ царь, — хотите — живите; не хотите — помирайте“... „Хорошо ему такъ разсуждать, — закончила свой разсказъ башмачница, — а намъ то каково! Раньше мы 15 рабочихъ держали, а послѣ Пасхи пять только оставили, а то и совсѣмъ работу прикончимъ“...

Изъ Восточной Сибири. Всѣ страшно интересуются войной, а почта, какъ нарочно, ужасно неаккуратно доставляется. Приходится иногда читать солдатскія письма, очень неутѣшительнаго характера. Вотъ образчики:

---

¹) Курсивъ рѣчи.

„Выступили изъ Артура; куда, не знаемъ. Кормятъ скверно. Хлѣбъ плохой, мяса и не видишь. Хоть бы скорѣй напасть на японца; можетъ, кормить лучше будутъ“.

„Только и знаемъ, что могилы копать; ежедневно роемъ больше 20. Когда японецъ начинаетъ штурмовать, жутко становится: бомбы летятъ, а японца и не видишь“.

Баку. Со времени послѣдней трагикомедіи, разыгранной жандармами въ ночь на 31 марта, мы пережили еще кое какія сценки. Около 10 апр. арестованъ служащій въ гор. управѣ статистикъ Фонштейнъ. Обстоятельства ареста: является въ управу жандармъ (остальная компанія ждала у воротъ на улицѣ) и честью проситъ слѣдовать за собою. Приходитъ честная компанія на квартиру Фонштейна, производитъ обыскъ, ничего не находитъ, тѣмъ не менѣе, не смущается, а подъ конецъ даже торжествуетъ. Въ чемъ же дѣло? „Червонные валеты“ знаютъ секретъ. У нихъ есть рукопись, автора которой приказано найти. Отчего не попытать на Фонштейнѣ? — „спросъ не бѣда. „Ваша рукопись?“ — „Какая? въ чемъ дѣло?“ Извольте-ка написать“... пишетъ... „гмъ.... а все же, знаете, б какъ будто похоже... э, да тамъ разберутъ. Арестовать.“ И человѣка арестовали. За что? „Тамъ разберутъ.“ Слушаешь исторію такого ареста и не знаешь, что въ тебѣ беретъ верхъ: не то чувство возмущенія къ опричнинѣ, не то презрѣніе къ „обществу“, въ которомъ имѣютъ мѣсто подобныя сцены.

Въ ночь на 15 былъ арестованъ еще одинъ человѣкъ, нѣкто Кнуньянцъ (б. ст.). Одновременно произведенъ былъ обыскъ у его брата — вольноопредѣляющагося. Въ казенномъ помѣщеніи воен. вѣдомства найденъ былъ гектографъ, неизвѣстно кому принадлежащій. Обыскъ въ казенномъ помѣщеніи въ связи съ нахожденіемъ гектографа, постепенно разростаясь, превратился, наконецъ, въ слухѣ объ арестѣ типографіи и военныхъ... Въ ту же ночь были обыски въ Балаханахъ. Передъ первымъ мая жандармерія старается уловить корни. Тщетны старанія. Въ Баку они слишкомъ глубоко сидятъ, чтобы ихъ можно было поймать и вырвать.

Для полноты хроники арестовъ и обысковъ необходимо хоть заднимъ числомъ отмѣтить, что однодневная стачка коночниковъ (25 марта) стоила ареста пяти чел. Кромѣ того, у одного контролера на Пасхѣ былъ обыскъ. Слуги самодержавія усердствуютъ.

Послѣ Пасхи были обыски у флотскихъ солдатъ подъ лицемѣрнымъ предлогомъ розысканія какой-то пропавшей вещи, на самомъ же дѣлѣ, искали пасхальныхъ листковъ. Солдатскую казарму (что на Баиловѣ) охраняетъ теперь часовой съ ружьемъ.

Итакъ, на сценѣ снова жандармы. Что дѣлается въ партерѣ? Увы, тихо! Тамъ сидитъ прилизанное, приглаженное „общество“. Оно, правда, не рукоплещетъ актерамъ, но и не негодуетъ. Оно слишкомъ для этого благовоспитано — трусливо. Въ лучшемъ случаѣ благовоспитанная трусливость его позволяетъ ему пошептаться. Правда, нельзя отрицать, что взрывы японскихъ и русскихъ минъ на Дальн. Вост. отозвались... только не взрывомъ возмущенія противъ самодержавія — отозвались ерзаніемъ на мѣстѣ наиболѣе смирно сидящихъ на своихъ мѣстахъ въ обычное время.

То вы узнаете, что какой-нибудь попъ не радъ какъ будто спасенію Кирилла, считая его виновникомъ гибели „Петропавловска“. Макарову, молъ, нужно было прокатиться на броненосцѣ во что бы то ни стало. — То заскорузлый педагогъ, искренно всхлипнувъ по Макаровѣ, съ какой-то покорностью слушаетъ теперь ваши антисамодержавныя слова. Онъ еще не пришелъ въ себя, ему самому странно, какъ это съ нимъ произошелъ такой переворотъ, что вотъ онъ слушаетъ „такія“ слова, но, тѣмъ не менѣе, онъ слушаетъ.“ Онъ еще далекъ отъ того, чтобы самому закричать: „долой самодержавіе“, но онъ васъ уже понимаетъ.... Офицеры (говорю объ армейцахъ) также начинаютъ задумываться... На первое время они полагаютъ, что вина падаетъ на морскихъ офицеровъ. Привиллегированные морскіе корпуса выпускаютъ, молъ, круглыхъ невѣждъ, а попадаютъ туда круглые дураки... Отсюда первое ихъ требованіе: демократизація всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ въ народѣ, въ нихъ также нѣтъ патріотическаго энтузіазма, и на отправляющихся на Дальн. Вост. они смотрятъ не какъ на героевъ, а какъ на простыхъ искателей приключеній, чиновъ и пр., съ оттѣнкомъ легкаго презрѣнія.

Житоміръ, Волынской губ. Волна „патріотическихъ“ манифестацій, захвативъ и нашъ городъ, вылилась здѣсь въ своеобразныя формы. У насъ иниціаторомъ и вдохновителемъ манифестацій явился директоръ первой гимназіи г. Антонюкъ. Возбудивъ противъ себя своимъ грубо-полицейскимъ режимомъ всю гимназію (см. „Искра“ № 61), не будучи въ силахъ справиться съ „крамолой“, пустившей глубокіе корни среди учащихся, онъ вздумалъ „патріотизмомъ“ поднять свой престижъ и показать своему начальству, что вотъ-де, какъ его ученики благонадежны.

Вслѣдъ за объявленіемъ войны, Антонюкъ обратился къ полиціймейстеру съ просьбой разрѣшить ему устроить манифестацію. Послѣдній сначала колебался, ... но, въ концѣ концовъ, далъ свое согласіе. Ученики немедленно были освобождены отъ занятій, и директоръ занялся распредѣленіемъ ролей: „Вы, обращается онъ къ двумъ ученикамъ восьмого класса, несите портретъ государя императора; хоръ, становись сюда; патріоты, стройся въ колонну; оркестръ — впереди“, ... и шествіе, „движимое патріотическимъ чувствомъ“, во главѣ съ директоромъ и полиціей, направилось къ соборной площади, оглашая улицы дѣтскимъ крикомъ „ура“ и „боже, царя храни“. Любопытныхъ собралось, конечно, очень много, но активнаго участія въ этой комедіи не принимали. Семинаристы же и гимназисты старшихъ классовъ, тѣ держались даже вызывающе, не снимая шапокъ при исполненіи гимна.

Вторую манифестацію директоръ уже устроилъ въ стѣнахъ гимназіи. Все было обставлено таинственно: до послѣдней минуты никто не зналъ, въ чемъ дѣло. Педели всѣ были налицо и разставлены въ боевомъ порядкѣ; учителя о чемъ-то перешептываются, видно, что готовится нѣчто торжественное... Наиболѣе сознательные ученики, понявъ, что дѣло не обойдется безъ „патріотизма“, пытались было уйти изъ гимназіи, но... двери повсюду оказались запертыми. Послѣ второго урока учениковъ стали сгонять въ актовый залъ: „хотятъ, молъ, прочесть что-то“. (Что именно, держалось въ секретѣ.) Педеля вмѣстѣ съ оберъ-педелемъ г. Антонюкомъ весьма усердно разыскивали юныхъ „крамольниковъ“ въ клозетахъ и корридорахъ... Когда убѣдились, что всѣ „патріоты“ налицо, директоръ торжественно прочелъ высочайшую благодарность ученикамъ за выраженныя ими „вѣрноподданныя“ чувства (надо замѣтить, что „чувства“ эти были повергнуты къ стопамъ его величества безъ вѣдома и согласія учениковъ). „Подлинная телеграмма подписана самимъ государемъ императоромъ“, громко закончилъ директоръ и провозгласилъ „ура“. Малыши подхватили, откуда то взявшійся оркестръ заигралъ гимнъ, все, кажется, вышло, какъ слѣдуетъ, но вдругъ среди общаго шума начали раздаваться свистки. Начальство старалось этого не замѣтить и поспѣшило закончить представленіе. На сознательныхъ учениковъ эта принудительная манифестація произвела удручающее впечатлѣніе. Хороши также манифестаціи, которыя устраиваются „при закрытыхъ дверяхъ“ изъ боязни, чтобы патріоты не разбѣжались...

Въ ночь съ 10 на 11 апрѣля здѣсь были повальные обыски. Жандармы держали себя очень грубо и нахально. У бывш. студента Горскаго была выбита дверь, когда тотъ спросонья не открылъ послѣ перваго стука. Обыски были у многихъ лицъ и между прочимъ у Горскаго (б. ст.), Сидорчука (чин.), Коварскаго (б. ст.), Мощенка (гим.), Домбровской (учит.), Рашковича (зуб. вр.) и у нѣкоторыхъ рабочихъ. Въ эту же ночь на вокзалѣ былъ арестованъ б. ст. Гопникъ; продержали его ночь въ жан. упр. и на другой день выпустили. Это уже не первый случай, что жандармы забираютъ на вокзалѣ людей „на авось“, придерживаясь правила: лучше 10 разъ ошибиться, чѣмъ разъ пропустить.

За этотъ мѣсяцъ въ городѣ была распространена масса прокламацій редакціи „Искры“: „Война противъ войны“ (1000 ш.), „Въ ожиданіи успѣховъ“, „Искра“ о войнѣ“ и др; разбрасывались на улицахъ, бульварахъ, бросались въ ящики, раздавались въ видѣ прав. телеграммъ. Среди солдатъ былъ распространенъ листокъ ред. „Искры“: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“, вызвавшій много толковъ. Запасные бьютъ тревогу, боясь мобилизаціи. Настроеніе во всѣхъ слояхъ населенія подавленное. Войной интересуются, но относятся къ ней отрицательно. Самые благонамѣренные элементы жалуются на отсутствіе правдивыхъ свѣдѣній съ театра войны. Газетамъ не вѣрятъ и критикуютъ дѣйствія правительства. Пишущему эти строки приходилось слушать разсужденія простого люда: „если въ газетѣ напечатано: убито 30 чел., то считай самое меньшее 300“. Среди крестьянъ идутъ самые нелѣпые слухи, охотно поддерживаемые попами и полиціей, что „наши моряки уже захватили всю Японію, а царя японскаго въ плѣнъ взяли“. Правда о войнѣ, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ больше чѣмъ необходима.

Новозыбковъ. Нашъ бѣдный городъ такъ и остался безъ модной комедіи, именуемой „патріотической манифестаціей“; не смотря на старанія мѣстной полиціи, какъ обыватели, такъ и учащаяся молодежь остались совершенно равнодушными какъ къ „исконному миролюбію“ царя, такъ и къ „коварному и дерзкому нападенію“ врага... Право, не знаю, чему приписать такое „непростительное“ равнодушіе: гражданскому ли индифферентизму нашего общества или его скептическому отношенію къ добродѣтелямъ всероссійскихъ самодержцевъ?

Не обошлось, однако, и у насъ безъ инцидентовъ. Въ реальномъ училищѣ (въ томъ же зданіи находится и сельскохозяйственное) на масляной былъ вечеръ въ пользу Крас. Крес. Какъ водится на всѣхъ благоустроенныхъ вечерахъ, хоръ пропѣлъ царскій гимнъ, послѣ чего жандармскій подполковникъ крикнулъ, какъ водится, „ура“! и, какъ откликъ на это патріотическое восклицаніе, онъ услышалъ, во первыхъ, свое собственное эхо, а затѣмъ, нѣсколько нерѣшительныхъ голосовъ. Начальство рѣшило еще разъ пропѣть, авось, удастся „получить еще нѣсколько голосовъ“. Перебаллотировка, однако, не удалась и окончилась скандаломъ: часть молодежи, которой, очевидно надоѣла эта комедія, стала кричать: „Не надо, не надо! Довольно!“ И вышла такимъ образомъ „исторія“, потребовавшая „козлища отпущенія“. Онъ былъ найденъ въ лицѣ ученика VI класса К. Цетлина, которому „предложили принять свои бумаги“.

Вообще, приходится констатировать „печальный“ фактъ, наша учащаяся молодежь не любитъ выражать „вѣрноподданническія“ чувства, въ чемъ могъ убѣдится на дняхъ нашъ директоръ обоихъ учебныхъ заведеній. Собравъ 21 сего мѣс. учениковъ сельскохозяйственнаго училища, директоръ „имѣлъ счастье объявить собравшимся царскую благодарность учащейся молодежи кіевскаго округа за выраженныя вѣрноподданическія чувства“. Послѣдовало... краснорѣчивое молчаніе. Директору, очевидно, стало не совсѣмъ ловко и онъ поспѣшилъ попрощаться и пожелать своимъ ученикамъ веселаго праздника, на что послѣдовало громогласное „спасибо, также и вамъ!“.

Вамъ уже извѣстно, что у насъ были аресты. Прибавлю, что арестованные были отправлены въ Новгородъ Сѣверскъ: этимъ путемъ предполагалось изолировать ихъ отъ всякаго сообщенія съ мѣстной группой. Одинъ изъ арестованныхъ Д. Приходько, къ сожалѣнію, указалъ на того, кто далъ ему листки, именно на Г. Аерова. Сдѣланъ былъ обыскъ въ домѣ, гдѣ послѣдній тогда случайно находился; его не нашли. Нѣсколько дней полиція, жандармерія и шпики бѣгали по платформѣ вокзала. Розыски не увѣнчались успѣхомъ. Арестованнаго В. К. Локшина держатъ въ Суражѣ въ тюрьмѣ съ тою же цѣлью. Туда же отправлена подъ надзоръ и сестра его, акушерка.

Смоленскъ. 20 Октября 1903 года на вокзалѣ въ Смоленскѣ былъ арестованъ воспитанникъ шестого класса В. В. Медвѣдковъ при получкѣ литературы (4 пуда).

По этому поводу въ саминарскомъ общежитіи былъ устроенъ поголовный обыскъ, который не далъ никакихъ результатовъ. Это событіе взволновало въ свое время весь городъ, особенно же семинарскихъ педагоговъ и начальство. Педагоги испугались „какъ бы чего не вышло“, пошли рѣчи о пріѣздѣ ревизора, о томъ, что вдругъ обнаружится, „что тогъ-то, тогда-то, сказалъ то-то“... Особенно же встревожилось начальство, которое до этого случая могло похвалиться благонравіемъ своихъ духовныхъ воспитанниковъ. Въ то время, когда гимназисты, реалисты, гимназистки то и дѣло попадали на замѣчаніе жандармовъ за обсужденіе наболѣвшихъ вопросовъ русской жизни, въ семинаріи было полнѣйшее спокойствіе. Если въ семинарское зданіе какой нибудь случай заносилъ „прокламацію“, то обычно сами воспитанники (и не риторъ, а часто богословъ) осторожно брали преступный листокъ кончиками двухъ пальцевъ, и несли его, не читая и не глядя, къ отцу инспектору. Повидимому семинарія, вообще, была равнодушна къ живой жизни: она не понимала, почему волнуются студенты, за какихъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ томятся по тюрьмамъ, изнываютъ въ ссылкахъ лучшіе люди страны, чего добивается русскій революціонеръ... Отецъ ректоръ, арх. Олимпій, объ Иркутскихъ подвигахъ котораго извѣстія проникли даже въ легальную печать (Русская Мысль 1900 г., авг.), искусной рукой отстранилъ отъ семинаристовъ всѣ эти жгучіе вопросы. Онъ постарался улучшить ихъ столъ, далъ имъ красивую форму по ихъ вкусу, устраивалъ имъ концерты и танцовальные вечера съ епархіалками. Семинаристы были довольны, веселы. Два-три года тому назадъ они и слышать не хотѣли о призывѣ студентовъ Московской и Казанской академій къ подачѣ петиціи объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній. Ликовалъ и ректоръ. Ему уже грезилась епископская кафедра. Случай съ Медвѣдковымъ разрушилъ иллюзію. Дѣйствительно, предъ рождествомъ пріѣхалъ ревизоръ Тихомировъ. Генералъ, — такъ онъ самъ величалъ себя, — открылъ при семинаріи настоящее жандармское отдѣленіе, обнаруживши недюжинныя способности сыщика. Чтобы укрѣпить колеблющихся семинаристовъ, онъ на прощаніе въ пятомъ и шестомъ классахъ для назиданія и руководства сказалъ рѣчь, въ полной увѣренности, что она съ корнемъ вырветъ вкравшуюся въ семинарію крамолу. Вышло какъ разъ наоборотъ. Надъ рѣчью его превосходительства смѣялись всѣ, едва сдерживаясь, благодаря присутствію ректора и инспектора.

Тогда появилось изданное Смоленскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. „открытое письмо къ генералу Тихомирову“.

Приводимъ его въ сокращенномъ видѣ:

„Ваше превосходительство! въ своемъ прощальномъ словѣ къ смоленскимъ семинаристамъ, вы, генералъ, попытались разъяснить смыслъ современныхъ „страшныхъ“ событій. Вы рекомендуете юношамъ отойти отъ общественной жизни, мотивируя это тѣмъ, что долгъ каждаго человѣка исполнить лишь свои обязанности... Вы выставляете себя убѣжденнымъ защитникомъ своей истины.

Но откуда же эта боязнь другой истины, отъ которой вы предостерегаете вашихъ учениковъ?... Вамъ отъ всего страшно. Вы всего боитесь... Боитесь всей литературы послѣ Гоголя, боитесь свѣтской школы, боитесь театра... Свобода совѣсти для васъ невыносима... Все же, вы совѣтуете обращаться въ затруднительныхъ вопросахъ жизни къ совѣсти... Что же должна говорить совѣсть тѣхъ, у которыхъ жизнь не отняла еще чуткости къ правдѣ? Много ли святой правды видитъ семинаристъ вокругъ себя?“

„Принудительная, по звонку, молитва,“ изученіе библіи — въ видѣ повинности черноризцы, жаждущіе епископской кафедры, — въ роли руководителей школярами — вотъ обстановка школъ. Да и само управленіе церковью — сплошное лицемѣріе. „Вѣдь не тайна, что „святая церковь“ обратилась въ министерство, которое пытается жизнь духа направлять канцелярскими циркулярами, ... что Владиміръ Московскій купилъ митрополію, что ярославская епископія продавалась чуть не съ публичнаго торга“...

„Что должна, наконецъ, говорить совѣсть о „благовѣрномъ“ государѣ, ханѣ манджурскомъ, благочестіе котораго такъ усердно демонстрируется генераломъ Богдановичемъ? Не гнусное ли лицемѣріе провозглашать Нику миротворцемъ за Гагскую конференцію мира, когда онъ не хотѣлъ отдать на рѣшеніе ея спора Россіи съ Японіей... Или объ этомъ истиннымъ христіанамъ не полагается разсуждать, такъ какъ религія любви повелѣваетъ идти съ радостью умирать за „вѣру, царя и отечество“? Какая горькая иронія звучитъ въ этихъ словахъ! Церковь... служитъ знатнымъ и богатымъ... Въ Россіи такъ часто за послѣднее время совершается избіеніе неповинной толпы, и ни одинъ пастырь не возвысилъ своего голоса на защиту поруганныхъ человѣческихъ правъ, не остановилъ ни одного выстрѣла противъ „труждающихся и обремененныхъ“...

„Легко и просто, до наивности просто, рѣшили вы соціальный вопросъ, сказавъ, что это все дѣло евреевъ... Вы говорите о вашемъ (духовнаго вѣдомства) могущественномъ значеніи въ государствѣ, и вы же не можете скрыть своей боязни, своего трепета! Я понимаю васъ: вы вѣрили въ ваше духовное вѣдомство, какъ въ крѣпость реакціи, вѣрили, что это надежный фундаментъ великаго зданія насилія. И вотъ это-то зданіе, эта цитадель разрушается. Разрушается и ваша вѣра, и вы дрожите. Я понимаю васъ: вамъ должно быть страшно.

И вотъ иронія грядущей жизни. Вы сказали рѣчь, желая укрѣпить эту крѣпость, и вы же пошатнули ее. Вы заставили юношей позадуматься надъ тѣмъ, надъ чѣмъ рано или поздно, какъ справедливо говорили вы, они должны будутъ позадуматься. Вы ускорили это и тѣмъ ускоряете вашу гибель. Въ вашей рѣчи сказались страхъ и смятеніе.

Гибнетъ, все гибнетъ... Гибнутъ ложь и насиліе, гибнетъ ваша вѣра въ неприступность вашихъ твердынь... Вамъ страшно... и въ этомъ, генералъ, вы правы“.

Письмо произвело должное впечатлѣніе на семинаристовъ, у которыхъ прошелъ страхъ предъ прокламаціями. Письмо читалось всѣми, даже первоклассниками, никто уже не думалъ относить его къ инспектору. — Въ первыхъ числахъ марта семинарія заволновалась. Началось дѣло съ того, что съ ужина страшнымъ крикомъ и свистомъ выгнали инспектора и его помощника. На другой день съ урока выгнали одного учителя и опять освистали помощника инспектора. Когда вечеромъ открылось педагогическое собраніе для обсужденія вопроса объ увольненіи нѣкоторыхъ воспитанниковъ, надъ комнатой правленія собралась вся семинарія, крикомъ и ревомъ протестуя противъ предполагавшагося увольненія. На третій день, въ шесть часовъ вечера, ректоръ рѣшился говорить съ семинаристами, выслушать ихъ требованія. Сходка открылась изгнаніемъ инспекціи. Ректору указывали, что въ семинаріи развито шпіонство, благодаря которому инспекція освѣдомлена о всемъ, что дѣлается въ семинаріи, говорили, что учитель практическаго руководства для пастырей (попъ) на урокахъ разсказываетъ только анекдоты (порой двусмысленные), совершенно не занимаясь дѣломъ, — что учитель нравственнаго богословія издѣвается надъ семинаристами, — называетъ ихъ кобелями и проч. Порядка на сходкѣ не было никакого, была страшная толкотня, говорили и кричали нѣсколько человѣкъ сразу, перебивали другъ друга, говорили безъ заранѣе обдуманнаго плана, говорили то, что кому вздумается или припомнится въ данную минуту, обращали вниманіе на мелочи, упуская изъ виду болѣе крупное. Со сходки ректора проводили съ такимъ свистомъ и гиканьемъ, что выбѣжали изъ подваловъ всѣ семинарскіе служители. Ректоръ, мечтая только о епископской митрѣ, постарался прежде всего выгородить себя. Начали обсуждать случившееся. Дали знать ревизору, который и поспѣшилъ снова пріѣхать въ Смоленскъ. На этотъ разъ его превосходительство велъ себя гораздо скромнѣе и отъ рѣчей воздержался. Пока дѣло ничѣмъ не кончилось. Можно только съ увѣренностью сказать, что самой сути дѣла — причинъ волненій, которыя скрыты въ строѣ учебнаго заведенія, касаться не будутъ. Семинарскому начальству дорого не исправленіе, не коренная реформа, а благовидная ложь, которая какъ можно ближе подходила бы къ правдѣ, но все таки не была бы самой правдой.

Петербургъ. 28 апрѣля въ петербургской судебной палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей разсмотрѣно дѣло Е. В. Аничкова (проф.) и А. В. Борманъ (переводчица) по обвиненію въ храненіи и распространеніи нелегальной литературы (252 ст.). Аничковъ и Борманъ были арестованы въ половинѣ ноября прошлаго года на ст. Бѣлоостровъ Финл. ж. д. съ транспортомъ „Освобожденія“. Палата, признавъ обвиняемыхъ виновными, приговорила ихъ: Аничкова — къ заключенію въ *арестантскія роты* на $2^1/_2$ года съ лишеніемъ особыхъ правъ. Борманъ — къ заключенію *въ тюрьмѣ* на $2^1/_2$ года, также съ лишеніемъ особыхъ правъ.

Въ *Елизаветполѣ* арестованъ присяж. повѣрен. петербург. округа Н. Д. Соколовъ, поѣхавшій на защиту по армянскому дѣлу. Это — тотъ самый Н. Д. Соколовъ, который уже былъ арестованъ въ Кишиневѣ за слишкомъ энергичную, по мнѣнію Плеве, защиту жертвъ кишиневскаго погрома.

Слухъ ходитъ въ Петербургѣ, что въ Сибири повѣшенъ Левинтонъ (?) за рѣчь, обращенную къ солдатамъ.

Петербургъ. Вчера мы праздновали маевку. Человѣкъ около 100 одного района отправились за городъ въ лѣсъ, гдѣ надъ ними развѣвалось красное знамя, и нѣсколько ораторовъ произнесли (нельзя сказать чтобы очень блестящіе) рѣчи, въ которыхъ выяснилось не только значеніе перваго мая, но и роль соціальдемократіи, ея программа и настоящее положеніе рабочаго класса въ Россіи и на Западѣ. Говорили о войнѣ и очень подробно разсматривали ее со всѣхъ сторонъ. Говорили еще объ историческихъ взглядахъ Маркса и о роли IV сословія по „Программѣ работниковъ“ Лассаля и прочли описаніе Якутской драмы. Свойственная россійскимъ ораторамъ тяжеловѣсность рѣчей утомила публику, но послѣдняя очень оживилась, когда рѣчь зашла о томъ, чтобы отправиться въ одинъ изъ театровъ для того, чтобы разбросать тамъ прокламаціи. При пѣніи соотвѣтственныхъ пѣсенъ публика разошлась, чтобы собраться въ театрѣ. Прокламацій было разбросано и разсовано по карманамъ не очень много, но вполнѣ удачно: не арестовали никого, кромѣ одного, совсѣмъ посторонняго лица. Много и не хотѣли разбрасывать, ибо публика была „архи-подлая“: масса сыщиковъ, полиціи, остальные — больше все мелкіе лавочники. Полицейскіе, очевидно, были вполнѣ подготовлены къ празднику перваго мая, кулаки ихъ такъ и просили работы — да поставили ихъ неудачно. Отрядъ конныхъ ждалъ почтеннѣйшую публику у входа. Какой-то шпикъ попробовалъ потребовать прокламацію у схватившаго ее рабочаго, но тотъ прикрикнулъ на него съ такимъ боевымъ видомъ, что шпикъ поскорѣе ретировался. Раньше думали устроить разброску прокламацій по всѣмъ театрамъ, но передъ первымъ мая была взята типографія, 9000 прокламацій, отпечатанныхъ комитетомъ (редакціи „Искры“, первомайская), и 8 пудовъ литературы. Майскія же прокламаціи Ц. К. пришли благополучно и также благополучно распространены. Въ другихъ районахъ также состоялись собранія по 30 человѣкъ и болѣе — до 80-100. На одномъ изъ заводовъ была сдѣлана попытка устроить демонстрацію. Разсчитывали на 1000 человѣкъ (всего на заводѣ 5000), но полиція предупредила демонстрантовъ.

Кубанская область. Жандармы продолжаютъ проявлять въ Екатеринодарѣ усиленную дѣятельность. Въ ночь на 16 апрѣля арестовали библіотекаря Пушкинской библіотеки В. Попова по обвиненію въ томъ, что онъ участвовалъ въ встрѣчѣ новаго года вмѣстѣ съ рабочими. Непосредственнымъ поводомъ ареста, кажется, послужилъ тотъ фактъ, что библіотекарь наканунѣ ареста побрился, жандармскій же полковникъ Соколовъ въ по слѣднее время сталъ относиться подозрительно ко всѣмъ бритымъ. Дѣло въ томъ, что на прошлой недѣлѣ въ Екатеринодарѣ произошелъ слѣдующій казусъ. На вокзалѣ была получена посылка съ типографскими принадлежностями. За полученіемъ ея явился молодой человѣкъ и, передавъ накладную артельщику и извозчику, поручилъ доставить ящикъ по указанному адресу. Какъ только извозчикъ предъявилъ накладную въ товарной конторѣ, тотчасъ дано было знать объ этомъ по телефону полиціи и жандармамъ. Посылку, наконецъ, выдали и извозчикъ поѣхалъ на указанную квартиру подъ конвоемъ шпіоновъ. Конечно, молодой человѣкъ, увидѣвъ такую процессію, не пожелалъ принять посылку и благополучно уѣхалъ изъ Екатеринодара. Послѣ этого случая подполковникъ Соколовъ на всѣхъ бритыхъ поглядывалъ подозрительно. Кромѣ библіотекаря, тогда же арестованы въ Екатеринодарѣ рабочіе Чечуга, грузинъ рабочій (фамилія неизвѣстна) и А. Щербининъ.

Всѣ аресты въ Екатеринодарѣ вызваны доносомъ портного Горлова-отца, котораго жандармы запугиваютъ на допросахъ. Относительно одного рабочаго грузина Горловъ самъ признался, что онъ его выдалъ. Кромѣ грузина, по желанію жандармовъ, Горловъ запуталъ въ дѣло и массу другихъ лицъ, совершенно непричастныхъ къ Екатеринодарской организаціи. Жандармы по желанію выжимаютъ изъ Горлова все, что имъ нужно для созданія дѣла. Горя желаніемъ отомстить на внутреннемъ врагѣ пораженія, претерпѣваемыя самодержавіемъ и военщиной отъ японцевъ, жандармскіе патріоты и шпіоны пускаются на всевозможныя провинціальныя хитрости. Подсылаютъ къ интеллигентамъ будто бы пріѣзжихъ рабочихъ съ просьбой отъ имени подозрѣваемыхъ снабдить ихъ нелегальными книгами, стараются натравить рабочихъ на интеллигенцію, распуская всевозможные слухи и пр. Шпіоны, почувствовавъ, что они въ настоящее патріотическое время сила — пишутъ угрожающія письма, выманиваютъ деньги и, вообще, ведутъ себя нахально, правда только съ женщинами.

Недавно организованный въ Кубанской области соціальдемократическій комитетъ началъ проявлять въ послѣднее время болѣе широкую дѣятельность. Комитетъ ставитъ себѣ задачей объединить и организовать рабочихъ такихъ центровъ, какъ ст. Тихорѣцкая, Армавиръ, Екатеринодаръ, Новороссійскъ, станица Кавказская и др. Благодаря экономическимъ особенностямъ Кубанской области, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ пролетаріевъ и мелкихъ арендаторовъ, крестьянъ-переселенцевъ, такъ называемыхъ иногороднихъ, страшно эксплуатируемыхъ существующимъ строемъ, Комитетъ можетъ найти здѣсь благодарную почву для широкой пропаганды и агитаціи. Кромѣ того, и среди казаковъ растетъ за послѣдне время недовольство, — правда, мало еще сознательное.

Этой темы мы коснемся въ спеціальной корреспонденціи.

Кромѣ пропаганды среди рабочихъ комитетъ пока ограничивается распространеніемъ прокламацій „Искры“. Такъ, на прошлой недѣлѣ уже послѣ бывшихъ въ Екатеринодарѣ арестовъ организованными рабочими распространены по заводамъ и мастерскимъ Екатеринодара болѣе 500 экземп. „Война противъ Войны“, 300 въ Новороссійскѣ и 400 экземпляровъ въ другихъ рабочихъ центрахъ. Передъ первымъ мая распространено болѣе 1500 экземпляровъ майскихъ прокламацій.

Армавиръ. (Кубанской области). Кубанскій комитетъ Р. С. Д. Р. П. распространилъ здѣсь въ ночь на 27 и 28 апрѣля печатныя прокламаціи (140 экз.) двухъ родовъ: первомайскія и „Война противъ войны“. Прокламаціи были разбросаны въ незапечатанныхъ конвертахъ во дворы преимущественно неимущей части населенія и, очевидно, попали въ надлежащія руки. На другой же день по Армавиру стали циркулировать слухи о появленіи прокламацій, о готовящемся на первое мая „бунтѣ“ и пр. Въ слѣдующую же ночь переодѣтые городовые рыскали по улицамъ, отыскивая совѣщанія по поводу празднованія перваго мая, хотя въ прокламаціяхъ ни къ какой демонстраціи рабочіе не призывались. Смятеніе армавирскихъ властей было значительное.

Атаманъ отдѣла Воронянскій, типичный маленькій помпадуръ-самодержецъ, феноменальная глупость котораго начинаетъ входить въ Армовирѣ въ пословицу, усиленно волновался и принималъ несуразныя мѣры противъ „готовящагося бунта“. Чудовищные слухи и толки ходили въ городѣ. Стали поговаривать о погромѣ армянъ. Можно было опасаться погрома, тѣмъ болѣе, что организованныхъ рабочихъ, которые смогли противопоставить погрому противоправительственную демонстрацію, въ Армавирѣ нѣтъ, а взаимная вражда армянскаго и русскаго населенія существуетъ уже давно и погромъ армянъ уже имѣлъ мѣсто въ Армавирѣ въ прошлогоднюю Пасху. Къ несчастью въ эти же тревожные для Армавира дни повѣсилась, по неизвѣстнымъ причинамъ, русская дѣвушка — швейка Пелагея Кузнецова и, такъ какъ она жила въ армянской семьѣ, то слухи стали обвинять „армянъ“ въ повѣшеніи ея. Наканунѣ перваго мая толпа чел. въ 200, преимущественно рабочихъ завода Мисажникова, явилась въ ограду церкви, гдѣ находился трупъ самоубійцы, и заявила что не допуститъ хоронить Кузнецову, такъ какъ ее повѣсили. Явился атаманъ отдѣла и потомъ товарищъ прокурора, но всѣ ихъ доводы не привели ни къ чему. Когда прокуроръ прочелъ протоколъ осмотра трупа врачемъ отдѣла, то толпа отвѣтила, что она этому не вѣритъ, такъ какъ врачъ можетъ быть подкупленъ и потребовала вскрытія другимъ врачемъ, котораго укажетъ она. Власти пошли на встрѣчу требованіямъ толпы, опасаясь повторенія золотовской исторіи. Въ тотъ же день двумя врачами въ присутсвіи судебнаго слѣдователя и товарища прокурора произведено было вскрытіе трупа во дворѣ волостного правленія, гдѣ присутствовала толпа человѣкъ въ сто. Нѣсколько рабочихъ, относясь вполнѣ сознательно къ вскрытію, все время задавали врачамъ вопросы, требуя разъясненій непонятныхъ имъ явленій, — о причинахъ появленія трупныхъ пятенъ, о возможности отличія ихъ отъ прижизненныхъ кровоподтековъ, входили въ споръ съ врачами по многимъ вопросамъ. Врачи предупредительно давали объясненія. Прокуроръ и судебный слѣдователь были также очень предупредительны и любезны съ толпой. Интересно, что рабочіе не просили, а вѣжливо, но настойчиво требовали разъясненій. Толпа держала себя очень серьезно, она какъ бы сознавала важность момента и находилась въ напряженномъ ожиданіи. Благодаря результатамъ вскрытія, толки объ убійствѣ какъ будто прекратились.

Власти подъ первое мая устроили военный совѣтъ, а перваго мая войска были готовы къ „бою“. Но первое мая прошло спокойно. Такой исходъ, при наличности цѣлаго ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ, надо считать наилучшимъ. Толки о прокламаціяхъ не прекращаются. Броженіе идетъ. Требуется усиленная работа.

Тифлисъ. Тифлисскіе рабочіе 4 апрѣля хоронили умершаго товарища. День былъ пасмурный съ утра, а къ полудню падающій снѣгъ сдѣлалъ улицы невылазно грязными, но это не помѣшало рабочимъ, въ числѣ около пятисотъ, идти за гробомъ до далекаго кладбища. Ни полиціи, ни солдатъ почему-то не было... Настроеніе толпы вначалѣ мало чѣмъ отличалось отъ погоды, но тѣмъ отраднѣе вспоминать бодрыя и радостныя лица возвращавшихся съ похоронъ. Таково было вліяніе произнесенныхъ тамъ рѣчей на груз., армян. и русскомъ языкахъ. Великая картина предстала глазамъ: сотни тружениковъ, затая дыханіе, прислушиваются къ словамъ оратора, тѣснымъ кольцомъ обступивъ могилу. Всѣ ораторы были рабочіе. Жадно внимала толпа оратору, закончившему рѣчь надеждой на свѣтлую будущность рабочаго класса. А густой, тающій снѣгъ быстро падалъ съ туманнаго неба и тусклыми каплями дрожалъ на мозолистыхъ рукахъ, угрожающе поднятыхъ надъ головами; побѣдно звучалъ въ сыромъ воздухѣ въ отвѣтъ оратору единодушный кличъ толпы „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ свобода“. Привожу по возможности точно сказанное на русскомъ языкѣ: „Товарищи! не странно ли вамъ кажется, что, собравшись хоронить товарища, мы такъ мало говоримъ объ умершемъ и такъ много о безправномъ положеніе угнетенныхъ рабочихъ, о возможности выхода изъ этого положенія, о партіи соціальдемократовъ, взявшей на себя великую задачу, задачу завоеванія лучшей доли для рабочаго класса? Нѣтъ, товарищи, это не странно и не можетъ казаться страннымъ. Проклятый самодержавный строй обставилъ рабочій классъ Россіи такими каторжными условіями, что для того, чтобы услышать истину, мы принуждены отыскивать самые укромные уголки, ловить случайные моменты и, пользуясь ими, обмѣниваться мыслью и объединяться. Но какъ рѣдки могутъ быть такіе случаи! Пробуждающійся пролетаріатъ прорывается—гдѣ можно, силой, хитростью и хоть одно мгновеніе его разбитая напряженнымъ трудомъ грудь вздыхаетъ свободно и онъ внимаетъ вольному слову. Товарищи! Вы видите съ какимъ трудомъ, пока мы слабы, дается намъ возможность свободной рѣчи передъ болѣе или менѣе крупнымъ собраніемъ. Вы знаете, какъ расправляется „охранное отдѣленіе“ съ нашими борцами, осмѣлившимися заговорить о лучшей участи рабочаго. Помните же, что сказанное здѣсь вашими товарищами нельзя, придя домой, забыть, что все слышанное нужно, какъ лучшіе завѣты души, влагать въ жизнь и завѣщать другимъ. Взгляните, какъ много насъ здѣсь, а мы лишь маленькій отрядъ великой арміи, которая — и не далекъ ужъ тотъ день — сотретъ съ лица земли самодержавный строй, умѣющій лишь затѣвать войны, ненужныя и гибельныя для трудящихся массъ. Поклянитесь прахомъ товарища, безвременно погибшаго отъ каторжныхъ условій жизни, жизни одинаково тяжелой для всѣхъ рабочихъ, поклянитесь, что вы замѣните эти руки, когда то не разъ высоко надъ толпой державшія знамя правды и добра, красное знамя соціализма! Клянитесь, товарищи! и ваша клятва уже есть погибель для гнетущаго насъ самодержавія и шагъ впередъ къ завѣтной политической свободѣ!“

Рабочій.

Тифлисъ. Приводимъ разсказъ очевидца о кровавой рѣзнѣ 11 апрѣля. „Задолго до отхода поѣзда съ высылаемыми изъ предѣловъ Кавказа товарищами, три обширныхъ вокзальныхъ зала были биткомъ набиты рабочими. Когда открыли дверь на платформу, всѣ высыпали туда. На вокзалѣ шатались полиціймейстеръ, начальникъ охраны и еще нѣсколько оберъ-жандармовъ. Передъ вагонами стояли желѣзнодорожные жандармы. Раздался второй звонокъ. Возгласы „Долой самодержавіе!“ „Прощайте, товарищи!“ „До свиданія!“ заглушили звонокъ. Гулъ этихъ криковъ огромной толпы все наросталъ и становился гуще и торжественнѣй. Наконецъ, грянуло могучее „ура“; тогда полиціймейстеръ бросился въ толпу, а за нимъ два взвода жандармовъ съ обнаженными шашками. На платформу въѣхали казаки, и прибѣжала полиція, спрятанная за вокзаломъ. Надъ головами толпы замелькали сабли, послышались вопли и отчаянные крики растерявшихся отъ неожиданности. Безоружная толпа попала въ западню: не было свободнаго выхода, кругомъ озвѣрѣвшіе палачи съ обнаженными саблями. Но рабочіе не пали духомъ: не прекращались проклятія самодержавію, и „ура“ смолкло не прежде, чѣмъ поѣздъ унесъ дорогихъ товарищей. На всемъ пути до пригородной станціи Навтлугъ встрѣчались группы рабочихъ, привѣтствовавшихъ товарищей криками: „Долой самодержавіе!“ Около арсенала остановилась даже похоронная процессія (хоронили, видимо, рабочаго) и долго, махая шапками и платками, провожала поѣздъ.

Раны, полученныя въ этой бойнѣ, всѣ, безъ исключенія, нанесены сзади. Жандармы рубили отступавшихъ, а такъ какъ, къ тому же, отступавшіе не оказывали сопротивленія, то, очевидно, примѣнять оружія не было никакой необходимости. Со стороны полиціи не было сдѣлано даже попытки предупредить безоружную толпу, что въ дѣло будетъ пущено оружіе. Преступленіе было заранѣе подготовлено. Толпѣ провожавшихъ безпрепятственно дали собраться на платформѣ. Казаки и полиція были спрятаны отъ взоровъ толпы, чтобы заманить ее на платформу въ возможно большемъ числѣ. Но когда шайка жандармовъ подъ предводительствомъ полиціймейстра Ковалева и другихъ набросились на толпу, двери во внутреннія помѣщенія вокзала и вагонныя дверцы были замкнуты, а съ двухъ свободныхъ концовъ платформы стояла вооруженная охрана.

Приводимъ изъ числа тридцати раненыхъ имена десяти, получившихъ тяжелыя поврежденія. 1) Голушковъ Николай, слесарь — рѣзанная рана на головѣ; 2) Ворминовъ Николай, 21 г. — прорублено плечо и перерублена ключица; 3) Сулашвили Іосифъ, 19 лѣтъ; 4) Кузановъ Александръ 17 лѣтъ, гимназистъ, — отхвачена часть височной кости; 5) Атоминцъ Арсен.; 6) Тевсадзе Порфирій, 23 лѣтъ; 7) Теръ-Мантсузовъ Арт.; 8) Ахметеловъ Захарій 15 лѣтъ; 9) Іосанъ-Рафи-Оглы, 30 лѣтъ — прорублена шея до позвонковъ; 10) Мнацаканянцъ Іосифъ. Всѣ десять человѣкъ находятся въ лазаретѣ.

Въ тотъ же день, 11 апрѣля, совершено въ городѣ еще одно гнусное преступленіе. Обстоятельства дѣла несложны. Вечеромъ возвращался домой съ своей бабушкой гимназистъ четвертаго класса Красновъ. Шедшій на встрѣчу имъ юнкеръ-казакъ остановилъ мальчика и нанесъ ему двѣ тяжелыхъ раны. Раненаго, едва живого, отправили въ городскую больницу, а убійца на вопросъ случайныхъ свидѣтелей расправы, почему онъ убилъ невиннаго ребенка, отвѣтилъ, что объяснитъ причину полиціи. Въ участкѣ онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что въ день пасхи видѣлъ, какъ гимназистъ распространялъ въ Квашветской Георгіевской церкви прокламаціи мѣстнаго комитета, и потому счелъ своимъ долгомъ передъ престоломъ пресѣчь крамолу личными средствами. Одновременность преступленія съ вокзальной рѣзней позволяетъ усмотрѣть между ними связь болѣе глубокую: „начальство поощряетъ!“, и льется невинная кровь во имя озвѣрѣвшаго правительства.

Ко всему сказанному прибавимъ, что въ городѣ идутъ непрерывные аресты и обыски. О нихъ — въ слѣдующемъ письмѣ.

Житомиръ. Пораженія царскаго правительства на Дальнемъ Востокѣ время отъ времени вознаграждаются „побѣдами“ надъ „внутреннимъ врагомъ“. Призракъ перваго мая поставилъ на ноги всю полицію, и еще задолго до нашего пролетарскаго праздника въ городѣ началась необыкновенная слѣжка. Улицы буквально кишатъ шпіонами и жандармами, которые нахально и безцеремонно преслѣдуютъ каждаго, кто хоть чѣмъ нибудь замѣченъ, или просто видомъ своимъ производитъ впечатлѣніе „неблагонадежнаго“. Наглость шпіоновъ доходитъ до того, что они, подъ разными предлогами, нахально врываются въ дома „заподозрѣнныхъ“ лицъ, или часами стоятъ подъ окнами, нисколько не стѣсняясь, что ихъ замѣчаютъ. Число городовыхъ на постахъ вездѣ удвоено. Масса полиціи разгуливаетъ по главнымъ улицамъ и на бульварахъ. Такъ царскіе опричники готовятся къ первому мая. Понятно, что однимъ наблюденіемъ они довольствоваться не могутъ, и въ ночь на 27 апрѣля совершили новый набѣгъ. Два дня полиція шарила по всему городу. Обыски производились днемъ и ночью. Хватали на улицахъ, врывались въ квартиры. Несмотря на это, 30 апрѣля ночью весьма удачно были распространены въ большомъ количествѣ первомайскія прокламаціи Центральнаго Комитета, „Пролетарскій праздникъ“ Мартова и листокъ мѣстной группы „Къ первому мая“.

Томскъ. Несмотря на огромный провалъ въ Томскѣ и Иркутскѣ въ Томскѣ взята союзная типографія, 16 пудовъ шрифта и 5000 экземпляровъ немного не доконченной брошюры Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ“. Завѣдующій успѣлъ бѣжать. 18 апрѣля было поддержано двумя прокламаціями №№ 23 и 24, распространенными по всему нашему району и прекрасно исполненными технически. Полиція, повидимому, окончательно растерялась. Вотъ уже двѣ большія типографіи Сиб. Союза были разрушены ею, а въ Иркутскѣ при послѣднемъ набѣгѣ взято много типографскихъ принадлежностей. Однако, нынѣшнее первое мая улицы сибирскихъ городовъ попрежнему были полны прокламацій, исполненныхъ лучше, чѣмъ когда либо.

Въ нынѣшнемъ году ничего не ожидалось. Въ Томскѣ 18 апрѣля прошло тихо. Публика боялась выходить на улицу. Казаки и солдаты были спрятаны подъ соборомъ и въ другихъ мѣстахъ. Нѣсколько человѣкъ засажены по участкамъ. Отъ Томскаго Комитета вышелъ майскій листокъ № 48, напечатанный въ союзной типографіи.

Изъ другихъ городовъ извѣстій пока не получено.

Наши соц.-революціонеры послѣ упорнаго годового молчанія разразились 18 апрѣля длиннѣйшимъ (и скучнѣйшимъ) листкомъ „По поводу войны съ Японіей“[1]). Сіе произведеніе нашихъ соціаль-реакціонеровъ доказываетъ только то, что авторъ прекрасной статьи: „Двуликая демократія“ (№ 35 „Искры“) былъ тысячу разъ правъ. Огромными шагами, такъ называемая, партія шествуетъ въ сторону идей „Освобожденія“. Листокъ полонъ водяными разсужденіями о войнѣ. О соціализмѣ (и даже терроризмѣ) здѣсь нѣтъ ужъ и рѣчи. Но за то отъ этихъ пространныхъ разсужденій сильно попахиваетъ... чисто русскимъ патріотизмомъ. Тутъ всего много: и о томъ, чья мина взорвалась подъ „Петропавловскомъ“, и о способностяхъ утопленнаго Макарова, и о геройствѣ русскихъ офицеровъ, глубокая скорбь о погибели геніальнаго адмирала и т. п. Радикальный обыватель, — и тотъ, читая сіе длинное произведеніе, зѣваетъ и говоритъ: „да вѣдь это же всякому извѣстно изъ газетъ“... Ну что-жъ? Скатертью дорога, гг. реакціонеры... Васъ ждутъ жаркія объятія раскаявшагося „марксиста“.

Архангельскъ. (Изъ ссылки). Въ февралѣ и въ мартѣ въ средѣ здѣшнихъ „политиковъ“ произошли слѣдующіе два инцидента.

1) товарищамъ, служащимъ въ казенной палатѣ, было объявлено администраціей палаты объ обязательномъ отчисленіи на нужды флота 2 % жалованья. Когда это заявленіе встрѣтило нѣкоторый протестъ съ ихъ стороны, завѣдующій палатой предложилъ имъ, „во избѣжаніе скандала“, такое же отчисленіе дѣлать не на нужды флота, а въ пользу Кр. Креста („семьямъ убитыхъ и раненыхъ солдатъ“). Послѣднее предложеніе всѣми десятью товарищами было принято и отчисленіе сдѣлали.

2) Въ мартѣ одинъ изъ товарищей получилъ приглашеніе занять мѣсто врача въ санитарномъ отрядѣ, организованномъ харьковскимъ земствомъ для отправленія на дальній Востокъ. Это предложеніе товарищъ принялъ, отстранивъ лишь отъ себя всякую активную роль, т. е. отказавшись подать заявленіе отъ себя лично и предоставивъ земству самому хлопотать о назначеніи его на эту должность.

По поводу этихъ двухъ фактовъ состоялось собраніе политическихъ ссыльныхъ г. Архангельска. Собраніе большинствомъ 23 голосовъ противъ десяти при 13 воздержавшихся приняло слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе, что:

1) Затѣянная царскимъ правительствомъ манчжурская авантюра идетъ въ разрѣзъ съ интересами россійскихъ трудящихся массъ и имѣетъ цѣлью задержать ростъ политическаго сознанія во всѣхъ слояхъ населенія Россіи.

2) Всякая помощь правительству, хотя бы направленная на облегченіе ужасовъ войны (Кр. Крестъ, зем. санит. отр. и пр.) поддерживаетъ матерьяльно и нравственно силу правительства, прикрываетъ его полную беззаботность о благѣ народа и, такимъ образомъ, является вредной для дѣла политическаго освобожденія Россіи,

3) такая помощь со стороны революціонеровъ и даже оппозиціонеровъ затемняетъ въ глазахъ полусознательной части общества истинный смыслъ Русско-Японской войны, окружая ее чуждымъ ей ореоломъ общественнаго дѣла и 4) всякій, кому дорого политическое освобожденіе Россіи, обязанъ разоблачать истинный смыслъ русско-японской войны — мы, политическіе ссыльные г. Архангельска, безъ различія партій[2]), выражаемъ глубокое сожалѣніе, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей упустили случай подчеркнуть анти-народный характеръ русско-японской войны и тѣмъ совершили поступокъ, расходящійся съ интересами политическаго освобожденія Россіи.

Въ мѣстной тюрьмѣ въ одиночн. закл. находятся сейчасъ слѣдующія лица: 1) Шиловскій, бѣж. отсюда и вновь пойманный. 2) Проколовъ, раб. изъ Златоуста. Въ ноябрѣ 1903 г. былъ этапомъ отправленъ въ Ижму (зырянское село на р. Ижмѣ), а мѣсяца два тому назадъ, по распоряженію уфимскаго губернатора, арестованъ и привезенъ сюда въ тюрьму. Свиданій и передачи не допускаютъ, можно передавать, и то съ трудомъ, только деньги. 3) К. И Покровскій. Арестованный здѣсь (полит. ссыльный). Свиданій тоже не даютъ. — Вообще, условія жизни въ одиночныхъ камерахъ въ здѣшней тюрьмѣ плохи; между прочимъ, оконъ въ нихъ нѣтъ, а свѣтъ проходитъ изъ коридора. Съ послѣднимъ этапомъ пришло 30 человѣкъ. Всѣхъ ихъ разсылаютъ по уѣздамъ, и, вообще, замѣчается тенденція послѣднее время разсылать по деревнямъ и селамъ въ глухія мѣста — по одному, по два человѣка. Говорятъ, что сюда назначено еще 200 чел., изъ которыхъ 67 сидятъ въ Московской пересыльной тюрьмѣ. — Н. Ф. Насимовичъ, по прежнему, сидитъ въ темномъ карцерѣ, и смотрятъ за нимъ самымъ тщательнымъ образомъ.

17-го апрѣля въ часъ дня полит. ссыльн. М. А. Дулина (бывшая слуш. курсовъ Лесгафта) была вызвана въ полицію, а во время ея отсутствія у нея былъ произведенъ обыскъ, къ концу котораго ее привели домой. Взяли у нея только одну картину съ подписью „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, изд. „Vorwärts“.

18-го апрѣля въ 11 часовъ вечера полиція вмѣстѣ съ жандармеріей, въ количествѣ чел. 15, нагрянули къ М. А. Смирновой (за короткое время уже третій разъ). М. А. Смирнова, возвращавшаяся домой, столкнулась съ этой компаніей у дверей и на требованіе открыть двери отвѣчала отказомъ, такъ какъ предписанія объ обыскѣ ей не предъявили. Жандармы тогда выломали дверь и произвели обыскъ (часа три-четыре). Нашли такую же картину, да взяли порошки финацетина (какъ и у Дулиной), считая ихъ, вѣроятно, новымъ взрывчатымъ веществомъ. Кромѣ этого, какъ вещественное доказательство, взяли деревянную чашку, стоявшую на дворѣ подъ окномъ, въ которую бросали изъ форточки окурки и соръ; въ протоколъ занесли, что въ ней нашли жженую бумагу. Рыскали также по всему двору, но ничего не нашли.

18-го апрѣля вышли двѣ прокламаціи (гектографированныхъ): 1) за подписью ссыльныхъ дальняго сѣвера; 2) группы сознательныхъ рабочихъ. — Составлены не блестяще, распространялись очень неумѣло, хотя, кажется, никто не попался. — Одинъ экземпляръ попалъ въ руки здѣшняго лѣсопильнаго заводчика Шольца, который немедленно отвезъ его губернатору.

Въ Пинегѣ полит. ссыльные выпустили прокламацію по поводу войны, которую жители встрѣтили довольно недружелюбно и, какъ говорятъ, хотѣли даже бить политиковъ и нѣкоторымъ отказали отъ квартиры. А здѣшній жандармскій полковникъ въ разговорѣ съ однимъ изъ политиковъ сказалъ, что должны были даже арестовать одного изъ буяновъ, чтобы предотвратить избіеніе ссыльныхъ. Послѣ того политики въ Пинегѣ выпустили вторую прокламацію: „Кто такіе политики, и за что ихъ гонятъ въ ссылку“, за подписью „группа ссыльныхъ“.

Патріоты самодержавія и рабочій вопросъ. „Московскія Вѣдомости“ очень озабочены замѣной китайскихъ рабочихъ въ Приамурьѣ русскими. Причина, побуждающая газету такъ хлопотать о „русскихъ“, та, что съ наступленіемъ политическихъ осложненій — а имъ, благодаря авантюрамъ нашихъ „самовластительныхъ злодѣевъ“, и конца-краю не видно — китайцы массами уходятъ на родину, и тогда не только приходится „останавливать золотые промыслы, всѣ казенныя работы и частныя постройки“, но не откуда бываетъ взять „ни ремесленниковъ, ни прислуги“. Между тѣмъ для сколько-нибудь правильной жизни капиталистическаго общества необходимъ непрерывный, ни на минуту не останавливающійся ходъ эксплуатаціи наемныхъ рабовъ. Отсюда заботливость объ „обезпеченіи“ края наемными „руками“, а такое „обезпеченіе“ можетъ дать только русскій народъ, которому некуда „бѣжать“. „Московскія Вѣдомости“ впрочемъ и не скрываютъ, что ихъ „патріотическія мечтанія“ сводятся цѣликомъ къ желанію имѣть всегда подъ рукою рабочій скотъ, не больше, ибо, перечисляя „мнимыя“ выгоды отъ найма китайскихъ рабочихъ и подойдя къ аргументу, что „у китайцевъ нѣтъ стачекъ и мало неповиновенія“, газета — вѣрная выразительница сокровенныхъ думъ россійскаго самодержавія — пишетъ слѣдующія, поразительныя по своему безстыдству, строки: „У китайскихъ подрядчиковъ существуетъ кабала, о которой мы даже и приблизительнаго понятія составить себѣ не можемъ, а между тѣмъ... китайскій рабочій бѣжать до разсчета не можетъ, такъ какъ при поимкѣ подвергается самой жестокой карѣ по закону Линча. Вотъ объясненіе: страхъ наказанія удерживаетъ китайскаго рабочаго отъ нарушенія заключеннаго договора! Слѣдовательно, не русскій рабочій виновенъ въ самовольныхъ уходахъ съ работъ, не онъ является отвѣтственнымъ за неповиновеніе, а то законодательство, которое мало принуждаетъ его къ этому повиновенію, которое не даетъ достаточныхъ гарантій къ исполненію наемнаго договора со стороны рабочаго. Измѣнится законодательство, отпадетъ и этотъ доводъ въ пользу преимущества желтолицыхъ рабочихъ передъ русскими.“

---

[1] Исполненный на ремингтонѣ.

[2] Мотивировка резолюціи была предложена соціальдемократами.

Эти строки долженъ прочесть каждый русскій рабочій, ибо нельзя лучше, чѣмъ онѣ это дѣлаютъ, показать истинную цѣну „народолюбію“ патріотовъ самодержавія. Ихъ „патріотизмъ“ состоитъ въ томъ, чтобы не только завидовать той „кабалѣ“, которая существуетъ у китайцевъ и о которой „мы“ будто-бы и „приблизительнаго понятія“ не имѣемъ (вотъ горе-то!), но и требовать измѣненія и безъ того драконовскаго законодательства о стачкахъ въ сторону полнаго простора для „суда Линча“! Кажется, ихъ „патріотическое“ сердце могло бы быть довольно: „судъ Линча“, массовое убійство стачечниковъ, за всѣ послѣдніе годы практиковалось царскимъ правительствомъ съ такимъ усердіемъ, о которомъ, навѣрное, даже китайцы „приблизительнаго понятія“ не имѣютъ. Но этого мало. Россійская „самобытность“ требуетъ, чтобы — для счастья русскаго народа — правительство собрало со всего свѣта все варварство, всю дикость, весь произволъ, всѣ насилія, какія оно до сихъ поръ, по оплошности оставляло безъ вниманія. Тогда только „интересы Россіи“ — Россіи, грабящей, насильничающей, эксплуатирующей — будутъ „обезпечены“ въ достаточной мѣрѣ, и „православіе, самодержавіе и народность“ возсіяютъ въ полномъ блескѣ.

Пусть прочтутъ всѣ русскіе рабочіе эти строки московской газеты, пусть вникнутъ они въ тотъ людоѣдскій смыслъ, который таится въ нихъ, и тогда всѣ поймутъ, чего имъ можно ждать отъ самодержавной Россіи, и какъ безсмысленны мечты о возможности для рабочаго класса хоть сколько-нибудь обезпечить свои интересы, завоевать хоть сколько-нибудь прочную свободу союзовъ и стачекъ, не раздѣлавшись самымъ радикальнымъ образомъ съ самодержавнымъ варварствомъ.

Самодержавіе можетъ терпѣть нѣкоторое подобіе, фальсификацію рабочихъ союзовъ, но только до той минуты, когда эти „союзы“ не становятся ему поперекъ дороги; а это случается всякій разъ, какъ рабочіе захотятъ сколько-нибудь серьезно оградить свои интересы, потому что интересы рабочаго класса непримиримо сталкиваются съ интересами самодержавія, живущаго только насиліемъ и угнетеніемъ и потому вынужденнаго поддерживать всякое насиліе и угнетеніе. А лишь только „союзы“ станутъ хотя бы на минуту препятствіемъ для самодержавія, оно не постѣснится расправиться съ ними такимъ „судомъ Линча“, что всѣ китайскіе подрядчики съ зависти лопнутъ!

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Ростъ профессіональныхъ рабочихъ организацій въ Германіи.

Изъ опубликованнаго на дняхъ отчета Генеральной Коммиссіи централизованныхъ профессіональныхъ федерацій за 1903 г. видно, какой громадный шагъ впередъ сдѣлали въ отчетномъ году эти организаціи. Какъ извѣстно, профессіональныя организаціи германскихъ рабочихъ существуютъ отдѣльно отъ соціальдемократической партіи, но это не мѣшаетъ имъ сознавать единство преслѣдуемой обоими движеніями цѣли. Это сознаніе спасло германское профессіональное движеніе отъ двухъ крайностей — отъ англійскаго тредъ-юніонизма, не идущаго далѣе вопросовъ, выдвигаемыхъ практикой сегодняшняго дня, и отъ анархизма нѣкоторыхъ французскихъ, голландскихъ и такъ далѣе организацій, мечтающихъ о томъ, чтобы путемъ всеобщей стачки вызвать соціальную революцію. Германскіе профессіональные союзы сразу приняли характеръ боевыхъ организацій, ведущихъ въ опредѣленной области, въ области непосредственной борьбы съ отдѣльными предпринимателями, ту же работу организаціи силъ пролетаріата, развитія и роста его классового сознанія, какую на болѣе обширной аренѣ ведетъ соціальдемократическая партія. Если, поэтому, между обѣими организаціями нѣтъ связи формальной, то существуетъ связь личная, такъ какъ почти всѣ члены профессіональныхъ организацій принимаютъ также то или иное участіе въ политическомъ движеніи пролетаріата, и, что еще болѣе важно, связь идейная, такъ какъ оба движенія совершаются подъ руководствомъ тѣхъ же взглядовъ на современное соціальное развитіе и на вытекающія отсюда задачи рабочаго класса. И историческія судьбы также крѣпко связали обѣ организаціи: одни и тѣ же гоненія обрушивались на головы обѣихъ, и побѣды одной становились, благодаря этому, побѣдами другой. Когда исключительный законъ противъ соціалистовъ уничтожилъ политическія организаціи рабочаго класса, онъ разрушилъ также его профессіональные союзы. Но какъ политическая партія успѣла приспособиться къ исключительному закону, такъ приспособились и профессіональные союзы. Когда въ 1890 году палъ соціалистическій законъ, въ Германіи существовало 58 профессіональныхъ федерацій съ 301200 членовъ. Въ періодъ съ 1891 по 1893 годъ, время кризиса, число членовъ нѣсколько уменьшилось, но съ тѣхъ поръ продолжаетъ рости постоянно изъ году въ годъ. Въ 1898 году число членовъ перевалило за $^1/_2$ милліона, въ 1899 г. всѣхъ членовъ было 596419, а въ 1900 г. — уже 690000, т. е. за одинъ годъ число членовъ увеличилось на 100000 рабочихъ, ростъ еще до тѣхъ поръ неслыханный. Однако, 1903 годъ оказался въ этомъ отношеніи еще болѣе счастливымъ: въ концѣ этого года во всѣхъ централизованныхъ федераціяхъ насчитывалось 938776 членовъ, вмѣсто 746225 въ концѣ 1902 г., т. е. увеличеніе на 192551. Конечно, значительны тѣ непосредственныя выгоды, которыя представляютъ эти организаціи своимъ членамъ: тутъ и поддержка безработныхъ, и помощь больнымъ и неспособнымъ къ труду и т. д. Но какъ разъ въ отношеніи стачечной борьбы отчетный годъ оказался не очень счастливымъ. И если, тѣмъ не менѣе, мы видимъ этотъ огромный ростъ организацій, то его надо приписать росту сознанія рабочаго класса, умѣющаго цѣнить боевой характеръ своихъ организацій, являющихся самой надежной его опорой въ борьбѣ съ окружающими его враждебными силами за соціалистическій идеалъ.

Замѣтимъ, что кромѣ централизованныхъ профессіональныхъ федерацій, во главѣ которыхъ стоитъ Генеральная Коммиссія, въ Германіи существуютъ еще профессіональныя организаціи, находящіяся подъ вліяніемъ буржуазіи и придерживающіяся буржуазныхъ взглядовъ на вопросы о борьбѣ труда съ капиталомъ. Таковы Гиршъ-Дункеровскіе союзы, насчитывающіе, несмотря на свое 35-лѣтнее существованіе, около 100000 членовъ, и христіанскіе союзы, руководимые, главнымъ образомъ, католическимъ духовенствомъ и насчитывающіе около 200000 членовъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Рабочіе въ г. Дерптѣ (Юрьевѣ). Въ хроникѣ рабочаго движенія въ Россіи г. Дерптъ не фигурируетъ до сихъ поръ. Въ то время, какъ движеніе охватило почти всѣ захолустья, рабочіе этого стараго нѣмецкаго города остаются пока нетронутыми революціонной пропагандой.

Чѣмъ это объяснить? Развѣ здѣсь нѣтъ эксплуатаціи труда? Развѣ здѣсь нѣтъ классовыхъ противорѣчій? Развѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ патріархальныя? — Посмотримъ!...

Вотъ довольно крупный пивоваренный заводъ „Tivoli“. Здѣсь работа непрерывная, днемъ и ночью; работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ. Рабочіе обязаны жить въ помѣщеніи завода, въ подвалѣ, гдѣ температура зимой не превышаетъ 5°. Понятно, почему между ними такъ широко распространенъ алкоголизмъ. Отлучаться отъ завода рабочіе не имѣютъ права позже 10 часовъ зимой и позже 11 лѣтомъ. Это нарочно, чтобы лишить ихъ возможности посѣщать вечера, собранія, библіотеки. Заработная плата не превышаетъ 50 коп. въ день и то лишь для опытныхъ рабочихъ. Система штрафовъ такъ развита, что не найдете ни одной разсчетной книжки, гдѣ бы не были отмѣчены вычеты.

Фабрика сельскохозяйственныхъ машинъ *Фауре.* Рабочій день 10 часовъ, работникъ въ первый годъ ничего не получаетъ; на второй годъ ему назначается двѣ коп. въ часъ, на третій — 3 коп., а на четвертый — 4 коп. Всѣ рабочіе имѣютъ жалкій видъ, ходятъ оборванные и голодные. Серьезно больные обыкновенно разсчитываются. Такія печальныя условія труда мы наблюдаемъ и на заводахъ дрожжевомъ, мыловаренномъ и лѣсопильномъ. Мелкихъ мастерскихъ съ гнусными видами эксплуатаціи труда безчисленное множество.

Почва для пропаганды значитъ есть, а самой пропаганды нѣтъ. Препятствіе въ томъ, что мѣстные рабочіе не владѣютъ русскимъ языкомъ. Они почти всѣ эстонцы, а на эстонскомъ языкѣ нѣтъ ни пропагандистовъ, ни нелегальной литературы. Мѣстная эстонская интеллигенція не способна вести пропаганду. Она пропитана узко-національными интересами и считаетъ всю Россію и всѣхъ русскихъ своими врагами. Наши предложенія объ организаціи кружковъ изъ русскихъ и эстонцевъ въ цѣляхъ пропаганды встрѣчали здѣсь всегда отпоръ. Опасаются руссификаціи. Часто приходилось спорить съ здѣшними интеллигентами и доказывать имъ, что интересы русскихъ и эстонскихъ рабочихъ одинаковы, что они вмѣстѣ должны бороться съ правительствомъ, и что политическая свобода одинаково необходима для всѣхъ національностей. Только въ послѣднее время нѣкоторые изъ интеллигентной эстонской молодежи изъявили согласіе на учрежденіе революціонныхъ русско-эстонскихъ кружковъ.

До сихъ поръ же мѣстный Союзный Совѣтъ объединенныхъ землячествъ и организацій бралъ на себя пропаганду среди рабочихъ. Но можете себѣ представить всю трудность этого. Приходилось писать прокламаціи на русскомъ языкѣ, потомъ искать переводчика и, наконецъ, *раздавать ихъ рабочимъ прямо на улицѣ по выходѣ изъ фабрикъ.* Такъ были распространены первыя прокламаціи перваго мая 1901 года. Выясняя положеніе рабочихъ вообще въ Россіи и значеніе перваго мая, эти прокламаціи призывали ихъ къ празднованію этого дня. Еще не подготовленные рабочіе, конечно, не могли возвыситься надъ буквальнымъ пониманіемъ празднованія: нѣкоторые изъ нихъ бросили работу въ этотъ день и пошли пьянствовать. Было арестовано нѣсколько рабочихъ, допрашивали ихъ о сношеніяхъ со студентами, объ агитаціи противъ правительства и т. д. Съ тѣхъ поръ стало пробуждаться самосознаніе среди мѣстныхъ рабочихъ; они съ нетерпѣніемъ ждали послѣ этого новыхъ прокламацій и съ жадностью хватали ихъ изъ рукъ во второй и третій разъ (6 ноября 1901 года и 18 апрѣля 1903 года). Повторяю, почва для пропаганды есть, а самой пропаганды все еще нѣтъ.

Денъ.

Тифлисъ. Перваго января телеграфъ принесъ поздравленіе министра путей сообщенія: „Мною получена, пишетъ начальникъ зак. дор. въ „Вѣстникѣ“, телеграмма отъ Его Сіятельства слѣдующаго содержанія: Благодарю Васъ и служащихъ за привѣтъ по случаю новаго года. Отъ души желаю и надѣюсь, что предстоящій годъ пройдетъ въ полномъ спокойствіи безъ нарушеній правильности движенія, бывшихъ въ 1903 г.“ Объявляя таковую для всеобщаго свѣдѣнія, выражаю надежду, что служащіе не огорчатъ своего главнаго начальника участіемъ въ тѣхъ печальныхъ событіяхъ, которыя, къ сожалѣнію, имѣли мѣсто лѣтомъ прошедшаго года, и тѣмъ докажутъ, что они цѣнятъ постоянныя заботы Его Сіятельства объ ихъ бытѣ“.

Странное совпаденіе, но очень характерное для нашего правительства; агентъ его говоритъ о „непрестанныхъ заботахъ“ именно въ то время, когда наступаетъ срокъ (1 января) введенія у насъ желѣзнодорожнаго баталіона и правилъ набора линейныхъ служащихъ. Объ этихъ новоявленныхъ дѣтищахъ мы говорили осенью (см. „Искра“ № 54) — тогда же смыслъ этихъ „заботъ о бытѣ“ былъ разъясненъ въ мѣстныхъ прокламаціяхъ — здѣсь замѣтимъ только, что правительство, испытавъ безуспѣшно всѣ орудія своей тяжелой артиллеріи отъ „братскихъ“ словоизверженій въ духѣ Богдановичей, до заточенія включительно, пришло, наконецъ, къ попыткѣ явнаго развращенія массы. Попытка не нова: вся политика правительства на окраинахъ всегда опиралась на болото человѣконенавистничества. Каждому кавказцу извѣстно, что при поступленіи на дорогу, напр., отдается предпочтеніе русскимъ. Но безсильное провести въ жизнь свои националистическія тенденціи въ полномъ объемѣ, за недостаткомъ русскаго элемента, правительство бросаетъ въ разноплеменную семью рабочихъ зерно человѣконенавистничества, увеличивая плату русскимъ рабочимъ и русскимъ служащимъ. Такъ, повышены въ мартѣ оклады жалованія русскимъ кондукторамъ и путевымъ сторожамъ. Вотъ этотъ денежный подкупъ, открытый, наглый, — есть нѣчто новое для окраинной политики.

А вотъ образчики распоряженій желѣзнодорожнаго начальства. Циркуляръ № 22. „Безплатный проѣздъ допущенъ для няни, сопровождающей дѣтей служащихъ (изъ „семьи высшихъ“, пояснимъ мы). Слѣдовательно няня при дѣтяхъ мастеровыхъ или рабочаго безплатнымъ проѣздомъ не пользуется“. Но, вѣдь, у рабочаго и няни-то нѣтъ, стало быть, начальство, исчерпавъ всѣ практически возможные случаи лишенія рабочихъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, беретъ случай только теоретически мыслимый: что дѣлать, если у рабочаго будетъ няня? — и отвѣчаетъ упомянутымъ циркуляромъ. Ужъ дальше этого итти въ своихъ „непрестанныхъ заботахъ“ некуда. Этими же „заботами его сіятельства“ надо, повидимому, объяснить вопль одного изъ корреспондентовъ „Вѣстника“: „Вѣчно жаловаться, вѣчно уповать на помощь со стороны (начальства) — это противно и недостойно человѣка“ (рѣчь идетъ объ устройствѣ просвѣтительнаго учрежденія для рабочихъ). Ясно, что, помѣщая этотъ вопль въ своемъ органѣ, начальство какъ бы циркулярно подтверждаетъ мысль корреспондента, чтобы рабочіе не ждали себѣ отъ нашего правительства никакихъ благъ. А вотъ еще циркуляръ: „По своему семейному положенію и матеріальной необезпеченности, лишающей ученицъ желѣзнодорожнаго училища возможности удѣлять дома достаточное время на упражненіе въ музыкѣ, упразднить преподаваніе музыки, инструменты изъять изъ школы, а сумму, ассигнованную на этотъ предметъ, расходовать на постановку... церковнаго пѣнія“. Чего стоитъ одинъ слогъ этого циркуляра! — Снесясь съ его сіятельствомъ, начальникъ дорогъ закрѣпостилъ низшихъ служащихъ. Чтобы удержать подчиненныхъ, диктовать имъ свои условія и быть полнымъ ихъ хозяиномъ, Ивановскій исходатайствовалъ правило, въ силу котораго служащіе на зак. жел. дор. не будутъ приниматься на другія дороги, прежде чѣмъ не будетъ получено разрѣшеніе отъ него, Ивановскаго.

Баку. Въ среду 7-го апр. рабочіе завода Хатисова узнали, что обычной 8-го числа получки не будетъ; заработную плату обѣщаютъ выдать 10-го. Съ 8 час. утра 8-го 250 чел. изъ 450 прекратили работу впредь до получки заработной платы. Въ этотъ день продолжали работать котельщики, литейщики, модельщики, но на слѣдующій — послѣ того, какъ тремъ изъ нихъ идея солидарности въ борьбѣ съ врагами была внушена... дѣйствіемъ — никто уже не работалъ. Въ этотъ же день въ заводъ къ Хатисову явились вице-губернаторъ и полиціймейстеръ. Послѣ того, какъ за стаканомъ хорошаго вина *„либералъ“* Хатисовъ посовѣщался съ вице-губ. и полиціймейст., а вице-губ. и полиціймейст. съ *„либераломъ“* Хатисовымъ, рабочимъ было заявлено: „когда станете на работу, тогда получите заработную плату“. Уже въ такомъ заявленіи скрывалась уступка. Рабочіе могли стать на работу въ пятницу и въ пятницу получить деньги — (а не въ субботу, какъ было объявлено первоначально) — но рабочіе хотѣли заставить „либерала“ признать свое пораженіе. Невыгодность стачки въ данное время для Хатисова рабочимъ была ясна, и въ его упорствѣ они видѣли лапу самодержавія.

Стражникъ Мин. Вн. Дѣлъ — фабричный инспекторъ, вмѣсто того, чтобы настоять на удовлетвореніи даже по закону законнаго требованія рабочихъ, старался отвертѣться тѣмъ, что рекомендовалъ наиболѣе нуждающимся авансы. Старался, но изъ его стараній ничего не вышло, какъ не вышло и изъ стараній управляющаго зав., пригласившаго къ себѣ для переговоровъ однихъ рабочихъ — армянъ, — ходъ, который рабочіе безхитростно отпарировали: „при чемъ тутъ армяне? Если онъ честный человѣкъ, пускай зоветъ всѣхъ рабочихъ...“ Наступила суббота. Положеніе становилось напряженнымъ. Рабочіе завода Левенсона предлагали хатисовцамъ явиться только къ ихъ заводу, а ужъ они бросятъ работу. Стачка, такимъ образомъ, могла разростись, но, во всякомъ случаѣ, не могла бы стать всеобщей, ибо настроеніе не было для этого достаточно подготовлено. Задача Бак. Ком. состояла въ томъ, чтобы локализировать стачку, такъ не кстати подвернувшуюся. И на совѣщаніи съ представителями завода было рѣшено не упорствовать въ своемъ требованіи теперь, а напомнить о себѣ съ перваго мая.

Намѣченнаго плана дѣйствія не пришлось осуществить, т. к., явившись въ субботу въ два часа дня къ заводу, рабочіе получили зараб. деньги.

Иркутскъ. На дняхъ въ Черемховѣ (каменно-угольныя копи Иркутской губ.) была стачка на копяхъ. Дѣло было такъ. Работающіе тамъ крестьяне лѣтомъ обычно уходятъ домой и потому заработная плата тамъ лѣтомъ повышается. Чтобы предупредить это явленіе въ нынѣшнемъ году, предприниматели выписали изъ Уфимской губ. партію татаръ въ 300 человѣкъ. Эти послѣдніе ѣхали въ увѣренности получать по 15 руб. за выработанный кубъ угля; но на мѣстѣ они узнали, что они законтрактованы по 15 руб. за погонную сажень, которая больше кубической, такъ какъ разрѣзъ штольни больше квадратной сажени. Татары потребовали или 15 руб. за куб. сажень, или 18 р. за погонную сажень. Администрація телеграфировала о бунтѣ; тотчасъ пріѣхали жандармы и рота солдатъ. Татары требовали паспорта; имъ отказали, такъ какъ они забрали задатки (по 50 руб.). Но тутъ ихъ солидарность заразила и русскихъ (которые, кстати сказать, настроены были враждебно къ своимъ конкуррентамъ), русскіе потребовали повышенія платы до обычнаго лѣтняго уровня. Администрація уступила: татарамъ возвратили паспорта, а русскимъ обѣщали прибавить плату. Теперь все спокойно.

Въ борьбѣ съ штрейкбрехерствомъ.

Копія.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

1903 года, марта 8 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Виленская Судебная Палата, по Уголовному Департаменту, въ засѣданіи, въ которомъ присутствовали:

Предсѣдательствующій Я. Я. Прокоповичъ. Члены Палаты: Д. Н. Бычковъ и М. Ф. Сытинъ. Прокуроръ Судебной Палаты Н. М. Демчинскій и И. об. помощ. секретаря В. Л. Даниловичъ, СЛУШАЛА: дѣло о крестьянинѣ мѣстечка Радунь, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, Владиславѣ Матвѣевѣ Валюкевичѣ, 29 лѣтъ, обвиняемомъ въ причиненіи легкихъ ранъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло въ порядкѣ, установленномъ 540 ст. уст. угол. суд., Судебная Палата находитъ, что заявленіе крестьянина Осипа Казимирова Шинкевича о томъ, что означенный крестьянинъ Владиславъ Матвѣевъ Валюкевичъ въ ночь на 24 ноября 1902 года, на Херсонской улицѣ гор. Вильны, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, нанесъ ему ударами какого-либо тупого твердаго орудія двѣ легкихъ раны на волосистой части головы изъ чувства мести за то, что Шинкевичъ поступилъ работникомъ на кожевенный заводъ Викера, несмотря на устроенную прочими рабочими стачку, подтвердилось на предварительномъ по сему дѣлу слѣдствіи судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ потерпѣвшаго (л. д. 18 и 19), и показаніями свидѣтелей: крестьянина Устина Леонова Бурневича (л. д. 20), городового Александра Викентьева Кузьмицкаго (л. д. 20 об.), и мѣщанина Мордуха Менделева Викера (л. д. 23), изъ коихъ первый былъ очевидцемъ событія, второй подтвердилъ показанія Шинкевича и Бурневича о неудавшемся нападеніи на нихъ рабочими въ ресторанѣ Липскаго, а Викеръ удостовѣрилъ стачку на его заводѣ и враждебное настроеніе бывшихъ рабочихъ противъ Шинкевича, котораго онъ нѣсколько разъ предостерегалъ противъ хорошо извѣстнаго ему Владислава Валюкевича, также уволеннаго имъ за участіе въ стачкѣ рабочихъ.

Въ виду этого и усматривая изъ дѣла, что примиреніе между сторонами не состоялось (л. д. 17), Виленская Судебная Палата, руководствуясь 201 ст. уст. угол. судоп., ОПРЕДѢЛЯЕТЪ: 1) означеннаго крестьянина Владислава Матвѣева Валюкевича, 27 лѣтъ, предать въ порядкѣ частнаго обвиненія суду Виленскаго Окружнаго Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1482 ст. улож. о наказ., 2) въ судебное засѣданіе по настоящему дѣлу Окружнаго Суда вызвать обвиняемаго, частнаго обвинителя и поименованныхъ трехъ свидѣтелей и 3) копію сего опредѣленія, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, передать Прокурору Виленской Судебной Палаты. Подлинное за надлежащими подписями.

Вѣрно: за Секретаря (подпись не разборчива).
Съ подлиннымъ свѣрялъ: И. д. Пом. Секретаря В. Даниловъ.
Съ подлиннымъ вѣрно: за И. д. Секретаря П. Яновъ.

* * *

Обвиняемый — тов. Валюкевичъ — нынѣ находится въ административной ссылкѣ (на три года) въ Арханг. губ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СТАЧКА БЕРЛИНСКИХЪ БУЛОЧНИКОВЪ.

Причины этой интересной стачки лежатъ въ тѣхъ патріархальныхъ отношеніяхъ, которыя сохранились еще между хозяевами-мастерами и булочниками-подмастерьями. Эти отношенія представляютъ собою пережитокъ изъ временъ средневѣковья, когда подмастерье считался членомъ семьи мастера, когда общественной грани между первымъ и вторымъ не существовало.

Но достаточно взглянуть на толстаго и упитаннаго мастера и на блѣднаго, худосочнаго подмастерья, чтобы увидѣть, что отъ того „добраго, стараго времени“ не осталось и помину. Пощенія, предоставляемыя рабочимъ для жилья, ниже всякой критики. Зачастую безъ оконъ, съ покрытымъ грязной мучной пылью поломъ, онѣ такъ малы, что на каждаго рабочаго приходится меньше воздуха, чѣмъ на арестанта въ тюремныхъ камерахъ. Постельное бѣлье рѣдко мѣняется. Очень часто рабочіе спятъ вдвоемъ на одной постели. Бываетъ и такъ, что на одной и той же постели днемъ спятъ булочники, а ночью — кондиторы. Не лучше дѣло обстоитъ и съ питаніемъ. Обыкновенно пища чрезвычайно плоха и не съѣдобна. Опредѣленныхъ паузъ для принятія пищи нѣтъ. Во время наибольшаго напряженія силъ — отъ 10 часовъ вечера до 7-8 часовъ утра — пекарь ничего не ѣстъ.

Послѣдствія всего этого сказываются въ цѣломъ рядѣ вредныхъ явленій. Начать съ того, что для булочниковъ не существуетъ опредѣленнаго рабочаго дня. Постановленія устава о промышленности сплошь и рядомъ не соблюдаются, а нарушеніе ихъ не поддается контролю. Далѣе, среди пекарей часты случаи заразительныхъ болѣзней. Статистикой доказано, что процентъ заболѣваній среди нихъ выше средняго уровня заболѣваній въ городѣ. Вслѣдствіе плохого и нерегулярнаго питанія, болѣзни желудка стали профессіональной болѣзнью булочниковъ. Даже ихъ семейная жизнь находится подъ вліяніемъ этихъ условій: чтобы жениться и завести семью, булочники бываютъ вынуждены выбрать себѣ другую профессію.

Естественно, если они, наконецъ, возстали противъ этихъ, поистинѣ, рабскихъ условій жизни. Они поняли, что для болѣе или менѣе человѣческаго существованія имъ прежде всего необходимо отдѣлиться отъ своихъ хозяевъ—жить самостоятельно. Центральнымъ пунктомъ начавшагося среди нихъ движенія было требованіе отмѣны патріархальныхъ отношеній и установленія минимальной заработной платы въ 21 марку (одна марка около 50 коп.) для мелкихъ, 23 — для среднихъ и 25—для крупныхъ пекаренъ.

Союзъ булочниковъ всячески старался провести это требованіе путемъ мирнаго соглашенія. Но хозяева, не желая его признать, заявили, что вступятъ въ переговоры только съ представительствомъ тѣхъ подмастерьевъ, которые числятся членами цеха пекарей. Совѣщаніе между хозяевами и ихъ подмастерьями не дало, однако, никакого результата, такъ какъ главное требованіе послѣднихъ было отклонено. Тогда булочники рѣшили начать стачку. Въ большомъ собраніи организованныхъ и въ, состоявшемся отдѣльно отъ него, собраніи неорганизованныхъ рабочихъ стачка была рѣшена 2863 голосами противъ 102. Около 3000 рабочихъ вступили, такимъ образомъ, въ ожесточенную борьбу за элементарное улучшеніе своего положенія.

Небольшое количество булочныхъ заведеній — между ними самыя крупныя — на требованіе рабочихъ сразу отвѣтило согласіемъ. Большая же часть мастеровъ съ ремесленными управами во главѣ повели упорную агитацію противъ пекарей и всѣми силами противились удовлетворенію ихъ требованій. Хозяева отлично понимали, что самостоятельная жизнь дастъ ихъ рабочимъ матеріальную возможность оглянуться и задуматься надъ своимъ положеніемъ, сдѣлаетъ ихъ болѣе доступными вліянію соціальдемократіи. Чтобы этому помѣшать, они ни предъ чѣмъ не останавливались. Требованіе булочниковъ — не жить и не ѣсть въ домѣ ихъ хозяевъ — отклонялись на томъ основаніи, что, живя внѣ благодѣтельнаго вліянія хозяйской семьи и хозяйскаго надзора, они-де поведутъ безпутный и безнравственный образъ жизни. Но какъ дики нравы, господствующіе въ кругахъ берлинскихъ мастеровъ, можно судить по тѣмъ грубымъ ругательствамъ, вздорнымъ и непристойнымъ выходкамъ, которыми нѣкоторые изъ нихъ отвѣчали на корректно обставленное требованіе рабочихъ. Въ самомъ началѣ стачки хозяева поторопились выписать себѣ рабочихъ изъ восточныхъ провинцій Пруссіи. И вотъ на вокзалахъ можно было видѣть такія сцены. Подходитъ поѣздъ. Съ нимъ пріѣзжаетъ нѣсколько выписанныхъ пекарей, незнакомыхъ съ тѣмъ, что происходитъ на мѣстѣ. Ихъ встрѣчаютъ мастера и бастующіе рабочіе. Хозяева приглашаютъ пріѣзжихъ идти съ ними, но нѣсколько словъ со стороны стачечниковъ: „здѣсь стачка, васъ хотятъ употребить, какъ штрейкбрехеровъ!“ — и пріѣзжіе, вмѣсто того, чтобы пойти на работу, отправляются съ рабочими въ стачечное бюро, гдѣ они получаютъ билетъ на обратную дорогу. Столь же безуспѣшны были попытки со стороны ремесленныхъ управъ штрафами въ 300, 500 и даже 1000 марокъ терроризировать тѣхъ мастеровъ, которые уступали требованіямъ своихъ рабочихъ.

Сила стачечниковъ заключалась здѣсь въ томъ, что рабочему-производителю, пришелъ на помощь рабочій-потребитель. Правленіе профессіональныхъ союзовъ Германіи устроило семь большихъ народныхъ собраній, на которыхъ булочники разсказывали берлинскимъ рабочимъ о своемъ положеніи и разъясняли справедливость своихъ требованій. На всѣхъ собраніяхъ была принята резолюція, которая признавала обязанностью рабочаго населенія покупать хлѣбъ лишь въ тѣхъ пекарняхъ, которыя удовлетворили требованія булочниковъ.

Предъ этимъ двойнымъ натискомъ хозяева не въ состояніи были удержаться. Одинъ за другимъ, они приходили въ стачечное бюро съ заявленіемъ, что они согласны выполнить выставленныя стачечниками требованія. Въ нѣсколько дней сдались, такимъ образомъ, почти всѣ мастера.

Объявляя стачку благополучно оконченной, стачечный комитетъ могъ констатировать, наряду съ уменьшеніемъ безработныхъ, сильный ростъ сознательности, выразившейся въ увеличеніи организаціи булочниковъ.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВЪ КОЛОРАДО (Америка).

Могучій ростъ капиталистическаго развитія неуклонно толкаетъ одну страну за другой на путь колоніальнаго разбоя, на поиски за новыми рынками для сбыта, новымъ поприщемъ для примѣненія капитала. Чѣмъ больше развивается это стремленіе распространить область капиталистической эксплуатаціи на новыя страны, тѣмъ ярче проявляются хищническіе инстинкты правящихъ классовъ, тѣмъ яснѣе выступаетъ наружу классовый характеръ современнаго государства. Америка одною изъ послѣднихъ выступила на путь колоніальной политики. Всего лишь съ 98 года, послѣ испано-американской войны, она вошла въ ряды „міровыхъ“ державъ и въ этотъ короткій срокъ успѣла ясно показать, куда ведетъ подобнаго рода политика, и каково ея значеніе для широкихъ слоевъ народа. Кажется, никогда еще не проявлялось съ такой беззастѣнчивостью стремленіе централизовать государственную власть въ рукахъ президента, умножить военныя силы и ограничить роль демократическихъ учрежденій, служившихъ охраной исконныхъ правъ и привилегій народа. Этотъ новый поворотъ во внутренней политикѣ Соед. Штатовъ тщательно замалчивается буржуазной прессой, и лишь немногія соціалистическія газеты ведутъ отчаянный походъ противъ все усиливающейся реакціи. Не малую роль въ этомъ ростѣ реакціи сыграла соціальдемократія, страхъ передъ которой гонитъ пугливую буржуазію всѣхъ оттѣнковъ на путь регресса и даже заставляетъ ее бросаться въ объятія услужливой церкви, до сей поры находившейся въ полнѣйшемъ загонѣ. Со всѣхъ концовъ Европы стекаются католическіе попы, и особенно іезуиты, для проповѣди крестоваго похода противъ соціализма. Во всѣхъ областяхъ общественной и политической жизни сказывается этотъ потокъ реакціи, грозящій серьезными опасностями нарождающемуся движенію. Годъ тому назадъ нынѣшнему президенту Рузвельту удалось провести въ конгрессѣ (парламентъ) законъ, по которому президентъ получаетъ право призвать въ войска всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, если, по его мнѣнію, отечеству грозитъ опасность. Законъ этотъ вошелъ въ силу, не взирая на полное противорѣчіе съ конституціей страны, и нѣкогда свободные отъ милитаризма граждане Америки каждую минуту могутъ быть превращены въ пушечное мясо, если того потребуютъ интересы картелей и трестовъ, все болѣе чувствующихъ тѣсноту американскаго материка. Понятно, что этотъ законъ, какъ и большинство послѣднихъ нововведеній, всей своей тяжестью ложится на плечи рабочаго класса.

Особенно ясно проявился рѣзко классовый характеръ высшихъ государственныхъ учрежденій Америки въ 1901 г., когда верховный судъ отвергъ законъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, принятый ландтагомъ въ Колорадо. По мнѣнію суда, подобнаго рода законъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, вслѣдствіе несоотвѣтствія его съ основными законами Америки. Всеобщее голосованіе отвергло такого рода мотивировку, и члены вновь избраннаго ландтага обязались провести означенный законъ въ жизнь. Но, благодаря составу ландтага, въ которомъ, какъ и въ большинствѣ избирательныхъ учрежденій Соед. Штат., преобладаютъ представители капитала и крупные собственники, ему не удалось увидѣть свѣта. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ и тщетныхъ ожиданій рабочіе вынуждены были сами выступить активной силой и вырвать собственными руками то, чего не хотѣли имъ дать законодательныя учрежденія, всецѣло находящіяся въ рукахъ правящихъ классовъ. Осенью 1903 года около 10.000 рудокоповъ бросили работу, требуя введенія восьмичасоваго рабочаго дня и исполненія цѣлаго ряда болѣе мелкихъ требованій. Вотъ уже болѣе восьми мѣсяцевъ тянется эта требующая громадныхъ жертвъ стачка, переставшая быть мѣстнымъ явленіемъ и разросшаяся въ форменную битву между трудомъ и капиталомъ. Cripple Creek и Telluride — два крупныхъ центра — служатъ сейчасъ театромъ военныхъ дѣйствій. Чтобы создать себѣ удобный предлогъ для вызова войскъ, капиталисты приказали взорвать одну изъ шахтъ, и затѣмъ, якобы, для усмиренія безчинствующихъ стачечниковъ, была вызвана милиція. Губернаторъ объявилъ мѣстность на „положеніи усиленной охраны“ и опубликовалъ постановленіе, которымъ всѣ жители призывались сдать находящееся въ ихъ распоряженіи оружіе. Одинъ изъ бывшихъ депутатовъ конгресса, опираясь на параграфъ конституціи, которымъ всякому гражданину Соед. Штатовъ обезпечивается право имѣть оружіе въ какомъ угодно количествѣ, заявилъ въ письмѣ на имя губернатора, что имѣющееся у него оружіе правительственной власти сдать не намѣренъ, а употребитъ его на защиту своихъ правъ. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ, и лишь послѣ отчаяннаго сопротивленія съ двумя тяжелыми ранами былъ доставленъ въ тюрьму. Капиталисты, со своей стороны, сдѣлали все возможное, чтобы сломить упорство стачечниковъ, и первымъ долгомъ выбросили ихъ на улицу, изгнавъ изъ домовъ, принадлежащихъ владѣльцамъ копей. Изъ Чикаго и Нью-Іорка были вызваны союзы „штрейкбрехеровъ“. Даже торговцы, и тѣ должны были выступить подъ давленіемъ организованныхъ капиталистовъ противъ сплоченныхъ рядовъ борющагося пролетаріата. Въ организаціи этой стачки большое участіе принимала „Западная Федерація рудокоповъ“, одинъ изъ немногихъ рабочихъ союзовъ Америки, открыто перешедшихъ на сторону соціальдемократіи и принявшихъ ея программу. Въ теченіе трехъ лѣтъ вожаки федераціи подготовляли эту стачку, неутомимо организуя рудокоповъ Колорадо и въ настоящее время находясь во главѣ ихъ движенія. Въ особомъ манифестѣ, изданномъ въ началѣ стачки, капиталисты подчеркиваютъ соціалистическій характеръ этой организаціи и призываютъ на борьбу съ ней, чтобы совершенно уничтожить начинающую дѣлаться опасной соціальдемократію. Какого рода средства примѣняются въ этой борьбѣ, можно судить хотя бы по тому, что организованная капиталистами банда силою усадила вожаковъ стачки въ экстренный поѣздъ, унесшій ихъ за нѣсколько сотъ километровъ отъ мѣста дѣйствія, грозя пустить въ ходъ оружіе въ случаѣ ихъ возвращенія. Нѣкоторые изъ стачечниковъ были арестованы по приказанію губернатора и до сихъ поръ находятся въ тюрьмѣ несмотря на habeas corpus'актъ, гарантирующій личную неприкосновенность, и на требованія судовъ, признавшихъ подобное лишеніе свободы противозаконнымъ. Демократическая газета „The Public“ приводитъ переписку судовъ съ военными властями и съ негодованіемъ обсуждаетъ этотъ эпизодъ, грозящій гибелью всѣмъ демократическимъ учрежденіямъ Америки отъ произвола военщины, попирающей ногами основные законы страны. Соціалистическій журналъ „The Camrad“ клеймитъ воцарившіеся порядки, сравнивая ихъ съ безпардоннымъ произволомъ въ Россіи, и протестуетъ противъ беззаконныхъ дѣйствій капиталистовъ и правительства. Рабочіе съ необыкновеннымъ мужествомъ вступили въ эту борьбу, терпѣливо перенося лишенія и невзгоды, и вотъ уже восьмой мѣсяцъ стоятъ на своемъ посту, борясь за дѣло всего рабочаго класса, за восьмичасовый рабочій день. Побѣдятъ ли они или сдадутся — сознаніе, что всѣ буржуазныя партіи, и республиканцы и демократы, — враги рабочаго класса, будетъ лишь рости въ виду тѣхъ возмутительныхъ средствъ, которыхъ не гнушаются представители капитала. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше приходится убѣждаться и американскому рабочему, что всѣ другія партіи — защитницы капиталистическаго строя, и его мѣсто лишь въ сплоченныхъ рядахъ единственной партіи пролетаріата — соціальдемократіи.

РАБОЧЕЕ МИНИСТЕРСТВО ВЪ АВСТРАЛІИ.

Консервативное правительство въ Австраліи смѣнилось рабочимъ министерствомъ. Значеніе этого событія выясняется Каутскимъ въ № 98 „Leipziger Volkszeitung“. Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, многаго ждать отъ этой смѣны правительствъ. Прежде всего необходимо принять во вниманіе ограниченность сферъ компетенціи австралійскаго союзнаго правительства. Лишь вопросы таможенной политики, защита страны, банкъ и почта находятся въ сферѣ его управленія. Такъ какъ, однако, милитаризма въ Австраліи нѣтъ, то таможенная политика является той главной областью, гдѣ должна будетъ развернуться дѣятельность новаго правительства. А это не есть благопріятная позиція для борьбы съ капиталомъ.

Позиція эта ослабляется еще благодаря тому, что австралійская рабочая партія состоитъ изъ сторонниковъ „чисто-профессіональнаго“ движенія. Болѣе того, профессіональные союзы являются для нихъ не средствомъ къ цѣли, а цѣлью самой по себѣ, такъ какъ тяжбы рабочихъ съ капиталомъ партія склонна разрѣшать не борьбой, не стачками, а рѣшеніями третейскихъ судовъ.

Но тѣ надежды, которыя могутъ связываться съ новымъ министерствомъ, низводятся до минимума, если вспомнить, что, соотвѣтственно „промышленной молодости“ Австраліи, рабочая партія въ союзномъ парламентѣ находится въ меньшинствѣ. Три партіи, составляющія этотъ парламентъ, представлены въ немъ слѣдующимъ образомъ: либералы-фритрэдеры — 27 голосовъ, консерваторы — 26, рабочая партія — 22 голоса. Рабочая партія должна, такимъ образомъ, опираться на либеральную фракцію. Между тѣмъ, длительное совмѣстное съ ней управленіе заранѣе невозможно въ виду того, что рабочая партія — сторонница „охранительныхъ пошлинъ“.

Лишь одного результата — положительнаго въ его отрицательномъ значеніи — можно ожидать отъ завоеванія министерства рабочей партіей. Требованія, которыя предъявятъ ему рабочіе, колоссально возрастутъ. Министерство же не сумѣетъ эти требованія удовлетворить; во-первыхъ, потому, что оно не располагаетъ необходимымъ для этого парламентскимъ большинствомъ, во-вторыхъ, — оно, вообще, ограничено въ своей дѣятельности опредѣленными вопросами внутренней политики, которые, какъ указано, мало или вовсе не соприкасаются съ положеніемъ рабочаго класса. Масса рабочихъ неизбѣжно должна будетъ разочароваться, ибо ясно увидитъ, что правительство рабочей партіи ничего реальнаго имъ не приноситъ. Съ другой стороны, каждый шагъ рабочаго министерства будетъ естественно встрѣчать недовѣріе либеральной и консервативной фракцій. Между разочарованіемъ рабочихъ массъ и недовѣріемъ буржуазныхъ партій министерство не въ состояніи будетъ сколько-нибудь долгое время держаться.

Эту, весьма вѣроятную, неудачу рабочаго министерства буржуазная пресса попытается эксплуатировать, какъ доказательство неосуществимости соціализма. Однако, выводъ отсюда будетъ лишь тотъ, что „вредна тактика тѣхъ пролетарскихъ политиковъ, которые стремятся къ призраку политической власти прежде, чѣмъ пролетаріатъ ее самъ себѣ не завоевалъ“. Требованія, предъявляемыя пролетарскому правительству, идутъ такъ далеко, удовлетвореніе ихъ обусловливается такой безпощадной борьбой съ капиталомъ, что оно сможетъ успѣшно держаться лишь въ томъ случаѣ, если въ его распоряженіи будетъ находиться подавляющая политическая власть, фактически равная диктатурѣ пролетаріата. А до тѣхъ поръ — „пораженіе или развратъ“ будетъ всегда результатомъ стремленій меньшинства соціалистовъ къ правительственной власти, безразлично, „вступаетъ ли отдѣльный соціалистъ въ буржуазное министерство, или цѣлое рабочее министерство управляетъ съ помощью буржуазныхъ парламентаріевъ“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ТЕПЕРЬ МОЛЧАНІЕ НЕВОЗМОЖНО!

(Открытое письмо къ Центральному Комитету Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.)

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ простые...
Гейне.

Товарищи!

По поводу моего фельетона: „*Централизмъ или бонапартизмъ?*“, напечатаннаго въ № 65 „Искры“, одинъ изъ моихъ читателей, принадлежащій къ числу дѣятельнѣйшихъ членовъ нашей партіи, пишетъ мнѣ, что я былъ не правъ, когда характеризовалъ Вашу политику, какъ политику „бонапартизма“, недостойную сознательнаго и развивающагося пролетаріата. Изъ его словъ можно заключить, что Ваша коллегія живо сознаетъ всю громадность задачи, возложенной на нее нашимъ вторымъ съѣздомъ, и хорошо понимаетъ, что для рѣшенія этой трудной задачи необходимо объединить на живомъ, для всѣхъ насъ общемъ и для всѣхъ насъ одинаково дорогомъ дѣлѣ всѣ живыя силы нашей партіи. Наконецъ, его письмо даетъ мнѣ поводъ думать, что Вы рѣшительно отвергаете ту нелѣпую идею дважды-нелѣпой диктатуры, которую трижды-нелѣпые „представители“ уфимскіе и проч. и проч. и проч. провозглашаютъ плодотворнѣйшимъ открытіемъ нашей революціонной мысли, способнымъ затмить величайшія открытія соціалистической мысли Запада.

Это письмо заставило меня задуматься. Если товарищъ, написавшій мнѣ его, не ошибся; если Ваша коллегія, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго съ „бонапартизмомъ“, то я, въ самомъ дѣлѣ, неправъ передъ Вами, и мой фельетонъ долженъ былъ вызвать въ Васъ сознаніе большой несправедливости и чувство глубокой обиды. И въ такомъ случаѣ я первый готовъ искренно пожалѣть объ этомъ. Но чѣмъ болѣе я останавливаюсь мыслью на своей *возможной* ошибкѣ, тѣмъ неотвязчивѣе встаетъ передо мною вопросъ: кого же нужно винить въ ней? И на этотъ неотвязчивый вопросъ я, — при всемъ своемъ желаніи быть безпристрастнымъ, — могу отвѣтить лишь слѣдующимъ образомъ:

Если бы я, въ самомъ дѣлѣ, совершилъ ту ошибку, въ которой меня дружески упрекаетъ мой корреспондентъ, то вина за нее цѣликомъ падала бы не на меня, а именно на Васъ, товарищи изъ Центральнаго Комитета.

Я очень хорошо понимаю, что такой отвѣтъ опять можетъ вызвать въ Васъ непріятное удивленіе и способенъ показаться Вамъ чѣмъ-то въ родѣ адвокатской уловки. Но прошу Васъ вѣрить, товарищи, что я написалъ и подчеркнулъ здѣсь этотъ отвѣтъ не затѣмъ, чтобы „вывертываться“, — я вообще не имѣю жалкой привычки „вывертываться“ и прямо признаюсь въ своей ошибкѣ, когда я вижу, что я ошибся, — а затѣмъ, чтобы обратить Ваше вниманіе на ту особенность Вашей тактики, которую Вы сами должны признать неумѣстной и ненужной, если только правду сказалъ мой корреспондентъ, приписавшій Вамъ отрицательное отношеніе къ „бонапартизму“.

Если онъ говоритъ правду, — а я какъ нельзя болѣе хотѣлъ бы вѣрить этому, потому что такая вѣра дала бы мнѣ новую и чрезвычайно отрадную надежду на счастливое улаженіе всѣхъ нашихъ усобицъ, — то скажите, товарищи, зачѣмъ же Вы молчите въ такое время, когда Вамъ достаточно было бы возвысить свой голосъ, чтобы сразу положить конецъ печальному и, — главное, — опасному недоразумѣнію? Зачѣмъ вы молчите тогда, когда одно Ваше энергичное „*нѣтъ!*“ вырвало бы почву изъ подъ ногъ нашихъ „бонапартистовъ“ и тѣмъ много содѣйствовало бы торжеству политики внутренняго мира и фактическаго объединенія всѣхъ силъ нашей партіи? Зачѣмъ Вы молчите теперь, когда Вамъ слѣдовало бы не только говорить, а прямо гремѣть, трубить во всѣ трубы, кричать со всѣхъ крышъ о Вашемъ отрицательномъ отношеніи къ „бонапартизму“?

О томъ, какой „внутренней политики“ придерживались Вы въ Россіи, я не могу судить на основаніи непосредственнаго наблюденія. Временами до меня доходили и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не перестали доходить извѣстія, рисовавшія и рисующія эту политику въ довольно неблагопріятномъ свѣтѣ. Да и само нежеланіе Ваше кооптировать представителей „меньшинства“ заставляетъ предполагать, что Ваше миролюбіе, — если Вы дѣйствительно миролюбивы, — заключено въ очень узкія границы. Товарищъ, написавшій мнѣ письмо, старается оправдать это Ваше нежеланіе соображеніями, кажущимися мнѣ очень неосновательными. Изъ его объясненій выходитъ, что Вы слишкомъ внимательно и боязливо прислушиваетесь къ тому, что скажетъ Марья Алексѣевна, принявшая нынѣ у насъ видъ микроскопическаго совѣтника Иванова. Но этой почтенной особы Вамъ въ дѣйствительности нечего опасаться, ибо по своей ограниченности она, — несмотря на всю свою крикливость, — не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Изъ объясненій моего корреспондента выходитъ также, что произвести кооптацію препятствуетъ Вамъ невѣрное представленіе о достоинствѣ Вашей коллегіи, какъ одного изъ центральныхъ учрежденій партіи: вы думаете, что Вамъ не слѣдуетъ уступать „*требованію*“, не имѣющему за себя формальной законности. Если это такъ, то Вы опять ошибаетесь. Я понимаю, что соображеніе, подобное только что указанному, можетъ остановить *мандарина*, для котораго форма — первое дѣло; но я отказываюсь понять, почему останавливаетъ оно *революціонера*, для котораго *цѣлесообразность — все*, а *формальность — ничто*. Но это — мимоходомъ. Разсужденія объ этомъ предметѣ завели бы меня слишкомъ далеко отъ моей темы, и потому я перехожу къ тому, что я узналъ своимъ собственнымъ опытомъ, что я видѣлъ своими собственными глазами здѣсь, *заграницей*.

Дѣятельность вашихъ заграничныхъ представителей была до сихъ поръ насквозь пропитана духомъ той политики, которую я назвалъ въ своемъ фельетонѣ политикой бонапартизма, политикой мертвой петли, туго затягиваемой на шеѣ нашей партіи. Наиболѣе виднымъ и послѣдовательнымъ носителемъ принциповъ этой политики являлся и является Ленинъ, энергичные, но неразумные подвиги котораго не разъ заставляли меня вспоминать сказанныя „кому-то въ догонку“ слова князя Ивана въ „Современникахъ“ Некрасова:

Слылъ умникомъ и въ усъ себѣ не дулъ,
Поклонники въ немъ видѣли мессію;
Попалъ на министерскій стулъ
И — наглупилъ на всю Россію!

Вы помните, конечно, что я когда-то обращалъ вниманіе Вашей коллегіи на неудобства ленинской политики, но, къ сожалѣнію, я не получилъ отъ Васъ такого отвѣта, который могъ бы убѣдить меня въ томъ, что Вы сами видите эти неудобства: Вы не отняли у Ленина его полномочій, а онъ, пользуясь ими, продолжалъ дѣлать все отъ него зависѣвшее для того, чтобы толкать нашу партію прямо къ расколу. У него былъ для этого свой и совершенно понятный разсчетъ. Но что же мнѣ оставалось лумать? *Только то, что вы одобряете дѣйствія Ленина* и, слѣдовательно, раздѣляете тѣ претензіи, которыя я назвалъ нелѣпыми и смѣха достойными. Товарищъ, написавшій мнѣ письмо, утверждаетъ, что этотъ выводъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можетъ быть. Я самъ былъ бы въ этомъ случаѣ очень и очень радъ ошибиться, но если бы я ошибся, то причиной этого было бы именно то обстоятельство, что Вы молчали и что, благодаря этому молчанію, *политика Ленина и мною и, насколько я знаю, всѣми другими принималась за политику Центральнаго Комитета.* Прервите же Вы ваше молчаніе. Скажите намъ прямо и рѣшительно: какъ понимаете Вы централизмъ, что думаете Вы о „бонапартизмѣ", или, — короче, — одобряете ли Вы политику Ленина?

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ простые...

Это тѣмъ болѣе умѣстно, нужно и полезно сдѣлать теперь, что, — какъ Вы, конечно, знаете, — Ленинъ выпустилъ брошюру, которая въ исторіи нашихъ внутреннихъ распрей будетъ играть роль масла, подлитаго въ огонь. Огромное большинство читателей, навѣрно, вынесетъ изъ нея убѣжденіе въ томъ, что она выражаетъ Ваши общіе взгляды и что само ея изданіе является Вашимъ общимъ дѣломъ. Если Вы несогласны съ Ленинымъ, если его брошюра не выражаетъ Вашихъ взглядовъ, то Вамъ слѣдуетъ высказаться какъ можно скорѣе и какъ можно опредѣленнѣе.

Предлагая Вамъ это, я прошу Васъ, товарищи, замѣтить вотъ что.

Во-первыхъ, когда я прошу Васъ высказаться по поводу брошюры Ленина, я имѣю въ виду не тѣ обвиненія, которыя онъ выставляетъ противъ всей вообще нынѣшней редакціи центральнаго органа или противъ ея отдѣльныхъ членовъ. Совсѣмъ нѣтъ! Мы сами, — всѣ вообще и каждый въ частности, — съумѣемъ достойнымъ образомъ отвѣтить на эти обвиненія. Съ *этой* стороны Ленинъ принадлежитъ намъ, и мы не хотимъ, чтобы ктонибудь посягнулъ на нашу литературную собственность. Я прошу Васъ высказаться о брошюрѣ Ленина лишь съ той ея стороны, которая могла бы подать поводъ къ неправильнымъ сужденіямъ *о политикѣ Центральнаго Комитета.* Если Вы промолчите объ этой сторонѣ, то *всѣ примутъ Ваше молчаніе за знакъ согласія.*

Во-вторыхъ, не думайте, товарищи, что я задаю Вамъ эти вопросы съ какой-нибудь полемической цѣлью. Увѣряю Васъ честью революціонера, что отъ меня какъ нельзя болѣе далека всякая мысль о полемикѣ съ Вами. Я просто хочу объясниться. Въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ накопилось, — главнымъ образомъ, по винѣ тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ представляли Васъ заграницей, — очень много недоразумѣній. А эти недоразумѣнія являются источникомъ *слабости* для нашей партіи. А въ политической борьбѣ слабость есть *преступленіе* очень тяжелое вообще, и совершенно непростительное теперь, когда историческія событія предъявляютъ къ намъ въ высшей степени серьезныя требованія. Теперь мы *обязаны* быть *сильными.* А для того, чтобы мы были сильными, намъ необходимо упрочить наше *единство.* А для того, чтобы мы могли упрочить наше единство, намъ надо устранить нарушающія его *недоразумѣнія.* Пусть плодитъ ихъ Ленинъ: это въ *его* интересахъ; а въ интересахъ *нашего дѣла,* слѣдуетъ поступать какъ разъ наоборотъ.

Постарайтесь же разсѣять эти недоразумѣнія. Поддержите насъ въ нашемъ стремленіи создать почву для прочнаго мира внутри нашей партіи. Помогите намъ обезпечить ея единство и тѣмъ пріобрѣсти для нея то вліяніе на событія, которое принадлежитъ по праву ей — выразительницѣ революціонныхъ стремленій сознательнаго пролетаріата. Много разъ цитированное мною письмо товарища даетъ мнѣ право думать, что здѣсь наши стремленія въ значительной степени совпадаютъ съ Вашими. Тѣмъ лучше; тѣмъ легче Вамъ показать мнѣ, что я ошибся, приписавъ Вамъ нелѣпыя и смѣха достойныя претензіи. Опровергайте же меня, опровергайте безъ малѣйшаго снисхожденія: чѣмъ убѣдительнѣе будутъ Ваши доводы, чѣмъ рѣшительнѣе разобьете Вы меня, тѣмъ громче и продолжительнѣе буду я рукоплескать Вамъ. Но говорите же, говорите. Теперь молчаніе невозможно: оно становится теперь нарушеніемъ партійнаго долга

Съ товарищескимъ привѣтомъ
Г. Плехановъ.

Резолюція Тверского Комитета.

По поводу „новаго курса", принятаго Ц. О., начиная съ № 52, Тверской Комитетъ считаетъ необходимымъ заявить слѣдующее:

Съ формальной стороны Тверской Комитетъ не склоненъ былъ бы придавать особаго значенія тому факту, что Ц. О. сталъ въ дѣйствительности органомъ „меньшинства" партіи, если бы только идейная жизнь партіи была вообще представлена въ Ц. О. достаточно полно. Но за послѣдніе мѣсяцы возрѣнія „большинства" партіи находятъ себѣ мѣсто на страницахъ Ц. О. почти исключительно въ формѣ резолюцій комитетовъ. Но комитеты не литераторы, а резолюціи не статьи, и сжатая формулировка тѣхъ или иныхъ руководящихъ принциповъ не можетъ замѣнить ихъ систематическаго развитія и освѣщенія, хотя, можетъ быть, и представляетъ очень благодарный объектъ для литераторской полемики; и потому нельзя не признать нынѣшній способъ веденія Ц. О. слишкомъ одностороннимъ. Редакція Ц. О., повидимому, слишкомъ „централистически" поняла свою задачу идейнаго руководства, полагая, что можетъ „вести" всю партію, куда захочетъ, не считаясь съ господствующимъ партійнымъ теченіемъ даже въ такой степени, чтобы дать ему возможность законченно высказаться. Особенно неестественнымъ, съ формальной точки зрѣнія, кажется тотъ фактъ, что органъ, издающійся на средства *всей* партіи, становится органомъ систематической борьбы ея „меньшинства" противъ ея „большинства".

Что касается самаго содержанія полемики Ц. О. противъ „большинства" партіи, то Тверской Комитетъ полагаетъ, что полемика эта съ самаго начала стоитъ на ложной почвѣ. Въ основѣ полемики положены безспорныя мысли, что централизація не есть благо само по себѣ, и что партійная дисциплина есть средство, а не цѣль нашей борьбы. Но, держась въ предѣлахъ этихъ общихъ мыслей, полемика безплодна и безсодержательна. Вопросъ заключается именно въ томъ, *какая степень* централизаціи и партійной дисциплины необходима при современныхъ условіяхъ, чтобы достигнуть цѣли, т. е. побѣды надъ врагами. Вопросъ этотъ можно рѣшить только сопоставленіемъ нашихъ силъ и силъ противниковъ, нашихъ формъ организаціи и ихъ формъ организаціи, нашей партійной дисциплины и ихъ партійной дисциплины въ связи со всей исторической обстановкой момента. Этого мы до сихъ поръ не находимъ въ полемическихъ статьяхъ Ц. О. Въ частности же Тв. Ком. полагаетъ, что по отношенію къ идеѣ партійной дисциплины редакція Ц. О. заняла особенно ошибочную позицію. Слабость этой дисциплины есть, правда, неизбѣжное зло въ молодыхъ партіяхъ — но тѣмъ важнѣе бороться съ этимъ зломъ, а не заниматься его оправданіемъ, и едва ли не возведеніемъ его въ принципъ. Требуя уваженія къ „анархическимъ склонностямъ" отдѣльныхъ членовъ партіи, редакція и „меньшинство" становятся на тотъ путь, который долженъ въ дальнѣйшемъ привести ихъ къ разрыву съ рабочими массами. Дѣло въ томъ, что, какъ бы ни былъ по своимъ талантамъ цѣненъ отдѣльный интеллигентъ-революціонеръ, рабочій всегда будетъ склоненъ разсматривать проявленіе его „анархическихъ склонностей", нарушающихъ „партійную дисциплину", какъ своего рода „штрейкбрехерство". А съ принципіальной пролетарской точки зрѣнія „анархически" дѣйствующій революціонеръ настолько же вреднѣе простого нарушителя стачки, насколько партійная организація для общаго рабочаго дѣла важнѣе случайной и временной стачечной организаціи.

На основаніи всего изложеннаго, Тверской Комитетъ полагаетъ, что современное положеніе дѣлъ въ партіи крайне неестественно, и что съ нимъ необходимо такъ или иначе покончить. Въ виду безрезультатности попытокъ высшихъ учрежденій партіи ввести борьбу „меньшинства" съ „большинствомъ" въ рамки устава, Тверской Комитетъ считаетъ необходимымъ вмѣшательство партіи, требуетъ немедленнаго созыва третьяго съѣзда и приглашаетъ остальные Комитеты присоединиться къ этому требованію.

Тверской Комитетъ проситъ напечатать эту резолюцію въ ближайшемъ номерѣ Ц. О.

Эта резолюція была принята на общемъ собраніи Тверского Комитета 19 апрѣля четырьмя голосами противъ одного. Товарищъ, голосовавшій противъ съѣзда, мотивировалъ свой протестъ исключительностью положенія, созданнаго Русско-Японской войной. Остальные же товарищи полагали, что эта исключительность положенія является лишь однимъ изъ мотивовъ необходимости возможно скорѣйшаго упорядоченія партійныхъ дѣлъ.

Тверской Комитетъ
Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи.

⁂

Отъ редакціи. Тверской Комитетъ жестоко ошибается, если думаетъ, что редакція „Искры" „не даетъ возможности законченно выразиться" на столбцахъ Ц. О. направленію партійнаго „большинства". Начиная съ № 53, намъ только *одинъ* разъ была доставлена статья, посвященная освѣщенію „нашихъ разногласій" съ точки зрѣнія „большинства" (статья тов. Александрова). Эта статья была немедленно помѣщена въ „Искрѣ". Больше ни одной статьи того же направленія къ намъ не поступало. Въ частности, тов. Ленинъ съ № 54 „Искры" въ ней не сотрудничаетъ. Такимъ образомъ, обвиненіе брошенное намъ Тверскимъ Комитетомъ, оказывается брошеннымъ совершенно легкомысленно. Тверскимъ товарищамъ остается только подумать надъ вопросомъ: почему точка зрѣнія „большинства" не порождаетъ никакихъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ" резолюцій, которыя вполнѣ достаточно освѣщаютъ всю безсодержательность „твердаго" направленія въ нашей партіи?

Резолюція Кіевскаго Комитета.

Принимая во вниманіе, что до сихъ поръ организаціямъ не удалось еще въ достаточной степени ознакомиться съ организаціонными разногласіями „меньшинства" и „большинства";

Принимая, далѣе, во вниманіе, что настоящій моментъ, переживаемый Россіей, слишкомъ важенъ, чтобы можно было отвлекать опытныхъ лицъ отъ непосредственной руководящей работы на мѣстахъ, а между тѣмъ, только такія лица (а не эмигранты) въ состояніи отдать себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ о правильности одного изъ организаціонныхъ принциповъ, которые легли въ основу дѣятельности „большинства" и „меньшинства", присоединяясь также и къ другимъ мотивамъ редакціи Ц. О. о трудности съѣзда въ виду матеріальной и конспиративной стороны дѣла организаціи съѣзда, — Кіевскій Комитетъ вполнѣ откликнулся на призывъ ред. Ц. О. и вотируетъ противъ съѣзда въ настоящее время.

Агитація противъ войны:

Воронежскимъ Ком. изд. листокъ противъ войны съ перепечаткой прокламаціи „Война противъ войны (изданіе „Искры"). — **Кіевск. Среднеучебн. Орган. Ком.** переизданъ листокъ „Жертвуйте, русскіе люди!". — **Томскимъ Ком.** изд. листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ г. Томска" (№ 48). — **Полѣсскимъ Ком.** — „Къ рабочимъ". — **Московскимъ Ком.** — „Красное знамя или красный крестъ". — **Елизаветградской Организаціей Партіи** изд. „Къ обществу" (400 э.). — **Бакинскимъ Ком.** изд. „Къ солдатамъ". — **Астраханской Группой** переизданъ листокъ „Искры": „Кризисъ, безработица, война". — **Сибирскимъ Союзомъ** перепечатана статья „Въ тискахъ".

Комитетами Партіи изданы листки:

Сибирскимъ Союзомъ изд. „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Сибири (1 мая)", „Первое мая" (№ 24). — **Бакинск. Ком.** изд. „Ко всему рабочему населенію Баку" (о 1 мая) и „Ко всѣмъ гражданамъ" (послѣ перваго мая). — **Кіевскимъ Ком.** изд. „Первое мая 1904 г.". — **Харьковской Группой Учащихся Соц.-Дем.** изд. „Ко всѣмъ учащимся въ средне учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова". — **Полѣсскимъ Ком.** изд. „Люби ближняго, какъ самого себя" (о международной солидарности пролетаріата) и листокъ о празднованіи перваго мая въ Гомелѣ. Сверхъ того Комитетъ переиздалъ въ 6000 экз. майское воззваніе Ц. К. и Ц. О. — **Рижскимъ Ком.** — (въ 900 экз.) листокъ „Ко всѣмъ табачницамъ". — **Бобруйской Группой Рос. С.-Д. Р. П.** (основанной рабочими, перешедшими отъ Бунда къ Партіи) изд. „Къ рабочимъ завода Свенторжицкаго и Смѣцюшевскаго" и листокъ ко всѣмъ рабочимъ о той же стачкѣ (1000 экз.). — **Житомірской Группой Партіи** изд. „Къ первому мая". — Согласно сообщеннымъ намъ **Центральнымъ Комитетомъ** даннымъ, имъ выпущены слѣдующія изданія: 1. Ленинъ, „Къ деревенской бѣднотѣ" (10000 экз.). 2. Мартовъ, „Пролетарскій праздникъ" (45000 экз.). 3. Майскій листокъ — въ 250000 экз. 4. Рѣчь Л. Гольдмана (20000 экз.). 5. Отдѣльныя статьи изъ „Искры": „Самодержавіе на скамьѣ подсудимыхъ", „Лѣтнія забастовки на югѣ", „Сердечный циркуляръ" — всѣ въ 20000 экз. 6. Листокъ „Искры" „Война противъ войны" (20000 экз.) и 7. „Коммунистическій Манифестъ въ 1000 экз.

Коммиссіей по изданію партійной соц.-дем. литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ выпущены слѣдующія изданія:

На армянскомъ языкѣ: 1. Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. 2. Программа Р. С.-Д. Р. П.

Печатается: Л. Мартовъ. Рабочее дѣло въ Россіи.

На грузинскомъ языкѣ: 1. Грузинскіе націоналисты.

Согласно постановленію второго очередного съѣзда, редакціи Ц. О. поручено возобновить изданіе „Зари", какъ научнаго органа Партіи.

До сихъ поръ редакція Ц. О., въ силу цѣлаго ряда причинъ, не могла приступить къ исполненію рѣшенія съѣзда, несмотря на то, что необходимость подъема теоретическаго уровня въ нашей все расширяющейся партіи была ей совершенно ясна. Въ настоящее время, какъ мы надѣемся, регулярный выходъ изданія, посвященнаго разработкѣ и развитію соціалистической теоріи, не встрѣтитъ никакихъ непреодолимыхъ затрудненій. Для редакціоннаго веденія „Зари" редакціей Ц. О. уполномоченъ Г. В. Плехановъ, на правахъ единоличнаго редактора.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Архангельская губ. Прибываютъ ссыльные, которые назначены въ Сибирь и которыхъ, въ виду войны, направляютъ въ губерніи Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую. Разсылать ихъ, повидимому, будутъ въ отдаленныя села и деревни по одиночкѣ; такъ недавно одного еврея — къ тому же больного — отправили въ деревню Несь — верстъ сто сѣвернѣе Мезени — на берегу Ледовитаго океана, гдѣ уже начинается тундра и гдѣ питаться придется чуть ли не одной рыбой. Другого — студента Вертячихъ — въ село Красноборское (Печорскаго уѣзда), сравнительно хорошее. Въ субботу, 3 апрѣля, пришло этапомъ девять человѣкъ, всѣ назначенные въ Сибирь, а со слѣдующимъ этапомъ ждутъ 20 человѣкъ бундовцевъ, назначенныхъ также въ Сибирь. Вообще число ссыльныхъ въ Архангельской губерніи быстро увеличивается, и въ самомъ Архангельскѣ достигаетъ уже почтенной цифры — 100 чел. — **Астрахань.** Кромѣ упомянутыхъ уже, ар. въ ночь съ 9 на 10 марта М. А. Бендерскій, А. Л. Ершовъ (раб.), А Костинъ. Арестованные сидятъ до сихъ поръ. — **Орелъ.** Передъ пасхой были арестованы присяжн. повѣр. Рейнгардъ (по предписанію изъ Петербурга) и служащій въ орловскомъ земствѣ Цадиковъ. Послѣдній былъ взятъ въ Москвѣ. Къ социальдемократической организаціи оба не имѣли никакого отношенія. Недавно взятъ бывшій студентъ Шмидтъ, семья столяра Шишкова и нѣсколько солдатъ, двое изъ которыхъ вольноопредѣляющіеся. — **Ростовъ на Дону.** Съ 15 по 18 апрѣля здѣсь было произведено громадное количество обысковъ и арестовъ. Пока извѣстны слѣдующіе результаты „нашествія вандаловъ"; арестованы: І. Мошинскій и Егоровъ (присяжные повѣренные), Д. и М. Ширманъ, Е. М. Богуцкая, А. С. Райхъ, Хацманъ, Птуха (бывшій ср.-техникъ) и Климовъ (ученикъ средне-техническаго училища), Н. Шнейдеръ, Сегель, Орловъ, Косовская, Гулькевичъ и др. Кромѣ того арестовано много рабочихъ, фамиліи еще не извѣстны. Обыски были у слѣдующихъ лицъ: К. Скрынниковъ, М. Горховская, магаз. Басъ, Плехановъ (раб.), Оже и у многихъ другихъ. Аресты и обыски были также въ Юзовкѣ, Маріуполѣ, Таганрогѣ и другихъ городахъ. — **Воронежъ.** Арестованъ и посаженъ въ мѣстную тюрьму докторъ-медицины Василій Ивановичъ Колюбакинъ. Онъ является однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ Воронежской губерніи. Онъ долго былъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы, а затѣмъ и губернской. Его обвиняютъ въ распространеніи нелегальной литературы. Колюбакинъ, хотя и былъ всегда либеральнымъ земцемъ, но никогда не имѣлъ никакого касанія къ революціонной дѣятельности. Былъ обыскъ у извѣстнаго всему городу купца Ширяева (взята литература).

Красноярскъ. 27 апрѣля были обыски у слѣдующихъ лицъ: у ссыльныхъ С. Персона (ничего не нашли), Ф. Романова (ничего, взяли два письма и возвратили обратно), у поднадзорной Л. Качиной (ничего), у бывшаго гимназиста А. Барышникова (ничего), у учениць фельдшерской школы О. Прейсъ, П. Калико, Б. Бродской (ничего). При обыскахъ у всѣхъ отбирали револьверы. На дняхъ исключили, по тайному распоряженію генералъ-губернатора, изъ фельдшерской школы ученицу В. Шуваеву. Незадолго до этого она была арестована по подозрѣнію и сидѣла нѣсколько дней въ тюрьмѣ: это и послужило причиной ея исключенія. Среди ссыльныхъ Енисейской губерніи большая нужда: особенно по Ангарѣ. — **Бобруйскъ.** На дняхъ арестована тайная типографія и слѣдующія лица: Н. Файнштейнъ, Б. Лозинскій, Іуда (вся вина котораго заключается въ томъ, что онъ захаживалъ къ Лозинскому), Л. Лекумовичъ, Н. Фридляндъ и нѣкоторые другіе. Ищутъ: А. Вайраха, Г. Пружинина, Мейера (наборщики) и Л. Лозинскаго (интеллигентъ). На квартирѣ никого не нашли, но хозяинъ указалъ на всѣхъ обитателей типографіи. Какъ говорятъ, въ послѣднее время они работали крайне неосторожно. Для обыска пріѣхалъ изъ Минска Васильевъ. — **Кіевъ.** 28 апр. арестована державшаяся пять лѣтъ типографія Комитета Партіи. Кромѣ того, были многочисленные аресты: взяты Рыбаковъ, Немолякинъ, Я. Г. Френкель, Серг. Бердяевъ, Поповъ, Л. Н. Леонтьева и другіе. Былъ обыскъ въ редакціи „Кіевскихъ Откликовъ". — **Житоміръ.** До сихъ поръ извѣстны имена слѣдующ. арестованныхъ 27-28 апрѣля: Константинъ Рикъ (бывшій студентъ, третій разъ), Розалія Моргулисъ (интеллигентка, выпущена), рабочіе: Вольфъ Быкъ, Андрей Скрыпниковъ, Антонъ Невѣсткинъ, Волковъ, Сеня (фамилія неизвѣстна), В. Дыхне (освобожденъ), Лифшицъ (экст.), Старецъ (интеллигентка), Яполуторъ (интеллигентка). Имена многихъ арестованныхъ еще не установлены.

Бѣжали: Р. Горовицъ и А. Хлыновъ, сосланные до приговора въ Восточную Сибирь. Первая арестована въ 1902 году по дѣлу „Искры" и Кіевскаго Комитета. Второй арестованъ въ 1902 г. по дѣлу „Искры" и Кіевскаго Комитета, Петербургскаго „Рабочаго Знамени", по дѣлу пропаганды и распространенія литературы среди учителей и рабочихъ въ Муромскомъ и Мелековскомъ уѣзд., Владим. губ. — **Бѣжали** благополучно въ ночь на 29 марта изъ Виленской губ. тюрьмы: 1. Михаилъ Даргольцъ (нелег., скрывшійся ранѣе изъ Восточной Сибири и арестованный въ августѣ 1903 года въ Вильнѣ по дѣлу нашей Партіи). 2. А. Дымшицъ (нелегальный, соц.-дем.). 3. Ш. Шлиферъ (по виленскому дѣлу Бунда). Бѣжавшіе вмѣстѣ съ ними Кацъ, Даукша и М. Фрейнкель снова арестованы.

Некрологъ: 16 февраля въ красноярской тюрьмѣ умеръ Борисъ Осташинскій, 30 лѣтъ отъ роду. Еврей по національности, онъ не послѣдовалъ за родными въ Америку, желая принимать участіе въ освободительной борьбѣ. Сапожникъ по ремеслу, Осташинскій работалъ въ Симферопольской организаціи Р. С.-Д. Партіи почти съ ея возникновенія; во время уличной демонстраціи 5 мая 1901 года несъ знамя. Арестованный 8 авг. 1902 года, онъ не выходилъ уже изъ тюрьмы, постепенно разрушившей его и безъ того слабый организмъ. Роковое значеніе для Осташинскаго имѣлъ отказъ генералъ-губернатора Кутайсова поселить его въ какой-нибудь здоровой мѣстности на югѣ Иркутской губерніи (онъ былъ сосланъ только на три года). Назначенный въ село даже безъ фельдшера, онъ вынужденъ былъ просидѣть въ тюрьмѣ почти полгода лишнихъ, чтобы не лишиться хоть медицинской помощи. Тюрьма, болѣзнь легкихъ и Кутайсовъ добили его, до послѣднихъ дней не терявшаго надежды на возвращеніе въ ряды активныхъ борцовъ. Покойный былъ добросовѣстнымъ революціонеромъ, преданнымъ товарищемъ и пользовался общей симпатіей.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ „Кассы помощи эмигрантамъ въ Цюрихѣ" съ 1 іюня 1903 г. по 20 февраля 1904 года.

ПРИХОДЪ.

Остатокъ съ іюня 1903 г. 122 фр. 90 с. Единовременныя пожертвованія: изъ Берлина 5 фр.; отъ NN 20 фр.; отъ проѣзжаго 66 фр. 25 с. (25 рублей); отъ N. 62 фр.; отъ сочувствующаго изъ Антверпена 3 фр. 30 с.; отъ D. 5 фр. 15 с.; изъ Берлина черезъ П. Б. Аксельрода 10 фр.; отъ N. 4 ф.; изъ Невшателя 40 с.; отъ проѣзжей 10 фр.; отъ нижегородца 27 фр.; отъ четырехъ сочувствующихъ изъ Россіи 23 фр. 85 с. (9 рублей); отъ „филантроповъ" 25 фр.; изъ Дармштадта чрезъ „Искру" 117 фр. 60 с.; изъ Давоса чрезъ „Искру" 26 фр.; отъ кишиневки 10 фр.; отъ проѣзжей 3 фр. 75 с.; изъ Карлсруэ 2 фр.; изъ Дармштадта чрезъ Г. 98 фр. 30 с.; Итого пожертвованій 524 фр. 60 с. Ежемѣсячныхъ взносовъ 171 фр. 40 с. Съ бала 27 фр. 50 сант. Изъ Мюнхена съ литературнаго вечера 46 фр. Съ лоттереи 105 фр. 39 с. По подписнымъ листамъ: изъ Цюриха 106 ф. 85 с.; изъ Штуттгардта 143 фр. 46 с.; изъ Сизикона 18 ф.; изъ Женевы 37 ф. 70 с; изъ Фрейбурга 33 фр. 45 с.; изъ Брюсселя 9 фр. 50 с.; изъ Берлина 28 фр.; изъ Гейдельберга 40 фр. 2 с.; итого 416 фр. 98 с. Всего прихода 1414 фр. 77 с.

РАСХОДЪ.

Единовременно эмигрантамъ: 36, 10, 5, 10, 20, 25, 20, 10, 20, 20, 20, 20, 35, 18, 25, 25, 25, 28, 50, 25, 20, 35, 25, 50, 25, 9.50, 5.50, 15, 20, 35, 30, 20, 20, 15, 46, 15, 25, 50, 30; итого 938 фр. Больнымъ эмигрантамъ: 40, 60, 25, 15, 50, 55, 30, 30, 25; итого 330 фр. Заимообразно эмигрантамъ: 30, 10, 7, 20, 20, 15; итого 102 фр. Почтовые и разные другіе расходы 22 фр. 30 с. Всего израсходовано 1392 фр. 30 с. Наличными въ кассѣ 22 фр. 47 с. Итого 1414 фр. 77 с.

Комитетъ.

Печатая этотъ отчетъ, обращаемъ вниманіе читателей на настоятельную необходимость поддержать эмигрантскія кассы. Съ ростомъ революціоннаго движенія въ Россіи неизбѣжно растетъ и число лицъ, для которыхъ временное пребываніе заграницей — въ силу тѣхъ или другихъ причинъ — является необходимымъ условіемъ возможнаго продолженія ихъ революціонной дѣятельности. А между тѣмъ, какъ показываетъ намъ тотъ же отчетъ, средствъ тамъ немного. Призываемъ читателей оказать посильную помощь.

Адресъ: Herrn Otto Lang. Hegelbacutstrasse, 22. Zürich.

Отчетъ Коммиссіи по изданію партійной социальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ отъ 23 февраля по 13 мая 1904 года.

Въ грузинскую кассу поступило: Изъ Лейпцига по подписному листу для грузинской типографіи — 29 фр. Съ вечера изъ Женевы — 130 фр.; изъ Мюнхена — 10 фр.; изъ Парижа — 20 фр. Отъ у — 20 фр.; отъ х — 150 фр.; отъ № 2 — 9 фр. Итого: 368 фр.

Въ Армянскую кассу поступило: Отъ № 1 — 220 фр.; отъ А — 20 фр. Изъ Берлина — 56 фр. Итого: 296 фр.

Отъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ черезъ представителя Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи переслано арестованнымъ въ Якутскѣ товарищамъ — 32 фр. и 30 фр.

Типографія Партіи. Genéve, Rue de la Coulouvreniére, 27.

РУССКОЕ СОЦ... ОБЩЕСТВО NEW YORK RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Россійской Соціал... Центральный Комитетъ

ИСКРА

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 67. 1-го іюня 1904 г. Годъ IV.

РЕФОРМАТОРСКІЯ ПОТУГИ.

Царствованіе Александра III оставило глубокій слѣдъ въ развитіи русской политической жизни. Истекавшее кровью самодержавіе напрягало всѣ усилія, чтобы удержать въ своихъ слабѣющихъ рукахъ ускользавшія отъ него нити государственнаго управленія, и цѣлая груда реакціонныхъ законовъ и мѣропріятій изготовлялась ежегодно въ петербургскихъ канцеляріяхъ. Еще реакціоннѣе становилась годъ отъ году административная практика. Безжалостно урѣзая все, и безъ того немногочисленные, „прогрессивные" элементы въ законодательствѣ предыдущаго царствованія, новая эра поставила цѣлью своихъ стремленій, если не возстановленіе, — безнадежность такой утопіи была слишкомъ очевидна, — то по крайней мѣрѣ возможное приближеніе къ порядкамъ и отношеніямъ крѣпостной эпохи. Но, — какъ это всегда бываетъ съ реакціонной политикой, идущей въ разрѣзъ съ самыми основными потребностями общественно-экономическаго развитія, — кратковременное укрѣпленіе позицій самодержавія покупалось цѣною усиленія того самаго недовольства, той смуты и „крамолы", сокрушенія которой съ такой настойчивостью и прямолинейностью добивался царизмъ. И это тѣмъ болѣе, что, ставя одною рукою преграды рвавшему путы крѣпостного уклада развитію капиталистическаго общества, царское правительство, — въ силу требованій финансоваго хозяйства и необходимости искать благосклонности вліятельныхъ элементовъ — другою рукою всячески содѣйствовало росту капиталистической промышленности. А капитализмъ и самъ по себѣ не можетъ надолго примириться съ гнетомъ самодержавно-феодальныхъ порядковъ и — что еще важнѣе — въ лицѣ пролетаріата создаетъ непримиримаго противника всѣхъ устоевъ россійской самобытности. Въ этомъ же фактѣ капиталистическаго преобразованія Россіи черпали все новыя и новыя силы и тѣ слои противниковъ самодержавія, оппозиція которыхъ до тѣхъ поръ не находила достаточной поддержки въ сколько-нибудь широкихъ массахъ.

При такихъ условіяхъ создался для самодержавія своеобразный „порочный кругъ", въ которомъ каждое новое реакціонное мѣропріятіе съ удвоенной силой будило чувство протеста, накопляло элементы глубокаго недовольства и все болѣе и болѣе отрѣзывало всякую возможность мирнаго, „реформаторскаго" развитія государственныхъ порядковъ въ сторону болѣе свободныхъ формъ общежитія. Если еще возможно было октроированіе Лорисъ-Меликовской конституціи въ 1881 году, то эпоха реакціи, крайне обострившая антагонизмъ всѣхъ развивающихся слоевъ общества къ самодержавію и въ то же время выдвинувшая и пробудившая къ политической жизни новые соціальные слои, сдѣлала такое разрѣшеніе „назрѣвшаго" вопроса „сверху" немыслимымъ. Если въ началѣ 80-хъ годовъ передъ правительствомъ стояла вполнѣ посильная для него задача удовлетворить [illegible] конституціонныя мечтанія верховъ „образованнаго" общества, то теперь не только эти „мечтанія" [illegible] обширный характеръ, но всякая попытка прикоснуться къ фундаменту обветшалаго государственнаго зданія неминуемо повела бы къ предъявленію своихъ политическихъ требованій и такими общественными элементами, которыхъ „сверху" удовлетворить во всякомъ случаѣ невозможно, потому что ихъ позиція принципіально враждебна самому существованію „верха".

Александръ III сошелъ въ могилу, когда, казалось, реакція восторжествовала по всей линіи, и всѣ опасныя для самодержавія революціонныя и оппозиціонныя силы какъ бы притаились. Но это только казалось, и первые же годы царствованія его преемника обнаружили ясные признаки надвигающейся ликвидаціи, передъ лицомъ которой самодержавіе оказалось совершенно безпомощнымъ. Реакція исчерпала себя, и дальше въ томъ же направленіи много идти было нельзя. Можно было усилить полицейскій сыскъ и гнетъ; можно было попытаться укрѣпить административную власть и расправу; можно было еще нѣсколько стѣснить земскую „самодѣятельность". Но все это были не новыя мѣры; это былъ лишь количественный ростъ тѣхъ же самыхъ мѣропріятій, начало которымъ положилъ „незабвенный родитель", и, при крайне обострившемся нервномъ напряженіи всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, эта политика не окупалась уже больше даже тѣмъ временнымъ ослабленіемъ революціоннаго и оппозиціоннаго натиска, котораго удавалось добиваться самодержавію въ предшествующую эпоху: одинъ за другимъ открыто выступали противъ самодержавія всѣ оппозиціонные слои русскаго общества, и царское правительство оказалось не въ силахъ, хотя бы на время, справиться съ ними. Въ силу указанныхъ выше причинъ, о сколько-нибудь серьезныхъ попыткахъ „реформами" направить весь революціонный и оппозиціонный протестъ въ русло мирнаго и постепеннаго развитія не могло быть и рѣчи. Вокругъ каждаго, вновь выступавшаго на сцену общественнаго движенія царское правительство безпомощно металось, не рѣшаясь сколько-нибудь серьезно прикоснуться къ шаткому зданію русскаго государственнаго порядка. И своей возней, своей противорѣчивой политикой оно только обостряло и ускоряло развитіе оформленнаго протеста. Первыя же крупныя стачки рабочихъ заставили правительство усиленно захлопотать вокругъ „рабочаго вопроса" — и въ концѣ семилѣтнихъ хлопотъ мы видимъ колоссальный итогъ въ видѣ ряда демонстрацій и всеобщей стачки на югѣ. Правительство хлопотало вокругъ студенческаго движенія, — и за два года это движеніе изъ академическаго превратилось въ ярко политическое и вызвало на сцену всѣ тѣ отраженныя явленія, которыя сказались во временномъ возрожденіи террористическихъ стремленій. Правительство продолжало свои неустанныя хлопоты вокругъ земства, — и добилось консолидаціи и обособленія „третьяго элемента", появленія „освобожденства" и пр. и пр. Памятные петербургскіе съѣзды, техническій и пироговскій, подвели балансъ этой сторонѣ царскаго хозяйничанья.

Наконецъ зашевелился и послѣдній изъ тѣхъ китовъ, на которыхъ еще опиралось самодержавіе. Политика непрерывно усиливаемой государственной и дворянской „опеки", политика выкачиванія денежныхъ рессурсовъ деревни и стѣсненія свободнаго развитія ея хозяйственной и культурной жизни — получила страшный отвѣтъ въ видѣ крестьянскаго возстанія въ черноземныхъ губерніяхъ. „Крестьянскій вопросъ" такъ же властно выдвинулся на авансцену государственной жизни, такъ же настоятельно требовалъ вниманія къ себѣ, какъ это уже раньше случилось съ вопросомъ рабочимъ, вопросомъ студенческимъ, вопросомъ земскимъ. Можно было заранѣе предсказать, что и въ разрѣшеніи „крестьянскаго вопроса" самодержавіе проявитъ не болѣе творческой силы, не болѣе смѣлости и рѣшительности, чѣмъ во всѣхъ другихъ безчисленныхъ „вопросахъ" русской жизни. Притронуться сколько-нибудь серьезно къ крестьянскому и неразрывно съ нимъ связанному аграрному вопросу вообще, выдернуть хоть одно звено изъ этой безконечно сложной и запутанной цѣпи общественныхъ отношеній — значило бы для самодержавія рисковать дать толчокъ паденію той лавины революціи и оппозиціи, которая нависла надъ нимъ.

Достаточно вспомнить, что даже такой „реформы", какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, царское правительство не можетъ рѣшиться произвести, хотя „вопросъ" о розгѣ стоитъ „на очереди", и самой острой „очереди", уже добрый десятокъ лѣтъ. Но правило quieta non movere (не тронь существующаго) такъ прочно внѣдрилась въ психологію царизма, что и до сихъ поръ розга въ качествѣ „законнаго" орудія правительственнаго воздѣйствія (о „незаконномъ" нечего и говорить) не отмѣнена. „Розга" стала чуть ли не символомъ „существующей формы правленія", и для робкихъ либеральныхъ душъ явилась возможностъ облекать свои конституціонные порывы въ форму „ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія".

Немудрено, что и тогда, когда крестьянскій „бунтъ" поставилъ остро вопросъ о деревнѣ, растерявшееся самодержавіе на это требованіе *новыхъ отвѣтовъ* могло устами Николая II лишь *повторить* собравшимся въ Курскѣ волостнымъ старшинамъ все тѣ же слова „незабвеннаго родителя". Можно ли было лучше обнаружить все безсиліе царскаго правительства бороться съ начинающейся ликвидаціей, обостренной тѣми самыми „старыми средствами", какія съ такимъ рвеніемъ примѣнялъ Александръ III? Не было новыхъ отвѣтовъ, не было новыхъ средствъ, а старыя вели къ крушенію. И все же правительству не оставалось ничего иного, какъ безпомощно топтаться на одномъ мѣстѣ, стараясь лишь возможно точнѣе попадать въ слѣды, оставленные „стопами" предшественниковъ: наводненіе деревни „сельскими стражниками" — вотъ все, что можно было придумать „новаго".

Манифестъ 26 февраля 1903 г. наряду съ другими потугами на якобы реформы возвѣщалъ и „пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи". Извѣстно, что всѣ „предположенія" манифеста въ области государственнаго и земскаго управленія, въ области церковной, школьной и т. д. сводились ни къ чему иному, какъ къ попыткамъ усилить реакцію „въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ державныхъ нашихъ предшественниковъ", сдобривъ эти угрюмъ-бурчеевскіе проекты легкой примѣсью сантиментально-либеральнаго постнаго масла. При постепенномъ же осуществленіи ихъ и эта примѣсь все болѣе и болѣе испарялась.

Не было, разумѣется, ни малѣйшаго основанія ожидать, что съ „крестьянскимъ вопросомъ" будетъ иначе. Тѣмъ болѣе, что уже въ самомъ манифестѣ повелѣвалось „въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины". Уже въ этой формулировкѣ и въ этой заботѣ объ „облегченіи выхода" ясно, что не „уравнительныя", „справедливыя" тенденціи общины интересовали правительство, не объ ихъ охраненіи оно заботилось, а объ охраненіи и укрѣпленіи той крестьянской сословной обособленности, того крестьянскаго закрѣпощенія и безправія, которыя составляютъ существенное содержаніе пресловутаго „общиннаго строя" и всею тяжестью свою падаютъ главнымъ образомъ на „деревенскую бѣдноту". Еще разъ подтвердилось, что правительство не рѣшается затронуть „вѣковые устои", и отмѣна круговой поруки, проектированная манифестомъ и выполненная 12 марта 1903 года, могла осуществиться только потому, что самое значеніе ея въ общей системѣ крестьянскаго закрѣпощенія упало до нуля. Въ остальномъ все должно было остаться по старому, только, конечно — такова судьба всѣхъ „благихъ начинаній" умирающаго режима — съ новыми попытками усиленія той самой политики бюрократически-дворянско-поповской опеки, крушеніе которой и выдвинуло на очередь старые вопросы въ новой, острой формѣ. „Пересмотръ законодательства о крестьянахъ" былъ прежде всего порученъ „редакціонной коммиссіи" при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и теперь „очеркъ" ея работъ обсуждается въ „губернскихъ совѣщаніяхъ". Коммиссія съ самаго начала исключила изъ своего разсмотрѣнія всѣ вопросы о порядкѣ управленія и правительственномъ надзорѣ за крестьянами, объ ихъ правахъ, личныхъ и имущественныхъ, о казенныхъ сборахъ и земскихъ повинностяхъ, т. е. исключила всѣ дѣйствительно основные вопросы крестьянской жизни и ограничилась лишь „пересмотромъ" тѣхъ законовъ, которые относятся къ ея „внутреннимъ распорядкамъ". Нечего и говорить, что содержаніе „проекта" сводится цѣликомъ къ сохраненію прежняго закрѣпощенія крестьянъ съ нѣкоторыми лишь ухудшеніями, главнымъ образомъ въ области судебной. Сохраняя волостной, сословный судъ для крестьянъ и рекомендуя выработку особыхъ уголовнаго и гражданскаго кодексовъ для нихъ, „проектъ" съ одной стороны создаетъ новую „сословную" апелляціонную инстанцію для крестьянъ подъ предсѣдательствомъ земскаго начальника (до сихъ поръ апелляція на приговоры волостного суда приносилась въ уѣздные съѣзды), съ другой — неимовѣрно сокращаетъ самое право апелляціи, якобы „въ цѣляхъ сокращенія неосновательныхъ жалобъ". Для этого приговоры волостныхъ судовъ по нѣкоторымъ дѣламъ „подлежатъ приведенію въ исполненіе независимо отъ обжалованія или необжалованія ихъ", а съ другой стороны самое право жалобы обусловливается внесеніемъ денежнаго залога, „подлежащаго возврату лишь въ случаѣ признанія жалобы заслуживающей уваженія". Разумѣется, этотъ чудовищный налогъ на правосудіе главнымъ образомъ обезправитъ наиболѣе бѣдные слои деревенскаго населенія. Но и вообще, какъ ни мало склонны мы восторгаться россійскимъ правосудіемъ, въ которомъ такъ совершенно переплетается классовая юриспруденція съ административной нагайкой, на усиленіе „сословнаго" характера крестьянскаго суда мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на попытку еще болѣе усилить то безправіе и произволъ, которые тяготѣютъ надъ деревней, и еще болѣе обособить крестьянъ отъ общегражданскихъ интересовъ страны.

Въ остальномъ всѣ „предположенія" коммиссіи не заслуживаютъ разбора, такъ какъ рѣшительно ничего новаго не даютъ. Интересно лишь то явное безсиліе, съ которымъ коммиссія подходитъ къ каждому вопросу въ отдѣльности, пытается уяснить себѣ источники недовольства и раздраженія, заключающіеся въ „особенностяхъ" крестьянскаго законодательства и ихъ несоотвѣтствіи потребностямъ развивающейся жизни, намѣчаетъ тѣ пункты, въ которые слѣдуетъ внести измѣненія, и въ концѣ концовъ, походивши кругомъ да около и убѣдившись въ невозможности вынуть хоть одинъ камень изъ зданія, не снесши его цѣликомъ, безнадежно машетъ рукою и ограничивается внесеніемъ какой-нибудь новой реакціонной „поправки". Передъ нашими глазами проходитъ рядъ тщетныхъ попытокъ самодержавія приспособиться къ новымъ условіямъ соціально-экономической жизни. Выясняется съ очевидностью, какъ немыслимо для него такое „приспособленіе". Ему остается только продолжать свои безумныя попытки „приспособить" все развитіе народной жизни къ себѣ. Самодержавіе и прогрессивное развитіе общества — несовмѣстимы. *Или* самодержавіе, *или* жизнь — такъ ставится вопросъ, и можно ли сомнѣваться, какой будетъ отвѣтъ, какъ бы ни старалось самодержавіе дать его въ свою пользу!

Совершенно не понимая сущности развивающагося передъ его глазами общественно-экономическаго процесса, не давая себѣ яснаго отчета въ причинахъ полнаго банкротства традиціонной политики, въ тѣхъ колоссальныхъ измѣненіяхъ, которыя внесъ процессъ капиталистическаго развитія страны въ соціальную структуру и психологію всѣхъ слоевъ русскаго народа, въ томъ числѣ и крестьянства, самодержавіе — устами редакціонной коммиссіи — продолжаетъ бормотать все тѣ же, давно опровергнутыя жизнью слова, все тѣ же „безсмысленныя мечтанія": „Воспитанные въ неустанномъ, упорномъ трудѣ, привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, крестьяне, болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій". Вотъ тѣ „старыя пѣсни", которыя продолжаетъ пѣть самодержавіе, вотъ то старое credo, которое оно не устаетъ повторять: на „неустанномъ трудѣ", не дающемъ досуга и простора для мысли, на „однообразной обстановкѣ", суживающей умственный кругозоръ, на вѣрѣ въ „начала высшаго порядка", отвлекающей вниманіе отъ порядка общественнаго — на этихъ трехъ камняхъ зиждется церковь самодержавія. И оно не хочетъ видѣть, какъ неустанно, какъ неумолимо перемалываетъ жизнь эти камни: оно не хочетъ слышать и видѣть ни „разлагающихъ" новыхъ пѣсенъ, ни „безпочвенныхъ" новыхъ птицъ. А новыя времена несутъ съ собою и этихъ птицъ и эти пѣсни...

„Проектъ" коммиссіи переданъ на разсмотрѣніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти, конечно, не внесутъ никакихъ существенныхъ измѣненій въ проектъ, развѣ только еще усилятъ такъ громко звучащія въ немъ реакціонныя ноты. За это ручается уже самый составъ совѣщаній, въ которыя входятъ чиновники всѣхъ вѣдомствъ, съ усиленнымъ участіемъ земскихъ начальниковъ, и представители отъ дворянства. Члены отъ земства приглашаются по выбору губернатора изъ числа уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, по одному на уѣздъ. Затѣмъ губернаторъ, предсѣдательствующій въ „совѣщаніи", можетъ приглашать еще „свѣдущихъ" лицъ по своему усмотрѣнію.

Цѣль устройства такихъ совѣщаній изъ лицъ, яко бы „довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ", не требуетъ поясненій. Это — попытка не только эскамотировать общественное мнѣніе, но еще и употребить эти, по внѣшности „мѣстныя", „общественныя" силы для санкціонированія и усиленія своихъ реакціонныхъ затѣй. Несомнѣнно, для приданія хотя бы нѣкотораго „приличія" всей этой реакціонно-бюрократической комедіи, кое гдѣ губернаторы будутъ приглашать въ „совѣщанія" и пару-другую самыхъ наиумѣреннѣйшихъ „либераловъ". Хотѣлось бы думать, что хотя бы въ этомъ случаѣ у всѣхъ мудрыхъ птицъ либерализма хватитъ политическаго такта (его немного нужно для этого), чтобы отказаться прикрывать своимъ участіемъ позорную игру самодержавія.

Итакъ, „пересмотръ" законовъ о крестьянахъ свелся къ простому констатированію дальнѣйшаго существованія той крѣпостной кабалы, изъ которой не выходила деревня со времени пресловутаго „освобожденія", и констатированію безсилія самодержавія въ попыткахъ „реформъ". Quieta non movere — не трогать существующаго, таковъ законъ его самосохраненія. Оно не можетъ уже медленно, постепенно самоупраздниться путемъ реформъ сверху; оно должно быть упразднено снизу.

И если самодержавіе такъ опасается всего „новаго", такъ боится притронуться къ тому, что существуетъ, такъ дрожитъ предъ всякимъ рѣшительнымъ толчкомъ, то можно себѣ представить ту роль, которую сыграетъ въ его судьбахъ колоссальная встряска всѣхъ устоевъ русской жизни войной на Дальнемъ Востокѣ!

ПОДЪ ШУМЪ ВОЙНЫ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется этотъ гипнозъ: люди противоположныхъ воззрѣній, патріоты кнута и борцы революціи, разноцвѣтные политики и безцвѣтная обывательская масса, — съ различными чувствами, но съ одинаковымъ волненіемъ — хватаются изо дня въ день за газетный листъ, приносящій извѣстія съ „театра военныхъ дѣйствій".

На этомъ „театрѣ" разыгрывается драма ослѣпительной яркости, мірового значенія. Тамъ косится жизнь, и безмѣрно растетъ каждый часъ гекатомба человѣческихъ тѣлъ. Тамъ, помимо сознанія „героевъ", разрубается старый узелъ русской исторіи и завязываются новые узлы. Событіе за событіемъ ударяетъ по нервамъ, и утомленное вниманіе, не замѣчая, проходитъ мимо подавленнаго стона, задушеннаго крика — на родинѣ. Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ крикъ, этотъ стонъ въ общемъ шумѣ войны, въ многотысячномъ хорѣ надеждъ, опасеній, проклятій, которыя несутся ей вслѣдъ. Глазъ напряженно слѣдитъ за тѣмъ, куда идутъ полки на ляотунгскомъ полуостровѣ, и не видитъ — передвиженія тѣхъ штатскихъ людей, которые подъ охраной общественнаго невниманія свободнѣе, чѣмъ когда-бы то ни было, творятъ свое обычное дѣло. Они творятъ его лихорадочно-спѣшно, они „ловятъ моментъ", быть можетъ, послѣдній, который предоставилъ въ ихъ распоряженіе режимъ угасающаго самодержавія; моментъ, когда жизнь — подъ нависшими тучами войны — какъ будто замерла, въ ожиданіи событій, когда накопляющіяся неудачи не успѣли еще сложиться въ политически грозный итогъ, и „патріотизмъ" не обернулся своимъ тыломъ къ „властямъ предержащимъ", когда обыватель пока еще только вполголоса выражаетъ свое удивленіе „неожиданному" фіаско русскаго оружія, когда либералъ не знаетъ, кричать ли ему „ура" или почтительно докладывать о желательности конституціи, когда революціонеръ никакъ еще не можетъ собраться привести въ порядокъ свои „домашнія" дѣла, и пробуждающееся сознаніе массъ встрѣчаетъ такъ мало организаціонной поддержки.

Въ эту то „страдную пору" штатскимъ людямъ привольно совершать военные побѣги, производить диверсіи, брать одну за другой позиціи у непріятеля.

Непріятеля! У нихъ есть *свой* непріятель, исконный, „наслѣдственный" врагъ, съ которымъ ведется борьба вотъ уже цѣлыя десятилѣтія, — революціонный интеллигентъ, сознательный рабочій. Съ ними давніе счеты, для нихъ про запасъ всегда имѣется лишняя пуля у „молодца фанагорійца", всегда найдется свободное мѣсто — за семью замками, всегда къ услугамъ — даровой проѣздъ въ гиперборейскія страны. Это — старая исторія, занимающая публику порой, какъ интересный романъ, какъ страшная сказка, слышанная когда-то въ дѣтствѣ, надъ кровавыми эпизодами которой проливались слезы и подъ звуки которой такъ сладко засыпалось!.. Старая исторія, захватывающая только тогда, когда къ ней начинаютъ примѣшиваться раскаты массового движенія, и лишь щекочущая обывательскіе нервы, — во всѣхъ прочихъ случаяхъ!

Неудивительно поэтому, если теперь, особенно теперь проходятъ незамѣченными несчетные подвиги маленькихъ наполеоновъ провинціи надъ непокорной ссылкой, подвиги, отчеты о которыхъ за послѣдніе мѣсяцы заполнили собой столбцы нелегальной печати. Тюремныя голодовки, походы Кутайсова, романовскій разстрѣлъ въ Якутскѣ — все, вѣдь, это въ порядкѣ вещей: революціонеру полагается претерпѣвать, штатскимъ людямъ — надъ революціонеромъ измываться. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ обыватель, но не совсѣмъ такъ, вѣроятно думалъ-бы онъ, — если-бы въ ушахъ его не стоялъ шумъ войны, — о той непринужденности, съ которой творится въ переживаемый нами моментъ иного рода расправа. Дѣло уже идетъ не объ отщепенцахъ современнаго общественнаго строя, не они кладутся подъ всеуравнивающій прессъ самодержавной машины, нѣтъ — сокрушаются „отцы“, сокрушаются „дѣти“, сокрушаются полноправные члены той соціальной семьи, которая не сегодня-завтра возьметъ въ свои руки судьбы обновленной Россіи. „Умѣренные“ „отцы“ и самые подлинныя дѣти!

Какихъ нибудь два года назадъ объ этихъ „отцахъ“ мечтательно вздыхалъ Петръ Струве, тщетно пытаясь приноровить къ ихъ вкусамъ свою редакціонную profession de foi, и на нихъ же загадочно покоился взоръ всемогущаго Плеве, не столько грозя, сколько суля имъ что-то. Въ то благодатное время свободомыслящій предводитель дворянства былъ чѣмъ-то вродѣ jeune premier политической сцены, а съ заправилой московскаго съѣзда, г. Шиповымъ, какъ съ представителемъ земщины, велись дипломатическіе разговоры и переговоры въ министерскомъ кабинетѣ. Казалось, сила идетъ, передъ которой придется многому посторониться: недаромъ, въ великой тревогѣ метался „гражданинъ“ Мещерскій, даже во снѣ отгоняя отъ себя навязчивые образы Стаховича и Шипова... Еще въ пресловутомъ манифестѣ отъ 26-го февраля слышатся отдаленные звуки этихъ прежнихъ „бесѣдъ“... И вдругъ, какой поворотъ! — въ земскихъ рядахъ было мертвенно тихо въ тотъ день, въ тотъ день настоящей весны, когда знаменитый предсѣдатель управы вылеталъ за бортъ излюбленнаго имъ корабля, какъ негодная ветошь.

И почти въ то же самое время властная рука ложилась на плечи общеземской организаціи „помощи больнымъ и раненымъ воинамъ“ и, не стѣсняясь, ставила точку — земскому патріотизму.

„Изъ князей въ грязи“! — сила стала безсиліемъ, миражъ разлетѣлся какъ дымъ!

И однако, нельзя сказать, чтобы редакторъ „Освобожденія“ или полновластный россійскій министръ такъ-таки промахнулись въ своей старой оцѣнкѣ значенія либерально умѣренной, умѣренно-вѣрноподданной земщины. Что два года назадъ, въ эпоху московскаго съѣзда, уѣздныхъ комитетовъ и появленія на свѣтъ такъ называемой „конституціонной партіи“, „умѣренные отцы“ являли собой величину, съ которой приходилось считаться, это такъ же вѣрно, какъ вѣрно и то, что теперь патріотствующіе, швыряющіеся милліонами „отцы“ представляютъ тотъ политическій нуль, который безъ труда можно скинуть со счетовъ.

Но откуда сіе? Какая фея исторіи подшутила надъ этими почтенными, надъ этими солидными людьми, произведя ихъ въ „калифы на часъ“? — Массовое движеніе, читатель, то самое движеніе, которое они ненавидятъ и боятся едва ли не больше ударовъ административнаго „воздѣйствія“, движеніе, волны котораго, а не что либо другое, выплеснули ихъ на крыльцо самодержавнаго временщика. Тѣмъ выше вздымались эти волны, грозя смыть обветшалое зданіе, тѣмъ податливѣе становились хозяева зданія, тѣмъ важнѣе казалась имъ роль доброхотнаго пособничества, тѣмъ выше оцѣнка его, тѣмъ крупнѣе его будущій эквивалентъ.

Партія-буфферъ, партія „отцовъ“ всплывала на поверхность общественной жизни, сіяя отраженнымъ свѣтомъ — о, иронія судьбы! — ненавистнаго революціоннаго солнца! Но стоило только на время ослабнуть горячимъ лучамъ этого солнца, чтобы исчезъ весь налетъ великолѣпія съ паразитствующей „партіи“, чтобы потерянъ былъ смыслъ ея политическаго существованія. Даже пѣнокъ не сумѣла она снять съ тѣхъ сливокъ, которыя ей взбилъ въ свое время пролетарскій революціонный подъемъ, какое же значеніе могла она имѣть въ настоящій историческій антрактъ, когда въ воздухѣ висѣлъ патріотическій угаръ, когда массы притаились, а съ Востока, не переставая, доносился оглушающій шумъ громадной, свирѣпой свалки. Она была ненужна, и штатскіе люди расправились съ ней, легко и свободно. А наркотизированное „патріотизмомъ“ „общество“ даже и не пикнуло, — если, впрочемъ, не считать инцидента въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства.

„Общество“ молчало. Оно молчало даже и тогда, когда „боевой“ генералъ „герой“ русско-турецкой компаніи и сподвижникъ финляндскаго Бобрикова, тотъ самый, что, по словамъ одной газеты, всегда приглашался туда, гдѣ необходимо было что либо предпринять по военному, откровенно объявлялъ — на манеръ Святослава: иду на васъ, иду на дѣтей, на вашихъ дѣтей, россійское общество!

Воспитаніе „въ идеѣ безпредѣльной преданности царю и отечеству, въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка“ — старыя слова, и мы недавно еще слышали ихъ въ высочайшемъ рескриптѣ, написанномъ Мещерскимъ и подписанномъ царемъ, — для Зенгера, но эти старыя слова пріобрѣтали новый смыслъ въ устахъ министра-„рубаки“, произнесшаго ихъ, принимая въ свои руки бразды отечественнаго „просвѣщенія“. Они означали, что теперь штатскіе люди меньше, чѣмъ когда бы то ни было, хотятъ отступиться отъ той головоломной задачи, надъ рѣшеніемъ которой только что свихнулся предтеча г. Глазова, что они готовы идти на проломъ, чего бы это ни стоило, только бы взять въ концѣ концовъ давно лелѣянный призъ — душу русскаго дитяти. Объ этой „душѣ“ и о способахъ ея уловленія много лѣтъ уже мечутъ жребій бюрократы всѣхъ толковъ. Латинскій языкъ или патріотическое отечествовѣдѣніе, сердечное попеченіе или хроническая „вселенская смазь“ — все это лишь отдѣльныя главы одной длинной-предлинной повѣсти о томъ, какъ штатскій человѣкъ напрасно ходилъ по душу русскаго ребенка. Между г. Глазовымъ и тѣми, кто шелъ до него, разница лишь въ томъ, что его предшественники никогда еще эту задачу не рѣшались выставлять на показъ въ такой свободной отъ покрововъ, такой оголенной формѣ. Къ чему говорить о научныхъ системахъ, о педагогической мудрости, надо просто изъ ребячьей души сдѣлать вяленную воблу, а остальное — приложится! Это языкъ того историческаго момента, когда „штатскій“ человѣкъ увидалъ, что онъ можетъ все, что ему нечего бояться, что „общество“ слишкомъ „патріотично“, чтобы встать на защиту попранной дѣтской души. Но и сама воспитательная задача никогда еще такъ властно, какъ теперь не надвигалась на штатскихъ людей. Дѣло въ томъ, что никогда еще школьникъ не былъ въ такой степени „героемъ своего времени“, никогда еще онъ не былъ такъ въ центрѣ вниманія этихъ людей. Каковы бы ни были причины, но не подлежитъ сомнѣнію: за истекшій политическій годъ гимназистъ оттѣснилъ студента. Онъ создалъ *свои* организаціи, онъ сталъ демонстрировать, онъ началъ писать, онъ подошелъ вплотную къ борьбѣ съ настоящимъ режимомъ. И вѣнцомъ своего торжества онъ можетъ назвать — г. Глазова. Если три года назадъ Ванновскій явился въ отвѣтъ на движеніе студентовъ, то военный генералъ есть безспорный продуктъ его — гимназиста — „политики“.

Подъ непрестанный шумъ далекой войны, этотъ финляндскій герой и сокрушитель правовѣрныхъ будетъ теперь — между школьныхъ партъ — пожинать свои побѣдные лавры...

Такова — трагикомедія русской дѣйствительности.

СКАНДАЛЪ ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СЕМЕЙСТВѢ.

Какъ извѣстно, Россія еще „не созрѣла“ ни для конституціи, ни для свободы печати, ни даже для свободы отъ тѣлеснаго наказанія. Но за то она уже достаточно созрѣла для того, чтобы каждое крупное политическое событіе въ ея жизни означало — скандалъ для „верхнихъ десяти тысячъ“, для тѣхъ, кто считаетъ себя вправѣ говорить: мы — Россія.

Въ этомъ отношеніи, мы — при всей нашей „самобытности“ — какъ нельзя болѣе „европейцы“. Ни взятія Бастиліи, ни мартовскихъ дней мы еще не переживали, но Панама (Мамонтовъ!) не дождалась конституціи, чтобы разразиться въ Россіи, а „величайшее мошенничество“ вѣка крупныхъ мошенничествъ — дѣло Терезы Эмберъ — давно превзойдено на берегахъ Невы эпопеей „свободной наличности“.

И было бы странно, если бы столь современная война, какъ нынѣшняя война изъ за лѣсныхъ концессій г. Безобразова, если бъ такая война не сопровождалась крупнѣйшими скандалами, притомъ скандалами съ европейскимъ „запахомъ“. Истинно-русскіе скандалы, вродѣ расхищенія денегъ Краснымъ Крестомъ, вродѣ назначенія однимъ изъ „хранителей“ народныхъ пожертвованій одного изъ немногихъ мундирныхъ воровъ, лишенныхъ по суду всѣхъ правъ, бывшаго кронштадтскаго полиціймейстера Шафрова, — вродѣ исчезновенія цѣлой артиллерійской батареи, числившейся на бумагѣ, стоимость которой осталась въ карманахъ „отцовъ-командировъ“, — всѣ *такіе* скандалы не могутъ служить мѣриломъ россійскаго прогресса: ихъ знали и „крымская кампанія“, и война „за освобожденіе славянъ“. Не новость и разоблачающіеся то тамъ, то сямъ, грабительскіе подвиги подрядчиковъ, спекулянтовъ и всякаго рода чиновныхъ и „приватныхъ“ шакаловъ интендантства. Правда, патріотическій беллетристъ Охотнаго ряда — г. Немировичъ-Данченко, увѣряетъ, что на нынѣшнемъ театрѣ войны „что-то не замѣчается“ „волшебныхъ людей“, „чудотворцевъ провіантскаго ордена“, изъ тѣхъ, что въ 1877 году, по его словамъ „съ нагайкой и конвоемъ казаковъ налеталъ на болгарскія стада, отбивалъ ихъ и, возвращаясь домой Георгіемъ Побѣдоносцемъ, немедленно садился составлять вѣдомость купленному для арміи скоту съ обозначеніемъ цѣнъ болѣе вдохновенныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ“. Но, вѣдь, и то сказать о подвигахъ этихъ „чудотворцевъ“ 1877 г. патріотическій беллетристъ удосужился разсказать намъ только теперь, а въ то время онъ также только безсмысленно кричалъ „ура“ по случаю „освободительной миссіи Россіи“ на Востокѣ Балканскомъ, какъ теперь воспѣваетъ такую же миссію на Востокѣ Манчьжурскомъ. Такъ что — почемъ знать? — не повѣдаетъ ли намъ г. Немировичъ ко времени будущей какой нибудь войны о вновь обрѣтенныхъ имъ въ Маньчжуріи „чудотворцахъ“, которыхъ онъ пока „что-то не замѣчаетъ“ въ то самое время, какъ ихъ очень даже замѣчаютъ изумляющіеся ихъ наглости и алчности нѣкоторые корреспонденты иностранныхъ газетъ (напр., достаточно рабски преданный самодержавію корреспондентъ парижскаго Journal) и особенно — китайское населеніе.

Такъ или иначе, а не въ этой области русскому „обществу“ можно было проявить признаки сдѣланнаго за четверть вѣка прогресса. Въ области пѣнкоснимательства первобытнаго послѣднее слово уже сказано. И „мы“ оказались бы плохими учениками „гнилого Запада“, если бы первая же „колоніальная“ война, которую намъ привелось повести, не застала „насъ“ на высотѣ самаго современнаго пѣнкоснимательства.

„Чумазый“ ставилъ пудовую свѣчу за здравіе христолюбиваго воинства, жертвовалъ сотнягу и шелъ грабить солдата на гнилыхъ сухаряхъ и картонныхъ подошвахъ. Современный европейскій крупный буржуа терроризируетъ своимъ „патріотическимъ“ неистовствомъ общественное мнѣніе, поддерживаетъ и направляетъ „міровую политику“ мірового грабежа и обирательства, содѣйствуетъ вовлеченію своего дорогого отечества въ разорительную и кровопролитную войну — и въ то же самое время сбываетъ „врагу“ на выгодныхъ условіяхъ пушки и другіе боевые снаряды и ссужаетъ ему за хорошій процентъ деньги.

Наша крупная буржуазія ограждена отъ соблазна поставки японцамъ пушекъ и военныхъ судовъ — слишкомъ дрянными и дорогими снабжаетъ она отечественную армію и флотъ. Но есть одинъ товаръ, который и въ ея рукахъ имѣетъ ту же цѣнность, что и во всемъ мірѣ, — товаръ, который она не можетъ испортить, потому что не она его „производитъ“. Этотъ товаръ — деньги. И было бы странно, если бы въ ея рядахъ не нашлось охотника спекулировать на японскую побѣду — на предпріятіе, обѣщающее капиталу надежную прибыль.

Деньги не знаютъ отечества. Ubi bene — ibi patria (гдѣ хорошо, тамъ и отечество) — былъ искони девизъ денежнаго капитала, этого самаго революціоннаго изъ современныхъ факторовъ буржуазнаго прогресса, этого самаго циничнаго и безпощаднаго разлагателя всѣхъ соціальныхъ и моральныхъ устоевъ нашего лучшаго изъ возможныхъ міровъ. Привлекаемое запахомъ легкой добычи — человѣческаго пота и крови, кристализующихся въ процентѣ, — золото всегда умѣло пробиться черезъ всѣ препятствія моральнаго свойства, начиная отъ десяти заповѣдей Моисеева закона и кончая новѣйшей заповѣдью буржуазнаго патріотизма.

Недаромъ ядовитые японцы послѣ первой побѣды надъ русскими послали сердечное привѣтствіе своимъ учителямъ — нѣмецкимъ инструкторамъ, — тѣмъ самымъ, которые — если имъ вѣрить — рвутся теперь въ бой помочь Россіи противъ „желтой опасности“. А помощь военными инструкторами есть одинъ изъ видовъ тѣхъ политическихъ услугъ, посредствомъ которыхъ у „некультурныхъ“ народовъ буржуазія покупаетъ новые пути для эксплуатаціи.

Деньги не знаютъ отечества. Или, вѣрнѣе, они знаютъ его въ самыхъ разнообразныхъ видахъ — но всѣ эти виды могутъ быть сведены къ одному: деньги знаютъ отечество только, какъ объектъ эксплуатаціи. Но здѣсь отечеству приходится передъ лицомъ бога-капитала конкуррировать съ другими возможными объектами эксплуатаціи. И когда эксплуатація „врага отечества“ сулитъ больше %, чѣмъ эксплуатація своего отечества, — въ выборѣ не можетъ быть колебанія.

Неудивительно, поэтому, если, по разсказамъ „С.П.Б. Вѣдомостей“, среди московскихъ финансистовъ „ходкой“ бумагой сталъ... послѣдній японскій заемъ.

„Бумага, видите ли, выгодная, даетъ 7½ % и гарантирована такимъ солиднымъ предметомъ, какъ японскія таможни“.

Увы! — прибавимъ мы — она гарантирована еще болѣе солиднымъ „предметомъ“ — японской *конституціей*. Царское самодержавіе, опираясь на денежную помощь французскихъ буржуа, можетъ оплачивать своихъ кредиторовъ всего 5%, а чутье нашихъ капиталистовъ подсказываетъ имъ, что пришедшій къ экономическому и политическому банкротству отечественный режимъ не можетъ имъ *ничего гарантировать*... Мудрено ли, если ищущій, „гдѣ глубже“, капиталъ предпочелъ обирать японскаго пролетарія изъ 7½ %, чѣмъ благодѣтельствовать русскаго мужика изъ пяти и если, по словамъ редактора „С.П.Б. Вѣдом.“, „*восьмая часть* японскаго займа была покрыта Москвой“.

„Москва, братъ, умная“, передаетъ одинъ петербургскій разговоръ та же газета, „...тонкій народъ!.. Вотъ это размахъ — одной рукой пожертвовалъ грошъ, а другой — нажилъ на этой жертвѣ милліонъ... Вотъ это, братъ, по московски! Наживутъ милліоновъ десять на спинѣ русскаго солдата, а потомъ сто тысячъ на Красный Крестъ пожертвуютъ, да на всю Россію объ этомъ широкой глоткой рявкнутъ“.

Разоблаченный „Пет. Вѣд.“ скандалъ вывелъ изъ себя лейбъ-органъ московскихъ толстосумовъ. „Моск. Вѣд.“ клокочутъ отъ избытка патріотическаго негодованія, требуя *смертной казни* для виновниковъ „измѣны“, если разоблаченіе окажется вѣрнымъ, и тяжкой кары для Столыпина (а заодно и передачи Грингмуту субсидіи, получаемой имъ), если оно окажется клеветой. Немедленное вмѣшательство прокуратуры для раскрытія истины! вопитъ Катковскій наслѣдникъ.

Прокуратуры! Шутники вы, господа! Какой прокуратуры? Той самой, что „раскрывала истину“ по дѣлу Золотовой, той самой, что обнаруживала виновниковъ кишиневской рѣзни, той, что лжесвидѣтельствовала въ сотняхъ политическихъ и рабочихъ процессахъ, что обѣляла Кривошеинныхъ, Клейгельсовъ и слѣдовала слѣпо инструкціямъ Муравьевыхъ? *Эта* прокуратура откроетъ намъ тайны московскихъ банкировъ, *она* намъ поможетъ вскрыть, какая связь существуетъ между воинствующимъ патріотизмомъ и запродажей отечества его побѣдоноснымъ врагамъ? Полноте, господа! *Ваше* правосудіе сумѣетъ не замѣтить того, что могло бы скомпрометировать почтенную семейку, такъ грубо оскандаленную г. Столыпинымъ! Нескромный взоръ недреманнаго ока рисковалъ бы рядомъ съ японской облигаціей увидѣть — документы той Безобразовско-Алексѣевско-Романовской компаніи „для всеобщаго обирательства“ въ Кореѣ, которая сыграла такую роль въ подготовкѣ нынѣшней войны.

Нѣтъ! не въ интересахъ казеннаго правосудія отыскивать нити и корни этого скандала. И практичное правительство сумѣетъ его использовать такъ, какъ оно использовало имъ же самимъ пущенные слухи о помощи Японіи со стороны капиталистовъ еврейскихъ. Оно побудитъ московскихъ капиталистовъ развязать свою мошну, чтобы загладить крупными пожертвованіями на войну впечатлѣніе отъ этой исторіи. Почемъ знать? — быть можетъ, г. Столыпинъ и въ этомъ случаѣ сыгралъ роль агента-провокатора г. Плеве, изыскивающаго новые и новые объекты для патріотическаго шантажа?[1]

Строгая блюстительница добраго имени „первопрестольной столицы“ отлично понимаетъ, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ и что отъ страшнаго слова („смертная казнь!“) московскому капиталу ничего не станется. Что ее возмущаетъ — это „мораль“ на Москву, пущенная, на потѣху Европѣ, со столбцовъ петербургскаго офиціоза. И, внѣ себя отъ злобы за разглашеніе коммерческой тайны, „истинно-русская“ газета раскрываетъ коварную петербургскую интригу, вспоминая традиціонный антагонизмъ новой и старой столицы. Памятуя, что нѣтъ лучшаго средства затушить скандалъ, какъ скандаломъ же, специалистъ-доносчикъ московской газеты, Spectator, въ свою очередь, пускается разоблачать. „Сколько разъ намъ приходилось выслушать при встрѣчахъ даже съ добрыми знакомыми въ Петербургѣ, слѣдующій, почти стереотипный, ироническій вопросъ:

„Ну, что у васъ тамъ въ Москвѣ? Небось, восторгаются „славными подвигами“ нашей арміи и флота? Москва, вѣроятно, не унываетъ и все еще вѣритъ въ „неприступность Портъ-Артура“ и въ „геніальность“ Куропоткина?.. Ну, что вы, московскіе патріоты, вы еще предаетесь всякимъ тамъ мечтамъ о „великой миссіи“ Россіи на Дальнемъ Востокѣ?“ и т. д.

Такъ вотъ какіе, если вѣрить „Моск. Вѣд.“, разговоры теперь въ ходу у патріотовъ петербургскаго „общества!“ Старайтесь, господа, старайтесь! Выкладывайте, о чемъ говорится и что дѣлается у васъ дома! Знаніе этого можетъ быть только полезно народу.

Воинствующій патріотизмъ финансистовъ, начинающій съ „исторической миссіи Россіи“ и кончающій ссудой японскому правительству; такой же патріотизмъ бюрократовъ, на оборотной сторонѣ котораго написана насмѣшка надъ глупостью тѣхъ, кто вѣритъ въ эту самую „миссію“; прибавьте къ этому „либераловъ“, хорошо знающихъ, кому нужна эта военная авантюра и въ то время кричащихъ: „заложимъ женъ и дѣтей“; не забудьте и „демократовъ“, заранѣе учитывающихъ будущія конъюнктуры и восклицающихъ: „да здравствуетъ армія“... вотъ они, тѣ элементы, которые будутъ задавать политическій тонъ въ готовящейся вылупиться конституціонной Россіи...

Если „лишенный отечества“ пролетаріатъ не сумѣетъ стать во время на стражѣ и наложить свою руку на „столповъ общества“ — старыхъ и новыхъ — не миновать русскому отечеству **быть проданнымъ съ молотка! — вотъ единственная мораль раскрытаго г. Столыпинымъ скандала въ благородномъ семействѣ.**

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ „СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ“[2]

Партію „соціалистовъ-революціонеровъ“ можно поздравить: она нашла себѣ естественныхъ союзниковъ въ лицѣ армянскихъ націоналистовъ, органомъ которыхъ является „Дрошакъ“, и грузинскихъ націоналистовъ изъ „Сакартвело“. О заключеніи съ ними „тѣснаго союза“ оповѣщаетъ насъ „Рев. Россія“ въ послѣднемъ своемъ 46-омъ номерѣ.

Всѣмъ извѣстно, какъ кровно обидѣлись на насъ соціалисты-революціонеры, когда нашъ съѣздъ, въ извѣстной резолюціи, отмѣтилъ, что „только дѣятельность, направленная на объединеніе пролетаріата въ вполнѣ самостоятельную политическую силу, вноситъ соціалистически-революціонное содержаніе въ борьбу съ абсолютизмомъ“, что „соціалисты-революціонеры теоретически и практически противодѣйствуютъ усиліямъ соціалъ-демократовъ въ этомъ направленіи, стараясь, наоборотъ, удержать рабочихъ въ состояніи политически безформенной массы, способной служить лишь орудіемъ либеральной буржуазіи“, и когда на этомъ основаніи и въ этомъ смыслѣ, съѣздъ констатировалъ „что соціалисты-революціонеры являются не болѣе, какъ буржуазно-демократической фракціей“. Новый союзъ „Революц. Россіи“ съ вышеупомянутыми органами даетъ намъ лучшее средство обнаружить несостоятельность претензій соціалистовъ-революціонеровъ на званіе соціалистической партіи. Для этого стоитъ только снять маску съ ихъ новыхъ союзниковъ, которыхъ они привѣтствуютъ, какъ „нашихъ товарищей“, и обнаружить ихъ дѣйствительную анти-соціалистическую физіономію.

Сдѣлать это по отношенію къ „армянскимъ товарищамъ“ („Дрошакистамъ“) тѣмъ легче, что они сами не скрываютъ своего буржуазнаго характера. Напротивъ, они всегда говорили, что преслѣдуютъ чисто націоналистическую цѣль и, для ея достиженія, желаютъ объединить *всѣ классы населенія* подъ общимъ знаменемъ. И первый шагъ армянскихъ соціалъ-демократовъ на Кавказѣ, старавшихся организовать рабочихъ-армянъ на почвѣ борьбы съ буржуазіей, былъ шагомъ борьбы съ „Дрошакистами“, которые смотрѣли на армянскихъ рабочихъ, какъ на свою монопольную собственность, и всячески оберегали ихъ отъ соціализма. Но когда они увидѣли, что армянскіе рабочіе массами отпадаютъ отъ нихъ и переходятъ въ лагерь соціалъ-демократіи, они рѣшили перемѣнить фронтъ и внести въ свою программу такія заплаты, при помощи которыхъ имъ можно было бы удержать рабочихъ въ своихъ рядахъ. Это рѣшеніе, принятое на послѣднемъ ихъ конгрессѣ и напечатанное въ „Рев. Россіи“, гласитъ такъ[3]): „Рабочія группы „федераціи“ (т. е. Дрошакистовъ) въ предѣлахъ заводовъ и фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, участвуютъ во всѣхъ рабочихъ стачкахъ и волненіяхъ, которыя связаны съ вопросами объ общей участи рабочихъ *на этихъ заводахъ* и *фабрикахъ*. Что же касается до демонстрацій внѣ фабрично-заводской жизни, каковыя могутъ быть предложены группамъ „Федераціи“ со стороны другихъ партій, но *поводъ* къ которымъ и *цѣль* которыхъ могутъ быть *разнообразны*, то вопросъ объ участіи группъ въ такихъ демонстраціяхъ *предоставляется* въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію „Отвѣтственнаго Комитета“[4].)

Итакъ, „общая участь рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, и связанныя съ этою участью „стачки и волненія“ совсѣмъ не интересуютъ „Армянскую Рев. Федерацію“. Да и „что она Гекубѣ, что Гекуба ей?“ Здѣсь рабочимъ позволяютъ быть солидарными съ ихъ классовыми товарищами. Другое дѣло — демонстраціи съ какими-то неизвѣстными цѣлями, демонстраціи, могущія „быть предложенными со стороны другихъ (какихъ?) партій“. Тутъ-то и лежитъ центръ тяжести вниманія „федераціи“, тутъ рабочіе обязуются *подчиняться* „въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшенію „Отвѣтственнаго Комитета“ дрошакистовъ и дѣйствовать не подъ знаменемъ своей *классовой* политики, а подъ обще національнымъ знаменемъ.

---

[1] Правда, „Пет. Вѣд.“, получили предостереженіе, но передъ этимъ они успѣли, въ отвѣтъ „Моск. Вѣд.“, сослаться на поддержку, оказанную имъ... органомъ минист. иностр. дѣлъ „Journal de S. Petersbourg.

[2] Доставленная еще къ предыдущему №, эта статья была нами отложена за недостаткомъ мѣста. *Ред.*

[3] „Революціонная солидарность“ № 46. Курсивъ нашъ.

[4] Эта организація націоналистовъ въ Россіи извѣстна подъ именемъ „Комитета самообороны“.

Охарактеризовавъ такъ откровенно свою буржуазную „политику“, „дрошакисты“, никогда — къ чести ихъ будь сказано — не напяливавшіе на себя маску соціализма, въ спеціальной резолюціи спѣшатъ указать на интимное свое родство съ партіей соц.-революціонеровъ. „Общее собраніе, — говоритъ резолюція, — предлагаетъ „Кавказскому Отвѣтственному Комитету“ партіи и провинціальнымъ Комитетамъ стремиться къ установленію солидарности съ другими революціонными организаціями, борющимися на Кавказѣ съ русскимъ абсолютизмомъ, причемъ среди нихъ *спеціально указываетъ* на русскую „партію соціалистовъ-революціонеровъ“, которая, какъ по *теоретическому своему міровоззрѣнію*, такъ и по *тактикѣ борьбы* наиболѣе соотвѣтствуетъ общему духу нашей программы, и на грузинскую партію (?) „Сакартвело“. (ib. курсивъ вездѣ нашъ). Итакъ, „теоретическое міровозрѣніе“ соц.-революціонеровъ „наиболѣе соотвѣтствуетъ“ буржуазной программѣ армянскихъ націоналистовъ — заявляютъ эти послѣдніе. И вмѣсто того, чтобы протестовать противъ такой характеристики, „Рев. Россія“ пишетъ: „Горячо привѣтствуемъ эти резолюціи армянскихъ товарищей“ и т. п. Почему же „Рев. Россія“ такъ горячо протестуетъ, когда мы говоримъ, что ихъ теоретическая позиція „наиболѣе соотвѣтствуетъ“ идеологіи буржуазіи?

„Рев. Россія“ этимъ не удовлетворилась и заключила другой, еще болѣе „тѣсный союзъ“ съ грузинскими націоналистами.

По словамъ газеты — „конференція“ была созвана „по иниціативѣ органа „Сакартвело“, этотъ органъ былъ объявленъ органомъ „конференціи“. Поэтому, прежде чѣмъ охарактеризовать „конференцію“, необходимо выяснить характеръ самой газеты „Сакартвело“. Дѣйствительно ли это соціалистическій органъ, какъ это утверждаетъ „Рев. Россія“?[1])

„Сакартвело“ въ первомъ же своемъ номерѣ заявляетъ слѣдующее: „Наша политическая концепція — національная автономія, посредствомъ которой мы можемъ защищать нашу національность. Кромѣ того, самоуправленіе намъ даетъ возможность радикально измѣнить наше экономическое положеніе: нужно уничтожить остатки крѣпостного права, узаконить организаціи трудящагося народа, придать стачкамъ законный характеръ и постепенно поднять экономическій бытъ нашего народа. Такимъ образомъ, на нашемъ знамени значится два слова: національное самоуправленіе и демократія“ (№ 1 стр. 5).

Какъ видите, программа газеты — чисто буржуазная: она цѣликомъ стоитъ на почвѣ капиталистическихъ отношеній и выставляетъ требованіе лишь нѣкоторыхъ жалкихъ либеральныхъ реформъ.

Какими средствами можно осуществить намѣченную программу? спрашиваетъ „Сакартвело“ и отвѣчаетъ: „Цѣль борьбы — пріобрѣтеніе національной автономіи. Слѣдовательно, *одинъ отрядъ* долженъ быть составленъ изъ всѣхъ тѣхъ борцовъ, которые желаютъ добыть эту автономію. Кто же эти борцы?“ Это, во первыхъ, „смѣлые дворяне“, которые „воспользуются своими дворянскими правами и открыто скажутъ, что Грузія не можетъ остаться губерніей Россіи, что для возрожденія грузинскаго народа необходимо предоставить Грузіи самоуправленіе, согласно трактату царя Ираклія и потребностямъ современной жизни. Когда на дворянскихъ собраніяхъ будутъ дебатироваться подобные вопросы, тогда, только тогда выполнитъ *наше дворянство* свою обязанность передъ страной и этою смѣлостью возвратитъ народу маленькую часъ своего долга. Эти дворяне не сегодня, завтра должны появитея и въ своемъ кругу подготовятъ почву для новой политической жизни“; во вторыхъ, „грузинскіе *епископы* и *священники*“ которые „энергично защитятъ грузинскій языкъ для употребленія въ школахъ и церквахъ. Тогда они въ своемъ кругу, въ сферахъ своего вліянія и дѣятельности заложатъ фундаментъ національнаго возрожденія и тѣмъ войдутъ въ составъ той передовой арміи, на знамени которой выставлены національное самоуправленіе и независимость. Грузія ждетъ появленія этихъ лицъ и они, если не сегодня, то завтра, должны появиться“. Въ третьихъ, „смѣлая *интеллигенція*“, въ самосознаніи которой „въ послѣднее время совершился радикальный переворотъ“, но которой не достаетъ рѣшительности: „Пора выступить нашимъ литераторамъ, юристамъ, врачамъ, педагогамъ и на юридическихъ литературныхъ, медицинскихъ и педагогическихъ собраніяхъ заявить всю правду о положеніи Грузіи и провозгласить необходимость самодѣятельности“. Въ четвертыхъ, *студенчество*, которое теперь „теряется въ океанѣ русскаго движенія“. Въ пятыхъ, *крестьянство*, которое необходимо убѣдить въ томъ, что „реорганизацію землевладѣнія у насъ можетъ произвести только будущее національное собраніе, составленное изъ представителей народа“; и, въ шестыхъ, „грузинскій рабочій“, который, „какъ и грузинское студенчество, долженъ внести въ общерусское движеніе свой оттѣнокъ, свою идею... Но мы искренно огорчены тѣмъ, что въ средѣ нашихъ рабочихъ еще не выработалась ихъ собственная физіономія, собственное направленіе. Кавказская соціальдемократія должна имѣть эту собственную физіономію[2], собственное направленіе, такъ какъ та почва, на которой она живетъ, выдвинула особые интересы“ (№ 4, ст. 2-4).

Откровенно высказавшись за соединеніе всѣхъ классовъ и сословій, газета, однако, спохватилась: въ массѣ грузинскихъ рабочихъ уже живо классовое сознаніе, и она можетъ отвѣтить презрѣніемъ и негодованіемъ на откровенныя рѣчи „Сакартвело“. Надо и на пролетарскій ладъ затянуть пѣсенку. И вотъ, неожиданно газета въ той же статьѣ начинаетъ отрицать все то, что выше говорила: „мы не призываемъ, — пишетъ она — всѣхъ классовъ и сословій Грузіи для объединеннаго и совмѣстнаго дѣйствія. Такое объединеніе мы считаемъ невозможнымъ. Мы надѣемся только на объединеніе тѣхъ, которые откажутся отъ сословной и буржуазно-классовой почвы дѣятельности и свой умъ, свою нравственную и физическую силу употребятъ на освобожденіе грузинскаго народа“ (ib.).

Вотъ тебѣ и на! Сама же газета столько твердила объ объединеніи разныхъ сословій и классовъ, о составленіи изъ нихъ „одного отряда“, а теперь вдругъ все это признается ею чистой фантазіей! Она, оказывается, надѣется на тѣхъ, которые „откажутся отъ сословной и буржуазно-классовой почвы дѣятельности“! Но такъ какъ отъ этой „почвы“ сама „Сакартвело“ не отказалось, напротивъ, вся ея физіономія этимъ характеромъ запечатлѣна, вся ея программа на этой почвѣ построена, то естественно ожидать, что ея примѣру послѣдуетъ вся ея „надежда“ — дирижирующіе классы. Само собою, логическая путаница „Сакартвело“ ихъ не обманетъ и собственными руками себѣ могилу рыть они не станутъ.

Очевидно, газета быстро теряетъ почву подъ ногами, какъ только покидаетъ свою чисто националистическую позицію и забирается въ чуждую ей область классовыхъ интересовъ и отношеній. Тутъ исканіе „средствъ борьбы“ вовлекаетъ „Сакартвело“ въ заколдованный кругъ, откуда она никакъ не можетъ выбраться. Будь это только случайное явленіе — не большая бѣда, но какъ разъ здѣсь то и начинается непроходимая чаща логическихъ противорѣчій; тутъ отсутствіе твердаго принципа дѣлается не менѣе твердымъ принципомъ газеты.

Послѣ того, какъ она въ первыхъ четырехъ номерахъ ухаживала за господствующими классами, „Сакартвело“ рѣшила приласкать, наконецъ, и рабочихъ и этимъ завербовать и ихъ въ необходимый ей „одинъ отрядъ“. И вотъ газета начинаетъ разсуждать о „классовой борьбѣ“. Послѣ длинныхъ головоломныхъ разсужденій она объявляетъ: ну, да, борьба классовъ существуетъ! Признаніе это дѣлается, конечно, въ довольно стыдливой формѣ, въ тонѣ виноватости: что же, дескать, не наша вина, „спросите у нашего народа“. Робость газеты понятна, вѣдь, раздражать „господъ“ не такъ пріятно. Вѣдь, они могутъ спросить: какъ же это „Сакартвело“ благосклонно начинаетъ относиться къ рабочимъ, которые по ея же словамъ даже „собственнаго мнѣнія“ не имѣетъ? О, нѣтъ, это не вѣрно, говоритъ теперь газета: „народъ является защитникомъ національности, а не дворянство“, „народъ, и только народъ борется за національность, а не кто-либо другой“, и т. д.

Оказывается, и грузинскіе рабочіе имѣютъ „собственное мнѣніе“. Мало того, это „мнѣніе“ какъ разъ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ именно стремленіемъ къ національной автономіи. А чтобы рабочіе не запротестовали, не стали возражать, что ихъ цѣль — не только національная автономія, а полное соціальное освобожденіе, „Сакартвело“ спѣшитъ заявить, что это все уже содержится въ понятіи „національная автономія“: „въ автономной Грузіи, — говоритъ она, — не должны имѣть мѣста сословія и классы. Автономія должна быть политической формой экономически уравненнаго народа“ (№ 5, стр. 3).

Такимъ образомъ, „Сакартвело“ цѣликомъ уничтожаетъ все то, что до сихъ поръ сама же писала объ автономіи. Неужели газета даже не знаетъ что такое автономія, т. е. не знаетъ „спеціальнаго предмета“ своей программы?

Съ другой стороны, хотя „Сакартвело“ и допускаетъ *существованіе* борьбы классовъ, но ея прогрессивной творческой роли не признаетъ. Напротивъ, она старается объ ослабленіи борьбы и о примиреніи борющихся сторонъ. И вотъ газета беретъ на себя роль „честнаго маклера“ грузинской національности. Она говоритъ: „Если дворянство и буржуазія, на самомъ дѣлѣ, заботятся о національности, пусть они пожертвуютъ своими частными интересами ради общаго дѣла. Способныхъ на такія жертвы мало? Что дѣлать! Другого пути нѣтъ; они должны быть или противъ народа (слѣдовательно, и противъ національности) или вмѣстѣ съ народомъ. И если они хорошо присмотрятся къ существующей экономической борьбѣ, то они увидятъ, что не такъ трудно имъ пойти по второму пути. Рабочіе и крестьяне испытываютъ теперь такую острую нужду, они добиваются удовлетворенія такихъ мелкихъ потребностей, что ихъ требованія легко пріемлемы... Такъ называемая программа минимумъ рабочей партіи такова, что для ея осуществленія вовсе не нужно вмѣшательства войска и правительства (?!?).... Если „передовые“ классы на самомъ дѣлѣ желаютъ служить національности, пусть они прежде всего не безпокоятъ (угнетаютъ?) народъ, пусть облегчаютъ народу борьбу съ русскимъ самодержавіемъ... Повторяемъ, если національность не пустой звукъ, ея дворянскіе и буржуазные поклонники прежде всего должны противостоять правительству и уступить народу въ томъ, чего народъ требуетъ отъ нихъ противъ воли правительства и, быть можетъ, противъ ихъ собственныхъ классовыхъ интересовъ. Это невозможно? Въ такомъ случаѣ невозможно примиреніе классовъ. Если число такихъ дѣятелей будетъ мало, зато народа много“ (ib.).

Теперь судите сами, какое вавилонское столпотвореніе царитъ на страницахъ органа грузинскихъ націоналистовъ. Онъ умоляетъ господствующіе классы „уступить народу“ и эта фантазія настолько завладѣваетъ его умомъ, что онъ, въ концѣ концовъ, и программу-минимумъ рабочей партіи объявляетъ „легкопріемлемою“ и правительствомъ и буржуазіей.

Вы поражены, читатель? Вы, конечно, хотите замѣтить, что — какъ разъ наоборотъ — не только полное осуществленіе программы-минимумъ немыслимо безъ жестокой энергичной борьбы противъ буржуазіи и ея правительства, но что и дѣйствительная автономія національности „безсмысленное мечтаніе“ при существованіи экономической эксплуатаціи и политическаго гнета въ современныхъ крупныхъ государствахъ. Но вы этимъ не удивите „Сакартвело“. Эта газета „Чего изволите?“ и сама готова вамъ преподнести такое именно заявленіе:

„У дядюшки Якова
Товара про всякаго“.

Да вотъ слушайте: „въ жизни политически (національно?) порабощеннаго народа внутренніе раздоры и несогласія всегда были и есть“ (слѣдовательно, примиреніе классовъ фантазія) пишетъ „Сакартвело“. И, обосновавъ это положеніе фактами изъ исторіи порабощенныхъ націй, газета продолжаетъ: „итакъ вопросъ о кускѣ хлѣба занимаетъ въ жизни первое мѣсто; значитъ, невозможно говорить о *возрожденіи національности*, до тѣхъ поръ, пока народъ не выпрямится, не разовьется свободно. А это случится только тогда, когда земля и фабрики перейдутъ въ общественную собственность. Жизнь двигается въ направленіи къ осуществленію этой справедливости, это неизбѣжно. И мы, по силѣ возможности, должны служить этой цѣли. Ибо только тогда, когда рабочій народъ сдѣлается владѣльцемъ средствъ производства, когда фабрика будетъ собственностью фабричныхъ рабочихъ и земля — собственностью земледѣльцевъ, только тогда осуществится въ жизни та экономическая справедливость, за водвореніе которой борется теперь все цивилизованное человѣчество. *И только тогда возродится и процвѣтетъ наша національность*“ (№ 7, стр. 1-2). Иными словами: всѣ хлопоты нашихъ сакартвельцевъ о „возрожденіи и процвѣтаніи“ грузинской національности въ рамкахъ существующаго строя не больше, какъ „плѣнной мысли раздраженіе“. Что и требовалось доказать.

Но если вы думаете, что на этомъ успокаивается скорбная мысль грузинскихъ націоналистовъ, что на этомъ прекращаются, наконецъ, безконечныя шатанія этой мысли, то вы горько ошибаетесь: лабиринтъ ихъ противорѣчивыхъ разсужденій еще не исчерпанъ. Вѣдь, изъ послѣднихъ словъ „Сакартвело“ вытекаетъ только то, что дѣйствительные борцы за „возрожденіе національности“ — это тѣ, кто борется за соціализмъ. Такъ надо же сейчасъ выступить противъ этого вывода. И дѣйствительно, газета тутъ же заявляетъ: „Но — мы должны ясно формулировать свою мысль, — для осуществленія такого идеала (то есть соціализма) требуется много времени. При настоящихъ условіяхъ *конечную цѣль мы не можемъ принять за программу дѣятельности* (курсивъ нашъ). *Сегодня* мы должны руководиться тѣмъ, что *сегодня* же осуществится. Поэтому, наши требованія должны мы приспособить къ сегодняшнимъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ“.

Отвергнувъ, такимъ образомъ, борьбу за соціализмъ, газета выставляетъ „сегодня же осуществимыя“ реформы, которыя сводятся къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) уничтоженіе временно обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и 2) свобода профессіональныхъ союзовъ (см. „Сакартвело“ №7), — экономическая программа, скромности которой могъ бы позавидовать и Витте. Вотъ въ какія безвыходныя дебри попадаютъ редактора „Сакартвело“, когда пытаются привлечь рабочихъ на сторону своего буржуазнаго націонализма. И эту-то „группу „Сакартвело“ „Рев. Рос.“ объявляетъ соціалистами!

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, какова была та „конференція“, которая объявила „Сакартвело“ своимъ органомъ. Всей безпринципности этого органа, всему его политическому недомыслію, очевидно, соотвѣтствовала физіономія и самой „конференціи“. Этому не станетъ удивляться тотъ, кто знаетъ ея составъ. „Рев. Рос.“, однако, тщательно замаскировываетъ дѣйствительную физіономію „конференціи“ и, чтобы придать ей важность серьезнаго общественнаго событія, сочинила цѣлую беллетристику. Она пишетъ: „Въ г. Женевѣ, по иниціативѣ редакціи органа „Сакартвело“, *съѣхались представители* различныхъ грузинскихъ *революціонныхъ фракцій* на первую свободную конференцію... были представлены четыре грузинскія фракціи: соціальдемократы, соціалисты-революціонеры (?!), соціалисты (?!)-автономисты или (?) федералисты (группа „Сакартвело“; „Р. Р.“) и анархисты“. А ниже газета этихъ „представителей“ называетъ „делегатами“ „конгрессистами“ и т. д., — словомъ старается доказать, что на „конференцію“ „съѣхались“ делегаты грузинскихъ революціонныхъ *организацій*.

Вопреки заявленію „Р. Р.“, „конференція“ въ Женевѣ не имѣла и тѣни подобія съ дѣйствительнымъ конгрессомъ организацій. Никакихъ полномочій ни отъ какой организаціи никто изъ участниковъ не представилъ, да и не отъ кого было бы ихъ представлять, ибо ни за „Сакартвело“, ни за анархистами никакой *кавказской* организаціи не стоитъ. Что же касается до соціальдемократовъ, то они присутствовали на „конференціи“ только до тѣхъ поръ, пока полагали, что цѣлью собранія является дискусія между сторонниками разныхъ революціонныхъ программъ. Когда же было рѣшено, что по всякому программному вопросу будутъ приниматься, большинствомъ голосовъ, резолюціи, они удалились. Остались: четыре анархиста, два редактора „Сакартвело“ и публика (изъ которой тоже нѣкоторые начали уходить). Вотъ эти шесть человѣкъ и приняли названіе „соціалистовъ“, „революціонеровъ“ и т. д., составили резолюціи и учредили „партію“.[1])

Въ этомъ любопытномъ титулѣ „Партія Соціалистовъ-Федералистовъ-Революціонеровъ“ единственное слово не фальшивое это — „федералисты“ и относится оно къ одной части новой „Партіи“ — буржуазно-націоналистической „Сакартвело“. Революціонной въ кавычкахъ можно бы еще назвать другую часть этой опереточной партіи — анархистовъ. А что сверхъ того, то ужъ совсѣмъ отъ лукаваго: названіе „соціалистовъ“ не примѣнимо ни къ той, ни къ другой части, это — маска. А надъ этой кучей громкихъ названій — для увѣнчанія зданія — еще болѣе громкое слово: „партія“. Вотъ какъ иногда составляется „партія“, въ которой недаромъ соц. рев. почуяли что то родное; недаромъ „Рев. Рос.“ восклицаетъ: „отъ всего сердца привѣтствуемъ нашихъ товарищей“.

Что дѣйствительно объединяетъ элементы, вошедшіе въ новую грузинскую (какъ и армянскую) партію, это — вражда, злопыхательство по адресу соціальдемократіи.

И если „Партія Соц.-Рев.“ заключила „тѣсный союзъ“ съ „Армян. Рев. Федер.“ и съ „Грузинской Партіей Соц. Фед. Рев.“ то мы можемъ тоже „отъ всего сердца поздравить“ соц.-рев. съ этимъ союзомъ хотя и разношерстныхъ, но все таки родственныхъ имъ душъ. Намъ только думается, что длинный титулъ соединенной арміи „Соціалистовъ-Автономистовъ-Анархистовъ-Революціонеровъ-Націоналистовъ-Федералистовъ“ и прочихъ конфузіонистовъ съ большимъ удобствомъ можно бы замѣнить простымъ и откровеннымъ титуломъ: „Партія антисоціальдемократовъ“.

Б.

---

[1]) Подробному разбору, съ соціальдемократической точки зрѣнія, направленія „Сакартвело“ („Грузія“) посвящена отдѣльная грузинская брошюра подъ названіемъ „Грузинскіе націоналисты“.

[2]) По грузински сказано „мысль“. Стилистическія шероховатости нашего перевода — въ значительной мѣрѣ — продуктъ стилистическихъ недостатковъ грузинскаго текста.

[1]) „Сакартвело“ теперь выходитъ, какъ „органъ партіи грузинскихъ соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ“, то есть органъ этихъ шести лицъ. Само собой разумѣется, что въ немъ ничего соціалистическаго нѣтъ, зато много клеветы противъ соціалистовъ (Бебеля и др.). См. упомянутую выше брошюру „Грузинскіе націоналисты“.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Съ поля военныхъ дѣйствій. На станціи стоитъ санитарный поѣздъ, въ которомъ 150 раненыхъ, а между тѣмъ перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ почти нѣтъ, и это только потому, что боятся спутать отчетность того матеріала, который находится въ двухъ складахъ. Дѣло въ томъ, что двѣ императрицы пожелали въ Харбинѣ устроить свои склады. Были назначены два уполномоченныхъ, потребовались двѣ отчетности, но обстоятельства заставили соединить оба склада въ одномъ зданіи. Требованія поступаютъ на бѣломъ и красномъ бланкахъ. Случилось, что что-то перепуталось въ складахъ, тогда уполномоченные рѣшили до окончательной разсортировки никому и ничего не отпускать. А вотъ еще высочайшее участіе къ бѣднымъ солдатикамъ. Отправлены были императрицей Александрой Федоровной окорока на Дальній Востокъ съ непремѣннымъ требованіемъ доставить ихъ къ первому дню праздника. Идутъ окорока, задерживая пассажировъ, войска и перевязочный матеріалъ, почему до прибытія всѣхъ ящиковъ и склады считаютъ невозможнымъ разобраться для нуждъ раненыхъ.

На Ялу есть раненые, требуется санитарный поѣздъ, но развѣ можно его посылать, разъ Марія Павловна пожелала, чтобы ея поѣздъ былъ первымъ отправленъ. Для успѣха военныхъ дѣйствій нужна кавалерія, ея у насъ мало. Это объясняется такъ.

Изъ-за Байкала ушли бурята въ Монголію вмѣстѣ съ своими ламами, бросивъ свои насиженныя мѣста: одного изъ нихъ они, между прочимъ, выкупили изъ подъ ареста за 20.000 рублей. Эти ламы сейчасъ разъѣзжаютъ по Монголіи, а администрація, опасаясь, какъ бы въ Забайкальѣ не заварилась каша, оставили казаковъ, что должны были итти къ намъ охранять на всякій случай и этотъ край.

На дняхъ состоится военный судъ надъ офицеромъ изъ пограничной стражи — завѣдующимъ пороховымъ складомъ, который продавалъ китайцамъ порохъ; офицера ожидаетъ смертная казнь.

Поступила жалоба китайцевъ инженеру дороги, что штабъротмистръ Аксеновъ 28-ой сотни пограничной стражи убилъ 72 мирныхъ китайца и кромѣ того 23 плѣнныхъ хунхуза.

О прошлой китайской войнѣ разсказываютъ жители Гирина, какъ генералъ Ренненкампфъ бралъ ихъ городъ. Несмотря на то, что жители вышли встрѣчать „храбраго“ генерала, тотъ велѣлъ стрѣлять изъ орудій; отвѣтныхъ выстрѣловъ не было ни одного, но нуженъ былъ бой, чтобы получить Георгія. Послѣ донесенія о „славномъ взятіи города“ послѣдовала высочайшая милость „славному герою Гирина“. Генералъ Орловъ, прибывши въ Харбинъ, ограбилъ русско-китайскій банкъ, полагая, что деньги здѣсь лежатъ „китайскія“.

Смоленскъ. Всѣ живутъ войной. Успѣхи и неудачи войны живо интересуютъ всѣхъ. Правда, телеграммы перестали браться уже на расхватъ, но интересъ все же остался очень значительный. Спросъ на газету очень поднялся. Многіе, кто по десять лѣтъ не выписывалъ газеты, теперь стали подписчиками, и такъ какъ подписчикъ этотъ не изъ богатыхъ, то свои три копейки онъ использует всѣ и прочтетъ отъ начала до конца... И много развертывается предъ обывателемъ, много западаетъ въ его душу, чего бы и не слѣдовало съ полицейской точки зрѣнія. Внезапная „минная аттака“ не была внезапностью для смолянъ, всѣ ждали войны; но то, что она оказалась „внезапной“ для нашихъ воякъ — это было „внезапностью“. Большинство покачивало головами и думало: что-то будетъ дальше? Все же первое пораженіе, благодаря стараніямъ печати, принято было за большое несчастіе, духъ критики еще не просыпался. Проснулось чувство національнаго самосохранія, вылившееся въ патріотическихъ демонстраціяхъ. Вначалѣ, особенно при проводахъ, на вокзалѣ онѣ были многолюдны и горячи, число участниковъ можно насчитывать тысячами. Остервенѣніе появилось патріотическое. Не снимавшихъ шапокъ колотили, колотили безъ разбору. Но и качали тоже безъ разбору. Качали воиновъ, идущихъ на войну, качали почему-то полиціймейстера. При чемъ любопытны его слова для характеристики демонстрантовъ: „Начали качать. Поглядѣлъ я и вздрогнулъ... Все знакомые. Тѣхъ, что вчера изъ тюрьмы, да участковъ повыпускалъ, тѣ и качали. Сталъ приглядываться и вижу, что знакомыхъ-то масса. Ну, думаю, тутъ добра не будетъ“. И дѣйствительно, „выраженіе чувствъ“ какъ-то начало быстро переходить въ озорство и буйство на жаргонѣ полиціи. Бунтующая толпа начала требовать себѣ музыку, заставляя оркестръ выходить изъ залы, гдѣ проводили пріятно время власти. Пьяные то большими, то малыми табунами, съ юными гимназистами во главѣ шатались по городу, то крича „ура“, то затягивая какія-то пѣсни. Этакое-то вотъ общество подходитъ однажды къ офицерскому собранію, гдѣ пьянствовали офицера при проводахъ какого-то штабсъ-капитана. Подвалила эта кампанія и оретъ. Выходитъ самъ герой, принялъ позу и произнесъ слѣдующія слова: „Господа! завтра я отправляюсь на Дальній Востокъ и передамъ моимъ товарищамъ чувства, которыя воодушевляютъ мыслящую часть общества“. „Общество“ шпиковъ, босяковъ и юныхъ разныхъ птенчиковъ прямо взвыло. Демонстрировавшіе семинаристы (въ небольшомъ количествѣ) гдѣ то, чуть ли не въ гимназіи, вышибли ворота. „Сорвались съ цѣпи!“ говорилъ обыватель о демонстрантахъ и началъ неодобрительно качать головой. Правительство переборщило со своими „демонстрантами“ и обыватель насторожился. Тогда вернулись къ „внезапной минной аттакѣ“. Начался пересмотръ и получилось изумленіе. А тутъ смѣхотворное увѣреніе въ печати адмиральши Старкъ, что *они*, ей богу же, не танцовали въ злополучную ночь. Въ газетахъ стали появляться и другія извѣстія и свѣдѣнія, показывающія подготовленность нашу и японцевъ. Обыватель сталъ хмуриться и уходить въ себя. Дальше — больше. Батареи Владивостока молчатъ, почему — неизвѣстно, добавляютъ газеты, а пріѣзжающіе съ Востока объясняютъ тѣмъ, что были посланы ядра не того №. Гибнетъ Макаровъ, а съ нимъ гибнетъ масса народу и денегъ. Вскорѣ „преждевременно“ взрывается мина подъ лодкой при прокладкѣ минъ; ходятъ слухи, что „Варяга“ тащатъ на свѣтъ божій японцы, а въ это время „герои Чемульпо“ чертятъ по всей Россіи. Появляется масса бумажныхъ денегъ. Съ живого и мертваго дерутъ пожертвованія. Служащимъ, впрочемъ, предлагается подписаться, если не хотятъ жертвовать. И, наконецъ, пораженіе на Ялу, отвратительное объясненіе — почему русскіе отступили. И слухи, слухи... Говорятъ, что потому такъ много убитыхъ и въ томъ числѣ священикъ, что передніе ряды не хотѣли итти а заднимъ былъ отданъ приказъ въ нихъ стрѣлять. И въ это-то время время ужасныя вѣсти — несомнѣнный фактъ: проворовывается московскій Кр. Крестъ. Фактъ, который по городу первый распространяетъ самъ губернаторъ. Въ клубѣ онъ уже громогласно повѣствуетъ. „Да, да! такое несчастье, такое несчастье и въ такое время“. Хотя врядъ ли можно сомнѣваться, что этимъ временемъ и самъ пользуется. Безконтрольность дѣйствій Его Пр. и подчиненныхъ при сборѣ пожертвованій изумительная. По деревнямъ ходятъ урядники и собираютъ холстъ и другія пожертвованія и всѣ знаютъ — куда это пойдетъ, но можно ли пикнуть, говоритъ крестьянинъ. Въ одномъ уѣздѣ у всѣхъ крестьянскихъ лошадей обрубили хвосты на матрацы. Производилось это грубо и жестоко. Вся эта вакханалія, всѣ „внезапности“ поражаютъ слабый мозгъ обывателя. И то же чувство національнаго самосохраненія, которое такъ недавно поднимало его на патріотическія выходки, теперь заставляетъ задуматься: не погибнетъ ли Россія съ такими порядками? Эта мысль робко сначала вошла въ голову обывателя и начала ее сверлить. Сначала ругали Красный Крестъ, потомъ офицеровъ, далѣе дошли до Алексѣева и стали. Но мысль остановиться не можетъ. Всѣ молчали, напр., чиновники, но вотъ стали брать % и заговорили о безобразной растратѣ народныхъ денегъ. Въ Рославлѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, принудительно обираютъ всѣхъ рабочихъ. Представленія объ японцахъ о ихъ культурѣ, вначалѣ дикія, постепенно разсѣиваются и, кто поумнѣй, начинаетъ понимать, какое великое орудіе — культура народа. Деревни пока еще мало коснулась война съ „упономъ“ тамъ пока больше интересуются вопросомъ: кто кого? Но подойдетъ мобилизація и зашумитъ деревня. Спросъ на литературу сильно повысился. Ищутъ, главнымъ образомъ, фактовъ, того, что скрываютъ газеты, мало кто вѣритъ. Читаютъ нелегальную [illegible] чиновники, полицейскіе, читаютъ тѣ, кто боялся раньше и подумать, что есть такая литература. Къ счастью, за это время мѣстный Комитетъ оправился отъ погрома и могъ проявить довольно значительную дѣятельность для нашего города. Кромѣ своей прокламаціи о войнѣ, онъ распространялъ изданія Ц. К. и переиздавалъ по 1000 и болѣе прокламаціи Ц. О. Само начальство оцѣнило это. Громека, старая жандармская крыса, говорилъ: „Засыпали мой Смоленскъ; не знаю что и дѣлать. И возмутительныя вещи раскидываютъ: „Война противъ войны“, смѣются надъ жертвователями“. Но надо листковъ еще больше, больше...

Мелитополь. (Письмо рабочаго.) Уныніе у насъ страшное, даже простонародіе неразвитое и то говоритъ, что война не нужна, что за эти деньги, что потратили на войну, можно было купить Корею; а нѣмцы (колонисты) страшно враждебно относятся къ войнѣ. Одинъ мой хорошій знакомый, имѣя четырехъ сыновей — всѣхъ солдатъ (запасныхъ), уѣхалъ съ ними въ Америку и съ парохода писалъ сюда въ Россію, что вмѣстѣ съ ними ѣхали 2000 запасныхъ, изъ которыхъ было 350 евреевъ, а всѣ остальные русскіе, между которыми были офицеры. У насъ запасные сильно поговариваютъ, что если будетъ мобилизація, то они не пойдутъ, пока ихъ семьи не обезпечатъ. Всѣ увѣрены у насъ, „что Японія задушитъ нашихъ“.

Иркутскъ. Товарищи, арестованные по дѣлу о Якут. бойнѣ (фортъ Романовскій) *будутъ преданы не военному, а гражданскому суду*.

Точно также правительство отказалось отъ мысли предать военному суду бывшаго политическаго ссыльнаго Любимова, нанесшаго оскорбленіе дѣйствіемъ губернатору Моллеріусу. Медицинская коммиссія признала, что Любимовъ человѣкъ больной и дѣйствовалъ въ состояніи невмѣняемости. Онъ явился къ губернатору для полученія паспорта на въѣздъ въ Россію. Когда ему губернаторъ сообщилъ списокъ мѣстъ, куда въѣздъ ему еще воспрещенъ, онъ пришелъ въ сильное нервное возбужденіе, порвалъ документъ и бросилъ его въ лицо губернатору. Подробности происшедшей сцены намъ неизвѣстны. Вѣрно только, что генералъ-губернаторъ Кутайсовъ лично занялся этимъ дѣломъ, хотѣлъ раздуть его и предать Любимова военному суду.

Много шуму надѣлала у насъ еще слѣдующая исторія. Одинъ изъ отцовъ-командировъ одного изъ многочисленныхъ стоящихъ здѣсь отрядовъ войскъ, держалъ рѣчь къ своимъ солдатамъ, въ которой говорилъ своимъ „дѣткамъ“ о внутреннихъ врагахъ. И внутренними врагами назвалъ *всѣхъ евреевъ*, поддерживающихъ японцевъ. Понятно, что слухи объ этой рѣчи взволновали все здѣшнее еврейское населеніе. Слухи о японскихъ крейсерахъ, снаряжаемыхъ на еврейскія деньги, широко гуляютъ у насъ. По поводу этой рѣчи болтливаго командира, къ генералъ-губернатору ѣздила депутація отъ еврейскаго общества и генералъ-губернаторъ обѣщалъ дѣло разслѣдовать. Въ Иркутскѣ же сейчасъ находятся корреспонденты иностранныхъ газетъ. Съ любезнаго разрѣшенія русскихъ властей, многія газеты командировали цѣлыя посольства къ русской арміи. Газетамъ было обѣщано содѣйствіе. „Times“ послалъ, напримѣръ, корреспондента съ цѣлой свитой (секретаремъ, слугами, лошадьми и т. п.). Но когда корреспонденты пріѣхали, ихъ окружили цѣлой стѣной шпіоновъ и соглядатаевъ, никакихъ свѣдѣній имъ не давали, а что сообщали — оказывалось ложью. Долго старались корреспонденты разбить эту стѣну, но, наконецъ, увидали, что ничего не подѣлаешь, и рѣшили оставить нашъ главный штабъ. Нѣкоторые остаются въ Иркутскѣ, другіе ѣдутъ домой. Они ужасно озлоблены противъ русскаго правительства, и нѣкоторые думаютъ предъявить искъ къ нему, такъ какъ оно ихъ обмануло и ввело въ лишніе непроизводительные расходы. По ихъ словамъ, въ штабѣ Алексѣева царитъ совершенно дворцовый развратъ. Отношенія между Алексѣевымъ и Куропаткинымъ очень обостренныя.

Къ Якутской драмѣ. Помѣщаемъ подробное письмо одного изъ 57-ми защитниковъ „Романовки“, дожидающагося, вмѣстѣ съ товарищами, суда. Письмо возстановляетъ съ полной точностью картину того, что происходило въ Якутскѣ и что должно быть названо попыткой безпощаднаго убійства полусотни соціалистовъ.

„Наши требованія губернаторъ не удовлетворилъ и оцѣпилъ нашъ домъ кордономъ изъ полицейскихъ и казаковъ. Между тѣмъ, число протестантовъ возросло до 57 человѣкъ. Мы усиленно готовились къ тому, чтобы встрѣтить врага съ честью. А въ томъ, что насъ попытаются взять штурмомъ, мы не сомнѣвались. Мы предвидѣли лишь три случая: штурмъ, изморъ голодомъ или обстрѣлъ съ дальняго разстоянія нашего форта. Послѣднее мы исключили, такъ какъ не могли предполагать такой трусости, боязни штурма; затѣмъ, обстрѣлъ подвергалъ опасности дома сосѣднихъ обывателей ни въ чемъ не повинныхъ и, кромѣ того, было какъ-то дико думать, что начнутъ обстрѣливать людей, выставившихъ такія скромныя и законныя требованія, сводящіяся къ тому, чтобы вернуться къ недавно еще существовавшимъ условіямъ жизни въ ссылкѣ и къ исполненію Устава о ссыльныхъ. Однако, оказалось, что мы переоцѣнивали чувство чести и недооцѣнивали трусость и жестокость противника. Насъ рѣшились взять живыми безъ пролитія крови. Вмѣсто казаковъ и городовыхъ мы были оцѣплены со всѣхъ сторонъ солдатами. Провизіи у насъ было порядочно, а когда она истощилась, мы дѣлали нѣсколько вылазокъ въ городъ за нею. Разумѣется, долго такъ не могло тянуться. Когда власти увидѣли, что голодомъ насъ не возьмешь, начался цѣлый рядъ провокацій, имѣвшихъ цѣлью вызвать насъ на первый активный шагъ, на первый выстрѣлъ. Мы нѣсколько разъ предупреждали, что, если провокаціи повторятся, мы будемъ стрѣлять. Но провокаціи продолжались, и вотъ 4 марта, когда одинъ изъ товарищей высунулся черезъ окошко, чтобы снять ставни, которыя закрывались солдатами, въ него былъ брошенъ камень, попавшій ему въ руку. Тогда съ нашей стороны раздались два выстрѣла, убившіе на поваль двухъ солдатъ. Это были наши первые и послѣдніе выстрѣлы. Тотчасъ же солдаты начали жестокій обстрѣлъ нашего дома. Сила солдатскихъ трехъ-линейныхъ винтовокъ очень велика: пуля проходитъ черезъ три стѣны и убиваетъ человѣка. Стѣны превратились въ сплошное рѣшето, и послѣ перваго же обстрѣла мы были бы всѣ перебиты, если бы не устроенные нами блиндажи вдоль стѣнъ (изъ кирпичей, земли, дровъ, камней и пр.). Эти блиндажи толщиною въ $^3/_4$ до одного аршина, высотою $1^1/_2$-2 аршина спасли насъ отъ разстрѣла. За ними мы лежали спокойно. Тѣмъ не менѣе въ первый же день 4 марта пулей убитъ былъ нашъ товарищъ Юрій Матлаховъ и раненъ другой — Хацкелевичъ. Въ этотъ день солдаты выпустили въ насъ не менѣе 400 пуль. Мы думали, что за этимъ обстрѣломъ немедленно послѣдуетъ штурмъ и каждый изъ насъ ждалъ на своемъ посту, готовый дать должный отпоръ съ оружіемъ въ рукахъ или умереть тутъ же. Но штурма не послѣдовало. Былъ избранъ болѣе вѣрный путь, но путь, по коварству и холодному разсчету превосходящій все, что только можно вообразить себѣ. На другой день, 5 марта, днемъ, совершенно неожиданно для насъ и вопреки данному намъ губернаторомъ наканунѣ, послѣ перваго обстрѣла, обѣщанію не подвергать насъ вторичному обстрѣлу, если мы сами не откроемъ огня, вдругъ начался второй обстрѣлъ, еще жесточе бывшаго наканунѣ. Былъ тяжело раненъ тов. Медяникъ. 6 марта повторилось то же, въ два пріема, безъ всякаго вызова и безъ одного выстрѣла съ нашей стороны. Палили залпами со всѣхъ сторонъ дома, не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ пули летятъ въ городъ на невинныхъ обывателей. Былъ раненъ 6-го тов. Костюшко серьезно. Обстрѣлъ постепенно разрушалъ домъ. Мы лежали во время обстрѣловъ на полу, а надъ нами сыпались кирпичи, осколки стеколъ, пули носились надъ нашими головами, и каждый ждалъ своей очереди быть разстрѣляннымъ. Но тутъ намъ ясно стало, что штурма намъ не дождаться, а отвѣчать на выстрѣлы солдатъ мы не могли, во-первыхъ, потому, что это значило бы стрѣлять въ дома сосѣднихъ обывателей и въ толпу любопытныхъ, стоявшихъ на улицѣ, во-вторыхъ, часть солдатъ стрѣляли изъ за засады, скрытые отъ насъ; кромѣ того, у насъ не было достаточно дальнобойныхъ ружей. Значитъ, мы были лишены возможности *сражаться* съ противникомъ, а подвергать себя разстрѣлу, болѣе или менѣе скорому, но вполнѣ вѣрному (ибо для этого достаточно было солдатамъ стать немного выше и тогда блиндажи не спасли бы насъ — что дѣйствительно и предполагалось ими въ тотъ же день; какъ мы узнали, насъ хотѣли обстрѣливать съ крыши сосѣдняго дома) мы считали невозможнымъ и не цѣлесообразнымъ. Съ другой стороны, вылазка изъ дома была равносильна тому же пассивному разстрѣлу. И вотъ, принявъ во вниманіе какъ эти соображенія, такъ и то, что фактомъ нашего 18-дневнаго сидѣнія за баррикадами подъ выстрѣлами солдатъ (причемъ было выпущено за всѣ четыре обстрѣла не менѣе 2000 пуль), мы достаточно показали нашу полную готорность умереть за наши требованія, — мы, наконецъ, рѣшили сдаться. Все оружіе было нами изломано, патроны и всѣ припасы испорчены, чтобы не досталось противнику. 7-го числа насъ отвели въ тюрьму. Убитаго и раненыхъ мы сами сдали въ больницу. Теперь мы всѣ сидимъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда, обвиняемся по 263 и 268 ст. Улож. о нак., т. е. за вооруженное сопротивленіе съ убійствомъ.

Таковъ, въ самыхъ краткихъ словахъ, очеркъ нашего протеста. Въ какой атмосферѣ пришлось жить эти дни, физической и душевной, что пришлось пережить и перечувствовать, вы наврядъ ли сумѣете себѣ ясно представить. Для сооруженія блиндажей разнимались печи и стаскивалась вся земля съ чердака. Вообразите же себѣ, что творилось на нашей Романовкѣ (хозяинъ дома — Романовъ, отсюда и названіе Романовка; обыватели же окрестили нашъ фортъ Портъ-Артуромъ) — пыль, тѣснота, холодъ... Отмѣчу, что публика наша все время держалась превосходно. Спокойствіе и дисциплина не оставляли желать ничего лучшаго. Работа кипѣла повсюду, а въ досужіе часы пѣли, плясали, веселились. Общій протестъ страшно сблизилъ людей между собою; разрушились обычныя перегородки. Нервное напряженіе было очень сильно въ первые дни; затѣмъ, публика вполнѣ сжилась съ этимъ бурнымъ тревожнымъ военнымъ положеніемъ, нервы притупились, и когда рой пуль носился въ воздухѣ, публика спокойно лежала, покуривая крученки, безъ мысли въ головѣ, и покорная какому-то фаталистическому предопредѣленію. Не стану изображать, что чувствовалось за все это время, но вы поймете, что много и глубоко... Таково было наше первое крещеніе огнемъ.

Къ нашему протесту присоединились *пока* еще 45 человѣкъ изъ Олекмы, Нохтуйска и изъ нѣкоторыхъ улусовъ. Всѣ они подали заявленіе губернатору, что вполнѣ присоединяются къ нашимъ требованіямъ и къ формѣ нашего протеста и обѣщаютъ всѣми силами не подчиняться кутайсовскимъ циркулярамъ. — Протестъ ростетъ и, надѣемся, охватитъ всю ссылку.

Слѣдствіе уже закончено. Оно представляетъ собою сплошное лжесвидѣтельство. Свидѣтелей масса — утверждаютъ, что при всѣхъ обстрѣлахъ мы первые начинали стрѣлять и стрѣляли залпами, они же только отвѣчали на наши выстрѣлы. Слѣдствіе отослано прокурору Иркутской Судебной Палаты. Неизвѣстно, будетъ ли судъ палаты или военный судъ — это рѣшитъ Кутайсовъ[1]). Во всякомъ случаѣ судъ не будетъ раньше конца мая. — Интересно, что фактически мы добились нашихъ требованій, теперь всѣхъ безъ разговоровъ отправляютъ на казенный счетъ, разрѣшаютъ свободно отлучки и пр.

Какія перспективы открываются теперь передъ нами — ясно видно изъ Улож. о Нак. Нечего говорить, что мы всѣ готовы къ самому худшему концу. Не буду говорить и о томъ, что приходится пережить передъ предстоящей разлукой, богъ знаетъ, на сколько лѣтъ, со столь дорогими мнѣ людьми“.

Е. Матлаховъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). Я лично знала убитаго въ Якуткѣ царскими палачами Егора Матлахова и хочу добавить нѣсколько замѣчаній къ его біографіи.

Товарищу, писавшему о немъ въ № 65, Егоръ могъ показаться типомъ „средняго рабочаго“, не созданнаго быть руководителемъ движенія и выдающагося лишь своей безграничной преданностью. Онъ зналъ его только въ тюрьмѣ. Я знала его по работѣ и видѣла, что во всякомъ движеніи, гдѣ онъ только ни выступалъ, въ стачкѣ ли, или въ демонстраціи, — онъ выступалъ, какъ руководитель ею, вѣрнѣе, какъ одинъ изъ руководителей, и у Егора, на мой взглядъ, были всѣ данныя на это. Прежде всего, онъ обладалъ необходимой для руководителя способностью политически оріентироваться въ окружающемъ. Онъ всей душой, цѣликомъ, стоялъ на классовой пролетарской точкѣ зрѣнія. Онъ былъ цѣльнымъ ея олицетвореніемъ, и поэтому, всегда становился на вѣрную позицію въ борьбѣ разныхъ теченій въ нашей партіи. Я помню, какъ онъ, еще въ 1901 году, когда ему было еще 22 года, отзывался объ экономизмѣ, какъ онъ протестовалъ противъ принижающаго представленія экономистовъ о рабочемъ, до котораго они хотѣли опускаться, вмѣсто того, чтобъ поднять его сознаніе до способности понимать пролетарскую классовую политику. Въ Одессѣ образовалась тогда новая Южная группа искровскаго направленія, разошедшаяся съ Одесскимъ комитетомъ въ вопросѣ объ отношеніи интересовъ самодержавія и капиталистическаго строя. Одесскій Комитетъ отождествлялъ эти интересы и потому отрицалъ нужность агитаціи противъ самодержавнаго режима, какъ таковаго. Южная группа раздѣляла, наоборотъ, взгляды „Искры“. И Егоръ ушелъ отъ комитета въ искровскую группу, въ которой работа не была еще поставлена, силъ было мало, вслѣдствіе чего, между прочимъ, Егоръ — тогда нелегальный — долженъ былъ взяться за распространеніе прокламацій въ театрѣ. Я помню, какъ много Егоръ ждалъ отъ „Искры“, тогда только что начавшей выходить, возбуждавшей со всѣхъ сторонъ споры, недовольство рѣзкимъ тономъ и, будто бы, черезъ мѣру занимавшейся земцами и вопросами демократической политики и потому предназначенной будто лишь для интеллигентовъ. Егоръ, у котораго больнымъ мѣстомъ была отдаленность нашихъ работающихъ интеллигентовъ отъ рабочихъ, непониманіе ими психологіи рабочей массы, Егоръ, который товарищамъ интеллигентамъ говорилъ: „не отрывайтесь отъ массъ рабочихъ, будьте непосредственно всегда съ ними, лишь тогда вы будете имѣть дѣйствительное значеніе передовыхъ, сознательныхъ застрѣльщиковъ пролетарской борьбы — когда вы будете непосредственно знать настроеніе рабочей массы, будете понимать, чѣмъ она въ каждый данный періодъ болѣетъ“, — этотъ самый Егоръ говорилъ объ „Искрѣ“: „вотъ наша пролетарская газета, рѣзкій тонъ — это нашъ тонъ, широкій политическій кругозоръ необходимъ намъ — рабочимъ, ибо только тогда сможемъ мы точно размежеваться съ буржуазными теченіями всѣхъ оттѣнковъ, лишь тогда мы вѣрно намѣтимъ свою самостоятельную пролетарскую политику и тактику, когда мы будемъ знать жизнь и тенденцію развитія интересовъ всѣхъ слоевъ общества“. Однимъ былъ недоволенъ Егоръ въ „Искрѣ“ — это „интеллигентскимъ способомъ изложенія“ ея вѣрныхъ идей. Недоступность изложенія въ „Искрѣ“ раздражала его — онъ такъ страстно хотѣлъ, чтобъ ее могъ воспринять всякій грамотный рабочій.

Правда, нельзя сказать, чтобы Егоръ былъ теоретически сильно развитъ. Свое образованіе онъ началъ въ Екатеринославскихъ кружкахъ саморазвитія, въ которые попалъ 16 лѣтъ, а пополнилъ въ тюрьмѣ. Но политическая сознательность, глубокое, живое пониманіе пролетарской политики было у него развито больше, чѣмъ у рабочаго „средняго типа“, хотя себя Егоръ считалъ „обыкновеннымъ, но только сознательнымъ середнякомъ“. Съ другой стороны, по крайней активности, живости своей натуры, по широтѣ размаха своей агитаціи, по умѣнію овладѣть настроеніемъ массы и вести ее за собой, Егоръ былъ несомнѣнно созданъ для роли руководителя въ массовыхъ пролетарскихъ движеніяхъ. Я не знаю ни одной мастерской, гдѣ бы онъ, работая, не возбудилъ стачки, или протеста рабочихъ, всюду онъ найдетъ почву для агитаціи, подыметъ настроеніе, увлечетъ своимъ примѣромъ къ протесту, всюду онъ активно проведетъ свою „пролетарскую линію“. Многіе товарищи считали, что у него есть крупный недостатокъ — невыдержанность. Онъ не могъ не кричать, не протестовать, когда его или кого-либо изъ его товарищей по мастерской задѣнутъ, хотя и ясно было, что послѣ каждаго отпора какому-нибудь скоту Егоръ вылеталъ съ фабрики. А какъ онъ любилъ фабрику, какъ любилъ быть вѣчно съ массой, какой страстной, то обличительной, то призывающей, была его агитація..

О томъ, какимъ рѣдкимъ былъ Егоръ товарищемъ, превосходно разсказала намъ корреспонденція товарища въ № 65.

Высоко несъ онъ знамя родной (такъ Егоръ ее называлъ), своей партіи и умеръ за нее. Пусть же живетъ въ пролетаріяхъ его примѣръ, его пониманіе „пролетарской линіи“ и его умѣнье неуклонно проводить ее въ жизнь! В.

Протесты ссыльныхъ противъ Якутской бойни.

Копія.

Иркутскому Генералъ-Губернатору.

Политическихъ ссыльныхъ, проживающихъ въ с. Тугутуѣ, Иркутскаго уѣзда,

ПРОТЕСТЪ.

Возмущенные и потрясенные до глубины души звѣрской расправой надъ 56 товарищами, произведенной въ г. Якутскѣ и. д. Якутскаго Губернатора, который несомнѣнно дѣйствовалъ съ Вашего вѣдома и разрѣшенія, мы заявляемъ, что мы солидарны съ требованіями, выставленными якутскими товарищами, что мы никогда не будемъ исполнять Вашихъ беззаконныхъ требованій, предъявляемыхъ намъ въ циркулярахъ, нарушающихъ даже тѣ минимальныя права, которыми мы пользуемся по правиламъ гласнаго надзора.

Д. Тагѣевъ, І. Ковальскій, Д. Штейнъ, Борисъ Баневуръ, Вл. Потаповъ, Ак. Пальчикъ, Е. Годлевская, А. Баневуръ, (одна фам. не разборч.), Х. Липская.

Село Тугутуй, 24 апрѣля 1904 г.

Текстъ заявленія, посланнаго группой политическихъ ссыльныхъ с. Куяды. Ирк. уѣзда Ирк. Ген.-Губернатору:

Г. Иркутскому Генералъ-Губернатору.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Жизнь ссылки, и безъ того невыносимая стала еще тягостнѣе съ тѣхъ поръ, какъ стали появляться Ваши циркуляры являющіеся причиной кровавыхъ столкновеній.

Въ виду, этого присоединяемся къ якутскимъ товарищамъ и требуемъ:

1) Отмѣны циркуляровъ, угрожающихъ административными карами за самовольные отлучки и встрѣчи товарищей.;
2) Немедленной отправки отбывшихъ срокъ.
3) Уничтоженія всякихъ произвольныхъ прибавокъ срока.

При чемъ заявляемъ, что мы не будемъ подчиняться никакимъ циркулярнымъ распоряженіямъ, будемъ совершать самовольныя отлучки, будемъ встрѣчать нашихъ товарищей, если бы даже для этого приходилось прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Само по себѣ „Положеніе о гласномъ надзорѣ“, которому только и будемъ подчиняться, достаточно репрессивно.

Хаимъ Мень, Абр. Шварцъ, Мееръ Мединцъ, Нотель Авинъ, Гершенъ Фельдманъ, Марія Бойко.

25 апрѣля, 1904 г.

Текстъ телеграммы, посланной тѣми же ссыльными Мин. Вн. Дѣлъ:

„Петербургъ. Мин. Вн. Дѣлъ. Циркуляры Ирк. Ген.-Губернатора, превышающіе „Положеніе о надзорѣ“, дѣлаютъ ссылку невыносимой. Въ виду этого присоединяемся къ требованіямъ якутскихъ товарищей и заявляемъ, что не будемъ подчиняться никакимъ циркулярамъ.

Куядскіе полит. ссыльные: Мень, Шварцъ, Мединцъ, Авинъ, Фельдманъ и Бойко.“

---

[1]) Теперь уже извѣстно, что военнаго суда не будетъ.

Гербанки (мужъ и жена), Борисъ Эльясъ, Казиміръ Мисюра и Эльянъ Манбургъ отказались отъ всякаго протеста.

Гомель (отъ мѣстной группы Партіи). Демонстрація 8 мая въ Гомелѣ была организована мѣстнымъ комитетомъ „Бунда". За день, т. е. 7 мая, наша группа была приглашена принять въ ней участіе. Намъ, конечно, показалось очень страннымъ такое позднее приглашеніе и когда мы попросили разъяснить намъ причины, вызвавшія такое запозданіе, намъ было отвѣчено, что „это, дѣйствительно, какъ то странно произошло, но о васъ вспомнили только 7 мая".

Поставивши на обсужденіе кружковъ вопросъ о нашемъ участіи въ демонстраціи, мы получили единогласный отвѣтъ: мы должны принять участіе, не смотря на то, что ставимъ на карту почти все существованіе нашей группы. Наше выступленіе, хотя и въ небольшомъ числѣ, должно имѣть большое вліяніе, какъ на дальнѣйшій ростъ русскаго движенія, такъ и на извѣстную перемѣну отношенія населенія къ революціонному движенію.

Не смотря на то, что демонстрація была не особенно внушительна по размѣрамъ (чел. 300-350), продолжалась недолго, происходила почти при полномъ отсутствіи посторонней публики, что отчасти объясняется плохой погодой за $^1/_4$ часа до демонстраціи, а отчасти и тѣмъ, что чувствовалась и слабая организаторская рука, благодаря чему не всѣ, желающіе принять участіе, были на мѣстѣ, — не смотря на все это, демонстрація все же имѣла крупное значеніе.

Въ настоящемъ письмѣ насъ интересуетъ только одна сторона демонстраціи, а именно то обстоятельство, что, если не ошибаемся, впервые въ этомъ раіонѣ приняли участіе въ демонстраціи, рядомъ съ еврейскими, и русскіе рабочіе. Понятно, что учесть все вліяніе демонстраціи — невозможно.

Раньше всего фактъ участія русскихъ былъ использованъ еврейской буржуазіей, указавшей полицеймейстеру на то, что демонстрація носила не національный, а классовой характеръ. Не отрицая факта, полицеймейстеръ ссылался въ отвѣтъ на малочисленность русскихъ рабочихъ, а главное, на отсутствіе русскихъ дѣвушекъ. (Присутствіе евреекъ особенно возмутило его высокородіе, и этимъ, вѣроятно, объясняется то обстоятельство, что въ послѣднюю субботу мы были очевидцами, какъ, по приказанію полицеймейстера, городовые угощали плетками еврейскихъ работницъ.)

Но все же и незначительное число русскихъ революціонеровъ имѣло большое вліяніе какъ на полицеймейстера, такъ и на населеніе. О немъ заговорили, сильно преувеличивали, указывали на быстрый ростъ и т. д. Все это, конечно, не могло не создать новаго оттѣнка въ настроеніи полиціи и населенія по отношенію къ мѣстному движенію. Демонстрація имѣла, какъ намъ кажется, хорошее вліяніе и на русское рабочее населеніе. Если еще не всѣ вѣрятъ въ участіе русскихъ въ демонстраціи, то все же поколеблена вѣра многихъ въ національный характеръ революціоннаго движенія въ Россіи, все же многіе усомнились въ томъ, что еврей, „демократъ" и внутренній врагъ — синонимы. Чтобы еще рѣзче оттѣнить классовыя различія въ еврействѣ, Полѣсскимъ Комитетомъ Партіи была выпущена соотвѣтствующая прокламація по поводу Гомельской демонстраціи и собранія еврейской буржуазіи 10 мая.

Дѣло въ томъ, что сейчасъ же послѣ демонстраціи были пущены слухи о возможности повторенія погрома. Перепуганная еврейская буржуазія сейчасъ же обратилась къ полицеймейстеру, который на Пасху, когда носились подобные, пожалуй, еще болѣе настойчивые слухи о погромѣ, дѣйствительно принялъ нѣкоторыя мѣры для предотвращенія погрома: усилилъ штатъ полиціи, наводнилъ городъ шпіонами, успокаивалъ населеніе и т. д. На этотъ разъ пріемъ, оказанный имъ „депутатамъ отъ еврейскаго холопства", былъ нѣсколько иной. До нельзя раздраженный крупнымъ скандаломъ, происшедшимъ въ его городѣ, онъ отвѣтилъ еврейской буржуазіи, что послѣ анти-патріотическихъ и анти-правительственныхъ чувствъ, проявленныхъ большинствомъ еврейской молодежи въ такую трудную для Россіи минуту, онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за всѣ возможныя послѣдствія.

Еврейская буржуазія дрожала, она, вѣдь, всегда дрожитъ, когда въ немилости у полиціи. Но, бѣдная, она до сихъ поръ ничему не научилась, „черта осѣдлости" и практика полиціи до сихъ поръ не раскрыла ей закулисную сторону суроваго обращенія полиціи по отношенію къ евреямъ. Подобно тому, какъ начальникъ полиціи всея Руси слухами о погромѣ заставилъ раскошелиться всю еврейскую буржуазію, такъ и начальникъ гомельской полиціи вынудилъ у гомельской еврейской буржуазіи денежное пособіе на усиленіе штата полиціи. Для этой цѣли было созвано собраніе евреевъ при участіи начальниковъ полиціи и жандармеріи. Засѣданіе происходило въ еврейскомъ храмѣ, куда, однако, пускали далеко не всѣхъ евреевъ, что, впрочемъ, не ново. Новѣйшая практика показала полиціи, что соціальдемократія не относится съ подобающимъ уваженіемъ къ національной святынѣ — храму, такъ какъ нерѣдко во время богослуженія разбрасывала въ синагогѣ прокламаціи. Это страшное святотатство сильно возмутило полицію, и вотъ она, оберегая все и всюду, рѣшила принять мѣры для сохраненія чистоты храма. Самымъ раціональнымъ ей показалось не впускать молодежь въ синагогу, такъ что теперь еврейское богослуженіе ревностно охраняется полиціей отъ нашествія еврейской молодежи. Не трудно предвидѣть, какая блестящая перспектива открывается для развитія еврейскаго богослуженія.

Не станемъ останавливаться на всей массѣ мерзости и холопства, которыя были проявлены евреями на ихъ буржуазномъ собраніи. Результатомъ было денежное пособіе полиціи для введенія въ городѣ штата конныхъ городовыхъ.

Тронутый такой вѣрноподданнической готовностью, полицеймейстеръ снова взялъ на себя отвѣтственность и увѣряетъ своимъ полицеймейстерскимъ честнымъ словомъ, что никакого погрома не будетъ.

Характерно, между прочимъ, и то обстоятельство, что слухи о погромѣ всего больше изобрѣтаются и распространяются самими евреями.

Гомель. Черезъ нѣсколько дней послѣ демонстраціи 8 мая мѣстнымъ комитетомъ „Бунда" были распространены прокламаціи. Одинъ приказчикъ при распространеніи ихъ въ районѣ мѣстныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ былъ схваченъ желѣзнодорожными рабочими и переданъ въ руки полиціи. Но черезъ нѣсколько дней этотъ приказчикъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими политическими заключенными, бѣжалъ изъ мѣстной тюрьмы черезъ подкопъ.

Позорная роль, сыгранная въ этомъ дѣлѣ гомельскими желѣзнодорожниками, снова напомнила о не менѣе прискорбномъ участіи ихъ въ прошлогоднемъ погромѣ. Гомельскія желѣзнодорожныя мастерскія должны быть очищены отъ этой язвы. Дѣло недавно образовавшейся гомельской группы Партіи позаботиться о томъ, чтобы пріобщить массу желѣзнодорожныхъ рабочихъ къ пролетарской борьбѣ, которая до сихъ поръ въ Гомелѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ мѣстъ Западнаго края, развивалась въ тѣсномъ кругу еврейскихъ рабочихъ. Конечно, желательнѣе для нормальнаго развитія партіи борьбы. еслибъ укрѣпившаяся уже въ этомъ районѣ организація — Бундъ — стала тѣмъ очагомъ, изъ котораго революціонная агитація могла бы разливаться на еще не затронутые слои пролетаріата. Но для этого Бунду слѣдовало бы преобразоваться изъ „представителя *еврейскаго* пролетаріата" и его „національныхъ интересовъ" въ представителя всей Партіи въ данномъ районѣ. Пока этого нѣтъ, вся трудная работа пріобщенія русской рабочей массы въ Западномъ краѣ къ соціальдемократическому движенію и борьбы съ ядовитыми сѣменами антисемитизма падаетъ на группы піонеровъ, сумѣвшихъ стать выше приходской точки зрѣнія. Образованіе такихъ группъ въ цѣломъ рядѣ городовъ Зап. края представляетъ одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій послѣдняго времени.

Одесса. Какъ я писалъ уже раньше, еще задолго до наступленія Пасхи у насъ шли усиленные толки объ еврейскомъ погромѣ. То тутъ, то тамъ появлялись новыя вѣсти о приготовленіяхъ русскаго простонародья къ погрому. Разсказывали, какъ о фактѣ, что у какой-то русской прачки нашли нѣсколько кинжаловъ и ломовъ, передавали, что въ другомъ мѣстѣ, въ какомъ-то сараѣ, найдено много палокъ съ заостренными желѣзными наконечниками. Ходили слухи, что во главѣ предстоящаго погрома станутъ „лигисты" мѣстнаго университета и Пав. Крушеванъ, пріѣздъ котораго ожидался. Все это, въ связи съ усиленнымъ распространеніемъ почти во всѣхъ кварталахъ „Знамени", повергло въ значительную панику все мѣстное еврейское населеніе. Наиболѣе молодые изъ евреевъ начали приготовляться къ вооруженію. По рукамъ ходили еврейскіе листки съ призывомъ обороняться отъ громилъ и организоваться въ „Національный комитетъ самообороны".

Нелегальныя организаціи въ лицѣ Одесскаго Комитета и Бунда тоже начали организовывать массовую самооборону. Такъ, по всѣмъ улицамъ были разставлены патрули, на обязанности которыхъ лежало немедленное увѣдомленіе о погромѣ одной центральной квартиры, гдѣ уже находились вооруженные рабочіе. Особенно хорошо была организована самооборона на Куликовомъ полѣ, гдѣ на праздникахъ находятся десятки тысячъ гуляющаго люда. Было рѣшено, въ случаѣ погрома, сейчасъ же обратиться съ рѣчью къ громиламъ и этимъ удержать ихъ отъ насилія. Въ случаѣ, если это не удастся, рѣшили защищаться отъ погромщиковъ. Еще до наступленія Пасхи, Одесскимъ Комитетомъ была выпущена прокламація въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Въ этой прокламаціи хорошо и подробно выяснялись роль и значеніе погромовъ для организующаго ихъ правительства и указывалось на тотъ вредъ, который приносятъ погромы для революціонной борьбы рабочаго класса. Но, какъ показало дальнѣйшее, всѣ эти приготовленія были напрасны. Предержащія власти смекнули, что въ такое время, какъ наше, погромы некстати — и погромъ не состоялся...

Послѣ этого, особенно выдающихся событій у насъ не было. Какъ и прежде, революціонная работа идетъ черепашьимъ шагомъ и подвигается впередъ очень вяло. И это, несмотря на то, что война, наступившая безработица и сильное вздорожаніе продуктовъ вызываютъ сильное недовольство. Ходятъ слухи, что въ Одессѣ скоро будетъ мобилизація запасныхъ, и многіе уже приходятъ въ ужасъ, предвидя, чѣмъ это пахнетъ. Изъ мѣстныхъ казармъ масса солдатъ удираетъ и довольно хорошо скрывается.

Именно теперь размахъ революціонной агитаціи долженъ былъ бы во сто кратъ увеличиться, именно теперь крайне необходима широкая массовая печатная и устная агитація, на почвѣ существующаго недовольства. Вѣдь такіе историческіе моменты, какъ мы теперь переживаемъ, не часто бываютъ! Но все это проходитъ неиспользованнымъ. Даже сознательные рабочіе, находящіеся въ организаціи, чувствуютъ себя очень неудовлетворенными. Отсутствіе силъ даетъ себя чувствовать особенно теперь. Литературы нѣтъ никакой. Въ самое послѣднее время прибылъ транспортъ ея со статьей Ленина изъ „Студента" и нѣсколько №№ „Искры", вышедшей два-три мѣсяца тому назадъ. Даже листки Комитета, раньше выходившіе довольно регулярно, очень долго не появлялись. И только недавно выпущено 8000 листковъ объ *якутской исторіи* и нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ листковъ объ одномъ рабочемъ убитомъ въ Якутскѣ, *Юріи Матлаховѣ*, извѣстномъ въ Одессѣ подъ именемъ *Павла* (Павлуша — тожъ). Юрій Матлаховъ долгое время работалъ въ одесскихъ революціонныхъ организаціяхъ и былъ арестованъ въ театрѣ при разбрасываніи прокламацій „Южной Революціонной Группы Соціальдемократовъ".

Ничего не сдѣлавъ или сдѣлавъ очень мало для работы массовой¹), мало распространяя свое вліяніе и воздѣйствіе на среду *внѣшнюю*, Одесск. Ком. хорошо [illegible] по отношенію къ средѣ *внутренней*. Такъ долгое время Одесск. Ком. систематически замалчивалъ существующія партійныя разногласія. Когда же нѣкоторые изъ меньшинства начали распространять свои взгляды на организаціонные вопросы — Комитетъ заработалъ во всю. Началъ онъ съ того, что элементы „неблагонадежные" и „неподходящіе" были исключены изъ организацій подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Нужно замѣтить, что все это дѣлалось „по благородному": къ человѣку, зараженному „меньшинствинской скверной", начали предъявлять неосновательныя претензіи, вдругъ начали придираться, вытаскивать на свѣтъ божій какіе-то дефекты въ его организаторской работѣ и все это клонилось къ тому, чтобы лица нежелательныя выступили изъ организаціи. И немало дѣльныхъ нужныхъ работниковъ ушло изъ организаціи. Не отставалъ Комитетъ и въ литературной пропагандѣ своихъ взглядовъ, причемъ пропаганда эта была какого-то особаго сорта: вмѣсто того, чтобы объективно разобраться въ принципіальныхъ взглядахъ противника, обстоятельно доказать несостоятельность взглядовъ меньшинства — Комитетъ въ своихъ двухъ брошюрахъ („Резолюціи II-го съѣзда" и „Докладъ о II-мъ съѣздѣ") такъ и порхаетъ по поверхности, повторяя сплетни, возводимыя на меньшинство, и прямо недобросовѣстно излагаетъ факты.

Легко себѣ представить, какое вліяніе могутъ имѣть подобнаго рода изданія на рабочую массу. Находясь подъ постояннымъ воздѣйствіемъ революціонной болтовни — наши рабочіе чувствуютъ себя совсѣмъ сбитыми съ толку. И въ самомъ дѣлѣ: та самая „Искра", которою они такъ зачитывались, — вдругъ оказывается никуда негодной дрянной газеткой съ анархическими и оппортунистическими тенденціями. Тѣ самые Плехановъ и Мартовъ, произведенія которыхъ они такъ усердно читали — теперь объявляются: первый „мудрымъ змѣемъ" и быстро мѣняющимъ свои взгляды, а второй просто непонимающимъ соц.-дем., склоннымъ даже признавать терроръ (увѣреніе Павловича). Аксельродъ, *по увѣренію брошюры*, изданной Одесскимъ Ком., обвиняетъ Ленина и его сотрудниковъ въ буржуазно-демагогическихъ замашкахъ, а мѣстный Комитетъ обвиняетъ Мартова и его сторонниковъ въ оппортунизмѣ, желаніи потакать оставшимся экономистамъ и т. д. О, времена! О, нравы!

И въ этомъ-то сказывается вся ненормальная постановка дѣла. Знать настолько, чтобы быть въ состояніи разобраться во всей этой кутерьмѣ, рабочіе не знаютъ, просто потому, что до сихъ поръ мало заботились о томъ, чтобы такія знанія появились у широкихъ круговъ рабочихъ. По понятнымъ причинамъ, наши организаціи до сихъ поръ старались захватить движеніе больше въ ширь, чѣмъ въ глубь.

У многихъ рабочихъ создается настроеніе очень враждебное къ интеллигенціи и начинается реставрація „рабочевоическихъ" тенденцій. „Чѣмъ мы виноваты, — говоритъ, напримѣръ, одинъ рабочій, — если „они" тамъ, наверху дерутся?" Иные, особенно массовые, начинаютъ „разочаровываться" въ соціальдемократической программѣ, которую они и такъ плохо понимали. „И если наши вожаки, — говорятъ такіе, — еще сами хорошо не выяснили себѣ многаго, если они сами другъ друга обвиняютъ въ непониманіи соц.-дем. ученія, то что же намъ сказать?"

Таково-то настроеніе рабочихъ массовыхъ. Что же касается рабочихъ сознательныхъ, передовыхъ то у нихъ создается какое-то апатичное настроеніе. Руки такъ и опускаются, чувствуется, что должно быть иначе а какъ именно должно быть — этого-то они и не знаютъ!.. Съ одной стороны, какъ будто право „большинство", какъ будто кажется, что они-то и принимаютъ ближе къ сердцу интересы пролетаріата, стоятъ на болѣе ортодоксальной точкѣ зрѣнія. А съ другой стороны, начинаютъ они вдумываться и понимаютъ, что въ тѣхъ „желѣзныхъ" организаціонныхъ рамкахъ, въ которыя думаетъ втиснуть движеніе Ленинъ и другіе, партія развиваться не можетъ, ей грозитъ превратиться въ кружокъ, правда, въ кружокъ тѣсный, хорошо подобранный, сплоченный, но все же таки кружокъ...

Но тутъ опять возникаетъ недоразумѣніе и нѣтъ у нихъ возможности примкнуть къ чему-нибудь опредѣленному, чтобы считать себя опредѣленными сторонниками опредѣленнаго теченія.

Я объ этомъ такъ много распространяюсь, потому что мнѣ кажется, что изображенное мною настроеніе обще у всѣхъ передовыхъ рабочихъ.

Въ ночь на 1 мая въ Одессѣ провалились двѣ типографіи, въ которыхъ найдено больше десяти пудовъ шрифта и масса другихъ техническихъ приспособленій. Въ первой изъ нихъ взяты: хозяинъ квартиры и работавшіе въ типографіи Д. Либманъ и Л. Волынскій; во второй взяты мужъ и жена. Полиція пять дней находилась въ этихъ квартирахъ, оставаясь даже ночью, какъ видно предполагая схватить всѣхъ тѣхъ, которые туда пришли бы. Но, къ ихъ величайшей досадѣ, о провалѣ быстро узнали и предупредили кого слѣдуетъ. Въ первой типографіи взято также 2500 брошюръ о войнѣ: „Ко всему рабочему народу". За нѣсколько дней до этого провала на улицѣ былъ арестованъ интеллигентъ *Годинъ* съ 800 экз. этихъ же брошюръ.

А пока что — печально! Масса спитъ. Движеніе расширяется и углубляется очень, очень мало. Духовные запросы у уже организованныхъ рабочихъ растутъ не по днямъ, а по часамъ — удовлетвореніе же этихъ разнообразныхъ запросовъ прямо минимальное! А пока событія идутъ своимъ чередомъ, масса явленій и событій нашей современной общественной жизни остаются неиспользованными, и наши организаціи — во хвостѣ событій.

Что жъ то будетъ?!..

Е——мъ.

Опроверженіе. Намъ прислано слѣдующее письмо:

Въ редакцію „Искры".

Въ № 65 „Искры" помѣщена корреспонденція изъ Риги, въ которой сообщается о происходившей 11 апрѣля сего года рабочей первомайской демонстраціи. Къ сожалѣнію, въ эту корреспонденцію вкралась „маленькая" неточность. Корреспондентъ, видимо, компетентный въ вопросѣ, пострадалъ ли кто изъ членовъ „здѣшней мѣстной латышской организаціи", оказался совершенно неосвѣдомленнымъ (такъ, по крайней мѣрѣ, хотѣли бы мы думать!), что первомайская демонстрація была устроена совмѣстно обоими комитетами г. Риги — Латышской Прибалтійской Соц.-Дем. Раб. Организаціи и „Бунда".[1]

Тѣмъ болѣе странной кажется неосвѣдомленность корреспондента, что прокламація съ призывомъ къ празднованію 1-го мая, — „Привѣтствіе къ 1-му мая", — о распространеніи которой на демонстраціи сообщается въ корреспонденціи, издана и распространена на мѣстѣ демонстраціи также обѣими вышеуказанными организаціями.[2]

Мы надѣемся, что редакція не откажется, въ виду возстановленія истины, дать мѣсто вышесказанному.

Рижскій Комитетъ Латышской Прибалтійской Соц.-Дем. Рабочей Организаціи.

Рижскій Комитетъ Бунда.

Рига. 19 мая 1904 г.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Майскій праздникъ среди кавказскихъ крестьянъ.

Ланчхуты. (Кутаисской губ.). 20 апрѣля было собраніе крестьянъ въ лѣсу. Полиція нагрянула немедленно. По дорогѣ она встрѣтила 30 крестьянъ. Приставъ Гвасалія хотѣлъ задержать одного изъ нихъ Чачуа, но тотъ стащилъ пристава съ лошади и отнялъ у него ружье; Гвасалія револьверными выстрѣлами убилъ его и другого крестьянина Ебралидзе. Остальные разошлись, захвативъ съ собою ружье пристава.

На похоронахъ убитыхъ присутствовало нѣсколько тысячъ крестьянъ.

По тому же поводу другой корреспондентъ пишетъ: Боевое настроеніе среди гурійскихъ крестьянъ было подготовлено уп а ной агитаціей и пропагандой нашихъ товарищей. И вотъ, к ню гурійскій комитетъ партіи кликнулъ кличъ, призывая де сюду на майскій смотръ, какъ лавины, стали стекаться о му самодержавію свои силы и тысячей голосовъ послать хъ, когда крестьяне къ сборнымъ пунктамъ, чтобы показать цар роклятье ему. Народъ рвался впередъ, даже въ тѣхъ слу ебя, потокъ простая выгода говорила о необходимости сдержат своимъ напо- народный бурно несся впередъ, стремясь смет ромъ препятствія, стоявшія на его пути.

Демонстративныя похороны нашихъ авныхъ борцовъ Чачуа и Ебралидзе, предательски убит , въ столкновеніи съ полиціей 20 апрѣля, само собою пр ли къ введенію въ селѣ Ланчхуты и прилегающихъ къ н у деревняхъ военнаго положенія.

Какъ вороны, царская опричин во главѣ съ уѣзднымъ начальникомъ Джанаридзе, слетѣлас а мѣсто, обагренное кровью. Арестовано 14 человѣкъ. Сооб ніе съ этимъ райономъ настолько затруднено вслѣдствіи силенной охраны, что активныя дѣйствія врядъ ли мыслимы ѣмъ болѣе, что крестьяне не вооружены, и всякая попыт устроить демонстрацію, не смотря на наличность боевого н троенія, окончилась бы массой жертвъ убитыми и ранеными.

Вниманіе теперь иковано къ селу Чахатаури Озургет. уѣз., куда, по призыву урійскаго комитета, стали стекаться 2 мая крестьяне групп и въ десятки и сотни человѣкъ изъ окрестныхъ деревен Крестьяне деревни Хатистави (только о ней имѣются у н ь точныя свѣденія), числомъ въ 400 человѣкъ, изъ нихъ женщ. т. е. вся почти деревня, пройдя съ революціонными ѣснями четыре версты по направленію къ Чахатаури, замѣти вдали конныхъ стражниковъ, которые жестами требовал разойтись. Но хатиставцы, вооруженные револьверами, отв или выстрѣлами на требованіе царскихъ холоповъ. Пули не достигали цѣли. Стражники стояли внѣ револьверныхъ выстрѣловъ, и сами изъ засады открыли огонь по толпѣ, съ неудержимой силой рвавшейся впередъ. Не было силы остановить ее: свистъ пуль еще сильнѣе разжигалъ желаніе смести опричину, помѣшавшую крестьянамъ собраться на великій рабочій праздникъ. Со стороны стражниковъ было сдѣлано не менѣе ста выстрѣловъ. Одинъ крестьянинъ (Подсхишвили) былъ убитъ пулей въ ротъ, другой (Iесе Калантадзе) получилъ смертельную рану въ грудь. Приподнявшись, онъ едва могъ произнести нѣсколько словъ, выражая твердую увѣренность, что дѣло, которому отдалъ свою жизнь, не умретъ съ нимъ...

Толпа крестьянъ, какъ грозный потокъ, шла впередъ. Было ранено еще нѣсколько человѣкъ и только тогда началось отступленіе. Но не склонилось красное знамя передъ царскими опричниками. Гордо оно развѣвалось надъ храбрыми хатиставцами, которые отступали, затаивъ еще большую ненависть къ двухглавому орлу, раздирающему народное тѣло.

Село Федоровка, Екатеринославской губ., Александровскаго уѣзда. Широкая соціальдемократическая агитація въ нашихъ селахъ даетъ теперь плоды. Прежде всего она пробудила крестьянскую массу отъ политическаго забытья. Листки и литература широко читались и производили большое впечатлѣніе. Но чувствовалось большое затрудненіе изъ-за недостатка спеціальной литературы для крестьянъ. Распространялась среди крестьянъ и литература с.-р.-овъ. Но нужно отмѣтить, что огромное большинство сознательныхъ крестьянъ примыкаютъ къ соціальдемократіи и признаютъ себя соціальдемократами.

Проснулись отъ политическаго сна и отдѣльные элементы изъ числа поповъ, дьяковъ, писарей и т. д.

Передъ первымъ мая ожидали демонстрацію. Въ виду этого наѣхала въ Федоровку масса жандармеріи.

---

¹) Оцѣнку дѣятельности комитета мы оставляемъ на отвѣтственности корреспондента. Ред.

[1] См. Zihna („Борьба") № 2, апрѣль 1904 г., изд. Лат. Соц.-Дем. Раб. Орган. и „П. И." Бунда № 180.

[2] См. „П. И." № 179.

Полиція и полицейскіе стражники были собраны съ четырехъ волостей. Ярмарка, происходившая въ это время въ Федоровкѣ, была, вмѣсто перваго мая, закрыта 28 апрѣля. Второго мая, въ воскресенье, начальство приказало закрыть на весь день всѣ лавки.

Явившись 28 апрѣля въ село, жандармы приставили къ хатамъ полицейскихъ стражниковъ и не позволяли никому ни входить, ни выходить. Обыскано было до трети всѣхъ хатъ — около сотни. Ни у кого ничего не нашли, кромѣ двоихъ, которыхъ арестовали (одинъ изъ нихъ болталъ и былъ выпущенъ). Арестованы также двое, у которыхъ ничего не найдено.

Оказывается, что былъ доносъ отъ псаломщика, священника Верецкаго и лавочника Зарубина.

Аресты вызвали огромное возбужденіе и лишь подлили масла въ огонь, зажженный японской войной. Война вызвала недовольство почти у всѣхъ крестьянъ. Ходятъ слухи, что будетъ и въ Екатеринославской губерніи мобилизація, реквизиція и другіе самодержавные подарки народу. Все это волнуетъ крестьянъ и увеличиваетъ у нихъ недовольство. Недовольство это существовало и раньше, но теперь оно *принимаетъ опредѣленный политическій характеръ.*

Крестьяне поговариваютъ о необходимости протестовать противъ арестовъ и т. п.

Изъ Тверского уѣзда. У насъ въ тверскомъ уѣздѣ недавно былъ погромъ учителей. Арестованы учителя: П. А. Миротворцевъ и Д. С. Серговскій (послѣдній выданъ крестьяниномъ деревни Ильино — Гусаревымъ). Въ ночь на 3 марта на западъ уѣзда неожиданно налетѣлъ становой Давыдовъ съ жандармомъ и двумя урядниками. Обыски произведены были въ школахъ Иванищево — у Третьякова, Стрѣнево — у Кудряшева и Кумордино — у Воскресенскаго. При обыскахъ ничего не нашли, и незваные гости должны были уйти съ пустыми руками. „Тридцать обысковъ, жаловались они, и ни одного человѣка".

Надо сказать, что отношеніе населенія здѣсь (западъ уѣзда) было далеко не въ пользу учителей. Такъ, нѣкоторые крестьяне изъ ивановцевъ были недовольны тѣмъ, что ихъ учителя не взяли. „Жаль, говорилъ Максимъ Пановъ, что его не взяли, а надо бы. Пріѣдетъ урядникъ, сами скажемъ: „ищи, ищи хорошенько. Быть не можетъ, чтобы ничего не было. Гдѣ-нибудь, да запрятано".

На того же учителя послѣ обыска сдѣланъ былъ доносъ крестьяниномъ Василіемъ Горячимъ, который говорилъ, что учитель распространяетъ листки и книжки, но, такъ какъ фактическихъ уликъ не было, то его доносъ оставленъ пока безъ послѣдствій.

При такихъ условіяхъ приходится начинать работу въ нѣкоторыхъ деревняхъ. Учитель-пропагандистъ въ этомъ случаѣ не только не встрѣчаетъ сочувствія со стороны народа, но и долженъ считаться съ предательствомъ.

Но не всюду, вѣдь, то же, и эти отдѣльные случаи не могутъ убить энергію учителей.

Сама жизнь съ такой силой выдвигаетъ впередъ необходимость пропаганды въ деревнѣ, что никакихъ отступленій здѣсь не можетъ быть, и это сообщаетъ работнику силу и переноситъ его черезъ всѣ препятствія.

Какъ бы инертна ни была наша деревня въ массѣ своей, однако и сейчасъ въ ней, несомнѣнно, существуютъ элементы, критически относящіеся къ существующему строю, и эти-то элементы и составляютъ первоначальныя революціонныя организаціи, которыя постепенно будутъ рости и пріобрѣтать все большее и большее вліяніе.

Одинъ изъ многихъ.

P. S. Еще раньше былъ обыскъ у учителя Васильевской школы Богословскаго.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

хангельскъ. Въ окрестностяхъ Архангельска расположенъ цѣлый рядъ лѣсопильныхъ заводовъ. Положеніе рабочихъ на этихъ заводахъ оставляетъ желать много лучшаго. Рабочихъ давятъ, бьютъ, грабятъ, надругиваются надъ ними, унижаютъ ихъ человѣческое достоинство. „Рабочій все стерпитъ!", думаетъ администрація и лѣсные короли-заводчики. А рабочій терпитъ, терпитъ, и диву даешься его многотерпѣливости. Вотъ нѣкоторые факты. На заводѣ Мейера, Пеца и Кº мастеръ Синцовъ, поступившій на мѣсто по рекомендаціи жандармскаго полковника, усиленно шпіонитъ за рабочими, ходитъ „по пятамъ". Своего же дѣла совсѣмъ не знаетъ, зато платой прижимаетъ. Въ фабричной лавкѣ на заводѣ Кыркалова рабочимъ сбываютъ гнилую солонину и треску, хоть въ рѣку бросай. А попробуй не брать, потеряешь работу. Хозяинъ завода, Фед. Кыркаловъ, соблазняетъ молодыхъ смазливыхъ дѣвушекъ-крестьянокъ, работающихъ на биржѣ. На заводѣ Руса ва прикащикъ Зелененъ беретъ взятки и грубо обращается. На заводѣ Стюарта биржевые прикащики (Поповъ, Корельскій) дерутся и шпіонятъ. Управляющій Гурьевъ, по прозвищу „шлифованный гвоздь", какъ запасной солдатъ, перещеголялъ грубымъ обращеніемъ даже прикащиковъ: кричитъ, грозится желѣзной палкой; понижаетъ заработную плату.

Условія работы тяжелыя: на заводѣ онтейниса, напр., въ пилоставномъ отдѣленіи, гдѣ производится точка пилъ, вентиляціи никакой, и наждачная пыль безвозбранно разрушаетъ здоровье рабочихъ. На другомъ заводѣ — Стюарта — механическая мастерская напоминаетъ помойную яму: холодно, сыро, то наноситъ снѣгу, то вода льется. Рабочіе ходятъ по лужамъ и должны постоянно конопатить стѣны, чтобы устранять стоки воды. На заводѣ Норда заставляютъ рабочихъ лазить по штабелямъ и во время дождя: недавно на этомъ заводѣ одинъ рабочій свалился со штабелей и разбился на смерть.

Словомъ, жизнь и честь рабочаго въ постоянной опасности. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока рабочіе не научатся силой, борьбой со всѣми своими угнетателями и насильниками отстаивать свои права. Просыпайтесь же, лѣсопильные рабочіе, къ сознательной жизни, къ дружной борьбѣ.

Не лучше положеніе рабочаго и въ пароходныхъ мастерскихъ. Въ Мурманскомъ пароходствѣ есть, напр., мастеръ Хабаровъ (фамилія то больно подходящая: по Сенькѣ и шапка, говорится). Беретъ хабаръ (взятки) съ рабочихъ. Съ одного механика взялъ бочку трески, съ другого — 6 пудовъ сушеной черники. Ничѣмъ не брезгуетъ. А скажешь супротивное слово — съ кулаками лѣзетъ доказывать свою правоту. И пароходнымъ рабочимъ пора тоже подумать о своемъ положеніи.

Рига. За послѣднее время работа мѣстнаго комитета партіи сильно оживилась. Комитетъ переходитъ теперь къ устройству болѣе крупныхъ собраній. Такъ, имъ организовано за послѣднее время нѣсколько „летучекъ" по 20-25 чел. Бесѣды проходили очень оживленно и сильно заинтересовали рабочихъ, которые просятъ устраивать такія собранія почаще. 9 го мая было собраніе въ 55 чел. — плохая погода помѣшала придти многимъ приглашеннымъ. Говорились рѣчи о политической свободѣ, о классовой борьбѣ, о первомъ мая и 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ, пѣли пѣсни. Собраніе продолжалось три часа, разошлись при крикахъ „долой самодержавіе!"

Спросъ на литературу громадный, но литературы нѣтъ и это сильно тормозитъ работу.

Севастополь. 18 апрѣля было первомайское собраніе; произнесены рѣчи: 1) Значеніе перваго мая и празднованіе его заграницей, 2) Капиталистическій строй и борьба за соціализмъ, 3) О войнѣ. Пѣли пѣсни, читали стихотворенія. Былъ выпущенъ листокъ о первомъ мая, — перепечатка листка редакціи Ц. О. За день до перваго мая были аресты (10 чел., рабочіе); шесть выпущены, четверо сидятъ. У нѣкоторыхъ найдены брошюры. По поводу арестовъ выпущенъ гектографированный листокъ.

Баку. 3-го мая началась забастовка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ. Рабочіе предъявили такія требованія:

1) Ни одному работнику или работницѣ заработная плата не должна быть ниже 15 руб. въ мѣс.

2) Повышеніе заработной платы на 15% для лицъ, зарабатывающихъ до 35 руб. въ мѣс., и 10% зарабатывающимъ болѣе 35 рублей.

3) Вознагражденіе въ случаѣ болѣзни — половина заработной платы холостымъ и ¾ семейнымъ.

4) Уничтоженіе даровой работы въ теченіе 15 дней (по вступленіи рабочаго на фабрику).

Комитетомъ выпущенъ листокъ къ забастовщикамъ и другой — ко всѣмъ рабочимъ о поддержкѣ стачечниковъ.

Фабрикантъ согласился пойти на полную уступку по 4-му пункту и на частичную по 2-му и 3-му. Рабочіе не уступили. Тогда полиція арестовала 23 человѣка (8 изъ нихъ освобождены) и запретила лавочникамъ отпускать стачечникамъ товаръ въ кредитъ. Губернаторъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ грозитъ высылкой по этапу на родину тѣмъ, кто не станетъ на работу.

17 мая Комитетъ выпустилъ новый листокъ ко всѣмъ рабочимъ съ изложеніемъ подробностей стачки.

Хроника еврейскаго рабочаго движенія.[1]

(Районъ Бунда).

Нашу хронику еврейскаго рабочаго движенія въ районѣ Бунда будетъ умѣстно начать съ дня 1 мая, новаго года революціоннаго рабочаго движенія, который никогда не проходитъ даромъ для развитія классоваго самосознанія еврейскихъ рабочихъ, такъ какъ въ районѣ Бунда всегда усиленно ведется предмайская агитація, 1-го мая происходятъ рабочія собранія и демонстраціи. Въ текущемъ году предмайская агитація выразилась въ изданіи и распространеніи слѣдующихъ листковъ и прокламацій. Центр. Комитетомъ Бунда были выпущены 2 листка: одинъ о значеніи 1-го мая, на еврейскомъ и русскомъ языкахъ (90000), другой — къ русскимъ рабочимъ: „Еврейскіе погромы и организованный пролетаріатъ", разъясняющій русскимъ рабочимъ ихъ солидарность съ еврейскими и предупреждающій о возможности въ день 1-го мая еврейскихъ погромовъ. Кромѣ того во многихъ мѣстахъ былъ распространенъ отдѣльный оттискъ изъ № 2 издающагося Ц. К. Бунда еврейскаго органа „Der Bund" (Союзъ) — о значеніи 1-го мая, всего въ количествѣ 6000 экз. Изъ мѣстныхъ комитетовъ Бунда особые майскіе листки были изданы комитетами: Бѣлостокскимъ (3000), Виленскимъ (4000 листковъ и 10000 поздравительныхъ карточекъ), Рижскимъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ комитетомъ Прибалтійской Латышской Соц.-Дем. Раб. Организаціи (2000 на евр. и 4000 на латыш.), Лодзинскимъ (6000 экз.), Варшавскимъ (5000), Двинскимъ (1000 на евр. и 1000 на русск.), Ковенскимъ (5000), Гомельскимъ (поздрав. карточки 3000). Повсюду подготовка и празднованіе 1-го мая не ограничивались письменной агитаціей. Вездѣ устраивались массовыя собранія, на которыхъ выяснялось значеніе 1-го мая. Такія предмайскія и майскія собранія были въ Гомелѣ (въ 900, 600 и 300 челов.), Могилевѣ (въ 60, 80, 100 и 200 ч.). Двинскѣ (въ общемъ, 1500 ч.), Бердичевѣ (собранія въ 60-100 ч.) Бобруйскѣ (собр. по 700-800 ч.), Витебскѣ (40 ч.), Полоцкѣ (нѣкот. собр. по 400 ч.). Гродно (15 соб., всего 600 ч.), въ Гродненской губ.: въ Скудели (100 ч.), Озерахъ (50 ч.), Индурѣ (40 ч.), Минскѣ (отъ 50 до 100 ч. на кажд. собр.), Борисовѣ (5 собр., на одномъ 130 ч.), Оршѣ (150 ч.). Яновѣ (60 ч.), Вилькомирѣ (70 ч.), Волковыскахъ (400 ч.), Шкловѣ, Вѣткѣ, Мозыри (300 ч.), Рѣжицѣ (90 ч.). Слонимѣ и многихъ другихъ городкахъ и мѣстечкахъ. Витебскому комитету удалось даже собрать въ близлежащей деревенькѣ предмайское собраніе крестьянъ. Самый день 1-го мая большинству мѣстныхъ организацій не удалось отпраздновать уличными демонстраціями, какъ по конспиративнымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе недостаточной силы организацій. Большія демонстраціи были лишь въ Варшавѣ (1 и 2 мая), въ Гомелѣ (8 мая, число участниковъ 700 ч.[2]), въ Ригѣ. Въ Ригѣ демонстрація была организована совмѣстно съ Латышской организаціей, въ Варшавѣ Бундъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Польскими организаціями: Польск. Соц.-Дем. и Польск. Парт. „Пролетаріатъ" (о подробностяхъ этихъ демонстрацій см. въ № 65 „Искры"). Небольшія демонстраціи были въ Полоцкѣ и Слонимѣ (Гродн. губ.). Предполагавшіяся демонстраціи въ Минскѣ и Бердичевѣ, вслѣдствіе недостатка силъ, не удались. Въ другихъ городахъ еврейскій пролетаріатъ праздновалъ интернаціональный рабочій праздникъ однодневной забастовкой въ день 1-го мая и рабочими собраніями. 1-го мая забастовки были въ слѣдующихъ мѣстахъ: Двинскѣ (около 1000 ч.), Минскѣ (1000 ч., въ ихъ числѣ 100 ч. рабочихъ „пойале-ціонъ" — крайней фракціи сіонистовъ, такъ называемыхъ „сіонистовъ соціалистовъ"), Бердичевѣ (около 1500 ч.), Лодзи (500 ч.), Витебскѣ (300 чел.), Гроднѣ. Слонимѣ (1000 чел.), Индурѣ, Оршѣ (150 чел.), Ковнѣ (150-200 ч.), Шавляхъ, Рѣчицѣ (Минской губ. — 80 ч.) Полоцкѣ (600 ч.), Гомелѣ (700 ч.), Ново-Александровскѣ (Ковенской губ.), Шкловѣ, Маріамполѣ (Сувалкской губ.), Сувалкахъ, Креславкѣ (Витебской губ.), — въ послѣднихъ пяти городахъ бастовали всѣ имѣющіеся тамъ еврейскіе рабочіе —, Бобруйскѣ, Вилькомирѣ (Ковенской губ., 80 ч.), Невелѣ и Ліознѣ (Витебской губ., 250 и 40 ч.). Изъ другихъ фактовъ еврейскаго рабочаго движенія, имѣвшихъ мѣсто въ послѣднее время, можно упомянуть о слѣдующихъ: въ мѣстечкѣ Толочинѣ, Могилевской губ., мѣстная полиція вела агитацію въ пользу еврейскаго погрома, но, узнавъ о подготовленіи рабочими самообороны, отказалась отъ своего намѣренія и даже стала отговаривать отъ этого крестьянъ, внушая имъ, что евреи такіе же подданные царя, какъ и русскіе. Услышавъ про готовящійся въ Толочинѣ погромъ, рабочіе изъ окрестныхъ мѣстечекъ (Борисова и Орши) образовали оборону и вооруженные пріѣхали помогать толочинцамъ, но большинство изъ нихъ было арестовано на станціи. Въ мѣстечкѣ Паричахъ, Минской губ., нѣкоторая часть населенія пыталась произвести погромъ, но, встрѣтивъ вооруженный отпоръ со стороны евреевъ, послѣ свалки разсѣялась.

Въ Рѣжицѣ, Витебской губ., во время патріотическаго молебна въ синагогѣ были разбросаны прокламаціи противъ войны и, выйдя изъ синагоги, толпа въ 200 челов. прошлась демонстративно по улицѣ. Въ Ригѣ комитетъ Бунда, вмѣстѣ съ Латышскимъ комитетомъ, назначили на 11 апрѣля демонстрацію; она не удалась благодаря вмѣшательству полиціи: между рабочими и полиціей произошла свалка, въ результатѣ которой побитой оказалась полиція. Въ Лодзи въ дешевой столовой, гдѣ, благодаря страшной безработицѣ, явившейся отзвукомъ войны съ Японіей, собирается масса безработныхъ и голодающихъ рабочихъ, 5-го апр. одинъ рабочій произнесъ передъ 300 чел. рѣчь о войнѣ и связанной съ ней безработицей. На слѣдующій день рабочіе, недовольные качествомъ обѣда, устроили въ той же столовой собраніе, послѣ котораго демонстративно прошлись по Петровской улицѣ. 7-го апр. возлѣ столовой стояла полиція и разгоняла собиравшихся рабочихъ; все таки часть рабочихъ собралась въ столовой, гдѣ были произнесены рѣчи о войнѣ, кризисѣ и правительствѣ.

О другихъ явленіяхъ и фактахъ еврейскаго рабочаго движенія поговоримъ въ слѣдующій разъ.

Изъ Польши. (Czerwony sztandar) Въ Варшавѣ, несмотря на провалъ соц.-дем. типографіи, многочисленные аресты и угрожающія всевозможными репрессіями объявленія Черткова, соціаль-демократическая организація вела самую энергичную первомайскую агитацію. Кромѣ 3000 майскихъ воззваній (изд. Главнымъ Управленіемъ С.-Д. П. и Л.), выясняющихъ значеніе первомайскаго праздника нынѣшняго года въ связи съ русско-японской войной, было распространено 10000 пригласительныхъ карточекъ за подписью Варшавскаго Комитета.

Помимо большой и очень удачной демонстраціи, устроенной тремя организаціями (С.-Д. П. и Л., Бундъ и „Пролетаріатъ"), о которой уже сообщалось въ 65 № „Искры", 1-го мая была еще на Волѣ небольшая манифестація, организованная отдѣльно строительными рабочими. Затѣмъ 4-го мая на похоронахъ товарища Іосифа Биренцвейга была устроена третья демонстрація.

Въ Фаленицѣ 1-го мая рабочіе щеточной фабрики Фейса и строительные рабочіе, собравшись въ числѣ 200 человѣкъ, съ краснымъ знаменемъ и революціонными возгласами прошлись по всему селенію.

Первомайскія прокламаціи („1-ое мая! Война войнѣ!") распространены были въ различныхъ мѣстностяхъ (Ломжа, Лодзь, Ченстохово), хотя въ общемъ чувствовался недостатокъ, всюду требовалось вдвое, втрое больше. Наприм., въ Ченстоховѣ всего распространенно 400 прокл.

И въ Польшѣ имѣли мѣсто „патріотическія" манифестаціи, организованныя полиціей при добровольномъ участіи буржуазіи. Наибольшій патріотизмъ проявляютъ Лодзинскіе фабриканты, которые при посредствѣ мастеровъ (напр., у Абеля, Шейблера, Гриндвальда, на чулочной фабрикѣ Генттнера и Винкеля) грабятъ съ рабочихъ пожертвованія на военныя цѣли. И рабочіе жертвуютъ безъ протеста въ пользу „царя и отечества". Впрочемъ, извѣстенъ одинъ случай, когда 30 польскихъ рабочихъ на фабрикѣ Абеля воспротивились этому новому способу обкрадыванія ихъ. Къ сожалѣнію, они не нашли поддержки у большинства (свыше 100) своихъ товарищей, нѣмецкихъ рабочихъ. Послѣдніе жертвовали безпрекословно.

Необходимо отмѣтить результатъ промышленнаго застоя, всецѣло вызваннаго войной. Не проходитъ дня безъ того, чтобы въ Лодзинскихъ газетахъ не сообщалось о случаяхъ заболѣванія на улицѣ отъ голода. 12-го, напримѣръ, отмѣчено 8 такихъ случаевъ, при чемъ 6 изъ нихъ объясняются голодомъ.

Но и буржуазія умѣетъ быть отзывчивой — изъ трусости. Вотъ одинъ либеральный писака предлагаетъ устроить, какъ онъ самъ пишетъ: „бюро труда, которое безплатно доставляло бы занятія всѣмъ ищущимъ заработка, ибо видъ людей, падающихъ на улицахъ отъ истощенія силъ, не только *оскорбляетъ гуманитарное чувство*, но кромѣ того порождаетъ основательныя *опасенія относительно общественной безопасности*".

Буржуазія труситъ голодныхъ рабочихъ, и ея перепуганный писака совѣтуетъ давать работу, которой нѣтъ.

Въ Бѣлостокѣ тоже кризисъ, безработица, голодъ. Кризисъ размѣрами своими превышаетъ застой 99 г. Опредѣлить въ точности число безработныхъ очень трудно, во первыхъ, благодаря преобладанію мелкоремесленнаго характера промышленности, во вторыхъ, за отсутствіемъ статистики труда, въ третьихъ, многіе фабриканты маскируютъ фактъ отсутствія работы и, наконецъ, кризисъ не вездѣ еще проявилъ вполнѣ свои результаты. Въ общемъ картина такова. Въ большинствѣ мелкихъ мастерскихъ работы нѣтъ, а гдѣ есть, тамъ заработка не хватаетъ на самое нищенское существованіе. Многія большія фабрики стоятъ цѣлыми недѣлями подъ предлогомъ ремонта, на многихъ фабрикахъ машины пускаются въ ходъ лишь на 6-8 час. Заработная плата упала ниже голоднаго уровня. Кризисъ захватилъ широкіе круги и, по слухамъ, въ промежутокъ времени между еврейской и христіанской пасхой большая часть Бѣлостокскихъ рабочихъ была безъ занятій, а теперь безработныхъ еще больше. Безработица усиливаетъ въ массахъ революціонное настроеніе, которое вслѣдствіе низкаго уровня развитія, проявляется, чаще всего стихійно, въ формѣ всевозможныхъ нарушеній „порядка" (забираютъ въ булочныхъ и лавкахъ товаръ, за который отказываются платить и т. д.). Однако наблюдается и другая форма проявленія революціоннаго настроенія.

Многіе рабочіе, пользуясь безработицей и хорошей погодой, направляются въ лѣсъ и тамъ собираются группами. Раздаются голоса: „ну, что же, будетъ устроено собраніе или нѣтъ?" Они вспоминаютъ собранія, которыя устраивались соц.-дем. организаціями во время всеобщей стачки, и ждутъ такихъ собраній теперь. Администрація со дня на день ждетъ „бунта" и принимаетъ свои мѣры. Усиленъ составъ полиціи, по окрестнымъ лѣсамъ разъѣзжаютъ конные патрули, рабочихъ задерживаютъ и обыскиваютъ на улицѣ, войско наготовѣ... Недавно сильный отрядъ полиціи чел. 60 накрылъ въ лѣсу собраніе анархистовъ т. н. „борьбистовъ" въ составѣ 120 чел. Послѣ обыска арестованныхъ загнали въ театральный садъ въ Звѣринцѣ, и раздѣливъ на четыре группы, самымъ варварскимъ образомъ избили нагайками. Такъ расправляются царскіе опричники съ безоружными голодными рабочими.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОСЛѢДНІЕ ВЫБОРЫ ВЪ БЕЛЬГІИ.

29 мая возобновлялась половина состава бельгійской палаты депутатовъ, и результаты этого дня оказались очень печальными для Рабочей Партіи: она потеряла шесть мандатовъ и получила на девять тысячъ голосовъ меньше, чѣмъ на выборахъ 1902 года, несмотря на то, что общее число поданныхъ голосовъ увеличилось, сравнительно съ 1902 годомъ, на сто тысячъ. Побѣдителями этого дня явились либералы, которые провели больше депутатовъ и значительно увеличили число своихъ голосовъ. Бельгійскій либерализмъ, который всѣмъ казался совершенно мертвымъ, вдругъ обнаружилъ признаки возрожденія, а соціализмъ, который въ періодъ 1893—1900 гг. шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, послѣ этого времени начинаетъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Чѣмъ объяснить такое явленіе?

Очень легко понять, почему часть избирателей начинаетъ отворачиваться отъ клерикальной партіи, которая давно уже находится у власти и реакціонная политика которой успѣла создать много недовольныхъ. Понятно также, что крупная и мелкая буржуазія, отворачивающаяся отъ клерикаловъ, даетъ свои голоса либераламъ. Но гораздо труднѣе понять, почему на сторону либераловъ перешли и нѣкоторые соціалистическіе избиратели, и почему соціалистическая партія не оказалась такимъ же центромъ притяженія для многочисленныхъ рабочихъ избирателей, идущихъ до сихъ поръ за клерикалами, какимъ оказалась либеральная партія по отношенію къ такимъ же избирателямъ буржуазнымъ.

Посмотримъ, какъ объясняютъ свое пораженіе и какіе выводы насчетъ будущаго дѣлаютъ сами представители бельгійскаго соціализма. Какъ только сталъ извѣстенъ окончательный результатъ выборовъ, въ Брюсселѣ состоялось засѣданіе Генеральнаго Совѣта Рабочей Партіи, и вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ объ этомъ засѣданіи въ брюссельскомъ „Peuple": „Были указаны причины нашего пораженія: — причины общаго и мѣстнаго характера. Среди послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить пагубныя разногласія между соціалистами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, ошибки, совершенныя нѣкоторыми товарищами въ администраціяхъ коммунъ, успѣхъ кооперативовъ, удаляющій отъ насъ мелкую буржуазію, выборныя махинаціи, давленіе и подкупъ со стороны предпринимателей". Затѣмъ указываются причины общаго характера: „Либералы сильно эксплуатировали заявленіе Эмиля Вандервельде въ палатѣ относительно будущаго либеральнаго министерства, въ которое — сказалъ Вандервельде — соціалисты не вступятъ, такъ какъ они предпочитаютъ реформы портфелямъ, но которое они будутъ поддерживать подъ тѣмъ условіемъ, что оно проведетъ обязательное обученіе и пересмотръ конституціи. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить, что либералы предстали передъ избирателями съ демократической политической программой. Многіе избиратели, которые чувствуютъ гнетъ клерикальнаго правительства и которые на предыдущихъ выборахъ голосовали за соціалистическихъ кандидатовъ, вернулись къ либеральной партіи. Слѣдовательно, мы потеряли, по различнымъ причинамъ, только демократическихъ избирателей, тѣхъ, которые повѣрили, что единственное возможное завтрашнее правительство есть правительство либеральное. Соціалистическая рабочая масса осталась вѣрна намъ.

---

[1] Въ интересахъ возможно полнаго освѣдомленія читателей „Искры" съ рабочимъ движеніемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно не находится подъ руководствомъ нашей Партіи, мы намѣрены, время отъ времени, давать краткіе обзоры, пользуясь для этого какъ приходящими въ редакцію свѣдѣніями, такъ и изданіями соотвѣтствующихъ организацій. Для обзора еврейскаго рабочаго движенія въ районѣ дѣятельности Бунда мы будемъ пользоваться „Послѣдними Извѣстіями" и еврейской литературой, выходящей въ Россіи.

[2] По другимъ извѣстіямъ, 350 ч.

„При обсужденіи тѣхъ мѣръ, которыя необходимо принять для улучшенія нашего положенія, обнаружились, конечно, двѣ тенденціи. Два делегата, Дестре и Маруаль, настаивали на необходимости вести независимую классовую политику и бороться одинаково съ либералами и клерикалами. Другіе — и среди нихъ Трокле, Фюрнемонъ, Конреръ, Вандервельде, Ансель, — напротивъ, полагали, что необходимо прежде всего свергнуть клерикальное правительство и продолжать вести борьбу за отмѣну множественныхъ вотовъ. Съ этой цѣлью слѣдуетъ присоединяться къ либераламъ тамъ, гдѣ антиклерикальная коалиція можетъ отвоевать мѣсто у клерикаловъ. Но и тѣ и другіе были согласны, что необходимо прежде всего соціалистическое воспитаніе массъ и укрѣпленіе нашей организаціи, по мѣрѣ того, какъ либералы завладѣваютъ нашей программой практическихъ реформъ. И — заканчиваетъ „Peuple" свой отчетъ — Конреръ резюмировалъ общее, повидимому, мнѣніе всѣхъ делегатовъ, сказавши: „Демократическая политика, какъ во Франціи, и соціалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи".

Какъ видите, съ бельгійскимъ соціализмомъ приключилось нѣчто совсѣмъ небывалое. Его демократической программой завладѣли либералы и не выпускаютъ ея изъ рукъ, а отъ соціалистической Вандервельде отказался, по крайней мѣрѣ, на время, судя по вышеупомянутому заявленію въ палатѣ. Ибо какой другой смыслъ могло имѣть это заявленіе? Весьма вѣроятно, что у Вандервельде были самыя похвальныя намѣренія, что онъ хотѣлъ подчеркнуть передъ всѣмъ міромъ невозможность бельгійскаго Мильерана, но сдѣланное въ палатѣ въ то время, когда и либеральное министерство только еще мерещится гдѣ-то вдали, это заявленіе получило еще и тотъ смыслъ, что бельгійская рабочая партія отказывается отъ борьбы за власть въ ближайшемъ будущемъ. Такъ оно было истолковано либералами въ ихъ выборной агитаціи, и соціалисты не могли ничего противопоставить этому толкованію.

Неуклюжая заключительная фраза Конрера, которую, несмотря на ея неуклюжесть, подхватила и редакція Peuple'a и нѣкоторые изъ партійныхъ вождей, является на самомъ дѣлѣ выводомъ не только изъ послѣднихъ преній Генеральнаго Совѣта, но и изъ всей тактики бельгійской партіи за послѣдніе годы. Что такое „демократическая политика, какъ во Франціи?" Это оппортунистическая тактика Жореса, считающаяся исключительно съ даннымъ соотношеніемъ силъ въ данномъ парламентѣ, заранѣе заявляющая о неосуществимости той или иной реформы въ виду отсутствія парламентскаго большинства за нее и потому постоянно урѣзывающая свои требованія, дабы не натолкнуться на нежелательныя препятствія. А что значитъ — „соціалистическая дѣятельность, какъ въ Германіи?" Это значитъ слѣдовать старой испытанной тактикѣ революціонной соціальдемократіи, разсчитывающей исключительно на революціонизированіе рабочихъ массъ, преслѣдующей во всѣхъ областяхъ достиженіе максимума уступокъ со стороны враждебныхъ пролетаріату партій и никогда не забывающей конечной цѣли борьбы — диктатуры пролетаріата. Между этими двумя тактиками необходимо выбирать. Бельгійская Рабочая Партія оказалась слишкомъ опредѣлившимся организмомъ, чтобы ее можно было легко растворить въ туманныхъ фразахъ какого-нибудь буржуазно-демократическаго bloc'a.[1]) А съ другой стороны, большинство вождей оказалось слишкомъ большими сторонниками „французскаго метода"... Въ результатѣ получилось сидѣнье между двумя стульями. Уже во время кампаніи 1902 года соціалистическая печать указывала на пагубныя послѣдствія этой двойной бухгалтеріи. Тогда вожди вели переговоры съ парламентскими либералами, въ то время какъ масса требовала болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Когда вожди уступили массѣ и объявили всеобщую стачку, либералы отъ нихъ отшатнулись, а слѣдствіемъ этого явилась пріостановка всеобщей стачки. Кампанія была потеряна, потому что оказалось невозможнымъ вести въ одно и то же время тактику парламентскаго либерала и революціоннаго соціалиста. Тѣмъ не менѣе, эта двойственность (не всегда сознательная и тѣмъ болѣе пагубная) продолжаетъ господствовать въ партіи и наложила свою печать на послѣдніе выборы. На первый планъ была выдвинута „демократическая политика", т. е., какъ мы видѣли, необходимость сверженія клерикальнаго министерства и отмѣны множественныхъ вотовъ. Но съ такой же программой выступили и либералы. Жоресъ въ подобномъ случаѣ предложилъ бы соединеніе всѣхъ демократическихъ элементовъ: получился бы единый „демократическій" bloc, въ которомъ самъ чертъ не разберетъ, гдѣ кончается соціалистъ и начинается либералъ. Такую тактику и предлагалъ одинъ изъ вождей партіи — Бертранъ. По его мнѣнію, слѣдовало вступить въ избирательную кампанію не со всей соціалистической программой, а только съ требованіемъ трехъ реформъ — всеобщаго избирательнаго права, обязательнаго обученія и уничтоженія замѣстительства въ отбываніи воинской повинности. Большинство не согласилось съ подобнымъ планомъ и рѣшило вступить въ избирательную кампанію со всей соціалистической программой. Проведеніе въ жизнь подобнаго рѣшенія требовало критики половинчатости и ненадежности либеральнаго демократизма — вѣдь это были тѣ же либералы, которые и въ 1902 году и раньше уже не разъ измѣнили дѣлу демократіи — и даже выступленія противъ либераловъ въ требованіяхъ радикальныхъ экономическихъ реформъ, такъ какъ либералы являются представителями крупнаго промышленнаго и денежнаго капитала. Но сознаніе, что отъ этого можетъ пострадать будущій демократическій bloc, лишило соціалистовъ необходимой для подобной борьбы энергіи. А въ результатѣ сторонники демократіи голосовали за либераловъ, потому что голосовать за либерала и безопаснѣй, а иногда и выгоднѣй, тогда какъ разница между обѣими партіями почти исчезла. А рабочіе не имѣли никакихъ причинъ бросить лагерь клерикаловъ, которые сумѣли раздуть значеніе пары проведенныхъ ими мелкихъ реформъ.

Результаты двуединой тактики оказались такимъ образомъ очень печальными, и только натискъ снизу можетъ, по нашему мнѣнію, спасти бельгійскую партію отъ новыхъ пораженій.

---

[1]) Обычное названіе нынѣшняго парламентскаго большинства во Франціи, составленнаго изъ радикаловъ и жоресистовъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Открытое письмо къ тов. Плеханову.

Уважаемый товарищъ!

Въ Вашей статьѣ „Теперь молчаніе невозможно", помѣщенной въ № 66 „Искры", есть нѣсколько мѣстъ, которыя должны вызвать полное недоумѣніе въ каждомъ читателѣ, въ особенности, въ каждомъ членѣ партіи. Я, какъ одинъ изъ членовъ той партіи, къ которой принадлежите и Вы, какъ одинъ изъ делегатовъ второго партійнаго съѣзда, подавшій голосъ за Васъ при выборахъ въ редакцію Ц. О. и въ Совѣтъ Партіи, имѣю, надѣюсь, право попросить Васъ растолковать мнѣ, а, вмѣстѣ со мной, и всѣмъ остальнымъ партійнымъ товарищамъ, эти непонятныя мѣста.

1) Я прошу Васъ ясно и опредѣленно указать, какія это *извѣстія, рисовавшія и рисующія политику Ц. К. въ Россіи въ довольно неблагопріятномъ свѣтѣ, доходили и доходятъ до Васъ еще до сихъ поръ?*

Я думаю, что этотъ вопросъ не можетъ считаться нескромнымъ. *Я увѣренъ*, что Вы, какъ выбранный съѣздомъ членъ партійнаго Совѣта и редакціи Ц. О., *не стали бы публично*, на страницахъ партійнаго органа, *дѣлать намеки на то, чего Вы не могли бы доказать такъ же публично ссылками на факты*, которые могли бы быть дискутированы передъ *всей* широкой публикой, читающей „Искру".

По тѣмъ же основаніямъ, я надѣюсь, Вы не откажете, во-вторыхъ: открыто и *не намеками*, а *конкретными фактами* показать, въ чемъ именно проявилась та дѣятельность заграничныхъ представителей Ц. К., которую Вы сочли возможнымъ назвать политикой „мертвой петли, туго затягиваемой на шеѣ нашей партіи"; а также указать, въ 3-хъ: какіе это „неразумные подвиги" тов. Ленина — наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, по Вашимъ словамъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланныхъ на немъ?

Наиболѣе же важнымъ, какъ для меня, такъ, я увѣренъ, и для всей нашей партіи, является объясненіе предъявленнаго Вами къ остальнымъ членамъ Ц. К. требованія, чтобы они отняли у тов. Ленина данныя ему полномочія. Я полагаю, что Вамъ извѣстны какія-нибудь совершенныя тов. Ленинымъ *преступленія противъ партіи*, которыя даютъ Вамъ право требовать лишить тов. Ленина довѣрія, выраженнаго ему съѣздомъ и всей партіей въ лицѣ Ц. К. Вы намекаете на эти преступленія, говоря: „у него былъ для этого (т. е. для раскола) *свой и совершенно понятный разсчетъ*" и ниже: „Пусть плодитъ ихъ (т. е. недоразумѣнія) Ленинъ — это въ *его* интересахъ; а въ интересахъ *нашего* дѣла поступать совершенно наоборотъ".

До сихъ поръ намъ было извѣстно, что „разсчетъ" тов. Ленина и „его" интересы были какъ разъ именно тѣмъ *разсчетомъ* и тѣми *интересами*, за которые мы на второмъ съѣздѣ нашей партіи подавали голоса *вмѣстѣ съ Вами*, т. Плехановъ. *Эти то интересы и этотъ разсчетъ заставили насъ*, опять таки *вмѣстѣ съ Вами*, тов. Плехановъ, голосовать не за утвержденіе старой редакціи, а за назначеніе новой, избрать въ Ц. К. трехъ испытанныхъ борцовъ за принципы досъѣздовской „Искры", а не дѣлать его представительнымъ учрежденіемъ различныхъ теченій нашей партіи, и, въ довершеніе всего, хранителемъ этихъ принциповъ, т. е. пятымъ членомъ Совѣта, избрать именно Васъ какъ одного изъ самыхъ горячихъ и упорныхъ руководителей нашихъ въ борьбѣ съ оппортунистическими тенденціями на съѣздѣ.

Очевидно, Вы, требуя лишенія тов. Ленина данныхъ ему полномочій и приглашая остальныхъ членовъ высказаться противъ него, намекаете не на эти „интересы" и „разсчеты", а на какіе-то особые, преступные, достойные такого жестокаго для революціонера наказанія, какъ лишеніе довѣрія. Въ такомъ случаѣ *Вашъ „партійный долгъ"*, *Ваша „честь революціонера" обязываетъ Васъ передъ всей партіей дать „простые отвѣты" на поставленные мною здѣсь вопросы.*

Опять повторяю: я увѣренъ, что Вы не стали бы высказывать эти намеки публично въ Ц. О., если бы у Васъ подъ руками не было достаточно матеріала, могущаго быть опубликованнымъ въ томъ же Ц. О., доступномъ широкимъ слоямъ читателей. Я думаю, что Вы не стали бы публично дѣлать намеки на то, что, по конспиративнымъ или инымъ соображеніямъ, не можетъ быть такъ же публично доказано или опровергнуто. Поэтому я надѣюсь, что Вы, опубликовывая въ ближайшемъ номерѣ „Искры" мое письмо, дадите вмѣстѣ съ тѣмъ и „простые" отвѣты на поставленные въ немъ вопросы.

Закончу Вашими же словами: *для Васъ* „теперь молчаніе невозможно: оно становится теперь нарушеніемъ партійнаго долга".

М. Лядовъ.

[illegible] Іюня 1904 года.

Отвѣтъ товарищу Лядову.

Почтеннѣйшій товарищъ! Мой отвѣтъ Вамъ будетъ краткимъ.

Прежде всего я поставлю Вамъ на видъ, что Ваше письмо написано страннымъ и, — при данныхъ обстоятельствахъ очень смѣшнымъ, — тономъ того *допроса*, который въ нашей старой юридической практикѣ назывался *допросомъ съ пристрастіемъ*. Я рѣшительно не знаю, что даетъ Вамъ право говорить со мной такимъ тономъ. Неужели тѣ два обстоятельства, что Вы — членъ партіи и что Вы голосовали за меня на второмъ съѣздѣ? Но подумайте немного, — если только Ваше очевидное раздраженіе не совсѣмъ лишило Васъ склонности къ размышленію, — и Вы сами поймете, что этихъ обстоятельствъ еще недостаточно для того, чтобы позволить Вамъ *допрашивать* меня такъ, какъ Вы вздумали допрашивать.

Когда въ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи восторжествуетъ — если восторжествуетъ, — та политика, которую я называю политикой *мертвой петли, туго затягиваемой на ея шеѣ*, тогда Вашъ странный и смѣшной тонъ, — считающійся теперь *устарѣлымъ* даже въ россійскихъ правительственныхъ канцеляріяхъ, — можетъ быть, и станетъ общепринятымъ въ сношеніяхъ членовъ партіи съ ея литераторами, которые къ тому времени будутъ, вѣроятно, переименованы въ „партійныхъ сочинителей"). Но это мнѣ все равно, потому что тогда я, конечно, уже не останусь ни въ редакціи, ни въ партіи. Теперь же, когда еще не наступило такое время, — которое было бы временемъ униженія и стыда для нашей партіи, — и когда еще очень позволительно усомниться въ томъ что оно наступитъ, теперь Вы, почтеннѣйшій, обязаны вести себя прилично и помнить, что тонъ *допроса съ пристрастіемъ* и непозволителенъ, и нецѣлесообразенъ, ибо напугать меня или кого-нибудь изъ остальныхъ редакторовъ *„Искры"* не такъ легко, какъ это Вы, повидимому, воображаете. Значитъ, Вы только даромъ ставите себя въ нелѣпо смѣшное и смѣшно нелѣпое положеніе.

Что касается собственно Вашихъ *допросныхъ пунктовъ*, то я, не служащій дворянинъ Тамбовской губерніи, Георгій Валентиновъ сынъ Плехановъ, у исповѣди и святого причастія очень давно уже не бывавшій, не токмо за страхъ, но и за совѣсть отвѣчаю.

По пункту на счетъ моихъ будто бы „намековъ" на Ленина:

Я не требовалъ, чтобы Ц. К. лишилъ его *довѣрія* и рѣшительно не знаю, почему таковая на меня, съ Вашей стороны, ябеда. Я только полагалъ и полагаю, что *если Ц. К. не одобряетъ* политики Ленина, то ему надо лишить этого товарища тѣхъ *полномочій*, которыя даны ему *какъ заграничному представителю этого учрежденія*, и назначить другого уполномоченнаго, лучше выражающаго его, Центральнаго Комитета, стремленія и намѣренія. Вотъ только и всего. Это такъ просто, что даже совѣтникъ Ивановъ, не вмѣщающій ничего престраннаго, пойметъ это безъ особеннаго напряженія ума. И если это непонятно совѣтнику, виноватъ — товарищу Лядову, то это объясняется тѣмъ особымъ настроеніемъ, въ которомъ находится онъ и, если я не ошибаюсь, довольно значительная часть нашихъ „твердыхъ" товарищей. Они чувствуютъ, что *логическими доводами* имъ защищать свою позицію невозможно, поэтому они спѣшатъ *обижаться*. Въ направленіи болѣзненной обидчивости они идутъ такъ быстро, что скоро догонятъ нашихъ соціалистовъ-реакціонеровъ, которые, какъ извѣстно, начинаютъ кричать, что ихъ обидѣли, всякій разъ, когда попадаютъ въ затруднительное положеніе. Но что прилично соціалисту-реакціонеру, то неприлично соціальдемократу, у котораго не должно быть ничего, кромѣ холоднаго презрѣнія къ этой жалкой роли *высѣченныхъ прекрасныхъ душъ*, какъ выразился однажды Марксъ въ одномъ своемъ полемическомъ произведеніи.

Если въ той или другой изъ моихъ статей было или будетъ что-либо обидное для Ленина, то онъ самъ можетъ вступить въ объясненіе со мною, и я не откажусь дать ему гласный отвѣтъ на счетъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ я говорю о немъ, въ надеждѣ, что и онъ не откажется печатно объясниться на счетъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ онъ говоритъ о товарищахъ П. Аксельродѣ, В. Засуличъ и другихъ заслуженныхъ членахъ нашей партіи. Я думаю, что *ходатаи по дѣламъ* Ленину не нужны, и потому съ совѣтникомъ Лядовымъ ни въ какіе разговоры о немъ вступать не желаю.

Пунктъ второй.

Что касается дѣятельности Центральнаго Комитета и его заграничныхъ представителей, то я говорилъ о ней въ обращеніи къ этому Комитету и считаю себя обязаннымъ объясняться на этотъ счетъ именно съ нимъ, а не съ кѣмъ либо другимъ, хотя бы этотъ другой и подавалъ за меня голосъ на второмъ съѣздѣ партіи. Если Ц. К. угодно публично объясняться со мной по этому поводу, *то я готовъ*; и тутъ товарищъ Лядовъ не ошибается: данныхъ у меня достаточно. Но прежде, чѣмъ я скажу что-нибудь на этотъ счетъ, нужно, чтобы заговорилъ самъ Ц. К., а не какой то ходатай по дѣламъ, хотя бы и очень способный допрашивать съ пристрастіемъ. Но если Ц. К. пожелаетъ публично объясняться со мною, то онъ, разумѣется, — по требованіямъ логики и по долгу вѣжливости, — не откажется предварительно отвѣтить на тотъ вопросъ, который я гласно поставилъ ему въ № 66 „Искры". Я думаю, что письмо товарища Лядова послужитъ нашему Ц. К. лишнимъ побужденіемъ для отвѣта мнѣ на указанный вопросъ, и съ этой стороны полагаю, что письмо этого товарища принесетъ пользу нашему общему дѣлу, несмотря на то, что оно написано тономъ гораздо болѣе приличнымъ какому нибудь сутягѣ изъ числа персонажей Островскаго, чѣмъ соціальдемократу. Теперь молчаніе Ц. К. становится все болѣе и болѣе невозможнымъ.

Третій допросный пунктъ гласитъ: „какіе это неразумные подвиги тов. Ленина, наиболѣе, якобы, послѣдовательнаго, по Вашимъ словамъ, носителя принциповъ этой политики — заставили Васъ припомнить слова некрасовскаго князя Ивана о министерскомъ стулѣ и глупостяхъ, надѣланныхъ на немъ".

Я отдаю должную дань тому „казенно-угрожающему „штилю", коимъ написанъ сей допросный пунктъ, и невольно восклицаю опять съ Некрасовымъ:

„Когда бъ я слогъ такой имѣлъ!"

Я думаю, кромѣ того, что тов. Лядовъ едва ли поступилъ тактично, напомнивъ Ленину о тѣхъ некрасивыхъ стихахъ, которые вспомнились мнѣ по поводу его дѣятельности. Это напоминаніе покажетъ лишній разъ Ленину, что, хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не всякъ умѣетъ взяться.

Но по существу сего пункта, имѣю честь поставить Вашему Высокоблагородію на видъ то самое соображеніе, кое уже высказано было мною въ отвѣтъ на допросный пунктъ № 1: если я незаслуженно обидѣлъ Ленина, то я готовъ объясниться съ нимъ, но не считаю нужнымъ тратить время на объясненія съ его ходатаемъ по дѣламъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ неизвѣстно, имѣетъ ли оный ходатай довѣренность, засвидѣтельственную установленнымъ въ законѣ нотаріальнымъ порядкомъ.

Послѣ всего сказаннаго мною я могу спокойно предоставить читателю судить о томъ нарушаю ли я партійный долгъ, отказываясь отвѣчать по существу на допросные пункты, предъявленные мнѣ товарищемъ Лядовымъ.

Еще два слова. Противъ выбора старой редакціи я на съѣздѣ не голосовалъ, да и не могъ голосовать по той простой причинѣ, что я, какъ членъ той же редакціи, не принималъ участія въ голосованіи по этому предмету.

Если я, выбранный такъ называемымъ большинствомъ, не одобряю его теперешняго поведенія, то это происходитъ единственно потому, что это поведеніе кажется мнѣ неразумнымъ и вреднымъ. Тов. Лядовъ думаетъ, можетъ быть, что я не имѣю права поступать по своему убѣжденію и обязанъ всякій разъ справляться, какъ подумаютъ товарищи, голосовавшіе за меня на съѣздѣ? Если да, то мнѣ не трудно было бы показать, что сей странный „централистъ" очень ошибается. А что онъ дѣйствительно такъ думаетъ, это я могу предполагать въ виду его ссылки на то, что онъ подалъ за меня свой голосъ. Но это обстоятельство нисколько не увеличиваетъ его правъ по отношенію ко мнѣ: за кого бы ни голосовалъ онъ на съѣздѣ, эти его права не больше и не меньше правъ на меня всѣхъ другихъ членовъ нашей партіи.

Довольно. Тверской Комитетъ видитъ, что мы не отказываемся печатать произведенія литературныхъ выразителей такъ называемаго большинства. Не наша вина, если оные выразители... выражались до сихъ поръ не совсѣмъ удачно.

Г. Плехановъ.

P. S. На счетъ мнимаго оппортюнизма меньшинства я не нахожу нужнымъ спорить съ тов. Лядовымъ: я уже много разъ доказывалъ, что говорить объ оппортюнизмѣ такихъ товарищей, какъ П. Аксельродъ, Мартовъ, Старовѣръ и т. д., значитъ не понимать значенія этого слова, и если онъ всетаки лѣзетъ съ нимъ, то ясно, что онъ безнадеженъ.

Странное дѣло! У насъ стали называть оппортюнистами тѣхъ, которые *не хотятъ приспособлять своихъ взглядовъ ко взглядамъ и „ндраву" Ленина*, т. е. тѣхъ, которые лишены оппортюнизма желательнаго для этого маленькаго Солона на изнанку. Тѣхъ же, *которые отличаются этимъ оппортюнизмомъ*, почему-то называютъ *твердыми*. И чѣмъ больше у нихъ этого оппортюнизма, тѣмъ болѣе твердыми кажутся они себѣ и другимъ. Слова имѣютъ свою судьбу, какъ и книги! Но тов. Лядовъ знаетъ, что я не держусь этой странной терминологіи: у меня для „твердыхъ", — т. е. собственно для нѣкоторой ихъ части — есть другое названіе....

Г. П.

P. P. S. Кромѣ товарища Лядова мнѣ прислалъ письмо еще какой-то Пиловъ. Это лицо мнѣ совершенно неизвѣстно, такъ что я не только не знаю, за кого и когда оно голосовало, но мнѣ неизвѣстно даже, имѣло ли оно право голосовать за кого-нибудь изъ насъ, т. е. принадлежитъ ли оно къ нашей партіи. Если Лядовъ допрашиваетъ то Пиловъ просто бранится. Наша редакція не сочла себя обязанной помѣщать на столбцахъ „Искры" эту брань, которая въ виду указаннаго обстоятельства является какъ бы анонимной.

Г. П.

Отвѣтъ Каутскому. Намъ доставлена слѣдующая замѣтка одного виднаго представителя партійнаго „большинства".

„Хорошо было бы, если бы редакція „Искры" напечатала это письмо. Сомнѣваюсь, чтобы она сдѣлала это.

Слабость основной аргументаціи К. Каутскаго заключается въ невѣрности аналогіи. Нѣмецкая соц.-дем. подъ исключительнымъ закономъ совсѣмъ не то, что Русская Соц.-Дем. подъ исключительнымъ беззаконіемъ. Тамъ дѣло шло о приспособленіи централистической организаціи, сложившейся въ періодъ относительной свободы и широко развившей уже (сравнительно, разумѣется) свои централистическія функціи, о приспособленіи ея къ новымъ условіямъ, затрудняющимъ выполненіе этихъ централистическихъ функцій, понятный результатъ — шагъ въ сторону „автономіи". У насъ дѣло идетъ о созданіи *самыхъ централистическихъ функцій*, которыя еще находятся въ зародышѣ, при фактическомъ господствѣ кружковой автономіи. Ясно, что сравненіе никуда не годится.

Въ разсужденіяхъ о § 1 та же ошибка. У нѣмцевъ нелегальными были только *партійныя организаціи*, у насъ — *сама партія*, даже все *теченіе*. Выводы сдѣлать нетрудно; и ужъ во всякомъ случаѣ ясно, что и здѣсь „comparaison n'est pas raison".

То, что Каутскій говоритъ о необходимости столковаться, чтобы непремѣнно подчиниться большинству — очень хорошо, и мы первые были бы рады этому; но передъ вторымъ съѣздомъ объ этомъ тоже *столковались*, и это не помѣшало ни бойкоту „Искры" меньшинствомъ (до перехода ея въ его руки), ни отпаденію[1] его комитетовъ.

---

[1] Отъ кого??

Каутскій рекомендуетъ уступчивость. Припоминая массу уступокъ съ нашей стороны, можно по совѣсти сказать: мы исполнили совѣтъ раньше. *А въ чемъ уступило меньшинство?* И, вѣдь, оно требуетъ дальнѣйшихъ уступокъ"

Совѣтъ прекратить полемику? Очень хорошо! Но развѣ мы нападали, и развѣ полемика ведется, *главнымъ образомъ*, нами?"

Авторъ замѣтки, какъ видно, такъ увѣренъ въ неотразимости своихъ аргументовъ, что заранѣе „сомнѣвается", чтобы „Искра" рѣшилась помѣстить его письмо. Рискуя посодѣйствовать полному посрамленію Каутскаго, мы все же осмѣливаемся познакомить читателя съ этими аргументами.

Первое возраженіе автора Каутскому основано, отчасти, на непониманіи мысли послѣдняго. Каутскій далекъ отъ того, чтобы аналогіей между нынѣшнимъ положеніемъ россійской соц.-дем. и прежнимъ — германской пользоваться для вывода о необходимости ослабленія той „централизаціи функцій", которая уже достигнута нами. Каутскій показываетъ, что, *съ отмѣной исключительнаго закона*, только и стало возможнымъ въ Германіи расширеніе области примѣненія *формально-принудительнаго* элемента въ организаціи партіи и это, между прочимъ, потому, что въ *тайной* организаціи единственная прочная спайка — довѣріе къ руководителямъ партіи. Товарищъ не коснулся этого положенія Каутскаго и предпочелъ ломиться въ открытую дверь, доказывая, что исключительный законъ засталъ германскую партію уже централизованной. Но если, *не смотря на это*, условія „подпольной" работы заставили нѣмцевъ ослабить „формальную централизацію", то не очевидно ли, что партія, родившаяся въ условіяхъ „исключительнаго беззаконія", *тѣмъ болѣе* должна считаться съ этой невозможностью все „оформить" въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ?

Что наше движеніе гораздо болѣе „нелегально", чѣмъ нѣмецкое въ 1878-1890 гг., это хорошо знаетъ и Каутскій, почему и говоритъ, что у насъ, внѣ предѣловъ конспиративной организаціи, невозможна сѣть легальныхъ рабочихъ организацій, имѣвшихся у нѣмецкихъ товарищей. Какимъ образомъ этотъ фактъ можетъ колебать мнѣніе Каутскаго о томъ, что партія должна расширяться, а конспиративная организація — не выходить за сравнительно узкіе предѣлы, — этого товарищъ намъ не показалъ, да, очевидно, и не могъ показать. На его слова „comparaison n'est pas raison" приходится отвѣтить: отговорка еще не отвѣтъ.—Мысль Каутскаго, что предварительно (передъ новымъ съѣздомъ) необходимо „столковаться" о подчиненіи рѣшеніямъ, товарищъ совершенно не понялъ, иначе онъ не сослался бы на примѣръ II съѣзда. Мысль Каутскаго въ томъ и состоитъ, что разногласія, впервые только вскрывшіяся въ тайной организаціи, нецѣлесообразно рѣшать простымъ подавленіемъ меньшинства. Примѣръ II съѣзда, гдѣ это и было сдѣлано, только подтверждаетъ мнѣніе Каутскаго. А отсюда слѣдуетъ, что задачей экстреннаго съѣзда въ, случаѣ подобныхъ разногласій, должна быть или *формальная санкція* уже *состоявшагося* или *намѣчившагося* соглашенія, или формальное провозглашеніе *раскола*. Если товарищъ согласенъ съ этимъ доводомъ и если онъ не боится глядѣть прямо въ глаза истинѣ, онъ долженъ будетъ признать вмѣстѣ съ нами, что пароль „новый съѣздъ", выдвигаемый *въ противовѣсъ* идеѣ соглашенія, значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *новое подавленіе* или *расколъ*. А только въ такомъ смыслѣ, прямо противоположномъ соглашенію, пропагандируется новый съѣздъ: стóитъ только посмотрѣть на резолюціи Одесскаго и Тверского комитетовъ и Кавказскаго Союза. Зачѣмъ же морочить публику выраженіемъ солидарности съ Каутскимъ, въ письмѣ котораго каждая строчка дышетъ осужденіемъ товарищей, сознательно и безсознательно бьющихъ на расколъ?

Слова товарища объ „уступкахъ", сдѣланныхъ, якобы, меньшинству, принадлежатъ къ числу тѣхъ „оффиціальныхъ истинъ", которыя не приходится оспаривать. Достаточно припомнить, что въ „оффиціальной" исторіи въ роли образца „уступчивости" фигурируетъ... тов. Ленинъ. Будемъ надѣяться, что слова автора письма объясняются его полной неосвѣдомленностью о томъ, что происходило со времени съѣзда...

Резолюція Бакинскаго Комитета, принятая 23 апрѣля.

Получивъ предложеніе редакціи Ц. О. высказаться о желательности или нежелательности въ данное время третьяго очередного съѣзда, Бакинскій Комитетъ находитъ созывъ съѣзда *въ настоящее время* совершенно несвоевременнымъ, соглашаясь всецѣло съ аргументами редакціи. Бакинскій Комитетъ.

Агитація противъ войны. Ред. „Искры" изданъ листокъ: Уроки войны (№ 13). — **Рижск. Ком.** переизд. „За что долженъ умирать русскій солдатъ" (въ 2500 экз.). — **Астраханской Групп.** переизд. листокъ „Искры" о погромной агитаціи. — **Нижегород. Ком.** „Война съ Японіей" (4.000 экз.).

Изданія: Ред. „Искры": **Череванинъ.** Организаціонный вопросъ съ предисловіемъ Мартова (брошюра). — **Рижск. Ком.** изд. въ 5000 экз. „Пауки и мухи" Либкнехта — **Петерб. Ком.** переизданъ „Манифестъ коммунист. партіи", и изданъ листокъ объ Якутской бойнѣ. — **Бакинск. Ком.** изд. двѣ прокламаціи „Ко всѣмъ рабочимъ" о стачкѣ на табач. фабрикѣ, листокъ къ раб. зав. Хатисова и отчетъ кассы. — **Астраханской Груп.** переизданъ майскій листокъ Ц. К. и „Искры". — **Нижегор. Ком.** изданы листокъ „1 мая" (8.000 экз.) и „Что такое рабочая партія?" (1.500 экз.).

Отчетъ Ц. К. о распространеніи литературы за апрѣль мѣсяцъ.

Всего распространено за апрѣль свыше 60 пудовъ; провалившаяся литература въ счетъ не входитъ. Это количество было распредѣлено такъ: 15 пудовъ на югъ, 20 — въ центръ, 20 — востокъ, 4 — сѣверо-западъ и 3 — Кавказъ. Въ названіяхъ всего было распространено такъ: первомайскихъ прокламацій — 100.000; Къ деревенской бѣднотѣ, Ленина — 400; Къ учащейся молодежи, Ленина — 2500; Въ ожиданіи успѣховъ — 9400; Извѣщеніе о съѣздѣ — 400; Пролетарскій праздникъ — 12.350; Рѣчь Гольдмана — 1500; Война противъ войны — 15.000; Искра №№ 54 и 55 — по 2500 экз.; Зачѣмъ правительство затѣяло войну? — 6000. Изъ этого количества на югѣ распространено: первомайскихъ прокламацій — 32.000; Къ учащейся молодежи — 630; Въ ожиданіи успѣховъ — 7500; Война противъ войны — 9950; Зачѣмъ правительство затѣяло войну? — 1200; Пролетарскій праздникъ, Мартова — 2350; №№ 54 и 55 — по 490.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Арестованы: Ивановъ (студ.), Завяловъ, Равинъ, Козловъ (раб.), Суслова (медичка), Анисимовъ (раб.), Коробовъ (студ.), раб.: Роторъ, сестры Калинины, Цвѣтковъ, Гусевъ, Рожевъ, Усовъ, Виноградовъ, Бутофій и Мазуринъ; Ферре (мед.).

Харьковъ. Въ апрѣлѣ арестованы: Гречка (служ. жел. дор.), Пересъ (служ. губ. зем. упр.), Т. Ефименко (техн.), Высоцкій, Гринбергъ (дант.) и технологи Чижъ, Мефертъ, Сморчевскій. — **Таганрогъ.** Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Ал. Мейснеръ (обв. въ участіи въ кружкахъ и на сходкахъ), Як. Маисъ (тоже), Вас. Мериновъ (тоже), Стан. Новикъ (тоже), Чудаковъ (нашли при обыскѣ три проклам.), Сонинъ (обв. въ распр. прокл. „Международный жандармъ" и майской), Качура (обв. въ распр. прокламацій на 19 февр.), Лаврентьевъ (обв. въ участ. на сходкахъ). — Въ станицѣ **Ново-Николаевской** сидятъ Иванъ Сапоновъ и Конст. Бойни. — **Рязань.** Въ апрѣлѣ были многочисленные аресты: Ваяты: братья В. и Е. Стерлиговы (раб. и гимназистъ), В. Стерлигова (ихъ сестра, служ. въ правл. зав. Полякова), М. Абрамовичъ (апт. учен.), Ник. Ильинъ (бывш. моск. студ., недавно вернувшійся изъ Сибири), В. Ильинъ (вольноопр.), А. Унксовъ (быв. студ.), Илья Гольцевъ (модельщ.) и мн. др. М. Грикманъ, сосланный по дѣлу 1900 г. изъ Рязани въ Симбирскъ, теперь высланъ въ Ачинскій окр. Енис. губ. Австр. подд. И. Музиль увезенъ изъ Рязанской тюрьмы въ Москву.

Въ Кіевской тюрьмѣ за апрѣль перебывало 237 полит., изъ нихъ 145 пробыло весь мѣсяцъ. Въ апрѣлѣ арестованы: стол. Дан. Бутько-Синица, портные З. Бейлинъ, Г. Дубина, Дав. Друбковъ, Ф. Дворкинъ, Ш. Каспинъ, І. Залюбскій, Яковъ Кацъ, Кузьма Шараповъ; наборщики Гр. Бѣлоусовъ, Петръ Горбатенко, Никита Говорухинъ, Вас. Бѣляевъ, Дм. Яблонскій; типограф. Сем. Куликовскій; футлярщикъ Аронъ Бенціановъ, кондитеръ Николай Галкинъ; булочники Алексѣй Ершовъ, Акимъ Калашниковъ, Яковъ Кремневъ; слесаря И. Кліонеръ, Григ. Ляховъ; чернораб. М. Осмоловскій; работницы Х. Волохова, Бр. Какузина, Малка Ялкута и Паша Ялкута; дворникъ Арт. Заволока; студ. унив. Бука, Ѳ. Кремень, Е. Евлевъ, А. Знаменскій, В. Метельскій, С. Максимовскій, Ѳ. Пожога, Іос. Понекъ, Н. Соколовъ, Ал. Шурла, Шкапа, Ѳ. Юрьевъ; бывш. студ. Пав. Стечькинъ, Вейцманъ, Безлущенко и студ.-политех. Ушаковъ, интелл. Х. Эткинъ; студ. П. Зарубинъ; инт-ка Галина Дзенкевичъ; уч. худож. учил. Иванъ Запорожецъ и „Неизвѣстный" (нелегальн.). Послѣдній переведенъ въ крѣпость, гдѣ, кромѣ него, въ апрѣлѣ находились: Вл. Винниченко, солдатъ (съ іюня 1903 г.), М. Винокуръ, инт. (съ іюня 1903 г.), солдатъ Вас. Зазирный (съ марта 1904 г.), интелл. Г. Гиршбергъ (съ января 1904 г.), позолотчикъ Сергѣй Лола (съ того же времени), Ал. Локкерманъ (нелег. Оглоблинъ, съ марта 1904 г.), интелл. Пав. Колокольниковъ (съ янв. 1904 г.), офицеръ Красницкій (со времени всеобщей стачки), раб. Никонъ Казаковъ (съ дек. 1903 г.), инж. А. Шиманскій (съ апр. 1902 г.), интелл. Пав. Синицкій (съ янв. 1904 г.), солдатъ Автономъ Худоба (съ марта 1904 г.).

Сосланы изъ Одессы въ Арханг. губ. на 3 года (вмѣсто Сибири): портной Геркнеръ, слесарь Бузиноверъ, Исаакъ Бухъ, электр. Горнштейнъ, Ис. Чернякъ и Золотаревъ. Столяръ Гр. Хайкинъ — на 3 г. въ Арх. губ.; Гольцъ — на 5 л. туда же; Н. Кельфманъ — на 3 г. туда же; Аф. Ивановъ — на 4 г. въ Олонецк. губ.; стекольщикъ Прохоръ Ипаткинъ — на 3 г. туда же; кровельщикъ Яковъ Оксенгуренъ — на 3 г. въ Арх. губ.

Въ Архангельской губ. всѣхъ ссыльныхъ въ настоящее время 425. Ожидаютъ еще 200, назначенныхъ туда же. Теперь заселяютъ уже села и деревушки дальнихъ уѣздовъ. Одесситъ Бернштейнъ (6 лѣтъ — вмѣсто В. Сиб.) сосланъ въ Пустозерскъ. Изъ Холмогоръ бѣжалъ Н. Рѣдкозубовъ (вторично); изъ Онеги раб. Богушевскій; изъ Архангельска — Іюда Пиратинскій.

Списокъ высланныхъ за предѣлы Кавказа въ началѣ апрѣля: Вапо Авсаджановъ, Инашвили, Асодуръ Грикуровъ, Марсаковъ, Асодуръ Кахаянъ, Айрумьянъ, Шавдія, Кукулова, Копанидзе, Жоржикайшвили, Артакъ Ягубьянцъ, Тотибадзе, Яшвили, Цулукидзе, Цулава, Виталій Блокъ, Владиміръ Гарбузовъ, Рожденъ Арсенидзе, Розалія Локкерманъ, Леонидъ Пересъ, Викторъ Нанейшвили, Артокъ Зурабовъ, Марія Борисова, Дмитрій Посталовскій, Домидзе.

Высланы на родину: Ираклій Церетели, Массалкинъ (оба въ Кутаисъ) и Андронниковъ (въ Сигнахскій уѣздъ).

Насъ просятъ сообщить, что переписка сибирскихъ ссыльныхъ: В. Бобкова, М. Нахимовича, Руднева и В. Громана взята подъ контроль. В. А. Шанцеръ арестованъ въ Ачинскѣ.

Баку. Въ бакинскомъ замкѣ находятся слѣдующія лица: Калашниковъ Алекс. (арестованъ 17 іюля 1903 года, обвинялся по статьямъ 269, 270 и 1459), Айрапетовъ Хач. и Гогоношвили Семенъ (арестованы 18 іюля 1903 года, обвинялся по ст. 271, сидятъ съ уголовными, но пользуются провизіей); Хрустадева Дарья (арестована 31 января 1904 года за демонстрацію 2 марта); Цахнакидзе Багр. и Хундадзе Габріель-Оноре (арестованы 29 декабря 1903 года, обв. по ст. 250 и 251); Айвазьянцъ Мин. (арестованъ 13 декабря 1903 года, обв. по ст. 318); Сомораева Марья (арестована 28 января за демонстрацію 2 марта); Чочія Григ. (арестованъ 29 января, обв. по ст. 252, 4 ч.); Щелчковъ Михаилъ, Арндъ Ген. и Меликянцъ (арестованы 2 февраля, обв. по ст. 250, 252 и 318); Малѣевскій Алексѣй, Рабиновичъ Абрамъ и Гейденпрейхъ Марія (арестованы 24 февраля, обвин. по ст. 250 и 251); Толокновъ Мих. (арест. 29 февраля, обв. по ст. 318); Логурько Михаилъ и Рубцова Ольга (арестованы 4 февраля). Кроль Гита и Леусъ Вѣра (арестованы 16 марта за забастовку въ магазинѣ Барскаго); Михайлова Настя и Генкина Раиса (арест. 18 марта за забастовку въ Берлинскомъ магазинѣ и у Черномордикова); Гордлизейнъ Сол. и Ледеценко Хрис. (арестованы 18 марта за забастовку. — *Переведены* въ арестный домъ: Виноградовъ Анат., Лазаревъ Николай, Москаленко Иванъ, Рагулинъ Кон., Котинъ С., Щепетковъ Андрей, Черновъ Андрей, Маркіановъ Ник., Мораховскій Зин., Кондратскій Вик. и Хрусталевъ Кон. (арестованы 28 февраля, отб. наказаніе за демонстрацію 2 марта). *Переведены* въ Кубу: Аракеловъ Абрамъ (обв. по ст. 250); Романовъ Ив., Корнѣевъ Ник. и Самораевъ Алек. (арестованы 2 марта 1903 г., обв. за демонстрацію 2 марта); Бендельяни Иванъ. Ждановъ Фед. (арестованы 27 апрѣля 1903 года, обв. за демонстрацію 27 апр.); Костаньянъ М. и Погосовъ Георгъ (арестованы въ сентябрѣ 1903 года); Ратнеръ Анна, Вирновскій Сол. и Швайцевъ Влад. (арестованы 7 ноября 1903 года); Гуревичъ Семенъ (арестованъ 7 ноября 1903 года, обв. по ст. 250 и 251); Мукосѣевъ Дмитрій (арестованъ 10 октября 1903 года, обв. по ст. 318). *Высланы* въ Архангельскую губернію: Дадаянцъ Арш., Семеновъ и Гридневъ (арестованы 2 марта, обв. за демонстрацію 2 марта, высл. 11 февраля на три года); Айрумовъ Кон. (арестованъ 27 апрѣля, обв. за демонстрацію 27 апрѣля, высланъ 25 января на три года въ Восточную Сибирь); Х... русскій и Х... еврей (обв. за демонстрацію, высланы 25 января); Желевичъ и Мирзаянцъ Мак. (арестованы 28 апрѣля, обв. за демонстрацію, высланы 25 января на пять лѣтъ); Гиграшевскій (высланъ 25 января); Вукертъ Фил. (высланъ на 3 г.). *Освобождены:* 4 января — Шлимакъ, Бастричевъ и Х... (арестованы 1 янв., обв. за демонстрацію въ театрѣ); 20 февраля — Сальманъ, Вассеръ и Косяковъ (арест. 31 января, обв. за демонстрацію въ театрѣ); 21 февраля — Блиновъ Вл., Блиновъ Леонъ, Груда, Сильчевъ, Пономаревъ, Комаровъ и Савеловъ (арестованы 23 января, обв. за стачку 21 января); 5 марта — Куликовъ (арестованъ 1 января); 9 марта — Красильниковъ Н. (арестованъ 7 марта, обв. по 318 ст.); 20 марта — Мопсикъ Г., Штеренъ Абрамъ и Холодовскій М. (арестованы 31 января, обв. за демонстрацію въ театрѣ); 22 марта — Костинъ Ив. и Ройнгольдъ К. (арестов. 2 февраля, обв. по 250, 252 и 318 ст.); Сергѣевъ Н. (арестованъ 23 дек., обв. за демонстрацію 27 апрѣля); Познеръ, Ратнеръ Евс., Ратнеръ Рах. и Грошевъ Кир. Выпущ. на поруки 20 февраля Кочіевъ Арш. (арестованъ 7 ноября, обв. по 250 и 251 ст.). Переведенъ въ Ленкор. 22 февраля Егоровъ Ив. (арестованъ 7 ноября, обв. по 250 и 251 ст.). Выбылъ Ѳедоровскій Ал. (арестованъ 30 января). Подлежатъ высылкѣ: Кемашвили Ал. — въ Архангельскую губернію на три года (арестованъ 20 марта. обв. за демонстрацію 27 апрѣля); Грюнеръ Серг. (вет. врачъ-магистръ) — въ Восточную Сиб. (высланъ въ Пермскую губернію 24 марта, арестованъ 27 янв.).

Некрологъ. 4 іюня н. ст. 1904 г. въ Женевѣ въ госпиталѣ скончалась 24 лѣтъ отъ роду отъ туберкулеза легкихъ политическая эмигрантка *Юлія Исааковна Гольдманъ*. Покойная, будучи еще гимназисткой, принимала участіе въ революціонныхъ кружкахъ въ Вильнѣ. Уже тогда она намѣтила себѣ свою дальнѣйшую дѣятельность — дѣятельность въ рядахъ революціонной соц.-демокр., которой отдали свои силы нѣкоторые члены ея семьи (осужденный въ прошломъ году на поселеніе Л. Гольдманъ — ея родной братъ). Мечтой ея было поѣхать въ Петербургъ, этотъ центръ русской общественной, политической и культурной жизни; съ большимъ трудомъ ей удается, наконецъ, въ 1897 г. пріѣхать туда и поступить на акушерскіе курсы, необходимые ей для права жительства. Занимаясь на курсахъ, перебиваясь изо дня въ день перепиской, уроками и т. п. заработками русскаго интеллигентнаго пролетаріата, нуждаясь матеріально и порой голодая въ буквальномъ смыслѣ этого слова, она въ то же время подготовляется къ будущей революціонной дѣятельности, участвуя въ разныхъ кружкахъ самообразованія. Но, готовясь къ будущей дѣятельности, покойная не уходила отъ жизни и систематически оказывала болѣе или менѣе активныя услуги дѣйствующимъ въ Петербургѣ соціальдемократическимъ организаціямъ. Въ декабрѣ 98 г. у Юліи Исааковны былъ обыскъ, у нея найдена пишущая машина и другія компрометирующія ее вещи; она была арестована и привлечена къ дѣлу группы „Рабочаго Знамени", подготовившую и организовавшую извѣстную стачку у Максвеля и Паля. Просидѣвъ $3^1/_2$ мѣс., она была выпущена подъ особый надзоръ полиціи въ Вильнѣ, гдѣ она отбыла послѣ особаго надзора и гласный надзоръ (1 годъ). Въ Вильнѣ она вступила въ мѣстную организацію „Бунда" и была дѣятельной и видной пропагандисткой, отдавая всѣ свои силы дорогому ей дѣлу соціальдемократіи. Осенью 1903 года ей пришлось скрыться, въ виду того, что при одномъ обыскѣ нашли сильно компрометировавшее ее письмо. Гольдманъ скрылась за-границу, чтобы отдохнувъ и пріобрѣтя больше знаній, снова вернуться въ Россію уже въ качествѣ нелегальной. Но осуществить это ей не пришлось, такъ какъ при переходѣ черезъ границу она простудилась и, проживъ въ Берлинѣ, гдѣ принимала участіе въ Берлинской группѣ содѣйствія Бунда, всего нѣсколько мѣсяцевъ, совершенно заболѣла и въ теченіе почти 2-хъ лѣтъ жила въ разныхъ курортахъ и санаторіяхъ, желая поправить свое здоровье во чтобы то ни стало, чтобы ѣхать въ Россію. Совершенно больная и обезсиленная, она 1-го мая этого года была привезена изъ Италіи въ Женеву, гдѣ дожила свои послѣдніе дни.

Покойная до послѣднихъ минутъ своей многострадальной жизни живо интересовалась всѣмъ происходящимъ въ Россіи, слѣдила за всѣми перипетіями революціонной борьбы и страстно рвалась туда, въ гущу революціонной жизни. Но ей не суждено было увидѣть Россію...

Спи же спокойно, дорогой товарищъ, пусть будетъ легка тебѣ земля и пусть потерявшихъ тебя друзей и товарищей будетъ утѣшать въ ихъ потерѣ мысль, что и ты прожила не даромъ для общаго соціальдемократическаго дѣла.

Перу покойной, между прочимъ, принадлежитъ беллетристическое произведеніе „Встрѣча Новаго Года", помѣщенное въ № 31 „Искры".

Насъ просятъ заявить:

1) Рабочій Николай Афанасьевъ, привлекавшійся въ 1902 г. по дѣлу СПБ. Рабоч. Организаціи и сосланный въ Вост. Сибирь, откуда бѣжалъ, просилъ товарищей въ Парижѣ заняться разсмотрѣніемъ циркулирующихъ о немъ, Афанасьевѣ, слухахъ, приписывающихъ ему роль провокатора. Коммиссія изъ товарищей Кричевскаго, Дейча и Невзорова, собравъ всѣ относящіяся къ этимъ слухамъ свѣдѣнія, пришла къ положительному заключенію, что слухи эти явились результатомъ недоразумѣнія и что никакихъ данныхъ, компрометтирующихъ тов. Афанасьева, не имѣется.

2) Группа товарищей заявляетъ, что бывшій статистикъ Граціанскій, сосланный изъ Костромы въ Архангельскую губернію, никакихъ компрометтирующихъ показаній *не давалъ*.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Чижикову. Объясните, какимъ ключемъ писано. Не разобрали.
Изгою. Пойдетъ въ слѣд. №.

Отчетъ заграничнаго представителя Ц. К.

Съ 1 мая по 1 іюня экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. были получены слѣдующія суммы:

1. Отъ Фридбергской группы содѣйствія Партіи за литературу — *31 фр. 14 с.* (изъ нихъ 6 фр. 14 с. были получены черезъ администрацію „Лиги"). 2. Отъ Берлинской группы содѣйствія Партіи (30 марокъ) — *37 фр. 50 с.* Отъ Г—ской гр. сод. Партій по отчету до 1 апрѣля (116 мар. 20 пф.) — *145 фр. 25 с.* 4. Отъ нея же по отчету къ 1 іюня (267 мар. 40 пф.) — *329 фр. 30 с.* 5. Отъ Женевской группы содѣйствія Партіи — *120 фр.* 6. Отъ „Г. С. Д. согласно отчета" 571 марка 18 пф. — *711 фр. 85 с.* 7. Отъ администраціи Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. за литературу — *231 фр. 80 с.* 8. Отъ редакціи Ц. О. за литературу — *711 фр.* 9. Отъ подписчиковъ на „Искру" — *94 фр. 95 с.* 10. Отъ книжныхъ магазиновъ за литературу — *322 фр. 45 с.* 11. Отъ продажи литературы изъ экспедиціи по мелочамъ — *331 фр. 75 с.* 12. Изъ Карлсруэ старый долгъ — *60 фр.* 13. По подписнымъ листамъ Ц. К. отъ Вѣнской группы содѣйствія Партіи (получено черезъ „Лигу") — *37 фр. 6 с.* 14. Подписка и пожертвованія на „Разсвѣтъ" — *23 фр. 95 с.* 15. Отъ Бернской группы содѣйствія Партіи на изданіе книги Бельтова — *205 фр.* 16. На напечатаніе одной рукописи — *40 фр.* 17. Изъ Цюриха для консума — *17 фр. 50 с.* 18. Отъ группы парижскихъ рабочихъ — *90 фр.* (изъ нихъ черезъ Л. — 15 фр. и черезъ „Лигу" — 75 фр.) 19. Черезъ Deferment'а за литературу — *45 фр.* 20. Для кассы политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ — *62 фр. 85 с.* 21. Въ пользу Ц. К. отъ N. N. — *5 с.* 22. Отъ дамы въ пользу Ц. К. — *25 фр.* 23. Отъ Ц. К. — *62 фр.* 24. Черезъ Олина отъ „товарища" — *250 фр.* 25. На партію отъ Z. — *20 фр.* 26. „Въ пользу Ц. К." — *65 с.* 27. Отъ администраціи Заграничной Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. за напечатанныя ей изданія — *117 ф. 35 с.* 28. На организаціонныя нужды отъ Капитана — *11 фр. 10 с.* 29. Въ пользу Ц. К. — *10 с.* 30. „Для якутянъ" отъ сосланнаго въ архангельскую губ. черезъ Deferment'а — *18 фр. 45 с.* 31. Отъ Рейнгольдта для Ц. К: — *260 фр.* 32. Отъ Е. Н. — *49 фр. 25 с.* 33. Заимообразно на „специальную цѣль" — *1000 фр.* 34. Отъ К. изъ Женевы — *15 фр.* 35. Отъ „товарища" — *200 фр.* 36. Черезъ Г. изъ Вѣны взносы С. Л. за апрѣль и май (40 кронъ) — *42 фр.* *А всего съ 1 мая по 1 іюня* въ экспедицію Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи поступило — *5718 фр. 70 сант.*

Отчетъ Женевской „Эмигрантской кассы" съ 1 марта по 1 іюня 1904 года.

ПРИХОДЪ. — Отъ группы „Единеніе" съ рефератовъ 227 ф. 71 с. Съ подписныхъ листовъ: № 145 — 6 фр. 50 с., № 2 — 15 фр., № 0 — 7 фр. 20 с., № 3 — 24 фр. 30 с., № L — 31 фр. 30 с. Ежемѣсячныхъ взносовъ: отъ П. 20 фр., отъ Б. 8 фр., отъ И. 25 фр., черезъ И. отъ N 17 фр., отъ М. 2 фр. Единовременно отъ Д—а 50 франковъ. Съ дискуссій въ марксистскомъ кружкѣ 20 фр.; сборъ въ томъ же кружкѣ 3 фр. 55 с. Возвращено долгу: черезъ М. 15 фр., отъ роженицы 20 фр. Собрано въ Давосѣ 58 фр. Получено отъ Ц. К. 62 фр. и мебель для эмигрантской квартиры; отъ больной дамы 1 фр. 25 с.; отъ продажи листковъ 2 фр.; отъ сочувствующихъ 32 фр.; изъ Дрездена 28 фр.; изъ Митвейды 11 фр.; изъ Гейдельбергской кассы ссыльнымъ и заключеннымъ 25 фр.; собрано на вечерѣ 6 фр. 25 сант. Всего прихода 718 фр. 6 сант.

РАСХОДЪ. — Выдано З. въ разное время 63 фр., Д. въ разное время 62 фр.; черезъ М. 25, 30 фр., черезъ Б. 15 фр., Л. 5 ф., С. 27 фр. 20 с., Ф. 15 фр., И. 20 фр., въ Италію 20 фр., черезъ Л. 20 фр., въ Давосъ 58 фр., Н. 25 фр., Ю. 25 фр., П. 15 фр., С. 20 фр., П. 20 фр., Ч. 20 фр., Н. 15 фр., Л. 25 фр., Г. 32 фр., В. 10 фр., К. 10 фр. Больнымъ товарищамъ: 20, 5, 40 и 20 фр. Уплачено за эмигрантскую квартиру 35 фр., за матрацы 30 фр.; рабочимъ на дорогу 10 и 10 фр.; почтовые расходы 5 фр.; оказались фальшивыми 5 фр.; за обѣды 30 фр. Всего израсходовано 797 фр. 85 сант.

Дефицитъ въ кассѣ въ 79 фр. 79 сант.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено: изъ Бреславля — 6 фр. 15 с.; отъ сосланнаго въ Арханг. губ. „для Якутянъ" черезъ Deferment'а — 18 фр. 45 с. Черезъ него же передано: для якутскихъ товарищей — 111 фр.; въ Л—ую тюрьму — 42 фр.

Отчетъ Берлинской эммигрантской кассы. Получено: изъ Б. К. 90 мар.; отъ нѣмцевъ 185 м.; пожерт. 81 м.; собрано по лис. 16 м. 50 пф.; собрано на рефер. 21 м. 50 пф.; изъ Фрейберга 60 м.

Цюрихской Сиб. Кассой получено отъ ред. „Искры" по листу № 228 (черезъ В.) изъ Давоса 37 ф. 60 с.

Типографія Партіи. Genéve, Rue de la Coulouvreniére, 27.

Впередъ или назадъ?

Вмѣсто надгробнаго слова.

Всякій слышалъ о томъ знаменитомъ оружіи австралійскихъ туземцевъ, которое называется бумерангомъ и которое, будучи брошено умѣлой рукой, возвращается назадъ и падаетъ къ ногамъ охотника.

Въ противоположность искусству австралійскаго охотника, искусство публициста обыкновенно заключается въ томъ, чтобы брошенный имъ снарядъ *не вернулся* къ нему обратно. Особенно это надо сказать о такомъ оружіи, какъ *стрѣлы остроумія*. Неумолимой ироніей звучитъ такая стрѣла, когда она, отскочивъ отъ противника, летитъ обратно къ неумѣлому стрѣлку... И чѣмъ ядовитѣе была задумана острота, тѣмъ больнѣе она царапаетъ неосторожнаго воина.

„Шагъ впередъ — два назадъ!“ гласитъ книга Ленина, ставящая себѣ цѣлью окончательно пришпилить „оппортюнистическій“ ярлыкъ къ нынѣшнему партійному меньшинству. Шагъ впередъ, сдѣланный „Аксельродами“, когда подававшій большія надежды русскій „практикъ“ Ленинъ предложилъ своимъ учителямъ союзъ для борьбы съ оппортюнизмомъ. „Два шага назадъ“, когда „Аксельроды“, увидавъ, что расправившій подъ ихъ попеченіемъ свои крылья „орленокъ“ оказался, по внимательномъ разсмотрѣніи, довольно вульгарной породы политической птицей, — отреклись, за себя и за болѣе зрѣлую часть партіи, отъ дальнѣйшей солидарности съ нѣкогда подававшимъ надежды...

Въ своей новой книгѣ тов. Ленинъ не съумѣлъ показать, почему тѣ и другія частныя возрѣнія ред. „Искры“ по вопросамъ тактики и организаціи кажутся ему несовмѣстимыми съ той партійной *программой*, которую эта редакція выработала и которая была санкціонирована партійнымъ съѣздомъ, какъ *выраженіе основъ политическаго міровоззрѣнія партіи*, какъ резюме политической работы, совершенной „Искрой“. Не съумѣвъ показать *этого*, тов. Ленинъ запутался въ самыхъ смѣшныхъ, недостойныхъ его репутаціи, противорѣчіяхъ, не могъ поставить своего обвиненія въ оппортюнизмѣ на сколько нибудь прочное основаніе, не съумѣлъ объяснить, съ своей точки зрѣнія (если у него есть еще какая нибудь), *историческихъ корней того новаго оппортюнизма*, который онъ взялся обличить, не съумѣлъ, слѣдовательно, объяснить такъ, какъ подобаетъ марксисту, самаго кризиса въ нашей партіи. И потому, что онъ не съумѣлъ сдѣлать этого, выброшенная изъ его лука стрѣла съ жалобнымъ стономъ возвращается обратно и въ этомъ ея стонѣ слышится пѣсня: „шагъ впередъ“ — отъ объясненія появленія „меньшинства“ „дрязгами“ къ попыткѣ объяснить его принципіальной противоположностью между интеллигенціей и пролетаріатомъ; два шага назадъ — отъ неудавшагося принципіальнаго объясненія къ двойной дозѣ инсинуацій относительно „карьеризма“, погони за мѣстами и проч. и проч. Любитель пикантныхъ „болотныхъ“ аналогій сдѣлалъ героическое усиліе, чтобы вытащить себя за собственные волосы изъ того болота политической грязи, въ которомъ онъ пытался заложить основанія „своей“, ленинской партіи; попытка не удалась, и книга, начатая обѣщаніемъ показать „основной политическій характеръ“ (см. предисловіе) нашей „междуусобной“ войны, *должна* была закончиться... реабилитаціей ...Гусева.

Шагъ впередъ — два назадъ! какъ похоронный мотивъ звучатъ эти слова, когда читаешь книгу Ленина и тщетно вопрошаешь: гдѣ же авторъ скажетъ намъ — какова глубокая, историческая подпочва того кризиса, о которомъ онъ взялся писать? гдѣ же виды на будущее? гдѣ указаніе — что же дѣлать? Увы! растеряннымъ взоромъ смотритъ авторъ на ту партію, въ которой ему привелось занять „сверхъ-центральное“ мѣсто, смотритъ — и не видитъ всей трудности ея *политическаго* положенія передъ задачами, которыя *уже* возложила на нее исторія, не вложивъ *еще* въ ея руки орудій для ихъ осуществленія; смотритъ — и не видитъ колоссальной работы, обязанность выполненія которой возложена на партію неожиданной войной, промышленнымъ кризисомъ, быстро движущимся впередъ процессомъ разложенія всѣхъ еще уцѣлѣвшихъ подпорокъ нынѣшняго государственнаго режима, быстрымъ формированіемъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя своей совокупностью образуютъ политическую среду, долженствующую собой опредѣлять и *осложнять* работу пролетарской партіи. Онъ видитъ только... „кооптаціонныя дрязги“, „ошибку по первому параграфу“, „тройку“, „шестерку“ и т. д. И когда отовсюду слышится уже гулъ голосовъ, которые завтра же громко и съ плебейской рѣзкостью поставятъ намъ вопросъ: „что же дѣлать?“, этотъ „вождь“, словно въ забытьи, бормочетъ: „двѣ тройки, двѣ тройки, двѣ тройки“.

Это — почти трагедія. Жаль только, что выступленіе тов. Ленина совершается при такомъ бенгальскомъ освѣщеніи, которое способно заранѣе убивать „чувство трагическаго“, слишкомъ грубо задѣвая въ насъ чувство *смѣшного*.

Реклама, которою обставилъ выходъ своей книги тов. Ленинъ и которая представляетъ собой совершенно необычное въ нашей партіи явленіе[1]), заставляетъ невольно вспомнить о другой книгѣ другого „бывшаго“... вождя, Эдуарда Бернштейна, котораго извѣстные „труды“, чѣмъ болѣе становились они „безцѣнными“, тѣмъ съ большей помпой „вылетали“ въ свѣтъ. Еслибъ я былъ одаренъ нѣкоторыми основными пріемами мышленія, характеризующими Ленина, я бы поспѣшилъ изъ этого сопоставленія сдѣлать выводъ: склонность къ рекламированію „создающихъ эпоху“ произведеній характеризовала Бернштейна; ее же нынѣ проявилъ Ленинъ; *стало быть*, Ленинъ совершилъ поворотъ къ бернштейніанству. Но, какъ ни соблазнительно сдѣлать подобное умозаключеніе, я не могу на это рѣшиться, хотябы и зналъ, что подобное „остроуміе“ привлечетъ ко мнѣ сердца всѣхъ „принципіально выдержанныхъ“... упростителей. И, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе между Ленинымъ и Бернштейномъ по вопросу о рекламѣ имѣетъ значеніе.

Когда-то тов. Ленинъ выразился о Бернштейнѣ: „геростратовски извѣстный“ Бернштейнъ. Геростратомъ Бернштейну не удалось стать: фейерверкъ его критики оказался безсиленъ сжечь чудный образецъ истино человѣческаго творчества — систему научнаго соціализма. Но геростратовской была и осталась *попытка* Бернштейна, въ результатѣ которой онъ такъ больно обжегъ свои пальцы. И вотъ невольно вспоминаешь объ этой попыткѣ, когда подводишь итогъ предпріятію автора „Что дѣлать?“. Что-то геростратовское видится въ его, съ лучшими, конечно, намѣреніями предпринятомъ, дѣлѣ — быстраго, безпощаднаго разрушенія той самой партіи, которую, камень за камнемъ, въ упорномъ трудѣ складывали дѣятели послѣднихъ лѣтъ... Стоитъ читать эти строки, дышащія мелкой, подчасъ безсмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слѣпой, глухой и, вообще, какой-то безчувственной яростью, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же безсодержательныхъ „бойкихъ“ и „хлесткихъ“ словечекъ, — чтобы убѣдиться, что передъ нами человѣкъ, фатально *вынужденный* катиться дальше по той плоскости, на которую онъ „стихійно“ всталъ, и которая прямехонько ведетъ его къ полному политическому развращенію и раздробленію соціальдемократіи.... Геростратовъ подвигъ! скажутъ потомки, если сильныя руки товарища Ленина потащатъ за собой въ этомъ бѣшеномъ галопѣ нашу партію; и они же утѣшатъ товарища Ленина указаніемъ на Бернштейна, если отъ этой геростратовой попытки останется только жгучая боль въ его пальцахъ. Да будетъ!

I. Методъ мышленія и манера спора.

Попробуемъ своими словами изложить „суть“ брошюры Ленина. Если оголить ее отъ всѣхъ полемическихъ инкрустацій и мелочныхъ пустяковъ, столь характерныхъ нынѣ для нашего лидера, то мы получимъ слѣдующую „схему“.

Трехлѣтней упорной борьбой съ оппортюнизмомъ „искровство“ подчинило себѣ партію въ такой мѣрѣ, что, при всей осторожности „искровцевъ“ (см. стр. 1), можно было рискнуть созвать съѣздъ для оффиціальнаго объединенія партіи. Но, когда съѣздъ былъ созванъ, оказалось, что только $^3/_5$ партіи (33 изъ 51, см. діаграмму) могутъ считаться искровскими. Когда же остальныя $^2/_5$ стали на съѣздѣ бороться противъ „искровства“, то оказалось, что и изъ этихъ трехъ пятыхъ многіе ненадежны и склонны къ оппортюнизму. (въ томъ числѣ половина организаціи „Искры“, $^2/_3$ редакціи „Искры“ и $^2/_3$ Группы Освобожденія Труда). Благодаря этому, съѣздъ, явившійся плодомъ трехлѣтней „нашей“ работы и созванный только послѣ того, какъ „мы“ семь разъ „отмѣрили“ (стр. 1), рисковалъ привести къ *оффиціальному торжеству оппортюнизма*. Къ „нашему“ счастью, уходъ „Бунда“ и „Союза“ перевернулъ всѣ отношенія — „мы“ оказались въ большинствѣ, благодаря ортодоксальной бдительности тов. Муравьева, Дѣдова, Ланге и др. „Мы“ побѣдили, и, видя, какъ живучъ „оппортюнизмъ“ и какъ падки до него нѣкоторые основатели „Искры“ и русской соціальдемократіи, рѣшили провести такія двѣ „тройки“, которыя бы позволили ввести „осадное положеніе“ и тѣмъ создать „организаціонный базисъ для борьбы при помощи устава съ тѣмъ, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью, расплывчатостью“ (стр. 91). Такъ какъ большинство понимало, что время „кружковщины“ миновало и что настала пора (стр. 112) „партійной точки зрѣнія“, то „мы“ предложили, чтобы проведеніе „осаднаго положенія“ противъ „расплывчатаго меньшинства“ совершалось при участіи членовъ этого самаго меньшинства — Мартова въ Ц. О. и Попова въ Ц. К. Пропитанные „обывательской точкой зрѣнія“, Мартовъ и Поповъ не захотѣли выполнить этой роли. Тѣмъ самымъ, „побѣда“ твердаго большинства превратилась въ источникъ всякихъ неурядицъ. („Отказъ Мартова и Попова отъ выборовъ внесъ сразу атмосферу *дрязги* въ партійную борьбу партійныхъ оттѣнковъ“). Въ виду этого, пришлось принять „исключительныя мѣры“ противъ „меньшинства,“ засѣвшаго въ Лигѣ. Но Г. В. Плехановъ, тоже оказавшійся „непослѣдовательнымъ искровцемъ“, отказался санкціонировать эту новую „побѣду“ надъ многажды побѣжденнымъ „оппортюнизмомъ“. Товарищъ Ленинъ, въ безпредѣльныхъ заботахъ о партійномъ мирѣ, рѣшилъ „перебраться въ Ц. К.“, чтобы оттуда поражать „своей маленькой артиллеріей“ столько разъ уже побѣжденнаго супротивника. Этотъ послѣдній развернулъ свой „оппортюнизмъ“ самымъ циничнымъ образомъ, показавъ всѣмъ и каждому (стр. 134: „*Всѣ* и *каждый* видятъ поворотъ къ оппортюнизму“), какъ правъ былъ тов. Ленинъ, когда настаивалъ на необходимости безпощадно преслѣдовать этотъ „интеллигентскій индивидуализмъ“, возставшій противъ „пролетарской дисциплины“. Откликнувшись на этотъ зовъ, „всѣ и каждый“, въ лицѣ большинства комитетовъ, объявили войну „дезорганизаторамъ“ и въ рядѣ резолюцій еще разъ побѣдили ихъ. Въ результатѣ — „отсталые элементы партіи взяли верхъ“ въ ней. Выяснилось, такимъ образомъ, что въ соціальдемократіи отсталые элементы обладаютъ удивительнымъ свойствомъ брать верхъ въ партіи, оставаясь въ ничтожномъ меньшинствѣ. Противъ интеллигентскаго индивидуализма оказалась безсильна пролетарская дисциплина — и все потому, что новоявленные оппортюнисты пустили въ ходъ дезорганизацію, сплетни и „нечестные“ пріемы въ борьбѣ. Иначе говоря:

Тов. Ленинъ послѣ трехъ лѣтъ борьбы съ оппортюнизмомъ съ большимъ трудомъ „закрѣпилъ вліяніе“ въ партіи для систематическаго проведенія осаднаго положенія противъ побѣжденныхъ. Пролетарская дисциплина, партійная точка зрѣнія, революціонный якобинизмъ раздавили интеллигентскій индивидуализмъ, кружковщину, обывательщину и „хлюпкій“ жирондизмъ. Но *такъ какъ* побѣжденные отказались прекратить борьбу, *такъ какъ* они отказались пользоваться въ борьбѣ только тѣми средствами, которыя имъ рекомендовали побѣдители, *такъ какъ* они продолжали быть индивидуалистами, „обывателями“ и жирондистами, *такъ какъ* они не захотѣли „молчаливо признать свою ошибку на съѣздѣ“ (см. стр. 113), *такъ какъ* Аксельродъ и Мартовъ оправдали худшія опасенія, вызванныя въ „большинствѣ“ ихъ „ошибкой по § 1“ и вызвавшія необходимость „двухъ троекъ“ и „осаднаго положенія“, а Плехановъ поддался ноябрскимъ вѣяніямъ „женевской погоды“ (см. стр. 132), и *такъ какъ* оппортюнисты были въ жалкомъ меньшинствѣ, а „твердые“ въ значительномъ большинствѣ, *такъ какъ* „новая“ „Искра“ въ роли партійнаго органа „не выражаетъ интересовъ и воли партіи“ (стр. 119) и представляетъ ея *отсталые* элементы въ борьбѣ противъ *передовыхъ*, то, *въ силу этого*, „отсталые элементы взяли верхъ“, и нашъ восхитительный стратегъ, совершившій въ короткое время столько большихъ и малыхъ походовъ, очутился въ положеніи, близкомъ къ положенію пушкинской старухи, которая побывала было въ царицахъ, но вернулась въ первобытное состояніе

...И передъ нею разбитое корыто.

И когда теперь тов. Ленинъ горячо призываетъ своихъ вѣрныхъ на борьбу съ „жирондизмомъ“, когда онъ мобилизуетъ силы „пролетарской дисциплины“ противъ „хлюпкой“ интеллигенціи, — не рискуетъ ли онъ услышать коварный вопросъ: сколько же еще побѣдъ нужно Вамъ одержать, чтобы остаться вовсе безъ войска? Если ни формальное большинство голосовъ съѣзда, если ни фактическая „воля партіи“, ни моральное превосходство (см. дрязги, карьеризмъ etc.) не могутъ спасти „передовые“ элементы отъ перспективы быть подавленными элементами „отсталыми“, то гдѣ же, вообще, залогъ побѣды, скажите намъ, о, тов. Ленинъ?

Пустопорожній характеръ ленинской концепціи нашего партійнаго развитія прямо поразителенъ. Ленинъ нынѣ неспособенъ даже самъ понять (не то что другимъ объяснить) историческое происхожденіе и историческое значеніе партійнаго кризиса; онъ неспособенъ *объяснить* своего политическаго противника. А, вѣдь, такое объясненіе — *первый долгъ* политика марксиста, который желаетъ выразить „передовые элементы“ своей партіи и помочь имъ одержать побѣду надъ элементами отсталыми. Соціальдемократическій теоретикъ не можетъ двигать впередъ развитіе своей партіи, не можетъ побороть своего „внутренняго“ противника, не показавъ исторической *необходимости его появленія*, не раскрывъ тѣхъ *объективныхъ тенденцій* историческаго развитія, которыя его породили и которыя его же приведутъ къ гибели. Когда мы боролись съ русскимъ бернштейніанствомъ и съ русскимъ экономизмомъ, мы до тѣхъ поръ не имѣли подъ ногами твердой почвы, пока не дали такого *матеріалистическаго* объясненія и необходимости возникновенія и дальнѣйшей необходимости гибели того и другого общественнаго „зла“. Только давъ такой матеріалистическій, слѣдовательно, и историческій анализъ идейной борьбы внутри партіи, мы можемъ съ какимъ-нибудь правомъ фиксировать тотъ или другой наличный антагонизмъ въ такихъ идеологическихъ категоріяхъ, какъ „индивидуализмъ“ и „дисциплина“, „пролетарская“ и „мѣщанская“ идеологія. Только при наличности такого анализа, эти „абстрактныя“ категоріи получаютъ историческое содержаніе и могутъ что-нибудь, дѣйствительно, объяснять.

Но что такое представляетъ собой подобный матеріалистическій анализъ? Исходя изъ опредѣленныхъ основныхъ положеній о „сущности историческаго процесса“, марксистъ, приступая къ анализу идейной борьбы, получившей сколько-нибудь общественное значеніе, старается вскрыть въ ней рефлексъ объективно развивающейся *борьбы классовъ*. Жюль Гэдъ, возражая однажды Жорэсу, сказалъ, что борьба классовъ, это — не „принцицъ“, а реальный фактъ. Эти слова слѣдовало бы понять и хорошо запомнить многимъ нашимъ марксистамъ. Не „принципъ“, — т. е. не какое-нибудь отвлеченное начало, не голая логическая или психологическая категорія мыслится намц, когда мы говоримъ о „мелкобуржуазномъ“, „буржуазномъ“ или „пролетарскомъ“ теченіи въ общественной жизни. Являясь рефлексомъ объективнаго процесса общественнаго развитія, такая категорія должна имѣть „подъ собою“ реальный субстратъ *соціальной борьбы*, совершается ли послѣдняя въ сферѣ сознательной политической жизни, или же таится въ нѣдрахъ безсознательныхъ общественныхъ инстинктовъ и несознанныхъ интересовъ. Чтобы, поэтому, доказать „буржуазность“ какого-нибудь политическаго теченія, намъ надо найти тѣ реально проявляющіеся въ жизни соціальные интересы, которые получили въ немъ свое выраженіе. Но найти ихъ — не значитъ произвольно отыскать „подходящую“ группу современнаго общества и связать ее съ данной иделогіей мостомъ чисто-логическихъ выводовъ изъ какого-нибудь общаго положенія, долженствующаго суммировать „сущность“ идеологической физіономіи данной группы (напримѣръ: интеллигентъ склоненъ къ индивидуализму, ergo, кто, когда, гдѣ и какъ бы то ни было, протестуетъ противъ подавленія личности, тѣмъ самымъ выражаетъ собой „интеллигентскій индивидуализмъ“; или: пролетарій склоненъ къ объединенію, дисциплинѣ, сплоченности, ergo, кто, гдѣ, когда и какъ бы то ни было, толкуетъ о дисциплинѣ, тѣмъ самымъ выражаетъ собою „пролетарскую струю“). Хотя бы, — какъ это и имѣется на лицо въ приведенныхъ мною примѣрахъ, — хотя бы основное общее положеніе было истинно, резюмируя соціально-психологическіе результаты опредѣленной классовой группировки въ современномъ обществѣ, — тѣмъ не менѣе, дедукціи, подобныя приведеннымъ выше, являются ничѣмъ не оправданными съ точки зрѣнія того діалектическаго метода, къ которому обязываетъ марксизмъ. По существу дѣла, мы имѣемъ передъ собою совершенно метафизическое сведеніе того или другого общественнаго теченія къ опредѣленному „началу“, къ абстрактной психологической категоріи, отвлеченной отъ реальнаго историческаго процесса. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы „свести“, путемъ цѣпи болѣе или менѣе дешевыхъ силлогизмовъ, ту или другую фразу „Аксельродовъ“, тотъ или другой политическій шагъ Мартовыхъ къ „основному первоисточнику“ „интеллигентской хлюпкости“. Дешевой цѣною на этомъ пути мы добьемся совершенно ничтожныхъ результатовъ, не выдерживающихъ самаго легкаго прикосновенія критики здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ: повѣрьте на минуту Ленину, что нынѣшній „оппортюнизмъ“, впервые наглядно проявившійся въ „ошибкѣ по § 1“, есть результатъ „интеллигентскаго индивидуализма“. Подойдите съ этимъ „философскимъ“ багажемъ къ дѣйствительному ходу событій, и вы сразу очутитесь лицомъ къ лицу съ самыми невѣроятными несообразностями. „Ошибка по § 1“ — проявленіе интеллигентскаго индивидуализма; *поэтому*, ее раздѣлялъ Акимовъ, raison d'être существованія котораго — защита интересовъ „широкихъ *рабочихъ* организацій“ стараго „демократическаго“ типа; Акимовъ, который обвиняетъ партійную программу въ томъ, что въ ней пролетаріатъ „ни разу не упоминается въ именительномъ падежѣ“, *поэтому*, эту же ошибку раздѣляютъ и кавказскіе „твердые“ делегаты, которые говорятъ, что ленинскій § 1 вычеркнетъ изъ партіи сотни сознательныхъ кавказскихъ пролетаріевъ. Споръ изъ за § 1 велся противъ „интеллигентскаго индивидуализма“, желающаго провести въ партію всякихъ „профессоровъ“, *поэтому*, за § 1 стояли бундовцы, которымъ, видимо, для полнаго благополучія недостаетъ только профессоровъ[1]) въ своей организаціи. „Твердые“, отстаивая ленинскую формулу противъ мартовской, выражали точку зрѣнія сознательнаго пролетаріата противъ точки зрѣнія революціонной интеллигенціи; *поэтому*, твердые считаютъ признакомъ худшей ереси критику того положенія Ленина, согласно которому соціализмъ входитъ въ рабочее движеніе „извнѣ“, изъ буржуазной интеллигенціи; *поэтому*, твердые уральцы отождествляютъ оппортюнизмъ съ „борьбой противъ интеллигенціи, *то есть*, революціонной соціальдемократіи“. И т. д., и т. д. Примирить эти противорѣчія никакъ нельзя съ той метафизической и чисто формалистической точки зрѣнія, которая подсказала Ленину его противопоставленіе. А, между тѣмъ, діалектика вовсе не означаетъ отрицанія здраваго смысла: столкновеніе ея положеній съ „очевидностями“ здраваго смысла находитъ такое разрѣшеніе, которое должно, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ и логику здраваго смысла.

Иначе говоря: на обязанности Ленина лежало показать, какая именно эволюція нашей соціальдемократіи подготовляла и сдѣлала неизбѣжнымъ взрывъ конфликта между двумя историческими стихіями, между демократіей и пролетаріатомъ. Если бы онъ могъ показать это, онъ долженъ былъ бы въ самомъ предыдущемъ „благополучіи“ той искровской „побѣды“, которую суждено было закрѣпить II съѣзду, отыскать элементы будущаго „зла“, съ которымъ онъ теперь борется; онъ долженъ былъ бы показать намъ, какъ борьба революціонной соціальдемократіи съ „экономизмомъ“, совершавшаяся въ опредѣленной общественной обстановкѣ, сопровождалась проникновеніемъ въ *революціонное* крыло партіи элементовъ демократіи и, тѣмъ самымъ, разрѣшая завѣщанный прошлымъ конфликтъ, насаждала сѣмена новаго; какъ и почему, по мѣрѣ „очищенія“ соціальдемократической партіи отъ элементовъ профессіоналистскаго „чисто-рабочаго“ оппортюнизма, въ нее вводились элементы оппортюнизма, выражающаго *болѣе непосредственно* интересы радикальной буржуазной интеллигенціи, давно уже тѣсно связанной у насъ съ пролетарской борьбой. Только показавъ намъ это, тов. Ленинъ имѣлъ бы *критерій* для распредѣленія нынѣшнихъ антагонистическихъ силъ между „отсталыми“ и „передовыми“ элементами, для отнесенія того или другого теченія въ тактикѣ и организаціи къ проявленію „интеллигентскаго индивидуализма“ и „пролетарской дисциплины“ или къ проявленію интересовъ буржуазной демократіи, съ одной, пролетаріата, съ другой стороны. Но тов. Ленинъ *не можетъ* дать *такого* анализа. Не можетъ потому, что та критика, которой требуетъ этотъ анализъ, для него должна быть самой безпощадной *само*критикой: ибо Ленинъ *является* представителемъ *консервативной* тенденціи въ нашей партіи, боящейся всякаго критическаго отношенія къ „искровскому наслѣдству“. Поэтому, онъ такъ недоволенъ указаніями Плеханова и другихъ на тѣ односторонности, которыя характеризуютъ періодъ побѣды надъ „экономизмомъ“; поэтому, онъ такъ грубо отворачивается отъ дѣйствительно марксистскаго анализа, который далъ партійному нашему развитію П. Б. Аксельродъ. А между тѣмъ, именно этотъ анализъ, данный Аксельродомъ, предлагаетъ *марксистское объясненіе необходимости переживаемаго кризиса*, а тѣмъ самымъ, и возможности его благотворнаго разрѣшенія. И потому, что Аксельродъ въ своемъ анализѣ держался діалектическаго метода и матеріалистическаго пониманія исторіи, самыя отрицательныя стороны нынѣшняго положенія дѣлъ, и бичуемыя имъ, не даютъ намъ

---

[1]) Зри изданныя партійной экспедиціей красныя прокламаціи, въ которыхъ міръ оповѣщается о выходѣ книги Ленина, а за одно и о продажѣ, по сходнымъ цѣнамъ, „типовъ Горькаго“ (не иронія ли этотъ намекъ на „бывшихъ людей?“).

[1]) За неимѣніемъ въ современной Россіи профессоровъ-евреевъ, бундовцамъ пришлось бы выписывать ихъ изъ за границы.

нымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми. — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ

роли террора въ Россіи.

Финляндское общество, отстаивающее въ неприкосновенности разрушенный царизмомъ буржуазно-конституціонный status quo,

„общество“. Важно то, что вся организація была построена по типу замкнутыхъ кружковъ.

Впередъ или назадъ?

Вмѣсто надгробнаго слова.

Всякій слышалъ о томъ знаменитомъ оружіи австралійскихъ туземцевъ, которое называется бумерангомъ и которое, будучи брошено умѣлой рукой, возвращается назадъ и падаетъ къ ногамъ охотника.

Въ противоположность искусству австралійскаго охотника, искусство публициста обыкновенно заключается въ томъ, чтобы брошенный имъ снарядъ *не вернулся* къ нему обратно. Особенно это надо сказать о такомъ оружіи, какъ *стрѣлы остроумія*. Неумолимой ироніей звучитъ такая стрѣла, когда она, отскочивъ отъ противника, летитъ обратно къ неумѣлому стрѣлку... И чѣмъ ядовитѣе была задумана острота, тѣмъ больнѣе она царапаетъ неосторожнаго воина.

„Шагъ впередъ — два назадъ!“ гласитъ книга Ленина, ставящая себѣ цѣлью окончательно пришпилить „оппортюнистическій“ ярлыкъ къ нынѣшнему партійному меньшинству. Шагъ впередъ, сдѣланный „Аксельродами“, когда подававшій большія надежды русскій „практикъ“ Ленинъ предложилъ своимъ учителямъ союзъ для борьбы съ оппортюнизмомъ. „Два шага назадъ“, когда „Аксельроды“, увидавъ, что расправившій подъ ихъ попеченіемъ свои крылья „орленокъ“ оказался, по внимательномъ разсмотрѣніи, довольно вульгарной породы политической птицей, — отреклись, за себя и за болѣе зрѣлую часть партіи, отъ дальнѣйшей солидарности съ нѣкогда подававшимъ надежды...

Въ своей новой книгѣ тов. Ленинъ не съумѣлъ показать, почему тѣ и другія частныя возрѣнія ред. „Искры“ по вопросамъ тактики и организаціи кажутся ему несовмѣстимыми съ той партійной *программой*, которую эта редакція выработала и которая была санкціонирована партійнымъ съѣздомъ, какъ *выраженіе основъ политическаго міровоззрѣнія партіи*, какъ резюме политической работы, совершенной „Искрой“. Не съумѣвъ показать *этого*, тов. Ленинъ запутался въ самыхъ смѣшныхъ, недостойныхъ его репутаціи, противорѣчіяхъ, не могъ поставить своего обвиненія въ оппортюнизмѣ на сколько нибудь прочное основаніе, не съумѣлъ объяснить, съ своей точки зрѣнія (если у него есть еще какая нибудь), *историческихъ корней того новаго оппортюнизма*, который онъ взялся обличить, не съумѣлъ, слѣдовательно, объяснить такъ, какъ подобаетъ марксисту, самаго кризиса въ нашей партіи. И потому, что онъ не съумѣлъ сдѣлать этого, выброшенная изъ его лука стрѣла съ жалобнымъ стономъ возвращается обратно и въ этомъ ея стонѣ слышится пѣсня: „шагъ впередъ“ — отъ объясненія появленія „меньшинства“ „дрязгами“ къ попыткѣ объяснить его принципіальной противоположностью между интеллигенціей и пролетаріатомъ; два шага назадъ — отъ неудавшагося принципіальнаго объясненія къ двойной дозѣ инсинуацій относительно „карьеризма“, погони за мѣстами и проч. и проч. Любитель пикантныхъ „болотныхъ“ аналогій сдѣлалъ героическое усиліе, чтобы вытащить себя за собственные волосы изъ того болота политической грязи, въ которомъ онъ пытался заложить основанія „своей“, ленинской партіи; попытка не удалась, и книга, начатая обѣщаніемъ показать „основной политическій характеръ“ (см. предисловіе) нашей „междуусобной“ войны, *должна* была закончиться... реабилитаціей ... Гусева.

Шагъ впередъ — два назадъ! какъ похоронный мотивъ, звучатъ эти слова, когда читаешь книгу Ленина и тщетно вопрошаешь: гдѣ же авторъ скажетъ намъ — какова глубокая, историческая подпочва того кризиса, о которомъ онъ взялся писать? гдѣ же виды на будущее? гдѣ указаніе — что же дѣлать? Увы! растеряннымъ взоромъ смотритъ авторъ на ту партію, въ которой ему привелось занять „сверхъ-центральное“ мѣсто, смотритъ — и не видитъ всей трудности ея *политическаго* положенія передъ задачами, которыя *уже* возложила на нее исторія, не вложивъ *еще* въ ея руки орудій для ихъ осуществленія; смотритъ — и не видитъ колоссальной работы, обязанность выполненія которой возложена на партію неожиданной войной, промышленнымъ кризисомъ, быстро движущимся впередъ процессомъ разложенія всѣхъ еще уцѣлѣвшихъ подпорокъ нынѣшняго государственнаго режима, быстрымъ формированіемъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя своей совокупностью образуютъ политическую среду, долженствующую собой опредѣлять и *осложнять* работу пролетарской партіи. Онъ видитъ только... „кооптаціонныя дрязги“, „ошибку по первому параграфу“, „тройку“, „шестерку“ и т. д. И когда отовсюду слышится уже гулъ голосовъ, которые завтра же громко и съ плебейской рѣзкостью поставятъ намъ вопросъ: „что же дѣлать?“, этотъ „вождь“, словно въ забытьи, бормочетъ: „двѣ тройки, двѣ тройки, двѣ тройки“.

Это — почти трагедія. Жаль только, что выступленіе тов. Ленина совершается при такомъ бенгальскомъ освѣщеніи, которое способно заранѣе убивать „чувство трагическаго“, слишкомъ грубо задѣвая въ насъ чувство *смѣшного*.

Реклама, которою обставилъ выходъ своей книги тов. Ленинъ и которая представляетъ собой совершенно необычное въ нашей партіи явленіе[1]), заставляетъ невольно вспомнить о другой книгѣ другого „бывшаго“... вождя, Эдуарда Бернштейна, котораго извѣстные „труды“, чѣмъ болѣе становились они „безцѣнными“, тѣмъ съ большей помпой „вылетали“ въ свѣтъ. Еслибъ я былъ одаренъ нѣкоторыми основными пріемами мышленія, характеризующими Ленина, я бы поспѣшилъ изъ этого сопоставленія сдѣлать выводъ: склонность къ рекламированію „создающихъ эпоху“ произведеній характеризовала Бернштейна; ее же нынѣ проявилъ Ленинъ; *стало быть*, Ленинъ совершилъ поворотъ къ бернштейніанству. Но, какъ ни соблазнительно сдѣлать подобное умозаключеніе, я не могу на это рѣшиться, хотябы и зналъ, что подобное „остроуміе“ привлечетъ ко мнѣ сердца всѣхъ „принципіально выдержанныхъ“... упростителей. И, тѣмъ не менѣе, сопоставленіе между Ленинымъ и Бернштейномъ (по вопросу о рекламѣ) имѣетъ значеніе.

Когда-то тов. Ленинъ выразился о Бернштейнѣ: „геростратовски извѣстный“ Бернштейнъ. Геростратомъ Бернштейну не удалось стать: фейерверкъ его критики оказался безсиленъ сжечь чудный образецъ истино человѣческаго творчества — систему научнаго соціализма. Но геростратовской была и осталась *попытка* Бернштейна, въ результатѣ которой онъ такъ больно обжегъ свои пальцы. И вотъ невольно вспоминаешь объ этой попыткѣ, когда подводишь итогъ предпріятію автора „Что дѣлать?“. Что-то геростратовское видится въ его, съ лучшими, конечно, намѣреніями предпринятомъ, дѣлѣ — быстраго, безпощаднаго разрушенія той самой партіи, которую, камень за камнемъ, въ упорномъ трудѣ складывали дѣятели послѣднихъ лѣтъ... Стоитъ читать эти строки, дышащія мелкой, подчасъ безсмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слѣпой, глухой и, вообще, какой-то безчувственной яростью, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же безсодержательныхъ „бойкихъ“ и „хлесткихъ“ словечекъ, — чтобы убѣдиться, что передъ нами человѣкъ, фатально *вынужденный* катиться дальше по той плоскости, на которую онъ „стихійно“ всталъ, и которая прямехонько ведетъ его къ полному политическому развращенію и раздробленію соціальдемократіи.... Геростратовъ подвигъ! скажутъ потомки, если сильныя руки товарища Ленина потащатъ за собой въ этомъ бѣшеномъ галопѣ нашу партію; и они же утѣшатъ товарища Ленина указаніемъ на Бернштейна, если отъ этой геростратовой попытки останется только жгучая боль въ его пальцахъ. Да будетъ!

I. Методъ мышленія и манера спора.

Попробуемъ своими словами изложить „суть“ брошюры Ленина. Если оголить ее отъ всѣхъ полемическихъ инкрустацій и мелочныхъ пустяковъ, столь характерныхъ нынѣ для нашего лидера, то мы получимъ слѣдующую „схему“.

Трехлѣтней упорной борьбой съ оппортюнизмомъ „искровство“ подчинило себѣ партію въ такой мѣрѣ, что, при всей осторожности „искровцевъ“ (см. стр. 1), можно было рискнуть созвать съѣздъ для оффиціальнаго объединенія партіи. Но, когда съѣздъ былъ созванъ, оказалось, что только $^3/_5$ партіи (33 изъ 51, см. діаграмму) могутъ считаться искровскими. Когда же остальныя $^2/_5$ стали на съѣздѣ бороться противъ „искровства“, то оказалось, что и изъ этихъ трехъ пятыхъ многіе ненадежны и склонны къ оппортюнизму. (въ томъ числѣ половина организаціи „Искры“, $^2/_3$ редакціи „Искры“ и $^2/_3$ Группы Освобожденія Труда). Благодаря этому, съѣздъ, явившійся плодомъ трехлѣтней „нашей“ работы и созванный только послѣ того, какъ „мы“ семь разъ „отмѣрили“ (стр. 1), рисковалъ привести къ *оффиціальному торжеству оппортюнизма*. Къ „нашему“ счастью, уходъ „Бунда“ и „Союза“ перевернулъ всѣ отношенія — „мы“ оказались въ большинствѣ, благодаря ортодоксальной бдительности тов. Муравьева, Дѣдова, Ланге и др. „Мы“ побѣдили, и, видя, какъ живучъ „оппортюнизмъ“ и какъ падки до него нѣкоторые основатели „Искры“ и русской соціальдемократіи, рѣшили провести такія двѣ „тройки“, которыя бы позволили ввести „осадное положеніе“ и тѣмъ создать „организаціонный базисъ для борьбы при помощи устава съ тѣмъ, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью, расплывчатостью“ (стр. 91). Такъ какъ большинство понимало, что время „кружковщины“ миновало и что настала пора (стр. 112) „партійной точки зрѣнія“, то „мы“ предложили, чтобы проведеніе „осаднаго положенія“ противъ „расплывчатаго меньшинства“ совершалось при участіи членовъ этого самаго меньшинства — Мартова въ Ц. О. и Попова въ Ц. К. Пропитанные „обывательской точкой зрѣнія“, Мартовъ и Поповъ не захотѣли выполнить этой роли. Тѣмъ самымъ, „побѣда“ твердаго большинства превратилась въ источникъ всякихъ неурядицъ. („Отказъ Мартова и Попова отъ выборовъ внесъ сразу атмосферу *дрязги* въ партійную борьбу партійныхъ оттѣнковъ“). Въ виду этого, пришлось принять „исключительныя мѣры“ противъ „меньшинства,“ засѣвшаго въ Лигѣ. Но Г. В. Плехановъ, тоже оказавшійся „непослѣдовательнымъ искровцемъ“, отказался санкціонировать эту новую „побѣду“ надъ многажды побѣжденнымъ „оппортюнизмомъ“. Товарищъ Ленинъ, въ безпредѣльныхъ заботахъ о партійномъ мирѣ, рѣшилъ „перебраться въ Ц. К.“, чтобы оттуда поражать „своей маленькой артиллеріей“ столько разъ уже побѣжденнаго супротивника. Этотъ послѣдній развернулъ свой „оппортюнизмъ“ самымъ циничнымъ образомъ, показавъ всѣмъ и каждому (стр. 134: „*Всѣ* и *каждый* видятъ поворотъ къ оппортюнизму“), какъ правъ былъ тов. Ленинъ, когда настаивалъ на необходимости безпощадно преслѣдовать этотъ „интеллигентскій индивидуализмъ“, возставшій противъ „пролетарской дисциплины“. Откликнувшись на этотъ зовъ, „всѣ и каждый“, въ лицѣ большинства комитетовъ, объявили войну „дезорганизаторамъ“ и въ рядѣ резолюцій еще разъ побѣдили ихъ. Въ результатѣ — „отсталые элементы партіи взяли верхъ“ въ ней. Выяснилось, такимъ образомъ, что въ соціальдемократіи отсталые элементы обладаютъ удивительнымъ свойствомъ брать верхъ въ партіи, оставаясь въ ничтожномъ меньшинствѣ. Противъ интеллигентскаго индивидуализма оказалась безсильна пролетарская дисциплина — и все потому, что новоявленные оппортюнисты пустили въ ходъ дезорганизацію, сплетни и „нечестные“ пріемы въ борьбѣ. Иначе говоря:

Тов. Ленинъ послѣ трехъ лѣтъ борьбы съ оппортюнизмомъ съ большимъ трудомъ „закрѣпилъ вліяніе“ въ партіи для систематическаго проведенія осаднаго положенія противъ побѣжденныхъ. Пролетарская дисциплина, партійная точка зрѣнія, революціонный якобинизмъ раздавили интеллигентскій индивидуализмъ, кружковщину, обывательщину и „хлюпкій“ жирондизмъ. Но *такъ какъ* побѣжденные отказались прекратить борьбу, *такъ какъ* они отказались пользоваться въ борьбѣ только тѣми средствами, которыя имъ рекомендовали побѣдители, *такъ какъ* они продолжали быть индивидуалистами, „обывателями“ и жирондистами, *такъ какъ* они не захотѣли „молчаливо признать свою ошибку на съѣздѣ“ (см. стр. 113), *такъ какъ* Аксельродъ и Мартовъ оправдали худшія опасенія, вызванныя въ „большинствѣ“ ихъ „ошибкой по § 1“ и вызвавшія необходимость „двухъ троекъ“ и „осаднаго положенія“, а Плехановъ поддался ноябрскимъ вѣяніямъ „женевской погоды“ (см. стр. 132), и *такъ какъ* оппортюнисты были въ жалкомъ меньшинствѣ, а „твердые“ въ значительномъ большинствѣ, *такъ какъ* „новая“ „Искра“ въ роли партійнаго органа „не выражаетъ интересовъ и воли партіи“ (стр. 119) и представляетъ ея *отсталые* элементы въ борьбѣ противъ *передовыхъ*, то, *въ силу этого*, „отсталые элементы взяли верхъ“, и нашъ восхитительный стратегъ, совершившій въ короткое время столько большихъ и малыхъ походовъ, очутился въ положеніи, близкомъ къ положенію пушкинской старухи, которая побывала было въ царицахъ, но вернулась въ первобытное состояніе

> ...И передъ нею разбитое корыто.

И когда теперь тов. Ленинъ горячо призываетъ своихъ вѣрныхъ на борьбу съ „жирондизмомъ“, когда онъ мобилизуетъ силы „пролетарской дисциплины“ противъ „хлюпкой“ интеллигенціи, — не рискуетъ ли онъ услышать коварный вопросъ: сколько же еще побѣдъ нужно Вамъ одержать, чтобы остаться вовсе безъ войска? Если ни формальное большинство голосовъ съѣзда, если ни фактическая „воля партіи“, ни моральное превосходство (см. дрязги, карьеризмъ etc.) не могутъ спасти „передовые“ элементы отъ перспективы быть подавленными элементами „отсталыми“, то гдѣ же, вообще, залогъ побѣды, скажите намъ, о, тов. Ленинъ?

Пустопорожній характеръ ленинской концепціи нашего партійнаго развитія прямо поразителенъ. Ленинъ нынѣ неспособенъ даже самъ понять (не то что другимъ объяснить) историческое происхожденіе и историческое значеніе партійнаго кризиса; онъ неспособенъ *объяснить* своего политическаго противника. А, вѣдь, такое объясненіе — *первый долгъ* политика-марксиста, который желаетъ выразить „передовые элементы“ своей партіи и помочь имъ одержать побѣду надъ элементами отсталыми. Соціальдемократическій теоретикъ не можетъ двигать впередъ развитіе своей партіи, не можетъ побороть своего „внутренняго“ противника, не показавъ исторической *необходимости его появленія*, не раскрывъ тѣхъ *объективныхъ тенденцій* историческаго развитія, которыя его породили и которыя его же приведутъ къ гибели. Когда мы боролись съ русскимъ бернштейніанствомъ и съ русскимъ экономизмомъ, мы до тѣхъ поръ не имѣли подъ ногами твердой почвы, пока не дали такого *матеріалистическаго* объясненія и необходимости возникновенія и дальнѣйшей необходимости гибели того и другого общественнаго „зла“. Только давъ такой матеріалистическій, слѣдовательно, и историческій анализъ идейной борьбы внутри партіи, мы можемъ съ какимъ-нибудь правомъ фиксировать тотъ или другой наличный антагонизмъ въ такихъ идеологическихъ категоріяхъ, какъ „индивидуализмъ“ и „дисциплина“, „пролетарская“ и „мѣщанская“ идеологія. Только при наличности такого анализа, эти „абстрактныя“ категоріи получаютъ историческое содержаніе и могутъ что-нибудь, дѣйствительно, объяснять.

Но что такое представляетъ собой подобный матеріалистическій анализъ? Исходя изъ опредѣленныхъ основныхъ положеній о „сущности историческаго процесса“, марксистъ, приступая къ анализу идейной борьбы, получившей сколько-нибудь общественное значеніе, старается вскрыть въ ней рефлексъ объективно развивающейся *борьбы классовъ*. Жюль Гэдъ, возражая однажды Жорэсу, сказалъ, что борьба классовъ, это — не „принципъ“, а реальный фактъ. Эти слова слѣдовало бы понять и хорошо запомнить многимъ нашимъ марксистамъ. Не „принципъ“, — т. е. не какое-нибудь отвлеченное начало, не голая логическая или психологическая категорія мыслится намъ, когда мы говоримъ о „мелкобуржуазномъ“, „буржуазномъ“ или „пролетарскомъ“ теченіи въ общественной жизни. Являясь рефлексомъ объективнаго процесса общественнаго развитія, такая категорія должна имѣть „подъ собою“ реальный субстратъ *соціальной борьбы*, совершается ли послѣдняя въ сферѣ сознательной политической жизни, или же таится въ нѣдрахъ безсознательныхъ общественныхъ инстинктовъ и несознанныхъ интересовъ. Чтобы, поэтому, доказать „буржуазность“ какого-нибудь политическаго теченія, намъ надо найти тѣ реально проявляющіеся въ жизни соціальные интересы, которые получили въ немъ свое выраженіе. Но найти ихъ — не значитъ произвольно отыскать „подходящую“ группу современнаго общества и связать ее съ данной иделогіей мостомъ чисто-логическихъ выводовъ изъ какого-нибудь общаго положенія, долженствующаго суммировать „сущность“ идеологической физіономіи данной группы (напримѣръ: интеллигентъ склоненъ къ индивидуализму, ergo, кто, когда, гдѣ и какъ бы то ни было, протестуетъ противъ подавленія личности, тѣмъ самымъ выражаетъ собой „интеллигентскій индивидуализмъ“; или: пролетарій склоненъ къ объединенію, дисциплинѣ, сплоченности, ergo, кто, гдѣ, когда и какъ бы то ни было, толкуетъ о дисциплинѣ, тѣмъ самымъ выражаетъ собою „пролетарскую струю“). Хотя бы, — какъ это и имѣется на лицо въ приведенныхъ мною примѣрахъ, — хотя бы основное общее положеніе было истинно, резюмируя соціально-психологическіе результаты опредѣленной классовой группировки въ современномъ обществѣ, — тѣмъ не менѣе, дедукціи, подобныя приведеннымъ выше, являются ничѣмъ не оправданными съ точки зрѣнія того діалектическаго метода, къ которому обязываетъ марксизмъ. По существу дѣла, мы имѣемъ передъ собою совершенно метафизическое сведеніе того или другого общественнаго теченія къ опредѣленному „началу“, къ абстрактной психологической категоріи, отвлеченной отъ реальнаго историческаго процесса. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, чтобы „свести“, путемъ цѣпи болѣе или менѣе дешевыхъ силлогизмовъ, ту или другую фразу „Аксельродовъ“, тотъ или другой политическій шагъ Мартовыхъ къ „основному первоисточнику“ „интеллигентской хлюпкости“. Дешевой цѣною на этомъ пути мы добьемся совершенно ничтожныхъ результатовъ, не выдерживающихъ самаго легкаго прикосновенія критики здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ: повѣрьте на минуту Ленину, что нынѣшній „оппортюнизмъ“, впервые наглядно проявившійся въ „ошибкѣ по § 1“, есть результатъ „интеллигентскаго индивидуализма“. Подойдите съ этимъ „философскимъ“ багажемъ къ дѣйствительному ходу событій, и вы сразу очутитесь лицомъ къ лицу съ самыми невѣроятными несообразностями. „Ошибка по § 1“ — проявленіе интеллигентскаго индивидуализма; *поэтому*, ее раздѣлялъ Акимовъ, raison d'être существованія котораго — защита интересовъ „широкихъ *рабочихъ* организацій“ стараго „демократическаго“ типа; Акимовъ, который обвиняетъ партійную программу въ томъ, что въ ней пролетаріатъ „ни разу не упоминается въ именительномъ падежѣ“; *поэтому*, эту же ошибку раздѣляютъ и кавказскіе „твердые“ делегаты, которые говорятъ, что ленинскій § 1 вычеркнетъ изъ партіи сотни сознательныхъ кавказскихъ пролетаріевъ. Споръ изъ за § 1 велся противъ „интеллигентскаго индивидуализма“, желающаго провести въ партію всякихъ „профессоровъ“, *поэтому*, за § 1 стояли бундовцы, которымъ, видимо, для полнаго благополучія недостаетъ только профессоровъ[2]) въ своей организаціи. „Твердые“, отстаивая ленинскую формулу противъ мартовской, выражали точку зрѣнія сознательнаго пролетаріата противъ точки зрѣнія революціонной интеллигенціи; *поэтому*, твердые считаютъ признакомъ худшей ереси критику того положенія Ленина, согласно которому соціализмъ входитъ въ рабочее движеніе „извнѣ“, изъ буржуазной интеллигенціи; *поэтому*, твердые уральцы отождествляютъ оппортюнизмъ съ „борьбой противъ интеллигенціи, *то есть*, революціонной соціальдемократіи“. И т. д., и т. д. Примирить эти противорѣчія никакъ нельзя съ той метафизической и чисто формалистической точки зрѣнія, которая подсказала Ленину его противопоставленіе. А, между тѣмъ, діалектика вовсе не означаетъ отрицанія здраваго смысла: столкновеніе ея положеній съ „очевидностями“ здраваго смысла находитъ такое разрѣшеніе, которое должно, въ концѣ концовъ, подчинить себѣ и логику здраваго смысла.

Иначе говоря: на обязанности Ленина лежало показать, какая именно эволюція нашей соціальдемократіи подготовляла и сдѣлала неизбѣжнымъ взрывъ конфликта между двумя историческими стихіями, между демократіей и пролетаріатомъ. Если бы онъ могъ показать это, онъ долженъ былъ бы въ самомъ предыдущемъ „благополучіи“ той искровской „побѣды“, которую суждено было закрѣпить II съѣзду, отыскать элементы будущаго „зла“, съ которымъ онъ теперь борется; онъ долженъ былъ бы показать намъ, какъ борьба революціонной соціальдемократіи съ „экономизмомъ“, совершавшаяся въ опредѣленной общественной обстановкѣ, сопровождалась проникновеніемъ въ *революціонное* крыло партіи элементовъ демократіи и, тѣмъ самымъ, разрѣшая завѣщанный прошлымъ конфликтъ, насаждала сѣмена новаго; какъ и почему, по мѣрѣ „очищенія“ соціальдемократической партіи отъ элементовъ профессіоналистскаго „чисто-рабочаго“ оппортюнизма, въ нее вводились элементы оппортюнизма, выражающаго *болѣе непосредственно* интересы радикальной буржуазной интеллигенціи, давно уже тѣсно связанной у насъ съ пролетарской борьбой. Только показавъ намъ это, тов. Ленинъ имѣлъ бы *критерій* для распредѣленія нынѣшнихъ антагонистическихъ силъ между „отсталыми“ и „передовыми“ элементами, для отнесенія того или другого теченія въ тактикѣ и организаціи къ проявленію „интеллигентскаго индивидуализма“ и „пролетарской дисциплины“ или къ проявленію интересовъ буржуазной демократіи, съ одной, пролетаріата, съ другой стороны. Но тов. Ленинъ *не можетъ* дать *такого* анализа. Не можетъ потому, что та критика, которой требуетъ этотъ анализъ, для него должна быть самой безпощадной *само*критикой: ибо Ленинъ является представителемъ *консервативной* тенденціи въ нашей партіи, боящейся всякаго критическаго отношенія къ „искровскому наслѣдству“. Поэтому, онъ такъ недоволенъ указаніями Плеханова и другихъ на тѣ односторонности, которыя характеризуютъ періодъ побѣды надъ „экономизмомъ“; поэтому, онъ такъ грубо отворачивается отъ дѣйствительно марксистскаго анализа, который далъ партійному нашему развитію П. Б. Аксельродъ. А между тѣмъ, именно этотъ анализъ, данный Аксельродомъ, предлагаетъ *марксистское объясненіе необходимости переживаемаго кризиса*, а тѣмъ самымъ, и возможности его благотворнаго разрѣшенія. И потому, что Аксельродъ въ своемъ анализѣ держался діалектическаго метода и матеріалистическаго пониманія исторіи, самыя отрицательныя стороны нынѣшняго положенія дѣлъ, и бичуемыя имъ, не даютъ намъ

---

[1]) Зри изданныя партійной экспедиціей красныя прокламаціи, въ которыхъ міръ оповѣщается о выходѣ книги Ленина, а заодно и о продажѣ, по сходнымъ цѣнамъ, „типовъ Горькаго“ (не иронія ли этотъ намекъ на „бывшихъ людей?“).

[2]) За неимѣніемъ въ современной Россіи профессоровъ-евреевъ, бундовцамъ пришлось бы выписывать ихъ изъ за границы.

нымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми. — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ

роль террора въ Россіи.

Финляндское общество, отстаивающее въ неприкосновенности разрушенный царизмомъ буржуазно-конституціонный status quo,

„общество“. Важно то, что вся организація была построена по типу замкнутыхъ кружковъ.

повода отчаиваться въ судьбахъ нашей партіи, которую несетъ на себѣ и вынесетъ, въ концѣ концовъ, волна историческаго движенія пролетаріата; тогда какъ ленинскій „анализъ", наводитъ на самыя безотрадныя заключенія о поступательномъ ходѣ развитія нашей партіи. Проникнитесь, въ самомъ дѣлѣ, Ленинскимъ пониманіемъ исторіи нынѣшняго кризиса: началось съ того, что значительное „компактное большинство" шло по вѣрному пути, затѣмъ девять „вѣрныхъ" совершили „ошибку по первому пункту" (причемъ, однако, тов. Ленинъ (см. стр. 111, прим.) въ этотъ самый моментъ восклицалъ: „какая прекрасная вещь нашъ съѣздъ!"), далѣе, 24 оставшихся вѣрными „связали разбитую посудину двойнымъ узломъ", и все кончилось тѣмъ, что „отсталые элементы взяли верхъ". Проникнитесь такимъ пониманіемъ, и вамъ останется пессимистически воскликнуть вмѣстѣ съ Шекспиромъ:

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ —
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Діалектика совершенно чужда Ленину и онъ имѣетъ о ней самое смутное представленіе. На стр. 164 читаемъ: „но великую гегелевскую діалектику... никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ вульгарнымъ пріемомъ оправданія зигзаговъ политическихъ дѣятелей, перемётывающихся съ революціоннаго на оппортюнистическое крыло партіи, съ вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльныя заявленія, отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса". Четыре правила ариѳметики не слѣдуетъ смѣшивать съ оправданіемъ писанія фальшивыхъ счетовъ! — вотъ что, приблизительно, въ переводѣ на житейскій языкъ, сказалъ тов. Ленинъ въ этой фразѣ, которая достойна занять мѣсто рядомъ съ знаменитымъ изреченіемъ его уральскихъ учениковъ о свободѣ воли, находящей наилучшее выраженіе въ § устава, дающемъ Ц. К. право „раскассировать" пролетаріатъ! Діалектическій методъ мышленія, тов. Ленинъ, не слѣдуетъ (на что люди бываютъ очень падки) смѣшивать съ *казуистическимъ* „методомъ" разсужденія. Положеніе о томъ, что абсолютной истины нѣтъ, не надо сводить къ воистину-вульгарной мысли Балалайкина: „истина есть результатъ судоговоренія", что цѣль полемики, слѣдовательно, „переговорить" противника. Но „смѣшивать діалектику" съ „вульгарной манерой смѣшивать въ кучу отдѣльные моменты развитія разныхъ стадій единаго процесса" — премію тому, кто пойметъ смыслъ этой до нельзя неуклюжей фразы! Еще лучше сопоставленіе „великой гегелевской діалектики" съ „оправданіемъ зигзаговъ" оппортюнистовъ. „Хозяйственный" человѣкъ т. Ленинъ и его „теоретическая" мысль не можетъ пойти дальше опасности примѣненія такихъ большихъ вещей, какъ гегелевская діалектика, къ „требованію о кооптаціи". И онъ проситъ — не смѣшивать діалектику съ оправданіемъ „зигзаговъ" „Аксельродовъ". Тов. Ленинъ знаетъ хорошо своихъ твердыхъ „почитателей" и, видимо, очень боится, чтобы они, и вправду, не „смѣшали" діалектики съ критикой своего начальства и не стали брыкаться противъ діалектики, яко вводящей въ соблазнъ. А тов. Ленинъ хорошо помнитъ, что въ „ортодоксальномъ" хозяйствѣ безъ діалектики неловко.

„Истинная діалектика не оправдываетъ личныя ошибки, а изучаетъ неизбѣжные повороты, доказывая ихъ неизбѣжность на основаніи детальнѣйшаго изученія развитія во всей его конкретности". Но тов. Ленинъ именно неизбѣжности нынѣшняго поворота намъ не показалъ. Пытаясь на послѣднихъ трехъ страницахъ своей книги показать намъ „итогъ діалектическаго(!) развитія нашей партійной борьбы", тов. Ленинъ терпитъ позорное фіаско. Этотъ итогъ онъ сводитъ „къ двумъ переворотамъ". Первый заключается въ томъ, что второй съѣздъ „смелъ всѣ и всяческіе остатки всѣхъ безъ исключенія кружковщинскихъ (sic) интересовъ, чувствъ и традицій, создавъ впервые дѣйствительно партійныя должностныя коллегіи" (стр. 165). Но „умерщвленныя организаціи" „обидѣлись" и „взяли реваншъ". „Разбитое на голову оппортюнистическое крыло одержало — временно, конечно, — верхъ надъ революціоннымъ, завладѣло „Искрой" и ... „Какой позоръ, какъ они осрамили нашу „Искру"!

Вотъ вамъ и вся „діалектика" нашихъ партійныхъ „переворотовъ"! При ближайшемъ разсмотрѣніи, они оказываются *переворотами въ редакціи „Искры"*. *Тезисъ*: господство кружковщины — „расплывчатая шестерка". *Антитезисъ*: кружковщина сметена — „партійная должностная коллегія". *Синтезисъ*: кружковщина обидѣлась — та же расплывчатая старая „Искра", но обогащенная, (по мнѣнію Ленина, оппортюнистически-обогащенная) всѣмъ положительнымъ содержаніемъ обиды за умерщвленіе организаціи. Еслибы „кружковщину" не только убили, но и догадались бы получше зарыть, все было бы въ порядкѣ — такова очевидная мораль. Не начать ли съ начала? вѣроятный выводъ нашего „діалектика".!

Незамѣтно для себя, тов. Ленинъ подмѣнилъ „діалектическое развитіе партіи" *прозаической* исторіей „развитія" состава редакціи „Искры". Забылъ тов. Ленинъ, что, если не слѣдъ трогать Гегеля для „оправданія" индивидуальныхъ „зигзаговъ", то едва ли умѣстно тревожить старика и для того, чтобы въ „философскихъ" терминахъ снова разсказать о томъ, какъ хорошо было, когда тов. Ленинъ добился „очищенія" старой редакціонной коллегіи, и какъ стало скверно, когда самому пришлось удалиться.

Читатель, конечно, не забылъ, что основа нашего кризиса — борьба интеллигенціи противъ пролетаріата. Онъ помнитъ, что исходный его пунктъ — „ошибка по § 1". Теперь умѣстно будетъ спросить тов. Ленина: въ какой причинной связи стоитъ указанный имъ „итогъ партійной борьбы" къ этой основѣ кризиса и къ послѣдствіямъ принятія § 1? И тутъ-то мы узнаемъ, что никакой реальной, то есть жизненной, связи между „итогами" и посылками нѣтъ. Интеллигенція навязала пролетарской партіи § 1 устава, весь вредъ котораго въ томъ, что онъ даетъ возможность всякимъ „проходимцамъ" „самозачислять себя въ партію", всякимъ „профессорамъ" быть въ партіи, ускользая изъ подъ ея контроля, а у рабочихъ отнимаетъ стимулъ къ организаціи. Казалось бы, если вѣрно, что въ итогѣ „отсталые элементы", т. е. выразители этой самой интеллигенціи, эскамотировали всѣ побѣды нашего фельдмаршала, то намъ покажутъ, какъ въ открытую § 1-мъ „щель", дѣйствительно, проникъ оппортюнизмъ въ видѣ новаго наплыва въ партію буржуазной интеллигенціи, какъ проявилось среди рабочихъ ослабленіе импульса къ организаціи. Увы! никто и не пытался намъ даже показать это. Никакихъ намековъ на то, чтобы опасность, ожидавшаяся въ результатѣ вота съѣзда по § 1 устава, (допуская даже, что она есть), сколько нибудь оправдалась за почти годичный срокъ, протекшій со времени съѣзда. Очевидно, самая опасность можетъ (по мнѣнію противниковъ § 1) наступить только въ будущемъ. А, между тѣмъ, „отсталые элементы" уже взяли верхъ! Далѣе. Если единственную свою побѣду — по § 1 — интеллигенція еще не съумѣла использовать противъ пролетаріата, то надо ожидать, что, по крайней мѣрѣ, окончательная побѣда „отсталыхъ элементовъ" была достигнута хотя бы путемъ систематическаго развращенія пролетаріата пропагандой апостоловъ „интеллигентскаго индивидуализма". Но и этого нѣтъ: Панинъ не успѣлъ еще высказать сомнѣнія въ „божественности" съѣзда, Аксельродъ — въ спасительности ленинскаго „централистическаго фетишизма" и. вообще, никто изъ меньшинства еще не успѣлъ ничего сказать, а „отсталые элементы" уже взяли верхъ—получили „Искру". Никакой связи этой побѣды *съ ростомъ вліянія интеллигенціи* въ нашей партіи и съ результатами неправильной постановки партійной организаціи (§ 1) — т. Ленинъ не могъ показать.

Я сказалъ, что діаклетическій методъ мышленія не слѣдуетъ смѣшивать съ казуистическимъ (формалистическимъ) методомъ спора. Можно сказать, что послѣдній встрѣчается именно у тѣхъ, кто чуждъ перваго. Сущность его заключается въ томъ, что логическія построенія, оторванныя отъ того реальнаго содержанія, которое они должны выражать, разсматриваются совершенно отвлеченно съ чисто формальной стороны и опровергаются чисто формальными же дедукціями. Съ извѣстнымъ правомъ эту манеру спора можно назвать адвокатской въ худшемъ смыслѣ этого слова. Метафизическая, со стороны метода мышленія, она всегда недобросовѣстна, съ точки зрѣнія исканія истины. Для нея „истина есть результатъ судоговоренія".

Именно съ этой манерой мы имѣемъ дѣло во всей книгѣ т. Ленина.

„Меньшинство" утверждаетъ, что борется противъ „бюрократизма" въ организаціи, а бюрократизмъ, вообще, имъ опредѣляется (резолюція Лиги) такъ: „онъ ставитъ на первый планъ не внутреннее объединеніе, а внѣшнее формальное единство, осуществляемое и сохраняемое чисто механическими средствами, путемъ систематическаго подавленія индивидуальной иниціативы и общественной самодѣятельности". Въ этихъ словахъ дается достаточно полное опредѣленіе того специфическаго зла, съ проявленіемъ котораго *во всякомъ организованномъ цѣломъ* должна бороться соціальдемократія. И резолюція Аксельрода говоритъ далѣе: „по самой сущности своей, бюрократизмъ не способенъ органически объединить составные элементы общества". Что возражаетъ на это Ленинъ? Всѣ его „доводы" очень для него характерны.

Во первыхъ, Аксельродъ противопоставляетъ бюрократію „обществу", управляющихъ—управляемымъ. Тов. Ленинъ хорошо знаетъ, что управляющіе и управляемые имѣются въ каждомъ организованномъ цѣломъ. Безъ большого напряженія мысли, тов. Ленинъ можетъ сообразить, что методы управленія, „систематически подавляющіе иниціативу и самодѣятельность" управляемыхъ и поддерживающіе единство цѣлаго „чисто механическими средствами" —ведутъ къ тому, что управляющіе вырождаются въ бюрократію, противостоящую „обществу". Станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что такое бюрократическое вырожденіе постигаетъ порой и такія общественныя организаціи, которыя ничего общаго, по своимъ задачамъ, не имѣютъ съ полицейскимъ и классовымъ государствомъ? Не помнитъ ли онъ статьи одного легальнаго марксиста объ Южаковской „просвѣтительной утопіи", обличавшейся въ бюрократическомъ характерѣ? Не помнитъ ли онъ о народническихъ проектахъ „организаціи труда" нашихъ кустарей, обличавшихся тѣмъ же марксистомъ въ бюрократизмѣ? Не станетъ ли тов. Ленинъ отрицать, что этотъ бюрократизмъ цѣликомъ покрывается опредѣленіемъ, даннымъ въ резолюціи Аксельрода? И не попробуетъ ли тов. Ленинъ доказать намъ, что основанная на началахъ добровольнаго союза политическая партія застрахована въ своей организаціи отъ бюрократическаго вырожденія отношеній управляющихъ къ управляемымъ?

Обо всемъ этомъ въ своемъ возраженіи не думаетъ тов. Ленинъ. Онъ знаетъ только одно — что слово „общество" часто и съ полнымъ правомъ противополагается пролетаріату. И онъ изрекаетъ: „О какомъ это „обществѣ" говоритъ здѣсь тов. Аксельродъ съ К°, одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Тов. Аксельродъ, видимо, и самъ хорошенько не зналъ, пишетъ ли онъ земскій адресъ о желательныхъ реформахъ въ управленіи, или изливаетъ жалобы меньшинства?" „Галерка", на невѣжество которой спекулируетъ авторъ, начинаетъ хихикать и негодовать противъ оппортюниста Аксельрода, измѣняющаго пролетаріату и заботящагося объ „обществѣ". Истина есть результатъ судоговоренія, не правда ли, о, несравненный тов. Ленинъ?

И это весь отвѣтъ Ленина „по существу" резолюціи. Немедленно за приведенными постыдными строками, онъ, переходя отъ „бюрократизма" — къ „самодержавію", спрашиваетъ: „что можетъ *означать* самодержавіе въ партіи, о чемъ кричатъ недовольные „редакторы"? — и отвѣчаетъ: „самодержавіе есть верховная, безконтрольная, безотвѣтственная, *невыборная* (курс. мой) власть одного лица" и такъ какъ въ „самодержавіи" подозрѣвается онъ, Ленинъ, то ставится вопросъ: значитъ, Плехановъ и всѣ члены Ц. К. были „пѣшками"? Галерка громко хохочетъ, и тов. Ленинъ восклицаетъ: „неужели это „принципіальное разногласіе" почтеннѣйшаго тов. Аксельрода?"

Но уральскіе товарищи — прямодушные и не любящіе экивоковъ,— не раздѣляютъ веселаго настроенія галерки. Они помнятъ хорошо, что самодержавіе не непремѣнно должно быть невыборнымъ, ибо сами еще недавно рекомендовали выборную *диктатуру* надъ партіей. Отчего Ленинъ ни словомъ не оговариваетъ своего несогласія съ уральцами, которые, излагая свои мнѣнія, считали себя солидарными съ нимъ? *Онъ не смѣетъ, ибо уральцы—его гвардія*, наиболѣе рьяные сторонники его, „системы". И эта гвардія знаетъ хорошо, что самодержавіе, о которомъ она мечтаетъ, будучи „выборнымъ", въ то же время „безконтрольно", безотвѣтственно", ибо контроль и отвѣтственность только тогда дѣйствительны, когда контролирующіе въ извѣстныхъ предѣлахъ независимы отъ контролируемаго. Когда же, *какъ хочетъ не скрывающій этого Ленинъ*, контролирующіе (комитеты) назначаются, перетасовываются и „раскассировываются" Ц. К., то контроль превращается въ *фикцію*, мы имѣемъ бонапартистское самодержавіе со всѣми его признаками. Отвѣтилъ ли Ленинъ на эти, уже давно сдѣланныя ему возраженія? Нѣтъ — онъ ихъ обошелъ, предпочитая „убить" противника ехиднымъ вопросомъ: если я самодержецъ, значитъ, всѣ прочіе — пѣшки? Тов. Ленинъ забылъ, что самодержавны могутъ быть не отдѣльныя лица, а цѣлыя коллегіи.

Но тов. Ленинъ еще не кончилъ съ „бюрократизмомъ". Твердо рѣшившись тѣшить галерку, онъ (стр. 125) изрекаетъ: „Толкуютъ о бюрократизмѣ. Бюрократизмъ можно перевести на русскій языкъ словомъ: „мѣстничество". Бюрократизмъ означаетъ подчиненіе интересовъ *дѣла* интересамъ *карьеры*, обращеніе сугубаго вниманія на мѣстечки и игнорированіе работы, свалку за *кооптацію* вмѣсто борьбы за *идеи*. Такой бюрократизмъ безусловно нежелателенъ и вреденъ для партіи и я спокойно предоставляю читателю судить, которая изъ двухъ борющихся теперь въ нашей партіи сторонъ повинна въ такомъ бюрократизмѣ". Хохочетъ, заливается галерка, горитъ пламенемъ моральнаго негодованія противъ „карьеристовъ" Засуличъ и Аксельрода всѣ Павловичи и Гусевы. Истина есть результатъ судоговоренія!

Бюрократизмъ = мѣстничество: мѣстничество карьеризмъ; карьеризмъ — свалка за кооптацію. Вотъ три уравненія, которыя дѣлаютъ честь познаніямъ, діалектической ловкости и уму нашего „вождя"! Въ Россіи господствуетъ бюрократизмъ, потому что чиновники карьеристы и заботятся о своихъ мѣстечкахъ, а не объ интересахъ „дѣла". Не поручитъ ли Ц. К. своему представителю написать популярную брошюру на эту тему? Если бы чиновники заботились объ „интересахъ дѣла", не было бы и бюрократизма. Истина № 1. Борьба за карьеру мѣстничество, и родовитый бояринъ, который шелъ на плаху за то, чтобы не сѣсть ниже царскаго фаворита, дѣлалъ свою „карьеру": истина № 2. Мѣстничество бюрократизму. Русскіе самодержцы, уничтоживъ послѣ долгой борьбы мѣстничество, то есть, *родовыя привиллегіи, препятствовавшія введенію бюрократической іерархіи*, русскіе самодержцы, тѣмъ самымъ, уничтожили бюрократизмъ: истина № 3. Я знаю, что товарищъ Ленинъ нынѣ отдался „практикѣ", и что это знаніе, по исконнимъ русскимъ воззрѣніямъ, требуетъ нѣкоторой „свѣжести" и свободы отъ излишнихъ познаній; но мнѣ всетаки кажется, что злоупотреблять правомъ „практика" не слѣдуетъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ бюрократизмомъ. Не лучше — съ бонапартизмомъ. „Я нахожу, что тов. Мартовъ выдвинулъ эту категорію весьма кстати. Давайте, посмотримъ хладнокровно (!), что означаетъ это понятіе. По моему, оно означаетъ пріобрѣтеніе власти путемъ *формально* законнымъ, но, *по существу дѣла*, вопреки волѣ народа (или партіи). Не такъ ли, товарищъ Мартовъ? А если такъ, то я предоставляю публикѣ судить, съ чьей стороны былъ этотъ „бонапартизмъ худшаго сорта" и т. д. (стр. 135). Истина есть результатъ судоговоренія!

Замѣщеніе тверскихъ выборныхъ управцевъ назначенными (формально-законно, но вопреки волѣ „народа") отъ министерства лицами есть „бонапартизмъ"; Людовикъ Наполеонъ, какъ и Наполеонъ I, пріобрѣли власть „формально законно"; Боденъ, павшій на баррикадѣ второго декабря, хотя и выражалъ въ своемъ протестѣ „волю народа", но дѣйствовалъ формально незаконно; слово „coups d'état" не должно примѣняться къ 18 брюмера и 2 декабря. Вотъ сколько истинъ узнали мы отъ нашего мастера адвокатскихъ дѣлъ!

Суть вопроса Ленинъ извращаетъ, конечно, намѣренно: бонапартизмъ — исторически и принципіально — есть личная диктатура, освящаемая post factum, послѣ завоеванія власти, „волей народа", при томъ условіи, что субъектъ этой воли подлежитъ — въ промежутокъ между актами ея проявленія — всѣмъ операціямъ „лишенія правъ", „раскассированія" и упраздненія со стороны диктатора (см. объ этомъ въ уральскомъ документѣ), благодаря чему устанавливается — до первой революціи — должная гармонія между Бонапартомъ и „народной волей".

Если тов. Ленинъ хорошо знакомъ съ реакціонными категоріями бюрократизма, бонапартизма и мѣстничества, то не менѣе того онъ обнаруживаетъ пониманія категорій революціонныхъ. Аксельродъ говоритъ, что опредѣленное одностороннее развитіе партійной нашей практики должно привести къ установленію такого отношенія между партіей и руководимыми ею массами, которое характеризовало собою *якобинизмъ*, принципіально чуждый соціальдемократіи. Ленинъ (стр. 139) отвѣчаетъ: ...„ссылка Аксельрода на „якобинцевъ" еще болѣе поучительна. Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что дѣленіе современной соціальдемократіи на революціонную и оппортюнистическую давно уже, и не въ одной только Россіи, подало поводъ къ „историческимъ аналогіямъ эпохи великой французской революціи". Тов. Аксельроду не безызвѣстно, вѣроятно, что *жирондисты современной соціальдемократіи* вездѣ и всегда прибѣгаютъ къ терминамъ „якобинство", „бланкизмъ" и т. п. для характеристики своихъ противниковъ." И тов. Ленинъ показываетъ, что на второмъ съѣздѣ партіи въ рѣчахъ тт. Акимова, Либера, Егорова и др. проскальзывали эти нотки *жирондистскаго* протеста противъ революціоннаго „якобинизма" ортодоксовъ. А *такъ какъ* тов. Егоровъ по § 1 голосовалъ *съ* Ленинымъ, а Либеръ и Акимовъ — съ Аксельродомъ, то не ясно ли, что „бернштейніанская мелодія о якобинствѣ" нужна Аксельроду, „чтобы заглушить свои собственныя рѣчи на партійномъ съѣздѣ, дышащія заботой о радикальной интеллигенціи"? Читатель помнитъ, что эта мелодія нужна Аксельроду, сверхъ того, „въ интересахъ карьеры".

Все это іудушкино пустословіе весьма характерно и для метода мышленія, и для манеры спора. Услыхавъ слово „якобинцы", нашъ упроститель вспоминаетъ, что послѣднимъ противостояли жирондисты, что это противопоставленіе (cum grano salis) перенесилось въ споръ лѣваго и праваго крыла соціальдемократіи. Готово! т. Ленинъ имѣетъ передъ собой тощую „идею", оперируя съ которой, онъ „докажетъ" все, что нужно, — вплоть до „карьеризма" товарищей А, В, С и т. д. Что якобинизмъ въ исторіи противостоялъ не одному только жирондизму, что въ самой великой революціи *слѣва* отъ якобинцевъ стояли эбертисты парижской коммуны, что въ бабувистскомъ движеніи вскрывался уже антагонизмъ между якобинцами и *коммунистами*; что этотъ антагонизмъ, развиваясь далѣе, проявился и въ тайныхъ обществахъ 40 ыхъ гг. и клубахъ 48 го, что онъ перенесенъ былъ въ интернаціоналъ и коммуну 71 года и что нынѣшніе „якобинцы соціальдемократіи" — ортодоксальные марксисты, — прежде чѣмъ столкнуться съ новыми „жирондистами", *прошли черезъ фазисъ борьбы съ антимарксистскими эпигонами стараго якобинизма*, — столь „пространнаго" знанія не можетъ вмѣстить нынче нашъ самый знаменитый изъ совѣтниковъ Ивановыхъ. Если два теченія въ пролетарской партіи могутъ быть безъ особой натяжки уподоблены двумъ теченіямъ буржуазной демократіи 18 вѣка, то дѣлать отсюда выводъ, что, вообще, марксизмъ есть *современный якобинизмъ*, значитъ обнаруживать самую пріскорбную путаницу понятій и отсутствіе всякаго пониманія какъ сущности якобинизма, такъ и сущности соціальдемократіи.

Только при наличности такой путаницы, можно „ляпнуть" (стр. 100): „Якобинецъ, неразрывно связанный съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы, это и есть революціонный соціальдемократъ". Увы! тов. Ленинъ: якобинецъ, установившій неразрывную связь съ пролетаріатомъ, есть просто буржуазный демократъ, подчинившій себѣ идейно и политически пролетаріатъ, а „неразрывная связь" между „якобинцемъ" — исторически конкретной политической фигурой — и сознательнымъ пролетаріатомъ — есть nonsens, *выдающій все убожество политическаго мышленія нашего автора*. Это почти то же, что сказать: христіанскій идеалъ, неразрывно связанный съ историческими задачами классовой борьбы пролетаріата, это и есть революціонный соціализмъ.

Любопытныя разсужденія Ленина о „заговорщической опасности" мы разсмотримъ ниже, а здѣсь только еще разъ отмѣтимъ, какъ дурные пріемы мышленія ведутъ неизбѣжно къ адвокатскимъ, въ специфическомъ смыслѣ, пріемамъ спора и къ фривольному обращенію съ истиной.

„Жирондистъ" Акимовъ противъ диктатуры пролетаріата, „якобинцы" ортодоксіи за нее. Акимовъ неправильно утверждалъ, что эта диктатура въ нашей программѣ (писанной не Ленинымъ) понимается „народовольчески", какъ диктатура *партіи*, а не класса.[1] Съ тѣхъ поръ, какъ Акимовъ жирондистскій говорилъ это, появились Акимовы „якобинскіе" — сирѣчь, уральскіе, и, не шутя, заговорили о диктатурѣ диктатора надъ партіей, а партіи надъ рабочимъ классомъ. „Аксельроды" указываютъ на новое, реакціонное извращеніе марксизма и отстаиваютъ *диктатуру* класса противъ диктатуры *надъ классомъ*. Правдолюбивый Ленинъ кричитъ: „Аксельродъ оказался въ компаніи жирондистовъ".

Довольно! Кого Юпитеръ хочетъ погубить, того лишаетъ онъ разума. Представитель пережитой стадіи нашего партійнаго развитія, упрямо стремящійся задержать партію на томъ пунктѣ перелома въ этомъ развитіи, когда онъ самъ былъ „вознесенъ" высоко надъ всей партіей, — тов. Ленинъ закрылъ себѣ глаза на все окрестъ происходящее, и все вниманіе его поглощено тѣми карточными постройками, которыя онъ возвелъ въ лѣто 1903 ье на второмъ съѣздѣ и которыми онъ теперь такъ дѣтски любуется, излагая ихъ въ четвертый разъ на новый ладъ и переходя уже къ графическому методу изображенія этого „чуднаго" момента его политической карьеры. Поглощенный этимъ занятіемъ, онъ постепенно, незамѣтно освобождается отъ всѣхъ узъ, которыя наложила на него усвоенная имъ марксистская „культура", и въ своей *практической* позиціи все больше приближается къ той свободѣ отъ „теоріи", которая уже такъ выгодно отличаетъ нѣкоторыхъ изъ его смѣлыхъ учениковъ. Сегодня онъ уже третируетъ всемірную исторію, словно дѣвицу легкаго поведенія и запанибрата хлопаетъ по плечу „великую гегелеву діалектику", завтра онъ — для ради посрамленія „карьеристовъ" — дастъ хорошаго „раза" оппортюнистамъ — Каутскимъ и Парвусамъ. Можно себѣ представить, куда заведетъ по этому пути нашего воина его неукротимый нравъ! Въ концѣ концовъ, пелена начнетъ спадать и съ глазъ пока еще „нѣмѣющихъ" въ своемъ восхищеніи „твердыхъ" — и кому же, о уральскіе и иные „почитатели", кому же изъ васъ, товарищи, судьба сулитъ ту роль, которую въ извѣстной милой сказкѣ сыгралъ самый догадливый изъ придворной среды, окружавшей нѣкоего короля, ходившаго въ весьма причудливомъ костюмѣ? Кто первый освободится отъ *вѣры въ собственную ограниченность* и, взглянувъ на „короля", рѣшится сказать во всеуслышаніе то, что ему подскажетъ очевидность: да, вѣдь, и костюма то никакого нѣтъ, а просто совсѣмъ голымъ нашъ король ходитъ!

(Продолженіе слѣдуетъ). Л. М.

---

[1] Отвѣтъ на этотъ упрекъ см. въ рѣчи Троцкаго. Протоколы стр. 132.

Дан. Бутько-Синица, портные З. Бейлинъ, Г. Дубина, Дав. Друоновъ, Ф. Дворкинъ, Ш. Каспинъ, І. Залюбскій, Яковъ Кацъ,

вещи; она была арестована и привлечена къ дѣлу группы „Рабочаго

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи.

№ 68. 25-го іюня 1904 г. Годъ IV.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

МОНАРХИСТЪ ВЪ РОЛИ ТЕРРОРИСТА.

Въ эти дни, когда усовершенствованныя орудія истребленія неумолчно совершаютъ свою работу на Дальнемъ Востокѣ, — какъ кстати усовершенствованный револьверъ Броунинга снова напомнилъ, что не въ однихъ лишь вопросахъ „міровой политики“, но и въ вопросахъ внутренней борьбы, послѣднее слово принадлежитъ — насилію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ политически мыслящая Россія скорбно смотрѣла на получившій широкое распространеніе снимокъ прекрасной картины „Финляндія“. Двухглавый хищникъ и геній маленькой страны, отбивающій у него книгу съ надписью lex (законъ). Да, только законъ, только ту ограниченную, неравномѣрно распредѣленную между гражданами сумму вольностей, которая была записана въ хартіи начала вѣка, — только ее отстаивала маленькая нація, отстаивала со всей энергіей, со всей узостью ограниченнаго буржуазнымъ кругозоромъ консервативнаго патріотизма, молившаго оставить Финляндію „подъ сѣнью“ той конституціи, которая позволяла ей пребывать вѣрноподданной провинціей, никакимъ общественнымъ интересомъ не связанной со всей порабощенной имперіей, съ борьбой ея гражданъ.

Прошло немного лѣтъ — и отъ старинной книги остались только корешки. Листокъ за листкомъ, выщипалъ двухглавый хищникъ записанныя въ ней права и вольности. И тамъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ гордились отсутствіемъ всякой оппозиціи имперскому режиму, — тамъ нынѣ просвистѣли первыя пули революціоннаго протеста.

День убійства ген. Бобрикова останется исторической датой въ судьбахъ Россіи, и особенно Финляндіи. Пуля финляндскаго патріота не остановитъ, разумѣется, ни на минуту систему, которая, шагъ за шагомъ, ведетъ Финляндію къ полному разоренію, обезличенію и разложенію. Эту систему остановитъ только россійская революція, ибо самодержавіе не можетъ уже уступить въ чемъ нибудь Финляндіи, не рискуя тѣмъ самымъ поднять надежды другихъ, связанныхъ съ нею общей цѣпью угнетенія, своихъ внутреннихъ враговъ.

Но пуля Шаумана, несомнѣнно, подвинетъ впередъ переходъ Финляндіи изъ состоянія „лойально-оппозиціонной“ провинціи въ положеніе одного изъ становъ *революціи*.

Кровь сына сенатора уравняла передъ лицомъ русской реакціи умѣренныхъ патріотовъ Финляндіи съ революціонерами Россіи, Польши и Кавказа. И реакціонная печать спѣшитъ уже сдѣлать вытекающіе отсюда для царизма политическіе выводы.

Она сопоставляетъ убійство Бобрикова съ убійствомъ Сипягина. Та же почти обстановка, то же — скажемъ за реакціонную печать — изящество выполненія акта революціонной мести, такъ сильно повышающее производимое имъ сенсаціонное впечатлѣніе, [illegible]. Но въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ полувѣковой почти политической тяжбой между царизмомъ и русской демократіей; въ другомъ *первый* актъ революціоннаго террора въ борьбѣ между тѣмъ же царизмомъ и *цѣлой націей*, въ авангардѣ которой стоятъ ея буржуазные классы, управлявшіе доселѣ страной.

Шауманъ былъ шведоманомъ, т. е. членомъ умѣренно-либеральной партіи, политическое вліяніе которой опирается на привиллегіи отсталой конституціи. Довести *такую* партію до революціоннаго террора — для этого требуется политическая ловкость, до какой, кромѣ дома Романовыхъ, со времени 1848 г не сумѣла возвыситься ни одна монархія. Эта особенность выстрѣловъ, раздавшихся, такъ сказать, изъ нѣдръ привиллегированнаго класса, сейчасъ же была учтена бружуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ Запада. Его пресса ни словомъ сожалѣнія не обмолвилась объ убитомъ палачѣ и не побоялась воспѣть героизмъ самоотверженнаго патріота. Вплоть до ультра реакціонной германской „Post“, газеты Запада говорятъ о неизбѣжности актовъ à la Шауманъ тамъ, гдѣ правители дѣйствуютъ à la Бобриковъ. Это не то, что говорилось два года назадъ по поводу выстрѣловъ С. Балмашева. Еще бы. Тогда пострадавшее въ лицѣ своего министра самодержавіе въ глазахъ Европы фигурировало въ роли „международнаго жандарма“, въ роли оплота противъ такихъ „разрушительныхъ“ стремленій въ Россіи, торжество которыхъ неминуемо усилило бы разрушительныя стремленія мірового пролетарскаго движенія на Западѣ. Здѣсь — въ лицѣ Бобрикова — самодержавіе стоитъ передъ буржуазной Европой въ другой своей исторической роли, въ роли хищника-завоевателя, подъ пятой котораго стонутъ цѣлыя, оторванныя отъ европейской цивилизаціи, націи. И когда революціонный протестъ противъ самодержавія въ *этой* его роли исходитъ изъ солидныхъ круговъ, безхарактерное и безпринципное общественное мнѣніе буржуазной Европы не можетъ не привѣтствовать политическаго убійства, которое еще вчера провозглашалось исчадіемъ „анархизма“. И самая возможность для современной буржуазной печати *симпатизировать* террору въ *такихъ* случаяхъ показываетъ, какой фальшью, какимъ лицемѣріемъ проникнуто ея обычное „моральное“ осужденіе террора русскихъ революціонеровъ и европейскихъ анархистовъ.

Русская реакціонная печать не можетъ не чувствовать, какъ воспринимается Европой этотъ новый эпизодъ агоніи самодержавія. Какая то пришибленность замѣчается во всѣхъ писаніяхъ реакціонныхъ газетъ объ убійствѣ Бобрикова. Безсмысленныя угрозы по адресу того самого финляндскаго сената, который, частью изъ добровольнаго холопства, частью изъ политической продажности, шелъ рядомъ съ Бобриковымъ, — эти угрозы, мотивируемыя тѣмъ, что сенатъ „не охранилъ“ генерала отъ пули Шаумана, могутъ только оттолкнуть отъ царизма тѣ реакціонные элементы финляндскаго общества, которые, путемъ бѣлаго террора и всякой деморализаціи, удалось отчасти приручить покойному ставленнику Плеве. Эти угрозы сами по себѣ показываютъ что руссификаторы отчаялись въ „умиротвореніи“ Финляндіи, что имъ не остается ничего другого, какъ объявить открыто, что они воюютъ со всей націей, средствами одного голаго насилія. Николай Романовъ и объявилъ это, изъявъ дѣло объ убійствѣ Бобрикова изъ компетенціи финляндскихъ судовъ и отправивъ на его мѣсто презрѣннѣйшаго изъ своихъ сатраповъ — князя Ивана Оболенскаго.

Но насиліе — оружіе обоюдоострое. Выстрѣлъ Шаумана еще разъ напомнилъ это, и не даромъ „Нов. Время“, устами г. Бѣляева, заговорило о невыносимомъ положеніи руссификаторовъ, живущихъ подъ постояннымъ страхомъ индивидуальной и коллективной мести со стороны мятежнаго населенія. Тамъ, гдѣ *вся* нація чувствуетъ себя въ положеніи затравленнаго звѣря, тамъ, гдѣ аристократы, священники и фабриканты вынуждены конспирировать и рукоплескать политическимъ убійствамъ; тамъ, гдѣ система насилія держится только колоссальнымъ численнымъ перевѣсомъ угнетателей надъ угнетаемыми, — тамъ не приходится уже мечтать о политической идилліи, и, по вѣрному выраженію г. Струве, надо удивляться не тому, что въ Финляндіи начались акты террора тому, что ихъ тамъ до сихъ поръ не было.

Своимъ выстрѣломъ Шауманъ [illegible] на встрѣчу желаніямъ, можно сказать, всей финляндской націи, объединенной въ чувствѣ ненависти къ палачу Финляндіи. Но это общенаціональное дѣло борьбы за самостоятельность Финляндіи исторіей возложено на плечи финляндской буржуазіи, политически господствующаго въ данный моментъ класса, подобно тому, какъ буржуазія же несла на себѣ дѣло національнаго освобожденія германской и италіанской націй. Финляндская буржуазія шла впереди борьбы съ руссификаціей, [illegible] поставляетъ главныя жертвы этой борьбы, она и [illegible] изъ своей среды героя 3 іюня.

Единичный терроръ — революціонное орудіе, которое наиболѣе по плечу приведенной въ революціонное настроеніе буржуазіи. Еще покойный Либкнехтъ (Attentate und Socialdemokratie) указывалъ, что въ исторіи революціонной эмансипаціи буржуазіи единичный терроръ игралъ видную роль. Ибо идеологическія традиціи буржуазіи дѣлаютъ ее склонной связывать опредѣленную систему съ личностью ея носителя и искать въ устраненіи этой личности ключа къ измѣненію системы.

Въ напечатанномъ заграницей письмѣ, которое Шауманъ оставилъ для Николая II, характерно сказывается это отождествленіе системы и личности. Передъ мстителемъ за горе и униженіе Финляндіи стоятъ двѣ личности: свирѣпый Бобриковъ, котораго надо лишить возможности вредить, и монархъ, котораго „доброе сердце и благородныя намѣренія“ слѣдуетъ разбудить, указавъ на совершающіяся беззаконія и преступленія. И Шауманъ пытается своимъ покушеніемъ вызвать поворотъ въ настроеніи монарха, „вѣрноподданнымъ“ котораго онъ остается до конца. Онъ не видитъ передъ собой [illegible] неизбѣжной системы, передъ нимъ только случайная комбинація человѣческой глупости и подлости. Что бѣлый терроръ въ Финляндіи необходимо связанъ съ разложеніемъ царизма въ Россіи, что петербургскіе правители *не могутъ* уже щадить финляндскую „окраину“, когда россійская революція поставила передъ ними дилемму жизни или смерти — этого не замѣчаетъ политическая мысль буржуазіи и въ своемъ невѣдѣніи возлагаетъ громадныя надежды на возможныя послѣдствія устраненія одной личности.

При такихъ условіяхъ индивидуальный террористическій актъ, отражая въ себѣ политическое настроеніе дѣйствительно-революціонной и готовой ко всякому революціонному протесту общественной среды, не таитъ въ себѣ тѣхъ политическихъ опасностей, которыми чреваты такіе же террористическіе акты тамъ, гдѣ рѣчь еще идетъ о развитіи весьма слабой политической активности общественныхъ группъ, пришедшихъ въ столкновеніе съ наличнымъ режимомъ. Въ Финляндіи террористическій актъ Шаумана знаменуетъ собою ту крайнюю степень раздраженія, которая охватываетъ всю передовую часть націи. От[illegible]ными иллюзіями, но и со всей ея готовностью [illegible] въ борьбѣ съ режимомъ угнетенія. Если въ какомъ нибудь отношеніи актъ Шаумана можетъ имѣть вредныя послѣдствія, то только въ одномъ — онъ можетъ пріостановить процессъ политической мобилизаціи финляндскаго пролетаріата, въ тотъ моментъ, когда онъ, не задолго до выстрѣла 3 іюня, впервые заявилъ внушительной демонстраціей на улицахъ Гельсингфорса готовность вступить въ самую активную борьбу за свободу Финляндіи. И въ интересахъ дальнѣйшаго развитія этой борьбы финляндскаго пролетаріата, въ интересахъ того, чтобы эта борьба за свободу послужила къ развитію его классового самосознанія, надо пожелать, чтобы выстрѣлъ сына сенатора встрѣтилъ, со стороны политической цѣлесообразности этого метода борьбы, надлежащую критику со стороны нашихъ финляндскихъ товарищей.

Въ иномъ свѣтѣ представляется вопросъ о политическомъ террорѣ у насъ въ Россіи. Здѣсь главная, все еще не исполненная задача политической борьбы заключается *въ развитіи политической активности* недовольныхъ современнымъ режимомъ слоевъ населенія. Здѣсь иниціатива революціоннаго протеста исходитъ отъ такихъ общественныхъ группъ, которымъ невозможно надолго вѣрить въ достаточность устраненія одной личности, — слишкомъ сложны для этого тѣ соціальные мотивы недовольныхъ, которые вызвали самый протестъ. Здѣсь, поэтому, террористическія настроенія всегда означаютъ либо временную задержку въ ростѣ активности уже заволновавшихся народныхъ массъ, — либо присоединеніе къ общему движенію протеста новыхъ общественныхъ слоевъ, съ болѣе поверхностнымъ пониманіемъ политическихъ задачъ, съ большей, слѣдовательно, психологической готовностью *совершать революціонное движеніе, не замѣчая того и вѣря въ достаточность частныхъ перемѣнъ въ данномъ режимѣ*, готовность, такъ характеризующую финляндское общество и его героя. А поскольку *эти* политическіе мотивы даютъ себя знать въ террористическихъ увлеченіяхъ среди уже довольно далеко подвинувшихся въ дѣлѣ революціонной мобилизаціи пролетаріата и близкихъ ему круговъ студенчества, — постольку въ этомъ явленіи сказывается ростъ вліянія на эти общественные слои менѣе революціонной идеологіи буржуазнаго происхожденія. И постольку борьба противъ пропаганды террора есть борьба за вліяніе революціоннаго соціализма съ его методами классовой борьбы противъ вліянія политическихъ идей и пріемовъ борьбы буржуазной демократіи.

Когда общество находится въ состояніи такого политическаго возбужденія и революціонной готовности, что ружья, по выраженію, кажется, Макмагона, сами начинаютъ стрѣлять, тогда отдѣльный террористическій актъ, могущій, съ полнымъ правомъ, разсматриваться, какъ явленіе *стихійное*, не можетъ сыграть отрицательной роли, какъ бы ни было ничтожно непосредственное его практическое положительное значеніе. Тогда и моральное его дѣйствіе можетъ быть довольно велико. Въ этомъ случаѣ было бы смѣшно говорить о революціонномъ авантюризмѣ *такого* террора, какъ было бы нелѣпо пытаться его „систематизировать“ и сдѣлать орудіемъ планомѣрной борьбы опредѣленной партіи. Другое дѣло — когда революціонная активность массы населенія только начинаетъ развиваться, и развиваться въ направленіи пониманія общихъ соціально-политическихъ корней гнетущаго ихъ зла, и когда единичный террористическій актъ прежде всего отвлекаетъ начавшую работать мысль отъ системы къ ея индивидуальнымъ представителямъ и разслабляетъ начавшую формироваться революціонную волю массы. При этихъ условіяхъ успѣшный террористическій актъ естественнымъ образомъ группируетъ около себя опередившіе массу по нервности своего революціоннаго настроенія слои интеллигенціи и развиваетъ въ нихъ склонность подмѣнить политическую борьбу болѣе легкой, на первый взглядъ, игрой въ заговоры. Вотъ почему мы и говоримъ о дезорганизаторской роли террора въ Россіи.

Финляндское общество, отстаивающее въ неприкосновенности разрушенный царизмомъ буржуазно-конституціонный status quo, можетъ пройти всѣ фазы революціоннаго подъема, не замѣчая того, какъ оно изъ „вѣрноподданнаго“ оппозиціи превращается въ мятежника, а его героическіе сыны могутъ пойти даже на цареубійство, продолжая считать себя монархистами.

Русская демократія и, прежде всего, россійскій пролетаріатъ не могутъ подготовиться къ совершенію дѣйствительной революціи, не разорвавъ въ своемъ собственномъ сознаніи со всѣми историческими традиціями политической пассивности. Финляндскому обществу не приходится учиться политической активности — прошедшее школу политической жизни, оно ни при какихъ условіяхъ не замѣнитъ политической борьбы игрой въ заговоры. Русской демократіи и русскому пролетаріату надо прежде всего научиться выступать политически. Въ исторіи Финляндіи убійство Бобрикова является *первымъ* случаемъ политическаго убійства; въ исторіи Россіи политическія убійства были искони суррогатомъ политической борьбы, признакомъ политической слабости и пассивности недовольныхъ самодержавіемъ слоевъ націи, и полный разрывъ съ *этой* традиціей долженъ быть предварительнымъ условіемъ всякаго дѣйствительно-революціоннаго движенія.

ОТЪ ПРОПАГАНДИСТСКИХЪ КРУЖКОВЪ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

I

Середина 90-хъ годовъ знаменуетъ собою крутой поворотъ въ жизни россійской соціальдемократіи. Сосредоточенная до тѣхъ поръ въ немногихъ кружкахъ съ группой „Освобожденія Труда“ во главѣ, она посвящала свои силы главнымъ образомъ пропагандѣ соціальдемократической идеологіи, разработкѣ марксистской теоріи, конкретизированію общихъ положеній соціальдемократіи въ примѣненіи къ россійской дѣйствительности. „Практическія“ задачи, которыя она главнымъ образомъ ставила себѣ въ эту эпоху не выходили изъ рамокъ тѣхъ задачъ, которыя вообще могутъ успѣшно выполнять тѣсные, замкнутые кружки пропагандистовъ: подготовка элементовъ для заложенія фундамента будущей соціальдемократической партіи, выработка сознательныхъ соціальдемократовъ изъ отдѣльныхъ личностей, притомъ преимущественно изъ рядовъ интеллигенціи — вотъ что составляло непосредственную практическую цѣль стремленій зарождавшейся россійской соціальдемократіи.

Стачечное движеніе второй половины 90-хъ годовъ, вызвавшее переходъ къ массовой агитаціи, т. е. выступленіе на путь непосредственнаго вмѣшательства въ соціально-политическую жизнь страны, необычайно осложнило сравнительно простыя до того задачи соціальдемократіи и поставило на очередь вопросъ о превращеніи ея изъ „пропагандистскаго общества“ [illegible] вращеніе въ политическую партію [illegible] превращеніе ея въ партію рабочихъ массъ. Ибо, если стройное и полное *обобщеніе* элементовъ классового сознанія, порождаемыхъ соціально-экономической обстановкой, въ которой живетъ и дѣйствуетъ пролетаріатъ, требуетъ научно образованной мысли, то — согласно самымъ основамъ, на которыхъ построено наше міровоззрѣніе — только пролетарскій составъ, только самая тѣсная — не идейная лишь, а фактическая — связь съ рабочими массами можетъ гарантировать дѣйствительно пролетарскій характеръ политической дѣятельности партіи.

Мы сказали, что непосредственная политическая дѣятельность *осложнила* задачи, которыя до того ставила себѣ россійская соціальдемократія. Осложнила, но не устранила. Ибо это непосредственное выступленіе на общественную арену совершилось въ такую эпоху, при такихъ соціальныхъ условіяхъ, когда — какъ это еще разъ подробно выяснилъ въ своихъ замѣчательныхъ фельетонахъ П. Б. Аксельродъ — ни преобладающій соціальный составъ соціальдем. ни объективная общественно-экономическая обстановка, ни уровень политическаго пониманія и политическихъ интересовъ въ широкихъ рабочихъ массахъ вообще, — не благопріятствовали полному и всестороннему воплощенію въ политической практикѣ тѣхъ принциповъ соціальдемократизма, которые во всей ихъ чистотѣ были восприняты основателями и первыми дѣятелями россійской соціальдемократіи. Та дѣятельность, на которой концентрировались усилія соціальдемократіи, какъ „пропагандистскаго общества“, не только не должна была исчезнуть съ переходомъ къ непосредственному политическому дѣйствію, но въ самыхъ потребностяхъ этого дѣйствія должна была получила новый могучій импульсъ. Потребность зарождающейся политической партіи въ сознательныхъ соціальдемократахъ, въ принципіально выдержанныхъ работникахъ была безконечно больше, чѣмъ имѣлось на лицо — и при указанныхъ Аксельродомъ условіяхъ могло имѣться — годныхъ элементовъ.

Уже въ силу одного этого несоотвѣтствія наличныхъ силъ съ созданными новою дѣятельностью потребностями вопросъ о приданіи массоваго характера партіи съ одной стороны и оплодотворенія ея сознательною и послѣдовательною соціальдемократическою мыслью съ другой не могъ быть разрѣшенъ удовлетворительно на первыхъ же порахъ дѣятельности новой партіи.

Либо сохраненіе прежняго характера строго выдержаннаго принципіально въ элементарныхъ теоретическихъ основахъ научнаго соціализма, но замкнутаго, тѣснаго общества[1], вносящаго соціальдемократическое сознаніе въ рабочую массу *извнѣ*, или — перенося это отношеніе въ сферу политической практики — руководящаго ею, такъ сказать, *со стороны*; *либо* массовая партія, задающаяся лишь тѣми цѣлями, которыя ставитъ себѣ уже непосредственно сама масса, партія, растворяющая всѣ сознательные соціальдемократическіе элементы въ передовыхъ слояхъ впервые пробуждающагося къ политической жизни пролетаріата; — въ такомъ антагонистическомъ видѣ долженъ былъ встать вопросъ передъ подавляющимъ большинствомъ соціальдемократическихъ дѣятелей той эпохи. Мы знаемъ, что отвѣтъ, который дали на этотъ вопросъ „экономисты“, рѣшалъ его въ духѣ второй половины дилеммы. Слишкомъ настоятельна была необходимость сейчасъ же связать неразрывными узами зарождающуюся соціальдемократическую партію съ передовымъ слоемъ пролетаріата, слишкомъ примитивенъ былъ на первыхъ порахъ кругъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ соціальдемократическая партія фактически выступила какъ активная сила, чтобы можно было дать другой отвѣтъ. И это тѣмъ болѣе, что требовалось немногое: нужно было только возвести ограниченную объективными условіями партійную практику въ теорію — и вопросъ рѣшался самъ собою. Превращеніе „пропагандистскаго общества", кружка въ политическую партію, дѣйствительное формированіе партіи покупалось цѣною принципіальнаго суженія размаха политической дѣятельности ея. А такое суженіе, подрывая въ корнѣ самое необходимость существованія сплоченной, самостоятельной, единой политической партіи пролетаріата, въ свою очередь не давало никакого импульса къ дѣйствительному слiянiю разрозненныхъ мѣстныхъ движеній въ одно цѣлое. Сліяніе соціальдемократіи съ передовыми элементами рабочихъ массъ не сопровождалось дѣйствительнымъ *объединеніемъ* многочисленныхъ группъ и группокъ въ единую политическую партію. Тѣ методы созданія партіи, къ которымъ прибѣгали „экономисты", очень скоро стали тормазомъ, мѣшавшимъ достиженію той самой цѣли, ради которой они примѣнялись; а возведеніе этихъ методовъ въ теорію сильно затрудняло преобразованіе ихъ.

---

[1] Конечно, мы не хотимъ сказать, что вся россійская соціальдемакратія представляла собою въ то время одно цѣлостное „общество“. Важно то, что вся организація была построена по типу замкнутыхъ кружковъ.

Какъ ни гордились соціальдемократы той эпохи достигнутыми результатами, довольству ихъ собою и своею дѣятельностью очень скоро долженъ былъ наступить конецъ. И конецъ этотъ положило то политическое возбужденіе, которое охватило значительные слои русскаго общества и было само въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ пробужденія къ политической жизни пролетарскихъ массъ. Обстоятельства, сопровождавшія студенческое движеніе, подъемъ оппозиціоннаго настроенія въ земскихъ кругахъ, активное выступленіе на политическую сцену передовыхъ слоевъ буржуазной демократіи — показали съ очевидностью, что, какъ громко ни кричала бы соціальдемократія о своей политической гегемоніи, въ дѣйствительности широкое рабочее движеніе, самостоятельно не выходящее за предѣлы „чисто-рабочихъ" профессіональныхъ требованій и тѣхъ политическихъ вопросовъ, которые самымъ ближайшимъ образомъ связаны съ этими требованіями, что такое рабочее движеніе въ надвигающемся обще-политическомъ кризисѣ можетъ сыграть лишь роль того фундамента, на которомъ либеральная и демократическая буржуазія возведетъ свои политическія постройки, и того тарана, которымъ она прежде всего попытается расшатать въ своихъ интересахъ зданіе самодержавія. Слишкомъ очевидно было, что въ быстро охватывавшемъ всѣ слои русскаго общества политическомъ кризисѣ соціальдемократія и руководимое ею рабочее движеніе, если и были „авангардомъ", то не въ смыслѣ политически руководящаго элемента, а лишь въ смыслѣ передовой цѣпи, первой шедшей въ бой и первой принимавшей на себя удары врага. Въ результатѣ своихъ стремленій формировать пролетаріатъ въ самостоятельную политическую силу и предохранить его отъ роли того пассивнаго орудія въ рукахъ буржуазной демократіи, какимъ онъ былъ на Западѣ въ эпохи ликвидаціи феодально-абсолютистскаго строя, россійская соціальдемократія увидѣла, что — при дальнѣйшемъ сохраненіи сложившихся отношеній — вся ея роль сведется лишь къ организаціи той массовой силы, которою воспользуются въ своихъ цѣляхъ русскій либерализмъ и демократизмъ. Иначе говоря, соціальдемократія при такихъ условіяхъ лишь облегчила бы подчиненіе рабочаго класса буржуазнымъ интересамъ, взявъ *на себя* ту задачу организаціи и политическаго пробужденія пролетаріата, которую на Западѣ выполняла сама буржуазія въ лицѣ своихъ „радикальныхъ" идеологовъ. Извѣстное „credo" съ достаточною яркостью и недвусмысленностью подчеркивало это дѣйствительное положеніе дѣлъ и рѣзко поставило передъ соціальдемократами, не утратившими пониманія своихъ собственныхъ задачъ, вопросъ о „новыхъ путяхъ".

Нащупать основной грѣхъ „экономизма" всѣхъ видовъ и оттѣнковъ — отклоненіе отъ классовой теоріи и суженіе политическихъ задачъ партіи — было не трудно; тѣмъ болѣе, что кипѣвшая въ это время на Западѣ борьба ортодоксіи противъ бернштейніанства и мильеранизма какъ бы подчеркивала „международность" того зла, противъ котораго выступила русская „ортодоксія", и дѣлала русскій внутри-партійный конфликтъ однимъ изъ эпизодовъ того общаго конфликта, который раздиралъ въ то время соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ. Уже въ одномъ этомъ фактѣ скрывалась опасность „схематизаціи" ея съ тою общей борьбою противъ „критики", которая велась во всемъ мірѣ, и забвенія тѣхъ специфическихъ особенностей, которыя создавались специфическими русскими политическими условіями. На Западѣ, при существованіи уже сложившихся политическихъ рабочихъ партій съ широкою политическою дѣятельностью, шла борьба за *направленіе* этой уже имѣющейся на лицо дѣятельности. Поэтому, побѣдить бернштейніанскую „теорію" и построенные на ея основѣ политическіе выводы — значило сдѣлать почти все. У насъ этого было мало. Ограничиться постановкой и рѣшеніемъ вопроса въ томъ видѣ, какой ему былъ приданъ надъ, значило бы переоцѣнивать — не самое теорію, ее переоцѣнить нельзя — а *самодовлѣющую* роль теоріи, самодовлѣющую политическую роль соціальдемократической сознательности, централизованной въ тѣсномъ по необходимости кругу руководителей движенія, къ тому же — въ значительномъ большинствѣ выходцевъ изъ среды буржуазной интеллигенціи. „Идейная побѣда надъ „экономистами" рѣшала лишь половину вопроса, отрицая то рѣшеніе проблемы о превращеніи соціальдемократіи въ политическую партію, которое дали „экономисты", нужно было дать другое ея рѣшеніе. Ограниченіе идейной побѣды расширеніемъ политическаго кругозора руководителей движенія по себѣ означало бы лишь — при существующихъ условіяхъ — рѣшеніе вопроса о политической партіи въ духѣ первой половины той дилеммы, о которой мы говорили выше, и за эту половину которой ухватились экономисты. А между тѣмъ полное отождествленіе нашего внутрипартійнаго конфликта общесоціальдемократическимъ благопріятствовало такому „осторожному" рѣшенію вопроса, благопріятствовало забвенію необходимости *діалектически* разрѣшить то противорѣчіе, которое заключалось въ условіяхъ созданія классовой рабочей партіи въ россійской соціально-политической обстановкѣ. То повышеніе соціальдемократической сознательности и принципіальной выдержанности руководящихъ элементовъ соціальдемократіи, которое сопровождалось бы одновременнымъ разрывомъ начавшихся уже складываться тѣсныхъ организаціонныхъ отношеній съ передовыми слоями рабочей массы, никакъ не могло само по себѣ повести къ дѣйствительному образованію классовой политической партіи пролетаріата.

А между тѣмъ опасность такого разрыва заключалась уже въ недостаточно полной постановкѣ вопроса. Разрывъ въ значительной мѣрѣ сталъ дѣйствительностью благодаря той организаціонной практикѣ „искровцевъ", которая сама являлась необходимымъ слѣдствіемъ наличныхъ внутри-партійныхъ условій. Предыдущій періодъ, какъ уже сказано выше, не создалъ дѣйствительно единой, сплоченной крѣпкими организаціонными узами партіи, и новое направленіе могло возникнуть лишь въ видѣ направленія одного изъ тѣхъ кружковъ, на которые распадалась „партія", и вмѣстѣ съ тѣмъ должно было усвоить себѣ всѣ тѣ организаціонные навыки и методы, которые неизбѣжно выростаютъ на почвѣ кружковой дѣятельности. Предыдущій періодъ пытался построить партію на основѣ отказа отъ всей полноты соціальдемократической программы и принижалъ свои задачи и цѣли до уровня наличнаго сознанія активныхъ слоевъ рабочей массы; въ лицѣ пробудившихся къ политической жизни, но не вышедшихъ еще за предѣлы тредъ-юніонистской идеологіи передовыхъ элементовъ пролетаріата онъ искалъ организаціонной опоры; эти элементы играли руководящую роль въ направленіи значительной доли дѣятельности соціальдемократическихъ комитетовъ. Новое направленіе, встрѣтивъ на первыхъ порахъ сопротивленіе со стороны этихъ „организованныхъ" рабочихъ, очень скоро обнаружило склонность отнестись рѣзко отрицательно къ „демократизму" не только въ смыслѣ господства выборнаго начала и полнаго подчиненія своихъ собственныхъ задачъ и методовъ дѣйствія рѣшеніямъ рабочихъ кружковъ и собраній, но и въ смыслѣ признанія необходимости построить партію на сознательномъ участіи все растущихъ рабочихъ массъ въ политической и организаціонной дѣятельности партіи. Принципу „демократизма" было противопоставлено голое и категорическое отрицаніе его, дошедшее въ сознаніи многихъ товарищей до представленія о „принципіальной" несовмѣстимости „демократизма" съ соціальдемократическимъ движеніемъ.

Та масса организованныхъ рабочихъ, которая играла руководящую роль въ предшествующій періодъ и, при всей своей политической примитивности и узости, могла послужить фундаментомъ для заложенія дѣйствительной *классовой* политической партіи, въ значительной степени была не утилизирована новымъ направленіемъ, была оставлена за бортомъ и брошена въ оппо- [illegible] поглощая и подымая уже существующія силы, сколько пытаясь опереться на новыя.

При такихъ условіяхъ партія все больше и больше строилась по типу тѣсной организаціи, *со стороны* руководящей втянутой въ движеніе рабочей массой. Расширеніе политическаго кругозора сопровождалось въ сущности возвращеніемъ къ организаціоннымъ основамъ перваго періода существованія русской соціальдемократіи, періода „пропагандистскаго". Но новыя задачи требуютъ новыхъ формъ. И поскольку соціальдемократія, войдя въ сферу непосредственнаго политическаго дѣйствія, будетъ построена по типу общества пропагандистовъ, постольку задача созданія классовой политической партіи фактически не можетъ быть выполнена.

Въ слѣдующей статьѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ и покажемъ, къ чему привелъ и фактически не могъ не привести „новый курсъ". Ф. Данъ.

ПЕРЕДЪ ГОЛОДОМЪ.

Тяжелыя послѣдствія безсмысленной и дерзкой войны, затѣянной царскимъ правительствомъ, осложняются новымъ бѣдствіемъ. Грозный призракъ неурожая и голода снова встаетъ передъ русской деревней. Въ настоящее время еще невозможно съ точностью опредѣлить силу удара, разразившагося надъ страной, и безъ того тратящею послѣднія средства на расплату за чужіе грѣхи. Газетныя сообщенія о размѣрахъ неурожая отличаются чрезвычайной сдержанностью и краткостью. Но и тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя проникли въ несчастную подцензурную печать, ясно показываютъ, что крестьянскому хозяйству угрожаетъ серьезное разстройство. Засушливая осень, бѣдная атмосферическими осадками зима и холодная вѣтрянная весна самымъ гибельнымъ образомъ отразились на ростѣ травъ и хлѣбовъ. „Петербургскія Вѣдомости" сообщаютъ, что въ Бессарабіи состояніе хлѣбовъ, виноградниковъ и выпасовъ для скота производитъ удручающее впечатлѣніе на земледѣльцевъ. Истощенные засухой и вѣтрами яровые посѣвы находятся на краю гибели; озимые же настолько плохи, что уже никакіе дожди не въ состояніи ихъ поправить. Сѣнокосы повсемѣстно выгорѣли, и крестьяне принуждены кормить скотъ соломой. По позднѣйшимъ извѣстіямъ „Южныхъ Записокъ", неудовлетворительный урожай въ районѣ юго-западныхъ желѣзныхъ дор., въ особенности бессарабскаго и дунайскаго участковъ, выяснился съ такою опредѣленностью, что въ Одессѣ замѣтно упали цѣны на магазины для ссыпки зерна. Въ Херсонской губ., какъ пишутъ „Южн. Записки", поля также представляютъ печальное зрѣлище. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на озимые посѣвы, въ виду ихъ полной безнадежности, уже выпущенъ скотъ. „Рус. Вѣд." сообщаютъ, что и въ Таврической губ. полевыя работы запоздали и развитіе растительности, вслѣдствіе холода, идетъ очень медленно. Кіевскій корреспондентъ „Руси" утверждаетъ, что не только въ Кіевской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ не будетъ урожая ржи, культивируемой въ данномъ районѣ почти исключительно въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Яровые хлѣба также значительно пострадали отъ майскихъ холодовъ. Гречиха, конопля сильно повреждены. Сады и огороды, занимающіе видное мѣсто въ малорусскомъ хозяйствѣ, почти погублены заморозками. На сѣверѣ дѣла обстоятъ не лучше, чѣмъ на югѣ. По словамъ „Рус. Вѣд.", стоявшіе все время холода неблагопріятно повліяли на ростъ яровыхъ хлѣбовъ и травъ въ Петербургской, Новгородской и Псковской губерніяхъ. Состояніе озимыхъ, особенно въ Петербургской губерніи, также нехорошо. Въ Московской губ. рожь вышла низкорослою; яровые хлѣба запоздали всходами и не даютъ надежды на сносный урожай. Картофель во многихъ мѣстахъ загнилъ. Кормовыя травы повсюду плохи. Сады и огороды повреждены снѣгомъ, градомъ и утренними заморозками. Кромѣ этихъ свѣдѣній въ газетахъ уже начинаютъ появляться сообщенія о томъ, какъ отразились военныя приключенія россійскаго самодержца на неустойчивомъ и обезсиленномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. „Амурская Газета" пишетъ, что въ Орловской волости близъ Читы населеніе за неимѣніемъ хлѣба питается лебедою, а скотъ валится отъ полной безкормицы. Въ Благовѣщенскѣ переселенцы толпами бродятъ по улицамъ, прося милостыни. Они возвращаются въ Россію и буквально голодаютъ. Въ Нижегородской г. крестьяне страшно бѣдствуютъ отъ недостатка хлѣба и корма для скота. Все, что можно было продать, продано и съѣдено. По[illegible] имущество распродается за неуплату податей. Кредитъ исчерпанъ до конца, а задатковъ подъ промысловыя работы подрядчики не даютъ по случаю войны. Въ Нѣжинскомъ уѣздѣ Черниговской губерніи волостныя ссудо-сберегательныя кассы прекратили выдачу ссудъ запаснымъ воинскимъ чинамъ. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ наблюдается полный застой въ лѣсномъ промыслѣ, составляющемъ главную опору населенія...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что приведенныя свѣдѣнія далеко не полны. На основаніи отрывочныхъ замѣтокъ русскихъ газетъ можно съ увѣренностью предположить, что неурожай поразилъ не только перечисленныя, но и и однородныя

Къ вопросу объ источникѣ и значеніи нашихъ организаціонныхъ разногласій.

(Изъ переписки съ Каутскимъ.)

Настоящимъ виновникомъ печатаемаго ниже, по желанію нѣкоторыхъ товарищей, письма къ Каутскому является никто иной, какъ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей „большинства", которому пришла въ голову счастливая — для насъ — мысль познакомить Каутскаго со всѣми прегрѣшеніями „меньшинства" вообще и „новой" редакціи въ частности. Статьи, направленной противъ насъ, Каутскій не напечаталъ, но, какъ видно изъ его напечатаннаго въ № 66 „Искры", отвѣта автору ея, прочиталъ ее съ пользой. Заключенія, къ которымъ Каутскій пришелъ, на основаніи этой статьи, въ существенныхъ пунктахъ, совпадаютъ со взглядами „меньшинства"... Редакція „Искры", получившая отъ него копію его отвѣта автору, рѣшила просить у него позволенія обнародовать этотъ отвѣтъ. Читатели, знакомые съ новѣйшимъ, своеобразнымъ литературнымъ произведеніемъ Ленина и понимающіе то, что они читаютъ, хотя бы оно шло въ разрѣзъ съ планами и стремленіями послѣдняго, замѣтили, конечно, что письмо Каутскаго представляетъ собой весьма недвусмысленную критику тѣхъ обвиненій противъ насъ, формулировкѣ и обоснованію („научному") которыхъ посвящено упомянутое произведеніе. Очевидно, авторъ статьи просто на просто преподнесъ Каутскому квинтъ-эссенцію этого произведенія. Я увѣренъ, однако, что онъ не воспроизвелъ въ ней ленинской діаграммы, такъ тонко изображающей главные „типы голосованій" на нашемъ съѣздѣ и такъ наглядно вскрывающей „политическое значеніе того дѣленія партіи на „большинство" и „меньшинство", которое сложилось" на этомъ съѣздѣ. Нужно будетъ пополнить этотъ пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ Каутскаго относительно „анализа борьбы на партійномъ съѣздѣ", представленнаго вожакомъ „большинства".

Не одни только дурные примѣры дѣйствуютъ заразительно. На меня заразительно подѣйствовала достойная подражанія попытка одного изъ коллегъ Ленина познакомить Каутскаго съ нашими „организаціонными разногласіями". Въ своемъ первомъ письмѣ къ нему я подчеркнулъ совпаденіе, по существу, его принципіальной позиціи въ организаціонныхъ вопросахъ съ взглядами „меньшинства". Въ слѣдующемъ письмѣ, вызванномъ его отвѣтомъ на первое, я подтвердилъ его догадку, что наши „разногласія съ приверженцами Ленина въ Россіи" „въ значительной мѣрѣ покоятся на недоразумѣніяхъ", и попутно высказалъ нѣсколько замѣчаній объ объективной подкладкѣ и значеніи воцарившейся въ партіи организаціонной и идейной анархіи. Нѣкототорые изъ товарищей, прочитавшихъ копію моего письма, выразили желаніе, чтобы оно было напечатано въ „Искрѣ" — и я не вижу причины, по которой желаніе ихъ было бы неудобоисполнимо.

6-го іюня 1904 года.

Спѣшу отвѣтить на твое, сегодня полученное письмо.

Ты правъ и въ своемъ предположеніи, что разногласія между нами и сторонниками Ленина въ *Россіи*[1] (но не заграницей) покоятся въ значительной мѣрѣ на недоразумѣніяхъ. Большинство этихъ товарищей не знакомы съ протоколами съѣздовъ партіи и Лиги и почти вовсе не читали „Искры" за періодъ нашей внутренней борьбы. Главнымъ источникомъ для ихъ освѣдомленія является Ленинъ и его агенты; послѣдніе же прославляютъ его, какъ единственнаго, истиннаго и непреклоннаго, представителя революціонной соціальдемократіи, спасающаго ее отъ покровительствуемаго нами оппортюнизма. Такъ-какъ, однако, было бы слишкомъ рисковано прямо обвинить насъ въ оппортюнизмѣ на почвѣ программныхъ и тактическихъ вопросовъ, то Ленинъ и К° выбрали организаціонный вопросъ — именно первый пунктъ нашего партійнаго устава — исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ нападокъ и обвиненій противъ насъ. Но затѣмъ этотъ оппортюнизмъ sui generis (со своимъ слабымъ разсудкомъ я не въ состояніи понять, что это за штука такая „оппортюнизмъ въ организаціонныхъ вопросахъ", — выдвигаемый на сцену, какъ нѣчто самостоятельное, внѣ органической связи съ программными и тактическими взглядами) превращается подъ рукой въ универсальный, господствующій надъ всѣмъ нашимъ мышленіемъ и дѣятельностью, оппортюнизмъ; и такимъ путемъ мы вдругъ оказываемся отрядомъ международной арміи оппортюнистовъ въ соціальдемократіи, частью ея „жиронды", ея „буржуазно-демократическаго крыла". Если же нѣсколько присмотрѣться къ тому содержанію, которое вкладываютъ Ленинъ и его приверженцы въ понятія „ортодоксальный марксизмъ" и „революціонная соціальдемократія", то мы получимъ тощія и безсодержательныя „идеи": „централизмъ", „строгая дисциплина", contra-„демократизмъ", „отсутствіе дисциплины" или „анархія" и „автономизмъ". Первыя двѣ изъ нихъ нѣсколько конкретизируются требованіемъ безпрекословнаго „повиновенія" и подчиненія", требованіемъ, вырождающимся на *практикѣ* не въ „якобинизмъ", бланкизмъ и т. п., а въ самую что ни на есть заурядную жалкую каррикатуру на бюрократически-автократическую систему нашего министерства внутреннихъ дѣлъ. Если бы я привелъ нѣсколько примѣровъ, то ты призналъ бы, что я — mutatis mutandis — нисколько не преувеличиваю.

Какъ бы тамъ ни было, въ общемъ и цѣломъ ты правъ, если думаешь, что отношеніе ленинскихъ сторонниковъ къ намъ, по существу, основано на недоразумѣнія. Однако, это обстоятельство нисколько не рѣшаетъ вопроса: какъ могло случиться, что именно Ленинъ сдѣлался идоломъ такого значительнаго числа товарищей, что въ короткое время онъ произвелъ такой хаосъ въ ихъ головахъ и въ нашихъ партійныхъ отношеніяхъ, какой едва-ли когда либо существовалъ въ соціальдемократіи другихъ странъ? Ибо, поскольку я знаю исторію западной соціальдемократіи, въ большинствѣ изъ тѣхъ случаевъ, когда тамъ возникали конфликты и расколы, дѣло шло о разногласіяхъ программнаго и тактическаго характера, обѣими сторонами понятыми и формулированными, и лишь въ связи съ ними получали рѣшающее значеніе и организаціонные вопросы. У насъ же разногласія даже въ организаціонныхъ вопросахъ впервые ясно и конкретно проявились только въ тѣхъ *методахъ* и *пріемахъ*, *какими* Ленинъ и его пособники проводили на практикѣ всѣми нами признаваемый „централизмъ", въ ихъ практическомъ отношеніи къ товарищамъ, которые обнаружили склонность противодѣйствовать имъ или просто не соглашаться съ ними въ ничтожныхъ вопросахъ. Въ томъ-то и заключается чудовищность нашего положенія, что на почвѣ мелочей въ партіи могъ возникнуть и получить господство бюрократически-бонапартистскій режимъ!

Дѣйствительная же причина этого явленія лежитъ въ томъ, что мы еще вовсе не составляемъ *политической* партіи въ настоящемъ смыслѣ слова, между тѣмъ, какъ по своимъ субъективнымъ стремленіямъ и объективнымъ требованіямъ нашего положенія должны бы уже быть такой партіей[1]. Мы страдаемъ

---

[1] Если не говорить объ агентахъ, спеціально направляемыхъ имъ отсюда въ Россію.

[1] Примѣчаніе для русскихъ читателей, а въ особенности для проницательныхъ.

Я подразумѣваю „политическую партію" современнаго типа, господствующаго въ государствахъ конституціонныхъ. Революціонныя группы и организаціи, существовавшія въ нихъ въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ, вообще лишены были основныхъ признаковъ, характеризующихъ политическія партіи въ современномъ смыслѣ. И у насъ несоціальдемократическія революціонныя группы и фракціи лишены этихъ признаковъ, изъ которыхъ однимъ изъ главныхъ, или вѣрнѣе, главнымъ является практическая близость, непосредственная связь партійной организаціи съ широкими слоями населенія или классами, на почвѣ совмѣстной съ ними борьбы за ихъ интересы. Россійская соціальдемократія, сравнительно со всѣми прежде существовавшими и нынѣ существующими въ современной Россіи революціонными и оппозиціонными организаціями и группами, опирается непосредственно на широкія общественныя массы — на передовые слои пролетаріата — и съ самаго начала планомѣрно искала сближенія съ этими массами. Поэтому она и является у насъ единственной, относительно организованной, революціонной силой, представляющей собою нѣкоторое подобіе современной, т. е. дѣйствительной политической партіи. Но только: „нѣкоторое подобіе". Въ этомъ смыслѣ я и говорю въ текстѣ, что мы еще не являемся „*политической* партіей въ настоящемъ смыслѣ слова".

Мнѣ могутъ сказать: „при абсолютизмѣ образованіе такой партіи и невозможно, а потому всякія разсужденія на эту тему совершенно безплодны". Но объ этомъ придется спеціально поговорить въ другой разъ. Здѣсь же замѣчу только, что тѣ товарищи, которые такъ думаютъ, обнаруживаютъ большую непослѣдовательность, когда они ратуютъ за „строго централизованную организацію" съ „авторитетными *политическими* вождями и руководящими центрами" во главѣ. Такая организація, точно такъ же, какъ и „принципіально выдержанная" соціальдемократическая программа дѣйствія предполагаетъ, какъ реальную посылку, наличность классовой пролетарской партіи или, по меньшей мѣрѣ, неуклонное, сознательное развитіе данной политической коллективности въ этомъ направленіи. При отсутствіи же этой посылки, та и другая, не соотвѣтствуя дѣйствительному возрасту партійной коллективности, могутъ принести ей скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Политическому зародышу съ ними по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ губ. Тѣмъ не менѣе, даже тотъ матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, позволяетъ заключить, что „недородъ“ хлѣбовъ и травъ распространяется на значительную часть хлѣбородной площади Россіи. Петербургская, Псковская, Новгородская, Московская, Ярославская, Тверская, Костромская, Кіевская, Полтавская, Черниговская губерніи, Бессарабія и весь Новороссійскій край въ той или другой степени пострадали отъ неурожая. Какъ мы уже сказали, въ настоящее время еще нѣтъ возможности опредѣлить силу неурожая, но въ переживаемый моментъ даже такъ называемый „пестрый“ урожай является серьезнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, тѣмъ болѣе, что на международномъ хлѣбномъ рынкѣ обстоятельства складываются далеко неблагопріятно для русскаго сельскаго хозяйства. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ Англіи, Германіи, Италіи, Франціи и Соединенныхъ Штатахъ ожидается вполнѣ удовлетворительный урожай. Слѣдовательно, русскій хлѣбъ останется въ низкой цѣнѣ, и крестьяне будутъ вынуждены вынести на рынокъ даже ту часть, которую они, при болѣе высокихъ цѣнахъ, могли бы оставить для собственнаго потребленія. Но главное зло заключается, разумѣется, въ тѣхъ политическихъ условіяхъ, которыя созданы для Россіи царемъ и окружающею его шайкою. Безумная война уже произвела громадныя опустошенія въ народно-хозяйственной жизни. Застой промышленности и торговли не можетъ не оказать гибельнаго вліянія и на положеніе сельскаго хозяйства. Городская безработица больно задѣнетъ и деревенское населеніе. Кромѣ того, крестьянство испытало и непосредственный ударъ. Сотни тысячъ людей оторваны въ самое горячее время отъ обычной мирной работы; сотни тысячъ семействъ остались безъ куска хлѣба и безъ возможности добыть его. Въ ближайшемъ будущемъ крестьянству придется перенести энергичное взысканіе податей и, вѣроятно, увеличеніе налоговъ. Такимъ образомъ, тяжесть неурожая усиливается въ нѣсколько разъ требованіями настоящаго политическаго положенія. Между тѣмъ, опутанное крѣпкою сѣтью крѣпостнически-полицейскаго строя крестьянство и при обычныхъ условіяхъ никогда не могло собственными силами справиться съ послѣдствіями неурожаевъ и постоянно требовало государственной и общественной помощи. Но можно ли теперь разсчитывать на то, что помощь придетъ въ сколько нибудь существенныхъ размѣрахъ? Царское правительство, обирая крестьянъ до послѣдней нитки, никогда не считало своей обязанностью поддерживать голодающее населеніе. Подъ давленіемъ необходимости бюрократія выбрасывала крестьянамъ ничтожныя крохи собранныхъ народомъ богатствъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, употребляла всѣ усилія, чтобы и эти жалкія подачки не ушли изъ чиновничьихъ рукъ. Земство, болѣе знакомое съ мѣстными нуждами, было отстранено отъ продовольственнаго дѣла. Частныя лица, въ простотѣ сердечной поспѣшившія на помощь голодному и холодному крестьянству, подверглись всевозможнымъ надругательствамъ и, какъ преступники, были высланы изъ неурожайныхъ мѣстностей. Сами голодающіе крестьяне были оффиціально объявлены лѣнтяями, желающими воспользоваться даровымъ хлѣбомъ. Такъ относилось правительство къ пострадавшему населенію въ мирное время. Теперь, когда оно занято безумною войною, крестьяне не могутъ разсчитывать даже на тѣ жалкія крохи, которыя имъ доставались раньше. Всѣ средства государства будутъ поглощены военными потребностями. По приблизительнымъ вычисленіямъ французскаго спеціальнаго журнала, война обходится Россіи по 70 милліоновъ въ мѣсяцъ, т. е. если военныя дѣйствія, какъ это весьма вѣроятно, продолжатся два года, то Россія должна будетъ израсходовать 1.600 милліоновъ рублей. Но французскій журналъ не могъ, конечно, принять въ расчетъ русскаго казнокрадства. Г. Гензель, знающій родныя условія, высчитываетъ стоимость войны въ 90 милліоновъ рублей ежемѣсячно. Между тѣмъ, къ началу войны правительство имѣло свободныхъ денегъ на военныя нужды всего около 518 милліоновъ. Майскій заемъ далъ ему еще около 292 милліоновъ рублей. При такихъ условіяхъ ни о какой серьезной помощи голодающимъ не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы „выбить“ изъ населенія не только 15 милліоновъ для уплаты процентовъ по новому займу, но и тѣ сотни милліоновъ, которые необходимы для дальнѣйшаго веденія войны.

Не могутъ помочь голодающимъ и земскія учрежденія. И они такъ же, какъ и правительство, только усиливаютъ тяжесть неурожая своими пожертвованіями на военныя нужды. По сообщенію „Правит. Вѣстника“, до 11 марта 15 губернскими собраніями было ассигновано на военныя нужды 4.710,000 руб. Съ тѣхъ поръ сумма пожертвованій, навѣрно, удвоилась. Эти 8 милліоновъ составляютъ новый налогъ, свалившійся на измученное крестьянство вслѣдствіе „высшихъ соображеній земской политики. И если бы даже земство имѣло возможность оказывать поддержку неурожайнымъ мѣстностямъ, то это было бы простымъ перекладываніемъ денегъ изъ одного крестьянскаго кармана въ другой. Но, къ сожалѣнію, нелѣпая земская политика „патріотизма“ сдѣлала невозможной даже такую „помощь“. Дѣло въ томъ, что земскія собранія, жертвуя милліоны на нужды арміи и флота, и въ непосредственное распоряженіе царя, совершенно забыли о томъ, что по закону 25 іюня 1877 года на земскія и городскія общества возложена обязанность заботиться о семьяхъ запасныхъ, призванныхъ въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ, мобилизація, захватывая все болѣе и болѣе обширный районъ, вызвала такую острую нужду въ оставшихся безъ работниковъ семьяхъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ поспѣшило обратить вниманіе губернаторовъ на своевременное удовлетвореніе ходатайствъ, поступающихъ отъ семей призванныхъ къ оружію солдатъ. Губернаторы съ удовольствіемъ напомнили земству объ его обязанностяхъ, но земскія деньги уже отправлялись на Дальній Востокъ въ видѣ санитарныхъ отрядовъ или лежали въ разныхъ „комитетахъ“ по сооруженію флота и т. д. Больше взять денегъ было рѣшительно неоткуда, и недавно гордые „патріоты“, попавъ въ затруднительное положеніе, принимаютъ такія нелѣпыя и постыдныя рѣшенія, какъ Харьковское губ. собраніе, которое, только что пожертвовавъ 1½ милліона на войну, теперь проситъ у правительства 2 милліона взаймы на пособія семьямъ запасныхъ солдатъ. По разсчетамъ „Новаго Времени“ на эти пособія потребуется, въ общемъ, не менѣе 30 милліоновъ рублей. Какъ найдутъ эту сумму земства и найдутъ ли они ее — трудно сказать; но, во всякомъ случаѣ, голодающее населеніе не имѣетъ никакихъ основаній разсчитывать на серьезную поддержку со стороны земскихъ учрежденій.

Нельзя надѣяться и на добровольцевъ филантроповъ. Во-первыхъ, Плеве ихъ не пуститъ въ деревню, а „благотворить“ черезъ посредство урядниковъ и земскихъ начальниковъ не согласится даже россійскій обыватель; во-вторыхъ, война отозвалась и на обывательскомъ карманѣ. Въ предстоящей голодной „кампаніи“ крестьянинъ, такимъ образомъ, останется безъ союзниковъ... если къ нему не придетъ революціонеръ. И онъ долженъ прійти...

Мы считаемъ излишнимъ доказывать товарищамъ важность настоящаго момента. При самомъ скептическомъ отношеніи къ современной дѣйствительности очевидно, что всеобщая растерянность и всеобщее недовольство, переживаемое нынѣ Россіей, обязываютъ партію революціоннаго дѣйствія къ рѣшительной и беззавѣтной борьбѣ. Каждый день войны приноситъ въ Россію новый фактъ полной неспособности самодержавія, каждый день увеличиваетъ непосредственныя страданія народныхъ массъ. Голодъ, тяжесть котораго ни правительство, ни „общество“ не будутъ въ состояніи ослабить, подавитъ послѣдніе остатки „патріотическихъ“ чувствъ и вызоветъ раздраженіе въ самыхъ глухихъ мѣстахъ и въ самыхъ заглохшихъ умахъ. Въ такіе моменты, по авторитетному сужденію покойнаго Сипягина, каждый городъ, каждое мѣстечко, каждый поселокъ превращается въ „благопріятную почву для противоправительственной агитаціи“, тѣмъ болѣе благопріятную, что мысль о неразрывной связи голода съ царизмомъ въ достаточной мѣрѣ популярна среди значительной части русскаго населенія. Неудачная война, голодъ, раззореніе при наличности революціонно настроеннаго пролетаріата, озлобленнаго крестьянства, недовольнаго „общества“, — въ такіе рѣдкіе моменты надо, по выраженію Г. В. Плеханова, агитировать или оставаться за флагомъ!

Быть можетъ, всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Россіи придется подводить итоги политикѣ военныхъ приключеній и самодержавнаго произвола. Каковы бы они ни были въ конечномъ результатѣ, ихъ содержаніе опредѣлится столкновеніемъ между царизмомъ и „обществомъ“. Передъ революціонной соціальдемократіей развертывается, слѣдовательно, грандіозная перспектива [illegible] массъ въ предстоящей схваткѣ между отживающимъ азіатскимъ и нарождающимся европейскимъ строемъ, чтобы народъ боролся за политическія права для себя, а не за политическія привиллегіи для своихъ эксплуататоровъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда революціонная соціальдемократія, ни на минуту не забывая особеннаго характера присущихъ ей задачъ, возьметъ на себя иниціативу и главную роль въ общемъ антицаристкомъ движеніи и объединитъ подъ своимъ знаменемъ городскія и сельскія народныя массы. Въ городахъ вліяніе соціальдемократіи достаточно велико; теперь же, когда война, голодъ и раззореніе до болѣзненности обострятъ гнетъ крѣпостныхъ пережитковъ въ современной деревнѣ, передъ партіей пролетаріата открывается широкая дорога къ уму и сердцу крестьянина. Крѣпкое сплоченіе въ единую армію городскихъ рабочихъ, революціоннаго класса по отношенію ко всему существующему строю, и крестьянства, революціоннаго класса по отношенію къ полуфеодальному строю, сохранившемуся въ сельской Россіи, становится близкимъ и возможнымъ.

Но ставя себѣ задачей повліять на народныя массы и побудить ихъ къ непосредственному дѣйствію, соціальдемократическая партія обязана немедленно выяснить характеръ и содержаніе предстоящей дѣятельности. Та обычная полупропаганда-полуагитація, которая ведется въ историческіе будни, едва ли умѣстна въ настоящее „смутное“ время. Въ моментъ всеобщей растерянности и всеобщаго ожиданія перемѣнъ недостаточно „проповѣдывать“ необходимость сверженія самодержавія; необходимо перейти къ разъясненію тѣхъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ совершится это сверженіе, и дать руководящія указанія, съ чего начать. Поэтому, мы полагаемъ, что насталъ моментъ придать болѣе конкретный характеръ обычной революціонно-просвѣтительной агитаціи нашей партіи. Исходя изъ многочисленныхъ фактовъ, которые показываютъ полную неспособность царскаго правительства развязать мертвую петлю, затянутую имъ на народной шеѣ, мы должны сосредоточить главное вниманіе на популяризаціи того пункта нашей программы который гласитъ, что полное, послѣдовательное и прочное осуществленіе политическихъ и соціальныхъ преобразованій въ Россіи, достижимо лишь путемъ низверженія царскаго самодержавія и созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго всѣмъ народомъ.

Благодаря нашей агитаціи, требованіе созыва учредительнаго собранія должно широко разлиться по Россіи и громко зазвучать изъ глубины народныхъ массъ, изъ всѣхъ городовъ и поселковъ. И когда мысль объ учредительномъ собраніи, какъ единственномъ выходѣ изъ современнаго положенія, станетъ дѣйствительно народнымъ достояніемъ, — революціонная соціальдемократія можетъ смѣло начать открытую войну противъ царизма и завоевать въ ней такія политическія позиціи, которыя она уже не отдастъ запоздавшей въ битву буржуазіи.

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОССІЯ“ ПРОТИВЪ „УМѢРЕННОЙ“ НѢМЕЦКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

Въ страшно трудной, почти трагической борьбѣ, которую революціонная „лѣвая“ европейскаго соціализма ведетъ съ оппортунистической „правой“, „Революціонная Россія“ умудрилась, за три года своего существованія, сохранить полный таинственности нейтралитетъ. Ни борьба такъ называемыхъ „гэдистовъ“ и „бланкистовъ“ съ жоресистами и мильерандистами во Франціи, ни историческіе дебаты Дрезденскаго конгресса, ни борьба итальянскихъ революціонеровъ съ „реформистами“ на недавнемъ Болонскомъ съѣздѣ не оказались достаточно важными мотивами, чтобы вызвать *редакцію* „Рев. Рос“. на откровенное выраженіе своего отношенія къ жгучимъ, „проклятымъ вопросамъ“ международнаго соціализма. Она до сихъ поръ дипломатически отмалчивалась. Органъ, претендующій чуть ли не на монополію „настоящаго“, боевого революціонизма, оказался глухъ и нѣмъ въ вопросѣ: *быть или не быть современному соціализму революціоннымъ или даже: быть или не быть соціализму вообще*, ибо нельзя же на самомъ дѣлѣ признать соціализмомъ министерскій карьеризмъ, извѣстный подъ именемъ жоресизма или мильеранизма.

За то мы находимъ въ № 47, отъ 20 мая 1904 г., этой газеты грозный окрикъ по адресу германской соціальдемократіи, за ея недостаточную революціонность. Инцидентъ этотъ заслуживаетъ вниманія.

Статья „Рев. Рос.“ носитъ заглавіе: „Къ вопросу объ эволюціи германской соціальдемократіи“, она написана, какъ почти невыносимо-краснорѣчиво, олимпійски-величаво и сокрушающе-грозно. Въ ней отъ трехмилліонной соціальдемократической партіи не осталось ничего или очень мало достойнаго вниманія читателей „Рев. Россіи“. Она составлена по извѣстному „методу цитатъ“, назначеніе которыхъ доказать въ n+1-ый разъ, что въ разное время разные соціальдемократы разно думали. Я прошу, поэтому, читателя уволить меня отъ разбора этихъ далеко не свѣжихъ плодовъ эрудиціи передовика „Рев. Рос.“. Любопытные могутъ найти эти самыя цитаты въ оправѣ болѣе тонкой работы въ рѣчахъ Фольмара и другихъ нѣмецкихъ оппортунистовъ, въ твореніяхъ Бернштейна и въ недавно съ этой цѣлью издан-

---

подъ гнетомъ колоссальнаго несоотвѣтствія между потребностью въ крѣпкой организаціи и единствомъ дѣйствія на принципіальномъ соціальдемократическомъ базисѣ, съ одной стороны, и примитивнымъ характеромъ нашего движенія, съ другой. Это несоотвѣтствіе породило у насъ своего рода организаціонный фетишизмъ, — вѣру въ чудодѣйственную, внутреннюю творческую силу „совершенной“ формы организаціи. Но такъ какъ внутреннее развитіе нашей партіи, характеръ и размѣры ея реальной дѣятельности, ея пропаганды и агитаціи, степень политической опытности и зрѣлости нашихъ товарищей, внѣшнія трудности; — словомъ, такъ какъ цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ задерживалъ органическое выростаніе такой формы организаціи, которая соотвѣтствовала бы историческимъ задачамъ и потребностямъ нашей партіи, то нашими товарищами овладѣло чувство безсилія и безпомощности.

До демонстрацій 1901 года дѣятельность нашей партіи, не вынуждавшейся къ большимъ, ослѣпительно-яркимъ актамъ, развивалась, сравнительно, медленнымъ темпомъ; однако, это не мѣшало ей быть единственной, задававшей тонъ, силой на нашей революціонной аренѣ. Но вотъ вдругъ наступилъ новый, рѣзко политическій, періодъ, поставившій предъ соціальдемократіей задачи, гораздо болѣе сложныя, чѣмъ тѣ, къ которымъ она подготовлена была предыдущимъ періодомъ. Безъ соотвѣтсвенной подготовки мы должны были, въ новой общественной атмосферѣ, сохранить за собой преобладаніе на политической аренѣ и сплотиться для этого въ централизованную организацію, должны были при томъ оставаться на строго принципіальной почвѣ, выступая въ тѣсной связи съ рабочими массами, въ качествѣ ихъ политическаго авангарда, какъ послѣдовательная, принципіально-выдержанная классовая партія пролетаріата. Для надлежащаго выполненія всего этого намъ необходимо было бы пройти черезъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ; но время этого не допускало, и мы должны были ухватиться за наиболѣе простые и доступные намъ средства и методы борьбы, — за демонстраціи. Въ остальномъ же все оставалось по прежнему или, вѣрнѣе, въ одномъ отношеніи мы пошли даже назадъ, ибо такъ называемая экономическая агитація была въ очень сильной степени совсѣмъ заброшена. Словомъ: въ то время, когда броженіе въ народныхъ массахъ видимо росло, когда политическое недовольство самыхъ разнообразныхъ слоевъ „общества“ все увеличивалось, и все чаще выступали наружу явленія, указывавшія на формированіе и ростъ буржуазно-революціонной демократіи, — соціальдемократія продолжала дѣйствовать въ рамкахъ старыхъ мѣстныхъ организацій, не дѣлая никакихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, т. е. въ расширеніи и углубленіи пролетарскаго содержанія своей практики. И наши товарищи все сильнѣе чувствовали противорѣчіе между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, что должно бы быть, между фактическимъ состояніемъ своей партіи и запросами, предъявляемыми къ ней.

Гдѣ же выходъ изъ этого плачевнаго положенія, въ чемъ спасеніе отъ него? — „Строго-централизованная организація съ принципіально послѣдовательными руководителями во главѣ въ центрѣ“ — таковъ былъ спасительный лозунгъ!

Нѣтъ надобности, конечно, подробно разъяснять тебѣ, что ни крѣпкая организація, ни штабъ практическихъ *политическихъ* вождей не могутъ — подобно Минервѣ изъ головы Юпитера — вдругъ появиться на свѣтъ, какъ готовый продуктъ, въ результатѣ чьего-либо властнаго приказанія или какого-нибудь волшебнаго дѣйствія. Жизнеспособная организація и дѣйствительно руководящая группа политическихъ вождей могутъ развиться лишь постепенно, извнутри партіи, на почвѣ ея практики, путемъ *самовоспитанія* и ея коллективнаго приспособленія къ условіямъ времени и мѣста. А между тѣмъ, какъ я уже выше указалъ, такой процессъ выработки или образованія организаціи исключался или во всякомъ случаѣ крайне затруднялся общими условіями развитія россійской соціальдемократіи. Отсюда — то чувство безпомощности и безвыходности, которое явилось психологической почвой для развитія своеобразнаго организаціоннаго фетишизма. Какъ соціалисты прежнихъ временъ, когда современнаго рабочаго движенія еще не было, всѣ свои надежды возлагали на совершенный „планъ“ „совершеннаго“ общества, во всѣхъ своихъ деталяхъ разработанный какой-нибудь умной головой, — такъ наши товарищи начали чаять спасенія отъ совершеннаго плана организаціи. И этому, именно, психологическому состоянію Ленинъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ кругу значительной части товарищей. Не то, чтобы онъ дѣйствительно изобрѣлъ какой-нибудь замѣчательный планъ или же самъ являлся выдающимся организаторомъ. Но онъ былъ единственный изъ насъ, который какъ разъ слабыя стороны нашего движенія, въ частности, внутреннее чувство безсилія нашихъ „практиковъ“, сумѣлъ использовать для себя, а можетъ быть, даже съ самаго начала систематически его эксплуатировалъ.

Я долженъ оборвать свое изложеніе, такъ какъ оно слишкомъ разростается. На этотъ разъ только еще нѣсколько строкъ.

По существу, наша программа и наша „строго-централистическая“ организація, пока, только — форма или оболочка, которую еще необходимо заполнить (въ *практикѣ*) соотвѣтственнымъ соціальдемократическимъ содержаніемъ. По своему соціальному характеру и историческимъ задачамъ, россійская соціальдемократія представляетъ собою нѣчто среднее, промежуточное, — ни рыба, ни мясо. Она является продуктомъ революціоннаго движенія интеллигенціи, искавшей, во имя соціализма, опору въ народныхъ массахъ, чтобы — *объективно* говоря — разрѣшить буржуазно-революціонную задачу. Но на этомъ пути она вызвала къ жизни рабочее движеніе и въ такой степени ассоціировалась съ марксизмомъ, что ей остается лишь одна альтернатива: либо идти дальше до полнаго развитія въ дѣйствительно *пролетарскую* классовую партію, либо же, какъ организованное (политическое) цѣлое, такъ же исчезнуть съ исторической сцены, какъ въ свое время исчезла „Народная Воля“ и другія народническія партіи. А между тѣмъ, именно въ послѣдніе годы она сдѣлала остановку въ развитіи пролетарскаго содержанія своей практики. А эта пріостановка — въ связи съ *формальной* побѣдой „Искры“ надъ „экономизмомъ“ и другими отсталыми теченіями въ нашей партіи — привела и къ интеллектуальному регрессу: у большинства товарищей ихъ „ортодоксальный марксизмъ“ и „принципіальная выдержанность“ сводятся, какъ я уже выше говорилъ, къ такимъ общимъ, безсодержательнымъ представленіямъ, какъ „централизмъ“, „дисциплина“, „престижъ Ц. К.“ и т. п. банальностямъ. Русская поговорка гласитъ: „въ мутной водѣ легко рыбу ловить“. При такомъ состояніи нашей партіи, легко вести бонапартистскую демагогическую политику и препятствовать концентраціи всѣхъ ея силъ надъ изысканіемъ путей и средствъ для поднятія ея на новую ступень развитія въ принципіально пролетарскомъ смыслѣ. Путемъ самокритики (прошедшаго и настоящаго партіи, ея односторонностей и проч.) мы обращаемъ вниманіе товарищей на жизненный вопросъ нашей партіи: *„что и какъ должны мы сдѣлать для того, чтобы русская соціальдемократія (прежде чѣмъ наступитъ рѣшительный моментъ въ борьбѣ съ абсолютизмомъ) изъ промежуточнаго въ политическомъ отношеніи существа превратилась хоть отчасти въ дѣйствительную пролетарскую классовую партію“?* Не рѣшивъ этой задачи, мы рискуемъ, что въ рѣшительный моментъ крупныя событія сметутъ ее съ исторической сцены. Постоянное указываніе на необходимость возможно болѣе скораго рѣшенія этой проблеммы, разоблаченіе опасности, которой партіи угрожаетъ ея остановка на теперешней стадіи развитія, выясненіе тѣхъ средствъ и опорныхъ пунктовъ, которыми мы должны воспользоваться, чтобы проложить путь разрѣшенію этой проблеммы — во всемъ этомъ заключается миссія, такъ называемаго „меньшинства“ или оппозиціи. Ленинъ же и Kᵒ своими дезорганизаторскими методами и систематическимъ заподазриваніемъ нашихъ критическихъ и положительныхъ разъясненій толкаетъ партію не только къ расколу, но и къ полному разложенію.

Въ этомъ — истинный смыслъ и значеніе нашихъ „разногласій“. Послѣднія лишь отражаютъ элементарный историческій процессъ, о значеніи и смыслѣ котораго значительное большинство товарищей едва ли и имѣетъ какое-нибудь представленіе.

П. Аксельродъ.

онѣ такъ же мало подходятъ, какъ вицъ-мундиръ, парадная шляпа и внушительная палка — ребенку. Это несоотвѣтствіе программнаго и организаціоннаго облаченія нашей партіи съ ея младенческимъ возрастомъ и проявилось такъ рѣзко въ томъ поразительномъ фактѣ, что именно формальное „объединеніе“ ея положило начало господству такого идейнаго и организаціоннаго хаоса въ ней, по сравненію съ которымъ даже анархія кустарническаго періода можетъ показаться образцомъ внутренняго единенія и порядка. Отсюда, разумѣется, не слѣдуетъ, что мы должны отказаться отъ формальнаго объединенія. Воцарившійся хаосъ указываетъ лишь на то, что если мы не воспользуемся нашимъ организаціоннымъ аппаратомъ, какъ рычагомъ для дальнѣйшаго развитія соціальдемократіи въ смыслѣ возможно болѣе полнаго приближенія ея къ типу пролетарской политической партіи, наше формальное „объединеніе“ явится для нея лишь внутреннимъ факторомъ дезорганизаціи и разложенія. А потому тѣ товарищи, которые, объявляя утопіей стремленіе къ систематическому самопреобразованію россійской соціальдемократіи — въ оковахъ абсолютизма — изъ партіи революціонной интеллигенціи, *опирающейся* на пролетаріатъ, въ классовую партію самого пролетаріата, — *вмѣстѣ съ тѣмъ* фанатически стоятъ за „строгую централизацію“ и т. п., безсознательно произносятъ смертный приговоръ надъ россійской соціальдемократіей, какъ исторически сложившейся партійной коллективностью.

ной брошюрѣ Поля Кампфмейера, бывшаго анархиста и „независимаго", а нынѣ благополучно пребывающаго въ бернштейновскомъ лагерѣ.

Я буду слѣдовать методу менѣе скучному и, если можно такъ выразиться, болѣе благородному. Я стану на точку зрѣнія передовика „Револ. Россіи". Пусть его устами глаголетъ истина. Пусть нѣтъ ни одного атома революціонности въ германской соціальдемократіи. Посмотримъ же, что изъ этого слѣдуетъ?

Представьте себѣ на минуту слѣдующій, мало вѣроятный случай. Предъ вами держатъ приблизительно такую рѣчь: Вотъ самостоятельная, строго классовая рабочая партія съ научно-обоснованной соціалистической программой, твердо и неуклонно преслѣдующей сверженіе капиталистическаго строя. Но у нея одинъ крупный пробѣлъ. Она стремится къ своей цѣли исключительно *легальными* средствами. Но вотъ вамъ другая партія. Она представляетъ самую разнородную смѣсь до подлинныхъ и готовыхъ „на все" революціонныхъ брандмейстеровъ, съ зажигательными рѣчами на устахъ, съ карманами, полными страшныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, но, увы, съ невѣроятной теоретической кашей въ головахъ и полной организаціонной и программной анархіей. ***Выбирайте***. Признаюсь, что я, какъ и всякій, послѣдовательно мыслящій соціалистъ, сознающій необходимость и неизбѣжность революціонныхъ способовъ борьбы, ни на минуту не задумался бы отдать предпочтеніе пролетарской и классовой партіи *легалистовъ*, отвергнувъ, съ болью въ сердцѣ, брандмейстеровъ и конфузіонистовъ. Ибо всякій, знакомый хотя бы съ азбукой революціоннаго дѣла, прекрасно знаетъ, что *нѣтъ большей опасности* для революціи и соціализма, чѣмъ теоретическая путаница и организаціонный и программный хаосъ. А вотъ и другія соображенія по этому поводу.

Соціальдемократическая пролетарская партія, которая признавала бы исключительно легальныя средства, стояла бы *отчасти* на ложномъ пути, она жестоко ошиблась бы въ *одномъ* вопросѣ, вопросѣ, конечно, первостепенной важности. Но каковы были бы *практическія* послѣдствія этой ошибки? Полагаю, что эти послѣдствія не были бы такъ страшны. Соціальдемократія, проникнутая классовымъ революціоннымъ духомъ, отстаивающая *фактически революціонные* интересы пролетаріата, неминуемо, въ силу вещей, даже противъ воли, становится на революціонную почву. Она всей своей дѣятельностью, всѣми своими успѣхами, толкается на революціонный путь. Раньше или позже она, должна будетъ стать, она *станетъ* на этотъ путь. Она двигается къ революціи, хотя ошибочно воображаетъ, что направляется къ мирному прогрессу. Давно извѣстно, что дѣйствительный путь политическихъ партій, какъ и отдѣльныхъ личностей, далеко не совпадаетъ съ желательнымъ для нихъ и заранѣе ими очерченнымъ маршрутомъ. Это мы, между прочимъ, видимъ и на примѣрѣ нѣмецкой соціальдемократіи, которая, и по признанію передовика „Рев. Рос.", должна была поставить вопросъ о революціонныхъ средствахъ „ребромъ".

Но если соціалистическая пролетарская партія революціонна malgré elle, въ силу своей исторической и соціальной „сущности", то какъ разъ обратное явленіе наблюдается по отношенію къ конфузіонистамъ и „революціоннымъ" брандмейстерамъ. Тѣ же общія причины — опредѣленная соціально экономическая основа и строго выдержанное революціонное міросозерцаніе, — которыя дѣлаютъ изъ пролетарской партіи растущую историческую революціонную силу, превращаютъ хаотическую коалицію конфузіонистовъ и брандмейстеровъ въ реакціонную массу malgré elle, т. е. несмотря на временную и преходящую волю ея случайныхъ отдѣльныхъ представителей, подчасъ достойныхъ всякаго уваженія. Сколько бы послѣдніе ни говорили о революціи, сколько бы они даже ни „дѣлали" ее, они своей точкой зрѣнія, своимъ партійно-соціальнымъ положеніемъ, всѣми своими анархическими и индивидуалистическими формами мышленія и дѣятельности, осуждены сыграть реакціонную роль, очутиться, въ концѣ концовъ, въ реакціонномъ лагерѣ, реакціонномъ съ точки зрѣнія революціоннаго пролетаріата и его теоретическихъ представителей.

Политическіе и экономическіе противники соціальдемократіи [illegible] инстинктъ самосохраненія имъ диктуетъ вѣрный взглядъ на фактическое положеніе дѣлъ. И вотъ эти то противники преслѣдовали нѣмецкую соціальдемократію, несмотря на ея „легальную" аммуницію, какъ настоящую революціонную партію.

У „революціонныхъ" брандмейстеровъ единственнымъ критеріемъ революціи часто являются кровь и мученичество, физическая жертва. Но и съ этой точки зрѣнія нельзя сказать, чтобы наши нѣмецкіе товарищи такъ отстали. Бросьте хотя бы бѣглый взглядъ на періодически печатающіяся въ нѣмецкой соціальдемократической прессѣ извѣстія о тысячахъ лѣтъ тюремнаго заключенія и крупныхъ штрафахъ. Заголовокъ этихъ извѣстій гласитъ скромно, хотя не безъ умысла: „Подъ новымъ курсомъ" и т. п. Но извѣстія эти могли бы носить съ такимъ же правомъ названіе: „революціонная хроника". Еще Марксъ замѣтилъ, что пролетарская революція *отстаетъ* отъ фразы, ставя революціонность *дѣла* выше революціонности *выраженія*. Можетъ быть этимъ отчасти объясняется, что нѣмецкая соціальдемократическая пресса страдаетъ отсутствіемъ органа: „Революціонная Германія" въ pendant къ газетѣ „Револ. Россія".

Пролетарская кровь, какъ и пролетарскія слезы, льются и видимо и „невидимо".

Неужели ретивый и черезъ чуръ краснорѣчивый передовикъ „Р. Р." ничего не слышалъ, напримѣръ, о стачкѣ въ Кримичау и тому подобныхъ проявленіяхъ классовой борьбы, стоившихъ нѣмецкому пролетаріату не мало слезъ и крови?...

Разъ мы, противъ воли, очутились въ области quasi маратовскаго, хирургическаго пониманія революціи, то позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о сентенціи Либкнехта, цитируемой передовикомъ „Рев. Рос." На Эрфуртскомъ съѣздѣ покойный Либкнехтъ сказалъ: „Сила отъ вѣка (въ текстѣ оффиціальнаго протокола: seit Jahrtausende) была реакціоннымъ факторомъ". Мнѣ извѣстно, что, когда въ началѣ 90 годовъ эту фразу процитировали Энгельсу, онъ очень рѣзко осудилъ ее, не смотря на „предисловіе", смыслъ котораго былъ, кстати сказать, не тотъ, который ему придаетъ передовикъ „Р. Р.".

Безспорно, что Либкнехтовская фраза, вырвавшаяся у него въ пылу полемики съ революціонными брандмейстерами того времени, носившими названіе „die Jungen", поголовно почти перекочевавшими нынѣ въ Бернштейніанскій лагерь, неточна и можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Но вѣрно и то, что она допускаетъ — и безъ особенныхъ натяжекъ — толкованіе, придающее ей глубокій смыслъ. Если взять грубую, физическую силу, какъ таковую, не сопровождающуюся общественно революціонными стремленіями, такъ сказать, *тѣло* революціи, безъ ея *духа*, то можно, безъ всякаго преувеличенія, сказать, что *сила была всегда реакціонна*. Революціонное употребленіе насилія *всегда* сопровождается революціонными *стремленіями*, обусловливается революціоннымъ *міросозерцаніемъ*, сопряженнымъ съ выступленіемъ новаго революціоннаго класса. Одна лишь реакція опирается, опиралась и будетъ опираться на одной *голой* силѣ, на грубомъ фактѣ насилія. Насиліе въ революціи имѣетъ чисто случайный, временный и служебный характеръ. Для реакціи же оно *въ борьбѣ* является какъ бы „сущностью". Ея „духовныя оружія" („Geistige Waffen") борьбы, напротивъ, играютъ роль случайнаго придатка къ „саблѣ, которая рубитъ" и къ „ружью, которое стрѣляетъ" (der Säbel der haut, die Flinte die schiesst). Самыя рѣшительныя битвы политическаго и соціальнаго прогресса, не въ обиду революціонному передовику „Р. Р." будь сказано, суть „духовнаго" свойства — пропаганда, агитація и организація. Насильственная же революція является лишь заключительнымъ звеномъ движенія, вѣнцомъ въ потѣ лица построеннаго зданія. „Мирный" сѣятель „добраго и разумнаго" долженъ долго и основательно поработать, чтобы подготовить возможность революціонной „жатвы".

Это обстоятельство, замѣтимъ мимоходомъ, есть одна изъ причинъ, которыя вырываютъ пропасть между мыслящимъ соціальдемократомъ и мечтающимъ „соціалистомъ-революціонеромъ": первый *органически* не способенъ вѣрить въ „единовременность" политическаго и болѣе или менѣе соціалистическаго переворота, въ народовольческій утопическій планъ жатвы на незасѣянной нивѣ, который „П. С. Р." поспѣшила перенять отъ своихъ предшественниковъ.

Итакъ, ***голая сила, все насиліе всегда реакціонны***. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ, Либкнехтъ сказалъ великую правду.

Возьмите хоть бы современную Францію.

Ни одна партія не говоритъ столько о необходимости *насильственнаго* низверженія господствующаго во Франціи режима, какъ „черная партія", т. е. партія отъявленнѣйшихъ реакціонеровъ-націоналистовъ. Каждый божій день „соціологъ" Дрюмонъ требуетъ въ „Libre Parole" браваго генерала, который огнемъ и мечемъ вымелъ бы изъ Франціи „республиканскую сволочь". Онъ чуть ли не ежедневно провозглашаетъ нравственное, замѣтьте, нравственное паденіе Франціи именно въ силу того обстоятельства, что тогда то чрезвычайно смѣлая и революціонная нація до сихъ поръ медлитъ доставкой такого генерала.

За французскимъ Крушеваномъ слѣдуетъ Морисъ Барресъ, любитель „тонкихъ" ощущеній, „теоретическій" глава французскихъ реакціонныхъ индивидуалистовъ и ничшеанцевъ, изъ славнаго гнѣзда Жюля Леметра и Коппе.

Этотъ герой будуаровъ, въ свою очередь, требуетъ „профессора энергіи" въ лицѣ новаго Наполеона, который смастерилъ бы „Coup d'état".

Впрочемъ, это явленіе мы замѣчаемъ не въ одной только Франціи. Никто за послѣднее десятилѣтіе не произнесъ столько, по истинѣ, кровавыхъ и зажигательныхъ рѣчей, сколько императоръ Вильгельмъ, противникъ соціальдемократовъ — „легалистовъ". Неужели всѣ эти проповѣдники употребленія коллективнаго насилія, неужели всѣ эти Дрюмоны, Жюль Леметры, Коппе, Барресы, Вильгельмы должны быть признаны „революціонерами"? Если послѣдовательно держаться исключительно „хирургическаго" пониманія революціи, то пожалуй, пришлось бы отвѣтить: *да*.

Но это обстоятельство, это неизбѣжное reductio ad absurdum (сведеніе къ абсурду) ложной точки зрѣнія показываетъ именно, что хирургическое пониманіе революціи глубоко одностороннее и чрезвычайно опасно. Передовикъ „Р. Р.", упрекая нѣмецкую соціальдемократію въ отсутствіи революціонности, становится, самъ не сознавая этого на эту самую точку зрѣнія.

Нѣмецкой соціальдемократіи не въ первый разъ приходится выслушивать отъ разныхъ „революціонныхъ" брандмейстеровъ (преимущественно, анархистовъ) обвиненіе въ „измѣнѣ" революціи. Эти господа не вѣдаютъ, что говорятъ. Но прощать имъ ихъ нелѣпаго обвиненія все-таки не надо. Дѣло въ томъ, что гораздо легче писать передовыя статьи, гдѣ каждое слово:

Колетъ, рубитъ, рѣжетъ,

чѣмъ взять на себя отвѣтственность, политическую и нравственную, толкать милліоны организованныхъ рабочихъ подъ жерло императорскихъ пушекъ, не выждавъ для этого „настоящаго дня", о большей или меньшей близости котораго мнѣнія въ одной и той же партіи могутъ и должны подчасъ расходиться.

Господа брандмейстеры отъ революціи любятъ иногда поиронизировать надъ „легальными" побѣдами нѣмецкой соціальдемократіи, по поводу которыхъ Энгельсъ писалъ свое знаменитое „Предисловіе". Но эти господа никогда, очевидно, не поставили себѣ серьезно слѣдующаго вопроса: „Что было бы съ европейскимъ и, пожалуй, съ американскимъ соціализмомъ *безъ* примѣра гигантскаго, хотя бы и мирнаго роста нѣмецкой соціальдемократіи?" Возможно, что безъ этого — міроваго фактора, провозгласившаго способомъ, *понятнымъ для всѣхъ*, приближеніе новой эры, само появленіе „П. С. Р." и ея органа „Р. Р." не имѣло бы мѣста. И передовикъ „Р. Р." не имѣлъ бы возможности, съ высоты своей злосчастной кучи цитатъ, величественно преподносить [illegible] тѣ или другія замѣчанія Энгельса, Либкнехта и Бебеля, неизбѣжно вызванныя временными политическими и тактическими соображеніями не вѣрны для настоящаго времени. Но это не устраняетъ и не умаляетъ того факта, имѣющаго крупное историческое значеніе, что *легальная* дѣятельность этихъ и имъ подобныхъ людей могущественно содѣйствовала созданію *величайшей революціонной силы*, подобной которой нѣтъ и не было. И если *временная* легальная тактика способствовала росту *этой* силы, то да здравствуетъ эта тактика, поскольку она была неизбѣжна въ прошломъ!

Когда эту силу хотѣли совратить на путь уже несомнѣнно реакціонный, разные Бернштейны, смѣлые и стыдливые, то брандмейстеры отъ революціи апплодировали этимъ попыткамъ, не видя и не понимая ихъ опаснаго реакціоннаго характера. И теперь еще „Рев. Рос." прославляетъ „теоретическую" критику Бернштейна, не понимая (или игнорируя), что „теоретическая" критика гг. Бернштейновъ была только орудіемъ ихъ стремленій къ *практическому* ревизіонизму.

Часъ рѣшительной борьбы для нѣмецкой соціальдемократіи, можетъ быть, скорѣе наступитъ, чѣмъ полагаютъ, не то черезъ чуръ наивные, не то черезъ чуръ хитрые брандмейстеры. Во всякомъ случаѣ нѣмецкій пролетаріатъ сдѣлаетъ *свою* революцію не тогда, когда этого желаютъ Вильгельмы и генералъ Богуславскій, которому лавры французскаго Галифэ не даютъ спать.

Классы, какъ и отдѣльныя личности, неизбѣжно переживаютъ періоды иллюзій, моменты тяжелыхъ колебаній и непріятной внутренней борьбы. Можно даже сказать, что чѣмъ жизненнѣе партія или личность, тѣмъ болѣе онѣ подвержены этимъ неизбѣжнымъ кризисамъ которые, по прекрасному выраженію Энгельса, надо durchfressen (переварить). Къ числу этихъ неизбѣжныхъ иллюзій, отъ которыхъ можетъ и могъ излѣчить только горькій опытъ, принадлежитъ вѣра во всемогущество легализма и реформизма.

Но то обстоятельство, что теорія Маркса, „догма" марксистовъ помогли соціалистамъ разныхъ странъ освѣтить этотъ опытъ и побѣдить предразсудокъ легализма и миражъ реформизма, на почвѣ которыхъ нынѣ стоятъ одни „критики" марксизма, показываетъ необходимость и пользу борьбы съ теоретическимъ и практическимъ конфузіонизмомъ, стремящимся скрасить свою теоретическую нищету практическимъ безсиліемъ, сіяющаго мишурнымъ блескомъ „революціоннаго" брандмейстерства.

Х. Л. Раппопортъ[1].

---

[1] Авторъ статьи — бывшій членъ „партіи с.-р." недавно перешедшій къ марксизму.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Съ театра войны.

1) Письмо раненнаго солдата съ театра военныхъ дѣйствій:

„Много нашихъ земляковъ было въ знаменитомъ 11 полку въ битвѣ при Тюренченѣ. Лежу я въ госпиталѣ въ ... Раненъ въ плечо. Какъ только выздоровѣю снова меня пошлютъ въ полкъ. Мы стояли на Тюренченѣ. Японецъ двинулся на насъ тучей. Его было видимо невидимо. Если бы мы не побѣжали, оставивъ пушки, то всѣ погибли бы. Изъ нашей роты осталось всего 100 человѣкъ изъ 250. До Ляояна я, раненный, шелъ пѣшкомъ *200 верстъ*.

2) Письмо военнаго врача съ театра военныхъ дѣйствій:

„Въ арміи полная деморализація. Провіанту мало, солдаты голодаютъ. Офицеры крайне недовольны высшимъ начальствомъ. Начальство, съ своей стороны, многимъ офицерамъ не довѣряетъ и ставитъ кавалерійскихъ офицеровъ въ пѣхотныя части и наоборотъ. Провинившихся солдатъ безпрерывно сѣкутъ. Происходитъ нѣчто ужасное".

Изъ Манджуріи. Ляоянъ 4 мая. Сообщаю свѣдѣнія кратко. Время не такое, чтобы много писать. Русскія войска на Ялу разбиты японцами, благодаря превосходству ихъ боевой тактики надъ русской — это во-первыхъ, превосходству ихъ артиллеріи — во-вторыхъ, отличному качеству корпуса японскихъ офицеровъ — въ третьихъ и, наконецъ, въ четвертыхъ, — удивительной храбрости ихъ солдатъ. Превосходство японской арміи надъ русской признано теперь и нашимъ полевымъ штабомъ. Штабъ главной квартиры, впрочемъ, все еще остается при своемъ мнѣніи. Во время боя 18 апрѣля 22-ой полкъ взятъ японцами въ плѣнъ вмѣстѣ со знаменемъ. Геройскаго поведенія 11-го полка отрицать нельзя. Отступленіе русскихъ отъ Ялу къ Фынъ-хуанъ-чену носило характеръ безпорядочнаго бѣгства людей, объятыхъ паническимъ ужасомъ. Разсказы очевидцевъ боя и отступленія полны самыхъ мрачныхъ красокъ.

Ген. ад. Куропаткинъ отправилъ къ Николаю Романову курьера флиг.-ад. полковника кн. Васильчикова съ докладомъ о критическомъ положеніи дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.

Это положеніе усугубляется присутствіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій адмирала Алексѣева, который является однимъ изъ числа злыхъ геніевъ династіи Романовыхъ. Въ то время, какъ штабъ Куропаткина чисто дѣловой, штабъ Алексѣева — это сборище жуировъ, достойныхъ своего главы. Интриги, подсиживаніе Куропаткина и его „партіи", сѣяніе раздоровъ между генералами, изобрѣтеніе новыхъ и новыхъ полицейскихъ мѣръ въ отношеніи арміи, а въ перерывахъ между этими невинными занятіями кутежи съ представительницами международнаго демимонда — вотъ вамъ слабая картина жизни двора сатрапа его величества на Дальнемъ Востокѣ. M-lle Люси, солидныхъ лѣтъ, возлюбленная ген.-ад. Алексѣева, царитъ въ этомъ кафе-шантанномъ мірѣ. Штабные офицеры всѣ давно отправили своихъ женъ въ Россію и всѣ теперь обзавелись новыми, пріѣхавшими изъ Шанхая, Чифу, Инкоу и даже Нагасаки. При отступленіи русскихъ на сѣверъ всѣ „эти дамы" вѣроятно послѣдуютъ за главной квартирой. Вы, навѣрное, уже слышали, о мѣрахъ, принятыхъ Алексѣевымъ въ отношеніи русскихъ корреспондентовъ. Эти мѣры постигли и иностранныхъ корреспондентовъ. Нарисую такую картинку. Являются они въ Ляоянъ. Въ часъ дня ихъ накормили завтракомъ, напоили шампанскимъ съ тостами, а въ три убѣдительно попросили занять предназначенный для нихъ вагонъ въ отходящемъ изъ Ляояна на сѣверъ поѣздѣ въ Мукденъ и дальше. Разрѣшеніе ѣхать въ Ляоянъ было дано намѣстникомъ. Эта исторія будетъ еще имѣть свои послѣдствія.

Казнь японскаго полковника Іо-Ши-Ко и капитана Іо-Ки въ Харбинѣ произвела удручающее впечатлѣніе на офицеровъ арміи. Всѣ ждали, что намѣстникъ помилуетъ ихъ. Смерть японскихъ офицеровъ была удивительна по геройству. Русскіе офицеры, бывшіе на казни, отдали должное мужеству своихъ японскихъ собратьевъ. Передъ тѣмъ, какъ японскимъ офицерамъ завязали глаза, всѣ 200 русскихъ офицеровъ, бывшихъ на полигонѣ съ комендантомъ во главѣ, приложили руку къ козырьку, отдавая этимъ салютомъ должное храбрецамъ.

Этотъ поступокъ офицеровъ Алексѣевъ принялъ за демонстрацію и хотѣлъ даже возбудить противъ нихъ преслѣдованіе; только уговоры приближенныхъ умѣрили его охранительный пылъ.

Русская армія переполнена шпіонами внутренняго надзора. Ищутъ, конечно, не внѣшней измѣны, а внутренней крамолы. Въ поискахъ за послѣдней слишкомъ увлекаются и слишкомъ поздно открываютъ защитниковъ существующаго внутренняго правопорядка въ ихъ роли поставщиковъ японскому генеральному штабу свѣдѣній изъ русскаго штаба.

Совмѣщеніе службы русскихъ охранителей россійскому престолу и японскому генеральному штабу настолько характерно, что мы посвятимъ этому вопросу отдѣльный очеркъ, когда будемъ располагать точно провѣреннымъ матеріаломъ. Укажемъ пока на три случая. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ казненъ русскій штабный офицеръ (фамилія неизвѣстна) въ Ляоянѣ за выдачу японцамъ свѣдѣній о численности и дислокаціи русскихъ войскъ. Въ томъ же мѣсяцѣ былъ арестованъ капитанъ Николаевъ въ Нижне-Уссурійскѣ за выдачу плановъ мѣстностей и высотъ отъ Владивостока до Нижне-Уссурійска; въ апрѣлѣ же былъ арестованъ контръ-адмиралъ кн. Ухтомскій за выдачу японцамъ плана минныхъ загражденій[1]. Его адъютантъ успѣлъ бѣжать въ Америку, захвативъ съ собой кассу портъ-артурской эскадры.

Закончу настоящую корреспонденцію сообщеніемъ такого эпизода:

Пріѣзжаютъ иностранные и русскіе корреспонденты изъ Ляояна въ Мукденъ. На вокзалѣ корреспондентовъ встрѣчаетъ г.-м. Флугъ.

Разражается буря.

— Вы варварами были и варварами останетесь, кричитъ корреспондентъ „Berl. Tag.".

— Это безобразіе, кричатъ хоромъ всѣ остальные 27 иностранныхъ корреспондентовъ.

Больше всѣхъ горячится г. Кравченко, корреспондентъ „Новаго Времени", получившій заказъ на батальныя картины отъ Николая Романова.

— „Новое Время" одно въ Россіи и Кравченко одинъ, а васъ, полковниковъ генеральнаго штаба столько, что плюнуть негдѣ! Меня сюда приглашали вы сами, но мнѣ начхать на васъ. Я немедленно уѣзжаю.

Даже покладливые нововременцы вышли изъ себя.

Иркутскъ. Результаты войны уже сказались въ Забайкальѣ. Многіе хозяева совершенно раззорились. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ началась голодовка. „Хлѣбъ весь вышелъ, а сѣять и нечего и некому; всѣ „большаки" ушли на войну", — такъ разсказывалъ одинъ крестьянинъ о дѣлахъ въ деревнѣ. Среди забайкальскихъ казаковъ сильное недовольство. На войну идутъ неохотно. Ходили слухи, что было нѣсколько случаевъ отказа идти на войну.

Солдатская голодовка.

Повидимому, порядки въ интендантской части на театрѣ военныхъ дѣйствій таковы, что оставляютъ за флагомъ всѣ самыя худшія предположенія. Это видно уже изъ того, что даже свѣдѣнія, проникающія въ легальную печать и просѣянныя сквозь мельчайшія сита военной и штатской цензуры, превышаютъ всякія вѣроятія. *Солдаты, очевидно, буквально голодаютъ*. Такъ, въ „Южной Россіи" помѣщено письмо солдата участвовавшаго въ боѣ при Ялу. Авторъ письма прямо говоритъ, что „*во время и послѣ него солдаты восемь дней хлѣба не видали*. Взамѣнъ хлѣба имъ выдавалась мука, которую одни ѣли смѣшанною съ водою, другіе даже и безъ воды".

Интересно знать, мукой ли питались во время боя, требовавшаго громаднаго напряженія всѣхъ силъ, генералы и офицеры? И что дѣлало въ это время интендантство? Сколько уже уворовано имъ на счетъ солдатъ, идущихъ умирать?

Газета, помѣстившая письмо, выдержку изъ котораго мы привели, прибавляемъ, что и безъ заявленія автора-солдата ясно, что „скудость была великая", и ссылается при этомъ на дороговизну съѣстныхъ припасовъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій. Но развѣ ужъ солдаты, посылаемые правительствомъ на убой, должны питаться на свой собственный счетъ?

Впрочемъ, правительство открыто признаетъ, что, выжимая изъ народа сотни милліоновъ рублей на армію, оно не въ состояніи даже чернымъ хлѣбомъ и сухарями прокормить солдатъ. И прославляемые на всѣ лады лицемѣрными устами правительства и реакціонной печати „герои" должны протягивать руку за милостыней, чтобы не умереть съ голоду. Что другое, какъ не признаніе необходимости кормить солдатъ „христа-ради" представляетъ помѣщенное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 163) сообщеніе главноуполномоченнаго Краснаго Креста, что „выяснилась необходимость заготовлять и расходовать продукты не только для больныхъ, раненыхъ и медицинскаго персонала, но *и на довольствіе частей войскъ*“? Тутъ же „главноуполномоченный“ разсказываетъ (въ согласіи съ солдатомъ-авторомъ письма), что во время боя на Ялу и при Вафангоу Красный Крестъ долженъ былъ раздавать солдатамъ, не только чай, сахаръ, табакъ и проч., но даже *хлѣбъ*“! Теперь же Красный Крестъ приступаетъ даже къ открытію „*питательныхъ пунктовъ*“ для трехъ полковъ и проситъ „благотворителей“ о присылкѣ всякихъ припасовъ, въ томъ числѣ *сухарей!* Ни дать ни взять, какъ въ голодающей деревнѣ!

---

[1] Замѣтимъ, что, по легальнымъ газетамъ, кн. Ухтомскій продолжаетъ занимать свой постъ въ Портъ-Артурѣ, такъ что приводимые здѣсь слухи кажутся маловѣроятными.

Орелъ. „Знаменательную, историческую минуту переживаетъ сегодня Орелъ“, писали вчера мѣстныя Губернскія Вѣдомости. Ай, батюшки, подумаетъ читатель, что же это такое съ Орломъ приключилось! Дѣло же просто въ томъ, что въ Орлѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, былъ царскій смотръ войскамъ, выступающимъ на Дальній Востокъ. „Обожаемаго“ послали показаться солдатамъ, въ надеждѣ, что тѣ, запечатлѣвъ въ своей памяти образъ царя-миролюбца, съ большимъ изувѣрствомъ будутъ истреблять „коварнаго“ врага, равно какъ и охотнѣе погибнутъ сами во славу нашего маленькаго вѣнценосца. Приготовленія къ пріѣзду „державнаго вождя“ начались уже дня четыре тому назадъ. Городъ запрудила масса полицейскихъ, урядниковъ, стражниковъ. Появились въ огромномъ количествѣ и просто подозрительные люди съ меланхолическимъ выраженіемъ на рожахъ, разгуливающіе по улицамъ. Полиція осмотрѣла всѣ подвальные этажи по мѣстамъ слѣдованія „всемилостивѣйшаго государя“, не пропустивши ни одного погреба, сдѣлала визитъ въ редакцію закрытаго теперь „Орловскаго Вѣстника“ и т. д. Увы, ни минъ, ни адскихъ машинъ нигдѣ не оказалось. Мосты, которыхъ въ Орлѣ, какъ нарочно, много, охранялись послѣдніе 3-4 сутокъ и днемъ, и ночью. Въ день пріѣзда „обожаемаго“ такъ и вовсе черезъ нихъ никого не пускали. Однако, хунхузы и здѣсь не показывались. Между тѣмъ городъ украшался флагами и коврами, которые, къ слову сказать, въ Орлѣ особою свѣжестью не отличаются. Пріѣхавшее спеціально духовное лицо тренировало здѣшнихъ поповъ, чтобы и они лицомъ въ грязь не ударили. Вообще, все было въ должномъ порядкѣ. Спрятанные за веревку, вѣрноподданные помахали „обожаемому“ картузами, покричали въ умѣренныхъ размѣрахъ „ура“... Маленькій, сѣренькій человѣкъ, окруженный громадными лохматыми казаками, проѣхалъ, сидя рядомъ съ нашею гордостью „Орловскимъ помѣщикомъ“-наслѣдникомъ и... все. „Удостоившись лицезрѣть“ (правда, изъ-за спинъ „охраны“), жители разошлись по своимъ дѣламъ, а наши милыя Губ. Вѣдомости записали день шестого мая „золотыми буквами на скрижаляхъ орловской лѣтописи“.

Освобождены арестованные въ мартѣ въ связи съ проѣздомъ черезъ Орелъ нѣкоего, нынѣ арестованнаго, соціалиста-революціонера, ѣхавшаго по паспорту депутата австрійскаго рейхсрата Фишера, прис. пов. Рейнгардъ и Цодиковъ (служ. въ земствѣ).

Курскъ. „У насъ призваны запасные чины. Предѣльный возрастъ ихъ 43 года. Взятые назначаются прямо въ Харбинъ. Что это было здѣсь — вы не представите, не видѣвши сами!.. Представьте себѣ русскихъ крестьянъ съ ихъ „зажиточностью“, съ ихъ семьями въ 7-8 человѣкъ, съ однимъ работникомъ, иногда вдовымъ (домъ совсѣмъ безъ женщины) и затѣмъ представьте, что этотъ „единственный кормилецъ“ долженъ идти въ Манчжурію. Сколько было слезъ, душу раздирающихъ сценъ — передать нельзя... Три дня подрядъ я просыпался подъ звуки голосовъ подъ окнами: „а она то, сердечная, убивалась — вѣдь, четверо дѣтей!“ или: „вѣдь, 7 чел. дѣтей — малъ мала меньше, а жена недавно умерла“ и т. д. и т. д., или слышите истерическія рыданія. — Я никогда не былъ свидѣтелемъ такого моря горя!...“

Вологда. 26 мая здѣсь было экстренное губ. земское собраніе. Предсѣдателемъ избранъ Еремѣевъ (нац.-либер.). Брянчаниновъ (предс. Грязовецкой земск. управы) предложилъ собранію поблагодарить бывшаго предсѣдателя Кудряваго за полезную дѣятельность, но предсѣдатель собранія Неѣловъ (предв. дворян. вологод. уѣзда) заявилъ, что онъ не можетъ „разрѣшить постановку этого вопроса въ виду того, что дѣятельность Кудряваго неодобрена правительствомъ“[1]). Кудрявый говоритъ ему: „вы не имѣете права заявлять это, такъ какъ неизвѣстно, за что я не утвержденъ“. Васильевъ, Масленниковъ, Лавровъ и др. гласные заявляютъ Нееѣлову, что будутъ жаловаться въ Сенатъ на неправильныя дѣйствія его, какъ предсѣдателя собранія. Затѣмъ всѣ гласные отъ грязовецкаго уѣзда съ предводителемъ во главѣ (Ник. Мих. Волоцкой) подходятъ къ В. А. Кудрявому и благодарятъ его за бывшую его дѣятельность, какъ предсѣдателя губернской земской управы. Читается докладъ о пожертвованіи на войну. Вопросъ баллотируется сначала записками: куда ассигновать деньги — въ распоряженіе правительства или присоединиться къ организаціи Московскаго земства? Большинство высказалось за направленіе денегъ по второму адресу. Сколько ассигновать? Зубовъ говоритъ, что 100.000 р., ни больше, ни меньше и непремѣнно въ распоряженіе правительства. Нѣкоторые его поддерживаютъ. Васильевъ говоритъ, что такихъ денегъ земству взять неоткуда, такъ какъ запаснаго капитала у земства нѣтъ, и въ концѣ концовъ эти 100.000 придется выколачивать съ земскихъ плательщиковъ — полуголодныхъ мужиковъ, которые и безъ того много уже пожертвовали натурою — своими сыновьями и работниками, взятыми изъ семьи, — и предлагаетъ ассигновать не свыше 25.000 руб. въ помощь семьямъ убитыхъ и раненыхъ съ тѣмъ, чтобы присоединить эту сумму къ Московской земской организаціи, не посылая своего особаго уполномоченнаго; многіе гласные, и особенно гласные крестьяне, поддерживаютъ это предложеніе. Предсѣдатель собранія Неѣловъ читаетъ циркуляръ Плеве, недавно изданный и воспрещающій земскіе союзы, но пропускаетъ умышленно слова царя (приведенныя въ докладѣ управы), высказанныя уполномоченному Москов. земства князю Львову при представленіи его царю передъ отъѣздомъ на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ царь благодаритъ земскихъ дѣятелей за сочувствіе, выраженное пожертвованіями. Заставляютъ Неѣлова прочесть эти слова. Брянчаниновъ машетъ ожесточенно руками и кричитъ: „наплевать намъ на министра, когда самъ царь благодаритъ земцевъ и ничего не имѣетъ противъ земскаго союза съ этой цѣлью“. Въ концѣ концовъ постановлено большинствомъ ассигновать въ пользу семей пострадавшихъ на войнѣ 25000 р. съ присоединеніемъ къ Моск. зем. организаціи.

На другой день послана на Неѣлова жалоба подписанная чел. 15-ю гласными (меньшинствомъ). Когда благодарили Кудряваго, то Брянчаниновъ, между прочимъ, выразилъ пожеланіе дождаться въ недалекомъ будущемъ времени, когда опять увидимъ Кудряваго предсѣдателемъ губ. зем. управы. Вообще, засѣданіе было бурное.

Ростовъ. Въ серединѣ апрѣля начались у насъ многочисленные аресты; жандармы, задавшись цѣлью выловить всѣхъ революціонеровъ въ Ростовѣ, совершали свои набѣги самымъ безцеремоннымъ образомъ; днемъ и ночью врывались они въ обывательскіе дома и искали „внутреннихъ враговъ“. Такіе набѣги, продолжавшіеся вплоть до перваго мая, произвели ужасную панику среди обывателей, а въ рабочей средѣ тѣмъ временемъ шла прежняя работа.

Какъ 18 апрѣля, такъ и 1 мая были распространены въ большомъ количествѣ майскіе листки (ред. „Искры“ до 10.000), устроено было два собранія рабочихъ, на которыхъ ораторы выясняли значеніе майскаго праздника и его международный характеръ, говорили о требованіяхъ, которыя выставилъ международный соціалистическій конгрессъ въ Парижѣ, сравнивали празднованіе этого дня у насъ и въ Западной Европѣ. Вслѣдъ за этимъ, была распространена прокламація „Ко всему рабочему народу“ (изд. „Искры“, 4000 экз.), отъ которой рабочіе пришли въ неописуемый восторгъ. По полученіи № 64 „Искры“, въ которомъ описывается Якутская бойня, Донской Ком. рѣшилъ немедленно организовать рядъ массовыхъ сходокъ съ цѣлью протеста противъ возмутительнаго акта насилія и избіенія политическихъ ссыльныхъ. На дняхъ одна такая сходка состоялась; она была устроена очень конспиративно и сошла чрезвычайно удачно. На ней присутствовало 150 чел. рабочихъ. Познакомивши рабочихъ со всѣми ужасными условіями жизни политическихъ ссыльныхъ и наложивъ всѣ причины, непосредственно вызвавшія протестъ Якутскихъ товарищей, ораторъ коснулся и всѣхъ прежнихъ преступленій правительства, которыми оно думало и думаетъ уничтожить революціонное движеніе; говорилъ о Кишиневской рѣзнѣ, объ убійствѣ мирно демонстрирующихъ рабочихъ на улицахъ Кіева, Златоуста, Ростова и многихъ другихъ городовъ. Указавши на всѣ эти преступленія царскихъ слугъ, какъ на слѣдствіе всей хищнической политики самодержавнаго правительства, ораторъ перешелъ къ вопросу о современномъ народномъ бѣдствіи, — войнѣ, — которую, помимо воли народа, затѣяло варварское правительство для того, чтобы свистомъ пуль заглушить стоны и крики истрадавшагося народа и покрыть блескомъ славы сподвижниковъ царя. Въ заключеніе была предложена отъ имени Дон. Ком. резолюція, которую приняли рабочіе единогласно. Сходка прошла до того оживленно, настроеніе рабочихъ до того поднялось, что въ продолженіе уже нѣсколькихъ дней среди нихъ только и говорится о героизмѣ Якутскихъ товарищей и о томъ, что „скоро-скоро наступитъ тотъ моментъ, когда вся самодержавная махина затрещитъ въ послѣдній разъ и съ шумомъ провалится въ бездну“. Бодро настроенные, мирно и тихо разошлись рабочіе по домамъ, тая въ глубинѣ души своей отрадное чувство, что наши дорогіе товарищи даже въ далекой Сибири не перестаютъ бороться съ общимъ намъ всѣмъ врагомъ — проклятымъ самодержавіемъ.

Вотъ текстъ принятой резолюціи: „Понимая, что убійство и избіеніе политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ является слѣдствіемъ всего политическаго режима, основаннаго на грубомъ произволѣ и дикомъ насиліи, собраніе ростовскихъ рабочихъ протестуетъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ новаго звѣрскаго преступленія царскаго правительства и выражаетъ глубокое убѣжденіе, что преступное правительство, прибѣгающее для спасенія царскаго трона къ убійствамъ беззащитныхъ людей, къ погромамъ, грабежамъ и безсмысленной войнѣ, не въ силахъ уничтожить того революціоннаго движенія, которое пустило глубокіе корни въ народной массѣ, что современный богатырь — рабочій классъ, кровь котораго уже неоднократно проливалась на улицахъ многихъ городовъ, съ еще большей ненавистью къ самодержавію, съ удесятеренной энергіей и смѣлостью направитъ всѣ свои силы на достиженіе той великой цѣли, которую ставитъ себѣ Р. С.-Д. Р. П. Вѣря въ близость крушенія всего самодержавнаго порядка, собраніе шлетъ горячій товарищескій привѣтъ Якутскимъ борцамъ, оставшимся вѣрными революціонному дѣлу даже въ далекой Сибири, и призываетъ всѣхъ россійскихъ гражданъ смѣло и открыто выступить на борьбу съ истиннымъ виновникомъ всѣхъ современныхъ бѣдствій въ нашемъ отечествѣ“.

Привѣтъ тверскихъ рабочихъ Якутскимъ борцамъ.

Героямъ якутянамъ отъ тверскихъ организованыхъ рабочихъ.

Товарищи! Шестого іюня на общей сходкѣ намъ сообщили о Вашемъ геройскомъ подвигѣ... Удаленные отъ всего міра, лишенные всякихъ способовъ планомѣрной борьбы за свободу, вы, — горсть непримиримыхъ борцовъ, — съ оружіемъ въ рукахъ рѣшили протестовать противъ новыхъ насилій надъ вами нашего звѣрскаго правительства... Мало того, что загнало васъ въ непроходимыя дебри Сибири, мало того, что осудило васъ на прозябаніе въ инородческихъ улусахъ вдали отъ друзей и товарищей, — своими послѣдними мѣропріятіями оно хотѣло сдѣлать вашу жизнь еще безотраднѣе и невыносимѣе. Вамъ запретили свиданія съ проѣзжающими товарищами, стѣснили свободу передвиженія и переписки, урѣзали и безъ того незначительное казенное пособіе, однимъ словомъ, захотѣли низвести васъ до положенія заживо погребенныхъ... Но вы не покорились, вы протестовали, — и одинъ изъ васъ убитъ, другимъ угрожаетъ военный судъ.

Товарищи! Мы гордимся вами! Товарищи! Вашъ поступокъ — примѣръ для насъ, примѣръ стойкости, непримирости и отваги въ борьбѣ за нашу свободу. Мы посылаемъ Вамъ свой братскій привѣтъ, — да поддержитъ онъ Васъ въ минуту унынія и грусти. Вы не одни. За Вами сомкнутыми рядами встаютъ новые борцы, и каждое новое звѣрство увеличиваетъ ихъ число. Да будетъ проклято самодержавіе! Одной рукой оно губитъ народъ на Дальнемъ Востокѣ, а другой — душитъ всякій проблескъ свободы!

Долой самодержавіе!

Да здравствуютъ герои-якутяне!

Вѣчная память тов. Матлахову!

(Сообщено Тверскимъ Ком. Р. С.-Д. Р. П.)

Къ Якутской бойнѣ. Трое ссыльныхъ, не бывшихъ во время осады въ „Романовкѣ“, подали губернатору заявленіе, въ которомъ признаютъ, что, будучи въ это время въ городѣ, оказывали всякую помощь осажденнымъ. Они присоединены къ числу привлеченныхъ къ слѣдствію. Вотъ ихъ имена: Виленкинъ (солдатъ, кіевскій студентъ, по дѣлу Минскаго Ком.), Софья Влад. Померанецъ (зуб. врачъ, по дѣлу Кіевскаго Союза Борьбы 1898 г., была въ 1900 г. сослана на 5 лѣтъ) и Марья Сав. Зеликманъ, по дѣлу Донского Ком. 1898 г. Виленкинъ содержится на военной гауптвахтѣ, Зеликманъ и Померанецъ оставлены до суда на свободѣ. Л. Л. Никифоровъ почему то высланъ въ село Усть-Майское.

Партіей, прибывшей въ Якутскъ вскорѣ по окончаніи осады, было подано губернатору заявленіе, аналогичное уже помѣщеннымъ въ „Искрѣ“ заявленіямъ солидарности съ „Романовцами“. Подъ заявленіемъ подписались: Б. Цейтлинъ, А. Гинзбургъ (оба по дѣлу „Юж. Раб.“, 1902 г.), Гр. Вейсманъ (Сѣв. Союзъ, 1902 г.), Цецилія Даргольцъ и П. Вайнштейнъ (трансп. „Искры“, осенью 1902 г.), М. Гальперинъ (дѣло „Бунда“, 1902 г.), Зальм. Левинъ, Вас. Ивановъ, Вигдоръ Гозенпутъ, Б. Тарасовъ, И. Хмѣльницкій, Ф. Гиммельфарбъ, Анна Розенфельдъ, Ц. Левина, С. Апенченко, М. Капланъ. Судъ отложенъ до іюля.

Изъ села Хоратъ генералъ-губернатору и министру вн. д. посланъ протестъ за подписями ссыльныхъ: Грановскаго, Гессельбергъ, Дутугели, М. Экгаузъ, Багаева, Сѣв. Союзъ, Ф. Афанасьевой (дѣло „Искры“), Тагаренко, Рубинштейнъ.

Лондонъ. 26 іюня (н. с.) состоялся митингъ по поводу избіенія ссыльныхъ въ г. Якутскѣ. Въ устройствѣ митинга приняли участіе шесть политическихъ группъ (Группа Содѣйствія Р. С.-Д. Р. П., гр. Бунда — „Verein Wecker“, гр. Соц.-рев., гр. P. P. S., гр. „Arbeiter Freund“ и гр. „Liberty“ и, кромѣ того, Эмигрантское общество и два лекторскихъ общества: соціальдемократическое и соціалистическое.

Залъ, вмѣщающій около 2000 человѣкъ, былъ совершенно полонъ. Говорились рѣчи на русскомъ, еврейскомъ, польскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Собранію была предложена на голосованіе та же резолюція, которая была ранѣе принята въ Женевѣ. Въ ней выражается горячій привѣтъ якутскимъ товарищамъ, протестъ противъ звѣрствъ русскаго правительства и обращеніе ко всѣмъ честнымъ гражданамъ съ призывомъ идти въ ряды борцовъ противъ самодержавія.

Поставленная на голосованіе, резолюція была принята *единогласно*. Результаты голосованія были встрѣчены съ большимъ энтузіазмомъ и многократными криками „ура!“.

Политическіе процессы. „На дняхъ (Кіевской?) судебной палатой Михаилъ Назарьевъ (быв. петерб. студ., обв. въ транспортѣ изданій „Союза рус. с.-д.“) присужденъ къ 2½ г. арестантскихъ ротъ. На вопросъ о виновности М. Н. отвѣтилъ рѣчью о томъ, что такое соц.-дем., чего она добивается, объ отношеніи самодержавія къ разнымъ классамъ, о классовой борьбѣ, о ближайшихъ задачахъ соц. дем. и призвалъ всѣхъ честныхъ людей подъ знамя соц.-дем.

Назарьеву очень не везло: адвокатъ, изучившій его дѣло въ СПБ. — Переверзевъ, недавно высланъ въ Вологодскую губ. Московскіе адвокаты уклонились отъ защиты. Пришлось взять защиту на себя брату Назарьева, молодому помощн. прис. повѣр., удрученному неудачами брата. Говорилъ онъ болѣе, чѣмъ смѣло, но судъ его не останавливалъ, видимо сочувствуя положенію двухъ братьевъ, только вдвоемъ представшихъ передъ судьями.“

По словамъ легальныхъ газетъ, недавно военнымъ судомъ въ Смоленскѣ осужденъ за революціонную пропаганду среди солдатъ рядовой Дайновскій — на *безсрочную каторгу*; другой рядовой приговоренъ къ военной тюрьмѣ, третій оправданъ.

Къ свѣдѣнію всѣхъ революціонеровъ!

(Добыто въ одномъ жанд. управленіи).

Списокъ охранныхъ отдѣленій и состоящихъ при нихъ завѣдующихъ наружнымъ наблюденіемъ съ указаніемъ адресовъ тѣхъ и другихъ.

Охранныя отдѣленія и завѣдующіе наружнымъ наблюденіемъ.	Адресъ охранныхъ отдѣленій.	Адресъ завѣдующихъ наружнымъ наблюденіемъ.	Отмѣтка въ перем. адр. охр. отд.	Отмѣтка въ пер. адр. зав. нар. набл.
Тифлисское: Иванъ Ивановичъ Антоновъ, письмоводитель.	Гор. Тифлисъ	Г. Тифлисъ, Михайловскій пр., д. Самойловичъ, № 129.		
Уфимское: Иванъ Ивановичъ Прудниченковъ.	Гор. Уфа.	Г. Уфа, Воскресенская ул., д. Максютовой.		
Иркутское: Павелъ Егоровичъ Сергѣевъ, конспиративно П. Е. Смирновъ.	Гор. Иркутскъ	Г. Иркутскъ, 3-я Солдатская ул., д. Баерскаго, № 13.		
Таврическое: 1) письмоводитель Павелъ Алексѣевъ Дьячковъ. 2) Гавріилъ Александровичъ Александровъ.	Гор. Симферополь.	Г. Симферополь, Старопочтовая ул., д. Базовой, № 4. Г. Севастополь, Пушкинск. у., д. Унковской, № 22.		
Донское: Яковъ Пантелеймоновичъ Аксеновъ.	Гор. Ростовъ на Дону.	Г. Ростовъ н/Д., Баташевская у., д. Гориной, № 4.		
Казанское: Павелъ Васильевъ Машковъ.	Гор. Казань.	Г. Казань, ул. Вторая Гора, д. Дроздова.		
Нижегородское: коллежскій регистраторъ Мих. Ивановичъ Рождественскій.	Гор. Н.-Новгородъ.	Г. Нижній-Новгородъ, Старосолдатскій пер., д. Пузанова, № 10, кв. № 8.		
Одесское: коллежскій регистраторъ Андрей Тимофѣев. Вагановъ, конспиративно А. Т. Черноморскій.	Гор. Одесса.	Г. Одесса, Успенская ул., домъ № 14, кв. № 16.		
Кіевское: Игнатій Никитьевичъ Зеленовъ, конспиративно И. Н. Зоринъ.	Гор. Кіевъ.	Г. Кіевъ, Бульварно-Кудривская улица, д. № 29.		
Бессарабское: коллежскій регист. Никита Логиновичъ Сотниковъ.	Гор. Кишиневъ.	Г. Кишиневъ, Садовая улица, д. № 26.		
Харьковское: Иванъ Климентьевичъ Кленкенко, конспир. Климентьевъ.	Гор. Харьковъ	Г. Харьковъ, Михайловскій переулокъ, д. № 7.		
Томское: Алексѣй Николаев. Крашенинниковъ.	Гор. Томскъ.	Г. Томскъ, Ямской переул., д. Барановъ.		

Архангельскъ. 4 мая. Послѣднее время изъ ссыльныхъ, слѣдующихъ этапомъ, почти никого не оставляютъ въ городѣ, а разсылаютъ по отдаленнымъ селамъ и деревнямъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ уже не хватаетъ квартиръ. Число ссыльныхъ въ Архангельской губерніи достигло уже почти 600 человѣкъ. У этапа, отправляемаго 29 мая въ уѣздъ изъ мѣстной тюрьмы, вышло какое-то столкновеніе съ администраціей (говорятъ, ссыльные требовали подводу до пароходной пристани). Въ результатѣ, ихъ провожалъ на пароходную пристань усиленный конвой, а также полиціймейстеръ, жандармскій офицеръ и другіе чины. Нѣкоторые изъ ссыльныхъ были безъ шапокъ и очень возбуждены.

Въ дополненіе къ уже указаннымъ ссыльнымъ, изъявившимъ желаніе идти на войну, могу назвать слѣдующихъ: Щербань и Даниловъ (Кола), Малышевъ (Кемь), Адріенко, Лысенко (Онега), а во всей губерніи человѣкъ 8-10. Это все большею частью люди малосознательные, отъ которыхъ товарищи отшатнулись послѣ ихъ рѣшенія. Между прочимъ, кажется, никого изъ нихъ не сочли возможнымъ взять въ дѣйствующую армію.

Въ настоящее время здѣсь междуцарствіе. Прежній губернаторъ уѣхалъ, а новый еще не пріѣхалъ, и исправляющій должность губернатора вице-губернаторъ фонъ Лиліенфельдъ-Тоаль, боясь попасть впросакъ, на всѣ просьбы ссыльныхъ отвѣчаетъ: „я разсмотрю ваше дѣло“, хотя бы дѣла никакого и не было, а то и просто отказываетъ. Такъ, двумъ-тремъ не разрѣшилъ поѣздки въ Соловецкій монастырь, благодаря ему же, вѣроятно, отказано во временномъ отпускѣ одному ссыльному для леченія дѣтей и т. д.

Изъ другой области наиболѣе интересенъ фактъ образованія мѣстнаго комитета Р. С. Д. Р. П., выпустившаго „Архангельскій листокъ“ № 1 (на гектографѣ), въ которомъ, между прочимъ, приведенъ рядъ корреспонденцій рабочихъ, и „Краткій очеркъ рабочаго движенія въ Архангельскѣ“ (тоже на гектографѣ). Затѣмъ образовалась „Группа соціаль-демократовъ Дальняго Сѣвера", выпустившая рядъ листковъ (на гектографѣ) — до 10, по 200-300 экземпляровъ каждаго: нѣсколько о войнѣ, перепечатки изъ „Искры", о Якутской исторіи, къ обществу, къ учителямъ и учительницамъ, программу группы и пр.

---

[1]) На дняхъ же въ Московскомъ губ. земскомъ собраніи, во время выборовъ новаго предсѣдателя, собраніе, по предложенію предводителя дворянства кн. Трубецкого, благодарило за энергичную и полезную дѣятельность бывшаго, неутвержденнаго вновь, предсѣд. управы Шипова.

За послѣднее время было нѣсколько удачныхъ побѣговъ.

Въ погонѣ за нелегальной литературой.

М. Н. П. Секретно.
Казанскій Учебн. Округъ.
Инспекторъ нар. учил.
(2-го района) Вятской губ.
(27) апрѣля 1904 г. №

По распоряженію начальства прошу Васъ, Милостивая Государыня, въ случаѣ полученія Вами какихъ-либо преступныхъ воззваній или запрещенныхъ изданій, тотчасъ же выслать ихъ мнѣ, съ обозначеніемъ, когда и какимъ путемъ (по почтѣ или инымъ способомъ) Вы ихъ получили. При этомъ считаю необходимымъ предупредить Васъ, что удержаніе Вами означенныхъ изданій повлечетъ за собой законную отвѣтственность и немедленное Ваше удаленіе отъ должности.

Въ прочтеніи настоящаго секретнаго предложенія прошу Васъ на немъ расписаться и выслать его мнѣ обратно, никому не разглашая о содержаніи его.

Инспекторъ........
Читали: ....

Кубанская область. Двухмилліонное населеніе Кубанской области до послѣдняго времени представляло дѣвственное поле для соціальдемократической пропаганды и агитаціи. Попытки пропаганды въ Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ и другихъ городахъ были слишкомъ разрознены и несистематичны, исходили, большей частью, отъ пріѣзжей молодежи и высланныхъ изъ другихъ городовъ рабочихъ, и обыкновенно заканчивались съ отъѣздомъ случайно заброшенныхъ пропагандистовъ. Даже въ такихъ сравнительно крупныхъ рабочихъ центрахъ, какъ станица Тихорѣцкая и Новороссійскъ, никогда не существовало прочной организаціи, и почти не было попытокъ въ этомъ направленіи. Рабочее движеніе въ этихъ центрахъ въ концѣ 1902 и 1903 годахъ явилось отчасти отраженіемъ ростовскихъ событій и развивалось вполнѣ стихійно.

Лѣтомъ прошлаго года въ Екатеринодарѣ, наконецъ, образовалось „Соціальдемократическая группа организованныхъ рабочихъ", которая начала систематическую пропаганду среди рабочихъ и выпустила нѣсколько прокламацій по поводу стачекъ. Вопросъ о расширеніи дѣятельности этой организаціи и о выступленіи ея въ качествѣ комитета Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи нѣсколько разъ обсуждался членами группы и въ началѣ этого года рѣшенъ былъ въ положительномъ смыслѣ. Среди возраженій противъ такого выступленія главное заключалось въ томъ, что при отсутствіи въ Кубанской области сплоченнаго фабричнаго и заводского пролетаріата, даже солидной организаціи нельзя будетъ прочно укорениться въ мѣстномъ населеніи. Посмотримъ, такъ ли это? Можно ли революціонной соціальдемократіи разсчитывать на успѣхъ въ широкихъ кругахъ рабочаго класса Кубанской области?

До конца 60-хъ годовъ вся огромная территорія Кубанской области принадлежала кубанскому казачьему войску, и лицамъ не казачьяго сословія запрещалось даже селиться и пріобрѣтать какую либо собственность на земляхъ казачьяго сословія. Но одними силами этого сословія, подавленнаго поголовной службой, экономическое развитіе области не подвигалось впередъ, и правительство принуждено было въ 1868 г. издать законъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ лицамъ другихъ сословій пріобрѣтать на правахъ собственности дома и другія строенія съ усадьбами на войсковыхъ земляхъ. Послѣ изданія этого закона, втеченіе только пяти лѣтъ количество переселившихся въ Кубанскую область изъ другихъ губерній, такъ называемыхъ „иногороднихъ", достигло болѣе 200.000. Въ 70 и 80 годахъ притокъ иногороднихъ продолжался, а съ нимъ экономическій ростъ и разслоеніе на классы населенія области. Образовались торгово-промышленные центры, какъ Екатеринодаръ, Армавиръ, Новороссійскъ, Майкопъ, станицы Тихорѣцкая, Невинномыская, Лабинская и др. Въ настоящее время лицъ не-казачьяго сословія въ области болѣе 1.100.000, но почти вся земля остается въ рукахъ казаковъ и войска. Почти 80% всей земли принадлежитъ имъ и казнѣ, и около 10% земель, пожалованныхъ въ частную собственность за службу на Кавказѣ, и потомственной собственности войсковыхъ чиновниковъ. Изъ 3.264.000 дес. находившихся въ 97 году подъ посѣвами, на казачьей землѣ было 3.076.000. На однихъ войсковыхъ земляхъ иногороднихъ живетъ болѣе 700.000. Выдѣливъ изъ себя крупныхъ торговцевъ, промышленниковъ и земельныхъ собственниковъ, иногородніе въ массѣ, лишенные земли, живутъ значительно бѣднѣе кореннаго населенія и добываютъ средства, главнымъ образомъ, наемнымъ трудомъ въ качествѣ рабочихъ у казаковъ, промышленниковъ, на желѣзной дорогѣ и въ качествѣ арендаторовъ небольшихъ участковъ казачьихъ земель. Около 250.000 иногороднихъ, живущихъ постоянно въ станицахъ, не имѣютъ буквально „ни кола, ни двора".

Въ 80-хъ годахъ начинается, вмѣстѣ съ общимъ собираніемъ силъ реакціи, рядъ административныхъ мѣръ, направленныхъ противъ иногороднихъ и стремившихся искусственно поддержать „древніе обычаи, благочестіе, уваженіе къ старшимъ, чинопочитаніе, кои присущи казачьему населенію и стяжали ему милость монарховъ" (Приказъ военнаго министра 1892 г.).

Началось настоящее гоненіе на иногороднихъ. Указъ Александра III, измѣнявшій законъ 68 года въ томъ смыслѣ, что для пріобрѣтенія усадьбы необходимо разрѣшеніе станичнаго общества, былъ оглашенъ административнымъ путемъ, такъ какъ сенатъ отклонилъ его обнародованіе. Нѣсколько сотенъ тысячъ иногороднихъ отдано было въ полное распоряженіе станичныхъ правленій. Казаки составляли приговоры, воспрещавшіе сдавать землю въ аренду иногороднимъ. Почти во всѣхъ станицахъ посаженная плата за усадьбу была повышена до пяти копеекъ съ кв. саж., т. е. 125 р. въ годъ за десятину. Это былъ налогъ на право жительства и средство для выселенія уже осѣдлыхъ иногороднихъ. Составляя во многихъ станицахъ большинство населенія, иногородніе часто не могутъ посылать своихъ дѣтей въ школы, они лишены медицинской помощи, не имѣютъ права на своихъ усадьбахъ безъ разрѣшенія станичнаго правленія строить новые дома, ремонтировать старые. Бывали случаи, что атаманы издавали циркуляры, запрещавшіе иногороднимъ носить бешметы, пояса, стричь голову.

Но и господствующее сословіе стоитъ наканунѣ кризиса. Обремененное поголовной службой, учебными сборами, расходами на обмундировку и вооруженіе, казачество во многихъ станицахъ не въ состояніи нести эти повинности, и въ массѣ быстро разоряется. Въ другихъ, болѣе богатыхъ земельнымъ просторомъ станицахъ, казаки, чтобы отбыть повинности, принуждены залѣзать въ долги и по возвращеніи со службы попадаютъ въ кабалу своихъ обществъ или болѣе зажиточныхъ станичниковъ.

Развивающіяся экономическія силы разрушаютъ съ каждымъ днемъ казачество, среди котораго тоже происходитъ разслоеніе на классы. Тщетно областная администрація, путемъ административнаго воздѣйствія, старается поддержать „опору престола" — издаетъ циркуляры, запрещающіе передѣлы казачьихъ земель на долгіе сроки, отдачу въ аренду иногороднимъ земель болѣе, чѣмъ на одинъ годъ и пр. Циркуляры оказываются столь же безсильными передъ экономической необходимостью, какъ молебны и Николаи-чудотворцы самодержавія передъ японской артиллеріей и современнымъ гражданскимъ строемъ Японіи.

Передъ Кубанскимъ Комитетомъ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи стоитъ широкая задача организаціи пролетаріата въ такихъ центрахъ, какъ Новороссійскъ, Армавиръ, Екатеринодаръ, Тихорѣцкая и пр; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ поднять агитацію противъ самодержавія среди всего населенія Кубанской области. Исторія завязала такой крѣпкій узелъ вокругъ царскаго правительства, что даже такія мѣры, какъ уничтоженіе казачества, уравненіе въ правахъ иногороднихъ, свобода распоряженія землей могутъ быть проведены только вмѣстѣ съ разрушеніемъ самодержавнаго строя. Не намъ, конечно, жалѣть объ этомъ. Взявъ на себя эту задачу, революціонная соціальдемократія укрѣпитъ свое положеніе среди сотенъ тысячъ безземельнаго пролетаріата нашей области, который быстро и легко сознаетъ свои классовые интересы, какъ только, вмѣстѣ съ крушеніемъ самодержавія, съ него спадутъ корпоративные путы отжившаго казачества.

Надо замѣтить, что пропагандѣ и агитаціи нашего комитета должно оказать большое содѣйствіе существованіе среди иногороднихъ и казаковъ Кубанской области нѣсколькихъ десятковъ тысячъ сектантовъ, по преимуществу, раціоналистическихъ сектъ. Они оказываются очень воспріимчивыми къ соціальдемократической пропагандѣ. У Кубанскаго Комитета есть уже нѣкоторый опытъ въ этомъ отношеніи. Такъ, прошлой зимой, одинъ изъ членовъ комитета ѣздилъ на собраніе сектантовъ въ нѣсколько десятковъ человѣкъ и постарался на этомъ собраніи разсѣять тѣ сплетни и клевету о соціальдемократахъ, которыя обычно распространяются полиціей и духовенствомъ. Рѣчь его на эту тему была принята восторженно, и сектанты, въ особенности молодежь, пожелали вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ комитетомъ. Во многихъ станицахъ Кубанской области часто происходятъ такія собранія сектантовъ, гдѣ бываетъ иногда нѣсколько сотенъ человѣкъ. На нихъ почти всегда можно выступить съ пропагандой соціальдемократическихъ идей.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Государственный Совѣтъ о праздничномъ отдыхѣ.

По поводу высочайше утвержденнаго 10 мая 1904 года мнѣнія Государственнаго Совѣта).

> „Оно (это мнѣніе) представляетъ каждому свободу располагать своимъ временемъ, какъ кому угодно; оно *снимаетъ одно изъ лишнихъ путъ*, которое безъ нужды лежало на личности русскаго человѣка".
>
> (*Кіевскіе Отклики* № 148).

Государственный Совѣтъ раскрѣпощаетъ „личность русскаго человѣка"! Не странно-ли? Мы знаемъ, какая оргія реакціи царитъ теперь въ Россіи; мы знаемъ, съ какой неумолимой послѣдовательностью все новыя и новыя путы „безъ нужды" накладываются на „личность русскаго человѣка". И вдругъ! Что это?

Сущность новаго закона состоитъ въ томъ, что отнынѣ: „добровольное занятіе работой въ воскресенье, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданскіе, предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семъ препятствій". Въ этомъ положеніи либеральная пресса усмотрѣла *уничтоженіе лишнихъ путъ, лежащихъ на личности русскаго человѣка*, и легковѣрный обыватель можетъ отсюда начать строить надежды на *„новый курсъ"*. Но посмотримъ ближе мотивировку! Можно ли изъ нея увидѣть, что Государственный Совѣтъ шелъ этимъ закономъ на встрѣчу изнемогающей подъ тяжестью всякихъ путъ „личности русскаго человѣка". Нѣтъ! на этотъ счетъ Государственный Совѣтъ ясно и опредѣленно говоритъ: „всякій въ неурочную пору перерывъ ихъ (полевыхъ работъ) наноситъ неисчислимые убытки сельскому хозяйству, являющемуся главной основой народнаго благосостоянія". По этому поводу Государственный Совѣтъ „всецѣло раздѣляетъ убѣжденіе министра земледѣлія и гос. имущ. о вредномъ на правильное теченіе сельскохозяйственной жизни вліяніи излишняго (гдѣ норма?) числа нерабочихъ дней". Гос. Совѣтъ находитъ, что и вообще наше сельское населеніе такъ некультурно, что ему и праздновать не нужно. Такъ! Это непосредственный выводъ изъ его заключеній! *„По сложившимся въ крестьянской средѣ*, читаемъ мы, *бытовымъ условіямъ празднованіе нерѣдко соединяется съ разгуломъ, продолжающимся иногда далеко за предѣлы празднуемаго дня*". Съ этимъ зломъ, по мнѣнію Государств. Совѣта, правительство до сихъ поръ неправильно боролось. Вмѣсто того, чтобы *„содѣйствовать распространенію въ средѣ сельскаго населенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія"*, оно *„не только не противодѣйствовало излишнимъ празднованіямъ, а напротивъ того, считало своей обязанностью ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ праздничные они никакихъ работъ не производилось"*. И такому неправильному отношенію Государ. Совѣтъ рѣшилъ положить конецъ. Лучшимъ средствомъ „для распространенія разумныхъ взглядовъ на сущность празднованія" — онъ призналъ не праздновать. Народъ некультуренъ, у него дурная привычка проводить праздники въ разгулѣ, „разгулъ затягивается и за предѣлы праздниковъ", — слѣдовательно, чѣмъ меньше будетъ праздниковъ, — тѣмъ лучше, и уже во всякомъ случаѣ не имѣетъ смысла „ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ праздничные дни никакихъ работъ не производилось".

Такова логика Государственнаго Совѣта!

Мы видимъ, что сущность, основная задача этого новаго закона — противодѣйствовать вреду, причиняемому сельскому хозяйству праздниками крестьянъ. *„Сельское хозяйство — основа народнаго благосостоянія"*, чѣмъ крестьянинъ больше работаетъ, тѣмъ это выгоднѣе для сельскаго хозяйства. И вдругъ, правительство въ лицѣ своихъ агентовъ запрещаетъ крестьянамъ работать, когда они этого хотятъ! Возможность такого явленія находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всей тенденціей, со всѣмъ существомъ нашего строя: все богатство наше выколачивается изъ труда производителей; съ каждаго дня трудящихся, съ каждаго часа ихъ труда большая или меньшая толика отнимается и всѣ эти отнятые трудовые часы наполняютъ амбары и карманы правящихъ классовъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше производитель работаетъ, — тѣмъ это выгоднѣе правящимъ классамъ, и вдругъ *запрещеніе работать, когда этого желаютъ трудящіеся*. Чѣмъ крестьяне будутъ больше работать, тѣмъ хлѣба будетъ больше. Это аксіома, ясная всякому радѣтелю о народномъ благѣ. Будутъ ли крестьяне болѣе сыты, если они будутъ больше работать — въ этомъ позволительно сомнѣваться, но хлѣба будетъ больше, если не у крестьянъ, то въ амбарахъ помѣщиковъ и купцовъ. И въ интересахъ нашего сельскаго хозяйства нужно, *чтобы крестьяне поменьше праздновали*. Благодаря скрытымъ, замаскированнымъ классовымъ соотношеніямъ у крестьянъ тоже существуетъ убѣжденіе, что, если они будутъ больше работать, то имъ лучше будетъ. Прикованные суррогатомъ, фикціей собственности къ психологіи собственниковъ, они не легко могутъ разгадать причину своей бѣдности, и потому все удлиняютъ и удлиняютъ свой рабочій день, все больше и больше труда вкладываютъ въ свою десятину и не замѣчаютъ, что вливаютъ свою работу въ бездонную бочку Данаидъ. И получалась любопытная картина: *правительство, стоящее на сторонѣ празднованія противно интересамъ сельской промышленности и желаніямъ массъ производителей*...

Положимъ, этотъ конфликтъ между агентами правительства и производителями встрѣчался довольно рѣдко; въ медовые мѣсяцы своего начальствованія молодые и не въ мѣру прыткіе земскіе, крестьянскіе и прочіе начальники, считая себя представителями и охранителями высшихъ категорій *„вѣры и престола"*, разрѣшались иногда такими мѣрами въ заботѣ о народномъ времяпровожденіи и религіозномъ настроеніи, — и привлекали крестьянъ къ отвѣтственности за работу по праздникамъ; но, въ общемъ, это находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи со всей тенденціей и складомъ нашей жизни, что случаи такіе бывали относительно рѣдко, и наша либеральная пресса больше возмущается самой возможностью *такого* вмѣшательства властей.

Но какъ вообще могъ такой законъ сохраниться и оставаться до сихъ поръ въ силѣ? Причина ясна: церковь слишкомъ дѣятельный помощникъ эксплуататорскихъ классовъ и правительства, чтобы они не были готовы приносить ради нея подчасъ и крупныя жертвы. И нужны уже рѣзкая дисгармонія, рѣзкое противорѣчіе, чтобы отъ этого лучшаго украшенія и опоры нашего строя они рѣшились отколоть частицу. Но когда насущные интересы этого требуютъ — какъ шелуха, отлетаютъ ханжескія, христіанскія добродѣтели. И напрасно поетъ Государственный Совѣтъ о томъ, что „всякая мысль о колебаніи высокаго значенія праздничныхъ и торжественныхъ дней была бы, конечно, самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергнута какъ обсуждавшимъ это дѣло совѣщаніемъ, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ"; напрасно съ ханжескимъ велерѣчіемъ онъ увѣряетъ, что *„освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ христіанъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться незыблемымъ"!* Это ложь! Ложь для настоящаго, еще большая ложь для близкаго будущаго! Уже и теперь для милліоновъ тружениковъ этого *„незыблемаго начала"* не существуетъ; у наемныхъ рабочихъ оно отнято нанимателями, у крестьянъ тѣми эксплуататорами крестьянскаго труда всякихъ видовъ и формацій, которые косвеннымъ образомъ, въ видѣ налоговъ, податей, заставляютъ крестьянина удлинять и удлинять свой рабочій день.

Народъ голодаетъ, недоѣдаетъ, народъ изнемогаетъ подъ тяжестью налоговъ, народъ вырождается подъ бременемъ непосильнаго труда и некультурности своей, а Государственный Совѣтъ идетъ ему на помощь не облегченіемъ налоговъ, не увеличеніемъ бюджета на подъемъ его культурности, — нѣтъ! онъ поступаетъ много проще: онъ желаетъ уменьшить число праздниковъ, тѣмъ болѣе, что, по своей малокультурности, народъ то и праздновать не умѣетъ, какъ слѣдуетъ. Какое дѣло Государственному Совѣту до того, что эти праздники — это быть можетъ безсознательное приспособленіе и самозащита изнуреннаго и ослабленнаго хроническимъ недоѣданіемъ организма? Зачѣмъ ему спускаться въ глубину; въ анализъ всего положенія крестьянъ?! Онъ хорошо знаетъ, что этотъ анализъ будетъ чреватъ непріятными для него открытіями; много проще *увеличить число рабочихъ дней*. А то, что на пути стоитъ „благоговѣйное, освященное вѣками начало празднованія" — не бѣда! Это начало уступитъ мѣсто заботѣ о свободѣ совѣсти. И либеральная печать даже запоетъ *объ устраненіи путъ, лежащихъ на личности русскаго человѣка!*

Вся фальшь, все ханжество изліяній о томъ, что не слѣдуетъ насильно заставлять праздновать тѣхъ, кто хочетъ работать, — рѣзко видно изъ того фокуса-покуса, который продѣлалъ Государственный Совѣтъ, исключивъ подъ шумокъ изъ статей 300 общаго учрежд. губернскаго (свод. зак. т. II.) и 24 устава о предупр. и пресѣч. наказ., содержащееся въ нихъ указаніе на воспрещеніе производства въ воскресенье и праздничные дни публичныхъ и казенныхъ работъ. Чѣмъ можно мотивировать эту отмѣну? Какое отношеніе имѣетъ этотъ законъ къ тому, что каждый можетъ свободно праздновать или работать, какъ ему заблагоразсудится? Вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о работахъ *для себя*, а о *казенныхъ и публичныхъ*! Какъ мотивъ для отмѣны приводится дешевая софистика на ту тему, что подъ *публичными* могутъ понимать *работу на публику*, а такое пониманіе можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія. И вотъ, вмѣсто того, чтобы соотвѣтствующимъ разъясненіемъ предупредить возможность такого ошибочнаго распространительнаго толкованія, и все же оставить этотъ законъ, какъ несомнѣнно стоящій на стражѣ „благоговѣйно почитаемаго христіанами начало празднованія", — вмѣсто этого Госуд. Совѣтъ подъ шумокъ отмѣняетъ весь законъ отмѣняетъ запрещеніе *принуждать* къ работѣ въ праздники.

Чему же насъ учитъ эта страничка изъ жизни Государственнаго Совѣта?

Понятно, мы хорошо знаемъ, какъ безсмысленно существованіе закона, дающаго урянднику, начальнику земскому, крестьянскому или какому бы то ни было другому, право *приказывать* приходить въ благоговѣйное настроеніе и потому не работать, но по поводу отмѣны Госуд. Совѣтомъ этого закона ликовать и пѣть о раскрѣпощеніи личности — не приходится. Рабочій классъ долженъ изъ этого мнѣнія Госуд. Совѣта понять, что та *„святость и незыблемость воскреснаго отдыха"*, которая проистекаетъ изъ религіознаго отношенія къ праздникамъ и которая является собственно безсознательной самозащитой организма противъ гибельности безпрерывнаго труда, — что эта благоговѣйность къ празднику, какъ къ религіозному институту, *не выдерживаетъ напора растущей потребности во все большей и большей эксплуатаціи трудящихся.*

В. Тасингъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Майскіе дни въ Сибири.

Томскъ. 18 апрѣля были распространены двѣ майскія прокламаціи отъ Союза и одна отъ мѣстнаго комитета, напечатанныя въ союзной типографіи. Послѣ провала мѣстной союзной типографіи появленіе майскихъ прокламацій произвело оживляющее впечатлѣніе на публику и ошеломляющее на полицію. Послѣ провала здѣсь и въ Иркутскѣ, полиція полагала, что пѣсенка „Союза" спѣта... Демонстраціи, конечно, нельзя было ожидать, но полиція сильно безпокоилась и даже, какъ говорятъ, устраивала засады.

Иркутскъ. Первое мая у насъ прошло тихо. Вопреки ожиданію обывателей и полиціи, „бунта" не было. Въ ночь на 17 и 18 апрѣля по городу въ большомъ количествѣ были распространены прокламаціи Сиб. Соц. Д. Союза. Жандармерія, убѣжденная, что послѣ провала двухъ типографій Сиб. Союза: красноярской въ — октябрѣ и Томской — въ мартѣ, крамола въ Сибири уничтожена окончательно, должна была снова приняться за энергичное вылавливанье крамольниковъ. Утромъ 18 апрѣля начальникъ охраннаго отдѣленія доносилъ по телеграфу въ департаментъ полиціи: „17 и 18 апрѣля были выпущены типографскимъ путемъ и распространены прокламаціи Сиб. Соц. Д. Союза", далѣе слѣдовалъ шифръ. Днемъ и ночью по городу разгуливали усиленные солдатами конные и пѣшіе полицейскіе патрули. Генералъ-губернаторомъ Кутайсовымъ было приказано держать наготовѣ двѣ роты солдатъ. Повидимому, полиція и жандармерія энергично готовилась къ демонстраціи. Около 500 ш. прокламацій было распространено въ казармахъ. Солдаты охотно читали листки. Многіе изъ нихъ захватили листки съ собой на востокъ. Фельдфебель одной роты собралъ солдатъ, прочиталъ имъ прокламацію, а затѣмъ, ни слова ни прибавивъ отъ себя къ прочитанному, велѣлъ ротѣ разойтись. Послѣ прочтенія начались дебаты, нѣкоторые изъ солдатъ не соглашались съ прокламаціей и говорили, что война нужна и полезна имъ, но такіе принуждены были скоро сдаться на неотразимые доводы тѣхъ, которые защищали листки (это фактъ). Кутайсовъ, увѣренный, что „крамола" уничтожена, распространеніе среди солдатъ прокламацій принялъ — какъ передаютъ, за личное оскорбленіе и распорядился сдѣлать массовые обыски; но до сихъ распоряженіе почему то не приведено въ исполненіе[1]. 23 апр. изъ Иркутска отправили въ Маньчжурію Иркутскіе и Енисейскіе полки. Большинство солдатъ были пьяны. Нѣкоторые плакали — на войну идутъ не охотно. Съ однимъ изъ отправляющихся солдатъ удалось разговориться. На вопросъ: „какую пользу онъ получитъ отъ завоеванія Маньчжуріи?" — солдатъ, ухмыляясь отвѣтилъ: „я понимаю все: знаю, кому нужна война съ Маньчжуріей. Мы вѣдь, добавилъ онъ, недавно читали „кое что" и захватили съ собой".

---

[1] Только что получено сообщеніе о массовыхъ арестахъ: въ ночь на 19 мая арестованы: Шнейдесманъ, Бронштейнъ, ученики промышленнаго училища: Аленскій, Максаковъ, Феденовъ, Харитонова.

Верхнеудинскъ. Здѣсь въ первый разъ были разбросаны и расклеены прокламаціи Сиб. Соц.Д. Союза. На обывателей уѣзднаго захолустнаго городишка (въ Верхнеудинскѣ около 10-ти тысячъ жителей) распространеніе листковъ произвело сильное впечатлѣніе. Обыватель, до сихъ поръ не говорившій ни о чемъ, кромѣ войны, заговорилъ о политикѣ, о какой то революціонной партіи, „о внутреннихъ врагахъ“ отечества. Одни изъ обывателей утверждали, что подобныя „телеграммы“ (такъ верхнеудинскій обыватель называетъ агитаціонные листки) могутъ распространяться только врагами отечества“—„жидами“. Другіе, наоборотъ, указывали, что противъ войны могутъ говорить и писать только „хорошіе люди“. Листки читались съ большимъ интересомъ. Передаютъ такую картинку: стоятъ на улицѣ двое „почтенныхъ“ людей съ кокардами и читаютъ вслухъ прокламаціи, около нихъ кучка слушателей. По окончаніи чтенія слушатели задаютъ цѣлый рядъ вопросовъ такого рода: „кто это пишетъ? Гдѣ можно достать эти телеграммы? Можно ли ихъ выписать? Куда нужно объ этомъ написать?“ и т. д. Тогда одинъ изъ чиновниковъ, тотъ самый, который читалъ вслухъ прокламацію, заявляетъ, что „эти телеграммы достать очень просто, нужно только сходить на берегъ и тамъ подъ лодкой ихъ сколько угодно“. Нѣкоторые изъ слушателей идутъ туда и, дѣйствительно, въ указанномъ мѣстѣ находятъ эти „телеграммы“. Какъ попали туда листки, это объяснилъ потомъ одинъ лавочникъ. Утромъ 18 апрѣля, разсказываетъ онъ, къ нему въ лавку зашелъ нищій и, подавая прокламацію, сказалъ, что одинъ господинъ, давши ему денегъ, просилъ раздавать эти „телеграммы“. Лавочникъ, прочитавъ прокламацію, посовѣтовалъ нищему бросить ихъ „куда нибудь подъ лодку“, объяснивъ, что за это ему будетъ плохо. Испуганный нищій поспѣшилъ въ точности послѣдовать совѣту лавочника. Нѣсколько прокламацій попало и къ солдатамъ. Въ Верхнеудинскѣ въ это время находился запасной батальонъ. Фельдфебель одной роты, прочтя майскій листокъ, велѣлъ забить тревогу. Собравшимся солдатамъ онъ объяснилъ, что ихъ скоро распустятъ по домамъ, такъ какъ съ японцами заключено примиреніе. Каково же было разочарованіе солдатъ, когда на другой день командиръ батальона объявилъ о немедленномъ выступленіи въ походъ, для пополненія полковъ дѣйствовавшихъ на Ялу. Нѣкоторые, недоумѣвая, зачѣмъ это ихъ посылаютъ въ Маньчжурію послѣ состоявшагося уже „примиренія“ обратились, къ фельдфебелю за разъясненіемъ, но фельдфебель, получившій хорошую головомойку отъ своего начальника за превратное пониманіе прокламаціи сердито отвѣчалъ: „пошли вонъ. Не ваше дѣло“.

Чита. Въ ночь на 26 апрѣля и 1 мая въ городѣ и на дальнемъ вокзалѣ (въ мастерскихъ и депо) распространены были первомайскія прокламаціи четырехъ видовъ: два прошлогоднихъ изд. Орг. Ком. („Готовьтесь къ 1-му маю“ и „Первое мая“) и два изданія Сиб. Союза. Всего прокламацій распространено било 2000 ш. Демонстраціи, само собой, разумѣется, не было; она была бы просто разстрѣломъ демонстрантовъ, хотя начальство готовилось къ демонстраціи. Прилагаемъ объявленіе губернатора, развѣшанное по улицамъ и на вокзалѣ 20 апрѣля: „Дорожные и другіе рабочіе, подстрекаемые злонамѣренными людьми, склонны произвести нарушеніе общественнаго порядка посредствомъ устройства уличныхъ демнострацій. Рабочіе, среди которыхъ преступные люди подбрасываютъ разнаго рода воззванія и прокламаціи съ намѣреніемъ побудить ихъ на неповиновеніе начальства и нарушеніе общественнаго порядка, могутъ откликнуться на ихъ призывы, не сознавая того, что они тѣмъ самымъ совершаютъ преступленіе, строго караемое закономъ вообще, а въ настоящее время въ особенности. Въ цѣляхъ предупрежденія возможности возникновенія безпорядковъ, считаю, съ своей стороны, необходимымъ предварить рабочихъ и другихъ лицъ, что всякій подстрекатель, зачинщикъ — нарушитель общественнаго порядка и спокойствія, какъ и всякій, кто окажетъ изъ нихъ неповиновеніе начальству, будетъ безъ всякаго снисхожденія подвергнутъ наказанію по всей строгости законовъ военнаго времени“.

Г. Чита, 30 апрѣля 1904 г. исправляющій должность губернатора Бѣломѣстновъ.

Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ работъ перваго мая не было, въ депо на половину работали (рабочихъ въ мастерскихъ 800 ч., въ депо около 200). 10 казаковъ съ нагайками и рота солдатъ ожидали на дальнемъ вокзалѣ начала демонстраціи.

Никакихъ собраній перваго мая не было въ виду крайней опасности. Дѣло въ томъ, что не задолго передъ тѣмъ распространены были въ массѣ прокламаціи „Ко всѣмъ“, „Ко всѣмъ работницамъ и рабочимъ Сибири“ и экземпляровъ 40 къ солдатамъ (въ казармахъ). Начальство затревожилось, по городу увеличены обходы, шпіоны ходятъ день и ночь. Празднованіе перваго мая выразилось, такимъ образомъ, въ отказѣ отъ работъ. Между городомъ и вокзаломъ (дальнимъ) на памятникѣ, поставленномъ въ честь проѣзда Николая перваго, до двухъ часовъ дня развѣвалось красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе, долой войну, долой военщину, да здравствуетъ миръ съ Японіей“. Продержалось долго потому, что жандармамъ нужно было сначала притащить лѣсницу, чтобы его снять.

Иваново-Вознесенскъ. Первое мая въ Иваново-Вознесенскѣ отпраздновали двумя сходками: около сотни товарищей присутствовали на каждой. Говорили рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни. По городу было разбросано много листковъ: майскій Ц. К. и Ц. О., другой — одного Ц. К., „Война противъ войны“ и т. д. Листки, приготовленные для Шуи, были забраны полиціей въ Ивановѣ.

Баку. Конецъ стачки на табачной фабрикѣ Мирзабекеянцъ. (Изъ прокламаціи Бакинскаго Комитета.)

„Борьба съ фабрикантомъ на почвѣ улучшенія матеріальнаго положенія рабочихъ превратилась въ борьбу полиціи съ рабочими, словно требованія рабочихъ предъявлялись не къ фабриканту, а къ самой полиціи. Фабричная администрація, дѣйствуя провокаторскимъ способомъ, къ концу стачки наняла 15 работницъ и подъ прикрытіемъ полицейской стражи, демонстрировала ихъ на крышѣ фабрики, чтобы такимъ образомъ показать, что она не нуждается въ стачечникахъ.

„Полиція пригласила въ полицейское управленіе 60 татаръ, гдѣ полиціймейстеръ убѣждалъ ихъ стать на работу, обѣщая имъ однимъ прибавку расцѣнковъ, грозя въ противномъ случаѣ выслать въ Персію, гдѣ имъ „отрѣжутъ руки, носы, уши“ и т. п.

„Грубость полиціи дошла до того, что околодочный надзиратель, арестовавъ одну дѣвицу, вовсе не работавшую на фабрикѣ Мирзабекеянца, лишь за то, что она не могла сказать, гдѣ находится ея сестра, работница этой фабрики, назвалъ ее проституткой. Правда, этотъ околодочный получилъ достойный отпоръ, но фактъ отъ этого не мѣняется.

„Губернаторъ дважды вывѣшивалъ объявленіе, что вышлетъ всѣхъ рабочихъ этапомъ на родину, если они не станутъ на работу. 28 рабочихъ было арестовано, и часть изъ нихъ уже выслана на родину этапомъ.

„Зорко слѣдя за всѣми стачечниками, полиція, лишь только накрывала сходку, занятую обсужденіемъ своихъ нуждъ, тотчасъ же тащила ее въ участокъ и угрозой вымогала подписку стать на работу. —

„Бороться на два фронта — съ фабрикантомъ и полиціей — оказалось не подъ силу нашимъ стачечникамъ, и они вынуждены были стать на работу, все же добившись нѣкоторыхъ болѣе или менѣе существенныхъ уступокъ, а именно: 1) самой низшей платы для работницъ въ 15 руб., 2) расходы на леченіе рабочаго за счетъ фабриканта и половина заработной платы семьѣ рабочаго во весь періодъ его болѣзни и 3) безплатная работа первыхъ 15 дней для новичковъ сократилась до семи дней.

Севастополь. Въ портовыхъ мастерскихъ появилось недовольство противъ широко распространенныхъ въ послѣднее время сверхурочныхъ работъ, которыя для 600 рабочихъ удлинили рабочій день до полныхъ 13 часовъ. Комитетъ Крымскаго Союза издалъ по этому поводу прокламацію къ рабочимъ. Въ отвѣтъ на прокламацію разсчитали было 60 рабочихъ, но командиръ надъ портомъ (завѣдующій казенными мастерскими) не утвердилъ этого распоряженія, въ виду законности требованія рабочихъ, и отмѣнилъ сверхурочныя работы. Тогда среди рабочихъ *сдѣльныхъ* проявилось недовольство этой отмѣной и можно было опасаться, что они станутъ просить о возобновленіи сверхурочныхъ работъ. Комитетъ издалъ прокламацію, разъясняющую невыгодность этихъ послѣднихъ для рабочихъ.

Пермь. Перваго мая въ Мотовилинскомъ заводѣ не вышло на работу 20 человѣкъ; всѣ оштрафованы по 3 руб. въ пользу Краснаго Креста.

У Любимова получили разсчетъ 8 человѣкъ, казавшіеся администраціи подозрительными. Арестованъ слесарь Кучинъ и, кромѣ того, еще трое рабочихъ при расклейкѣ прокламацій.

Екатеринбургъ. На второй или на третій день послѣ распространенія здѣсь первомайскихъ листковъ Ц. К., мѣстные жандармы устроили совѣщаніе и, обливаясь слезами, *на шпагахъ клялись уничтожить крамолу (фактъ)*; при этомъ досталось мѣстному обществу, которое, по мнѣнію синихъ, помогаетъ (?) мѣстному комитету.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЪѢЗДЪ НОРВЕЖСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ.

Развитіе современнаго капиталистическаго способа производства съ желѣзной необходимостью вызываетъ всюду соціалистическое рабочее движеніе, являющееся выраженіемъ происходящей при этомъ способѣ производства классовой борьбы между буржуазіей и пролетаріатомъ. И чѣмъ дальше развивается капитализмъ, чѣмъ болѣе онъ становится международнымъ, тѣмъ болѣе обостряются классовыя противорѣчія, тѣмъ болѣе сходный характеръ принимаетъ классовая борьба въ разныхъ странахъ — и ученіе научнаго соціализма и международной соціальдемократіи завоевываетъ себѣ мѣсто въ программахъ все большаго числа національныхъ соціальдемократическихъ партій. Терпя временныя пораженія и неудачи, уклоняясь иной разъ отъ чисто пролетарской точки зрѣнія въ сторону реформизма и анархизма, рабочее движеніе, въ концѣ концовъ, преодолѣваетъ всѣ внѣшнія преграды, справляется и съ внутренними неурядицами и, обновленное и усилившееся, становится подъ знамя марксизма и принимаетъ программу международной революціонной соціальдемократіи. Маленькія скандинавскія государства: Швеція и Норвегія не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ крупныхъ государствъ: Германіи, Австріи или Италіи, и въ нихъ рабочее движеніе совершается подъ флагомъ научнаго соціализма.

18-ый очередной съѣздъ Норвежской Соціальдемократической Рабочей Партіи (она существуетъ всего 20 лѣтъ), имѣвшій мѣсто въ г. Драммѣ отъ 23 до 26 мая н. ст., служитъ подтвержденіемъ вышесказаннаго. Съѣздъ отличался многолюдіемъ (194 делегата) и важнымъ характеромъ работъ, выполненнаго имъ. Изъ отчета, представленнаго съѣзду секретаремъ партіи, видно, что Норвежская Соціальдемократическая Партія не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а довольно успѣшно подвигается впередъ. Въ настоящее время въ нее входитъ 347 рабочихъ союзовъ съ 19800 чел., при чемъ въ послѣдній годъ къ ней присоединился 91 новый союзъ; число женскихъ рабочихъ союзовъ, принадлежащихъ къ партіи, увеличилось за годъ вдвое. Партійная пресса развивается, увеличивается число подписчиковъ партійныхъ органовъ, расширяется сфера ихъ вліянія; главный органъ партіи, „Соціальдемократъ“, даже въ финансовомъ отношеніи поправилъ свои дѣла, которыя до сихъ поръ были его больнымъ мѣстомъ. Наиболѣе важнымъ событіемъ въ минувшемъ году былъ фактъ избранія впервые въ норвежскій стортингъ (нижняя палата норвежскаго парламента) четырехъ соціальдемократическихъ депутатовъ (Берга, Іогансена, Фосганза и Эриксена), несмотря на отсутствіе въ Норвегіи всеобщаго и прямого избирательнаго права. Кромѣ того, политическая дѣятельность партіи выразилась въ общинныхъ и городскихъ управленіяхъ, гдѣ ея депутаты внесли, въ общемъ, двѣсти сорокъ разныхъ предложеній. Въ стортингѣ соціальдемократическая фракція держалась своей собственной политики, не вступая въ компромиссъ съ буржуазными партіями: она всегда боролась за свободу мысли и совѣсти, требовала народной милиціи и сокращенія срока военной службы; сокращенія расходовъ на государственный дворъ, и внесла проектъ сокращенія жалованья королю на 100.000 кронъ, который былъ отвергнутъ.

Наиболѣе интересными вопросами порядка дня были обсужденіе устава партіи, выработка программы для предстоящихъ выборовъ въ городскія думы и „манифестъ“ партіи. Проектъ устава, предложенный коммиссіей, былъ принятъ почти безъ измѣненій. По этому уставу партія состоитъ изъ отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій, во главѣ которыхъ стоитъ выборное правленіе изъ 25 чел.: одиннадцать его членовъ, живущихъ постоянно въ столицѣ — Христіаніи, — образуютъ Центральное Правленіе Партіи, завѣдующее ея текущими дѣлами. Съѣзды партейтаги рѣшено устраивать черезъ каждые три года, въ годъ парламентскихъ выборовъ.

Въ качествѣ программы для выборовъ въ думы выставлены требованія: всеобщаго народнаго обученія, призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ, борьбы съ безработицей, устройства городскихъ библіотекъ и бань, ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ и т. п.

Товарищъ Беритсенъ предложилъ съѣзду „манифестъ“, который долженъ служить оффиціальнымъ символомъ вѣры партіи и „показывать, что норвежская партія такъ же революціонна и соціальдемократична, какъ и вся соціальдемократія“. Вотъ текстъ этого манифеста, принятаго съѣздомъ единогласно:

„Экономическая жизнь въ нашей странѣ находится въ настоящее время въ состояніи упадка, слѣдующемъ за временемъ чрезмѣрной спекуляціи и перепроизводства. Эта экономическая революція, являющаяся слѣдствіемъ капиталистической системы, приводитъ къ тому, что въ эти періоды упадка сбереженія мелкихъ собственниковъ переходятъ въ руки крупной буржуазіи и международнаго капитализма, въ то время, какъ мелкіе собственники увеличиваютъ собой ряды лишенныхъ собственности пролетаріевъ.

„Уже теперь международный капитализмъ завоевалъ на нашей родинѣ экономическое господство, завладѣвъ всѣми нашими богатыми рудниками и копями, водяными источниками, лѣсами и большими равнинами, и благодаря этому сдѣлался собственникомъ нашей родины. Съ помощью закладныхъ, акціонерныхъ обществъ, банковъ и разныхъ другихъ органовъ и формъ эксплуатаціи онъ уничтожилъ понятіе наслѣдственной собственности. Не имѣя ни желаніяни, умѣнія предотвратить послѣдствія этого періода упадка, господствующій классъ крупной буржуазіи обнаруживаетъ этимъ свою неспособность быть господствующимъ классомъ: безработица растетъ, налоги возвышаются и общественные, государственные и общинные долги увеличиваются, въ то время, какъ потокъ эмигрантовъ лишаетъ страну сильнаго и желающаго работать юношества, несмотря на большія національныя богатства, лежащія неиспользованными. Какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, капитализмъ и у насъ обнаруживается постояннымъ увеличеніемъ колоссальнаго и невыносимаго бремени милитаризма.

„Слѣдствіемъ такого невыносимаго положенія нашей родины, благодаря развитію капитализма, является быстро увеличивающійся ростъ въ Норвегіи соціальдемократической партіи, которая тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ международной соціальдемократіи, руководящей организованной классовой борьбой пролетаріата всего міра. Это приводитъ насъ къ познанію и пониманію того, что паденіе буржуазнаго общества недалеко.

Съѣздъ Норвежской Парт. настойчиво приглашаетъ норвежскій пролетаріатъ усовершенствовать свою профессіональную, политическую и экономическую организацію и этимъ готовиться къ послѣдней, рѣшительной борьбѣ за введеніе соціалистическаго строя.“

Принятый единогласно, этотъ манифестъ служитъ залогомъ того, что норвежскій пролетаріатъ въ лицѣ руководящей имъ Соціальдемократической Партіи стоитъ на вѣрномъ пути къ своему полному соціальному и политическому освобожденію, которое онъ осуществитъ въ союзѣ съ пролетаріатомъ всего міра. Драммскій съѣздъ доказываетъ намъ, что, вопреки увѣреніямъ разныхъ соціалъ-реформаторовъ и уподобляющихся имъ „соціалистическихъ“ оппортунистовъ à la Бернштейнъ, развитіе современнаго рабочаго движенія совершается отнюдь не въ сторону смягченія классовой борьбы и сотрудничества классовъ, но въ сторону рѣшительной классовой борьбы за политическую власть, за диктатуру пролетаріата, не въ сторону соціальной реформы, но въ сторону соціальной революціи.

Съѣздъ закончился выборомъ должностныхъ лицъ партіи. Редакторомъ партійнаго органа „Соціальдемократъ“ выбранъ О. Крингенъ, предсѣдателемъ партіи — Горнерудъ, секретарями — Нильсенъ и Ормстэдъ, представителями въ Международномъ Секретаріатѣ — Крингенъ и Эриксенъ, делегатомъ на международный Амстердамскій съѣздъ — Крингенъ.

ЖЕРТВЫ РОССІЙСКАГО ПОЛИЦЕЙСКАГО РАЗВРАТА ВЪ ГАЛИЦІИ.

Въ № 270 отъ 9 іюня 1904 года въ издаваемой во Львовѣ газетѣ „Slowo Polskie“ помѣщена была интересная корреспонденція изъ Тарнополя подъ заглавіемъ: „Орудія русскихъ жандармовъ“ слѣдующаго содержанія:

Въ августѣ прошлаго года прибылъ въ д. Задмишувку Скалацкаго уѣзда, отдѣленную отъ русской границы рѣкою Збручъ — неизвѣстный молодой человѣкъ, говорившій на польскомъ и русскомъ языкахъ, который искалъ возможности переправиться черезъ границу вмѣстѣ съ имѣвшимся съ нимъ „багажемъ“. Исполнителей смѣлаго плана онъ вскорѣ нашелъ въ лицѣ двухъ контрабандистовъ, мѣстныхъ крестьянъ — Назара и Бендеры, взявшихся за 20 гульденовъ переправить его вбродъ въ безопасное мѣсто; отсюда же на телѣгѣ онъ долженъ былъ ѣхать дальше. Въ ближайшую темную ночь одинъ изъ контрабандистовъ перенесъ черезъ Збручъ самого студента Долинскаго, въ то время, какъ другой несъ чемоданъ съ книгами и другими печатными изданіями, вѣсомъ въ три пуда. Потомъ, оставивъ Долинскаго въ кустахъ, Назаръ привелъ спустя минуту условленную ранѣе телѣгу. Переправа кончилась. Проводники получили слѣдуемое вознагражденіе и улетучились. Студентъ помѣстился въ телѣгѣ, но въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ тронуться въ путь, онъ замѣтилъ лежавшее рядомъ съ нимъ ружье. Подозрѣвая предательство, онъ бросился бѣжать, но былъ задержанъ возницей — переодѣтымъ русскимъ жандармомъ или даже офицеромъ; по данному сигналу отовсюду выскочили солдаты, связали Долинскаго, отобрали у него револьверъ и съ завязанными глазами доставили черезъ Волочискъ въ Кіевъ.

Спустя нѣсколько дней изъ Подволочиска и его окрестностей многими лицами въ Галиціи получены были подробныя сообщенія о случившемся, сообщенія вполнѣ согласныя между собою и не оставлявшія ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что двое „русскихъ довѣренныхъ“ продали русскимъ властямъ за 30 рублей давно ожидаемаго революціонера. Общественное мнѣніе указывало на обоихъ контрабандистовъ, какъ виновниковъ преступленія. Начатое по этому поводу слѣдствіе привело къ судебному разбирательству передъ *Тарнопольскимъ судомъ присяжныхъ*, изъ которыхъ три четверти составляли крестьяне... Присяжные на вопросъ о виновности подсудимыхъ вынесли утвердительный вердиктъ. Судъ, принявъ во вниманіе доводы защиты, приговорилъ Якима Назара на основаніи § 90 уголов. код. за *насильственную* выдачу человѣка чужеземному правительству, и Андрука Бендеру за соучастіе въ томъ же преступленіи — каждаго къ заключенію въ тюрьмѣ на одинъ годъ съ обязательнымъ постомъ каждые 14 дней; при этомъ судъ, въ видѣ исключенія, примѣнилъ низшую мѣру наказанія.

Добавимъ отъ себя, что въ виду холопски-подлаго поведенія германскаго правительства, которое съ цинизмомъ юнкера помогаетъ царскому самодержавію преслѣдовать русскихъ революціонеровъ; въ виду недавняго приговора шведскаго суда надъ нѣсколькими финляндскими литераторами, приговора съ тріумфомъ подхваченнаго оффиціозной и полуоффиціозной русской прессой — этотъ вердиктъ провинціальнаго галиційскаго суда получаетъ болѣе важное значеніе. Этотъ вердиктъ является, съ одной стороны, серьезной угрозой для предателей „дружественныхъ державъ“, которые теперь должны будутъ призадуматься надъ выгодностью своего ремесла; съ другой стороны это — звонкая пощечина жандармской „внѣшней“ политикѣ русскаго правительства, пользующаяся „дружественными“ державами только для своихъ грязныхъ полицейскихъ цѣлей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Совѣтомъ Партіи приняты 18-го (5-го) іюня слѣдующія рѣшенія

1) Совѣтъ Р. С.-Д. Р. П. постановляетъ: Члены Совѣта, за исключеніемъ выбраннаго съѣздомъ, представляютъ собой делегатовъ двухъ центральныхъ учрежденій (Ц. О. и Ц. К.), дѣятельность коихъ Совѣтъ долженъ согласовать и объединять (§ 5
уст.). Эти четыре члена Совѣта могутъ быть смѣщаемы тѣми
учрежденіями, которыя они представляютъ и отвѣтственны
редъ ними. *(Принято единогласно).*

2) Во избѣжаніе на будущее время недоразумѣнія при о
дѣленіи количества голосовъ, требующихся по уставу П
для кооптаціи въ комитетъ новаго члена, Совѣтъ разъясн

Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуемыя § 12 устава $^2/_3$
наго количества членовъ комитета равняются цѣлому съ
— послѣдняя не принимается въ разсчетъ, если она р
и приравнивается къ единицѣ, если она равна $^2/_3$.

(Принято четырьмя голосами).

3) Принимая во вниманіе:

а) что въ Партіи существуютъ разногласія по
правѣ комитетовъ не принимать въ свой составъ л
гаемыхъ Центр. Комитетомъ;

б) что на почвѣ этихъ разногласій возникаютъ
ающіе дезорганизаціей мѣстнаго движенія,

Совѣтъ Партіи постановляетъ сдѣлать слѣдую
партійнаго устава:

Согласно § 12 устава, комитеты пользуютс
ціи, совершаемой при наличности квалифиц
ства ($^2/_3$) голосовъ за рекомендуемаго канд
вленіе о кооптаціи можетъ быть приносим
и *ему только* принадлежитъ право отмѣ
становленія.

На Ц. К. уставъ Партіи возлагаетъ
силъ въ Партіи. Для выполненія этой
не нуждается въ безапелляціонномъ п
имъ кандидатовъ въ составъ мѣстн
вело бы къ полному уничтоженію
фиктивной отвѣтственность всѣхъ
редъ Партіей, могло бы привести
4) Рекомендуя мѣстному коми
возможность, согласно § 12 уста
каза комитета, въ Совѣтъ.

Въ виду всего вышеизложе
точному смыслу § 12 устава,
организація, устанавливающ

съѣздомъ представителей мѣстныхъ комитетовъ, комитеты Партіи не обязаны принимать въ свой составъ кандидатовъ, предлагаемыхъ Ц. К. *(Принято четырьмя голосами).*

4) Въ случаѣ полнаго провала мѣстнаго комитета, возстановленіе его состава лежитъ на обязанности Центральнаго Комитета. Въ случаѣ образованія послѣ провала комитета изъ лицъ, неуполномоченныхъ Ц. К., требуется утвержденіе Ц. К. *(Принято единогласно).*

5) Совѣтъ Партіи проситъ партійныя организаціи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая либо часть организаціи обращается съ жалобой или съ вопросомъ въ Совѣтъ Партіи, немедленно сообщать полностью содержаніе этой жалобы или этого вопроса другой части организаціи, ибо Совѣту Партіи необходимо имѣть изложеніе дѣла обѣими сторонами для рѣшенія спора. Та же просьба относится и къ случаямъ жалобы одной организаціи на другую организацію. *(Принято единогласно).*

6) Принимая во вниманіе:

а) что, согласно рѣшенію II съѣзда, Ц. К—ту было предоставлено заняться разсмотрѣніемъ предложенія тов. Бончъ-Бруевича объ изданіи соц.-дем. газеты для сектантовъ;

б) что, по соглашенію редакціи Ц. О. съ Ц. К., тов. Бончъ-Бруевичу было предоставлено изданіе, въ видѣ опыта, подъ фирмой Партіи и подъ контролемъ и отвѣтственностью ея центральныхъ учрежденій газеты „Разсвѣтъ“, —

Совѣтъ находитъ, что опытъ изданія подъ редакціей тов. Бончъ-Бруевича социальдемократическаго органа для сектантовъ слѣдуетъ считать неудавшимся, ибо газета „Разсвѣтъ“ ни по литературнымъ своимъ достоинствамъ, ни по способу ея веденія, не обѣщаетъ дать Партіи то, чего она можетъ требовать отъ такого органа.

Поэтому, и принимая во вниманіе неудовлетворенность гораздо менѣе спеціальныхъ нуждъ въ популярной литературѣ, чѣмъ тѣ, навстрѣчу которымъ идетъ „Разсвѣтъ“, Совѣтъ признаетъ излишнимъ дальнѣйшее изданіе „Разсвѣта“, какъ органа партійнаго, предоставивъ тов. Бончъ-Бруевичу, если онъ того пожелаетъ, издавать „Разсвѣтъ“ отъ себя лично.

(Принято четырьмя голосами).

Центральнымъ Комитетомъ въ маѣ издано: *Парвусъ:* „Война и революція“ 10.000 экземпл.

Съ октября по май на средства и при ближайшемъ содѣйствіи Центр. Ком. издано для Кавказскаго Союза:

1. *На грузинскомъ языкѣ:* „Извѣщеніе о втор. съѣздѣ“ 2.000, „Вл. Кецховели“ (некрологъ съ портр.) — 2.000, „Извѣщ.“ съ программой и резол. — 2.000, „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи“ — 2.500, „Ко всѣмъ рос. раб.“ — 2.000, „Очерки изъ исторіи Великой Революціи“ — 4.000, „Первое мая“ — 4.000, „Пролетарскій праздникъ“ — 2.200, „Къ крестьянамъ“ 3.000.

2. *На армянскомъ языкѣ: Плехановъ:* „Первое мая“ — 2.000, „Рабочій день“ — 2.000, „Самодер. и рабочій классъ“ — 2.000, „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ“ — 2.000, то же съ программой, уставомъ и резол. — 2.000, „Пауки и мухи“ — 2.200, „Рѣчь Гольдблята“ — 2.000, „Запретные листки“ — 2.000, „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи“ — 2000, „Ко всѣмъ рабочимъ“ — 2.200, „Первое мая“ — 2.400, *Мартовъ:* „Пролетар. праздникъ“ — 2.000.

Агитація по поводу войны. Изданы: **Полѣсск. Ком.** листки „Искры“: „Жертвуйте, русскіе люди!“; „Кризисъ, безработица, война“, и „Уроки войны“ (всѣ по 5000 экз.) и „Акатуйскій протестъ“ (700 экз.). **Архангельскимъ Ком.** въ №1 его „Листка“ переиздано: „За что долженъ умирать русскій солдатъ?“. **Бакинскимъ Ком.**: „Такъ ли мы воюемъ?“ (о порядкахъ на театрѣ военныхъ дѣйствій). **Юзовской группой** Донецкаго Союза: листокъ по поводу мобилизаціи.

Издано: Кавказскимъ Союзомъ № 8 „Борьбы пролетаріата“ (Содержаніе: Бьетъ часъ! — Батумъ. — Кутаисъ. — Тифлисъ. — Баку. — Сибирь. — Некрологъ). — **Архангельскимъ Комитетомъ** „Архангельскій листокъ“ № 1. — **Группой соц.-дем. дальняго Сѣвера** (въ Архангельскѣ) извѣщеніе объ образованіи группы. — **Сѣверозападнымъ Комитетомъ** извѣщеніе объ образованіи Комитета. — **Виленской группой** „Ко всѣмъ гражданамъ“ (о голодовкѣ въ тюрьмѣ). — **Житомірской организаціей** „Къ абитуріентамъ“. — **Иваново-Вознесенской группой Сѣвернаго Комитета** 1) „Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Бакулина“ (80 экземп.), съ призывомъ къ стачкѣ. 2) Листокъ ко всѣмъ рабочимъ объ этой стачкѣ (300 экземп.), 3) „Къ рабочимъ завода Калашникова“ и 4) Листокъ объ окончаніи стачки на этомъ заводѣ. — **Астраханской группой** переизданъ майскій листокъ Ц. К. и Ц. О.

Елисаветградской организаціей до 1 мая распространены слѣдующія изданія: „Война противъ войны“ (изд. Крымскаго Союза) — 700 экз., „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?“ (тоже) — 500 экз., „Ко всему рабочему народу“ (изд. Донецкаго Союза) — 250 экз., „Кто чѣмъ живетъ?“ (изд. Одесскаго Ком.) — 200 экз., рѣчи Гольдмана и Гольдблята (изд. Ц. К.) — по 200 экз. Мѣстныя прокламаціи: 1) Къ обществу, 2) Къ рабочимъ гор. Елисаветграда, 3) Къ рабочимъ завода Яскульскаго. Сверхъ того изданы „Революціонныя пѣсни“.

Новые комитеты партіи. Въ **Архангельскѣ** образовался комитетъ партіи. Группы Витебская, Двинская, Виленская и Минская объединились въ **Сѣверо-Западный** Комитетъ, издавшій извѣщеніе о своемъ возникновеніи (печатное).

Можетъ ли это быть? Въ № 148 „Посл. Изв.“ Загр. Комитетомъ Бунда помѣщено письмо бѣжавшаго изъ Сибири товарища, разсказывающаго, что Иркутскій Комитетъ Партіи отказался оказать ему какую бы то ни было помощь при побѣгѣ изъ мѣста ссылки на томъ только основаніи, что онъ, бѣжавшій, по своимъ взглядамъ, — „бундистъ“. Насколько можно понять изъ письма товарища, рѣчь шла собственно не объ активномъ содѣйствіи побѣгу, а о помощи бѣжавшему уже товарищу во время нахожденія его въ пути. Мы считаемъ совершенно невѣроятнымъ это сообщеніе и полагаемъ, что честь Иркутскаго Комитета и Сибирскаго Союза требуетъ, чтобы оно было опровергнуто. Если же бы — паче чаянія — оказалось, что подобный фактъ имѣлъ мѣсто, то мы вынуждены были бы протестовать противъ подобнаго поступка партійной организаціи со всей энер-
ей. Ни при какихъ обстоятельствахъ членъ нашей партіи не имѣ-
права уклониться отъ оказанія помощи жертвамъ революціон-
борьбы, если только это въ его силахъ. Никакая междупартій-
борьба не освобождаетъ отъ *этого* долга. Въ самый разгаръ
ченной полемики между соц.-рев. и соц. дем., кіевскіе „ис-
привлекли къ участію въ своемъ побѣгѣ соціалиста
ера Плесскаго. Недавно еще въ побѣгѣ изъ вилен-
мы участвовали сообща члены самыхъ различныхъ
въ то время, какъ въ якутской тюрьмѣ представи-
Д. Р. П. и „Бунда“ вмѣстѣ ждутъ суда за ихъ со-
руженное сопротивленіе въ Романовкѣ, поступокъ
омитета (если онъ, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто)
шимъ нарушеніемъ лучшихъ традицій нашей

ЗАЯВЛЕНІЕ.

II съѣздѣ“ Павловича и въ брошюрѣ „Шагъ
дъ“ утверждается что тов. Павловичъ передъ
былъ единогласно избранъ седьмымъ членомъ
а время съѣзда. Въ виду обращаемыхъ къ
ду, запросовъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣ
ясненіе:
скры“ тов. Павловичъ никогда избираемъ
акція состояла ко времени съѣзда не изъ
то это обстоятельство не было бы скрыто

браній редакціи незадолго передъ съѣз
ствовали всѣ ея, члены кромѣ Аксельрода
кое предложеніе: если во время съѣзда
возникнетъ разногласіе по какому либо
бсужденію съѣзда — прежде, чѣмъ
вѣстными съѣзду — редакція должна
попытаться выработать общее мнѣніе. Непосредственнымъ поводомъ къ этому предложенію тов. Ленина послужило разногласіе между Г. В. Плахановымъ и нѣкоторыми членами редакціи по вопросу о желательности изданія „популярной газеты“ и въ связи съ этимъ — о желательности продолженія „Южнаго Рабочаго“ (Г. В. Плехановъ высказался утвердительно по этимъ вопросамъ). Когда предложеніе тов. Ленина было принято, онъ предложилъ, чтобы на случай, если по предлагаемому спорному вопросу голоса раздѣлились поровну, на засѣданіе редакціи приглашался одинъ изъ извѣстныхъ всѣмъ намъ товарищъ съ рѣшающимъ голосомъ *по этимъ именно вопросамъ*, по которымъ получилось такое раздѣленіе. Когда и это предложеніе было принято, то послѣ того, какъ было рѣшено такого „суперъ — арбитра“ выбрать единогласно, былъ предложенъ на эту роль тов. Ленинымъ одинъ изъ сотрудниковъ „Искры“, но его имя не собрало всѣхъ голосовъ. Тогда было предложено, что бы требующійся „седьмой“ былъ однимъ изъ ожидавшихся на съѣздъ членовъ О. К. Изъ числа послѣднихъ извѣстны всей редакціи *лично* были тт. Травинскій и Павловичъ. Послѣ того, какъ тов. Травинскій не былъ одобренъ однимъ изъ голосовавшихъ, какъ недостаточно ему извѣстный, имя тов. Павловича не встрѣтило возраженій. Подписавшіеся считаютъ нужнымъ заявить, что въ лицѣ тов. Павловича они выбирали члена высшей въ то время партійной коллегіи и не усматривали въ своемъ вотѣ никакого такого особаго довѣрія къ данному товарищу, котораго они не оказали бы *всякому* практику, стоявшему на одной съ ними принципіальной почвѣ („искровства“) и принадлежавшаго къ одной изъ партійныхъ коллегій. О томъ, чтобы тов. Павловичъ — хотя бы на съѣздѣ — принималъ участіе въ чисто — редакціонныхъ дѣлахъ, не поднималось и рѣчи, и у редакціи не было и тѣни основанія предполагать, что тов. Павловичъ имѣетъ какое нибудь отношеніе къ литературѣ.

3) Постановленіе редакціи не было сообщено оффиціально т. Павловичу и даже шестому члену редакціи Аксельроду, съ которымъ остальные члены встрѣтились только на съѣздѣ — потому, что вскорѣ послѣ начала съѣзда тов, Ленинъ предпочелъ спорные —между нимъ и другими членами редакціи—вопросы сдѣлать предметомъ обсужденія членовъ *организаціи* „Искры“, вслѣдствіе чего особое обсужденіе ихъ въ предѣлахъ редакціи стало излишнимъ.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что тов. Павловичъ введенъ въ заблужденіе, предполагая, что онъ былъ избранъ въ редакцію „Искры“, хотя бы на одинъ часъ, и что тов. Ленинъ выражается нѣсколько неточно, когда говоритъ о выборѣ Павловича въ „редакцію“. Мы бы считали себя безконечно виноватыми передъ тов. Павловичемъ, еслибъ эта ошибка — въ наше время, когда „литераторы“ снова взяты подъ подозрѣніе въ революціонной неблагонадежности — послужила къ поврежденію политической репутаціи этого товарища. Насколько мы знаемъ, онъ всегда былъ внѣ подозрѣній въ причастности къ литературному цеху.

В. Засуличъ, Л. Мартовъ, Г. Плехановъ, Староверъ.

Заявленіе Сибирскаго Союза[1].

Сибирскій Союзъ и всѣ Сибирскіе Комитеты въ спорѣ между центрами рѣшительно встали на сторону позиціи, занятой тов. Ленинымъ. Разногласій по этому вопросу нѣтъ. *Бывшая* Сибирская делегація не представляетъ Сибирскаго Союза въ этомъ вопросѣ. Сибирскій Союзъ и Комитеты стоятъ совершенно на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ ея бывшіе делегаты въ отношеніи къ разногласіямъ въ центрахъ. И только по причудливой игрѣ „массы случайностей“ на съѣздѣ — сибирская делегація оказалась въ оппозиціи съ собственной организаціей... И мы глубоко убѣждены, что такія непредвидѣнныя „случайности“ сыграли не съ одной нашей организаціей злую шутку. Сибирскій Союзъ.

Маленькое недоразумѣніе. (Письмо въ редакцію.)

Дорогіе товарищи!

Позвольте мнѣ исправить маленькое недоразумѣніе, которое получилось съ напечатаннымъ въ № 67 „Искры“ „Отвѣтомъ Каутскому“. Дѣло въ томъ, что это вовсе не „отвѣтъ Каутскому“; на такія вещи, какъ письмо Каутскаго, нѣсколькими небрежно написанными строчками не отвѣчаютъ. Это нѣсколько мыслей по поводу письма, набросанныхъ на клочкѣ бумаги и адресованныхъ лично тому товарищу, который доставилъ мнѣ любезно письмо Каутскаго еще въ рукописи; слова „хорошо было бы, если бы редакція напечатала это письмо“ — относятся именно къ письму Каутскаго, которое я возвращалъ вмѣстѣ съ препроводительнымъ клочкомъ. Съ тѣхъ поръ письмо Каутскаго было напечатано, и мое сомнѣніе оказалось несправедливымъ. Очень жаль, что я выразился неясно, но свои бѣглыя замѣчанія я вообще не считалъ даже „письмомъ“, а потому и не подумалъ о возможности такого истолкованія моихъ словъ.

Надѣюсь, Вы дадите мѣсто въ „Искрѣ“ этому разъясненію.

Съ товарищескимъ привѣтомъ

авторъ нечаяннаго „отвѣта“

Отъ ред.: съ разъясненіемъ невольнаго недоразумѣнія остается все еще неяснымъ: отчего бы это для ред. „Искры“ было неудобно помѣщеніе письма Каутскаго? Ужъ не случилось ли съ товарищемъ новаго недоразумѣнія, и не имѣетъ ли онъ въ виду какого-нибудь другого письма?

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Пермь. 23 мая арестованы: Мутныхъ, Кириллова, Южоевъ, Трейстеръ и трое рабочихъ, имена коихъ неизвѣстны. **Ростовъ на Дону.** 11 12 іюня арестовано 10 человѣкъ, было 30 обысковъ. **Петербургъ.** Большіе аресты въ началѣ іюня. **Харьковъ.** 24 апрѣля здѣсь арестованъ студ. универ. А. П. Липовъ, за „распространеніе прокламацій среди родныхъ“ (!). **Кривой Рогъ.** Въ ночь съ 30 апрѣля на 1 мая взяты на собраніи: курсистка Татьяна Рейнишъ, Борисъ Рейнишъ, бухгалтеръ М. Ципинъ, Федоръ Диковъ, Дм. Михайловъ, Ид. Левинъ, Ал. Браиловскій.

Въ **Херсонской** губ. тюрьмѣ съ 1 мая 1903 по 1 мая 1904 года находились въ заключеніи 60 лицъ (48 мужч. и 12 женщ.). Изъ нихъ: интел. — 22 (17 мужч. и 5 женщ., просидѣвшихъ вмѣстѣ 2123 дня (въ среднемъ — 96 дней), рабочихъ — 37 (30 мужч. и 7 женщ.), просидѣвшихъ вмѣстѣ 3104 дня (въ среднемъ — 83 дн.), и 1 хозяинъ-ремесленникъ (просидѣлъ всего 1 день). Въ томъ числѣ: сельскихъ учителей — 3, учительницъ — 2, студентовъ — 3, оконч. сельско-хоз. учил. — 2, оконч. университетъ — 2, оконч. город. учил. — 4, оконч. жен. гимн. — 1, учащаяся — 1, экстернъ — 1, бухгалтеръ — 1, неопредѣлен. профес. (интел.) — 3 (1 мужч. и 2 женщ.), заготовщиковъ — 2, столяр. — 4, слесарей — 5, переплетч. — 5, маляр. — 1, живописц. — 3, портн. — 2, сельск. раб. — 1, приказч. — 6, наборщ. — 1, хозяинъ живописн. мастерск. — 1, папиросниц. — 1, модистокъ — 6. Къ 1 мая 1904 года въ тюрьмѣ оставались: Н. Трайтель и И. Балишанскій (оконч. город. учил.), Е. Шеенсонъ (малярь), С. Зайдель (живопис.), М. Балишанскій (слесарь), В. Надлеръ (нар. уч.), Ив. Толстиковъ (оконч. сельско-хоз. уч.), Зина Айнбергъ (учит.), Ник. Пересвѣтовъ (оконч. сельско-хоз учил.), Эренбургъ (стол.), П. Любарская (модистка), Я. Перельштейнъ (прик.), І. Буновъ (живопис.), С. Сухаревъ (экст.), С. Мачинъ (нар. уч.), Ц. Гуревичъ (папиросница), Дм. Тахчогло (оконч. Петерб. ун., по Ростовск. дѣлу), Г. Ровберъ, И. Каминскій, И. Фельдманъ и Г. Экшертъ (приказчики), С. Щерякъ (переплетч.), Клара Поринъ (модистка), С. Картъ (наборщикъ), Бетя Надлеръ (оконч. гимназ.).

Въ Орловской тюрьмѣ сидятъ слѣд. лица: Авдѣевъ — типографъ, 2 солдата: Волковъ и Рудаковъ, взяты на Пасхѣ, обвин. въ принадлежности къ Р. С. Д. Р. П., Никольскій — инт. (арест. въ февралѣ), столяръ Шишковъ съ сыномъ и дочерью, арестов. вмѣстѣ съ солдатами (при обыскѣ кое-что нашли), привезенная еще въ августѣ изъ Одессы дѣвица Рискиндъ, Крыловъ (с.-р.), Типунковъ (с.-р.) и Азбукинъ. Арестованный на Пасхѣ бывш. студ. Шмидтъ выпущенъ.

Бѣжали изъ Восточной Сибири: 1) Рерихъ (Петерб. дѣло 1903 года), 2) Логачева, сосланная на поселеніе по дѣлу Ростовской демонстраціи 2 марта 1903 г., 3) Шехтеръ (Полтав. д.), 4) Стенцель (Петерб. дѣло) — тоже 5) Шкловскій (по дѣлу всеоб. стачки въ Одессѣ) и 6) Бѣлый, раб. — оба изъ Шенкурска.

Некрологъ. 13 іюня въ **Haut-Mornex** (близъ Женевы) скончался отъ чахотки товарищъ Михаилъ Маркіяновичъ Чайченко. Много горя и страданій посылаетъ жизнь русскому революціонеру, но къ М. М. она была особенно жестока и несправедлива. Уже въ дѣтствѣ онъ знакомится со всѣми лишеніями необезпеченнаго существованія, пробуетъ всѣ роды занятій, и между борьбой за кусокъ хлѣба онъ готовится въ Учительскій Институтъ и поступаетъ въ таковой въ Ѳеодосіи, гдѣ ему, какъ лучшему ученику, назначаютъ стипендію. Однако, и здѣсь ему не удается устроиться. Вскорѣ М. М. является однимъ изъ вожаковъ въ одной изъ семинарскихъ исторій, за что лишается не только стипендіи, но и долженъ былъ покинуть самый институтъ. Послѣ долгихъ мытарствъ ему удается попасть въ Тифлисскій Учительскій Институтъ, который онъ вскорѣ также долженъ былъ оставить, и теперь уже навсегда, изъ-за какого-то тоже семинарскаго протеста. Выкинутый изъ него, онъ попадаетъ въ трудное положеніе интеллигентнаго пролетарія и на своей спинѣ испытываетъ всѣ прелести этого существованія. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни даже его крѣпкій отъ природы организмъ не выноситъ всѣхъ лишеній, и онъ сильно заболѣваетъ и попадаетъ въ тифлисскую городскую больницу, гдѣ у него обнаруживаются первые признаки ужасной болѣзни, которая потомъ свела его въ могилу. Не смотря на все это, онъ продолжаетъ усиленно заниматься своимъ самообразованіемъ и готовится къ университетскому экзамену, для чего въ концѣ 90-хъ годовъ отправляется въ Харьковъ. Здѣсь онъ сближается съ мѣстными социальдемократами и принимаетъ участіе въ дѣлахъ комитета. Въ 1900 году его арестовываютъ и онъ попадаетъ въ харьковскую тюрьму, столь извѣстную своими ужасными условіями. Не удивительно, что послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣзнь быстро прогрессируетъ, но его продолжаютъ держать, не смотря на безчисленные протесты товарищей. Только когда весной 1901 г. онъ настолько ослабъ, что не могъ уже ходить и его выносили на креслѣ изъ камеры, жандармы рѣшили выпустить его, боясь, очевидно, его смерти и сопряженныхъ съ этой послѣдней непріятностей. Послѣ восьми мѣсяцевъ тюрьмы его высылаютъ подъ надзоръ полиціи на родину, въ Ростовъ. Тамъ онъ вскорѣ опять попадаетъ въ тюрьму, обвиняемый въ участіи въ демонстраціи 1902 года въ Ростовѣ, но, выпущенный черезъ три мѣсяца за недостаткомъ въ рукахъ жандармовъ серьезныхъ уликъ противъ него, онъ ѣдетъ подъ надзоръ въ Одессу и, совсѣмъ уже больной, не перестаетъ дѣлать все, что можетъ, для дорогого ему дѣла. Не принимая непосредственнаго участія въ одесскомъ социальдемократическомъ движеніи, онъ сотрудничаетъ въ издававшейся тогда одесскимъ комитетомъ газетѣ „Рабочее Слово“, гдѣ помѣщаетъ нѣсколько статей. Когда же въ Одессѣ наступаютъ знаменитые іюльскіе дни, онъ забываетъ свою болѣзнь и смертельный исходъ въ случаѣ его ареста и отправляется на одно изъ собраній въ Дюковскій садъ, гдѣ агитируетъ среди сѣрой массы независимцевъ за необходимость политической борьбы и выставленія политическихъ требованій. Науськиваемая переодѣтыми шпіонами, масса набрасывается на него и еще одного товарища и звѣрски избиваетъ ихъ. Совсѣмъ больного въ полузабытьѣ его привозятъ домой, и съ тѣхъ поръ начинается у него борьба между жизнью и смертью. Но такъ какъ впереди его ожидаетъ еще ссылка, то его завѣтной мечтой становится заграница, гдѣ онъ думаетъ поправить свои силы, и этотъ планъ, откладываемый то изъ-за отсутствія денегъ, то изъ-за все усиливающейся болѣзни, ему удается осуществить только въ послѣднее время. Едва поправившись, онъ ѣдетъ за границу и, совсѣмъ больной, пріѣзжаетъ въ Женеву, гдѣ послѣ недѣли безпрерывныхъ страданій умираетъ въ **Haut-Mornex.** Миръ праху твоему, дорогой товарищъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Намъ доставлены слѣдующія изданія, вышедшія въ Россіи: 1) Одесской организаціи „Бунда“ — „Ко всѣмъ одесскимъ рабочимъ и работницамъ“ (евр.), 2) „Деръ Бундъ“ № 3, 3) „Ко всѣмъ бердичевскимъ рабочимъ и работницамъ“ (евр. — изд. Бердичевскаго Комитета „Бунда“. 4) „Къ русскимъ женщинамъ“—изд. „группы демократовъ“ (призывъ къ поддержкѣ революціоннаго „Крас. Кр.“), 5) „Къ запаснымъ Воронеж. губ.“ — отъ Гр. Рев. Инт

Отчетъ Загр. Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем.

Изъ Брюсселя за мартъ 50 фр., за апр. 70 фр., за май 100 фр. (Изъ нихъ отъ Ф. 40 фр., отъ Ш. 1 фр., отъ Э. 50 с. на эмигр. 9 фр. 50 с.) Изъ Митвейды въ апр. 73 фр. 80 с., въ маѣ 55 фр. въ іюнѣ 71 фр. 20 с. Изъ Вѣны 36 фр. 40 с. Изъ Давоса черезъ Нину въ апр. 60 фр., въ іюнѣ 100 фр. Изъ Мягкаго знака за апр. 255 фр., за май 143 фр. Отъ Лозанской Гр. Сод. Пар. за апр. 90 фр., за май 95 фр. и еще 100 фр. Отъ 2-ой Гр. Сод. Пар. въ Берлинѣ 334 м. 50 пф. Отъ Женевской Гр. Сод. Пар. „Единеніе“ 150 фр. Изъ Фрейбурга Баденскаго въ маѣ 41 фр. въ іюнѣ 54 фр. Изъ Кетена 73 фр. 80 с. Отъ F. in H. 12 фр. Изъ Гейдельберга 67 фр. и 5 фр. Отъ Цюрихской Гр. Сод. Пар. за апр. 65 фр., за май 146 фр. Отъ Бернской Гр. Сод. Пар. за мартъ, апр., май 611 фр. 90 с. (Въ томъ числѣ за лит. 243 ф. 35 с., за первомайск. лит. 75 фр., первом. празд. 40 фр. 65 с., реферъ Ортодокса 60 фр. 70 с. ежемѣс. взносы 61 фр. К. 85 фр., за карточ. 28 фр. 25 с., изъ Россіи 7 фр. 95 с., отъ „буржуя“ 10 фр.) Изъ Дрездена 26 фр. Изъ Мюнхена за янв.-апр. 433 м. Черезъ Дейча отъ F. in H. 12 м., изъ Брауншвейга 42 м., изъ Лейпцига 41 м., изъ Дрездена 25 м. Изъ Лондона за лит. 3 ф. ст. 4 ш.

Въ пользу Якутянъ. Отъ Лозанской Гр. Сод. Пар. 30 фр. 90 с. Отъ Женевской Гр. „Единеніе“ 24 фр. 60 с. Отъ одной дамы 5 фр. Изъ Брауншвейга 43 фр. Изъ Гейдельбергской Гр. Сод. Пар. въ маѣ 52 фр. 50 с., въ іюнѣ 332 фр. Изъ Митвейды 25 фр. Отъ Парижской Гр. 27 фр. 60 с. Отъ Лондонской Гр. 5 ш.; отъ неизвѣстнаго черезъ лондонцевъ 20 ш.; въ лондонской рус. безплат. читальнѣ собрано 4 ш. 6 п. Изъ Мягкаго знака 40 фр. Отъ одного гейдельбергскаго студ. 2 фр. 45 с. Изъ Дрездена 24 фр. Изъ Антверпенской кассы 34 фр. Изъ Антверпена 48 фр. 40 с. Отъ 2-ой Берлинской Гр. 50 фр. Изъ Вѣны 200 кронъ. Изъ Цюрихской Сибир. Кассы 86 фр. 65 с.

Для ссыльныхъ и заключенныхъ. Изъ Женевской Сибир. Кассы 109 фр. 80 с. Изъ Гейдельбергской Кассы 25 фр. Изъ Лозанскаго Краснаго Креста 40 фр. Изъ Цюрихской Сиб. Кассы для ссыльныхъ на Ангарѣ 53 фр. Изъ Бреславля въ пользу Крас. Кр. 5 фр. Изъ Берлинской Кассы эмигрантовъ 25 р. Въ Бернѣ получено членомъ Лиги изъ Сибир. и Эмигр. Кассы въ апрѣлѣ и маѣ для четыр. эмигр. 50 фр. и на поддержку Екат. тов. въ маѣ 20 ф.

Бернская Сибир. и Эмигр. Касса получила заимообразно для помощи якутскимъ товарищамъ въ маѣ отъ Загр. Ком. Бунда 265 фр., отъ Загр. Лиги 125 фр., отъ П. С. Д. 150 фр. и отъ Соц.-Рев. 265 фр. Получено отъ ред. „Освобожденія“ — 200 фр. и 100 м. На первомайск. празд. собрано 58 фр. Получено изъ Львова 12 фр. 50 с., изъ Дармштадта черезъ Соц.-Рев. 62 фр. черезъ нихъ же изъ Берна 5 фр., отъ цюрих. тов. 50 фр., отъ рабочаго въ Бернѣ 1 фр.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центральнымъ Комитетомъ:

V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Социальдемократіи“:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse)

(Просятъ обозначать: „для редакціи“ или „для Лиги“).

---

[1] Согласно имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, составъ Сибирскаго Союза сильно измѣнился со времени II съѣзда. *Ред.*

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

КЪ ВОПРОСУ О НАШЕЙ „ВОЕННОЙ КАМПАНІИ“.

Письмо въ редакцію Ц. О.

Дорогіе товарищи!

Въ № 62 „Искры“ помѣщенъ фельетонъ тов. Т., въ которомъ комитеты „большинства“ (въ томъ числѣ и Екатеринославскій) обвиняются въ томъ, будто они отрекаются отъ классовой политики. Выходки тов. Т., слѣдующаго здѣсь, очевидно, примѣру тов. Троцкаго и кричащаго о „недомысліи“, „соціалистическомъ доктринерствѣ“, „вульгарномъ радикализмѣ“ etc., можно, конечно, пройти мимо, но сущность фельетона требуетъ отвѣта. Тов. Т., а за нимъ и редакція „Искры“ въ передовицѣ: „Такъ ли мы готовимся“, главнымъ обвиненіемъ противъ большинства выставляетъ „неумѣніе связать интернаціональныя задачи россійскаго пролетаріата съ условіями его національнаго положенія, неумѣніе на пути общедемократическаго движенія найти колею самостоятельной политики пролетаріата“. Выразилось это, по его мнѣнію, въ томъ, что эти комитеты одной изъ видныхъ причинъ теперешней войны выставляютъ исканіе новыхъ рынковъ крупными россійскими капиталистами-монополистами, использованное, конечно, россійскимъ самодержавіемъ въ своихъ собственныхъ цѣляхъ и выгодахъ, въ томъ, что ими, по его мнѣнію, не указанъ авантюристскій и „антинаціональный“ (не только антипролетарскій) характеръ войны. Рядомъ цитатъ изъ различныхъ прокламацій различныхъ комитетовъ „большинства“ тов. Т. иллюстрируетъ это свое обвиненіе, пытаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать, что основной причиной подобнаго „заблужденія“ является то, что мысль „тов. изъ большинства“, „какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей“. Можно соглашаться или не соглашаться съ мнѣніемъ тов. Т., что буржуазія россійская „безвинно пострадала“ отъ нападокъ комитетовъ. Замѣчу лишь, что ни въ одной изъ цитатъ, приведенныхъ тов. Т., не говорится, будто война въ интересахъ „всей буржуазіи“, какъ это далѣе ставитъ въ ковычки тов. Т.; точно также *нигдѣ* и *ни въ одной* прокламаціи не говорится, чтобы эта война была въ интересахъ *развитія производства*.

Екатеринославскій комитетъ въ прокламаціи объясняетъ *отношеніе* большинства нашей буржуазіи *къ войнѣ*; причиной войны называется тамъ разоренность внутренняго рынка самодержавіемъ, протекціонная его политика, и, съ другой стороны, его политика захватовъ и стремленіе отвлечь вниманіе пролетаріата отъ войны внутренней на войну внѣшнюю, его стремленіе отдалить свою гибель.

Но не въ этомъ сейчасъ дѣло. Основная мысль фельетона тов. Т. та, что, дескать, комитеты „большинства“ показали своей военной кампаніей свою (не разобрано въ подлинникѣ *Ред.*) и политическую несостоятельность. Извѣстное объясненіе войны ставится въ связь съ опредѣленнымъ организаціоннымъ теченіемъ въ Партіи.

Такъ ли это?

Не буду останавливаться на томъ, что членомъ Екатеринославскаго Комитета, *сторонникомъ меньшинства*, былъ предложенъ проектъ листка о войнѣ, такъ же объясняющій причины войны и что, наоборотъ, проектъ, предложенный однимъ сторонникомъ большинства, главными причинами выставлялъ самодовлѣющіе интересы самодержавія и интересы *финансовой* буржуазіи. Мнѣніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть характерно для цѣлыхъ теченій.

Можетъ быть, болѣе значенія имѣетъ то, что листокъ Комитета „меньшинства“, Донского, придавалъ войнѣ такой же характеръ, какъ и Екатеринославскій. Къ сожалѣнію, тов. Т. при написаніи своего фельетона забылъ о существованіи комитетовъ „меньшинства“ и не даетъ *ни одной* цитаты *изъ первыхъ* листковъ этихъ комитетовъ (въ послѣднихъ, должно быть, „замѣчается улучшеніе“), иначе, вѣроятно, онъ не съ такимъ пафосомъ говорилъ бы объ организаціонно-уставной мышеловкѣ. Но, можетъ быть, на это время комитеты „меньшинства“ подпали подъ губительное вліяніе комитетовъ „большинства“.

Поэтому, посмотримъ, какъ объясняетъ войну „Искра“, являющаяся идейнымъ руководителемъ меньшинства и въ то же время, какъ это постановилъ съѣздъ — хотя и и для другой редакціи — идейнымъ руководителемъ всей Партіи.

„Антинаціональный“ характеръ войны „Искрой“, конечно, подчеркнутъ съ достаточной яркостью. Не говоря уже о передовицахъ, даже „мудрыя птицы“ (статья въ № 62) говорятъ, что „во имя существованія *отечества* (!) и народа, до послѣдняго человѣка *долженъ* пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма“, — ибо „въ прерывисто растущемъ движеніи видоизмѣнялось содержаніе, мѣнялись формы, неизмѣннымъ оставалось одно: кто бы ни являлся носителемъ этого движенія, онъ былъ той пришедшей къ сознанію „частью“, которая готова была *принести себя въ жертву*[1]) только что познанному „цѣлому“ („Искра“ № 62 „Замѣтки Журналиста“ Ст. „О патріотизмѣ“).

Антинаціональный характеръ войны „Искрой“ подчеркнутъ достаточно ярко, можетъ быть даже слишкомъ „національно“. „Искра“ дала войнѣ слѣдующее объясненіе: „царское правительство затѣяло войну въ *своихъ* интересахъ“ (листокъ редакціи: „Правдивое слово министра финансовъ“). Интересы *буржуазіи* здѣсь не при чемъ — по крайней мѣрѣ, если судить по передовицѣ Парвуса въ 61 №. Но въ листкѣ „Ко вс. раб. нар.“, изданномъ за подписью редакціи „Искры“, говорится уже нѣсколько другое: „русскіе капиталисты забираются и въ Манчжурію, и въ Корею, и въ Китай — вотъ одна изъ *причинъ* земельнаго захвата, а слѣдовательно и *войны*“. Русскіе капиталисты стремятся къ земельнымъ захватамъ, небось, не изъ за прекрасныхъ глазъ манчжурцевъ и корейцевъ, а чтобы завоевать новый рынокъ? Оказывается, что, по мнѣнію новой „Искры“, эти „ортодоксальные“ рынки, надъ которыми съ такой залихватской безцеремонностью издѣвается т. Т., имѣютъ все же таки значеніе!... Спрашивается, „этимъ самымъ каждый протестующій противъ войны получаетъ ли возвожность „выписаться“ изъ буржуазнаго общества“? — Конечно нѣтъ! Потому что „въ первую минуту войны и капиталистамъ достается солоно: сокращеніе производства, паденіе спроса на товары уменьшитъ ихъ барыши и, пожалуй (?), разоритъ кой-кого изъ нихъ“[2]).

Екатеринославскій Комитетъ немного менѣе „просто“ объяснялъ разорительный характеръ войны: онъ указывалъ на возможное окончательное разореніе внутренняго рынка (что дѣлать, опять таки „рынка“!).

Но все же таки въ интересахъ ли буржуазіи будетъ эта война? На это ред. „Искры“ отвѣчаетъ: „Нужда бѣдныхъ классовъ доставитъ капиталистамъ новые источники обогащенія“... въ концѣ концовъ, доходы многихъ капиталистовъ возрастутъ (листокъ ред.: „Правдивое слово министра финансовъ“), „буржуазія отъ войны останется въ прибыли“ (ст. 61 № „Искры“: „Война и государственные финансы“) и т. д. и т. д. во многихъ другихъ листкахъ ред. „Искры“. Мы привыкли до сихъ поръ оцѣнивать общественныя явленія по тому, какимъ (временнымъ и основнымъ) классовымъ интересамъ какихъ классовъ можетъ быть полезно данное явленіе. И классъ, пріобрѣтающій выгоды отъ какого-либо явленія, мы до сихъ поръ дѣлали „отвѣтственнымъ“ за это явленіе. — Теперь тов. Т. говоритъ, что если мы выставляемъ все буржуазное общество виновникомъ войны, „то мы этимъ самымъ“ отрекаемся отъ классовой политики. Въ этомъ именно, по его мнѣнію, и повинны комитеты „большинства“. Но оказывается, что „Искра“ проповѣдуетъ такую же „ересь“! „... Не народъ вызвалъ войну. Сдѣлали это безъ воли народа, не спросивъ его, царь да его министры и чиновники. Имъ только, да еще шайкѣ грабителей, которые и дома выжимаютъ всѣ соки изъ народа, и нужна Манчжурія (листокъ ред.: „Ко всѣмъ запаснымъ солдатамъ“)... изъ за чего началась война? Изъ за того, что царь со своими министрами и стаей хищниковъ, желающихъ погрѣть свои руки около чужого добра, захватилъ уже Манчжурію и сталъ уже подбираться къ Кореѣ“ (тамъ же). Получается нѣчто невообразимое. „Идейный руководитель“ объясняетъ войну, комитеты даютъ это объясненіе массамъ, — а Юпитеръ громовержецъ тов. Т. глубокомысленно изрекаетъ: „недомысліе“.

Но, можетъ быть, ред. „Искры“ вправѣ отречься отъ комитетовъ, заявивъ, что они „искажаютъ“ ея взгляды? Можетъ быть со всей редакціей здѣсь произошло „курьезное недоразумѣніе“, подобно случившемуся съ тов. Плехановымъ изъ за статьи въ 52 №, когда его не поняли ни враги, ни друзья?

Комитеты „большинства“, можетъ быть, видятъ въ Манчжуріи и Кореѣ рынокъ, въ которомъ *одинаково* заинтересованы японская и россійская буржуазія? — Во всякомъ случаѣ, Екатеринославскій Комитетъ вправѣ на это отвѣтить: „откуда мнѣ сіе, да пріиде мати бога моего ко мнѣ“. — Можетъ быть, они ложно оцѣниваютъ интересы буржуазіи и необходимость для нея политической свободы? Цитирую на память слова тов. Т.: „тогда глупа была бы, слѣдовательно, буржуазія, еслибы стала у насъ добиваться политической свободы“. — Но еще болѣе глупой выходитъ буржуазія въ освѣщеніи „Искры“: „буржуа всѣ согласны въ томъ, что война съ Японіей *никому* не нужна, что она принесетъ одни убытки“, но „хотя бы они понимали, что вовсе не нужна Россіи[1]) ни Манчжурія, ни Корея, хотя бы они понимали, что въ этой *безумной* войнѣ *задаромъ* будутъ загублены сотни тысячъ солдатскихъ жизней, хотя бы они хорошо знали, что царское правительство затѣяло войну *въ своихъ* интересахъ, — они все таки не выдадутъ это правительство“! (листокъ ред.: „Правдивое слово министра финансовъ“)... падая, царь найдетъ друзей, которые его поддержутъ. Эти его друзья: купцы, фабриканты и помѣщики — всѣ (такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя! Вотъ откуда тов. Т. взялъ свою подчеркнутую цитату „вся буржуазія“) *капиталисты и буржуа*“ (листокъ за подписью редакціи: „Ко всему рабочему народу“.

Наконецъ, можетъ быть, комитеты большинства неправильно, иначе, чѣмъ „Искра“, оцѣниваютъ соотносительное значеніе самодовлѣющихъ интересовъ самодержавія и интересовъ крупныхъ капиталистовъ-монополистовъ? Обвинительный актъ, составленный тов. Т., гласитъ: „они уравниваютъ на бумагѣ соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и Японіи“. Листокъ ред. „Искры“: „Ко всему рабочему народу“ на это отвѣчаетъ: „... итакъ, война эта ведется только *правительствами и капиталистами*, одурачившими народъ, а въ Россіи, даже не спросясь народа[2]), въ обѣихъ странахъ противъ воли сознательной части рабочихъ и всѣхъ мыслящихъ честно и свободно людей“... преслѣдуя свои интересы наживы, варварства и грабежа, *капиталисты вгоняютъ государства* въ кровопролитныя и разорительныя *войны* и подъ маской патріотизма разъединяютъ народы, боясь сплоченія рабочихъ“... *Капиталисты вгоняютъ государства въ войны*. Тов. Т., отвѣтьте мнѣ, это, конечно, правильно лишь по отношенію къ Японіи? А у насъ, по мнѣнію „Искры“ и меньшинства, нѣтъ?

Тов. К. Д. въ статьѣ № 59 „Искры“: „Почему царское правительство затѣяло войну?“ поясняетъ: „Во главѣ ея (Японіи), *какъ и во главѣ Россіи, стоитъ буржуазное правительство, защищающее одни только интересы капиталистовъ*“... Своего несогласія съ этимъ мнѣніемъ редакція не оговорила. Такъ писала „Искра“ въ № 59, а черезъ два номера, та же редакція, не оговаривая своего несогласія, но, наоборотъ, опираясь на него, помѣщаетъ фельетонъ тов. Т., разносящій комитеты „большинства“ — Полѣсскій Комитетъ за то, что онъ дословно повторилъ мысль „Искры“, другіе комитеты за то, что они проводятъ ту же мысль, хотя и не въ столь категорической формѣ.

Въ № 62 тов. Т. съ полнымъ правомъ посмѣивается надъ с.-р.-скимъ выраженіемъ „буржуазно-самодержавный строй“, — а въ 57 тов. Практикъ, сторонникъ меньшинства, опредѣляетъ теперешній строй въ Россіи, какъ капиталистически самодержавный. „Что видишь сучекъ въ очеси брата своего?“ Но въ чемъ же дѣло, наконецъ? Отчего пальба и крики, и внушительная эскадра грозныхъ передовицъ, шустрыхъ фельетоновъ? Почему, наконецъ, ред. „Искры“ показываетъ грубому, неотесанному большинству примѣръ „мягкости“ и „тактичности“, говоря „заблудшимся (слѣдуя идейному руководству „Искры“; членамъ комитетовъ большинства: мы не поднимаемъ вопроса объ исключеніи васъ изъ Партіи, но дескать, вы сами должны признать, что, въ сущности говоря, вамъ въ ней не мѣсто. Мы васъ милуемъ, но въ наказаніе будемъ васъ воспитывать... статьями тов. Т.!!

Вся грозная буффонада обвиненій тов. Т. направляется противъ самой же „Искры“! Что же остается? Въ чемъ, дѣйствительно, повинны комитеты большинства? О, они во многомъ виноваты! Они не восклицаютъ съ пафосомъ, что „россійскій народъ — царь надъ царями!“[3])

Они не выдумываютъ совѣтовъ для царя, какъ ему добиться помощи народной! Они не... (не разобрано) у массы... (не разобрано) мыслей, будто возможна такая помощь![4])

Они не даютъ съ глубокой и непоколебимой увѣренностью всякихъ совѣтовъ „такъ называемымъ противникамъ революціоннаго насилія“, чтобы это имъ сдѣлать, чтобы „завоевать теоретическое и нравственное (!) право (!) ожидать, что страна *избѣгнетъ* (!) народной революціи“[5]).

Они („ортодоксальность“! восклицаетъ съ издѣвкой тов. Т.), вѣрные всей исторіи революціонной соціальдемократіи, призываютъ рабочихъ къ борьбѣ за свободу *во имя соціализма*, и до сихъ поръ еще не послѣдовали своему „идейному руководителю“, который поучаетъ насъ, что „... *во имя существованія отечества* и народа, до послѣдняго человѣка долженъ пролетаріатъ пойти на штурмъ твердыни деспотизма“![1]).

Они не желаютъ въ своей агитаціи спускаться до демагогіи![2])

И, наконецъ, что, кажется, всего важнѣй, мѣстные комитеты (большинство до 4/5) нѣсколько скептически относятся къ преимущественности практическихъ способностей лицъ, забаллотированныхъ съѣздомъ при выборахъ въ Ц. К., по сравненію съ имъ выбранными. Они недостаточно прониклись сознаніемъ необходимости сближенія въ процессѣ совмѣстной работы во всѣхъ организаціяхъ Партіи сверху до низу[3]), т. е *начиная съ Ц. К.*! Они нѣсколько удивлены требованіемъ ред. „Искры“ „добровольной“ кооптаціи въ Ц. К. сторонниковъ меньшинства[4]), когда меньшинство (пока что, пока Ц. К. не согласился „добровольно“ кооптировать) добивается этой кооптаціи бойкотомъ и борьбой съ Ц. К.!

Да, огромное большинство комитетовъ, дѣйствительно, во многомъ повинно! Но, тов. Т., „милости прошу, а не справедливости“! Удобно ли, протестуя противъ нарисованныхъ вашимъ воображеніемъ „исключительныхъ мѣръ“ etc., посвящая статьи за статьей необходимости привлеченія вновь къ работѣ нѣкоторыхъ устранившихся экономистовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поднимать хотя бы и въ „мягкой“, „тактичной“ и „политичной“ формѣ[5]), вопросъ объ исключеніи изъ Партіи цѣлыхъ комитетовъ, когда — то, что они говорятъ, говоритъ и „Искра“! Удобно ли, исходя изъ какихъ-нибудь мотивовъ, выискивать разногласія тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ?

Приводить эти разногласія въ связь съ организаціонными разногласіями, не значитъ ли это, спрошу я васъ въ свою очередь, слѣдовать примѣру изобрѣтенныхъ вами „товарищей“, о которыхъ вы говорите, что ихъ мысль, какъ мышь въ мышеловкѣ, безпомощно суетится на квадратномъ вершкѣ организаціонно-уставныхъ деталей?“

Я не допускаю, чтобы ред. „Искры“ на другой день забывала то, что она сказала вчера, въ предыдущемъ номерѣ, въ предыдущемъ листкѣ, такъ какъ не думаю, чтобы идейное руководство Партіей могло слѣдовать старому правилу: „пусть твоя лѣвая рука не знаетъ, что дѣлаетъ правая“.

Но тогда возникаютъ у меня вопросы, которые я вамъ, товарищи, и задаю безъ дальнѣйшихъ околичностей, тактичностей и т. п. 1) Какимъ изъ объясненій причинъ войны должны мы, мѣстные работники, руководиться: тѣмъ ли, которое выражено въ „Искрѣ“ или тѣмъ, которое дается въ предназначенныхъ для массового распространенія[6]) листкахъ ред. „Искры“? — 2) Принимая во вниманіе, что газета всегда расходилась и, до достиженія политической свободы, будетъ расходиться въ меньшихъ количествахъ и не такъ широко, какъ листки, — допустимо ли давать два объясненія войны, одно, такъ сказать, „для домашняго употребленія“, а другое — для широкой „массы“. 3) Если эти два объясненія войны не находятся въ такомъ противорѣчіи, — то не означаютъ ли грозныя статьи „Искры“ противъ комитетовъ большинства за то, что они проводятъ въ массы одно изъ этихъ, данныхъ „Искрой“ же, объясненій, не означаетъ ли это просто на просто стремленіе дискредитировать комитеты большинства *во чтобы то ни стало*, именно потому, что они — комитеты *большинства?* 4) Отыскивать разногласія тамъ, гдѣ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, существуетъ единомысліе, приводить эти „разногласія“ въ связь съ „организаціонно-уставными деталями“ — не значитъ ли это *изобрѣтать* разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ? и 5) Принимая во вниманіе обсуждаемую теперь редакціей перспективу раскола[7]) и ея заявленіе, что „при такихъ „разногласіяхъ“ (кавычки редакціи)... расколъ былъ бы чистѣйшимъ безуміемъ и преступленіемъ предъ пролетаріатомъ“[8]), — не означаетъ ли это выискиваніе и суммированіе новыхъ разногласій — стремленія подготовить расколъ и отыскать „теоретическое и нравственное право“ не подчиниться возможному рѣшенію возможнаго будущаго третьяго съѣзда?

Гео. — Членъ Екатеринославскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Прошу редакцію напечатать это письмо, зная, что тов. Т. или другой можетъ, *выхвативши* отдѣльныя мѣста, использовать его въ цѣляхъ агитаціи.

ОТВѢТЪ НА „ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ“.

Авторъ письма питаетъ опасеніе, какъ бы я изъ его статьи не „выхватилъ“ отдѣльныя мѣста „въ цѣляхъ агитаціи“. Напрасно безпокоится уважаемый товарищъ. Оставляя въ сторонѣ соображенія высшаго порядка, въ которыхъ мой оппонентъ мнѣ, очевидно, отказываетъ, я не прибѣгъ бы къ такому методу ужъ потому, что это было бы *невыгодно*. Товарищъ, писавшій это „письмо въ редакцію“, былъ, что называется, „не въ себѣ“, — иначе нельзя понять, какъ это онъ на небольшомъ пространствѣ набросалъ массу исключающихъ другъ друга обвиненій. Если резюмировать сущность письма, то получимъ не болѣе, не менѣе, какъ:

1. Ничего того, что я приписываю комитетамъ большинства, они не говорили.
2. Точь въ точь тѣ же „ереси“, какія я приписываю комитетамъ „большинства“, выражала „Искра“, съ которой у комитетовъ въ оцѣнкѣ войны нѣтъ никакихъ „разногласій“, а наоборотъ, существуетъ „единомысліе“.
3. Настоящихъ ересей ищи именно въ „Искрѣ“.

Весь этотъ методъ защиты-нападенія очень напоминаетъ разсказъ о женщинѣ, которая обвинялась въ томъ, что взяла у сосѣдки цѣлый кувшинъ и возвратила разбитый. Обвиняемая тоже была „не въ себѣ“ и построила свою рѣчь на такой аргументаціи: 1) никакого кувшина она у сосѣдки отъ роду не брала, 2) возвратила-то она кувшинъ цѣлехонькій и, наконецъ, 3) кувшинъ былъ съ трещиной прежде, чѣмъ попалъ къ ней въ руки.

Приходится разбирать аргументы этихъ трехъ категорій.

Я приписываю комитетамъ то, чего они не говорили. Къ сожалѣнію, оппонентъ не пытается дополнить или исправить, очевидно, неправильно „выхваченныя“ мною цитаты изъ прокламацій Центральнаго, Екатеринославскаго, Петербургскаго, Полѣсскаго, Одесскаго, Московскаго и Николаевскаго комитетовъ. Поскольку оппонентъ даже не пытается опорочить эти мои ци-

---

[1]) Немного странновато это мѣсто: если пролетаріи могутъ, жертвуя собой, лишиться жизни, то пролетаріатъ можетъ жертвовать собой, лишь *жертвуя своими классовыми интересами*! Это ли „*долженъ*“, по мнѣнію теперешней „Искры“, сдѣлать пролетаріатъ?!

[2]) Листокъ редакціи „Искры“: „Правдивое слово министра финансовъ“.

[1]) А вѣдь для буржуазіи Россія — это она, буржуазія.

[2]) Какъ будто въ Японіи пролетаріатъ имѣетъ избирательное право, или для „Искры“ японскій народъ — японская буржуазія?

[3]) Листокъ ред.: „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“.

[4]) „Царь, чувствуя, что время для него настало опасное, шлетъ манифесты народу. *Но если царь хочетъ народной помощи*, то пусть же дастъ народу свободу собираться и обсудить, какъ помочь отечеству. Однако на такія требованія у царя заготовлены штыки и пули“.

[5]) Листокъ ред.: „Къ обществу“.

[1]) Искра № 62 статья „Мудрыя птицы“.

[2]) Приведенныя мѣста листковъ ред. Ц. О. указаны мнѣ рабочими, читавшими ихъ.

[3]) Циркулярное гектографированное письмо ред. Ц. О. Екатеринославскому Комитету.

[4]) „Искра“ № 62.

[5]) Вспоминаются мнѣ слова Плеханова, что онъ всегда былъ сторонникомъ „политики“, но не политиканства!

[6]) На всѣхъ этихъ листкахъ есть примѣчаніе редакціи: „товарищи, перепечатывайте и распространяйте въ массахъ этотъ листокъ!“.

[7]) Циркулярное письмо редакціи Екатеринославскому Комитету. [Это письмо не просто „обсуждаетъ перспективы раскола“, а предостерегаетъ товарищей отъ слѣдованія политикѣ, имѣющей въ виду *добиться* раскола. — Ред.].

[8]) Тамъ же.

продол
щенны
самъ с

таты, онѣ сохраняютъ всю свою силу[1]). Я могу только отослать читателя къ моему фельетону въ № 62 „Искры“; здѣсь я позволю себѣ лишь процитировать прокламацію Екатеринославскаго Комитета.

„Самодержавное правительство въ погонѣ за рынкомъ, куда буржуазія могла бы сбывать свои залежавшіеся товары, захватило во время войны съ Китаемъ Манчжурію...“ „Какія же причины побуждаютъ правительство вести эту завоевательную политику? Причины эти глубоко коренятся въ самыхъ условіяхъ современнаго капиталистическаго строя, при которомъ всѣ средства производства находятся въ рукахъ небольшой кучки капиталистовъ. Побуждаемые жаждой наживы, они другъ предъ другомъ стараются произвести возможно больше товаровъ, чтобы получить какъ можно больше прибыли. Главнымъ потребителемъ этихъ товаровъ является народъ, но тяжелые налоги и всевозможныя вымогательства царскаго правительства и его слугъ довели народъ до полнаго разоренія, лишивъ его возможности покупать предметы даже первой необходимости, что вызываетъ сокращеніе внутренняго рынка. Это сокращеніе внутренняго рынка выдвигаетъ для капиталистовъ необходимость обезпечить себѣ внѣшніе рынки для сбыта своихъ товаровъ. Царское правительство, всегда готовое защищать ихъ интересы, не останавливается ни предъ какими жертвами для завоеванія этихъ рынковъ, которыми въ настоящее время является Манчжурія и Корея. *Теперь вы видите, товарищи, что эта губительная война ведется всецѣло въ интересахъ буржуазіи, и она радостными кликами привѣтствуетъ ее*“. Авторъ письма пытается теперь ослабить эту мысль, утверждая, что Екатеринославскій Ком. имѣлъ въ виду „большинство нашей буржуазіи“. Цѣлый рядъ комитетовъ выдвигалъ въ прокламаціяхъ ту же основную мысль, даже не осложняя ее соображеніями о работѣ самодержавія въ дѣлѣ форсированнаго сокращенія внутренняго рынка. Но затѣмъ нѣкоторые комитеты — напр., Петербургскій, Одесскій, Николаевскій — рѣзко измѣнили свою оцѣнку войны, стали характеризовать ея „*авантюристскій*“, *т. е. невызванный интересами даже и господствующихъ классовъ*, характеръ, стали доказывать, что въ парламентскихъ странахъ, гдѣ политика выражаетъ собою чистую волю капитала, такая война была бы невозможна. Я думаю, что это болѣе правильное освѣщеніе событій заимствовано комитетами изъ цѣлаго ряда статей „Искры“. И ужъ, конечно, тутъ нѣтъ ничего худого. Ибо, вообще говоря, Ц. О. существуетъ не исключительно для того, чтобъ его бранили, но также и для того, чтобъ отъ него поучались.

Нѣсомнѣнно однако, что Партія не можетъ позволить себѣ роскошь — имѣть двѣ политическія оцѣнки войны. По крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ оцѣнокъ невѣрна и отъ нея необходимо отказаться. Къ сожалѣнію, мой екатеринославскій оппонентъ даже не замѣчаетъ разницы этихъ двухъ оцѣнокъ и потому изъ его письма совершенно не видно, согласенъ ли онъ съ утвержденіемъ Екатерин. Ком., что „эта губительная война ведется *всецѣло* въ интересахъ *буржуазіи*“, и что, *поэтому*, буржуазія „радостными кликами привѣтствуетъ ее“.

Что же означаетъ утвержденіе автора письма, будто комитеты приводили тѣ же воззрѣнія на войну, что и „Искра“? Вѣдь комитеты проводили воззрѣнія *двоякаго рода*. Слѣдовательно: либо „Искра“ умѣла перейти отъ одного объясненія къ другому (какъ Петерб. и Одесскій комитеты), либо она все время безсознательно сбивается съ одного толкованія на другое, чисто фразеологически связывая ихъ (какъ Николаевскій Ком., Сибирскій Союзъ, Кавказскій Союзъ). На самомъ дѣлѣ, не было и нѣтъ ни того, ни другого. Уличающій смыслъ приданъ цитатамъ, приведеннымъ въ письмѣ, силою теоретическаго недоразумѣнія: авторъ письма явно смѣшиваютъ интересы той или другой группы капиталистовъ съ интересами буржуазіи. Такое отождествленіе, неправильное вообще, въ данномъ случаѣ, неправильно сугубо.

Каждый капиталистъ есть не только представитель своего предпріятія, своей собственной фирмы, но и носитель интересовъ своего класса, представитель „фирмы“ всей буржуазіи. Какъ А, какъ В, каждый данный буржуа заинтересованъ только въ томъ, чтобы на его долю пришлась возможно большая дробь національнаго фонда прибавочной стоимости. Какъ *буржуа*, какъ безличный сынъ класса, онъ заинтересованъ въ возрастаніи всего фонда прибавочной стоимости, въ увеличеніи матеріальной мощи своего класса. Какъ А, какъ В, онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы подняться на трупахъ менѣе счастливыхъ членовъ своего класса. Какъ абстрактный буржуа, онъ заинтересованъ въ укрѣпленіи политической позиціи всей буржуазіи.

Интересы отдѣльнаго капиталиста, какъ и цѣлой капиталистической группы, могутъ, поэтому, стоять въ противорѣчіи съ интересами буржуазіи. Когда это противорѣчіе очень рѣзко, когда групповымъ эгоизмомъ задѣты какіе-нибудь основные интересы буржуазіи, тогда не только соціалисты, но и идеологи болѣе или менѣе широкихъ слоевъ буржуазнаго общества третируютъ ту или другую капиталистическую группу, какъ хищническую шайку. Связывая свой интересъ съ судьбой такого правительственнаго предпріятія, какъ война съ Японіей, эта шайка не способна, однако, перетянуть за собою на сторону самодержавной авантюры патріотическія симпатіи буржуазіи и заставить ее „радостными кликами привѣтствовать войну“.

Если, тѣмъ не менѣе, нѣкоторые слои средней и мелкой буржуазіи настроены патріотически, то это объясняется не тѣмъ, что война служитъ „всецѣло“ ихъ интересамъ, а тѣмъ, что они не понимаютъ своихъ интересовъ. Дальнѣйшій ходъ войны будетъ не повышать, а понижать уровень ихъ патріотизма.

Нашъ екатеринославскій товарищъ не понимаетъ, какъ это буржуа могутъ быть не заинтересованы непосредственно въ восточныхъ рынкахъ и въ то же время поддерживать войну, и какимъ это образомъ „царь“, затѣявшій войну въ „своихъ“ интересахъ, падая подъ тяжестью этой войны, найдетъ друзей въ лицѣ „купцовъ, фабрикантовъ и помѣщиковъ“... Авторъ письма не понимаетъ этого. А сколько разъ онъ повторялъ общія мѣста о „половинчатости“ и „предательскомъ“ характерѣ либеральной буржуазіи, порождаемомъ ея промежуточнымъ положеніемъ между реакціей и революціей, между царизмомъ и пролетаріатомъ. Но стоило ему столкнуться съ политической комбинаціей, наполняющей общее мѣсто живымъ содержаніемъ, и онъ уже представляетъ изъ себя одно воплощенное недоразумѣніе и ставитъ за счетъ нелогичности „Искры“ то, что вытекаетъ изъ противорѣчивости общественныхъ условій.

Такова основа всѣхъ блужданій нашего автора. Его отдѣльныя замѣчанія интересны лишь и исключительно для характеристики уровня теоретической и политической культуры тѣхъ товарищей, которые, какъ видно изъ заключительныхъ строкъ письма, мечтаютъ, повидимому, на III съѣздѣ „удивить міръ злодѣйствомъ“ „ортодоксальной“ безпощадности.

Ставя знакъ равенства между выгодами той или другой группы капиталистовъ и интересами буржуазіи, авторъ уличаетъ „Искру“ и изданныя ею прокламаціи въ солидарности съ екатеринославскимъ комитетомъ. „Нужда бѣдныхъ классовъ доставитъ капиталистамъ новые источники обогащенія“... говоритъ прокламація „Искры“. Но думаетъ ли авторъ письма, что эти источники обогащенія — манчжурскій и корейскій рынки? Тогда онъ жестоко ошибается. Вызываемая войною нужда бѣдныхъ классовъ создаетъ почву для самой варварской эксплуатаціи ихъ ростовщическимъ, торговымъ и промышленнымъ капиталомъ. Но ведется ли война за дѣйствительный рынокъ или фиктивный, либо даже за ключи отъ гроба Господня, это ни мало не вліяетъ на дѣло. „Искра“ писала: „буржуазія отъ войны останется въ прибыли“ (№ 61, „Война и гос. финансы“). Къ сожалѣнію, товарищъ не вполнѣ точно цитируетъ. Указанное мѣсто гласитъ: „повышеніе косвенныхъ и прямыхъ налоговъ увеличитъ податное бремя и обезсилитъ платежеспособность населенія, за исключеніемъ *кучки* буржуазіи, которая отъ войны останется въ прибыли“. Но „въ прибыли“ остается значительная часть буржуазіи и отъ каждаго неурожая, подтачивающаго внутренній рынокъ. Было бы, тѣмъ не менѣе, опрометчиво писать на этомъ основаніи, что россійскіе „недороды“ — „всецѣло въ интересахъ буржуазіи“. Тов. Т. возстаетъ противъ того, чтобы „*все буржуазное общество* выставлять виновникомъ войны“, а между тѣмъ, по изслѣдованію екатеринославскаго товарища, „Искра“... „проповѣдуетъ эту ересь“, ибо она говоритъ: 1) Только царю, его министрамъ и чиновникамъ „да еще *шайкѣ грабителей*, которые и дома выжимаютъ всѣ соки изъ народа, и нужна Манчжурія“, 2) Война началась „изъ-за того, что царь со своими министрами и *стаей хищниковъ*, желающихъ погрѣть свои руки около чужого добра, захватилъ Манчжурію“...

Мы ужъ знаемъ, что строгій авторъ *не понимаетъ разницы* между „всѣмъ буржуазнымъ обществомъ“ и „шайкой грабителей“ или „стаей хищниковъ“ — браконьеровъ и мародеровъ капитализма! Екатеринославскій Комитетъ говоритъ объ „интересахъ буржуазіи“. Авторъ письма поясняетъ, что рѣчь идетъ лишь объ интересахъ „*большинства*(?) буржуазіи“. А такъ какъ „Искра“ упоминаетъ о „*шайкѣ* грабителей“, то ясно, что „разногласій нѣтъ“, а „существуетъ единомысліе“... Авторъ указываетъ еще, между прочимъ, на такое частное противорѣчіе: „тов. Т. съ полнымъ правомъ посмѣивается надъ с.-р-скимъ выраженіемъ: „буржуазно-самодержавный строй“, а тов. Практикъ, сторонникъ меньшинства, опредѣляетъ теперешній строй, какъ „капиталистически-самодержавный“. „Что видишь сучекъ въ очеси брата своего?“ „подсмѣивается“ нашъ критикъ — впрочемъ, далеко не „съ полнымъ правомъ“. Попробуемъ, товарищъ, подумать. Несомнѣнно, вѣдь, что нашъ строй самодержавный: такова его политическая форма. Несомнѣнно также, что онъ и капиталистическій: такова его экономическая структура. Я не вижу, поэтому, причины, почему бы тов. Практику не назвать нашъ строй въ цѣломъ „капиталистически-самодержавнымъ“. Но какъ же я заслужилъ поощреніе моего оппонента, „подсмѣявшись“ надъ соотвѣтственнымъ выраженіемъ у „соц.-рев.“? Все дѣло въ томъ, что поощренъ я въ силу недоразумѣнія. Я „подсмѣивался“ не надъ выраженіемъ „буржуазно-самодержавный строй“, а надъ тѣмъ, что соц.-рев. этому строю противопоставляютъ не *буржуазно*-демократическій, а просто „демократическій“, пытаясь политической формой скрыть — отъ другихъ, какъ и отъ себя — соціально-экономическое содержаніе. Вотъ и все. Но у нашего автора есть и еще обличительныя цитаты изъ „Искры“ и ея изданій. „Преслѣдуя свои интересы... капиталисты вгоняютъ государства въ кровопролитныя и разорительныя войны...“ „Тов. Т., ликуетъ авторъ письма, отвѣтьте мнѣ, это, конечно, правильно лишь по отношенію къ Японіи? А у насъ, по мнѣнію „Искры“ и меньшинства, нѣтъ?“

Съ точки зрѣнія *общей картины мірового капитализма*, — отвѣтимъ мы — связавшаго тысячами экономическихъ и политическихъ узъ національно-государственныя хозяйства міра, цитированная общая мысль вѣрна и „по отношенію“ къ Россіи въ ея войнѣ съ Японіей. Да, и Россію „капиталисты вогнали въ войну“. Но не русскіе капиталисты, ищущіе въ Манчжуріи и Кореѣ рынка для своихъ товаровъ, а капиталисты международной биржи, въ которыхъ самодержавіе должно, подъ страхомъ своего финансоваго банкротства, поддерживать вѣру въ непоколебимую мощь царскаго оружія. Такъ обстоитъ дѣло съ этой цитатой.

Нѣсколько лучше, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, для критика обстоитъ дѣло съ цитатой изъ статьи тов. К. Д.: „Во главѣ ея (Японіи), какъ и во главѣ Россіи, стоитъ буржуазное правительство, защищающее одни только интересы капиталистовъ“. Тутъ, дѣйствительно, какъ бы отожествлено соотношеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ Россіи и Японіи. Но далѣе эта формулировка должнымъ образомъ ограничена и, что еще важнѣе, съ ней не связана та ложная оцѣнка войны, которую мы видѣли въ прокламаціяхъ нашихъ комитетовъ. Тов. К. Д. говоритъ: „Промышленность Россіи вовсе не настолько развита, чтобы пріобрѣтеніе новыхъ внѣшнихъ рынковъ являлось для нея необходимостью... Съ другой стороны, всякій здравомыслящій человѣкъ, даже *оставаясь на чисто буржуазной точкѣ зрѣнія*, можетъ понять, что чѣмъ Россіи тратить милліарды на завоеваніе *совсѣмъ ей ненужной Азіи*, лучше бы ей употребить ихъ на введеніе всеобщаго народнаго образованія“... и пр. и пр. У нашего критика „существуетъ единомысліе“ и съ тов. К. Д., высказавшимъ эти взгляды, и съ Екатериносл. Ком., утверждающимъ, что война ведется „всецѣло въ интересахъ буржуазіи“, которая поэтому и *не можетъ не привѣтствовать* ея „радостными кликами“.

Въ прокламаціи, изд. „Искрой“, авторъ возражая прихвостнямъ царизма, говоритъ, что, если бы царь дѣйствительно хотѣлъ помощи народной, онъ бы прежде всего далъ народу собираться, а у него на такія требованія „заготовлены штыки и пули“. Ясно: „Искра“ даетъ царю совѣты, какъ ему добиться народной помощи. Но „Искра“ дѣлаетъ, уважаемый товарищъ, нѣчто гораздо худшее: она въ каждомъ № обличаетъ неподготовленность самодержавія, его полную отсталость даже и въ военномъ отношеніи. Ясно: „Искра“ даетъ царю (или буржуазіи) указанія на необходимость введенія болѣе совершенныхъ методовъ истребленія японскихъ пролетаріевъ и крестьянъ... Что нибудь въ этомъ родѣ. Тотъ же листокъ, изд. „Искры“, восклицаетъ, что „россійскій народъ — царь надъ царями!“ Не ясно ли, что это ужъ прямое нарушеніе программы, которая недвусмысленно требуетъ демократической республики?! Распутываніе ученическихъ софизмовъ отнимаетъ, къ сожалѣнію, какъ видитъ читатель, слишкомъ много мѣста. Мы, поэтому, не будемъ останавливаться на рядѣ обвиненій въ томъ, что „Искра“ подмѣниваетъ классовые интересы интересами неопредѣленнаго „цѣлаго“, интересами „отечества“ и пр. Бѣдный авторъ, вѣроятно, самъ не разъ повторялъ фразу о томъ, что россійскій революціонный пролетаріатъ — носитель національнаго освобожденія, его авангардъ. Но онъ встрѣтилъ ту же мысль въ другомъ сочетаніи и въ новыхъ терминахъ — и „ересью“ показалось на этотъ разъ нашему „марксисту“ то, что онъ вообще считаетъ чистѣйшей „ортодоксіей“...

Нѣсколько словъ въ заключеніе. „Тов. Т. при написаніи своего фельетона забылъ о существованіи комитетовъ „меньшинства“, — рѣшится ли, однако, кто-нибудь утверждать, что комитеты „меньшинства“ застрахованы отъ ошибокъ въ оцѣнкѣ текущихъ политическихъ событій?... Не знаю, — я лично не рѣшусь. Комитеты меньшинства проходили ту же примитивную, политическую школу, что и комитеты „большинства“, что и всѣ мы, россійскіе соціальдемократы — за исключеніемъ небольшой группы, богатой опытомъ европейскаго движенія. Но чѣмъ „меньшинство“ безконечно отличается отъ „большинства“ — такъ это горячимъ желаніемъ учиться, которое психологически опирается на отчетливое сознаніе нашей теоретической малокультурности, нашего политическаго варварства.

Очень и очень возможно, что какой-нибудь товарищъ изъ „меньшинства“ написалъ бы прокламацію въ родѣ той, какую выпустилъ Екатеринославскій Комитетъ. Но совершенно невѣроятно, чтобы этотъ товарищъ, находящійся на такомъ уровнѣ развитія, который позволяетъ ему предположить, что великій грѣхъ соц.-рев. состоитъ въ употребленіи термина „самодержавно-буржуазный строй“, или что выгоды и барыши шайки капиталистовъ тождественны съ интересами буржуазіи и даже буржуазнаго общества, совершенно невѣроятно, чтобы этотъ товарищъ считалъ себя теоретически и политически неуязвимымъ, чтобы онъ не могъ даже допустить, что критика его дѣятельности или мышленія, можетъ исходить изъ чего-нибудь иного, кромѣ раздраженнаго самолюбія — въ связи со II съѣздомъ — и интриганскихъ соображеній — въ связи съ III съѣздомъ. Нагруженный той твердой, якобы — „ортодоксальностью“, для которой нѣтъ вопросовъ, нѣтъ задачъ, для которой — море по колѣни, екатеринославскій Катонъ настолько лишенъ элементарнаго политическаго чутья (а это не его индивидуальная особенность, это судьба всякаго исчерпавшаго себя теченія), что не замѣчаетъ, какъ *невыгоденъ* для его дѣла тотъ нравственный сыскъ, который онъ производитъ, ставя сужденіе тов. Т. о Восточно-азіатскихъ рынкахъ въ зависимость отъ явнаго желанія тов. Троцкаго малодушно отвертѣться отъ ожидающихъ его на III съѣздѣ скорпіоновъ.

Нагруженный непримиримой ортодоксальностью нашъ Катонъ весь III съѣздъ разсматриваетъ подъ угломъ зрѣнія „скорпіоновъ“. Ему не приходитъ въ голову, что задачей III-го съѣзда можетъ и долженъ быть вопросъ объ отношеніи къ войнѣ буржуазіи, которую онъ отождествляетъ съ группой земельныхъ хищниковъ, военныхъ поставщиковъ и желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ, — о политическихъ задачахъ соціальдемократіи въ нынѣшній моментъ, — о соотношеніи общедемократическаго и классового элемента въ нашей тактикѣ; ему не приходитъ въ голову, что общеніе его на III съѣздѣ съ редакціей Ц. О. можетъ и должно разносторонне обогатить его политическое сознаніе... что въ этихъ цѣляхъ необходимо на почвѣ текущаго политическаго опыта разработать къ III съѣзду рядъ тактическихъ вопросовъ... Нѣтъ, на III съѣздѣ нашъ Катонъ видитъ себя не иначе, какъ въ роли справедливаго, но безпощаднаго судьи. Предъ нимъ проходятъ Аксельродъ, Мартовъ... И онъ, Катонъ, „поступаетъ“ съ ними. Какъ? Онъ еще въ точности не знаетъ. Но строго, безпощадно строго. И духовнымъ окомъ онъ видитъ, какъ эти подсудимые и ихъ соучастники и единомышленники, въ предчувствіи злой участи, бродятъ растерянными взорами окрестъ, подыскивая для себя смягчающія обстоятельства... въ Манчжурскомъ и Корейскомъ рынкахъ.

Т.

---

[1]) Авторъ письма спрашиваетъ, откуда взяты мною слова „вся буржуазія“... Въ фельетонѣ имѣется ссылка на прокламацію Московскаго Ком. Къ сожалѣнію, у меня сейчасъ нѣтъ подъ руками этого документа.

ЧТО-ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(По поводу нашихъ организаціонныхъ разногласій).

> Велика наша земля и обильна,
> а порядку въ ней нѣтъ.
>
> Паны дерутся, а у хлопцевъ чубы
> болятъ.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, авторъ настоящей замѣтки считаетъ нужнымъ заранѣе оговориться, что онъ не признаетъ себя приверженцемъ ни „большинства“, ни „меньшинства“ нашей партіи. Онъ убѣжденъ, что его позиція въ данномъ конфликтѣ представляетъ собой позицію огромнѣйшей части какъ активныхъ партійныхъ *работниковъ*, такъ и людей, сколько-нибудь *прикосновенныхъ* къ партіи. Вмѣстѣ съ этимъ *дѣйствительнымъ* большинствомъ, онъ не былъ на второмъ съѣздѣ, не принималъ лично ни малѣйшаго участія во всѣхъ его событіяхъ и судитъ о нихъ и ихъ результатахъ по тому, какъ они отражаются на дѣлахъ нашей партіи. Возможно — и даже неизбѣжно — что его оцѣнка поведенія „большинства“ и „меньшинства“ сильно отличается отъ оцѣнки ея со стороны самихъ представителей этихъ двухъ фракцій. Поэтому онъ думаетъ, что его мнѣніе о нашихъ партійныхъ разногласіяхъ не будетъ неумѣстнымъ на страницахъ „Искры“ и что многіе ея читатели найдутъ въ немъ, хотя, быть можетъ, и не полное, но, въ общемъ, вѣрное отраженіе ихъ собственнаго взгляда на причины печальной „усобицы“ въ рядахъ нашей партіи.

Прошло уже болѣе полугода со времени злополучнаго второго съѣзда, а узелъ раздоровъ, завязавшійся тамъ, запутывается какъ будто все сильнѣе и сильнѣе. Кажется даже, что ближайшіе участники этой, нельзя сказать, чтобы ужъ очень умной борьбы потеряли всякую надежду *развязать* узелъ, и намѣрены его *разрубить*, — одинъ при помощи третьяго съѣзда, другіе путемъ „сверженія съ престола“ „тирана“[1] Ленина (см. № 66 „Искры“, письмо т. Плеханова). Къ несчастью, героическія времена Александра Македонскаго давно уже миновали, и намъ пора бы уже привыкнуть къ другимъ, менѣе сокрушительнымъ рѣшеніямъ спорныхъ вопросовъ. Прежде, чѣмъ отважиться на крайнія, поэтому и опасныя средства, необходимо еще и еще разъ присмотрѣться къ сущности нашихъ раздоровъ и поискать, нѣтъ ли какого либо болѣе мирнаго и болѣе сообразнаго съ интересами партіи способа ихъ улаженія. Замѣчательно дѣльное и вдумчивое письмо Каутскаго въ № 66 „Искры“ даетъ очень подходящій къ тому поводъ. Оно, по совершенно справедливымъ словамъ редакціи, „обратитъ на себя, вѣроятно, вниманіе всѣхъ, интересующихся нашими партійными дѣлами и, надо надѣяться, будетъ способствовать болѣе спокойному и хладнокровному отношенію массы членовъ партіи къ тѣмъ конфликтамъ, начало которымъ было положено вторымъ съѣздомъ партіи“. Лично пишущему эти строки письмо Каутскаго, несмотря на удивительную простоту высказанныхъ въ немъ мыслей, уяснило очень многое въ нашихъ партійныхъ неурядицахъ, а главное дало вѣрный критерій для опредѣленія степени важности угнетающихъ насъ разногласій. И если редакція „Искры“ съ „большимъ удовлетвореніемъ“ констатируетъ, что Каутскій высказался противъ позиціи „большинства“, то въ томъ же письмѣ она найдетъ многое такое, что должно заставить ее *покраснѣть* за поведеніе и позицію „меньшинства“, если только, конечно, она „спокойно и хладнокровно“ обдумаетъ его. Мы говоримъ это не для того, чтобы непремѣнно сказать что нибудь *непріятное* редакціи, а чтобы заставить ее поискать сучки въ собственномъ глазу: быть можетъ, добросовѣстно продѣлавъ эту операцію, она найдетъ тамъ цѣлое бревно. Но это, конечно, дѣло *ея* совѣсти и *ея* способности къ „хладнокровному и спокойному“ сужденію. Мы же будемъ излагать *наши собственныя мысли*. Итакъ, въ чемъ же теперь дѣло? Что же, наконецъ, *великое* и *важное* мѣшаетъ „большинству“ и „меньшинству“ дружно объединиться въ совмѣстной работѣ? Мы нарочно подчеркнули слова *великое* и *важное*, чтобы этимъ самымъ оттѣнить ту мысль, что только дѣйствительно, какое-нибудь *важное* и *существенное* разногласіе можетъ оправдать тотъ поразительный „безпорядокъ“, который съ верху до низу царитъ въ настоящее время въ нашей партіи.

На съѣздѣ расхожденіе произошло, какъ извѣстно, по тремъ пунктамъ различной важности: а) по § 1 устава, по вопросамъ о составѣ b) редакціи Ц. О. и с) Ц. К. Споры по всѣмъ этимъ пунктамъ и привели къ образованію „большинства“ и „меньшинства“. Однако, въ *настоящее* время спорнымъ пунктомъ остался только одинъ, а именно третій; первые же два такъ или иначе уже улажены и прямо и непосредственно не могутъ уже служить яблокомъ раздора. Первый пунктъ рѣшенъ еще на съѣздѣ, простымъ большинствомъ голосовъ; второй — послѣ съѣзда, когда тов. Плехановъ, за выходомъ изъ редакціи тов. Ленина, оставшись единоличнымъ редакторомъ, кооптировалъ ея прежній составъ.

---

[1]) Этихъ словъ, поставленныхъ авторомъ въ кавычки, нѣтъ въ письмѣ Плеханова.
Ред.

Итакъ, *только споръ о составѣ Ц. К.* и дѣлитъ нашу партію на „большинство“ и „меньшинство“ и *только онъ* такъ отравляетъ атмосферу партійной жизни. Что дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ, достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тов. Плехановъ въ № 57 „Искры“. Пытаясь разсѣять вызванныя его статьей „Чего не дѣлать“ „грустныя“ недоразумѣнія и выяснить истинный смыслъ своихъ словъ, онъ опредѣленно и рѣшительно заявляетъ, что нашъ Ц. К. „долженъ принять мѣры къ тому, чтобы явиться выраженіемъ всей нашей партіи, а не одной только части ея“, т. е., другими словами, кооптировать представителей отъ „меньшинства“. „Будетъ ли исполнено это требованіе? — пишетъ тов. Плехановъ дальше, — этого *я не знаю. Но я* хорошо знаю, что исполненіе его является единственнымъ средствомъ вывести нашу партію изъ состоянія тяжелаго кризиса, который чрезвычайно ослабляетъ наши позиціи и усиливаетъ позиціи нашихъ многочисленныхъ противниковъ и враговъ“. Итакъ, кризисъ можетъ быть устраненъ такой простой мѣрой, какъ кооптація въ Ц. К. представителей „меньшинства“. Другими словами, причина „ослабленія“ нашихъ позицій и „усиленія“ позицій нашихъ противниковъ и враговъ лежитъ, видимо, въ томъ, что Ц. К. упорствуетъ въ своемъ нежеланіи ввести въ свой составъ нѣсколько представителей „меньшинства“, на Цен. Ком., слѣдовательно, лежитъ тяжелая отвѣтственность за тотъ вредъ, который, несомнѣнно, принесенъ нашей партіи мѣсяцами разброда и хаоса.

Таково убѣжденіе „меньшинства“. И чтобы, съ одной стороны, предохранить партію отъ „вреднаго“ вліянія Ц. К., съ другой — возможно скорѣе водворить въ ней нормальную жизнь, оно втеченіи полугода систематически устранялось отъ работы на него и всячески затрудняло его дѣятельность, отвлекая отъ него силы и средства и всюду сѣя недовѣріе къ нему. *Такимъ путемъ* оно надѣялось заставить Ц. К. пойти на уступки, т. е. кооптировать въ свой составъ соотвѣтственное число представителей „меньшинства“.

Итакъ, если съ одной стороны „возвышенные“ мотивы и своеобразное пониманіе „интересовъ партіи“ удерживало Ц. К. отъ удовлетворенія требованій „меньшинства“, то столь же „возвышенныя“ побужденія и столь же близорукое пониманіе „интересовъ партіи“ одухотворяло „меньшинство“ въ его, внѣ всякаго сомнѣнія, *дезорганизаторской* дѣятельности, (ибо дискредитировать на каждомъ шагу Ц. К., отвлекать отъ него силы и средства и значитъ наносить тяжкіе удары партійной организаціи).

Но, отвлекаясь пока отъ вопроса объ отвѣтственности кого-либо за настоящее критическое положеніе партіи, мы поставимъ сперва слѣдующій вопросъ: дѣйствительно-ли кооптація представителей „меньшинства“ въ Ц. К. необходима была *въ такой степени*, чтобы изъ этого допустимо на цѣлые шесть-семь мѣсяцевъ тормозить партійную жизнь? До сихъ поръ намъ неизвѣстно *ни одного* сколько нибудь убѣдительнаго аргумента, который могъ бы оправдать *тотъ способъ*, которымъ „меньшинство“ боролось за мѣсто въ Ц. К. Какъ уже видитъ читатель, мы вовсе не склонны думать, что Ц. К. *не долженъ былъ* итти на встрѣчу требованіямъ „меньшинства“. Очень вѣроятно, что наша партія не переживала бы теперь такихъ безотрадныхъ дней, если бы онъ во время сдѣлалъ необходимыя уступки. Но не менѣе вѣроятно также и то, что наши дѣла не находились-бы въ такомъ плачевномъ состояніи, если бы „меньшинство“, видя, что Ц. К. не идетъ на *всѣ* желательныя для него уступки, примирилось бы съ тѣмъ, *что есть*, т. е. взяло бы то, что ему давали и наряду съ „большинствомъ“ принялось бы за то дѣло, которое стояло и теперь еще стоитъ на ближайшей очереди, т. е. за *укрѣпленіе партійнаго практическаго центра*. Всякому мало-мальски разумному соціальдемократу должно быть вполнѣ ясно, что если наша партія не будетъ имѣть стойкаго и хорошо укрѣпленнаго центра, то наша *мѣстная* работа на добрую половину или невозможна или мало производительна. Поэтому, въ интересахъ партіи мы прежде всего обязаны создать, если ужъ не „политическаго вождя“ партіи, то, по крайней мѣрѣ, тотъ центральный партійный аппаратъ, который, въ свою очередь, создалъ бы матеріальныя *техническія* предпосылки широкаго размаха партійной работы, а, слѣдовательно, и облегчилъ бы возможность появленія „политическаго вождя“. Объ этомъ послѣднемъ „меньшинство“ толковало очень много, но, къ сожалѣнію, не только не содѣйствовало, но всячески *мѣшало* укрѣпленію того матеріальнаго базиса, при наличности котораго и возможно *серьезно* думать о широкомъ политическомъ руководительствѣ рабочими массами. Мы лично убѣждены въ томъ, что при настоящемъ состояніи нашей организаціи самый талантливый Ц. К. не былъ бы въ состояніи предпринять какія либо серьезныя политическія акціи, а вынужденъ былъ-бы посвятить всѣ свои силы выполненію тѣхъ необходимыхъ предварительныхъ работъ, которыя съ неменьшимъ успѣхомъ могутъ быть сдѣланы и простыми смертными, не награжденными семью пядями во лбу. Работы эти сводятся къ установленію прочныхъ связей между мѣстными и центральнымъ комитетомъ, созданію хорошей, всюду проникающей сѣти агентовъ, правильной организаціи пересылки литературы и т. п. Бундовскіе „вожди“ широкими политическими горизонтами не обладаютъ, но все же съумѣли создать такую организацію, о которой мы только еще мечтаемъ. Наша лично „умѣренность и аккуратность“ простирается на столько далеко, что *сейчасъ* мы предпочли бы самую маленькую, но реальную синицу организаціи въ рукахъ, самому огромному маниловскому журавлю „политическаго руководительства“ въ небѣ. Весьма возможно, что это замѣчаніе вызоветъ у нѣкоторыхъ, черезъчуръ экспансивныхъ товарищей взрывъ негодованія. Пусть: „хорошими то словами, братъ, адъ вымощенъ — скажемъ мы ему, а ты покажи ка намъ *на дѣлѣ*, какъ строятся крѣпкія политическія организаціи!“

Правда, свое уклоненіе отъ работы на Ц. К. „меньшинство“ оправдываетъ тѣмъ якобы серьезнымъ, соображеніемъ, что оно не хотѣло быть невольнымъ проводникомъ принциповъ, съ которыми оно должно бороться. Но это возраженіе не болѣе, какъ вздорный софизмъ, основанный на неправильной аналогіи между *государствомъ* и *партіей*. Быть въ роли агента русскаго правительства и Ц. К. далеко не одно и то же, — разъяснять это, думаемъ, нѣтъ никакой надобности. Помимо того, дѣятельность Ц. К. обусловливается, между прочимъ, и свойствами тѣхъ орудій, которыми онъ распоряжается. Слѣдовательно, его агенты изъ „меньшинства“ тѣмъ большее вліяніе оказывали бы на „политику“ Ц. К., чѣмъ болѣе необходимыми винтами въ партійной машинѣ они были бы, т. е. чѣмъ болѣе активную роль въ *общей* работѣ они выполняли-бы, — а это, разумѣется, возможно только въ случаѣ *участія*, а не *отказа отъ участія* въ общепартійной работѣ. Далѣе Составъ Ц. К. долженъ быть, по необходимости, текучимъ и въ него естественно должны втягиваться всѣ наиболѣе активные элементы партіи. Слѣд. ничуть не исключается, а напротивъ, само собой подразумѣвается, что современемъ, при установленіи нормальныхъ отношеній въ партіи, въ Ц. К. неизбѣжно должны войти и приверженцы „меньшинства“ и даже, быть можетъ, вполнѣ овладѣть имъ, если они окажутся наиболѣе умѣлыми и энергичными работниками. Никому-бы изъ „большинства“ и въ голову не пришло въ такомъ случаѣ огорчаться, просто потому, что это дѣленіе нашей партіи есть преходящій признакъ настоящаго ненормальнаго момента и исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ непонятной претензіи на „представительство“ въ Ц. К. партіи. Въ случаѣ же, если бы Ц. К. вздумалъ чѣмъ либо ограничить этотъ естественный и въ высшей степени желательный отборъ, оппозиція была-бы въ состояніи вызвать со стороны общественнаго мнѣнія соотвѣтственную реакцію. Не какъ теперь, „когда одна рука творитъ, другая сокрушаетъ“, а здоровымъ, нормальнымъ и безопаснымъ для цѣлости партіи путемъ. Такимъ образомъ, пожертвовавъ частью своихъ требованій (такъ какъ дѣло шло не о *всѣхъ*, а лишь о *незначительной* части требованій), „меньшинство“ не содѣйствовало-бы той анархіи, которая господствуетъ теперь въ партіи и, несомнѣнно, стояло бы ближе къ своей цѣли: къ ослабленію вредныхъ, съ его точки зрѣнія, тенденцій Ц. К. Оно не навлекло бы на себя упрековъ — въ значительной своей части, *вполнѣ справедливыхъ* — въ легкомысленномъ отношеніи къ партійной дисциплинѣ. Оно не видѣло бы такого явнаго недовѣрія къ себѣ со стороны большинства комитетовъ партіи, недовѣрія вполнѣ естественнаго и понятнаго, ибо невозможно оправдать мотивы страннаго поведенія „меньшинства“, столь необдуманно и легко игравшаго самымъ существованіемъ партіи.

Вотъ то „бревно“ въ глазу „меньшинства“, которое оно упорно не хочетъ замѣчать, но надъ которымъ ему слѣдовало бы поразздумать по прочтеніи письма К. Каутскаго. И чѣмъ скорѣе оно его замѣтитъ, тѣмъ скорѣе придемъ мы къ давно желанному миру въ партіи. И если *формально* Ц. К., можно сказать, одинъ виноватъ во всей этой печальной исторіи, — ибо послѣ того, какъ „меньшинство“ отклонило всѣ его *разумныя* уступки, ему слѣдовало бы удовлетворить даже и *неразумныя* требованія оппозиціи, если того требовали интересы партіи (бываютъ же въ жизни такіе „фокусы“!) — то *по существу*, послѣ того, какъ Ц. О. перешелъ въ руки „меньшинства“, на немъ лежитъ самая большая и самая тяжелая часть вины за дезорганизацію партіи втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ. Таково, вѣроятно, не наше только личное мнѣніе: здравый смыслъ и нормальное чувство революціонера не могутъ привести къ инымъ выводамъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать оговорку. Мы вовсе не пишемъ обвинительный актъ противъ „меньшинства“ и не стараемся обѣлить „большинство“. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы подвести предварительные итоги внутри-партійной борьбѣ, и если мы подробно остановились на роли въ этой борьбѣ „меньшинства“, такъ только потому, чтобы внести поправку и отчасти объясненіе той картины партійнаго „опустошенія“, которая старательно, но нѣсколько односторонне, излагается на страницахъ „Искры“. Мы не видимъ ничего дурного въ томъ, если ея читатели познакомятся и съ другимъ ея освѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что редакція постарается, навѣрное, въ достаточной мѣрѣ ослабить его. Съ другой стороны, если прошлое, дѣйствительно, даетъ уроки настоящему и питаетъ будущее, то пусть члены партіи, *всесторонне* разбирая свои и чужія ошибки, учатся „чего не дѣлать“.

Но что же дальше? Какъ выйти изъ тупого переулка партійныхъ междуусобицъ? При доброй волѣ и *искреннемъ* желаніи служить только *дѣлу*, только ему одному, найти выходъ не очень трудно. Мы убѣждены, что переживаемый нашей партіей кризисъ является выраженіемъ слишкомъ быстраго перехода отъ тѣсной кружковой къ широкой партійной жизни.

Привыкшая къ старымъ условіямъ *кружковой* дѣятельности, психика революціонеровъ, естественно, не могла сейчасъ же приспособиться къ новымъ, болѣе сложнымъ условіямъ *партійной* жизни и... натворила глупостей „на всю Россію“. И не одинъ тов. Ленинъ, какъ думаетъ тов. Плехановъ, повиненъ въ этомъ, а *весь* „синклитъ“ нашихъ „вождей“, весь безъ исключенія, причемъ каждый „глупилъ“ на свой особый ладъ. Кружковая жизнь всегда связана съ преобладаніемъ *смѣлости* надъ *разсудительностью*, а партійная — требуетъ гармоніи этихъ двухъ свойствъ. Въ переживаемомъ нами кризисѣ *неразсудительная смѣлость* поступковъ была причиной многихъ и многихъ бѣдъ. Теперь мы должны высказать побольше *смѣлой разсудительности* и *разсудительной* смѣлости. И первымъ шагомъ къ тому будетъ чистосердечное признаніе своихъ ошибокъ *обѣими* сторонами и, по возможности, скорѣйшее устраненіе всѣхъ тѣхъ недоразумѣній и треній, которыя мѣшаютъ дружной совмѣстной работѣ на партію. Пережитое не пройдетъ даромъ и не дастъ возможности повторить подобныя прошлымъ роковыя ошибки... А, вѣдь, все ближайшее будущее партіи зависитъ отъ какого-нибудь десятка „пановъ“, засѣдающихъ въ центрахъ. Вся огромная армія „хлопцевъ“, разбросанная по обширному пространству Россіи, не принимаетъ непосредственнаго участія въ конфликтѣ и ждетъ его разрѣшенія отъ нихъ. Правда, многіе изъ нихъ, слишкомъ ужъ больно ощущая на своихъ чубахъ послѣдствія несуразной „панской драки“, начинаютъ приходить къ мысли о вмѣшательствѣ въ дѣло съѣзда, не потому, что они желаютъ кого-то тамъ „подавить“, а просто потому, что не видятъ „конца краю“ панскому упрямству. Отсюда видно, какая огромная и страшная отвѣтственность лежитъ на этомъ десяткѣ „пановъ“.

А между тѣмъ, жизнь не ждетъ, она быстро мчится впередъ и все болѣе усложняетъ и расширяетъ наши задачи. Достаточно просмотрѣть хотя бы извѣстія № 66 „Искры“, чтобы видѣть, какая необъятная масса спѣшной, настоятельной и благодарной работы ждетъ нашу партію. И неужели мы опять и опять принуждены будемъ съ краской стыда сознаться, что мы опоздали, не приготовились во время, не сумѣли овладѣть событіями и дать имъ желательное намъ направленіе! „На русской соціальдемократіи, говоритъ Каутскій въ своемъ письмѣ, лежитъ большая отвѣтственность. Если она не сможетъ объединиться, то она предстанетъ передъ лицомъ исторіи и передъ лицомъ международнаго пролетаріата, какъ группа политиковъ, имѣвшихъ передъ собою драгоцѣнный, незамѣнимый случай — свергнуть русское самодержавіе — и упустившихъ его изъ за личныхъ и организаціонныхъ разногласій, самыхъ ничтожныхъ въ сравненіи съ великой исторической задачей, выпавшей имъ на долю“. Эти золотыя слова необходимо основательно продумать и проникнуться ихъ глубокимъ смысломъ всѣмъ тѣмъ, кто еще не оцѣнилъ въ достаточной мѣрѣ всю серьезность переживаемаго нами момента и всю страшную опасность нашихъ раздоровъ. Въ особенности должны принять ихъ „къ свѣдѣнію и руководству“ тѣ, отъ кого въ первую голову зависитъ или поддерживать установившееся statu quo, — и тогда мы гигантскими шагами пойдемъ на встрѣчу неминуемымъ *пораженіямъ* и вполнѣ заслуженному *сраму*, — или же энергичный и добросовѣстный разрывъ съ анархіей настоящихъ дней, — и тогда мы скоро займемъ подобающее намъ мѣсто въ борьбѣ за свободу и соціализмъ!

Но для этого необходимо разстаться съ неумнымъ взаимнымъ упрямствомъ и итти на возможно большія уступки другъ другу. Въ настоящій критическій для партіи моментъ уступки не будутъ означать *пораженія* того, кто ихъ дѣлаетъ. Нѣтъ! Каждая такая уступка будетъ означать *побѣду*, побѣду надъ косностью мысли и воли во имя великихъ интересовъ россійскаго и международнаго пролетаріата! Хватитъ ли у насъ желанія перенести *такія* пораженія? Посмотримъ!

N. N.

Отъ редакціи. Тов. N. N., видимо, очень добросовѣстно старается держаться „нейтрально“ въ нынѣшнемъ партійномъ спорѣ и, поскольку ему это удается, онъ высказалъ нѣкоторыя цѣнныя мысли. Къ сожалѣнію, ему это не всегда удается.

Достаточно тенденціозной является попытка *всѣ* разногласія свести къ тремъ отмѣчаемымъ товарищемъ вопросамъ, изъ которыхъ два цѣликомъ относятся къ спору о „мѣстахъ“. Что тов. Ленинъ *такъ* смотритъ на дѣло, это понятно, но тов. Ленинъ и не брался давать вполнѣ объективную картину конфликта. Давая свое объясненіе, повторяющее то самое, которое тов. Ленинъ и другіе, иже съ нимъ, связали съ рядомъ *обвиненій* противъ „меньшинства“, обвиненій въ „оппортунизмѣ“ и „карьеризмѣ“, тов. N. N. обязанъ былъ заявить свое отношеніе къ *такому* толкованію характера разногласій по этимъ тремъ пунктамъ. Это было бы важно уже потому, что „меньшинство“, въ свою очередь, видитъ сущность партійнаго кризиса не въ спорѣ, напримѣръ, о § 1, а въ томъ, что рѣшеніе этого спора на съѣздѣ въ духѣ „меньшинства“ послужило, какъ это неоднократно признавалъ тов. Ленинъ, къ введенію такъ называемаго „осаднаго положенія“ противъ этого самаго „меньшинства“, т. е. къ системѣ „раскассированія“ той части партіи, которая провинилась по первому пункту. Почему же тов. N. N. обходитъ вопросъ объ *этомъ* разногласіи, о допустимости „осаднаго положенія“ въ партіи, *о возможности существованія* партіи, деморализуемой систематически „осаднымъ положеніемъ“? Отчего тов. N. N. молчитъ о своемъ отношеніи къ разногласію по вопросу о „бонапартизмѣ“, т. е. о допустимости, чтобы партійныя организаціи „составлялись“ тѣмъ самымъ центромъ, который передъ ними отвѣтственъ? Еслибы тов. N. N. не счелъ за лучшее молчать объ этомъ, онъ не могъ бы такъ „просто“ рѣшать вопросъ о средствахъ къ устраненію конфликта. Ни одинъ серьезный организаціонный конфликтъ не можетъ быть улаженъ безъ взаимныхъ уступокъ. Въ этомъ авторъ правъ. Но какъ быть съ тѣми, кто a priori считаетъ мысль о *такихъ* уступкахъ „оппортунизмомъ“, кто, какъ тов. Ленинъ, съ наивнымъ изумленіемъ вопрошаетъ: когда же былъ такой съѣздъ, на которомъ въ вопросахъ организаціонной практики обходились бы безъ майоризаціи? Какъ быть съ тѣми, чья *оффиціальная* „доктрина“ гласитъ, что предполагаемые сочлены по партіи должны быть, прежде всего, поставлены „въ такое положеніе, при которомъ не могли бы вредить“? Очевидно, что, чтобы стали возможны взаимныя уступки, обѣ стороны должны заранѣе быть согласны въ томъ, что всѣ члены партіи, признающіе программу, одинаково „праведны“. Что „меньшинство“ такъ смотритъ на дѣло, это явствуетъ изъ самого упрека, дѣлаемаго ему въ желаніи „концентрировать всѣхъ“... и даже „южнорабоченцевъ“. И пока „большинство“ не заявитъ открыто, что и оно отвергаетъ дезорганизаторскій призывъ тов. Ленина оберегать единство партіи путемъ организаціоннаго преслѣдованія доброй половины ея членовъ, до тѣхъ поръ маниловщиной являются призывы къ „меньшинству“ показать примѣръ терпимости. А когда „большинство“, въ которомъ, мы увѣрены, назрѣваетъ сознаніе опасности бонапартистскихъ, съ позволенія сказать, „принциповъ“ организаціи, это сдѣлаетъ, тогда въ другомъ свѣтѣ предстанутъ и тѣ „требованія мѣстъ“, которыя меньшинствомъ выдвинуты и отстаивались, какъ *единственное средство* помѣщать тому дѣленію партіи на двѣ *фактическія* организаціи съ двумя политическими центрами, къ которому должна быть привести провозглашенная „большинствомъ“ тактика „осаднаго положенія“.

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: „КАУТСКІЙ О НАШИХЪ ПАРТІЙНЫХЪ РАЗНОГЛАСІЯХЪ“.

Редакція „Искры“ (вся или большинство ея? Неужели тов. Плехановъ тоже получилъ „большое удовлетвореніе“ напр., отъ согласія Каутскаго съ § 1 въ формулировкѣ Мартова?) съ большимъ удовлетвореніемъ констатируетъ, что Каутскій „во всѣхъ существенныхъ пунктахъ высказался противъ позиціи, занятой большинствомъ“. Это удовлетвореніе не совсѣмъ понятно. Каутскій, вѣдь, самъ констатируетъ свое малое знакомство съ русскими условіями, и это вовсе не излишняя скромность съ его стороны: изъ его статьи ясно видно, что ему крайне смутно извѣстны не только всѣ перипетіи нашихъ разногласій, но даже и самая постановка вопроса той и другой стороной. Каутскій пишетъ, что *не вѣритъ* обвиненіямъ противъ Аксельрода и его друзей въ склонности къ оппортунизму, такъ какъ *не имѣетъ возможности провѣрить этихъ обвиненій*, а Аксельрода, Плеханова ~~и~~ Засуличъ знаетъ уже давно, „какъ ясные и послѣдовательно мыслящіе умы“; не говоря уже о томъ, что эта вѣра Каутскаго должна будетъ сильно поколебаться, когда онъ узнаетъ, что одинъ изъ этихъ ясныхъ умовъ, тов. Плехановъ, былъ однимъ изъ вождей большинства, выступившаго противъ Аксельрода, Засуличъ и др. съ обвиненіями въ оппортунистическихъ шатаніяхъ въ организаціонномъ вопросѣ, не говоря уже объ этомъ, отмѣтимъ, констатированный самимъ Каутскимъ, фактъ его некомпетентности и спросимъ: неужели позиція меньшинства такъ слаба, что оно получаетъ „большое удовлетвореніе“ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ нимъ соглашаются не на основаніи провѣрки его *теперешней* позиціи, а лишь на томъ основаніи, что въ его рядахъ имѣются товарищи, *донынѣ* не подававшіе повода вѣрить въ обвиненія ихъ въ оппортунизмѣ? Неужели меньшинство не надѣется уже, что можно и по повѣркѣ его позиціи согласиться съ нимъ? По моему мнѣнію, основныя мысли Каутскаго, особенно насчетъ § 1, вполнѣ подтверждаютъ какъ правильность формулировки Ленина, такъ и обвиненіе большинствомъ меньшинства въ оппортунистическихъ шатаніяхъ. Каутскій заявляетъ, что для свободной страны признаетъ необходимость *участія* каждаго члена партіи въ организаціи. Принципіальнаго разграниченія между партіей и организаціей для него не существуетъ. Партія, какъ *организованная* часть пролетаріата, является его идеаломъ, недостигнутымъ еще и нѣмецкой партіей, руководствующейся пунктомъ устава, похожимъ на Мартовскій § 1, страдающей отъ этого, по мнѣнію Каутскаго, пережитка полицейскихъ условій времени исключительнаго закона противъ соціалистовъ и не могущей отъ него пока еще избавиться. Для Каутскаго споръ о § 1 не принципіальный, а споръ о цѣлесообразности. Онъ авторъ слѣдующихъ строкъ: „Пролетарій — ничто, пока онъ остается изолированнымъ индивидуумомъ. Всю свою силу, всю свою способность къ прогрессу, всѣ свои надежды и чаянія черпаетъ онъ изъ *организаціи*, изъ планомѣрной совмѣстной дѣятельности съ товарищами“ (Neue Zeit, № 4. 1903, Franz Mehring s. 102) и признаетъ организаціонныя отношенія не только платонически. Для меньшинства — это споръ принципіальный, это „перегибаніе палки“ Ленинымъ, преувеличеніе роли сознанія, формализмъ, бюрократизмъ и проч. По Аксельроду (проток. съѣзда, стр. 243) „§ 1 въ формулировкѣ Ленина является прямымъ принципіальнымъ противорѣчіемъ съ съ самой сущностью, съ задачами соц.-дем. партіи пролетаріата“; онъ требуетъ разграниченія понятія партія и организація, заключая почему то, что этотъ принципъ долженъ быть проведенъ еще болѣе строго въ соціальдемократической организаціи, чѣмъ у „Народной Воли“ (стр 238). Почему соціальдемократическая партія массъ, задающаяся цѣлью организовать эти массы, должна идти въ организаціонномъ вопросѣ по пути „Народной Воли“ — партія заговорщиковъ par excellence — осталось тайной тов. Аксельрода. Тов. Мартовъ смѣется надъ § 1 Ленина, упрекая его въ пустой тавтологіи: партія есть организація, организація — партія. Пролетарская психологія, требующая именно отожествленія партіи съ суммой различнаго рода организацій, настолько чужда меньшинству, что оно даже не въ состояніи вести спора въ плоскости, данной Ленинымъ. Ленинъ даетъ параграфомъ первымъ стимулъ къ организаціи. Партія не классъ, а его авангардъ, его сознательные элементы и *всѣ* эти элементы должны быть организованы. Весь центръ тяжести этой постановки вопроса именно въ подчеркиваніи необходимости стремиться къ организаціи всѣхъ элементовъ, входящихъ въ партію, и лишь попутно разрѣшается вопросъ о томъ, какіе элементы войдутъ въ партію; ясно, что наиболѣе сознательные, признающіе программу и организаціонныя отношенія и признанные таковыми партіей. Меньшинство, не допускающее мысли объ отожествленіи партіи съ суммой организацій, переноситъ центръ тяжести на вопросъ, „какіе элементы войдутъ въ партію“ и, рѣшая, что, по Ленину, войдутъ лишь организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, всю свою борьбу сосредоточиваютъ противъ этой тенденціи съузить партію до размѣровъ заговорщической организаціи. Напрасно Ленинъ и другіе заявляютъ, что должны существовать не только конспиративныя, тайныя организаціи, а организаціи всевозможныхъ родовъ, мартовцы упорно не замѣчаютъ этихъ другихъ организацій. Одинъ тов. Аксельродъ замѣтилъ, что Ленинъ идетъ навстрѣчу меньшинству своими периферійными кружками, что меньшинство такимъ образомъ ломится, по его выраженію, въ открытую дверь, но выводовъ изъ этой совершенно правильной мысли Аксельрода ни онъ самъ, ни его единомышленники никакихъ не сдѣлали, и ломятся съ все болѣе и болѣе растущимъ ожесточеніемъ и послѣ съѣзда въ открытую дверь. Эти периферійные кружки, эти широкіе рабочіе союзы всякаго рода совершенно чужды интеллигентскому индивидуализму, недооцѣнивающему значенія организаціи. Организацій профессіональныхъ революціонеровъ было уже за глаза довольно этой психологіи. Меньшинство и по сей часъ въ серьезъ не принимаетъ этихъ другихъ ленинскихъ организацій, онѣ, по его мнѣнію, придуманы Ленинымъ на съѣздѣ лишь для отвода глазъ, чтобы контрабандой провести его излюбленную, якобы, мысль о съуженіи партіи до организаціи заговорщиковъ, мечту, развиваемую имъ якобы еще въ „Что дѣлать?“. Ахъ, этотъ неисправимый „змій искуситель“! И все то онъ, все такъ хитро „закрываетъ забрало“! Ну, а кто же изъ дѣйствительно знакомыхъ съ „Что дѣлать?“ и съ „Письмомъ къ товарищу“ не знаетъ, что Ленину уже давно было, по выраженію нѣмцевъ, bitterer Ernst — до зарѣзу важны эти широкія организаціи? Когда Каутскій соглашается съ формулировкой Мартова, то дѣлаетъ это изъ за невозможности, по его мнѣнію, включить при самодержавіи всѣхъ членовъ партіи въ тайныя организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, съ чѣмъ согласно, думаю, и все большинство, т. е. дѣлаетъ ту же ошибку, что и меньшинство — не замѣчаетъ периферійныхъ кружковъ, ошибку, проистекающую у него попросту изъ того, что онъ мало посвященъ въ наши пренія на съѣздѣ.

Возможны ли широкія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ? Должна ли партія состоять изъ однихъ лишь профессіональныхъ революціонеровъ? Нѣтъ! отвѣчаетъ и большинство и меньшинство, причемъ меньшинство въ своемъ чисто метафизическомъ голомъ отрицаніи спѣшитъ прибавить: „значитъ, въ партіи должны быть и не только организаціи (а для меньшинства вѣдь не существуетъ *организацій* не профессіональныхъ революціонеровъ, а лишь отдѣльные члены, состоящіе подъ контролемъ организаціи), но и неорганизованные элементы“. Это положеніе, не подчеркивая стимула къ организаціи, измѣняетъ принципу, выставляемому и не однимъ Каутскимъ и Ленинымъ, принципу, по которому задачей соціальдемократической партіи является не только ускорить процессъ выработки соціалистическаго сознанія пролетаріата, но и *организовать* всѣ сознательныя силы его, по которому внѣ солидарности, внѣ организованности пролетаріата нѣтъ ему спасенья отъ гнета капитала, нѣтъ человѣчеству возможности „совершить скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Меньшинство не сумѣло остаться на высотѣ этого принципа, вѣрнѣе, признавая его лишь платонически, пожертвовало имъ въ угоду интересамъ даннаго момента, а это и есть оппортунизмъ. Большинство безъ жертвы принципомъ разрѣшило вопросъ на практикѣ: периферійные кружки и широкіе рабочіе союзы и даютъ стимулъ къ организаціи и позволяютъ расширять партію до безконечности, и разрѣшаютъ попутно вопросъ о составѣ партіи, ставя, претендующихъ на званіе ея членовъ подъ ея контроль и исключая этимъ возможное, при „эластичности“ формулы Мартова, обремененіе партіи расплывчатыми элементами, отъ которыхъ такъ страдаетъ теперь нѣмецкая партія. Передовица „Leipziger Volkszeitung“, — органа лѣваго крыла нѣмецкихъ товарищей. — отъ 11 VI 1904 „Къ реформѣ организаціи партіи“ пишетъ, отмѣтивъ недовольство въ партіи широкой автономіей округовъ и стремленіе къ болѣе строгой централизаціи: „Но эта не строгая централизація на основѣ мѣстной (не общепартійной) является уже традиціей и не поддается измѣненію импровизаціей сверху. Теперешняя партійная организація страдаетъ много меньше отъ недостатка централизма, чѣмъ отъ несоотвѣтствія между организованными элементами и голосующими за партію, и особенно отъ стремленія партійной тактики считаться съ неорганизованными элементами“. Событія послѣднихъ лѣтъ въ германской партіи, думаю, уже достаточно показали, сколь опасно подобное смѣшеніе элементовъ не годныхъ, не поддающихся организаціи съ элементами организованными; исторія нѣмецкой партіи учитъ насъ, какъ мы должны строить нашу организацію. Формулировка Мартова должна быть отвергнута на третьемъ съѣздѣ. Повторять ошибку нѣмецкихъ товарищей, происшедшую отъ отсутствія примѣра на практикѣ, значитъ отказаться самостоятельно использовать ихъ опытъ и шаблонно подражать ихъ каждому шагу. Позже, когда партія сживется съ ошибочнымъ параграфомъ, труднѣй будетъ ломать уже создавшіяся организаціонныя отношенія. Кончаемъ. Редакція пишетъ: „разумѣется, если бы Каутскому были извѣстны остроумныя попытки „углубить“ позицію „большинства“, сдѣланныя уральскими „представителями“ и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, онъ еще менѣе нашелъ бы въ себѣ солидарности съ этимъ „большинствомъ“. Мы же глубоко убѣждены, что, разумѣется, если бы Каутскому были извѣстны остроумныя попытки „углубить“ позицію „меньшинства“, сдѣланныя тт. Аксельродомъ, Мартовымъ и др. и посягающія на самую сущность соціальдемократіи, попытки свести вопросъ о цѣлесообразности той или иной формулировки къ вопросу о принципіальныхъ разногласіяхъ, попытки возвести свое толкованіе соотношенія между партіей и классомъ — по Мартову нужно дать право каждому стачечнику объявлять себя членомъ партіи, — партіей и организаціей — по Аксельроду подражаніе народовольцамъ (см. выше), партіей и желающими вступить въ ея ряды — по Аксельроду (стр. 243) никакими декретами нельзя запретить вступить въ партію всякому, кто хочетъ себя называть соціальдемократомъ — въ послѣднее слово соціальдемократической теоріи, онъ оставилъ бы свою „вѣру“ въ непогрѣшимость Аксельрода, Засуличъ и ихъ друзей, констатируя еще разъ, что пословица errare humanum est (человѣкамъ свойственно ошибаться) имѣетъ свое приложеніе даже и къ „яснымъ и послѣдовательно мыслящимъ умамъ“.

А что Каутскаго объявятъ оппортунистомъ, пусть редакція не безпокоится. Зачѣмъ же валить съ больной головы да на здоровую! Каутскій такъ же далекъ отъ воззрѣній Мартова и др., какъ былъ далекъ Либкнехтъ, на котораго нѣкогда ссылалось „Рабочее Дѣло“, защищая свои повороты, отъ тов. Кричевскаго, перемѣнявшаго въ 24 часа не только свою тактику, но и руководящіе принципы.

Свiягинъ.

Отъ ред. Какъ замѣтитъ легко читатель, статья тов. Свіягина представляетъ простое пережевываніе книги тов. Ленина („Шагъ впередъ“), вплоть до повторенія тѣхъ же, лишенныхъ всякаго смысла, „страшныхъ“ словъ. Въ особомъ отвѣтѣ, поэтому, статья тов. Свіягина не нуждается. Отмѣтимъ лишь странность указанія на то, что Каутскій, якобы, плохо знакомъ съ нашимъ партійнымъ споромъ. Вѣдь Каутскій писалъ свое письмо *по поводу* присланной ему статьи одного изъ видныхъ членовъ „большинства“, написанной для освѣдомленія нѣмецкихъ товарищей. Если Каутскій *послѣ этой статьи* остался „плохо освѣдомленнымъ“ объ „оппортюнизмѣ“ „Искры“, то, очевидно, виноватъ въ этомъ авторъ статьи. Мы, съ своей стороны, позаботимся о томъ, чтобы К. Каутскій получилъ полное представленіе о новомъ сортѣ „ортодоксіи“, которая культивируется „твердокаменными“ товарищами „въ дополненіе“ къ старой Марксовой „догмѣ“.

КЪ ВОПРОСУ О НАСТОЯЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ ДѢЛЪ ВЪ ПАРТІИ.

Отъ редакціи. Помѣщая это письмо изъ Одессы, мы оговариваемся, что бойкотъ, которому подвергаетъ Одесскій Комитетъ редакцію Ц. О., дѣлаетъ совершенно невозможнымъ для насъ воздѣйствовать на веденіе соціальдемократической работы въ этомъ городѣ иначе, какъ предоставленіемъ полной свободы слова мѣстнымъ товарищамъ, недовольнымъ нынѣшней ея постановкой. Въ короткое время Одесскій Комитетъ, въ составѣ котораго, въ теченіе всей зимы, не было ни одного сторонника „меньшинства“, вызвалъ противъ себя острое недовольство въ своей периферіи. Намъ трудно еще судить, насколько въ этомъ обстоятельствѣ виноваты сами члены комитета, и въ какой мѣрѣ ихъ политика объясняется тѣмъ, что они раздѣляютъ взгляды „большинства“. При *нормальныхъ* условіяхъ партійная пресса могла бы не спѣшить доводить до гласности конфликты среди мѣстныхъ товарищей, всегда возможные въ большой партіи. При нормальныхъ условіяхъ аппеляція недовольныхъ комитетомъ товарищей къ центральнымъ учрежденіямъ партіи служила бы, по общему правилу, лучшимъ средствомъ для мирнаго разрѣшенія конфликта и сдѣлала бы ненужнымъ его оглашеніе въ печати, сопряженное подчасъ съ большимъ обостреніемъ отношеній между враждующими сторонами. Но такія нормальныя условія предполагаютъ, прежде всего, одинаковую авторитетность центральныхъ учрежденій для всѣхъ враждующихъ сторонъ и одинаковую степень близости ихъ къ этимъ сторонамъ. Когда этого нѣтъ, — а таково положеніе дѣлъ у насъ — конфликты поневолѣ принимаютъ затяжной характеръ и оглашеніе ихъ въ партійной печати представляетъ меньшее изъ золъ.

Само собою разумѣется, что „Искра“ предоставляетъ Одесскому Комитету полную возможность оправдываться на ея страницахъ противъ предъявляемыхъ ему товарищами обвиненій.

Одесса. Лишь сейчасъ удалось мнѣ прочесть въ № 64 „Искры“ корреспонденцію отсюда товарища рабочаго, и вотъ мнѣ хочется кое-что дополнить, кое-что разъяснить въ этомъ, въ общемъ, вѣрномъ сообщеніи. Мнѣ кажется, что призывомъ Маркса: „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ его же рукъ“ слѣдуетъ и по сіе время пользоваться осторожно, ибо еще не такъ давно этотъ самый лозунгъ служилъ основаніемъ для отдѣленія отъ комитетскихъ организацій группъ „Рабочей Воли“. Слѣдовательно, неосторожное пользованіе этимъ лозунгомъ можетъ имѣть печальныя послѣдствія. Въ свою очередь, не берусь объяснять причину *приниженія* рабочаго дѣла, которое наблюдается, вѣроятно, не въ одной Одессѣ, но думаю, что одна изъ главныхъ причинъ этого — оторванность отъ *дѣла*, отъ *жизни* представителей такъ называемаго „большинства“, очевидно, мало знакомыхъ съ задачами революціонной соціальдемократіи и желающихъ совмѣстить широкое революціонное движеніе пролетаріата съ „ежевыми рукавицами“. И вотъ именно во всемъ чувствуется такая крайняя отдаленность теперешней комитетской работы отъ той, которая диктуется нашимъ пониманіемъ революціоннаго дѣла. Отсутствіе жизни, духа жива — вотъ какъ можно характеризовать теперешнее одесское движеніе. Какъ ни важны, какъ ни много значатъ вопросы организаціи партіи, но изъ-за нихъ проглядѣть насущныя нужды, диктуемыя моментомъ, возможно только тогда, когда, какъ описываетъ тов. Мартовъ въ № 63, все движеніе наблюдается изъ прекраснаго далека. Между тѣмъ рабочіе живутъ, волнуются, не получая отвѣта на свои вопросы и теряя довѣріе къ руководителямъ своимъ; а нашъ олимпъ занятъ въ это время вопросами о томъ, что будетъ съ россійской революціей безъ Линина. Она несомнѣнно погибнетъ, ибо безъ вождей мы ни на шагъ (такъ мало мы вѣримъ въ себя, въ свои силы); они насъ вели два съ половиною года, они намъ устроили съѣздъ, мы же должны имъ повиноваться и избѣгать „смѣть свое сужденіе имѣть“. А, дастъ богъ, въ свое время они насъ и къ революціи приведутъ... Такова приблизительно схема міропониманія представителей здѣшняго большинства, и это упорное приведеніе всѣхъ разногласій, такъ волнующихъ всю партію, къ личнымъ счетамъ и т. п. — само по себѣ указываетъ на удивительное убожество на неумѣнье ни на минуту освободиться отъ наивной типично-россійской психологіи, психологіи героевъ и толпы, подстрекателей и подстрекаемыхъ. Такъ настроены наши „большинствисты“, и это настроеніе передается, конечно, по периферіи и прочимъ работникамъ. Периферія эта не больно велика: пара-другая юныхъ сердецъ, частью неопытныхъ, частью мало освѣдомленныхъ, а потому на вѣру принимающихъ изреченія своихъ приходскихъ вожаковъ. Удивительно мало работниковъ революціи — явленіе, трудно объяснимое, причины котораго непонятны.

Таковы наши дѣла. Невесело становится, когда вообразишь себѣ ясно картину положенія, еще горше дѣлается при мысли о томъ, что вліяніе на рабочую массу утрачивается, связи въ большинствѣ потеряны, дѣло гибнетъ. Какъ ни безсиленъ былъ прошлогодній комитетъ во время іюльскихъ дней, онъ развилъ въ разгарѣ событій такую многостороннюю и кипучую дѣятельность, что можно только диву даваться, и хоть кое-что успѣлъ, поэтому, сдѣлать. Казалось бы, весь ходъ революціоннаго дѣла въ Одессѣ требуетъ продолженія прежняго, а между тѣмъ мы присутствуемъ при трагическомъ зрѣлищѣ агоніи нашей старой, видавшей виды организаціи. Дѣятельность нашего комитета приняла, если позволительно такъ выразиться, черезчуръ *интеллигентскій* характеръ. И доказательствъ этому масса. Рабочіе жалуются на отсутствіе руководителей. Организаторская часть хромаетъ. Мнѣ извѣстны, напримѣръ, нѣсколько интеллигентовъ, которые *недѣлями* (фактически) ходили за связями, и ихъ все кормили завтраками: вотъ, дескать, придите завтра, ужъ навѣрное будетъ и т. д. и т. д. Такимъ образомъ люди просиживали безъ смысла, безъ цѣли, въ то время какъ — нужно ли еще объ этомъ распространяться? — теперь, какъ никогда еще раньше, нужно работать и работать. Въ это же время среди учащихся работа шла сравнительно сносно. Ожидавшимъ работы товарищамъ поручалась работа, можетъ быть, и важная, можетъ быть, и нужная, но, во всякомъ случаѣ, не та, которая ими ожидалась. А между тѣмъ, какъ говоритъ товарищъ-рабочій въ № 64 „Искры“, „нашъ комитетъ имѣетъ возможность только выпускать листки и устраивать ничтожныя собраньица въ нѣсколько десятковъ человѣкъ“. Прибавлю, что это еще въ лучшемъ случаѣ. Развѣ нужно еще дополнять эту картину?! Нужно сознаться, что листки съ литературной стороны теперь лучше былыхъ, но съ точки зрѣнія вліянія они уступаютъ прокламаціямъ прежнихъ комитетовъ. Параллельно съ этимъ, и проникновеніе ихъ въ массу и распространенность уменьшились, на что указывалось уже въ корреспонденціи въ № 64. Мнѣ, между прочимъ, извѣстно, что огромное сравнительно число экземпляровъ давалось для распространенія среди учениковъ, студентовъ, курсистокъ, слушателей и слушательницъ всякихъ курсовъ и пр. и пр. Со стороны, поэтому, можно бы подумать, что комитетъ сумѣлъ обезпечить за собою хотя бы сочувствіе общества. Ничуть не бывало. Средства воздѣйствія на него мизерны, участіе и сочувствіе его ничѣмъ не удается вызвать. Среди общества прокламаціи въ такой важный моментъ войны раздаются по рукамъ, притокъ денегъ настолько незначителемъ, что организація испытываетъ хроническій голодъ, и ей приходится для добыванія средствъ всячески изворачиваться, услуги, оказываемыя обществомъ, равны нулю. Между тѣмъ война настойчиво зоветъ къ работѣ, къ воздѣйствію на всѣ слои общества, зоветъ къ пробужденію и ихъ къ политической жизни. Было у насъ, но въ самомъ началѣ войны, нѣсколько прокламацій по поводу войны, но онѣ носили исключительно общій характеръ, тогда какъ послѣдовательный ходъ событій, представлявшій такой выдающійся агитаціонный матеріалъ, совершенно неиспользованъ. Цѣлый рядъ неудачъ на морѣ, хищеніе и грабежъ въ интендантствѣ и пр., гибель „Петропавловска“ и пр. и пр. — въ это время комитетъ печатаетъ въ видѣ брошюры свою знаменитую резолюцію о меньшинствѣ, помѣщенную въ № 64 въ приложеніи. Переходъ черезъ Ялу, стремительное наступленіе японцевъ, высадки на Ляодунѣ, поѣздки царя и обстановка ихъ и т. д. и т. д. — комитетъ обремененяетъ типографію печатаніемъ увѣсистой брошюры: „Докладъ Одесскаго Комитета о второмъ очередномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.“, вышедшей въ серединѣ мая.[1]) Таковы дѣла, таковы факты. Перлы комитетской резолюціи извѣстны товарищамъ, перлы доклада (это разсказъ для непосвященныхъ о томъ, что было на съѣздѣ, разсказъ въ духѣ Павловича), заканчивающагося требованіемъ созыва III съѣзда, того же сорта. Мнѣ кажется, что нужна полная атрофія политическаго чутья, чтобы въ переживаемый моментъ оставаться безучастнымъ къ событіямъ. Возможно, что я ошибаюсь, возможно, что бездѣятельность проистекаетъ не отъ непониманія, а отъ безсилія. Но это ужъ другое дѣло, здѣсь нужно радикальное средство... Всѣ указанія на недостатокъ людей — миѳъ; люди были, есть и будутъ, дайте имъ только возможность проявить себя, свободно работать подъ разумнымъ руководствомъ, привлеките рабочихъ къ активному политическому дѣйствованію, не смотрите на нихъ, какъ на несовершеннолѣтнихъ, нуждающихся въ опекѣ людей. Появятся тогда дѣятели, закипитъ и жизнь, не отталкивайте только ея. Вѣдь, не говоря уже о войнѣ, никогда еще Одесса не переживала такого тяжкаго времени, времени промышленнаго застоя и безработицы. Банкротства слѣдуютъ одно за другимъ. Начались они съ мелкихъ предпріятій, за ними пошли крупныя, потянувшія за собою крахъ безконечнаго числа фирмъ, и пошла теперь круговая. Мелкія фабрики совсѣмъ закрылись, остальныя сократили производство до половины, построекъ нѣтъ, надвигается страшный голодъ. И вотъ навстрѣчу всѣмъ этимъ событіямъ намъ преподносится... „Докладъ“.

И больно, и тяжело писать обо всемъ этомъ... Укажу еще на одно обстоятельство. Это — ростъ Бунда въ Одессѣ, ростъ, идущій несомнѣнно на счетъ роста комитетскихъ силъ. Такъ, въ организаціи обороны на случай ожидавшагося погрома, въ которой участвовали комитетъ и Бундъ, силы, выставленныя обѣими организаціями, были равны! Между тѣмъ еще не такъ давно нашъ комитетъ объединялъ тѣ самые элементы, которые входятъ теперь въ Бундъ. Для воздѣйствія на нихъ бундовская организація издаетъ прокламаціи на *русскомъ* языкѣ.

Заканчивая на этомъ свое письмо, скажу, что, если краски мои мрачны, то онѣ являются лишь отраженіемъ того состоянія соціальдемократическаго дѣла у насъ, до котораго оно дошло въ послѣдніе мѣсяцы. Воочію видя эти результаты, возможно оцѣнить ламентаціи по поводу „дезорганизаторской политики меньшинства“. Что можетъ быть разрушительнѣе для нашей партіи той политики, которую проводятъ одесскіе послѣдователи большинства?!

Инт.

Резолюція Рижскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Рижскій Комитетъ признаетъ организаціонный централизмъ наиболѣе соотвѣтствующимъ задачамъ и условіямъ дѣятельности Россійской Соціальдемократіи типомъ партійной организаціи, и придаетъ особенно важное значеніе созданію замкнутой, строго централистической организаціи въ настоящее время, требующее отъ партіи громаднаго напряженія всѣхъ ея силъ и высокой степени организованности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рижскій Комитетъ выражаетъ полное довѣріе избранному съѣздомъ Центральному Комитету и увѣренность, что ему удастся, при товарищескомъ содѣйствіи всѣхъ партійныхъ организацій, успѣшно выполнить сложную работу фактическаго объединенія партіи.

Рижскій Комитетъ, признавая крайне желательнымъ всестороннее освѣщеніе возникшихъ на съѣздѣ организаціонныхъ разногласій, самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ примѣняемый редакціей Ц. О. и частью Лиги „революціонный“ методъ борьбы, вносящій въ партію раздоры и дезорганизацію, тормозящій ея положительную работу.

Такъ какъ редакція Ц. О. обнаруживаетъ упорное нежеланіе признать суверенитетъ съѣзда и товарищески подчиниться его постановленіямъ, Рижскій Комитетъ заявляетъ, что единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія дѣлъ, созданнаго обструкціонистской тактикой редакціи и части Лиги, онъ считаетъ немедленный созывъ третьяго съѣзда партіи.

Резолюція эта принята комитетомъ единогласно.

Мы считаемъ себя обязанными присовокупить къ этой резолюціи заявленіе, полученное нами отъ товарища, хорошо извѣстнаго редакціи:

Для характеристики того, какъ дѣлаетъ исторію „большинство“, и какъ создаются наиболѣе грозные приговоры надъ Центральнымъ Органомъ, считаю своимъ долгомъ заявить, что, состоя въ періодъ обсужденія Рижскимъ Комитетомъ вопроса о распрѣ между Ц. О. и Ц. К. членомъ ком. бюро, по причинамъ, зависящимъ отъ комитета, а не отъ меня, при обсужденіи и составленіи комитетской резолюціи не былъ, хотя комитету и было не безъизвѣстно о моемъ тяготѣніи къ „меньшинству“. Не спрашивали мнѣнія и не посвящали въ этотъ вопросъ совершенно и нѣкоторыя подкомитетскія организаціи, напр., интеллигентскую группу... Если съ такой же „коллегіальностью“ будутъ производиться выборы делегатовъ на третій съѣздъ, столь популярный въ средѣ большинства, нельзя не предвидѣть, чего можно будетъ ждать отъ третьяго съѣзда; во всякомъ случаѣ не безпристрастнаго рѣшенія вопросовъ, волнующихъ партію. Въ заключеніе долженъ сообщить, что резолюція, которую я имѣлъ предложить на обсужденіе товарищей, введшихъ меня въ свою среду, но не нашедшихъ возможнымъ дебатировать мое еретическое мнѣніе, гласила слѣдующее: „принимая во вниманіе, что возникшія между центральными учрежденіями партіи теоретическія разногласія въ области тактики не настолько серьезны, чтобы вести къ расколу партію, что самое возникновеніе этихъ разногласій объясняется не внѣшнимъ воздѣйствіемъ, а является прямымъ послѣдствіемъ двойственности задачъ, выпавшихъ на долю Р. С. Д. П., и потому сосуществованіе двухъ партійныхъ теченій, поскольку ни одно изъ нихъ не претендуетъ на исключительное господство, не можетъ быть вредно для партіи, а даже полезно, Р. К. убѣдительно проситъ центр. учрежденія, прекративъ излишнюю полемику и враждебныя дѣйствія другъ противъ друга, тормозящія партійное дѣло и деморализующія партійную среду, приступить къ исполненію своихъ прямыхъ, опредѣленныхъ партійнымъ уставомъ, обязанностей, не посягая на сферу дѣятельности другъ друга. Желательно возвращеніе тов. Ленина, какъ виднаго теоретика, партіи въ составъ редакціи Ц. О. и также принятіе въ составъ Ц. К. тѣхъ изъ видныхъ представителей меньшинства, которые того заслуживаютъ по своему дѣловому опыту и дѣловымъ способностямъ.“

Бывшій членъ комитета.

---

[1]) Эту брошюру Одесскій Комитетъ не счелъ нужнымъ доставить намъ, хотя она, какъ видно, спеціально занята обличеніемъ редакціи во всякихъ преступленіяхъ. Ред.

Русское Соціаль-Демократическое Общество
NEW YORK
Russian Social Democratic Society

Центральный Комитетъ
Рабочей

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 69. **10-го іюля 1904 г.** **Годъ IV.**

ДОРОГАЯ ЦѢНА.

Въ иностранной печати упорно распространяются за послѣднее время слухи о какой-то „коммиссіи“, якобы созданной царемъ въ Петербургѣ и занимающейся выработкой проекта „конституціи“. Сообщаются даже подробности, вродѣ того, что будущая конституція должна осчастливить россійскій народъ дарованіемъ ему чего то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разница: вмѣсто не столько рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ голоса, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій россійскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ сообщеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ великосвѣтскіе и администратчвные салоны, въ которыхъ корреспонденты „большой“ европейской печати черпаютъ сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣло самодержавіе въ борьбѣ съ „внѣшнимъ“ врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ первыхъ четырехъ классовъ“ смутное сознаніе, что близится конецъ царизма. Бѣшенство, съ которымъ Московскія Вѣдомости накидываются на злополучныхъ авторовъ „слуха“, показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ больное мѣсто. Se non è vero, è ben trovato. Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди псарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому „обожаемому“ монарху, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающійся народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, поочередно служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ, и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ весьма тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отрадный симптомъ разложенія самодержавія.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на коммиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это — монополія россійскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное „мене, текелъ, фаресъ“, начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Іисуса, отрекался онъ отъ „крайнихъ“ дѣтей своихъ, когда не платоническое „сочувствіе“, а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ царизмомъ, опиравшимся на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не *завоевать* свободу, а *получить* ее хотѣлъ и хочетъ русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упасть ему въ ротъ. Самъ ли царь его, либерала, „можетъ быть, ха-ха… и помилуетъ“, смѣлый ли террористъ динамитной бомбой взорветъ россійскій престолъ, крестьянскій ли „бунтъ“ или рабочее возстаніе разорветъ заржавленныя оковы деспотизма, — россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе — и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ „дѣтей“ либерализма — сочится кровью изъ всѣхъ поръ, россійскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи самодержавія одновременно и побѣжденному царизму, и побѣдившему народу.

Однако, разсчеты на чужую революціонную борьбу изъ всѣхъ возможныхъ путей къ „полученію“ свободы менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны „смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ“, какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на „помилованіе“ не оставляетъ либераловъ; съ другой стороны, „всѣ эти убійства и волненія не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно“ „мирнымъ земледѣльцамъ“ вродѣ господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впослѣдствіи къ политическому векселю либераловъ „разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы“. Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либералъ всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ полученію конституціоннаго эдема. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполнѣ добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какой нибудь внѣшній толчекъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина должна привести къ вожделѣнной „реформѣ“. Только съ этой точки зрѣнія „сочувствовалъ“ либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго „порядка“.

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно напряженной общественной атмосферѣ такое выступленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ *революціонному* низверженію царизма; съ скрещенными на груди руками, онъ ожидалъ минуты, когда „самъ собой“ рухнетъ самодержавно бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись на Россію огромныя разрушительныя силы стихійности. „Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы“, пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 „Освобожденія“ и увѣряетъ, что на этотъ счетъ „нѣтъ никакихъ споровъ“. Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма „связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни“. Болѣе того; мы видѣли уже, какъ „пассивные“ по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы „активно“ принимали „всеподданнѣйшіе“ адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами разоренное и еще болѣе разоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него авантюрами самодержавія. Но это „пассивное“ свободолюбіе и „активное“ холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что благодаря войнѣ ярче, чѣмъ когда либо теплится надежда на конституцію въ сердцѣ либерала. Недаромъ уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непремѣнно новаго „Севастополя“ для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ самодержавіе пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ царизма. Но если не пораженіе, то ужъ во всякомъ случаѣ тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбя о страданіяхъ „солдатиковъ“, — какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ — либерализмъ лечитъ зіяющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодовокъ палліативами безплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломитъ упорство цѣпляющагося за свои самодержавныя прерогативы царизма. Политическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На бѣдствіяхъ народа? Да, то, что для либерализма — внѣшняя, стихійная сила — будетъ ли то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ — то для народа, для рядового крестьянства и еще болѣе для рабочаго класса подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ „преступности“ и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ „сама собою“ явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда царскихъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позицій самодержавія на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣною пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, воистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которыя подкапываютъ тронъ самодержца, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа нашей партіи, направленная на развитіе классового сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеванія имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія нашей партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того „стихійнаго“ крушенія царизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое-гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ соціальдемократіи. Это — не выраженіе высшей ступени сознательной классовой политики, а отрыжка буржуазнаго демократизма съ его спекуляціями на „стихійность“.

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азіатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса — вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далекъ отъ хладнокровныхъ разсчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ вродѣ Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопическую задачу прекратить порождаемыя капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабощенію государства, въ которомъ онъ волею историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабощенію, которое превратило-бы это государство въ объектъ чужой эксплуатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменіей, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всѣ бѣдствія, всѣ несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всѣ путы соціальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ „до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа“, если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ-бы ни кричали объ отсутствіи у него патріотизма, *можетъ* и *долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранитъ пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которыя выкачиваетъ изъ его кармана и сама война, и сопровождающій ее кризисъ.

„Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь“, говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ „Освобожденіи“. Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ-ли, который заставитъ самодержавіе выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потерь-ли той „чужой территоріи“, по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что „съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *вовлекло* (курс вездѣ нашъ) Россію въ сложные мировые интересы, ей, по существу, *далекіе*?“

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ царскаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И притомъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи. Пять милліардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу въ концѣ концовъ лишь новый, дотолѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи самодержавія, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но и по величинѣ жертвъ и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной *революціонной* борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической коньюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикой рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ *дорогою цѣною*.

ЭМАНСИПАЦІЯ МИТРОФАНА.

Въ Россіи, какъ въ „благоустроенной“ странѣ, на ряду съ телефонами, телеграфами и прочими пріобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это „мнѣніе“, какъ и всюду, есть мнѣніе „господствующихъ“ классовъ, но совсѣмъ не какъ всюду, это русское „мнѣніе“ пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который тѣмъ не менѣе все еще ходитъ въ короткихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добронравномъ Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгій дядька слѣдуетъ по пятамъ и блюдетъ, какъ бы „дитё“ не испортилось. И „дитё“ покамѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить куцый костюмъ и заглянуть въ запретную книжку, но стоило дядькѣ погромче крикнуть, и „дитё“ опять шагало „въ стрункѣ“, какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена перемѣнчивы, и этой „воспитанности“ стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядьки встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ „урокахъ“, которые изо дня въ день преподаетъ теперь нашему питомцу старая гувернантка-исторія. Она преподаетъ элементарныя истины, истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый „урокъ“ такъ вразумительно-нагляденъ, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность самодержавія, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Вафангоу и иныя военныя прелести?..

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой указки, и Митрофанъ, говорятъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

„Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно“ — пишетъ „Новое Время“. „Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣйствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ“, критики, „подбитой ироніей“, основанной на „якобы фактахъ“, которые „даютъ ему право разводить свою критику“, критики недоброжелательной, ибо даже „блестящій подвигъ Владивостокской эскадры не-

NEW YORK

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 69. 10-го іюля 1904 г. Годъ IV.

ДОРОГАЯ ЦѢНА.

Въ иностранной печати упорно распространяются за послѣднее время слухи о какой-то „коммиссіи“, яко-бы созванной царемъ въ Петербургѣ и занимающейся выработкой проекта „конституціи“. Сообщаются даже подробности, вродѣ того, что будущая конституція должна осчастливить россійскій народъ дарованіемъ ему чего то вродѣ германскаго рейхстага; однако есть и маленькая разница: вмѣсто голоса, не столько рѣшающаго, сколько могущаго противопоставить свое veto правительственнымъ законопроектамъ голоса, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій россійскій парламентъ будетъ имѣть лишь совѣщательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ сообщеній, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ нѣкотораго отраженія настроенія, начинающаго проникать въ великосвѣтскіе и административные салоны, въ которыхъ корреспонденты „большой“ европейской печати черпаютъ сплетни, сообщаемыя ими въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ сокрушительные удары, которые уже претерпѣло самодержавіе въ борьбѣ съ „внѣшнимъ“ врагомъ, очевидно, заставляютъ проникать въ души и самыхъ геморроидальныхъ особъ „первыхъ четырехъ классовъ“ смутное сознаніе, что близится конецъ царизма. Бѣшенство, съ которымъ Московскія Вѣдомости накидываются на злополучныхъ авторовъ „слуха“, показываетъ только, что иностранная печать попала въ цѣль, въ больное мѣсто. Se non è vero, è ben trovato. Да и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди рыцарей кнута и нагайки нашлись уже теперь предусмотрительные люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства по отношенію къ тому „обожаемому“ монарху, именемъ котораго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ пробуждающійся народъ. Скорѣе было бы странно, если бы этого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что бюрократія всегда была готова служить всякому правительству и предать всякое правительство. Талейранъ, поочередно служившій республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбонамъ, Орлеанамъ, и всѣхъ ихъ поочередно предававшій, конечно, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ лику святыхъ бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого сорта нюхъ бываетъ весьма тонкій, то конституціонные проекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ несомнѣнно представляютъ весьма отрадный симптомъ разложенія самодержавія.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на коммиссіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это — монополія россійскаго либерализма. Зародившійся въ тяжелой атмосферѣ рабства, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидѣвшій грозное „мене, текелъ, фаресъ“, начертанное на всѣхъ стѣнахъ буржуазной Европы, русскій либерализмъ никогда не надѣялся на свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ Іисуса, отрекался онъ отъ „крайнихъ“ дѣтей своихъ, когда не платоническое „сочувствіе“, а дѣйствительная помощь могла дать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ царизмомъ, опиравшимся на огромную реакціонную силу пассивности народныхъ массъ. Не *завоевать* свободу, а *получить* ее хотѣлъ и хочетъ русскій либерализмъ. Конституціонныя галушки готовыми должны упасть ему въ ротъ. Самъ ли царь его, либерала, „можетъ быть, ха-ха... и помилуетъ“, смѣлый ли террористъ динамитной бомбой взорветъ россійскій престолъ, крестьянскій ли „бунтъ“ или рабочее возстаніе разорветъ заржавленныя оковы деспотизма, — россійскому либералу все равно. И когда революціонное движеніе — и не только рабочаго класса или крестьянства, но и интеллигентныхъ „дѣтей“ либерализма — сочится кровью изъ всѣхъ поръ, россійскіе Мирабо, оставаясь пассивными зрителями революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщическій вексель, который они предъявятъ въ минуты ликвидаціи самодержавія одновременно и побѣжденному царизму, и побѣдившему народу.

Однако, разсчеты на чужую революціонную борьбу изъ всѣхъ возможныхъ путей къ „полученію“ свободы менѣе всего по душѣ либералу. Съ одной стороны „смута препятствуетъ царственнымъ трудамъ“, какъ увѣряли орловскіе земцы, а вѣдь надежда на „помилованіе“ не оставляетъ либераловъ; съ другой стороны, „всѣ эти убійства и волненія не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно“ „мирнымъ земледѣльцамъ“ вродѣ господина Евреинова. Да и неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется впослѣдствіи къ политическому векселю либераловъ „разнузданная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы“. Поэтому, не забывая трясущейся рукой вписывать въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго прихода, либералъ всѣми силами старается изыскать другіе, менѣе опасные пути къ полученію конституціоннаго эдема. Однако, надежды на то, что самодержавіе вполнѣ добровольно сдастъ свои позиціи излюбленнымъ людямъ, конечно, слишкомъ наивны даже и для русскихъ либераловъ. Какой нибудь внѣшній толчекъ, внѣ либерализма, но и внѣ самодержавія лежащая причина должна привести къ вожделѣнной „реформѣ“. Только съ этой точки зрѣнія „сочувствовалъ“ либерализмъ революціи, и только съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ онъ политически всякое стихійное народное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго государственнаго „порядка“.

Такъ было во время голода. Либерализмъ не рѣшился выступить активно со своими конституціонными требованіями, ибо на почвѣ остраго недовольства широкихъ слоевъ народа и въ нервно напряженной общественной атмосферѣ такое выступленіе могло бы послужить непосредственнымъ прологомъ къ *революціонному* низверженію царизма: съ скрещенными на груди руками, онъ ожидалъ минуты, когда „самъ собой“ рухнетъ самодержавно бюрократическій режимъ.

И точно такую же позицію занялъ либерализмъ теперь, когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись на Россію огромныя разрушительныя силы стихійности. „Въ виду войны всякія провозглашенія конституціонныхъ требованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти первые и неясные мѣсяцы“, пишетъ нѣкій конституціоналистъ въ № 50 „Освобожденія“ и увѣряетъ, что на этотъ счетъ „нѣтъ никакихъ споровъ“. Можно повѣрить этому компетентному голосу; можно повѣрить, что для либерализма „связанная съ войной тактика неизбѣжно требуетъ гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ текущей жизни“. Болѣе того; мы видѣли уже, какъ „пассивные“ по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные земцы „активно“ принимали „всеподданнѣйшіе“ адреса по случаю войны и облагали на нужды ея новыми милліонными налогами разоренное и еще болѣе разоряемое войной населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосильности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которыя налагаются на него авантюрами самодержавія. Но это „пассивное“ свободолюбіе и „активное“ холопство ничуть не мѣшаютъ тому, что благодаря войнѣ ярче, чѣмъ когда либо теплится надежда на конституцію въ сердцѣ либерала. Не даромъ уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ рептиліямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для доказательства, что не нужно непремѣнно новаго „Севастополя“ для наступленія конституціонной весны. Либерализмъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ самодержавіе пойти на уступки. Сила этого желанія умѣряется опять таки лишь опасеніемъ революціоннаго взрыва, неизбѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ царизма. Но если не пораженіе, то ужъ во всякомъ случаѣ тотъ острый финансовый кризисъ, который неизбѣженъ даже при благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либерализма. Сантиментально скорбя о страданіяхъ „солдатиковъ“, — какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ — либерализмъ лечитъ зіяющія раны войны палліативами санитарныхъ отрядовъ и перевязочныхъ пунктовъ, какъ лечилъ смертельныя язвы голодовокъ палліативами безплатныхъ столовыхъ; и въ то же время война, какъ и голодъ, является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его лично весьма мало задѣвающимъ факторомъ, который сломитъ упорство цѣпляющагося за свои самодержавныя прерогативы царизма. Политическій паразитъ, либерализмъ строитъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На [illegible] [illegible]! Да, то, что для либерализма — внѣшняя, стихійная сила — будетъ ли то голодъ, война, или хотя бы острый финансовый кризисъ — то для народа, для рядового крестьянства и еще болѣе для рабочаго класса подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недоѣданіи, въ ростѣ „преступности“ и проституціи, въ болѣзняхъ, въ усиленіи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жизней, принесенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая буква той конституціонной хартіи, которая для либераловъ „сама собою“ явится въ результатѣ остраго потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣною крови народа. Простой подсчетъ этой крови покажетъ, что для пролетаріата и прилегающихъ къ нему слоевъ крестьянства революціонный способъ борьбы за свободу *дешевле* пассивнаго выжиданія стихійнаго хода событій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, сложа руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить всѣ свои надежды. Побѣда царскихъ войскъ въ преступно затѣянной войнѣ означала бы укрѣпленіе позицій самодержавія на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ. Но и свобода, купленная цѣною пораженія, была бы оплачена цѣлыми морями крови того же народа. Это, воистину, слишкомъ *дорогая цѣна* за ту свободу, которая выпадетъ при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассивнымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которыя подкапываютъ тронъ самодержца, то пролетарій является ихъ пассивнымъ *объектомъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ *орудіемъ* политическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихійности, можетъ дать рабочему классу лишь *минимумъ* возможныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ правъ. А вся работа нашей партіи, направленная на развитіе классового сознанія и классовой организованности пролетаріата, имѣетъ цѣлью завоеванія имъ *максимума* этихъ правъ. Самый смыслъ существованія нашей партіи исчезаетъ, если въ нашемъ представленіи рабочій классъ долженъ пассивно ждать освобожденія отъ того „стихійнаго“ крушенія царизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Россіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ свидѣтельствуетъ проявляющееся кое-гдѣ въ революціонной средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи задачъ соціальдемократіи. Это — не выраженіе высшей ступени сознательной классовой политики, а отрыжка буржуазнаго демократизма съ его спекуляціями на „стихійность“.

Если даже связывать представленіе о пораженіи съ неизбѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то неужели рабочій классъ долженъ желать предварительно пройти черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки голода и болѣзней, оставить на восточно-азіатскихъ поляхъ трупы десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе войны, прекращеніе кровавыхъ гекатомбъ, какъ слѣдствіе революціоннаго давленія рабочаго класса — вотъ лозунгъ пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково далекъ отъ хладнокровныхъ разсчетовъ либерализма на гибель тысячей молодыхъ жизней и идиллическихъ утопій миролюбцевъ вродѣ Берты Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ утопическую задачу прекратить порождаемыя капиталистическимъ обществомъ войны, не уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабощенію государства, въ которомъ онъ волею историческихъ судебъ живетъ и борется, такому порабощенію, которое превратило-бы это государство въ объектъ чужой эксплуатаціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго развитія, сдѣлало его новой Арменіей, сохранило для пролетаріата весь гнетъ, всѣ бѣдствія, всѣ несчастія, но безъ малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбой сбросить съ себя всѣ путы соціальнаго рабства; и въ этомъ смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмецкій пролетаріатъ „до послѣдняго человѣка встанетъ на защиту отечества и народа“, если самому существованію Германіи будетъ грозить опасность. Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены на карту, пролетаріатъ, какъ-бы ни кричали объ отсутствіи у него патріотизма, *можетъ* и *долженъ* властнымъ революціоннымъ вмѣшательствомъ положить предѣлъ войнѣ, особенно войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей развивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія. И это революціонное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды или пораженія, сохранитъ пролетаріату тысячи его сыновей и сотни милліоновъ денегъ, которыя выкачиваетъ изъ его кармана и сама война, и с провождающій ее кризисъ.

„Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь“, говоритъ тотъ же конституціоналистъ въ „Освобожденіи“. Но кто будетъ униженъ? Пролетаріатъ-ли, который заставитъ самодержавіе выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ потерь? Потери-ли той „чужой территоріи“, по поводу которой даже г. конституціоналистъ говоритъ, что „съ поразительнымъ легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское самодержавіе *вовлекло* (курс. вездѣ нашъ) Россію въ сложные мировые интересы, ей, по существу, *далекіе*?“

Смѣшны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой сомнительности побѣдъ царскаго оружія, никакая контрибуція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ людьми и деньгами, которыя несетъ пролетаріату каждый лишній день войны. И притомъ, если затраты на войну покрываются изъ кармановъ народа, то не въ его карманы польется золотой дождь контрибуціи. Пять милліардовъ французской контрибуціи дали германскому рабочему классу въ концѣ концовъ лишь новый, дотолѣ неслыханный по своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиленіе позиціи самодержавія, которое принесетъ побѣда, для пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ жертвъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной борьбѣ за свободу.

Пролетаріатъ, въ противоположность буржуазіи, вообще не можетъ *получить* для себя свободу, онъ можетъ только *завоевать* ее, долженъ оплатить ее своею кровью, будетъ ли онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но и по величинѣ жертвъ и по достигаемымъ результатамъ, путь наступательной *революціонной* борьбы — самый экономный путь для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При той политической конъюнктурѣ, которая создана войной, этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и свободы. Всякою другою политическою тактикой рабочій классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слишкомъ *дорогою цѣною*.

ЭМАНСИПАЦІЯ МИТРОФАНА.

Въ Россіи, какъ въ „благоустроенной“ странѣ, на ряду съ телефонами, телеграфами и прочими пріобрѣтеніями культуры, полагается быть и своему общественному мнѣнію. Это „мнѣніе“, какъ и всюду, есть мнѣніе „господствующихъ“ классовъ, но совсѣмъ не какъ всюду, это русское „мнѣніе“ пребывало до сихъ поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который говоритъ уже басомъ, у котораго пробиваются усы, и который тѣмъ не менѣе все еще ходитъ въ короткихъ панталончикахъ и читаетъ нравоучительныя книжки о добронравномъ Ванѣ и непослушномъ Колѣ. Строгій дядька слѣдуетъ по пятамъ и блюдетъ, какъ бы „дитё“ не испортилось. И „дитё“ покамѣстъ не портилось. Правда, милому ребенку приходила иногда въ голову блажь сбросить куцый костюмъ и заглянуть въ запретную книжку, но стоило дядькѣ погромче крикнуть, и „дитё“ опять шагало „въ стрункѣ“, какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена перемѣнчивы, и этой „воспитанности“ стала грозить опасность съ тѣхъ поръ, какъ педагогія дядьки встрѣтила соперника въ *другой* педагогіи, въ тѣхъ „урокахъ“, которые изо дня въ день преподаетъ теперь нашему питомцу старая гувернантка-исторія. Она преподаетъ элементарныя истины, истины, которыя давно уже вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣлались достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало знать. И каждый „урокъ“ такъ вразумительно нагляденъ, она такъ усердно вколачиваетъ его въ ученическую голову, что всякій разъ невольно поднимается вопросъ: сколько же нужно еще колотушекъ, чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ человѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать никчемность самодержавія, необходимы еще Тюренченъ, Кинчжоу, Вафангоу и иныя военныя прелести?..

Нашему Митрофану пора выходить изъ-подъ старой указки, и Митрофанъ, говорятъ, за послѣднее время, дѣйствительно, какъ будто собирается изъ-подъ нея выходить.

„Въ обществѣ шумно, безтолково, тревожно“ — пишетъ „Новое Время“. „Если въ нашей печати почти нѣтъ критики военныхъ дѣйствій, то тѣмъ ея болѣе въ обществѣ“, критики, „подбитой ироніей“, основанной на „якобы фактахъ“, которые „даютъ ему право разводить свою критику“, критики недоброжелательной, ибо даже „блестящій подвигъ Владивостокской эскадры необошелся безъ проявленія нѣкоторой доли этой ироніи". „Насъ преслѣдуютъ несчастія, вдругъ превосходное дѣло, и вмѣсто того, чтобы встрѣтить его, какъ встрѣчаютъ счастье, начинаютъ судачить, змѣиныя жала высовываются и двигаются изъ стороны въ сторону, ища себѣ сочувствія, поддержки и поощренія".

Другими словами: эмансипація Митрофана начинается съ того, что онъ, стократъ оболганный, отказывается долѣе вѣрить „счастью" своего ментора-дядьки, отказывается даже и тогда, когда это „счастье", вопреки обыкновенію, существуетъ въ неподдѣльномъ, хотя и микроскопическомъ видѣ, отказывается потому, что есть предѣлъ и его, Митрофана, легковѣрію. Политически невоспитанный человѣкъ, вѣдь, не есть еще кретинъ, котораго можно безнаказанно морочить, преподнося ему каждый день небылицы — въ долгіе мѣсяцы напряженныхъ ожиданій, пораженія фальсифицируя въ побѣды, вмѣсто „маленькихъ недостатковъ механизма" демонстрируя аппаратъ, работающій якобы безъ сучка и задоринки. Доблестное войско, мудрые полководцы, лихорадочная дѣятельность, блистательные отчеты, высочайшія благодарности, и въ результатѣ — ни съ мѣста, или хуже того: одно заушеніе за другимъ, не взирая — на разливанное море празднословія. А празднословили всѣ: отъ маленькаго императора и до послѣдняго газетчика, императора, высочайше полагавшаго резолюцію на вафангоускій разгромъ — „лихое дѣло", и до борзописца, повѣствующаго о томъ, какъ казакъ съ одного маху отрубаетъ японскую голову и нанизываетъ на пику вражьи тѣла. Весь читающій міръ, затаивъ дыханіе, внималъ геройской борьбѣ далекаго островного народа, а въ это самое время рабья печать позорила свои столбцы разсказами о томъ, какъ японскій солдатъ шелъ, де, пьяный въ бой, и потому что пьяный, проявлялъ чудеса своей храбрости. Съ легкой руки шустрой стаи Тряпичкиныхъ, съ принцемъ Бурбономъ во главѣ (многоговорящее имя, читатель! — этого рода добро, какъ извѣстно, единственное, подлежащее ввозу въ Россію беззаннобезпошлинно), загуляла изъ номера въ номеръ молва о чинимыхъ непріятелемъ звѣрствахъ: желтолицый азіатъ молъ не хочетъ ни въ чемъ отставать отъ блѣднолицаго „европейца", положившаго столько стараній на потопленіе китайскихъ женъ и дѣтей въ темныхъ водахъ Амура. Мало того: японецъ не ограничился тѣмъ, что вредилъ намъ, гдѣ могъ, онъ еще предавался разврату — въ горахъ Манджуріи, какъ о томъ засвидѣтельствовало извѣстное своей правдивостью перо г. Немировича-Данченко. А въ станѣ россіянъ, между тѣмъ, было патріархально и почти идиллично: здѣсь всѣ чувствуютъ себя, какъ братья — писалъ достовѣрный „очевидецъ", одинъ изъ многихъ, чья суздальская кисть не переставала все время малевать фигуры „солдатиковъ", по гробъ преданныхъ „отцамъ-командирамъ", и „отцовъ-командировъ", день и ночь болѣющихъ о ввѣренныхъ ихъ попеченію „ребятахъ". Даже самъ пресловутый „намѣстникъ" съ своимъ придворнымъ сераломъ пріобрѣталъ благочестивый-патріотическій видъ, подъ нажимомъ неразборчивой кисти...

Въ крупномъ и въ маломъ, какъ въ основныхъ вопросахъ дѣйствительности, такъ и въ мелочныхъ деталяхъ, „аксессуарахъ" войны, всюду и вездѣ царило одно и то же — педагогическое художество...

Что такое японская война для Россіи? — Незначительная непріятность, прыщъ на ногѣ, — заявлялъ, напримѣръ, знаменитый ученый, промѣнявшій науку на мѣстечко въ министерствѣ, а министерство, съ своей стороны, спѣша, подтверждало — въ стоустый рупоръ своихъ лейбъ-журналистовъ, — что „свободная наличность" ничуть не вредима, что, наоборотъ, она цвѣтетъ, не взирая на надвинувшійся кризисъ. А война для Японіи? — Близкое разореніе, грядущій крахъ, когда не сегодня — завтра страна Восходящаго Солнца смиренно запроситъ пардону у великодушнаго русскаго колосса...

Мобилизованная ложь, какъ докучный осенній дождь, барабанила въ общественное сознаніе, не давая ему ни отдыха, ни сроку, только бы спасти первобытность отъ напора навязчивой правды. И чѣмъ долѣе она барабанила, тѣмъ все менѣе получался желанный эффектъ и все болѣе нетерпѣнія проявлялъ Митрофанъ, задумываясь надъ тѣмъ, что слышалъ. Набивши оскомину на этомъ „бэдламѣ", онъ все больше и больше входилъ во вкусъ той непріятной, горькой правды, которая лѣзла отовсюду, со всѣхъ сторонъ, сквозь поры цензуры, изъ нѣдръ подполья, изъ зарубежныхъ вольныхъ странъ, изъ переписки друзей, изъ устъ въ уста, изъ боязливаго обывательскаго шепота. Такъ что, когда дядька недавно вздумалъ скрыть отъ него — о чемъ уже шумѣлъ телеграфъ всѣхъ странъ — катастрофу „Пересвѣта" и другихъ судовъ портъ-артурской эскадры, то оказалось, что было уже поздно: Митрофанъ твердо зналъ свою контрабандную „правду", и его невозможно было сбить съ этой „правды" никакими запоздалыми увѣреніями.

„Адмиралъ Того лжетъ!" — кричали ему. Ладно! — реплицировалъ Митрофанъ. Лжетъ или нѣтъ, я не знаю, но я знаю одно, что вы-то уже лгали навѣрное, выдавая собственный вашъ суррогатъ, въ которомъ было скрыто наиболѣе существенное, за подлинное донесеніе противника.

А еще немного спустя, и Митрофанъ иронически улыбался въ отвѣтъ на усилія дядьки — загипнотизировать его гекатомбой въ 30.000 убитыхъ японцевъ, онъ понималъ, что это просто педагогическій пріемъ, неискусное средство — оттянуть, отсрочить сколько-нибудь — близкій часъ его окончательной эмансипаціи.

И хотя въ настоящій моментъ Портъ-Артуръ еще не взятъ и Куропаткинъ еще не въ Матсуямѣ, но прежній легковѣрный Митрофанъ подаетъ уже большія надежды превратиться въ заядлаго скептика, склоннаго при случаѣ обсуждать щекотливый вопросъ — о дѣеспособности самодержавія.

Съ точки зрѣнія Митрофана, самодержавію такъ и полагается преслѣдовать честь, насиловать совѣсть, оно можетъ, пожалуй, — залѣзать въ народный карманъ и распространять вкругъ себя безграмотность, оно можетъ многаго не выполнить и еще больше сдѣлать скверно, но есть одна спеціальность, въ которой оно обязано неукоснительно быть на высотѣ, подъ угрозой своего исчезновенія. Это — военное дѣло, на которомъ оно выросло, оперилось, получило право всероссійскаго гражданства, сдѣлало карьеру; на немъ оно проявило когда-то талантъ организатора, и въ немъ лежитъ до сихъ поръ его послѣднее оправданіе. Эту истину чувствуетъ Митрофанъ, ее знаетъ хорошо и его высокопоставленный дядька. Отсюда то великое смятеніе, которое приноситъ каждое извѣстіе съ театра войны, говорящее о превосходствѣ японцевъ; отсюда и судорожные порывы укрыть очевидность, эскамотировать случившееся. И было бы съ полгоря еще, если бы бѣда ограничивалась однѣми картонными подошвами, гнилыми сухарями, плохимъ транспортомъ, традиціоннымъ воровствомъ. Этой бѣды не занимать было стать и въ прежніе годы. Хуже то, что непріятель превосходитъ не этимъ однимъ, но и качествомъ живого матеріала.

Грамотный солдатъ, образованный офицеръ, дѣльный, даровитый военноначальникъ. Непріятель побѣдилъ при Кинчжоу, потому что его солдатъ-артиллеристъ умѣлъ индивидуализировать прицѣлъ; онъ побѣдилъ на Ялу, въ Вафангоу, умѣя не только храбро лѣзть на штыки, но и планомѣрно управлять своими дѣйствіями. Онъ побѣдилъ, потому что его офицеръ щеголяетъ не однимъ молодечествомъ, а и знаетъ досконально свою профессію и способенъ на дѣлѣ примѣнить все то, о чемъ говоритъ послѣднее слово его военной науки. Онъ побѣдилъ, потому что его генералъ не просто заслуженный фрунтовикъ, который сегодня командуетъ полками, потому что вчера сокрушалъ губернію. Онъ побѣдилъ потому, наконецъ, что вся его военная среда есть лишь точное отраженіе реформированнаго общественнаго строя, рвущагося впередъ и ставящаго себѣ большія историческія задачи...

Краснорѣчіе фактовъ неотразимо, и въ результатѣ пятимѣсячной кампаніи, даже Митрофанъ поколебался... Теперь онъ втайнѣ строчитъ хорошенькій проектъ конституціи. И мы ее вскорѣ увидимъ, читатель, — Митрофанову конституцію!

НА ОЧЕРЕДИ.

„Нужна ли еврейскому пролетаріату самостоятельная рабочая *партія?*" ставила $1^{1}/_{2}$ года назадъ вопросъ „Искра" и отвѣчала, какъ извѣстно, отрицательно. Съ тѣхъ поръ выходъ „Бунда" изъ рядовъ Р. С.-Д. Р. П. поставилъ его фактически въ положеніе „самостоятельной партіи". Бундъ самъ себѣ довлѣетъ, никакая „чуждая" евреямъ политическая коллективность не властна ограничить его самостоятельность. Но — „одно дѣло казаться, а другое — быть". Быть можетъ, товарищамъ изъ „Бунда" необходимо побыть „въ званіи" особой политической партіи для того, чтобы понять, насколько утопична для нихъ задача *образованія* такой партіи.

„Положеніе обязываетъ". Политическая партія должна имѣть свою опредѣленную политическую физіономію, свою особую программу. Это требованіе — не блажь доктринеровъ. Соціалистическая рабочая *партія* не можетъ быть просто организаціей пролетаріевъ данной мѣстности или данной народности, руководящей ихъ повседневной борьбой и пропагандирующей конечные идеалы соціализма. Въ отличіе отъ пропагандистскаго кружка или рабочаго союза, партія ставитъ себѣ *политическія* задачи, т. е. задачи борьбы за политическое вліяніе въ данномъ государствѣ. Ея программа формулируетъ требованія, предъявляемыя ею къ этому государству и то пониманіе общественнаго развитія, которое, въ ея глазахъ, санкціонируетъ эти требованія. Различіе конкретныхъ условій общественнаго развитія, въ которыхъ работаетъ данная партія, опредѣляетъ конкретныя различія въ подробностяхъ одной и той же, по своимъ принципамъ, программы соціализма въ разныхъ *странахъ*. Ибо тѣ основныя внѣшнія условія, которыя ставятъ передъ партіями пролетаріата *политическія* задачи, суть, прежде всего, конкретныя государственно-правовыя формы, придающія *національный* характеръ интернаціональной, по своимъ основамъ, классовой борьбѣ пролетаріата. Если данный пролетаріатъ не имѣетъ въ государственно-правовыхъ отношеніяхъ специфической точки опоры для своей политической консолидаціи, его организація не можетъ стать политической партіей не можетъ выработать для себя опредѣленной физіономіи, т. е. своей собственной политической программы.

При такихъ условіяхъ, попытки подобной организаціи развить *теоретическую* пропаганду, выходящую за рамки простой популяризаціи общихъ всему соціализму принциповъ, неизбѣжно должны оказаться безжизненными и при наличности достаточной дозы самоувѣренности — производить комическое впечатлѣніе напоминаніемъ о несчастномъ покушеніи одного маленькаго существа „въ дородствѣ съ воломъ сравняться". Ибо теоретическая разработка вопросовъ соціализма, такъ тѣсно связанная у соціальдемократіи съ ея *политикой*, подъ силу только политической партіи и стимулируется ея практической потребностью въ углубленіи и развитіи ея программы.

Товарищи изъ „Бунда" основали новый органъ, который долженъ быть посвященъ теоретической разработкѣ вопросовъ бундовскаго движенія. Положеніе обязываетъ! „Самостоятельная рабочая партія еврейскаго пролетаріата" должна выработать *свою* теоретическую литературу. И Заграничный Комитетъ „Бунда" старается...

Странное впечатлѣніе производитъ этотъ журналъ. Мы имѣемъ въ немъ статьи теоретическія — о „національности и ассимиляціи". Бруно Бауэръ, Карлъ Марксъ, Карлъ Каутскій, Фран Мерингъ... Должны ли евреи ассимилироваться? что есть національность? — эти вопросы представляютъ собой тѣ кардинальные пункты, вокругъ которыхъ должно сложиться теоретическое „бундовское" міровоззрѣніе, которое, въ свою очередь, должно — вмѣстѣ съ общепризнанными началами научнаго соціализма — лечь въ основу бундовской политической программы. Но такъ какъ вопросы еврейской національности — какъ бы поучительны они ни были съ научной точки зрѣнія — никакъ не могутъ пріобрѣсти политическаго значенія, такъ какъ рѣшеніе ихъ въ ту или другую сторону — при условіи сохраненія классовой исходной точки зрѣнія — никакъ не можетъ поставить передъ рѣшающими *особыхъ политическихъ задачъ*, которыя опредѣляли бы собою политику рабочей организаціи по отношенію къ данной государственной организаціи классового господства — то неизбѣжно эта теоретическая разработка остается политически совершенно безплодной (не пріобрѣтая отъ того особой научной цѣнности) и не обѣщаетъ внести въ „сокровищницу соціалистической мысли" никакихъ, хотя бы и маленькихъ, новыхъ идей. Въ самомъ дѣлѣ. Допустимъ, что евреи — нація, что исторія не ведетъ ихъ въ сторону „ассимиляціи", — что можетъ изъ этого теоретическаго открытія слѣдовать для политической программы соціалистовъ-евреевъ, желающихъ оставаться на классовой точкѣ зрѣнія пролетаріата? Мы знаемъ, какъ „бундовцы" до сихъ поръ отвѣчали на этотъ вопросъ. Провозгласивъ евреевъ націей, *политической* націей, они отказались отъ напрашивавшагося имъ вывода о необходимости борьбы за политическія права этой націи, какъ таковой. Они объявили „преждевременнымъ" выставленіе программы *національной автономіи*. Они чувствовали, что фактическое положеніе еврейства, необособленнаго исторіей въ отдѣльный *политическій организмъ*, сдѣлаетъ выставленіе *такого* требованія шагомъ *въ сторону* отъ классовой точки зрѣнія. Они не сдѣлали этого шага на своихъ съѣздахъ, не дѣлаютъ его и теоретики „Вѣстника Бунда". [illegible] и пережевываніе вопроса о „національности и ассимиляціи" пріобрѣтаетъ указанный выше совершенно безжизненный характеръ, одинаково проявляющійся и въ чопорномъ педантизмѣ развиваемыхъ теоретическихъ посылокъ, и въ хлестскихъ полемическихъ выпадахъ дурного газетнаго тона.

Прочтите (въ № 3 „Вѣстника Бунда"), какъ снисходительно бундовскіе теоретики треплютъ Карла Маркса за его извѣстную блестящую статью „объ еврейскомъ вопросѣ", какъ они обличаютъ Каутскаго въ томъ, что онъ „поддался философіи Плехановскаго попугая", какъ и того, и другого, зачисляютъ о въ „ассимиляторы", заканчивая статью цитированіемъ циркуляра фонъ Плеве — тоже въ роли „ассимилятора". Прочитайте — подивитесь „теоретической энергіи" нашихъ бѣдныхъ товар

Организаціонные вопросы русской соціальдемократіи.

Отъ редакціи. Тов. Ленинъ, возражая на обвиненія въ бланкистскомъ извращеніи марксизма, упомянулъ въ своей послѣдней книгѣ, что въ Германіи такіе „ортодоксы", какъ Парвусъ и Люксембургъ, подвергались со стороны мѣстныхъ оппортюнистовъ тому же обвиненію, изъ чего, де, вытекаетъ тождество критики, направленной противъ Ленина, съ критикой бернштейніанцевъ. Въ виду этого, представлялось особенно интереснымъ узнать мнѣніе названныхъ товарищей о нашихъ нынѣшнихъ разногласіяхъ. Свое мнѣніе о „ленинизмѣ" Парвусъ выразилъ еще прежде, чѣмъ въ „Искрѣ" началась какая бы то ни было полемика съ „твердымъ" направленіемъ (въ „Weltpolitik", см. объ этомъ въ письмѣ Ленина: „почему я вышелъ изъ редакціи?"). Послѣ появленія „Шага впередъ" мы обратились къ т. Р. Люксембургъ съ предложеніемъ высказаться объ этой книгѣ. Ея мнѣніе было цѣнно для насъ вдвойнѣ, какъ мнѣніе одного изъ немногихъ представителей международной соціальдемократіи, владѣющаго русскимъ языкомъ и могущаго, поэтому, внимательно слѣдить за нашимъ партійнымъ развитіемъ. Отвѣтомъ на наше предложеніе явилась печатаемая здѣсь статья, которая, надо надѣяться, выяснитъ тов. Ленину полную непричастность революціоннаго марксизма къ его организаціонной точкѣ зрѣнія.

Статья тов. Р. Люксембургъ, написанная первоначально по нѣмецки, появляется одновременно и въ „Neue Zeit". Небольшое примѣчаніе къ ней К. Каутскаго будетъ особенно поучительно для тѣхъ, кто послѣ помѣщеннаго у насъ его „письма", все еще не вѣрилъ, что редакторъ „N. Z." не принадлежитъ къ „твердому" направленію.

I.

На долю русской соціальдемократіи выпала своеобразная, безпримѣрная въ исторіи соціализма задача: въ самодержавномъ государствѣ выработать тактику соціальдемократическую, т. е. соотвѣтствующую классовой борьбѣ пролетаріата. Обычное сравненіе современнаго положенія дѣлъ въ Россіи съ эпохой господства законовъ противъ соціалистовъ въ Германіи неудачно, поскольку имѣется въ виду оцѣнка Россіи съ точки зрѣнія полицейскихъ, а не политическихъ условій. *Препятствія*, которыя ставитъ массовому движенію отсутствіе демократическихъ свободъ, имѣютъ, сравнительно, второстепенное значеніе: массовое движеніе и въ Россіи сумѣло прорваться черезъ преграды самодержавнаго порядка и создать себѣ свою собственную, хотя и хромую „конституцію" „уличныхъ безпорядковъ". Оно сумѣетъ дѣлать это и впредь, вплоть до своей окончательной побѣды надъ самодержавіемъ. Главное затрудненіе для соціальдемократической борьбы въ Россіи заключается въ томъ, что классовое господство буржуазіи затемняется господствомъ самодержавнаго насилія; это господство самодержавія неизбѣжно придаетъ соціалистической проповѣди классовой борьбы абстрактно-пропагандистскій, а непосредственной политической агитаціи — по преимуществу революціонно-демократическій характеръ. Законъ противъ соціалистовъ пытался только поставить внѣ конституціи рабочій классъ — и это въ высоко развитомъ буржуазномъ обществѣ, съ вполнѣ обнаженными и развернувшимися въ парламентской борьбѣ классовыми противорѣчіями; въ этомъ то и состояло безуміе, нелѣпость Бисмарковской затѣи. Въ Россіи же, наоборотъ, приходится совершить обратный экспериментъ: создать соціальдемократію при отсутствіи непосредственнаго политическаго господства буржуазіи.

Это своеобразно видоизмѣняетъ не только вопросъ о перенесеніи соціалистическаго ученія на русскую почву, не только вопросъ объ *агитаціи*, но и вопросъ объ *организаціи*.

Въ соціальдемократическомъ движеніи, въ отличіе отъ прежнихъ опытовъ утопическаго соціализма, и *организація* не представляетъ собой искуственнаго продукта пропаганды, но является продуктомъ классовой борьбы, въ которую соціальдемократія только вноситъ политическое сознаніе. При нормальныхъ условіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ развитое политическое классовое господство буржуазіи предшествуетъ соціальдемократическому движенію, дѣло первоначальнаго политическаго сплоченія рабочихъ въ значительной мѣрѣ выпадаетъ на долю самой буржуазіи. „На этой ступени", говорится въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", „массовое сплоченіе рабочихъ является еще не слѣдствіемъ ихъ собственнаго объединенія, но слѣдствіемъ объединенія буржуазіи". Въ Россіи соціальдемократіи выпала задача сознательнымъ вмѣшательствомъ замѣнить цѣлый періодъ историческаго процесса и повести пролетаріатъ, какъ сознающій свои цѣли и борящійся за нихъ классъ, прямо отъ политической атомизированности, составляющей основу самодержавнаго режима, къ высшей формѣ организаціи. Вслѣдствіе этого, организаціонный вопросъ для русской соціальдемократіи особенно труденъ, не столько потому, что ей приходится создавать организацію при отсутствіи всѣхъ тѣхъ формальныхъ гарантій, которыя даетъ буржуазная демократія, сколько прежде всего потому, что эту организацію приходится создавать, такъ сказать, подобно господу богу, „изъ ничего", въ пустомъ пространствѣ, безъ того политическаго сырья, которое обычно подготовляется буржуазнымъ обществомъ.

Задача, надъ которой россійская соціальдемократія трудится вотъ уже нѣсколько лѣтъ, состоитъ въ переходѣ отъ типа раздробленныхъ, совершенно другъ отъ друга независимыхъ кружковыхъ и мѣстныхъ организацій, соотвѣтствовавшихъ подготовительной, преимущественно пропагандистской фазѣ движенія, къ такой организаціи, какая требуется для объединенія политической дѣятельности массъ во всемъ государствѣ. Но такъ какъ отличительными чертами чувствовавшихся, какъ тормазъ, и политически отжившихъ, старыхъ организаціонныхъ формъ были раздробленность и полнѣйшая автономія самодовлѣющихъ мѣстныхъ организацій, то естественно, что лозунгомъ новаго фазиса, идеей вновь воздвигаемой крупной организаціонной постройки былъ: *централизмъ*. Подчеркиваніе централистической идеи проходило красной нитью черезъ всю блестящую трехлѣтнюю кампанію „Искры", подготовлявшую послѣдній, de facto учредительный, съѣздъ; и та же самая идея владѣла умами и всего цвѣта соціальдемократической молодежи въ Россіи. Вскорѣ, однако, на съѣздѣ и еще больше *послѣ* съѣзда, обнаружилось, что централизмъ есть боевой лозунгъ, далеко не исчерпывающій историческаго содержанія и своеобразія соціальдемократическаго типа организаціи: здѣсь еще разъ обнаружилось, что марксистское пониманіе соціализма ни въ одной области, даже въ области организаціонныхъ вопросовъ, не укладывается въ застывшія формулы.

Лежащая передъ нами книга тов. *Ленина*, одного изъ выдающихся руководителей и борцовъ „Искры" въ ея подготовительной кампаніи къ съѣзду[1]), представляетъ собой систематическое изложеніе взглядовъ *ультра-централистическаго* направленія въ Россійской партіи. Точка зрѣнія, нашедшая въ ней сильное и исчерпывающее выраженіе, есть точка зрѣнія безпощаднаго централизма, основной принципъ котораго состоитъ, съ одной стороны, въ рѣзкомъ выдѣленіи и обособленіи организованныхъ выдающихся и дѣятельныхъ революціонеровъ изъ окружающей ихъ, хотя и неорганизованной, но революціонно-активной среды: съ другой — въ строгой дисциплинѣ и прямомъ рѣшительномъ и опредѣленномъ вмѣшательствѣ центральныхъ учрежденій во всѣ проявленія жизни мѣстныхъ организацій партіи. Достаточно отмѣтить, что, по этому взгляду, Ц. К., напр., имѣетъ право организовать всѣ мѣстные комитеты партіи и, слѣд., опредѣлять личный составъ каждой отдѣльной мѣстной организаціи, отъ Женевы до Льежа, отъ Томска до Иркутска, давать имъ готовый уставъ, безапелляціонно распускать ихъ и вновь создавать, и въ результатѣ, такимъ образомъ, косвенно влiять на составъ самой высшей партійной инстанціи, съѣзда. Такимъ образомъ, Ц. К. является единственнымъ, дѣйствительно активнымъ ядромъ партіи, всѣ же остальныя организаціи — только его исполнительными органами.

Именно въ этомъ соединеніи строжайшаго организаціоннаго централизма съ соціальдемократическимъ массовымъ движеніемъ Ленинъ видитъ специфическій революціонно-марксистскій принципъ и выдвигаетъ множество фактовъ въ защиту своей точки зрѣнія. Посмотримъ, однако, на дѣло поближе.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что соціальдемократіи вообще присуще сильное тяготѣніе къ централизму. Выросшая на экономической почвѣ капитализма, централистическая по своимъ тенденціямъ, и сосредоточивающая свою борьбу въ политическихъ рамкахъ централизованнаго буржуазнаго крупнаго города, соціальдемократія по самой сущности своей является рѣшительной противницей всякаго партикуляризма и національнаго федерализма. Призванная въ рамкахъ даннаго государства представлять общіе интересы пролетаріата, какъ класса, въ противовѣсъ всѣмъ его частнымъ и групповымъ интересамъ, она имѣетъ вездѣ естественное стремленіе объединять всѣ національныя, религіозныя, профессіональныя группы рабочаго класса въ единую, общую партію; изъ этого она дѣлаетъ необходимости, исключенія въ пользу федералистическаго принципа только при исключительно ненормальныхъ отношеніяхъ, какъ, напр., въ Австріи.

Въ этомъ отношеніи и для россійской соціальдемократіи было и нѣтъ сомнѣнія, что она должна составлять не федеративно связанный конгломератъ безчисленнаго количества вынужденныхъ, во что бы то ни стало, выработать „теоретическія основы“ для особой политической программы.

---

[1] Ленинъ „Шагъ впередъ, два шага назадъ".

Подивитесь — но и пожалѣйте ихъ. Ибо, разумѣется, они не создадутъ *своей* политической программы до тѣхъ поръ, пока не захотятъ вступить въ рѣшительный конфликтъ съ классовой теоріей марксизма. До тѣхъ поръ они поневолѣ будутъ ограничиваться „кавалерійскими аттаками“ на тѣхъ или другихъ марксистскихъ теоретиковъ, изобличая ихъ въ „ассимиляторствѣ“, въ „націоналистическихъ мотивахъ, унаслѣдованныхъ отъ правящихъ классовъ господствующихъ націй“, въ „чисто-націоналистическихъ тенденціяхъ“. Подобныя аттаки, при отсутствіи *политической возможности* создать *свою* особую программу, которая продолжала бы быть программой соціальдемократической, способны только развращать теоретическое сознаніе самихъ „бундовцевъ“. Примѣръ — польская такъ называемая „соціалистическая“ партія и наша партія такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. И въ той, и въ другой имѣлись, безъ сомнѣнія, люди, по своему *субъективному* настроенію являвшіеся соціалистами. Но безпомощныя попытки „наѣзднической“ „критики“ единственнаго научнаго соціализма-марксизма — безпощадно развратили ихъ собственное соціалистическое сознаніе и сдѣлали для нихъ неизбѣжнымъ все большее отдаленіе отъ всякаго соціализма. Совѣтуемъ товарищамъ изъ „Бунда“ читать внимательнѣе новѣйшіе продукты „критическаго“ творчества „Рев. Рос.“. Вчера еще увѣрявшая, что и Либкнехтъ, и Бебель, и Мерингъ, и всѣ извѣстные *европейскіе* соціальдемократы лишь по недоразумѣнію не причисляютъ себя къ „соц.-рев.“, и что сами послѣдніе далеко не чужды марксизма (конечно, очищеннаго отъ нѣкоторыхъ „односторонностей“), они сегодня снова требуютъ „пересмотра“ всего марксизма, объявляютъ его оппортюнистическимъ и, щеголяя своимъ ультра-революціонизмомъ, усиленно пьютъ изъ колодца, въ который наплевали анархисты всѣхъ странъ и всѣхъ степеней теоретической анархіи…

Впрочемъ, пока что, бундовцы еще „ортодоксальны“, болѣе того: они увѣрены, что „ортодоксія“ въ россійской соціальдемократіи несомнѣнно — бундовскаго происхожденія. Въ переведенной изъ „Arbeiterstimme“ статьѣ, помѣщенной въ „В. Б.“ и посвященной II съѣзду Партіи, мы читаемъ: „Наша делегація голосовала за программу и этимъ она ясно и недвусмысленно показала, къ какому теченію въ соціальдемократіи принадлежитъ „Бундъ“. Эту самую ортодоксальную программу Бундъ проповѣдывалъ еврейскому пролетаріату еще прежде, чѣмъ „Искра“ выступила съ своею программой, еще прежде, чѣмъ „Искра“, вообще, появилась на свѣтъ божій. И, понятно, мы можемъ лишь радоваться тому, что русская соціальдемократія приняла ортодоксальную программу и тѣмъ самымъ высказалась противъ оппортюнизма во всѣхъ его видахъ“. Я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что эти строки должны были заставить покраснѣть не одного товарища изъ „Бунда“ своей претенціозностью. Бѣдная многогрѣшная россійская соціальдемократія знала всевозможные виды „болѣзней роста“ — отъ „соціальдемократическаго дарвизма“ — пропагандистской кружковщины до „стачкизма“ и „ультра-политицизма“; въ ея рядахъ свивало себѣ гнѣздо бернштейніанство, не чужды ей были и бланкистскія увлеченія. Одна только организація неизмѣнно хранила чистоту „ортодоксальныхъ“ принциповъ, и этой организаціей былъ тотъ самый „Бундъ“, который, благодаря именно тому, что для него и за него россійская партія болѣла, переживала и справлялась съ названными болѣзнями, — получалъ возможность *учиться* у нея безъ того, чтобы самому оказаться „въ числѣ драки“ по тому или другому спорному вопросу. Благо „Бунду“, что онъ былъ освобожденъ отъ этой печальной необходимости принимать участіе въ подобныхъ „дракахъ“, но стыдно ему изъ этого свидѣтельства сравнительной политической примитивности дѣлать доказательство своего превосходства надъ этими бѣдными „искровцами“ и „рабочедѣльцами“, которые бились надъ вопросомъ о соотвѣтствующей классовымъ интересамъ пролетаріата соц.-дем. программѣ. Практика „Бунда“ всегда была „ортодоксальной“. О, товарищи, если бы вы понимали теперь, *какая* практика является дѣйствительнымъ выраженіемъ „ортодоксальной“ программы, Вы бы устыдились Вашихъ словъ. Увы! *Ваша* практика въ тѣ недавнія времена, когда „еще „Искра“ не появилась на свѣтъ божій“, была не только не „ортодоксальна“, но и очень далека отъ соціальдемократизма вообще, какъ было и на первыхъ порахъ дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Но и въ Вашей исторіи все же были моменты, когда Ваши оффиціальные представители принимали опредѣленно сторону одного изъ боровшихся въ партіи теченій. И, къ сожалѣнію, въ этихъ случаяхъ представители „Бунда“ отнюдь не являлись защитниками „ортодоксіи“. Такъ, напр., когда уже въ полномъ разгарѣ былъ споръ между „ортодоксами“ и болѣе или менѣе явно тяготѣвшими къ Бернштейну элементами, органъ того самаго Загр. Ком. Бунда, который нынѣ издаетъ „Вѣстникъ“, „Iudischer Arbeiter“ увѣрялъ еврейскихъ читателей (въ замѣткѣ о Vademecum'ѣ), что между воззрѣніями „Гр. Осв. Тр.“ и ея антагонистовъ нѣтъ никакихъ принципіальныхъ разногласій. Не замѣтивъ послѣднихъ, могли ли въ то время бундовцы „проповѣдывать ортодоксальную программу“ еврейскому пролетаріату, какъ хочетъ увѣрить насъ Arbeiterstimme?

Мы можемъ только пожелать „Бунду“, чтобы въ будущемъ онъ съ болѣе активнымъ интересомъ относился къ „большимъ“ вопросамъ, которые ставитъ развитіе россійской соціальдемократіи. Тогда невозможнымъ станетъ для него то самомнѣніе, которое нынѣ позволяетъ ему поздравлять нашу партію съ тѣмъ, что она, наконецъ, усвоила себѣ программу, извѣстную Бунду съ начала его рожденія. Но за то, тогда, вѣроятно, „бундовцы“ больше цѣнили бы дѣйствительные успѣхи, дѣлаемые россійской соціальдемократіей, а это одно уже сдѣлало бы невозможнымъ то „взаимное отчужденіе“ между Партіей и „Бундомъ“, на почвѣ котораго произошло его отдѣленіе отъ партіи. Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Россійскія картинки на военномъ фонѣ. (Изъ письма машиниста на воинскихъ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ Забайкальской области, отъ конца апрѣля мѣс. сего 1904 г.)

„По случаю большой дороговизны жизни, вызванной войной, а также страшно усиленной ѣзды на поѣздахъ, машинистамъ увеличено вознагражденіе: жалованье на 50% и на столько же поверстныя. Но зато, безъ вѣдома машинистовъ, съ нихъ вычитаютъ на флотъ и на Красный Крестъ: изъ первой прибавки — 30%, изъ второй — 15%. Вслѣдствіе этого, у меня отнимаютъ въ мѣсяцъ 40-50 руб. Вотъ какъ самодержавіе собираетъ „пожертвованія“! 40-50 руб. съ одного рабочаго, такимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывающаго себѣ хлѣбъ… Недалеко, значитъ, время, когда обстоятельства войны подскажутъ правительству прямо дѣлать вычетъ со всѣхъ россійскихъ рабочихъ“… Рабочіе должны быть готовы, поэтому, къ энергичному отпору.

Тотъ же машинистъ пишетъ: „Начальникомъ Забайкальской ж. д. изданъ подвѣдомственнымъ ему начальникамъ депо приказъ, чтобы эти послѣдніе внушали своимъ служащимъ, что Россіи нуженъ на Тихомъ океанѣ флотъ, и „желательно, чтобы поступали на это дѣло пожертвованія“.

Значитъ, не достаточно еще молоху самодержавія насильственнаго вычета изъ заработка, „желательны“ еще „пожертвованія“!.. „Желательны“!.. Хорошо сказано… Извѣстно, что значатъ на языкѣ многочисленнаго россійскаго начальства подобныя „желанія“: чтобъ были „пожертвованія“ и — больше ничего. И нельзя сомнѣваться, что такія пожертвованія будутъ. Интересно только было бы знать, *какъ* велики будутъ эти „доброхотныя даянія“ жел.-дорожныхъ служащихъ на Забайкальской дорогѣ? Нижеприводимый фактъ, сообщенный намъ тѣмъ же машинистомъ, достаточно показываетъ, что личность русскаго рабочаго сильно выросла. Вотъ этотъ фактъ:

„Казачьи офицера погуляли въ волю, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ высѣчь машиниста и монтера депо за вольный съ нимъ разговоръ.

— „Высѣку, и все тутъ… У меня сотня казаковъ, а потомъ ищите на меня суда“.

Но монтеръ, вынувъ револьверъ, сказалъ, что прежде чѣмъ его высѣкутъ, онъ выпуститъ шесть пуль… Этимъ онъ спасся“.

Если бы всѣ русскіе рабочіе такъ умѣли отстаивать свою личность, въ Россіи давно не пахло бы самодержавіемъ. Впрочемъ, гибель его очень близка: война скоро подведетъ итоги самодержавію. Гибели его помогаютъ сами же его слуги. Тотъ же нашъ машинистъ сообщаетъ: „теперь ускоренно строятъ Кругобайкальскую ж. д. Строили даже зимой, а теперь постройка эта растаяла, и поѣздъ за поѣздомъ сходятъ съ рельсовъ, хотя скорость достигаетъ лишь 10-15 верстъ“.

Вотъ какъ россійское правительство ведетъ войну съ японцами. Такова ужъ логика самодержавія: рыть себѣ своими собственными руками могилу…

Скатертью дорога!..

Москва. Патріотическое сердце стонетъ. Отовсюду вѣсти о печальномъ состояніи посѣвовъ, которые заставляютъ разочаровываться въ оптимизмѣ „Русск. Слова“, газетки, которая усердно читается населеніемъ и которая говоритъ, что всѣ бѣдствія для „заграницы“, а мы, съ божьей помощью, отъ лиха избавлены. „Помилуйте! — проповѣдуетъ намъ эта газета, — пессимисты воютъ: кризисъ! кризисъ! Слава богу! Мы — страна земледѣльческая, климатъ, что ли, измѣнитъ у насъ эта война?“ И вотъ, оказывается, измѣнила… Въ народѣ начинается ропотъ и стоны, ходятъ разные слухи, передаваемые изъ устъ въ уста со скоростью телеграммы. „Бодрое, жизнерадостное, патріотическое“ настроеніе, сопровождавшееся рѣчами крестьянъ вродѣ того: „Слава тѣ, господи! Авось народъ разрѣдятъ — народу то полегче будетъ!“, стало удѣломъ однихъ стариковъ-крестьянъ, да и на нихъ нападаетъ сомнѣніе, и „доблестное“ настроеніе получается только съ изряднымъ зарядомъ „казенки“, и то не всегда. Люди, всегда избѣгавшіе „баловства“, начинаютъ прислушиваться къ газетнымъ извѣстіямъ, относиться къ нимъ критически и съ удовольствіемъ слушаютъ листки. „Сиволапое мужичье“ начинаетъ разсуждать о соціальдемократической партіи, какъ будто „мы“ — не земледѣльческая страна, которой чужды болѣзненные наросты гнилого запада, какъ будто наши условія не вырабатываютъ особыхъ путей развитія. „Преступная пропаганда“ начинаетъ широко производить свои „опустошительныя“ дѣйствія. Эта зараза идетъ изъ городовъ неуловимымъ потокомъ и опять возвращается въ города. Въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ мудрымъ и энергичнымъ представителемъ уѣздной администраціи. Скорбно было лицезрѣть, какъ онъ растерянно махалъ руками и взывалъ: „Повѣрите ли, въ томъ селѣ, гдѣ мой станъ — половина мерзавцевъ — революціонеры! Да-съ! Дайте мнѣ ядро, дайте докопаться, гдѣ разсадникъ заразы! Нѣтъ-съ! Ничего не могу понять“. Такъ взывалъ ловкій администраторъ, простирая руки къ бездушному небу.

Что касается нашей „интеллигенціи“, то о ней не стоитъ и говорить. Кромѣ фрондерства и злоязычія, она до сихъ поръ еще ничего не сотворила. Ея недовольство выражается въ томъ, что въ мастерской великой княгини Елизаветы Ѳедоровны никто не работаетъ въ пользу заправилъ Кр. Креста и не помогаетъ имъ, вмѣсто матеріала лечебнаго, отправлять на Дальній Востокъ матеріалъ строительный. Злые языки сочинили уже цѣлую повѣсть о какихъ то милліонахъ, пропавшихъ безъ вѣсти, и вотъ теперь бойкотируютъ „Ея Высочество“, усугубляя ея невыразимую печаль о выбывающихъ изъ строя подданныхъ. Сильно кричали промежду себя объ отставкѣ Шипова, хотѣли его вновь выбрать, хотѣли выйти въ отставку, хотѣли… подать прошеніе на „Высочайшее имя“, хотѣли… словомъ, завтра выбираютъ новаго предсѣдателя, при закрытыхъ дверяхъ. Sic transit gloria mundi! Въ переводѣ на русскій языкъ — поговорили и будетъ!

Симбирскъ. Ужъ очень безотрадно у насъ въ глуши. Только и слышно завываніе волковъ и шакаловъ реакціи. Прямо иному страшно дѣлается.

На дняхъ у насъ брали запасныхъ солдатъ. Плачъ цѣлыми днями стоялъ надъ городомъ. Изъ деревень пришли матери, жены и дѣти призываемыхъ на службу „отечеству“ и стонъ, причитанія слышны были съ утра до ночи. Всю ночь слышались пьяныя пѣсни, вродѣ: „Прощай, страна моя родная!“

Одновременно набирались же и лошади для войскъ. На площади, куда приводились лошади для осмотра, можно было наблюдать такія сценки: извозчикъ встаетъ на колѣни передъ набирающимъ лошадей офицеромъ, и со слезами на глазахъ проситъ не брать его „кормилицу“, съ которой онъ сроднился, къ которой привыкъ за долгое время совмѣстной работы… Офицеръ — неумолимъ и извозчикъ въ страшномъ горѣ, со слезами прощается съ лошадью. Дали ему за лошадь рублей 70 (стоитъ „вѣрныхъ 100“, какъ говорятъ знатоки).

Кругомъ горе страшное. „Угнали“ въ солдаты, напримѣръ, недалеко жившаго извозчика. Остались шесть маленькихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ больной матерью… Отчаяніе полное. И такихъ сотни, тысячи… „Патріотическаго подъема“ не замѣтно. Слышны лишь привычныя русскому „горе да тоска…“

Но вотъ и отрадное: мѣстная городская управа выставила уѣзжающимъ солдатамъ нѣсколько ведеръ „сивухи“ (для патріотическаго подъема“, должно быть) и толпа пѣла „гимнъ“, кричала „уру!“ и качала въ „пьяно-патріотическомъ“ восторгѣ городского голову и нѣкоторыхъ изъ „отцовъ города“… „Трудно отраднѣй картину нарисовать!..“

Иркутскъ. (Изъ письма врача). „… Обгоняли мы массу воинскихъ поѣздовъ. Везутъ людей, какъ барановъ, на бойню, и нельзя сказать, чтобы бараны были, дѣйствительно, баранами. Настроеніе отнюдь не патріотическое; въ нѣкоторыхъ эшелонахъ даже имѣются явно возмущенные обращеніемъ съ ними и несправедливостью несенія ими тяготъ войны. По всей дорогѣ

ональныхъ и мѣстныхъ особыхъ организацій, но единую сплоченную партію россійскаго государства Однако, совсѣмъ другое значеніе имѣетъ вопросъ о большей или меньшей степени централизаціи и объ ея ближайшемъ характерѣ въ рамкахъ объединенной и единой россійской соціальдемократіи.

Съ точки зрѣнія формальныхъ задачъ соціальдемократіи, какъ боевой партіи, централизмъ въ ея организаціи на первый взглядъ кажется условіемъ, отъ выполненія котораго непосредственно зависитъ боевая способность и энергія партіи. Однако, тутъ гораздо важнѣе точки зрѣнія формальныхъ требованій всякой боевой организаціи, специфическія историческія условія пролетарской борьбы.

Соціальдемократическое движеніе есть первое въ исторіи классовыхъ обществъ, разсчитанное всѣми своими сторонами и общимъ своимъ ходомъ на организацію и непосредственную самодѣятельность массъ.

Въ этомъ отношеніи соціальдемократія создаетъ совсѣмъ другой типъ организаціи, чѣмъ прежнія соціалистическія движенія, напр., якобинско-бланкистскаго типа.

Ленинъ, кажется, недооцѣниваетъ этого, когда въ своей книгѣ (стр. 140) думаетъ, что революціонный соціальдемократъ есть не что иное, какъ „якобинецъ, неразрывно связанный съ *организаціей* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы“. Отличія соціальдемократіи отъ бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовымъ сознаніемъ пролетаріата въ противоположность заговору небольшого меньшинства. Онъ забываетъ, что отсюда вытекаетъ полная переоцѣнка организаціонныхъ понятій, совершенно новое содержаніе, вкладываемое въ понятіе централизма, совершенно новое пониманіе взаимоотношенія между организаціей и борьбой.

Бланкизмъ не опирался на непосредственную классовую дѣятельность рабочихъ массъ и не нуждался поэтому въ организаціи массъ. Напротивъ, такъ какъ широкія народныя массы должны были появиться впервые на полѣ борьбы лишь въ моментъ революціи, а предварительная дѣятельность состояла въ подготовленіи революціоннаго удара небольшимъ меньшинствомъ, то рѣзкое отграниченіе предназначенныхъ для этой опредѣленной дѣятельности личностей отъ народной массы было прямо необходимо для удачнаго выполненія ихъ задачи. Но въ то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской дѣятельностью бланкистской организаціи и повседневной жизнью народныхъ массъ не было никакой внутренней связи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и тактика и ближайшія задачи дѣятельности, импровизируемыя свободно и по вдохновенію безъ связи съ почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемыя напередъ до мельчайшихъ подробностей, отливались въ форму заранѣе намѣченнаго плана. Поэтому дѣйствующіе члены организаціи естественно превращались въ чисто исполнительные органы внѣ ихъ поля дѣятельности существующей и заранѣе опредѣляемой воли, въ *орудія* Ц. К. Отсюда вытекаетъ и вторая особенность заговорщическаго централизма: абсолютное, слѣпое подчиненіе отдѣльныхъ органовъ партіи ея центральному учрежденію, распространяющему свою безапелляціонную власть вплоть до самой периферіи партійной организаціи.

Въ корнѣ отличны условія соціальдемократической дѣятельности. Послѣдняя исторически выростаетъ изъ элементарной классовой борьбы. При этомъ ей свойственно то діалектическое противорѣчіе, что пролетарская армія впервые рекрутируется въ самомъ процессѣ борьбы и въ борьбѣ же впервые сознаетъ задачи этой борьбы. Организація, ростъ сознанія и борьба являются здѣсь не особыми механически и во времени раздѣленными моментами, какъ въ бланкистскомъ движеніи, это — только различныя стороны того же самаго процесса. Съ одной стороны, кромѣ общихъ основныхъ принциповъ борьбы не существуетъ готовой, заранѣе опредѣленной и до мелочей разработанной боевой тактики, къ которой Ц. К. муштровкой можетъ подготовить членовъ соціальдемократической партіи. Съ другой стороны, процессъ борьбы, создающій организацію, обусловливаетъ постоянныя колебанія сферы вліянія соціальдемократіи. Уже отсюда слѣдуетъ, что соціальдемократическая централизація не можетъ основываться ни на слѣпомъ повиновеніи, ни на механическомъ подчиненіи борцовъ партіи ея центральной власти, и что, съ другой стороны, между уже организованнымъ въ прочные партійные кадры ядромъ сознавшаго свои классовые интересы пролетаріата, и уже захваченнымъ классовой борьбой, находящимся въ процессѣ классового развитія прилегающимъ слоемъ пролетаріата никогда не можетъ быть воздвигнуто непроходимой стѣны. Построеніе централизаціи въ соціальдемократіи на этихъ двухъ основаніяхъ — на слѣпомъ подчиненіи въ самыхъ мелочахъ всѣхъ партійныхъ организацій и ихъ дѣятельности центральной власти, которая одна думаетъ, творитъ и рѣшаетъ за всѣхъ, а также на строгомъ отграниченіи организованнаго ядра партіи отъ окружающей его революціонной среды, какъ на этомъ настаиваетъ Ленинъ, — кажется намъ поэтому механическимъ перенесеніемъ организаціонныхъ принциповъ бланкистскаго движенія заговорщическихъ кружковъ на соціальдемократическое движеніе рабочихъ массъ. И Ленинъ, быть можетъ, еще остроумнѣе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать кто-либо изъ его оппонентовъ, характеризуетъ свою точку зрѣнія, опредѣляя своего „революціоннаго соціальдемократа“, какъ „якобинца, *связаннаго* съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы“. Но фактически соціальдемократія не *связана* съ организаціей рабочаго класса, она и есть *подлинное движеніе* рабочаго класса. Слѣдовательно, соціальдемократическій централизмъ долженъ быть по существу другого характера, чѣмъ бланкистскій. Онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ властнымъ выраженіемъ объединенной воли сознательнаго и борющагося авангарда рабочихъ по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и индивидуумамъ; это, такъ сказать „самоцентрализмъ“, („Selbstzentralismus“) руководящаго слоя пролетаріата, господство его большинства внутри его собственной партійной организаціи.

Уже изъ анализа дѣйствительнаго содержанія соціальдемократическаго централизма становится очевиднымъ, что для него въ Россіи въ настоящее время не можетъ существовать въ полной мѣрѣ необходимыхъ условій; а именно — наличности значительнаго, уже воспитаннаго въ политической борьбѣ слоя пролетаріата, и возможности проявленія его самодѣятельности (Disposizionsfähigkeit) путемъ прямого вліянія на дѣла (на публичныхъ съѣздахъ, въ партійной прессѣ и т. д.

Послѣднее условіе очевидно можетъ быть осуществлено только при политической свободѣ, первое же — выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически оріентироваться — находится лишь въ процессѣ возникновенія и должно служить руководящей нитью во всей агитаціонной и организаціонной работѣ.

Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистически восклицаетъ, что теперь ужъ „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи недостаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготовляетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о соціальдемократической организаціи.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, внушается пролетаріату не одной только фабрикой, но и *казармой*, и современнымъ бюрократизмомъ, — словомъ всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства.

Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борящагося за свое освобожденіе, — значитъ просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ. Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать себя для новой дисциплины — свободной самодисциплины соціальдемократіи. Далѣе, изъ того же соображенія явствуетъ, что централизмъ въ соціальдемократическомъ смыслѣ не есть вообще абсолютное понятіе, осуществимое въ равной мѣрѣ на любой ступени въ развитіи рабочаго движенія; скорѣе его слѣдуетъ разсматривать, какъ *тенденцію*, все болѣе и болѣе переходящую въ дѣйствительность по мѣрѣ развитія и политическаго воспитанія рабочихъ массъ въ процессѣ ихъ борьбы.

Конечно, недостаточная наличность важнѣйшихъ предпосылокъ для осуществленія въ полной мѣрѣ централизма въ русскомъ движеніи можетъ явиться огромной помѣхой.

Однако, намъ кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательныхъ рабочихъ внутри ихъ партійной организаціи можетъ быть „пока что“ замѣнено „по довѣрію“ единовластіемъ центральнаго учрежденія партіи, и что отсутствіе публичнаго контроля рабочихъ массъ надъ тѣмъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ партійные органы, можетъ быть такъ же хорошо возмѣщено обратнымъ контролемъ Ц. К. надъ дѣятельностью революціоннаго пролетаріата.

Сама исторія русскаго движенія даетъ много доказательствъ проблематической цѣнности централизма въ этомъ послѣднемъ ной, вынужденныхъ, во что бы то ни стало, выработать „теоретическія основы“ для особой политической программы.

Подивитесь — но и пожалѣйте ихъ. Ибо, разумѣется, они не создадутъ *своей* политической программы до тѣхъ поръ, пока не захотятъ вступить въ рѣшительный конфликтъ съ классовой теоріей марксизма. До тѣхъ поръ они поневолѣ будутъ ограничиваться „кавалерійскими аттаками“ на тѣхъ или другихъ марксистскихъ теоретиковъ, изобличая ихъ въ „ассимиляторствѣ“, въ „націоналистическихъ мотивахъ, унаслѣдованныхъ отъ правящихъ классовъ господствующихъ націй“, въ „чисто-націоналистическихъ тенденціяхъ“. Подобныя аттаки, при отсутствіи *политической возможности* создать *свою* особую программу, которая продолжала бы быть программой соціальдемократической, способны только развращать теоретическое сознаніе самихъ „бундовцевъ“. Примѣръ — польская такъ называемая „соціалистическая“ партія и наша партія такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. И въ той, и въ другой имѣлись, безъ сомнѣнія, люди, по своему *субъективному* настроенію являвшіеся соціалистами. Но безпомощныя попытки „наѣзднической“ „критики“ единственнаго научнаго соціализма-марксизма — безпощадно развратили ихъ собственное соціалистическое сознаніе и сдѣлали для нихъ неизбѣжнымъ все большее отдаленіе отъ всякаго соціализма. Совѣтуемъ товарищамъ изъ „Бунда“ читать внимательнѣе новѣйшіе продукты „критическаго“ творчества „Рев. Рос.“. Вчера еще увѣрявшая, что и Либкнехтъ, и Бебель, и Мерингъ, и всѣ извѣстные *европейскіе* соціальдемократы лишь по недоразумѣнію не причисляютъ себя къ „соц.-рев.“, и что сами послѣдніе далеко не чужды марксизма (конечно, очищеннаго отъ нѣкоторыхъ „односторонностей“), они сегодня снова требуютъ „пересмотра“ всего марксизма, объявляютъ его оппортюнистическимъ и, щеголяя своимъ ультра-революціонизмомъ, усиленно пьютъ изъ колодца, въ который наплевали анархисты всѣхъ странъ и всѣхъ степеней теоретической анархіи…

Впрочемъ, пока что, бундовцы еще „ортодоксальны“, болѣе того: они увѣрены, что „ортодоксія“ въ россійской соціальдемократіи несомнѣнно — бундовскаго происхожденія. Въ переведенной изъ „Arbeiterstimme“ статьѣ, помѣщенной въ „В. Б.“ и посвященной II съѣзду Партіи, мы читаемъ: „Наша делегація голосовала за программу и этимъ она ясно и недвусмысленно показала, къ какому теченію въ соціальдемократіи принадлежитъ „Бундъ“. Эту самую ортодоксальную программу Бундъ проповѣдывалъ еврейскому пролетаріату еще прежде, чѣмъ „Искра“ выступила съ своею программой, еще прежде, чѣмъ „Искра“, вообще, появилась на свѣтъ божій. И, понятно, мы можемъ лишь радоваться тому, что русская соціальдемократія приняла ортодоксальную программу и тѣмъ самымъ высказалась противъ оппортюнизма во всѣхъ его видахъ“. Я, вѣроятно, не ошибусь, если скажу, что эти строки должны были заставить покраснѣть не одного товарища изъ „Бунда“ своей претенціозностью. Бѣдная многогрѣшная россійская соціальдемократія знала всевозможные виды „болѣзней роста“ — отъ „соціальдемократическаго даврвзма“ — пропагандистской кружковщины до „стачкизма“ и „ультра-политицизма“; въ ея рядахъ свивало себѣ гнѣздо бернштейніанство, не чужды ей были и бланкистскія увлеченія. Одна только организація неизмѣнно хранила чистоту „ортодоксальныхъ“ принциповъ, и этой организаціей былъ тотъ самый „Бундъ“, который, благодаря именно тому, что для него и за него россійская партія болѣла, переживала и справлялась съ названными болѣзнями, — получалъ возможность *учиться* у нея безъ того, чтобы самому оказаться „въ числѣ драки“ по тому или другому спорному вопросу. Благо „Бунду“, что онъ былъ освобожденъ отъ этой печальной необходимости принимать участіе въ подобныхъ „дракахъ“, но стыдно ему изъ этого свидѣтельства сравнительной политической примитивности дѣлать доказательство своего превосходства надъ этими бѣдными „искровцами“ и „рабочедѣльцами“, которые бились надъ вопросомъ о соотвѣтствующей классовымъ интересамъ пролетаріата соц.-дем. программѣ. Практика „Бунда“ всегда была „ортодоксальной“. О, товарищи, если бы вы понимали теперь, *какая* практика является дѣйствительнымъ выраженіемъ „ортодоксальной“ программы, Вы бы устыдились Вашихъ словъ. Увы! *Ваша* практика въ тѣ недавнія времена, когда „еще „Искра“ не появилась на свѣтъ божій“, была не только не „ортодоксальна“, но и очень далека отъ соціальдемократизма вообще, какъ было и на первыхъ порахъ дѣятельности всѣхъ нашихъ организацій. Но и въ Вашей исторіи все же были моменты, когда Ваши оффиціальные представители принимали опредѣленно сторону одного изъ боровшихся въ партіи теченій. И, къ сожалѣнію, въ этихъ случаяхъ представители „Бунда“ отнюдь не являлись защитниками „ортодоксіи“. Такъ, напр., когда уже въ полномъ разгарѣ былъ споръ между „ортодоксами“ и болѣе или менѣе явно тяготѣвшими къ Бернштейну элементами, органъ того самаго Загр. Ком. Бунда, который нынѣ издаетъ „Вѣстникъ“, „Iudischer Arbeiter“ увѣрялъ еврейскихъ читателей (въ замѣткѣ о Vademecum'ѣ), что между воззрѣніями „Гр. Осв. Тр.“ и ея антагонистовъ нѣтъ никакихъ принципіальныхъ разногласій. Не замѣтивъ послѣднихъ, могли ли въ то время бундовцы „проповѣдывать ортодоксальную программу“ еврейскому пролетаріату, какъ хочетъ увѣрить насъ Arbeiterstimme?

Мы можемъ только пожелать „Бунду“, чтобы въ будущемъ онъ съ болѣе активнымъ интересомъ относился къ „большимъ“ вопросамъ, которые ставитъ развитіе россійской соціальдемократіи. Тогда невозможнымъ станетъ для него то самомнѣніе, которое нынѣ позволяетъ ему поздравлять нашу партію съ тѣмъ, что она, наконецъ, усвоила себѣ программу, извѣстную Бунду съ начала его рожденія. Но за то, тогда, вѣроятно, „бундовцы“ больше цѣнили бы дѣйствительные успѣхи, дѣлаемые россійской соціальдемократіей, а это одно уже сдѣлало бы невозможнымъ то „взаимное отчужденіе“ между Партіей и „Бундомъ“, на почвѣ котораго произошло его отдѣленіе отъ партіи. Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Россійскія картинки на военномъ фонѣ. (Изъ письма машиниста на воинскихъ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ Забайкальской области, отъ конца апрѣля мѣс. сего 1904 г.)

„По случаю большой дороговизны жизни, вызванной войной, а также страшно усиленной ѣзды на поѣздахъ, машинистамъ увеличено вознагражденіе: жалованье на 50% и на столько же поверстныя. Но зато, безъ вѣдома машинистовъ, съ нихъ вычитаютъ на флотъ и на Красный Крестъ: изъ первой прибавки — 30%, изъ второй — 15%. Вслѣдствіе этого, у меня отнимаютъ въ мѣсяцъ 40-50 руб. Вотъ какъ самодержавіе собираетъ „пожертвованія“! 40-50 руб. съ одного рабочаго, такимъ каторжнымъ трудомъ зарабатывающаго себѣ хлѣбъ… Недалеко, значитъ, время, когда обстоятельства войны подскажутъ правительству прямо дѣлать вычетъ со всѣхъ россійскихъ рабочихъ“… Рабочіе должны быть готовы, поэтому, къ энергичному отпору.

Тотъ же машинистъ пишетъ: „Начальникомъ Забайкальской ж. д. изданъ подвѣдомственнымъ ему начальникамъ депо приказъ, чтобы эти послѣдніе внушали своимъ служащимъ, что Россіи нуженъ на Тихомъ океанѣ флотъ, и „желательно, чтобы поступали на это дѣло пожертвованія“.

Значитъ, не достаточно еще молоху самодержавія насильственнаго вычета изъ заработка, „желательны“ еще „пожертвованія“!.. „Желательны“!.. Хорошо сказано… Извѣстно, что значатъ на языкѣ многочисленнаго россійскаго начальства подобныя „желанія“: чтобъ были „пожертвованія“ и — больше ничего. И нельзя сомнѣваться, что такія пожертвованія будутъ. Интересно только было бы знать, *какъ* велики будутъ эти „доброхотныя данія“ жел.-дорожныхъ служащихъ на Забайкальской дорогѣ? Нижеприводимый фактъ, сообщенный намъ тѣмъ же машинистомъ, достаточно показываетъ, что личность русскаго рабочаго сильно выросла. Вотъ этотъ фактъ:

„Казачьи офицера погуляли въ волю, и одинъ изъ нихъ хотѣлъ высѣчь машиниста и монтера депо за вольный съ нимъ разговоръ.

— „Высѣку, и все тутъ… У меня сотня казаковъ, а потомъ ищите на меня суда“.

Но монтеръ, вынувъ револьверъ, сказалъ, что прежде чѣмъ его высѣкутъ, онъ выпуститъ шесть пуль… Этимъ онъ спасся“.

Если бы всѣ русскіе рабочіе такъ умѣли отстаивать свою личность, въ Россіи давно не пахло бы самодержавіемъ. Впрочемъ, гибель его очень близка: война скоро подведетъ итоги самодержавію. Гибели его помогаютъ сами же его слуги. Тотъ же нашъ машинистъ сообщаетъ: „теперь ускоренно строятъ Кругобайкальскую ж. д. Строили даже зимой, а теперь постройка эта растаяла, и поѣздъ за поѣздомъ сходятъ съ рельсовъ, хотя скорость достигаетъ лишь 10-15 верстъ“.

Вотъ какъ россійское правительство ведетъ войну съ японцами. Такова ужъ этика самодержавія: рыть себѣ своими собственными руками могилу…

Скатертью дорога“.

Москва. Патріотическое сердце стонетъ. Отовсюду вѣсти о печальномъ состояніи посѣвовъ, которые заставляютъ разочаровываться въ оптимизмѣ „Русск. Слова“, газетки которая усердно читается населеніемъ и которая говоритъ, что всѣ бѣдствія для „заграницы“, а мы, съ божьей помощью, отъ лиха избавлены. „Помилуйте“ — проповѣдуетъ намъ эта газета, — пессимисты воютъ: кризисъ! кризисъ! Слава богу! Мы — страна земледѣльческая, климатъ, что ли, измѣнитъ у насъ эта война?“ И вотъ, оказывается, измѣнила… Въ народѣ начинается ропотъ и стоны, ходятъ разные слухи, передаваемые изъ устъ въ уста со скоростью телеграммы. „Бодрое, жизнерадостное, патріотическое“ настроеніе, сопровождавшееся рѣчами крестьянъ вродѣ того: „Слава тѣ, господи! Авось народъ разрѣдятъ — народу то полегче будетъ!“, стало удѣломъ однихъ стариковъ-крестьянъ, да и на нихъ нападаетъ сомнѣніе, и „доблестное“ настроеніе получается только съ изряднымъ зарядомъ „казенки“, и то не всегда. Люди, всегда избѣгавшіе „баловства“, начинаютъ прислушиваться къ газетнымъ извѣстіямъ, относиться къ нимъ критически и съ удовольствіемъ слушаютъ листки. „Сиволапое мужичье“ начинаетъ разсуждать о соціальдемократической партіи, какъ будто „мы“ — не земледѣльческая страна, которой чужды болѣзненные наросты гнилого запада, какъ будто наши условія не вырабатываютъ особыхъ путей развитія. „Преступная пропаганда“ начинаетъ широко производить свои „опустошительныя“ дѣйствія. Эта зараза идетъ изъ городовъ неуловимымъ потокомъ и опять возвращается въ города. Въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ мудрымъ и энергичнымъ представителемъ уѣздной администраціи. Скорбно было лицезрѣть, какъ онъ растерянно махалъ руками и взывалъ: „Повѣрите ли, въ томъ селѣ, гдѣ мой станъ — половина мерзавцевъ — революціонеры! Да-съ! Дайте мнѣ ядро, дайте докопаться, гдѣ разсадникъ заразы! Нѣтъ-съ! Ничего не могу понять“. Такъ взывалъ ловкій администраторъ, простирая руки къ бездушному небу.

Что касается нашей „интеллигенціи“, то о ней не стоитъ и говорить. Кромѣ фрондерства и злоязычія, она до сихъ поръ еще ничего не сотворила. Ея недовольство выражается въ томъ, что въ мастерской великой княгини Елизаветы Ѳедоровны никто не работаетъ въ пользу заправилъ Кр. Креста и не помогаетъ имъ, вмѣсто матеріала лечебнаго, отправлять на Дальній Востокъ матеріалъ строительный. Злые языки сочинили уже цѣлую повѣсть о какихъ то милліонахъ, пропавшихъ безъ вѣсти, и вотъ теперь бойкотируютъ „Ея Высочество“, усугубляя ея невыразимую печаль о выбывающихъ изъ строя подданныхъ. Сильно кричали промежду себя объ отставкѣ Шипова, хотѣли его вновь выбрать, хотѣли выйти въ отставку, хотѣли… подать прошеніе на „Высочайшее имя“, хотѣли… словомъ, завтра выбираютъ новаго предсѣдателя, при закрытыхъ дверяхъ. Sic transit gloria mundi! Въ переводѣ на русскій языкъ — поговорили и будетъ!

Симбирскъ. Ужъ очень безотрадно у насъ въ глуши. Только и слышно завываніе волковъ и шакаловъ реакціи. Прямо иному страшно дѣлается.

На дняхъ у насъ брали запасныхъ солдатъ. Плачъ цѣлыми днями стоялъ надъ городомъ. Изъ деревень пришли матери, жены и дѣти призываемыхъ на службу „отечеству“ и стонъ, причитанія слышны были съ утра до ночи. Всю ночь слышались пьяныя пѣсни, вродѣ: „Прощай, страна моя родная!“

Одновременно набирались же и лошади для войскъ. На площади, куда приводились лошади для осмотра, можно было наблюдать такія сценки: извозчикъ встаетъ на колѣни передъ набирающимъ лошадей офицеромъ, и со слезами на глазахъ проситъ не брать его „кормилицу“, съ которой онъ сроднился, къ которой привыкъ за долгое время совмѣстной работы… Офицеръ неумолимъ и извозчикъ въ страшномъ горѣ, со слезами прощается съ лошадью. Дали ему за лошадь рублей 70 (стоитъ „вѣрныхъ 100“, какъ говорятъ знатоки).

Кругомъ горе страшное. „Угнали“ въ солдаты, напримѣръ, недалеко жившаго извозчика. Остались шесть маленькихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ больной матерью… Отчаяніе полное. И такихъ сотни, тысячи… „Патріотическаго подъема“ не замѣтно. Слышны лишь привычныя русскому „горе да тоска…“

Но вотъ и отрадное: мѣстная городская управа выставила уѣзжающимъ солдатамъ нѣсколько ведеръ „сивухи“ (для патріотическаго подъема“, должно быть) и толпа пѣла „гимнъ“, кричала „уру!“ и качала въ „пьяно-патріотическомъ“ восторгѣ городского голову и нѣкоторыхъ изъ „отцовъ города“… „Трудно отраднѣй картину нарисовать!..“

Иркутскъ. (Изъ письма врача). „… Обгоняли мы массу воинскихъ поѣздовъ. Везутъ людей, какъ барановъ, на бойню, и нельзя сказать, чтобы бараны были, дѣйствительно, баранами. Настроеніе отнюдь не патріотическое, въ нѣкоторыхъ эшелонахъ даже имѣются явно возмущенные обращеніемъ съ ними и несправедливостью несенія ими тяготъ войны. По всей дорогѣ

ональныхъ и мѣстныхъ особыхъ организацій, но единую сплоченную партію россійскаго государства. Однако, совсѣмъ другое значеніе имѣетъ вопросъ о большей или меньшей степени централизаціи и объ ея ближайшемъ характерѣ въ рамкахъ объединенной и единой россійской соціальдемократіи.

Съ точки зрѣнія формальныхъ задачъ соціальдемократіи, какъ боевой партіи, централизмъ въ ея организаціи на первый взглядъ кажется условіемъ, отъ выполненія котораго непосредственно зависитъ боевая способность и энергія партіи. Однако, тутъ гораздо важнѣе точки зрѣнія формальныхъ требованій всякой боевой организаціи, специфическія историческія условія пролетарской борьбы.

Соціальдемократическое движеніе есть первое въ исторіи классовыхъ обществъ, разсчитанное всѣми своими сторонами и общимъ своимъ ходомъ на организацію и непосредственную самодѣятельность массъ.

Въ этомъ отношеніи соціальдемократія создаетъ совсѣмъ другой типъ организаціи, чѣмъ прежнія соціалистическія движенія, напр., якобинско-бланкистскаго типа.

Ленинъ, кажется, недооцѣниваетъ этого, когда въ своей книгѣ (стр. 140) думаетъ, что революціонный соціальдемократъ есть не что иное какъ „якобинецъ, неразрывно связанный съ *организаціей* пролетаріата, *сознавшаго* свои классовые интересы“. Отличія соціальдемократіи отъ бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовымъ сознаніемъ пролетаріата въ противоположность заговору небольшого меньшинства. Онъ забываетъ, что отсюда вытекаетъ полная переоцѣнка организаціонныхъ понятій, совершенно новое содержаніе, вкладываемое въ понятіе централизма, совершенно новое пониманіе взаимоотношенія между организаціей и борьбой.

Бланкизмъ не опирался на непосредственную классовую дѣятельность рабочихъ массъ и не нуждался поэтому въ организаціи массъ. Напротивъ, такъ какъ широкія народныя массы должны были появиться впервые на полѣ борьбы лишь въ моментъ революціи, а предварительная дѣятельность состояла въ подготовленіи революціоннаго удара небольшимъ меньшинствомъ, то рѣзкое отграниченіе предназначенныхъ для этой опредѣленной дѣятельности личностей отъ народной массы было прямо необходимо для удачнаго выполненія ихъ задачи. Но въ то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской дѣятельностью бланкистской организаціи и повседневной жизнью народныхъ массъ не было никакой внутренней связи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и тактика и ближайшія задачи дѣятельности, импровизируемыя свободно и по вдохновенію безъ связи съ почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемыя напередъ до мельчайшихъ подробностей, отливались въ форму заранѣе намѣченнаго плана. Поэтому дѣйствующіе члены организаціи естественно превращались въ чисто исполнительные органы внѣ ихъ поля дѣятельности существующей и заранѣе опредѣляемой воли, въ *орудія* Ц. К. Отсюда вытекаетъ и вторая особенность заговорщическаго централизма: абсолютное, слѣпое подчиненіе отдѣльныхъ органовъ партіи ея центральному учрежденію, распространяющему свою безапелляціонную власть вплоть до самой периферіи партійной организаціи.

Въ корнѣ отличны условія соціальдемократической дѣятельности. Послѣдняя исторически выростаетъ изъ элементарной классовой борьбы. При этомъ ей свойственно то діалектическое противорѣчіе, что пролетарская армія впервые рекрутируется въ самомъ процессѣ борьбы и въ борьбѣ же впервые сознаетъ задачи этой борьбы. Организація, ростъ сознанія и борьба являются здѣсь не особыми механически и во времени раздѣленными моментами, какъ въ бланкистскомъ движеніи, это — только различныя стороны того же самаго процесса. Съ одной стороны, кромѣ общихъ основныхъ принциповъ борьбы не существуетъ готовой заранѣе опредѣленной и до мелочей разработанной боевой тактики, въ которой Ц. К. муштровкой можетъ подготовить членовъ соціальдемократической партіи. Съ другой стороны, процессъ борьбы, создающій организацію, обусловливаетъ постоянныя колебанія сферы вліянія соціальдемократіи. Уже отсюда слѣдуетъ, что соціальдемократическая централизація не можетъ основываться ни на слѣпомъ повиновеніи, ни на механическомъ подчиненіи борцовъ партіи ея центральной власти, и что, съ другой стороны, между уже организованнымъ въ прочные партійные кадры ядромъ сознавшаго свои классовые интересы пролетаріата, и уже захваченнымъ классовой борьбой, находящимся въ процессѣ классового развитія прилегающимъ слоемъ пролетаріата никогда не можетъ быть воздвигнуто непроходимой стѣны. Построеніе централизаціи въ соціальдемократіи на этихъ двухъ основаніяхъ — на слѣпомъ подчиненіи въ самыхъ мелочахъ всѣхъ партійныхъ организацій и ихъ дѣятельности центральной власти, которая одна думаетъ, творитъ и рѣшаетъ за всѣхъ, а также на строгомъ отграниченіи организованнаго ядра партіи отъ окружающей его революціонной среды, какъ на этомъ настаиваетъ Ленинъ, — кажется намъ поэтому механическимъ перенесеніемъ организаціонныхъ принциповъ бланкистскаго движенія заговорщическихъ кружковъ на соціальдемократическое движеніе рабочихъ массъ. И Ленинъ, быть можетъ, еще остроумнѣе, чѣмъ это могъ бы сдѣлать кто-либо изъ его оппонентовъ, характеризуетъ свою точку зрѣнія, опредѣляя своего „революціоннаго соціальдемократа“, какъ „якобинца, *связаннаго* съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы“. Но фактически соціальдемократія не *связана* съ организаціей рабочаго класса, она и есть *подлинное движеніе* рабочаго класса. Слѣдовательно, соціальдемократическій централизмъ долженъ быть по существу другого характера, чѣмъ бланкистскій. Онъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ властнымъ выраженіемъ объединенной воли сознательнаго и борющагося авангарда рабочихъ по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и индивидуумамъ, это, такъ сказать, „самоцентрализмъ“ („Selbstzentralismus“) руководящаго слоя пролетаріата, господство его большинства внутри его собственной партійной организаціи.

Уже изъ анализа дѣйствительнаго содержанія соціальдемократическаго централизма становится очевиднымъ, что для него въ Россіи въ настоящее время не можетъ существовать въ полной мѣрѣ необходимыхъ условій, а именно — наличности значительнаго, уже воспитаннаго въ политической борьбѣ слоя пролетаріата, и возможности проявленія его самодѣятельности (Dispositionsfähigkeit) путемъ прямого вліянія на дѣла (на публичныхъ съѣздахъ, въ партійной прессѣ и т. д.).

Послѣднее условіе очевидно можетъ быть осуществлено только при политической свободѣ, первое же — выдѣленіе пролетарскаго авангарда, сознающаго свои классовые интересы и умѣющаго политически оріентироваться, — находится лишь въ процессѣ возникновенія и должно служить руководящей нитью во всей агитаціонной и организаціонной работѣ.

Тѣмъ поразительнѣе кажется обратное убѣжденіе Ленина, будто всѣ предварительныя условія для созданія большой и крайне централизованной рабочей партіи имѣются въ Россіи уже на лицо. И если онъ оптимистически восклицаетъ, что теперь ужъ „не пролетаріату, а *нѣкоторымъ интеллигентамъ* въ нашей партіи недостаетъ *самовоспитанія* въ духѣ организаціи и дисциплины“ (стр. 145), и прославляетъ воспитательное значеніе фабрики для пролетаріата, которая уже сама по себѣ подготовляетъ его къ „дисциплинѣ и организаціи“ (стр. 147), то это лишній разъ свидѣтельствуетъ объ его слишкомъ механическомъ представленіи о соціальдемократической организаціи.

„Дисциплина“, которую Ленинъ имѣетъ въ виду, внушается пролетаріату не одной только фабрикой, но и *казармой*, и современнымъ *бюрократизмомъ* — словомъ всѣмъ механизмомъ централизованнаго буржуазнаго государства.

Одновременно обозначать словомъ „дисциплина“ два столь противоположныхъ понятія, какъ отсутствіе воли и мысли въ тысяченогомъ и тысячерукомъ тѣлѣ, по указкѣ дѣлающемъ механическія движенія, и добровольное координированіе сознательныхъ политическихъ дѣйствій общественнаго слоя, такія понятія, какъ безпрекословное повиновеніе угнетеннаго класса и организованное возмущеніе класса, борющагося за свое освобожденіе, — значитъ просто злоупотреблять ходячимъ словечкомъ. Не исходя изъ внушаемой пролетаріату капиталистическимъ государствомъ дисциплины — съ простой передачей указки изъ рукъ буржуазіи въ руки соц.-дем. Ц. К., но только сломивъ и вырвавъ съ корнемъ этотъ духъ рабской дисциплины, можетъ рабочій классъ воспитать *себя* для новой дисциплины — свободной самодисциплины соціальдемократіи. Далѣе, изъ того же соображенія явствуетъ, что централизмъ въ соціальдемократическомъ смыслѣ не есть вообще абсолютное понятіе, осуществимое въ равной мѣрѣ на любой ступени въ развитіи рабочаго движенія; скорѣе его слѣдуетъ разсматривать, какъ *тенденцію*, все болѣе и болѣе переходящую въ дѣйствительность по мѣрѣ развитія и политическаго воспитанія рабочихъ массъ въ процессѣ ихъ борьбы.

Конечно, недостаточная наличность важнѣйшихъ предпосылокъ для осуществленія въ полной мѣрѣ централизма въ русскомъ движеніи можетъ явиться огромной помѣхой.

Однако, намъ кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательныхъ рабочихъ внутри ихъ партійной организаціи можетъ быть „пока что“ замѣнено „по довѣрію“ единовластіемъ центральнаго учрежденія партіи, и что отсутствіе публичнаго контроля рабочихъ массъ надъ тѣмъ, что дѣлаютъ и чего не дѣлаютъ партійные органы, можетъ быть такъ же хорошо возмѣщено обратнымъ контролемъ Ц. К. надъ дѣятельностью революціоннаго пролетаріата.

Сама исторія русскаго движенія даетъ много доказательствъ проблематической цѣнности централизма въ этомъ послѣднемъ отъ моста черезъ Волгу стояли у каждой „трубы“ и моста караульные, такъ какъ около Сызрани поймали японцевъ, пытавшихся взорвать мостъ черезъ Волгу, и теперь крѣпкіе заднимъ умомъ издали приказъ — не открывать оконъ и дверей вагоновъ при проѣздѣ черезъ мостъ. Дорогу охраняютъ запасные изъ вятской и сибирскихъ губерній. Въ Челябинскѣ мы нагнали отрядъ харьковскаго земства, которому въ Пензѣ устроили ужинъ съ рѣчами, причемъ земцы пили за Земскій Соборъ. Губернаторъ, бывшій на ужинѣ, удралъ, боясь, что скоро будутъ пить за конституцію.“

Въ другомъ письмѣ, со станціи Манджурія, тотъ же врачъ пишетъ:

„Призывные солдаты получаютъ въ день 21 коп., причемъ 2 фунта хлѣба стоятъ 20 коп.“

Варшава. 26 іюня нѣсколькими группами рабочихъ изъ „Пролетаріата“, возвращавшимися съ парадной прогулки въ центрѣ города — Сокюнскомъ саду — устроена была демонстрація, въ качествѣ протеста противъ звѣрскаго избіенія толпы при пожарѣ завода Списса на Грибной улицѣ. Рабочіе въ количествѣ 200 чел., развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ Варшавянки двинулись по главной аллеѣ сада.

На перекресткѣ аллей, однимъ изъ интеллигентовъ была произнесена рѣчь, выясняющая смыслъ и значеніе демонстраціи, послѣ чего рабочіе съ криками „долой самодержавіе!“, „да здравствуетъ революція!“, „да здравствуетъ соціализмъ!“, разсыпавшись по всѣмъ дорожкамъ, начали раздавать публикѣ и разбрасывать прокламаціи, изданныя „Пролетаріатомъ“ по поводу господствующаго кризиса и предстоящей мобилизаціи въ Царствѣ Польскомъ. Значительная часть буржуазной публики при первыхъ звукахъ гимна и революціонныхъ возгласовъ обратилась въ позорное бѣгство. Полиція, растерявшись, не успѣла запереть выходы и такимъ образомъ никто изъ демонстрантовъ арестованъ не былъ. Въ городѣ демонстрація произвела огромное впечатлѣніе.

Варшава. Въ № 65 „Искры“ уже вкратцѣ было сообщено о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при арестѣ типографіи С. Д. Ц. П. и Л. 27 апрѣля с. г. Въ настоящее время мы можемъ сообщить фамиліи арестованныхъ товарищей: инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ, баварскій подданный Вильгельмъ Майеръ (нелегальный), сапожникъ Францъ Павлякъ и жена послѣдняго Елена Павлякъ.

Небывалое въ революціонной исторіи Варшавы событіе произвело на всѣхъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Главнымъ Правленіемъ С. Д. Ц. П. и Л. выпущена была по этому случаю прокламація „Къ польскому обществу“, изъ которой приводимъ отдѣльныя мѣста:

„…Фактъ, происшедшій въ типографіи нашей партіи 27-го апрѣля — исключительный въ исторіи революціоннаго движенія Россіи. Революціонеры русскіе и польскіе неоднократно, разумѣется, защищали съ оружіемъ въ рукахъ свою свободу противъ царскихъ опричниковъ, но никогда еще, даже во времена Народной Воли и Пролетаріата, не случалось, чтобы правительство оставляло на полѣ неравной битвы съ горстью революціонеровъ — цѣлыхъ пять изъ своей вооруженной челяди. Рабочіе! Мы не сторонники террора. Соціальдемократія считаетъ покушенія на царя и отдѣльныхъ его холоповъ безцѣльной тратой силъ, такъ какъ на мѣсто каждаго убитаго царя или сатрапа найдется другой. Наша задача — уничтожать не отдѣльныхъ личностей, но всю систему деспотическаго правительства. Деспотическое же правительство удастся ниспровергнуть только тогда, когда русскій и польскій трудящійся народъ вполнѣ сознаетъ необходимость сокрушить абсолютизмъ и всей своей массой выйдетъ на непреклонную борьбу съ нимъ. Вооруженное сопротивленіе въ нашей типографіи отнюдь не было террористическимъ актомъ. Наши товарищи лишь защищали свою свободу противъ посягательства сбировъ, а при такихъ политическихъ условіяхъ, когда за всякое движеніе, за всякое свободно высказанное слово грозитъ Сибирь, тюрьма, каторга — самозащита является священнымъ правомъ человѣка и гражданина. Тѣ пять жандармовъ и полицейскихъ, которые потеряли жизнь 27 апрѣля, погибли, какъ жертвы царскаго правительства, которому они служили орудіями въ его позорномъ стремленіи задушить рабочее движеніе“.

29 апрѣля хоронили погибшихъ „при исполненіи служебныхъ обязанностей“ ротмистра Винничука и помощника пристава Ордановскаго. Правительство захотѣло почтить своихъ вѣрныхъ слугъ и поспѣшило устроить пышныя похороны „мученикамъ служебнаго долга“. Хотя „самъ“ главный сатрапъ, генералъ губернаторъ Чертковъ, „по причинѣ легкаго недомоганія“, какъ сказано въ оффиціальномъ сообщеніи, и отсутствовалъ, но вообще-то постарались придать похоронамъ торжественный, чуть ли не демонстративный характеръ: явилась вся рѣшительно чиновничья и военная „рать“ Варшавы, послано было цѣлыхъ четыре военныхъ оркестра, нѣсколько ротъ солдатъ и пр…

Слѣдствіе по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи уже кончено, и въ скоромъ времени надо ожидать военнаго суда надъ нашими четырьмя товарищами, захваченными при арестѣ типографіи.

Варшава. Въ понедѣльникъ 13 іюня, около $8^1/_2$ часовъ вечера вспыхнулъ пожаръ на фабрикѣ фирмы „Людвикъ Сиксъ и сынъ“, расположенной на Гржибовской ул. между улицами Вроня и Товарова. Такъ какъ эта часть города преимущественно населена рабочимъ людомъ, то на пожаръ сбѣжалось много рабочихъ. Полиція, конечно, и здѣсь не устояла противъ желанія показать свою „власть“. Безъ всякаго повода и безъ надобности, она начала разгонять собравшуюся толпу, съ руганью толкая каждаго встрѣчнаго и поперечнаго. Одинъ изъ полицейскихъ въ своемъ усердіи дошелъ до того, что рукояткой шашки ударилъ рабочаго въ грудь такъ сильно, что тотъ упалъ. Толпа возмутилась до крайней степени. Рабочіе при видѣ падающаго товарища мгновенно кинулись на полицейскаго и поколотили его до того основательно, что по дорогѣ въ больницу, куда его отвезла карета „подачи скорой помощи“, — онъ умеръ. Между тѣмъ, на помощь къ аттакованному городовому подоспѣли другіе полицейскіе и прискакало полсотни козаковъ. Это, однако, не только не устрашило рабочихъ, но, наоборотъ, еще больше воспламенило. Случайно по близости лежали кучи булыжника, назначеннаго для мощенія улицы. Въ одну минуту онѣ были разобраны рабочими, которые привѣтствовали казаковъ градомъ камней и криками: „долой самодержавіе“; „да здравствуетъ свобода“! „да зравствуетъ соціальдемократія“! Такимъ образомъ уличное столкновеніе превратилось въ антиправительственную демонстрацію. Удары со стороны рабочихъ были на столько мѣткіе, что нѣсколько казаковъ упало съ лошадей, а весь отрядъ съ быстротой и *не* въ порядкѣ сталъ отступать. Главный „военоначальникъ“, приставъ VII участка Юринъ бѣжалъ. Столько же храбрости выказалъ оберъ-полиціймейстеръ, который, говорятъ, раненъ камнемъ въ голову… По телефону были вызваны войска, и въ $11^1/_2$ ночи прибылъ на „поле сраженія“ отрядъ пѣхоты. Дано было два залпа. Послѣ перваго залпа въ окнѣ сосѣдняго дома показалась какая то старушка съ сыномъ: оба ранены ружейными выстрѣлами, при чемъ первая тяжело. Въ этомъ сраженіи потери врага во всякомъ случаѣ значительнѣе нашихъ. „Варш. Дневникъ“, въ которомъ все событіе искажено до невѣроятности, сообщаетъ только о десяти раненыхъ полицейскихъ. По нашимъ свѣдѣніямъ, требующимъ, впрочемъ, еще подтвержденія, число убитыхъ и раненыхъ на сторонѣ народа достигаетъ 8, на сторонѣ полиціи и войска сообщаютъ о 8 убитыхъ и свыше 30 раненыхъ. — Кровавыя стычки, подобныя только что описанной, между рабочими и полиціей, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, имѣли еще мѣсто 22 и 24 іюня (н. с.): первая опять во время пожара пивовареннаго завода „Габербушъ и Шиле“, на углу улицъ Вроней и Крохмальной, вторая въ Ивановъ день.

Ближайшимъ же воскресеньемъ, 26 іюня, Комитетъ С.-Д Ц. П. и Л. счелъ необходимымъ воспользоваться для устройства демонстраціи. Въ $12^1/_2$ ч. дня на Банковую площадь собралось 350 организованныхъ рабочихъ и такъ ловко построились, что полиція и оглянуться не успѣла, какъ наши подняли великолѣпное красное знамя, на обѣихъ сторонахъ котораго виднѣлись надписи: „Война противъ войны!“ „Да здравствуетъ соціализмъ!“ „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы!“ Впереди шли рабочіе съ длинымъ краснымъ шелковымъ шарфомъ съ надписью: „Хлѣба и работы!“ а вокругъ знамени образовалось плотное ядро изъ 200 человѣкъ. Стройными рядами, подъ звуки пѣсни „Красное знамя“, съ революціонными криками рабочіе двинулись съ Банковой площади вдоль Электоральной ул. На Электоральной, гдѣ въ воскресенье въ это время обыкновенно бываетъ масса гуляющей буржуазной публики и рабочихъ, послѣдніе присоединились къ шествію, такъ что очень скоро число демонстрантовъ достигло свыше 1,000 человѣкъ. Демонстранты дошли до улицы Холодной. Здѣсь на углу ихъ встрѣтилъ отрядъ жандармовъ и полицейскихъ: одни съ шашками наголо, другіе съ револьверами въ рукахъ бросились прямо на демонстрантовъ, но прежде чѣмъ они успѣли настигнуть первые ряды, знамя уже было свернуто и рабочіе въ одно мгновеніе разсѣялись, т. к. Комитетъ постановилъ еще до демонстраціи не допускать кровопролитія и въ случаѣ нападенія болѣе значительнаго отряда полиціи — разсѣяться. Такъ и было сдѣлано. Но, тѣмъ не менѣе, полиція успѣла арестовать 6-10 рабочихъ, стоящихъ внѣ организаціи. Два жандармскихъ офицера особенно при этомъ отличились: съ револьверами въ рукахъ они выскочили изъ пролетки и съ яростью набросились на перваго попавшагося имъ подъ руку прохожаго; на одного изъ пойманныхъ, хромого рабочаго, кинулось нѣсколько полицейскихъ съ помощникомъ пристава во главѣ; рабочій сталъ оказывать упорное сопротивленіе, такъ что лишь съ трудомъ полиція удалось посадить его на извощика, а когда наши попытались его отбить, полицейскіе (въ томъ числѣ и приставъ) прямо направили на нихъ револьверы; волей-неволей, пришлось отступить, такъ какъ никто не былъ вооруженъ…

До чего сильно революціонное настроеніе среди нашихъ рабочихъ, доказываетъ тотъ фактъ, что, вслѣдъ за этой демонстраціей, рабочіе хотѣли устроить другую въ 4 часа на улицѣ Хлодной, но комитетъ не соглашался: весьма вѣроятно, что, несмотря на это, все же демонстрація была устроена.

Кишиневъ. Въ ночь съ 25 на 26 іюня изъ мѣстной тюрьмы бѣжали четыре политическихъ заключенныхъ: Давидъ Кацъ (по Бундовскому дѣлу), Михаилъ Чиканковъ (по дѣлу Екатеринославскихъ телеграфистовъ), Антонъ Гаманюкъ (по дѣлу типографіи с.-р.) и Станиславъ Шашекъ. Они бѣжали въ 11 часовъ вечера изъ помѣщенія, примыкающаго къ мастерскимъ, распиливъ рѣшетку и перебравшись черезъ заборъ посредствомъ веревки, сплетенной изъ простыни. Начальство сейчасъ же обнаружило побѣгъ (совершенно случайно); поднялась ужасная тревога, и одинъ изъ бѣжавшихъ, Чиканковъ, былъ схваченъ недалеко отъ тюрьмы. Остальные благополучно скрылись. Полиція и жандармерія, съ Заверзинымъ (начальникъ охран. отдѣл.) во главѣ, подняли на ноги весь городъ. Творилось нѣчто ужасное. По всѣмъ улицамъ скакали своры „темныхъ силъ“, разыскивая бѣжавшихъ и дѣлая повальные обыски. Въ эту ночь были арестованы по подозрѣнію въ содѣйствіи побѣгу слѣдующія лица: Аронъ Музесъ (столяръ), Яковъ Бѣленькій (интел.), Самуилъ Даиксиль (инт.), Левъ Шварцъ (инт.), Аврамъ Мордхе Пиратиновъ (столяръ), Фишель Кріулянскій (стол.), Израиль Фихманъ (инт.), Хайка Бойко (портниха) и Роза Бернштейнъ (порт.). На допросѣ арестованнымъ предъявили обвиненіе въ „сообществѣ съ цѣлью освобожденія политическихъ преступниковъ“. Дѣло передается судебному слѣдователю по важнѣйшимъ дѣламъ. Въ воскресенье 27 арестованные были освобождены, за исключеніемъ Фихмана и Бойко, у которыхъ кое-что нашли.

Подробности будутъ сообщены послѣ.

Житоміръ. Возмутительное по своей наглости, ужасное по своей жестокости насиліе было совершено полиціей надъ однимъ еврейскимъ рабочимъ по прямому указанію жандармскаго полковника Потоцкаго. Нѣкоторое время тому назадъ были здѣсь распространены прокламація редакціи „Искры“ „Ко всему рабочему народу“. Были онѣ разбросаны и на одномъ дворѣ, гдѣ работаютъ каменьщики. Къ несчастію, на этомъ же самомъ дворѣ живутъ двое рабочихъ: Обергрецъ и Сорока. Дорого поплатились они за проживательство на такомъ преступномъ дворѣ: къ нимъ нагрянула полиція и, хотя у нихъ ровно ничего не нашли, они все-таки были арестованы и отправлены во второй полицейскій участокъ. Перваго почему то даже и не допрашивали (можетъ быть потому, что держалъ себя съ достоинствомъ), за то энергично взялись за второго. На другой день послѣ ареста приставъ повезъ Сороку на допросъ въ Жандармское Управленіе. Сначала ему предложили два рубля, чтобы онъ указалъ, гдѣ его товарищъ взялъ прокламаціи для распространенія. Когда рабочій отвѣтилъ, что онъ ничего не знаетъ, полковникъ съ цинизмомъ, свойственнымъ русскому жандарму самодержцу, обратился къ приставу: „Его слѣдовало бы побить, тогда, пожалуй, скажетъ…“ Сороку отправили обратно въ участокъ и, какъ только онъ переступилъ порогъ своей камеры, на него набросились 5-6 городовыхъ, повалили его на полъ, набросили шинель на голову, чтобы кричать не могъ и стали его звѣрски бить, пока послѣдній не потерялъ сознаніе. Послѣ этой экзекуціи приставъ отпустилъ его съ такими милостивыми словами: „ну, теперь ступай домой и смотри, больше къ намъ не попадайся“… Эта дикая расправа надъ беззащитнымъ рабочимъ вызвала замѣтное броженіе среди рабочихъ, и безъ того озлобленныхъ противъ мѣстныхъ башибузуковъ.

Война даетъ себя знать и нашему, сравнительно не промышленному, городу. Въ дѣлахъ полный застой. Крахи крупныхъ и мелкихъ фирмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ. Многіе фабриканты сокращаютъ свое производство, и сотни семействъ очутились на улицѣ въ самомъ ужасномъ безвыходномъ положеніи.

смыслѣ слова. Всемогущее центральное учрежденіе со своимъ почти неограниченнымъ правомъ вмѣшательства и контроля, по Ленинскому идеалу, было бы явной безсмыслицей, если бъ оно ограничивало свою власть исключительно чисто *технической* стороной соціальдемократической дѣятельности, регулированіемъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ агитаціи — вродѣ доставки партійной литературы и планомѣрнаго распредѣленія агитаторскихъ силъ и денежныхъ суммъ. Политическая цѣль такого учрежденія была бы понятна лишь въ томъ случаѣ, если бы оно могло свои силы обратить на созданіе единой боевой тактики, взять на себя иниціативу крупнаго политическаго дѣйствія. Но что мы, однако, видимъ въ тѣхъ перипетіяхъ, которыя до сихъ поръ переживало русское движеніе? Важнѣйшіе и наиболѣе плодотворные повороты тактики за послѣдніе десять лѣтъ движенія не были выдуманы какими нибудь руководителями движенія, не говоря уже о руководящихъ организаціяхъ, но всякій разъ были самопроизвольнымъ продуктомъ разгоравшагося движенія. Таковъ былъ первый этапъ дѣйствительно пролетарскаго массового движенія въ Россіи, начавшійся стихійной вспышкой колоссальной петербургской стачки 1896 г. и впервые открывшій эру массовой экономической борьбы русскаго пролетаріата. Таковъ же былъ и второй фазисъ движенія — періодъ уличныхъ политическихъ демонстрацій, начавшійся совершенно стихійно съ петербургскихъ студенческихъ безпорядковъ въ мартѣ 1901 г. Слѣдующимъ крупнымъ поворотнымъ пунктомъ въ тактикѣ, развернувшимъ новые горизонты, — была возникшая „сама собой“ массовая стачка въ Ростовѣ на Дону съ ея импровизированной ad hoc уличной агитаціей, народными собраніями подъ открытымъ небомъ, публичными рѣчами, которыя показались бы фантазіей и не могли бы придти въ голову и самому смѣлому энтузіасту среди соціальдемократовъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „дѣло“ шло впереди. *Иниціатива* и сознательное руководство соціальдемократическихъ организацій играли крайне незначительную роль. Это, однако, происходило не столько отъ недостаточной подготовленности къ своей роли этихъ спеціальныхъ организацій — хотя и этотъ моментъ въ значительной степени также могъ оказывать вліяніе — еще менѣе, конечно, отъ отсутствія въ то время въ россійской соціальдемократіи всемогущей центральной власти въ духѣ развиваемаго Ленинымъ плана. Наоборотъ, очень вѣроятно, что ея наличность привела бы только къ еще большей растерянности отдѣльныхъ комитетовъ партіи и къ противорѣчію между бурнымъ натискомъ массы и выжидательной позиціей соціальдемократіи. Можно даже сказать, что то же самое явленіе — незначительная роль сознательной иниціативы партійныхъ центровъ въ выработкѣ тактики — наблюдается какъ въ Германіи, такъ и повсюду. Боевая тактика соц.-дем. въ своихъ главныхъ чертахъ вообще не „изобрѣтается“, она есть слѣдствіе непрерывнаго ряда крупныхъ творческихъ актовъ ищущей своего пути, часто стихійной классовой борьбы. И здѣсь безсознательное предшествуетъ сознательному, логика объективнаго историческаго процесса субъективной логикѣ его носителей. Роль соціальдемократическихъ руководящихъ учрежденій при этомъ имѣетъ въ значительной мѣрѣ *консервативный* характеръ: какъ показываетъ опытъ, разъ завоевавъ новую почву для борьбы, они разрабатываютъ ее до крайнихъ предѣловъ, но въ то же время скоро обращаютъ ее въ оплотъ противъ дальнѣйшихъ новшествъ болѣе крупнаго масштаба.

Всѣ удивляются замѣчательному многообразію, гибкости и въ то же время увѣренности современной тактики нѣмецкой соціальдемократіи. Но это означаетъ только, что наша партія въ своей повседневной борьбѣ до самыхъ мелочей удивительно приспособилась къ современной парламентской почвѣ, что она сумѣла использовать цѣликомъ все то поле борьбы, которое даетъ ей парламентаризмъ, стала хозяиномъ этого поля, оставаясь вѣрной своимъ принципамъ. И, однако, это специфическое приспособленіе тактики уже настолько закрываетъ болѣе широкіе горизонты, что явно выступаетъ склонность разсматривать парламентскую тактику, какъ тактику неизмѣнную, какъ тактику, присущую именно соціальдемократической борьбѣ вообще. Для подобнаго настроенія характерна, напр., безрезультатность многолѣтнихъ усилій *Парвуса* вызвать въ партійной прессѣ обсужденіе вопроса о соотвѣтствующемъ измѣненіи тактики на случай отмѣны всеобщаго избирательнаго права, хотя съ возможностью такой отмѣны серьезно считаются вожди партіи. Эта инертность въ значительной степени объясняется тѣмъ, что очень трудно въ пустомъ пространствѣ абстрактныхъ построеній представить себѣ контуры и конкретныя формы еще не существующей и, слѣдовательно, воображаемой политической коньюнктуры. Что для соц.-дем. всегда важно, такъ это — не предугадываніе и приготовленіе готоваго рецепта для будущей тактики, а то, чтобы въ партіи живо сохранялась правильная историческая оцѣнка господствующихъ въ каждый данный моментъ формъ борьбы, живое пониманіе относительности данной фазы борьбы и необходимости наростанія революціонныхъ моментовъ съ точки зрѣнія конечной цѣли классовой пролетарской борьбы.

Но надѣлять руководящее партійное учрежденіе такими абсолютными полномочіями *отрицательнаго* характера, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, значитъ искусственно усиливать въ очень опасной степени и безъ того неизбѣжно ему присущій консерватизмъ. Если соціальдемократическая тактика создается не Центр. Комит., а всей партіей въ цѣломъ или, — что еще вѣрнѣе, — всѣмъ движеніемъ, то отдѣльнымъ партійнымъ организаціямъ, очевидно, необходима та свобода дѣйствій, которая только и даетъ возможность какъ использовать цѣликомъ предоставляемыя даннымъ положеніемъ средства для развитія борьбы, такъ и развернуть революціонную иниціативу. Отстаиваемый же Ленинымъ ультрацентрализмъ, по всей сущности своей, проникнутъ, на нашъ взглядъ, не положительнымъ творческимъ, но безплоднымъ будочническимъ (Nachtwächter) духомъ. Ходъ его мыслей пріуроченъ, главнымъ образомъ, къ *контролю* надъ партійной дѣятельностью, а не къ ея *оплодотворенію*, къ *суженію*, а не къ *развитію*, къ зашнуровыванію (Schuhriegelung), а не къ объединенію движенія.

Но вдвойнѣ рискованнымъ является подобный экспериментъ для русской соціальдемократіи именно въ данный моментъ. Она находится наканунѣ крупныхъ революціонныхъ схватокъ за низверженіе самодержавія: ей предстоитъ войти, или, вѣрнѣе, она уже вошла, въ полосу самой интенсивной творческой дѣятельности въ области тактики и — что само собой разумѣется для революціонной эпохи — въ полосу лихорадочнаго и скачкообразнаго расширенія и перемѣщенія сферы своего вліянія. Въ такое именно время пытаться сковать иниціативу партійной мысли и воздвигать колючій частоколъ противъ стремленія партіи къ внезапнымъ расширеніямъ — значитъ тѣмъ самымъ дѣлать соціальдемократію совершенно неспособной къ выполненію великихъ задачъ даннаго момента.

Изъ развитыхъ выше общихъ соображеній о своеобразномъ содержаніи соціальдемократическаго централизма, нельзя еще, конечно, вывести конкретнаго проекта организаціоннаго устава для россійской партіи. Такой уставъ, разумѣется, опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ тѣми конкретными условіями, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность партіи въ данный періодъ, и — такъ какъ въ Россіи дѣло идетъ всего лишь о первой попыткѣ построенія крупной пролетарской партійной организаціи — то едва ли такой уставъ можетъ напередъ претендовать на непогрѣшимость, и онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ прежде всего выдержать огненное испытаніе практики.

Но что можетъ быть выведено изъ общаго представленія о типѣ соціальдемократической организаціи, это — крупныя основныя черты ея, *духъ* организаціи, а онъ то именно и обусловливаетъ, особенно на первыхъ шагахъ массового движенія, преимущественно координирующія, сплачивающія, а не регламентирующія, не исключительныя тенденціи соціальдемократическаго централизма. И если партія будетъ проникнута этимъ духомъ политической подвижности, соединенной съ строгимъ отношеніемъ къ принципіальной устойчивости движенія и его единству, тогда очень скоро сама практика должнымъ образомъ исправитъ угловатости любого, хотя бы и неудачно составленнаго организаціоннаго устава. Ибо не буква устава, но смыслъ и духъ, вкладываемый активными борцами въ него, рѣшаютъ вопросъ о цѣнности той или иной организаціонной формы.

II.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ о централизмѣ съ точки зрѣнія общихъ основныхъ положеній соціальдемократіи и, отчасти, русскихъ условій. Но будочническій духъ ультрацентрализма, защищаемаго Ленинымъ и его друзьями, является у него не какимъ-либо случайнымъ результатомъ заблужденій, а связанъ съ проведенной у него до мельчайшихъ деталей организаціоннаго вопроса борьбой противъ *оппортунизма*.

Дѣло „въ томъ, полагаетъ Ленинъ (стр. 52), чтобы сковать при помощи ихъ болѣе или менѣе острое оружіе противъ оппортунизма. Чѣмъ глубже его причины, тѣмъ острѣе должно быть это оружіе“.

Равнымъ образомъ Ленинъ видитъ въ абсолютной власти Центральнаго Комитета и въ строгомъ уставномъ огражденіи партіи надежную плотину противъ оппортунистическаго теченія, специфическимъ признакомъ котораго онъ считаетъ врожденное пристрастіе интеллигента къ автономизму и дезорганизаціи — и его отвращеніе къ суровой партійной дисциплинѣ, ко всякому „бюрократизму“ въ жизни партіи эксплуатація труда доведена до чудовищныхъ размѣровъ, чему не мало способствуетъ и армія безработныхъ. На гильзовой фабрикѣ Дуба работницы получаютъ 7 коп. съ тысячи при обязательной безперерывной 12-ти часовой работѣ (обѣдаютъ на фабрикѣ, на что полагается не болѣе четверти часа), вырабатывая такимъ образомъ 25-30 коп. въ день. Теперь „по случаю войны" онъ уменьшилъ плату на 2 коп. съ тысячи... Работницы сначала протестовали, но за спиной стояли сотни другихъ готовыхъ занять ихъ мѣста, и имъ пришлось уступить. Та же исторія повторилась и на гильзовой фабрикѣ Каца. Фабрикантъ гнутой мебели Эскизъ пошелъ еще дальше. Уплативъ своимъ рабочимъ слѣдуемыя имъ деньги, онъ обратился къ нимъ съ такимъ предложеніемъ: „Хотите продолжать работать, то верните мнѣ каждый изъ васъ по рублю, иначе закрываю мастерскую". Это просто дневной грабежъ! говорили рабочіе, но, послѣ нѣкотораго раздумья, понесли свои трудовыя рублевки: имъ приходилось выбирать между голодной смертью и нищенской платой за трудъ. Факты эти далеко не единичны.

Возможная мобилизація въ Волынской губ. нагнала страхъ на все населеніе. Многіе удираютъ заграницу. Только и разговоровъ, что про войну. Нерѣдко приходится наблюдать на улицахъ такія картинки: „грамотѣй", собравъ вокругъ себя большую толпу, читаетъ имъ по складамъ туманныя донесенія генераловъ, вставляя при этомъ свои замѣчанія: „много народу уже погибло" ... „бьютъ нашихъ" ... Жалобы и стоны раздаются со всѣхъ сторонъ, а вѣдь война только еще начинается!..

Сюда привезены: Андрей Жуковскій, Чацкина (оба арестованы на границѣ съ транспортами нелегальной литературы), студентъ и два матроса изъ Севастополя (имена еще неизвѣстны). Арестованы: Кириллъ Городецкій (ст.), Ф. Горовицъ (интел-ка). У студента Завадскаго былъ обыскъ среди бѣла дня, при томъ не пощадили и бывшихъ въ то время у него гостей.

Либава (сообщ. латыш. тов.). Городовымъ за нѣсколько дней до 1 мая было приказано обходить извѣстныя улицы, ловить распространителей прокламацій, собирать прокламаціи и относить въ участокъ. Нѣкоторые городовые недовольны тѣмъ, что имъ не даютъ покоя и ночью. Двѣ роты стояли наготовѣ каждую минуту, чтобы потушить „возстаніе" въ потокахъ крови, но бунта не было. За то 5 мая были распространены по фабрикамъ, заводамъ, домамъ латышскія прокламаціи въ количествѣ 4000: „Чего мы требуемъ". Въ срединѣ мая въ порту и по желѣзнодорожнымъ мастерскимъ распространили 600 экз. майскихъ прокламацій Р. С. Д. Р. П. и листки 300 экз. мѣстной Латышской организаціи. 7 мая на обоихъ лютеранскихъ кладбищахъ распространены прокламаціи: „Чего мы требуемъ" и „Товарищи!". Многіе собирались кучками и читали сообща. Ночью съ 18 на 19 мая появился на всѣхъ столбахъ „Высочайшій манифестъ", въ которыхъ отъ имени Николая Послѣдняго повѣствуется объ его злодѣяніяхъ и преступленіяхъ противъ цѣлыхъ народовъ и отдѣльныхъ лицъ. Несмотря на старанія полиціи соскрести „манифестъ", на взморьѣ онъ красовался цѣлый день.

Митава. Послѣ майской демонстраціи въ Митавѣ и окрестностяхъ распространено особое 1600 экз. воззваніе „Товарищи!". Майская прокламація „Чего мы требуемъ" распространена въ 4500 экз. Изъ нихъ 2000 въ Троицынъ день по окрестнымъ волостямъ.

Якобштатъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и на Пасхѣ было много обысковъ. Синіе мундиры на 20 подводахъ пріѣхали и обшарили всѣ окрестности. Обыскали около 60 крестьянскихъ усадебъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ обыскали всѣ усадьбы; не пожалѣли и крышъ сараевъ — и ихъ испытали въ вѣрности царю, не скрываютъ ли онѣ крамолу. Но, увы! все напрасно. Прокламаціи появляются все въ большемъ количествѣ, и чувство недовольства разгорается все ярче и ярче. Забитые батраки, и тѣ поднимаютъ свою голову.

Первая судебная расправа за всеобщую стачку. 14 іюня въ Керчи Одесской Судебной Палатой (съ участіемъ сословныхъ представителей) закончено дѣло о прошлогодней всеобщей забастовкѣ въ этомъ городѣ. Палата признала: крест. Никиту Щеботинца, мѣщ. Ивана Иконова, мѣщ. Акима Левченко, мѣщ. Григорія Бондарева, мѣщ. Моисея Альтшулера виновными по 2 ой ч. 269 ст. ул. о нак.; подсудимыхъ же мѣщ. Бенціона Борца, мѣщанъ: Вульфа Могильницкаго, Дм. Панченко, Самуила Гительмана, Афанасія Найденова, Карпа Кичиджіева, Янкеля Тригера, Илью Юниса, Павла Блюцарда, крест. Андрея Письменнаго, турецко-подданнаго Герасима Безеркіаниди виновными по 1 ой ч. 269 ст.

Приговорила: Щеботинца, Иконова и Левченко лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года каждаго. Подсудимыхъ: Могильницкаго, Письменнаго, Борца, Панченко и Гительмана, по лишеніи тѣхъ же правъ, заключить въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ каждаго. Подсудимыхъ же Бондарева, Альтшулера, Кичиджіева, Тригера, Безеркіаниди, Юниса и Блюцарда заключить въ тюрьму: Бондарева и Альтшулера на 3 года каждаго, а остальныхъ — на 2 мѣс. Подсудимые: кр. Ив. Лапуза, поселянинъ Теминаръ Халилъ-Оглу и мѣщане Вульфъ Дранковъ и Гершъ Гройсъ оправданы.

Защищали: Куликовъ и Гонтаревъ изъ Харькова, Ледницкій изъ Москвы, Кануниковъ изъ Керчи и Александровъ изъ Екатеринослава. Другіе защитники изъ Москвы не могли явиться: у нихъ 17-го дѣло въ Тифлисѣ. Защита старалась доказать неприменимость 269 ст. (каторга). Прокуроръ, не произнося рѣчи, поддерживалъ обвиненіе по 269 ст. Хотя эта статья и была примѣнена, но не въ высшей мѣрѣ. Судъ примѣнилъ эту статью, повидимому, лишь потому, что это былъ первый процессъ по дѣлу прошлогодняго движенія: надо было установить прецедентъ. Свидѣтели же, даже со стороны обвиненія (офицера, командовавшіе ротами), указывали, что поведеніе толпы было корректное и спокойное: не будь массы войска и перваго трупа, не было бы и процесса.

Изъ Сибири пишутъ: въ дополненіе къ помѣщенной въ „Искрѣ" хроникѣ обысковъ въ Красноярскѣ нужно добавить, что у фельдшерицы Прейсъ была найдена нелегальная литература. По распоряженію Иркутскаго Генералъ-губернатора, Прейсъ исключена изъ школы и привлечена къ дознанію при Жандармскомъ Управленіи.

Арестованные по дѣлу о взятыхъ 6-го сентября 1903 года въ Красноярскѣ типографіи Сибирскаго Союза и складѣ нелегальной литературы П. Миловидова, М. Келерманъ, Н. и С. Семененко (мужъ и жена), а также и Е. Бражникова (арестованные по тому же дѣлу позже) по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12-го мая преданы суду Иркутской Судебной Палаты. Время суда неизвѣстно.

Какъ извѣстно, раб. Михайловъ, сосланный по дѣлу нижегородской демонстраціи въ маѣ 1902 г. на вѣчное поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ, еще будучи въ Россіи, подалъ прошеніе на высочайшее имя о помилованіи. Оное было имъ получено уже въ Сибири, гдѣ онъ жилъ въ селѣ Ирбейскомъ, Канскаго уѣзда, Енисейской губ. Въ „Искрѣ" сообщалось, что за свой поступокъ онъ получилъ публичную пощечину отъ товарища по дѣлу — Синевой.

Оставшись послѣ амнистіи въ Сибири, сей почтенный мужъ, изъ любви къ искусству, сталъ заниматься добровольнымъ шпіонствомъ и доносомъ на ссыльныхъ. Чѣмъ дальше шло время тѣмъ нахальнѣе становилось его поведеніе въ этомъ отношеніи. Одно его столкновеніе съ мѣстными „политиками" повело къ вооруженной самозащитѣ со стороны одного товарища, во время которой Михайловъ былъ легко раненъ, а двое товарищей М. Гуринъ (потомъ бѣжавшій изъ каталажки) и Мельцеръ были арестованы. Начальство поторопилось убрать Михайлова изъ села и онъ „по дѣламъ службы" поѣхалъ въ Красноярскъ, гдѣ и поступилъ въ мѣстное желѣзнодорожное депо, какъ агентъ охраннаго отдѣленія.

Томскъ. Къ характеристикѣ полицейскихъ нравовъ. 31-го мая въ два часа утра двѣ дѣвушки возвращались изъ городского сада домой. Ихъ провожали. Не доходя квартала до дома, онѣ отпустили своихъ провожатыхъ, рѣшившись дойти однѣ. Но только что провожавшіе скрылись за угломъ, какъ вдругъ дѣвицы были остановлены двумя городовыми. Эти „молодцы" приказали имъ идти за собою, угрожая въ противномъ случаѣ арестовать и тащить ихъ силою. Старшей — дѣвушкѣ 19 лѣтъ, — удалось какимъ-то способомъ отбиться и убѣжать. Но младшая — Рахиль Моисеевна Лаксъ, — дочь томскаго ремесленника, дѣвочка 15 лѣтъ — была затащена городовымъ (съ Тверской ул.) въ лѣсъ, гдѣ и изнасилована самымъ варварскимъ образомъ.

По жалобѣ отца пострадавшей возбуждено было дѣло, и негодяи скоро были отысканы. Изнасиловавшій оказался городовой *Свинцовъ*, другой городовой — ***Мышковъ***.

Какъ только слѣдователь энергично взялся за разслѣдованіе, на сцену выступили мѣстныя полицейскія власти, дѣлавшія все, что можно, лишь бы помѣшать выясненію виновниковъ преступленія. Особенно отличился въ этомъ смыслѣ приставъ четвертаго уч. ***Поляковъ*** и помощеймейстеръ *Аршауловъ*, просившій слѣдователя замять дѣло и не доводить до губернатора... На несчастье полиціи слѣдователь попался добросовѣстный, что въ Россіи случается рѣдко... Дѣло передано въ судъ. Мѣстный комитетъ выпустилъ по этому поводу листокъ: „Къ Томичамъ". (№ 49.)

Въ разгаръ патріотическихъ бѣснованій, нѣкто врачъ *Валеріанъ Васильевъ*, напившись до-пьяна въ гостинницѣ „Россія", подбитый пріятелями, вздумалъ послать телеграммы: одну — Куропаткину, другую — Николаю II. Содержаніе: почему де его не приглашаютъ на войну, вѣдь онъ числится въ запасѣ флота; видно позабыли, такъ онъ напоминаетъ. Отъ Куропаткина вскорѣ получился отвѣтъ телеграммой, — содержаніе, приблизительно, таково: „благодарю, съ такими сынами Россія не погибнетъ!" — Итакъ, пьяный патріотизмъ, и тотъ — за неимѣніемъ трезваго — возбуждаетъ восторгъ въ самодержавныхъ слугахъ.

1903 годъ въ Новороссійскѣ. Въ концѣ 1902 г. очень небольшое число жившихъ въ Новороссійскѣ соціальдемократовъ завязали сношенія съ ремесленными рабочими. Фактъ сближенія съ ремесленниками, которыхъ въ городѣ наберется 2-3 сотни, въ то время, какъ въ этомъ же городѣ заводскихъ, желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ считается не менѣе семи тысячъ, объясняется не сознательно принятымъ на этотъ счетъ рѣшеніемъ, а просто случайностью. До 1902 г. никакой организаціи въ Новороссійскѣ не было и поэтому заводить знакомства съ рабочими соціальдемократамъ приходилось заново. И вотъ одинъ изъ нихъ совершенно случайно (на улицѣ) познакомился съ рабочимъ ремесленникомъ. Знакомство довольно скоро приняло характеръ товарищескихъ отношеній. Черезъ посредство этого рабочаго, также довольно скоро ссадался одинъ кружокъ ремесленниковъ, за нимъ другой, третій... и наличныя силы пропагандистовъ оказались исчерпанными.

Нелегальной литературы долгое время не было. Отсутствіе ея ставило пропагандистовъ въ чрезвычайно тяжелыя условія. Приходилось, съ одной стороны, учащать занятія, чтобы досугъ товарищей рабочихъ не пропадалъ безполезно (первое время сходились для занятій не рѣже двухъ разъ въ недѣлю, а если на недѣлѣ случались праздники, то занятія происходили каждый праздничный день). Съ другой стороны, приходилось, такъ сказать, собственной натурой замѣнять нелегальную литературу. Для достиженія этой послѣдней цѣли нужно было во 1) держать вниманіе товарищей во время собесѣдованій въ наивысшей степени напряженія и во 2) перечитывать всякую легальную дрянь въ видѣ газетъ, чтобы выкапывать оттуда что-нибудь такое, что могло бы быть использовано, какъ злободневная, животрепещущая новость, указывающая непремѣнно на ростъ соціальдемократическаго движенія и на приближеніе краха теперешняго политическаго режима. Требованія на такія новости были необыкновенны. Занятія велись и съ ремесленниками и съ ремесленницами. Только спустя 6½ мѣс. послѣ начала занятій удалось достать „нелегальщину". Къ концу года товарищи одного кружка (въ другихъ прошли меньше) были ознакомлены съ основами научнаго соціализма, съ исторіей революціоннаго движенія въ Россіи, съ современными революціонными и оппозиціонными теченіями въ Россіи (соц.-революціонеры, анархисты, „освобожденцы"), съ государственнымъ устройствомъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ; они не дурно разбирались въ вопросахъ о террорѣ, о „кооперацiяхъ и соціализація". Къ „Освобожденію" обнаруживали прямо таки брезгливость. Пріѣхавшій изъ сосѣдняго города „языкастый" сіонистъ-соціалистъ потерпѣлъ въ диспутѣ съ рабочими соціальдемократами полное крушеніе. Вообще, пропагандисты чувствовали большое удовлетвореніе. Являлась возможность расширить работу, и два товарища-рабочіе уже вели самостоятельныя занятія съ новыми рабочими. Но въ сентябрѣ случилось неожиданное несчастіе. Одинъ членъ кружка, рабочій, сдѣлался ренегатомъ. Хотя до предательства этотъ мерзавецъ не дошелъ, но среди обывателей языка за зубами держать и не думалъ, а это обстоятельство не могло не повліять задерживающимъ образомъ на дружную прежде работу.

Затѣмъ надо упомянуть о томъ, что у мѣстной группы была касса, наполнявшаяся исключительно членскими взносами. Деньги тратились на пріобрѣтеніе легальной литературы (нелегальную получали даромъ), на „красный крестъ", на помощь стачечникамъ и вообще на „боевыя цѣли". За годъ израсходовано до 50 рублей.

Среди ремесленниковъ въ теченіе года были распространены прокламаціи по поводу неисполненія губернаторомъ своего обѣщанія ввести 10-ти часовой рабочій день согласно 431 ст. Р. У. (обѣщаніе губернаторъ былъ вынужденъ сдѣлать въ отвѣтъ на прошеніе рабочихъ ремесленниковъ; подъ прошеніемъ было около 70 подписей). Затѣмъ распространялись: прокламаціи общаго характера (1 разъ), „Пауки и мухи", „Рѣчь Гольдблата"

По мнѣнію Ленина только соціалиста-интеллигента благодаря врожденной шаткости и индивидуализму могутъ коробить столь неограниченная власть Центральнаго Комитета: настоящій же пролетарій, напротивъ того, уже въ силу своего революціоннаго классового инстинкта, долженъ испытывать нѣкоторое упоеніе всей этой строгостью, твердостью и удальствомъ (schneidigkeit) своего высшаго партійнаго начальства и, съ зажмуренными отъ удовольствія глазами, подвергать себя всяческимъ суровымъ операціямъ „партійной дисциплины". „Бюрократизмъ versus демократизмъ", говоритъ Ленинъ: „это и есть организаціонный принципъ революціонной соціальдемократіи по отношенію къ организаціонному принципу оппортунистовъ" (стр. 151). Онъ настойчиво ссылается на то, что та же самая противоположность централистическихъ и автономистическихъ взглядовъ обнаруживается въ соціальдемократіи всѣхъ странъ, гдѣ только противостоятъ другъ другу революціонное и реформистское или ревизіонистское направленіе. Въ частности онъ оперируетъ съ примѣромъ недавнихъ событій въ нѣмецкой партіи и тѣхъ дебатовъ, которые разыгрались по вопросу объ автономіи избирательнаго округа. Уже по одному этому небезынтересно и не безполезно провѣрить Ленинскія параллели.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что усиленное подчеркиваніе природныхъ способностей пролетаріевъ къ соціальдемократической организаціи и заподазриваніе „интеллигентскихъ" элементовъ соціальдемократическаго движенія, сами по себѣ еще не являются выраженіемъ „революціоннаго марксизма"; наоборотъ, столь же легко можно показать родство этихъ взглядовъ съ оппортунизмомъ.

Антагонизмъ между чисто пролетарскимъ элементомъ и не пролетарской интеллигенціей — это именно тотъ общій идеологическій щитъ, подъ сѣнью котораго протягиваютъ другъ другу руки: французскій полуанархизмъ чистыхъ профессіоналистовъ, съ ихъ старымъ лозунгомъ „Mefiez vous de politiciens! остерегайтесь политиковъ!" — англійскій трэдъ-юніонизмъ съ его недовѣріемъ къ соціалистическимъ „фантазерамъ" и наконецъ, — если вѣрны наши свѣдѣнія, — и чистый „экономизмъ" бывшей петербургской „Рабочей Мысли" съ ея перенесеніемъ трэдъ-юніонистской узости въ самодержавную Россію.

Правда, до сихъ поръ въ практикѣ западно-европейской соціальдемократіи можно замѣтить несомнѣнную связь между оппортунизмомъ и интеллигентскими элементами, равно какъ, — между оппортунизмомъ и децентралистическими стремленіями въ организаціонномъ вопросѣ.

Но отрывать явленія отъ той конкретной исторической почвы, — на которой они возникаютъ, и вычеканивать изъ нихъ абстрактные шаблоны, претендующіе на всеобщее абсолютное значеніе, — значитъ, совершать величайшій грѣхъ противъ „Святого духа" марксизма, именно — противъ его историко-діалектическаго метода мышленія.

Абстрактно разсуждая, можно только признать, что „интеллигентъ", какъ элементъ, по своему происхожденію чуждый пролетаріату и вышедшій изъ буржуазіи, приходитъ къ соціализму не въ силу своего классового настроенія, а лишь вопреки ему, идеологическимъ путемъ: поэтому онъ болѣе предрасположенъ къ оппортунистическимъ шатаніямъ, чѣмъ сознательный пролетарій, которому его непосредственный классовой инстинктъ даетъ надежную революціонную опору, если только онъ не утратилъ живой связи со своей родной соціальной почвой, пролетарской массой. Однако, въ какой конкретной формѣ проявляется эта наклонность „интеллигента" къ оппортунизму, и въ частности какъ именно осязательно выражается она въ организаціонныхъ тенденціяхъ, — это во всякомъ случаѣ зависитъ отъ конкретной соціальной среды даннаго общества.

Тѣ явленія въ жизни нѣмецкой, французской и итальянской соціальдемократіи, на которыя ссылается Ленинъ, выросли на вполнѣ опредѣленной соціальной почвѣ, именно на почвѣ буржуазнаго парламентаризма. И какъ вообще этотъ парламентаризмъ является специфической питательной средой для современныхъ оппортунистическихъ теченій въ западно-европейскомъ соціализмѣ, такъ въ частности изъ него же выростаютъ дезорганизаторскія тенденціи оппортунизма.

Парламентаризмъ не только лишь поддерживаетъ всѣ извѣстныя иллюзіи теперешняго оппортунизма: переоцѣнку значенія реформаторской работы, сотрудничества классовъ и партій, мирнаго развитія и т. д., какъ мы это видѣли во Франціи, Италіи, Германіи. Одновременно обособляя въ соціальдемократіи интеллигентовъ въ роли парламентскихъ дѣятелей отъ пролетарской массы и нѣкоторымъ образомъ возвышая ихъ надъ ней, онъ создаетъ почву, на которой эти иллюзіи могутъ практически проявляться. Наконецъ, съ ростомъ рабочаго движенія, парламентаризмъ превращаетъ его въ орудіе политической карьеры, дѣлая его такимъ образомъ прибѣжищемъ для буржуазныхъ честолюбцевъ и неудачниковъ.

Всѣми этими моментами опредѣляется и извѣстная склонность интеллигента оппортуниста западно-европейской соціальдемократіи къ дезорганизаціи и недисциплинированности.

Второй вполнѣ опредѣленной предпосылкой современнаго оппортунистическаго теченія является наличность уже высокоразвитого соціальдемократическаго движенія и, слѣдовательно, вліятельной соціальдемократической партійной организаціи. Послѣдняя служитъ, при такихъ условіяхъ, тѣмъ оплотомъ революціоннаго класового движенія противъ буржуазно-парламентарныхъ тенденцій, который необходимо разрушить, разстроить, чтобы плотное, активное ядро пролетаріата снова растворить въ аморфной массѣ избирателей.

Такъ возникаютъ исторически выросшія и отлично приспособленныя къ извѣстнымъ политическимъ цѣлямъ „автономистическія" и децентралистическія тенденціи современнаго оппортунизма: и потому эти тенденціи должны быть объясняемы не врожденной распущенностью и „хлюпкостью" „интеллигента", какъ полагаетъ Ленинъ, а потребностями буржуазнаго парламентскаго дѣятеля, не психологіей „интеллигента", а политикой оппортуниста.

Въ существенно иномъ видѣ представляется дѣло въ самодержавной Россіи, гдѣ оппортюнизмъ въ рабочемъ движеніи является вообще продуктомъ не сильнаго роста соціальдемократіи и разложенія буржуазнаго общества, какъ на западѣ, а, наоборотъ, политической отсталости этого общества.

Та среда, изъ которой въ Россіи вербуются соціалисты интеллигенты, имѣетъ, разумѣется, гораздо менѣе опредѣленный классовой характеръ, гораздо болѣе деклассирована въ точномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ западно-европейская интеллигенція. Правда, — въ связи съ юностью пролетарскаго движенія въ Россіи — это, вообще говоря, даетъ значительно большій просторъ теоретической неустойчивости и оппортюнистическимъ шатаніямъ, которыя приводятъ то къ полному отрицанію политической стороны рабочаго движенія, то, наоборотъ, къ обратной вѣрѣ во всеспасительность террора, — и, наконецъ, къ политическому успокоенію въ болотахъ либерализма и къ „философскому" — въ тинѣ кантовскаго идеализма.

Однако, для возникновенія специфической активной склонности къ дезорганизаціи отсутствуетъ, по нашему мнѣнію, у „интеллигента" соціальдемократа не только положительная точка опоры въ видѣ буржуазнаго парламентаризма, но и подходящая соціально-психическая среда. Современный западно-европейскій интеллигентъ, который отдается культу своего пресловутаго „я" и эту „мораль господъ" тащитъ за собой въ міръ соціалистической борьбы и мысли, это типъ не буржуазной интеллигенціи вообще, а лишь одной опредѣленной фазы ея развитія, — это продуктъ буржуазіи, клонящейся къ упадку, гніющей, застывшей уже въ порочномъ кругу своего классового господства. Напротивъ того, утопическія и оппортюнистическія фантазіи русскихъ „интеллигентовъ" соціалистовъ обнаруживаютъ скорѣе склонность принимать противоположныя теоретическія формы: самоотреченія, самобичеванія. Вѣдь было же „хожденіе въ народъ", т. е. обязательное преображеніе интеллигента въ крестьянина, для старыхъ „народниковъ" такимъ же продуктомъ беззавѣтной интеллигентской рѣшимости, какъ недавній грубый культъ „мозолистаго кулака" для послѣдователей чистаго „экономизма".

Совершенно иной результатъ получается, если рѣшать вопросъ о формахъ организаціи не путемъ механическаго перенесенія готовыхъ шаблоновъ изъ Западной Европы въ Россію, а изслѣдованіемъ данныхъ конкретныхъ русскихъ условій. Приписывать оппортюнизму, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, постоянную привязанность къ какой-нибудь опредѣленной формѣ организаціи, — скажемъ децентрализаціи, — значитъ, во всякомъ случаѣ, не знать его внутренней природы.

Оппортюнизмъ, въ качествѣ таковаго, и въ организаціонномъ вопросѣ знаетъ единственный принципъ — безпринципность. Свои средства онъ всегда выбираетъ, сообразуясь съ обстоятельствами, лишь бы они соотвѣтствовали преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ.

И если мы, заодно съ Ленинымъ, формулируемъ оппортюнизмъ, какъ стремленіе парализовать самостоятельное, революціонное классовое движеніе пролетаріата и сдѣлать его орудіемъ властолюбія буржуазной интеллигенціи, то въ ***начальныхъ стадіяхъ*** рабочаго движенія, эта цѣль скорѣе всего достигается не децентрализаціей, а именно строгой ***централизаціей***, которая малосознательное еще пролетарское движеніе выдаетъ съ головой кучкѣ вождей-интеллигентовъ. Характерно то, что и въ Германіи ***въ началѣ*** соціальдемократическаго движенія, когда не выработалось еще ни сильнаго ядра сознательныхъ пролетаріевъ, ни испытанной соціальдемократической тактики, обѣ организаціонныя тенденціи имѣли своихъ представителей: крайній

„Извѣщеніе о II съѣздѣ“. Кромѣ того, отдѣльныя брошюрки разбрасывались по мастерскимъ. Всѣ эти произведенія нелегальной печати читались рабочими съ захватывающимъ интересомъ. Были среди года двѣ стачки: одна у всѣхъ портныхъ, требовали повышенія поштучной платы *на 100%* и добились желаемаго; другая — въ одной портняжной мастерской, также успѣшно окончившаяся. Кромѣ пропаганды среди ремесленниковъ, соц.-дем. велись занятія съ отдѣльными лицами съ цѣлью подготовить товарищей, могущихъ вести работу среди заводскихъ рабочихъ. Къ этимъ послѣднимъ въ теченіе года обращались съ прокламаціями нѣсколько разъ. Были прокламаціи по поводу неудачной въ ноябрѣ 1902 года стачки, съ выясненіемъ причинъ ея неудачи, съ указаніемъ на необходимость готовиться къ новой стачкѣ и на то, какъ именно слѣдуетъ готовиться. Другія прокламаціи говорили о положеніи пролетаріата въ капиталистическомъ обществѣ, объ его исторической роли и призывали рабочихъ примыкать къ борющейся революціонной соціальдемократіи. Распространялись также брошюрки.

Арестованы въ теченіе года были рабочіе Первушинъ, Кривошеинъ, Ерохинъ и интеллигентъ Гогвадзе; было произведено нѣсколько обысковъ.

Для характеристики настроенія заводскихъ и портовыхъ рабочихъ передамъ слѣдующій фактъ. Однажды человѣкъ 90 рабочихъ попросили, чтобы къ нимъ „явились соц.-дем. и организовали бы“ ихъ. Когда соц.-дем. пришли къ нимъ на собраніе то они, прослушавъ рѣчь соц.-дем. рабочаго, предложили сейчасъ же дать 50 руб. на литературу и требовали указать средства для *немедленнаго* ниспроверженія существующаго государственнаго строя и для торжества соціализма!! Вслѣдствіе отсутствія интеллигентныхъ силъ, эта сотня осталасъ почти неиспользованной... Имѣя въ виду, что въ Новороссійскѣ находится очень много рабочихъ, что условія, при которыхъ имъ приходится жить и работать, страшно тяжелыя, что рабочіе въ высокой степени озлоблены и противъ капиталистовъ и противъ администраціи, обнаруживавшей передъ ними не разъ свою гнусную лживость, что, затѣмъ, въ Новороссійскѣ есть элеваторъ (2-ой въ мірѣ), и стачка элеваторныхъ рабочихъ означала бы потрясеніе значительной части внутренняго рынка юго-восточной Россіи, отправляющей черезъ Новороссійскъ за-границу свой хлѣбъ, что въ этомъ городѣ имѣется незамерзающій портъ, въ который приходитъ очень большое число иностранныхъ пароходовъ, и стачка портовыхъ рабочихъ грузчиковъ, вынуждая экспортныя фирмы платить *громадныя* тысячи въ видѣ неустойки за промедленіе въ нагрузкѣ пароходовъ, является грознымъ оружіемъ для враговъ рабочихъ въ рукахъ рабочихъ, которыхъ теперь друзья Левитскаго превращаютъ въ орудіе для набиванія деньгами кармановъ капиталистовъ, превращаютъ тѣмъ, что соединяютъ ихъ въ артели съ круговой порукой за своевременную погрузку товаровъ въ пароходы (такъ называемыя артели стивидоровъ); опираясь, наконецъ, кромѣ этихъ и другихъ объективныхъ данныхъ, на опытъ работающихъ въ Новороссійскѣ товарищей, глубоко убѣжденныхъ въ продуктивности работы тамъ, я *настойчиво* рекомендую товарищамъ не забывать этого пункта.

30 мая 1904 года. Проѣзжая.

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

Весеннія рабочія демонстраціи. Убійство Бобрикова. Протестъ студентовъ и др. Призывъ новобранцевъ. Аресты. Грабежъ финскаго народа и пр. и пр. и пр.

Недавно Финляндія снова обратила на себя вниманіе всего цивилизованнаго міра: 16 іюня (нов. ст.) палъ, отъ руки самоотверженнаго финляндскаго патріота, въ самомъ зданіи сената оберъ-палачъ Финляндіи Бобриковъ. Подробныя трогательныя сообщенія — „оффиціальныя“ и „неоффиціальныя“ („Новое Время“, „Моск. Вѣд.“ и пр.) — о послѣднихъ минутахъ сатрапа, его похоронахъ и т. д. извѣстны уже давно всѣмъ и каждому, но тѣмъ не менѣе мы желаемъ отчасти „дополнить“, а отчасти „исправить“ ихъ на основаніи самыхъ точныхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Немного раньше 5 іюня (н. ст.) въ Финляндіи произошло другое еще болѣе важное событіе, которое абсолютно незнакомо читателямъ нашихъ легальныхъ газетъ, да и иностранная печать, за исключеніемъ скандинавской, врядъ ли удѣлила ему заслуженное вниманіе. Мы имѣемъ въ виду внушительный протестъ многихъ тысячъ финляндскихъ рабочихъ — ихъ резолюцію, единогласно принятую въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи на іюнскихъ соціалистическихъ демонстраціяхъ. 5 іюня 1904 г., безспорно, навсегда останется достопамятнымъ днемъ въ исторіи, не только финляндскаго рабочаго движенія, но и всей освободительной борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ: въ этотъ день тысячи нашихъ финскихъ товарищей впервые открыто произнесли свой строгій, но и правый судъ надъ всей преступной системой русскаго правительства — этой шайкой бандитовъ.

Грандіозныя рабочія демонстраціи съ музыкой, красными знаменами и соціалистическими рѣчами сами по себѣ не новинка въ Финляндіи. Годъ тому назадъ мы описывали іюнскія демонстраціи финскихъ рабочихъ, но до сихъ поръ всѣ онѣ отличались „легальнымъ“ характеромъ, такъ какъ на нихъ произносились лишь рѣчи на дозволенныя темы: говорилось обыкновенно о 8-час. рабочемъ днѣ, общемъ избирательномъ правѣ и задачахъ соціализма и въ нынѣшнемъ году, какъ два раза раньше, особенно грандіозной была демонстрація въ Гельсингфорсѣ. По словамъ легальной рабочей газеты въ процессіи участвовало 63 различныхъ рабочихъ, мужскихъ и женскихъ профессіональныхъ, юношескихъ, обществъ трезвости и др. — союзовъ съ 32 знаменами и съ нѣсколькими оркестрами. Рабочіе, работницы и дѣти въ своихъ праздничныхъ платьяхъ съ красными демонстраціонными значками торжественно подвигались по главнымъ улицамъ города къ цѣли своего шествія — въ ближайшій лѣсъ. Многочисленные распорядители выдѣлялись своими большими красными шарфами. За городомъ начала играть музыка и раздалось пѣніе, такъ какъ въ городѣ это было запрещено полиціей, которая въ Гельсингфорсѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, за исключеніемъ Або, гдѣ совершенно была запрещена въ послѣднюю минуту демонстрація, Выборга и Гаммерфорса, гдѣ было запрещено произнесеніе рѣчей, „милостиво разрѣшила“ демонстрацію, тогда какъ представители рабочихъ союзовъ лишь *заявили* о предстоящихъ демонстраціяхъ. Уже эта „снисходительность“ властей доказываетъ силу рабочаго класса, съ организаціями котораго вынуждены считаться русскіе ташкенцы. На мѣстѣ гельсингфорскаго рабочаго праздника собралось до 10 000 чел., въ томъ числѣ много интеллигенціи. По окончаніи „оффиціальной“, т. е. разрѣшенной программы, состоящей въ рѣчахъ на шведскомъ и финскомъ языкахъ, декламированіи и музыкальномъ исполненіи соціалистическихъ произведеній, на каѳедру, украшенную знаменами, вдругъ всходитъ молодой рабочій и громко и внятно по фински предлагаетъ резолюцію, которую съ восторгомъ принимаетъ десяти-тысячное собраніе. Во время чтенія постоянно раздаются изъ устъ тысячъ присутствующихъ одобрительные возгласы и гремятъ аплодисменты. Такого энтузіазма не вызвала ни одна рѣчь, хотя было произнесено не мало превосходныхъ рѣчей, пока ораторъ мужественно читалъ резолюцію, текстъ ея, напечатанный на обоихъ языкахъ, во многихъ тысячахъ экземпляровъ искусно разбрасывался среди слушателей.

Намъ приходится пожалѣть лишь о томъ, что въ этой превосходной резолюціи нѣтъ указанія на связь между борьбой финляндскаго и русскаго пролетаріата съ нашимъ общимъ заклятымъ врагомъ — россійскимъ самодержавіемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что это первый шагъ нашихъ финскихъ товарищей по новому пути; за нимъ, несомнѣнно, послѣдуютъ многіе еще болѣе *опредѣленные* и *общіе* протесты.

Что же дѣлала полиція во время чтенія и распространенія протеста? Она... бездѣйствовала!!

На рабочемъ праздникѣ было много явныхъ и тайныхъ держимордъ, но они оказались, разумѣется, совершенно безсильными передъ такимъ единодушіемъ рабочихъ массъ. Въ этомъ безсиліи откровенно и сознался, по словамъ „Fria Ord“, одинъ изъ главныхъ заправилъ нынѣшней разбойничьей гельсингфорской полиціи — коммисаръ Андросовъ. Одинъ городовой спросилъ у него, не арестовать ли оратора. „Мы слишкомъ малочисленны“, былъ отвѣтъ начальника. — „Не вызвать ли намъ, въ такомъ случаѣ, казаковъ?“ — „Нѣтъ, пока они явятся сюда, эта толпа убьетъ насъ“. Такое же безсиліе передъ народнымъ энтузіазмомъ высказали власти и 5 февраля (нов. ст.) — въ столѣтнюю годовщину со дня рожденія національнаго поэта Рунеберга. Тогда сама полиція убѣдила нѣсколько наивныхъ человѣкъ обратиться съ „ходатайствомъ“ объ иллюминаціи къ „губернатору“ Кайгородову, который за недѣлю до праздника, во всѣхъ газетахъ опубликовалъ *запрещеніе* всякихъ публичныхъ чествованій, кромѣ празднованія... царскихъ дней. И, дѣйствительно, 5 февраля никакая полиція въ мірѣ не могла бы воспрепятствовать *всѣмъ* финляндцамъ праздновать свой національный праздникъ.

Своимъ могучимъ протестомъ въ Гельсингфорсѣ и въ другихъ мѣстахъ финскіе рабочіе 5 іюня разъ навсегда опровергли часто возводимыя на нихъ буржуазіей обвиненія въ „непатріотичности“ организованныхъ рабочихъ. Подобные упреки особенно часто раздавались въ началѣ разгрома Финляндіи, и иногда рабочіе союзы и газеты, дѣйствительно, подавали нѣкоторый поводъ.

Когда демонстранты разошлись чинно по домамъ, полиція бросилась ловить храбраго оратора, арестовала одного субъекта, осмѣлившагося говорить „безъ разрѣшенія“, нѣсколько разъ вызывала распорядителей на допросы, но все дѣлала совершенно зря, такъ какъ главный „зачинщикъ“ — ораторъ — во время скрылся и очутился заграницей, а оффиціальные организаторы демонстраціи на самомъ дѣлѣ не были посвящены въ этотъ планъ. Даже финскій органъ рабочей партіи отказывался отъ солидарности съ поступками отдѣльныхъ лицъ, за которые, молъ, не можетъ отвѣчать партія. Осужденіе же этого народнаго протеста органомъ младо-финноманской партіи вызвало, въ свою очередь, рѣзкій протестъ, опубликованный въ „Fria Ord“. Вообще подобная „дипломатія“, пускаемая въ ходъ для „спасенія“ того или другого учрежденія, начинаетъ встрѣчать все болѣе и болѣе строгое осужденіе со стороны оппозиціонныхъ элементовъ. Теперь сообщимъ нѣкоторыя неизвѣстныя читателямъ подробности, относящіяся къ убійству Бобрикова. Сенатъ немедленно послѣ выстрѣловъ былъ оцѣпленъ полиціей и всѣ находящіяся въ немъ лица переписаны, такъ какъ перепуганнымъ властямъ началъ мерещиться „заговоръ“. Фактически же Шауманъ, убившій Бобрикова, не имѣлъ никакихъ абсолютно помощниковъ, что немедленно и выяснилось. Онъ дѣйствовалъ совершенно по своей иниціативѣ и на свой рискъ.

Полиція, несмотря на очевидное отсутствіе соучастниковъ въ „преступленіи“, произвела массу самыхъ нелѣпыхъ обысковъ и арестовъ. Число послѣднихъ, по слухамъ, достигаетъ 200. „Арестанты“ распадаются на двѣ категоріи: 1) на мнимыхъ сообщниковъ, 2) лицъ, выразившихъ свою радость по случаю смерти сатрапа или симпатіи Шауману. Несмотря на все желаніе полиціи создать крупное „дѣло“, ей приходится быстро выпускать всѣхъ „преступниковъ“ за отсутствіемъ всякихъ уликъ. Городовые, врываясь въ квартиры мирныхъ гражданъ, держали въ рукахъ револьверы. Шаумана полиція похоронила ночью, на кладбищѣ позволили присутствовать лишь его старому отцу — бывшему сенатору, тайному совѣтнику, и сестрамъ. „Блюстители порядка“ старались скрыть могилу Шаумана, сравнявъ ее съ землей; всетаки многіе отправлялись къ ней съ вѣнками, но стоящая у нея стража арестуетъ всѣхъ почитателей покойнаго. Насколько нелѣпы были увѣренія Бобрикова, что народъ „доволенъ“ его политикой, что ¾ финской націи принадлежитъ къ „довольнымъ“ („Новое Время“), доказываетъ, кромѣ упомянутой резолюціи рабочихъ, еще и то обстоятельство, что въ числѣ арестованныхъ за сочувствіе Шауману лицъ много крестьянъ и рабочихъ. Вотъ и славное довольство! Нѣтъ, вся Финляндія, отъ всей души ненавидѣла Бобрикова, хотя никто не ожидалъ такого исхода.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Кое-что объ условіяхъ жизни иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

Въ № 19 нашей газеты (апрѣль 1902 г.) въ корреспонденціи изъ Иваново-Вознесенска былъ описанъ слѣдующій случай, происшедшій на фабрикѣ насл. Полушиныхъ:

„Одна работница очень сильно захворала; она не одинъ разъ заявляла о своей болѣзни и просила отпуска — поправиться здоровьемъ, но получала отказъ. Когда однажды, уже совсѣмъ больная, она обратилась съ тою же просьбой, ей пригрозили разсчетомъ. На слова, что нечѣмъ кормиться, былъ короткій отвѣтъ:

„Чортъ бы тебя ободралъ, дохни.

„Шатаясь, пошла она съ фабрики, но, задыхаясь, сѣла на лавку, а минутъ черезъ пять умерла; объ этомъ доложили табельщику. Тотъ, испугавшись, тотчасъ же оповѣстилъ всю заводскую администрацію, и вотъ собравшаяся стая, съ цѣлью выгородить себя изъ этой исторіи, придумала гнусную вещь: написала отпускъ для лѣченья, положила его въ карманъ покойницы и отправила ее въ больницу.“

Этотъ фактъ, разсказанный самъ по себѣ, производитъ впечатлѣніе возмутительнаго преступленія, исключительной, случайной жестокости.

Но это не такъ.

Его значеніе можетъ быть понято только тогда, когда мы разсмотримъ въ общемъ и цѣломъ обстановку жизни иваново-вознесенскихъ рабочихъ.

Пользуясь оффиціальными данными „Отчета за 1902 г. о числѣ фабрикъ въ Иваново-Вознесенскѣ съ указаніемъ количества работающихъ на нихъ и числѣ заболѣваній по родамъ болѣзни“[1], мы возстановимъ хотя отчасти картину ихъ жизни, — и читатель пойметъ, что палачи — слуги господъ Полушиныхъ, замучившіи несчастную дѣвушку работницу, не совершили преступленія противъ закона, царящаго на фабрикѣ.

---

[1] Помѣщенъ въ „Сѣверномъ Краѣ“, № 126 отъ 15 мая 1904 г.

централизмъ — въ лицѣ Лассальянскаго всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза, и, наоборотъ, автономизмъ — въ лицѣ Эйзенахцевъ. При всей признанной принципіальной расплывчатости тактики Эйзенахцевъ, она вызвала значительно большее активное участіе пролетарскихъ элементовъ въ духовной жизни партіи, большую иниціативность самихъ рабочихъ — доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, быстрый ростъ провинціальной прессы у этой фракціи — вообще гораздо больше развила здоровое стремленіе къ росту *вширь*, чѣмъ это удавалось сдѣлать Лассальянцамъ, которые, несмотря на всѣ свои опыты съ „диктаторами“, приходили неизбѣжно къ все болѣе плачевнымъ результатамъ.

Вообще нетрудно показать, что при условіяхъ, когда революціонная часть рабочей массы еще не сплочена, само движеніе еще шатко, словомъ, — при условіяхъ, подобныхъ современнымъ русскимъ, какъ разъ строгій, деспотическій централизмъ и является специфической организаціонной тенденціей, характерной для интеллигентскаго оппортунизма. Точно такъ же, какъ въ позднѣйшей стадіи — при наличности парламентской среды и передъ лицомъ сильной, крѣпко сплоченной рабочей партіи — соотвѣтственная тенденція интеллигентскаго оппортунизма выражается, наоборотъ, въ *децентрализаціи*.

Именно съ точки зрѣнія Ленинской боязни пагубнаго вліянія интеллигенціи на пролетарское движеніе, его собственные организаціонные взгляды крайне опасны для русской соціальдемократіи.

На самомъ дѣлѣ, ничто такъ легко и вѣрно не порабощаетъ еще юнаго рабочаго движенія властолюбивой интеллигенціи, какъ сковываніе его панцыремъ бюрократическаго централизма[1], принижающаго борющійся пролетаріатъ до роли послушнаго орудія въ рукахъ „комитета“.

И, наоборотъ, ничто такъ не застраховываетъ рабочаго движенія отъ всякихъ оппортунистическихъ злоупотребленій со стороны честолюбивой интеллигенціи, какъ революціонная самодѣятельность пролетаріата, какъ повышеніе въ немъ чувства политической отвѣтственности.

И, въ самомъ дѣлѣ, призракъ, который сегодня лишь грезится Ленину, завтра легко можетъ стать реальной дѣйствительностью.

Не будемъ забывать, что революція, канунъ которой мы переживаемъ въ Россіи, — не пролетарская, а буржуазная революція, которая сильно измѣнитъ всю обстановку соціальдемократической борьбы. Тогда и русская интеллигенція очень быстро пропитается ясно выраженнымъ буржуазно-классовымъ содержаніемъ. Если сегодня соціальдемократія является единственной руководительницей русской рабочей массы, то на другой день послѣ революціи буржуазія, и прежде всего ея интеллигенція, естественно будетъ стремиться превратить массу въ пьедесталъ своего парламентскаго владычества.

Чѣмъ менѣе въ переживаемый періодъ борьбы будетъ развиваться самодѣятельность, свободная иниціатива, политическій смыслъ наиболѣе зашевелившагося слоя рабочихъ, чѣмъ болѣе ихъ будетъ водить на помочахъ и муштровать соціальдемократическій Ц. К., тѣмъ легче будетъ игра буржуазныхъ демагоговъ въ обновленной Россіи, тѣмъ вѣрнѣе жатва сегодняшнихъ трудовъ соціальдемократіи попадетъ завтра въ амбары буржуазіи. И, прежде всего, въ корнѣ ошибочна сама основная мысль ультрацентрализма — преградить оппортунизму доступъ въ рабочее движеніе при помощи организаціоннаго устава.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій во французской, итальянской и германской соціальдемократіи, и русскіе соціальдемократы, очевидно, стали склонны смотрѣть на оппортунизмъ вообще, какъ на примѣсь, чуждую самому пролетарскому движенію и приносимую въ рабочее движеніе лишь извнѣ буржуазно-демократическими элементами. Если бы это было и такъ, уставныя организаціонныя рамки сами по себѣ были бы совершенно безсильны противъ вторженія элементовъ оппортунизма. Разъ массовой притокъ не-пролетарскихъ элементовъ въ соціальдемократію является слѣдствіемъ такихъ глубокихъ соціальныхъ причинъ, какъ быстрое экономическое крушеніе мелкой буржуазіи и еще болѣе быстрое политическое крушеніе буржуазнаго либерализма, отмираніе буржуазной демократіи, то — наивная иллюзія воображать, будто той или иной формулировкой партійнаго устава можно создать плотину противъ бурнаго напора этой волны. Параграфами можно подчинять себѣ жизнь лишь небольшихъ сектъ и частныхъ обществъ, историческія же теченія всегда умѣли пробиваться сквозь самые хитрые параграфы. Кромѣ того, весьма ошибочна и самая мысль, будто въ интересахъ рабочаго класса преграждать массовый притокъ элементовъ, выдѣляемыхъ прогрессивно-разлагающимся буржуазнымъ обществомъ. Положеніе, что соціальдемократія, классовая представительница пролетаріата, является вмѣстѣ съ тѣмъ представительницей всей совокупности прогрессивныхъ интересовъ общества и интересовъ всѣхъ страдающихъ и угнетенныхъ буржуазнымъ общественнымъ строемъ — не должно понимать лишь въ такомъ смыслѣ, что всѣ эти интересы идейно обнимаются программой соціальдемократіи. Это положеніе воплощается въ дѣйствительность въ формѣ историческаго развитія, въ силу котораго соціальдемократія, какъ *политическая партія*, становится все болѣе и болѣе прибѣжищемъ самыхъ разнообразныхъ недовольныхъ элементовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — дѣйствительной партіей всего народа противъ ничтожнаго меньшинства господствующей буржуазіи. Нужно только, чтобы соціальдемократія умѣла всѣ непосредственныя печали и надежды этой пестрой, бѣгущей за нею толпы неизмѣнно подчинять конечнымъ цѣлямъ рабочаго класса, духъ не-пролетарской оппозиціи ввести въ рамки революціоннаго пролетарскаго дѣйствія, словомъ, чтобы она умѣла ассимилировать притекающіе къ ней элементы, переварить ихъ. Послѣднее же возможно только тамъ, гдѣ, какъ до нынѣ въ Германіи, тонъ въ соціальдемократіи уже задаетъ сильное, политически воспитанное пролетарское ядро, достаточно сознательное для того, чтобы взять на революціонный буксиръ притекающіе къ партіи деклассированные и мелкобуржуазные элементы. Въ этомъ случаѣ и болѣе строгое проведеніе централистическаго принципа въ организаціонномъ уставѣ и болѣе суровая формулировка партійной дисциплины въ его параграфахъ весьма цѣлесообразны въ качествѣ плотины противъ оппортунистическихъ теченій. При этихъ условіяхъ организаціонный уставъ несомнѣнно можетъ служить орудіемъ въ борьбѣ съ оппортунизмомъ, какъ онъ и послужилъ на самомъ дѣлѣ французской революціонной соціальдемократіи орудіемъ противъ натиска жоресистской мѣшанины; въ этомъ же смыслѣ сталъ теперь необходимъ пересмотръ нѣмецкаго партійнаго устава въ этомъ направленіи. Но и въ этомъ случаѣ партійный уставъ долженъ быть не какимъ то самодовлѣющимъ оружіемъ для борьбы съ оппортунизмомъ, а лишь послѣднимъ принудительнымъ средствомъ для приведенія въ исполненіе руководящей воли фактически имѣющагося на лицо революціоннаго пролетарскаго большинства партіи. Если такого большинства еще нѣтъ, никакіе, самые суровые бумажные параграфы не замѣнятъ его.

Однако, этотъ наплывъ буржуазныхъ элементовъ, какъ сказано, далеко не является единственнымъ источникомъ оппортунистическихъ теченій въ соціальдемократіи. Напротивъ того, другой источникъ заключается въ сущности самой соціальдемократической борьбы, въ ея внутреннихъ противорѣчіяхъ. Всемірно-историческое движеніе пролетаріата къ побѣдѣ есть процессъ, особенность котораго заключается въ томъ, что здѣсь впервые въ исторіи народныя массы сами и вопреки всѣмъ господствующимъ классамъ выполняютъ свою волю, но осуществленіе этой воли должны перенести по ту сторону современнаго общества, за его предѣлы. Но съ другой стороны, выработать въ себѣ эту *волю* массы могутъ лишь въ повседневной борьбѣ съ существующимъ порядкомъ, т. е. только въ его рамкахъ. Широкая народная масса съ одной стороны, и цѣль, выходящая за предѣлы всего существующаго порядка, съ другой, повседневная борьба и революціонный переворотъ, — таково діалектическое противорѣчіе соціальдемократическаго движенія; и отсюда вытекаетъ для него необходимость на протяженіи всего своего развитія пробиваться впередъ межъ двухъ подводныхъ камней: между утратой массового характера и отказомъ отъ конечной цѣли, между возвращеніемъ къ состоянію секты и превращеніемъ въ буржуазное реформистское движеніе.

Поэтому совершенно неисторической иллюзіей является мысль, будто разъ на всегда можетъ быть обезпечено революціонное направленіе соціальдемократической тактики, что разъ на всегда рабочее движеніе можетъ быть застраховано отъ оппортунистическихъ шатаній. Правда, ученіе Маркса даетъ непреоборимое оружіе противъ всѣхъ основныхъ типовъ оппортунистической мысли. Но такъ какъ соціальдемократическое движеніе есть массовое движеніе, и угрожающіе ему подобные камни порождаются не людскими измышленіями, а общественными условіями, то нельзя заранѣе предотвратить возможность оппортунистическихъ шатаній; лишь само движеніе можетъ преодолѣть ихъ — конечно, съ помощью оружія, даваемаго марксизмомъ — послѣ того, какъ они приняли на практикѣ осязательную форму. Разсматриваемый подъ этимъ угломъ зрѣнія, оппортунизмъ представляется продуктомъ и самого рабочаго движенія, неизбѣжнымъ моментомъ его историческаго развитія. Именно въ Рос-

---

[1] *Прим. ред.* Neue Zeit. Въ Англіи именно фабіанцы, особенно Веббы, являются самыми рьяными сторонниками бюрократической централизаціи и противниками демократическихъ формъ организаціи.

Этотъ законъ гласитъ „смерть пролетаріямъ!“ — и табельщикъ, и вся заводская администрація были его исполнителями.

Посмотрите отчетъ. По его *оффиціальнымъ* даннымъ, на 27.316 рабочихъ Иваново-Вознесенска въ 1902 г. пришлось 103.662 случая болѣзни.

Слѣдовательно, на одного рабочаго 3,8 разъ въ годъ, слѣдовательно, каждый рабочій этого города болѣлъ черезъ каждые три мѣсяца. Каждые три мѣсяца фабрика настолько расшатывала его организмъ, что онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи врача.

Отчетъ дѣлаетъ скромную оговорку, что „продолжительныя, тяжелыя заболѣванія, требующія коечнаго лѣченія, не вошли въ нашу таблицу“.

А легкія заболѣванія, хрипота въ горлѣ, насморкъ, общее недомоганіе, зубная, головная боли — всѣ тѣ случаи, въ которыхъ авторы отчета зовутъ къ себѣ доктора — можетъ быть, эти случаи вошли въ вашу таблицу, можетъ быть, они, увеличивая число заболѣваній, дѣлаютъ картину слишкомъ мрачной?

Кто хоть поверхностно, хоть по слухамъ, по двумъ-тремъ разсказамъ знакомъ съ фабричною жизнью, знаетъ, въ *какихъ* случаяхъ обращается рабочій къ помощи врача!

Не желая терять рабочаго времени, не желая лишній разъ нарываться на грубость мастера, которою всегда сопровождается отпускъ къ врачу — рабочій перемогается, сколько можетъ.

Получивъ иногда довольно глубокій порѣзъ — онъ наскоро обматываетъ его тряпкой — лишь бы не текла кровь! — и продолжаетъ работу. Рана засаривается, начинаетъ гнить — и черезъ два-три дня онъ идетъ къ врачу, который часто даже и не осмотритъ внимательно — дастъ свинцовой примочки, цинковой мази — чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Зарегистрированные отчетомъ заболѣванія, не включая въ свои числа болѣзней тяжелыхъ (о смертныхъ случаяхъ въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного слова) представляютъ *норму* страданій, въ которыхъ протекаетъ жизнь иваново-вознесенскаго пролетаріата.

Всѣ заболѣванія указаны по родамъ. 24 столбца цыфръ отмѣчаютъ число 24 родовъ пытки, которой подвергаетъ фабрика своего раба.

Я раздѣлю ихъ на четыре класса, по той зависимости, въ которой находится ихъ происхожденіе отъ условій труда.

Къ первому классу я отношу травмы (пораненія), глазныя болѣзни, происходящія отъ пыли, засаривающей глаза, и ушныя — вслѣдствіе безпрерывнаго стука машинъ, — виды страданія, причиняемыя машиною рабочему непосредственно.

Общее количество травматическихъ пораненій составляло въ 1902 г. 9858 случаевъ.[1])

А какъ они происходятъ? Это достаточно ярко показываетъ корреспонденція, полученная нами на дняхъ изъ Иваново-Вознесенска.

„На ситцевую фабрику Никона Гарелина С-вей нанялся мальчикъ въ отдѣленіе крахмальныхъ барабановъ. Учить новичковъ обращаться съ машиною лежитъ на обязанности завѣдующаго отдѣленіемъ, Сергѣя Жохова, и онъ исполнялъ ее, стращая мальчика штрафами и разсчетами, ругая непечатными словами.

„У мальчика стала загибаться кромка, и онъ, боясь штрафа, разсчета, полѣзъ отгибать ее рукою. Ему оторвало напрочь, по первые суставы, два пальца. А Сергѣй Жоховъ, угрозою прогнать съ фабрики, заставилъ мальчиковъ, работающихъ въ его отдѣленіи, показывать, будто ихъ товарищъ нарочно сунулъ руку въ барабанъ, изъ-за неохоты работать на фабрикѣ.

„Когда же рабочіе изъ другихъ отдѣленій стали стыдить Жохова, онъ заоралъ на нихъ — „не ваше дѣло“, выгналъ вонъ, и мальчики показывали на слѣдствіи такъ, какъ хотѣлъ Жоховъ.“

По даннымъ отчета на этой фабрикѣ происходитъ въ годъ 643 травмат. поврежденія. Работаетъ на ней 2426 рабочихъ. Значитъ, каждый день машины отрываютъ пальцы, дробятъ кости почти двумъ рабочимъ, за годъ изъ каждыхъ 37 чел. 10 оказываются изуродованными.

И эта фабрика — одна изъ самыхъ благоустроенныхъ. На химическомъ заводѣ Лепешкиныхъ на 190 человѣкъ въ 1902 г. было *150* травмъ, 41 глазная болѣзнь и 18 ушныхъ.

Высчитайте, читатель, сколько на этомъ заводѣ было раздроблено пальцевъ, сколько человѣкъ къ концу года остались невредимыми!

Невредимыми! Я до сихъ поръ бралъ числа вѣдь только тѣхъ ранъ, которыя стальной хищникъ — машина непосредственно своими шестернями и зубцами наноситъ рабочему.

Перехожу ко второму классу — болѣзней органовъ пищеваренія, дыхательныхъ органовъ и разстройствамъ общаго питанія. По признанію отчета „эти болѣзни имѣютъ общія причины въ обстановкѣ, при которой производятся работы“.

Болѣзней первыхъ двухъ родовъ было 34.116 случаевъ, болѣе тяжелаго третьяго рода — 2.489.

Это значитъ, что ни у одного рабочаго г. Иваново-Вознесенска не функціонируетъ правильно организмъ.

Тяжелый воздухъ, — отсутствіе вентиляціи, — слѣдовательно — для рабочихъ — недостатокъ кислорода, необходимаго для питанія, а для фабриканта — экономія въ деньгахъ, нужныхъ для предохранительныхъ приспособленій.

Остановимся на минуту на цыфрахъ, касающихся фабрики насл. Полушиныхъ, гдѣ произошелъ описанный выше случай съ дѣвушкой-работницей.

На этой фабрикѣ въ 1902 г. работало 1.710 чел. Общее число заболѣваній было 5.416, т. е. 3,2 случая на человѣка.

Какъ видитъ читатель, эта цыфра ниже общей для Иваново-Вознесенска (3,8 случая на человѣка).

Но, благодаря жестокому обращенью съ заболѣвшими рабочими, которыхъ часто просто не пускаютъ съ фабрики, не всѣ попадаютъ къ врачу, и анализируя цыфры пріемнаго покоя фабрики насл. Полушиныхъ, мы увидимъ, что наибольшій процентъ случаевъ болѣзни падаетъ на такіе виды страданія, которые обусловлены постоянно-тягостными условіями труда на этой фабрикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ — въ то время, какъ на сто больныхъ рабочихъ Иваново-Вознесенска приходится 2,4 случая болѣзни общаго питанія, на фабрикѣ насл. Полушиныхъ приходится 3,1 случая. Въ то время, какъ на сто рабочихъ всего города, бывшихъ у врача, приходится 17,8 случая болѣзни органовъ пищеваренія — полушинскіе рабочіе даютъ 19,5%. Въ то время, какъ простудныя заболѣванія, въ частности, гриппъ, очень мало распространены въ Иваново-Вознесенскѣ — 7,4% общей заболѣваемости — фабрика Полушиныхъ даетъ колоссальный процентъ — 20,3 — процентъ, который близокъ къ проценту распространенія этой болѣзни среди чернорабочихъ (18%).

Такимъ образомъ, болѣе общія страданія, обусловленныя *общимъ изнуреніемъ организма*, наиболѣе распространены на фабрикѣ Полушиныхъ.

Между тѣмъ, случаи такихъ болѣзней — какъ ушныя, заразныя, мочеполовыя — болѣзни отдѣльныхъ органовъ — онѣ — или дѣйствительно мало распространены на этой фабрикѣ, или, скорѣе — просто не регистрируются пріемнымъ покоемъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленій, сдѣланныхъ выше, читатель видитъ, что условія и обстановка работы на фабрикѣ господъ Полушиныхъ болѣе вредна для рабочихъ, чѣмъ вообще на иваново-вознесенскихъ фабрикахъ.

А потому и случай, разсказанный нашимъ корреспондентомъ (Искра. № 19), является, очевидно, не проявленіемъ исключительной жестокости, а необходимымъ послѣдствіемъ всей постановки дѣла эксплуатаціи на этой фабрикѣ.

Къ третьему классу болѣзней я отношу такія, которыя находятъ себѣ почву въ расшатанномъ организмѣ рабочаго. Болѣзни костно-мышечной системы, гриппъ — вообще простудныя болѣзни, болѣзни кровеносной системы, болѣзни нервной системы, лихорадки — всѣ эти болѣзни набрасываются на рабочаго, когда изнуренный фабричнымъ трудомъ его организмъ не можетъ оказывать имъ сопротивленія.

Эти болѣзни составляютъ 27,3% общей заболѣваемости.

Болѣзни же, которыя происходятъ отъ нечистоты, паразитическія заболѣванія, представляютъ интересъ для нашей характеристики тѣмъ, что открываютъ намъ условія внѣ-фабричной „домашней“ жизни рабочаго.

Машина, вытѣсняя квалифицированный, сложный и тяжелый трудъ взрослаго работника, тянетъ на фабрику его жену, его дѣтей. Семья рабочаго разлагается.

Тогда благодѣтель — фабрикантъ приходитъ къ нему на помощь. Онъ строитъ казармы.

Тамъ, какъ арестанты въ прогнившей камерѣ, располагаются рабы капитала. Двойныя желѣзныя койки, или деревянныя сплошныя нары. На нихъ вповалку спятъ рабочіе. Тамъ они хранятъ свои пожитки, сушатъ онучи, чулки. Наволоки съ матрасовъ моются два-три раза въ годъ.

Два процента всѣхъ болѣзней приходятся на паразитическія заболѣванія; изъ 13 рабочихъ одинъ не въ силахъ терпѣть отъ паразитовъ — и обращается къ врачу.

Отчетъ дѣлаетъ упрекъ рабочимъ: „Именно съ этими заболѣваніями, наряду съ заболѣваніями мочеполовыхъ органовъ и сифилитическими, упорнѣе всего рабочіе стараются избѣжать врачебнаго осмотра“.

Почему бы это такъ? Авторъ отчета не задалъ себѣ этого вопроса — а вѣдь объясненіе этого явленія само напрашивается.

Рабочему *стыдно* итти къ врачу съ такою болѣзнью, ибо онъ, считая такую болѣзнь слѣдствіемъ своей личной неряшливости, стыдится въ ней признаться.

Смѣшно, конечно, и задумываться даже надъ вопросомъ: виноватъ ли рабочій въ своихъ болѣзняхъ, начиная отъ смертельныхъ и кончая паразитическими заболѣваніями?

Я только хочу обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство.

Очень можетъ быть, что врачи, составлявшіе отчетъ, очень хорошіе, всѣ на подборъ добросовѣстные люди. Но они совершенно не понимаютъ *общественнаго характера* региструемыхъ ими явленій — болѣзней фабричныхъ рабочихъ.

Изслѣдуя (если, дѣйствительно, они добросовѣстно это дѣлаютъ) каждаго приходящаго къ нимъ больного рабочаго — они отмѣчаютъ: гриппъ, травма, болѣзни дыхательныхъ органовъ. Затѣмъ, всѣ эти цыфры объединяются въ сумму, и получается столбецъ съ соотвѣтствующей надписью: травма — 9858 случ., гриппъ — 7607 случ. и т. д. . . .

Они умолчали даже о смертности среди рабочихъ. Въ больничномъ отчетѣ!

А какова эта смертность, показываютъ цыфры петербургской статистики: въ Адмиралтейскомъ участкѣ, гдѣ живутъ богатые люди — купцы, крупные чиновники, хозяева фабрикъ, — акціонеры — на 1000 жителей умираетъ ежегодно 11 человѣкъ, а въ Выборгскомъ третьемъ, гдѣ живутъ рабочіе на 1000 жителей ежегодно умираютъ 59.

То есть, рабочихъ въ 5½ разъ умираетъ больше на тысячу, чѣмъ зажиточныхъ людей.

Когда врачъ сидитъ въ своемъ пріемномъ покоѣ — и до него доносится гулъ фабричныхъ машинъ, а тутъ — около него, въ легкихъ у рабочихъ раздаются хрипы — онъ, подчасъ не замѣчаетъ связи этихъ звуковъ.

А между ними самая близкая, самая очевидная связь.

Металлическое гудѣнье колесъ, свистъ ремней, хряскъ дробящихся человѣческихъ костей — сливаются съ послѣднимъ вздохомъ умирающей на порогѣ фабрики работницы — и мы слышимъ живой, сочный голосъ вампира — капитала, высасывающаго жизнь своихъ рабовъ.

На человѣческихъ костяхъ, изъ человѣческаго мяса и крови, строятъ капиталисты свои дворцы, а плечи пока еще живыхъ работниковъ поддерживаютъ ихъ стѣны.

Когда жъ онѣ рухнутъ?

Рабочій вопросъ на послѣднемъ съѣздѣ волжскихъ судопромышленниковъ.

Нынче ни одно собраніе предпринимателей не обходится безъ собесѣдованія на тему „о судьбахъ рабочихъ“. Поэтому, и на названномъ съѣздѣ въ порядкѣ дня значился особый пунктъ, посвященный „нуждамъ судоходныхъ служащихъ“. Впрочемъ, господа судопромышленники повиновались скорѣе нуждѣ, чѣмъ модѣ. Дѣло въ томъ, что сохранившіяся на Волгѣ старинныя формы найма и эксплуатаціи рабочихъ совершенно не гармонируютъ съ современными условіями и вредно отзываются на дальнѣйшемъ веденіи промысла. Предпринимателямъ нуженъ постоянный контингентъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло матросовъ. А между тѣмъ, до сихъ поръ матросы для поволжскаго судоходства набираются почти исключительно изъ крестьянъ, живущихъ вдоль по теченію рѣки. Наемъ обыкновенно производится въ Астрахани, гдѣ ко времени открытія навигаціи скопляется около 1500 барокъ и свыше 500 пароходовъ. Такъ какъ у крестьянъ обыкновенно нѣтъ денегъ, чтобы во время поспѣть въ Астрахань, то судовладѣльцы обыкновенно нанимаютъ людей совершенно неопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы замѣстить ихъ затѣмъ въ Царицынѣ другими, болѣе опытными. Съ этой цѣлью въ рабочихъ книжкахъ, выдаваемыхъ нанимаемымъ, имѣется примѣчаніе, на которое рабочіе обыкновенно не обращаютъ вниманія и которое гласитъ, что договоръ входитъ въ силу лишь послѣ того, какъ книжка оплачена гербовымъ сборомъ. Но и положеніе окончательно нанятыхъ весьма незавидно: работа очень тяжелая и работать приходится во всякое время дня и ночи, нерѣдко подрядъ цѣлыя сутки, иногда и больше. Заработная плата очень низка — 10 рублей и меньше въ мѣсяцъ. Часто случается, что пароходы и барки по недѣлямъ стоятъ, и тогда матросы вовсе не получаютъ жалованья. Понятно, что матросы бѣгутъ, какъ только имъ удается найти лучшій заработокъ.

Составъ съѣзда опредѣлялъ и характеръ отношенія къ поднятымъ вопросамъ. На съѣздѣ присутствовали: 1) представители судоходной промышленности, 2) высшіе служащіе (капитаны, ихъ помощники и машинисты) и 3) нѣсколько санитарныхъ врачей. Что касается первыхъ, то только меньшинство изъ нихъ начало сознавать, что старыя формы эксплуатаціи отжили свой вѣкъ, что если хочешь имѣть хорошихъ рабочихъ, надо хорошо ихъ содержать, хорошо съ ними обращаться и хорошо имъ платить. Большинство же отстаивало старую форму опеки: „Матросы бѣгутъ потому, что крестьяне избаловались... Надо завести рабочія книжки, чтобы туда вносить всѣ проступки рабочихъ... Хозяину должно быть предоставлено право увольнять рабочихъ за дерзость... Жилища на затонахъ скверны, но, вѣдь, и деревенское населеніе живетъ не лучше... Церковь важнѣе для судорабочихъ, чѣмъ баня“. И т. д. и т. д. Двойственность замѣчалась также и у служащихъ: съ одной стороны, сами они занимаютъ привилегированное положеніе и совершенно заражены цеховымъ духомъ, а съ другой — имъ приходится слишкомъ близко видѣть жалкое положеніе своихъ сослуживцевъ низшаго ранга и, можетъ быть, подчасъ и самимъ почувствовать свое пролетарское происхожденіе. Поэтому, въ то время какъ одни изъ нихъ, чувствуя себя начальствомъ, требовали, чтобы ихъ оградили драконовскими мѣрами отъ вредныхъ служащихъ, другіе указывали на необходимость создать сносныя условія существованія, регулировать условія найма и т. под. Единство возстановлялось у нихъ тогда, когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго привилегированнаго положенія. Такъ, они единодушно требовали для себя двухмѣсячнаго срока для расторженія договора о наймѣ и выдачи жалованья за два мѣсяца, тогда какъ для низшихъ служащихъ удовлетворялись двумя недѣлями, а о вознагражденіи для этихъ послѣднихъ и рѣчи не было. Что касается, наконецъ, врачей, то надо отдать имъ справедливость, что они хотѣли отстоять интересы рабочихъ. Не доставало имъ только пониманія, что лучшимъ для этого средствомъ является развитіе самодѣятельности самихъ рабочихъ.

Но въ данномъ случаѣ все же было нѣсколько предпринимателей, готовыхъ ввести нѣкоторыя улучшенія, въ особенности, если это не било ихъ по карману. Но совершенно иначе отнеслись господа предприниматели къ другому „рабочему вопросу“. Вопросъ этотъ поднятъ былъ одними врачами, указавшими на ужасное положеніе *крючниковъ*, принужденныхъ таскать на себѣ тяжести въ 18-20 пудовъ, часто надрывающихся подъ ними и рѣдко выдерживающихъ свою работу дольше семи лѣтъ. Но что за дѣло до всего этого судопромышленникамъ? Крестьянъ, пухнущихъ съ голоду въ деревнѣ и потому всегда готовыхъ на любую каторгу, на ихъ вѣкъ хватитъ. Внесенныя на съѣздѣ предложенія о необходимости устройства на пристаняхъ вагонетныхъ путей, устройства бараковъ съ кухнями и нѣкоторыя другія, не были приняты. А о необходимости здѣсь инспекціи, страхованія больныхъ и неспособныхъ къ труду, о регулированіи рабочаго времени никто не заикнулся. Не заикнулись и о многомъ другомъ, о чемъ сможетъ сказать свое вѣское слово только общероссійская организація судовыхъ рабочихъ. Конечно, не въ современной Россіи возможна такая организація.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. 20 мая закончилась стачка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ, продолжавшаяся фактически съ 1-го, юридически же, съ 3-го когда рабочими были предъявлены требованія, — и явившаяся, какъ и стачки на нѣсколькихъ другихъ заводахъ и промыслахъ въ Балаханахъ, отголоскомъ неудавшагося плана всеобщей забастовки. Всякія неудачи всегда вызываютъ нареканія, — особенно, со стороны лицъ, неповинныхъ въ нихъ только потому, что они ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нашлись даже прозорливые не по разуму люди, которые во всеобщей забастовкѣ съ экономическими требованіями, пріуроченной непосредственно къ 1 мая, увидѣли какую-то особую тактику „меньшинства“. Въ то время какъ обычное сужденіе о „меньшинствѣ“ совершается по формулѣ Кузьмы Пруткова: „меньшинство“ — *слѣдовательно*, „оппортунизмъ“, *слѣдовательно*, „экономизмъ“, въ данномъ случаѣ умозаключали отъ „экономизма“ и приходили къ „меньшинству“.

Но, какъ бы мало вниманія ни заслуживали подобныя сужденія, о майскихъ дняхъ, а, въ связи съ ними, о тактикѣ мѣстнаго комитета того времени, приходится говорить хотя бы уже потому, что тамъ, въ этой тактикѣ, кроются нити дальнѣйшихъ событій. Приближалось 1 мая, и передъ комитетомъ вставалъ вопросъ о формѣ празднованія его. Комитету было извѣстно, что минимумъ празднованія, принятый для всего Кавказа, — однодневная забастовка. Тамъ, гдѣ позволило бы настроеніе массъ, могла быть устроена демонстрація. Третьимъ проектомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ былъ понятъ членъ Союзнаго Комитета, — являлась всеобщая забастовка, приблизительно въ серединѣ мая — началѣ іюня. Какъ выяснилось потомъ изъ заявленій мѣстнаго представителя Союзнаго Ком., всеобщая забастовка въ рѣчи члена Союз. Ком. должна была фигурировать не въ качествѣ третьяго проекта, а совершенно независимо отъ празднованія 1 мая. Такъ или иначе, передъ мѣстнымъ комитетомъ стоялъ вопросъ: какъ отпраздновать 1 мая, только ли однодневной забастовкой, демонстраціей ли — или, какъ ставилъ вопросъ комитетъ, — той же однодневной забастовкой, усиленной вслѣдъ затѣмъ длительной всеобщей забастовкой. Исходя изъ заявленій рабочихъ, что однодневная майская забастовка, ставшая за послѣдніе годы традиціоннымъ явленіемъ, не является въ глазахъ самихъ рабочихъ демонстративнымъ актомъ, приходилось обсуждать вопросъ о демонстраціи или длительной всеобщей забастовкѣ. На собраніи изъ представителей районныхъ комитетовъ, на которомъ присутствовали и представители Биби-Эйбатскаго Комитета инчакистовъ[1]), вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію, и подробно мотивированное предложеніе всеобщей забастовки было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 18 человѣкъ, присутствовавшихъ на собраніи, при голосованіи лишь двое (предст. Бѣло-гор. районнаго комитета) высказались за демонстрацію, да одинъ (представитель городского районнаго ком.) высказалъ свое сомнѣніе въ успѣхѣ стачки. Мотивы, приводившіеся въ пользу стачки, сводились

сіи, гдѣ соціальдемократія еще молода; а политическія условія рабочаго движенія такъ ненормальны, оппортунизмъ пока долженъ возникать въ значительной мѣрѣ изъ этого источника, изъ неизбѣжнаго развитія тактики ощупью и путемъ экспериментовъ, изъ необходимости вести текущую борьбу въ такихъ своеобразныхъ, безпримѣрныхъ условіяхъ и въ то же время въ согласіи съ основными принципами соціализма.

Если же это такъ, то тѣмъ болѣе удивительной кажется мысль — въ самомъ началѣ рабочаго движенія устранить возможность возникновенія оппортунистическихъ теченій той или иной формулировкой организаціоннаго устава. Попытки поразить оппортунизмъ такими бумажными средствами на самомъ дѣлѣ могутъ нанести глубокій ударъ не ему, а лишь самой соціальдемократіи; прекращая въ ней біеніе здоровой жизни, они ослабляютъ ея стойкость въ борьбѣ не только противъ оппортунистическихъ теченій, но и — что вѣдь также должно бы имѣть нѣкоторое значеніе — противъ существующаго общественнаго строя. Средство обращается противъ цѣли.

Въ этомъ боязливомъ стремленіи части русскихъ соціальдемократовъ опекой всевѣдущаго и вездѣсущаго Ц. К. предохранить отъ ложныхъ шаговъ столь многообѣщающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движеніе, намъ слышится впрочемъ, отголосокъ того самаго *субъективизма*, который уже не одну шутку сыгралъ съ русской соціалистической мыслью. Поистинѣ забавны прыжки, которые бываетъ подчасъ угодно продѣлывать почтенному человѣческому субъекту исторіи въ его собственномъ историческомъ процессѣ. Раздавленное и стертое въ порошокъ русскимъ абсолютизмомъ „я“ беретъ реваншъ тѣмъ, что въ своей революціонной мысли сажаетъ самого себя на тронъ и объявляетъ себя всемогущимъ — въ образѣ заговорщическаго комитета именемъ несуществующей „Народной Воли“. Но „объектъ“ оказывается сильнѣе, и кнутъ скоро празднуетъ побѣду, ибо *онъ* представляетъ собою „законное“ выраженіе данной стадіи историческаго процесса. Наконецъ, на сцену появляется, еще болѣе законное дитя историческаго процесса — русское рабочее движеніе; впервые въ русской исторіи, оно съ величайшимъ успѣхомъ кладетъ начало созданію дѣйствительной народной воли. Но тутъ „я“ русскаго революціонера поспѣшно становится на голову и снова объявляетъ себя всемогущимъ вершителемъ исторіи, — на этотъ разъ въ собственной персонѣ его величества центральнаго комитета соціальдемократическаго рабочаго движенія. При этомъ ловкій акробатъ не замѣчаетъ, что единственнымъ субъектомъ, къ которому теперь перешла роль вершителя судебъ, является *массовое* „я“ рабочаго класса, упорно требующаго себѣ по всей линіи права самому дѣлать ошибки и самому учиться исторической діалектикѣ. И въ концѣ концовъ скажемъ, между нами, открыто: ошибки, совершаемыя дѣйствительнымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо плодотворнѣе и цѣннѣе непогрѣшимости наилучшаго „центральнаго комитета“.

Роза Люксембургъ.

---

[1] Общее число глазныхъ болѣзней — 8789; ушныхъ — 2476; половина (4879 и 1208) приходится на чернорабочихъ.

[1]) О вступленіи „инчакистовъ“ — старой армянской революціонной партіи — въ ряды Р. С.-Д. Р. П. ведутся въ настоящее время переговоры.

Прим. Ред.

Этотъ законъ гласитъ „смерть пролетаріямъ!“ — и табельщикъ, и вся заводская администрація были его исполнителями.

Посмотрите отчетъ. По его *оффиціальнымъ* даннымъ, на 27.316 рабочихъ Иваново-Вознесенска въ 1902 г. пришлось 103.662 случая болѣзни.

Слѣдовательно, на одного рабочаго 3,8 разъ въ годъ, слѣдовательно, каждый рабочій этого города болѣлъ черезъ каждые три мѣсяца. Каждые три мѣсяца фабрика настолько расшатывала его организмъ, что онъ долженъ былъ прибѣгать къ помощи врача.

Отчетъ дѣлаетъ скромную оговорку, что „продолжительныя, тяжелыя заболѣванія, требующія коечнаго лѣченія, не вошли въ нашу таблицу“.

А легкія заболѣванія, хрипота въ горлѣ, насморкъ, общее недомоганіе, зубная, головная боли — всѣ тѣ случаи, въ которыхъ авторы отчета зовутъ къ себѣ доктора — можетъ быть, эти случаи вошли въ вашу таблицу, можетъ быть, они, увеличивая число заболѣваній, дѣлаютъ картину слишкомъ мрачной?

Кто хоть поверхностно, хоть по слухамъ, по двумъ-тремъ разсказамъ знакомъ съ фабричною жизнью, знаетъ, въ *какихъ* случаяхъ обращается рабочій къ помощи врача!

Не желая терять рабочаго времени, не желая лишній разъ нарываться на грубость мастера, которою всегда сопровождается отпускъ къ врачу — рабочій перемогается, сколько можетъ.

Получивъ иногда довольно глубокій порѣзъ — онъ наскоро обматываетъ его тряпкой — лишь бы не текла кровь! — и продолжаетъ работу. Рана засаривается, начинаетъ гнить — и черезъ два-три дня онъ идетъ къ врачу, который часто даже и не осмотритъ внимательно — дастъ свинцовой примочки, цинковой мази — чего-нибудь въ этомъ родѣ.

Зарегистрированные отчетомъ заболѣванія, не включая въ свои числа болѣзней тяжелыхъ (о смертныхъ случаяхъ въ этомъ отчетѣ нѣтъ ни одного слова) представляютъ *норму* страданій, въ которыхъ протекаетъ жизнь иваново-вознесенскаго пролетаріата.

Всѣ заболѣванія указаны по родамъ. 24 столбца цыфръ отмѣчаютъ число 24 родовъ пытки, которой подвергаетъ фабрика своего раба.

Я раздѣлю ихъ на четыре класса, по той зависимости, въ которой находится ихъ происхожденіе отъ условій труда.

Къ первому классу я отношу травмы (пораненія), глазныя болѣзни, происходящія отъ пыли, засаривающей глаза, и ушныя — вслѣдствіе безпрерывнаго стука машинъ, — виды страданія, причиняемыя машиною рабочему непосредственно.

Общее количество травматическихъ пораненій составляло въ 1902 г. 9858 случаевъ.[1])

А какъ они происходятъ? Это достаточно ярко показываетъ корреспонденція, полученная нами на дняхъ изъ Иваново-Вознесенска.

„На ситцевую фабрику Никона Гарелина С-вей нанялся мальчикъ въ отдѣленіе крахмальныхъ барабановъ. Учить новичковъ обращаться съ машиною лежитъ на обязанности завѣдующаго отдѣленіемъ, Сергѣя Жохова, и онъ исполнялъ ее, страшая мальчика штрафами и разсчетами, ругая непечатными словами.

„У мальчика стала загибаться кромка, и онъ, боясь штрафа, разсчета, полѣзъ отгибать ее рукою. Ему оторвало напрочь, по первые суставы, два пальца. А Сергѣй Жоховъ, угрозою прогнать съ фабрики, заставилъ мальчиковъ, работающихъ въ его отдѣленіи, показывать, будто ихъ товарищъ нарочно сунулъ руку въ барабанъ, изъ-за неохоты работать на фабрикѣ.

„Когда же рабочіе изъ другихъ отдѣленій стали стыдить Жохова, онъ заоралъ на нихъ — „не ваше дѣло“, выгналъ вонъ, и мальчики показывали на слѣдствіи такъ, какъ хотѣлъ Жоховъ.“

По даннымъ отчета на этой фабрикѣ происходитъ въ годъ 613 травмат. поврежденія. Работаетъ на ней 2426 рабочихъ. Значитъ, каждый день машины отрываютъ пальцы, дробятъ кости почти двумъ рабочимъ, за годъ изъ каждыхъ 37 чел. 10 оказываются изуродованными.

И эта фабрика — одна изъ самыхъ благоустроенныхъ. На химическомъ заводѣ Лепешкиныхъ на 100 человѣкъ въ 1902 г. было *150* травмъ, 41 глазная болѣзнь и 18 ушныхъ.

Высчитайте, читатель, сколько на этомъ заводѣ было раздроблено пальцевъ, сколько человѣкъ къ концу года остались невредимыми!

Невредимыми! Я до сихъ поръ бралъ числа вѣдь только тѣхъ ранъ, которыя стальной хищникъ — машина непосредственно своими шестернями и зубцами наноситъ рабочему.

Перехожу ко второму классу — болѣзней органовъ пищеваренія, дыхательныхъ органовъ и разстройствамъ общаго питанія. По признанію отчета „эти болѣзни имѣютъ общія причины въ обстановкѣ, при которой производятся работы“.

Болѣзней первыхъ двухъ родовъ было 34.116 случаевъ, болѣе тяжелаго третьяго рода — 2.489.

Это значитъ, что ни у одного рабочаго г. Иваново-Вознесенска не функціонируетъ правильно организмъ.

Тяжелый воздухъ, — отсутствіе вентиляціи, — слѣдовательно — для рабочихъ — недостатокъ кислорода, необходимаго для питанія, а для фабриканта — экономія въ деньгахъ, нужныхъ для предохранительныхъ приспособленій.

Остановимся на минуту на цыфрахъ, касающихся фабрики насл. Полушиныхъ, гдѣ произошелъ описанный выше случай съ дѣвушкой-работницей.

На этой фабрикѣ въ 1902 г. работало 1.710 чел. Общее число заболѣваній было 5.416, т. е. 3,2 случая на человѣка.

Какъ видитъ читатель, эта цыфра ниже общей для Иваново-Вознесенска (3,8 случая на человѣка).

Но, благодаря жестокому обращенью съ заболѣвшими рабочими, которыхъ часто просто не пускаютъ съ фабрики, не всѣ попадаютъ къ врачу, и анализируя цыфры пріемнаго покоя фабрики насл. Полушиныхъ, мы увидимъ, что наибольшій процентъ случаевъ болѣзни падаетъ на такіе виды страданія, которыя обусловлены постоянно-тягостными условіями труда на этой фабрикѣ.

Въ самомъ дѣлѣ — въ то время, какъ на сто больныхъ рабочихъ Иваново-Вознесенска приходится 2,4 случая болѣзни общаго питанія, на фабрикѣ насл. Полушиныхъ приходится 3,1 случая. Въ то время, какъ на сто рабочихъ всего города, бывшихъ у врача, приходится 17,8 случая болѣзни органовъ пищеваренія — полушинскіе рабочіе даютъ 19,5%. Въ то время, какъ простудныя заболѣванія, въ частности, гриппъ, очень мало распространены въ Иваново-Вознесенскѣ — 7,4% общей заболѣваемости — фабрика Полушиныхъ даетъ колоссальный процентъ — 20,3 — процентъ, который близокъ къ проценту распространенія этой болѣзни среди чернорабочихъ (18%).

Такимъ образомъ, болѣе общія страданія, обусловленныя *общимъ изнуреніемъ организма*, наиболѣе распространены на фабрикѣ Полушиныхъ.

Между тѣмъ, случаи такихъ болѣзней — какъ ушныя, заразныя, мочеполовыя — болѣзни отдѣльныхъ органовъ — онѣ — или дѣйствительно мало распространены на этой фабрикѣ, или, скорѣе — просто не регистрируются пріемнымъ покоемъ.

Во всякомъ случаѣ, изъ сопоставленій, сдѣланныхъ выше, читатель видитъ, что условія и обстановка работы на фабрикѣ господъ Полушиныхъ болѣе вредна для рабочихъ, чѣмъ вообще на иваново-вознесенскихъ фабрикахъ.

А потому и случай, разсказанный нашимъ корреспондентомъ (Искра, № 19), является, очевидно, не проявленіемъ исключительной жестокости, а необходимымъ послѣдствіемъ всей постановки дѣла эксплуатаціи на этой фабрикѣ.

Къ третьему классу болѣзней я отношу такія, которыя находятъ себѣ почву въ расшатанномъ организмѣ рабочаго. Болѣзни костно-мышечной системы, гриппъ — вообще простудныя болѣзни, болѣзни кровеносной системы, болѣзни нервной системы, лихорадки — всѣ эти болѣзни набрасываются на рабочаго, когда изнуренный фабричнымъ трудомъ его организмъ не можетъ оказывать имъ сопротивленія.

Эти болѣзни составляютъ 27,3% общей заболѣваемости.

Болѣзни же, которыя происходятъ отъ нечистоты, паразитическія заболѣванія, представляютъ интересъ для нашей характеристики тѣмъ, что открываютъ намъ условія внѣ-фабричной „домашней“ жизни рабочаго.

Машина, вытѣсняя квалифицированный, сложный и тяжелый трудъ взрослаго работника, тянетъ на фабрику его жену, его дѣтей. Семья рабочаго разлагается.

Тогда благодѣтель — фабрикантъ приходитъ къ нему на помощь: онъ строитъ казармы.

Тамъ, какъ арестанты въ прогнившей камерѣ, располагаются рабы капитала. Двойныя желѣзныя койки, или деревянныя сплошныя нары. На нихъ въ повалку спятъ рабочіе. Тамъ они хранятъ свои пожитки, сушатъ онучи, чулки. Наволоки съ матрасовъ моются два-три раза въ годъ.

Два процента всѣхъ болѣзней приходятся на паразитическія заболѣванія: изъ 13 рабочихъ одинъ не въ силахъ терпѣть отъ паразитовъ — и обращается къ врачу.

Отчетъ дѣлаетъ упрекъ рабочимъ: „Именно съ этими заболѣваніями, наряду съ заболѣваніями мочеполовыхъ органовъ и сифилитическими, упорнѣе всего рабочіе стараются избѣжать врачебнаго осмотра“.

Почему бы это такъ? Авторъ отчета не задалъ себѣ этого вопроса — а вѣдь объясненіе этого явленія само напрашивается.

Рабочему *стыдно* итти къ врачу съ такою болѣзнью, ибо онъ, считая такую болѣзнь слѣдствіемъ своей личной неряшливости, стыдится въ ней признаться.

Смѣшно, конечно, и задумываться даже надъ вопросомъ: виноватъ ли рабочій въ своихъ болѣзняхъ, начиная отъ смертельныхъ и кончая паразитическими заболѣваніями?

Я только хочу обратить вниманіе читателя на одно обстоятельство.

Очень можетъ быть, что врачи, составлявшіе отчетъ, очень хорошіе, всѣ на подборъ добросовѣстные люди. Но они совершенно не понимаютъ *общественнаго характера* региструемыхъ ими явленій — болѣзней фабричныхъ рабочихъ.

Изслѣдуя (если дѣйствительно они добросовѣстно это дѣлаютъ) каждаго приходящаго къ нимъ больного рабочаго — они отмѣчаютъ: гриппъ, травма, болѣзни дыхательныхъ органовъ. Затѣмъ, всѣ эти цыфры объединяются въ сумму, и получается столбецъ съ соотвѣтствующей надписью: травма — 9858 случ., гриппъ — 7607 случ. и т. д. ...

Они умолчали даже о смертности среди рабочихъ. Въ больничномъ отчетѣ!

А какова эта смертность, показываютъ цыфры петербургской статистики: въ Адмиралтейскомъ участкѣ, гдѣ живутъ богатые люди — купцы, крупные чиновники, хозяева фабрикъ, — акціонеры — на 1000 жителей умираетъ ежегодно 11 человѣкъ, а въ Выборгскомъ третьемъ, гдѣ живутъ рабочіе, на 1000 жителей ежегодно умираютъ [illegible].

То есть рабочихъ въ 5[illegible] разъ умираетъ больше на тысячу, чѣмъ зажиточныхъ людей.

Когда врачъ сидитъ въ своемъ пріемномъ покоѣ — и до него доносится гулъ фабричныхъ машинъ, а тутъ, около него, въ легкихъ у рабочихъ раздаются хрипы — онъ подчасъ не замѣчаетъ связи этихъ звуковъ.

А между ними самая близкая, самая очевидная связь.

Металлическое гудѣнье колесъ, свистъ ремней, хряскъ дробящихся человѣческихъ костей — сливаются съ послѣднимъ вздохомъ умирающей на порогѣ фабрики работницы — и мы слышимъ живой, сочный голосъ вампира — капитала, высасывающаго жизнь своихъ рабовъ.

На человѣческихъ костяхъ, изъ человѣческаго мяса и крови строятъ капиталисты свои дворцы, а плечи пока еще живыхъ работниковъ поддерживаютъ ихъ стѣны.

Когда же онѣ рухнутъ?

Рабочій вопросъ на послѣднемъ съѣздѣ волжскихъ судопромышленниковъ.

Нынче ни одно собраніе предпринимателей не обходится безъ собесѣдованія на тему „о судьбахъ рабочихъ“. Поэтому, и на названномъ съѣздѣ въ порядкѣ дня значился особый пунктъ, посвященный „нуждамъ судоходныхъ служащихъ“. Впрочемъ, господа судопромышленники повиновались скорѣе нуждѣ, чѣмъ модѣ. Дѣло въ томъ, что сохранившіяся на Волгѣ старинныя формы найма и эксплуатаціи рабочихъ совершенно не гармонируютъ съ современными условіями и вредно отзываются на дальнѣйшемъ веденіи промысла. Предпринимателямъ нуженъ постоянный контингентъ опытныхъ и знающихъ свое дѣло матросовъ. А между тѣмъ, до сихъ поръ матросы для поволжскаго судоходства набираются почти исключительно изъ крестьянъ, живущихъ вдоль по теченію рѣки. Наемъ обыкновенно производится въ Астрахани, гдѣ ко времени открытія навигаціи скопляется около 1500 барокъ и свыше 500 пароходовъ. Такъ какъ у крестьянъ обыкновенно нѣтъ денегъ, чтобы во время поспѣть въ Астрахань, то судовладѣльцы обыкновенно нанимаютъ людей совершенно неопытныхъ, съ тѣмъ, чтобы замѣстить ихъ затѣмъ въ Царицынѣ другими, болѣе опытными. Съ этой цѣлью въ рабочихъ книжкахъ, выдаваемыхъ нанимаемымъ, имѣется примѣчаніе, на которое рабочіе обыкновенно не обращаютъ вниманія и которое гласитъ, что договоръ входитъ въ силу лишь послѣ того, какъ книжка оплачена гербовымъ сборомъ. Но и положеніе окончательно нанятыхъ весьма незавидно: работа очень тяжелая и работать приходится во всякое время дня и ночи, нерѣдко подрядъ цѣлыя сутки, иногда и больше. Заработная плата очень низка — 10 рублей и меньше въ мѣсяцъ. Часто случается, что пароходы и барки по недѣлямъ стоятъ, и тогда матросы вовсе не получаютъ жалованья. Понятно, что матросы бѣгутъ, какъ только имъ удается найти лучшій заработокъ.

Составъ съѣзда опредѣлилъ и характеръ отношенія къ поднятымъ вопросамъ. На съѣздѣ присутствовали: 1) представители судоходной промышленности, 2) высшіе служащіе (капитаны, ихъ помощники и машинисты) и 3) нѣсколько санитарныхъ врачей. Что касается первыхъ, то только меньшинство изъ нихъ начало сознавать, что старыя формы эксплуатаціи отжили свой вѣкъ, что если хочешь имѣть хорошихъ рабочихъ, надо хорошо ихъ содержать, хорошо съ ними обращаться и хорошо имъ платить. Большинство же отстаивало старую форму опеки: „Матросы бѣгутъ потому, что крестьяне избаловались... Надо завести рабочія книжки, чтобы туда вносить всѣ проступки рабочихъ... Хозяину должно быть предоставлено право увольнять рабочихъ за дерзость... Жилища на затонахъ скверны, но, вѣдь, и деревенское населеніе живетъ не лучше... Церковь важнѣе для судорабочихъ, чѣмъ баня“. И т. д. и т. д. Двойственность замѣчалась также и у служащихъ: съ одной стороны, сами они занимаютъ привилегированное положеніе и совершенно заражены цеховымъ духомъ, а съ другой — имъ приходится слишкомъ близко видѣть жалкое положеніе своихъ сослуживцевъ низшаго ранга и, можетъ быть, подчасъ и самимъ почувствовать свое пролетарское происхожденіе. Поэтому, въ то время какъ одни изъ нихъ, чувствуя себя начальствомъ, требовали, чтобы ихъ оградили драконовскими мѣрами отъ вредныхъ служащихъ, другіе указывали на необходимость создать сносныя условія существованія, регулировать условія найма и т. под. Единство возстановлялось у нихъ тогда, когда дѣло шло о сохраненіи собственнаго привилегированнаго положенія. Такъ, они единодушно требовали для себя двухмѣсячнаго срока для расторженія договора о наймѣ и выдачи жалованья за два мѣсяца, тогда какъ для низшихъ служащихъ удовлетворялись двумя недѣлями, а о вознагражденіи для этихъ послѣднихъ и рѣчи не было. Что касается, наконецъ, врачей, то надо отдать имъ справедливость, что они хотѣли отстоять интересы рабочихъ. Не доставало имъ только пониманія, что лучшимъ для этого средствомъ является развитіе самодѣятельности самихъ рабочихъ.

Но въ данномъ случаѣ все же было нѣсколько предпринимателей, готовыхъ ввести нѣкоторыя улучшенія, въ особенности, если это не било ихъ по карману. Но совершенно иначе отнеслись господа предприниматели къ другому „рабочему вопросу“. Вопросъ этотъ поднятъ былъ одними врачами, указавшими на ужасное положеніе *крючниковъ*, принужденныхъ таскать на себѣ тяжести въ 18-20 пудовъ, часто надрывающихся подъ ними и рѣдко выдерживающихъ свою работу дольше семи лѣтъ. Но что за дѣло до всего этого судопромышленникамъ? Крестьянъ, пухнущихъ съ голоду въ деревнѣ и потому всегда готовыхъ на любую каторгу, на ихъ вѣкъ хватитъ. Внесенныя на съѣздѣ предложенія о необходимости устройства на пристаняхъ вагонетныхъ путей, устройства бараковъ съ кухнями и нѣкоторыя другія, не были приняты. А о необходимости здѣсь инспекціи, страхованія больныхъ и неспособныхъ къ труду, о регулированіи рабочаго времени никто не заикнулся. Не заикнулись и о многомъ другомъ, о чемъ сможетъ сказать свое вѣское слово только общероссійская организація судовыхъ рабочихъ. Конечно, не въ современной Россіи возможна такая организація.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. 20 мая закончилась стачка на табачной фабрикѣ Мирзабекянцъ, продолжавшаяся фактически съ 1-го, юридически же, съ 3-го, когда рабочими были предъявлены требованія, — и явившаяся, какъ и стачки на нѣсколькихъ другихъ заводахъ и промыслахъ въ Балаханахъ, отголоскомъ неудавшагося плана всеобщей забастовки. Всякія неудачи всегда вызываютъ нареканія, — особенно, со стороны лицъ, неповинныхъ въ нихъ только потому, что они ничего не дѣлаютъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Нашлись даже прозорливые не по разуму люди, которые во всеобщей забастовкѣ съ экономическими требованіями, пріуроченной непосредственно къ 1 мая, увидѣли какую-то особую тактику „меньшинства“. Въ то время какъ обычное сужденіе о „меньшинствѣ“ совершается по формулѣ Кузьмы Пруткова: „меньшинство“ — *слѣдовательно*, „оппортунизмъ“, *слѣдовательно*, „экономизмъ“, въ данномъ случаѣ умозаключали отъ „экономизма“ и приходили къ „меньшинству“.

Но, какъ бы мало вниманія ни заслуживали подобныя сужденія о майскихъ дняхъ, а, въ связи съ ними, о тактикѣ мѣстнаго комитета того времени, приходится говорить хотя бы уже потому, что тамъ, въ этой тактикѣ, кроются нити дальнѣйшихъ событій. Приближалось 1 мая, и передъ комитетомъ вставалъ вопросъ о формѣ празднованія его. Комитету было извѣстно, что минимумъ празднованія, принятый для всего Кавказа, — однодневная забастовка. Тамъ, гдѣ позволило бы настроеніе массъ, могла быть устроена демонстрація. Третьимъ проектомъ, — по крайней мѣрѣ, такъ былъ понятъ членъ Союзнаго Комитета, — являлась всеобщая забастовка, приблизительно въ серединѣ мая — началѣ іюня. Какъ выяснилось потомъ изъ заявленій мѣстнаго представителя Союзнаго Ком., всеобщая забастовка въ рѣчи члена Союзн. Ком. должна была фигурировать не въ качествѣ третьяго проекта, а совершенно независимо отъ празднованія 1 мая. Такъ или иначе, передъ мѣстнымъ комитетомъ стоялъ вопросъ: какъ отпраздновать 1 мая, только ли однодневной забастовкой, демонстраціей ли — или, какъ ставилъ вопросъ комитетъ, — той же однодневной забастовкой, усиленной вслѣдъ затѣмъ длительной всеобщей забастовкой. Исходя изъ заявленій рабочихъ, что однодневная майская забастовка, ставшая за послѣдніе годы традиціоннымъ явленіемъ, не является въ глазахъ самихъ рабочихъ демонстративнымъ актомъ, приходилось обсуждать вопросъ о демонстраціи или длительной всеобщей забастовкѣ. На собраніи изъ представителей районныхъ комитетовъ, на которомъ присутствовали и представители Биби-Эйбатскаго Комитета инчакистовъ[1]), вопросъ этотъ подвергся всестороннему обсужденію, и подробно мотивированное предложеніе всеобщей забастовки было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Изъ 18 человѣкъ, присутствовавшихъ на собраніи, при голосованіи лишь двое (предст. Бѣло-гор. районнаго комитета) высказались за демонстрацію, да одинъ (представитель городского районнаго ком.) высказалъ свое сомнѣніе въ успѣхѣ стачки. Мотивы, приводившіеся въ пользу стачки, сводились

гдѣ соціальдемократія еще молода, а политическія условія рабочаго движенія такъ ненормальны, оппортунизмъ пока долженъ возникать въ значительной мѣрѣ изъ этого источника, изъ неизбѣжнаго развитія тактики ощупью и путемъ экспериментовъ, изъ необходимости вести текущую борьбу въ такихъ своеобразныхъ, безпримѣрныхъ условіяхъ и въ то же время въ согласіи съ основными принципами соціализма.

Если же это такъ, то тѣмъ болѣе удивительной кажется мысль — въ самомъ началѣ рабочаго движенія устранить возможность возникновенія оппортунистическихъ теченій той или иной формулировкой организаціоннаго устава. Попытки поразить оппортунизмъ такими бумажными средствами на самомъ дѣлѣ могутъ нанести глубокій ударъ не ему, а лишь самой соціальдемократіи, прекращая въ ней біеніе здоровой жизни, они ослабляютъ ея стойкость въ борьбѣ не только противъ оппортунистическихъ теченій, но и — что вѣдь также должно бы имѣть нѣкоторое значеніе — противъ существующаго общественнаго строя. Средство обращается противъ цѣли.

Въ этомъ боязливомъ стремленіи части русскихъ соціальдемократовъ опекой всевѣдущаго и вездѣсущаго Ц. К. предохранить отъ ложныхъ шаговъ столь многообѣщающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движеніе, намъ слышится, впрочемъ, отголосокъ того самаго *субъективизма*, который уже не одну шутку сыгралъ съ русской соціалистической мыслью. Поистинѣ забавны прыжки, которые бываетъ подчасъ угодно продѣлывать почтенному человѣческому субъекту исторіи въ его собственномъ историческомъ процессѣ. Раздавленное и стертое въ порошокъ русскимъ абсолютизмомъ „я“ беретъ реваншъ тѣмъ, что въ своей революціонной мысли сажаетъ самаго себя на тронъ и объявляетъ себя всемогущимъ — въ образѣ заговорщическаго комитета именемъ несуществующей „Народной Воли“. Но „объектъ“ оказывается сильнѣе, и кнутъ скоро празднуетъ побѣду, ибо *онъ* представляетъ собою „законное“ выраженіе данной стадіи историческаго процесса. Наконецъ, на сцену появляется еще болѣе законное дитя историческаго процесса — русское рабочее движеніе; впервые въ русской исторіи оно съ величайшимъ успѣхомъ кладетъ начало созданію дѣйствительной народной воли. Но тутъ „я“ русскаго революціонера поспѣшно становится на голову и снова объявляетъ себя всемогущимъ вершителемъ исторіи — на этотъ разъ въ собственной персонѣ его величества центральнаго комитета соціальдемократическаго рабочаго движенія. При этомъ ловкій акробатъ не замѣчаетъ, что единственнымъ субъектомъ, къ которому теперь перешла роль вершителя судебъ, является *массовое* „я“ рабочаго класса, упорно требующаго себѣ по всей линіи права самому дѣлать ошибки и самому учиться исторической діалектикѣ. И въ концѣ концовъ скажемъ, между нами, открыто: ошибки, совершаемыя дѣйствительнымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо плодотворнѣе и цѣннѣе непогрѣшимости наилучшаго „центральнаго комитета“.

Роза Люксембургъ.

---

[1] Общее число глазныхъ болѣзней — 8789; ушныхъ — 2476; половина (4879 и 1208) приходится на чернорабочихъ.

[1] О вступленіи „инчакистовъ“ — старой армянской революціонной партіи — въ ряды Р. С.-Д. Р. П. ведутся въ настоящее время переговоры.
Прим. Ред.

къ слѣдующему: 1) настроеніе рабочихъ, какъ оно было передано на собраніи, сейчасъ не таково, чтобы можно было разсчитывать на внушительную демонстрацію; 2) въ настоящій моментъ, когда правительство занято войной, забастовка даже съ чисто-экономическими требованіями является въ то же время и демонстраціей; 3) начиная съ забастовки, мы не откажемся отъ демонстраціи, когда, слѣдя за настроеніемъ рабочихъ въ ходѣ забастовки, найдемъ, что моментъ для нея назрѣлъ; 4) на почвѣ чисто экономическихъ требованій, соотвѣтствующихъ настроенію рабочихъ въ данный моментъ, мы сможемъ подвинуть къ активному участію болѣе широкіе слои рабочаго населенія; 5) экономической забастовкой мы отнимаемъ почву у правительства для разжиганія въ настоящій моментъ націоналистической вражды среди рабочихъ, а въ то же время поставимъ его въ щекотливое положеніе или, какъ говорилось потомъ, сдѣлаемъ правительству „очную ставку“ съ рабочими; 6) принимая во вниманіе ставшій извѣстнымъ намъ фактъ раздачи солдатамъ къ 1 мая по 120 боевыхъ патроновъ и вообще учитывая предстоящее поведеніе правительства въ случаѣ демонстраціи, можно ожидать, что демонстрація превратится въ кровопусканіе. По мѣрѣ же того, какъ всеобщая забастовка будетъ развертываться, тактика правительства опредѣлится вполнѣ и можетъ быть учтена вѣрно; 7) не предсказывая непремѣннаго выигрыша стачки (въ случаѣ проигрыша, за ней осталось бы лишь значеніе демонстраціи), есть основаніе думать, что требованія рабочихъ будутъ удовлетворены хотя отчасти, что благотворно отразилось бы на настроеніи рабочихъ; 8) наконецъ, длительная забастовка несравненно лучше можетъ быть использована въ агитаціонныхъ цѣляхъ.

На этомъ собраніи выработаны были требованія, вошедшія, съ однимъ измѣненіемъ, въ призывной листокъ. Засѣданіе затянулось до трехъ часовъ ночи, поэтому, рѣшено было собраться второй разъ для выработки деталей использованія всеобщей забастовки въ цѣляхъ агитаціи. Но уже послѣ того, какъ были приняты рѣшенія, когда нужно было проводить ихъ въ жизнь, въ періодъ, когда нужно было вести энергичную подготовительную работу, на сцену выступили разногласія въ комитетѣ. Одному члену комитета стало теперь казаться, что съ его стороны будетъ лучше помѣшать длительной забастовкѣ, чѣмъ „принизать“ забастовку, пріученую къ 1 мая, до экономическихъ требованій. Мѣстный представитель Союзнаго Ком. возражалъ противъ экономической забастовки съ точки зрѣнія конъюнктуры промышленности. И, хотя возраженія эти, какъ было показано съ цифрами въ рукахъ на второмъ собраніи, посвященномъ перерѣшенію заново вопроса, — быть или не быть забастовкѣ, были признаны неосновательными, тѣмъ не менѣе, до опроверженія ихъ они подкрѣпляли позицію одумавшагося члена комитета въ его стремленіи перерѣшить рѣшенный вопросъ по новому. Второе собраніе подтвердило рѣшеніе перваго, но нужно имѣть въ виду, что оно происходило за день, за два до 1 мая, когда нужно было дѣйствовать, а не передумывать. Въ результатѣ получилось, что прокламаціи Комитета съ требованіями не были своевременно готовы. Онѣ появились только перваго, — когда поздно было широко распространять ихъ, — а извѣстно, что, напр., на Биби-Эйбатѣ наканунѣ 1 мая рабочіе съ многихъ промысловъ приходили за листками съ требованіями. Словомъ, если не всецѣло, то въ значительной степени неуспѣхъ предпріятія долженъ быть отнесенъ на счетъ раздумыванія въ моментъ, когда нужно дѣйствовать. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ районахъ сказался недостатокъ въ организаторской распорядительности, благодаря чему даже однодневная забастовка не можетъ считаться вполнѣ удавшейся. Въ общемъ, въ заводскомъ районѣ (Черный и Бѣлый городки) работали почти на половину, въ городскомъ районѣ не работали много ремесленныхъ мастерскихъ и фабрика Мирзабекянца, но многія мастерскія, а также магазины и конка продолжали функціонировать, какъ обычно. Въ Балаханахъ — самомъ крупномъ промышленномъ рабочемъ районѣ, — работу прекратили лишь механическія мастерскія, за немногими исключеніями. Буровыя же работали всѣ. Полнѣе всего забастовка была на Биби-Эйбатѣ, гдѣ не успѣли остановить лишь три промысла, такъ какъ къ этому времени подоспѣли казаки.

Стачка на фабрикѣ Мирзабекянцъ, гдѣ занято 750-790 чел., продолжавшаяся почти три недѣли, является незаурядной въ исторіи нашего стачечнаго движенія. Но, съ другой стороны, въ своемъ постепенномъ развитіи стачка явила намъ обычный при нашихъ условіяхъ переходъ отъ экономики къ политикѣ, отъ провозглашенія рабочими чисто-экономическихъ требованій до возгласовъ арестованныхъ стачечниковъ: „кончилась экономика, да здравствуетъ политика!“ Вмѣшательство администраціи началось съ того, что уже 5 мая губернаторъ вывѣсилъ на стѣнахъ фабрики свое первое объявленіе, предлагавшее рабочимъ получить разсчетъ въ полиціи... Дѣйствія объявленіе не произвело, поэтому, 10-го послѣдовало второе, грозившее высылкой на родину; тѣмъ временемъ арестовано было 28 чел., по указанію управляющаго фабрикой г. Тарханъ Перевердіева. Всѣ подобныя мѣры неспособны были сломить стойкости рабочихъ фабрики, имѣющихъ устойчивую организацію, порождая въ нихъ лишь озлобленіе къ администраціи, къ отдѣльнымъ лицамъ, на почвѣ котораго въ ихъ умахъ зародилась мысль объ убійствѣ управляющаго. Съ этой мыслью рабочіе упорно носились, обращались за совѣтомъ и содѣйствіемъ къ комитету. Комитету удалось отклонить рабочихъ отъ этой затѣи, выяснивъ имъ соц.-дем. точку зрѣнія на фабричный терроръ. Но, несмотря на это, управляющій все же былъ убитъ, по частной инициативѣ одного изъ озлобленныхъ рабочихъ.

Богатый агитаціонный матеріалъ дала администрація; начиная съ губернаторскихъ объявленій, арестовъ, задабриваній и запугиванія рабочихъ, когда 60 рабочимъ-татарамъ полиція обѣщала удовлетвореніе для нихъ только всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, лишь бы они стали на работу, грозя въ противномъ случаѣ высылкой въ Персію, гдѣ имъ должны будутъ отрубить уши, носы, руки, ноги... и кончая отвѣтомъ губернатора на обращеніе къ нему депутаціи отъ рабочихъ объ освобожденіи арестованныхъ товарищей: „Товарищей?!... Нельзя сегодня арестовывать (хотя бы и невинныхъ), а завтра освобождать. Это будетъ колебаніе власти“. Въ тотъ же день часть депутаціи была арестована и выслана изъ Баку. Высылка депутаціи и арестованныхъ раньше товарищей была обставлена со всею подобающею самодержавію пышностью. Отъ тюрьмы до вокзала черезъ весь городъ рабочихъ сопровождалъ почтенный караулъ изъ солдатъ и казаковъ. Казаки впереди, — казаки сзади — и притомъ казаковъ было такъ много, что встрѣчавшіеся на пути мирные обыватели съ тревогой спрашивали себя: „не бунтъ ли?“, пока не узнавали въ чемъ дѣло. Стачка закончилась удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, правда не полностью. По поводу стачки у Мирзабекянца Комитетомъ было выпущено нѣсколько листковъ къ рабочимъ какъ этой фабрики, такъ и къ остальнымъ рабочимъ, и призывъ къ денежной поддержкѣ, позволившей рабочимъ продержаться дольше, чѣмъ то допускали ихъ средства.

Вскорѣ послѣ окончанія стачки однимъ рабочимъ былъ убитъ управляющій фабрики Мирзабекянца. О своемъ дѣйствіи рабочій пошелъ заявить въ полицію, объяснивъ, что убилъ по личной непріязни къ убитому. 29 мая хоронили этого самаго управляющаго. Словно, чтобы испытать всю силу ненависти, которую сумѣлъ пробудить къ себѣ покойный управляющій своими сыщическими продѣлками, къ рабочимъ явился на фабрику довѣренный Мирзабекянца и предложилъ имъ идти хоронить своего бывшаго управляющаго, обѣщая, что въ такомъ случаѣ рабочимъ будетъ уплачено за всѣ прогульные дни въ періодъ стачки. Рабочіе отказались наотрѣзъ и позвали къ себѣ хозяина. Тотъ явился на свою фабрику къ рабочимъ подъ охраной казаковъ. Въ свою очередь, онъ предлагалъ имъ проводить на кладбище тѣло убитаго, обѣщая, сверхъ уплаты за дни стачки, прибавку жалованья въ 5%. Со злобой рабочіе отвѣчали: „Пусть подождетъ три недѣли. Три недѣли мы голодали“. Нѣсколько человѣкъ, которыхъ прельстило было заманчивое предложеніе прибавки и которые выразили было свое согласіе на предложеніе, поспѣшили отказаться отъ своего намѣренія, когда кто-то изъ рабочихъ замѣтилъ, что они могутъ не вернуться съ кладбища.

Вскорѣ послѣ похоронъ управляющаго случились похороны одной изъ работницъ. И въ то время, какъ рабочіе отказались даже отъ повышенія заработной платы, только чтобы не идти провожать на кладбище тѣло ненавистнаго управляющаго, — они не задумались бросить работу, чтобы отдать послѣдній долгъ своему товарищу. На кладбище явилось чел. 200, остальные оставались по домамъ, на фабрику явилось не болѣе 60-70 человѣкъ. Видя такую настойчивость рабочихъ, новый управляющій рѣшилъ примѣнить старое, но вѣчно юное средство, извѣстное подъ именемъ зубатовщины. Рабочимъ „не возбраняется“ хоронить своихъ товарищей, но рекомендуется не ходить гурьбой, не бросать работы, а посылать выборныхъ. Наряду съ этимъ, новый управляющій предложилъ выбрать старостъ, освѣдомился у рабочихъ, въ какіе часы они желали бы, чтобы былъ пріемъ больныхъ. Но всѣ эти заигрыванія не находятъ себѣ сочувствія среди рабочихъ. Отъ выбора старостъ рабочіе рѣшили отказаться, на счетъ посылки выборныхъ рѣшили подождать политической свободы, а пока дѣйствовать скопомъ и т. п.

Одновременно со стачкой на фабрикѣ Мирзабекянцъ, привлекавшей къ себѣ все вниманіе и общества, и рабочихъ, — почти незамѣтно прошли стачки въ Балаханахъ на заводѣ Мирзоева (требованія удовлетворены) и на промыслахъ Шибаева, Таранъ, Радуга, Кавказъ, еще на одномъ промыслѣ и на одномъ участкѣ промысла Каспійскаго Товарищества.

Баку. Хроника стачечнаго движенія въ Баку наполнилась за послѣднее время стачками въ Балаханахъ. 24 мая прекратилъ работу небольшой механическій заводъ (чел. 100 рабочихъ) Т-ва „Дружелюбія“. Причина стачки — невыдача жалованья 21 мая. Стачка продолжалась одинъ день и рабочіе получили заработную плату.

Днемъ двумя раньше, 22-23 мая, забастовали рабочіе промысла Оріонъ. Причина стачки — невыдача жалованья втеченіе четырехъ мѣсяцевъ. Четыре мѣсяца рабочіе не получали регулярно жалованія, перебиваясь, кто какъ можетъ. Наконецъ, терпѣніе лопнуло. Стачка тянется вотъ уже нѣсколько дней и, конечно, закончится удовлетвореніемъ требованій рабочихъ, ибо какой же дуракъ станетъ работать, не надѣясь получить заработанное. Требованія, выставленныя рабочими: уплата жалованія и введеніе разсчетныхъ книжекъ.

Черниговъ. 18 апрѣля въ Черниговѣ были распространены прокламаціи мѣстной группой Р. С.-Д. Р. П. Прокламація была составлена очень хорошо и понравилась рабочимъ. Организованные рабочіе (ремесленники) еще до наступленія майскаго праздника, на собраніяхъ обсуждали вопросъ, какъ праздновать этотъ день; хотѣли даже устроить демонстрацію, но мѣстная соціальдемократическая группа, взвѣсивъ мѣстныя условія, признала, что устраивать демонстрацію было бы нецѣлесообразно. Рабочіе подчинились этому рѣшенію. Вмѣсто демонстраціи рабочіе пытались устроить загородомъ собранія, что не совсѣмъ удалось, такъ какъ полиція приняла мѣры предосторожности: были поставлены ею пикеты вдоль берега Десны, гдѣ обыкновенно происходитъ катанье на лодкахъ; конные жандармы разогнали собраніе рабочихъ возлѣ Троицкаго монастыря. Здѣсь жандармамъ удалось даже задержать одного или двухъ рабочихъ, но, къ чести остальныхъ товарищей, послѣднимъ удалось отбить у жандармовъ ихъ жертвы. Также не удалось полиціи захватить распространителей майскихъ прокламацій. Двое изъ замѣченныхъ успѣли убѣжать.

Если сравнить теперешнее состояніе рабочаго движенія въ Черниговѣ съ бывшимъ лѣтъ семь тому назадъ, то успѣхъ нужно признать значительнымъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что по состоянію мѣстной промышленной жизни, здѣсь вообще не можетъ быть крупнаго движенія на манеръ тѣхъ большихъ и малыхъ городовъ, гдѣ промышленность приняла болѣе или менѣе опредѣленную капиталистическую физіономію. Въ Черниговѣ же, напримѣръ, въ одномъ изъ преобладающихъ здѣсь ремесленныхъ предпріятій (по общему числу рабочихъ) очень распространена такая промежуточная форма: данный портной; *съ одной стороны*, онъ обыкновенный рабочій, ибо онъ беретъ на домъ работу отъ болѣе крупныхъ хозяевъ; съ другой — онъ самъ хозяинъ, т. е. обыкновенный эксплуататоръ чужого труда, ибо взятую работу онъ *уже отъ себя* сдаетъ другимъ, настоящимъ наемнымъ рабочимъ, пролетаріямъ. Извольте-ка объединить этихъ двуликихъ „представителей труда“ съ настоящимъ рабочимъ. Далѣе *мелкота* ремесленныхъ предпріятій представляетъ не меньшее препятствіе для пропаганды и агитаціи. Наконецъ, слѣдуетъ указать на недостатокъ въ Черниговѣ соціальдемократической интеллигенціи... „Интеллигенціи“-то въ Черниговѣ хоть отбавляй, но эта интеллигенція способна только на душеспасительные разговоры да на засѣданіе въ своей узкой скорлупѣ. На какую „активность“ со стороны интеллигенціи здѣсь можно расчитывать, для этого характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій фактъ: на одномъ „конспиративномъ“ либеральномъ сговорѣ одинъ мѣстный интеллигентъ (человѣкъ, участвующій въ легальной литературѣ), когда зашла рѣчь объ обязательствахъ, которыя долженъ взять на себя каждый, примыкающій къ движенію, прямо заявилъ, что онъ готовъ принимать участіе, но никакихъ *обязательствъ* заранѣе принять на себя не можетъ...

Какъ бы тамъ ни было, жизнь въ Россіи даже въ глухихъ уголкахъ, не стоитъ... Послушайте, что говоритъ „публика“ о мѣстныхъ рабочихъ. Одинъ земецъ, бывшій земскій начальникъ, а теперь выдвинутый губернаторомъ на постъ важнаго чиновника въ губерніи, раскaзывалъ намъ объ „удивительной корпоративности и сплоченности“ мѣстныхъ ремесленниковъ. О томъ же самомъ говорятъ и сами хозяева мастерскихъ. Съ ненавистью говоря о требованіяхъ рабочихъ (10-тичасовой рабочій день, удовлетворительная пища, гуманное обращаніе), они, какъ говорится, скрѣпя сердце, боятся нарушить сдѣланныя уступки. Къ сожалѣнію, далеко еще не во всѣхъ ремеслахъ практикуется 10-тичасовой рабочій день (малярамъ, напримѣръ, не удалось добиться этого). Но нужно надѣяться, что это — не за горами. Кромѣ мѣстныхъ прокламацій, въ Черниговѣ, время отъ времени, распространяются прокламаціи Кіевскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. Чувствуется страшный недостатокъ нелегальной соціальдемократической литературы.

Иваново-Вознесенскъ. 10-го мая 1904 г. У насъ кризисъ, вызванный войною, еще не сказался такъ сильно, какъ въ Лодзи или Бѣлостокѣ, но грозная туча медленно надвигается и на наши головы. Массовыхъ разсчетовъ еще не было, но на мѣсто выбывшихъ рабочихъ новыхъ уже не берутъ. Во многихъ мѣстахъ можно видѣть машины и станки, которые въ ходъ болѣе не пускаются. На фабрикѣ Маргунина работаютъ четыре дня въ недѣлю, поговариваютъ о сокращеніи числа рабочихъ дней и на другихъ фабрикахъ. Склады завалены готовымъ товаромъ. О сверхурочныхъ работахъ давно уже не слышно. Отношеніе къ рабочимъ дѣлается грубѣе и беззастѣнчивѣе. Дѣлаются попытки понизить и безъ того низкій заработокъ. Случаи кулачной расправы становятся чаще. На ткацкой Никона Гарелина С-ья подмастерье Рябчиковъ таскаетъ женщину за волосы за то, что „она просила удѣлать станокъ“, подмастерье Хохловъ бьетъ другую кулакомъ за то, что „она бросила клубокъ путанки“ и т. д. Впрочемъ, здѣсь самъ директоръ Өедоръ Козловъ подаетъ примѣръ: мальчикъ Михаилъ Воробьевъ, шнуровщикъ, наткнулся на этого царька своихъ подданныхъ и получилъ за это плюху. Глухое недовольство чувствуется среди рабочихъ и хозяева стараются избавиться отъ наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ, выбирая на мѣсто нихъ самыхъ сѣрыхъ. Только „чуйки“ являющіеся изъ глуши Рязанской или Тамбовской губерніи, иногда получаютъ работу. „Только знайте, ребята, — говоритъ у воротъ мастеръ, — у насъ больше 10-12 рублей не заработаешь“. — „Помилуй, батюшка, — взываютъ „сѣрые“ — мы и за 9, и за 8 рады служить“.

Понятно, какое озлобленіе эти „тамбовскіе волки“ вызываютъ среди рабочихъ такими словами. Были уже случаи избіенія этой сѣрой массы и ихъ вагонами отправляли на родину.

Вообще, съ рабочими не стѣсняются. Мѣстная администрація не считается съ положеніемъ рабочихъ и, по своему произволу, накладываетъ на нихъ *новые налоги*. Развѣ можно иначе назвать *такіе* сборы? Послѣ объявленія войны, *по всѣмъ фабрикамъ* высчитывали съ каждаго рабочаго 5-10-20 коп. на Красный Крестъ. „Меньше пяти копѣекъ нельзя, сколько жертвуешь? — Не хочешь жертвовать, получи разсчетъ.“ То же самое произошло послѣ гибели Петропавловска: собирали на усиленіе флота. Въ Россіи скоро, говорятъ, каждый урядникъ получитъ формальное право накладывать на населеніе налоги по своему усмотрѣнію. Фактически они этимъ правомъ уже пользуются.

Все это вызываетъ озлобленіе среди рабочихъ и настроеніе массъ растетъ. Хотя рабочіе хорошо понимаютъ, что теперь не время стачекъ, но слишкомъ „здоровые аппетиты“ хозяевъ вызываютъ иногда и теперь попытки добиться чего-нибудь путемъ стачки.

Въ срединѣ апрѣля забастовали литейщики Калашниковскаго завода. Стачка вызвана была пониженіемъ расцѣнокъ. Продержались нѣсколько дней и снова вышли на работу, ничего не добившись. Иваново-Вознесенская группа Сѣвернаго Комитета выпустила гектографированные листки.

Особенно ужасны условія работы на прядильной Бакулина. Работаютъ „съ пуда“ и съ каждаго пуда обманываютъ и обвѣшиваютъ. Если на другихъ прядильныхъ зарабатываютъ до 3[illegible] коп., здѣсь заработокъ около 25 коп. Напрасно требовали прядильщицы работы „съ номерами“ (автоматическіе указатели количества работы), напрасно обращались къ фабричному инспектору. Первый разъ прядильщицы бросили работу въ январѣ. Но когда голодъ и холодъ сейчасъ же загналъ ихъ обратно. Послѣ Пасхи бросаютъ вторично. Фабричный инспекторъ обѣщаетъ „похлопотать“. Наконецъ, 27 мая 80 ватерщицъ въ третій разъ бросаютъ работу и снова выставляютъ свои требованія. Полиціи надоѣла эта возня, являются тридцать казаковъ[1] и начинается „война съ бабами“. Сильно обозлились лихіе воины, ибо жестоко осмѣивали ихъ „наши бабы“. Одну беременную женщину отправили въ больницу. Работницы собирались вмѣстѣ съ организованными рабочими и обсуждали положеніе. За разброску листковъ была арестована одна женщина, которая назвала другихъ двухъ. Теперь всѣ три уже выпущены. Первую приняли на работу, а двѣ послѣднія, по распоряженію полиціймейстера, оставлены на улицѣ. Ничтожнаго увеличенія заработка все же добились. Эта стачка кое чему научила работницъ. Въ послѣднее время къ организованному движенію примыкаетъ гораздо болѣе женщинъ.

---

[1] Въ городѣ всего тридцать казаковъ съ вахмистромъ во главѣ. Содержатся на городской счетъ, получая по 30 руб. въ мѣсяцъ. „Сами содержимъ эту сволочь, на наши денежки и нагаики куплены“ — говорятъ рабочіе.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Редакціей „Искры“ изданы листки № 14 — „Къ солдатамъ“; № 15 — „Пора!“ (къ рабочимъ о безработицѣ). **Харьк. Комитетемъ** переизданы прокламаціи „Искры“: „Почему царское правительство начало войну?“ (1000 экз.), „Ко всему рабочему народу“ (2000 экз.) — обѣ печатныя — и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (500 экз.) и „Кому помогать?“ (200 экз.) — гектогр. **Тверской Комитетъ** издалъ по поводу мобилизаціи листокъ „Ко всѣмъ тверскимъ рабочимъ и крестьянамъ тверского уѣзда“ (2000 экз.). **Одесскій Комитетъ** — Резолюцію собранія 286 рабочихъ противъ войны (7000 экз.). **Сибирскій Союзъ** — „Къ солдатамъ“.

За апрѣль-май **Прибалтійская латышская соц.-дем. раб. организація** выпустила прокламаціи: 1) „Къ борьбѣ“ — 6000 экз. 2) „Съ первымъ мая“ — 4000 экз., 3) „Рабочіе“ — 10.000 экз., 4) „Чего мы требуемъ?“ — 45.000 экз. Кромѣ того 2 номера „Борьбы“[1] въ 3000 и 2000 экз. **Харьк. Комитетъ** за время съ 1 января по 1 іюля 1904 г. издалъ слѣдующіе листки: 1) О войнѣ (1500 экз.), 2) По поводу сборовъ съ рабочихъ на войну (1000 экз.), 3) Къ рабочимъ паровозостр. завода (о сдѣльныхъ работахъ — 800 экз.), 4) Къ рабочимъ завода Тельферихъ Саде (300), 5) Къ рабочимъ завода Мельгазе (200), 6) Къ обществу (по поводу смерти Михайловскаго — 500 экз.), 7) Объ избіеніи студентовъ при демонстраціи передъ Русскимъ Собраніемъ (300), 8) О голодовкахъ въ тюрьмѣ (600), 9) Къ молодежи (оконч. средн.-учебн. заведенія — 300 экз.), 10) „Циркуляръ СП-бургскаго попечителя объ отмѣнѣ патріотическихъ манифестацій“ (200), 11) Первомайское воззваніе „Искры“ (1000), 12) Война противъ войны (2500), 13) За что долженъ умирать русскій солдатъ? (3000), 14) „Кто долженъ быть самодержцемъ всероссійскимъ?“ (переиздано съ изданія „Искры“ въ 2000 экз.). Вмѣстѣ съ отмѣченными выше переизданными листками „Искры“ — всего 17.900 экз. Сверхъ того изданъ въ типографіи Комитета листокъ „Краснаго Креста“ по поводу голодовокъ въ тюрьмѣ (3000 экз.). Комитетомъ распространено сверхъ того: оттискъ изъ „Искры“: „Въ ожиданіи успѣховъ“ (изд. Ц. К. — 800 экз.) и значительное количество №№ 55, 56, 59 и 61 „Искры“. **Севастоп. Ком. Крымскаго Союза** издано: 1) „Къ портовымъ грузчикамъ“; 2) Листокъ по поводу предмайскихъ арестовъ; 3) О сверхурочныхъ работахъ въ портовыхъ мастерскихъ; 4) О задѣльныхъ работахъ въ портовыхъ мастерскихъ. **Керченской Орг—ціей** того же Союза изданъ листокъ по поводу суда надъ участниками всеобщей стачки. **Тверскимъ Ком.** — „Къ рабочимъ ситцевой фабрики Тверской мануфактуры“ (600 экз.). **Томск. Ком.** — „Къ томичамъ“ (по поводу изнасилованія дѣвушки чинами полиціи). **Группой Соц.-Дем. Дальнаго Сѣвера** (въ Архангельскѣ) — листокъ: „Къ народнымъ учителямъ и учительницамъ“.

Продолженіе отдѣла „изъ Партіи“ см. въ приложеніи.

---

[1] И прокламаціи, и журналъ печатаются въ Россіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Редакціи доставлены листки: **Главн. Управленія Соц.-Дем. Ц. П. и Л.**: „Къ польскому обществу“ и „Правительственныя насилія надъ политическими заключенными въ Калишѣ“; **Комитета Союза учащихся въ Гомелѣ**: „Ко всѣмъ“ и „Къ учащимся“.

Сибирскому Союзу, Тверскому Комитету, Гомельскому Союзу учащихся: Заявленія отложены, за недостаткомъ мѣста. **Рядовому**: „Наконецъ-то“ пойдетъ въ слѣдующемъ номерѣ.

Отъ Ц. К.: Адресъ № 47 (бывшій VIII) отмѣняется.

Отъ представителя Р. С.-Д. Р. П. въ Женевскую Кассу помощи ссыльнымъ и заключеннымъ въ Россіи: Получено изъ Лондона для якутскихъ товарищей — 12 фр. 60 с.; отъ Н. К. С. для якутскихъ товарищей — 24 фр. 60 с.; изъ Breslau — 5 фр.; отъ А. М. — 100 рублей. Передано черезъ него въ Ц. К. для якутскихъ товарищей — 20 фр.; С—ому — 53 фр. 30 с.; въ Л—скую тюрьму — 92 фр. 70 с.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue de Carouge, pres Pont-Neuf) GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи“:
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).
(Просятъ обозначать: „для редакціи“ или „для Лиги“).

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniere, 27.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Впередъ или назадъ?

II. Пролетаріи и интеллигенты въ русской соціальдемократіи.

Организація, которая на второмъ съѣздѣ составила себѣ уставъ, въ опредѣленномъ смыслѣ толкуемый „большинствомъ“, есть, на европейскій масштабъ, всего только организація *руководителей* пролетарской борьбы, а не организація борющихся пролетаріевъ. Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ. Съ самаго своего зарожденія, эти организаціи принимали различныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы измѣнить отношеніе между пролетарскими и интеллигентскими элементами въ болѣе благопріятную для первыхъ сторону. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось и не удавалось потому, что процессъ классового развитія русскаго пролетаріата, выдѣляющій изъ него новые и новые пригодные для введенія въ партію элементы, постоянно опережался процессомъ революціонизированія демократической интеллигенціи, выдѣлявшимъ изъ нея новыхъ рекрутовъ соціальдемократіи. Со времени „экономизма“ характеръ нашей партійной организаціи, со стороны ея личнаго состава, сталъ — относительно — болѣе „интеллигентскимъ“, хотя вліяніе ея на массу усилилось. И особенно рѣзко этотъ преимущественно интеллигентскій характеръ сталъ вырисовываться въ „искровскую“ эпоху, когда въ борьбѣ за революціонно-пролетарскіе *принципы* движенія и соотвѣтствующія имъ формы организаціи этого движенія, мы вступили въ столкновеніе съ естественно-выросшими „чисто-рабочими“ организаціями, противостоявшими нашимъ комитетамъ и ставшими тормазомъ для развитія движенія въ направленіи революціонной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно съ Комитетами, по своимъ организаціоннымъ методамъ и по содержанію своей работы, эти „широкія рабочія организаціи“ должны были уступить Комитетамъ и — сойти со сцены[1]. *По мысли* большинства тогдашнихъ „искровцевъ“, это устраненіе „широкихъ рабочихъ организацій“ отнюдь не означало усиленія преимущественно-интеллигентскаго характера партійной организаціи, и только когда этотъ результатъ былъ „стихійно“ достигнутъ, нашлись, какъ всегда, по ленинской несуразной терминологіи, „хвостисты“, которые санкціонировали этотъ отрицательный результатъ и со всѣмъ жаромъ наивнаго недомыслія стали чуть ли не гордиться тѣмъ, что въ организаціяхъ пролетарской партіи пролетаріи фигурируютъ въ роли rara avis, рѣдкой птицы. Напротивъ, въ періодъ борьбы съ „демократическими“ организаціями предполагалось, что распущеніе этихъ послѣднихъ сниметъ всѣ искусственныя перегородки между „интеллигентскими“ комитетами и безотвѣтственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочихъ и, тѣмъ самымъ, позволитъ первымъ построить „сверху внизъ“ такую прочную и достаточно широкую организацію, въ которой найдутъ свое мѣсто всѣ сознательные и революціонные элементы пролетаріата и въ которой автоматически будетъ совершаться „снизу вверхъ“ процессъ „завоеванія“ пролетаріями того положенія въ партіи, которое опредѣляется ея пролетарской программой. Предполагалось, однимъ словомъ, что реформированная мѣстная организація будетъ *политически воспитывать* охваченные ею пролетарскіе элементы и вырабатывать изъ нихъ „будущихъ Бебелей и Ауэровъ“, которые постепенно и овладѣютъ нашими Комитетами. Въ „Что дѣлать?“, какъ и въ „Письмѣ къ товарищу“, тов. Ленинъ указываетъ на такія именно перспективы.

Вотъ эта именно организація *руководителей* движенія только что разрушившая стихійно выросшія „широкія рабочія организаціи“ и только еще собиравшаяся возмѣстить ихъ систематическимъ „отборомъ“ передовыхъ пролетарскихъ элементовъ, вотъ эта-то именно организація и создала тѣ нормы, которыя были формулированы въ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ, и которыя защищаются нынѣшнимъ „большинствомъ“. Эта организація руководителей движенія, какъ нельзя менѣе, похожа на организацію пролетаріата, ибо послѣдній не составляетъ ея ядра, а цѣликомъ находится *внѣ* ея. Если изъ нашего устава вычесть такъ рѣзко дисгармонирующій съ нимъ § 1, то получится уставъ организаціи руководителей рабочаго движенія, состоящій изъ Ц. О. + Ц. К. + Комитеты и Союзы. Но Комитеты и Союзы не суть простыя составныя части организацій пролетаріата, выполняющія лишь опредѣленныя функціи руководства. Комитеты и Союзы суть составившіяся, путемъ добровольнаго соединенія единомыслящихъ, коллективности „профессіональныхъ революціонеровъ“, берущія на себя иниціативу *внести порядокъ* въ хаосъ мѣстнаго движенія и объединять дѣятельность многочисленныхъ кружковъ, группъ и единицъ, выдѣляемыхъ этимъ движеніемъ. Такъ возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени съѣзда. Организаціонной задачей послѣдняго было регулировать взаимоотношенія между отдѣльными комитетами и равносильными имъ организаціями для того, чтобы внести планомѣрность и единство въ систему воздѣйствія ихъ на рабочее движеніе и на всю массу, болѣе или менѣе оформленныхъ кружковъ и группъ, разсѣянныхъ въ немъ. Если мы имѣли основаніе назвать совокупность нормъ, опредѣляющихъ эти взаимоотношенія, уставомъ *Партіи*, — то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитетъ Комитетовъ въ глазахъ всей массы русскихъ соціальдемократовъ и сознательныхъ рабочихъ. Но эта то предпосылка, скажу мимоходомъ, требовала отъ насъ величайшей осторожности въ дѣлѣ регулированія нашихъ собственныхъ отношеній внутри того цѣлаго, которое я называю — въ отличіе отъ партіи — *партійной организаціей* или, если хотите, организаціей *руководителей*: всякое *ненужное* раскалываніе этой организаціи, неоправдываемое существенными непримиримыми разногласіями, означало бы необходимо и неизбѣжно аппеляцію отъ нея *къ Партіи въ цѣломъ* и подрывъ авторитета этой организаціи въ глазахъ массы соціальдемократовъ. А это, въ свою очередь, поставило бы съ такой же неизбѣжностью, вновь на очереди вопросъ объ остающихся до сихъ поръ не регулированными никакимъ общимъ уставомъ организаціонныхъ отношеніяхъ комитетовъ къ совокупности сознательныхъ пролетаріевъ каждой мѣстности. Отсюда уже видно, какую медвѣжью услугу оказалъ дѣлу централизма нашъ великій стратегъ, когда во имя своего безшабашнаго „интеллигентскаго индивидуализма“, не признающаго подчиненія своей воли волѣ коллективности, *замѣнилъ* рѣшеніе важнѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ на съѣздѣ рѣшеніемъ ихъ на „прошѣженномъ“ собраніи „24-хъ,“ которое онъ систематически терроризировалъ угрозой „сдѣлать партію несчастной“ своимъ выходомъ въ отставку. Это значило — расколоть *партійную организацію* и тѣмъ самымъ *устранить всякую возможность* опираться на ея авторитетъ въ дѣлѣ регулированія „сверху внизъ“ всѣхъ организаціонныхъ отношеній внутри партіи въ широкомъ смыслѣ слова. И у него хватаетъ все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): „Не попробуетъ ли онъ (Мартовъ) показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ, вообще, такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ имъ власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?“ Тов. Ленину за меня отвѣтилъ уже Каутскій и изъ его простыхъ словъ о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) соціалистическую партію на „принципѣ“ подавленія числомъ голосовъ — вытекаетъ ясно, какимъ въ сущности „русскимъ дикаремъ“ является авторъ „Шага“ въ вопросахъ политической организаціи.

Изъ сказаннаго мною уже видно, что мы — „меньшинство“ — не такъ уже чужды, какъ это кажется тов. Ленину, идеѣ „построенія партіи сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“, если только подъ „построеніемъ партіи“ понимать не канцелярскую мечту творенія „изъ ничего“, а реальное революціонное дѣло *оформленія фактически слагающейся рабочей партіи*. Но именно, чтобы можно было строить „сверху внизъ“, надо съѣздомъ партійныхъ организацій воспользоваться для того, чтобы усилить въ высшей степени то *начало довѣрія*, на которомъ — при нелегальныхъ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи гласности и демократическаго контроля — держится вліяніе комитетовъ на всѣхъ соціальдемократовъ и — черезъ нихъ — на рабочую массу. И, конечно, объединеніе руководящихъ организацій нужно было *не для того,* чтобы совмѣстными усиліями накинуть и затянуть на шеѣ сознательнаго пролетаріата „мертвую петлю“ какого нибудь ультра-централистическаго „плана“. Значительное вліяніе, которое воплощало бы въ себѣ такая объединенная и крѣпкая своимъ единствомъ партійная организація, позволило бы ей безъ всякаго „кровопролитія“, безъ лишнихъ треній, выполнить трудную работу проведенія сложной организаціонной сѣти отъ „центровъ“ къ массѣ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ, группирующихся около нашихъ комитетовъ. Безъ всякой „игры въ демократизмъ“ и въ „выборное начало“ могла бы быть совершена эта реформа, въ результатѣ которой мы бы имѣли развившуюся изъ нынѣшняго зародыша *пролетарскую партію,* начинающуюся отъ „всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ“ и кончающуюся „конспиративнымъ ядромъ профессіональныхъ революціонеровъ“. Этой стороны „организаціоннаго вопроса“ для тов. Ленина, очевидно, не существовало, и *намекомъ* на эту сторону дѣла явился злосчастный § 1 устава, смыслъ котораго заключался въ напоминаніи партійнымъ организаціямъ, что онѣ — пока еще — являются только тѣми кадрами, изъ которыхъ, путемъ повторной мобилизаціи, должна еще образоваться партійная армія.

Большинство съѣзда смутно, по крайней мѣрѣ, чувствовало, что прошлое позволяетъ намъ учесть силы только этого организованнаго ядра и лишь *внутри* его оформить юридически организаціонныя отношенія. Вопросъ о типѣ мѣстной организаціи, объ отношеніяхъ между комитетами и подчиненными имъ группами, *нашъ уставъ вовсе не касается,* и тов. Ленинъ клевещетъ на съѣздъ, когда приписываетъ ему санкціонированіе тѣхъ канцелярскихъ плановъ мѣстной организаціи, которые содержатся въ „Письмѣ къ товарищу“.

Какъ же должна была идти постройка партіи „сверху внизъ“, „исходя изъ партійнаго съѣзда и имъ созданныхъ учрежденій?“ „Меньшинство“ отвѣтило на этотъ вопросъ *послѣ съѣзда*, когда показало, что стоящія передъ нами задачи *организаціи* не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ по мѣрѣ разрѣшенія выдвинутыхъ развитіемъ нашей партіи вопросовъ *тактики.* Это значитъ слѣдующее. Работа недавняго прошлаго была, по существу своему, работой вовлеченія широкихъ массъ пролетаріата въ борьбу съ самодержавіемъ, какъ „обще-національнымъ“ врагомъ Россіи. Для выполненія этой работы намъ достаточно было имѣть единомыслящіе комитеты, пользующіеся въ глазахъ массы достаточнымъ революціоннымъ авторитетомъ, чтобы періодически мобилизовать ее для всякаго рода политическихъ „оказательствъ“ и связанные съ массой черезъ посредство разныхъ группъ и кружковъ, служащихъ техническими помощниками комитетовъ въ дѣлѣ руководства массовымъ проявленіемъ борьбы. Ведущаяся комитетами въ этихъ кружкахъ пропаганда и попадающія въ массу, черезъ посредство газетъ, брошюръ и прокламацій, обрывки соціальдемо[illegible] мократическаго содержанія, вносимаго въ „чисто-политическую“, революціонно-демократическую агитацію противъ царизма.

Такого рода политическое руководство пролетаріатомъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ соціальдемократическимъ руководствомъ. Чтобы оно стало таковымъ, наша работа должна существенно реформироваться въ томъ направленіи, чтобы дальнѣйшему расширенію и революціонизированію массового движенія соотвѣтствовали и развитіе и ростъ самостоятельной *классовой партіи пролетаріата*, въ которой „комитеты“ являлись бы признанными ею ея *политическими представителями*. Самая агитація наша должна стать разностороннѣе и глубже, чтобы вмѣстить всѣ составные элементы нашей классовой программы; политика Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи должна не „идеально“ лишь, не со стороны чистоты руководящихъ ея „вождями“ принциповъ, а реально, на дѣлѣ, стать активной политикой сознательнаго слоя россійскаго пролетаріата, уполномоченными котораго являлись бы эти „вожди“ (какой „хвостизмъ“, неправда ли, тов. Ленинъ?); этотъ сознательный слой пролетаріата долженъ принимать, слѣдовательно, активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ партійной жизни, въ процессѣ выработки партіей ея программы, принциповъ ея тактики и методовъ ея организаціи. Когда это будетъ на лицо, тогда мы сможемъ съ полнымъ правомъ назвать себя *авангардомъ* россійскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы сможемъ надѣяться, что неминуемо-предстоящій моментъ ликвидаціи царизма будетъ одновременно моментомъ вторженія русскаго пролетаріата, *какъ сознательнаго класса*, въ тѣ сферы открытой политической жизни, которыя попытается захватить въ свое монопольное владѣніе россійская буржуазія.

Вотъ какая громадная политическая задача стояла непосредственно передъ нами въ моментъ „ликвидаціи третьяго періода“ на второмъ съѣздѣ; вотъ какую задачу намъ придется рѣшать въ тотъ, надѣемся, *близкій* уже моментъ, когда мы исправимъ ошибки второго съѣзда и возстановимъ единство внутри своей „организаціи руководителей“ для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рукъ, къ работѣ по превращенію этой организаціи въ остовъ *самостоятельной классовой пролетарской партіи*.

Еслибы второй съѣздъ не совершилъ указанной ошибки, еслибы онъ не закончился новымъ расколомъ „организаціи руководителей“, — первымъ дѣломъ созданныхъ имъ учрежденій было бы: принятыя съѣздомъ политическихъ представителей рѣшенія *сдѣлать достояніемъ всего сознательнаго пролетаріата*. Вернувшіеся со съѣзда делегаты, выбранный ими Ц. К. не должны были бы ознакомлять мѣстные комитеты разсказами о вновь объявившемся неуловимомъ теченіи „мягкаго искровства“, а тѣмъ паче, о внезапномъ впаденіи Засуличъ и Аксельрода въ „оппортюнизмъ“, да еще такой, о которомъ ни делегаты, ни члены Ц. К. не могли сообщить „комитетчикамъ“ ничего вразумительнаго, впредь до того, какъ тов. Ленинъ „покажетъ“, что это за новый оппортюнизмъ. Но за то они должны были бы, черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, ознакомить передовые слои пролетаріата съ принятой на съѣздѣ *программой*, съ рѣшеніями съѣзда о принципахъ политической дѣятельности партіи и съ конкретными вопросами организаціи, разсмотрѣнными на съѣздѣ. Обсужденіе во всевозможныхъ группахъ и собраніяхъ результатовъ съѣзда сдѣлало бы самый съѣздъ, въ которомъ участвовали только представители комитетовъ, дѣйствительнымъ съѣздомъ *партіи*, рамки которой сами собой опредѣлялись бы въ ходѣ этого обсужденія. Планомѣрная пропаганда рѣшеній съѣзда очертила бы, такимъ образомъ, около комитетовъ кругъ дѣйствительныхъ *членовъ партіи,* раздѣляющихъ ея программу и готовыхъ работать подъ руководствомъ комитетовъ. Эта пропаганда связала бы съ комитетами и ихъ съѣздомъ, а, слѣдовательно, и съ Ц. К., самыми прочными узами многія тысячи передовыхъ рабочихъ. И это же обсужденіе позволило бы „провѣрить“ рѣшенія съѣзда въ вопросахъ тактики и организаціи, какъ провѣрилъ поведеніе своей делегаціи „Бундъ“, проведшій черезъ многіе десятки агитаторскихъ собраній вопросъ о федераціи и автономіи. И только по совершеніи такой „провѣрки“, мы имѣли бы нравственное право говорить, что рѣшенія нашего съѣзда были не только приняты съ *точки зрѣнія* пролетаріата, но и исходили, по существу, *отъ пролетаріата*.

Да что вопросъ о „Бундѣ“! Мы приняли одно опредѣленное рѣшеніе по очень конкретному вопросу тактики — по вопросу объ отношеніи пролетаріата къ закону о „фабричныхъ старостахъ“. Какъ могло случиться, что теперь, черезъ годъ послѣ съѣзда мы не имѣемъ голоса сознательнаго пролетаріата по этому практическому вопросу? что мы *не знаемъ*, гдѣ и какъ была принята пролетаріями наша резолюція, встрѣтившая столь различную оцѣнку среди насъ — „профессіональныхъ революціонеровъ“? Не означаетъ ли этотъ фактъ, что у насъ еще нѣтъ партійной жизни за предѣлами „интеллигентскихъ“ комитетовъ?[1])

Но партія развивается не однимъ обсужденіемъ принциповъ своей политической дѣятельности, а больше всего самымъ процессомъ этой дѣятельности. И если бы мы ушли со съѣзда, какъ единая партійная организація, передъ нами встала бы задача такой работы на мѣстахъ, въ которой могла бы проявиться, какъ живой организмъ, пролетарская партія.

Сдѣлать отдѣльныя проявленія нашей агитаціи отдѣльными актами политической самодѣятельности сознательныхъ рабочихъ; ввести ихъ въ кругъ вопросовъ общественной жизни, монополизированныхъ до сихъ поръ реакціонной, либеральной и радикальной буржуазіей; добиться коллективнаго вмѣшательства ихъ въ сферу этихъ вопросовъ, какъ самостоятельной политической силы; использовать, слѣдовательно, организуемыя нами и независимо отъ насъ организующіяся рабочія собранія для выработки *коллективнаго мнѣнія* пролетаріата по вопросамъ политической жизни; пріурочить къ проявленіямъ этого коллективнаго мнѣнія наши манифестаціи и протесты — и во всей этой работѣ дѣйствительнаго *политическаго руководства* вести одну, опредѣляемую нашей программой, линію — линію самостоятельной классовой политики пролетаріата, внѣ которой немыслимо существованіе классовой пролетарской партіи.

Эта громадная и новая работа не можетъ быть осуществлена разрозненными силами слабыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней намъ необходимъ центральный комитетъ. И нашъ Ц. К. (продолжимъ свою „утопію“) беретъ въ свои руки дѣло качественнаго подъема уровня нашей работы, въ цѣляхъ выработки, въ процессѣ политической борьбы, дѣйствительно пролетарской партіи. Ц. К. непосредственнымъ вліяніемъ и разсылкой своихъ агитаторовъ и пропагандистовъ помогаетъ мѣстнымъ комитетамъ справиться съ работой ознакомленія сознательныхъ рабочихъ съ результатами съѣзда. Онъ пропагандируетъ въ комитетахъ *методы* систематическаго воздѣйствія на рабочую массу въ цѣляхъ выработки въ ней элементовъ классового самосознанія. Наступаетъ японская война. Ц. К. беретъ въ свои руки дѣло мобилизаціи россійскаго пролетаріата для систематическаго протеста противъ войны во имя его классовыхъ интересовъ. Небольшая группа толковыхъ агитаторовъ объѣзжаетъ всѣ центры движенія, съ помощью мѣстныхъ комитетовъ собираетъ рядъ сходокъ, проводитъ опредѣленныя резолюціи, знакомитъ возможно-широкіе круги рабочихъ съ перипетіями авантюристской политики самодержавія, съ конкретнымъ соотношеніемъ выступающихъ на политической сценѣ общественныхъ силъ, съ поведеніемъ буржуазіи, съ зигзагами либераловъ. Время отъ времени, изъ подполья нелегальныхъ собраній волна пролетарскаго протеста выливается въ открытую уличную демонстрацію. Политическая дѣятельность соціальдемократіи выражается уже не въ разрозненныхъ прокламаціяхъ комитетовъ и статьяхъ Ц. О., она становится политической дѣятельностью борьбы класса [illegible] можетъ идти успѣшно дѣло *„формальной организаціи“* его передовыхъ элементовъ.

Въ дѣлѣ этой организаціи мы идемъ „сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“. Но мы „идемъ“ не въ пустое мѣсто, не въ царство тѣней, а въ такую среду, въ которой „снизу вверхъ“ совершается процессъ „самовольнаго“ объединенія пролетаріевъ, ихъ „стихійной“ организаціи. Мы привѣтствуемъ этотъ „самовольный“ процессъ, потому что онъ является прямымъ результатомъ нашей агитаціи, потому что при условіи, что содержаніе этой агитаціи дѣйствительно соціальдемократическое, и сама организація „стихійно“ стремится служить не ограниченнымъ какимъ нибудь цѣлямъ „самопомощи“ на профессіональной почвѣ, а цѣлямъ классовой борьбы. Но мы знаемъ хорошо, что намъ нужна централизованная партійная организація. Не боясь создаваемыхъ рабочими „самовольныхъ“ организацій, мы, однако, не думаемъ подчинять *этимъ* организаціямъ всецѣло своей боевой, сверху внизъ строющейся, конспиративной организаціи, мы не „строимъ партіи снизу вверхъ“. Мы заявляемъ право нашей конспиративной организаціи, санкціонированной съѣздомъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ сознательнаго пролетаріата, подчинять своему революціонному контролю дѣятельность этихъ „самовольныхъ“ рабочихъ организацій въ цѣляхъ поддержанія единства политическаго дѣйствія и въ цѣляхъ „конспиративнаго отбора“. И чѣмъ содержательнѣе въ соціальдемократическомъ смыслѣ слова будетъ наша агитація, чѣмъ болѣе развита будетъ политическая жизнь всѣхъ этихъ рабочихъ организацій, тѣмъ меньше опасности, что централизующая руководство ихъ дѣятельностью „организація профессіональныхъ революціонеровъ“ идейно и матеріально „оторвется отъ массы“, тѣмъ меньше опасности, что она превратится въ *заговорщическій кружокъ*.

Вотъ тотъ „оппортюнизмъ“ нынѣшняго „меньшинства“, который, по Ленину, является результатомъ психологіи „интеллигентскаго индивидуализма“, возставшаго противъ „пролетарской дисциплины“! Страшное слово, нечего сказать; но, если посмотрѣть „въ глубь вещей“, то появленіе этого страшнаго слова найдетъ свое достаточное объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ „пролетарская дисциплина“ къ той организаціонной утопіи Ленина, которую мы подвергаемъ критикѣ, то отвѣтъ будетъ одинъ: то, что Ленинъ идеализируетъ въ своей системѣ, какъ высшее проявленіе прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, какъ политическая пассивность и сравнительная партійная незрѣлость большинства сознательныхъ пролетаріевъ; пассивность и незрѣлость, на которыхъ держится нехитрое зданіе „доселѣшней“ нашей партійной организаціи.

Группы соціальдемократовъ интеллигентовъ — среди которыхъ въ ничтожномъ количествѣ теряются отдѣльные пролетаріи — руководятъ очень еще неразвитымъ рабочимъ движеніемъ на мѣстахъ. Основные кадры этого движенія — сознательные рабочіе — плохо организованы, плохо воспитаны политически, не проявляютъ достаточной степени активности въ вопросахъ *общаго* направленія движенія, въ вопросахъ партійной тактики. Отдѣльныя попытки проявить свою активность („бунты“ рабочихъ организацій противъ комитетовъ) терпятъ жалкое фіаско, потому что *содержаніе* ихъ протеста черезчуръ узко, слишкомъ примитивно, чтобы оказать вліяніе на общее направленіе работы партіи, которая давленіемъ внѣшнихъ условій *вынуждена* ставить себѣ широкія цѣли, въ масштабѣ, опредѣляемомъ громадностью исторической задачи, въ рѣшеніи которой мы, — соціальдемократы, — должны принять участіе. Но — въ массѣ

---

[1]) Попытка — въ противовѣсъ объединенію Комитетовъ — создать объединеніе этихъ организацій въ „дѣйствительно-рабочую“ партію, дѣлавшаяся около времени второго съѣзда, должна была потерпѣть фіаско, въ силу политической отсталости ея иниціаторовъ.

[1]) Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ изъ Баку, Екатеринослава, Одессы, вопросъ этотъ занималъ сознательныхъ рабочихъ. Органъ московскихъ типографовъ („Вѣстникъ“ № 5) выступилъ противъ тактики, предписанной съѣздомъ.

Приложеніе къ № 69 „Искры“.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

Впередъ или назадъ?

II. Пролетаріи и интеллигенты въ русской соціальдемократіи.

Организація, которая на второмъ съѣздѣ составила себѣ уставъ, въ опредѣленномъ смыслѣ толкуемый „большинствомъ“, есть, на европейскій масштабъ, всего только организація *руководителей* пролетарской борьбы, а не организація борющихся пролетаріевъ. Рабочей партіей наша партія пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ея организацій (комитетовъ), въ числѣ членовъ которыхъ процентъ рабочихъ весьма незначителенъ. Съ самаго своего зарожденія, эти организаціи принимали различныя мѣры, направленныя къ тому, чтобы измѣнить отношеніе между пролетарскими и интеллигентскими элементами въ болѣе благопріятную для первыхъ сторону. Но до сихъ поръ имъ это не удавалось и не удавалось потому, что процессъ классового развитія русскаго пролетаріата, выдѣляющій изъ него новые и новые пригодные для введенія въ партію элементы, постоянно опережался процессомъ революціонизированія демократической интеллигенціи, выдѣлявшимъ изъ нея новыхъ рекрутовъ соціальдемократіи. Со времени „экономизма“ характеръ нашей партійной организаціи, со стороны ея личнаго состава, сталъ — относительно — болѣе „интеллигентскимъ“, хотя вліяніе ея на массу усилилось. И особенно рѣзко этотъ преимущественно интеллигентскій характеръ сталъ вырисовываться въ „искровскую“ эпоху, когда въ борьбѣ за революціонно-пролетарскіе *принципы* движенія и соотвѣтствующія имъ формы организаціи этого движенія, мы вступили въ столкновеніе съ естественно-выросшими „чисто-рабочими“ организаціями, противостоявшими нашимъ комитетамъ и ставшими тормазомъ для развитія движенія въ направленіи революціонной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно съ Комитетами, по своимъ организаціоннымъ методамъ и по содержанію своей работы, эти „широкія рабочія организаціи“ должны были уступить Комитетамъ и — сойти со сцены[1]. *По мысли* большинства тогдашнихъ „искровцевъ“, это устраненеіе „широкихъ рабочихъ организацій“ отнюдь не означало усиленія преимущественно-интеллигентскаго характера партійной организаціи, и только когда этотъ результатъ былъ „стихійно“ достигнутъ, нашлись, какъ всегда, по ленинской несуразной терминологіи, „хвостисты“, которые санкціонировали этотъ отрицательный результатъ и со всѣмъ жаромъ наивнаго недомыслія стали чуть ли не гордиться тѣмъ, что въ организаціяхъ пролетарской партіи пролетаріи фигурируютъ въ роли rara avis, рѣдкой птицы. Напротивъ, въ періодъ борьбы съ „демократическими“ организаціями предполагалось, что распущеніе этихъ послѣднихъ сниметъ всѣ искусственныя перегородки между „интеллигентскими“ комитетами и безотвѣтственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочихъ и, тѣмъ самымъ, позволитъ первымъ построить „сверху внизъ“ такую прочную и достаточно широкую организацію, въ которой найдутъ свое мѣсто всѣ сознательные и революціонные элементы пролетаріата и въ которой автоматически будетъ совершаться „снизу вверхъ“ процессъ „завоеванія“ пролетаріями того положенія въ партіи, которое опредѣляется ея пролетарской программой. Предполагалось, однимъ словомъ что реформированная мѣстная организація будетъ *политически воспитывать* охваченные ею пролетарскіе элементы и вырабатывать изъ нихъ „будущихъ Бебелей и Ауэровъ“, которые постепенно и овладѣютъ нашими Комитетами. Въ „Что дѣлать?“, какъ и въ „Письмѣ къ товарищу“, тов. Ленинъ указываетъ на такія именно перспективы.

Вотъ эта именно организація *руководителей* движенія, только что разрушившая стихійно выросшія „широкія рабочія организаціи“ и только еще собиравшаяся возмѣстить ихъ систематическимъ „отборомъ“ передовыхъ пролетарскихъ элементовъ, вотъ эта-то именно организація и создала тѣ нормы, которыя были формулированы въ уставѣ, принятомъ вторымъ съѣздомъ, и которыя защищаются нынѣшнимъ „большинствомъ“. Эта организація руководителей движенія, какъ нельзя менѣе, похожа на организацію пролетаріата, ибо послѣдній не составляетъ ея ядра, а цѣликомъ находится *внѣ* ея. Если изъ нашего устава вычесть такъ рѣзко дисгармонирующій съ нимъ § 1, то получится уставъ организаціи руководителей рабочаго движенія, состоящій изъ Ц. О. + Ц. К. + Комитеты и Союзы. Но Комитеты и Союзы не суть простыя составныя части организацій пролетаріата, выполняющія лишь опредѣленныя функціи руководства. Комитеты и Союзы суть составившіяся, путемъ добровольнаго соединенія единомыслящихъ, коллективности „профессіональныхъ революціонеровъ“, берущія на себя иниціативу *внести порядокъ* въ хаосъ мѣстнаго движенія и объединять дѣятельность многочисленныхъ кружковъ, группъ и единицъ, выдѣляемыхъ этимъ движеніемъ. Такъ возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени съѣзда. Организаціонной задачей послѣдняго было регулировать взаимоотношенія между отдѣльными комитетами и равносильными имъ организаціями для того, чтобы внести планомѣрность и единство въ систему воздѣйствія ихъ на рабочее движеніе и на всю массу, болѣе или менѣе оформленныхъ кружковъ и группъ, разсѣянныхъ въ немъ. Если мы имѣли основаніе назвать совокупность нормъ, опредѣляющихъ эти взаимоотношенія, уставомъ *Партіи*, — то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитетъ Комитетовъ въ глазахъ всей массы русскихъ соціальдемократовъ и сознательныхъ рабочихъ. Но эта то предпосылка, скажу мимоходомъ, требовала отъ насъ величайшей осторожности въ дѣлѣ регулированія нашихъ собственныхъ отношеній внутри того цѣлаго, которое я называю — въ отличіе отъ партіи — *партійной организаціей* или, если хотите, организаціей *руководителей*: всякое *ненужное* раскалываніе этой организаціи, неоправдываемое существенными непримиримыми разногласіями, означало бы необходимо и неизбѣжно апелляцію отъ нея *къ Партіи въ цѣломъ* и подрывъ авторитета этой организаціи въ глазахъ массы соціальдемократовъ. А это, въ свою очередь, поставило бы съ такой же неизбѣжностью, вновь на очереди вопросъ объ остающихся до сихъ поръ не регулированными никакимъ общимъ уставомъ организаціонныхъ отношеніяхъ комитетовъ къ совокупности сознательныхъ пролетаріевъ каждой мѣстности. Отсюда уже видно, какую медвѣжью услугу оказалъ дѣлу централизма нашъ великій стратегъ, когда во имя своего безшабашнаго „интеллигентскаго индивидуализма“, не признающаго подчиненія своей воли волѣ коллективности, *замѣнилъ* рѣшеніе важнѣйшихъ организаціонныхъ вопросовъ на съѣздѣ рѣшеніемъ ихъ на „пропѣтженномъ“ собраніи „24-хъ,“ которое онъ систематически терроризировалъ угрозой „сдѣлать партію несчастной“ своимъ выходомъ въ отставку. Это значило — расколоть *партійную организацію* и тѣмъ самымъ *устранить всякую возможность* опираться на ея авторитетъ въ дѣлѣ регулированія „сверху внизъ“ всѣхъ организаціонныхъ отношеній внутри партіи въ широкомъ смыслѣ слова. И у него хватаетъ все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): „Не попробуетъ ли онъ (Мартовъ) показать намъ, что былъ на свѣтѣ такой партійный съѣздъ, что мыслимъ, вообще, такой партійный съѣздъ, въ которомъ бы большинство не закрѣпляло завоеваннаго вліянія 1) проведеніемъ большинства же въ центры, 2) врученіемъ имъ власти для парализованія шаткости, неустойчивости и расплывчатости?“ Тов. Ленину за меня отвѣтилъ уже Каутскій и изъ его простыхъ словъ о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) соціалистическую партію на „принципѣ“ подавленія числомъ голосовъ — вытекаетъ ясно, какимъ въ сущности „русскимъ дикаремъ“ является авторъ „Шага“ въ вопросахъ политической организаціи.

Изъ сказаннаго мною уже видно, что мы — „меньшинство“ — не такъ уже чужды, какъ это кажется тов. Ленину, идеѣ „построенія партіи сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“, если только подъ „построеніемъ партіи“ понимать не канцелярскую мечту творенія „изъ ничего“, а реальное революціонное дѣло *оформленія фактически слагающейся рабочей партіи*. Но именно, чтобы можно было строить „сверху внизъ“, надо съѣздомъ партійныхъ организацій воспользоваться для того, чтобы усилить въ высшей степени то *начало довѣрія*, на которомъ — при нелегальныхъ нашихъ условіяхъ, при отсутствіи гласности и демократическаго контроля — держится вліяніе комитетовъ на всѣхъ соціальдемократовъ и — черезъ нихъ — на рабочую массу. И, конечно, объединеніе руководящихъ организацій нужно было *не для того*, чтобы совмѣстными усиліями накинуть и затянуть на шеѣ сознательнаго пролетаріата „мертвую петлю“ какого нибудь ультра-централистическаго „плана“. Значительное вліяніе, которое воплощало бы въ себѣ такая объединенная и крѣпкая своимъ единствомъ партійная организація, позволило бы ей безъ всякаго „кровопролитія“, безъ лишнихъ треній, выполнить трудную работу проведенія сложной организаціонной сѣти отъ „центровъ“ къ массѣ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ, группирующихся около нашихъ комитетовъ. Безъ всякой „игры въ демократизмъ“ и въ „выборное начало“ могла бы быть совершена эта реформа, въ результатѣ которой мы бы имѣли развившуюся изъ нынѣшняго зародыша *пролетарскую партію*, начинающуюся отъ „всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ“ и кончающуюся „конспиративнымъ ядромъ профессіональныхъ революціонеровъ“. Этой стороны „организаціоннаго вопроса“ для тов. Ленина, очевидно, не существовало, и *камнемъ* на эту сторону дѣла явился злосчастный § 1 устава, смыслъ котораго заключался въ напоминаніи партійнымъ организаціямъ, что онѣ — пока еще — являются только тѣми кадрами, изъ которыхъ, путемъ повторной мобилизаціи, должна еще образоваться партійная армія.

Большинство съѣзда смутно, по крайней мѣрѣ, чувствовало, что прошлое позволяетъ намъ учесть силы только этого организованнаго ядра и лишь *внутри* его оформить юридически организаціонныя отношенія. Вопросъ о типѣ мѣстной организаціи, объ отношеніяхъ между комитетами и подчиненными имъ группами, *нашъ уставъ вовсе не касается*, и тов. Ленинъ клевещетъ на съѣздъ, когда приписываетъ ему санкціонированіе тѣхъ канцелярскихъ плановъ мѣстной организаціи, которые содержатся въ „Письмѣ къ товарищу“.

Какъ же должна была идти постройка партіи „сверху внизъ“, „исходя изъ партійнаго съѣзда и имъ созданныхъ учрежденій?“ „Меньшинство“ отвѣтило на этотъ вопросъ *послѣ съѣзда*, когда показало, что стоящія передъ нами задачи *организаціи* не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ по мѣрѣ разрѣшенія выдвинутыхъ развитіемъ нашей партіи вопросовъ *тактики*. Это значитъ слѣдующее. Работа недавняго прошлаго была, по существу своему, работой вовлеченія широкихъ массъ пролетаріата въ борьбу съ самодержавіемъ, какъ „обще-національнымъ“ врагомъ Россіи. Для выполненія этой работы намъ достаточно было имѣть единомыслящіе комитеты, пользующіеся въ глазахъ массы достаточнымъ революціоннымъ авторитетомъ, чтобы періодически мобилизовать ее для всякаго рода политическихъ „оказательствъ“ и связанные съ массой черезъ посредство разныхъ группъ и кружковъ, служащихъ техническими помощниками комитетовъ въ дѣлѣ руководства массовымъ проявленіемъ борьбы. Ведущаяся комитетами въ этихъ кружкахъ пропаганда и попадающія въ массу, черезъ посредство газетъ, брошюръ и прокламацій, обрывки соціалдемо[illegible]кратическаго содержанія, вносимаго въ „чисто-политическую“, революціонно-демократическую агитацію противъ царизма.

Такого рода политическое руководство пролетаріатомъ не можетъ считаться дѣйствительнымъ соціальдемократическимъ руководствомъ. Чтобы оно стало таковымъ, наша работа должна существенно реформироваться въ томъ направленіи, чтобы дальнѣйшему расширенію и революціонизированію массового движенія соотвѣтствовали и развитіе и ростъ самостоятельной *классовой партіи пролетаріата*, въ которой „комитеты“ являлись бы признанными ею ея *политическими представителями*. Самая агитація наша должна стать разностороннѣе и глубже, чтобы вмѣстить всѣ составные элементы нашей классовой программы, политика Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи должна не „идеально“ лишь, не со стороны чистоты руководящихъ ея „вождями“ принциповъ, а реально, на дѣлѣ, стать активной политикой сознательнаго слоя россійскаго пролетаріата, уполномоченными котораго являлись бы эти „вожди“ (какой „хвостизмъ“, неправда ли, тов. Ленинъ?), этотъ сознательный слой пролетаріата долженъ принимать, слѣдовательно, активное участіе во всѣхъ проявленіяхъ партійной жизни, въ процессѣ выработки партіей ея программы, принциповъ ея тактики и методовъ ея организаціи. Когда это будетъ на лицо, тогда мы сможемъ съ полнымъ правомъ назвать себя *авангардомъ* россійскаго пролетаріата, тогда и только тогда мы сможемъ надѣяться, что неминуемо-предстоящій моментъ ликвидаціи царизма будетъ одновременно моментомъ вторженія русскаго пролетаріата, *какъ сознательнаго класса*, въ тѣ сферы открытой политической жизни, которыя попытается захватить въ свое монопольное владѣніе россійская буржуазія.

Вотъ какая громадная политическая задача стояла непосредственно передъ нами въ моментъ „ликвидаціи третьяго періода“ на второмъ съѣздѣ; вотъ какую задачу намъ придется рѣшать въ тотъ, надѣемся, *близкій* уже моментъ, когда мы исправимъ ошибки второго съѣзда и возстановимъ единство внутри своей „организаціи руководителей“ для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рукъ, къ работѣ по превращенію этой организаціи въ остовъ *самостоятельной классовой пролетарской партіи*.

Еслибы второй съѣздъ не совершилъ указанной ошибки, еслибы онъ не закончился новымъ расколомъ „организаціи руководителей“, — первымъ дѣломъ созданныхъ имъ учрежденій было бы: принятыя съѣздомъ политическихъ представителей рѣшенія *сдѣлать достояніемъ всего сознательнаго пролетаріата*. Вернувшіеся со съѣзда делегаты, выбранный ими Ц. К. не должны были бы ознакомлять мѣстные комитеты разсказами о вновь объявившемся неуловимомъ теченіи „мягкаго искровства“, а тѣмъ паче, о внезапномъ впаденіи Засуличъ и Аксельрода въ „оппортюнизмъ“, да еще такой, о которомъ ни делегаты, ни члены Ц. К. не могли сообщить „комитетчикамъ“ ничего вразумительнаго, впредь до того, какъ тов. Ленинъ „покажетъ“, что это за новый оппортюнизмъ. Но за то они должны были бы, черезъ посредство мѣстныхъ комитетовъ, ознакомить передовые слои пролетаріата съ принятой на съѣздѣ *программой*, съ рѣшеніями съѣзда о принципахъ политической дѣятельности партіи и съ конкретными вопросами организаціи, разсмотрѣнными на съѣздѣ. Обсужденіе во всевозможныхъ группахъ и собраніяхъ результатовъ съѣзда сдѣлало бы самый съѣздъ, въ которомъ участвовали только представители комитетовъ, дѣйствительнымъ съѣздомъ *партіи*, рамки которой сами собой опредѣлились бы въ ходѣ этого обсужденія. Планомѣрная пропаганда рѣшеній съѣзда очертила бы, такимъ образомъ, около комитетовъ кругъ дѣйствительныхъ *членовъ партіи*, раздѣляющихъ ея программу и готовыхъ работать подъ руководствомъ комитетовъ. Эта пропаганда связала бы съ комитетами и ихъ съѣздомъ, а, слѣдовательно, и съ Ц. К., самыми прочными узами многія тысячи передовыхъ рабочихъ. И это же обсужденіе позволило бы „провѣрить“ рѣшенія съѣзда въ вопросахъ тактики и организаціи, какъ провѣрилъ поведеніе своей делегаціи „Бундъ“, проведшій черезъ многіе десятки агитаторскихъ собраній вопросъ о федераціи и автономіи. И только по совершенія такой „провѣрки“, мы имѣли бы нравственное право говорить, что рѣшенія нашего съѣзда были не только приняты съ *точки зрѣнія* пролетаріата, но и исходили, по существу, *отъ пролетаріата*.

Да что вопросъ о „Бундѣ“! Мы приняли одно опредѣленное рѣшеніе по очень конкретному вопросу тактики — по вопросу объ отношенія пролетаріата къ закону о „фабричныхъ старостахъ“. Какъ могло случиться, что теперь, черезъ годъ послѣ съѣзда мы не имѣемъ голоса сознательнаго пролетаріата по этому практическому вопросу? что мы *не знаемъ*, гдѣ и какъ была принята пролетаріями наша резолюція, встрѣтившая столь различную оцѣнку среди насъ — „профессіональныхъ революціонеровъ“? Не означаетъ ли этотъ фактъ, что у насъ еще нѣтъ партійной жизни за предѣлами „интеллигентскихъ“ комитетовъ?[1]

Но партія развивается не однимъ обсужденіемъ принциповъ своей политической дѣятельности, а больше всего самымъ процессомъ этой дѣятельности. И если бы мы ушли со съѣзда, какъ единая партійная организація, передъ нами встала бы задача такой работы на мѣстахъ, въ которой могла бы проявиться, какъ живой организмъ, пролетарская партія.

Сдѣлать отдѣльныя проявленія нашей агитаціи отдѣльными актами политической самодѣятельности сознательныхъ рабочихъ; ввести ихъ въ кругъ вопросовъ общественной жизни, монополизированныхъ до сихъ поръ реакціонной, либеральной и радикальной буржуазіей; добиться коллективнаго вмѣшательства ихъ въ сферу этихъ вопросовъ, какъ самостоятельной политической силы; использовать, слѣдовательно, организуемыя нами и независимо отъ насъ организующіяся рабочія собранія для выработки *коллективнаго мнѣнія* пролетаріата по вопросамъ политической жизни; пріурочить къ проявленіямъ этого коллективнаго мнѣнія наши манифестаціи и протесты — и во всей этой работѣ дѣйствительнаго *политическаго руководства* вести одну, опредѣляемую нашей программой, линію — линію самостоятельной классовой политики пролетаріата, внѣ которой немыслимо существованіе классовой пролетарской партіи.

Эта громадная и новая работа не можетъ быть осуществлена разрозненными силами слабыхъ мѣстныхъ комитетовъ. Въ ней намъ необходимъ центральный комитетъ. И нашъ Ц. К. (продолжимъ свою „утопію“) беретъ въ свои руки дѣло качественнаго подъема уровня нашей работы, въ цѣляхъ выработки, въ процессѣ политической борьбы, дѣйствительно пролетарской партіи. Ц. К. непосредственнымъ вліяніемъ и разсылкой своихъ агитаторовъ и пропагандистовъ помогаетъ мѣстнымъ комитетамъ справиться съ работой ознакомленія сознательныхъ рабочихъ съ результатами съѣзда. Онъ пропагандируетъ въ комитетахъ *методы* систематическаго воздѣйствія на рабочую массу въ цѣляхъ выработки въ ней элементовъ классового самосознанія. Наступаетъ японская война. Ц. К. беретъ въ свои руки дѣло мобилизаціи россійскаго пролетаріата для систематическаго протеста противъ войны во имя его классовыхъ интересовъ. Небольшая группа толковыхъ агитаторовъ объѣзжаетъ всѣ центры движенія, съ помощью мѣстныхъ комитетовъ собираетъ рядъ сходокъ, проводитъ опредѣленныя резолюціи, знакомитъ возможно-широкіе круги рабочихъ съ перипетіями авантюристской политики самодержавія, съ конкретнымъ соотношеніемъ выступающихъ на политической сценѣ общественныхъ силъ, съ поведеніемъ буржуазіи, съ зигзагами либераловъ. Время отъ времени, изъ подполья нелегальныхъ собраній волна пролетарскаго протеста выливается въ открытую уличную демонстрацію. Политическая дѣятельность соціальдемократіи выражается уже не въ разрозненныхъ прокламаціяхъ комитетовъ и статьяхъ Ц. О., она становится политической дѣятельностью борьбы класса. Масса можетъ [illegible] успѣшно дѣло „*формальной организаціи*“ его передовыхъ элементовъ.

Въ дѣлѣ этой организаціи мы идемъ „сверху внизъ, исходя отъ съѣзда“. Но мы „идемъ“ не въ пустое мѣсто, не въ царство тѣней, а въ такую среду, въ которой „снизу вверхъ“ совершается процессъ „самовольнаго“ объединенія пролетаріевъ, ихъ „стихійной“ организаціи. Мы привѣтствуемъ этотъ „самовольный“ процессъ, потому что онъ является прямымъ результатомъ нашей агитаціи, потому что при условіи, что содержаніе этой агитаціи дѣйствительно соціальдемократическое, и сама организація „стихійно“ стремится служить не ограниченнымъ какимъ нибудь цѣлямъ „самопомощи“ на профессіональной почвѣ, а цѣлямъ классовой борьбы. Но мы знаемъ хорошо, что намъ нужна централизованная партійная организація. Не боясь создаваемыхъ рабочими „самовольныхъ“ организацій, мы, однако, не думаемъ подчинять *этимъ* организаціямъ всецѣло своей боевой, сверху внизъ строящейся, конспиративной организаціи, мы не „строимъ партіи снизу вверхъ“. Мы заявляемъ право нашей конспиративной организаціи, санкціонированной съѣздомъ и „общественнымъ мнѣніемъ“ сознательнаго пролетаріата, подчинять своему революціонному контролю дѣятельность этихъ „самовольныхъ“ рабочихъ организацій — въ цѣляхъ поддержанія единства политическаго дѣйствія и въ цѣляхъ „конспиративнаго отбора“. И чѣмъ содержательнѣе въ соціальдемократическомъ смыслѣ слова будетъ наша агитація, чѣмъ болѣе развита будетъ политическая жизнь всѣхъ этихъ рабочихъ организацій, тѣмъ меньше опасности, что централизующая руководство ихъ дѣятельностью „организація профессіональныхъ революціонеровъ“ идейно и матеріально „оторвется отъ массы“, тѣмъ меньше опасности, что она превратится въ *заговорщическій кружокъ*.

Вотъ тотъ „оппортюнизмъ“ нынѣшняго „меньшинства“, который, по Ленину, является результатомъ психологіи „интеллигентскаго индивидуализма“, возставшаго противъ „пролетарской дисциплины“! Страшное слово, нечего сказать, но, если посмотрѣть „въ глубь вещей“, то появленіе этого страшнаго слова найдетъ свое достаточное объясненіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоитъ „пролетарская дисциплина“ къ той организаціонной утопіи Ленина, которую мы подвергаемъ критикѣ, то отвѣтъ будетъ одинъ: то, что Ленинъ идеализируетъ въ своей системѣ, какъ высшее проявленіе прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, какъ политическая пассивность и сравнительная партійная незрѣлость большинства сознательныхъ пролетаріевъ; пассивность и незрѣлость, на которыхъ держится нехитрое зданіе „доселѣшней“ нашей партійной организаціи.

Группы соціальдемократовъ интеллигентовъ — среди которыхъ въ ничтожномъ количествѣ теряются отдѣльные пролетаріи — руководятъ очень еще неразвитымъ рабочимъ движеніемъ на мѣстахъ. Основные кадры этого движенія — сознательные рабочіе — плохо организованы, плохо воспитаны политически, не проявляютъ достаточной степени активности въ вопросахъ *общаго* направленія движенія, въ вопросахъ партійной тактики. Отдѣльныя попытки проявить свою активность („бунты“ рабочихъ организацій противъ комитетовъ) терпятъ жалкое фіаско, потому что *содержаніе* ихъ протеста черезчуръ узко, слишкомъ примитивно, чтобы оказать вліяніе на общее направленіе работы партіи, которая давленіемъ внѣшнихъ условій *вынуждена* ставить себѣ широкія цѣли, въ масштабѣ, опредѣляемомъ громадностью исторической задачи, въ рѣшеніи которой мы, — соціальдемократы, — должны принять участіе. Но — въ массѣ своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ“ соціальдемократической интеллигенціи, чтобы, какъ равные съ равными, соучаствовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ“ партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ“ принимали „упрощенный“ видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе“? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія“ между „управляющими“ и „управляемыми“, какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію“. И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное *абсолютизмъ* комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной незрѣлости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ исторически-преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины“.

---

[1] Попытка — въ противовѣсъ объединенію Комитетовъ — создать объединеніе этихъ организацій въ „дѣйствительно-рабочую“ партію, дѣлавшаяся около времени второго съѣзда, должна была потерпѣть фіаско, въ силу политической отсталости ея иниціаторовъ.

[1] Судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ изъ Баку, Екатеринослава, Одессы, вопросъ этотъ занималъ сознательныхъ рабочихъ. Органъ московскихъ типографовъ („Вѣстникъ“ № 5) выступилъ противъ тактики, предписанной съѣздомъ.

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ“ становились „ортодоксальными“, въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе спокойно терпятъ, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства“ и въ пользу „меньшинства“, оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства“ и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова печальная дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ, ее одушевляющимъ, а и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ высшее выраженіе присущей пролетарію дисциплины! „Клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности (его) къ организаціи“, демагогически восклицаетъ онъ (стр. 145). „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины...“. „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа“ (ibid). И все это по тому случаю, что пролетаріатъ *еще не* поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему *взять подъ свой контроль* всю работу руководства „нѣкоторыхъ интеллигентовъ“, возмнившихъ, что они, помощью ежевыхъ рукавицъ и „уставчика“, спасутъ пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности“, влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи“... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ“, чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ“, чтобы политика *рабочей* партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ (изъ тѣхъ, которые получатъ отъ Ц. К. свидѣтельство въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма“), чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ интеллигентскихъ „верховъ“ партіи. А кто не раздѣляетъ этой „любви“ пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой — вытекающей изъ политической неопытности — дисциплины, кто желаетъ влить новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — „буржуазный индивидуалистъ“.

Да, карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковородку, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства“ систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ“ новой „Искры“... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика“ съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея. „Практикъ“ и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*“. (стр. 147)

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ“ — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но, такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія“, то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи“, о „психологіи буржуазнаго интеллигента“, незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи“.

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ“. Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи“ и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, поэтому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія“. Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики“ очень типично отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго“ *для себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни“ не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы“, какъ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство“ надъ этой „чернью“ отождествляетъ съ „руководствомъ“ *фабричнаго надсмотрщика*?

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ“ и въ ссылкахъ на примѣръ зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ“ снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой“ интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ“, является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими“ организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ“, строящимъ ультра-централистически свою чисто „интеллигентскую“ организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ“ или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано здѣсь послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ надежды увидѣть современемъ, *когда тов. Ленинъ разойдется съ нынѣшнимъ „большинствомъ“*, возстаніе „индивидуальности“ тов. Ленина противъ имъ же созданной организаціи. И тогда, быть можетъ, всѣ члены партіи будутъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, насколько тов. Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той коллегіи, въ которую онъ входитъ?*

Клевещутъ на пролетаріатъ, — плачется Ленинъ, — говоря объ его неспособности къ организаціи. Тов. Ленинъ, напротивъ, благоговѣйно вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать, это — прежде всего — написать уставъ“. При такомъ опредѣленіи, способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту“, какъ „принимали“ ее въ свое время „освобождаемые“ крестьяне. А пролетарская склонность къ организаціи означаетъ жгучую любовь къ управленію помощью присланныхъ „сверху“ уставовъ. Не скверная ли это насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней далеко не идеальной степенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, надъ ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, сами *организоваться* въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, воспитывающіе своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе“ всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго“ комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ сами пойти дальше образованія кружка саморазвитія, цеховой кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣзжали“ — виноватъ, организовали „сверху“, строя всю организацію на базисѣ пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ базисомъ для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“, — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи“. *Онъ* „защищаетъ“ рабочихъ, увѣряя, что они „склонны“ къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ“ комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать“ русскихъ рабочихъ отъ „клеветы“ „меньшинства“? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ“ перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами“, можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ“ есть просто вздоръ, придуманный для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ“, ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организацію [illegible] интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху“, покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ“, — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ“) отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной“ революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи“ должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины“, самое „хвостистское“ санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ“ въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе, дѣйствительно, „оклеветаны“ Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“ (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.). Л. М.

Съ Урала. (Запоздало за недост. мѣста). На II съѣздѣ нашей Пар. Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ“, образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этого комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ“. Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“, составленное Цент. Ком. За это же время (съ октября) Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры“ (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры“ („Революціонный годъ“, „Рабочая партія и крестьянство“ (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи“) въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день“ и „Софья Перовская“ (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ“ (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи“ (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета“.

Въ первомъ листкѣ (сентябрь) „Ко всѣмъ“ (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи“ этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой“. За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?“ 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ“ (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи“. Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры“ до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Рабочій день“, „Софья Перовская“, „Іюльскія событія въ Одессѣ“, „Пауки и мухи“ и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и безъ постояннаго притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводского населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотни тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотни верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень разореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ *своей* революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сблизиться, составить одинъ Уральскій Союзъ. (Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.)

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній, „богатый“ Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто нищенское существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, *на все*.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой беззастѣнчивой и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для міроваго дѣла соціальдемократіи.

Въ **Бернскую Сибирскую и Эмигрантскую Кассу** (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лат. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ“ — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры“ Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1.000 фр. Возвращены Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 125 фр. Отправка А—ымъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 25 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.

своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ" соціальдемократической интеллигенціи, чтобы, какъ равные съ равными, участвовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ" партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ" принимали „упрощенный" видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе"? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія" между „управляющими" и „управляемыми", какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились организаціонныя отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію". И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное абсолютизмъ комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной незрѣлости широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, причемъ наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ исторически преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины".

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ" становились „ортодоксальными", въ то время какъ убогая мѣстная практика, въ сферѣ которой они только и жили, была равно далека и отъ бернштейніанскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе спокойно терпятъ, какъ комитеты выносятъ резолюціи противъ „меньшинства" и въ пользу „меньшинства", оставаясь при самомъ смутномъ пониманіи „большинства и меньшинства" и при полномъ невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ споры между ними къ вопросамъ мѣстной практики. Такова печальная дѣйствительность, кричащая о томъ, сколько намъ еще нужно работать, чтобы сдѣлать партію нашу пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ, ее одушевляющимъ, а и по характеру ея внутренняго строенія. И эту печальную дѣйствительность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ высшее выраженіе присущей пролетарію дисциплины! „Клевещутъ на пролетаріатъ по вопросу о неподготовленности (его) къ организаціи", демагогически восклицаетъ онъ (стр. 145). „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины"... „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины, господа" (ibid). И все это по тому случаю, что пролетаріатъ еще не поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему взять подъ свой контроль всю работу руководства „нѣкоторыхъ интеллигентовъ", вознамѣрившихся при помощи ежевыхъ рукавицъ „уставчика" спасти пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности", влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи"... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ", чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ", чтобы политика рабочей партіи велась комитетами изъ интеллигентовъ (изъ тѣхъ, которые получатъ отъ Ц. К. свидѣтельство въ самоосвобожденіи отъ „индивидуализма"), чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ интеллигентскихъ „верховъ" партіи. А кто не раздѣляетъ этой „любви" пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой вытекающей изъ политической неопытности — дисциплины, кто [illegible] влить новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — „отъявленный индивидуалистъ".

А карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ. До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковородку, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти (попытки „меньшинства" систематизировать свои взгляды. Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ" новой „Искры"... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика" съ директоромъ, въ видѣ Ц. К., во главѣ ея. „Практикъ" и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу *выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи*". (стр. 147).

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ" — *пролетарій*, которому фабрика знакома не по изслѣдованію Тугана-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но, такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія", то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи", о „психологіи буржуазнаго интеллигента", незнакомаго... даже съ „практикой пролетарской организаціи".

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ". Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи" и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, поэтому, что пролетарская партійная организація такъ и должна быть *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія досели были предъявлены нашему дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія". Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики" очень типично отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистичнаго" *для себя* просвѣщеннаго русскаго администратора, который для „подлой черни" не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы", какъ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а „политическое руководство" надъ этой „чернью" отождествляетъ съ „руководствомъ" *фабричнаго надсмотрщика*?

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ" и въ ссылкахъ на примѣръ зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ" снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой" интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ", является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими" организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ", строящимъ ультра-централистическую чисто „интеллигентскую" организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ" или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано [illegible] слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ [illegible] современемъ, *когда тов. Ленинъ разойдется* съ [illegible] „большинствомъ" [illegible] „индивидуальность",

[illegible] организація. И тогда, тов. Ленина противъ [illegible] будутъ имѣть матеріалъ для быть можетъ, всѣ члены партіи [illegible] *Ленинъ въ своей индивидутого*, чтобы судить, [illegible] *даннаго момента считается* [illegible] *въ которую онъ входитъ?* [illegible]

„Клевещутъ на пролетаріатъ", — восклицаетъ Ленинъ, — говоря объ его неспособности къ организаціи. Тов. Ленинъ, напротивъ, благоговѣйно вѣритъ въ способность русскаго пролетаріата къ организаціи. Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать, это — прежде всего — написать уставъ". При такомъ опредѣленіи, способность пролетаріата къ организаціи означаетъ способность принимать „уставную грамоту", какъ „принимали" ее въ свое время „освобождаемые" крестьяне. А пролетарская [illegible] къ организаціи означаетъ жгучую любовь къ управленію помощью присланныхъ „сверху" уставовъ. Не скверная ли это насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней [illegible] ступенью политическаго развитія нашихъ пролетаріевъ, [illegible] ихъ политической пассивностью, благодаря которой они не умѣютъ, подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, [illegible] въ политическіе союзы, самоуправляющіеся, [illegible] своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе" всю сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго" комитета, передовые рабочіе, большей частью, не могутъ сами пойти дальше образованія кружка саморазвитія, [illegible] кассы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „заѣзжали" — виноватъ, организовали „сверху", строя всю организацію на базисѣ пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ *базисомъ* для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ", — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи". *Онъ* „защищаетъ" рабочихъ, увѣряя, что они „склонны" къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ" комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать" русскихъ рабочихъ отъ „клеветы" „меньшинства"? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ" перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами", можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ" есть просто вздоръ, придуманный для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ", ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организаціонную задачу, кто, во имя ли интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху", покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ", — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ") отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной" революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго[1] Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ, онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи" должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины", самое „хвостистское" санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Разносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ" въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе, дѣйствительно, „оклеветаны" Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ" (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.). Л. М.

Съ Урала. [illegible]. На II съѣздѣ нашей Партіи Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ", образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этого комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ". Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи", составленное Цент. Ком. За это же время (съ октября) Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры" (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры" („Революціонный годъ", „Рабочая партія и крестьянство" (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи") въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день" и „Софья Перовская" (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ" (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи" (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета".

Въ первомъ листкѣ (сентябрь) „Ко всѣмъ" (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи" этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой". За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?" 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ" (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи". Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры" до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика", „Кто чѣмъ живетъ", „Рабочій день", „Софья Перовская", „Іюльскія событія въ Одессѣ", „Пауки и мухи" и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и безъ постояннаго притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводского населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотни тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотни верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень разореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ своей революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сближаться, составить одинъ Уральскій Союзъ. Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній, „богатый" Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто нищенское существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, *на все*.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой безжалостной и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для міроваго дѣла соціальдемократіи.

Въ Бернскую Сибирскую и Заграничную Кассу (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лит. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ" — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры" Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1000 фр. Возвращены Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 125 фр. Отправка А—ымъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 25 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.

своей — сознательные рабочіе слишкомъ еще политически неопытны; не имѣя ни нашего (интеллигентовъ) опыта предыдущихъ революціонныхъ поколѣній, ни достаточно теоретическихъ знаній и знакомства съ рабочимъ движеніемъ передовыхъ странъ, они слишкомъ далеко отстаютъ отъ „сливокъ" соціальдемократической интеллигенціи, чтобы какъ равные съ равными, участвовать съ ними въ рѣшеніи вопросовъ партійной политики. И тѣ вопросы, которые на „высотахъ" партіи ставились въ широкомъ объемѣ крупныхъ проблемъ программы и тактики — ортодоксія или бернштейніанизмъ, самостоятельная революціонная политика или политика credo? — эти вопросы для массы „рядовыхъ" принимали „упрощенный" видъ — стачка или демонстрація? экономическое улучшеніе или „долой самодержавіе"? профессіональная касса или революціонная организація? При такихъ условіяхъ, какъ только наступила должная „гармонія настроенія" между „управляющими" и „управляемыми", какъ только сознательные рабочіе вошли цѣликомъ въ интересы непосредственной борьбы за сверженіе самодержавія, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацію въ интересахъ этой борьбы, — между тѣми и другими установились [illegible] отношенія, исключающія прежнія мучительныя тренія и основанныя на болѣе или менѣе полномъ довѣріи рабочихъ къ комитетамъ и къ ихъ, недоступной контролю рабочихъ, политикѣ. Опираясь на такую гармонію, комитеты на второмъ съѣздѣ выработали свою „внутреннюю конституцію". И вотъ теперь тов. Ленинъ, принимая за данное абсолютизмъ комитетовъ въ мѣстномъ движеніи, какъ результатъ партійной [illegible]ности широкихъ круговъ рабочихъ, хочетъ сдѣлать этотъ абсолютизмъ организаціоннымъ принципомъ всей партіи, [illegible] наивно выводитъ этотъ свой принципъ изъ исторически преходящаго момента пролетарской пассивности, которую онъ возводитъ въ санъ прирожденной „пролетарской дисциплины".

Рабочіе спокойно присутствовали при томъ, какъ ихъ комитеты изъ „бернштейніанскихъ" становились „ортодоксальными", въ то время какъ убогая мѣстная практика, в[illegible] которой они только и жили, была равно далека и отъ [illegible]терскихъ и отъ рев. соц.-дем. принциповъ. Рабочіе [illegible] „меньши[illegible]", какъ комитеты выносятъ резолюціи [illegible] и въ пользу „меньшинства", оставаясь при полномъ непониманіи „большинства и меньшинства" [illegible] невѣдѣніи того отношенія, какое имѣютъ [illegible] къ вопросамъ мѣстной практики. Такая [illegible] дѣятельность, кричащая о томъ, сколько [illegible] нужно работать, чтобы сдѣлать партійную [illegible] пролетарской не по субъективнымъ только настроеніямъ ея служителей, но и по характеру ея внутренняго строенія. И эту [illegible] дѣятельность тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ [illegible] присущей пролетаріату дисциплины! „Клеве[illegible] пролетаріатъ, по вопросу о неподготовленности [illegible] организаціи [illegible] демократически вос[illegible] [illegible]лицаетъ онъ стр. 145. „Не пролетаріату, а нѣкоторымъ интеллигентамъ изъ нашей партіи не достаетъ самовоспитанія въ духѣ организаціи и дисциплины [illegible]. „Пролетаріатъ не боится организаціи и дисциплины [illegible] 356. И все это по тому случаю, что пролетаріатъ [illegible] не поднялся на такую высоту политическаго пониманія, которая позволила бы ему взять подъ контроль [illegible] руководство нѣкоторыхъ интеллигентовъ", вооружившихся [illegible] помощью ежевыхъ рукавицъ и „уставчика" спасти пролетаріатъ отъ его собственной „стихійности", влекущей его въ сторону „буржуазной идеологіи"... Тов. Ленинъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что, какъ карась „любитъ", чтобы его жарили въ сметанѣ, такъ и пролетарій „предпочитаетъ", чтобы политика рабочей партіи велась комитетами [illegible] интеллигентовъ изъ рукъ, которые получатъ отъ Ц. К. [illegible] въ самоуничтоженіи отъ „индивидуализма", чтобы вопросы партійной тактики оставались вѣчно достояніемъ [illegible] „верховъ" партіи. А кто не раздѣляетъ этой [illegible] пролетаріата, кто не вѣритъ въ спасительность такой [illegible] изъ политической неопытности — дисциплины, кто вноситъ [illegible] новую струю въ эту партійную жизнь, тотъ — [illegible] индивидуалистъ[2].

А карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ! До такой степени любитъ, что готовъ воспѣвать ту сковороду, на которой онъ жарится. Вы не вѣрите? „Попытки эти попытки „меньшинства" систематизировать свои взгляды, (Л. М.) замѣчательно подтверждаютъ высказанное уже на съѣздѣ партіи соображеніе о различіи точекъ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи, и пролетарія, сознавшаго свои классовые интересы. Напр., тотъ же „Практикъ" новой „Искры" ... изобличаетъ меня въ томъ, что партія представляется мнѣ, какъ „огромная фабрика" съ директоромъ въ видѣ Ц. К. во главѣ ея. „Практикъ" и не догадывается, что выдвинутое имъ страшное слово сразу выдаетъ психологію буржуазнаго интеллигента, незнакомаго ни съ практикой, ни съ теоріей пролетарской организаціи". (стр. 147).

Остановимся пока на этихъ словахъ. Тов. Ленинъ, когда писалъ ихъ, долженъ былъ знать досконально, что тов. „Практикъ" — пролетарій, которому фабрика знакома не по изслѣдованіямъ Туганъ-Барановскаго, а на собственной шкурѣ. Тов. Ленинъ не могъ не знать этого, но такъ какъ для него „истина есть результатъ судоговоренія", то онъ считаетъ себя вправѣ говорить, по поводу Практика, о „точкѣ зрѣнія буржуазнаго интеллигента, присоединяющагося къ соціальдемократіи", о „психологіи буржуазнаго интеллигента", незнакомаго ... даже съ „практикой пролетарской организаціи".

По существу вопроса, Ленину отвѣчаетъ тов. Р. Люксембургъ. Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, какъ это дѣлаетъ Ленинъ, сказать: „дисциплина и организація, которыя съ такимъ трудомъ даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетаріатомъ, именно благодаря этой фабричной „школѣ". Ленинъ заявляетъ, что фабрика „научила пролетаріатъ организаціи" и упускаетъ при этомъ изъ виду, что фабрика организуетъ только *техническую дѣятельность* людей, тогда какъ въ развитіи ихъ *политической* дѣятельности фабричная дисциплина является тѣмъ первымъ *препятствіемъ*, которое пролетаріямъ приходится преодолѣть борьбой. Воображать, [illegible] что пролетарская партійная организація такъ и должна [illegible] *копіей съ организаціи фабрики*, — это значитъ подтвердить худшія изъ обвиненій, какія доселѣ были предъявлены [illegible] дезорганизатору.

„Смертельная боязнь передъ этой (фабричной) школой, непониманіе ея организующаго значенія, характерны именно для пріемовъ мысли, отражающихъ мелкобуржуазныя условія существованія". Сильно сказано, тов. Ленинъ! Только не кажется ли вамъ, что представленіе рабочей партіи въ видѣ большой „политической фабрики" очень хорошо отражаетъ взгляды весьма „индивидуалистическаго" для себя представителя русскаго администратора, который для „подлой черни" не можетъ и представить себѣ другой „организующей школы", какъ школы пассивнаго механическаго повиновенія, а политическое „руководство" надъ этой „чернью" отождествляетъ съ „руководствомъ" *фабричнаго надсмотрщика*.

Въ разговорахъ объ „интеллигентскомъ индивидуализмѣ" и въ ссылкахъ на примѣры зап.-европейскихъ рабочихъ партій авторъ „Шага впередъ" снова проявляетъ поразительное отсутствіе *исторической перспективы*. Послушать его, такъ „массовой" интеллигентъ-революціонеръ *при всякихъ условіяхъ и вездѣ*, сообразно своей „природѣ", является въ политической организаціи индивидуалистомъ-автономистомъ. Но, какъ же быть съ „интеллигентскими" организаціями старыхъ бланкистовъ? какъ быть съ нечаевцами? какъ быть съ Народной Волей? какъ быть съ P. P. S? какъ быть, наконецъ, съ нашимъ нынѣшнимъ „большинствомъ", строящимъ ультра-централистическую чисто „интеллигентскую" организацію? Впрочемъ, о „большинствѣ" или, по крайней мѣрѣ, о тов. Ленинѣ еще не сказано послѣднее слово. Мы, по крайней мѣрѣ, не теряемъ надежды увидѣть современемъ, *когда тов.* Ленинъ *разойдется* съ [illegible] „большинствомъ" возстаніе [illegible] индивидуальности [illegible] организаціи. И тогда, быть можетъ, тов. Ленина [illegible] будетъ имѣть матеріалъ для того, чтобы судить, [illegible] Ленинъ *въ своей индивидуальной политической дѣятельности даннаго момента считается съ дисциплиной той партіи, въ которую онъ входитъ?*

[illegible] — восклицаетъ Ленинъ, — говоритъ [illegible] организаціи. Тов. Ленинъ, на[illegible] способность русскаго пролетаріата [illegible] Онъ только хорошо помнитъ, что „организовать [illegible] — написать уставъ". При [illegible] способность пролетаріата къ организаціи [illegible] принимать „уставную грамоту", какъ [illegible] „освобождаемые" крестьяне. А [illegible] къ организаціи означаетъ жгучую [illegible] присланныхъ „сверху" уставовъ. [illegible] насмѣшка тов. Ленина надъ нынѣшней [illegible] степенью политическаго развитія нашихъ [illegible] политической пассивностью, благодаря [illegible] подобно нѣмецкимъ, напр., рабочимъ, [illegible] въ политическіе союзы, самоуправляющіеся [illegible] своихъ членовъ и самостоятельно „переваривающіе" [illegible] сложность соціальдемократической программы? То положеніе дѣлъ, при которомъ, пока не появилось „интеллигентскаго" комитета, передовые рабочіе, большей частью, не [illegible] пойти дальше образованія кружка саморазвитія, [illegible] массы или разрозненной (lose) организаціи, распространенія литературы, — это положеніе, свидѣтельствующее о громадности работы организаціоннаго самовоспитанія, предстоящей пролетаріату, тов. Ленинъ идеализируетъ, какъ полную готовность пролетаріевъ къ тому, чтобы ихъ „зажали" — виноватъ, организовали „сверху", строя всю организацію на базисѣ пассивности! И этотъ человѣкъ, до мозга костей пропитанный психологіей заговорщика, для котораго политическая пассивность широкихъ слоевъ пролетаріата является необходимымъ *базисомъ* для развитія ихъ активной революціонности, въ роли пушечнаго мяса, идущаго въ бой подъ командой „крѣпкой организаціи профессіональныхъ революціонеровъ", — и этотъ человѣкъ утверждаетъ, что „онъ даетъ рабочимъ стимулъ къ организаціи". *Онъ* „защищаетъ" рабочихъ, увѣряя, что они „склонны" къ той специфической организаціи, которую онъ проповѣдуетъ, которая считается съ рабочими, не какъ съ субъектами всесторонней политической дѣятельности, а какъ съ объектами упрощеннаго политическаго воздѣйствія „профессіонально революціонныхъ" комитетовъ, какъ съ пассивными орудіями въ рукахъ этихъ комитетовъ. Еще разъ — не скверная ли это насмѣшка *такъ* „защищать" русскихъ рабочихъ отъ „клеветы" „меньшинства"? Не означаютъ ли, слѣдовательно, слова о „пролетарской дисциплинѣ" перефразировки того положенія, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ?

Сознательные рабочіе должны обратить самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ. Дальнѣйшая ихъ политическая пассивность въ дѣлахъ партіи является серьезной опасностью для всего пролетарскаго дѣла. Дальнѣйшее *безусловное* довѣріе къ политическому руководительству нынѣшнихъ интеллигентскихъ организацій, руководимыхъ, въ свою очередь, „ленинцами", можетъ привести къ вытравленію изъ нашей партіи и тѣхъ чертъ пролетарской партіи, которыя она уже себѣ привила. Пусть знаютъ сознательные пролетаріи, что жупелъ „оппортунизма въ организаціонныхъ вопросахъ" есть просто вздоръ, придуманный для гипноза „несознательныхъ интеллигентовъ", ибо оппортунизмъ не можетъ ограничиваться вопросами организаціи, и оппортунистическое рѣшеніе послѣднихъ должно быть связано съ оппортунистическимъ пониманіемъ самыхъ задачъ партіи. А оппортунистическое пониманіе этихъ задачъ бываетъ весьма разнообразно, но всѣ виды его могутъ быть сведены къ одному источнику. Этотъ источникъ — отрицаніе (сознательное или безсознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетаріата, а, слѣд., въ области организаціонной — отрицаніе работы надъ выработкой самостоятельной пролетарской политической партіи. Кто, словомъ или дѣломъ, отрицаетъ *такую* организаціонную задачу, кто, во имя ли интересовъ борьбы съ самодержавіемъ, во имя ли превратныхъ представленій о сущности организаціи, т. е. во имя идеализаціи „организаціи сверху", покоящейся на полной пассивности механически организуемыхъ массъ, во имя ли недовѣрія къ „стихійности массъ", — кто, по какимъ бы то ни было причинамъ, ставитъ препятствія процессу политическаго *самовоспитанія* пролетаріата, путемъ его активнаго участія въ выработкѣ политики *его* партіи; кто, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, противодѣйствуетъ такому углубленію нашей политической работы, при которой пролетаріи въ самой повседневной борьбѣ получали бы импульсы къ политическому самовоспитанію въ ходѣ постояннаго ихъ вмѣшательства, какъ сознательной силы, въ общественную жизнь современной Россіи; кто пытается (см. „Шагъ впередъ") отвлечь ихъ вниманіе отъ *этихъ* тактическихъ задачъ къ чисто механической работѣ организаціи сверху на предметъ выработки изъ массы соціальдемократовъ простого техническаго аппарата *управленія* пролетарскими массами, — тотъ оппортунистически приспособляетъ задачи соціальдемократіи къ убожеству той политической обстановки, въ которой пролетаріатъ дѣлаетъ свои первые шаги, къ потребностямъ „общенаціональной" революціи, нуждающейся въ рабочихъ, только какъ въ революціонно-настроенной массѣ. Тотъ — несмотря на революціонность своего настроенія — является оппортунистомъ постольку, поскольку онъ отказывается *теперь же* работать надъ формированіемъ изъ пролетаріата самостоятельной классовой силы. И противъ этого оппортунизма сознательные рабочіе должны повести самую рѣшительную борьбу. И этотъ оппортунизмъ, въ отличіе отъ выдуманнаго[1] Ленинымъ, никогда не сможетъ ограничиться областью организаціонныхъ вопросовъ. Онъ непремѣнно проявится и въ области тактики, и въ области программы, и въ области текущей *политики*.

Дѣйствительные принципіальные сторонники пролетаріата изъ „интеллигенціи" должны, въ свою очередь, освободиться отъ гипноза *этого* вида оппортунизма, проводящаго, подъ флагомъ „пролетарской дисциплины", самое „хвостистское" санкціонированіе такихъ тенденцій нашего движенія, которыя означаютъ временную неспособность пролетаріата играть иную роль, чѣмъ роль пассивнаго орудія буржуазной революціи.

Пролетарская партія или организація интеллигентскихъ руководителей несознательныхъ пролетарскихъ массъ — такъ стоитъ теперь вопросъ, который тов. Ленинъ пытается окутать туманомъ абстрактно-метафизическихъ противопоставленій. Равносторонняя соціальдемократическая тактика, развивающая элементы *такой* партіи, или упрощенная тактика „вовлеченія массъ" въ общереволюціонную борьбу съ самодержавіемъ, на неизмѣнномъ базисѣ политической пассивности передового слоя пролетаріата? Политическая самодѣятельность пролетаріевъ или вѣчная опека надъ ними непролетарской организаціи? Такъ стоитъ вопросъ, на который каждый членъ партіи долженъ дать себѣ отчетливый и ясный отвѣтъ.

И если сознательные рабочіе дѣйствительно „оклеветаны" Ленинымъ, пытающимся увѣрить своихъ интеллигентныхъ читателей, что карась любитъ, чтобы его жарили въ сметанѣ, — то они приложатъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы отвѣтъ партіи на этотъ вопросъ гласилъ:

„Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ." (Ман. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи 1898 г.). Л. М.

Съ Урала. (Запоздалая корреспонденція). На II съѣздѣ нашей Партіи Уралъ былъ представленъ только делегатами Уфим. Ком. Группа соціальдемократовъ въ Перми, не примыкавшая ни къ покойному „Союзу соціальдемократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ", образовала Пермскій комитетъ только въ іюлѣ 1902 года и съ сентября этого же года начала еженедѣльно издавать летучіе листки. Связи этого комитета въ рабочей средѣ постепенно крѣпли и развивались. Послѣ провала 7-8 октября 1903 года издательская дѣятельность этого комитета сократилась, но Ц. К. послалъ немедленно въ Пермь свѣжія силы, при помощи которыхъ удалось поддержать связи въ рабочей средѣ. Послѣ провала изданы были листки: 1) О кассахъ борьбы, 2) За что судятъ рабочихъ Златоуста? (составлена Уфимскимъ комитетомъ), 3) По поводу арестовъ 7-8 октября. Къ первому января текущаго года распространенъ листокъ „Новый годъ". Въ январѣ же выпущена прокламація къ рабочимъ Мотовилихинскаго пушечнаго завода и переиздано „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи", составленное Цент. Ком. За это же время (съ октября) Пермскимъ комитетомъ распространялись: 1) тридцатые, 41 и 43 номера „Искры" (въ десяткахъ экземпляровъ), 2) оттиски изъ „Искры" („Революціонный годъ", „Рабочая партія и крестьянство" (изъ № 3), „Начало германской соціальдемократіи") въ сотняхъ экземпляровъ, 3) брошюры: „Рабочій день" и „Софья Перовская" (сотни экземпляровъ), „Іюльскія событія въ Одессѣ" (300 экземпляровъ), „Пауки и мухи" (700 экземпляровъ). Эта литература, доставляемая сначала черезъ О. К., а затѣмъ черезъ Ц. К., могла удовлетворить литературный голодъ лишь въ самой минимальной степени.

До послѣдняго съѣзда наша Партія не могла регулярно проявлять себя въ громадномъ заводскомъ районѣ Средняго Урала на востокъ отъ Уральскаго хребта. Весною 1903 года О. К., а затѣмъ Ц. К. постарался сосредоточить въ этомъ районѣ силы и средства, необходимыя для организованія „Средне-Уральскаго комитета".

Въ первомъ листкѣ (сентябрь) „Ко всѣмъ" (о революціонномъ движеніи послѣдняго времени и о роли революціонной соціальдемократіи) и въ краткомъ „Заявленіи" этотъ комитетъ объявилъ о своемъ существованіи и о томъ, что онъ будетъ работать въ духѣ программы, тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ, формулированныхъ „Искрой". За первое полугодіе своего существованія Средне-Уральскій комитетъ издалъ на гектографѣ (100-200 экземпляровъ) 1) Листокъ Уфимскаго комитета „За что судятъ рабочихъ Златоуста?" 2) Листокъ Сибирскаго союза (о южныхъ событіяхъ), 3) Прокламацію „Новый годъ" (къ первому января 1904 года), 4) Письмо къ заводскимъ рабочимъ № 1 (исторія возникновенія нашей партіи, чего она хочетъ и къ чему идетъ, второй съѣздъ), 5) „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи". Въ то же время черезъ руки комитета прошли 1) сотни экземпляровъ печатныхъ листковъ о златоустовской бойнѣ, о кишиневской рѣзнѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ и т. д., 2) десятки экземпляровъ „Искры" до № 43 и оттиски упомянутыхъ выше статей изъ нея, 3) сотни экземпляровъ агитаціонныхъ брошюръ („Хитрая механика", „Кто чѣмъ живетъ", „Рабочій день", „Софья Перовская", „Іюльскія событія въ Одессѣ", „Пауки и мухи" и т. д.) и по нѣсколько экземпляровъ Туна, Эрфуртская программа, Къ деревенской бѣднотѣ и такъ дальше.

Безъ регулярной доставки значительнаго количества литературы и безъ постояннаго притока свѣжихъ революціонныхъ силъ изъ Россіи Уралъ съ милліономъ промышленно-заводского населенія будетъ спать такъ, какъ онъ спалъ до сихъ поръ, т. е. будетъ спать сномъ, полнымъ самыхъ тяжелыхъ кошмаровъ, — сномъ, заставляющимъ кричать и метаться, заставляющимъ мучительно бороться съ призраками. Устная пропаганда и агитація менѣе чѣмъ гдѣ-либо можетъ замѣнить литературу: сотни тысячъ рабочихъ разбросаны по громадному району, одинъ заводъ, напр. отстоитъ отъ другого на сотни верстъ. Разъѣзды требуютъ слишкомъ много силъ, времени и средствъ.

Естественно, что комитетъ съ самаго начала старался организовать по заводамъ и уѣзднымъ городамъ революціонныя группы, способныя болѣе или менѣе самостоятельно вести работу. Но низкій культурный уровень раззореннаго населенія и угнетающія страшно запутанныя экономическія условія не способствуютъ выработкѣ революціонныхъ самородковъ: комитету приходится воспитывать революціонныхъ работниковъ по мѣстамъ. Дѣло усложняется особенностями жизни заводскихъ поселковъ, жизни совершенно замкнутой, вѣками отрѣзанной отъ всего міра. Здѣсь нѣтъ движенія рабочихъ съ мѣста на мѣсто, здѣсь люди крѣпко привязаны къ своимъ угламъ и пришлымъ рабочимъ работы не полагается. Прибавьте къ этому необходимую въ началѣ дѣла слабость и бѣдность связей и конспиративную невинность мѣстныхъ рабочихъ, — и вы поймете, какой теоретической и практической выдержкой, какимъ количествомъ силъ и ловкости должны располагать, двигающіеся съ завода на заводъ организаторы. Если же на заводѣ не оказывается связей со служащими и съ мѣстной интеллигенціей, если приходится обращаться непосредственно къ рабочимъ, то только рабочій же можетъ явиться этимъ организаторомъ. Только очень выдержанные и опытные товарищи, съѣвшіе зубы на революціонной работѣ и не растратившіе на ней своихъ силъ, окажутся здѣсь на высотѣ положенія.

Регулярно доставляемая партійная литература, между прочимъ, значительно сократитъ разъѣзды и поможетъ руководить работой заводскихъ группъ, но одной привозной литературой Уральскіе комитеты ограничиться не могутъ. Исторія промышленнаго развитія Урала и весь строй его жизни настолько своеобразны, что отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ требуютъ для Урала спеціальныхъ формулировокъ. Уралъ все еще ждетъ *своей* революціонной литературы.

Все это настойчиво ставитъ предъ Уральскими комитетами новую, уже чисто техническую задачу: для Урала должна быть поставлена, хорошо оборудованная, типографія. Съ такими задачами отдѣльные комитеты справиться не могутъ. Только совмѣстными усиліями три Уральскихъ комитета смогутъ что-нибудь сдѣлать въ указанномъ направленіи. Они должны, въ виду этихъ задачъ, сблизиться, составить одинъ Уральскій Союзъ. Въ настоящее время образовался единый Уральскій Ком. Ред.

Сдавленный еще въ тискахъ крѣпостническихъ отношеній „богатый" Уралъ не можетъ развивать своихъ производительныхъ силъ, — его промышленность съ каждымъ годомъ падаетъ. Стѣсненный со всѣхъ сторонъ капиталъ *во что бы то ни стало* хочетъ взять *свое* и не останавливается ни передъ какими формами эксплуатаціи. Въ результатѣ самое ужасное положеніе рабочихъ и часто нищенское существованіе цѣлыхъ слоевъ населенія, безпомощно ищущихъ какого-нибудь выхода и готовыхъ, въ свою очередь, *на все*.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ создалось подобное положеніе, гдѣ искать выхода? И при первомъ взглядѣ на исторію развитія Урала у васъ вырывается одинъ крикъ: Долой самодержавіе! Предъ вами открывается цѣльная картина широкой [illegible] и безконтрольной эксплуатаціи цѣлаго края въ интересахъ узкой группы титулованныхъ холоповъ самодержавія. Кажется, нигдѣ слѣпая политика его не проводилась такъ послѣдовательно и безсовѣстно: оно брало отсюда все, что какими бы то ни было средствами могло взять, не отдавая обратно ни гроша.

Громадный агитаціонный матеріалъ еще не использованъ на Уралѣ. Умѣніе использовать его, значитъ создать новаго, могучаго и непримиримаго врага самодержавію и нѣсколько непоколебимыхъ точекъ опоры для міроваго дѣла соціальдемократіи.

Въ **Бернскую Сибирскую и Эмигрантскую Кассу** (состоящую изъ организацій Бунда, Загр. Лиги Р. С.-Д., П. С.-Д., С. Р. и Лат. С.-Д.) поступило въ іюнѣ и іюлѣ для якутскихъ товарищей:

Отъ цюрихскихъ товарищей — 75 фр.; черезъ „Бундъ" — 16 фр., и черезъ соц.-рев. — 192 фр. Всего съ указанными въ № 68 „Искры" Касса получила 1940 фр. 80 с. Изъ нихъ отправлено въ Якутскъ въ маѣ черезъ тов. А. — 266 фр. и въ іюлѣ черезъ Лигу — 1.000 фр. Возвращены Бунду взятые у него взаимообразно 265 фр. и Лигѣ — 125 фр. Отправка А—мъ по телеграфу денегъ и другіе расходы — 25 фр. 10 с. Всего 1681 фр. 10 с. Осталось въ кассѣ — 259 фр. 70 с.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 70. 25-го іюля 1904 г. Годъ IV.

ТЕРРОРЪ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Онъ былъ „государственный дѣятель“, какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ — онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоившей народу охраной, онъ безпощадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пущенной бомбой и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ *личностью* Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся Кенигсбергскомъ процессѣ нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину „Искрѣ“, а, въ лицѣ ея, всей россійской соціальдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ *политической цѣлесообразности*, не выражаетъ какого-либо *нравственнаго возмущенія* по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская соціальдемократія „возвысится“ до той морали, которая способна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ „государственной необходимости“ на массовыя убійства, совершенныя по приказу того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое „нравственное“ возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа, — буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣчали недавно, по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Сипягина выглянулъ призракъ соціальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водится, высоко-морально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, спеціально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ соціалистическаго *пролетаріата*, разорвала многія нити, связывавшія царизмъ съ европейской *буржуазіей*. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ Якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ *психологическую необходимость* того торрора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о Кишиневской рѣзнѣ, о ссылкахъ *писателей*, о травлѣ *студентовъ*, о преслѣдованіяхъ *земства*. „Внутренній врагъ“ всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе *опаснымъ* врагомъ для Россіи *либеральной*. Пролетарское движеніе, на которое обрушились самые жестокіе удары „системы“ всесильнаго самодержца, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскихъ дняхъ 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что „бѣлый терроръ“ ему не страшенъ. Другое дѣло — движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессіи, неостанавливающаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала — даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого — такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной „смуты“. И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у самодержавія всегда будутъ штыки и пули, для соціалистовъ — тюрьмы и ссылка!), то для либеральнаго „общества“ устраненіе тѣхъ маленькихъ „подробностей“ системы, которыя связаны съ личностью „верховнаго палача Россіи“, — даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи *ею* движенія. Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде всего и больше всего, для нашихъ либераловъ. *Для нихъ* прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до *политической санкціи* удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для самодержавія минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли „дезорганизаторскаго отряда“ при арміи *буржуазнаго* общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое — въ лучшемъ случаѣ — можетъ вывить самодержавіе изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидающихъ вожделѣннаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени — соціальдемократіи. Роль „внѣшняго толчка“, измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть, на ряду съ устраненіемъ какого-нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями „стихійными“. Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ, наконецъ, смерть царя — такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у Варшавскаго вокзала. И если проклятое самодержавіе до сихъ поръ не исчезло съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если оно живо, то лишь потому, что, стоя подчасъ на краю гибели, оно не имѣло передъ собой противниковъ, которые представляли бы достаточную *политическую силу*, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организація революціоннаго *движенія* все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающагося процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ самодержавіе въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы переживали такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 г., когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны царской Бастиліи, и прошлымъ лѣтомъ, когда весь Югъ былъ охваченъ революціоннымъ погромомъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ аттакѣ на самодержавіе могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось „въ тискахъ“, и каждый день войны „стихійно“ наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ — все готово для похоронъ самодержавія, не готовы только его могильщики — организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишнихъ „дезорганизаторскихъ“ актахъ — генералъ Куроки и адм. Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а ген. Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ самоотвержено принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организаціи революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ самодержавія — эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому возстанію, которое одно только основательно покончитъ съ царизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ *этомъ* направленіи, до какой степени *всѣ* борящіяся съ царизмомъ организаціи недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы агоніи царизма. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтимъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ намъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектныя и симпатичныя, по своимъ мотивамъ, террористическія попытки дезорганизаціи правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоцѣнной энергіи. Не разрѣшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія царизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые „дезорганизаторскіе“ удары только усложняютъ его. Говорятъ объ агитаціонномъ („экситативномъ“) вліяніи террористическихъ актовъ. Но если мы, — революціонеры, — не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупнѣйшими и очевиднѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія самодержавія, то искусственно вызывать новые *поводы* для такой агитаціи — значитъ, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи самодержавія *народнымъ движеніемъ*. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ *народной революціи*, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной *внѣшними* обстоятельствами „безболѣзненной“ передачи политическаго наслѣдія Николая Романова Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ внѣшнихъ „побудительныхъ толчковъ“, тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на *службѣ* у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбѣжно содѣйствуетъ затрудненію той спеціальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной *народной* партіи.

Намъ, соціальдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся *стихійно*-складывающаяся обстановка крушенія самодержавія направляется *противъ* тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на *всѣ* недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился *относительно* за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія царизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ *его* политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соотвѣтственно построить свою борьбу противъ царизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ „сюрпризамъ“ вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго возстанія противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснять пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической борьбы для партіи *народныхъ* массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, пріучающей пролетаріатъ оріентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соотвѣтствующій моментъ, — вотъ къ чему должны мы стремится прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объектиная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи самодержавія въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ, это противорѣчіе, должны показать имъ за „революціоннымъ“ трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы, — силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“ — рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзѣ съ ними. Въ нашемъ отстаиваніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить „экситацію“, вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть объ убійствѣ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ царизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

„Къ массамъ!“ — таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

„Лишь топну ногой, изъ подъ земли появятся мои легіоны“, говорилъ древній полководецъ. Соціальдемократія *при извѣстныхъ условіяхъ* можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывный сигналъ не могъ затеряться въ торичелліевомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены всѣ наши усилія; помощью *агитаціи* и *организаціи* мы можемъ добиться своей цѣли. *Агитація*, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства самодержавія; *организація* все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ *демонстраціяхъ* революціоннаго протеста. Мы преодолѣемъ всѣ трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только съумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится *для насъ* въ покушеніи 15-го іюля. „Къ массамъ!“ гласитъ эта мораль.

СУДЪ НАДЪ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ САМОДЕРЖАВІЕМЪ.

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ подъ покрова канцелярской тайны. Это — 1316 ст. уст. граж. суд., которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому-либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго удовлетворенія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предпріимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ рядѣ процессовъ, разсмотрѣнныхъ недавно правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не жалкіе урядники и исправники, а столпы и опоры самодержавія, творцы и толкователи государственной политики. Предъ лицомъ суда выступили бывшіе кишиневскій губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Уструговъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кишиневской полиціи, и бывшій петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторыя лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиною погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кромѣ того, нѣкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 70. 25-го іюля 1904 г. Годъ IV.

ТЕРРОРЪ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Онъ былъ „государственный дѣятель“, какъ это слово понимаетъ современное буржуазное общество. Это значитъ — онъ безнаказанно убивалъ изъ-за угла своего министерскаго кабинета; огражденный дорого-стоившей народу охраной, онъ безпощадно попиралъ чужія права и губилъ многія жизни. Теперь онъ убитъ мѣтко пущенной бомбой и найдутся филистеры, которые будутъ кричать о безнравственности убійства, о жестокости мести. Но какая месть надъ *личностью* Плеве могла бы, напр., отплатить за апрѣльскіе дни въ Кишиневѣ?

Въ недавно закончившемся Кенигсбергскомъ процессѣ нѣмецкій прокуроръ ставилъ въ вину „Искрѣ“, а, въ лицѣ ея, всей россійской соціальдемократіи, что она, отрицая терроръ по соображеніямъ *политической цѣлесообразности*, не выражаетъ какого-либо *нравственнаго возмущенія* по поводу террористическихъ актовъ. Нѣмецкой прокуратурѣ не дождаться такого времени, когда россійская соціальдемократія „возвысится“ до той морали, которая способна возмущаться убійствомъ одного министра и набрасывать покровъ „государственной необходимости“ на массовыя убійства, совершенныя по приказу того же министра.

Впрочемъ, на этотъ разъ буржуазная пресса Запада, не преминувъ выразить свое „нравственное“ возмущеніе фактомъ убійства, да еще совершеннаго при участіи динамита, вызывающаго столь непріятныя ассоціаціи въ представленіи всякаго буржуа, — буржуазная пресса довольно опредѣленно заявила, что уничтоженіе Плеве явилось естественнымъ результатомъ его политической системы. Какъ мы отмѣчали недавно, по поводу выстрѣловъ Е. Шаумана, въ пору покушенія Балмашева отношеніе европейскаго общества было инымъ. Изъ-за политическаго протеста противъ системы Сипягина выглянулъ призракъ соціальной революціи, и буржуазія цѣлостно и, какъ водится, высоко-морально отнеслась къ выстрѣламъ молодого студента.

Два прошедшіе года измѣнили положеніе.

Кишиневская бойня, специально придуманная въ цѣляхъ борьбы съ движеніемъ соціалистическаго *пролетаріата*, разорвала многія нити, связывавшія царизмъ съ европейской *буржуазіей*. Не о десяткахъ разстрѣловъ рабочихъ-стачечниковъ, не объ Якутской трагедіи, не о безчеловѣчныхъ истязаніяхъ въ тюрьмахъ, не о каторжныхъ приговорахъ въ Таганрогѣ вспоминаетъ буржуазная пресса, когда объясняетъ *психологическую необходимость* того террора, подъ ударами котораго палъ Плеве. Она говоритъ о преслѣдованіяхъ Финляндіи, о Кишиневской рѣзнѣ, о ссылкахъ *писателей*, о травлѣ *студентовъ*, о преслѣдованіяхъ *земства*. „Внутренній врагъ“ всѣхъ порядочныхъ гражданъ Россіи, Плеве былъ, прежде всего, наиболѣе *опаснымъ* врагомъ для Россіи *либеральной*. Пролетарское движеніе, на которое обрушились самые жестокіе удары „системы“ всесильнаго самодержца, не могло быть остановлено ею въ своемъ развитіи, и въ іюльскихъ дняхъ 1903 г. русскій пролетаріатъ блестяще показалъ, что „бѣлый терроръ“ ему не страшенъ. Другое дѣло — движеніе либеральное, съ его легальными опорными пунктами въ земствахъ и печати. Безшабашная система репрессіи, неостанавливающаяся передъ правонарушеніями и самымъ грубымъ насиліемъ, не могла не придавить либеральнаго движенія, и, безсильный развратить рабочій классъ, Плеве оказался въ силахъ внести сѣмена разврата въ земскую среду. Либеральная Россія не знала — даже имѣя въ виду Дмитрія Толстого — такого неумолимаго врага, какимъ былъ Плеве. Даже могущественный Витте долженъ былъ сойти со сцены, когда въ немъ министръ бѣлаго террора усмотрѣлъ нѣкій оплотъ либеральной „смуты“. И если для пролетаріата уничтоженіе Плеве не только не сулитъ еще перемѣны всего режима, но не обѣщаетъ даже хоть какого нибудь измѣненія условій его борьбы противъ этого режима (для стачекъ и демонстрацій у самодержавія всегда будутъ штыки и пули, для соціалистовъ — тюрьмы и ссылка!), то для либеральнаго „общества“ устраненіе тѣхъ маленькихъ „подробностей“ системы, которыя связаны съ личностью „верховнаго палача Россіи“, — даже оно можетъ означать кое-какое облегченіе условій организаціи *его* движенія. Едва ли мы ошибемся, поэтому, если скажемъ, что взрывъ 15 іюля будетъ праздничнымъ днемъ, прежде всего и больше всего, для нашихъ либераловъ. *Для нихъ* прежде всего поработали мужественные революціонеры, подготовившіе и совершившіе покушеніе. Пролетаріатъ встрѣтитъ съ чувствомъ непосредственнаго удовлетворенія извѣстіе, что бомба революціонера убила человѣка, отвѣтственнаго за кровь многихъ тысячъ пролетаріевъ и за физическія и нравственныя страданія многихъ активныхъ борцовъ за свободу. Отъ этого чувства нравственнаго удовлетворенія какъ нельзя болѣе далеко до *политической санкціи* удачнаго террористическаго акта. Совершенный въ трудную для самодержавія минуту, этотъ актъ можетъ внести и, навѣрное, внесетъ сильную деморализацію въ ряды правящей клики и подниметъ настроеніе протеста въ кое-какихъ, придавленныхъ Плеве, общественныхъ кругахъ. И если бы задача революціонной партіи сводилась къ роли „дезорганизаторскаго отряда“ при арміи *буржуазнаго* общественнаго движенія, то террористическій ударъ, направленный на такого дѣятеля, какъ Плеве, могъ бы считаться политически-цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ, которое — въ лучшемъ случаѣ — можетъ выбить самодержавіе изъ достигнутаго имъ состоянія равновѣсія и тѣмъ толкнуть его въ объятія пассивно-ожидающихъ вожделѣннаго момента либераловъ.

Не таковы, однако, задачи единственно-революціонной партіи нашего времени — соціальдемократіи. Роль „внѣшняго толчка“, измѣняющаго въ неблагопріятную сторону позицію самодержавія, можетъ играть, на ряду съ устраненіемъ какого-нибудь Плеве, цѣлый рядъ такихъ фактовъ, которые, по отношенію къ сознательной дѣятельности революціонеровъ, должны быть признаны явленіями „стихійными“. Взятіе Портъ-Артура, капитуляція Куропаткина, голодъ въ деревнѣ, наконецъ, смерть царя — такія событія могутъ внести въ высшія сферы ничуть не меньшую деморализацію, чѣмъ взрывъ бомбы у Варшавскаго вокзала. И если проклятое самодержавіе до сихъ поръ не исчезло съ лица земли русской, то ужъ никакъ не потому, чтобы на него не обрушилось достаточно подобныхъ ударовъ. Если оно живо, то лишь потому, что, стоя подчасъ на краю гибели, оно не имѣло передъ собой противниковъ, которые представляли бы достаточную *политическую силу*, чтобы мобилизовать народныя массы и повести ихъ на штурмъ его твердынь. Организація революціоннаго *движенія* все еще безконечно отстаетъ отъ стихійно развивающагося процесса быстраго разложенія господствующаго режима. Этотъ стихійный процессъ періодически ставитъ самодержавіе въ то безвыходное положеніе, при которомъ всесторонній могучій натискъ народа можетъ вызвать непосредственную его ликвидацію. Мы переживали такой моментъ весной 1901 года, въ пору событій, связанныхъ съ возстаніемъ студенчества, мы пережили его снова весной 1902 г., когда отъ крестьянскаго возстанія задрожали стѣны царской Бастиліи, и прошлымъ лѣтомъ, когда весь Югъ былъ охваченъ революціоннымъ погромомъ всеобщей стачки. Въ любой изъ этихъ моментовъ концентрація всѣхъ революціонныхъ силъ въ аттакѣ на самодержавіе могла, при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ немедленной развязкѣ. Но силы русской народной революціи не были организованы въ каждый изъ этихъ моментовъ, и за временнымъ подъемомъ наступала полоса затишья, призывавшая насъ энергично готовиться къ неминуемому слѣдующему прибою.

Съ началомъ войны самодержавіе снова оказалось „въ тискахъ“. я каждый день войны „стихійно“ наноситъ ему тѣ удары, которые основательно дезорганизуютъ правительственную машину и деморализуютъ правящіе круги. Еще разъ — все готово для похоронъ самодержавія, не готовы только его могильщики — организованныя революціонныя силы. Нѣтъ никакой нужды въ лишнихъ „дезорганизаторскихъ“ актахъ — генералъ Куроки и адм. Того заботятся о томъ, чтобы ихъ было достаточно, а ген. Куропаткинъ и адм. Алексѣевъ самоотвержено принимаютъ на себя скорѣйшую передачу этихъ дезорганизаторскихъ толчковъ по назначенію. Необходима положительная работа организаціи революціоннаго движенія массъ, необходимо постоянно, въ все болѣе широкихъ размѣрахъ, въ все болѣе рѣшительныхъ формахъ совершаемое политическое выступленіе этихъ массъ противъ самодержавія — эта единственная школа подготовки народа къ тому всероссійскому возстанію, которое одно только основательно покончитъ съ царизмомъ.

Намъ не приходится здѣсь подробно указывать, какъ мало дѣлается въ *этомъ* направленіи, до какой степени *всѣ* борящіяся съ царизмомъ организаціи недостаточно использовали послѣдніе, богатые событіями, мѣсяцы агоніи царизма. Не приходится намъ особенно настаивать и на томъ, что, въ частности, наша партія, единственная сколько нибудь плодотворно работавшая на этомъ поприщѣ, что она еще менѣе, чѣмъ въ предшествующіе критическіе моменты, выполнила все то, чего вправѣ былъ ожидать отъ нея пролетаріатъ. И врядъ ли съ чьей либо стороны встрѣтимъ мы возраженіе, сказавъ, что это обстоятельство еще и еще разъ краснорѣчиво взываетъ къ намъ о скорѣйшемъ устраненіи изъ нашей партійной жизни всѣхъ тѣхъ ненужныхъ треній, которыя мѣшаютъ партіи развернуть всю ея революціонную энергію.

При такомъ положеніи дѣлъ, затрата хотя бы частицы революціонной силы на эффектныя и симпатичныя, по своимъ мотивамъ, террористическія попытки дезорганизаціи правительственнаго механизма представляются, въ лучшемъ случаѣ, напрасной тратой драгоцѣнной энергіи. Не разрѣшая того вопроса, который стоитъ передъ нами въ видѣ несоотвѣтствія между степенью разложенія царизма и степенью организованности активно-боевыхъ силъ революціи, такіе новые „дезорганизаторскіе“ удары только усложняютъ его. Говорятъ объ агитаціонномъ („экситативномъ“) вліяніи терростическихъ актовъ. Но если мы, — революціонеры, — не можемъ агитаціонно использовать весь матеріалъ, даваемый намъ крупнѣйшими и очевиднѣйшими фактами повседневно совершающагося процесса разложенія самодержавія, то искусственно вызывать новые *поводы* для такой агитаціи — значитъ, опять таки, только еще болѣе затруднять свою собственную задачу. Такова должна быть, на нашъ взглядъ, точка зрѣнія всякаго, для кого ближайшая политическая задача состоитъ въ революціонномъ сверженіи самодержавія *народнымъ движеніемъ*. Такова только и можетъ быть позиція пролетарской партіи. Но, разумѣется, для тѣхъ, кто суживаетъ эту ближайшую задачу, значеніе террористическихъ актовъ представится въ иномъ свѣтѣ. Кто заранѣе отказывается отъ *народной революціи*, тотъ можетъ возложить всѣ свои надежды на такое измѣненіе современнаго режима, которое явится результатомъ вынужденной *внѣшними* обстоятельствами „безболѣзненной“ передачи политическаго наслѣдія Николая Романова Стаховичу и Ко. Тотъ можетъ, слѣдовательно, направить свои силы на умноженіе этихъ внѣшнихъ „побудительныхъ толчковъ“, тотъ можетъ брать на себя самоотверженную роль загонщика на *службѣ* у либеральнаго общества. Тотъ тѣмъ самымъ непосредственно и неизбѣжно содѣйствуетъ затрудненію той специальной задачи, которая выпадаетъ на долю революціонной *народной* партіи.

Намъ, соціальдемократамъ, дѣло 15 іюля еще разъ напоминаетъ, что вся *стихійно*-складывающаяся обстановка крушенія самодержавія направляется *противъ* тѣхъ политическихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ революціонный авангардъ россійскаго пролетаріата. Мы еще не утратили вліянія на *всѣ* недовольные абсолютизмомъ политическіе слои, но кругъ нашего вліянія уже сузился *относительно* за послѣдніе годы, и мы увѣренно можемъ сказать, что о бокъ съ нами всегда найдутся революціонные элементы, готовые содѣйствовать приближенію паденія царизма такими методами, которые, какъ выше указано, имѣютъ тенденцію затруднить рѣшеніе пролетаріатомъ *его* политической задачи. Принимая это обстоятельство за данное, наша партія должна соотвѣтственно построить свою борьбу противъ царизма, заранѣе подготовившись къ возможнымъ „сюрпризамъ“ вродѣ дѣла 15 іюля, и стараясь и ихъ использовать въ интересахъ приближенія всенароднаго возстанія противъ нынѣшняго порядка.

Каждый террористическій актъ долженъ дать намъ новый поводъ разъяснять пролетаріату и другимъ революціоннымъ общественнымъ элементамъ нецѣлесообразность террора, какъ метода политической борьбы для партіи *народныхъ* массъ. Но этого одного мало. Въ политической обстановкѣ даннаго момента удачно проведенный террористическій актъ можетъ вызвать такое передвиженіе фигуръ на государственной сценѣ, которое само по себѣ дастъ богатый матеріалъ для серьезной политической агитаціи, пріучающей пролетаріатъ оріентироваться въ общественной жизни и закаляться для рѣшительной борьбы активнымъ выступленіемъ въ ней. Активное появленіе хотя бы только передовыхъ отрядовъ пролетаріата на этой сценѣ въ соотвѣтствующій моментъ, — вотъ къ чему должны мы стремится прежде всего.

Историческимъ опытомъ подтвержденная объективная тенденція террористической борьбы въ Россіи заключается въ толканіи самодержавія въ объятія къ либераламъ. Наши политическія стремленія идутъ въ разрѣзъ съ этой тенденціей. И мы должны разъяснить рабочимъ массамъ, это противорѣчіе, должны показать имъ за „революціоннымъ“ трескомъ лопающихся бомбъ муравьиную работу слагающейся силы, — силы русскаго буржуазнаго либерализма, готовящагося перенять въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“ — рядомъ съ монархіей и бюрократіей и въ союзѣ съ ними. Въ нашемъ отстаиваніи пролетарскихъ методовъ революціонной борьбы мы до сихъ поръ успѣвали лишь постольку, поскольку за нашей теоретической пропагандой шелъ каждый разъ новый подъемъ классоваго пролетарскаго движенія, ослаблявшій въ общественномъ сознаніи эффектъ предыдущаго цикла террористическихъ проявленій. Обуховцы помогли намъ ослабить „экситацію“, вызванную Карповичемъ; ростовцы свели къ минимуму успѣхъ террора, возобновленнаго Балмашевымъ; южныя стачки заставили забыть объ убійствѣ Богдановича. И въ будущемъ только новый подъемъ массъ дастъ намъ прочную основу для развитія всесторонней политической кампаніи противъ царизма во имя тѣхъ лозунговъ, которые диктуются намъ нашей программой.

„Къ массамъ!“ — таковъ пароль даннаго момента. Къ массамъ, чтобы вести ихъ въ активную политическую борьбу подъ самостоятельнымъ знаменемъ.

„Лишь топну ногой, изъ подъ земли появятся мои легіоны“, говорилъ древній полководецъ. Соціальдемократія *при извѣстныхъ условіяхъ* можетъ съ полнымъ правомъ повторить о себѣ эти слова. Но только въ томъ случаѣ, если она сама тщательно позаботилась, чтобы ея призывный сигналъ не могъ затеряться въ торичеллієвомъ безвоздушномъ пространствѣ, чтобы онъ нашелъ живой проводникъ въ атмосферѣ взаимнаго политическаго пониманія между партіей и массами. Въ сторону созданія такой неразрывной связи должны быть направлены всѣ наши усилія; помощью *агитаціи* и *организаціи* мы можемъ добиться своей цѣли. *Агитація*, концентрированная вокругъ вопросовъ быстро разоблачаемаго войной банкротства самодержавія; *организація* все болѣе и болѣе широкихъ рабочихъ массъ въ *демонстраціяхъ* революціоннаго протеста. Мы преодолѣемъ всѣ трудности, которыя встанутъ передъ нами на этомъ пути, если только съумѣемъ понять ту политическую мораль, которая таится *для насъ* въ покушеніи 15-го іюля. „Къ массамъ!“ гласитъ эта мораль.

СУДЪ НАДЪ ПОЛИЦЕЙСКИМЪ САМОДЕРЖАВІЕМЪ.

Въ русскихъ судебныхъ уставахъ, превосходно приспособленныхъ къ потребностямъ полицейскаго государства, сохранилась, по странному недосмотру, одна статья, которая, не имѣя почти никакого практическаго значенія, позволяетъ предавать гласности такіе факты административной практики, которые безъ нея никогда не выскользнули бы изъ подъ покрова канцелярской тайны. Это — 1316 ст. уст. граж. суд., которая, въ случаѣ убытковъ, причиненныхъ кому-либо нерадѣніемъ, медленностью или неосмотрительностью должностныхъ лицъ, предоставляетъ потерпѣвшему право искать денежнаго удовлетворенія съ виновныхъ обычнымъ гражданскимъ порядкомъ. Эта статья всегда служила предпріимчивымъ людямъ для уловленія правительственныхъ агентовъ, но, несомнѣнно, пользованіе ею рѣдко сопровождалось такимъ блестящимъ успѣхомъ, какъ въ рядѣ процессовъ, разсмотрѣнныхъ недавно правительствующимъ сенатомъ. На юридическій крючокъ попали не мелкія рыбешки чиновнаго моря, не жалкіе урядники и исправники, а столпы и опоры самодержавія, творцы и толкователи государственной политики. Предъ лицомъ суда выступили бывшіе кишиневскій губернаторъ Раабенъ и вице-губернаторъ Устругoвъ, окруженные цѣлымъ штатомъ кишиневской полиціи, и бывшій петербургскій градоначальникъ, а нынѣшній кіевскій, волынскій и подольскій генералъ-губернаторъ Клейгельсъ. Содержаніе процессовъ не отличается сложностью. Иски къ кишиневской администраціи были послѣднимъ отголоскомъ извѣстной кишиневской трагедіи. Нѣкоторыя лица, потерпѣвшія матеріальный ущербъ отъ погрома и основательно полагавшія, что причиною погрома было, въ лучшемъ случаѣ, нерадѣніе мѣстной власти, требовали, чтобы кишиневская полиція, во главѣ съ губернаторомъ и вице-губернаторомъ, возмѣстила убытки, причиненные громилами. Кромѣ того, нѣкій г. Британъ предъявилъ къ бывшему кишиневскому вице-губернатору Устругову специальный искъ, требуя возмѣщенія убытковъ, происшедшихъ отъ конфискаціи, по распоряженію Устругова, изданной г. Британомъ брошюры, разрѣшенной одесскою цензурою и содержавшей дословную перепечатку проповѣдей Ивана Кронштадтскаго и житомірскаго архіерея Антонія по поводу кишиневскаго погрома. Дѣло генерала Клейгельса возникло по иску курсистки Забіякиной. Истица, во время демонстраціи четвертаго марта 1901 года, подверглась избіенію, результатомъ котораго былъ переломъ реберъ и общее разстройство здоровья, гибельно отразившіеся на ея трудоспособности. Вынужденная прибѣгнуть къ серьезному лѣченію, Забіякина требовала уплаты расходовъ съ Клейгельса, какъ главнаго распорядителя и устроителя мартовской бойни на казанской площади. Сенатъ безповоротно и рѣшительно отказалъ всѣмъ истцамъ. Но въ объясненіяхъ отвѣтчиковъ, въ судебныхъ преніяхъ и въ мотивированныхъ заключеніяхъ сената содержится драгоцѣнный матеріалъ, который даетъ возможность не согласиться съ представителями высшей судебной власти въ Россіи и найти виноватаго, ускользнувшаго отъ строгаго сенаторскаго ока. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно важны объясненія отвѣтчиковъ, ихъ система защиты. Къ нимъ предъявленъ гражданскій искъ, удовлетвореніе котораго, въ худшемъ случаѣ, грозитъ имъ потерей нѣсколькихъ сотенъ рублей. Казалось бы, что при такой постановкѣ вопроса отвѣтчику нѣтъ никакого разсчета итти дальше истца и навлекать на себя большую кару. Между тѣмъ, никто изъ представителей власти, за исключеніемъ стараго и глупаго генерала Раабена, не остался въ предѣлахъ гражданскаго иска, никто не попытался исчерпывающимъ образомъ доказать, что въ его дѣйствіяхъ не было нерадѣнія и неосмотрительности, предусматриваемыхъ 1316 статьею. Главнымъ доводомъ отвѣтчиковъ было чисто формальное возраженіе, что они не подсудны сенату, что бездѣйствіе власти, которое приписывается имъ истцами, должно быть разсматриваемо, какъ уголовное преступленіе, уголовнымъ судомъ. Провинціальные администраторы еще сдабриваютъ свою точку зрѣнія нѣкоторымъ жалкимъ лепетомъ оправданія, но такой столпъ отечества, какъ Клейгельсъ, не счелъ нужнымъ представить высшему судилищу имперіи ни одного объясненія по существу. Съ чисто полицейскою наглостью, онъ заявилъ только, что его дѣйствія должны подлежать не гражданскому, а уголовному суду въ порядкѣ 1085 ст. угол. суд. Это однообразіе въ системѣ защиты, одинаковой и у царскаго намѣстника, генералъ-губернатора, и у жалкаго кишиневскаго помощника пристава, — далеко не случайность. Надо замѣтить, при этомъ, что уголовная отвѣтственность, призываемая на свою голову отвѣтчиками, весьма серьезна. По уложенію о наказаніяхъ, должностныя лица, виновныя въ злоупотребленіи властью, сопровождавшемся жестокостями и истязаніями (а таковы именно и кишиневскій погромъ и усмиреніе казанской демонстраціи), подвергаются тяжелымъ карамъ, вплоть до лишенія правъ, заключенія въ арестантскія роты на 3 года и ссылки въ Сибирь на поселеніе. И тѣмъ не менѣе, не только въ разсматриваемыхъ процессахъ, но и во всѣхъ подобныхъ, должностныя лица, привлекаемыя къ гражданскому суду, всегда прячутся подъ сѣнь уголовнаго закона. По словамъ повѣреннаго кишиневскихъ евреевъ, практика исковыхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ соединеннымъ присутствіемъ правительствующаго сената, показываетъ, что отвѣтчики — должностныя лица весьма склонны прикрываться отводомъ объ уголовной подсудимости и квалифицировать свои дѣйствія, какъ уголовное преступленіе. Это, повидимому, противорѣчащее всякому здравому смыслу, призываніе на себя тяжкихъ уголовныхъ каръ составляетъ прочно установившійся и возведенный въ систему способъ полицейской защиты и объясняется тѣмъ безобразнымъ порядкомъ, который установленъ русскимъ законодательствомъ для отвѣтственности должностныхъ лицъ. По общему правилу, каждый русскій чиновникъ предается уголовному суду той властью, которою онъ назначается въ должность. Чиновники же, назначаемые верховною властью, до 1897 г. предавались суду опредѣленіемъ перваго департамента сената, а съ 1897 г. опредѣленія сената должны пройти чрезъ комитетъ министровъ и получить высочайшее утвержденіе. Такимъ образомъ, низшіе агенты правительства покрываются высшими, а высшіе покрываются самимъ царемъ. И если губернаторы иногда и выдаютъ своихъ подчиненныхъ, то еще не было примѣра, чтобы россійскій самодержецъ предалъ суду кого-либо изъ губернаторовъ или министровъ, какія бы преступленія они ни совершили. Результатомъ такого порядка является полная безотвѣтственность высшей администраціи, когда ея дѣйствія принимаютъ характеръ уголовщины. Прячась одинъ за другого, агенты правительства находятъ, наконецъ, безопасное убѣжище за царскою спиною, гдѣ ихъ не достанетъ никакой судъ. Ясно, поэтому, что всякое должностное лицо старается отвертѣться отъ гражданскаго суда, къ которому можетъ прибѣгнуть каждый обыватель, и отсылаетъ истцовъ къ уголовному, т. е. къ непосредственному начальству отвѣтчика, а иногда и къ самому царю. И Клейгельсъ и Уструговъ и всѣ пристава и помощники кишиневской полиціи требовали уголовнаго суда надъ собою. Съ ними согласился и сенатъ. Въ заключеніи по кишиневскимъ дѣламъ, оберъ-прокуроръ сената указалъ, что приписываемыя истцами отвѣтчикамъ дѣянія составляютъ уголовныя преступленія, и искъ объ убыткахъ, причиненныхъ этими дѣяніями, допустимъ лишь по преданіи отвѣтчиковъ уголовному суду. Въ дѣлѣ Клейгельса, обвиняемаго Забіякиной въ намѣренномъ избіеніи толпы, по мнѣнію оберъ-прокурора, также имѣются всѣ признаки уголовнаго преступленія. Сенатъ заявилъ только, что онъ „не можетъ съ достовѣрностью ни признать, ни отвергнуть правильности положенія, выставленнаго истицею“, и, поэтому, отказалъ ей въ искѣ. Такимъ образомъ, какъ въ кишиневскомъ, такъ, въ особенности, въ петербургскомъ дѣлѣ и истцы и отвѣтчики и судъ вполнѣ ясно подчеркивали преступный характеръ дѣятельности администраціи, и, если истцы настаивали на гражданской отвѣтственности представителей власти, то исключительно по понятному желанію довести дѣло до гласнаго суда и пролить свѣтъ на возмутительнѣйшіе факты насилія и произвола, которые другимъ путемъ остались бы неизвѣстными широкой публикѣ. Они достигли цѣли. Теперь русскіе читатели узнаютъ изъ легальныхъ газетъ и объ участіи правительства въ организаціи кишиневскаго погрома и о безобразномъ избіеніи демонстрантовъ на казанской площади въ Петербургѣ. Но — разъ факты преступленія установлены, разъ даже сенатъ сомнѣвается въ правильности дѣйствій Клейгельса, то почему же отвѣтчики вышли изъ суда какъ бы оправданными, почему виновные не понесли наказанія? Правосудіе, одна изъ ненасытнѣйшихъ потребностей души человѣческой, по выраженію одного стараго юриста, не можетъ удовлетвориться такимъ исходомъ. И, однако, неправый по существу, приговоръ сената формально вполнѣ правиленъ. Конечно, сенатъ склонился предъ администраціею, конечно, онъ долженъ былъ выяснить дѣло и не имѣлъ права останавливаться предъ нимъ въ сомнѣніи и недоумѣніи, но, если бы даже онъ передалъ процессы въ уголовный судъ, то всѣ отвѣтчики вышли бы оттуда оправданными. Судебная машина работаетъ не для отвлеченной справедливости, она защищаетъ очень опредѣленные правительственные интересы, называемые въ законодательствѣ неопредѣленнымъ именемъ государственной пользы. У насъ эта машина защищаетъ интересы самодержавія, давно разошедшіеся съ интересами страны. При такихъ условіяхъ, развѣ можно разсчитывать на то, что уголовный судъ дастъ отрицательную оцѣнку дѣйствіямъ администраціи, клонившимся къ защитѣ самодержавія? Поэтому, разсматриваемые процессы ставятъ болѣе важный вопросъ, чѣмъ вопросъ о порядкѣ отвѣтственности должностныхъ лицъ. И Клейгельсъ и Уструговъ и полицейскіе пристава знаютъ, что насиліе есть нарушеніе закона, есть преступленіе. Отводъ къ уголовной подсудности, сдѣлавшійся системою полицейской защиты — не только уловка для того, чтобы обезпечить себѣ безнаказанность. Въ ней, — быть можетъ, безсознательно, — сказалось истинное положеніе вещей. Представители власти не только изъ собственной выгоды, но и по искреннему убѣжденію считаютъ свои дѣйствія преступленіями, нарушеніями закона. Но законъ не обезпечиваетъ сохраненія существующаго порядка — приходится итти противъ закона. „По обстоятельствамъ времени, — восклицаетъ Уструговъ въ своемъ объясненіи, — было не только невозможно, но прямо преступно задумываться предъ буквою закона, коль скоро поддержаніе государственнаго порядка и общественной безопасности... требовали нѣкотораго игнорированія частныхъ матеріальныхъ интересовъ“. Исторія послѣднихъ лѣтъ русской жизни показываетъ, что не одни матеріальные интересы игнорировались властью въ интересахъ государственнаго порядка. Духовныя потребности, личная неприкосновенность, даже самая жизнь человѣческая приносились и приносятся въ жертву молоху самодержавія. Инымъ путемъ современное правительство итти не можетъ. Когда государственный строй становится ненавистнымъ и вреднымъ пережиткомъ старины, его поддержаніе превращается въ хроническое преступленіе исполнительной власти. Клейгельсъ совершенно основательно пишетъ въ своемъ объясненіи, что губернаторы и градоначальники при прекращеніи безпорядковъ дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію и никакимъ послѣдствіямъ за свои дѣйствія не подлежатъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано злоупотребленіе представленнымъ имъ правомъ. Но „злоупотребленіе правомъ“ возможно только тогда, когда власть дѣйствуетъ на основаніи правовыхъ положеній; если же ей предписывается дѣйствовать „по собственному усмотрѣнію“, если она даже предъ судомъ заявляетъ, что считаетъ преступнымъ задумываться надъ буквою закона, то ни о какомъ злоупотребленіи правомъ не можетъ быть и рѣчи, ибо никакого „права“ въ данной области не существуетъ. Конфискація имущества, насилія, даже убійства представляютъ не злоупотребленіе, а обычное употребленіе власти агентами самодержавнаго правительства. Въ этомъ выводѣ заключается главный смыслъ разсмотрѣнныхъ процессовъ. Они неопровержимо доказываютъ, что преступленія должностныхъ лицъ, столь обильныя въ Россіи, объясняются вовсе не „низкимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ“ полицейскихъ чиновъ, а коренятся въ самомъ строѣ государственной жизни, въ русскомъ самодержавіи, которое съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе превращается въ длящееся преступленіе. Поэтому, самодержавіе является тѣмъ виновнымъ, котораго не могъ найти сенатъ въ кишиневскомъ и петербургскихъ дѣлахъ, поэтому, всѣ попытки очистить русскую общественную и государственную жизнь отъ удушливой атмосферы гнета и насилій должны быть направлены, прежде всего, на уничтоженіе самодержавія. И это уничтоженіе наиболѣе важно и необходимо для рабочаго класса, такъ какъ его интересы не имѣютъ ни какой цѣны въ глазахъ представителей самодержавной власти. Бывшій губернаторъ Раабенъ откровенно заявилъ въ своемъ объясненіи, что своей главнѣйшей задачею онъ считаетъ „защиту кредитныхъ учрежденій, крупныхъ фирмъ, фабрикъ, заводовъ и аптекъ“. Жизнь и имущество бѣдняковъ-рабочихъ, по мнѣнію царскаго чиновника, стоятъ слишкомъ дешево, чтобы о нихъ безпокоиться. Этотъ взглядъ выражается во всѣхъ дѣйствіяхъ царскаго правительства, и рабочій классъ только тогда освободится отъ его тяжкихъ проявленій, когда рѣшительно и безповоротно покончитъ съ царемъ и вѣрноподданной администраціей.

ПО ПОВОДУ ЗАКОНА 2-го ІЮНЯ 1904 г.

7-го іюня ст. ст. изданъ новый законъ „О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ и о примѣненіи къ онымъ постановленій новаго уголовнаго положенія“. Намъ удалось ознакомиться съ секретнымъ докладомъ министра Юстиціи статсъ-секретаря Муравьева,[1] представленнымъ Государственному Совѣту, и пользуясь имъ, мы дадимъ очеркъ новаго закона, мотивовъ его изданія и его оцѣнку. Сущность новаго закона сводится къ тому, что политическія преступленія отнынѣ будутъ рѣшаться не административнымъ порядкомъ, а сдѣлаются предметомъ судебнаго разбирательства. У насъ и до настоящаго момента не отсутствовали постановленія закона, которыя позволяли-бы рѣшать дѣла о политическихъ преступленіяхъ судомъ, но не примѣнялись они — по словамъ статсъ-секретаря Муравьева — „въ видахъ человѣколюбія“, чтобъ за нѣкоторыя дѣянія, совершенныя по легкомыслію (напр., хула на государя, произнесенная въ пьяномъ видѣ) не подвергать виновныхъ слишкомъ тяжелому наказанію[2] второй причиной непримѣненія судебнаго порядка были недостатки судопроизводства, устраняемые новымъ закономъ. Можетъ быть, это такъ. Но мы укажемъ лишь на то, что приводимыя въ докладѣ министра статистическія цыфры (см. ниже) обнаруживаютъ ясно, гдѣ слѣдуетъ искать мотивовъ изданія новаго закона. Этотъ мотивъ — въ страхѣ передъ растущимъ буквально гигантскими шагами революціоннымъ движеніемъ и въ попыткѣ остановить его усиленіемъ репрессіи, а не въ случайныхъ несовершенствахъ матеріальнаго и процессуальнаго характера или въ признаніи „ненормальнымъ“ административнаго порядка разрѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Новый законъ составляется изъ двухъ частей: матеріальной и процессуальной. Согласно первой, въ настоящее время вводятся въ дѣйствіе н

---

[1] Изд. минист. Юстиціи по первому деп—ту. Часть юрисконсультская. Январь 28 1904 г. № 4511 Секретно.

[2] Вѣроятно, также по „человѣколюбію“ иногда за дѣяніе, каравшееся по Уложенію мѣсяцемъ-другимъ тюрьмы, люди ссылались въ Сибирь на 3-5 лѣтъ.

Рабочій классъ и соціальдемократическая интеллигенція.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Вопросъ объ отношеніи соціалистической интеллигенціи къ рабочему классу, въ той его формулировкѣ, которая интересуетъ насъ здѣсь, представляетъ собою лишь одну изъ разновидностей коренного вопроса „философіи исторіи“: вопроса объ отношеніи общественнаго „*бытія*“ къ общественному „*мышленію*“. Въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка этотъ послѣдній вопросъ, можно сказать, не сходилъ съ очереди въ общественной наукѣ, ложась въ основу даже нѣкоторыхъ *теологическихъ* споровъ: такъ, напримѣръ, знаменитый въ свое время споръ между Штраусомъ и Бруно Бауэромъ о происхожденіи евангельскихъ вымысловъ былъ въ сущности споромъ о томъ, какъ относится „мышленіе“ („Selbstbewusstsein“ Бруно Бауэра) къ „бытію“ („Substanz“ Штрауса). Въ исторіи русскаго революціоннаго движенія онъ выступалъ на сцену каждый разъ, когда наши революціонеры начинали задумываться объ отношеніи *интеллигенціи* къ „*народу*“. Будущій, — болѣе глубокій и болѣе разносторонне образованный, — Милюковъ откроетъ въ нашихъ безконечныхъ и безпорядочныхъ всероссійскихъ спорахъ объ этомъ вопросѣ массу интереснѣйшихъ данныхъ для „исторіи русской культуры“. Я отъ души желаю успѣха этому будущему Милюкову, но самъ я не имѣю теперь ни желанія, ни возможности забираться „въ глубь временъ“. Я стану разсматривать этотъ вопросъ лишь постольку, поскольку онъ затрагиваетъ самые насущные практическіе интересы нашей партіи.

Наши „экономисты“ говорили еще недавно, что „революціонная бацила — интеллигенція“ не должна предлагать пролетаріату соціалистическую программу раньше, чѣмъ онъ самъ, безо всякой помощи съ ея стороны, додумается до соціалистическихъ идеаловъ. Это была большая *практическая* ошибка, обусловленная грубымъ *теоретическимъ* промахомъ: непониманіемъ той роли, которую играли, играютъ и не могутъ не играть передовыя личности въ исторіи развитія всякаго революціоннаго класса.[1]) Теперь взглядъ „экономистовъ“ отвергнутъ едва-ли не всѣми россійскими соціальдемократами. И я, какъ нельзя болѣе, радъ этому обстоятельству, потому что меня очень сильно огорчала и раздражала грубая и вредная ошибка „экономистовъ“. Но изъ того, что теперь никто изъ насъ не согласенъ съ экономистами, вовсе еще не слѣдуетъ, что вопросъ объ отношеніи соціалистической интеллигенціи къ „народу“ рѣшается нами теперь безошибочно. Заблуждаться можно — увы! — на множество самыхъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ ладовъ. У насъ многіе держатся теперь, въ рѣшеніи этого вопроса, такого взгляда, который можно назвать *дополнительнымъ* до взгляда „экономистовъ“: эти два взгляда *дополняютъ* другъ друга до *истины* подобно тому, какъ въ геометріи извѣстные углы, дополняютъ другъ друга до *прямого*. Но какъ ни одинъ дополнительный уголъ не можетъ быть прямымъ, а непремѣнно будетъ болѣе или менѣе *острымъ*, совершенно такъ ни одинъ дополнительный взглядъ никогда не можетъ быть *вѣрнымъ*, а всегда будетъ болѣе или менѣе *ошибочнымъ* въ своей *односторонности*. Въ данномъ случаѣ, элементъ ошибки дѣлится въ равной мѣрѣ между тѣмъ взглядомъ, котораго держались „экономисты“ и тѣмъ, который смѣнилъ его въ умахъ нѣкоторой части нашихъ товарищей, уподобляя каждый изъ нихъ острому углу въ 45 градусовъ.

Взглядъ, замѣнившій у насъ собою отвергнутый взглядъ „экономистовъ“, состоитъ въ томъ, что если бы не было знаменитой „бацилы“, то шансы соціализма были бы равны нулю, такъ какъ самъ по себѣ рабочій классъ не можетъ придти къ соціалистическимъ выводамъ. Это тотъ же „экономизмъ“, но только поставленный вверхъ ногами: отношеніе общественнаго „мышленія“ къ общественному „бытію“ понимается здѣсь ничуть не лучше. Чтобы сдѣлать настоящій, а не мнимый „шагъ впередъ“ въ пониманіи этого отношенія, мы должны прежде всего справиться съ этой новой ошибкой, раздѣлаться съ этой новой погудкой на старый ладъ.

Разсмотримъ же этотъ предметъ со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, какого онъ заслуживаетъ по своей теоретической и практической важности.

Указанная мною новая погудка на старый ладъ, явившаяся, какъ неосмысленная и односторонняя реакція противъ односторонняго и неосмысленнаго взгляда „экономистовъ“, нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ брошюрѣ Ленина „*Что дѣлать?*“ Къ этой брошюрѣ мы и обратимся.

Тамъ, на стр. 20, въ главѣ: „Стихійность массъ и сознательность соціальдемократіи“, мы встрѣчаемъ слѣдующее интересное сужденіе, относящееся къ нашимъ знаменитымъ стачкамъ девяностыхъ годовъ.

„Взятыя сами по себѣ, эти стачки были борьбой трэдъ-юніонистской, но еще не соціальдемократической, онѣ знаменовали пробужденіе антагонизма рабочихъ и хозяевъ, но у рабочихъ не было, да и быть не могло сознанія непримиримой противоположности ихъ интересовъ всему современному политическому и общественному строю, т. е. сознанія соціальдемократическаго. Въ этомъ смыслѣ стачки девяностыхъ годовъ, оставались движеніемъ чисто-стихійнымъ“.

Что десятки тысячъ рабочихъ, участвовавшихъ въ названныхъ стачкахъ, далеко еще не стояли на высотѣ соціальдемократическаго сознанія, съ этимъ, разумѣется, нельзя не согласиться. Но посмотримъ, какъ Ленинъ обосновываетъ далѣе свое сужденіе.

„Мы сказали, что соціальдемократическаго сознанія у рабочихъ *и не могло быть* (курсивъ Ленина). Оно могло быть принесено только извнѣ. Исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе трэдъ-юніонистское, т. е. убѣжденіе въ необходимости объединяться въ союзы, вести борьбу съ хозяевами, добиваться отъ правительства изданія тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для рабочихъ законовъ и т. п. Ученіе соціализма выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ. Основатели современнаго научнаго соціализма, Марксъ и Энгельсъ, принадлежали и сами, по своему соціальному положенію, къ буржуазной интеллигенціи. Точно также и въ Россіи теоретическое ученіе соціальдемократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія, возникло, какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи“.

Соціальдемократическое ученіе въ нашей странѣ дѣйствительно и несомнѣнно было естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ развитія мысли у „революціонно-соціалистической“ интеллигенціи. Но откуда взялъ Ленинъ, что эта мысль развивалась „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“? Вотъ интересный вопросъ.

Если бы Ленинъ былъ хоть немного лучше знакомъ съ исторіей нашего революціоннаго движенія, то онъ зналъ бы, что „стихійный ростъ рабочаго движенія“ оказалъ на него очень сильное вліяніе именно въ то время, когда старая народническая теорія начинала трещать по всѣмъ швамъ, вслѣдствіе новыхъ, непредвидѣнныхъ ею, запросовъ жизни. Въ революціонной литературѣ конца 70-хъ гг. можно найти нѣсколько весьма поучительныхъ примѣровъ того, какъ неожиданное появленіе на нашей исторической сценѣ пролетаріата со свойственными ему общественными запросами сбивало съ толку народническихъ писателей и тѣмъ приближало время основательнаго пересмотра народнической программы. На первый разъ я отсылаю Ленина къ передовой статьѣ № 4 „Земли и Воли“, написанной по поводу стачекъ на Обводномъ Каналѣ въ Петербургѣ.

„Къ тому времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, т. е. къ половинѣ девяностыхъ годовъ, — продолжаетъ Ленинъ, — это ученіе не только было уже вполнѣ сложившейся программой Группы Освобожденіе Труда, но и завоевало на свою сторону большинство революціонной молодежи въ Россіи“ (стр. 20-21.)

Въ качествѣ члена-основателя бывшей группы „Освобожденіе Труда“ я категорически утверждаю, что если мы, бывшіе черно-передѣльцы, перешли отъ народничества къ марксизму, то этимъ мы въ очень большей степени обязаны „стихійному росту рабочаго движенія“. Вліяніе на насъ этого роста можно было бы документально доказать нѣкоторыми выписками изъ „Чернаго Передѣла“. Но я не дѣлаю этого, надѣясь, что читатель повѣритъ мнѣ на слово, и ограничусь указаніемъ на то, что мнѣ, игравшему нѣкоторую роль въ исторіи возникновенія группы „Освобожденіе Труда“, приходилось, когда я еще былъ народникомъ и принадлежалъ къ организаціи „*Земли и Воли*“, главнымъ образомъ „заниматься съ рабочими“; я убѣжденъ, что именно опытъ, пріобрѣтенный мною въ этихъ „занятіяхъ“, подготовилъ меня къ усвоенію марксизма. Очень характерно, что другой членъ-основатель группы „Освоб. Труда“ П. Аксельродъ, тоже посвящалъ свои силы преимущественно „занятіямъ съ рабочими“.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ, къ сожалѣнію, остановиться дольше на этомъ вопросѣ. Интересующихся имъ читателей я отсылаю къ своей брошюрѣ „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи“. Изъ нея они увидятъ, какъ жестоко исказилъ Ленинъ неоспоримую историческую истину въ угоду своей странной доктринѣ. Я же перейду здѣсь къ „Западу“.

Что Марксъ и Энгельсъ принадлежали къ интеллигенціи, это, разумѣется, справедливо, хотя и эта справедливая мысль выражена у Ленина не вполнѣ точно: такъ, напримѣръ, „*по происхожденію своему*“, Энгельсъ, сынъ богатаго фабриканта, вовсе не принадлежалъ къ *интеллигенціи*. Но это незначительная частность. Несравненно важнѣе то, что теоретическіе взгляды Маркса и Энгельса тоже развивались подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ „стихійнаго роста рабочаго движенія“ въ Германіи, Фра которыя части новаго Уложенія — именно тѣ, которыя трактуютъ о политическихъ преступленіяхъ (введеніе Уложенія въ цѣломъ было назначено на 1905 г.). Вторая часть новаго закона — процессуальная, вводитъ цѣлый рядъ измѣненій въ старый, рѣдко примѣнявшійся, порядокъ судопроизводства по политическимъ дѣламъ.

---

[1]) Я указалъ на это еще въ моемъ Vademecum'ѣ.

Что новаго вводитъ законъ и какова цѣнность этихъ нововведеній? Какъ мы уже говорили, законъ о производствѣ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ существовалъ и раньше 7-го іюня 1904 г., но примѣненія онъ не получалъ или получалъ чрезвычайно рѣдко и имѣлъ, главнымъ образомъ, значеніе закона, который „всуе писати“. Это были статьи Устава Уголовнаго Судопроизводства, соотвѣтствовавшія по нумераціи теперешнему новому закону. Но, изданныя въ 1864 г., онѣ фактически были сведены на нѣтъ Правилами 19 мая 1871 г., а также Положеніемъ объ усиленной охранѣ 14 августа 1881 г. По установившемуся порядку вещей, извѣстному, вѣроятно, многимъ нашимъ читателямъ на опытѣ, дознаніе безъ всякихъ „гарантій“ производилось отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ подъ наблюденіемъ прокурора судебной палаты или его товарищей. Оконченное дознаніе препровождалось въ Особое Совѣщаніе при мин. внут. дѣлъ, состоявшее изъ представителей Департамента Полиціи, мин. Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ и здѣсь рѣшалось по существу — съ назначеніемъ привлеченному по Высочайшему повелѣнію наказанія, которое не могло сопровождаться лишеніемъ правъ и не могло превышать пяти лѣтъ ссылки въ Восточную Сибирь (впослѣдствіи срокъ увеличенъ до 10 лѣтъ). Общимъ порядкомъ дѣла совсѣмъ не рѣшались (за исключеніемъ трехъ дѣлъ о 38 лицахъ въ 1902 г. и 12 дѣлъ о 28 лицахъ въ 1903 г. (смот. докл. мин. юст., стр. 35), за періодъ десятилѣтія 1894—1904, котораго лишь и касается докладъ — было еще 35 дѣлъ передано на военный судъ, согласно Положенію объ усиленной охранѣ, съ 88 привлеченными по нимъ лицами). Но весь этотъ порядокъ вещей далеко не удовлетворялъ министерства внутреннихъ дѣлъ и юстиціи; и вотъ создавались одна за другой 3 Коммиссіи, которыя должны были внести предложеніе о желательномъ порядкѣ вещей. Коммиссія 1881 г. (въ которой участвовали Плеве и Муравьевъ) уже предполагала цѣлый рядъ „реформъ“, аналогичныхъ нынѣ принятымъ (надо, однако, отмѣтить, что ея предложенія во многихъ отношеніяхъ были „либеральнѣе“ нынѣшняго закона). Но только черезъ 20 лѣтъ тогдашніе „реформаторы“ Плеве и Муравьевъ, ставъ у источника власти, добились „быть по сему“. На ихъ сторонѣ, въ качествѣ оружія для убѣжденія „каучуковаго штемпеля“, была и подавляющая статистика, приводимая въ докладѣ.

Изъ этой статистики (приводившейся въ „Рев. Рос.“) узнаемъ, что съ 1894 по 1903 годъ число возбужденныхъ за годъ полит. дознаній поднялось съ 158 до 1988 (въ 12½ разъ), число лицъ, привлеченныхъ къ нимъ, съ 519 до 5590 (въ 11 разъ), число лицъ, понесшихъ кару по „высочайшимъ“ повелѣніямъ — съ 366 до 4867 (въ 13 разъ), сосланныхъ въ Сибирь съ 21 до 910 (въ 44 раза!), въ другія отдаленныя губерніи съ 34 до 592 (въ 18 разъ), отданныхъ подъ гласный надзоръ — съ 244 до 1268 (въ 5 разъ), подвергнутыхъ тюремному заключенію и аресту вмѣстѣ) съ 185 до 1177 (въ 6½ разъ).

Вотъ гдѣ корни новаго закона, вотъ гдѣ источникъ того стремленія къ судебному разбирательству политическихъ „дѣлъ“, которое явно обуревало его сочинителей. Нужно къ этому прибавить еще одно соображеніе, которое несомнѣнно должно было быть у Плеве: замѣщать въ дѣло политической борьбы и судебное вѣдомство, которое — хоть по внѣшности судя, — до сихъ поръ имѣло репутацію безпристрастія. Дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ своемъ дѣла о государственныхъ преступленіяхъ оставались въ сторонѣ отъ судебнаго вѣдомства и послѣднее могло, умывая руки, критиковать дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ, проявлять даже либерализмъ съ точки зрѣнія началъ права, законности и т. п. Но это, наконецъ, надоѣло. Правительствующему министерству внутреннихъ дѣлъ было мало тѣхъ немногочисленныхъ прокуроровъ палаты и ихъ товарищей, которые, присутствуя и не присутствуя при допросахъ въ жандармскихъ управленіяхъ и санкціонируя всѣ дѣйствія жандармеріи, до какихъ бы дикихъ, неправовыхъ формъ они ни доходили, — чувствовали себя уже совсѣмъ чиновниками вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, къ юстиціи имѣющими самое малое отношеніе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, втягивая въ свою неискусную игру судебное вѣдомство, разсчитываетъ расширить кругъ своихъ сообщниковъ, своихъ союзниковъ и клакеровъ.

Но, чтобы дать судебному вѣдомству иллюзію правового характера будущихъ политическихъ процессовъ, новый законъ былъ составленъ при благосклонномъ участіи фальсификатора законовъ Муравьева и проведенъ черезъ глухо-нѣмой Государственный Совѣтъ. Какія же правовыя преимущества, въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ, и какія „гарантіи“ даетъ новый законъ? До того, какъ дѣло попадетъ въ судъ, оно проходитъ стадіи дознанія и предварительнаго слѣдствія. Предварительное слѣдствіе отнюдь не является нормальной, обязательною ступенью, черезъ которую должно пройти каждое дѣло. Нѣтъ, законъ 7-го іюня с. г. говоритъ о предварительномъ слѣдствіи только для вида. Составленный необычайно хитро, въ темныхъ выраженіяхъ, притомъ съ удивительнымъ отсутствіемъ системы, такъ, чтобы обыкновенный обыватель заблудился въ немъ, какъ въ трехъ сосенкахъ, — новый законъ выдаетъ себя этими своими недостатками. Они свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о поспѣшности его написанія, съ другой — о стремленіи законодателя замести слѣды своихъ истинныхъ намѣреній. Дознаніе по новому закону остается, какъ то было и ранѣе, основной формой предварительнаго изслѣдованія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, но — если раньше приданіе дознанію значенія актовъ предварительнаго слѣдствія требовало для себя особаго каждый разъ Высочайшаго Повелѣнія, — то теперь эта процедура упрощается и все зависитъ отъ прокурора судебной палаты, который можетъ признать дознаніе достаточнымъ для составленія обвинительнаго акта. Возбужденіе правительственнаго слѣдствія также зависитъ отъ разрѣшенія прокурора судебной палаты, иначе говоря, вмѣсто прежняго громоздкаго порядка (хотя Высочайшія Повелѣнія получаются въ Россіи вполнѣ легко, стоитъ понажать „каучуковый штемпель“) устанавливается необычайно упрощенный. Но зато, говоритъ новый законъ, дознаніе производится съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для предварительнаго слѣдствія. Нечего говорить, что — каковы бы эти правила ни были, какія бы „гарантіи“ они ни давали — ни одинъ жандармскій чинъ не будетъ считать себя связаннымъ ими, ибо онъ не членъ судебнаго вѣдомства, у него совершенно другой способъ назначенія на должность и увольненія, другая (іерархическая, а не инстанціонная) зависимость, другая, по всему этому психологія и другой способъ обращенія съ людьми, попавшими въ его руки. Надѣяться при такихъ условіяхъ, что акты дознанія будутъ отражать безпристрастную дѣйствительность, что ихъ можно будетъ приравнять къ предварительному слѣдствію — будетъ величайшей наивностью, которой, конечно, въ составителяхъ закона 7 іюня нельзя предполагать. Все изложенное позволяетъ намъ сказать, что для насъ должно быть очень безразлично, что предварительное слѣдствіе будетъ вестись такими или иными слѣдователями, что прокуроръ будетъ присутствовать лично при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, что на нихъ можно будетъ жаловаться и т. п., ибо случаи производства предварительныхъ слѣдствій будутъ чрезвычайно рѣдки. Что такъ смотритъ и законодатель, видно изъ того, что эти слѣдствія поручено вести слѣдователямъ по важнѣйшимъ дѣламъ, коихъ по одному при каждомъ Окружномъ Судѣ. Между тѣмъ, революціонное движеніе такъ растетъ съ каждымъ годомъ, что на каждомъ такомъ слѣдователѣ оказались бы десятки дѣлъ съ сотнями обвиняемыхъ и онъ не могъ бы съ ними справиться. Этого законодатель не принялъ во вниманіе, ибо... не придавалъ своимъ словамъ серьезнаго значенія. Ну, хорошо — скажетъ законодатель — пусть вы окажетесь правы; но не забывайте, что дознаніе мною обставлено цѣлымъ рядомъ „гарантій“. Обратимся къ „гарантіямъ“. Прежде всего, за дѣломъ наблюдаетъ прокуроръ Окр. Суда; но и раньше этого закона за дознаніемъ наблюдалъ прокуроръ палаты „сотоварищи“, обязанность же присутствія при допросахъ не была установлена и не установляется теперь — дѣло, слѣдовательно, осталось безъ измѣненій. Далѣе: о мѣрѣ пресѣченія, состоящей въ заключеніи подъ стражу, доводится до свѣдѣнія наблюдающаго прокурора который — если найдетъ ее ненужной — письменно „предлагаетъ“ отмѣнить ее. Ну, и что же? Мѣра пресѣченія отмѣняется? Ничего не извѣстно. Ergo, приходится сдѣлать выводъ, все предоставляется на усмотрѣніе жандармеріи, которая можетъ исполнить „предложеніе“ прокурора, а можетъ и отвергнуть его. Что-же новаго внесъ тутъ законъ? Ничего, ибо по старому порядку, прокуратурѣ тоже не возбранялось указывать на необходимость измѣненія мѣры пресѣченія, а жандармеріи не возбранялось эти указанія игнорировать. Но вотъ еще ограниченіе, которое вводитъ для жандармеріи новый законъ: она по менѣе важнымъ дѣламъ можетъ заключать обвиняемыхъ подъ стражу лишь тогда, когда есть опасность „сношенія обвиняемыхъ между собой или сокрытія слѣдовъ преступленія“. Но, скажите пожалуйста, когда-же нельзя будетъ примѣнять эту широкую и всеобъемлющую формулу? Гдѣ нельзя будетъ предполагать „слѣды преступленія“ и наличность ихъ, хотя-бы не открытыхъ обыскомъ, выемкой и т. п.? Нѣтъ, въ прятки нечего играть: произволъ въ лишеніи свободы лицъ, заподозрѣнныхъ въ чемънибудь антиправительственномъ, остается по прежнему безграничнымъ произволомъ, который правительство пытается лишь скрыть въ запутанныхъ, хитрыхъ и канцелярски-изворотливыхъ выраженіяхъ „новаго“ закона. Единственно, что положительно въ этомъ законѣ, что въ немъ правительство объявляетъ своими врагами лишь нормальныхъ и дѣйствующихъ съ разумѣніемъ людей. Оно не считаетъ уже возможнымъ бороться съ душевнобольными, вообще, съ невмѣняемыми, а также съ дѣтьми, дѣйствующими „безъ разумѣнія“, хотя бы эти категоріи лицъ были „политич. преступн.“. И на томъ спасибо, хотя случайно принципы гуманности совпадаютъ съ интересами правительства, хоть немного, но съузить кругъ лицъ, съ которыми ему приходится воевать. Но эта небольшая уступка — долгу человѣчности только — тонетъ въ остальныхъ „гарантіяхъ“ чисто фиктивнаго характера. Вотъ, напр., крупный на первый взглядъ фактъ: обвиняемому послѣ окончанія дознанія послѣднее — въ случаѣ его просьбы — представляется для просмотра и для указаній, чѣмъ бы онъ его хотѣлъ дополнить. Казалось бы, какой плюсъ! Человѣкъ не бродитъ въ потемкахъ, дознаніе, дѣйствительно, приближается къ предварительному слѣдствію. Но заглянемъ только въ докладную записку Муравьева на стр. 63. Тутъ говорится, что обвиняемымъ важно познакомиться „лишь съ тѣми существенными, добытыми дознаніями, данными, которыя относятся къ предъявленному имъ обвиненію“, и къ тому же „предъявленіе обвиняемому дознанія въ полномъ объемѣ иногда безусловно нежелательно по той причинѣ, что въ матеріалъ дознанія нерѣдко могутъ входить такія свѣдѣнія, которыя, вообще, не должны быть оглашаемы“. Ясно, что при такой постановкѣ вопроса все право обвиняемаго на просмотръ актовъ дознанія становится воображаемымъ: показанія сыщиковъ „вообще не должны быть оглашаемы“, а другія данныя могутъ, по усмотрѣнію жандармеріи, быть признаны несущественными, и, въ концѣ концовъ, обвиняемому дадутъ прочесть протоколъ обыска и протоколъ его-же допроса. Въ лучшемъ случаѣ, будутъ вестись два дознанія: одно, подлежащее предъявленію, и другое по тому же дѣлу, заключающее неоглашаемыя данныя. Вотъ въ какое ничтожество распадается одно изъ самыхъ крупныхъ льготныхъ нововведеній подносимаго намъ закона, разсчитанное на признаніе за всѣмъ закономъ гуманно-правового характера. Единственно великое начало, введенное въ производство дознаній новымъ закономъ — великое, по своему откровенному цинизму и по своей опредѣленности — это оффиціальное признаніе за сыщиками высшаго и низшаго порядка права на вознагражденіе за свой честный трудъ, не изъ какихъ либо тайныхъ источниковъ, секретныхъ фондовъ и т. п., а изъ государственныхъ суммъ, вносимыхъ въ смѣту мин. внут. дѣлъ и почерпаемыхъ открыто изъ гостепріимно отверстыхъ кармановъ трудящейся народной массы, за которую борятся революціонеры. Дальнѣйшая судьба дѣла — по окончаніи дознанія — попасть въ судъ или губернское совѣщаніе (о предварительномъ слѣдствіи мы не говоримъ, ибо выяснили выше его роль и значеніе) изъ жандарм. полковника и прокурора подъ предсѣдательствомъ губернатора. Судебной инстанціей, нормальной для дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, законъ признаетъ судебную палату съ сословными представителями или безъ оныхъ (въ особыхъ случаяхъ — Сенатъ и Верховный Уголовный Судъ).

Судебный процессъ по новому закону сохраненъ въ прежнемъ видѣ, но съ рядомъ весьма крупныхъ измѣненій. Двери не предписывается закрывать, а судъ самъ рѣшаетъ вопросъ о необходимости такого закрытія. Однако, если бы, паче ожиданія, палата не закрыла дверей, министру юстиціи предоставлено, какъ то было и раньше, своимъ ордеромъ закрывать двери. Итакъ, нововведеніе объ открытыхъ дверяхъ этой оговоркой сводится къ нулю. Далѣе, при закрытіи дверей въ залъ засѣданія до сихъ поръ имѣли доступъ по три родственника или знакомыхъ со стороны каждаго обвиняемаго. Теперь — ихъ допускается уже лишь по одному лицу, притомъ также со стороны потерпѣвшихъ, но и то лишь изъ родственниковъ восходящихъ и нисходящихъ по прямой линіи и изъ супруговъ. Для равновѣсія, однако, впускаются должностныя лица, „коихъ служебныя обязанности даютъ къ тому достаточныя основанія“, при

ліи и Англіи. Это извѣстно всѣмъ и каждому, и надо только удивляться, какимъ образомъ могъ не знать этого Ленинъ. Ему достаточно было бы прочитать хоть англійское предисловіе, которое Энгельсъ предпослалъ своей книгѣ „Die Lage der arbeitenden Klassen in England“, чтобы понять, какъ рѣшительно и сильно повліялъ „стихійный ростъ рабочаго движенія“ въ Англіи на развитіе взглядовъ одного изъ основателей научнаго соціализма. Что касается Маркса, то всякій, прочитавшій хотя бы одну его статью „Zur kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie“, знаетъ, что революціонныя упованія будущаго автора „Капитала“ съ самаго возникновенія своего находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ „стихійнаго рабочаго движенія“. Наконецъ, если Ленину некогда было дѣлать такого рода литературныя справки, то онъ могъ бы провѣрить свою смѣлую теорію съ помощью слѣдующаго простого разсужденія a priori.

Марксъ и Энгельсъ признали пролетаріатъ главной революціонной силой нашего времени, силой, историческая миссія которой состоитъ въ замѣнѣ капиталистическаго способа производства *соціалистическимъ*. Но, чтобы они могли признать пролетаріатъ такой силой, необходима была наличность двухъ условій: во-первыхъ, антагонизма классовъ и быстраго „стихійнаго роста рабочаго движенія“, во-вторыхъ, внимательнаго отношенія къ этимъ явленіямъ съ ихъ собственной стороны, т. е. со стороны тѣхъ, которые, въ свою очередь, призваны были поставить соціализмъ на научную почву[1]. Ясно, стало быть, что *совершенно немыслимо* считать развитіе научнаго соціализма „совершенно независимымъ отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“. Если бы Ленинъ далъ себѣ легкій трудъ сообразить это, онъ немедленно зачеркнулъ бы то свое положеніе, которое могло имѣть нѣкоторый смыслъ подъ перомъ писателя-*идеалиста*, но является неожиданной безсмыслицей, когда его выдвигаетъ и отстаиваетъ человѣкъ, не безъ успѣха выдающій себя за сторонника *матеріалистическаго объясненія исторіи*.

„Ученіе соціализма“, дѣйствительно, „выросло изъ тѣхъ философскихъ, историческихъ, экономическихъ теорій, которыя разрабатывались образованными представителями имущихъ классовъ, интеллигенціей“. Но пока, интеллигенція „разрабатывала“ свои соціалистическія теоріи, не то, чтобы „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, — *этого никогда не было и быть не могло*, — а только не посвящая этому росту всего того вниманія, какого онъ заслуживалъ, до тѣхъ поръ *соціализмъ оставался утопическимъ*, и, по замѣчанію Меринга о французскомъ утопическомъ соціализмѣ, способствовалъ скорѣе *затемненію*, чѣмъ уясненію классового самосознанія пролетаріата[2]. Какъ же могъ Ленинъ упустить это изъ виду? Какъ могъ онъ столь сильно уподобиться тому крыловскому герою, который *слона-то и не замѣтилъ*?

„Философскія, историческія, экономическія теоріи“ и вообще идеи никогда не „разрабатывались“ идеологами „совершенно независимо“ отъ соціальной исторіи и отъ „стихійныхъ движеній“ того народа, въ средѣ котораго онѣ возникали. Но „стихійный ростъ рабочаго движенія“ представляетъ собою самое крупное, самое важное и самое вліятельное явленіе во внутренней *жизни* европейскаго общества XIX столѣтія. Спрашивается, можно-ли хоть на одну минуту, хоть на одну сотую долю секунды допустить, что научный соціализмъ, — самое крупное, самое важное и самое вліятельное явленіе въ исторіи европейской общественной *науки* этого столѣтія, — возникъ и развивался „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“? Конечно, нельзя! Этого не допуститъ теперь самъ профессоръ Карѣевъ. Какъ же Ленину не стыдно было писать такія... странности?

Далѣе, откуда взялъ онъ, будто „исторія всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что исключительно своими собственными силами рабочій классъ въ состояніи выработать лишь сознаніе тредъюніонистское“? Она ни о чемъ подобномъ не „свидѣтельствуетъ“. Она показываетъ совсѣмъ не то, что увидѣлъ въ ней Ленинъ. Да оно и не удивительно. Если вѣрно то, коренное положеніе историческаго матеріализма, которое гласитъ, что „*мышленіе*“ людей опредѣляется ихъ „*бытіемъ*“, и, если не обманываетъ насъ та основная теорема научнаго соціализма, которая говоритъ, что соціалистическая революція явится необходимымъ слѣдствіемъ противорѣчій, свойственныхъ капитализму, то ясно, что на извѣстной стадіи общественнаго развитія рабочіе капиталистическихъ странъ пришли бы къ *соціализму* даже въ томъ случаѣ, если бы они были предоставлены „своимъ собственнымъ силамъ“. Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали и выясняли это. Еще въ 1845 году Марксъ, споря съ Бруно Бауэромъ, указывалъ на то, что пролетаріатъ, „какъ пролетаріатъ“, т. е. *въ силу своего положенія въ капиталистическомъ обществѣ, вынужденъ будетъ притти* къ отмѣнѣ частной собственности, т. е. совершить соціалистическую революцію[1]. При этомъ Марксъ прибавлялъ, что „рѣчь идетъ не о томъ, какую цѣль ставитъ себѣ въ данное время тотъ или другой пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Рѣчь идетъ о томъ, что представляетъ собою этотъ классъ и что онъ, въ силу этого своего бытія (diesem Sein gemäss), исторически принужденъ будетъ совершить. Его цѣль и его историческое дѣйствіе осязательно и непререкаемо опредѣляются его собственнымъ житейскимъ положеніемъ, ровно какъ и всей организаціей современнаго гражданскаго общества. И нѣтъ надобности распространяться о томъ, что значительная часть англійскаго и французскаго пролетаріата уже сознаетъ свою историческую задачу и постоянно работаетъ надъ тѣмъ, чтобы привести это сознаніе къ полной ясности“[2]. Это, — какъ видитъ читатель, — совсѣмъ не похоже на то „тредъ-юніонистское сознаніе“, до котораго, по словамъ Ленина, только и способенъ додуматься пролетаріатъ „исключительно своими собственными силами“[3].

Энгельсъ въ этомъ отношеніи вполнѣ согласенъ съ Марксомъ. Описывая положеніе рабочаго класса въ Англіи, онъ показываетъ, что англійскій рабочій не можетъ быть доволенъ своимъ положеніемъ, и что это положеніе должно заставить его стремиться къ устраненію нынѣшняго положенія вещей. „Англійскій рабочій, едва умѣющій читать и еще менѣе умѣющій писать, — говоритъ онъ, — знаетъ, однако, очень хорошо, въ чемъ заключается его интересъ и интересъ всей націи; онъ знаетъ также, въ чемъ состоитъ спеціальный интересъ буржуазіи и чего онъ можетъ ждать отъ этой буржуазіи“.[1] Первымъ выраженіемъ недовольства угнетеннаго класса являются, по словамъ Энгельса, преступленія противъ собственности, число которыхъ растетъ вмѣстѣ съ ростомъ промышленности.[2] Но рабочіе скоро убѣждаются въ томъ, что эти преступленія ничему не помогаютъ. Преступленіе есть единичный протестъ личности противъ существующаго порядка. Какъ *классъ*, рабочіе стали въ оппозицію къ буржуазіи лишь тогда, когда они начали *сопротивляться введенію машиннаго производства*. Но и этотъ родъ оппозиціи распространялся лишь на отдѣльныя мѣстности и направлялся лишь противъ отдѣльныхъ сторонъ нынѣшняго положенія. Онъ тоже ничему не помогалъ. Надо было найти новую форму оппозиціи, и она была найдена въ *рабочихъ союзахъ* (тредъюніонизмъ, Г. П.) Эти союзы не могутъ внести существенныя измѣненія въ отношенія наемнаго труда къ капиталу; но они помогаютъ рабочимъ добиться кое-какихъ частныхъ улучшеній, а главное — они развиваютъ въ рабочихъ сознаніе того, что господство буржуазіи основывается лишь на конкурренціи рабочихъ между собою: разъ рабочіе перестанутъ конкуррировать другъ съ другомъ, разъ они не захотятъ подчиниться эксплуатаціи со стороны буржуазіи, царство имущества (das Reich des Besitzes) придетъ къ концу.[3] Энгельсъ прекрасно понимаетъ, что нынѣшнее положеніе дѣлъ осталось бы неизмѣннымъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, если бы рабочіе ограничились тѣмъ, что перестали бы конкуррировать между собой, т. е. если бы они не пошли далѣе „тредъ-юніонизма“. Но они „не могутъ поступить такъ... необходимость вынудитъ ихъ устранить не только одну *часть* конкурренціи, но конкурренцію вообще — и они сдѣлаютъ это. Рабочіе уже и теперь все яснѣе и яснѣе видятъ, какія бѣдствія приноситъ имъ конкурренція, они яснѣе, чѣмъ сами буржуа, сознаютъ, что конкурренція предпринимателей между собою, вызывая торговые кризисы, давитъ также и на рабочихъ и что она также должна быть устранена, и скоро увидятъ они, какъ имъ взяться за это дѣло“.[4]

---

[1] „Новѣйшій соціализмъ, по своему содержанію, является, прежде всего, результатомъ наблюденій, съ одной стороны, надъ господствующимъ въ современномъ обществѣ антагонизмомъ между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, съ другой, — надъ анархіей, существующей въ производствѣ“. (Энгельсъ).

[2] Aus dem literarischen Nachlass и т. д., II Band, s. 4.

[1] См. Die heilge Familie oder Kritik der kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten, во второмъ томѣ изданнаго Мерингомъ „Nachlass'a“, стр. 132.

[2] Ibid, стр. 133, второго тома Меринговскаго изданія.

[3] Ср. стр. 432 того же тома: ... „Die Arbeiter, von den Verhältnissen getrieben ... allgesammt als eine Klasse mit ihren besonderen Interessen und Grundsätzen ... der Bourgeoisie nach gemeinsamem Plane und mit vereinter Macht zu Leibe rücken“.

[1] Die Lage ect., первое изд., стр. 143—144.

[2] Ibid. стр. 258.

[3] Ibid. стр. 265. Это въ высшей степени важное мѣсто, — значеніе котораго для выясненія исторической роли рабочаго движенія и его шансовъ на побѣду до сихъ поръ недостаточно оцѣнено большинствомъ соціальдемократическихъ писателей, — почти буквально повторяется въ „Маниф. Коммун. Партіи“ (см. стр. 16-ую второго изданія моего перевода).

[4] Ibid. стр. 265. „Критики“ замѣчали по этому поводу, что однако же, экономическая необходимость до сихъ поръ не привела къ соціализму рабочихъ Англіи, страны, въ которой капитализмъ развитъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Такъ какъ этотъ доводъ можетъ выдвинуть теперь противъ меня кто нибудь изъ „твердыхъ“ товарищей, то я укажу на то, что послѣ того, какъ Энгель

томъ безъ ограниченія числомъ — мѣропріятіе, повидимому, разсчитанное на усиленіе судейскаго безпристрастія и независимости членовъ судебныхъ палатъ, и, въ особенности, сословныхъ представителей. Если напомнить еще объ ограниченіи круга лицъ, допускаемыхъ къ защитѣ политическихъ обвиняемыхъ, присяжными повѣренными (исключаются, т. е., помощники присяжныхъ повѣренныхъ, а также частныя лица), далѣе, что съ осужденныхъ взыскиваются судебныя издержки по дѣлу во всѣхъ его стадіяхъ т. е. и въ стадіи дознанія, — то судебная процедура по новому закону оказывается необычайно стѣсненной, и походитъ на капканъ, въ который только нужно загнать „звѣря“, ибо потомъ все кончено. Въ этой части законъ прямѣй и опредѣленнѣй, ибо тутъ строгости установлены имъ за счетъ судебнаго вѣдомства, жандармская же полиція держится въ сторонѣ и строитъ сладко соболѣзнующія мины: то-то, молъ, было хорошо во время стадіи дознанія! Но что же происходитъ, если дѣло не попадаетъ въ судъ, а направляется къ прекращенію? Тутъ то и лежитъ самая пикантная подробность новаго закона: онъ провозглашалъ, что судебный порядокъ рѣшенія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ долженъ быть нормальнымъ, но совершенно забылъ, что имъ оставлена совершенно неприкосновенной панацея самодержавія — положеніе объ усиленной охранѣ. Въ своемъ докладѣ Муравьевъ былъ откровеннѣе; онъ прямо заявилъ: когда нельзя изобличить обвиняемаго въ учиненіи опредѣленнаго государственнаго преступнаго дѣянія, а дознаніемъ установлено лишь вредное, вообще, для государственнаго порядка или общественнаго спокойствія направленіе дѣятельности обвиняемыхъ, ихъ политическая неблагонадежность, то ... было бы цѣлесообразно ... передавать оконченныя дознанія министерству внут. дѣлъ для направленія въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 35—36[1]) положенія о мѣрахъ къ охранѣ госуд. порядка и общест. спокойствія (стр. 72 доклада). По совѣту болѣе опытнаго политика, Плеве, эта тирада была выброшена изъ текста закона, но въ самомъ ходѣ жизни она, несомнѣнно, сохраняется, гарантируя,—при отсутствіи уликъ для судебнаго разбора дѣла— что обвиняемый не останется безъ хотя бы администрат. кары. И дѣла о госуд. преступленіяхъ только раздѣлятся на двѣ категоріи: т. наз. дѣла съ „уликами“ и дѣла „безъ уликъ“. Можно себѣ представить, какъ чувствуетъ себя при такой постановкѣ вопроса удовлетвореннымъ сколько нибудь развитое правосознаніе. По старому порядку вещей, дѣло „нормально“ шло къ министру внут. дѣлъ въ особое при немъ совѣщаніе, а наказаніе назначалось по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію, то есть, до извѣстной степени, исключительнымъ способомъ. Теперь же дѣло „нормально“ идетъ въ судъ, гдѣ обвиняемому назначается строгая кара, когда же надежда на строгое наказаніе, по обстоятельствамъ, дѣла слаба, то оно направляется въ губернское совѣщаніе и здѣсь прекращается, но мин. внут. дѣлъ не лишенъ возможности примѣнить къ обвиняемому ст. 34—36 Положенія объ усил. охранѣ, каковымъ правомъ онъ несомнѣнно будетъ пользоваться, испрашивая для санкціи своего произвола спасительныя высочайшія повелѣнія. Вотъ та юридическая атмосфера, въ которую насъ пересаживаетъ новый законъ, подкрѣпляя свои сугубыя карательныя намѣренія новымъ порядкомъ отбытія наказанія, который заключается въ воспитательномъ воздѣйствіи на человѣка — одиночества. Тюрьма отбывается въ одиночной камерѣ, исправительный домъ (то же, что испр. арест. роты) начинается тремя мѣсяцами одиночки и состоитъ въ дальнѣйшемъ въ полномъ разобщеніи на ночь. Тѣ же тонкости издѣвательства господствующей соціально-политической группы надъ ея противниками будутъ проведены и въ каторгѣ, когда таковая будетъ преобразована, и въ другихъ испр. арест. отдѣленіяхъ, кромѣ 12 уже реформированныхъ (въ Николаевѣ, Ригѣ, Перми, Харьковѣ, Варшавѣ, Ярославлѣ и др.).

Если мы теперь обратимся къ новому закону въ его цѣломъ, то внѣшняя форма, его безсистемность, повторенія одного и того же, крайняя запутанность выраженій обнаруживаютъ спѣшку, съ которой онъ фабриковался. Да это и понятно. Если бы то былъ только ростъ революціоннаго движенія, то съ этимъ бы не ткаъ торопились. Но тутъ подоспѣла война. Непопулярная ни въ какой группѣ, кромѣ военной аристократіи, жаждавшей побиться по-настоящему, война серьезно подорвала шансы современнаго правительства. Гдѣ то на далекой окраинѣ, гдѣ она не затрагиваетъ истинныхъ интересовъ народныхъ массъ, она протекаетъ съ затратой огромныхъ матеріальныхъ средствъ. Изъ народа качаютъ милліонъ за милліономъ, но будутъ качать еще больше: каждый день въ Манчжуріи стоитъ намъ $2^1/_2$ милліона рублей. Несомнѣнно, все это увеличиваетъ шансы революціоннаго движенія и въ Петербургѣ уже поговариваютъ о вѣроятныхъ аграрныхъ, фабричныхъ и студенческихъ безпорядкахъ. А если они будутъ, то будутъ въ необычайныхъ размѣрахъ. И господа министры предчувствовали это и поторопились съ грознымъ карающимъ закономъ. Но они совсѣмъ забыли, что — если строгая кара разсчитана на созданіе въ обществѣ задерживающихъ ихъ мотивовъ, то такая „мотивація“ должна происходить нѣсколько лѣтъ или десятилѣтія подрядъ. Между тѣмъ, мы десятилѣтіями воспитаны въ совершенно иномъ духѣ, въ привычкѣ къ ссылкамъ и высылкамъ, которыя бывали и тяжелы, но все же были легче, ибо были лишены элемента унизительности. Поэтому, пока правительство измѣнитъ психику революціонеровъ, оно еще можетъ очутиться подъ развалинами своихъ собственныхъ построекъ. А что правительство, дѣйствительно, спѣшитъ, и въ страхѣ надвигающейся внутренней войны торопится запугать революціонеровъ, видно изъ того, что — по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ — оно направило уже около 250 дѣлъ въ разныя судебныя палаты для слушанія. Оно, параллельно съ этимъ, вынуждено было направить цѣлыхъ 400 дѣлъ къ прекращенію, но это лишь прекрасное доказательство, какъ оно старается избавиться отъ лишняго балласта, чтобъ unitis viribus схватиться съ революціонерами. И случайное ли только совпаденіе, что война съ Японіей была объявлена 27 января с. г., а докладъ Муравьева помѣченъ 28 января?

Да, страхъ несомнѣнно обуялъ правительство и заставилъ его съ смѣшною поспѣшностью залѣзть въ кольчугу, спаянную изъ строго карающихъ статей новаго закона. Но напрасны его усилія: современная техника шагнула такъ далеко, что передъ новыми орудіями не въ состояніи устоять никакіе средневѣковые щиты, панцыри, кольчуги и латы. И только когда правительство, пораженное, пустится бѣжать, оно почувствуетъ, что его же вооруженіе пригибаетъ его къ землѣ, давитъ и жметъ его. И тогда то путь его бѣга будетъ усѣянъ самымъ разнообразнымъ воинственнымъ хламомъ, вытащеннымъ на свѣтъ Божій изъ какой то заплеснѣвѣвшей Rumpelkammer. Поэтому, будьте внимательны, господа и, когда вы увидите по пути валяющимися законы, когда то охранявшіе правительственную кучку, то знайте, что это она растеряла ихъ въ своемъ стремительномъ бѣгствѣ.

Б.

---

[1] То есть, въ особое совѣщаніе, а оттуда — по высочайшему повелѣнію — въ Сибирь.

ОРГАНИЗАЦІЯ, ПАРТІЯ, ДВИЖЕНІЕ.

(Идея § 1 устава.)

„Будучи побѣжденъ на вопросѣ о § 1 устава, я не могъ не стремиться со всей энергіей къ реваншу“, заявляетъ тов. Ленинъ, впервые заговоривъ въ письмѣ къ искровцу о своихъ дѣяніяхъ на съѣздѣ Партія. Исторію этого пораженія и реванша изложилъ онъ на съѣздѣ Лиги и издалъ теперь цѣлую книгу, гдѣ изъ за груды всяческихъ неправдъ и извращеній блеститъ все, та же истина: „будучи побѣжденъ на вопросѣ о § 1 устава“ Ленинъ въ „бѣшеной“ погонѣ за реваншемъ постарался разорвать съѣздъ, а послѣ съѣзда дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы разорвать Партію.

Разсмотримъ же и мы ту „идею“ Ленина, которая „была побѣждена“ вотомъ съѣзда по § 1 устава, а въ слѣдующей статьѣ поговоримъ и о „реваншѣ.“

Формулировка, по которой членами партіи считаются только лица, участвующія въ одной изъ партійныхъ организацій, сразу бросалась въ глаза ограниченіемъ всей суммы членовъ партіи суммой профессіональныхъ революціонеровъ. Понять ее иначе не было никакой возможности. Подъ „партійными организаціями“, о которыхъ говоритъ уставъ, всѣ понимали (да и теперь понимаютъ) прежде всего комитеты, затѣмъ Ц. О. и будущій Ц. К. Могутъ образоваться и другія организаціи, которыя подойдутъ подъ опредѣленіе „партійныхъ организацій“, данное §§ 8 и 12 устава, но это будутъ, опять таки, узкія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ. Въ этомъ смыслѣ, невозможности принять формулировку, оставляющую за предѣлами партіи всѣхъ ея членовъ, кромѣ узкаго круга заговорщиковъ, и говорятъ одинъ за другимъ: Аксельродъ, Мартовъ, Костровъ, Посадовскій, Карскій. Въ этомъ естественномъ повтореніи въ рядѣ рѣчей одного и того же довода тов. Ленинъ увидѣлъ подвохъ. „Ходкій и очень вульгарный“ — на его вкусъ — доводъ показался ему тѣмъ „дешевымъ оружіемъ“, которымъ „хотятъ воспользоваться“ („Шагъ впередъ“ ст. 48) противники, и въ первой рѣчи въ защиту своей формулировки онъ постарался выбить изъ ихъ рукъ это оружіе. Онъ „въ особенности подчеркиваетъ“ въ этой рѣчи, что его формулировка „даетъ стимулъ: организуйтесь! Не надо думать, что партійныя организаціи должны быть только изъ профессіональныхъ революціонеровъ. Намъ нужны самыя разнообразныя организаціи всѣхъ видовъ, ранговъ и оттѣнковъ, начиная отъ чрезвычайно узкихъ и конспиративныхъ и кончая весьма широкими, свободными, lose Organisationen. Необходимый признакъ партійной организаціи — утвержденіе ея Центр. Комитетомъ“. (Протоколы, стр 240)

Эта рѣчь, которая, по замѣчанію тов. Попова, „произвела смуту въ умахъ“, давала формулировкѣ Ленина совершенно иной смыслъ. Если главное значеніе формулировки — въ стимулѣ: организуйтесь! — и именно для того, чтобы войти въ партію, то само собой понятно, что лишь въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ Ц. К. могъ бы воспользоваться своимъ правомъ отказа въ утвержденіи. Вѣдь, такой отказъ для образовавшейся подъ „стимуломъ“ устава организаціи имѣлъ бы смыслъ прямого исключенія ея изъ партіи. Съ другой стороны, стимулируя образованіе всевозможныхъ организацій, до lose Organisationen[1]) включительно, и объединяя ихъ однимъ названіемъ: „партійныя“ съ самыми узкими организаціями революціонеровъ, формулировка тов. Ленина (въ толкованіи, данномъ его первой рѣчью) надѣляетъ *всѣ* эти организаціи одинаковыми правами, подводя подъ одни и тѣ же параграфы устава. Въ такомъ освѣщеніи она можетъ казаться (и показалась тт. Брукэръ и Страхову) даже „демократичнѣе“ формулировки Мартова.

Вторая рѣчь Ленина, сказанная предъ самымъ концомъ преній, даетъ формулировкѣ опять новое освѣщеніе. Та широта, какою повѣяло было отъ стимула: организуйтесь! замѣняется лозунгами: съуживай! запирай двери! охраняй твердость линіи! Вся сила въ „фактическомъ контролѣ Ц. К.“. Партія, повидимому, должна соразмѣряться со способностью будущаго Ц. К. самолично контролировать всѣхъ ея членовъ. „Лучше, чтобы десять работающихъ не называли себя членами партіи (дѣйствительные работники за чинами не гонятся!), чѣмъ чтобы одинъ болтающій“ назвалъ. О рядѣ организацій, отъ самыхъ узкихъ до самыхъ широкихъ, Ленинъ снова упоминаетъ, но въ то же время находитъ, что, если бы среди сотенъ и тысячъ рабочихъ, арестуемыхъ за стачки и демонстраціи, — слѣдовательно, активныхъ, борющихся, — не было бы членовъ нашей партіи, то это доказывало бы только, „что мы выполняемъ свою задачу — законспирировать болѣе или менѣе узкій кругъ руководителей и привлечь къ движенію возможно болѣе широкую массу“. Не въ партію, а только „къ движенію“! Противоположное желаніе Мартова, чтобы всѣ такіе рабочіе были членами нашей партіи и, отвѣчая за свои дѣйствія, могли объявлять объ этомъ, служитъ для Ленина — правда, въ нѣсколько искаженномъ видѣ, — лучшимъ доказательствомъ оппортунизма Мартова.

Какъ согласить проектъ устава съ причисленіемъ lose Organisationen къ „партійнымъ“ организаціямъ; какъ „стимулъ: организуйтесь“, чтобы вступить въ партію, согласить съ формулой: „узкій кругъ руководителей + движеніе“ — все это на съѣздѣ осталось невыясненнымъ.

Въ „Шагъ впередъ“ тов. Ленинъ ссылается на „Письмо къ товарищу“, въ которомъ „ясно выступаетъ уже идея“ его формулировки § 1.

Что для многихъ сторонниковъ формулировки Ленина связь этой формулировки съ совѣтами комитету одного города относительно организаціи его функцій, была совсѣмъ не ясна — это несомнѣнно. Но что ясно выступаетъ изъ самой ссылки Ленина на „Письмо“, такъ это полнѣйшее смѣшеніе, не только партіи съ организаціей, но, кромѣ того, смѣшеніе *организаціи людей* („членовъ партіи“), о которыхъ шла рѣчь на съѣздѣ, съ организаціей функцій, о которой говорится въ „Письмѣ“. „Письмо“ это такъ сильно распространено, что намъ нѣтъ надобности его цитировать. Заглянувши въ этотъ проектъ, всякій согласится, что въ немъ подъ данное въ уставѣ опредѣленіе „партійной“ организаціи подходитъ только комитетъ. Онъ одинъ *рѣшаетъ* всѣ вопросы мѣстнаго движенія, онъ одинъ руководитъ всѣмъ и всѣми (стр. 11, 13) и пополняетъ свой составъ посредствомъ кооптаціи. Всѣ остальные, какъ отдѣльныя лица

---

[1] Что именно понимаетъ подъ ними тов. Ленинъ, видн изъ стр. 87, 90, 91 его брошюры: „Что дѣлать?“

Разумѣется, архи-нелѣпо было-бы понимать Энгельса въ томъ смыслѣ, что экономическая необходимость, толкая пролетаріатъ на все болѣе и болѣе рѣшительную борьбу съ *капитализмомъ*, тѣмъ самымъ вызываетъ какъ бы самопроизвольное зарожденіе въ ихъ головахъ теоріи научнаго *соціализма*. Энгельсъ никогда не говорилъ этого. Теорія *научнаго* соціализма могла зародиться только въ *научно-подготовленныхъ* для этого головахъ. Но экономическая необходимость порождаетъ и доводитъ до его логическаго конца, — то есть до соціалистической революціи, — то движеніе рабочаго класса, теоретическимъ выраженіемъ котораго служитъ научный соціализмъ. Таковъ тотъ взглядъ, котораго держались Марксъ и Энгельсъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сложились ихъ общественныя воззрѣнія. А съ точки зрѣнія этого, — единственно научнаго, — взгляда историческая роль рабочаго класса представляется совсѣмъ не въ томъ освѣщеніи, въ какомъ показываетъ ее намъ въ своей брошюрѣ Ленинъ, старающійся внушить читателю то убѣжденіе, что, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, пролетаріатъ не въ состояніи выйти за узкіе предѣлы трэдъ-юніонизма.

По Ленину, рабочій классъ, предоставленный самому себѣ, способенъ бороться только за условія продажи своей силы на почвѣ капиталистическихъ отношеній производства. По Марксу и Энгельсу, этотъ классъ необходимо долженъ стремиться устранить эти отношенія, то есть совершить соціалистическую революцію.

Кто правъ?

Судите объ этомъ, какъ вамъ угодно, но если вы думаете, что правъ Ленинъ, то не называйте себя послѣдователемъ Маркса и Энгельса.

Марксизмъ, это — „совсѣмъ другая опера“.

Излишне прибавлять, что основатели научнаго соціализма никогда даже и на пушечный выстрѣлъ не приближались къ тому взгляду, который впослѣдствіи проповѣдывали наши „экономисты“. Марксъ и Энгельсъ очень хорошо умѣли цѣнить великое значеніе „революціонной бациллы“.

Когда Энгельсъ изучалъ положеніе рабочаго класса въ Англіи, онъ былъ твердо убѣжденъ, что уже начавшееся тамъ рабочее движеніе „стихійно“ приведетъ къ соціалистической революціи. Но это не помѣшало ему сознавать и утверждать, что дѣло революціонной борьбы пролетаріата много выиграло бы отъ усвоенія этимъ классомъ соціалистическихъ идей. Онъ совѣтовалъ англійскимъ соціалистамъ,—рѣдко принимавшимъ тогда активное участіе въ борьбѣ рабочихъ съ фабрикантами,—взять на себя роль „бациллы“.[1] Но онъ замѣчалъ, что для этого англійскій соціализмъ долженъ кореннымъ образомъ измѣнить свой характеръ и *стать чисто пролетарскимъ*. Это послѣднее замѣчаніе лишній разъ доказываетъ, между прочимъ, какъ чужда была Энгельсу дикая мысль о томъ, что революціонный соціализмъ можетъ развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“.

Повторяю, Марксъ и Энгельсъ прекрасно понимали значеніе „революціонной бациллы“. Но они прочитали бы ей очень суровую нотацію, если бы она, *бацилла революціи*, — поддавшись вредному вліянію *бациллы самомнѣнія и субъективизма*, — вздумала *противопоставлять себя* рабочей *массѣ* и утверждать, что пока она не осѣнитъ этой массы революціонной благодатью своей сознательности, до тѣхъ поръ та останется въ духовной и матеріальной зависимости отъ буржуазіи и не въ силахъ будетъ нетолько повалить капитализмъ, но просто хотя бы только „экспропріировать экспропріаторовъ“. Когда „Бруно Бауэръ и К°“ позволили себѣ нѣчто вродѣ такого противопоставленія, то Марксъ обрушился на нихъ съ ѣдкими насмѣшками, совершенно справедливо утверждая, что противопоставленіе „критической критики“ массамъ, есть не болѣе, какъ новое видоизмѣненіе старой противоположности между *Духомъ* и *Матеріей*. „Если бы Критика, — писалъ онъ, — была лучше знакома съ движеніемъ низшихъ классовъ народа, то... новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая отъ этихъ классовъ въ Англіи и во Франціи, доказала бы ей, что они способны умственно подняться и, не будучи непосредственно осѣнены святымъ духомъ критической критики“.[1]

„Противоположность между Духомъ и Матеріей, — продолжалъ Марксъ, — есть критическая „организація общества“, при чемъ Духъ или Критика представляютъ собою трудъ организаціи, масса — сырой матеріалъ, а исторія — фабрикатъ“.[2]

Не иначе отозвался бы Марксъ и о теоріи Ленина, у котораго, какъ и у „критической критики“, масса есть лишь неодухотворенный сырой матеріалъ, надъ которымъ производитъ свои операціи отмѣченная печатью дара духа святого интелигенція.

„Караулъ! — кричитъ читатель изъ „твердыхъ“, — вы искажаете мысль Ленина. Вы изображаете его чѣмъ то въ родѣ субъективиста, между тѣмъ какъ онъ просто на просто развивалъ мысль Каутскаго, подробно изложенную въ статьѣ „Die Revision des Programms der Sozialdemokratie in Oesterreich“! Такъ нельзя! Я сейчасъ созову другихъ твердыхъ и предложу написать противъ васъ протестъ!“

Успокойтесь, „твердый“ товарищъ, мнѣ извѣстно, что протесты пишутся теперь вами съ той восхитительной легкостью, которая составляла до сихъ поръ монополію „соціалистовъ-революціонеровъ“. Но все таки прежде, чѣмъ писать „протестъ“, выслушайте меня до конца. Можетъ быть, вы и сами найдете, что для протеста нѣтъ никакихъ основаній.

Ленинъ, дѣйствительно, приводитъ на стр 27 своей брошюры длинную выписку изъ статьи Каутскаго, посвященной обсуждавшемуся тогда (въ октябрѣ 1901 г.) проекту новой программы австрійской соціальдемократіи. И въ этой выпискѣ, дѣйствительно, говорится, что соціалистическое сознаніе есть нѣчто извнѣ внесенное въ классовую борьбу пролетаріата, а не стихійно из нея возникшее. Но Ленину нужно было очень невнимательн отнестись ко взгляду Каутскаго на движеніе пролетаріата, чтобы ссылаться на этотъ взглядъ для подтвержденія собственных измышленій.

Прежде всего я обращу вниманіе читателя, — „твердаго“ и не твердаго, — на слѣдующее мѣсто той же самой статьи тог же самаго Каутскаго.

„Но что возрастаетъ во всякомъ случаѣ, такъ это противоположность между трудомъ и капиталомъ, противорѣчіе между капиталистической тенденціей къ увеличенію зависимости (нае наго труда отъ капитала. Г. П.) и растущей у пролетаріата по требностью въ независимости, противорѣчіе, которое, пока существуетъ капитализмъ, дѣлаетъ необходимыми борьбу классовъ и стремленіе ниспровергнуть классъ капиталистовъ, противорѣчіе, которое исчезнетъ только тогда, когда будетъ разрѣшено“.[1]

Мы видимъ: указываемое здѣсь противорѣчіе вызываетъ, п ясно выраженному мнѣнію Каутскаго, у пролетаріата стремлені къ ниспроверженію класса капиталистовъ, и чѣмъ болѣе растет это противорѣчіе, — а Каутскій указываетъ именно на его рост — тѣмъ болѣе, конечно, должно усиливаться это, вызываемое им стремленіе пролетаріата. Такъ это, или нѣтъ? Кажется, такъ. Чт же означаетъ это стремленіе ниспровергнуть классъ капитали стовъ? Очевидно, не что иное, какъ *стремленіе устранить ка питалистическія производственныя отношенія*, т. е. покончит съ *капитализмомъ*, т. есть, сдѣлать *соціалистическую* революці Такъ это, или нѣтъ? Кажется, такъ. Теперь я спрашиваю: т ли это, что говоритъ Ленинъ? Нѣтъ, совсѣмъ не то. Каутскі — совершенно также, какъ и Энгельсъ въ цитатѣ, сдѣланн мною выше изъ его книги о положеніи рабочаго класса въ Англі и точно также, какъ и Марксъ, въ книгѣ, направленной проти Бруно Бауэра, — говоритъ, что противорѣчіе, свойственное ка питализму, неизбѣжно вызываетъ у рабочихъ стремленіе устра нить капиталистическія производственныя отношенія, а неудач сославшійся на него Ленинъ увѣряетъ, что это противорѣчіе м жетъ толкнуть пролетаріатъ только на борьбу, ведущуюся *почвѣ* этихъ отношеній. *Каутскій вѣренъ марксизму: Ленинъ* *мѣняетъ ему*. Тассо у Гете, слушая Антоніо, восклицаетъ:

> Mit Beifall und Verehrung hör' ich dich.

Въ отвѣтъ на это Антоніо говоритъ:

> Und dennoch denkst du wohl bei diesen Worten
> Ganz etwas Anders, als ich sagen will.

Такъ и Каутскій могъ-бы сказать Ленину по поводу сво словъ, „съ одобреніемъ и почтеніемъ“ цитируемыхъ Ленины „*ты придалъ имъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой они имѣю меня*“.

Я вижу, что „твердый“ читатель опять „возмущенъ“ и оп подобно самому вульгарному „соціалисту-революціонеру“, соб ется писать „протестъ“. Но я опять прошу его слушать даль

Въ спорѣ съ Бернштейномъ Каутскій, опровергая нел истолкованіе взглядовъ Маркса, даваемое бѣднымъ Эдуар вслѣдъ за буржуазными экономистами въ родѣ Шульце Ге ница, слѣдующимъ образомъ излагаетъ то, что онъ справе

сомъ была написана его книга о положеніи англійскихъ рабочихъ, та же экономическая необходимость поставила Англію въ *исключительное положеніе*, благодаря которому ея пролетаріатъ утратилъ революціонныя стремленія, одушевлявшія его въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Объ этомъ см. написанное Энгельсомъ же „Приложеніе“ къ американскому изданію англійскаго перевода его книги, особенно стр. v и vi-ую. Теперь экономическая необходимость, устраняя исключительное экономическое положеніе Англіи, опять поворачиваетъ, хотя пока еще въ слабой степени, взоры англійскихъ рабочихъ къ соціализму.

[1] См. также, какую дѣятельную роль рекомендуетъ онъ американской соціалистической „бациллѣ“ въ предисловіи къ упомянутому выше американскому изданію вышеназванной его книги. Это предисловіе помѣчено 26 января 1887 г.

[1] Die Heilige Familie, стр. 243.

[2] Тамъ же, та же стр.

[1] „Die Neue Zeit“, 1901—1902, № 3, s. 75.

такъ и то, что Ленинъ называетъ „группами", являются лишь различныхъ степеней агентами комитета: имъ назначаются и исполняютъ имъ же данныя порученія. Это — аппаратъ (худъ онъ или хорошъ — не объ этомъ рѣчь), которымъ маленькая группа можетъ, по мнѣнію тов. Ленина, дѣйствовать на большое движеніе, но это не организація людей. Въ „Письмѣ" встрѣчаются слова: кружокъ, группа, но, что подъ этими словами — по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ — Ленинъ подразумѣваетъ простое подведеніе (въ умѣ или на бумагѣ) нѣсколькихъ лицъ подъ одну рубрику, это видно хотя бы изъ слѣдующаго мѣста: „По тому же типу порученій... должны быть организованы всѣ разнообразныя группы, обслуживающія движеніе" (стр. 12) и, затѣмъ, перечисляя эти „группы", Ленинъ — между гимназической и транспортной — помѣщаетъ „группу содѣйствующихъ чиновниковъ". Еще въ „Что дѣлать"? онъ перечисляетъ различныя вѣдомства до полицейскаго, духовнаго и придворнаго включительно, въ средѣ которыхъ организація революціонеровъ можетъ найти себѣ содѣйствующихъ. Можетъ, конечно, но кому придетъ фантазія соединять на самомъ дѣлѣ, въ одинъ кружокъ, или хотя бы только знакомить между собою этихъ чиновниковъ? Никому, конечно, не исключая и Ленина. Онъ представляетъ ихъ себѣ сгруппированными лишь въ головѣ комитетчика, завѣдующаго тѣми агентами, которые сносятся съ чиновниками. То же оригинальное представленіе объ организаціи видно изъ его возраженія Мартову, замѣтившему на съѣздѣ Лиги, что по формулѣ Ленина даже агенты Ц. К. не входятъ въ партію, такъ какъ не составляютъ организаціи. „Формально, возражаетъ Ленинъ („Шагъ", стр. 50, 51) достаточно было бы образовать организацію агентовъ Ц. К.". Да, но фактически „партійной" организаціей изъ нихъ все же не вышло бы. Агенты исполняютъ по порученію Ц. К. дѣла Ц. К. Если бы они автономно повели эти дѣла, рѣшая ихъ по большинству голосовъ. они стали бы на мѣсто Ц. К. Но Ленинъ только въ насмѣшку предлагаетъ это рѣшеніе, а въ серьезъ вѣщаетъ слѣдующее: „*Идея* же § 1 въ моей формулировкѣ состоитъ въ *стимулѣ*: организуйтесь! въ *обезпеченіи реальнаго* контроля и руководства. Съ точки зрѣнія *существа дѣла*, смѣшонъ самый вопросъ о томъ, войдутъ ли въ партію агенты Ц. К., ибо *реальный* контроль за ними обезпеченъ *уже тѣмъ, что они назначены въ агенты*" (курсивъ Ленина во всей цитатѣ). „Организуйтесь!", по Ленину значитъ: попадите въ агенты. „Членъ партіи" — тотъ, за кѣмъ Ц. К. обезпечилъ себѣ контроль. „Организуйтесь!", „организація", „членъ партіи" и самая „партія" — все это страшно двусмысленныя, очень хитрыя слова въ устахъ Ленина. Чтобы выразить „идею" Ленина просто и недвусмысленно, § 1 устава долженъ быть формулированъ такимъ образомъ: „Членомъ партіи будетъ называться тотъ, кого Ц. К. возьметъ подъ свой реальный контроль".

Это не шутка: „идея" Ленина именно такова. Читатели помнятъ, вѣроятно, страницы „Письма", посвященныя разноскѣ литературы. Въ заключеніе Ленинъ говоритъ, что для разносчиковъ „нужна величайшая конспирація и военная дисциплина", и, поэтому именно, они „должны принадлежать" къ партіи. Мы тоже думаемъ, что должны... но организованы то по проекту Ленина всетаки не разносчики, а только разноска. И не потому они входятъ у Ленина въ партію, что они организованы, а потому что организація разноски литературы нуждается въ строжайшемъ контролѣ надъ разносчиками. Тѣхъ же, чья дѣятельность не нуждается въ строгомъ контролѣ, напр., рабочихъ, „вырабатывающихъ виды профессіональныхъ требованій", можно не зачислять въ партію, какими бы сознательными и преданными соціальдемократами они ни были.

Своеобразность ленинскаго пониманія членства въ партіи и организованности особенно ярко выступаетъ въ слѣдующемъ разсужденіи, долженствующемъ доказать Аксельроду, что никакой путаницы между понятіями: партія и организація онъ не дѣлаетъ, а, наоборотъ, Аксельродъ смѣшиваетъ широкій и узкій смыслъ слова организація.

„Слово организація, поучаетъ Ленинъ, „Шагъ впередъ" стр. 39) употребляется обыкновенно въ двухъ смыслахъ: широкомъ и узкомъ. Въ узкомъ смыслѣ оно означаетъ отдѣльную ячейку человѣческаго коллектива, хотя въ минимальной степени оформленнаго. Въ широкомъ... сумму такихъ ячеекъ". Въ примѣръ онъ приводитъ флотъ, армію, государство, учебное вѣдомство, могъ бы прибавить — почтовое. Но кто и когда, кромѣ Ленина, считалъ эти вѣдомства организаціями „человѣческаго коллектива" (матросовъ, учителей, почтальоновъ и проч.), а не общественныхъ функцій? Но съ точки зрѣнія директоровъ морскаго, учебнаго, почтоваго вѣдомствъ, организовать эти вѣдомства значитъ, набрать нужный персоналъ во всѣ ячейки, а затѣмъ его контролировать. И съ этой же точки зрѣнія смотритъ Ленинъ на „построеніе партіи".

Теперь понятной становится та злость, съ которой онъ безпрестанно возвращается въ своей книгѣ къ Мартовскому стачечнику, объявляющему себя членомъ партіи (напр. стр. 42). Вообразите въ самомъ дѣлѣ положеніе почтмейстера, если бы „каждый стачечникъ имѣлъ право объявлять себя" почтальономъ. Но у страха глаза велики. Формула Мартова сама по себѣ ничуть не мѣшаетъ Ц. К. организовать свои вѣдомства, хотя бы и по „Письму къ товарищу". Право самовольно зачислять себя въ его агенты она никому не даетъ и помѣшать какой бы то ни было положительной работѣ Ц. К. она не можетъ. Чему она мѣшаетъ, такъ это отрицательной работѣ Ц. К. надъ приспособленіемъ размѣровъ партіи къ своимъ собственнымъ удобствамъ, къ своей дѣеспособности, мѣшаетъ сведенію числа членовъ партіи къ тому числу агентовъ, которое можетъ въ данный моментъ употребить Ц. К.

Можетъ показаться, что разъ формула Мартова не мѣшаетъ Ц. К. организовать свои функціи по „Письму къ товарищу", то и формула Ленина, сама по себѣ, даже при строгомъ проведеніи, произвела бы въ партіи только словесный разгромъ, простое переименованіе тѣхъ соціальдемократовъ, которые раньше считали себя членами партіи, въ членовъ „движенія", что ли, или какъ-нибудь иначе. Но на самомъ дѣлѣ, за этимъ словеснымъ различіемъ скрывается глубокое различіе въ пониманіи, что такое партія, въ самомъ отношеніи въ партіи.

Намъ всѣмъ случается, употребляя слово „партія" въ узкомъ, искусственномъ смыслѣ этого слова (основалась въ 1898 г., состоитъ изъ такихъ то комитетовъ и проч.), забывать изъ-за него о партіи въ естественномъ и широкомъ смыслѣ, хотя до такого полнаго игнорированія партіи въ этомъ второмъ смыслѣ, какое обнаруживаетъ Ленинъ и его (пріобрѣтенное послѣ съѣзда) эхо, едва ли кто доходилъ. Это забвеніе осталось у насъ, какъ наслѣдіе тѣхъ временъ, когда строились кружки и организаціи и называли себя партіями, но не было той дѣйствительной партіи, которая теперь есть и которой нельзя построить ни сверху, ни снизу, нельзя ни создать, ни даже уничтожить однимъ рѣшеніемъ съѣзда, хотя терзать и ослабить при продолжительныхъ стараніяхъ, конечно, можно.

Хорошая организація можетъ чрезвычайно усилить партію и помочь ея росту, но складываться настоящая, живая партія начинаетъ и помимо организаціи простымъ противопоставленіемъ себя, т. е. людей, одинаково думающихъ и чувствующихъ, тѣмъ, кто думаетъ и чувствуетъ иначе. Въ наиболѣе широкомъ смыслѣ этого слова нашу партію можно опредѣлить, какъ ту часть (partie, Partei, party) все сильнѣе волнующихся за послѣдніе десять лѣтъ слоевъ населенія Россіи, которую соціальдемократія успѣла захватить на свою долю всей совокупностью своей теоретической и практической борьбы, борьбы не въ Россіи только, а въ цѣлой Европѣ, начиная не съ перваго или второго съѣзда, а съ самаго Маркса.

Всю эту, не построенную какимъ-нибудь центромъ, а „произвольно" существующую и растущую партію Ленинъ всецѣло отбрасываетъ въ „движеніе", выдѣляя изъ него лишь группу заговорщиковъ, вербующихъ себѣ то или иное количество агентовъ.

На слова Мартова, что для него „заговорщицкая организація имѣетъ смыслъ лишь постольку, поскольку ее облекаетъ широкая соціальдемократическая рабочая партія", Ленинъ возражаетъ, что слѣдовало сказать: „поскольку ее облекаетъ широкое соц.-демократическое рабочее „*движеніе*" (курсивъ Ленина „Шагъ" стр. 43). Мартовъ имѣлъ въ виду *людей*, составляющихъ партію, а движеніе — это различныя проявленія настроенія, взглядовъ, чувствъ населенія.

Движеніе постольку и становится соціальдемократическимъ, поскольку выдѣляетъ изъ себя элементы С.-Д. Р. П. Въ современной Россіи, движеніе какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и среди интеллигенціи существовало бы и въ томъ случаѣ, если бы не было на свѣтѣ ни одного соціальдемократа. Оно бы только проявилось и выразилось нѣсколько иначе. Движеніе — революціонное движеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова — идетъ на пользу всѣмъ, кто ищетъ себѣ сторонниковъ. Подъ его могучимъ дѣйствіемъ начинаютъ рости дремавшіе зародыши всякихъ партій, оно гальванизируетъ даже патріотически-монархическія чувствованія.

Главной задачей организованнаго ядра партіи является именно всасываніе возможно большей части движенія въ партію, закрѣпленіе ее за партіей. Да — не только радоваться — добиваться должны мы того, чтобы весь слой рабочихъ, изъ котораго выходятъ подсудимые по процессамъ о стачкахъ и демонстраціяхъ, думалъ, чувствовалъ и говорилъ: „наша партія, мы — часть партіи, я — членъ партіи", хотя бы и не всѣ они выдержали тотъ экзаменъ, о которомъ говорилъ тов. Павловичъ (прот. стр. 248). Вѣдь при строгости экзаменаторовъ можно бы провалить и иного делегата съѣзда. Важно, чтобы всѣ эти рабочіе считали дѣла партіи своими собственными, чувствовали себя отвѣтственными за нихъ, не предъ Ц. К., а предъ самими собою. Отъ интеллигенціи требуется, конечно, полное знаніе и пониманіе программы, но, несомнѣнно, мы можемъ только радоваться, когда хорошія организаціи студентовъ и даже гимназистовъ стремятся стать частью нашей партіи.

Этотъ партійный патріотизмъ принадлежитъ, конечно, къ „невѣсомымъ величинамъ" (Imponderabilen, по выраженію Каутскаго), но безъ него въ воздухѣ висѣлъ бы нашъ „заговоръ". Разъ всѣ права на партію, а, слѣдовательно, и всѣ обязанности, вся отвѣтственность сосредоточены въ узкомъ кругѣ руководителей, стоящемъ лицомъ къ лицу лишь съ „движеніемъ", пассивно берущимъ *наши*, (а не „свои") листки, идущимъ на *наши* демонстраціи, то это не закрѣпленное за нами движеніе въ минуту разстройства въ центрѣ партіи, въ минуту бѣды и неудачи легко можетъ пойти и за другими. Удержать его можетъ только широко распространенный партійный патріотизмъ *членовъ партіи*.

Партійная организація должна быть замкнутымъ цѣлымъ, ея двери должны запираться изнутри и открываться, сообразуясь не со стремленіемъ стучащихся, а съ потребностями работы. Вступленіе въ партійную организацію можно, пожалуй, сравнить съ „чиномъ". Но членство въ партіи ни въ какомъ случаѣ не чинъ, а право гражданства. Необходимо объективное мѣрило, объективныя условія, исполняя которыя соціальдемократъ можетъ реализовать это право. Плохо дѣло, если это право перестаетъ быть привлекательнымъ, если за нимъ „не гонятся". Это означало бы, или утрату соціальдемократіей притягательной силы по отношенію къ движенію, переходъ этой силы къ какой-нибудь другой партіи, либо ослабленіе самаго движенія.

Партія, въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, на своей постоянно расширяющейся периферіи не можетъ не быть „расплывчатой". Формула Мартова ни въ какомъ случаѣ не расширяетъ — какъ говоритъ Ленинъ — а опредѣляетъ и тѣмъ самымъ суживаетъ понятіе членства партіи, но она суживаетъ его цѣлесообразнымъ образомъ, отграничивая отъ партіи какъ тѣхъ, кто раздѣляетъ лишь часть нашихъ стремленій, такъ и людей, раздѣляющихъ эти стремленія чисто платонически, безъ дѣйствительнаго желанія помочь ихъ осуществленію. Она ставитъ искусственный барьеръ предъ той нейтральной полоской, на которой растущая партія естественно всасываетъ въ себя элементы движенія, но ни одного уже сложившагося соціальдемократа, желающаго работать въ партіи, она за бортъ не выбрасываетъ.

По „идеѣ", выраженной въ формулировкѣ Ленина, на первое время въ партіи остались бы только утвержденные съѣздомъ комитеты и избранные члены Ц. К., которымъ предстояло начать строить свой агентурный аппаратъ[1] по „Письму къ товарищу".

„Какое содержаніе этой страшной, на первый взглядъ, фразы: выбросить за бортъ?" спрашиваетъ Ленинъ и отвѣчаетъ утвержденіемъ, что люди, которые не войдутъ въ партійную организацію (а, слѣдовательно, и въ партію), могутъ работать въ непартійной. „О выбрасываніи за бортъ, въ смыслѣ отстраненія отъ работы, отъ участія въ движеніи не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи" (стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 51), возражая на утвержденіе Аксельрода, что правовѣрнымъ кружкамъ и лицамъ, подчиняющимся постановленіямъ центровъ партіи, нельзя запретить никакими декретами называться соціальдемократами и считать себя частью партіи, тов. Ленинъ говоритъ, что запрещать называться соціальдемократами нельзя и незачѣмъ, запретить же считать себя частью партіи можно и должно.

---

[1] До съѣзда самъ Ленинъ думалъ, что на постройку требуются годы (см. послѣднія строки „Письма къ товарищу") и только на съѣздѣ увѣровалъ въ „прохожденіе этаповъ" простымъ подниманіемъ рукъ къ верху.

считаетъ истиннымъ взглядомъ Маркса и съ чѣмъ самъ онъ безусловно соглашается:

„Уничтоженіе мелкаго производства, составлявшаго прежде господствовавшую форму, создаетъ пролетаріевъ, наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе развивается капиталистическое производство на развалинахъ ремесла, тѣмъ болѣе уменьшается для наемнаго рабочаго возможность добиться независимости отъ эксплуатаціи и отъ порабощенія капиталомъ въ качествѣ изолированнаго производителя на основѣ частной собственности; тѣмъ болѣе усиливается его стремленіе (у Каутскаго сказано даже сильнѣе: Verlangen. Г. П.) уничтожить частную собственность. Такъ возникаютъ съ силой естественной необходимости вмѣстѣ съ пролетаріатомъ соціалистическія тенденціи какъ у самихъ пролетаріевъ, такъ и у тѣхъ, которые становятся на точку зрѣнія пролетаріата".[1]

Каутскій прибавляетъ: „такъ объясняется возникновеніе соціалистическихъ стремленій". И въ самомъ дѣлѣ, оно объясняется именно такъ. И это объясненіе и представляетъ собой тотъ „прямой уголъ", ту искомую истину, которая вполнѣ согласна съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи и одинаково далека отъ „острыхъ угловъ" односторонности, свойственной какъ Ленину, такъ и „экономистамъ". Пролетаріатъ вовсе не есть „Матерія", неизвѣстно кѣмъ осужденная на вращеніе въ заколдованномъ кругѣ „трэдъ-юніонизма" и могущая выйти изъ этого круга лишь съ помощью „Духа", „бациллы", „интеллигенціи". Нѣтъ! Влекомый непобѣдимой силой современныхъ общественныхъ отношеній, онъ и самъ болѣе или менѣе быстро движется въ направленіи къ *соціализму*, онъ и самъ обнаруживаетъ *соціалистическія стремленія*. Но „бацилла" можетъ ускорить движеніе, сдѣлать его болѣе осмысленнымъ и болѣе цѣлесообразнымъ; она можетъ сыграть въ высшей степени полезную воспитательную роль въ средѣ борющагося съ классомъ капиталистовъ пролетаріата. И въ этомъ ея великое историческое значеніе.

Группа „Освобожденіе Труда", соціальдемократическіе взгляды которой сложились *въ прямой зависимости* отъ „стихійнаго роста рабочаго движенія", всегда приписывала „бациллѣ" именно это значеніе. Она всегда оставалась вѣрной марксизму также и въ этомъ отношеніи. И вотъ почему „ликвидація четвертаго періода" нашего движенія, — характеризующагося вліяніемъ ленинской метафизики, подобно тому, какъ „третій періодъ" его характеризуется вліяніемъ „экономизма", — должна будетъ состоять, между прочимъ, въ томъ, чтобы подняться, наконецъ, до теоретической точки зрѣнія этой группы. Это скоро увидятъ даже совсѣмъ близорукіе.

Такъ-то, „твердые" товарищи! Вы сами, надѣюсь, видите теперь, что вашъ „диктаторъ" здорово, и — нечего грѣха таить! — постыдно промахнулся. Или вы всетаки не видите этого? Ну, такъ читайте еще.

По поводу того же проекта программы австрійской партіи Каутскій говорилъ на съѣздѣ этой партіи въ Вѣнѣ, въ послѣполуденномъ засѣданіи 4-го ноября 1901 года.

„Вѣрно то, что рабочее движеніе само изъ себя не можетъ породить соціальдемократическую мысль. Рабочее движеніе порождаетъ соціалистическій инстинктъ, оно порождаетъ въ пролетаріатѣ потребность въ соціализмѣ, потому что пролетарій все болѣе чувствуетъ, что своими единичными силами, какъ отдѣльная личность, онъ не можетъ придти къ обладанію средствами производства. Но теоретическое пониманіе, необходимое для того, чтобы привести къ ясному сознанію этотъ инстинктъ, вышло не изъ среды пролетаріата, потому что у пролетаріата отсутствовали всѣ необходимыя для этого условія научной работы. Это убѣжденіе родилось въ головахъ буржуазныхъ ученыхъ, имѣвшихъ достаточно честности и безпристрастія, чтобы не ослѣпляться нуждами буржуазіи. Всѣ наши первые и великіе соціалисты принадлежали къ этому слою: Сэнъ-Симонъ, Фурье, Лассаль, Марксъ, Энгельсъ. Но ихъ теоріи остались бы простыми теоріями, если бы слой даровитыхъ пролетаріевъ не передалъ ихъ массѣ пролетаріата, если бы онѣ не оплодотворили рабочаго движенія и не сплавились въ одно цѣлое съ нимъ."[1]

Эти слова прежде всего показываютъ, что — по мысли Каутскаго и вопреки уже слишкомъ хорошо знакомому намъ невѣрному мнѣнію Ленина, — соціалистическая теорія развивалась отнюдь не „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія". Каутскій прямо заявляетъ: „Изъ соединенія рабочаго движенія съ соціалистической теоріей возникъ новый, соціальдемократическій образъ мыслей, при развитіи котораго не только рабочіе учились у соціалистическихъ теоретиковъ, но и соціалистическіе теоретики у рабочихъ".[2] Кромѣ того, рѣчь Каутскаго на съѣздѣ австрійской партіи показываетъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать сказанное имъ прежде о внесеніи соціалистической мысли „извнѣ" въ среду пролетаріата. „Извнѣ" вносится *именно только ясное сознаніе, только научная теорія*, а историческое движеніе *за предѣлы трэдъ-юніонизма*, — вмѣстѣ съ порождаемымъ имъ „*соціалистическимъ инстинктомъ*", — вызывается самимъ положеніемъ пролетаріата и родится въ собственной средѣ этого класса. Оказывается, значитъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ той самой мыслью Каутскаго, которую мы уже встрѣтили въ томъ мѣстѣ его книги противъ г. Бернштейна, гдѣ онъ говоритъ, какъ надо понимать относящійся къ этому вопросу взглядъ Маркса. Но здѣсь онъ высказываетъ ее по другому поводу и потому даетъ ей другую формулировку. Прежде онъ писалъ, что капитализмъ порождаетъ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ и соціалистическія стремленія какъ у самихъ пролетаріевъ, такъ и у тѣхъ людей высшихъ классовъ, которые становятся на ихъ точку зрѣнія; теперь онъ говоритъ, что соціалистическія стремленія пролетаріевъ, не будучи освѣщены соціалистической теоріей, остаются *инстинктомъ* и не достигаютъ *соціальдемократической сознательности*. Новая формулировка, пожалуй, менѣе удачна, чѣмъ старая, потому что въ нее закрались нѣкоторыя неточности и неясности: напримѣръ, Фурье совсѣмъ не принадлежалъ къ буржуазнымъ ученымъ, а Сэнъ-Симона можно причислить къ нимъ лишь съ оговоркой. Не совершенно ясно, что именно надо понимать подъ соціалистическимъ инстинктомъ въ его противоположности соціалистическому сознанію, такъ какъ въ общественной психологіи не легко провести границу между инстинктомъ и сознаніемъ. Но это для насъ здѣсь не важно. Намъ надо было знать, имѣлъ-ли право Ленинъ ссылаться на Каутскаго для подтвержденія своей мысли, и мы ясно видимъ теперь, что такого права у него совсѣмъ не было.

„Инстинктивный соціализмъ" долженъ, по мнѣнію Каутскаго, вести къ *соціальной революціи*. И даже не только „*инстинктивный соціализмъ*". Въ своемъ спорѣ съ г. Бернштейномъ Каутскій высказываетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что борьба классовъ въ капиталистическомъ обществѣ своей собственной неумолимой логикой должна *даже враждебныхъ соціализму* пролетаріевъ поставить передъ такими задачами, рѣшеніе которыхъ „поразитъ капиталистическій способъ производства въ самое сердце".[1] И это же убѣжденіе, цѣликомъ заимствованное имъ у Маркса и Энгельса, лежитъ въ основѣ его сочиненія „Die soziale Revolution", переведеннаго на русскій языкъ *подъ редакціей Ленина*. Вотъ собственныя слова Каутскаго: „Я хотѣлъ знать, какія послѣдствія *необходимо* (mit Nothwendigkeit) выростаютъ изъ политическаго господства пролетаріата въ силу его классовыхъ интересовъ и нуждъ производства, совершенно независимо отъ той теоретической основы, на которой стоялъ бы пролетаріатъ во время своей побѣды. Такимъ образомъ я именно устранялъ при этомъ всякое предположеніе о вліяніи на пролетаріатъ соціалистическихъ ученій. (Слушайте, „твердые", слушайте! Г. П.) Въ началѣ моего изслѣдованія я прямо ставлю вопросъ: какъ долженъ будетъ пролетаріатъ воспользоваться своею властью? Не то, чего *захочетъ* онъ на основаніи той или другой теоріи или того или другого настроенія, но то, что онъ *долженъ* будетъ предпринять, движимый своими классовыми интересами и силой экономической необходимости."[2]

Довольно. Ленинъ не понялъ ни Каутскаго, ни Энгельса, ни Маркса, т. е. вообще онъ не понялъ научнаго соціализма въ его отношеніи къ этому вопросу. *И это его непониманіе представилось ему въ видѣ неспособности пролетаріата выйти за предѣлы „трэдъ-юніонизма", который, къ тому же, изображается имъ, какъ нѣчто упавшее съ неба въ законченномъ видѣ, разъ навсегда данное и неизмѣнное*[3].

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Г. Плехановъ.

---

[1] Bernstein und das sozialdemokratische Programm, Stuttgart 1899, стр. 53.

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Gesammtparteitages der Sozialdem. Arbeiterpartei Oesterreichs abgehalten zu Wien vom 2. bis 6. November 1901. s. 124.

[2] Тамъ же, та же стр.

[1] Bernstein etc. S. 180.

[2] Die Neue Zeit, 22 Jahrg. Bd. I № 19, S. 591.

[3] На вопросъ, почему я не обнаружилъ его заблужденія тотчасъ же по выходѣ его надѣлавшей такъ много шуму, но въ сущности очень слабой во всѣхъ отношеніяхъ брошюры, *отвѣчаетъ окончаніе второй половины этой статьи*, къ которому я и отсылаю читателя.

Итакъ, „выброшенному за бортъ“ большинству партіи, всѣмъ этимъ „самозачислявшимся“ въ нее Мартовскимъ „стачечникамъ“ и Аксельродовскимъ правовѣрнымъ интеллигентамъ нельзя запретить ни соединяться въ организаціи, ни работать, ни влiять на движеніе. Но ихъ должно отдѣлить (нравственно отдалить) отъ партіи запрещеніемъ считать ее своей партіей, а себя — ея частью; должно сдѣлать для нихъ необязательными всѣ резолюціи партіи, всѣ ея рѣшенія и постановленія (на это указывалъ еще на съѣздѣ тов. Русовъ), должно сдѣлать необязательной и самую программу. Нельзя и незачѣмъ, впрочемъ, запрещать имъ называться соціальдемократами, считать себя частью соціальдемократіи. Слѣдуетъ вспомнить, однако, что нельзя запретить этого не только имъ, а нельзя никому: ни бернштейніанцамъ и „идеалистамъ“, которыхъ не мало развелось около легальной литературы, ни „чистымъ экономистамъ“, которые легко могутъ возродиться при первой же заминкѣ политической борьбы, ни чистѣйшимъ демократамъ, часто отличающимся величайшимъ равнодушіемъ ко всѣмъ теоріямъ, но могущимъ увлечься предполагаемой способностью соціальдемократовъ выводить рабочихъ на улицы. И всѣхъ этихъ оппортунистическихъ волковъ вы искусственно объединяете однимъ именемъ, однимъ правовымъ положеніемъ, по отношенію къ „партіи“, съ ея резервной арміей, благодаря которой только и возможна безпрерывность работы партіи при безчисленныхъ арестахъ.

Формулировка Мартова обвинялась въ отпираніи двери, черезъ которую могутъ пробраться оппортунисты. Ленинъ не замѣчаетъ, что, отгородивъ и заперевъ двойными засовами маленькій уголокъ партіи, гдѣ засѣли бы, по предположенію, самые твердые изъ правовѣрныхъ „искровцевъ“, онъ, тѣмъ самымъ, выбрасываетъ въ открытое поле, гдѣ свободно рыщутъ всѣ волки „оппортунизма“, всю остальную, менѣе твердую на его взглядъ, массу соціальдемократовъ. Какъ вамъ кажется: соотвѣтствуетъ ли такая „концепція“ централизму, хотя бы самому твердому, въ цѣли котораго, кромѣ всевластія центра, должно же входить и объединеніе партіи? Но мы опять забыли, что для Ленина существуетъ не партія, а лишь его планъ „построенія партіи“, исходя изъ того „центра“, въ которомъ находится авторъ плана.

Итакъ, какой же именно „идеѣ“ Ленина былъ нанесенъ ущербъ вотомъ съѣзда по § 1 устава? Да все той же, отмѣченной въ первыхъ же рѣчахъ сторонниковъ формулировки Мартова: „идеѣ“ игнорированія партіи, „выбрасыванія ея за бортъ“ ради устройства заговора.

Но при свѣтѣ погони за „реваншомъ“ выступаетъ другая субъективная сторона той же идеи, объясняющая въ свою очередь бѣшенство этой погони. Партія для Ленина — это его „планъ“, его воля, руководящая осуществленіемъ плана. Это — идея Людовика XIV: L'état c'est moi — партія это я, Ленинъ.

В. Засуличъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Когда же конецъ? Изъ Иркутскаго уѣзда сообщаютъ: Съ предпослѣдней партіей, прошедшей въ Якутскъ, вышла скверная исторія. Конвойный офицеръ оказался мерзавцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы конвойные привели къ нему въ 1 ч. ночи одну ссыльную, Вейнерманъ. Солдаты отказались, и унтеръ-офицеръ послалъ телегр. своему начальнику, что ему отдаются незаконныя приказанія. Бригадный генералъ смѣнилъ офицера и послалъ на смѣну другого офицера. Но до пріѣзда вновь назначеннаго офицера разыгралась трагедія. Офицеръ вновь потребовалъ уже отъ другихъ конвойныхъ, чтобы къ нему привели Вейнерманъ. Новые конвойные оказались сговорчивѣе, и (тутъ начинается область догадокъ, такъ какъ мы встрѣтили по дорогѣ солдатъ, которые провожали партію до Витима, а случай произошелъ дальше въ селѣ Нохгуйскомъ) и потащили ее. Изнасиловалъ ли онъ ее или нѣтъ, неизвѣстно: знаемъ только, что офицера убили, что послѣ произошла свалка съ солдатами, и что убитъ со стороны ссыльныхъ Шацъ и раненъ Минскій.

Только что мы получили слѣдующее подлинное письмо одного изъ участниковъ новой трагедіи, написанное до ея окончательной развязки:

7 іюня, 30 верстъ отъ Витима.

Четвертаго іюня въ с. Чечуйскомъ на остановкѣ произошло слѣдующее. Мы сдали Женю Гиршфельдъ, слѣдовавшую въ Непу; она вернулась къ паузку съ однимъ политикомъ. Поручикъ Сикорскій приказалъ конвойнымъ не пускать насъ къ нимъ, прогнать ихъ. Мы бросились навстрѣчу, съ паузка на берегъ прямо по водѣ. Конвой требовалъ выстроиться на повѣрку, билъ прикладами и штыками, загонялъ въ воду и тѣснилъ въ паузокъ. Либерманъ получилъ глубокую рану штыкомъ въ бокъ, Шинкаревская штыкомъ въ руку. Лившицу пробита голова, Либерману голова въ трехъ мѣстахъ, болѣе мелкое некогда теперь писать. Когда стали бросать съ паузка полѣнья, солдаты открыли стрѣльбу надъ нашими головами, выпустивъ болѣе тридцати пуль, такъ какъ нѣкоторые стрѣляли по два раза. О болѣе мелкихъ столкновеніяхъ до и послѣ Чечуйска сейчасъ писать некогда — ждемъ нападенія. Вотъ текстъ телеграммы, которую отправимъ со станка, до котораго еще пять верстъ, если удастся: „Срочная. Петербургъ. Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Копія. Иркутскъ. Генералъ-Губернатору. Поручикъ запаса Сикорскій, сопровождающій отдѣльнымъ паузкомъ партію политическихъ, вышедшую Александровска 15 мая, производитъ самыя возмутительныя издѣвательства надъ всѣми, особенно женщинами. 4 іюня, вызвавъ политическую Ревекку Вайнерманъ на свой паузокъ, заперъ двери, дѣлалъ гнусныя предложенія, предлагая деньги, грозя силой. Снявъ дверной крючекъ, Вайнерманъ вырвалась, сопровождаемая гнусными ругательствами. Седьмого іюня три часа ночи черезъ солдатъ Полканова и Борзова приказалъ привести Вайнерманъ немедленно, хотя бы связанную, сопровождая приказаніе циничными указаніями, какъ бить ее, остальныхъ политическихъ удерживать ударами прикладовъ и штыковъ. Приказаніе пока не исполнено. Поручикъ настойчиво повторяетъ приказаніе. Отношенія обостренныя. Предлагаемъ Вашему Высокопревосходительству обезопасить насъ отъ позорящихъ выходокъ, поступковъ офицера. Малѣйшее проявленіе насилія вызоветъ самое отчаянное сопротивленіе. Староста партіи Лурье“.

Сикорскій грозилъ сѣчь ее и т. д., сѣчь всѣхъ насъ по очереди, всего передавать некогда. Мы рѣшили всѣ умереть, но не допустить ни до розогъ (онъ хочетъ вызывать для этого къ себѣ на паузокъ), ни до насилія надъ женщинами. Конвой ночью отказался исполнить распоряженіе офицера, но что будетъ, когда онъ начнетъ имъ грозить, не знаемъ. О родѣ и способѣ нашей защиты и смерти вы узнаете изъ факта, если намъ не удастся доплыть мирно до Витима (30 верстъ осталось), или если въ Витимѣ не будутъ приняты достаточныя мѣры для нашей охраны. Я пишу это, чтобы знали въ чемъ дѣло. Посылая, быть можетъ, послѣдній привѣтъ, прошу передать его отъ всѣхъ всѣмъ товарищамъ, друзьямъ и роднымъ.

Въ нашей партіи теперь политиковъ, рѣшившихъ бороться (изъ Александровска выѣхали съ нами не принадлежащіе къ товариществу: Райхеръ съ семьей, Корисскій, Иникинъ и Фураевъ — эти, конечно, бороться не будутъ.) 28 человѣкъ:

1) **Минскій Маркъ**, на 4 г., по дѣлу Томск. инт. 2) **Лурье Михаилъ**, по дѣлу Симф. с.-д. Ком., на 8 л., студ. Одесс. унив. 3) Шацъ Наумъ, на 4 г., наборщикъ, по Варш. и Вилен. дѣлу Бунда. 4) Слуцкина Татьяна, до приговора, по дѣлу Екат. с.-р. Ком., дантистка. 5) Рѣшетовъ Егоръ, на 5 л., слесарь-конторщикъ, по дѣлу Иркут. с.-д. Ком. 6) Либерманъ Левъ, на 3 г., по Варш. дѣлу Бунда, инт. 7) Домостроевъ Николай, на 3 г., по Тиф. с.-д. Ком., домаш. учитель. 8) Гиндинъ, на 4 г. по Бакинск. с.-д., слесарь. 9) Таубинъ Давидъ, на 3 г., по Кіев. с.-д. 1900 г., слесарь. 10) Рубинштейнъ Яковъ, на 4 г., по Киш. с.-д. дѣлу Юж. гр., малярь. 11) Сысинъ Алексѣй, на 4 г., по Нижегор. с.-д. Ком., ст. Моск. ун. 12) Рузеръ Леонъ, на 4 г., по д. Одесс. дем. 1902 г., учен. зубоврач. школы. 13) Микша Осипъ, на 3 г., за устр. побѣга, сапожникъ. 14) Законъ Хаимъ, на 3 г., по Варшав. дѣлу Бунда, жестянникъ. 15) Михлинъ Соломонъ, на 3 г., по дѣлу Симфер. с.-д. Ком., портной. 16) Розенфельдъ Борисъ, на 3 года, по Варш. дѣлу Бунда, кожевникъ. 17) Баскинъ Абрамъ, до приговора, по Одесс. с.-р. дѣлу. 18) Болотинъ Акимъ, на 5 л., по Моск. с. д. дѣлу, литейщикъ. 19) Китаевъ Иванъ, на 4 г., по Иваново-Вознес. с. д. дѣлу, слесарь. 20) Кирилловъ Михаилъ, на 4 года, по Екат. с.-д. дѣлу, слесарь. 21) Бернштейнъ Александръ, на 4 г., по Одесс. с.-д. Ком., загран. студ. 22) Этингофъ Абрамъ, на 3 г., по Витеб. с.-д. дѣлу. 23) Шинкаревская Рахиль, на 3 г., по дѣлу Южн. Раб., портниха. 24) Лившицъ Ной, на 3 г., по Варш. дѣлу Бунда, литографщикъ. 25) Вейнерманъ Ревекка, на 3 г., фармацевтка изъ Ковно. 26) Каганъ Лиза, на 3 г., по Виленскому дѣлу Бунда, перчаточница. 27) Дашевскій Ефимъ, на 5 л., по Елизаветград. с.-д. дѣлу, слесарь. 28) Биндеръ Давидъ, на 5 л., по Одесс. с.-р. дѣлу, столяръ.

По этому же поводу пишутъ: Сикорскій успѣлъ зарекомендовать себя въ опредѣленномъ смыслѣ уже давно и зарекомендовать настолько, что даже здѣшнее офицерство (иркутское), далеко не отличающееся особой разборчивостью, отказалось принять его въ свою среду, когда онъ въ качествѣ запасного былъ призванъ въ настоящую мобилизацію на дѣйствительную службу. Сикорскій прекрасно понималъ свою миссію, когда брался за обязанности конвойнаго офицера: еще здѣсь въ Иркутскѣ онъ открыто грозилъ „свернуть „ихъ“ въ бараній рогъ“. Понимало, очевидно, и начальство, что оно дѣлаетъ, назначая конвойнымъ офицеромъ такого человѣка, какъ Сикорскій.

Бѣшенство администраціи противъ политическихъ все усиливается. На дняхъ, при отправкѣ вольнослѣдующихъ женъ, всѣмъ имъ безъ исключенія произвели самый нахальный и оскорбительный обыскъ. Всѣ вещи были въ буквальномъ смыслѣ слова истерзаны. Допрашивали о каждой стклянкѣ, о каждомъ лоскуткѣ. Пользуясь безотвѣтностью жертвы, палачъ всегда становится нахальнѣй. Терроръ противъ политиковъ вошелъ уже окончательно въ систему; какъ видно изъ послѣдняго факта, онъ растетъ не только въ глубь, но и вширь.

Продажа Россіи. Распродажа Россіи съ молотка начинается. Подписанъ русско-германскій торговый договоръ, отдающій производителей русскаго хлѣба, и прежде всего, конечно, крестьянъ, на потокъ и разграбленіе нѣмецкимъ аграріямъ. Колоссально повышенныя таможенныя ставки на хлѣбъ, въ концѣ концовъ, будутъ переложены частью на потребителя — нѣмецкаго рабочаго, частью на производителя — русскаго крестьянина.

За сколько серебренниковъ произведена эта „патріотическая“ продажа? Это еще вопросъ. Но во всякомъ случаѣ союзъ царя съ нѣмецкими аграріями не можетъ не быть направленнымъ къ усиленію европейской реакціи. Кенигсбергскій процессъ, учащающіеся случаи обратнаго водворенія нѣмецкой полиціей въ Россію дезертировъ и эмигрантовъ — показываютъ отчасти характеръ того вознагражденія, которое получаетъ самодержавный Іуда.

Однако, достигая трогательнаго единенія съ померанскими баронами, самодержавіе подсѣкаетъ другой сукъ, на которомъ сидитъ — свой кредитъ у буржуазіи. Интересы нѣмецкой промышленности должны на столько пострадать отъ высокой пошлины на хлѣбъ, что нѣмецкая буржуазія — трусливая, какъ всякая буржуазія, и надѣявшаяся не на свои силы, а на невыгодность и непріемлемость договора для Россіи — ни мало не можетъ порадоваться новому доказательству „дружбы“ русскаго царя. А рядъ пораженій на войнѣ, разоблаченія Кенигсбергскаго процесса, вѣсти о настроеніи въ Россіи, убійство Плеве — все это начинаетъ внушать сомнѣніе въ кредитоспособности царскаго правительства.

И вотъ, органъ германскихъ биржевиковъ, „Berliner Tageblatt“, пишетъ: „Какъ извѣстно, въ настоящее время дѣлаются попытки заключить въ Германіи новый русскій заемъ... Въ своемъ послѣднемъ обозрѣніи мы уже говорили... что германскій денежный рынокъ и германскіе капиталисты должны обусловить свое участіе въ новомъ русскомъ займѣ *водвореніемъ культуры въ Россіи вмѣсто варварства...*“ Затѣмъ газета упоминаетъ, что агенты русскаго министерства финансовъ постоянно указываютъ на обширность Россіи и ея естественныхъ богатствъ; но, возражаетъ „Berliner Tageblatt“, „господство произвола въ русской политической жизни тяжелымъ гнетомъ ложится на промышленность и торговлю“. Отмѣтивъ признаки надвигающейся русской революціи, газета кончаетъ новымъ напоминаніемъ не давать Россіи денегъ, если не будетъ введена конституція.

Вотъ хорошее начало! Еще одинъ, и, быть можетъ, самый чувствительный, ударъ русскому самодержавію! Но если народъ не вмѣшается активно въ этотъ процессъ крушенія самодержавія, оно, конечно, разоритъ и распродастъ по клочкамъ всю Россію раньше, чѣмъ принесетъ на алтарь кредита свой деспотизмъ.

Новыя авантюры. Ньючвангъ взятъ японцами, и стоявшая тамъ канонерка „Сивучъ“ взорвана; на Мотіенлинскомъ перевалѣ и при Дашичао — сильнѣйшія пораженія съ потерею тысячъ убитыхъ и раненыхъ: два русскихъ парохода и контръ-миноносецъ сдались въ плѣнъ японскому флоту; Портъ-Артуръ — на волоскѣ; Куропаткинъ съ главными силами русской арміи, быть можетъ, наканунѣ Седана... Вотъ сколько новыхъ лавровъ вплело самодержавіе въ свой „побѣдный“ вѣнокъ за двѣ недѣли, и вотъ сколько крови стоилъ за этотъ короткій срокъ царизмъ русскому народу! Будетъ ли народъ ждать, пока самодержавіе захлебнется въ крови его? Допуститъ ли онъ, чтобы льющаяся потокомъ изъ его ранъ кровь новою жизнью вливалась въ дряхлое и гнилое тѣло самодержавія?

Самодержавіе для своего спасенія, конечно, ни передъ какими потоками народной крови не остановится. Попавши въ капканъ на Дальнемъ Востокѣ, оно безумно мечется, стараясь хоть на часъ отсрочить минуту своей гибели. Оно не остановилось даже передъ попыткой вызвать европейскую войну въ придачу азіатской.

Такой именно попыткой были разбойничьи подвиги крейсеровъ Добровольнаго Флота, прошедшихъ подъ торговымъ флагомъ Дарданеллы и лишь въ открытомъ морѣ обратившихся въ военныя суда. Захватъ пароходовъ нейтральныхъ державъ имѣлъ цѣлью вызвать конфликтъ съ однимъ изъ европейскихъ государствъ и втянуть, такимъ образомъ, въ войну связанную договорами „союзную“ Францію. Но французская буржуазія, охотно получающая проценты на деньги, ссужаемыя царственному „другу“, не имѣетъ, однако, ни малѣйшей охоты ставить свое существованіе на карту во имя сохраненія трона Романовыхъ. Вотъ почему при первыхъ же шагахъ самодержавія по пути новой авантюры, Франція категорически отказалась поддерживать русское правительство, и ему пришлось униженно покаяться передъ Англіей. Пока судьба страны въ рукахъ самодержавной шайки, каждый день можно ждать новыхъ кровавыхъ осложненій. Самодержавный звѣрь раненъ: надо прикончить его!

По дорогѣ въ Манджурію (изъ писемъ слѣдующихъ на войну). „... Солдаты въ Самарѣ ѣли картофель, а то все время питались кислой отвратительной капустой, полученной въ даръ отъ Москвы“. — „9-го іюня. Сегодня въ послѣдній разъ солдаты ѣли на продовольственномъ пунктѣ. Былъ безобразный супъ и каша съ сквернымъ саломъ. Господа интенданты, пользуясь своими правами, могутъ дѣлать, что имъ заблагоразсудится. Можно вписать въ книги, что обѣдъ тамъ-то и тамъ-то былъ плохъ, ну и только. Послѣ кампаніи разберутъ, а солдаты пока изволь кушать“... „10-го іюня. Сегодня ротный отхлесталъ рядового за то, что тотъ остался недоволенъ обѣдомъ“. „11-го іюня. 1000 дагестанцевъ ѣдутъ добровольцами. Жалованье рядовымъ 20 руб. въ мѣсяцъ, фельдфебелю — 40р... Ѣдятъ преимущественно баранину. Купятъ барана (а, може, и стянутъ), зарѣжутъ кинжалами и тутъ же, гдѣ-нибудь на станціи, на вольномъ воздухѣ жарятъ шашлыкъ. Фуражъ для лошадей больше крадутъ... Офицеры у нихъ преимущественно пропившіеся гвардейцы, отребья культуры, имъ вручены въ распоряженіе эти дѣти природы. Признаться, съ такими соратниками вести дѣла рискованно: чуть что — и они тебя кинжалами въ бокъ. По дорогѣ многіе изъ нихъ уже успѣли подраться и поранить другъ друга“. „14-го. Вечеромъ напали на ротнаго. Найдено средство немножко и на него подѣйствовать. Еще прежде, когда были на продовольственномъ пунктѣ, когда были скверные обѣды, говорили ему: „смотрите, у солдатъ откроется кровавый поносъ, и вы потеряете всю команду“. Подъ вліяніемъ этого, онъ два дня готовилъ въ походной кухнѣ. Сегодня настращали его, говоря, что солдаты пристрѣлятъ его въ походѣ за дурное обращеніе; примѣры этому бывали въ турецкую кампанію“.

Новыя чудеса въ перспективѣ. Газеты сообщаютъ, что въ Казани украдена чудотворная икона Божьей Матери. Мы готовы биться объ закладъ, что тутъ готовится новое чудо, въ дополненіе къ недавнимъ чудесамъ Серафима Саровскаго. Въ концѣ концовъ выйдетъ, что икона не похищена, а „сама ушла“ на театръ военныхъ дѣйствій. И тогда уже держись, „япошки“: Богородица быстро сведетъ на нѣтъ все ихъ военное искусство!

Одесса. Въ іюнѣ собраніемъ 286 рабочихъ, созванныхъ мѣстнымъ комитетомъ Партіи, принята резолюція противъ войны. Резолюція, разобравъ очень обстоятельно характеръ современной войны и политики царизма, заканчивается требованіемъ „немедленнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій и созыва земскаго собора, свободно выбраннаго путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, для дальнѣйшаго управленія страной и опредѣленія ея внѣшней политики. Высказываясь такъ, мы выражаемъ свою полную готовность всѣми силами способствовать комитету въ дѣлѣ распространенія имъ этихъ взглядовъ среди самыхъ широкихъ массъ рабочихъ путемъ печатной и устной агитаціи, устройства мелкихъ и крупныхъ собраній и подготовкой массовыхъ демонстрацій“.

Принятію резолюціи предшествовали рѣчи нѣсколькихъ ораторовъ. По прочтеніи ея раздались возгласы: „долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода!“, слившіеся съ звуками „Варшавянки“.

Резолюція черниговскихъ рабочихъ по поводу войны.

„Мы, черниговскіе организованные рабочіе, на собраніи въ 100 человѣкъ единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

Раздѣляя стремленія всего борющагося россійскаго пролетаріата и съ ненавистью относясь къ россійскому самодержавному правительству, которое, для удовлетворенія алчныхъ аппетитовъ капиталистовъ и укрѣпленія своихъ основъ, расшатанныхъ борьбой россійскаго пролетаріата, проливаетъ моря народной крови, мы съ ужасомъ и отвращеніемъ смотримъ на то гнусное и кровавое дѣло, которое совершается на Дальнемъ Востокѣ.

Позоромъ клеймимъ мы существующій капиталистическій строй и нераздѣльно связанное съ нимъ чудовище — милитаризмъ.

Всѣ тѣ темныя силы, которыя угнетаютъ нашу родину, которыя окружили насъ кольцомъ безправія и произвола, не въ состояніи помѣшать намъ выразить свою братскую солидарность японскимъ товарищамъ-соціальдемократамъ въ той борьбѣ, которую они, какъ одинъ изъ отрядовъ великой арміи всемірнаго пролетаріата, ведутъ противъ существующаго капиталистическаго строя и возгорѣвшейся войны на Дальнемъ Востокѣ, не могли помѣшать намъ присоединиться къ восторгу всѣхъ россійскихъ соціальдемократовъ по поводу Вашего привѣтствія, дорогіе японскіе товарищи!

Долой милитаризмъ!
Да здравствуетъ всемірная соціальдемократія!
Да здравствуетъ братство народовъ!
Долой россійское самодержавіе!

Минскъ. Въ субботу 19 іюня у насъ состоялось собраніе изъ 60-70 еврейскихъ и русскихъ рабочихъ. Ораторъ, посланный мѣстной группой Партіи, говорилъ на тему: „Война, внутренній кризисъ и задачи россійскаго пролетаріата“. Собраніе прошло очень оживленно. Говорили, кромѣ того, о террорѣ, о сопротивленіи полиціи на демонстраціяхъ, о требованіяхъ соціальдемократіи и ея программѣ. Въ концѣ собранія была принята резолюція, въ которой собраніе выражаетъ свой протестъ по поводу войны, выражаетъ свою братскую солидарность съ японскимъ пролетаріатомъ и призывъ къ тому, чтобы россійскій пролетаріатъ активно постарался способствовать прекращенію войны, требуя созыва учредительнаго собранія.

Настроеніе въ массѣ очень бодрое, и много разговоровъ по поводу собранія. На послѣднемъ пѣли пѣсни и закончили его возгласами: „долой самодержавіе! да здравствуетъ демократическая республика! да здравствуетъ соціализмъ! да здравствуетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія!“

Незадолго до этого времени были распространены у насъ „Извѣщенія Сѣверо-Западнаго Комитета“, произведшія очень хорошее впечатлѣніе. Въ цѣломъ рядѣ кружковъ и сходокъ выяснялось значеніе Сѣв.-Зап. Ком. и разбиралось его извѣщеніе. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ собраніяхъ разбирался національный вопросъ и выходъ Бунда изъ Партіи. Въ данный моментъ въ кружкахъ, кромѣ регулярной пропагандистской работы, выясняется современное положеніе вещей: о войнѣ, кризисахъ и т. д.

Минская Группа Р. С. Д. Р. П.

Бобруйскъ (отъ мѣстной группы). Въ воскресенье, 27-го іюня на мѣстномъ еврейскомъ кладбищѣ сіонисты служили панихиду по д-рѣ Герцлѣ (вождѣ сіонистовъ). Сіонисты, видно, готовились къ скандалу; соціальдемократы же, какъ „партійные“, такъ и „бундовцы“, ничего не замышляли и явились туда, какъ зрители. Сначала все было хорошо: говорилъ ораторъ, служили панихиду. Но вотъ канторъ запѣлъ молитву за царя. Это было совершенно неожиданно для соціальдемократовъ, потому что громаднѣйшее число присутствовавшихъ сіонистовъ были такъ называемые „Пейялей Ціонъ“ (рабочіе-сіонисты), которые ужъ сколько времени кричатъ, что они, а не соціальдемократы, самые „чистые“ соціалисты. Въ этомъ мы имъ повѣрили еще меньше, чѣмъ соціалистамъ-революціонерамъ, но послѣ того, какъ громаднѣйшее количество сіонистскихъ фракцій включило въ свою программу политическую борьбу, отъ нихъ можно было ожидать большей политической порядочности. Вполнѣ естественно, что соціальдемократы не могли и не хотѣли удержаться, и все кладбище огласилось криками: „долой самодержавіе!“ и пронзительными свистками. И вотъ произошло нѣчто характерное: мѣстный П. Ц. г. Кутнеръ скомандовалъ: „Б. О. (Боевой Отрядъ) впередъ!“, а приставъ крикулъ: „наши сюда!“, и хорошо вооруженные сіонисты, безъ различія фракцій, подъ командой *пристава* и г. *Кутнера* (будущаго одесскаго студента) бросились на безоружныхъ соціальдемократовъ. Произошла отчаянная свалка. Соціальдемократовъ было приблизительно въ 5 разъ меньше сіонистовъ, но всё таки они себя въ обиду не дали. Крики: „долой самодержавіе!“ перемѣшивались съ криками: „да здравствуетъ самодержавіе! да здравствуетъ сіонизмъ! долой соціалистовъ! да здравствуетъ полиція!“ Какова идиллія! Возмутительнѣе всего, что *сіонисты хватали соціальдемократовъ и передавали полиціи для ареста*. Полиція, однако, никого не арестовала, и дѣло обошлось безъ жертвъ. Въ ночь съ 29-го на 30-ое іюня полиція арестовала здѣсь человѣкъ 18 на пирушкѣ. При нѣкоторыхъ, говорятъ, были револьверы.

Прошу напечатать слѣдующую поправку: въ № 66 „Искры“ напечатано, что мѣстная группа образована рабочими, отколовшимися отъ Бунда. Это не точно. Она образована исключительно русскими рабочими, кромѣ одного еврейскаго, и только когда группа рѣшила начать работу и среди евреевъ, къ намъ перешли отколовшіеся. На дняхъ у насъ было собраніе еврейскихъ рабочихъ. Послѣ реферата о войнѣ была единогласно вынесена резолюція, протестующая противъ войны и требующая созыва земскаго собора.

Архангельскъ. 19 іюня изъ мѣстной тюрьмы выпущенъ политическій ссыльный К. И. Покровскій, просидѣвшій всего два съ небольшимъ мѣсяца. Обвинялся онъ по 252 ст. п. 3 и 4 (составленіе и храненіе прокламацій). Пока оставленъ здѣсь. Выпущенъ послѣ врачебнаго освидѣтельствованія, установившаго, что онъ боленъ.

24 іюня часовъ въ девять вечера былъ произведенъ обыскъ у Маянца (политическаго ссыльнаго), у котораго сидѣло еще двое знакомыхъ. Обыскъ производила полиція, потребовавшая какой то ящикъ (?). Взято 3-4 письма. Подъ окномъ во дворѣ найдены 3 №№ „Освобожденія“ (47, 48, 49). Ящика никакого не найдено. Никто не арестованъ.

15-16 іюня былъ произведенъ обыскъ въ г. Пинегѣ (Арх. губ.) у Ю. Г. Кокъ (пол. ссыл.), при чемъ найдена прокламація, писанная гектографскими чернилами. 26-го утромъ, по телеграммѣ изъ Архангельска, онъ былъ арестованъ, при чемъ ему даже не дали надѣть пальто, несмотря на свѣжую погоду, и повезли въ Архангельскъ. Дорогой ему въ теченіе чуть не полутора сутокъ удалось только выпить стаканъ чаю съ хлѣбомъ. Въ Холмогорахъ, пока исправникъ спалъ, урядникъ предложилъ ему сѣсть въ какой то невозможный клоповникъ, а, получивъ отказъ, пригласилъ „на помощь“ 9 мужиковъ и при ихъ содѣйствіи втолкнулъ его въ этотъ клоповникъ. Въ происшедшей свалкѣ Кокъ былъ довольно сильно помятъ, и у него пропало золотое кольцо. Въ настоящее время онъ посаженъ въ тюрьму, и свиданія ему не разрѣшены, такъ какъ всѣ жандармы отправились по уѣздамъ, вѣроятно, для обысковъ и арестовъ.

Не такъ давно появились двѣ прокламаціи гектографирован. за подписью „Бѣломорскій союзъ соц.-демократовъ“. Мѣсто выхода не обозначено.

Въ № 66 „Искры“ было сказано, что въ Архангельскѣ вышли двѣ первомайскихъ прокламаціи. Одна за подписью „Группа ссыльныхъ Дальняго Сѣвера“, другая — „Группа сознательныхъ рабочихъ“. Сюда, вѣроятно, вкралась описка или опечатка. Подписи, на самомъ дѣлѣ, были такія: „Группа соціальдемократовъ Дальняго Сѣвера“ и „Группа сознательныхъ рабочихъ соц.-демократовъ“.

27 іюня здѣсь объявленъ призывъ на службу запасныхъ нижнихъ чиновъ по флоту. Патріотизма не замѣтно, въ семьяхъ плачутъ и ругаютъ полицію, которая съ 2 часовъ ночи на 27 іюня начала разыскивать подлежащихъ призыву и надѣлала не мало тревоги. Директоръ-распорядитель „Товарищества Архангельско-Мурманскаго срочнаго пароходства“ П. И. Виттъ, какъ говорятъ, подалъ на высочайшее имя прошеніе объ отсрочкѣ призыва, такъ какъ въ противномъ случаѣ придется прекратить рейсы.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. Кризисъ, вызванный войной во многихъ мѣстахъ Россіи, еще не коснулся непосредственно бакинской промышленности, но уже начинаетъ давать о себѣ знать рабочимъ. Во-первыхъ, рабочіе, выброшенные на улицу въ другихъ городахъ, въ поискахъ работы попадаютъ и въ Баку, — и тѣмъ увеличиваютъ здѣсь число ищущихъ работы. И если и профессіональному рабочему, какъ токарю, слесарю и т. д. съ каждымъ днемъ становится труднѣе находить работу, то о чернорабочихъ нечего и говорить. Широкихъ размѣровъ безработица здѣсь еще не пріобрѣла, — но время это не за горами.

Мѣстный сатрапъ Накашидзе былъ лишь предусмотрителенъ, когда торопился оповѣстить царицынскихъ и астраханскихъ рабочихъ о возможной безработицѣ въ Баку. Правда, не безработица была при этомъ двигающимъ импульсомъ губернаторскихъ оповѣщаній, а забота о собственномъ спокойствіи. Если безработные вообще неспокойный элементъ, то скопленіе ихъ въ Баку съ его безпокойной атмосферой можетъ быть чревато послѣдствіями. — Капиталисты — тѣ учитываютъ предстоящую и отчасти имѣющую мѣсто безработицу. Одни изъ нихъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, стараются отдѣлаться отъ „крамольниковъ“; другіе, какъ Биби-Эйбатскій промыселъ, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ требуютъ отъ всякаго вновь поступающаго рабочаго записки изъ жандармскаго управленія. На Каспійскомъ промыслѣ (что на Биби-Эйбатѣ), какъ только появляется новый человѣкъ просить мѣста, тотчасъ же освѣдомляются, не знаетъ ли онъ кого-нибудь на этомъ промыслѣ, — и если у него оказывается хоть одинъ или двое знакомыхъ, то о поступленіи его не можетъ быть и рѣчи. Правда, капиталисты забываютъ при этомъ, что не личныя знакомства, а общіе интересы соединяютъ рабочихъ въ крѣпкую боевую силу противъ гнета правительства и капиталистовъ. И вообще, чего-чего только капиталисты не дѣлаютъ, чтобы, гдѣ и когда возможно, прижать рабочихъ. Обставляя болѣе или менѣе прилично мастеровъ, устраивая для нихъ сносныя квартиры, давая имъ топливо и воду со льдомъ, администрація совершенно не заботится о всѣхъ остальныхъ промысловыхъ рабочихъ, — по большей части, несчастныхъ, забитыхъ татарахъ. Такое неравное отношеніе къ своимъ рабочимъ наблюдается у капиталистовъ на каждомъ шагу. Недавно былъ пожаръ на Каспійскемъ промыслѣ. Владѣлецъ наградилъ однихъ лишь мастеровъ за „вѣрную службу“, а остальные рабочіе, которые усерднѣе другихъ спасали на пожарѣ хозяйское добро, ничего не получили. Подобные случаи, возможные и въ другое время, теперь будутъ встрѣчаться все чаще и чаще. На промыслѣ „Олеумъ“ (на Биби-Эйбатѣ) масленщики прошлогодней всеобщей забастовкой добились квартирныхъ денегъ. Теперь владѣлецъ этого промысла постепенно увольняетъ этихъ рабочихъ, а новымъ не даетъ квартирныхъ денегъ. На электрической силѣ, чтобы не выдавать квартирныхъ денегъ, нанимаютъ рабочихъ не помѣсячно, а на недѣлю, на двѣ.

Иваново-Вознесенскъ. Наша соціальдемократическая организація сильно окрѣпла и развилась за послѣднее время. Теперь и иваново-вознесенскіе рабочіе могутъ повторять: „ничего съ нами не подѣлаешь!“ Организація раскинулась и на сосѣднія села и деревни. На агитаціонныя собранія сходятся рабочіе сотнями и революціонныя пѣсни разносятся далеко по окрестнымъ деревнямъ.

Возвращались рабочіе съ такой масовой сходки и видятъ несутся на нихъ десятки всадниковъ. „Казаки!“ Что же рабочіе? разбѣжались по лѣсу? Нѣтъ! Они стали за кучей камней и вооружились булыжниками. Всадники оказались не казаками, а гуляющими представителями мѣстной буржуазіи. Какими глазами они посмотрѣли другъ на друга!

„Ничего съ ними не подѣлаешь!“ — говоритъ начальство и выдвигаетъ... зубатовскаго агента Игнатія Волкова, члена Петербургскаго „Собранія“, представителемъ котораго, какъ извѣстно, является отецъ Георгій Гапонъ. Волковъ распространяетъ уставъ этого „Собранія“, собираетъ рабочихъ и пишетъ прокламаціи, которыя вызываютъ хохотъ среди рабочихъ.

„Личность“ этого „товарища“ достаточно уже извѣстна и, боюсь, что ей придется много пострадать... Зубатовство отжило свой вѣкъ...

Иваново-Вознесенскъ. 13-го іюня ивановскіе организованные рабочіе встрѣтились съ казаками.

Подъ Ивановымъ протекаетъ рѣка Уводь. Тамъ, гдѣ она пересѣкаетъ мѣстность, называемую Сластиха, стоитъ небольшая мельница. Дорога черезъ плотину ведетъ мимо огородовъ въ густой лѣсъ. Въ этомъ лѣсу часто собирались организованные рабочіе.

Полиція знала это, и полицейскіе агенты шныряли по огородамъ и по берегу рѣки, рѣдко рѣшаясь заглядывать въ лѣсъ. Не разъ уже рабочіе учили здѣсь скромности этихъ любознательныхъ господъ, примѣняя методъ обученія, давно уже *въ теоріи* отвергнутый современной педагогіей. Эти агенты имѣютъ, повидимому, довольно тѣсныя сношенія съ огородникомъ, который вмѣстѣ съ своими рабочими (ихъ у него человѣкъ 15) обнаруживалъ самое враждебное отношеніе „къ какой то цѣлой партіи“. Маленькія групповыя собранія они прямо разгоняли. 13 іюня вечеромъ нѣсколько сотъ рабочихъ собрались на Сластихѣ въ лѣсу. Когда начали уже расходиться, на собраніе явились два запоздавшіе товарища, сильно избитые огородниками. Страшно возбужденные, обливаясь кровью, они сказали собранію, что полиція натравила на нихъ огородниковъ. Значительная часть рабочихъ не могла сдержать своего негодованія и бросилась къ огородникамъ. Началось избіеніе огородниковъ: однихъ побросали въ рѣку, другіе, избитые, разбѣжались, кто куда. Рабочіе вломились въ домъ хозяина-огородника и произвели полный разгромъ: двери, оконныя рамы, вѣнскіе стулья, столы, посуда, — все разбито въ куски. (Теперь огородникъ подалъ по начальству „на соціалистическую партію“ счетъ въ 145 руб.) Женщинъ, дѣтей и болѣе цѣнное имущество (скотъ, сундуки съ добромъ) рабочіе не тронули.

Проучивъ по своему огородника, рабочіе снова ушли въ лѣсъ. Черезъ часъ, полтора начали расходиться группами. Въ это время лѣсъ оцѣпили казаки. Появились ихъ лазутчики. Увидѣвъ, что осталось всего человѣкъ сорокъ рабочихъ, казаки рѣшились на аттаку. Товарищи забаррикадировались, какъ могли, и оказали мужественное сопротивленіе. Самъ атаманъ (такъ зовутъ мѣстнаго вахмистра) попалъ въ руки товарища-женщины, которая сволокла его съ лошади. Пришлось казакамъ отступить. Спѣшившись, они пошли, сабли наголо, въ новую аттаку. Сильно досталось рабочимъ, досталось и казакамъ. Роману Семенчикову перерубили шашкой два пальца, одинъ казакъ отправленъ въ больницу.

Казаки захватили въ плѣнъ нѣсколько товарищей, связали ихъ и жестоко надъ ними издѣвались. Одну дѣвушку выволокли за волосы изъ лѣсу и били кулаками и нагайками по плечамъ и по лицу. Наловили, кромѣ того, въ лѣсу съ десятокъ пьяныхъ прикащиковъ и посторонней публики (дѣло было въ воскресенье). Плѣнныхъ отвели черезъ городъ въ тюрьму. Они пѣли революціонныя пѣсни, и большая толпа сочувствующихъ шла за ними слѣдомъ. Въ тюрьмѣ казаки снова начали бить и били такъ, что Семенчиковъ, напримѣръ, два часа пролежалъ безъ сознанія. Въ слѣдующіе дни большинство выпустили за отсутствіемъ уликъ. Осталось въ тюрьмѣ только четверо.

Въ тюрьмѣ пѣли революціонныя пѣсни и кричали „долой самодержавіе!“ Отъ какихъ бы то ни было показаній всѣ въ одинъ голосъ отказались. Теперь оставшихся по одному разсылаютъ въ разныя тюрьмы. Клавдія Карякина (при ней нашли литературу) въ Покровъ, Василій Ивановъ (поднадзорный) во Владиміръ, Романъ Семенчиковъ въ Шую и Василій Голубевъ въ Ковровъ. Послѣ этого событія рабочіе снова собирались уже два раза на массовыя сходки. Обсуждали все происшедшее и выражали глубокое негодованіе по поводу учиненныхъ казаками насилій надъ связанными беззащитными товарищами. „Съ плѣнными японцами обращаются, какъ съ людьми, а съ нами обращаются хуже, чѣмъ съ собаками!“ Впервые ивановцы оказали сопротивленіе вооруженной силѣ. Въ прежніе года, говорятъ старики, тысячи стачечниковъ разбѣгались передъ казацкой нагайкой, а теперь уже не то...

Послѣ этой исторіи полные негодованія рабочіе повели свое дѣло еще живѣе. Рабочіе сознаютъ, что при этомъ столкновеніи надѣлали кучу ошибокъ и что легко могли бы избѣжать всякихъ жертвъ. Чувствуется громадный недостатокъ въ опытныхъ сознательныхъ руководителяхъ. Требуютъ листковъ и литературы...

Ростовъ на Дону. Въ Ростовской тюрьмѣ въ настоящее время находится рабочій Тихонъ Терещенко, обвиняемый въ покушеніи на убійство мастера завода Пастухова — Солодовникова, извѣстнаго здѣсь подъ прозвищемъ „Качалы-Мочалы“. Терещенко содержится на положеніи „уголовнаго“ и преданъ окружному суду. Дѣло его будетъ разбираться въ октябрѣ сего года. Въ нашемъ распоряженіи имѣются довольно интересныя показанія Солодовникова, данныя имъ на слѣдствіи.

Вотъ какъ разсказываетъ самъ Солодовниковъ исторію этого покушенія: „1 декабря 1903 г., гдѣ я работаю, въ 6 час. веч. данъ былъ гудокъ объ окончаніи работы... Я отправился домой...“ Описавъ рядъ улицъ, по которымъ онъ проходилъ, Солодовниковъ продолжаетъ: „недоходя до угла... мнѣ повстрѣчались два человѣка, — одинъ прошелъ мимо съ права, другой слѣва. Я шелъ съ фонаремъ въ лѣвой рукѣ... Я поднялъ фонарь и озиралъ ? лицо парня, проходившаго слѣва, и хорошо узналъ въ лицо Тихона Терещенко. Я былъ всего въ двухъ шагахъ отъ него и видѣлъ Терещенко въ упоръ и хорошо знаю, что это былъ онъ. — Терещенко произнесъ: „вотъ!“ Сказалъ онъ это своему товарищу, шедшему съ права. Послѣдняго я совсѣмъ не разсмотрѣлъ. Соображая, что готовится нападеніе, я прибавилъ шагу. Терещенко и товарищъ сейчасъ же повернули вслѣдъ за мной... Я хотѣлъ добраться скорѣе до перекрестка Екатерининской улицы, но не дошелъ, когда преслѣдовавшій меня началъ стрѣлять въ меня. Онъ стрѣлялъ на разстояніи трехъ саженъ. Онъ далъ два выстрѣла, а за тѣмъ третій. Однимъ выстрѣломъ я былъ раненъ въ ногу. Я упалъ и кричалъ... Стрѣлявшій побѣжалъ... Товарища Терещенко я видѣлъ лишь мелькомъ и по росту, а такъ же по инымъ обстоятельствамъ... предполагаю, что это былъ Иванъ Лисицынъ. Интересна характеристика, которую Солодовниковъ даетъ Терещенкѣ: „я думаю, что Терещенко и Лисицынъ стрѣляли въ меня изъ мести за то, что я уволилъ ихъ съ завода... это очень дерзкіе молодые люди. Оба очень вольнодумны, много о себѣ думаютъ (! и составляютъ кружокъ лицъ, занимающихся политической пропагандой. У нихъ на заводѣ среди рабочихъ и среди молодежи имѣется всегда кружокъ, очень интересующійся прокламаціями, устройствомъ стачекъ, вопросомъ объ образѣ правленія и о религіи. Терещенко и Лисицынъ — люди этого кружка. И они мстятъ мнѣ, какъ я думаю, не столько отъ себя, сколько отъ лица своихъ единомышленниковъ... Я подозрѣвалъ Терещенко въ распространеніи прокламацій... затѣмъ я видѣлъ Терещенко разсуждавшимъ съ рабочими о чемъ то въ часы, когда надо было работать... Я не разъ видѣлъ, что онъ сидѣлъ въ рабочіе часы и читалъ газеты...“ Дальше излагается, при какихъ обстоятельствахъ Т. былъ уволенъ. Въ другомъ мѣстѣ Солодовниковъ разсказываетъ: „Рабочіе завода Пастухова меня ненавидѣли, проявленій ненависти было много. Кромѣ подметныхъ писемъ съ угрозами, было еще письмо съ угрозой, но я его разорвалъ. Однажды ночью въ 1903 году кто то съ улицы бросилъ большой камень въ мое окно, камень влетѣлъ въ комнату и опрокинулъ стулъ. Затѣмъ раза три мою парадную дверь обливали карболовой кислотой. Кислота съѣдала краску и портила платье. Однажды кто то меня облилъ въ церкви сѣрной кислотой. Въ другой разъ облили сѣрной кислотой мою куртку, висѣвшую на заводѣ во время работы. 9 февраля 1904 года, когда я возвращался въ 6 час. веч. съ завода съ проводникомъ, на меня снова было нападеніе, неизвѣстно кто стрѣлилъ въ меня почти въ упоръ изъ револьвера. Три пули застряли при этомъ въ пальто, а я какъ то остался невредимъ. Отъ полковника Карпова, жандармскаго офицера, я знаю, что обо мнѣ имѣется напечатанное въ тайной типографіи стихотвореніе, въ которомъ меня поносятъ за мое отношеніе къ рабочимъ. Въ настоящее время, въ виду настроенія рабочихъ, я рѣшился покинуть Ростовъ“.

Этотъ собственный разсказъ Солодовникова довольно ярко характеризуетъ этого мерзавца.

Карачевъ. Орлов. губ. Недѣли двѣ тому назадъ на пеньковыхъ трепальняхъ, принадлежащихъ мѣстнымъ богачамъ: Бойцову, Дракину (одни фамиліи чего стоятъ!!) и др. вспыхнули безпорядки, въ которыхъ участвовали болѣе 1000 рабочихъ, недовольныхъ пониженіемъ заработной платы. Толпа разгромила квартиры хозяевъ, подожгла склады пеньки. Впрочемъ, когда распространился слухъ, что пенька выгодно застрахована, ее поспѣшили погасить. Волненія были вполнѣ стихійныя. Въ тотъ же день они стихли сами собой, такъ что прибывшія на другой день войска были уже не нужны. У мѣстнаго (Орловскаго) комитета нѣтъ здѣсь никакихъ связей, и движеніе было совершенно неиспользовано.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВОЕ ПОРАЖЕНІЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИЦІИ.

Втеченіе послѣдняго года трогательная дружба, связывающая нѣмецкую полицію съ русской, проявилась въ рядѣ насильственныхъ актовъ по отношенію къ русскимъ революціонерамъ и ихъ нѣмецкимъ товарищамъ. Арестъ Красикова и Щеколдина, высылка десяти русскихъ изъ Германіи, рѣчи министровъ въ рейхстагѣ, наконецъ, обыски и аресты среди нѣмецкихъ соціальдемократовъ въ Восточной Пруссіи, вѣроятно, еще свѣжи въ памяти нашихъ читателей. На дняхъ этотъ походъ завершился самымъ крупнымъ актомъ: въ Кенигсбергѣ разбирался процессъ девяти прусскихъ гражданъ, обвинявшихся въ принадлежности къ тайному сообществу и въ государственной измѣнѣ. Вкратцѣ исторія этого дѣла такова: въ ноябрѣ прошлаго года, вслѣдствіе доноса *свободомыслящихъ* газетъ, произведены были обыски у нѣкоторыхъ лицъ въ Мемелѣ, при чемъ была обнаружена русская нелегальная литература и нѣсколько человѣкъ арестовано. Нѣсколько позже полиція передала нѣсколько брошюръ, взятыхъ таможенными чиновниками изъ посылки на имя кенигсбергскаго соціальдемократа Новагроцкаго, русскому консулу статс. сов. Выводцеву, съ просьбою дать свое заключеніе, не содержится ли въ брошюрахъ чего-нибудь опаснаго. Консулъ опасность обнаружилъ и перевелъ въ доказательство нѣсколько цитатъ, по выраженію прокуратуры, „кровожаднаго содержанія“. На основаніи этого, Новагроцкій былъ арестованъ. Найденная у него и въ Мемелѣ переписка дала поводъ къ привлеченію еще нѣсколькихъ лицъ въ Восточной Пруссіи и въ Берлинѣ. Такимъ образомъ создался процессъ.

По германскимъ законамъ распространеніе и контрабандная перевозка соціальдемократической литературы не наказуемы, а потому для построенія обвиненія пришлось прибѣгнуть къ очень мудреному юридическому хитросплетенію. Германское уголовное уложеніе, какъ, впрочемъ, и русское, знаетъ особый видъ преступленія: принадлежность къ тайному сообществу, независимо отъ его цѣлей, образа дѣйствій и т. д. Правда, высшее судебное учрежденіе Германіи — „Reichsgericht“ — неоднократно разъясняло, что при этомъ подразумѣвается стремленіе сообщества воздѣйствовать на общественныя отношенія въ Германіи, однако, и при такомъ толкованіи соотвѣтствующій параграфъ закона оказывается очень растяжимымъ или, какъ говорятъ нѣмцы, — „каучуковымъ“. Этимъ параграфомъ и воспользовалась прокуратура для обвиненія. Но этого ей показалось мало: она привлекла къ дѣлу еще и статью о государственной измѣнѣ, въ понятіе которой германское уголовное право включаетъ и дѣйствія, направленныя къ измѣненію государственнаго строя внѣзаконными способами. Это преступленіе наказуемо и въ томъ случаѣ, если оно направлено противъ существующаго строя дружественной державы, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы законодательство послѣдней обезпечивало взаимность и чтобы обвиненіе было возбуждено самимъ заинтересованнымъ правительствомъ: самостоятельно же начать процессъ прокуратура не имѣетъ права. Вслѣдствіе этого, прусское министерство *предложило* русскому правительству возбудить преслѣдованіе противъ указанныхъ выше девяти прусскихъ гражданъ, что послѣднее и не преминуло сдѣлать черезъ своего посланника въ Берлинѣ, который представилъ при этомъ переводъ статей русскаго закона, гарантирующихъ Германіи взаимность. Такимъ образомъ, въ этомъ процессѣ выступили два обвинителя: правительство германское и правительство русское.

Съ первыхъ же шаговъ судебнаго разбирательства обвинители фактически превратились въ обвиняемыхъ. Трудно себѣ представить что либо возмутительнѣе обстановки, въ которой создавался и протекалъ процессъ, и дѣйствій обоихъ правительствъ, его инсценировавшихъ. За все время предварительнаго слѣдствія обвиняемымъ и ихъ адвокатамъ, несмотря на настойчивыя требованія, не только не сообщено было содержаніе инкриминируемыхъ брошюръ, но даже не названы ихъ *заголовки*. Отобранныя посылки были перепутаны полиціей и слѣдователями такъ, что на судѣ невозможно было даже установить, что у кого было взято. Обвинительный актъ, обнимающій 200 писанныхъ листовъ, врученъ былъ только за пять дней до разбирательства дѣла: прокуратура не попыталась даже изслѣдовать юридическія основы обвиненія и провѣрить сообщенныя ему русскими дипломатическими чиновниками данныя, на которыхъ это обвиненіе было построено. Оба прокурора, участвовавшіе въ судебномъ разбирательствѣ, прибѣгали во время послѣдняго къ самымъ некрасивымъ уловкамъ по отношенію къ обвиняемымъ и ихъ защитникамъ, вродѣ внезапнаго вытаскиванія на свѣтъ божій фактовъ, о которыхъ не упоминалось ни единымъ словомъ ни во время предварительнаго слѣдствія, ни въ обвинительномъ актѣ; пользовались лживыми доносами реакціонной газеты „Post“, старались подтасовать русской соціальдемократіи террористическія намѣренія и т. п. Впрочемъ, прокурорамъ всѣхъ странъ свойственны подобныя дѣйствія и удивляться тутъ нечему. Но казалось бы, въ странѣ конституціонной, въ странѣ съ „прочнымъ правопорядкомъ“, какъ любятъ выражаться наши либералы, предсѣдатель суда и самый его составъ должны бы держаться въ рамкахъ строжайшей безпартійности. Но и въ этомъ отношеніи прусская юстиція оказалась отнюдь не на высотѣ положенія. Предсѣдатель явно тянулъ руку прокуратуры, предоставляя ей полную возможность за уши притянуть данныя для обвиненія и стѣсняя въ то же время защиту въ ея стремленіи всесторонне освѣтить юридическую и политическую сторону дѣла. Кромѣ того, онъ отнюдь не пытался скрыть своей ненависти къ соціальдемократамъ, каковыми признали себя семь изъ девяти обвиняемыхъ и большинство свидѣтелей защиты; дѣлалъ явно пристрастныя замѣчанія; позволялъ себѣ оскорбительныя выходки по отношенію къ соціальдемократіи, вызвавшія рѣзкій отпоръ со стороны защитника Гаазе и свидѣтеля — столяра Линде. Судъ простеръ, наконецъ, свою пристрастность до того, что въ то время, какъ всѣ свидѣтели обвиненія были приведены къ присягѣ, большинство свидѣтелей защиты были допрошены безъ присяги въ виду ихъ, якобы, симпатіи (Begünstigung) къ обвиняемымъ, чѣмъ на ихъ показанія какъ бы набрасывалась тѣнь недостовѣрности. Если принять во вниманіе, что въ подготовленіи процесса само прусское министерство юстиціи принимало живѣйшее участіе, то придется признать, какъ это дѣлаютъ даже всѣ буржуазно-либеральныя газеты Германіи, что прусское правосудіе выказало себя въ этомъ дѣлѣ съ самой позорной стороны.

Но еще неизмѣримо большимъ позоромъ покрыло себя наше самодержавное чиновничество. Ибо если прусскіе министры и судьи оказались виновными въ небрежности судопроизводства, пристрастіи къ подсудимымъ, наконецъ, въ рабьей угодливости по отношенію къ царизму, то русская бюрократія, въ лицѣ такихъ высокопоставленныхъ представителей, какъ генеральный консулъ въ Кенигсбергѣ и посланникъ въ Берлинѣ, *не остановились передъ прямымъ подлогомъ и обманомъ* для защиты своего неправаго дѣла. Переводъ отдѣльныхъ мѣстъ изъ отобранныхъ у обвиняемыхъ брошюръ, сдѣланный русскимъ консуломъ въ Кенигсбергѣ, переводъ, на которомъ основано было все обвиненіе, оказался совершенно искажающимъ смыслъ подлинника. И на прямой вопросъ защитника: „гдѣ напечатана переведенная вами фраза?“ консулъ Выводцевъ ничего не могъ отвѣтить, а только лихорадочно перевертывалъ листы брошюры и смущенно молчалъ. Предсѣдатель сдѣлалъ попытку выручить оскандалившагося чиновника указаніемъ на спѣшность, съ которой онъ долженъ былъ дать отчетъ о книжкахъ, но для всякаго ясно было, что „представитель русскаго государственнаго начала“ хотѣлъ ввести въ обманъ нѣмецкій судъ. Второй, еще худшій подлогъ, учиненъ былъ тѣмъ же консуломъ, но на этотъ разъ еще утвержденъ русскимъ посломъ въ Берлинѣ. На запросъ о гарантіяхъ взаимности, предоставляемыхъ русскимъ законодательствомъ, эти почтенные представители императорскаго правительства привели переводъ статей 241, 249 и 260 русскаго уложенія, изъ которыхъ первая говоритъ о покушеніяхъ противъ жизни, здравія и чести императора, вторая — о заговорѣ съ цѣлью насильственнаго переворота и третья — о наказуемости однородныхъ преступленій, направленныхъ противъ государственнаго строя другихъ державъ. При этомъ они сознательно умолчали о томъ, что ст. 241 имѣетъ въ виду только оскорбленіе величества *дѣйствіемъ*, ибо о словесномъ и письменномъ говорятъ статьи 245 и 246, затѣмъ, что составленіе и распространеніе противоправительственныхъ изданій карается по ст. 251, а не 249, а для всѣхъ этихъ трехъ статей ст. 260 *гарантіи не даетъ*. Наконецъ, въ 260 ст. опущена была фраза: „въ случаѣ, если существуетъ договоръ о взаимности или опубликованный спеціальный законъ“. По справкѣ оказалось, что ни договора, ни закона не имѣется. И сильное волненіе господствовало въ залѣ суда, когда адвокаты устанавливали съ непреложной очевидностью этотъ обманъ русскихъ чиновниковъ.

Но центральнымъ пунктомъ процесса, по крайней мѣрѣ въ политическомъ отношеніи, явились показанія экспертовъ и свидѣтелей, вызванныхъ защитой для освѣщенія общественныхъ порядковъ Россіи, противъ которыхъ борется литература, бывшая объектомъ судебнаго разбирательства. Главными изъ этихъ свидѣтелей были бывшій профессоръ Томскаго университета Рейснеръ и шарлоттенбургскій соціальдемократъ В. Бухгольцъ, родившійся и прожившій большую половину своей жизни въ Россіи. Первый изъ нихъ подробно, но въ объективномъ академическомъ тонѣ изложилъ правовыя условія жизни въ Россіи и охарактеризовалъ культурное состояніе нашего отечества, второй, главнымъ образомъ, остановился на безчинствахъ русскихъ администраторовъ и показалъ, какимъ образомъ правительственныя звѣрства и беззаконія создаютъ психологическую основу для террористическихъ актовъ. Такъ просты и очевидно правдивы были показанія этихъ двухъ свидѣтелей, что судъ, въ отступленіе отъ принятой имъ системы, увидѣлъ себя вынужденнымъ привести ихъ къ присягѣ. Такимъ образомъ, все россійское безправіе, вся политика насилія, лжи и грабежа самодержавнаго режима, вся его гнусная, антикультурная роль были подъ присягой засвидѣтельствованы въ судебномъ засѣданіи. И когда „Vorwärts“ въ своей передовицѣ восклицалъ: „передъ судомъ стояла Россія, Россія царя-батюшки, Россія абсолютизма и насилія, Россія угнетеннаго и подавленнаго благороднаго народа, Россія кнута и кровавой безчеловѣчности“, — ни одна изъ буржуазныхъ газетъ не посмѣла вступиться, не посмѣла отрицать и того, что вмѣстѣ съ оффиціальной Россіей къ позорному столбу была выставлена и оффиціальная Пруссія, танцующая на заднихъ лапкахъ передъ международнымъ жандармомъ и оказывающая ему грязныя услуги.

Таковы „обвинители“ Кенигсбергскаго процесса, отъ которыхъ съ отвращеніемъ отшатнется вся культурная Европа. Другую картину представляли „обвиняемые“[1]). За исключеніемъ двухъ, — совершенно темныхъ контрабандистовъ, это — убѣжденные соціальдемократы, въ большинствѣ рабочіе, скромные члены партіи. Они держатся съ большимъ достоинствомъ, не отрицаютъ, что помогали русскимъ товарищамъ, но, наоборотъ, считаютъ это своимъ партійнымъ долгомъ. При всемъ томъ „виновными“ себя не признаютъ, ибо считаютъ самый фактъ преслѣдованія ихъ незаконнымъ. На вопросъ о цѣляхъ соціальдемократіи они просто, ясно и разумно излагаютъ ея основные принципы и категорически утверждаютъ, что ихъ русскіе товарищи во всѣхъ своихъ взглядахъ стоятъ на почвѣ международной пролетарской партіи. Они считаютъ своимъ полнымъ правомъ не называть именъ и законспирировывать свои дѣйствія, въ виду происковъ русскихъ шпіоновъ заграницей и въ виду дружбы, питаемой къ нимъ нѣмецкой полиціей. Ихъ нравственное превосходство било въ глаза всѣмъ присутствующимъ; освободительная и культурная работа, совершаемая соціальдемократіей въ лицѣ всѣхъ ея работниковъ до самаго скромнаго рядового, предстала въ ихъ рѣчахъ во всемъ ея міровомъ значеніи. И тѣмъ цѣннѣе это свидѣтельство, что на скамьѣ подсудимыхъ сидѣли не вожди, не руководители движенія, а именно эти маленькіе, незамѣтные рядовые, имя которымъ легіонъ. Пролетаріатъ всего міра и его авангардъ, международная соціальдемократія, съ полнымъ правомъ можетъ гордиться такими представителями. Мы же, русскіе соціальдемократы, обязаны имъ еще благодарностью за товарищескую помощь, оказанную ими намъ въ нашей работѣ, за мужественно перенесенныя ими нравственныя и физическія страданія и за защиту на судѣ нашего дѣла, такъ блестяще проведенную ими и ихъ адвокатами, товарищами Гаазе, Либкнехтомъ, Гейнеманомъ и Шварцомъ.

Двѣ недѣли тянулся судъ. Адвокаты разбили по всѣмъ пунктамъ обвиненіе, они слѣдовали за нимъ по пятамъ во всѣ закоулки, откуда оно пыталось извлечь для себя матеріалъ, они вскрыли всѣ темныя пружины, создавшія процессъ, они талантливыми допросами свидѣтелей вывели на свѣтъ божій интимныя сношенія между русской и прусской полиціей, подготовившія его. Они фактически указали отсутствіе необходимыхъ юридическихъ предпосылокъ для обвиненія въ государственной измѣнѣ и съ совершенной очевидностью для непредубѣжденнаго человѣка выяснили невозможность говорить о тайномъ сообществѣ на основаніи одного факта переписки между нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ и пересылки литературы отъ одного къ другому; наконецъ, они ссылались на то, что, вѣдь, если и было сообщество, то оно ненаказуемо, т. к. дѣятельность его затрагивала только русскіе интересы, а отнюдь не германскіе. Всѣ доводы прокурора и его помощника, которые, несмотря на свое полное и скандальное пораженіе во время судебнаго слѣдствія, всетаки поддерживали обвиненіе въ полномъ его объемѣ, были блестяще опровергнуты защитой. Судъ, дѣйствительно, вынужденъ былъ отвергнуть обвиненіе въ государственной измѣнѣ, но, какъ настоящій королевскій прусскій судъ, составленный исключительно изъ коронныхъ судей, онъ не нашелъ въ себѣ достаточно мужества для полнаго оправданія всѣхъ подсудимыхъ. Шестеро изъ обвиняемыхъ приговорены къ тюремному заключенію отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ за принадлежность къ тайному сообществу; при этомъ въ своей мотивировкѣ приговора, для доказательства наказуемости „сообщества“, судъ долженъ былъ прибѣгнуть къ нижеслѣдующей юридической натяжкѣ, представляющей, однако, очень цѣнное политическое признаніе: „обвиняемые должны были понимать, — говорится въ мотивировкѣ приговора, — *что пламя революціоннаго движенія можетъ переброситься и въ Германію*“.

Политическій итогъ процесса сводится къ новой публичной пощечинѣ, полученной русскимъ абсолютизмомъ и его нѣмецкими приспѣшниками передъ лицомъ всей цивилизованной Европы. Совпавъ случайно по времени съ разбойничьими подвигами русскихъ крейсеровъ въ Красномъ морѣ, онъ вызвалъ волну негодованія всей честно мыслящей Европы. Даже самыя буржуазныя газеты, за исключеніемъ ультра-реакціонныхъ, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ выражаютъ свое отвращеніе къ царизму и требуютъ прекращенія всякихъ услугъ послѣднему со стороны нѣмецкихъ властей. Съ другой стороны, процессъ является громадной моральной побѣдой соціальдемократіи, что также признается буржуазно-либеральными органами съ большей или меньшей ноткой сожалѣнія. Наконецъ, онъ даетъ богатый агитаціонный матеріалъ, который нѣмецкіе соціальдемократы намѣрены всесторонне использовать, чему уже положено начало громадными собраніями, состоявшимися въ Кенигсбергѣ и въ Берлинѣ и вынесшими резолюціи протеста противъ царизма. Слѣдовало бы и русскимъ товарищамъ воспользоваться этимъ поводомъ для всесторонней агитаціи среди рабочихъ массъ и провести въ многочисленныхъ собраніяхъ резолюціи, выражающія сочувствіе и благодарность русскихъ пролетаріевъ ихъ нѣмецкимъ товарищамъ.

* * *

На созванномъ въ Кенигсбергѣ народномъ собраніи была принята слѣдующая резолюція:

„Подъ впечатлѣніемъ вскрытыхъ „русскимъ процессомъ“ варварскихъ порядковъ царизма, собраніе выражаетъ своимъ борющимся за свободу русскимъ братьямъ свою непоколебимую симпатію и заявляетъ, что *намѣрено и впредь выполнять по отношенію къ нимъ свой долгъ международной солидарности*, пока и Россія не примкнетъ къ западноевропейской культурѣ и не будетъ преобразована въ современное правовое государство“. Аналогичныя резолюціи приняты на собраніяхъ въ Берлинѣ, Познани и Маннгеймѣ.

По окончаніи процесса, редакціей „Искры“ была послана тов. Гаазе привѣтственная телеграмма, выражающая ему и его коллегамъ благодарность Партіи за защиту дѣла русской соціальдемократіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Уважаемые товарищи!

Позвольте мнѣ попросить гостепріимства въ „Искрѣ“ для нижеслѣдующихъ строкъ.

Въ № 46 „Революціонной Россіи“, который прислалъ мнѣ недавно одинъ изъ товарищей, напечатано заявленіе редакціи органа „Литовской соціальдемократіи“, протестующее противъ „завѣдомо неправильныхъ свѣдѣній“, данныхъ будто бы мною на послѣднемъ засѣданіи Междунар. Соціалист. Бюро. По словамъ автора, который основывается на отчетѣ газетъ „Peuple“ и „Vorwärts“, я стала отрицать raison d'être для Л. С.-Д. П. и выставила Польскую Соц.-Дем. представительницей также литовскаго пролетаріата“. Дѣйствительно, отчетъ въ „Peuple“ѣ и составленный по „Peuple“ю отчетъ въ „Vorwärts“, передали мои слова неправильно, но я уже опровергла въ печати эти неточныя данныя гораздо раньше, чѣмъ появились жалобы литовской редакціи.

На самомъ дѣлѣ ни мое заявленіе, ни само Бюро не касалось вовсе вопроса о raison d'être почтенной литовской организаціи. Рѣчь исключительно шла о томъ, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ ея представителямъ составлять на интернаціональномъ конгрессѣ *особую делегацію*.

Когда прочитано было письмо „Лит. Соц.-Дем.“, выражавшее подобное желаніе, я заявила, что здѣсь дѣло касается не новой, до сихъ поръ не представленной на конгрессахъ страны (относительно которой Бюро имѣло бы компетенцію разрѣшить вопросъ, какъ оно, напр., и поступило по отношенію къ соціальдемократіи Герцогства Люксембургскаго), а только особой соціалистической организаціи, дѣйствующей на территоріи, на которой дѣйствуютъ и другія организаціи, уже въ Бюро представленныя; такъ, напр., Соц.-Дем. Польши и Литвы, какъ это уже показываетъ ея названіе, дѣйствуетъ также и на Литвѣ.

Ввиду этого нѣтъ никакого основанія для представителей „Лит. Соц.-Дем.“ составлять особую делегацію на конгрессахъ; имъ остается только присоединиться къ одной изъ существующихъ делегацій, въ которыхъ уже представлены соціалисты, дѣйствующіе также на Литвѣ (т. е. къ русской или къ секціямъ польской делегаціи).

Въ духѣ вышеизложеннаго я возстановила истину въ „Vorwärts“ на другой день послѣ появленія въ немъ ложнаго отчета. Одновременно я послала то же опроверженіе секретарю Междун. Соц. Бюро, тов. Серви съ просьбой помѣстить его въ органѣ бельгійской партіи. Въ отвѣтъ Серви сообщилъ мнѣ, что передалъ мое дементи редакціи и что оно вскорѣ будетъ напечатано. Къ сожалѣнію, не получая „Peuple“я, я не могла провѣрить, было ли это исполнено. Независимо отъ этого, я попросила также и польскихъ товарищей опровергнуть подхваченное польскими націоналистами (П. П. С.) ложное изложеніе дѣла, что и было сдѣлано въ № 16 органа Польской Соц.Дем. „Czerwony Sztandar“ (Красное Знамя).

Послѣ всего этого предъявленіе претензіи со стороны литовской редакціи кажется мнѣ довольно страннымъ, тѣмъ болѣе, что ей, какъ я это вижу, *извѣстно* опроверженіе въ „Vorwärts“. Если это не объясняется тѣмъ, что почтенной партіи просто выгодно почему-либо положеніе обиженнаго, остается только предположить, что *националистическая точка зрѣнія* лишаетъ ее способности понимать нѣкоторыя простыя положенія (Для информаціи русскаго читателя нужно замѣтить, что „Литовская Соціальдемократія“ хочетъ, если я вѣрно освѣдомлена, — создать независимую литовскую республику, натурально-исключительно „въ интересахъ пролетаріата“ и, вѣроятно, на томъ только „историческомъ“ основаніи, что если бы во времена оны не состоялся злополучный бракъ литовскаго князя Ягайло съ дочерью польскаго короля Ядвигой, Литва могла бы и по сей день оставаться самостоятельнымъ государствомъ). Быть можетъ, для редакціи литовскаго органа само собой разумѣется, что каждая партійная организація и ужъ во всякомъ случаѣ каждая національность (въ смыслѣ этнографической группы) обязательно должна быть представлена на интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессахъ особой делегаціей. Я на этотъ счетъ придерживаюсь нѣсколько иного мнѣнія и думаю, что международный соц. конгрессъ является не этнографическимъ музеемъ для выставки всѣхъ существующихъ и существовавшихъ когда-либо національностей и обломковъ таковыхъ, — проблематическихъ, какъ и дѣйствительныхъ, — имѣющихъ „національную культуру“, какъ и оной пока не имѣющихъ, но надѣющихся еще „развить“ ее со временемъ, — а представительствомъ политическихъ и экономическихъ организацій всемірнаго пролетаріата, *какъ класса*, причемъ естественной и нормальной составной единицей конгресса является делегація, объединяющая въ себѣ всѣ организаціи, дѣйствующія въ общихъ *политическихъ условіяхъ*, т. е. въ рамкахъ одного и того же государства. И я думаю, что, хотя въ свое время были сдѣланы исключенія для Польши и Чехіи — къ слову сказать, въ періодъ, когда националистическія тенденціи въ рабочемъ движеніи не разрѣшились еще въ „пролетарскія“ программы возстановленія дюжины новыхъ „независимыхъ республикъ“, — но, по всей вѣроятности, въ томъ же духѣ, что и я, высказалось бы теперь громадное большинство соціалистовъ, если бы вопросъ сталъ на очередь. Тотъ же взглядъ въ примѣненіи къ Польшѣ я уже высказала въ „Neue Zeit“ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, если бы узкіе интересы литовскаго прихода не мѣшали литовской редакціи взглянуть на вопросъ нѣсколько пошире, то она поняла бы, что послѣдовательное проведеніе принципа этнографическихъ делегацій повлекло бы за собою самую абсурдную перетасовку въ группировкѣ интернаціональныхъ конгрессовъ. Такъ, если принять за признакъ національности, дающей право на особую делегацію, *языкъ*, то напр. швейцарской делегаціи пришлось бы исчезнуть и раствориться въ делегаціяхъ нѣмецкой, французской и итальянской. Нѣмецкіе австрійцы вмѣстѣ съ нѣмцами Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и частью швейцарцевъ должны были бы присоединиться къ германской делегаціи. То же самое относится къ Соединеннымъ Штатамъ и Англіи. За то одна Россія и Австрія надѣлили бы конгрессъ числомъ новыхъ этнографическихъ делегацій приблизительно равнымъ или даже превышающимъ число всѣхъ уже существующихъ делегацій всѣхъ странъ. И я могу завѣрить автора замѣтки въ „Революціонной Россіи“, что отнюдь не вопросъ о raison d'être „его партіи, а простой здравый смыслъ и желаніе, чтобы въ интернаціональномъ движеніи восторжествовалъ *классовой* и *политическій*, а не этнографически-національный принципъ, заставили меня высказаться противъ созданія литовской делегаціи.

Въ заключеніе одно фактическое замѣчаніе. Авторъ замѣтки утверждаетъ, что соціальдемократія Польши и Литвы не имѣетъ никакихъ организацій на Литвѣ и не дѣйствуетъ тамъ вовсе. Къ сожалѣнію, я не имѣю возможности познакомиться лично съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ и могу судить только по сообщеніямъ товарищей, дѣйствующихъ въ Русской Польшѣ. По отчетамъ этихъ товарищей, а также по сообщеніямъ въ прессѣ, польскіе соціальдемократы работаютъ также на Литвѣ, такъ, напр., въ *Бѣлостокѣ* и др. мѣстахъ. Что же касается Литовской Соц.-Дем., то, по тому же источнику, дѣятельность ея ограничивается однимъ изъ менѣе промышленныхъ центровъ Литвы, именно городомъ Вильно, гдѣ данная партія имѣетъ приверженцевъ въ трехъ ремеслахъ. Этими данными ограничиваются мои свѣдѣнія о литовск. организаціи. О проявленіяхъ какого бы то ни было массового политическаго движенія, вызваннаго Лит. Соц.-Дем., о ея демонстраціяхъ и т. п. я не слыхала, — можетъ быть потому, что я не читаю по литовски. Впрочемъ, отсутствіе массового соціалистическаго движенія среди литовцевъ не было бы вовсе удивительнымъ. Насколько мнѣ извѣстно, „коренное литовское населеніе“, о которомъ говоритъ авторъ, принадлежитъ главнымъ образомъ къ крестьянству, среди городскихъ же рабочихъ развѣ только самые отсталые употребляютъ литовскій языкъ. Если литовская редакція серьезно думаетъ, что это „коренное населеніе“ необходимо представлять на конгрессѣ въ *особой* делегаціи, то я чувствую себя принужденной протестовать противъ угнетенія и поглощенія литовцами *жмудиновъ*, которыхъ авторъ причисляетъ, вѣроятно, тоже къ коренному населенію, и готова требовать также особую жмудскую делегацію. Заодно уже можно „возстановить“ тоже „независимую жмудскую республику“ — исключительно въ интересахъ рабочаго класса.

Р. Люксембургъ.

Берлинъ-Фриденау.

Группой соціальдемократовъ Дальняго Сѣвера въ апрѣлѣ и маѣ изданы слѣдующіе листки (гектограф.): 1) Первомайскій листокъ, 2) Майскій листокъ Ц. К. (перепечатка), 3) листокъ „Искры“: Война противъ войны, 4) Война и правительство (200 шт.), 5 и 6) Письма изъ Якутска о мартовской бойнѣ по 100 шт., 7) Резолюція группы по поводу Якутскихъ событій (100 шт.), 8) Къ Архангельскимъ рабочимъ и обществу (по поводу Якутской бойни 180 шт.), 9) Программа группы (180 шт.), 10) Къ учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ (100 шт.) и 11) О чемъ говорятъ сухія цифры (коментаріи къ докладу мин. юстиціи о политическихъ дѣлахъ и пр. 100 шт.). Каждый листокъ выпускался (за исключеніемъ указанныхъ) въ количествѣ 150-200 экз. и распространялся во всемъ районѣ дѣятельности группы. За два мѣсяца издано всего около 1600 листковъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. 7 іюня арестованы, между прочимъ, слѣд. лица: интел. Суховъ и Соколовъ, часовыхъ дѣлъ маст. Керве, раб. Сергѣй Романенко, Шарекъ, Иванъ Васильевъ, ст. Нагель, А. Логачева. **Москва.** Многочисленные аресты были въ концѣ іюня. **Кіевъ и Одесса.** Около середины іюня большіе провалы. 19 іюня на Подолѣ въ Кіевѣ взято собраніе въ 15 чел. **Арзамасъ**, Нижегор. г. 10 іюня арестованъ пом. уѣздн. земск. статистика (бывш. стат. моск. у.) Ив. Потѣхинъ. **Каменецъ-Подольскъ.** Въ здѣшней тюрьмѣ сидятъ: Ив. Озембловскій (арест. 10 апр. на границѣ одновременно съ арестомъ шести пуд. соц.-дем. литературы, въ перевозкѣ которой и обвиняется), Отто Штернбекъ (арест. 13 апр. на границѣ съ 3 пуд. соц.-дем. литературы), Рубинштейнъ и Козацкій (по дѣлу транспорта соц.-рев.), Бор. Гольдманъ сидитъ около года, взятъ близъ границы) и М. Назарьевъ (осужденъ судебной палатой). **С. Подбродзе**, близъ Вильны. Арестованъ И. Гольдштейнъ 12 іюня. **Харьковъ.** 21 іюня арестованы: Истоминъ, Битусъ, братъ и сестра; раньше — Г. Горовицъ.

Недавно въ **Иркутскъ** привезли съ Востока 16 человѣкъ изъ санитарнаго персонала, замѣченныхъ въ пропагандѣ среди солдатъ. Какъ говорятъ, надъ ними будетъ назначенъ военный судъ. Тамъ же сидитъ унт.-офиц. Илья Быковъ, преданный военн. суду.

Бѣжали: 1) С. Афанасьева (изъ Иркутск. губ., сослана по кіевскому дѣлу „Искры“ 1902 г.), 2) Друянъ, раб. (въ прошломъ году бѣжалъ изъ екатеринославской тюрьмы, но въ апрѣлѣ этого года былъ узнанъ на улицѣ въ Кіевѣ; нынѣ снова бѣжалъ изъ той же тюрьмы), 3) Григорій Львовъ (изъ Енис. губ., сосланъ по варшавскому дѣлу 1901 г. на 3 года и получилъ въ Сибири 3 года прибавки; прибылъ заграницу), 4) Конк. Захарова (изъ екатерин. тюрьмы 28 іюня; арест. въ декабрѣ 1901 г. по одесск. дѣлу „Искры“ и сослана въ В. С. на 5 л., откуда въ декабрѣ бѣжала изъ Александровской тюрьмы. Въ январѣ была вновь арестована въ Екатеринославѣ по дѣлу комитета). Изъ Архангельской губ. бѣжали: 5) техникъ Ростопчинъ (Нижегор. соц. дѣло), 6) Торгашевъ (Петерб. с.-д. дѣло), 7) Никитинъ (машинистъ по Харьк. с.-д. дѣлу), 8) Сакваралидзе (гимназистъ изъ Кутаиса), 9) Воронищынъ (по Харьк. с.-д. дѣлу), 10) Голендеръ, 11) Дубровинскій (Уральск. с.-д.) и 12) Авдѣевъ (соц.-рев.)

Неудачно бѣжали изъ шемахинской уѣздной тюрьмы 11 мая Гавріилъ Хундадзе и Петръ Монтинъ (рабочій): черезъ три дня они были арестованы въ 40 вер. отъ Баку.

Некрологъ. Изъ Средне-Колымска пишутъ: „12 марта 1904 г. у насъ умеръ отъ самоотравленія морфіемъ тов. Комай. Покойный прибылъ въ Сибирь со здоровьемъ, совершенно разстроеннымъ физически и психически. Якутскій врачъ выдалъ больному свидѣтельство о застарѣломъ бронхитѣ, но новоиспеченный вице-губернаторъ Чаплинъ призналъ возможнымъ послать больного въ Колымскъ. Здѣсь покойнаго стали посѣщать навязчивыя идеи и острая меланхолія. — Покушеніе 12 марта было третьимъ, и съ роковымъ исходомъ. 9 часовъ длилась агонія. Шагъ за шагомъ мы уступали товарища смерти... Умеръ въ 12½ ч. ночи“.

Я зналъ хорошо покойнаго и могу прибавить къ его біографіи слѣдующее: Покойный былъ 26-27 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ по профессіи наборщикомъ. Свое революціонное воспитаніе онъ получилъ въ Бѣлостокѣ, потомъ принималъ участіе въ Варшавскомъ движеніи и въ Гроднѣ. Въ послѣдній разъ онъ работалъ (въ качествѣ наборщика) въ типографіи издававшейся въ Россіи Соц. Дем. Раб. Библіотеки, по дѣлу коей онъ былъ арестованъ и сосланъ послѣ почти двухгодового заключенія въ Петропавловской крѣпости на 8 лѣтъ. Въ крѣпости онъ нажилъ чахотку, а его нервная система крайне расшаталась. Опасаясь, чтобы жандармы не воспользовались его разстройствомъ, онъ трижды пытался покончить съ собою въ крѣпости, но неудачно. Проходя черезъ Якутскъ и встрѣтившись со своими друзьями, онъ нѣсколько оправился и надѣялся совсѣмъ справиться съ одолѣвавшими его галлюцинаціями. Но, видно, Чаплинъ рѣшилъ разлучить его съ друзьями — послѣдней душевной опорой въ недолго остававшейся ему чахоточной жизни. Такъ-то царскіе прислужники добили угасавшую жертву!... Въ лицѣ Ком сошелъ въ могилу одинъ изъ рѣдкихъ по развитію, преданны соц. дем. дѣлу, отзывчивый душой рабочій...

В—ъ

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue d
Carouge, près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи“:
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Просятъ обозначать: „для редакціи“ или „для Лиги“.

---

[1]) Экспедиторъ „Vorwärts'a“ Петцель и столяръ Эренцфортъ изъ Берлина, кассиръ Браунъ и рабочій Новагроцкій изъ Кенигсберга, рабочіе Мертинсъ, Трептау, Клейнъ изъ пограничной полосы Восточной Пруссіи; ремесленники, они же контрабандисты, Кугель и Кегстъ оттуда же.

ИЗЪ ПАРТІИ (продолженіе).

НАКОНЕЦЪ-ТО!

Итакъ, намъ, сторонникамъ партійнаго большинства, дана будетъ возможность систематически, въ литературной формѣ статей, высказываться на страницахъ центральнаго органа партіи. Это формально заявлено въ 66 № „Искры“, въ отвѣтѣ редакціи на резолюцію Тверского Комитета... Мы очень рады этому, и конечно, воспользуемся разрѣшеніемъ. Странно только одно. Въ своемъ отвѣтѣ на резолюцію, которая, повидимому, и имѣла отчасти въ виду добиться такого заявленія, редакція дѣлаетъ видъ, что эта полная возможность для насъ высказываться въ „Искрѣ“ была чѣмъ-то само собою подразумѣвающимся, и если сторонники большинства ею не пользовались, то виноваты только они сами. Къ сожалѣнію, это невѣрно.

Когда какой-нибудь литературный органъ желаетъ дать мѣсто на своихъ страницахъ статьямъ противниковъ, противъ которыхъ ведетъ ожесточенную полемику, то онъ *сообщаетъ* имъ это. Въ противномъ случаѣ, со стороны противниковъ было бы просто смѣшно посылать свои статьи въ редакцію; лучше ужъ адресовать ихъ прямо въ редакціонную корзину. Гдѣ и когда редакція приглашала насъ высказываться?

Въ прошломъ году редакція „Искры“ два раза выступала съ такими приглашеніями. Но... оба они къ намъ не относились. Въ первый разъ это было при старой, „неуступчивой“ редакціи сторонниковъ большинства: Плехановъ и Ленинъ обращались къ *литераторамъ меньшинства* съ просьбою высказаться въ „Искрѣ“. Тѣ предпочли отвѣтить оффиціальнымъ заявленіемъ о бойкотѣ. Во второй разъ это было уже при нынѣшней редакціи: она предлагала *комитетамъ* присылать резолюціи по поводу положенія дѣлъ въ партіи, и обѣщала печатать эти резолюціи безъ различія направленій. О статьяхъ отдѣльныхъ членовъ большинства тамъ ничего не говорилось. Кажется, дѣло ясное...

Редакція напоминаетъ о напечатанномъ ею письмѣ тов. Александрова. Но письмо это представляло изъ себя скорѣе рядъ вопросовъ, чѣмъ полемику. Какіе выводы могли мы сдѣлать изъ этого факта, когда мы знали, что тогда же полемическое выясняющее вопросъ письмо Ленина было не то отклонено, не то отложено въ долгій ящикъ. Мы, рядовые работники большинства, могли ожидать только того, что съ нами станутъ церемониться еще меньше. Нечего сказать, веселое это занятіе, живя, напр., въ Россіи, гдѣ на каждаго работника ложится такая подавляющая масса работы, писать и отсылать со всякими трудностями статьи, которымъ почти нѣтъ шансовъ послужить для чего-либо иного, кромѣ развлеченія редакціи. Нужна совсѣмъ особая психологія, чтобы найти достаточное поощреніе къ работѣ въ той мысли, что „а можетъ быть — ха-ха — и помилуютъ!“

Если редакція хотѣла дать намъ высказываться, то она *вдвойнѣ обязана была* открыто заявить это, потому что 4 изъ 5 ея членовъ не находили возможнымъ работать въ газетѣ вмѣстѣ съ нами тогда, когда „Искра“ находилась въ рукахъ избранной съѣздомъ редакціи. Поэтому „легкомысленнымъ“ приходится считать вовсе не „обвиненіе“, выраженное Тверскимъ Комитетомъ, а тотъ пріемъ, посредствомъ котораго редакція старается свалить съ больной головы на здоровую отвѣтственность за свою — въ лучшемъ случаѣ — небрежность[1].

Такъ или иначе, теперь обѣщаніе дано, дѣло улажено, и я пользуюсь этимъ, чтобы высказаться по поводу двухъ самыхъ крупныхъ за послѣднее время актовъ полемики со стороны нашихъ противниковъ — по поводу фельетона Плеханова въ 65 № „Искры“ и письма Каутскаго — № 66.

Въ своемъ фельетонѣ „Централизмъ или бонапартизмъ?“ тов. Плехановъ выясняетъ сущность своихъ разногласій съ теперешнимъ большинствомъ партіи. Онъ сводитъ ее къ вопросу о *безусловномъ правѣ раскассированія отдѣльныхъ партійныхъ организацій*, правѣ, которое, по его словамъ, большинство партіи хочетъ дать Ц. К., а меньшинство — не хочетъ давать. Такъ представляется дѣло Плеханову. Къ счастью для большинства, Плехановъ сильно ошибается.

Откуда, собственно, почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія о такой „бонапартистской“ точкѣ зрѣнія большинства?

Даже въ той резолюціи трехъ представителей большинства, которую онъ цитируетъ, говорится только о „правѣ раскассированія“, но *не о безусловномъ и безконтрольномъ* правѣ, какое изображаетъ Плехановъ. О безусловномъ правѣ тамъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ представители стоятъ вѣдь на почвѣ постановленій съѣзда, который создалъ высшую, контрольную инстанцію надъ Ц. К. — Совѣтъ партіи. А что касается *ограниченнаго* права раскассированія, то на съѣздѣ тов. Мартовъ объяснялъ, что такое право дать Ц. К. можно и не опасно, потому что Ц. К. во всякомъ случаѣ серьезно подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится на такой важный шагъ, какъ распущеніе какой-нибудь организаціи. Другой товарищъ указалъ на одинъ дѣйствительный случай, гдѣ необходимо было самое быстрое „раскассированіе“: въ организаціи былъ провокаторъ, а она не хотѣла распускаться.

Плехановъ указываетъ, что на съѣздѣ Лиги онъ самъ, вмѣстѣ съ Ц. К., защищалъ „нѣкоторыя требованія“ бонапартистскаго характера, конечно, по недоразумѣнію. Допустимъ, что это такъ. Но вѣдь по вопросу о Лигѣ Ц. К. *уступилъ*, отказался отъ своихъ требованій: гдѣ же тутъ основанія обвинять его *теперь* въ „бонапартизмѣ?“ Тогда надо обвинять и Плеханова.

Плехановъ говоритъ, что Ц. К. „не разъ выражалъ увѣренность, что ему принадлежитъ неограниченное право раскассировывать человѣковъ“. Гдѣ и когда это заявлялось? И какимъ образомъ Совѣтъ партіи допустилъ такую узурпацію своего права — быть высшимъ истолкователемъ устава между съѣздами? Я, сторонникъ большинства, знающій очень многихъ его членовъ, отъ самыхъ видныхъ дѣятелей до рядовыхъ работниковъ, никогда не слыхалъ ни о чемъ подобномъ; а тов. Плехановъ никакихъ фактовъ не указываетъ.

Но, можетъ быть, Плехановъ основывается не на заявленіяхъ, а на *дѣйствіяхъ?* Можетъ быть, практически дѣлались бонапартистскія попытки измѣнять по произволу составъ тѣхъ или иныхъ организацій, вводя въ нихъ, противъ ихъ желанія, однихъ членовъ, удаляя другихъ?

Такихъ попытокъ никто изъ нашихъ противниковъ не указываетъ и указать не можетъ, *потому что ихъ не было.* Впрочемъ, виноватъ, я ошибся. Одна такая попытка, дѣйствительно, имѣла мѣсто, и возобновляется до сихъ поръ. Въ одинъ изъ комитетовъ, дѣйствительно, хотятъ ввести новыхъ лицъ противъ его желанія, и требуютъ, чтобы онъ отказался отъ одного изъ своихъ видныхъ членовъ. Да, но этотъ комитетъ, который стараются такимъ образомъ „раскассировать“, есть *Центральный Комитетъ*.

Одна организація была, пожалуй, и въ дѣйствительности „раскассирована“, и настолько, что кореннымъ образомъ измѣнила свое направленіе. Но и ее „раскассировалъ“ не Ц. К., а какой-то другой „Центральный Журавль“ (выраженіе Плеханова). Эта раскассированная организація была — *редакція „Искры“*.

Итакъ, никакого „бонапартизма“ нѣтъ, а если онъ и есть, то не тамъ, гдѣ ищетъ его Плехановъ. Дѣло сводится къ недоразумѣнію. Разъ оно выяснено, что же раздѣляетъ насъ съ тов. Плехановымъ?

Отвѣта надо, повидимому, искать въ открытомъ письмѣ Плеханова къ Ц. К. (№ 66 „Искра“).

Въ этомъ письмѣ тов. Плехановъ допускаетъ, что онъ, можетъ быть, и ошибся на счетъ бонапартизма, но винитъ въ этой ошибкѣ „молчаніе“ Ц. К. Ну, и прекрасно, пусть такъ, Ц. К. виновенъ, что своей преступной небрежностью допустилъ развиться у тов. Плеханова устрашающимъ галлюцинаціямъ бонапартизма. Выразимъ за это порицаніе Ц. К. и — перейдемъ къ очереднымъ дѣламъ.

Но тутъ происходитъ что-то загадочное. „Бонапартизмъ“ вдругъ превращается въ „политику Ленина“ и „брошюру Ленина“. Плехановъ требуетъ, чтобы Ц. К. торжественно отрекся отъ той и другой, тогда онъ, Плехановъ, признаетъ свою ошибку на счетъ „бонапартизма“. Но, позвольте, товарищъ, гдѣ же бонапартизмъ въ политикѣ Ленина? Раскассировалъ онъ кого-нибудь? Увы! скорѣе онъ самъ былъ „раскассированъ“ изъ редакціи. Гдѣ бонапартизмъ въ его брошюрѣ? Отстаиваетъ онъ тамъ „неограниченное право раскассированія“?

„На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые“, тов. Плехановъ.

Остается вопросъ о „кооптаціи“.

Но тутъ Плехановъ, конечно, согласится, что во-первыхъ, вопросъ этотъ не принципіальный — это вопросъ о мѣрѣ уступокъ нашимъ общимъ противникамъ; во-вторыхъ, что теперь кооптація уже невозможна, именно съ точки зрѣнія „цѣлесообразности“. Вы только представьте себѣ, тов. Плехановъ, что въ „робеспьеровскій“ комитетъ, состоящій всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, вводятся два пылающихъ гнѣвомъ и местью термидоріанца. Хороша будетъ „работоспособность“ комитета[1].

Что же еще? Ваше раздраженіе противъ Ленина, такъ ясно выступающее въ Вашемъ письмѣ, и противъ трехъ представителей, которыхъ Вы награждаете лично оскорбительными эпитетами? Но „представителей“ Вы не поняли, обвиненій противъ Ленина не доказали; съ личными настроеніями всѣ мы — люди „партійной дисциплины“, и Вы въ томъ числѣ — сумѣемъ быстро справиться. Принципіальные вопросы выяснены — въ нихъ разногласій нѣтъ. Что же насъ раздѣляетъ?

Перехожу къ письму Каутскаго.

Въ противоположность Плеханову, Каутскій высказывается прямо въ пользу *автономистскихъ* стремленій меньшинства. Онъ доказываетъ правильность этихъ стремленій тѣмъ, что при нашихъ условіяхъ борьбы, когда она ведется нелегально и въ значительной мѣрѣ тайно, широкая формальная централизація только стѣсняла бы дѣятельность мѣстныхъ организацій и увеличивала бы опасность проваловъ. Онъ ссылается на опытъ Германіи въ эпоху исключительныхъ законовъ, когда каждой отдѣльной организаціи пришлось предоставить очень широкую автономію. Это сравненіе прекрасно выясняетъ мысль Каутскаго, и то недоразумѣніе, въ которое онъ впалъ въ данномъ случаѣ.

До исключительнаго закона въ Германіи существовала широкая, хотя молодая, но уже высоко централистическая организація (*сравнительно* высоко, разумѣется). При исключительномъ законѣ оказалось невозможнымъ въ прежнемъ объемѣ выполнять централистическія функціи общепартійныхъ учрежденій: пришлось сдѣлать шагъ къ автономіи, при чемъ однако централизаціи, по словамъ Каутскаго, оставалось достаточно, чтобы эту автономію нельзя было „смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ руководящаго центра“.

Такъ было въ Германіи. А какъ обстоитъ дѣло у насъ, въ Россіи? Никакой централизаціи до съѣзда у насъ не было, не было ничего, кромѣ самой широкой, безпредѣльной „автономіи“. Съѣзду предстояло *впервые создать* централистическія функціи. Собравшіеся на съѣздъ представители хорошо знали наши русскія условія, и понимали, что какими бы широкими „формальными“ полномочіями ни надѣлить наши центральныя учрежденія, *фактическая* автономія всетаки останется очень обширной, уже конечно гораздо шире, чѣмъ въ организаціяхъ нѣмецкой соціальдемократіи подъ исключительнымъ закономъ.

При такихъ условіяхъ все сравненіе Каутскаго оказывается сплошной ошибкой. То, что онъ защищаетъ подъ именемъ „широкой автономіи, которую однако не слѣдуетъ смѣшивать съ федерализмомъ и безсиліемъ центровъ“, и то, чего добиваются наши дезорганизаторы, вещи совершенно различныя, совершенно непохожія одна на другую. По существу, Каутскій стоитъ *на нашей точкѣ зрѣнія*. Нашъ уставъ *даетъ* нашимъ мѣстнымъ организаціямъ „широкую автономію“, а сама жизнь, на почвѣ которой мы стоимъ, *подразумѣваетъ* еще болѣе широкую автономію. Но мы не хотимъ „безсилія центровъ“. Между тѣмъ, его-то и добиваются наши противники. Если бы осуществилась ихъ насильственная кооптація, то вмѣсто Ц. К. мы имѣли бы просто хроническій скандалъ[2].

Какъ добросовѣстный ученый, Каутскій заранѣе сдѣлалъ оговорку о томъ, что можетъ ошибиться вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ дѣломъ. Онъ былъ правъ.

Другой пунктъ общаго характера въ письмѣ Каутскаго, это вопросъ о мартовской или ленинской формулировкѣ перваго § устава. И здѣсь Каутскаго ввело въ заблужденіе незнакомство съ конкретными условіями развитія нашей партіи. Если бы онъ зналъ, какой громадный вредъ принесли ей различные чуждые ей элементы, которые долго къ ней примазывались, разные „легальные марксисты“, особенно изъ литераторовъ, то онъ врядъ ли сталъ бы защищать ту формулировку, которая предупредительно надѣляетъ всю эту публику правами членовъ партіи. Останавливаться на этомъ я не стану: мнѣ пришлось бы только повторять всю, поистинѣ блестящую, аргументацію Плеханова на съѣздѣ. Къ тому же, не изъ-за перваго пункта ведется теперь борьба: это тотъ пунктъ, на которомъ мы потерпѣли пораженіе, и, по свойственной намъ „неуступчивости“, подчинились — до слѣдующаго съѣзда.

Каутскій говоритъ о громадномъ организаціонномъ значеніи *довѣрія къ вождямъ*. Да, въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны, и именно потому хотѣли имѣть *свободно выбранныхъ нами вождей*.

Каутскій выражаетъ недоумѣніе, зачѣмъ понадобилось Ленину удалить трехъ изъ редакторовъ „Искры“ съ ихъ постовъ. *Не Ленину*, тов. Каутскій, а *большинству* съѣзда, съ *Плехановымъ* и Ленинымъ во главѣ; и не „удалить“, а „не выбрать“, потому что редакція органа *партіи* должна была организоваться заново. Почему же не выбрать? Да хотя бы потому, что *фактическими* редакторами „Искры“, редакторами въ полномъ смыслѣ слова были только Плехановъ, Ленинъ и Мартовъ: мы всѣ признаемъ громадныя заслуги остальныхъ трехъ редакторовъ, но редакторскія права — не орденъ за заслуги, а средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Да, наконецъ, развѣ съѣздъ не имѣлъ права и основанія выбирать тѣхъ, кого желалъ? Если нѣтъ, то зачѣмъ комедія съ выборами, зачѣмъ пунктъ въ уставѣ о выборности редакціи? Надо было тогда просто ввести въ уставъ положеніе о *пожизненномъ* (можетъ быть, даже наслѣдственномъ?) редакторствѣ такого-то кружка, и только.

Каутскій говоритъ, что въ интересахъ партіи надо столковаться передъ съѣздомъ, чтобы меньшинство *во всякомъ случаѣ* подчинялось большинству, хотя бы даже большинству только одного голоса. Святая истина! и очень горькая для нашего меньшинства! Каутскій, повидимому, не знаетъ, что передъ вторымъ съѣздомъ *объ этомъ столковались*, и всѣ приняли на себя такое обязательство: а немедленно послѣ съѣзда литераторы меньшинства объявили бойкотъ выбранной съѣздомъ редакціи, комитеты же меньшинства — выбранному съѣздомъ Ц. К. Да, вполнѣ правъ Каутскій — но онъ не знаетъ, что „автономія“ меньшинства доходила до нарушенія прямыхъ обязательствъ.

Каутскій выясняетъ, что въ интересахъ общаго дѣла необходима взаимная уступчивость. Святая истина! Но только, не зная исторіи дѣла, Каутскій попалъ въ положеніе того священника, который проповѣдуетъ умѣренность бѣднымъ, а кушаетъ вмѣстѣ съ богатыми. Большинство много уступало; оно уступило въ вопросѣ о Лигѣ, оно уступило въ вопросѣ о редакціи; *а въ чемъ уступило меньшинство?* Оно ни въ чемъ не уступило — до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ.

Правда, уступать безъ конца и мы не можемъ: вѣдь уступчивость и для насъ не принципъ, а только средство къ достиженію партійныхъ цѣлей.

Каутскій говоритъ, что если произойдетъ расколъ въ партіи, то виноватъ будетъ одинъ Ленинъ. Жаль, что знаменитый ученый измѣнилъ здѣсь своей научной сдержанности и осторожности, не допускающей рѣшительныхъ выводовъ тамъ, гдѣ у человѣка недостаточно данныхъ. Вѣдь Каутскій, оказывается, не зналъ даже того, кто — нападающая сторона въ нынѣшнемъ конфликтѣ.

Каутскій говоритъ: „я готовъ измѣнить свои выводы, если мнѣ докажутъ, что мои предпосылки невѣрны“. Да, товарищъ, ваши предпосылки невѣрны, но, конечно, вина въ этомъ не ваша.

Боюсь я, что не на радость меньшинству напечатала редакція письмо Каутскаго!

Еще нѣсколько словъ по поводу отвѣта редакціи на резолюцію Тверского Комитета. Редакція совѣтуетъ тверскимъ товарищамъ „подумать надъ тѣмъ, почему точка зрѣнія большинства не порождаетъ другихъ литературныхъ проявленій, кромѣ „сокрушительныхъ резолюцій“ и т. д. Въ началѣ своей статьи я показалъ, почему редакція *не имѣетъ права* говорить этого. Но остается тотъ несомнѣнный фактъ, что, *по количеству* литературныхъ произведеній, намъ трудно конкуррировать съ меньшинствомъ: большинство литераторовъ на его сторонѣ. Что это значитъ?

Редакція, вѣроятно, скажетъ, что это свидѣтельствуетъ, вообще, о большей сознательности меньшинства. Но какъ примирить съ этимъ объясненіемъ тотъ фактъ, что на сторонѣ *нашихъ принциповъ* оказались два самые крупные ума и таланта нашей партіи — *Плехановъ* и Ленинъ?

Гораздо вѣроятнѣе, поэтому, другое объясненіе: къ меньшинству естественнымъ образомъ тянутъ „интеллигентскіе“ элементы нашей партіи, потому что меньшинство защищаетъ индивидуалистическія и анархическія тенденціи въ организаціонной жизни, тѣ самыя тенденціи, которыя такъ дороги сердцу интеллигента[1].

Закончу маленькимъ практическимъ предложеніемъ, котораго не стану подробно мотивировать, потому что смыслъ его и такъ будетъ ясенъ.

Въ партійномъ органѣ намъ хотѣлось бы имѣть органъ *дѣйствительнаго единства партіи*: а потому всю текущую полемику, особенно въ виду ея остраго характера, лучше было бы совсѣмъ удалить со страницъ „Искры“ и печатать, напр., въ особыхъ приложеніяхъ къ ней. Въ виду чисто домашняго характера собственно организаціонныхъ вопросовъ, можно было бы, пожалуй, даже ограничить распространеніе этихъ приложеній одними членами партіи; но за это я, конечно, особенно стоять не буду. Такое выдѣленіе полемики улучшило бы отношеніе къ „Искрѣ“ со стороны дѣйствительнаго большинства партіи, большинства ея рядовыхъ работниковъ, особенно рабочихъ; легче было бы подводить итоги полемикѣ, и она была бы исчерпана скорѣе, чего всѣ мы такъ страстно желаемъ.

Рядовой.

* * *

Отъ редакціи. Товарищу, скромно назвавшему себя „Рядовымъ“, мы отвѣтимъ въ краткихъ словахъ:

1) Начальныя разсужденія о томъ, что ред. „Искры“ не приглашала до № 66 сторонниковъ „большинства“ высказаться, не выдерживаютъ самой легкой критики. Еслибъ т. Рядовой *понималъ*, какъ должно „меньшинство“ (и, вообще, соціальдемократія) смотрѣть на задачи партійнаго органа, онъ догадался бы, что и безъ особаго приглашенія литераторы „большинства“ могутъ надѣяться на помѣщеніе въ Ц. О. *дѣйствительно*-литературныхъ произведеній. А помѣщеніе полемическаго письма т. Александрова въ № 57 „Искры“ должно было разсѣять и послѣднія сомнѣнія. Если, кромѣ тов. Ленина, ни къ кому изъ „большинства“ редакція не обращалась съ спеціальнымъ предложеніемъ о *постоянномъ* сотрудничествѣ, то лишь потому, что литературно-заявившихъ себя товарищей мы не встрѣчали среди „большинства“. Ссылку тов. Рядового на брошюру Одесскаго Ком. мы отвергаемъ, въ виду мутнаго характера этого источника: изданная Од. Комитетомъ брошюра, „Докладъ о II съѣздѣ“, представляетъ собой нѣчто небывалое въ нашей революціонной литературѣ по *недобросовѣстности* тѣхъ обвиненій и недостовѣрности тѣхъ *сплетенъ*, которыя въ *нелегальной* типографіи печатались одесскими товарищами, не вѣдавшими, что они творятъ. Тов. Рядовой проявилъ поразительное отсутствіе моральной чуткости, когда счелъ возможнымъ ссылаться на *такое* произведеніе печати.

2) Заявленіе тов. Рядового, будто бы въ нашей Партіи не было попытокъ давленія на мѣстные комитеты, въ видахъ „измѣненія по произволу состава тѣхъ или иныхъ организацій“, можетъ быть объяснено только полнымъ незнакомствомъ этого товарища съ положеніемъ дѣлъ въ Партіи. Мы же знаемъ соотвѣтствующіе случаи въ Харьковѣ, Баку и Николаевѣ и знаемъ, что тов. Ленинъ, и многіе съ нимъ, и *послѣ* эксперимента съ Лигой отстаиваютъ безапелляціонное право Ц. К. вводить въ мѣстные комитеты своихъ членовъ, безъ согласія комитетовъ.

3) Смѣлость, съ которой тов. Рядовой разсказываетъ о томъ, кто въ старой „Искрѣ“ былъ фактическимъ редакторомъ, заставляетъ насъ напомнить тов. Рядовому, что, мысленно обозрѣвая ряды многочисленныхъ товарищей, вмѣстѣ съ нами работавшихъ въ организаціи „Искры“, мы не находимъ въ этихъ рядахъ даннаго товарища, а потому должны допустить, что свои свѣдѣнія о роли того или другого редактора „Искры“ онъ почерпнулъ изъ самаго ненадежнаго источника — кумушкиныхъ сплетенъ. Пользованіе такимъ источникомъ едва ли должно считаться необходимымъ признакомъ „твердаго искровства“.

Л. М.

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ?[2]

(Письмо изъ Одессы).

Новѣйшій фазисъ нашей партійной жизни создалъ на мѣстахъ въ высшей степени тяжелую атмосферу, въ которой начинаетъ задыхаться все, что хочетъ жить, двигаться и работать въ сторонѣ отъ богатой области „наѣзжательства“. Какимъ-то специфическимъ запахомъ дипломатіи несетъ отъ каждаго шага, каждаго дѣйствія „руководителей“, духъ этой дипломатіи заражаетъ все большія массы, она очевидно, становится принципомъ всей дѣятельности, — и наконецъ, мы, вмѣсто единой солидарной социальдемократической организаціи, видимъ механически сплоченную группу, цѣлость которой поддерживается исключительно безправностью отдѣльныхъ ея членовъ, оторванностью ихъ отъ *общаго дѣла*, микроскопичностью ихъ спеціальности да еще устрашающей силою „дисциплины“. То, что тамъ „наверху“, въ области центральныхъ учрежденій Партіи, нашло болѣе или менѣе принципіальный характеръ, одухотворено въ той или иной мѣрѣ сознаніемъ грандіозной отвѣтственности передъ дѣломъ русской революціи, здѣсь, „внизу“, во тьмѣ „строгой и послѣдовательной“ централизаціи, вырождается въ нѣкое „дѣльце“, благопристойности ради оборудованное грозными баттареями параграфовъ уставовъ и размалеванное устрашающими красками „дисциплины“. Если сидящіе тамъ, наверху, позволяютъ себѣ вещи вродѣ „ультиматумовъ“ или тасованія комитетовъ въ духѣ „большинства“, то несомнѣнно, что внизу ихъ представители пойдутъ въ этомъ отношеніи еще дальше. Это прямо таки законъ всякаго бюрократическаго строя, что мѣстныя власти усердствуютъ всегда не по разуму. Провозглашенный свыше принципъ осаднаго положенія еще больше развязываетъ имъ руки; они совершенно теряютъ узду и „дисциплина“ въ ихъ рукахъ становится страшнымъ бичомъ. Товарищи изъ „меньшинства“ поймутъ, что сказанное выше недалеко отстоитъ отъ нашей дѣйствительности, а одесскіе товарищи увидятъ, можетъ быть, точную копію.

---

[1] Оказывается, не совсѣмъ „небрежность“: я былъ плохо освѣдомленъ объ этомъ дѣлѣ. Вотъ что напечатанно, между прочимъ, въ „докладѣ о II съѣздѣ“, изд. Одесскаго Комитета Партіи (стр. 23, прим.):

„Письмо Ленина не было напечатано; *точно также и заявленіе заграничнаго представителя Ц. К.* Не былъ напечатанъ *цѣлый рядъ писемъ въ редакцію и заявленій*... точно также *письмо „Что случилось?“ не увидѣло свѣта „Искры“*, но за то былъ напечатанъ насмѣшливый разборъ этого письма“ и т. д. (курсивъ вездѣ мой Р.). Милая редакція, какъ же вы это забыли?

[1] „Робеспьера“ я заимствовалъ изъ обычныхъ метафоръ меньшинства, а „термидоріанцы“, я надѣюсь, не хуже „бонапартистовъ“.

[2] Между прочимъ, дальнѣйшее пополненіе Ц. К., которое по уставу должно совершаться по *единогласному* рѣшенію, было бы затруднено до послѣдней степени: какое ужъ тамъ было бы „единогласіе“!

[1] Характерно, что даже терминъ *партійная дисциплина* тов. Мартовъ употребляетъ теперь, по большей части, въ сопровожденіи „знака ироническаго“, въ видѣ кавычекъ.

[2] Отъ ред. Это, по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, запоздавшее письмо является *уже третьимъ* голосомъ протеста противъ мѣстныхъ комитетскихъ порядковъ.

Мѣстная организація вполнѣ можетъ удовлетворять идеалу „большинства“. Централизація и дисциплина нашли себѣ здѣсь высшее воплощеніе. Полнѣйшее безправіе всѣхъ, даже стоящихъ непосредственно „подъ“ комитетомъ товерищей, наидетальнѣйшее раздѣленіе труда, весьма искусно приспособленное къ нуждамъ централизаціи, ничтожнѣйшая освѣдомленность всѣхъ работниковъ не только въ дѣлахъ Партіи, но даже въ дѣлахъ мѣстнаго комитета, самыя слабыя связи его со всей организованной массой, подавленіе всякой тѣни самостоятельности, недовѣрчивое, подозрительное отношеніе ко всякой иниціативѣ, идущей снизу, предпочтеніе „техники“ и „политики“ живой работѣ въ массахъ и соціализму — вотъ характернѣйшія черты мѣстной организаціи. Все это, конечно, главнымъ образомъ, во имя двухъ фетишей — дисциплины и централизаціи. Немудрено, что самые полезные принципы въ силу этого превращаются въ прямую свою противоположность. Возьмите такъ называемое „раздѣленіе труда“! Принципъ хорошъ, да вышло то, что отдѣльный работникъ, сидя за мельчайшими функціями, совершенно лишенъ возможности вліять на общій ходъ дѣлъ. Да и что говорить о вліяніи, когда для него просто немыслимо ознакомиться съ общимъ теченіемъ дѣлъ, съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ „частяхъ“. Всего лучше это видать на организаціи пропаганды, т. е. главнаго нерва соціальдемократической работы. Такъ, пропагандисты стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ организаціи, совершенно чужды всей ея жизни. Вся организація можетъ быть потрясена и взволнована какими-нибудь чрезвычайными событіями своей внутренней жизни, чтобы пропагандисты о нихъ даже и не знали. Въ кружокъ рабочихъ пропагандистъ является изъ совсѣмъ другого міра, гдѣ люди счастливо живутъ, не вѣдая болей, скорбей и заботъ общей соціальдемократической организаціи, гдѣ кругомъ брызжутъ прохладительные фонтаны чистѣйшей кристально-ортодоксальной науки, не загрязняемые и не запыливаемые презрѣнной „практикой“. Мудрено ли, что вышедшій изъ этой Аркадіи пропагандистъ, являясь въ кружокъ рабочихъ, сразу становится имъ совершенно чуждымъ человѣкомъ, съ совсѣмъ иной психологіей, абстрактной, холодной, не накаленной въ горнилѣ живой общеорганизаціонной работы. Понятно, что и слушать такого пропагандиста скучно, да и ни о чемъ, кромѣ своей сухой, безъ плоти и крови „лекціи“, пропагандистъ съ ними говорить не можетъ. Онъ только „ученый“ и больше ничего. Вмѣстѣ съ другими учеными отъ соціальдемократіи онъ поступаетъ во владѣніе т. н. „завѣдующаго пропагандой“. Можетъ быть, вы думаете, что черезъ этого завѣдующаго они пріобщаются къ животрепещущей общей работѣ организаціи? можетъ быть, это онъ, спускаясь внизъ въ организацію, проникая всюду въ отдѣльныя ея вѣтви, зная все и вся, приходитъ къ пропагандистамъ наверхъ свѣжій, полный силъ, обвѣянный живымъ духомъ цѣлостной соціальдемократической организаціи и разсѣиваетъ и вокругъ себя эту живую атмосферу, убиваетъ въ зародышѣ вредные микробы кастовой замкнутости пропагандистовъ! Нѣтъ, читатель! И самъ „завѣдующій“ подлежитъ законамъ раздѣленія труда, вслѣдствіе чего онъ для организаціи только „завѣдующій“ и ничего больше, какъ завѣдующій. Связи съ организаціей у него еще меньше, чѣмъ у пропагандистовъ, т. к. у него нѣтъ даже тѣхъ кружковъ, которыя имѣются у послѣднихъ. Оторванность пропаганды отъ всей области соціальдемократической работы доходитъ здѣсь до того, что совершенно невозможно позвать непосредственно въ кружокъ пропагандиста. Нѣтъ, въ интересахъ централизаціи это дѣлается такъ: адресъ квартиры кочуетъ черезъ 4-5 инстанцій, покуда попадетъ въ верхъ, къ „завѣдующему“, а отъ онаго адресъ лишь пойдетъ внизъ, къ пропагандисту. Кочуя по многочисленнымъ инстанціямъ, адресъ или коверкается или теряетъ какую-нибудь важную деталь; къ пропагандисту онъ приходитъ уже въ совершенно безобразномъ видѣ. Весь этотъ тяжелый путь адресъ совершаетъ 2 3 дня, такъ что пропагандиста приходится „заказывать“ на этотъ срокъ раньше, квартиры же чаще всего попадаются на тотъ же самый или на другой день, распредѣлять ихъ по срокамъ крайне трудно. Результаты таковы: пропагандисты не попадаютъ на квартиры, кружки собираются 2-3 раза (бываетъ и больше) и безрезультатно расходятся, имѣются квартиры, которыми не пользуются, проваливаютъ квартиры безъ того, чтобы тамъ дѣйствительно что-нибудь произошло. Мудрено ли, что кружковъ жалкое число, что собираются они съ промежутками въ двѣ, три и четыре недѣли, съ различнымъ составомъ, что растетъ гора недоразумѣній, недовольство, что растетъ раздраженіе противъ интеллигентовъ, лишенныхъ всякаго конспиративнаго опыта, неаккуратныхъ, неловкихъ, скучныхъ и сухихъ...

Но „принципы“ надо проводить „неукоснительно“. А, вѣдь, это дѣлается во имя *централизаціи* и раздѣленія труда. Я такъ долго остановился на постановкѣ пропаганды, потому что думаю, что это самая важная часть соціальдемократической работы. Надо, наконецъ, оглянуться!..

Еще одинъ поучительный примѣръ. Въ интересахъ раздѣленія труда, централизаціи руководства и проч. и проч., городъ раздѣлили на нѣсколько районовъ. Но умудрились это устроить такимъ образомъ, такъ „прямолинейно“, что окончательно исчезла всякая связь между районами и другъ для друга они — чуждыя страны, на въѣздъ въ которыя требуется спеціальная виза комитета. Опять таки: одинъ районъ можетъ быть потрясенъ и взволнованъ какими угодно событіями, чтобы другого это и не касалось. Такъ какъ одинъ районъ понятія не имѣетъ о потребностяхъ и нуждахъ другого, то между районными представителями передъ лицомъ комитета происходитъ форменный торгъ изъ за количества листковъ, брошюръ, людей и т. д. Комитетъ безсиленъ разобраться въ томъ, что и сколько кому, дѣйствительно, нужно, и въ результатѣ — самое несообразное раздѣленіе всѣхъ средствъ. Единственная связь между районами — это собраніе изъ представителей, но ихъ всего четырепять человѣкъ, районы же раскинуты на громадномъ разстояніи. Очевидно, для дѣйствительной связи собраніе ничего не даетъ.

Результаты на лицо. Въ организаціи растетъ угрожающе быстро „партикуляризмъ“, приходская политика, каждая группка живетъ для себя, конкуррируетъ съ другой. Развивается кружковщина, да, кружковщина, и гораздо худшая, чѣмъ былая! Кружокъ періода экономизма и кустарничества былъ хоть многостороннимъ и цѣлостнымъ организмомъ, кружокъ періода „политики“ и централизма — мертвый, гипертрофированный скелокъ дряхлаго тѣла.

Въ связи съ этимъ, нужно отмѣтить одно важное обстоятельство, бросающее яркій свѣтъ на характеръ мѣстной централизаціи. Это подчеркиваніе, и усиленное подчеркиваніе, мѣстными комитетчиками своей отвѣтственности передъ Ц. К. и полнѣйшее отсутствіе у нихъ сознанія какой-либо отвѣтственности передъ мѣстной организаціей. Являясь посланниками Ц. К., они всѣ взоры свои обращаютъ къ нему же; при малѣйшемъ конфликтѣ съ какимъ-либо учрежденіемъ внутри организаціи, они выходятъ побѣдителями, опираясь все на эту отвѣтственность. Спросите любого изъ нихъ, почему онъ противъ предоставленія тѣхъ или иныхъ правъ какимъ либо учрежденіямъ, и вы услышите: „какъ же мы можемъ это сдѣлать? Помилуйте, мы вѣдь несемъ такую отвѣтственность передъ Ц. К.“. Укажите ему, что прокламаціи плохи, невыдержаны, непопулярны, и настаивайте, вслѣдствіе этого, на иной организаціи ихъ выпуска, на необходимости поставить это дѣло подъ контроль организаціи, и вамъ отвѣтятъ: „если бы наши прокламаціи были невыдержаны, Ц. К. давно бы насъ раскассировалъ“. Стало быть... прокламаціи хороши. Неправда ли, доказательно? Словомъ, для комитетчиковъ Ц. К. все, а вся мѣстная организація, ропотъ рабочихъ, жалобы, недовольство и протесты ровно ничего или нестоящіе пустяки, разъ Ц. К. благосклонно молчитъ. Комитетчикъ такъ на себя смотритъ, что онъ въ „распоряженіи“ Ц. К. — сегодня онъ его сюда назначилъ, завтра онъ его отзоветъ. О томъ, что онъ въ распоряженіи мѣстной организаціи — онъ психологически и не склоненъ даже думать; скорѣе наоборотъ: все его положеніе, вся система централизаціи укрѣпляетъ его въ томъ убѣжденіи, что вся организація находится въ его распоряженіи. Ц. К. отдалъ ее ему для этого: „хочу надѣну, хочу раздѣну...“

Теперь легко понять, почему комитетъ и вся остальная организація — это всегда двѣ „стороны“, которыя находятся въ безпрерывномъ состязаніи. Примите во вниманіе, что вся организація построена на этомъ принципѣ исключительной отвѣтственности предъ высшими въ іерархической лѣстницѣ учрежденіями, и вамъ станетъ понятно, какъ это + раздѣленіе труда + централизація + дисциплина превращаютъ организацію въ какую-то груду политиканствующихъ, борющихся друъ съ другомъ дипломатовъ, больше занятыхъ всякого рода „упорядоченіями“, „объясненіями“, „розысканіями“, „внушеніями“ и тому подобной административной эквилибристикой, чѣмъ положительной соціальдемократической работой. Достаточно для подтвержденія указать на такой фактъ, что въ организаціи существуетъ большое количество лицъ, ни къ пропагандѣ, ни къ агитаціи, ни къ техникѣ, ни къ чему либо подобному неприкосновенныхъ, а *исключительно* занятыхъ чисто административной работой, какъ-то: передача и растолкованіе порученій, разслѣдованіе оппозиціи, собираніе текущаго статистическаго матеріала, разслѣдованіе объ отпавшихъ и испытаніе вновь приставшихъ, пріемъ распоряженій, сдача отчетовъ и... больше ничего.

Это ли не идеальное раздѣленіе труда?!

Вотъ въ такой сферѣ разыгралась и кончилась недавно война съ „меньшинствомъ“.

Долгое время Одесскій Комитетъ прикидывался, что все обстоитъ благополучно. Подъ нимъ масса волновалась, до него доходили неформальные протесты, кругомъ все гудѣло о расколѣ, а онъ себѣ сидѣлъ, далекій отъ трепещущей жизни и ни на что не взиралъ. „Искра“ была признана соблазнительной, „подпольная“ литература была спрятана подъ семью замками, всѣмъ роздано было приказаніе, не волнуя массы неосновательными слухами, строго слѣдить, не появляется ли гдѣ „меньшинство“. Нѣкоторое время была тишь да гладь. Но вотъ муравейникъ закопошился. Оказалось, что „меньшинство“ появилось и собирается „мутить“. Въ это время толки и волненія среди наиболѣе дѣятельныхъ и развитыхъ товарищей значительно усилились и, такъ какъ Комитетъ попрежнему оставался глухъ и нѣмъ, то естественно, что въ стремленіи узнать кое-что о партійныхъ событіяхъ, эти товарищи пошли по линіи наименьшаго сопротивленія и по собственной иниціативѣ устроили нѣсколько собраній, на которыхъ говорилъ представитель „меньшинства“. Нетрудно понять, что вся логика и безуміе предшествующаго поведенія Комитета неизбѣжно вели къ тому, что собранія эти становились „тайными“, совершались внѣ сферы недреманнаго ока комитетчиковъ, невольно окружались атмосферой преступнаго соблазна. Это еще болѣе всѣхъ взволновало и ничего не оставалось дѣлать — Комитетъ двинулся объяснять, что такое это „большинство“ и „меньшинство“. Отмѣчу здѣсь, что незадолго до этого появился въ Одессѣ 60-ый номеръ „Искры“ съ запросомъ одного одесскаго товарища и отвѣтомъ Мартова. Въ городскомъ районѣ первое же собраніе 16-ю голосами противъ четырехъ высказалось за устройство диспута. Рѣчь комитетскаго оратора, крѣпко настоенная на помрачающей злокозненности „меньшинства“, создала еще большую путаницу. И хотя Комитетъ раньше очень упорно отбивался отъ диспута, ссылаясь торжественно на то, что „меньшинство“ де не въ Партіи, а потому и разговаривать съ нимъ нечего, что оно сплошь состоитъ изъ анархистовъ и проч. и проч., все же и здѣсь жизнь прорвала плотину комитетской неприступности. Пришлось устроить и диспутъ. Такъ закипѣла борьба. Могла ли она быть для нашего Комитета чисто идейной? Достаточно вспомнить сказанное мною выше объ Одесскомъ Комитетѣ, чтобы отвѣтить отрицательно. Въ дальнѣйшихъ его „поступкахъ“ психологія осаднаго положенія выступила во всей своей непривлекательной наготѣ. Дѣйствительно, разъ Партія и не хочетъ, и боится *эволюціоннаго* характера идейной борьбы, идейной самозащиты, идейнаго объединенія и стремится придать всему этому характеръ *революціонный*, съ оттѣнкомъ инквизиціи, то само собой понятно, что она не столько заинтересована въ созданіи себѣ принципіально убѣжденныхъ и убѣждающихъ *сторонниковъ*, сколько въ фабрикаціи организаціонно подчиненныхъ *агентовъ*. Это обстоятельство поможетъ намъ понять дальнѣйшее поведеніе Одесск. Ком. въ борьбѣ съ „меньшинствомъ“. Когда Комитетъ ринулся въ бой, то оказалось, что симпатіи порядочнаго количества сознательныхъ рабочихъ въ той или иной степени перешли къ „меньшинству“. Остальная же масса организованныхъ рабочихъ къ тому времени стояла совершенно въ сторонѣ отъ этихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, Комитетъ оказался безъ всякой, за ничтожнымъ исключеніемъ, поддержки стоявшихъ подъ нимъ товарищей. Очевидно, что надежды на то, что когда надо будетъ сокрушить врага, „ёнъ достанетъ“, совершенно не оправдалась: пришлось орудовать „собственными средствіями“. И вотъ Комитетъ, болѣе четырехъ мѣсяцевъ не контролировавшій лично работу, связанный со всей организованной массой лишь тремя-четырьмя лицами, лишенными какой бы то ни было самостоятельности — этотъ Комитетъ открываетъ эпопею внезапныхъ и тайныхъ ревизій, чтобы розыскать всѣ нити и корни. Начинается рядъ допросовъ, слѣдствій за спинами лицъ, дѣятельность которыхъ контролируется, вносящихъ сильнѣйшую деморализацію въ ряды товарищей. Подрывается авторитетъ посланныхъ Комитетомъ же людей, какъ снѣжный комъ растетъ гора слуховъ, подозрѣній, сплетенъ... Ходишь и дѣйствуешь, точно почва подъ тобою минирована... Начинается дѣленіе товарищей на „своихъ“ и „не-своихъ“. Пущенная кѣмъ-то на бѣду фраза „къ чорту Комитетъ!“ вызываетъ вкупѣ съ прочими прегрѣшеніями цѣлое слѣдствіе объ оскорбленіи величества — словомъ Комитетъ „контролируетъ“! Въ этомъ „контролѣ“ ему помогаютъ два-три человѣка изъ „своихъ“. И, наконецъ, торжество! Корни и нити найдены! Судебно-административная кампанія заканчивается трескомъ изгнанія изъ отдѣльныхъ учрежденій и изъ всей организаціи разысканныхъ „меньшинствинцевъ“.

Сначала это дѣлалось Комитетомъ такъ, чтобы невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти, т. е. „меньшинствинецъ“ вылеталъ изъ организаціи за что угодно, кромѣ своихъ убѣжденій, но долго эту комедію играть нельзя было. Комитетъ окончательно рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не допускать *ни въ какое учрежденіе* отверженцевъ „меньшинства“. Духъ мѣстныхъ комитетчиковъ особенно возликовалъ, когда стало извѣстно, что въ Екатеринославѣ тоже повыкурили „анархистовъ“ — и тамъ стало совершенно „чисто“.

Во-истину по щедрински: „домой ѣзжалъ, народъ гонялъ, помпадуръ сажалъ, реформа кончалъ“.

Торжество по всей линіи!

* * *

Мы стоимъ передъ серьезнымъ моментомъ. Логика „твердыхъ“ неумолимо толкаетъ Партію къ формальному расколу. Не даромъ они стремятся къ созыву третьяго съѣзда. Система выкидыванія освящается такимъ оплотомъ „твердыхъ“, какъ Од. Ком. Здѣсь геній „твердыхъ“ находитъ себѣ наивысшее воплощеніе. Мѣстныя власти служатъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Видитъ ли все это Ц. К.? Понимаетъ ли онъ, что политика исключенія является грубымъ попирательствомъ всѣхъ нашихъ объединительныхъ стремленій, что она грозитъ Партіи неисчислимыми бѣдствіями, что слабо тлѣющая теперь искра дѣятельности[1]) можетъ при такомъ положеніи дѣлъ совершенно затухнуть. Были у насъ времена, когда кипѣла борьба съ экономистами и „кустарями“. Каковы бы ни были тогда мѣры административнаго воздѣйствія, онѣ никогда не доходили до тѣхъ геркулесовыхъ столбовъ бюрократизма, до которыхъ онѣ дошли теперь. Но экономизмъ и оппортунизмъ для тогдашнихъ соціальдемократовъ былъ гораздо страшнѣе нынѣшняго „оппортунизма“ и „экономизма“ „меньшинства“ — и все же шла совмѣстная практическая работа, все же въ жертву этой борьбѣ не отдавались насущныя нужды движенія. Что же, теперь это уже не годится? Что случилось? Одесскій Комитетъ въ своей резолюціи говоритъ, что „меньшинство“ боролось сначала за власть, а потомъ уже при помощи власти. Но, вѣдь, когда въ періодъ борьбы съ экономизмомъ васъ упрекали въ „административномъ воздѣйствіи“ вы съ благороднымъ негодованіемъ отвергали эти упреки, подчеркивая исключительно идейный характеръ вашихъ поступковъ, а теперь вы сами что-то не совсѣмъ по „идейному“, а все болѣе насчетъ власти. Выходитъ, какъ видите, что и тогда вы боролись за власть, чтобы потомъ бороться уже при помощи власти. Или это невѣрно? Въ настоящій критическій моментъ, переживаемый Россіей, внутри нашей Партіи мы переживаемъ полнѣйшее затишье въ положительной работѣ, размѣры которой просто ничтожны. И надо быть яростными бюрократами, слѣпыми поклонниками властной руки, чтобы въ такіе моменты тормозить мѣстную работу позорнѣйшимъ походомъ на „меньшинство“.

Фактически политика исключенія ведетъ къ тому, что множество товарищей совершенно лишается возможности работать для движенія. Что дѣлать человѣку, выкинутому изъ мѣстной организаціи, если онъ, по условіямъ заработка или семьи, не можетъ перекочевать въ другой городъ? Не всѣ же наши работники профессіональные революціонеры! Что дѣлать всѣмъ активнымъ поднадзорнымъ, если они, боже упаси, станутъ „меньшинствинцами“ и не захотятъ поѣхать нелегальными въ другой городъ? Раньше вопросы эти рѣшались проще. Въ городѣ возникала новая организація, куда входили всѣ недовольные элементы. Ну, а теперь какъ? Неужели этотъ вопросъ не возникаетъ у представителей „большинства“? И развѣ не ясно, что тутъ явное провоцированіе или раскола въ видѣ двухъ параллельныхъ комитетовъ или наихудшихъ формъ кустарничества, за которое неизбѣжно уцѣпятся всѣ товарищи, не желающіе подвергнуться революціонному оскопленію. Развѣ это не наихудшій методъ „усѣченія истины“ — создать организацію, въ которой не будетъ ни одного человѣка, отъ котораго можно будетъ услышать иное мнѣніе о существенныхъ вопросахъ организаціи, тактики и программы? Развѣ эта своеобразная черта осѣдлости, устраиваемая „меньшинству“, не уничтожитъ въ корнѣ того распредѣленія силъ, къ которому, повѣримъ, такъ искренно стремится Ц. К.? Развѣ, вмѣстѣ съ территоріальнымъ раздѣленіемъ, не ухудшатся въ значительной степени конспиративныя условія для массы легальныхъ товарищей, для которыхъ „черта осѣдлости“, устроенная „меньшинству“, будетъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ черта осѣдлости правительства для евреевъ-революціонеровъ?

Развѣ не останется за бортомъ множество работниковъ евреевъ, еще не перешедшихъ на нелегальное положеніе, вслѣдствіе того, что почти всѣ „меньшинствинскіе“ города находятся внѣ правительственной черты осѣдлости? Развѣ не создается окончательное психологическое отчужденіе одной части отъ другой (вспомните Бундъ), развѣ не съузится поле наблюденія, не возникнетъ деморализующая конкурренція... Надъ всѣми этими вопросами не мѣшало бы поразмыслить всѣмъ и Ц. К. въ особенности. Мы же думаемъ, что если политика выкуриванія будетъ продолжаться, то въ Партіи создастся затяжной кризисъ, выходъ изъ котораго трудно предугадать. Пока же работа совершенно парализуется — и Одесса тому примѣръ. Вокругъ да около организаціи ходитъ множество народу, лишеннаго дѣла, вышибленнаго изъ колеи современнымъ кризисомъ. Въ поискахъ за какой-нибудь революціонной работой, эти люди, привязанные тѣми или иными обстоятельствами къ данному мѣсту, снуютъ отъ одного знакомаго къ другому, покуда они, наконецъ, не попадаются, унося съ собою въ тюрьму озлобленіе за это проклятое безцѣльное шатаніе, вызванное этимъ крѣпколобымъ бюрократизмомъ.

Характернѣйшимъ явленіемъ переживаемаго нами кризиса служитъ то, что сравнительно много лицъ, одаренныхъ пропагандистскими или агитаторскими способностями, бѣгутъ вонъ отъ живой непосредственной работы въ массахъ къ „техникѣ“, спасаясь, такимъ образомъ, отъ удушающей атмосферы внутри нашихъ организацій.

Мѣстному Комитету легко обвинять насъ въ дезорганизаціи, жаловаться на то, что *мы* ему не дали устроить майскій праздникъ, но мы знаемъ, что Комитетъ все время былъ занятъ разслѣдованіемъ корней и нитей, что онъ совершенно отвернулся отъ практической работы, что тратилъ и тратитъ большія средства все на эту борьбу съ „меньшинствомъ“, что въ самый критическій моментъ, когда выхватили лучшихъ работниковъ, а другіе должны были спасаться бѣгствомъ, онъ затѣялъ этотъ позорный походъ противъ крамолы, страшно взбудораживъ массу, отвлекъ всѣхъ отъ положительной работы... „Мы“ имъ мѣшаемъ творить положительную работу! Ахъ, какъ хорошо было бы, если бы насъ не было — и вотъ, гони ихъ въ шею! Да, мы собираемся имъ помѣшать въ ихъ позорной политикѣ! Мы призываемъ всѣхъ товарищей, какое бы мѣсто въ организаціи они не занимали, всѣми мѣрами протестовать противъ новѣйшей организаціонной политики. Пусть же протесты будутъ услышаны всѣми, кто интересуется жизнью Партіи, пусть они будятъ спящихъ и выведутъ изъ бюрократическаго столбняка бодрствующихъ. Пользуйтесь всѣми подходящими случаями, чтобы эти протесты стали и громче, и шире, и глубже. Не оставляйте, товарищи, разрѣшеніе волнующихъ васъ вопросовъ въ исключительное вѣдѣніе двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ высшихъ учрежденій и комитетовъ, хотя бы эти лица и обладали весьма бойкими перьями, а сами въ цѣломъ рядѣ собраній выносите на свѣтъ божій ваши мнѣнія. Въ тяжелую годину раздоровъ въ верхахъ, мощное слово съ низовъ можетъ многое сдѣлать. Покажите, что Партія это не тѣсный союзъ заговорщиковъ, рѣшающій за всѣхъ, а широкая организація, въ которой общественное мнѣніе играетъ и должно играть свою великую роль. И тогда дѣло введенія партійной жизни въ нормальное русло подвинется впередъ значительно быстрѣе.

Ст. И.

---

[1]) По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, упразднительная дѣятельность Екатеринославскаго Комитета уже привела къ полному затишью въ мѣстной революціонной жизни. *Ред.*

Заявленіе Сибирскаго Союза.

Товарищи! На съѣздѣ, какъ извѣстно, не произошло никакихъ существенныхъ принципіальныхъ разногласій¹). Меньшинство откололось отъ большинства по вопросу о выборѣ въ центры и отчасти по вопросу о соотношеніи Ц. О. и Ц. К. Но и этотъ послѣдній вопросъ тоже не можетъ считаться принципіальнымъ, такъ какъ онъ дебатировался на съѣздѣ именно какъ вопросъ практической цѣлесообразности съ точки зрѣнія того или другого субъективнаго отношенія къ личному составу центровъ. Но вотъ съѣздъ закончился. Меньшинство, „недовольное составомъ центровъ“, составило оппозицію въ партіи; разъѣхавшіеся сторонники этого меньшинства начали горячую агитацію противъ партійнаго большинства. Ц. О., благодаря непонятной намъ слабости т. Плеханова, вскорѣ оказался въ рукахъ партійнаго меньшинства. Только съ этого времени и начинается дѣйствительная смута въ нашей партіи.

Имѣя въ рукахъ своихъ такое могучее орудіе агитаціи, какъ Ц. О., „меньшинство“ сумѣло воспользоваться имъ въ *своихъ* видахъ, но не съ цѣлью водворенія мира въ партіи, о чемъ оно такъ громко говорило и говоритъ до сихъ поръ. „Терпимость“ — лозунгъ, провозглашенный на съѣздѣ „меньшинствомъ“ въ спорахъ о выборѣ въ центры, со съѣзда былъ перенесенъ внутрь широкой массы партійныхъ работниковъ, какъ *принципіальное* разногласіе. Въ номерахъ „Искры“, перешедшей въ руки меньшинства, стремленіе придать бывшимъ разногласіямъ принципіальный характеръ сразу же приняло довольно опредѣленный видъ. Это былъ не прямой, открытый натискъ на противника, а окольное, обходное дискредитированіе „большинства“ въ глазахъ дѣйствующихъ товарищей, мало или почти совсѣмъ не освѣдомленныхъ о характерѣ столкновенія на съѣздѣ. Призывъ къ умѣренности прозвучалъ внутри партіи, не разглядѣвшей *еще* и не понявшей причины такого поворота, рѣзкимъ диссонансомъ со всѣмъ прошлымъ искровской борьбы и заставилъ поднять голову всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе несогласенъ былъ съ „догмой“ ортодоксіи. Для широкой массы дѣйствующихъ товарищей этотъ призывъ былъ ошеломляющей неожиданностью, ибо она только что восприняла изъ того же источника спасительную строгость къ себѣ и другимъ.

Это была первая вступительная нота. Но и тутъ связь между „большинствомъ“ или, вѣрнѣе, позиціей большинства на съѣздѣ и „собакевическими“ пріемами организаціонной политики (къ чему очень скоро агитація „Искры“ свела „нетерпимость“) была чисто формальной.

Строгость отношенія при выборѣ въ центры или стремленіе обезпечить твердый искровскій курсъ въ Ц. К., съ одной стороны, и „прямолинейные“, „собакевическіе“ пріемы въ организаціонныхъ отношеніяхъ нерѣдко встрѣчаемые въ практикѣ нашихъ комитетовъ и обусловливаемые, конечно, общей слабостью и неумѣлостью партійныхъ работниковъ — съ другой стороны, — это два явленія совершенно разнаго порядка, связать которыя возможно лишь формально, но не фактически. Конечно, „собакевическіе“ пріемы могли проявиться и на съѣздѣ, но объ этомъ мы ровно ничего не слыхали, да и не всѣ детали борьбы на съѣздѣ могли дойти до нашего слуха (припомнимъ заботливое соображеніе „Искры“ объ особаго рода „интерференціи“ въ № 53). А не зная всѣхъ деталей борьбы на съѣздѣ, масса дѣйствующихъ товарищей въ Россіи не можетъ, конечно, и рѣшить, была ли „большинствомъ“ при выборѣ въ центры проявлена вполнѣ законная и необходимая строгость или „собакевическій“ пріемъ?

Въ такое время, когда строгость отношенія къ своимъ принципамъ далеко еще не окрѣпла въ нашей партіи, провозглашеніе принципа терпимости вообще (хотя потомъ и противопоставляемаго „собакевическимъ пріемамъ“ въ организаціонномъ дѣлѣ) болѣе чѣмъ опасно. Вмѣсто благодѣтельнаго воздѣйствія и исправленія дѣйствующихъ организацій въ дѣлѣ внутри-партійныхъ отношеній, „терпимость“, провозглашенная *такимъ образомъ*, могла бы скорѣе всего снова, какъ прежде, — хоть на время и въ совершенно иномъ образѣ — толкнуть теорію на жертву практикѣ. Вѣдь то, что „терпимо“ съ точки зрѣнія оппортюнизма, нерѣдко является преступленіемъ съ точки зрѣнія ортодоксіи, а то, что оппортюнистъ назоветъ „собакевическимъ пріемомъ“, съ точки зрѣнія ортодоксіи, будетъ спасительной строгостью!

Принципъ „терпимости“, провозглашенный ради оправданія поведенія меньшинства на съѣздѣ и дискредитированія позиціи большинства, широко растворилъ ворота въ партію раньше, чѣмъ *руководящіе центры надѣлили* эту послѣднюю революціонно-критическимъ масштабомъ.

Но разъ задавшись цѣлью во что бы то ни стало дискредитировать большинство въ глазахъ партіи и не имѣя возможности прямо изобразить позицію этого большинства въ видѣ позиціи Собакевича, меньшинство, или „Искра“, стало выискивать, подхватывать и раздувать многочисленные промахи и дефекты россійскихъ комитетовъ и совершенно *произвольно* связывать ихъ съ позиціей большинства на съѣздѣ.

Дѣло велось и ведется до сихъ поръ слѣдующимъ образомъ: Большинство, образовавшееся на съѣздѣ, не задѣвается прямо... Прочитавъ въ „Искрѣ“ ту или иную принципіальную статью, читатель видитъ лишь промахи и ошибки того или иного комитета. Многіе изъ этихъ промаховъ, въ сущности, не стоятъ ужь слишкомъ большого вниманія, какое, однако, удѣляется имъ „Искрой“... Достаточно было отмѣтить, спокойно разъяснить, и ошибка, вѣроятно, навсегда была бы устранена. И добивайся меньшинство *только* исправленія этихъ дефектовъ, не имѣй оно, кромѣ этого, никакой иной цѣли, въ „Искрѣ“ никогда не проявилось бы такой переоцѣнки важности разныхъ „ошибокъ“ и столько страстности по отношенію къ пустымъ мелочамъ.

Но въ томъ то и дѣло, что въ интересахъ меньшинства представить эти мелочи въ чудовищномъ видѣ, напугать партію призракомъ выростающей „ереси“, назвать эту „ересь“ „утопическимъ“, „бюрократическимъ“ и т. п. централизмомъ и незамѣтно, чисто словесно-внѣшнимъ путемъ связавъ свою критику съ позиціей большинства на съѣздѣ, взвалить, такимъ образомъ, на шею послѣдняго всѣ „грѣхи“, изловленные „Искрой“ въ обширномъ морѣ партійной жизни.

Читатель, внимательно просматривающій въ „Искрѣ“ одну статью за другой, не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе хороши, что придраться совершенно не къ чему, но что всѣ онѣ, разсуждая о различныхъ дефектахъ партійной практики, мимоходомъ, между строкъ, болѣе или менѣе ясно указываютъ на какого то главнаго виновника настоящаго „грѣхопаденія“, оставшагося гдѣ-то позади... на съѣздѣ.

Такъ шагъ за шагомъ — не путемъ логики, а путемъ словеснаго внушенія — читатель приходитъ къ вѣрѣ... въ „грѣхопаденіе“ большинства и настраивается оппозиціонно, чего только и добивается меньшинство. Какъ будто именно большинство — одна часть партіи, а не вся партія въ цѣломъ, виновна и отвѣтственна въ принципіальной и практической слабости россійской соціальдемократіи!

Большинство, вѣроятно, не менѣе горячо стало бы бороться противъ тѣхъ ошибокъ и заблужденій россійской соціальдемократіи, противъ которыхъ теперь ратуетъ „Искра“. Не имѣя иной цѣли, кромѣ скорѣйшаго исправленія этихъ ошибокъ, оно только не стало бы раздувать значенія разныхъ мелочей и словесныхъ ляпсусовъ. Отъ подобнаго раздуванія не уберегся даже такой старый, испытанный и сдержанный товарищъ, какъ П. Б. Аксельродъ. Въ его интересной статьѣ въ № 55 „Искры“ есть одно (и даже не одно) мѣсто, гдѣ, ухватившись за употребленное однимъ комитетомъ неудачное слово „повиновеніе“, товарищъ Аксельродъ указываетъ на него, какъ на наивно формулированную объективную тенденцію нашей практики къ командованію и только къ командованію, иначе говоря — къ бюрократическому централизму, отрывающему верхи отъ низовъ. Это называется изъ мухи сдѣлать слона! Но вѣдь повиноваться можно не только *изъ подъ палки*, но и *добровольно, по убѣжденію!*

Если такой осторожный товарищъ, какъ П. Б. Аксельродъ, подъ давленіемъ своихъ субъективныхъ тенденцій, не могъ объективно взглянуть на многіе факты партійной жизни, то о другихъ нечего и говорить... Начиная съ 52 номера до послѣдняго, „Искра“ наполнена выискиваніемъ доказательствъ „прямолинейности“, „собакевическихъ пріемовъ“, „бюрократически полицейскихъ отношеній“ и т. п., и такъ какъ въ Россійской Соц.-Дем. Партіи, опирающейся на массы, но далеко еще не окрѣпшей принципіально, грѣховъ и проступковъ, пока что, можно найти вдоволь, особенно въ сферѣ организаціонной политики, то немудрено, что „Искрѣ“ удалось уже много и много разъ... иллюстрировать обрисованный нами выше стремительный методъ доказательства того господства „бюрократическаго централизма“ въ нашей партіи, которое ведетъ свое начало отъ... „первороднаго“ грѣхопаденія большинства на съѣздѣ.

Въ статьѣ „На очереди“ (№ 63) тов. Л. М. пробуетъ, впрочемъ, нѣсколько исправить дѣло, заявляя, что „не все зло цѣликомъ воплощено въ такъ называемомъ большинствѣ съ тов. Ленинымъ и Ц. К. во главѣ“, но эта поправка ничуть не заставляетъ его отказаться отъ прежней политики. Съ приводимыми имъ анекдотическими фактами изъ жизни нѣкоторыхъ россійскихъ комитетовъ невидимо связывается и большинство, и тов. Ленинъ, и Ц. К.

Фактовъ, свидѣтельствующихъ о принципіальной слабости и практической неумѣлости россійской соціальдемократіи, безъ особаго труда можно выловить достаточно. А изобразить ихъ болѣе или менѣе „живописно“ — и еще того легче. Но ни существованіе этихъ фактовъ, ни появленіе такихъ „сторонниковъ“ большинства, съ которыми ни большинство, ни меньшинство не можетъ согласиться, не доказываетъ, однако, что позиція большинства на съѣздѣ была „еретической“. А развѣ у меньшинства мало найдется такихъ же „сторонниковъ“? Къ сожалѣнію, въ рукахъ „Искры“ — партійный органъ, въ рукахъ Ц. К. не имѣется этого могучаго орудія агитаціи; если бы условія борьбы въ этомъ отношеніи были одинаковы, многіе, вѣроятно, увидѣли бы, сколько еще худшихъ еретиковъ на сторонѣ меньшинства, широко открывшаго двери въ партію своимъ провозглашеніемъ „терпимости“.

„Утопическій централизмъ“, какъ особая система организаціонной политики, существуетъ *только* въ головахъ партійнаго меньшинства, стремящагося во что бы то ни стало оправдать свою „позицію“ на съѣздѣ и свою „оппозицію“ послѣ съѣзда.

Противъ погрѣшностей въ организаціонной тактикѣ, вполнѣ естественныхъ въ настоящее время въ нашей партіи, слѣдуетъ бороться, но не слѣдуетъ ради субъективныхъ цѣлей „очень узкаго кружка лицъ“ превращать эти погрѣшности въ чудовище, стараясь такимъ пріемомъ *искусственно* углубить существующія несогласія въ партіи.

Для большей ясности мы заявляемъ, что, стоя вполнѣ на сторонѣ большинства, образовавшагося на съѣздѣ, и вполнѣ понимая ту осторожность при выборахъ въ центры, которую выказало при этомъ большинство, мы, однако, совершенно не признаемъ того „утопически-бюрократическаго“ централизма, который „Искра“ хочетъ во что бы то ни стало навязать на шею большинства. Централистическая организація не есть мертвая машина, которую одинъ вырванный изъ нея винтикъ дѣлаетъ негодной..; нѣтъ, это живой организмъ, находящійся въ постоянномъ движеніи, постоянно растущій вглубь и вширь... Основа такой организаціи лежитъ въ массахъ пролетаріата.

Если въ настоящее время большинство „верховъ“ этой организаціи составляетъ еще соціалистическая интеллигенція, то ближайшей нашей задачей должно стать — замѣна большинства „верховъ“ изъ интеллигенціи большинствомъ изъ сознательнаго пролетаріата. Поэтому, квинтъ эссенціей всей нашей работы должна быть агитація и пропаганда соціальдемократическихъ идей *въ массахъ пролетаріата*. Самый типъ централистической организаціи долженъ быть таковымъ, какой наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ успѣшное выполненіе этой основной задачи.

При этомъ, однако, мы и не думаемъ провозглашать „терпимость“, какъ это сдѣлала „Искра“, ибо строгое отношеніе какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, и въ настоящее время (и во всякое другое будетъ) безусловно необходимо. Но это не означаетъ также и того, что мы сторонники той каррикатурной „нетерпимости“, которую такъ старательно выискиваетъ „Искра“, стараясь взвалить практическую неумѣлость соціальдемократическихъ работниковъ на плечи большинства. Мы знаемъ, что умѣлая тактика въ организаціонныхъ отношеніяхъ не дается „сразу“ — ни провозглашеніемъ „нетерпимости“, ни провозглашеніемъ „терпимости“, а вырабатывается долгимъ упорнымъ трудомъ на практикѣ организаціонной работы.

Своей критикой, не формулирующей ясно разногласій большинства и меньшинства, „Искра“ только разжигаетъ страсти, не убѣждая ни ту ни другую сторону. Отъ такой „критики“ смута только растетъ, а не уничтожается.

Каковъ же выходъ изъ этого тяжелаго положенія?

Ц. К. говоритъ — III съѣздъ... „Искра“ возражаетъ: 1) Въ такое время, какъ теперь (война), работниковъ нельзя отвлекать. 2) III съѣздъ не приведетъ ни къ какимъ результатамъ, ибо никто еще хорошенько не ознакомился съ результатами второго съѣзда.

Все это безусловно вѣрно; но гдѣ же „Искра“ указываетъ выходъ? Съѣздъ нельзя, но что же можно?

Энергичная и дружная работа, отвѣчаетъ „Искра“. Но, вѣдь, все увеличивающаяся смута, не позволяя работать вмѣстѣ, парализуетъ энергію... Слѣдовательно, прежде всего нужно уничтожить причины этой смуты... Но какъ? Вмѣсто прямого отвѣта „Искра“ твердитъ одно: съѣзда нельзя и нельзя.

Въ такомъ *не-отвѣтѣ* скрыто стремленіе *силой необходимости* заставить большинство склониться передъ меньшинствомъ. Но, вѣдь, это физическая сила, а не убѣжденіе, да и едва ли такая уловка достигнетъ результата. Обѣ стороны не захотятъ уступить, а, тѣмъ болѣе, одна изъ сторонъ. Вопросъ — что же дѣлать — остается во всей своей силѣ.

Ни „Искра“, да и никто другой, едва-ли укажетъ иной выходъ, кромѣ III съѣзда. Указаніе на то, что большинство партійныхъ работниковъ слишкомъ еще мало освѣдомлено о II съѣздѣ, совершенно правильно. Но изъ этого одинъ выводъ: немедленное и широкое освѣдомленіе партіи о всѣхъ перипетіяхъ борьбы на второмъ съѣздѣ. А именно это-то „Искра“ менѣе всего и дѣлаетъ.

Поэтому, признавая меньшинство („Искру“) *главнымъ* виновникомъ все растущей смуты внутри партіи, смуты, которая парализуетъ дружную, энергичную и планомѣрную работу, мы, *не видя иного выхода*, всецѣло присоединяемъ свой голосъ къ заявленію представителей Ц. К.¹) о скорѣйшемъ созывѣ третьяго общепартійнаго съѣзда. Необходимымъ условіемъ такого созыва должно стать: немедленное и широкое ознакомленіе всѣхъ дѣйствующихъ организацій съ результатами II съѣзда.

Сибирскій Союзный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Май 1904 г.

---

¹) Если не считать § 1 устава.

¹) „Представители“ Ц. К. не были уполномочены послѣднимъ заявлять о желательности съѣзда. *Ред.*

Резолюція Тверского Комитета, единогласно принятая на общемъ собраніи Комитета 3 мая 1904 г.:

Полемическій отвѣтъ тов. Л. М. (въ № 60 Ц. О.) на резолюцію Тверского Комитета о современныхъ задачахъ Партіи (№ 60 Центр. Орг.), затрагивая очень важные вопросы партійной организаціи, рѣшаетъ ихъ мимоходомъ въ такомъ анти-организаціонномъ и анти-партійномъ направленіи, что вызываетъ необходимостъ самаго рѣшительнаго протеста.

Дѣло идетъ прежде всего о томъ, кто и при какихъ условіяхъ имѣетъ право выпускать литературныя произведенія съ оффиціальнымъ заголовкомъ и лозунгомъ Партіи на обложкѣ. Тверской Комитетъ выразилъ недоумѣніе, какимъ образомъ брошюра тов. Троцкаго „Отчетъ сибирской делегаціи“, брошюра, проникнутая явнымъ неуваженіемъ къ высшему органу Партіи — ея съѣзду — и переполненная нетоварищескими пріемами полемики, могла появиться подъ фирмой *Партіи*, и просилъ сообщить ему, означаетъ ли это, что брошюра вышла съ одобренія редакціи Ц. О. или это просто фальсификація. Тов. Л. М. разъясняетъ, что одобренія Ц. О. здѣсь вовсе и не требовалось, что тов. Троцкій имѣетъ право собственной властью писать подъ фирмой Партіи. Разъясненіе Л. М. представляетъ изъ себя либо явное и грубое недоразумѣніе, либо отрицаніе основныхъ принциповъ *всякой* партійной организаціи. Все, что выходитъ подъ именемъ и лозунгомъ Партіи, лежитъ на отвѣтственности Партіи, какъ цѣлаго. Поэтому, пользоваться этимъ именемъ и лозунгомъ могутъ только законные органы Партіи, когда они дѣйствуютъ въ предѣлахъ своей установленной компетенціи. Такъ, подъ фирмой Партіи мѣстные комитеты могутъ выпускать изданія, имѣющія мѣстное значеніе; центральныя учрежденія — также изданія, имѣющія значеніе общепартійное. Это до сихъ поръ считалось общеизвѣстнымъ, и, напр., письмо тов. Ленина, напечатанное безъ одобренія редакціи Ц. О., появилось безъ *общепартійнаго* заголовка. Имя и лозунгъ Партіи не должны примѣняться „распивочно и на выносъ“. Даже не сочувствуя направленію нашего Ц. О., всѣ мы *должны* нести свою долю отвѣтственности за его характеръ и содержаніе; это понятно и справедливо: всякая партія имѣетъ такой органъ, какого заслуживаетъ; и мы дожны мириться съ такимъ положеніемъ до слѣдующаго съѣзда. Но мы не хотимъ нести отвѣтственность за все, что угодно будетъ напечатать товарищу Троцкому. Онъ имѣетъ право пользоваться фирмой Партіи только въ предѣлахъ своей партійной функціи, напр., какъ законный делегатъ Сибирскаго Союза, онъ могъ поставить партійный заголовокъ на томъ докладѣ, который представилъ непосредственно Сиб. Союзу, но не на брошюрѣ на ту же тему, выпущенной въ свѣтъ¹).

Выражаемъ свое удовольствіе, что, судя по заявленію тов. Л. М., мы не ошиблись — предположенная нами фальсификація (неумышленная), дѣйствительно, имѣлась въ данномъ случаѣ.

Другой организаціонный вопросъ, котораго коснулся товарищъ Л. М., есть вопросъ о товарищескихъ отношеніяхъ въ партійной прессѣ. Наше замѣчаніе о нетоварищескихъ пріемахъ полемики тов. Троцкаго тов. Л. М. считаетъ вполнѣ однороднымъ съ прежними нападками на „Искру“ за ея нетоварищескую полемику съ „экономистами, террористами, народниками, націоналистами“. Изъ этого сопоставленія съ очевидностью слѣдуетъ, что т. Л. М. считаетъ отношенія нынѣшняго „большинства“ и „меньшинства“ принципіально тождественными тѣмъ отношеніямъ, которыя существовали между соціальдемократами съ одной стороны и экономистами и террористами и т. д. — съ другой. Спѣшимъ разъяснить тов. Л. М., что разница существуетъ: „экономисты, террористы“ и т. д. не были *товарищами* соціальдемократовъ по организаціи и даже по основному направленію, а „большинство“ и „меньшинство“, какъ предполагается, составляютъ одну партію.

Мы предполагаемъ здѣсь со стороны т. Л. М. полемическую обмолвку. Если же нѣтъ, то получается такая дилемма: либо тов. Л. М. считаетъ всѣхъ одинаково „товарищами“ соціальдемократовъ, и экономистовъ, и народниковъ и т. д., тогда онъ — освобожденецъ и долженъ открыто заявить объ этомъ; либо онъ насъ, представителей партійной лѣвой, считаетъ настолько же не-товарищами, насколько для него не-товарищи народники, экономисты и т. д., и опять таки это надо сказать прямо, а не намеками.

Примѣчаніе. Въ программной статьѣ новой редакціи Ц. О. (въ № 52) „Чего не дѣлать?“²) говорится: „Очень смѣшны и, если хотите, жалки тѣ мягкотѣлые люди, которые вотъ уже много лѣтъ... плаксиво рекомендуютъ намъ „товарищескіе пріемы полемики“. Почему смѣшны? *Только потому*, что они по своей политической наивности хотятъ навязать намъ въ товарищи такихъ „товарищей“, которые совсѣмъ не способны итти съ нами по одной дорогѣ... Неумѣстная же рѣзкость достойна скорѣе Собакевича, чѣмъ „ортодоксальнаго“ соціальдемократа. Что касается Тверского Комитета, то онъ высказался отнюдь даже не противъ рѣзкости, а противъ неприличнаго тона.

Тверской Комитетъ выражаетъ надежду, что редакція, помѣстившая отъ своего имени статью „Чего не дѣлать?“, поможетъ Тверскому Комитету разъяснить тов. Л. М. его ошибку.

Помимо всего этого, нехорошо то, что тов. Л. М. въ своемъ отвѣтѣ Тверскому Комитету подмѣняетъ его мысли другими, которыя Т. К. вовсе не высказывалъ. Онъ спрашиваетъ, какимъ образомъ Т. К., высказываясь за свободный обмѣнъ мнѣній въ Партіи, могъ протестовать противъ опубликованія брошюры тов. Троцкаго. Т. К. вовсе не протестовалъ противъ *опубликованія* брошюры: онъ протестовалъ противъ *злоупотребленія фирмой Партіи*. Подъ *своей* фирмой т. Троцкій имѣетъ право опубликовывать, что ему угодно, и тогда никакіе пріемы полемики въ брошюрѣ не вызвали бы протеста со стороны Тверского Комитета.

Въ виду всего изложеннаго, Тверской Комитетъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что не получилъ *серьезнаго* отвѣта на свою резолюцію.

Тверской Комитетъ проситъ редакцію напечатать и эту резолюцію.

Тверской Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

4 мая 1904 г.

---

¹) „Брошюра“ Троцкаго и есть его докладъ Сибирскому Союзу, и вотъ почему я считалъ его вправѣ печатать этотъ докладъ подъ фирмой Партіи. Л. М.

²) „Новой“ редакція „Искры“ стала только съ № 53.

Резолюція собранія организаторовъ Сормовскаго завода. „Обсуждая вопросъ о партійной дисциплинѣ и о подчиненіи меньшинства большинству во всѣхъ вопросахъ, мы пришли къ слѣдующему глубокому убѣжденію: что въ интересахъ партіи необходимо безусловное подчиненіе меньшинства большинству во всѣхъ рѣшеніяхъ, и всякую попытку меньшинства противодѣйствовать проведенію этихъ рѣшеній въ практической дѣятельности или отказъ отъ работы мы считаемъ дезорганизаторской работой и порицаемъ ее, а таковыхъ работниковъ считаемъ дезорганизаторами и анархистами, вредными для партійнаго единства. Но для выясненія возникающихъ въ Партіи разногласій мы признаемъ необходимой свободу идейной борьбы съ тѣмъ, чтобы эта борьба не вызывала дезорганизаціи или уклоненія отъ работы со стороны меньшинства и недовольныхъ элементовъ. Просимъ помѣстить эту резолюцію въ печати“.

Письмо въ „Искру“.

Прочитавъ въ № 184 „Послѣднихъ Извѣстій“ „Письмо въ редакцію“, а затѣмъ въ № 68 „Искры“ замѣтку „Можетъ ли это быть?“, я нахожу необходимымъ заявить слѣдующее:

Товарищъ-бундовецъ, вынося, — какъ онъ выражается, — „этотъ грязный поступокъ въ печать“ съ благимъ намѣреніемъ оповѣстить товарищей о жестокосердіи и преступности Иркутскаго Комитета, позабылъ, однако, объ одномъ обстоятельствѣ, о которомъ не слѣдовало бы ему забывать. По его письму можно заключить, что, *надѣясь* на помощь Ирк. Ком. и *нежданно* получивъ отказъ, онъ этимъ чуть было не былъ преданъ въ руки полиціи.

Это не совсѣмъ такъ. Отказъ въ помощи не былъ неожиданностью для тов. бундовца. Прежде, чѣмъ бѣжать, онъ благоразумно посовѣтовался съ однимъ изъ ссыльныхъ своей колоніи, близко стоявшимъ къ Ирк. Ком. Этотъ товарищъ совершенно ясно и опредѣленно предупредилъ его, что помощи отъ Ирк. Ком. въ данное время ожидать нельзя, ибо, благодаря наплыву массы бѣгущихъ, не только *всѣмъ*, но и тѣмъ немногимъ лицамъ, которые указаны ему центральными учрежденіями, онъ не всегда въ состояніи помочь. Къ тому же времени, когда тов. бундовецъ предпринялъ свой побѣгъ, Ирк. Ком. терпѣлъ одинъ уронъ за другимъ отъ жандармскаго нашествія. Объ этомъ также тов. бундовецъ былъ предупрежденъ своимъ собесѣдникомъ. Ему было объяснено, что черезъ г. Иркутскъ за послѣднее время бѣжитъ такая масса народа, что не только бундовцы, но и самые опредѣленные искровцы не получаютъ помощи, ибо силы Ирк. Ком. слишкомъ ограничены.

Не входя въ такія разсужденія, нѣкоторые обыватели, „широко“ смотрящіе на вещи, а за ними с.-р-ы, давнымъ-давно уже обвиняли Ирк. Ком. въ „узости“ и „безсердечности“. Причина этому та, что Комитетъ сталъ *устраивать побѣги* лишь тѣмъ, кого указывалъ ему центръ, т. е., естественно, лишь членамъ Партіи, и то въ очень ограниченномъ числѣ. Въ тѣхъ же случаяхъ (очень нерѣдкихъ), когда онъ *не могъ оказать помощи* неожиданно прибывающимъ бѣглецамъ, тѣ же самыя лица стали утверждать, что *и помогаетъ* онъ лишь только искровцамъ. То же самое повторилъ и тов. бундовецъ, котораго, однако, не должны были ввести въ заблужденіе рѣчи посредниковъ (очень хорошо мнѣ извѣстныхъ и не имѣющихъ почти никакого касанія къ организаціи), т. к. онъ слышалъ разъясненіе отъ товарища, близко стоявшаго къ Иркутской организаціи.

Организаціи, которая *должна* исполнять свои боевыя обязанности, на территоріи которой разыгрались военныя дѣйствія, черезъ которую бѣгутъ десятки лицъ, легко бросить обвиненіе въ „недостойномъ революціонеровъ образѣ дѣйствій“, но лишь въ томъ случаѣ, если смотрѣть на дѣло очень просто, съ точки зрѣнія „широкаго“ и добросердечнаго обывателя.

—ленъ, бывшій членъ Иркутскаго Комитета.

P. S. Нѣкоторыя лица повторяютъ нелѣпый слухъ, что будто бы Ц. К. „приказалъ“ не помогать всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые имъ не указаны. Или еще того хуже: „запретилъ“ бѣжать всѣмъ тѣмъ, которые не получатъ отъ него разрѣшенія. Никогда *такого* нелѣпаго распоряженія Иркут. Ком. не получалъ. Это есть ничто иное, какъ одна изъ многочисленныхъ сплетенъ, пущенныхъ досужими людьми съ цѣлью дискредитировать центральныя учрежденія. —ленъ. Іюль 1904 г.

Нѣчто о родствѣ Армянской Рабочей Организаціи съ Р. С.-Д. Р. П.

Заявленіе.

Въ № 3 „Вѣстника Бунда“ помѣщено (съ „сочувственнымъ кивкомъ“ бундовскаго органа) интересное письмо, авторы котораго, „бывшіе члены Бакинскаго Комитета, вступившіе въ Арм. Соц.-Дем. Раб. Орг.“, съ необыкновеннымъ усердіемъ стараются доказать, что и они не лыкомъ шиты, что работали они до поры до времени въ Бак. Ком., но благодаря *интригамъ* и *проискамъ* „Искры“, принуждены были выступить и броситься въ объятія Арм. Организаціи.

Въ своемъ необыкновенномъ усердіи гг. федералисты многое перезабыли, многое перепутали — и въ итогѣ получилось посланіе, удовлетворяющее всѣмъ требованіямъ этимологіи и синтаксиса, но находящееся въ прямомъ и странномъ противорѣчіи съ истиной, съ которой гг. „бывшіе члены“ состоятъ, вѣроятно, въ „федеративныхъ“ отношеніяхъ.

Возстановленію истины и посвящено наше заявленіе. Если ужъ говорить о „непосредственномъ участіи“ гг. федералистовъ въ Бакинскомъ Ком., то не безынтересно будетъ познакомиться съ обстоятельствами ихъ вступленія. Дѣло было послѣ протестовъ противъ отнятія армянскихъ церковныхъ имуществъ — въ моментъ напряженія всѣхъ силъ организаціи. 1903 г. вообще ознаменовался въ Баку рядомъ революціонныхъ событій. Демонстраціи 2 марта, 27 апрѣля и всеобщая іюльская забастовка вырвали изъ организаціи много работниковъ. Чувствовался недостатокъ въ людяхъ и особенно въ армянахъ. Послѣднее чувствовалось всегда, но въ этотъ моментъ съ особенной силой, такъ какъ отнятіе церковныхъ имуществъ вызвало броженіе среди армянъ и Комитетъ могъ использовать этотъ моментъ для широкой соц.-дем. агитаціи. А комитетъ располагалъ тогда только однимъ армяниномъ. Нужно было больше, возможно больше, несравненно больше. Въ этотъ моментъ двое армянъ предлагаютъ свои услуги. Казалось, не могло быть и рѣчи объ отказѣ. Однако, на засѣданіи Комитета были заявлены протесты. Сомнѣвались въ соціальдемократичности кандидатовъ, въ ихъ партійной опредѣленности. Слѣдовательно, даже въ моментъ вступленія въ Комитетъ существовали сомнѣнія относительно нынѣшнихъ федералистовъ, и напрасно нѣкій Антарамъ (въ письмѣ въ томъ же № „Вѣст. Бунда“), приводя слова корреспонденціи въ 56 № „Искры“ о томъ, что изъ Комитета къ Армянской Организаціи „перебѣжали пара сомнительныхъ соц.-дем.“, ставитъ послѣ нихъ пару патетическихъ восклицательныхъ знаковъ. И приняты они были только, благодаря неотложной нуждѣ въ армянахъ, о которой мы говорили выше. Мотивировка сомнѣвающихся была такая: съ возникновенія движенія въ Баку оба не принимали рѣшительно никакого участія, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ чуть ли не съ зарожденія соц.-дем. работы былъ въ Баку. (Указывалось и на то, что оба прежде были націоналистами, и неизвѣстно, вывѣтрилась ли изъ нихъ націоналистическая закваска. Теперь — это ужъ извѣстно).

Кромѣ того, одинъ изъ нихъ принималъ участіе въ „Стачечномъ Комитетѣ“. Это еще болѣе подтверждало его сомнительность. Интересно, что образованіе „Стачечнаго Комитета“ тоже объясняется „принципами“. Вотъ что говорятъ объ этомъ „бывшіе члены“: образованіе въ Баку „Стачеч. Ком.“ — результатъ антагонизма между „искровцами“ и сторонниками Кавказскаго Союза“. Полно, господа! Такъ ли это? Вѣрите ли Вы сами тому, что говорите? Или Вамъ „удобнѣе“ прятать истину за фиговый листочекъ „принципа“? Вѣдь, одинъ изъ Васъ былъ же членомъ Стачечнаго Комитета, знаетъ онъ, что было причиной его образованія! Знаетъ же онъ, что только выходъ изъ Бак. Ком. одного изъ его членовъ, создалъ этотъ пресловутый Стачеч. Ком., въ которомъ трогательно объединились: одинъ нынѣшній федералистъ, одинъ выступившій изъ Бак. Ком. и одинъ, противъ пріема котораго въ Ком. раньше такъ горячо протестовалъ этотъ выступившій членъ Ком. Просуществовалъ этотъ комитетъ ровно дней десять и ознаменовалъ своей печальной памяти существованіе выпускомъ пары листковъ, наводящихъ улыбку на всякаго, мало мальски дѣльнаго читателя, да нѣсколькими рабочими собраніями съ сильнымъ экономическимъ оттѣнкомъ. И все... Стачеч. Ком. канулъ въ вѣчность и больше оттуда не возвращался. А вѣдь, если бы онъ имѣлъ какую нибудь самостоятельную принципіальную физіономію, то развился бы же онъ и послѣ стачки въ какую нибудь организацію? Или борьба съ „искровцами“ была только во время стачки? Да и тогда Кавказ. Союзъ, проектъ программы котораго якобы защищалъ Стачеч. Ком., призналъ бы его, какъ организацію, наиболѣе послѣдовательно выражающую тенденціи Союза, а Бак. Ком. выразилъ хотя бы порицаніе за его отклоненіе отъ союзовской политики. Ничего подобнаго не было. Вся эта исторія отъ начала до конца самымъ примитивнымъ образомъ вымышлена.

О какой борьбѣ Союза съ „искровцами“ говорятъ наши „бывшіе члены“, мы при всемъ нашемъ желаніи понять не можемъ.

Вѣдь, и Союзъ былъ „искровскій“. Что же, противъ самого себя боролся Союзъ, или „бывшіе члены“ говорятъ о какомъ-то другомъ, намъ неизвѣстномъ Союзѣ и „искровцахъ“[1]? Не разберешь „федералистовъ“, когда они даже къ фактамъ относятся „независимо“, „федеративно“. „...Выходъ въ свѣтъ этого номера (2 № „Борьбы Пролетаріата“) ознаменовалъ собою начало борьбы между Союзомъ и Комитетомъ съ одной стороны и такъ называемыми „искровцами“ — съ другой. Кончилось тѣмъ, что „искровцы“, привыкшіе (по крайней мѣрѣ у насъ только къ кабинетной работѣ, вдали отъ рабочихъ массъ, примирились съ дѣятельностью комитетовъ Кавказ. Союза и ограничились литературной работой“.

Комитеты и Союзъ, слѣдовательно, не „искровскіе“, а какіе-то другіе, неизвѣстнаго направленія, о которомъ никому кромѣ гг. „федералистовъ“, ничего не извѣстно.

„Искровцы“ же витали повидимому, гдѣ то въ пространствѣ. Какъ же они боролись? И какъ же всѣ комитеты Кавказскаго Союза (не „такъ называемые искровцы“, по терминологіи гг. „бывшихъ членовъ“) выразили вдругъ, по какой то странной непослѣдовательности довѣріе Организ. Ком., „такъ называемое искровство“ котораго не подлежало сомнѣнію?!

Нарисовавъ страшную картину мнимаго „поворота“ кавказскихъ делегатовъ на партійномъ съѣздѣ (причина — все таже: презрѣнная „искровская бацила“,) гг. федералисты авторитетно, съ какой-то смѣшной, дѣтской безапелляціонностью и наивной увѣренностью въ „неотразимости“ своихъ доводовъ, изрекаютъ: „... представители Кавказа далеко не стояли на высотѣ возложенной на нихъ задачи“.

Съ чьей точки зрѣнія, гг. „бывшіе члены?“

Дѣйствительно, съ точки зрѣнія людей, которые сегодня работаютъ въ „туманномъ“ Стачеч. Ком., завтра въ „искровскомъ“ Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П., послѣзавтра отрицаютъ его „искровство“ и дѣлаютъ вылазки противъ „искровцевъ“ вообще и затѣмъ бросаютъ свои таланты къ ногамъ національной соц.-дем., дѣйствительно, говоримъ мы, съ точки зрѣнія безпринципности и революціонной расплывчатости — твердая и послѣдовательная защита опредѣленныхъ принциповъ кажется „невыполненіемъ возложенной задачи“.

И кѣмъ возложенной? Вѣдь не Вами же, которые не имѣли ровно ничего общаго съ соц.-дем. работой на Кавказѣ въ моментъ созыва съѣзда и, слѣдовательно, не участвовавшими ни въ выборѣ делегатовъ на съѣздъ ни въ опредѣленіи возлагаемыхъ на нихъ „задачъ“[1].

Покончивъ съ „раздѣлкой“ кавказскихъ делегатовъ, федералисты далѣе заявляютъ: „Мы были удручены выходомъ Бунда изъ партіи“.

Кто же не былъ удрученъ? Удручены были всѣ (и никто этого въ заслугу себѣ не ставилъ), но одни видѣли въ этомъ печальную для партіи необходимость, явившуюся вмѣстѣ съ „новымъ курсомъ“ бундовской политики, другіе же усмотрѣли въ этомъ „искровскую“ интригу, „уродливый централизмъ“ и прочіе „жупелы“. И ужъ само собой понятно, что федералисты заявляютъ: „... наши симпатіи были всецѣло на сторонѣ Бунда“. Еще бы! Но вернемся къ фактамъ. „Федералисты“ говорятъ, что они выступили изъ Бак. Ком. и *потомъ начали* пропаганду, агитацію и т. д. Это неправда. Вы затѣяли свою Армянскую организацію, еще состоя членами Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П., Вы, *безъ вѣдома Ком.*, устраивали рабочія собранія, гдѣ развивали свои „новыя слова“ — идею національной соц.-дем.

Еще одинъ фактъ — и мы распрощаемся съ „бывшими“ людьми, то бишь, „бывшими членами“ и нынѣшними бундовцами армянскаго толка.

Въ томъ же № „Вѣстника Бунда“ одинъ изъ видныхъ дѣятелей и активныхъ руководителей новой организаціи въ письмѣ своемъ къ нѣкоему Антараму говоритъ: „тогда какъ эти послѣдніе (т. е. соціальдемократы, зараженные искровской бациллой) никогда не выступали противъ націоналистическихъ партій, мы первые начали борьбу противъ нихъ“..., мало этого, они (націоналисты) болѣе сочувственно(!?) стали относиться къ Рос. Партіи, которая ихъ не трогала“. Гдѣ Вы были тогда, „видный руководитель и активный дѣятель“, когда нами велась постоянная агитація, письменная и устная, на рабочихъ собраніяхъ и въ кружкахъ? Слѣдовательно, не Вы „первые“ выступили противъ націоналистическихъ партій. Слѣдовательно, „трогала“ ихъ Россійская Партія, или Вы тогда находились подъ сѣнью „чистаго“ націонализма, еще не прикрашеннаго розоватымъ оттѣнкомъ Вашего „національнаго“ соціализма и ничего этого не знали. Мораль: не говорите о томъ, чего не знаете.

Но довольно.

Мы извлекли и вскрыли нѣсколько фактовъ, которыми новорожденная армянская организація „наводитъ тѣнь принципіальности на свое появленіе“.

Попытка, какъ видимъ, неудачная.

Дѣло не въ этомъ.

Причина появленія Армян. Орг., по нашему мнѣнію, лежитъ гораздо глубже. „Бывшіе члены“ сами въ концѣ своего письма намекаютъ о связи появленія Армян. Организ. съ моментомъ широкаго политическаго броженія среди армянъ. Дѣйствительно, отнятіе церковныхъ имуществъ возбудило среди армянскаго общества сильное недовольство противъ русскаго самодержавія. Даже націоналисты выдвинули свой Ц. К. самообороны, впервые среди націоналистовъ провозгласившіи: „долой русское самодержавіе“. Это былъ моментъ *національнаго* протеста — и появленіе Армян. Орг., совпавшее съ этимъ броженіемъ, указываетъ на связь его съ нимъ, указываетъ на то, что не *классовые* интересы армянскаго *пролетаріата*, а *національные* интересы армянскаго *народа* выдвинули Армянскую Организацію.

И никакой связи соц.-дем. движенія на Кавказѣ съ появленіемъ Армян. Организ. не существуетъ, если не считать, что широкая циркуляція соц.-дем. идей на Кавказѣ заставила лѣвое крыло армянской національной оппозиціи выступить подъ знаменемъ пролетаріата, да еще то, что два теперешнихъ члена Армян. Организаціи были полтора мѣсяца членами Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П. Отсюда до „родства“ еще очень далеко.

Бывшіе члены Бак. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: Ринальдо, Л—на, В—а[2]
и бывшій членъ бакинской организаціи Р. С.-Д. Р. П. — Поньристъ.

---

[1] **Маленькая истина.** Къ свѣдѣнію „бывшихъ членовъ“: „искровцами“ назывались не только тѣ, которые работали въ самой редакціи „Искры“ или ея практической группѣ въ Россіи.

[1] Отбросимъ даже на время „федералистовъ“, „возлагавшихъ задачи“ гдѣ-то за кулисами кавказской соц.-дем., и посмотримъ, дѣйствительно ли задачи, возлагаемыя Кав. С. на своихъ делегатовъ, не были ими оправданы. „Федералисты“ раньше нарисовали картину борьбы Кавказ. Союза съ „искровцами“ изъ-за „гвоздя“ проекта программы Кавказ. С. — федераціи. „Федералисты“ такъ недовольны кавказскими делегатами именно изъ-за этой самой федераціи. Союзъ же, который, по версіи гг. „бывшихъ членовъ“, съ ними вмѣстѣ боролся противъ „искровцевъ“, этотъ самый Союзъ оказывается гораздо „хладнокровнѣе“ по вопросу объ этомъ самомъ „гвоздѣ“. Во-первыхъ, проектъ программы есть только проектъ программы. Понятіе же *проекта* исключаетъ понятіе *требованія*. Мы принуждены были сказать эту азбучную истину, такъ какъ въ пониманіи гг. „бывшихъ членовъ“ эти понятія сливаются, и это даетъ имъ „поводъ“(?) лишній разъ „лягнуть“ кавказскихъ делегатовъ, которые „игнорировали требованія, выставленныя кав. соц.-дем.“ Ясно, что здѣсь вопросъ идетъ все о той же федераціи, которая спать не даетъ гг. федералистамъ. Повторяемъ, что К. С. и его комитеты не придавали такого значенія пункту о федераціи, выставленному въ *проектѣ* ихъ программы. Это видно, во первыхъ, изъ того, что въ подборѣ делегаціи не было стремленія создать изъ нихъ группу сговорившихся и столковавшихся людей, которые могли бы неуклонно проводить на съѣздѣ „требованіе кав. соц.-дем. федераціи“. Объ этомъ съ понятнымъ сокрушеніемъ говорятъ наши „бывшіе члены“: „... на третьяго (делегата) въ этомъ отношеніи (въ отношеніи его федералистичности) *надежды было мало*“. Во-вторыхъ, изъ того, что не было стремленія связать неоднородный составъ делегаціи императивными мандатами — объ этомъ даже и рѣчи не было. И въ-третьихъ, изъ того, что послѣ докладовъ своихъ делегатовъ о съѣздѣ, гдѣ было высказано абсолютно отрицательное отношеніе къ федераціи Кавказ. Союза, и его комитеты *выразили одобреніе поведенію своихъ делегатовъ на съѣздѣ*. Надо замѣтить, что составъ К. С. совершенно не мѣнялся, а составъ его комитетовъ — въ очень незначительной степени. Слѣдовательно, всѣ эти ужасы — перлы убогаго „творчества“ гг. „федералистовъ“...

[2] Товарищъ В—а во время всеобщей іюльской забастовки (слѣдовательно, и во время существованія Стачечнаго Комитета) не принималъ никакого участія въ работѣ.

Въ редакцію „Искры“.

Варшава, іюнь 1904 г.

Уважаемые товарищи!

Въ виду того, что въ послѣднее время соціальнаціоналисты изъ Польской Соціалистической Партіи, теряя все болѣе и болѣе почву въ рабочихъ массахъ, пытаются учитывать въ свою пользу всѣ проявленія самосознанія польскаго пролетаріата, не имѣя же доступа въ русскую соціалистическую печать, подвизаются на страницахъ либеральнаго „Освобожденія“, просимъ Васъ не отказать въ напечатаніи на столбцахъ „Искры“ нижеслѣдующаго разъясненія, касающагося послѣднихъ событій въ Царствѣ Польскомъ:

Единственной демонстраціей, которую П. П. С. имѣетъ основаніе приписывать себѣ, была демонстрація на Черняковской улицѣ ... марта, когда группы рабочихъ послѣ выхода изъ фабрикъ прошли нѣсколько кварталовъ и разсѣялись, не доходя до центра города.

Что же касается всѣхъ послѣдующихъ революціонныхъ событій, то П. П. С. не принимала въ нихъ ровно никакого участія. Итакъ, единственная демонстрація на Кармелитской улицѣ устроена была самопроизвольно гуляющими рабочими, главнымъ образомъ изъ „Пролетаріата“ и „Соціальдемократіи Царства П. и Л.“ Никакихъ возгласовъ „въ духѣ П. П. С.“ не было, да и быть не могло; иниціатива соціалистической демонстраціи на похоронахъ тов. Биренцвайга принадлежитъ членамъ нашей организаціи, при незначительномъ участіи товарищей изъ Бунда; майская демонстрація на ул. Маршалковской, Банковой площади, Электоральной и Бѣлой организована была по предварительно-принятому общему плану — „Пролетаріатомъ“, „Бундомъ“ и „Соціаль-Демократіей Ц. П. и Л.“ (Демонстрація П. П. С. въ Уяздовскихъ Аллеяхъ, какъ извѣстно, не состоялась); въ демонстраціяхъ около слѣдственной тюрьмы — Павіака, участвовали рабочіе трехъ упомянутыхъ фракцій; наконецъ, послѣднія уличныя манифестаціи — соціальдемократовъ на Электоральной ул., пролетаріатцевъ въ Саксонскомъ саду — свидѣтельствуютъ, что чисто-соціалистическое теченіе въ настоящее время получило безспорный перевѣсъ.

Къ не менѣе важнымъ проявленіямъ дѣятельности организованнаго рабочаго класса въ Польшѣ относится еще и стачка шести тысячъ каменщиковъ, подъ руководствомъ нашего Комитета, окончившаяся значительнымъ успѣхомъ (сокращеніе рабочаго дня, повышеніе заработной платы, уничтоженіе поштучной работы и т. п.).

Шлемъ искренній товарищескій привѣтъ.

Варшавскій Комитетъ Польской Соціалистической
Партіи „Пролетаріатъ“.

Къ свѣдѣнію читателей. Послѣднія событія въ жизни Партіи вызвали громадную литературу статей, заявленій и резолюцій, направляемыхъ въ Ц. О. Считая желательнымъ, въ интересахъ всесторонняго выясненія положенія дѣлъ и позицій разныхъ сторонъ, публикованіе всѣхъ такихъ произведеній, представляющихъ хотя бы нѣкоторый интересъ, редакція Ц. О., однако, связана извѣстными обстоятельствами, находящимися внѣ ея воздѣйствія и позволяющими ей удѣлять лишь опредѣленное, хотя и очень широкое мѣсто вопросамъ внутренней жизни Партіи (отъ 2 до 4 стр. „приложенія“ къ каждому №). Въ настоящее время соотвѣтствующая литература уже превышаетъ эту норму, причемъ каждое почти произведеніе этого рода сопровождается просьбой или требованіемъ о помѣщеніи въ „ближайшемъ №“. Во избѣжаніе возможныхъ нареканій, редакція рѣшила отдавать въ печать статьи и заявленія даннаго отдѣла въ порядкѣ ихъ поступленія; отступленія отъ этого порядка допускаемы будутъ лишь въ случаѣ особой неотложности помѣщенія какого либо произведенія.

Само собой разумѣется, что редакція всегда оставляетъ за собой право отказаться отъ помѣщенія статей или заявленій, не представляющихъ, на ея взглядъ, никакого самостоятельнаго интереса.

Съ 1 іюня по 1 іюля экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. получены слѣдующія суммы: 1) отъ Фр. группы содѣйствія Партіи за литературу — 28 фр. 30 сант.; 2) еще отъ Фр. гр. сод. Партіи — 150 фр.; 3) отъ Женевской гр. сод. П. — 145 фр.; 4) отъ Гейдельбергской гр. сод. П. — 128 фр. 60 с.; 5) отъ Бернской гр. сод. Пар. (на изданіе книжки Бельтова) — 100 фр.; 6) отъ Фрейбергской (Саксонской) гр. сод. Пар.: а) за литер. 23 фр. 60 с., б) съ концерта 42 фр. 45 с., в) съ рефератовъ 26 фр. 65 с., а всего отъ Фрейдб. гр. сод. Пар. — 92 фр. 70 с.; 7) отъ Лейпцигской гр. сод. Пар.: а) на библіотеку при Ц. К. 2 фр. 69 с., б) за литер. 271 фр. 55 с., в) отъ разныхъ лицъ для Ц. К. 226 фр. 95 сант., г) по подписнымъ листамъ „на майскую лит.“ 62 фр. 75 с., д) въ пользу якутянъ: 1, „черезъ посторонняго“ изъ Г. 42 фр. 45 с., 2, собрано на трехъ собраніяхъ 22 фр. 20 с., е) въ коммиссію по изданію соц.-дем. парт. литер. на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ 24 фр. 60 с.. А всего отъ Лейпц. гр. сод. П. — (530 м.) 653 фр. 19 с.; 8) отъ администраціи Загр. Лиги Рус. Рев. С.-дем. за лит. — 1000 фр.; 9) отъ редакціи Ц. О. за лит. — 200 фр.; 10) отъ подписчиковъ на „Искру“ — 53 фр. 60 с.; 11) отъ подписчиковъ на „Разсвѣтъ“ — 20 фр. 10 с.; 12) отъ книжныхъ магазиновъ за лит. 268 фр. 13 с.; 13) отъ продажи лит. изъ экспедиціи по мелочамъ — 380 фр. 70 с.; 14) отъ грузино-армянской коммиссіи — 161 фр.; 15) изъ Бреслау въ пользу кассы политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ — 6 фр. 15 с.; 16) въ пользу якутянъ отъ Н. К. С. — 24 фр. 60 с.; 17) для якутянъ изъ Лондона — 12 фр. 60 с.; 18) отъ Ц. К. 1460 фр. 20 с.; 19) изъ Астрахани — 98 фр. 60 с.; 20) пожертвованіе на библ. при Ц. К. — 9 фр. 10 с.; 21) отъ австрійскихъ товарищей, соц.-дем. изъ Leoben'a на библіотеку при Ц. К. — 20 фр. 95 с.; 22) отъ „товарища“ на библ. при Ц. К. — 500 фр.; 23) отъ Пети съ „спеціальной цѣлью — (600 мар.) 738 фр. 30 с.; 24) отъ Б. въ долгъ — 65 фр.; 15) отъ М. въ долгъ — 100 фр.; 26) отъ М. Н. въ долгъ — 50 фр.; 27) отъ Ф. Ф. въ долгъ — 25 фр.; 28) отъ Б. Н. въ долгъ — 45 фр.; 29) отъ Н. въ долгъ — 26 фр.; 30) отданъ долгъ отъ Л. 15 фр.; 31) отъ тов. М. для Ц. К. 50 фр.; 32) отъ „молодыхъ товарищей на организаціонныя нужды“ — 130 фр.; 33) изъ Леобена отъ Л. — 16 фр. 75 с. *А всего съ 1 іюня по 1 іюля* въ экспедицію Р. С.-Д. Р. П. поступило *6774 фр. 57 сант.* Наличность въ кассѣ по 1 іюля *211 фр. 92 с.*

Отчетъ Вѣнской Эмигрантской Кассы отъ 11 февраля 1904 года (открытіе ея) до 30 іюня 1904 г.

ПРИХОДЪ: Членскіе взносы (включительно со 100 кр., внесенными впередъ за второе полугодіе 1904) — 406.30 кр.; изъ редакціи „Освобожденія“ — 58.70 кр.; отъ студенческаго ферейна — 20 кр.; единовременно пожертвовано: отъ двухъ рѣкоплавателей (по 20 кр.) — 40 кр., отъ Х. — 19 кр., отъ Г—р—н — 1 кр., черезъ Р. Т. — 4 кр.; собрано по книжкамъ — 9.60 кр.; по подписному листу — 14 кр.; спеціально пожертвовано въ пользу якутянъ: отъ Н. 100 кр., Dr. L. M. Н—н 10 кр., черезъ Л—на 14.90, а всего — 124.90 кр.; получено обратно отъ двухъ эмигрантовъ — 44 кр. *Итого приходъ* — 741.50 кр.

РАСХОДЪ: Выдано кассой 14 эмигрантамъ (9 соц.-дем., 2 с.-рев., 2 бунд. и 1 ?) — 355 кр.; заимообразно выдано двумъ эмигранткамъ (бунд.) — 110 кр.; заимообразно выдано кассѣ взаимопомощи — 20 кр.; въ Сибирскую Кассу отправлено 60 кр.; якутянамъ отправлено черезъ Лигу (въ счетъ будущаго спеціальнаго сбора) — 100 кр.; якутянамъ отправлено черезъ Лигу (по спеціальному назначенію) — 100 кр.; одному славянскому с.-д. ферейну въ счетъ расходовъ по отправкѣ арест. эмигранта въ Швейцарію — 50 кр.; мелкіе расходы — 7.60 кр. *Итого расходъ* 802.60 кр. *Дефицитъ* къ 1 іюля 1904 61.10 кр.

Касса обращается ко всѣмъ сочувствующимъ съ просьбой о содѣйствіи. Пожертвованія и справки по адр. ред. „Искры“.

Секретарь Кассы.

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniere, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 71. 1-го августа 1904 г. Годъ IV.

КЪ АМСТЕРДАМСКОМУ КОНГРЕССУ.

VI-ой международный соціалистическій конгрессъ, съ началомъ котораго совпадаетъ выходъ этого № нашей газеты, собирается при знаменательныхъ обстоятельствахъ, въ моментъ яростной войны, грозящей вызвать рядъ потрясеній во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Каковъ бы ни былъ характеръ этихъ потрясеній, каковы бы ни были ихъ непосредственные результаты, — ихъ общій итогъ сведется къ расширенію сферы дѣйствія международнаго капитализма, слѣдовательно, и къ расширенію поля всемірной классовой борьбы пролетаріата, къ усиленію и обостренію этой борьбы. А всякое усиленіе и обостреніе современной классовой борьбы ведетъ, съ неизбѣжностью естественнаго процесса, къ *объединенію* пролетарскаго движенія разныхъ странъ, къ *обобщенію* втиснутой въ различныя національныя рамки пролетарской политики и превращенію ея въ однородную, по своимъ принципамъ и тактикѣ, интернаціональную политику.

Въ процессѣ объединенія пролетарской политики международные конгрессы играютъ крупную роль. Регистрируя въ своихъ рѣшеніяхъ уже совершившуюся эволюцію, они двигаютъ ее дальше своимъ моральнымъ вліяніемъ. Этапы въ развитіи современнаго пролетарскаго движенія могутъ быть, поэтому, хорошо прослѣжены по предыдущимъ конгрессамъ.

Парижскій конгрессъ 1889 г. и Брюссельскій — 1891-го были посвящены установленію основныхъ положеній революціонной соціальдемократической политики. Революціонный марксизмъ отдѣлился на этихъ конгрессахъ отъ „экономизма“ англійскихъ трэдъ-юніонистовъ и французскихъ поссибилистовъ, чтобы впервые объединить оффиціально подъ своимъ знаменемъ рабочія партіи большинства европейскихъ странъ. На Цюрихскомъ и Лондонскомъ конгрессахъ послѣдовало размежеваніе съ *анархизмомъ* — новый и крупный шагъ къ объединенію классовой политики пролетарскихъ партій. Отнынѣ международное соціалистическое движеніе стоитъ твердо на почвѣ организованной политической борьбы за *политическую власть*.

На Парижскомъ конгрессѣ 1900 года представителямъ пролетаріата пришлось рѣшать уже вопросъ о методахъ самой этой борьбы. Вопросъ о компромиссахъ, о союзахъ съ буржуазными прогрессивными партіями, и — въ связи съ этимъ — о „частичномъ“ завоеваніи политической власти, помощью вступленія соціалистовъ въ радикальныя министерства, — словомъ, вопросъ о „новомъ методѣ“ Жореса и К° сталъ на очередь, благодаря событіямъ во Франціи. Постановкѣ этого вопроса *на практикѣ* предшествовала волна „ревизіонистскаго“ теченія *въ теоріи* — одновременный симптомъ быстраго роста вліянія соціальдемократіи и проникновенія въ нее чуждыхъ пролетаріату элементовъ. Новый „кризисъ“ въ растущемъ соціалистическомъ движеніи, однако, тогда только еще начинался, и международный конгрессъ, суммирующій то, что уже достигнуто рабочими партіями въ отдѣльныхъ странахъ, оказался не въ силахъ сдѣлать больше, чѣмъ демонстрировать несочувствіе громаднаго большинства соціалистовъ экспериментамъ „новаго метода“. Дипломатическая формула Каутскаго въ вопросѣ о „министеріализмѣ“, не удовлетворивъ революціонныхъ соціалистовъ Франціи, передъ которыми данный вопросъ стоялъ во всей своей остротѣ, оказалась по плечу для большинства соціалистовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ — пока еще — вопросъ носилъ преимущественно академическій характеръ[1]

Нынѣшній конгрессъ въ Амстердамѣ долженъ завершить то, что началъ конгрессъ Парижскій. За протекшіе 4 года многое измѣнилось. Французскій экспериментъ Мильерана пришелъ къ концу, и итоги „новаго метода“ стоятъ передъ всѣми во всей своей позорной наготѣ. Со ступеньки на ступеньку, французскій министерскій quasi-соціализмъ опустился до уровня вульгарной фракціи буржуазныхъ парламентаріевъ, измѣняющей скопомъ и въ розницу своей программѣ, своимъ обѣщаніямъ и обязательствамъ. Въ другой формѣ, но, по существу, однородные эксперименты продѣланы въ Италіи и Бельгіи, а въ Германіи „новый методъ“ не только вполнѣ развернулся въ области теоріи, но и сдѣлалъ — правда, неудачную — попытку первой серьезной пробы на практикѣ (вопросъ о вице-президентствѣ въ рейхстагѣ). Теперь уже для самыхъ недальновидныхъ изъ „практическихъ политиковъ“ соціализма вопросъ о борьбѣ революціонной и оппортунистической тактики въ рабочемъ движеніи пересталъ быть вопросомъ „сѣрой теоріи“, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что для значительнаго большинства соціалистовъ онъ рѣшенъ въ смыслѣ категорическаго отклоненія „новаго метода“. Поставленный въ порядкѣ дня Амстердамскаго конгресса, вопросъ объ общихъ основаніяхъ пролетарской политики, безъ сомнѣнія, вызоветъ дебаты о двухъ методахъ соціалистической борьбы и, надо надѣяться, что фактическая побѣда, одержанная революціоннымъ марксизмомъ въ отдѣльныхъ странахъ, будетъ санкціонирована конгрессомъ, который, въ болѣе или менѣе категорической формѣ, обведетъ вокругъ представленнаго имъ всемірнаго пролетарскаго движенія такую же черту для отдѣленія его отъ мелкобуржуазнаго оппортунизма, какую провели прежніе конгрессы для его отдѣленія отъ анархизма.

И международный конгрессъ не можетъ поступить иначе. Душа современнаго пролетарскаго движенія — говорили мы на этихъ столбцахъ — въ его интернаціонализмѣ. И обратно: всякое отклоненіе современнаго рабочаго движенія отъ пути послѣдовательной классовой борьбы неизбѣжно отражается ослабленіемъ той интернаціональной солидарности, которая такъ ярко отличаетъ его отъ предшествовавшихъ ему историческихъ движеній другихъ боровшихся за свое освобожденіе классовъ. „Новый методъ“ — методъ оппортунизма, — приспособляя политику рабочаго класса къ преходящимъ условіямъ политической конъюнктуры данной страны, тѣмъ самымъ освобождаетъ ее отъ вліянія постоянныхъ интересовъ, общихъ для пролетаріата всего міра. Общія мировыя задачи пролетарскаго движенія онъ подмѣняетъ „національными“ интересами даннаго момента въ данномъ государствѣ. И если, благодаря такому вытѣсненію общихъ интересовъ соціализма частными интересами момента, возможенъ такой, напр., фактъ, что наканунѣ международнаго конгресса „соціалистъ“ Жоресъ стремится превратить въ „національный трауръ“ смерть талантливаго вождя французской буржуазіи, Вальдека Руссо, то не приходится удивляться, если, въ силу тѣхъ же соображеній „политическаго“, т. е. политиканскаго характера, другой вождь той же „соціалистической“ фракціи, несравненный Жеро-Ришаръ, могъ рѣшиться въ началѣ японско-русской войны вести печатную агитацію противъ такъ называемаго „японскаго вѣроломства“ — этой выдумки, изобрѣтенной царскими лакеями въ Россіи и Европѣ для оправданія преступной политики царизма[1]. Оппортунистическая тактика не можетъ не вести къ игнорированію солидарности пролетаріевъ со всякимъ дѣйствительно революціоннымъ движеніемъ, ибо эта тактика, по самой своей цѣли, должна считаться съ фактомъ реакціонной солидарности существующихъ правительствъ, солидарности, созданной группировкой капиталистическихъ интересовъ на сценѣ мировой политики и общностью борьбы противъ революціи самого пролетаріата. И намъ, русскимъ соціалистамъ, на долю которыхъ выпала борьба съ монархіей, занимающей первенствующее мѣсто въ „европейскомъ концертѣ“, намъ слишкомъ часто приходилось испытывать, какъ оппортунистическая тактика въ предѣлахъ той или иной соціалистической партіи отзывалась на ослабленіи той моральной и политической поддержки, на которую мы имѣемъ право, въ качествѣ борцовъ противъ наслѣдственнаго врага всемірнаго соціализма... Уже во имя задачи этой борьбы, возложенной на насъ всей мировой исторіей, мы обязаны, въ свою очередь, идти до конца въ поддержкѣ революціоннаго крыла всемірнаго рабочаго движенія противъ его оппортунистическаго крыла.

Всемірный пролетаріатъ хорошо знаетъ, какого врага имѣетъ онъ въ лицѣ русскаго царизма. Это сознаніе побуждаетъ его съ жадностью ожидать неминуемаго его паденія. При царящемъ въ Европѣ незнакомствѣ съ русской политической жизнью, неудивительно, если это жгучее желаніе подчасъ приводитъ къ тому, что соціалисты Запада не стараются разобраться среди различныхъ русскихъ общественныхъ движеній, направленныхъ одинаково противъ царизма и — сообразно отсталости русскихъ условій — прикрытыхъ одной и той же кличкой „соціализма“. Своеобразіе русскихъ политическихъ условій и малое знакомство съ ними нерѣдко побуждаютъ западно-европейскихъ товарищей признавать „своими“ такихъ русскихъ и польскихъ революціонеровъ, которые — дѣйствуй они на Западѣ — были бы тѣми же товарищами безъ труда отнесены къ той соціально-политической категоріи, которую они на дѣлѣ представляютъ собой. Такъ, даже сравнительно-осторожный „Vorwärts“, который 2½ года назадъ привѣтствовалъ въ „Освобожденіи“ г. Струве новый „соціалистическій“ органъ, нынѣ (см. № 187) оспариваетъ данную Г. В. Плехановымъ характеристику нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ и ихъ тактики. Съ точки зрѣнія основныхъ интересовъ международной пролетарской политики, требующей, чтобы и въ Россіи задачи борьбы за демократическую свободу были подчинены задачамъ классовой борьбы пролетаріата, — съ этой точки зрѣнія, наша Партія на конгрессѣ, какъ и въ европейской печати, выступитъ, конечно, противъ такого безразличнаго отношенія къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ“ и будетъ отстаивать для россійской соціальдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата интересовъ россійскаго сознательнаго рабочаго движенія. А чѣмъ болѣе на международныхъ конгрессахъ будутъ обсуждаться вопросы объ объединеніи тактики соціалистическихъ партій, тѣмъ несомнѣннѣе станетъ для нашихъ западно-европейскихъ товарищей, что интересы всемірнаго соціализма представлены въ Россіи только соціальдемократіей.

Четыре года, протекшіе со времени Парижскаго конгресса, были для сознательнаго пролетаріата не только періодомъ тяжелой, хотя и неизбѣжной, внутренней борьбы, обострившейся такъ, какъ еще никогда со времени раскола стараго Интернаціонала. Это были въ то же время годы крупныхъ успѣховъ рабочаго класса — успѣховъ въ области организаціи и въ дѣлѣ завоеванія имъ политическаго вліянія. Крупныя политическія и стачечныя движенія во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Германіи, Россіи, Соединенныхъ Штатахъ, Швеціи и Испаніи внесены въ лѣтописи этого періода. Но относительно нигдѣ, быть можетъ, классовое движеніе пролетаріата не сдѣлало за это время такихъ успѣховъ, какъ въ нашей странѣ. Съ чувствомъ законнаго удовлетворенія можетъ наша партія представить конгрессу итоги четырехлѣтней борьбы русскаго пролетаріата. Эти итоги — благодаря условіямъ, въ которыхъ мы ведемъ свою борьбу — не могутъ быть точно зарегистрированы и представлены въ формѣ организаціонныхъ успѣховъ. Но они въ достаточной мѣрѣ иллюстрируются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится нашъ врагъ — самодержавіе, казавшійся столь сильнымъ еще 4 года назадъ, а теперь, по общему мнѣнію, осужденный на близкую смерть. И если на Амстердамскомъ конгрессѣ это сознаніе близкой гибели царизма и связаннаго съ нимъ освѣженія всей политической атмосферы въ цивилизованномъ мірѣ отзовется усиленнымъ подъемомъ революціонной энергіи въ борцахъ европейскаго соціализма, то русскій пролетаріатъ будетъ вправѣ видѣть въ этомъ фактѣ результатъ своей работы — той дани, которую онъ, „пасынокъ цивилизаціи“, успѣлъ внести въ великое дѣло мірового соціалистическаго движенія.

РЕКРУТСКІЙ НАБОРЪ РЕВОЛЮЦІИ.

Всеподданнѣйшій рекриптъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева о результатахъ правительственной ревизіи московскаго земства представляетъ серьезную политическую важность. Авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе не на тѣхъ или другихъ недостаткахъ повседневной земской работы, не на либеральныхъ мечтаніяхъ объ увѣнчаніи зданія, а на дѣятельности разночинной интеллигенціи, собравшейся подъ земскимъ знаменемъ, и ея характеристикѣ съ точки зрѣнія правительства. Такая постановка вопроса придаетъ рапорту особое значеніе: онъ становится не только обычнымъ эпизодомъ изъ исторіи традиціонной борьбы чиновничества съ земствомъ, но и первымъ обвинительнымъ актомъ, предъявленнымъ самодержавіемъ русской демократіи, постепенно занимающей старыя позиціи либерализма. Устами Зиновьева правительство признаетъ появленіе новаго „внутренняго врага“, которому суждено сыграть выдающуюся роль въ развитіи русской общественной жизни. Земская интеллигенція, вызвавшая тревогу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, сложилась не въ безвоздушномъ пространствѣ. Она развилась подъ вліяніемъ разроставшихся потребностей общественной жизни, параллельно развитію бюрократіи подъ вліяніемъ расширявшихся потребностей государственной жизни. Половинчатыя и нерѣшительныя реформы шестидесятыхъ годовъ, включившія общественное представительство въ систему государственнаго управленія, какъ бы подѣлили государственную работу между опричниной и земствомъ. Это раздѣленіе фактически выразилось въ томъ, что бюрократія направила всѣ усилія на военную организацію государства и укрѣпленіе отжившаго свой вѣкъ самодержавія; культурныя же задачи государства отъ разрѣшенія которыхъ почти отказалось правительство, всецѣло выпали на долю земскаго самоуправленія, на долю мѣстныхъ людей. Но послѣдніе не имѣли возможности справиться собственными силами съ трудными и сложными запросами развивавшейся страны. Личный составъ земскихъ учрежденій былъ съ самаго начала до крайности ограниченъ полицейскимъ контролемъ и сословною организаціею представительства, а съ 1890 года, когда правительство передало дѣла мѣстнаго управленія почти исключительно помѣстному дворянству, земскія выборныя силы стали совершенно ничтожной величиной. Между тѣмъ, эволюція крѣпостной Россіи въ современное государство породила и порождаетъ умноженіе функцій власти, какъ въ той области государственнаго управленія, которая осталась въ вѣдѣніи бюрократіи, такъ и въ той, которая отошла въ вѣдѣніе земства. Главная причина недостаточности земскихъ выборныхъ силъ кроется, однако, не въ ихъ количественной слабости, а въ измѣнившихся условіяхъ политической и народно хозяйственной жизни пореформенной Россіи. Паденіе крѣпостного права пріобщило Россію къ всемірному процессу капиталистическаго развитія, которое безслѣдно стираетъ сословныя грани полуфеодальнаго общества. Дворянство, въ рукахъ котораго сосредоточивалось до шестидесятыхъ годовъ мѣстное управленіе, быстро отрывается отъ почвы и теряетъ свое экономическое и политическое значеніе. На поверхность жизни поднимается средній классъ, притягивая къ себѣ наиболѣе энергичныхъ и приспособленныхъ къ борьбѣ за существованіе представителей всѣхъ сословій. Этотъ процессъ образованія классовъ буржуазнаго общества на мѣсто дореформенныхъ сословій отразился и на земскомъ самоуправленіи. Несмотря на всѣ усилія правительства, современное земство является организаціей земельной и промышленной буржуазіи, организаціей очень неудовлетворительной, затемненной отжившими сословными формами, изуродованной произволомъ самодержавной бюрократіи, но все же буржуазной организаціей. И поскольку буржуазія становится хозяиномъ положенія, она уничтожаетъ ту примитивную систему управленія, при которой всѣ дѣла вершатся личнымъ усмотрѣніемъ представителей первенствующаго сословія, отечески опекающаго остальныя. Для буржуазіи государственная дѣятельность теряетъ характеръ патріархальности и высшаго предназначенія и превращается въ оплачиваемую профессію, требующую спеціальныхъ качествъ и спеціальной подготовки. При такихъ условіяхъ, земская дѣятельность не могла ограничиться примитивною формою личнаго управленія выборныхъ мѣстныхъ людей. Развитіе народнаго образованія, медицины, агрономіи, статистики и др. отраслей земской работы потребовало многочисленнаго персонала спеціально подготовленной интеллигенціи. Такъ выросла земская бюрократія, на которую обрушивается теперь гнѣвъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Она создана потребностями третьяго сословія и, въ большинствѣ случаевъ, вышла изъ него. Преобладающее количество земской служилой интеллигенціи принадлежитъ къ крестьянамъ, мѣщанамъ, духовному сословію, мелкому чиновничеству. Въ ея лицѣ русская демократія беретъ реваншъ за лишеніе права участія въ [illegible]
стномъ самоуправленіи и входитъ въ составъ государстве[illegible]
механизма. И чѣмъ дальше идетъ разложеніе стараго [illegible]
наго общества, тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ [illegible] сослов-
ная интеллигенція. Съ шестидесятыхъ годовъ о[illegible] разночин-
крупную, но неодинаковую роль въ русской жи[illegible]а играетъ
мента своего появленія на исторической сценѣ [illegible]зни. Съ ко-
на тощей земской нивѣ русскій разночинецъ [illegible] до усп[illegible]
лую эволюцію, отражающую процессъ соціал[illegible] пережилъ тяже-
развитія Россіи. Въ первомъ періодѣ сво[illegible]льно экономическаго
ная интеллигенція, отвергаемая живым[illegible]ей исторіи разночин-
ществомъ, примкнула къ народной м[illegible] еще феодальнымъ об-
ческаго соціализма, съ одинаково[illegible]ссѣ и, въ порывѣ утопи-
противъ правительственнаго консе[illegible]й энергіей боролась какъ
рянскаго либерализма. Непримн[illegible]ватизма, такъ и противъ дво-
шла прямымъ путемъ къ нам[illegible]римая и послѣдовательная, она
легла въ неравномъ бою. В[illegible]ченной цѣли и почти поголовно
новыхъ условіяхъ. Идеал[illegible]торое поколѣніе выростало уже въ
веніи съ суровою дѣйс[illegible] соціализма померкли при столкно-
гибли на висѣлицахъ [illegible]твительностью, политическія надежды

---

[1] Большинство русской делегаціи вотировало за резолюцію Каутскаго.

[1] Извѣстно, что „Новое Время“ использовало эту агитацію Жеро Ришара въ доказательство того, что „даже соціалисты“ признаютъ виновнымъ въ войнѣ японское правительство. Петербургскому Ком. нашей Партіи пришлось выступить съ печатнымъ разъясненіемъ русскому обществу характера „соціализма“ Жеро-Ришара.

тѣмъ, измѣнялись экономическія отношенія дореформенной Россіи, нарождалась и крѣпла крупная и мелкая буржуазія, распространялось образованіе, усваивались нѣкоторыя привычки культурной жизни, расширялся тѣсный кругъ интеллигенціи. Разночинецъ, чувствовавшій себя отщепенцемъ феодальнаго міра, начиналъ сознавать себя роднымъ дѣтищемъ и полноправнымъ членомъ новаго общества. Борьба противъ основъ современнаго строя смѣнилась борьбою противъ отдѣльныхъ недостатковъ механизма, разрушительная работа уступила мѣсто постепенному мирному и культурному воздѣйствію на темную массу многомилліоннаго народа. Всесословное земство, развивавшее широкую и всестороннюю дѣятельность, нуждавшееся въ знающихъ и способныхъ работникахъ, привѣтливо раскрыло двери прирученному разночинцу и указало почти необходимое поле для приложенія интеллигентныхъ силъ. Вчерашній отщепенецъ вошелъ, какъ свой человѣкъ, въ ряды правящихъ классовъ, вошелъ, сохраняя прежнюю фразеологію, стараясь окружить ореоломъ старой славы свою новую дѣятельность. Это непониманіе коренной разницы въ положеніи сохранилось среди земской интеллигенціи до самаго послѣдняго времени. „Земство — говорили служащіе московскаго земства въ адресѣ, поднесенномъ Михайловскому въ день его юбилея,—представляетъ единственное учрежденіе, въ которомъ по нашимъ русскимъ условіямъ можетъ проявиться организованная общественная самодѣятельность, и оно же оказывается единственнымъ легальнымъ убѣжищемъ для проявленія критической дѣятельности критически-мыслящей личности“. Эта цитата ярко выражаетъ судьбу всего движенія. „Критически-мыслящая личность“, которая должна быть революціонной по самому своему существу, восхваляетъ „легальное“ убѣжище въ видѣ... земскихъ учрежденій! Въ дѣйствительности, дѣятельность земской служилой интеллигенціи носитъ черты самой мѣщанской умѣренности... „Критически-мыслящая личность“, приспособляясь къ требованіямъ существующаго строя, отказалась сначала отъ борьбы противъ современнаго общества, а затѣмъ и противъ правительства. Она замкнулась въ крѣпости маленькихъ дѣлъ и вела войну почти исключительно противъ слишкомъ ревностныхъ администраторовъ и дикихъ помѣщиковъ не столько съ народомъ, сколько за народъ. Она не знала границъ компромиссамъ и развила въ себѣ безудержный поссибилизмъ, стремясь получить хоть что нибудь, хоть какъ нибудь. Но все же разночинная интеллигенція внесла много живого и цѣннаго въ провинціальную глушь. Въ культурныхъ обществахъ, въ мѣстной печати, въ частныхъ кружкахъ она сливалась съ провинціальной молодежью и обывателями и поддерживала въ нихъ демократическія идеи, правда, иногда въ мелкобуржуазной окраскѣ, будила мысль, оглашала проявленія произвола, организовывала просвѣтительные союзы, вообще, усиленно хлопотала о томъ, чтобы придать благообразную форму „людской пыли“, какъ именуетъ Витте россійскихъ обывателей. Оживленіе буржуазной демократіи, отмѣченное началомъ студенческихъ волненій, вызвало оживленіе и въ средѣ земской служилой интеллигенціи. Разночинецъ почувствовалъ подъ собою твердую почву; его работа стала интенсивнѣе и смѣлѣе. Но характеръ этой работы не измѣнился. Рапортъ Зиновьева, тщательно искавшаго „преступленій“ въ дѣятельности земской интеллигенціи, рисуетъ, однако, только самую умѣренную просвѣтительную работу. Мы видимъ, что разночинная интеллигенція и демократическіе элементы земской среды сърганизовались въ различные совѣты при управахъ: экономическіе, школьные, санитарные и т. п. Такимъ образомъ они обезпечили себѣ нѣкоторую защиту отъ произвола отдѣльныхъ представителей земского управленія. Затѣмъ, они выработали программу минимальныхъ демократическихъ требованій, которую и стали проводить, несмотря на ропотъ „послѣдышей“ дворянскаго сословія. Народныя школы, внѣшкольное образованіе, народная медицина, агрономическая помощь крестьянству въ той или другой степени попали въ руки демократической интеллигенціи и прониклись ея духомъ. Рапортъ Зиновьева съ ужасомъ приводитъ слова одного изъ земскихъ школьныхъ инспекторовъ о томъ, что въ основу народныхъ школъ должно быть положено свободное самодѣятельное развитіе человѣческой личности, а такое развитіе нравственной личности человѣка можетъ успѣшно итти только въ свободной школѣ“. Еще съ большимъ ужасомъ петербургскій бюрократъ указывалъ на то, что интеллигенція возбуждала такіе вопросы, какъ вопросъ о правовомъ и матеріальномъ положеніи больничныхъ служителей, что она не ограничилась „предѣлами своей компетенціи“ и, кромѣ своихъ спеціальныхъ функцій, занималась и общекультурной работой. Съ характерной для высшаго сановника царскаго правительства тупостью, Зиновьевъ приводитъ, въ укоръ земскимъ служащимъ, примѣръ врача, получившаго благодарность земскаго собранія за особые труды въ области народнаго образованія. Наконецъ, интеллигенція, по словамъ Зиновьева, осмѣливалась „критиковать“ дѣйствія земства и даже губернскаго начальства. Всѣ эти грѣхи, конечно, не могутъ быть признаны особенно тяжкими. Еще недавно правительство, зорко слѣдя за либеральными мечтаніями земскихъ дѣятелей, снисходительно относилось къ муравьиному строительству демократической интеллигенціи; нѣкоторыя вѣдомства посылали иногда даже весьма привѣтливыя улыбки по адресу земской демократіи, и часто статистики и агрономы, изгнанные ретивыми губернаторами, находили тихую и пріятную пристань въ министерствахъ земледѣлія или финансовъ. Однако, эти мирныя отношенія могли продолжаться только до тѣхъ поръ, пока демократія, занятая борьбой за положеніе въ рядахъ буржуазнаго общества, стыдливо закрывала глаза на безобразія самодержавія и даже, въ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, готова была прибѣгнуть къ содѣйствію власти для одолѣнія либеральнаго, но зараженнаго сословными предразсудками, земскаго дворянства. Какъ только третье сословіе стало на собственныя ноги, оно неизбѣжно обратило свое вниманіе на азіатскія условія общественной дѣятельности, создаваемыя царизмомъ. Близость столкновенія почувствовало и правительство. Честь перваго открытія новаго внутренняго врага, какъ извѣстно, выпала на долю самарскаго вицегубернатора Кондоиди, который констатировалъ, что въ послѣдніе годы среди представителей администраціи и помѣстныхъ обывателей, вѣдающихъ, по закону мѣстное хозяйство, появился и пріобрѣлъ крупное вліяніе новый „третій элементъ“ въ лицѣ вольнонаемныхъ земскихъ служащихъ. Проницательный администраторъ и сотрудникъ реакціонныхъ газетъ тогда же предсказалъ, что новые люди принесутъ съ собою „вредныя“ политическія тенденціи. Вслѣдъ за Кондоиди тѣ же мысли высказалъ и вятскій губернаторъ Клингенбергъ, а теперь противъ земской служилой интеллигенціи выступилъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его рапортъ показываетъ, что правительство признало работоспособность земской демократіи на поприщѣ столь нежелательнаго самодержавію подъема культурнаго уровня народа и рѣшило, отдѣлавшись нѣсколькими ударами отъ земскихъ либераловъ, направить главныя силы на борьбу съ болѣе твердымъ и послѣдовательнымъ противникомъ. Это рѣшеніе уже приводится въ исполненіе. Набѣгъ Зиновьева еще не закончился, онъ еще „ревизуетъ“ земскія учрежденія различныхъ губерній, а гоненіе на земскую демократію уже въ полномъ разгарѣ. Въ Уфѣ, Вяткѣ, Перми, Курскѣ, Орлѣ, Тамбовѣ, Самарѣ и другихъ городахъ земская интеллигенція потерпѣла жестокій разгромъ, который, очевидно, распространится и на другія мѣстности. Систематическое опустошеніе земства будетъ, несомнѣнно, проведено съ неуклонной твердостью и послѣдовательностью при содѣйствіи реакціонныхъ элементовъ помѣстнаго дворянства. Мирная культурная работа, при такихъ условіяхъ, обращается въ безсмысленную мечту; интеллигенція съ горечью убѣждается, что ея зданіе, построенное цѣною громадныхъ усилій и тяжелыхъ компромиссовъ,—только вавилонская башня, затѣянная въ гордомъ и наивномъ ослѣпленіи. Одно мановеніе руки всесильнаго сатрапа и всѣ камни перемѣшаны, строители разбросаны въ разныя стороны, сотни людей остались и безъ дорогого дѣла и безъ средствъ существованія. Но только полицейская философія можетъ надѣятся на успокоительные результаты политики гнета и насилія, да и ея надежды слишкомъ внушительно разрушаются бомбами. Правительство, отрывая мирныхъ культурныхъ работниковъ отъ земской нивы, вынуждаетъ ихъ къ отчаянной борьбѣ за жизнь. Изгнаніе „третьяго элемента“ изъ среды государственнаго строительства является, поэтому, по выраженію Герцена, прежде всего, грандіознымъ рекрутскимъ наборомъ революціи. По слабости политическаго развитія, земская демократія при первыхъ признакахъ грозы пыталась выдвинуть противъ правительства либеральную партію, чтобы ея вліяніемъ парализовать намѣренія самодержавной бюрократіи и мирнымъ путемъ добиться хотя нѣкоторыхъ конституціонныхъ гарантій. Но земскій либерализмъ оказался слишкомъ вялымъ и расплывчатымъ, чтобы активно вмѣшаться въ теченіе государственной жизни. Съ другой стороны, и буржуазная масса частью оказалась недостаточно развитой политически для рѣшительнаго наступленія, частью, по самому своему характеру, не обнаружила способности къ открытой борьбѣ и свалила всю тяжесть грознаго боя на свой передовой отрядъ, разночинную интеллигенцію. Въ такомъ положеніи передъ интеллигенціей раскрывалась одна дорога, дорога революціонной самозащиты при пассивномъ сочувствіи и одобреніи общества. Но, возвращаясь снова къ тѣмъ методамъ борьбы, которыми онъ начиналъ свое историческое поприще, разночинецъ ставитъ себѣ теперь другія задачи. Онъ утратилъ, въ сорокалѣтнемъ странствованіи по пустынѣ буржуазнаго общества, вѣру въ народныя массы и соціалистическіе идеалы; онъ крѣпко связалъ себя съ завтрашними хозяевами русской жизни и отказался отъ далекихъ „конечныхъ цѣлей“; остановленный варварскимъ правительствомъ въ работѣ мирнаго завоеванія общества и государства, онъ съ болѣзненной жадностью обратилъ свои взоры къ солнцу политической свободы и, не имѣя силы двинуть въ борьбу за нее народныя массы, направилъ противъ отдѣльныхъ представителей власти оружіе отдѣльныхъ революціонеровъ, въ надеждѣ дезорганизовать бюрократію и сдѣлать ее болѣе уступчивой и мягкой. Но за единичными выстрѣлами и взрывами нельзя забывать порождающей ихъ общественной группы. Уже не далеко то время, когда русская буржуазная демократія, защищая свои жизненные интересы, выступитъ, какъ революціонная политическая партія. Порожденная буржуазнымъ развитіемъ русскаго общества, встрѣтившимъ препятствія въ азіатскомъ правительствѣ, демократическая партія сосредоточитъ всѣ свои силы и помыслы на политическомъ освобожденіи Россіи; ея соціальная программа будетъ носить печать буржуазнаго реформаторства, и рабочій классъ явится для нея только орудіемъ для достиженія поставленныхъ политическихъ цѣлей. Какъ и всякая буржуазная демократія, она не осуществитъ, однако, даже строго послѣдовательнаго демократическаго строя и выступитъ противъ революціоннаго соціализма въ защиту современнаго общества. Въ сложной и трудной работѣ разрушенія существующаго политическаго уклада Россіи демократія сыграетъ крупную и прогрессивную роль и, съ этой точки зрѣнія, чрезвычайно желательно ея скорѣйшее появленіе изъ туманныхъ нѣдръ „Освобожденія“ и „Револ. Россіи“. Но это появленіе нисколько не измѣнитъ ни задачъ, ни современной позиціи русскаго пролетаріата. Только самостоятельная политическая рабочая партія, партія революціоннаго соціализма, способна выразить и отстоять дѣйствительные интересы рабочаго класса, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ.

КЪ ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБѢ ЗАКЛЮЧЕННЫХЪ И ССЫЛЬНЫХЪ.

I. Борьба въ тюрьмѣ.

Исторія удѣлитъ въ будущемъ навѣрное очень много прекрасныхъ страницъ жизни революціонеровъ въ русскихъ тюрьмахъ, тѣмъ болѣе, что физіономія „политическаго арестанта“, задачи и форма борьбы его въ тюрьмѣ и ссылкѣ служатъ весьма характернымъ отраженіемъ нашего революціоннаго движенія въ всемъ его цѣломъ. Но намъ и сейчасъ необходимо разобраться въ этомъ вопросѣ, ибо безпрерывная неизбѣжная борьба въ тюрьмахъ вотъ ужъ пять лѣтъ какъ стала явленіемъ *массово* характера.

Ни для кого не секретъ, что до второй половины девяностыхъ годовъ русское правительство въ борьбѣ своей съ крамолой черпало свои жертвы, по преимуществу, изъ интеллигентной среды, ибо только послѣдняя была у насъ носительницей революціоннаго движенія. Это обстоятельство накладывало, конечно, извѣстный отпечатокъ на физіономію „политическаго арестанта“ прежнихъ десятилѣтій. Это былъ интеллигентъ, сознающій ясно свои задачи, для котораго цѣнность собственнаго человѣческаго достоинства и революціонной чести превалировали надъ цѣнностью личной жизни. Онъ засталъ въ тюрьмахъ подавляющій своей строгостью режимъ одиночнаго заключенія, причемъ въ борьбѣ съ этимъ режимомъ онъ былъ предоставленъ исключительно самому себѣ. Это обстоятельство наложило извѣстный отпечатокъ на форму борьбы, которая прежде всего была борьбой единоличной, борьбой одного противъ темныхъ

Рабочій классъ и соціальдемократическая интеллигенція.

Лучше поздно, чѣмъ никогда.

На нашемъ второмъ съѣздѣ Ленинъ, возражая одному изъ своихъ противниковъ, сказалъ: „Говорятъ: Ленинъ ни о какихъ противоборствующихъ тенденціяхъ не упоминаетъ, а абсолютно утверждаетъ, что рабочее движеніе всегда „идетъ“ къ подчиненію буржуазной идеологіи. Въ самомъ дѣлѣ? А не сказано ли у меня, что рабочее движеніе влечется къ буржуазности *при благосклонномъ содѣйствіи Шульце-Деличей и имъ подобныхъ*[1])“. Спора нѣтъ, это у Ленина, дѣйствительно, сказано. Но это нимало не улучшаетъ положенія дѣла. Само собой разумѣется,— и никто, никогда ни на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, — что *буржуазія* Шульце-Деличей и тѣ „интеллигенты“, которые такъ или иначе, сознательно или безсознательно, раздѣляютъ идеи Шульце-Деличей, старается подчинить пролетаріатъ своему буржуазному идейному вліянію. Мы были бы неопытны въ политикѣ какъ грудные младенцы, если бы мы вообще могли спорить объ этомъ. Но отсюда еще ровно ничего не слѣдуетъ. *Спорный вопросъ заключается именно въ томъ, существуетъ ли такая экономическая необходимость, которая вызываетъ у пролетаріата „потребность въ соціализмѣ“, дѣлаетъ его „инстинктивнымъ соціалистомъ“ и толкаетъ его, — даже въ томъ случаѣ, когда онъ предоставленъ „собственнымъ силамъ“, — на путь соціалистической революціи, несмотря на упорныя и безпрерывныя усилія буржуазіи подчинить его своему идейному вліянію.* Ленинъ отрицаетъ это, вопреки ясно выраженному мнѣнію всѣхъ теоретиковъ научнаго соціализма. И въ этомъ заключается его огромная ошибка, его теоретическое грѣхопаденіе, еще больше и еще ярче оттѣняемое его крайне неудачной ссылкой на Шульце-Деличей“.

Въ самомъ дѣлѣ, что представляютъ собою эти господа „Шульце Деличи и имъ подобные“? На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Они — тоже „интеллигенція“, но только интеллигенція, оставшаяся вѣрной буржуазіи, не перешедшая на сторону пролетаріата. Что выйдетъ, если мы примемъ въ соображеніе, — что мы непремѣнно должны сдѣлать, — вліяніе *этой* интеллигенціи? То, что историческая роль пролетаріата *всегда опредѣляется интеллигенціей того или другого образа мыслей, а собственныхъ* стремленій, порождаемыхъ экономическими особенностями его *собственнаго* положенія, у этого несчастнаго класса, жестоко обдѣленнаго исторіей, совсѣмъ не полагается: онъ инертенъ, какъ дохлый оселъ, чтобы употребить здѣсь энергичное выраженіе Рабле. Это ли хотѣлъ сказать Ленинъ? Если да, то онъ запутался еще больше, потому, что сказать это можетъ только тотъ, кто не понялъ того, что говоритъ научный соціализмъ объ исторической миссіи пролетаріата.

Итакъ, главный *доводъ, приведенный Ленинымъ на съѣздѣ, говоритъ не за него, а противъ.*

Я не даромъ и вовсе не вслѣдствіе полемическаго увлеченія сказалъ выше, что Марксу взглядъ Ленина на отношеніе пролетаріата къ интеллигенціи показался бы новой разновидностью взглядовъ Бруно Бауэра на отношеніе „*критики*“ къ „*массѣ*“. Это непремѣнно такъ и было бы на самомъ дѣлѣ. Вспомните, что говоритъ Марксъ о взглядѣ Бруно Бауэра.

Этотъ „критикъ“ исходилъ изъ абсолютнаго идеализма Гегеля, подвергая его своей критикѣ. Между тѣмъ, какъ у Гегеля исторію творитъ абсолютный Духъ, у Бруно-Бауэра мѣсто абсолютнаго духа занимаетъ, по замѣчанію Маркса, критическая критика, „Бруно Бауэръ объявляетъ Критику абсолютнымъ духомъ, а себя критикой. Какъ элементъ критики изгоняется изъ массы, такъ элементъ массы изгоняется изъ критики. Критика воплощается, поэтому, не въ массѣ, а въ небольшой горсти избранниковъ, въ г. Бруно Бауэрѣ и его послѣдователяхъ[1].

Къ чему же это приводитъ? А вотъ къ чему.

„По одну сторону сидитъ Масса, какъ пассивный, неодухотворенный и неисторическій матеріальный элементъ исторіи. По другую сторону сидитъ: Духъ, Критика, г. Бруно Бауэръ и комп., въ качествѣ активнаго элемента, отъ котораго исходитъ всякое историческое дѣйствіе[2])“.

Знакомая картина! Какъ разъ это самое видимъ мы у Ленина: по одну сторону стоитъ рабочая масса, какъ пассивный элементъ, не имѣющій собственнаго движенія и направляющійся туда, куда его ведутъ иногда „Шульце-Деличи“, а иногда соціалистическая интеллигенція. По другую сторону сидитъ: интеллигенція, соціализмъ, Ленинъ и компанія, въ качествѣ активнаго элемента, къ дѣятельности котораго пріурочиваются всѣ шансы освободительнаго движенія пролетаріата и соціалистической революціи.

Во взглядѣ Ленина мы видимъ не *марксизмъ*, а, — прошу прощенія за некрасиво звучащее слово, — *бауэризмъ*, новое изданіе *теоріи героевъ и толпы*, исправленное и дополненное сообразно рыночнымъ требованіямъ самоновѣйшаго времени[3]).

Теорія героевъ и толпы, несостоятельная сама по себѣ и получающая нѣкоторую степень внѣшняго правдоподобія лишь въ эпохи неразвитого состоянія борьбы общественныхъ классовъ, ведетъ къ весьма важнымъ неудобствамъ въ практикѣ профессіональныхъ революціонеровъ.

Марксъ говоритъ, что Бруно Бауэръ, поправляя Гегеля „объявилъ Критику абсолютнымъ духомъ, а себя самого Критикой“. Представьте же себѣ, что подобная „Критика“ берется за политическую дѣятельность, за осуществленіе извѣстнаго практическаго плана. Такъ какъ она объявляетъ себя единственнымъ активнымъ элементомъ исторіи, то она считается съ массой лишь постольку, поскольку надѣется, что та будетъ служить въ ея рукахъ сильнымъ, но послушнымъ орудіемъ и пойдетъ туда, куда угодно будетъ вести ее „сознательной“ госпожѣ Критикѣ. Впрочемъ, до сколько нибудь серьезнаго вліянія на массу эта „сознательная“ госпожа обыкновенно и не доходитъ, да и дойти ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Противъ одного кружка избранниковъ возстаютъ другіе кружки, исполненные столь же наивнаго и непреклоннаго самомнѣнія, и между ними начинается рядъ жесточайшихъ ссоръ и безпощаднѣйшихъ столкновеній, которыя сосредоточиваютъ на себѣ все ихъ вниманіе, поглощаютъ всѣ ихъ силы и парализуютъ всѣ ихъ усилія. Вмѣсто широкой, освободительной *классовой политики*, является узкое и жалкое *кружковое политиканство*, лишь тогда смѣняющееся болѣе широкимъ образомъ мыслей и болѣе разумнымъ способомъ дѣйствій, когда усиливающееся и крѣпнущее *движеніе массы* воочию показываетъ, наконецъ, всю смѣшную ограниченность кружковыхъ „диктаторовъ“ и всю жалкую тщету ихъ усилій. Практика марксизма несовмѣстима съ теоріей героевъ и толпы; теорія героевъ и толпы несогласима съ практикой марксизма. И вотъ почему Марксъ и Энгельсъ питали такое глубокое отвращеніе къ этой теоріи какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не выходили за предѣлы отвлеченной „Критики“, такъ, — и особенно, — тогда, когда ею вдохновлялись въ своей практической дѣятельности крошечные мессіи и миніатюрные „диктаторы“ разныхъ странъ и всевозможныхъ направленій. Въ разговорахъ со мной, — да и не только со мной, — Энгельсъ не разъ и настойчиво указывалъ на то, что въ Россіи, благодаря начинающемуся въ ней рабочему движенію, уже миновала старая заговорщическая практика *нечаевщины и бакунизма*[1]). Но мы не отдѣлаемся отъ этой устарѣлой практики вплоть до тѣхъ поръ, пока мы не покончимъ съ теоріей героевъ и толпы въ новомъ, — и, будемъ надѣяться, послѣднемъ, — видоизмѣненіи, т. е. пока мы не раздѣлаемся съ ученіемъ Ленина о „*стихійности массъ и сознательности соціальдемократіи*“. Это ученіе въ значительной степени окрасило собою „*четвертый періодъ*“ нашего движенія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отодвинувъ насъ назадъ сравнительно съ третьимъ его періодомъ.

Чтобы „ликвидировать“ четвертый періодъ, безусловно необходимо прежде всего всецѣло проникнуться сознаніемъ полнѣйшей несостоятельности этого ученія. Это conditio sine qua.

Изгнавъ соціализмъ изъ массы, а массу изъ соціализма, Ленинъ объявилъ соціалистическую интеллигенцію Деміургомъ соціалистической революціи, а самого себя и своихъ вѣрныхъ безпрекословныхъ послѣдователей -- соціалистической интеллигенціей по преимуществу, такъ сказать *сверхъ*-интеллигенціей. Всѣхъ „несогласно-мыслящихъ“ онъ обвиняетъ въ анархическомъ индивидуализмѣ и, въ борьбѣ съ ними, онъ аппелируетъ къ той самой *массѣ*, которая въ его теоріи играетъ, какъ мы видѣли, роль пассивной *матеріи*. Онъ съ негодованіемъ бьетъ себя въ грудь и, полный благороднаго гнѣва, кричитъ, что только пролетаріатъ понимаетъ все значеніе организаціи и дисциплины. Такого рода криками переполнена его новая брошюра „*Шагъ впередъ, два шага назадъ*“, въ которой онъ, — *логически развивая свои мысли*, — сдѣлалъ въ то же время, — и именно благодаря своеобразной, но неумолимой логикѣ этихъ мыслей, — *много шаговъ назадъ*, даже сравнительно съ брошюрой „*Что дѣлать?*“.

Аппеляція Ленина къ пролетаріату напомнила мнѣ тѣ воззванія, съ которыми время отъ времени обращаются къ народу наши „охранители“. Съ точки зрѣнія „охранителя“ народъ силъ русскаго правительства. Это привело и въ тюрьмахъ все къ той же формѣ протеста: къ террору. Правда, это былъ терроръ столько же трагическій, сколько и своеобразный: своими мученіями, своей смертью стремились герои-мученики революціи заставить русскихъ палачей человѣчнѣе регламентировать тюремный режимъ. Что такое самоубійство Клѣточникова, Грачевскаго, Софьи Гинзбургъ, пощечины Мышкина и Минакова, за которыя они были повѣшены, и еще самоубійства многихъ другихъ товарищей, сидѣвшихъ по разнымъ тюрьмамъ, какъ не террористическіе акты, направленные однимъ концомъ на самихъ себя, другимъ на правительство. Для совмѣстныхъ дѣйствій въ тюрьмахъ нужны два условія: большое сравнительно количество сидящихъ и возможность сговориться, съорганизоваться. Эти два условія, по общему правилу, отсутствовали въ то время. Но не смотря на то, что каждый изъ сидящихъ былъ предоставленъ самому себѣ, мы все-таки, благодаря высокому уровню сознательности революціонера семидесятыхъ годовъ и его непобѣдимому идеализму, были обезпечены не только отъ приниженія личности русскаго революціонера, но добились уваженія со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества и даже враговъ. Это одинъ результатъ. Другой же состоитъ въ томъ, что ихъ упорная борьба привела и къ непосредственнымъ улучшеніямъ тюремнаго режима. Героическая борьба въ застѣнкахъ, столько случаевъ самоубійствъ, смертей и сумашествій всколыхнули русское общество, получили должное освѣщеніе въ европейской печати, и правительство должно было пойти на уступки. Правда, эти улучшенія не узаконялись, не распространялись на всѣ тюрьмы, оставляя, какъ и теперь, широкій просторъ для произвола, но, все таки, въ самой системѣ одиночнаго заключенія была разъ навсегда пробита основательная брешь.

---

[1]) См. 131 стр. Протоколовъ съѣзда. Курсивъ въ подлинникѣ.

[1]) Die heilige Familie, s. 187.

[2]) Тамъ же, стр. 188.

[3]) Интересно, что даже буржуазный Зомбартъ идетъ дальше соціальдемократа Ленина, признавая, что образъ жизни рабочаго „необходимо“ (mit Nothwendigkeit) вызываетъ у него стремленіе къ соціализму (См. Sozialismus und Soziale Bewegung im 19 Jahrhundert, dritte Auflage, s. 8). Почуявъ въ Ленинѣ сторонника теоріи героевъ и толпы, „соціалисты-революціонеры“ поспѣшили, какъ извѣстно, объявить его близкимъ къ народовольцамъ. Онъ заслужилъ это, извративъ марксизмъ. Но, конечно, въ программномъ отношеніи онъ всетаки очень далекъ отъ народовольцевъ, потому что у него дѣятельность „героевъ“ необходимо предполагаетъ *пролетарскую* толпу.

[1]) Читатель знаетъ, вѣроятно, что на практикѣ *анархистъ* Бакунинъ былъ такимъ же рѣшительнымъ и неуступчивымъ *централистомъ*, какъ и *марксистъ* Ленинъ.

Товарищи, переполняющіе теперь сотнями россійскія тюрьмы, застали въ нихъ традицію борьбы, какъ наслѣдство прежнихъ поколѣній, и тотъ смягченный режимъ, особенно въ крупныхъ городахъ, который, при большихъ или меньшихъ усиліяхъ сидящихъ, приводитъ къ возможности сговориться и вести борьбу за многія общія требованія сообща и систематически. Кромѣ того, въ тюрьмахъ фабричныхъ и университетскихъ центровъ „политическіе“ сидятъ теперь постоянно въ такомъ большомъ количествѣ, что съ ними приходится считаться и какъ съ физической силой. Но зато предъ революціонерами нашихъ дней встала такая серьезная и сложная задача, которую прежнія поколѣнія революціонеровъ не знали. Въ чемъ же состоитъ эта задача? Отвѣтить на этотъ вопросъ возможно полнѣе, это значитъ выяснить тѣ характерныя особенности современной застѣночной борьбы, которыя порождены настоящимъ уровнемъ рабочаго движенія.

Знаменитый мартовскій провалъ 98 года открылъ собою безпримѣрную эру массовыхъ обысковъ и арестовъ. Чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ все болѣе и болѣе эти массовые аресты учащаются и тѣмъ больше черпаетъ жандармерія свои жертвы изъ рабочей среды. Можно сказать съ увѣренностью, что число рабочихъ заключенныхъ и ссыльныхъ далеко превышаетъ число интеллигентовъ. Конечно, для насъ это только радостное знаменіе времени. Но при массовыхъ арестахъ жандармерія хватаетъ громадный процентъ „безсознательныхъ“[1] рабочихъ или „малосознательныхъ“, не мало также и совершенно случайныхъ „интеллигентовъ“. Дѣленіе заключенныхъ на интеллигентовъ и рабочихъ подсказало тюремному начальству, руководимому постоянно „высшими соображеніями“, излюбленный принципъ русскаго правительства: divide et impera, раздѣляй и властвуй. Въ разныхъ мелочахъ даже оно стремится подчеркнуть разницу въ своихъ отношеніяхъ къ „интеллигенту“ и къ „рабочему“, начиная съ грубаго обращенія съ послѣдними на „ты“, кончая разными мелкими придирками и насмѣшками. Особенно нагло это практикуется въ Литовскомъ и Польскомъ краѣ по отношенію къ польскому и еврейскому пролетаріату.

Вотъ въ силу всего этого, для современнаго сознательнаго элемента тюремъ создалась сложная задача: *безпрестанно защищать свое личное достоинство, и заставлять окружающее начальство считаться съ революціонной честью всѣхъ и каждаго въ отдѣльности.* Но здѣсь то, какъ и во всей политической борьбѣ, невозможно добиться чего-либо, борясь *за* рабочихъ: маломальски значительная побѣда возможна только при непосредственномъ *сознательномъ* участіи въ борьбѣ всей массы сидящихъ. А чтобы достичь этого, революціонеры должны и въ тюрьмахъ выполнять серьезную задачу: тутъ же, въ тюрьмѣ, „сѣрые“ элементы сдѣлать сознательными борцами съ самодержавіемъ, сознательными революціонерами. Не добиваться этого, цѣною какихъ угодно усилій, значитъ допустить полное приниженіе революціоннаго достоинства, а, слѣдовательно и своего, въ частности. И *я*, на основаніи недавняго двухлѣтняго пребыванія въ тюрьмахъ и встрѣчъ съ многими десятками товарищей въ ссылкѣ, пришедшихъ съ разныхъ концовъ Росіи, могу сказать, что именно такая борьба, во имя развитія сознанія товарищей, слишкомъ оторванныхъ отъ дѣла, и ведется во многихъ тюрьмахъ. Кто знакомъ съ современной жизнью большихъ тюремъ, тотъ знаетъ, что въ „мирное время“ тамъ ведутся дискуссіи по разнымъ наболѣвшимъ вопросамъ нашего движенія, читаются лекціи, рефераты, поются революціонныя пѣсни, открыто празднуется первое мая. Прошло то время когда изъ тюремъ выходили поэты, ученые, теперь онѣ обратились въ академіи революціонеровъ: научаютъ насъ смотрѣть смерти въ глаза, даютъ намъ героевъ изъ народа. Но, чтобы быть увѣреннымъ, что каждый „сидящій“ есть и останется революціонеромъ, надо, чтобы онъ растущее и развивающееся здѣсь свое революціонное самосознаніе закрѣплялъ сознательными актами борьбы за свое человѣческое достоинство, благо поводовъ для борьбы въ тюрьмѣ, когда къ тебѣ безпрестанно лѣзутъ грязными лапами въ твою душу, всегда сколько угодно. Борьба эта тѣмъ болѣе можетъ быть сознательной со стороны всѣхъ ея участниковъ, что приступаютъ къ ней теперь обыкновенно не иначе, какъ послѣ долгихъ обсужденій, причемъ всѣ вопросы, какъ формы борьбы и пр., рѣшаются большинствомъ голосовъ. Приведу одинъ небольшой примѣръ. Въ 1902 году въ Одессѣ „начальство“, видя, что всѣ бѣды истекаютъ изъ того, что между заключенными существуетъ тѣсное открытое общеніе, рѣшило положить конецъ этому устройствомъ такихъ особыхъ щитовъ у оконъ, которые не дали бы возможность разговаривать черезъ окна. Сказано — сдѣлано. Приступили къ установленію такихъ щитовъ въ двухъ свободныхъ камерахъ. Тогда сидѣло около 300 политическихъ, размѣщенныхъ въ двухъ корпусахъ. Каждый корпусъ выбралъ себѣ предсѣдателя, и всѣ тотчасъ же приступили къ обсужденію вопроса, какъ реагировать, если начнутъ устраивать щиты въ камерахъ политическихъ. Три дня продолжались засѣданія у рѣшетокъ оконъ съ небольшими перерывами въ полчаса на обѣдъ. Высказывались *обязательно всѣ.* Не было ни одного голоса противъ борьбы, всѣ высказались за самыя крайнія формы сопротивленія. Все это время у дверей каждаго говорящаго останавливалась куча начальства, внимательно вслушиваясь. Твердо принятое всѣми рѣшеніе, и та степень сознательности и готовности, которыя звучали въ словахъ каждаго, заставило тюремную администрацію отказаться отъ задуманнаго плана и дать торжественно честное слово не устанавливать такихъ щитовъ. И дѣйствительно, о нихъ и по сю пору помину нѣтъ. Въ каждой такой борьбѣ на первомъ планѣ, по важности, стоятъ не практическіе результаты, не побѣда, которая можетъ быть и не быть, а важно и знаменательно то, что масса полусознательныхъ рабочихъ, которая теперь составляетъ не менѣе 50% всѣхъ сидящихъ, участвуетъ въ непосредственной борьбѣ съ правительствомъ, проходя здѣсь такую революціонную школу, которую они на волѣ, навѣрное, не проходили. Съ этой именно стороны наша тюремная борьба является отраженіемъ роста нашего движенія и прямымъ продолженіемъ его. Многіе товарищи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ такъ разсуждаютъ: „борьба въ тюрьмахъ страшно опустошительна: какъ мы будемъ бороться въ тюрьмѣ? Голодовкой или бунтомъ? Но въ первомъ случаѣ — медленное, но вѣрное разрушеніе здоровья, во второмъ — прибытіе роты-другой солдатъ, а значитъ, избіеніе и униженіе, да ничѣмъ нельзя быть гарантированнымъ и отъ выстрѣловъ. А не лучше ли сохранять свои силы, и потомъ ужъ вновь на свободѣ „работать“ и т. д. и т. д. Нечего и говорить, что такое разсужденіе и крайне поверхностно, и въ высшей степени „оппортунистично“, и въ сущности ничего больше, какъ громкія, но пустыя слова, которыя такъ не къ лицу революціонеру. Если бы мы не вели безпрестанной и упорной борьбы въ тюрьмахъ, намъ пришлось бы констатировать поразительное приниженіе личности революціонера и выносить самую отчаянную нравственную атмосферу. Задаютъ еще весьма часто такой вопросъ: когда можно остановиться въ своей тюремной борьбѣ? Вѣдь не вести же въ самомъ дѣлѣ ежеминутно за всякую мелочь безпрерывную борьбу? На этотъ вопросъ *я* отвѣчу: У насъ теперь есть точный критерій, съ которымъ мы можемъ подходить къ каждому случаю застѣночной борьбы. *Мы должны во всѣхъ тюрьмахъ добиваться такого смягченія одиночнаго заключенія, которое не препятствовало бы свободному общенію между заключенными.* Это свободное общеніе должно быть использовано, какъ въ смыслѣ пропагандистскаго воздѣйствія на малосознательные элементы, такъ и въ смыслѣ самоорганизаціи на случай борьбы. *Мы должны добиваться безусловно одинаковаго вѣжливаго обращенія со всѣми товарищами со стороны какъ высшаго, такъ и низшаго начальства тюрьмы, а также и на допросахъ со стороны жандармеріи.* Тамъ, гдѣ это будетъ достигнуто, намъ остается вести только оборонительную политику. Я особенно настаиваю на послѣднемъ, и вотъ почему. Въ послѣднее время сплошь и рядомъ въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ ведется борьба, приходится констатировать явленіе такого рода: нѣкоторые товарищи, пользующіеся извѣстнымъ вліяніемъ на заключенныхъ, но не имѣющіе достаточно политическаго такта, настолько увлекаются своей „руководящей“ ролью, что держатъ тюрьму въ безпрерывномъ напряженномъ состояніи борьбы: изъ-за каждаго пустяка, каждой мелочи призываютъ они то къ голодовкѣ, то къ „стуку“, то къ разгрому тюрьмы. Это, въ свою очередь, дѣйствуетъ крайне дурно на тѣхъ товарищей, которые неспособны критически относиться ни къ чужимъ, ни къ собственнымъ поступкамъ. Изъ за каждаго отдѣльнаго неудовлетворенія малѣйшаго требованія, изъ-за каждой случайной стычки съ какимъ-нибудь тюремнымъ надзирателемъ, начинаютъ иной разъ борьбу, чаще всего въ формѣ голодовки. Это приводитъ къ самому отрицательному явленію въ нашей современной тюремной жизни. Начиная борьбу изъ-за пустяка, „масса“ на другой, въ крайнемъ случаѣ на третій день голодовки сама же быстро разочаровывается, устаетъ, — и, одинъ за другимъ, заключенные начинаютъ принимать пищу. Такимъ образомъ, они не только дискредитируютъ самихъ себя, но и такое крайнее средство борьбы, какъ голодовку. Тюремное начальство слишкомъ привыкаетъ къ такой формѣ борьбы и никакого вниманія не обращаетъ на нее, ибо у него слишкомъ много прецедентовъ, когда заключенные одинъ за другимъ, ничего не добившись, начинаютъ отступать. Такая безсмысленная борьба вноситъ полнѣйшее разложеніе въ тюремную атмосферу, является постыднымъ приниженіемъ революціоннаго дѣла. Соглашаясь на голодовку, надо сказать себѣ: „или медленная смерть, или побѣда“, какъ это говорило и дѣлало старшее поколѣніе 70-хъ годовъ. Безсмысленная борьба безъ увѣренности, что доведешь ее до конца, такъ же вредна, какъ и полное отсутствіе борьбы. Нечего говорить, что такое отсутствіе критическаго чутья, политическаго такта, является раньше всего слѣдствіемъ отсутствія всякаго политическаго воспитанія, приниженія революціоннаго рабочаго дѣла на волѣ. Но здѣсь, въ тюрьмѣ, гдѣ труднѣе всего исправлять свои ошибки, этого надо больше всего опасаться. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ своей тюремной борьбы мы должны руководствоваться тѣми *общими* нашими интересами, которые я указалъ и подчеркивалъ выше. Если борьба не имѣетъ своей цѣлью завоеванія такого режима въ тюрьмѣ, который гарантировалъ бы неприкосновенность личнаго достоинства каждаго товарища и свободу общенія между заключенными, которая нами должна быть использована прежде всего для пропагандистскихъ цѣлей, она перестаетъ быть *общимъ* дѣломъ, теряетъ свою общественную цѣнность и значеніе. Это ужъ не борьба, а игра въ „голодовку“, въ „стукъ“, приводящая, какъ я сказалъ выше, къ полному приниженію революціоннаго дѣла.

Товарищи! Сейчасъ, когда я пишу эти строки, русскія газеты принесли извѣстіе, непосредственно касающееся насъ, а именно: изданъ указъ о томъ, чтобы по отношенію къ совершившимъ государственное преступленіе измѣнить существовавшій до сихъ поръ порядокъ судопроизводства, примѣнивъ къ нимъ новое уложеніе. Это значитъ, что теперь не только тюрьмы, но и каторга и арестантскія роты будутъ переполняться нами. Но это должно также значить, что и въ арестантскихъ ротахъ, на каторгѣ мы будемъ добиваться того же, что и въ тюрьмахъ. Въ 1901 г. въ одной изъ тюремъ я встрѣтился съ двумя польскими товарищами, осужденными за убійство шпіона къ смертной казни, которая впослѣдствіи была замѣ-

---

[1] Употребляю этотъ терминъ въ обычномъ жаргонномъ смыслѣ этого слова.

— именно неисторическій элементъ исторіи, движимый бдительнымъ и мудрымъ попеченіемъ высшихъ классовъ. Но едва только эти классы начинаютъ хоть немного сочувствовать „вольнолюбивымъ“ идеямъ, „охранители“ немедленно вспоминаютъ о народной мудрости и грозятъ, что, вдохновляемый этой мудростью, народъ, „своимъ судомъ“, въ прахъ разнесетъ вольнолюбцевъ. У нихъ, какъ и у Ленина, народная масса служитъ главнымъ образомъ для того, чтобы пугать и „покорять подъ нози“ всякаго, — внутренняго или внѣшняго, — „врага и супостата“…

Говоря все это, я чувствую, что читатель собирается сдѣлать мнѣ весьма серьезный упрекъ. „Если это такъ, — думаетъ онъ, — если взглядъ Ленина до такой степени ошибоченъ и вреденъ; если онъ противорѣчитъ научному соціализму, то почему же вы до сихъ поръ молчали? Почему вы раньше не обнаружили ошибочности и вредоносности этого взгляда? Или вы сами только теперь убѣдились въ его ошибочности и вредоносности?“.

Отвѣчаю: нѣтъ, не только теперь. Я находилъ его невѣрнымъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я ознакомился съ нимъ. Когда я прочиталъ рукопись брошюры „Что дѣлать?“, я сейчасъ же сказалъ Ленину и другимъ членамъ нашей редакціонной коллегіи, что я вижу въ ней довольно много теоретическихъ ошибокъ. Что касается въ частности „стихійности“ и „сознательности“, то я замѣтилъ Ленину, что эта послѣдняя является у него, — по извѣстному выраженію Гегеля, — wie aus der Pistole geschossen, и я настаивалъ на передѣлкѣ мѣстъ, казавшихся мнѣ неправильными. Ленинъ возразилъ мнѣ, что брошюра выходитъ за его подписью и что этимъ съ редакціи снимается значительная доля отвѣтственности за нее. Въ то же время нѣкоторые товарищи по редакціи говорили, что я отношусь къ Ленину слишкомъ строго и что хотя онъ иногда выражается неудачно, но на самомъ дѣлѣ твердо держится ортодоксальнаго марксизма. Этотъ доводъ показался мнѣ не лишеннымъ убѣдительности. Я никогда не считалъ Ленина сколько нибудь выдающимся теоретикомъ и всегда находилъ, что онъ органически неспособенъ къ діалектическому мышленію. Но я думалъ, что онъ все таки дорожитъ интересами теоріи, и что теорія, интересы которой ему дороги, есть все таки *теорія научнаго соціализма.* Онъ представлялся мнѣ, — если употребить выраженія, часто встрѣчавшіяся въ этой статьѣ, — болѣе *инстинктивнымъ,* чѣмъ *сознательнымъ* марксистомъ; но я вѣрилъ въ благодѣтельную силу его „ортодоксальнаго“ *инстинкта* и надѣялся, что онъ лучше усвоитъ если не *методъ,* то *выводы* марксизма, — вещь доступная даже для *метафизика,* — когда въ его голову *извнѣ* проникнетъ болѣе ясное марксистское *сознаніе.* При томъ же Ленинъ, отстаивая свои позиціи, все таки обѣщалъ „исправить“ указанныя ему мною несостоятельныя мѣста своей брошюры. Наконецъ, — last not least, — могъ ли я думать, что найдется много такихъ читателей, которымъ особенно понравятся ошибочныя мѣста этой брошюры, именно слабыя стороны міросозерцанія ея автора? Теперь, наученный горькимъ опытомъ, я знаю, что если въ данномъ литературномъ произведеніи одновременно встрѣчаются очень вѣрныя и очень ошибочныя мнѣнія, то одобрены будутъ нашими читателями прежде всего не тѣ мнѣнія, которыя вѣрны, а тѣ, которыя ошибочны; но тогда я еще не зналъ этой печальной истины и больше, чѣмъ теперь, полагался на собственное сужденіе читателя. Я надѣялся, что наши „практики“ усвоятъ себѣ изъ брошюры „Что дѣлать?“ тѣ полезныя, хотя вовсе не оригинальныя мысли, что организація для насъ необходима и что соціальдемократія не можетъ обойтись безъ политической борьбы ни на одной изъ „стадій“ своей исторіи, но что они и безъ моихъ указаній замѣтятъ слабость тѣхъ теоретическихъ доводовъ, съ помощью которыхъ Ленинъ отстаивалъ эти почтенныя, но весьма уже пожилыя истины. А такъ какъ разногласій въ нашей соціальдемократической литературѣ и безъ того было слишкомъ много, и такъ какъ плодить ихъ безъ настоятельной практической надобности было по меньшей мѣрѣ излишне, то я рѣшился не выступать публично противъ Ленина. Но что я далеко не былъ удовлетворенъ его взглядами, это лучше всего видно изъ того, что однажды, — находясь подъ впечатлѣніемъ его брошюры, а также моихъ продолжительныхъ споровъ съ нимъ по поводу составлявшагося тогда проекта нашей программы; — высказалъ товарищу Мартову свое опасеніе того, что „теперь начинается у насъ борьба метафизическаго марксизма Тулина съ діалектическимъ матеріализмомъ Бельтова“[1]. Товарищъ Мартовъ, вѣроятно, не забылъ этого разговора. Помнитъ онъ, надѣюсь, и то, что хотя онъ и старался успокоить меня на этотъ счетъ, но я далеко не былъ покоенъ.

Когда брошюра „*Что дѣлать?*“ вышла въ свѣтъ, то оказалось, что Ленинъ въ ней почти ровно ничего не измѣнилъ. Это, разумѣется, не понравилось мнѣ, и въ теченіе нѣкотораго времени наши взаимныя отношенія были очень натянуты. Но потомъ они стали улучшаться. Проведя осенью 1902 года болѣе мѣсяца въ Лондонѣ, гдѣ издавалась тогда „*Искра*“, я изъ довольно частыхъ разговоровъ съ Ленинымъ вынесъ то убѣжденіе, что марксистское *сознаніе* въ самомъ дѣлѣ быстро проникаетъ въ его голову и что точка зрѣнія брошюры „Что дѣлать?“ для него самого является „превзойденной“ точкой зрѣнія. Потомъ, когда произошла знаменитая ростовская стачка, я написалъ въ „*Искру*“ двѣ статьи, въ которыхъ нарочно снова поднималъ вопросъ объ отношеніи въ нашемъ дѣлѣ *героевъ* къ *толпѣ* и рѣшалъ его совсѣмъ не по-Ленински. Насколько было мнѣ извѣстно, Ленинъ не дѣлалъ въ засѣданіяхъ редакціи никакихъ возраженій противъ этихъ моихъ статей. Это еще болѣе убѣждало меня въ томъ, что нашъ *инстинктивный* ортодоксъ все болѣе и болѣе становится *сознательнымъ.* Наконецъ, въ одной двухъ позднѣйшихъ статьяхъ мнѣ случилось, — *по другому поводу,* — опровергать и осмѣивать многіе изъ тѣхъ узко-метафизическихъ доводовъ, которые когда-то выдвигалъ Ленинъ во время нашихъ споровъ о нашемъ проектѣ программы[2]. И эти статьи встрѣтили со стороны Ленина не возраженія, а скорѣе похвалы. Все это не оставило у меня ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ сдѣлалъ въ своемъ развитіи нѣсколько очень значительныхъ „*шаговъ впередъ*“ и покинулъ свои старыя ошибки.

Съ этимъ впечатлѣніемъ я поѣхалъ на нашъ съѣздъ, гдѣ мнѣ пришлось, между прочимъ, принять участіе въ преніяхъ по поводу того самаго взгляда Ленина, который я критиковалъ въ настоящей статьѣ. Убѣжденный въ томъ, что Ленинъ уже отказался отъ этого взгляда, я не считалъ нужнымъ его оспаривать и пытался даже прекратить относившіеся къ нему пренія, какъ совершенно безполезныя при обсужденіи *нашей программы.* Не надѣясь, однако, что мнѣ удастся это, я сталъ, — какъ говорятъ французы, — plaider les circenstances attenuantes: „Ленинъ, — сказалъ я, — писалъ не трактатъ по философіи исторіи, а политическое произведеніе. Другими словами это значило, что съ точки зрѣнія философско-исторической, — съ какой я разсматривалъ его, напримѣръ, здѣсь, — взглядъ Ленина не выдержалъ бы критики. Если не ошибаюсь, тов. Мартовъ тогда же понялъ эти мои объясненія въ томъ смыслѣ, что я въ мягкой формѣ объявилъ себя не солидарнымъ съ Ленинымъ, какъ авторомъ брошюры „Что дѣлать?“, и это было вѣрно. Но на съѣздѣ я заботился главнымъ образомъ не о томъ, чтобы отклонить отъ себя эту отвѣтственность за брошюру „Что дѣлать?“, а о томъ, чтобы не плодя излишнихъ споровъ и разногласій, найти теоретически-вѣрную формулу, которая могла бы объединить какъ мнѣніе нападавшаго на Ленина тов. Мартынова, такъ и тотъ новый взглядъ, который, — какъ мнѣ казалось тогда, — сталъ раздѣлять Ленинъ подъ вліяніемъ постепенно пріобрѣтаемаго имъ *извнѣ* соціальдемократическаго *сознанія.* „Вы говорите, — возражалъ я тов. Мартынову, — что соціализмъ вырабатывается всѣмъ пролетаріатомъ, включая сюда и сознательную его часть, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые перешли на его сторону. Если вы хотите сказать это, то я не вижу основанія разводиться не только съ Ленинымъ, но и съ вами“.

Эта послѣдняя формулировка ставила всѣхъ насъ на теоретически правильную точку зрѣнія, совсѣмъ не затрагивая вопроса о томъ, насколько ошибся Ленинъ въ своей брошюрѣ. Если бы мы взялись обстоятельно разбирать этотъ вопросъ, то мнѣ пришлось бы, оспаривая Ленина, возразить также и нападавшимъ на него товарищамъ, такъ какъ имъ не удалось обнаружить именно самую слабую сторону его сужденій. Но разсмотрѣніе этого вопроса казалось мнѣ неумѣстнымъ при обсужденіи нашего проекта, выработаннаго *не* Ленинымъ — и вообще излишнимъ: вѣдь самъ Ленинъ, сдѣлавшій упомянутую выше очень неудачную попытку оправдаться, самъ сознался, что въ спорѣ съ экономистами онъ зашелъ *слишкомъ далеко* и „*перегнулъ палку въ другую сторону*“; изъ за чего же было спорить и горячиться? Намъ оставалось только заключить въ свои объятія сына, бывшаго нѣкогда *блуднымъ въ теоріи* и заколоть жирнаго тельца по случаю просіянія Ленинскаго „*сознанія*“.

Правда, въ своемъ стремленіи прекратить споръ о разногласіи, принадлежавшемъ, — по моему *тогдашнему* мнѣнію, — къ области безвозвратно минувшаго *прошлаго,* я самъ зашелъ слишкомъ далеко, черезъ чуръ *обѣляя* Ленина. Иногда я говорилъ такъ, какъ говорятъ няньки о напроказившихъ дѣтяхъ, которыхъ онѣ хотятъ исправить, не прибѣгая къ *наказанію:* „это не Ваня (или, тамъ, не Володя) шалилъ, это шалила кошка, а Володя (или, тамъ, Ваня) — умный мальчикъ, онъ шалить не будетъ“. Этотъ старый педагогическій пріемъ былъ ошибкой, о которой я теперь очень сожалѣю; теперь я вижу, что гораздо полезнѣе для дѣла было бы тогда же выставить въ яркомъ свѣтѣ теоретическія шалости брошюры „Что дѣлать?“. Если кто-нибудь изъ товарищей захочетъ упрекнуть меня за эту ошибку, то я спорить и прекословить отнюдь не буду. Но я скажу себѣ въ утѣшеніе: меня такъ часто упрекали въ страсти къ *спорамъ,* что не дурно, пожалуй, для разнообразія, выслушать упрекъ за излишнее *миролюбіе.*

Кстати о моей любви къ спорамъ. Съ г. Струве и „экономистами“ я тоже началъ спорить только тогда, когда убѣдился, что ихъ *теоретическія* ошибки и софизмы (г. Струве) могутъ имѣть для насъ вредныя *практическія* послѣдствія. Поспорить изъ-за „*чистой теоріи*“ я, правда, всегда не прочь; но многія и многія причины часто вынуждали меня воздерживаться отъ этого удовольствія. Энгельсъ справедливо сказалъ, что теоре-

---

[1] **Тулинъ** — авторъ одной изъ статей въ сборникѣ „*Матеріалы къ характеристикѣ экономическаго развитія Россіи*“, напечатанномъ весною 1896 г. и тогда же запрещенномъ цензурой. Отъ его статьи на двѣ версты несло метафизикой.

[2] Этихъ статей я не могу назвать *по независящимъ отъ меня причинамъ.*

нена для нихъ катор
тыми головами. Одинъ
прочимъ, слѣдующее:
эти кандалы, потому что
другихъ товарищей, я вс
Въ предреволюціонный пе
пребываніе въ тюрьмѣ бо
чѣмъ гдѣ либо, означаетъ
и дѣйствія наши здѣсь до
и ясны, какъ и дѣйствія
одинъ вопросъ.

гой. Они были въ кандалахъ и съ бри-
изъ нихъ сказалъ на прощаніе, между
Товарищи, съ легкой душой я ношу
вѣрю, что скоро, вмѣстѣ съ тысячью
трѣчусь лицомъ къ лицу съ врагомъ!"
ріодъ, который мы переживаемъ, наше
льшими количествами, покуда болѣе,
встрѣчу съ врагомъ лицомъ къ лицу,
жны быть такъ же точны, открыты
ующаго на баррикадахъ!.. Еще

Какъ же должны себя связать всякія „мѣстныя" организа-
ціи съ товарищами, борющимися въ тюрьмѣ? Ва-
въ самомъ, дѣлѣ предоставить — ѣдь нельзя же,
въ тюрьмѣ наше дѣло. св товарищей, продолжающихъ
словомъ и дѣ имъ себѣ и только себѣ. Надо, и
ясно для омъ, придти имъ на помошь! Это совершенно
всѣхъ — и вопросъ лежитъ всецѣло въ области практическаго разрѣшенія. Извѣстная предпосылка, и очень важная для его разрѣшенія, имѣется: значительно облегченныя сношенія съ тюрьмой. Благодаря этому, легко установить полную возможность для мѣстныхъ оргнизацій знать какъ причины борьбы въ тюрьмѣ, такъ и теченіе ея, количество и настроеніе борющихся, наблюдать за настроеніемъ „начальства" и, по мѣрѣ возможности, узнавать его намѣренія, т. е., какъ оно готовится отвѣтить борющимся. Задачи „мѣстной" организаціи должны сводиться къ безпрестанной поддержкѣ борющихся нравственно и матеріально. Какъ только начинается голодовка, заранѣе извѣщенный комитетъ самъ извѣщаетъ о ней, о ея причинахъ и о количествѣ голодающихъ все населеніе. Если борьба продолжительная, комитетъ долженъ, по мѣрѣ возможности, часто выпускать бюллетени, какъ о самомъ ходѣ борьбы, такъ и о голодающихъ, долженъ стремиться организовать демонстрацію у тюрьмы или въ городѣ. Если борьба должна принять форму открытаго бунта, комитетъ тоже долженъ быть объ этомъ заранѣе оповѣщенъ, чтобы извѣстить населеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, родные и товарищи были у тюрьмы въ то время, когда ихъ братьевъ, сестеръ, сыновей будутъ бить, таскать въ карцеръ, одѣвать въ „сумашедшія" рубахи, для того, чтобы демонстрирующая толпа своимъ присутствіемъ показала солдатамъ, которыхъ будутъ вводить для усмиренія, кого они будутъ усмирять. Вотъ какъ мнѣ представляется возможной раціональная постановка организаціи помощи и дѣйственнаго сочувствія внѣ тюремныхъ стѣнъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиться жиденькой прокламаціей или корреспонденціей post factum! Пора же понять мѣстнымъ организаціямъ, что современная борьба въ тюрьмахъ, болѣе, чѣмъ когда либо, — часть всей нашей революціонной жизни, что молчаливо игнорировать эту борьбу непозволительно, что за невниманіе къ ней каждый будетъ въ отвѣтѣ передъ партіей.

II. Борьба въ ссылкѣ.

Вопросъ о борьбѣ въ ссылкѣ, объ ея необходимости и возможности совершенно не существовалъ за предѣлами разныхъ сибирскихъ колоній. Только ссыльные, непосредственно чувствующіе на себѣ всѣ прелести прозябанья въ медвѣжьихъ углахъ за десятокъ тысячъ верстъ отъ настоящей жизни, ежечасно испытывающіе всю мерзость постояннаго столкновенія съ урядниками и съ нарочито приставленными „надзирателями", по одному на каждыхъ пять ссыльныхъ, — только они, предоставленные самимъ себѣ, судятъ да рядятъ, какъ быть. Недавняя якутская трагедія, послѣдній актъ которой еще не разыгрался, всколыхнула насъ немного и заставила призадуматься. Но опять толки и разсужденія касаются этого факта, взятаго въ отдѣльности, да еще того отрицательнаго поступка 47 ссыльныхъ, который имѣлъ мѣсто въ этой исторіи. Всѣ знали о томъ, что въ послѣднее время „политическихъ" сотнями отправляютъ въ Сибирь, что количество ссыльныхъ возросло здѣсь до 3000 человѣкъ, что Кутайсовскіе циркуляры превращаютъ Сибирь въ каторгу, а, между тѣмъ, ни одного слова о томъ, что такое современная ссылка, каковы ея нужды, какъ ей быть, какъ организоваться для борьбы. Чѣмъ больше росли ея страданія, тѣмъ больше она чувствовала свое круглое сиротство. А между тѣмъ какъ ни ужасна послѣдняя кровавая бойня въ Якутскѣ, она въ сущности только „планомѣрный" результатъ длинной цѣпи фактовъ и явленій.

Физіономія ссылки по тѣмъ же причинамъ, что и тюрьмы, за послѣдніе годы сильно демократизировалась. Сибирскій купецъ, „интеллигентъ", „челдонъ", исправникъ и прочее начальство были поражены этимъ новымъ явленіемъ, не понимали, да и до сихъ поръ не понимаютъ его. Что такое? Сначала все доктора, юристы, учителя, акушерки — все пріятные собесѣдники, можно даже сказать, „знатные иностранцы" — „съ печатью думы на челѣ", а теперь-то какой все „мелкій" народъ пошелъ: сапожники, портные, слесаря... хоть отбавляй. А главное, еще куда не глянь — все „жиды"[1]. Это явленіе сразу измѣнило отношеніе къ ссылкѣ. А тутъ еще на помощь населенію и сибирскому начальству посыпались прямыя и косвенныя разъясненія свыше, что съ рабочими церемониться нечего — та- — имѣло распоряженіе выдавать сосланнымъ охран-

кой смыслъ нымъ порядкомъ по два съ полтиной въ мѣсяцъ. Пошли оскорбленія, обиды и... самоуниженія. И въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Ссылка, въ отношеніи самозащиты и въ смыслѣ воздѣйствія болѣе сознательныхъ товарищей на менѣе сознательныхъ, находится куда въ худшемъ положеніи, чѣмъ тюрьма. Каждая колонія представляетъ собой „мелкую" ссыльную „единицу". Связей даже между колоніями одного уѣзда, въ виду громадности сибирскихъ разстояній, вовсе не существуетъ или въ лучшемъ случаѣ онѣ крайне слабы. Когда въ концѣ прошлаго года всю Осинскую колонію (Оса — Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ.) выслали, за сопротивленіе урядніку, намѣревавшемуся произвести безъ всякаго основанія обыскъ, въ Якутку, сосѣднія съ ней колоніи долго не знали объ этомъ. И даже когда узнали — ни откуда ни слова, ни звука протеста.

Въ Сибири разыгрывается на всемъ ея протяженіи множество психологическихъ драмъ и это „массовое явленіе" тоже стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ нашего движенія. Сотни рабочихъ, особенно изъ западнаго края, прибываютъ послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ совершенно неподготовленными, безграмотными, малосознательными. Здѣсь, предоставленные на долгіе годѣ самимъ себѣ, они чувствуютъ съ невыразимой остротой отсутствіе у себя даже самыхъ основныхъ свѣдѣній; они стремятся оглянуться на себя, отнестись критически ко всему своему прошлому, къ явленіямъ настоящаго... А со стороны подчасъ ни звука, ни слова, ни книгъ, ни „литературы". Ко всему этому прибавьте полуголодное существованіе и тысячи нравственныхъ обидъ. Нетрудно догадаться, какая тяжелая, душная атмосфера создается на почвѣ всего этого въ каждой колоніи, какія непріятности, стычки между въ конецъ разнервничавшимися товарищами... Вотъ такая атмосфера была въ ссылкѣ, когда начали сыпаться, какъ манна небесная, циркуляры Кутайсова. Но вся эта тяжелая атмосфера, отнюдь не убила въ рабочихъ — и это я особенно подчеркиваю — той доли сознанія необходимости борьбы, которую они принесли съ собой съ воли и изъ тюрьмы Въ Енисейской губ., гдѣ теперь, по преимуществу, еврейскій пролетаріатъ изъ „черты осѣдлости", который, въ значительной своей части, не умѣетъ и прочесть циркуляровъ, и тамъ большинство отказалось отъ подписи даже перваго циркуляра, въ сущности котораго сразу и не разобрались, — а о дальнѣйшихъ циркулярахъ ужъ и говорить нечего... Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли толки, колоніальныя собранія, посвященныя вопросу о необходимости должной борьбы противъ всѣхъ репрессій. Но организовать эту борьбу въ высшей степени трудно. Протестъ пяти, шести, самое большее, десяти человѣкъ — разъ нѣтъ возможности съорганизоваться товарищамъ, хотя бы одного уѣзда, одного стана — весьма многихъ разочаровывалъ. Но вопросъ все таки продолжалъ и продолжаетъ существовать и требуетъ разрѣшенія.

Отдѣльныя колоніи, какъ, напримѣръ, Братскій Острогъ, правда, еще задолго до якутской трагедіи, посылали губернатору именныя заявленія угрожающаго характера, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ неизмѣненія режима ссылки они будутъ систематически нарушать даже дѣйствующій уставъ о поднадзорныхъ. Почти во всѣхъ колоніяхъ, несмотря ни на какія угрозы, бойкотировали „надзирателей" (шпіоновъ), не позволяя имъ появляться у себя на квартирѣ.

Нечего говорить, что и въ ссылкѣ раздаются голоса „трезвыхъ" товарищей разводящихъ все ту же канитель, что въ ссылкѣ не имѣетъ смысла бороться, что, коли не удрать, такъ ужъ лучше „потерпѣть", а тамъ въ Россіи... и т. д. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, какое растлѣвающее вліяніе оказываетъ ссылка съ ея вынужденнымъ бездѣліемъ на большинство неокрѣпшихъ еще товарищей. И пассивное отношеніе ко всѣмъ репрессіямъ окончательно убило бы въ массѣ товарищей ссылки всякое сознаніе революціонной чести, собственнаго достоинства. 57 героевъ якутской трагедіи поступили такъ, какъ можно и должно было поступить. Надо, во что бы то ни стало, положить конецъ всѣмъ этимъ драконовымъ мѣрамъ, надо дать возможность товарищамъ въ ссылкѣ зажить такой же тѣсной жизнью, какъ и въ тюрьмѣ! Задача сознательнаго элемента ссылки та же, что и въ тюрьмѣ: вести пропаганду среди малосознательныхъ рабочихъ, дѣлать ихъ сознательными революціонерами. Тѣ 47 ссыльныхъ, которые отказались защищать баррикады, воздвигнутые въ „Романовкѣ", показали только свое непониманіе значенія этой борьбы, задачъ современной ссылки вообще, а своимъ „знаменитымъ" заявленіемъ дали прокуратурѣ для предстоящаго процесса документъ, — значеніе котораго мы не хотимъ здѣсь точно характеризовать... И какъ жалка та защита этихъ господъ, которую предприняла „Революціонная Россія" съ своимъ арсеналомъ громкихъ словъ и таинственнымъ кивкомъ въ сторону департамента Боевой Организаціи: „Ничего молъ, дорогіе товарищи, потерпите маленько, ибо мы уже занесли въ формулярный списокъ Кутайсова всѣ его дѣянія и ваша кровь вопіетъ о мщеніи!!!.." и т. д. въ этомъ родѣ.

Только *свобода общенія въ ссылкѣ* даетъ и тамъ возможность товарищамъ продолжать ту же работу, которую они дѣлали на волѣ. Мы должны въ ссылкѣ знать точно составъ каждой колоніи, стремиться, чтобы въ тѣ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ интеллигентовъ, переводились сознательные товарищи изъ такихъ колоній, гдѣ интеллигентовъ достаточно, чтобы наиболѣе знающіе товарищи, пользуясь правомъ безпрепятственнаго передвиженія по уѣзду, разъѣзжали съ рефератами и т. д. Только такимъ образомъ мы поднимемъ духъ и самосознаніе ссылки, придемъ на помощь тѣмъ нашимъ ссыльнымъ товарищамъ-рабочимъ, которые вѣчно жаждутъ знаній, но никогда ихъ не получаютъ. На Сибирскій Союзъ падаетъ задача матеріальной и духовной поддержки ссылки. Въ колоніяхъ полное отсутствіе литературы а между тѣмъ Красноярскій и Иркутскій Комитеты, какъ я въ этомъ убѣдился, могли бы изыскивать много разныхъ путей для доставленія литературы, полученіе которой всегда такъ оживляетъ и радуетъ колонію, отодвигая на задній планъ всѣ будничные интересы и мелкія дрязги. На Сибирскій же Союзъ падаетъ задача возможно болѣе полно разъяснять сибирскому обществу физіономію современной ссылки, ея духовныя нужды и запросы, помогать ссыльнымъ въ ихъ организаціи борьбы.

Вотъ какъ представляется мнѣ современная борьба въ тюрьмѣ и ссылкѣ, вотъ какой она должна быть: она плоть отъ плоти, кость отъ кости нашего современнаго рабочаго движенія. Она должна быть подчинена ему по своимъ цѣлямъ и по своимъ методамъ!

А. Бертовъ.

12 іюля 1904 года.

---

[1] Извѣстно, что постановляя приговоръ по каждому политическому дѣлу, правительство классифицируетъ обвиняемыхъ по національностямъ: евреи ссылаются почти исключительно въ Восточную Сибирь, не-евреи также и въ сѣверо-восточныя окраины Европ. Россіи. Этимъ и объясняется, что въ Сибири евреи представлены непропорціонально обильно.

тики чистой воды встрѣчаются теперь только между реакціонерами.

Только послѣ съѣзда увидѣлъ я, что мое крайнее миролюбіе въ отношеніи къ Ленину и твердое намѣреніе „*не разводиться*" съ нимъ[1]) были *вредны* для нашей партіи. Только послѣ съѣзда окончательно выяснилось для меня, какое огромное вліяніе имѣла брошюра „Что дѣлать?" на нашихъ „практиковъ" и до какой степени она повліяла на многихъ изъ нихъ *именно своими ошибками*. Только послѣ съѣзда наблюденіе показало мнѣ, что взглядъ Ленина на рабочую массу, какъ на „неисторическій элементъ исторіи", какъ на „Матерію", движимую къ соціализму дѣйствующимъ *извнѣ* „Духомъ", что этотъ ошибочный взглядъ въ значительной степени опредѣлилъ собою *тактическія* и *организаціонныя* понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ нащихъ „твердыхъ" практиковъ[2]). Наконецъ, только послѣ съѣзда понялъ я, какъ горько я ошибался, приписывая Ленину движеніе „*впередъ*". На самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ идти въ этомъ направленіи. Какъ нельзя болѣе довольный той популярностью, которую создало ему его отклоненіе отъ марксизма, сдѣлавшее его идеи болѣе доступными для наименѣе подготовленныхъ къ пониманію марксизма „практиковъ", онъ не только не отложилъ въ сторону палки, искривленной имъ въ полемикѣ съ „экономистами", но сѣлъ верхомъ на эту кривую палку и обнаружилъ самое недвусмысленное намѣреніе ѣхать на ней, — при восторженныхъ кликахъ всѣхъ совѣтниковъ Ивановыхъ нашей партіи, — въ сторону... „*диктатуры*". Все это кореннымъ образомъ измѣнило въ моихъ глазахъ положеніе дѣлъ, и я рѣшилъ бороться и спорить, слѣдуя неоспоримо вѣрному въ данномъ случаѣ правилу: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ „Искры" я покажу ошибочность взгляда Ленина на отношеніе „*политики*" къ *экономической* борьбѣ, а потомъ разоблачу связь его *теоретическихъ* ошибокъ съ его *организаціонными* планами. Не нахожу нужнымъ скрывать, что и въ этой критической работѣ я буду исходить изъ твердаго убѣжденія въ необходимости ликвидировать „четвертый" періодъ нашей партійной исторіи, забросивъ въ кучу стараго хлама „перегнутую палку" Ленина.

Г. Плехановъ.

---

[1] См. въ „Протоколахъ" мой отвѣтъ Акимову.

[2] Эта связь ошибочной теоріи съ вредной практикой вполнѣ понятна. Люди, раздѣляющіе тотъ взглядъ, что соціальдемократическая мысль могла развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія", могутъ позволить себѣ очень большую „*независимость*" отъ рабочаго движенія вообще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Въ интересахъ справедливости замѣчу, что на практическія ошибки и крайности слишкомъ „твердыхъ искровцевъ" еще до съѣзда обращали мое вниманіе нѣкоторые товарищи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю „экономистовъ". Хотя я и самъ замѣчалъ и *отмѣчалъ* въ письмахъ въ редакцію „Искры" иныя изъ этихъ крайностей, но показанія бывшихъ „экономистовъ" все таки представлялись мнѣ слишкомъ преувеличенными. Теперь выходитъ, что они преувеличивали не такъ сильно, какъ я думалъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, а изданный недавно законъ о порядкѣ веденія политическихъ процессовъ, преслѣдующій явную цѣль *усиленія* репрессіи по отношенію къ намъ, — этотъ самый законъ приходится признать несомнѣнной *побѣдой* революціоннаго движенія.

„Мы заставимъ васъ этимъ судить насъ", сказалъ я какъ-то восемь лѣтъ назадъ жандарскому „слѣдователю", сѣтовавшему на „упорное запирательство" нашей группы обвиняемыхъ. Голубой блюститель правосудія быстро отвѣчалъ мнѣ: „дождетесь этого — въ 2000-мъ году, не раньше", а присутствовавшій тутъ же прокуроръ прибавилъ въ поясненіе, что правительство не желаетъ возвращаться къ временамъ „дѣла Засуличъ". Безспорно, правительство не желало разставаться съ столь удобной для него формой борьбы съ революціей, какой являлся „административный порядокъ". Меньше всего могло оно желать снова подвергнуть свое дѣло всѣмъ „случайностямъ" какой-бы то ни было судебной процедуры, всему риску, связанному для него съ возможностью превращенія актовъ суда въ продолженіе политической борьбы, ведущейся противъ него „на свободѣ" россійской жизни.

И все таки мы „дождались"! То, что вчера было для правительства худшимъ зломъ, сегодня стало явной необходимостью. Административный порядокъ пересталъ, въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія, ограждать отъ соблазнительной огласки, а открытыя проявленія массовой политической борьбы сдѣлали смѣшной и безполезной всякую дальнѣйшую игру въ прятки. Ускореніе пульса революціонной борьбы обезвредило тѣ специфическія мѣры „предупрежденія", въ видѣ гласнаго надзора и долгосрочной ссылки, которыя составляли главную практическую цѣль „административнаго порядка": массовые побѣги и массовый „переходъ на нелегальное положеніе" превратили работу жандармовъ по „искорененію" въ Сизифовъ трудъ, о характерѣ котораго можно отчасти судить по длиннымъ спискамъ разыскиваемыхъ жандармеріей лицъ, время отъ времени повторяющимъ данныя о той же самой личности, разъ „разысканной" и снова, черезъ годъ-другой, разыскивающейся новымъ циркуляромъ. „Временныя правила" жандармской легкой артиллеріи исчерпали себя и понадобилось тяжелое орудіе царской юстиціи. Судъ идетъ! Идетъ, чтобы санкціонировать для революціоннаго движенія *нашихъ дней* его *закономѣрность*, какъ нормальнаго явленія, предусмотрѣннаго десятками статей кодекса. „Политическое преступленіе" перестаетъ быть частнымъ дѣломъ частнаго полицейскаго хозяйства самодержавія; оно признается постояннымъ явленіемъ общественной жизни и, какъ о таковомъ, о немъ трактуютъ новые законы, ускореннымъ темпомъ вводимые въ дѣйствіе.

Судъ идетъ! Судъ Шемякинъ, мало отличный отъ суда жандарскаго застѣнка, но все таки судъ, на которомъ, хоть въ какой либо мѣрѣ, будетъ возможна для обвиняемыхъ тяжба съ безчестными обвинителями, разоблаченіе полицейской системы, борьба съ жандармеріей.

Пущенные, какъ пробный камень, отдѣльные процессы о демонстраціяхъ и тайныхъ типографіяхъ дали уже намъ нѣкоторый опытъ для того, чтобы рѣшить вопросъ объ этой сторонѣ дѣла. Эти процессы показали, что даже при закрытыхъ дверяхъ, даже въ подтасованномъ коронномъ судѣ возможно для обвиняемыхъ разоблаченіе полицейски-шпіонскаго хозяйства. Очевидно, слѣдовательно, что активное участіе въ судебномъ слѣдствіи является обязательнымъ для привлекаемыхъ къ суду „политиковъ", какъ бы ни стремились урѣзать это участіе прокуроры и судьи.

Такое участіе не исключаетъ *отказа отъ показаній* на томъ жандарскомъ дознаніи, которое, по новому закону, останется общей и, въ большинствѣ случаевъ, единственной формой предсудебнаго слѣдствія (см. объ этомъ въ № 70 „Искры"). Тотъ характеръ жандарскаго дознанія, который побудилъ партію требовать отъ своихъ членовъ отказа отъ показаній, не измѣняется отъ того, что это дознаніе становится прологомъ къ судебному дѣйствію. Болѣе того: поскольку прокуратурѣ предоставлено право назначать правильное предварительное слѣдствіе въ дополненіе къ дознанію, — постольку систематическій отказъ отъ показаній заставитъ самое прокуратуру нуждаться въ этомъ слѣдствіи, дабы не быть вынужденной являться на судъ съ обвиненіемъ, сотканнымъ изъ однихъ шпіонскихъ показаній.

Что касается поведенія обвиняемыхъ на самомъ судѣ, то здѣсь, само собой разумѣется, нельзя указать однородной во всѣхъ деталяхъ тактики. Партія заинтересована въ томъ, чтобы силы, которыми она располагаетъ, не тратились съ излишней щедростью. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы революціонеры, преданные суду безъ всякихъ серьезныхъ уликъ, признавались въ своихъ дѣйствительныхъ „преступленіяхъ" или стѣсняли защиту въ дѣлѣ борьбы съ обвиненіемъ. Одно только желательно, — чтобы всѣ, духовно связанные съ соціальдемократіей, не скрывали передъ судомъ *этой* своей связи, открыто и прямо излагая свои политическія убѣжденія. Отъ такой политической демонстраціи никто не долженъ отказываться, что не помѣшаетъ ему, въ случаѣ надобности, отказываться отвѣчать на вопросы суда объ его „виновности" по отношенію къ тому или другому конкретному дѣянію. Конечно, такое поведеніе легко можетъ побудить нашъ Шемякинъ судъ обвинить человѣка и безъ всякихъ уликъ, на основаніи одного лишь своего озлобленія противъ мужественнаго политическаго противника (такъ было, напр., въ процессѣ саратовскихъ демонстрантовъ), но въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть новую демонстрацію — несостоятельности царскаго „правосудія", — которой не преминемъ воспользоваться въ агитаціи. *Такія* цѣна можетъ окупить напрасную, на первый взглядъ, жертву.

Уже изъ этого примѣра видно, что вопросъ о тактикѣ на судѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о нашей агитаціи „на волѣ". Чтобы скамья подсудимыхъ обратилась въ политическую трибуну, необходимо пробить брешь въ глухихъ стѣнахъ, которыми новый законъ и обычная практика пытаются отдѣлить „политическихъ преступниковъ" отъ внѣшняго міра. Въ предстоящихъ многочисленныхъ процессахъ партія получитъ обильный матеріалъ для самой разносторонней агитаціи. И этотъ матеріалъ долженъ быть использованъ не только въ формѣ самой широкой огласки преступленій царскаго „правосудія" и политическихъ рѣчей съ „позорной" скамьи, но и въ видѣ активныхъ политическихъ проявленій рабочихъ массъ въ связи и по поводу политическихъ процессовъ. Пусть широкія массы пролетаріата и сочувствующихъ соціальдемократіи слоевъ населенія знаютъ о всѣхъ перипетіяхъ судебной борьбы, пусть онѣ проникнутся страстнымъ желаніемъ поддержать такъ или иначе своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, протестовать въ той или иной формѣ противъ безобразій суда и драконовскихъ приговоровъ. И, прежде всего, пусть онѣ требуютъ всегда и вездѣ *открытія дверей суда для публики*. Этотъ практическій лозунгъ позволитъ нашимъ организаціямъ превратить каждую судебную драму въ политическое событіе, въ демонстрацію. При извѣстной ловкости, не трудно повести прямо съ фабрики массу рабочихъ къ зданію суда и устроить передъ нимъ политическій „митингъ". Приговоры царскихъ жандармовъ по вѣдомству юстиціи должны быть заклеймены соотвѣтствующими резолюціями рабочихъ собраній или открытыми же демонстраціями. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно организовывать и коллективное предъявленіе требованій объ отмѣнѣ свирѣпой кары, наложенной судомъ.

Только при такомъ взаимодѣйствіи между „улицей" и судебной камерой, новая эра политическихъ процессовъ дастъ намъ все то, что можетъ дать этотъ рѣшительный переломъ въ тактикѣ правительства, знаменующій его растерянность передъ все растущими волнами массоваго революціоннаго движенія. Если отъ послѣднихъ политическихъ процессовъ прошлаго періода (военные суды надъ военными — не въ счетъ) долж

нена для нихъ катор
тыми головами. Одинъ
прочимъ, слѣдующее: „
эти кандалы, потому что
другахъ товарищей, я вс
Въ предреволюціонный пе
пребываніе въ тюрьмѣ бо
чѣмъ гдѣ либо, означаетъ
и дѣйствія наши здѣсь до.
и ясны, какъ и дѣйствія
одинъ вопросъ.

гой. Они были въ кандалахъ и съ бри-
изъ нихъ сказалъ на прощаніе, между
Товарищи, съ легкой душой я ношу
вѣрю, что скоро, вмѣстѣ съ тысячью
трѣчусь лицомъ къ лицу съ врагомъ!“
ріодъ, который мы переживаемъ, наше
льшими количествами, покуда болѣе,
встрѣчу съ врагомъ лицомъ къ лицу,
жны быть такъ же точны, открыты
умирающаго на баррикадахъ!.. Еще

Какъ же должны себя связать всякія „мѣстныя“ организа-
ціи съ товарищами, борющимися въ тюрьмѣ? Ра
въ самомъ, дѣлѣ предоставить — ѣдь нельзя же,
въ тюрьмѣ наше дѣло. св товарищей, продолжающихъ
словомъ и дѣ мимъ себѣ и только себѣ. Надо, и
ясно для омъ, придти имъ на помощь! Это совершенно
всѣхъ — и вопросъ лежитъ всецѣло въ области практическаго разрѣшенія. Извѣстная предпосылка, и очень важная для его разрѣшенія, имѣется: значительно облегченныя сношенія съ тюрьмой. Благодаря этому, легко установить полную возможность для мѣстныхъ организацій знать какъ причины борьбы въ тюрьмѣ, такъ и теченіе ея, количество и настроеніе борющихся, наблюдать за настроеніемъ „начальства“ и, по мѣрѣ возможности, узнавать его намѣренія, т. е., какъ оно готовится отвѣтить борющимся. Задачи „мѣстной“ организаціи должны сводиться къ безпрестанной поддержкѣ борющихся нравственно и матеріально. Какъ только начинается голодовка, заранѣе извѣщенный комитетъ самъ извѣщаетъ о ней, о ея причинахъ и о количествѣ голодающихъ все населеніе. Если борьба продолжительная, комитетъ долженъ, по мѣрѣ возможности, часто выпускать бюллетени, какъ о самомъ ходѣ борьбы, такъ и о голодающихъ, долженъ стремиться организовать демонстрацію у тюрьмы или въ городѣ. Если борьба должна принять форму открытаго бунта, комитетъ тоже долженъ быть объ этомъ заранѣе оповѣщенъ, чтобы извѣстить населеніе, чтобы, по крайней мѣрѣ, родные и товарищи были у тюрьмы въ то время, когда ихъ братьевъ, сестеръ, сыновей будутъ бить, таскать въ карцеръ, одѣвать въ „сумашедшія“ рубахи, для того, чтобы демонстрирующая толпа своимъ присутствіемъ показала солдатамъ, которыхъ будутъ вводить для усмиренія, кого они будутъ усмирять. Вотъ какъ мнѣ представляется возможной раціональная постановка организаціи помощи и дѣйственнаго сочувствія внѣ тюремныхъ стѣнъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, ограничиться жиденькой прокламаціей или корреспонденціей post factum! Пора же понять мѣстнымъ организаціямъ, что современная борьба въ тюрьмахъ, болѣе, чѣмъ когда либо, — часть всей нашей революціонной жизни, что молчаливо игнорировать эту борьбу непозволительно, что за невниманіе къ ней каждый будетъ въ отвѣтѣ передъ партіей.

II. Борьба въ ссылкѣ.

Вопросъ о борьбѣ въ ссылкѣ, объ ея необходимости и возможности совершенно не существовалъ за предѣлами разныхъ сибирскихъ колоній. Только ссыльные, непосредственно чувствующіе на себѣ всѣ прелести прозябанья въ медвѣжьихъ углахъ за десятокъ тысячъ верстъ отъ настоящей жизни, ежечасно испытывающіе всю мерзость постояннаго столкновенія съ урядниками и съ нарочито приставленными „надзирателями“, по одному на каждыхъ пять ссыльныхъ, — только они, предоставленные самимъ себѣ, судятъ да рядятъ, какъ быть. Недавняя якутская трагедія, послѣдній актъ которой еще не разыгрался, всколыхнула насъ немного и заставила призадуматься. Но опять толки и разсужденія касаются этого факта, взятаго въ отдѣльности, да еще того отрицательнаго поступка 47 ссыльныхъ, который имѣлъ мѣсто въ этой исторіи. Всѣ знали о томъ, что въ послѣднее время „политическихъ“ сотнями отправляютъ въ Сибирь, что количество ссыльныхъ возросло здѣсь до 3000 человѣкъ, что Кутайсовскіе циркуляры превращаютъ Сибирь въ каторгу, а, между тѣмъ, ни одного слова о томъ, что такое современная ссылка, каковы ея нужды, какъ ей быть, какъ организоваться для борьбы. Чѣмъ больше росли ея страданія, тѣмъ больше она чувствовала свое круглое сиротство. А между тѣмъ какъ ни ужасна послѣдняя кровавая бойня въ Якутскѣ, она въ сущности только „планомѣрный“ результатъ длинной цѣпи фактовъ и явленій.

Физіономія ссылки по тѣмъ же причинамъ, что и тюрьмы, за послѣдніе годы сильно демократизировалась. Сибирскій купецъ, „интеллигентъ“, „челдонъ“, исправникъ и прочее начальство были поражены этимъ новымъ явленіемъ, не понимали, да и до сихъ поръ не понимаютъ его. Что такое? Сначала все доктора, юристы, учителя, акушерки — все пріятные собесѣдники, можно даже сказать, „знатные иностранцы“ — „съ печатью думы на челѣ“, а теперь-то какой все „мелкій“ народъ пошелъ: сапожники, портные, слесаря... хоть отбавляй. А главное, еще куда не глянь — все „жиды“[1]. Это явленіе сразу измѣнило отношеніе къ ссылкѣ. А тутъ еще на помощь населенію и сибирскому начальству посыпались прямыя и косвенныя разъясненія свыше, что съ рабочими церемониться нечего — такой смыслъ — имѣло распоряженіе выдавать сосланнымъ охраннымъ порядкомъ по два съ полтиной въ мѣсяцъ. Пошли оскорбленія, обиды и... самоуниженія. И въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Ссылка, въ отношеніи самозащиты и въ смыслѣ воздѣйствія болѣе сознательныхъ товарищей на менѣе сознательныхъ, находится куда въ худшемъ положеніи, чѣмъ тюрьма. Каждая колонія представляетъ собой „мелкую“ ссыльную „единицу“. Связей даже между колоніями одного уѣзда, въ виду громадности сибирскихъ разстояній, вовсе не существуетъ или въ лучшемъ случаѣ онѣ крайне слабы. Когда въ концѣ прошлаго года всю Осинскую колонію (Оса — Балаганскаго уѣзда, Иркутской губ.) выслали, за сопротивленіе уряднику, намѣревавшемуся произвести безъ всякаго основанія обыскъ, въ Якутку, сосѣднія съ ней колоніи долго не знали объ этомъ. И даже когда узнали — ни откуда ни слова, ни звука протеста.

Въ Сибири разыгрывается на всемъ ея протяженіи множество психологическихъ драмъ и это „массовое явленіе“ тоже стоитъ въ тѣсной связи съ ростомъ нашего движенія. Сотни рабочихъ, особенно изъ западнаго края, прибываютъ послѣ долгаго заключенія въ тюрьмѣ совершенно неподготовленными, безграмотными, малосознательными. Здѣсь, предоставленные на долгіе годы самимъ себѣ, они чувствуютъ съ невыразимой остротой отсутствіе у себя даже самыхъ основныхъ свѣдѣній; они стремятся оглянуться на себя, отнестись критически ко всему своему прошлому, къ явленіямъ настоящаго... А со стороны подчасъ ни звука, ни слова, ни книгъ, ни „литературы“. Ко всему этому прибавьте полуголодное существованіе и тысячи нравственныхъ обидъ. Нетрудно догадаться, какая тяжелая, душная атмосфера создается на почвѣ всего этого въ каждой колоніи, какія непріятности, стычки между въ конецъ разнервничавшимися товарищами... Вотъ такая атмосфера была въ ссылкѣ, когда начали сыпаться, какъ манна небесная, циркуляры Кутайсова. Но вся эта тяжелая атмосфера, отнюдь не убила въ рабочихъ — и это я особенно подчеркиваю — той доли сознанія необходимости борьбы, которую они принесли съ собой съ воли и изъ тюрьмы. Въ Енисейской губ., гдѣ теперь, по преимуществу, еврейскій пролетаріатъ изъ „черты осѣдлости“, который, въ значительной своей части, не умѣетъ и прочесть циркуляровъ, и тамъ большинство отказалось отъ подписи даже перваго циркуляра, въ сущности котораго сразу и не разобрались, — а о дальнѣйшихъ циркулярахъ ужъ и говорить нечего... Вмѣстѣ съ тѣмъ пошли толки, колоніальныя собранія, посвященныя вопросу о необходимости должной борьбы противъ всѣхъ репрессій. Но организовать эту борьбу въ высшей степени трудно. Протестъ пяти, шести, самое большее, десяти человѣкъ — разъ нѣтъ возможности сърганизоваться товарищамъ, хотя бы одного уѣзда, одного стана — весьма многихъ разочаровывалъ. Но вопросъ все таки продолжалъ и продолжаетъ существовать и требуетъ разрѣшенія.

Отдѣльныя колоніи, какъ, напримѣръ, Братскій Острогъ, правда, еще задолго до якутской трагедіи, посылали губернатору именныя заявленія угрожающаго характера, въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ неизмѣненія режима ссылки они будутъ систематически нарушать даже дѣйствующій уставъ о поднадзорныхъ. Почти во всѣхъ колоніяхъ, несмотря ни на какія угрозы, бойкотировали „надзирателей“ (шпіоновъ), не позволяя имъ появляться у себя на квартирѣ.

Нечего говорить, что и въ ссылкѣ раздаются голоса „трезвыхъ“ товарищей разводящихъ все ту же канитель, что въ ссылкѣ не имѣетъ смысла бороться, что, коли не удрать, такъ ужъ лучше „потерпѣть“, а тамъ въ Россіи... и т. д. А между тѣмъ, трудно себѣ представить, какое растлѣвающее вліяніе оказываетъ ссылка съ ея вынужденнымъ бездѣліемъ на большинство неокрѣпшихъ еще товарищей. И пассивное отношеніе ко всѣмъ репрессіямъ окончательно убило бы въ массѣ товарищей ссылки всякое сознаніе революціонной чести, собственнаго достоинства. 57 героевъ якутской трагедіи поступили такъ, какъ можно и должно было поступить. Надо, во что бы то ни стало, положить конецъ всѣмъ этимъ драконовымъ мѣрамъ, надо дать возможность товарищамъ въ ссылкѣ зажить такой же тѣсной жизнью, какъ и въ тюрьмѣ! Задача сознательнаго элемента ссылки та же, что и въ тюрьмѣ: вести пропаганду среди малосознательныхъ рабочихъ, дѣлать ихъ сознательными революціонерами. Тѣ 47 ссыльныхъ, которые отказались защищать баррикады, воздвигнутые въ „Романовкѣ“, показали только свое непониманіе значенія этой борьбы, задачъ современной ссылки вообще, а своимъ „знаменитымъ“ заявленіемъ дали прокуратурѣ для предстоящаго процесса документъ, — значеніе котораго мы не хотимъ здѣсь точно характеризовать... И какъ жалка та защита этихъ господъ, которую предприняла „Революціонная Россія“ съ своимъ арсеналомъ громкихъ словъ и таинственнымъ кивкомъ въ сторону департамента Боевой Организаціи: „Ничего молъ, дорогіе товарищи, потерпите маленько, ибо мы уже занесли въ формулярный списокъ Кутайсова всѣ его дѣянія и ваша кровь вопіетъ о мщеніи!!!..“ и т. д. въ этомъ родѣ.

Только *свобода общенія въ ссылкѣ* даетъ и тамъ возможность товарищамъ продолжать ту же работу, которую они дѣлали на волѣ. Мы должны въ ссылкѣ знать точно составъ каждой колоніи, стремиться, чтобы въ тѣ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ интеллигентовъ, переводились сознательные товарищи изъ такихъ колоній, гдѣ интеллигентовъ достаточно, чтобы наиболѣе знающіе товарищи, пользуясь правомъ безпрепятственнаго передвиженія по уѣзду, разъѣзжали съ рефератами и т. д. Только такимъ образомъ мы поднимемъ духъ и самосознаніе ссылки, придемъ на помощь тѣмъ нашимъ ссыльнымъ товарищамъ-рабочимъ, которые вѣчно жаждутъ знаній, но никогда ихъ не получаютъ. На Сибирскій Союзъ падаетъ задача матеріальной и духовной поддержки ссылки. Въ колоніяхъ полное отсутствіе литературы а между тѣмъ Красноярскій и Иркутскій Комитеты, какъ я въ этомъ убѣдился, могли бы изыскивать много разныхъ путей для доставленія литературы, полученіе которой всегда такъ оживляетъ и радуетъ колонію, отодвигая на задній планъ всѣ будничные интересы и мелкія дрязги. На Сибирскій же Союзъ падаетъ задача возможно болѣе полно разъяснять сибирскому обществу физіономію современной ссылки, ея духовныя нужды и запросы, помогать ссыльнымъ въ ихъ организаціи борьбы.

Вотъ какъ представляется мнѣ современная борьба въ тюрьмѣ и ссылкѣ, вотъ какой она должна быть: она плоть отъ плоти, кость отъ кости нашего современнаго рабочаго движенія. Она должна быть подчинена ему по своимъ цѣлямъ и по своимъ методамъ!

А. Бертовъ.

12 іюля 1904 года.

---

[1] Извѣстно, что постановляя приговоръ по каждому политическому дѣлу, правительство классифицируетъ обвиняемыхъ по національностямъ: евреи ссылаются почти исключительно въ Восточную Сибирь, не-евреи также и въ сѣверо-восточныя окраины Европ. Россіи. Этимъ и объясняется, что въ Сибири евреи представлены непропорціонально обильно.

тики чистой воды встрѣчаются теперь только между реакціонерами.

Только послѣ съѣзда увидѣлъ я, что мое крайнее миролюбіе въ отношеніи къ Ленину и твердое намѣреніе *„не разводиться“* съ нимъ[1] были *вредны* для нашей партіи. Только послѣ съѣзда окончательно выяснилось для меня, какое огромное вліяніе имѣла брошюра „Что дѣлать?“ на нашихъ „практиковъ“ и до какой степени она повліяла на многихъ изъ нихъ *именно своими ошибками*. Только послѣ съѣзда наблюденіе показало мнѣ, что взглядъ Ленина на рабочую массу, какъ на „неисторическій элементъ исторіи“, какъ на „Матерію“, движимую къ соціализму дѣйствующимъ *извнѣ* „Духомъ“, что этотъ ошибочный взглядъ въ значительной степени опредѣлилъ собою *тактическія* и *организаціонныя* понятія какъ самого Ленина, такъ и многихъ нашихъ „твердыхъ“ практиковъ[2]. Наконецъ, только послѣ съѣзда понялъ я, какъ горько я ошибался, приписывая Ленину движеніе *„впередъ“*. На самомъ дѣлѣ онъ и не думалъ идти въ этомъ направленіи. Какъ нельзя болѣе довольный той популярностью, которую создало ему его отклоненіе отъ марксизма, сдѣлавшее его идеи болѣе доступными для наименѣе подготовленныхъ къ пониманію марксизма „практиковъ“, онъ не только не отложилъ въ сторону палки, искривленной имъ въ полемикѣ съ „экономистами“, но сѣлъ верхомъ на эту кривую палку и обнаружилъ самое недвусмысленное намѣреніе ѣхать на ней, — при восторженныхъ кликахъ всѣхъ совѣтниковъ Ивановыхъ нашей партіи, — въ сторону... *„диктатуры“*. Все это кореннымъ образомъ измѣнило въ моихъ глазахъ положеніе дѣлъ, и я рѣшилъ бороться и спорить, слѣдуя неоспоримо вѣрному въ данномъ случаѣ правилу: *лучше поздно, чѣмъ никогда*.

Въ одномъ изъ послѣдующихъ №№ „Искры“ я покажу ошибочность взгляда Ленина на отношеніе *„политики“* къ *экономической* борьбѣ, а потомъ разоблачу связь его *теоретическихъ* ошибокъ съ его *организаціонными* планами. Не нахожу нужнымъ скрывать, что и въ этой критической работѣ я буду исходить изъ твердаго убѣжденія въ необходимости ликвидировать „четвертый“ періодъ нашей партійной исторіи, забросивъ въ кучу стараго хлама „перегнутую палку“ Ленина.

Г. Плехановъ.

---

[1] См. въ „Протоколахъ“ мой отвѣтъ Акимову.

[2] Эта связь ошибочной теоріи съ вредной практикой вполнѣ понятна. Люди, раздѣляющіе тотъ взглядъ, что соціальдемократическая мысль могла развиться „совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія“, могутъ позволить себѣ очень большую *„независимость“* отъ рабочаго движенія вообще и въ своей практикѣ уподобиться заговорщикамъ добраго стараго времени. Въ интересахъ справедливости замѣчу, что на практическія ошибки и крайности слишкомъ „твердыхъ искровцевъ“ еще до съѣзда обращали мое вниманіе нѣкоторые товарищи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю „экономистовъ“. Хотя я и самъ замѣчалъ и *отмѣчалъ* въ письмахъ въ редакцію „Искры“ иныя изъ этихъ крайностей, но показанія бывшихъ „экономистовъ“ все таки представлялись мнѣ слишкомъ преувеличенными. Теперь выходитъ, что они преувеличивали не такъ сильно, какъ я думалъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, а изданный недавно законъ о порядкѣ веденія политическихъ процессовъ, преслѣдующій явную цѣль *усиленія* репрессій по отношенію къ намъ, — этотъ самый законъ приходится признать несомнѣнной *побѣдой* революціоннаго движенія.

„Мы заставимъ васъ этимъ судить насъ“, сказалъ я какъ-то восемь лѣтъ назадъ жандармскому „слѣдователю“, сѣтовавшему на „упорное запирательство“ нашей группы обвиняемыхъ. Голубой блюститель правосудія быстро отвѣчалъ мнѣ: „дождетесь этого — въ 2000-мъ году, не раньше“, а присутствовавшій тутъ же прокуроръ прибавилъ въ поясненіе, что правительство не желаетъ возвращаться къ временамъ „дѣла Засуличъ“. Безспорно, правительство не желало разставаться съ столь удобной для него формой борьбы съ революціей, какой являлся „административный порядокъ“. Меньше всего могло оно желать снова подвергнуть свое дѣло всѣмъ „случайностямъ“ какой-бы то ни было судебной процедуры, всему риску, связанному для него съ возможностью превращенія актовъ суда въ продолженіе политической борьбы, ведущейся противъ него „на свободѣ“ россійской жизни.

И все таки мы „дождались“! То, что вчера было для правительства худшимъ зломъ, сегодня стало явной необходимостью. Административный порядокъ пересталъ, въ виду колоссальнаго развитія революціоннаго движенія, ограждать отъ соблазнительной огласки, а открытыя проявленія массовой политической борьбы сдѣлали смѣшной и безполезной всякую дальнѣйшую игру въ прятки. Ускореніе пульса революціонной борьбы обезвредило тѣ специфическія мѣры „предупрежденія“, въ видѣ гласнаго надзора и долгосрочной ссылки, которыя составляли главную практическую цѣль „административнаго порядка“: массовые побѣги и массовый „переходъ на нелегальное положеніе“ превратили работу жандармовъ по „искорененію“ въ Сизифовъ трудъ, о характерѣ котораго можно отчасти судить по длиннымъ спискамъ разыскиваемыхъ жандармеріей лицъ, время отъ времени повторяющимъ данныя о той же самой личности, разъ „разысканной“ и снова, черезъ годъ-другой, разыскивающейся новымъ циркуляромъ. „Временныя правила“ жандармской легкой артиллеріи исчерпали себя и понадобилось тяжелое орудіе царской юстиціи. Судъ идетъ! Идетъ, чтобы санкціонировать для революціоннаго движенія *нашихъ дней* его *закономѣрность*, какъ нормальнаго явленія, предусмотрѣннаго десятками статей кодекса. „Политическое преступленіе“ перестаетъ быть частнымъ дѣломъ частнаго полицейскаго хозяйства самодержавія; оно признается постояннымъ явленіемъ общественной жизни и, какъ о таковомъ, о немъ трактуютъ новые законы, ускореннымъ темпомъ вводимые въ дѣйствіе.

Судъ идетъ! Судъ Шемякинъ, мало отличный отъ суда жандармскаго застѣнка, но все таки судъ, на которомъ, хоть въ какой либо мѣрѣ, будетъ возможна для обвиняемыхъ тяжба съ безчестными обвинителями, разоблаченіе полицейской системы, борьба съ жандармеріей.

Пущенные, какъ пробный камень, отдѣльные процессы о демонстраціяхъ и тайныхъ типографіяхъ дали уже намъ нѣкоторый опытъ для того, чтобы рѣшить вопросъ объ этой сторонѣ дѣла. Эти процессы показали, что даже при закрытыхъ дверяхъ, даже въ подтасованномъ коронномъ судѣ возможно для обвиняемыхъ разоблаченіе полицейски-шпіонскаго хозяйства. Очевидно, слѣдовательно, что активное участіе въ судебномъ слѣдствіи является обязательнымъ для привлекаемыхъ къ суду „политиковъ“, какъ бы ни стремились урѣзать это участіе прокуроры и судьи.

Такое участіе не исключаетъ *отказа отъ показаній* на томъ жандармскомъ дознаніи, которое, по новому закону, останется общей и, въ большинствѣ случаевъ, единственной формой предсудебнаго слѣдствія (см. объ этомъ въ № 70 „Искры“). Тотъ характеръ жандармскаго дознанія, который побудилъ партію требовать отъ своихъ членовъ отказа отъ показаній, не измѣняется отъ того, что это дознаніе становится прологомъ къ судебному дѣйствію. Болѣе того: поскольку прокуратурѣ предоставлено право назначать правильное предварительное слѣдствіе въ дополненіе къ дознанію, — постольку систематическій отказъ отъ показаній заставитъ самое прокуратуру нуждаться въ этомъ слѣдствіи, дабы не быть вынужденной являться на судъ съ обвиненіемъ, сотканнымъ изъ однихъ шпіонскихъ показаній.

Что касается поведенія обвиняемыхъ на самомъ судѣ, то здѣсь, само собой разумѣется, нельзя указать однородной во всѣхъ деталяхъ тактики. Партія заинтересована въ томъ, чтобы силы, которыми она располагаетъ, не тратились съ излишней щедростью. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы революціонеры, преданные суду безъ всякихъ серьезныхъ уликъ, признавались въ своихъ дѣйствительныхъ „преступленіяхъ“ или стѣсняли защиту въ дѣлѣ борьбы съ обвиненіемъ. Одно только желательно, — чтобы всѣ, духовно связанные съ соціальдемократіей, не скрывали передъ судомъ *этой* своей связи, открыто и прямо излагая свои политическія убѣжденія. Отъ такой политической демонстраціи никто не долженъ отказываться, что не помѣшаетъ ему, въ случаѣ надобности, отказываться отвѣчать на вопросы суда объ его „виновности“ по отношенію къ тому или другому конкретному дѣянію. Конечно, такое поведеніе легко можетъ побудить нашъ Шемякинъ судъ обвинить человѣка и безъ всякихъ уликъ, на основаніи одного лишь своего озлобленія противъ мужественнаго политическаго противника (такъ было, напр., въ процессѣ саратовскихъ демонстрантовъ), но въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть новую демонстрацію — несостоятельности царскаго „правосудія“, — которой не преминемъ воспользоваться въ агитаціи. *Такая* цѣна можетъ окупить напрасную, на первый взглядъ, жертву.

Уже изъ этого примѣра видно, что вопросъ о тактикѣ на судѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о нашей агитаціи „на волѣ“. Чтобы скамья подсудимыхъ обратилась въ политическую трибуну, необходимо пробить брешь въ глухихъ стѣнахъ, которыми новый законъ и обычная практика пытаются отдѣлить „политическихъ преступниковъ“ отъ внѣшняго міра. Въ предстоящихъ многочисленныхъ процессахъ партія получитъ обильный матеріалъ для самой разносторонней агитаціи. И этотъ матеріалъ долженъ быть использованъ не только въ формѣ самой широкой огласки преступленій царскаго „правосудія“ и политическихъ рѣчей съ „позорной“ скамьи, но и въ видѣ активныхъ политическихъ проявленій рабочихъ массъ въ связи и по поводу политическихъ процессовъ. Пусть широкія массы пролетаріата и сочувствующихъ соціальдемократіи слоевъ населенія знаютъ о всѣхъ перипетіяхъ судебной борьбы, пусть они проникнутся страстнымъ желаніемъ поддержать такъ или иначе своихъ представителей на скамьѣ подсудимыхъ, протестовать въ той или иной формѣ противъ безобразій суда и драконовскихъ приговоровъ. И, прежде всего, пусть онѣ требуютъ всегда и вездѣ *открытія дверей суда для публики*. Этотъ практическій лозунгъ позволитъ нашимъ организаціямъ превратить каждую судебную драму въ политическое событіе, въ демонстрацію. При извѣстной ловкости, не трудно повести прямо съ фабрики массу рабочихъ къ зданію суда и устроить передъ нимъ политическій „митингъ“. Приговоры царскихъ жандармовъ по вѣдомству юстиціи должны быть заклеймены соотвѣтствующими резолюціями рабочихъ собраній или открытыми же демонстраціями. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно организовывать и коллективное предъявленіе требованій объ отмѣнѣ свирѣпой кары, наложенной судомъ.

Только при такомъ взаимодѣйствіи между „улицей“ и судебной камерой, новая эра политическихъ процессовъ дастъ намъ все то, что можетъ дать этотъ рѣшительный переломъ въ тактикѣ правительства, знаменующій его растерянность передъ все растущими волнами массового революціоннаго движенія. Если отъ послѣднихъ политическихъ процессовъ прошлаго періода (военные суды надъ военными — не въ счетъ) долж

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ[1]).

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ[2]) и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипитіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрьмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ-за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инжинеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантуна. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудренно, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное: надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обыватели. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого-либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра изсякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грузно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1]) На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2]) Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ[1].

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а такъ же и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ[2]) и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

„Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей.. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7 го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инжинеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ. увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. „Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра изсякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грустно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1]) На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2]) Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ [1]).

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и отсюда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него...

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя соціальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С. Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно-длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ [2]) и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно-больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство; „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — „что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“: Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля...

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипетіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго раастройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрьмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы...

Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ; гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д. „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочіе массы и неутомимой энергіей.. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красное знамя съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С. Д. Ц. П. Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инженеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы; ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны... но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ; потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ — Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шанхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ; увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ. Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода... Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются всевозможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околодочные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательное.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью (мнѣ казалось) неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. „Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаньяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанья окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра изсякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны... и съ другой стороны“... вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грустно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1] На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2] Въ 1895 г.

было пройти 15 лѣтъ келейной „административной“ расправы до новаго ихъ возрожденія, то, при умѣлой нашей тактикѣ, правительству, быть можетъ, будетъ достаточно 15-ти мѣсяцевъ чтобы убѣдиться въ обоюдоостромъ характерѣ вновь примѣняемаго имъ и заново отточеннаго оружія.

Судъ идетъ! Будемъ же готовы встрѣтить его во всеоружіи. Давая тысячамъ нашихъ товарищей, нынѣ сидящихъ по тюрьмамъ, полномочіе превратить судъ надъ ними въ судъ надъ самодержавіемъ и современнымъ общественнымъ порядкомъ, — будемъ готовить тотъ высшій судъ, передъ которымъ эти товарищи выступятъ въ роли обвинителей. Этотъ судъ будетъ судомъ „улицы“, и наше дѣло — мобилизовать политически эту „улицу“.

Л. М.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Военный судъ въ Варшавѣ [1].

2 августа н. ст. въ Варшавскомъ окружномъ военномъ судѣ началось разбирательство дѣла о вооруженномъ сопротивленіи, оказанномъ при нападеніи полиціи на типографію С.-Д. Ц. П. и Л. Обвиняются рабочій Марцинъ Каспржакъ и инженеръ Бенедиктъ Гурцманъ въ убійствѣ ротмистра Винничука, помощника пристава Ордановскаго и двухъ полицейскихъ. Составъ суда: предсѣдатель генералъ Стрѣльниковъ (тотъ самый, который отличился въ процессѣ „Пролетаріата“ въ 1885 г. и братъ того прокурора, который былъ въ 1882 г. убитъ Желваковымъ и Халтуринымъ) и судьи — лейбъ-гвардіи полковники: Богацкій, Пьечина, Гоффъ и Бояновскій. Обвиняетъ прокуроръ генералъ Мухинъ.

Оба обвиняемые имѣютъ защитниковъ въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ: г.г. Патека и Кіенскаго изъ Варшавы и г. Андреевскаго изъ Петербурга.

Необходимо замѣтить, что въ самомъ началѣ дѣло направлено было въ окружной судъ, но спустя нѣкоторое время генералъ губернаторъ Чертковъ передалъ его въ военный судъ, а прокуратура подвела подсудимыхъ подъ дѣйствіе § 279 уст. военнаго судопроизводства, что равносильно смертному приговору: военный судъ именно и понадобился для того, чтобы на „законномъ основаніи“ воздвигнуть висѣлицы для Каспржака и Гурцмана.

Еще до начала судебнаго засѣданія, судьи собрались въ 9 ч. утра для обсужденія предложенія защиты, поставившей вопросъ о компетенціи военнаго суда въ этомъ дѣлѣ. Основываясь на новомъ законѣ, защита оспариваетъ въ данномъ случаѣ за военнымъ судомъ компетенцію. Военные судьи, тѣмъ не менѣе, рѣшаютъ, что это дѣло подсудное имъ. Начинается чтеніе обвинительнаго акта, содержаніе котораго въ общихъ чертахъ таково:

27 апрѣля с. г. на улицѣ Дворянской были убиты при исполненіи служебныхъ обязанностей: жандармскій ротмистръ Винничукъ, пом. пристава Ордановскій и двое полицейскихъ, третій же полицейскій тяжело раненъ. Виновными въ совершеніи этого преступленія оказываются члены партіи, извѣстной подъ названіемъ „Социальдемократія Царства Польскаго и Литвы“: Марцинъ Каспржакъ, выдающій себя за Вильгельма Христіана Мейера и инженеръ-технологъ Бенедиктъ Гурцманъ. — Въ упомянутый день Каспржакъ пришелъ въ 9 часовъ утра въ квартиру Павляковъ и, удалившись въ отдѣльную комнату, занялся типографской работой. Спустя нѣкоторое время туда же явился бывшій студенъ политехническаго института Файнштейнъ, а вслѣдъ за нимъ Гурцманъ. Вскорѣ послѣ прихода Гурцмана Файнштейнъ вышелъ и былъ арестованъ на улицѣ, между тѣмъ какъ на улицу Дворскую отправлены были Винничукъ, Ордановскій и цѣлый нарядъ околоточныхъ и надзирателей. Пригласивши предварительно управляющаго домомъ, Винничукъ вмѣстѣ съ полицейскими ворвался въ квартиру Павлюковъ, а за тѣмъ и въ комнату, гдѣ находилась типографія.

Увидѣвши полицію, Каспржакъ закрылъ типографскій шрифтъ бумагой. Винничукъ захотѣлъ сорвать бумагу, но въ ту же минуту упалъ, сраженный пулей. Вторая пуля уложила на мѣстѣ Ордановскаго. Затѣмъ Каспржакъ выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату и оттуда мѣткими выстрѣлами убилъ еще двухъ городовыхъ. Остальные городовые и околоточные, а также и управляющій дома, въ числѣ свыше 10 человѣкъ, выбѣжали — одни на улицу, другіе во дворъ. Однако, одинъ городовой, Бовбіель, вернулся, бросился на Каспржака и повалилъ его на землю. Тогда Каспржакъ выстрѣлилъ въ него изъ револьвера и попалъ ему въ руку. Когда же Бовбіель вырвалъ у него револьверъ, Каспржакъ схватилъ ножъ, которымъ ранилъ Бовбіеля. Основываясь, исключительно на показаніяхъ Бовбіеля, обвинительный актъ признаетъ другого подсудимаго Гурцмана, соучастникомъ въ убійствѣ. На жандармскомъ слѣдствіи Бовбіель, который слыветъ силачемъ и которому не хотѣлось терять престижа въ этомъ отношеніи, утверждалъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повалилъ Каспржака на землю, къ нему подскочилъ Гурцманъ, схватилъ его за воротъ и силою оттащилъ его, давши, такимъ образомъ, возможность высвободиться Каспржаку, который началъ ему, Бовбіелю, наносить раны ножомъ. На судѣ Бовбіель показываетъ совершено иначе: онъ не рѣшается-де навѣрное утверждать, что Гурцманъ оттащилъ его, онъ помнитъ только, какъ Гурцманъ „дернулъ“ его, а Гурцманъ могъ, конечно, „дернуть“, пробѣгая мимо него…

Приступаютъ къ допросу подсудимыхъ. Каспржакъ беретъ всю вину на себя, говоря, что онъ одинъ, безъ чьего бы то ни было содѣйствія, убилъ и ранилъ представителей жандармеріи и полиціи. Гурцманъ заявляетъ, что онъ уже два года считаетъ себя социальдемократомъ, что полъ года тому назадъ, онъ сдѣлался дѣятельнымъ членомъ партіи С.-Д.-Ц. П. и Л., въ рядахъ которой онъ работалъ съ полнымъ сознаніемъ, отдавая ей всѣ свои силы. Онъ, однако, категорически отрицаетъ показанія полицейскаго Бовбіеля, т. к. послѣ первыхъ же выстрѣловъ онъ перескочилъ черезъ тѣла убитыхъ и убѣжалъ, скорѣе даже слетѣлъ съ быстротою молніи по лѣстницѣ во дворъ, гдѣ и былъ схваченъ. — Это подтверждаютъ и другіе свидѣтели.

Второй день процесса начинается безконечно длиннымъ объясненіемъ эксперта-хирурга, который въ теченіе трехъ часовъ излагаетъ мельчайшія подробности о всѣхъ ранахъ, нанесенныхъ пяти „представителямъ власти“. Послѣ этого защитникъ Каспржака представляетъ мотивированное предложеніе о необходимости медицинской экспертизы относительно психическаго состоянія его кліента. Прокуроръ Мухинъ, конечно, противится этому требованію защиты и въ раздраженіи кричитъ: „вѣдь Каспржакъ одинъ разъ уже былъ отданъ подъ наблюденіе психіатровъ [2] и воспользовался этимъ, чтобы убѣжать изъ заведенія“. На это прис. повѣрен. Патекъ возражаетъ: „Право, россійское правительство было бы достойно сожалѣнія, если бы оно не сумѣло услѣдить за однимъ душевно больнымъ“. Военные судьи удаляются для обсужденія предложенія защиты и послѣ часового совѣщанія выносятъ рѣшеніе о назначеніи экспертизы для изслѣдованія душевнаго состоянія Каспржака. Это рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ, вызываетъ общее изумленіе, а прокурора Мухина оно буквально приводитъ въ бѣшенство: „что вы сдѣлали — вопитъ онъ внѣ себя — что случилось? Вы за это поплатитесь“! „Нѣтъ“, — отвѣчаетъ съ улыбкой Стрѣльниковъ, — „это рѣшеніе принято нами единогласно“. Въ виду такого постановленія суда, дальнѣйшій разборъ дѣла отложенъ впредь до окончанія экспертизы.

Поневолѣ является вопросъ, отчего военный судъ, приговоръ котораго несомнѣнно былъ предрѣшенъ, такъ внезапно перемѣнилъ тактику и сразу согласился на требованіе защитника. Фактъ передачи дѣла военному суду, назначеніе Стрѣльникова, набившаго руку въ подписываніи смертныхъ приговоровъ, предсѣдателемъ этого суда — все это безусловно свидѣтельствовало объ опредѣленномъ намѣреніи правительства круто расправиться съ двумя попавшимися въ его лапы революціонерами. Явившееся для всѣхъ полной неожиданностью „единогласное рѣшеніе“ заставляетъ полагать, что въ самый послѣдній моментъ судъ почувствовалъ нѣкоторое колебаніе и радъ былъ ухватиться за первую возможность, чтобы отложить дѣло не для выясненія умственныхъ способностей Каспржака, а до тѣхъ поръ, пока выяснится „курсъ“ внутренней политики, выбитой въ данную минуту изъ колеи взрывомъ бомбы 15-го іюля…

Вся Варшава, и въ особенности рабочая Варшава, съ крайнимъ возбужденіемъ прислушивается ко всѣмъ перипитіямъ этого политическаго процесса; вѣдь герой послѣдняго, тов. Каспржакъ, въ исторіи польскаго соціалистическаго движенія игралъ выдающуюся роль; это имя хорошо знакомо рабочимъ Польши! Жизнь Каспржака — это жизнь неутомимаго революціонера-рабочаго. Уже 20 лѣтъ тому назадъ, какъ прусскій подданный, онъ началъ работать для дѣла соціализма въ Познани, въ тѣ времена, когда нѣмецкая соціальдемократія находилась подъ тяжелымъ гнетомъ исключительныхъ законовъ. Приговоренный въ 1887 году познанскимъ судомъ къ тюремному заключенію, онъ удачно спасается бѣгствомъ изъ прусской тюрьмы и отправляется въ Варшаву; въ Варшавѣ въ продолженіе пяти лѣтъ онъ является однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агитаторовъ тогдашней соціалистической партіи „Пролетаріатъ“. Въ 1893 году онъ попадается въ цѣпкія руки варшавскихъ жандармовъ, которые держатъ его цѣлыхъ два съ пол. года въ цитадели; вслѣдствіе нервнаго разстройства, его переводятъ, наконецъ, въ больницу Яна Божія. Неутомимый революціонеръ перепиливаетъ здѣсь желѣзную рѣшетку и бѣжитъ за границу въ Германію. Едва вырвавшись изъ когтей царской полиціи, онъ скоро очутился въ лапахъ прусскаго правительства, которое не забыло ему его бѣгства изъ познанской тюрмы и заставляетъ отсидѣть весь назначенный по суду срокъ, хотя исключительные законы давно уже уничтожены. Выбравшись на волю, Каспржакъ снова начинаетъ агитацію въ Познани, съ энтузіазмомъ отдается дѣлу организаціи рабочихъ, и въ 1901 году познанскіе рабочіе ставятъ его кандидатуру во время дополнительныхъ выборовъ въ парламентъ. Наконецъ, въ 1904 году, уже въ высшемъ градусѣ чахотки, Каспржакъ ѣдетъ въ Варшаву, чтобы отдать послѣдній остатокъ своихъ силъ С.-Д. Ц. П. и Л. И здѣсь, какъ всегда, на посту, въ партійной типографіи, разыгрался послѣдній кровавый актъ 20-лѣтней революціонной борьбы…

„Каспржакъ имѣлъ непримиримыхъ враговъ не только въ лицѣ прусскихъ и русскихъ жандармовъ: гораздо болѣе коварными врагами, отравлявшими послѣдніе 12 лѣтъ его жизни — были политическіе противники! Гнусная клевета, сознательно распространяемая, преслѣдовала его повсюду! По поводу этихъ позорныхъ инсинуацій поднимаетъ голосъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ Цен. Ком. П. С.-Д.: „Противъ всякой очевидности люди, тоже называющіе себя соціалистами, повторяли на всѣ лады свою клевету въ теченіе 12 лѣтъ, доносили на Каспржака, какъ на человѣка, якобы имѣющаго связи съ полиціей, въ польской и нѣмецкой печати, въ своихъ грязныхъ журналахъ и газетахъ. Еще недавно когда Каспржакъ отправился въ Варшаву, чтобы еще разъ выступить на борьбу съ самодержавіемъ, эти люди снова закидали его грязью въ галиційскихъ газетахъ называя его воромъ. Всего за четыре дня до послѣдняго драматическаго ареста Каспржака, какой-то негодяй писалъ въ буржуазной варшавской „Правдѣ“, будто Каспржакъ бѣжалъ изъ Познани изъ-за мошенническихъ продѣлокъ. Товарищи! Ошибаться можетъ всякій человѣкъ и всякая партія. Но тутъ не было ошибки. Тутъ совершено было гнусное моральное убійство съ холоднымъ разсчетомъ, что если не инымъ какимъ-нибудь, такъ этимъ путемъ устраненъ будетъ политическій противникъ, обладавшій вліяніемъ на рабочія массы и неутомимой энергіей. Но въ защиту Каспржака подняли немедленно голосъ всѣ сознательные рабочіе Варшавы, протестовали рабочіе Бреславля и Познани; Каспржакъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ соціалистовъ русскихъ, въ лицѣ вожаковъ германской соціальдемократіи, главное управленіе которой призвало еще въ 1901 году клеветниковъ Каспржака на судъ, и когда послѣдніе не были въ состояніи представить ни малѣйшаго довода, выразило имъ свое публичное презрѣніе. И нынѣ этотъ судъ царскихъ жандармовъ надъ Каспржакомъ является одновременно и *судомъ надъ нравственной гнилью соціальпатріотовъ*“.

Въ воскресенье 7-го августа, въ 10 часовъ утра варшавскіе рабочіе устроили демонстрацію въ честь Каспржака. Выставивши красныя знамена съ надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ Каспржакъ!“, „Да здравствуетъ С.-Д. Ц. П. и Л!“ — демонстранты пошли по направленію къ зданію военнаго суда и дошли до Краковскаго предмѣстья. Во время шествія демонстранты разбрасывали среди публики прокламаціи изданныя П. С.-Д. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Съ театра войны. Какъ подготовлялся разгромъ. Городъ Дальній, теперь занятый японцами, строился молодымъ инженеромъ путей сообщенія, получившимъ это порученіе, благодаря протекціи своей жены, дочери генеральнаго полководца. Онъ былъ снабженъ высшими полномочіями и десятками милліоновъ руб.

Помощникомъ его состоялъ инженеръ путей сообщенія Тимъ.

На мѣстѣ теперешняго Дальняго стояли японскія фанзы: ихъ срыли, склонъ горы сравняли и стали строить городъ — склады, конторы, казармы, портъ, дома для всякихъ чиновъ, клубы, кафе-шантаны… но, казалось, послѣднюю заботу составляли укрѣпленія. Городъ росъ и ждалъ жителей. Инженеры со своими женами и содержанками наѣзжали изъ Портъ-Артура кутить и, не зная чѣмъ превзойти прежнія попойки, часто садились среди улицы и на глазахъ снующихъ рабочихъ забавлялись фонтанами изъ шампанскихъ бутылокъ, потомъ возвращались въ Артуръ и тогда городовые метались подъ окнами ресторана, прося публику держаться подальше, такъ-какъ градоначальникъ Артура и строители Дальняго гуляютъ, а у нихъ привычка пустыя бутылки выбрасывать черезъ окна, разбивая стекла въ рамахъ“.

Широкая жизнь „строителей“ вошла въ поговорку, хищеніе возведено было въ открытое правило. Любовница Тима была центромъ веселой беззаботной жизни, она щедро угощала блестящее общество „строителей“ и сама утопала въ роскоши и лести. Она просила Тима дать мѣсто ея брату. Его выписали и дали ему мѣсто смотрителя складовъ съ окладомъ жалованья въ 100 рублей въ мѣсяцъ, увѣряя его, что мѣсто это — золотое дно. Новый смотритель оказался честнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ усердно служилъ, но всегда передъ 20 числомъ приходилъ къ своей сестрѣ перехватить до получки, жалуясь, что жизнь въ Артурѣ страшно дорога, особенно въ обществѣ „строителей“. Сестра обращается съ просьбою къ Тиму, чтобы далъ ему лучшее мѣсто. „Да, отвѣчаетъ Тимъ, я и то хотѣлъ тебѣ сказать, что переведу его на много худшее мѣсто, хотя и съ большимъ жалованьемъ!“ — „Ты имъ недоволенъ?“ Нѣтъ, онъ очень аккуратенъ и много работаетъ, но зря занимаетъ мѣсто; на этомъ мѣстѣ другой обезпечилъ бы себя, а онъ даромъ его занимаетъ“. Честный молодой человѣкъ былъ переведенъ подальше отъ отвѣтственнаго дѣла, а на его мѣсто назначенъ извѣстный воръ.

Городъ былъ построенъ и Тимъ поѣхалъ въ Петербургъ. Оттуда онъ просилъ полицію очистить его квартиру отъ его бывшей любовницы и охранять ее. Онъ вернулся съ молодой женой, которую окружилъ царскою роскошью. Однако, общественное мнѣніе рѣшило, что ей не удалось перещеголять въ роскоши жену Сахарова.

Судебный слѣдователь по особоважнымъ дѣламъ явился къ Тиму и предложилъ ему обезпечить женщину, девять лѣтъ бывшую хозяйкою его дома, а теперь живущую въ крайней нуждѣ, конторщицей въ небольшомъ магазинѣ. Тимъ отвѣтилъ что онъ не можетъ содержать всѣхъ женщинъ, съ которыми онъ былъ въ связи.

Девизъ служащихъ и промышляющихъ на Дальнемъ Востокѣ былъ — нажива. Для нее всѣ готовы были все продать и совѣсть и родину. Это были дѣйствительные „враги Россіи“, а рядомъ съ ними жили толпы озлобленныхъ на русское правительство иновѣрцевъ и инородцевъ, аборигеновъ Квантунга. Вотъ кто долженъ былъ обезпечить Россіи „оборону ея интересовъ отъ коварнаго японца“! Не мудрено, что оборона была подготовлена такъ блестяще.

Здѣсь процвѣтало „Общество Восточно-Азіатской Компаніи“. Запросто его моряки зовутъ „Датскимъ Обществомъ“. Шефомъ его и главнымъ пайщикомъ состоитъ Марія Ѳеодоровна. Всѣ лучшія мѣста этого общества и мѣста капитановъ всѣхъ пароходовъ были заняты датчанами и чухонцами. Они открыто говорили: „что-же, что мы плаваемъ подъ русскимъ флагомъ! Мы не русскіе“. Въ настоящее время въ русскомъ консульствѣ въ Шанхаѣ ведется слѣдствіе по дѣлу, произведшему сильное впечатлѣніе на Дальнемъ Востокѣ. Наканунѣ перваго нападенія японской эскадры на Портъ-Артуръ, изъ Шаяхая вышелъ пароходъ Восточно-Азіатской Компаніи — Манчжурія (не смѣшивать съ пароходомъ того же имени Восточно-Китайской желѣзной дороги.) Капитанъ и вся каютъ-кампанія — датчане. Грузъ — важные боевые припасы. Пароходъ получилъ приказаніе идти наискорѣйшимъ ходомъ въ Портъ-Артуръ. Теперь обнаружено, что имѣя возможность идти шесть миль въ часъ, пароходъ шелъ со скоростью полъ мили въ часъ: увидѣвъ въ открытомъ море группу русскихъ судовъ, „Манчжурія“ свернула со своего пути и скрылась отъ нихъ, а когда встрѣтила японскую эскадру, направилась прямо къ ней и сдалась.

Съ Востока. Безпрерывная ѣзда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на территоріи между Кишиневомъ и Челябинскомъ, Петербургомъ и Астраханью, въ вагонахъ и на пароходахъ, оставляетъ очень опредѣленное впечатлѣніе. Совсѣмъ ужъ не такъ у насъ благополучно и патріотично, какъ можно было бы предполагать, даже не придавая значенія нововременскимъ старьевщикамъ и ихъ заявленіямъ о готовности жертвовать. Три мѣсяца назадъ говорили о войнѣ безъ внутренняго раздраженія, какъ о самой обыкновенной злобѣ дня; слышалась и увѣренность въ нашей непобѣдимости и желаніе показать японцу, что мы не кое-кто, терпѣливы, великодушны, но справедливы, и хоть накажемъ за дерзость, но потомъ и помилуемъ — всякому жить надобно. Такого настроенія теперь нѣтъ и помину. Плачъ и стонъ стоитъ на востокѣ Руси: мобилизуютъ запасъ. Плачутъ матери, жены, дѣти; нерѣдко реветъ бѣлугой и самъ запасъ, а если не реветъ, то старается пить возможно больше, чтобы хоть этимъ возстановить нарушенное равновѣсіе. По Вяземской и Самарской дорогамъ невозможно ѣздить ввиду скопленія запасныхъ, провожающихъ, пьянства и слезъ, не говоря уже о томъ, что количество подвижного состава сведено до минимума и ѣдутъ какъ сельди въ бочкѣ. Кругомъ разсказы о томъ или иномъ злоупотребленіи Кр. Креста съ обычными, разумѣется, обывательскими прибавленіями, принимающими форму сплетни. Часто слышатся разсказы о той или иной осиротѣвшей семьѣ и объ отсутствіи ей помощи, несмотря на обѣщанія начальства, причемъ вѣры этому послѣднему не замѣтно и на ломаный грошъ. Разсказываютъ о томъ или иномъ случаѣ самоубійства запасныхъ, которые должны были оставить на улицѣ своихъ малыхъ дѣтей и получили отъ начальства обѣщаніе для нихъ крупы, муки и пр., а они просили ухода… Нескрываемый скептицизмъ по адресу неудобствъ перевозки солдатъ въ скотскихъ вагонахъ и ихъ достаточнаго продовольствія.

Оставшаяся безъ варіацій исторія гибели въ самомъ началѣ войны чуть ли не половины флота теперь снова всплываетъ въ сознаніи и получаетъ опредѣленную окраску.

Недовѣріе къ властямъ, чиновникамъ, начальству полное; надеждъ на батюшку царя не слышно. Слухи о томъ, что онъ долженъ появиться въ Пензѣ, Самарѣ, Оренбургѣ для благословенія, волнуетъ больше нелегальныхъ и поднадзорныхъ, чѣмъ обывателя. При мобилизаціи, разумѣется, вскрываются все возможныя злоупотребленія на этой почвѣ. Въ Самарѣ побили полицію во главѣ съ полиціймейстеромъ за то, что нѣкоторые капиталисты изъ запаса были заблаговременно записаны въ околоточные. Архіерея перевели (сверху) за продажу такимъ же запаснымъ мѣстъ псаломщиковъ; но потребность публичнаго порицанія, свойственную толпѣ, удовлетворить нельзя.

Въ Уральскѣ волновались пролетаріи-казаки по поводу покупки капиталистами замѣстителей. Въ Оренбургѣ то же самое. Разные слои, разумѣется, относятся къ войнѣ различно, но это различіе заключается лишь въ интенсивности отношенія къ войнѣ, а не въ характерѣ этого отношенія: послѣднее всегда и у всѣхъ, кромѣ, кажется, служителей алтаря, отрицательно.

Все то, что раньше скользило по сознанію, лишь оставляя слѣдъ, но не останавливая вниманія, всѣ тѣ жизненныя мелочи изъ которыхъ, при ихъ разрозненности и отсутствіи логической связи, нельзя было вынести какого-либо заключенія, теперь припоминаются, группируются, составляютъ цѣлыя опредѣленныя картины. Тѣ классовыя противорѣчія, которыя раньше были замѣтны идеологамъ, а въ жизни складывались по мелочамъ и незамѣтно, теперь вырисовываются во всей своей неприкрашенности. Разсужденія о войнѣ всегда подчеркиваютъ характерную классовую точку зрѣнія говорящаго именно потому, что разсужденія эти инстинктивны въ силу яркости и напряженности переживаемаго момента. Наибольшее отчаяніе съ примѣсью мнѣ казалось неопредѣленаго раздраженія и сдерживаемаго озлобленія наблюдается среди крестьянъ. Во многихъ мѣстахъ, не говоря уже о массѣ осиротѣвшихъ семей, остаются несѣянными поля, а съ посѣянныхъ „некому будетъ собирать“, какъ часто слышится въ причитаніяхъ провожающихъ бабъ. Въ отвѣтъ на причитанія окружающихъ, публика угрюмо молчитъ, а у многихъ появляются слезы.

Настроеніе обывателя носитъ отпечатокъ растерянности: патріотическія ожиданія не сбылись, вѣра иссякла, а въ политическихъ перспективахъ онъ не искушенъ. Газетныя извѣстія и виды на будущее такъ спутаны, что на нихъ совершенно нельзя обосновываться и опытному. Квасные патріоты и тѣ могутъ говорить о войнѣ только отъ послѣдняго номера Суворина, взять же сразу два номера — это значитъ натолкнуться на противорѣчія и утратить какую бы то ни было точку опоры.

Буржуазія и чиновничество въ разговорахъ о войнѣ многозначительно отмалчиваются или пускаютъ реплики „по службѣ“. Опредѣленности въ сужденіяхъ и ожиданіяхъ нѣтъ и здѣсь — „съ одной стороны… и съ другой стороны“… вотъ чаще всего ихъ вялыя разсужденія.

Торговое сословіе кряхтитъ — товаръ нейдетъ, закрываетъ лавочку, но разсуждать объ этомъ опасается, лишь грузно вздыхаетъ и тоже отмалчивается. Но въ тѣсныхъ кружкахъ капитальной и чиновной буржуазіи передаются сплетни о связи съ гибелью „Петропавловска“ пребыванія на немъ князя Кирилла и его летучей оперетки, о выстрѣлѣ другого князя Бориса въ Куропаткина и о многихъ другихъ придворныхъ авантюрахъ. Но протеста, ни даже смягченія этихъ часто анекдотовъ не слышится, какъ бы дики они иной разъ ни были. Все то, что скандализируетъ священный домъ Романовыхъ, принимается на вѣру.

Но въ концѣ концовъ, все же больно и обидно смотрѣть, какъ запасъ, усталый, запыленный и обтрепанный, въ желтыхъ казенныхъ сапогахъ маршируетъ по улицамъ сборныхъ городовъ. Или онъ же, пьяный и плачущій кричитъ „ура“ изъ скотскихъ вагоновъ, проѣзжая мимо большой станціи. Это его „ура“ есть ничто иное, какъ желаніе заглушить въ себѣ внутренній протестъ противъ совершаемаго надъ нимъ насилія. Публика на эти крики молчитъ и разрушаетъ тѣмъ его вѣру въ дѣйствительность этого средства.

Двинскъ. Нынѣшняя война даетъ особенно обильную жатву всѣмъ хищникамъ, пріютившимся подъ сѣнью самодержавія. Недавно сюда прибыла партія жертвъ этихъ слугъ отечества.

---

[1] На основаніи матеріаловъ, доставленныхъ редакціей „Czervony Standar“.

[2] Въ 1895 г.

Не успѣвъ еще доѣхать до непріятеля, солдатики, надѣленные негодной одеждой, негодными помѣщеніями, негоднымъ провіантомъ, должны были быть возвращены на леченіе въ Двинскъ.

А вотъ еще подвигъ „внутреннихъ враговъ“. На дняхъ здѣсь загорѣлся крѣпостной ружейный арсеналъ. Пріѣхали, конечно, пожарные, потушили громадные ящики съ ружьями и уѣхали. Кажется, чего проще и естественнѣе? Но почему комендантъ крѣпостного склада ругался и кричалъ завѣдующему ружейнымъ отдѣленіемъ, что завтра у него съ нимъ будетъ особый разговоръ? Какимъ это образомъ могъ загорѣться домъ, построенный исключительно изъ желѣза и кирпича, безъ малѣйшаго признака дерева, и наполненный только ящиками съ ружьями? И почему въ крѣпости, стоящей на берегу Двины, крѣпости, обильно снабженной водой, послѣдняя подавалась пожарнымъ въ крайне ограниченномъ количествѣ?

Въ отвѣтъ на это злые языки (а гдѣ ихъ нѣтъ теперь?) упорно утверждаютъ, что объ этомъ постаралось наше интендантство. Они говорятъ, что послѣднее предвидѣло, что въ скоромъ времени съ него потребуютъ все количество ружей, которое должно находиться въ крѣпости; что въ наличности имѣлось на много меньше, чѣмъ числилось; что комендантъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, о томъ, какъ ведется крѣпостное хозяйство; что интендантство разсудило... и догадалось. А говорятъ еще, что у насъ въ Россіи умныхъ людей со свѣчей искать!...

Севастополь. Рѣчь вновь назначеннаго на мѣсто Скрыдлова главнаго командира Черноморскаго флота (унтеръ-офицерамъ-матросамъ), г. Чухнина.

„Унтеръ-офицеры! Я вызвалъ васъ, чтобы познакомиться съ вами и васъ познакомить съ собой.

Съ сегодняшняго дня я буду служить съ вами; не знаю, понравитесь ли вы мнѣ или я вамъ, — это покажетъ будущее. Прежде всего я скажу вамъ, что я — дисциплинаренъ и люблю дисциплину, люблю чинопочитаніе и уваженіе начальства. Я сказалъ, что я дисциплинаренъ: этого требуетъ служба. Безъ дисциплины не могло бы существовать не только ни одно государство, но и ни одно маленькое общество, преслѣдующее какія бы то ни было цѣли, а поэтому, если бы не было дисциплины, не было бы государства.

Помните, я говорю вамъ это потому, что вы унтеръ офицеры. Унтеръ-офицеры — это громкое слово. Сознавая это, каждый изъ васъ долженъ придти въ ужасъ: недавно былъ мужикъ, пахалъ землю, а тутъ вдругъ унтеръ-офицеръ, ближайшій помощникъ офицера. Да, вы ближайшіе помощники гг. офицеровъ, на васъ возлагается большая обязанность, на васъ довѣряется часто цѣлое казенное имущество. Вы должны служить честно и вѣрно, вы должны гордиться. Поскольку на васъ возлагается обязанность, постольку и вы должны требовать съ подвластныхъ себѣ. Вѣдь у васъ есть подчиненные; вы въ правѣ распоряжаться ими, можете, что угодно дѣлать съ ними, требовать отъ нихъ также дисциплины, требовать чинопочитанія, уваженія къ начальству, а также къ себѣ. Если бы рядовые противились всѣмъ этимъ требованіямъ, вы должны были бы строго взыскивать и доносить мнѣ, или ближайшему своему начальству. Помните! малѣйшее упущеніе съ вашей стороны я буду съ васъ строго взыскивать; вы не должны входить ни въ какія сношенія съ нижнимъ чиномъ; вы не должны говорить съ подчиненными вамъ, иначе это будетъ подрывъ дисциплины, а это будетъ противъ устава.

Еще я хотѣлъ поговорить съ вами объ одномъ. Въ прошломъ году у васъ здѣсь завелись нехорошіе люди, самые лютые враги не только государства, но и васъ всѣхъ. И что жъ они сдѣлали? — ихъ арестовали, сидятъ они теперь въ тюрьмѣ и тамъ погніютъ. Измѣнить теперешній порядокъ никому не удастся. Мы, офицеры, не по васъ, мы въ тысячу разъ умнѣе васъ, образованнѣе васъ, и то не беремся за это дѣло, — а куда же вы лѣзете съ вашими бараньими головами? Эти люди недовольны, они мало имѣютъ, такъ стараются, чтобъ и другой не имѣлъ, однимъ словомъ: у насъ нѣтъ, такъ чтобъ и у васъ не было; они сами не хотятъ признавать никого, и васъ учатъ не повиноваться начальству, а подумайте, что бы было, если бы не повиновались начальству. Смотрите, мы, офицеры, дворяне, образованые всѣ одинаково, а вотъ я — командиръ главный, а мнѣ всѣ офицеры подчиняются и исполняютъ мои приказанія.

Эти люди еще устраиваютъ стачки, и что они получаютъ? сами остаются голодными и другіе, довѣрчивые имъ; и въ концѣ концовъ опять же идутъ просить у того же работы, противъ кого они возставали. Вотъ вы должны быть поумнѣе ихъ, вы должны на каждомъ шагу преслѣдовать такихъ людей, чуть что замѣтите, сейчасъ же заявляйте своему ротному командиру, и васъ за это будутъ награждать и поощрять по службѣ, какъ вѣрныхъ сыновъ отечества, слугъ государства. Надѣюсь, что вы будете исправными служаками, и все, что я предлагаю, требую выполнить. До свиданія“.

Вновь назначенный главнокомандующій посѣтилъ портовыя мастерскія. Зайдя къ ученикамъ слесарно-сборочной мастерской, онъ возмущался платой въ 60 коп. „Что вы разорять казну хотите? — обратился онъ къ сопровождавшему его инженеру: „ученикамъ плата 30-40 коп.“ „1 р. 40 — говорилъ онъ дальше, можно платить мастеровому лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда человѣкъ 20 лѣтъ проработалъ!“

Посѣтивъ арестный домъ, гдѣ теперь сидятъ 8 матросовъ политическихъ, онъ заходилъ къ каждому въ камеру и разспрашивалъ о дѣлѣ. Увидя матроса, арестованнаго всего на прошлой недѣлѣ по доносу товарища, которому онъ якобы давалъ на храненіе литературу, Чухнинъ удивился: „какъ? значитъ и теперь еще такими дѣлами во флотѣ занимаются?“ Выстроивъ всѣхъ арестованныхъ, онъ предложилъ имъ въ рѣчи указать настоящихъ виновниковъ. „Вы посидѣли, теперь пусть они посидятъ“.

Ростовъ на Дону. Ростовъ и вся Донская область находится въ нервномъ ожиданіи объявленія мобилизаціи. Упорные слухи пріурочиваютъ ее къ концу іюля, когда ожидается въ Новочеркасскъ „Ника-Милуша“, чтобы потомковъ тѣхъ самыхъ казаковъ, которые умирали за вольность казацкую, благословить иконой на смертъ за православіе, царя и самодержавіе. Какой пріемъ встрѣтитъ коронованный гастролеръ у казаковъ, не беремся предсказывать, но врядъ ли ему понравится, если онъ наткнется на такое же отношеніе къ мобилизаціи, какое проявилось здѣсь въ воскресенье 4 іюля. Отправляли 100 съ лишнимъ человѣкъ, запасныхъ флотскихъ, (всего съ округа отправлено 286 челов.). На вокзалѣ при отправленіи ропотъ отправляемыхъ принялъ такіе размѣры, что понадобилось вмѣшательство воинскаго начальника: „что вы — недовольны? чѣмъ“? — „Зачѣмъ насъ отправляютъ на войну? Зачѣмъ намъ чужая земля, у насъ своей довольно“. Приходилось успокаивать: „Васъ туда не отправляютъ, отправляютъ тѣхъ, которые теперь на дѣйствительной службѣ, а вы лишь заступаете ихъ мѣсто въ Севастополѣ“. — Но успокоительныя заявленія не подѣйствовали. Дали знать градоначальнику. Всю публику удалили, явилась сотня казаковъ. Невольно напрашивается вопросъ: когда же наступитъ конецъ мобилизаціи, если на каждую сотню мобилизуемыхъ требуется сотня уже мобилизованныхъ?

Въ pendant къ предстоящей мобилизаціи, Дон. Ком. было распространены листки „Искры“ „къ запаснымъ рядовымъ“ въ количествѣ 3,800 экз. Листки очень понравились рабочимъ и, что ими особенно оттѣнялось, — ихъ общепонятность. Сравненіе въ этомъ смыслѣ съ листками „ко всему рабочему народу“ было не въ пользу послѣднихъ.

Кременчугъ. Страшный переполохъ среди мѣстныхъ властей вызвалъ назначенный на 5 мая пріѣздъ царя. Съ послѣднихъ чиселъ апрѣля начались приготовленія къ торжественному пріему. Всѣ неблагонадежные элементы были изъяты изъ обращенія и переполнили тюрьму и участки. *Во всѣхъ* дворахъ, магазинахъ, сараяхъ и погребахъ главныхъ улицъ города произведены были тщательные обыски изъ опасенія какого-нибудь подкопа или засады. Понятно, ничего подобнаго не нашлось. Все же власти пребывали въ страшномъ безпокойствѣ, еще усилившемся вслѣдствіе распространенія въ ночь съ 30-го апрѣля на 1-ое мая майскихъ прокламацій Ц. К. Полицеймейстеръ два дня рыскалъ по городу съ цѣлью открыть источникъ этой крамолы, задерживалъ, обыскивалъ и опрашивалъ всѣхъ проходящихъ, до еврейскихъ мальчишекъ включительно, — но ничего не нашелъ. Мѣры строгости были усилены. Несмотря на безрезультатность обысковъ, у всѣхъ владѣльцевъ домовъ, магазиновъ и погребовъ отобрана была подписка, что они отвѣчаютъ *жизнью и имуществомъ*, если „что-либо“ случится, и что никому не будутъ въ эти дни давать ключей отъ погребовъ, а, въ случаѣ надобности, отпирать и запирать ихъ сами. Несмотря на всѣ эти экстраординарныя мѣры, начальство не поручилось за благонадежность Кременчуга. Вслѣдствіе этого, „обожаемый монархъ“ даже не въѣхалъ въ городъ. На вокзалѣ его встрѣтили представители разныхъ вѣдомствъ и небольшая кучка допущенныхъ полиціей обывателей, прокричавшихъ при выходѣ царя изъ вагона жиденькое „ура“. Ограничившись отвѣтнымъ привѣтствіемъ властямъ и нѣсколькими напутственными словами отправляющимся на войну войскамъ, запуганный самодержецъ благополучно уѣхалъ изъ Кременчуга.

Вскорѣ послѣ этого произошелъ маленькій, но весьма характерный курьезный „инцидентъ“, созданный все еще находящимися въ напряженномъ состояніи властями. Пріѣхалъ изъ Кіева комми-вояжеръ фирмы „Термометръ“ и остановился въ гостиницѣ. Почему-то хозяинъ принялъ его за японца. Немедленно нагрянула полиція и произвела у несчастнаго „японца“ тщательный обыскъ. Около тысячи термометровъ, привезенныхъ имъ и тщательно завернутыхъ въ бумагу, были *всѣ* до единаго развернуты и изслѣдованы, платье распорото, и въ результатѣ, несмотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ шпіонства, несмотря на то, что, имѣя при себѣ всѣ документы, комми-вояжеръ, хотя и съ трудомъ, доказалъ полицейскимъ, что онъ не японецъ, — предусмотрительное начальство все же немедленно выслало его изъ города.

Николаевъ. — Митрофанъ пробуждается — но съ просонья онъ бормочетъ весьма несуразныя вещи. Послушайте, напримѣръ, какъ разсуждаютъ наши „либеральные“ Митрофаны о войнѣ. Они желаютъ побѣды Россіи: престижъ ея въ Европѣ уже достаточно де пострадалъ, и „либеральная часть души“ этимъ удовлетворена, теперь же душа требуетъ мира и какъ можно скорѣе. А безъ побѣды мы не можемъ заключить мира — это было бы уже слишкомъ.

Вообще въ мѣстномъ „обществѣ“ никакого оживленія не замѣчается. Всѣ замкнулись въ свою скорлупу, дѣлаютъ свое маленькое „полезное“ дѣло, а выше не хватаютъ. Немного шуму надѣлали происшествія въ общественной библіотекѣ. На общественномъ собраніи г. Рохлинымъ было внесено предложеніе объ избраніи почетнымъ членомъ Калафати (соц.-демократъ, приговоренный къ ссылкѣ, былъ однимъ изъ основателей библіотеки). Предложеніе было встрѣчено долгими единодушными апплодисментами. Присутствовавшій на собраніи судебный слѣдователь пошептался съ однимъ изъ директоровъ библіотеки, пригрозилъ закрытіемъ ея и... засѣданіе было прервано и отложено на другой срокъ. На слѣдующій разъ о Калафати не было произнесено ни слова, но за то огромнымъ большинствомъ избрана была „весьма либеральная“ дирекція. Одинъ изъ избранныхъ, г. Романовичъ, не былъ утвержденъ въ должности, что объясняютъ отчасти вышеприведеннымъ инцидентомъ, отчасти тѣмъ, что отказался назвать, по требованію администраціи, фамиліи 48 евреевъ, потребовавшихъ какъ то снятія со стола читальни журнала „Наблюдатель“. Между прочимъ, въ дѣлѣ о „Наблюдателѣ“ отличилась мѣстная либеральная газета „Южная Россія“, въ редакціи которой состоятъ бывшіе ссыльные Шаргородскій и Морозовъ. Она разразилась передовицей, въ которой доказывала, что евреи не имѣютъ права указывать русскому народу, что онъ долженъ читать.

Безработица въ Николаевѣ и на всемъ югѣ страшная. Очевидно, „въ видахъ сохраненія порядка“ полиція настаиваетъ на томъ, чтобы промышленники не разсчитывали рабочихъ. Это вызываетъ, понятно, сильное неудовольствіе въ буржуазныхъ кругахъ, которые разсуждаютъ такъ: „затѣяли сами войну, — въ результатѣ кризисъ, а теперь хотятъ, чтобы рабочихъ не распускать!“

Новый законъ о разрѣшеніи политическихъ дѣлъ судебнымъ порядкомъ имѣлъ послѣдствіемъ созданіе въ Николаевѣ дѣла Комитета или тридцати пяти, куда причислена и взятая здѣсь типографія, и два болѣе мелкихъ дѣла. Суду подлежатъ всѣ арестованные въ послѣднее время и даже годъ назадъ. Въ Одессѣ предстоитъ дѣло 72-хъ. По мнѣнію прокуратуры, съ введеніемъ новаго закона значеніе шпіонскихъ показаній уменьшится.

Изъ полицейскихъ безчинствъ отмѣтимъ обыскъ у нѣкоего молодого человѣка, произнесшаго на чествованіи памяти Чехова рѣчь, вся преступность которой заключалась въ выраженіи надежды на „лучшее будущее“, по сравненію съ тѣмъ общественнымъ маразмомъ, который рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ Чеховъ. Затѣмъ полиція потребовала отъ владѣлицы книжнаго магазина Шаха, который она почему то считаетъ центромъ неблагонадежности, очистить магазинъ отъ вредныхъ элементовъ, что и было исполнено съ большою готовностью.

Черниговъ. Въ настоящее время въ тюрьмѣ сидятъ: Зисманъ (рабочій-часовщикъ) и два молодыхъ парня изъ сосѣдней деревни (одинъ изъ нихъ былъ сторожемъ въ мѣстной обществ. библіотекѣ).

Всю зиму въ черниговской тюрьмѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ другихъ городовъ (Екатеринослава, Одессы и др.) Изъ нихъ работница Левина ссылается въ Архангельскую губ. на два года. Въ тюрьмѣ была голодовка. Требовали права имѣть общую кассу. Требованіе было удовлетворено. Однако, на вновь прибывающихъ эта уступка не распространяется начальствомъ. Возмутительно было во время этой голодовки поведеніе тюремнаго врача Демидовича (онъ же занимаетъ штатное мѣсто во врачебномъ отдѣленіи губернскаго правленія).

Теперешній губернаторъ Хвостовъ, преемникъ „знаменитаго“ Андреевскаго, представляетъ второе изданіе этого послѣдняго, но только еще болѣе уродливое... Хвостову всюду мерещится крамола — и въ губернскомъ земствѣ, и въ дворянствѣ (въ лицѣ губернскаго предводителя Муханова), и въ общественной библіотекѣ. Вздумалъ, напримѣръ, Мухановъ возобновить ходатайство покойнаго губ. предв. дворянства кн. Долгорукаго объ открытіи въ Черниговѣ общества распространенія народнаго образованія. И что же? Благодаря заключенію, данному этому ходатайству Хвостовымъ, ходатайство это министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отклонено. Мухановъ увидѣлъ въ этомъ *личную* себѣ обиду: какъ! ему, губернскому предводителю дворянства, отказали, а губернатору повѣрили... Не бывать этому... И Мухановъ, какъ передаютъ, сказалъ гдѣ-то, что общество распространенія народнаго образованія будетъ въ Черниговѣ: онъ добьется этого въ Питерѣ. Интересно отмѣтить тутъ обстоятельство, характерное для либеральныхъ оппозиціонныхъ элементовъ: вмѣсто того, чтобы данный произволъ администраціи сдѣлать предметомъ для агитаціи среди общества, на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ, и добиться того, чтобы эти сословныя организаціи заявили по поводу даннаго факта свой протестъ, господа россійскіе обыватели либеральнаго свойства предпочитаютъ систему протекціи... Нужно, впрочемъ, отдать справедливость Муханову, у него есть предѣлы терпѣнію. Прежде, чѣмъ отправить вышеупомянутое ходатайство въ Петербургъ, онъ пригласилъ къ себѣ, въ качествѣ личныхъ гостей, весьма многихъ лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній. Между прочимъ, въ разосланныхъ имъ приглашеніяхъ, каждому адресату предоставлялось пригласить своихъ знакомыхъ. И вотъ на это-то собраніе, совершенно частное, въ собственной квартирѣ губернскаго предводителя дворянства, губернаторъ Хвостовъ прислалъ „для порядка“ полицейскаго пристава. Терпѣть это было сверхъ всякихъ силъ: еще бы, губ. предв. дворянства приглашаетъ къ себѣ гостей и... вдругъ — полицейскій для порядка!! И Мухановъ приказалъ приставу удалиться, несмотря на объясненіе пристава, что онъ здѣсь по распоряженію губернатора...

„Добровольныя пожертвованія“ на войну идутъ и въ Черниговской губерніи. Съ крестьянъ полиція прямо *требуетъ* денегъ. Въ одной деревнѣ недалеко отъ Чернигова одинъ крестьянинъ не вытерпѣлъ и сказалъ: „что это? русскій царь сталъ уже такъ бѣденъ, что посылаетъ васъ за поборами?“ Крестьянинъ этотъ былъ представленъ „по начальству“. Также „добровольно“ раскупаются въ Черниговѣ билеты на разныя гулянья и т. п. въ пользу Краснаго Креста: полиція прямо, безъ церемоній, разноситъ билеты по лавкамъ, а также покорнымъ обывателямъ, и тѣ, конечно, берутъ...

4-го іюня въ Черниговѣ закончилось „Губернское совѣщаніе по выработкѣ законоположенія о крестьянахъ“. Совѣщаніе происходило при закрытыхъ дверяхъ. Либеральные элементы участвовавшіе въ совѣщаніи, хвалятся, что „кое-что“ имъ удалось „подпустить“, что губернаторъ часто кипятился, обрывалъ, лишалъ слова и т. д. Передаютъ, что Мухановъ сказалъ „превосходную рѣчь“ въ защиту всесословной волости, и противъ проекта министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы крестьянство оставить обособленнымъ сословіемъ. Несмотря на желаніе губернатора, совѣщаніе, по словамъ участвовавшихъ, высказалось за всесословность. Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи губернаторомъ не былъ допущенъ къ обсужденію.

Тула. Чулковцы, обитатели мѣстной слободы, которыхъ такъ ретиво усмирялъ памятный въ лѣтописяхъ Тулы полицейскій мужъ Лавровъ, очевидно, начинаютъ „отходить“. Недавно они грудью защищали свои права владѣнія и остались побѣдителями. Дѣло обстояло такъ: искони чулковцы пользовались выгономъ около своей слободы. И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, явились плотники и начали возводить на чулковской землѣ срубъ. Чулковцы молчали и ждали. Вокругъ появились плуги, была проведена первая борозда. Бабы-лазутчицы принесли сенсаціонное извѣстіе: городъ сдалъ въ аренду большую часть выгона огороднику. Чулково всполошилось. Бабы звали къ „возстанію“. Масса народа бросилась къ выгону. Мигомъ былъ снесенъ срубъ, прогнали плотниковъ, выпрягли лошадей у пахарей. О „происшествіи“ дано было знать въ управу. Начальство пріѣхало. Его встрѣтили градомъ насмѣшекъ и ругательствъ. Подняли вопросъ о мѣрахъ „пресѣченія“ и „подавленія“. „Самое вѣрное средство успокоить ихъ (при этомъ жестъ въ сторону черни), это — уѣхать намъ отсюда“, заявило одно изъ лицъ, „властью облеченыхъ“. Сказано, сдѣлано. „Начальство“ отправилось во-свояси, напутствуемое шутками „повстанцевъ“ и благими пожеланіями арендатора. Чулковцы побѣдили. Что будетъ дальше — неизвѣстно, но кажется, дѣла о „сопротивленіи власти“ поднимать не намѣрены. Такъ кончился „чулковскій бунтъ“.

Въ концѣ апрѣля здѣсь была объявлена мобилизація. Объявленія о призывѣ запасныхъ были расклеены часовъ въ 10 вечера. Очевидно, это было нарочно, — полиція боялась взрыва народнаго возмущенія, боялась, что его могутъ использовать. На слѣдующій день городъ какъ то замеръ. Всюду слезы, плачъ, сумрачныя, угрюмыя лица. На другой день стали стекаться запасные изъ деревни. Около казармы толпа народа, женщинъ, дѣтей: опять слезы, плачъ. Словомъ, первая недѣля призыва — это недѣля безпросвѣтнаго горя и отчаянія. О патріотическихъ чувствахъ смѣшно и говорить, ихъ нѣтъ и въ поминѣ, наоборотъ, всюду злоба и недовольство. Мнѣ пришлось наблюдать такую сцену. Около казармы остановилась торговка.

„Что же дѣлать, голубушка, обратилась она къ двумъ заплаканнымъ деревенскимъ бабамъ, „надо послужить богу и великому государю“. „Больно ты широка, видно, никого изъ своихъ не провожаешь“ вскипѣла одна изъ бабъ, тебя бы вотъ послать служить то!“ И въ ея голосѣ была ненависть и злоба. Торговка замолчала и отошла, и этотъ разговоръ не случайный. Всюду — глухое недовольство войной.

Проводы солдатъ представляли душу раздирающую картину. Надъ вокзаломъ при движеніи уходящаго поѣзда стоялъ буквально стонъ. То и дѣло, падали въ обморокъ женщины, плакали и кричали дѣти, по загорѣлымъ лицамъ солдатъ катились слезы. Масса народа стояла безъ шапокъ, словно при похоронной процессіи. Изъ дверей товарныхъ вагоновъ, плотно прижавшись другъ къ другу, глядѣли измученныя, искаженныя горемъ лица солдатъ. Музыка, плачъ, и стоны покрывались криками „ура!“, только далеко не восторженнаго, а печальнаго и скорбнаго. Люди иначе не умѣли, не могли выразить своихъ чувствъ. Сколько въ этомъ надорванномъ крикѣ было отчаянія и горя! Смѣшно говорить о „бодромъ духѣ“ войска. Большей подавленности, большей дезорганизованности я никогда не могъ себѣ представить.

Послѣдняя драма въ Якутской области. По полученнымъ нами письмамъ подробности драмы, жертвой которой палъ товарищъ *Нафт. Шацъ*, и предшествовавшія ей событія рисуются слѣдующимъ образомъ.

Партія вышла изъ Александровской тюрьмы 15 мая подъ начальствомъ конвойнаго офицера Сикорскаго. Уже самый фактъ назначенія этого офицера предвѣщалъ недоброе. Въ свое время Сикорскій былъ изгнанъ изъ полка товарищескимъ судомъ, и теперь, когда онъ вновь вступилъ на дѣйствительную службу вслѣдствіе призыва запасныхъ, онъ не былъ принятъ иркутскимъ офицерствомъ въ свою среду. Это завзятый пьяница и развратникъ; всю дорогу онъ не протрезвлялся и на каждой ночевкѣ требовалъ отъ солдатъ, чтобы ему приводили женщинъ. Кормовыя деньги, полагающіяся арестантамъ, онъ присваивалъ себѣ. Свои обязанности въ качествѣ начальника партіи онъ понималъ, какъ особую миссію согнуть „ихъ“ въ бараній рогъ; въ обращеніи, какъ съ политическими, такъ даже и съ мѣстными властями, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, онъ былъ крайне грубъ и высокомѣренъ, ссылаясь все время на какія то „особыя полномочія“ и тайную инструкцію; при этомъ онъ обнаружилъ полное незнакомство не только съ установившимися этапными традиціями, но даже съ офиціальными правилами пересылки арестантовъ.

Понятно, что съ такимъ субъектомъ должны были выйти столкновенія и — необходимо это подчеркнуть — назначая его, мѣстное начальство *не могло этого не предвидѣть*. Столкновенія, дѣйствительно, начались съ перваго же момента: офицеръ распорядился произвести обыскъ въ вещахъ политическихъ. Этого никогда не дѣлалось до сихъ поръ, да это, наконецъ, фактически невыполнимо, т. к. всѣ отправляющіеся въ В. Сиб. везутъ съ собою массу пожитковъ, распаковка, подробный просмотръ и обратная упаковка кот. потребовали бы огромнаго количества времени. Политическіе отказались подчиняться этому распоряженію, заперли вещи въ женской камерѣ и забаррикадировали ее. Явилось все начальство, и при его участіи на этотъ разъ удалось покончить миромъ: офицеръ взялъ назадъ свое распоряженіе.

На первой же дневкѣ онъ не разрѣшилъ (какъ это всегда дѣлается) старостѣ политическихъ отправиться съ конвойнымъ въ село за покупками, и самъ не позаботился о томъ, чтобы доставить имъ провизію. Партія промолчала. Къ ночи она прибыла въ с. Московку и была помѣщена въ такой тѣсной камерѣ, что многимъ пришлось улечься на полу; между тѣмъ, въ томъ же дворѣ былъ свободный баракъ. Потребовали офицера; онъ не явился, не отвѣтилъ также на посланную ему записку. Рѣшено было не двигаться дальше, пока офицеръ не пообѣщаетъ измѣнить своего обращенія. На утро Сикорскій опять не пришелъ, а послалъ лишь черезъ унтера приказаніе приготовиться къ отъѣзду. Партія отказалась, и когда явился офицеръ, предъявила ему требованіе, чтобы онъ приходилъ, когда партія желаетъ его видѣть, и отпускалъ на этапахъ одного человѣка за провизіей. То и другое было обѣщано.

Вечеромъ того же дня партія была встрѣчена ссыльными селъ Куяды и Тугутуя, пришедшими за 10 верстъ, чтобы повидаться съ товарищами. Офицеръ не разрѣшилъ имъ видѣться на дорогѣ, но обѣщалъ дать свиданіе на этапѣ. Слова своего онъ не сдержалъ и по вызову опять не явился къ партіи; вышедшіе же на встрѣчу товарищи были арестованы и отпущены только послѣ ухода этапа. На утро снова было объясненіе съ офицеромъ, и подано заявленіе за подписью всѣхъ съ требованіемъ свиданій въ пути.

Слѣдующая дневка опять не обошлась безъ столкновенія. Старостѣ партіи, тов. Лурье, человѣку слабому и больному, сдѣлалось дурно; офицеръ не разрѣшилъ фельдшеру дать ему лѣкарство и лишь, когда партія отказалась тронуться въ путь, уступилъ, но все же приказалъ отправляться, не дожидаясь, пока Л. оправится. Партія заявила, что не пойдетъ; тогда онъ сдѣлалъ видъ, что будетъ стрѣлять, но такъ какъ это не подѣйствовало, ограничился тѣмъ, что велѣлъ солдатамъ растащить политическихъ и уложить больного Л. на телѣгу.

На пятый день партія прибыла въ с. Манзурское, гдѣ есть ссыльные. Рѣшено было не уѣзжать, не добившись свиданія. Предварительно потребовали разрѣшенія отъ становаго, сопровождавшаго партію, но послѣдній заявилъ, что при всемъ желаніи не можетъ итти противъ Кутайсовскихъ циркуляровъ и даже отправился впередъ предупредить манзурцевъ, чтобы они свиданія не добивались. По прибытіи въ Манзурское приставъ объявилъ, что мѣстные товарищи отказались требовать свиданія, и хотѣлъ привести одного изъ представителей колоніи, который долженъ былъ подтвердить это. Офицеръ не согласился и на такое частичное свиданіе; партія отказалась тронуться. Давъ „пять минутъ на размышленіе", Сикорскій скомандовалъ взять насъ силой; солдаты схватили насъ, причемъ пустили въ ходъ приклады[1]). Дальше насъ повезли связанными; проѣзжая черезъ села, товарищи пѣли революціонныя пѣсни, подъѣзжая же къ с. Качугу[2]), рѣшили слѣзть съ телѣгъ и пройтись черезъ село, гдѣ есть ссыльные, съ краснымъ знаменемъ. Привести это въ исполненіе не удалось, т. к. партію остановили на другомъ берегу. Пріѣхалъ становой, передалъ поклонъ отъ качугскихъ товарищей и опять сообщилъ, что они отказались отъ свиданія съ проѣзжающими.

Начало плаванія по Ленѣ не описано въ полученныхъ нами корреспонденціяхъ. Самая же катастрофа и предшествовавшія ей событія изображены товарищемъ, присоединившемся къ партіи въ Киренскѣ.

„Въ селѣ Чечуйскомъ къ намъ вышли два товарища, живущіе тамъ. Тутъ же мы высадили одну дѣвушку — Гиршфельдъ. Все было тихо, но передъ отправкой Гиршфельдъ пришла къ намъ и принесла немного провизіи. Солдаты вздумали было передать ее намъ, но офицеръ увидѣлъ это съ своего паузка и закричалъ: „не пропускать", а когда Г. бросила на землю къ намъ эти вещи, велѣлъ бить и загнать товарищей на паузокъ. Солдаты (около 20 ч.) бросились съ прикладами, и произошла свалка. Почти всѣхъ вогнали въ воду, т. к. по одной доскѣ нельзя было сразу всѣмъ пройти на паузокъ, и всѣ получили удары. Нѣкоторые были ранены сильно въ голову прикладами, другіе получили массу ушибовъ, одинъ раненъ штыкомъ въ бокъ легко. Когда всѣ были уже на паузкѣ, офицеръ закричалъ „пли", солдаты сдѣлали около 20 выстрѣловъ, но въ воздухъ. Офицеръ не позволилъ фельдшеру, который ѣхалъ при партіи, придти къ намъ тотчасъ. Лишь часа черезъ два-три пришли два фельдшера: военный и чечуйскій, и сдѣлали нѣкоторымъ новыя перевязки, записавъ число раненыхъ и избитыхъ. Дверь паузка у насъ заперли и, по распоряженію офицера, никого не выпускали изнутри. Немного погодя, офицеръ вызвалъ къ себѣ старостъ нашей партіи и страшно ругался, называлъ ихъ „жидами", „мерзавцами", угрожая высѣчь и пр. То же повторилось и съ товарищемъ Рѣшетовымъ, который былъ вызванъ послѣ. Офицеру никто изъ нихъ ничего не отвѣчалъ. Потомъ онъ вызвалъ Ревекку Вайнерманъ, молодую дѣвушку, и повелъ себя иначе. Онъ заперъ дверь и обратился къ ней съ гнуснымъ предложеніемъ, предлагалъ деньги и всякія удобства, предлагалъ вино и угощеніе и потомъ грозилъ, что свяжетъ ее, т. к. она арестантка, и онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Нечего повторять всѣ тѣ мерзости, которыя онъ говорилъ. Она ничего не отвѣчала, страшно напуганная. Лишь случайность спасла ее. Къ офицеру пришелъ фельдшеръ, а вмѣстѣ съ нимъ успѣла выбѣжать и В. Офицеръ, видя, что ему не удалось, велѣлъ отвести В. обратно. Сами конвойные, которые стояли у дверей офицерской каюты, были возмущены. В. пришла къ намъ и сказала только, что мы нехорошо поступили, отпустивъ ее одну; съ ней сдѣлалась истерика. Всѣ были страшно поражены. Такъ тянулось дѣло до 7-го: мы плыли дальше, режимъ былъ по прежнему гнетущій. Въ ночь на 7 іюня часа въ три утра офицеръ прислалъ съ своего паузка лодку съ двумя солдатами, чтобы привезти къ нему В. Конвойный унтеръ-офицеръ нашего паузка понялъ намѣренія офицера и рѣшилъ не исполнять приказаній. Солдаты отплыли обратно и вернулись съ категорическимъ приказомъ привезти В., даже если придется бить и убивать товарищей, если они окажутъ сопротивленіе, В. же не бить, по возможности. Ун.-оф. опять отказался это сдѣлать, а солдаты остались у насъ на паузкѣ. Днемъ мы должны были прибыть въ Витимъ, гдѣ есть полицейскія власти, къ которымъ можно было обратиться за помощью. И вотъ происходила какая то ужасная гонка: офицерскій паузокъ то приближался къ намъ, то отставалъ, мы старались уйти. Мы всѣ не спали всю ночь, рѣшивъ защищаться до послѣдней крайности. Часа въ два пріѣхали въ Витимъ. Ковойные, по собственной иниціативѣ, послали телеграмму отъ себя начальнику своей бригады, прося защиты противъ офицера, который даетъ имъ незаконныя приказанія. Немного позже и мы отправили срочную телеграмму Ген.-Губ. и Мин. Внутр. Дѣлъ. Объ этомъ заявили и мѣстному приставу, который сначала не обратилъ было вниманія, но потомъ явился и принужденъ былъ убѣдиться въ серьезности положенія. Ночью мы отплыли дальше. Съ нами на отдѣльной лодкѣ ѣхалъ приставъ, который рѣшилъ ѣхать до конца своего участка. Офицеръ передъ отправкой получилъ какую то телеграмму, на которую отвѣтилъ длинной депешей. Дня три мы ѣхали тихо, въ непрестанномъ ожиданіи, однако, насилія. Офицеръ не ходилъ на нашъ паузокъ. Ночью 10 іюня онъ явился къ намъ, но т. к. около насъ ѣхалъ приставъ, то онъ не зашелъ внутрь, провѣрилъ лишь солдатъ и уѣхалъ. Утромъ 10 іюня приставъ оставилъ насъ, т. к. кончился его участокъ, и послалъ телеграмму въ Олекминскъ, чтобы выѣхали къ намъ навстрѣчу. Нѣкоторое время мы должны были ѣхать одни съ офицеромъ. Этимъ онъ и рѣшилъ, очевидно, воспользоваться, т. к. въ ночь на 11 іюня и произошла катастрофа. Часа въ три утра онъ пріѣхалъ опять на нашъ паузокъ, пьяный, созвалъ всѣхъ солдатъ (11 ч.), построилъ ихъ передъ входомъ внутрь паузка на носу[3]) въ боевомъ порядкѣ и отворилъ дверь. Мы въ это время стояли въ селѣ Нохтуйскомъ, Якутск. обл. Унтеръ-офицера онъ послалъ предварительно на берегъ. Самъ онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы: за голенищемъ кинжалъ, въ рукахъ нагайка, въ карманѣ револьверъ и т. д. Внутри паузка многіе спали, нѣкоторые же бодрствовали, т. к. всѣ предшествующія ночи были полны ожиданія насилій. Почти никто не раздѣвался. Офицеръ сдѣлалъ два шага отъ двери къ мѣсту, гдѣ спали женщины. Противъ него въ глубинѣ паузка стоялъ тов. Минскій. Онъ тотчасъ приблизился къ офицеру и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ шею, пробила сонную артерію, и офицеръ безъ звука повалился мертвый на полъ. Проходъ въ паузкѣ очень малъ, арш. полтора въ ширину. Солдаты стояли снаружи. Послѣ выстрѣла Минскаго со стороны солдатъ послѣдовало два-три выстрѣла изъ ружей. Былъ убитъ тов. Шацъ, и раненъ въ ухо Минскій. Такъ какъ офицеръ былъ мертвъ, и унт.-оф. не было, то солдаты пріостановились со стрѣльбой. Но напуганные предстоящей отвѣтственностью за то, что допустили убійство начальника, и подчиняясь чувству солдатской дисциплины, они снова взволновались и хотѣли начать стрѣлять. Раздались ожесточенные крики: „Всѣхъ перестрѣляемъ! Никого не выпустимъ живымъ! Стрѣляйте! Чего смотрѣть!" Когда изъ паузка хотѣли выбѣжать семьи ѣхавшихъ съ нами духоборовъ, то ихъ не пустили: „Все одно, всѣхъ перебьемъ". Одни солдаты заряжали ружья, другіе останавливали. Тов. Минскій обратился къ нимъ со словами: „солдаты, вѣдь вы знаете, за что я убилъ офицера, вѣдь противъ васъ мы ничего не имѣемъ. Не стрѣляйте сюда, здѣсь есть посторонніе люди, есть дѣти, дайте имъ уйти; убилъ я одинъ, я и буду за все отвѣчать." Солдаты не слушали. Прибѣжалъ, наконецъ, унтеръ-офицеръ, еще болѣе перепуганный, и хотѣлъ сдѣлать тоже. Онъ сейчасъ же оцѣпилъ угольный паузокъ, вывелъ семейныхъ построилъ солдатъ на берегу противъ паузка и хотѣлъ командовать стрѣлять. Я не знаю, что удержало его отъ этого послѣдняго слова, но оно имъ произнесено не было. Въ одномъ изъ писемъ (отъ живущаго въ Нахтуйскѣ товарища) сказано, что его отговорилъ фельдшеръ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ... Трупы остались на своихъ мѣстахъ. Потянулись длинные, часы томительнаго ожиданія. Мы стояли въ Нохтуйскѣ два дня пока не пріѣхали судебныя власти изъ Олекминска. Положеніе было тяжелое. Утромъ 12 іюля пріѣхалъ изъ Киренска новый офицеръ, назначенный, какъ оказалось, вслѣдствіе телеграммъ солдатъ изъ Витима. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ снялъ осадное положеніе. 12-го же вечеромъ пріѣхали судебный слѣдователь, врачъ, исправникъ и такъ далѣе. Вынесли трупы и произвели предварительный осмотръ. Вечеромъ выѣхали дальше. Всѣ власти ѣдутъ съ нами. Трупы везутъ на отдѣльной лодкѣ. Минскій помѣщенъ на офицерскомъ паузкѣ. Судебныя власти уже допросили нѣкоторыхъ. Всѣ обстоятельства указываютъ, что убійство было актомъ вынужденной самообороны.

Бѣлостокъ. 18 іюля въ здѣшнюю тюрьму привезли четверыхъ политическихъ для дальнѣйшей отправки въ Ломжу: М. Готлобера и М. Залкинда (изъ Таганрога), Вл. Панченко и С. Цедербаума (бѣжалъ въ октябрѣ изъ Иркутской тюрьмы — сослался на 10 л. въ Якут. Обл. — и арестованъ въ январѣ 1904 въ Екатеринославѣ). Пересылаемые были предупреждены, что пробудутъ въ Бѣлостокѣ 11 дней, чѣмъ они воспользовались для того, чтобы написать роднымъ о присылкѣ денегъ и пріѣздѣ для свиданій. Между тѣмъ, по пріѣздѣ ихъ въ Бѣлостокъ, имъ было заявлено, что они пойдутъ этапомъ на слѣдующій день. Вызванный заключенными врачъ призналъ одного изъ нихъ больнымъ, но 19 іюля, передъ осмотромъ другихъ заключенныхъ, чистосердечно сознался имъ, что тов. прокурора ему *приказалъ* всѣхъ ихъ признать здоровыми. Тогда всѣ четверо заявили, что добровольно не пойдутъ. Послѣ объясненій съ полиціймейстеромъ и тов. прокурора, заключенные оказали сопротивленіе прибывшему для „усмиренія" конвою, срывали съ себя одежду, которую насильно одѣвали на нихъ конвойные. Кончилось тѣмъ, что ихъ заковали въ ручные кандалы и повели на вокзалъ. Всю дорогу небольшая партія пѣла революціонныя пѣсни и кричала „долой самодержавіе". Собралась громадная толпа, сочувственно подхватившая эти крики. На вокзалѣ около вагона, въ которомъ находились заключенные, собралось до 200 чел., въ концѣ концовъ, разсѣянныхъ полиціей и жандармами.

Луганскъ (письмо изъ тюрьмы). Одинъ изъ нашихъ товарищей, нелегальный, отказывался все время отъ всякихъ показаній. Когда навели справки по его документу, то оказалось, что послѣдній принадлежитъ другому лицу. Жандармерія рѣшила прибѣгнуть къ обвиненію въ бродяжничествѣ и переодѣть его въ уголовную одежду. Ему заявили, что слѣдствіе по политическому дѣлу кончено, и что теперь очередь отвѣтить за бродяжничество, а потому предложили переодѣться. Товарищъ отвѣтилъ, что статьи по его политическому дѣлу грозятъ ему болѣе суровымъ наказаніемъ, чѣмъ то, которое полагается за бродяжничество, что, поэтому, онъ имѣетъ право носить собственное платье, и категорически отказался одѣть сѣрую куртку. Тогда администрація прибѣгла къ насильственному переодѣванію, причемъ товарища избили до безпамятства. Онъ очнулся только въ темномъ карцерѣ и уже въ уголовной одеждѣ.

Товарищи, находившіеся по близости, слыша крики, конечно, не могли оставаться равнодушными и, въ видѣ протеста, стали выбивать двери. Стоялъ страшный грохотъ, пыль отъ осыпающейся извести носилась по коридору; это продолжалось часа полтора. Призвали полицію и конвой, которые стали расхаживать по корридору, ругать площадными словами заключенныхъ и даже стрѣлять въ камеры чрезъ прозорки. Выстрѣлы никому вреда не причинили, такъ какъ предварительно солдаты кричали „берегись", и арестованные успѣвали прижаться къ стѣнкѣ. Черезъ нѣкоторое время принесли веревки и сумасшедшія рубахи. Городовые, надзиратели и конвойные врывались въ камеры и связывали, кого веревками, кого въ сумасшедшія рубахи, причемъ связанныхъ, особенно же сопротивлявшихся, немилосердно били и бросали объ полъ. Чтобы не видно было крови, лица избитыхъ затирали сажей. Четыре часа арестованные пролежали связанными на асфальтовомъ полу; но этого показалось недостаточно, и пріѣхавшій инспекторъ назначилъ еще наказанія. Трехъ товарищей посадили на семь сутокъ въ темный карцеръ, остальныхъ въ свѣтлый на хлѣбъ и воду на тотъ же срокъ. Принимавшіе участіе въ происшедшемъ нѣсколько раньше столкновеніи съ администраціей, были, кромѣ того, лишены на два мѣсяца „выписки", книгъ, письменныхъ принадлежностей и свиданій. Наконецъ, со всѣхъ заключенныхъ постановленно было взыскать стоимость произведенныхъ ими поврежденій тюремнаго имущества, которая, по совершенно произвольной оцѣнкѣ, опредѣлена была въ 500 руб. 50 рублей инспекторъ забралъ сейчасъ же, не объявивъ даже объ этомъ собственникамъ денегъ. Эти мѣры могли только настроить товарищей на дальнѣйшій протестъ, и они рѣшили прибѣгнуть къ крайнему средству — къ голодовкѣ. Передъ этимъ рѣшено было вызвать товарища прокурора, такъ какъ къ этому времени былъ назначенъ новый начальникъ изъ Александровска, оказавшійся такимъ бурбономъ, что никто не пожелалъ съ нимъ разговаривать. Не смотря на продолжительныя шумныя требованія, товарищъ прокурора не явился, и къ голодовкѣ приступили, не заявивъ предварительно о своихъ требованіяхъ. Нѣкоторые слабохарактерные прекратили голодовку на четвертый день, остальные 27 чел. продолжали. Лишь на 6-ой день явился товарищъ прокурора, который ограничился тѣмъ, что убѣждалъ нашего выборнаго „не заставлять другихъ голодать". Голодовка, понятно, продолжалась, пока на 11-ый день не пріѣхалъ снова товарищъ прокурора. Ему предъявлены были требованія: отмѣна наказаній, снятіе уголовной одежды съ нелегальнаго товарища, возвратъ денегъ, забранныхъ инспекторомъ, вѣжливое обращеніе, общая прогулка, оставленіе камеръ отпертыми. Наказанія обѣщано было снять съ женщинъ сейчасъ же, а съ мущинъ недѣлей позже; исключеніе сдѣлано для выписки продуктовъ, въ виду того, что на наши деньги необходимо пополнить 500 руб. убытка, но за то обѣщано принимать передачу отъ родственниковъ; общая прогулка разрѣшена только тѣмъ, кто сидитъ въ общей камерѣ; товарища переодѣть въ свою одежду обѣщали въ скоромъ времени. Остальныя требованія отвергнуты. Въ виду колеблющагося настроенія (кое-кто прекратилъ голодовку на 7-8-ой день) рѣшено было удовлетвориться этими немногими уступками. Такимъ образомъ, голодовка была сломана. Если бы дѣло происходило въ губернскомъ городѣ, то результаты были бы, вѣроятно, болѣе значительные, а то въ этомъ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ можно умереть, и не скоро объ этомъ узнаютъ.

Новый начальникъ ввелъ новый режимъ, режимъ грубостей и отстрастки. Надзиратели по малѣйшему поводу (напр., разговоръ во время прогулки) ругаются и даже позволяютъ себѣ толкаться и грозятъ стрѣлять. На этой почвѣ происходятъ стычки, но до крупныхъ столкновеній у насъ, политиковъ, пока дѣло не дошло. Зато уголовные, выведенные изъ себя жестокостями и преслѣдованіями начальника, устроили бунтъ. Они напали на дежурнаго надзирателя, отняли у него револьверъ и ключи, заперлись и забаррикадировались въ камерѣ и потребовали исправника и прокурора. Однако, никто изъ начальства не явился, а прибыла только полицейская команда, которая стала обстрѣливать запершихся, сначала только черезъ дверь и окна; арестанты все отказывались выдать револьверъ, и только, когда, пробивъ потолокъ, осаждающіе начали обстрѣливать съ трехъ сторонъ, и начальникъ пригрозилъ перестрѣлять всѣхъ, они сдались подъ условіемъ, что ихъ не будутъ бить, а только посадятъ въ карцеръ. Это обѣщаніе имъ было дано, но, послѣ выдачи револьвера, подлѣйшимъ образомъ нарушено. Арестанты были безпощадно избиты; шесть человѣкъ пошли въ карцеръ. Такимъ образомъ, начальство осталось побѣдителемъ по всей линіи.

Митава. (Кризисъ. Сходка въ лѣсу. Бунтъ и голодовка въ тюрьмѣ). Экономическій кризисъ отразился довольно сильно и на Митавѣ. Фабрики и заводы одинъ за другимъ увольняютъ рабочихъ; одна фабрика даже сократила число ихъ на половину. За неимѣніемъ средствъ къ существованію, нѣкоторые изъ разсчитанныхъ рабочихъ сдѣлались шпіонами. Настроеніе среди рабочихъ подавленное.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣстной латышской организаціей было устроено собраніе въ лѣсу, на которомъ присутствовало больше 90 человѣкъ (евреевъ, латышей, литовцевъ, — большей частью, учащихся). Былъ прочитанъ рефератъ: „О роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи". Послѣ реферата были дебаты. Рефератъ выяснялъ необходимость присоединенія интеллигенціи къ пролетарскому движенію и невозможность для нея образовать собственную партію. Собраніе продолжалось съ трехъ часовъ утра до 11 вечера; настроеніе было приподнятое. Разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ". На мѣстныя нужды собрано было 55 руб.

Послѣ того, какъ бывшій жандармскій полковникъ Кладо получилъ отставку, пріѣхалъ къ намъ на его мѣсто жандармскій полковникъ изъ Баку. Онъ нашелъ тюрьму переполненной арестованными на демонстраціи 11 апрѣля и при послѣднемъ провалѣ (34 ч.). Онъ сталъ лично руководить слѣдствіемъ. 20 мая были вызваны двое рабочихъ, отъ которыхъ онъ требовалъ признанія въ виновности въ распространеніи прокламацій. При этомъ онъ кричалъ, что сгноитъ ихъ въ тюрьмѣ и будетъ пытать раскаленнымъ желѣзомъ, если не признаются. Страшно взволнованные, возвратились они въ тюрьму и сообщили объ этомъ товарищамъ. Это послужило поводомъ къ бунту, такъ какъ причинъ для недовольства уже ранѣе накопилось достаточно (отсутствіе тюфяковъ, скверная пища; письма получались изъ жандармскаго управленія до того испачканными, что ихъ невозможно было читать). Заключенные подняли страшный стукъ, въ нѣкоторыхъ камерахъ была зажжена солома, были выбиты окна, и изъ всѣхъ камеръ раздалось стройное революціонное пѣніе. Вокругъ тюрьмы собралась толпа; нѣсколько лодокъ подъѣхало къ тюрьмѣ по рѣкѣ; нѣкоторые изъ толпы махали платками. На страшный шумъ прибѣжалъ надзиратель, умоляя заключенныхъ успокоиться, и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Явилась полиція и стала разгонять толпу. Въ тюрьму пріѣхалъ прокуроръ и также обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. На другой день заключенные устроили иллюминацію, а на рѣкѣ въ это время раздавалось революціонное пѣніе. Такъ какъ на третій день была удовлетворена только часть требованій, то было рѣшено объявить голодовку (8 іюня). Результатъ еще неизвѣстенъ.

Редакціей получено слѣдующее дополнительное краткое сообщеніе: Голодовка кончилась. Удовлетворены всѣ требованія, за исключеніемъ куренія табаку, а именно: 1) совмѣстная прогулка; 2) посѣщеніе другъ друга; 3) отмѣна свиданій черезъ рѣшетку; 4) лучшая пища; 5) позволеніе имѣть цвѣты въ камерахъ, 6) позволеніе имѣть при себѣ часы, 7) ускореніе слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней, по окончаніи слѣдствія, нѣкоторые выпущены. Ожидается въ скоромъ времени освобожденіе и прочихъ.

⁂

P. S. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Искры" была напечатана корреспонденція о демонстраціи 11 апрѣля въ Митавѣ, гдѣ факты были сильно извращены. Въ цѣляхъ возстановленія истины считаемъ необходимымъ сообщить слѣдующее: Рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и развернутымъ знаменемъ дошли только до воротъ церкви, гдѣ на нихъ набросилась полиція и началась настоящая бойня. Что касается прокламацій, то значительная часть ихъ попала не въ карманы публики, а въ мѣшки полицейскихъ. Этимъ объясняется то, что въ городѣ на демонстрацію смотрѣли, какъ на предпріятіе анархистовъ, которые хотѣли, будто бы, убить священника, но полиція имъ помѣшала. („Вѣдь не начнутъ же соціальдемократы драки въ церкви"). Побитъ, но не убитъ, околодочный Штейнертъ. Изъ этого видно, что „въ высшей степени удачной" демонстрацію назвать нельзя.

Воронежъ. Іюль. Только что окончилась „исторія" въ нашей тюрьмѣ. Началась она по слѣдующему поводу. Къ концу мая былъ арестованъ мѣстный рабочій Андрей Михаленко. Въ ту же ночь на улицѣ города былъ найденъ свертокъ съ прокламаціями. Михаленко и обвинили въ распространеніи этихъ прокламацій. Михайленко никакихъ показаній не давалъ, его начинаютъ систематически преслѣдовать. Роль палача взялъ на себя начальникъ мѣстной тюрьмы Махмудъ Бекъ, который присланъ сюда съ Кавказа для того, чтобы завести настоящіе порядки! Въ тюрьмѣ Михайленко лишили книгъ, улучшенной пищи, переписки, водили на прогулку не каждый день, по 4-5 дней не выносили изъ камеры парашу, грозили розгами. Но все напрасно. Изобрѣли бы еще какой нибудь способъ воздѣйствія, если бы не вмѣшались товарищи, (въ настоящее время въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ: по Воронежскому дѣлу: Анисимовъ, Часовниковъ, Михайленко, присланные изъ другихъ городовъ: Мейлинъ, Плаксинъ, Федякинъ, Соколовскій и Колчинскій). Какъ только послѣдніе узнали объ этомъ, то немедленно позвали начальника; когда тотъ не явился, стучали въ двери. Наконецъ, поздно ночью, явился пьяный начальникъ и съ наглой улыбкой заявилъ, что Михайленкѣ живется хорошо и обѣщалъ завтра же повести одного изъ товарищей убѣдиться въ справедливости его словъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ не явился. Снова подняли стукъ. Тогда его помощникъ съ надзирателями увели одного въ карцеръ. Возмущенные до глубины души, товарищи стали бить окна, двери, столы и табуреты, требуя возвращенія товарища. — Явилась новая орава и потащила всѣхъ въ карцеръ, причемъ тѣхъ, которые не шли, по дорогѣ били. Одинъ больной товарищъ, отъ котораго скрывали эту исторію, лишь только узналъ о происшедшемъ, потребовалъ къ себѣ начальника и въ разговорѣ назвалъ его мерзавцемъ (противъ него возбуждено обвиненіе въ нападеніи на власть при исполненіи обязанностей). Немедленно была созвана коммиссія для разслѣдованія этого дѣла изъ тюремнаго инспектора и товарища прокурора. Рѣшили, конечно, что во всемъ виноваты „политическіе" и положили такую резолюцію: продержать на хлѣбѣ и товиться къ отъѣзду. Партія отказалась, и когда явился офицеръ, предъявила ему требованіе, чтобы онъ приходилъ, когда партія желаетъ его видѣть, и отпускалъ на этапахъ одного человѣка за провизіей. То и другое было обѣщано.

---

[1] Солдаты все это время относились къ политическимъ сочувственно и очень неохотно и неусердно исполняли воинственныя приказанія своего начальника. Били прикладами всего 4 или 5 челов. и то такъ, что не только ранъ, но и синяковъ ни у кого не оказалось. Потомъ солдаты извинялись передъ политическими и просили не ставить ихъ въ такое положеніе.

[2] Мѣсто, откуда начинается водный путь по Ленѣ.

[3] По другимъ свѣдѣніямъ солдаты были построены на берегу, а лишь двухъ офицеръ взялъ съ собою на паузокъ.

Вечеромъ того же дня партія была встрѣчена ссыльными селъ Куяды и Тугутуя, пришедшими за 10 верстъ, чтобы повидаться съ товарищами. Офицеръ не разрѣшилъ имъ видѣться на дорогѣ, но обѣщалъ дать свиданіе на этапѣ. Слова своего онъ не сдержалъ и по вызову опять не явился къ партіи; вышедшіе же на встрѣчу товарищи были арестованы и отпущены только послѣ ухода этапа. На утро снова было объясненіе съ офицеромъ, и подано заявленіе за подписью всѣхъ съ требованіемъ свиданій въ пути.

Слѣдующая дневка опять не обошлась безъ столкновенія. Старостѣ партіи, тов. Лурье, человѣку слабому и больному, сдѣлалось дурно; офицеръ не разрѣшилъ фельдшеру дать ему лѣкарство и лишь, когда партія отказалась тронуться въ путь, уступилъ, но все же приказалъ отправляться, не дожидаясь, пока Л. оправится. Партія заявила, что не пойдетъ; тогда онъ сдѣлалъ видъ, что будетъ стрѣлять, но такъ какъ это не подѣйствовало, ограничился тѣмъ, что велѣлъ солдатамъ растащить политическихъ и уложить больного Л. на телѣгу.

На пятый день партія прибыла въ с. Манзурское, гдѣ есть ссыльные. Рѣшено было не уѣзжать, не добившись свиданія. Предварительно потребовали разрѣшенія отъ станового, сопровождавшаго партію, но послѣдній заявилъ, что при всемъ желаніи не можетъ итти противъ Кутайсовскихъ циркуляровъ и даже отправился впередъ предупредить манзурцевъ, чтобы они свиданія не добивались. По прибытіи въ Манзурское приставъ объявилъ, что мѣстные товарищи отказались требовать свиданія, и хотѣлъ привести одного изъ представителей колоніи, который долженъ былъ подтвердить это. Офицеръ не согласился и на такое частичное свиданіе; партія отказалась тронуться. Давъ „пять минутъ на размышленіе“, Сикорскій скомандовалъ взять насъ силой; солдаты схватили насъ, причемъ пустили въ ходъ приклады[1]). Дальше насъ повезли связанными; проѣзжая черезъ села, товарищи пѣли революціонныя пѣсни, подъѣзжая же къ с. Качугу[2]), рѣшили слѣзть съ телѣгъ и пройтись черезъ село, гдѣ есть ссыльные, съ краснымъ знаменемъ. Привести это въ исполненіе не удалось, т. к. партію остановили на другомъ берегу. Пріѣхалъ становой, передалъ поклонъ отъ качугскихъ товарищей и опять сообщилъ, что они отказались отъ свиданія съ проѣзжающими.

Начало плаванія по Ленѣ не описано въ полученныхъ нами корреспонденціяхъ. Самая же катастрофа и предшествовавшія ей событія изображены товарищемъ, присоединившемся къ партіи въ Киренскѣ.

„Въ селѣ Чечуйскомъ къ намъ вышли два товарища, живущіе тамъ. Тутъ же мы высадили одну дѣвушку — Гиршфельдъ. Все было тихо, но передъ отправкой Гиршфельдъ пришла къ намъ и принесла немного провизіи. Солдаты вздумали было передать ее намъ, но офицеръ увидѣлъ это съ своего паузка и закричалъ: „не пропускать“, а когда Г. бросила на землю къ намъ эти вещи, велѣлъ бить и загнать товарищей на паузокъ. Солдаты (около 20 ч.) бросились съ прикладами, и произошла свалка. Почти всѣхъ вогнали въ воду, т. к. по одной доскѣ нельзя было сразу всѣмъ пройти на паузокъ, и всѣ получили удары. Нѣкоторые были ранены сильно въ голову прикладами, другіе получили массу ушибовъ, одинъ раненъ штыкомъ въ бокъ легко. Когда всѣ были уже на паузкѣ, офицеръ закричалъ „пли“, солдаты сдѣлали около 20 выстрѣловъ, но въ воздухъ. Офицеръ не позволилъ фельдшеру, который ѣхалъ при партіи, придти къ намъ тотчасъ. Лишь часа черезъ два-три пришли два фельдшера: военный и чечуйскій, и сдѣлали нѣкоторымъ новыя перевязки, записавъ число раненыхъ и избитыхъ. Дверь паузка у насъ заперли и, по распоряженію офицера, никого не выпускали изнутри. Немного погодя, офицеръ вызвалъ къ себѣ старостъ нашей партіи и страшно ругался, называлъ ихъ „жидами“, „мерзавцами“, угрожая высѣчь и пр. То же повторилось и съ товарищемъ Рѣшетовымъ, который былъ вызванъ послѣ. Офицеру никто изъ нихъ ничего не отвѣчалъ. Потомъ онъ вызвалъ Ревекку Вайнерманъ, молодую дѣвушку, и повелъ себя иначе. Онъ заперъ дверь и обратился къ ней съ гнуснымъ предложеніемъ, предлагалъ деньги и всякія удобства, предлагалъ вино и угощеніе и потомъ грозилъ, что свяжетъ ее, т. к. она арестантка, и онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ. Нечего повторять всѣ тѣ мерзости, которыя онъ говорилъ. Она ничего не отвѣчала, страшно напуганная. Лишь случайность спасла ее. Къ офицеру пришелъ фельдшеръ, а вмѣстѣ съ нимъ успѣла выбѣжать и В. Офицеръ, видя, что ему не удалось, велѣлъ отвести В. обратно. Сами конвойные, которые стояли у дверей офицерской каюты, были возмущены. В. пришла къ намъ и сказала только, что мы нехорошо поступили, отпустивъ ее одну; съ ней сдѣлалась истерика. Всѣ были страшно поражены. Такъ тянулось дѣло до 7-го: мы плыли дальше, режимъ былъ по прежнему гнетущій. Въ ночь на 7 іюня часа въ три утра офицеръ прислалъ съ своего паузка лодку съ двумя солдатами, чтобы привезти къ нему В. Конвойный унтеръ-офицеръ нашего паузка понялъ намѣренія офицера и рѣшилъ не исполнять приказаній. Солдаты отплыли обратно и вернулись съ категорическимъ приказомъ привезти В., даже если придется бить и убивать товарищей, если они окажутъ сопротивленіе, В. же не бить, по возможности. Ун.-оф. опять отказался это сдѣлать, а солдаты остались у насъ на паузкѣ. Днемъ мы должны были прибыть въ Витимъ, гдѣ есть полицейскія власти, къ которымъ можно было обратиться за помощью. И вотъ происходила какая то ужасная гонка: офицерскій паузокъ то приближался къ намъ, то отставалъ, мы старались уйти. Мы всѣ не спали всю ночь, рѣшивъ защищаться до послѣдней крайности. Часа въ два пріѣхали въ Витимъ. Конвойные, по собственной иниціативѣ, послали телеграмму отъ себя начальнику своей бригады, прося защиты противъ офицера, который даетъ имъ незаконныя приказанія. Немного позже и мы отправили срочную телеграмму Ген.-Губ. и Мин. Внутр. Дѣлъ. Объ этомъ заявили и мѣстному приставу, который сначала не обратилъ было вниманія, но потомъ явился и принужденъ былъ убѣдиться въ серьезности положенія. Ночью мы отплыли дальше. Съ нами на отдѣльной лодкѣ ѣхалъ приставъ, который рѣшилъ ѣхать до конца своего участка. Офицеръ передъ отправкой получилъ какую то телеграмму, на которую отвѣтилъ длинной депешей. Дня три мы ѣхали тихо, въ непрестанномъ ожиданіи, однако, насилія. Офицеръ не ходилъ на нашъ паузокъ. Ночью 10 іюня онъ явился къ намъ, но т. к. около насъ ѣхалъ приставъ, то онъ не зашелъ внутрь, провѣрилъ лишь солдатъ и уѣхалъ. Утромъ 10 іюня приставъ оставилъ насъ, т. к. кончился его участокъ, и послалъ телеграмму въ Олекминскъ, чтобы выѣхали къ намъ навстрѣчу. Нѣкоторое время мы должны были ѣхать одни съ офицеромъ. Этимъ онъ и рѣшилъ, очевидно, воспользоваться, т. к. въ ночь на 11 іюня и произошла катастрофа. Часа въ три утра онъ пріѣхалъ опять на нашъ паузокъ, пьяный, созвалъ всѣхъ солдатъ (11 ч.), построилъ ихъ передъ входомъ внутрь паузка на носу[3]) въ боевомъ порядкѣ и отворилъ дверь. Мы въ это время стояли въ селѣ Нохтуйскомъ, Якутск. обл. Унтеръ-офицера онъ послалъ предварительно на берегъ. Самъ онъ былъ вооруженъ съ ногъ до головы: за голенищемъ кинжалъ, въ рукахъ нагайка, въ карманѣ револьверъ и т. д. Внутри паузка многіе спали, нѣкоторые же бодрствовали, т. к. всѣ предшествующія ночи были полны ожиданія насилій. Почти никто не раздѣвался. Офицеръ сдѣлалъ два шага отъ двери къ мѣсту, гдѣ спали женщины. Противъ него въ глубинѣ паузка стоялъ тов. Минскій. Онъ тотчасъ приблизился къ офицеру и въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ шею, пробила сонную артерію, и офицеръ безъ звука повалился мертвый на полъ. Проходъ въ паузкѣ очень малъ, арш. полтора въ ширину. Солдаты стояли снаружи. Послѣ выстрѣла Минскаго со стороны солдатъ послѣдовало два-три выстрѣла изъ ружей. Былъ убитъ тов. Шацъ, и раненъ въ ухо Минскій. Такъ какъ офицеръ былъ мертвъ, и унт.-оф. не было, то солдаты пріостановились со стрѣльбой. Но напуганные предстоящей отвѣтственностью за то, что допустили убійство начальника, и подчиняясь чувству солдатской дисциплины, они снова взволновались и хотѣли начать стрѣлять. Раздались ожесточенные крики: „Всѣхъ перестрѣляемъ! Никого не выпустимъ живымъ! Стрѣляйте! Чего смотрѣть!“ Когда изъ паузка хотѣли выбѣжать семьи ѣхавшихъ съ нами духоборовъ, то ихъ не пустили: „Все одно, всѣхъ перебьемъ“. Одни солдаты заряжали ружья, другіе останавливали. Тов. Минскій обратился къ нимъ со словами: „солдаты, вѣдь вы знаете, за что я убилъ офицера, вѣдь противъ васъ мы ничего не имѣемъ. Не стрѣляйте сюда, здѣсь есть посторонніе люди, есть дѣти, дайте имъ уйти; убилъ я одинъ, я и буду за все отвѣчать.“ Солдаты не слушали. Прибѣжалъ, наконецъ, унтеръ-офицеръ, еще болѣе перепуганный, и хотѣлъ сдѣлать тоже. Онъ сейчасъ же оцѣпилъ угольный паузокъ, вывелъ семейныхъ, построилъ солдатъ на берегу противъ паузка и хотѣлъ командовать стрѣлять. Я не знаю, что удержало его отъ этого послѣдняго слова, но оно имъ произнесено не было. Въ одномъ изъ писемъ (отъ живущаго въ Нахтуйскѣ товарища) сказано, что его отговорилъ фельдшеръ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ... Трупы остались на своихъ мѣстахъ. Потянулись длинные часы томительнаго ожиданія. Мы стояли въ Нохтуйскѣ два дня пока не пріѣхали судебныя власти изъ Олекминска. Положеніе было тяжелое. Утромъ 12 іюля пріѣхалъ изъ Киренска новый офицеръ, назначенный, какъ оказалось, вслѣдствіе телеграммъ солдатъ изъ Витима. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ снялъ осадное положеніе. 12-го же вечеромъ пріѣхали судебный слѣдователь, врачъ, исправникъ и такъ далѣе. Вынесли трупы и произвели предварительный осмотръ. Вечеромъ выѣхали дальше. Всѣ власти ѣдутъ съ нами. Трупы везутъ на отдѣльной лодкѣ. Минскій помѣщенъ на офицерскомъ паузкѣ. Судебныя власти уже допросили нѣкоторыхъ. Всѣ обстоятельства указываютъ, что убійство было актомъ вынужденной самообороны.

Бѣлостокъ. 18 іюля въ здѣшнюю тюрьму привезли четверыхъ политическихъ для дальнѣйшей отправки въ Ломжу: М. Готлобера и М. Залкинда (изъ Таганрога), Вл. Панченко и С. Цедербаума (бѣжалъ въ октябрѣ изъ Иркутской тюрьмы — ссылался на 10 л. въ Якут. Обл. — и арестованъ въ январѣ 1904 въ Екатеринославѣ). Пересылаемые были предупреждены, что пробудутъ въ Бѣлостокѣ 11 дней, чѣмъ они воспользовались для того, чтобы написать роднымъ о присылкѣ денегъ и пріѣздѣ для свиданій. Между тѣмъ, по пріѣздѣ ихъ въ Бѣлостокъ, имъ было заявлено, что они пойдутъ этапомъ на слѣдующій день. Вызванный заключенными врачъ призналъ одного изъ нихъ больнымъ, но 19 іюля, передъ осмотромъ другихъ заключенныхъ, чистосердечно сознался имъ, что тов. прокурора ему *приказалъ* всѣхъ ихъ признать здоровыми. Тогда всѣ четверо заявили, что добровольно не пойдутъ. Послѣ объясненій съ полиціймейстеромъ и тов. прокурора, заключенные оказали сопротивленіе прибывшему для „усмиренія“ конвою, срывали съ себя одежду, которую насильно одѣвали на нихъ конвойные. Кончилось тѣмъ, что ихъ заковали въ ручные кандалы и повели на вокзалъ. Всю дорогу небольшая партія пѣла революціонныя пѣсни и кричала „долой самодержавіе“. Собралась громадная толпа, сочувственно подхватившая эти крики. На вокзалѣ около вагона, въ которомъ находились заключенные, собралось до 200 чел., въ концѣ концовъ, разсѣянныхъ полиціей и жандармами.

Луганскъ (письмо изъ тюрьмы). Одинъ изъ нашихъ товарищей, нелегальный, отказывался все время отъ всякихъ показаній. Когда навели справки по его документу, то оказалось, что послѣдній принадлежитъ другому лицу. Жандармерія рѣшила прибѣгнуть къ обвиненію въ бродяжничествѣ и переодѣть его въ уголовную одежду. Ему заявили, что слѣдствіе по политическому дѣлу кончено, и что теперь очередь отвѣтить за бродяжничество, а потому предложили переодѣться. Товарищъ отвѣтилъ, что статьи по его политическому дѣлу грозятъ ему болѣе суровымъ наказаніемъ, чѣмъ то, которое полагается за бродяжничество, что, поэтому, онъ имѣетъ право носить собственное платье, и категорически отказался одѣть сѣрую куртку. Тогда администрація прибѣгла къ насильственному переодѣванію, причемъ товарища избили до безпамятства. Онъ очнулся только въ темномъ карцерѣ и уже въ уголовной одеждѣ.

Товарищи, находившіеся по близости, слыша крики, конечно, не могли оставаться равнодушными и, въ видѣ протеста, стали выбивать двери. Стоялъ страшный грохотъ, пыль отъ осыпающейся извести носилась по корридору; это продолжалось часа полтора. Призвали полицію и конвой, которые стали расхаживать по корридору, ругать площадными словами заключенныхъ и даже стрѣлять въ камеры чрезъ прозорки. Выстрѣлы никому вреда не причинили, такъ какъ предварительно солдаты кричали „берегись“, и арестованные успѣвали прижаться къ стѣнкѣ. Черезъ нѣкоторое время принесли веревки и сумасшедшія рубахи. Городовые, надзиратели и конвойные врывались въ камеры и связывали, кого веревками, кого въ сумасшедшія рубахи, причемъ связанныхъ, особенно же сопротивлявшихся, немилосердно били и бросали объ полъ. Чтобы не видно было крови, лица избитыхъ затирали сажей. Четыре часа арестованные пролежали связанными на асфальтовомъ полу, но этого показалось недостаточно, и пріѣхавшій инспекторъ назначилъ еще наказанія. Трехъ товарищей посадили на семь сутокъ въ темный карцеръ, остальныхъ въ свѣтлый на хлѣбъ и воду на тотъ же срокъ. Принимавшіе участіе въ происшедшемъ нѣсколько раньше столкновеніи съ администраціей, были, кромѣ того, лишены на два мѣсяца „выписки“, книгъ, письменныхъ принадлежностей и свиданій. Наконецъ, со всѣхъ заключенныхъ постановленно было взыскать стоимость произведенныхъ ими поврежденій тюремнаго имущества, которая, по совершенно произвольной оцѣнкѣ, опредѣлена была въ 500 руб. 50 рублей инспекторъ забралъ сейчасъ же, не объявивъ даже объ этомъ собственникамъ денегъ. Эти мѣры могли только настроить товарищей на дальнѣйшій протестъ, и они рѣшили прибѣгнуть къ крайнему средству — къ голодовкѣ. Передъ этимъ рѣшено было вызвать товарища прокурора, такъ какъ къ этому времени былъ назначенъ новый начальникъ изъ Александровска, оказавшійся такимъ бурбономъ, что никто не пожелалъ съ нимъ разговаривать. Не смотря на продолжительныя шумныя требованія, товарищъ прокурора не явился, и къ голодовкѣ приступили, не заявивъ предварительно о своихъ требованіяхъ. Нѣкоторые слабохарактерные прекратили голодовку на четвертый день, остальные 27 чел. продолжали. Лишь на 6-ой день явился товарищъ прокурора, который ограничился тѣмъ, что убѣждалъ нашего выборнаго „не заставлять другихъ голодать“. Голодовка, понятно, продолжалась, пока на 11-ый день не пріѣхалъ снова товарищъ прокурора. Ему предъявлены были требованія: отмѣна наказаній, снятіе уголовной одежды съ нелегальнаго товарища, возвратъ денегъ, забранныхъ инспекторомъ, вѣжливое обращеніе, общая прогулка, оставленіе камеръ отпертыми. Наказанія обѣщано было снять съ женщинъ сейчасъ же, а съ мушинъ недѣлей позже; исключеніе сдѣлано для выписки продуктовъ, въ виду того, что на наши деньги необходимо пополнить 500 руб. убытка, но за то обѣщано принимать передачу отъ родственниковъ; общая прогулка разрѣшена только тѣмъ, кто сидитъ въ общей камерѣ; товарища переодѣть въ свою одежду обѣщали въ скоромъ времени. Остальныя требованія отвергнуты. Въ виду колеблющагося настроенія (кое-кто прекратилъ голодовку на 7-8-ой день) рѣшено было удовлетвориться этими немногими уступками. Такимъ образомъ, голодовка была сломана. Если бы дѣло происходило въ губернскомъ городѣ, то результаты были бы, вѣроятно, болѣе значительные, а то въ этомъ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ можно умереть, и не скоро объ этомъ узнаютъ.

Новый начальникъ ввелъ новый режимъ, режимъ грубостей и отстрастки. Надзиратели по малѣйшему поводу (напр., разговоръ во время прогулки) ругаются и даже позволяютъ себѣ толкаться и грозятъ стрѣлять. На этой почвѣ происходятъ стычки, но до крупныхъ столкновеній у насъ, политиковъ, пока дѣло не дошло. Зато уголовные, выведенные изъ себя жестокостями и преслѣдованіями начальника, устроили бунтъ. Они напали на дежурнаго надзирателя, отняли у него револьверъ и ключи, заперлись и забаррикадировались въ камерѣ и потребовали исправника и прокурора. Однако, никто изъ начальства не явился, а прибыла только полицейская команда, которая стала обстрѣливать запершихся, сначала только черезъ дверь и окна; арестанты все отказывались выдать револьверъ, и только, когда, пробивъ потолокъ, осаждающіе начали обстрѣливать съ трехъ сторонъ, и начальникъ пригрозилъ перестрѣлять всѣхъ, они сдались подъ условіемъ, что ихъ не будутъ бить, а только посадятъ въ карцеръ. Это обѣщаніе имъ было дано, но, послѣ выдачи револьвера, подлѣйшимъ образомъ нарушено. Арестанты были безпощадно избиты; шесть человѣкъ пошли въ карцеръ. Такимъ образомъ, начальство осталось побѣдителемъ по всей линіи.

Митава. (Кризисъ. Сходка въ лѣсу. Бунтъ и голодовка въ тюрьмѣ). Экономическій кризисъ отразился довольно сильно и на Митавѣ. Фабрики и заводы одинъ за другимъ увольняютъ рабочихъ; одна фабрика даже сократила число ихъ на половину. За неимѣніемъ средствъ къ существованію, нѣкоторые изъ разсчитанныхъ рабочихъ сдѣлались шпіонами. Настроеніе среди рабочихъ подавленное.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣстной латышской организаціей было устроено собраніе въ лѣсу, на которомъ присутствовало больше 90 человѣкъ (евреевъ, латышей, литовцевъ, — большей частью, учащихся). Былъ прочитанъ рефератъ: „О роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи“. Послѣ реферата были дебаты. Рефератъ выяснялъ необходимость присоединенія интеллигенціи къ пролетарскому движенію и невозможность для нея образовать собственную партію. Собраніе продолжалось съ трехъ часовъ утра до 11 вечера; настроеніе было приподнятое. Разошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ соціализмъ“. На мѣстныя нужды собрано было 55 руб.

Послѣ того, какъ бывшій жандармскій полковникъ Кладо получилъ отставку, пріѣхалъ къ намъ на его мѣсто жандармскій полковникъ изъ Баку. Онъ нашелъ тюрьму переполненной арестованными на демонстраціи 11 апрѣля и при послѣднемъ провалѣ (34 ч.). Онъ сталъ лично руководить слѣдствіемъ. 20 мая были вызваны двое рабочихъ, отъ которыхъ онъ требовалъ признанія въ виновности въ распространеніи прокламацій. При этомъ онъ кричалъ, что сгноитъ ихъ въ тюрьмѣ и будетъ пытать раскаленнымъ желѣзомъ, если не признаются. Страшно взволнованные, возвратились они въ тюрьму и сообщили объ этомъ товарищамъ. Это послужило поводомъ къ бунту, такъ какъ причинъ для недовольства уже ранѣе накопилось достаточно (отсутствіе тюфяковъ, скверная пища; письма получались изъ жандармскаго управленія до того испачканными, что ихъ невозможно было читать). Заключенные подняли страшный стукъ, въ нѣкоторыхъ камерахъ была зажжена солома, были выбиты окна, и изъ всѣхъ камеръ раздалось стройное революціонное пѣніе. Вокругъ тюрьмы собралась толпа; нѣсколько лодокъ подъѣхало къ тюрьмѣ по рѣкѣ; нѣкоторые изъ толпы махали платками. На страшный шумъ прибѣжалъ надзиратель, умоляя заключенныхъ успокоиться, и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Явилась полиція и стала разгонять толпу. Въ тюрьму пріѣхалъ прокруроръ и также обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. На другой день заключенные устроили иллюминацію, а на рѣкѣ въ это время раздавалось революціонное пѣніе. Такъ какъ на третій день была удовлетворена только часть требованій, то было рѣшено объявить голодовку (8 іюня). Результатъ еще неизвѣстенъ.

Редакціей получено слѣдующее дополнительное краткое сообщеніе: Голодовка кончилась. Удовлетворены всѣ требованія, за исключеніемъ куренія табаку, а именно: 1) совмѣстная прогулка; 2) посѣщеніе другъ друга; 3) отмѣна свиданій черезъ рѣшетку; 4) лучшая пища; 5) позволеніе имѣть цвѣты въ камерахъ, 6) позволеніе имѣть при себѣ часы, 7) ускореніе слѣдствія. Черезъ нѣсколько дней, по окончаніи слѣдствія, нѣкоторые выпущены. Ожидается въ скоромъ времени освобожденіе и прочихъ.

⁂

P. S. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Искры“ была напечатана корреспонденція о демонстраціи 11 апрѣля въ Митавѣ, гдѣ факты были сильно извращены. Въ цѣляхъ возстановленія истины считаемъ необходимымъ сообщить слѣдующее: Рабочіе съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и развернутымъ знаменемъ дошли только до воротъ церкви, гдѣ на нихъ набросилась полиція и началась настоящая бойня. Что касается прокламацій, то значительная часть ихъ попала не въ карманы публики, а въ мѣшки полицейскихъ. Этимъ объясняется то, что въ городѣ на демонстрацію смотрѣли, какъ на предпріятіе анархистовъ, которые хотѣли, будто бы, убить священника, но полиція имъ помѣшала. („Вѣдь не начнутъ же соціальдемократы драки въ церкви“). Побитъ, но не убитъ, околодочный Штейнертъ. Изъ этого видно, что „въ высшей степени удачной“ демонстрацію назвать нельзя.

Воронежъ. Іюль. Только что окончилась „исторія“ въ нашей тюрьмѣ. Началась она по слѣдующему поводу. Къ концу мая былъ арестованъ мѣстный рабочій Андрей Михаленко. Въ ту же ночь на улицѣ города былъ найденъ свертокъ съ прокламаціями. Михаленко и обвинили въ распространеніи этихъ прокламацій. Михайленко никакихъ показаній не давалъ, его начинаютъ систематически преслѣдовать. Роль палача взялъ на себя начальникъ мѣстной тюрьмы Махмудъ Бекъ, который присланъ сюда съ Кавказа для того, чтобы завести настоящіе порядки! Въ тюрьмѣ Михайленко лишили книгъ, улучшенной пищи, переписки, водили на прогулку не каждый день, по 4-5 дней не выносили изъ камеры парашу, грозили розгами. Но все напрасно. Изобрѣли бы еще какой нибудь способъ воздѣйствія, если бы не вмѣшались товарищи (въ настоящее время въ мѣстной тюрьмѣ сидятъ: по Воронежскому дѣлу: Анисимовъ, Часовниковъ, Михайленко, присланные изъ другихъ городовъ: Мейлинъ, Плаксинъ, Федякинъ, Соколовскій и Колчинскій). Какъ только послѣдніе узнали объ этомъ, то немедленно позвали начальника; когда тотъ не явился, стучали въ двери. Наконецъ, поздно ночью, явился пьяный начальникъ и съ наглой улыбкой заявилъ, что Михайленкѣ живется хорошо и обѣщалъ завтра же повести одного изъ товарищей убѣдиться въ справедливости его словъ. Утромъ слѣдующаго дня онъ не явился. Снова подняли стукъ. Тогда его помощникъ съ надзирателями увели одного въ карцеръ. Возмущенные до глубины души, товарищи стали бить окна, двери, столы и табуреты, требуя возвращенія товарища. — Явилась новая орава и потащила всѣхъ въ карцеръ, причемъ тѣхъ, которые не шли, по дорогѣ били. Одинъ больной товарищъ, отъ котораго скрывали эту исторію, лишь только узналъ о происшедшемъ, потребовалъ къ себѣ начальника и въ разговорѣ назвалъ его мерзавцемъ (противъ него возбуждено обвиненіе въ нападеніи на власть при исполненіи обязанностей). Немедленно была созвана коммиссія для разслѣдованія этого дѣла изъ тюремнаго инспектора и товарища прокурора. Рѣшили, конечно, что во всемъ виноваты „политическіе“ и положили такую резолюцію: продержать на хлѣбѣ и водѣ 7 дней въ темномъ карцерѣ. Но этого мало. Тюремный начальникъ, очевидно, съ одобренія своего начальства, не принимаетъ денегъ для заключенныхъ, и послѣдніе, истощенные сидѣніемъ въ карцерѣ, за отсутствіемъ денегъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, голодаютъ.

---

[1]) Солдаты все это время относились къ политическимъ сочувственно и очень неохотно и неусердно исполняли воинственныя приказанія своего начальника. Били прикладами всего 4 или 5 челов. и то такъ, что не только ранъ, но и синяковъ ни у кого не оказалось. Потомъ солдаты извинялись передъ политическими и просили не ставить ихъ въ такое положеніе.

[2]) Мѣсто, откуда начинается водный путь по Ленѣ.

[3]) По другимъ свѣдѣніямъ солдаты были построены на берегу, а лишь двухъ офицеръ взялъ съ собою на паузокъ.

Такъ расправляются царскіе слуги съ революціонерами. Къ стыду воронежскаго общества, эти палачи принимаются въ домахъ даже извѣстныхъ въ городѣ либераловъ.

Комитетъ Партіи объявляетъ: Федора Павловича Неутратова — *предателемъ*. Арестованный въ февралѣ этого года, онъ оговорилъ многихъ товарищей и еще больше учащихся. По терминологіи „Рев. Рос.“, его можно считать предателемъ-трусомъ активнымъ, такъ какъ онъ не только давалъ самые искренніе отвѣты на предлагаемые ему вопросы, но и самъ много измышлялъ.

Нашъ городъ обогатился еще новой организаціей. На ряду съ „рабочедѣльческой“ организаціей, комитетомъ „Соц.-рев.“ и Комитетомъ Партіи, недавно объявилась „Революц. группа интеллигенціи“, которая выпустила двѣ прокламаціи. Въ первой призываютъ интеллигенцію, въ виду партійныхъ разногласій, организоваться самостоятельно. Вторая — къ запаснымъ.

Архангельскъ. Н. Ф. Насимовичъ, сидѣвшій въ темномъ карцерѣ при мѣстномъ батальонѣ за отказъ отъ военной службы, въ самомъ концѣ мая переведенъ въ свѣтлый, куда вмѣстѣ съ нимъ посаженъ еще нѣкто Цыпинъ, приговоренный на 5 лѣтъ Вост. Сиб. по дѣлу Бунда. На допросы въ настоящее время Насимовича не водятъ и ему предстоитъ ждать или суда, или рѣшенія дѣла въ административномъ порядкѣ. Пища ему дается улучшенная солдатская, обращеніе довольно сносно, но свиданія по прежнему не разрѣшены. На допросѣ 3-го мая ему было предъявлено обвиненіе уже по статьѣ 252 Уложенія о наказаніи (каторга отъ 4 до 6 лѣтъ), тогда, какъ раньше его обвиняли по 246 ст. Показаніе имъ было дано такое:

„Виновнымъ себя въ предъявленномъ мнѣ обвиненіи по 252 ст. Ул. о нак. въ ея полномъ видѣ не признаю: виновнымъ (съ юридической точки зрѣнія) считаю себя *лишь въ порицаніи (публичномъ и рѣзкомъ) существующаго образа правленія*; что же касается выраженнаго мною мнѣнія, „оскорбительнаго по своей формѣ и относящагося непосредственно къ управленію верховному“, то заявляю, что нанести своимъ мнѣніемъ *оскорбленіе* верховному управленію *я* отнюдь не имѣлъ въ виду, высказавъ лишь то убѣжденіе о существующемъ строѣ, какое считаю продуманнымъ. Рѣзкая же форма выраженія этого мнѣнія, которой *я* не отрицаю, является продуктомъ той поспѣшности, съ которой мнѣ пришлось свое мнѣніе формулировать, ибо предложеніе о принятіи присяги именно въ данный моментъ было мною совершенно не предвидѣно. Повторяю, что никакое нанесеніе оскорбленія верховному управленію въ мои задачи не входило, и *оскорблять* его, т. е. его представителей, я не имѣю ни малѣйшаго желанія: достаточно того, что управленіе это и его выразителей *я* считаю и публично объявляю врагами всего русскаго народа и своими личными: а оскорблять своихъ злѣйшихъ враговъ *я* не имѣю обыкновенія: *я съ ними борюсь и — только*“.

На учителей и учительницъ начались доносы. Въ мартѣ-апрѣлѣ донесли на одну учительницу Арх. у., недавно на учительницу Шенкурскаго у. Послѣдній доносъ направленъ, минуя непосредственное начальство, которое весьма недовольно этимъ обстоятельствомъ. Администрація воздвигаетъ гоненія на служащихъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ за знакомство съ „политиками“.

Хроника Арханг. губ. Въ г. **Кеми** сидятъ въ одиночномъ заключеніи Фогельманъ и Кочетковъ (оба полит. ссыльные). Обвиняются: первый въ составленіи письменнаго протеста на пресловутый февральскій манифестъ, возвѣщавшій „милость“ полит. ссыльнымъ и заключеннымъ, второй — въ полученіи, распространеніи и разсылкѣ по колоніямъ прокламацій (по 252 ст.). Въ **Архангельскѣ** сидятъ: Покровскій-Водоватовскій и Проколовъ. Тюремныя условія тяжелыя: въ камерахъ темно и душно, такъ какъ нѣтъ оконъ — а воздухъ и свѣтъ проникаютъ только черезъ окна въ дверяхъ. Съ тюремнаго двора льются специфическіе казарменные запахи. Гуляніе всего 1/2-1 часъ. Прокуратура энергично настаиваетъ (съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи), чтобы тюремное начальство не давало никакихъ послабленій подслѣдственнымъ политикамъ, даже въ случаѣ ихъ заболѣваній. Въ **Онегѣ** полит. ссыльные праздновали 1 мая товарищескимъ собраніемъ: цѣлый день провели въ дружеской бесѣдѣ, говорили рѣчи, въ окна были выставлены красные флаги. Собраніе сошло благополучно, никакихъ особыхъ столкновеній съ полиціей не произошло, но вскорѣ послѣ 1 мая въ жанд. управленіе былъ сдѣланъ доносъ однимъ пол. ссыльнымъ, рабочимъ, подавшимъ заявленіе о зачисленіи въ ряды „кающихся“ добровольцевъ. Доносъ гласилъ, что пол. ссыльные, статистикъ Савинъ и мельникъ Шуланкинъ (оба соц.-дем.), вредно вліяютъ на ссыльныхъ рабочихъ, читаютъ имъ „Искру“ и пр. и пр. Отвѣтомъ на доносъ явился пріѣздъ въ Онегу жандармовъ: Савину было объявлено о переводѣ въ селеніе Кузомень (Кольскій полуостровъ), а Шуланкину въ Колу. Савинъ отказался добровольно подчиниться этому распоряженію, былъ взятъ силой и отправленъ этапомъ. При отъѣздѣ его обыватели устроили ему теплые проводы. Переводъ Савина вызвалъ въ населеніи большое недовольство, такъ какъ въ лицѣ его городъ лишался успѣвшаго пріобрѣсти симпатіи доктора и человѣка. Первое мая было отпраздновано также въ с. **Ижмѣ** Печорскаго у.) и **Сумскомъ Посадѣ** (Кемскаго у.) Въ послѣднемъ не обошлось безъ комическихъ инцидентовъ. Отправились „политики“ на маевку въ лодкахъ. Когда приставъ замѣтилъ „демонстративныя“ эволюціи „соціалистической“ флотиліи, то послалъ городового съ приказомъ: догнать и вернуть демонстрантовъ. Но тщетно взывалъ съ берега городовой къ „соціалистамъ“ — лишь шутки летѣли въ отвѣтъ. Вечеромъ того же дня всѣ полит. ссыльные получили приглашеніе явиться къ приставу, но, разумѣется, никто и не подумалъ сдѣлать это.

М. В. Д.
Енисейскій губернаторъ.
По губернскому управленію.
Отдѣленіе...
Дѣлопроизводство...
..... дня 190.... г.

Секретно.
Циркулярно.

Г. г. Уѣзднымъ Исправникамъ и Красноярскому Полиціймейстеру.

Во время рождественскихъ вакацій учебнаго 1902-1903 года въ городѣ Москвѣ состоялся первый съѣздъ представителей обществъ воспомоществованія лицамъ учительскаго званія, имѣвшій цѣлью обсужденіе вопросовъ о помощи учащимъ и улучшеніи ихъ быта.

На означенномъ съѣздѣ — присутствовавшіе, однако, не ограничились обсужденіемъ вопросовъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ предмету съѣзда, а высказывали предположенія о необходимости учрежденія для учителей суда чести, объединенія всѣхъ союзовъ взаимопомощи учителей, объ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ и проч., причемъ даже коснулись вопросовъ общегосударственнаго свойства.

Предположенія эти, не получившія санкціи бывшихъ на съѣздѣ представителей учебнаго вѣдомства, въ настоящее время усиленно распространяются въ провинціальныхъ обществахъ взаимопомощи учащимъ, и агитація эта, найдя себѣ въ нѣкоторыхъ обществахъ благопріятную для себя почву, отразилась уже на ихъ дѣятельности, направленной къ практическому осуществленію сихъ предположеній, не соотвѣтствующихъ видамъ правительства.

Принимая во вниманіе, что въ настоящее время производится всестороннее изслѣдованіе дѣятельности вышеупомянутаго съѣзда, представляется необходимымъ подвергнуть оцѣнкѣ и дѣятельность всѣхъ провинціальныхъ обществъ взаимопомощи лицамъ учительскаго званія, дабы на основаніи собранныхъ о нихъ свѣдѣній, опредѣлить дальнѣйшее отношеніе правительства къ симъ обществамъ.

Въ сихъ видахъ Департаментъ Полиціи, по приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, циркулярнымъ отношеніемъ отъ 16 минувшаго апрѣля за № 5193, проситъ сообщить свѣдѣнія о томъ, имѣются ли въ предѣлахъ Енисейской губерніи общества взаимопомощи лицамъ учащимъ, представляется ли ихъ дѣятельность закономѣрной, или же въ таковой замѣчается вредное направленіе и уклоненіе отъ прямыхъ задачъ, опредѣленныхъ ихъ уставомъ, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, въ какихъ именно фактахъ проявляется эта вредная дѣятельность и кто изъ лицъ, входящихъ въ составъ этихъ обществъ, направляетъ дѣйствія общества въ путь противоправительственной агитаціи.

Давая знать объ изложенномъ, предлагаю гг. Исправникамъ и Полиціймейстеру представить мнѣ требуемыя Департаментомъ Полиціи свѣдѣнія не позднѣе начала текущаго мая мѣсяца.

За губернатора
Вице-губернаторъ
Старшій совѣтникъ
Дѣлопроизводитель

Подписи.

Двинскъ. .....У насъ теперь пора горячая. Работа идетъ великолѣпно и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Даже бундисты уже сознаются, что „искровцы здѣсь прочно утвердились“. Между евреями искровцы пока мало что предпринимаютъ. Они разсуждаютъ: „евреи къ намъ сами придутъ, а пока у насъ должна быть твердая почва среди христіанскаго населенія“. Хорошо идетъ агитація среди старовѣровъ и поляковъ. (Старовѣры страшно ненавидятъ правительство).

Появились здѣсь и с.-р., у нихъ уже до 30 чел. сторонниковъ среди рабочихъ-евреевъ. Вообще же, здѣсь работаютъ группы: Партіи, „Бунда, С.-Р., P. P. S., P. S. D. и „Пролетаріата“. Представьте себѣ, какой хаосъ!... И всего то тутъ до 200 сознательныхъ христіанскихъ рабочихъ. Теперь, не смотря на аресты, работа идетъ какъ нельзя лучше.

Пустили здѣсь глубокіе корни и „Пойалэ Ціонъ“ (рабочіе-сіонисты). Они сагитировали до 300 сіонистовъ и нѣсколькихъ бундистовъ. Работа ихъ довольно хорошо обставлена, но даже ихъ лучшіе люди не знаютъ хорошо, чего они хотятъ, и въ спорахъ они называютъ себя то ортодоксальными марксистами, то бернштейніанцами, то приверженцами Опенгеймера. Въ Бундѣ сильный застой, хотя онъ все таки силенъ, замѣчается уже бóльшая вдумчивость въ вопросѣ объ отношеніяхъ между Бундомъ и Партіей.

Въ Креславкѣ была демонстрація 200 русскихъ рабочихъ. Въ 30 лодкахъ они проѣхались по Двинѣ правильными рядами, 6-10 чел. въ каждой, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и красными знаменами. Они нѣсколько разъ подъѣзжали къ берегу, кричали „долой самодержавіе“. И приставъ съ урядниками, какъ угорѣлые, метались по берегу, не зная, что дѣлать, а берегъ весь былъ усыпанъ глазѣющей публикой. Демонстрація вышла превосходной. Арестовали 5-6 чел., трехъ привезли въ двинскую тюрьму.

Острогожскъ. Воронежской губ. Мѣстные жандармы очень часто отлучаются изъ города и ловятъ революцію по уѣзду. Въ маѣ они нашли ее въ г. Острогожскѣ. Въ этомъ богоспасаемомъ городѣ есть чугуннолитейный заводъ, на которомъ работаетъ 46 чел. 1 мая тамъ были разбросаны майскіе листки, изд. Ц. К. Поймали двухъ рабочихъ и стали пытать. Тѣ могли описать только наружность передавшаго имъ листки. Подозрѣніе пало на гимназиста VII класса Жихарева, который былъ извѣстенъ ночнымъ сторожамъ, т. к. любилъ частенько далеко за полночь возвращаться домой.

Рабочіе, чтобы развязаться съ жандармами, оговорили его. Бѣднягу, не смотря на показанія другихъ свидѣтелей, удостовѣрявшихъ, что онъ въ это время былъ въ одномъ домѣ, исключили изъ гимназіи и отдали подъ гласный надзоръ.

Были обыски у многихъ гимназистовъ города.

Научныя работы, вдохновляемыя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Намъ удалось недавно познакомиться съ чрезвычайно поучительнымъ „документомъ“ черноморскаго врачебнаго инспектора Савельева (изъ г. Новороссійска). Этотъ „документъ“ есть „ученая“ статистическая работа по вопросу о развитіи малярiи въ Черноморской губ.

Какъ извѣстно, на Черноморскомъ побережьи, этомъ „краѣ гордой красоты“, на всѣ лады прославляемомъ безпардонными россійскими борзописцами, очень сильно распространена крайне тяжелая форма болотной лихорадки — малярія. Чтобы судить о томъ, насколько страдаетъ населеніе „русской Ривьеры“ отъ этой болѣзни, достаточно привести одинъ такой строго провѣренный и занесенный въ отчетъ окружныхъ врачей Черномор. губ. фактъ: въ какой то деревнѣ этой губерніи (кажется Адлерѣ) все ея населеніе — переселенцы изъ центральной полосы Россіи — поголовно вымерло отъ маляріи втеченіе 10 лѣтъ! Русскіе крестьяне, прибывающіе сюда лѣтомъ на заработки, сплошь и рядомъ попадаютъ въ самое отчаянное положеніе. Громадный процентъ ихъ захватываетъ малярію и вотъ эти крестьяне-больные, не имѣя возможности лѣчиться, такъ какъ окружныя больницы могутъ выдавать безплатно хину только мѣстнымъ поселянамъ, полуголодные, шатающіеся отъ слабости, трясущіеся отъ постояннаго малярійнаго озноба, съ сѣрожелтыми изможденными лицами бродятъ безпомощные по деревнямъ съ протянутыми за милостыней руками... Думать о заработкѣ имъ, разумѣется, не приходится, всѣ ихъ помыслы сосредоточиваются на томъ, чтобы добраться какъ нибудь до родной деревеньки.

Въ виду столь тяжелыхъ климатическихъ условій края, казалось-бы, что вопросъ объ его заселеніи крестьянами изъ внутренней Россіи, а также и вопросъ о привлеченіи сюда рабочихъ на земляныя и иныя работы, должны были бы разрѣшаться съ крайней осмотрительностью. Но русскому правительству оказалось безотлагательно нужнымъ заселить все побережье какъ можно скорѣе, къ чему оно и приступило. Мотивы для этого настолько же просты, насколько преступны... Самъ нашъ царь, а затѣмъ наши великіе князья и просто князья, наши министры и ихъ приближенные захватили въ свое владѣніе чуть ли не всю Черноморскую губ. и южную часть восточнаго побережья Чернаго моря вмѣстѣ съ знаменитыми Гаграми.[1] Эти черноморскіе помѣщики очень озабочены тѣмъ, чтобы количество населенія въ губерніи возрастало, что и понятно вполнѣ, если стать на точку зрѣнія ихъ интересовъ: имъ нужны постоянныя, дешевыя рабочія руки, имъ нуженъ близкій рынокъ, имъ нужно, наконецъ, использовать эстетическую сторону природы этого края путемъ созданія здѣсь курортовъ, которые явятся для нихъ въ высокой мѣрѣ доходной статьей. Вотъ эти-то *частнохозяйственныя* соображенія представителей нашего правительства и явились у нихъ вполнѣ достаточнымъ стимуломъ для того, чтобы энергично принимать *общегосударственныя* мѣры по заселенію Черном. губ. или иначе, ихъ собственныхъ имѣній. Понятное дѣло, что рыцарей монархическаго режима не смущаютъ ни трупы вымершихъ за десятилѣтіе сотенъ переселенцевъ, ни разоряющіяся семьи пришлыхъ рабочихъ, ни дрожащіе въ припадкѣ изнурительной болѣзни люди... Во всемъ этомъ имъ видится только одинъ неблагопріятный моментъ: высокій процентъ заболѣваемости рабочихъ тормазитъ процессъ накопленія... Но и потеря отъ этого[2]) компенсируется отчасти тѣмъ, что выморочныя земли крестьянъ, попавъ сначала въ казну, не минуютъ съ теченіемъ времени загребущихъ рукъ опять этихъ же великихъ и малыхъ князей міра сего. Поэтому, малярія въ Черноморской губ. съ правительственной точки зрѣнія оказалась зломъ „еще не столь большой руки“ и, напр., малярійную мѣстность Гагры оказалось возможнымъ даже превратить въ климатическую станцію! Однако „все течетъ“... Малярія сама энергично „пропагандируетъ дѣйствіемъ“, что правительство не церемонится съ жизнью своихъ „подданныхъ“, такъ называемое общество, несмотря на приказаніе, данное М. В. Д. русскимъ газетамъ — не писать ничего дурного про эту губернію,— узнаетъ про малярію и не хочетъ ѣхать лѣтомъ на побережье, а пролетарское движеніе не находитъ себѣ нигдѣ препонъ, интенсивно развивается и, грозя поработителямъ, во всей странѣ, грозитъ имъ и въ Черном. губ... Тогда у черноморскихъ помѣщиковъ (а слѣд. и у правительства) явилась мысль уничтожить малярію, чтобы еще до момента крушенія существующаго строя имѣть большую возможность округлять свои капиталы. Но вопросъ объ устраненіи маляріи понимается русскимъ правительствомъ отнюдь не въ смыслѣ принятія профилактивныхъ мѣръ къ прекращенію заболѣваемости среди населенія путемъ энергичнаго осушенія болотъ — этихъ разсадниковъ злополучнаго anopheles'а, путемъ улучшенія дѣла медицинской помощи, условій труда рабочихъ и крестьянъ и всей ихъ жизни — о, нѣтъ: оно разрѣшаетъ этотъ вопросъ на свой особый бюрократическій ладъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ попавшій въ наши руки „документъ“. Этотъ „документъ“ представляетъ собой докладъ въ медицинскій департаментъ, докладъ, составленный врачебнымъ инспекторомъ „во исполненіе распоряженія“ этого департамента, которое было сдѣлано по адресу черноморскаго губернатора. Сущность этого распоряженія такова: доказать цыфрами, что малярія въ Черноморской губ. уменьшается... Ученый чиновникъ, на долю котораго выпала эта задача, долженъ былъ оперировать съ цифровымъ матеріаломъ, по своему качеству вполнѣ подходящимъ для позорнаго предпріятія, начатаго медицинскимъ департаментомъ. Въ лучшемъ случаѣ цифровыя данныя о заболѣваемости имѣлись только за пять лѣтъ... по многимъ селамъ они ограничивались тремя или двумя годами... при этомъ, если бы и игнорировалась краткость срока, то все таки изъ этихъ цыфръ нельзя было ни въ какомъ случаѣ сдѣлать заключенія объ ослабленіи заболѣваемости. Но ничтожность срока не должна была смущать статистика, получившаго импульсъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и онъ пользовался и двумя цыфрами, обозначающими процентъ заболѣваемости, чтобы въ случаѣ, если послѣдующая цыфра ниже предыдущей, хотя бы на одну единицу, сдѣлать выводъ, что заболѣваемость маляріей регрессируетъ. Затѣмъ — мы это хорошо помнимъ — тамъ, гдѣ за пятилѣтіе получалась, напр., такая картина заболѣваемости:[1] 1897 г. — 36%; 1898 г. — 42%; 1899 г. — 50%; 1900 г. — 62% и 1901 г. — 59%, то авторъ умозаключалъ о несомнѣнномъ паденіи величины заболѣваемости.

Такимъ образомъ, опираясь на никуда негодный матеріалъ и оперируя съ нимъ вполнѣ по ноздревски, достопочтенный врачебный инспекторъ „по службѣ себя не унизилъ“ и блистательно доказалъ, что доказать ему было приказано.

---

[1] Теперь ихъ присоединяютъ къ Черноморской губ. Смыслъ „ученой“ статистической работы отъ этого пріобрѣтаетъ еще большее значеніе.

[2] Поскольку рѣчь идетъ о маляріи.

[1] Эти наши цыфры взяты произвольно, такъ какъ переписать документъ не пришлось, но онѣ ни своей абсолютной величиной, ни своимъ порядкомъ по годамъ, не утрируютъ дѣйствительности въ худую сторону.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Агитація въ деревнѣ. Кажется, въ Прибалтійскомъ краѣ не будетъ ни одного уголка, гдѣ бы не появились наши листки и гдѣ народъ не разсуждалъ бы о соціалистахъ. Наши прокламаціи можно было встрѣчать вездѣ: въ казармахъ батраковъ, на дверяхъ сараевъ, на кладбищахъ, мостахъ и перекресткахъ. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ не найти телеграфнаго или телефоннаго столба, на которомъ не была бы наклеена хоть одна прокламація, или сельскую церковь, гдѣ прихожанамъ не раздавались бы листки. И все это, несмотря на зоркія очи сельской полиціи, которая не за страхъ, а за совѣсть слѣдитъ за крамолой. Народу теперь много о чемъ думать и толковать: о Японской войнѣ, о бунтѣ, соціалистахъ, положеніи самодержавія; разсуждаютъ на всѣхъ пирушкахъ и собраніяхъ, на волостныхъ сходахъ и въ вагонахъ желѣзной дороги. Самосознаніе и классовая ненависть за послѣдніе два года начинаютъ появляться по отношенію къ баронамъ и пасторамъ. Замѣчается, что наши воззванія дѣлятъ сельское населеніе на два слоя: состоятельные крестьяне-усадебники и арендаторы возбуждаются и спѣшатъ показать свою преданность престолу пожертвованіями на Красный Крестъ, но батраки и прочій рабочій людъ жадно подхватываютъ листки, читаютъ и передаютъ дальше другимъ. Пролетарій деревни начинаетъ думать и сознавать свое положеніе, но у многихъ еще замѣчаются довольно своеобразные взгляды на нашу борьбу. Разсказываютъ о будущемъ передѣлѣ земли[1], о бунтѣ, грабежахъ и поджогахъ. Къ первому мая возбужденіе достигло высшей степени, многіе ожидали свѣтопреставленія. Гор. Тукумъ пожретъ пламя, Баускъ взорвутъ на воздухъ, въ Доблене не останется камня на камнѣ, а всѣ замки бароновъ будутъ превращены въ развалины! Во многихъ мѣстахъ тѣ, которые до сихъ поръ считали себя неограниченными господами и властелинами, дрожали со страху. Напримѣръ, профессоръ Кніэримъ поставилъ вооруженную стражу, чтобы защищать свое имѣніе отъ нападенія соціалистовъ; по столбовой дорогѣ въ Баускъ въ одной корчмѣ спрятался уѣздный начальникъ съ конной полиціей; Залгальскую церковь охраняли пристава и урядники. Въ Баускѣ пасторъ шелъ въ церковь подъ прикрытіемъ городовыхъ, и т. д. и т. д. Но первое мая прошло безъ всякихъ ужасовъ и народъ могъ убѣдиться, что соціалисты ведутъ свою борьбу безъ грабежей и поджоговъ.

Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ ведется организованная пропаганда и существуютъ мѣстныя организаціи, не ожидали никакихъ ужасовъ и кровопролитія: тамъ только растетъ число организованныхъ, сознательныхъ товарищей.

Изъ деревень Тверского уѣзда.

1. Листки о мобилизаціи были удачно распространены съ 22 на 23 іюня въ количествѣ до 600 штукъ. На утро 23-го большая часть листковъ подобрана крестьянами. Крестьяне читали эти листки и говорили: „это, вѣдь, для насъ!“ А нѣкоторые старики, не умѣя читать сами, заставляли молодыхъ парней читать ихъ вслухъ и, прослушавши, соглашались со всѣмъ содержаніемъ листка и говорили: „Вотъ тутъ они говорятъ, что правительство хочетъ увѣрить насъ, что намъ нужна Манчжурія и Корея. Да и вѣрно, куда они намъ! Мужику оно вовсе неподходящее. Что жъ, развѣ я поѣду туда?“

И вотъ въ этотъ день собрался мірской сходъ по крестьянскимъ дѣламъ. И, конечно, какъ всегда, было много разговоровъ. Одинъ консервативный мужикъ началъ шибко выражаться противъ политики, говоря, что тѣхъ людей, которые бросаютъ листки, надо бы всѣхъ перевѣшать. Но эти дерзкія слова не были поддержаны крестьянами. Напротивъ того, они были опровергнуты. Старикъ, лѣтъ 55, сказалъ: „Брось зря языкомъ болтать, ты только и думаешь, что въ этихъ листкахъ ругаютъ бога да не велятъ молиться. Не знаю, какъ въ другихъ пишутъ, а эва, что сегодня читали ребята, такъ тамъ нѣтъ ни слова про бога-то, а все говорится правда. Тамъ говорится: „Крестьянинъ, бросай свою соху, борону, жену и кучу дѣтей и иди на войну.“ Что жъ, развѣ это не правда? Тамъ пишутъ, что гонятъ солдатъ, какъ быковъ на бойню — „вѣрно на смерть!“

— Эхъ, господа! Это вѣдь все отъ бога, дѣло божье!

— Какой тутъ богъ! Развѣ богъ велѣлъ народъ убивать? Нѣкоторые со смѣхомъ подхватили: „Да развѣ богъ собираетъ солдатъ? — все тѣ же генералы, полковники да начальники.“

Крестьянинъ.

---

[1] Латышскіе крестьяне не получили надѣловъ, а отдѣльные крестьяне покупали на долгосрочную выплату свои усадьбы у помѣщиковъ.

II. Дѣло было на Пасху въ среду въ Кумординской волости. Въ одной изъ деревень поутру десятскій ходилъ по улицѣ извѣщать всѣхъ явиться на сходъ. Собрались всѣ крестьяне и начали обсуждать вопросъ такого сорта:

Когда попъ съ иконами станетъ ходить по домамъ (какъ это у насъ бываетъ каждую Пасху), то не давать ему по 1 р. или 1 р. 50 к., какъ было раньше. Въ каждомъ приходѣ и у каждаго попа свои расцѣнки. Долго мужики на это глядѣли, какъ на святое дѣло, а теперь глядятъ, какъ на обычай. На сходѣ всѣ единогласно постановили: попу за молебны — по 30 коп. съ каждаго дома. Сходомъ же выбрали двоихъ крестьянъ, чтобы они ходили и слѣдили за попомъ, не бралъ бы лишняго. Сперва понесли икону къ помѣщику, потомъ на поле, гдѣ былъ посѣянъ хлѣбъ. Послѣ этого молебна крестьяне заявили попу: расцѣнку мы вамъ обложили съ каждаго дома по 30 коп.; хочешь — ходи, не хочешь — нѣтъ, больше не прибавимъ. Попъ, не помня себя отъ такихъ словъ, вспылилъ, сталъ говорить имъ, что они и бога забыли и весь приходъ заразили политикой и политическими листками, что такъ много бросаютъ по деревнямъ, и говоритъ: „за такую плату ходить не буду", и, схвативъ свою рясу, удралъ домой. Спустя нѣсколько времени, былъ какой-то праздникъ. Отслуживши обѣдню, попъ разсказалъ проповѣдь по поводу этого дѣла, обвинялъ крестьянъ, что они будто бы въ церковь не ходятъ (оно и правда: годъ отъ году все меньше охотниковъ находится слушать пропаганду поповъ), что въ бога не вѣруютъ, ни царя не признаютъ и политикой занимаются. Послѣ этой проповѣди многіе мужики спрашивали: „Какая такая политика и что за листки?" Находятся и такія лица, которыя разъясняютъ, и мужичокъ читаетъ листки, которые у насъ раскидываютъ съ подписью Тверск. Ком. Р. С.-Д. Раб. Партія. Прочитавъ листки, мужички говорили: „Политика не бога ругаетъ, а правду говоритъ". И такъ попы со своихъ амвоновъ помогаютъ намъ, соціальдемократамъ, распространять соціальдемократическое ученіе.

Крестьянинъ.

Селеніе Суреба. Озургетскаго уѣзда. Наравнѣ съ сильнымъ крестьянскимъ движеніемъ, въ нашемъ уѣздѣ развивается и сильное шпіонство. Первыми добровольными шпіонами были дворяне, противъ которыхъ было направлено крестьянское возстаніе; потомъ къ нимъ присоединились священники, особенно молодые, только что окончившіе семинарію, а теперь, наконецъ, и сельскіе учителя. Изъ числа послѣднихъ особенно проявилъ себя учитель нашей деревни Валерьянъ Тутберидзе, по доносу котораго, между прочимъ, арестованъ управляющій нашего сельскаго банка Давидъ Рамишвили. Къ какимъ наглымъ пріемамъ онъ прибѣгаетъ для достиженія своихъ шпіонскихъ цѣлей, видно изъ его письма, адресованнаго его сообщнику — стражнику В. Канделоки.

Секретное.

Братъ Викторъ, если ты хочешь, чтобы твое дѣло шло хорошо, пожалуйста, поѣзжай скорѣе и скажи уѣздному начальнику, что ты подслушивалъ, какъ Ромишвили уговаривалъ народъ, чтобы онъ не выдавалъ зачинщиковъ, держались вмѣстѣ и т. д. и что, вмѣстѣ съ тобою, все это слышалъ и я. Уѣздный начальникъ спрашивалъ меня о тебѣ. Я ему сказалъ, что ты усердствуешь, ходишь по деревнямъ ночью, выслѣживаешь и т. п. Онъ былъ очень радъ и очень хвалилъ тебя. Кромѣ того, ты покажи уѣздному начальнику, что, когда старшина уговаривалъ крестьянъ повиноваться, Д. Рамишвили стоялъ въ толпѣ и подстрекалъ не выдавать никого изъ зачинщиковъ, въ противномъ же случаѣ — все равно, откроютъ предателя и онъ въ живыхъ не останется.

Ты, пожалуйста, особенно слѣди за крестьянами Барамидзе. Не забудь же показать начальнику такъ, какъ я тебѣ написалъ: дѣла не порти.

Твой В. Тутберидзе.

Вотъ какъ фабрикуются у насъ „политическія преступленія", на основаніи которыхъ правительство ссылаетъ массу невинныхъ въ Сибирь и отдаленныя губерніи. Отецъ арестованнаго Д. Рамишвили сейчасъ же воспользовался этимъ письмомъ и подалъ прошеніе прокурору, вмѣстѣ съ оригиналомъ этого письма, о преданіи суду учителя Тутберидзе за явно ложный доносъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Какъ живутъ рабочіе лѣсопильныхъ заводовъ г. Архангельска.

Заводъ „Яшки" Макарова (онъ же владѣлецъ механической мастерской, бань и рѣчного пароходства).

„Яшка" и братъ его, по прозвищу „Сатана", съ 5 часовъ рыщутъ по заводу и биржѣ. Штрафы да окрики. Нигдѣ рабочіе такъ не загнаны, какъ у Макарова. Мальчиковъ 12 — 18 лѣтъ набираетъ онъ въ машинисты на пароходы, платя 15 — 20 руб. за 18 часовой раб. день... Каждая смазливая крестьянка не минетъ рукъ Яшки и Сатаны: не стѣсняясь бѣлымъ днемъ, тащатъ они свою жертву въ каретникъ или кладовую при заводѣ... Десятки мужиковъ каждое лѣто судятся съ Макаровымъ, который не додаетъ имъ сотни рублей... Каждый день можно видѣть, какъ мальчикъ котлочистъ или ученикъ идетъ весь въ слезахъ, избитый Яшкой или Сатаной. — Словомъ, распоряжаются, какъ помѣщики въ своей вотчинѣ.

На заводѣ Кыркаловыхъ донимаютъ „дисциплиной". Не снялъ шапки рабочій — разсчетъ, сказалъ противное слово — разсчетъ. На судѣ не далъ ложнаго показанія въ пользу хозяина — разсчетъ. Штрафами донимаютъ за пустяки. Рабочіе говорятъ про хозяина, что „если днемъ и ночью онъ обошелъ заводъ и биржу, то „заработалъ" штрафами руб. 10, а то и больше".

На заводѣ *Удѣльнаго* вѣдомства былъ такой случай: слесарь Бернадскій, находясь въ ночномъ дежурствѣ, заснулъ на площадкѣ сверлильнаго станка. Въ это время зашелъ помощникъ мастера и, чтобы разбудить заснувшаго отъ утомленія рабочаго, онъ наставилъ ему сверло въ бокъ, спустилъ станокъ „съ самоходомъ" и самъ удалился изъ мастерской, въ которой никого не было. Сверло начало идти внизъ — уже закрутило блузу рабочаго и коснулось тѣла. Раздался крикъ рабочаго. Благодаря опытности, ему удалось моментально свернуться со станка. Минута оплошности — и холодная сталь сверлила бы тѣло рабочаго также, какъ безжалостно сверлитъ душу его администрація удѣла ежедневными притѣсненіями.

(Жаль, что корреспондентъ не сообщилъ фамиліи этого звѣря).

Алаксандровскъ. Екатерин. губ. Въ іюнѣ здѣсь была сходка заводскихъ и ремесленниковъ. Собралось свыше 70 человѣкъ. Четыре оратора говорили о войнѣ, объ экономическомъ значеніи ея для рабочаго класса, о милитаризмѣ и соціализмѣ. Сходка прошла вполнѣ удачно. — Тяжелое положеніе магазинныхъ прикащиковъ, лишенныхъ даже тѣхъ крупицъ облегченій, какія дали буржуазныя городскія управленія большихъ городовъ своимъ прикащикамъ, натолкнуло и ихъ на единственное средство облегчить свою участь — единеніе. Собраніе прикащиковъ, человѣкъ 40-50, рѣшило примкнуть къ рабочему движенію, видя полную солидарность своихъ интересовъ съ интересами рабочихъ. Привѣтствуя такой шагъ съ ихъ стороны, мы надѣемся, что къ этимъ піонерамъ примкнетъ остальная масса ихъ товарищей, что исчезнутъ у нихъ подхалимство и рабская покорность передъ своими эксплуататорами. Первые шаги ихъ будутъ, можетъ быть, и не удачны, но не должны они падать духомъ. Право на ихъ сторонѣ, пусть будетъ еще на ихъ сторонѣ и солидарность, и они сумѣютъ добиться улучшенія своего положенія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. — 12 іюля началась стачка городскихъ столяровъ. Черезъ три дня требованія почти удовлетворены. Добились 10-ти час. рабочаго дня, вмѣсто 14-15 час., увеличенія заработной платы на 20% и обѣщано лучшее обращеніе съ подмастерьями и мальчиками. Бастовало человѣкъ 45—50 въ четырехъ мастерскихъ. Отсутствіе литературы тормозитъ дѣло, заставляя прибѣгать къ устной агитаціи даже тогда, когда это, по полицейскимъ условіямъ, не раціонально и не продуктивно.

Черновскій заводъ. Соликамскаго уѣзда, Пермской губерніи. Недавно управляющій заводомъ объявилъ рабочимъ, что, кто прогуляетъ на недѣлѣ день хотя по уважительной причинѣ, тотъ долженъ работать за прогульный день въ праздникъ. Распоряженіе, по истинѣ, нахальное, тѣмъ болѣе, что раньше работали по праздникамъ за полуторную плату или рабочіе часы сокращались на $^1/_3$ (работали до 2 часовъ), а тутъ нужно работать по „будничному".

Не многіе рабочіе поняли, что ихъ грабятъ, но все же рѣшили таковому рѣшенію не подчиняться и заявили, что будутъ работать по праздникамъ по своему желанію и до двухъ часовъ, а въ противномъ случаѣ отказываются выходить на работу по праздникамъ. Послѣ переговоровъ управляющій отмѣнилъ распоряженіе и сказалъ: „я вамъ на другомъ выведу это!" Вообще, стычки здѣсь съ администраціей не рѣдки, но сознательныхъ рабочихъ мало. Литературы нѣтъ.

Рабочій.

Добрянскій заводъ. Пермскаго уѣзда. Въ Сергіевско-Троицкой и другихъ фабрикахъ, гдѣ работаютъ прокатные станы, — работа каторжная, особенно лѣтомъ. Работаютъ, соединившись въ артели по 6-7 человѣкъ на каждомъ станѣ. Желѣзо, потребное для прокатки, подвозятъ особые рабочіе, нанятые отъ подрядчика. Администрація завода, во главѣ съ инженеромъ Мальцевымъ, чтобы удешевить желѣзо, въ настоящее время вычитаетъ съ рабочихъ на прокаткѣ изъ ихъ платы и на эти деньги и наняла подрядчика для доставки желѣза и матеріаловъ. Желѣзо выходитъ на 1 коп. дешевле. Всѣ фабрики вырабатываютъ въ сутки (въ 3 смѣны по восьми часовъ) 6-7,000 пудовъ. — Здѣсь рабочіе очень интересуются войной и каждый нашъ листокъ прочитывается съ большимъ вниманіемъ.

Послѣ удаленія на пенсію управляющаго Сюзева, теперь орудуетъ горн. инж. Мальцевъ, который дѣлаетъ съ рабочими, что желаетъ: штрафуетъ, разсчитываетъ (недавно заявилъ разсчетъ одному рабочему, не желавшему принять предложенную сдѣльную плату вмѣсто 19 коп., какъ было раньше, 15 коп.). Нерѣдко Мальцевъ пускаетъ въ ходъ и кулаки и грозитъ засадить въ тюрьму. Рабочіе отвѣчаютъ ему поджогомъ его дома, выбиваніемъ стеколъ и т. п. мѣрами.

Рабочій.

Хроника еврейскаго рабочаго движенія.

Самымъ важнымъ событіемъ въ жизни Бунда за послѣдній годъ былъ его выходъ изъ нашей партіи на второмъ ея съѣздѣ, на которомъ представители Рос. Партіи почти единогласно рѣзко и рѣшительно осудили позицію Бунда въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ. Выходъ Бунда изъ партіи наложилъ печать на всю его дѣятельность какъ непосредственно послѣ съѣзда, такъ и въ настоящее время.

Какъ же реагировалъ Бундъ на свой выходъ изъ партіи, какъ довелъ онъ до свѣдѣнія многихъ и многихъ сотенъ пролетаріевъ, входящихъ въ его организаціи, о выходѣ своемъ изъ партіи, какъ объяснилъ имъ поведеніе на съѣздѣ бундовской делегаціи? Здѣсь поневолѣ напрашивается сравненіе между тѣмъ, какъ знакомили своихъ членовъ съ результатами работъ съѣзда наши оффиціальныя учрежденія (мѣстные и Ц. комит.), и какъ это сдѣлалъ Бундъ. И это сравненіе будетъ, увы, не въ пользу партіи. Въ этомъ отношеніи часть партіи, хотя и неустойчивая въ принципіальномъ отношеніи и склоняющаяся къ націонализму, оказалась выше всей партіи, хотя и принявшей ортодоксальную и революціонную программу, но не умѣющей проводить ее въ жизнь и сдѣлать ее понятной для всей массы ея членовъ. Въ то время, какъ у насъ о самомъ фактѣ съѣзда члены партіи узнали только спустя много времени, въ то время, какъ смыслъ и значеніе происшедшихъ на немъ событій, напр., разногласій, приведшихъ нашу партію къ новому фазису ея развитія, въ настоящее время извѣстенъ самымъ поверхностнымъ образомъ не только рядовымъ партійнымъ работникамъ, но и комитетамъ, въ то время какъ протоколы съѣзда въ Россіи имѣются въ единичныхъ экземплярахъ, и ни въ одномъ собраніи передъ рабочими не излагалось объективно и ясно о событіяхъ на съѣздѣ и не вынесено резолюцій, выражающихъ отношеніе пролетаріата къ происходящимъ внутри партіи распрямъ, — въ это самое время Бундъ значительную часть своей дѣятельности отдалъ ознакомленію своихъ членовъ съ причинами, побудившими его выйти изъ партіи, съ позиціей, занимаемой имъ въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ, съ его отношеніемъ къ Р. С.-Д. Р. П. Съ этой цѣлью, вскорѣ послѣ съѣзда былъ изданъ отчетъ бундовской делегаціи; въ новомъ, издающемся въ Россіи, еврейскомъ органѣ „Der Bund" помѣщаются статьи по національному вопросу, въ Ц. О. Бунда „Рабочій голосъ" („Arbeiter Stimme") была статья о съѣздѣ, заграницей сталъ издаваться для еврейской интеллигенціи на русскомъ языкѣ органъ „Вѣстникъ Бунда", спеціально занимающійся выясненіемъ позиціи Бунда въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ и, наконецъ, что самое важное — повсюду, начиная отъ самыхъ крупныхъ и кончая самыми маленькими бундовскими городами, устраивались собранія рабочихъ-агитаторовъ, на которыхъ читались рефераты и произносились рѣчи на тему о выходѣ Бунда изъ партіи и послѣ нихъ выносились резолюціи. Такъ, въ Ригѣ и Дерптѣ были прочитаны рефераты: въ Ригѣ 24 дек. 1903 г. на тему „Взглядъ Бунда на національный вопросъ и нужна ли еврейскому пролетаріату самостоятельная организація" (присутствовало 40 ч.), въ Дерптѣ рефератъ на ту же тему былъ прочитанъ для студентовъ, въ колич. 50 ч., причемъ послѣ реферата была дискуссія, въ результатѣ которой приняли резолюцію, говорящую, что еврейскому пролетаріату нужна особая политическая организація, выражавшую сожалѣніе объ уходѣ Бунда изъ партіи и надежду, что новое соглашеніе состоится на условіяхъ, предложенныхъ Бундомъ. За эту резолюцію голосовали 41 ч., одинъ былъ противъ и 4 воздержалось. Не только въ болѣе крупныхъ городахъ бундовскаго района, какъ Вильно, Ковно, Гродно, Минскъ, Витебскъ, Лодзь, Варшава, Бѣлостокъ, но и въ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ, вродѣ Могилева, Борисова, Креславки, Ново-Александровска, Полоцка, Стародуба, Лядовъ, Шавель, Мозыри, Сувалокъ и т. п. на собраніяхъ агитаторовъ отъ 20 до 100-150 ч. разбирались эти же вопросы и выносились резолюціи. Хотя въ большинствѣ случаевъ эти резолюціи, заявляющія о своей полной солидарности съ нынѣшними взглядами Бунда, принимались громаднымъ большинствомъ голосовъ и часто даже единогласно[1], любопытенъ все таки фактъ, что во многихъ мѣстахъ бывали воздержавшіеся и даже голосовавшіе противъ подобныхъ резолюцій. Это показываетъ только, что несмотря на все вліяніе, какимъ Бундъ пользуется среди сознательнаго и организованнаго пролетаріата Зап. Края, несмотря на то, что националистическія тенденціи, возникшія въ немъ и ставшія развиваться послѣ его четвертаго съѣзда (1901 г.), начинаютъ мало по малу проникать въ широкую массу, несмотря на все это появляются первые предвѣстники зарождающейся въ нѣдрахъ самого Бунда оппозиціи. Что эти воздержанія и голосованія противъ представляютъ собой серьезную опасность для теперешней позиціи Бунда, показываютъ уже напечатанные въ „Искрѣ" факты выступленія изъ бундовскихъ организацій группъ сознательныхъ рабочихъ въ Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ и Двинскѣ и образованіе при ихъ участіи Сѣв.-Зап. Комитета нашей партіи, поставившаго своею цѣлью объединеніе и организацію пролетаріата всѣхъ національностей, живущихъ въ этомъ районѣ.

Умѣніе Бунда тѣсно связаться съ массой и вліять на нее, вырабатывать въ руководимомъ имъ пролетаріатѣ критическое отношеніе къ окружающей дѣйствительности, къ фактамъ партійной и внѣпартійной жизни, достигаемое развитіемъ самостоятельности пролетаріата, массовыми агитаціонными и дискуссіонными собраніями съ вынесеніемъ резолюцій, — является сильной стороной Бунда, которую, конечно, можно только привѣтствовать и которую намъ, организаціямъ Р. С.-Д. Р. П., не мѣшало бы отъ него заимствовать.[1]

Но эта положительная сторона Бунда, являющаяся въ его рукахъ сильнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ правительствомъ, капиталистами, сіонистами или соц.-рев., является для него и средствомъ борьбы съ нами по вопросу объ еврейской національности и о положеніи Бунда въ партіи. Только благодаря умѣнію вліять на массы и развивать въ нихъ активность, Бунду удается прививать еврейской массѣ свои тенденціи и бороться съ нами; мы должны, поэтому, заимствовать для борьбы съ нимъ и съ своими настоящими врагами его же оружіе. Чтобы имѣть за собой не безсознательно идущую массу, а дѣйствительно, итти впереди соціалистически сознательнаго и организованнаго пролетаріата, мы должны развивать его активность и самодѣятельность, пріучать его къ самокритикѣ, и мы достигнемъ этого не одной только письменной агитаціей. Мы должны дать большій просторъ развитію иниціативы и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ — организаторовъ и агитаторовъ (какъ это дѣлаетъ Бундъ), на собраніяхъ должны мы знакомить съ текущей дѣйствительностью, со всѣми фактами внутренней и внѣшней жизни нашей партіи, мы должны пріучать ихъ выражать свое отношеніе къ этимъ фактамъ резолюціями или какими-нибудь конкретными дѣйствіями.

---

[1] Не касаемся здѣсь вопроса, насколько *объективно* излагались рабочимъ бундовскими руководителями событія второго съѣзда. Пресловутый докладъ бундовской делегаціи заставляетъ очень сомнѣваться въ ихъ объективности.

[1] Интересна въ этомъ отношеніи параллель между тѣмъ, какъ реагировалъ на Русско-Японскую войну, съ одной стороны Бундъ, съ другой, — наша партія. Но объ этомъ въ слѣдующій разъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЙ СЪѢЗДЪ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

Всего только четыре года тому назадъ американскіе соціальдемократы объединились — на съѣздѣ въ Индіанополисѣ — въ одну „соціалистическую партію". До тѣхъ же поръ они группировались въ двѣ взаимно соперничавшія фракціи.

Объединившись, партія начала быстро рости въ своей силѣ и теоретической ясности, въ то время, какъ часть Socialist Labour Party, группка, не присоединившаяся къ партіи, таяла все больше и больше, и теперь во многихъ штатахъ Америки существуетъ только на бумагѣ.

На съѣздѣ партіи, открытомъ 1 мая по нов. ст., приняло участіе 230 делегатовъ. Почти каждый штатъ Союза былъ представленъ, — что можетъ служить доказательствомъ широкой агитаціи партіи въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Отсутствовали делегаты только изъ нѣкоторыхъ штатовъ и мѣстностей юга и юговостока, оказавшихся слишкомъ слабыми, чтобы ассигновать одновременно деньги и на посылку депутата, и на агитацію въ предстоящихъ ноябрскихъ „президентскихъ" выборахъ.

Кстати замѣтимъ: большинство делегатовъ были прирожденные американцы.

Изъ разныхъ странъ были присланы соц.-дем. партіями привѣтственныя телеграммы, но особенный восторгъ вызвалъ привѣтъ нѣмецкой соціальдемократіи.

Національный Секретарь Партіи, тов. Вилліамъ Майли, представилъ съѣзду отчетъ о своей дѣятельности и предложилъ различныя улучшенія организаціи. По мнѣнію Майли, главнѣйшей задачей, стоящей передъ американской партіей въ настоящій моментъ ея развитія, является сочетаніе демократической организаціи съ концентраціей агитаціонной работы.

„Наша политическая система — говорилъ Майли — заставляетъ насъ признать *автономію* организацій штатовъ основой нашей организаціи. Но мы должны точнѣе опредѣлить границы этой автономіи. Нѣкоторые штаты показали склонность свои мѣстные интересы ставить выше интересовъ партіи въ ея цѣломъ. Организація одного штата довела свою автономію до крайнихъ предѣловъ, приблизилась въ этомъ отношеніи къ анархизму, а въ это же время организація другого штата совершенно отбросила свою демократическую форму и основой своей конституціи сдѣлала настоящій абсолютизмъ. Обѣ крайности, по мнѣнію докладчика, опасны и могутъ принести движенію одинъ только *вредъ*. Организація партіи должна быть достаточно гибкой, для того, чтобы избѣгнуть какъ той, такъ и другой крайности". — Съѣздъ внимательно отнесся къ замѣчаніямъ референта и принялъ ихъ во вниманіе при обсужденіи организаціоннаго устава.

Среди различныхъ резолюцій, принятыхъ съѣздомъ, слѣдующія заслуживаютъ нашего особеннаго вниманія. Одна касается событія, волнующаго въ настоящее время весь міръ; мы говоримъ, разумѣется, о русско-японской войнѣ. „Противорѣчіе интересовъ *господствующихъ классовъ* Россіи и Японіи — гласитъ резолюція — привело къ объявленію войны между *правительствами* обѣихъ странъ. Рабочій классъ, какъ въ Россіи, такъ и Японіи, ни мало не заинтересованъ въ томъ, чтобы вести эту кровавую войну. Съѣздъ американской соціальдемократіи шлетъ, поэтому, братскій привѣтъ рабочему классу Россіи и Японіи и осуждаетъ русско-японскую войну, какъ преступленіе противъ прогресса и цивилизаціи". Громкими оваціями привѣтствовали делегаты съѣзда нашего японскаго товарища, вожака японской соціалистической партіи Іосифа Катайаму изъ Токіо, присутствовавшаго на съѣздѣ...

Другая резолюція касается положенія дѣлъ въ Колорадо. Въ 66 № мы разсказывали уже о мрачномъ эпизодѣ классовой борьбы, вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгрывающемся въ штатѣ Колорадо... Мы разсказывали тамъ о насиліяхъ, которыя пустила и пускаетъ въ ходъ соединенная буржуазія всѣхъ политическихъ направленій безъ исключенія, — начиная съ консервативной и кончая либерально-демократической, — все съ одной неизмѣнною цѣлью: подавить освободительное движеніе рабочаго класса.

Диктатура буржуазіи проявила себя тамъ во всей своей неприглядной наготѣ. И еще и еще разъ событія въ Колорадо ярко подтвердили все пустомысліе, все безжизненное доктринерство проповѣдниковъ „соціальнаго мира", мира между господствующей буржуазіей и порабощеннымъ пролетаріатомъ. Резолюція нашихъ американскихъ товарищей о событіяхъ въ Колорадо ярко подчеркиваетъ взглядъ международной соціальдемократіи на характеръ и значеніе всемірной тяжбы, подчеркиваетъ также роль соціальдемократіи въ этой тяжбѣ. „Соціалистическая партія — гласитъ резолюція — есть политическая организація рабочаго класса. Она обязана принимать участіе во всѣхъ движеніяхъ рабочаго класса, безпощадно бороться за его освобожденіе. Съѣздъ осуждаетъ, поэтому, классовое господство капиталистовъ и вытекающее отсюда подавленіе правъ и свободы рабочихъ. Съѣздъ призываетъ всѣхъ рабочихъ присоединиться къ соціалистической партіи и принять участіе въ борьбѣ за уничтоженіе господства капиталистовъ, за введеніе экономическаго равенства и свободы. Опять среди рабочихъ произошли аресты, избіенія, убійства — и только потому, что они стремились изъ богатствъ, созданныхъ ихъ собственными руками, получить немного большую долю. Буржуазія основала въ различныхъ штатахъ и городахъ ферейны купцовъ, общества промышленниковъ и клубы противъ бойкота, и послѣдніе, чтобы разрушить профессіональныя организаціи рабочихъ, ввели режимъ ужаса, нарушили основныя гарантіи личной и общественной свободы".

„Чиновники и судьи были подкуплены... и опять таки затѣмъ, чтобы сократить вольности американскаго народа. Благодаря вліянію этихъ капиталистическихъ организацій, была нарушена конституція. Въ Пенсильваніи и другихъ штатахъ гражданскія власти были подчинены *военщинѣ*. Во многихъ штатахъ уничтожены свобода печати, право собраній. Новый военный законъ принуждаетъ каждаго гражданина, начиная съ 18 и кончая 45 лѣтнимъ возрастомъ, отбывать военную службу и ставитъ послѣднюю въ полную зависимость отъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время въ штатѣ Колорадо господствуетъ *капиталистическая анархія*, съ согласія и подъ военнымъ покровительствомъ правительства. Мирные граждане насильно выселяются изъ штата, а вооруженные насильники поддерживаются военными властями. Благодаря приказамъ объ арестѣ, многіе граждане поставлены въ положеніе полнаго рабства. Невинныхъ, мирныхъ гражданъ арестовываютъ безъ приказа судьи объ арестѣ и, не выслушивая, бросаютъ ихъ въ тюрьму. И если гражданскія власти ихъ оправдываютъ, все таки совершенно противозаконно ихъ продолжаютъ держать въ тюрьмѣ военныя власти. Беззаконнымъ образомъ былъ отмѣненъ habeas corpus, права, столѣтіями служившія средствомъ защиты личной свободы, такъ что теперь въ такъ называемомъ „свободномъ“ штатѣ Колорадо нашей такъ называемой „свободной“ республики господствуетъ деспотизмъ, хуже и позорнѣе деспотизма русской автократіи. — Съѣздъ разъясняетъ, что эти событія являются *естественнымъ и логическимъ результатомъ современной хозяйственной системы*, допускающей частную собственность на необходимыя для жизни средства производства и дѣлающей рабочій классъ въ его жизни зависимымъ отъ владѣльцевъ средствъ производства. Между этими обоими классами, предпринимателями и рабочими, господствуетъ неустанная война, называемая классовой борьбой: жестокая, лишенная всякаго сострадания. На рабочихъ, организовавшихся для самозащиты, для улучшенія условій своей жизни, давятъ могучія капиталистическія организаціи, главная сила которыхъ въ томъ и состоитъ, что всѣ правительственныя функціи сосредоточены въ ихъ рукахъ, благодаря довѣрчивости рабочихъ. Съѣздъ подтверждаетъ свою вѣрность основамъ международнаго соціализма, объявляетъ, что насущнѣйшимъ вопросомъ дня является завоеваніе рабочими политической власти; что власть эта должна быть использована рабочими для уничтоженія классоваго господства и для введенія коллективной собственности на средства производства“.

Резолюція была принята съѣздомъ единогласно.

Третья резолюція касается профессіональнаго движенія. Интересы пролетаріевъ одинаковы. Поэтому рабочія партіи, стоящія на точкѣ зрѣнія научнаго соціализма, зовутъ *весь* рабочій классъ въ свои ряды. *Не навязывая* рабочему классу никакой доктрины, соціальдемократія *объединяетъ* освободительныя попытки рабочихъ, обобщаетъ элементы ихъ стихійнаго движенія, *подымаетъ* ихъ сознаніе до пониманія основъ капиталистическаго строя. Профессіональное движеніе является самой элементарной формой рабочаго движенія. Именно потому, что является результатомъ самыхъ непосредственныхъ, ясно сознаваемыхъ *всѣми* рабочими формъ гнета. Въ профессіональномъ движеніи рабочаго класса происходитъ первое сплачиваніе рабочихъ въ самостоятельную политическую силу.. Здѣсь, борясь за самыя примитивныя требованія, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, ему отказываетъ буржуазное общество, рабочій классъ учится понимать однородность своихъ интересовъ... Здѣсь самые отсталые слои рабочаго класса научаются понимать, что рабочій одинокъ въ буржуазномъ обществѣ.

Буржуазные политики отлично понимаютъ все могучее значеніе профессіональнаго движенія, какъ средства пролетарской борьбы вообще, какъ средства сплоченія рабочаго класса въ *самостоятельную* силу — въ частности. Вотъ почему они пытаются разъединить рабочихъ въ ихъ профессіональной борьбѣ, пользуясь для этого всевозможными средствами, начиная съ развитія въ рабочей средѣ религіозныхъ предразсудковъ (католическіе союзы и проч.) и кончая подкупомъ въ той или другой формѣ. — Вотъ почему соц.-дем. рабочія партіи всѣхъ странъ зовутъ рабочихъ къ объединенію въ профессіональной борьбѣ, несмотря на различія въ религіозныхъ, политическихъ и иныхъ убѣжденіяхъ. Наши американскіе товарищи это ясно выразили въ своей резолюціи. Также ясно выразили они всю недостаточность, всю безпомощность профессіональнаго движенія въ смыслѣ серьезнаго разрѣшенія рабочаго вопроса.

„Профессіональное движеніе — гласитъ резолюція — является естественнымъ результатомъ капиталистической системы и необходимо для противодѣйствія рабочихъ домогательствамъ капиталистовъ. Съ помощью этого движенія рабочій защищаетъ свои интересы при нынѣшней капиталистической системѣ производства. Но, конечно, это движеніе не можетъ ни уничтожить, ни уменьшить эксплуатаціи рабочихъ. Послѣдняя исчезнетъ только тогда, когда рабочій классъ самъ будетъ владѣть средствами производства.. Но, чтобы достигнуть этой цѣли, рабочій классъ долженъ сознательно добиваться *политической власти*. Организація рабочихъ несовершенна, пока они, какъ *классъ*, не организованны политически, такъ же какъ и экономически. Профессіональные союзы не могутъ добиться серьезныхъ результатовъ безъ политической дѣятельности соціалистической партіи. Рабочіе должны стремиться политическими средствами укрѣпить и обезпечить за собой то, чего они добились въ экономической борьбѣ съ капиталистами. Въ полномъ согласіи съ рѣшеніями международныхъ соціалистическихъ и профессіональныхъ конгрессовъ въ Брюсселѣ, Цюрихѣ и Лондонѣ, съѣздъ вновь объявляетъ, что профессіональные союзы являются необходимостью въ борьбѣ рабочихъ за свое освобожденіе. Долгъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ присоединяться къ профессіональнымъ союзамъ... Ни политическія, ни какія другія расхожденія во мнѣніяхъ *не могутъ оправдать раскола рабочихъ въ области экономической борьбы*. Интересы рабочихъ, кромѣ того, настоятельно требуютъ, чтобы профессіональные союзы пропагандой идей соціализма подготовляли своихъ членовъ для великой цѣли уничтоженія наемнаго рабства“. Эта резолюція, особенно последніе два абзаца, была ударомъ противъ American Labor Union (Американскаго рабочаго союза), отколовшагося отъ American Federation of Labor (Американская рабочая федерація) изъ за политическихъ мотивовъ. Вотъ почему резолюція эта вызвала ожесточенные дебаты, но. въ концѣ концовъ, все же была принята огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Согласно мѣстному обычаю, съѣздъ долженъ былъ выработать также новую платформу (партійную программу).

Въ Европѣ новыя партійныя программы принимаются только послѣ долгаго обсужденія въ собраніяхъ и прессѣ, послѣ тщательнаго изслѣдованія. И тогда партійная программа остается безъ измѣненія болѣе или менѣе продолжительное время. У нашихъ же американскихъ товарищей господствуетъ странный обычай: на каждую избирательную кампанію — въ думу, штатъ или національный парламентъ — пишется новая программа. Конечно, такія программы оставляютъ желать лучшаго въ научномъ отношеніи. Предложенная программной коммиссіей программа была почти единогласно принята, хотя во многихъ пунктахъ она далеко не отвѣчаетъ желаніямъ теоретиковъ. „Но такъ какъ черезъ четыре года, — пишетъ въ „Neue Zeit“ тов. Эрнестъ Унтерманъ, — мы должны заново составлять программу, не стоитъ, поэтому, много говорить о недостаткахъ нынѣшней программы. Для европейскихъ товарищей — продолжаетъ Унтерманъ — это можетъ звучать почти ересью, но мы привыкли къ этому обычаю, а природныхъ американцевъ трудно отучить отъ ихъ старыхъ привычекъ.

Съѣздъ выработалъ также программу минимумъ для соціалистическихъ представителей въ государственныхъ законодательныхъ учрежденіяхъ и въ мѣстныхъ управленіяхъ.

Большой интересъ возбудилъ отчетъ делегата американской партіи въ международномъ соціалистическомъ бюро въ Брюсселѣ, тов. Геррона...

На интернаціональный конгрессъ въ Амстердамъ въ делегаты избранъ Эрнестъ Унтерманъ и въ замѣстителя его Моррисъ Гильквитъ изъ Нью-Іорка. Далѣе, съѣздъ, въ виду предстоящей въ ноябрѣ президентской кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ, перешелъ къ обсужденію соц.-дем. кандидатовъ въ президенты и вицепрезиденты. Единогласно были назначены Евгеній Дебсъ изъ Индіаны и Бенъ Ганфордъ изъ Нью-Іорка. Дебсъ — этотъ американскій Лассаль, какъ его называютъ — особенную извѣстность получилъ, какъ руководитель знаменитой стачки American Raclirey Union. Ганфордъ — типографщикъ и членъ своего профессіональнаго союза. Въ сентябрѣ прошлаго года онъ былъ кандидатомъ соціалистической партіи на постъ губернатора въ штатѣ Нью-Іоркъ.

Рѣчь, которою Дебсъ отвѣтилъ на свое избраніе, типична для характеристики какъ его самого, такъ и нынѣшняго положенія Соединенныхъ Штатовъ. Мы приводимъ, поэтому, часть этой рѣчи.

„При обсужденіи вопросовъ соціализма, сказалъ онъ, коллективная воля является высшимъ трибуналомъ. Что касается меня лично, то я предпочелъ бы оставаться рядовымъ членомъ партіи и безымянно, безъ особыхъ отличій, бороться въ рядахъ товарищей. Я принимаю выборъ не ради чести, которая соединена съ нимъ, такъ какъ въ соціалистическомъ движеніи товарищъ можетъ уважаться только тогда, когда своей преданностью нашему дѣлу онъ уважаетъ самого себя.

Я принимаю выборъ, потому что онъ выражаетъ лишь ваше довѣріе и налагаетъ на меня извѣстныя обязанности. Я надѣюсь, что оправдаю ваши ожиданія, что я покажу себя достойнымъ нести передъ вами въ предстоящей борьбѣ знамя рабочаго класса, что я своими рѣчами, всѣмъ своимъ поведеніемъ сдѣлаю честь той единственной партіи, которая стремится освободить мой классъ отъ гнета наемнаго рабства. Наше собраніе имѣетъ огромное историческое значеніе, и я желалъ бы, чтобы Карлъ Марксъ сегодня присутствовалъ здѣсь. Я желалъ бы, чтобы Лассаль и Энгельсъ лично раздѣлили бы со мной славу этого часа, они, работавшіе и страдавшіе долгое время, пока движеніе достигло теперешней его силы. Мы стоимъ наканунѣ великой битвы. Мы готовы къ борьбѣ. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ перваго удара. Программа, которую мы выставляемъ, есть первое, дѣйствительно американское выраженіе въ вопросѣ интернаціональнаго соціализма. До сихъ поръ мы занимались только повтореніемъ, мы шли за другими. Сегодня въ первый разъ въ исторіи нашей партіи мы нашли американское выраженіе для нашего движенія. Въ нашей программѣ нѣтъ ни одного предложенія, ни одного слова, которое не было бы революціонно, которое не описывало бы ясно и отчетливо позицію американскаго соціалистическаго движенія. Опираясь на эту программу, мы бросаемъ нашему капиталистическому врагу перчатку, вызываемъ его на бой: пусть защищаетъ онъ систему, которая держитъ въ рабствѣ тѣхъ, чьимъ именемъ мы здѣсь собрались. Вотъ мы имѣемъ республиканскую партію, партію крупной буржуазіи. Господствующая капиталистическая партія нашихъ дней, это та, представители которой сидятъ въ Бѣломъ Домѣ; партія, которая господствуетъ въ обѣихъ палатахъ конгресса; партія, которая господствуетъ въ высшихъ судахъ; партія, которая господствуетъ надъ прессой страны; партія, которая диктуетъ оплаченнымъ церковнымъ проповѣдникамъ ихъ рѣчи; партія, захватившая всѣ правительственныя функціи; партія, держащая въ своихъ рукахъ общественную жизнь каждаго департамента.. И какъ слѣдствіе этого, находимъ мы, что подкупъ неограниченно царствуетъ въ странѣ; что конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ не отваживается послушаться голоса народа и уничтожить источники подкупа, что конгрессъ задолго до обычнаго срока прекратилъ свои засѣданія, только для того, чтобы отодвинуть неизбѣжное. — Но вотъ демократическая партія¹); партія, стоящая наканунѣ банкротства; разлагающаяся партія, стоящая на фундаментѣ отмирающаго класса; партія, раздираемая расколами; партія, которая всегда смотритъ назадъ и надѣется на воскресеніе тѣхъ людей, которые когда-то вдохнули въ нее ея душу; партія, которая взываетъ къ тѣнямъ прошлаго; партія надѣющаяся выковать новую жизнь изъ призраковъ и труповъ; партія, состоящая изъ людей, не могущихъ твердо отстаивать свои принципы. Томасъ Джефферсонъ²) счелъ бы ниже своего достоинства посѣтить собраніе современныхъ демократовъ. Ему было бы тамъ такъ же не по себѣ, какъ Аврааму Линкольну на республиканскомъ собраніи. Если бы эти два человѣка жили еще, они были бы делегатами *нашего* съѣзда. Соціалистическая партія противостоитъ этимъ двумъ партіямъ безъ всякихъ уступокъ, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ.

Мы не о томъ думаемъ, чтобы вступить въ какую бы то ни было сдѣлку съ этими партіями. Мы бросаемъ имъ перчатку и объявляемъ, что есть одно только разрѣшеніе такъ называемаго рабочаго вопроса и это — полное ниспроверженіе капиталистической системы“.

Этими словами Дебсъ далъ тотъ тонъ, который будетъ основнымъ мотивомъ въ предстоящей ноябрской „президентской“ кампаніи.

И съ этимъ основнымъ мотивомъ, какъ съ боевымъ лозунгомъ, наши американскіе товарищи пойдутъ впередъ къ новымъ побѣдамъ.

Американская соціалистическая партія выросла не только въ числѣ членовъ: растетъ и увеличивается партійная пресса, и все выше становится послѣдняя въ силѣ и принципіальной выдержанности. Газета „Appeal To Reason“ выходила въ Чикаго во время съѣзда, какъ ежедневный органъ и заставила капиталистическую прессу противъ воли оказать вниманіе нашему съѣзду. А въ сентябрѣ будутъ издавать на англійскомъ языкѣ ежедневную газету „Daily Cal“, за которой въ ближайшіе годы послѣдуютъ другія ежедневныя газеты.

Мы надѣемся, что наши товарищи во время ноябрскихъ выборовъ достигнутъ результатовъ, которые возвѣстятъ намъ о быстромъ ростѣ и политической зрѣлости американскаго рабочаго класса.

---

¹) Партія мелкой буржуазіи.

²) Одинъ изъ основателей американской республики.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ред. „Искры“ издана прокламація (17) „Кто долженъ побѣдить?“ **Ц. К.** — брошюра: „Изъ за чего война и чему она учитъ?“; **Донецкимъ** Ком. переизданъ листокъ „Искры“: „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ!“ (3800 экз.); **Кіевск. Ком.**: „Громъ побѣды раздавайся!“ (стихотв.); **Воронежск. Ком.** — „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (изд. „Искры“ — 1000 экз.) и въ разное время — еще три листка ред. „Искры“.

Изданіе партіи: Подъ редакціей „Искры“: П. С. „Тайные документы восточной политики русскаго правительства“ (брошюра); „Ко всему рабочему народу“ (проклам. по поводу убійства Плеве); **Кіевскаго Ком.** „Къ рабочимъ и работницамъ военно-обмундировальной мастерской“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Ростовъ на Дону. 7 іюня освобожденъ раб. Крочекъ. Здѣсь сидятъ: Боруховъ, осужденъ на 3 г. 8 м. по дѣлу демонстраціи, Шнеерсонъ, по дѣлу Донского Комитета (арест. 15 апрѣля на квартирѣ Богуцкой вмѣстѣ съ присяжнымъ повѣр. Мошинскимъ, Паперно, Исаевой), Станчинскій, (по дѣлу Д. К., сидитъ уже 4 мѣс.), раб. Дубницкій (по дѣлу типографіи Д. К.), раб. Костенко, Молотковъ, Гавриловъ, Корсиковъ, Зрѣловъ, Образцовъ, Пузленковъ, Пономаревъ, Іосифъ Шуръ (арест. 22 мая), Верхоробенко, Сегель (за храненіе литературы), Кранцова (по приговору за распростр. литер. — 3 мѣс.), Бобровская, Терещенко. Въ Каменской станицѣ сидитъ Мошинскій, въ Константиновкѣ — Паперно, Исаева, раб. І. Гулькевичъ. Въ Таганрогѣ сидятъ 15 рабочихъ и интел. Тетяева — по провокаціи раб. Писарева. Въ Новочеркаской тюрьмѣ: Сигида (по дѣлу транспорта литер. с.-р.), Лупаньина. раб., Гальберштадтъ, по дѣлу Д. К., Альбова, по дѣлу миміографа; раб. Здрадовскій, Максимовъ, Михайловъ, Ковалевъ (изъ Сулина, по дѣлу Д. К.), Сенкевичъ, (арест. съ 1000 май. прокламацій) и другіе. Недавно здѣсь былъ „бунтъ“ политическихъ. Новымъ начальникомъ тюрьмы назначенъ какой то бывшій приставъ, который, „дѣйствуя по инструкціи“, дошелъ до того, что запретилъ политическимъ доставлять молоко, вареное мясо и т. д. Послѣ бунта, выразившагося въ битьѣ стеколъ, дверей и пр. прибылъ прокуроръ, который удовлетворилъ всѣ требованія, но двое изъ товарищей были наказаны двумя сутками карцера. Въ ночь съ 10 на 11 іюля были массовые обыски и аресты. Обыски были у Н. Баккаляръ, М. Беркова, В. Ботвиникъ, Н. Брагиной, Волгина, П. Квальвасеръ, И. Т. Когана, А. А. Котляровой, К. Котляровой, учительницы кройки Криминюкъ, Оже, Арт. и Лидіи Плесковыхъ, Свирскихъ, Н. В. Сперанской, двухъ братьевъ Толмачевыхъ, М. М. Хаевской, Эстрина, Д. Эрберга и мн. другихъ. Всего было около 80 обысковъ. Арестованы: И. Берлинъ съ женой (оба черезъ день выпущены), Маркъ Браиловскій (найдено нѣсколько научныхъ брошюръ, обвиняется въ принадлежности къ организаціи), Корншманъ (найденъ гектографъ и литература, обвиняется въ принадлежности къ Донск. Комитету, Донецкому Союзу и Кр. Кресту), Компанѣецъ (вып.), А. И. Лиманова (по клеветѣ бонны Оводовой, выпущена на поруки, кажется, за 1000 руб.), — Криминюкъ (вып.), Рѣчинскій (найдено нѣсколько номеровъ „Искры“). Крысько (въ конторѣ найдено 13 фунтовъ стараго шрифта, обв. въ принадлежности къ организаціи). Арестованъ, на дняхъ выпущенъ на поруки за 500 руб. до приговора, П. Швейцеръ, по доносу провокатора **Шапарева**, обв. въ участіи въ организаціи. Арестованы также Дмитріева, Левицкій съ женой, Соколова. Спустя нѣсколько дней арестована О. М. Мальцева (вып.), на улицѣ — Яковъ Браиловскій и А. Швейцеръ (оба выпущены), подъ тюрьмой — И. Грабовниковъ (вып.). Арестованнаго въ сентябрѣ прошлаго года А. П. Станчинскаго, говорятъ, скоро отправляютъ въ Архангельскую губернію. Н. С. Сигиду и Ил. Лихтера (арест. въ январѣ этого года) перевели въ Новочеркаскъ, Лихтеру предъявляютъ обвиненіе чуть ли не по шести статьямъ. Недавно отправили отсюда Борохова въ Калужскую или Петербургскую тюрьму, — изъ Новочеркаска Готлобера и Залкинда — въ Ломженскую, Михайлова — въ Тульскую и Прокопенко — въ Смоленскую тюрьму. Бѣжавшій недавно изъ Новочеркаской тюрьмы Петръ Максимовъ пойманъ и сидитъ въ Ростовѣ. Всѣхъ арестованныхъ, по слухамъ, будутъ судить въ Палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, по новымъ законамъ о „политическихъ преступленіяхъ“. Станчинскому обѣщаютъ судить его, какъ уголовнаго, — чего ради, — неизвѣстно. Арестована, но уже выпущена зубной врачъ А. И. Браиловская Гинзбургъ. Почти всѣ сильно скомпрометтированные отказались отъ показаній, а М. Браиловскій порвалъ протоколъ. **Кременчугъ.** Здѣсь въ тюрьмѣ сидятъ: Даниловъ, столяръ (рецидивистъ, привлекается въ пятый разъ), Лаговская (по приг. на 4 мѣс.), Дора Гринбергъ (по дѣлу мѣстной соц.-дем. организаціи), (рабочіе Бѣленькій и Полякъ (за распространеніе майск. листковъ), Коля (пел.) и Ѳедя (рабочіе, фамиліи неизвѣстны), Яковъ Альтшулеръ, прикащикъ Коганъ и еще трое по Роменскому дѣлу.

Бѣжали: 1) по пути слѣдованія въ Якутск. область А. Г. Шепетевъ (былъ сосланъ на пять лѣтъ по дѣлу Севастопольской пропаганды); 2) Павелъ Каландадзе, интеллигентъ, сосланный въ Астраханскую губ. по дѣлу крестьянскаго движенія въ Озургетскомъ уѣздѣ, (прибылъ заграницу).

Н. Шацъ. Подло убитый въ Нохтуйской битвѣ тов. Нафт. Шацъ принадлежалъ къ числу беззавѣтно преданныхъ соціальдемократіи рабочихъ. Въ началѣ 1901 года, скрываясь отъ преслѣдованія по дѣламъ „Бунда“, онъ столкнулся съ „искровцами“ и былъ ими приглашенъ принять участіе, въ качествѣ профессіональнаго наборщика, въ открывавшей свои дѣйствія типогр. „Искры“, организованной Леономъ Гольдманомъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы въ этой типографіи, Шацъ отправился въ Вильну, чтобы перемѣнить родъ занятій въ той же организаціи „Искры“, но во время лѣтняго провала въ Вильнѣ (1901 г.) былъ случайно арестованъ и отправленъ въ Московскую тюрьму, гдѣ пробылъ полтора года. Освобожденный на поруки, онъ вскорѣ скрылся, чтобъ взяться за работу въ транспортной организаціи Орган. Ком., но въ срединѣ 1903 года отъ того же О. К. получилъ порученіе отправиться въ Сибирь для освобожденія изъ тюрьмы или съ дороги товарища, ссылавшагося въ Якутскую область. Новая неудача. По пріѣздѣ въ Красноярскъ, Шацъ былъ схваченъ во время большихъ арестовъ и заключенъ въ тюрьму въ качествѣ „бродяги“, пока не открылъ своего имени. По старымъ дѣламъ на немъ тяготѣлъ „приговоръ“ — 4 года ссылки, и Шацъ отправился на Востокъ съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать возможно скорѣе и возобновить свою революціонную работу. Солдатская пуля положила конецъ этой молодой жизни, и изъ нашихъ рядовъ вырванъ одинъ изъ тѣхъ пролетаріевъ, въ которыхъ истинная сила нашей партіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: „Долгъ отъ Зои“ — 15 руб.; изъ Ростова: Б. Б 3 руб., М. Б. — 3 руб., а³ — 15 руб..

Въ редакцію поступили изъ Россіи изданія: 1) Arbeiterstimme № 37, 2) прокламація Главн. Управленія Соц.-Дем. Польши и Литвы по поводу военнаго суда въ Варшавѣ, 3) листокъ Минскаго Комитета „Бунда“ — отвѣтъ на воззваніе Сѣв.-Зап. Ком. Партіи, 4) „Къ Воронежск. обществу“ — отъ мѣстнаго „Красн. Креста“.

Баку. Товарищу „Дѣдушкѣ-скорпіону“ довѣряйте.

Отъ редакціи. Обиліе текущаго матеріала побуждаетъ насъ перенести на слѣдующій № приложеніе (отдѣлъ „Изъ партіи“).

Отчетъ кассы Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ съ 13 мая по 13 іюля 1904 г.

Въ грузинскую кассу поступило: Изъ Л. — 53 фр. 60 с., изъ П. — 17 фр. 40 с. Итого 71 фр.

Въ армянскую кассу поступило: Отъ № 1 — 80 фр., изъ Д. за армянскую литературу — 5 фр. изъ Л. — 24 фр., отъ дѣвицы К. — 70 фр. Итого 179 фр.

Въ общую кассу по подписнымъ листамъ — 3 фр. 50 с.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ:
V. OULIANOFF, 3, RUE DE LA COLLINE (rue de Carouge, près Pont-Neuf). GENEVE (Suisse).

Адресъ для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи“:
Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).
(Просятъ обозначать: „для редакціи“ или „для Лиги“).

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 72. 25-го августа 1904 г. Годъ IV.

Центральный Комитетъ

БЫТЬ ЛИ СОЦІАЛИЗМУ НАЦІОНАЛЬНЫМЪ?

На конгрессѣ въ Амстердамѣ впервые былъ представленъ соціализмъ *всѣхъ частей свѣта*. И на этомъ же конгрессѣ была сдѣлана попытка *противопоставить* соціализмъ одной части міра соціализму другой, раздѣлить членовъ соціалистической семьи на „активныхъ“ и „пассивныхъ гражданъ“, какъ выразились въ своемъ протестѣ тт. Р. Люксембургъ, Плехановъ, Раковскій, Иглезіасъ и Катаяма.

Если бы не упоминаніе объ Испаніи, которую бельгійскій делегатъ, тов. Анзееле, поставилъ рядомъ съ Россіей, Польшей, балканскими странами и Японіей, то передъ нами въ его рѣчи имѣлось бы традиціонное противопоставленіе *Запада Востоку*, въ примѣненіи къ соціалистическому пролетаріату.

Вотъ что сказалъ Анзееле, оспаривая принятую послѣ того конгрессомъ такъ называемую „дрезденскую“ резолюцію о тактикѣ:

„Соціалистамъ Россіи, Болгаріи, Испаніи, Польши и Японіи легко отказываться отъ правительственной отвѣтственности. Пройдутъ, безъ сомнѣнія, долгіе годы, пока имъ ее предложатъ. О, еслибъ я былъ представителемъ одной изъ этихъ странъ, я бы воздержался въ этомъ вопросѣ и остерегался бы осуждать такую соціалистическую тактику, практиковать которую въ своей собственной странѣ я не имѣю силы“.

Яснѣе нельзя выразиться... если оставаться соціалистомъ. Будучи открытымъ *буржуа*, можно позволить себѣ додумать до конца заключающуюся въ этихъ словахъ идею. Это и дѣлаютъ нѣкоторыя буржуазныя газеты, съ скрежетомъ зубовнымъ комментирующія разгромъ „жоресизма“ на международномъ конгрессѣ. Не только демократическія газеты, но и оффиціозъ гр. Бюлова („Norddeutche allgemeine Zeitung“) старается представить соціалистическую „непримиримость“ такъ называемыхъ „ортодоксовъ“ прямымъ слѣдствіемъ того, что въ извѣстныхъ странахъ соціалистамъ не приходится и мечтать о томъ кусочкѣ общественнаго пирога, который въ другихъ государствахъ правящая буржуазія готова предложить Милльеранамъ. Зеленъ виноградъ... въ этомъ вся разгадка непримиримости „восточныхъ“ ортодоксовъ, и немудрено, что буржуазная пресса негодуетъ, подобно Анзееле, на всѣхъ этихъ поляковъ, русскихъ и японцевъ, которые дерзаютъ принимать участіе въ выработкѣ *обязательныхъ для всей соціальдемократіи* принциповъ тактики(1). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, остроумное объясненіе, даваемое буржуазно-реакціонной и буржуазно-либеральной прессой, совпадетъ съ объясненіями гг. анархистовъ.

Какъ видите, „новый методъ“ провозглашаетъ себя точнымъ выраженіемъ интересовъ пролетаріата цивилизованныхъ и политически-свободныхъ странъ, а своего антагониста, — „ортодоксальный“ марксизмъ, — объявляетъ законнымъ дѣтищемъ политическаго варварства и соотвѣтствующей ему незрѣлости и слабости рабочаго класса тѣхъ странъ, которыя далеки отъ демократическаго строя. И во имя высшей политической культуры соціалистъ „новаго метода“ протестуетъ противъ своего подавленія варварами-соціалистами Японіи, Россіи, Польши и Германіи.

Да, и Германіи! Анзееле не рѣшился упомянуть о ней. Но лидеръ „правой“ стороны конгресса, Жоресъ, всю свою рѣчь въ защиту „новаго метода“ построилъ на противопоставленіи соціализма свободныхъ демократій соціализму германской рабочей партіи, на тактикѣ которой, по его мнѣнію, тяготѣетъ отсталость германской имперіи. „Гдѣ, спрашивалъ Жоресъ нѣмецкихъ товарищей, гдѣ ваша резолюція встрѣтила наибольшее сопротивленіе? Во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, въ части Франціи, въ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и, кажется, также въ Англіи; иначе говоря, чѣмъ болѣе свободна, чѣмъ болѣе демократична страна, чѣмъ болѣе въ ней пролетаріатъ активно участвуетъ въ парламентской жизни, тѣмъ болѣе онъ уязвленъ вашей резолюціей, которая нанесетъ ударъ развитію всемірной политической свободы, а, слѣдовательно, и развитію международнаго соціализма“.

Варварскій, не знающій демократическихъ учрежденій Востокъ грозитъ своими голосами на международныхъ конгрессахъ задавить стремленія передовыхъ рабочихъ партій къ реализаціи пріобрѣтеннаго ими въ своихъ странахъ политическаго вліянія. И во главѣ этого варварскаго Востока стоитъ германская соціальдемократія, безсильная со своими тремя милліонами голосовъ играть роль политическаго фактора въ жизни страны и „маскирующая свое безсиліе въ дѣйствіи бѣгствомъ подъ сѣнь непримиримыхъ теоретическихъ формулъ“ (изъ рѣчи Жореса на послѣднемъ засѣданіи конгресса).

Жоресисты, какъ и ихъ друзья, — буржуазные радикалы, — до глубины души возмущены этимъ давленіемъ варварскаго японо-славяно-германскаго Востока. Партіи, которыя влачатъ фиктивное существованіе до тѣхъ поръ, пока ихъ терпитъ какой-нибудь монархъ, — эти партіи, восклицаетъ Жеро-Ришаръ, хотятъ помѣшать французской партіи пожинать плоды ея побѣдъ! И каждый изъ протестующихъ противъ этого давленія, считаетъ своимъ долгомъ особенно возмутиться той ролью, которую въ голосованіи дрезденской резолюціи сыграли два голоса *японской* делегаціи. Недаромъ этотъ неподражаемый Жеро-Ришаръ въ началѣ нынѣшней войны говорилъ — вслѣдъ за царскимъ правительствомъ и его французскими рептиліями — объ „японскомъ вѣроломствѣ“! И мы не теряемъ надежды дождаться того момента, когда изъ рядовъ Комбовскаго „желтаго соціализма“ раздадутся крики о новой „желтой опасности“... Попытки раздѣлить всемірный соціализмъ на два лагеря, отдѣленныхъ географической или этнографической чертой, являются чѣмъ-то новымъ для „новаго Интернаціонала“. Но такія попытки дѣлались прежде, въ эпоху стараго Интернаціонала, и французскій соціализмъ, съ его специфическими свойствами тогда тоже противопоставлялъ себя соціализму германскому. Но, — иронія судьбы! — мы, славяне, тогда фигурировали рядомъ съ „крайнимъ западомъ“ европейскаго континента — съ романскими и фламандскими странами. Романо-славянскій „коллективизмъ“ и анархизмъ Прудона и Бакунина противопоставлялъ себя „германо-еврейскому“ „государственному“ или парламентскому соціализму Лассаля и Маркса. Какъ теперь, такъ и тогда, этотъ послѣдній соціализмъ выводился изъ порабощающаго личность государственнаго строя Германіи и вытекающей отсюда нереволюціонности германскаго пролетаріата. Славяне признавались тогда естественными союзниками романскихъ народовъ, въ силу отличавшаго ихъ суверепнаго презрѣнія къ государственнымъ формамъ. И когда на конгрессахъ Интернаціонала постепенно складывалась „марксистская“ тактика всемірно-пролетарскаго движенія, побѣжденные представители „романо-славянскаго“ начала порою не менѣе шовинистически нападали на „нѣмецкое владычество“, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшніе представители „свободнаго Запада“. Объ этомъ кое-что могъ бы разсказать, по личнымъ воспоминаніямъ, Гюставъ Руане, — нынѣшній соратникъ Жореса, прежній (въ началѣ 80 гг.) сподвижникъ Поля Брусса въ ту пору, когда этотъ послѣдній перескочилъ, — по естественнымъ законамъ историческаго движенія, — изъ „кроваваго“ анархизма въ реформистскій „поссибилизмъ“. Въ тогдашней борьбѣ эпигоновъ „романскаго“ соціализма противъ соціализма „нѣмецкаго“, Гэдъ, Лафаргъ и др. марксисты открыто честились агентами пангерманизма.

Далеко не случайнымъ является тотъ фактъ, что специфическій „романскій“ соціализмъ изъ анархистски-революціоннаго сталъ оппортюнистически министерскимъ. Въ этой эволюціи нетронутой осталась его классовая, мелкобуржуазная природа, и за смѣной политическихъ настроеній, обусловившихъ переходъ „революціонизма“ въ его прямую противоположность, можно усмотрѣть неизмѣнно-устойчивый психологическій моментъ — стремленіе *обмануть историческій процессъ*, стать внѣ его и надъ нимъ, и сложныя противорѣчія, имъ порождаемыя, обойти болѣе или менѣе авантюристской тактикой. Гораздо болѣе поучительно, что тѣ самые славяне, которые 30 лѣтъ назадъ оказывались въ духовномъ родствѣ съ соціализмомъ романскимъ, нынѣ отдѣлились отъ эпигоновъ *этого* соціализма и ими сопричислены къ лику адептовъ нѣмецкаго „доктринерства“. И это вполнѣ понятно. Новѣйшая эволюція европейской буржуазіи привела пасующихъ передъ стихійнымъ историческимъ процессомъ оппортюнистовъ къ практикѣ „новаго метода“ — метода примиренія съ буржуазнымъ обществомъ; эта же эволюція отразилась на вновь вовлеченныхъ въ сферу дѣйствія капитализма странахъ крайнимъ суженіемъ и скудостью политическихъ результатовъ того прогрессивнаго процесса, который преобразовалъ ихъ экономическія и соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ. Въ чемъ заключалась эта новѣйшая эволюція европейской буржуазіи? Въ постепеной утратѣ всѣхъ чертъ прогрессивнаго общественнаго класса, въ постепенномъ отступленіи отъ всѣхъ демократическихъ позицій, нѣкогда занятыхъ ею какъ боевымъ классомъ, который — въ процессѣ своей эмансипаціи — отвоевалъ для человѣчества кое-какія блага культуры и свободы. Когда же это попятное движеніе дошло до своего апогея, когда дальше вправо идти было некуда, если не жертвовать основными насущными интересами всего буржуазнаго строя, то въ правящихъ классахъ сталъ наблюдаться обратный процессъ — стремленіе отдѣльныхъ его слоевъ внести нѣкоторыя необходимыя поправки въ неминуемую, по существу, ликвидацію буржуазнаго прогресса, взять назадъ кое что изъ того, что въ паническомъ бѣгствѣ передъ „краснымъ призракомъ“ было брошено въ жертву темнымъ силамъ феодальной, монархической и клерикальной реакціи. Этотъ новый поворотъ „передовой“ части буржуазіи является тѣмъ коренными фактомъ политической исторіи послѣднихъ лѣтъ, который положенъ въ основу „новаго метода“ соціалистической тактики во Франціи, Италіи, Бельгіи. Толкуютъ о „возрожденіи буржуазной демократіи“. Но если присмотрѣться внимательно къ этому „возрожденію“, не трудно убѣдиться, что объективная цѣль, которая поставлена передъ этимъ частнымъ историческимъ процессомъ, гораздо ограниченнѣе и уже той, которую эта демократія себѣ ставила въ 40-хъ и 60-хъ годахъ. То, что въ Бельвильской программѣ Гамбетты было общимъ достояніемъ всего буржуазнаго республиканизма, то теперь, да и то не въ полной мѣрѣ, можетъ быть усвоено только крайней лѣвой „республиканской демократіи“ и требуетъ отъ нея предварительнаго героическаго переименованія въ „радикально-*соціалистическую* партію“. То, что въ концѣ 60-хъ годовъ могъ вмѣстить архи умѣренный Жюль Симонъ (народная милиція), нынѣ составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши, для всѣхъ почти буржуазныхъ радикаловъ. Ибо частный прогрессъ передвиженія *влѣво* небольшого слоя правящей буржуазіи совершается на базисѣ и въ тѣсной связи, какъ отраженный его результатъ, съ основнымъ, неизбѣжнымъ и неотвратимымъ процессомъ передвиженія *вправо* всего буржуазнаго общества въ цѣломъ. Не злая воля Криспи и Мелиновъ опредѣляетъ собою этотъ процессъ; онъ составляетъ оборотную сторону развитія классоваго движенія пролетаріата и, подобно послѣднему, неотвратимъ никакими заклинаніями, никакой ловкой тактикой. И на основѣ этого общаго процесса неуклоннаго *реакціонизированія* буржуазіи, только преходящее и бѣдное всемірно-историческими результатами значеніе могутъ имѣть частныя явленія „возрожденія демократіи“ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого класса. Мы, люди европейскаго Востока, слишкомъ наглядно это видимъ на каждомъ шагу. „Возрожденіе“ буржуазной демократіи нисколько не ослабляетъ того реакціоннаго давленія, которое вполнѣ сложившіяся буржуазныя общества оказываютъ на „новыя“ страны, страны, недавно примкнувшія къ капиталистическому міру. Буржуазія передовыхъ странъ уже не вноситъ въ міровой оборотъ никакихъ прогрессивныхъ идей; напротивъ того, она является активнымъ пособникомъ всякой реакціи на „Востокѣ“, и ея деньгами, ея реакціоннымъ идейнымъ вліяніемъ, ея не менѣе реакціонной внѣшней политикой держится у насъ отжившій и осужденный исторіей азіатскій режимъ. И въ этомъ фактѣ главное „оправданіе“ нашего активнаго вмѣшательства въ вопросы тактики интернаціональнаго пролетарскаго движенія. Если европейская буржуазія въ цѣломъ является *у насъ* оплотомъ до-буржуазной реакціи, мы *должны* имѣть право привлечь, въ качествѣ союзника въ борьбѣ съ этой реакціей, пролетаріатъ передовыхъ странъ, — истиннаго наслѣдника преданной буржуазіей европейской культуры. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не можемъ, слѣдовательно, свою „національную“ революцію связать съ революціей всемірнаго пролетаріата, если послѣдній притупляетъ свой революціонный антагонизмъ къ буржуазному обществу, если за тѣ или другія крохи „соціальной реформы“, если во имя обманчиваго призрака „возрожденія демократіи“, онъ принимаетъ на себя *долю отвѣтственности за направленіе государственной политики правящей буржазіи*, политики, которая, въ общемъ и цѣломъ, есть и не можетъ не быть политикой милитаризма и имперіализма, политикой духовной и соціальной реакціи, политикой колоніальнаго грабежа и полицейскаго разврата, политикой, виновной въ продолженіи вѣкового гнета надъ Польшей, евреями, балканскими славянами и армянами и вновь и вновь порождающей новыя циничныя формы племенного и національнаго угнетенія. Если, тамъ или здѣсь, пролетаріатъ беретъ на себя отвѣтственность за общее направленіе этой политики, онъ, тѣмъ самымъ, наноситъ непоправимый ударъ *нашей* пропагандѣ — пропагандѣ соціалистовъ въ странахъ, гдѣ предстоитъ еще завоевать тотъ самый демократическій режимъ, на основѣ котораго стало возможнымъ это „сотрудничество классовъ“. Становясь изъ нашихъ классовыхъ союзниковъ союзниками и пособниками *одного изъ нашихъ классовыхъ враговъ* (ибо, напримѣръ, французская буржуазія въ настоящій моментъ является непосредственнымъ, — въ качествѣ союзника царизма, — врагомъ пролетаріевъ Россіи), соціалисты демократическихъ странъ подрываютъ въ корнѣ нашу революціонно-соціалистическую работу, дискредитируя въ глазахъ нашего пролетаріата идею соціализма и тѣмъ содѣйствуя развитію у насъ своего „національнаго“ революціоннаго движенія, которое, уже въ силу своей національной ограниченности, не можетъ не быть окрашено цвѣтомъ мелко-буржуазной идеологіи. Чтобы въ условіяхъ отсталаго политическаго строя мы, соціалисты „Востока“, могли дѣлать свое дѣло организаціи рабочаго класса, — а внѣ этого дѣла теперь уже невозможна борьба за свободу, — мы должны имѣть на своей сторонѣ всю идеологическую силу революціоннаго соціализма, силу, которая сводится на нѣтъ всякимъ покушеніемъ на основной принципъ пролетарскаго движенія, — его интернаціонализмъ. И если поглощенные борьбой за частныя демократическія реформы западно-европейскіе товарищи еще не забыли, какую всемірно прогрессивную роль сыграетъ нашъ успѣхъ въ дѣлѣ политическаго пріобщенія Востока къ буржуазно-свободному міру, если для нихъ ясна важность дилеммы — „быть ли Европѣ *республиканской* или *казацкой*?“, то они должны признать наше право „принимать къ сердцу“ судьбы пролетарскаго движенія въ тѣхъ передовыхъ странахъ, гдѣ начавшееся или обѣщающее начаться „возрожденіе буржуазной демократіи“ не затронуло и не собирается затронуть общихъ основъ современной политики „передовой“ буржуазіи, — политики укрѣпленія и сохраненія на Востокѣ всѣхъ тѣхъ учрежденій и отношеній, которыя на Западѣ были сметены революціей 18 вѣка.

„Возрожденіе демократіи“ во Франціи не сдѣлало ни этой страны, ни находящихся подъ ея вліяніемъ странъ болѣе гостепріимными для революціонеровъ Россіи и Польши, не стѣснило „свободы дѣйствій“ русской полиціи въ Парижѣ, не сдѣлало вліятельную французскую прессу менѣе циничной въ игнорированіи преступленій русскаго царизма по отношенію къ армянамъ, финляндцамъ, полякамъ, евреямъ и по отношенію къ русскому пролетаріату. То обстоятельство, что Жоресъ является лидеромъ министерской партіи и что бельгійскіе либералы примирились уже съ мыслью о такой же въ близкомъ будущемъ роли для кое кого изъ бельгійскихъ соціалистовъ, нисколько не отражается на вѣсѣ той массы золота, которая черезъ парижскую и брюссельскую биржу льется въ бездонную бочку царскаго казнохранилища.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если соціалистическія партіи тѣхъ націй, пролетаріату которыхъ приходится добывать себѣ элементарную политическую свободу при условіяхъ, созданныхъ міровой реакціей въ буржуазномъ обществѣ, — если эти партіи группируются около, такъ называемаго, „нѣмецкаго“ соціализма, соціализма непримиримой классовой борьбы и революціоннаго единства пролетаріевъ всего міра. Этотъ фактъ имѣетъ громадное историческое значеніе, и если интернаціональная общность пролетарскаго дѣла не превратилась въ звукъ пустой, то съ этимъ фактомъ придется считаться, какъ съ важной поправкой къ „возрожденію демократіи“, тѣмъ соціалистамъ „свободныхъ“ странъ, которые практикуютъ „новый методъ“. Придется считаться, чтобы разрѣшить дилемму: съ „возрождающейся“ буржуазіей *противъ* всемірнаго пролетаріата или съ всемірнымъ пролетаріатомъ противъ единой и, въ единствѣ своемъ, антиреволюціонной буржуазіи?

Не слѣпое, слѣдовательно, доктринерство, а реальный интересъ реальнаго движенія вынуждаетъ насъ огорчать тов. Анзееле нашими вотами въ духѣ „нѣмецкой“ ортодоксіи. Пять лѣтъ тому назадъ, когда только начиналась современная борьба этой ортодоксіи съ ревизіонизмомъ, намъ, русскимъ соціальдемократамъ, особенно понятны были слова, сказанныя тѣмъ, для кого нынѣ Амстердамское пораженіе жоресизма является заслуженнымъ увѣнчаніемъ пятилѣтней трудной борьбы. На Парижскомъ „объединительномъ“ конгрессѣ *Жюль Гэдъ* сказалъ: „Еще болѣе пагубной является министеріалистская политика съ точки зрѣнія интернаціональной. Въ наши дни почти не приходится говорить о континентальныхъ войнахъ... Можно сказать, что эра крупныхъ европейскихъ войнъ уже закончена; но не исчезли другія войны, которыя возникаютъ и будутъ вспыхивать каждый день. Это — коммерческія или колоніальныя войны, это — войны изъ за рынковъ, войны, имѣющія цѣлью навязать товары желтокожимъ на крайнемъ Востокѣ или чернокожимъ въ центрѣ Африки. Съ этой именно стороны намъ грозитъ непрерывная война, и эта война будетъ капиталистической по преимуществу, войной изъ за прибыли между капиталистами всѣхъ странъ, отбивающими другъ отъ друга, цѣною нашихъ денегъ и нашей крови, всемірный рынокъ. И вотъ, представляете ли вы себѣ, что въ правительствѣ каждаго изъ европейскихъ государствъ засѣдаетъ по соціалисту, который и принимаетъ участіе въ такого рода человѣкоубійствѣ въ цѣляхъ грабежа? Представляете ли вы себѣ англійскаго, италіанскаго, нѣмецкаго Миллерана, рядомъ съ французскимъ, и всѣхъ ихъ увлекающими пролетаріатъ въ междуусобную войну въ интересахъ разбоя? *Въ день, когда миллеранизмъ станетъ общимъ явленіемъ, придется сказать: прощай! всякому интернаціонализму и стать націоналистами*“.

Миллерандизмъ въ его чистомъ видѣ не распространился за предѣлы Франціи за время, прошедшее послѣ того, какъ были сказаны эти вѣщія слова; но тѣмъ болѣе распространился „жорессизмъ“ — это, по выраженію Адлера — „анонимное“ участіе всей соціалистической партіи въ политикѣ буржуазнаго министерства, участіе, дѣлающее партію не менѣе солидарной съ этимъ министерствомъ, чѣмъ это было при прямомъ вступленіи ея члена въ кабинетъ. А, между тѣмъ, насталъ моментъ, когда пророчески нарисованная Гэдомъ картина можетъ стать реальностью каждый день. Русско-японская война легко и неудержимо можетъ втянуть въ себя одну или нѣсколько „цивилизованныхъ“ державъ. На волоскѣ дипломатической мудрости держится въ настоящую минуту европейскій миръ.

Что сталось бы съ соціализмомъ, если бы въ одной изъ странъ, фатально втянутыхъ въ міровой конфликтъ, рабочая партія оказалась бы въ политическомъ плѣну у правящаго класса и ея оппорунистическіе вожди, въ силу этого своего плѣненія, должны были бы пассивно или активно поддерживать военную кампанію своего правительства? Этотъ вопросъ долженъ былъ бы встать передъ французскими оппортунистами, когда

---

(1) Надо сдѣлать оговорку: о пораженіи жоресизма скорбитъ только та часть буржуазіи, которая вступаетъ или готова вступить съ сдѣлку съ „правительственными соціалистами“ относительно дѣлежа государственной власти. Наоборотъ, тѣ ея фракціи, которыя оказываются обдѣленными при этой операціи (какъ, напр., французскіе націоналисты и группа эксъ-радикаловъ, къ которой присталъ теперь, кстати сказать, Миллеранъ), эти фракціи выражаютъ величайшее удовольствіе по поводу пораженія Жореса и не находятъ словъ для возвеличенія нравственной красоты непримиримыхъ революціонеровъ — Гэда и Бебеля. Органъ упомянутой группы радикаловъ (Rappel) даже говоритъ по этому поводу, что „ревизіонизмъ надѣлалъ уже не мало зла“ — читай: зла группамъ тѣхъ политикановъ, которыхъ онъ вытѣснилъ изъ сферы вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, замѣнивъ своими собственными вождями.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 72. 25-го августа 1904 г. Годъ IV.

Центральный
Комитетъ
Рабочей
Партіи

БЫТЬ ЛИ СОЦІАЛИЗМУ НАЦІОНАЛЬНЫМЪ?

На конгрессѣ въ Амстердамѣ впервые былъ представленъ соціализмъ *всѣхъ частей свѣта*. И на этомъ же конгрессѣ была сдѣлана попытка *противопоставить* соціализмъ одной части міра соціализму другой, раздѣлить членовъ соціалистической семьи на „активныхъ“ и „пассивныхъ гражданъ“, какъ выразились въ своемъ протестѣ тт. Р. Люксембургъ, Плехановъ, Раковскій, Иглезіасъ и Катаяма.

Если бы не упоминаніе объ Испаніи, которую бельгійскій делегатъ, тов. Анзееле, поставилъ рядомъ съ Россіей, Польшей, балканскими странами и Японіей, то передъ нами въ его рѣчи имѣлось бы традиціонное противопоставленіе *Запада Востоку*, въ примѣненіи къ соціалистическому пролетаріату.

Вотъ что сказалъ Анзееле, оспаривая принятую послѣ того конгрессомъ такъ называемую „дрезденскую“ резолюцію о тактикѣ:

„Соціалистамъ Россіи, Болгаріи, Испаніи, Польши и Японіи легко отказываться отъ правительственной отвѣтственности. Пройдутъ, безъ сомнѣнія, долгіе годы, пока имъ ее предложатъ. О, еслибъ я былъ представителемъ одной изъ этихъ странъ, я бы воздержался въ этомъ вопросѣ и остерегался бы осуждать такую соціалистическую тактику, практиковать которую въ своей собственной странѣ я не имѣю силы“.

Яснѣе нельзя выразиться... если оставаться соціалистомъ. Будучи открытымъ *буржуа*, можно позволить себѣ додумать до конца заключающуюся въ этихъ словахъ идею. Это и дѣлаютъ нѣкоторыя буржуазныя газеты, съ скрежетомъ зубовнымъ коментирующія разгромъ „жоресизма“ на международномъ конгрессѣ. Не только демократическія газеты, но и оффиціозъ гр. Бюлова („Norddeutche allgemeine Zeitung“) старается представить соціалистическую „непримиримость“ такъ называемыхъ „ортодоксовъ“ прямымъ слѣдствіемъ того, что въ извѣстныхъ странахъ соціалистамъ не приходится и мечтать о томъ кусочкѣ общественнаго пирога, который въ другихъ государствахъ правящая буржуазія готова предложить Мильеранамъ. Зеленъ виноградъ... въ этомъ вся разгадка непримиримости „восточныхъ“ ортодоксовъ, и немудрено, что буржуазная пресса негодуетъ, подобно Анзееле, на всѣхъ этихъ поляковъ, русскихъ и японцевъ, которые дерзаютъ принимать участіе въ выработкѣ *обязательныхъ для всей соціальдемократіи* принциповъ тактики[1]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, остроумное объясненіе, даваемое буржуазно-реакціонной и буржуазно-либеральной прессой, совпадетъ съ объясненіями гг. анархистовъ.

Какъ видите, „новый методъ“ провозглашаетъ себя точнымъ выраженіемъ интересовъ пролетаріата цивилизованныхъ и политически-свободныхъ странъ, а своего антагониста, — „ортодоксальный“ марксизмъ, — объявляетъ законнымъ дѣтищемъ политическаго варварства и соотвѣтствующей ему незрѣлости и слабости рабочаго класса тѣхъ странъ, которыя далеки отъ демократическаго строя. И во имя высшей политической культуры соціалистъ „новаго метода“ протестуетъ противъ своего подавленія варварами-соціалистами Японіи, Россіи, Польши и Германіи.

Да, и Германіи! Анзееле не рѣшился упомянуть о ней. Но лидеръ „правой“ стороны конгресса, Жоресъ, всю свою рѣчь въ защиту „новаго метода“ построилъ на противопоставленіи соціализма свободныхъ демократій соціализму германской рабочей партіи, на тактикѣ которой, по его мнѣнію, тяготѣетъ отсталость германской имперіи. „Гдѣ, спрашивалъ Жоресъ нѣмецкихъ товарищей, гдѣ ваша резолюція встрѣтила наибольшее сопротивленіе? Во Франціи, или, по крайней мѣрѣ, въ части Франціи въ Голландіи, Бельгіи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи и, кажется, также въ Англіи; иначе говоря, чѣмъ болѣе свободна, чѣмъ болѣе демократична страна, чѣмъ болѣе въ ней пролетаріатъ активно участвуетъ въ парламентской жизни, тѣмъ болѣе онъ уязвленъ вашей резолюціей, которая нанесетъ ударъ развитію всемірной политической свободы, а, слѣдовательно, и развитію международнаго соціализма“.

Варварскій, не знающій демократическихъ учрежденій Востокъ грозитъ своими голосами на международныхъ конгрессахъ задавить стремленія передовыхъ рабочихъ партій къ реализаціи пріобрѣтеннаго ими въ своихъ странахъ политическаго вліянія. И во главѣ этого варварскаго Востока стоитъ германская соціальдемократія, безсильная со своими тремя милліонами голосовъ играть роль политическаго фактора въ жизни страны и „маскирующая свое безсиліе въ дѣйствіи бѣгствомъ подъ сѣнь непримиримыхъ теоретическихъ формулъ“ изъ рѣчи Жореса на послѣднемъ засѣданіи конгресса.

Жоресисты, какъ и ихъ друзья, — буржуазные радикалы, — до глубины души возмущены этимъ давленіемъ варварскаго японо-славяно-германскаго Востока. Партіи, которыя влачатъ фиктивное существованіе до тѣхъ поръ, пока ихъ терпитъ какой-нибудь монархъ, — эти партіи, восклицаетъ Жеро-Ришаръ, хотятъ помѣшать французской партіи пожинать плоды ея побѣдъ! И каждый изъ протестующихъ противъ этого давленія, считаетъ своимъ долгомъ особенно возмутиться той ролью, которую въ голосованіи дрезденской резолюціи сыграли два голоса *японской* делегаціи. Недаромъ этотъ неподражаемый Жеро-Ришаръ въ началѣ нынѣшней войны говорилъ — вслѣдъ за царскимъ правительствомъ и его французскими рептиліями — объ „японскомъ вѣроломствѣ“! И мы не теряемъ надежды дождаться того момента, когда изъ рядовъ Комбовскаго „желтаго соціализма“ раздадутся крики о новой „желтой опасности“... Попытки раздѣлить всемірный соціализмъ на два лагеря, отдѣленныхъ географической или этнографической чертой, являются чѣмъ-то новымъ для „новаго Интернаціонала“. Но такія попытки дѣлались прежде, въ эпоху стараго Интернаціонала, и французскій соціализмъ, съ его специфическими свойствами тогда тоже противопоставлялъ себя соціализму германскому. Но, — иронія судьбы! — мы, славяне, тогда фигурировали рядомъ съ „крайнимъ западомъ“ европейскаго континента — съ романскими и фламандскими странами. Романо-славянскій „коллективизмъ“ и анархизмъ Прудона и Бакунина противопоставлялъ себя „германо-еврейскому“ „государственному“ или парламентскому соціализму Лассаля и Маркса. Какъ теперь, такъ и тогда, этотъ послѣдній соціализмъ выводился изъ порабощающаго личность государственнаго строя Германіи и вытекающей отсюда нереволюціонности германскаго пролетаріата. Славяне признавались тогда естественными союзниками романскихъ народовъ, въ силу отличавшаго ихъ суверениаго презрѣнія къ государственнымъ формамъ. И когда на конгрессахъ Интернаціонала постепенно складывалась „марксистская“ тактика всемірно-пролетарскаго движенія, побѣжденные представители „романо-славянскаго“ начала порою не менѣе шовинистически нападали на „нѣмецкое владычество“, чѣмъ это дѣлаютъ нынѣшніе представители „свободнаго Запада“. Объ этомъ кое-что могъ бы разсказать, по личнымъ воспоминаніямъ, Гюставъ Руане, — нынѣшній соратникъ Жореса, прежній (въ началѣ 80 гг.) сподвижникъ Поля Брусса въ ту пору, когда этотъ послѣдній перескочилъ, — по естественнымъ законамъ историческаго движенія, — изъ „кроваваго“ анархизма въ реформистскій „поссибилизмъ“. Въ тогдашней борьбѣ эпигоновъ „романскаго“ соціализма противъ соціализма „нѣмецкаго“, Гэдъ, Лафаргъ и др. марксисты открыто честились агентами пангерманизма.

Далеко не случайнымъ является тотъ фактъ, что специфическій „романскій“ соціализмъ изъ анархистски-революціоннаго сталъ оппортюнистически министерскимъ. Въ этой эволюціи нетронутой осталась его классовая, мелкобуржуазная природа, и за смѣной политическихъ настроеній, обусловившихъ переходъ „революціонизма“ въ его прямую противоположность, можно усмотрѣть неизмѣнно-устойчивый психологическій моментъ — стремленіе *обмануть историческій процессъ*, стать внѣ его и надъ нимъ, и сложныя противорѣчія, имъ порождаемыя, обойти болѣе или менѣе авантюристской тактикой. Гораздо болѣе поучительно, что тѣ самые славяне, которые 30 лѣтъ назадъ оказывались въ духовномъ родствѣ съ соціализмомъ романскимъ, нынѣ отдѣлились отъ эпигоновъ *этого* соціализма и ими сопричислены къ лику адептовъ нѣмецкаго „доктринерства“. И это вполнѣ понятно. Новѣйшая эволюція европейской буржуазіи привела пасующихъ передъ стихійнымъ историческимъ процессомъ оппортюнистовъ къ практикѣ „новаго метода“ — метода примиренія съ буржуазнымъ обществомъ; эта же эволюція отразилась на вновь вовлеченныхъ въ сферу дѣйствія капитализма странахъ крайнимъ суженіемъ и скудостью политическихъ результатовъ того прогрессивнаго процесса, который преобразовалъ ихъ экономическія и соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ. Въ чемъ заключалась эта новѣйшая эволюція европейской буржуазіи? Въ постепенной утратѣ всѣхъ чертъ прогрессивнаго общественнаго класса, въ постепенномъ отступленіи отъ всѣхъ демократическихъ позицій, нѣкогда занятыхъ ею какъ боевымъ классомъ, который — въ процессѣ своей эмансипаціи — отвоевалъ для человѣчества кое-какія блага культуры и свободы. Когда же это понятное движеніе дошло до своего апогея, когда дальше вправо идти было некуда, если не жертвовать основными насущными интересами всего буржуазнаго строя, то въ правящихъ классахъ сталъ наблюдаться обратный процессъ — стремленіе отдѣльныхъ его слоевъ внести нѣкоторыя необходимыя поправки въ неминуемую, по существу, ликвидацію буржуазнаго прогресса, взять назадъ кое что изъ того, что въ паническомъ бѣгствѣ передъ „краснымъ призракомъ“ было брошено въ жертву темнымъ силамъ феодальной, монархической и клерикальной реакціи. Этотъ новый поворотъ „передовой“ части буржуазіи является тѣмъ кореннымъ фактомъ политической исторіи послѣднихъ лѣтъ, который положенъ въ основу „новаго метода“ соціалистической тактики во Франціи, Италіи, Бельгіи. Толкуютъ о „возрожденіи буржуазной демократіи“. Но если присмотрѣться внимательно къ этому „возрожденію“, не трудно убѣдиться, что объективная цѣль, которая поставлена передъ этимъ частнымъ историческимъ процессомъ, гораздо ограниченнѣе и уже той, которую эта демократія себѣ ставила въ 40-хъ и 60-хъ годахъ. То, что въ Бельвильской программѣ Гамбетты было общимъ достояніемъ всего буржуазнаго республиканизма, то теперь, да и то не въ полной мѣрѣ, можетъ быть усвоено только крайней лѣвой „республиканской демократіи“ и требуетъ отъ нея предварительнаго героическаго переименованія въ „радикально-*соціалистическую* партію“. То, что въ концѣ 60-хъ годовъ могъ вмѣстить архи-умѣренный Жюль Симонъ (народная милиція), нынѣ составляетъ предѣлъ, его же не прейдеши, для всѣхъ почти буржуазныхъ радикаловъ. Ибо частный прогрессъ передвиженія *влѣво* небольшого слоя правящей буржуазіи совершается на базисѣ и въ тѣсной связи, какъ отраженный его результатъ, съ основнымъ, неизбѣжнымъ и неотвратимымъ процессомъ передвиженія *вправо* всего буржуазнаго общества въ цѣломъ. Не злая воля Криспи и Мелиновъ опредѣляетъ собою этотъ процессъ; онъ составляетъ оборотную сторону развитія классоваго движенія пролетаріата и, подобно послѣднему, неотвратимъ никакими заклинаніями, никакой ловкой тактикой. И на основѣ этого общаго процесса неуклоннаго *реакціонизированія* буржуазіи, только преходящее и бѣдное всемірно-историческими результатами значеніе могутъ имѣть частныя явленія „возрожденія демократіи“ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ этого класса. Мы, люди европейскаго Востока, слишкомъ наглядно это видимъ на каждомъ шагу. „Возрожденіе“ буржуазной демократіи нисколько не ослабляетъ того реакціоннаго давленія, которое вполнѣ сложившіяся буржуазныя общества оказываютъ на „новыя“ страны, страны, недавно примкнувшія къ капиталистическому міру. Буржуазія передовыхъ странъ уже не вноситъ въ мировой оборотъ никакихъ прогрессивныхъ идей; напротивъ того, она является активнымъ пособникомъ всякой реакціи на „Востокѣ“, и ея деньгами, ея реакціоннымъ идейнымъ вліяніемъ, ея не менѣе реакціонной внѣшней политикой держится у насъ отжившій и осужденный исторіей азіатскій режимъ. И въ этомъ фактѣ главное „оправданіе“ нашего активнаго вмѣшательства въ вопросы тактики интернаціональнаго пролетарскаго движенія. Если европейская буржуазія въ цѣломъ является *у насъ* оплотомъ полу-буржуазной реакціи, мы *должны* имѣть право привлечь, въ качествѣ союзника въ борьбѣ съ этой реакціей, пролетаріатъ передовыхъ странъ, — истиннаго наслѣдника преданной буржуазіей европейской культуры. Но мы не можемъ этого сдѣлать, не можемъ, слѣдовательно, свою „національную“ революцію связать съ революціей всемірнаго пролетаріата, если послѣдній притупляетъ свой революціонный антагонизмъ къ буржуазному обществу, если за тѣ или другія крохи „соціальной реформы“, если во имя обманчиваго призрака „возрожденія демократіи“, онъ принимаетъ на себя *долю отвѣтственности за направленіе государственной политики правящей буржуазіи*, политики, которая, въ общемъ и цѣломъ, есть и не можетъ не быть политикой милитаризма и имперіализма, политикой духовной и соціальной реакціи, политикой колоніальнаго грабежа и полицейскаго разврата, политикой, виновной въ продолженіи вѣкового гнета надъ Польшей, евреями, балканскими славянами и армянами и вновь и вновь порождающей новыя циничныя формы племенного и національнаго угнетенія. Если, тамъ или здѣсь, пролетаріатъ беретъ на себя отвѣтственность за общее направленіе этой политики, онъ, тѣмъ самымъ, наноситъ непоправимый ударъ *нашей* пропагандѣ — пропагандѣ соціалистовъ въ странахъ, гдѣ предстоитъ еще завоевать тотъ самый демократическій режимъ, на основѣ котораго стало возможнымъ это „сотрудничество классовъ“. Становясь изъ нашихъ классовыхъ союзниковъ союзниками и пособниками *одного изъ нашихъ классовыхъ враговъ* (ибо, напримѣръ, французская буржуазія въ настоящій моментъ является непосредственнымъ, — въ качествѣ союзника царизма, — врагомъ пролетаріевъ Россіи), соціалисты демократическихъ странъ подрываютъ въ корнѣ нашу революціонно-соціалистическую работу, дискредитируя въ глазахъ нашего пролетаріата идею соціализма и тѣмъ содѣйствуя развитію у насъ своего „національнаго“ революціоннаго движенія, которое, уже въ силу своей національной ограниченности, не можетъ не быть окрашено цвѣтомъ мелко-буржуазной идеологіи. Чтобы въ условіяхъ отсталаго политическаго строя мы, соціалисты „Востока“, могли дѣлать свое дѣло организація рабочаго класса, — а внѣ этого дѣла теперь уже невозможна борьба за свободу, — мы должны имѣть на своей сторонѣ всю идеологическую силу революціоннаго соціализма, силу, которая сводится на нѣтъ всякимъ покушеніемъ на основной принципъ пролетарскаго движенія, — его интернаціонализмъ. И если поглощенные борьбой за частныя демократическія реформы западно-европейскіе товарищи еще не забыли, какую всемірно-прогрессивную роль сыграетъ нашъ успѣхъ въ дѣлѣ политическаго пріобщенія Востока къ буржуазно-свободному міру, если для нихъ ясна важность дилеммы — „быть ли Европѣ *республиканской* или *казацкой*?“, то они должны признать наше право „принимать къ сердцу“ судьбы пролетарскаго движенія въ тѣхъ передовыхъ странахъ, гдѣ начавшееся или обѣщающее начаться „возрожденіе буржуазной демократіи“ не затронуло и не собирается затронуть общихъ основъ современной политики „передовой“ буржуазіи, — политики укрѣпленія и сохраненія на Востокѣ всѣхъ тѣхъ учрежденій и отношеній, которыя на Западѣ были сметены революціей 18 вѣка.

„Возрожденіе демократіи“ во Франціи не сдѣлало ни этой страны, ни находящихся подъ ея вліяніемъ странъ болѣе гостепріимными для революціонеровъ Россіи и Польши, не стѣснило „свободы дѣйствій“ русской полиціи въ Парижѣ, не сдѣлало вліятельную французскую прессу менѣе циничной въ игнорированіи преступленій русскаго царизма по отношенію къ армянамъ, финляндцамъ, полякамъ, евреямъ и по отношенію къ русскому пролетаріату. То обстоятельство, что Жоресъ является лидеромъ министерской партіи и что бельгійскіе либералы примирились уже съ мыслью о такой же въ близкомъ будущемъ роли для кое кого изъ бельгійскихъ соціалистовъ, нисколько не отражается на вѣсѣ той массы золота, которая черезъ парижскую и брюссельскую биржу льется въ бездонную бочку царскаго казнохранилища.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго, если соціалистическія партіи тѣхъ націй, пролетаріату которыхъ приходится добывать себѣ элементарную политическую свободу при условіяхъ, созданныхъ міровой реакціей въ буржуазномъ обществѣ, — если эти партіи группируются около, такъ называемаго, „нѣмецкаго“ соціализма, соціализма непримиримой классовой борьбы и революціоннаго единства пролетаріевъ всего міра. Этотъ фактъ имѣетъ громадное историческое значеніе, и если интернаціональная общность пролетарскаго дѣла не превратилась въ звукъ пустой, то съ этимъ фактомъ придется считаться, какъ съ важной поправкой къ „возрожденію демократіи“, тѣмъ соціалистамъ „свободныхъ“ странъ, которые практикуютъ „новый методъ“. Придется считаться, чтобы разрѣшить дилемму: съ „возрождающейся“ буржуазіей *противъ* всемірнаго пролетаріата или съ всемірнымъ пролетаріатомъ противъ единой и, въ единствѣ своемъ, антиреволюціонной буржуазіи?

Не слѣпое, слѣдовательно, доктринерство, а реальный интересъ реальнаго движенія вынуждаетъ насъ огорчать тов. Анзееле нашими вотами въ духѣ „нѣмецкой“ ортодоксіи. Пять лѣтъ тому назадъ, когда только начиналась современная борьба этой ортодоксіи съ ревизіонизмомъ, намъ, русскимъ соціальдемократамъ, особенно понятны были слова, сказанныя тѣмъ, для кого нынѣ Амстердамское пораженіе жоресизма является заслуженнымъ увѣнчаніемъ пятилѣтней трудной борьбы. На Парижскомъ „объединительномъ“ конгрессѣ *Жюль Гэдъ* сказалъ: „Еще болѣе пагубной является министеріалистская политика съ точки зрѣнія интернаціональной. Въ наши дни почти не приходится говорить о континентальныхъ войнахъ... Можно сказать, что эра крупныхъ европейскихъ войнъ уже закончена, но не исчезли другія войны, которыя возникаютъ и будутъ вспыхивать каждый день. Это — коммерческія или колоніальныя войны, это — войны изъ-за рынковъ, войны, имѣющія цѣлью навязать товары желтокожимъ на крайнемъ Востокѣ или чернокожимъ въ центрѣ Африки. Съ этой именно стороны намъ грозитъ непрерывная война, и эта война будетъ капиталистической по преимуществу, войной изъ-за прибыли между капиталистами всѣхъ странъ, отбивающими другъ отъ друга, цѣною нашихъ денегъ и нашей крови, всемірный рынокъ. И вотъ, представляете ли вы себѣ, что въ правительствѣ каждаго изъ европейскихъ государствъ засѣдаетъ по соціалисту, который и принимаетъ участіе въ такого рода человѣкоубійствѣ въ цѣляхъ грабежа? Представляете ли вы себѣ англійскаго, италіанскаго, нѣмецкаго Мильерана, рядомъ съ французскимъ, и всѣхъ ихъ, увлекающими пролетаріатъ въ междуусобную войну въ интересахъ разбоя? *Въ день, когда мильеранизмъ станетъ общимъ явленіемъ, придется сказать: прощай! всякому интернаціонализму и стать націоналистами*“.

Мильеранизмъ въ его чистомъ видѣ не распространился за предѣлы Франціи за время, прошедшее послѣ того, какъ были сказаны эти вѣщія слова; но тѣмъ болѣе распространился „жоресизмъ“, — это, по выраженію Адлера, — „анонимное“ участіе всей соціалистической партіи въ политикѣ буржуазнаго министерства, участіе, дѣлающее партію не менѣе солидарной съ этимъ министерствомъ, чѣмъ это было при прямомъ вступленіи ея члена въ кабинетъ. А, между тѣмъ, насталъ моментъ, когда пророчески нарисованная Гэдомъ картина можетъ стать реальностью каждый день. Русско-японская война легко и неудержимо можетъ втянуть въ себя одну или нѣсколько „цивилизованныхъ“ державъ. На волоскѣ дипломатической мудрости держится въ настоящую минуту европейскій миръ.

Что сталось бы съ соціализмомъ, если бы въ одной изъ странъ, фатально втянутыхъ въ міровой конфликтъ, рабочая партія оказалась бы въ политическомъ плѣну у правящаго класса и ея оппортунистическіе вожди, въ силу этого своего плѣненія, должны были бы пассивно или активно подерживать военную кампанію своего правительства? Этотъ вопросъ долженъ былъ бы встать передъ французскими оппортунистами, когда они вотировали резолюцію протеста противъ наступающей войны. И если бы они вдумались въ значеніе этого протеста, они не могли бы удивляться тому, что представители русскаго и японскаго соціализма — непосредственные виновники этого протеста — впослѣдствіи солидарно голосовали за „дреденскую“ резолюцію — этотъ логическій выводъ изъклассовой солидарности всемірнаго пролетаріата.

---

[1] Надо сдѣлать оговорку: о пораженіи жоресизма скорбитъ только та часть буржуазіи, которая вступаетъ или готова вступить съ сдѣлку съ „правительственными соціалистами“ относительно дѣлежа государственной власти. Наоборотъ, тѣ ея фракціи, которыя оказываются обдѣленными при этой операціи (какъ, напр., французскіе націоналисты и группка экс-радикаловъ, къ которой присталъ теперь, кстати сказать, Мильеранъ), эти фракціи выражаютъ величайшее удовольствіе по поводу пораженія Жореса и не находятъ словъ для возвеличенія нравственной красоты непримиримыхъ революціонеровъ — Гэда и Бебеля. Органъ упомянутой группы радикаловъ (Rappel) даже говоритъ по этому поводу, что „ревизіонизмъ надѣлалъ уже не мало зла“ — читай: зла группамъ тѣхъ политикановъ, которыхъ онъ вытѣснилъ изъ сферы вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, замѣнивъ своими собственными вождями.

Оппортунисты пытаются объяснить нашъ „революціонизмъ“ специфическими *національными* условіями существованія нашихъ партій: условіями, которыя они противоставляютъ иной національной обстановкѣ, опредѣляющей политику французской, италіанской, бельгійской и т. п. рабочихъ партій. Мы можемъ сказать по этому поводу только: какова бы ни была внѣшняя причина, навязывающая намъ такую, а не иную идеологію, эта послѣдняя, по своимъ посылкамъ и своимъ выводамъ, дѣлаетъ нашу политику *интернаціональной*. Доказательство — позиція русскихъ и японскихъ соціалистовъ въ нынѣшней войнѣ. И если вамъ угодно *эту* политику называть „нѣмецкой“, мы ничего не имѣемъ противъ этого, поскольку своеобразныя условія, при которыхъ возникъ германскій соціализмъ — на рубежѣ между эпохой капиталистической революціи на Западѣ и началомъ таковой на востокѣ — позволили ему въ его „національной“ оболочкѣ наиболѣе рельефно выразить *міровое* содержаніе пролетарскаго движенія. Но мы знаемъ также, что, въ противоположность нашимъ „національнымъ условіямъ“, тѣ условія, которыя опредѣляютъ характеръ вашей идеологіи, неотвратимо дѣлаютъ вашъ соціализмъ — соціализмомъ *національнымъ*. Этотъ выводъ изъ рѣчи Жореса на Амстердамскомъ конгрессѣ тонко подмѣтилъ буржуазный „Temps“, — который тутъ же посмѣялся надъ тѣмъ, что этому національному соціализму предстоитъ имѣть своимъ литературнымъ органомъ газету, которая называется. — „Человѣчество“ (Humanité).

Національный или международный соціализмъ — такъ стоитъ вопросъ между правымъ и лѣвымъ крыломъ пролетарской арміи. И въ принятіи дрезденской резолюціи мы привѣтствуемъ фактъ торжества интернаціональныхъ задачъ классовой борьбы пролетаріата надъ случайными и временными выгодами „національныхъ“ движеній въ отдѣльныхъ частяхъ его. Мы дѣлаемъ это прежде всего, какъ представители классовыхъ интересовъ россійскаго пролетаріата, заинтересованнаго, какъ и пролетаріи другихъ странъ, въ развитіи всемірной классовой борьбы за соціальную революцію; мы дѣлаемъ это и какъ представители той партіи, на долю которой выпала задача борьбы съ злѣйшимъ врагомъ всемірнаго соціализма — русскимъ самодержавіемъ.

АМСТЕРДАМСКІЙ КОНГРЕССЪ.

Шестой международный соціалистическій конгрессъ собрался въ Амстердамѣ при особыхъ условіяхъ.

Война на Дальнемъ Востокѣ, эта кровавая оргія деспотизма и капитализма, не могла не наложить своего отпечатка на обстановку и ходъ занятій конгресса. И это выразилось прежде всего въ томъ, что съ самого открытія своего конгрессъ превратился въ грандіозную манифестацію протеста противъ войны. Громъ рукоплесканій привѣтствовалъ рукопожатіе, которымъ обмѣнялись избранные вице-президентами на первое засѣданіе конгресса японскій и русскій делегаты — товарищи Сенъ Катаяма и Плехановъ, и ихъ торжественныя заявленія о солидарности японскаго и россійскаго пролетаріата въ требованіи мира. Какъ замѣтилъ англійскій товарищъ Берроу, болѣе прекрасной минуты конгрессъ не видалъ.

Въ противоположность эксплуататорамъ всѣхъ странъ, съ жадностью и подозрительностью хищниковъ слѣдящимъ за каждымъ движеніемъ другъ друга, поглощеннымъ мыслію о тѣхъ жирныхъ кускахъ, которые можно урвать посреди воцарившейся сумятицы, пропитаннымъ взаимной враждою, недовѣріемъ, злобою, представители всемірнаго пролетаріата собрались для мирной совмѣстной работы въ великомъ дѣлѣ международной борьбы международнаго пролетаріата противъ международной эксплуатаціи.

Дѣло борьбы за полное освобожденіе пролетаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего человѣчества, отъ всѣхъ видовъ гнета, порабощенія и эксплуатаціи — международное дѣло. Это не парадная фраза, не теоретическое измышленіе, это — реальный фактъ, живо осязаемый всякой борющейся пролетарской партіей. Капиталистическое хозяйство, опутавъ своими цѣпями весь міръ, прочными узами связало эксплуататоровъ всѣхъ странъ въ борьбѣ противъ освободительныхъ стремленій пролетаріата. Какъ бы ни была ожесточенна конкурренція капиталистовъ отдѣльныхъ государствъ, какія бы отчаянныя столкновенія ни вызывались противорѣчивыми интересами всемірныхъ эксплуататоровъ и хищниковъ, — въ охранѣ самыхъ основъ эксплуатаціи, въ ожесточенномъ противодѣйствіи соціалистической борьбѣ пролетаріата они едины — отъ россійскаго царя до республиканскаго президента Франціи.

Но точно также едины въ своей борьбѣ противъ эксплуатаціи и пролетаріи всего міра. И это единство сильнѣе единства эксплуататоровъ, потому что пролетаріямъ на пути къ своему конечному освобожденію нечего дѣлить между собою; ихъ частные интересы въ этой борьбѣ не сталкиваются другъ съ другомъ; съ каждымъ новымъ шагомъ по пути къ конечной цѣли солидарность пролетаріевъ можетъ только рости.

Она не только можетъ, она должна рости, если пролетаріатъ идетъ по вѣрной и прямой дорогѣ къ своему освобожденію. Всякое ослабленіе международной солидарности, всякая „національзація“ соціализма, какъ выразителя стремленій пролетаріата, является безошибочнымъ указаніемъ на отклоненіе пролетарскаго движенія отъ той прямой линіи, которая наиболѣе быстрымъ и безболѣзненнымъ путемъ ведетъ его къ царству соціалистической свободы, равенства и братства.

Оппортунизмъ, какъ выраженіе ослабленія классоваго характера пролетарскаго движенія, подчиненія его задачъ второстепеннымъ для него задачамъ буржуазной демократіи, всегда націоналистиченъ, всегда „самобытенъ“, всегда ищетъ оправданія для себя въ мнимомъ „своеобразіи“ тѣхъ государственныхъ или племенныхъ особенностей, посреди которыхъ ему приходится дѣйствовать. „Незнакомство“ соціалистовъ другихъ странъ съ „особыми“ условіями той страны или той національности, въ средѣ которой работаетъ данная организація, всегда служило и служитъ оппортунистамъ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ (мы уже говорили, въ какомъ смыслѣ употребляемъ это выраженіе) предлогомъ для изъятія своей дѣятельности, своихъ методовъ борьбы изъ подъ контроля международнаго соціалистическаго пролетаріата. Въ *этомъ* отношеніи развѣ только чисто *количественная* разница существуетъ, напримѣръ, между Жоресомъ и не только нашими „соціалистами-революціонерами“ и Бундомъ, но даже, какъ это ни прискорбно, кое-какими товарищами по партіи, мнящими себя самыми усердными хранителями „ортодоксіи“ и въ то же время пытающимися опровергнуть сужденія представителей международнаго соціализма о россійской соціальдемократіи ссылками на недостаточное яко бы знаніе ими русскихъ условій.

Конечно, конкретная политическая обстановка видоизмѣняетъ тѣ *формы*, въ которыхъ воплощаются неизмѣнные принципы пролетарской классовой борьбы. Но самые принципы-то, самые основные методы всегда и всюду остаются и останутся неизмѣнными, пока будетъ существовать капиталистическое общество со свойственной ему борьбой классовъ. Но мало того Чѣмъ больше подвигается развитіе мірового капиталистическаго хозяйства, тѣмъ однообразнѣе становятся основныя соотношенія общественныхъ классовъ и группъ въ предѣлахъ всѣхъ государствъ, и тѣмъ больше сливаются разрозненные „государственные“ ручейки политической жизни въ одно могучее международное русло. А вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ больнѣе отражаются на пролетарскомъ движеніи всѣхъ странъ тѣ ошибки и пораженія, которымъ подвергается движеніе рабочаго класса въ каждой отдѣльной странѣ; тѣмъ настоятельнѣе чувствуется необходимость противоставить объединенному насилію эксплуататоровъ объединенную силу всемірнаго пролетаріата.

Въ противоположность увѣреніямъ „самобытниковъ“ оппортунизма, все обширнѣе становится область тактическихъ принциповъ и положеній, которые могутъ быть успѣшно разработаны и формулированы лишь съ точки зрѣнія всемірнаго пролетарскаго движенія въ цѣломъ; все конкретнѣе и детальнѣе становятся тѣ указанія, которыя можетъ и долженъ дать международный пролетаріатъ своимъ братьямъ въ каждой отдѣльной странѣ; и все больше и больше творческая соціалистическая мысль должна работать въ *международномъ* масштабѣ, если хочетъ въ своей національной освободительной борьбѣ служить дѣлу пролетаріата и предохранить его отъ той безконечной вереницы испытаній, бѣдствій и лишеній, которая является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго отклоненія отъ революціонной классовой программы.

Соціализмъ — международенъ. И однако, по мѣрѣ роста рабочаго движенія вширь и вглубь, по мѣрѣ того, какъ пролетарскія партіи всѣхъ странъ выростали въ могучія организованныя силы, давившія вѣсомъ своимъ на весь ходъ политической жизни, все чаще и чаще передъ отдѣльными идеологами пролетаріата, передъ отдѣльными группами его вставало искушеніе „націонализировать“ свою политику, ограничивъ свой кругозоръ наличными конкретными условіями, забывая о тѣхъ конечныхъ задачахъ, которыя долженъ ставить себѣ борющійся пролетаріатъ, и о тѣхъ основныхъ принципахъ борьбы, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться безъ ущерба для дѣла своего освобожденія.

Оставляя безъ разсмотрѣнія второстепенныя причины, можно указать на два основныхъ фактора, обусловливающихъ постоянныя вспышки „оппортунистическихъ“ стремленій. Оба эти фактора находятся въ тѣсной связи съ самымъ ростомъ пролетарскаго классоваго движенія. Это прежде всего — борьба за демократическую свободу. Рабочій классъ не можетъ сбросить съ себя узы капиталистическаго рабства раньше, чѣмъ развившееся до своего логическаго конца буржуазное общество не создастъ всѣхъ матеріальныхъ и психологическихъ предпосылокъ соціальной революціи. Но дѣйствительно полное и всестороннее развитіе буржуазнаго общества требуетъ для своего осуществленія полной демократической свободы. Демократическая свобода въ ея самомъ развитомъ видѣ не только не стоитъ въ противорѣчіи съ капиталистическимъ строеніемъ общества, но является его естественнымъ порожденіемъ. Борьба за демократическую свободу сама по себѣ не разбиваетъ рамокъ буржуазныхъ общественныхъ отношеній. И однако, по мѣрѣ роста организованности, сознательности и боевой политики рабочаго класса, буржуазія, въ лицѣ наиболѣе могущественной, организованной и сознательной части ея, вынуждена отказаться отъ содѣйствія дальнѣйшему развитію тѣхъ самыхъ буржуазныхъ общественныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ она стоитъ. Буржуазія становится реакціонной, предпочитаетъ неподвижность и прозябаніе тому развитію, которое доводитъ буржуазныя общественныя отношенія до полной зрѣлости, но въ то же время быстро двигаетъ буржуазное общество къ концу, создавая ему неумолимаго могильщика въ лицѣ сознательнаго пролетаріата. И лишь коекакіе слои мелкой буржуазіи и раззоряющагося крестьянства являются въ такую эпоху, если не смѣлыми борцами за буржуазную свободу — промежуточное классовое положеніе подрѣзываетъ имъ крылья, — то хоть носителями слабыхъ отблесковъ былыхъ демократическихъ идеаловъ. И эта психологія буржуазіи передовыхъ странъ отраженнымъ свѣтомъ падаетъ на буржуазію и тѣхъ государствъ, гдѣ капитализмъ находится еще въ восходящемъ колѣнѣ своего развитія.

Но съ отказомъ буржуазіи отъ послѣдовательнаго развитія демократической свободы, пролетаріату приходится брать на себя эту часть невыполненной буржуазіей исторической задачи. Ему приходится самому заботиться объ ускореніи развитія *буржуазнаго* общества, потому что это развитіе составляетъ необходимое условіе его собственнаго освобожденія.

Въ разныхъ формахъ, въ разныхъ видахъ встаетъ передъ рабочимъ классомъ повсемѣстно все та же задача сочетанія демократической и соціалистической борьбы. И соціальдемократія даетъ вполнѣ точное и опредѣленное рѣшеніе этой задачи. Рабочій классъ долженъ бороться за демократическую свободу, потому что она необходима ему. Но онъ долженъ бороться такими путями и методами, которые усиливаютъ его сплоченность и организованность, повышаютъ его *классовое* сознаніе.

Эти пути и методы далеко не всегда, вѣрнѣе — почти никогда, не лежатъ по „линіи наименьшаго сопротивленія“. Не они бросаются прежде всего въ глаза, не они сулятъ кажущійся немедленный, „осязательный“ успѣхъ, хотя лишь они одни въ конечномъ счетѣ не только непосредственно ускоряютъ наступленіе часа полнаго освобожденія трудящихся, но и даютъ рабочему классу дѣйствительно прочныя и реальныя демократическія завоеванія.

Однако, при недостаточномъ развитіи *классоваго* сознанія, при легкомъ ослабленіи его, слишкомъ заманчиво бываетъ искушеніе вступить на путь тѣхъ „непосредственныхъ“ успѣховъ, которые обезпечиваются не организованной борьбой рабочаго класса, а искусно придуманными политическими комбинаціями, и которые именно въ силу этого оказываются совершенно призрачными. Но какъ миражъ въ пустынѣ манитъ и дразнитъ путника, своею кажущеюся близостью заманивая его въ зыбучіе пески, гдѣ ждетъ его гибель, такъ и эта политика „осязательныхъ“ успѣховъ все больше и больше затягиваетъ увлекшихся ею, вѣчно маня надеждой и никогда не давая удовлетворенія. И такъ какъ каждый разъ кажется, что стоитъ сдѣлать лишь еще одинъ шагъ, и желанная свобода будетъ завоевана, то такъ же невольно и неизбѣжно является искушеніе пожертвовать классовой позиціей для этого „единственнаго“ раза, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ, въ тотъ счастливый мигъ, когда наступитъ побѣда, со всей энергіей вернуться къ борьбѣ за соціализмъ. Но побѣда не наступаетъ, а партія, вступившая на опасный путь компромиссовъ, очень скоро оказывается цѣликомъ увязшей въ болотѣ буржуазнаго либерализма; границы между нею и соприкасающимися слоями буржуазной демократіи стираются, и все движеніе рабочаго класса, поскольку онъ не стряхнулъ съ себя неумѣлыхъ „руководителей“, оказывается дезорганизованнымъ и политически деморализованнымъ.

Этотъ процессъ выцвѣтанія классоваго движенія пролетаріата совершается тѣмъ скорѣе, что ему могуче содѣйствуетъ второй факторъ — политика передовой буржуазіи. Будучи реакціонна по всему складу своего политическаго мышленія, буржуазія тѣхъ странъ, гдѣ классовое движеніе пролетаріата приняло уже внушительные размѣры, не можетъ не видѣть полной невозможности подавить рабочее движеніе однимъ грубымъ насиліемъ. Классовый инстинктъ указываетъ ей другой путь — путь кажущихся уступокъ, привлеченія дѣятелей рабочаго класса къ активному участію въ управленіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ поддержаніи „существующаго порядка“. Какъ замѣтилъ Бебель въ коммиссіи, разбиравшей вопросъ о международномъ регулированіи политической тактики, англійская буржуазія издавна умѣла пользоваться этимъ методомъ подкапыванія классоваго движенія пролетаріата. Она всегда пыталась и пытается извлечь всѣхъ видныхъ и способныхъ вождей пролетаріата, посадить ихъ на высокія чиновничьи мѣста, дать имъ въ руки яко-бы сильную административную власть, а въ дѣйствительности тѣмъ самымъ обезвредить ихъ: ибо, какими бы благими намѣреніями ни было одушевлено отдѣльное лицо, и какъ бы велика ни казалась врученная ему власть, весь ходъ политической жизни буржуазнаго государства, всѣ установившіяся отношенія и навыки дѣлаютъ совершенно иллюзорными стремленія участвующихъ въ государственномъ управленіи единицъ выбиться изъ-подъ желѣзнаго ярма классовыхъ интересовъ буржуазіи. Этотъ методъ мелкихъ уступокъ и привлеченія вождей пролетаріата къ участію въ государственномъ управленіи, — методъ, по показанію тов. Катаямы, примѣняющійся уже и въ Японіи, — содѣйствуетъ лишь дезорганизаціи классоваго движенія пролетаріата и обращенію вождей пролетаріата и слѣдующихъ за ними группъ его въ опоры существующаго порядка, въ столпы буржуазнаго общества

Такова была почва, на которой выросли разнообразныя теченія оппортунистической политики среди соціалистическихъ партій. Партіи всѣхъ странъ видѣли и видятъ въ своей средѣ эти теченія въ томъ или иномъ видѣ. Зло стало международнымъ и уже по одному этому требовало международнаго леченія. И если передъ Амстердамскимъ конгрессомъ вопросъ объ оппортунистическихъ отклоненіяхъ соціалистической политики всталъ прежде всего въ видѣ вопроса о политикѣ одной изъ французскихъ соціалистическихъ партій, то это лишь потому, что болѣе свободныя формы французской политической жизни создали наиболѣе благопріятныя условія для полнаго и послѣдовательнаго развитія оппортунистическихъ теченій, показали ту пропасть, въ которую эти теченія, въ концѣ концовъ, увлекаютъ рабочій классъ. Франція послужила тѣмъ примѣромъ, на которомъ рабочій классъ всѣхъ странъ могъ изучить реальное значеніе и взвѣсить всѣ послѣдствія оппортунистической проповѣди. Но нельзя лучше подтвердить международный характеръ той болѣзни, которою явно страдаетъ часть французскихъ товарищей, какъ указаніемъ на то, что, желая добиться признанія ошибочности и пагубности для дѣла пролетаріата тактики Жореса и его друзей, партія гэдистовъ могла предложить конгрессу подтвердить своимъ вотомъ резолюцію, уже принятую на Дреденскомъ партейтагѣ нѣмецкой соціальдемократіи.

Мы не станемъ останавливаться на описаніи положенія дѣлъ въ средѣ французскихъ соціалистическихъ партій. Всѣмъ памятна печальная эпоха министерства Мильерана, когда подъ эгидой кабинета, въ которомъ засѣдалъ „соціалистическій“ министръ, войска разстрѣливали стачечниковъ въ Шалонѣ и Мартиникѣ; всѣ помнятъ тотъ орденъ, которымъ обагренный кровью русскихъ рабочихъ Николай II наградилъ почтительно привѣтствовавшаго его Мильерана. Парижскій международный соціалистическій конгрессъ 1900 г. уже вынужденъ былъ заняться вопросомъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ и осудить это участіе. Но желаніе не подливать масла въ раздиравшую французскій соціализмъ борьбу, къ сожалѣнію, заставило придать принятой конгрессомъ резолюціи (резолюція Каутскаго) такую мягкую форму, которая — правда, съ большими натяжками — позволяла сторонникамъ „новаго метода“ толковать ее въ свою пользу.

Со времени Парижскаго конгресса „новый методъ“ привелъ жоресистскую партію на путь, пожалуй, еще болѣе опасный. Нѣтъ соціалистическаго министра, самъ Мильеранъ исключенъ изъ партіи, но вся партія въ цѣломъ, въ лицѣ ея вожаковъ, вступила въ тѣсный союзъ съ стоящими у власти буржуазными республиканцами и, какъ выразился Адлеръ въ коммиссіи конгресса, „анонимно“ участвуетъ въ правленіи.

Дебаты на конгрессѣ, и еще больше въ коммиссіи, наглядно показали политическій смыслъ „новаго метода“ и различіе основныхъ точекъ зрѣнія революціонной соціальдемократіи и оппортунизма. Мы постараемся поэтому вкратцѣ очертить главнѣйшіе моменты этихъ дебатовъ.

Вопросъ былъ поднятъ Соціалистической Партіей Франціи (гэдисты), предложившей конгрессу утвердить слѣдующую резолюцію, принятую прошлогоднимъ Дрезденскимъ партейтагомъ германской соціальдемократіи:

„Конгрессъ отвергаетъ[1] самымъ рѣшительнымъ образомъ ревизіонистскія стремленія измѣнить нашу испытанную и увѣнчанную успѣхомъ тактику въ такомъ направленіи, чтобы на мѣсто завоеванія политической власти путемъ побѣды надъ нашими противниками поставить политику уступокъ существующему порядку.

„Послѣдствіемъ такой ревизіонистской тактики было бы превращеніе партіи, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрое преобразованіе существующаго буржуазнаго общества въ общество соціалистическое, — а потому революціонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ партію, довольствующуюся реформированіемъ буржуазнаго общества.

„Поэтому конгрессъ, въ противоположность существующимъ ревизіонистскимъ теченіямъ, убѣжденъ, что классовыя противорѣчія не ослабляются, а постоянно возрастаютъ, и заявляетъ:

1. Что партія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за основанные на капиталистическомъ способѣ производства политическіе и экономическіе порядки, и потому отказывается ассигновывать какія бы то ни было денежныя средства, нужныя для поддержанія правящихъ классовъ у власти;

2. Что соціальдемократія, согласно резолюціи Каутскаго на Международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1900 года въ Парижѣ, не можетъ стремиться къ участію въ правительственной власти въ рамкахъ буржуазнаго общества.

„Далѣе, конгрессъ отвергаетъ всякое стремленіе затушевывать существующія классовыя противорѣчія, чтобы облегчить сотрудничество съ буржуазными партіями.

„Конгрессъ ожидаетъ, что соціальдемократическія парламентскія фракціи будутъ продолжать пользоваться той возрастающею силою, которая создается увеличеніемъ числа ихъ членовъ и огромнымъ приростомъ стоящей за ними массы избирателей, для выясненія цѣлей соціальдемократіи и для того, чтобы, соотвѣтственно принципамъ нашей программы, со всею энергіею и настойчивостью охранять интересы рабочаго класса, добиваться расширенія и упроченія политической свободы и равноправія, вести еще болѣе энергичную, чѣмъ до сихъ поръ, борьбу противъ милитаризма и маринизма, противъ колоніальной и имперіалистской политики, противъ произвола, угнетенія и эксплуатаціи во всѣхъ видахъ, энергично содѣйствовать развитію соціальнаго законодательства и выполненію историческихъ и культурныхъ задачъ рабочаго класса“.

Коммиссія конгресса, въ которую былъ сданъ этотъ вопросъ для предварительнаго обсужденія, соединила въ своей средѣ всѣ наиболѣе выдающіеся таланты международнаго соціализма. Ея страстныя трехдневныя пренія представляли захватывающій интересъ и съ поразительной наглядностью вскрывали всѣ существующіе оттѣнки и группировки соціалистической мысли.

На первомъ планѣ стояли ветераны революціонной соціальдемократіи — Каутскій, Бебель, Гэдъ. Въ полуторачасовой рѣчи выяснилъ Бебель всѣ заблужденія, всю пагубность для дѣла пролетаріата той политики постояннаго союза съ буржуазными республиканцами, которая опредѣляетъ собою всю позицію Жореса; онъ напомнилъ весь позоръ и стыдъ Мильерановскаго министерства; указалъ на всю мизерность тѣхъ „соціальныхъ реформъ“, которыхъ удалось добиться отъ республики, далеко уступающей въ отношеніи рабочаго законодательства, податной системы, фактической свободы стачечнаго движенія — даже императорской Германіи; подчеркнулъ связь этой отсталости французскаго законодательства съ болѣе слабымъ, чѣмъ въ Германіи, уровнемъ развитія классовой организаціи и классоваго сознанія пролетаріата. Именемъ международнаго пролетаріата онъ требовалъ принятія дрезденской резолюціи, которая своими ясными, опредѣленными и точными выраженіями отрѣзывала всякую возможность перетолкованія истиннаго смысла ея. Отъ имени Россійской Партіи точку зрѣнія революціоннаго марксизма защищалъ тов. Плехановъ.

Другая группа делегатовъ, съ Адлеромъ и Вандервельде во главѣ, тоже осуждала политику Жореса, иногда не менѣе рѣзко, чѣмъ Бебель. Но она не рѣшалась дѣлать всѣхъ логическихъ выводовъ изъ своего отрицательнаго отношенія къ „новому методу“. Опасаясь своимъ вотумомъ обострить раздоры въ средѣ французскаго соціализма и вызвать столкновеніе въ средѣ до сихъ поръ единыхъ партій, ставя выше всего поддержаніе „единства“ и, очевидно, недооцѣнивая всю огромную важность прямой, недвусмысленной, рѣзкой постановки вопроса о классовомъ характерѣ политики пролетаріата, эта группа делегатовъ искала такой формулировки взглядовъ революціонной соціальдемократіи, которая, высказывая ихъ въ положительной формѣ, въ то же время умалчивала бы объ идущихъ съ ними въ разрѣзъ явленіяхъ въ жизни соціальдемократическихъ партій и, такимъ образомъ, какъ парижская резолюція Каутскаго, оставляла бы полный просторъ всѣмъ оппортунистическимъ экспериментамъ.

---

[1] Въ первоначальномъ текстѣ стояло: „осуждаетъ“. Это выраженіе было, по предложенію нѣмецкой делегаціи, измѣнено, чтобы положить конецъ попыткамъ опорочить резолюцію указаніемъ, будто она „осуждаетъ“ отдѣльныхъ лицъ.

Рѣчь Жореса, защищавшаго свой „методъ“, несмотря на всѣ ея ораторскія красоты, съ ужасающею наглядностью показала слушателямъ, какъ далека отъ классоваго движенія пролетаріата политика жоресизма. Это была рѣчь убѣжденнаго республиканца, въ лучшемъ случаѣ, рѣчь героя великой французской революціи, но это не была рѣчь соціалиста. Жоресъ требовалъ, чтобы его политику судили не по ея отдѣльнымъ проявленіямъ, а во всей ея совокупности. Онъ настаивалъ, что его партія своимъ союзомъ съ республиканцами не дала мятежнымъ генераламъ погубить республику; но ему отвѣчали на это, что республика и не была въ серьезной опасности, а если и была, то другими методами, революціонной классовой борьбой можетъ и долженъ спасать ее пролетаріатъ. Жоресъ ставилъ себѣ въ заслугу сохраненіе мира; но ему отвѣчали указаніемъ на льющуюся на Востокѣ кровь и на вотированіе значительной частью его фракціи бюджета, въ томъ числѣ и военнаго. Онъ хвалился завоеванными будто бы его политикой рабочими законами; но простое сопоставленіе ихъ съ несравненно болѣе высокимъ германскимъ соціальнымъ законодательствомъ побивало этотъ аргументъ. Наконецъ, Жоресъ указывалъ на закрытіе конгрегацій и приближающееся отдѣленіе церкви отъ государства; но и тутъ, на категорическій вопросъ Бебеля, онъ вынужденъ былъ признать, что, хотя министерство, вѣроятно, и внесетъ въ парламентъ проектъ такого отдѣленія, но, „быть можетъ“, оно не найдетъ въ палатѣ большинства. Такимъ образомъ, становилось очевидно не только, что соціалистическіе элементы движенія отступаютъ въ „новомъ методѣ“ Жореса совершенно на задній планъ передъ элементами буржуазно-демократическими, но что и сами демократическія завоеванія, ради которыхъ производится кастрація классовой пролетарской борьбы, носятъ совершенно мизерный и даже призрачный характеръ. А въ то же время „новый методъ“ несетъ съ собою дезорганизацію классоваго рабочаго движенія; сознательные пролетаріи не находятъ себѣ мѣста въ рядахъ партіи, и ряды ея все болѣе и болѣе становятся, по выраженію Бебеля, прибѣжищемъ всякаго подозрительнаго сброда выходцевъ изъ буржуазной среды. А какъ велика дезорганизація, вносимая жоресистами въ рабочее движеніе, видно изъ того, что, когда Жоресъ упомянулъ объ избирательныхъ неудачахъ гедистовъ, Гедъ, энергично протестуя противъ этой выходки Жореса, публично заявилъ, что этими неудачами Соціалистическая Партія Франціи обязана не кому иному, какъ именно жоресистамъ, которые во время выборовъ деморализовали часть рабочихъ Сѣвера своей агитаціей и которые, сверхъ того, выступали на выборахъ какъ кандидаты министерства. И это заявленіе Геда осталось неопровергнутымъ; наоборотъ, восклицаніе жоресиста Прессансе (бывшаго единственнымъ исключеніемъ, что и подтвердилъ Гедъ) — „а я?“ только еще рѣзче подчеркнуло „министерскій“ характеръ всѣхъ остальныхъ кандидатовъ жоресистской партіи.

Конечно, Жоресъ и его многочисленные сторонники не могли не видѣть, что подавляющее большинство представителей пролетаріата относится совершенно отрицательно къ ихъ тактикѣ, и потому и не пытались противоставить Дрезденской резолюціи свою. Они ухватились за поправки Адлера-Вандервельде и сдѣлали ихъ своимъ лозунгомъ. Если уже въ рѣчахъ Адлера проскальзывало мнѣніе о невозможности давать однородныя тактическія указанія для всѣхъ странъ въ виду „своеобразія“ условій, то Жоресъ и такіе сторонники его какъ Анзеле доводили „націонализацію“ соціализма до крайнихъ предѣловъ.

Хотя за формулу Адлера-Вандервельде голосовали, такимъ образомъ, представители различныхъ теченій, большинство голосовъ коммиссіи оказалось на сторонѣ Дрезденской резолюціи. Въ общемъ собраніи конгресса послѣ преній, служившихъ сравнительно слабымъ отголоскомъ преній въ коммиссіи, резолюція Адлера-Вандервельде не прошла, такъ какъ за нее и противъ нея высказалось одинаковое число голосовъ. Послѣ этого значительнымъ большинствомъ была принята Дрезденская резолюція. Многіе сторонники революціоннаго соціализма, изъ „дипломатическихъ“ соображеній предпочитавшіе формулу Адлера Вандервельде, въ томъ числѣ и австрійская делегація, представителемъ которой въ коммиссіи былъ самъ Адлеръ, голосовали теперь за Дрезденскую резолюцію. Принципъ революціонной классовой борьбы былъ снова подтвержденъ голосомъ международнаго пролетаріата, и выше мы уже выясняли, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ шагъ для дальнѣйшихъ успѣховъ рабочаго движенія. Онъ отразится не только на развитіи французскаго соціализма, но и на ходѣ соціалистическаго движенія во всемъ мірѣ, давъ сторонникамъ революціонной соціальдемократіи твердую увѣренность, что ихъ стремленія охранить классовый характеръ движенія найдутъ опору въ международномъ пролетаріатѣ.

Вопросъ о международномъ регулированіи тактики по своей важности и сложности настолько поглотилъ вниманіе конгресса, что, въ значительной мѣрѣ, отодвинулъ на задній планъ всѣ другіе вопросы, стоявшіе на очереди. Важнѣйшія изъ принятыхъ резолюцій мы печатаемъ въ этомъ же номерѣ, а въ непродолжительномъ времени разсчитываемъ выпустить посвященную подробному описанію конгресса брошюру.

Ф. Д.

ВАЖНѢЙШІЯ РЕЗОЛЮЦІИ, ПРИНЯТЫЯ АМСТЕРДАМСКИМЪ СОЦІАЛИСТИЧЕСКИМЪ КОНГРЕССОМЪ[1]).

1. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ.

„Принимая во вниманіе, что рабочіе въ капиталистическомъ обществѣ получаютъ обыкновенно столь скудную заработную плату, что ея едва хватаетъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей, такъ что нищета и лишенія надвигаются на рабочихъ, когда какія-бы то ни было обстоятельства — будь то болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость или безработица, а для женщинъ также беременность и материнство — мѣшаютъ имъ использовать свою рабочую силу;

принимая далѣе во вниманіе, что каждый человѣкъ имѣетъ право на существованіе, а общество заинтересовано въ сохраненіи рабочей силы, необходимо создать такія учрежденія, которыя предохраняли бы рабочихъ отъ лишеній и вызываемаго ими разрушенія рабочей силы.

Въ капиталистическомъ обществѣ это можетъ быть лучше всего достигнуто серьезнымъ законодательствомъ о страхованіи рабочихъ. Поэтому, рабочіе всѣхъ странъ должны требовать такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность и, примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи, обезпечивали бы имъ право полученія средствъ, достаточныхъ для существованія и пользованія врачебною помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, материнство и безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой.

Затраты на страхованіе, въ особенности при страхованіи на случай старости, инвалидности, вдовства и сиротства, должны быть покрываемы путемъ прямого прогрессивнаго налога на имущества, доходы и наслѣдства. При всякомъ другомъ порядкѣ, взносы, даже когда они уплачиваются предпринимателями, поглощаютъ часть заработной платы. Поэтому, рабочіе должны стремиться покрыть эту потерю части заработной платы путемъ усиленія своей профессіональной организаціи.

Рабочіе должны требовать, чтобы эти страховыя учрежденія были построены на основѣ самоуправленія самихъ застрахованныхъ, и чтобы одни и тѣ же правила были установлены для туземныхъ и иностранныхъ рабочихъ всѣхъ націй“.

2. Всеобщая стачка.

„Принимая во вниманіе, что необходимымъ условіемъ успѣха массовой стачки является крѣпкая организація и добровольно усвоенная самимъ пролетаріатомъ дисциплина;

Конгресъ считаетъ абсолютную всеобщую стачку, въ смыслѣ одновременной забастовки всѣхъ рабочихъ, невыполнимой, потому что она дѣлаетъ невозможнымъ всякое существованіе, слѣдовательно, также и существованіе пролетаріата;

принимая во вниманіе, что освобожденіе рабочаго класса не можетъ быть результатомъ такого внезапнаго напряженія силы, но съ другой стороны, стачка, охватывающая нѣкоторые важные для экономической жизни отрасли производства или большое число промышленныхъ предпріятій, можетъ послужить крайнимъ средствомъ для того, чтобы добиться крупныхъ общественныхъ перемѣнъ или отразить реакціонныя покушенія на права рабочихъ,

конгрессъ предостерегаетъ рабочихъ отъ увлеченія пропагандой анархистовъ въ пользу всеобщей стачки, пропаганды, имѣющей цѣлью отвлечь рабочихъ отъ важной будничной борьбы въ области профессіональной, политической и кооперативной,

и призываетъ ихъ укрѣплять свое объединеніе и силу въ классовой борьбѣ путемъ развитія организаціи, ибо отъ этого будетъ зависѣть успѣхъ стачки съ политической цѣлью, если такая стачка окажется когда-либо нужной и полезной.

3. Восьмичасовой рабочій день и майскій праздникъ.

„Принимая во вниманіе, что цѣль первомайской рабочей манифестаціи — выступать одновременно, въ опредѣленный день, во всѣхъ странахъ съ современнымъ рабочимъ движеніемъ съ заявленіемъ требованій рабочихъ въ особенности, требованій законодательной охраны труда, восьмичасоваго рабочаго дня, классовыхъ требованій пролетаріата и всеобщаго мира, и такимъ образомъ дать выраженіе единству движенія и требованій рабочихъ во всѣхъ странахъ

принимая далѣе во вниманіе: что единство манифестаціи еще не достигнуто, такъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ рабочіе манифестируютъ не 1-го мая, а въ первое воскресенье въ мѣсяцѣ маѣ,

конгрессъ постановляетъ:

подтверждая резолюціи международныхъ конгрессовъ въ Парижѣ 1889 г., Брюсселѣ 1891, Цюрихѣ 1893 и Парижѣ 1900 г., Амстердамскій международный конгрессъ самымъ настоятельнымъ образомъ приглашаетъ соціальдемократическія партіи и профессіональныя организаціи всѣхъ странъ манифестировать ежегодно 1 мая въ пользу законодательнаго введенія 8-ми часоваго рабочаго дня, классовыхъ требованій пролетаріата и всеобщаго мира.

Лучшимъ способомъ первомайской манифестаціи является прекращеніе работы въ этотъ день.

Въ виду этого, конгрессъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ пролетарскимъ организаціямъ всѣхъ странъ стремиться къ забастовкѣ въ день перваго мая и всюду, гдѣ это возможно безъ вреда для интересовъ рабочихъ, прекращать въ этотъ день работу.

4. Трэсты.

„Въ своемъ развитомъ видѣ трэсты уничтожаютъ конкурренцію между хозяевами производства.

Изъ временныхъ соглашеній и союзовъ отдѣльныхъ капиталистовъ они, при послѣдовательномъ развитіи своемъ, превращаются въ гигантскія, прочно организованныя національныя и даже международныя ассоціаціи, устанавливающія фактическую монополію въ охваченныхъ ими отрасляхъ промышленности. Трэсты — неизбѣжное слѣдствіе конкурренціи при системѣ производства, основанной на наемномъ трудѣ. Въ этихъ грандіозныхъ ассоціаціяхъ капиталисты всѣхъ странъ и всѣхъ отраслей промышленности сливаются въ единую могучую силу на почвѣ своихъ общихъ интересовъ.

Такимъ образомъ противорѣчіе между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ все болѣе обостряется. Производство регулируется, безполезная растрата труда уменьшается, и производительность работы возрастаетъ, но всѣ выгоды приходятся на долю капиталистовъ, эксплуатація же труда увеличивается. Принимая все это во вниманіе и имѣя въ виду убѣдительные опыты, доказывающіе полную безплодность „антитрэстскаго“ законодательства на основѣ сохраненія системы частной собственности и капиталистической прибыли, — Амстердамскій международный конгрессъ настойчиво подтверждаетъ рѣшеніе парижскаго конгресса и заявляетъ:

1) что соціалистическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трэстовъ или задерживать ихъ развитіе, попыткахъ, всегда безполезныхъ, а часто и реакціонныхъ;

2) что усилія соціалистическихъ партій должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли. Способы, которыми можетъ быть произведена эта соціализація, и порядокъ, въ которомъ она будетъ происходить, будетъ опредѣляться нашею силою и способностью къ дѣйствію и характеромъ охваченныхъ трэстами отраслей промышленности;

3) въ виду той неминуемой опасности, которая сплоченіемъ силъ капиталистовъ грозитъ профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу — національную и международную — какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплуатаціи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ“.

5. Колоніальная политика.

„Принимая во вниманіе, что капиталистическая эксплуатація непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній становится все сильнѣе и безпорядочнѣе, что она истощаетъ естественное богатство колоній и подвергаетъ самому тяжелому, нерѣдко кровавому гнету туземное населеніе, и что эта эксплуатація приноситъ пролетаріату лишь усиленіе его бѣдствій, — конгрессъ напоминаетъ резолюцію парижскаго конгресса 1900 г. по поводу колоніальнаго вопроса и имперіалистической политики и заявляетъ, что соціалистическія партіи и парламентскія фракціи всѣхъ странъ обязаны:

1. безусловно противиться всякимъ имперіалистическимъ и протекціонистскимъ проектамъ, всякимъ колоніальнымъ завоевательнымъ походамъ и всякимъ военнымъ издержкамъ на колоніи;

2. бороться противъ всякихъ монополій и всякихъ крупныхъ земельныхъ концессій и строго слѣдить за тѣмъ, чтобы богатства колоній не расхищались классомъ крупныхъ капиталистовъ;

3. безпощадно разоблачать въ печати всѣ отвратительныя насилія, жертвою которыхъ являются туземцы; требовать самыхъ энергичныхъ мѣръ для охраны послѣднихъ отъ военнаго варварства и капиталистической эксплуатаціи и, особенно, слѣдить за тѣмъ, чтобы у нихъ хитростью или насиліемъ не отнимали ихъ собственности;

4. предлагать и поддерживать мѣропріятія, могущія улучшить положеніе туземцевъ, какъ то: общеполезныя работы, гигиеническія мѣропріятія, устройство школъ и т. п.; бороться съ вреднымъ вліяніемъ миссіонеровъ;

5. требовать для туземцевъ той мѣры свободы и самостоятельности, которая соотвѣтствуетъ уровню ихъ развитія, имѣя въ виду, что цѣлью должна быть полная эмансипація колоній;

6. подвергать веденіе внѣшней политики парламентскому контролю, такъ какъ она при современномъ развитіи парламентской системы все болѣе и болѣе подпадаетъ тайному вліянію клики плутократовъ.“

6. Единство партіи.

„Конгрессъ заявляетъ:

чтобы рабочій классъ могъ полностью использовать свои силы въ борьбѣ противъ капитализма, необходимо, чтобы въ каждой странѣ противостояла буржуазнымъ партіямъ *единая* соціалистическая партія, какъ *единъ* самъ пролетаріатъ.

Поэтому на всѣхъ товарищахъ и на всѣхъ соціалистическихъ организаціяхъ лежитъ повелительный долгъ всѣми силами стараться создать это единство на основѣ установленныхъ международными конгрессами принциповъ, единство, необходимое въ интересахъ пролетаріата, предъ которымъ они отвѣтственны за роковыя послѣдствія непрекращающихся расколовъ.

Международное соціалистическое бюро и всѣ партіи тѣхъ странъ, гдѣ существуетъ такое единство, охотно предложатъ свои дружескія услуги для содѣйствія достиженія этою цѣли“.

7. Привѣтъ россійскимъ рабочимъ.

„Принимая во вниманіе безмѣрныя затрудненія, встрѣчаемыя пролетаріатомъ Россіи на пути къ освобожденію, и неслыханныя жертвы, налагаемыя на него этой борьбой, конгрессъ привѣтствуетъ геройскій пролетаріатъ Россіи, въ братскомъ единеніи, безъ различія національностей стекающійся подъ славное знамя международнаго соціализма для борьбы противъ самодержавія и за политическую свободу. Конгрессъ шлетъ ему выраженіе своего удивленія и горячей симпатіи. Конгрессъ заявляетъ пролетаріату Россіи, что рабочіе всего міра чувствуютъ себя солидарными съ его борьбой противъ самодержавія, и что, борясь за свое собственное освобожденіе, рабочій классъ Россіи борется въ то же время за освобожденіе пролетаріата всемірнаго.“

Кромѣ того конгрессъ принялъ еще нѣсколько резолюцій протеста: противъ русско-японской войны, противъ англійскаго гнета въ Индіи, противъ насилій правительства и капиталистовъ надъ стачечниками въ Колорадо (Америка). Конгрессъ подтвердилъ необходимость бороться за избирательныя права для женщинъ, выразилъ свои симпатіи комитетамъ, агитирующимъ за освобожденіе арестованныхъ въ Италіи во время безпорядковъ 1898 г., и, наконецъ, заявилъ свою радость по поводу того, что соціальдемократіи удалось пробудить къ сознательной жизни и организовать во внушительную силу еврейскій пролетаріатъ въ Россіи.

ВОПРОСЪ О ФОРМѢ ПРАВЛЕНІЯ ВЪ НАШЕЙ ПРОПАГАНДѢ И АГИТАЦІИ.

Настоящей замѣткой я хотѣлъ бы обратить вниманіе дѣйствующихъ товарищей на крайне важный пробѣлъ въ нашей практической работѣ. За послѣдніе 3 года, подъ вліяніемъ роста массоваго пролетарскаго движенія, разные проекты программы Р. С.-Д. Р. П. начали выдвигать требованіе демократической республики. Теперь это требованіе находится въ нашей программѣ. Поскольку выставленіе его было характерно для сознавшаго свою силу политическаго движенія пролетаріата, постольку это было большимъ шагомъ впередъ; но, къ сожалѣнію, дѣло на этомъ стало. Требованіе демократической республики благополучно покоится въ программѣ, сопровождаемое нѣсколькими объяснительными предложеніями самого общаго характера, а масса, на которую мы воздѣйствуемъ, ровно ничего объ этомъ требованіи не знаетъ и, что печальнѣе всего, ей даже и не стараются дать знать о немъ. Наши комитеты выпускаютъ тысячи листковъ, въ которыхъ вы встрѣтите пестрый рядъ политическихъ лозунговъ, мало между собою согласующихся и ужъ ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствующихъ выставленному въ программѣ требованію демократической республики. Вы здѣсь находите, требованіе „политической свободы“ „представительнаго правленія“, „земскаго собора“, „правленія народа“, просто „конституціи“ и, наконецъ, даже такой перлъ, какъ „ограниченіе самодержавія“ и никогда почти не встрѣтите требованіе демократической республики. Вы всегда здѣсь найдете возгласъ: „долой самодержавіе“ и никогда: „долой монархію“. Всѣмъ этимъ мы производимъ страшную путаницу въ головахъ рабочихъ и единственное, что осѣдаетъ отъ этого политическаго сумбура, это голая „свобода“ („слобода“ тожъ) безъ формы, безъ содержанія. Обратитесь даже къ наиболѣе сознательнымъ рабочимъ съ вопросомъ, чего мы требуемъ, и вы убѣдитесь въ истинности всего сказаннаго. Да что грѣха таить — и руководители въ этомъ отношеніи не лучше руководимыхъ. А, между тѣмъ, трудно въ достаточной мѣрѣ оцѣнить тотъ вредъ, который въ моментъ политической ликвидаціи русскаго самодержавія можетъ причинить эта неопредѣленность и расплывчатость ближайшей политической цѣли. Въ этотъ моментъ за лозунгомъ „ограниченія самодержавія“ будетъ скрываться вполнѣ недвусмысленная мѣра политическаго аппетита. „Земскій соборъ“ будетъ выражать собою не больше и не меньше, какъ „соборъ земцевъ“, а народныя массы, воспитанныя на нашемъ пестромъ калейдоскопѣ политическихъ требованій, будутъ метаться изъ стороны въ сторону и сражаться какъ за то, такъ и другое. Напрасно мы *тогда* будемъ выставлять на нашемъ знамени требованіе демократической республики: массамъ оно будетъ совершенно незнакомо и онѣ, можетъ быть, дальше „ограниченія самодержавія“ и не пойдутъ. Ясно, что въ моментъ революціи и до него массамъ нуженъ рѣзкій, обособляющій политическій лозунгъ и таковымъ для партіи пролетаріата можетъ быть только демократическая республика. Но лозунгъ этотъ долженъ быть хорошо знакомъ массамъ, онѣ должны съ нимъ сжиться, быть просвѣщены и воодушевлены имъ, знать и цѣнить весь объемъ и всю глубину его содержанія. Вотъ объ этомъ-то мы меньше всего думаемъ, и въ блаженномъ состояніи полнѣйшей безпечности насчетъ ближайшей политической цѣли, договариваемся до явныхъ несообразностей, весьма выгодныхъ либераламъ. И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, вновь обнаруживаются плоды нашей злополучной „политики“, оторванной отъ общихъ соц.-дем. задачъ, сильно отдающей фразой, цѣнной не по ея содержанію, а просто потому, что выхвачена изъ политическаго словаря. И теперь, принимаясь за пересмотръ итоговъ „ликвидаціи третьяго періода“, намъ слѣдуетъ обратить усиленное вниманіе на одинъ изъ нихъ, именно на полнѣйшую и вреднѣйшую расплывчатость на практикѣ нашихъ ближайшихъ политическихъ лозунговъ. Надо сейчасъ же взяться за самую широкую и интенсивную антимонархическую и республиканскую пропаганду и агитацію. Работа должна идти въ двухъ направленіяхъ: въ дискредитированіи монархіи вообще и дома Романовыхъ въ частности и въ разработкѣ основныхъ вопросовъ республиканскаго правленія. Въ цѣляхъ перваго слѣдовало бы выпустить брошюру съ подробнымъ изложеніемъ исторіи дома Романовыхъ. Самодержцы воры, пьяницы, идіоты, проститутки, молокососы предстанутъ передъ читателями во всей ихъ красѣ и сильно расшатаютъ вѣру въ божественное происхожденіе ихъ власти, вѣру, пока что, служащую этой власти сильной опорой. Надо внимательно отнестись и къ литературѣ „высочайшихъ отмѣтокъ“, ибо она, умѣло использованная, можетъ служить превосходнымъ матеріаломъ для противодѣйствія обаянію царскаго имени. Не переходя въ легкій либеральный шаржъ, мы должны использовать всѣ эти исторіи съ Демчинскимъ, Клоповымъ, Безобразовымъ и знахаремъ Филиппомъ — исторіи крайне характерныя для вырождающейся монархіи. Опираясь на разстройства въ хозяйственной жизни и прямое разореніе, вызываемыя комедіантскими прогулками Ники, мы должны разжигать въ населеніи недовольство этими прогулками и призывать его къ протестамъ противъ нихъ. Хорошую почву для воспитанія въ населеніи антидинастическихъ чувствъ представляютъ мѣстности, гдѣ находятся царскія имѣнія или разларенныя имъ всякаго рода родственничкамъ земли.

---

[1] Резолюція о тактикѣ помѣщена выше.

Мѣстныя организаціи должны детально вникнуть въ исторію ихъ происхожденія и заняться обрисовкой царя въ роли хозяина.

Выступая на борьбу съ „добровольными“ пожертвованіями на войну, мы должны всякій разъ указывать на то, что въ то время, какъ отъ жалкихъ рабочихъ заработковъ оттягиваютъ пожертвованія на флотъ и Красный Крестъ, весь императорскій домъ прочно сидитъ на своихъ золотыхъ сундукахъ, хотя война вызвана его собственными авантюрами.

Наконецъ, въ дни всякаго рода тезоименитствъ, „чудесныхъ спасеній“, коронаціи и т. п., организаціи должны широко распространять антимонархистскія воззванія, заранѣе расхолаживая приподнятое „праздничное“ настроеніе, вызываемое иллюминаціей, флагами, музыкой. На фабрикахъ и заводахъ, гдѣ въ эти дни не работаютъ, надо призывать къ требованіямъ возврата поденной платы или открытія фабрики для работы. Въ частности, въ день коронаціи мы никогда не должны забывать про Ходынку и въ нашихъ прокламаціяхъ указывать рабочимъ, что это не день веселія и радости, а глубокаго траура, когда тысячи людей погибли во славу новаго вѣнценосца. Подробное изложеніе ходынской трагедіи можетъ въ эти дни возбудить не совсѣмъ добрыя чувства къ царствующему дому[1].

Однако, здѣсь же слѣдуетъ подчеркнуть, что все это надо дѣлать такъ, чтобы незрѣлая мысль не умозаключала отъ плохой монархіи къ монархіи хорошей. Для этого намъ нужно возможно чаще давать аналогіи изъ жизни западно-европейскихъ монархій и показать, что *вездѣ* монархіи стоятъ пролетаріату тяжелыхъ жертвъ.

Создавая такимъ образомъ отрицательное отношеніе къ монархіи, мы легко можемъ развить положительную республиканскую пропаганду. Цѣлый рядъ листковъ и брошюръ долженъ детально разработать вопросы республиканскаго правленія такъ, чтобы болѣе или менѣе сознательному рабочему стало ясно, чѣмъ отличается демократическая республика отъ конституціонной монархіи, почему первая есть специфическая форма политическихъ требованій пролетаріата. Въ русской легальной литературѣ имѣется нѣсколько сочиненій, прочтеніе коихъ рабочими было бы весьма полезно для нашей цѣли (Быкова, Сѣверо Американскіе Соед. Штаты; Мижуевъ, Передовая демократія; Леруа-Болье, Новыя англосаксонскія общества и др.). Затѣмъ и здѣсь должны быть использованы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ факты заграничной жизни. Референдумъ въ Швейцаріи, рабочее министерство въ Австраліи, борьба съ клерикализмомъ во Франціи — все это должно быть подробнымъ образомъ описано и истолковано съ точки зрѣнія нуждъ республиканской пропаганды.

Наконецъ, въ связи съ этимъ, какъ бы это ни казалось неважнымъ, намъ надо научиться и научить массы замѣнять возгласы „долой самодержавіе“ и „да здравствуетъ политическая свобода“ возгласами: „да здравствуетъ демократическая республика“ и „долой монархію“. Самъ по себѣ ничего не создавая, краткій лозунгъ, при наличности соотвѣтствующей пропаганды и агитаціи, является однимъ изъ средствъ закрѣпленія въ головахъ людей тѣхъ или иныхъ требованій. Два обстоятельства приходятъ намъ на помощь въ этой работѣ. Во-первыхъ, пестрый національный составъ Россіи. Несомнѣнно, что среди многочисленныхъ угнетенныхъ національностей наша антимонархическая агитація найдетъ хорошую почву. Здѣсь намъ легко будетъ доказать, что монархія неразрывно связана съ господствующимъ положеніемъ въ странѣ одной какой-либо націи за счетъ правъ всѣхъ остальныхъ, и, напротивъ, ничѣмъ не стѣсняемое развитіе національной жизни лучше всего обезпечивается республикой, предоставляющей населенію maximum самоуправленія во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Не долженъ быть забытъ и элементъ религіознаго угнетенія, такъ какъ монархія неизбѣжно ведетъ къ установленію „государственной религіи“.

Второе благопріятное обстоятельство — это то, что еще ни одинъ царствовавшій домъ не опозорилъ себя такими кровавыми преступленіями, не сидѣлъ еще такъ тяжело и такъ долго на шеѣ народа, не стоялъ еще въ такомъ рѣзкомъ антагонизмѣ къ населенію, какъ домъ Романовыхъ. Естественно, что паденіе монархіи Романовыхъ можетъ стать паденіемъ россійской монархіи вообще, тѣмъ болѣе, что противъ нея выступаетъ пролетаріатъ, сила, сознательность и организованность котораго превосходитъ все то, что знали до сихъ поръ „буржуазныя“ революціи.

Итакъ, мы должны и мы можемъ вести республиканскую агитацію. Надо это только дѣлать немного по иному, чѣмъ такъ, какъ мы до сихъ поръ вели политическую агитацію. Мы всегда слишкомъ много занимались настоящимъ и слишкомъ мало будущимъ. Разрисовавъ наимрачнѣйшимъ образомъ самодержавіе, мы тутъ же восклицали: долой его, но взамѣнъ не давали ничего, кромѣ возгласа во здравіе политической свободы. Теперь уже значительныя массы народа пришли въ ясно сознанное столкновеніе съ самодержавіемъ, что обязываетъ насъ удѣлить побольше вниманія нашимъ положительнымъ требованіямъ. Теперь ихъ ужъ нельзя прятать въ послѣднія 2-3 строчки нашихъ листковъ, а нужно ихъ самымъ подробнымъ образомъ растолковать рабочимъ. Только такимъ образомъ мы превратимъ „извѣстную русскую поговорку“ — „долой самодержавіе“ въ другую, болѣе ясную — „долой монархію“; только такимъ образомъ мы застрахуемъ себя отъ покушеній либерализма на эксплуатацію политическаго невѣжества массъ. Прежней расплывчатости, не связанной съ общими соціальдемократическими задачами „политикѣ“, соотвѣтствовала полная расплывчатость и неопредѣленность нашего ближайшаго политическаго требованія; новой, прочно водворенной на базисѣ соціальдемократіи, политикѣ рабочаго класса должно соотвѣтствовать яркое, рѣзкое, вполнѣ опредѣленное требованіе демократической республики. Только съ нимъ русская соціальдемократія возьметъ на себя гегемонію въ освободительной борьбѣ, только это требованіе достаточно украситъ собою красное знамя политическаго возстанія пролетаріата. Добьемся ли мы этого требованія или нѣтъ, мы, во всякомъ случаѣ, заложимъ въ сознаніи борющихся массъ элементы политическаго броженія, которое не затихнетъ и въ то время, когда русская буржуазія будетъ отдыхать на лаврахъ „правового государства“. Никакая партія еще не потеряла отъ предъявленія крайнихъ требованій къ отживающему строю. Не потеряемъ и мы. Чѣмъ большаго требуешь, тѣмъ большаго добьешься.

Изгой.

Отъ редакціи. Тов. Изгой вполнѣ правъ, когда отмѣчаетъ въ нашей текущей агитаціи недостаточное подчеркиваніе того требованія партійной программы, которое говоритъ о республикѣ. Не менѣе правъ онъ, когда указываетъ на то, что данная въ программѣ *положительная* формулировка нашей ближайшей политической цѣли (демократическая республика) должна служить въ агитаціи однимъ изъ средствъ для выработки въ сознаніи народныхъ массъ болѣе отчетливаго представленія объ отличіи ихъ собственныхъ интересовъ отъ интересовъ ихъ временныхъ союзниковъ по борьбѣ съ самодержавіемъ. Слѣдуетъ, однако, помнить, что, являясь политической формой, наиболѣе приспособленной къ интересамъ пролетарской классовой борьбы, республика отнюдь не является *исключительно* пролетарскимъ требованіемъ и безъ особеннаго труда можетъ быть включена и въ программу различныхъ мелко-буржуазныхъ демократическихъ партій. Отсюда уже слѣдуетъ, что невозможно достичь цѣли выработки въ рабочемъ классѣ яснаго представленія о противоположности его интересовъ интересамъ всѣхъ другихъ классовъ одной только „республиканской и антимонархической“ агитаціей. Болѣе того. Одностороннее перенесеніе центра тяжести нашей агитаціи на вопросъ о формѣ правленія могло бы послужить къ развитію того самаго чистаго „политицизма“, противъ котораго высказывается авторъ. Недавніе дебаты на Амстердамскомъ международномъ конгрессѣ еще разъ показали, какимъ препятствіемъ развитію классоваго самосознанія пролетаріата можетъ служить одностороннее увлеченіе республикой и — въ связи съ этимъ — склонность вырывать слишкомъ глубокую пропасть между республиканской и монархической конституціонной формами одного и того же, по своей природѣ, *классоваго государства.*

Размежеваніе сознательнаго пролетаріата отъ „демократической массы“ должно достигаться, главнымъ образомъ, не тѣми или иными боевыми *лозунгами* даннаго момента, а *методами тактики*, которые, разумѣется, требуютъ и соотвѣтствующихъ лозунговъ.

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ „БУНДА“.

Съ нѣкотораго времени Кавказъ начинаетъ приковывать вниманіе разныхъ искателей политическихъ союзниковъ. Объ одномъ такомъ союзѣ соц.-революціонеровъ съ грузино-армянскими националистами мы уже говорили въ № 67 „Искры“. Но, оказывается, лавры „Рев. Рос.“ не дали спать „Вѣстнику Бунда“, и онъ (въ № 3) оповѣщаетъ міръ, что и у него есть союзники на Кавказѣ, рекламированію которыхъ посвятилъ рядъ писемъ подъ заглавіемъ „Армянская соц.-дем. рабочая организація“. Извѣстно, что на Кавказѣ, населеніе котораго представляетъ пеструю амальгаму многихъ національностей, живущихъ бокъ о бокъ и искони вѣковъ враждующихъ другъ съ другомъ, наши товарищи съ самаго начала провозгласили лозунгъ объединенія пролетаріата всѣхъ націй въ одну могучую соціальдемократическую организацію. И пролетаріи всѣхъ націй — армянъ, грузинъ, русскихъ, татаръ и пр. откликнулись на этотъ призывъ и, вопреки разжиганію національной ненависти буржуазною прессою братски протянули другъ другу руки для общей борьбы съ общими врагами. На этой почвѣ выростали мѣстные комитеты партіи, которые, въ свою очередь, объединились въ Кавказскій Союзъ. Какъ видите, нашъ организаціонный принципъ прямо противоположенъ организаціонному принципу Бунда; и вотъ послѣдній никакъ не можетъ этого простить Кавказскому Союзу. Его „Вѣстникъ“ напрягаетъ всѣ усилія, чтобы покровительствомъ армянскихъ сепаратнымъ организаціямъ парализовать дѣйствія Союза, разрушить его основу и на мѣсто единой сильной организаціи насадить полдюжины слабыхъ „бундиковъ“[1].

Что представляетъ собою рекламируемая „Вѣстн. Бунда“ армянская рабочая организація? Какова ея исторія?

Объ этомъ въ свое время подробно сообщалось въ „Искрѣ“. Еще осенью прошлаго года корреспондентъ „Искры“ писалъ: „Невозможно представить себѣ того возбужденія, которое охватило самые широкіе слои армянскаго народа послѣ наглаго отобранія послѣдняго остатка національныхъ правъ — права самоуправленія своими церковными дѣлами — и послѣ массовыхъ разстрѣловъ и дикой расправы съ манифестантами. Эти событія произвели полный переворотъ въ головахъ армянскаго населенія, и сознаніе необходимости революціонной борьбы съ правительствомъ охватываетъ широкіе круги, а армянскіе революціонеры-націоналисты чувствуютъ необходимость измѣнить свою тактику, чтобы не быть покинутыми массами... Въ средѣ дрошакистовъ (националистовъ-федералистовъ) произошелъ расколъ; часть все еще не хочетъ вести систематической борьбы съ русскимъ самодержавіемъ; она хочетъ остаться на турецкой почвѣ, а противъ безобразія русскаго режима она будетъ протестовать и бороться только, какъ съ частными явленіями, не давая себѣ отвлечься отъ дѣла освобожденія турецкихъ армянъ. Другая часть, „отколовшіеся дрошакисты“, стоятъ въ настоящее время на пути къ соціальдемократіи. Въ выпущенномъ ею листкѣ говорится о признаніи классовой борьбы пролетаріата. Положеніе этой части въ настоящій моментъ характеризуется призывами, которыми кончается листокъ: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ народное самоуправленіе“: „Долой буржуазію!“ Она еще не рѣшается провозгласить лозунгъ: „Да здравствуетъ демократическая конституція! Да здравствуетъ соціализмъ!“, но можно надѣяться, что начавшійся процессъ проникновенія въ среду армянскихъ націоналистовъ революціонныхъ и соціалистическихъ идей приведетъ къ естественному результату — присоединенію ихъ къ армянской и россійской соціальдемократіи („Искра“ № 51). Черезъ мѣсяцъ („Искра“ № 56) корреспондентъ уже могъ сообщить объ образованіи „Армянской соц.-дем. раб. организаціи“ и ея манифестѣ.

Итакъ, по иниціативѣ отколовшихся „дрошакистовъ“, основана, такъ называемая, „рабочая организація“[2]. Ея основатели въ своей новой позиціи удержали основные принципы дрошакистовъ — програмный и организаціонный федерализмъ, на базисѣ котораго организовали „партію“.

Но, чтобы привлечь рабочихъ на свою сторону, имъ нужно было скрыть свое націоналистическое происхожденіе и причину своей обособленности отъ нашей партіи свалить на саму же партію; вотъ это они и сдѣлали въ своемъ „Манифестѣ“, напечатанномъ въ № 3 „В. Б“. Здѣсь указываются три причины возникновенія самостоятельной организаціи: во-первыхъ, „мы находимъ, что въ настоящее время Р. С.-Д. Р. П. придерживается совершенно ошибочныхъ организаціонныхъ взглядовъ, сводящихся къ абсолютному централизму въ типѣ организаціи“. Но если „абсолютный централизмъ“ на самомъ дѣлѣ можетъ считаться причиною обособленія, то половина партіи уже должна была бы обособиться, такъ какъ и ей не нравится „абсолютный централизмъ“, и она борется съ нимъ. Второю причиною является не что иное, какъ одинъ пунктъ устава Кавказскаго Союза, по которому, оказывается, Ц. К. имѣетъ право вводить въ центральное учрежденіе союза „неограниченное число членовъ“. Отсюда всякій здравомыслящій человѣкъ заключаетъ, что нужно уничтожить или ограничить этотъ пунктъ; между тѣмъ, „Манифестъ заявляетъ, „поэтому мы будемъ самымъ энергичнымъ образомъ отстаивать ту мысль, что Кавказскій Союзъ долженъ преобразоваться „въ федерацію существующихъ (!?) національныхъ организацій“ и т. д., т. е. такъ какъ одинъ пунктъ устава Союза не годится, надо уничтожить самый Союзъ. Третьею и послѣднею причиной „Манифестъ“ выставляетъ „существованіе у армянскаго пролетаріата враговъ съ специальной физіономіей — необходимость борьбы противъ армянскаго націонализма“. Но неужели существованіе такого врага — спеціальность армянскаго пролетаріата? Вѣдь, и у грузинскаго пролетаріата есть такіе враги, но на основаніи этого они не требуютъ отдѣльной организаціи? Онъ хорошо знаетъ, что для успѣшной борьбы съ врагами нужна взаимная помощь, взаимное объединеніе рабочихъ данной территоріи, независимо отъ ихъ національнаго происхожденія. Очевидно, авторы „Манифеста“ говорятъ не то, что думаютъ и думаютъ не то, что говорятъ. Почему имъ такъ трудно объясниться? Да просто потому, что они хотятъ замаскировать свое націоналистическое происхожденіе, не показать, что для нихъ „армянскій рабочій прежде всего — армянинъ“. Да развѣ можно было ожидать чего либо другого отъ „отколовшихся дрошакистовъ“? Они унаслѣдовали отъ дрошакистовъ не только организаціонный лозунгъ „пролетаріи всѣхъ націй, разъединяйтесь“, но и програмное требованіе федеративной республики. Какое значеніе имѣетъ для нихъ этотъ пунктъ, видно изъ письма въ № 3 „В. Б.“ „бывшихъ членовъ Бакинскаго Комитета“ („пара сомнительныхъ соціальдемократовъ, какъ въ свое время выразился корреспондентъ „Искры“), этихъ перебѣжчиковъ[3], въ лагерь „бывшихъ націоналистовъ“. Они, упрекая кавказскихъ делегатовъ, что послѣдніе не защищали такой же пунктъ проекта программы Кавказскаго Союза на второмъ партійномъ съѣздѣ, прибавляютъ: „пунктъ федераціи былъ гвоздемъ программы“. Но гвоздемъ соціальдемократической программы можетъ быть только соціализмъ. Программною обязанностью въ національномъ отношеніи для кавказскихъ делегатовъ, какъ и для всякаго соціальдемократа, могло быть созданіе такихъ національныхъ условій, при которыхъ пролетаріатъ успѣшно развивался бы, какъ сознательный классъ и пріобщился бы къ интернаціональной соціальдемократіи. И вотъ это обезпечивается въ нашей программѣ пунктами объ областномъ самоуправленіи окраинъ, о равноправіи языковъ, правѣ на самоопредѣленіе націй — словомъ, цѣлымъ рядомъ гарантій. При этомъ все же кричать о федерализмѣ значитъ выдавать себя за неисправимаго націоналиста. Очевидно, эта организація имѣетъ родство съ армянскими націоналистами, но никакъ не съ армянскими соціальдемократами. Будучи до конца вѣрными своему принципу — скрыть свое дѣйствительное происхожденіе — „бывшіе члены“ Бакинскаго Комитета тоже выдумали цѣлую исторію о родствѣ своей организаціи не только съ Кавказск. Союзомъ, но и съ первой армянской соціальдемократической газетой. Вотъ какъ они начинаютъ свое письмо: „Осенью 1902 г. вышелъ въ свѣтъ первый номеръ „Пролетаріата“, органъ Союза армянскихъ соціальдемократовъ“, — а кончаютъ такъ: „нами велась усиленная пропаганда среди армянской интеллигенціи и рабочихъ, результатомъ чего и было появленіе С. Д. Арм. Организаціи, *образованіе* которой уже *намѣчалось* еще въ первыхъ номерахъ „Пролетаріата“. Итакъ, армянская „организація“ ведетъ свое лѣтоисчисленіе съ союза армянскихъ соціальдемократовъ, который, оказывается, издавалъ „Пролетаріатъ“ и тамъ впервые намѣтилъ необходимость самостоятельной организаціи для армянскихъ рабочихъ. На это я, какъ принимавшій близкое участіе въ этихъ дѣлахъ, категорически заявляю: все это есть одна лишь выдумка союзниковъ Бунда: никакого союза армянскихъ соціальдемократовъ никогда не существовало, никакой газеты онъ, слѣдовательно, не могъ издавать, и въ первыхъ номерахъ „Пролетаріата“ ничего подобнаго не „намѣчалось“. Дѣло было, вотъ какъ: осенью 1902 г. Тифлисскій Комитетъ партіи рѣшилъ возобновить пріостановленное провалами изданіе грузинской соц.-дем. газеты „Брдзола“ (Борьба) и начать изданіе такой же газеты и на армянскомъ языкѣ. Выбрана была общая редакція, которая и выпустила оба изданія; причемъ, по чисто случайной причинѣ, названія оказались разными: по грузински „Брдзола“, по армянски — „Пролетаріатъ“; при этомъ армянскіе товарищи, по нѣкоторымъ агитаціоннымъ соображеніямъ, предпочли выпустить первый номеръ первой арм. соц.-дем. газеты отъ имени „союза армянскихъ соціальдемократовъ“[1], хотя подобнаго союза и не существовало. Само собою разумѣется, что въ газетѣ комитета партіи не могло „намѣчаться“ организаціонное обособленіе. Вотъ что писалось въ газетѣ по этому вопросу: „что же касается Кавказа, то, имѣя въ виду крайнюю разнородность его населенія, мы будемъ стремиться къ объединенію всѣхъ мѣстныхъ соціалистическихъ элементовъ и всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ; мы будемъ стремиться къ созданію единой крѣпкой соціальдемократической организаціи для болѣе успѣшной борьбы съ самодержавіемъ“ („Искра“ № 33). Говорить послѣ этого, что въ „Пролетаріатѣ“ „намѣчалось“ образованіе арм. сепаратной организаціи — не значитъ ли сознательно говорить неправду?

Какъ видите, союзники Бунда очень похожи на союзниковъ соц.-рев.: и тѣ и другіе скрываютъ свою дѣйствительную физіономію. Разница между ними та, что первые — „внутренніе“ враги, вторые — „внѣшніе“. И „Вѣстн. Бунда“, конечно, какъ хорошо знающій свое дѣло, братается съ первыми.

Въ заключеніе, два вопроса по адресу Бунда: почему онъ, когда дѣло идетъ о самостоятельномъ существованіи Бунда настаиваетъ на необходимости исходить — въ сужденіи о немъ — изъ понятія исторически сложившейся организаціи и забываетъ эту точку зрѣнія, когда вопросъ касается другихъ также исторически сложившихся организацій? Не есть ли это, говоря его же словами: „если у меня уведутъ жену — зло, если я уведу жену другого — благо“? Во-вторыхъ, „Вѣстн. Бунда“, поддерживая армянскихъ сепаратистовъ, поддерживаетъ и ихъ программу, „гвоздемъ“ которой выставляется требованіе политическаго федерализма. Между тѣмъ Бундъ принялъ партійную программу, гдѣ такого требованія нѣтъ. Спрашивается, какую программу принимаетъ теперь „Вѣстн. Бунда“ — партійную, армянскую или обѣ вмѣстѣ?

Б.

ПИСЬМО КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

(Изъ Самарской тюрьмы).

Товарищи! Я берусь за перо не для того, чтобы вылить наружу накопившуюся годами ненависть и презрѣніе къ самодержавному правительству. Эта ненависть какъ къ самодержавію, такъ и къ буржуазіи, высасывающей кровь изъ рабочихъ во имя процвѣтанія промышленности и выжиманія прибавочной стоимости — слишкомъ велика, чтобы однимъ взмахомъ пера можно было вылить и то и другое. Я пишу письмо, имѣя въ виду подготовляемый русскимъ самодержавнымъ правительствомъ новый набѣгъ на революціонеровъ: это новый законъ 26 іюня „о государственныхъ преступленіяхъ“.

По этому поводу нами на дняхъ былъ вызванъ товарищъ прокурора здѣшняго суда для выясненія сомнѣній: будетъ ли новый законъ примѣнимъ къ намъ, т. е. по старымъ дѣламъ, или онъ будетъ примѣняться для дѣлъ, возникшихъ уже послѣ 26 іюня. Изъ этого разговора выяснилось, что „они съ прокуроромъ“ дѣло самарцевъ направятъ въ палату. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выяснилось, что и дѣла, находящіяся у прокурора палаты, будутъ тоже направлены новымъ порядкомъ. Не удалось выяснить относительно тѣхъ дѣлъ, которыя находятся въ мин. юстиціи и мин. внутр. дѣлъ. Я не буду говорить о прокурорскомъ толкованіи „духа этого закона“, а попутно скажу, что „они съ прокуроромъ“ направятъ административнымъ порядкомъ дѣло только въ томъ случаѣ, если „кара“, по новому закону, больше. Скажите, какая гуманность и свободомысліе!

Такимъ образомъ, товарищи, арестованные въ концѣ прошлаго и началѣ этого года по дѣлу Самарскаго Комитета соц.-дем. партіи, будутъ судимы палатой.

Въ настоящее время по дѣлу мѣстнаго комитета здѣсь сидитъ 12 человѣкъ: Азаръ (инт.), Александровъ (сл.), Буяновъ (тех.), Балабановъ (гимн.), Горшковъ (инт.), Демидовъ (наб.), Дубининъ (инт.), Ковригинъ (инт.), Калмыковъ (сл.), Распоповъ (инт.), Чумаковъ (зем. уч.) и Фирсовъ (инт.). Кромѣ перечисленныхъ, въ палату же, какъ извѣстно, будетъ передано и тюремное дѣло объ „Искрѣ“ Бруштейна.

Всѣ ли мы будемъ фигурировать на скамьѣ подсудимыхъ или нѣтъ — пока еще неизвѣстно, но можно предположить, что нѣкоторые потерпятъ административную кару, въ силу того же закона, который оставляетъ себѣ приличную лазейку для дѣлъ „небольшихъ“ или, просто говоря, бездоказательныхъ. Имѣя все это въ виду, нужно ожидать, что этой осенью и зимой въ разныхъ мѣстахъ откроется цѣлый рядъ процессовъ.

Всегда вѣрное себѣ въ своемъ коварствѣ, самодержавное правительство и на этотъ разъ, примѣняя новый законъ къ старымъ дѣламъ, не обходится безъ задней мысли застать революціонеровъ врасплохъ. Кто будетъ оспаривать, что всю эту комедію правительство собирается разыгрывать ради усыпленія общественнаго самосознанія, что подъ этой фирмой законности торчатъ тѣ же штыки, нагайки, тундры и тюрьмы, съ прибавленіемъ арестантскихъ армяковъ. Мы, сидящіе въ тюрьмахъ, должны приготовиться и, собравъ всѣ свои силы и мужество, смѣло выступить предъ судомъ и открыто уличить правительство въ новомъ гнусномъ проявленіи деспотизма, обличить и самый законъ и тѣхъ, кто, раболѣпствуя предъ деспотизмомъ, собирается судить насъ. Подготовлены ли мы къ этому?

---

[1] Прекрасный матеріалъ для агитаціи можетъ дать книжка Конторовича „О правахъ и преимуществахъ Верховной Власти“ въ дешевомъ изданіи для народа.

[1] На Кавказѣ больше полдюжины націй.

[2] Этихъ „отколовшихся дрошакистовъ“ „В. Б.“ превращаетъ въ „отколовшихся соціальдемократовъ“ слѣдующими словами: „Изъ рядовъ Кавказскаго Союза“ выступила часть членовъ и образовала новую организацію“ и т. д. № 1 2 „В. Б.“

[3] О соціальдемократизмѣ этихъ господъ см. заявленіе четырехъ членовъ Бакинскаго Комитета въ № 70 „Искры“.

[1] Вскорѣ потомъ обѣ газеты получили общее названіе: „Борьба пролетаріата“ и стали выходить, какъ органъ Кавказскаго Союза.

Поставленные теперь лицомъ къ лицу съ новой тактикой самодержавнаго правительства, мы, сидящіе въ тюрьмахъ, нужно сознаться, едва ли подготовили свою. Я не имѣю въ виду тактику, „какъ держать себя на допросахъ". Самое большее — такъ развѣ то, что эту тактику придется согласовать и съ чиновничьимъ судомъ. Я имѣю въ виду тактику на судѣ. На судѣ намъ нужна общая тактика.

Исторія прошлогоднихъ процессовъ говоритъ намъ, между прочимъ, и о разногласіяхъ по этому вопросу. Вспомнимъ Нижегородскій процессъ демонстрантовъ. Товарищи въ тюрьмѣ разошлись по вопросу о томъ, выступать ли на судѣ съ протестомъ или не выступать. Я много номеровъ „Искры" не видѣлъ, и не знаю, были ли еще такіе случаи, но довольно и этого одного факта. Точно также и у насъ здѣсь есть разногласія, и понятно, съ какимъ живымъ интересомъ мы ожидаемъ, какъ выскажется партія о той тактикѣ, которой мы, соціальдемократы, должны придерживаться на судѣ.

Та тактика, которая примѣнялась обычно на судѣ въ прежнихъ процессахъ, вытѣкала изъ самаго хода процесса и взгляда товарища, т. е. была тактикой личнаго усмотрѣнія. Понятно, что въ то время, когда судебные процессы являлись исключеніями, не было необходимости для партіи рѣшать вопросъ о тактикѣ, и можно было предоставить рѣшеніе его каждому товарищу, какъ она это и дѣлала. Другое дѣло теперь, когда большая часть сидящихъ товарищей явятся на скамью подсудимыхъ по пресловутымъ старымъ статьямъ 250, 251 и 252, эти товарищи очутятся въ новой, не совсѣмъ знакомой для нихъ обстановкѣ. Такъ, въ златоустовскомъ процессѣ, какъ лично мнѣ разсказывали, товарищи-рабочіе, изъ болѣе даже сознательныхъ, не знали, какъ имъ держаться передъ судомъ. Теперь часть дѣлъ ничего не будетъ имѣть общаго съ тѣми исключительными, которыя фигурировали въ старыхъ процессахъ. Многочисленность дѣлъ указываетъ ужъ на необходимость общей тактики. Конечно, до извѣстной степени выборъ будетъ зависѣть отъ товарищей, но только выборъ. Какъ согласовать тактику оборонительную и тактику обличительную, не внося диссонанса и не нарушая коллективности въ дѣйствіяхъ? Вотъ вопросъ, на который такъ или иначе приходится дать отвѣтъ. Пунктомъ же разногласія является именно выступленіе въ судѣ съ протестомъ. Главнымъ же аргументомъ противъ выступленія въ судѣ выставляется то, что протестъ передъ заломъ, наполненнымъ сатрапами самодержавія и судьями, заранѣе уже подписавшими приговоръ, является протестомъ въ пустое мѣсто и ни къ чему не ведетъ, кромѣ увеличенія отвѣтственности.

Цѣлью моего письма является указать на необходимость установленія опредѣленной тактики въ скоромъ времени, на существованіе разногласій и побудить товарищей, сидящихъ въ другихъ тюрьмахъ, подѣлиться взглядами. Можетъ быть, имъ это удастся сдѣлать.

Я же лично думаю, что мы должны имѣть въ виду прежде всего не отвѣтственность, а извѣстный уже принципъ, по которому мы являемся на скамью подсудимыхъ не какъ обвиняемые, а какъ обличители. Являясь на скамью подсудимыхъ, мы являемся прежде всего революціонерами. Дружнымъ и сильнымъ протестомъ должны мы встрѣтить этотъ дикій законъ самодержавнаго правительства.

Не наша ли обязанность показать всю ту ужасную атмосферу, въ которой задыхается русскій рабочій, обнажить весь тотъ деспотизмъ, отъ котораго волосъ становится дыбомъ, показать судьямъ ихъ продажность, ихъ чисто лакейскую выслугу передъ самодержавіемъ, обличить ихъ лицемѣріе, лицемѣріе того либерализма, который передъ тѣмъ, какъ подписать приговоръ, гдѣ-нибудь за стѣнкой проливалъ обильныя либеральныя слезы о бѣдствіяхъ народа. Но, чтобы сдѣлать эти протесты и обличенія дѣйствительнымъ орудіемъ, чтобы превратить суды, при посредствѣ которыхъ правительство думаетъ задушить революціонное движеніе, въ трибуну революціонеровъ, намъ нужна опредѣленная, въ общихъ чертахъ, тактика. Такая тактика, которая являлась бы не только регуляторомъ коллективныхъ дѣйствій товарищей на судѣ, но въ то же время была бы противопоставлена, какъ политическій ходъ, новому набѣгу правительства.

И я заканчиваю письмо къ товарищамъ вопросомъ: какова же должна быть тактика соціальдемократовъ передъ судомъ?

Товарищъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Отмѣна розги. Героическія старанія „августѣйшей" дамы, подарившей, наконецъ, Россіи будущаго самодержца, были, какъ и слѣдовало ожидать, ознаменованы актомъ необычайной „высочайшей милости". Отмѣнены тѣлесныя наказанія для крестьянъ и штрафованныхъ солдатъ. Изъ царскаго герба, вслѣдъ за выпаденіемъ оливковой вѣтви, безжалостно унесенной вихремъ Восточныхъ событій, выбрасывается его лучшее украшеніе — вѣтвь березовая. Самодержавіе еще не валится, но оно уже *крошится*. Что скажетъ князь Мещерскій при видѣ этого самоупраздненія самодержавія? Безъ *узаконенной* розги національный характеръ самодержавія остается невыдержаннымъ, и ароматъ исторической традиціи начнетъ отлетать отъ этого почтеннаго института.

Отъ обывателя врядъ ли укроется, что если *поводомъ* къ отмѣнѣ розги послужилъ геройскій подвигъ Александры Феодоровны, то дѣйствительной причиной послужили не менѣе геройскіе подвиги *японцевъ*. Отмѣной розги царизмъ отдаетъ первую дань „уроку исторіи", преподанному ему адмиралами Того и Камимурой и генералами Куроки и Оку. Не даромъ нововременскій прозорливецъ Меньшиковъ наканунѣ манифеста заговорилъ о побѣдѣ японскаго „школьнаго учителя". И, какъ бы ни было глубоко увѣрено самодержавіе въ томъ, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ", оно не могло не преклониться передъ суровой моралью исторіи и не попытаться отказомъ отъ розги поднять свой безнадежно-упавшій престижъ въ глазахъ буржуазной Европы. Небитый японскій солдатъ завоевалъ русскому крестьянину и русскому солдату то изъятіе отъ розги, котораго не могло имъ добыть русское „культурное общество".

Историческій потокъ, подмывающій устои самодержавія и подобравшійся уже вплотную къ его твердынямъ, не замолитъ этой добровольной жертвой, въ видѣ національной березовой вѣтви, эффектно выброшенной жаднымъ волнамъ съ балкона Петергофскаго дворца! Онъ неумолимъ, этотъ бурный потокъ, и не успокоится, пока не снесетъ скалы, заграждающей ему путь. Слишкомъ поздно! долженъ будетъ сказать себѣ царизмъ, еще разъ убѣдившись, что жалкая реформа, которая лѣтъ десять назадъ могла бы убаюкать сознаніе кое-какихъ слоевъ населенія, теперь, когда историческій вопросъ о бытіи самодержавія поставленъ ребромъ, не остановитъ на себѣ даже вниманія пробудившейся къ политической жизни массы. Слишкомъ поздно!

Уничтоженіе Тихоокеанскаго флота и предстоящая гибель Портъ-Артура. Война пришла къ своему критическому моменту. Послѣ семи мѣсяцевъ безславной кампаніи, не давшей русскому воинству *ни одной*, хотя бы маленькой, побѣды, мы стоимъ наканунѣ взятія Портъ-Артура, которое можетъ послѣдовать не сегодня-завтра. Тѣснымъ кольцомъ окружаютъ японскія войска крѣпость и все туже затягивается петля вокругъ нея. Русскимъ газетамъ, которыя до сихъ поръ изощрялись въ доказательствахъ того, что Портъ-Артуръ „нельзя взять", внезапно данъ свыше приказъ приготовлять публику къ мысли, что крѣпость нельзя отстоять. И газеты стараются. Теперь уже оказывается, что крѣпости для того собственно и строятся, чтобы, задержавъ около себя на нѣкоторое время непріятеля, попасть, въ концѣ концовъ, въ его руки („Нов. Вемя"). Нѣтъ такой крѣпости, которая не могла бы быть взятй непріятелемъ! И почтенныя газеты съ такой же настоятельностью прививаютъ читателямъ *эту* мысль, съ какой въ теченіи полугода гипнотизировали своего Митрофана идеей „неодолимой" крѣпости. Политическая педагогія! Съ дѣтьми нельзя же иначе!

Политическая педагогія реакціонеровъ немного, къ сожалѣнію, отличается отъ политической педагогіи либераловъ. Мы говоримъ не о тѣхъ представителяхъ этой породы двуногихъ, которые въ легальныхъ газетахъ рабски перепѣваютъ всѣ мотивы реакціоннаго шовинизма, вплоть до истерическихъ выкликаній объ „японскихъ звѣрствахъ" (ст. письмо Корсакова изъ Пекина въ „Русс. Вѣд."). Мы говоримъ о либералѣ нелегальномъ, г-нѣ Струве. Въ № 53 „Освоб.", по поводу предстоящаго взятія Портъ-Артура, говорится: „...быть можетъ, теперь или никогда (sic!). Если теперь русское общество, — во имя интересовъ народа и національной чести, — не потребуетъ коренныхъ реформъ, открыто провозглашенныхъ и проведенныхъ, это будетъ такимъ же банкротствомъ культурныхъ классовъ Россіи, какъ судьба Портъ-Артура есть банкротство царской политики и царскихъ генераловъ". Это пишетъ тотъ самый публицистъ, который въ началѣ войны совѣтовалъ не идти въ протестѣ дальше кликовъ: „долой Плеве!" и „да здравствуетъ армія!". А, вѣдь, *зналъ* онъ, какъ зналъ мы, что, рано или поздно, въ Восточной войнѣ обнаружится гнилость самодержавія, что падетъ Портъ-Артуръ и что вопросомъ „интересовъ народа и національной чести", — того, что буржуазія считаетъ „національной честью", — станетъ вопросъ о „коренныхъ реформахъ". Зналъ, — но, вмѣсто того, чтобы подготовлять своего читателя къ этому моменту, *призывая его къ активному протесту противъ войны и самодержавія*, онъ предпочелъ ждать, пока гибель Портъ-Артура будетъ дѣломъ завтрашняго дня, чтобы только какъ-нибудь не попасть слишкомъ не въ тонъ шовинистическому настроенію „культурныхъ классовъ". Когда „политическіе вожди" либерализма не идутъ дальше такой педагогіи, немудрено, если, въ конечномъ счетѣ, они не минуютъ зрѣлища „банкротства" своего класса.

Нечего, конечно, и ожидать, чтобы „культурные классы", проявившіе такую бездну холопства и политической тупости въ теченіе всей войны, переродились послѣ гибели „новаго Севастополя". И дѣломъ „некультурныхъ" классовъ, — дѣломъ пролетаріата, — остается взять инціативу активныхъ дѣйствій противъ запутавшагося правительства, сверженіе котораго стало первымъ и основнымъ вопросомъ „національной чести".

Передъ паденіемъ Портъ-Артура патріотическому сердцу суждено было испытать еще одинъ чувствительный ударъ: разгромъ Тихоокеанскаго флота. Тысячи бѣдныхъ матросовъ, погибшихъ при этомъ, десятки милліоновъ рублей кристализованнаго народнаго труда, которыя погибли и погибнутъ въ волнахъ океана, — не объ этомъ, конечно, кручинятся патріотическія сердца. Больше всего ихъ долженъ поразить самый фактъ уничтоженія этихъ колоссальныхъ орудій смерти, — броненосцевъ, крейсеровъ, истребителей, — въ которыхъ современное буржуазное сознаніе усматриваетъ символъ „національной мощи". Отъ Тихоокеанскаго флота почти ничего уже не осталось: „Варягъ", „Кореецъ", „Петропавловскъ", „Рюрикъ", „Новикъ", „Богатырь", „Сивучъ", и, пожалуй, „Севастополь" погибли на днѣ моря (миноноски не въ счетъ), „Аскольдъ", „Діана" и „Цесаревичъ", изрѣшетенные японскими снарядами, подверглись разоруженію въ чужихъ портахъ и обезврежены до конца войны, „Полтава", „Побѣда", „Ретвизанъ", „Пересвѣтъ" и „Баянъ", совершенно искалѣченные, ждутъ въ Портъ-Артурѣ момента, когда, во имя „національной чести", ихъ прикажутъ взорвать собственному экипажу, а „Громобой" и „Россія" остаются въ Владивостокѣ *единственными*, — увы! тоже приведенными въ плачевное состояніе, — представителями когда-то грознаго флота. Таковъ балансъ морской кампаніи царскаго правительства, въ которой еще яснѣе, чѣмъ въ сухопутныхъ дѣйствіяхъ, сказались роковые результаты военной неспособности и преступной неумѣлости нашихъ полководцевъ.

Самара. Самарское населеніе, передъ глазами котораго проходили всѣ войска, отправлявшіяся на Дальній Востокъ, вдоволь успѣло насмотрѣться сценъ народнаго горя и разоренія, и настроеніе его ко времени объявленія мобилизаціи было очень неспокойное. Дѣйствія администраціи подливали масла въ огонь: богачъ рыбопромышленникъ Сапрыкинъ былъ принятъ въ околодочные, что избавляетъ отъ обязанности итти на войну; архіерей съ той же цѣлью сдѣлалъ нѣсколькихъ богачей псаломщиками. Все это возбуждало негодованіе городской бѣдноты, и надо было ждать бури. Въ первый же день призыва запасныхъ собрали для провѣрки у полиц. управленія и морили ихъ тамъ долгое время. Когда толпа замѣтила, что и тутъ богачи пользуются привилегіями — ихъ записывали и отпускали въ первую голову, — накипѣвшая злоба прорвалась. Послышались ругательства по адресу полиціймейстера, въ окна полицейскаго зданія полетѣли камни, и, наконецъ, толпа бросилась впередъ, избивая особенно ненавистныхъ городовыхъ. Досталось при этомъ и полиціймейстеру съ помощниками. Слышались требованія выдать деньги, взятыя съ Сапрыкина, открыть „казенки". Возбужденіе росло, и полиція, не будучи въ состояніи справиться съ нимъ, призвала войска для усмиренія.

Столкновеній съ полиціей за дни призыва, кромѣ описаннаго, было не мало. Нерѣдки также конфликты между запасными солдатами и офицерствомъ; за нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ внѣ казармы, „воинскій духъ" — привычка къ безусловной дисциплинѣ, успѣваетъ испариться, и запасному не такъ уже легко сѣсть на шею. Надо признать, что большинство офицеровъ чувствуетъ это, и обращается съ нимъ осмотрительнѣе, чѣмъ со срочнымъ солдатомъ; бываютъ, однако же, и исключенія, въ результатѣ которыхъ — столкновенія и случаи самоубійства призванныхъ запасныхъ. Особенно прославился своимъ варварствомъ капитанъ Чародѣевъ, безжалостно „подтягивающій мужичье" въ Бузулукскомъ полку. Говорятъ, что на одномъ ученьи онъ замучилъ двухъ человѣкъ до смерти и десятерыхъ до обморока. Рота страшно озлоблена противъ него, и относительно его дальнѣйшей судьбы ходятъ разные слухи: одни утверждаютъ, что Чародѣевъ изъ страха передъ возмездіемъ застрѣлился самъ, по другимъ же свѣдѣніямъ онъ даже былъ убитъ ротой въ Челябинскѣ по пути на Дальній Востокъ.

Настроеніе солдатъ отнюдь не воинственное; разсужденія: „зачѣмъ намъ война?" „не нужна она намъ!" слышатся то и дѣло. Незамѣтно было никакого патріотическаго одушевленія и при посѣщеніи Самары царемъ. Ему предшествовали обычныя приготовленія: „обывательская" охрана изъ лавочниковъ, домовладѣльцевъ и... шпиковъ; очистка города отъ неблагонадежныхъ элементовъ (арестовано 21 человѣкъ поднадзорныхъ, и произведено такое же число обысковъ, не давшихъ никакихъ результатовъ). За нѣкоторое время до пріѣзда, домовладѣльцамъ было объявлено, чтобы они въ торжественный день не выходили на улицы сами и не выпускали квартирантовъ (!). Однако, въ день пріѣзда публикѣ вдругъ было дано разрѣшеніе полюбоваться на „обожаемаго". Обыватели покрикивали „ура" такъ вяло, что старики упрекали молодежь въ равнодушіи, вспоминая пріѣздъ въ Самару „Освободителя". Нѣсколько смѣльчаковъ изъ толпы пытались подать прошенія, но, понятно, попали въ участокъ. Этимъ торжество и кончилось.

Военныя дѣйствія и внутренняя политика. „Око царево" не дремлетъ и на театрѣ войны. Какъ извѣстно, образовано особое полевое жандармское управленіе, которое пользуется живѣйшими симпатіями намѣстника и усердно очищаетъ Манджурію и дѣйствующую армію отъ внутренняго врага. Недавно корреспондентъ „Русск. Вѣдом." и „Вост. Обозр." былъ высланъ изъ Харбина, на томъ основаніи, что онъ (бывшій ссыльный) состоитъ подъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Теперь отъ редакцій требуютъ ручательства въ благонадежности посылаемыхъ ими на войну сотрудниковъ. У корреспондента „Neue Freie Presse" — одного изъ 20 съ лишнимъ иностранныхъ журналистовъ, выѣхавшихъ изъ Манджуріи вслѣдствіе бойкота военныхъ властей — въ его отсутствіе былъ произведенъ въ Иркутскѣ обыскъ, послѣ чего ему было предложено немедленно со скорымъ поѣздомъ выѣхать за границу.

Въ Иркутскѣ же имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: юнкера мѣстнаго военнаго училища очень интересовались спискомъ убитыхъ и раненныхъ въ бою подъ Тюренченомъ, такъ какъ въ немъ участвовало много ихъ товарищей офицеровъ. Одному изъ нихъ удалось добыть отъ знакомаго телеграфиста этотъ списокъ раньше опубликованія, когда онъ передавался по телеграфу въ Петербургъ. Фамиліи павшихъ въ бою стали гулять по всему училищу. Инспекторъ Ф. Агте (либералъ конституціоналистъ), замѣнявшій уѣхавшаго директора, разузналъ какъ то, кто изъ юнкеровъ добылъ списокъ, и потребовалъ отъ него, чтобы онъ назвалъ фамилію телеграфиста, нарушившаго „служебную тайну". Юнкеръ отказался. Нашъ „либералъ" распорядился уволить его изъ училища, но на счастье къ этому времени вернулся директоръ Хлыновскій, — консерваторъ, который призналъ, что юнкеръ дѣйствовалъ согласно требованіямъ товарищеской порядочности и оставилъ его въ училищѣ.

Съ театра войны. Письмо очевидца Тюренченскаго боя (писано 21 іюня). „Дезорганизація въ арміи ужасная; отдѣльные начальники стремятся выскочить другъ передъ другомъ и изъ за этого замучиваютъ людей и лошадей, подводятъ безъ нужды солдатъ подъ пули; отдѣльныя части по нѣсколько дней питаются жесткими кукурузными лепешками, а лошади гнилымъ гаоляномъ; обувь разваливается, офицеры деморализованы, а среди несчастныхъ солдатъ полное непониманіе того, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. Въ бою подъ Тюренченомъ, дѣло окончилось паническимъ бѣгствомъ, при чемъ былъ брошенъ военный обозъ, весь обозъ летучаго отряда Краснаго Креста, а герой дня — генералъ Засуличъ — съ полковникомъ генеральнаго штаба бѣжали впереди обоза. Въ передовой дивизіи знаменитаго генерала Мищенко такая дезорганизація, что, когда летучій отрядъ прибылъ въ Саймадзы съ отрядомъ Грекова, „дивизія" представляла собою толпу оборванцевъ на шатающихся отъ голода лошадяхъ; лошади и люди были замучены непомѣрными переходами въ теченіе цѣлаго мѣсяца развѣдочной службы, а въ результатѣ этой „упорной" развѣдочной службы, на основаніи легкомысленныхъ указаній ген. Мищенко, отрядъ Грекова тутъ же подъ Саймадзы попалъ на сильнѣйшій японскій отрядъ и бой превратился въ бойню"...

Ст. Борзя. (Забайкальской ж. д.). Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Борзинскій продовольственный пунктъ остался безъ бѣлой муки; мясо можно достать лишь съ трудомъ. Пустуютъ склады по всей линіи Забайкальск. ж. д. Ждутъ, что, не сегодня-завтра, можетъ наступить голодовка — и рабочіе разбѣгутся.

На Татауровской лѣсной дачѣ имѣлъ уже мѣсто такой фактъ: за неимѣніемъ хлѣба свыше 500 рабочихъ бросили работу и разбѣжались. На двѣ недѣли всѣ работы пріостановились и лишь частью возстановились, когда пришло 300-400 пудовъ хлѣба. На долго ли хватитъ?

Имѣются свѣдѣнія изъ военныхъ пунктовъ о недостаточномъ и недоброкачественномъ питаніи солдатъ, граничащемъ съ голоданіемъ.

Виндава. Наша спокойная сонная гавань переживала 11 іюня тревожныя минуты. Повторился почти такой же „картофельный бунтъ", какъ въ 1901 году. Въ гавани бросили якорь казенныя транспортныя судна, которымъ было поручено закупить, по возможности, много картофеля на нужды флота. Эта вѣсть скоро облетѣла хижины рыбаковъ, которые съ женами собирались большой толпой въ гавани. Пища мѣстнаго населенія состоитъ, главнымъ образомъ, изъ рыбы и картофеля, а если правительство закупаетъ въ большомъ количествѣ картошку, то они чѣмъ будутъ питаться? Вотъ и рѣшили не давать нагрузить картошку на пароходы. Принимали участіе и женщины, наравнѣ съ мужчинами. Полиція гавани и городовые ничего не могли предпринять противъ возбужденной толпы. Пароходы отчалили и пристали къ другому берегу, но скоро сюда прибыла толпа, и положеніе стало опаснымъ. Противъ смѣлаго и рѣшительнаго протеста ничего нельзя было сдѣлать, и русскій флотъ долженъ обойтись безъ виндавской картошки.

Архангельскъ. Общественная жизнь г. Архангельска въ маѣ и до конца іюня прошла тихо и вяло. Не оживило ее даже то обстоятельство, что, въ общемъ, „дѣла" стали хуже, лѣсныхъ заготовокъ и другихъ работъ стало меньше сравнительно съ прошлыми годами, что много пришлыхъ рабочихъ не нашли себѣ заработка. Всюду слышны жалобы на безработицу. Въ концѣ іюня Архангельскъ тревожно заволновался. Была объявлена мобилизація запасныхъ офицеровъ. На этотъ разъ обязанность защиты „престола-отечества" и расплата за авантюру на Дальнемъ Востокѣ пали на долю крупной и средней буржуазіи. Съ едва скрываемымъ раздраженіемъ бросали они насиженныя мѣста. Нѣкоторымъ пришлось даже ликвидировать свои предпріятія, что, конечно, вызывало у нихъ далеко не нѣжныя чувства къ правительству. Проводы офицеровъ, несмотря на попытки администраціи придать имъ веселый и патріотическій характеръ, были грустны и унылы. Немного спустя, объявлена была мобилизація нижнихъ чиновъ флота. Она поразила самыхъ запасныхъ и ихъ семьи, какъ ударъ грома. Было нѣсколько трагическихъ случаевъ: жена одного запаснаго, мать пяти дѣтей, удавилась; одинъ запасный пытался утопиться, но его успѣли вытащить. У воинскаго начальника, куда собирались запасные, происходили тяжелыя сцены: бабы, дѣти и сами матросы плакали при разставаніи. Особенно сильно было выраженіе горя при послѣднемъ прощаніи на пристани, откуда 8-го іюля отправляли запасныхъ на желѣзную дорогу. Провожать на пристань явились вице-губ., полиціймейстеръ, всѣ жандармы и городовые; очевидно, опасались проявленія „патріотическихъ" чувствъ. Полиція держала себя при этомъ возмутительно, отталкивала провожавшихъ, прямо била ихъ. Никакихъ проявленій патріотизма не замѣчалось: вой и крики заглушали даже оркестръ музыки. Чувствовалось, что толпа понимаетъ характеръ войны и ничего, кромѣ несчастій, не ждетъ отъ нея. Къ запаснымъ были выпущены листки Арханг. Ком. Р. С.-Д. Р. П. и листки Группы С.-Д. Дальняго Сѣвера.

Якутская гекатомба. Шестьсотъ шестьдесятъ (660) лѣтъ каторги! Такъ, по сообщеніямъ легальныхъ газетъ, гласитъ приговоръ Якутскаго окружнаго суда по дѣлу о „барикадахъ": 55 участниковъ обороны присуждены къ 12-ти годамъ каторжныхъ работъ каждый (трое, Зеликманъ, Софья Померанецъ, Виленкинъ, которые заявили властямъ о томъ, что помогали осажденнымъ изъ города — оправданы, а тов. Никифоровъ приговоренъ къ одному году арестантскихъ ротъ). Такого массоваго каторжнаго приговора еще небывало въ богатой исторіи русскихъ политическихъ процессовъ со времени дѣла декабристовъ.

Окружный судъ блестяще доказалъ Кутайсову, что можетъ вполнѣ замѣнить собою судъ военный. Съ лакейской угодливостью онъ назначилъ максимальную мѣру наказанія за коллективное сопротивленіе лицамъ, изъ которыхъ *не болѣе двухъ* прибѣгало къ оружію. Нечего говорить, что судъ не пожелалъ принять во вниманіе обстоятельствъ, приведшихъ защитниковъ Романовки къ ружейнымъ выстрѣламъ. О томъ, чтобы принять въ соображеніе Кутайсовскій режимъ и признать Романовскую эпопею *вынужденной самообороной* — конечно, не могло быть и рѣчи у русскихъ судей.

Наши товарищи осуждены. Въ ихъ лицѣ цвѣтъ революціонной гвардіи послѣднихъ лѣтъ отправляется въ каторжныя тюрьмы, чтобы нести свою долю съ тѣмъ спокойнымъ мужествомъ, которое стало традиціей русской революціи. Пусть же, вслѣдъ имъ, этимъ героямъ революціоннаго долга, пронесется по всей рабочей Россіи одинъ кличъ возмущенія противъ ненавистнаго режима, съ хладнокровной жестокостью губящаго сотни молодыхъ жизней.

Послѣ Нохтуйской драмы. Встрѣча партіи въ Якутскѣ. При первыхъ извѣстіяхъ о партіи и ея судьбѣ мѣстные ссыльные стали обсуждать вопросъ, какъ отвѣтить на насилія, произведенныя надъ партіей въ пути. Послѣ долгихъ обсужденій пришли къ рѣшенію устроить демонстративную встрѣчу. Съ этой цѣлью человѣкъ 30-40, большей частью улусниковъ, не имѣющихъ права пребыванія въ городѣ, отправились въ субботу вечеромъ на осеннюю пристань, гдѣ, по разсчетамъ, могла остановиться партія. Здѣсь пришлось продежурить до ранняго утра 21-го, когда паузки приплыли прямо къ городу. Какъ только паузки прошли мимо пристани, товарищи бросились къ берегу и стали обмѣниваться громкими привѣтствіями съ партіей. Въ городъ демонстранты успѣли прибыть раньше партіи и въ ожиданіи ея расположились на берегу. Полиція, присутствовавшая на берегу, ничего не предпринимала. Вдали виднѣлся взводъ солдатъ. Какъ только сходни были брошены на берегъ, демонстранты, построившись въ карре и имѣя съ тылу солдатъ, выкинули два знамени — одно красное съ надписью на одной сторонѣ „долой самодержавіе“, на другой: „долой циркуляры Кутайсова“, другое черное — съ надписью „свѣтлая память Юрію Матлахову и Науму Шацу“. Съ большимъ воодушевленіемъ демонстранты пропѣли два куплета Варшавянки. Съ паузковъ поддерживали. Полиціймейстеръ нѣсколько разъ наскакивалъ, пытаясь вырвать знамена, но ему всякій разъ давали дружный отпоръ. Потерявъ всякую надежду добыть флаги собственными силами, онъ скомандовалъ солдатамъ подойти и тѣ съ ружьями на перевѣсъ и съ поднятыми прикладами бросились къ демонстрантамъ. Достаточно было посмотрѣть на ихъ озвѣрѣлыя лица, искаженныя злобой и ненавистью, чтобы понять, чѣмъ кончится свалка при довольно первобытномъ вооруженіи ссыльныхъ. Флаги были убраны. Прервавъ пѣсню, всѣ обернулись въ полуоборотъ къ солдатамъ. Полиціймейстеръ требовалъ, чтобы ссыльные разошлись. Ему отвѣтили, что пришли встрѣтить партію и протестовать противъ насилій, оказанныхъ надъ ней, и расходиться не будутъ. Однако, отступить на нѣсколько шаговъ отъ сходней согласились, прокричавъ нѣсколько разъ „долой самодержавіе!“, „долой циркуляры!“. Мѣсто это было тотчасъ же занято цѣпью солдатъ. Не желая дальнѣйшихъ осложненій, губернаторъ вопреки прежнему намѣренію взять партію на время въ тюрьму, приказалъ партію освободить тутъ же на берегу.

⁂

По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, тов. Минскій привлекается къ суду за убійство офицера Сикорскаго. (За убійство тов. Шаца судить, конечно, никого не будутъ!). На слѣдствіи солдаты даютъ показанія въ пользу Минскаго и даже два солдата, какъ сообщаютъ, заявили, что они сами убили бы негодяя, еслибъ иначе нельзя было отстоять отъ него его жертву.

Арханг. губ. Въ безконечный списокъ правительственныхъ гоненій, обрушивающихся на мирнаго обывателя можете вписать еще два факта недавняго происхожденія: 1) Въ г. **Холмогорахъ** городской акушеркѣ Поповой, прослужившей 17 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, велѣно подать прошеніе объ увольненіи отъ службы. Мотивировка: знакомство съ политическими ссыльными и подозрѣніе въ участіи въ организаціи побѣга Рѣдкозубова. Когда Попова замѣтила исправнику, что она уже въ силу своей профессіи, не можетъ разбираться въ знакомствахъ, этотъ послѣдній имѣлъ наглость публично оскорбить почтенную женщину (ей ужъ за 40 лѣтъ) словами: „Вѣдь вы ходите обнявшись съ политиками!“ 2) Въ **Онегѣ** одна учительница исключительно за знакомство съ „политиками“ уволена отъ службы. Политическіе ссыльные Онежскаго уѣзда опубликовали резолюцію, выражающую сочувствіе якутскимъ борцамъ.

Приходятъ и уходятъ этапы: сотни революціонеровъ со всѣхъ концовъ Россіи пригоняются подъ конвоемъ въ нашъ холодный и забитый край и тотчасъ же разселяются по глухимъ деревушкамъ. Большая часть прибывшихъ съ послѣдними этапами назначена на Печору или въ западную часть Кемскаго у. такъ называемую Корелію. Условія жизни тамъ тяжелыя, ни заработковъ, ни врачебной помощи; населеніе (Корелы) не понимаетъ русскаго языка, мѣстность болотистая, нездоровая. Изъ одного села этого глухого края (Кореліи) получено коротенькое письмо отъ одного ссыльнаго объ условіяхъ тамошней жизни.

„Со времени моего пріѣзда (за одну недѣлю) пишетъ товарищъ, я заболѣвалъ четыре раза лихорадкой, и эта болѣзнь страшно обезсиливала меня. Вотъ и сейчасъ едва я могъ подняться съ постели. Въ настоящій моментъ съ товарищами происходитъ нѣчто подобное. Опасность заболѣванія въ виду сырой болотистой мѣстности и плохого питанія (ни мяса, ни яицъ, ни порядочной рыбы, ни даже бѣлаго хлѣба) громадна, а между тѣмъ здѣсь не можетъ быть никакого медицинскаго пособія. Три дня назадъ я и товарищи потребовали немедленно урядника, чтобы онъ вытребовалъ сюда хоть фельдшера; онъ согласился, но такъ какъ почта уходила черезъ шесть дней, то и посылку отношенія приходилось отложить до того же времени, ибо въ селѣ не оставалось ни одного десятскаго. Положимъ, выручилъ случай: одинъ мужикъ плелся въ * * * и согласился снести туда бумагу... Здѣсь показываютъ могилу какого-то ссыльнаго (не знаю, политическаго или уголовнаго), который прожилъ здѣсь всего три мѣсяца, заболѣлъ, да такъ до самой смерти и не дождался врачебной помощи...“ Въ заключеніе авторъ письма проситъ прислать самолѣчебникъ, касторовато масла, хинина и скипидара и прибавляетъ: „денегъ не высылаемъ: у насъ всего 70 коп. (это на четверыхъ)“.

Назначая ссыльныхъ въ тотъ или другой пунктъ, губернаторъ нисколько не считается съ тѣми условіями, въ какихъ приходится жить. „Вы вѣдь пріѣхали сюда не устраиваться, а отбывать наказаніе“, неизмѣнно говоритъ онъ каждому просящему о переводѣ въ другое мѣсто. Такъ разсуждать можетъ конечно, только очень неумный ташкентецъ. Но ссыльные — живые люди, губить свое здоровье въ угоду разбойничьему правительству никому не охота — и вотъ начинаются протесты, борьба за жизнь. Здѣсь и тамъ вспыхиваютъ столкновенія, стычки. Приведу факты: изъ села Долгощелья самовольно ушли въ Мезень всѣ политическіе ссыльные (семь чел.), заявивъ исправнику, что въ Долгощелье больше не вернутся, такъ какъ тамъ за послѣднее время получилъ сильное распространеніе сифилисъ, и они вовсе не желаютъ ежеминутно подвергаться опасности зараженія. Исправникъ составилъ протоколъ, и дѣло о самовольной отлучкѣ разсматривалось у городского судьи. По слухамъ, судья вошелъ въ положеніе политиковъ и оправдалъ ихъ. Что сдѣлали съ ними: оставили ли ихъ въ Мезени или отправили обратно въ Долгощелье — точно не знаю.

Въ селѣ Усть-Важкѣ того же уѣзда задерживали выдачу пособія ссыльнымъ. Тогда послѣднимъ ничего не оставалось (деньги всѣ вышли), какъ сѣсть на баркасъ и поѣхать „на заработки“. Изъ 13-ти протестовавшихъ пятеро вернулись съ дороги, а остальныхъ нагналъ приставъ съ извѣстіемъ, что пособіе будетъ немедленно выдано. Тогда и остальные вернулись. Въ село Укзенгу Пинежскаго уѣзда пріѣхали жандармы для ареста политическаго ссыльнаго Хайта (привлекается по дѣлу Кока). Въ квартиру Хайта былъ присланъ жандармъ съ требованіемъ, чтобы Хайтъ послѣдовалъ съ нимъ предъ „ясныя очи“ жандармскаго синклита. Хайтъ резонно замѣтилъ, такъ какъ не жандармы ему, а онъ жандармамъ нуженъ, то пусть сами къ нему явятся, а онъ ходить не станетъ. Въ отвѣтъ на это заявленіе не замедлили явиться жандармы съ понятыми и проч. Политики пытались оказать сопротивленіе: вооружились, кто дубиной, кто косой, и отбили первый натискъ понятыхъ, но затѣмъ были смяты, а Хайтъ арестованъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что рано или поздно эти маленькія стычки и разрозненныя столкновенія сольются въ одинъ общій протестъ сѣверной ссылки противъ тѣхъ нечеловѣческихъ условій, въ какія ставитъ ее все растущая и усиливающаяся репрессія.

Въ ссылкѣ. — *Въ Ачинскѣ* (Енисейск. губ.) сидятъ въ тюрьмѣ: Павелъ Одарикъ, Ѳадей Зайдшеръ, Іосифъ Батханъ. Всѣ трое выселяются изъ села Ужурскаго, Ачинскаго у., по распоряженію ген.-губернатора, за протестъ, посланный ему по поводу Якутской бойни.

Въ Канскѣ (той же губ.). У политическаго (бундовца) Межевецкаго, которому до заключенія срока осталось полъ года, произведенъ обыскъ по подозрѣнію въ содѣйствіи бѣгущимъ. При обыскѣ ничего не нашли, и жандармы, за отсутствіемъ уликъ, отказались отъ обвиненія; тѣмъ не менѣе, Кутайсовъ распорядился выслать М. въ глухое село Панское, расположенное по Ангарѣ въ 800 в. за Енисейскомъ и далеко отъ волости.

Архангельскъ. Настроеніе общества. Аресты. Съ быстротою молніи облетѣла городъ вѣсть о смерти всесильнаго временщика Плеве. Газеты въ этотъ и послѣдующіе дни брались съ бою, публика толпилась на улицахъ, въ парикмахерскихъ и магазинахъ въ ожиданіи газетъ. Всюду шли толки. Интересовались подробностями убійства, гадали, кто будетъ замѣстителемъ „великаго“ Плеве, никто не жалѣлъ послѣдняго; горячее сочувствіе было на сторонѣ убійцы, даже чиновники и тѣ либеральничали... И то сказать: покойникъ всѣмъ надоѣлъ. Кто только не чувствовалъ его тяжелой руки... Я толкался въ публикѣ и слушалъ, что говорятъ. Не всѣ понимали смыслъ убійства и часто объясняли его по своему. Досталось, какъ водится, студентамъ. „Это — видишь — какъ дѣло было — разсказывалъ у казенки плотникъ — приходитъ къ министру студентъ и говоритъ: „Давай мнѣ казенное мѣсто“. А министръ ему: „Гдѣ взять казенное мѣсто для тебя? Нѣтъ его! Изъ кармана, что ли, его выложить“. „А! нѣтъ мѣста! такъ вотъ же тебѣ“ ... и сейчасъ его бомбой...“

Въ другомъ мѣстѣ бесѣдуетъ кучка мастеровыхъ: „И видать, что человѣкъ хорошій — слышу голосъ — себя не пожалѣлъ; только все едино — всѣхъ не перебьешь, на его мѣсто новую собаку поставятъ...“.

Отношеніе къ событію было различно: одни возлагали надежду на „конституцію“, которую сорока принесетъ на хвостѣ, другіе настраивались пессимистически, ожидая одной лишь безудержной реакціи. Однако, такъ или иначе, но вѣсть о смерти Плеве проникла всюду: даже на базарѣ торговки говорили о томъ, что „какого то министра нашего на войнѣ бомбой разорвало“ и прибавляли сочувственно: „Много нашего народушка погибло!“.

Оживленію интереса къ событію помогли листки мѣстныхъ организацій. Первой откликнулась Архангельская группа соціалистовъ-революціонеровъ, о существованіи которой только по этому листку и узналъ архангелецъ. (Интересно, что соц. рев. поспѣшили отозваться, лишь только въ воздухѣ запахло терроромъ, а до того молчали, ничѣмъ не обнаруживая своего существованія). Листокъ соц.-рев. былъ составленъ крайне неудачно, на какомъ-то тяжеловѣсномъ канцелярскомъ языкѣ, но за то былъ широко разбросанъ въ городѣ и Соломбалѣ (раб. предм.). Въ слѣдующую ночь былъ разметанъ листокъ группы соціалъ-демократовъ Дальняго Сѣвера, подводившій итоги злодѣяніямъ Плеве и предостерегавшій сознательныхъ соц.-дем. отъ поворота къ террору. Ждали листка отъ комитета нашей партіи, но такъ и не дождались почему-то...

Слѣдомъ за революціонеромъ идетъ жандармъ. Въ ночь на 18 іюля въ Соломбалѣ и городѣ шли уже аресты и обыски. Арестованы: Анна Постникова (учительница) и Ольга Урпина (кончившая гимназію). Обысканы политическіе ссыльные: Гудзь, Эккъ и Поддубный. Интересны нѣкоторыя подробности обысковъ: квартиры Постниковой и Поддубнаго обысканы въ отсутствіи ихъ хозяевъ, причемъ къ Поддубному „средиземная эскадра“ съ прокуроромъ во главѣ ввалилась черезъ окно. Урпину препроводили изъ Соломбала въ городъ подъ конвоемъ жандармовъ съ обнаженными шашками за то, что она требовала, чтобы ее везли на извозчикѣ. Къ Экку явились безъ предписанія и, когда онъ заявилъ, что будетъ протестовать уходомъ, его задержали и не избили только потому, что онъ сталъ кричать на всю улицу „караулъ“. У Гудзя на обыскѣ вмѣсто офицера былъ жандармскій унтеръ.

Кромѣ Постниковой и Урпиной еще взяты два рабочихъ. Подробности неизвѣстны.

Въ ночь на 20 іюля погромъ повторился, взяты гимназистки: Селезнева, Котлова и Гулыгина (Послѣдняя, дочь булочника, булочную перевернули вверхъ дномъ). Въ 8 час. утра 20 іюля обысканы ссыльныя: Манасевичъ, Петрова и Любинская. Въ послѣдующіе дни, по слухамъ, взяты еще двѣ гимназистки. Подробности объ арестахъ сообщимъ послѣ. Обвиняютъ арестованныхъ по соц.-дем. дѣлу.

Въ тюрьмѣ сидятъ только Урпина и Постникова (гдѣ сидятъ остальные — пока еще невыяснено) и изъ старыхъ: Проколовъ, Хайтъ и Кокъ. Фирсовъ и Полянскій освобождены. Плакcину и Покровскому объявили, что ихъ дѣло будетъ разсматриваться въ новомъ порядкѣ судопроизводства. Насимовичу объявили, что за отказъ идти на военную службу его будутъ судить въ Москвѣ.

Стойкій.

Кременчугъ. Неудачная демонстрація 16-го апр. 1902 года пагубно отразилось на послѣдующихъ судьбахъ кременчугскаго движенія. Устроенная слабой по своему составу организаціей въ такое время, когда она еще не успѣла создать себѣ прочнаго положенія и обширныхъ связей въ мѣстномъ рабочемъ населеніи, она вызвала усиленную полицейскую репрессію, ставившую громадныя препятствія организаторской работѣ. Городъ былъ объявленъ на положеніи усиленной охраны, полицейскіе штаты усилены, посѣяна провокація, полиція начала производить погромы по малѣйшему поводу. Во главѣ мѣстныхъ охранителей стоитъ полицеймейстеръ Ивановъ, по своей глупости, грубости и самодурству выдѣляющійся даже среди обильно надѣленной этими свойствами корпораціи полицейскихъ царьковъ. Испортивъ себѣ немного карьеру слишкомъ ужъ неосмотрительнымъ взяточничествомъ и „неправосудіемъ“ въ бытность свою полицеймейстеромъ въ Полтавѣ, онъ рѣшилъ реабилитировать себя энергичной дѣятельностью въ качествѣ спасителя отечества отъ всеразрушающей крамолы на новой должности градоправителя въ Кременчугѣ. Вышеуказанная демонстрація, подавить которую ему не стоило никакого труда, дала ему первый значительный поводъ отличиться на этомъ поприщѣ, и дѣйствительно, принесла ему орденъ и повышеніе въ чинѣ. Это послужило для него новымъ стимуломъ къ „расширенію“ и углубленію дѣятельности, и тутъ пошла настоящая полицейская вакханалія. Постоянно производятся обыски и аресты подозрительныхъ лицъ (а признакомъ подозрительности у Иванова считаются даже стриженные волосы у дѣвицъ и длинные у мужчинъ); создается такимъ образомъ рядъ дѣлъ на основаніи п. 21 пол. об. ус. охр., дѣлъ, кончающихся, въ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ плодящихъ въ городѣ огромное количество поднадзорныхъ. Эти поднадзорные, въ свою очередь, становится объектомъ дѣйствій усердствующаго полицеймейстера, которому каждый ихъ шагъ кажется „крамольнымъ дѣяніемъ“. Всякому поднадзорному полагается разъ въ годъ просидѣть по двѣ недѣли или по мѣсяцу въ тюрьмѣ, и, такимъ образомъ, получается порочный кругъ, благодаря которому лавина „политическихъ дѣлъ“ непрерывно растетъ. Особенно любитъ Ивановъ „накрывать собранія“. Нѣсколькимъ поднадзорнымъ буквально невозможно сойтись по какому бы то ни было, хотя бы самому невиннѣйшему, поводу, чтобы не подвергнуться полицейскому нашествію, а затѣмъ ввержению въ кутузку. Но не только для поднадзорныхъ, для „чистыхъ“ обывателей, особенно изъ неимущихъ слоевъ, празднованіе именинъ и свадебъ, совмѣстныя прогулки за городъ или катанія на лодкѣ возведены въ государственныя преступленія и сплошь и рядомъ подвергаютъ ихъ всѣмъ прелестямъ полицейскаго воздѣйствія. За послѣдній годъ въ Кременчугѣ было нѣсколько случаевъ разгрома такихъ невинныхъ собраній и ареста ихъ участниковъ безъ какихъ бы-то ни было уликъ „преступности“, кромѣ факта скопленія въ одномъ мѣстѣ большого или даже небольшого количества лицъ (на загородной прогулкѣ было однажды захвачено семь чел). Разстроенное воображеніе отца города увидѣло крамолу даже въ змѣѣ изъ красной бумаги, пущенномъ нѣсколькими мальчишками на одномъ изъ островов Днѣпра. Преступники были арестованы и просидѣли въ участкѣ нѣсколько часовъ. Это усердіе не по разуму привело даже къ нѣкоторому антогонизму между „наружной“ полиціей и жандармско-охраннымъ вѣдомствомъ, планы и разсчеты которыхъ неоднократно нарушались не въ мѣру ретивыми и необдуманными вылазками Иванова. Особенно замѣтныя проявленія этого „междувѣдомственнаго конфликта“ имѣли мѣсто во время пребыванія во главѣ кременчугской жандармеріи подп. Масалитинова, жандарма зубатовскаго толка. Онъ не разъ даже считалъ необходимымъ аннулировать распоряженія объ арестѣ, исходившія отъ Иванова. Тѣмъ не менѣе, послѣднему удалось вселить высшимъ властямъ убѣжденіе въ томъ, что Кременчугъ является опаснѣйшимъ гнѣздомъ крамолы и что онъ, Ивановъ, незамѣнимый слуга отечества и стражъ его безопасности. Это даетъ ему возможность совершенно безнаказанно и беззастѣнчиво брать взятки съ праваго и виноватаго. Между прочимъ, будучи ревностнымъ приверженцемъ „еврейской“ политики Плеве, онъ дважды сумѣлъ содрать по очень крупному кушу съ еврейской буржуазіи подъ предлогомъ „усиленія средствъ“ на предотвращеніе погромовъ, не говоря уже о повседневныхъ приношеніяхъ, по всякому поводу выжимаемыхъ имъ изъ отдѣльныхъ представителей терроризированнаго имущаго класса.

Всѣ эти полицейскія преслѣдованія, понятно, страшно затрудняютъ работу мѣстной организаціи. Лишь съ трудомъ удается ей постепенно расширять кругъ своего воздѣйствія и углублять соціальдемократическую работу въ массахъ. Постоянно выбиваются изъ рядовъ лучшія мѣстныя силы, и, къ сожалѣнію, условія нашей партійной жизни мѣшаютъ возмѣщенію этихъ потерь притокомъ такихъ силъ извнѣ. Въ періодъ кустарничества мѣстные дѣятели были совершенно предоставлены самимъ себѣ въ дѣлѣ выработки изъ себя достойныхъ руководителей соціальдемократическаго движенія, не получая никакихъ руководящихъ указаній не только въ рѣшеніи вопросовъ мѣстныхъ организаціонныхъ нуждъ, но и общихъ вопросовъ принципіальнаго и тактическаго характера. Побѣда искровскаго направленія въ партіи, созывъ второго съѣзда давали поводъ надѣяться на близкій конецъ этого безпомощнаго положенія мѣстныхъ организацій; но новые раздоры въ партіи разрушили эти надежды. Какъ и прежде, неоткуда мѣстнымъ работникамъ получить помощь, когда своихъ силъ не хватаетъ. Особенно больно почувствовалась эта заброшенность у насъ въ Кременчугѣ во время мобилизаціи. Ужасы войны, разыгрывающіеся гдѣ то за тридевять земель, стали реальностью для Кременчугскихъ обывателей. Опасеніе за жизнь свою и своихъ близкихъ, грядущее раззореніе сотенъ семействъ, вызвали волну недовольства, и, казалось, тысячелѣтнее ярмо приниженности и забитости будетъ сброшено, если какая нибудь искра упадетъ на эту массу скопившагося горючаго матеріала. Эта искра могла быть брошена соціальдемократіей. Уже и помимо ея воздѣйствія запасныхъ рабочаго предмѣстья Щемиловки и пригородной деревни Манджелѣевки пришлось сгонять къ сборному пункту нагайками. Запасные умоляли знакомыхъ соціальдемократовъ выпустить прокламацію; „зачѣмъ теперь, когда нужно, вы молчите?“ говорили они. У мѣстнаго комитета не было возможности отпечатать листки въ собственной типографіи; обратились къ центральнымъ организаціямъ, но тѣ оказались настолько занятыми своими дѣлами, что не могли намъ удѣлить вниманія даже въ такой моментъ. Не находившія себѣ выхода энергія и жажда мщенія чуть было не направились противъ евреевъ; только тысячное подношеніе изъ тугихъ еврейскихъ кошельковъ нашему помпадуру, заставившее его развернуть необычайную энергію, предупредило погромъ.

Будемъ вѣрить, что наша партія съ честью выйдетъ изъ созданнаго расколомъ безсилія, и мы вскорѣ увидимъ ея фактическое объединеніе, которое вызоветъ подъемъ революціонной энергіи и дастъ возможность даже такимъ маленькимъ мѣстнымъ организаціямъ, какъ наша, удовлетворить нужду въ притокѣ свѣжихъ силъ и использовать всѣ представляющіеся случаи для революціоннаго воздѣйствія на массы.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Рига. Агитація въ войскѣ. 18 апрѣля между рижскими солдатами была распространена прокламація „Не убій!“ Въ Изборскомъ полку сейчасъ же были наряжены два слѣдствія. Полковникъ Борзаковъ созвалъ 2-ой и 4-ый батальоны и началъ читать передъ строемъ „преступную“ прокламацію, но вдругъ струсилъ и перестaлъ. Потомъ пробормоталъ, что все это устраиваютъ евреи, которымъ нѣтъ никакой вѣры и которые идутъ противъ русскаго царя. Даже во Франціи — и тамъ нуженъ правитель — тамъ имѣется президентъ. Но такой правитель Борзакову не по вкусу, и онъ началъ его бранить за то, что президентъ затѣялъ гоненіе на иконы и духовенство. Поругавшись, Борзаковъ спросилъ дежурнаго, не приходилъ ли кто-нибудь въ штатскомъ платьѣ. Отвѣтъ: нѣтъ. Было строжайше приказано слѣдить за этимъ. Наконецъ, подполковникъ спросилъ, кто нашелъ и гдѣ переданныя ему прокламаціи. Отозвался одинъ солдатъ, что нашелъ прокламаціи въ отхожемъ мѣстѣ. Расплываясь въ отеческомъ благоволеніи, подполковникъ изрекъ: „Во имя царя я цѣлую тебя передъ всѣмъ полкомъ“ и поцѣловалъ солдатика. Вечеромъ того же дня тѣ же прокламаціи были заново распространены, и одного офицера посадили на три дня подъ арестъ за недостаточный надзоръ.

Въ Венденскомъ полку растерявшійся полковникъ держалъ цѣлую рѣчь по поводу демонстраціи 11 апрѣля: „Латыши желаютъ своего царя, евреи — Соломона, а для насъ, православныхъ русскихъ, хорошъ и Николай II“. Потомъ полковникъ приказалъ ловить тѣхъ, которые возмущаютъ народъ. Одинъ солдатъ брякнулъ: „А что, если онъ дастъ мнѣ по уху?“ Офицеръ не зналъ, что отвѣчать.

30 апрѣля и 1 мая ожидали революцію. Въ цитадели даже были поставлены двѣ роты, которыя, отъ нечего дѣлать, играли въ карты. Вдругъ и среди нихъ посыпались прокламаціи „Не убій“. Возбужденіе было неописуемое.

Изъ Прибалтійскаго края. (Агитація въ войскѣ). Ночью съ 12 на 13 іюня прокламаціями были наводнены лагеры въ Икскулѣ и **Смонинахъ**. Было распространено больше 1000 экземпляровъ по всей 45 дивизіи (по полкамъ Изборскому, Венденскому, Усть-Двинскому и Виндавскому). Это уже третій разъ, какъ прокламаціи распространяются въ большомъ количествѣ среди здѣшняго войска. И на этотъ разъ никто изъ распространителей не попался. Подполковники ругались и допрашивали солдатъ цѣлый день, но безуспѣшно. На этотъ разъ многіе отдали листки начальству, но теперь порѣшили, что впередъ не будутъ отдавать. Въ одной ротѣ унтеръ-офицеръ не хотѣлъ отдать прокламацію фельдфебелю, ибо напечатано: „прочесть по всѣмъ ротамъ, эскадронамъ и батареямъ“. Подозрѣнія пали на одного безобиднаго солдата, который черезъ два дня послѣ распространенія пріѣхалъ изъ отпуска въ штатскомъ платьѣ. Офицеръ кричитъ: „держи!“, дежурный обнажаетъ шашку, но послѣ долгихъ тщательныхъ обысковъ и допросовъ убѣждаются, что напали на невиннаго.

На купленномъ у Германіи военномъ пароходѣ „Терекъ“ передъ его выходомъ на Дальній Востокъ были распростра-

нены прокламаціи на русскомъ языкѣ. Обыскивали, но ничего не нашли.

Военный процессъ.

Копія

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

О рядовомъ изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Ильѣ Васильевѣ Быковѣ.

Вольноопредѣляющіеся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Викторъ Угриничъ-Требинскій и Николай Воронецкій, представивъ 8 іюля 1903 года по начальству четыре брошюры нелегальнаго изданія, донесли, что означенныя брошюры были спрятаны въ помѣщеніи учебной команды баталіона вольноопредѣляющимся Быковымъ, котораго они, по имѣющимся у нихъ даннымъ, подозрѣваютъ въ злоумышленномъ распространеніи подобнаго рода изданій среди нижнихъ чиновъ баталіона.

По поводу наложеннаго, чинами Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., было произведено дознаніе, выяснившее слѣдующее:

Илья Васильевъ Быковъ происходитъ изъ мѣщанъ города Ишима. Воспитывался въ Тюкалинскомъ городскомъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи, пробывъ послѣ окончанія которой около года учителемъ, Быковъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ Барнаульскій резервный баталіонъ, а оттуда въ 1901 году юнкеромъ въ Иркутское пѣхотное училище. По отзывамъ начальствующихъ лицъ этого училища, полковника Хлыновскаго и штабсъ-капитана Рыжова, въ первый годъ пребыванія въ училищѣ занимался успѣшно и поведенія былъ хорошаго. 3 ноября 1902 года до свѣдѣнія штабсъ-капитана, во взводѣ котораго состоялъ юнкеръ Быковъ, дошло, что послѣдній ведетъ съ юнкерами разговоры преступнаго характера, стараясь развить ихъ въ извѣстномъ направленіи; сначала онъ испытывалъ надежность юнкера къ воспріятію его идей, а затѣмъ уже пропагандировалъ смѣлѣе, но, вообще, дѣйствовалъ очень осторожно. Произведеннымъ тогда обыскомъ у Быкова ничего подозрительнаго найдено не было, тѣмъ не менѣе, за нимъ былъ установленъ въ училищѣ бдительный надзоръ. По показанію юнкера Михаила Житанера, когда онъ въ іюлѣ 1902 года вернулся изъ отпуска изъ Петербурга, Быковъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ чего-либо относительно бывшихъ тамъ рабочихъ безпорядковъ. Вообще, Быковъ неоднократно велъ съ нимъ разговоры анти-правительственнаго направленія. Высказывалъ, напримѣръ, мысль относительно безполезности военной службы, выражалъ свое недовольство существующимъ образомъ правленія въ Россіи и настоящимъ порядкомъ вещей. Какъ-то въ лагеряхъ, въ іюлѣ или августѣ 1902 года, Быковъ приносилъ прокламацію преступнаго характера „На смерть Сипягина" и давалъ ее читать юнкерамъ Ренбъ и Разжигаеву (чего, однако, они не подтвердили), лично Житанеру Быковъ обѣщалъ однажды принести изъ отпуска почитать „Революціонную Россію" и какую-то рѣчь Горькаго въ Нижнемъ, но не исполнилъ этого обѣщанія. Нѣкто г-жа Яжгуновичъ, у которой Быковъ юнкеромъ бывалъ въ отпускные дни очень часто, характеризуетъ его, какъ человѣка неустойчиваго, увлекающагося и проявляющаго наклонности къ порицанію существующаго порядка вообще. Въ юнкерскомъ училищѣ, не окончивъ курса, Быковъ былъ отчисленъ, по собственному его желанію, 19 декабря 1902 г. и переведенъ на службу въ 1 роту 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона. Въ апрѣлѣ и маѣ 1903 г. Быковъ временно помѣщался въ учебной командѣ въ одной комнатѣ съ унтеръ-офицеромъ Южаковымъ, на котораго, по словамъ капитана Илленко, оказывалъ тлетворное вліяніе въ смыслѣ дисциплины. Изъ казармъ Быковъ ежедневно уходилъ въ городъ, возвращаясь часовъ въ 11 вечера (показанія унтеръ-офицера Южакова и капитана Илленко). По показаніямъ баталіоннаго адъютанта поручика Лютикова и капитана Илленко, гг. офицеры начали получать прокламаціи съ половины января 1903 года, чего раньше не было; это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что на конвертахъ, въ которыхъ пересылались прокламаціи по городской почтѣ, весьма точно обозначались имена и отчества офицеровъ, даетъ основаніе поручику Лютикову думать, что распространеніе среди офицеровъ прокламацій находилось въ связи съ прибытіемъ въ баталіонъ Быкова. Это предположеніе поручика Лютикова нашло себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе въ фактѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ на дознаніи капитанъ Барановскій. Быковъ былъ переведенъ въ его роту приказомъ по баталіону отъ 29 апрѣля 1903 года и приблизительно въ это же время, весной, въ районѣ расположенія второй роты нижними чинами были найдены прокламаціи преступнаго содержанія. По поводу преступной дѣятельности Быкова весною 1903 года, когда онъ жилъ въ помѣщеніи учебной команды, свидѣтельствуютъ его товарищи, вольноопредѣляющіеся Воронецкій и Поповъ, слѣдующее: передъ выступленіемъ баталіона въ лагерь въ 1903, они около двухъ мѣсяцевъ прожили съ Быковымъ въ помѣщеніи учебной команды и за это время близко его узнали. Быковъ часто велъ съ ними разговоры, изъ которыхъ свидѣтели заключили, что онъ принадлежитъ къ обществу соціаль-демократовъ. Въ разговорахъ Быковъ, между прочимъ, указывалъ на неравномѣрность распредѣленія богатствъ, угнетеніе простого народа, порицалъ существующій образъ правленія, доказывая, что страна должна управляться обществомъ, причемъ говорилъ, что недаромъ на ихъ знамени написано „долой самодержавіе!", говорилъ также, что его партія стремится достигнуть своей цѣли не терроромъ, а путемъ нравственнаго самосознанія всѣхъ классовъ общества и т. п. По словамъ Воронецкаго, Быковъ старался, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, сдѣлать его своимъ сторонникомъ, для чего, помимо бесѣдъ, давалъ ему для чтенія и книги преступнаго содержанія, напримѣръ, „Революціонное движеніе въ Россіи за 100 лѣтъ" женевскаго изданія и соціаль-демократическій календарь; заглавія другихъ книгъ свидѣтель не помнитъ. Вольноопредѣляющимся Попову и Осипову Быковъ тогда же давалъ читать нелегальнаго изданія брошюру Л. Толстого: „Неужели такъ надо?". Вечеромъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь Воронецкій видѣлъ, какъ Быковъ, свернувъ въ трубочку нѣсколько книжекъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату. На вопросъ Воронецкаго, что онъ хочетъ дѣлать, Быковъ отвѣчалъ, что желаетъ куда-нибудь спрятать эти книги. По совѣту Воронецкаго, книги были спрятаны на печку въ учебной командѣ. По словамъ Воронецкаго, онъ хотѣлъ тогда же выдать Быкова, но, посовѣтовавшись съ товарищами рѣшилъ сдѣлать это впослѣдствіи, когда будутъ вѣрныя доказательства виновности Быкова. Въ концѣ іюня 1903 года въ лагерномъ расположеніи Енисейскаго баталіона, рядовой названнаго баталіона Макаровъ, идя за водой къ роднику, нашелъ около дорожки завернутый въ бумагу пакетикъ съ книжками, которыя и передалъ сейчасъ же дежурному фельдфебелю Булатову, а этотъ послѣдній представилъ ихъ капитану Вардугину. Въ пакетикѣ, какъ видно изъ донесенія капитана Вардугина, оказались: 1) преступнаго содержанія гектографическая тетрадка на девяти листахъ, озаглавленная „Окраина" № 5, апрѣль 1903, 2) такого же преступнаго содержанія прокламація „Къ офицерамъ", 3) изданіе, дозволенное цензурой, книжка журнала „Земля и Люди". Прокламація и тетрадка приложены къ настоящему дознанію, въ качествѣ вещественнаго доказательства, книжка же, названная капитаномъ Вардугинымъ номеромъ дозволеннаго цензурою журнала „Земля и Люди", исчезла. Дознаніемъ выяснено, что кап. Вардугинъ, желая обнаружить собственника найденныхъ книжекъ, запрещенныя брошюры оставилъ у себя, а дозволенную книжку приказалъ предъявить по ротамъ. Въ такомъ порядкѣ книжка попала, наконецъ, и въ палатку вольноопредѣляющихся. По словамъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Купрессова, книжка эта была не журналомъ „Земля и Люди", а носила заглавіе: „Бесѣды о землѣ". Книжку эту Воронецкій раньше видѣлъ у Быкова, а Купрессовъ, ознакомившись съ ея содержаніемъ въ то время, когда она передавалась по ротамъ для предъявленія нижнимъ чинамъ, утверждаетъ, что она была преступнаго содержанія. Когда еще эта книжка находилась въ палаткѣ вольноопредѣляющихся, туда вошелъ Быковъ и спросилъ Воронецкаго и Купрессова, читали ли они ее. На ихъ отрицательный отвѣтъ Быковъ замѣтилъ, что она интересая и затѣмъ, сложивъ ее вчетверо, спряталъ ее къ себѣ въ карманъ и ушелъ изъ палатки. Вскорѣ послѣ этого, въ первыхъ числахъ іюня, въ палатку вольноопредѣляющихся, въ то время, когда тамъ находились Угриничъ-Требинскій и Воронецкій, зашелъ рядовой Марченко и въ бесѣдѣ съ ними, между прочимъ, разсказалъ, что Быковъ неоднократно говорилъ солдатамъ: „скоро у насъ въ Россіи не будетъ ни государственнаго строя(??), ни службы солдатъ, что это можно сдѣлать самимъ солдатамъ, только не одному, а общей массой". На замѣчаніе Воронецкаго что объ этомъ надо заявить и что онъ, Марченко, долженъ будетъ подтвердить свои слова, послѣдній смутился и началъ говорить, что Быкова онъ знаетъ мало. Въ этотъ же день вечеромъ Марченко говорилъ тѣмъ же свидѣтелямъ, что въ лагеряхъ онъ знаетъ еще человѣкъ десять, которые вполнѣ солидарны съ Быковымъ. При этомъ спросилъ Угриничъ-Требинскаго, знаетъ ли онъ высокаго рыжаго фельдшера? Когда Требинскій, отвѣтивъ утвердительно, въ свою очередь спросилъ по этому поводу Марченко, то онъ замялся и ничего не сказалъ.

Рядовой Марченко на дознаніи оказалъ, что хотя онъ и зналъ Быкова, но никогда никакихъ съ нимъ разговоровъ не имѣлъ, а равно ничего не разсказывалъ про Быкова вольноопредѣляющимся Воронецкому и Трбинскому.

По показаніямъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Требинскаго, они на другой день послѣ разговора съ рядовымъ Марченко, т. е. 7 іюня 1903 г. рѣшили, наконецъ, посовѣтовавшись съ вольноопредѣляющимся Поповымъ, донести о преступной дѣятельности Быкова начальству и въ этотъ же день нашли на печкѣ въ помѣщеніи учебной команды тѣ книги, которыя Быковъ туда спряталъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь. Книги эти были, при докладныхъ запискахъ Требинскаго и Воронецкаго, представлены начальству и приложены къ дознанію въ видѣ вещественнаго доказательства. Изъ протоколовъ осмотра ихъ видно, что всѣ четыре брошюры: 1) Два злодѣйства, 2) Революція и контръ-революція въ Германіи, 3) два экземпляра „Съ чего начать", оказались явно преступнаго характера по содержанію. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Илья Васильевъ Быковъ не призналъ себя виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи среди военнослужащихъ преступныхъ сочиненій съ цѣлью возбудить къ бунту противъ власти верховной и показалъ, что предъявленныя ему брошюры, найденныя на печкѣ, онъ видитъ въ первый разъ и кому онѣ принадлежатъ — онъ не знаетъ. Съ вольноопредѣляющимися Требинскимъ, Воронецкимъ, Купрессовымъ, Поповымъ и Осиповымъ у него были личные счеты, обострившіе ихъ отношенія до такой степени, что онъ перестаѣлъ съ этими лицами раскланиваться. Изъ разговоровъ съ солдатами онъ узналъ, что вольноопредѣляющіеся намѣреваются устроить ему какую-то непріятность, грозили судомъ и т. п. Угрозы эти, по заявленію обвиняемаго, слышали рядовые Марченко и Гнетовъ; однако, упомянутые рядовые категорически отрицаютъ заявленія обвиняемаго и утверждаютъ, что съ вольноопредѣляющимися они никакихъ разговоровъ не вели и угрозъ ихъ по адресу Быкова не слышали. Будучи заключенъ подъ стражу въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ, обвиняемый Быковъ 19 августа 1903 года во время прогулки передалъ арестанту Барышникову письмо для передачи политическому арестанту Локуціевскому Вячеславу. По словамъ Барышникова, ему часто приходилось оказывать услуги политическимъ арестантамъ. Такъ напримѣръ, онъ передавалъ Быкову книги отъ Локуціевскаго, Ковригина и Орлика. Въ книгахъ всегда были вложены записки, написанныя черточками, точками и цифрами. Письмо Быкова было отобрано отъ Барышникова надзирателемъ тюрьмы Доманскимъ и представлено по начальству. Письмо это, какъ видно изъ протокола его осмотра, написано частью буквами измѣненнымъ почеркомъ, частью шифромъ въ видѣ дробныхъ цифръ. Содержаніе письма, по расшифровкѣ его, оказалось слѣдующее: „26 іюля переведенъ въ тюрьму. Слѣдствіе по моему дѣлу, должно быть, уже закончено. Жандармскій офицеръ, производящій дознаніе, сулилъ лишеніе воинскаго званія и ссылку въ Нижне-Колымскъ. Но это только предположеніе. Надо ждать, что скажутъ въ Питерѣ, ибо дѣло будетъ рѣшаться тамъ. Ну, да на это наплевать, что бы тамъ ни сказали. Дѣло вотъ въ чемъ: мнѣ, вѣроятно, придется ждать рѣшенія моей участи до Новаго года, а можетъ быть, и всю зиму. Это время я думаю просидѣть спокойно, а потомъ, когда отправятъ въ ссылку, удрать съ дороги или съ мѣста ссылки, какъ будетъ удобнѣе, занявъ нелегальное положеніе, для чего хорошо наготовѣ имѣть паспортъ. Выскажите свое мнѣніе по этому вопросу. Мнѣ лично очень бы хотѣлось не порывать той связи съ баталіономъ, которая порвалась съ моимъ арестомъ. Меня въ этомъ отношеніи могъ бы замѣнить фельдшеръ Егоровъ, котораго вы немного знаете. Если вы сами черезъ Богаева не найдете возможнымъ возстановить питаніе баталіона, то я самъ сообщу Егорову вашъ адресъ. Въ заключеніе скажу, что чувствую себя не дурно. Бездна времени для теоретическихъ занятій. Я предвкушаю основательно прозаниматься зиму. Сообщеніе съ товарищами почти полное. Въ предварительномъ заключеніи сейчасъ: Багульскій, Орликъ, Дахновъ, Ин. Локуціевскій, В. Локуціевскій, Кубайтисъ, Урбановичъ, Ширямовъ, Гостиловскій, Ковригинъ, Залогинъ и Быковъ". На конвертѣ тоже шифромъ написано: „Знаменское предмѣстье, улица на берегу Ангары, д. № 26, передать Ивану Константиновичу Николаеву или его женѣ". По поводу это письма обвиняемый Быковъ заявилъ, что оно написано по чисто личному его дѣлу и расшифровка его не соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Фельдшера Егорова онъ, обвиняемый, знаетъ по баталіону и никакихъ сношеній съ нимъ изъ тюрьмы не имѣлъ. Знаетъ также обвиняемый и служащаго въ баталіонѣ Ивана Николаева Константинова и брата его, Ружанскаго, но о принадлежности ихъ къ тайному обществу Иркутской (?) соц.-дем. рабочей партіи — не слыхалъ. Изъ имѣющейся въ дознаніи справки, полученной отъ Начальника Иркутскаго охраннаго отдѣленія видно, что въ домѣ № 26 на Ангарской улицѣ проживаетъ привлеченный по другому политическому преступленію Гавріилъ Ружанскій съ незаконорожденнымъ братомъ своимъ Иваномъ Николаевымъ Константиновымъ (нынѣ умершимъ), кому и предназначалось зашифрованное письмо Быкова. Константиновъ и Ружанскій поддерживали тѣсную связь съ привлеченнымъ также въ качествѣ обвиняемаго къ тому же дознанію Александромъ Поповымъ, при чемъ въ квартирѣ первыхъ двухъ происходили чтенія различныхъ преступныхъ изданій. Кромѣ того, Константиновъ имѣлъ сношенія съ заграницей, выписывая оттуда нелегальную литературу какъ для основанія библіотеки, обнаруженной у А. Попова при обыскѣ, такъ и для распространенія. Въ числѣ лицъ, близко стоявшихъ къ Константинову, находился также и вольноопредѣляющійся Быковъ.

На основаніи вышеизложеннаго, рядовой изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Илья Васильевъ Быковъ обвиняется въ томъ, что въ періодъ времени съ 1902 по іюль 1903 г., состоя юнкеромъ Иркутскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, а затѣмъ вольноопредѣляющимся въ Енисейскомъ баталіонѣ, онъ намѣренно распространялъ среди нижнихъ чиновъ названныхъ частей подпольныя печатныя сочиненія, имѣющія цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной и пропагандировалъ среди тѣхъ же чиновъ и въ тѣхъ же цѣляхъ преступныя идеи, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 251 и 252 ст. Улож. о нак. изд. 1885 г. и 273 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-ье.

За означенныя преступленія унтеръ офицеръ Быковъ, въ силу состоявшагося между министерствами Военнымъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи соглашенія, преданъ постоянному отдѣленію Сибирскаго военно-окружного суда въ городѣ Иркутскѣ, причемъ по Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 23 апр. 1903 г. актамъ произведеннаго по сему дѣлу дознанія присвоена сила и значеніе актовъ предварительнаго слѣдствія. Обвинительный актъ составленъ іюля 8 дня 1904 г. въ г. Иркутскѣ.

Подлинный подписалъ Исп. обяз. военнаго прокурора

Полковникъ Повало-Швейковскій

Списокъ свидѣтелей по сему дѣлу: 1) младшій офицеръ Ирк. юнк. уч. штабсъ-капитанъ Мих. Евграф. Рытовъ, 2) того же училища юнкера: Житанеръ, 3) П. А. Рене и 4) Т. Н. Разжигаевъ, 5) жена поручика 6-го Енис. рез. бат. Праск. Вас. Яжгуновичъ, 6) капитанъ Илленко, 7) капитанъ Іос. Ив. Барановскій, 8) капитанъ Н. М. Вардугинъ, 9) поручикъ Март. Ант. Лютиковъ, 10) рядовой изъ вольноопред. Н. С. Воронецкій, 11) Сем. Феок. Поповъ, 12) рядовой Викт. Аф. Макаровъ, 13) унтеръ-офицеръ изъ вольноопр. Вл. Ив. Купрессовъ, 14) Викт. Сем. Угриничъ-Требинскій, 15) рядовой изъ вольноопред. 5-го Ирк. рез. бат. Ник. Вас. Осиповъ, 16) рядовой Александ. мѣст. ком. Вас. Гр. Чистовъ, 17) рядовой Нижнеуд. мѣст. ком. Игн. Тим. Марченко, 18) ссыльно-поселенецъ Евф. Ег. Барышниковъ, 19) надзир. Иркут. тюрьмы К. Ф. Домаяскій, 20) Отд. Корп. Жанд. поручикъ Купріяновъ.

Подлинный подписалъ
Исп. обяз. военнаго прокурора полк. Повало-Швейковскій.
Съ подлиннымъ вѣрно
Исп. обяз. секретаря надв. сов. Алитовъ.
(Изъ матеріаловъ Сиб. Союза).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кавказская. — Такъ называется узловая станція Владикавказской жел. дор.; около нея имѣется громадный промышленный поселокъ, носящій названіе „Романовскъ". Населеніе здѣсь насчитывается за 20.000; громадное большинство — пришлый элементъ, изъ котораго часть устроилась здѣсь осѣдло. Въ отличіе отъ коренного Кубанскаго казачества, послѣдняя носитъ названіе „иногородникъ". Иногородніе и здѣсь, какъ во всей Кубанской области, правъ никакихъ не имѣютъ, но всецѣло зависятъ отъ мѣстнаго казачьяго управленія, которое управляетъ всѣми дѣлами, а иногород. несутъ однѣ повинности, въ видѣ по-саженной платы за арендуемую землю (помимо арендной платы) и проч. Ни школами, ни медицинской помощью безплатно пользоваться иногородніе не имѣютъ права. Эти же иногородніе и просто пришлые пополняютъ собой кадры рабочихъ въ мѣстныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыхъ здѣсь имѣется не мало: кирпичные заводы, на которыхъ работаетъ болѣе 200 человѣкъ, казенный винно-очистительный складъ (рабочихъ около 240 челов.), желѣзно-дорожныя мастерскія и депо (рабочихъ до 700 душъ), два маслобойныхъ завода, паровая мельница и масса всевозможныхъ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ; затѣмъ здѣсь можно насчитать душъ 600-700 всевозможныхъ мелкихъ жел.-дор. служащихъ, какъ-то сцѣпщиковъ, сторожей, стрѣлочниковъ, смазчиковъ, и конторщиковъ всѣхъ степеней. Вся эта масса можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для соціальдемократической обработки. Но, къ великому сожалѣнію, до послѣдняго года на такой довольно таки нарядный промышленный поселокъ партіей не было обращено должнаго вниманія, мѣстной интеллигенціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, мы-же — рабочіе — сами пока многаго сдѣлать не можемъ: хотя и есть среди насъ нѣсколько болѣе или менѣе сознательныхъ соціальдемократовъ, но намъ самимъ нужно еще учиться и учиться.

Правда, здѣсь есть такъ называемая „интеллигенція", но... тутъ приходится повторить извѣстныя слова: „отъ такихъ друзей избави насъ боже". Интеллигенцію эту составляютъ: два врача, учительскій персоналъ и нѣсколько мѣстныхъ студентовъ; къ ней же, по качеству, можно присоединить чиновничество и старшій желѣзнодорожный персоналъ. Среди студентовъ есть одинъ харковскій университантъ, членъ Русскаго Собранія, нѣкто *Сиворонов*ъ: онъ здѣсь отличается тѣмъ, что якшается съ жандармами, распространяетъ брошюры въ юдофобскомъ духѣ, а также пускаетъ нелѣпые слухи, будто виновниками настоящей войны являются евреи и соціалисты (? !). И эта мразь, съ позволенія сказать, носитъ дорогое для насъ, рабочихъ, имя, имя студента, и одѣта въ этотъ мундиръ, подъ которымъ мы, рабочіе, привыкли находить теплое, на все хорошее отзывчивое сердце, русской учащейся молодежи. Я думаю, что еслибы нашъ дорогой, незабвенный товарищъ Петръ Алексѣевъ жилъ въ это время и зналъ такую молодежь, какъ Сивороновъ и тысячи ему подобныхъ, то онъ бы произнесъ замѣчательныя слова нѣсколько иначе.

Учительскій персоналъ не лучше: подзатыльники и колотушки въ училищѣ пользуются полнымъ правомъ гражданства, и это въ XX столѣтіи! Эти истязанія дѣтей чуть было не вызвали судебнаго дѣла. Дѣло было такъ: для желѣзнодорожныхъ учениковъ устроена была поѣздка въ Новороссійскъ, и вотъ на станціи Екатеринодаръ одинъ изъ педагоговъ такъ грубо обращался съ воспитанниками, что какой то чиновникъ вынужденъ былъ вмѣшаться и собирался составить протоколъ, но, къ сожалѣнію, дѣло кончилось ничѣмъ: очевидно, сразу своя своихъ не познаша.

Конечно, отъ такой интеллигенціи ничего порядочнаго ожидать нельзя. Даже въ такой моментъ, какъ война, она несмогла прійти на помощь народу, хотя бы посовѣтовать, что ли, какую газету выписать, чтобы узнать что нибудь о войнѣ въ болѣе приличномъ освѣщеніи, чѣмъ это дѣлаетъ ростовская газета „Пріазовскій край"; послѣдняя здѣсь расходится въ розничной продажѣ въ количествѣ 600-700 экз., тогда какъ до войны шло не больше 20-30. И вотъ, наблюдая такіе факты, приходишь къ заключенію, что отъ такой интеллигенціи рабочимъ ждать нечего, и что въ такихъ углахъ, какъ нашъ, дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ дѣломъ самихъ рабочихъ[1]).

Да, очень и очень печально что у насъ такъ мало настоящихъ союзниковъ. Но все течетъ, все измѣняется. Выше я сказалъ, что у насъ много подходящаго матеріалу для соціальдемократической обработки, но что до послѣдняго времени некому было его обрабатывать. Теперь же эту задачу взялъ на себя недавно организовавшійся въ нашей области Кубанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П., которымъ съ апрѣля мѣсяца т. г. были распространены здѣсь слѣдующія печатныя прокламаціи: „Война противъ войны" (ред. „Искры") 250 шт., 18-го апр. и 1-го мая 100 шт. первомайскихъ листковъ и 100 шт. „Ко всему рабочему народу" (ред. „Искры"), и „Кому быть самодержцемъ..." (75шт.), „Международный жандармъ" (95 шт.), и „Ко всѣмъ рабочимъ Кубанской области и Черноморской губерніи" (150 шт.), въ „Убійство министра внутреннихъ дѣлъ" (100шт.) и нѣсколько экзем. летучаго листка по поводу голодовки въ Екатеринодар. тюрьмѣ. Листки возбуждаютъ самый живой интересъ не только среди рабочихъ, но почти среди всего населенія; жандармерія послѣ каждаго распространенія, буквально теряетъ голову, и благодаря тому, что дальше своего носа не видитъ, обрушиваетъ всѣ свои громы на бывшаго жел. дор. служащаго В. Гульневича, у котораго ранней весной былъ обыскъ и взято 2-3 нелегальныхъ брошюрки (продержали его тогда недѣлю въ тюрьмѣ и выпустили). И въ данное время онъ служитъ громоотводомъ, которому приходится принимать всѣ молніеносныя стрѣлы властей предержащихъ. Пусть ихъ неистовствуютъ, мы же тѣмъ временемъ будемъ вносить и свою посильную лепту въ великое дѣло — освобожденія рабочаго класса отъ самодержавія и капитализма.

27-го іюля 1904 года.

Рабочій.

Тихорѣцкая. У насъ за послѣдніе 3-4 мѣсяца замѣчается нѣкоторое оживленіе, которое робко выступаетъ на смѣну такъ

нены прокламаціи на русскомъ языкѣ. Обыскивали, но ничего не нашли.

---

[1]) Товарищъ заблуждается, если думаетъ, что въ менѣе глухихъ, чѣмъ ст. Кавказская, углахъ дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ въ меньшей мѣрѣ дѣломъ „самихъ рабочихъ".

Редакція.

Военный процессъ.

Копія

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

О рядовомъ изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Ильѣ Васильевѣ Быковѣ.

Вольноопредѣляющіеся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Викторъ Угриничъ-Требинскій и Николай Воронецкій, представивъ 8 іюля 1903 года по начальству четыре брошюры нелегальнаго изданія, донесли, что означенныя брошюры были спрятаны въ помѣщеніи учебной команды баталіона вольноопредѣляющимся Быковымъ, котораго они, по имѣющимся у нихъ даннымъ, подозрѣваютъ въ злоумышленномъ распространеніи подобнаго рода изданій среди нижнихъ чиновъ баталіона.

По поводу наложеннаго, чинами Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., было произведено дознаніе, выяснившее слѣдующее:

Илья Васильевъ Быковъ происходитъ изъ мѣщанъ города Ишима. Воспитывался въ Тюкалинскомъ городскомъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи, пробывъ послѣ окончанія которой около года учителемъ, Быковъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ Барнаульскій резервный баталіонъ, а оттуда въ 1901 году юнкеромъ въ Иркутское пѣхотное училище. По отзывамъ начальствующихъ лицъ этого училища, полковника Хлыновскаго и штабсъ-капитана Рыжова, въ первый годъ пребыванія въ училищѣ занимался успѣшно и поведенія былъ хорошаго. 3 ноября 1902 года до свѣдѣнія штабсъ-капитана, во взводѣ котораго состоялъ юнкеръ Быковъ, дошло, что послѣдній ведетъ съ юнкерами разговоры преступнаго характера, стараясь развить ихъ въ извѣстномъ направленіи; сначала онъ испытывалъ надежность юнкера къ воспріятію его идей, а затѣмъ уже пропагандировалъ смѣлѣе, но, вообще, дѣйствовалъ очень осторожно. Произведеннымъ тогда обыскомъ у Быкова ничего подозрительнаго найдено не было, тѣмъ не менѣе, за нимъ былъ установленъ въ училищѣ бдительный надзоръ. По показанію юнкера Михаила Житанера, когда онъ въ іюлѣ 1902 года вернулся изъ отпуска изъ Петербурга, Быковъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ чего-либо относительно бывшихъ тамъ рабочихъ безпорядковъ. Вообще, Быковъ неоднократно велъ съ нимъ разговоры анти-правительственнаго направленія. Высказывалъ, напримѣръ, мысль относительно безполезности военной службы, выражалъ свое недовольство существующимъ образомъ правленія въ Россіи и настоящимъ порядкомъ вещей. Какъ-то въ лагеряхъ, въ іюлѣ или августѣ 1902 года, Быковъ приносилъ прокламацію преступнаго характера „На смерть Сипягина“ и давалъ ее читать юнкерамъ Ренбъ и Разжигаеву (чего, однако, они не подтвердили), лично Житанеру Быковъ обѣщалъ однажды принести изъ отпуска почитать „Революціонную Россію“ и какую-то рѣчь Горькаго въ Нижнемъ, но не исполнилъ этого обѣщанія. Нѣкто г-жа Яжгуновичъ, у которой Быковъ юнкеромъ бывалъ въ отпускные дни очень часто, характеризуетъ его, какъ человѣка неустойчиваго, увлекающагося и проявляющаго наклонности къ порицанію существующаго порядка вообще. Въ юнкерскомъ училищѣ, не окончивъ курса, Быковъ былъ отчисленъ, по собственному его желанію, 19 декабря 1902 г. и переведенъ на службу въ 1 роту 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона. Въ апрѣлѣ и маѣ 1903 г. Быковъ временно помѣщался въ учебной командѣ въ одной комнатѣ съ унтеръ-офицеромъ Южаковымъ, на котораго, по словамъ капитана Илленко, оказывалъ тлетворное вліяніе въ смыслѣ дисциплины. Изъ казармъ Быковъ ежедневно уходилъ въ городъ, возвращаясь часовъ въ 11 вечера (показанія унтеръ-офицера Южакова и капитана Илленко). По показаніямъ баталіоннаго адъютанта поручика Лютикова и капитана Илленко, гг. офицеры начали получать прокламаціи съ половины января 1903 года, чего раньше не было; это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что на конвертахъ, въ которыхъ пересылались прокламаціи по городской почтѣ, весьма точно обозначались имена и отчества офицеровъ, даетъ основаніе поручику Лютикову думать, что распространеніе среди офицеровъ прокламацій находилось въ связи съ прибытіемъ въ баталіонъ Быкова. Это предположеніе поручика Лютикова нашло себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе въ фактѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ на дознаніи капитанъ Барановскій. Быковъ былъ переведенъ въ его роту приказомъ по баталіону отъ 29 апрѣля 1903 года и приблизительно въ это же время, весной, въ районѣ расположенія второй роты нижними чинами были найдены прокламаціи преступнаго содержанія. По поводу преступной дѣятельности Быкова весною 1903 года, когда онъ жилъ въ помѣщеніи учебной команды, свидѣтельствуютъ его товарищи, вольноопредѣляющіеся Воронецкій и Поповъ, слѣдующее: передъ выступленіемъ баталіона въ лагерь въ 1903, они около двухъ мѣсяцевъ прожили съ Быковымъ въ помѣщеніи учебной команды и за это время близко его узнали. Быковъ часто велъ съ ними разговоры, изъ которыхъ свидѣтели заключили, что онъ принадлежитъ къ обществу соціалъ-демократовъ. Въ разговорахъ Быковъ, между прочимъ, указывалъ на неравномѣрность распредѣленія богатствъ, угнетеніе простого народа, порицалъ существующій образъ правленія, доказывая, что страна должна управляться обществомъ, причемъ говорилъ, что недаромъ на ихъ знамени написано „долой самодержавіе!“, говорилъ также, что его партія стремится достигнуть своей цѣли не терроромъ, а путемъ нравственнаго самосознанія всѣхъ классовъ общества и т. п. По словамъ Воронецкаго, Быковъ старался, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, сдѣлать его своимъ сторонникомъ, для чего, помимо бесѣдъ, давалъ ему для чтенія и книги преступнаго содержанія, напримѣръ, „Революціонное движеніе въ Россіи за 100 лѣтъ“ женевскаго изданія и соціалъ-демократическій календарь; заглавія другихъ книгъ свидѣтель не помнитъ. Вольноопредѣляющимся Попову и Осипову Быковъ тогда же давалъ читать нелегальнаго изданія брошюру Л. Толстого: „Неужели такъ надо?“ Вечеромъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь Воронецкій видѣлъ, какъ Быковъ, свернувъ въ трубочку нѣсколько книжекъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату. На вопросъ Воронецкаго, что онъ хочетъ дѣлать, Быковъ отвѣчалъ, что желаетъ куда-нибудь спрятать эти книги. По совѣту Воронецкаго, книги были спрятаны на печку въ учебной командѣ. По словамъ Воронецкаго, онъ хотѣлъ тогда же выдать Быкова, но, посовѣтовавшись съ товарищами рѣшилъ сдѣлать это впослѣдствіи, когда будутъ вѣрныя доказательства виновности Быкова. Въ концѣ іюня 1903 года въ лагерномъ расположеніи Енисейскаго баталіона, рядовой названнаго баталіона Макаровъ, идя за водой къ роднику, нашелъ около дорожки завернутый въ бумагу пакетикъ съ книжками, которыя и передалъ сейчасъ же дежурному фельдфебелю Булатову, а этотъ послѣдній представилъ ихъ капитану Вардугину. Въ пакетикѣ, какъ видно изъ донесенія капитана Вардугина, оказались: 1) преступнаго содержанія гектографическая тетрадка на девяти листахъ, озаглавленная „Окраина“ № 5, апрѣль 1903, 2) такого же преступнаго содержанія прокламація „Къ офицерамъ“, 3) изданіе, дозволенное цензурой, книжка журнала „Земля и Люди“. Прокламація и тетрадка приложены къ настоящему дознанію, въ качествѣ вещественнаго доказательства, книжка же, названная капитаномъ Вардугинымъ номеромъ дозволеннаго цензурою журнала „Земля и Люди“, исчезла. Дознаніемъ выяснено, что кап. Вардугинъ, желая обнаружить собственника найденныхъ книжекъ, запрещенныя брошюры оставилъ у себя, а дозволенную книжку приказалъ предъявить по ротамъ. Въ такомъ порядкѣ книжка попала, наконецъ, и въ палатку вольноопредѣляющихся. По словамъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Купрессова, книжка эта была не журналомъ „Земля и Люди“, а носила заглавіе: „Бесѣды о землѣ“. Книжку эту Воронецкій раньше видѣлъ у Быкова, а Купрессовъ, ознакомившись съ ея содержаніемъ въ то время, когда она передавалась по ротамъ для предъявленія нижнимъ чинамъ, утверждаетъ, что она была преступнаго содержанія. Когда еще эта книжка находилась въ палаткѣ вольноопредѣляющихся, туда вошелъ Быковъ и спросилъ Воронецкаго и Купрессова, читали ли они ее. На ихъ отрицательный отвѣтъ Быковъ замѣтилъ, что она интересная и затѣмъ, сложивъ ее вчетверо, спряталъ ее къ себѣ въ карманъ и ушелъ изъ палатки. Вскорѣ послѣ этого, въ первыхъ числахъ іюня, въ палатку вольноопредѣляющихся, въ то время, когда тамъ находились Угриничъ-Требинскій и Воронецкій, зашелъ рядовой Марченко и въ бесѣдѣ съ ними, между прочимъ, разсказалъ, что Быковъ неоднократно говорилъ солдатамъ: „скоро у насъ въ Россіи не будетъ ни государственнаго строя(??), ни службы солдатъ, что это можно сдѣлать самимъ солдатамъ, только не одному, а общей массой“. На замѣчаніе Воронецкаго что объ этомъ надо заявить и что онъ, Марченко, долженъ будетъ подтвердить свои слова, послѣдній смутился и началъ говорить, что Быкова онъ знаетъ мало. Въ этотъ же день вечеромъ Марченко говорилъ тѣмъ же свидѣтелямъ, что въ лагеряхъ онъ знаетъ еще человѣкъ десять, которые вполнѣ солидарны съ Быковымъ. При этомъ спросилъ Угриничъ-Требинскаго, знаетъ ли онъ высокаго рыжаго фельдшера? Когда Требинскій, отвѣтивъ утвердительно, въ свою очередь спросилъ по этому поводу Марченко, то онъ замялся и ничего не сказалъ.

Рядовой Марченко на дознаніи показалъ, что хотя онъ и зналъ Быкова, но никогда никакихъ съ нимъ разговоровъ не имѣлъ, а равно ничего не разсказывалъ про Быкова вольноопредѣляющимся Воронецкому и Требинскому.

По показаніямъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Требинскаго, они на другой день послѣ разговора съ рядовымъ Марченко, т. е. 7 іюня 1903 г. рѣшили, наконецъ, посовѣтовавшись съ вольноопредѣляющимся Поповымъ, донести о преступной дѣятельности Быкова начальству и въ этотъ же день нашли на печкѣ въ помѣщеніи учебной команды тѣ книги, которыя Быковъ туда спряталъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь. Книги эти были, при докладныхъ запискахъ Требинскаго и Воронецкаго, представлены начальству и приложены къ дознанію въ видѣ вещественнаго доказательства. Изъ протоколовъ осмотра ихъ видно, что всѣ четыре брошюры: 1) Два злодѣйства, 2) Революція и контръ-революція въ Германіи, 3) два экземпляра „Съ чего начать“, оказались явно преступнаго характера по содержанію. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Илья Васильевъ Быковъ не призналъ себя виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи среди военнослужащихъ преступныхъ сочиненій съ цѣлью возбудить къ бунту противъ власти верховной и показалъ, что предъявленныя ему брошюры, найденныя на печкѣ, онъ видитъ въ первый разъ и кому онѣ принадлежатъ — онъ не знаетъ. Съ вольноопредѣляющимися Требинскимъ, Воронецкимъ, Купрессовымъ, Поповымъ и Осиповымъ у него были личные счеты, обострившіе ихъ отношенія до такой степени, что онъ пересталъ съ этими лицами раскланиваться. Изъ разговоровъ съ солдатами онъ узналъ, что вольноопредѣляющіеся намѣреваются устроить ему какую-то непріятность, грозили судомъ и т. п. Угрозы эти, по заявленію обвиняемаго, слышали рядовые Марченко и Гнетовъ; однако, упомянутые рядовые категорически отрицаютъ заявленія обвиняемаго и утверждаютъ, что съ вольноопредѣляющимися они никакихъ разговоровъ не вели и угрозъ ихъ по адресу Быкова не слышали. Будучи заключенъ подъ стражу въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ, обвиняемый Быковъ 19 августа 1903 года во время прогулки передалъ арестанту Барышникову письмо для передачи политическому арестанту Локуціевскому Вячеславу. По словамъ Барышникова, ему часто приходилось оказывать услуги политическимъ арестантамъ. Такъ напримѣръ, онъ передавалъ Быкову книги отъ Локуціевскаго,Ковригина и Орлика. Въ книгахъ всегда были вложены записки, написанныя черточками, точками и цифрами. Письмо Быкова было отобрано отъ Барышникова надзирателемъ тюрьмы Доманскимъ и представлено по начальству. Письмо это, какъ видно изъ протокола его осмотра, написано частью буквами измѣненнымъ почеркомъ, частью шифромъ въ видѣ дробныхъ цифръ. Содержаніе письма, по расшифровкѣ его, оказалось слѣдующее: „26 іюля переведенъ въ тюрьму. Слѣдствіе по моему дѣлу, должно быть, уже закончено. Жандармскій офицеръ, производящій дознаніе, сулилъ лишеніе воинскаго званія и ссылку въ Нижне-Колымскъ. Но это только предположеніе. Надо ждать, что скажутъ въ Питерѣ, ибо дѣло будетъ рѣшаться тамъ. Ну, да на это наплевать, что бы тамъ ни сказали. Дѣло вотъ въ чемъ: мнѣ, вѣроятно, придется ждать рѣшенія моей участи до Новаго года, а можетъ быть, и всю зиму. Это время я думаю просидѣть спокойно, а потомъ, когда отправятъ въ ссылку, удрать съ дороги или съ мѣста ссылки, какъ будетъ удобнѣе, занявъ нелегальное положеніе, для чего хорошо наготовѣ имѣть паспортъ. Выскажите свое мнѣніе по этому вопросу. Мнѣ лично очень бы хотѣлось не порывать той связи съ баталіономъ, которая порвалась съ моимъ арестомъ. Меня въ этомъ отношеніи могъ бы замѣнить фельдшеръ Егоровъ, котораго вы немного знаете. Если вы сами черезъ Богаева не найдете возможнымъ возстановить питаніе баталіона, то я самъ сообщу Егорову вашъ адресъ. Въ заключеніе скажу, что чувствую себя не дурно. Бездна времени для теоретическихъ занятій. Я предвкушаю основательно прозаниматься зиму. Сообщеніе съ товарищами почти полное. Въ предварительномъ заключеніи сейчасъ: Багульскій, Орликъ, Дахновъ, Ин. Локуціевскій, В. Локуціевскій, Кубайтисъ, Урбановичъ, Шерямовъ, Гостиловскій, Ковригинъ, Залогинъ и Быковъ“. На конвертѣ тоже шифромъ написано: „Знаменское предмѣстье, улица на берегу Ангары, д. № 26, передать Ивану Константиновичу Николаеву или его женѣ“. По поводу это письма обвиняемый Быковъ заявилъ, что оно написано по чисто личному его дѣлу и расшифровка его не соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Фельдшера Егорова онъ, обвиняемый, знаетъ по баталіону и никакихъ сношеній съ нимъ изъ тюрьмы не имѣлъ. Знаетъ также обвиняемый и служащаго въ баталіонѣ Ивана Николаева Константинова и брата его, Ружанскаго, но о принадлежности ихъ къ тайному обществу Иркутской (?) соц.-дем. рабочей партіи — не слыхалъ. Изъ имѣющейся въ дознаніи справки, полученной отъ Начальника Иркутскаго охраннаго отдѣленія видно, что въ домѣ № 26 на Ангарской улицѣ проживаетъ привлеченный по другому политическому преступленію Гавріилъ Ружанскій съ незаконорожденнымъ братомъ своимъ Иваномъ Николаевымъ Константиновымъ (нынѣ умершимъ), кому и предназначалось зашифрованное письмо Быкова. Константиновъ и Ружанскій поддерживали тѣсную связь съ привлеченнымъ также въ качествѣ обвиняемаго къ тому же дознанію Александромъ Поповымъ, при чемъ въ квартирѣ первыхъ двухъ происходили чтенія различныхъ преступныхъ изданій. Кромѣ того, Константиновъ имѣлъ сношенія съ заграницей, выписывая оттуда нелегальную литературу какъ для основанія библіотеки, обнаруженной у А. Попова при обыскѣ, такъ и для распространенія. Въ числѣ лицъ, близко стоявшихъ къ Константинову, находился также и вольноопредѣляющійся Быковъ.

На основаніи вышеизложеннаго, рядовой изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Илья Васильевъ Быковъ обвиняется въ томъ, что въ періодъ времени съ 1902 по іюль 1903 г., состоя юнкеромъ Иркутскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, а затѣмъ вольноопредѣляющимся въ Енисейскомъ баталіонѣ, онъ намѣренно распространялъ среди нижнихъ чиновъ названныхъ частей подпольныя печатныя сочиненія, имѣющія цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной и пропагандировалъ среди тѣхъ же чиновъ и въ тѣхъ же цѣляхъ преступныя идеи, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 251 и 252 ст. Улож. о нак. изд. 1885 г. и 273 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-ье.

За означенныя преступленія унтеръ-офицеръ Быковъ, въ силу состоявшагося между министерствами Военнымъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи соглашенія, преданъ постоянному отдѣленію Сибирскаго военно-окружного суда въ городѣ Иркутскѣ, причемъ по Высочайшему повелѣнію, воспослѣдовавшему 23 апр. 1903 г. актамъ произведеннаго по сему дѣлу дознанія присвоена сила и значеніе актовъ предварительнаго слѣдствія. Обвинительный актъ составленъ іюля 8 дня 1904 г. въ г. Иркутскѣ.

Подлинный подписалъ Исп. обяз. военнаго прокурора

Полковникъ Повало-Швейковскій

Списокъ свидѣтелей по сему дѣлу: 1) младшій офицеръ Ирк. юнк. уч. штабсъ-капитанъ Мих. Евграф. Рытовъ, 2) того же училища юнкера: Житанеръ, 3) П. А. Рене и 4) Т. Н. Разжигаевъ, 5) жена поручика 6-го Енис. рез. бат. Праск. Вас. Яжгуновичъ, 6) капитанъ Илленко, 7) капитанъ Іос. Ив. Барановскій, 8) капитанъ Н. М. Вардугинъ, 9) поручикъ Март. Ант. Лютиковъ, 10) рядовой изъ вольноопред. Н. С. Воронецкій, 11) Сем. Феок. Поповъ, 12) рядовой Викт. Аф. Макаровъ, 13) унтеръ-офицеръ изъ вольноопр. Вл. Ив. Купрессовъ, 14) Викт. Сем. Угриничъ-Требинскій, 15) рядовой изъ вольноопред. 5-го Ирк. рез. бат. Ник. Вас. Осиповъ, 16) рядовой Александ. мѣст. ком. Вас. Гр. Чистовъ, 17) рядовой Нижнеуд. мѣст. ком. Игн. Тим. Марченко, 18) ссыльно-поселенецъ Евф. Ег. Барышниковъ, 19) надзир. Иркут. тюрьмы К. Ф. Доманскій, 20) Отд. Корп. Жанд. поручикъ Купріяновъ.

Подлинный подписалъ

Исп. обяз. военнаго прокурора полк. Повало-Швейковскій.

Съ подлиннымъ вѣрно

Исп. обяз. секретаря надв. сов. Алитовъ.

(Изъ матеріаловъ Сиб. Союза).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кавказская. — Такъ называется узловая станція Владикавказской жел. дор.; около нея имѣется громадный промышленный поселокъ, носящій названіе „Романовскъ“. Населеніе здѣсь насчитывается за 20.000; громадное большинство — пришлый элементъ, изъ котораго часть устроилась здѣсь осѣдло. Въ отличіе отъ коренного Кубанскаго казачества, послѣдняя носитъ названіе „иногороднихъ“. Иногородніе и здѣсь, какъ во всей Кубанской области, правъ никакихъ не имѣютъ, но всецѣло зависятъ отъ мѣстнаго казачьяго управленія, которое управляетъ всѣми дѣлами, а иногород. несутъ однѣ повинности, въ видѣ по-саженной платы за арендуемую землю (помимо арендной платы) и проч. Ни школами, ни медицинской помощью безплатно пользоваться иногородніе не имѣютъ права. Эти же иногородніе и просто пришлые пополняютъ собой кадры рабочихъ въ мѣстныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыхъ здѣсь имѣется не мало: кирпичные заводы, на которыхъ работаетъ болѣе 200 человѣкъ, казенный винно-очистительный складъ (рабочихъ около 240 челов.), желѣзно-дорожныя мастерскія и депо (рабочихъ до 700 душъ) два маслобойныхъ завода, паровая мельница и масса всевозможныхъ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ; затѣмъ здѣсь можно насчитать душъ 600-700 всевозможныхъ мелкихъ жел.-дор. служащихъ, какъ-то сцѣпщиковъ, сторожей, стрѣлочниковъ, смазчиковъ, и конторщиковъ всѣхъ степеней. Вся эта масса можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для соціальдемократической обработки. Но, къ великому сожалѣнію, до послѣдняго года на такой довольно таки зарядный промышленный поселокъ партіей не было обращено должнаго вниманія, мѣстной интеллигенціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, мы-же — рабочіе — сами пока многаго сдѣлать не можемъ: хотя и есть среди насъ нѣсколько болѣе или менѣе сознательныхъ соціальдемократовъ, но намъ самимъ нужно еще учиться и учиться.

Правда, здѣсь есть такъ называемая „интеллигенція“, но… тутъ приходится повторить извѣстныя слова: „отъ такихъ друзей избави насъ боже“. Интеллигенцію эту составляютъ: два врача, учительскій персоналъ и нѣсколько мѣстныхъ студентовъ; къ ней же, по качеству, можно присоединить чиновничество и старшій желѣзнодорожній персоналъ. Среди студентовъ есть одинъ харковскій универсантъ, членъ Русскаго Собранія, нѣкто *Сиворонов*ъ: онъ здѣсь отличается тѣмъ, что якшается съ жандармами, распространяетъ брошюры въ юдофобскомъ духѣ, а также пускаетъ нелѣпые слухи, будто виновниками настоящей войны являются евреи и соціалисты (?!). И эта мразь, съ позволенія сказать, носитъ дорогое для насъ, рабочихъ, имя, имя студента, и одѣта въ этотъ мундиръ, подъ которымъ мы, рабочіе, привыкли находить теплое, на все хорошее отзывчивое сердце, русской учащейся молодежи. Я думаю, что еслибы нашъ дорогой, незабвенный товарищъ Петръ Алексѣевъ жилъ въ это время и зналъ такую молодежь, какъ Сивороновъ и тысячи ему подобныхъ, то онъ бы произнесъ замѣчательныя слова нѣсколько иначе.

Учительскій персоналъ не лучше: подзатыльники и колотушки въ училищѣ пользуются полнымъ правомъ гражданства, и это въ XX столѣтіи! Эти истязанія дѣтей чуть было не вызвали судебнаго дѣла. Дѣло было такъ: для желѣзнодорожныхъ учениковъ устроена была поѣздка въ Новороссійскъ, и вотъ на станціи Екатеринодаръ одинъ изъ педагоговъ такъ грубо обращался съ воспитанниками, что какой то чиновникъ вынужденъ былъ вмѣшаться и собирался составить протоколъ, но, къ сожалѣнію, дѣло кончилось ничѣмъ: очевидно, сразу своя своихъ не познаша.

Конечно, отъ такой интеллигенціи ничего порядочнаго ожидать нельзя. Даже въ такой моментъ, какъ война, она несмогла прійти на помощь народу, хотя бы посовѣтовать, что ли, какую газету выписать, чтобы узнать что нибудь о войнѣ въ болѣе приличномъ освѣщеніи, чѣмъ это дѣлаетъ ростовская газета „Пріазовскій край“; послѣдняя здѣсь расходится въ розничной продажѣ въ количествѣ 600-700 экз., тогда какъ до войны шло не больше 20-30. И вотъ, наблюдая такіе факты, приходишь къ заключенію, что отъ такой интеллигенціи рабочимъ ждать нечего, и что въ такихъ углахъ, какъ нашъ, дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ дѣломъ самихъ рабочихъ[1].

Да, очень и очень печально что у насъ такъ мало настоящихъ союзниковъ. Но все течетъ, все измѣняется. Выше я сказалъ, что у насъ много подходящаго матеріалу для соціальдемократической обработки, но что до послѣдняго времени некому было его обрабатывать. Теперь же эту задачу взялъ на себя недавно организовавшійся въ нашей области Кубанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П., которымъ съ апрѣля мѣсяца т. г. были распространены здѣсь слѣдующія печатныя прокламаціи: „Война противъ войны“ (ред. „Искры“) 250 шт., 18-го апр. и 1-го мая 100 шт. первомайскихъ листковъ и 100 шт. „Ко всему рабочему народу“ (ред. „Искры“), и „Кому быть самодержцемъ…“ (75шт.), „Международный жандармъ“ (95 шт.), и „Ко всѣмъ рабочимъ Кубанской области и Черноморской губерніи“ (150 шт.) и „Убійство министра внутреннихъ дѣлъ“ (100шт.) и нѣсколько экзем. летучаго листка по поводу голодовки въ Екатеринодар. тюрьмѣ. Листки возбуждаютъ самый живой интересъ не только среди рабочихъ, но почти среди всего населенія; жандармерія послѣ каждаго распространенія, буквально теряетъ голову, и благодаря тому, что дальше своего носа не видитъ, обрушиваетъ всѣ свои громы на бывшаго жел. дор. служащаго В. Гульневича, у котораго ранней весной былъ обыскъ и взято 2-3 нелегальныхъ брошюрки (продержали его тогда недѣлю въ тюрьмѣ и выпустили). И въ данное время онъ служитъ громоотводомъ, которому приходится принимать всѣ молніеносныя стрѣлы властей предержащихъ. Пусть ихъ неистовствуютъ, мы же тѣмъ временемъ будемъ вносить и свою посильную лепту въ великое дѣло — освобожденія рабочаго класса отъ самодержавія и капитализма.

27-го іюля 1904 года. **Рабочій.**

Тихорѣцкая. У насъ за послѣдніе 3-4 мѣсяца замѣчается нѣкоторое оживленіе, которое робко выступаетъ на смѣну такъ

нены прокламаціи на русскомъ языкѣ. Обыскивали, но ничего не нашли.

---

[1] Товарищъ заблуждается, если думаетъ, что въ менѣе глухихъ, чѣмъ ст. Кавказская, углахъ дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ въ меньшей мѣрѣ дѣломъ „самихъ рабочихъ“.
Редакція.

Военный процессъ.

Копія

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

О рядовомъ изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Ильѣ Васильевѣ Быковѣ.

Вольноопредѣляющіеся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Викторъ Угриничъ-Требинскій и Николай Воронецкій, представивъ 8 іюля 1903 года по начальству четыре брошюры нелегальнаго изданія, донесли, что означенныя брошюры были спрятаны въ помѣщеніи учебной команды баталіона вольноопредѣляющимся Быковымъ, котораго они, по имѣющимся у нихъ даннымъ, подозрѣваютъ въ злоумышленномъ распространеніи подобнаго рода изданій среди нижнихъ чиновъ баталіона.

По поводу изложеннаго, чинами Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, въ порядкѣ 1035 ст. Уст. Угол. Суд., было произведено дознаніе, выяснившее слѣдующее:

Илья Васильевъ Быковъ происходитъ изъ мѣщанъ города Ишима. Воспитывался въ Тюкалинскомъ городскомъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ Омской учительской семинаріи, пробывъ послѣ окончанія которой около года учителемъ, Быковъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ Барнаульскій резервный баталіонъ, а оттуда въ 1901 году юнкеромъ въ Иркутское пѣхотное училище. По отзывамъ начальствующихъ лицъ этого училища, полковника Хлыновскаго и штабсъ-капитана Рыжова, въ первый годъ пребыванія въ училищѣ занимался успѣшно и поведенія былъ хорошаго. 3 ноября 1902 года до свѣдѣнія штабсъ-капитана, во взводѣ котораго состоялъ юнкеръ Быковъ, дошло, что послѣдній ведетъ съ юнкерами разговоры преступнаго характера, стараясь развить ихъ въ извѣстномъ направленіи; сначала онъ испытывалъ надежность юнкера къ воспріятію его идей, а затѣмъ уже пропагандировалъ смѣлѣе, но, вообще, дѣйствовалъ очень осторожно. Произведеннымъ тогда обыскомъ у Быкова ничего подозрительнаго найдено не было, тѣмъ не менѣе, за нимъ былъ установленъ въ училищѣ блительный надзоръ. По показанію юнкера Михаила Житанера, когда онъ въ іюлѣ 1902 года вернулся изъ отпуска изъ Петербурга, Быковъ спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ чего-либо относительно бывшихъ тамъ рабочихъ безпорядковъ. Вообще, Быковъ неоднократно велъ съ нимъ разговоры анти-правительственнаго направленія. Высказывалъ, напримѣръ, мысль относительно безполезности военной службы, выражалъ свое недовольство существующимъ образомъ правленія въ Россіи и настоящимъ порядкомъ вещей. Какъ-то въ лагеряхъ, въ іюлѣ или августѣ 1902 года, Быковъ приносилъ прокламацію преступнаго характера „На смерть Сипягина“ и давалъ ее читать юнкерамъ Ренбѣ и Разжигаеву (чего, однако, они не подтвердили), лично Житанеру Быковъ обѣщалъ однажды принести изъ отпуска почитать „Революціонную Россію“ и какую-то рѣчь Горькаго въ Нижнемъ, но не исполнилъ этого обѣщанія. Нѣкто г-жа Яжгуновичъ, у которой Быковъ юнкеромъ бывалъ въ отпускные дни очень часто, характеризуетъ его, какъ человѣка неустойчиваго, увлекающагося и проявляющаго наклонности къ порицанію существующаго порядка вообще. Въ юнкерскомъ училищѣ, не окончивъ курса, Быковъ былъ отчисленъ, по собственному его желанію, 19 декабря 1902 г. и переведенъ на службу въ 1 роту 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона. Въ апрѣлѣ и маѣ 1903 г. Быковъ временно помѣщался въ учебной командѣ въ одной комнатѣ съ унтеръ-офицеромъ Южаковымъ, на котораго, по словамъ капитана Илленко, оказывалъ тлетворное вліяніе въ смыслѣ дисциплины. Изъ казармъ Быковъ ежедневно уходилъ въ городъ, возвращаясь часовъ въ 11 вечера (показанія унтеръ-офицера Южакова и капитана Илленко). По показаніямъ баталіоннаго адъютанта поручика Лютикова и капитана Илленко, гг. офицеры начали получать прокламаціи съ половины января 1903 года, чего раньше не было; это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что на конвертахъ, въ которыхъ пересылались прокламаціи по городской почтѣ, весьма точно обозначались имена и отчества офицеровъ, даетъ основаніе поручику Лютикову думать, что распространеніе среди офицеровъ прокламацій находилось въ связи съ прибытіемъ въ баталіонъ Быкова. Это предположеніе поручика Лютикова нашло себѣ до нѣкоторой степени подтвержденіе въ фактѣ, о которомъ свидѣтельствуетъ на дознаніи капитанъ Барановскій. Быковъ былъ переведенъ въ его роту приказомъ по баталіону отъ 29 апрѣля 1903 года и приблизительно въ это же время, весной, въ районѣ расположенія второй роты нижними чинами были найдены прокламаціи преступнаго содержанія. По поводу преступной дѣятельности Быкова весною 1903 года, когда онъ жилъ въ помѣщеніи учебной команды, свидѣтельствуютъ его товарищи, вольноопредѣляющіеся Воронецкій и Поповъ, слѣдующее: передъ выступленіемъ баталіона въ лагерь въ 1903, они около двухъ мѣсяцевъ прожили съ Быковымъ въ помѣщеніи учебной команды и за это время близко его узнали. Быковъ часто велъ съ ними разговоры, изъ которыхъ свидѣтели заключили, что онъ принадлежитъ къ обществу соціалъ-демократовъ. Въ разговорахъ Быковъ, между прочимъ, указывалъ на неравномѣрность распредѣленія богатствъ, угнетеніе простого народа, порицалъ существующій образъ правленія, доказывая, что страна должна управляться обществомъ, причемъ говорилъ, что недаромъ на ихъ знамени написано „долой самодержавіе!“, говорилъ также, что его партія стремится достигнуть своей цѣли не терроромъ, а путемъ нравственнаго самосознанія всѣхъ классовъ общества и т. п. По словамъ Воронецкаго, Быковъ старался, дѣйствуя въ извѣстномъ направленіи, сдѣлать его своимъ сторонникомъ, для чего, помимо бесѣдъ, давалъ ему для чтенія и книги преступнаго содержанія, напримѣръ, „Революціонное движеніе въ Россіи за 100 лѣтъ“ женевскаго изданія и соціалъ-демократическій календарь; заглавія другихъ книгъ свидѣтель не помнитъ. Вольноопредѣляющимся Попову и Осипову Быковъ тогда же давалъ читать нелегальнаго изданія брошюру Л. Толстого: „Неужели такъ надо?“ Вечеромъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь Воронецкій видѣлъ, какъ Быковъ, свернувъ въ трубочку нѣсколько книжекъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату. На вопросъ Воронецкаго, что онъ хочетъ дѣлать, Быковъ отвѣчалъ, что желаетъ куда-нибудь спрятать эти книги. По совѣту Воронецкаго, книги были спрятаны на печку въ учебной командѣ. По словамъ Воронецкаго, онъ хотѣлъ тогда же выдать Быкова, но, посовѣтовавшись съ товарищами рѣшилъ сдѣлать это впослѣдствіи, когда будутъ вѣрныя доказательства виновности Быкова. Въ концѣ іюня 1903 года въ лагерномъ расположеніи Енисейскаго баталіона, рядовой названнаго баталіона Макаровъ, идя за водой къ роднику, нашелъ около дорожки завернутый въ бумагу пакетикъ съ книжками, которыя и передалъ сейчасъ же дежурному фельдфебелю Булатову, а этотъ послѣдній представилъ ихъ капитану Вардугину. Въ пакетикѣ, какъ видно изъ донесенія капитана Вардугина, оказались: 1) преступнаго содержанія гектографическая тетрадка на девяти листахъ, озаглавленная „Окраина“ № 5, апрѣль 1903, 2) такого же преступнаго содержанія прокламація „Къ офицерамъ“, 3 изданіе, дозволенное цензурой, книжка журнала „Земля и Люди“. Прокламація и тетрадка приложены къ настоящему дознанію, въ качествѣ вещественнаго доказательства, книжка же, названная капитаномъ Вардугинымъ номеромъ дозволеннаго цензурою журнала „Земля и Люди“, исчезла. Дознаніемъ выяснено, что кап. Вардугинъ, желая обнаружить собственника найденныхъ книжекъ, запрещенныя брошюры оставилъ у себя, а дозволенную книжку приказалъ предъявить по ротамъ. Въ такомъ порядкѣ книжка попала, наконецъ, и въ палатку вольноопредѣляющихся. По словамъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Купрессова, книжка эта была не журналомъ „Земля и Люди“, а носила заглавіе: „Бесѣды о землѣ“. Книжку эту Воронецкій раньше видѣлъ у Быкова, а Купрессовъ, ознакомившись съ ея содержаніемъ въ то время, когда она передавалась по ротамъ для предъявленія нижнимъ чинамъ, утверждаетъ, что она была преступнаго содержанія. К[illegible] опредѣляющихся, туда вошелъ Быкъ и спросилъ Воронецкаго и Купрессова, читали ли они ее. На ихъ отрицательный отвѣтъ Быковъ замѣтилъ, что она интересная и затѣмъ, сложивъ ее вчетверо, спряталъ ее къ себѣ въ карманъ и ушелъ изъ палатки. Вскорѣ послѣ этого, въ первыхъ числахъ іюня, въ палатку вольноопредѣляющихся, въ то время, когда тамъ находились Угриничъ-Требинскій и Воронецкій, зашелъ рядовой Марченко и въ бесѣдѣ съ ними, между прочимъ, разсказалъ, что Быковъ неоднократно говорилъ солдатамъ: „скоро у насъ въ Россіи не будетъ ни государственнаго строя(??), ни службы солдатъ, что это можно сдѣлать самимъ солдатамъ, только не одному, а общей массой“. На замѣчаніе Воронецкаго что объ этомъ надо заявить и что онъ, Марченко, долженъ будетъ подтвердить свои слова, послѣдній смутился и началъ говорить, что Быкова онъ знаетъ мало. Въ этотъ же день вечеромъ Марченко говорилъ тѣмъ же свидѣтелямъ, что въ лагеряхъ онъ знаетъ еще человѣкъ десять, которые вполнѣ солидарны съ Быковымъ. При этомъ спросилъ Угриничъ-Требинскаго, знаетъ ли онъ высокаго рыжаго фельдшера? Когда Тѣбинскій, отвѣтивъ утвердительно, въ свою очередь спросилъ по этому поводу Марченко, то онъ замялся и ничего не сказалъ.

Рядовой Марченко на дознаніи оказалъ, что хотя онъ и зналъ Быкова, но никогда никакихъ съ нимъ разговоровъ не имѣлъ, а равно ничего не разсказывалъ про Быкова вольноопредѣляющимся Воронецкому и Трбинскому.

По показаніямъ вольноопредѣляющихся Воронецкаго и Требинскаго, они на другой день послѣ разговора съ рядовымъ Марченко, т. е. 7 іюня 1903 г. рѣшили, наконецъ, посовѣтовавшись съ вольноопредѣляющимся Поповымъ, донести о преступной дѣятельности Быкова начальству и въ этотъ же день нашли на печкѣ въ помѣщеніи учебной команды тѣ книги, которыя Быковъ туда спряталъ наканунѣ выступленія баталіона въ лагерь. Книги эти были, при докладныхъ запискахъ Требинскаго и Воронецкаго, представлены начальству и приложены къ дознанію въ видѣ вещественнаго доказательства. Изъ протоколовъ осмотра ихъ видно, что всѣ четыре брошюры: 1) Два злодѣйства, 2) Революція и контръ-революція въ Германіи, 3) два экземпляра „Съ чего начать“, оказались явно преступнаго характера по содержанію. Допрошенный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Илья Васильевъ Быковъ не призналъ себя виновнымъ въ злоумышленномъ распространеніи среди военнослужащихъ преступныхъ сочиненій съ цѣлью возбудить къ бунту противъ власти верховной и показалъ, что предъявленныя ему брошюры, найденныя на печкѣ, онъ видитъ въ первый разъ и кому онѣ принадлежатъ — онъ не знаетъ. Съ вольноопредѣляющимися Требинскимъ, Воронецкимъ, Купрессовымъ, Поповымъ и Осиповымъ у него были личные счеты, обострившіе ихъ отношенія до такой степени, что онъ пересталъ съ этими лицами раскланиваться. Изъ разговоровъ съ солдатами онъ узналъ, что вольноопредѣляющіеся намѣреваются устроить ему какую-то непріятность, грозили судомъ и т. п. Угрозы эти, по заявленію обвиняемаго, слышали рядовые Марченко и Гнетовъ; однако, упомянутые рядовые категорически отрицаютъ заявленія обвиняемаго и утверждаютъ, что съ вольноопредѣляющимися они никакихъ разговоровъ не вели и угрозъ ихъ по адресу Быкова не слышали. Будучи заключенъ подъ стражу въ Иркутскомъ тюремномъ замкѣ, обвиняемый Быковъ 18 августа 1903 года во время прогулки передалъ арестанту Барышникову письмо для передачи политическому арестанту Локуцієвскому Вячеславу. По словамъ Барышникова, ему часто приходилось оказывать услуги политическимъ арестантамъ. Такъ напримѣръ, онъ передавалъ Быкову книги отъ Локуціевскаго, Ковригина и Орлика. Въ книгахъ всегда были вложены записки, написанныя черточками, точками и цифрами. Письмо Быкова было отобрано отъ Барышникова надзирателемъ тюрьмы Доманскимъ и представлено по начальству. Письмо это, какъ видно изъ протокола его осмотра, написано частью буквами измѣненнымъ почеркомъ, частью шифромъ въ видѣ дробныхъ цифръ. Содержаніе письма, по расшифровкѣ его, оказалось слѣдующее: „26 іюля переведенъ въ тюрьму. Слѣдствіе по моему дѣлу, должно быть, уже закончено. Жандармскій офицеръ, производящій дознаніе, сулилъ лишеніе воинскаго званія и ссылку въ Нижне-Колымскъ. Но это только предположеніе. Надо ждать, что скажутъ въ Питерѣ, ибо дѣло будетъ рѣшаться тамъ. Ну, да на это наплевать, что бы тамъ ни сказали. Дѣло вотъ въ чемъ: мнѣ, вѣроятно, придется ждать рѣшенія моей участи до Новаго года, а можетъ быть, и всю зиму. Это время я думаю просидѣть спокойно, а потомъ, когда отправятъ въ ссылку, удрать съ дороги или съ мѣста ссылки, какъ будетъ удобнѣе, занявъ нелегальное положеніе, для чего хорошо наготовѣ имѣть паспортъ. Выскажите свое мнѣніе по этому вопросу. Мнѣ лично очень бы хотѣлось не порывать той связи съ баталіономъ, которая порвалась съ моимъ арестомъ. Меня въ этомъ отношеніи могъ бы замѣнить фельдшеръ Егоровъ, котораго вы немного знаете. Если вы сами черезъ Богаева не найдете возможнымъ возстановить питаніе баталіона, то я самъ сообщу Егорову вашъ адресъ. Въ заключеніе скажу, что чувствую себя не дурно. Бездна времени для теоретическихъ занятій. Я предвкушаю основательно прозаниматься зиму. Сообщеніе съ товарищами почти полное. Въ предварительномъ заключеніи сейчасъ: Багульскій, Орликъ, Дахновъ, Ин. Локуцієвскій, В. Локуцієвскій, Кубайтисъ, Урбановичъ, Шаримовъ, Гостиловскій, Ковригинъ, Залогинъ и Быковъ“. На конвертѣ тоже шифромъ написано: „Знаменское предмѣстье, улица на берегу Ангары, д. № 26, передать Ивану Константиновичу Николаеву или его женѣ“. По поводу этого письма обвиняемый Быковъ заявилъ, что оно написано по чисто личному его дѣлу и расшифровка его не соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Фельдшера Егорова онъ, обвиняемый, знаетъ по баталіону и никакихъ сношеній съ нимъ изъ тюрьмы не имѣлъ. Знаетъ также обвиняемый и служащаго въ баталіонѣ Ивана Николаева Константинова и брата его, Ружанскаго, но о принадлежности ихъ къ тайному обществу Иркутской (? соц.-дем. рабочей партіи — не слыхалъ. Изъ имѣющейся въ дознаніи справки, полученной отъ Начальника Иркутскаго охраннаго отдѣленія видно, что въ домѣ № 26 на Ангарской улицѣ проживаетъ привлеченный по другому политическому преступленію Гавріилъ Ружанскій съ незаконорожденнымъ братомъ своимъ Иваномъ Николаевымъ Константиновымъ (нынѣ умершимъ), кому и предназначалось зашифрованное письмо Быкова. Константиновъ и Ружанскій поддерживали тѣсную связь съ привлеченнымъ также въ качествѣ обвиняемаго къ тому же дознанію Александромъ Поповымъ, при чемъ въ квартирѣ первыхъ двухъ происходили чтенія различныхъ преступныхъ изданій. Кромѣ того, Константиновъ имѣлъ сношенія съ заграницей, выписывая оттуда нелегальную литературу какъ для основанія библіотеки, обнаруженной у А. Попова при обыскѣ, такъ и для распространенія. Въ числѣ лицъ, близко стоявшихъ къ Константинову, находился также и вольноопредѣляющійся Быковъ.

На основаніи вышеизложеннаго, рядовой изъ вольноопредѣляющихся 6-го Енисейскаго резервнаго баталіона Илья Васильевъ Быковъ обвиняется въ томъ, что въ періодъ времени съ 1902 по іюль 1903 г., состоя юнкеромъ Иркутскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, а затѣмъ вольноопредѣляющимся въ Енисейскомъ баталіонѣ, онъ намѣренно распространялъ среди нижнихъ чиновъ названныхъ частей подпольныя печатныя сочиненія, имѣющія цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной и пропагандировалъ среди тѣхъ же чиновъ и въ тѣхъ же цѣляхъ преступныя идеи, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 2 ч. 251 и 252 ст. Улож. о нак. изд. 1885 г. и 274 ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г. изд. 3-ье.

За означенныя преступленія унтеръ-офицеръ Быковъ, въ силу состоявшагося между министерствами Военнымъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи соглашенія, преданъ постоянному отдѣленію Сибирскаго военно-окружного суда въ городѣ Иркутскѣ, при чемъ [illegible] 23 апр. [illegible] дознанія присвоена сила и значеніе актовъ предварительнаго слѣдствія. Обвинительный актъ составленъ іюля 8 дня 1904 г. въ г. Иркутскѣ.

Подлинный подписалъ Исп. обяз. военнаго прокурора

Полковникъ Повало-Швейковскій

Списокъ свидѣтелей по сему дѣлу: 1) младшій офицеръ Ирк. юнк. уч. штабсъ-капитанъ Мих. Евграф. Рытовъ, 2) того же училища юнкера: Житанеръ, 3) П. А. Рене и 4) Т. Н. Разжигаевъ, 5) жена поручика 6-го Енис. рез. бат. Праск. Вас. Яжгуновичъ, 6) капитанъ Илленко, 7) капитанъ Іос. Ив. Барановскій, 8) капитанъ Н. М. Вардугинъ, 9) поручикъ Март. Ант. Лютиковъ, 10) рядовой изъ вольноопред. Н. С. Воронецкій, 11) Сем. Феок. Поповъ, 12) рядовой Викт. Аф. Макаровъ, 13) унтеръ-офицеръ изъ вольноопр. Вл. Ив. Купрессовъ, 14) Викт. Сем. Угриничъ-Требинскій, 15) рядовой изъ вольноопред. 5-го Ирк. рез. бат. Ник. Вас. Осиповъ, 16) рядовой Александ. мѣст. ком. Вас. Гр. Чистовъ, 17) рядовой Нижнеуд. мѣст. ком. Игн. Тим. Марченко, 18) ссыльно-поселенецъ Евф. Ег. Барышниковъ, 19) надзир. Иркут. тюрьмы К. Ф. Доманскій, 20) Отд. Корп. Жанд. поручикъ Купріяновъ.

Подлинный подписалъ

Исп. обяз. военнаго прокурора полк. Повало-Швейковскій.

Съ подлиннымъ вѣрно

Исп. обяз. секретаря надв. сов. Алитовъ.

(Изъ матеріаловъ Сиб. Союза).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кавказская. — Такъ называется узловая станція Владикавказской жел. дор.; около нея имѣется громадный промышленный поселокъ, носящій названіе „Романовскъ“. Населеніе здѣсь насчитывается за 20.000; громадное большинство — пришлый элементъ, изъ котораго часть устроилась здѣсь осѣдло. Въ отличіе отъ коренного Кубанскаго казачества, послѣдняя носитъ названіе „иногороднихъ“. Иногородніе и здѣсь, какъ во всей Кубанской области, правъ никакихъ не имѣютъ, но всецѣло зависятъ отъ мѣстнаго казачьяго управленія, которое управляетъ всѣми дѣлами, а иногород. несутъ однѣ повинности, въ видѣ по-саженной платы за арендуемую землю помимо арендной платы и проч. Ни школами, ни медицинской помощью безплатно пользоваться иногородніе не имѣютъ права. Эти же иногородніе и прост пришлые пополняютъ собой кадры рабочихъ въ мѣстныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, которыхъ здѣсь имѣется не мало: кирпичные заводы, на которыхъ работаетъ болѣе 200 человѣкъ, казенный винно-очистительный складъ (рабочихъ около 240 челов.), желѣзнодорожныя мастерскія и депо (рабочихъ до 700 душъ), два маслобойныхъ завода, паровая мельница и масса всевозможныхъ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ; затѣмъ здѣсь можно насчитать душъ 600-700 всевозможныхъ мелкихъ жел.-дор. служащихъ, какъ-то сцѣпщиковъ, сторожей, стрѣлочниковъ, смазчиковъ, и конторщиковъ всѣхъ степеней. Вся эта масса можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для соціальдемократической обработки. Но, къ великому сожалѣнію, до послѣдняго года на такой довольно таки изрядный промышленный поселокъ партіей не было обращено должнаго вниманія, мѣстной интеллигенціи, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, нѣтъ, мы-же — рабочіе — сами пока многаго сдѣлать не можемъ: хотя и есть среди насъ нѣсколько болѣе или менѣе сознательныхъ соціальдемократовъ, но намъ самимъ нужно еще учиться и учиться.

Правда, здѣсь есть такъ называемая „интеллигенція“, но... тутъ приходится повторить извѣстныя слова: „отъ такихъ друзей избави насъ боже“. Интеллигенцію эту составляютъ: два врача, учительскій персоналъ и нѣсколько мѣстныхъ студентовъ; къ ней же, по качеству, можно присоединить чиновничество и старшій желѣзнодорожный персоналъ. Среди студентовъ есть одинъ харьковскій универсантъ, членъ Русскаго Собранія, нѣкто *Сиворонов*ъ: онъ здѣсь отличается тѣмъ, что якшается съ жандармами, распространяетъ брошюры въ юдофобскомъ духѣ, а также пускаетъ нелѣпые слухи, будто виновниками настоящей войны являются евреи и соціалисты (?!). И эта мразь, съ позволенія сказать, носитъ дорогое для насъ, рабочихъ, имя, имя студента, и одѣта въ этотъ мундиръ, подъ которымъ мы, рабочіе, привыкли находить теплое, на все хорошее отзывчивое сердце, русской учащейся молодежи. Я думаю, что еслибы нашъ дорогой, незабвенный товарищъ Петръ Алексѣевъ жилъ въ это время и зналъ такую молодежь, какъ Сиворонов и тысячи ему подобныхъ, то онъ бы произнесъ замѣчательныя слова нѣсколько иначе.

Учительскій персоналъ не лучше: подзатыльники и колотушки въ училищѣ пользуются полнымъ правомъ гражданства, и это въ XX столѣтіи! Эти истязанія дѣтей чуть было не вызвали судебнаго дѣла. Дѣло было такъ: для желѣзнодорожныхъ учениковъ устроена была поѣздка въ Новороссійскъ, и вотъ на станціи Екатеринодаръ одинъ изъ педагоговъ такъ грубо обращался съ воспитанниками, что какой то чиновникъ вынужденъ былъ вмѣшаться и собирался составить протоколъ, но, къ сожалѣнію, дѣло кончилось ничѣмъ: очевидно, сразу своя своихъ не познаша.

Конечно, отъ такой интеллигенціи ничего порядочнаго ожидать нельзя. Даже въ такой моментъ, какъ война, она не смогла прійти на помощь народу, хотя бы посовѣтовать, что ли, какую газету выписать, чтобы узнать что нибудь о войнѣ въ болѣе приличномъ освѣщеніи, чѣмъ это дѣлаетъ ростовская газета „Пріазовскій край“: послѣдняя здѣсь расходится въ розничной продажѣ въ количествѣ 600-700 экз., тогда какъ до войны шло не больше 20-30. И вотъ, наблюдая такіе факты, приходишь къ заключенію, что отъ такой интеллигенціи рабочимъ ждать нечего, и что въ такихъ углахъ, какъ нашъ, дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ дѣломъ самихъ рабочихъ[1].

Да, очень и очень печально что у насъ такъ мало настоящихъ союзниковъ. Но все течетъ, все измѣняется. Выше я сказалъ, что у насъ много подходящаго матеріалу для соціальдемократической обработки, но что до послѣдняго времени некому было его обрабатывать. Теперь же эту задачу взялъ на себя недавно организовавшійся въ нашей области Кубанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П., которымъ съ апрѣля мѣсяца т. г. были распространены здѣсь слѣдующія печатныя прокламаціи: „Война противъ войны“ (ред. „Искры“) 250 шт., 18-го апр. и 1-го мая 100 шт. первомайскихъ листковъ и 100 шт. „Ко всему рабочему народу“ ред. „Искры“, и „Кому быть самодержцемъ...“ (75 шт.), „Международный жандармъ“ 95 шт., и „Ко всѣмъ рабочимъ Кубанской области и Черноморской губерніи“ (150 шт.) и „Убійство министра внутреннихъ дѣлъ“ (100 шт.) и нѣсколько экзем. летучаго листка по поводу голодовки въ Екатеринодар. тюрьмѣ. Листки возбуждаютъ самый живой интересъ не только среди рабочихъ, но почти среди всего населенія; жандармерія послѣ каждаго распространенія, буквально теряетъ голову, и благодаря тому, что дальше своего носа не видитъ, обрушиваетъ всѣ свои громы на бывшаго жел. дор. служащаго В. Гульневича, у котораго ранней весной былъ обыскъ и взято 2-3 нелегальныхъ брошюрки (продержали его тогда недѣлю въ тюрьмѣ и выпустили). И въ данное время онъ служитъ громоотводомъ, которому приходится принимать всѣ молніеносныя стрѣлы властей предержащихъ. Пусть ихъ неистовствуютъ, мы же тѣмъ временемъ будемъ вносить и свою посильную лепту въ великое дѣло — освобожденія рабочаго класса отъ самодержавія и капитализма.

27-го іюля 1904 года. Рабочій.

Тихорѣцкая. У насъ за послѣдніе 3-4 мѣсяца замѣчается нѣкоторое оживленіе, которое робко выступаетъ на смѣну такъ

долго длившемуся затишью, наставившему послѣ такихъ громкихъ событій, какъ дѣло Золотовой и безпорядки въ ноябрѣ 1902 г. (которые были скорѣе отзвукомъ Ростовскихъ событій, чѣмъ чѣмъ-либо самостоятельнымъ). Та, поистинѣ звѣрская расправа, съ которой были подавлены эти стихійные безпорядки, наложила на неорганизованныхъ рабочихъ (а такіе здѣсь почти всѣ) печать какого-то тупого страха, который чувствуется и по этихъ поръ, и мѣшаетъ сьорганизоваться для болѣе планомѣрной работы. Замѣчающемуся нынѣ оживленію много способствуетъ дѣятельность недавно организовавшагося въ нашей области Кубанскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Комитетомъ за послѣдніе 3-4 мѣсяца распространены въ достаточномъ количествѣ слѣдующія печатныя прокламаціи: „Война противъ войны“, 18 апрѣля и 1 мая, первомайскія, „Ко всему рабочему народу“, (ред. „Искры“), „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ?“, „Международный Жандармъ“, „Летучій Листокъ“ по поводу голодовки въ Екатер. тюрьмѣ (въ ограниченномъ количествѣ), и „Ко всѣмъ рабочимъ Кубанской Области и Черноморской губ.“. Первое время листки рабочими изъ страха брались неохотно, но потомъ интересъ узнать правду о войнѣ взялъ перевѣсъ надъ невольнымъ страхомъ, и послѣдніе листки брались гораздо охотнѣе, хотя и не безъ нѣкоторой робости. Первымъ объявилъ намъ войну мѣстный попъ. Первоначально онъ заставилъ дьячка позондировать почву у школьниковъ, предлагая имъ деньги, чтобы они сказали, кто разбрасывалъ прокламаціи, но, какъ и слѣдовало ожидать, безрезультатно; тогда самъ попъ въ ближайшій праздникъ сказалъ „громовую рѣчь“ по поводу листковъ; говорилъ, что это разбрасываютъ подкупленныя Японіей лица, говорилъ о могуществѣ самодержавія и т. д. въ этомъ родѣ. Характерно, что масса слушателей начали уходить, другіе зѣвали. Не дремлетъ и здѣшній охранитель короны, желѣзнодорожный жандармскій ротмистръ, который беретъ не столько ловкостью, сколько усердіемъ; такъ, напр., онъ считаетъ своимъ долгомъ всякаго, мало-мальски подозрительнаго на его жандармскій взглядъ, проѣзжаго обыскать и спросить паспортъ. Этотъ же стражъ закона и порядка почему-то запрещаетъ молодежи чинно сидѣть и гулять въ желѣзнодорожномъ садикѣ и встрѣчаетъ ее всегда словами: „не къ добру вы здѣсь собрались“, но когда та же молодежь идетъ по улицѣ и горланитъ пѣсни, то онъ это поощряетъ. А сколько приходится терпѣть отъ этого стража ежедневныхъ мелкихъ придирокъ. Такъ какъ у насъ мѣстомъ для гулянья является платформа станціи, то неизбѣжно приходится быть почти всегда на глазахъ у этой мрази, и пустая мелочь вызываетъ цѣлую бурю: то онъ не велитъ гулять съ тѣми, которыхъ онъ почему-то считаетъ неблагонадежными, то, вообще, начинаетъ дурить отъ бездѣлья; такъ, онъ въ послѣднихъ числахъ мая вытребовалъ команду солдатъ; очевидно, онъ страдаетъ галлюцинаціями и ему померещилось, что скоро будутъ безпорядки. Пріѣхавшій офицеръ, на вопросъ мѣстнаго воинскаго начальника „зачѣмъ вы пріѣхали?“ отвѣтилъ: „въ полку получилась телеграмма, что въ Тихорѣцкой среди рабочихъ сильное броженіе и вотъ-вотъ вспыхнутъ безпорядки, насъ и послали“. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Правда, температура нѣсколько повышается. Во-первыхъ, недовольны сокращеніемъ работы по случаю войны, работаемъ 5 дней въ недѣлю, затѣмъ въ этомъ полугодіи почти никому не было обычной прибавки жалованья, да и военныя событія невеселыя и все это взятое вмѣстѣ создаетъ извѣстное настроеніе, которымъ нужно воспользоваться, чтобы отогрѣть, и заставить жить остывшія души. Но чувствуется крайній недостатокъ въ начальной литературѣ, а одними листками трудно создать что либо прочное, а оно здѣсь крайне нужно, во-первыхъ, потому что масса есть матеріалу для обработки, да пожалуй еще и не хорошо пользоваться не совсѣмъ заслуженной славой. Вѣдь въ сущности и Золотовское событіе и дружная поддержка Ростовскихъ товарищей въ 1902 г. — все это говоритъ въ нашу пользу; но что, собственно говоря, сказалось въ этихъ безпорядкахъ? Да только то, что и мы, Тихорѣцкіе рабочіе, не лишены человѣческаго чувства и товарищеской солидарности, право же не больше! Будемъ стараться всѣми силами заявить себя передъ лицомъ всей партіи достойными ея членами и убѣжденными соціальдемократами.

---

[1] Товарищъ заблуждается, если думаетъ, что въ менѣе глухихъ, чѣмъ ст. Кавказская, углахъ дѣло освобожденія рабочаго класса будетъ въ меньшей мѣрѣ дѣломъ „самихъ рабочихъ“.

Редакція.

Рабочій.

Рига. Въ воскресенье 20-го іюня рижскіе рабочіе и работницы проводили на вѣчный покой своего товарища Т. Пуке... Онъ умеръ въ самомъ цвѣтѣ (24) лѣтъ. Рѣшено было проводить усопшаго неутомимаго товарища съ должнымъ почетомъ, рѣчами и пѣснями. Вѣсть объ этомъ еще за два дня до похоронъ распространялась по всѣмъ Задвинскимъ фабрикамъ и заводамъ, гдѣ у усопшаго было много друзей и товарищей по работѣ. Вѣсть эта дошла и до полиціи, которая собрала всѣ свои силы, чтобы помѣшать этому. Около обѣда кладбище было занято городовыми, на улицѣ ждали конные полицейскіе, и въ близкомъ пивоваренномъ заводѣ были спрятаны войска. Полиція готовилась къ кровавой стычкѣ. Товарищи-распорядители предварительно рѣшили на этотъ разъ не вступать въ драку съ полиціей и оружія не употреблять, а ограничиться мирными проводами. Изъ дому гробъ, убранный красными розами, проводили сотни двѣ товарищей и товарокъ, а на кладбищѣ и возлѣ него ихъ ожидало около 1500. Необычайное волненіе обуяло всѣхъ, когда могильную яму окружили городовые и околоточные. Яму засыпали при гробовомъ молчаніи и могилу покрыли цвѣтами и вѣнками, послѣ чего товарищи начали расходиться. Полиція вздохнула свободнѣе, ибо, несмотря на свои шашки, новые револьверы и солдатъ, она дрожала за свою шкуру.

Кризисъ и безработица, вызванные войной, даютъ себя тяжело чувствовать: многія фабрики сокращаютъ производство и уменьшаютъ заработную плату, пользуясь большимъ предложеніемъ свободныхъ рукъ. Приведу только нѣкоторые характерные примѣры.

Въ „Текстилѣ“, часть рабочихъ уволена, другіе работаютъ только 3—4 дня въ недѣлю. 10-го іюля вывѣсили новые расчетные листы, за нѣкоторыя вещи теперь платятъ только половину прежняго.

На фабрикѣ „Лодера“ раньше получали за 14 дней 10 — 11 руб., теперь только половину. Одна группа работницъ получаетъ только рубля 3 — 4. За поштучную работу раньше платили 10 коп., теперь только 6 коп. Притомъ стараются надувать и тѣмъ, что куски матерій теперь „по ошибкѣ“ длиннѣе.

На резиновой фабрикѣ Мюнделя донимаютъ усиленными штрафами. Часто рабочій даже не знаетъ, за что его оштрафовали, при расчетѣ только оказывается, что часть заработка вычтена, какъ штрафъ.

Бобруйскъ. Во всемъ нашемъ городѣ и на семь верстъ кругомъ нѣтъ ни единаго деревца, за исключеніемъ небольшой рощи (принадлежащей Бобр. крѣпости), которая и являлась единственнымъ и естественнымъ мѣстомъ гулянья для мѣстной публики. Полиціи удалось разузнать, что тамъ же происходили и нѣкоторыя рабочія собранія и, какъ и полагается полиціи, она съ весны этого года *воспретила* обывателямъ доступъ въ рощу. Запрещеніе не подѣйствовало, и по субботамъ и воскресеньямъ толпы гуляющей публики по прежнему направлялись въ любимый уголокъ. Тогда приставлены были къ рощѣ солдаты, которые вмѣсто того, чтобы преграждать приходящимъ путь, набрасываются на нихъ съ нагайками, безъ разбору избивая мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей.

Въ нашемъ городѣ ведется борьба за вліяніе на пролетаріатъ между мѣстными организаціями Р. С.-Д. Р. П. и Бундомъ. Осенью прошлаго года авторъ этой корреспонденціи писалъ (см. „Искра“ № 53, изъ частн. письма): „большинство изъ тѣхъ сознательныхъ рабочихъ, съ которыми мнѣ пришлось встрѣчаться, энергично и рѣшительно сопротивляются тѣмъ націоналистическимъ тенденціямъ, которыя имъ стараются навязать представители Бунда, интеллигенты“. За прошедшіе съ тѣхъ поръ девять мѣсяцевъ обстоятельства измѣнились. Усиленно ведшаяся за это время Бундомъ агитація, не встрѣчавшая никакого сопротивленія со стороны Рос. Партіи, привела къ тому, что отъ него откололось лишь сравнительно небольшое количество рабочихъ, остальные же восприняли націоналистическіе принципы своихъ руководителей; принципы эти въ сознаніи пролетаріата начинаютъ занимать все больше и больше мѣста за счетъ основъ соціальдеократическаго ученія. Такимъ образомъ Бундъ имѣетъ полное право считать себя побѣдителемъ и могъ бы опочить на лаврахъ, если бы въ послѣднее время не появился вдругъ серьезный соперникъ, заставившій его всполошиться. Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ нашемъ краѣ образовался С.-Зап. Ком. Р. С.-Д. Р. П., въ составъ котораго вошли группы Партіи, возникшія въ нѣсколькихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Бобруйскѣ. Какъ только наша группа выступила съ прокламаціей, обращенной „К всѣмъ рабочимъ Бобруйска“, но распространенной главнымъ образомъ въ не-еврейскихъ рабочихъ кварталахъ, мѣстные бундовцы начали сильную агитацію противъ насъ. Получивъ подкрѣпленіе изъ другихъ городовъ, они устроили нѣсколько собраній, на которыхъ выступили, между прочимъ, съ такими объясненіями. Группа де вноситъ въ еврейскій пролетаріатъ „политическій развратъ“, привлекая къ распространнію своихъ листковъ и евр. рабочихъ и отвлекая ихъ такимъ образомъ отъ той организаціи, которая является единственной представительницей евр. пролетаріата — т. е. отъ Бунда. На другомъ собраніи ораторъ утверждалъ, что въ Рос. Партіи работаютъ только тѣ, кого „мы“ давно исключили. (Къ этому красивому агитаціонному пріему бундовцы прибѣгали и въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Минскѣ). Отъ предложеной же нами открытой дискуссіи по вопросу о выходѣ Бунда изъ партіи „единственные представители“ отказались, находя, вѣроятно, болѣе удобнымъ для себя развращать классовое самосознаніе евр. пролетаріата при закрытыхъ дверяхъ. Въ заключеніе мы должны упомянуть объ одномъ въ высшей степени грустномъ фактѣ. За послѣдніе пять-шесть мѣсяцевъ произошло четыре случая избіенія бундовскими рабочими совершенно невинныхъ людей по ни на чемъ не основанному подозрѣнію въ шпіонствѣ. Вся вина этихъ несчастныхъ заключалась въ томъ, что они, не зная мѣстныхъ обычаевъ, отправились гулять на „биржу“, т. е. ту улицу, гдѣ въ опредѣленные часы собираются организованные бундовскіе рабочіе. Одинъ изъ этихъ случаевъ избіенія окончился смертью. И почему то господа бундовцы, такъ старательно просвѣщающіе рабочихъ на счетъ того, что есть политческій развратъ, не сочли до сихъ поръ нужнымъ выступить противъ этого зла, и не выпустили ни одного листка, разъясняющаго недопустимость такого варварства.

Ново-Николаевскъ. (Томской губ.). Въ серединѣ мая забастовали всѣ прикащики, отказавшись открывать магазины и лавки. Требованія: сокращеніе рабочихъ часовъ, праздничный отдыхъ, вѣжливое обращеніе хозяевъ. Забастовавшіе держались стойко, и хозяева принуждены были уступить.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

О рабочемъ днѣ въ Германіи.

Въ Германіи опубликованъ отчетъ о дѣятельности инспекторовъ въ ремесленныхъ мастерскихъ за 1903 годъ. По даннымъ этого отчета, приведеннымъ въ „Vorwärts'ѣ“ № 150, въ громадномъ большинствѣ заведеній длина рабочаго дня выше 10 и даже 11 часовъ въ сутки. Иногда же рабочій день доходитъ и до 13 часовъ. При этомъ, конечно, встрѣчаются и такіе примѣры чудовищной эксплуатаціи, какъ слѣдующій: хозяинъ одной мельницы заставилъ своего подмастерья работать 38 часовъ безпрерывно. Во многихъ мѣстахъ инспекторамъ приходилось констатировать нарушеніе воскреснаго отдыха рабочихъ даже со стороны муниципалитетовъ. Дума одного города лишь подъ угрозою штрафа согласилась предоставить рабочимъ своихъ электрическихъ мастерскихъ установленный закономъ воскресный отдыхъ. Вообще, установленная для нѣкоторыхъ промысловъ законодательная защита рабочихъ хозяевами-эксплуататорами сплошь и рядомъ не соблюдается. Происходитъ это оттого, что — какъ сознаются сами инспектора въ своемъ отчетѣ — при крайне ограниченномъ количествѣ контролирующихъ чиновниковъ, нѣтъ возможности провѣрить всѣ промысловыя заведенія. Стачка берлинскихъ булочниковъ[1]), недавно состоявшаяся, обнаружила, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ эксплуатировались несчастные пекаря. Открытымъ и стойкимъ сопротивленіемъ имъ удалось значительно улучшить свое положеніе. Когда одинъ прусскій чиновникъ пожелалъ истолковать положеніе о рабочемъ днѣ отъ 20 марта 1902 года, ограничивающее его для каменоломенъ 10 часами, въ томъ смыслѣ, что этимъ положеніемъ подразумѣвается средній годовой день и что длина отдѣльныхъ рабочихъ дней можетъ быть выше 10 и даже 11 часовъ, то рабочіе этому воспротивились и силою своей организаціи настояли на правильномъ истолкованіи закона.

Въ конституціонной Германіи не существуетъ общаго ограниченія закономъ рабочаго дня для взрослыхъ мужскихъ рабочихъ. Многократныя попытки соціальдемократическихъ депутатовъ въ парламентѣ добиться постепеннаго уменьшенія рабочаго дня до восьми часовъ постоянно разбивались о сопротивленіе реакціоннаго правительства и буржуазную ограниченность правящихъ классовъ Германіи. Если въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности безграничной эксплуатаціи рабочихъ положенъ предѣлъ, то лишь благодаря успѣшной дѣятельности ихъ профессіональныхъ организацій. Однако, это относится лишь къ лучше оплачиваемымъ рабочимъ. Для всего же рабочаго класса въ цѣломъ ограниченіе рабочаго дня возможно лишь законодательнымъ путемъ. Законодательная охрана труда и у насъ, въ Россіи, началась лишь вмѣстѣ съ протестомъ рабочаго класса. Извѣстно, что законъ 2 іюня 1897 года явился прямымъ результатомъ знаменитыхъ стачекъ петербургскихъ ткачей. Но существенная разница между нашимъ злополучнымъ отечествомъ и конституціонной Германіей та, что законы объ охранѣ труда у насъ, большей частью, остаются на бумагѣ, тогда какъ въ Германіи, гдѣ рабочій классъ пользуется политическими правами, соблюденіе ихъ вынуждается у капиталистовъ *самими рабочими*. Благодаря свободѣ союзовъ, рабочіе, какъ видно уже изъ тѣхъ фактовъ, которые приводятся отчетомъ инспекціи, умѣютъ, въ случаѣ надобности, заставить капиталистовъ считаться со своими правами.

Вліяніе организованности рабочихъ на число смертныхъ случаевъ и увѣчій.

Нѣтъ такой отрасли капиталистическаго производства, въ которой жизнь и здоровье рабочаго не подвергались бы серьезной опасности; нѣтъ такой области труда, гдѣ чрезмѣрная эксплуатація не влекла бы за собою соотвѣтственныхъ „профессіональныхъ“ болѣзней. Но едва ли найдется такое поле труда, которое бы такъ часто приносило рабочимъ преждевременную, насильственную смерть, какъ это бываетъ при работѣ въ рудникахъ.

Опускаясь въ шахту, горнорабочій не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что выйдетъ изъ нея живымъ и невредимымъ. Съ того момента, когда онъ садится въ бадью, уносящую его въ нѣдра земли, до той минуты, когда онъ изъ нея выходитъ, жизнь его виситъ на волоскѣ. Обрывается канатъ, на которомъ держится бадья, — и рабочій разбивается вдребезги. Спустившись внизъ, рабочій еще долго долженъ пробираться на мѣсто своей работы; и здѣсь, по дорогѣ, малѣйшая неосторожность, — напримѣръ, во время не нагнуться, — можетъ стоить ему жизни. Ему грозитъ удушье отъ углекислоты; обвалы, взрывы гремучихъ газовъ заживо его погребаютъ.

„Несчастные случаи“ въ рудникахъ такъ часты, что представители капиталистовъ серьезно увѣряютъ, что эти случаи, обусловливаются самымъ характеромъ работы, а потому совершенно неизбѣжны. Но сколь лживы эти увѣренія, какіе грубые интересы ненасытной наживы за ними скрываются, — объ этомъ убѣдительно свидѣтельствуютъ опубликованные горнымъ вѣдомствомъ въ Пруссіи матеріалы, относящіеся къ вопросу о томъ, какъ часто въ прусскихъ рудникахъ происходятъ взрывы отъ гремучихъ газовъ. Нѣкоторыми данными изъ этихъ матеріаловъ, заимствуемыми нами изъ „Vorwärts'а“, мы считаемъ нужнымъ подѣлиться съ нашими читателями.

Въ періодъ времени 1891—1900 гг. среднее годовое количество газовыхъ взрывовъ, для всей горной промышленности Пруссіи было — 70,5; среднее же количество рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ за годъ — 182,8. Съ этого времени оба эти ряда цифры падали слѣдующимъ образомъ: количество взрывовъ: въ 1901 — 40, въ 1902 — 22, въ 1903 — 30; количество убитыхъ и изувѣченныхъ рабочихъ: въ 1901 — 129, въ 1902 — 45, въ 1903 — 53. Отсюда видно, что, хотя, въ послѣдній, 1903 г., цифра убитыхъ и поднялась, но, сравнительно съ 1900 г., эта цифра показываетъ огромное уменьшеніе несчастныхъ случаевъ.

Это уменьшеніе еще болѣе замѣтно, если сравнить данныя за болѣе значительный промежутокъ времени. Среднее годовое количество смертельныхъ взрывовъ и убитыхъ на каждую тысячу занятыхъ рабочихъ выражается въ слѣдующихъ цифровыхъ отношеніяхъ:

	Количество взрывовъ.	Количество убитыхъ.
1881/90	0,139	0,517
1891/900	0,057	0,245
1901	0,037	0,114
1902	0,007	0,022
1903	0,021	0,033

Какъ показываютъ эти цифры, число убитыхъ за годъ рабочихъ уменьшилось приблизительно въ восемнадцать разъ. При этомъ необходимо еще принять во вниманіе, что горная промышленность лишь въ послѣдніе 20 лѣтъ приняла характеръ крупнаго капиталистическаго производства и что устройство хорошей вентиляціи, снабженіе разросшихся и значительно углубленныхъ шахтъ свѣжимъ воздухомъ, въ силу этихъ обстоятельствъ, гораздо затруднительнѣе теперь, чѣмъ это было прежде.

Самые опасные рудники, гдѣ взрывы наиболѣе часты, находятся въ Рурскомъ бассейнѣ. Отъ 1861 до 1898 г. однихъ *убитыхъ* рабочихъ тамъ было *1828*; кромѣ же этого *2314* было тяжело, *5142* менѣе тяжело изувѣчено. Но именно здѣсь, замѣчаетъ „Vorwärts“, легче всего можно узнать, *каковы* должны быть *условія* для успѣшной защиты труда. Слѣдующая таблица въ этомъ отношеніи весьма поучительна:

Въ среднемъ на одинъ годъ:	Колич. горнор., занят. въ назван. районѣ.	Колич. взрывовъ.	Колич. убитыхъ.	На кажд. 1000 раб. приход. убитыхъ.
1861/70	42,890	36	27	0,63
1871/80	76.793	52	34	0,44
1881/90	*102.174*	*92*	*63*	*0,62*
1891/900	169.661	57	62	0,37
1900/903	247.960	22	20	0,08

Прежде всего, и здѣсь приходится констатировать уменьшеніе рудничныхъ взрывовъ и ихъ жертвъ. Но въ этой таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ десятилѣтіе отъ 1881—1890 г. количество катастрофъ и убитыхъ рабочихъ снова сильно увеличивается, а съ 1891 г. это количество опять начинаетъ прогрессивно уменьшаться. Какъ объясняется это явленіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объясняетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, причину того, что количество рудничныхъ жертвъ съ теченіемъ времени сильно и безпрерывно уменьшается.

Дѣло въ томъ, что на указанное десятилѣтіе падаетъ всей своей тяжестью дѣйствіе исключительнаго закона противъ соціалистовъ или, какъ его еще коротко называютъ, „соціалистическаго закона“. Съ изданіемъ этого закона однимъ ударомъ были разрушены организаціи рабочихъ, созданныя долголѣтнимъ упорнымъ трудомъ. Въ числѣ „распущенныхъ“ организацій находилась и тогдашняя профессіональная организація горнорабочихъ Рурскаго бассейна. Здѣсь мы находимъ объясненіе того, почему въ слѣдующіе за разрушеніемъ организаціи годы такъ сильно поднялся процентъ убитыхъ и изувѣченныхъ въ рудникахъ рабочихъ. Въ 1878 г., — годъ изданія соціалистическаго закона, — на каждую 1000 горнорабочихъ приходится еще только 0,42 убитыхъ взрывами рабочихъ; слѣдующіе же за этимъ годы даютъ намъ знаменательный рядъ цифръ: 0,56, 1,02, 0,44, 0,64, 1,25, 0,81, 0,63, 0,88, 0,82. И лишь послѣ того, какъ въ концѣ этого злосчастнаго десятилѣтія пагубное дѣйствіе соціалистическаго закона начало ослабляться и рабочіе, получившіе, въ силу этого, больше простору для своей дѣятельности, основали новый союзъ горнорабочихъ, — лишь съ этого времени начинается быстрое уменьшеніе жертвъ рудничныхъ взрывовъ. Это уменьшеніе идетъ параллельно, находится въ тѣсной связи съ ростомъ и усиленіемъ организаціи горнорабочихъ и доходитъ, наконецъ, въ 1902 году до небывало низкаго уровня въ 0,01!

Исключительные законы не могли остановить все растущаго рабочаго движенія, и правительство увидѣло себя вынужденнымъ прекратить ихъ дѣйствіе. Вмѣстѣ съ возвращеніемъ политическихъ правъ, рабочіе получили возможность развить и укрѣпить свои организаціи, что, въ связи съ критикой ихъ профессіональной прессы, освѣщающей всѣ тайные и грязные уголки капиталистическаго хозяйничанія, и съ неустанной, направленной въ ту же сторону, критикой представителей рабочихъ въ парламентѣ, сдѣлало возможнымъ „невозможное“, уменьшивъ почти до минимума количество жертвъ капиталистической эксплуатаціи.

О такой роли организаціи рабочаго класса въ его борьбѣ съ капиталистической эксплуатаціей говорятъ намъ цифры, взятыя за нѣсколько десятилѣтій. Къ такому же заключенію мы приходимъ, разсматривая данныя за одинъ только годъ, но относящіяся къ различнымъ горнымъ районамъ Пруссіи. Напримѣръ, въ Рурскомъ районѣ процентъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ за 1903 г. былъ *14,55*; въ Верхней Силезіи же, гдѣ горнорабочіе очень слабо организованы, процентъ несчастныхъ случаевъ доходитъ до *63,3*!

Мы видимъ, какъ даже въ самой опасной отрасли труда, — въ которой, по увѣреніямъ представителей капитала, игра „слѣпыхъ силъ природы“ и „собственной неосторожности“ рабочихъ ничѣмъ, будто бы, не можетъ быть ограничена, — борьба рабочаго класса открываетъ дѣйствительную причину многочисленныхъ „несчастныхъ случаевъ“ и вынуждаетъ капиталистовъ, путемъ давленія на законодательную машину, къ принятію мѣръ для охраны его здоровья и защиты его интересовъ. Оффиціальное изслѣдованіе прусскаго горнаго вѣдомства говоритъ намъ, что необходимымъ для этого условіемъ является профессіональная организація рабочихъ и свободная печатная критика.

Данныя этого же изслѣдованія говорятъ намъ, что стѣсненіе *профессіональной организаціи* рабочихъ отражается учащеніемъ несчастныхъ случаевъ. Господство исключительнаго закона въ Германіи отняло у горнорабочаго пролетаріата сотни жизней которыя могли бы быть сохранены при наличности крѣпкой и вліятельной профессіональной организаціи. Сколько же сотенъ и тысячъ жизней уноситъ, такимъ образомъ, русское самодержавіе, дѣлающее невозможнымъ какое бы то ни было профессіональное объединеніе рабочихъ, какую бы то ни было дѣйствительную охрану труда?

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИЛЛЬСКІЙ КОНГРЕССЪ „СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ ФРАНЦІИ“.

Какъ извѣстно, первый съѣздъ объединенной партіи французскихъ революціонныхъ соціальдемократовъ происходилъ в

---

[1]) См. „Искра“ № 66.

1902 году въ Комментри, второй въ прошломъ (1903) году въ *Реймсъ*. Третій съѣздъ имѣлъ мѣсто недавно (9—11 августа н. ст. 1904 г.) въ *Лиллѣ*. „Соціалистическая Партія Франціи" въ настоящее время еще очень слаба и пользуется сравнительно небольшимъ вліяніемъ среди массы французскаго пролетаріата, что въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что партія сложилась совсѣмъ недавно и не успѣла еще пріобрѣсти вліянія; этому содѣйствовали фракціонныя разногласія между гэдистами и бланкистами, изъ соединенія которыхъ образовалась партія. До самаго послѣдняго времени эти разногласія отвлекали отъ партіи многихъ рабочихъ, среди которыхъ наименѣе сознательные элементы охотнѣе шли за жорэсистами, обладающими, съ внѣшней стороны, лучшей организацiей и имѣющими въ своихъ рядахъ много интеллигентныхъ, литературныхъ и организаторскихъ силъ изъ числа буржуазной интеллигенціи. Не мало вредило и вредитъ успѣху революціоннаго соціализма во Франціи поведеніе ихъ противниковъ, такъ называемыхъ „министерскихъ" соціалистовъ (Франц. Соц. Партія"), которые своей политикой компромиссовъ и сотрудничества съ буржуазіей содѣйствовали разочарованію многихъ французскихъ рабочихъ въ соціализмѣ вообще и отвращенію ихъ къ политической дѣятельности. На этой почвѣ сталъ за послѣднее время во Франціи замѣтно развиваться анархизмъ и характерное для Франціи чисто синдикальное (профессіональное) движеніе, основной чертой котораго является отрицаніе политической борьбы, но которое отличается отъ англійскаго трэдъ-юніонизма своимъ болѣе революціоннымъ характеромъ и признаніемъ всеобщей стачки главнымъ и самымъ революціоннымъ средствомъ борьбы пролетаріата. Ко всему этому можно еще прибавить указаніе на мелко-буржуазный характеръ Франціи и на мелкобуржуазныя традиціи, сохранившіяся еще у французскаго пролетаріата (былое вліяніе Прудона, Бакунина и т. д.) — и тогда станетъ вполнѣ понятнымъ сравнительно слабое развитіе революціоннаго, пролетарскаго соціализма во Франціи. Но, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, французскій революціонный соціализмъ замѣтно развивается и вліяніе его на пролетаріатъ усиливается. Хотя объединенная Соціалистическая Партія Франціи существуетъ всего три года, однако, и за этотъ короткій промежутокъ времени можно отмѣтить успѣхи, сдѣланные ею. Такъ, на послѣднемъ ея конгрессѣ въ Лиллѣ участвовало уже 93 делегата съ 163 мандатами отъ 44 федерацій (на прошломъ конгрессѣ были представлены 38 федер.); число членовъ политической организаціи партіи возросло съ 15.660 до 17.000. Изъ отчета секретаря партіи видно, что за протекшій со времени послѣдняго съѣзда годъ было организовано разосланными Центральн. Совѣтомъ агитаторами 189 народныхъ собраній (въ предыдущемъ году ихъ было всего 120), причемъ сюда не входятъ собранія съ цѣлью избирательной агитаціи. Улучшилось и матеріальное положеніе оффиціальнаго еженедѣльнаго партійнаго органа „Le Socialiste" (Соціалистъ): впервые онъ не далъ дефицита. При общинныхъ выборахъ въ этомъ году партія потеряла 8 старыхъ и пріобрѣла 25 новыхъ мѣстъ, при выборахъ въ генеральные совѣты за кандидатовъ партіи было подано 13.000 гол. (при прошлыхъ выборахъ 11.060 гол.). Въ палатѣ депутатовъ имѣется 13 представителей Соц. Партіи Франціи, тогда какъ всего соціалистическихъ депутатовъ въ Палатѣ около 50.

Кардинальнымъ вопросомъ, занимавшимъ съѣздъ и отнявшимъ изъ его пяти засѣданій полныхъ два, былъ вопросъ о всеобщей стачкѣ. По этому вопросу, вызвавшему горячіе дебаты, мнѣнія раздѣлились: меньшинство, съ *Вальяномъ* во главѣ, соглашаясь, что всеобщая стачка не можетъ быть *единственнымъ* средствомъ революціонной борьбы пролетаріата, какъ это думаютъ анархисты и сторонники чисто профессіональнаго движенія, утверждало всетаки, что въ резолюціи о всеобщей стачкѣ нужно подчеркнуть ея значеніе, какъ *одного* изъ средствъ борьбы пролетаріата для достиженія имъ своей конечной цѣли. Главнымъ доводомъ въ пользу подобной резолюціи было то соображеніе, что, выставивъ, въ качествѣ одного изъ своихъ боевыхъ средствъ, всеобщую стачку, Соц. П. Франціи успѣшнѣе сможетъ бороться съ анархизмомъ и революц. синдикализмомъ, развивающимися на этой почвѣ; рѣзкое же отрицательное отношеніе къ всеобщей стачкѣ оторветъ партію отъ рабочихъ массъ, среди которыхъ идея всеобщей стачки очень популярна. Исходя изъ такихъ соображеній, Сенская Федерація внесла слѣдующую резолюцію, отвергнутую конгрессомъ: „Соціалистическая Партія Франціи, партія революціоннаго класса, ведущая борьбу съ капитализмомъ во всѣхъ областяхъ, можетъ только поощрять и пропагандировать всеобщую стачку, представляющую собой форму революціоной дѣятельности, которая соотвѣтствуетъ современнымъ экономическимъ условіямъ и профессіональной организаціи пролетаріата". Большинство конгресса, во главѣ съ *Гэдомъ* и *Лафаргомъ*, рѣзко высказалось противъ признанія всеобщей стачки однимъ изъ революціонныхъ средствъ борьбы пролетаріата. Они совершенно справедливо указывали на то, что утверждать это — значитъ, при наличности отрицательнаго отношенія французскихъ рабочихъ къ политической дѣятельности косвенно умалять значеніе политической борьбы; подобная резолюція не только не ослабитъ позиціи анархизма и синдикализма, но наоборотъ еще усилитъ ихъ. Они настаивали на томъ, что главнымъ и самымъ необходимымъ орудіемъ пролетаріата была, есть и будетъ его политическая дѣятельность, имѣющая своей цѣлью — завоеваніе политической власти, которое одно только и сможетъ разрѣшить вѣковой споръ между трудомъ и капиталомъ путемъ экспропріаціи собственниковъ и передачи собственности въ руки общества. Гэдъ въ своей небольшой, но сильной рѣчи проанализировалъ различныя пониманія выраженія „всеобщая стачка" и доказалъ всю несостоятельность и незначительность для конечныхъ цѣлей пролетаріата всѣхъ видовъ этой стачки; онъ указывалъ на то, что это средство, являясь не практичнымъ и нецѣлесообразнымъ, въ то же время очень вредно интересамъ рабочаго класса, такъ какъ отвлекаетъ его отъ ихъ пропаганды истинныхъ задачъ и правильныхъ методовъ борьбы; пропаганда всеобщей стачки вреднѣе для дѣла пролетаріата даже, чѣмъ „министеріализмъ", такъ какъ вредъ послѣдняго легче понять и увидѣть[1]). Гэдъ и Лафаргъ, возражая Вальяну и другимъ на то, что отрицательное отношеніе къ всеобщей стачкѣ непремѣнно поведетъ за собой отдѣленіе партіи отъ профессіональнаго движенія, наоборотъ, подчеркивали необходимость и возможность для партіи какъ можно тѣснѣе связаться съ профессіональными союзами. Лафаргъ отрицаетъ, что идея всеобщей стачки очень популярна среди рабочихъ; по его наблюденіямъ, она оказываетъ вліяніе на умы, главнымъ образомъ, въ Парижѣ. Другіе ораторы, поддерживая Гэда и Лафарга, признавали необходимость профессіональныхъ организацій, но не для всеобщей стачки, а для организованной классовой борьбы; вообще же соціалистическая партія обязана поддерживать возникающую всеобщую стачку, но не должна вызывать ее. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ была избрана коммиссія (состоявшая изъ Гэда, Лафарга, Лафонта, Дюбрэйля, Журмона и Делапорта), предложившая резолюцію нѣсколько компромисснаго характера, поскольку она дѣлаетъ небольшія уступки меньшинству, перечисляя тѣ случаи, когда партія обязана вмѣшаться и воспользоваться всеобщей стачкой, въ то же время сохраняя основную точку зрѣнія Гэда и его друзей. Резолюція гласитъ:

„Принимая во вниманія, что коллективный отказъ отъ работы или стачка есть единственное оружіе, которое предоставлено пролетаріямъ законами капиталистическаго общества въ рамкахъ системы наемнаго труда для защиты ихъ хлѣба насущнаго и ихъ достоинства;

„принимая во вниманіе, что стачка, дѣлая яснымъ даже для самыхъ ослѣпленныхъ противорѣчіе интересовъ, характеризующее капиталистическій строй, и пробуждая классовый инстинктъ рабочихъ, способна развивать ихъ классовое самосознаніе,

„Соціалистическая Партія Франціи" напоминаетъ всѣмъ своимъ членамъ объ обязанности вступать въ профессіональные союзы своего ремесла, высказывать солидарность съ забастовавшими товарищами и всѣми силами содѣйствовать удовлетворенію ихъ требованій; принимая далѣе во вниманіе, что болѣе или менѣе распространенная стачка можетъ, при помощи пролетарской организаціи и при благопріятныхъ условіяхъ, привести къ революціонному взрыву, и что, съ другой стороны, тамъ, гдѣ пролетаріатъ еще не владаетъ законными средствами политической борьбы, или гдѣ ему угрожаетъ ихъ потеря, онъ можетъ быть вынужденъ къ массовому отказу отъ работы для достиженія или сохраненія этихъ средствъ борьбы";

„Соціалистическая Партія Франціи объявляетъ себя готовой при такихъ условіяхъ исполнить свою обязанность, не беря, однако, на себя отвѣтственности за конфликты, отклоняющіе ее отъ ея собственной дѣятельности;

„Въ то же время партія рѣшительно заявляетъ, что обобществленіе средствъ производства зависитъ отъ завоеванія политической власти пролетаріатомъ, слѣд., всѣ, ставшіе сознательными, рабочіе, должны сплотиться подъ знаменемъ революціоннаго соціализма, который одинъ только можетъ обезпечить всѣмъ благосостояніе и свободу путемъ политической и экономической экспропріаціи класса капиталистовъ".

Эта резолюція была принята съ поправкой Танжера: въ четвертомъ абзацѣ къ „болѣе или менѣе распространенная стачка" прибавить „и всеобщая стачка". (Резолюція принята 114 мандатами противъ 39 при двухъ воздержавшихся).

Послѣ этого, безъ особыхъ преній была *единогласно* принята резолюція по вопросу объ отношеніи профессіональной и политической организаціи, обязывающія всѣхъ сознательныхъ рабочихъ вступать въ профессіональные союзы и дѣятельно работать въ нихъ.

Затѣмъ по предложенію Гэда было рѣшено прочесть по всей Франціи рефераты для рабочихъ на тему: „Организація пролетаріата". По вопросу о международныхъ правилахъ соціалистической тактики и политики, который долженъ былъ разбираться на Амстердамскомъ конгрессѣ, по предложенію тов. *Браке*, была принята резолюція, предлагающая Амстердамскому конгрессу присоединиться, какъ это сдѣлалъ французскій реймскій конгрессъ 1903 г., къ германской *дрезденской резолюціи* 1903 г., рѣзко осуждающей бернштейніанство, жоресизмъ и другіе виды оппортунизма въ соціалистическомъ лагерѣ, и подчеркивающая ростъ и обостреніе классовыхъ противорѣчій въ капиталистическомъ обществѣ.

Далѣе Лильскій конгрессъ вынесъ резолюцію, клеймящую колоніальную политику (по этому вопросу Амст. конгрессъ тоже принялъ однородное рѣшеніе). Изъ другихъ вопросовъ, которыми занимался Лильскій конгрессъ, слѣдуетъ упомянуть вопросъ о пропорціональномъ представительствѣ, единогласно рѣшенный въ утвердительномъ смыслѣ, вопросъ о школьной политикѣ и дебаты по поводу отчета парламентской фракціи о своей дѣятельности. По вопросу о школьной политикѣ было высказано осужденіе всякимъ конфессіональнымъ и конгрегаціоннымъ (церковнымъ) школамъ, выставлено было требованіе, чтобы школа носила чисто свѣтскій и научный характеръ, чтобы государство, поддерживая матеріально школу, не оказывало на нее давленія и не дѣлало ее орудіемъ въ своихъ рукахъ, высказывалось пожеланіе, чтобы школа устраивалась не государствомъ, но коммунами.

Довольно оживленныя пренія вызвалъ отчетъ парламентской фракціи и критика ея дѣятельности конгрессомъ. Въ дебатахъ по этому вопросу, какъ и въ вопросѣ о всеобщей стачкѣ, сказалось отличіе оттѣнковъ, составившихъ С. П. Ф. двухъ прежнихъ организацій: гэдистовъ и бланкистовъ. Первые, представляя собой крайнее лѣвое марксистское крыло революціоннаго соціализма и имѣя меньшинство въ парламентской фракціи, принужденное подчиняться рѣшеніямъ большинства фракціи, состоящаго изъ бланкистовъ, обвиняли фракцію въ томъ, что она недостаточно рѣзко и рѣшительно проявляла свою революціонность, что она слишкомъ рѣдко отмежевывалась отъ оппортунистической „Франц. Соц. Партіи", дѣйствуя часто за одно съ нимъ; въ иныхъ случаяхъ поддерживала буржуазное министерство Комба и т. д. Представители парламентской фракціи оправдывались, что иначе поступать они не могли, такъ какъ въ послѣднюю сессію борьба направлялась противъ клерикализма и въ этомъ вопросѣ они не могли не поддерживать министерства Комба, какъ представителя демократіи и борца за нее, и въ подобныхъ случаяхъ имъ приходилось голосовать заодно съ жоресистами; они утверждали, что предпочитаютъ буржуазное, но демократическое министерство, болѣе и явно реакціонному; что всегда голосовать противъ министерства не имѣетъ смысла и т. д. и т. д. Въ результатѣ, послѣ продолжительныхъ преній, выяснившихъ, что, въ сущности, фракція не погрѣшила въ своей тактикѣ противъ принциповъ революціоннаго соціализма, по предложенію Лафарга, была принята резолюція, одобряющая политику парламентской фракціи; резолюція же, предостерегающая фракцію отъ поддержки буржуазныхъ министерствъ, какъ косвенно порицающая фракцію, была отвергнута.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ЗАЯВЛЕНІЕ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА.

Центральный Комитетъ, въ полномъ своемъ составѣ, — за исключеніемъ одного члена, — обсуждалъ вопросъ о современной борьбѣ группъ внутри партіи. Послѣ обмѣна мнѣній *единогласно* принята слѣдующая резолюція:

1) Имѣя въ виду ярко выразившееся на 2-омъ очередномъ съѣздѣ партіи единомысліе подавляющаго большинства членовъ ея въ отношеніи партійной программы и тактики; принимая, далѣе, во вниманіе прочность этого единомыслія, которое, въ общемъ и цѣломъ, осталось непоколебимымъ даже въ столь благопріятствующей расколамъ, насыщенной враждой и недовѣріемъ атмосферѣ внутри-партійной жизни послѣдняго періода; отмѣтивъ, наконецъ, что разногласія организаціонныя, поскольку они точно формулированы, далеки отъ того, чтобы исключалась возможность планомѣрной централизованной работы всѣхъ товарищей, —

Ц. К. признаетъ развивающееся въ рядахъ россійской соціальдемократіи фракціонное дробленіе глубоко противнымъ интересамъ пролетаріата и достоинству партіи и выражаетъ убѣжденіе въ необходимости и возможности полнаго примиренія враждующихъ сторонъ.

2) Считая обезпеченіе партійнаго единства своей основной задачей, Ц. К. признаетъ немедленное и энергичное вмѣшательство свое въ борьбу группъ безусловно необходимымъ.

3) Прежде, чѣмъ перейти къ обсужденію частныхъ вопросовъ, собраніе устанавливаетъ, что основная задача, — обезпеченія партійнаго единства, — требуетъ, чтобы политика Ц. К. въ сферѣ внутренне-партійной жизни сообразовалась съ цѣлью умиротворенія и слиянія „большинства" и „меньшинства" въ цѣльную организацію, въ согласіи съ принципами революціонной соціальдемократіи, положенными вторымъ съѣздомъ въ основу нашей партіи.

4) По вопросу объ отношеніи къ Ц. О. партіи, собраніе приходитъ къ заключеніямъ: а) о неоспоримой законности состава редакціи Ц. О. собраніе устанавливаетъ фактъ признанія этой законности всѣмъ составомъ Ц. К. (непрерывная совмѣстная работа: засѣданія Совѣта, изданіе и распространеніе литературы; б) о столь же неоспоримой высотѣ Ц. О. во всемъ, что касается защиты и выясненія *основныхъ принциповъ* международной соціальдемократической программы и тактики. Въ виду современныхъ условій партійной жизни оба эти заключенія подлежатъ выясненію товарищамъ въ комитетахъ; в) о наличности дефектовъ Ц. О., съ точки зрѣнія потребностей партійной пропаганды: главнымъ образомъ, скудны матеріалы о соціальдемократической дѣятельности на мѣстахъ и жизни рабочихъ массъ. Собраніе полагаетъ, что здѣсь сказываются, помимо спеціальныхъ условій работы изъ за границы для Россіи, еще и временныя обстоятельства борьбы „большинства" и „меньшинства". Въ цѣляхъ устраненія указанныхъ частныхъ дефектовъ, Ц. К. считаетъ полезнымъ: установленіе болѣе живыхъ сношеній съ редакціей на почвѣ общепартійной работы и энергичную помощь, съ своей стороны, Ц. О. въ постановкѣ связей его съ Россіей; г) о наличности въ Ц. О. фракціонныхъ тенденцій, принижающихъ порою Ц. О. партіи до боевого органа одной изъ борющихся группъ: односторонняя критика комитетовъ, — критикуются комитеты „большинства", хотя бы дѣло шло о недостаткахъ, свойственныхъ партіи въ цѣломъ. Характеръ этой критики зачастую не товарищески-разъяснительный, соотвѣтствующій задачѣ руководства, а враждебно-полемическій, какъ бы разсчитывающій на то, чтобы опорочить противника. Печатной критикѣ не предшествуютъ запросы по адресу критикуемыхъ организацій, которыя своими отвѣтами, можетъ быть, предупредили бы многія печальныя недоразумѣнія. Самымъ надежнымъ путемъ къ устраненію этихъ дефектовъ собраніе признало всестороннее выясненіе товарищамъ въ редакціи внѣ-групповой партійной политики, которую усвоилъ себѣ Ц. К., и товарищеское вліяніе на комитеты, которые отрѣзываютъ отъ себя Ц. О., бойкотируя его.

5) Ц. К. выражаетъ пожеланіе, чтобы въ редакцію Ц. О. вошелъ тов. Ленинъ, такъ какъ устраненіе отъ редакціонныхъ обязанностей такого выдающагося идейнаго работника несовмѣстимо съ развитіемъ наибольшей продуктивности положительной работы партіи въ цѣломъ.

6) Принявъ во вниманіе вредъ, причиняемый партійной организаціи несогласованностью съ дѣятельностью Ц. К. въ Россіи дѣятельности представителя его заграницей, Ц. К. постановляетъ: въ сношеніяхъ съ Ц. О. представители Ц. К. не предпринимаютъ отвѣтственныхъ дѣйствій иначе, какъ по прямому порученію коллегіи.

7) По вопросу объ отношеніи къ товарищамъ изъ „большинства" и „меньшинства" въ практической организаціонной работѣ Ц. К. будетъ придерживаться прежняго своего постановленія о предоставленіи каждому члену партіи той или иной функціи, исключительно въ зависимости отъ его соціальдемократической работоспособности, и независимо отъ того, причисляетъ ли онъ себя къ „большинству" или къ „меньшинству". Ц. К. рекомендуетъ настоятельно такой же образъ дѣйствій всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ.

8) Ц. К. рѣшительно высказывается противъ созыва *въ настоящее время* экстреннаго съѣзда и противъ агитаціи за этотъ съѣздъ. Въ отношеніи внутренней партійной жизни, съѣздъ, *при данныхъ обстоятельствахъ*, явился бы серьезной угрозой единству нашей партіи. Нуждами практической дѣятельности онъ не вызывается. Въ сферѣ разработки практическихъ методовъ борьбы остался бы безполезенъ, ибо слишкомъ уже незначителенъ накопленный со 2-го съѣзда опытъ. Для развитія интенсивной положительной работы, соотвѣтствующей современному критическому состоянію страны, съѣздъ явился бы, а агитація за съѣздъ является громаднымъ препятствіемъ, отвлекая массу силъ и средствъ.

9) Доводится до свѣдѣнія товарищей, что въ партійной типографіи печатаются произведенія, въ той или иной степени значительныя; что же касается изданій Ц. К., то впредь они будутъ носить помѣтку: „изд. Ц. К.".

Единогласно постановлено: а) выяснить товарищамъ въ комитетахъ характеръ и цѣли политики Ц. К., б) предпринять немедленно попытку къ организаціи конференціи для совмѣстной съ представителями товарищей, противопоставляющихъ себя Ц. К-ту, въ качествѣ „меньшинства", выработки тѣхъ мѣръ, которыя могли бы привести къ полному умиротворенію партіи.

Центральный Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Мы считаемъ умѣстнымъ помѣстить тутъ же заявленіе уполномоченныхъ „меньшинства", съ которымъ солидарна и редакція, принимавшая участіе въ его выработкѣ.

КЪ ЧЛЕНАМЪ ПАРТІИ.

Стихійный процесъ внутренняго разложенія самодержавія, подталкиваемый внѣшнимъ разгромомъ, быстро дѣлаетъ свое дѣло. Но политическоое обновленіе Россіи не можетъ быть автоматическимъ результатомъ этого стихійнаго процесса, оно можетъ быть и будетъ продуктомъ сознательнаго вмѣшательства организованныхъ политическихъ силъ. Такой силой еще не стала либеральная буржуазія, которую приближающаяся развязка застаетъ пассивной, нерѣшительной, политически лицемѣрной, готовой лишь къ одному: ждать тѣмъ терпѣливѣе, чѣмъ менѣе согласна ждать исторія. Послѣдняя, такимъ образомъ, какъ бы ввѣряетъ въ настоящій моментъ политическую судьбу русскаго общества соціальдемократіи, давая ей этимъ самымъ возможность использовать свое исключительное положеніе въ интересахъ пролетаріата. А съ другой стороны, самая обстановка капиталистическаго общества, только еще борющагося за элеметарныя условія своего развитія, создавая сравнительно широкую плоскость соприкосновенія между интересами пролетаріата и буржуазнаго общества въ цѣломъ и, давая сравнительно мало простора для классового обособленія пролетаріата въ процессѣ *стихійной* борьбы за свободу, особенно настойчиво ставитъ передъ соц.-демократіей задачу содѣйствовать этому обособленію путемъ планомѣрной пропаганды и агитаціи и цѣлесообразной политической тактики.

Вполнѣ понятно, если всѣ сознательные и преданные работники Партіи, стоящіе предъ лицомъ этой колоссальной задачи, охвачены однимъ и тѣмъ же стремленіемъ — создать условія и формы объединенной работы двухъ борющихся въ партіи сторонъ.

Исходя изъ того соображенія, что состоявшееся на II съѣздѣ программное и организаціонное объединеніе отдѣльныхъ соціальдемократическихъ кружковъ въ соціальдемократическую Партію сможетъ обнаружить свое дѣйствительное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если ея руководящіе элементы воспользуются этимъ объединеніемъ для проведенія послѣдовательной и принципіально выдержанной тактики, „меньшинство" идетъ на встрѣчу этому стремленію и обращается къ Партіи съ настоящимъ заявленіемъ, намѣчающимъ *первые шаги*, которые бы сдѣлали возможнымъ переходъ отъ нынѣшняго хаотическаго состоянія партійной работы къ организованной политической дѣятельности, соотвѣтствующей принципіальнымъ требованіямъ соціалдемократіи. Такого рода политика должна быть выработана коллективными усиліями Партіи, и начавшееся уже въ партійной литературѣ обсужденіе ея основныхъ задачъ и методовъ станетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ непосредственнѣе литература получитъ возможность опираться на самодѣятельность Партіи въ этомъ направленіи. Выступить съ этимъ заявленіемъ „меньшинство" считаетъ въ настоящій моментъ крайне своевременнымъ, такъ какъ внутрипартійная борьба послѣдняго времени подготовила почву для фактическаго объединенія всѣхъ сознательныхъ работниковъ Партіи, устранивъ главнѣйшія препятствія, которыя ставились ненормальнымъ организаціоннымъ режимомъ тому дѣлу развитія партійной практики, въ интересахъ котораго „меньшинство" должно было стать въ оппозицію къ этому режиму. Всѣ прежнія попытки ликвидировать партійный конфликтъ ясно показали, что тѣ организаціонныя тренія, которыя сопутствовали внутрипартійной борьбѣ, успѣли выработать свою внутреннюю логику, о которую будутъ разбиваться всѣ усилія прійти къ соглашенію до тѣхъ поръ, пока центръ тяжести вопроса о соглашеніи не будетъ перенесенъ изъ сферы *правъ* тѣхъ или иныхъ группъ по отношенію другъ къ другу — въ сферу *обязанностей* всей Партіи по отношенію къ взятому ею на себя историческому дѣлу. Нѣтъ иного средства выйти изъ лабиринта организаціонныхъ распрей, какъ ясно опредѣливъ общіе контуры предстоящей намъ политической дѣятельности, на почвѣ которой не могутъ, въ концѣ концовъ, не сойтись всѣ, кто не формально лишь, но и по существу, раздѣляетъ программу Р. С. Д. Р. П.

---

[1]) Вопросомъ о всеобщей стачкѣ „Искра" займется въ ближайшемъ будущемъ.

Надѣемся, мы не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ нашей программой, что тактика россійской соціальдемократіи, какъ партіи революціи и партіи пролетаріата, должна въ настоящихъ условіяхъ преслѣдовать двѣ взаимно связанныя задачи: во первыхъ, привлеченіе все болѣе широкихъ народныхъ массъ къ участію въ революціонно-демократической борьбѣ и, во-вторыхъ, организацію революціоннаго пролетаріата въ процессѣ этой борьбы въ самостоятельную классовую силу.

Препятствующія успѣшной работѣ въ этомъ направленіи черты нашей партійной практики: отсутствіе внутренняго единства въ дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ организацій, какъ и въ агитаціонной работѣ каждой изъ нихъ—будутъ устраняться тѣмъ въ большей степени, чѣмъ рѣшительнѣе наша партійная практика будетъ руководиться не только задачей общаго воздѣйствія на сознаніе рабочихъ массъ, но и цѣлью непосредственнаго планомѣрнаго вмѣшательства послѣднихъ въ политическія событія. Организація такого вмѣшательства, составляющая основу соціальдемократической тактики, выступаетъ передъ нами какъ неотложная задача настоящаго періода въ развитіи нашей партіи, поскольку революціонизированіе рабочихъ массъ, къ которому въ силу объективной необходимости сводилась, главнымъ образомъ, наша работа, подготовило элементы для практическаго рѣшенія этой задачи.

Вовлеченіе все болѣе широкихъ массъ въ активную *пролетарскую* политическую борьбу можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ достигаться лишь при строго концентрированномъ характерѣ агитаціи, при сосредоточеніи всѣхъ средствъ воздѣйствія Партіи на массу вокругъ тѣхъ лозунговъ, которые *для пролетаріата* выдвигаются на очередь общественно-политической жизнью въ каждый данный историческій моментъ и которые послѣдовательно смѣняютъ другъ друга въ качествѣ фокусовъ нашей революціонной агитаціи и мобилизаціи. Каждый агитаціонный періодъ, связанный внутреннимъ единствомъ и замыкающійся активнымъ выступленіемъ массы, сплоченной нами посредствомъ планомѣрной агитаціи вокругъ очередного лозунга, увеличиваетъ нашу операціонную базу и тѣмъ самымъ создаетъ почву для расширенной и углубленной политической агитаціи, приводящей, въ свою очередь, къ болѣе боевымъ и сознательнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ[1]). Всестороннее участіе пролетаріата въ политической жизни, съ одной стороны, будетъ способствовать усиленію въ буржуазномъ „обществѣ" радикальныхъ и революціонныхъ теченій, съ другой же, дастъ намъ возможность въ самой демократической борьбѣ противопоставить на дѣлѣ пролетаріатъ другимъ борющимся противъ самодержавія общественнымъ группамъ, поскольку буржуазный классовый интересъ задерживаетъ ихъ на полпути, не позволяя имъ сдѣлать рѣшительные выводы изъ либеральныхъ или демократическихъ посылокъ или даже толкая ихъ въ объятія реакціи.

Разумѣется, такого рода тактика, поскольку она разсчитана на единовременныя выступленія пролетаріата всей страны, объединеннаго вокругъ общеполитическихъ лозунговъ, не подъ силу отдѣльнымъ организаціямъ — комитетамъ Партіи. Она требуетъ совмѣстнаго централизованнаго, т. е. политически координированнаго дѣйствія всѣхъ частей Партіи. Раздробленная политическая агитація комитетовъ должна уступить мѣсто объединенной политической тактикѣ Партіи въ цѣломъ. Централизмъ, могучее орудіе классовой борьбы пролетаріата, выступаетъ тутъ передъ нами во всемъ своемъ *политическомъ* значеніи. Но это орудіе намъ не дано готовымъ, оно можетъ быть создано лишь въ самомъ процессѣ партійной работы.

При такой постановкѣ вопроса и задачи Ц. К. рисуются намъ въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ. Для насъ Ц. К. — не простая сумма завѣдующихъ различными общепартійными функціями опытныхъ революціонеровъ, но *коллективный руководитель политической дѣятельности Партіи.*

Первой задачей Ц. К. нашей Партіи должна быть, конечно, централизація той политической агитаціи, которая ведется разрозненно отдѣльными партійными группами. Намъ нечего здѣсь говорить о всѣмъ извѣстныхъ недостаткахъ агитаціи, ведущейся нынѣ на мѣстахъ. Намъ нечего прибавлять, что однѣми своими силами мѣстныя организаціи не могутъ многаго сдѣлать для ея улучшенія, соотвѣтственно политическимъ задачамъ соціальдемократіи. Ц. К. долженъ явиться тѣмъ практическимъ центромъ, который двигаетъ впередъ мѣстную агитацію, обобщаетъ ее, придаетъ ей планомѣрный характеръ и содѣйствуетъ всестороннему развитію ея содержанія.

Практика прежнихъ лѣтъ уже показала, какъ много можетъ сдѣлать достаточно широкая прокламаціонная агитація. По нашему мнѣнію, Ц. К.-у было бы легко поставить это дѣло такъ, чтобы систематически покрывать всю Россію прокламаціями въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Въ литературномъ отношеніи Ц. К. могъ бы найти помощь со стороны редакціи Ц. О., а въ техническомъ дѣло не представило бы особыхъ затрудненій, такъ какъ предыдущая практика Партіи уже выработала необходимый техническій аппаратъ. [2])

Но распространеніе листковъ, какъ и агитаціонной литературы вообще, это только одна и притомъ вовсе не главная сторона работы Ц. К. Ц. К. долженъ проявить свою иниціативу и оказывать свое воздѣйствіе на практическую работу Партіи во всѣхъ ея областяхъ. Въ настоящее же время мѣстные комитеты Партіи, разбитые небывалыми арестами, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, нуждаются въ этой помощи Ц. К. Работа мѣстныхъ комитетовъ замѣтно суживается и мѣстами вырождается въ шаблонъ, и, тогда дѣло доходитъ до того, что мѣстный комитетъ Партіи является лишь пунктомъ слабаго соприкосновенія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ съ рабочими массами, вмѣсто того, чтобы быть фундаментомъ Партіи въ этихъ массахъ. Конечно, были и есть счастливые комитеты, которые пользуются широкимъ и прочнымъ вліяніемъ на рабочія массы, но опытъ этихъ комитетовъ не становится опытомъ не только всей партіи, но даже и ихъ ближайшихъ преемниковъ.

Ц. К. и въ этой области долженъ взять на себя значительную часть работы. Прежде всего могучимъ двигателемъ комитетской работы является достаточное количество подходящей литературы и, главнымъ образомъ, регулярное распространеніе Ц. О. Партіи. Далѣе. Если мы хотимъ позаботится о томъ, чтобы расширенію нашего движенія соотвѣтствовало проникновеніе въ его глубь *соціалистическихъ* идей, чтобы не только обострялось революціонное возбужденіе массы, но и росло въ ней самой количество сознательныхъ адептовъ Партіи, намъ необходимо позаботиться о созданіи литературы, которая могла бы въ большей мѣрѣ воспитывать рядовыхъ рабочихъ, чѣмъ это могутъ дѣлать наши прокламаціи — главный литературный матеріалъ, даваемый нами массамъ. Мы предлагаемъ начать изданіе популярнаго органа для возможно болѣе широкой массы рабочихъ, необходимость котораго вытекаетъ, помимо приведенныхъ соображеній, изъ недоступности „Искры" для широкихъ круговъ даже сравнительно сознательныхъ рабочихъ, которыхъ необходимо ввести въ кругъ партійныхъ вопросовъ, заставить жить политической жизнью, а безъ газеты этого невозможно достигнуть. Что касается практической осуществимости этого плана, то Ц. К. пришлось бы взять на себя развѣ только техническую сторону изданія газеты, ибо ея редакцію могъ бы организовать Ц. О.

Помимо этого косвеннаго вліянія на поднятіе комитетской работы, Ц. К. долженъ оказать, конечно, и прямое. Такъ какъ втеченіе предстоящаго переходнаго періода дѣло ликвидаціи тяжелыхъ послѣдствій партійнаго кризиса будетъ отнимать значительную долю силъ Ц. К., то мы считаемъ настоятельно необходимымъ въ интересахъ дѣла, чтобы Ц. К. для руководства агитаціей образовалъ спеціальную вспомогательную организацію — особую агитаціонную группу. Не ставя ее ни въ какія іерархическія отношенія къ мѣстнымъ комитетамъ, Ц. К. все же въ этой группѣ могъ бы найти средство поднять мѣстную работу на желательную высоту. Эта группа, составленная изъ извѣстнаго количества наиболѣе опытныхъ и способныхъ практиковъ, дастъ возможность Ц. К-у практически стать руководителемъ работы въ мѣстныхъ организаціяхъ. Въ этой группѣ Ц. К. могъ бы объединить опытъ всѣхъ комитетовъ и, выработавъ наиболѣе цѣлесообразные методы мѣстной работы, проводить ихъ въ жизнь такимъ путемъ, который лучше всего гарантировалъ бы Ц. К. отъ почти неизбѣжныхъ ошибокъ и не вызывалъ бы никакихъ организаціонныхъ треній между ними и мѣстными комитетами. Члены группы, направляемые для работы въ отдѣльные комитеты, были бы естественными инструкторами, поскольку они обладали бы большимъ опытомъ, большей умѣлостью и болѣе тщательно обдуманнымъ планомъ работы. Въ то же время черезъ эту группу Ц. К. имѣлъ бы всегда болѣе постоянное и тѣсное соприкосновеніе съ работой мѣстныхъ комитетовъ, чѣмъ этого возможно достигнуть простыми объѣздами отдѣльныхъ членовъ Ц. К. Затѣмъ, эта группа поставила бы задачей создать кадры летучихъ агитаторовъ; ихъ разъѣздами былъ бы наиболѣе экономно восполненъ тотъ недостатокъ въ агитаторахъ, который чувствуется всѣми комитетами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая агитація по своей содержательности и планомѣрности могла бы быть поставлена на желательную высоту. Наконецъ, въ этой группѣ Партія имѣла бы всегда въ своемъ распоряженіи опытныхъ и подвижныхъ работниковъ какъ на случай провала, такъ и на случай возникновенія гдѣ-либо крупныхъ волненій.

Имѣя въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующій техническій аппаратъ для постановки печатной агитаціи и группу летучихъ агитаторовъ и организаторовъ, Ц. К получилъ бы всѣ средства для того, чтобы не ограничиваться ролью группы, только содѣйствующей мѣстнымъ комитетамъ, но и исполнить свое главнѣйшее назначеніе — стать руководителемъ партіи въ ея практикѣ. Война создала такое положеніе въ Россіи, когда особенно ярко выступаетъ для Партіи необходимость перейти отъ партизанской борьбы отдѣльныхъ комитетовъ къ общепартійнымъ дѣйствіямъ, къ общему наступленію по всей линіи фронта. Но такая борьба Партіи въ цѣломъ, которая до сихъ поръ выражалась развѣ только въ майскихъ праздникахъ, требуетъ, чтобы въ лицѣ Ц. К. Партія обладала группой, не только способной проявить иниціативу, но и достаточно вооруженной, чтобы перейти отъ плановъ къ исполненію ихъ: объединить мѣстные комитеты на какомъ-нибудь общеполитическомъ предпріятіи будетъ возможнымъ для Ц. К., когда онъ будетъ обладать спеціальнымъ, испытаннымъ на ежедневной практикѣ, механизмомъ для такой задачи; образованіе центральной агитаціонной группы при условіи сильнаго развитія издательской дѣятельности дастъ Ц. К. необходимую точку опоры.

Менѣе трудной, но также достаточно важной задачей дѣятельности Ц. К. является систематизація и улучшеніе нашей пропаганды. При содѣйствіи заграничныхъ литераторовъ, во исполненіе резолюціи съѣзда, Ц. К. долженъ былъ бы сдѣлать рядъ шаговъ къ облегченію комитетской работы въ этой области.

Чѣмъ болѣе удастся Ц. К. сгруппировать подходящія силы на указанной работѣ, тѣмъ легче будетъ идти процессъ фактической централизаціи нашей партійной дѣятельности и тѣмъ менѣе болѣзненно на жизни Партіи будутъ ощущаться неизбѣжныя при значительныхъ полномочіяхъ, предоставленныхъ нашимъ уставомъ Ц. К-у, столкновенія компетенцій и интересовъ между отдѣльными частями Партіи. Импульсъ къ углубленію и расширенію содержанія партійной работы, исходящій отъ Ц. К., сгруппировавшаго вокругъ себя наиболѣе зрѣлыя партійныя силы, непремѣнно отразится и обогащеніемъ мѣстной дѣятельности и, какъ слѣдствіе этого, укрѣпленіемъ мѣстныхъ комитетовъ. Необходимо установить возможно болѣе частыя и непосредственныя сношенія Ц. К. съ мѣстными комитетами. Мы рекомендовали бы Ц. К. періодически извѣщать мѣстныя организаціи о положеніи дѣлъ въ Партіи и о своей собственной дѣятельности.[1])

Коль скоро эта работа внутрипартійнаго устройства будетъ выполнена хотя бы отчасти, Партія наша будетъ имѣть возможность выступить съ иниціативой включенія въ нее всѣхъ окраинныхъ соц.-дем. организацій и партій: Бунда, польской, латышской соц.-демократіи и т. д. Этимъ будетъ сдѣланъ послѣдній необходимый шагъ для того, чтобы дать возможность россійской соц.-демократіи развиться въ могущественную партію. Мы считаемъ необходимымъ, чтобы Ц. К. возможно скорѣе приступилъ къ переговорамъ о вступленіи въ Р. С.-Д. Р. П. тѣхъ изъ организацій, которыя готовы сдѣлать этотъ шагъ на условіяхъ, не противорѣчащихъ общимъ организаціоннымъ принципамъ нашей Партіи.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ, болѣе частныхъ вопросахъ и задачахъ, которые сами всплывутъ при выполненіи этого плана. Незачѣмъ, конечно, говорить, что мы не настаиваемъ на деталяхъ — для насъ важенъ общій типъ партійной дѣятельности, очерченный въ немъ.

⁂

Планъ настоящаго обращенія къ Партіи обсуждался „меньшинствомъ" до появленія недавно опубликованнаго заявленія Ц. К. Это заявленіе даетъ, на нашъ взглядъ, право надѣяться на разрѣшеніе кризиса, столько времени тормозящаго дѣятельность Партіи. Привѣтствуя сдѣланный Ц. К. шагъ, мы выражаемъ твердую увѣренность въ томъ, что политика объединенія партійныхъ силъ залѣчитъ всѣ раны, нанесенныя Партіи за время фракціонной борьбы. И мы, оставляя до конференціи съ Ц. К., какъ менѣе существенные, всѣ частные вопросы о тѣхъ или другихъ требовавшихся меньшинствомъ чисто организаціонныхъ перемѣнахъ (ибо теперь, послѣ заявленія Ц. К., *принципіальнаго* значенія эти вопросы для насъ не имѣютъ), мы предлагаемъ вниманію Ц. К. и всѣхъ товарищей, солидарныхъ съ тѣмъ шагомъ, который имъ сдѣланъ, изложенный планъ дѣятельности партійной организаціи, который можетъ быть осуществленъ Ц. К. при условіи поддержки его всѣми членами Партіи, и рѣшительную иниціативу котораго можетъ взять на себя только оффиціальный партійный центръ. Мы глубоко увѣрены, что принятіе въ общемъ и цѣломъ, такого плана дѣятельности Ц. К. является естественнымъ и логическимъ продолженіемъ той партійной политики, которую онъ началъ своимъ заявленіемъ, и что примѣненіе на практикѣ этого плана работы позволитъ каждому члену Партіи, къ какому бы теченію онъ ни принадлежалъ, использовать свои силы въ рамкахъ централизованной организаціи.

Уполномоченные „меньшинства".

Съ настоящимъ заявленіемъ — до его опубликованія — выразило свою солидарность собраніе свыше 50 товарищей изъ „меньшинства".

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Намъ прислано слѣдующее заявленіе заграничнаго представителя Центральнаго Комитета:

„Вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ брошюра „Material zur Erläuterung der Parteikrise" за подписью „Lydin, Vertrauensmann des Centralcomitee" написана и издана безъ всякаго участія Ц. К. и слѣд., за развиваемые въ ней взгляды Ц. К. не считаетъ себя отвѣтственнымъ. Авторъ брошюры, тов. Лядинъ, никогда не былъ Vertrauensmann'омъ, т. е. довѣреннымъ лицомъ, представителемъ или уполномоченнымъ Ц. К. Онъ былъ агентомъ Ц. К. въ одномъ изъ городовъ Западной Европы до того времени, пока не выѣхалъ изъ этого города. Во время же написанія брошюры онъ былъ кассиромъ при партійной экспедиціи".

Агитація по поводу войны. Центр. Ком. издана прокламація „Искры" — „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ" (10.000 экземп.). **Бакинск. Ком.** — 1) „Письмо японскихъ соціалистовъ" (3000 экз.), 2) „По поводу письма японскихъ соц. (3000 экз.), 3) „Что дала война рабочимъ?" (3000 экз.), 4) „Ко всѣмъ" (3000 экз.), 5) „Хроника войны" (изъ № 68 „Искры" — 3000 экз.). Всѣ эти листки на русскомъ и армянскомъ языкахъ. **Одесскимъ Ком.** — „Повѣрочный сборъ или мобилизація?" (12.000 экз.) и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Одессы" (о мобилизаціи — 8000 экземп.). **Сѣвернымъ Ком.** — 1) „Въ борьбѣ за права народныя" (6000 экз.) и 2) „Что посѣяли наши миролюбцы?". **Томскимъ Ком.** — за іюнь переизданы прокламаціи „Искры": „Жертвуйте!" (500 экз.) и „Война противъ войны" (500 экз.), а въ іюлѣ изданъ листокъ „Высочайшій гастролеръ" (о поѣздкѣ царя по Россіи — 800 экз.).

Самарскимъ комит. выпущенъ листокъ: „Кому нужна японская война", а также распространены слѣд. листки „Искры" въ изд. Ц. К.: „Почему царское правительство затѣяло войну", „Война противъ войны" и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ". Всѣ листки произвели хорошее впечатлѣніе, сожалѣли только, что ихъ очень мало.

Подъ ред. „Искры" вышла брошюра „Наши политическія задачи" **Н. Троцкаго. Центр. Ком.** издано: **Л. Мартовъ** „Красное знамя въ Россіи" (10.000 экз.), его же: „Рабочее дѣло въ Россіи" (10.000 экз.); „Мститель", разсказъ (18.000 экз.). **Одес. Ком:** „Къ годовщинѣ іюльскихъ стачекъ" (6000 экз.), Отчетъ комитета (5000 экз.) съ призывомъ къ рабочимъ о матеріальной поддержкѣ организаціи и „Къ гибели оберъ палача" (Плеве) (8000 экз.). **Кубанск. Ком.**: „Убійство мин. Плеве" и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Черноморской губ.". **Бакинскимъ Ком.**: „Къ годовщинѣ іюльскихъ дней въ Баку" (4.500 экз., на рус. и армян. языкахъ) и „Новый врагъ царскаго правительства и терроръ" (по поводу убійства Плеве — въ 2000 экз.), а **Иркутскимъ Ком.** въ іюлѣ изданъ листокъ о послѣдней Якутской исторіи.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Арзамасъ, Нижегородск. губ. Въ началѣ іюня на вокзалѣ арестованъ съ литературой уѣздный земскій статистикъ Владиміръ Карл. Гехтъ; въ то же время былъ арестованъ помощникъ земскаго статистика (бывш. студ. московск. ун. Владиміръ Потѣхинъ, но черезъ нѣсколько дней онъ былъ освобожденъ. Гехтъ отправленъ въ нижегородскую тюрьму. (Въ мартѣ 1903 г. у Гехта былъ обыскъ.). **Кіевъ.** Арестованъ и увезенъ въ кандалахъ Бронштейнъ (говорятъ, по дѣлу объ убійствѣ Плеве).

Съ послѣднимъ этапомъ прибыли въ **Архангельскъ**: 1) студ. лѣсникъ Петръ Илюшкинъ — за подготовленіе майской демонстраціи 1903 года и принадлежность къ Бакинскому Соц.-Дем. Комитету на 4 г. (назначенъ въ село Мохчу Печорскаго уѣзда). 2) кровельщикъ Мойсей Лившицъ изъ Одессы — за распространеніе соц.-дем. литературы на 5 лѣтъ село Несь Мезен. уѣзда). 3) учитель Мойсей Лившицъ изъ Мозыря — за распространеніе соц.-дем. литературы на 4 года село Поньгама Кемскаго уѣзда), 4) сыромятникъ Андрей Малиновскій изъ Жирардова — по дѣлу П. П. С. на 4 г. (с. Красный Боръ Печорскаго у.), 5) Заготовщикъ Соринъ изъ Кременчуга — за распространеніе соц.-дем. литературы на 3 г. (с. Бакура Печорск. у.), 6) счетоводъ Станиславъ Колецкій изъ Пабіаницъ — по дѣлу П. П. С. на 5 лѣтъ (г. Александровскъ), 7) портной Антонъ Новохатка изъ Кіева — по дѣлу соц.-рев. на 3 г. (с. Кузомень), 8) ученикъ худож. училища Владиміръ Пащенко изъ Кіева — на 3 г. (с. Семеновское Шенкур. у.), 9) переплетчикъ Аронъ Волкенштейнъ изъ Мозыря — за соц.-дем. транспортъ на 5 лѣтъ (с. Сизябское Печорск. у.), 10) переплетчикъ Мендель Шифманъ изъ Мозыря — за распространеніе литературы на 3 г. (с. Лапино Кемскаго у.), 11) ткачъ Францъ Палиховскій изъ Лодзи — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (с. Семеновское), 12) портной Берель Фурманъ изъ Ковно — за театр. демонстр. по дѣлу Бунда на 5 лѣтъ (Усть-Ковжа Печор. у.). 13) чиновникъ Вячеславъ Степановъ изъ Кіева — за распростр. соц.-дем. литературы на 3 г. (г. Кемь), 14) токарь Надбеладзе изъ станціи Шаропань — за стачку и соц. дем. демонстр. на 3 г. (с. Кура Пинеж. у.), 15) конторщикъ Яковъ Моргенштейнъ изъ Луганска — по соц.-дем. дѣлу на 4 г. (с. Бакура), 16) инт. Инокентій Яковлевъ изъ с. Гришина Бахмутск. у. — по соц.-дем. дѣлу на 4 г. (г. Александровскъ), 17) живописецъ Лехерзакъ-Каганъ изъ Полтавы — по дѣлу соц.-дем. комитета на 3 г. (с. Тунгудъ Кем. у.). 18) инт. Михаилъ Орошный изъ Кіева — по дѣлу соц.-рев. на 4 г. (Кола). 19) Самуилъ Перельманъ изъ Мозыря — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (Ухта Кем. у.), 20) торговецъ Абрамъ Подзельверъ изъ Ковно — за театр. дем. по дѣлу Бунда на 5 лѣтъ (с. Балбанъ Печорск. у.), 21) портной Гельфангъ изъ Ковны — за театр. демонстр. на 5 лѣтъ (Пустоверскъ), 22) раб. Гецадзе изъ мѣстечка Квирилы — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (Труфанова гора, Пинеж. у.), 23) статистикъ Іосифъ Фонштейнъ изъ Баку — по дѣлу соц.-дем. типографіи на 4 г. (с. Ижма Печор. у.). 24) слесарь Квишкадзе изъ Квирилы — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (с. Семеновское), 25) фабричный Яковъ Росовскій изъ Мозыря — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (с. Кереть), 26) столяръ Кауфманъ изъ Кишинева — по дѣлу Бунда на 3 г. (с. Поньгама), 27) столяръ Сударскій изъ Ковно — за демонстр. на 4 г. (с. Сизябское). 28) ткачъ Лоренцъ изъ Лодзи — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (с. Благовѣщенское Шенк. у. и 29) конторщикъ Рудницкій изъ Петроковской губ. — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (Копачево Холмогор. у.).

Викторъ Крохмаль, бѣжавшій въ авг. 1902 г. изъ Кіевской тюрьмы и арестованный вновь въ іюнѣ 1904 г. на вокзалѣ въ Вильнѣ, нынѣ получилъ приговоръ по старому дѣлу — 8 лѣтъ Вост. Сибири (высылается по случаю войны въ Арханг. губ.).

Бѣжали: 1) О. Кацъ (нелег., по дѣлу Комит. Партіи) изъ Харьковск. земск. больницы; 2) Нейшуль (арест. съ транспортомъ „Искры") изъ Сувалкск. тюрьмы; 3) Доброхотова (изъ Сибири, сослана на поселеніе по дѣлу Нижегор. демонстраціи; 4) Берманъ (сослана въ Сибирь по Харьк. и Екатер. дѣламъ); 5) Вилоновъ, раб. (изъ Сибири).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ Беаттенбергѣ собрано 354 фр. на конспиративное дѣло.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ" съ 13 іюня по 15 августа 1904 г.

Въ Армянскую кассу поступило: Изъ Берлина — 75 фр., Берл. — 45 фр., изъ Женевы — 281 фр. Итого 401 фр.

Въ Грузинскую кассу поступило: Изъ Лейпцига — 21 фр. 45 с.

Вышло на армянскомъ языкѣ: Л. Мартовъ — Рабочее Дѣло въ Россіи.

Печатается: К. Марксъ и Фр. Энгельсъ — Манифестъ Коммунистической Партіи.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, для редакціи „Искры" и „Зари" и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги").

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvrenière, 27.

---

[1]) Разумѣется, такая концентрированная агитація на почвѣ очередныхъ политическихъ вопросовъ, можетъ получить смыслъ и содѣйствовать классовому воспитанію пролетаріата лишь въ томъ случаѣ, если въ основѣ ея лежитъ непрекращающаяся текущая пропагандистская и агитаціонная работа соц.-демократіи, охватывающая всю политическую и экономическую борьбу пролетаріата.

[2]) Надо только считаться съ фактически весьма слабой степенью сплоченности нашей Партіи и вытекающей отсюда необходимостью очень осторожно двигать впередъ дѣло объединенія техническихъ функцій всякаго рода. Для того, чтобы дѣло этого объединенія не сопровождалось систематическимъ отстраненіемъ и самоустраненіемъ отъ работы нужныхъ для Партіи силъ, необходимо предоставить вновь возникающимъ техническимъ группамъ, если онѣ обѣщаютъ быть жизнеспособными, извѣстную долю самостоятельности въ веденіи взятой ими на себя работы, подъ условіемъ общаго контроля Ц. К.

[1]) Представляется желательнымъ довести до минимума такую агентуру Ц. К., которая устанавливаетъ ненужное посредничество въ сношеніяхъ Ц. К. съ мѣстными комитетами.

Надѣемся, мы не встрѣтимъ противорѣчія, если скажемъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ нашей программой, что тактика россійской соціальдемократіи, какъ партіи революціи и партіи пролетаріата, должна въ настоящихъ условіяхъ преслѣдовать двѣ взаимно связанныя задачи: во первыхъ, привлеченіе все болѣе широкихъ народныхъ массъ къ участію въ революціонно-демократической борьбѣ и, во-вторыхъ, организацію революціоннаго пролетаріата въ процессѣ этой борьбы въ самостоятельную классовую силу.

Препятствующія успѣшной работѣ въ этомъ направленіи черты нашей партійной практики: отсутствіе внутренняго единства въ дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ организацій, какъ и въ агитаціонной работѣ каждой изъ нихъ—будутъ устраняться тѣмъ въ большей степени, чѣмъ рѣшительнѣе наша партійная практика будетъ руководиться не только задачей общаго воздѣйствія на сознаніе рабочихъ массъ, но и цѣлью непосредственнаго планомѣрнаго вмѣшательства послѣднихъ въ политическія событія. Организація такого вмѣшательства, составляющая основу соціальдемократической тактики, выступаетъ передъ нами какъ неотложная задача настоящаго періода въ развитіи нашей партіи, поскольку революціонизированіе рабочихъ массъ, къ которому въ силу объективной необходимости сводилась, главнымъ образомъ, наша работа, подготовило элементы для практическаго рѣшенія этой задачи.

Вовлеченіе все болѣе широкихъ массъ въ активную *пролетарскую* политическую борьбу можетъ съ наибольшимъ успѣхомъ достигаться лишь при строго концентрированномъ характерѣ агитаціи, при сосредоточеніи всѣхъ средствъ воздѣйствія Партіи на массу вокругъ тѣхъ лозунговъ, которые *для пролетаріата* выдвигаются на очередь общественно-политической жизнью въ каждый данный историческій моментъ и которые послѣдовательно смѣняютъ другъ друга въ качествѣ фокусовъ нашей революціонной агитаціи и мобилизаціи. Каждый агитаціонный періодъ, связанный внутреннимъ единствомъ и замыкающійся активнымъ выступленіемъ массы, сплоченной нами посредствомъ планомѣрной агитаціи вокругъ очередного лозунга, увеличиваетъ нашу операціонную базу и тѣмъ самымъ создаетъ почву для расширенной и углубленной политической агитаціи, приводящей, въ свою очередь, къ болѣе боевымъ и сознательнымъ выступленіямъ рабочихъ массъ[1]). Всестороннее участіе пролетаріата въ политической жизни, съ одной стороны, будетъ способствовать усиленію въ буржуазномъ „обществѣ“ радикальныхъ и революціонныхъ теченій, съ другой же, дастъ намъ возможность въ самой демократической борьбѣ противопоставить на дѣлѣ пролетаріатъ другимъ борющимся противъ самодержавія общественнымъ группамъ, поскольку буржуазный классовый интересъ задерживаетъ ихъ на полпути, не позволяя имъ сдѣлать рѣшительные выводы изъ либеральныхъ или демократическихъ посылокъ или даже толкая ихъ въ объятія реакціи.

Разумѣется, такого рода тактика, поскольку она разсчитана на единовременныя выступленія пролетаріата всей страны, объединеннаго вокругъ общеполитическихъ лозунговъ, не подъ силу отдѣльнымъ организаціямъ — комитетамъ Партіи. Она требуетъ совмѣстнаго централизованнаго, т. е. политически координированнаго дѣйствія всѣхъ частей Партіи. Раздробленная политическая агитація комитетовъ должна уступить мѣсто объединенной политической тактикѣ Партіи въ цѣломъ. Централизмъ, могучее орудіе классовой борьбы пролетаріата, выступаетъ тутъ передъ нами во всемъ своемъ *политическомъ* значеніи. Но это орудіе намъ не дано готовымъ, оно можетъ быть создано лишь въ самомъ процессѣ партійной работы.

При такой постановкѣ вопроса и задачи Ц. К. рисуются намъ въ совершенно опредѣленныхъ очертаніяхъ. Для насъ Ц. К. — не простая сумма завѣдующихъ различными общепартійными функціями опытныхъ революціонеровъ, но *коллективный руководитель политической дѣятельности Партіи.*

Первой задачей Ц. К. нашей Партіи должна быть, конечно, централизація той политической агитаціи, которая ведется разрозненно отдѣльными партійными группами. Намъ нечего здѣсь говорить о всѣмъ извѣстныхъ недостаткахъ агитаціи, ведущейся нынѣ на мѣстахъ. Намъ нечего прибавлять, что однѣми своими силами мѣстныя организаціи не могутъ многаго сдѣлать для ея улучшенія, соотвѣтственно политическимъ задачамъ соціальдемократіи. Ц. К. долженъ явиться тѣмъ практическимъ центромъ, который двигаетъ впередъ мѣстную агитацію, обобщаетъ ее, придаетъ ей планомѣрный характеръ и содѣйствуетъ всестороннему развитію ея содержанія.

Практика прежнихъ лѣтъ уже показала, какъ много можетъ сдѣлать достаточно широкая прокламаціонная агитація. По нашему мнѣнію, Ц. К.-у было бы легко поставить это дѣло такъ, чтобы систематически покрывать всю Россію прокламаціями въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Въ литературномъ отношеніи Ц. К. могъ бы найти помощь со стороны редакціи Ц. О., а въ техническомъ дѣло не представило бы особыхъ затрудненій, такъ какъ предыдущая практика Партіи уже выработала необходимый техническій аппаратъ. [2])

Но распространеніе листковъ, какъ и агитаціонной литературы вообще, это только одна и притомъ вовсе не главная сторона работы Ц. К. Ц. К. долженъ проявить свою иниціативу и оказывать свое воздѣйствіе на практическую работу Партіи во всѣхъ ея областяхъ. Въ настоящее же время мѣстные комитеты Партіи, разбитые небывалыми арестами, болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, нуждаются въ этой помощи Ц. К. Работа мѣстныхъ комитетовъ замѣтно суживается и мѣстами вырождается въ шаблонъ, и, тогда дѣло доходитъ до того, что мѣстный комитетъ Партіи является лишь пунктомъ слабаго соприкосновенія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ съ рабочими массами, вмѣсто того, чтобы быть фундаментомъ Партіи въ этихъ массахъ. Конечно, были и есть счастливые комитеты, которые пользуются широкимъ и прочнымъ вліяніемъ на рабочія массы, но опытъ этихъ комитетовъ не становится опытомъ не только всей партіи, но даже и ихъ ближайшихъ преемниковъ.

Ц. К. и въ этой области долженъ взять на себя значительную часть работы. Прежде всего могучимъ двигателемъ комитетской работы является достаточное количество подходящей литературы и, главнымъ образомъ, регулярное распространеніе Ц. О. Партіи. Далѣе. Если мы хотимъ позаботится о томъ, чтобы расширенію нашего движенія соотвѣтствовало проникновеніе въ его глубь *соціалистическихъ* идей, чтобы не только обострялось революціонное возбужденіе массы, но и росло въ ней самой количество сознательныхъ адептовъ Партіи, — намъ необходимо позаботиться о созданіи литературы, которая могла бы въ большей мѣрѣ воспитывать рядовыхъ рабочихъ, чѣмъ это могутъ дѣлать наши прокламаціи — главный литературный матеріалъ, даваемый нами массамъ. Мы предлагаемъ начать изданіе популярнаго органа для возможно болѣе широкой массы рабочихъ, необходимость котораго вытекаетъ, помимо приведенныхъ соображеній, изъ недоступности „Искры“ для широкихъ круговъ даже сравнительно сознательныхъ рабочихъ, которыхъ необходимо ввести въ кругъ партійныхъ вопросовъ, заставить жить политической жизнью, а безъ газеты этого невозможно достигнуть. Что касается практической осуществимости этого плана, то Ц. К. пришлось бы взять на сей разъ только техническую сторону изданія газеты, ибо ея редакцію могъ бы организовать Ц. О.

Помимо этого косвеннаго вліянія на поднятіе комитетской работы, Ц. К. долженъ оказать, конечно, и прямое. Такъ какъ втеченіе предстоящаго переходного періода дѣло ликвидаціи тяжелыхъ послѣдствій партійнаго кризиса будетъ отнимать значительную долю силъ Ц. К., то мы считаемъ настоятельно необходимымъ въ интересахъ дѣла, чтобы Ц. К. для руководства агитаціей образовалъ спеціальную вспомогательную организацію — особую агитаціонную группу. Не ставя ее ни въ какія іерархическія отношенія къ мѣстнымъ комитетамъ, Ц. К. все же въ этой группѣ могъ бы найти средство поднять мѣстную работу на желательную высоту. Эта группа, составленная изъ извѣстнаго количества наиболѣе опытныхъ и способныхъ практиковъ, дастъ возможность Ц. К-у практически стать руководителемъ работы въ мѣстныхъ организаціяхъ. Въ этой группѣ Ц. К. могъ бы объединить опытъ всѣхъ комитетовъ и, выработавъ наиболѣе цѣлесообразные методы мѣстной работы, проводить ихъ въ жизнь такимъ путемъ, который болѣе всего гарантировалъ бы Ц. К. отъ почти неизбѣжныхъ ошибокъ и не вызывалъ бы никакихъ организаціонныхъ треній между ними и мѣстными комитетами. Члены группы, направляемые для работы въ отдѣльные комитеты, были бы естественными инструкторами, поскольку они обладали бы большимъ опытомъ, большей умѣлостью и болѣе тщательно обдуманнымъ планомъ работы. Въ то же время черезъ эту группу Ц. К. имѣлъ бы всегда болѣе постоянное и тѣсное соприкосновеніе съ работой мѣстныхъ комитетовъ, чѣмъ этого возможно достигнуть простыми объѣздами отдѣльныхъ членовъ Ц. К. Затѣмъ, эта группа поставила бы задачей создать кадры летучихъ агитаторовъ; ихъ разъѣздами былъ бы наиболѣе экономно восполненъ тотъ недостатокъ въ агитаторахъ, который чувствуется всѣми комитетами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая агитація по своей содержательности и планомѣрности могла бы быть поставлена на желательную высоту. Наконецъ, въ этой группѣ Партія имѣла бы всегда въ своемъ распоряженіи опытныхъ и подвижныхъ работниковъ какъ на случай провала, такъ и на случай возникновенія гдѣ-либо крупныхъ волненій.

Имѣя въ своемъ распоряженіи соотвѣтствующій техническій аппаратъ для постановки печатной агитаціи и группу летучихъ агитаторовъ и организаторовъ, Ц. К получилъ бы всѣ средства для того, чтобы не ограничиваться ролью группы, только содѣйствующей мѣстнымъ комитетамъ, но и исполнить свое главнѣйшее назначеніе — стать руководителемъ партіи въ ея практикѣ. Война создала такое положеніе въ Россіи, когда особенно ярко выступаетъ для Партіи необходимость перейти отъ партизанской борьбы отдѣльныхъ комитетовъ къ общепартійнымъ дѣйствіямъ, къ общему наступленію по всей линіи фронта. Но такая борьба Партіи въ цѣломъ, которая до сихъ поръ выражалась развѣ только въ майскихъ праздникахъ, требуетъ, чтобы въ лицѣ Ц. К. Партія обладала группой, не только способной проявить иниціативу, но и достаточно вооруженной, чтобы перейти отъ плановъ къ исполненію ихъ: объединить мѣстные комитеты на какомъ-нибудь общеполитическомъ предпріятіи будетъ возможнымъ для Ц. К., когда онъ будетъ обладать спеціальнымъ, испытаннымъ на ежедневной практикѣ, механизмомъ для такой задачи; образованіе центральной агитаціонной группы при условіи сильнаго развитія издательской дѣятельности дастъ Ц. К. необходимую точку опоры.

Менѣе трудной, но также достаточно важной задачей дѣятельности Ц. К. является систематизація и улучшеніе нашей пропаганды. При содѣйствіи заграничныхъ литераторовъ, во исполненіе резолюціи съѣзда, Ц. К. долженъ былъ бы сдѣлать рядъ шаговъ къ облегченію комитетской работы въ этой области.

Чѣмъ болѣе удастся Ц. К. сгруппировать подходящія силы на указанной работѣ, тѣмъ легче будетъ идти процессъ фактической централизаціи нашей партійной дѣятельности и тѣмъ менѣе болѣзненно на жизни Партіи будутъ ощущаться неизбѣжныя при значительныхъ полномочіяхъ, предоставленныхъ нашимъ уставомъ Ц. К-у, столкновенія компетенцій и интересовъ между отдѣльными частями Партіи. Импульсъ къ углубленію и расширенію содержанія партійной работы, исходящій отъ Ц. К., сгруппировавшаго вокругъ себя наиболѣе зрѣлыя партійныя силы, непремѣнно отразится и обогащеніемъ мѣстной дѣятельности и, какъ слѣдствіе этого, укрѣпленіемъ мѣстныхъ комитетовъ. Необходимо установить возможно болѣе частыя и непосредственныя сношенія Ц. К. съ мѣстными комитетами. Мы рекомендовали бы Ц. К. періодически извѣщать мѣстныя организаціи о положеніи дѣлъ въ Партіи и о своей собственной дѣятельности.[1])

Коль скоро эта работа внутрипартійнаго устройства будетъ выполнена хотя бы отчасти, Партія наша будетъ имѣть возможность выступить съ иниціативой включенія въ нее всѣхъ окраинныхъ соц.-дем. организацій и партій: Бунда, польской, латышской соц.-демократіи и т. д. Этимъ будетъ сдѣланъ послѣдній необходимый шагъ для того, чтобы дать возможность россійской соц.-демократіи развиться въ могущественную партію. Мы считаемъ необходимымъ, чтобы Ц. К. возможно скорѣе приступилъ къ переговорамъ о вступленіи въ Р. С.-Д. Р. П. тѣхъ изъ организацій, которыя готовы сдѣлать этотъ шагъ на условіяхъ, не противорѣчащихъ общимъ организаціоннымъ принципамъ нашей Партіи.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ, болѣе частныхъ вопросахъ и задачахъ, которые сами всплывутъ при выполненіи этого плана. Незачѣмъ, конечно, говорить, что мы не настаиваемъ на деталяхъ — для насъ важенъ общій типъ партійной дѣятельности, очерченный въ немъ.

⁂

Планъ настоящаго обращенія къ Партіи обсуждался „меньшинствомъ“ до появленія недавно опубликованнаго заявленія Ц. К. Это заявленіе даетъ, на нашъ взглядъ, право надѣяться на разрѣшеніе кризиса, столько времени тормозящаго дѣятельность Партіи. Привѣтствуя сдѣланный Ц. К. шагъ, мы выражаемъ твердую увѣренность въ томъ, что политика объединенія партійныхъ силъ залѣчитъ всѣ раны, нанесенныя Партіи за время фракціонной борьбы. И мы, оставляя до конференціи съ Ц. К., какъ менѣе существенные, всѣ частные вопросы о тѣхъ или другихъ требовавшихся меньшинствомъ чисто организаціонныхъ перемѣнахъ (ибо теперь, послѣ заяленія Ц. К., *принципіальнаго* значенія эти вопросы для насъ не имѣютъ), мы предлагаемъ вниманію Ц. К. и всѣхъ товарищей, солидарныхъ съ тѣмъ шагомъ, который имъ сдѣланъ, изложенный планъ дѣятельности партійной организаціи, который можетъ быть осуществленъ Ц. К. при условіи поддержки его всѣми членами Партіи, и рѣшительную иниціативу котораго можетъ взять на себя только оффиціальный партійный центръ. Мы глубоко увѣрены, что принятіе въ общемъ и цѣломъ, такого плана дѣятельности Ц. К. является естественнымъ и логическимъ продолженіемъ той партійной политики, которую онъ началъ своимъ заявленіемъ, и что примѣненіе на практикѣ этого плана работы позволитъ каждому члену Партіи, къ какому бы теченію онъ ни принадлежалъ, использовать свои силы въ рамкахъ централизованной организаціи.

Уполномоченные „меньшинства“.

Съ настоящимъ заявленіемъ — до его опубликованія — выразило свою солидарность собраніе свыше 50 товарищей изъ „меньшинства“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Намъ прислано слѣдующее заявленіе заграничнаго представителя Центральнаго Комитета:

„Вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ брошюра „Material zur Erläuterung der Parteikrise“ за подписью „Lydin, Vertrauensmann des Centralcomitee“ написана и издана безъ всякаго участія Ц. К. и, слѣд., за развиваемые въ ней взгляды Ц. К. не считаетъ себя отвѣтственнымъ. Авторъ брошюры, тов. Лядинъ, никогда не былъ Vertrauensmann'омъ, т. е. довѣреннымъ лицомъ, представителемъ или уполномоченнымъ Ц. К. Онъ былъ агентомъ Ц. К. въ одномъ изъ городовъ Западной Европы до того времени, пока не выѣхалъ изъ этого города. Во время же написанія брошюры онъ былъ кассиромъ при партійной экспедиціи“.

Агитація по поводу войны. Центр. Ком. издана прокламація „Искры“ — „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (10.000 экземп.). **Бакинск. Ком.** — 1) „Письмо японскихъ соціалистовъ“ (3000 экз.), 2) „По поводу письма японскихъ соц. (3000 экз.), 3) „Что дала война рабочимъ?“ (3000 экз.), 4) „Ко всѣмъ“ (3000 экз.), 5) „Хроника войны“ (изъ № 68 „Искры“ — 3000 экз.). Всѣ эти листки на русскомъ и армянскомъ языкахъ. **Одесскимъ Ком.** — „Повѣрочный сборъ или мобилизація?“ (12.000 экз.) и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Одессы“ (о мобилизаціи — 8000 экземп.). **Сѣвернымъ Ком.** — 1) „Въ борьбѣ за права народныя“ (6000 экз.) и 2) „Что посѣяли наши миролюбцы?“. **Томскимъ Ком.** — за іюнь переизданы прокламаціи „Искры“: „Жертвуйте!“ (500 экз.) и „Война противъ войны“ (500 экз.), а въ іюлѣ изданъ листокъ „Высочайшій гастролеръ“ (о поѣздкѣ царя по Россіи — 800 экз.).

Самарскимъ комит. выпущенъ листокъ: „Кому нужна японская война“, а также распространены слѣд. листки „Искры“ въ изд. Ц. К.: „Почему царское правительство затѣяло войну“, „Война противъ войны“ и „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“. Всѣ листки произвели хорошее впечатлѣніе, сожалѣли только, что ихъ очень мало.

Подъ ред. „Искры“ вышла брошюра „Наши политическія задачи“ **Н. Троцкаго. Центр. Ком.** издано: **Л. Мартовъ** „Красное знамя въ Россіи“ (10.000 экз.), его же: „Рабочее дѣло въ Россіи“ (10.000 экз.); „Мститель“, разсказъ (18.000 экз.). **Одес. Ком.**: „Къ годовщинѣ іюльскихъ стачекъ“ (6000 экз.), Отчетъ комитета (5000 экз.) съ призывомъ къ рабочимъ о матеріальной поддержкѣ организаціи и „Къ гибели оберъ палача“ (Плеве) (8000 экз.). **Кубанск. Ком.**: „Убійство мин. Плеве“ и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Черноморской губ.“. **Бакинскимъ Ком.**: „Къ годовщинѣ іюльскихъ дней въ Баку“ (4.500 экз., на рус. и армян. языкахъ) и „Новый врагъ царскаго правительства и терроръ“ (по поводу убійства Плеве — въ 2000 экз.), а **Иркутскимъ Ком.** въ іюлѣ изданъ листокъ о послѣдней Якутской исторіи.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Арзамасъ, Нижегородск. губ. Въ началѣ іюня на вокзалѣ арестованъ съ литературой уѣздный земскій статистикъ Владиміръ Карл. Гехтъ; въ то же время былъ арестованъ помощникъ земскаго статистика (бывш. студ. московск. ун. Владиміръ Потѣхинъ, но черезъ нѣсколько дней онъ былъ освобожденъ. Гехтъ отправленъ въ нижегородскую тюрьму. (Въ мартѣ 1903 г. у Гехта былъ обыскъ.). **Кіевъ.** Арестованъ и увезенъ въ кандалахъ Бронштейнъ (говорятъ, по дѣлу объ убійствѣ Плеве).

Съ послѣднимъ этапомъ прибыли въ **Архангельскъ**: 1) студ. лѣсникъ Петръ Илюшкинъ — за подготовленіе майской демонстраціи 1903 года и принадлежность къ Бакинскому Соц.-Дем. Комитету на 4 г. (назначенъ въ село Мохчу Печорскаго уѣзда), 2) кровельщикъ Мойсей Лившицъ изъ Одессы — за распространеніе соц.-дем. литературы на 5 лѣтъ село Несь Мезен. уѣзда), 3) учитель Мойсей Лившицъ изъ Мозыря — за распространеніе соц.-дем. литературы на 4 года село Поньгама Кемскаго уѣзда), 4) сыромятникъ Андрей Маливновскій изъ Жирардова — по дѣлу П. П. С. на 4 г. (с. Красный Боръ Печорскаго у.), 5) Заготовщикъ Соринъ изъ Кременчуга — за распространеніе соц.-дем. литературы на 3 г. (с. Бакура Печорск. у.), 6 счетоводъ Станиславъ Колецкій изъ Пабіаницъ — по дѣлу П. П. С. на 5 лѣтъ (г. Александровскъ), 7) портной Антонъ Новохатка изъ Кіева — по дѣлу соц.-рев. на 3 г. (с. Кузомень), 8) ученикъ худож. училища Владиміръ Пащенко изъ Кіева — на 3 г. (с. Семеновское Шенкур. у.), 9) переплетчикъ Аронъ Волкенштейнъ изъ Мозыря — за соц.-дем. транспортъ на 5 лѣтъ (с. Сиявское Печорск. у.), 10) переплетчикъ Мендель Шифманъ изъ Мозыря — за распространеніе литературы на 3 г. (с. Лапино Кемскаго у.), 11) ткачъ Францъ Налиховскій изъ Лодзи — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (с. Семеновское), 12) портной Берель Фурманъ изъ Ковно — за театр. демонстр. по дѣлу Бунда на 5 лѣтъ (Усть-Ковжа Печор. у.). 13) чиновникъ Вячеславъ Степановъ изъ Кіева — за распростр. соц.-дем. литературы на 3 г. (г. Кемь), 14) токарь Надбеладзе изъ станціи Шаропань — за стачку и соц. дем. демонстр. на 3 г. с. Кура Пинеж. у., 15) конторщикъ Яковъ Моргенштейнъ изъ Луганска — по соц.-дем. дѣлу на 4 г. (с. Бакура), 16) инт. Инокентій Яковлевъ изъ с. Гришина Бахмутск. у. — по соц.-дем. дѣлу на 4 г. г. Александровскъ), 17) живописецъ Лехерзакъ-Каганъ изъ Полтавы — по дѣлу соц.-дем. комитета на 3 г. с. Тунгудъ Кем. у.). 18) инт. Михаилъ Орошный изъ Кіева — по дѣлу соц.-рев. на 4 г. (Кола), 19) Самуилъ Перельманъ изъ Мозыря — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (Ухта Кем. у.), 20) торговецъ Абрамъ Подзельверъ изъ Ковно — за театр. дем. по дѣлу Бунда на 5 лѣтъ (. Балбанъ Печорск. у.), 21) портной Гельфангъ изъ Ковны — за театр. демонстр. на 5 лѣтъ Пустоверскъ), 22) раб. Гецадзе изъ мѣстечка Квирилы — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (Труфанова гора, Пинеж. у.), 23) статистикъ Іосифъ Фонштейнъ изъ Баку — по дѣлу соц.-дем. типографіи на 4 г. (с. Ижма Печор. у.), 24) слесарь Квишкадзе изъ Квирилы — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (с. Семеновское), 25) фабричный Яковъ Росовскій изъ Мозыря — по соц.-дем. дѣлу на 3 г. (с. Кереть), 26) столяръ Кауфманъ изъ Кишинева — по дѣлу Бунда на 3 г. (с. Поньгама.), 27) столяръ Сударскій изъ Ковно — за демонстр. на 4 г. (с. Сиявское), 28) ткачъ Лоренцъ изъ Лодзи — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (с. Благовѣщенское Шенк. у. и 29) конторщикъ Рудницкій изъ Петроковской губ. — по дѣлу П. П. С. на 3 г. (Копачево Холмогор. у.).

Викторъ Крохмаль, бѣжавшій въ авг. 1902 г. изъ Кіевской тюрьмы и арестованный вновь въ іюнѣ 1904 г. на вокзалѣ въ Вильнѣ, нынѣ получилъ приговоръ по старому дѣлу — 8 лѣтъ Вост. Сибири (высылается по случаю войны въ Арханг. губ.).

Бѣжали: 1) О. Кацъ (нелег., по дѣлу Комит. Партіи) изъ Харьковск. земск. больницы; 2) Нейшуль (арест. съ транспортомъ „Искры“) изъ Сувалкск. тюрьмы; 3) Доброхотова (изъ Сибири, сослана на поселеніе по дѣлу Нижегор. демонстраціи; 4) Берманъ (сослана въ Сибирь по Харьк. и Екатер. дѣламъ; 5) Вилоновъ, раб. (изъ Сибири).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Въ Беаттенбергѣ собрано 354 фр. на конспиративное дѣло.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ“ съ 13 іюня по 15 августа 1904 г.

Въ Армянскую кассу поступило: Изъ Берлина — 75 фр., Берл. — 45 фр., изъ Женевы — 281 фр. Итого 401 фр.

Въ Грузинскую кассу поступило: Изъ Лейпцига — 21 фр. 45 с.

Вышло на армянскомъ языкѣ: Л. Мартовъ — Рабочее Дѣло въ Россіи.

Печатается: К. Марксъ и Фр. Энгельсъ — Манифестъ Коммунистической Партіи.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, для редакціи „Искры“ и „Зари“ и „Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи“:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“).

Типографія Партіи. Geneve, Rue de la Coulouvreniere, 27.

---

[1]) Разумѣется, такая концентрированная агитація на почвѣ очередныхъ политическихъ вопросовъ, можетъ получить смыслъ и содѣйствовать классовому воспитанію пролетаріата лишь въ томъ случаѣ, если въ основѣ ея лежитъ непрекращающаяся текущая пропагандистская и агитаціонная работа соц.-демократіи, охватывающая всю политическую и экономическую борьбу пролетаріата.

[2]) Надо только считаться съ фактически весьма слабой степенью сплоченности нашей Партіи и вытекающей отсюда необходимостью очень осторожно двигать впередъ дѣло объединенія техническихъ функцій всякаго рода. Для того, чтобы дѣло этого объединенія не сопровождалось систематическимъ отстраненіемъ и самоустраненіемъ отъ работы нужныхъ для Партіи силъ, необходимо предоставить вновь возникающимъ техническимъ группамъ, если онѣ обѣщаютъ быть жизнеспособными, извѣстную долю самостоятельности въ веденіи взятой ими на себя работы, подъ условіемъ общаго контроля Ц. К.

[1]) Представляется желательнымъ довести до минимума такую агентуру Ц. К., которая устанавливаетъ ненужное посредничество въ сношеніяхъ Ц. К. съ мѣстными комитетами.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 73. 1-го сентября 1904 г. **Годъ IV.**

ЛЯОЯНЪ И „РЕФОРМЫ".

„Рядомъ долгихъ искусныхъ маневровъ съ нашей стороны противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насъ аттаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя маловыгодныхъ". Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу „собственный" корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника" наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человѣкъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ царской арміи. 60.000 чел. — цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей, — были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, бойнѣ и переживших ее, — какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ — физическихъ и духовныхъ! И наряду съ этимъ — огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ — въ видѣ орудій, пороха, свинца, въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое порабощеніе царистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемѣры о „кровожадности" революцій! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавія, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобиться, чтобы стряхнуть съ Россіи позорное иго самовластія! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. О мести вызываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджуріи. Но этой местью — единственно цѣнной и плодотворной — можетъ быть лишь все таже неустанная работа развитія классоваго сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленію народа во славу его эксплуататоровъ, и къ которой такъ настойчиво взываетъ соціальдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу — Ляоянъ не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху именъ означаетъ лишь новый позорный столбъ для самодержавія и новыя гекатомбы для тѣхъ „низшихъ" классовъ, надъ которыми высится пирамида капиталистической эксплуатаціи и царскаго деспотизма. И не мудрено, что „искусные маневры" Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алексѣева, придворными интригами, внушеніями „внутренней политики", требовавшей „побѣды" какъ можно скорѣе, — не мудрено, что они „вынудили" японцевъ чуть не въ десятый разъ на голову разбить „побѣдоносное" воинство русскаго царя. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всѣ ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это — что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина отнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ „искусные маневры", объ этомъ трубили бы во всѣ трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были нѣсколько притихнуть и безконечно-лживые и наглые толки о знаменитомъ „планѣ", который, страннымъ образомъ, заключался въ томъ, чтобы быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмимѣсячныя телеграфныя распоряженія „самого" царя изъ Петербурга и восьмимѣсячное пассованіе *полководца* Куропаткина передъ *придворнымъ* Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ „мужество" требовать, чтобы командующій Манджурской арміей былъ „*едино*командующимъ".

„О „планѣ" уже не говорятъ. А мучительно спрашиваютъ: успѣютъ ли отступить, не отрѣзаны ли?", пишетъ „Гражданинъ", съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. „О планѣ не говорятъ", или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные и наивные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: „Говорятъ" телеграфируетъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ" „собственный" корреспондентъ изъ „Лондона", „будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его – задержать наступленіе японцевъ на сѣверъ — достигнута, но теперь необходимо во что бы то ни стало достигнуть Мукдена, даже если бы пришлось пожертвовать половиной арміи для того, чтобы пробиться черезъ непріятельскіе ряды". Да, генералу Куропаткину остается еще „пожертвовать" и второй половиной арміи; тогда, пожалуй, „цѣль" самодержавія будетъ достигнута окончательно!

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзается въ гнилой стволъ самодержавія. Японцы побѣждаютъ самодержавіе не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себѣ съ стихійной силой толкаютъ россійскій царизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ губернатора, программное „интервью" новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія „вѣянія" печати, — вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавія.

Князь Оболенскій, „герой" харьковскихъ экзекуцій, расписался въ „уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю", завѣрялъ, что „въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни", выразилъ надежду, что „дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы населенія" и, наконецъ, просилъ не судить о его особѣ по отзывамъ „русскихъ революціонеровъ". Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ — послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшался вопросъ о выборѣ между „бѣшенымъ волкомъ" и „хитрой лисой" — князь Святополкъ-Мірскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Echo de Paris" развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ „диктатуры сердца". Оговорившись о „непримѣнимости" у насъ парламентаризма, недавній — неудачный — соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и „просвѣщенный" шефъ жандармовъ обѣщалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута „истиннымъ и широкимъ либерализмомъ"; земствамъ показывается перспектива самостоятельности „во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр."; подчеркивается необходимость „свободы совѣсти", улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ „заблуждающейся" молодежи и пр. и пр. Царскій „другъ", кн. Мещерскій гремитъ противъ „громадной силы бюрократическаго полновластья" и „считаетъ долгомъ гражданина вслухъ повѣдать", что онъ „разувѣрился въ той оффиціально-консервативной политкѣ", которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ „нелѣпыхъ толковъ объ уничтоженіи земства" и требуетъ „приближенія народа къ престолу" и „настоящаго примѣненія самоуправленія", словомъ, снова выдвигаетъ пустопорожній и полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ „Новаго Времени" Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ „мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда человѣчество перекуетъ мечи въ плуги!"

Тщетно „Московскія Вѣдомости" съ героическимъ усиліемъ отстаивали „нашъ внутренній Портъ-Артуръ" и требовали для него „доблестнаго защитника"; тщетно доносили онѣ на „шаткія петербургскія сферы, которыя думаютъ „спасать Россію" посредствомъ „уступокъ" ея злѣйшимъ врагамъ", и даже предлагали содѣйствіе какого-то бравого писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности „разорвать всѣхъ анархистовъ". Ляоянская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу „хитрой лисы".

Мы вступаемъ въ эпоху „реформъ". Конечно, эти „реформы" будутъ мелочны и ничтожны: конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду „сохраненіе существующаго порядка"; конечно самая долговѣчность „новой эры" будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества царизма, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа — съ неизбѣжностью, рано или поздно заставитъ царское правительство вступить все на тотъ же путь „уступокъ". И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, соціальдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система „реформъ" сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ „уступокъ". Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ цѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между царизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ царизмомъ за весьма дешевую цѣну — въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ измѣны народу даже тогда, когда предъ нимъ помахивали лишь туманными о[illegible]щаніями „реформъ". Тѣмъ менѣе будетъ у него причинъ [illegible]нять свою демократическую непорочность, когда въ ходъ бу[illegible] пущены дѣйствительныя „уступки" — мизерныя для труд[illegible]я массъ, но весьма существенныя для дѣльцевъ буржуаз[illegible]иберализма. Весьма характерно, что въ то время, ка[illegible]еди „хорошихъ господъ" безвозбранно обращаются филипп[illegible]ражданина" и такъ же безвозбранно ведутся разговоры о[illegible]щемъ „обновленіи", о необходимости „умиротворенія н[illegible]льныхъ элементовъ", о „развитіи самостоятельности земс[illegible]учрежденій", о „разумной свободѣ печати" („Новое Время")) провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать „Дневники" князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной „простому" народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя за спиною народа готовятся среди „правящихъ классовъ".

Уже эти первые эпизоды изъ „шатаній самодержавія" показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та „свобода", которую — въ лучшемъ случаѣ — принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣнкоснимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго царизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои „уступки": сегодня льготы еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра — „полная свобода" земцевъ въ проведеніе мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ — „свобода печати" для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевицы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать „высшіе" классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній „герой"-революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, злодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути „умиротворенія"; сегодняшній „младшій братъ", „мужичекъ", котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопочутъ завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, который лѣзетъ со своимъ суконнымъ рыломъ, мѣшая „хорошимъ господамъ" созидать его счастье изъ заплаточекъ мелкихъ „уступокъ"; рабочій, къ движенію котораго всѣ стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ „геройской борьбѣ", будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной „черни", спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы „неумѣренность" не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ его „благихъ начинаній", все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ льнуть къ царизму тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше нахватаютъ въ руки синицъ реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для царизма время, когда оно такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все ту же монархію Романовыхъ, только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій манеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитаго корыта безсмысленныхъ мечтаній придется очнуться россійскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, вливъ новую кровь въ жилы дряхлаго царизма и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, расшатывающему устои самодержавія; незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, сможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень самодержавія. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало „уступокъ" громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ соціальдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правильный лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. „Миръ послѣ нашихъ неудачъ — наша политическая смерть", пишетъ разоткровенничавшійся теперь „Гражданинъ". „Наша", т. е. самодержавія. Да, миръ — это политическая смерть самодержавія! „Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціальдемократіей" — это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листковъ разнесли уже это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавія; надо, чтобы этихъ листковъ были милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказалъ уже свое рѣзко враждебное отношеніе къ войнѣ; надо, чтобы всѣ доступные нашему вліянію рабочіе прошли черезъ эти собранія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія ея, не только причины пораженій, но и всѣ возможныя послѣдствія. Надо, чтобы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ значеніи начавшихся „уступокъ", и въ грядущемъ перемѣщеніи общественныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ, — надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; правительство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей, — рабочіе должны оцѣнить значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь земцевъ, — взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противоставить свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу царизму, который захотятъ сдѣлать будирующіе теперь элементы. До безконечности можно было бы умножать эти примѣры. И всѣ они въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости удесятерить наши усилія по вовлеченію рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и только она одна, создастъ возможность *сознательнаго* вмѣшательства пролетаріата, въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи мира.

ЦАРСКАЯ ВЕТОШЬ.

Выше закона стоящее высочайшее соизволеніе, осуществляя законодательное право верховной власти, уничтожаетъ какую бы то ни было правомѣрность нашего государственнаго порядка. Но оно же является неизбѣжнымъ коррективомъ устарѣвшаго режима. Какъ нескладная, ремесленной работы старая машина, громоздкая по размѣрамъ, слабая по производительности и полезному дѣйствію, стоитъ наша государственная система въ ряду заманчивыхъ для буржуазнаго сердца „усовершенствованныхъ" государственныхъ механизмовъ другихъ европейскихъ странъ. Уродливое чудовище грубыми клещами административнаго, податного, воинскаго и образовательнаго аппарата захватываетъ живой человѣческій матеріалъ, рветъ и давитъ его въ процессѣ государственной работы и оставляетъ въ итогѣ ужасающую массу отбросовъ, — груды уголовной грязи, невѣроятно спутанную ткань гражданскихъ отношеній, о которыхъ даетъ только приблизительное представленіе наша юридическая и административно-полицейская примитивная статистика. Это она, эта государственная система, породила кровавую японскую войну и въ послѣдніе дни дала леденящую кровь картину, — нагромоздила десятки тысячъ тѣлъ на поляхъ Ляояна.

Все больше и больше выростаетъ передъ политически несостоятельнымъ режимомъ страшная угроза: остановятся движущіяся части гигантской машины, изломаются перержавѣвшія колеса, винтики и штанги, завязнетъ въ массѣ отбросовъ ея залитый кровью и потомъ рабочій механизмъ. И вотъ юридическая мудрость и административный инстинктъ все сильнѣе выдвигаютъ въ жизнь старинный коррективъ абсолютизма: царскую милость манифеста, царскій указъ.

Точно примитивная грязная ветошка машиннаго смазчика, появляется, отъ времени до времени, на сценѣ государственной работы въ рукахъ бюрократіи царскій манифестъ и совершаетъ надъ отупѣвшими въ атмосферѣ безправія гражданами, подъ видомъ распредѣленія „милостей", процедуру „очистки и смазки" – удаленія соціальной пыли и копоти, устраненія отбросовъ, распутыванія узловъ безнадежной недоимочности, установленія юридическихъ давностей.

Такимъ обильнымъ потокомъ „милостей" пестритъ и послѣдній манифестъ, изданный 11 августа. Облегченіе по разнаго рода сборамъ, дѣлопроизводство о которыхъ въ общей своей стоимости едва ли не превышаетъ общей суммы взысканій; прощеніе штрафовъ, пеней, взыскиваемыхъ казною убытковъ, переборовъ по службѣ, возстановленіе въ правахъ пользованія легитимаціонными билетами[1]) — такова сумма „милостей" по гражданскому кодексу, которая въ итогѣ оставитъ небольшую круглую сумму „шальныхъ денегъ" въ рукахъ мелкой буржуазіи.

Затѣмъ категорія „уголовныхъ" милостей, идущая навстрѣчу назрѣвшей потребности въ освобожденіи перенаселенныхъ тюремъ отъ избытка уголовнаго и „государственнаго" элемента, навстрѣчу необходимости сократить колонизацію Сибири „врагами отечества". Затѣмъ манифестъ подходитъ къ недоимщикамъ — кліентамъ врачебныхъ учрежденій, къ жертвамъ общественнаго долга, государственной службы, и спѣшитъ затереть досадную щель — недостатокъ организаціи общественнаго и государственнаго призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ. Онъ складываетъ недоимки за лѣченіе въ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ вѣдомствъ, принимаетъ на казну воспитаніе и обезпеченіе судьбы дѣтей офицеровъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ Японской войнѣ, назначаетъ государственную пенсію семьямъ врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями.

Такъ суетливо орудуетъ всемилостивѣйшая тряпка смазчика среди грязи, крови и пота, и усердная бюрократія не безъ основанія надѣется не только расчистить свободу движеній своей

---

[1]) Дѣло идетъ всего на всего о пустячныхъ семидневныхъ билетахъ для выѣзда заграницу жителей пограничной полосы.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 73. 1-го сентября 1904 г. Годъ IV.

ЛЯОЯНЪ И „РЕФОРМЫ“.

„Рядомъ долгихъ искусныхъ маневровъ съ нашей стороны противникъ, подведенный къ Ляояну, вынужденъ, наконецъ, насъ аттаковать въ нашей укрѣпленной позиціи, въ условіяхъ для себя маловыгодныхъ“. Такъ лжесвидѣтельствовалъ по телеграфу „собственный“ корреспондентъ „Правительственнаго Вѣстника“ наканунѣ Ляоянской трагедіи, выбившей изъ строя съ обѣихъ сторонъ до 60.000 человѣкъ и окончившейся полнымъ пораженіемъ царской арміи. 60.000 чел. — цѣлое населеніе большого губернскаго города, отъ стариковъ до грудныхъ дѣтей, — были сметены съ поля битвы раскаленнымъ потокомъ свинца и желѣза. А для сотенъ тысячъ, принимавшихъ участіе въ этой, почти безпримѣрной въ исторіи, бойнѣ и пережившихъ ее, — какія нечеловѣческія страданія и лишенія, какое колоссальное напряженіе всѣхъ силъ — физическихъ и духовныхъ! И наряду съ этимъ — огромное расточеніе созданныхъ народнымъ трудомъ матеріальныхъ богатствъ — въ видѣ орудій, пороха, свинца, въ видѣ разрушенныхъ зданій, мостовъ и дорогъ, сожженныхъ запасовъ хлѣба, уничтоженныхъ складовъ аммуниціи! Вотъ цѣна крови и пота, которую въ одну недѣлю заплатилъ народъ Россіи и Японіи за свое порабощеніе царистской и капиталистической эксплуатаціи! Пусть говорятъ послѣ этого святоши и лицемѣры о „кровожадности“ революцій! Въ тотъ день, когда въ сознаніи русскаго народа ясно встанетъ мысль о непримиримости его интересовъ съ интересами самодержавія, и десятой доли той крови, что пролита подъ Ляояномъ, не понадобиться, чтобы стряхнуть съ Россіи позорное иго самовластія! Неизмѣримо меньше крови долженъ будетъ пролить сознавшій свои классовые интересы пролетаріатъ въ тотъ часъ, когда могучимъ напоромъ соціальной революціи онъ навсегда смететъ всѣ основы эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. О мести взываютъ эти десятки тысячъ труповъ, усѣявшихъ собою поля Манджуріи. Но этой местью — единственно цѣнной и плодотворной — можетъ быть лишь все таже неустанная работа развитія классоваго сознанія и организаціи эксплуатируемыхъ массъ, которая одна только можетъ положить предѣлъ обезкровленію народа во славу его эксплуататоровъ, и къ которой такъ настойчиво взываетъ соціальдемократія...

Послѣ Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу — Ляоянъ не былъ неожиданностью. Вѣдь каждое изъ этихъ чуждыхъ нашему слуху именъ означаетъ лишь новый позорный столбъ для самодержавія и новыя гекатомбы для тѣхъ „низшихъ“ классовъ, надъ которыми высится пирамида капиталистической эксплуатаціи и царскаго деспотизма. И не мудрено, что „искусные маневры“ Куропаткина, маневры, опредѣлявшіеся не столько стратегическими соображеніями, сколько соперничествомъ Алексѣева, придворными интригами, внушеніями „внутренней политики“, требовавшей „побѣды“ какъ можно скорѣе, — не мудрено, что они „вынудили“ японцевъ чуть не въ десятый разъ на голову разбить „побѣдоносное“ воинство русскаго царя. Русская армія отступила, и притомъ въ такомъ безпорядкѣ, который иногда напоминалъ паническое бѣгство. Точные результаты битвы и всѣ ея вѣроятныя послѣдствія неизвѣстны и до сихъ поръ. Неизвѣстно, какія части окружены и взяты въ плѣнъ. Но что извѣстно, это — что японскія войска не только по пятамъ преслѣдуютъ отступающую русскую армію, но и двигаются параллельно съ ней и въ обходъ ея. Опасность быть окруженнымъ и вынужденнымъ къ сдачѣ въ плѣнъ для Куропаткина отнюдь еще не миновала. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говоритъ зловѣщее молчаніе съ театра войны. Если бы русскія войска уже вырвались окончательно изъ той западни, въ которую привели ихъ „искусные маневры“, объ этомъ трубили бы во всѣ трубы. Теперь же, передъ очевидностью факта, должны были нѣсколько пріутихнуть и безконечно-лживые и наглые толки о знаменитомъ „планѣ“, который, страннымъ образомъ, заключался въ томъ, чтобы быть вѣчно битымъ и разбитымъ! Теперь, послѣ того, какъ восьмимѣсячныя телеграфныя распоряженія „самого“ царя изъ Петербурга и восьмимѣсячное пассованіе *полководца* Куропаткина передъ *придворнымъ* Куропаткинымъ стоили русскому народу десятковъ тысячъ убитыхъ и погубили всю кампанію текущаго года, лишь теперь пресмыкающаяся пресса находитъ въ себѣ „мужество“ требовать, чтобы командующій Манджурской арміей былъ „*едино*командующимъ“.

„О „планѣ“ уже не говорятъ. А мучительно спрашиваютъ: успѣютъ ли отступить, не отрѣзаны ли?“, пишетъ „Гражданинъ“, съ самаго начала войны тонкимъ нюхомъ почуявшій, что она поставила самое существованіе самодержавія на карту. „О планѣ не говорятъ“, или, вѣрнѣе, почти не говорятъ, ибо еще находятся лжецы, столь безстыдные и наивные, что продолжаютъ морочить публику этой дѣтской игрушкой: „Говорятъ“ телеграфируетъ „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ „собственный“ корреспондентъ изъ „Лондона“, „будто Куропаткинъ сообщилъ своему штабу, что цѣль его — задержать наступленіе японцевъ на сѣверъ — достигнута, но теперь необходимо во что бы то ни стало достигнуть Мукдена, даже если бы пришлось пожертвовать половиной арміи для того, чтобы пробиться черезъ непріятельскіе ряды“. Да, генералу Куропаткину остается еще „пожертвовать“ и второй половиной арміи; тогда, пожалуй, „цѣль“ самодержавія будетъ достигнута окончательно!

Каждая новая побѣда японцевъ могучимъ ударомъ топора врѣзается въ гнилой стволъ самодержавія. Японцы побѣждаютъ самодержавіе не только въ Ляоянѣ; они побѣждаютъ его въ Петербургѣ.

Нужда въ деньгахъ, напоръ всеобщаго неудовольствія, растерянность и неувѣренность въ себѣ съ стихійной силой толкаютъ россійскій царизмъ на скользкій путь заигрыванія съ недовольными общественными силами. Отсрочка суда по дѣламъ объ убійствѣ Плеве и о вооруженномъ сопротивленіи въ Варшавѣ, льготы богатымъ евреямъ, рѣчь финляндскаго генералъ губернатора, программное „интервью“ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, новыя ноты въ отражающей петербургскія „вѣянія“ печати, — вся совокупность этихъ признаковъ говоритъ за то, что мы присутствуемъ при моментѣ колебанія политики самодержавія.

Князь Оболенскій, „герой“ харьковскихъ экзекуцій, расписался въ „уваженіи къ финляндцамъ за ихъ преданность своей родинѣ и внутреннему общественному строю“, завѣрялъ, что „въ его генералъ-губернаторство вовсе не предстоитъ новыхъ мѣропріятій, измѣняющихъ уже нынѣ установленный строй общественной жизни“, выразилъ надежду, что „дѣло обойдется безъ возбужденія такихъ вопросовъ, кои могли бы взволновать умы населенія“ и, наконецъ, просилъ не судить о его особѣ по отзывамъ „русскихъ революціонеровъ“. Назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ — послѣ долгаго періода колебаній, когда рѣшался вопросъ о выборѣ между „бѣшенымъ волкомъ“ и „хитрой лисой“ — князь Святополкъ-Мірскій въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Echo de Paris“ развилъ самую очаровательную программу во вкусѣ „диктатуры сердца“. Оговорившись о „непримѣнимости“ у насъ парламентаризма, недавній — неудачный — соблазнитель сосланныхъ въ Сибирь студентовъ и „просвѣщенный“ шефъ жандармовъ обѣщалъ, что вся его дѣятельность будетъ проникнута „истиннымъ и широкимъ либерализмомъ“; земствамъ показывается перспектива самостоятельности „во всѣхъ вопросахъ, касающихся школъ, народнаго продовольствія, путей сообщенія и пр.“; подчеркивается необходимость „свободы совѣсти“, улучшенія положенія евреевъ, снисходительности къ „заблуждающейся“ молодежи и пр. и пр. Царскій „другъ“, кн. Мещерскій гремитъ противъ „громадной силы бюрократическаго полновластья“ и „считаетъ долгомъ гражданина вслухъ повѣдать“, что онъ „разувѣрился въ той оффиціально-консервативной политикѣ“, которую проводилъ Плеве; онъ протестуетъ противъ „нелѣпыхъ толковъ объ уничтоженіи земства“ и требуетъ „приближенія народа къ престолу“ и „настоящаго примѣненія самоуправленія“, словомъ, снова выдвигаетъ пустопорожній и полузабытый манифестъ 26 февраля 1903 г., какъ программу правительственныхъ дѣйствій. И въ то же время не только на страницахъ „Новаго Времени“ Столыпинъ требуетъ равноправія для евреевъ, но даже Крушеванъ „мечтаетъ о томъ великомъ днѣ, когда человѣчество перекуетъ мечи въ плуги!“

Тщетно „Московскія Вѣдомости“ съ героическимъ усиліемъ отстаивали „нашъ внутренній Портъ-Артуръ“ и требовали для него „доблестнаго защитника“; тщетно доносили онѣ на „шаткія петербургскія сферы, которыя думаютъ „спасать Россію“ посредствомъ „уступокъ“ ея злѣйшимъ врагамъ“, и даже предлагали содѣйствіе какого-то бравого писаря изъ Уфимской губерніи, заявлявшаго о своей готовности „разорвать всѣхъ анархистовъ“. Ляоянская битва рѣшила вопросъ безповоротно въ пользу „хитрой лисы“.

Мы вступаемъ въ эпоху „реформъ“. Конечно, эти „реформы“ будутъ мелочны и ничтожны; конечно, онѣ будутъ прежде всего имѣть въ виду „сохраненіе существующаго порядка“; конечно самая долговѣчность „новой эры“ будетъ зависѣть отъ сложной комбинаціи политическихъ факторовъ, отъ хода операцій на Дальнемъ Востокѣ, отъ группировки и проявленія общественныхъ силъ. Но какъ бы ни окончился этотъ первый шагъ по новому пути, одно несомнѣнно: то ослабленіе военнаго могущества царизма, которое уже достигнуто войной, финансовое истощеніе, деморализація правительственнаго механизма, подъемъ недовольства рѣшительно во всѣхъ слояхъ народа — съ неизбѣжностью, рано или поздно заставятъ царское правительство вступить все на тотъ же путь „уступокъ“. И вотъ почему, ни мало не переоцѣнивая переживаемаго момента, соціальдемократія должна отдать себѣ ясный отчетъ въ тѣхъ задачахъ, которыя поставитъ передъ нею система „реформъ“ сверху.

Не рабочему классу, конечно, ждать для себя выгодъ отъ этихъ „уступокъ“. Мы заранѣе должны сказать себѣ, что онѣ цѣликомъ будутъ направлены на созданіе союза между царизмомъ и верхушкою буржуазнаго общества. А что этотъ союзъ можетъ быть купленъ царизмомъ за весьма дешевую цѣну — въ томъ порукой вся исторія нашего либеральнаго общества. Не было еще примѣра, чтобы это общество отказывалось отъ измѣны народу даже тогда, когда предъ нимъ помахивали лишь туманными обѣщаніями „реформъ“. Тѣмъ менѣе будетъ у него причинъ хранить свою демократическую непорочность, когда въ ходъ будутъ пущены дѣйствительныя „уступки“ — мизерныя для трудящихся массъ, но весьма существенныя для дѣльцевъ буржуазнаго либерализма. Весьма характерно, что въ то время, какъ среди „хорошихъ господъ“ безвозбранно обращаются филиппики „Гражданина“ и такъ же безвозбранно ведутся разговоры о грядущемъ „обновленіи“, о необходимости „умиротворенія недовольныхъ элементовъ“, о „развитіи самостоятельности земскихъ учрежденій“, о „разумной свободѣ печати“ („Новое Время“), провинціальной прессѣ воспрещено перепечатывать „Дневники“ князя Мещерскаго. Это ограниченіе провинціальной печати, наиболѣе доступной „простому“ народу, какъ нельзя лучше подчеркиваетъ истинный смыслъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя за спиною народа готовятся среди „правящихъ классовъ“.

Уже эти первые эпизоды изъ „шатаній самодержавія“ показываютъ съ очевидностью, какова можетъ быть та „свобода“, которую — въ лучшемъ случаѣ — принесетъ стихійное вліяніе японскихъ побѣдъ. Эта свобода не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ свободой для пѣнкоснимателей буржуазнаго общества, союзомъ россійскаго царизма съ верхними десятью тысячами. Капля за каплей будетъ цѣдить самодержавное правительство свои „уступки“: сегодня льготы еврейскимъ купцамъ 1-ой гильдіи, завтра — „полная свобода“ земцевъ въ проведеніе мостовъ и дорогъ къ своимъ имѣніямъ, потомъ — „свобода печати“ для газетъ, внесшихъ крупный залогъ и т. д. и т. д. И за каждую такую крупицу реформаторской чечевицы одинъ за другимъ полными пригоршнями будутъ отдавать „высшіе“ классы свое, и безъ того не богъ вѣсть какое доброкачественное, демократическое первородство. Сегодняшній „герой“-революціонеръ, завтра будетъ казаться безпокойнымъ и безшабашнымъ искателемъ приключеній, злодѣемъ, мѣшающимъ правительству спокойно шествовать по пути „умиротворенія“; сегодняшній „младшій братъ“, „мужичекъ“, котораго кормятъ, котораго учатъ, вокругъ котораго такъ усердно хлопочутъ завтра превратится просто въ невѣжественнаго мужика, который лѣзетъ со своимъ суконнымъ рыломъ, мѣшая „хорошимъ господамъ“ созидать его счастье изъ заплаточекъ мелкихъ „уступокъ“; рабочій, къ движенію котораго всѣ стремятся примазаться, котораго такъ усердно поощряютъ къ „геройской борьбѣ“, будетъ награжденъ прозвищемъ необузданной „черни“, спящей и во снѣ видящей, какъ бы побольше произвести грабежей, пожаровъ, убійствъ. А подъ шумокъ либеральныхъ страховъ, какъ бы „неумѣренность“ не испортила дѣла и не отвратила правительство отъ его „благихъ начинаній“, все тѣснѣе и тѣснѣе будутъ льнуть къ царизму тѣ дѣльцы индустріи и финансовъ, которые, не гонясь за журавлями въ небѣ, тѣмъ больше нахватаютъ въ руки синицъ реальныхъ льготъ. И когда пройдетъ тяжелое для царизма время, когда оно такъ или иначе выпутается изъ затѣянной авантюры, мы увидимъ въ полномъ блескѣ все ту же монархію Романовыхъ, только въ дружескомъ объятіи не съ прогорѣвшимъ феодаломъ, не съ ожирѣвшимъ отъ привольной жизни попомъ, а съ вылощеннымъ на европейскій маннеръ крупнымъ коммерсантомъ. И послѣ пышныхъ иллюзій все у того же разбитаго корыта безсмысленныхъ мечтаній придется очнуться россійскому либерализму...

Незачѣмъ, конечно, говорить, что такой союзъ, влилъ новую кровь въ жилы дряхлаго царизма и мобилизовавъ противъ освободительной борьбы пролетаріата часть тѣхъ силъ буржуазнаго общества, которыя до сихъ поръ относились къ рабочему движенію пассивно, а подчасъ и съ смутнымъ сочувствіемъ, какъ къ тарану, расшатывающему устои самодержавія; незачѣмъ говорить, что такой союзъ необычайно затруднитъ нашу борьбу. А между тѣмъ онъ станетъ фактомъ при продолжающейся бездѣятельности, хотя и недовольныхъ, но безмолвствующихъ народныхъ массъ.

Только активное и сознательное вмѣшательство массъ, сдѣлавъ ихъ самостоятельнымъ факторомъ политической жизни и тѣмъ самымъ поддерживая наиболѣе прогрессивные слои самой буржуазіи, сможетъ скатить въ пропасть чуть двинувшійся камень самодержавія. При всѣхъ иныхъ условіяхъ и десятки Ляояновъ, кромѣ неисчислимыхъ жертвъ, народу ничего не принесутъ. Начало „уступокъ“ громко взываетъ ко всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ, какъ много еще предстоитъ работы, и какъ мало осталось времени.

Съ самаго начала войны лозунгомъ своимъ соціальдемократія выставила требованіе мира. Если нужно подтвержденіе, что это былъ правильный лозунгъ, мы имѣемъ тому убѣдительное свидѣтельство. „Миръ послѣ нашихъ неудачъ — наша политическая смерть“, пишетъ разоткровенничавшійся теперь „Гражданинъ“. „Наша“, т. е. самодержавія. Да, миръ — это политическая смерть самодержавія! „Миръ, заключенный подъ непосредственнымъ напоромъ народныхъ массъ, руководимыхъ соціальдемократіей“ — это побѣда пролетаріата!

Сотни тысячъ листковъ разнесли уже это требованіе мира и обличеніе всѣхъ связанныхъ съ войной безобразій самодержавія; надо, чтобы этихъ листковъ были милліоны. Рядъ рабочихъ собраній высказалъ уже свое рѣзко враждебное отношеніе къ войнѣ; надо, чтобы всѣ доступные нашему вліянію рабочіе прошли черезъ эти собранія и ясно и отчетливо продумали не только исторію возникновенія ея, не только причины пораженій, но и всѣ возможныя послѣдствія. Надо, чтобы они отдали себѣ отчетъ и въ шатаніяхъ правительства, и въ значеніи начавшихся „уступокъ“, и въ грядущемъ перемѣщеніи общественныхъ силъ. Правительство даетъ льготы богатымъ евреямъ, — надо, чтобы рабочій классъ зналъ, какое значеніе имѣютъ эти льготы для борьбы еврейскаго пролетаріата, и вмѣстѣ съ тѣмъ и для борьбы неразрывно связаннаго съ нимъ пролетаріата всероссійскаго; правительство ослабляетъ гнетъ надъ Финляндіей, — рабочіе должны оцѣнить значеніе этого политическаго акта; правительство пытается привлечь земцевъ, — взоры рабочихъ должны обратиться въ эту сторону, должны разобрать группировку общественныхъ силъ въ земствахъ, должны своимъ вмѣшательствомъ оказать давленіе на нихъ, противоставить свою организованную волю всякому шагу навстрѣчу царизму, который захотятъ сдѣлать будирующіе теперь элементы. До безконечности можно было бы умножать эти примѣры. И всѣ они въ одинъ голосъ вопіютъ о необходимости удесятерить наши усилія по вовлеченію рабочаго класса въ политическую жизнь страны. Ибо такая работа, и только она одна, создастъ возможность *сознательнаго* вмѣшательства пролетаріата, въ его классовыхъ интересахъ, въ процессъ раскрѣпощенія и освобожденія Россіи. Только она одна дастъ возможность сдѣлать и тотъ первый шагъ, который заключается въ требованіи мира.

ЦАРСКАЯ ВЕТОШЬ.

Выше закона стоящее высочайшее соизволеніе, осуществляя законодательное право верховной власти, уничтожаетъ какую бы то ни было правомѣрность нашего государственнаго порядка. Но оно же является неизбѣжнымъ коррективомъ устарѣвшаго режима. Какъ нескладная, ремесленной работы старая машина, громоздкая по размѣрамъ, слабая по производительности и полезному дѣйствію, стоитъ наша государственная система въ ряду заманчивыхъ для буржуазнаго сердца „усовершенствованныхъ“ государственныхъ механизмовъ другихъ европейскихъ странъ. Уродливое чудовище грубыми клещами административнаго, податного, воинскаго и образовательнаго аппарата захватываетъ живой человѣческій матеріалъ, рветъ и давитъ его въ процессѣ государственной работы и оставляетъ въ итогѣ ужасающую массу отбросовъ, — груды уголовной грязи, невѣроятно спутанную ткань гражданскихъ отношеній, о которыхъ даетъ только приблизительное представленіе наша юридическая и административно-полицейская примитивная статистика. Это она, эта государственная система, породила кровавую японскую войну и въ послѣдніе дни дала леденящую кровь картину, — нагромоздила десятки тысячъ тѣлъ на поляхъ Ляояна.

Все больше и больше выростаетъ передъ политически несостоятельнымъ режимомъ страшная угроза: остановятся движущіяся части гигантской машины, изломаются перержавѣвшія колеса, винтики и штанги, завязнетъ въ массѣ отбросовъ ея залитый кровью и потомъ рабочій механизмъ. И вотъ юридическая мудрость и административный инстинктъ все сильнѣе выдвигаютъ въ жизнь старинный коррективъ абсолютизма: царскую милость манифеста, царскій указъ.

Точно примитивная грязная ветошка машиннаго смазчика, появляется, отъ времени до времени, на сценѣ государственной работы въ рукахъ бюрократіи царскій манифестъ и совершаетъ надъ отупѣвшими въ атмосферѣ безправія гражданами, подъ видомъ распредѣленія „милостей“, процедуру „очистки и смазки“ — удаленія соціальной пыли и копоти, устраненія отбросовъ, распутыванія узловъ безнадежной недоимочности, установленія юридическихъ давностей.

Такимъ обильнымъ потокомъ „милостей“ пестритъ и послѣдній манифестъ, изданный 11 августа. Облегченіе по разнаго рода сборамъ, дѣлопроизводство о которыхъ въ общей своей стоимости едва ли не превышаетъ общей суммы взысканій; прощеніе штрафовъ, пеней, взыскиваемыхъ казною убытковъ, переборовъ по службѣ, возстановленіе въ правахъ пользованія легитимаціонными билетами[1]) — такова сумма „милостей“ по гражданскому кодексу, которая въ итогѣ оставитъ небольшую круглую сумму „шальныхъ денегъ“ въ рукахъ мелкой буржуазіи.

Затѣмъ категорія „уголовныхъ“ милостей, идущая навстрѣчу назрѣвшей потребности въ освобожденіи перенаселенныхъ тюремъ отъ избытка уголовнаго и „государственнаго“ элемента, навстрѣчу необходимости сократить колонизацію Сибири „врагами отечества“. Затѣмъ манифестъ подходитъ къ недоимщикамъ — кліентамъ врачебныхъ учрежденій, къ жертвамъ общественнаго долга, государственной службы, и спѣшитъ затереть досадную щель — недостатокъ организаціи общественнаго и государственнаго призрѣнія больныхъ и бѣдныхъ. Онъ складываетъ недоимки за лѣченіе въ госпиталяхъ, лазаретахъ, лѣчебницахъ и пріемныхъ покояхъ казенныхъ вѣдомствъ, принимаетъ на казну воспитаніе и обезпеченіе судьбы дѣтей офицеровъ, умершихъ отъ ранъ и болѣзней въ Японской войнѣ, назначаетъ государственную пенсію семьямъ врачей, погибшихъ въ борьбѣ съ эпидеміями.

Такъ суетливо орудуетъ всемилостивѣйшая тряпка смазчика среди грязи, крови и пота, и усердная бюрократія не безъ основанія надѣется не только расчистить свободу движеній своей машинѣ, но и заслужить, вмѣсто былого священнаго трепета народа при чтеніи манифеста съ амвона, хотя бы собачью признательность мелкаго торгаша, который со счетами въ рукахъ за конторкой станетъ разбирать статьи манифеста. И все же хозяйственный глазъ верховной власти не позабываетъ зорко слѣдить за отживаніемъ всего, что можно опять пустить въ ходъ изъ устраняемыхъ отбросовъ, и съ циничной наивностью предлагаетъ уклонившимся отъ воинской повинности финляндцамъ безъ боязни наказанія... немедля приступить къ оной, нагло приглашаетъ ссыльныхъ революціонеровъ заслужить благосклонность сибирскихъ сатраповъ и тюремщиковъ для полученія льготъ, даруемыхъ уголовнымъ преступникамъ. И хозяйскій разсчетъ оправдается, поскольку все политически негодное будетъ опять всосано самодержавной машиной для ея потребленія.

---

[1]) Дѣло идетъ всего на всего о пустячныхъ семидневныхъ билетахъ для выѣзда заграницу жителей пограничной полосы.

Но это — не главное въ манифестѣ. Это только примѣненіе стараго способа небрежной очистки государственной машины. Однако, одной такой очистки уже недостаточно. Прежде всего, искусъ войны обнаруживаетъ непригодность варварскихъ способовъ властвованія надъ народными массами. Розги, эти, по выраженію Грингмута, „законныя гарантіи“, гарантируютъ, оказывается, однимъ лишь японскимъ генераламъ забитость и тупость русскаго солдата. И вотъ отмѣняется сѣченіе розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ и инородческихъ обществъ, равно какъ сѣченіе штрафованныхъ солдатъ. Это „приспособленіе“ оказывается абсолютно негоднымъ, оно и устраняется изъ главнаго механизма, но предусмотрительно сохраняется самодержавнымъ правительствомъ, въ качествѣ терроризирующаго средства административной расправы надъ отбывающими ссылку, заключеніе и каторгу. Сѣченіе *по закону* отмѣняется. Но сѣченіе противозаконное, — въ расправахъ съ крестьянами и рабочими, — сохраняется, пока сохранена возможность *противозаконнаго управленія*.

Можно ли было въ текущемъ ремонтѣ ветхой машины ограничиться этимъ? Осталась, къ безпокойству монарха, одна важнѣйшая область государственнаго хозяйства: область фиска. И послѣднимъ въ порядкѣ исторически вынужденныхъ монаршихъ рѣшеній, однимъ изъ первыхъ — въ редакціонномъ порядкѣ манифеста — выдвигается вопросъ о реформѣ податной системы. „Желая“, гласитъ манифестъ, „нерушимо закрѣпить достигнутую (якобы „въ истекшіе годы царствованія“) правильность податного строя“. Мы, хотя и съ ущербомъ для казны, остановились на рѣшеніи совершенно сложить всѣ накопившіяся съ теченіемъ времени на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ недоимки въ выкупныхъ, земскихъ и другихъ окладныхъ сборахъ“. 124,4 милліоновъ руб. недоимокъ, включая сюда категорію „отсроченныхъ и разсроченныхъ“, 14 милл. рублей недоимокъ по земскимъ сборамъ — это тяжелое податное бремя ближайшихъ будущихъ лѣтъ. И сложеніе его походило бы на дѣйствительную милость вампира, если бы не фраза о закрѣпленіи правильности податного строя, если бы не комментаріи правительственнаго лакея „Новаго Времени“ объ установленіи фиксированнаго податного обложенія крестьянства. Вотъ гдѣ чуется не „смазка“ милостями, а основательный ремонтъ.

„Отсроченныя и разсроченныя“ недоимки являются наслѣдіемъ „эпохи реформъ“, эпохи первыхъ попытокъ передѣлки государственнаго аппарата примѣнительно къ требованіямъ капиталистическаго хозяйства. Это старый, въ одну сторону передвигаемый фискальный станокъ финансовой машины, вмѣсто новѣйшаго государственнаго механизма, описывающаго законченные циклы ежегодныхъ бюджетовъ. Но фатальная ошибка! Новыхъ частей машины нельзя придѣлать къ уродливой станинѣ. Циклическая правильность годичныхъ бюджетовъ основана на соразмѣрности государственной смѣты съ платежными силами населенія, а выступленіе Россіи на міровой капиталистическій рынокъ фиксируетъ на высокомъ уровнѣ смѣту расходовъ. Поднятіе же платежной способности нашихъ народныхъ массъ — это, прежде всего, политическій переворотъ. Поставленная въ условія современнаго мірового хозяйства, принужденная работать на міровой рынокъ, русская государственная машина оказывается непригодной — и пойдетъ на сломъ. И это неизбѣжно, несмотря на отчаянное упорство пережившей себя феодальной Россіи.

И мы уже видимъ, какъ законная историческая наслѣдница царской вотчины, россійская буржуазія, начинаетъ съ завистью посматривать на блестящія государственныя чудо-машины своихъ сосѣдей капиталистическаго міра и оглядывается съ безпокойствомъ на своего жалкаго смазчика — бюрократію, безрезультатно суетящагося вокругъ допотопнаго чудовища съ жалкой тряпкой царскаго манифеста въ рукахъ. Буржуазія не прочь помечтать о несравнимыхъ удобствахъ автоматической смазки: о государственной и общинной организаціи филантропіи; о гладкомъ ходѣ работы равныхъ для всѣхъ, „святыхъ“ буржуазныхъ законовъ. Ея воображенію рисуются незамѣнимые автоматическіе регуляторы: самоуправленіе народа, „честная“ бухгалтерія общественнаго контроля надъ финансами. И глядя, какъ дрожитъ готовое взорваться чудовище, она жадно ждетъ установки предохранительныхъ клапановъ. Успѣетъ ли во время буржуазія войти во владѣніе историческимъ наслѣдствомъ, и на мѣстѣ старой феодальной машины будетъ безъ катастрофъ установлена новая „конституціонная“, или же общій взрывъ погребетъ подъ обломками всѣ остатки былого, — во всякомъ случаѣ, дни чудовищной государственной системы сочтены, и едва ли не въ послѣдній разъ передъ глазами рабочихъ поучительно мелькаетъ старая смазочная тряпка манифеста самодержавной бюрократіи, на которой комично красуется архаическое: „Мы, божьей милостью“... и проч., и проч., и проч.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ КИШИНЕВСКИХЪ ГРОМИЛЪ.

Либеральные намеки князя Мещерскаго и Столыпина о необходимости „полегчить“ евреямъ разрѣшились указомъ 11 августа о временныхъ измѣненіяхъ въ тѣхъ „временныхъ правилахъ“, которыми вотъ уже два десятилѣтія регулируется жизнь пятимилліонной массы.

На долю Мещерскаго и Столыпина выпала задача подготовить „общественное мнѣніе“ къ мысли, что улучшеніе юридическаго положенія евреевъ не есть покушеніе на отечественные устои. И, однако, недалеко отъ насъ то время, когда циркуляры Главнаго Управленія по дѣламъ печати запрещали газетамъ, вообще, писать объ еврейскомъ вопросѣ. „Могущественнѣйшее правительство“ боялось разговоровъ объ участи обитателей черты осѣдлости. Ибо нѣтъ такого позорнаго института въ нашей „конституціи“, который не сросся бы до такой степени съ „идеей самодержавія“, что всякое посягательство на него грозитъ этому послѣднему. Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ тоже запрещалось говорить. Японскія побѣды заставили отмѣнить розгу. Онѣ же заставили прикоснуться къ насквозь прогнившему смрадному зданію „временныхъ правилъ“ о положеніи евреевъ въ государствѣ.

Какая бездна человѣческихъ страданій воплощена въ двадцатилѣтней исторіи этихъ, въ отмѣну закона, изданныхъ правилъ, къ которымъ нынѣ робко прикасаются реформаторы самодержавія! Какая масса лжи, насилія и произвола санкціонирована ими, какая полицейская коррупція разрослась на ихъ почвѣ! „Временныя правила“ съ ихъ крючкотворскими пунктами, съ ихъ недомолвками и двусмысленностями — это сущій кладъ для питающейся исторической падалью бюрократіи, которая продавала и продаетъ евреямъ „право“ на благожелательное для нихъ толкованіе въ каждомъ частномъ случаѣ того или другого параграфа. „Временныя правила“ питали и питаютъ политическое всемогущество бюрократіи и являются неизсякаемымъ источникомъ той общественной порчи, той политической азіатчины, внѣ которой не можетъ существовать режимъ самодержавія.

Не можетъ! Это хорошо понимаетъ третій изъ рептильныхъ писакъ, подготовлявшихъ публику къ „реформѣ“. Г. Суворинъ, который увѣряетъ, что онъ никогда не былъ антисемитомъ, тщится показать, что безправіе евреевъ не должно быть отмѣнено при настоящемъ режимѣ. Послѣ японскихъ побѣдъ онъ можетъ себѣ позволить роскошь выражаться такъ, чтобы допускать тотъ выводъ, что надо начать съ перемѣны режима. Послѣ японскихъ побѣдъ и Витте можетъ толковать свою знаменитую „записку“ въ томъ смыслѣ, что для рѣшенія вопроса о земствѣ надо начать съ рѣшенія вопроса о самодержавіи.

Во всякомъ случаѣ, „Новое Время“ вѣрно поставило вопросъ: разговоры „наверху“ объ „еврейской реформѣ“ имѣли и имѣютъ въ виду не болѣе, какъ улучшеніе маленькихъ недостатковъ механизма чудовищнаго безправія. Новый законъ вовсе не касается положенія милліоновъ паріевъ, ютящихся въ чертѣ осѣдлости. Все его содержаніе — въ льготахъ и изъятіяхъ по праву жительства и праву пріобрѣтенія имущества для купцовъ (*первой* гильдіи) и дипломированныхъ интеллигентовъ и ихъ семействъ. Кое-что изъ этихъ льготъ распространяется на тѣхъ солдатъ-евреевъ, которые отличатся въ нынѣшней войнѣ (на семейства убитыхъ — царское правительство экономно въ „милостяхъ“! — „благодѣяніе“ не распространяется). Это — все. Прибавьте къ этому новыя неясности и двусмысленности, дающія поводъ для кривотолкованій со стороны администраціи — а, слѣдовательно, для новыхъ вымогательствъ — и размѣръ „царской милости евреямъ“ станетъ достаточно ясенъ.

Размѣры безправія, которому подвергнуты въ Россіи *всѣ* евреи, такъ чудовищны, что приходится придавать значеніе и тѣмъ крупицамъ льготъ, которыя получаютъ нѣкоторыя, хотя бы менѣе обдѣленныя судьбой, категоріи. Но это обстоятельство не можетъ заставить насъ забыть, что тамъ, гдѣ страдаютъ отъ рабскаго безправія милліоны, облегченіе участи немногихъ тысячъ является злой насмѣшкой надъ этими милліонами. И лживымъ, купленнымъ лицемѣріемъ звучатъ рѣчи тѣхъ — болѣе или менѣе „либеральныхъ“ — газетъ, которыя привѣтствуютъ „гуманное“ начало закона, еще разъ самыми своими изъятіями санкціонирующаго безпримѣрное гражданское безправіе цѣлаго народа.

И если какое-нибудь прогрессивное значеніе имѣетъ новый законъ — это только значеніе *симптома*, симптома затруднительнаго положенія самодержавія. Это симптоматическое значеніе ярко выступаетъ передъ нами, когда мы сопоставимъ нѣсколько моментовъ въ отношеніи государства къ евреямъ въ теченіе самаго послѣдняго времени — въ теченіе періода нынѣшней войны.

Выселеніе евреевъ изъ „оккупированныхъ“ Манчжуріи и Квантуна — приказъ фонъ-Плеве (напечатанный въ свое время въ легальныхъ газетахъ) о пріостановленіи, до окончанія войны, выселенія евреевъ изъ Сибири, въ виду неудобства „возбуждать неудовольствіе населенія“ въ столь тревожное время — освобожденіе солдатъ-евреевъ отъ клейма „черты осѣдлости“: таковы три частныхъ факта, характеризующихъ пройденный путь.

Систематическій походъ на еврейскіе карманы помощью терроризаціи еврейской буржуазіи угрозой погромовъ, какъ награда за ея „анти-патріотизмъ“: помпадурскія рѣчи о недостаточной поддержкѣ евреями краснаго креста и морского фонда, газетные слухи о помощи русскихъ и американскихъ евреевъ японцамъ и т. д. и т. д. — таковъ начальный пунктъ „еврейской политики“ этого періода.

Попытка подкупить крупную и среднюю еврейскую буржуазію въ Россіи и на Западѣ нѣкоторымъ ослабленіемъ „временныхъ правилъ“ — таковъ политическій смыслъ конечнаго пункта — закона 11 августа.

Органъ берлинской биржи „Berliner Tageblatt“ настойчиво повторяетъ свой совѣтъ германскимъ капиталистамъ — не давать ни копейки русскому правительству, пока оно не введетъ „реформъ“. Хладнокровно взвѣшиваетъ всемірная плутократія шансы дальнѣйшаго существованія царизма, и — черезъ два слова въ третье — напоминаетъ Россіи: „Кишиневъ!“. „Геніальный“ шахматный ходъ фонъ Плеве сорвалъ всѣ покровы съ государственнаго организма Россіи, и заставилъ задуматься финансовую плутократію Европы и Америки. „Еврейскій вопросъ“, какъ частная форма русской азіатчины, всталъ на первый планъ. И чѣмъ болѣе, въ ходѣ „міровой политики“ самодержавія, оно все болѣе и болѣе загоняется въ тупой переулокъ, откуда нѣтъ выхода съ его обычными ресурсами, — тѣмъ болѣе зловѣщій призракъ кишиневскихъ жертвъ встаетъ передъ нимъ, преграждая дорогу къ денежнымъ сундукамъ „евреевъ внутреннихъ и внѣшнихъ“. И въ привычныхъ надменныхъ звукахъ барскаго голоса нашихъ самодержцевъ вы уже слышите грубо-просительныя ноты: „жидъ, выручай!“.

Предстоящій внѣшній, а можетъ быть, и внутренній заемъ — вотъ о чемъ говоритъ намъ законъ 11 іюня. Жидъ, выручай! кричитъ самодержавіе еврейской буржуазіи[1]) Не надо быть близко знакомымъ съ „естественной исторіей“ этой разновидности всемірной породы эксплуататоровъ, чтобы не сомнѣваться, что она откликнется на этотъ призывъ. Тѣмъ болѣе, что либеральныя рептиліи сладко шепчутъ: вѣдь это только начало! Да, только начало, за которымъ — продолженіе слѣдуетъ! Это продолженіе не заставило себя долго ждать. 11 августа подписанъ новый законъ. 22 августа одновременно вспыхнули еврейскіе погромы въ Ровно и Смѣлѣ, на сей разъ быстро прекращенные энергіей полиціи и войска. Черезъ нѣсколько дней болѣе грозный погромъ вспыхнулъ въ Сосновицахъ. „Только“ нѣсколько десятковъ евреевъ ранены. Медовый мѣсяцъ былъ въ самомъ разгарѣ, а уже обозначилась оборотная сторона только что отчеканенной медали. И на этой сторонѣ уже выступаютъ зловѣщія буквы: Кишиневъ! Въ азартной игрѣ запутавшагося царизма всякая новая карта моментально оказывается битой.

Смыслъ событій очевиденъ, онъ бьетъ въ глаза. Вопросъ о правѣ милліоновъ на гражданское существованіе не можетъ быть ни разрѣшенъ, ни смягченъ маленькими поправками къ чудовищнымъ законамъ. Въ еврейскихъ погромахъ — этомъ періодическомъ явленіи русской жизни — символизируется коренная ненормальность положенія пятимилліоной массы бѣдняковъ, лишенныхъ элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ. Въ нихъ символизируется также вся азіатская сторона русской политической жизни, одичаніе остающихся внѣ русла революціоннаго обновленія люмпенскихъ и мелкобуржуазныхъ слоевъ народа.

---

[1]) Особенный пунктъ въ указѣ посвященъ льготамъ для гг. „мануфактуръ и коммерціи-совѣтниковъ“ изъ евреевъ, т. е. подлинной еврейской плутократіи — для „бароновъ биржи“.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Съ дороги.

Нашъ отъѣздъ изъ Сибири, видимо, совершался подъ счастливой звѣздой. Лишь только сѣли въ вагонъ, какъ пассажиры, купившіе на ближайшей станціи газеты, сообщили: „министръ внутреннихъ дѣлъ убитъ“. Туалетъ, да и вообще положеніе не вполнѣ легальныхъ путешественниковъ не позволяли болѣе или менѣе открыто проявлять себя и выражать такъ или иначе свое отношеніе къ полученному извѣстію, про себя только невольно подумалось: „слава богу, убили таки эту бѣшенную собаку!“.

Прислушиваешься къ разговорамъ. Не смотря на то, что публика ѣдетъ самая разнообразная, всѣхъ объединяетъ одна общая тема — война. Воздухъ насыщенъ войной. Всѣ разговоры ведутся о послѣднихъ „побѣдахъ“ и пораженіяхъ, о положеніи нашихъ войскъ въ Портъ-Артурѣ, Владивостокѣ. Съ разныхъ концовъ слышатся отрывки фразъ: „Куропаткинъ приказалъ... Двинули войско... Мобилизація... Японцы... Портъ Артуръ“... и т. д., и т. д.

Вотъ два, повидимому, торговца или прикащика изъ Портъ-Артура. Бомбы и разрывные снаряды заставили ихъ, забывъ всю прелесть легкой наживы, покинуть благодатный Дальній Востокъ и утечь во-свояси. Одинъ добрался до Чифу на китайской джонкѣ и только оттуда болѣе обыкновеннымъ способомъ. На лицахъ и во всей посадкѣ этихъ господъ чувствуется какой-то „азіатскій“ отпечатокъ. Это — первые, наиболѣе многочисленные носители „европейской“ культуры въ Азіи. Тотъ, что постарше, тертый гусь; виды онъ видалъ самые разнообразные, обо всемъ имѣетъ свое мнѣніе, которое высказываетъ съ удивительнымъ апломбомъ. „Плеве убили, — это, знаете ли, хорошо, — повѣтствуетъ онъ, — строгій былъ очень, ну и, конечно, студенты его убили. Для насъ, торговыхъ людей, онъ ничего былъ, а студентамъ насолилъ сильно, вотъ они его и прикончили“. Со стороны невольно удивляешься и даже завидуешь тому, какъ „свободно“ этотъ субъектъ произноситъ такія страшныя слова. Впрочемъ, онъ съ одинаковымъ увлеченіемъ ведетъ разговоръ какъ о Плеве и причинахъ его убійства, такъ и о привлекательныхъ качествахъ японскихъ гейшъ и о прочихъ прелестяхъ Манчжуріи. Какой-то расслѣвающей гнилью несетъ отъ этого человѣка. Чувствуешь, что кромѣ жажды легкой наживы и удовлетворенія своихъ животныхъ инстинктовъ, имъ не руководитъ никакое иное побужденіе. Она, эта жажда наживы, загнала его туда, на Дальній Востокъ, заставила до послѣдней минуты оставаться въ осажденномъ городѣ. „Сто на сто, знаете ли, наживали нѣкоторые, а иные и больше; у меня у самого, вѣдь, магазинъ въ Портъ-Артурѣ былъ“. И эта гниль, эти хищники крупнаго и мелкаго калибра жили и дѣйствовали тамъ на Востокѣ, внося всюду въ сферу своего вліянія ядъ разврата и беззастѣнчиваго хищничества, которымъ до мозга костей пропитаны они сами.

„У насъ, знаете ли, въ Манчжуріи очень просто. Теперь новый бракъ очень распространенъ „по манчжурски“. Сошлись мѣсяца на два, на три, потомъ онъ ее броситъ или она уйдетъ. Чаще, конечно, первое бываетъ. Спросишь иной разъ кого-нибудь: „вы женаты?“, — „Да, женатъ, „по манчжурски“. На Дальнемъ Востокѣ представителямъ русской культуры, видимо, очень быстро прививались восточные взгляды. Впрочемъ, и школа, ими проходимая, особенно въ послѣдніе мѣсяцы, когда началась бомбардировка Портъ-Артура, была чисто азіатская. Не подтверди „показаній“ краснорѣчиваго торговца еще нѣсколько ѣхавшихъ въ одномъ съ нами вагонѣ портъ-артурцевъ, никогда бы нельзя повѣрить, что онъ говоритъ правду. Торговый человѣкъ, шутя, разсказалъ нѣсколько характерныхъ исторій. „У насъ генераломъ Стесселемъ очень недовольны, свою власть ужъ очень проявляетъ. Завелъ теперь моду: европейцевъ, — русскихъ, значитъ, за всякую провинность пороть[1]). Онъ каждый день на своей сѣрой кобылѣ по городу съ двумя казаками ѣздитъ, за порядкомъ, видите ли, наблюдаетъ, а больше смотритъ, не найдется ли такого, кто ему при встрѣчѣ не поклонится или просто не замѣтитъ. Бѣда тогда. Сейчасъ остановитъ, кто такой, имя-фамилію спроситъ, а потомъ и отправитъ куда слѣдуетъ съ запиской: всыпать такому то штукъ 25 30 горячихъ. И не то, чтобы такъ, мужика или рабочаго, выпорютъ, — и чиновникамъ не разъ перепадало, которые не изъ крупныхъ! Просто бѣда. Еще, пожалуй, съ рабочими труднѣй такую штуку выкинуть. Сейчасъ въ Портъ-Артуръ изъ Петербурга много рабочихъ пріѣхало, тѣ, небось, себя въ обиду не дадутъ, народъ бывалый, такъ иной разъ и генералъ самъ ни съ чѣмъ отъѣдетъ, развѣ что на земляныя работы пошлетъ. Ужасно скверный человѣкъ, — резюмируетъ „торговый человѣкъ“ свои воспоминанія о Стесселѣ, — очень его портъ артурцы не любятъ. И къ торговымъ людямъ никакого уваженія нѣтъ. То ли дѣло, господинъ Ф. (назвалъ какую то фамилію) былъ, вѣжливый, деликатный; все для васъ готовъ сдѣлать. У меня, знаете ли, въ магазинѣ китаецъ прикащикомъ служилъ. Такъ, ничего себѣ, малый, расторопный, вѣжливый. Только прихожу разъ въ магазинъ, — нѣтъ моего китайца. Жду-пожду — нѣтъ. Въ магазинѣ все цѣло, а китайца нѣтъ. Явился на другой день пьяный. Сейчасъ же за работу принялся. Ну нѣтъ, думаю, голубчикъ, я тебя проучу, ты у меня будешь помнить. Сейчасъ же пишу записку генералу Ф.[2]): такъ и такъ, прошу примѣрно наказать китайца за самовольную отлучку. Съ этимъ народомъ иначе нельзя. Распустишь, потомъ бѣда — ничего знать не хотятъ. Вообще, съ китайцами у насъ не церемонятся. Много ихъ очень и дешевы. Онъ вамъ за грошъ готовъ, какъ волъ, работать. Ну-съ, посылаю, значитъ, записку съ этимъ самымъ китайцемъ. И сейчасъ же, моментально генералъ мою просьбу исполнилъ, приказалъ всыпать, сколько слѣдуетъ. Китаецъ мой домой, какъ встрепанный вернулся и послѣ ужъ не отлучался, — съ торжествомъ закончилъ торговецъ. А ужъ отъ Стесселя такой любезности не жди. Будь вы хоть купецъ первой гильдіи, за простое спасибо онъ вамъ ничего дѣлать не станетъ; за все пожалуйте вещественную благодарность. Въ Портъ Артурѣ у меня магазинъ дамской и дѣтской обуви былъ. Просилъ я, какъ война началась, пока еще можно было, разрѣшить вывезти товаръ изъ города. Нѣтъ, не позволилъ, говоритъ — для нуждъ мѣстнаго населенія понадобится. Это обувь то дѣтская, когда и ребятъ всѣхъ изъ города вывезли. А по сосѣдству изъ колоніальнаго магазина нѣсколько сотъ пудовъ консервовъ отправили подъ шумокъ въ безопасное мѣсто, кажется, ужъ они не нужны ли для населенія! Вездѣ, конечно, смазка нужна, — замѣчаетъ коммерсантъ. — ну, я и сглупилъ“.

Дальше онъ переходитъ на свою любимую тему — клубничку. Распространяется о ней съ наслажденіемъ и азіатской откровенностью. Слушать становится окончательно противно. Хорошо, что на ближайшей станціи онъ выходитъ. Вотъ онъ „единый изъ малыхъ сихъ“, одинъ изъ безчисленнаго полчища алчнаго воронья, налетѣвшаго съ матушки Россіи въ Манчжурію, почуявъ добычу. Они, дѣйствительно, внесли совсѣмъ особую новѣйшую культуру въ среду „варварской“ желтой расы. Генералы Стессели, пользующіеся данной имъ въ военное время неограниченной властью для того, чтобы возстановить дикія времена аракчеевщины и бироновщины, „симпатичные“ генералы Ф., которые, въ угоду „торговому человѣку“, готовы вернуть давно минувшія, но, увы, далеко еще не забытыя времена крѣпостного права, благо китаецъ невзыскателенъ и дешевъ очень, „манчжурскій“ бракъ... И надъ всѣмъ этимъ процентикъ „100 на 100, а то иной разъ и полтораста на сто“. Этотъ, только что вышедшій изъ вагона торговый господинъ — яркій представитель тѣхъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, ради поддержанія интересовъ которыхъ на Дальнемъ Востокѣ наши войска совершаютъ такія славныя „побѣды“, ради которыхъ „русскій богатырь вышелъ на поединокъ съ желтолицымъ пигмеемъ“.

На каждомъ разъѣздѣ, на каждой станціи стоятъ воинскіе поѣзда. Все везутъ, везутъ туда на Востокъ, въ защиту колупаевскихъ, разуваевскихъ и „романовскихъ“ интересовъ сотни, тысячи солдатъ.

Больше запасныхъ. Вотъ прошла самарская, пензенская, новгородская губерніи. Тамъ москвичи, кіевляне... Конца краю нѣтъ поѣздамъ грузнымъ, тяжелымъ, въ полсотню вагоновъ.

---

[1]) Этотъ невѣроятный фактъ, — что „геройское населеніе“ „Новаго Севастополя“ подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ по прихоти грубаго солдата, — опубликованъ теперь въ „Новомъ Времени“, въ бесѣдѣ одного изъ лицъ, бѣжавшихъ изъ Портъ-Артура. По его разсказамъ, сѣкутъ за „малѣйшее нарушеніе“ такихъ распоряженій, какъ приказъ не выходить изъ домовъ послѣ 8-ми час. вечера и не зажигать у себя огней. Ред.

[2]) Кажется Флугъ, если я не ошибаюсь.

политическая тупость массы провинціальной „интеллигенціи“ и буржуазіи, разъѣдающая населеніе казенная идеологія человѣконенавистничества. Погромы въ Смѣлѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ „Новое Время“: *что еврейское безправіе и питаемые имъ „погромы“ являются составной частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ.* Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ „временныхъ правилъ“ не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю русскую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть „жидомъ“, существомъ, подлежащимъ періодической „встряскѣ“ погромовъ — для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова „еврей“. А это невозможно безъ коренной ломки того строя, на которомъ красуется потертая вывѣска: „самодержавіе, православіе и народность“.

Погромы въ Смѣлѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаетъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и издѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и разселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или менѣе прочными положеніями закона. Болѣе того: изъимая изъ подъ дѣйствія повседневнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи — для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой „царской казны“ — самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на потокъ и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе самодержавіе и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, оно, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, оно будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собой его буржуазную часть толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ на вѣки Кишиневскіе ужасы.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА „БУНДА“.

Нѣтъ ничего болѣе принижающаго, какъ духъ приходскаго самодовольства.

Группа людей, замкнувшаяся въ узкой чертѣ идейной осѣдлости, живетъ одними и тѣми же приходскими интересами, вращается неизмѣнно въ кругу однихъ и тѣхъ же понятій и психологическихъ ассоціацій и вырабатываетъ, въ концѣ концовъ, свой обиходный жаргонъ, позволяющій членамъ секты понимать другъ друга съ полуслова и какъ бы создающій вокругъ нихъ непроницаемый панцырь. Нѣкоторыя слова наполняются для нихъ мистическимъ содержаніемъ, совершенно недоступнымъ тому, кого не захватила и не поработила сектантская атмосфера; одинъ какой-нибудь предметъ олицетворяетъ собою въ ихъ сознаніи начало всякаго блага, источникъ истины и нравственнаго энтузіазма; въ противовѣсъ этому, другой предметъ сосредоточиваетъ въ себѣ для нихъ все темное, злое, уродливое и отверженное изъ міра личнаго и общественнаго. Нарушаются всякія перспективы и пропорціи: малое кажется грандіознымъ, великое — ничтожнымъ. Все человѣчество представляется однимъ коллективнымъ илотомъ, котораго исторія напоила, чтобъ ярче оттѣнить рядомъ съ его безобразіемъ внутреннюю красоту маленькаго мірка.

И когда кому-нибудь изъ этого микрокосма случится выставить наружу свою голову и увидѣть, что дѣлается въ великомъ божьемъ мірѣ, какіе тамъ вопросы, какіе интересы, какая суматоха, онъ презрительно покачаетъ головой и, мудрый приходской мудростью, изречетъ: „*У насъ* этого нѣтъ и — быть не можетъ!“

Спросите его: *почему?* и онъ въ отвѣтъ вамъ скажетъ: „Потому что мы — *Бундъ*“.

Вотъ, оно вѣщее, магическое, всеразрѣшающее слово: *Бундъ!*

Какъ и всякимъ фанатизированнымъ приходскимъ патріотамъ, „бундистамъ“ ихъ „община“ кажется не продуктомъ историческаго развитія, а разъ навсегда даннымъ, законченнымъ воплощеніемъ истины.

Въ самомъ дѣлѣ.

Бундъ выросъ въ той же общественной обстановкѣ, въ которой выросли мы, питался одной съ нами политической культурой, развивался на одной и той же литературѣ... Но въ то время, какъ мы оставили позади нѣсколько „періодовъ“, изъ которыхъ каждый, являясь шагомъ впередъ въ нашемъ движеніи, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои односторонности и уродства, — Бундъ все время былъ вѣренъ себѣ, не зналъ ошибокъ, односторонностей, противорѣчій развитія, — не впадалъ ни въ „экономизмъ“, ни въ „политицизмъ“, — и если ему не удавалось удерживать на надлежащей высотѣ всю Партію, то самъ онъ всегда стоялъ на почвѣ строго марксистской программы... „Бундъ“ превращается, такимъ образомъ, въ загадочное явленіе совершенно необъяснимое матеріалистическимъ методомъ... Извѣстное четверостишіе Тютчева можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ мистическомъ отношеніи къ судьбѣ собственной организаціи, которое проявляютъ многіе товарищи изъ „Бунда“:

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
У ней во всемъ иная стать, —
Въ Россію можно *только вѣрить*...

Именно: только вѣрить!

Въ Партіи шли непрерывныя шатанія. На смѣну одностороннему „экономизму“, явилась „Искра“, „которая проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Старую „Искру“ смѣнила новая, которая „старательно пережевываетъ то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили“ экономисты („Вѣстникъ Бунда“, № 4).

А во время этихъ шатаній, причинившихъ много бѣдъ россійскому пролетаріату, одна изъ его частей, пролетаріатъ еврейскій, неуклонно шелъ по соціальдемократическому пути, — Ц. К. Бунда увѣренной рукой велъ свой избранный народъ. И этотъ фактъ представится намъ тѣмъ болѣе чудеснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводского пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціальдемократіи, вслѣдствіе чего Бундъ сосредоточиваетъ свои революціонныя усилія на ремесленныхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ, вообще, очень живуча мелкобуржуазная психологія; если мы вспомнимъ, далѣе, что политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ, концентрирующихъ умственную и политическую жизнь, придающихъ движенію оформленность и ясность; наконецъ, что надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* самосознанія пролетаріата.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ препятствій, дѣятельность Бунда не можетъ не натакиваться на то основное затрудненіе, передъ которымъ снова и снова останавливается въ раздумьи наша Партія. Дѣйствительная классовая политика пролетаріата можетъ развернуться лишь тогда, когда буржуазія является не только экономически эксплуатирующей, но и политически правящей силой. При отсутствіи этого второго условія, стремленіе сохранить „чисто-классовый“ характеръ движенія можетъ приводить, какъ мы знаемъ изъ исторіи нашей Партіи, къ отказу отъ „политики“, и наоборотъ: переходъ къ политикѣ можетъ сопровождаться разрывомъ съ ея классовыми основами.

Отдали ли руководящіе элементы Бунда себѣ самимъ отчетъ въ этомъ противорѣчіи, опредѣлявшемъ до сихъ поръ всѣ внутреннія тренія въ Россійской Соціальдемократіи? Какими тактическими пріемами они преодолѣли его? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ товарищи изъ Бунда, осуждающіе и „экономизмъ“ „Рабочаго Дѣла“ и „политическій радикализмъ“ старой „Искры“ и подновленный „экономизмъ“ „Искры“ новой, не дали намъ ни одной теоретической страницы, которая показала бы или хотя бы лишь намекнула намъ, *какъ* подлинные соціальдемократы справляются съ коренными вопросами пролетарской борьбы, и облегчила бы намъ, филистимлянамъ, нелегкій трудъ тактическихъ исканій.

Обращаясь къ тѣмъ товарищамъ изъ Бунда, которыхъ приходскій патріотизмъ не дѣлаетъ слѣпыми и глухими, мы спрашиваемъ ихъ со всей серьезностью: какой кругъ идей питалъ васъ въ тѣ дни, когда мы, въ лицѣ теоретиковъ „экономизма“, обрѣзывали крылья марксистской доктрины, или тогда, когда мы, по вашимъ словамъ, принимали идеи вульгарнаго радикализма за идеи соціальдемократіи; какой кругъ идей питаетъ васъ, товарищи, сегодня, когда мы, по вашему мнѣнію, только „пережевываемъ“ то, что говорили отвергнутые нами вчера „экономисты“?

Вы, можетъ быть, попытаетесь отвѣтить, — въ частныхъ разговорахъ намъ приходилось слышать это возраженіе, — что вы *непосредственно* соединяете еврейскій пролетаріатъ съ источникомъ международной соціалистической мысли, и, такимъ образомъ, остаетесь въ сторонѣ отъ нашихъ „отечественныхъ“ ошибокъ, шатаній и прегрѣшеній. Но такой отвѣтъ лишенъ малѣйшей тѣни убѣдительности. Въ какой области происходятъ всѣ наши ошибки, шатанія и прегрѣшенія? Въ области *примѣненія къ русской общественно политической обстановкѣ* обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта мірового соціалистическаго движенія. Невозможно непосредственно связать революціонную практику россійскаго пролетаріата или его части съ международнымъ соціализмомъ, минуя область тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены и брошюра „Объ агитаціи“, и „Credo“, и извѣстное приложеніе къ „Рабочей Мысли“, и статьи „Рабочаго Дѣла“, и брошюра „Что дѣлать?“ и нынѣшнія произведенія „меньшинства“. Что дали въ этой области вы, товарищи? Ничего, ровно ничего, кромѣ популяризаціи мыслей и взглядовъ этой самой литературы, — на чемъ же основано ваше право клеймить ее, какъ прокаженную? Ни на чемъ! Объ этомъ громко и внятно для всѣхъ, кого приходскій патріотизмъ не сдѣлалъ совершенно глухимъ, кричитъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ вашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ тѣ или другіе принципіальныя ошибки и грѣхи нашей Партіи выносятся на позорище лишь послѣ того, какъ мы уже преодолѣли эти грѣхи и успѣли, въ процессѣ борьбы съ ними, нажить новые, которые вы начнете, въ свою очередь, шельмовать лишь тогда, когда мы сами разъяснимъ вамъ ихъ внутреннюю природу.

Да и не можетъ быть иначе, ибо, хотя и много есть исключительныхъ законовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, но исключительный законъ политическаго развитія *для нея* не созданъ... Бундъ — реальный и историческій Бундъ, а не продуктъ сектантской мистики — проходилъ черезъ тѣ же стадіи, что и вся Партія. Правда, онъ не зналъ такого уродства, какъ „Credo“, и не вырабатывалъ еретическихъ теорій объ отношеніи „стихійности“ и „сознательности“, — но вѣдь, и Екатеринославскій Комитетъ не создавалъ своего „credo“, и Кавказскій Союзъ не писалъ брошюры „Что дѣлать?“ — не потому, что Екатеринославъ и Кавказъ были въ свое время выше этихъ произведеній, но исключительно потому, что „Credo“, и „Что дѣлать?“, и „Письмо къ товарищу“ представляютъ собою продуктъ всего движенія въ цѣломъ, включая сюда и Екатеринославъ, и Кавказъ, и „Бундъ“. Другими словами, Бундъ не имѣлъ своихъ *собственныхъ* теоретическихъ грѣховъ постольку, поскольку онъ вообще не впадалъ въ первородный грѣхъ *самостоятельнаго* познанія добра и зла.

Если бы наше матеріалистическое пониманіе политическаго развитія не исключало для насъ a priori возможности вѣрить въ то, что „Бундъ“ сумѣлъ, совершенно независимо отъ общаго политическаго состоянія Россіи и, въ частности, отъ уровня политическаго развитія россійскаго пролетаріата, сразу построить въ чертѣ еврейской осѣдлости подлинно-пролетарскую тактику, питающуюся безукоризненной научно-соціалистической идеологіей; еслибы даже, говоримъ мы, марксизмъ не вытравилъ изъ насъ безслѣдно вѣры въ историческія чудеса, мы могли бы оспорить утвержденіе о врожденной непогрѣшимости теоретиковъ и практиковъ Бунда и объ ихъ независимости отъ общепартійной литературы на основаніи данныхъ документальнаго характера.

Въ январѣ 1903 года, т. е. черезъ два года послѣ появленія „Искры“, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода брошюры „Что дѣлать?“, изданъ былъ Бундомъ переводъ статьи изъ № 28 „Arbeiterstimme“: „Наша ближайшая организаціонная задача“. Вотъ что въ этой статьѣ писалъ Ц. О. Бунда.

„Задачи профессіональнаго движенія далеко не исчерпываютъ соціальдемократической программы, поэтому, при наличности тѣсной связи нашихъ организацій съ профессіональными союзами, ихъ дѣятельность не можетъ отличаться соотвѣтствующимъ нашей программѣ широкимъ размахомъ. Вниманіе ихъ отвлекается отъ соціальдемократическихъ задачъ. Эти задачи незамѣтно отступаютъ на задній планъ, и ихъ мѣсто занимаютъ исключительно интересы профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ, характеръ нашей работы суживается и принижается.“ (Стр. 10). Вся, вообще, статья, представляющая ученическое переложеніе тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ брошюры: „Что дѣлать?“, заканчивается такими соображеніями:

„Даже въ политически свободныхъ странахъ революціонныя партіи не объединяютъ ни всей массы, ни даже значительной части ея; онѣ состоятъ изъ относительно небольшого числа революціонеровъ. Партіи во всѣхъ странахъ образуютъ лишь передовые слои пролетаріата и интеллигенціи. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *на ряду съ массовымъ движеніемъ*, должна существовать крѣпкая *революціонная организація*, которая умѣла бы всегда придавать движенію революціонный характеръ. — Наша революціонная организація, нашъ „Бундъ“ долженъ состоять прежде всего изъ революціонеровъ. Вотъ къ чему мы должны стремиться, вотъ въ чемъ наша ближайшая задача“ (стр. 15, курсивъ автора). Ц. О. Бунда констатируетъ, такимъ образомъ, у себя тѣ же недочеты, отъ которыхъ страдала вся Партія. Указывая средства углубленія и расширенія работы по книжкѣ „Что дѣлать?“, Ц. О. Бунда перенимаетъ у т. Ленина всѣ его принципіальные грѣхи: сознательное или безсознательное отож-

---

окрашенныхъ въ мрачный темно-красный цвѣтъ, — цвѣтъ запекшейся крови. Изъ открытыхъ дверей смотрятъ задумчивыя, пытливыя, печальныя лица. „Нѣтъ ли газетки, дайте почитать, новенькой нѣтъ ли?“ — спрашиваютъ. Бросаешь или подаешь изъ окна газету, ее чуть не разрываютъ на части, такъ много охотниковъ почитать, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а главное на войнѣ. Всѣ они давно уже изъ дому, уже не первую недѣлю въ дорогѣ. Вѣстей ни откуда нѣтъ. „Что дома дѣлается, — думаетъ каждый, — какъ тамъ на войнѣ наши управляются“. И съ жадностью слушаетъ цѣлый вагонъ чтеца, монотоннымъ голосомъ читающаго правительственныя телеграммы, написанныя такимъ варварскимъ языкомъ, что только общими силами, и то не всегда, удается выудить изъ нихъ окончательный смыслъ: „наши отступили, изъ строя выбыло столько то“. На душѣ становится еще тяжелѣе.

— „Вы откуда будете?“ — „Самарскіе“. — „Земляки, значитъ“. — „Какого уѣзда?“ — „Что, домой отправляетесь? Кланяйтесь тамъ нашимъ, можетъ быть, увидите. А въ вашемъ поѣздѣ раненыхъ нѣтъ?“ — слышится перекрестный разговоръ. „Вонъ тамъ, въ переднемъ вагонѣ, словно ѣдетъ какой то“. У передняго вагона собралась уже цѣлая толпа солдатъ изъ воинскаго поѣзда, а изъ окна, жестикулируя и повысивъ голосъ, передаетъ свои военныя впечатлѣнія раненый солдатикъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но вотъ свистокъ воинскому поѣзду. „Эй, вы, садись, сейчасъ поѣдемъ!“ — кричатъ офицеры и унтеры. Поѣздъ медленно трогается. Изъ дверей вагоновъ густо, густо выставились головы солдатъ. „Прощайте, голубчики, будьте здоровы“ — раздается изъ пассажирскаго поѣзда, и это простое обычное привѣтствіе, которое произносишь обыкновенно, не вдумываясь въ его смыслъ, теперь какъ-то странно звучитъ въ ушахъ. Много ли изъ этихъ сотенъ живыхъ, здоровыхъ людей вернутся домой дѣйствительно здоровыми?...

„Голубчики мои, — вздыхаетъ сосѣдка моя, простая баба, — на убой, вѣдь, везутъ миленькихъ. У насъ на Дону такъ вотъ барановъ возятъ на бойню въ городъ. Натолкаютъ полонъ вагонъ, запрутъ и везутъ. И куда, зачѣмъ ихъ везутъ, въ даль такую?“.

Патріотическихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно въ вагонѣ. Только одинъ старецъ, захудалый чиновникъ или писарь, что-то поминаетъ о царѣ и отечествѣ, но его слова тонутъ незамѣченными въ общемъ сосредоточенно мрачномъ настроеніи. Слишкомъ бьетъ въ глаза полная безсмысленность этой проклятой войны, слишкомъ подавляетъ зрѣлище ѣдущихъ на убой сотенъ здоровыхъ, полныхъ силъ людей, которыхъ слѣпая, безсмысленная, прогнившая насквозь, но сильная своей величиной громада, именуемая самодержавіемъ, оторвала отъ родныхъ гнѣздъ, семей и занятій и толкнула куда-то въ невѣдомую даль для кровавой схватки съ такими же молодыми, миролюбивыми въ обычное время людьми, иной только расы, съ инымъ цвѣтомъ кожи. Воинскіе поѣзда становятся какимъ-то кошмаромъ. Они встрѣчаются намъ на ходу днемъ и ночью, стоятъ на станціяхъ, разъѣздахъ... И вездѣ васъ провожаютъ одни и тѣ же возгласы: „кланяйтесь нашимъ!“, а въ отвѣтъ звучитъ: „будьте здоровы!“. Вездѣ встрѣчаетесь вы съ вопросительно печальными взглядами: что тамъ на войнѣ слышно? Слова безсильнаго проклятія замираютъ на вашихъ устахъ. „Проклятье тебѣ, королю всѣхъ счастливыхъ!“...

* * *

Въ поѣздѣ ѣдетъ на казенный счетъ домой много женъ запасныхъ солдатъ, которыхъ забрали въ мобилизацію. Противъ меня сидитъ понурая беременная баба. Оказывается, — тоже солдатка. Возвращается домой въ Томскую губернію. „Мужа забрали, запасный онъ, а мнѣ билетъ выдали безплатный, вотъ и ѣду. Да вишь ты, обѣщали по 40 коп. въ день кормовыхъ выдавать во время дороги; говорили, на большихъ станціяхъ нужно къ воинскому начальнику обращаться, — онъ выдастъ, а гдѣ его тутъ искать, начальника-то. Такъ вотъ и ѣдешь, послѣдніе гроши проѣла. А еще отъ Томска на пароходѣ сколько ѣхать, не знаю, какъ и быть. Въ Иркутскѣ ходила къ воинскому начальнику, говоритъ: „не мое дѣло“. Такъ видно плакали мои денежки“. Солдатокъ ѣдетъ много изъ разныхъ концовъ Сибири, гдѣ мужья ихъ были на заработкахъ, такъ что, если гг. „начальники“ съ каждой въ день „съэкономятъ“ 40 к., въ общемъ, соберется довольно кругленькая сумма. Одна моя знакомка „скопила“ имъ за свою дорогу уже восемь рублей. „Мы въ Благовѣщенскѣ съ мужемъ жили. Онъ какъ кончилъ службу, домой не поѣхалъ. Думали въ городѣ остаться, заробить кой что. Да какое тутъ. Еще съ осени, вѣдь, объявили, чтобы запасные никуда не отлучались и чтобы ихъ на большія работы не нанимали, дескать, во всякое время потребовать могутъ. Ну, какъ мужъ придетъ куда наниматься, видятъ по паспорту, что запасный, нѣтъ, говорятъ, намъ такихъ не надо. Такъ и жилъ поденщиной. А на этомъ много ли заработаешь, коли запасныхъ въ городѣ, можетъ, не одна сотня скопилась. Перебивались съ хлѣба на воду, а теперь на дорогу послѣднее извела“, — закончила баба, безпомощно понуривъ голову и уныло осматривая свои узлы съ домашнимъ скарбомъ, въ которомъ заключалось все ея достояніе. Э-эхъ! Мало словъ, а горя рѣченька...

* * *

На большихъ станціяхъ стоятъ санитарные поѣзда, везущіе съ востока раненыхъ. Поѣзда поражаютъ непривычный глазъ своимъ блескомъ, чистотой, изяществомъ. Изъ оконъ выглядываютъ изящно завитыя головки сестеръ милосердія съ краснымъ крестомъ на груди. Кажется, вотъ ужъ гдѣ хорошо, тепло, мягко, покойно. Однако, такъ кажется только на первый взглядъ. Раненымъ солдатамъ прежде всего не хватаетъ воздуху. Не смотря на то, что поѣзда на станціяхъ стоятъ томительно долго, ихъ не выпускаютъ изъ вагоновъ. Многіе прекрасно могутъ ходить, не боясь повредить своей ранѣ, убѣдительно просятъ выпустить ихъ, погулять хоть немножко, — ничто не помогаетъ; офицеры приказываютъ сидѣть по вагонамъ. „Не хотятъ, видишь ты, — объяснилъ мнѣ одинъ раненый, — чтобы мы съ встрѣчными солдатами разговаривали. Тѣ, какъ увидятъ, кто съ войны возвращается, сейчасъ обступятъ, какъ, да что, каково на войнѣ было, Ну, а мы, извѣстно, много кое чего поразсказать могли бы: и про японца этого самаго, и про своихъ офицеровъ, и про пищу солдатскую. Въ одномъ мѣстѣ намъ не одинъ день подрядъ, вмѣсто хлѣба печеннаго, сырую муку выдавали, по два фунта на брата, что хочешь съ ней, то и дѣлай... Ну, вотъ видите, легокъ на поминѣ! Вонъ ужъ унтеръ несется сюда, сейчасъ въ вагонъ погонитъ. До свиданья!

— Эй, ты, лазаретный, что тамъ разболтался? Какъ смѣешь выходить, когда не приказано! Маршъ въ вагонъ!...

* * *

Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣдетъ цѣлая партія нѣмецкихъ матросовъ съ торговаго судна, привезшаго уголь во Владивостокъ или Портъ-Артуръ. Всѣхъ ихъ теперь на казенный счетъ отправляютъ черезъ Сибирь и Россію на родину. Правительство наше платитъ имъ суточныхъ 3 4 рубля каждому, капитану и старшимъ значительно больше. Всѣхъ ихъ около 70 человѣкъ и въ дорогѣ только до Петербурга они пробудутъ дней около 40. Дѣлаешь въ умѣ умноженіе и умиляешься, какъ предупредительно наше правительство съ иностранцами. Во сколько же, интересно, обошелся этотъ уголь, которому, можетъ быть, суждено теперь покоиться на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ злосчастнымъ крейсеромъ или броненосцемъ.

Нѣмцы или „германы“, какъ ихъ зовутъ пассажиры III-го класса, начали свое изученіе Россіи и Сибири съ самаго интереснаго пункта — каталажки. На ст. Байкалъ человѣкъ шесть изъ нихъ были туда посажены за непочтеніе къ полицейскимъ чинамъ и, въ частности, къ патріотизму байкальскихъ носильщиковъ. Въ самомъ началѣ пути предпріимчивые россіяне вытащили у нѣсколькихъ порядочную сумму денегъ. Нѣмцы подавали жалобы и проч., но полиція не могла разыскать воровъ. За Челябинскомъ кража повторилась, и „германы“, видя, что съ волками надо выть по волчьи, уличивъ воровъ, расправились съ ними своими средствами, т. е. по просту угостили ихъ боксомъ до полусмерти. Болѣе вдумчивые нѣмцы съ интересомъ наблюдали новую страну и народъ и съ удивленіемъ покачивали головами. „Знаете, что меня поражаетъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы уже болѣе полумѣсяца ѣдемъ, а до сихъ поръ я не видалъ ни одной школы, ни одного красиваго зданія, развѣ только церковь иногда въ глаза бросится, селенія такъ рѣдки... Ѣдешь, словно по какой-то пустынѣ. И зачѣмъ же Россіи Манчжурія понадобилась, когда и въ Сибири такъ просторно. Многое очень меня удивляетъ, — говорилъ словоохотливый нѣмецъ, — вотъ, напримѣръ, у васъ, оказывается, простой народъ въ большинствѣ случаевъ неграмотенъ. Какъ же Россія думаетъ насаждать культуру въ Китаѣ и Манчжуріи, когда сама такъ некультурна?“. Что было сказать на это разговорчивому нѣмцу? „И полиція у васъ странная какая-то, — продолжаетъ онъ отполитическая тупость массы провинціальной „интеллигенціи“ и буржуазіи, разъѣдающая населеніе казенная идеологія человѣконенавистничества. Погромы въ Смѣлѣ и другихъ мѣстахъ пришли кстати, чтобы напомнить еврейской буржуазіи и передовой части русскаго общества то, о чемъ въ туманныхъ фразахъ говоритъ „Новое Время“: *что еврейское безправіе и питаемые имъ „погромы“ являются составной частью того политическаго уклада, который именуется русскимъ самодержавіемъ.* Никакія заплаты на дырявомъ рубищѣ „временныхъ правилъ“ не смогутъ скрыть отъ культурнаго міра той сплошной язвы, которая покрывается этимъ рубищемъ, которая заражаетъ всю рускую жизнь. Чтобы еврей пересталъ быть „жидомъ“, существомъ, подлежащимъ періодической „встряскѣ“ погромовъ — для этого необходимымъ предварительнымъ условіемъ является устраненіе изъ русскаго законодательства самаго слова „еврей“. А это невозможно безъ коренной ломки того строя, на которомъ красуется потертая вывѣска: „самодержавіе, православіе и народность“.

Погромы въ Смѣлѣ, Ровно и Сосновицахъ вскрываютъ еще разъ классовое неравенство, покрываемое общимъ гражданскимъ безправіемъ еврейскаго населенія. Что означаетъ для этихъ тысячъ еврейскихъ пролетаріевъ, ремесленниковъ и торговцевъ всѣ и всякія льготы для отдѣльныхъ единоплеменныхъ имъ представителей капитала и образованія? Погромы, какъ кульминаціонный пунктъ будничнаго, каждый день осязаемаго безправія, остаются неприкосновенными. Вѣчное обирательство и издѣвательство полицейскихъ чиновъ надъ еврейской массой остается въ силѣ и послѣ того, какъ право жительства и разселенія для нѣкоторыхъ категорій регулировано болѣе или менѣе прочными положеніями закона. Болѣе того: изъимая изъ подъ дѣйствія повседневнаго полицейскаго обложенія верхи еврейской буржуазіи — для того, чтобы обложить ихъ въ пользу самой „царской казны“ — самодержавіе, тѣмъ самымъ, отдаетъ еврейскую бѣдноту на потокъ и разграбленіе жадной полицейской сворѣ. И если въ борьбѣ за самосохраненіе самодержавіе и впредь будетъ откупаться отъ своей гибели, между прочимъ, продажей отдѣльныхъ льготъ верхамъ еврейства, оно, тѣмъ самымъ, будетъ все глубже и глубже погружать еврейскую бѣдноту въ тину его гетто. Тѣмъ самымъ, оно будетъ все глубже и глубже раскалывать еврейство, и, примиряя съ собой его буржуазную часть толкать его пролетарскіе элементы навстрѣчу той революціи, которая одна только похоронитъ на вѣки Кишиневскіе ужасы.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА „БУНДА“.

Нѣтъ ничего болѣе принижающаго, какъ духъ приходскаго самодовольства.

Группа людей, замкнувшаяся въ узкой чертѣ идейной осѣдлости, живетъ одними и тѣми же приходскими интересами, вращается неизмѣнно въ кругу однихъ и тѣхъ же понятій и психологическихъ ассоціацій и вырабатываетъ, въ концѣ концовъ, свой обиходный жаргонъ, позволяющій членамъ секты понимать другъ друга съ полуслова и какъ бы создающій вокругъ нихъ непроницаемый панцырь. Нѣкоторыя слова наполняются для нихъ мистическимъ содержаніемъ, совершенно недоступнымъ тому, кого не захватила и не поработила сектантская атмосфера; одинъ какой-нибудь предметъ олицетворяетъ собою въ ихъ сознаніи начало всякаго блага, источникъ истины и нравственнаго энтузіазма; въ противовѣсъ этому, другой предметъ сосредоточиваетъ въ себѣ для нихъ все темное, злое, уродливое и отверженное изъ міра личнаго и общественнаго. Нарушаются всякія перспективы и пропорціи: малое кажется грандіознымъ, великое — ничтожнымъ. Все человѣчество представляется однимъ коллективнымъ илотомъ, котораго исторія напоила, чтобъ ярче оттѣнить рядомъ съ его безобразіемъ внутреннюю красоту маленькаго мірка.

И когда кому-нибудь изъ этого микрокосма случится выставить наружу свою голову и увидѣть, что дѣлается въ великомъ божьемъ мірѣ, какіе тамъ вопросы, какіе интересы, какая суматоха, онъ презрительно покачаетъ головой и, мудрый приходской мудростью, изречетъ: „*У насъ* этого нѣтъ и — быть не можетъ!“

Спросите его: *почему?* и онъ въ отвѣтъ вамъ скажетъ: „Потому что мы — *Бундъ*“.

Вотъ, оно вѣщее, магическое, всеразрѣшающее слово: *Бундъ*!

Какъ и всякимъ фанатизированнымъ приходскимъ патріотамъ, „бундистамъ“ ихъ „община“ кажется не продуктомъ историческаго развитія, а разъ навсегда даннымъ, законченнымъ воплощеніемъ истины.

Въ самомъ дѣлѣ.

Бундъ выросъ въ той же общественной обстановкѣ, въ которой выросли мы, питался одной съ нами политической культурой, развивался на одной и той же литературѣ... Но въ то время, какъ мы оставили позади нѣсколько „періодовъ“, изъ которыхъ каждый, являясь шагомъ впередъ въ нашемъ движеніи, представлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свои односторонности и уродства, — Бундъ все время былъ вѣренъ себѣ, не зналъ ошибокъ, односторонностей, противорѣчій развитія, — не впадалъ ни въ „экономизмъ“, ни въ „политицизмъ“, — и если ему не удавалось удерживать на надлежащей высотѣ всю Партію, то самъ онъ всегда стоялъ на почвѣ строго марксистской программы... „Бундъ“ превращается, такимъ образомъ, въ загадочное явленіе совершенно необъяснимое матеріалистическимъ методомъ... Извѣстное четверостишіе Тютчева можетъ дать нѣкоторое понятіе о томъ мистическомъ отношеніи къ судьбѣ собственной организаціи, которое проявляютъ многіе товарищи изъ „Бунда“:

> Умомъ Россіи не понять,
> Аршиномъ общимъ не измѣрить,
> У ней во всемъ иная стать, —
> Въ Россію можно *только вѣрить*...

Именно: только вѣрить!

Въ Партіи шли непрерывныя шатанія. На смѣну одностороннему „экономизму“, явилась „Искра“, „которая проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Старую „Искру“ смѣнила новая, которая „старательно пережевываетъ то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили“ экономисты („Вѣстникъ Бунда“, № 4).

А во время этихъ шатаній, причинившихъ много бѣдъ россійскому пролетаріату, одна изъ его частей, пролетаріатъ еврейскій, неуклонно шелъ по соціальдемократическому пути, — Ц. К. Бунда увѣренной рукой велъ свой избранный народъ. И этотъ фактъ представится намъ тѣмъ болѣе чудеснымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ районѣ дѣятельности Бунда почти нѣтъ фабрично-заводскаго пролетаріата, который составляетъ главную силу международной соціальдемократіи, вслѣдствіе чего Бундъ сосредоточиваетъ свои революціонныя усилія на ремесленныхъ рабочихъ, въ средѣ которыхъ, вообще, очень живуча мелкобуржуазная психологія; если мы вспомнимъ, далѣе, что политическая территорія Бунда не захватываетъ большихъ городовъ, концентрирующихъ умственную и политическую жизнь, придающихъ движенію оформленность и ясность; наконецъ, что надъ еврействомъ тяготѣетъ спеціальный гнетъ исключительныхъ законовъ, который, по общему правилу, долженъ затруднять дѣло развитія *классоваго* самосознанія пролетаріата.

Кромѣ этихъ спеціальныхъ препятствій, дѣятельность Бунда не можетъ не натакливаться на то основное затрудненіе, передъ которымъ снова и снова останавливается въ раздумьи наша Партія. Дѣйствительная классовая политика пролетаріата можетъ развернуться лишь тогда, когда буржуазія является не только экономически эксплуатирующей, но и политически правящей силой. При отсутствіи этого второго условія, стремленіе сохранить „чисто-классовый“ характеръ движенія можетъ приводить, какъ мы знаемъ изъ исторіи нашей Партіи, къ отказу отъ „политики“, и наоборотъ: переходъ къ политикѣ можетъ сопровождаться разрывомъ съ ея классовыми основами.

Отдали ли руководящіе элементы Бунда себѣ самимъ отчетъ въ этомъ противорѣчіи, опредѣлявшемъ до сихъ поръ всѣ внутреннія тренія въ Россійской Соціальдемократіи? Какими тактическими пріемами они преодолѣли его? Объ этомъ мы ничего не знаемъ, такъ какъ товарищи изъ Бунда, осуждающіе и „экономизмъ“ „Рабочаго Дѣла“ и „политическій радикализмъ“ старой „Искры“ и подновленный „экономизмъ“ „Искры“ новой, не дали намъ ни одной теоретической страницы, которая показала бы или хотя бы лишь намекнула намъ, *какъ* подлинные соціальдемократы справляются съ коренными вопросами пролетарской борьбы, и облегчила бы намъ, филистимлянамъ, нелегкій трудъ тактическихъ исканій.

Обращаясь къ тѣмъ товарищамъ изъ Бунда, которыхъ приходскій патріотизмъ не дѣлаетъ слѣпыми и глухими, мы спрашиваемъ ихъ со всей серьезностью: какой кругъ идей питалъ васъ въ тѣ дни, когда мы, въ лицѣ теоретиковъ „экономизма“, обрѣзывали крылья марксистской доктрины, или тогда, когда мы, по вашимъ словамъ, принимали идеи вульгарнаго радикализма за идеи соціальдемократіи; какой кругъ идей питаетъ васъ, товарищи, сегодня, когда мы, по вашему мнѣнію, только „пережевываемъ“ то, что говорили отвергнутые нами вчера „экономисты“?

Вы, можетъ быть, попытаетесь отвѣтить, — въ частныхъ разговорахъ намъ приходилось слышать это возраженіе, — что вы *непосредственно* соединяете еврейскій пролетаріатъ съ источникомъ международной соціалистической мысли, и, такимъ образомъ, остаетесь въ сторонѣ отъ нашихъ „отечественныхъ“ ошибокъ, шатаній и прегрѣшеній. Но такой отвѣтъ лишенъ малѣйшей тѣни убѣдительности. Въ какой области происходятъ всѣ наши ошибки, шатанія и прегрѣшенія? Въ области *примѣненія къ русской общественно политической обстановкѣ* обобщеній и выводовъ теоретическаго и практическаго опыта міроваго соціалистическаго движенія. Невозможно непосредственно связать революціонную практику россійскаго пролетаріата или его части съ международнымъ соціализмомъ, минуя область тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящены и брошюра „Объ агитаціи“, и „Credo“, и извѣстное приложеніе къ „Рабочей Мысли“, и статьи „Рабочаго Дѣла“, и брошюра „Что дѣлать?“ и нынѣшнія произведенія „меньшинства“. Что дали въ этой области вы, товарищи? Ничего, ровно ничего, кромѣ популяризаціи мыслей и взглядовъ этой самой литературы, — на чемъ же основано ваше право клеймить ее, какъ прокаженную? Ни на чемъ! Объ этомъ громко и внятно для всѣхъ, кого приходскій патріотизмъ не сдѣлалъ совершенно глухимъ, кричитъ тотъ неоспоримый фактъ, что въ вашей литературѣ послѣднихъ лѣтъ тѣ или другіе принципіальныя ошибки и грѣхи нашей Партіи выносятся на позорище лишь послѣ того, какъ мы уже преодолѣли эти грѣхи и успѣли, въ процессѣ борьбы съ ними, нажить новые, которые вы начнете, въ свою очередь, шельмовать лишь тогда, когда мы сами разъяснимъ вамъ ихъ внутреннюю природу.

Да и не можетъ быть иначе, ибо, хотя и много есть исключительныхъ законовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, но исключительный законъ политическаго развитія для нея не созданъ... Бундъ — реальный и историческій Бундъ, а не продуктъ сектантской мистики — проходилъ черезъ тѣ же стадіи, что и вся Партія. Правда, онъ не зналъ такого уродства, какъ „Credo“, и не вырабатывалъ еретическихъ теорій объ отношеніи „стихійности“ и „сознательности“, — но вѣдь, и Екатеринославскій Комитетъ не создавалъ своего „credo“, и Кавказскій Союзъ не писалъ брошюры „Что дѣлать?“ — не потому, что Екатеринославъ и Кавказъ были въ свое время выше этихъ произведеній, но исключительно потому, что „Credo“, и „Что дѣлать?“, и „Письмо къ товарищу“ представляютъ собою продуктъ всего движенія въ цѣломъ, включая сюда и Екатеринославъ, и Кавказъ, и „Бундъ“. Другими словами, Бундъ не имѣлъ своихъ *собственныхъ* теоретическихъ грѣховъ постольку, поскольку онъ вообще не впадалъ въ первородный грѣхъ *самостоятельнаго* познанія добра и зла.

Если бы наше матеріалистическое пониманіе политическаго развитія не исключало для насъ a priori возможности вѣрить въ то, что „Бундъ“ сумѣлъ, совершенно независимо отъ общаго политическаго состоянія Россіи и, въ частности, отъ уровня политическаго развитія россійскаго пролетаріата, сразу построить въ чертѣ еврейской осѣдлости подлинно пролетарскую тактику, питающуюся безукоризненной научно-соціалистической идеологіей; если бы даже, говоримъ мы, марксизмъ не вытравилъ изъ насъ безслѣдно вѣры въ историческія чудеса, мы могли бы оспорить утвержденіе о врожденной непогрѣшимости теоретиковъ и практиковъ Бунда и объ ихъ независимости отъ общепартійной литературы на основаніи данныхъ документальнаго характера.

Въ январѣ 1903 года, т. е. черезъ два года послѣ появленія „Искры“, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода брошюры „Что дѣлать?“, изданъ былъ Бундомъ переводъ статьи изъ № 28 „Arbeiterstimme“: „Наша ближайшая организаціонная задача“. Вотъ что въ этой статьѣ писалъ Ц. О. Бунда.

„Задачи профессіональнаго движенія далеко не исчерпываютъ соціальдемократической программы, поэтому, при наличности тѣсной связи нашихъ организацій съ профессіональными союзами, ихъ дѣятельность не можетъ отличаться соотвѣтствующимъ нашей программѣ широкимъ размахомъ. Вниманіе ихъ отвлекается отъ соціальдемократическихъ задачъ. Эти задачи незамѣтно отступаютъ на задній планъ, и ихъ мѣсто занимаютъ исключительно интересы профессіональнаго движенія. Такимъ образомъ, характеръ нашей работы суживается и принижается.“ (Стр. 10). Вся, вообще, статья, представляющая ученическое переложеніе тактическихъ и организаціонныхъ взглядовъ брошюры: „Что дѣлать?“, заканчивается такими соображеніями:

„Даже въ политически свободныхъ странахъ революціонныя партіи не объединяютъ ни всей массы, ни даже значительной части ея; онѣ состоятъ изъ относительно небольшого числа революціонеровъ. Партіи во всѣхъ странахъ образуютъ лишь передовые слои пролетаріата и интеллигенціи. Никогда не слѣдуетъ забывать, что, *на ряду съ массовымъ движеніемъ*, должна существовать крѣпкая *революціонная организація*, которая умѣла бы всегда придавать движенію революціонный характеръ. — Наша революціонная организація, нашъ „Бундъ“ долженъ состоять прежде всего изъ революціонеровъ. Вотъ къ чему мы должны стремиться, вотъ въ чемъ наша ближайшая задача“ (стр. 15, курсивъ автора). Ц. О. Бунда констатируетъ, такимъ образомъ, у себя тѣ же недочеты, отъ которыхъ страдала вся Партія. Указывая средства углубленія и расширенія работы по книжкѣ „Что дѣлать?“, Ц. О. Бунда перенимаетъ у т. Ленина всѣ его принципіальные грѣхи: сознательное или безсознательное отож-

---

окрашенныхъ въ мрачный темно-красный цвѣтъ, — цвѣтъ запекшейся крови. Изъ открытыхъ дверей смотрятъ задумчивыя, пытливыя, печальныя лица. „Нѣтъ ли газетки, дайте почитать, новенькой нѣтъ ли?“ — спрашиваютъ. Бросаешь или подаешь изъ окна газету, ее чуть не разрываютъ на части, такъ много охотниковъ почитать, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, а главное на войнѣ. Всѣ они давно уже изъ дому, уже не первую недѣлю въ дорогѣ. Вѣстей ни откуда нѣтъ. „Что дома дѣлается, — думаетъ каждый, — какъ тамъ на войнѣ наши управляются“. И съ жадностью слушаетъ цѣлый вагонъ чтеца, монотоннымъ голосомъ читающаго правительственныя телеграммы, написанныя такимъ варварскимъ языкомъ, что только общими силами, и то не всегда, удается выудить изъ нихъ окончательный смыслъ: „наши отступили, изъ строя выбыло столько то“. На душѣ становится еще тяжелѣе.

— „Вы откуда будете?“ — „Самарскіе“. — „Земляки, значитъ“. — „Какого уѣзда?“ — „Что, домой отправляетесь? Кланяйтесь тамъ нашимъ, можетъ быть, увидите. А въ вашемъ поѣздѣ раненыхъ нѣтъ?“ — слышится перекрестный разговоръ. „Вонъ тамъ, въ переднемъ вагонѣ, словно ѣдетъ какой то“. У передняго вагона собралась уже цѣлая толпа солдатъ изъ воинскаго поѣзда, а изъ окна, жестикулируя и повысивъ голосъ, передаетъ свои военныя впечатлѣнія раненый солдатикъ. Его слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но вотъ свистокъ воинскому поѣзду. „Эй, вы, садись, сейчасъ поѣдемъ!“ — кричатъ офицеры и унтеры. Поѣздъ медленно трогается. Изъ дверей вагоновъ густо, густо выставились головы солдатъ. „Прощайте, голубчики, будьте здоровы“ — раздается изъ пассажирскаго поѣзда, и это простое обычное привѣтствіе, которое произносишь обыкновенно, не вдумываясь въ его смыслъ, теперь какъ-то странно звучитъ въ ушахъ. Много ли изъ этихъ сотенъ живыхъ, здоровыхъ людей вернутся домой дѣйствительно здоровыми?...

„Голубчики мои, — вздыхаетъ сосѣдка моя, простая баба, — на убой, вѣдь, везутъ миленькихъ. У насъ на Дону такъ вотъ барановъ возятъ на бойню въ городъ. Наталкаютъ полонъ вагонъ, запрутъ и везутъ. И куда, зачѣмъ ихъ везутъ, въ даль такую?“

Патріотическихъ разговоровъ совсѣмъ не слышно въ вагонѣ. Только одинъ старецъ, захудалый чиновникъ или писарь, что то поминаетъ о царѣ и отечествѣ, но его слова тонутъ незамѣченными въ общемъ сосредоточенно мрачномъ настроеніи. Слишкомъ бьетъ въ глаза полная безсмысленность этой проклятой войны, слишкомъ подавляетъ зрѣлище ѣдущихъ на убой сотенъ здоровыхъ, полныхъ силъ людей, которыхъ слѣпая, безсмысленная, прогнившая насквозь, но сильная своей величиной громада, именуемая самодержавіемъ, оторвала отъ родныхъ гнѣздъ, семей и занятій и толкнула куда то въ невѣдомую даль для кровавой схватки съ такими же молодыми, миролюбивыми въ обычное время людьми, иной только расы, съ инымъ цвѣтомъ кожи. Воинскіе поѣзда становятся какимъ то кошмаромъ. Они встрѣчаются намъ на ходу днемъ и ночью, стоятъ на станціяхъ, разъѣздахъ... И вездѣ васъ провожаютъ одни и тѣ же возгласы: „кланяйтесь нашимъ!“, а въ отвѣтъ звучитъ: „будьте здоровы!“. Вездѣ встрѣчаетесь вы съ вопросительно печальными взглядами: что тамъ на войнѣ слышно? Слова безсильнаго проклятія замираютъ на вашихъ устахъ. „Проклятье тебѣ, королю всѣхъ счастливыхъ!“

* * *

Въ поѣздѣ ѣдетъ на казенный счетъ домой много женъ запасныхъ солдатъ, которыхъ забрали въ мобилизацію. Противъ меня сидитъ понурая беременная баба. Оказывается — тоже солдатка. Возвращается домой въ Томскую губернію. „Мужа забрали, запасный онъ, а мнѣ билетъ выдали безплатный, вотъ и ѣду. Да вишь ты, обѣщали по 40 коп. въ день кормовыхъ выдавать во время дороги; говорили, на большихъ станціяхъ нужно къ воинскому начальнику обращаться, — онъ выдастъ, а гдѣ его тутъ искать, начальника то. Такъ вотъ и ѣдешь, послѣдніе гроши проѣла. А еще отъ Томска на пароходѣ сколько ѣхать, не знаю, какъ и быть. Въ Иркутскѣ ходила къ воинскому начальнику, говоритъ: „не мое дѣло“. Такъ видно плакали мои денежки“. Солдатокъ ѣдетъ много изъ разныхъ концовъ Сибири, гдѣ мужья ихъ были на заработкахъ, такъ что, если гг. „начальники“ съ каждой въ день „съэкономятъ“ 40 к., въ общемъ, соберется довольно кругленькая сумма. Одна моя знакомка „скопила“ имъ за свою дорогу уже восемь рублей. „Мы въ Благовѣщенскѣ съ мужемъ жили. Онъ, какъ кончилъ службу, домой не поѣхалъ. Думали въ городѣ остаться, заробить кой что. Да какое тутъ. Еще съ осени вѣлѣли, объявили, чтобы запасные никуда не отлучались и чтобы ихъ на большія работы не нанимали: дескать, во всякое время потребовать могутъ. Ну, какъ мужъ придетъ куда наниматься, видятъ по паспорту, что запасный, нѣтъ, говорятъ, намъ такихъ не надо. Такъ и жилъ поденщиной. А на этомъ много ли заработаешь, коли запасныхъ въ городѣ, можетъ, не одна сотня скопилась. Перебивались съ хлѣба на воду, а теперь на дорогу послѣднее извела“, — закончила баба, безпомощно понуривъ голову и уныло осматривая свои узлы съ домашнимъ скарбомъ, въ которомъ заключалось все ея достояніе. „Эхъ!“ Мало словъ, а горя рѣченька...

* * *

На большихъ станціяхъ стоятъ санитарные поѣзда, везущіе съ востока раненыхъ. Поѣзда поражаютъ непривычный глазъ своимъ блескомъ, чистотой, изяществомъ. Изъ оконъ выглядываютъ изящно завитыя головки сестеръ милосердія съ краснымъ крестомъ на груди. Кажется, вотъ ужъ гдѣ хорошо, тепло, мягко, покойно. Однако, такъ кажется только на первый взглядъ. Раненымъ солдатамъ прежде всего не хватаетъ воздуху. Не смотря на то, что поѣзда на станціяхъ стоятъ томительно долго, ихъ не выпускаютъ изъ вагоновъ. Многіе прекрасно могутъ ходить, не боясь повредить своей ранѣ, убѣдительно просятъ выпустить ихъ, погулять хоть немножко, — ничто не помогаетъ; офицеры приказываютъ сидѣть по вагонамъ. „Не хотятъ, видишь ты, — объяснилъ мнѣ одинъ раненый, — чтобы мы съ встрѣчными солдатами разговаривали. Тѣ, какъ увидятъ, кто съ войны возвращается, сейчасъ обступятъ, какъ, да что, каково на войнѣ было. Ну, а мы, извѣстно, много кое чего поразсказать могли бы: и про японца этого самаго, и про своихъ офицеровъ, и про пищу солдатскую. Въ одномъ мѣстѣ намъ не одинъ день подрядъ, вмѣсто хлѣба печеннаго, сырую муку выдавали, по два фунта на брата, что хочешь съ ней, то и дѣлай. Ну, вотъ видите, легокъ на поминѣ! Вонъ ужъ унтеръ несется сюда, сейчасъ въ вагонъ погонитъ. До свиданья!

— Эй, ты, лазаретный, что тамъ разболтался? Какъ смѣешь выходить, когда не приказано! Маршъ въ вагонъ!...

* * *

Въ одномъ съ нами поѣздѣ ѣдетъ цѣлая партія нѣмецкихъ матросовъ съ торговаго судна, привезшаго уголь во Владивостокъ или Портъ Артуръ. Всѣхъ ихъ теперь на казенный счетъ отправляютъ черезъ Сибирь и Россію на родину. Правительство наше платитъ имъ суточныхъ 3/4 рубля каждому, капитану и старшимъ значительно больше. Всѣхъ ихъ около 70 человѣкъ и въ дорогѣ только до Петербурга они пробудутъ дней около 40. Дѣлаешь въ умѣ умноженіе и умиляешься, какъ предупредительно наше правительство съ иностранцами. Во сколько же, интересно, обошелся этотъ уголь, которому, можетъ быть, суждено теперь покоиться на днѣ морскомъ вмѣстѣ съ злосчастнымъ крейсеромъ или броненосцемъ.

Нѣмцы или „германы“, какъ ихъ зовутъ пассажиры III-го класса, начали свое изученіе Россіи и Сибири съ самаго интереснаго пункта — каталажки. На ст. Байкалъ человѣкъ шесть изъ нихъ были туда посажены за непочтеніе къ полицейскимъ чинамъ и, въ частности, къ патріотизму байкальскихъ носильщиковъ. Въ самомъ началѣ пути предпріимчивые россіяне вытащили у нѣсколькихъ порядочную сумму денегъ. Нѣмцы подавали жалобы и проч., но полиція не могла разыскать воровъ. За Челябинскомъ кража повторилась, и „германы“, видя, что съ волками надо выть по волчьи, уличивъ воровъ, расправились съ ними своими средствами, т. е. по просту угостили ихъ боксомъ до полусмерти. Болѣе вдумчивые нѣмцы съ интересомъ наблюдали новую страну и народъ и съ удивленіемъ покачивали головами. „Знаете, что меня поражаетъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, — вотъ мы уже болѣе полумѣсяца ѣдемъ, а до сихъ поръ я не видалъ ни одной школы, ни одного красиваго зданія, развѣ только церковь иногда въ глаза бросится, селенія такъ рѣдки... Ѣдешь, словно по какой то пустынѣ. И зачѣмъ же Россія Манчжурія понадобилась, когда и въ Сибири такъ просторно. Многое очень меня удивляетъ, — говорилъ словоохотливый нѣмецъ, — вотъ, напримѣръ, у васъ, оказывается, простой народъ въ большинствѣ случаевъ неграмотенъ. Какъ же Россія думаетъ насаждать культуру въ Китаѣ и Манчжуріи, когда сама такъ некультурна?“ Что было сказать на это разговорчивому нѣмцу? „И полиція у васъ странная какая-то, — продолжаетъ онъ отдествленіе Партіи и „профессіонально-революціонной“ организаціи; непониманіе той мысли, что задачи *революціонной организаціи* состоятъ не въ томъ только, чтобы существующему „наряду (sic!) съ нею *массовому движенію*“ „всегда придавать революціонный характеръ“ (см. выше), но и въ томъ — и тутъ лишь начинается соціальдемократія! — чтобы между революціонной организаціей и массовымъ движеніемъ накоплять элементы *пролетарской партіи*. Въ стремленіи, отражающемъ „элементарный историческій процессъ“, для котораго не существуетъ черты еврейской осѣдлости, — въ стремленіи свести соціальдемократію къ боевой организаціи, придающей извнѣ революціонный характеръ движенію массъ, и выражается тотъ „политическій радикализмъ“, о которомъ послѣдній № „Вѣстника Бунда“ съ такой увѣренностью говоритъ, какъ объ идейномъ содержаніи всей старой „Искры“.

Допустимъ даже, что авторъ справедливъ въ своей несправедливой характеристикѣ „Искры“. Но чѣмъ же объяснить, что ни одинъ изъ членовъ делегаціи Бунда — не состоялъ ли въ ней авторъ статьи? — не обмолвился ни словомъ о томъ, что „Искра“, которую эта делегація выбирала своимъ Ц. Органомъ, „въ идейной области проповѣдывала политическій радикализмъ подъ соціалистическимъ соусомъ“. Это обвиненіе стало психологически возможнымъ для автора изъ „Вѣстника Бунда“ лишь *послѣ* той критической работы, которая совершена въ нашей Партіи со времени ея второго съѣзда. Опираясь на эту критику въ цѣляхъ несообразно-пристрастной оцѣнки старой „Искры“, „Вѣстникъ Бунда“ въ то же время презрительно третируетъ эксплуатируемыхъ имъ литераторовъ „меньшинства“, какъ сокровенныхъ „экономистовъ“.

Литераторы „Бунда“ побиваютъ насъ не только нашимъ оружіемъ, которое они хватаютъ за острый конецъ, поворачивая къ намъ рукоятью, — нѣтъ, они прибѣгаютъ иной разъ къ самостоятельному матеріалистическому анализу, пытаясь, напримѣръ, изъ нашего „политическаго радикализма“ вывести наше нетерпимое отношеніе къ „Бунду“, какъ къ „единственному представителю еврейскаго пролетаріата“. При помощи довольно натянутыхъ комбинацій доказывается, что въ нашей политикѣ всеопредѣляющимъ моментомъ является завоеваніе политической свободы, что ядромъ революціи для насъ является русскій пролетаріатъ, — вслѣдствіе чего, мы стараемся искусственно стянуть къ нему всѣ силы, не давая простору организаціямъ пролетаріата другихъ національностей.

Эта аргументація была бы, пожалуй, довольно прилична на первый взглядъ, еслибы она не вступала въ драматическую коллизію съ фактами. Мы знаемъ, что федеративный строй Партіи кажется тт. изъ Бунда идеальнымъ, разумѣется, съ точки зрѣнія интересовъ пролетарскаго развитія Мы знаемъ, съ другой стороны, что тт. изъ Бунда считаютъ, вмѣстѣ съ нами и вслѣдъ за нами, „соціалистовъ-революціонеровъ“ самыми несомнѣнными представителями вульгарнаго политическаго радикализма. Пусть же они сопоставятъ съ этимъ тотъ фактъ, что „соціалисты-революціонеры“ открываютъ свои сердца и простираютъ свои руки всѣмъ „націямъ“, съ территоріей и безъ территоріи, съ „языкомъ“ и безъ „языка“, что они одобряютъ и обѣщаютъ всѣ федераціи — и государственно-правовыя и партійно организаціонныя, — почему? именно потому, что для нихъ вопросъ *систематической концентраціи всѣхъ силъ пролетаріата*, во имя его соціальной эмансипаціи, совершенно отступаетъ предъ вопросомъ *механическаго сочетанія всѣхъ силъ оппозиціи и революціи* во имя политическаго освобожденія Россіи.

Но въ области матеріалистическаго анализа теоретики Бунда не у себя дома, — не столько потому, что они вообще плохіе теоретики, сколько потому, что они теоретики-*апологеты* внутренне-противорѣчивой позиціи Бунда. И они очень охотно покидаютъ оружіе матеріалистическихъ объясненій для оружія націоналистическихъ обвиненій.

Въ своей прокламаціи, изданной по поводу выступленія Бунда изъ Партіи, Ц. К. Бунда восклицаетъ: „И, признавая въ теоріи право націи на самоопредѣленіе, *именно еврейскому* пролетаріату отказываютъ въ элементарнѣйшемъ правѣ, — въ правѣ на самостоятельную организацію!“ („Посл. Изв.“, № 162, курс. мой). Этотъ мотивъ повторяется всюду, — въ прокламаціяхъ, въ теоретической полемикѣ и въ популярныхъ статьяхъ. Разсчетъ ясенъ и простъ: въ такомъ свѣтѣ поведеніе Партіи, признающей *вообще* право націи на самоопредѣленіе, но отказывающей въ этомъ правѣ спеціально *еврейскому* пролетаріату, должно оскорбить элементарное чувство справедливости. Разумѣется, это будетъ „чувство“, ни мало не просвѣтленное соціалистическимъ сознаніемъ. Ибо при сколько нибудь вдумчивомъ отношеніи легко понять, что приведенное обвиненіе противъ Партіи есть политическая нелѣпость. Конечно, мы признаемъ право каждой націи на самоопредѣленіе, какъ мы признаемъ свободу слова, печати, собраній и союзовъ, — но значитъ ли это, что каждое „слово“ можетъ быть терпимо въ рамкахъ нашей Партіи? Значитъ ли это, что каждому „союзу“ она раскроетъ свои двери? Если бы она продѣлала это послѣдовательно до конца, она бы перестала быть *партіей*, слившись съ *государствомъ*.

Мы признаемъ право каждой націи на самоопредѣленіе, т. е. на самостоятельное опредѣленіе своей *политической* судьбы. Это значитъ, что *демократическая конституція*, которой мы добиваемся, должна гарантировать не только независимость національнаго мнѣнія, но и свободную реализацію національной воли. Право на національное самоопредѣленіе означаетъ, напримѣръ, свободу для еврея-пролетарія бороться за осуществленіе идеаловъ сіонизма. Эту свободу должно ему гарантировать демократическое государство, — и мы не устанемъ требовать отъ послѣдняго такихъ гарантій. Но въ нашей партіи не можетъ быть, разумѣется, мѣста организаціи сіонистовъ, хотя бы еврейскій пролетаріатъ въ союзѣ съ еврейской буржуазіей и опредѣлилъ, временно, разумѣется, свою „національную“ волю въ сторону сіонизма.

Мы, соціальдемократы, признаемъ право каждой *націи* на самоопредѣленіе, мы обязываемъ себя этимъ рѣшительно выступать противъ всякаго государственнаго давленія на національную волю, — но это не значитъ, что мы лишаемъ себя права бороться за соціалистическое, а не иное самоопредѣленіе *пролетаріата* каждой націи, это не значитъ, что мы не смѣемъ черезъ пролетаріатъ данной націи опредѣленнымъ образомъ воздѣйствовать на ея самоопредѣленіе.

Но какое отношеніе, вообще, имѣетъ вопросъ о правѣ *націи* на политическую самостоятельность къ вопросу о формѣ *пролетарской* организаціи? Теоретики Бунда были бы логичнѣе, еслибъ сказали: Россійская Соціальдемократія признаетъ свободу *всякихъ* союзовъ и *всякихъ* организацій, а, между тѣмъ, на практикѣ... и прочее. Разумѣется, мы отвѣтили бы имъ: федеративныя организаціи должны пользоваться такой же защитой демократическаго государства, какъ и всякія иныя, — но въ рамкахъ этого государства мы, соціалисты, должны бороться противъ федералистскихъ и національно-сепаратистскихъ тенденцій въ партіи пролетаріата.

Это азбучныя истины. Но литература „Бунда“ становится съ ними въ нагляднѣйшее противорѣчіе, чтобы конструировать фиктивное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ нашей Партіи. Недешевой цѣной — искаженій, недомолвокъ и двусмысленностей — покупаются резолюціи рабочихъ собраній, одобряющія выступленіе Бунда изъ Партіи. Подобно тому, какъ Польская якобы — Соціалистическая Партія можетъ поддерживать свой престижъ въ глазахъ польскихъ рабочихъ лишь систематическимъ замалчиваніемъ или сознательнымъ преуменьшеніемъ успѣховъ русскаго революціоннаго движенія, точно такъ же и Бундъ, порвавшій организаціонныя узы между еврейскимъ и русскимъ сознательнымъ пролетаріатомъ, вынужденъ самыми „героическими“ доводами отстаивать свою сепаратистскую позицію въ глазахъ имъ же пробужденнаго къ сознанію еврейскаго пролетаріата. „Русская соціальдемократія, — жалуется новый популярный органъ Бунда на жаргонѣ, — которая признаетъ въ своей программѣ за каждой націей право на самоопредѣленіе, не хочетъ дать еврейскому пролетаріату элементарнѣйшее право имѣть собственную организацію“. Почему? Потому что она не согласна признать вмѣстѣ съ „Бундомъ“, что „евреи *такая же* (sic) нація, какъ и всѣ остальныя націи“. „Евреи, — на взглядъ нашей Партіи, — *„чужіе“ въ странѣ, гдѣ они живутъ*, евреи не имѣютъ собственнаго „отечества“ и поэтому, они — не нація. Но это слова антисемитовъ и сіонистовъ, восклицаетъ газета, которые до мозга костей проникнуты буржуазными идеями „собственности“ на почвѣ грабежа и насилія. Если бы наши пра-прадѣды пришли въ эти мѣстности, какъ когда то пришли евреи въ Палестину, съ оружіемъ въ рукахъ, опустошили бы всю страну, перебили бы всѣхъ жителей и поселились бы на ихъ мѣстѣ, тогда это значило бы, что это земля ихъ „собственная“, ихъ „отечество“; если же наши предки пришли сюда, какъ мирные граждане, и сообща съ окрестными народами въ теченіе 1000 лѣтъ способствовали культурному развитію страны, бросивъ ее своимъ потомъ, напитавъ ее своею кровью и устлавъ ее своими костями, — *„евреи тутъ все же „не у себя дома“, все „чужіе“*... Можемъ ли мы, пролетаріи, спрашиваетъ газета, стоять на такой точкѣ зрѣнія?“

Комментировать эту недостойную цитату не нужно. Ее достаточно привести. Самое большее, что можно сдѣлать, это поставить рядомъ съ нею цитату изъ брошюры сіонистовъ „Возрожденія“.

„... Соціалистическія партіи, говоритъ эта брошюра, несмотря на теоретически-признанное ими положеніе о правѣ каждой націи на самоопредѣленіе, въ практической своей дѣятельности обыкновенно отступаютъ отъ него и разными софизмами оправдываютъ свою измѣну гуманному принципу національной свободы“... Такъ, въ отвѣтъ армянскимъ федералистамъ, *„Искра“* не преминула выступить съ поученіемъ, что не дѣло пролетаріата проповѣдывать федерализмъ и національную автономію“ (Отчетъ конференціи „Возрожденія“, стр. 29).

Соціалистовъ „господствующихъ націй“ отличаютъ такія воззрѣнія:

„1. Не существуетъ еврейской націи.

„2. Евреи не имѣютъ права стремиться къ національной самодѣятельности.

„3. Утилитарный взглядъ на евреевъ, какъ на средство для тѣхъ народностей, среди которыхъ они живутъ“ (по „В. Б.“: стремленіе эксплуатировать еврейскій пролетаріатъ въ интересахъ политическаго радикализма).

И какъ бы для того, чтобы превратить сходство въ тождество, конференція „Возрожденія“ объясняетъ воззрѣнія соціалистовъ господствующей націи „систематически-грубымъ (sic!) толкованіемъ историческаго матеріализма и *невѣрно понятымъ интернаціонализмомъ*“ (стр. 45), точь въ точь какъ и Ц. К. Бунда, который давно ужъ вывелъ ошибки нашей Партіи „изъ неправильнаго пониманія сущности идеи международнаго соціализма“, — изъ игнорированія того, что „международность не есть космополитизмъ“...

И если руководящіе элементы „Бунда“ не боятся сами смѣшаться съ „соціалистическими“ продуктами разложенія сіонизма, которые начинаютъ уже клясться „пролетарской точкой зрѣнія“, то гдѣ же гарантіи того, что еврейскій пролетаріатъ сумѣетъ разобраться между этими, пока еще конкуррирующими, сторонами?

Литераторы Бунда дѣлаютъ, съ своей стороны, все, чтобы затруднить пролетаріату такое различеніе. Съ гораздо большей ревностью, чѣмъ сіонисты, они сѣютъ недовѣріе къ россійской соціальдемократіи въ рядахъ еврейскихъ рабочихъ, — и для того, чтобы успѣшнѣе идти по этому пути, они все рѣшительнѣе, вопреки своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ, переносятъ разногласія между Бундомъ и Партіей въ сферу сознательной спекуляціи на болѣзненное чувство угнетеннаго еврея. Они формулируютъ отношеніе Партіи къ Бунду съ явнымъ разсчетомъ на то, чтобы въ сознаніи пролетарія-еврея ихъ двусмысленная формулировка наполнилась глухимъ чувствомъ національной обиды.

Они говорятъ ему: Ты видишь эту партію, которая хочетъ быть твоей партіей? Не вѣрь ей! Она не признаетъ тебя своимъ равноправнымъ членомъ! Она считаетъ тебя чужакомъ на той землѣ, которая носитъ тебя! Угнетенный и придавленный рукою хищника хозяина, истерзанный и заушенный рукою полицейскаго государства, ты, несчастный парій, и въ русскомъ соціальдемократѣ встрѣчаешь не равнаго по оружію собрата, но члена господствующей націи, если не политическаго эксплуататора.

Путемъ систематической пропаганды такого рода Бундъ распространяетъ идею международной классовой солидарности пролетаріата, во имя которой онъ, надо думать, недавно посылалъ свою делегацію на Амстердамскій конгрессъ.

крывать Америки. — на каждой станціи, самой маленькой даже, по нѣсколько жандармовъ стоятъ, а, между тѣмъ, на глазахъ у всѣхъ совершаются такія кражи“. Лексиконъ мой былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы разъяснить благодушному нѣмцу, для чего, собственно, существуетъ у насъ такая масса полиціи и, въ частности, вокзальныхъ жандармовъ, да и вообще не хотѣлось смущать его мирную душу. „Спросите его, пожалуйста, — проситъ подсѣвшій къ намъ кадетикъ класса изъ четвертаго, ярый патріотъ. — видѣлъ онъ японскихъ солдатъ, какъ онъ ихъ находитъ сравнительно съ русскими? — Нѣмецъ высказываетъ давно уже извѣстныя всему свѣту истины: японецъ развитѣе, умнѣе, ловчѣе русскаго солдата. Начальство, офицеры заботятся о солдатахъ больше, аммуниція ихъ легче и удобнѣй русской и т. д., и т. д. Кадетикъ недоволенъ. „Ну, да, конечно, японецъ словно куколка наряженъ, — резюмируетъ онъ, — да и какъ нѣмцу не хвалить японцевъ, когда они по нѣмецкой системѣ обучены“. Военное сердце кадета оскорблено. Интересно, какъ будутъ теперь этимъ будущимъ офицерамъ объяснять наши печальныя пораженія, наше бѣгство передъ „японскими куколками“.

* * *

Поѣздъ съ солидной неторопливостью уноситъ насъ все дальше и дальше. Вотъ перевалили черезъ Уралъ. Начинаешь дышать полною грудью. Военныхъ поѣздовъ встрѣчается словно меньше, зато у большихъ городовъ раскинуты громадные лагери ожидающихъ своей очереди запасныхъ. Около Тамбова выросъ словно еще городъ изъ безчисленныхъ бѣлыхъ палатокъ. На дняхъ отсюда отправляется 16 тысячъ войска на Дальній Востокъ на... убой.

Въ вагонъ садятся нѣсколько молодыхъ крестьянокъ, ихъ провожаютъ солдаты въ желтыхъ рубахахъ и фуражкахъ. У тѣхъ и другихъ на глазахъ слезы. Второй звонокъ. „Ну, прощайте, голубушки!“. Поѣздъ тронулся. Женщины плачутъ тяжелыми, беззвучными слезами. „Мужьевъ проводили, бѣдненькія, — замѣчаетъ кто-то въ вагонѣ. — У насъ эдакъ-то одинъ запасный. Объявили мобилизацію, а у него жена родами померла. Пятерыхъ на рукахъ оставила. Онъ словно помѣшался совсѣмъ; куда, говоритъ, я дѣтей-то дѣну. Стали ихъ отправлять, въ поѣздъ сажать; онъ за часъ у офицера домой отпросился. „Вернусь, говоритъ, непремѣнно, вотъ вамъ истинный Господь“. И вѣрно, что вернулся, да такой веселый будто. „Теперь, говоритъ офицеру, мнѣ все равно, хоть на войну, хоть на каторгу, спокоенъ я“. А это онъ ребятишекъ-то всѣхъ и перерѣзалъ на прощанье. „Все равно, говоритъ, съ голоду помрете“. Всѣ какъ-то замолкли, подавленные страшно простымъ разсказомъ... „Господи, какую массу горя принесла эта ужасная война, — тяжело вздохнула какая-то дама рядомъ со мной, — и зачѣмъ она?“. Всѣ молча согласились съ ней, и вагонъ словно вздохнулъ весь подъ тяжестью этого горя.

И.

ПОДГОТОВКА МАНДЖУРСКАГО РАЗГРОМА.

Пораженіе подъ Ляояномъ и безпорядочное отступленіе Куропаткина на сѣверъ, которое можно сравнить развѣ съ разгромомъ наполеоновской арміи въ 1812 г., повидимому, окончательно опредѣлили исходъ кампаніи этого года. Японцы утвердятся въ южной Манджуріи, возьмутъ Портъ-Артуръ — его близкаго паденія теперь не отрицаетъ никто даже въ русскихъ оффиціальныхъ кругахъ, — можетъ быть, осадятъ Владивостокъ. Куропаткинъ ретируется въ Харбинъ и будетъ тамъ понемножку собирать громадную армію. Такимъ образомъ до слѣдующей весны, когда начнется новая кампанія, вѣроятно, никакихъ особенно крупныхъ событій не произойдетъ, если только японцы не умудрятся сыграть и зимой съ нашей арміей какую-нибудь скверную штуку — вѣдь, не помѣшалъ же имъ бить Куропаткина періодъ дождей, когда, по единогласному утвержденію газетъ, „всѣ операціи должны были неминуемо прекратиться“. Во всякомъ случаѣ, цѣлый періодъ войны фактически закончился (формально онъ закончится взятіемъ Портъ-Артура), и не мѣшаетъ теперь возвратиться къ вопросу о причинахъ, приведшихъ съ неумолимою неизбѣжностью къ полному и постыдному разгрому нашихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Незачѣмъ въ стотысячный разъ разъяснять, что первопричиной всего зла является самодержавный режимъ, — режимъ, при которомъ чиновникъ — военный или штатскій, это все равно — хочетъ и, главное, свободно можетъ искать въ службѣ только собственной выгоды, отнюдь не считаясь съ интересами „дѣла“, режимъ, при которомъ критеріемъ при раздачѣ мѣстъ являются не способности и опытъ, а умѣніе угождать начальствующимъ лицамъ, режимъ, при которомъ народныя деньги являются достояніемъ чиновной шайки, безконтрольно наполняющей ими свои карманы и карманы присосавшихся къ „пирогу“ рыцарей первоначальнаго и дальнѣйшаго накопленія, режимъ, при которомъ немыслимъ даже техническій прогрессъ, а всецѣло господствуетъ рутина, наконецъ, режимъ, основанный на невѣжествѣ и неразвитости народа, а, слѣдовательно, и всей массы войска, которое есть плоть отъ плоти этого народа. Все это давно извѣстно каждому мыслящему гражданину нашей родины, и настоящая война дала только богатый матеріалъ для разъясненія этой истины новымъ обширнымъ кругамъ населенія. Не вдаваясь, поэтому, въ общія разсужденія, мы приведемъ рядъ фактовъ и картинокъ, ясно показывающихъ, что за люди распоряжаются жизнью тысячъ русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ на Дальнемъ Востокѣ.

Вотъ что очевидецъ, житель Портъ-Артура, говоритъ о порядкахъ, царившихъ въ тихо-океанскомъ флотѣ передъ войной. „Война показала полное незнаніе дѣла, неумѣніе обращаться съ аппаратами, снарядами, минами и т. п.“ Некогда было морякамъ думать о практикѣ и ученіи. Все время ихъ было занято сплошнымъ кутежомъ, карточной игрой и грандіозными скандалами, зачастую сопровождавшимися преступленіями. „Бѣшеные“ оклады — простой мичманъ получалъ до 400 руб. въ мѣсяцъ — и полнѣйшая безнаказанность давали полный просторъ развернуться „широкой русской натурѣ“. Когда эскадра приходила въ какой-нибудь портъ — коммерсанты, рестораторы и содержатели притоновъ ликовали, ибо деньги лились рѣкой, обыватели же, особенно женщины, должны были трепетать. Все сходило съ рукъ: во Владивостокѣ мичманъ держалъ пари, что пойдетъ изъ ресторана въ первый попавшійся меблированный домъ и обезчеститъ первую попавшуюся женщину. Пари было имъ выиграно. Потерпѣвшая оказалось женой сухопутнаго офицера и сумѣла добраться до адмирала. Но адмиралъ... приложилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дама „простила молодому человѣку его „шалость“, и дѣло было замято. Крайняя мѣра, предпринимавшаяся начальствомъ противъ безшабашности гг. защитниковъ отечества, заключалась въ переводѣ эскадры въ другой портъ, когда ея пребываніе становилось уже невтерпежъ обывателямъ. Тамъ, понятно, начиналась сызнова та же исторія. Денегъ на такую жизнь часто не хватало, а подъ руками была спасительница-казна; молодежи часто приходилось расплачиваться пулей въ лобъ, чины же постарше облаживали грѣшки по домашнему.

Въ морскомъ вѣдомствѣ, подъ покровительствомъ августѣйшаго адмирала, идетъ крупное и безвастѣнчивое воровство; благодаря этому, всѣ суда имѣютъ крупные изъяны и, только что спущенные на воду, требуютъ капитальнаго ремонта. На востокѣ грабежъ происходитъ, понятно, въ еще болѣе безстыдныхъ формахъ — ужъ тамъ-то никакое око не увидитъ. Представленіе объ этихъ порядкахъ можетъ дать исторія извѣстнаго на Дальнемъ Востокѣ коммерсанта — М. Гинзбурга. У всѣхъ моряковъ еще въ памяти тщедушный, обтрепанный „Мошка“, обдѣлывавшій разныя дѣлишки господамъ офицерамъ во время стоянокъ судовъ въ Нагассакахъ. Теперь — это милліонеръ, коммерціи совѣтникъ, имѣющій два русскихъ ордена; самъ августѣйшій адмиралъ при поѣздкахъ его въ Петербургъ пожимаетъ ему руку. Вотъ какъ наживаетъ капиталы этотъ „отецъ тихо-океанскаго флота“. Когда эскадра отправляется въ плаваніе по восточнымъ портамъ, изъ конторы Гинзбурга офицерамъ выдаются чековыя книжки. Чеки его всюду ходятъ, какъ деньги, и ими моряки оплачиваютъ всѣ свои кутежи, всѣ свои безумные расходы: Гинзбургъ же впослѣдствіи разсчитывается по нимъ. Такъ какъ гг. офицеры тратятъ гораздо больше чѣмъ получаютъ, то, понятно, значительная часть долговъ по чекамъ за ними пропадаетъ; но г. Гинзбургъ не остается въ накладѣ: какъ не посодѣйствовать такому милому человѣку въ полученіи подрядовъ на флотъ? И Гинзбургъ получаетъ подряды на условіяхъ, какія онъ самъ пожелаетъ установить.

Если бы этотъ „благодѣтель“ захотѣлъ предать гласности свои дѣла съ морскимъ вѣдомствомъ, то получилась бы интересная „лѣтопись русскаго флота“, и стало бы вполнѣ понятно, почему „славный, гордый и могущественный флотъ“, на который затрачены сотни милліоновъ народныхъ денегъ, въ минуту испытанія оказался жалкимъ и безсильнымъ[1].

Въ сухопутной арміи господствуютъ такіе же порядки. Съ нескрываемымъ ужасомъ добродѣтельный нѣмецъ, корреспондентъ вѣнской буржуазной газеты „Zeit“, повѣствуетъ о томъ, какъ нѣкій ротмистръ, представитель стариннаго графскаго рода, жаловался ему на то, что съ перечисленіемъ изъ гвардіи въ пограничную стражу, онъ, вмѣсто 23 коп., сталъ „зарабатывать“ по 14 коп. въ сутки съ каждой лошади своего эскадрона. Насъ, россіянъ, этимъ не удивишь, — мы видывали вещи и похуже, — и мы вполнѣ были, поэтому, подготовлены къ разгрому русскихъ войскъ, тогда какъ западно-европейскіе буржуа, питавшіе какой то мистическій страхъ передъ арміей восточнаго самодержца, до сихъ поръ не могутъ придти въ себя отъ удивленія, что эта грозная сила на повѣрку оказалась насквозь прогнившей постройкой, разсыпающейся отъ первыхъ же основательныхъ ударовъ. Теперь только корреспонденты европейскихъ газетъ начинаютъ открывать глаза своимъ соотечественникамъ, теперь только они узнаютъ, что „вошедшая въ пословицу азіатская продажность русскаго чиновничества распространяется и на весь офицерскій корпусъ и пустила такіе глубокіе корни, что казнокрадство приняло видъ системы, терпимой и даже отчасти регулируемой всѣми высшими чинами“[2]. Теперь только оказывается, что „самое колоссальное невѣжество“ отличаетъ все русское офицерство, что „движеніе по службѣ обусловливается протекціей, создающей 30-лѣтнихъ подполковниковъ генеральнаго штаба, наряду съ значительно превосходящими ихъ по своимъ военнымъ познаніямъ 45-лѣтними поручиками линейныхъ войскъ, сыновьями неимущихъ мелкихъ дворянъ“. „Я никакъ не могъ понять, говоритъ тотъ же корреспондентъ, несмотря на мои интимныя отношенiя къ нѣсколькимъ штабнымъ, чему собственно они учатся или должны учиться въ Генеральномъ Штабѣ“. И послѣдний выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ своихъ наблюденiй надъ русскимъ офицерствомъ: „ни въ одной армiи мiра — за исключенiемъ турецкой — доносъ и шпiонство за товарищами не играютъ такой роли въ карьерѣ, какъ здѣсь“.

---

[1] Въ свое время, въ началѣ войны, корреспондентъ „Русск. Вѣдомостей“ сообщалъ свои бесѣды съ этимъ самымъ Гинзбургомъ, бѣжавшимъ изъ Портъ-Артура. Гинзбургъ объяснялъ свое бѣгство предусмотрительнымъ соображеніемъ, что, если онъ попадется въ плѣнъ японцамъ, они его повѣсятъ.

[2] „Die Zeit“ № 677.

О томъ, какъ начальство обкрадываетъ солдата, какъ мало позаботились о томъ, чтобы онъ имѣлъ хоть самое необходимое на войнѣ, не говоря уже объ удобствахъ, о томъ, какъ возмутительно организована была медицинская помощь, не разъ говорилось уже не только въ нелегальной печати, но даже кое-что проскользнуло и въ подневольную прессу. Приведемъ еще отрывокъ изъ письма врача: ...„Прiѣхалъ помогать раненымъ. Да, гдѣ же помогать? Ничего не приготовлено. Медикаментовъ мало, матерiаловъ мало, пищи нѣтъ; не ожидали такого погрома, бараки строили на сто, а принимать приходится сотни... Вотъ теперь... Принесли 500 раненыхъ, а баракъ... О, господи, боже мой, развѣ же это баракъ? Со мной еще одинъ докторъ, молодой... Посмотрѣли другъ на друга — жутко, страшно... „Ну, чтожъ, говорю, давайте работать!“ Наиболѣе тяжело раненыхъ помѣстили въ баракѣ; изорвали все бѣлье свое, у всѣхъ взяли, что было можно, кое какъ справились, а остальныхъ 400 разложили подъ небомъ. Дождь хлынулъ. Что дѣлать? Что дѣлать? Ночью умерло 117 человѣкъ... Да что же это будетъ?...

„Воровство идетъ ужасное. Солдаты плохо одѣты, плохо питаются... Не хватаетъ сѣделъ, уздечекъ, на эскадронъ три скребницы... Вотъ доставила фабрика Алафузовыхъ изъ Казани 4000 паръ сапогъ; черезъ недѣлю — негодны. Интендантство вздумало насѣсть на насъ: „не прiучили де сапогъ носить, какъ слѣдуетъ“. Ну, да и мы не дураки, спуску имъ не даемъ; *хоть это все равно, — ничего не сдѣлаешь*...“

Изъ печатающагося у насъ письма солдата видно, что не обильное и безъ того снабженiе армiи одеждой и другими предметами необходимости еще ухудшается благодаря рутинѣ, до сихъ поръ мѣшающей отмѣнить дурацкiй обычай, согласно которому солдатъ долженъ тащить на себѣ около $1\frac{1}{2}$ пудовъ разнаго скарба.

И вдобавокъ эта несчастная армiя, состоящая изъ голодныхъ, неодѣтыхъ и забитыхъ солдатъ подъ командой невѣжественныхъ грабителей и мучителей офицеровъ, имѣетъ своими руководителями не менѣе невѣжественныхъ, безчестныхъ и безталанныхъ генераловъ. Китайскiй походъ 1900 г. выдвинулъ разныхъ „героевъ“ — Линевича, Штакельберга, Стесселя, Ренненкампфа и другихъ, — которые оказались только и годными для грабежа мирныхъ и беззащитныхъ китайцевъ, и сильными только противъ опереточной китайской армiи. Теперь всѣ эти господа занимаютъ самые видные посты въ дѣйствующей армiи[1], и всѣмъ извѣстно, сколько бѣдъ они уже успѣли натворить. Вотъ что, напр., пишетъ офицеръ про одного изъ „вождей“:

...„Раненые офицеры ругаютъ Штакельберга. Въ битвѣ при Вафангоу не была указана общая цѣль обороны, позицiя не разбита на участки, не указанъ путь отступленiя, и потому на позицiи былъ кавардакъ. Части столпились, не знали, что имъ дѣлать, глупые держали людей подъ артиллерiйскимъ огнемъ противника, выказывая „мужество“, поумнѣе — отошли, но, отходя, перерѣзали другъ другу путь; а главное — полная неизвѣстность, что дѣлать, какъ и куда наступать, или отступать, упорно ли защищаться или нѣтъ. И таковы всѣ генералы“...

Оцѣнивъ всѣ эти данныя, нельзя не прiйти къ тому заключенiю, что подобная армiя, столкнувшись съ противникомъ, представляющимъ во всѣхъ отношенiяхъ полную противоположность, неминуемо должна была быть разбита. Это понимали даже многiе „патрiоты“ и всѣ свои надежды они возлагали, поэтому, на то, во-первыхъ, что, въ концѣ концовъ, Россiя возьметъ неистощимостью своего человѣческаго матерiала и, во-вторыхъ, что у Японiи не хватитъ денегъ. Что касается первой надежды, то она оказалась разбитой вслѣдствiе полной несостоятельности двухъ „перловъ нынѣшняго царствованiя“ — Сибирской и Манджурской дорогъ, которыя способны подвезти приблизительно такое количество солдатъ, какое за тотъ же срокъ выбываетъ изъ строя. Второй же расчетъ — на финансовый крахъ Японiи — былъ основанъ на полномъ непониманiи характера международной буржуазiи, которая даетъ деньги тому, кто имѣетъ успѣхъ.

Итакъ, кампанiя 1904 г. кончилась полнымъ крахомъ самодержавной военной организацiи. Въ 1905 г. патрiоты надѣются взять реваншъ, согнавъ къ тому времени на бойню еще сотни и сотни тысячъ крестьянъ и пролетарiевъ. Не беремся предсказывать, оправдаются ли ихъ чаянiя; мы знаемъ только, что за это время мы будемъ неустанно работать надъ пробужденiемъ и организацiей рабочихъ массъ и приложимъ всѣ усилiя къ тому, чтобы эти массы потребовали возможно скорѣе прекращенiя преступной авантюры. И мы знаемъ также, что чѣмъ дальше затянется война, чѣмъ больше трудовыхъ грошей она высосетъ изъ народа, чѣмъ больше сыновъ его будетъ принесено въ жертву кровожадному Молоху — тѣмъ страшнѣе будетъ расплата трудящагося люда со своимъ вѣковымъ угнетателемъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Самара. 15-го iюля ст. ст. изъ Самары вышелъ на Дальнiй Востокъ Бугульминскiй полкъ. Не доѣхавъ до Уфы, солдаты убили командира и выбросили изъ окна вагона фельдфебеля. Наказанiй не послѣдовало.

До отправки тотъ же полкъ погнали изъ Самары верстъ за 40 на маневры при 35°—40° жары. Пройдя нѣсколько верстъ, отъ солнечнаго удара свалился одинъ солдатъ; командиръ, приставивъ къ нему часового, скомандовалъ „впередъ“. Пройдя еще нѣсколько верстъ, снова случай солнечнаго удара и снова, приставивъ часового, команда „впередъ“. Наконецъ третiй случай удара, и солдаты на команду „впередъ“ не сдвинулись съ мѣста. На угрозы командира спокойно отвѣтили тѣмъ-же и послѣ того, какъ командиръ ускакалъ въ городъ, они рѣшили возвратиться. Наказанiй никакихъ.

По отзывамъ военныхъ врачей, отправляемыхъ на востокъ, ихъ снабжаютъ заржавленными инструментами и самымъ незначительнымъ количествомъ перевязочнаго матерiала. Жалованье выдается весьма неаккуратно и только послѣ неоднократныхъ заявленiй. До сихъ поръ нѣкоторые врачи, участвовавшiе въ Китайской кампанiи, не получили всего слѣдуемаго жалованья и судятся съ военнымъ министерствомъ.

Изъ частнаго письма. „При посадкѣ войскъ въ Пензѣ случилось нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ нашихъ офицеровъ. Подполковникъ Ѳоминъ встрѣтилъ солдатъ, не уступившихъ ему дороги и ударилъ одного изъ нихъ. Тотчасъ вступилась публика, а сами солдаты пошли въ аттаку на него и изрядно помяли ему бока, такъ что бѣдному подполковнику пришлось защищаться шашкой и едва унести ноги. Въ тотъ же день, когда садились на поѣздъ, подъѣхалъ поѣздъ съ фельдшерами. Какой то офицеръ тоже за что-то ударилъ фельдшера; тогда они всѣ съ грубой руганью бросились на него и начали колотить; жандармскiе чины и коменданты скрылись, а офицеръ успѣлъ ускользнуть въ вокзалъ и запереть двери и тотчасъ же на извощикѣ задалъ ходу въ городъ“.

Описанные выше эпизоды не только характеризуютъ поведенiе офицеровъ, но, до извѣстной степени, свидѣтельствуетъ и о пробужденiи чувства собственнаго достоинства въ русскомъ солдатѣ. Изъ разныхъ источниковъ приходятъ свѣдѣнiя, что солдату не такъ легко уже сѣсть на шею, какъ это было прежде.

Ростовъ н/Д. Послѣ того, какъ толки о прiѣздѣ въ наши края Ники-Милуши провожать на войну донскихъ казаковъ затихли было, послѣднее время обыватель снова занялся пересудами на тему: „не побоится ли прiѣхать, когда именно прiѣдетъ“ и т. д. Общее мнѣнiе таково, что „долженъ прiѣхать“, чтобы умилостивить казаковъ, высказавшихъ недовольство въ инцидентѣ со 100 руб. Какъ вамъ извѣстно уже изъ легальныхъ газетъ, казакамъ, отправляющимся теперь на войну, было назначено пособiе по 100 руб. каждому. Мѣстная администрацiя распорядилась зачесть пособiе въ счетъ недоимокъ и выдать на руки лишь остатки, за покрытiемъ этихъ послѣднихъ. Въ такомъ распоряженiи было много усердiя, но не было разумности. Былыя времена, когда казачество въ массѣ могло безъ особыхъ тяготъ и, во всякомъ случаѣ, безъ риска въ конецъ подорвать свое хозяйство, выставлять для мобилизацiи своихъ сыновъ во всеоружiи, давно миновали. Экономическое положенiе массы донскихъ казаковъ въ настоящее время таково, что обычныя даже снаряженiя сыновъ для отбыванiя воинской повинности становятся непосильными, сплошь и рядомъ подрывая хозяйство настолько, что оно уже послѣ не оправляется.

Назначенiе пособiй и являлось, въ сущности, оффицiальнымъ констатированiемъ разоренности казаковъ. Правда, при этомъ имѣлось въ виду не столько поддержанiе хозяйствъ, — такъ какъ затраты на снаряженiе далеко превышаютъ 100 руб. — сколько патрiотическiй подкупъ. Такъ именно и посмотрѣла на дѣло мѣстная администрацiя, рѣшивъ, что моральное значенiе подкупа не мѣняется отъ того, будутъ ли деньги выданы на руки или зачтены за недоимки. Не совсѣмъ такъ отнеслись казаки. Говорятъ, что одинъ казачiй офицеръ (теперь сидящiй, якобы, въ тюрьмѣ) обратился къ казакамъ съ рѣчью въ томъ духѣ, что администрацiя не имѣетъ права дѣлать вычеты изъ пособiй[1]. Такъ это или нѣтъ (мы не имѣемъ возможности провѣрить молву), только недовольство казаковъ мѣрой администрацiи настолько стало пробиваться наружу, что понадобились совѣщанiя и даже запугиванiя военной силой. Одинъ рабочiй, бывшiй свидѣтелемъ проявленiя недовольства, передавалъ, что казаки на запугиванiя военной силой отвѣчали: „это мы были дураки, что стрѣляли въ рабочихъ. Солдаты не станутъ въ насъ стрѣлять“... Разыгрывался крупный скандалъ, конецъ которому поспѣшили положить распоряженiемъ о выдачѣ пособiй на руки полностью. Въ перiодъ недовольства въ мѣстахъ сбора запасныхъ казаковъ, было распространено Донскимъ Комитетомъ 1000 шт. прокламацiй: „Къ запаснымъ рядовымъ“.

Новочеркасскъ. На дняхъ у насъ въ Новочеркасскѣ имѣлъ мѣсто довольно интересный арестъ. Арестовали офицера Лейбъ-Гвардiи казачьяго полка Миронова за рѣчь къ войскамъ, отправляющимся на Дальнiй Востокъ, и за раздачу имъ книжекъ, по одной версiи, прокламацiй — по другой. За городской рощей собрался 24-й полкъ и стоялъ тамъ лагеремъ, ожидая выступленiя; и вотъ среди этого-то полка, какъ передаютъ, Мироновъ въ теченiе двухъ дней доказывалъ казакамъ вредъ войны. Содержанiя рѣчи и книжекъ пока не знаю. Говорятъ, что съ нимъ арестовали одну дѣвицу. За достовѣрность послѣдняго ареста не ручаюсь.

Погромъ въ Смѣлѣ (Кiевск. губ.). Какъ уже, вѣроятно, Вамъ извѣстно, въ Смѣлѣ вспыхнулъ неожиданный погромъ. Ни о подпольной агитацiи въ пользу погрома, ни разговоровъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ Кишиневѣ, ничего заранѣе не слышно было. Начался онъ совершенно неожиданно и сразу же принялъ грандiозные размѣры. Уже за нѣсколько станцiй до Смѣлы на вокзалахъ, преимущественно въ III-мъ классѣ, мнѣ встрѣтились бѣглецы изъ Смѣлы, — жертвы погрома. Достаточно было только посмотрѣть на ихъ лица, чтобы сразу понять весь ужасъ ихъ положенiя. Тутъ были и женщины съ грудными дѣтьми, и старики, еле умѣющiе самостоятельно передвигаться, и молодыя дѣвушки, и зажиточные купцы. У нихъ на лицахъ была печать глубокой растерянности и отчаянiя; безпросвѣтнымъ пессимизмомъ сквозило каждое ихъ слово; тяжелое страданiе чуялось въ каждомъ ихъ вздохѣ. На вопросы они отвѣчали крайне неохотно, какъ будто окружающiе только изъ любопытства допытывались подробностей погрома. Толпа сочувствующихъ любопытныхъ окружала бѣглецовъ, и тутъ пришлось выслушивать душераздирающiя вещи. Одна мать, еле сдерживая рыданiя, разсказывала, какъ чуть было не задушила собственнаго ребенка, который не унимался отъ плача на чердакѣ, куда она съ нимъ спряталась; другая разсказывала о тѣхъ страданiяхъ, которыя испытала ея беременная дочь. И такъ всю ночь разсказывалось объ ужасахъ, испытанныхъ населенiемъ въ этотъ злосчастный день. Подробностей отъ нихъ никакъ нельзя было добиться. Только лишь на утро, когда мнѣ удалось прiѣхать въ Смѣлу, я узналъ слѣдующее: погромъ начался совершенно случайно, о какихъ бы то ни было подготовленiяхъ къ нему никто не слыхалъ. Началось со слѣдующаго: одна деревенская баба зашла къ еврейкѣ купить товару и не хотѣла уплатить; ее избили. По городу тогда распространился слухъ, что эта женщина убита евреями. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы на призывъ: „бей жидовъ!“ откликнулись всѣ мѣстные и прiѣзжiе крестьяне. Стали грабить лавки и дома. Цѣлыми шайками ходили громилы по улицамъ, разоряя рѣшительно все до тла. Съ поразительной жестокостью они уничтожали даже имущество самыхъ бѣдныхъ слоевъ населенiя. Грабили не только крестьяне, грабили также и имущiе классы: нѣкоторые изъ главныхъ служащихъ сахарнаго завода цѣлыми биндюгами привозили къ себѣ домой награбленные товары; мѣстный священникъ явно поощрялъ громилъ. Людей, однако, громилы не затрагивали. Погромъ начался въ воскресенье въ 12 час. дня и продолжался до ночи. Къ утру нѣкоторые изъ евреевъ рѣшили устроить самооборону. Вѣсть о погромѣ быстро распространилась по окрестностямъ, и изъ Черкассъ человѣкъ 40 молодежи (мужчинъ и женщинъ) поспѣшили на помощь евреямъ, захвативъ съ собою оружiе (то были исключительно экстерны). Въ Смѣлѣ тоже нашлось человѣкъ 45, которые присоединились къ этимъ 40. Такимъ образомъ, составилась оборона изъ 85 чел., конечно, почти невооруженная. Несмотря, однако, на такую малочисленность обороны, она заняла въѣздъ въ главную Владимирскую улицу и отстояла ее до 9 час. утра, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпустила послѣднюю пулю. Количество нападавшихъ громилъ достигало до 1000 человѣкъ. Таково дѣйствiе отпора! Въ 9 час. толпа ворвалась въ городъ и продолжала безчинствовать. Только къ 12 часамъ въ понедѣльникъ прибылъ губернаторъ съ войскомъ. Губернаторъ сейчасъ же далъ приказанiе... евреямъ разойтись по домамъ и, какъ говорятъ, составилъ протоколъ о сопротивленiи громиламъ. Толпа, увидя войско, разбѣжалась, и не удалось даже на мѣстѣ арестовать ни одного изъ громилъ. Теперь арестовываются тѣ, у кого находятъ товары.

Относительно участiя въ погромѣ рабочихъ сахарнаго завода точныхъ свѣдѣнiй, несмотря на всѣ мои старанiя и на весь мой интересъ именно къ этому вопросу, мнѣ не удалось установить. Иные говорили, что рабочiе принимали такое же участiе, какъ и крестьяне, другiе же, наоборотъ, говорили, что рабочiе и пальцемъ не дотронулись до грабежа. Подтверждали они это положенiе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ понедѣльникъ утромъ рабочiе ходили на работу, проходя мимо разрушаемыхъ магазиновъ и ничего не трогали. Болѣе данныхъ есть за то, что рабочiе не принимали въ погромѣ участiя. Смѣла теперь представляетъ вполнѣ разрушенный городъ. Все населенiе до крайности обѣднѣло, не имѣя даже откуда ждать помощи. Только четыре магазина остались въ Смѣлѣ нетронутыми! Долженъ упомянуть еще объ одномъ, очень важномъ обстоятельствѣ: на Ковалевкѣ (незначительная часть города), гдѣ евреи оказывали сопротивленiе, — погрома не было. Таковы уроки жизни. Передъ еврейскимъ населенiемъ во всей своей величинѣ снова встаетъ „погромный“ вопросъ, а оно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть, что только въ организованности массоваго сопротивленiя лежитъ его разгадка.

Членъ Елисаветградской соц.-дем. организацiи.

Кутаисъ. 6 iюля сего года изъ м. Чiатуры шесть стражниковъ конвоировало въ Кутаисскую губернскую тюрьму пятерыхъ арестантовъ, изъ которыхъ четверо были политическiе. На углу Тифлисской и Ольденбургской улицъ было произведено вооруженное нападенiе на конвой. Въ исторiи революцiоннаго движенiя подобные факты встрѣчаются довольно рѣдко. Причиною нападенiя было слѣдующее обстоятельство: въ м. Чiатуры вначалѣ iюля были арестованы на собранiи, по указанiю одного изъ шпiоновъ, четверо пропагандистовъ. Между ними былъ одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ на Кавказѣ, который принималъ участiе въ разныхъ мѣстахъ въ организацiи стачекъ и демонстрацiй и укрывался четыре года отъ отбыванiя воинской повинности. Благодаря всему этому, полицiя давно его разыскивала и онъ проживалъ нелегально, обративъ все свое вниманiе на районъ Кутаис. Ком. На допросѣ послѣ поимки въ Чiатурахъ онъ назвалъ себя Сихарулидзе и представилъ фальшивый паспортъ. Полицiя не могла себѣ представить, кого она захватила и подъ легкимъ конвоемъ (шесть стражниковъ на пять человѣкъ), отправила въ Кутаисъ. Среди чiатурскихъ рабочихъ онъ пользовался популярностью и, узнавъ объ его захватѣ, рабочiе очень опечалились. Особенно опечалила его поимка одного изъ близкихъ товарищей крестьянина, Прокопiя Лежава, который, зная, что его ожидаетъ тяжелое наказанiе съ неизбѣжнымъ установленiемъ личности, рѣшился, во что бы то ни стало, освободить его изъ рукъ полицiи. Свое намѣренiе сообщилъ онъ Кутаисскому Комитету, который началъ отговаривать Лежава отъ этого поступка, могущаго кончиться для него печально. Комитетъ, когда увидѣлъ его непреклонную рѣшимость, только тогда далъ свое согласiе и вотъ въ iюлѣ, когда ихъ вели въ тюрьму съ желѣзнодорожнаго вокзала, покойный Лежава, давно поджидавшiй моментъ, бросился на конвой стражниковъ, предварительно выстрѣливъ въ воздухъ (комитетъ рѣшилъ избѣгать, по возможности, пролитiя крови, надѣясь на то, что выстрѣлъ произведетъ замѣшательство въ конвоѣ, чѣмъ воспользуется названный политическiй товарищъ Сихарулидзе, чтобы освободиться отъ башибузуковъ: ему заранѣе дано было знать о желанiи его товарища освободить посредствомъ нападенiя), чѣмъ произвелъ среди нихъ замѣшательство, благодаря чему Сихарулидзе и другому товарищу удалось убѣжать. Въ это время стражники успѣли опомниться и все свое вниманiе устремили на нападающаго Лежава, который успѣлъ произвести еще два выстрѣла. Первымъ выстрѣломъ онъ контузилъ одного, а другого серьезно ранилъ въ голову. Въ это время стражники выстрѣлами уложили на мѣстѣ энергичнаго товарища. Среди собравшейся публики арестовали двухъ, которыхъ обвиняютъ въ соучастiи.

Состоянiе социальдемократической работы въ Одессѣ. Революцiонная работа ведется въ нашемъ городѣ довольно вяло[1]. И въ прежнее время размахъ былъ не особенно значительный, но за послѣднiе два мѣсяца дѣло революцiонизированiя рабочихъ массъ стало итти совсѣмъ уже медленно. Вотъ въ чемъ заключаются условiя, тормозящiя нашу работу.

Прежде всего, отмѣтимъ чрезвычайно развившiеся за послѣднее время сыскъ и шпiонство... Кромѣ невѣроятнаго количества шпиковъ и провокаторовъ (особенно на Пересыпи), большимъ зломъ являются дворники, имѣющiе строжайшiя инструкцiи слѣдить за всѣми жильцами и поощряемые къ ревностному исполненiю этой почетной службы наградами, щедро раздаваемыми нашимъ градоначальникомъ. Недавно „институтъ“ этотъ введенъ и въ дачныхъ мѣстечкахъ. Незачѣмъ пояснять, какъ сильно этимъ затрудняется веденiе кружковыхъ занятiй, устройство собранiй и т. п.

Еще тяжелѣе даетъ себя чувствовать отсутствiе умѣлыхъ и знающихъ пропагандистовъ и агитаторовъ. За послѣднее время у насъ — не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ — сильно распространился типъ, который я назвалъ бы „уличнымъ революцiонеромъ“. Это — зеленая молодежь обоего пола, едва соскочившая со школьной скамьи и не воспринявшая еще толкомъ и азовъ социальдемократiи. Всегда вы встрѣтите этихъ юнцовъ разгуливающими въ красныхъ рубахахъ съ дубинками въ рукахъ, толкающимися по базарамъ, паркамъ и трактирамъ. Пренебрегая какими-то тамъ „конспирацiями“, они смѣло идутъ „на бой кровавый, святой и правый“... И что отсюда получается, покажутъ слѣдующiе примѣры. Недавно, въ каменоломнѣ за Слободкой Романовкой была устроена массовая сходка[2]. Участниковъ предполагалось человѣкъ 150, но явилось только 70, изъ которыхъ половина ушла до открытiя собранiя, такъ какъ „патрули“ сообщили, что полицiя пронюхала про сходку. Тѣмъ не менѣе, руководитель сходки не распустилъ и началъ говорить агитацiонную рѣчь о войнѣ; но не успѣлъ онъ кончить, какъ явилась „эскадра“ и всѣхъ присутствовавшихъ, въ числѣ около 40 человѣкъ, препроводила въ участки. Градоначальникъ приговорилъ ихъ къ аресту отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а взятый тамъ же интеллигентъ Л. Ханинъ преданъ суду. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одинъ и тотъ же день и часъ провалились двѣ сходки въ городѣ, тоже по 40 человѣкъ; арестованныхъ разсадили по участкамъ и многихъ избили. Арестованный на одной изъ этихъ сходокъ интеллигентъ далъ ложный адресъ, за что подвергся страшному избiенiю. Когда полицiи удалось, наконецъ, добиться отъ него правильныхъ указанiй, она при обыскѣ нашла на его квартирѣ 4500 экземпляровъ только что выпущенной Комитетомъ прокламацiи о войнѣ и безработицѣ. Нужно ли распространяться о томъ, что такiе факты свидѣтельствуютъ о самомъ возмутительномъ авантюризмѣ? Между тѣмъ, съ этимъ зломъ серьезно не считаются, хотя оно несомнѣннѣйшимъ образомъ роняетъ престижъ нашей Партiи какъ въ глазахъ болѣе развитыхъ рабочихъ, такъ и въ глазахъ общества. Почему мы не выясняемъ этимъ юнцамъ, что раньше, нежели они смогутъ стать полезными активными работниками для нашихъ организацiй, имъ необходимо посидѣть дома надъ книжками, легальными и нелегальными? Что тогда только не будетъ такъ сильно бить въ глаза колоссальная невѣжественность и характерная несамостоятельность во всемъ нашихъ рядовыхъ работниковъ? Что въ наше время, когда каждая силенка такъ нужна, когда растущее движенiе требуетъ все больше и больше рукъ — что въ такое время *преступникомъ* является тотъ, кто, думая, что онъ совершаетъ великiй подвигъ, идетъ на вѣрную, но безполезную гибель и увлекаетъ за собой другихъ? Пора нашимъ руководителямъ сдѣлать что-нибудь для искорененiя этого больного нароста. Слѣдовало бы устраивать частыя совѣщанiя съ примыкающей къ движенiю молодежью о конспирацiи и другихъ вопросахъ революцiонной практики, не мѣшало бы также издать брошюрку на тему: „что долженъ знать и помнить каждый революцiонеръ“.

Полицейскiй терроръ и отсутствiе опытныхъ и умѣлыхъ руководителей, какъ сказано было выше, сильно тормозятъ устную пропаганду и агитацiю. Между тѣмъ, болѣе благопрiятную почву для революцiоннаго сѣятеля, чѣмъ сейчасъ, трудно себѣ представить. Война, неудачи русскихъ войскъ, новыя и новыя мобилизацiи, *колоссальнѣйшая безработица, доходящая до того, что людей буквально подбираютъ на улицахъ и скверахъ обезсиленными отъ голода*, страшное вздорожанiе предметовъ первой необходимости — все это неуклонно революцiонизируетъ рабочую интимныя отношенія къ нѣсколькимъ штабнымъ, чему собственно они учатся или должны учиться въ Генеральномъ Штабѣ". И послѣдній выводъ, который онъ дѣлаетъ изъ своихъ наблюденій надъ русскимъ офицерствомъ: „ни въ одной арміи міра — за исключеніемъ турецкой — доносъ и шпіонство за товарищами не играютъ такой роли въ карьерѣ, какъ здѣсь".

---

[1] Нѣтъ только почему-то одного изъ славнѣйшихъ „героевъ“ — Грибскаго, который въ 1900 г. потопилъ подъ Благовѣщенскомъ 3000 полунищихъ китайцевъ.

[1] Это, повидимому, тотъ же случай, о которомъ сообщаютъ изъ Новочеркасска (см. ниже). Ред.

[1] Судя по болѣе новымъ свѣдѣнiямъ, работа въ Одессѣ начинаетъ въ послѣднее время поправляться.

Ред.

[2] Раньше подобныя „массовки“ сильно оживляли дѣятельность мѣстнаго комитета, но за послѣднее время, въ силу указанныхъ въ текстѣ причинъ, онѣ устраиваются гораздо рѣже.

О томъ, какъ начальство обкрадываетъ солдата, какъ мало позаботились о томъ, чтобы онъ имѣлъ хоть самое необходимое на войнѣ, не говоря уже объ удобствахъ, о томъ, какъ возмутительно организована была медицинская помощь, не разъ говорилось уже не только въ нелегальной печати, но даже кое-что проскользнуло и въ подневольную прессу. Приведемъ еще отрывокъ изъ письма врача: ...„Пріѣхалъ помогать раненымъ. Да, гдѣ же помогать? Ничего не приготовлено. Медикаментовъ мало, матеріаловъ мало, пищи нѣтъ: не ожидали такого погрома, бараки строили на сто, а принимать приходится сотни... Вотъ теперь... Принесли 500 раненыхъ, а баракъ... О, господи, боже мой, развѣ же это баракъ? Со мной еще одинъ докторъ, молодой... Посмотрѣли другъ на друга — жутко, страшно... „Ну, чтожъ, говорю, давайте работать!" Наиболѣе тяжело раненыхъ помѣстили въ баракѣ; изорвали все бѣлье свое, у всѣхъ взяли, что было можно, кое какъ справились, а остальныхъ 400 разложили подъ небомъ. Дождь хлынулъ. Что дѣлать? Что дѣлать? Ночью умерло 117 человѣкъ... Да что же это будетъ?...

„Воровство идетъ ужасное. Солдаты плохо одѣты, плохо питаются... Не хватаетъ сѣделъ, уздечекъ, на эскадронъ три скребницы.. Вотъ доставила фабрика Алафузовыхъ изъ Казани 4000 паръ сапогъ; черезъ недѣлю — негодны. Интендантство вздумало насѣсть на насъ: „не пріучили де сапогъ носить, какъ слѣдуетъ". Ну, да и мы не дураки, спуску имъ не даемъ; *хоть это все равно, — ничего не сдѣлаешь...*"

Изъ печатающагося у насъ письма солдата видно, что не обильное и безъ того снабженіе арміи одеждой и другими предметами необходимости еще ухудшается благодаря рутинѣ, до сихъ поръ мѣшающей отмѣнить дурацкій обычай, согласно которому солдатъ долженъ тащить на себѣ около 1½ пудовъ разнаго скарба.

И вдобавокъ эта несчастная армія, состоящая изъ голодныхъ, неодѣтыхъ и забитыхъ солдатъ подъ командой невѣжественныхъ грабителей и мучителей офицеровъ, имѣетъ своими руководителями не менѣе невѣжественныхъ, безчестныхъ и безталанныхъ генераловъ. Китайскій походъ 1900 г. выдвинулъ разныхъ „героевъ" — Линевича, Штакельберга, Стесселя, Ренненкампфа и другихъ, которые оказались только и годными для грабежа мирныхъ и беззащитныхъ китайцевъ, и сильными только противъ опереточной китайской арміи. Теперь всѣ эти господа занимаютъ самые видные посты въ дѣйствующей арміи¹), и всѣмъ извѣстно, сколько бѣдъ они уже успѣли натворить. Вотъ что, напр., пишетъ офицеръ про одного изъ „вождей":

„Раненые офицеры ругаютъ Штакельберга. Въ битвѣ при Вафангоу не была указана общая цѣль обороны, позиція не разбита на участки, не указанъ путь отступленія, и потому на позиціи былъ кавардакъ. Части столпились, не знали, что имъ дѣлать, глупые держали людей подъ артиллерійскимъ огнемъ противника, выказывая „мужество", поумнѣе — отошли, но, отходя, перерѣзали другъ другу путь, а главное — полная неизвѣстность, что дѣлать, какъ и куда наступать, или отступать, упорно ли защищаться или нѣтъ. И таковы всѣ генералы"...

Оцѣнивъ всѣ эти данныя, нельзя не прійти къ тому заключенію, что подобная армія, столкнувшись съ противникомъ, представляющимъ во всѣхъ отношеніяхъ полную противоположность, неминуемо должна была быть разбита. Это понимали даже многіе „патріоты" и всѣ свои надежды они возлагали, поэтому, на то, во-первыхъ, что, въ концѣ концовъ, Россія возьметъ неистощимостью своего человѣческаго матеріала и, во-вторыхъ, что у Японіи не хватитъ денегъ. Что касается первой надежды, то она оказалась разбитой вслѣдствіе полной несостоятельности двухъ „перловъ нынѣшняго царствованія" — Сибирской и Манджурской дорогъ, которыя способны подвезти приблизительно такое количество солдатъ, какое за тотъ же срокъ выбываетъ изъ строя. Второй же разсчетъ — на финансовый крахъ Японіи — былъ основанъ на полномъ непониманіи характера международной буржуазіи, которая даетъ деньги тому, кто имѣетъ успѣхъ.

Итакъ, кампанія 1904 г. кончилась полнымъ крахомъ самодержавной военной организаціи. Въ 1905 г. патріоты надѣются взять реваншъ, согнавъ къ тому времени на бойню еще сотни и сотни тысячъ крестьянъ и пролетаріевъ. Не беремся предсказывать, оправдаются ли ихъ чаянія; мы знаемъ только, что за это время мы будемъ неустанно работать надъ пробужденіемъ и организаціей рабочихъ массъ и приложимъ всѣ усилія къ тому, чтобы эти массы потребовали возможно скорѣе прекращенія преступной авантюры. И мы знаемъ также, что чѣмъ дальше затянется война, чѣмъ больше трудовыхъ грошей она высосетъ изъ народа, чѣмъ больше сыновъ его будетъ принесено въ жертву кровожадному Молоху — тѣмъ страшнѣе будетъ расплата трудящагося люда со своимъ вѣковымъ угнетателемъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Самара. 15-го іюля ст. ст. изъ Самары вышелъ на Дальній Востокъ Бугульминскій полкъ. Не доѣхавъ до Уфы, солдаты убили командира и выбросили изъ окна вагона фельдфебеля. Наказаній не послѣдовало.

До отправки тотъ же полкъ погнали изъ Самары верстъ за 40 на маневры при 35—40° жары. Пройдя нѣсколько верстъ, отъ солнечнаго удара свалился одинъ солдатъ; командиръ, приставивъ къ нему часового, скомандовалъ „впередъ". Пройдя еще нѣсколько верстъ, снова случай солнечнаго удара и снова, приставивъ часового, команда „впередъ". Наконецъ третій случай удара, и солдаты на команду „впередъ" не сдвинулись съ мѣста. На угрозы командира спокойно отвѣтили тѣмъ же и послѣ того, какъ командиръ ускакалъ въ городъ, они рѣшили возвратиться. Наказаній никакихъ.

По отзывамъ военныхъ врачей, отправляемыхъ на востокъ, ихъ снабжаютъ заржавленными инструментами и самымъ незначительнымъ количествомъ перевязочнаго матеріала. Жалованье выдается весьма неаккуратно и только послѣ неоднократныхъ заявленій. До сихъ поръ нѣкоторые врачи, участвовавшіе въ Китайской кампаніи, не получили всего слѣдуемаго жалованья и судятся съ военнымъ министерствомъ.

Изъ частнаго письма. „При посадкѣ войскъ въ Пензѣ случилось нѣсколько эпизодовъ, обрисовывающихъ нашихъ офицеровъ. Подполковникъ Оминъ встрѣтилъ солдатъ, не уступившихъ ему дороги и ударилъ одного изъ нихъ. Тотчасъ вступилась публика, а сами солдаты пошли въ аттаку на него и изрядно помяли ему бока, такъ что бѣдному подполковнику пришлось защищаться шашкой и едва унести ноги. Въ тотъ же день, когда садились на поѣздъ, подъѣхалъ поѣздъ съ фельдшерами. Какой-то офицеръ тоже за что-то ударилъ фельдшера; тогда они всѣ съ грубой руганью бросились на него и начали колотить; жандармскіе чины и коменданты скрылись, а офицеръ успѣлъ ускользнуть въ вокзалъ и запереть двери и тотчасъ же на извозчикѣ задалъ ходу въ городъ".

Описанные выше эпизоды не только характеризуютъ поведеніе офицеровъ, но, до извѣстной степени, свидѣтельствуетъ и о пробужденіи чувства собственнаго достоинства въ русскомъ солдатѣ. Изъ разныхъ источниковъ приходятъ свѣдѣнія, что солдату не такъ легко уже сѣсть на шею, какъ это было прежде.

Ростовъ н/Д. Послѣ того, какъ толки о пріѣздѣ въ наши края Ники-Милуши провожать на войну донскихъ казаковъ затихли было, послѣднее время обыватель снова занялся пересудами на тему: „не побоится ли пріѣхать, когда именно пріѣдетъ" и т. д. Общее мнѣніе таково, что „долженъ пріѣхать", чтобы умилостивить казаковъ, выказавшихъ недовольство въ инцидентѣ со 100 руб. Какъ вамъ извѣстно уже изъ легальныхъ газетъ, казакамъ, отправляющимся теперь на войну, было назначено пособіе по 100 руб. каждому. Мѣстная администрація распорядилась зачесть пособіе въ счетъ недоимокъ и выдать на руки лишь остатки, за покрытіемъ этихъ послѣднихъ. Въ такомъ распоряженіи было много усердія, но не было разумности. Былыя времена, когда казачество въ массѣ могло безъ особыхъ тяготъ и, во всякомъ случаѣ, безъ риска въ конецъ подорвать свое хозяйство, выставлять для мобилизаціи своихъ сыновъ во всеоружіи, давно миновали. Экономическое положеніе массы донскихъ казаковъ въ настоящее время таково, что обычныя даже снаряженія сыновъ для отбыванія воинской повинности становятся непосильными, сплошь и рядомъ подрывая хозяйство настолько, что оно уже послѣ не оправляется.

Назначеніе пособій и являлось, въ сущности, оффиціальнымъ констатированіемъ разоренности казаковъ. Правда, при этомъ имѣлось въ виду не столько поддержаніе хозяйствъ, — такъ какъ затраты на снаряженіе далеко превышаютъ 100 руб. — сколько патріотическій подкупъ. Такъ именно и посмотрѣла на дѣло мѣстная администрація, рѣшивъ, что моральное значеніе подкупа не мѣняется отъ того, будутъ ли деньги выданы на руки или зачтены за недоимки. Не совсѣмъ такъ отнеслись казаки. Говорятъ, что одинъ казачій офицеръ (теперь сидящій, якобы, въ тюрьмѣ) обратился къ казакамъ съ рѣчью въ томъ духѣ, что администрація не имѣетъ права дѣлать вычеты изъ пособій¹. Такъ это или нѣтъ (мы не имѣемъ возможности провѣрить молву), только недовольство казаковъ мѣрой администраціи настолько стало пробиваться наружу, что понадобились совѣщанія и даже запугиванія военной силой. Одинъ рабочій, бывшій свидѣтелемъ проявленія недовольства, передавалъ, что казаки на запугиванія военной силой отвѣчали: „это мы были дураки, что стрѣляли въ рабочихъ. Солдаты не станутъ въ насъ стрѣлять"... Разыгрывался крупный скандалъ, конецъ которому поспѣшили положить распоряженіемъ о выдачѣ пособій на руки полностью. Въ періодъ недовольства въ мѣстахъ сбора запасныхъ казаковъ, было распространено Донскимъ Комитетомъ 1000 шт. прокламацій „Къ запаснымъ рядовымъ".

Новочеркасскъ. На дняхъ у насъ въ Новочеркасскѣ имѣлъ мѣсто довольно интересный арестъ. Арестовали офицера Лейбъ-Гвардіи казачьяго полка Миронова за рѣчь къ войскамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ, и за раздачу имъ книжекъ, по одной версіи, прокламацій — по другой. За городской рощей собрался 24-й полкъ и стоялъ тамъ лагеремъ, ожидая выступленія; и вотъ среди этого-то полка, какъ передаютъ, Мироновъ въ теченіе двухъ дней доказывалъ казакамъ вредъ войны. Содержанія рѣчи и книжекъ пока не знаю. Говорятъ, что съ нимъ арестовали одну дѣвицу. За достовѣрность послѣдняго ареста не ручаюсь.

Погромъ въ Смѣлѣ (Кіевск. губ.). Какъ уже, вѣроятно, Вамъ извѣстно, въ Смѣлѣ вспыхнулъ неожиданный погромъ. Ни о подпольной агитаціи въ пользу погрома, ни разговоровъ о немъ, какъ, напримѣръ, въ Кишиневѣ, ничего заранѣе не слышно было. Начался онъ совершенно неожиданно и сразу же принялъ грандіозные размѣры. Уже за нѣсколько станцій до Смѣлы на вокзалахъ, преимущественно въ III-мъ классѣ, мнѣ встрѣтились бѣглецы изъ Смѣлы, — жертвы погрома. Достаточно было только посмотрѣть на ихъ лица, чтобы сразу понять весь ужасъ ихъ положенія. Тутъ были и женщины съ грудными дѣтьми, и старики, еле умѣющіе самостоятельно передвигаться, и молодыя дѣвушки, и зажиточные купцы. У нихъ на лицахъ была печать глубокой растерянности и отчаянія; безпросвѣтнымъ пессимизмомъ сквозило каждое ихъ слово, тяжелое страданіе чуялось въ каждомъ ихъ вздохѣ. На вопросы они отвѣчали крайне неохотно, какъ будто окружающіе только изъ любопытства допытывались подробностей погрома. Толпа сочувствующихъ любопытныхъ окружала бѣглецовъ, и тутъ пришлось выслушивать душераздирающія вещи. Одна мать, еле сдерживая рыданія, разсказывала, какъ чуть было не задушила собственнаго ребенка, который не унимался отъ плача на чердакѣ, куда она съ нимъ спряталась; другая разсказывала о тѣхъ страданіяхъ, которыя испытала ея беременная дочь. И такъ всю ночь разсказывалось объ ужасахъ, испытанныхъ населеніемъ въ этотъ злосчастный день. Подробностей отъ нихъ никакъ нельзя было добиться. Только лишь на утро, когда мнѣ удалось пріѣхать въ Смѣлу, я узналъ слѣдующее: погромъ начался совершенно случайно, о какихъ бы то ни было подготовленіяхъ къ нему никто не слыхалъ. Началось со слѣдующаго: одна деревенская баба зашла къ еврейкѣ купить товару и не хотѣла уплатить — ее избили. По городу тогда распространился слухъ, что эта женщина убита евреями. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы на призывъ „бей жидовъ!" откликнулись всѣ мѣстные и пріѣзжіе крестьяне. Стали грабить лавки и дома. Цѣлыми шайками ходили громилы по улицамъ, разоряя рѣшительно все до тла. Съ поразительной жестокостью они уничтожали даже имущество самыхъ бѣдныхъ слоевъ населенія. Грабили не только крестьяне, грабили также и имущіе классы: нѣкоторые изъ главныхъ служащихъ сахарнаго завода цѣлыми биндюгами привозили къ себѣ домой награбленные товары, мѣстный священникъ явно поощрялъ громилъ. Людей однако громилы не затрагивали. Погромъ начался въ воскресенье въ 12 час. дня и продолжался до ночи. Къ утру нѣкоторые изъ евреевъ рѣшили устроить самооборону. Вѣсть о погромѣ быстро распространилась по окрестностямъ, и изъ Черкассъ человѣкъ 40 молодежи мужчинъ и женщинъ поспѣшили на помощь евреямъ, захвативъ съ собою оружіе (то были исключительно экстерны). Въ Смѣлѣ тоже нашлось человѣкъ 45, которые присоединились къ этимъ 40. Такимъ образомъ, составилась оборона изъ 85 чел., конечно почти невооруженная. Несмотря однако на такую малочисленность обороны, она заняла въѣздъ въ главную Владимірскую улицу и отстояла ее до 9 час. утра, т. е. до тѣхъ поръ, пока не выпустила послѣднюю пулю. Количество нападавшихъ громилъ достигало до 4000 человѣкъ. Таково дѣйствіе отпора! Въ 9 час. толпа ворвалась въ городъ и продолжала безчинствовать. Только къ 12 часамъ въ понедѣльникъ прибылъ губернаторъ съ войскомъ. Губернаторъ сейчасъ же далъ приказаніе евреямъ разойтись по домамъ и, какъ говорятъ, составилъ протоколъ о сопротивленіи громиламъ. Толпа, увидя войско, разбѣжалась, и не удалось даже на мѣстѣ арестовать ни одного изъ громилъ. Теперь арестовываются тѣ, у кого находятъ товары.

Относительно участія въ погромѣ рабочихъ сахарнаго завода точныхъ свѣдѣній, несмотря на всѣ мои старанія и на весь мой интересъ именно къ этому вопросу, мнѣ не удалось установить. Иные говорили, что рабочіе принимали такое же участіе, какъ и крестьяне, другіе же, наоборотъ, говорили, что рабочіе и пальцемъ не дотронулись до грабежа. Подтверждали они это положеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ понедѣльникъ утромъ рабочіе ходили на работу, проходя мимо разрушаемыхъ магазиновъ, и ничего не трогали. Болѣе данныхъ есть за то, что рабочіе не принимали въ погромѣ участія. Смѣла теперь представляетъ вполнѣ разрушенный городъ. Все населеніе до крайности обѣднѣло, не имѣя даже откуда ждать помощи. Только четыре магазина остались въ Смѣлѣ нетронутыми! Долженъ упомянуть еще объ одномъ, очень важномъ обстоятельствѣ: на Ковалевкѣ (незначительная часть города, гдѣ евреи оказывали сопротивленіе) погрома не было. Таковы уроки жизни. Передъ еврейскимъ населеніемъ во всей своей величинѣ снова встаетъ „погромный" вопросъ, а оно закрываетъ глаза и не хочетъ видѣть, что только въ организованности массоваго сопротивленія лежитъ его разгадка.

Членъ Елисаветградской соц.-дем. организаціи.

Кутаисъ. 6 іюля сего года изъ м. Чіатуры шесть стражниковъ конвоировало въ Кутаисскую губернскую тюрьму пятерыхъ арестантовъ, изъ которыхъ четверо были политическіе. На углу Тифлисской и Ольденбургской улицъ было произведено вооруженное нападеніе на конвой. Въ исторіи революціоннаго движенія подобные факты встрѣчаются довольно рѣдко. Причиною нападенія было слѣдующее обстоятельство: въ м. Чіатуры вначалѣ іюля были арестованы на собраніи, по указанію одного изъ шпіоновъ, четверо пропагандистовъ. Между ними былъ одинъ изъ лучшихъ агитаторовъ на Кавказѣ, который принималъ участіе въ разныхъ мѣстахъ въ организаціи стачекъ и демонстрацій и укрывался четыре года отъ отбыванія воинской повинности. Благодаря всему этому, полиція давно его разыскивала и онъ проживалъ нелегально, обративъ все свое вниманіе на районъ Кутаис. Ком. На допросѣ послѣ поимки въ Чіатурахъ онъ назвалъ себя Сихарулидзе и представилъ фальшивый паспортъ. Полиція не могла себѣ представить, кого она захватила и подъ легкимъ конвоемъ (шесть стражниковъ на пять человѣкъ), отправила въ Кутаисъ. Среди чіатурскихъ рабочихъ онъ пользовался популярностью и, узнавъ объ его захватѣ, рабочіе очень опечалились. Особенно опечалила его поимка одного изъ близкихъ товарищей крестьянина, Прокопія Лежава, который, зная, что его ожидаетъ тяжелое наказаніе съ неизбѣжнымъ установленіемъ личности, рѣшился, во что бы то ни стало, освободить его изъ рукъ полиціи. Свое намѣреніе сообщилъ онъ Кутаисскому Комитету, который началъ отговаривать Лежава отъ этого поступка, могущаго кончиться для него печально. Комитетъ, когда увидѣлъ его непреклонную рѣшимость, только тогда далъ свое согласіе и вотъ въ іюлѣ, когда ихъ вели въ тюрьму съ желѣзнодорожнаго вокзала, покойный Лежава, давно поджидавшій моментъ, бросился на конвой стражниковъ, предварительно выстрѣливъ въ воздухъ (комитетъ рѣшилъ избѣгать, по возможности, пролитія крови, надѣясь на то, что выстрѣлъ произведетъ замѣшательство въ конвоѣ, чѣмъ воспользуется названный политическій товарищъ Сихарулидзе, чтобы освободиться отъ башибузуковъ; ему заранѣе дано было знать о желаніи его товарища освободить посредствомъ нападенія), чѣмъ произвелъ среди нихъ замѣшательство, благодаря чему Сихарулидзе и другому товарищу удалось убѣжать. Въ это время стражники успѣли опомниться и все свое вниманіе устремили на нападающаго Лежава, который успѣлъ произвести еще два выстрѣла. Первымъ выстрѣломъ онъ контузилъ одного, а другого серьезно ранилъ въ голову. Въ это время стражники выстрѣлами уложили на мѣстѣ энергичнаго товарища. Среди собравшейся публики арестовали двухъ, которыхъ обвиняютъ въ соучастіи.

Состояніе социальдемократической работы въ Одессѣ. Революціонная работа ведется въ нашемъ городѣ довольно вяло¹). И въ прежнее время размахъ былъ не особенно значительный, но за послѣдніе два мѣсяца дѣло революціонизированія рабочихъ массъ стало итти совсѣмъ уже медленно. Вотъ въ чемъ заключаются условія, тормозящія нашу работу.

Прежде всего, отмѣтимъ чрезвычайно развившееся за послѣднее время сыскъ и шпіонство... Кромѣ невѣроятнаго количества шпиковъ и провокаторовъ (особенно на Пересыпи), большимъ зломъ являются дворники, имѣющіе строжайшія инструкціи слѣдить за всѣми жильцами и поощряемые къ ревностному исполненію этой почетной службы наградами, щедро раздаваемыми нашимъ градоначальникомъ. Недавно „институтъ" этотъ введенъ и въ дачныхъ мѣстечкахъ. Незачѣмъ пояснять, какъ сильно этимъ затрудняется веденіе кружковыхъ занятій, устройство собраній и т. п.

Еще тяжелѣе даетъ себя чувствовать отсутствіе умѣлыхъ и знающихъ пропагандистовъ и агитаторовъ. За послѣднее время у насъ — не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ — сильно распространился типъ, который я назвалъ бы „уличнымъ революціонеромъ". Это — зеленая молодежь обоего пола, едва соскочившая со школьной скамьи и не воспринявшая еще толкомъ и азовъ социальдемократіи. Всегда вы встрѣтите этихъ юнцовъ разгуливающими въ красныхъ рубахахъ съ дубинками въ рукахъ, толкающимися по базарамъ, паркамъ и трактирамъ. Пренебрегая какими-то тамъ „конспираціями", они смѣло идутъ „на бой кровавый, святой и правый". И что отсюда получается, покажутъ слѣдующіе примѣры. Недавно, въ каменоломнѣ за Слободкой Романовкой была устроена массовая сходка². Участниковъ предполагалось человѣкъ 150, но явилось только 70, изъ которыхъ половина ушла до открытія собранія, такъ какъ „патрули" сообщили, что полиція пронюхала про сходку. Тѣмъ не менѣе, руководитель сходки не распустилъ и началъ говорить агитаціонную рѣчь о войнѣ, но не успѣлъ онъ кончить, какъ явилась „эскадра" и всѣхъ присутствовавшихъ, въ числѣ около 40 человѣкъ, препроводила въ участки. Градоначальникъ приговорилъ ихъ къ аресту отъ двухъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а взятый тамъ же интеллигентъ Л. Ханинъ преданъ суду. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ одинъ и тотъ же день и часъ провалились двѣ сходки въ городѣ, тоже по 40 человѣкъ; арестованныхъ разсадили по участкамъ и многихъ избили. Арестованный на одной изъ этихъ сходокъ интеллигентъ далъ ложный адресъ, за что подвергся страшному избіенію. Когда полиціи удалось, наконецъ, добиться отъ него правильныхъ указаній, она при обыскѣ нашла на его квартирѣ 4500 экземпляровъ только что выпущенной Комитетомъ прокламаціи о войнѣ и безработицѣ. Нужно ли распространяться о томъ, что такіе факты свидѣтельствуютъ о самомъ возмутительномъ авантюризмѣ? Между тѣмъ, съ этимъ зломъ серьезно не считаются, хотя оно несомнѣннѣйшимъ образомъ роняетъ престижъ нашей Партіи какъ въ глазахъ болѣе развитыхъ рабочихъ, такъ и въ глазахъ общества. Почему мы не выясняемъ этимъ юнцамъ, что раньше, нежели они смогутъ стать полезными активными работниками для нашихъ организацій, имъ необходимо посидѣть дома надъ книжками, легальными и нелегальными? Что тогда только не будетъ такъ сильно бить въ глаза колоссальная невѣжественность и характерная несамостоятельность во всемъ нашихъ рядовыхъ работниковъ? Что въ наше время, когда каждая силенка такъ нужна, когда растущее движеніе требуетъ все больше и больше рукъ, — что въ такое время *преступникомъ* является тотъ, кто, думая, что онъ совершаетъ великій подвигъ, идетъ на вѣрную, но *безполезную* гибель и увлекаетъ за собой другихъ? Пора нашимъ руководителямъ сдѣлать что-нибудь для искорененія этого больного нароста. Слѣдовало бы устраивать частыя совѣщанія съ примыкающей къ движенію молодежью о конспираціи и другихъ вопросахъ революціонной практики, не мѣшало бы также издать брошюрку на тему: „что долженъ знать и помнить каждый революціонеръ".

Полицейскій терроръ и отсутствіе опытныхъ и умѣлыхъ руководителей, какъ сказано было выше, сильно тормозятъ устную пропаганду и агитацію. Между тѣмъ, болѣе благопріятную почву для революціоннаго сѣятеля, чѣмъ сейчасъ, трудно себѣ представить. Война, неудачи русскихъ войскъ, новыя и новыя мобилизаціи, *колоссальнѣйшая безработица, доходящая до того, что людей буквально подбираютъ на улицахъ и скверахъ обезсиленными отъ голода*, страшное вздорожаніе предметовъ первой необходимости — все это неуклонно революціонизируетъ рабочую

---

[1] Нѣтъ только почему-то одного изъ славнѣйшихъ „героевъ" — Грибскаго, который въ 1900 г. потопилъ подъ Благовѣщенскомъ 5000 полунищихъ китайцевъ.

[1] Это, повидимому, тотъ же случай, о которомъ сообщаютъ изъ Новочеркасска (см. ниже). Ред.

[1] Судя по болѣе новымъ свѣдѣніямъ, работа въ Одессѣ начинаетъ въ послѣднее время поправляться. Ред.

[2] Раньше подобныя „массовки" сильно оживляли дѣятельность мѣстнаго комитета, но за послѣднее время, въ силу указанныхъ въ текстѣ причинъ, онѣ устраиваются гораздо рѣже.

массу и даже мѣщанъ-обывателей. Въ такой-то моментъ оказала бы незамѣнимыя услуги литература, которая бы систематически вводила читателей въ кругъ социальдемократическаго міровоззрѣнія и социальдемократической критики существующихъ отношеній; распространяемая въ большомъ количествѣ, она бы помогла, до извѣстной степени, заполнить пробѣлъ, заключающійся въ слабомъ устномъ воздѣйствіи на массы. И спросъ на нее имѣется громадный. Но она отсутствуетъ эта литература, отсутствуетъ до такой степени, что прямо иной разъ въ тупикъ становишься! Ни одной брошюры! Ни одного номера „Искры"! Суррогатомъ такой литературы долгое время служили у насъ листки мѣстнаго комитета, выходившие довольно часто и въ количествѣ не менѣе 10 тысячъ экземпляровъ. Правда, они распространялись не очень удачно — особенно мало ихъ попадало въ широкіе круги *русской* массы — но, все таки, они значительно помогали веденію массовой работы. За послѣднее же время и листки стали выходить довольно рѣдко и въ такомъ количествѣ, которое совершенно не удовлетворяетъ наличной потребности.

Работа въ нашемъ городѣ зашла въ тупой уголъ, и необходимо приложить громадныя усилія, чтобы поднять ее на должную высоту.

Одесса. Недавно провалилось большое массовое собраніе устроенное мѣстной организаціей Бунда. При возвращеніи со сходки взято было больше 130 чел., которые черезъ нѣкоторое время были освобождены градоначальникомъ, по случаю рожденія высочайшаго младенца. При освобожденіи приставъ Александровскаго участка Рацшевскій нахально отобралъ у многихъ изъ нихъ деньги, заявивъ имъ, что эти деньги пойдутъ въ пользу войны. Провалы какъ этого, такъ и трехъ меньшихъ собраній, устроенныхъ комитетомъ нашей Партій сильно расшевелили нашихъ обывателей; всѣ на разные лады истолковываютъ смыслъ происходящихъ событій.

Изъ подмосковной деревни. Два года назадъ движенія здѣсь не было и въ поминѣ, и о соціалистахъ говорили не иначе, какъ съ прибавленіемъ крѣпкихъ словъ. Еще во время студ. волненій 1902 г. самые умные изъ здѣшнихъ рабочихъ ругали „царскихъ ослушниковъ". Но вотъ годъ тому назадъ у насъ появился долго гдѣ то пропадавшій рабочій и привезъ съ собой двѣ брошюрки. Книжки произвели впечатлѣніе. Черезъ полгода была установлена связь съ комитетомъ, образовался кружокъ энергичныхъ лицъ, и началась работа. О результатахъ ея можно судить по слѣдующему факту. Изъ одной глухой деревни, отстоящей отсюда въ 30 верстахъ (туда недавно стали посылать литературу, которая очень понравилась и вызвала дальнѣйшій спросъ) пріѣхалъ гонецъ, сообщившій, что у нихъ произошли недоразумѣнія съ помѣщикомъ вызвавшія сильное возбужденіе среди крестьянъ. „Начинайте", сказалъ онъ здѣшнимъ рабочимъ, „а мы — шесть деревень — подхватимъ и разнесемъ имѣніе и полицію". И — пусть негодуютъ гг. соціаль-реакціонеры! — рабочіе нашли его предложеніе глупымъ и разъяснили, что необходимо дожидаться „общаго возстанія". Крестьянинъ уѣхалъ убѣжденный, захвативъ съ собой новый запасъ литературы.

Несочувствующихъ движенію въ нашемъ округѣ, за исключеніемъ единицъ, не осталось; литературу всѣ читаютъ съ величайшей охотой, и всегда просятъ сами доставлять ее. Къ сожалѣнію, въ душѣ крестьянина слишкомъ еще крѣпко сидитъ вѣра въ „помазанника"; кромѣ того, крестьяне очень боязливы и не рѣшаются проявить какую либо активность, хотя бы даже передать другому книжку. Однако, революціонное сознаніе растетъ, и одинъ рабочій опредѣляетъ положеніе такъ: „стоитъ машина съ разведенными парами, не достаетъ механика, который привелъ бы ее въ дѣйствіе, и только за этимъ дѣло и стало".

Не хватаетъ и у насъ хорошей социальдемократической литературы для крестьянъ: въ ходу одна только, хотя и очень уважаемая, книжка Ленина: „Къ деревенской бѣднотѣ". И все же населеніе охотнѣе читаетъ соц.-дем. брошюры для рабочихъ, чѣмъ писанія къ крестьянамъ соц. революціонеровъ: литература послѣднихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ распространяется, но случайно и не соц.-революціонерами. Слѣды ихъ „ученій" иногда еще встрѣчаются. Такъ, одинъ крестьянинъ сообщилъ мнѣ, что существуютъ двѣ партіи: „демократическая" и „революціонная". Конечно, безъ революціи мы ничего не достигнемъ, прибавилъ онъ, и былъ страшно удивленъ, когда я разъяснилъ ему, что „демократическая партія" подготовляетъ революцію. Рабочее населеніе у насъ довольно развитое, и с.-ровская литература симпатіями среди нихъ не пользуется.

Мѣстная полиція сбилась съ ногъ, разыскивая источники крамолы; на подмогу ей пріѣзжалъ высшій жандармскій чинъ. Нашъ унтеръ распрашиваетъ всѣхъ и вся, но пока ничего открыть не можетъ. Весной у насъ, однако, были уже аресты.

Изъ Нижегородской тюрьмы. 7 го іюля въ 4 часа дня пом. нач. Введенскій, проходя подъ окнами барака, закричалъ на М. Тихомірова, чтобы тотъ слѣзъ съ окна. Тихоміровъ отвѣтилъ, что онъ вылѣзъ подышать свѣжимъ воздухомъ, что онъ боленъ, не выходитъ даже на прогулку. Введенскій схватилъ пару сколоченныхъ, заостренныхъ кольевъ и закричалъ, пересыпая слова площадной бранью: „слѣзь, а то я тебя ссажу этимъ". Вслѣдъ затѣмъ онъ размахнулся и ударилъ... Но Тихоміровъ уже успѣлъ убрать голову внутрь камеры. Ударъ пришелся по рѣшеткѣ. Введенскій съ остервененіемъ продолжая ругаться, началъ тыкать заостренными концами въ окно. Тихоміровъ пустилъ въ него кружкой съ простоквашей, которая окатила его съ ногъ до головы. Отряхнувшись Введенскій бросилъ колья и со словами: „Я тебя сволочь этакая, свяжу сейчасъ!", взявъ надзирателя пошелъ въ камеру Тихомірова. „Въ контору!" Тихоміровъ отказался итти, такъ какъ онъ давно уже изъ камеры не выходитъ. „Взять его!" и еще моментъ и человѣка больного (чахотка и страшное нервное растройство) связали бы и потащили бы въ карцеръ. Во всѣхъ камерахъ барака застучали, неистово требуя начальника. Послѣдній пришелъ скоро. Онъ прежде всего высказалъ намъ свое сожалѣніе, что *Введенскій не застрѣлилъ Тихомірова*. („Онъ имѣлъ право стрѣлять, если не исполняютъ его приказаній") и хотѣлъ тоже силой увести „въ контору". Только на мольбы тов. В. Е. Лазарева онъ согласился предварительно послать за врачемъ, освидѣтельствовать здоровье Тихомірова. Черезъ полчаса пришелъ съ врачемъ тов. прокурора, который, выслушавъ заявленія заключенныхъ, оставилъ Тихомірова въ покоѣ. Теперь докторъ началъ лечить его, а помощники начальника не заходятъ даже на повѣркѣ въ его камеру. 5 человѣкъ послали прокурору прошенія разслѣдовать это дѣло. Теперь прошенія пересланы къ губернатору:

Луганскъ. Послѣ голодовки (см. № 71 въ тюрьмѣ установился каторжный режимъ. Надзиратели, поощряемые начальствомъ, обращаются очень грубо. Деньги, какія у кого были, отобраны администраціей, и выписку дѣлать не на что; съ воли же принимаютъ только табакъ, сахаръ и чай; передавать провизію изъ камеры въ камеру запрещается. Такимъ образомъ, приходится сидѣть исключительно на казенной пищѣ. Всего сидитъ здѣсь 40 чел., большинство по юзовскому дѣлу, нѣсколько человѣкъ переведены сюда изъ Бахмута и Екатеринослава.

Въ началѣ мая изъ здѣшней тюрьмы бѣжалъ Даніилъ Яшникъ, исторія котораго будетъ небезынтересна для читателей „Искры". Онъ содержался въ Екатеринославской тюрьмѣ въ качествѣ уголовнаго. Познакомившись съ политическими, онъ сталъ брать у нихъ книжки, въ числѣ которыхъ кое когда попадались и нелегальныя брошюрки. Мало по малу, онъ сталъ понимать, къ чему стремятся сознательные рабочіе, чего хотятъ социальдемократы, и всецѣло примкнулъ къ ихъ ученію. Какъ ревностный прозелитъ, онъ старался спропагандировать своихъ сожителей по камерѣ, много говорилъ съ ними и читалъ имъ брошюры. Начальство обратило на это вниманіе, въ камерѣ былъ произведенъ обыскъ, найдена литература и собственныя замѣтки Яшника и въ результатѣ онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по 251 ст. и переведенъ, въ качествѣ уже политическаго, въ Луганскую тюрьму. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Луганскъ пріѣзжалъ тюремный инспекторъ и сообщилъ, что его скоро отправятъ въ Екатеринославскія арестантскія роты, куда онъ приговоренъ на 3 г. за свое уголовное преступленіе, а тамъ — обѣщалъ инспекторъ—изъ него ужъ выбьютъ дурь. Яшникъ не сталъ дожидаться, и черезъ полторы недѣли его уже не было въ тюрьмѣ. Бѣжалъ онъ очень просто: переодѣлся бабой, накинулъ на голову большой сѣрый платокъ и вмѣстѣ съ посѣтителями прошелъ черезъ ворота.

Екатеринодаръ. (Борьба въ тюрьмѣ). Антисанитарныя условія, произвольныя притѣсненія и грубое обращеніе тюремной администраціи дѣлали пребываніе въ здѣшней тюрьмѣ невыносимымъ. Начальникъ тюрьмы Скачко является дѣятельнымъ помощникомъ жандармовъ, примѣняя всевозможныя репрессіи съ цѣлью выжать изъ арестованныхъ нужныя показанія: лишаетъ табаку, книгъ, ограничиваетъ прогулку, отказываетъ въ пріемѣ съѣстныхъ припасовъ, оставляетъ въ камерахъ параши на цѣлыя сутки. Кромѣ того онъ еще страдаетъ маніей величія: онъ требуетъ, чтобы его называли „превосходительствомъ" и накидывается съ грубой бранью на политическихъ и ихъ родныхъ, если его осмѣлятся назвать просто „начальникомъ". Заключенныхъ онъ даже сажалъ за это въ карцеръ.

Товарищи, находящіеся во власти этого звѣря, наконецъ не выдержали и начали голодовку, выставивъ слѣдующія требованія: 1) прогулка въ теченіе по крайней мѣрѣ одного часа въ день, 2) удаленіе изъ камеръ „параши", 3) разрѣшеніе курить, 4) безпрепятственная передача съѣстныхъ припасовъ и 5) улучшеніе обращенія съ заключенными. Въ голодовкѣ приняли участіе всѣ сидящіе: семь рабочихъ и три интеллигента. Голодовка кончилась на девятый день удовлетвореніемъ всѣхъ требованій. Одного заключеннаго — В. С. Попова — перевели въ Усть-Лабинскую тюрьму. Во время голодовки Кубанскій Комитетъ выпустилъ листокъ.

Протестъ ссыльныхъ Красноярскаго уѣзда. Жизнь политическихъ ссыльныхъ становится за послѣднее время все болѣе невыносимой. Поощряемая свыше, мѣстная администрація издаетъ цѣлый рядъ циркуляровъ, посягающихъ даже на тѣ жалкія права, которыхъ не отнимаютъ у насъ русскіе законы. Терпѣть дальше такія наглыя издѣвательства нѣтъ возможности; выносить безъ протеста всѣ эти дикія насилія было бы недостойно революціонера. Моментъ борьбы назрѣлъ. Мы, политическіе ссыльные Красноярскаго уѣзда, заявляемъ свою полную солидарность съ якутскими товарищами, которые первыми отважно выступили на борьбу. Мы вполнѣ солидарны со всѣми ихъ требованіями и такъ же, какъ они, готовы бороться, не отступая даже передъ кровавыми репрессаліями. Мы призываемъ всѣхъ находящихся въ ссылкѣ товарищей начать борьбу. Мѣста ссылки теперь настолько переполнены, насъ, политическихъ ссыльныхъ, насчитывается такое огромное количество, что, при организованныхъ дѣйствіяхъ, мы можемъ представлять довольно внушительную силу.

Просимъ всѣ органы нелегальной прессы перепечатать это заявленіе съ фамиліями всѣхъ подписавшихся:

1) Богдановъ (дѣло Сѣв. Раб. Союза), 2 3.) Брайловскій и Зельдинъ-Брайловская (по дѣлу Кременч. Ком. Р. С.-Д. Р. П.), 4) Басовъ (одесское дѣло соц.-рев.), 5) Мякутинъ (Тихорѣцк. стачка), 6) Бернавикъ (дѣло Бунда), 7) Шиманскій (по дѣлу С.-Д. П. и Л.), 8) Теръ—Акоповъ (Бакинск. дѣло С.-Д.), 9) Фельдманъ (дѣло Южн. Раб.), 10) Гинзбургъ, 11) Анна Ривкина, 12) Фанни Ривкина, 13) Линкинъ (всѣ четверо по рославск. дѣлу соц.-рев.), 14) Нагель (по дѣлу ростовск. демонстр., вѣчное поселеніе).

Май 1904 г.

При обсужденіи вопроса о протестѣ часть товарищей высказалась за подачу коллективнаго заявленія иркутскому ген.-губернатору, другая же часть находила, что обращаться въ настоящее время къ ген.-губернатору не имѣетъ никакого смысла и гораздо цѣлесообразнѣе послать заявленіе съ подписями въ рев. органы. При баллотировкѣ мнѣнія раздѣлились поровну. Семь товарищей подали еще заявленіе и ген.-губернатору и въ то же время просили включить ихъ подписи въ настоящее заявленіе (семь послѣднихъ фамилій).

Къ этому протесту присоединились:

Самуилъ Персонъ, Борухъ Носель и Бейле Вольфсонъ.

Архангельскъ. Новый губернаторъ начинаетъ показывать когти. Изъ Архангельска высылаютъ безъ всякихъ мотивовъ въ уѣздъ пол. ссыльныхъ: Марію Смирнову (заявленіе послѣдней, что ей нужно отдать дочь въ гимназію, остается безъ отвѣта. Его превосход. заявляетъ, что не можетъ входить въ разсмотрѣніе и т. д. Коротко и ясно!) и Конст. Покровскаго. Изъ Пинеги за самовольную отлучку высланъ на Печору, въ село Кедву, Матвѣевъ, за намѣреніе бѣжать (!?). Кирилловъ высланъ изъ Шенкурска въ Усть-Цыльму; за проводы этаповъ высланы въ уѣздъ изъ Холмогоръ — Толмачевы, Львовичъ и Добронравовъ.

Съ Ледовитаго Океана. Онега — захолустный уѣздный городишко съ $2^1/_2$ тысячъ жителей. Жизнь здѣсь течетъ вяло, дрябло; духовныхъ интересовъ пока никакихъ. Но вотъ въ затхлую атмосферу обывательщины ворвалась живая струя: въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца въ городѣ только и было разговору, что о политикахъ, социализмѣ и пр. и пр. Началось съ майскаго праздника. 18 апрѣля мѣстные политическіе ссыльные устроили банкетъ. Въ квартирѣ одного изъ товарищей было устроено собраніе. Квартира эта выходитъ на людную площадь. Въ окна были выставлены красные флаги. Обыватель былъ въ высшей степени заинтересованъ новымъ явленіемъ и пытался разобраться въ немъ. „Политики говорятъ, что Бога нѣтъ и что царя не надо — безъ царя хорошо будетъ!" — такъ дѣлились впечатлѣніями по поводу праздника обыватели.

Скоро, впрочемъ, обыватель долженъ былъ убѣдиться, что политики не только отрицаютъ бога и царя, но и активно вступаются въ защиту безправнаго обывателя. 13 апрѣля въ арестномъ помѣщеніи былъ избитъ мѣщанинъ Кучепатовъ (прободена барабанная перепонка). Уѣздный врачъ Пжендборскій, къ которому обратился потерпѣвшій, отказался выдать ему свидѣтельство въ томъ, что, дѣйствительно, барабанная перепонка повреждена. Тогда Кучепатовъ обратился къ доктору Савину (политическому ссыльному). Савинъ выдалъ просимое свидѣтельство, а другіе политическіе ссыльные посовѣтовали подать жалобу прокурору. Когда исправникъ узналъ объ этомъ, то немедленно настрочилъ доносъ губернатору на Савина. „Если Савина не уберутъ отсюда — писалъ онъ между прочимъ — не ручаюсь за спокойствіе Онеги". Результатъ доноса уже сообщался въ „Искру". Савинъ былъ арестованъ и высланъ въ Кузомень. Интересны нѣкоторыя подробности. Когда арестованнаго Савина везли въ полицію — товарищи провожали его съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Пароходъ, на которомъ долженъ былъ ѣхать Савинъ, опоздалъ: тогда послѣдняго оставили ночевать въ полиціи. Неизвѣстно кѣмъ были пущены слухи, что политики намѣреваются отбить Савина. Слухи эти возымѣли свое дѣйствіе: полицейское управленіе было забаррикадировано, во дворѣ ооставлены городовые. Нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшій жандармскій офицеръ Петровскій (сдѣлалъ обыски у десяти ссыльныхъ — безъ результата) организовалъ по городу патрулированіе при помощи солдатъ и жандармовъ. Можно было подумать, что Онега, по крайней мѣрѣ, наканунѣ революціи. Наконецъ, когда сажали Савина на пароходъ — были вызваны войска: 30 солдатъ конвойной команды. Общество, оцѣнившее Савина, какъ врача и человѣка, было возмущено его высылкой. Это возмущеніе, между прочимъ, выразилось въ исключеніи изъ членовъ клуба доктора Пжендборскаго, отказавшагося выдать свидѣтельство Кучепатову.

Въ 20-хъ числахъ мая по городу и въ погостѣ (рабочій кварталъ), а также и на другомъ берегу Онеги (на лѣсопильномъ заводѣ) были разбросаны двѣ гектографированныя прокламаціи Бѣломорскаго соц.-дем. союза: „Къ обществу" (50 штукъ) и „Къ рабочимъ" (100 штукъ) и листокъ „Война противъ войны" (перепечатка группы соц.-дем. Дальняго Сѣвера — 40 штукъ). Кромѣ того, по рукамъ были распущены другія изданія группы. Листки эти вызвали страшный переполохъ: весь городъ заговорилъ о „телеграммахъ" (такъ окрестили листки, съ виду походившіе на гектограф. телеграммы о военныхъ дѣйствіяхъ). Мѣстная интеллигенція заинтересовалась ими чрезвычайно. Обыватели говорили: „Онега не созрѣла еще для революціи, но такіе листки — дѣло хорошее!" Одинъ либералъ провозглашалъ въ обществѣ тостъ за Бѣломорскій Союзъ.

Въ отношеніи къ революціи и къ ссыльнымъ (которыхъ обыватели совершенно неосновательно считали причастными къ листкамъ) произошла перемѣна: прежде обыватели говорили, что политики хотятъ сжечь Онегу и фабрикуютъ бомбы для взрыва собора, теперь, когда жандармы стали пускать слухи, что 27 мая политики сожгутъ городъ(!?) — обыватели не вѣрили имъ,

Исправникъ былъ взбѣшенъ и не придумалъ ничего лучшаго, какъ скупать листки по 20 коп. за штуку. Черезъ три дня цѣнность прокламацій утроилась: управляющій лѣсопильнаго завода скупалъ листки по 60 коп. за штуку. Но не всѣ рабочіе соблазнялись на деньги, не мало было такихъ, которые говорили: „Пусть платитъ по 60 коп., а я все же не отдамъ ему листка". Отношеніе рабочихъ къ листкамъ было самое сочувственное. Одинъ старикъ-рабочій, прочтя прокламацію „Къ рабочимъ" даже заплакалъ: „хорошо — говоритъ — написано, куда наши деньги идутъ!" Встрѣчаясь съ политиками, рабочіе пожимали руки и говорили: „мы думали — вы студенты, а вы — наши же братья-рабочіе". Многіе изъ обывателей обижались на политиковъ, „зачѣмъ не дали листка прочитать".

Не обошлось безъ курьезовъ: одна старушка передала въ церкви священнику записку на поминовеніе. Когда попъ разсмотрѣлъ записку — пришелъ въ ужасъ. Имена за упокой были написаны на обратной сторонѣ прокламаціи „возмутительнаго" содержанія. Попъ немедленно послалъ за жандармами. Три бравыхъ солдата являются въ церковь, арестовываютъ „распространительницу" и пр. На допросѣ выясняется, что женщина — безграмотна, и, къ своему прискорбію, жандармы вынуждены ее освободить.

Онежскій мѣщанинъ.

P. S. „Политикамъ" грозили послѣ листковъ ссылкой въ Калгачиху и Золотицу — въ глушь уѣзда.

Борьба съ крамолой въ школѣ. Изъ Одесскаго округа намъ доставлено слѣдующее секретное циркулярное распоряженіе:

„Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года учебно-окружнымъ начальствомъ было представлено на усмотрѣніе М. Н. П. ходатайство о разрѣшеніи, для огражденія учебныхъ заведеній округа отъ вредныхъ элементовъ, увольнять изъ числа учащихся тѣхъ изъ нихъ, которые, по убѣжденію непосредственнаго ихъ начальства, могутъ быть сочтены политически неблагонадежными, хотя бы фактовъ противъ нихъ не было.

Вслѣдствіе сего г. управляющій М. Н. П. предложеніемъ отъ 30 мая 1904 г. за № 475 увѣдомилъ меня, что его высокопревосходительство разрѣшаетъ, для огражденія учебныхъ заведеній ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа отъ вредныхъ элементовъ, увольнять изъ числа учащихся въ нихъ тѣхъ, которые, по убѣжденію ближайшаго начальства, могутъ быть сочтены политически неблагонадежными, хотя бы фактовъ противъ нихъ не было, но не иначе, какъ по предварительномъ обсужденіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопроса объ увольненіи въ педагогическомъ совѣтѣ училища. Объ изложенномъ сообщается и т. д."

Подписалъ Попечитель Х. П. Сольскій

Ростовъ н/Д. Недѣли двѣ тому назадъ стали снова замѣчаться проявленія жандармской дѣятельности, послѣ короткаго перерыва отъ средины іюня. Приходилось слышать объ арестѣ то одного, то другого рабочаго. Такъ, числа 7 августа былъ арестованъ раб. Антонъ Левинъ и препровожденъ въ участокъ, за неимѣніемъ мѣстъ въ тюрьмѣ. При обыскѣ найденъ номеръ „Искры". Затѣмъ пришлось узнать объ арестѣ еще двухъ ростовскихъ рабочихъ, изъ которыхъ одинъ арестованъ въ Новочеркаскѣ и заключенъ тамъ въ тюрьму. При обыскѣ, сдѣланномъ въ Ростовѣ на дому у товарища, съ которымъ онъ жилъ, найдено кое-что изъ нелегальной литературы. Наконецъ, въ ночь съ 11 на 12, послѣдовали обыски и аресты многихъ лицъ. Арестовано, какъ говорятъ, человѣкъ 10: раб. Ткачемовъ, Миллицкій и др., бухгалтеръ мельницы Паримова г. Суррай.

Арестованный около 1 мая с. г. рабочій **Петръ Максимовъ** оказался **предателемъ** — предалъ многихъ рабочихъ. Въ настоящее время выпущенъ на свободу. Въ организаціи былъ извѣстенъ подъ кличкой Купидонъ. Примѣты: выше средняго роста, нѣсколько сутуловатый, бѣлокурый, худощавый, съ родинкой у нижней губы. На дняхъ однимъ рабочимъ, явившимся къ нему, было сдѣлано въ него четыре выстрѣла. Однимъ выстрѣломъ раненъ въ руку на вылетъ, другимъ въ бокъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Кіевъ. Обыскъ въ армейскомъ корпусѣ. Война и жестокія пораженія „непобѣдимаго" войска заставили много-много сонныхъ вѣрноподданническихъ россійскихъ мозговъ призадуматься и пойти къ истинѣ путемъ сомнѣнія. Зашевелилась и опора царя-батюшки — христолюбивое воинство. Еще до войны у насъ, въ Кіевѣ, эту опору кое гдѣ и, по большей части, стихійно подтачивала крамола. Война ускорила процессъ. Солдатики съ жадностью набрасывались на телеграммы, по своему толковали ихъ, но, такъ какъ эти телеграммы слишкомъ мало приносили благопріятныхъ и „патріотическихъ" вѣстей, то начальство стало коситься и на телеграммы, предпочитая держать солдатъ въ блаженномъ невѣдѣніи, а для подогрѣванія „доблестныхъ" чувствъ на видныхъ мѣстахъ въ лагеряхъ вывѣсило лубочныя картины съ изображеніями всевозможныхъ „лихихъ дѣлъ", по выраженію Его Величества. Спросъ на литературу возросъ, среди солдатиковъ появились брошюрки и листки, и, — какъ неизбѣжные спутники ихъ, — начались обыски: сначала по ротно, по-батальоно и, наконецъ, 7 го августа былъ произведенъ обыскъ въ цѣломъ армейскомъ корпусѣ!.. Этотъ обыскъ, если не ошибаемся, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, бывшихъ когда-либо въ арміи и потому стоитъ того, чтобы его описать подробно, хотя бы для вразумленія и назиданія... 7 августа въ 3 часа дня былъ данъ сигналъ — сборъ офицеровъ. Ихъ раздѣлили на группы подъ руководствомъ капитановъ и штабъ-офицеровъ. Около 4 часовъ второй сигналъ — всѣ на линейку (средняя аллея въ лагеряхъ) и въ то же время лагерь былъ оцѣпленъ патрулями. Солдаты выстроились рядами. Обыски дѣлались по-взводно такимъ образомъ: ротный отбираетъ у солдатъ ключи отъ сундуковъ: затѣмъ солдаты идутъ въ палатки, приносятъ сундуки и тутъ же на линейкѣ самымъ тщательнымъ образомъ провѣряется все содержимое (сундуки отсутствующихъ запечатывались и отправлялись въ цейхгаузъ). Нѣкоторые ротные и батальонные заставляли кой-кого изъ солдатъ раздѣваться до-нага, полковой командиръ Херсонскаго полка заставилъ раздѣть всѣхъ солдатъ своего полка. Въ каждомъ полку кое-что нашли и двадцать человѣкъ отправили на гауптвахту. Въ ночь на понедѣльникъ (8/9 августа) была общая облава. Многихъ не нашли на мѣстахъ — по большей части, унтеръ-офицеровъ, писарей, фельдшеровъ. Кого разжаловали, кого засадили подъ арестъ отъ 10 до 20 сутокъ. Рѣшили, видно, взять солдатиковъ въ ежевыя рукавицы: совершенно запрещены отлучки въ городъ, свиданія съ родными и знакомыми допускаются только въ присутствіи дежурнаго офицера, какъ въ арестанскихъ ротахъ. Курьезъ: за естественными надобностями разрѣшается ходить только „командами", т. е., по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ, а отнюдь не въ одиночку.

Солдаты страшно возмущены. Предполагаютъ, что поводомъ для обыска послужилъ доносъ какого-то солдата.

Нужно ли еще добавлять, какое громадное значенiе имѣлъ этотъ обыскъ „по-корпусно“? Солдатики закопошились, заговорили. Непосвященные, видя всю торжественность, всю помпу приготовленiя къ обыску, воображали, что будетъ прочитанъ манифестъ, сообщена какая-нибудь „высочайшая милость“ и вдругъ... обыскъ. Нѣкоторые изъ „темныхъ“ разсказывали, что будто бы „студенты“ раздавали „телеграммы“, въ которыхъ написана правда, а начальство скрываетъ отъ солдатъ правду и, чтобы разыскать „телеграммы съ правдой“, устроило облаву. Разумѣется, „телеграммы съ правдой“ не заставили себя долго ждать, разъ было такое повышенно-чуткое настроенiе. Распространялись и усиленно циркулировали среди солдатъ такiя бумажки, переваданныя мѣстнымъ комитетомъ: „Война противъ войны“, „Для чего долженъ умирать русскiй солдатъ“, „Кому быть самодержцемъ всероссiйскимъ“, „Уроки войны“, „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“.

Нѣкоторыя изъ этихъ бумажекъ до слезъ трогали солдатъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНIЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Стачка на Путиловскомъ заводѣ. 16 августа вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ въ кузнечной мастерской (1000 чел.). Главное требованiе: прибавка расцѣнковъ на 20 %. На Путиловскомъ заводѣ въ послѣднее время во всѣхъ мастерскихъ сильно понизились расцѣнки, а въ кузнечной и литейной особенно. Дѣлая сравненiе заработковъ за послѣднiе четыре года, мы видѣли, что уменьшился заработокъ въ 2 ½ раза! Производство не сокращено, хотя весной и былъ сокращенъ штатъ, но стали примѣнять въ широкомъ масштабѣ сверхурочныя работы. Весной послѣ Пасхи была стачка, расцѣнки немного увеличили, но лѣтомъ ихъ сбавили до minimum'а. Не такъ давно депутацiя отъ кузнецовъ ходила къ завѣдующему мастерской требовать прибавки, но была имъ выгнана. Теперь перехожу къ ходу стачки. Въ первый день директоръ не вышелъ къ рабочимъ; на второй день появились казаки, были спрятаны въ стѣнахъ завода полицейскiе, и уже подъ ихъ прикрытiемъ появился директоръ. Выходитъ депутатъ отъ рабочихъ — не желаетъ говорить съ ними.

„Товарищи! Онъ не желаетъ говорить съ вашимъ депутатомъ, чтожъ, идемъ отсюда“. Толпа начинаетъ расходиться. Увидя такое единодушiе, „онъ“ заговорилъ: „Не время, братцы, мутить, война теперь, пушки нужны, Куропаткинъ страдаетъ на войнѣ отъ недостатка орудiй и вагонетокъ, не время теперь для бунта“. „Чертъ съ нимъ, съ Куропаткинымъ“, заглушается голосъ директора голосами изъ толпы. Директоръ обѣщаетъ все уладить. Въ тотъ же день говорилъ съ рабочими окружной фабричный инспекторъ, обѣщалъ, что расцѣнки будутъ къ 1 сентябрю прибавлены. Въ тотъ же самый день появилось объявленiе, что не ставшiе на работы будутъ уволены. На работу стали, но усиленно говорятъ о томъ, что теперь не дадутся ужъ въ обманъ, какъ весною, что если надуютъ, то стачка будетъ громадная. Арестовъ не было, хотя шпики изъ кожи лѣзли, чтобы выловить хотя одну сходку. Обсудивъ положенiе дѣлъ съ товарищами Путилов. завода, комитетъ рѣшилъ выпустить прокламацiю.

Требованiя слѣдующiя: 1) повышенiе расцѣнокъ на 20 %, отмѣна сверхъурочныхъ работъ; 2) трудъ подростковъ (вѣрнѣе, дѣтей, такъ какъ тамъ работаютъ 11-12 лѣтъ) сократить до 6 часовъ въ день и не принимать меньше 15 лѣтъ; 3) Выборъ самими рабочими цеховыхъ старшинъ (теперь назначаются мастерами); 4) Не преслѣдовать бастовавшихъ; 5) Вѣжливаго обращенiя со стороны администрацiи.

Недовольство большое среди всѣхъ рабочихъ Путиловскаго завода и легко можно было бы вызвать всеобщую забастовку. Но пока комитетъ высказывается противъ этого. У обуховцевъ тоже большое недовольство. Тамъ недавно арестовали 6 чел. рабочихъ. У ткачей — сокращенiе производства и непомѣрная эксплуатацiя. Интересно, что сами рабочiе отмѣтили во время забастовки, что зубатовское общество, которое свиваетъ себѣ гнѣздо въ районѣ Пут. зав. и которое такъ усиленно трактовало объ экономической борьбѣ, теперь абсолютно уклонилось отъ борьбы, члены даже не участвовали въ рядахъ стачечниковъ.

Варшава. Намъ сообщаютъ, что 25 авг. въ Варшавѣ вспыхнула стачка строительныхъ рабочихъ, въ которой принимаетъ участiе 10,000 человѣкъ. Стачкой руководитъ Варшавскiй комитетъ С.-Д. Ц. П. и Л. Требованiя каменьщиковъ слѣдующiя: 10-часовой рабочiй день, повышенiе заработной платы до 25 коп. въ часъ для каменьщиковъ и до 8 коп. — для сподручныхъ, включенiе времени выдачи платы въ рабочее время, предоставленiе рабочимъ на всякой постройкѣ отдѣльнаго помѣщенiя для храненiя одежды и пищи, а также для защиты отъ непогоды, 9-часовой раб. день въ канунъ праздниковъ и др.

До объявленiя стачки въ теченiи недѣли устроены были соцiальдемократической организацiей за городомъ три собранiя подъ открытымъ небомъ; устроенное въ первый день стачки собранiе было въ высшей степени удачно. Стачечники, собравшiеся въ большомъ числѣ на улицѣ Хлодной — своего рода биржа труда для каменьщиковъ — устно передавая другъ другу приглашенiе, направились въ предмѣстье Воля, гдѣ, такимъ образомъ, сошлась толпа человѣкъ въ 600. Двумя членами организацiи были произнесены рѣчи по поводу стачки, о положенiи каменьщиковъ и политическомъ безправiи рабочаго класса; ораторъ призывалъ стачечниковъ къ солидарности и стойкости, послѣ чего вся толпа подъ звуки революцiонныхъ пѣсенъ и восторженныхъ кликовъ въ честь соцiальдемократiи, потекла назадъ къ городу. По пути къ шествiю присоединялись рабочiе изъ окрестныхъ фабрикъ. Полицiя предмѣстья ничего не могла сдѣлать, она совершенно потеряла голову. Единственное, что „мѣстныя“ власти могли сдѣлать, это дать знать по телефону варшавскому оберъ-полицiймейстеру о „революцiи на Волѣ“, и возвращавшiеся рабочiе уже издали могли замѣтить около городской заставы изрядное количество казаковъ и городовыхъ. Стачечники предпочли, однако, разочаровать предупредительно поскакавшихъ имъ на встрѣчу казаковъ и полицейскихъ: рабочiе, прежде чѣмъ приблизиться къ заставѣ, успѣли по одиночкѣ и маленькими группами разсѣяться, такъ что „властямъ“ пришлось тоже разсѣяться, не солоно хлебавши.

Ростовъ н/Д. Кризисъ, какъ слѣдствiе войны, даетъ себя знать и въ Ростовѣ. Здѣсь онъ не принялъ пока острой формы, какъ въ Лодзи, Варшавѣ, но всѣ чувствуютъ, что онъ медленно, но неуклонно развертывается. Пока было лишь нѣсколько банкротствъ торговыхъ фирмъ; ожидаютъ, что число банкротствъ къ осени возрастетъ. Число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Крупныя промышленныя предпрiятiя, какъ табачныя фабрики (Кушнарева, Асмолова и др.), отправлявшiя массу товаровъ на Дальнiй Востокъ, желѣзнодорожныя мастерскiя Влад. жел. дороги постепенно сокращаютъ число рабочихъ. Дѣлается это и прямо, а чаще обходными путями. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ограничили выдачу „процентовъ“. Раньше рабочiй могъ на поденную плату заработать 100% и всѣ получалъ, теперь больше 40% не платятъ. На табачныхъ фабрикахъ практикуется иной способъ пониженiя заработка: съ машинной работы переводятъ на ручную. Дѣлается это съ двойной цѣлью: во первыхъ, сократить производство, а во-вторыхъ, удерживать рабочихъ при фабрикѣ, не опасаясь, что въ нужный моментъ ихъ не окажется подъ рукою, и это достигается, при томъ же за счетъ заработка рабочихъ. Работница, зарабатывавшая раньше 70-75 коп., должна довольствоваться 30-40 коп. При малѣйшемъ недовольствѣ охотно даютъ разсчетъ.

Изъ всѣхъ промышленныхъ заведенiй Ростова у одного только Пастухова (мех. зав.) много работы, и то исключительно котельной. Въ настоящее время у Пастухова на 700 чел. рабочихъ на заводѣ человѣкъ 500 однихъ котельщиковъ. Объясняется это срочными заказами на нѣсколько баржъ. Но вотъ заказы будутъ сданы и начнется разсчетъ, а пока котельщики работаютъ день и ночь. До чего призракъ безработицы тяготѣетъ теперь надъ умами рабочихъ, особенно выяснилось на массовкѣ изъ рабочихъ завода Пастухова, созванной со спецiальной задачей обсужденiя вопроса о забастовкѣ. Съ горечью самимъ же рабочимъ пришлось тутъ сознаться, что, несмотря на много поводовъ для забастовки, несмотря на массу притѣсненiй рабочихъ на заводѣ Пастухова, начиная съ грубаго обращенiя и кончая нерегулярной двухнедѣльной расплатой и пр. и пр., — разсчитывать на солидарность рабочихъ нельзя. Большинство будетъ работать.

Но если въ данный моментъ — когда у массы живетъ еще надежда получить работишку или удержаться на своихъ мѣстахъ — общее настроенiе ростовскаго рабочаго приниженное, — то, по отношенiю къ недалекому будущему, когда безработица разовьется широкой волной, когда не будетъ мѣста вышеуказанной надеждѣ, можно почти навѣрное утверждать, что оно чревато крупными событiями. Ростовскiе рабочiе пережили ноябрьскiе и мартовскiе дни, и они не забыли ихъ. И если тогда „бунтъ противъ правительства“ гналъ всѣхъ на улицу, то въ недалекомъ будущемъ „бунтъ за кусокъ хлѣба“ будетъ служить лозунгомъ. Мѣстной организацiи останется только сдѣлать и его „бунтомъ противъ правительства“... и противъ капиталистическаго общества.

Юзовка. „Русская Бельгiя“, какъ называютъ нашъ горнопромышленный районъ, въ духовномъ отношенiи и съ точки зрѣнiя темпа общественной жизни недалеко ушла впередъ отъ самыхъ глухихъ уголковъ всетерпящей матушки Россiи. Отзывчивой и мало-мальски оригинально мыслящей политически интеллигенцiи здѣсь почти совершенно нѣтъ, не больше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городишкѣ. Сознательныхъ пролетарiевъ, живо реагирующихъ на всѣ явленiя нашей политической жизни, разумѣется, много, и во всякомъ другомъ, менѣе значительномъ промышленномъ центрѣ они составляли бы силу. Здѣсь же они тонутъ въ громадной массѣ совершенно сѣрыхъ шахтеровъ, вѣчно переходящихъ изъ деревни въ шахту и изъ шахты въ деревню. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенiя. Въ другихъ мѣстностяхъ, при меньшемъ даже процентѣ дѣйствительно сознательныхъ рабочихъ, но при наличности массы, хотя бы только слегка наслышавшейся и сагитированной, сознательному меньшинству гораздо легче дается руководство. Любознательности же и готовности воспринять агитацiю у шахтеровъ очень много. Товарищи, которые въ послѣднее время отправлялись съ листками, буквально перехватывались у порога и не успѣвали донести листки до назначеннаго мѣста. Ихъ вырывали изъ рукъ. Какъ бы то ни было число дѣйствительно организованныхъ еще незначительно, и организацiя потому слаба. Вполнѣ понятно поэтому, какая благодарная у насъ здѣсь почва для предпринимательскаго экономическаго и полицейско-политическаго гнета. Оба врага русскаго пролетарiя отлично понимаютъ эти преимущества своего положенiя и пользуются ими со свойственной русскому живодеру наглостью. Экономически здѣшнiй пролетарiатъ явно распадается на три группы: 1) рабочiе городскихъ мастерскихъ и мелкихъ заводовъ; 2) около двѣнадцати тысячъ рабочихъ завода Юза; 3) громадная масса рабочихъ на непосредственно прилегающихъ и окрестныхъ шахтахъ. Эти послѣднiе, какъ наименѣе сознательные, лишь въ самой незначительной долѣ организованные, находятся въ самомъ тяжеломъ положенiи. Лучшей иллюстрацiей можетъ служить такой фактъ: на трехъ шахтахъ, изъ которыхъ крайнiя отстоятъ другъ отъ друга на 15 верстъ, поденная плата забойщику колеблется отъ 90 коп. до 2 р. 50 к. Еще ярче сказывается полная безпомощность шахтера въ его борьбѣ съ эксплуататорами при несчастыхъ случаяхъ, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одинъ день. Безцеремонность, съ которой ведутъ себя наши кормильцы, положительно достойна пера художника. И въ этомъ отношенiи самый мелкiй арендный владѣлецъ какой-нибудь шахты и миллiонеры Юзы — совершенно одинаковы. Новый законъ объ увѣчныхъ, который они поняли не какъ ловкiй маневръ и самую обыкновенную ложь правительства, а какъ дѣйствительную измѣну ихъ всегдашняго покровителя[1], эти господа называютъ прямымъ грабежемъ и, при помощи полицiи, преблагополучно обходятъ. Фактически уже бывали такiе случаи, что у Юза рабочему, которому оторвало палецъ, выдавали желѣзнодорожный билетъ, 10 рублей денегъ и отправляли его на родину. Дѣлалось это съ такимъ апломбомъ, что рабочiй не рѣшался и пикнуть. Въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ откровенный торгъ и не менѣе откровенныя угрозы быстро заставляютъ неопытнаго и не видящаго за своей спиной никакой поддержки рабочаго сдаться. Пройдите вы въ обѣденное время или вечеромъ мимо главной конторы директора Юза и вы всегда увидите тамъ толпу увѣчныхъ или ихъ женъ, съ тоской ожидающихъ своей участи. Нерѣдко вы услышите такой разговоръ какого-нибудь калѣки: „А онъ мнѣ и говоритъ: бери, говоритъ, 300 руб. за ногу, а не хочешь — судись!“

Положенiе рабочихъ на заводѣ немногимъ лучше. Бывали такiе случаи, когда рабочiе дружно отстаивали свои интересы и потому начальство уже обращается съ ними осторожнѣе, чѣмъ на шахтахъ. Но организованной силы за рабочими и прежде всего единодушiя между отдѣльными мастерскими[2] и цехами начальство не чувствуетъ и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старается прижать рабочаго не хуже шахтовладѣльца. При увѣчьяхъ тѣ же излюбленные прiемы, очень развитая система штрафовъ и пр. Что же касается продолжительности рабочаго времени, то въ этомъ отношенiи для завода, повидимому, никакихъ законовъ не существуетъ. Если мастеръ приказываетъ рабочему, проработавшему цѣлый день, остаться еще и на ночь, то ни о какихъ возраженiяхъ не можетъ быть и рѣчи — иначе разсчетъ. И такая работа — двѣ смѣны подрядъ — явленiе вовсе не рѣдкое, но даже обычное, бываютъ же случаи работы даже три смѣны подрядъ. При этомъ работа крайне напряженная, что достигается вѣчными угрозами, штрафами и руганью. Такiе полицейски-кулачные таланты, какъ, напр., мастеръ Рудаковъ и монтеръ Токаревъ, прямо изощрялись въ искусствѣ выжимать послѣднiе соки изъ живой рабочей машины. Къ вечеру рабочiе совершенно истощены, и недавно былъ случай, когда рабочiй Хайкинъ пошелъ послѣ работы выкупаться въ прудѣ и утонулъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, хотя умѣлъ плавать. А вотъ еще примѣръ того, какъ начальство смотритъ у насъ на рабочихъ. На „старой вальцовкѣ“ предложили слесарю сдѣлать какую-то починку у машины, стоя на тонкихъ трясущихся доскахъ надъ громадными вертящимися шестернями. Когда онъ отказался такъ сумасбродно рисковать своею жизнью, его уволили и съ нимъ пять поддерживавшихъ его товарищей. Случай этотъ совпалъ съ уничтоженiемъ аккорда въ механическомъ цехѣ, т. е. съ уменьшенiемъ средняго заработка слесаря съ 2 руб. на 1 р. 20 к. Рабочiе и безъ того волновались, въ воздухѣ пахло стачкой, и уволенныхъ всѣхъ приняли обратно въ другiе цехи.

Городскiе рабочiе въ общемъ дружнѣе и стачки у нихъ проходили удачно, но предпрiятiя эти мелки и хозяева зорко слѣдятъ за тѣми, кто раньше въ чемъ былъ замѣченъ, и ловко стараются выжить такихъ изъ города. Среди пекарей, портныхъ и пр. есть такiе, которые уже совсѣмъ потеряли надежду прочно устроиться въ какой-либо мастерской и кормятся только благодаря тому, что въ нихъ нуждаются и время отъ времени тотъ или другой хозяинъ даетъ имъ временную работу. Сейчасъ застой въ дѣлахъ мелкихъ предпрiятiй уже начался и кризисъ не за горами.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какой характеръ здѣсь носитъ собственно политическое движенiе: оно растетъ экстенсивно. Для активныхъ проявленiй и протестовъ разница между сознательной частью городскихъ и заводскихъ рабочихъ, съ одной стороны, и сѣрой толпой шахтеровъ и доменщиковъ — съ другой, еще слишкомъ велика. Нельзя упускать изъ виду и еще одно обстоятельство: пролетарiатъ здѣсь, можетъ быть, такъ, какъ нигдѣ болѣе въ Россiи, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Революцiонной интеллигенцiи совершенно нѣтъ. Нѣтъ, поэтому, и связей съ либеральной буржуазiей. Доходы организацiи составляются исключительно изъ скромныхъ лептъ самихъ работницковъ. Понятно, поэтому, также, почему мы и здѣсь чувствуемъ хроническую и при томъ острую нужду въ пропагандистахъ для нашихъ кружковъ и въ ораторахъ для нашихъ собранiй. Всѣ, кто обладаетъ этими способностями, разрываются на части и все таки не успѣваютъ удовлетворить весь спросъ. Этимъ же объясняется, почему провалы у насъ всегда вызываютъ, если не прiостановку, то все же временное сокращенiе движенiя. Литературный голодъ истекшаго года, терпимый еще въ мѣстахъ съ большими пропагандистскими силами, для насъ былъ особенно тяжелъ. Вся масса рабочихъ, не смогшая войти въ кружки, слышала живое слово только на „массовкахъ“.

— О томъ же, какъ именно теперь возросъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, и говорить нечего. О войнѣ всѣ хотятъ слышать правду. И у насъ здѣсь съ самаго начала войны того общественнаго разврата, который эта война внесла въ общественную жизнь нѣкоторыхъ другихъ городовъ, совершенно не было замѣтно. Патрiотическiя манифестацiи, если можно такъ назвать оркестръ казачьей музыки, за которымъ бѣжитъ сотня мальчиковъ и пьяныхъ, встрѣчались насмѣшками. Стройна и многочисленна была только одна февральская манифестацiя *сiонистовъ*. Нерѣдко отъ рабочихъ, далеко не передовыхъ, которымъ это никто не объяснялъ, вы можете услышать мнѣнiе, что война эта должна привести къ гибели самодержавiя.

Не дремлетъ у насъ, разумѣется, и полицiя. Въ мартѣ она проэктировала погромъ. Ея агенты и босяки очень откровенно о немъ разговаривали, но отвѣты организованныхъ рабочихъ были также откровенны и рѣшительны — и полицiя отказалась отъ своихъ плановъ.

Набѣги свои она дѣлаетъ постоянно, но нельзя сказать чтобы удачно. Въ концѣ марта она сдѣлала большой набѣгъ, обыскала и арестовала массу лицъ, изъ которыхъ большую часть немедленно выпустила, а остальныхъ освобождаетъ постепенно теперь, при чемъ имъ выдаютъ на руки и паспорта, такъ какъ прокуратура отъ обвиненiя отказалась. Въ iюнѣ арестованы одинъ городской рабочiй (сидитъ сейчасъ въ Луганскѣ), одинъ рабочiй съ рудника (выпущенъ въ iюлѣ) и одна дѣвица (выпущена черезъ нѣсколько дней). Въ послѣднее время арестованы рабочiе Малкинъ и Платовъ и приказчикъ Подольскiй (сидятъ), обысканъ былъ рабочiй Левандовскiй. И это несмотря на то, что добровольный сыскъ, которымъ занимаются здѣсь почтенные бюргеры, у насъ крайне развитъ, а наши сатрапы Бабичевъ и Андрейченко даже отъ подобранныхъ на улицѣ пьяныхъ пытаются узнать что-нибудь о крамолѣ.

10 августа 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Подвиги казаковъ. Опричнина еще не перевелась на Руси. По улицамъ Иванова-Вознесенска разъѣзжаютъ конные казаки, по два и по три. Любимое ихъ занятiе — отбирать деньги у играющихъ на улицахъ въ „орлянку“ или „кости“. Галопомъ налетаютъ они на группу играющихъ, которые разсыпаются въ разныя стороны, и забираютъ оставленныя на песку деньги (иногда до десяти рублей). Однажды по той же улицѣ, гдѣ играли, шелъ рабочiй. Играющiе, при появленiи казаковъ, по обыкновенiю, разбѣжались. Рабочiй шелъ спокойно впередъ. „Это что за храбрецъ нашелся?“ — крикнулъ одинъ казакъ. Оба казака наѣхали на рабочаго, приперли его лошадьми къ забору и отдавили ему ногу такъ, что онъ почти потерялъ сознанiе. „Знай нашихъ!“ — только и всего. Двѣ недѣли пролежалъ рабочiй въ больницѣ и до сихъ поръ нога его сильно болитъ.

Трое рабочихъ въ кустахъ расположились съ бутылкой водки. Недалеко 12 казаковъ прокашивали траву для своихъ лошадей. Одинъ казакъ подходитъ и требуетъ налить ему стаканъ. „Пошелъ ты къ...!“ — отвѣчаетъ рабочiй. Казакъ беретъ всю бутылку и уходитъ. Загорѣлось сердце у ребятъ. Побѣжали слѣдомъ, дали „раза“ казаку и отняли бутылку. Явилась вся дюжина опричниковъ, снова отняли водку, избили всѣхъ троихъ и представили въ городъ полицiймейстеру.

„Вотъ они, демократы, сидятъ въ кустахъ и что то непотребное читаютъ!“. Сдѣлали у нихъ обыскъ, ничего не нашли и отпустили избитыхъ домой.

Жандармы — агитаторы. Печатаемый ниже документъ является очень характернымъ свидѣтельствомъ того, какъ правительственные агенты, усердствуя въ искорененiи крамолы, содѣйствуютъ намъ, соцiальдемократамъ. Это — письмо, посланное мѣстнымъ рабочимъ Иваново-Вознесенскому жандарму Тимофееву, когда его за неспособность перевели въ Суздаль. Замѣнившiй его новый офицеръ, кажется, еще менѣе способенъ оправдать надежды начальства. На сколько онъ ловокъ въ своихъ прiемахъ видно изъ того, что при немъ казаки стали разъѣзжать по окрестнымъ дорогамъ и распрашивать у проходящихъ, гдѣ можно найти „демократовъ“: „начальство — де велѣло достать, а мы не знаемъ“. Съ такими вопросами обращались, между прочимъ, и къ самимъ „демократамъ“, возвращавшимся со сходки.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОЗНАТЕЛЬНЫМЪ.

Г-нъ Тимофеевъ! Какъ я вамъ благодаренъ! Вы открыли мнѣ глаза. Припомните, за что вы арестовали меня первый разъ? Я, право, и самъ не знаю! Такъ-то, многоуважаемый, вы являетесь истребителемъ крамолы! Намъ нужны люди, арестуйте, пожалуйста арестуйте больше молодежи! Какъ сейчасъ помню я свой первый арестъ. Пришли жандармы, произвели обыскъ, ничего не нашли, взяли меня и бросили въ будку. Четыре дня провалялся я тамъ голодный, въ грязной тѣсной конурѣ, спалъ на голомъ полу, на которомъ было много навоза. Я терпѣливо переносилъ эту пытку и думалъ, думалъ, думалъ... Наконецъ потребовали къ допросу. Тамъ съ удивленiемъ услышалъ я такiя вещи, о которыхъ прежде не имѣлъ понятiя, — и заинтересовался. Я ни въ чемъ не сознался, такъ какъ ничего не зналъ и меня отвезли въ тюрьму. Тамъ и увидѣлъ всѣ прелести тюремной жизни: терпѣнiе истощилось, — и вознегодовалъ... Товарищи по заключенiю объяснили мнѣ въ чемъ дѣло и, какъ бы въ насмѣшку, меня освободили. Я шелъ въ тюрьму, не зналъ за что, а вышелъ вполнѣ сознательнымъ человѣкомъ. — Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ! Съ тѣхъ поръ я увидѣлъ свѣтъ и теперь буду жить и стремиться къ этому свѣту! Когда я былъ арестованъ второй разъ, для меня это было не удивительно, тогда, сидя въ тюрьмѣ, я чувствовалъ себя героемъ; и когда меня допрашивали, я скорѣе позволилъ бы умертвить себя, чѣмъ кого либо выдать. И такъ, г-нъ Тимофеевъ, съ вашей легкой руки я принялся за то, что вы съ такимъ ожесточенiемъ преслѣдуете. Удивительна ваша тактика, одной рукой вырываете, другой — засѣваете. Съ такой тактикой вамъ будетъ работы на всю жизнь, да еще потомству кое-что на память останется. Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ!!!

---

[1] Недавно одинъ шахтовладѣлецъ въ частномъ разговорѣ сказалъ: „Они теперь, подлецы, нарочно въ мастерской „трепака“ пляшутъ, чтобы себѣ колѣно зашибить и за увѣчье деньги получить.

[2] Такъ, напр., въ прошломъ году была стачка доменщиковъ, не удавшаяся потому, что остальные цехи не пристали.

Солдаты страшно возмущены. Предполагаютъ, что поводомъ для обыска послужилъ доносъ какого-то солдата.

Нужно ли еще добавлять, какое громадное значеніе имѣлъ этотъ обыскъ „по-корпусно“? Солдатики закопошились, заговорили. Непосвященные, видя всю торжественность, всю помпу приготовленія къ обыску, воображали, что будетъ прочитанъ манифестъ, сообщена какая-нибудь „высочайшая милость“ и вдругъ... обыскъ. Нѣкоторые изъ „темныхъ“ разсказывали, что будто бы „студенты“ раздавали „телеграммы“, въ которыхъ написана правда, а начальство скрываетъ отъ солдатъ правду и, чтобы разыскать „телеграммы съ правдой“, устроило облаву. Разумѣется, „телеграммы съ правдой“ не заставили себя долго ждать, разъ было такое повышенно-чуткое настроеніе. Распространялись и усиленно циркулировали среди солдатъ такія бумажки, переизданныя мѣстнымъ комитетомъ: „Война противъ войны“, „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“, „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“, „Уроки войны“, „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“.

Нѣкоторыя изъ этихъ бумажекъ до слезъ трогали солдатъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Стачка на Путиловскомъ заводѣ. 16 августа вспыхнула стачка на Путиловскомъ заводѣ въ кузнечной мастерской (1000 чел.). Главное требованіе: прибавка расцѣнковъ на 20%. На Путиловскомъ заводѣ въ послѣднее время во всѣхъ мастерскихъ сильно понизились расцѣнки, а въ кузнечной и литейной особенно. Дѣлая сравненіе заработковъ за послѣдніе четыре года, мы видѣли, что уменьшился заработокъ въ 2½ раза! Производство не сокращено, хотя весной и былъ сокращенъ штатъ, но стали примѣнять въ широкомъ масштабѣ сверхурочныя работы. Весной послѣ Пасхи была стачка, расцѣнки немного увеличили, но лѣтомъ ихъ сбавили до minimum'a. Не такъ давно депутація отъ кузнецовъ ходила къ завѣдующему мастерской требовать прибавки, но была имъ выгнана. Теперь перехожу къ ходу стачки. Въ первый день директоръ не вышелъ къ рабочимъ; на второй день появились казаки, были спрятаны въ стѣнахъ завода полицейскіе, и уже подъ ихъ прикрытіемъ появился директоръ. Выходитъ депутатъ отъ рабочихъ — не желаетъ говорить съ ними.

„Товарищи! Онъ не желаетъ говорить съ вашимъ депутатомъ, чтожъ, идемъ отсюда“. Толпа начинаетъ расходиться. Увидя такое единодушіе, „онъ“ заговорилъ: „Не время, братцы, мутить, война теперь, пушки нужны, Куропаткинъ страдаетъ на войнѣ отъ недостатка орудій и вагонетокъ, не время теперь для бунта“. „Чертъ съ нимъ, съ Куропаткинымъ“, заглушается голосъ директора голосами изъ толпы. Директоръ обѣщаетъ все уладить. Въ тотъ же день говорилъ съ рабочими окружной фабричный инспекторъ, обѣщалъ, что расцѣнки будутъ къ 1 сентябрю прибавлены. Въ тотъ же самый день появилось объявленіе, что не ставшіе на работы будутъ уволены. На работу стали, но усиленно говорятъ о томъ, что теперь не дадутся ужъ въ обманъ, какъ весною, что если надуютъ, то стачка будетъ громадная. Арестовъ не было, хотя шпики изъ кожи лѣзли, чтобы выловить хотя одну сходку. Обсудивъ положеніе дѣлъ съ товарищами Путилов. завода, комитетъ рѣшилъ выпустить прокламацію.

Требованія слѣдующія: 1) повышеніе расцѣнокъ на 20%, отмѣна сверхъурочныхъ работъ; 2) трудъ подростковъ (вѣрнѣе, дѣтей, такъ какъ тамъ работаютъ 11-12 лѣтъ) сократить до 6 часовъ въ день и не принимать меньше 15 лѣтъ; 3) Выборъ самими рабочими цеховыхъ старшинъ (теперь назначаются мастерами); 4) Не преслѣдовать бастовавшихъ; 5) Вѣжливаго обращенія со стороны администраціи.

Недовольство большое среди всѣхъ рабочихъ Путиловскаго завода и легко можно было бы вызвать всеобщую забастовку. Но пока комитетъ высказывается противъ этого. У обуховцевъ тоже большое недовольство. Тамъ недавно арестовали 6 чел. рабочихъ. У ткачей — сокращеніе производства и непомѣрная эксплуатація. Интересно, что сами рабочіе отмѣтили во время забастовки, что зубатовское общество, которое свиваетъ себѣ гнѣздо въ районѣ Пут. зав. и которое такъ усиленно трактовало объ экономической борьбѣ, теперь абсолютно уклонилось отъ борьбы, члены даже не участвовали въ рядахъ стачечниковъ.

Варшава. Намъ сообщаютъ, что 25 авг. въ Варшавѣ вспыхнула стачка строительныхъ рабочихъ, въ которой принимаетъ участіе 10,000 человѣкъ. Стачкой руководитъ Варшавскій комитетъ С.-Д. Ц. П. и Л. Требованія каменьщиковъ слѣдующія: 10-часовой рабочій день, повышеніе заработной платы до 25 коп. въ часъ для каменьщиковъ и до 8 коп. — для сподручныхъ, включеніе времени выдачи платы въ рабочее время, предоставленіе рабочимъ на всякой постройкѣ отдѣльнаго помѣщенія для храненія одежды и пищи, а также для защиты отъ непогоды, 9-часовой раб. день въ канунъ праздниковъ и др.

До объявленія стачки въ теченіи недѣли устроены были соціальдемократической организаціей за городомъ три собранія подъ открытымъ небомъ; устроенное въ первый день стачки собраніе было въ высшей степени удачно. Стачечники, собравшіеся въ большомъ числѣ на улицѣ Хлодной — своего рода биржа труда для каменьщиковъ — устно передавая другъ другу приглашеніе, направились въ предмѣстье Воля, гдѣ, такимъ образомъ, сошлась толпа человѣкъ въ 600. Двумя членами организаціи были произнесены рѣчи по поводу стачки, о положеніи каменьщиковъ и политическомъ безправіи рабочаго класса; ораторъ призывалъ стачечниковъ къ солидарности и стойкости, послѣ чего вся толпа подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ и восторженныхъ кликовъ въ честь соціальдемократіи, потекла назадъ къ городу. По пути къ шествію присоединялись рабочіе изъ окрестныхъ фабрикъ. Полиція предмѣстья ничего не могла сдѣлать, она совершенно потеряла голову. Единственное, что „мѣстныя“ власти могли сдѣлать, это дать знать по телефону варшавскому оберъ-полиціймейстеру о „революціи на Волѣ“, и возвращавшіеся рабочіе уже издали могли замѣтить около городской заставы изрядное количество казаковъ и городовыхъ. Стачечники предпочли, однако, разочаровать предупредительно поскакавшихъ имъ на встрѣчу казаковъ и полицейскихъ: рабочіе, прежде чѣмъ приблизиться къ заставѣ, успѣли по одиночкѣ и маленькими группами разсѣяться, такъ что „властямъ“ пришлось тоже разсѣяться, не солоно хлебавши.

Ростовъ н/Д. Кризисъ, какъ слѣдствіе войны, даетъ себя знать и въ Ростовѣ. Здѣсь онъ не принялъ пока острой формы, какъ въ Лодзи, Варшавѣ, но всѣ чувствуютъ, что онъ медленно, но неуклонно развертывается. Пока было лишь нѣсколько банкротствъ торговыхъ фирмъ; ожидаютъ, что число банкротствъ къ осени возрастетъ. Число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. Крупныя промышленныя предпріятія, какъ табачныя фабрики (Кушнарева, Асмолова и др.), отправлявшія массу товаровъ на Дальній Востокъ, желѣзнодорожныя мастерскія Влад. жел. дороги постепенно сокращаютъ число рабочихъ. Дѣлается это и прямо, а чаще обходными путями. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ ограничили выдачу „процентовъ“. Раньше рабочій могъ на поденную плату заработать 100% и всѣ получалъ, теперь больше 40% не платятъ. На табачныхъ фабрикахъ практикуется иной способъ пониженія заработка: съ машинной работы переводятъ на ручную. Дѣлается это съ двойной цѣлью: во первыхъ, сократить производство, а во-вторыхъ, удерживать рабочихъ при фабрикѣ, не опасаясь, что въ нужный моментъ ихъ не окажется подъ рукою, и это достигается, при томъ же за счетъ заработка рабочихъ. Работница, зарабатывавшая раньше 70-75 коп., должна довольствоваться 30-40 коп. При малѣйшемъ недовольствѣ охотно даютъ разсчетъ.

Изъ всѣхъ промышленныхъ заведеній Ростова у одного только Пастухова (мех. зав.) много работы, и то исключительно котельной. Въ настоящее время у Пастухова на 700 чел. рабочихъ на заводѣ человѣкъ 500 однихъ котельщиковъ. Объясняется это срочными заказами на нѣсколько баржъ. Но вотъ заказы будутъ сданы и начнется разсчетъ, а пока котельщики работаютъ день и ночь. До чего призракъ безработицы тяготѣетъ теперь надъ умами рабочихъ, особенно выяснилось на массовкѣ изъ рабочихъ завода Пастухова, созванной со спеціальной задачей обсужденія вопроса о забастовкѣ. Съ горечью самимъ же рабочимъ пришлось тутъ сознаться, что, несмотря на много поводовъ для забастовки, несмотря на массу притѣсненій рабочихъ на заводѣ Пастухова, начиная съ грубаго обращенія и кончая нерегулярной двухнедѣльной расплатой и пр. и пр., — разсчитывать на солидарность рабочихъ нельзя. Большинство будетъ работать.

Но если въ данный моментъ — когда у массы живетъ еще надежда получить работишку или удержаться на своихъ мѣстахъ — общее настроеніе ростовскаго рабочаго приниженное, — то, по отношенію къ недалекому будущему, когда безработица разовьется широкой волной, когда не будетъ мѣста вышеуказанной надеждѣ, можно почти навѣрное утверждать, что оно чревато крупными событіями. Ростовскіе рабочіе пережили ноябрьскіе и мартовскіе дни, и они не забыли ихъ. И если тогда „бунтъ противъ правительства“ гналъ всѣхъ на улицу, то въ недалекомъ будущемъ „бунтъ за кусокъ хлѣба“ будетъ служить лозунгомъ. Мѣстной организаціи останется только сдѣлать и его „бунтомъ противъ правительства“... и противъ капиталистическаго общества.

Юзовка. „Русская Бельгія“, какъ называютъ нашъ горнопромышленный районъ, въ духовномъ отношеніи и съ точки зрѣнія темпа общественной жизни недалеко ушла впередъ отъ самыхъ глухихъ уголковъ всетерпящей матушки Россіи. Отзывчивой и мало-мальски оригинально мыслящей политически интеллигенціи здѣсь почти совершенно нѣтъ, не больше, чѣмъ въ любомъ уѣздномъ городишкѣ. Сознательныхъ пролетаріевъ, живо реагирующихъ на всѣ явленія нашей политической жизни, разумѣется, много, и во всякомъ другомъ, менѣе значительномъ промышленномъ центрѣ они составляли бы силу. Здѣсь же они тонутъ въ громадной массѣ совершенно сѣрыхъ шахтеровъ, вѣчно переходящихъ изъ деревни въ шахту и изъ шахты въ деревню. Въ этомъ весь трагизмъ нашего положенія. Въ другихъ мѣстностяхъ, при меньшемъ даже процентѣ дѣйствительно сознательныхъ рабочихъ, но при наличности массы, хотя бы только слегка наслышавшейся и сагитированной, сознательному меньшинству гораздо легче дается руководство. Любознательности же и готовности воспринять агитацію у шахтеровъ очень много. Товарищи, которые въ послѣднее время отправлялись съ листками, буквально перехватывались у порога и не успѣвали донести листки до назначеннаго мѣста. Ихъ вырывали изъ рукъ. Какъ бы то ни было число дѣйствительно организованныхъ еще незначительно, и организація потому слаба. Вполнѣ понятно поэтому, какая благодарная у насъ здѣсь почва для предпринимательскаго экономическаго и полицейско-политическаго гнета. Оба врага русскаго пролетарія отлично понимаютъ эти преимущества своего положенія и пользуются ими со свойственной русскому живодеру наглостью. Экономически здѣшній пролетаріатъ явно распадается на три группы: 1) рабочіе городскихъ мастерскихъ и мелкихъ заводовъ, 2) около двѣнадцати тысячъ рабочихъ завода Юза; 3) громадная масса рабочихъ на непосредственно прилегающихъ и окрестныхъ шахтахъ. Эти послѣдніе, какъ наименѣе сознательные, лишь въ самой незначительной долѣ организованные, находятся въ самомъ тяжеломъ положеніи. Лучшей иллюстраціей можетъ служить такой фактъ: на трехъ шахтахъ, изъ которыхъ крайнія отстоятъ другъ отъ друга на 15 верстъ, поденная плата забойщику колеблется отъ 90 коп. до 2 р. 50 к. Еще ярче сказывается полная безпомощность шахтера въ его борьбѣ съ эксплуататорами при несчастныхъ случаяхъ, безъ которыхъ не обходится у насъ ни одинъ день. Безцеремонность, съ которой ведутъ себя наши кормильцы, положительно достойна пера художника. И въ этомъ отношеніи самый мелкій арендный владѣлецъ какой-нибудь шахты и миллионеры Юзы — совершенно одинаковы. Новый законъ объ увѣчныхъ, который они поняли не какъ ловкій маневръ и самую обыкновенную ложь правительства, а какъ дѣйствительную измѣну ихъ всегдашняго покровителя[1], эти господа называютъ прямымъ грабежемъ и, при помощи полиціи, преблагополучно обходятъ. Фактически уже бывали такіе случаи, что у Юза рабочему, которому оторвало палецъ, выдавали желѣзнодорожный билетъ, 10 рублей денегъ и отправляли его на родину. Дѣлалось это съ такимъ апломбомъ, что рабочій не рѣшался и пикнуть. Въ случаяхъ же болѣе серьезныхъ откровенный торгъ и не менѣе откровенныя угрозы быстро заставляютъ неопытнаго и не видящаго за своей спиной никакой поддержки рабочаго сдаться. Пройдите вы въ обѣденное время или вечеромъ мимо главной конторы директора Юза и вы всегда увидите тамъ толпу увѣчныхъ или ихъ женъ, съ тоской ожидающихъ своей участи. Нерѣдко вы услышите такой разговоръ какого-нибудь калѣки: „А онъ мнѣ и говоритъ: бери, говоритъ, 300 руб. за ногу, а не хочешь — судись!“

Положеніе рабочихъ на заводѣ немногимъ лучше. Бывали такіе случаи, когда рабочіе дружно отстаивали свои интересы и потому начальство уже обращается съ ними осторожнѣе, чѣмъ на шахтахъ. Но организованной силы за рабочими и прежде всего единодушія между отдѣльными мастерскими[2] и цехами начальство не чувствуетъ и потому при всякомъ удобномъ случаѣ старается прижать рабочаго не хуже шахтовладѣльца. При увѣчьяхъ тѣ же излюбленные пріемы, очень развитая система штрафовъ и пр. Что же касается продолжительности рабочаго времени, то въ этомъ отношеніи для завода, повидимому, никакихъ законовъ не существуетъ. Если мастеръ приказываетъ рабочему, проработавшему цѣлый день, остаться еще и на ночь, то ни о какихъ возраженіяхъ не можетъ быть и рѣчи — иначе разсчетъ. И такая работа — двѣ смѣны подрядъ — явленіе вовсе не рѣдкое, но даже обычное, бываютъ же случаи работы даже три смѣны подрядъ. При этомъ работа крайне напряженная, что достигается вѣчными угрозами, штрафами и руганью. Такіе полицейски-кулачные таланты, какъ, напр., мастеръ Рудаковъ и монтеръ Токаревъ, прямо изощрились въ искусствѣ выжимать послѣдніе соки изъ живой рабочей машины. Къ вечеру рабочіе совершенно истощены, и недавно былъ случай, когда рабочій Хайкинъ пошелъ послѣ работы выкупаться въ прудѣ и утонулъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, хотя умѣлъ плавать. А вотъ еще примѣръ того, какъ начальство смотритъ у насъ на рабочихъ. На „старой вальцовкѣ“ предложили слесарю сдѣлать какую-то починку у машины, стоя на тонкихъ трясущихся доскахъ надъ громадными вертящимися шестернями. Когда онъ отказался такъ сумасбродно рисковать своею жизнью, его уволили и съ нимъ пять поддерживавшихъ его товарищей. Случай этотъ совпалъ съ уничтоженіемъ аккорда въ механическомъ цехѣ, т. е. съ уменьшеніемъ средняго заработка слесаря съ 2 руб. на 1 р. 20 к. Рабочіе и безъ того волновались, въ воздухѣ пахло стачкой, и уволенныхъ всѣхъ приняли обратно въ другіе цехи.

Городскіе рабочіе въ общемъ дружнѣе и стачки у нихъ проходили удачно, но предпріятія эти мелки и хозяева зорко слѣдятъ за тѣми, кто раньше въ чемъ былъ замѣченъ, и ловко стараются выжить такихъ изъ города. Среди пекарей, портныхъ и пр. есть такіе, которые уже совсѣмъ потеряли надежду прочно устроиться въ какой-либо мастерской и кормятся только благодаря тому, что въ нихъ нуждаются и время отъ времени тотъ или другой хозяинъ даетъ имъ временную работу. Сейчасъ застой въ дѣлахъ мелкихъ предпріятій уже начался и кризисъ не за горами.

Изъ всего сказаннаго не трудно понять, какой характеръ здѣсь носитъ собственно политическое движеніе: оно растетъ экстенсивно. Для активныхъ проявленій и протестовъ разница между сознательной частью городскихъ и заводскихъ рабочихъ, съ одной стороны, и сѣрой толпой шахтеровъ и доменщиковъ — съ другой, еще слишкомъ велика. Нельзя упускать изъ виду и еще одно обстоятельство: пролетаріатъ здѣсь, можетъ быть, такъ, какъ нигдѣ болѣе въ Россіи, предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Революціонной интеллигенціи совершенно нѣтъ. Нѣтъ, поэтому, и связей съ либеральной буржуазіей. Доходы организаціи составляются исключительно изъ скромныхъ лептъ самихъ работниковъ. Понятно, поэтому, также, почему мы и здѣсь чувствуемъ хроническую и при томъ острую нужду въ пропагандистахъ для нашихъ кружковъ и въ ораторахъ для нашихъ собраній. Всѣ, кто обладаетъ этими способностями, разрываются на части и все таки не успѣваютъ удовлетворить весь спросъ. Этимъ же объясняется, почему провалы у насъ всегда вызываютъ, если не пріостановку, то все же временное сокращеніе движенія. Литературный голодъ истекшаго года, терпимый еще въ мѣстахъ съ большими пропагандистскими силами, для насъ былъ особенно тяжелъ. Вся масса рабочихъ, не смогшая войти въ кружки, слышала живое слово только на „массовкахъ“.

О томъ же, какъ именно теперь возросъ интересъ къ чисто политическимъ вопросамъ, и говорить нечего. О войнѣ всѣ хотятъ слышать правду. И у насъ здѣсь съ самаго начала войны того общественнаго разврата, который эта война внесла въ общественную жизнь нѣкоторыхъ другихъ городовъ, совершенно не было замѣтно. Патріотическія манифестаціи, если можно такъ назвать оркестръ казачьей музыки, за которымъ бѣжитъ сотня мальчиковъ и пьяныхъ, встрѣчались насмѣшками. Стройна и многочисленна была только одна февральская манифестація *сіонистовъ*. Нерѣдко отъ рабочихъ, далеко не передовыхъ, которымъ это никто не объяснялъ, вы можете услышать мнѣніе, что война эта должна привести къ гибели самодержавія.

Не дремлетъ у насъ, разумѣется, и полиція. Въ мартѣ она проэктировала погромъ. Ея агенты и босяки очень откровенно о немъ разговаривали, но отвѣты организованныхъ рабочихъ были также откровенны и рѣшительны — и полиція отказалась отъ своихъ плановъ.

Набѣги свои она дѣлаетъ постоянно, но нельзя сказать чтобы удачно. Въ концѣ марта она сдѣлала большой набѣгъ, обыскала и арестовала массу лицъ, изъ которыхъ большую часть немедленно выпустила, а остальныхъ освобождаетъ постепенно теперь, при чемъ имъ выдаютъ на руки и паспорта, такъ какъ прокуратура отъ обвиненія отказалась. Въ іюнѣ арестованы одинъ городской рабочій (сидитъ сейчасъ въ Луганскѣ), одинъ рабочій съ рудника (выпущенъ въ іюлѣ) и одна дѣвица (выпущена черезъ нѣсколько дней). Въ послѣднее время арестованы рабочіе Малкинъ и Платовъ и приказчикъ Подольскій (сидятъ), обысканъ былъ рабочій Левандовскій. И это несмотря на то, что добровольный сыскъ, которымъ занимаются здѣсь почтенные бюргеры, у насъ крайне развитъ, а наши сатрапы Бабичевъ и Андрейченко даже отъ подобранныхъ на улицѣ пьяныхъ пытаются узнать что-нибудь о крамолѣ.

10 августа 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Подвиги казаковъ. Опричнина еще не перевелась на Руси. По улицамъ Иванова-Вознесенска разъѣзжаютъ конные казаки, по два и по три. Любимое ихъ занятіе — отбирать деньги у играющихъ на улицахъ въ „орлянку“ или „кости“. Галопомъ налетаютъ они на группу играющихъ, которые разсыпаются въ разныя стороны, и забираютъ оставленныя на песку деньги (иногда до десяти рублей). Однажды по той же улицѣ, гдѣ играли, шелъ рабочій. Играющіе, при появленіи казаковъ, по обыкновенію, разбѣжались. Рабочій шелъ спокойно впередъ. „Это что за храбрецъ нашелся?“ — крикнулъ одинъ казакъ. Оба казака наѣхали на рабочаго, приперли его лошадьми къ забору и отдавили ему ногу такъ, что онъ почти потерялъ сознаніе. „Знай нашихъ!“ — только и всего. Двѣ недѣли пролежалъ рабочій въ больницѣ и до сихъ поръ нога его сильно болитъ.

Трое рабочихъ въ кустахъ расположились съ бутылкой водки. Недалеко 12 казаковъ прокашивали траву для своихъ лошадей. Одинъ казакъ подходитъ и требуетъ налить ему стаканъ. „Пошелъ ты къ...!“ — отвѣчаетъ рабочій. Казакъ беретъ всю бутылку и уходитъ. Загорѣлось сердце у ребятъ. Побѣжали слѣдомъ, дали „раза“ казаку и отняли бутылку. Явилась вся дюжина опричниковъ, снова отняли водку, избили всѣхъ троихъ и представили въ городъ полиціймейстеру.

„Вотъ они, демократы, сидятъ въ кустахъ и что то непотребное читаютъ!“. Сдѣлали у нихъ обыскъ, ничего не нашли и отпустили избитыхъ домой.

Жандармы — агитаторы. Печатаемый ниже документъ является очень характернымъ свидѣтельствомъ того, какъ правительственные агенты, усердствуя въ искорененіи крамолы, содѣйствуютъ намъ, соціальдемократамъ. Это — письмо, посланное мѣстнымъ рабочимъ Иваново-Вознесенскому жандарму Тимофееву, когда его за неспособность перевели въ Суздаль. Замѣнившій его новый офицеръ, кажется, еще менѣе способенъ оправдать надежды начальства. На сколько онъ ловокъ въ своихъ пріемахъ видно изъ того, что при немъ казаки стали разъѣзжать по окрестнымъ дорогамъ и распрашивать у проходящихъ, гдѣ можно найти „демократовъ“ „начальство де велѣло достать, а мы не знаемъ“. Съ такими вопросами обращались, между прочимъ, и къ самимъ „демократамъ“, возвращавшимся со сходки.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СОЗНАТЕЛЬНЫМЪ.

Г-нъ Тимофеевъ! Какъ я вамъ благодаренъ! Вы открыли мнѣ глаза. Припомните, за что вы арестовали меня первый разъ? Я, право, и самъ не знаю! Такъ-то, многоуважаемый, вы являетесь истребителемъ крамолы! Намъ нужны люди, арестуйте, пожалуйста арестуйте больше молодежи! Какъ сейчасъ помню я свой первый арестъ. Пришли жандармы, произвели обыскъ, ничего не нашли, взяли меня и бросили въ будку. Четыре дня провалялся я тамъ голодный, въ грязной тѣсной конурѣ, спалъ на голомъ полу, на которомъ было много навоза. Я терпѣливо переносилъ эту пытку и думалъ, думалъ, думалъ... Наконецъ потребовали къ допросу. Тамъ съ удивленіемъ услышалъ я такія вещи, о которыхъ прежде не имѣлъ понятія, — и заинтересовался. Я ни въ чемъ не сознался, такъ какъ ничего не зналъ и меня отвезли въ тюрьму. Тамъ я увидѣлъ всѣ прелести тюремной жизни, терпѣніе истощилось, — и вознегодовалъ... Товарищи по заключенію объяснили мнѣ въ чемъ дѣло и, какъ бы въ насмѣшку, меня освободили. Я шелъ въ тюрьму, не зналъ за что, а вышелъ вполнѣ сознательнымъ человѣкомъ.

— Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ! Съ тѣхъ поръ я увидѣлъ свѣтъ и теперь буду жить и стремиться къ этому свѣту! Когда я былъ арестованъ второй разъ, для меня это было не удивительно, тогда, сидя въ тюрьмѣ, я чувствовалъ себя героемъ; и когда меня допрашивали, я скорѣе позволилъ бы умертвить себя, чѣмъ кого либо выдать. И такъ, г-нъ Тимофеевъ, съ вашей легкой руки я принялся за то, что вы съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуете. Удивительна ваша тактика, одной рукой вырываете, другой — засѣваете. Съ такой тактикой вамъ будетъ работы на всю жизнь, да еще потомству кое-что на память останется. Спасибо вамъ, г-нъ Тимофеевъ!!!

---

[1] Недавно одинъ шахтовладѣлецъ въ частномъ разговорѣ сказалъ: „Они теперь, подлецы, нарочно въ мастерской „трепака“ пляшутъ, чтобы себѣ колѣно зашибить и за увѣчье деньги получить.

[2] Такъ, напр., въ прошломъ году была стачка доменщиковъ, не удавшаяся потому, что остальные цехи не пристали.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Совѣтъ Партіи разъясняетъ товарищамъ, что партійной литературой является только такая, которая издана за отвѣтственностью и отъ имени одной изъ партійныхъ организацій. Поэтому, и заголовокъ Р. С. Д. Р. П. не можетъ ставиться на изданіяхъ, выпускаемыхъ отдѣльными членами Партіи. Совѣтъ проситъ всѣхъ товарищей, въ виду неоднократныхъ уже нарушеній этого само собой разумѣющагося во всякой Партіи правила, принять во вниманіе его разъясненіе.

Новая газета. Давно уже ясно проявилась потребность широкой массы привлеченныхъ къ движенію рабочихъ имѣть доступную по языку и содержанію періодическую газету. Нѣтъ сомнѣнія, такая газета могла бы быть средствомъ проведенія въ широкіе слои пролетаріата основныхъ программныхъ и тактическихъ взглядовъ нашей партіи, которые, благодаря, между прочимъ, отсутствію подходящей литературы, слишкомъ поверхностно проникаютъ во все растущую массу, прислушивающуюся къ нашей агитаціи. Долголѣтній опытъ „Искры" показываетъ, что рабочій читатель растетъ въ числѣ быстрѣе, чѣмъ текущая брошюрная и прокламаціонная литература успѣваетъ пріобщить его къ тому минимальному кругу идей, усвоеніе котораго является необходимой предпосылкой для пониманія руководящаго партійнаго органа. Мы считаемъ, поэтому, своевременнымъ взять на себя попытку такой популярной газеты, которая заполнила бы существующій недостатокъ. По соглашенію съ Ц. К—омъ, редакція „Искры" беретъ на себя организацію литературной стороны дѣла изданія этой газеты, которая выйдетъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Газета будетъ называться „Соціальдемократъ" и первоначально будетъ выходить разъ въ мѣсяцъ. Мы разсчитываемъ на поддержку всѣхъ партійныхъ организацій, безъ которой немыслимо правильное развитіе новаго органа.

Къ международному конгрессу. За недостаткомъ мѣста откладываемъ до слѣдующаго номера статью Г. Плеханова „Въ Амстердамѣ," посвященную событіямъ международнаго конгресса. Къ ней отсылаемъ читателя, котораго могло бы удивить освѣщеніе конгресса въ недавно вышедшемъ № „Рев. Россіи". Отчетъ, представленный делегаціей нашей Партіи, въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ на русскомъ языкѣ.

Вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ „Зари" статья тов. Мартынова „Соціальдемократическія побѣды и буржуазно-демократическіе реванши", посвященная итогамъ развитія международной соц.-дем. отъ 1848 г. до нашихъ дней. Вопросы, разсмотрѣнные въ этой статьѣ, которую мы рекомендуемъ вниманію читателя, имѣетъ ближайшее отношеніе къ борьбѣ, ознаменовавшей собой дни Амстердамскаго конгресса.

Агитація противъ войны.

Ц. К. переизданъ листокъ „Искры": „Правдивое слово Министра Финансовъ"; **Рижск. Ком.** издалъ листки: „Долой войну!" (2500 экз.), „Двѣ войны" (3000 экз.) и „Къ солдатамъ" (редакціи „Искры" — 500 экз.); **Сѣв.-Зап. Ком.** переиздалъ листки „Искры": „Пора" и „Къ солдатамъ"; **Харьк. Ком.** — „Кризисъ, безработица, война"; **Арх. Ком.** — два листка къ запаснымъ.

Изданы Комитетами: Петербургскимъ — листокъ о рожденіи наслѣдника; **Рижскимъ** — листокъ „Искры" объ убійствѣ Плеве (1000 экз.); **Сѣв.-Зап.** — тотъ же листокъ; **Арх. Ком.** — „Арханг. рабоч. лист." №№ 2 и 3; **Балаханскими** рабочими организаціи Бакин. Ком.: „Къ рабочимъ промысловъ Вишау" (два листка) и „Къ рабочимъ завода Ротшильда".

Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ **группой соц.-дем. Дальняго Сѣвера** выпущены слѣдующ. листки: 1) „Кому нужна война", 2), 3) и 4) „Къ запаснымъ", 5) „По поводу убійства Плеве", 6) „Ко всѣмъ соц.-дем. въ ссылкѣ", 7) „По поводу манифеста" и девять листковъ „Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ" (хроника революц. движенія). Каждый листокъ выпускался minimum въ 100 экз. Такимъ образомъ, за 3 мѣсяца всего издано до 2000 листковъ, распространенныхъ во всемъ районѣ дѣятельности группы.

Отъ Имеретинско-Мингрельскаго Комитета. Лѣтомъ 1904 г., по иниціативѣ Им.-Мин. К-та, передовые рабочіе города Кутаиса (15 чел.) отпраздновали годовщину фактическаго сплоченія соц.-дем. силъ Россіи въ единую централизованную партію. Были пренія по вопросамъ тактики и организаціи. Въ концѣ собранія единогласно была принята резолюція, въ которой собравшіеся обязались „проводить въ жизнь тактическіе и организаціонные принципы, принятые большинствомъ II го партійнаго съѣзда".

Письмо въ редакцію.

Въ № 39 „Револ. Рос.", на стр. 23, была помѣщена корреспонденція изъ Тамбова, въ которой 20 чел. рабочихъ, получившихъ приговоръ по дѣлу Борисоглѣбской стачки, объявлены „соціалистами-революціонерами".

Находя, съ одной стороны, что такое категорическое причисленіе къ той или иной организаціи лицъ, выхватываемыхъ полиціей изъ массы и не имѣющихъ противъ себя никакихъ полицейскихъ данныхъ, есть выходка, въ высшей степени безтактная, мы, съ другой стороны, рѣшительно протестуемъ противъ причисленія упомянутыхъ лицъ къ партіи соц.-рев. О нихъ мы можемъ сказать одно: *они не соціалисты-революціонеры и таковыми не были.*

Въ виду вышеизложеннаго, мы просимъ редакцію „Рев. Рос." исправить эту характерную „опечатку" (конечно, если это была опечатка), а своихъ почтенныхъ корреспондентовъ увѣдомить о томъ, чтобы они съ большей осторожностью и внимательностью относились къ корреспондируемымъ событіямъ.

Члены Борисоглѣбской Рабочей Кассы.

7 іюля 1904 г.

Необходимая поправка.

По невнимательности или по недосмотру редакціи, въ № 70 „Искры" заявленіе Сибирскаго Союза помѣщено безъ тѣхъ исправленій и дополненій, которыя внесены были во вторую копію этого заявленія, полученную редакціей еще до выпуска № 69.

1) Напечатано: „Ц. К. говоритъ — III съѣздъ"... Въ исправленномъ заявленіи стоитъ: „Представители Ц. К. въ Совѣтѣ говорятъ — III-й съѣздъ"...

2) Совершенно выпущенъ P. S., который говоритъ приблизительно слѣдующее: „Подавая свой голосъ за съѣздъ, мы, однако, не высказываемся за него *безусловно, во что бы то ни стало.* Напротивъ. Если бы нашлось такое средство, которое, устранивъ необходимость въ съѣздѣ, дало-бы возможность обѣимъ сторонамъ *достойнымъ* образомъ выйти изъ настоящаго тяжелаго положенія, мы первые высказались бы *противъ* съѣзда. *Такого* выхода *мы* не знаемъ. Но, чтобъ явилась *возможность* найти такой выходъ, необходимо *прежде всего* „*Искрѣ*" отказаться отъ тѣхъ *способовъ* борьбы съ большинствомъ, которые практикуются ею въ настоящее время"...

3) Выпущена сноска, сдѣланная представителями Союза. Она гласитъ: печатаемое заявленіе Союза — второе по счету. Первое, уже давно полученное „Искрой", было отвѣтомъ на ея письмо (о раздорахъ на съѣздѣ), разосланное ею по комитетамъ. Въ немъ „Искра" просила комитеты высказываться по этому вопросу, и обязывалась печатать отвѣты. Къ сожалѣнію, наше письмо не было напечатано. Кромѣ того, черезъ Союзъ были посланы двѣ статьи: 1) по поводу „Чего не дѣлать", подписанная „Ссыльный" и 2) отвѣтъ на статью П. Б. Аксельрода (№55), подписанная однимъ изъ авторовъ письма ссыльныхъ с. д., письма, помѣщеннаго въ № 50 „Искры" подъ рубрикой „Къ вопросу о нашихъ партійныхъ задачахъ". Первая — редакціей получена, но не напечатана. О судьбѣ второй — ничего неизвѣстно.

По поводу примѣчанія „Искры" къ отрывку изъ перваго письма Союза, напечатанному въ № 68, необходимо замѣтить слѣдующее. „Искра" не совсѣмъ права, когда замѣчаетъ, что „согласно имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, составъ Сибирскаго Союза сильно измѣнился, со времени II-го съѣзда". Въ Союзѣ имѣется только *одно* лицо, прибывшее *изъ-внѣ*. Всѣ же остальные, пополнявшіе выбывающихъ изъ Союза, давно уже были членами комитетовъ и принимали самое близкое участіе въ выработкѣ взглядовъ Союза *до* съѣзда. Преемственность идей сохранена была въ полномъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ Союзъ не новый, а старый.

Августъ. Лан—z. Членъ Сибирскаго Союза

Отъ редакціи. Первое письмо Сиб. Союза, являясь отвѣтомъ на *ненапечатанное* письмо редакціи къ комитетамъ, не было снабжено указаніемъ на желательность его напечатанія. Обѣ упомянутыя „статьи" носили внѣшній характеръ писемъ къ редакціи и послѣдняя не нашла въ нихъ чего-либо интереснаго для кого бы то ни было. Указанные авторомъ пропуски въ „заявленіи" Сиб. Союза совершены по недосмотру, благодаря тому, что въ двухъ, одновременно посланныхъ, но разновременно полученныхъ, спискахъ текстъ былъ неодинаковъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Наумъ Шацъ. Лицо, близко знавшее покойнаго товарища, сообщило слѣдующія данныя изъ его біографіи:

„Убитъ 17 іюня 1904 года на Мачѣ въ Якутской области солдатской пулей Наумъ (Нафтоле) Шацъ. Скошена молодая, богатая жизнь, угасъ пламенный борецъ и прекрасный человѣкъ.

Шацъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію раб. революціонеровъ, выросшихъ въ атмосферѣ напряженной политической борьбы, среди растущаго напора массъ на устои отживающаго строя, среди треска развалинъ и отчаянныхъ попытокъ реакціи во что бы то ни стало задавить грозное движеніе. Шацъ былъ созданъ для этой борьбы. Пылкій, увлекающійся, но твердый въ рѣшеніи, чуткій ко всякой неправдѣ, съ громаднымъ запасомъ альтруизма въ душѣ, съ высокоразвитымъ чувствомъ личнаго достоинства, онъ сумѣлъ замѣчательно гармонически сочетать въ себѣ и глубокое чувство любви, и беспощадную ненависть, — первое условіе истинно революціоннаго міровоззрѣнія. И это былъ революціонеръ до мозга костей. Идеалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ всю жизнь посвятилъ служенію завѣтной идеѣ, въ которую вѣрилъ всѣми фибрами души и которая цѣликомъ поглотила всѣ его силы, все его вниманіе. Какой нибудь личный интересъ, внѣ интересовъ дѣла и, тѣмъ болѣе, вопреки имъ, для него не существовалъ. Жертва его не смущала и подвигъ былъ не страшенъ ему. Мирное филистерское существованіе его не прельщало, жажда битвы его никогда не покидала.

Наумъ Шацъ родился въ 1880 г. въ еврейской семьѣ въ Брестъ-Литовскѣ, гдѣ и получилъ свое первоначальное воспитаніе. Здѣсь же онъ пріобрѣлъ и профессіональную подготовку, сдѣлавшись наборщикомъ. Въ затхлой атмосферѣ уѣзднаго городка тѣсно было мятежному духу молодого рабочаго, и онъ, 18 лѣтъ, перекочевалъ въ Варшаву. Здѣсь уже года два функціонировала бундовская организація, и она не замедлила привлечь его въ свои ряды. Его горячее отношеніе къ дѣлу и не заурядныя агитаторскія способности сразу выдѣлили его изъ среды массовыхъ рабочихъ и организація возлагала на него не малыя надежды. Но не успѣлъ Шацъ хорошенько осмотрѣться и освоиться съ новымъ міромъ идей и чувствъ, какъ ему пришлось выдержать весьма суровое испытаніе. 3 ноября 99 г. въ Варшавѣ происходила демонстрація на похоронахъ инженера Танскаго. На демонстраціи былъ забранъ товарищъ, въ квартирѣ котораго жилъ Шацъ, и при обыскѣ въ комнатѣ у него найдена нелегальная литература. Этого было достаточно, чтобы продержать Шаца 9 мѣсяцевъ въ X павильонѣ Варшавской Цитадели. Удивительное дѣло: три раза привлекался Шацъ по политическимъ дѣламъ, и всегда по чужимъ дѣламъ; попадая случайно, онъ жестоко платился и, даже съ жандармской точки зрѣнія, всегда безвинно. И смерть его носила тотъ же характеръ роковой случайности.

Выпущенный подъ надзоръ въ Брестъ-Литовскѣ, онъ вскорѣ добылъ изъ управы паспортъ и отправился на югъ, въ Одессу. Недолго прожилъ Шацъ въ сторонѣ отъ движенія, скоро работа захватила его и Шацъ весь отдался ей.

Одесскій комитетъ переживалъ тогда — осенью 1900 г. — періодъ расцвѣта. Организація успѣла сплотить нѣсколько сотъ ремесленныхъ рабочихъ и стала переносить свою дѣятельность на фабрики и заводы. Массовая агитація приняла широкіе размѣры и на очереди дня стояла задача углубленія политическаго сознанія массы и революціонизированія пріемовъ борьбы. Организація не сразу могла приспособиться къ новымъ потребностямъ, и часть ея членовъ ихъ либо вовсе не замѣчала, либо недостаточно и неправильно оцѣнивала. Кое кто изъ руководителей былъ даже немало грѣшенъ экономизмомъ, и идеи революціонной соціальдемократіи имѣли не мало противниковъ въ средѣ агитаторовъ. Шацъ былъ не въ ихъ числѣ. Одаренный замѣчательнымъ чутьемъ бойца, онъ безъ особой теоретической подготовки быстро усвоилъ сущность программы и явился однимъ изъ піонеровъ планомѣрной политической агитаціи въ Одессѣ. Вліяніе его было не малое. Пламенный агитаторъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ловкій организаторъ, онъ привлекалъ къ себѣ сердца рабочихъ не только своей смѣлой увлекательной рѣчью, но и умѣстнымъ совѣтомъ и указаніемъ. Его полюбили также за необыкновенную честность и искренность, за глубокое чувство товарищества, за его открытый благородный характеръ. Сколько прекрасныхъ воспоминаній оставилъ онъ въ своихъ товарищахъ по работѣ!

Болѣе полугода пробылъ Наумъ въ Одессѣ, погруженный въ работу. Осенью 1900 г. преслѣдованія жандармовъ принудили его спѣшно уѣхать изъ Одессы въ Николаевъ, но и тутъ ему пришлось пробыть всего какую нибудь недѣлю, такъ какъ жандармамъ опять удалось открыть его. Шацъ двинулся на сѣверо-западъ.

Къ этому моменту (конецъ 1900 г.) относится возникновеніе „Искры" и начало дѣятельности ея русской организаціи. Шацъ бросаетъ агитаціонную работу въ массахъ и переходитъ къ организаціонно-технической работѣ въ сферѣ конспиративныхъ функцій. Нѣкоторое время онъ работалъ въ типографіи Искры и, между прочимъ, имъ набрана вышедшая тогда брошюра „Женщина работница". Въ іюнѣ онъ по конспиративному порученію отправился въ Вильну, и не имѣя, гдѣ ночевать, нашелъ пріютъ у своего стараго товарища Абрама Бернадина. Ночью у послѣдняго былъ обыскъ, при которомъ найдено до 1½ п. литературы, и Шацъ былъ опять забранъ. Началось дѣло виленскихъ организованныхъ приказчиковъ. Всѣ арестованные, въ томъ числѣ и Шацъ, которому приписана была доставка найденной литературы, переведены были въ Москву, въ Таганку. Здѣсь пришлось Шацу просидѣть 14 мѣс., полныхъ борьбы и страданій. Режимъ, господствовавшій тогда въ Таганкѣ, былъ очень суровъ, и заключенные все время вели противъ него ожесточенную борьбу. Шацъ былъ въ этой борьбѣ однимъ изъ первыхъ. Знаменитое разрушеніе щитовъ на окнахъ начато было имъ, и онъ первый пошелъ за это въ карцеръ. Твердость Шаца характеризуется хотя бы тѣмъ фактомъ, что онъ 10 сутокъ пролежалъ въ темномъ карцерѣ, оторванный отъ всѣхъ, все время продолжая голодать. Голодовка эта значительно подорвала его силы и наградила его катарромъ желудка, болѣзнью, отъ которой онъ временами сильно страдалъ, но на которую никогда не обращалъ вниманія. Просидѣвъ 14 мѣс., виленцы узнали, что дѣло ихъ, ведшееся до сихъ поръ въ охранномъ порядкѣ, подлежитъ пересмотру для направленія въ обычномъ административномъ порядкѣ. Всѣ заключенные были переведены въ Вильну, гдѣ Шацу пришлось просидѣть еще мѣс. 3-4 и выдержать небольшую голодовку. Вырвавшись въ ноябрѣ 1902 г. на волю, Шацъ сразу перешелъ на нелегальное положеніе и сдѣлался дѣятельнымъ агентомъ Организаціоннаго Комитета. Дѣло бросало его изъ одного конца Россіи въ другой и въ теченіе полугода онъ почти не выходилъ изъ вагона. Одно изъ порученій О. К. привело его въ іюнѣ прошлаго года въ Красноярскъ. И вотъ однажды въ чудную лѣтнюю погоду, жандармы, производя среди бѣла дня безрезультатно обыскъ въ какомъ то дворѣ, рѣшили вознаградить себя обыскомъ въ квартирѣ адвоката Кускова, жившаго на томъ же дворѣ. Хозяевъ не было, и двери отворилъ Шацъ. Документы у послѣдняго оказались въ порядкѣ, но на всякій случай рѣшили навести справки, а Шаца, пока что, подержать въ тюрьмѣ.

Дальнѣйшіе подробности извѣстны. Преслѣдуемый за „бродяжество", Шацъ открылъ свое имя и получилъ „приговоръ" — 4 г. Якут. обл.

Севастополь. Въ началѣ августа арестованы: Каютинъ (взято много листковъ), Шестаковъ, Щепетевъ (всѣ трое окончили мореходные классы), Кучеръ (окон. реальн. уч., освобожденъ), Гинсбургъ и Шидловскій. Сюда же привезенъ изъ Ялты бывш. студ. Пет. Техн. Инстит. Морицъ Лейкертъ (у него взята лит. и гектографъ), обвиняется по п. п. 1 и 2 ст. 125 и п. п. 1 и 2 ст. 132 Угол. Улож. **Ростовъ н.Д.** Въ началѣ августа арест. инт. Суратъ, одновременно арестовано нѣсколько рабочихъ по предательству Петра Максимова (Купидонъ). **Харьковъ.** Освобождены: Пичхай Байковъ (р.), Левинъ (врачъ), Синайскій, Баженовъ (ст.-т.), Горовицъ (инт.). Кацъ, бѣжавшій изъ Харькова съ Сабуровской дачи, арестованъ вновь на границѣ, привезенъ обратно въ Харьковъ.

Въ концѣ іюля высланъ изъ **Севастополя** по приговору въ Архангельскую губ. на 3 г. рабочій Ляшенко (просидѣлъ 1½ г. въ тюрьмѣ) и освобожд. раб. Андрей Леонидовъ. Скрылись изъ **Онеги**: въ апрѣлѣ — Богушевскій (с.-р.), въ августѣ — Валюкевичъ (Литов. с.-д.), студ. Святой (с.-д.), Шнеерсонъ (с.-д., случайно привлекавшійся по дѣлу Сладкопѣвцева), Комаровъ (с.-р. изъ Тамб. губ.). Въ **Онегѣ** освобождены изъ ссылки (по манифесту), какъ несовершеннолѣтніе: Сонячевъ, Кошебаткинъ, Метелкинъ и Дакальскій.

Бѣжали: Изъ Сибири — М. А. Сильвинъ (сосланъ по Кіевск. дѣлу „Искры" 1902 г.); Мар. Нагель (съ поселенія, сослана по дѣлу Ростовск. дем.). Викент. Гутовскій прибылъ заграницу). Изъ Вологодской губ. — Коганъ, сосланъ на 5 лѣтъ. **Сосланы:** въ Вологодскую губ. на 5 лѣтъ — инж. С. Ратченко по дѣламъ 1901 — 1902 г.); въ Архангельскую губ. Іосифъ Гинзбургъ, бѣжавшій изъ Вост. Сиб. и снова арест. въ Вильнѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Ц. К-та за іюль мѣсяцъ по распространенію партійной литературы.

Изъ изданій Ц. К. и Ц. О. („Искра", брошюры и прокламаціи) доставлено въ слѣдующія мѣста: Нижній Новгородъ — 1 пудъ, Казань — 25 ф., на Уралъ — 1 п. 10 ф., Сибирь 1 п. 20 ф., Самара — 31 ф., Саратовъ — 1 п. 5 ф., Астрахань — 21 ф., Воронежъ — 21 ф., Борисоглѣбскъ — 22 ф., Тула 1 п. 27 ф., Орелъ Елецъ-Тамбовъ — 20 ф., Тверь — 1 п. 12 ф., Ярославль — 1 п. 15 ф., Москва — 3 п. 20 ф., Петербургъ — 2 п. 15 ф. Гомель — 35 ф., Кременчугъ — 20 ф., Елисаветградъ — 9 ф. Николаевъ — 16 ф., Одесса — 24 ф., Екатеринославъ — 1 п. 36 ф., Харьковъ — 2 п. 15 ф., и Кавказъ — 5 п. Итого — 32 п.

Съ 1-го іюля по 1-ое августа Экспедиціей Р. С.-Д. Р. П. получены слѣдующія суммы: Отъ Берлинской (№ 1) группы сод. Партіи: а) за май 172 фр. 20 с., б) за іюнь 221 фр. 40 с., всего — 393 фр. 60 с.; Отъ Лейпцигской гр. сод. Партіи: а) за литературу 1 фр. 10 с., б) на отправку людей въ Россію по листу № 17 37 фр., всего — 38 фр. 10 с.; Отъ Фрейб. группы сод. Партіи: а) за литературу 12 фр. 45 с., б) пожертвованіе 6 фр., всего — 18 фр. 45 с.; Отъ Гейдельбергской гр. сод. Партіи: а) за литературу 124 фр. 30 с., б) пожертвованія 189 фр. 05 с., в) для отправки людей въ Россію по листку № 14 20 фр. 35 с., г) въ пользу библіотеки при Ц. К. 19 фр. 75 с., а всего — 353 фр. 45 с.; Отъ Бернской гр. сод. Партіи (на изданіе Бельтова) — 100 фр.; Отъ админ. Лиги Р. Р. С.-Д. за литературу въ уплату апрѣльскаго и майскаго счетовъ — 446 фр. 57 с.; Отъ редакціи Ц. О. за литературу — 313 фр.; Отъ подписчиковъ на „Искру" 80 фр. 85 с.; а) на нужды „Разсвѣта" отъ „Отшельника" 12 фр., б) „На борьбу съ церковщиной" 3 фр., в) отъ Prelooker,а въ пользу „Разсвѣта" 25 фр., г) отъ N. 16 фр. 45 с., д) подписка на „Разсвѣтъ" 15 фр. 35 с., а всего на „Разсвѣтъ" — 71 фр. 80 с.; Отъ Армянско-грузинской коммиссіи — 195 фр.; Отъ продажи литературы въ Экспедиціи — 327 фр. 13 с.; Отъ Б. въ долгъ — 132 фр. 50 с.; Отъ Б. еще въ долгъ — 265 фр.; Отъ Я. въ долгъ — 100 фр.; Отъ товарища черезъ Олина — 150 фр.; Для Ц. К. „возвращенъ долгъ" (20 руб.) — 52 фр. 50 с.; Изъ С. „на спеціальную цѣль" — (24 руб.) 63 фр 60 с.; Изъ Россіи для передачи товарищамъ (30 руб.) — 79 фр. 50 с.; Въ пользу Партіи по листу — 10 фр.; Отъ „неизвѣстнаго" въ распоряженіе Ц. К. на безплатные обѣды — 50 фр.; Въ уплату долга отъ А. (10 руб.) — 26 фр. 65 с.; Въ пользу Партіи — 30 с.; На отправку людей въ Россію (по листку № 4) — 16 фр.; На изданіе брошюры — 180 фр.; Отъ книжныхъ магазиновъ за литературу — 314 фр. 18 с. Итого 3778 фр. 18 с.

Наличность кассы къ 1 августа 263 фр. 01 с.

Добавленіе: Въ отчетѣ съ 1 по 20 февраля (см. „Искра" № 63 пропущено: Отъ „Отшельника" въ распоряженіе Ц. К. — 12 фр.; ОтъМ—. Ш—. въ пользу библіотеки при Ц. К. — 78 фр. 88 с.

Отъ Ф. получено 100 р., отъ Б на „З" — 1000 фр. (первый взносъ), изъ Тамбова — 100 р., отъ Василья — 15 р., **черезъ Днѣпрова**: отъ М. Д. — 45 м., отъ доктора изъ Россіи за коммиссію 7 м. 25 пф., съ изданія 7 м. — Всего 59 м. 25 пф., Получено для **Цюрихской Сиб. Кассы** черезъ Нину изъ Болгаріи — 50 фр.

Супругамъ. Все получено. Какимъ ключемъ пишетъ Таня? **1852.** Получено. **Севастополь.** Листокъ № 10 не получили. Вышлите снова.

Получены листки: Витебской и Двинской группъ „Бунда" — отвѣтъ на Извѣщеніе Сѣв.-Зап. Ком. (по евр.); Одесск. орган. „Бунда" — по поводу годовщины іюльской стачки (по русски).

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги").

Типографія Партіи. Genève, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Русское Соціалъ-Демократическое Общество.
NEW YORK.
Russian Social Democratic Society

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 74. 20-го сентября 1904 г. Годъ IV.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЕСНА.

Сразу какъ-то заговорили о мирѣ... Заговорили въ Германіи, заговорили и во Франціи, среди „друзей Россіи“ — въ буржуазно-націоналистическихъ кругахъ ея. Въ иностранную печать проникаютъ слухи о томъ, что и въ русскихъ правящихъ сферахъ допускаютъ возможность скораго заключенія мира съ Японіей. Корреспондентъ „Daily Telegraph“ передаетъ соотвѣтственную свою бесѣду съ „сановникомъ“, имя котораго, будучи разглашено, „произвело бы сенсацію“. Гдѣ тѣ времена, когда европейская буржуазная печать въ одинъ голосъ повторяла слова русскихъ оффиціозовъ, что разговоръ о мирѣ можетъ начаться только послѣ того, какъ Россія нанесетъ Японіи рѣшительный ударъ?

Органомъ „новыхъ вѣяній“ выступилъ „Гражданинъ“ князя Мещерскаго. Послѣ Ляоянскаго разгрома онъ дерзаетъ заговорить о возможности заключить миръ съ Японіей и даже — вступить съ ней въ постоянный союзъ. И пріемъ, который встрѣтилъ кн. Мещерскій въ другихъ органахъ рептильной печати, заставляетъ думать, что его выступленіе не является случайнымъ индивидуальнымъ капризомъ.

Самодержавіе „ошиблось“: своей внѣшней политикой, въ авантюристскомъ характерѣ которой сказалась историческая закономѣрность, оно втянуло Россію въ войну. Разъ началась война, самодержавіе *должно было* поставить на карту военнаго успѣха все свое существованіе — оно должно было это сдѣлать, если не хотѣло рисковать „разнузданіемъ“ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя подтачиваютъ его существованіе. Уступить Японіи безъ войны или послѣ перваго „коварнаго нападенія“, значило, — сразу потерять свой престижъ вовнѣ и внутри страны. Но въ книгахъ исторіи было написано что самодержавію не удастся уже побѣдить ни въ одной войнѣ съ европейски культурнымъ государствомъ. Черезъ полгода войны эта истина стала ясна всему міру. Потерпѣть же разгромъ со всѣми его послѣдствіями, въ свою очередь, значитъ самому признать свое банкротство и пригласить кредиторовъ къ ликвидаціи своего хозяйства. Какъ быть?

Клика, которой служитъ князь Мещерскій, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: не искушайте судьбу, ловите моментъ! Довольствуйтесь тѣмъ революціонизированіемъ страны, которое уже достигнуто полугодомъ военныхъ неудачъ. Заключимъ миръ и, вступивъ въ союзъ съ побѣдоносной Японіей, попытаемся замять впечатлѣніе военной неудачи хитроумнымъ дипломатическимъ успѣхомъ! Этимъ мы остановимъ процессъ распада самодержавія. Пожертвуемъ ореоломъ военной славы, но — сохранимъ самодержавіе! Ибо каждый новый побѣдоносный шагъ японцевъ означаетъ новую брешь въ твердынѣ царизма. Общественное мнѣніе не хотѣло и не хочетъ войны, и мирилось съ ней лишь до тѣхъ поръ, пока [illegible] въ ея скорое и побѣдоносное окончаніе. Удовлетворимъ общество въ его требованіи мира и, тѣмъ самымъ, отстоимъ право современнаго режима на дальнѣйшее существованіе.

Такъ говорятъ, устами кн. Мещерскаго, наиболѣе неподвижные политически элементы „охранительной“ гвардіи. Будущее ничего не сулитъ имъ, носителямъ идеи дореформеннаго россійскаго абсолютизма. Внутренняя логика политической авантюры страшитъ ихъ воображеніе. Попытаться отстоять существованіе любезнаго сердцу ихъ режима цѣной скачка въ неизвѣстное противорѣчитъ всей ихъ косной природѣ. И не случайность, что призывъ Мещерскаго къ миру раздался одновременно съ провозглашеніемъ отмѣны тѣлеснаго наказанія, — этой первой данью самодержавія карающей исторической Немезидѣ.

Купить, цѣной прекращенія войны, „общественное мнѣніе“ — такова ихъ программа, программа „дикихъ помѣщиковъ“.

Но купить „внутренній миръ“ такою цѣною, значитъ, для самодержавной Россіи, потерять всякій престижъ на всемірномъ рынкѣ. Миръ *самодержавной* Россіи съ побѣдоносной Японіей — это быстрая и „себѣ въ убытокъ“ ликвидація всего хозяйства царизма въ области международной политики. Это — окончательный отказъ отъ плодовъ хитроумной (хотя и не всегда умѣлой) дипломатіи двухъ царствованій, это — низведеніе Россіи на степень „второстепенной“ державы. А, между тѣмъ, престижъ „великой державы“, престижъ военнаго и политическаго могущества, являвшійся для династіи Романовыхъ *средствомъ прирученія* извѣстныхъ экономически-сильныхъ соціальныхъ группъ, — для этихъ послѣднихъ является непосредственнымъ источникомъ ихъ привиллегированнаго положенія въ государствѣ. Эксплуатація двухмилліарднаго бюджета, эксплуатація громадной государственной машины и, въ частности, ея политическаго вліянія на международномъ рынкѣ является источникомъ политической и экономической „мощи“ опредѣленной группы въ рядахъ имущихъ классовъ. Царское самодержавіе нашихъ дней не виситъ въ воздухѣ. Не выражая собою, какъ политическая форма, соціальнаго господства того или другого класса, оно, въ процессѣ борьбы за свое существованіе, срослось интересами съ опредѣленными группками имущихъ классовъ и въ своей политикѣ, черезъ всѣ свои шатанія, приспособлялось къ интересамъ этихъ группокъ. Для этихъ группокъ, въ общемъ и цѣломъ, нѣтъ никакой непосредственной выгоды въ занятіи той или другой Манчжуріи; но для нихъ важно, чтобы государственная машина, не ими направляемая, но приспособляющаяся въ своей работѣ къ ихъ интересамъ, шла сильнымъ ходомъ, чтобы поддерживаемое ими правительство вело на всемірномъ рынкѣ крупную игру. И не въ послѣдней степени связь съ этими элементами — продуктами новой общественной формаціи — толкала самодержавіе на путь авантюръ во внѣшней политикѣ, тогда какъ „патріархальная“ реакція Мещерскихъ, при всей безтолковости, безграмотности и непослѣдовательности ея политики, по существу своему, была склонна къ сохраненію „равновѣсія“ и въ области международныхъ отношеній и лишь изъ „лояльности“ и въ размѣрахъ казенной повинности поддакивала проповѣди аггрессивныхъ дѣйствій въ защиту-ли „братьевъ-славянъ“ или во исполненіе „цивилизаторской“ миссіи на Дальнемъ Востокѣ.

Въ этомъ противорѣчіи сказывается двойственная природа самодержавія, стремящагося и не могущаго не стремиться соединить подъ крыльями своего орла соціальные обломки крѣпостного прошлаго съ самыми сильными элементами буржуазно-капиталистическаго будущаго.

Первые терпятъ — потому что должны терпѣть — систематическое уклоненіе самодержавія отъ чистыхъ завѣтовъ эпохи Николая I, повторяющееся — время отъ времени — попираніе аграрно-сословныхъ интересовъ ради *политическаго подкупа* буржуазныхъ верховъ. Вторые продаютъ бюрократіи свое право на политическую реализацію соціальной силы класса, во главѣ котораго они стоятъ, за щедрое удовлетвореніе своихъ хищническихъ аппетитовъ. Политическій застой внутри и активная политика вовнѣ — таково наиболѣе полное выраженіе этого союза, а бюрократія есть тотъ честный маклеръ, который живетъ за счетъ куртажа съ этой хищнической сдѣлки.

Революціонная сила — война — вбила клинъ въ этотъ прочный союзъ. Она ставитъ ребромъ вопросъ: „національная идея“ *или* неприкосновенность современнаго режима? Или иначе: впередъ къ капиталистическому расцвѣту или назадъ — къ дореформенному дворянскому прозябанію?

Но эксплуатація „національной идеи“, эксплуатація внѣшней финансовой политики въ стилѣ „великой державы“ есть, какъ мы видѣли, основное условіе союза между пайщиками царистской фирмы. И если одни, устами Мещерскаго, говорятъ: прочь національную идею ради неприкосновенности самодержавія, то другіе — въ лицѣ Суворина и Столыпина — отвѣчаютъ: долой политическую неподвижность, разъ что она стала поперекъ дороги развитію національной идеи. Если одни говорятъ: отречемся отъ „революціонныхъ“ методовъ современной внѣшней политики, то другіе провозглашаютъ: откажемся отъ послѣдовательной реакціи въ политикѣ внутренней. Если одни хотятъ мира ради спасенія династіи, то другіе требуютъ превращенія династической войны въ войну *національную* (или, какъ пишетъ Суворинъ, народную) — цѣною отказа династіи отъ послѣдовательнаго проведенія традиціонной системы. Одни стремятся прекратить международную авантюру, другіе — дополнить ее авантюрой въ сферѣ внутренней политики.

„Чего лучше?“ ехидно возражаетъ Суворинъ кн. Мещерскому („Н. В.“ № 10.241), „*если мы никуда не годны для войны*, то, авось, годимся для мира. Петръ Великій былъ другого мнѣнія“. А Столыпинъ (№ 10.243) поясняетъ: „Допустимъ, что мы пошли бы на такое униженіе“ (на миръ съ Японіей) „Тѣмъ бы и кончилось? Предполагать это было бы крайне наивно: насъ немедленно бы разодрали на клочки наши европейскіе сосѣди, а остатки достались бы, въ концѣ концовъ, тому же возрожденному Востоку“. „Призывъ къ заключенію мира, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, исходитъ отъ той же партіи, которая до войны настойчиво *тормозила нашу боевую готовность на Востокѣ* и тѣмъ, къ несчастью, обусловила войну. Кн. Мещерскій не свои мнѣнія высказываетъ, *а мнѣнія извѣстнаго кружка*. Въ первый моментъ народнаго (!) одушевленія пришлось прикусить языкъ, а теперь наступила минута, когда явился соблазнъ: а не попробовать ли старую погудку на новый ладъ?“

Комментаріемъ къ этимъ рѣчамъ двухъ продажныхъ публицистовъ являются толки Меньшиковыхъ и имъ подобныхъ о необходимости реагировать на манчжурскія неудачи введеніемъ всеобщаго обученія, привлеченіемъ „общественныхъ силъ“, всесторонней „реформой“. Суворинъ кстати вспоминаетъ, что онъ годъ назадъ предрекалъ наступленіе „весны“ въ жизни Россіи, и выражаетъ надежду, что эта „весна“ явится въ ходѣ японской войны. Полемизируя съ кн. Мещерскимъ, онъ доказываетъ (№ 10.245), что [illegible] для Россіи потеряно, что „война — это рентгеновскіе лучи. Они проникаютъ до костей и указываютъ накопившуюся гниль. Они же укажутъ и здоровое тѣло“. А корень „гнили“ — въ „бюрократизмѣ“.

Связавшія свою судьбу съ судьбой самодержавія, эксплуататорскія группы подсказываютъ своему господину еще одну попытку обмануть исторію. Сдѣлать войну „народной“, для чего дать извѣстный просторъ недовольнымъ „общественнымъ силамъ“ — верхамъ и срединамъ имущихъ классовъ. Эту программу „Нов. Время“ подсказываетъ и новому министру внутр. дѣлъ, который въ своихъ „программныхъ“ рѣчахъ связываетъ идею продолженія войны съ туманными проектами привлеченія къ престолу „общественныхъ силъ“. И вѣрный слуга своихъ рабовъ — Николай II — торжественно-комично объявляетъ, что будетъ вести войну, пока у него останется „хоть одинъ солдатъ, хоть одинъ рубль!“

Этого то и боится ультра реакціонная клика. Вести войну до конца, значитъ — обезоружить, хоть отчасти, самодержавіе у себя дома. Никогда не проявлявшая склонности къ экспериментамъ „сердечнаго попеченія“, эта группа съ ужасомъ видитъ неизбѣжную связь дальнѣйшаго веденія войны съ новыми авантюрами „диктатуры сердца“. Многоопытный старецъ Суворинъ понимаетъ, въ чемъ дѣло. Предоставляя своему новому фельетонному наѣзднику пугать кн. Мещерскаго перспективой — въ случаѣ мира — „быть на посылкахъ у надменнаго и жестокаго китайца и отдать ему свое добро на разживу, а дочерей на потѣху!!!“ — издатель „Нов. Врем.“ наноситъ другу Николая II болѣе тонкій ударъ. Не отказавъ себѣ въ удовольствіи намекнуть на то, что миролюбіе князя имѣетъ какое то отношеніе къ его Брянскимъ акціямъ, онъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Г. Струве изъ Штутгарта давно совѣтуетъ это („постоять передъ Японіей на колѣнкахъ“, и я долженъ отдать предпочтеніе этому публицисту, ибо онъ совѣтовалъ это раньше, еще въ апрѣлѣ, и убѣдительнѣе. Les extrêmes se touchent, (крайности сходятся). *Такъ, въ смутное время казакъ Заруцкій, мужъ Марины, оружилъ съ княземъ Трубецкимъ...*“

Новоявленный Мининъ обличаетъ нашего „феодала“ въ измѣнѣ отечеству ради сохраненія своихъ кастовыхъ привиллегій. Это только пикантно. Но за этой полемической перепалкой скрывается реальный политическій антагонизмъ, съ которымъ придется считаться по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія событій. Въ правящей кликѣ замѣчаются признаки разложенія. Одна изъ господствующихъ группъ готова дать Россіи миръ, подъ условіемъ отказа отъ политической реформы, другая, за санкцію преступной войны, обѣщаетъ... Суворинскую „весну“.

Развращенная политически тѣснымъ союзомъ съ бюрократіей, эксплуататорская группа, представляющая въ правящей кликѣ ея „европейскій“ элементъ, слишкомъ далека отъ пониманія историческаго смысла совершающихся событій, слишкомъ привычна въ дѣлѣ предательства интересовъ даже того класса, во главѣ котораго она стоитъ, слишкомъ безыдейно и откровенно-продажна, чтобы быть способной на какую-нибудь творческую иниціативу. Это она — эта общественная группа — скомпрометтировала себя прежде всего въ экспериментахъ Лорисмеликовщины и эпохи Ванновскаго. Авантюристская по преимуществу, она годна только служить въ рукахъ реакціи въ нужную минуту тѣмъ живцомъ, на который уловляются крупныя и мелкія рыбы россійскаго либерализма. И за каждой фабрикаціей фальшивой „весны“ этимъ типомъ политическихъ старшихъ дворниковъ неминуемо должно слѣдовать наступленіе лютыхъ морозовъ бѣшеной, доживающей послѣдніе историческіе дни, реакціи.

Политическое обновленіе Россіи не можетъ имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ либеральную иниціативу этой банды политическихъ червонныхъ валетовъ. Не съ ними, а противъ нихъ должна идти волна общественнаго движенія. И только эмансипировавшись отъ всякой политической солидарности съ этими вреднѣйшими изъ приспѣшниковъ реакціи, русская либеральная буржуазія можетъ надѣяться учесть разложеніе современнаго режима въ его превращеніи въ правовое государство.

И противъ лозунга: „реформа и война!“, противопоставляемаго „Мещерскому“ паролю „миръ и порядокъ!“, русскій либерализмъ долженъ издать кличъ: „миръ и свобода!“ Пока онъ не сдѣлаетъ этого шага, онъ не можетъ надѣяться играть въ политической драмѣ другой роли, кромѣ шаблонной роли „обманутаго обманщика“. Кто хочетъ обмануть исторію — уклониться отъ войны по всему фронту противъ современнаго режима — тотъ неизбѣжно будетъ обманутъ ея мародерами — Святополками, Сувориными и К°. „Миръ и свобода“ — вотъ то знамя, которое проведетъ рѣзкую грань между старой и новой Россіей и, сплотивъ снова въ одну семью растерявшихся нынѣ лакеевъ реакціи, противопоставитъ имъ соединенныя силы рвущихся къ освобожденію классовъ.

„Миръ и свобода“ — этотъ лозунгъ, и только онъ, можетъ объединить въ данный моментъ для „совмѣстной борьбы *отдѣльными колоннами*“ разные общественные классы, противостоящіе господствующей кликѣ. „Миръ и свобода“ или, въ переводѣ на языкъ политическихъ требованій: „*немедленная пріостановка военныхъ дѣйствій и созывъ всенароднаго учредительнаго собранія для ликвидаціи настоящаго государственнаго порядка и заключенія мира*“.

Сознательный пролетаріатъ, выставившій съ самаго начала войны это требованіе, окажетъ поддержку только тому общественному движенію, которое ясно и недвусмысленно выставитъ этотъ лозунгъ.

НОВАЯ ДИКТАТУРА СЕРДЦА.

Будетъ ли отмѣчено большими перемѣнами во внутренней политикѣ Россіи вступленіе Святополкъ-Мирскаго въ должность министра внутреннихъ дѣлъ? — „Большими перемѣнами — нѣтъ, но я (Святополкъ-Мирскій) буду стараться согласовать мои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, *по скольку онъ не будетъ въ противорѣчіи съ существующимъ строемъ*“.

Таковъ отвѣтъ новаго министра корреспонденту „Echo de Paris“. Таковъ главный мотивъ новой „министерской программы“. Что же она намъ сулитъ?

Было бы политически наивно ожидать отъ новаго министра серьезной рѣшимости „согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса“. Но допустимъ, что онъ рѣшилъ итти навстрѣчу нѣкоторымъ, насущнымъ нуждамъ страны, хотя бы въ интересахъ правительственныхъ и династическихъ. *Что сможетъ сдѣлать въ этомъ направленіи правительство?*

Въ самой постановкѣ вопросъ о новыхъ путяхъ политики для новаго министра всецѣло связанъ съ задачей сохраненія существующаго строя. И это второе ограничивающее условіе даетъ фатально узкій смыслъ какимъ бы то ни было начинаніямъ въ разрѣшеніи политическихъ проблемъ. Узкій смыслъ съ точки зрѣнія демократіи, роковой — для правительства, которому въ данный моментъ уже трудно наверстать потерянное въ политическомъ вѣсѣ и, обратно, легко потерять и остатокъ престижа.

И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшны ли, лицомъ къ лицу съ растущей анархіей народной жизни, передъ моремъ народныхъ бѣдствій тѣ каррикатурныя мѣры, которыя намѣчаетъ новый шефъ жандармовъ? Прежде всего, что можетъ дать странѣ административныхъ помпадуровъ и военныхъ сатраповъ обѣщаемая министромъ децентрализація самоуправства? Аккомпанирующій въ этомъ пунктѣ новому министру дирижеръ реакціи, Мещерскій, ждетъ, что при этомъ вырвется вздохъ облегченія у губернаторовъ, освобожденныхъ отъ безпощадной опеки капризовъ департаментскихъ чиновниковъ. Это вѣрно. И горе Россіи, которая и такъ управляется по системѣ одиночнаго заключенія отдѣльныхъ гражданъ, отдѣльныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, которая и сейчасъ состоитъ подъ почти безконтрольнымъ произволомъ отдѣльныхъ виртуозовъ администраторовъ! Это будетъ побѣда реакціи. Не лежитъ ли нашъ исторически правильный путь въ противоположную сторону? — къ превращенію помѣстнаго административнаго произвола, во-первыхъ, въ централизованную законодательную власть всенароднаго парламента и, во-вторыхъ, — въ исполнительную власть отвѣтственнаго передъ парламентомъ кабинета министровъ? Несомнѣнно всякій шагъ по пути децентрализаціи самоуправства отзовется новой болью въ тѣлѣ народа и, поскольку не замрутъ въ этомъ тѣлѣ процессы развитія, — это будутъ болѣе или менѣе революціонные акты самозащиты со стороны населенія.

Городскимъ и земскимъ учрежденіямъ предполагается предоставить возможно больше авторитета въ мѣстныхъ дѣлахъ. Значитъ ли это, что министромъ намѣчена отмѣна закона о предѣльномъ земскомъ обложеніи? Достаточно сопоставить этотъ планъ съ задачей правительства сохранить существующій строй, чтобъ отвѣтить на поставленный вопросъ отрицательно. Но и положительное рѣшеніе вопроса только выдвинетъ новую неразрѣшимую задачу, потому что предоставить возможность свободнаго роста *земскому* бюджету при теперешней силѣ этого роста, это значитъ — дать голосъ всероссійскому земству въ выработкѣ *государственнаго* бюджета. Послѣднее же лежитъ за предѣлами возможнаго для самодержавія.

Пойдетъ ли благосклонность къ земствамъ и думамъ хотя бы до предоставленія имъ законодательной иниціативы? Смѣшно было бы даже ставить подобные вопросы, если бы не важно было указать на одно необходимое слѣдствіе всякой правительственной политики, проводимой въ интересахъ самодержавія. И политическій обманъ въ итогѣ пустыхъ обѣщаній, и политика уступокъ, не переступающихъ предѣловъ нынѣшняго режима, въ концѣ концовъ, вызовутъ встрѣчную волну дворянско-буржуазнаго недовольства, которая неминуемо добѣжитъ до поставленой ей преграды и разобьется въ брызги открытой оппозиціи, или уйдетъ въ подпочву нелегальной группировки радикальныхъ элементовъ.

Министръ обѣщаетъ возможно полную свободу совѣсти, но „съ нѣкоторыми оговорками“. Не ясно ли, что подъ оговорки будетъ подведена вся сумма тѣхъ мѣръ религіознаго гнета, которыя прямо связаны съ желаніемъ прикрѣплять окраины путемъ руссификаціи, поддерживать косное православіе въ Великороссіи? И правительству придется изощряться въ подавленіи недовольства ограбленной имъ армянской церкви, придется по прежнему мобилизовать поповъ и монаховъ противъ вольнодумной штунды.

Не будетъ абсолютной (!) свободы для евреевъ! Что же дастъ обѣщаемая относительная? Съ большой вѣроятностью можно утверждать, что въ мѣропріятіяхъ для и противъ еврейства Святополкъ-Мирскій, призванный одной рукой зажигать революціонный огонь, а другой — тушить, запоздалъ. Стараніями его предшественниковъ революціонная задача самодержавія въ этой области почти уже закончена. Неслыханнымъ гнетомъ этотъ народъ мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ доведенъ до революціоннаго кипѣнія.

Министру грезится насажденіе прогресса, увеличеніе числа школъ! Но вѣдь за ними идетъ увеличеніе числа неспокойныхъ элементовъ въ лицѣ учителей и учительницъ, увеличеніе спроса на книжку, [illegible] и на листки и брошюры „возмутительнаго содержанія“.

Повидимому, смутное предчувствіе революціоннаго исхода охранительныхъ начинаній не чуждо и генералу-министру, и онъ сознается въ своей бесѣдѣ, что „наше внутреннее положеніе, если и не чрезвычайно серьезно, все же запутанное“. Но понялъ ли онъ, приступая съ улыбкой къ исполненію высочайшихъ предначертаній, что онъ неотвратимо идетъ прямой дорогой къ могилѣ царскаго режима? Понялъ ли, что онъ призванъ не для руководства всей суммой внутреннихъ дѣлъ государства, а на ту же спеціальную функцію, на которую была направлена вся энергія его предшественниковъ, т. е. призванъ завѣдывать дѣломъ россійской революціи, въ качествѣ безсознательнаго разжигателя революціоннаго инстинкта массъ и — дипломатичнаго укротителя этого инстинкта.

Но субъективно онъ ставитъ себѣ, повидимому, задачу превратить революціонность массъ и одиночекъ въ притупленную политическую усталость, въ упадокъ нервной энергіи, вообще говоря, возможный вслѣдъ за чрезмѣрнымъ ея напряженіемъ.

И онъ ласкаетъ себя надеждой, что заблужденія молодежи сопровождаются раскаяніемъ, что она образумливается съ возрастомъ и изъ нея выходятъ „прекрасные работники“; онъ спѣшитъ навстрѣчу „желаніямъ населенія“ въ расширеніи авторитета земскихъ и городскихъ учрежденій, и думаетъ, что „добротой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ“ и въ еврейскомъ вопросѣ. Знакомая намъ диктатура сердца! Второй уже разъ останавливаемое волной оппозиціи самодержавіе Николая II пытается ослабить удила „неукоснительной строгости“. И что же? Первый разъ при расцвѣтѣ режима Ванновскаго раздался недвусмысленный, неодобрительный ревъ бюрократически-дворянской реакціи, въ общей свалкѣ тоже забирающей самостоятельную отъ правительства силу. Старичекъ сократилъ свою ласковую улыбку и поспѣшилъ стушеваться. Пусть бы новый апостолъ мира прислушался къ остерегающему завыванію „Моск. Вѣдом.“ Положеніе новаго вождя внутренней политики невеселое: впереди шумъ неугомоннаго моря демократіи, за спиной — шипѣніе реакціоннаго крупнаго дворянства. Но, повидимому, новый вождь полонъ новыхъ надеждъ. Сбудутся ли радужныя мечты браваго царскаго генерала? Судя по всему, у насъ есть основаніе утверждать съ достаточной увѣренностью, что негодными мѣрами окажутся всѣ такія полуреформы, что онѣ обратятся противъ самого же правительства; что безсильны уже и попытки убаюкать революціонное недовольство генеральской лаской; что, наконецъ, эти попытки будутъ прерваны реакціей.

Характернымъ политическимъ симптомомъ является отповѣдь „Освобожденія“, которое видитъ во всѣхъ этихъ заманчивыхъ перспективахъ не реальныя уступки, а лишь одинъ обольстительный запахъ ихъ, и потому — опасность для оппозиціи. Характернымъ симптомомъ это служитъ потому, что „Освобожденіе“ способно вообще легкомысленно воодушевляться и, даже теперь, въ сторонѣ отъ этой главной политической директивы недовѣрія къ правительству, предлагаетъ студенчеству не слишкомъ сплеча обращаться съ новыми нѣжными ростками самодержавной политики. Но тѣмъ болѣе знаменательно, что въ переходный моментъ наибольшей податливости сладкимъ обѣщаніямъ, оно не можетъ въ себѣ заглушить червячка недовѣрія. Къ сожалѣнію, статья „Освобожденія“ не представляетъ даже коллективнаго мнѣнія либеральнаго слоя. И коренной вопросъ обсужденія и учета новоявленной „министерской программы“ для насъ въ томъ, какъ будетъ реагировать на режимъ сердца широкая демократія, верхніе слои пробуждающихся массъ и прежде всего — рабочаго класса.

Опытъ недавняго прошлаго показалъ, что всѣ правительственныя „мѣропріятія“ въ области положительной государственной работы не разряжаютъ существующей революціонности сознательныхъ слоевъ народа, потому что сами онѣ не „революціонны“, не уничтожаютъ анархіи въ жизни страны, потому что нисколько не удовлетворяютъ нужды народа въ правовой организаціи этой, все усложняющейся, жизни и оставляютъ безъ „конституціи“, — безъ „законовъ войны“ — классовые и національные конфликты.

Одинъ взглядъ назадъ — на весь ходъ рабочаго движенія параллельно съ ростомъ капитализма. Куда ведетъ нелѣпое положеніе рабочихъ массъ, лишенныхъ законодательнаго права и права стачекъ, союзовъ, собраній, лицомъ къ лицу съ азіатскимъ хищничествомъ русскаго промышленника? Всѣ послѣдствія этого положенія пролетаріата: физическое и психическое вырожденіе его, хозяйственное обнищаніе до nec plus ultra, обостряютъ до крайности противорѣчія государственно буржуазнаго строя, влекутъ Россію къ потрясающему экономическому краху. Возьмемъ все это, плюсъ искусъ войны, и оцѣнимъ политическую развязность или легкомысліе Святополкъ-Мирскаго, предлагающаго Россіи испить до дна чашу восточно-сибирскаго военнаго погрома.

Область національныхъ отношеній! Съ одной стороны, разнузданная, насильственная ассимиляція, съ другой — взаимное недовѣріе. Демократическая Польша съ такъ называемой партіей польскихъ соціалистовъ во главѣ, національная Финляндія, религіозная Арменія! Въ Финляндіи харьковскій Аракчеевъ-Оболенскій, говоря либеральныя рѣчи, заимствуетъ у своего прообраза методъ давать отдохнуть жертвамъ казни „сквозь строй“ передъ новымъ актомъ пытки. Не велика, впрочемъ, надежда на то, что финны повѣрятъ ласковымъ рѣчамъ палача по призванію: недовѣріе прочно посѣяно.

Націонализмъ и сепаратизмъ растутъ не только на окраинахъ: по всему тѣлу Россіи анархія національныхъ отношеній разряжается цѣлымъ рядомъ еврейскихъ погромовъ, повторяющихъ ужасы средневѣковья.

Государственная власть запоздала своевременнымъ уничтоженіемъ сословной грани объединить и согласовать общіе интересы землевладѣльцевъ бѣлой и черной кости: безправное крестьянство рѣшаетъ ихъ у себя въ деревняхъ по домашнему: разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ, аграрными убійствами и поджогами.

И въ этомъ хаосѣ разложенія государства крупицы либеральнаго попустительства въ правительственной политикѣ нисколько не идутъ къ согласованію интересовъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Напротивъ того, правительство дѣлаетъ одинъ новый и послѣдній шагъ отъ защиты интересовъ господствующихъ классовъ въ сторону политическаго абсентеизма — въ сторону защиты авантюристскихъ интересовъ одной самодержавной шайки.

И, предоставленный самому себѣ, народъ все больше и больше втягивается въ процессъ выработки самобытнаго, революціоннаго „самоуправленія“. Завязывается организація рабочихъ массъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ. Нелегально группируются оппозиціонныя силы буржуазіи. Происходитъ усиленная борьба за сторонниковъ партій въ области литературнаго размежеванія. Радикальная интеллигенція ассимилируется партіей рабочаго класса. Все сильнѣе и сильнѣе выясняется необходимость завершенія и закрѣпленія этихъ новыхъ формъ государственной жизни путемъ конституціи.

Въ этомъ неудержимомъ повышеніи уровня политическаго моря и даны гарантіи того, что волны революціоннаго прилива будутъ, не ослабѣвая, бить въ стѣны самодержавія. А слѣдовательно, ген. Святополкъ-Мирскій, который по собственнымъ словамъ мѣтилъ, вмѣсто Куропаткина, на поля Ляояна, а попалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, становится во главѣ внутренняго военнаго „министерства контръ-революцій“. И онъ не уйдетъ далеко отъ плана дѣйствій фонъ-Плеве, какъ бы сладко не грезилось ему кроткое управленіе замиренными подданными.

„Программая рѣчь“ новаго министра вноситъ только одно подтверждающее „да“ въ недвусмысленную политику царскаго правительства, обнаруживая рѣшимость его, не смотря ни на что, отстаивать свое самовластье. И все сильнѣй и сильнѣй „военныя функціи“ захватываютъ государственную власть и разростается анархія предоставленнаго на волю исторической стихіи народа.

И все больше дробятся старыя формы государственнаго строя, оставляя разрозненный, готовый въ дѣло матеріалъ новаго государственнаго строительства. И становится ясной, осязаемой дѣйствительностью возможность, не медля, приступить къ созидательной политической работѣ: къ укрѣпленію и расширенію соціальдемократической партіи за счетъ всего того, что изъ человѣческаго матеріала, обрабатываемаго революціонной дѣятельностью правительства, можетъ быть ассимилировано партіей рабочаго класса на основахъ ея программы.

ВОЕННЫЯ НЕУДАЧИ И САМОДЕРЖАВІЕ.

Періодъ войны, закончившійся боемъ при Ляоянѣ, принесъ самодержавію много разочарованій и огорченій. „Нашъ славный флотъ“ уничтоженъ, его жалкіе остатки, запертые въ Портъ-Артурской гавани, обречены на гибель, а пресловутая балтійская эскадра, состоящая по словамъ газетъ, за исключеніемъ 2-3 судовъ изъ „старыхъ сундуковъ“, не очень спѣшитъ къ водамъ Тихаго Океана. Руководящіе офицеры царской арміи оказались неспособными, и она отступаетъ передъ натискомъ непріятеля, не превосходящаго ее численно, какъ дикая орда, истощенная отъ недостатка продовольствія, дурно одѣтая, охваченная паникой, озлобленная постоянными ошибками и циничной безпечностью своихъ руководителей.

Самодержавное правительство объясняетъ общественному мнѣнію военныя неудачи своей неподготовленностью: оно де-было полно самыхъ миролюбивыхъ намѣреній и объявленіе войны было для него неожиданностью. Дѣйствительно, на новогоднемъ пріемѣ дипломатическаго корпуса царь высказывался, какъ сторонникъ мира. Но кого могутъ обмануть миролюбивыя слова клятвопреступника и лицемѣра, ассигновавшаго 90 милліоновъ народныхъ денегъ на военный флотъ сейчасъ же вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста о прекращеніи вооруженій и созывѣ мирной Гаагской конференціи. Меньше всего могли обмануть эти слова Японію. Во Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ еще съ сентября неизбѣжность войны была для всѣхъ очевидной. Передвиженіе значительныхъ военныхъ силъ изъ Евр. Рос. на Дальній Востокъ подтверждало эту неизбѣжность. Но въ правящихъ сферахъ была увѣренность, что иниціатива войны останется за нами, что напасть на Россію маленькая Японія не „посмѣетъ“. Однако, она посмѣла, потому что была прекрасно освѣдомлена о русской такъ называемой „неподготовленности“, извѣстной всему міру, кромѣ тѣхъ, кто былъ больше всего въ этомъ заинтересованъ, — кромѣ русскихъ плательщиковъ налоговъ. Эта „неподготовленность“ состояла въ томъ, что на берегахъ Тихаго Океана царилъ тотъ же самодержавный „порядокъ вещей“, основанный на безконтрольномъ и безотчетномъ расточеніи народнаго достоянія, на насиліи и произволѣ, что и во всей Россіи.

Коснемся „неподготовленности“ во флотѣ. Главное условіе боевой готовности флота — достаточные запасы угля. Центральные склады угля было рѣшено устроить во Владивостокѣ и Портъ-Артурѣ, но явился вопросъ, откуда доставать уголь. Находившіяся въ рукахъ русскихъ копи въ Янтаѣ и Чинтуфу могли бы поставлять уголь въ неограниченномъ количествѣ и превосходнаго качества. Залежи угля тамъ неисчерпаемо богаты, каменноугольные пласты лежатъ почти на поверхности, и при дешевизнѣ китайскихъ рабочихъ рукъ, даже при той первобытной въ техническомъ отношеніи постановкѣ дѣла, какая тамъ была, уголь могъ бы съ прибылью продаваться для надобностей жел. дор. и флота по 5 коп. за пудъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе, министерство, въ вѣдомствѣ котораго находились эти копи, продавало этотъ уголь министерству, въ вѣдомствѣ котораго находится жел. дорога, по 20 коп. за пудъ. Этому, конечно, есть достаточныя основанія, лежащія не въ соображеніяхъ государственныхъ, говоря стилемъ „Освобожденія“, а въ соображеніяхъ г-на Кокина, инженера, завѣдующаго всѣми копями этого района. Г-нъ Кокинъ, кромѣ жалованья, получалъ нѣкоторый % съ суммы, выручаемой отъ продажи угля, и % этотъ достигалъ въ послѣдніе годы солидной суммы въ 30000 руб. Конечно, г. Кокинъ получалъ бы, можетъ быть, не меньше, если бы, продавая уголь дешевле, повысилъ производительность копей. Но вѣдь это вызвало бы столько хлопотъ, потребовало бы дѣйствительнаго техническаго руководства, а не только фигурирующаго въ отчетности, потребовало бы прорытія новыхъ шахтъ, новыхъ сооруженій, усложняло бы дѣло до головной боли, и помощникомъ г. Кокина не могъ бы состоять проходимецъ, не получившій никакого техническаго образованія. Тогда г. Кокинъ не могъ бы на заявленіе другого инженера, что въ шахтѣ появился рудничный газъ, отвѣтить предписаніемъ считать его окисью углерода. Г. Кокина никто не контролировалъ, онъ спокойно опускалъ въ карманъ свои тысячи рублей, очень рѣзко и вполнѣ либерально осуждалъ дѣйствія нашихъ военачальниковъ и терпѣливо ждалъ, когда японцы захватятъ копи и уничтожатъ всѣ слѣды его хозяйничанья, а онъ съ сознаніемъ исполненнаго долга, награжденный чинами, орденами и деньгами, будетъ переведенъ завѣдывать какими нибудь другими копями гдѣ нибудь въ другомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества.

Намѣстникъ или, какъ тамъ его зовутъ теперь въ арміи, „безмѣстникъ“ Алексѣевъ понялъ, что имѣя дѣло съ такимъ докой, какъ г. Кокинъ, нечего разсчитывать на хорошій гешефтъ, и выработалъ поэтому свой проэктъ снабженія нашего тихоокеанскаго флота кардифомъ. Осуществить этотъ проэктъ взялся уже извѣстный нашимъ читателямъ Гинзбургъ, человѣкъ съ завѣдомо темнымъ прошлымъ, появившійся въ Портъ-Артурѣ въ числѣ прочихъ авантюристовъ, мошенниковъ и дѣльцовъ всякаго рода, хлынувшихъ въ новый край съ надеждой урвать что нибудь для себя, изъ тѣхъ сотенъ милліоновъ, которые русское самодержавіе затратило тамъ, преслѣдуя утопическую цѣль укрѣпленія своего могущества. Гинзбургъ оказался въ высшей степени услужливымъ и любезнымъ человѣкомъ.

Авторъ статьи „Подготовка Маньчжурскаго разгрома“ въ № 73 „И“. уже далъ оцѣнку пріятныхъ свойствъ его характера совершенно правильно сообщая, что во флотѣ нѣтъ офицера, который не былъ бы ему долженъ, уже не говоря о намѣстникѣ; но за то питаніе флота углемъ было организовано довольно своеобразно. Гинзбургъ скупалъ уголь, въ томъ числѣ, конечно, и кардифъ, по мелочамъ по всему побережью Тихаго Океана, возилъ его, конечно, и въ Портъ-Артуръ и Владивостокъ, такъ какъ нельзя же было оставить центральные склады совершенно безъ угля, но помимо того онъ устроилъ множество угольныхъ станцій въ разныхъ

Въ Амстердамѣ.

(Мысли и замѣтки).

I.

Ежемѣсячный органъ англійской соціальдемократической федераціи, „The Social Democrat“, говоритъ въ своей сентябрьской книжкѣ, что амстердамскій соціальдемократическій съѣздъ является наилучшимъ изо всѣхъ международныхъ конгрессовъ новой „серіи“, т. е. серіи начинающейся съ 1889 года, когда состоялся первый съѣздъ „новаго интернаціонала“. Не менѣе восторженно отозвался объ амстердамскомъ съѣздѣ Каутскій въ „Neue Zeit“. Признаюсь, я не вполнѣ раздѣляю этотъ оптимистическій взглядъ. Конечно, мы, марксисты, представители революціоннаго соціализма, одержали въ Амстердамѣ рѣшительную побѣду надъ международными оппортюнистами и мы не можемъ не радоваться этой побѣдѣ. Но о чемъ спорили мы тамъ съ нашими противниками? Не болѣе и не менѣе, какъ о томъ, *быть или не быть революціонному соціализму?* Это именно такъ, потому что тактика, которую отстаивалъ и превозносилъ въ своихъ длинныхъ и напыщенныхъ рѣчахъ вождь оппортюнистовъ всѣхъ странъ Жоресъ, на дѣлѣ означаетъ полный отказъ отъ революціоннаго соціализма и переходъ на точку зрѣнія буржуазной демократіи. Какъ ни радъ я нашей побѣдѣ, но меня все-таки непріятно поражаетъ воспоминаніе о томъ, что эта постыдная тактика могла быть защищаема на международномъ съѣздѣ соціалистовъ, не вызвавъ рѣшительнаго и единодушнаго негодованія. А кромѣ того я не могу скрыть отъ себя и отъ своихъ читателей то непріятное обстоятельство, что Вандервельдъ и Адлеръ довольно таки испортили — своимъ „мягкимъ“ проектомъ рѣшенія по важнѣйшему вопросу съѣзда, — ходъ вызванныхъ этимъ вопросомъ преній и ослабили нравственное значеніе побѣды, одержанной марксизмомъ надъ международными оппортюнистами. Я назову великолѣпнымъ prachtiger — выраженіе Каутскаго, только тотъ съѣздъ, который будетъ свободенъ отъ такихъ большихъ недостатковъ. Когда и гдѣ состоится такой, дѣйствительно великолѣпный, международный съѣздъ? Не знаю. Скажу больше — я не увѣренъ даже и въ томъ, что онъ состоится когда нибудь. Очень возможно, даже — увы! — очень вѣроятно, что современный соціализмъ вплоть до самой революціи, т. е. до завоеванія власти пролетаріатомъ, не излечится отъ оппортюнистической язвы. Но именно потому у насъ и нѣтъ основаній для оптимизма. Нашъ непріятель потерпѣлъ пораженіе. Это очень хорошо. Но напрасно говоритъ „The Social Democrat“, что теперь пришелъ конецъ международному оппортюнизму. Къ сожалѣнію, это еще не такъ. Нашъ непріятель, хотя и пораженъ, но еще не уничтоженъ. Его главныя силы, — французская армія все того же Жореса, — „отступили въ порядкѣ“ и, поддерживая противъ насъ сильный огонь, очевидно перестраиваются для новой борьбы. Если это такъ, — а развѣ же это не такъ? — то марксисты должны, не теряя ни минуты, преслѣдовать потерпѣвшаго пораженіе непріятеля, а не льстить себя тою пріятною, но пока еще не основательною увѣренностью, что онъ уже не существуетъ.

„The Social Democrat“ говоритъ далѣе, что не смотря на жаркіе споры по вопросу о тактикѣ, на амстердамскомъ съѣздѣ господствовало стремленіе къ единству. Это, пожалуй, и такъ, но я боюсь, что нашъ англійскій собратъ очень преувеличилъ смыслъ этого явленія. Гдѣ объединенные между собою элементы имѣютъ однѣ и тѣ же общественныя задачи, выражающія одни и тѣ же классовые *интересы*, тамъ единство не только хорошо, но прямо обязательно для торжества этихъ интересовъ. А гдѣ это необходимое условіе отсутствуетъ, тамъ единство не можетъ быть ни прочнымъ, ни полезнымъ. И вся „мораль“ амстердамскаго конгресса сводится къ вопросу о томъ, возможно-ли прочное единство между оппортюнистами и марксистами. Я думаю, что нѣтъ, и въ этомъ случаѣ со мною согласны итальянскіе „реформисты“, давно уже высказавшіе твердую увѣренность въ томъ, что *реформизмъ* наиболѣе употребительное въ Италіи названіе *оппортюнизма* и революціонный соціализмъ составляютъ въ сущности *двѣ отдѣльныхъ партіи*. А что на амстердамскомъ съѣздѣ было, къ сожалѣнію, не мало оппортюнистовъ, въ этомъ врядъ ли кто усомнится. Правда, не многіе изъ нихъ выступали открыто, но это не мѣшало имъ имѣть значительное вліяніе на ходъ преній ихъ сравнительной многочисленностью на съѣздѣ и объясняется этотъ, на первый взглядъ странный и непонятный, фактъ, что соціалистическіе представители *пролетаріата* могли цѣлыхъ три дня и какъ нельзя болѣе серьезно спорить о томъ, долженъ или не долженъ этотъ классъ продавать *буржуазіи* свое право первородства за чечевичную похлебку.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ я хочу осмотрѣть вмѣстѣ съ читателемъ тѣ позиціи, которыя были заняты на амстердамскомъ съѣздѣ марксистами съ одной стороны и оппортюнистами — съ другой. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ этому осмотру, мнѣ необходимо сдѣлать объясненія по предметамъ, относящимся къ тому, что дѣлалось на съѣздѣ россійской соціальдемократической делегаціей вообще и мною въ частности.

Здѣсь я прежде всего скажу два слова о томъ моемъ поступкѣ, который „Московскія Вѣдомости“ обозвали позорнымъ поступкомъ русскаго соціалиста. Читатель, вѣроятно, уже понялъ, о чемъ я говорю.

Выбранный вмѣстѣ съ Сенъ-Катаямой въ вице-президенты перваго засѣданія съѣзда, я обмѣнялся съ представителемъ японскаго соціалистическаго пролетаріата дружескимъ рукопожатіемъ. Московскій реакціонный органъ считаетъ это *національной измѣной*. Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но въ томъ то и дѣло, что я не стою на его точкѣ зрѣнія. И, — пусть хорошенько замѣтятъ это „Московскія Вѣдомости“, — далеко-далеко не одинъ я. Сознательный пролетаріатъ Россіи цѣликомъ идетъ подъ знаменемъ международной соціальдемократіи, а международная соціальдемократія *не можетъ не возставать противъ международныхъ войнъ*: ея горячимъ содѣйствіемъ и ея энергичной поддержкой пользуется одинъ только родъ войны: *классовая война эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами*. Въ *этой* войнѣ я самъ охотно и давно принимаю посильное участіе. Но *эта* война кажется преступной не только реакціонерамъ и охранителямъ, а даже многимъ „прогрессистамъ“. Вотъ что значитъ различіе точекъ зрѣнія!

Мой „позорный поступокъ“ сопровождался рѣчью, въ которой я сказалъ, между прочимъ, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а царское правительство, злѣйшій и опаснѣйшій врагъ этого народа. Пусть попробуютъ „Московскія Вѣдомости“ доказать мнѣ, что это не вѣрно: мнѣ будетъ очень интересно выслушать ихъ доводы. Я сказалъ, далѣе, что въ случаѣ побѣды царскаго правительства надъ Японіей главнымъ побѣжденнымъ окажется не кто иной, какъ тотъ же русскій народъ. Московская газета, какъ и вся наша реакціонная клика прекрасно знаетъ, что и это правда: для нея прелесть побѣды надъ „япошками“ особенно усиливалась бы тѣмъ обстоятельствомъ, что побѣдоносное царское правительство могло бы, пользуясь ея обаяніемъ, еще сильнѣе затянуть тѣ цѣпи, которыми оно сковываетъ русскій народъ. Я напомнилъ съѣзду ту, къ сожалѣнію, неоспоримую историческую истину, что иностранная политика царскаго правительства издавна была политикой хищничества и захвата; что это правительство издавна стремилось подчинить себѣ всѣ тѣ изъ окружавшихъ насъ народовъ, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпоръ, и что оно окружило собственно-русскую землю цѣлымъ ожерельемъ изъ побѣжденныхъ народностей, возвращающихъ ему въ видѣ *ненависти* то, что онѣ получали отъ него въ видѣ *угнетенія*. И я прибавилъ, что отъ такой политики само русское населеніе страдало не меньше, если не больше всѣхъ, потому что ни одинъ народъ не можетъ быть свободенъ, служа орудіемъ угнетенія своихъ сосѣдей, и потому что „порядокъ“, который, благодаря нашему правительству, царствовалъ въ Варшавѣ, въ Гельсингфорсѣ и въ Тифлисѣ съ такой же силой, съ какой „царствуетъ“ смерть на кладбищѣ, „царствовалъ“ также въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, словомъ во всей Россіи. Можетъ быть, въ этихъ моихъ словахъ заключалось что нибудь, похожее на неправду? Или, наконецъ, ложно было то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я сказалъ, что, преслѣдуя въ нашей несчастной странѣ все талантливое, все живое и независимое, царское правительство видитъ себя теперь изолированнымъ, окруженнымъ жалкими и жадными бездарностями, которыя думаютъ только о своей собственной карьерѣ и не могутъ обезпечить ему ничего, кромѣ цѣлаго ряда постыднѣйшихъ пораженій. Все это самая чистая правда, и когда я говорилъ все это, я сознавалъ, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русскихъ людей. Никогда еще прежде голосъ россійской соціальдемократіи не былъ въ такой сильной степени голосомъ русскаго народа.

Съѣздъ отнесся чрезвычайно сочувственно къ моему „по ному поступку“. Онъ отвѣтилъ на него цѣлымъ взрывомъ д

мѣстахъ побережья. Покупая партію угля, онъ складывалъ его гдѣ нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ идти къ указанному г. Гинзбургомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана; русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность“ флота.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, кражахъ и взяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшали повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Разбой и мошенничество присущи самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ пескомъ, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы воинскаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой вояка. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и ставило всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія; оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затрудняло всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору низшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Казаки, такъ лихо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, оказались никуда негодными даже для развѣдочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не знаетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко въ отчаяніи отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента, казачій разъѣздъ, возвратившійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой: „непріятеля видимо-невидимо, в. п.!“ Это же невѣжество создало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудодѣйственныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза“, становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной иниціативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказанія, а къ этому нашъ солдатъ, привыкшій лишь безпрекословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей подъ знамена призывается изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно залить искру политическаго сознанія, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками въ честь своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе!“, ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, который они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому приказу стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и лѣсовъ; они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ“ солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались выброшенными на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося прикащика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь цѣной политическихъ уступокъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ заявляетъ себя другомъ студентовъ, „Гражданинъ“ проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки, и обязываетъ соціальдемократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить въ этомъ случаѣ свою позицію.

Л. П.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНІИ НА СУДѢ[1]

Товарищи! Прежде, чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „*особенномъ*“ судѣ. Разумѣется, важенъ отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ — важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи только тогда политическіе процессы будутъ импонировать, дѣйствительно послужатъ революціонному дѣлу и разрушатъ планы правительства. Ц. О. и Ц. К., на основаніи матеріала, который дадутъ члены партіи, выработаютъ руководящія начала для тѣхъ членовъ партіи, которымъ придется фигурировать на судѣ; мы же не только можемъ пойти на встрѣчу всестороннему партійному обсужденію вопроса, но теперь-же для себя должны придти къ опредѣленному рѣшенію его, такъ какъ судъ близокъ, а партійное рѣшеніе можетъ запоздать. Прежде всего, какова задача этого суда и каковъ этотъ судъ? 26 го января правительство объявило о войнѣ съ „внѣшними“ врагами, а 28-го января объявило войну, не на животъ, а на смерть, внутреннему врагу, внося въ государственный совѣтъ свой „каторжный законъ“ противъ политическихъ. Судъ „Плеве“ задается цѣлью раздавить движеніе. Правительству необходимо было: 1) прекратить рецидивъ, вырвать революціонные корни и, хоть на три, на четыре года, задержать возвратный потокъ революціонныхъ силъ (арестанскія роты и крѣпость по суду должны замѣнить административную ссылку, нисколько не гарантировавшую отъ побѣговъ). 2) правительству необходимо было открыть „корни“ и „нити“, развязать языки тѣмъ, которые, въ громадномъ большинствѣ, отказывались отъ разговоровъ съ жандармами и, тѣмъ самымъ, приводили къ невозможности состряпать хоть одно серьезное дѣло. Замѣняя жандармскій мундиръ судейскимъ, а застѣнокъ комедіей суда, ссылку — каторгой и ротами, правительство хочетъ вызвать революціонеровъ на разговоры и, тѣмъ самымъ, вынудить для себя полезныя свѣдѣнія для „уловленія“ неуловимыхъ. 3) правительству необходимо было отпугнуть колеблющихся, отпугнуть людей съ положеніемъ, всѣхъ, кому есть что, терять, и вотъ „въ виду безнаказанности политическихъ преступленій“, какъ говоритъ реакціонная партія, законъ преподноситъ арестантскія роты, лишеніе правъ и тѣлесныя наказанія для всѣхъ, кто помнитъ еще о собственной шкурѣ. Судъ — это отвѣтъ революціонерамъ. Это попытка изъять, прикончить и запугать революціонеровъ. Оповѣщая россійскій народъ о судѣ, правительство знало, что сотни политическихъ процессовъ грозятъ безпокойствомъ и цѣлымъ рядомъ скандаловъ, которые могутъ взволновать даже равнодушныхъ и вызвать еще большее броженіе умовъ. И вотъ, во избѣжаніе скандаловъ, правительство готовитъ соотвѣтственную обстановочку. Съ одной стороны, особый политическій судъ при закрытыхъ дверяхъ[1], особенные судьи, особенные прокуроры, искусственно подобраные, съ другой стороны, особенныя инструкціи, въ которыхъ министры будутъ сообщать судьямъ о видахъ правительства и объ особо важныхъ и тайныхъ документахъ, которые необходимо будутъ приняты къ свѣдѣнію. Для обвиненія политическихъ будутъ пущены всѣ пріемы. Громадное поле для революціоннаго протеста и для адвокатскихъ „обвиненій“, но это поле вырывается изъ подъ нашихъ ногъ: 1) защищать по новому закону могутъ политическихъ только *присяжные повѣренные*, а не помощники. Всѣмъ извѣстно, что громадное большинство евреевъ до конца дней своихъ такъ и останутся помощниками, несмотря ни какой срокъ (5 лѣтъ) — это разъ. Затѣмъ, присяжные повѣренные гораздо разсудительнѣе: они прекрасно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ новый законъ, который говоритъ о „преступномъ восхваленіи революціонной дѣятельности“. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что только 2-3 года послѣдніе въ адвокатскую среду направились гражданско-стойкіе люди, но они помощники присяжныхъ повѣренныхъ и теперь по закону, лишены возможности выступать на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая на судъ не только профессіональныхъ революціонеровъ, а громадное количество только революціонно настроенныхъ и даже случайныхъ обвиняемыхъ, привлекая главныхъ и сособниковъ, грозя каторгой и ротами, правительство тѣмъ самымъ ослабитъ революціонную рѣчь виновниковъ. На одну революціонную рѣчь человѣка, который не жалѣетъ себя и клеймитъ правительство, окажется нѣсколько рѣчей со стороны тѣхъ, кто жалѣетъ себя и оправдывается передъ преступнымъ правительствомъ. Мало того, при массѣ процессовъ пропадаетъ новизна и сила прежней революціонной рѣчи и то, что неожиданно и рѣзко звучало въ Сормовѣ, Саратовѣ или Ростовѣ, теперь будетъ терятся въ массѣ слабаго, а иногда безграмотнаго лепета. Наша задача: заклеймить этотъ судъ презрѣніемъ, поддержать достоинство партіи и не пойти въ ловушку правительства. Мнѣ кажется, лучшее средство для этого: непризнаніе этого гнуснаго „дома терпимости“ — судомъ, царскихъ палачей — нашими судьями. Правительство судомъ отвѣтило на революціонное движеніе: отказъ отъ какихъ либо разговоровъ, рѣчей на судѣ — вотъ достойный отвѣтъ революціонеровъ на эту комедію. Достойный отвѣтъ и наиболѣе выгодный для насъ, не забывайте этого. Не нужно рѣчей, не нужно адвокатовъ!

Въ апрѣлѣ 1834-го г. вспыхнуло въ Ліонѣ и Парижѣ возстаніе. По усмиреніи мятежа, въ 1835 г. открылся апрѣльскій

не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателемъ „Искры“, а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціальдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же неизвѣстно — воскликнулъ онъ, — что мы, соціальдемократы, противъ войны“? Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка“? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки; просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у его представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма — „безъ страсти“ — не дѣлалось ничего великаго въ исторіи...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ, въ англійской делегаціи, престарѣлаго *индуса* Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращается поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые въ сущности очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то по крайней мѣрѣ делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого казалось бы, что международнымъ съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но во первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ, — вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, которая позволила бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду, — крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться, скажемъ, бельгійцу Вандервельду или голландцу Трульстрѣ въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая“ организація? Не только не легко, но прямо невозможно за полнѣйшимъ отсутствіемъ у него [illegible] сколько нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя *разобраться*, то нельзя и *высказаться*, а еще менѣе можно принять *практическое рѣшеніе*, да еще такое, которое, *навѣрно*, огорчитъ данную организацію и, *вѣроятно*, создастъ для нея извѣстныя практическія затрудненія. Да если бы и были серьезныя данныя; если бы большинство членовъ съѣзда твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ себя соціалистической болѣе для красоты слога, то и тогда оно врядъ ли рѣшилось бы удалить со съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige (званіе дворянина налагаетъ извѣстныя *обязанности*), говаривали въ старину французы. Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ *обязываетъ* быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго истиннаго и безкорыстнаго защитника, если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же *до извѣстной степени* служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно также естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ, посидите съ нами“, совсѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться на *пролетарскомъ* движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже соціалистическіе“ представители болѣе или менѣе прогрессивныхъ, *не* пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила *безъ* исключеній. Если бы подобные „*тоже-соціалисты*“ пріѣхали изъ Германіи и если бы германская *соціальдемократическая* делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-соціалисты“, — Бернштейнъ и его почтенная компанія, — пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціальдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же соціальдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже соціалистовъ“, у которыхъ могло бы возникнуть желаніе поѣхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ водятся въ очень небольшомъ количествѣ анархисты, но анархисты, — какъ это всѣмъ извѣстно, — на соціалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть нѣмецкимъ соціальдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе соціальдемократы имѣли бы довольно серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя *Независимой Рабочей Партіи*. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны; ея вождь Киръ Гарди высказывается *даже противъ борьбы классовъ*. Такъ какъ, — по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г. — признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская соціальдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ независимой рабочей партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему же? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезмѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти

мѣстахъ побережья. Покупая партію угля, онъ складывалъ его гдѣ нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ идти къ указанному г. Гинзбургомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана; русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность“ флота.

---

[1] Печатаемъ эту статью, какъ голосъ товарища, несогласнаго съ той постановкой вопроса, которая нами дана въ № 71 „Искры“ и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи-практики.

[1] Допускаютъ одно лицо, и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, кражахъ и взяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшали повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Разбой и мошенничество присущи самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ пескомъ, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы военнаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой вояка. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и ставило всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія; оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затрудняло всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору нисшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Казаки, такъ лихо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, оказались никуда негодными даже для развѣдочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не знаетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко въ отчаяніи отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента, казачій разъѣздъ, возвратившійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой: „непріятеля видимо-невидимо, в. п.!“ Это же невѣжество создало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудодѣйственныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза“, становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной инициативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказанія, а къ этому нашъ солдатъ, привыкшій лишь безприкословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей подъ знамена призывается изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно залить искру политическаго сознанія, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками въ честь своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе!“, ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, который они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому приказу стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и лѣсовъ; они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ“ солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались выброшенными на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося прикащика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь цѣной политическихъ уступокъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ заявляетъ себя другомъ студентовъ, „Гражданинъ“ проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки, и обязываетъ соціальдемократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить въ этомъ случаѣ свою позицію.

Л. П.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНІИ НА СУДѢ[1]).

Товарищи! Прежде, чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ „*особенномъ*“ судѣ. Разумѣется, важенъ отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ — важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи, только тогда политическіе процессы будутъ импонировать, дѣйствительно послужатъ революціонному дѣлу и разрушатъ планы правительства. Ц. О. и Ц. К., на основаніи матеріала, который дадутъ члены партіи, выработаютъ руководящія начала для тѣхъ членовъ партіи, которымъ придется фигурировать на судѣ; мы же не только можемъ пойти на встрѣчу всестороннему партійному обсужденію вопроса, но теперь-же для себя должны придти къ опредѣленному рѣшенію его, такъ какъ судъ близокъ, а партійное рѣшеніе можетъ запоздать. Прежде всего, какова задача этого суда и каковъ этотъ судъ? 26 го января правительство объявило о войнѣ съ „внѣшними“ врагами, а 28-го января объявило войну, не на животъ, а на смерть, внутреннему врагу, внося въ государственный совѣтъ свой „каторжный законъ“ противъ политическихъ. Судъ „Плеве“ задается цѣлью раздавить движеніе. Правительству необходимо было: 1) прекратить рецидивъ, вырвать революціонные корни и, хоть на три, на четыре года, задержать возвратный потокъ революціонныхъ силъ (арестанскія роты и крѣпость по суду должны замѣнить административную ссылку, нисколько не гарантировавшую отъ побѣговъ). 2) правительству необходимо было открыть „корни“ и „нити“, развязать языки тѣмъ, которые, въ громадномъ большинствѣ, отказывались отъ разговоровъ съ жандармами и, тѣмъ самымъ, приводили къ невозможности состряпать хоть одно серьезное дѣло. Замѣняя жандармскій мундиръ судейскимъ, а застѣнокъ комедіей суда, ссылку — каторгой и ротами, правительство хочетъ вызвать революціонеровъ на разговоры и; тѣмъ самымъ, вынудить для себя полезныя свѣдѣнія для „уловленія“ неуловимыхъ. 3) правительству необходимо было отпугнуть колеблющихся, отпугнуть людей съ положеніемъ, всѣхъ, кому есть что, терять, и вотъ „въ виду безнаказанности политическихъ преступленій“, какъ говоритъ реакціонная партія, законъ преподноситъ арестантскія роты, лишеніе правъ и тѣлесныя наказанія для всѣхъ, кто помнитъ еще о собственной шкурѣ. Судъ — это отвѣтъ революціонерамъ. Это попытка изъять, прикончить и запугать революціонеровъ. Оповѣщая россійскій народъ о судѣ, правительство знало, что сотни политическихъ процессовъ грозятъ безпокойствомъ и цѣлымъ рядомъ скандаловъ, которые могутъ взволновать даже равнодушныхъ и вызвать еще большее броженіе умовъ. И вотъ, во избѣжаніе скандаловъ, правительство готовитъ соотвѣтственную обстановочку. Съ одной стороны, особый политическій судъ при закрытыхъ дверяхъ[1]), особенные судьи, особенные прокуроры, искусственно подобраные, съ другой стороны, особенныя инструкціи, въ которыхъ министры будутъ сообщать судьямъ о видахъ правительства и объ особо важныхъ и тайныхъ документахъ, которые необходимо будутъ приняты къ свѣдѣнію. Для обвиненія политическихъ будутъ пущены всѣ пріемы. Громадное поле для революціоннаго протеста и для адвокатскихъ „обвиненій“, но это поле вырывается изъ подъ нашихъ ногъ: 1) защищать по новому закону могутъ политическихъ только *присяжные повѣренные*, а не помощники. Всѣмъ извѣстно, что громадное большинство евреевъ до конца дней своихъ такъ и останутся помощниками, несмотря ни какой срокъ (5 лѣтъ) — это разъ. Затѣмъ, присяжные повѣренные гораздо разсудительнѣе: они прекрасно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ новый законъ, который говоритъ о „преступномъ восхваленіи революціонной дѣятельности“. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что только 2-3 года послѣдніе въ адвокатскую среду направились граждански-стойкіе люди, но они помощники присяжныхъ повѣренныхъ и теперь по закону, лишены возможности выступать на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая на судъ не только профессіональныхъ революціонеровъ, а громадное количество только революціонно настроенныхъ и даже случайныхъ обвиняемыхъ, привлекая главныхъ и пособниковъ, грозя каторгой и ротами, правительство тѣмъ самымъ ослабитъ революціонную рѣчь виновниковъ. На одну революціонную рѣчь человѣка, который не жалѣетъ себя и клеймитъ правительство, окажется нѣсколько рѣчей со стороны тѣхъ, кто жалѣетъ себя и оправдывается передъ преступнымъ правительствомъ. Мало того, при массѣ процессовъ пропадаетъ новизна и сила прежней революціонной рѣчи и то, что неожиданно и рѣзко звучало въ Сормовѣ, Саратовѣ или Ростовѣ, теперь будетъ терятся въ массѣ слабаго, а иногда безграмотнаго лепета. Наша задача: заклеймить этотъ судъ презрѣніемъ, поддержать достоинство партіи и не пойти въ ловушку правительства. Мнѣ кажется, лучшее средство для этого: непризнаніе этого гнуснаго „дома терпимости“ — судомъ, царскихъ палачей — нашими судьями. Правительство судомъ отвѣтило на революціонное движеніе: отказъ отъ какихъ либо разговоровъ, рѣчей на судѣ — вотъ достойный отвѣтъ революціонеровъ на эту комедію. Достойный отвѣтъ и наиболѣе выгодный для насъ, не забывайте этого. Не нужно рѣчей, не нужно адвокатовъ!

Въ апрѣлѣ 1834-го г. вспыхнуло въ Ліонѣ и Парижѣ возстаніе. По усмиреніи мятежа, въ 1835 г. открылся апрѣльскій

---

[1]) Печатаемъ эту статью, какъ голосъ товарища, несогласнаго съ той постановкой вопроса, которая нами дана въ № 71 „Искры“ и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи-практики.

[1]) Допускаютъ одно лицо, и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того. чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателемъ „Искры“. а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціальдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же неизвѣстно — воскликнулъ онъ, — что мы, соціальдемократы, противъ войны“? Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно; и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка“? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки; просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у его представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма — „безъ страсти“ — не дѣлалось ничего великаго въ исторіи ...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ. что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ, — въ англійской делегаціи, — престарѣлаго *индуса* Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращается поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно, поэтому, что на международные соціалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые въ сущности очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то по крайней мѣрѣ делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого, казалось бы, что международнымъ съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но, во-первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ, — вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, которая позволяла бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду, — крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться, скажемъ бельгійцу Вандервельду или голландцу Трульстрѣ въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая“ организація? Не только не легко, но прямо невозможно за полнѣйшимъ отсутствіемъ у него всякихъ сколько-нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя *разобраться*, то нельзя и *высказаться*, а еще менѣе можно принять *практическое рѣшеніе*, да еще такое, которое, *навѣрно*, огорчитъ данную организацію и, *вѣроятно*, создастъ для нея извѣстныя практическія затрудненія. Да если бы и были серьезныя данныя; если бы большинство членовъ съѣзда твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, литовская, польская или русская организація называетъ себя соціалистической болѣе для красоты слога, то и тогда оно врядъ-ли рѣшилось бы удалить со съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige (званіе дворянина налагаетъ извѣстныя обязанности), говаривали въ старину французы. Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и безкорыстнаго защитника; если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же *до извѣстной степени* служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно также естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ; посидите съ нами“, совсѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться, на *пролетарскомъ* движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже соціалистическіе“ представители болѣе или менѣе прогрессивныхъ *не* пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила безъ исключеній. Если бы подобные „*тоже-соціалисты*“ пріѣхали изъ Германіи и если бы германская *соціальдемократическая* делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-соціалисты“, — Бернштейнъ и его почтенная компанія, — пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціальдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же соціальдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже соціалистовъ“, у которыхъ могло бы возникнуть желаніе поѣхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ водятся, въ очень небольшомъ количествѣ анархисты; но анархисты, — какъ это всѣмъ извѣстно, — на соціалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть, нѣмецкимъ соціальдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе соціальдемократы имѣли бы довольно серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя *Независимой Рабочей Партіи*. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны: ея вождь Киръ Гарди высказывается *даже противъ борьбы классовъ*. Такъ какъ, — по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г. — признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская соціальдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ независимой рабочей партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему же? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезмѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти

мѣстахъ побережья. Покупая партію угля, онъ складывалъ его гдѣ нибудь на берегу, а броненосецъ или крейсеръ, нуждающійся въ немъ, уже самъ долженъ былъ идти къ указанному г. Гинзбургомъ пункту и запасаться углемъ. Вотъ отчего случилось, что, хотя войны всѣ ждали со дня на день, нашъ Тихо-Океанскій флотъ оказался разсѣяннымъ по всему побережью Океана; русскія суда стояли во Владивостокѣ, Чемульпо, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, въ Шанхаѣ и даже въ Нагасаки; вотъ почему наша владивостокская эскадра два мѣсяца оставалась въ бездѣйствіи, она не могла покинуть гавани, у нея не было угля, и капитанъ Рейценштейнъ виновенъ въ этомъ не больше другихъ; вотъ почему свѣдующіе люди удивляются не тому, что нашъ флотъ разбитъ, а тому, что онъ такъ долго не былъ разбитъ, — онъ страдалъ отъ недостатка угля. Такова была „неподготовленность“ флота.

Мы, конечно, знаемъ, что съ окончаніемъ войны начнутся уголовные процессы по обвиненію кое какихъ мелкихъ административныхъ сошекъ въ злоупотребленіяхъ, мошенничествахъ, кражахъ и взяточничествѣ. Но развѣ подобныя преслѣдованія послѣ севастопольской кампаніи помѣшали повторенію того же самаго въ русско-турецкую войну, развѣ преслѣдованія послѣ русско-турецкой войны помѣшали повторенію этого теперь? Разбой и мошенничество присущи самодержавному режиму, неотдѣлимы отъ него, органически связаны съ его природой, и могутъ быть удалены изъ сферы управленія только тогда, когда это управленіе будетъ подчинено контролю народныхъ представителей.

Но продажность администраціи и казнокрадство — только одна изъ многихъ причинъ, приведшихъ русскую армію къ разгрому. Конечно, эта причина немаловажная. Не знающіе отвѣтственности интенданты поставляютъ въ армію сухари съ пескомъ, мундирную одежду изъ гнилого сукна, предметы воинскаго снаряженія, не выдерживающіе и недѣли похода. Полуголодный и оборванный солдатъ — плохой воякa. Но для успѣха дѣла настроеніе арміи, сознательность и интеллигентность солдатъ еще болѣе важны, чѣмъ матеріальныя условія ихъ жизни. Самодержавному правительству это прекрасно извѣстно, но въ этомъ отношеніи оно всегда было въ непримиримомъ противорѣчіи съ самимъ собой. Оно понимало, что невѣжество народныхъ массъ — одно изъ условій его существованія, и ставило всевозможныя препятствія дѣлу народнаго образованія; оно подчинило его опекѣ невѣжественныхъ поповъ, всячески стѣсняло просвѣтительную дѣятельность земствъ и частныхъ лицъ, оно затрудняло всѣми возможными способами учрежденіе народныхъ библіотекъ, открытіе школъ, устройство популярныхъ чтеній и т. п., оно подчинило надзору низшихъ органовъ полиціи всѣхъ сельскихъ учителей и поставило ихъ въ унизительную зависимость отъ администраціи, чтобы уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Теперь ему приходится пожинать плоды этой политики. Казаки, такъ лихо разгонявшіе толпы мирныхъ демонстрантовъ, оказались никуда негодными даже для развѣдочной службы. Каждый японскій кавалеристъ снабженъ биноклемъ и картой, а нашъ казакъ не только не знаетъ, что за штука бинокль, онъ до войны не зналъ даже того, что есть на свѣтѣ японцы. Генералъ Мищенко въ отчаяніи отъ ихъ невѣжества. По разсказу одного корреспондента, казачій разъѣздъ, возвратившійся съ рекогносцировки, не могъ объяснить, какого рода оружія былъ непріятель, каковы его силы и проч., суммируя всѣ свои впечатлѣнія общей фразой: „непріятеля видимо-невидимо, в. п.“ Это же невѣжество создало очень благопріятную почву для распространенія среди солдатъ суевѣрныхъ слуховъ о разныхъ чудодѣйственныхъ средствахъ, которыми, будто бы, пользуются японцы, „отводя глаза“, становясь невидимыми и т. п. Бой на большомъ разстояніи, когда противникъ виденъ лишь въ неопредѣленныхъ контурахъ, требуетъ отъ солдата личной инипіативы, способности примѣняться къ мѣстности, вообще, дѣйствовать безъ приказанія, а къ этому нашъ солдатъ, привыкшій лишь безприкословно повиноваться, въ массѣ совершенно не способенъ.

Настроеніе арміи въ такіе моменты возбужденія, какъ война, тѣсно связано съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что съ мобилизаціей подъ знамена призывается изъ среды народа масса запасныхъ, давно забывшихъ всякую дисциплину, и живущихъ интересами не казармы, а той общественной среды, къ которой они принадлежатъ. Даже реакціонная печать признала, что война не популярна въ народѣ. Всѣ въ большей или меньшей степени понимаютъ, что самодержавное правительство начало войну въ надеждѣ укрѣпить свое пошатнувшееся положеніе и отвлечь вниманіе народа отъ вопросовъ внутренней жизни, отъ борьбы съ самимъ самодержавіемъ. Кровью десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ тысячъ солдатъ хотѣло оно залить искру политическаго сознанія, вспыхнувшую въ головахъ русскаго пролетаріата, и заглушить шумными криками въ честь своихъ побѣдъ призывъ „долой самодержавіе!“, ставшій уже паролемъ дня. Но самодержавіе дурно разсчитало.

Внутренній врагъ, на которомъ такъ долго и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ русское воинство изощряло мѣткость своей стрѣльбы, оказался теперь въ рядахъ этого самаго воинства въ немаломъ количествѣ и не обнаружилъ особеннаго усердія къ защитѣ царскаго дѣла. Этимъ внутреннимъ врагомъ оказались далеко не одни соціалисты! Солдаты угнетенныхъ народностей, поляки, армяне, литовцы, евреи и др., понимали, что побѣда русскаго оружія только укрѣпитъ тотъ режимъ, подъ гнетомъ котораго они такъ долго страдали, который они ненавидятъ до глубины души и на борьбу съ которымъ они и ихъ братья отдавали свои лучшія силы. Начиная съ 1899 года, расположенные на Дальнемъ Востокѣ полки усиленно пополнялись поляками, которыхъ правительство посылало туда съ цѣлью удалить ихъ изъ родныхъ мѣстъ, гдѣ они, конечно, не стали бы по первому приказу стрѣлять въ своихъ братьевъ и земляковъ, желающихъ добиться лучшей доли и вступившихъ въ борьбу съ царскимъ правительствомъ. Въ результатѣ 20% русскихъ плѣнныхъ — поляки. Крестьяне, призванные теперь изъ запаса, также не пламенѣютъ желаніемъ постоять за царя-батюшку. Они тщетно пытаются объяснить себѣ, изъ за чего собственно ведется эта война, для чего понадобились царю новыя земли, когда въ Россіи и Сибири у него огромнѣйшія площади пустующихъ земель и лѣсовъ; они хорошо знаютъ лишь одно то, что сами они не получатъ новыхъ земель и, вообще, никакихъ выгодъ отъ этой войны, по прежнему будутъ биться въ тискахъ нищеты, страдать отъ тяжести непомѣрныхъ повинностей и налоговъ, отъ произвола полиціи и всякаго другого начальства, по прежнему останутся безправнымъ сословіемъ, зависимымъ отъ дворянства, лишеннымъ свѣта и свободы. Правда, многіе изъ нихъ годами нужды и угнетенія доведены до состоянія полной апатіи и не чувствуютъ ни ненависти, ни злобы; они отупѣли до того, что свыклись съ своимъ положеніемъ, и не сознаютъ необходимости измѣнить его. Но, истощенные хроническими голодовками, тупые, невѣжественные и забитые, они могутъ служить только пушечнымъ мясомъ и безмолвно умирать подъ ударами чудовищъ японской артиллеріи. О „патріотизмѣ“ солдатъ изъ рядовъ промышленнаго пролетаріата нечего, конечно, и говорить: площади большихъ городовъ столько разъ обагрялись его кровью въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ!

Таково настроеніе арміи. Столь же непопулярна война и въ обществѣ. Она принесла съ собой промышленный кризисъ застой въ торговлѣ, стѣсненіе кредита; сотни тысячъ рабочихъ оказались выброшенными на мостовую и переживаютъ всѣ ужасы безработицы. Господствующіе классы смотрятъ на правительство, какъ хозяинъ на своего проворовавшагося прикащика, и готовятся предать его суду. Ему вѣрятъ такъ мало, что даже пожертвованія на красный крестъ почти совершенно прекратились. Къ этому присоединяется для правительства еще отсутствіе денегъ. Судорожно бросается оно отъ одной европейской биржи къ другой въ тщетныхъ поискахъ займа. Европейская буржуазія понимаетъ, что это должникъ ненадежный, близкій къ банкротству. Ему остается старое героическое, но самоубійственное средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ.

Окруженное атмосферой общаго недовѣрія, ненависти и презрѣнія, оно начинаетъ понимать, что стоитъ на краю пропасти и въ отчаяніи пытается найти себѣ помощь цѣной политическихъ уступокъ господствующимъ классамъ. Его наемные писаки заговорили о реформахъ, министръ внутрен. дѣлъ заявляетъ себя другомъ студентовъ, „Гражданинъ“ проситъ мира. Мы знаемъ, что добровольно правительство не сдѣлаетъ никакихъ существенныхъ политическихъ уступокъ, даже господствующимъ классамъ, но мы думаемъ, что переживаемый моментъ благопріятствуетъ тому, чтобы заставить его пойти на такія уступки, и обязываетъ соціальдемократію болѣе точнымъ образомъ опредѣлить въ этомъ случаѣ свою позицію.

Л. П.

КЪ ВОПРОСУ О ПОВЕДЕНІИ НА СУДѢ[1]

Товарищи! Прежде чѣмъ писать рѣчи для произнесенія ихъ на судѣ, не мѣшало бы отвѣтить на вопросъ, какъ держать себя на этомъ *„особенномъ“* судѣ. Разумѣется, важенъ отвѣтъ не отдѣльныхъ лицъ, не участниковъ одного процесса, даже не только всѣхъ сидящихъ въ одной тюрьмѣ — важенъ отвѣтъ всей партіи, потому что только тогда, когда участники всѣхъ процессовъ будутъ дѣйствовать планомѣрно и единообразно, какъ члены одной партіи, только тогда политическіе процессы будутъ импонировать, дѣйствительно послужатъ революціонному дѣлу и разрушатъ планы правительства. Ц. О. и Ц. К., на основаніи матеріала, который дадутъ члены партіи, выработаютъ руководящія начала для тѣхъ членовъ партіи, которымъ придется фигурировать на судѣ; мы же не только можемъ пойти на встрѣчу всестороннему партійному обсужденію вопроса, но теперь-же для себя должны придти къ опредѣленному рѣшенію его, такъ какъ судъ близокъ, а партійное рѣшеніе можетъ запоздать. Прежде всего, какова задача этого суда и каковъ этотъ судъ? 26-го января правительство объявило о войнѣ съ „внѣшними“ врагами, а 28-го января объявило войну, не на животъ, а на смерть, внутреннему врагу, внося въ государственный совѣтъ свой „каторжный законъ“ противъ политическихъ. Судъ „Плеве“ задается цѣлью раздавить движеніе. Правительству необходимо было: 1) прекратить рецидивъ, вырвать революціонные корни и, хоть на три, на четыре года, задержать возвратный потокъ революціонныхъ силъ (арестанскія роты и крѣпость по суду должны замѣнить административную ссылку, нисколько не гарантировавшую отъ побѣговъ). 2) правительству необходимо было открыть „корни“ и „нити“, развязать языки тѣмъ, которые, въ громадномъ большинствѣ, отказывались отъ разговоровъ съ жандармами и, тѣмъ самымъ, приводили къ невозможности состряпать хоть одно серьезное дѣло. Замѣняя жандармскій мундиръ судейскимъ, а застѣнокъ комедіей суда, ссылку — каторгой и ротами, правительство хочетъ вызвать революціонеровъ на разговоры и, тѣмъ самымъ, вынудить для себя полезныя свѣдѣнія для „уловленія“ неуловимыхъ. 3) правительству необходимо было отпугнуть колеблющихся, отпугнуть людей съ положеніемъ, всѣхъ, кому есть что, терять, и вотъ „въ виду безнаказанности политическихъ преступленій“, какъ говоритъ реакціонная партія, законъ преподноситъ арестантскія роты, лишеніе правъ и тѣлесныя наказанія для всѣхъ, кто помнитъ еще о собственной шкурѣ. Судъ — это отвѣтъ революціонерамъ. Это попытка изъять, прикончить и запугать революціонеровъ. Оповѣщая россійскій народъ о судѣ, правительство знало, что сотни политическихъ процессовъ грозятъ безпокойствомъ и цѣлымъ рядомъ скандаловъ, которые могутъ взволновать даже равнодушныхъ и вызвать еще большее броженіе умовъ. И вотъ, во избѣжаніе скандаловъ, правительство готовитъ соотвѣтственную обстановочку. Съ одной стороны, особый политическій судъ при закрытыхъ дверяхъ[1], особенные судьи, особенные прокуроры, искусственно подобраные, съ другой стороны, особенныя инструкціи, въ которыхъ министры будутъ сообщать судьямъ о видахъ правительства и объ особо важныхъ и тайныхъ документахъ, которые необходимо будутъ приняты къ свѣдѣнію. Для обвиненія политическихъ будутъ пущены всѣ пріемы. Громадное поле для революціоннаго протеста и для адвокатскихъ „обвиненій“, но это поле вырывается изъ подъ нашихъ ногъ: 1) защищать по новому закону могутъ политическихъ только *присяжные повѣренные*, а не помощники. Всѣмъ извѣстно, что громадное большинство евреевъ до конца дней своихъ такъ и останутся помощниками, несмотря ни какой срокъ (5 лѣтъ) — это разъ. Затѣмъ, присяжные повѣренные гораздо разсудительнѣе: они прекрасно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ новый законъ, который говоритъ о „преступномъ восхваленіи революціонной дѣятельности“. Кромѣ того, не мѣшаетъ помнить, что только 2-3 года послѣдніе въ адвокатскую среду направились гражданско-стойкіе люди, но они помощники присяжныхъ повѣренныхъ и теперь по закону лишены возможности выступать на судѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекая на судъ не только профессіональныхъ революціонеровъ, а громадное количество только революціонно настроенныхъ и даже случайныхъ обвиняемыхъ, привлекая главныхъ и сособниковъ, грозя каторгой и ротами, правительство тѣмъ самымъ ослабитъ революціонную рѣчь виновниковъ. На одну революціонную рѣчь человѣка, который не жалѣетъ себя и клеймитъ правительство, окажется нѣсколько рѣчей со стороны тѣхъ, кто жалѣетъ себя и оправдывается передъ преступнымъ правительствомъ. Мало того, при массѣ процессовъ пропадаетъ новизна и сила прежней революціонной рѣчи и то, что неожиданно и рѣзко звучало въ Сормовѣ, Саратовѣ или Ростовѣ, теперь будетъ терятся въ массѣ слабаго, а иногда безграмотнаго лепета. Наша задача заклеймить этотъ судъ презрѣніемъ, поддержать достоинство партіи и не пойти въ ловушку правительства. Мнѣ кажется, лучшее средство для этого: непризнаніе этого гнуснаго „дома терпимости“ — судомъ, царскихъ палачей — нашими судьями. Правительство судомъ отвѣтило на революціонное движеніе: отказъ отъ какихъ либо разговоровъ, рѣчей на судѣ — вотъ достойный отвѣтъ революціонеровъ на эту комедію. Достойный отвѣтъ и наиболѣе выгодный для насъ, не забывайте этого. Не нужно рѣчей, не нужно адвокатовъ!

Въ апрѣлѣ 1834-го г. вспыхнуло въ Ліонѣ и Парижѣ возстаніе. По усмиреніи мятежа, въ 1835 г. открылся апрѣльскій

---

[1] Печатаемъ эту статью какъ голосъ товарища несогласнаго съ той постановкой вопроса, которая нами дана въ № 71 „Искры“ и которую мы продолжаемъ считать правильной. Къ вопросу о поведеніи на судѣ мы еще вернемся, разсчитывая, что въ дискуссіи по этому вопросу примутъ участіе и другіе товарищи-практики.

[1] Допускаютъ одно лицо, и то не братьевъ и сестеръ, а только мать, отца или жену.

не смолкавшихъ криковъ и рукоплесканій. Вышла цѣлая демонстрація, которая произвела сильное впечатлѣніе даже на людей, видавшихъ на своемъ вѣку и не такіе виды. Я упоминаю объ этомъ, разумѣется, не для того, чтобы похвастаться своимъ успѣхомъ передъ читателемъ „Искры“, а для того, чтобы обратить ихъ вниманіе на интересную черту психологіи съѣзда. Одинъ изъ австрійскихъ делегатовъ удивлялся потомъ, въ разговорѣ со мной, тому, что представители международной соціальдемократіи могли придти въ такой восторгъ въ виду поступка, который подсказывался всѣмъ нашимъ міросозерцаніемъ. „Кому же не извѣстно — воскликнулъ онъ, — что мы, соціальдемократы, противъ войны“? Это въ самомъ дѣлѣ всѣмъ извѣстно, и всѣ делегаты, навѣрно, помнили какъ относящіяся къ милитаризму рѣшенія предыдущихъ международныхъ съѣздовъ, такъ и тѣ дружескіе адресы, которыми обмѣнивались между собою сознательные рабочіе Франціи и Германіи при началѣ франко-прусской войны. Почему же они пришли въ такое возбужденіе при видѣ „позорнаго поступка“? Да просто потому, что они вовсе не такіе сухіе и холодные люди, какими ихъ считаютъ многія сентиментальныя старушки, просто потому, что торжественное открытіе съѣзда всколыхнуло въ ихъ душѣ свойственный имъ энтузіазмъ къ своему дѣлу, и этому энтузіазму нуженъ былъ только подходящій поводъ, чтобы шумно вырваться наружу. Вотъ и все. И это маленькое обстоятельство очень знаменательно. Пролетаріи всѣхъ странъ могутъ только радоваться тому, что у его представителей такъ много энтузіазма. Еще Гегель справедливо сказалъ, что безъ энтузіазма — „безъ страсти“ — не дѣлается ничего великаго въ исторіи...

Заканчивая свою рѣчь, я замѣтилъ, что соціалистическій пролетаріатъ является единственнымъ въ настоящее время носителемъ прогресса, и что, вслѣдствіе этого, всѣ тѣ, которые въ той или другой странѣ защищаютъ то или другое дѣйствительно прогрессивное дѣло, невольно обращаютъ свои взоры въ сторону соціалистическаго пролетаріата. Наиболѣе яркимъ доказательствомъ справедливости этихъ моихъ словъ служило присутствіе на съѣздѣ, въ англійской делегаціи, престарѣлаго *индуса* Дадабгая Наороджи, который пріѣхалъ для того, чтобы передъ лицомъ международнаго пролетаріата протестовать противъ долгаго, безпощаднаго и систематическаго угнетенія его родины Англіей. Когда, на одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, онъ сталъ объяснять цѣль своего пріѣзда, ему устроили цѣлую овацію. Рѣшеніе, принятое съѣздомъ по этому вопросу, гласитъ такъ:

„Собраніе представителей рабочихъ всего цивилизованнаго міра выслушало отъ представителей Англіи и Индіи, что въ Индіи, какъ и повсюду, Англія не перестаетъ отнимать у народа всѣ источники существованія, что она эксплуатируетъ и обворовываетъ его, что она является источникомъ величайшихъ бѣдствій, лишеній и голода для болѣе, чѣмъ 200 милліоновъ населенія на индійской почвѣ. Международный съѣздъ обращается поэтому съ призывомъ къ рабочему классу Великобританіи и приглашаетъ его побудить свое правительство къ уничтоженію нынѣшней безразсудной и позорной колоніальной системы и къ замѣнѣ ея легко осуществимымъ самоуправленіемъ Индіи подъ верховной властью Англіи“.

Угнетенное человѣчество, дѣйствительно, не имѣетъ теперь другого защитника, кромѣ революціоннаго пролетаріата. И, разумѣется, это дѣлаетъ пролетаріату чрезвычайно большую честь. Но это имѣетъ и свои неудобства. Не достаточно испытывать извѣстное угнетеніе для того, чтобы ясно понять задачи соціализма и усвоить себѣ соціалистическое міросозерцаніе. Неудивительно поэтому, что на международные соціалистическіе съѣзды посылаютъ подчасъ своихъ представителей такіе общественные элементы, которые въ сущности очень далеки отъ современнаго соціалистическаго движенія и имѣютъ о немъ лишь весьма смутное понятіе. Какъ быть съ ихъ делегатами? Если ихъ явится очень много, то ихъ присутствіе можетъ поставить въ затруднительное положеніе, хотя и не весь съѣздъ, то по крайней мѣрѣ делегаціи тѣхъ странъ, изъ которыхъ они пріѣдутъ. Въ виду этого казалось бы, что международнымъ съѣздамъ слѣдуетъ очень разборчиво относиться къ соціалистическому „credo“ организацій, посылающихъ на нихъ своихъ делегатовъ. Но во-первыхъ, делегаты болѣе или менѣе неопредѣленнаго и сомнительнаго образа мыслей являются преимущественно изъ такихъ странъ, общественная жизнь которыхъ — вслѣдствіе того, что въ нихъ нѣтъ политической свободы, которая позволила бы всѣмъ ихъ партіямъ дѣлать свое дѣло у всѣхъ на виду, — крайне мало извѣстна другимъ народамъ. Легко ли разобраться, скажемъ, бельгійцу Вандервельде или голландцу Трульстра въ вопросѣ о томъ, что представляетъ собою на самомъ дѣлѣ та или другая русская, польская, литовская, армянская или грузинская „соціалистическая“ организація? Не только не легко, а прямо невозможно за полнѣйшимъ отсутствіемъ у нихъ какихъ-нибудь убѣдительныхъ данныхъ.

Если же нельзя *разобраться*, то нельзя и *высказаться*, а еще менѣе можно принять *практическое рѣшеніе*, да еще такое, которое, *навѣрно*, оскорбитъ данную организацію и *вѣроятно* создастъ для нея извѣстныя практическія затрудненія. Даже если бы и были серьезныя данныя, если бы большинство членовъ съѣзда твердо знало, что такая-то грузинская, армянская, латышская, польская или русская организація называетъ себя соціалистической болѣе по недоразумѣнію, то и тогда оно врядъ ли рѣшилось бы удалить изъ съѣзда ея делегатовъ. Noblesse oblige. Званіе дворянина налагаетъ извѣстныя *обязанности*, говаривали въ старину французы. Теперь можно сказать, что благородное званіе представителя соціалистическихъ пролетаріевъ обязываетъ быть снисходительнымъ. Если угнетенное человѣчество имѣетъ теперь въ соціалистическомъ пролетаріатѣ единственнаго надежнаго и *безкорыстнаго* защитника, если этому пролетаріату принадлежитъ гегемонія во всемъ прогрессивномъ движеніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то какъ нельзя болѣе естественно, что въ такіе рѣшительные и торжественные моменты, какими являются его международные съѣзды, къ его представителямъ пожелаютъ примкнуть также и представители другихъ общественныхъ слоевъ, разумѣется, несравненно менѣе революціонныхъ и универсальныхъ, но все же *до извѣстной степени* служащихъ дѣлу поступательнаго движенія. И точно также естественно, что представители пролетаріата только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и только при обстоятельствахъ, не оставляющихъ у нихъ ровно никакихъ сомнѣній, рѣшатся оттолкнуть отъ себя, удалить изъ своей среды представителей такихъ общественныхъ слоевъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они добродушно скажутъ имъ: „мы очень рады вамъ, посидите съ нами“, совсѣмъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что подобное гостепріимство можетъ вредно отразиться на *пролетарскомъ* движеніи тѣхъ странъ, откуда являются эти „тоже соціалистическіе“ представители болѣе или менѣе прогрессивныхъ, *не* пролетарскихъ теченій. Конечно, нѣтъ правила *безъ* исключенія. Если бы подобные *„тоже-соціалисты“* пріѣхали изъ Германіи и если бы германская *соціальдемократическая* делегація потребовала отъ съѣзда ихъ удаленія, то они, навѣрно, не получили бы делегатскихъ картъ. Но въ томъ-то и дѣло, что германскіе „тоже-соціалисты“, — Бернштейнъ и его почтенная компанія, — пока еще стоятъ подъ знаменемъ соціальдемократической партіи и потому являются на съѣздъ вмѣстѣ съ настоящими ея представителями; за предѣлами же соціальдемократіи въ Германіи нѣтъ по крайней мѣрѣ такихъ „тоже-соціалистовъ“, у которыхъ могло бы возникнуть желаніе поѣхать на международный съѣздъ. Правда, мѣстами тамъ есть еще въ очень небольшомъ количествѣ анархисты, но анархисты — какъ это всѣмъ извѣстно, — на соціалистическіе международные съѣзды совсѣмъ не допускаются; стало быть, нѣмецкимъ соціальдемократическимъ делегатамъ не приходится теперь и поднимать на съѣздѣ подобные вопросы. Не то мы видимъ, напримѣръ, въ Англіи. Англійскіе соціальдемократы имѣли бы, повидимому, серьезное основаніе поднять такой вопросъ. На международные съѣзды съ давнихъ поръ пріѣзжаютъ представители отъ такъ называющей себя *Независимой Рабочей Партіи*. Соціалистическія понятія членовъ этой партіи до крайности смутны; ея вождь Киръ Гарди высказывается *даже противъ борьбы классовъ*. Такъ какъ — по постановленію брюссельской международной конференціи 1899 г. — признаніе этой борьбы составляетъ одно изъ необходимыхъ условій допущенія на международные съѣзды, то англійская соціальдемократическая федерація имѣла бы, собственно говоря, полное право требовать удаленія съ нихъ делегатовъ независимой рабочей партіи. Она не дѣлаетъ этого. Почему же? Вѣроятно, по той простой причинѣ, что она знаетъ психологію международныхъ съѣздовъ и понимаетъ, что ея требованіе было бы отклонено. Въ виду этого читатель скажетъ, можетъ быть, что международные съѣзды простираютъ свою снисходительность дальше, чѣмъ это допускается требованіями логики. Я спорить не стану. Я только замѣчу, что эта чрезмѣрная, — и нелогичная, — снисходительность имѣетъ свое достаточное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, вообразите, что должно было бы произойти знаменитый процессъ. Это былъ, вопреки конституціонной хартіи, судъ перовъ, а не судъ присяжныхъ. Мало того. Въ виду того, что защищать обвиняемыхъ хотѣли О. Контъ, Барбесъ, Ледрю-Ролленъ, Жюль Фавръ, правительство запретило выбирать защитниковъ. Тогда всѣ привлеченные, какъ одинъ человѣкъ, отказались принять участіе въ гнусной комедіи. Это молчаніе было гораздо сильнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ словъ и вызвало бурю въ странѣ. Когда въ 78 г. участники процесса 193-хъ отказывались говорить, сенаторы буквально потеряли голову и большой ошибкой было со стороны Мышкина произносить знаменитую рѣчь, за которую ему прибавили, кажется, 5-6 лѣтъ каторги. Я жалѣю, что сталъ говорить — сказалъ Мышкинъ — это не судъ, это комедія — это домъ терпимости и даже хуже дома терпимости. Разъ признаешь судъ комедіей — нечего и участвовать въ этой комедіи, хотя бы участіе это и кончилось для оратора революціонера трагически — на радость правительству, неумѣвшему до вашей рѣчи доказать принадлежность вашу и вашихъ товарищей къ преступному сообществу. Я знаю, что многіе изъ насъ уже мечтаютъ о судѣ, о рѣчи, объ „исторіи". Они убѣждены, что рѣчи говорить нужно. Какъ же они аргументируютъ въ пользу этого? Они говорятъ, что необходимо использовать судъ въ цѣляхъ агитаціи — какимъ образомъ? Въ послѣднемъ словѣ, которое мы будемъ говорить, черезъ головы судей, передъ всей Россіей! Мнѣ кажется, что использовать судъ можно, печатая обвинительные акты съ рѣчами прокуроровъ, со всей подлой процедурой, съ обличеніемъ произвола. Все это можно сдѣлать за стѣнами суда. И лучше, если комитеты на другой день заявятъ: такіе то бойкотировали судъ и заклеймили его презрѣніемъ, чѣмъ если напечатать плохую рѣчь (а такія будутъ), произнесенную передъ продажной сволочью. Намъ скажутъ: все равно, дѣло безъ рѣчей и безъ адвокатовъ не обойдется. Вѣдь, случайно привлеченные захотятъ защищаться. Пусть ихъ, защищаются! Они будутъ фигурировать на судѣ не какъ революціонеры, не какъ члены партіи, а какъ обыватели. Революціонеръ обывателю не товарищъ. И трусливое трепыханіе случайнаго обывателя передъ „этимъ" судомъ только рѣзче оттѣнитъ гордое поведеніе революціонеровъ, если только они поставятъ себѣ за правило — не принимать участія въ этой гнусной комедіи. Это какъ разъ будутъ исключенія изъ того разряда, которые подтверждаютъ правило. Намъ скажутъ: чѣмъ вы поручитесь, что всѣ члены партіи, или большинство, согласится бойкотировать? Развѣ не всѣ говорятъ объ „отказѣ" отъ дачи показаній, а всѣ-ли отказываются? Разница громадная: 1) Ц. О., Ц. К. и комитеты должны предложить всѣмъ членамъ партіи провести бойкотъ, какъ лучшую мѣру и не только въ смыслѣ желательности, а въ смыслѣ необходимости. 2) не забывайте, что единообразную мѣру трудно провести, когда таскаютъ всѣхъ по одиночкѣ въ жандармскій застѣнокъ, и легко провести при совмѣстномъ участіи въ процессѣ, когда болѣе стойкіе и выдержанные могутъ взять дѣло въ свои руки. Я не сомнѣваюсь, что судьи и прокуроръ будутъ всячески провоцировать, уговаривать, грозить и т. д. Мы должны только отвѣчать молчаніемъ или, если хотите, отказомъ въ двухъ словахъ: „вы мнѣ не судьи — я вамъ не преступникъ". Отказываться — это ваше право, отказываясь, вы безнаказанно клеймите презрѣніемъ судъ и вырываете почву изъ-подъ ногъ у „особеннаго суда". Отказъ отъ суда это — борьба, рѣчи на судѣ, это — отказъ отъ борьбы съ гнусной комедіей.. Подчеркивая безнаказанность, я не аппелирую къ шкурному чувству. Дѣло идетъ о простомъ разсчетѣ, чтобы выгородиться для революціи: признать себя членомъ партіи передъ прохвостами, провоцирующими меня на это; или, не дѣлая никакихъ признаній, просто отказаться отъ всякихъ разговоровъ съ тѣми, за кѣмъ мы не признаемъ никакого права судить насъ и спрашивать съ насъ отчетъ въ нашей дѣятельности, и, можетъ быть, на свободу выйти и продолжать работать. Остается возразить на мнѣніе, имѣющее совмѣстить идею бойкота съ произнесеніемъ революціонныхъ рѣчей. Нѣкоторые товарищи, указывая на процессъ 193-хъ, полагаютъ, что можно проводить бойкотъ — не давать никакихъ отвѣтовъ на вопросы „судей", не заявлять даже о принадлежности къ партіи, — но нѣтъ смысла лишать права произнести революціонно-обличительную рѣчь тѣхъ, кто, по очевидной доказанности принадлежности къ партіи, все равно ничего не теряетъ отъ произнесенія рѣчи, а, чтобы устранить субъективный элементъ при рѣшеніи произнести рѣчь, роль каждаго въ процессѣ должна быть указана общимъ обсужденіемъ участниковъ процесса на основаніи обвинительнаго акта. Какъ уже сказано, рѣчи участниковъ процесса 193-хъ мы склонны считать тактической ошибкой, которая помѣшала провести до конца бойкотъ, предрѣшенный было до суда, и этотъ примѣръ насъ долженъ только заставить избѣжать такой же ошибки. Разъ допущены рѣчи, необходимо разрушать организацію бойкота, такъ какъ трудно удержаться отъ того, чтобы своей рѣчью не попытаться загладить возможные недостатки рѣчи товарища, если видишь, что рѣчь его не достигла цѣли, что опасный выстрѣлъ пропалъ даромъ, — трудно особенно въ томъ приподнятомъ настроеніи, которое вызовется атмосферой обрываемой предсѣдателемъ революціонной рѣчи. Мысль о распредѣленіи ролей тоже въ громадномъ большинствѣ случаевъ невыполнима: вѣдь, рѣчь теперь идетъ не о тѣхъ случаяхъ суда, которые были до сихъ поръ, когда на судѣ выступали или исключительно крупныя величины революціоннаго міра, или взятые при исключительныхъ обстоятельствахъ: (на демонстраціи, при типографіи, съ транспортомъ и т. п.), иногда роли рѣзко опредѣлялись самими обстоятельствами дѣла. Теперь какъ разъ подавляющее большинство процессовъ будетъ безцвѣтнымъ и по личному составу (по крайней мѣрѣ, внѣшне), и по внѣшнимъ обстоятельствамъ дѣла, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ намъ придется заявлять свою яркую революціонность для широкой публики впервые на судѣ, и самыя удачныя рѣчи въ этомъ случаѣ не произведутъ на публику такого впечатлѣнія, какое производятъ даже посредственныя рѣчи тѣхъ, о комъ она наслышалась до суда. Кромѣ того, по смутности данныхъ для обвиненія въ распредѣленіи ролей, неминуемо будетъ масса ошибокъ и тотъ, кто считаетъ себя даже по обв. акту погибшимъ, можетъ отдѣлаться пустякомъ, а другой неожиданно можетъ поплатиться жестоко. А потомъ и столковаться между собой участникамъ процессовъ далеко не во всѣхъ тюрьмахъ легко и удобно. Поэтому, въ выгодахъ революціоннаго движенія въ цѣломъ, въ выгодѣ чести партіи нужно сдѣлать молчаніе обязательнымъ.

Желательно, чтобы эти соображенія были выслушаны товарищами. Необходимо, не теряя времени, отвѣтить на вопросъ: говорить ли рѣчи, приглашать ли адвокатовъ, или объявить бойкотъ суду? Необходимо, чтобы участники процессовъ теперь же пришли къ опредѣленному рѣшенію и отвѣтили на этотъ вопросъ.

X.

ФАБРИЧНЫЕ СТАРОСТЫ И УРОКИ ПРОШЛАГО.

„Зубатовская политика" въ Россіи какъ будто потерпѣла крушеніе...

Попытка превратить промышленный пролетаріатъ страны въ баранье стадо, пасомое жандармами, принесла для хитроумнаго авантюриста прямо-таки ошеломляющіе по своей неожиданности результаты: едва начатое „легализаторами" движеніе моментально сходило съ легальныхъ рельсъ на почву политики, и подъ вліяніемъ революціонныхъ бациллъ неминуемо превращалось во внушительную антиправительственную демонстрацію..

Легализаторы чувствовали себя еще слишкомъ одинокими: Шаевичей (Одесса), Зиминыхъ, Цишевскихъ (Петербургъ), Афанасьевыхъ, Слѣповыхъ, Красивскихъ (Москва и прочихъ „добровольцевъ", неутомимыхъ поборниковъ неувядаемой славы Іуды Искаріотскаго, было все таки еще *сравнительно* ничтожное количество... Широкія полномочія, таинственныя „карточки", которыми въ изобиліи снабжались агенты Зубатова, наконецъ самые обильные потоки самаго „независимаго" краснорѣчія давали только обратные результаты: въ Одессѣ толпа рабочихъ, собранныхъ для „мирнаго обсужденія" „*только* экономической" стачки, уходила съ крикомъ „долой самодержавіе!" — и растерявшимся пропагандистамъ Охраннаго Отдѣленія оставалось бѣжать и докладывать по начальству о непостижимыхъ превратностяхъ судьбы благихъ начинаній жандармскихъ полковниковъ.

Не на шутку встревоженные необычайно-широко разлившейся лѣтомъ 1903 года грозной волной рабочаго движенія, самодержцы земли русской, сердито преткнувъ перстомъ фонтанъ зубатовскаго краснорѣчія, озабоченно завозились у колеса „законодательнаго механизма", а сконфуженный прожектеръ поспѣшилъ съ видомъ „пострадавшаго за идею" на нѣкоторое время удалиться съ арены отечественной исторіи...

И не успѣли еще догорѣть послѣднія нефтяныя вышки въ Баку, на страницахъ газетъ еще красовались корреспонденціи и телеграммы „о безпорядкахъ на югѣ", — немногочисленныя, правда, тщательно профильтрованныя, но и въ этомъ жалкомъ видѣ много говорящія сердцу россійскаго обывателя, — какъ „Правительственный Вѣстникъ" въ 100001-ый разъ заявилъ всему міру о новомъ актѣ безконечной заботливости русскаго монарха.

Съ быстротою молніи, миновавъ сотни различныхъ инстанцій „въ отмѣну и дополненіе подлежащихъ постановленій", опубликовывался новый законъ „о фабричныхъ старостахъ!..".

Дать „законную почву" провокаторамъ, систематизировать предательство и не мытьемъ, такъ катаньемъ дойти рабочее движеніе — вотъ основной тонъ новой мелодіи, которую затянулъ теперь правительственный граммофонъ.

„Шестая великая держава" затрубила о „новой эрѣ", въ „обществѣ", а главнымъ образомъ въ рабочей средѣ усиленно распускались слухи о „Высочайшемъ неудовольствіи" политикой Зубатова, его арестѣ (!) высылкѣ (!!) и т. п., но „имѣющій уши" могъ явственно слышать сквозь безбожно-фальшивые звуки „инструмента" незабвенный голосъ руководителя и вдохновителя этой самой политики, а сравнивъ новоиспеченный законъ съ знаменитой „*Инструкціей Совѣту механическихъ рабочихъ г. Москвы*", съ которой піонеры зубатовщины оперировали въ 1901-1902 гг. и на подлинникѣ которой значится: *утверждаю Г.-М. Треповъ, 1901 г.* — всякій немедленно и воочію убѣждался въ ихъ тѣснѣйшемъ родствѣ и самомъ трогательномъ сходствѣ...

И каждый сознательно относящійся къ своему положенію рабочій, внимательно прочитавъ текстъ новаго закона, долженъ былъ тотчасъ смекнуть, что черезчуръ заботливая „воля монаршая" не *колыбель*, а *гробъ* готовила рабочему движенію...

Въ какой нибудь другой странѣ, гдѣ народъ уже съумѣлъ заставить своихъ властителей видѣть въ словахъ „законъ" и „право" не только пустыя *слова*, — тамъ законодательство играетъ такую же роль въ борьбѣ пролетаріевъ, какую во время войны играютъ неровности почвы на полѣ военныхъ дѣйствій: если сегодня обстрѣливали съ какого нибудь холма, то завтра подъ его прикрытіемъ мы можемъ сами нанести значительный уронъ непріятелю, а затѣмъ, укрѣпившись на отбитыхъ позиціяхъ и соединившись для общей аттаки, перейти въ рѣшительное наступленіе и камня на камнѣ не оставить отъ непріятельскихъ твердынь...

Но у насъ, гдѣ все законодательство сводится къ простой и краткой, но чрезвычайно выразительной формулѣ — „*что хочу, то и ворочу*" — у насъ, гдѣ даже спеціалисту нѣтъ возможности разобраться въ этой безнадежной путаницѣ постановленій, узаконеній, циркуляровъ, взаимно другъ другу противорѣчащихъ, другъ друга исключающихъ—у насъ „рабочее законодательство" имѣетъ смыслъ и значеніе лишь въ видѣ необозримой сѣти „волчьихъ ямъ" и всевозможныхъ „капкановъ", разставленныхъ заботливой рукой самодержца на пути рабочаго класса къ своему освобожденію.

И вовсе не нужно быть „семи пядей во лбу", чтобы сообразить, что при самодержавіи выбирать „въ старосты" начальство „*позволитъ*" только такихъ, которые будутъ ему на руку, что вѣдь не зря же съ разрѣшенія и подъ покровительствомъ этого самаго начальства плодятся и множатся „независимцы" и что тогда только слѣдуетъ принимать участіе въ выборахъ, когда *на самомъ дѣлѣ* можно будетъ провести въ старосты *надежнаго* человѣка...

А это будетъ возможно лишь тогда, когда рабочіе дружной забастовкой, да еще въ горячее время, какъ слѣдуетъ проймутъ заводчика капиталиста, и когда поэтому заводское начальство станетъ поуступчивѣе да посговорчивѣе.

Тогда то вотъ и во-время будетъ напомнить ему о „новомъ законѣ"!

И выбранный тѣмъ временемъ „свой человѣкъ", юридически, такъ сказать, опираясь на коллективную волю выбравшихъ его, а фактически — давая нужное направленіе повседневной борьбѣ своихъ товарищей съ заводскимъ начальствомъ — можетъ и за короткое сравнительно время — многое сдѣлать въ смыслѣ выясненія рабочимъ данной фабрики ихъ интересовъ и организаціи для дружной *коллективной* ихъ защиты.

А что заводское начальство въ „горячее" время склонно сквозь пальцы смотрѣть на точное примѣненіе законовъ, — лишь бы только въ данную минуту не страдали его интересы — этому не мало примѣровъ въ исторіи нашего рабочаго движенія, и прекрасный случай такого рода мы можемъ найти въ знаменитой „Обуховской" стачкѣ.

Какъ извѣстно, она состояла изъ двухъ забастовокъ — 7 мая и 7 іюля.

Печальной памяти 7-ое мая, закончившееся разстрѣливаніемъ по приказу полковника К. Иванова безоружныхъ рабочихъ демонстрировавшихъ передъ его домомъ, принесло заводу громадные убытки: внезапная остановка огневыхъ металлургическихъ процессовъ дѣлала никуда не годными десятки тысячъ пудовъ дорогого металла...

Приходилось ломать гигантскія печи, чтобы извлечь оттуда застывшія глыбы стали. Кромѣ того заводу еще предстояла непріятная перспектива — лишиться сразу огромнаго количества опытныхъ и умѣлыхъ, спеціализировавшихся на сложной и трудной пушечной работѣ, рабочихъ. Все это заставило заводское начальство скоро выкинуть парламентерскій флагъ: на прилежащихъ къ заводу улицахъ появились объявленія за подписью начальника завода; въ нихъ рабочіе приглашались на работу, а для предъявленія ихъ требованій имъ предлагалось выбрать отъ каждой мастерской уполномоченныхъ, *которымъ обѣщалась неприкосновенность*.

Обуховцы вышли на работу и выбрали уполномоченныхъ, сообща выработавъ и представивъ заводскому начальству требованія, состоявшія изъ 14 пунктовъ. Уже по выходѣ на работу они получили значительную уступку „авансомъ": полковникъ

если бы англійскіе марксисты въ самомъ дѣлѣ начали добиваться удаленія Киръ Гарди и его товарищей, а съѣздъ сталъ внимательно разбирать основательность ихъ требованій. Пришлось бы назначить коммиссію для пересмотра всѣхъ изданій „Независимой Рабочей Партіи", для изученія ея программы и для наведенія точныхъ справокъ о томъ, что говорили въ тѣхъ или другихъ спорныхъ случаяхъ ея агитаторы. Словомъ, началось бы цѣлое слѣдствіе, и международный соціалистическій съѣздъ попалъ бы въ положеніе верховнаго судилища, произносящаго приговоры надъ еретиками. А онъ ни за что не захочетъ принять на себя такую роль[1]. Вотъ почему путанныя головы, подобныя Киръ Гарди, могутъ спокойно пропагандировать свой странный „соціализмъ", нисколько не опасаясь того, что передъ ними закроется дверь „международнаго парламента рабочихъ". „Независимая Рабочая Партія" не только допускается на съѣзды, но пользуется даже правомъ представительства въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

Такова психологія международныхъ съѣздовъ. Намъ, россійскимъ соціальдемократамъ, она давно извѣстна, и мы, равно какъ и соціальдемократы всѣхъ остальныхъ странъ, не могли не считаться съ нею. Когда, на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., мы потребовали удаленія представителя организаціи „соціалистовъ-ре-революціонеровъ", то мы поддерживали свое требованіе не тѣмъ соображеніемъ, что соціализмъ „соціалистовъ-революціонеровъ" очень сомнителенъ, а указаніемъ на тотъ фактъ, что названная организація имѣла слишкомъ ничтожные размѣры: она состояла, если память не обманываетъ меня, изъ шести или семи заграничныхъ студентовъ. И если съѣздъ удовлетворилъ наше желаніе, то единственно потому, что этотъ нашъ доводъ показался ему убѣдительнымъ. А если бы мы начали критиковать передъ съѣздомъ *взгляды* соціалистовъ-революціонеровъ, то онъ очень скоро положилъ бы конецъ нашимъ разсужденіямъ, объявивъ *ихъ неумѣстными, а себя некомпетентнымъ*. Ко времени парижскаго съѣзда 1900 г. соціалисты-революціонеры ни на вершокъ не подвинулись впередъ въ идейномъ отношеніи. Но ихъ организація нѣсколько выросла къ тому времени, и вслѣдствіе этого никому изъ насъ и въ голову не пришло поднимать въ Парижѣ вопросъ объ ихъ недопущеніи. Замѣтьте при этомъ, что, строго говоря, мы тогда уже имѣли право протестовать противъ присутствія делегатовъ отъ соціалистовъ-революціонеровъ. Брюссельская конференція 1899 г. рѣшила, что на международные съѣзды допускаются только такія общества, которыя признаютъ необходимость завоеванія политической власти *пролетаріатомъ, организованнымъ въ классовую партію*. Этимъ самымъ она поставила на видъ всѣмъ и каждому, что точка зрѣнія современнаго соціализма есть *пролетарская точка зрѣнія* и что въ средѣ представителей *этого* соціализма нечего дѣлать делегатамъ отъ тѣхъ организацій, которыхъ эта точка зрѣнія почему либо не удовлетворяетъ. Но къ числу этихъ послѣднихъ несомнѣнно и неоспоримо принадлежитъ организація соціалистовъ-революціонеровъ. Всѣ знакомые съ ихъ ученіемъ знаютъ, что они находятъ пролетарскую точку зрѣнія слишкомъ *узкой* и, — „широта ты, широта, окіянъ-море!" — дополняютъ ее точкой зрѣнія *крестьянства* и точкой зрѣнія *интеллигенціи*. Эти широкіе джентельмены хотятъ держаться сразу *трехъ* точекъ зрѣнія, Но, къ сожалѣнію, это „широкое" желаніе неосуществимо. Стоять въ одно и то же время на трехъ точкахъ зрѣнія также невозможно, какъ невозможно одному купцу одновременно ѣхать въ трехъ каретахъ. Поэтому „соціалисты-революціонеры" на самомъ дѣлѣ довольствуются *весьма узкой точкой зрѣнія мелкой буржуазіи*. Ясно, стало быть, что присутствіе ихъ делегатовъ на международномъ съѣздѣ 1900 г. *противорѣчило* постановленію, принятому годъ тому назадъ въ Брюсселѣ. Но послѣ всего вышесказаннаго читатель понимаетъ, что ни у кого изъ насъ не могло явиться охоты обнаруживать передъ парижскимъ съѣздомъ это противорѣчіе: мы и не спорили противъ принятія въ русскую секцію двухъ „соціально-революціонныхъ" делегатовъ, которые, — замѣчу мимоходомъ, — оказались рѣшительными и непреклонными сторонниками Жореса, какъ извѣстно, бывшаго отвѣтственнымъ издателемъ Мильерана, уже покрытаго тогда кровью рабочихъ Шалона и Мартиники. Не собирались мы воевать съ „с.-р.-ми" и въ Амстердамѣ. Мы сдѣлали бы большую и непростительную ошибку, если бы сказали бы хоть одно слово противъ ихъ присутствія на съѣздѣ. Съѣздъ, навѣрно, отклонилъ бы критическое разсмотрѣніе ихъ программы, а они стали бы на всѣ голоса и на всѣхъ крышахъ, на всѣхъ перекресткахъ кричать, что доброкачественность ихъ широкаго соціализма признана и засвидѣтельствована соціалистами всѣхъ странъ, что рѣшеніе нашего второго съѣзда, объявляющее ихъ партіей мелкой буржуазіи, признано неосновательнымъ и такъ далѣе, и такъ далѣе. А простяки, такъ охотно подставляющіе свои широкіе носы подъ цѣпкіе пальцы этихъ мастеровъ рекламы, внимали бы ихъ крикамъ и наивно радовались бы тому, что узкій порокъ потерпѣлъ, наконецъ, пораженіе, и что широкая добродѣтель была торжественно вознаграждена за всѣ полученныя ею отъ него оскорбленія. Зачѣмъ же намъ было вводить во искушеніе „малыхъ сихъ"?

Органъ „соціалистовъ-революціонеровъ" не вѣритъ тому, что у насъ не было намѣренія аттаковать ихъ въ Амстердамѣ. Это его дѣло. Но онъ плохо взвѣсилъ значеніе тѣхъ доводовъ, съ помощью которыхъ онъ хочетъ доказать, что мы совсѣмъ уже выступили въ походъ противъ нихъ и пробили отбой только потому, что увидѣли, какъ нѣжно любятъ ихъ, „соціалистовъ-революціонеровъ", соціальдемократы другихъ странъ. „*Рев. Россія*" вспоминаетъ о томъ, что послѣ всѣмъ извѣстнаго кенигсбергскаго процесса я напечаталъ въ центральномъ органѣ германской соціальдемократіи *статью противъ терроризма*. Такая моя статья, дѣйствительно, появилась въ указанномъ органѣ. Но я ее написалъ единственно потому, что въ Кенигсбергѣ много и неправильно говорилось объ отношеніи нашей партіи къ террору. Предстоявшій амстердамскій съѣздъ тутъ былъ рѣшительно не при чемъ[1]. Кромѣ того, „*Революціонная Россія*" приводитъ тѣ строки изъ статьи „Къ амстердамскому съѣзду", — напечатанной въ нашемъ 71 номерѣ, — въ которыхъ сказано, что мы будемъ отстаивать для россійской соціальдемократіи право на единственное представительство въ международной организаціи пролетаріата и выступимъ противъ безразличнаго отношенія соціалистовъ другихъ странъ къ нашимъ отечественнымъ „фракціямъ". Я согласенъ, что эти слова могли быть приняты гг. „соціалистами революціонерами" за нѣкій непріятный намекъ на нѣкую „нехватку" въ ихъ „соціалистической" программѣ. Но гдѣ же въ этихъ словахъ угроза добиваться удаленія со съѣзда „соціально-революціонныхъ" делегатовъ? Такой угрозы въ нихъ нѣтъ и слѣда! Въ нихъ прямо и недвусмысленно говорится только то, что мы считаемъ нашу партію единственной представительницей сознательнаго пролетаріата Россіи и готовы доказывать это, между прочимъ, и въ Амстердамѣ. Но намъ не пришлось доказывать это по той простой и *вполнѣ достаточной* причинѣ, что *тамъ никто не выразилъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ*. Правда, въ докладѣ, представленномъ амстердамскому съѣзду соціалистами-революціонерами", встрѣчаются очень „большія чудеса" на счетъ ихъ собственнаго отношенія къ пролетаріату. Но ни на засѣданіяхъ съѣзда, ни въ его коммиссіяхъ доклады никогда не подвергаются обсужденію, поэтому намъ оставалось, — и остается, — характеризовать этотъ докладъ въ печати, и гг. соц.-рев. могутъ быть увѣрены, что мы не забудемъ исполнить эту свою обязанность.

Къ чести „партіи соц.-рев." надо сказать, что хотя своимъ появленіемъ на международномъ *пролетарскомъ* съѣздѣ она стала въ очевидное противорѣчіе съ коренной основой своей программы, но во время работъ съѣзда она вела себя съ этой стороны благоразумно и за пролетарскую партію себя не выдавала. Ея представитель г. Рубановичъ, обнаружилъ, можно сказать, образцовую скромностью въ томъ единственномъ случаѣ, когда мы могли серьезно поспорить съ нимъ о томъ, кѣмъ представляется въ Амстердамѣ сознательный россійскій пролетаріатъ. Редакція „Революціонной Россіи" понимаетъ, что, говоря это, я имѣю въ виду пренія, происходившія по вопросу о правѣ „соціалистовъ-революціонеровъ" быть представленными въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро.

---

[1] Извѣстно, что отъ такой роли отказывался и „старый Интернаціоналъ", руководителемъ котораго былъ Марксъ. Когда Бакунинъ, основавшій въ Женевѣ свой „*Всесвѣтный Союзъ соціальной демократіи*", пригласилъ Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ высказаться по поводу его программы, то Совѣтъ отвѣтилъ, что въ его функціи не входитъ „судъ надъ теоретическими принципами программъ различныхъ секцій".

[1] Кстати, „Революціонная Россія" ликуетъ по поводу того, что „Vorwärts" обнаружилъ будто бы нѣкоторое сочувствіе къ терроризму. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ надо понимать его сочувствіе. Я посвящу этому особую замѣтку.

Ивановъ[1]) командировался начальникомъ завода въ Либаву, а въ разговорѣ съ уполномоченными отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово“, что Ивановъ и совсѣмъ подастъ въ отставку. Впереди же обуховцевъ ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворить своею властью, два же остальныхъ (8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1-го мая) пошлетъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливалось *рабочее представительство*.

Никто и не заикался о „законѣ“, а вѣдь по „закону“ у насъ вообще запрещается коллективный договоръ рабочихъ съ предпринимателемъ. И если нѣсколько дней назадъ начальство во имя этого закона приказывало стрѣлять боевыми патронами въ рабочихъ, осмѣлившихся *коллективно* протестовать противъ слишкомъ ужъ беззастѣнчивыхъ притѣсненій, то теперь, убѣдившись, *какъ убыточны* для него въ настоящую минуту всякія репрессивныя мѣры, — *оно само шло навстрѣчу этому самому коллективному договору* и дѣлало видъ, что забыло о существованіи воспрещающаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы“ мало вниманія обращали на свои беззаконія: они и раньше имѣли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законахъ лишь тогда, когда они для него удобны*: они не теряли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царствіе божіе: всякое распоряженіе большого и маленькаго заводского начальства подвергалось контролю представителей уполномоченныхъ, и роль заводскихъ мастеровъ, „погонялъ“ и „забѣгалъ“ всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч. — все устанавливалось лишь съ вѣдѣнія уполномоченныхъ...

Не скоро забудутъ обуховцы золотое времячко — май и іюнь 1901 года!..

Но... „что для рабочаго здорово — для начальства смерть!“

Предержащія власти завода скоро почувствовали себя очень „не по себѣ“ отъ всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя завоевали себѣ обуховцы, и попытались свести „на нѣтъ“ всѣ либеральныя установленія...

Но за два мѣсяца своего „господства“ обуховцы успѣли вырости: они теперь на опытѣ убѣдились въ великой силѣ солидарности, и сознаніе этой силы дѣлало ихъ совсѣмъ другими людьми.

На попытку — отнять ихъ вольности, они отвѣтили новой забастовкой, которая по организаціи *не оставляетъ желать ничего лучшаго*.

7-го іюля уполномоченные рабочихъ получили отъ начальника завода окончательный отвѣтъ относительно возвращенія на заводъ полковника Иванова: „честное офицерское слово“ не представляло никакой цѣнности, и реакція, въ лицѣ возвращающагося къ „исполненію своихъ обязанностей“ полковника карьериста, готовилась вступить въ свои права; съ его возвращеніемъ администрація переходила къ прежней своей политикѣ.

Получивъ въ девять часовъ утра отвѣтъ, что Ивановъ *не будетъ удаленъ*, уполномоченные вернулись съ этимъ сообщеніемъ въ свои мастерскія, а въ десять часовъ раздался заводскій свистокъ: обуховцы бастовали второй разъ...

Эта вторая забастовка производила прямо подавляющее впечатлѣніе выдержанностью бастовавшихъ рабочихъ: *вся семитысячная толпа покинула заводъ не болѣе, чѣмъ въ 15 минутъ*. Здѣсь какъ нельзя нагляднѣе сказалась вся могучая сила сознанія своей солидарности, добытая Обуховцами изъ двухмѣсячной *практики борьбы* за свои элементарныя права: какъ одинъ человѣкъ отозвались они теперь на новую перемѣну фронта въ политикѣ заводской администраціи, передъ ней снова стояло не стадо барановъ, подлежащихъ „елико возможной“ стрижкѣ, а семитысячная толпа людей, сознавшихъ свои интересы и готовыхъ биться за нихъ...

И бой грянулъ: начались безконечные, массовые аресты и высылки этапнымъ порядкомъ „на родину“. Но и въ тюрьмѣ не покидало обуховцевъ прекрасное, бодрое настроеніе: изъ переполненныхъ камеръ пересыльной петербургской тюрьмы цѣлый день раздавались пѣсни:

> Смѣло, друзья! Не теряйте
> Бодрость въ неравномъ бою!
> Родину-мать вы спасайте,
> Честь и свободу свою! —

слышалось изъ одной камеры, изъ другой въ отвѣтъ неслась передѣланная на свой ладъ „студенческая“:

> Безъ суда насъ осудили —
> Это въ моду ужъ вошло!..

Изъ третьей раскатисто гремѣла „любимая“ „своя“, написанная кѣмъ-то изъ Обуховцевъ:

> Прощай надолго, Петроградъ!
> Въ далекій путь идемъ мы смѣло:
> Вдали твоихъ злаченыхъ главъ
> Мы снова примемся за дѣло!

И дѣйствительно, не оставалось никакого сомнѣнія, что разосланные по „лицу земли родной“, они „снова примутся за дѣло“ отстаиванія своихъ интересовъ рука объ руку съ новыми товарищами, въ новой дружной борьбѣ.

На этомъ примѣрѣ изъ борьбы обуховцевъ за свои права мы можемъ прекрасно видѣть „никчемность“ закона о фабричныхъ старостахъ: вмѣсто того, чтобы *открыто и ясно признать за рабочими право сообща отстаивать отъ капиталистовъ свои интересы*, — онъ награждаетъ капиталистовъ правомъ вербовать себѣ полицію изъ „благоразумныхъ“ „независимцевъ“...

И этой безплодной попыткой „законодательствовать“ самодержавіе лишній разъ доказываетъ свою полную ненужность, непригодность къ существованію...

И не мы помѣшаемъ ему въ этомъ, въ сущности, невинномъ, занятіи: пусть, подсчитывая оставшіеся дни своего существованія, занимается оно перешиваніемъ Тришкиныхъ кафтановъ, да еще бѣлыми нитками.

Вѣди.

---

[1] Полковникъ К. Ивановъ — въ высшей степени беззастѣнчивый карьеристъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами. Его „политика“ и привела обуховцевъ къ забастовкѣ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На пути къ банкротству. Когда правительственная пресса начинаетъ безъ видимаго повода восхвалять „блестящее состояніе“ русскихъ финансовъ, это значитъ, что ведутся переговоры о займѣ. Когда восхваляется „устойчивость“ золотой валюты, нужно ждать новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. За послѣднее время достаточно было панегириковъ и „блестящему состоянію“, и „устойчивости“, а 300 милліон. рублей внѣшняго займа, 150 — внутренняго и 200 — новыхъ кредитокъ явились нагляднымъ доказательствомъ великолѣпія царскаго хозяйства. Однако, источникъ золотой благодати начинаетъ, повидимому, изсякать. Европейская биржа готова, пожалуй, съ снисходительной усмѣшкой поддакивать милымъ нововременскимъ дѣткамъ, восхваляющимъ ляоянское отступленіе какъ „блестящую побѣду“ и требующимъ чуть ли не иллюминаціи по этому поводу. Но давать деньги подъ залогъ такихъ „побѣдъ“, — это, конечно, другое дѣло. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, конецъ шуткамъ.

Говорятъ, царь заявилъ рѣшимость вести войну „до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля“. Нужно думать, народъ положитъ конецъ войнѣ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго солдата. До „послѣдняго“ же рубля, повидимому, не такъ уже далеко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, „совершенно секретный“ циркуляръ берлинскаго союза для охраны промышленныхъ интересовъ, попавшій въ руки одной нѣмецкой соціальдемократической газеты. Въ циркулярѣ этомъ настоятельно рекомендуется всѣмъ членамъ союза съ величайшею осторожностью брать на себя подряды на поставки русскому правительству, такъ какъ, напр., недавно одно русское правительственное установленіе не внесло своему поставщику срочныхъ платежей, и это повлекло за собою банкротство нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ — какихъ, русскихъ или нѣмецкихъ, циркуляръ не говоритъ. Затѣмъ сообщается, что одинъ русскій коммиссіонеръ, получившій большой заказъ для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вынужденъ былъ согласиться на разсрочку платежей. Въ широкихъ кругахъ, продолжаетъ циркуляръ, господствуетъ убѣжденіе, что Россія наканунѣ государственнаго банкротства; случаи торговой несостоятельности учащаются въ ужасающей прогрессіи и объясняются всегда русско-японской войной. Въ заключеніе циркуляръ еще разъ предостерегаетъ нѣмецкихъ купцовъ отъ сдѣлокъ съ русскимъ правительствомъ.

На пути къ банкротству! На пути къ „послѣднему рублю“!

Петербургъ. Назначеніе Святополка-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ является нѣсколько неожиданною, но далеко не новою ставкою въ безповоротно проигранной игрѣ русскаго самодержавія. Въ такихъ же, приблизительно, обстоятельствахъ и съ такими же цѣлями недавно былъ выдвинутъ другой генералъ — Ванновскій. Святополку предстоитъ теперь на болѣе обширномъ полѣ внутренней политики повторить опытъ, сдѣланный Ванновскимъ въ тѣсныхъ рамкахъ министерства народнаго просвѣщенія. Смыслъ этого опыта, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаковъ. Измученное собственными преступленіями самодержавіе пытается уклониться отъ политическаго разсчета моральнымъ покаяніемъ. Ежовыя рукавицы смѣняются сердечнымъ попеченіемъ. Но политическія задачи не разрѣшаются „хорошимъ обхожденіемъ“. Личная доброта можетъ счастливо уладить нѣкоторыя производныя осложненія политической борьбы, она можетъ отвлечь напряженное негодованіе отъ опредѣленнаго лица, обезпечить министра отъ бомбы террористовъ, но она не можетъ ослабить глубокаго революціоннаго движенія, выростающаго на классовомъ фундаментѣ. „Добрый“ министръ въ состояніи, конечно, принять въ университетъ исключеннаго студента, но онъ не въ состояніи „принять“ въ современное капиталистическое общество революціонера рабочаго, сознавшаго непримиримую противоположность своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ. И даже съ болѣе узкой, исключительно политической точки зрѣнія, тактика доброты и сердечнаго попеченія не обѣщаетъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Стремясь сохранить сущность самодержавнаго строя, она попытается добротою и сердечностью ослабить его гибельныя и жестокія проявленія. Но и въ области политики, повторяемъ, хорошее обхожденіе лишено творческой силы. Политическія болѣзни лѣчатся не моральными, а политическими лѣкарствами. И Святополкъ уже вынужденъ вступить на скользкую дорогу политическихъ уступокъ. Вѣрный песъ, направляемый Плеве на земство, Зиновьевъ, прекратилъ свои набѣги. Уже готовый докладъ о вятскомъ земствѣ, полный самыхъ злостныхъ обвиненій, пріостановленъ и, вообще, и вся эта кампанія противъ земскихъ учрежденій, повидимому, кончится полнымъ отступленіемъ правительства. Затѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ ходятъ упорные слухи о новомъ проектѣ „конституціи безъ конституціи“, будто бы созрѣвающемъ въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что государственный совѣтъ будетъ на половину пополненъ представителями общественныхъ учрежденій, дворянства, земства, и городовъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ будетъ избирать государственнаго канцлера, которому предоставляется право составлять кабинетъ министровъ. Этотъ проектъ, въ передачѣ „народной молвы“, слишкомъ смутенъ, чтобы можно было оцѣнить его по достоинству. Во всякомъ случаѣ, онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ вожделѣнія нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи и дворянства, возмущенныхъ и кровно обиженныхъ силою и властью „камарильи“, небольшой клики проходимцевъ, захватившихъ Николая и недававшихъ „ходу“ другимъ охотникамъ попользоваться государственнымъ пирогомъ. Быть можетъ, конечно, всѣ разговоры и слухи, столь обильные теперь въ Петербургѣ, не имѣютъ серьезныхъ основаній, но замѣчательно, что отношеніе къ нимъ въ кружкахъ, создающихъ „общественное мнѣніе“, показываетъ, какъ мы „созрѣли“ со времени блаженной памяти Ванновскаго. Тогда первая милостивая улыбка сверху вызвала потокъ холопскихъ чувствъ и наивно розовыхъ ожиданій. Теперь большинство иронически пожимаетъ плечами и глубокомысленно замѣчаетъ, что назначеніе Святополка — только жалкая попытка правительства уклониться отъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ. Печать, заливавшаяся соловьемъ по поводу самыхъ, выражаясь мягко, двусмысленныхъ приказовъ Ванновскаго, теперь постепенно „наглѣетъ“ и начинаетъ требовать свободы и либеральныхъ реформъ ворчливымъ и несговорчивымъ тономъ. Очевидно, Россія вступаетъ, съ помощью Каммуры и Куроки, въ тотъ рѣдкій въ настоящее время подъемъ общественнаго настроенія, когда революціонная агитація способна принести богатые обильные и плоды.

Харьковъ. Съ сильнымъ не борись! Въ началѣ іюля здѣсь произошла „исторія“, сильно взволновавшая нѣкоторые слои нашего „общества“. Дѣйствующія лица составляютъ „небольшую, но теплую компанію“: 1) воспитанникъ кадетскаго корпуса, князь С. Н. Святополкъ-Мирскій, (племянникъ нынѣ благополучно правящаго министра внутр. дѣлъ), жившій въ имѣніи своей матери близь Харькова; 2) М. А. Гаврихова, извѣстная харьковская шансонетная пѣвица, жившая тоже на дачѣ около Харькова и 3) студентъ харьковскаго университета Е. Шустовъ, не менѣе извѣстный среди мѣстнаго студенчества донъ-Жуанъ, онъ же контролеръ на Екатерининской жел. дор.

Какъ догадывается читатель, яблокомъ раздора послужила г-жа Гаврихова, плѣнившая одновременно сердца обоихъ ловеласовъ; какъ это ни странно, успѣхомъ пользовался студентъ, а князю было отказано. Но его сіятельство былъ не изъ уступчивыхъ и рѣшилъ, если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, отомстить. Задумано — сдѣлано.

Въ одну прекрасную іюльскую ночь, когда нашъ контролеръ сидѣлъ на ст. Люботинъ, ему подали записку отъ г-жи Гавриховой, въ коей она просила его немедленно пріѣхать къ ней на дачу на присланной за нимъ лошади. Шустовъ, конечно, тотчасъ же отправился. Но возлѣ дачи на плотинѣ на него кто-то набросился сзади на пролеткѣ и сталъ душить, кучеръ же скрылся. Кое-какъ бѣднягѣ удалось вырваться и погнать лошадь.

Однако, на дачѣ его ожидало нѣчто болѣе непріятное. Оказалось, что тамъ былъ Святополкъ-Мирскій, который побоями

По поводу полученія ими этого права революціонный органъ россійской мелкой буржуазіи затянулъ громкую побѣдную пѣснь, — нѣчто въ родѣ „тебѣ бога хвалимъ“. Самой бравурностью своего напѣва обнаруживаетъ ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „сѣверной Венеціи“ вплоть до той счастливой минуты, когда имъ было, наконецъ, объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ былъ не такъ великъ и, — главное, — не имѣлъ такого лестнаго для нихъ характера, какъ воображаетъ россійскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи, но не входящія въ составъ россійской соціалдемократической партіи, — напр., „партія“ соціалистовъ-революціонеровъ, литовскихъ соціалистовъ, Бундъ и т. д., — обратились въ Международное Соціалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельнаго представительства въ этомъ бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: однѣ изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности; другія на свои программно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но и тѣ, и другія ставили бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ двухъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи, во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціалдемократіи, то въ распоряженіи бюро находился только *одинъ* голосъ, на который явилось, по крайней мѣрѣ, *три* претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На этотъ вопросъ можно было отвѣтить знаменитымъ словомъ: „*достойнѣйшему*“. Но, чтобы найти достойнѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программы и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ Россіи организацій, а именно этого-то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи бюро, состоявшемся наканунѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи — *вмѣсто обычныхъ двухъ* голосовъ, — *три или четыре*. Но такое рѣшеніе создало бы новыя и при томъ еще большія трудности. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Р. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получится въ распоряженіи Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, при чемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣчалъ: „*наиболѣе сильной*“. Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи: *найти „достойнѣйшаго“*.

Когда оно принялось, наконецъ, рѣшать ее, представители Бунда и представитель „соціалистовъ-революціонеровъ“ были приглашены на его засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крайне неловкой рѣчи представитель Бунда, — неужели эта организація не могла выставить болѣе искуснаго оратора? — имѣлъ безтактность сказать, что его организація *потому* должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть удовлетворительно представлена уполномоченнымъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ“. Я *долженъ* былъ вступить въ споръ съ неумѣлымъ адвокатомъ Бунда и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, возникло нѣкоторое непріятное треніе (froissement), но что къ счастью мы все таки еще не „на ножахъ“. А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не соглашался съ нами въ какихъ-нибудь вопросахъ *программы* или *тактики*, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ, по его мнѣнію, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place à ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ-революціонеровъ. На мою рѣчь не возражалъ ни г. Рубановичъ, — упустившій такимъ образомъ прекрасный случай показать намъ, что его „партія“ также является представительницей пролетаріата[1]), — ни делегатъ отъ Бунда. Я не знаю, почему промолчалъ этотъ послѣдній; недавно мнѣ на одномъ публичномъ собраніи пришлось услышать, что онъ не отвѣчалъ мнѣ единственно потому, что предсѣдатель Бюро не далъ ему слова. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, *послѣ моей рѣчи* представитель Бунда, — сколько я помню, — бралъ слово *еще два раза*. Но если бы это было и не такъ, то странно, что онъ хранилъ такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ онъ чуть не на каждомъ словѣ прерывалъ представителя „соціалистовъ-революціонеровъ“, г. Рубановича, и не постѣснился прервать Р. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ какъ разъ то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ-то можно и должно было, мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембургъ, но что я тоже изложилъ дѣло неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ ими подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могъ судить, *въ пользу Бунда*: нѣкоторые члены бюро, высказывавшіеся прежде *противъ* него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать *его* право на представительство. Но вотъ всталъ вожакъ англійской соціальдемократіи Гайндмэнъ и въ чрезвычайно энергичной рѣчи опровергъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что какъ бы ни была сильна эта организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціальдемократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій и что, поэтому, давъ ей право представительства въ бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи націонализма. „Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-democratie russe“ (Бунду остается только войти въ россійскую соціальдемократію), — заключилъ Гайндмэнъ. Его аргументація сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндмэнъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда“. Да и самъ я не зналъ, что именно можно было бы возразить Гайндмэну.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ-революціонеровъ“ было подано 16 голосовъ, а за Бундъ семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмэна[1]).

Смыслъ всего этого эпизода тотъ, что хотя большинство членовъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партію соц.-рев.“, но спорное право представительства все таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять націоналистическія тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соц.-революціонеровъ“ очень напоминаетъ знаменитую *побѣду Пирра*.

Г. Плехановъ.

---

[1]) Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отрицаніе „соц.-революціонерами“ *пролетарской* точки зрѣнія и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже некстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи“. Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ *молчаніе — золото*.

[1]) Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соц.-революціонеровъ“ было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ меньше, — или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

Ивановъ¹) командировался начальникомъ завода въ Либаву, а въ разговорѣ съ уполномоченными отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово", что Ивановъ и совсѣмъ подастъ въ отставку. Впереди же обуховцевъ ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворить своею властью, два же остальныхъ — 8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1-го мая — пошлетъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливалось *рабочее представительство*.

Никто и не заикался о „законѣ", а вѣдь по „закону" у насъ вообще запрещается коллективный договоръ рабочихъ съ предпринимателемъ. И если нѣсколько дней назадъ начальство во имя этого закона приказывало стрѣлять боевыми патронами въ рабочихъ, осмѣлившихся *коллективно* протестовать противъ слишкомъ ужъ безцеремонныхъ притѣсненій, то теперь, убѣдившись, *какъ убыточны* для него въ настоящую минуту всякія репрессивныя мѣры, — *оно само шло навстрѣчу этому самому коллективному договору* и дѣлало видъ, что забыло о существованіи воспрещающаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы" мало вниманія обращали на свои беззаконія: они и раньше имѣли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законахъ лишь тогда, когда они для него удобны*; они не теряли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царствіе божіе: всякое распоряженіе большого и маленькаго заводского начальства подвергалось контролю представителей уполномоченныхъ, и роль заводскихъ мастеровъ, „погонялъ" и „заб[illegible]" всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч. — все устанавливалось лишь съ вѣдѣнія уполномоченныхъ...

Не скоро забудутъ обуховцы это свое времечко — май и іюнь 1901 года!..

Но... „что для рабочаго [illegible], то для начальства смерть!"

Предержащія власти завода скоро почувствовали себя очень „не по себѣ" [illegible] себѣ обуховцы и попытались свести „на нѣтъ" всѣ либеральныя установленія....

Но за два мѣсяца [illegible] обуховцы успѣли очень вырости: они теперь на опытѣ убѣдились въ великой силѣ солидарности, и сознаніе этой силы сдѣлало ихъ совсѣмъ другими людьми.

На попытку отнять ихъ [illegible] они отвѣтили новой забастовкой, которая по организаціи [illegible] *желать ничего лучшаго*.

7-го [illegible] уполномоченныхъ рабочихъ [illegible] начальника завода [illegible] на заводѣ [illegible] Иван[illegible] честное офицерское [illegible] представителями [illegible] ющагося [illegible] ериста [illegible] щемъ администраціи [illegible]

Получив[illegible] *будетъ уволенъ* [illegible] емъ въ [illegible] свистокъ [illegible]

Эта вторая забастовка [illegible] чатлѣніе [illegible] *сячная толпа* [illegible] Здѣсь [illegible] знанія своей [illegible] ной *практикѣ* [illegible] человѣкъ [illegible] политикѣ заводской администраціи, передъ ней снова стояло не стадо барановъ, [illegible] а семитысячная [illegible] товыхъ битвъ [illegible]

И бой [illegible] высылки [illegible] не покидалъ [illegible] переполненныхъ камеръ [illegible] день раздавалась [illegible]

[illegible]

сылались [illegible]

передѣлали [illegible]

---

¹) [illegible] стѣнившій [illegible] средствами [illegible]

Безъ суда насъ осудили —
Это въ моду ужъ вошло!..

Изъ третьей раскатисто гремѣла „любимая" „своя", написанная кѣмъ-то изъ Обуховцевъ:

Прощай надолго, Петроградъ!
Въ далекій путь идемъ мы смѣло:
Вдали твоихъ злаченыхъ главъ
Мы снова примемся за дѣло!

И дѣйствительно, не оставалось никакого сомнѣнія, что разсѣянные по „лицу земли родной", они „снова примутся за дѣло" отстаиванія своихъ интересовъ рука объ руку съ новыми товарищами въ новой дружной борьбѣ.

На этомъ примѣрѣ изъ борьбы обуховцевъ за свои права мы можемъ прекрасно видѣть „никчемность" закона о фабричныхъ старостахъ: вмѣсто того, чтобы *открыто и ясно признать за рабочими право союза отстаивать отъ капиталистовъ свои интересы*, — онъ награждаетъ капиталистовъ правомъ вербовать себѣ [illegible] „благоразумныхъ" „независимцевъ"...

И этой бездарной попыткой „законодательствовать" самодержавіе лишній разъ доказываетъ свою полную ненужность, непригодность къ существованію...

И не мы помѣшаемъ ему въ этомъ, въ сущности, невинномъ занятіи: пусть, подсчитывая оставшіеся дни своего существованія, занимается оно перешиваніемъ Тришкиныхъ кафтановъ, да еще бѣлыми нитками.

Вѣди.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На пути къ банкротству. Когда правительственная пресса начинаетъ безъ видимаго повода восхвалять „блестящее состояніе" русскихъ финансовъ, это значитъ, что ведутся переговоры о займѣ. Когда восхваляется „устойчивость" золотой валюты, нужно ждать новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. За послѣднее время достаточно было панегириковъ и „блестящему состоянію" и „устойчивости", а 300 миллион. рублей внѣшняго займа, 150 — внутренняго и 200 — новыхъ кредитокъ явились наглядными доказательствомъ великолѣпія царскаго хозяйства. Однако источникъ золотой благодати начинаетъ, повидимому, изсякать. Европейская биржа готова, пожалуй, съ снисходительной усмѣшкой потакивать мелкимъ нововременскимъ дѣткамъ, восхваляющимъ россійское отступленіе какъ „блестящую побѣду" и требующимъ чуть ли не иллюминаціи по этому поводу. Но давать деньги подъ залогъ такихъ „побѣдъ", — это, конечно, другое дѣло. [illegible] дѣло доходитъ до копейки, конецъ шуткамъ.

Говорятъ, царь заявилъ рѣшимость вести войну „до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля". Нужно думать, народъ положитъ конецъ войнѣ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго солдата, но „до послѣдняго" рубля, повидимому, не такъ уже далеко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, „совершенно секретный" циркуляръ берлинскаго союза для охраны промышленныхъ интересовъ, попавшій въ руки одной нѣмецкой социалдемократической газеты. Въ циркулярѣ этомъ настоятельно рекомендуется членамъ союза съ величайшею осторожностью брать на себя подряды и поставки русскому правительству [illegible] русское правительство [illegible] своему поставщику срочныхъ платежей и [illegible] банкротство нѣсколькихъ [illegible] русскихъ и нѣмецкихъ [illegible] циркуляръ [illegible] что одинъ русскій комми[illegible] случаи [illegible]

[illegible]

Петербургъ. [illegible] Мирскаго [illegible] министромъ [illegible]

разрѣшаются „хорошимъ обхожденіемъ". Личная доброта можетъ счастливо уладить нѣкоторыя производныя осложненія политической борьбы, она можетъ отвлечь напряженное негодованіе отъ опредѣленнаго лица, обезпечить министра отъ бомбы террористовъ, но она не можетъ ослабить глубокаго революціоннаго движенія, вырастающаго на классовомъ фундаментѣ. „Добрый" министръ въ состояніи, конечно, принять въ университетъ исключеннаго студента, но онъ не въ состояніи „принять" въ современное капиталистическое общество революціонера рабочаго, сознавшаго непримиримую противоположность своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ. И даже съ болѣе узкой, исключительно политической точки зрѣнія, тактика доброты и сердечнаго попеченія не обѣщаетъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Стремясь сохранить сущность самодержавнаго строя, она попытаться добротою и сердечностью ослабить его гибельныя и жестокія проявленія. Но и въ области политики, повторяемъ, хорошее обхожденіе лишено творческой силы. Политическія болѣзни лѣчатся не моральными, а политическими лѣкарствами. И Святополкъ уже вынужденъ вступить на скользкую дорогу политическихъ уступокъ. Вѣрный песъ, натравливаемый Плеве на земство, Зиновьевъ, прекратилъ свои набѣги. Уже готовый докладъ о вятскомъ земствѣ, полный самыхъ злостныхъ обвиненій, пріостановленъ и, вообще, и вся эта кампанія противъ земскихъ учрежденій, повидимому, кончится полнымъ отступленіемъ правительства. Затѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ ходятъ упорные слухи о новомъ проектѣ „конституціи безъ конституціи", будто бы созрѣвающемъ въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что государственный совѣтъ будетъ на половину пополненъ представителями общественныхъ учрежденій, дворянства, земства и городовъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ будетъ избирать государственнаго канцлера, которому предоставляется право составлять кабинетъ министровъ. Этотъ проектъ, въ передачѣ „народной молвы", слишкомъ смутенъ, чтобы можно было оцѣнить его по достоинству. Во всякомъ случаѣ, онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ вожделѣнія нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи и дворянства, возмущенныхъ и кровно обиженныхъ силою и властью „камарильи", небольшой клики проходимцевъ, захватившихъ Николая и недававшихъ „ходу" другимъ охотникамъ попользоваться государственнымъ пирогомъ. Быть можетъ, конечно, всѣ разговоры и слухи, столь обильные теперь въ Петербургѣ, не имѣютъ серьезныхъ основаній, но замѣчательно, что отношеніе къ нимъ въ кружкахъ, создающихъ „общественное мнѣніе", показываетъ, какъ мы „созрѣли" со времени блаженной памяти Ванновскаго. Тогда первая милостивая улыбка сверху вызвала потокъ холопскихъ чувствъ и наивно розовыхъ ожиданій. Теперь большинство иронически пожимаетъ плечами и глубокомысленно замѣчаетъ, что назначеніе Святополка — только жалкая попытка правительства уклониться отъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ. Печать, заливавшаяся соловьемъ по поводу самыхъ, выражаясь мягко, двусмысленныхъ приказовъ Ванновскаго, теперь постепенно „наглѣетъ" и начинаетъ требовать свободы и либеральныхъ реформъ ворчливымъ и несговорчивымъ тономъ. Очевидно, Россія вступаетъ, съ помощью Камимуры и Куроки, въ тотъ рѣдкій въ настоящее время подъемъ общественнаго настроенія, когда революціонная агитація способна принести богатые обильные и плоды.

Харьковъ. Съ сильнымъ не борись! Въ началѣ іюля здѣсь произошла „исторія", сильно взволновавшая нѣкоторые слои нашего „общества". Дѣйствующія лица составляютъ „небольшую, но теплую компанію": 1) воспитанникъ кадетскаго корпуса, князь С. Н. Святополкъ-Мирскій, (племянникъ нынѣ благополучно правящаго министра внутр. дѣлъ), жившій въ имѣніи своей матери близъ Харькова, 2) М. А. Гаврихова, извѣстная харьковская шансонетная пѣвица, живущая тоже на дачѣ около Харькова и 3) студентъ харьковскаго университета Е. Шустовъ, не менѣе извѣстный среди мѣстнаго студенчества донъ-Жуанъ, тоже контролеръ на Екатерининской жел. дор.

Какъ догадывается читатель, яблокомъ раздора послужила г-жа Гаврихова, плѣнившая одновременно сердца обоихъ ловеласовъ. [illegible] успѣхомъ пользовался студентъ, а юношѣ было отказано. Но его сіятельство былъ не изъ уступчивыхъ и рѣшилъ если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, отомстить [illegible]

Въ одну прекрасную польскую ночь, когда нашъ контролеръ [illegible] ему подали записку отъ г-жи Гавриховой [illegible] немедленно пріѣхать къ ней на дачу [illegible] за нимъ лошади. Шустовъ, конечно, тотчасъ же отправился. Но возлѣ дачи на плотинѣ на него кто-то набросился [illegible] и сталъ душить, кучеръ же [illegible] удалось вырваться и погнать лошадей.

[illegible] нѣчто болѣе непріятное. Оказалось [illegible] самъ былъ Святополкъ-Мирскій, который побоями

[illegible] россійской [illegible]

[illegible] своихъ [illegible] делегата [illegible]

[illegible]

[illegible] и при томъ [illegible] тельныхъ [illegible] думать [illegible] никать нельзя [illegible] получитъ [illegible] Международномъ Бюро [illegible] справедливому [illegible] Люксембургъ [illegible] графическій музей [illegible] совъ получится [illegible] отклоненъ, при чемъ [illegible] противъ него и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы въ такомъ случаѣ дать второй голосъ, я отвѣчалъ: „*наиболѣе сильной*". Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ сво-

[illegible] *вотомъ*, [illegible]

[illegible] революціонеровъ" были [illegible] Съ своей стороны [illegible] Бунда [illegible]

[illegible] *тактики* [illegible]

[illegible]

[illegible] пролетарской [illegible] вопроса. Г. Рубановичъ любитъ говорить кстати и некстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи". Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ *молчаніе — золото*.

[illegible] можно и должно [illegible] ошиблась пере[illegible] Люксембургъ, но что я тоже изложилъ дѣло неправильно [illegible] ни было представителей обѣихъ [illegible] послѣ данныхъ ими подроб[illegible] выйти, и Бюро стало подводить [illegible] Впечатлѣніе большинства было, сколько [illegible] *Бюро*, нѣкоторые члены бюро, высказались [illegible] *противъ* него [illegible] говорили мнѣ теперь, [illegible] на представительство. Но [illegible] социалдемократіи Гайндмэнъ и [illegible] претензіи Бунда. [illegible] была сильна [illegible] она выступила [illegible] рабочей партіи вслѣдствіе [illegible] и это. Поэтому, [illegible] мы оказались бы [illegible] „Le Bund n'a qu'a ren[illegible]" Бунду остается только [illegible] Гайндмэнъ [illegible] на Бюро нѣкоторые [illegible] голосовать за Бундъ, [illegible] голосовать противъ [illegible] что именно можно [illegible]

[illegible] революціонеровъ" было [illegible] Значитъ, не вѣдь таки [illegible] Гайндмэнъ.

[illegible] что хотя большинство [illegible] Бундъ какъ рабочую организацію, [illegible] чѣмъ „партію соц.-рев.", но спорное [illegible] все-таки досталось этой послѣдней, [illegible] международнаго пролетаріата не сочли [illegible] націоналистическія тенденціи Бунда.

[illegible] Но онъ можетъ утѣшить себя тѣмъ [illegible] побѣда „соціалистовъ-революціонеровъ" очень [illegible] *побѣду Пирра*.

Г. Плехановъ.

[illegible] Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, [illegible] за каждую изъ этихъ организацій [illegible] „соц.-революціонеровъ" было подано [illegible] за Бундъ меньше, или наоборотъ. [illegible] цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

Ивановъ[1]) командировался начальникомъ завода въ Либаву, а въ разговорѣ съ уполномоченными отъ рабочихъ начальникъ завода, Г. М. Власьевъ, далъ „честное офицерское слово“, что Ивановъ и совсѣмъ подастъ въ отставку. Впереди же обуховцевъ ожидали и еще большія уступки: въ торжественномъ засѣданіи съ уполномоченными отъ рабочихъ, на которомъ они предъявили ему свои требованія, Власьевъ заявилъ, что 12 пунктовъ изъ 14 онъ *принимаетъ* и можетъ удовлетворить своею властью, два же остальныхъ (8-ми часовой рабочій день и празднованіе 1-го мая) пошлетъ на разсмотрѣніе высшаго начальства.

Самымъ главнымъ было то, что съ этого времени на заводѣ устанавливалось *рабочее представительство*.

Никто и не заикался о „законѣ“, а вѣдь по „закону“ у насъ вообще запрещается коллективный договоръ рабочихъ съ предпринимателемъ. И если нѣсколько дней назадъ начальство во имя этого закона приказывало стрѣлять боевыми патронами въ рабочихъ, осмѣлившихся *коллективно* протестовать противъ слишкомъ ужъ беззастѣнчивыхъ притѣсненій, то теперь, убѣдившись, *какъ убыточны* для него въ настоящую минуту всякія репрессивныя мѣры, — *оно само шло навстрѣчу этому самому коллективному договору* и дѣлало видъ, что забыло о существованіи воспрещающаго этотъ договоръ закона.

Но „обуховцы“ мало вниманія обращали на свои беззаконія: они и раньше имѣли слишкомъ много случаевъ убѣдиться, что *начальство вспоминаетъ о законахъ лишь тогда, когда они для него удобны*: они не теряли времени, и скоро на обуховскомъ заводѣ водворилось настоящее царствіе божіе: всякое распоряженіе большого и маленькаго заводского начальства подвергалось контролю представителей-уполномоченныхъ, и роль заводскихъ мастеровъ, „погонялъ“ и „забѣгалъ“ всѣхъ сортовъ и чиновъ свелась къ ихъ нормальнымъ функціямъ. Сверхурочныя работы, расцѣнки и проч. — все устанавливалось лишь съ вѣдѣнія уполномоченныхъ...

Не скоро забудутъ обуховцы золотое времячко — май и іюнь 1901 года!..

Но... „что для рабочаго здорово — для начальства смерть!“

Предержащія власти завода скоро почувствовали себя очень „не по себѣ“ отъ всѣхъ тѣхъ вольностей, которыя завоевали себѣ обуховцы, и попытались свести „на нѣтъ“ всѣ либеральныя установленія...

Но за два мѣсяца своего „господства“ обуховцы успѣли вырасти: они теперь на опытѣ убѣдились въ великой силѣ солидарности, и сознаніе этой силы дѣлало ихъ совсѣмъ другими людьми.

На попытку — отнять ихъ вольности, они отвѣтили новой забастовкой, которая по организаціи *не оставляетъ желать ничего лучшаго*.

7-го іюля уполномоченные рабочихъ получили отъ начальника завода окончательный отвѣтъ относительно возвращенія на заводъ полковника Иванова: „честное офицерское слово“ не представляло никакой цѣнности, и реакція, въ лицѣ возвращающагося къ „исполненію своихъ обязанностей“ полковника-карьериста, готовилась вступить въ свои права; съ его возвращеніемъ администрація переходила къ прежней своей политикѣ.

Получивъ въ девять часовъ утра отвѣтъ, что Ивановъ *не будетъ удаленъ*, уполномоченные вернулись съ этимъ сообщеніемъ въ свои мастерскія, а въ десять часовъ раздался заводскій свистокъ: обуховцы бастовали второй разъ...

Эта вторая забастовка производила прямо подавляющее впечатлѣніе выдержанностью бастовавшихъ рабочихъ: *вся семитысячная толпа покинула заводъ не болѣе, чѣмъ въ 15 минутъ.* Здѣсь какъ нельзя нагляднѣе сказалась вся могучая сила сознанія своей солидарности, добытая Обуховцами изъ двухмѣсячной *практики борьбы* за свои элементарныя права: какъ одинъ человѣкъ отозвались они теперь на новую перемѣну фронта въ политикѣ заводской администраціи; передъ ней снова стояло не стадо барановъ, подлежащихъ „елико возможной“ стрижкѣ, а семитысячная толпа людей, сознавшихъ свои интересы и готовыхъ биться за нихъ...

И бой грянулъ: начались безконечные, массовые аресты и высылки этапнымъ порядкомъ „на родину“. Но и въ тюрьмѣ не покидало обуховцевъ прекрасное, бодрое настроеніе: изъ переполненныхъ камеръ пересыльной петербургской тюрьмы цѣлый день раздавались пѣсни:

Смѣло, друзья! Не теряйте
Бодрость въ неравномъ бою!
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою! —

слышалось изъ одной камеры изъ другой въ отвѣтъ неслась передѣланная на свой ладъ „студенческая“:

Безъ суда насъ осудили —
Это въ моду ужь вошло!..

Изъ третьей раскатисто гремѣла „любимая“ „своя“, написанная кѣмъ то изъ Обуховцевъ:

Прощай надолго, Петроградъ!
Въ далекій путь идемъ мы смѣло:
Вдали твоихъ злаченыхъ главъ
Мы снова примемся за дѣло!

И дѣйствительно, не оставалось никакого сомнѣнія, что разосланные по „лицу земли родной“, они „снова примутся за дѣло“ отстаиванія своихъ интересовъ рука объ руку съ новыми товарищами, въ новой дружной борьбѣ.

На этомъ примѣрѣ изъ борьбы обуховцевъ за свои права мы можемъ прекрасно видѣть „никчемность“ закона о фабричныхъ старостахъ: вмѣсто того, чтобы *открыто и ясно признать за рабочими право сообща отстаивать отъ капиталистовъ свои интересы*, — онъ награждаетъ капиталистовъ правомъ вербовать себѣ полицію изъ „благоразумныхъ“ „независимцевъ“...

И этой безплодной попыткой „законодательствовать“ самодержавіе лишній разъ доказываетъ свою полную ненужность, непригодность къ существованію...

И не мы помѣшаемъ ему въ этомъ, въ сущности, невинномъ, занятіи: пусть, подсчитывая оставшіеся дни своего существованія, занимается оно перешиваніемъ Тришкиныхъ кафтановъ, да еще бѣлыми нитками.

Вѣди.

---

[1] Полковникъ К. Ивановъ — въ высшей степени беззастѣнчивый карьеристъ, не останавливавшійся ни передъ какими средствами. Его „политика“ и привела обуховцевъ къ забастовкѣ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

На пути къ банкротству. Когда правительственная пресса начинаетъ безъ видимаго повода восхвалять „блестящее состояніе“ русскихъ финансовъ, это значитъ, что ведутся переговоры о займѣ. Когда восхваляется „устойчивость“ золотой валюты, нужно ждать новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. За послѣднее время достаточно было панегириковъ и „блестящему состоянію“, и „устойчивости“, а 300 милліон. рублей внѣшняго займа, 150 — внутренняго и 200 — новыхъ кредитокъ явились нагляднымъ доказательствомъ великолѣпія царскаго хозяйства. Однако, источникъ золотой благодати начинаетъ, повидимому, иссякать. Европейская биржа готова, пожалуй, съ снисходительной усмѣшкой поддакивать милымъ нововременскимъ дѣткамъ, восхваляющимъ ляоянское отступленіе какъ „блестящую побѣду“ и требующимъ чуть ли не иллюминаціи по этому поводу. Но давать деньги подъ залогъ такихъ „побѣдъ“, — это, конечно, другое дѣло. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, конецъ шуткамъ.

Говорятъ, царь заявилъ рѣшимость вести войну „до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля“. Нужно думать, народъ положитъ конецъ войнѣ раньше, чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго солдата. До „послѣдняго“ же рубля, повидимому, не такъ уже далеко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, „совершенно секретный“ циркуляръ берлинскаго союза для охраны промышленныхъ интересовъ, попавшій въ руки одной нѣмецкой соціальдемократической газеты. Въ циркулярѣ этомъ настоятельно рекомендуется всѣмъ членамъ союза съ величайшею осторожностью брать на себя подряды на поставки русскому правительству, такъ какъ, напр., недавно одно русское правительственное установленіе не внесло своему поставщику срочныхъ платежей, и это повлекло за собою банкротство нѣсколькихъ крупныхъ фирмъ — какихъ, русскихъ или нѣмецкихъ, циркуляръ не говоритъ. Затѣмъ сообщается, что одинъ русскій коммиссіонеръ, получившій большой заказъ для казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вынужденъ былъ согласиться на разсрочку платежей. Въ широкихъ кругахъ, продолжаетъ циркуляръ, господствуетъ убѣжденіе, что Россія наканунѣ государственнаго банкротства; случаи торговой несостоятельности учащаются въ ужасающей прогрессіи и объясняются всегда русско-японской войной. Въ заключеніе циркуляръ еще разъ предостерегаетъ нѣмецкихъ купцовъ отъ сдѣлокъ съ русскимъ правительствомъ.

На пути къ банкротству! На пути къ „послѣднему рублю“!

Петербургъ. Назначеніе Святополка-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ является нѣсколько неожиданною, но далеко не новою ставкою въ безповоротно проигранной игрѣ русскаго самодержавія. Въ такихъ же, приблизительно, обстоятельствахъ и съ такими же цѣлями недавно былъ выдвинутъ другой генералъ — Ванновскій. Святополку предстоитъ теперь на болѣе обширномъ полѣ внутренней политики повторить опытъ, сдѣланный Ванновскимъ въ тѣсныхъ рамкахъ министерства народнаго просвѣщенія. Смыслъ этого опыта, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаковъ. Измученное собственными преступленіями самодержавіе пытается уклониться отъ политическаго разсчета моральнымъ покаяніемъ. Ежовыя рукавицы смѣняются сердечнымъ попеченіемъ. Но политическія задачи не разрѣшаются „хорошимъ обхожденіемъ“. Личная доброта можетъ счастливо уладить нѣкоторыя производныя осложненія политической борьбы, она можетъ отвлечь напряженное негодованіе отъ опредѣленнаго лица, обезпечить министра отъ бомбы террористовъ, но она не можетъ ослабить глубокаго революціоннаго движенія, выростающаго на классовомъ фундаментѣ. „Добрый“ министръ въ состояніи, конечно, принять въ университетъ исключеннаго студента, но онъ не въ состояніи „принять“ въ современное капиталистическое общество революціонера рабочаго, сознавшаго непримиримую противоположность своихъ интересовъ съ интересами всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ. И даже съ болѣе узкой, исключительно политической точки зрѣнія, тактика доброты и сердечнаго попеченія не обѣщаетъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Стремясь сохранить сущность самодержавнаго строя, она попытается добротою и сердечностью ослабить его гибельныя и жестокія проявленія. Но и въ области политики, повторяемъ, хорошее обхожденіе лишено творческой силы. Политическія болѣзни лѣчатся не моральными, а политическими лѣкарствами. И Святополкъ уже вынужденъ вступить на скользкую дорогу политическихъ уступокъ. Вѣрный песъ, направляемый Плеве на земство, Зиновьевъ, прекратилъ свои набѣги. Уже готовый докладъ о вятскомъ земствѣ, полный самыхъ злостныхъ обвиненій, пріостановленъ и, вообще, и вся эта кампанія противъ земскихъ учрежденій, повидимому, кончится полнымъ отступленіемъ правительства. Затѣмъ въ петербургскихъ кружкахъ ходятъ упорные слухи о новомъ проектѣ „конституціи безъ конституціи“, будто бы созрѣвающемъ въ нѣдрахъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Говорятъ, что государственный совѣтъ будетъ на половину пополненъ представителями общественныхъ учрежденій, дворянства, земства, и городовъ. Въ такомъ составѣ совѣтъ будетъ избирать государственнаго канцлера, которому предоставляется право составлять кабинетъ министровъ. Этотъ проектъ, въ передачѣ „народной молвы“, слишкомъ смутенъ, чтобы можно было оцѣнить его по достоинству. Во всякомъ случаѣ, онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что выражаетъ вожделѣнія нѣкоторыхъ слоевъ бюрократіи и дворянства, возмущенныхъ и кровно обиженныхъ силою и властью „камарильи“, небольшой клики проходимцевъ, захватившихъ Николая и недававшихъ „ходу“ другимъ охотникамъ попользоваться государственнымъ пирогомъ. Быть можетъ, конечно, всѣ разговоры и слухи, столь обильные теперь въ Петербургѣ, не имѣютъ серьезныхъ основаній, но замѣчательно, что отношеніе къ нимъ въ кружкахъ, создающихъ „общественное мнѣніе“, показываетъ, какъ мы „созрѣли“ со времени блаженной памяти Ванновскаго. Тогда первая милостивая улыбка сверху вызвала потокъ холопскихъ чувствъ и наивно розовыхъ ожиданій. Теперь большинство иронически пожимаетъ плечами и глубокомысленно замѣчаетъ, что назначеніе Святополка — только жалкая попытка правительства уклониться отъ разрѣшенія жгучихъ вопросовъ. Печать, заливавшаяся соловьемъ по поводу самыхъ, выражаясь мягко, двусмысленныхъ приказовъ Ванновскаго, теперь постепенно „наглѣетъ“ и начинаетъ требовать свободы и либеральныхъ реформъ ворчливымъ и несговорчивымъ тономъ. Очевидно, Россія вступаетъ, съ помощью Каммуры и Куроки, въ тотъ рѣдкій въ настоящее время подъемъ общественнаго настроенія, когда революціонная агитація способна принести богатые обильные и плоды.

Харьковъ. Съ сильнымъ не борись! Въ началѣ іюля здѣсь произошла „исторія“, сильно взволновавшая нѣкоторые слои нашего „общества“. Дѣйствующія лица составляютъ „небольшую, но теплую компанію“: 1) воспитанникъ кадетскаго корпуса, князь С. Н. Святополкъ-Мирскій, (племянникъ нынѣ благополучно правящаго министра внутр. дѣлъ), жившій въ имѣніи своей матери близь Харькова; 2) М. А. Гаврихова, извѣстная харьковская шансонетная пѣвица, жившая тоже на дачѣ около Харькова и 3) студентъ харьковскаго университета Е. Шустовъ, не менѣе извѣстный среди мѣстнаго студенчества донъ-Жуанъ, онъ же контролеръ на Екатерининской жел. дор.

Какъ догадывается читатель, яблокомъ раздора послужила г-жа Гаврихова, плѣнившая одновременно сердца обоихъ ловеласовъ; какъ это ни странно, успѣхомъ пользовался студентъ, а князю было отказано. Но его сіятельство былъ не изъ уступчивыхъ и рѣшилъ, если не побѣдить, то, по крайней мѣрѣ, отомстить. Задумано — сдѣлано.

Въ одну прекрасную іюльскую ночь, когда нашъ контролеръ сидѣлъ на ст. Люботинъ, ему подали записку отъ г-жи Гавриховой, въ коей она просила его немедленно пріѣхать къ ней на дачу на присланной за нимъ лошади. Шустовъ, конечно, тотчасъ же отправился. Но возлѣ дачи на плотинѣ на него кто-то набросился сзади на пролеткѣ и сталъ душить, кучеръ же скрылся. Кое какъ бѣднягѣ удалось вырваться и погнать лошадь.

Однако, на дачѣ его ожидало нѣчто болѣе непріятное. Оказалось, что тамъ былъ Святополкъ-Мирскій, который побоями

По поводу полученія ими этого права революціонный органъ россійской мелкой буржуазіи затянулъ громкую побѣдную пѣснь, — нѣчто въ родѣ „тебѣ бога хвалимъ“, самой бравурностью своего напѣва обнаруживающую ту неувѣренность, съ которой делегаты этой партіи ѣхали въ Амстердамъ и которая не переставала мучить ихъ въ „сѣверной Венеціи“ вплоть до той счастливой минуты, когда имъ было, наконецъ, объявлено благопріятное для нихъ рѣшеніе. Однако, безпристрастный историкъ отмѣтитъ, что въ данномъ случаѣ успѣхъ соціалистовъ революціонеровъ былъ не такъ великъ и, — главное, — не имѣлъ такого лестнаго для нихъ характера, какъ воображаетъ россійскій органъ мелкобуржуазнаго соціализма.

Дѣло было такъ. Въ промежутокъ времени, отдѣлявшій парижскій съѣздъ отъ амстердамскаго, нѣкоторыя организаціи, дѣйствующія въ Россіи, но не входящія въ составъ россійской соціальдемократической партіи, — напр., „партія“ соціалистовъ-революціонеровъ, литовскихъ соціалистовъ, Бундъ и т. д., — обратились въ Международное Соціалистическое Бюро съ просьбой дать имъ право самостоятельнаго представительства въ этомъ бюро. Просьба эта обосновывалась различными организаціями различно: однѣ изъ нихъ ссылались на свои національныя особенности; другія на свои програмно-тактическія или организаціонныя разногласія съ нашей партіей, но и тѣ, и другія ставили бюро въ одинаково затруднительное положеніе. Такъ какъ одинъ изъ двухъ голосовъ, приходящихся на долю Россіи, во всякомъ случаѣ принадлежитъ россійской соціальдемократіи, то въ распоряженіи бюро находился только *одинъ* голосъ, на который явилось, по крайней мѣрѣ, *три* претендента. Кому онъ долженъ былъ достаться? На этотъ вопросъ можно было отвѣтить знаменитымъ словомъ: „*достойнѣйшему*“. Но, чтобы найти достойнѣйшаго, нужно было бы войти въ разсмотрѣніе программы и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ въ Россіи организацій, а именно этого-то и хотѣло избѣгнуть Бюро, слѣдуя указанному мною выше обыкновенію международныхъ съѣздовъ. Что же ему оставалось дѣлать? Въ засѣданіи бюро, состоявшемся наканунѣ открытія амстердамскаго съѣзда, В. Адлеръ предложилъ дать Россіи — *вмѣсто* обычныхъ *двухъ* голосовъ, — *три или четыре*. Но такое рѣшеніе создало бы новыя и при томъ еще большія трудности. Въ Россіи много дѣйствительныхъ и не мало мнимыхъ національностей, и есть основанія думать, что въ ея революціонной средѣ долго еще будутъ возникать независимыя организаціи. Неужели каждая изъ нихъ получитъ особый голосъ въ Международномъ Бюро? Но, по справедливому замѣчанію Р. Люксембургъ, Бюро не этнографическій музей. И гдѣ же мы остановимся? Сколько голосовъ получится въ распоряженіи Россіи? Проектъ Адлера былъ отклоненъ, при чемъ я, съ своей стороны, голосовалъ противъ него и на вопросъ того же Адлера, какой изъ россійскихъ организацій должны мы, въ такомъ случаѣ, дать второй голосъ, я отвѣчалъ: „*наиболѣе сильной*“. Затѣмъ пренія по этому вопросу прекратились, и Бюро въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ засѣданій вынуждено было взяться за рѣшеніе трудной и щекотливой для него задачи: *найти „достойнѣйшаго“*.

Когда оно принялось, наконецъ, рѣшать ее, представитель Бунда и представитель „соціалистовъ революціонеровъ“ были приглашены на его засѣданіе для объясненій. Въ своей краткой и крайне неловкой рѣчи представитель Бунда, — неужели эта организація не могла выставить болѣе искуснаго оратора? — имѣлъ безтактность сказать, что его организація *потому* должна имѣть особый голосъ въ Бюро, что она не можетъ быть удовлетворительно представлена уполномоченнымъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи, изъ которой она выступила и съ которой она теперь „на ножахъ“. Я *долженъ* былъ вступить въ споръ съ неумѣлымъ адвокатомъ Бунда и я сказалъ, что такъ какъ его организація выступила изъ нашей партіи, то благодаря этому въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, несомнѣнно, возникло нѣкоторое непріятное треніе (froissement), но что къ счастью мы все таки еще не „на ножахъ“. А что касается разногласій, существующихъ между нашей партіей и Бундомъ, то я замѣтилъ, что этотъ послѣдній выступилъ изъ нашей организаціи не потому, что онъ не согласился съ нами въ какихъ нибудь вопросахъ *программы* или *тактики*, а потому, что уставъ нашей партіи не оставлялъ, по его мнѣнію, достаточно мѣста для его болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій (que le statut de notre parti ne laissait pas assez de place à ses tendances plus ou moins nationalistes). Наконецъ, я счелъ себя обязаннымъ по совѣсти прибавить, что, какъ организація рабочихъ, Бундъ несравненно сильнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ партія соціалистовъ революціонеровъ. На мою рѣчь не возражалъ ни г. Рубановичъ, — упустившій такимъ образомъ прекрасный случай показать намъ, что его „партія“ также является представительницей пролетаріата[1], — ни делегатъ отъ Бунда. Я не знаю, почему промолчалъ этотъ послѣдній; недавно мнѣ на одномъ публичномъ собраніи пришлось услышать, что онъ не отвѣчалъ мнѣ единственно потому, что предсѣдатель Бюро не далъ ему слова. Но этотъ доводъ не выдерживаетъ критики. Во-первыхъ, *послѣ моей рѣчи* представитель Бунда, — сколько я помню, — бралъ слово *еще два раза*. Но если бы это было и не такъ, то странно, что онъ хранилъ такое глубокое молчаніе во время моей рѣчи, между тѣмъ какъ онъ чуть не на каждомъ словѣ прерывалъ представителя „соціалистовъ революціонеровъ“, г. Рубановича, и не постѣснился прервать Р. Люксембургъ, когда она не совсѣмъ точно перевела на нѣмецкій языкъ какъ разъ то мѣсто моей рѣчи, гдѣ я говорилъ о причинахъ, побудившихъ Бундъ разорвать съ нашей партіей: тутъ-то можно и должно было, мнѣ кажется, кстати уже крикнуть, что хотя ошиблась переводившая меня Р. Люксембургъ, но что я тоже изложилъ дѣло неправильно. Какъ бы тамъ ни было, представителей обѣихъ добивавшихся голоса организацій, послѣ данныхъ ими подробныхъ объясненій, попросили выйти, и Бюро стало подводить итогъ ихъ доводамъ. Впечатлѣніе большинства было, сколько я могъ судить, *въ пользу Бунда*: нѣкоторые члены бюро, высказывавшіеся прежде *противъ* него, прямо говорили мнѣ теперь, что они будутъ отстаивать *его* право на представительство. Но вотъ всталъ вожакъ англійской соціальдемократіи Гайндмэнъ и въ чрезвычайно энергичной рѣчи опровергъ претензіи Бунда. Смыслъ его словъ сводился къ тому, что какъ бы ни была сильна эта организація по своему вліянію на рабочихъ, она выступила изъ россійской соціальдемократической рабочей партіи вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій и что, поэтому, давъ ей право представительства въ бюро, мы оказались бы виновными въ поощреніи націонализма. „Le Bund n'a qu'à rentrer dans la social-democratie russe“ (Бунду остается только войти въ россійскую соціальдемократію) — заключилъ Гайндмэнъ. Его аргументація сильно подѣйствовала на Бюро: нѣкоторые члены этого послѣдняго, собиравшіеся голосовать за Бундъ, шепнули мнѣ: „Гайндмэнъ правъ, мы должны голосовать противъ Бунда“. Да и самъ я не зналъ, что именно можно было бы возразить Гайндмэну.

Въ концѣ концовъ за „соціалистовъ революціонеровъ“ было подано 16 голосовъ, а за Бундъ семь. Значитъ не всѣхъ таки убѣдила рѣчь Гайндмэна[1].

Смыслъ всего этого эпизода тотъ, что хотя большинство членовъ Бюро и признало Бундъ, какъ рабочую организацію, болѣе сильной и вліятельной, чѣмъ „партію соц.-рев.“, но спорное право представительства все таки досталось этой послѣдней, такъ какъ представители международнаго пролетаріата не сочли возможнымъ поощрять націоналистическія тенденціи Бунда.

Бундъ былъ побѣжденъ. Но онъ можетъ утѣшить себя тѣмъ соображеніемъ, что побѣда „партіи соц.-революціонеровъ“ очень напоминаетъ знаменитую *побѣду Пирра*.

Г. Плехановъ.

---

[1] Онъ, очевидно, понялъ, что малѣйшее возраженіе съ его стороны дало бы мнѣ поводъ обратить вниманіе Бюро на отрицаніе „соц.-революціонерами“ *пролетарской* точки зрѣнія и что тогда, пожалуй, трудно было бы отклонить разсмотрѣніе этого вопроса. Г. Рубановичъ любитъ поговорить кстати и даже некстати о широкихъ стремленіяхъ своей „партіи“. Но онъ знаетъ, что есть обстоятельства, при которыхъ *молчаніе — золото.*

[1] Прошу читателя замѣтить, что я не помню въ точности, сколько именно голосовъ подано за каждую изъ этихъ организацій: возможно, что за „соц.-революціонеровъ“ было подано однимъ голосомъ больше, а за Бундъ меньше, — или наоборотъ. Точныя цифры записаны, вѣроятно, секретаремъ Бюро.

заставилъ Гавриховy вызвать запиской Шустова. Едва послѣдній вошелъ въ комнату, какъ, по приказанію князя, на студ. набросилось человѣкъ 5 6 пьяныхъ субъектовъ-служителей князя, которые повалили его на полъ и звѣрски избили его. Самъ его сіятельство съ нагайкой въ одной рукѣ и кастетомъ въ другой, руководилъ истязаніемъ.

Минутъ 30 длилось истязаніе, подробности котораго неудобно описывать въ печати. Бѣдняга потерялъ память и очнулся въ истерзанномъ видѣ въ другой комнатѣ. Здѣсь князь потребовалъ отъ Шустова подписать бумагу о томъ, что онъ — Шустовъ — къ князю никакихъ претензій не имѣетъ. При этомъ несчастную жертву обступила опять пьяная ватага и грозила побоями, а князь, съ пѣной у рта, кричалъ: „Жалуйтесь на меня, кому хотите. Свидѣтелей нѣтъ. Я — князь. У меня протекція. Я никого не боюсь. Хозяинъ будетъ молчать: онъ спитъ.“ Бѣдняга долженъ былъ подписать бумагу и дать честное слово не стрѣлять въ князя и не жаловаться на него.

Потомъ его поволокли съ дачи и бросили гдѣ то на краю деревни. Несчастный еле дотащился до своей дачи, пригласилъ врачей и пролежалъ недѣлю въ постели. Дѣлу былъ данъ „законный“ ходъ: мать потерпѣвшаго отправилась въ Питеръ жаловаться на князя „высшему“ начальству, но встрѣтила суровый отказъ и возвратилась во свояси, не солоно хлебавши, такъ какъ въ Питерѣ начальство знало, что мин. внутр. дѣлъ будетъ назначенъ дядюшка „нашалившаго“ племянника. Студентъ подалъ тогда жалобу мѣстному прокурору. Дѣло было передано молодому слѣдователю: тотъ энергично взялся за дознаніе. Но... тутъ вмѣшались „соображенія высшаго порядка“: Гаврихова была выслана губернаторомъ въ 24 часа изъ Харькова, „дѣло“ было изъято изъ рукъ судебной власти, а рьяный слѣдователь получилъ нагоняй...

Невинно пострадавшему герою остается теперь, очевидно, надѣяться на „гуманность“ дядюшки-министра внутрен. дѣлъ, громко возвѣщенную нашей легальной прессой.

Въ письмѣ изъ Варшавы пишутъ: „Настроеніе здѣсь очень возбужденное. Всюду и вездѣ толкуютъ о войнѣ. Отъ обывателей, которыхъ далеко нельзя причислять къ либераламъ, приходится слышать такія фразы: „Ну, мы, простые обыватели, могли и не знать, что такое Японія и каковы ея силы, могли быть увѣрены въ скорой побѣдѣ; ну, а ужъ тамъ то, на верхахъ, должны были знать и все разсчитать“. Озлобленность населенія растетъ. Нигдѣ не встрѣчается никакого довѣрія даже и къ оффиціальнымъ сообщеніямъ, а не только газетнымъ кликушамъ, увѣряющимъ, что всѣ пораженія русской арміи входили въ планъ Главнаго Штаба, чуть ли не вплоть до гибели русскихъ адмираловъ и разоруженія русскихъ судовъ. Все это, и голодовку въ арміи, и десятки тысячъ жизней, и отнятыя территоріи — все обыватель ставитъ въ счетъ „верхамъ“...

Вообще, обыватель начинаетъ понемногу чувствовать себя человѣкомъ. Онъ толкуетъ и рядитъ обо всемъ, даже либералы нигдѣ уже не закрываютъ ставни, когда мечтаютъ о лучшемъ будущемъ. Вотъ очень характерный фактъ. Когда обсуждался вопросъ о пожертвованіяхъ среди адвокатовъ одного суда, то изъ значительнаго количества лицъ, лишь двое высказались за пожертвованіе, потому что, молъ, неудобно отказать, тогда какъ одинъ престарѣлый адвокатъ заявилъ, что онъ, какъ предсѣдатель, снимаетъ этотъ вопросъ съ очереди, и, какъ убѣжденный республиканецъ, не даетъ ни одной копѣйки въ помощь монархіи.

„Доброхотными“ пожертвованіями возмущается даже и чиновничество. Вездѣ слышно о мирѣ, на какихъ угодно условіяхъ, лишь бы онъ былъ заключенъ, какъ можно скорѣе.“

Гомель. 7 го сентября проѣзжали черезъ Гомель солдаты по пути на Дальній Востокъ. Какъ только ихъ выпустили съ вокзала, солдаты бросились грабить ближайшія лавки. Брали только съѣстное: колбасу, булки, сахаръ, чай и т. п. Евреи, конечно, испугались и начали запирать лавки, опасаясь повторенія погрома, но, увидѣвъ, что забирается только годное для ѣды и что находящіяся тутъ же русскія лавки подверглись той же участи, успокоились.

Говорятъ, солдаты не позабыли заглянуть въ „казенку“. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о состояніи продовольственнаго дѣла въ арміи.

Въ ночь съ 29 на 30 августа арестована типографія мѣстнаго комитета Бунда. Взято три человѣка.

Юзовка 1 сентяб. Вчера была частичная (артиллерійская и кавалерійская) мобилизація. Завтра запасныхъ погонятъ, всего до 300 чел. Очень многіе бѣжали. Наскоро (мы узнали о мобилизаціи за сутки) приготовили листокъ и гектографски отпечатали. Встрѣченъ хорошо. Черезъ недѣлю или двѣ возьмутъ пѣхоту, до 3000 чел. Тогда нуженъ будетъ листокъ и возможны волненія. Уже сегодня отдѣльныя группы, на улицахъ довольно рѣзко говорили о войнѣ — а это сѣрые.

Екатеринославъ. По случаю мобилизаціи, согнали сюда 35 т. запасныхъ, въ числѣ ихъ много было евреевъ. 600 чел. изъ евреевъ исчезли. По городу начали ходить слухи, что евреи высылаютъ своихъ родственниковъ въ бочкахъ за-границу, выдаютъ за умершихъ и т. д. Все это, въ связи съ тѣмъ, что во время закрытія монополіи водка продавалась запаснымъ по страшной цѣнѣ (полбутылки за 1 руб.) *вызвало возмущеніе среди солдатъ.* Они съ свистомъ и крикомъ ходятъ по городу, лупятъ, кого попало, врываются въ дома, заставляютъ прохожихъ показывать кресты и т. д. 6 евреевъ звѣрски зарѣзано (?). Солдаты останавливаютъ трамвай, выгоняютъ публику и требуютъ, чтобы ихъ катали. Разбито нѣсколько монополій. Полиціймейстеръ, пытавшійся уговорить толпу, избитъ; студентъ, хотѣвшій распространить прокламаціи, избитъ до полусмерти. Евреямъ запрещено показываться на улицахъ. Противъ „бунтовщиковъ“ не принимается никакихъ мѣръ, только стараются ихъ поскорѣе сплавить „на поле брани“. На улицу нельзя выходить, не опасаясь подвергнуться насилію.

Новочеркасскъ. Въ ночь съ 6 на 7 августа здѣсь были распространены очень удачно и въ большомъ количествѣ прокламаціи Донского Комитета къ казакамъ, отправляющимся на Дальній Востокъ. Нѣкоторыя улицы на окраинахъ были буквально усыпаны листками. Много листковъ было роздано на базарѣ, откуда они разошлись по всему городу. Какъ курьезъ, передаютъ, что одна кухарка, получивъ нѣсколько прокламацій и вообразивъ, что это что-нибудь „душеспасительное“, начала ихъ раздавать встрѣчнымъ. Полиція усердно ищетъ какого-то старика, якобы, раздавшаго много листковъ. Арестовано трое рабочихъ: у одного изъ нихъ, по фамиліи Зеленскаго, найдено 86 экз. прокламацій, и онъ сидитъ при полиціи; другіе двое освобождены.

16 августа на станцію Персіяновку (въ 12 верстахъ отъ города) пріѣзжалъ царь, „благословить“ войска, отправляющіяся на Дальній Востокъ. Дня за четыре передъ этимъ полиція начала усердствовать: произвела нѣсколько обысковъ, 8 человѣкъ арестовала на 4 дня, нѣсколькихъ лицъ заставила являться въ полицію по четыре раза въ день, и довольно многихъ обязала подпиской о невыѣздѣ. Всѣ эти мѣры вызвали большое раздраженіе.

Подробности пребыванія высочайшаго гастролера еще неизвѣстны. Могу пока сообщить только одинъ весьма темный, но характерный слухъ: говорятъ, какая-то женщина бросилась на встрѣчу Николаю и кричала: „царь, прекрати войну“, пока ее не оттащили.

Передаютъ также — за достовѣрность не ручаюсь — что въ лагеряхъ также были распространены прокламаціи, и такъ какъ тамъ въ это время находились жены и родственники призванныхъ казаковъ, то листки были завезены ими въ нѣкоторыя станицы.

Витебскъ. Несмотря на то, что нашъ городъ не является крупнымъ промышленнымъ центромъ, здѣсь имѣются цѣлыхъ 3 революціонныя организаціи: комитетъ Бунда, группа соц.-рев. и группа Р. С.-Д. Р. П. (перечисляю ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ возникновенія). Изъ этихъ 3-хъ организацій я остановлюсь на послѣдней, съ дѣятельностью которой мнѣ и хотѣлось бы познакомить читателей „Искры“.

Возникла эта группа вскорѣ послѣ II-го съѣзда Партіи, такъ какъ многіе изъ организованныхъ бундовскихъ рабочихъ были недовольны позиціей, занятой бундомъ на II съѣздѣ, а особенно выходомъ его изъ Партіи, и около 30 человѣкъ сразу примкнуло къ вновь образовавшейся группѣ, образовавши такимъ образомъ ея ядро. Само собой разумѣется, что группа не считала цѣлью своей дѣятельности отвлеченіе силъ отъ бундовскаго комитета, а постаралась распространить свое вліяніе на другихъ рабочихъ, еще мало задѣтыхъ прежней пропагандой и агитаціей, и особенно на рабочихъ христіанъ, которые, по тѣмъ или другимъ причинамъ, остались внѣ сферы вліянія бунда. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ одинъ товарищъ, рабочій, чрезвычайно способный агитаторъ и организаторъ, которому и удалось установить первыя прочныя связи съ рабочими христіанами и вовлечь, между прочимъ, въ мѣстное движеніе желѣзнодорожныхъ рабочихъ (пока ихъ считается 700 чел., но съ проведеніемъ новой жел. дор. число это увеличится до 4.000). Рабочее населеніе города состоитъ изъ: ремесленниковъ (большею частью, евреи), рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ — немногочисленныхъ и незначительныхъ (преимущественно христіане, а на фабрикахъ исключительно христіане) и рабочихъ желѣзно-дорожныхъ (также христіане). Благодаря специфическимъ условіямъ жизни сѣверо-западнаго края и многолѣтней революціонной дѣятельности бунда, тамъ, если можно такъ выразиться, атмосфера уже насыщена крамолой и въ этомъ отношеніи условія для работы тамъ очень благопріятны. Въ самомъ дѣлѣ, интересъ рабочихъ къ правдивому слову революціонера и нелегальной книгѣ — громадны, спросъ на „литературу“ сравнительно значительный, стремленіе рабочихъ организовываться проявляется даже среди мало задѣтыхъ рабочихъ. Но, къ прискорбію, здѣсь повторяется уже давно отмѣченное нашей печатью явленіе, что „ростъ стихійнаго развитія рабочаго движенія далеко опережаетъ ростъ соціальдемократическихъ организацій“, почему и мѣстная группа далеко не можетъ использовать все возрастающую революціонную энергію, не можетъ удовлетворить мѣстные запросы, не можетъ въ надлежащей степени расширить и углубить все болѣе и болѣе пробуждающееся сознаніе массъ. Немало, конечно, вредятъ въ этомъ отношеніи и общепартійныя неурядицы, такъ вредно отзывающіяся на работоспособности центральныхъ организацій и чрезвычайно тормозящія ходъ работы на мѣстахъ. Недостатокъ хорошо подготовленныхъ руководителей (особенно профессіональныхъ революціонеровъ), недостатокъ литературы, недостатокъ, наконецъ, матеріальныхъ средствъ, всѣ эти недостатки, составляющіе больное мѣсто всѣхъ нашихъ организацій, даютъ себя на каждомъ шагу чувствовать и у насъ въ Витебскѣ. Остается надѣяться, что съ упорядоченіемъ общепартійной работы и съ усиленіемъ дѣятельности Сѣверо-Западнаго Комитета, часть котораго составляетъ мѣстная группа, минутъ всѣ эти недочеты, работа пойдетъ успѣшнѣе и организація сумѣетъ болѣе полно удовлетворять предъявляемыя ей жизнью требованія.

Вслѣдствіе отсутствія вполнѣ умѣлыхъ агитаторовъ, большія массовыя собранія рабочихъ до сихъ поръ не устраивались. Работа ведется, главнымъ образомъ, кружковая — пропагандистская, но еженедѣльно устраиваются такъ называемыя районныя сходки, человѣкъ въ 25, на которыхъ съ успѣхомъ выступаютъ и мѣстные агитаторы. Лѣтомъ, впрочемъ, удавалось устраивать за городомъ и болѣе значительныя сходки, одна изъ которыхъ — человѣкъ въ 90 — была накрыта полиціей. Большая часть присутствовавшихъ разбѣжалась, но полиціи удалось всетаки задержать на мѣстѣ 27 человѣкъ. Какъ курьезъ, слѣдуетъ, пожалуй, отмѣтить попытку полиціи примѣнить въ борьбѣ съ крамолой и крамольниками новое оружіе — „политическое“ краснорѣчіе, къ которому до сихъ поръ прибѣгали только жандармы. И вотъ начальникъ охраннаго отд. обратился къ задержаннымъ рабочимъ съ рѣчью приблизительно слѣдующаго содержанія: „пусть жиды бунтуютъ — это понятно! Но вы... христіане!.. и въ такое время?!!.. Мнѣ даже больно васъ арестовать“. Разумѣется, эта краткая, но сильная рѣчь была оцѣнена по достоинству, да и крокодиловый характеръ слезъ не могъ не обнаружиться тутъ же. Изъ арестованныхъ 25 чел. было вскорѣ освобождено, послѣ того какъ жандармы убѣдились, что никакихъ „интересныхъ данныхъ“ отъ нихъ получить не удается. Остались подъ арестомъ 2 рабочихъ и 1 интеллигентъ, котораго взяли тогда же ночью у него дома и котораго обвиняютъ, будто онъ былъ на сходкѣ и произносилъ тамъ агитаціонную рѣчь.

Изъ прокламаціонной литературы, за послѣдніе 4—5 мѣсяцевъ, распространены: майскій листокъ изд. Ц. К., листки противъ войны, изданные ред. „Искры“ и перепечатанные Сѣв. Зап. Ком., и прокламація по поводу голодовки политическихъ въ мѣстной тюрьмѣ и избіенія ихъ, изданная мѣстной группой.

Промышленный и денежный кризисъ, съ неизбѣжной необходимостью вызванные войной, отразились, конечно, и на ходѣ торговли и промышленности и въ нашемъ городѣ. Банкротства сдѣлались чуть не обычнымъ явленіемъ. Между прочимъ, обанкротился владѣлецъ бумажной фабрики Киммель, почему работа на фабрикѣ совершенно прекратилась. На льно-прядильнѣ предполагаютъ сократить производство, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сократятъ штатъ рабочихъ. Уменьшились заказы и у ремесленниковъ. Вообще, экономическое положеніе рабочихъ не можетъ не ухудшиться, а революціонное настроеніе, конечно, возрастетъ.

Соціальдемократическая работа въ Кременчугѣ. Всего въ нашемъ городѣ рабочихъ, включая и мелкія ремесленныя заведенія, насчитывается тысячъ 10, изъ которыхъ заводскіе и фабричные составляютъ немного болѣе половины. Изъ крупныхъ промышленныхъ заведеній въ Кременчугѣ и посадѣ Крюковѣ отмѣтимъ: шесть металлическихъ предпріятій, въ томъ числѣ машиностроительный заводъ, разсчитанный на 3000 раб., но занимающій въ настоящее время всего 700, и желѣзнодорожное депо, восемь лѣсопилокъ, семь паровыхъ мельницъ, одну табачную фабрику, три махорочныхъ, заводы: пивоваренный, мыловаренный, маслобойный и кожевенный. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, равно какъ и среди ремесленниковъ, у мѣстной организаціи имѣются связи.

До послѣдняго времени наша организація построена была по принципу раздѣленія рабочихъ по цехамъ и выборнаго начала. Работа шла чисто кружковая, при чемъ рабочіе соединялись не по уровню знаній, а по профессіямъ, руководители, за рѣдкими исключеніями стояли не на высотѣ призванія, вся работа сводилась къ безсильному топтанію на мѣстѣ.

Но жизнь и у насъ взяла свое. Рабочимъ, наконецъ, надоѣли вѣчныя толкованія о томъ, что живется плохо и что рабочимъ нужно объединиться и собраться для обсужденія своихъ нуждъ (слѣдующая сходка будетъ тогда-то и въ такомъ-то мѣстѣ) — они потребовали, чтобы имъ помогли выработать себѣ ясное и цѣльное міросозерцаніе и политическую программу. Старые работники должны были уступить мѣсто новымъ людямъ и на послѣднихъ выборахъ въ комитетъ прошли исключительно работники новаго закала. Съ этого момента начинается обновительная работа.

Вся масса раздѣлена, по уровню развитія, на „летучки“ и „массовки“. Для первыхъ принята и проводится измѣненная въ нѣкоторыхъ деталяхъ Екатеринославкая программа летучекъ; для вторыхъ кружкомъ пропагандистовъ (съ участіемъ представителя отъ комитета) былъ разработанъ планъ агитаціонныхъ рѣчей на слѣдующія темы: 1) Капиталистическое общество и неизбѣжность соціализма; 2) Рабочее движеніе и соціализмъ, 3) программа соціальдемократіи; 4) Исторія революціоннаго движенія въ Россіи и 5) Другія партіи и отношеніе къ нимъ соціальдемократіи. Каждая изъ этихъ рѣчей кончается призывомъ къ соціализму. Кромѣ того, устраиваются массовыя собранія въ 40-50 чел., гдѣ произносятся рѣчи на злобу дня.

Работа организаціи сильно тормозится хроническимъ недостаткомъ литературы, какъ агитаціонной, такъ и пропагандистской. Приходится кормить рабочихъ обѣщаніями, которымъ не суждено быть исполненными, и престижъ организаціи страдаетъ, ибо масса не представляетъ себѣ нелегальной организаціи безъ нелегальной литературы.

Мы дѣлимся съ товарищами этими свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ нашемъ городѣ, полагая, что партіи не безынтересно узнать, какъ идетъ и отъ чего страдаетъ работа въ „глухой“ провинціи, и надѣясь, что она придетъ на помощь нашимъ молодымъ и неопытнымъ работникамъ какъ людьми, такъ и литературой, ибо отсутствіе тѣхъ и другой обрекаетъ нашу организацію на полный застой.

Мелитополь. Отсюда, кажется, давно уже не посылалось корреспонденцій въ „Искру“, между тѣмъ именно за это время работа здѣсь приняла болѣе широкій характеръ, благодаря открытому выступленію Крымскаго Союза. Въ первой половинѣ апр. здѣсь былъ произведенъ удачный подметъ листковъ, охватившій значительную часть Мелитопольскаго и окраину сосѣдняго Бердянскаго уѣзда (сюда вошли города: Мелитополь, Геническъ, села: Юзкунъ, Кизіяръ, Вдинокта, Терпѣніе, Богдановка, Троицкое, Рубановка, Пескомено и, кажется, еще: Менчикура, Александровка и Б. Сѣрогозы). Произведенный неодновременно, подметъ тянулся двѣ-три недѣли и встрѣтилъ, въ общемъ, очень хорошее отношеніе не только со стороны городскихъ рабочихъ, но и со стороны крестьянъ. Выражалось даже неудовольствіе, что въ томъ или другомъ селѣ не было листковъ. Распространялись листки: „Война противъ войны“, „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“ и „Ко всему рабочему народу“—все печатные, изд. Союза. Въ городахъ и нѣкоторыхъ селахъ къ этому добавлялись еще №№ „Искры“, брошюры: Пауки и мухи“, „Іюльскія событія“ и друг. (всего было распространено нѣсколько больше двухъ тысячъ экземпляровъ). Прокламаціи также и расклеивались, — при томъ не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ селахъ; такъ, въ сел. Юзкунъ листокъ „Война противъ войны“ былъ приколотъ на внутреннихъ дверяхъ волостного управленія. Толковъ была масса. Немало было, конечно, и курьезовъ. Изъ с. Богдановки пріѣхалъ въ Мелитополь одинъ крестьянинъ по дѣлу и, между прочимъ, собравъ своихъ знакомыхъ кузнецовъ началъ имъ читать прокламацію, найденную имъ въ своемъ селѣ. Его забрали за это въ участокъ, но на другой же день выпустили. Уѣхалъ онъ, возмущенный: „у городи телеграммки за деньги продаютъ, а у насъ даромъ — да и то нельзя!“ Или вотъ случай. Одинъ изъ товарищей ѣдетъ на лошадяхъ въ городъ. Возница крестьянинъ разсказываетъ ему о листкахъ; соглашается со всѣмъ, что тамъ написано, и неожиданно заключаетъ: одного я въ толкъ не возьму: какъ это у насъ наемный царь будетъ? Онъ же не будетъ заботиться, какъ слѣдуетъ, — ему же что? лишь бы жалованье получать! А этотъ сохранитъ Россію, — потому „она къ его сыну по наслѣдству перейдетъ“... Не рѣдкость были и такіе замѣчательные отзывы: „цэ, мабудь, японци писалы, бо наши русськи такой правды не напишутъ“...

Вообще, однако, Союзу не удалось использовать результаты этого распространенія не только въ дальнѣйшихъ организаціонныхъ или агитаціонныхъ цѣляхъ, но и просто въ смыслѣ болѣе близкаго знакомства съ чаяніями и настроеніями среды, подвергавшейся воздѣйствію. Отсутствіе силъ у Союза мѣшаетъ ему использовать имѣющіяся связи и мѣстныя силы и повести работу въ томъ объемѣ, въ какомъ она могла бы быть поведена. Это же отсутствіе силъ явилось въ дальнѣйшемъ причиной съуженія области распространенія листковъ въ сѣверной части Таврической губ. И подметъ здѣсь, состоявшійся въ началѣ августа, охватилъ уже только Мелитополь и Геническъ. При чемъ въ Мелитополѣ онъ былъ выполненъ неудачно, а въ Геническѣ, какъ и въ первый разъ, сошелъ хорошо (незадолго до того въ Геническѣ, благодаря, кажется, провокаціи, было арестовано 7 рабочихъ). Распространялись и въ этотъ разъ листки редакціи „Искры“, изд. Союза: „Кризисъ, война и безработица“ (печат.), „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (печат. и гектограф.) и „Рабочему народу“ (только гектограф.) — всего немного болѣе 1000 экз. Наконецъ, въ воскресеніе 15 августа, только въ Мелитополѣ, опять были распространены прокламаціи: гектографированный листокъ изд. и ред. Союза — по поводу послѣднихъ военныхъ событій, убійства Плеве и послѣдняго манифеста — въ количествѣ 220 экз. Въ самомъ городѣ была разбросана лишь незначительная часть листковъ; большая же часть — въ городскомъ саду во время большого гулянья, на которое стеклось тысячи двѣ народу. Въ моментъ, когда публика, привлеченная чѣмъ-то, сгрудилась возлѣ эстрады, изъ толпы фонтаномъ взлетѣли кверху листки. Вопреки предполагавшемуся плану, листки были брошены съ одного мѣста, но публика, то есть, конечно, „сѣрая“ публика—сама ужъ позаботилась о дальнѣйшемъ распространеніи листковъ по всему саду. Мальчишки съ криками „ура“ подхватывали листки и еще разъ подбрасывали ихъ вверхъ. Какихъ то двое рабочихъ (немного навеселѣ) — каждый съ зажатой прокламаціей въ поднятой рукѣ, съ ликующимъ видомъ торжественно несутъ ихъ надъ головами... Одинъ изъ неизвѣстныхъ доброжелателей закинулъ даже одну прокламацію въ лоттерейный „прудъ“ — съ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы кто-нибудь ее оттуда „выудилъ“. „Ну, это ужъ прямо подлость!“ — не вытерпѣлъ какой то возмущенный обыватель. Исправникъ, узнавъ о такомъ скандалѣ, заявилъ съ грознымъ возмущеніемъ: „Нѣтъ съ, больше ужъ я „пруда“ не разрѣшу!“...

„Этого слѣдовало ожидать! Это всегда такъ будетъ!“ убѣдительно внушалъ огорченному исправнику уѣздный членъ Окружного суда Быкаловъ: „надо непремѣнно переодѣть нѣсколькихъ городовыхъ, чтобы они слѣдили за публикой“...

— „Ахъ, оставьте пожалуйста!“ съ раздраженіемъ махнулъ рукой исправникъ: „откуда вы знаете, что этого не было сдѣлано?“...

Публика была поражена невиданной „смѣлостью“ подметчиковъ. Даже съ устъ реакціонныхъ элементовъ слетали фразы— „да, хоть и нахально, но зато смѣло!“ Нереакціонные элементы встрѣтили эту „смѣлость“ открытымъ сочувствіемъ, и хотя полиція было шмыгала, но въ руки ей не досталось почти ничего: публика быстро попрятала прокламаціи по карманамъ. На другой день въ городѣ царило сильное оживленіе; ходило, по обыкновенію, множество легендъ и въ устахъ обывателей количество листковъ возрастало неимовѣрно. Изъ „подчиненныхъ“ элементовъ только городовые были очень недовольны: „опять намъ придется ночь бѣгать!“ жаловались они.

Вологда. 26, 27 и 28 августа были разбросаны по городу прокламаціи: одна соц.-дем. по поводу 55 осужденныхъ въ Якутскѣ и двѣ соц.-рев. къ запаснымъ по поводу войны. Сейчасъ здѣсь сборный пунктъ запасныхъ и ихъ собралось до трехъ тысячъ.

Полиція всполошилась, сдѣлала въ одну ночь 7 обысковъ, сыщики съ ногъ сбились, но ничего не нашли и думаютъ, что виновники были проѣзжіе.

Изъ Якутской ссылки. Изъ двухъ колоній Якутской области пришли однородные по тексту протесты:

Событія, происходившія въ г. Якутскѣ въ февралѣ и мартѣ нынѣшняго года, мы разсматриваемъ, какъ первый за послѣднее время примѣръ рѣшительнаго *активнаго* отпора со стороны политическихъ ссыльныхъ цѣлому ряду репрессивныхъ выходокъ правительства. Мы заявляемъ, что 60 товарищей, смѣло начавшихъ борьбу съ нестерпимымъ положеніемъ ссылки, были только передовымъ отрядомъ, и что каждый изъ насъ до послѣдней возможности будетъ продолжать это дѣло активнаго протеста.

---

[1] Майскаго распространенія не было, вслѣдствіе провала прокламацій.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л. М. Венгроверъ, Анато[illegible] Тольдманъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, [illegible] Лобановъ, Мееръ Мединцъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ [illegible], Акимъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ [illegible], Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Виргилій [illegible], Абрамъ Шварцъ, Давидъ Штейнъ.

2) Маркусъ Бабинскій, Шмерко Серъ, Соломонъ Шерманъ, [illegible] Хиной, Шмерко Глазеръ, Самуилъ Алтшулеръ, Ицко [illegible], Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ, Кар[illegible], Левъ Либерманъ.

Село Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 11 марта 1904 г. въ село Мартыновское пріѣхалъ становой приставъ арестовать товарища Кулагина, получившаго приговоръ, для отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ товарищей провожать его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе ссыльные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться черезъ ряды полицейскихъ къ товарищу Кулагину. Произошла свалка, въ которой одному изъ товарищей, Глазеру, порѣзали руку шашкой. Послѣ этого приставъ пошелъ на уступки: самъ удалился, и всѣмъ товарищамъ удалось съ Кулагинымъ проститься и проводить его по селу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня четверыхъ изъ нихъ вызвали въ волостное правленіе и объявили постановленіе пристава объ ихъ арестѣ въ мѣстной каталажкѣ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ и устройствѣ демонстраціи при проводахъ товарища Кулагина... Въ виду отказа ихъ подчиниться постановленію пристава, основаннаго на томъ, что безъ постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключенію въ каталажкѣ не подлежатъ, Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ тотъ же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили: товарищей властямъ не выдавать, сопротивляясь до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ; къ нимъ неоднократно заглядывали шпіоны, слѣдя, не разошлись ли они. 14 марта приставъ, распустивъ слухъ о своемъ отъѣздѣ, велѣлъ собрать сходъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, окруживъ сходъ десятскими и сотскими, предложилъ крестьянамъ, въ виду отказа старшины безъ распоряженія крестьянскаго начальника арестовать политическихъ, — во что бы то ни стало взять ихъ силой, предлагая имъ за это полъ-ведра водки и грозя въ противномъ случаѣ арестовать ихъ. Пошла торговля и согласились на трехъ четвертяхъ водки, причемъ приставъ разрѣшилъ крестьянамъ бить арестуемыхъ въ случаѣ сопротивленія. Въ три часа дня приставъ съ толпою крестьянъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ (свыше 100 человѣкъ), съ револьверомъ въ рукѣ ворвался въ квартиру политическаго Хиноя, гдѣ въ то время отдыхали вернувшіеся съ собранія Бабинскій и Левинъ, и потребовалъ сдачи ихъ. Тѣ отвѣчали отказомъ, заявивъ, что на силу отвѣтятъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. По командѣ пристава „взять ихъ силой", толпа бросилась на нихъ и началось жестокое избіеніе. Приставъ кричалъ, чтобы арестуемыхъ били и вязали. Связанныхъ и окровавленныхъ, политическихъ бросили въ кошеву, повезли въ волостное правленіе, тамъ обыскали и бросили въ каталажку — двухъ въ темную безъ окна каморку, одного въ нѣсколько большую съ маленькимъ окошечкомъ. Узнавъ объ этомъ, пять политическихъ, оставшихся на свободѣ, бросились къ квартирѣ Хиноя. Двое изъ нихъ были арестованы во дворѣ (Серъ и Кирякинъ), двое ворвались въ избу, пытаясь броситься на пристава, но были тутъ же схвачены (Шерманъ и Глазеръ), а пятый (Граннъ) былъ арестованъ на улицѣ. Всѣ они были жестоко избиты и тоже брошены въ каталажку: двое въ ту же темную, остальные въ ту, что посвѣтлѣе. Тутъ же приставъ произнесъ рѣчь къ своей рати, запретивъ десятскимъ допускать къ заключеннымъ кого бы то ни было, доставлять пищу и кипятокъ и убѣждая ихъ рубить заключеннымъ головы, если они станутъ высовываться въ окна или дверь. Въ то же время приставъ совершилъ обыскъ на квартирахъ всѣхъ арестованныхъ, рвалъ и топталъ книги и другія вещи, бралъ все, что ему нравилось, поощрялъ крестьянъ разбирать вещи, высыпалъ изъ мѣшковъ муку и пр. Черезъ 9 дней пріѣхали въ Мартыновское тов. прокурора и жандармскій ротмистръ (у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ была найдена нелегальная литература). Вызванные къ допросу, арестованные просили тов. прокурора начать слѣдствіе объ ихъ арестѣ, но получили грубый отказъ; на вопросы же по дѣлу о нелегальной литературѣ отвѣчать отказались. Всѣ они были освобождены — пятеро подъ особый надзоръ полиціи. Квартиры теперь нашлись съ трудомъ, такъ какъ приставъ убѣждалъ крестьянъ не сдавать квартиры политическимъ. — Въ началѣ мая всѣ мартыновскіе ссыльные послали протестъ губернатору приблизительно такого содержанія: высказавъ, что жизнь въ ссылкѣ послѣ изданія циркуляровъ Кутайсовымъ, стала невозможной, они описали всю исторію, разыгравшуюся съ ними, начиная съ ареста Кулагина, и заявили, что будутъ протестовать противъ циркуляровъ Кутайсова, и что выходки администраціи, подобныя вышеописанной, будутъ всегда встрѣчать рѣзкій отпоръ. Такъ какъ корреспонденція ссыльныхъ не принималась по распоряженію пристава въ волости, то для отправки протеста пришлось совершить отлучку въ городъ Киренскъ. Тамъ и арестовали Шермана и Глазера, а черезъ нѣсколько дней были арестованы Хиной, Серъ и Бабинскій. Въ тюрьмѣ имъ объявили, что они по постановленію губернатора высылаются въ Якутскую область, а черезъ мѣсяцъ противъ нихъ же было возбуждено преслѣдованіе по 278, 285 и 286 ст. ст. Улож. о Нак., т. е. по обыкновенію въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи должностного лица (пристава) словами и дѣйствіемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Просидѣвъ въ тюрьмѣ до 17 іюня — до окончанія слѣдствія, — они послѣдовали со второй лѣтней Ленской партіей въ Якутскую область.

Вторая лѣтня. Ленская партія 1904 г. Партія вышла изъ села Александровскаго 25 іюня. На первомъ же станкѣ Московщина) офицеръ, ведшій партію изъ Александровска (вѣроятно, изъ боязни скандаловъ, такъ какъ онъ пьянымъ принялъ партію и грубо обращался съ политическими) былъ замѣненъ шт. кап. Рябининымъ. Партія, вышедшая изъ Александровска, состояла изъ лицъ, пересылавшихся изъ Иркутскаго уѣзда въ отдаленнѣйшія мѣста Киренскаго уѣзда за протесты, самовольные отлучки и т. п. Здѣсь были Тугутуйская, часть Куядской и часть Уянской колоній. Только два лица (всѣхъ было 26 взрослыхъ и семеро дѣтей) высылалось по приговору — оба по Иркутскимъ дѣламъ. На станціи Жердовкѣ къ партіи были присоединены семь чел., содержавшихся до сихъ поръ въ Иркутской тюрьмѣ. Отношенія между конвойнымъ офицеромъ и партіей съ самаго начала не оставляли желать ничего лучшаго: въ каждомъ селѣ на пути политики могли отправляться за покупками въ неограниченномъ числѣ, во всѣхъ попутныхъ колоніяхъ свиданія разрѣшались (такъ, партія имѣла свиданія съ мѣстными колоніями въ селѣ Манзурскомъ, въ с. Марковскомъ, въ г. Киренскѣ, въ с. Чечуйскомъ). Путешествіе, казалось, должно пройти совсѣмъ хорошо, что было тѣмъ удивительнѣе, что по всей дорогѣ до партіи доходили слухи о предшествовавшей партіи (вышедшей изъ Александровска 15 мая). Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ. Въ Киренскѣ къ партіи присоединилась Мартыновская колонія (5 чел.), высылавшаяся въ Якутскую область за сопротивленіе властямъ, а въ Чечуйскомъ высадились послѣдніе назначенные въ Киренскій уѣздъ политики. Съ тѣхъ поръ въ составъ партіи входили всего 14 ч.: 4 уянца (Василевскій, Венгроверъ, Мачарадзе и Нейманъ); 5 мартыновцевъ (Бабинскій, Глазеръ, Серъ, Хиной и Шерманъ) и 5 слѣдовавшихъ изъ Иркутской тюрьмы (Лидія Канцель, Поповъ, Савенковъ, Шанцеръ (пересылался изъ Ачинска въ Якутск. обл.) и Феденевъ). По дорогѣ еще было нѣсколько колоній въ с. Петропавловскомъ, въ с. Ичерскомъ, въ с. Нохтуйскомъ и въ г. Олекминскѣ. Петропавловское проѣхали ночью, а въ Ичерскомъ остановились по случаю сильнаго вѣтра. Паузки причалили на другой сторонѣ рѣки противъ села. Зная, что въ Ичерскомъ есть политики, двое изъ партіи съѣздили въ село, повидались съ мѣстными политиками, сообщили имъ, что партія будетъ требовать свиданія, просили ихъ переѣхать на лодкахъ къ паузкамъ. Оказалось, однако, что мѣстнымъ колонистамъ запрещено давать лодки, и что офицеръ, допускавшій до сихъ поръ свиданія, вдругъ запретилъ ихъ, ссылаясь на то, что въ Ичеры пріѣхали изъ Киренска становой приставъ и жандармъ. Партія, однако, стала требовать свиданія черезъ своего старосту, который говорилъ съ конвойнымъ офицеромъ и со становымъ. Въ свиданіи было отказано. Наступалъ вечеръ. Вся партія заявила, что не поѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ свиданія, вышла изъ паузка на берегъ, и, боясь, что ночью паузки могутъ двинуться въ путь, рѣшила заночевать на берегу. Офицеръ не показывался и отдалъ только распоряженіе усилить на берегу конвой. Эту ночь (съ 20 на 21 іюля) партія провела на берегу у костра. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ, можно было двинуться въ путь, но партія опять отказалась войти въ паузки. Тогда былъ отданъ приказъ взять партію силой: на 14 человѣкъ политиковъ, совершенно безоружныхъ, приходилось около 50 чел. солдатъ, и послѣ 20 минутнаго сопротивленія политики были брошены на паузокъ и заперты въ немъ на замокъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что солдатамъ былъ отданъ строгій приказъ не драться и до самаго конца ни кулаки, ни приклады не были пущены въ ходъ: политиковъ только толкали, схватывали и бросали въ паузокъ. Нужно сказать также, что во время этой исторіи, и во все послѣдующее время конвойный офицеръ не показывался, а отдавалъ свои приказанія черезъ унтеръ-офицера. Когда двери были отомкнуты, оказалось, что конвойнымъ офицеромъ были отданы новыя приказанія: 1) не пускать политиковъ на палубу, т. е. на крышу паузка, 2) пускать въ село за покупками только одного старосту, 3) на берегъ при остановкахъ никого не выпускать. Партія черезъ старосту потребовала отмѣны этихъ распоряженій, т. е. возстановленія стараго режима; но конвойный офицеръ не пожелалъ ихъ отмѣнить (за исключеніемъ перваго), и партія объявила голодовку до тѣхъ поръ, покуда эти распоряженія не будутъ отмѣнены. Въ число требованій не было включено требованіе свиданій, такъ какъ партія не хотѣла предъявлять его къ конвою, какъ таковому, считая его болѣе общимъ. Офицеру было, однако, заявлено, что партія по прежнему, будетъ требовать свиданій въ каждой попутной колоніи. Вѣроятно, это заявленіе и заставляло офицера упорствовать на двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Село Нохтуйское проѣхали на пятый день голодовки, здѣсь не останавливались, и къ паузкамъ на лодкѣ подъѣхали два товарища изъ мѣстной колоніи. Они на паузокъ не входили и только довольно долгое время провожали паузокъ и разговаривали съ партіей. Къ концу шестого дня голодовки (27 іюля ночью), когда уже паузки подъѣзжали къ Олекминску, съ офицеромъ были начаты переговоры, и онъ отмѣнилъ оба свои распоряженія, строго, однако, приказавъ конвойнымъ препятствовать всякимъ попыткамъ свиданій. Ему, однако, было заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій. Голодовка, какъ достигшая цѣли, была прекращена, и партія стала думать о свиданіи съ товарищами въ Олекминскѣ. За время голодовки партія дважды требовала отъ офицера вызова врача, чтобы ссадить тяжело больныхъ въ Витимѣ и въ Нохтуйскѣ, но оба раза подъ различными предлогами врачъ не былъ вызванъ. Этотъ незаконный поступокъ офицера были оба раза обжалованъ.

Въ Олекминскѣ свиданія требовать не пришлось, такъ какъ 28 іюля рано утромъ (часовъ въ 5) на паузокъ явился приставъ и заявилъ, что, по распоряженію Якутскаго губернатора, вся партія временно остается въ Олекминскѣ. Одинъ изъ товарищей пріѣхалъ за партіей на лодкѣ, и всѣ были освобождены тутъ же на берегу изъ подъ конвоя. Съ проѣзда с. Ичеры конвойный офицеръ ни разу не показывался на паузкѣ политиковъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Черниговской губерніи. 23 мая текущаго года въ сел. Володьковой Дѣвицѣ, Нѣжинскаго уѣзда, производилъ „отеческую" расправу губернаторъ Черниг. г. А. А. Хвостовъ, достойный преемникъ „лучшаго изъ губернаторовъ" — Андреевскаго.

Сел. Вол. Дѣвица принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ многолюдныхъ малорусскихъ селъ, въ которыхъ, наряду съ казаками, живутъ и крестьяне, Богъ вѣсть когда и какимъ образомъ закрѣпощенные. Изъ прежнихъ владѣльцевъ народная память сохранила только Румянцева; возможно, что „за великія заслуги" пожалованы они ему „царицей-матушкой" Екатериной II. И почему то въ сознаніи народномъ жило убѣжденіе, что отданы они владѣльцу „по смерть". Когда умеръ Румянцевъ и имѣніе перешло къ кн. Голицынымъ, крестьяне отказались повиноваться новому владѣльцу, слѣдствіемъ чего была жестокая экзекуція, — многіе были „нещадно" биты на площади кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Послѣдній владѣлецъ, князь М. П. Голицынъ, хозяйства въ имѣніи не заводилъ, и вся почти земля находилась въ пользованіи крестьянъ. При этомъ очень многіе крестьяне владѣли землей на правѣ полной собственности, какъ полученною отъ казаковъ вслѣдствіе родства или купли у мелкопомѣстныхъ дворянъ, на что у нѣкоторыхъ даже имѣлись домашнія купчія. Передъ 1861 г. у многихъ купчія были отобраны, и земля „по закону" вся была записана за помѣщикомъ. Крестьянамъ былъ предложенъ надѣлъ. Но они заявили, что не желаютъ платить за свою землю, да еще такъ дорого, что земля и такъ имъ достанется, потому что—что съ нею князь будетъ дѣлать? А помретъ бездѣтный князь, такъ тогда земля безспорно ужъ ихъ будетъ... Такъ лучше взять по 1½ десятины дарового надѣла съ усадьбами 1½, который предложилъ имъ князь (въ Беркіевскомъ имѣніи, тоже возлѣ Нѣжина, гр. Кушелевъ-Безбородко при такихъ-же условіяхъ далъ даже по 1 десят.). Прошло послѣ 19 февраля нѣсколько лѣтъ, впродолженіе которыхъ крестьяне продолжали владѣть землею по прежнему, но возили уже помѣщику „скіпщину", т. е. условленную часть урожая. Но вотъ началось размежеваніе („порѣзка"): крестьянамъ стали вырѣзать по 1½ дес., причемъ, у кого были большія усадьбы, у того и отъ нихъ отрѣзали, а въ полѣ уже не дали ни ступни: начались волненія. Князь Голицынъ, человѣкъ очень образованный, либералъ, другъ Александра II (такъ разсказываютъ) предложилъ крестьянамъ купить у него землю по 25 руб. десятину. Для выкупа земля была оцѣнена вдвое выше. „И такъ наша будетъ" рѣшили крестьяне и отказались, согласившись взять лучше землю въ аренду. Сначала арендная плата поступала исправно. Но вотъ князь умеръ, и арендаторы рѣшили, что земля должна перейти въ ихъ собственность и отказались платить вдовѣ, къ которой имѣніе перешло въ пожизненное владѣніе. Тогда княгиня, по совѣту нѣкоего Мостицкаго, рѣшила завести собственное хозяйство. Только теперь крестьяне почувствовали всю тяжесть своего положенія, когда имъ отказали въ арендѣ и въ спольщинѣ. Начались самовольные выпасы, порубки; начались поджоги вновь отстраиваемыхъ хозяйственныхъ построекъ и хлѣба. Но управляющій княгини Мостицкой энергично вступилъ въ борьбу съ крестьянами, возстановляя права владѣлицы при помощи суда и полиціи. Тогда борьба приняла другой характеръ. Еще во время „порѣзки", когда крестьянъ стали сгонять съ земли, которою они издавна владѣли, они пробовали обращаться къ властямъ за защитою, причемъ нѣкоторые извлекли изъ подъ спуда припрятанные отъ кн. слугъ крѣпостные документы. Ничего, конечно, не выходило, и большинство примирялось со своимъ положеніемъ, предоставивъ „отстаивать правду" наиболѣе потерпѣвшимъ „отъ воли". Но режимъ Мостицкаго разбудилъ всѣхъ. Незадолго передъ тѣмъ бывшій управляющій Дмитревскій, уволенный княгиней, передалъ крестьянамъ извлеченную изъ княжескаго архива инвентарную опись, составленную передъ волей; въ этой описи было точно указано, кто изъ крестьянъ какимъ количествомъ земли владѣлъ и на какомъ основаніи. Эта книга сразу оживила надежды крестьянъ. Были выбраны уполномоченные, собраны деньги, и началось исканіе „человѣка", который взялся бы вести дѣло. Адвокаты отказывались вести дѣло, не признавая за ихъ документами юридическаго значенія. Крестьяне объясняли это тѣмъ, что „паны всѣ закуплены княгиней", и искали благодѣтелей среди трактирныхъ ходатаевъ. Послѣдніе не отказывались, но требовали денегъ и за свой трудъ и „для подмазки" нужныхъ людей, и началось обираніе темныхъ тружениковъ, подача прошеній царю и всѣмъ членамъ царской фамиліи, а также въ разныя существующія и несуществующія учрежденія[1]). Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали „аблакаты" для убѣжденія простодушныхъ уполномоченныхъ въ успѣшности ихъ ходатайствъ, показываетъ слѣдующая выяснившаяся оффиціально исторія. Нѣкій „ходатай" Ященко, подвизающійся и понынѣ въ Нѣжинѣ, повезъ уполномоченныхъ въ Петербургъ и въ какомъ-то зданіи, кажется, въ парикмахерской изъ чулана въ щелку показалъ имъ „засѣданіе сената"; крестьяне собственными глазами видѣли, какъ нѣсколько пановъ сидѣли за столомъ и одинъ изъ нихъ „весь въ золотѣ" прочиталъ, что „по указу его императорскаго величества и т. д. сенатъ рѣшилъ: изъять землю изъ владѣнія Голицыной и передать крестьянамъ". Не знаемъ, кто помогалъ Ященко въ этой комедіи, но только онъ побывалъ за это дѣло въ арестантскихъ ротахъ и, кромѣ того, былъ губернаторомъ Анастасьевымъ, тоже по секрету, наказанъ розгами. „Молітьця богу — земля буде наша" — говорили крестьянамъ уполномоченные, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, но „аблакатамъ тілки треба ще дедать"... Тѣмъ временемъ ушелъ управляющій Мостицкій, княгиня сократила хозяйство и снова сдала часть земли въ аренду крестьянамъ. Арендную плату они вносили исправно и ждали смерти княгини. И дождались, наконецъ: года два тому назадъ она умерла, и имѣніе досталось кн. Долгоруковой, вдовѣ извѣстнаго земскаго дѣятеля, Черниг. губ. предводителя дворянства, и одному изъ Голицыныхъ, который немедленно продалъ свои права сонаслѣдницѣ. Крестьяне снова перестали платить аренду, заявляя, что земля теперь окончательно принадлежитъ имъ — и арендованная, и та, на которой вела хозяйство сама владѣлица. Уполномоченный княгини Долгоруковой объявилъ землю въ продажу. Жители сосѣднихъ селеній, мѣстные казаки и нѣкоторые изъ крестянъ, стали вносить задатки. Крестьяне подстерегали покупщиковъ и били, устраивали засады на сельскихъ властей, не допустили до осмотра уполномоченнымъ крестьянскаго банка, выѣзжавшихъ по просьбѣ покупщиковъ, толпами являлись во дворъ имѣнія, когда узнавали, что кто нибудь явился по поводу земли, грозили уполномоченнымъ княгини и т. п. Нѣсколько разъ уѣздныя власти пытались образумить крестьянъ, выѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій Шрамченко. Но на сходахъ, и при земскомъ начальникѣ и при губернскомъ чиновникѣ, крестьяне твердили свое, что земля принадлежитъ имъ, такъ такъ была отобрана у нихъ незаконно, что они подчинялись силѣ, а теперь рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ земли, — все равно безъ земли имъ предстоитъ голодная смерть[2]). Никакія убѣжденія не дѣйствовали — крестьяне вѣрили только тому, кто говорилъ въ ихъ пользу, а объ остальныхъ говорили, что они подкуплены княгиней или просто: панъ за пана... Въ поискахъ за „человѣкомъ", уполномоченные крестьянъ случайно встрѣтились съ уполномоченными какого то села Конотопскаго уѣзда, которые разсказали, что они много лѣтъ вели тяжбу съ паномъ, но вездѣ имъ отказали, такъ какъ у нихъ нѣтъ документовъ; какой-то присяжный повѣренный посовѣтовалъ имъ завладѣть землей; они это сдѣлали и уже шесть лѣтъ владѣютъ, „а панъ ихъ позывае". Эта мысль — изъ истцовъ превратиться въ отвѣтчиковъ — очень понравилась крестьянамъ, и весной этого года сотни плуговъ одновременно появились на землѣ княгини, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ пахали особнякомъ — на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „до порѣзки" владѣлъ его отецъ и вѣдъ. Явившемуся къ нимъ управляющему крестьяне заявили, чтобы онъ не смѣлъ на эту землю загонять панскій скотъ, но его самого ни словомъ не обидѣли. Одновременно по всѣмъ лугамъ и лѣсамъ имѣнія стали пасти скотъ, причемъ насильно загоняли на панскую землю скотъ всѣхъ жителей Вол. Дѣвицы, даже казаковъ.

Наконецъ, власти рѣшили, что пора принять „мѣры". Пріѣхали въ Нѣжинъ губернаторъ Хвостовъ и жандармъ Рудовъ со свитой. Между тѣмъ, было собрано въ Вол. Дѣвицѣ около 200 стражниковъ и городовыхъ, душъ 40 урядниковъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Въ Нѣжинѣ созваны были уѣздныя власти, и составленъ планъ усмиренія. При этомъ губернаторъ приглашалъ къ себѣ для дачи заключенія двухъ присяжныхъ повѣренныхъ — Гриневскаго и Кисилевича, къ которымъ крестьяне обращались въ разные сроки. Оба дали заключеніе, что никакого юридическаго основанія у крестьянъ нѣтъ. Говорятъ, что губернаторъ выражалъ въ разговорахъ съ прокуроромъ и другими сожалѣніе къ крестьянамъ и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло обошлось мирно. Когда онъ уѣхалъ изъ Нѣжина, крестьяне, ожидавшіе его въ Дѣвицу, заговорили: „Ага, якъ побачывъ, що наше право, то и очей не показавъ!" Между тѣмъ, команда надъ стражниками и прочей компаніей была поручена губернаторскому фавориту, приставу Колодію.

19 мая одного изъ урядниковъ, выѣхавшаго сгонять скотъ, крестьяне сильно избили. Въ ночь на 20 по селу разбросаны были прокламаціи, въ которыхъ мало понятнымъ галиційскимъ языкомъ крестьянъ приглашали не надѣяться на царя и начальство, а соединяться въ союзы и силой добывать свое право. „Выдно полякъ писавъ — все „але" та „але", говорили тѣ, кто пробовалъ прочесть прокламаціи (кстати, плохо гектографированныя). Утромъ пристава съ урядниками и стражниками ѣздили по полю, требуя, чтобы крестьяне угнали скотъ, а иначе они будутъ арестованы. Крестьяне отвѣчали, что они не просили полицію приходить на ихъ землю, и просили не мѣшать имъ. Пристава уѣхали съ поля. Но вотъ передъ вечеромъ прибѣжали изъ села бабы съ крикомъ, что полиція шаритъ по хатамъ и скрынямъ, ищетъ какихъ то бумагъ, что при обыскѣ у кого то изъ скрыни исчезли деньги, что пять душъ крестьянъ арестованы и уведены во дворъ имѣнія. Толпы крестьянъ бросились туда. Ворота оказались запертыми. Сотни мужиковъ, бабъ и подростковъ столпились на улицѣ и сосѣднихъ дворахъ, требуя выдачи арестованныхъ. Весь отрядъ былъ уже наготовѣ. На требованіе разойтись крестьяне отвѣчали бранью и угрозами. Уже вечерѣло. Въ это время изъ сосѣдняго мѣстечка Носовки привезли для полиціи печеный хлѣбъ, и ворота были открыты. Толпа ворвалась во дворъ. Тогда коннымъ урядникамъ приказано было разогнать толпу нагайками. Отрядъ въ 40 душъ бросился на безоружную толпу, нанося удары направо и налѣво; конныхъ поддерживали пѣшіе стражники. Толпа шарахнулась по огородамъ. Въ то же время въ полицію полетѣли кирпичи, колья, и даже раздались, будто бы, выстрѣлы. Тогда полиціи приказано было стрѣлять. Большинство стрѣляло въ воздухъ, но нѣкоторые, видно, не хотѣли тратить даромъ зарядовъ, и пять или шесть мужиковъ и бабъ были ранены, въ томъ числѣ одинъ смертельно. Немедленно во всѣ стороны полетѣли телеграммы, и на другой день въ Дѣвицу пришло 2 роты пѣхоты и сотня казаковъ. Говорятъ, явившійся съ разсвѣтомъ въ Нѣжинъ губернаторъ потребовалъ еще одну сотню казаковъ и до прихода ея и полученія телеграммы изъ Петербурга оставался цѣлый день и ночь въ Нѣжинѣ. Всю ночь не спали крестьяне, ожидая отвѣта отъ царя на телеграмму, для посылки которой собрали до 200 руб. Нѣкоторые надѣялись, что изъ Кіева на помощь пріѣдутъ какіе то „студенты". Нѣсколько душъ крестьянъ поспѣшили „скрыться". На утро

---

[1]) За исключеніемъ Окружного Суда.

[2]) Надо замѣтить, что арендный договоръ съ кн. Голицынымъ былъ судомъ расторгнутъ по жалобѣ кн. Долгоруковой за неплатежъ аренды, причемъ на крестьянъ былъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. за контрактъ на простой бумагѣ, а на Долгорукову всего въ сто рублей (стоимость бумаги), такъ какъ за наслѣдодателя она не отвѣчаетъ. Крестьяне объясняли это пристрастіемъ суда.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л. М. Венгроверъ, Анатолій Гольдманъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, [illegible] Лобановъ, Мееръ Медницъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ [illegible], Акимъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ [illegible], Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Виргилій Шанцеръ, Абрамъ Шварцъ, Давидъ Штейнъ.

2) Маркусъ Бабинскій, Шмерко Серъ, Соломонъ Шерманъ, [illegible] Хиной, Шмерко Глазеръ, Самуилъ Альтшулеръ, Ицко [illegible], Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ, Кар[illegible], Левъ Либерманъ.

Село Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 11 марта 1904 г. въ село Мартыновское пріѣхалъ становой приставъ арестовать товарища Кулагина, получившаго приговоръ для отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ товарищей провожать его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе ссыльные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться черезъ ряды полицейскихъ къ товарищу Кулагину. Произошла свалка, въ которой одному изъ товарищей, Глазеру, порѣзали руку шашкой. Послѣ этого приставъ пошелъ на уступки: самъ удалился, и всѣмъ товарищамъ удалось съ Кулагинымъ проститься и проводить его по селу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня четверыхъ изъ нихъ вызвали въ волостное правленіе и объявили постановленіе пристава объ ихъ арестѣ въ мѣстной каталажкѣ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ и устройствѣ демонстраціи при проводахъ товарища Кулагина... Въ виду отказа ихъ подчиниться постановленію пристава, основаннаго на томъ, что безъ постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключенію въ каталажкѣ не подлежатъ. Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ тотъ же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили: товарищей властямъ не выдавать, сопротивляясь до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ; къ нимъ неоднократно заглядывали шпіоны, слѣдя, не разошлись ли они. 14 марта приставъ, распустивъ слухъ о своемъ отъѣздѣ, велѣлъ собрать сходъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, окруживъ сходъ десятскими и сотскими, предложилъ крестьянамъ, въ виду отказа старшины безъ распоряженія крестьянскаго начальника арестовать политическихъ, — во что бы то ни стало взять ихъ силой, предлагая имъ за это полъ-ведра водки и грозя въ противномъ случаѣ арестовать ихъ. Пошла торговля и согласились на трехъ четвертяхъ водки, причемъ приставъ разрѣшилъ крестьянамъ бить арестуемыхъ въ случаѣ сопротивленія. Въ три часа дня приставъ съ толпою крестьянъ, урядниковъ, сотскихъ и десятскихъ (свыше 100 челвѣкъ), съ револьверомъ въ рукѣ ворвался въ квартиру политическаго Хиноя, гдѣ въ то время отдыхали вернувшіеся съ собранія Бабинскій и Левинъ, и потребовалъ сдачи ихъ. Тѣ отвѣчали отказомъ, заявивъ, что на силу отвѣтятъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. По командѣ пристава „взять ихъ силой", толпа бросилась на нихъ и началось жестокое избіеніе. Приставъ кричалъ, чтобы арестуемыхъ били и вязали. Связанныхъ и окровавленныхъ, политическихъ бросили въ кошеву, повезли въ волостное правленіе, тамъ обыскали и бросили въ каталажку — двухъ въ темную безъ окна каморку, одного въ нѣсколько большую съ маленькимъ окошечкомъ. Узнавъ объ этомъ, пять политическихъ, оставшихся на свободѣ, бросились къ квартирѣ Хиноя. Двое изъ нихъ были арестованы во дворѣ (Серъ и Кирякинъ), двое ворвались въ избу, пытаясь броситься на пристава, но были тутъ же схвачены (Шерманъ и Глазеръ), а пятый (Граннъ) былъ арестованъ на улицѣ. Всѣ они были жестоко избиты и тоже брошены въ каталажку: двое въ ту же темную, остальные въ ту, что посвѣтлѣе. Тутъ же приставъ произнесъ рѣчь къ своей рати, запретивъ десятскимъ допускать къ заключеннымъ кого бы то ни было, доставлять пищу и кипятокъ и убѣждая ихъ рубить заключеннымъ головы, если они станутъ высовываться въ окна или дверь. Въ то же время приставъ совершилъ обыскъ на квартирахъ всѣхъ арестованныхъ, рвалъ и топталъ книги и другія вещи, бралъ все, что ему нравилось, поощрялъ крестьянъ разбирать вещи, высыпалъ изъ мѣшковъ муку и пр. Черезъ 9 дней пріѣхали въ Мартыновское тов. прокурора и жандармскій ротмистръ (у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ была найдена нелегальная литература). Вызванные къ допросу, арестованные просили тов. прокурора начать слѣдствіе объ ихъ арестѣ, но получили грубый отказъ; на вопросы же по дѣлу о нелегальной литературѣ отвѣчать отказались. Всѣ они были освобождены — пятеро подъ особый надзоръ полиціи. Квартиры теперь нашлись съ трудомъ, такъ какъ приставъ убѣждалъ крестьянъ не сдавать квартиры политическимъ. — Въ началѣ мая всѣ мартыновскіе ссыльные послали протестъ губернатору приблизительно такого содержанія: высказавъ, что жизнь въ ссылкѣ послѣ изданія циркуляровъ Кутайсовымъ, стала невозможной, они описали всю исторію, разыгравшуюся съ ними, начиная съ ареста Кулагина, и заявили, что будутъ протестовать противъ циркуляровъ Кутайсова, и что выходки администраціи, подобныя вышеописанной, будутъ всегда встрѣчать рѣзкій отпоръ. Такъ какъ корреспонденція ссыльныхъ не принималась по распоряженію пристава въ волости, то для отправки протеста пришлось совершить отлучку въ городъ Киренскъ. Тамъ и арестовали Шермана и Глазера, а черезъ нѣсколько дней были арестованы Хиной, Серъ и Бабинскій. Въ тюрьмѣ имъ объявили, что они по постановленію губернатора высылаются въ Якутскую область, а черезъ мѣсяцъ противъ нихъ же было возбуждено преслѣдованіе по 278, 285 и 286 ст. ст. Улож. о Нак., т. е. по обыкновенію въ сопротивленіи властямъ и оскорбленіи должностного лица (пристава) словами и дѣйствіемъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Просидѣвъ въ тюрьмѣ до 17 іюня — до окончанія слѣдствія, — они послѣдовали со второй лѣтней Ленской партіей въ Якутскую область.

Вторая лѣтня. Ленская партія 1904 г. Партія вышла изъ села Александровскаго 25 іюня. На первомъ же станкѣ Московщина) офицеръ, ведшій партію изъ Александровска (вѣроятно, изъ боязни скандаловъ, такъ какъ онъ пьянымъ принялъ партію и грубо обращался съ политическими) былъ замѣненъ шт. кап. Рябининымъ. Партія, вышедшая изъ Александровска, состояла изъ лицъ, пересылавшихся изъ Иркутскаго уѣзда въ отдаленнѣйшія мѣста Киренскаго уѣзда за протесты, самовольные отлучки и т. п. Здѣсь были Тугутуйская, часть Куядской и часть Уянской колоній. Только два лица (всѣхъ было 26 взрослыхъ и семеро дѣтей) высылалось по приговору — оба по Иркутскимъ дѣламъ. На станціи Жердовкѣ къ партіи были присоединены семь чел., содержавшихся до сихъ поръ въ Иркутской тюрьмѣ. Отношенія между конвойнымъ офицеромъ и партіей съ самаго начала не оставляли желать ничего лучшаго: въ каждомъ селѣ на пути политики могли отправляться за покупками въ неограниченномъ числѣ, во всѣхъ попутныхъ колоніяхъ свиданія разрѣшались (такъ, партія имѣла свиданія съ мѣстными колоніями въ селѣ Манзурскомъ, въ с. Марковскомъ, въ г. Киренскѣ, въ с. Чечуйскомъ). Путешествіе, казалось, должно пройти совсѣмъ хорошо, что было тѣмъ удивительнѣе, что по всей дорогѣ до партіи доходили слухи о предшествовавшей партіи (вышедшей изъ Александровска 15 мая). Но дѣло оказалось совсѣмъ не такъ. Въ Киренскѣ къ партіи присоединилась Мартыновская колонія (5 чел.), высылавшаяся въ Якутскую область за сопротивленіе властямъ, а въ Чечуйскомъ высадились послѣдніе назначенные въ Киренскій уѣздъ политики. Съ тѣхъ поръ въ составъ партіи входили всего 14 ч.: 4 уянца (Василевскій, Венгроверъ, Мачарадзе и Нейманъ); 5 мартыновцевъ Бабинскій, Глазеръ, Серъ, Хиной и Шерманъ) и 5 слѣдовавшихъ изъ Иркутской тюрьмы (Лидія Канцель, Поповъ, Савенковъ, Шанцеръ (пересылался изъ Ачинска въ Якутск. обл.) и Феденевъ. По дорогѣ еще было нѣсколько колоній въ с. Петропавловскомъ, въ с. Ичерскомъ, въ с. Нохтуйскомъ и въ г. Олекминскѣ. Петропавловское проѣхали ночью, а въ Ичерскомъ остановились по случаю сильнаго вѣтра. Паузки причалили на другой сторонѣ рѣки противъ села. Зная, что въ Ичерскомъ есть политики, двое изъ партіи съѣздили въ село, повидались съ мѣстными политиками, сообщили имъ, что партія будетъ требовать свиданія, просили ихъ переѣхать на лодкахъ къ паузкамъ. Оказалось, однако, что мѣстнымъ колонистамъ запрещено давать лодки, и что офицеръ, допускавшій до сихъ поръ свиданія, вдругъ запретилъ ихъ, ссылаясь на то, что въ Ичеры пріѣхали изъ Киренска становой приставъ и жандармъ. Партія, однако, стала требовать свиданія черезъ своего старосту, который говорилъ съ конвойнымъ офицеромъ и со становымъ. Въ свиданіи было отказано. Наступалъ вечеръ. Вся партія заявила, что не поѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ свиданія, вышла изъ паузка на берегъ, и, боясь, что ночью паузки могутъ двинуться въ путь, рѣшила заночевать на берегу. Офицеръ не показывался и отдалъ только распоряженіе усилить на берегу конвой. Эту ночь (съ 20 на 21 іюля) партія провела на берегу у костра. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ, можно было двинуться въ путь, но партія опять отказалась войти въ паузки. Тогда былъ отданъ приказъ взять партію силой: на 14 человѣкъ политиковъ, совершенно безоружныхъ, приходилось около 50 чел. солдатъ, и послѣ 20 минутнаго сопротивленія политики были брошены на паузокъ и заперты въ немъ на замокъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что солдатамъ былъ отданъ строгій приказъ не драться и до самаго конца ни кулаки, ни приклады не были пущены въ ходъ: политиковъ только толкали, схватывали и бросали въ паузокъ. Нужно сказать также, что во время этой исторіи, и во все послѣдующее время конвойный офицеръ не показывался, а отдавалъ свои приказанія черезъ унтеръ-офицера. Когда двери были отомкнуты, оказалось, что конвойнымъ офицеромъ были отданы новыя приказанія: 1) не пускать политиковъ на палубу, т. е. на крышу паузка, 2) пускать въ село за покупками только одного старосту, 3) на берегъ при остановкахъ никого не выпускать. Партія черезъ старосту потребовала отмѣны этихъ распоряженій, т. е. возстановленія стараго режима; но конвойный офицеръ не пожелалъ ихъ отмѣнить (за исключеніемъ перваго), и партія объявила голодовку до тѣхъ поръ, покуда эти распоряженія не будутъ отмѣнены. Въ число требованій не было включено требованіе свиданій, такъ какъ партія не хотѣла предъявлять его къ конвою, какъ таковому, считая его болѣе общимъ. Офицеру было, однако, заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій въ каждой попутной колоніи. Вѣроятно, это заявленіе и заставляло офицера упорствовать на двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Село Нохтуйское проѣхали на пятый день голодовки, здѣсь не останавливались, и къ паузкамъ на лодкѣ подъѣхали два товарища изъ мѣстной колоніи. Они на паузокъ не входили и только довольно долгое время провожали паузокъ и разговаривали съ партіей. Къ концу шестого дня голодовки (27 іюля ночью), когда уже паузки подъѣзжали къ Олекминску, съ офицеромъ были начаты переговоры, и онъ отмѣнилъ оба свои распоряженія, строго, однако, приказавъ конвойнымъ препятствовать всякимъ попыткамъ свиданій. Ему, однако, было заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій. Голодовка, какъ достигшая цѣли, была прекращена, и партія стала думать о свиданіи съ товарищами въ Олекминскѣ. За время голодовки партія дважды требовала отъ офицера вызова врача, чтобы ссадить тяжело больныхъ въ Витимѣ и въ Нохтуйскѣ, но оба раза подъ различными предлогами врачъ не былъ вызванъ. Этотъ незаконный поступокъ офицера были оба раза обжалованъ.

Въ Олекминскѣ свиданія требовать не пришлось, такъ какъ 25 іюля рано утромъ (часовъ въ 5) на паузокъ явился приставъ и заявилъ, что, по распоряженію Якутскаго губернатора, вся партія временно остается въ Олекминскѣ. Одинъ изъ товарищей пріѣхалъ за партіей на лодкѣ, и всѣ были освобождены тутъ же на берегу изъ подъ конвоя. Съ проѣзда с. Ичеры конвойный офицеръ ни разу не показывался на паузкѣ политиковъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Черниговской губерніи. 23 мая текущаго года въ сел. Володьковой Дѣвицѣ, Нѣжинскаго уѣзда, производилъ „отеческую" расправу губернаторъ Черниг. г. А. А. Хвостовъ, достойный преемникъ „лучшаго изъ губернаторовъ" — Андревскаго.

Сел. Вол. Дѣвица принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ многолюдныхъ малорусскихъ селъ, въ которыхъ, наряду съ казаками, живутъ и крестьяне, Богъ вѣсть когда и какимъ образомъ закрѣпощенные. Изъ прежнихъ владѣльцевъ народная память сохранила только Румянцева; возможно, что „за великія заслуги" пожалованы они ему „царицей-матушкой" Екатериной II. И почему то въ сознаніи народномъ жило убѣжденіе, что отданы они владѣльцу „по смерть". Когда умеръ Румянцевъ и имѣніе перешло къ кн. Голицынымъ, крестьяне отказались повиноваться новому владѣльцу, слѣдствіемъ чего была жестокая экзекуція, — многіе были „нещадно" биты на площади кнутомъ и сосланы въ Сибирь.

Послѣдній владѣлецъ, князь М. И. Голицынъ, хозяйства въ имѣніи не заводилъ, и вся почти земля находилась въ пользованіи крестьянъ. При этомъ очень многіе крестьяне владѣли землей на правѣ полной собственности, какъ полученною отъ казаковъ вслѣдствіе родства или купли у мелкопомѣстныхъ дворянъ, на что у нѣкоторыхъ даже имѣлись домашнія купчія. Передъ 1861 г. у многихъ купчія были отобраны, и земля „по закону" вся была записана за помѣщикомъ. Крестьянамъ былъ предложенъ надѣлъ. Но они заявили, что не желаютъ платить за свою землю, да еще такъ дорого, что земля и такъ имъ достанется, потому что—что съ нею князь будетъ дѣлать? А помретъ бездѣтный князь, такъ тогда земля безспорно ужъ ихъ будетъ... Такъ лучше взять по 1¼ десятины дарового надѣла съ усадьбами 1¼, который предложилъ имъ князь (въ Беркіевскомъ имѣніи, тоже возлѣ Нѣжина, гр. Кушелевъ-Безбородко при такихъ-же условіяхъ далъ даже по 1 десят.). Прошло послѣ 19 февраля нѣсколько лѣтъ, впродолженіе которыхъ крестьяне продолжали владѣть землею по прежнему, но возили уже помѣщику „скіпщину", т. е. условленную часть урожая. Но вотъ началось размежеваніе („порѣзка"); крестьянамъ стали вырѣзать по 1¼ дес., причемъ, у кого были большія усадьбы, у того и отъ нихъ отрѣзали, а въ полѣ уже не дали ни ступни. Начались волненія. Князь Голицынъ, человѣкъ очень образованный, либералъ, другъ Александра II (такъ разсказываютъ) предложилъ крестьянамъ купить у него землю по 25 руб. десятину. Для выкупа земля была оцѣнена вдвое выше. „И такъ наша будетъ" рѣшили крестьяне и отказались, согласившись взять лучше землю въ аренду. Сначала арендная плата поступала исправно. Но вотъ князь умеръ, и арендаторы рѣшили, что земля должна перейти въ ихъ собственность и отказались платить вдовѣ, къ которой имѣніе перешло въ пожизненное владѣніе. Тогда княгиня, по совѣту нѣкоего Мостицкаго, рѣшила завести собственное хозяйство. Только теперь крестьяне почувствовали всю тяжесть своего положенія, когда имъ отказали въ арендѣ и въ спольщинѣ. Начались самовольные выпасы, порубки; начались поджоги вновь отстраиваемыхъ хозяйственныхъ построекъ и хлѣба. Но управляющій княгини Мостицкой энергично вступилъ въ борьбу съ крестьянами, возстановляя права владѣлицы при помощи суда и полиціи. Тогда борьба приняла другой характеръ. Еще во время „порѣзки", когда крестьянъ стали сгонять съ земли, которою они издавна владѣли, они пробовали обращаться къ властямъ за защитою, причемъ нѣкоторые извлекли изъ подъ спуда припрятанные отъ кн. слугъ крѣпостные документы. Ничего, конечно, не выходило, и большинство примирялось со своимъ положеніемъ, предоставивъ „отстаивать правду" наиболѣе потерпѣвшимъ „отъ воли". Но режимъ Мостицкаго разбудилъ всѣхъ. Незадолго передъ тѣмъ бывшій управляющій Дмитревскій, уволенный княгиней, передалъ крестьянамъ извлеченную изъ княжескаго архива инвентарную опись, составленную передъ волей; въ этой описи было точно указано, кто изъ крестьянъ какимъ количествомъ земли владѣлъ и на какомъ основаніи. Эта книга сразу оживила надежды крестьянъ. Были выбраны уполномоченные, собраны деньги, и началось исканіе „человѣка", который взялся бы вести дѣло. Адвокаты отказывались вести дѣло, не признавая за ихъ документами юридическаго значенія. Крестьяне объясняли это тѣмъ, что „паны всѣ закуплены княгиней", и искали благодѣтелей среди трактирныхъ ходатаевъ. Послѣдніе не отказывались, но требовали денегъ и за свой трудъ и „для подмазки" нужныхъ людей, и началось обираніе темныхъ тружениковъ, подача прошеній царю и всѣмъ членамъ царской фамиліи, а также въ разныя существующія и несуществующія учрежденія[1]). Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали „аблакаты" для убѣжденія простодушныхъ уполномоченныхъ въ успѣшности ихъ ходатайствъ, показываетъ слѣдующая выяснившаяся оффиціально исторія. Нѣкій „ходатай" Ященко, подвизающійся и поднесь въ Нѣжинѣ, повезъ уполномоченныхъ въ Петербургъ и въ какомъ-то зданіи, кажется, въ парикмахерской изъ чулана въ щелку показалъ имъ „засѣданіе сената"; крестьяне собственными глазами видѣли, какъ нѣсколько пановъ сидѣли за столомъ и одинъ изъ нихъ „весь въ золотѣ" прочиталъ, что „по указу его императорскаго величества и т. д. сенатъ рѣшилъ: изъять землю изъ владѣнія Голицыной и передать крестьянамъ". Не знаемъ, кто помогалъ Ященко въ этой комедіи, но только онъ побывалъ за это дѣло въ арестантскихъ ротахъ и, кромѣ того, былъ губернаторомъ Анастасьевымъ, тоже по секрету, наказанъ розгами. „Молітьця богу — земля буде наша" — говорили крестьянамъ уполномоченные, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, но „аблакатамъ тільки треба ще де-дать"... Тѣмъ временемъ ушелъ управляющій Мостицкій, княгиня сократила хозяйство и снова сдала часть земли въ аренду крестьянамъ. Арендную плату они вносили исправно и ждали смерти княгини. И дождались, наконецъ: года два тому назадъ она умерла, и имѣніе досталось кн. Долгоруковой, вдовѣ извѣстнаго земскаго дѣятеля, Черниг. губ. предводителя дворянства, и одному изъ Голицыныхъ, который немедленно продалъ свои права сонаслѣдницѣ. Крестьяне снова перестали платить аренду, заявляя, что земля теперь окончательно принадлежитъ имъ — и арендованная, и та, на которой вела хозяйство сама владѣлица. Уполномоченный княгини Долгоруковой объявилъ землю въ продажу. Жители сосѣднихъ селеній, мѣстные казаки и нѣкоторые изъ крестянъ, стали вносить задатки. Крестьяне подстерегали покупщиковъ и били, устраивали засады на сельскихъ властей, не допустили до осмотра уполномоченнымъ крестьянскаго банка, выѣзжавшихъ по просьбѣ покупщиковъ, толпами являлись во дворъ имѣнія, когда узнавали, что кто нибудь явился по поводу земли, грозили уполномоченнымъ княгини и т. п. Нѣсколько разъ уѣздныя власти пытались образумить крестьянъ, выѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій Шрамченко. Но на сходахъ, и при земскомъ начальникѣ и при губернскомъ чиновникѣ, крестьяне твердили свое, что земля принадлежитъ имъ, такъ такъ была отобрана у нихъ незаконно, что они подчинялись силѣ, а теперь рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ земли, — все равно безъ земли имъ предстоитъ голодная смерть[2]). Никакія убѣжденія не дѣйствовали — крестьяне вѣрили только тому, кто говорилъ въ ихъ пользу, а объ остальныхъ говорили, что они подкуплены княгиней или просто: панъ за пана... Въ поискахъ за „человѣкомъ", уполномоченные крестьянъ случайно встрѣтились съ уполномоченными какого то села Конотопскаго уѣзда, которые разсказали, что они много лѣтъ вели тяжбу съ паномъ, но вездѣ имъ отказали, такъ какъ у нихъ нѣтъ документовъ; какой-то присяжный повѣренный посовѣтовалъ имъ завладѣть землей; они это сдѣлали и уже шесть лѣтъ владѣютъ, „а панъ ихъ позывае". Эта мысль — изъ истцовъ превратиться въ отвѣтчиковъ — очень понравилась крестьянамъ, и весной этого года сотни плуговъ одновременно появились на землѣ княгини, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ пахали особнякомъ — на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „до порѣзки" владѣлъ его отецъ и дѣдъ. Явившемуся къ нимъ управляющему крестьяне заявили, чтобы онъ не смѣлъ на эту землю загонять панскій скотъ, но его самого ни словомъ не обидѣли. Одновременно по всѣмъ лугамъ и лѣсамъ имѣнія стали пасти скотъ, причемъ насильно загоняли на панскую землю скотъ всѣхъ жителей Вол. Дѣвицы, даже казаковъ.

Наконецъ, власти рѣшили, что пора принять „мѣры". Пріѣхали въ Нѣжинъ губернаторъ Хвостовъ и жандармъ Рудовъ со свитой. Между тѣмъ, было собрано въ Вол. Дѣвицѣ около 200 стражниковъ и городовыхъ, душъ 40 урядниковъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Въ Нѣжинѣ созваны были уѣздныя власти, и составленъ планъ усмиренія. При этомъ губернаторъ приглашалъ къ себѣ для дачи заключенія двухъ присяжныхъ повѣренныхъ — Гриневскаго и Кисилевича, къ которымъ крестьяне обращались въ разные сроки. Оба дали заключеніе, что никакого юридическаго основанія у крестьянъ нѣтъ. Говорятъ, что губернаторъ выражалъ въ разговорахъ съ прокуроромъ и другими сожалѣніе къ крестьянамъ и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло обошлось мирно. Когда онъ уѣхалъ изъ Нѣжина, крестьяне, ожидавшіе его въ Дѣвицу, заговорили: „Ага, якъ побачывъ, що наше право, то и очей не показавъ!" Между тѣмъ, команда надъ стражниками и прочей компаніей была поручена губернаторскому фавориту, приставу Колодію.

19 мая одного изъ урядниковъ, выѣхавшаго сгонять скотъ, крестьяне сильно избили. Въ ночь на 20 по селу разбросаны были прокламаціи, въ которыхъ мало понятнымъ галиційскимъ языкомъ крестьянъ приглашали не надѣяться на царя и начальство, а соединяться въ союзы и силой добывать свое право. „Выдно полякъ писавъ — все „але" та „але", говорили тѣ, кто пробовалъ прочесть прокламаціи (кстати, плохо гектографированныя). Утромъ пристава съ урядниками и стражниками ѣздили по полю, требуя, чтобы крестьяне угнали скотъ, а иначе они будутъ арестованы. Крестьяне отвѣчали, что они не просили полицію приходить на ихъ землю, и просили не мѣшать имъ. Пристава уѣхали съ поля. Но вотъ передъ вечеромъ прибѣжали изъ села бабы съ крикомъ, что полиція шаритъ по хатамъ и скрынямъ, ищетъ какихъ то бумагъ, что при обыскѣ у кого то изъ скрыни исчезли деньги, что пять душъ крестьянъ арестованы и уведены во дворъ имѣнія. Толпы крестьянъ бросились туда. Ворота оказались запертыми. Сотни мужиковъ, бабъ и подростковъ столпились на улицѣ и сосѣднихъ дворахъ, требуя выдачи арестованныхъ. Весь отрядъ былъ уже наготовѣ. На требованіе разойтись крестьяне отвѣчали бранью и угрозами. Уже вечерѣло. Въ это время изъ сосѣдняго мѣстечка Носовки привезли для полиціи печеный хлѣбъ, и ворота были открыты. Толпа ворвалась во дворъ. Тогда коннымъ урядникамъ приказано было разогнать толпу нагайками. Отрядъ въ 40 душъ бросился на безоружную толпу, нанося удары направо и налѣво, конныхъ поддерживали пѣшіе стражники. Толпа шарахнулась по огородамъ. Въ то же время въ полицію полетѣли кирпичи, колья, и даже раздались, будто бы, выстрѣлы. Тогда полиціи приказано было стрѣлять. Большинство стрѣляло въ воздухъ, но нѣкоторые, видно, не хотѣли тратить даромъ зарядовъ, и пять или шесть мужиковъ и бабъ были ранены, въ томъ числѣ одинъ смертельно. Немедленно во всѣ стороны полетѣли телеграммы, и на другой день въ Дѣвицу пришло 2 роты пѣхоты и сотня казаковъ. Говорятъ, явившійся съ разсвѣтомъ въ Нѣжинъ губернаторъ потребовалъ еще одну сотню казаковъ и до прихода ея и полученія телеграммы изъ Петербурга оставался цѣлый день и ночь въ Нѣжинѣ. Всю ночь не спали крестьяне, ожидая отвѣта отъ царя на телеграмму, для посылки которой собрали до 200 руб. Нѣкоторые надѣялись, что изъ Кіева на помощь пріѣдутъ какіе то „студенты". Нѣсколько душъ крестьянъ поспѣшили „скрыться". На утро

---

[1]) За исключеніемъ Окружного Суда.

[2]) Надо замѣтить, что арендный договоръ съ кн. Голицынымъ былъ судомъ расторгнутъ по жалобѣ кн. Долгоруковой за неплатежъ аренды, причемъ на крестьянъ былъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. за контрактъ на простой бумагѣ, а на Долгорукову всего въ сто рублей (стоимость бумаги), такъ какъ за наслѣдодателя она не отвѣчаетъ. Крестьяне объясняли это пристрастіемъ суда.

Подписи: 1) Леонидъ Г. Васильевскій, Л. М. Венгроверъ, Анатолій Гольдманъ, Никита Ивановъ, Лидія Канцель, Анна Махлина, Яковъ Лобановъ, Мееръ Мединцъ, Поликарпъ Мачарадзе, Борисъ Нейманъ, Акимъ Пальчикъ, Константинъ Поповъ, Александръ Савенковъ, Александръ Сачава, Татьяна Феденева, Виргилій Шанцеръ. Абрамъ Шварцъ, Давидъ Штейнъ.

2) Маркусъ Бабинскій, Шмерко Серъ, Соломонъ Шерманъ, Шмерко Хиной, Шмерко Глазеръ, Самуилъ Алтшулеръ, Ицко Окуньскій, Осипъ Ярошевскій, Карлъ Дочкалъ, Найденовъ, Картунъ, Левъ [illegible]берманъ.

Село Мартыновское, Киренскаго уѣзда, Иркутской губерніи. 11 марта 1904 г. въ село Мартыновское пріѣхалъ становой приставъ арестовать товарища Кулагина, получившаго приговоръ, для отсылки въ Якутскую область. Приставъ не допускалъ товарищей провожать его и проститься съ нимъ. Всѣ Мартыновскіе ссыльные энергично протестовали противъ этого и хотѣли насильно вторгнуться сквозь ряды полицейскихъ къ товарищу Кулагину. Произошла свалка, въ которой одному изъ товарищей, Глазеру, порѣзали руку шашкой. Послѣ этого приставъ пошелъ на уступки, самъ удалился, и тѣмъ товарищамъ удалось съ Кулагинымъ проститься и проводить его по селу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Черезъ два дня четверыхъ изъ нихъ вызвали въ волостное правленіе и объявили постановленіе пристава объ ихъ арестѣ въ мѣстной каталажкѣ по обвиненію въ сопротивленіи властямъ и устройствѣ демонстраціи при проводахъ товарища Кулагина. Въ виду отказа ихъ подчиниться постановленію пристава, основаннаго на томъ, что безъ постановленія подлежащихъ властей они считаютъ арестъ незаконнымъ и, вообще, заключенію въ каталажкѣ не подлежатъ, Волостное Правленіе дало возможность возвратиться домой. Въ тотъ же вечеръ всѣ политическіе села Мартыновскаго на общемъ собраніи постановили товарищей властямъ не выдавать, сопротивляясь до послѣдней возможности. Всю ночь всѣ политическіе просидѣли вмѣстѣ, къ нимъ неоднократно заглядывали шпіоны, слѣдя, не разошлись ли они. 14 марта приставъ, распустивъ слухъ о своемъ отъѣздѣ, велѣлъ собрать сходъ. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся и, окруживъ сходъ десятскими и сотскими, предложилъ крестьянамъ, въ виду отказа старшины безъ распоряженія крестьянскаго начальника арестовать политическихъ, — во что бы то ни стало взять ихъ силой, предлагая имъ за это полъ ведра водки и грозя въ противномъ случаѣ арестовать ихъ. Пошла торговля и согласились на трехъ четвертяхъ водки, причемъ приставъ разрѣшилъ крестьянамъ бить арестуемыхъ въ случаѣ сопротивленія. Въ три часа дня приставъ съ толпою крестьянъ, урядникомъ, сотскихъ и десятскихъ (свыше 100 человѣкъ), съ револьверомъ въ рукѣ ворвался въ квартиру политическаго Хиноя, гдѣ въ то время отдыхали вернувшіеся съ собранія Бабинскій и Левинъ, и потребовалъ сдачи ихъ. Тѣ отвѣчали отказомъ, заявивъ, что на силу отвѣтятъ силой, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. По командѣ пристава „взять ихъ силой“ толпа бросилась на нихъ и началось жестокое избіеніе. Приставъ кричалъ, чтобы арестуемыхъ били и вязали. Связанныхъ и окровавленныхъ политическихъ бросили въ кошеву, повезли въ волостное правленіе, тамъ обыскали и бросили въ каталажку — двухъ въ темную безъ окна камеру, одного въ нѣсколько большую съ маленькимъ окошечкомъ. Узнавъ объ этомъ, пять политическихъ, оставшихся на свободѣ, бросились къ квартирѣ Хиноя. Двое изъ нихъ были арестованы во дворѣ (Серъ и Кирнкинъ), двое ворвались въ избу, пытаясь броситься на пристава, но были тутъ же схвачены (Шерманъ и Глазеръ), а пятый [illegible] былъ арестованъ на улицѣ. Всѣ они были жестоко избиты и тоже брошены въ каталажку — [illegible] въ ту же темную, остальные въ другую [illegible]. Тутъ же приставъ произнесъ рѣчь къ своей рати, запретивъ десятскимъ допускать къ заключеннымъ кого бы то ни было, доставлять пищу и кипятокъ, и убѣждая ихъ рубить заключенныхъ [illegible], если они станутъ высовываться въ окна или двери. Въ то же время приставъ совершилъ обыскъ на квартирахъ всѣхъ арестованныхъ, рвалъ и топталъ книги и другія вещи, бралъ все, что ему нравилось, поощрялъ крестьянъ разбирать вещи, высыпалъ изъ мѣшковъ муку и пр. Черезъ [illegible] дней пріѣхали въ Мартыновское тов. прокурора и жандармскій ротмистръ; у нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ была найдена нелегальная литература. Вызванные къ допросу арестованные просили тов. прокурора начать слѣдствіе объ ихъ арестѣ, но получили грубый отказъ; на вопросы же по дѣлу о нелегальной литературѣ отвѣчать отказались. Всѣ они были освобождены [illegible] подъ особый надзоръ полиціи. Квартиры теперь наняли съ трудомъ, такъ какъ приставъ убѣждалъ крестьянъ не сдавать квартиръ политическимъ. Въ началѣ мая всѣ мартыновскіе ссыльные послали протестъ губернатору [illegible] высказавъ, что [illegible] Кутайсовымъ [illegible] разыгравшуюся съ ними [illegible] ареста Кулагина [illegible] что будутъ протестовать [illegible] выходки администраціи [illegible] встрѣчать [illegible] ныхъ не принимало [illegible] то для отправки [illegible] родъ Киренскъ. [illegible] и арестовали Шермана и Глазера. Черезъ нѣсколько дней были арестованы Хиной, Серъ и Бабинскій. Въ тюрьмѣ имъ объявили [illegible] тора высылаются въ Якутскую область [illegible] тивъ нихъ же было возбуждено преслѣдованіе по [illegible] ст. Улож. [illegible] властямъ и [illegible] и дѣйствіемъ [illegible] Просидѣвъ въ тюрьмѣ [illegible] послѣ [illegible] области.

Вторая лѣтняя Ленская партія 1904 [illegible] Александровска [illegible] На первомъ же этапѣ [illegible] офицеръ, ведшій партію изъ Александровска [illegible] сканда[illegible] грубо обращался съ политическими [illegible] бининымъ [illegible] лицъ, переводившихся изъ Иркутскаго уѣзда [illegible] мѣста Киренскаго уѣзда за протестъ [illegible] Здѣсь были [illegible] ній [illegible] тей [illegible] На стан[illegible] содержавшихся [illegible] въ Иркутской тюрьмѣ [illegible] нія между конвойнымъ офицеромъ и партіей [illegible] не оставляли желать ничего лучшаго [illegible] политики [illegible] числѣ [illegible] (такъ, партія имѣла свиданія съ мѣстными колоніями въ селѣ Манзурскомъ, въ Марковскомъ, въ Киренскѣ и [illegible]скомъ). Путешествіе казалось [illegible] что было тѣмъ удивительнѣе [illegible] ходили слухи [illegible] ксандровскѣ [illegible] Киренскѣ къ партіи присоединились [illegible] (5 чел.), высылаемые [illegible] властямъ [illegible] въ Киренскій уѣздъ политики. [illegible] входили всего 14 [illegible] Васильевскій [illegible] Мачарадзе и Нейманъ [illegible] мартыновцы Бабинскій [illegible] Хиной и Шерманъ, и [illegible] изъ Иркутской тюрьмы [illegible] Канцель, Поповъ, Савенковъ [illegible] Шанцеръ [illegible] Ачинска въ Якутскъ [illegible] и Феденева. [illegible] нѣсколько колоній [illegible] въ с. Нохтуйскомъ и въ г. Олекминскѣ. [illegible] ѣхали ночью, а въ Ичерскомъ остановились по случаю сильнаго вѣтра. Паузки причалили на другой сторонѣ рѣки противъ села. Зная, что въ Ичерскомъ есть политики, двое изъ партіи съѣздили въ село, повидались съ мѣстными политиками, сообщили имъ, что партія будетъ требовать свиданія, просили ихъ переѣхать на лодкахъ къ паузкамъ. Оказалось, однако, что мѣстнымъ колонистамъ запрещено давать лодки, и что офицеръ, допускавшій до сихъ поръ свиданія, вдругъ запретилъ ихъ, ссылаясь на то, что въ Ичеры пріѣхали изъ Киренска становой приставъ и жандармъ. Партія, однако, стала требовать свиданія черезъ своего старосту, который говорилъ съ конвойнымъ офицеромъ и со становымъ. Въ свиданіи было отказано. Наступилъ вечеръ. Вся партія заявила, что не поѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ свиданія, вышла изъ паузка на берегъ, и, боясь, что ночью паузки могутъ двинуться въ путь, рѣшила заночевать на берегу. Офицеръ не показывался и отдалъ только распоряженіе усилить на берегу конвой. Эту ночь (съ 20 на 21 іюля) партія провела на берегу у костра. На слѣдующее утро вѣтеръ стихъ, можно было двинуться въ путь, но партія опять отказалась войти въ паузки. Тогда былъ отданъ приказъ взять партію силой: на 14 человѣкъ политиковъ, совершенно безоружныхъ, приходилось около 50 чел. солдатъ, и послѣ 20 минутнаго сопротивленія политики были брошены на паузокъ и заперты въ немъ на замокъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что солдатамъ былъ отданъ строгій приказъ не драться и до самаго конца ни кулаки, ни приклады не были пущены въ ходъ: политиковъ только толкали, схватывали и бросали въ паузокъ. Нужно сказать также, что во время этой исторіи, и во все послѣдующее время конвойный офицеръ не показывался, а отдавалъ свои приказанія черезъ унтеръ-офицера. Когда двери были отомкнуты, оказалось, что конвойнымъ офицеромъ были отданы новыя приказанія: 1) не пускать политиковъ на палубу, т. е. на крышу паузка, 2) пускать въ село за покупками только одного старосту, 3) на берегъ при остановкахъ никого не выпускать. Партія черезъ старосту потребовала отмѣны этихъ распоряженій, т. е. возстановленія стараго режима, но конвойный офицеръ не пожелалъ ихъ отмѣнить (за исключеніемъ перваго), и партія объявила голодовку до тѣхъ поръ, покуда эти распоряженія не будутъ отмѣнены. Въ число требованій не было включено требованіе свиданій, такъ какъ партія не хотѣла предъявлять его къ конвою, какъ таковому, считая его болѣе общимъ. Офицеру было, однако, заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій въ каждой попутной колоніи. Вѣроятно, это заявленіе и заставило офицера упорствовать на двухъ послѣднихъ распоряженіяхъ. Село Нохтуйское проѣхали на пятый день голодовки, здѣсь не останавливались, и къ паузкамъ на лодкѣ подъѣхали два товарища изъ мѣстной колоніи. Они на паузокъ не входили и только довольно долгое время провожали паузокъ и разговаривали съ партіей. Къ концу шестого дня голодовки, 27 іюля ночью, когда уже паузки подъѣзжали къ Олекминску, съ офицеромъ были начаты переговоры, и онъ отмѣнилъ оба свои распоряженія, строго, однако, приказавъ конвойнымъ препятствовать всякимъ попыткамъ свиданій. Ему, однако, было заявлено, что партія по прежнему будетъ требовать свиданій. Голодовка, какъ достигшая цѣли, была прекращена, и партія стала думать о свиданіи съ товарищами въ Олекминскѣ. За время голодовки партія дважды требовала отъ офицера вызова врача, чтобы ссадить тяжело больныхъ въ Витимѣ и въ Нохтуйскѣ, но оба раза подъ различными предлогами врачъ не былъ вызванъ. Этотъ незаконный поступокъ офицера былъ оба раза обжалованъ.

Въ Олекминскѣ свиданія требовать не пришлось, такъ какъ [illegible] іюля рано утромъ [illegible] на паузокъ явился приставъ и заявилъ, что по распоряженію Якутскаго губернатора вся партія временно остается въ Олекминскѣ. [illegible] изъ товарищей [illegible] ѣхать за партіей [illegible] и всѣ были освобождены [illegible] Ичерскомъ конвойный [illegible] не показывался [illegible] политиковъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Черниговской губерніи. [illegible] текущаго года въ селѣ Володьковой Дѣвицѣ Нѣжинскаго уѣзда производилъ „отеческую“ расправу губернаторъ Черниговской [illegible] А. Хвостовъ, достойный преемникъ „лучшаго изъ губернаторовъ“ Андреевскаго.

Село Вол. Дѣвица принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ [illegible] малороссійскихъ селъ, въ которыхъ наряду съ казаками живутъ и крестьяне. [illegible] и какимъ образомъ закрѣпощенные. [illegible] прежнихъ владѣльцевъ народная память [illegible] Румянцева [illegible] „царицей матушкой“ Екатериной [illegible] народномъ [illegible] убѣжденіе, что [illegible] Когда умеръ Румянцевъ и имѣніе [illegible] крестьяне отказались [illegible] была [illegible] Сибирь.

[illegible] М[illegible] имѣніе [illegible] земли [illegible] крестьяне [illegible] своей собственности [illegible] полученной отъ [illegible] у малоземельныхъ [illegible] имѣлись [illegible] купчія. Передъ 18[illegible] у многихъ купчія были отобраны и земля [illegible] Крестьянамъ [illegible] не желаютъ [illegible] что земля и такъ имъ [illegible] станется [illegible] будетъ [illegible] земли [illegible] десятины [illegible] предложилъ имъ княжескомъ имѣніи [illegible] Нѣжина [illegible] Прошли [illegible] крестьяне [illegible] по прежнему [illegible] крестьянамъ [illegible] уже не [illegible] изъ [illegible] земли [illegible] крестьяне [illegible] право [illegible] Мостицкій [illegible] хозяйство [illegible] жесть [illegible] на [illegible] энергіи [illegible] въ борьбу [illegible] земли [illegible] изъ [illegible] менты. Ничего [illegible] наибольшее [illegible] возбудили [illegible] Дмитревскій, уволенный княгиней, передалъ крестьянамъ извлеченную изъ княжескаго архива инвентарную опись [illegible] теперь волей [illegible] въ этой описи было точно указано [illegible] изъ крестьянъ [illegible] землей владѣть и [illegible]ваніи. Эта книга сразу оживила надежды крестьянъ. Были выбраны уполномоченные, собраны деньги, и началось исканіе „человѣка“, который взялся бы вести дѣло. Адвокаты отказывались вести дѣло, не признавая за ихъ документами юридическаго значенія. Крестьяне объясняли это тѣмъ, что „паны всѣ закуплены княгиней“, и искали благодѣтелей среди трактирныхъ ходатаевъ. Послѣдніе не отказывались, но требовали денегъ и за свой трудъ и „для подмазки“ нужныхъ людей, и началось обираніе темныхъ тружениковъ, подача прошеній царю и всѣмъ членамъ царской фамиліи, а также въ разныя существующія и несуществующія учрежденія¹). Къ какимъ мѣрамъ прибѣгали „аблакаты“ для убѣжденія простодушныхъ уполномоченныхъ въ успѣшности ихъ ходатайствъ, показываетъ слѣдующая выяснившаяся оффиціально исторія. Нѣкій „ходатай“ Ященко, подвизающійся и понынѣ въ Нѣжинѣ, повезъ уполномоченныхъ въ Петербургъ и въ какомъ-то зданіи, кажется, въ парикмахерской изъ чулана въ щелку показалъ имъ „засѣданіе сената“; крестьяне собственными глазами видѣли, какъ нѣсколько пановъ сидѣли за столомъ и одинъ изъ нихъ, „весь въ золотѣ“ прочиталъ, что „по указу его императорскаго величества и т. д. сенатъ рѣшилъ: изъять землю изъ владѣнія Голицыной и передать крестьянамъ“. Не знаемъ, кто помогалъ Ященко въ этой комедіи, но только онъ побывалъ за это дѣло въ арестантскихъ ротахъ и, кромѣ того, былъ губернаторомъ Анастасьевымъ, тоже по секрету, наказанъ розгами. „Молітьця богу — земля буде наша“ — говорили крестьянамъ уполномоченные, возвращаясь изъ своихъ поѣздокъ, но „аблакатамъ тільки треба ще дати“... Тѣмъ временемъ ушелъ управляющій Мостицкій, княгиня сократила хозяйство и снова сдала часть земли въ аренду крестьянамъ. Арендную плату они вносили исправно и ждали смерти княгини. И дождались, наконецъ: года два тому назадъ она умерла, и имѣніе досталось кн. Долгоруковой, вдовѣ извѣстнаго земскаго дѣятеля, Черниг. губ. предводителя дворянства, и одному изъ Голицыныхъ, который немедленно продалъ свои права сонаслѣдницѣ. Крестьяне снова перестали платить аренду, заявляя, что земля теперь окончательно принадлежитъ имъ — и арендованная, и та, на которой вела хозяйство сама владѣлица. Уполномоченный княгини Долгоруковой объявилъ землю въ продажу. Жители сосѣднихъ селеній, мѣстные казаки и нѣкоторые изъ крестьянъ, стали вносить задатки. Крестьяне подстерегали покупщиковъ и били, устраивали засады на сельскихъ властей, не допустили до осмотра уполномоченныхъ крестьянскаго банка, выѣзжавшихъ по просьбѣ покупщиковъ, толпами являлись во дворъ имѣнія, когда узнавали, что кто-нибудь явился по поводу земли, грозили уполномоченнымъ княгини и т. д. Нѣсколько разъ уѣздныя власти пытались образумить крестьянъ, выѣзжалъ чиновникъ особыхъ порученій Шрамченко. Но на сходахъ, и при земскомъ начальникѣ и при губернскомъ чиновникѣ, крестьяне твердили свое, что земля принадлежитъ имъ, такъ такъ была отобрана у нихъ незаконно, что они подчинялись силѣ, а теперь рѣшили лучше умереть, чѣмъ отказаться отъ земли, — все равно безъ земли имъ предстоитъ голодная смерть²). Никакія убѣжденія не дѣйствовали:

крестьяне вѣрили только тому, кто говорилъ въ ихъ пользу, а объ остальныхъ говорили, что они подкуплены княгиней или просто: панъ за пана. Въ поискахъ за „человѣкомъ“, уполномоченные крестьянъ случайно встрѣтились съ уполномоченными какого-то села Конотопскаго уѣзда, которые разсказали, что они много лѣтъ вели тяжбу съ паномъ, но вездѣ имъ отказали, такъ какъ у нихъ нѣтъ документовъ, какой-то присяжный повѣренный посовѣтовалъ имъ завладѣть землей; они это сдѣлали и уже шесть лѣтъ владѣютъ, „а панъ ихъ позывае“. Эта мысль — изъ истцовъ превратиться въ отвѣтчиковъ — очень понравилась крестьянамъ, и весной этого года сотни плуговъ одновременно появились на землѣ княгини, причемъ нѣкоторые изъ крестьянъ пахали особнякомъ — на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „до поразки“ владѣлъ его отецъ и дѣдъ. Явившемуся къ нимъ управляющему крестьяне заявили, чтобы онъ не смѣлъ на эту землю загонять панскій скотъ, но его самого ни словомъ не обидѣли. Одновременно по всѣмъ лугамъ и лѣсамъ имѣнія стали пасти скотъ, причемъ насильно загоняли на панскую землю скотъ всѣхъ жителей Вол. Дѣвицы, даже казаковъ.

Наконецъ власти рѣшили, что пора принять „мѣры“. Пріѣхали въ Нѣжинъ губернаторъ Хвостовъ и жандармъ Рудовъ со свитой. Между тѣмъ, было собрано въ Вол. Дѣвицѣ около 200 стражниковъ и городовыхъ, душъ 40 урядниковъ и нѣсколько становыхъ приставовъ. Въ Нѣжинѣ созваны были уѣздныя власти, и составленъ планъ усмиренія. При этомъ губернаторъ приглашалъ къ себѣ для дачи заключенія двухъ присяжныхъ повѣренныхъ — Гриневскаго и Василевича, къ которымъ крестьяне обращались въ разные сроки. Оба дали заключеніе, что никакого юридическаго основанія у крестьянъ нѣтъ. Говорятъ, что губернаторъ выражалъ въ разговорахъ съ прокуроромъ и другими жалость къ крестьянамъ и обѣщалъ употребить всѣ [illegible] мирно. Когда онъ уѣхалъ изъ Нѣжина, крестьяне, ожидавшіе его въ Дѣвицу, заговорили: „Ага, [illegible] правди [illegible] очей не показавъ!“ Между тѣмъ команда надъ стражниками и прочей компаніей была поручена губернаторскому фавориту приставу Колодію.

[illegible] мая одного изъ урядниковъ, выѣхавшаго сгонять скотъ, крестьяне сильно избили. Въ ночь на 20 по селу разбросаны были прокламаціи, въ которыхъ мало понятнымъ галиційскимъ языкомъ крестьянъ приглашали не надѣяться на царя и начальство, а соединяться въ союзы и силой добывать свое право. „Выдно посылав якась — все дати та „ще“ говорили тѣ, кто пробовалъ [illegible] прокламаціи (читали плохо гектографированныя). Утромъ пристава съ урядниками и стражниками ѣздили по полю, требуя, чтобы крестьяне угнали скотъ, а иначе они будутъ арестованы. Крестьяне отвѣчали, что они не просили полицію приходить на ихъ землю, и просили не мѣшать имъ. Пристава уѣхали съ поля. Но вотъ передъ вечеромъ прибѣжали изъ села бабы съ извѣстіемъ, что полиція шаритъ по хатамъ и скрынямъ, ищетъ какихъ-то бумагъ, что при обыскѣ у кого-то изъ скрыни и взяли деньги [illegible] душъ крестьянъ арестованы и уведены во дворъ имѣнія. Толпы крестьянъ бросились туда. Ворота оказались запертыми [illegible] мужиковъ, бабъ и подростковъ столпилось на улицѣ и [illegible] требуя выдачи арестованныхъ [illegible] На требованіе разойтись крестьяне отвѣчали бранью и угрозами. Уже вечерѣло. Въ это время изъ [illegible] Носовки привезли для полиціи [illegible] и ворота были отперты. Толпа ворвалась во дворъ. [illegible] приказано было разогнать толпу нагайками. [illegible] бросился на безоружную [illegible] конныхъ поддерживали [illegible] огородами. Въ то же время [illegible] колья, и даже раздались [illegible] и приказано было стрѣлять. [illegible] въ воздухъ, но нѣкоторые, видно, не хотѣли [illegible] и пять или шесть мужиковъ и бабъ были ранены [illegible] числѣ одинъ смертельно. Немедленно во [illegible] телеграммы и на другой день въ Дѣвицу [illegible] и сотни казаковъ. Говорятъ, явившійся [illegible] въ Нѣжинъ губернаторъ потребовалъ еще одну [illegible] и до прихода ея [illegible] телеграммы изъ [illegible] день въ Нѣжинѣ. Всю ночь [illegible] крестьяне ожидали [illegible] царя на телеграмму, [illegible] собрали [illegible] руб. Нѣкоторые надѣялись [illegible] изъ Кіева на помощь [illegible] „студенты“. [illegible] крестьяне [illegible] „скрытся“. На утро

---

¹) За исключеніемъ [illegible] суда.

²) Надо замѣтить, что арендный договоръ съ кн. Голицынымъ былъ судомъ расторгнутъ по жалобѣ кн. Долгоруковой за неплатежъ аренды, при чемъ на крестьянъ былъ наложенъ штрафъ въ 1000 руб. за контрактъ на простой бумагѣ, а на Долгорукову всего въ сто рублей — стоимость бумаги, такъ какъ за наслѣдодателя она не отвѣчаетъ. Крестьяне объясняли это пристрастіемъ суда.

приказано было всѣмъ крестьянамъ, имѣющимъ право голоса на сходѣ, собраться въ верстѣ отъ села на княг. лугу. Туда же явились и ихъ семейные и множество любопытныхъ; но всѣ явившіеся безъ зова были далеко отогнаны полиціей, которой набралось до 250 душъ. Сюда же съ пѣснями, одна за другой, были двинуты двѣ роты пѣхоты и двѣ сотни казаковъ, которые и выстроились противъ крестьянъ. Появились уѣздныя власти; наконецъ, показались верховые, а за ними губернаторъ въ сопровожденіи отряда казаковъ. Передъ тѣмъ онъ заѣзжалъ въ церковь, гдѣ служилъ молебенъ, какъ и подобаетъ истинному христіанину передъ начатіемъ всякаго дѣла; затѣмъ заходилъ въ волостное правленіе, гдѣ тоже крестился и молился передъ иконами. Подлетѣвъ къ собравшимся, губернаторъ поздоровался съ войсками и начальствомъ, затѣмъ обернулся къ крестьянамъ, которые, какъ только подъѣхалъ губернаторъ, стали на колѣни; впереди себя они поставили на столѣ икону и хлѣбъ-соль. Губернаторъ ударилъ передъ иконой земной поклонъ, затѣмъ обратился къ колѣнопреклоненнымъ крестьянамъ съ рѣчью. Онъ сказалъ, что явился, какъ царскій уполномоченный, наказывать ихъ за совершенные проступки и преступленія, но, видя ихъ покорность, готовъ принять хлѣбъ-соль и ходатайствовать о смягченіи заслуженнаго ими наказанія, если они обѣщаютъ повиноваться властямъ и не искать земли, на которую не имѣютъ права. Долго и горячо говорилъ губернаторъ („дуже кричавъ и наказувавъ“, т. е. корилъ). Потомъ велѣлъ арестовать 7 душъ для заключенія въ тюрьму за безпорядки и сопротивленіе властямъ, по постановленію слѣдователя, и болѣе 35 душъ для высылки административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи за подстрекательство къ неосновательнымъ жалобамъ и за возбужденіе смуты[1]). Послѣ этого губернаторъ потребовалъ, чтобы крестьяне составили приговоръ, что они навѣки отказываются отъ намѣренія отнять землю у кн. Долгоруковой. Такъ какъ не всѣ, стоящіе на колѣняхъ, изъявили поднятіемъ руки согласіе, то приказано было имъ встать и раздѣлиться. Огромное большинство отошло въ сторону, несогласные остались на мѣстѣ. Моментально, по командѣ, пѣхота, стоявшая противъ крестьянъ, приготовила ружья, казаки окружили ихъ, а переодѣтые въ свитки стражники (дабы не срамить „честь мундира“) принесли пучки розогъ. Въ этотъ моментъ прокуроръ (настоящій европеецъ по внѣшности) сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ, сѣлъ со своими помощниками въ коляску и укатилъ въ Нѣжинъ... Еще нѣсколько душъ отдѣлилось; осталось человѣкъ 40. Крестьяне почему то были увѣрены, что нельзя сѣчь: „царь подарувавъ різки“... Перваго потребовали старика 65 лѣтъ, Бойко, державшаго въ рукахъ надежду — документы. Согласенъ ли подчиниться властямъ и отказываешься отъ земли? — „Воля ваша, а земля наша!“ Вслѣдъ за симъ, краткое совѣщаніе начальства и опредѣленіе: 20 ударовъ розогъ. Переодѣтые стражники схватили сѣдого старика, лицомъ напоминавшаго угодника, и началось. Ни звука не издалъ старикъ, но зато со всѣхъ сторонъ подняли вопли отдаленныхъ зрителей (ближніе и кричать не смѣли). Когда отсчитали десять, губернаторъ пріостановилъ истязаніе и предложилъ тотъ же вопросъ; послѣдовалъ прежній отвѣтъ. Устыдился ли губернаторъ сѣдинъ дѣда (говорятъ, у него самого живъ еще отецъ) или на защиту выступилъ докторъ, но только экзекуція надъ нимъ больше не продолжалась, а былъ онъ немедленно отправленъ подъ арестъ. Затѣмъ принялись за другихъ; число ударовъ доходило до 40. Усердствовали переодѣтые такъ, что брызги крови вверхъ летѣли, а воплей истязуемыхъ не могли заглушить крики и плачъ тысячной толпы, отогнанной, правда, на далекое разстояніе. Когда дошли до 13-го, остальные не выдержали и съ съ криками: отказываемся отъ земли, пустітъ хоть души! бѣгомъ присоединились къ согласнымъ. Немедленно былъ составленъ приговоръ, которымъ крестьяне, „посовѣтовавшись между собой, съ общаго нашего согласія постановили: навсегда отказаться отъ земли, признавъ, что она принадлежитъ княгинѣ Долгоруковой“. Послѣ этого губернаторъ публично выразилъ благодарность полиціи за усердіе и уѣхалъ. А войска остались для окончательнаго водворенія порядка. Впрочемъ, вездѣ наступила такая тишина, какъ будто все вымерло. Говорятъ, крестьяне записываются теперь на ту часть земли, которую княгиня рѣшила продать (обагренный кровью лугъ она оставляетъ за собой). Въ тотъ-же день одинъ изъ высѣченныхъ отнесъ задатокъ на землю, говоря встрѣчнымъ: „коли-бъ раньше перегнали разумъ изъ..... въ голову, то давно земля була бъ наша“. Есть, впрочемъ, и такіе, что говорятъ: „царь ничего не знае,—це все губернаторъ своею властью робитъ; а узнае царь, то ще хто знае, якъ воно буде“. И это послѣ того, какъ раньше говорили, „что паны и солдаты за княгиню, це ничого не значитъ — ихъ підкупить можно (наймаютьцъ жъ солдаты робить на поміщіківъ), а отъ уже якъ казаки прийдуть, то це вже одъ царя“...

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Въ чугуевскихъ лагеряхъ, мѣстѣ постоянной лѣтней стоянки десятаго армейскаго корпуса въ настоящее время находится шесть полковъ. Въ значительной своей части, эти войска состоятъ изъ запасныхъ, призванныхъ во время недавней мобилизаціи, и это обстоятельство чрезвычайно измѣнило общій видъ и настроеніе чугуевскаго „христолюбиваго воинства“. Возвратившіеся изъ запаса солдаты совсѣмъ не то, что только что взятые новобранцы: суровая школа жизни, да еще жизни подъяремнаго русскаго человѣка, дѣлала понемногу свое великое дѣло воспитанія народныхъ массъ. И пробуждающаяся, хотя и медленно, мысль, и чувство собственнаго достоинства, большій жизненный опытъ — все это до неузнаваемости преобразило бывшаго солдата, вышколеннаго ежедневной муштрой и знавшаго раньше лишь одну несложную солдатскую истину: „не смѣть разсуждать!“ Теперь онъ сталъ совсѣмъ другимъ. Попробуй его оскорбить офицеръ—и онъ готовъ сейчасъ же защитить свое достоинство. Правда, военная дисциплина и внушаемый ею страхъ еще настолько велики, что онъ не рѣшится дѣйствовать въ одиночку, но массой, толпой онъ всегда готовъ къ открытому возмущенію какой-нибудь несправедливостью, грубымъ обращеніемъ начальства, напримѣръ. И это не фраза: чугуевская хроника полна событій такого рода. Приведу здѣсь для примѣра два факта, прекрасно характеризующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наши военные порядки. Въ числѣ запасныхъ, взятыхъ во время мобилизаціи, много имѣется изъ уѣздовъ, лежащихъ по близости отъ Чугуева. Родственники этихъ солдатъ дѣлали, естественно, попытки навѣщать ихъ, тѣмъ болѣе, что все время ожидалась отправка войскъ на Дальній Востокъ... Но связь солдата съ домомъ, съ семьей, конечно, вещь опасная и обѣщающая лишь дальнѣйшее ослабленіе дисциплины. И вотъ выходитъ приказъ по дивизіи — воспретить эти свиданія во всѣ дни, за исключеніемъ воскресеній. Само собой понятно, что для крестьянъ, пріѣхавшихъ верстъ за 50-60 и не имѣющихъ никакого представленія о приказахъ дивизіонныхъ генераловъ, послѣдняя оговорка была лишена всякаго смысла. Для нихъ дѣло сводилось къ полному запрещенію свиданій, и начальство приняло безцеремонно гнать ихъ изъ лагерей и его окрестностей. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, солдаты пустили въ ходъ различные „обходы“, пытаясь обмануть бдительное око „отцовъ командировъ“, и гдѣ-нибудь тайкомъ побесѣдовать съ родичами, погоревать съ ними объ оставленномъ дома хозяйствѣ, покинутой женѣ, дѣтяхъ... Это все создало, въ концѣ концовъ, тяжелую атмосферу крайне обостренныхъ отношеній съ начальствомъ, старательно излавливавшимъ нарушителей генеральскаго приказа. Наконецъ, накопившееся у солдатъ чувство горечи и обиды за несправедливыя притѣсненія прорвалось и одинъ офицеръ, грубый бурбонъ, былъ жестоко ими избитъ среди бѣлаго дня за то, что посмѣлъ ударить солдата, пойманнаго имъ вмѣстѣ съ родичами на мѣстѣ преступленія. Высшее начальство, смущенное этой выходкой, постаралось замять весь этотъ инцидентъ, не давъ ему никакого дальнѣйшаго хода.

Другой случай имѣлъ мѣсто въ Лебединскомъ полку. Офицеръ, отводившій два батальона этого полка на обѣдъ, замедлилъ немного съ отдачей команды и солдаты стали садиться безъ нея. Офицеръ тотчасъ же обрушился на нихъ цѣлымъ потокомъ самой грубой брани; изъ толпы солдатъ послышался по этому поводу чей-то протестующій возгласъ, и онъ, не долго думая, съ шашкой наголо устремился на дерзкаго, посмѣвшаго возвысить свой голосъ. Но тутъ произошло уже нѣчто совершенно для него неожиданное. Вся масса солдатъ, какъ одинъ человѣкъ, срывается съ мѣста и съ страшнымъ крикомъ и свистомъ бросается на зарвавшагося вояку, которому поневолѣ пришлось спасаться самымъ позорнымъ образомъ... И въ этомъ случаѣ начальство постаралось сдѣлать видъ, какъ будто оно ничего не знаетъ о случившемся.

Недавно было еще нѣсколько подобныхъ же инцидентовъ въ Богодуховскомъ полку. Приводили даже для „усмиренія“ дежурную роту въ полномъ вооруженіи, но обыкновенно никого изъ „бунтовщиковъ“ уже не находили. Да солдаты и не особенно боятся этого. „Хіба воны въ насъ будуть стріляты“, говорятъ они. Да, съ такимъ войскомъ не особенно будетъ легко ходить на усмиренія внутреннихъ враговъ. Я знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ, что начальство прекрасно понимаетъ это и проектируетъ уже переводъ ихъ въ другое, болѣе спокойное и глухое мѣсто...

Кругомъ въ войскахъ самое безстыдное казнокрадство, грабежъ и безпорядокъ рѣшительно во всемъ. Отправили, напр., недавно на войну отсюда конную артиллерію, недавно лишь перевооруженную. На смотровой стрѣльбѣ она, стрѣляя по заранѣе вымѣреннымъ разстояніямъ, попала изъ 80 сдѣланныхъ выстрѣловъ всего четырьмя снарядами въ установленныя мишени. Въ заключеніе—еще одна маленькая подробность изъ области нашихъ россійскихъ порядковъ: запасные солдаты, призванные теперь на службу, до сихъ поръ не получили ни казенныхъ сапогъ, ни шароваръ. Выдали имъ рубахи и фуражки, а остальное „выдадимъ, молъ“, когда домой будете уходить. Солдаты этимъ, конечно, очень недовольны. „Обѣднѣлъ нашъ царь“, говорятъ они. И все таки, несмотря на все это, стоитъ только кликнуть кличъ, и среди нихъ найдется масса желающихъ итти на войну. Слишкомъ ужъ сильно у нихъ стремленіе уйти отъ томительной бездѣятельности казарменной жизни.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Стачка каменщиковъ въ Варшавѣ. Всеобщая стачка каменщиковъ въ Варшавѣ, о началѣ которой сообщалось въ № 73 „Искры“, кончилась послѣ слишкомъ двухнедѣльной борьбы частичной побѣдой стачечниковъ: 1) работа наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней будетъ оканчиваться часомъ раньше, съ сохраненіемъ обычной поденной платы, 2) разсчетъ производится каждую субботу, самое позднее, до шести часовъ вечера, 3) устроены паккамеры для храненія платья и инструментовъ, а также для защиты на случай непогоды и 4) заработная плата нѣсколько увеличена. Однако, не этими, въ сущности, незначительными результатами опредѣляется значеніе варшавской стачки. Она имѣла громадное политическое и общественное значеніе и, прежде всего, сыграла крупную роль въ дѣлѣ развитія классоваго самосознанія и революціонизированія какъ тѣхъ многихъ тысячъ рабочихъ, которые участвовали въ стачкѣ, такъ и тѣхъ, которые, не принимая непосредственнаго въ ней участія, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за ея теченіемъ.

Въ прошломъ № „Искры“ описаны были массовое собраніе и демонстративное шествіе каменщиковъ въ предмѣстьи Воля. Слѣдующее собраніе, по численности не уступавшее первому, устроено было въ четвергъ 25 авг. за іерусалимской заставой, можно сказать, почти на глазахъ полиціи. Третье собраніе назначено было на субботу. Каменщики сошлись на улицѣ Хлодной ровно въ 12 час. Полиція встрепенулась. Вызванъ былъ весь „личный составъ“ 7-ой части съ приставомъ во главѣ. Повидимому, опасались демонстраціи. Въ одно мгновеніе рабочіе разными путями направились къ набережной Вислы, въ такъ называемыя „Сѣкѣрки“. Значительная же часть устремилась въ сторону ул. Товаровой. Полиція, полагая, что мы соберемся опять на Волѣ, цѣлой громадой, въ сопровожденіи казаковъ, поспѣшила въ предмѣстье Чисте, въ лѣсокъ, но, никого тамъ не нашедши, вернулась съ кислой миной въ городъ. Между тѣмъ, наши, въ числѣ 700-800 чел., собрались на „Сѣкѣркахъ“. Собраніе продолжалось около полутора часа, ораторы изъ П. С. Д. произносили агитаціонныя рѣчи, производившія на слушателей чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Собраніе уже подходило къ концу, какъ вдругъ является начальникъ земской стражи („Сѣкѣрки“ находятся внѣ вѣдѣнія варшавской полиціи) съ нѣсколькими стражниками. Спрашиваетъ, кто мы такіе и что мы здѣсь дѣлаемъ. Одинъ изъ товарищей объяснилъ ему, что это собраніе каменщиковъ, которые обсуждаютъ свои дѣла. Начальникъ просилъ насъ разойтись, прибавляя, что онъ могъ бы по телеграфу вызвать войска и всѣхъ насъ арестовать. Ему отвѣтили, что пускай вызываетъ и арестуетъ, если ему это угодно. Въ дальнѣйшее разговоры мы, однако, не входили, такъ какъ собраніе кончилось и мы стали возвращаться въ городъ. Начальникъ со стражниками провожалъ насъ все время до самой заставы. У послѣдней ожидала насъ полиція съ оберъ-полиціймейстеромъ во главѣ, но видя шествіе *изъ нѣсколькихъ сотъ* человѣкъ, она никого изъ насъ не тронула, попросивъ только разойтись; нѣсколько же товарищей, которые отдѣлились еще раньше до заставы и пошли иной дорогой, наткнулись на другой отрядъ полиціи и были всѣ арестованы. Въ понедѣльникъ 29 авг. собраніе было созвано въ Мокотовѣ, повидимому, полиція пронюхала заранѣе, такъ какъ, лишь только успѣли собраться 300 каменщиковъ и произнесена была одна рѣчь, немедленно явился начальникъ съ полиціей; при этомъ были арестованы четыре массовыхъ рабочихъ. Въ среду 31 авг. опять было устроено собраніе въ іерусалимскихъ алеяхъ, причемъ произнесена была однимъ товарищемъ рѣчь. Только послѣ этого явилось нѣсколько десятковъ городовыхъ, арестовавшихъ одного рабочаго, котораго, однако, вскорѣ освободили. —

Вы видите, это была необычная стачка. Начать съ того, что въ стачкѣ принимали участіе *всѣ* каменщики города Варшавы, числомъ до 7000. Почти каждый день масовыя собранія подъ открытымъ небомъ, на которыхъ произносятся агитаціонныя *политическія* рѣчи, демонстративныя шествія и т. д. Каменщики за все время стачки ежедневно тысячами собираются на своей „биржѣ“, здѣсь они узнаютъ о предполагаемыхъ собраніяхъ, раздаютъ другъ другу прямо на улицѣ, не стѣсняясь, соціальдемократическую литературу; мѣсто для „биржи“, конечно, каждый день назначается другое. При этомъ полиція въ погонѣ за рабочими постоянно попадалась въ просакъ. Рабочіе собираются, напр., на улицѣ Хлодной, спустя нѣкоторое время, появляется цѣлая полицейская орда — и никого не находитъ. На слѣдующій день, конечно, полиція, рѣшивши, во что бы то ни стало, захватить добычу, устраиваетъ на той же Хлодной съ самаго утра засаду на каменщиковъ, въ то время какъ эти послѣдніе преспокойно собираются на Маршалковской или Вольцѣ.

Въ четвергъ 8 сент. стачечный комитетъ рѣшилъ устроить демонстрацію въ центрѣ города. Около часа дня человѣкъ 500 каменщиковъ собрались на Краковскомъ предмѣстьи между улицами Медовой и Трембацкой. Подъ звуки „Краснаго знамени“ шествіе двинулось по направленію къ памятнику Мицкевича. Немедленно же къ шествію присоединились другія группы рабочихъ: подняли красный флагъ съ надписями: „Долой эксплуатацію!“. „Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!“ „Да здравствуетъ соціализмъ!“. Отъ памятника Мицкевича демонстранты повернули назадъ и по Медовой, Сенаторской, вышли на Театральную площадь; передъ городской ратушей (здѣсь же полицейское управленіе) демонстранты остановились, и революціонные единодушные возгласы огласили воздухъ. Изъ воротъ выскочила свора полицейскихъ, пытаясь арестовать нѣкоторыхъ изъ участниковъ демонстраціи. На углу Вержболовой завязалась настоящая стычка съ полиціей. Товарищи съ палками кидались на представителей полиціи и отбивали арестуемыхъ. Во время этой стычки ранены были трое околодочныхъ и одинъ городовой довольно серьезно. — Еще удачнѣе была демонстрація, устроенная въ тотъ же день въ шесть съ половиной часовъ вечера на Вольской ул., гдѣ въ шествіи участвовало отъ 2 до 3-хъ тысячъ человѣкъ. Полиція попряталась, испугавшись внушительнаго шествія „рабочихъ батальіоновъ“, а дворники, которымъ еще въ началѣ августа пристава читали „курсъ“ о демонстраціяхъ, причемъ за изловленіе знаменоносца обѣщана была награда въ 25 руб. — снявши шапки, безпомощно стояли у воротъ домовъ.

Небезынтересно отмѣтить, что П. П. С., устраивающая на страницахъ своихъ собственныхъ органовъ, а также „Освобожденія“, чуть ли не каждый день громадныя демонстраціи и медлящая лишь изъ соображеній высшей политики съ изданіемъ сигнала къ всеобщему возстанію, въ описанномъ движеніи не принимала рѣшительно никакого участія. Впрочемъ, какъ говоритъ Варшавскій корреспондентъ „Naprzod'a“ (органа Галиційской партіи) „настоящій моментъ, вообще, не годится для стачечныхъ движеній, и П. П. С. старается направить всѣ свои силы, какъ агитаціонныя, такъ и организаціонныя, для использованія положенія, для развитія политическаго сознанія среди самыхъ широкихъ массъ“. Но, хотя „настоящій моментъ вообще не годится“, корреспондентъ, тѣмъ не менѣе, увѣряетъ, что „вся стачка ведется исключительно организованными въ П. П. С. товарищами каменщиками“. Надо, однако, добавить, что варшавскимъ кореспонденціямъ „Naprzod'a“ даже въ Галиціи никто не вѣритъ. Таже Галиційская печать, но въ лицѣ своихъ буржуазныхъ и строго-консервативныхъ органовъ, какъ, напр., „Nova Reforma“ и „Czas“, по поводу послѣдней стачки, въ рядѣ статей отмѣчаетъ, конечно, съ крайнимъ прискорбіемъ, все возрастающее вліяніе С.-Д. Ц. П. и Л. Поддерживать падающій престижъ П. П. С. въ глазахъ „общества“, мистифицировать послѣднее всякими небылицами — въ этомъ корреспонденты и писатели П. П. С. видятъ главное свое призваніе; этимъ также объясняется приведенная выше несуразность варшавской корреспонденціи „Naprzod'a“.

Изъ Иваново-Вознесенскаго житья бытья. Вотъ нѣсколько картинокъ, характеризующихъ условія жизни рабочихъ на фабрикѣ Куваева. 16 іюля послѣ окончанія работъ караульный, безъ всякаго повода, присталъ въ корридорѣ къ одному молодому рабочему съ требованіемъ, чтобы онъ разулся для обыска. Оскорбленный и сконфуженный этимъ издѣвательствомъ въ присутствіи цѣлой толпы сотоварищей — рабочій отказался и потребовалъ отъ сторожа, чтобы онъ пошелъ съ нимъ въ контору. Послѣдній, ни слова не говоря, изо всей силы толкнулъ парня. Рабочій упалъ на асфальтовый полъ и расшибъ себѣ затылокъ и спину. Послѣ этого его всетаки свели въ контору и обыскали, при чемъ ничего не нашли; вздумалъ рабочій пожаловаться управляющему, — но въ отвѣтъ получилъ грубый окрикъ и... разсчетъ. У воротъ его поджидало нѣсколько товарищей, которымъ онъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло. Другіе рабочіе стали подходить, и вскорѣ образовалась толпа человѣкъ въ 200. По мѣрѣ его разсказа волненіе росло, и когда онъ кончилъ, раздались негодующія восклицанія и возгласы, предлагавшіе вернуться на фабрику и раздѣлаться съ мерзавцемъ. Мысль эта нашла сочувственный откликъ, и не сдобровать бы хозяйскому прихвостню, если бы въ дѣло не вмѣшались старики, которымъ удалось отговорить рабочихъ. Послѣдніе разошлись съ угрозами хорошенько проучить варвара, если попадется еще разъ. Избитаго товарища повели къ полицейскому надзирателю и потребовали, чтобы онъ составилъ протоколъ. Какъ водится, это оказалось „не его дѣломъ“. Пошли къ фабричному врачу, который призналъ раны серьезными и посовѣтовалъ обратиться въ судъ, что пострадавшій и сдѣлалъ. Однако, о разбирательствѣ дѣла что то ничего не слышно.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ работъ на нашей фабрикѣ — работа напорщиковъ[1]. На прессъ полагается пять человѣкъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіи двухъ недѣль напорщиковъ было только трое. Не разъ они говорили объ этомъ мастерамъ, но тѣ ничего не дѣлали. Наконецъ, 26 іюля они бросили всѣ вмѣстѣ прессъ, и пошли къ старшему съ требованіемъ, чтобы имъ дали человѣка въ помощь. Старшій не нашелъ другого отвѣта, какъ затопать на нихъ ногами и осыпать площадной бранью. Вернувшись отъ него ни съ чѣмъ, напорщики, не будучи больше въ силахъ исполнять непомѣрный трудъ, принуждены были взять разсчетъ.

Послѣ такого отеческаго обхожденія у „благодѣтеля“ на фабрикѣ, рабочаго встрѣчаетъ материнская нѣжность полицейскаго на улицѣ. Вечеромъ того же дня передъ квартирами куваевскихъ прикащиковъ наблюдалась такая сценка: около канавы свалились двое пьяныхъ рабочихъ. Сторожъ поднялъ крикъ; прибѣжалъ полицейскій. Послѣ каторжнаго труда вино совершенно обезсиливаетъ человѣка. Однимъ крикомъ его не заставишь очнуться. Одному изъ лежавшихъ полицейскій сталъ „тереть уши“ и привелъ его въ сознаніе; на другого и этотъ утонченный пріемъ первой медицинской помощи не произвелъ желательнаго дѣйствія. Тогда... городовой выломилъ вѣтку изъ куста и сталъ безпощадно стегать безчувственнаго человѣка, пока его не остановилъ случайно проходившій рабочій. „Тѣлесныя наказанія всемилостивѣйшимъ манифестомъ отмѣнены“.

Бахмутъ. Бахмутская группа Донецкаго союза организовала массовую сходку. На ней присутствовало 50 чел. рабочихъ. Сначала говорили о современномъ народномъ бѣдствіи — войнѣ, которую затѣяло варварское правительство для того, чтобы свистомъ пуль заглушить стоны и крики изстрадавшагося народа и покрыть блескомъ славы ставленниковъ царя. Потомъ одинъ изъ ораторовъ познакомилъ рабочихъ со всѣми ужасными условіями жизни политическихъ ссыльныхъ, изложилъ причины, непосредственно вызвавшія протестъ якутскихъ товарищей и сообщилъ рѣшеніе суда надъ ними. Въ заключеніе рабочими единогласно была принята слѣдующая резолюція:

„Возмущенные и потрясенные до глубины души грубымъ произволомъ и дикимъ насиліемъ гнуснаго царскаго правительства надъ товарищами въ Романовкѣ, собраніе Бахмутскихъ рабочихъ, будучи вполнѣ солидарно съ требованіями, предъявленными Якутскому губернатору, протестуетъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ звѣрскаго преступленія царскаго самодержавія, шлетъ горячій братскій привѣтъ Якутскимъ борцамъ и призываетъ всѣхъ честныхъ гражданъ идти въ ряды борцовъ противъ гнуснаго самодержавія“.

Сходка прошла очень оживленно, настроеніе рабочихъ было очень поднято и медленно, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, они разошлись по домамъ.

Владикавказъ. До самаго послѣдняго времени волна революціоннаго движенія проносилась мимо нашего соннаго городка. Великая борьба пролетаріата оставалась совершенно неизвѣстной мѣстнымъ рабочимъ. Лучи новой свѣтлой жизни не западали въ наше сѣрое царство пошлой обывательщины. Но съ недавняго времени и у насъ появились первые признаки движенія. Образовалась группа соціальдемократовъ, которая повела дѣятельную агитацію среди рабочихъ, большинство которыхъ мелкіе ремесленники, подвергающіеся самой ужасной эксплуатаціи. Образованъ цѣлый рядъ кружковъ изъ грузинъ, осетинъ, русскихъ и армянъ; выпущено нѣсколько прокламацій на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ собраній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи рабочаго класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно въ [illegible], другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко выраженный политическій характеръ, было посвящено памяти извѣстнаго грузинскаго соціальдемократа Ладо Кецховели, убитаго въ тюрьмѣ; было поднято красное знамя съ надписью на грузинскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе"; два оратора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ; ораторы выясняли необходимость сверженія самодержавія и достиженія политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе, и, развернувъ красное знамя, они съ пѣснями и съ криками „долой самодержавіе" и „да здравствуетъ свобода", двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное воодушевленіе. Мѣстная рабочая организація раскидываетъ свои сѣти во всѣ стороны и надѣется, что черезъ нѣкоторое время владикавказскій пролетаріатъ in corpore съ честью вступитъ въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую свободу и соціализмъ. Къ сожалѣнію, только, какъ и вездѣ, у насъ чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

---

[1] Работающіе на печатномъ прессѣ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни замѣчается нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной интеллигенціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся молодежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала вопросъ о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ тому заключенію, что никакая производительная культурная работа въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя невозможна, а потому ближайшей задачей является сверженіе самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и у насъ начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго будущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Осетинъ.

Минскъ. За послѣднее время нашей организаціей было устроено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ, въ числѣ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи; о необходимости демонстраціи противъ войны; объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ евреевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два оратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный принципъ". Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили также по поводу убійства Плеве; о дисциплинѣ и конспираціи, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось дружными криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ!". Съ пѣснями собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе осталось очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организованные рабочіе: болѣе 70 чел. отсутствовало въ силу нѣкоторыхъ техническихъ и конспиративныхъ условій. Третье собраніе, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, должно было быть распущено, такъ какъ полиція успѣла пронюхать о немъ и могла явиться съ минуты на минуту. Что касается общей дѣятельности группы, то мы можемъ съ радостью сообщить, что послѣднее время она въ высшей степени интенсивно работаетъ, и сходки и кружки въ полномъ ходу. Недавно у насъ были одна за другой распространены прокламаціи о Плеве и „Къ солдатамъ". Обѣ перепечатаны съ прокламацій „Искры" въ типографіи „Сѣверо-Западнаго Комитета".

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій сатрапъ Васильевъ (извѣстный зубатовецъ) клялся уничтожить „жидковъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ". Недавно былъ здѣсь произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по приказу изъ Петербурга. Жандармерія ушла не солоно хлебавши и очень удивилась распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

> Mascherina, ti cognosco
> Узнаю тебя, маска!

„Революціоннымъ соціалистамъ блестяще удались произведенные ими большіе маневры", сказалъ по поводу только что окончившейся въ Италіи всеобщей стачки одинъ римскій сенаторъ, бывшій армейскій генералъ. Армейская голова удачно выразила представленіе буржуазіи о „мобилизаціи" пролетарскихъ массъ. Тутъ и единственно доступное буржуазному мозгу объясненіе стройной согласованности „черни" и оптимистическое самоутѣшеніе (только „маневры!").

Чѣмъ же была на дѣлѣ эта „мобилизація"?

Разразившаяся всеобщая стачка только слила въ одинъ общій потокъ отдѣльныя струи пролетарской борьбы промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ Италіи. Хроника итальянскаго рабочаго движенія — это хроника постоянныхъ стачекъ. Такъ напр., канунъ объявленія всеобщей стачки былъ сотымъ днемъ стойкой стачки рабочихъ мраморныхъ ломокъ въ Версиліи... Однако же, отдѣльныхъ взрывовъ недовольства недостаточно было для того, чтобы вызвать общій подъемъ настроенія и сознанія классовой солидарности. Объ этомъ позаботились капиталисты и угодливая имъ, покрываемая правительствомъ, армія.

5, 8 и 14 сентября, какъ вспышки запала, воспламенили всю массу. 5 сентября произошло столкновеніе между горнопромышленными рабочими и солдатами въ Буджеру, въ Сардиніи. Безтактное поведеніе отряда вызвало отпоръ, — бросанье камней со стороны рабочихъ. Въ результатѣ залповъ, произведенныхъ войсками, трое рабочихъ убито, много — ранено. Самоуправство военныхъ властей тотчасъ отзывается цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ протестовъ во всей Италіи. Черезъ три дня, 8 сентября, разыгрывается сцена беззастѣнчивой расправы съ ведущими стачку сельскохозяйственными рабочими въ Мальяно Сабина. Власти приглашаютъ комитетъ союза рабочихъ въ ратушу и арестовываютъ его; въ помѣщеніе союза посылаютъ полицейскихъ подъ прикрытіемъ эскадрона драгунъ, арестуютъ документы, объявляютъ союзъ закрытымъ. 14 сентября въ Кастеллюцци (Castelluzzi, у Трапани въ Сициліи — новая сцена насилія. Въ помѣщеніе лиги сельскихъ рабочихъ, во время уплаты арендныхъ взносовъ, врываются карабинеры подъ начальствомъ бригадира и, получивъ отъ секретаря лиги отказъ на незаконное требованіе выдать списокъ членовъ лиги, арестуютъ секретаря. Происходитъ препирательство съ бригадиромъ. Тотъ, не долго задумываясь, командуетъ огонь; въ итогѣ двое убитыхъ, много раненыхъ.

И вотъ развязность буржуазіи, распущенность нисшихъ властей, попустительство министерства Джіолитти сдѣлали свое дѣло: рядомъ ударовъ они привели въ движеніе милліонную массу рабочихъ. Черезъ 36 часовъ извѣстіе о Кастеллюцскомъ погромѣ дошло до Рима. Еще черезъ нѣсколько часовъ совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда принципіально рѣшилъ всеобщую стачку и представилъ свое рѣшеніе исполнительному комитету правленія соціалистической партіи въ Римѣ. Въ ту же ночь всеобщая стачка была объявлена правленіемъ партіи. 16-го вечеромъ состоялось массовое собраніе рабочихъ въ миланской Биржѣ Труда. Собраніе провозгласило всеобщую стачку par acclamation. Въ этотъ же день въ Генуѣ, въ результатѣ митинговъ протеста и демонстрацій, произошелъ рядъ столкновеній рабочихъ съ полиціей. Одно изъ такихъ столкновеній, при попыткѣ полиціи распустить собраніе протеста, кончилось кровавой бойней: 200 выстрѣловъ со стороны войскъ уложили 15 рабочихъ. Въ полдень собраніе членовъ лигъ и кооперативовъ въ Биржѣ Труда постановило всеобщую стачку. На слѣдующее утро стачка охватила всѣ порты побережья Средиземнаго моря. 17-го утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ, Неаполѣ, Венеціи, Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ возстающій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ [illegible]я: Миланъ, Генуя, Туринъ. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально-таки беретъ въ свои руки власть надъ городомъ. Съ прекращеніемъ всякаго вида наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ. Издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки". Для руководства стачкой въ Миланѣ сорганизовывается „Секретаріатъ сопротивленія". Биржа труда организуетъ разсылку распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не смѣетъ показываться на улицу. Вызванные въ Миланъ войска (альпійцы) послѣ форсированныхъ переходовъ приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ, послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурные дни уличныхъ столкновеній; дѣло доходитъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Ѣдятъ сухари изъ морскихъ запасовъ. Къ западу отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для солдатъ тюфяки.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло примкнувшихъ къ партійно-организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ, буквально, овладѣваетъ ею; растерянность ея граничитъ съ комическимъ перепугомъ. „Невѣроятное варварство, — восклицаетъ Sentinella Bresciana объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — нездоровую даму, старуху, заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была сѣсть на скамью на улицѣ".

Праздная толпа генуэзской знати рукоплещетъ пощечинѣ, данной въ толпѣ одному адвокату соціалисту, и газеты сочувственно отмѣчаютъ „демонстрацію".

„Кто не видѣлъ, пишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца! Въ этотъ моментъ онъ (народъ) былъ господиномъ... Командировъ не было!.. Колонна раздѣлилась на-трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?".

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи: королевская резиденція, вѣдь, была посрединѣ зловѣщаго треугольника: Милана, Турина, Генуи. Чудился обширный стратегическій планъ съ разрушеніемъ и прегражденіемъ желѣзныхъ дорогъ, именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе была терроризирована и политическая мысль буржуазіи, чему образцомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго публициста Vasallo: „Вы, жирондисты, реформисты, съ этихъ поръ носящіе кличку *измѣнниковъ*, вы будете уничтожены якобинцами лабріолистами, которые встрѣтятъ свою историческую Немезиду въ томъ мрачномъ пятомъ сословіи, котораго мы не знаемъ, которое мы отожествляемъ съ варварствомъ, — въ томъ пятомъ сословіи, состоящемъ изъ какихъ-то чудовищъ и выродковъ, наполовину людей, наполовину звѣрей, сословіи, изъ котораго въ опредѣленный моментъ выходятъ сентябрьскіе герои ножа, опьяненные кровью, ужасные призраки tricoteuses гильотины".

Достаточно лишь сопоставить эти красоты обнаженной классовой психологіи, эти перлы злобы и страха — съ тѣми пѣснями любви, мира и внѣклассовой солидарности, которыя пѣлись тѣми же органами печати за нѣсколько дней до этого, — чтобы понять, какія тайны исторіи открыли знаменательные „три дня" итальянской стачки.

Вотъ о чемъ пѣла въ предыдущіе дни буржуазная пресса.

16-го вечеромъ, когда совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда рѣшилъ въ принципѣ всеобщую стачку и эта вѣсть разнеслась по всей Италіи, генуэзская газета „Secolo" помѣстила статью: „Духъ терпимости въ Италіи". Статья начинается дипломатично съ уживчивости царствующихъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ папы и короля, но вслѣдъ затѣмъ быстро переходитъ къ главной темѣ: терпимости итальянскаго народа, чуждаго политикѣ. Происхожденіе этой терпимости нужно искать въ индивидуализмѣ итальянца, отмѣченномъ еще въ XIV вѣкѣ и въ эпоху Возрожденія. Терпимость эта проистекаетъ изъ эгоизма, изъ эпикурейской мудрости, изъ скептицизма народа. Ему нѣтъ дѣла до увлеченій другихъ; онъ не податливъ на пропаганду. „Итальянецъ сомнѣвается во всѣхъ и во всемъ, и этотъ скептицизмъ застраховываетъ его отъ губительнаго энтузіазма какъ въ теоріяхъ, такъ и въ отношеніи къ людямъ".

Какой ироніей звучатъ эти строки три дня спустя, когда газетный гашишъ подобныхъ статей оказался безсильнымъ отуманить головы итальянскихъ рабочихъ.

Но вотъ уже началась стачка, и въ томъ же „Secolo" описывается сходка рабочихъ на Campo Boario въ Римѣ: „Большая толпа демонстрантовъ устремляется слѣдомъ за Ферри по улицѣ Bocca della Verita, издавая крики протеста. Депутатъ Ферри и другіе главари соціалистической партіи призываютъ къ спокойствію и серьезности".

Газета, повидимому, успокаиваетъ себя и свою аудиторію извѣстіемъ: мирно настроенные „вожди" — на мѣстахъ. Ея отношеніе къ рабочимъ и даже къ ихъ стачкѣ — слаще меда.

16 сентября въ генуэзскихъ газетахъ появляется извѣстіе изъ Трапани о сицилійской бойнѣ. Корреспонденція начинается словами: „ужасная новость повергла въ оцѣпенѣніе весь городъ; только и говорятъ, что объ этомъ... Повидимому, однако, войска принуждены были пустить въ дѣло оружіе, потому что они очутились среди подавляющей числомъ, угрожающей толпы".

„Правительство рѣшило, пишутъ тамъ же по поводу столкновенія въ Кастелюцци между войсками и крестьянской лигой, настаивать на самомъ безпристрастномъ разслѣдованіи дѣла и на суровомъ примѣненіи закона къ тѣмъ агентамъ публичной охраны, которые злоупотребили своею властью".

Римская газета „Tribuna", комментируя фактъ, разсыпается въ похвалахъ правительству, „принявшему рѣшительныя мѣры"; она требуетъ преслѣдованія карабинеровъ, независимо отъ того, повинны ли они въ неблагоразуміи или въ излишнемъ усердіи.

Такъ буржуазная пресса стояла на стражѣ интересовъ рабочихъ, парадируя передъ этими рабочими. Иныя слова успокоенія и „соціальнаго мира" были припасены у нея для буржуазной публики. Политическая инертность народныхъ массъ, „благоразуміе Ферри", отвѣтственность передъ обществомъ буржуазнымъ, конечно „высоко-цѣнимаго Филиппа Турати, краснорѣчіе котораго доводило рабочихъ до неистоваго энтузіазма", — таковы были воображаемыя гарантіи непоколебимой прочности существующаго государственно-буржуазнаго порядка Италіи — въ глазахъ буржуазныхъ политиковъ за нѣсколько дней до стачечной бури. И вотъ „высокоцѣнимый Турати" черезъ нѣсколько дней отверженъ этой печатью почти что съ насмѣшкой, а „главари соціалистической партіи" осыпаются проклятіями. Что же случилось? Случилось то, что итальянскій пролетаріатъ, поднятый приливомъ классоваго сознанія на высоту пониманія своего политическаго достоинства, своихъ политическихъ цѣлей, вырвался изъ подъ опеки своихъ „дурныхъ пастырей" — реформистовъ.

На грандіозномъ собраніи въ Миланѣ рабочими былъ освистанъ глава итальянскаго реформизма — Турати. А вслѣдъ за этимъ судомъ революціонно-настроенныхъ массъ, отъ реформистовъ отмежевываются и центральныя силы движенія. Вотъ доказательства этого: 18-го вечеромъ на Биржѣ Труда въ Миланѣ была получена телеграмма изъ Рима за подписью Murialdi и Bossi, заявляющая, что „центральный комитетъ сопротивленія" рѣшилъ прекратить стачку въ этотъ же день. Послѣдствіемъ было то, что миланскіе желѣзнодорожные рабочіе, присоединившіеся къ стачкѣ и подчинившіеся миланской Биржѣ Труда, теперь не примкнули къ общему движенію. Буржуазныя газеты воздали должное этому благоразумію небольшой части миланскихъ рабочихъ. И вотъ какъ отзывается объ этомъ инцидентѣ „Бюллетень всеобщей стачки":

„Несомнѣнно, дѣло идетъ объ измѣнѣ, и поскольку есть въ насъ еще остатокъ уваженія къ соціалистамъ-реформистамъ, первой приходитъ на умъ мысль, что это ловкій обманъ полиціи".

Рвалась послѣдняя связь между сторонниками мирнаго развитія и революціоннымъ пролетаріатомъ, и, слѣдовательно, рва[illegible]ъ и послѣдняя нить, связывавшая этотъ пролетаріатъ съ буржуазіей.

Буржуа съ ужасомъ ищутъ „надежныхъ" вождей во главѣ стотыс[illegible]ныхъ массъ и не видятъ. Сладкія рѣчи о благѣ всего народа [illegible]ръ безполезны: если освистанъ Турати, на какой-же успѣхъ мо[illegible] разсчитывать буржуазные артисты политической сцены? И на [illegible]римый" итальянскій народъ выливается цѣлый потокъ неприк[illegible]енной ничѣмъ откровенности правящихъ классовъ.

Вотъ, кто ты, м[illegible]

И, дѣйствительно, всѣ [illegible] вправѣ сказать итальянскій рабочій, въ эти памятные дни убѣдлѣдняго массового рабочаго, могли обычной идеологической маски что такое буржуазія безъ своей

Трехдневная стачка также ст[illegible] закончилась, какъ и возникла: рабочіе повсюду принялись [illegible]боту по постановленію биржъ труда, и „секретаріатовъ сопро[illegible]ія". Только тамъ, гдѣ, какъ въ Неаполѣ желѣзнодорожными [illegible], была поставлена близкая конкретная цѣль, стачка пр[illegible]ми, была поста... нѣсколько дней; въ Неаполѣ стачка окончилась [illegible]лась еще нѣ... чіе добились отставки начальника мѣстныхъ желѣз[illegible]орогъ, — рабо... инженера Раньи. И жизнь вошла въ обычное русло, [illegible]лось въ прежнее состояніе. Такъ ли это, все ли верну[illegible]ну прежнему въ жизни Италіи?

Буржуа подсчитываютъ убытки, включая разбитыя оконныя стекла, и вздыхаютъ о невозвратимыхъ потеряхъ. Они занимаются и учетомъ результатовъ для рабочихъ этой стачки, которая, ясно для всѣхъ, была политической стачкой.

Мораль ихъ ясна: вы ничего не добились. Римская газета „Popolo Romano", первая изъ римскихъ буржуазныхъ газетъ, вышедшая 19-го вечеромъ, въ статьѣ „Конецъ стачки" призываетъ рабочихъ впредь держаться вдали отъ политической борьбы, которая останется-де для нихъ вообще безрезультатной.

Убѣдительна ли для итальянскаго рабочаго класса эта мораль? Политическая сторона историческихъ „трехъ дней" говоритъ намъ иное.

На верхушкѣ итальянской государственной пирамиды красуется не фигура dell Re, короля Виктора Эмануила, который нянчитъ въ эти дни новорожденнаго любезнаго сына, а фигура премьера Джіованни Джіолитти.

Джіолитти сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать услужливый приказчикъ реакціонной буржуазіи: его политика была политикой уклоненія отъ какихъ-бы то ни было соціальныхъ реформъ, которыя только обсуждались за время его пребыванія у власти. Такъ было съ вопросомъ объ отдѣленіи государства отъ церкви, такъ и съ вопросомъ о распространеніи скромнаго права административныхъ выборовъ на цѣлыя категоріи лицъ. Онъ былъ лакеемъ крупныхъ аграріевъ, яростно защищалъ покровительственную систему, поддерживалъ пошлины на сахаръ, хлѣбныя пошлины. Его маской была звонкая фраза, щедрыя обѣщанія. На телеграмму, переданную туринскими соціалистами черезъ городского синдика (городского голову), Джіолитти отвѣтилъ увѣреніями, что онъ являлся и является защитникомъ абсолютной свободы стачекъ, — сторонникомъ невмѣшательства правительства въ мирные конфликты капитала и труда, что правительство не отвѣтственно за преступно совершенныя дѣйствія низшихъ властей, что виновные въ Кастеллюцской бойнѣ арестованы и будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности передъ закономъ.

Достаточно сказать, что два дня спустя, въ дни наибольшаго обостренія классового конфликта, виновники кроваваго побоища не были еще арестованы. Въ то же время „защитникъ свободы", которому „Tribuna" воспѣла дифирамбъ за умѣнье обойтись безъ осаднаго положенія во время стачки, запрещалъ газеты, начиная съ запрета „Avanti" на сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прерывалъ телеграфныя и телефонныя сообщенія, подвергалъ незаконной перлюстраціи частныя телеграммы.

Окончаніе стачки позволило ему совершенно сбросить маску: начались аресты въ районахъ недавней стачки, пошли запреты собраній въ честь политическихъ жертвъ. Онъ поспѣшилъ обнаружить всяческое усердіе, чтобы возстановить свой престижъ въ глазахъ большинства палаты. Но по нападкамъ озлобленныхъ буржуазныхъ политиковъ, обвиняющихъ премьера въ бездѣйствіи власти, видно, что Джіолитти на этотъ разъ не съумѣлъ угодить. Даже органъ конституціонной оппозиціи признаетъ за соціалистами право торжествовать побѣду надъ министромъ.

Таковы результаты перемѣщенія политическихъ силъ Италіи — въ итогѣ всеобщей стачки.

Вся парламентская лѣвая, т. е. и республиканцы, и радикалы, пойдутъ, по мнѣнію Ферри, за соціалистами въ требованіи немедленныхъ коренныхъ реформъ, въ требованіи радикальнаго министерства; пойдутъ — какъ это рѣшено на собраніи всей лѣвой 21-го сентября по обсужденіи недавнихъ событій, — даже до обструкціи въ случаѣ майоризированія ихъ правой, до массовой отставки депутатовъ, — въ случаѣ побѣды Джіолитти.

Въ повышенной атмосферѣ кипящей ключемъ политической жизни Италіи стоятъ другъ къ другу лицомъ два вѣчно враждебные класса.

Пролетаріатъ возвращается къ будничной жизни со вновь выкованнымъ орудіемъ сознательной классовой, организованной силы, которая легко можетъ быть пущена въ дѣло. Но можно быть увѣреннымъ, что онъ лучше, чѣмъ когда либо различаетъ враговъ и грядущія опасности.

И лицомъ къ лицу съ нимъ, буржуазія, недавно терроризированная темнотой городовъ и отсутствіемъ хлѣба, обнаруживаетъ какое-то политическое слабоуміе въ первый же день возстановленія мирной жизни. „И бысть свѣтъ!" почтительно восклицаетъ генуэзская „Secolo", по поводу возстановленія электрическаго освѣщенія въ городѣ.

И въ то время, какъ римская „Tribuna" еще съ откровенностью отчаянья говоритъ: „мы должны совершить великую соціальную реформу... увеличивъ число полиціи", — генуэзская „Secolo" помѣщаетъ статью — по поводу праздника независимости Италіи „XXII сентября", — подъ заглавіемъ: „Горѣ имѣемъ сердца!" Вотъ что въ ней говорится:

„Не будемъ смущать радости примиренія душъ нашихъ: одна мысль должна объединить души добрыхъ и честныхъ, мысль о любви къ отечеству". „Горѣ имѣемъ сердца, генуэзцы!... Звѣзда Италіи не меркнетъ, и добродѣтель душъ добрыхъ гражданъ сдѣлаетъ ея сіяніе еще прекраснѣе!"

Ружейные залпы, однако, краснорѣчивѣе сладкихъ фразъ, и на жалкій примирительный лепетъ газетъ, какъ и на новыя попытки правительства въ рамкахъ существующей куцой конституціи затушевать острую борьбу классовъ подъ прикрытіемъ фразъ о неклассовой политикѣ, итальянскіе рабочіе, конечно, съ насмѣшкой отвѣтятъ: *узнаю тебя маска!*

Итальянская всеобщая стачка случилась по истинѣ во-время для разрѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ, такъ сильно занимавшей въ послѣднее время литературу всѣхъ партій, интересующихся борьбой капитала и труда. Она даетъ новый матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ можетъ быть такая всеобщая стачка. Соціальдемократы, въ противоположность анархистамъ, видятъ въ ней мощное орудіе для агитаціи. Такимъ-то именно орудіемъ и явились „три дня".

русскихъ и армянъ; выпущено нѣсколько прокламацій на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ собраній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи рабочаго класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно въ 50, другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко выраженный политическій характеръ, было посвящено памяти извѣстнаго грузинскаго соціалъ-демократа Ладо Кецховели, убитаго въ тюрьмѣ; было поднято красное знамя съ надписью на грузинскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе“; два оратора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ; ораторы выясняли необходимость сверженія самодержавія и достиженія политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе, и, развернувъ красное знамя, они съ пѣснями и съ криками „долой самодержавіе“ и „да здравствуетъ свобода“, двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное воодушевленіе. Мѣстная рабочая организація раскидываетъ свои сѣти во всѣ стороны и надѣется, что черезъ нѣкоторое время владикавказскій пролетаріатъ [illegible] съ честью вступитъ въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую свободу и соціализмъ. Къ сожалѣнію, только, какъ и вездѣ, у насъ чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни замѣчается нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной интеллигенціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся молодежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала вопросъ о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ тому заключенію, что никакая производительная культурная работа въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя невозможна, а потому ближайшей задачей является сверженіе самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и у насъ начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго будущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Осетинъ.

Минскъ. За послѣднее время нашей организаціей было устроено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ въ числѣ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи, о необходимости демонстраціи противъ войны, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ евреевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два оратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный принципъ“. Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили также по поводу убійства Плеве, о дисциплинѣ и конспираціи, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось дружными криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ!“. Съ пѣснями собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе осталось очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организованные рабочіе: болѣе 70 чел. отсутствовало въ силу нѣкоторыхъ техническихъ и конспиративныхъ условій. Третье собраніе, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, [illegible]но было быть распущено, такъ какъ полиція успѣла пронюхать о немъ и могла явиться съ минуты на минуту. Что касается общей дѣятельности группы, то мы можемъ съ радостью сообщить, что послѣднее время она въ высшей степени интенсивно работаетъ, и сходки и кружки въ полномъ ходу. Недавно у насъ были одна за другой распространены прокламаціи [illegible] Плеве и „Къ солдатамъ“; обѣ перепечатаны съ прокламацій „Искры“ въ типографіи „Сѣверо-Западнаго Комитета“.

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій сатрапъ Васильевъ, извѣстный зубатовецъ, [illegible] уничтожить „жидковъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ“. Недавно [illegible] былъ произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по приказу изъ Петербурга. Жандармерія ушла не солоно хлебавши и [illegible] удивилась распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

Maschera [illegible]
Узнаю тебя, маска.

„Революціонны[illegible] изведенные ими [illegible] маневры“ [illegible] окончившейся въ Италіи всеобщей стачки [illegible] римскій сенаторъ, бывшій армейскій генералъ [illegible] выразила представленіе буржуазіи [illegible] скихъ массъ [illegible] объясненіе стройности [illegible] ское самоутѣшеніе [illegible] „маневры“.

Чѣмъ же была на дѣлѣ [illegible] „мобилизація“?

Разразившаяся всеобщая стачка [illegible] щій потокъ [illegible] ныхъ и сельскихъ рабочихъ Италіи [illegible] бочаго движенія [illegible] напр., канунъ [illegible] стойкой стачки рабочихъ мраморныхъ [illegible] Однако [illegible] было для [illegible] знанія классовой [illegible] талисты и [illegible]

5, 8 и [illegible] массу [illegible] ленными [illegible] тактное поведеніе [illegible] со стороны [illegible] войсками [illegible] рабочихъ убито [illegible] ство военныхъ [illegible] монстративныхъ [illegible] 8 сентября [illegible] ведущими стачку [illegible] Сабина. Власти [illegible] тушу и арест[illegible] полицейскихъ [illegible] документы, [illegible] стеллюцци (Cas[illegible]) [illegible] насилія. Въ [illegible] уплаты арендныхъ [illegible] чальствомъ бригадира [illegible] на незаконно[illegible] ютъ секретаря [illegible] Тотъ, не [illegible] убитыхъ, много раненыхъ.

И вотъ разразилась [illegible] стей, попустительство [illegible] дѣло, рядомъ [illegible] массу рабочихъ [illegible] погромъ [illegible] делегатовъ миланской Биржи [illegible] общую стачку [illegible] митету правленія соціалистической партіи въ Римѣ. [illegible] ночь всеобщая стачка была объявлена [illegible] 16-го вечеромъ [illegible] массовое собраніе рабочихъ въ миланской Биржѣ Труда [illegible] par acclamation [illegible] митинговъ протеста и демонстрацій [illegible] веній рабочихъ [illegible] при попыткѣ полиціи распустить собраніе [illegible] кровавой бойней [illegible] 15 рабочихъ. Въ полночь собраніе членовъ [illegible] вовъ въ Биржѣ Труда постановило всеобщую стачку. На слѣдующее утро стачка охватила всѣ порты побережья Средиземнаго моря. 17-го утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ, Неаполѣ, Венеціи, Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ возстающій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ [illegible]: Миланъ, Генуя, Туринъ. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально беретъ въ свои руки власть надъ городомъ. Съ прекращеніемъ [illegible] наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ; издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки“. Для руководства стачкой въ Миланѣ сорганизовывается „Секретаріатъ сопротивленія“. Биржа труда организуетъ разсылку распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не смѣетъ показываться на улицу. Вызванные въ Миланъ войска [illegible] послѣ форсированныхъ переходовъ приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ, послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурные дни уличныхъ столкновеній; дѣло доходитъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Ѣдятъ сухари изъ морскихъ запасовъ. Къ западу отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для солдатъ тюфяки.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло примкнувшихъ къ партійно организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ буквально овладѣваетъ ею, растерянность ея граничитъ съ комическимъ перепугомъ. „Невѣроятное варварство, — восклицаетъ Sentinella Bresciana объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — нездоровую даму старуху заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была сѣсть на скамью на улицѣ“.

Праздная толпа генуэзской знати рукоплещетъ пощечинѣ, данной въ толпѣ одному адвокату соціалисту, и газеты сочувственно отмѣчаютъ „демонстрацію“.

„Кто не видѣлъ, — пишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца! Въ этотъ моментъ онъ (народъ) былъ господиномъ. Командировъ не было... Колонна раздѣлилась на-трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?“.

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи: королевская резиденція, вѣдь, была посрединѣ зловѣщаго треугольника Милана, Турина, Генуи. Чудился обширный стратегическій планъ съ разрушеніемъ и преграждѣніемъ желѣзныхъ дорогъ именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе была терроризирована и политическая мысль буржуазіи, чему образцомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго публициста Vasallo: „Вы, жирондисты, реформисты, съ этихъ поръ носящіе кличку *помощниковъ*, вы будете уничтожены якобинцами [illegible]листами, которые встрѣтятъ свою историческую Немезиду въ томъ мрачномъ пятомъ сословіи, которато мы не знаемъ, которое мы отожествляемъ съ варварствомъ [illegible] въ томъ пятомъ сословіи, сословіемъ изъ какихъ-то [illegible] наполовину людей, наполовину звѣрей, [illegible] въ опредѣленный моментъ выходитъ [illegible] ужасные признаки [illegible]“

Достаточно [illegible] обнаженной классовой [illegible] злобы и страха [illegible] тѣми же органами печати [illegible] чтобы понять [illegible] тайны исторіи [illegible] знаменательные „три дня“ итальянской стачки.

Вотъ [illegible] чемъ была въ [illegible] буржуазная [illegible]

[illegible] вечеромъ [illegible] совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда рѣшилъ въ принципѣ всеобщую стачку и эта вѣсть разнеслась по всей Италіи, генуэзская газета „Secolo“ помѣстила статью [illegible] Статья начинается [illegible] боку о боку [illegible] перейдитъ къ [illegible] итальянскаго народа [illegible] искать въ инди[illegible]

[illegible]

[illegible] „Бла[illegible]“ [illegible]

[illegible]

Римская [illegible] комментируя [illegible]

[illegible] насмѣшкой [illegible] политическихъ [illegible] настырей [illegible]

На грандіозномъ [illegible] въ Миланѣ рабочими [illegible] стало [illegible] реформизма [illegible] Турати [illegible] этимъ [illegible] настроенныхъ массъ [illegible] въ отмежевываетъ [illegible] и центральныя силы движенія. Вотъ доказательства этого: 18-го вечеромъ на Биржѣ Труда въ Миланѣ была получена телеграмма изъ Рима за подписью Murialdi и Rossi, заявляющая, что „центральный комитетъ сопротивленія“ рѣшилъ прекратить стачку въ этотъ же день. Послѣдствіемъ было то, что миланскіе желѣзнодорожные рабочіе, присоединившіеся къ стачкѣ и подчинившіеся миланской Биржѣ Труда, теперь не примкнули къ общему движенію. Буржуазныя газеты воздали должное этому благоразумію небольшой части миланскихъ рабочихъ. И вотъ какъ отзывается объ этомъ инцидентѣ „Бюллетень всеобщей стачки“:

„Несомнѣнно, дѣло идетъ объ измѣнѣ, и поскольку есть въ насъ еще остатокъ уваженія къ соціалистамъ реформистамъ, первой приходитъ на умъ мысль, что это ловкій обманъ полиціи“.

Порвалась послѣдняя связь между сторонниками мирнаго развитія и революціоннымъ пролетаріатомъ и, слѣдовательно, [illegible] и послѣдняя нить, связывавшая этотъ пролетаріатъ съ буржуазіей.

[illegible] буржуа съ ужасомъ ищутъ „надежныхъ“ вождей во главѣ народа [illegible] массъ и не видятъ. Сладкія рѣчи о благѣ всего [illegible] безполезны, если освистанъ Турати, на какой-же сцены? И [illegible] разсчитывать буржуазные артисты политической [illegible] потокъ [illegible] итальянскій народъ выливается цѣлый [illegible] откровенности правящихъ классовъ.

Вотъ, кто ты, ма[illegible]

И, дѣйствительно, всѣ [illegible] сказать, итальянскій рабочій, въ эти памятные дни убѣдительнаго массоваго рабочаго, могли [illegible] обычной идеологической маски, что такое буржуазія безъ своей [illegible]

Трехдневная стачка также [illegible] закончилась, какъ и возникла: рабочіе повсюду принялись [illegible] по постановленію биржъ труда, и „секретаріатовъ сопротивленія“. Только тамъ, гдѣ, какъ въ Неаполѣ желѣзнодорожными [illegible] была поставлена близкая конкретная цѣль, стачка [illegible] еще нѣсколько дней; въ Неаполѣ стачка окончилась [illegible] рабочіе добились отставки начальника мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ, инженера Раньи. И жизнь вошла въ обычное русло, [illegible]лось въ прежнее состояніе. Такъ ли это, все ли вернулось по прежнему въ жизни Италіи?

Буржуа подсчитываютъ убытки, включая разбитыя оконныя стекла, и вздыхаютъ о невозвратимыхъ потеряхъ. Они занимаются и учетомъ результатовъ для рабочихъ этой стачки, которая, ясно для всѣхъ, была политической стачкой.

Мораль ихъ ясна: вы ничего не добились. Римская газета „Popolo Romano“, первая изъ римскихъ буржуазныхъ газетъ, вышедшая 19-го вечеромъ, въ статьѣ „Конецъ стачки“ призываетъ рабочихъ впредь держаться вдали отъ политической борьбы, которая останется де для нихъ вообще безрезультатной.

Убѣдительна ли для итальянскаго рабочаго класса эта мораль? Политическая сторона историческихъ „трехъ дней“ говоритъ намъ иное.

На верхушкѣ итальянской государственной пирамиды красуется не фигура dell Re короля Виктора Эмануила, который нянчитъ въ эти дни новорожденнаго любезнаго сына, а фигура премьера Джіованни Джіолитти.

Джіолитти сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать услужливый прикащикъ реакціонной буржуазіи: его политика была политикой уклоненія отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ реформъ, которыя только обсуждались за время его пребыванія у власти. Такъ было съ вопросомъ объ отдѣленіи государства отъ церкви, такъ и съ вопросомъ о распространеніи скромнаго права административныхъ выборовъ на цѣлыя категоріи лицъ. Онъ былъ лакеемъ крупныхъ аграріевъ, яростно защищалъ покровительственную систему, поддерживалъ пошлины на сахаръ, хлѣбныя пошлины. Его маской была звонкая фраза, щедрыя обѣщанія. На телеграмму, переданную туринскими соціалистами черезъ городского синдика (городского голову), Джіолитти отвѣтилъ увѣреніями, что онъ являлся и является защитникомъ абсолютной свободы стачекъ, — сторонникомъ невмѣшательства правительства въ мирные конфликты капитала и труда, что правительство не отвѣтственно за преступно совершенныя дѣйствія низшихъ властей, что виновные въ Кастеллюцской бойнѣ арестованы и будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности передъ закономъ.

Достаточно сказать, что два дня спустя, въ дни наибольшаго обостренія классоваго конфликта, виновники кроваваго побоища не были еще арестованы. Въ то же время „защитникъ свободы“, которому „Tribuna“ воспѣла диѳирамбъ за умѣнье обойтись безъ осаднаго положенія во время стачки, запрещалъ газеты, начиная съ запрета „Avanti“ на сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прерывалъ телеграфныя и телефонныя сообщенія, подвергалъ незаконной цензурѣ частныя телеграммы.

Окончаніе стачки позволило ему совершенно сбросить маску: [illegible] въ районахъ недавней стачки, [illegible] запреты собраній [illegible] политическихъ жертвъ. Онъ поспѣшилъ обнаружить [illegible] чтобы возстановить свой престижъ [illegible] большинства палаты. Но [illegible] нападкамъ озлобленныхъ [illegible] премьера въ бездѣйствіи власти [illegible] Джіолитти на этотъ разъ не съумѣлъ [illegible] конституціонной оппозиціи признаетъ [illegible] соціалистами [illegible] побѣду надъ министромъ.

Таковы результаты перемѣщенія политическихъ силъ Италіи [illegible] итогѣ всеобщей стачки.

Вся парламентская лѣвая [illegible] и республиканцы и радикалы, [illegible] за соціалистами въ требованіи немедленныхъ коренныхъ реформъ, въ требованіи радикальнаго министерства [illegible] какъ это рѣшено на собраніи всей лѣвой [illegible] сентября по обсужденіи недавнихъ событій, даже [illegible] майоризированія ихъ правой, до массовой [illegible] въ случаѣ побѣды Джіолитти.

[illegible] кипящей [illegible] политической жизни Италіи [illegible] два вѣчно враждебныхъ [illegible]

Пролетаріатъ [illegible] будничной жизни [illegible] вновь [illegible] организованной [illegible] можетъ быть [illegible] Но можно быть увѣреннымъ [illegible] различаетъ [illegible]

[illegible] буржуазія недавно терроризированная [illegible] и отсутствіемъ хлѣба, обнаруживаетъ [illegible] день возстановленія мирной жизни [illegible] почтительно восклицаетъ [illegible] возстановленія электрическаго [illegible]

[illegible] римская „Tribuna“ [illegible] откровенно [illegible] должны совершить великую [illegible] генуэзская „Secolo“ [illegible] по поводу праздника независимости [illegible] „XX [illegible]“ [illegible] издавна [illegible] „Городъ“ имѣетъ [illegible] ней говорится:

„[illegible] примиренія [illegible] одна мысль [illegible] добрыхъ и честныхъ, мысль о [illegible] отечеству“. „Городъ имѣетъ [illegible] генуэзцы“ [illegible] и добродѣтели [illegible] добрыхъ гражданъ [illegible] еще прекраснѣе“.

[illegible] такихъ фразъ, и [illegible] примирительный лепетъ газетъ [illegible] и на новыя [illegible] въ рамкахъ существующей куцой конституціи [illegible] борьбы [illegible] прикрытіемъ фразъ [illegible] надклассовой политикѣ [illegible] конечно, [illegible] насмѣшкой отвѣтитъ: *узнаю тебя, маска*.

[illegible] всеобщая [illegible] истинѣ во-время [illegible] разрѣшенія вопроса [illegible] всеобщей стачкѣ, такъ сильно занимавшей въ послѣднее время литературу всѣхъ партій, интересующихся борьбой капитала и труда. Она даетъ новый матеріалъ для разрѣшенія вопроса [illegible] чѣмъ можетъ быть такая всеобщая стачка. [illegible]-демократы въ противоположность анархистамъ видятъ въ ней мощное орудіе для агитаціи. Такимъ-то именно орудіемъ и явились „три дня“.

[illegible]скихъ и армянъ; выпущено нѣсколько прокламацій на русскомъ и грузинскомъ языкахъ, устроенъ рядъ агитаціонныхъ собраній, на которыхъ выяснялись какъ ближайшія задачи рабочаго класса, такъ и его конечныя стремленія. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два загородныхъ собранія, одно въ [illegible] другое въ 85 человѣкъ. Второе изъ нихъ, носившее рѣзко выраженный политическій характеръ, было посвящено памяти извѣстнаго грузинскаго соціальдемократа Ладо Кецховели, убитаго въ тюрьмѣ; было поднято красное знамя съ надписью на грузинскомъ и русскомъ языкахъ: „долой самодержавіе"; два оратора говорили на русскомъ языкѣ и одинъ на грузинскомъ; ораторы выясняли необходимость сверженія самодержавія и достиженія политической свободы. Рѣчи произвели на рабочихъ сильное впечатлѣніе, и, развернувъ красное знамя, они съ пѣснями и съ криками „долой самодержавіе" и „да здравствуетъ свобода", двинулись по лѣсу. Чувствовалось необыкновенное воодушевленіе. Мѣстная рабочая организація раскидываетъ свои сѣти во всѣ стороны и надѣется, что черезъ нѣкоторое время владикавказскій пролетаріатъ in corpore съ честью вступитъ въ ряды самыхъ рѣшительныхъ борцовъ за политическую свободу и соціализмъ. Къ сожалѣнію, только, какъ и вездѣ, у насъ чувствуется недостатокъ въ опытныхъ пропагандистахъ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ пролетаріата къ новой жизни замѣчается нѣкоторый ростъ самосознанія и среди туземной интеллигенціи. Такъ, осетинская интеллигенція въ лицѣ учащейся молодежи и учителей на нѣсколькихъ собраніяхъ обсуждала вопросъ о современномъ положеніи дѣлъ въ краѣ и пришла къ тому заключенію, что никакая производительная культурная работа въ рамкахъ существующаго полицейско-бюрократическаго строя невозможна, а потому ближайшей задачей является сверженіе самодержавія.

Итакъ, и наша глухая сторона начинаетъ пробуждаться, и у насъ начинаетъ формироваться къ борьбѣ носитель свѣтлаго будущаго — революціонный пролетаріатъ. Въ добрый часъ!

Осетинъ.

Минскъ. За послѣднее время нашей организаціей было устроено два собранія. Первое состояло изъ рабочихъ евреевъ, въ числѣ 50 чел. Говорилось о войнѣ и о революціи; о необходимости демонстраціи противъ войны; объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Второе собраніе изъ 80 организованныхъ рабочихъ евреевъ и христіанъ прошло очень оживленно. Говорили два оратора. Одинъ по русски, другой по еврейски. Былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Классовая борьба и организаціонный принципъ". Собраніе продолжалось четыре часа. Говорили также по поводу убійства Плеве; о дисциплинѣ и конспираціи, объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Собраніе закончилось дружными криками: „Долой самодержавіе! долой капитализмъ!". Съ пѣснями собраніе стало расходиться. Впечатлѣніе осталось очень хорошее; жалѣли только, что были не всѣ организованные рабочіе: болѣе 70 чел. отсутствовало въ силу нѣкоторыхъ техническихъ и конспиративныхъ условій. Третье собраніе, на которое явилось около 120 чел. рабочихъ евреевъ, должно было быть распущено, такъ какъ полиція успѣла пронюхать о немъ и могла явиться съ минуты на минуту. Что касается общей дѣятельности группы, то мы можемъ съ радостью сообщить, что послѣднее время она въ высшей степени интенсивно работаетъ, и сходки и кружки въ полномъ ходу. Недавно у насъ были одна за другой распространены прокламаціи о Плеве и „Къ солдатамъ". Обѣ перепечатаны съ прокламацій „Искры" въ типографіи „Сѣверо-Западнаго Комитета".

Полиція мечется, какъ угорѣлая. Мѣстный жандармскій сатрапъ Васильевъ (извѣстный зубатовецъ) клялся уничтожить „жидковъ, мутящихъ добрыхъ христіанъ". Недавно былъ здѣсь произведенъ обыскъ у одного военнаго врача по приказу изъ Петербурга. Жандармерія ушла не солоно хлебавши и очень удивилась распоряженію.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТРИ ДНЯ.

> Mascherina, ti cognosco
> Узнаю тебя, маска!

„Революціоннымъ соціалистамъ блестяще удались произведенные ими большіе маневры", сказалъ по поводу только что окончившейся въ Италіи всеобщей стачки одинъ римскій сенаторъ, бывшій армейскій генералъ. Армейская голова удачно выразила представленіе буржуазіи о „мобилизаціи" пролетарскихъ массъ. Тутъ и единственно доступное буржуазному мозгу объясненіе стройной согласованности „черни" и оптимистическое самоутѣшеніе (только „маневры!").

Чѣмъ же была на дѣлѣ эта „мобилизація"?

Разразившаяся всеобщая стачка только слила въ одинъ общій потокъ отдѣльныя струи пролетарской борьбы промышленныхъ и сельскихъ рабочихъ Италіи. Хроника итальянскаго рабочаго движенія — это хроника постоянныхъ стачекъ. Такъ напр., канунъ объявленія всеобщей стачки былъ сотымъ днемъ стойкой стачки рабочихъ мраморныхъ ломокъ въ Версиліи... Однако же, отдѣльныхъ взрывовъ недовольства недостаточно было для того, чтобы вызвать общій подъемъ настроенія и сознанія классовой солидарности. Объ этомъ позаботились капиталисты и угодливая имъ, покрываемая правительствомъ, армія.

5, 8 и 14 сентября, какъ вспышки запала, воспламенили всю массу. 5 сентября произошло столкновеніе между горнопромышленными рабочими и солдатами въ Буджеру, въ Сардиніи. Безтактное поведеніе отряда вызвало отпоръ, — бросанье камней со стороны рабочихъ. Въ результатѣ залповъ, произведенныхъ войсками, трое рабочихъ убито, много — ранено. Самоуправство военныхъ властей тотчасъ отзывается цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ протестовъ во всей Италіи. Черезъ три дня, 8 сентября, разыгрывается сцена беззастѣнчивой расправы съ ведущими стачку сельскохозяйственными рабочими въ Мальяно Сабина. Власти приглашаютъ комитетъ союза рабочихъ въ ратушу и арестовываютъ его; въ помѣщеніе союза посылаютъ полицейскихъ подъ прикрытіемъ эскадрона драгунъ, арестуютъ документы, объявляютъ союзъ закрытымъ. 14 сентября въ Кастеллюцци (Castelluzzi, у Трапани въ Сициліи) — новая сцена насилія. Въ помѣщеніе лиги сельскихъ рабочихъ, во время уплаты арендныхъ взносовъ, врываются карабинеры подъ начальствомъ бригадира и, получивъ отъ секретаря лиги отказъ на незаконное требованіе выдать списокъ членовъ лиги, арестуютъ секретаря. Происходитъ препирательство съ бригадиромъ. Тотъ, не долго задумываясь, командуетъ огонь; въ итогѣ двое убитыхъ, много раненыхъ.

И вотъ развязность буржуазіи, распущенность низшихъ властей, попустительство министерства Джіолитти сдѣлали свое дѣло: рядомъ ударовъ они привели въ движеніе милліонную массу рабочихъ. Черезъ 36 часовъ извѣстіе о Кастеллюцскомъ погромѣ дошло до Рима. Еще черезъ нѣсколько часовъ совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда принципіально рѣшилъ всеобщую стачку и представилъ свое рѣшеніе исполнительному комитету правленія соціалистической партіи въ Римѣ. Въ ту же ночь всеобщая стачка была объявлена правленіемъ партіи. 16-го вечеромъ состоялось массовое собраніе рабочихъ въ миланской Биржѣ Труда. Собраніе провозгласило всеобщую стачку par acclamation. Въ этотъ же день въ Генуѣ, въ результатѣ митинговъ протеста и демонстрацій, произошелъ рядъ столкновеній рабочихъ съ полиціей. Одно изъ такихъ столкновеній, при попыткѣ полиціи распустить собраніе протеста, кончилось кровавой бойней: 200 выстрѣловъ со стороны войскъ уложили 15 рабочихъ. Въ полдень собраніе членовъ лигъ и кооперативовъ въ Биржѣ Труда постановило всеобщую стачку. На слѣдующее утро стачка охватила всѣ порты побережья Средиземнаго моря. 17-го утромъ остановились всѣ отрасли производства въ Туринѣ, Неаполѣ, Венеціи, Брешіи. Одновременно стачка началась и въ Римѣ.

Три великіе дня для итальянскаго пролетаріата: 16-17-18 сентября!

Пролетаріатъ девятисотъ слишкомъ мѣстностей выступилъ одновременно, какъ восстающій угнетенный классъ, съ сознательнымъ требованіемъ, обращеннымъ къ правительству: прочь хищныя руки, залитыя пролетарскою кровью! Стачка охватила несомнѣнно свыше милліона рабочихъ. Главный базисъ [illegible]я: Миланъ, Генуя, Туринъ. Въ Миланѣ Биржа Труда буквально таки беретъ въ свои руки власть надъ городомъ. Съ прекращеніемъ всякаго вида наемнаго труда, прекращается и выходъ газетъ; издается только Биржей Труда „Бюллетень всеобщей стачки". Для руководства стачкой въ Миланѣ сорганизовывается „Секретаріатъ сопротивленія". Биржа труда организуетъ разсылку распоряженій по городу при помощи 300 курьеровъ велосипедистовъ, устанавливаетъ общественную охрану. Городская полиція не смѣетъ показываться на улицу. Вызванные въ Миланъ войска (альпійцы) послѣ форсированныхъ переходовъ приходятъ въ Миланъ ночью и въ потьмахъ ночуютъ въ дворцовомъ дворѣ.

Въ Генуѣ, послѣ бойни въ предмѣстьи Сампьердарена, бурные дни уличныхъ столкновеній; дѣло доходитъ до частныхъ попытокъ постройки баррикадъ.

Ни воды, ни хлѣба, ни электрическаго освѣщенія. Ѣдятъ сухари изъ морскихъ запасовъ. Къ западу отъ Генуи была даже повреждена желѣзная дорога. Толпа сжигаетъ предназначенные для солдатъ тюфяки.

Громадныя манифестаціи и собранія въ Римѣ. При всемъ томъ общее теченіе стачки болѣе, чѣмъ мирно, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ. Всюду поражаетъ выдержанность, сознательность рабочихъ массъ, всецѣло примкнувшихъ къ партійно-организованнымъ рабочимъ.

Что же думаетъ и дѣлаетъ въ эти дни буржуазія? Ужасъ, буквально, овладѣваетъ ею; растерянность ея граничитъ съ комическимъ перепугомъ. „Невѣроятное варварство, — восклицаетъ Sentinella Bresciana объ одномъ инцидентѣ Миланской стачки, — нездоровую даму, старуху, заставили выйти изъ общественнаго экипажа и она принуждена была сѣсть на скамью на улицѣ".

Праздная толпа генуэзской знати рукоплещетъ пощечинѣ, данной въ толпѣ одному адвокату соціалисту, и газеты сочувственно отмѣчаютъ „демонстрацію".

„Кто не видѣлъ, пишетъ одинъ миланецъ, входа кортежа рабочихъ въ городъ, тому не понять очевидца! Въ этотъ моментъ онъ (народъ) былъ господиномъ... Командировъ не было. Колонна раздѣлилась на-трое. Повидимому имѣлись три цѣли. Какія? Дворецъ? Префектура? Городская дума? Кто знаетъ?".

Перепуганное воображеніе напоминало буржуазіи страшныя вещи: королевская резиденція, вѣдь, была посрединѣ зловѣщаго треугольника: Милана, Турина, Генуи. Чудился обширный стратегическій планъ съ разрушеніемъ и прегражденіемъ желѣзныхъ дорогъ, именно съ тѣхъ сторонъ, откуда передвигались войска.

Не менѣе была терроризирована и политическая мысль буржуазіи, чему образцомъ можетъ служить вдохновенный бредъ перепуганнаго публициста Vasallo: „Вы, жирондисты, реформисты, съ этихъ поръ носящіе кличку *измѣнниковъ*, вы будете уничтожены якобинцами лабріолистами, которые встрѣтятъ свою историческую Немезиду въ томъ мрачномъ пятомъ сословіи, котораго мы не знаемъ, которое мы отождествляемъ съ варварствомъ, — въ томъ пятомъ сословіи, состоящемъ изъ какихъ-то чудовищъ и выродковъ, наполовину людей, наполовину звѣрей, сословіи, изъ котораго въ опредѣленный моментъ выходятъ сентябрьскіе герои ножа, опьяненные кровью, ужасные призраки tricoteuses гильотины".

Достаточно лишь сопоставить эти красоты обнаженной классовой психологіи, эти перлы злобы и страха — съ тѣми пѣснями любви, мира и внѣклассовой солидарности, которыя пѣлись тѣми же органами печати за нѣсколько дней до этого, — чтобы понять, какія тайны исторіи открыли знаменательные „три дня" итальянской стачки.

Вотъ о чемъ пѣла въ предыдущіе дни буржуазная пресса.

16-го вечеромъ, когда совѣтъ делегатовъ миланской Биржи Труда рѣшилъ въ принципѣ всеобщую стачку и эта вѣсть разнеслась по всей Италіи, генуэзская газета „Secolo" помѣстила статью: „Духъ терпимости въ Италіи". Статья начинается дипломатично съ уживчивости царствующихъ въ Римѣ бокъ-о-бокъ папы и короля, но вслѣдъ затѣмъ быстро переходитъ къ главной темѣ: терпимости итальянскаго народа, чуждаго политикѣ. Происхожденіе этой терпимости нужно искать въ индивидуализмѣ итальянца, отмѣченномъ еще въ XIV вѣкѣ и въ эпоху Возрожденія. Терпимость эта проистекаетъ изъ эгоизма, изъ эпикурейской мудрости, изъ скептицизма народа. Ему нѣтъ дѣла до увлеченій другихъ; онъ не податливъ на пропаганду. „Итальянецъ сомнѣвается во всѣхъ и во всемъ, и этотъ скептицизмъ застраховываетъ его отъ губительнаго энтузіазма какъ въ теоріяхъ, такъ и въ отношеніи къ людямъ".

Какой ироніей звучатъ эти строки три дня спустя, когда газетный гашишъ подобныхъ статей оказался безсильнымъ отуманить головы итальянскихъ рабочихъ.

Но вотъ уже началась стачка, и въ томъ же „Secolo" описывается сходка рабочихъ на Campo Boario въ Римѣ: „Большая толпа демонстрантовъ устремляется слѣдомъ за Ферри по улицѣ Bocca della Verita, издавая крики протеста. Депутатъ Ферри и другіе главари соціалистической партіи призываютъ къ спокойствію и серьезности".

Газета, повидимому, успокаиваетъ себя и свою аудиторію извѣстіемъ: мирно настроенные „вожди" — на мѣстахъ. Ея отношеніе къ рабочимъ и даже къ ихъ стачкѣ — слаще меда.

16 сентября въ генуэзскихъ газетахъ появляется извѣстіе изъ Трапани о сицилійской бойнѣ. Корреспонденція начинается словами: „ужасная новость повергла въ оцѣпенѣніе весь городъ; только и говорятъ, что объ этомъ... Повидимому, однако, войска принуждены были пустить въ дѣло оружіе, потому что они очутились среди подавляющей числомъ, угрожающей толпы".

„Правительство рѣшило, пишутъ тамъ же по поводу столкновенія въ Кастелюцци между войсками и крестьянской лигой, настаивать на самомъ безпристрастномъ разслѣдованіи дѣла и на суровомъ примѣненіи закона къ тѣмъ агентамъ публичной охраны, которые злоупотребили своею властью".

Римская газета „Tribuna", комментируя фактъ, разсыпается въ похвалахъ правительству, „принявшему рѣшительныя мѣры"; она требуетъ преслѣдованія карабинеровъ, независимо отъ того, повинны ли они въ неблагоразуміи или въ излишнемъ усердіи.

Такъ буржуазная пресса стояла на стражѣ интересовъ рабочихъ, парадируя передъ этими рабочими. Иныя слова успокоенія и „соціальнаго мира" были припасены у нея для буржуазной публики. Политическая инертность народныхъ массъ, „благоразуміе Ферри", отвѣтственность передъ обществомъ буржуазнымъ, конечно „высоко-цѣнимаго Филиппа Турати, краснорѣчіе котораго доводило рабочихъ до неистоваго энтузіазма", — таковы были воображаемыя гарантіи непоколебимой прочности существующаго государственно-буржуазнаго порядка Италіи — въ глазахъ буржуазныхъ политиковъ за нѣсколько дней до стачечной бури. И вотъ „высокоцѣнимый Турати" черезъ нѣсколько дней отверженъ этой печатью почти что съ насмѣшкой, а „главари соціалистической партіи" осыпаются проклятіями. Что же случилось? Случилось то, что итальянскій пролетаріатъ, поднятый приливомъ классоваго сознанія на высоту пониманія своего политическаго достоинства, своихъ политическихъ цѣлей, вырвался изъ подъ опеки своихъ „дурныхъ пастырей" — реформистовъ.

На грандіозномъ собраніи въ Миланѣ рабочими былъ освистанъ глава итальянскаго реформизма — Турати. А вслѣдъ за этимъ судомъ революціонно-настроенныхъ массъ, отъ реформистовъ отмежевываются и центральныя силы движенія. Вотъ доказательства этого: 18-го вечеромъ на Биржѣ Труда въ Миланѣ была получена телеграмма изъ Рима за подписью Murialdi и Bossi, заявляющая, что „центральный комитетъ сопротивленія" рѣшилъ прекратить стачку въ этотъ же день. Послѣдствіемъ было то, что миланскіе желѣзнодорожные рабочіе, присоединившіеся къ стачкѣ и подчинившіеся миланской Биржѣ Труда, теперь не примкнули къ общему движенію. Буржуазныя газеты воздали должное этому благоразумію небольшой части миланскихъ рабочихъ. И вотъ какъ отзывается объ этомъ инцидентѣ „Бюллетень всеобщей стачки":

„Несомнѣнно, дѣло идетъ объ измѣнѣ, и поскольку есть въ насъ еще остатокъ уваженія къ соціалистамъ-реформистамъ, первой приходитъ на умъ мысль, что это ловкій обманъ полиціи".

Рвалась послѣдняя связь между сторонниками мирнаго развитія и революціоннымъ пролетаріатомъ, и, слѣдовательно, рва[illegible]сь и послѣдняя нить, связывавшая этотъ пролетаріатъ съ бур[illegible]ей.

Б[illegible]жуа съ ужасомъ ищутъ „надежныхъ" вождей во главѣ стотыс[illegible]ныхъ массъ и не видятъ. Сладкія рѣчи о благѣ всего народа [illegible] успѣхъ мо[illegible]ръ безполезны: если освистанъ Турати, на какой-же сцены? И на [illegible] разсчитывать буржуазные артисты политической [illegible] потокъ неприк[illegible]ронимый" итальянскій народъ выливается цѣлый [illegible] совъ. [illegible]анной ничѣмъ откровенности правящихъ клас-

Вотъ, кто ты, м[illegible]

И, дѣйствительно, всѣ д[illegible] вправѣ сказать итальянскій рабочій. въ эти памятные дни убѣдел[illegible]дняго массового рабочаго, могли обычной идеологической маск[illegible] что такое буржуазія безъ своей

Трехдневная стачка также ст[illegible] никла: рабочіе повсюду принялись [illegible] закончилась, какъ и возбиржъ труда, и „секретаріатовъ сопро[illegible]боту по постановленію гдѣ, какъ въ Неаполѣ желѣзнодорожными [illegible]нія". Только тамъ, новлена близкая конкретная цѣль, стачка пр[illegible]ми, была поста- сколько дней; въ Неаполѣ стачка окончилась [illegible]лась еще нѣ- чіе добились отставки начальника мѣстныхъ желѣз[illegible] — рабо- инженера Раньи. И жизнь вошла въ обычное русло, [illegible]рогъ, лось въ прежнее состояніе. Такъ ли это, все ли верну[illegible]ну- прежнему въ жизни Италіи?

Буржуа подсчитываютъ убытки, включая разбитыя оконныя стекла, и вздыхаютъ о невозвратимыхъ потеряхъ. Они занимаются и учетомъ результатовъ для рабочихъ этой стачки, которая, ясно для всѣхъ, была политической стачкой.

Мораль ихъ ясна: вы ничего не добились. Римская газета „Popolo Romano", первая изъ римскихъ буржуазныхъ газетъ, вышедшая 19-го вечеромъ, въ статьѣ „Конецъ стачки" призываетъ рабочихъ впредь держаться вдали отъ политической борьбы, которая останется-де для нихъ вообще безрезультатной.

Убѣдительна ли для итальянскаго рабочаго класса эта мораль? Политическая сторона историческихъ „трехъ дней" говоритъ намъ иное.

На верхушкѣ итальянской государственной пирамиды красуется не фигура dell Re, короля Виктора Эммануила, который нянчитъ въ эти дни новорожденнаго любезнаго сына, а фигура премьера Джіованни Джіолитти.

Джіолитти сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать услужливый приказчикъ реакціонной буржуазіи: его политика была политикой уклоненія отъ какихъ-бы то ни было соціальныхъ реформъ, которыя только обсуждались за время его пребыванія у власти. Такъ было съ вопросомъ объ отдѣленіи государства отъ церкви, такъ и съ вопросомъ о распространеніи скромнаго права административныхъ выборовъ на цѣлыя категоріи лицъ. Онъ былъ лакеемъ крупныхъ аграріевъ, яростно защищалъ покровительственную систему, поддерживалъ пошлины на сахаръ, хлѣбныя пошлины. Его маской была звонкая фраза, щедрыя обѣщанія. На телеграмму, переданную туринскими соціалистами черезъ городского синдика (городского голову), Джіолитти отвѣтилъ увѣреніями, что онъ являлся и является защитникомъ абсолютной свободы стачекъ, — сторонникомъ невмѣшательства правительства въ мирные конфликты капитала и труда, что правительство не отвѣтственно за преступно совершенныя дѣйствія низшихъ властей, что виновные въ Кастеллюцской бойнѣ арестованы и будутъ подвергнуты строжайшей отвѣтственности передъ закономъ.

Достаточно сказать, что два дня спустя, въ дни наибольшаго обостренія классового конфликта, виновники кроваваго побоища не были еще арестованы. Въ то же время „защитникъ свободы", которому „Tribuna" воспѣла дифирамбъ за умѣнье обойтись безъ осаднаго положенія во время стачки, запрещалъ газеты, начиная съ запрета „Avanti" на сѣверныхъ желѣзныхъ дорогахъ, прервалъ телеграфныя и телефонныя сообщенія, подвергалъ незаконной перлюстраціи частныя телеграммы.

Окончаніе стачки позволило ему совершенно сбросить маску: начались аресты въ районахъ недавней стачки, пошли запреты собраній въ честь политическихъ жертвъ. Онъ поспѣшилъ обнаружить всяческое усердіе, чтобы возстановить свой престижъ въ глазахъ большинства палаты. Но по нападкамъ озлобленныхъ буржуазныхъ политиковъ, обвиняющихъ премьера въ бездѣйствіи власти, видно, что Джіолитти на этотъ разъ не съумѣлъ угодить. Даже органъ конституціонной оппозиціи признаетъ за соціалистами право торжествовать побѣду надъ министромъ.

Таковы результаты перемѣщенія политическихъ силъ Италіи — въ итогѣ всеобщей стачки.

Вся парламентская лѣвая, т. е. и республиканцы, и радикалы, пойдутъ, по мнѣнію Ферри, за соціалистами въ требованіи немедленныхъ коренныхъ реформъ, въ требованіи радикальнаго министерства; пойдутъ — какъ это рѣшено на собраніи всей лѣвой 21-го сентября по обсужденіи недавнихъ событій, — даже до обструкціи въ случаѣ майоризированія ихъ правой, до массовой отставки депутатовъ, — въ случаѣ побѣды Джіолитти.

Въ повышенной атмосферѣ кипящей ключемъ политической жизни Италіи стоятъ другъ къ другу лицомъ два вѣчно враждебные класса.

Пролетаріатъ возвращается къ будничной жизни со вновь выкованнымъ орудіемъ сознательной классовой, организованной силы, которая легко можетъ быть пущена въ дѣло. Но можно быть увѣреннымъ, что онъ лучше, чѣмъ когда либо различаетъ враговъ и грядущія опасности.

И лицомъ къ лицу съ нимъ, буржуазія, недавно терроризированная темнотой городовъ и отсутствіемъ хлѣба, обнаруживаетъ какое-то политическое слабоуміе въ первый же день возстановленія мирной жизни. „И бысть свѣтъ!" почтительно восклицаетъ генуэзская „Secolo", по поводу возстановленія электрическаго освѣщенія въ городѣ.

И въ то время, какъ римская „Tribuna" еще съ откровенностью отчаянья говоритъ: „мы должны совершить великую соціальную реформу... увеличивъ число полиціи", — генуэзская „Secolo" помѣщаетъ статью — по поводу праздника независимости Италіи „XXII сентября", — подъ заглавіемъ: „Горѣ имѣемъ сердца!" Вотъ что въ ней говорится:

„Не будемъ смущать радости примиренія душъ нашихъ: одна мысль должна объединить души добрыхъ и честныхъ, мысль о любви къ отечеству". „Горѣ имѣемъ сердца, генуэзцы!... Звѣзда Италіи не меркнетъ, и добродѣтель душъ добрыхъ гражданъ сдѣлаетъ ея сіяніе еще прекраснѣе!"

Ружейные залпы, однако, краснорѣчивѣе сладкихъ фразъ, и на жалкій примирительный лепетъ газетъ, какъ и на новыя попытки правительства въ рамкахъ существующей куцой конституціи затушевать острую борьбу классовъ подъ прикрытіемъ фразъ о неклассовой политикѣ, итальянскіе рабочіе, конечно, съ насмѣшкой отвѣтятъ: *узнаю тебя маска!*

Итальянская всеобщая стачка случилась по истинѣ во-время для разрѣшенія вопроса о всеобщей стачкѣ, такъ сильно занимавшей въ послѣднее время литературу всѣхъ партій, интересующихся борьбой капитала и труда. Она даетъ новый матеріалъ для разрѣшенія вопроса о томъ, чѣмъ можетъ быть такая всеобщая стачка. Соціальдемократы, въ противоположность анархистамъ, видятъ въ ней мощное орудіе для агитаціи. Такимъ-то именно орудіемъ и явились „три дня".

БРЕМЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

На характерѣ двухъ послѣднихъ партейтаговъ — Дрезденскаго и Бременскаго, только что закончившаго свои засѣданія, — сказалось вліяніе колоссальной побѣды, одержанной германской соціальдемократіей на выборахъ 1903 г.—побѣды, вызвавшей новый подъемъ революціонной волны. Этотъ подъемъ, это усилившееся, благодаря трехъ-милліонному вотуму довѣрія пролетаріата, чувство отвѣтственности передъ нимъ за правильное выраженіе его классовыхъ интересовъ заставило соціальдемократію въ Дрезденѣ дать рѣшительное сраженіе тѣмъ тенденціямъ,
которыя грозили совратить партію съ пути непримиримой бор д-
бы съ буржуазнымъ строемъ и превратить ее въ партію нов-
альныхъ реформъ, т. е. постепеннаго примиренія двухъ го об-
ныхъ враждующихъ между собою элементовъ современ старые,
щества. И, дѣйствительно, генеральный бой былъ да защиту ста-
испытанные вожди провели блестящую кампанію в тактики. ея
рой же и испытанной революціонно-пролетарск „раскланялась“
противники потерпѣли ужасное фіаско: пар лядовъ. Отнынѣ
въ ревизіонизмомъ, какъ съ съ *систем* истическими тенден-
ей предстояла задача бороться съ опщедныхъ вопросовъ и, за-
ціями при разрѣшеніи отдѣльныхъ олюціонную позицію по от-
тѣмъ, сильнѣе подчеркнуть сво ственнымъ условіямъ. И то и
ношенію къ существующимъ ограммы, выполнилъ Бременскій
другое, въ предѣлахъ сво
одно отличаетъ отъ партейтаговъ по-
конгрессъ.

Прежде всего его рядъ рѣзкихъ резолюцій по текущимъ
слѣднихъ лѣтъ ой политической жизни. Отмѣтимъ резолю-
вопросамъ Гер нигбергскаго процесса, клеймящую царизмъ и
цію по пов ую передъ нимъ прусскую администрацію и вмѣ-
раболѣп обязанность каждому члену партіи помогать рус-
няю варищамъ въ распространеніи соціальдемократической
туры. Въ качествѣ дополненія къ этой резолюціи, при-
о предложеніе Бебеля — Бернштейна, требующее отъ соціальдемократической фракціи въ рейхстагѣ внесенія законопроекта, который обезпечилъ бы извѣстныя гарантіи правъ личности иностранцамъ, прибывающимъ въ Германію. Поводомъ къ такому рѣшенію послужила возмутительная практика по отношенію къ эмигрантамъ изъ Россіи, которыхъ прусскія власти заставляютъ ѣхать непремѣнно въ Америку и непременно на пароходахъ нѣмецкихъ обществъ, въ противномъ же случаѣ отправляютъ назадъ въ Россію. За послѣднее время такимъ образомъ были преданы въ руки самодержавнаго правительства очень многіе изъ дезертировъ, покинувшихъ Россію изъ за нежеланія идти на войну.

Не менѣе рѣзко съѣздъ высказался по вопросамъ школьной политики. Реакціонныя партіи намѣрены возвратить Германію къ отжившимъ временамъ конфессіональной школы, находящейся въ завѣдываніи духовенства; либералы отстаиваютъ установившуюся систему совмѣстнаго обученія дѣтей различныхъ исповѣданій подъ наблюденіемъ свѣтской учебной власти. Соціальдемократія же въ корнѣ отрицаетъ постановку школьнаго дѣла въ современномъ государствѣ, дѣлающую школу орудіемъ въ рукахъ буржуазіи для воспитанія массъ въ направленіи, благопріятномъ для ея классовыхъ интересовъ; она требуетъ полнаго устраненія преподаванія религіи и пересмотра всего школьнаго законодательства въ духѣ Коменскаго, Песталоцци, Гете и Маркса. Наконецъ, принята резолюція протеста противъ истязанія солдатъ, случаи которыхъ въ германской арміи отнюдь не становятся рѣже съ теченіемъ времени.

Изъ эпизодовъ, носившихъ характеръ борьбы съ оппортунистическими тенденціями, первое мѣсто занимаетъ инцидентъ съ Шиппелемъ. Наши читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какой шумъ надѣлало въ свое время выступленіе этого „вождя“ противъ одного изъ основныхъ требованій программы-минимумъ, замѣны постоянной арміи народной милиціей. Суровое осужденіе, которому онъ тогда подвергся, ничему не научило Шиппеля, и онъ вновь пошелъ въ разрѣзъ со всей партіей въ ея современной тяжелой борьбѣ противъ притязаній аграріевъ, желающихъ пополнить свои отощавшіе кошельки за счетъ потребленія народныхъ массъ. Въ самый разгаръ этой борьбы, онъ выпустилъ книгу, въ которой доказывалъ необходимость для сельскаго хозяйства покровительственныхъ пошлинъ и не подумалъ выступить противъ аграріевъ, которые съ весьма понятной радостью въ печати, на собраніяхъ и въ рейхстагѣ указывали соціальдемократамъ: „смотрите, что говоритъ вашъ же ученый“. Мало того, этой зимой онъ выступаетъ ораторомъ на собраніи избирателей III Берлинскаго округа и произноситъ рѣчь... въ пользу аграрныхъ требованій. Тогда парламентская группа сочла себя вынужденной потребовать отъ Шиппеля объясненій. Послѣдній попытался отдѣлаться ссылкой на воззваніе фракціи противъ покровительственнаго тарифа, которое имъ было подписано вмѣстѣ со всѣми депутатами: изъ этого де явствуетъ, что онъ врагъ аграрныхъ пошлинъ; рѣчи же и писанія его неправильно толкуются, ибо въ нихъ онъ только излагалъ точку зрѣнія противниковъ. Фракція этимъ не удовлетворилась и потребовала отъ Шиппеля мотивированнаго изложенія его точки зрѣнія. Въ отвѣтъ появился рядъ статей въ органѣ Шиппеля „Chemnitzer Volksstimme“, въ которой онъ снова приводилъ всѣ аргументы въ пользу аграріевъ и лишь въ концѣ, безъ всякаго логическаго перехода, заявлялъ, что съ ними надо бороться. Вопросъ былъ перенесенъ на партійный съѣздъ. Каутскій, Бебель, Ледебуръ и др. рѣшительно осудили какъ теоретическую позицію Шиппеля, такъ и, въ особенности, его двусмысленое поведеніе, какъ политическаго дѣятеля. Бернштейнъ и нѣкоторые другіе оппортунисты, признавая фактъ этой двусмысленности и опредѣленно высказываясь противъ всѣхъ доводовъ въ пользу покровительственной таможенной политики, пытались, тѣмъ не менѣе, спасти Шиппеля обычными аргументами: надо уважать свободу мнѣнія, нельзя заниматься осужденіемъ еретиковъ, и пр. Самъ Шиппель произнесъ двѣ литературныя рѣчи, въ которыхъ упорно обходилъ сущность вопроса и объяснялъ возникшія между нимъ и партіей разногласія тѣмъ, что партія, въ своемъ большинствѣ, не читала его произведеній и, вообще, не знакома съ вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь[1]. Изъ нѣсколькихъ предложенныхъ резолюцій конгрессъ остановился на резолюціи Бебеля, признающей взгляды и поведеніе Шиппеля недопустимыми съ соціальдемократической точки зрѣнія и выражающей ему порицаніе за тонъ его оправдательныхъ статей и рѣчей. Принята была эта резолюція 234 голосами противъ 44; изъ послѣднихъ 4 голосовали противъ нея потому, что находили ее недостаточно рѣшительной. Затѣмъ съѣздъ 156 гол. противъ 120 высказался еще въ пользу поправки Freythaler'а, предупреждающей Шиппеля, что въ случаѣ, если онъ будетъ продолжать дѣйствовать въ томъ же направленіи, ему придется сложить свои депутатскія полномочія.

Другое столкновеніе съ оппортунистами произошло по вопросу о праздновании перваго мая. Нѣкоторые оппортунистически настроенные вожди профессіональныхъ союзовъ, воспользовавшись оговоркой Амстердамской резолюціи о 1 мая, гласящей, что слѣдуетъ устраивать въ этотъ день забастовку вездѣ, гдѣ это не повредитъ классовымъ интересамъ пролетаріата, пытались провести рѣшеніе, признающее наиболѣе удобнымъ способомъ празднованія для Германіи не пріостановку работы, а устройство вечернихъ собраній. При этомъ вредъ, наносимый классовымъ интересамъ, они находили въ томъ, что рабочимъ союзамъ приходится возмѣщать своимъ членамъ теряемую за празднуемый день заработную плату, а иногда еще поддерживать ихъ во время lock out'овъ, которыми многіе германскіе предприниматели отвѣчаютъ на рабочій праздникъ. Съѣздъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ подобную точку зрѣнія и принялъ резолюцію, вмѣняющую въ *обязанность* всѣмъ партійнымъ и профессіональнымъ организаціямъ побуждать рабочихъ къ первомайской забастовкѣ.

Кромѣ оппортунизма, конгрессу пришлось еще вѣдаться съ очень слабыми правда, но все же намѣтившимися анархистскими склонностями нѣкоторыхъ членовъ партіи. Берлинскій соціальдемократъ, ф. Фридебергъ выступилъ въ послѣднее время съ проповѣдью всеобщей стачки именно въ ея анархистскомъ пониманіи. Ему удалось увлечь въ пользу этой идеи нѣсколько собраній въ Берлинѣ и близлежащемъ Шпандау. Въ виду этого, а также въ виду интереса, вызваннаго событіями въ Италіи, внесено было предложеніе включить въ порядокъ дня будущаго съѣзда вопросъ о всеобщей стачкѣ. Это предложеніе, противъ котораго нѣкоторые возражали въ томъ смыслѣ, что такого вопроса для соціальдемократіи вовсе и быть не можетъ, было поддержано очень многими ораторами, главнымъ образомъ, К. Либкнехтомъ; но всѣ эти ораторы категорически заявляли о своемъ несогласіи съ Фридбергомъ и предлагали разсматривать всеобщую стачку, какъ средство отстаиванія пролетаріатомъ нѣкоторыхъ своихъ политическихъ требованій, какъ „politischer Massenstreik,“ а не какъ „Generalstreik“. Такимъ образомъ, германская соціальдемократія въ лицѣ своихъ вождей высказалась въ пользу того отношенія къ вопросу о всеобщей стачкѣ, котораго придерживаются почти всѣ представители революціоннаго крыла международной соціальдемократіи, и которое нашло свое выраженіе въ резолюціи Амстердамскаго конгресса. Впрочемъ, всестороннему обсужденію этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ, вѣроятно, въ будущемъ году.

Остается упомянуть еще о двухъ, очень важныхъ, пунктахъ порядка дня, не вызвавшихъ, однако, серьезныхъ дебатовъ. Во-первыхъ, съѣздомъ принята программа коммунальной политики соціальдемократической партіи, предложенная докладчикомъ Линдеманномъ. Она представляетъ собою не болѣе, какъ приложеніе общихъ принциповъ къ вопросамъ мѣстнаго самоуправленія и должна сыграть роль директивы при составленіи мѣстныхъ коммунальныхъ программъ, которыя необходимо будутъ въ разныхъ мѣстахъ носить разный характеръ въ зависимости отъ неодинаковыхъ наличныхъ условій въ селахъ и городахъ съ одной стороны, и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ и провинціяхъ — съ другой. Основные элементы принятой программы таковы: примѣненіе принципа всеобщаго и равнаго избирательнаго права (повсемѣстно въ германскихъ коммунахъ господствуетъ самая реакціонная цензовая система), переходъ отъ концессіоной системы общеполезныхъ предпріятій (водопроводовъ, освѣщенія, трамваевъ и пр.) къ устройству и эксплуатаціи ихъ самими коммунами, возможно болѣе совершенная охрана труда въ предпріятіяхъ коммунъ и ихъ контрагентовъ на основахъ требованій соціальдемократической программы, реформа мѣстныхъ налоговъ въ духѣ прогрессивнаго переходнаго обложенія.

Второй, очень важный, пунктъ, — пересмотръ организаціоннаго устава партіи. Уставъ 1890 года не содержитъ никакихъ постановленій, опредѣляющихъ формы мѣстныхъ партійныхъ организацій и отношенія между ними и Ц. К. партіи. Благодаря этому, наблюдается чрезвычайная пестрота; въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ имѣется сложная организаціонная постройка въ нѣсколько этажей (южныя государства, Саксонія), въ другихъ — или вовсе нѣтъ никакихъ мѣстныхъ организацій, или онѣ между собою никакъ не связаны. Партійный центръ является только посредникомъ между мѣстными организаціями, не будучи въ состояніи руководить ими и проявлять иниціативу именно вслѣдствіе недостатковъ устава. Такимъ образомъ, партіи предстоитъ трудная задача, — создать централизованную, крѣпкую (какъ нѣмцы говорятъ, „stramme“) организацію, не нарушая принциповъ демократіи, не ограничивая демократическаго права самоопредѣленія отдѣльныхъ товарищей и организацій. Такъ формулировалъ эту задачу „Vorwärts“. Партейтагъ единодушно рѣшилъ, что вопросъ недостаточно разработанъ (онъ выдвинутъ былъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ) и поручилъ коммиссіи, состоящей изъ представителей разныхъ частей Германіи, выработать проектъ устава и опубликовать его за три мѣсяца до слѣдующаго конгресса, который долженъ будетъ принять окончательное рѣшеніе послѣ того, какъ этотъ проектъ подвергнется тщательному обсужденію въ партійной печати. Закончимъ этотъ обзоръ пожеланіемъ нашимъ германскимъ товарищамъ благополучно справиться съ этимъ, — хотя и не настолько, какъ у насъ, — но все же, дѣйствительно, труднымъ дѣломъ.

---

[1] Въ своихъ статьяхъ онъ также все время пренебрежительно отзывался о партіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ВЪ ПОЛЬЗУ ПАРТІЙНАГО МИРА.

Резолюція Кавказскаго Союза, Тифлисскаго и Батумскаго Комитетовъ. Заслушавъ данное уполномоченнымъ Ц. К. разъясненіе іюльской резолюціи Ц. К. и, подвергнувъ резолюціи эти совмѣстному съ нимъ обсуждлнію, собраніе постановило: считая выраженныя Ц. К. намѣренія и поставленныя имъ себѣ цѣли согласными съ истинными интересами Партіи; возлагая нѣкоторыя надежды на положительные, въ прямомъ смыслѣ, результаты отъ предположенныхъ мѣропріятій вообще и конференціи съ товарищами изъ такъ называемаго „меньшинства“ въ частности; считая мѣропріятія эти продолженіемъ работъ второго съѣзда, стремившагося къ единству Партіи; признавая, наконецъ, что мѣропріятіями этими укрѣпляется положеніе той части Партіи, которая стоитъ на почвѣ постановленій 2-го съѣзда, — собраніе выражаетъ полное довѣріе Ц. К. и поручаетъ ему, въ случаѣ неуспѣха его дѣйствій въ направленіи, указанномъ резолюціями, немедля приступить къ созыву экстреннаго III съѣзда.

Эта резолюція принята на соединенномъ засѣданіи Тифлисскаго Ком. и Кавказскаго Союзн. Ком.; послѣ къ ней присоединился Батумскій Комитетъ.

Резолюція Кременчугскаго Комитета. По поводу резолюціи Ц. К. (см. № 72 „Искры“), Кременчугскій Комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Организаціонная смута самымъ вреднымъ образомъ отзывается на работѣ, какъ всей партіи, такъ и отдѣльныхъ комитетовъ. Помимо хроническаго голода въ литературѣ, листкахъ и, вообще, въ средствахъ агитаціи и пропаганды, помимо того, что комитеты не имѣли силъ отвѣтить, какъ слѣдовало бы на запросы дня, — они оказываются посторонними зрителями въ послѣднихъ событіяхъ; Партія не дала своихъ указаній по столь важному вопросу, какъ поведеніе комитетовъ относительно волнующихся по всей Россіи запасныхъ рядовыхъ; на страницахъ же Ц. О. по этому поводу не оказалось ни одной статьи, ни единаго указанія. Въ виду того, что въ организаціонной смутѣ „смѣющимся третьимъ“, такимъ образомъ, является русское самодержавіе. —

Кременчугскій Комитетъ, привѣтствуя резолюцію Ц. К., высказывается: 1) за полное и немедленное объединеніе въ организаціонной жизни Ц. О. и Ц. К.; 2) противъ созыва III-го съѣзда, который потребовалъ бы временнаго отвлеченія лучшихъ революціонныхъ силъ въ столь смутное для Партіи время“.

Агитація противъ войны: Одес. К. изданъ листокъ ко всѣмъ рабочимъ (съ призывомъ манифестировать) въ 8000 экз.; **Кіевскимъ Ком.** — листокъ о пораженіи подъ Ляо-Янгомъ; **Петерб. Ком.** переизданъ листокъ „Пора!“

Центр. Ком. изданъ листокъ „По поводу казни Плеве“; **Полѣсскимъ Ком.** — „Надгробное слово Плеве“ (8000 экзем.), „Къ учащимся“; листокъ объ арестѣ типогр. и основаніи новой; **Сибир. Союзомъ** — денежный отчетъ Союза за полугодіе 1904 г.

Группой товарищей, по порученію нѣкоторыхъ южныхъ комитетовъ, издано за послѣднее время: 1) „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?“ (20.000); 2) „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“ (25.000); 3) „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (25.000); 4) „Кризисъ, безработица, война“ (20.000); 5) „Къ солдатамъ“ (ред. „Искры“ 20.000); 6) „Пора!“ (20.000); 7) „Уроки войны“ (20.000); 8) „По поводу манифеста“ (25.000). Итого — 175.000 листковъ. Брошюры: „Классовая борьба въ Криммичау“ (2500); „Двѣ Европы“ (5000); „Во что обходится народу война“ (6000).

Краткій отчетъ о дѣятельности Астраханскаго Комитета съ 1-го ноября 1903 г. по 1 августа 1904 г. Съ 1 ноября по 1-е августа Астраханскимъ Комитетомъ были выпущены и распространены слѣдущіе листки: 1) „Къ обществу“ (900 экз. мим.), 1) „Революціонныя извѣстія“: № 1, „О стачкѣ типографщиковъ въ Москвѣ“, (300 экз.), № 2 „Корреспонденція съ Кавказа“ (300 экз.); Во время стачки бондарей были выпущены 2 листка — 1-й съ требованіями (600 экз.), 2-й (800 экз.); „Вопросы дня“ изд. Спб. Союза (150 экз.); „Проэктъ программы“ изд. Спб. Союза (150 экзепл.); „Сказка о попѣ и чертѣ“ (гект. 300 экз.); „Отчетъ комитета съ 1-го ноября 1902 по 1903 годъ (50 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Партіи“ (100 экз. гект.); „Война противъ войны“ ред. „Искры“ (900 экз.); „Для чего русскій солдатъ идетъ умирать?“ Ред. „Искры“ (1200 экз.); „Прокламація о войнѣ“ Ц. К.“ (гект. 800 экз.); „Къ обществу“ (о войнѣ 300 экз.); „Карточки съ возгласами: Долой войну“ и т. д. (2300 экз.); „Революціонныя извѣстія. Женевская резолюція противъ войны“ (800 экз.); „По поводу арестовъ 10 марта“ (1500 экз.); „Первомайскій листокъ Ц. К.“ (печ. 1700); „Ко всѣмъ бондарямъ“ (500 экз.); „Пѣсни революціи“ (300 экз.); „Пѣсни революціи съ нотами“ (120 экз.); „Почему царское правительство затѣяло войну съ Японіей“ изд. Ц. К. (300 экз.); „Революціонныя извѣстія № 5: Какъ подготовлялись наши пораженія“ (890 экз.); О заключенныхъ (1100 экз.); „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ изд. Ц. К. (400 экз.). Брошюры: 1) „Рабочій день“ изд. Ц. К. (400 экз.); „Правдивое слово министра финансовъ“ (250 экз.); „Пролетарскій праздникъ“ Мартова (50 экз.); „Самодержавіе на скамьѣ подсудимыхъ“ (350 экз.) „Рѣчь Гольдмана“ (80 экз.); „Кто чѣмъ живетъ“ (30 экз.); „Софья Перовская“ (250 экз.); „Революціонный годъ“ (400 экз.); „Рабочая Партія и крестьянство“ (250 экз.); „Германская соц.-дем.“ (150 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ“ (300 экз.); Парвусъ „Война и революція“ (150 экз.); „Къ деревенской бѣднотѣ“, Ленина (250 экз.); „Проектъ программы „Искры“ изд. Спб. Союза (150 экз.); „Письмо къ товарищу“ Ленина (150 экз.); и №№ „Искры“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Преданы суду по ст. 126 нов. улож. (тайное сообщество) слѣдующія лица, арест. въ іюнѣ по дѣлу Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи: 1) Иванъ Александровъ, рабочій (нелег.), 2) Николай Бауманъ (нелег.), 3) Иванъ Бѣлянчиковъ, рабочій (нелег.), 4) Алексѣй Заваринъ (нелег.), 5) Софья Загайная, 6) Зин. Ивановичъ (жена прусск. подданнаго), 7) Сиротинскій, 8) Елена Стасова (нелег.), 9) Ап. Тараева, 10) Арт. Циглеръ (баварск. поддан.). Всѣ отказываются давать показанія и ѣздить на допросы. **Ростовъ на Дону.** Кромѣ Петра Максимова („Купидонъ“), злостнымъ предателемъ оказался еще раб. Костылевъ („дядя“). Арест. Эстринъ, служившій на мельницѣ Глезера; были обыски въ ред. „Донской Рѣчи“, въ магазинѣ Городецкаго, у М. Вейцмана, Н. Житомірскаго, Абрамовича, Бричкиныхъ и др. Вейцманъ, у котораго нашли 1.000 прокламацій, бланки, штемпеля и пр., успѣлъ скрыться. Арест. Горховская. **Юзовка.** Арестованы: сапожникъ Цыганенко и слесарь Бережковъ. **Одесса.** Арестованы Вайсбергъ, Перель и др. **Астрахань.** Начиная съ марта, аресты здѣсь не прекращаются. 27 марта арест. слесарь Дробышевъ съ 450 прокламаціями. Въ началѣ апрѣля: слесаря Козловъ и Судаковъ и приказчикъ Агринатъ — при распространеніи прокламацій во время отправки запасныхъ флота (послѣдняго задержали гласный думы Жижинъ и управляющій стеклянняго завода Малышевъ), въ іюнѣ — Янинъ (выдавалъ) и слесарь Пѣшковъ. Въ іюлѣ студ. Бабаевъ (теперь высланъ въ Симбирскъ); 3 августа — учитель Жуковъ, Антоновичъ (съ прокламаціями и гектогр.), рабочій Мироновъ (выдаетъ). 19 августа Федоръ Калантадзе, ссыльный. Въ тюрьмѣ еще сидятъ: присяжные повѣренные Сережниковъ и Вржосекъ, зубные техники Буховскій и Ершовъ, Бендерскій, рабочіе Костичъ, Тютинъ, Мильчикъ. **Красноярскъ.** Въ концѣ іюля были обыски. По приказу Томск. жанд. управленія обысканъ (говорятъ, въ связи съ дѣломъ арестованнаго въ Томскѣ Доброхотова), служащій въ пароходствѣ Гадалова Ив. Юдинъ. Обыскъ былъ также у поднадзорнаго электротехника Вас. Сулимова. 8 августа былъ обыскъ у бывшаго ссыльнаго Мих. Кускова. Дѣло о типографіи будетъ слушаться въ Судеб. Палатѣ 18 сентября.

Гомель. 13 сентября здѣсь накрыли типографію. Взято шесть пудовъ шрифта, станокъ и отпечатанный № 1 „Листка Полѣсскаго Комитета“ въ количествѣ 2400 экз. При типографіи взято четыре человѣка, въ томъ числѣ и хозяинъ квартиры. 16 сентября Полѣсскій Комитетъ, успѣвъ наскоро сорудовать типографію, выпустилъ листокъ, въ которомъ оповѣщаетъ объ арестѣ типографіи и обращается ко всѣмъ сочувствующимъ за всякаго рода поддержкой.

Освобождены изъ ссылки Мартыновъ, Чернолусскій, Анненскій.

Бѣжали: изъ Арх. губ. Марія Смирнова (Харьков. соц.-дем. дѣло), изъ Енисейской губ.: Ив. Радченко (Петерб. дѣло „Искры“), Карасикъ (дѣло „Союза Борьбы“), Зисманъ (раб., Воткинск. безпорядки 1902 г.). Плюснинъ (изъ СПБ.); изъ Олонецкой губ. — Пунга (латыш. с.-д.); изъ Иркутской губ. Богдановъ (дѣло Сѣв. Союза), изъ Якутской обл. Куликовскій, Горѣлинъ, Станиславъ Піонтковскій; изъ Вилюйска: Лукашикъ (пойманъ), Р. Бархина, К. Ивановъ; изъ Верхоянска: Арчилъ Гургенадзе, Винникъ и Левинъ (были арестованы близъ Якутска, но скоро бѣжали вновь). Генадій Кокосовъ, арест. подъ Симбирскомъ по дѣлу Нижегородской типографіи, бѣжалъ по пути въ Нижній съ парохода въ Казань. Прибылъ заграницу. Юлія Попова по Петербургск. и Харьковск. дѣламъ бѣжала во второй разъ благополучно изъ Уфы и прибыла заграницу. Бѣжала заграницу Кенишева, преданная суду по дѣлу Нижегор. Ком. (ар. 1 фев. 1903).

Вольноопредѣляющійся Быковъ, судившійся за соціальдемократическую пропаганду Иркутскимъ военно-окружнымъ судомъ, приговоренъ къ $13^{1}/_{2}$ годамъ каторги, но судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи приговора.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Двинск. К-ту Бунда. Ваше опроверженіе посылается мѣстной группѣ Партіи и будетъ напечатано вмѣстѣ съ ея отвѣтомъ.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ“ отъ 16 августа по 1 октября.

Поступило въ Армянскую кассу: Изъ Женевы — 84 фр.; изъ Питера — 133 фр.; пожертв. В. — 50 фр.; взято въ долгъ — 145 фр.; на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 418 фр. 25 сант.

Поступило въ Грузинскую кассу: Изъ Фрейбурга — 10 фр.; собр. на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 16 фр. 25 с.

Вышло на армянскомъ языкѣ: К. Марксъ и Фр. Энгельсъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ — цѣна 80 с.

Печатается: К. Марксъ, „Наемный трудъ и Капиталъ“.

Готовится къ печати: К. Каутскій, „Эрфуртская программа“.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

БРЕМЕНСКІЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ.

На характерѣ двухъ послѣднихъ партейтаговъ — Дрезденскаго и Бременскаго [illegible] свои засѣданія. [illegible] побѣды, одержанной германской — сказалось [illegible] — побѣды, вызвавшей ской социальдемократіей на выборахъ [illegible]. Этотъ подъемъ, это усиновый подъемъ революціонной [illegible] вотуму довѣрія пролетадившееся. Сознаніе трехъ милліоновъ [illegible] ріата, чувство отвѣтственности передъ нимъ за правильное выраженіе его классовыхъ интересовъ заставило социальдемократію въ Дрезденѣ [illegible] рѣшительное сраженіе тѣмъ тенденціямъ, которыя [illegible] пути непримиримой борьбы съ буржуазнымъ строемъ и превратить ее въ партію [illegible] альныхъ реформъ, т. е. постепеннаго примиренія двухъ ныхъ враждующихъ между собою элементовъ современ[наго об]щества. И дѣйствительно, генеральный бой былъ [illegible] испытанные вожди провели блестящую кампанію [illegible] тактики [illegible] рой же и испытанной революціонно-пролетарской [illegible] „раскланялась“ противники потерпѣли ужасное фіаско [illegible]. Отнынѣ въ ревизіонизмомъ, какъ съ [illegible]истическими тенденціями [illegible] предстояла задача бороться съ [illegible] вопросовъ и [illegible] при разрѣшеніи отдѣльныхъ [illegible]люціонную позицію по отношенію къ существующимъ [illegible]граммы, выполнилъ Бременскій тѣмъ, сильнѣе подчеркнуть свойственнымъ условіямъ. И то и другое, въ предѣлахъ сво[illegible] одно отличаетъ отъ партейтаговъ послѣднихъ лѣтъ [illegible] конгрессъ.

Прежде всего его рядъ рѣзкихъ резолюцій по текущимъ вопросамъ [illegible]й политической жизни. Отмѣтимъ резолюцію по поводу [illegible]нигсбергскаго процесса, клеймящую царизмъ и раболѣпс[illegible]ую передъ нимъ прусскую администрацію и вмѣняющую [illegible] обязанность каждому члену партіи помогать русскимъ [тов]арищамъ въ распространеніи социальдемократической [литер]атуры. Въ качествѣ дополненія къ этой резолюціи, принято предложеніе Бебеля — Бернштейна, требующее отъ социальдемократической фракціи въ рейхстагѣ внесенія законопроекта, который обезпечилъ бы извѣстныя гарантіи правъ личности иностранцамъ, прибывающимъ въ Германію. Поводомъ къ такому рѣшенію послужила возмутительная практика по отношенію къ эмигрантамъ изъ Россіи, которыхъ прусскія власти заставляютъ ѣхать непремѣнно въ Америку и непременно на пароходахъ нѣмецкихъ обществъ, въ противномъ же случаѣ отправляютъ назадъ въ Россію. За послѣднее время такимъ образомъ были преданы въ руки самодержавнаго правительства очень многіе изъ дезертировъ, покинувшихъ Россію изъ за нежеланія идти на войну.

Не менѣе рѣзко съѣздъ высказался по вопросамъ школьной политики. Реакціонныя партіи намѣрены возвратить Германію къ отжившимъ временамъ конфессіональной школы, находящейся въ завѣдываніи духовенства; либералы отстаиваютъ установившуюся систему совмѣстнаго обученія дѣтей различныхъ исповѣданій подъ наблюденіемъ свѣтской учебной власти. Социальдемократія же въ корнѣ отрицаетъ постановку школьнаго дѣла въ современномъ государствѣ, дѣлающую школу орудіемъ въ рукахъ буржуазіи для воспитанія массъ въ направленіи, благопріятномъ для ея классовыхъ интересовъ; она требуетъ полнаго устраненія преподаванія религіи и пересмотра всего школьнаго законодательства въ духѣ Коменскаго, Песталоцци, Гете и Маркса. Наконецъ, принята резолюція протеста противъ истязанія солдатъ, случаи которыхъ въ германской арміи отнюдь не становятся рѣже съ теченіемъ времени.

Изъ эпизодовъ, носившихъ характеръ борьбы съ оппортунистическими тенденціями, первое мѣсто занимаетъ инцидентъ съ Шиппелемъ. Наши читатели, вѣроятно, еще помнятъ, какой шумъ надѣлало въ свое время выступленіе этого „вождя“ противъ одного изъ основныхъ требованій программы-минимумъ, замѣны постоянной арміи народной милиціей. Суровое осужденіе, которому онъ тогда подвергся, ничему не научило Шиппеля и онъ вновь пошелъ въ разрѣзъ со всей партіей въ ея современной тяжелой борьбѣ противъ притязаній аграріевъ, желающихъ пополнить свои отощавшіе кошельки за счетъ потребленія народныхъ массъ. Въ самый разгаръ этой борьбы онъ выпустилъ книгу, въ которой доказывалъ необходимость для сельскаго хозяйства покровительственныхъ пошлинъ и не подумалъ выступить противъ аграріевъ, которые съ весьма понятной радостью въ печати, на собраніяхъ и въ рейхстагѣ указывали социальдемократамъ: „смотрите, что говоритъ вашъ же ученый“. Мало того, этой зимой онъ выступаетъ ораторомъ на собраніи избирателей III Берлинскаго округа и произноситъ рѣчь [illegible] въ пользу аграрныхъ требованій. Тогда парламентская группа сочла себя вынужденной потребовать отъ Шиппеля объясненій. Послѣдній попытался отдѣлаться ссылкой на воззваніе фракціи противъ покровительственнаго тарифа, которое имъ было подписано вмѣстѣ со всѣми депутатами; изъ этого де явствуетъ, что онъ врагъ аграрныхъ пошлинъ; рѣчи же и писанія его неправильно толкуются, ибо въ нихъ онъ только излагалъ точку зрѣнія противниковъ. Фракція этимъ не удовлетворилась и потребовала отъ Шиппеля мотивированнаго изложенія его точки зрѣнія. Въ отвѣтъ появился рядъ статей въ органѣ Шиппеля „Chemnitzer Volksstimme“, въ которой онъ снова приводилъ всѣ аргументы въ пользу аграріевъ и лишь въ концѣ безъ всякаго логическаго перехода, заявлялъ, что съ ними надо бороться. Вопросъ былъ перенесенъ на партійный съѣздъ. Каутскій, Бебель, Ледебуръ и др. рѣшительно осудили какъ теоретическую позицію Шиппеля, такъ и въ особенности его двусмысленное поведеніе, какъ политическаго дѣятеля. Бернштейнъ и нѣкоторые другіе оппортунисты, признавая фактъ этой двусмысленности и опредѣленно высказываясь противъ всѣхъ доводовъ въ пользу покровительственной таможенной политики, пытались, тѣмъ не менѣе, спасти Шиппеля обычными аргументами: надо уважать свободу мнѣній, нельзя заниматься осужденіемъ еретиковъ, и пр. Самъ Шиппель произнесъ двѣ литературныя рѣчи, въ которыхъ упорно обходилъ сущность вопроса и объяснялъ возникшія между нимъ и партіей разногласія тѣмъ, что партія, въ своемъ большинствѣ, не читала его произведеній и, вообще, не знакома съ вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь[1]. Изъ нѣсколькихъ предложенныхъ резолюцій конгрессъ остановился на резолюціи Бебеля, признающей взгляды и поведеніе Шиппеля недопустимыми [illegible] съ социальдемократической точки зрѣнія и выражающей ему [illegible] за тонъ его оправдательныхъ статей и рѣчей. Принята была эта резолюція 234 голосами противъ 44 изъ послѣднихъ [illegible] голосовали противъ нея потому, что находили ее недостаточно [illegible] Фольмаръ, противъ 120 высказался еще [illegible] Freythaler'а, предупреждающей Шиппеля, что [illegible] если онъ будетъ продолжать дѣйствовать въ томъ же [illegible], ему придется сложить свои депутатскія полномочія.

Другое столкновеніе съ оппортунистами произошло по вопросу о праздновании перваго мая. Нѣкоторые оппортунистически настроенные вожди профессіональныхъ союзовъ, воспользовавшись оговоркой Амстердамской резолюціи о 1 мая, гласящей, что слѣдуетъ устраивать въ этотъ день [illegible] вездѣ, гдѣ это не повредитъ классовымъ интересамъ пролетаріата, пытались провести рѣшеніе, признающее [illegible] способомъ празднованія для Германіи не [illegible] работы, а устройство вечернихъ собраній. При этомъ [illegible] классовымъ интересамъ, они находили въ томъ, что [illegible] союзамъ приходится возмѣщать своимъ членамъ [illegible] за празднуемый день заработную плату, а иногда [illegible] ихъ во время lock out'овъ, которыми многіе германскіе предприниматели отвѣчаютъ на рабочій праздникъ. Съѣздъ подавляющимъ большинствомъ отвергъ подобную точку зрѣнія и принялъ резолюцію, вмѣняющую въ *обязанность* всѣмъ партійнымъ и профессіональнымъ организаціямъ побуждать рабочихъ къ первомайской забастовкѣ.

Кромѣ оппортунизма, конгрессу пришлось еще вѣдаться съ очень слабыми правда, но все же намѣтившимися анархистскими склонностями нѣкоторыхъ членовъ партіи. Берлинскій социальдемократъ д-ръ Фридебергъ выступилъ въ послѣднее время съ проповѣдью всеобщей стачки именно въ ея анархистскомъ пониманіи. Ему удалось увлечь въ пользу этой идеи нѣсколько собраній въ Берлинѣ и близлежащемъ Шпандау. Въ виду этого, а также въ виду интереса, вызваннаго событіями въ Италіи, внесено было предложеніе включить въ порядокъ дня будущаго съѣзда вопросъ о всеобщей стачкѣ. Это предложеніе, противъ котораго нѣкоторые возражали въ томъ смыслѣ, что такого вопроса для социальдемократіи вовсе и быть не можетъ, было поддержано очень многими ораторами, главнымъ образомъ, К. Либкнехтомъ; но всѣ эти ораторы категорически заявляли о своемъ несогласіи съ Фридбергомъ и предлагали разсматривать всеобщую стачку, какъ средство отстаиванія пролетаріатомъ нѣкоторыхъ своихъ политическихъ требованій, какъ „politischer Massenstreik,“ а не какъ „Generalstreik“. Такимъ образомъ, германская социальдемократія въ лицѣ своихъ вождей высказалась въ пользу того отношенія къ вопросу о всеобщей стачкѣ, котораго придерживаются почти всѣ представители революціоннаго крыла международной социальдемократіи, и которое нашло свое выраженіе въ резолюціи Амстердамскаго конгресса. Впрочемъ, всестороннему обсужденію этотъ вопросъ будетъ подвергнутъ, вѣроятно, въ будущемъ году.

Остается упомянуть еще о двухъ, очень важныхъ, пунктахъ порядка дня, не вызвавшихъ, однако, серьезныхъ дебатовъ. Во-первыхъ, съѣздомъ принята программа коммунальной политики социальдемократической партіи, предложенная докладчикомъ Линдеманномъ. Она представляетъ собою не болѣе, какъ приложеніе общихъ принциповъ къ вопросамъ мѣстнаго самоуправленія и должна сыграть роль директивы при составленіи мѣстныхъ коммунальныхъ программъ, которыя необходимо будутъ въ разныхъ мѣстахъ носить разный характеръ въ зависимости отъ неодинаковыхъ наличныхъ условій въ селахъ и городахъ съ одной стороны, и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ и провинціяхъ — съ другой. Основные элементы принятой программы таковы: примѣненіе принципа всеобщаго и равнаго избирательнаго права (повсемѣстно въ германскихъ коммунахъ господствуетъ самая реакціонная цензовая система), переходъ отъ концессіоной системы общеполезныхъ предпріятій (водопроводовъ, освѣщенія, трамваевъ и пр.) къ устройству и эксплуатаціи ихъ самими коммунами, возможно болѣе совершенная охрана труда въ предпріятіяхъ коммунъ и ихъ контрагентовъ на основахъ требованій социальдемократической программы, реформа мѣстныхъ налоговъ въ духѣ прогрессивнаго переходнаго обложенія.

Второй, очень важный, пунктъ, — пересмотръ организаціоннаго устава партіи. Уставъ 1890 года не содержитъ никакихъ постановленій, опредѣляющихъ формы мѣстныхъ партійныхъ организацій и отношенія между ними и Ц. К. партіи. Благодаря этому, наблюдается чрезвычайная пестрота: въ то время, какъ въ однихъ мѣстахъ имѣется сложная организаціонная постройка въ нѣсколько этажей (южныя государства, Саксонія), въ другихъ или вовсе нѣтъ никакихъ мѣстныхъ организацій или онѣ между собою никакъ не связаны. Партійный центръ является только посредникомъ между мѣстными организаціями, не будучи въ состояніи руководить ими и проявлять иниціативу именно вслѣдствіе недостатковъ устава. Такимъ образомъ, партіи предстоитъ трудная задача — создать централизованную крѣпкую (какъ нѣмцы говорятъ, „stramme“) организацію, не нарушая принциповъ демократіи, не ограничивая демократическаго права самоопредѣленія отдѣльныхъ товарищей и организацій. Такъ формулировалъ эту задачу „Vorwärts“. Партейтагъ единодушно рѣшилъ, что вопросъ недостаточно разработанъ, онъ выдвинутъ былъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и поручилъ коммиссіи, состоящей изъ представителей разныхъ частей Германіи, выработать проектъ устава и опубликовать его за три мѣсяца до слѣдующаго конгресса, который долженъ будетъ принять окончательное рѣшеніе послѣ того, какъ этотъ проектъ подвергнется тщательному обсужденію въ партійной печати. Закончимъ этотъ обзоръ пожеланіемъ нашимъ германскимъ товарищамъ благополучно справиться съ этимъ, хотя и не настолько, какъ у насъ, но все же дѣйствительно, труднымъ дѣломъ.

---

[1] Въ своихъ статьяхъ онъ также все время пренебрежительно отзывался о партіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ВЪ ПОЛЬЗУ ПАРТІЙНАГО МИРА

Резолюція Кавказскаго Союза, Тифлисскаго и Батумскаго Комитетовъ. Заслушавъ данное уполномоченнымъ Ц. К. разъясненіе польской резолюціи Ц. К. и, подвергнувъ резолюціи эти совмѣстному съ нимъ обсужденію, собраніе постановило: считая выраженныя Ц. К. намѣренія и поставленныя имъ себѣ цѣли согласными съ истинными интересами Партіи, возлагая нѣкоторыя надежды на положительные, въ прямомъ смыслѣ, результаты отъ предположенныхъ мѣропріятій вообще и конференціи съ товарищами изъ такъ называемаго „меньшинства“ въ частности, считая мѣропріятія эти продолженіемъ работъ второго съѣзда, стремившагося къ единству Партіи, признавая, наконецъ, что мѣропріятіями этими укрѣпляется положеніе той части Партіи, которая стоитъ на почвѣ постановленій 2-го съѣзда, — собраніе выражаетъ полное довѣріе Ц. К. и поручаетъ ему, въ случаѣ неуспѣха его дѣйствій въ направленіи, указанномъ резолюціями, немедля приступить къ созыву экстреннаго III съѣзда.

Эта резолюція принята на соединенномъ засѣданіи Тифлисскаго Ком. и Кавказскаго Союзн. Ком., послѣ къ ней присоединился Батумскій Комитетъ.

Резолюція Кременчугскаго Комитета. По поводу резолюціи Ц. К. (см. № 72 „Искры“) Кременчугскій Комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію:

„Организаціонная смута самымъ вреднымъ образомъ отзывается на работѣ какъ всей партіи, такъ и отдѣльныхъ комитетовъ. Помимо хроническаго голода въ литературѣ, листкахъ и вообще въ средствахъ агитаціи и пропаганды, помимо того, что комитеты не имѣли силъ отвѣтить, какъ слѣдовало бы, на запросы дня, — они оказываются посторонними зрителями въ послѣднихъ событіяхъ. Партія не дала своихъ указаній по столь важному вопросу, какъ поведеніе комитетовъ относительно волнующихся по всей Россіи запасныхъ рядовыхъ; на страницахъ же Ц. О. по этому поводу не оказалось ни одной статьи, ни единаго указанія. Въ виду того, что въ организаціонной смутѣ „смѣющимся третьимъ“ такимъ образомъ, является русское самодержавіе.

Кременчугскій Комитетъ, привѣтствуя резолюцію Ц. К., высказывается: 1) за полное и немедленное объединеніе въ организаціонной жизни Ц. О. и Ц. К.; 2) противъ созыва III-го съѣзда, который потребовалъ бы временнаго отвлеченія лучшихъ революціонныхъ силъ въ столь смутное для Партіи время“.

Агитація противъ войны: **Одес. К.** изданъ листокъ ко всѣмъ рабочимъ [illegible] признывомъ манифестировать въ 8000 экз. **Кіевскимъ Ком.** [illegible] листокъ о пораженіи подъ Ляо-Яномъ. **Петерб. Ком.** переизданъ листокъ „Пора“.

Центр. Ком. изданъ листокъ „По поводу казни Плеве“. **Польскимъ Ком.** „Надгробное слово Плеве“ (8000 экзем.), „Къ учащимся“, листокъ объ арестѣ типогр. и основаніи новой. **Сибир. Союзомъ** [illegible]ный отчетъ Союза за полугодіе 1904 г.

Группой товарищей, по порученію нѣкоторыхъ южныхъ комитетовъ, издано за послѣднее время: 1) „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ?“ (20.000); 2) „Кому быть самодержцемъ всероссійскимъ“ (25.000); 3) „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ (25.000); 4) „Кризисъ, безработица, война“ (20.000); 5) „Къ солдатамъ“ (ред. „Искры“ 20.000); 6) „Пора!“ (20.000); 7) „Уроки войны“ (20.000); 8) „По поводу манифеста“ (25.000). Итого — 175.000 листковъ. Брошюры: „Классовая борьба въ Кримминчау“ (2500); „Двѣ Европы“ (5000); „Во что обходится народу война“ (6000).

Краткій отчетъ о дѣятельности Астраханскаго Комитета съ 1-го ноября 1903 г. по 1 августа 1904 г. Съ 1 ноября по 1-е августа Астраханскимъ Комитетомъ были выпущены и распространены слѣдущіе листки: 1) „Къ обществу“ (900 экз. мим.), 1) „Революціонныя извѣстія“: № 1, „О стачкѣ типографщиковъ въ Москвѣ“, (300 экз.), № 2 „Корреспонденція съ Кавказа“ (300 экз.); Во время стачки бондарей были выпущены 2 листка — 1-й съ требованіями (600 экз.), 2-й (800 экз.); „Вопросы дня“ изд. Сиб. Союза (150 экз.); „Проэктъ программы“ изд. Сиб. Союза (150 экземпл.); „Сказка о попѣ и чертѣ“ (гект. 300 экз.); „Отчетъ комитета съ 1-го ноября 1902 по 1903 годъ (50 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ Партіи“ (100 экз. гект.); „Война противъ войны“ ред. „Искры“ (900 экз.); „Для чего русскій солдатъ идетъ умирать?“ Ред. „Искры“ (1200 экз.); „Прокламація о войнѣ“ Ц. К.“ гект. 800 экз.); „Къ обществу“ о войнѣ 300 экз.; „Карточки съ возласами: Долой войну“ и т. д. 2300 экз.; „Революціонныя извѣстія. Женевская резолюція противъ войны“ (800 экз.); „По поводу арестовъ 10 марта“ (1500 экз.); „Первомайскій листокъ Ц. К.“ печ. 1700), „Ко всѣмъ бондарямъ“ (500 экз.); „Пѣсни революціи“ (300 экз.), „Пѣсни революціи съ нотами“ (120 экз.); „Почему царское правительство затѣяло войну съ Японіей“ изд. Ц. К. (300 экз.), „Революціонныя извѣстія № 5: Какъ подготовлялись наши пораженія“ (800 экз.). О заключенныхъ 1100 экз.); „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ“ изд. Ц. К. (400 экз.). Брошюры: 1) „Рабочій день“ изд. Ц. К. (400 экз.); „Правдивое слово министра финансовъ“ (250 экз.); „Пролетарскій праздникъ“ Мартова (50 экз.); „Самодержавіе на скамьѣ подсудимыхъ“ (350 экз.) „Рѣчь Гольдмана“ (80 экз.); „Кто чѣмъ живетъ“ (30 экз.); „Софья Перовская“ (250 экз.); „Революціонный годъ“ (400 экз.); „Рабочая Партія и крестьянство“ (250 экз.); „Германская соц.-дем.“ (150 экз.); „Извѣщеніе о второмъ съѣздѣ“ (300 экз.); Парвусъ „Война и революція“ (150 экз.); „Къ деревенской бѣднотѣ“, Ленина (250 экз.); „Проектъ программы „Искры“ изд. Сиб. Союза (150 экз.); „Письмо къ товарищу“ Ленина (150 экз.); и №№ „Искры“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Преданы суду по ст. 126 нов. улож. (тайное сообщество) слѣдующія лица, арест. въ іюнѣ по дѣлу Рос. Соц. Дем. Раб. Партіи: 1) Иванъ Александровъ, рабочій (нелег.), 2) Николай Бауманъ (нелег.), 3) Иванъ Бѣлянчиковъ, рабочій (нелег.), 4) Алексѣй Заваринъ (нелег.), 5) Софья Загайная, 6) Зин. Ивановичъ (жена прусск. подданнаго), 7) Сиротинскій, 8) Елена Стасова (нелег.), 9) Ап. Тараева, 10) Арт. Циглеръ баварск. поддан. Всѣ отказываются давать показанія и ѣздить на допросы. **Ростовъ на Дону.** Кромѣ Петра Максимова („Купидонъ“), злостнымъ предателемъ оказался еще раб. Костылевъ („дядя“). Арест. Петринъ, служившій на мельницѣ Глезера; были обыски въ ред. „Донской Рѣчи“, въ магазинѣ Городецкаго, у М. Вейцмана, Н. Житомірскаго, Абрамовича, Бричкиныхъ и др. Вейцманъ, у котораго нашли 1000 прокламацій, бланки, штемпеля и пр. успѣлъ скрыться. Арест. Горховская. **Юзовка.** Арестованы: сапожникъ Цыганенко и слесарь Бережковъ. **Одесса.** Арестованы Вайсбергъ, Перель и др. **Астрахань.** Начиная съ марта, аресты здѣсь не прекращаются. 27 марта арест. слесарь Дробышевъ съ 450 прокламаціями. Въ началѣ апрѣля: слесаря Козловъ и Судаковъ и приказчикъ Агринатъ — при распространеніи прокламацій во время отправки запасныхъ флота; послѣдняго задержали гласный думы Жижинъ и управляющій стекляннаго завода Малышевъ, въ іюнѣ — Янинъ (выдавалъ) и слесарь Пѣшковъ. Въ іюлѣ студ. Бабаевъ (теперь высланъ въ Симбирскъ); 3 августа — учитель Жуковъ, Антоновичъ (съ прокламаціями и гектогр., рабочій Мироновъ выдаетъ). 19 августа Федоръ Калантадзе, ссыльный. Въ тюрьмѣ еще сидятъ: присяжные повѣренные Сережниковъ и Вржосекъ, зубные техники Буховскій и Ершовъ, Бентерскій, рабочіе Костичъ, Тютинъ, Мильчикъ. **Красноярскъ.** Въ концѣ іюля были обыски. По приказу Томск. жанд. управленія обыскали, говорятъ, въ связи съ дѣломъ арестованнаго въ Томскѣ Доброхотова, служащій въ пароходствѣ Гадалова Ив. Юдинъ. Обыскъ былъ также у [illegible] электротехника Вас. Суднмова. 8 августа былъ обыскъ у бывшаго ссыльнаго Мих. Кускова. Дѣло о типографіи будетъ слушаться въ Судеб. Палатѣ 18 сентября.

Гомель. 1 сентября здѣсь накрыли типографію. Взято шесть пудовъ шрифта, станокъ и отпечатанный № 1 „Листка Полѣсскаго Комитета“ въ количествѣ 2000 экз. При типографіи взяты четыре человѣка, въ томъ числѣ и хозяинъ квартиры. 19 сентября Полѣсскій Комитетъ, успѣвъ наскоро оборудовать типографію, выпустилъ листокъ, въ которомъ оповѣщаетъ объ арестѣ типографіи и обращается ко всѣмъ сочувствующимъ за всякаго рода поддержкой.

Освобождены изъ ссылки Мартыновъ, Чернолусскій, Анненскій.

Бѣжали изъ Арх. губ. Марія Смирнова (Харьков. соц.-дем. дѣло), изъ Енисейской губ. Ив. Радченко (Петерб. дѣло „Искры“), Карасикъ (дѣло „Союза Борьбы“), Зисманъ (раб. Воткинск. безпорядки 1902 г.), Плесннинъ изъ СПБ., изъ Олонецкой губ. — Пунга (латышъ с.-д.), изъ Иркутской губ. Богдановъ (дѣло Сѣв. Союза), изъ Якутской обл. Куликовскій, Горѣлинъ, Станиславъ Шонтковскій, изъ Вилюйска Лукашинъ (пойманъ), Р. Бархина, К. Ивановъ, изъ Верхоянска Арчилъ Гургенадзе, Винникъ и Левинъ были арестованы близъ Якутска, но скоро бѣжали вновь. Геналій Кокосовъ, арест. подъ Симбирскомъ по дѣлу Нижегородской типографіи, бѣжалъ по пути въ Нижній съ парохода въ Казани. Прибыла заграницу Юлія Попова (Петербургск. и Харьковск. дѣлами), бѣжала во второй разъ благополучно изъ Уфы и прибыла заграницу. Бѣжала заграницу Кенигсена, преданная суду по дѣлу Нижегор. Ком. (ар. 1 фев. 1903).

Вольноопредѣляющійся Быковъ, судившійся за социальдемократическую пропаганду Иркутскимъ военно-окружнымъ судомъ, приговоренъ къ 1½ годамъ каторги, но судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи приговора.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Двинск. К-ту Бунда. Ваше опроверженіе посылается мѣстной группѣ Партіи и будетъ напечатано вмѣстѣ съ ея отвѣтомъ.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданію партійной социальдемократической литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ“ отъ 16 августа по 1 октября.

Поступило въ Армянскую кассу: Изъ Женевы — 84 фр.; изъ Питера — 133 фр.; пожертв. В. — 50 фр.; взято въ долгъ — 145 фр.; на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 418 фр. 25 сант.

Поступило въ Грузинскую кассу: Изъ Фрейбурга — 10 фр.; собр. на рефер. Плеханова — 6 фр. 25 с. Итого 16 фр. 25 с.

Вышло на армянскомъ языкѣ: К. Марксъ и Фр. Энгельсъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ — цѣна 80 с.

Печатается: К. Марксъ. „Наемный трудъ и Капиталъ“.

Готовится къ печати: К. Каутскій. „Эрфуртская программа“.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной Социальдемократіи“

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve, Genève (Suisse).

Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 75. 5-го октября 1904 г. Годъ IV.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО РАБОЧИХЪ.

Двадцать восьмого сентября (нов. ст.) 1864 г. въ Лондонѣ на публичномъ собраніи въ залѣ св. Мартына, основано было, — при дѣятельнѣйшемъ участіи отца научнаго соціализма, Карла Маркса, — *Международное Товарищество Рабочихъ.* Оно просуществовало не долго, всего какихъ нибудь десять лѣтъ; но его вліяніе на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра было такъ важно и такъ плодотворно, что со времени его основанія началась новая эпоха въ исторіи классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей. И когда мы, по случаю сороковой годовщины его основанія, подводимъ итогъ всему тому, что оно завѣщало намъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, мы видимъ, что въ числѣ вопросовъ, привлекающихъ къ себѣ вниманіе соціальдемократовъ нашихъ дней, немного найдется такихъ, рѣшеніе которыхъ не было бы *дано* или, по крайней мѣрѣ, *подготовлено* имъ. Трудно даже перечислить всѣ духовныя сокровища, унаслѣдованныя отъ него соціалистическимъ пролетаріатомъ. И странное впечатлѣніе долженъ испытывать всякій, кому хоть отчасть извѣстны эти сокровища, когда, нап., въ книгѣ Сеньобоса „Histoire politique de l'Enrope contemporaine“ (переведенной и на русскій языкъ), онъ читаетъ, что — „интернаціоналъ изчезъ безъ какихъ либо положительныхъ результатовъ: основанный для того, чтобы добиться соціальныхъ реформъ посредствомъ международнаго соглашенія, онъ добился только того, что перепугалъ правительства и публику“.

Г. Сеньобосъ, какъ кажется, твердо убѣжденъ въ томъ, что огромный шагъ впередъ, сдѣланный *самосознаніемъ пролетаріата*, не можетъ быть названъ *положительнымъ* результатомъ. Почтеный историкъ, безспорно принадлежащій къ числу передовыхъ людей буржуазіи и занимающій очень видное мѣсто въ современной французской наукѣ, можетъ быть, даже вовсе не имѣетъ сколько нибудь яснаго понятія о роли массового самосознанія въ исторіи внутренняго развитія общества, раздѣленнаго на классы. Такими, слишкомъ мало „положительными“ вещами интересуемся главнымъ обрзазомъ мы, *сторонники матеріалистическаго объясненія исторіи*, которыхъ тотъ же ученый историкъ, равно какъ и вся его „публика“, навѣрно считаетъ узкими, односторонними, неспособными оцѣнить великое историческое значеніе „духовнаго фактора“...

Г. Сеньобосъ вводитъ своихъ читателей въ заблужденіе, сообщая имъ, что *цѣлью* Международнаго Товарищества Рабочихъ служили „*соціальныя реформы*“. Это не такъ и это необходимо замѣтить.

Знаменитое Товарищество, конечно, не пренебрегало *реформами*: оно знало, какъ важны онѣ для пролетаріата. Въ „Наказахъ“, написанныхъ для делегатовъ „*Временнаго Общаго Совѣта*“, ѣхавшихъ въ сентябрѣ 1866 г. въ Женеву на первый съѣздъ „Интернаціонала“, мы встрѣчаемъ такія требованія, какъ ограниченіе рабочаго дня для подростковъ обоего пола. Согласно четвертой статьѣ этихъ „Наказовъ“, дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ должны быть заняты въ мастерскихъ не болѣе двухъ; дѣти отъ 13 до 15 не болѣе четырехъ, и, наконецъ, подростки 16-17 лѣтъ не болѣе 6 часовъ въ сутки. „Сознательная часть рабочаго класса, — говорится въ статьѣ, — очень хорошо понимаетъ, что будущность этого класса, а слѣдовательно и будущность всего человѣчества, вполнѣ зависитъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ выроститъ новое поколѣніе трудящихся: она очень хорошо знаетъ, что изъ когтей современной системы труда прежде всего должны быть вырваны дѣти и подростки“. Въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, стоявшимъ на *буржуазной* точкѣ зрѣнія государственнаго невмѣшательства, „Наказы“ требуютъ *законодательнаго* ограниченія рабочаго дня: „Если рабочій классъ будетъ поддерживать правительство при исполненіи такихъ законовъ, то онъ ни коимъ образомъ не будетъ способствовать усиленію его власти, напротивъ, онъ заставитъ служить ему ту власть, которая, до сихъ поръ, направлялась противъ него“. Что касается взрослыхъ, то „Наказы“ выставляютъ для нихъ требованіе *восьми часового дня* которое теперь ежегодно, *перваго мая*, приводитъ въ движеніе пролетаріевъ всего міра, но которое до сихъ поръ остается не исполненнымъ, очевидно, благодаря преувеличенной любви буржуазіи къ „соціальнымъ реформамъ“. Восьми часовой день названъ въ „Наказахъ“ „предварительнымъ условіемъ, безъ котораго останутся напрасными всѣ дальнѣйшія стремленія улучшить положеніе рабочихъ и освободить ихъ отъ ига капитала“. Онъ необходимъ, во-первыхъ, для того, чтобы возстановить здоровье и естественную энергію рабочаго класса, а во вторыхъ, для того, чтобы обезпечить рабочимъ возможность умственнаго развитія и общественной дѣятельности.

Такимъ образомъ, добиваясь теперь осуществленія этого требованія, „Новый Интернаціоналъ“,—международная соціальдемократія нашего времени, — только слѣдуетъ завѣту „Стараго Интернаціонала“. Но „Старый Интернаціоналъ“ не ограничивалъ своихъ реформаторскихъ требованій областью *экономіи.* Уже въ первомъ своемъ манифестѣ онъ, — опять таки въ противоположность утопистамъ прудоновскаго толка, — объявилъ, что „первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества“, и сообразно съ этимъ онъ вездѣ *энергично* поддерживалъ всякое движеніе, способное привести къ расширенію политическихъ правъ и политическаго вліянія пролетаріата. Такъ, его Общій Совѣтъ въ Англіи всѣми силами помогалъ „Лигѣ“, которая добивалась и добилась въ 1867 г. *парламентской реформы*, давшей избирательное право очень значительной части англійскихъ рабочихъ. При его участіи, въ пользу этой реформы происходили массовыя собранія подъ открытымъ небомъ въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ Англіи. Когда, въ сентябрѣ 1867 г., ирландскіе феніи, освободившіе въ Манчестерѣ двухъ своихъ арестованныхъ товарищей смѣлымъ нападеніемъ на полицію, сдѣлались предметомъ ожесточенныхъ и отчасти даже противозаконныхъ преслѣдованій съ стороны англійскаго правительства, Общій Совѣтъ Международнаго Товарищества немедленно ополчился на ихъ защиту. По его почину въ Лондонѣ созванъ былъ митингъ протеста, на которомъ соціалистическіе ораторы—и въ ихъ числѣ Марксъ—энергично возставали противъ дѣйствій „либеральнаго“ министерства Гладстона и выражали сочувствіе ирландскому народу[1].

Повторяемъ, Международное Товарищество Рабочихъ отнюдь не пренебрегало *реформами.* И все таки *не реформы были его цѣлью.*

Его уставъ говоритъ, что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства во всѣхъ его видахъ: нищеты, умственнаго отупѣнія и политической зависимости, и что всемірный пролетаріатъ долженъ единодушно стремиться къ тому, чтобы устранить это подчиненіе. Но устранить его невозможно посредствомъ реформъ, видоизмѣняющихъ и исправляющихъ существующія нынѣ экономическіе порядки; для его устраненія надо покончить съ капитализмомъ, т. е. сдѣлать *соціальную революцію.* Соціальная революція и была, поэтому, *великой цѣлью* Международнаго Товарищества, какъ остается она и до сихъ поръ великой цѣлью революціонной соціальдемократіи всѣхъ странъ. И чѣмъ яснѣе сознаетъ эту цѣль международный пролетаріатъ, тѣмъ значительнѣе и благодѣтельнѣе становятся *положительные результаты* пропаганды соціализма. Спора нѣтъ, такіе результаты способны очень сильно перепугать „правительства и публику“. Но... тѣмъ хуже для „публики“ и для правительствъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что не всѣ члены „Стараго Интернаціонала“ одинаково понимали его великую цѣль. Между ними было не мало послѣдователей *Прудона*, отстаивавшихъ частную собственность на средства производства и воображавшихъ, что рабочій классъ можетъ быть освобожденъ отъ ига капитала посредствомъ организаціи *кредита и обмѣна.* Ученики Прудона представляли собою въ немъ *мирно*-утопическій элементъ, подобно тому, какъ ученики Бакунина явились впослѣдствіи элементомъ *революціонно*-утопическимъ. Идейная борьба между послѣдователями научнаго соціализма съ одной стороны и разными представителями запоздалыхъ утопій — съ другой наполняетъ собою *всю внутреннюю исторію* Международнаго Товарищества Рабочихъ. Ея вліяніе отчетливо сказывается и въ рѣшеніяхъ его съѣздовъ. Но къ чести прудонистовъ надо сказать, что какъ ни утопична была ихъ программа и какъ ни анти-революціонна была ихъ утопія, соціально-политическое міросозерцаніе ихъ имѣло покрайней мѣрѣ *одну* революціонную сторону: сильное недовольство существующимъ порядкомъ вещей и полное недовѣріе къ ученіямъ бржуазныхъ идеологовъ. „Мы, рабочіе, — говорилъ прудонистъ Толэнъ въ мартѣ 1868 г. передъ судомъ исправительной полиціи, — существенно заинтересованы въ томъ, чтобы выяснить себѣ предстоящее намъ будущее и для этого мы объединились въ Международное Товарищество. Рабочіе должны смотрѣть своими собственными глазами, а не глазами оффиціальныхъ буржуазныхъ экономистовъ“. Логика освободительной борьбы рабочаго класса такова, что на практикѣ она увлекаетъ даже тѣхъ, которые упорно противятся ей въ теоріи. Энгельсъ справедливо замѣтилъ, что французскіе прудонисты, выбранные въ Парижскую Коммуну, „дѣлали, по ироніи исторіи, какъ разъ противное тому, что имъ предписывало ученіе ихъ школы и что лежало въ истинныхъ интересахъ пролетаріата[1]). Вотъ почему даже присутствіе прудонистовъ среди основателей „Стараго Интернаціонала“ не ослабило революціоннаго значенія той великой цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Съ точки зрѣнія этой революціонной цѣли реформы являлись *только необходимымъ средствомъ* ея достиженія.

Марксъ, бывшій душою Международнаго Товарищества во все время его существованія, очень ясно видѣлъ, что вліяніе прудоновскихъ и всякихъ другихъ утопій неизбѣжно должно будетъ разбиться о неумолимую логику пролетарскаго движенія, и потому онъ, никогда не любившій поступаться своими принципами, обнаружилъ замѣчательную *мягкость* по отношенію къ прудонистамъ и вообще ко всѣмъ тѣмъ членамъ-основателямъ Интернаціонала, которые еще не стояли на точкѣ зрѣнія научныхъ соціалистическихъ теорій. Онъ убѣждалъ своихъ товарищей, спорилъ съ ними, читалъ имъ политико-экономическія лекціи, стараясь разсѣять ихъ предразсудки[2]); но онъ не разрывалъ съ ними, хорошо понимая, что первой, насущной задачей того времени было объединеніе и сплоченіе Международной Партіи Наемнаго Труда, а не удаленіе изъ нея людей недоросшихъ до научнаго соціализма.

Въ сношеніяхъ съ этими людьми Марксъ, бывшій руководителемъ Общаго Совѣта Интернаціонала, проявилъ такъ много сдержанности и такта, что теперь иной совѣтникъ Ивановъ, — изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что ортодоксальный марксистъ долженъ, подобно Держимордѣ, всѣмъ фонари для порядку ставить, — могъ бы заподозрить его въ *непростительномъ „оппортунизмѣ*, если бы... если бы совѣтники Ивановы не были застрахованы своимъ круглымъ невѣжествомъ отъ какихъ бы то ни было историческихъ соображеній. И тотъ же Марксъ съумѣлъ быть строгимъ, когда понадобилось положить предѣлъ проискамъ анархистовъ бакунинскаго толка. Но происки бакунистовъ грозили превратить Международное Товарищество Рабочихъ въ тайное общество утопистовъ страшныхъ на словахъ, и совершенно безсильныхъ на дѣлѣ. Въ сношеніяхъ съ этими дезорганизаторами Интернаціонала Марксъ не имѣлъ права быть уступчивымъ, потому что *уступать* имъ можно было только *поступаясь* жизненными интересами пролетаріата.

Буржуазные историки и публицисты до сихъ поръ изображаютъ борьбу Общаго Совѣта Интернаціонала съ бакунистами, какъ соперничество двухъ выдающихся личностей: Маркса и Бакунина. Самые глубокіе изъ этихъ мыслителей доходятъ до того, что объясняютъ происхожденіе этой борьбы расовыми особенностями: за Бакунинымъ шла преимущественно *латинская*, за Марксомъ — *германская* раса. Въ дѣйствительности эта борьба была борьбой *утопическаго* соціализма съ *научнымъ.* Такъ какъ эта борьба была перенесена теперь на широкую арену международнаго *пролетарскаго движенія*, то она сразу получила характеръ *крупнаго міроваго событія.* Но именно потому, что она была перенесена на эту широкую арену, полная побѣда научнаго соціализма, — представляющаго собою лишь идеологическое выраженіе пролетарской борьбы въ капиталистическомъ обществѣ, — была заранѣе обезпечена. Отъ *бакунизма* осталось теперь одно только воспоминаніе[3]); подъ знаменемъ *марксизма* идутъ пролетарскія партіи всего цивилизованнаго міра.

Судьба Бакунина какъ нельзя болѣе поучительна. Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смѣлый, этотъ замѣчательный человѣкъ могъ бы играть въ высшей степени плодотворную роль въ международномъ рабочемъ движеніи, если бы онъ не былъ чуждъ ему по своимъ утопическимъ понятіямъ и по метафизическимъ пріемамъ своей будто бы революціонной мысли. Въ свои молодые годы онъ увлекался философіей Гегеля и былъ однимъ изъ первыхъ ея распространителей въ Россіи. Эта философія имѣла на него очень полезное вліяніе, расширивъ его умственный кругозоръ и сдѣлавъ его однимъ изъ самыхъ мыслящихъ людей того интереснаго времени. Но онъ не усвоилъ того, что составляло ея душу: *ея діалектики.* Въ своемъ мышленіи онъ остался тѣмъ, чѣмъ до гробовой доски остается громадное большинство „интеллигентовъ“, — *метафизикомъ*, разсуждающимъ по формулѣ: „*да — да, нѣтъ — нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго*“. Этотъ коренной недостатокъ его мышленія и помѣшалъ ему усвоить взгляды Маркса и, — съ ихъ помощью, — выйти изъ подъ власти худшихъ преданій утопическаго соціализма. Бакунинъ „зналъ“ ученіе Маркса, но онъ „зналъ“ его по своему; въ его метафизической головѣ даже это ученіе, насквозь пропитанное діалектикой, превратилось въ нѣчто до крайности метафизическое. Такъ, онъ признавалъ вполнѣ правильнымъ матеріалистическое объясненіе исторіи и всегда отзывался о немъ съ восторгомъ. Но онъ дѣлалъ изъ него тотъ неожиданный выводъ, что пролетаріату не слѣдуетъ заниматься *политикой.* Онъ думалъ, что если *экономическое развитіе* составляетъ основу всего общественнаго развитія человѣчества, то и освободительная борьба рабочаго класса должна имѣть исключительно *экономическій характеръ.* Неисправимый метафизикъ, онъ дѣлалъ здѣсь какъ разъ ту ошибку, которую нынѣшніе наши разноцвѣтные и вовсе безцвѣтные „критики“ стараются во что бы то ни стало навязать мастеру діалектическаго мышленія Марксу. Эти чудаки и не подозрѣваютъ, что именно Марксу и марксистамъ приходилось рѣшительнѣе чѣмъ кому бы то ни было бороться противъ этой громадной ошибки, *составлявшей теоретическую основу всѣхъ нападокъ Бакунина на политическую программу будто бы невѣрнаго самому себѣ основателя Международнаго общества Рабочихъ.*

Иронія судьбы иногда бываетъ *поистинѣ безпощадна.* Бакунинъ посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ за свои идеи. Какъ бы ни были онѣ ошибочны, мы обязаны уважать его самоотверженіе. Но чѣмъ искреннѣе мы уважаемъ его, тѣмъ болѣе мы сожалѣемъ о томъ, что неспособность Бакунина усвоить себѣ точку зрѣнія научнаго соціализма сдѣлала его самоотверженіе въ эпоху борьбы „съ Марксомъ“ не только безполезнымъ, а прямо *вреднымъ* для международнаго пролетаріата.

Несомнѣнно, что въ своемъ старомъ видѣ Интернаціоналъ тѣмъ скорѣе долженъ былъ пережить самаго себя, чѣмъ быстрѣе росло его благотворное вліяніе на движеніе международнаго пролетаріата. Общественно-политическая обстановка этого движенія была слишкомъ неодинакова въ различныхъ странахъ, чтобы можно было, — по минованіи его дѣтскаго періода, — продолжать руководить имъ изъ одного общаго центра. Поэтому тотъ же духовный и политическій ростъ пролетаріата, которому въ такой сильной степени способствовало Международное Товарищество, дѣлалъ все болѣе и болѣе необходимымъ созданіе *національныхъ* центровъ международнаго движенія. Старый Интернаціоналъ навѣрно распался бы даже въ томъ случаѣ, если бы его миновала чаша *междоусобій*, т. е. если бы „борьба Бакунина съ Марксомъ“ вовсе не начиналась. Но его распаденіе совершилось бы при несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ и не повредило бы развитію классоваго сознанія пролетаріата. Утопическая точка зрѣнія привела Бакунина къ тому, что онъ *вредилъ* тамъ, гдѣ онъ всѣми силами души хотѣлъ принести *пользу.* Это очень печально. Но при современномъ развитіи международнаго рабочаго движенія эта печальная судьба предстоитъ всѣмъ соціалистамъ, не умѣющимъ совлечь съ себя ветхаго Адама утопизма: *предостереженіе для гг. „соціалистовъ-революціонеровъ“.*

„Борьба Бакунина съ Марксомъ“ въ нѣдрахъ Международнаго Товарищества Рабочихъ была послѣдней крупной схваткой утопическаго соціализма съ научнымъ. Утопизмъ отжилъ свой вѣкъ, и „новому Интернаціоналу“ угрожаетъ уже новый врагъ — *ревизіонизмъ*, иначе—*оппортюнизмъ*, имѣющій совсѣмъ другой характеръ и совершенно иное происхожденіе. Хотя оппортюнизмъ знаменуетъ собою то же, что знаменовалъ собою въ свое время бакунизмъ: вліяніе на пролетаріатъ устарѣлыхъ понятій, соотвѣтствующихъ уже пройденнымъ ступенямъ развитія капитализма, и хотя научный соціализмъ можетъ, поэтому, сказать и утопизму, и оппортюнизму, какъ говоритъ у Гауптмана Генриху старуха Виттихенъ: „*мертвецы твои чрезмѣрно сильны*“; но утопизмъ есть *дѣтская болѣзнь* рабочаго движенія, между тѣмъ какъ оппортюнизмъ является *недугомъ*, свойственнымъ его *зрѣлости.* Когда капитализмъ былъ еще мало развитъ и когда еще недостаточно обнаружилось, что только пролетаріату суждено стать его могильщикомъ, соціализмъ „интеллигенціи“ естественно тяготѣлъ къ воздушнымъ замкамъ *утопій.* Въ настоящее время, когда капитализмъ уже клонится къ упадку и когда всѣмъ, непораженнымъ слѣпотою, бросаются въ глаза историческое призваніе и политическая мощь пролетаріата, утопизмъ „интеллигенціи“ лишается всякой почвы. Но за то теперь, — и именно потому, что теперь очевидна несравненная политическая мощь пролетаріата, — подъ знамя пролетарскаго движенія стекается много такихъ общественныхъ дѣятелей, которые по своему образу мыслей гораздо ближе къ *буржуазной* демократіи, — когда то привлекавшей къ себѣ почти всѣ живыя силы изъ рабочей среды, — чѣмъ къ демократіи *соціальной.* Разъ попавъ въ ряды рабочей партіи и пріобрѣтя извѣстное вліяніе на нее, такіе дѣятели пытаются обыкновенно „пересмотрѣть“ основныя положенія соціализма, стараясь удалить изъ нихъ все то, что противорѣчитъ ихъ собственнымъ *буржуазно-демократическимъ* воззрѣніямъ. Пока ихъ немного, ихъ попытки остаются безвредными и мало замѣтными; но когда число ихъ значительно увеличивается, — а его увеличеніе прямо—пропорціонально росту *притягательной силы пролетарскаго движенія*, — тогда предпринимаемый ими „пересмотръ“ можетъ вызвать такъ называемый *кризисъ въ соціализмѣ.* Кризисы этого рода никогда не закончатся *прочнымъ* торжествомъ оппортюнизма по той простой и вполнѣ достаточной причинѣ, что на свѣтѣ нѣтъ такой волшебной силы, которая въ состояніи была бы вернуть пролетаріатъ въ ту фазу его развитія, когда онъ послушно и довѣрчиво шелъ во хвостѣ буржуазіи. Но такіе кризисы весьма вредно вліяютъ на развитіе самосознанія рабочаго класса, и потому всѣ вѣрные послѣдователи научнаго соціализма, всѣ истинные защитники пролетарскихъ интересовъ, обязаны теперь такъ же упорно противодѣйствовать оппортюнистскимъ „пересмотрамъ“, какъ въ свое время Марксъ противодѣйствовалъ „революціонно“-дезорганизаторскимъ опытамъ Бакунина и его товарищей.

---

[1]) Кстати, Международное Товарищество всегда сочувственно относилось къ ирландскимъ феніямъ съ ихъ болѣе или менѣе террористическимъ способомъ борьбы. Но отсюда далеко еще не слѣдуетъ, что оно рекомендовало „терроръ“ ирландскимъ рабочимъ. Точно также „Новый Интернаціоналъ“ высказываетъ свое сочувствіе русскимъ „террористамъ“; но это еще вовсе не доказываетъ, что террористическая борьба кажется ему *цѣлесообразной.* Онъ сочувствуетъ въ этомъ случаѣ *лишь энергіи и самоотверженію* революціонеровъ, предоставляя имъ самимъ рѣшать, по указанію опыта, вопросъ о томъ, полезенъ-ли „терроризмъ“ для ихъ дѣла.

[1]) Правда, не всѣ: тотъ же Толэнъ измѣнилъ пролетаріату и засѣдалъ съ версальскими людоѣдами.

[2]) Его лекція о заработной платѣ, цѣнѣ и прибыли, читанная 20 іюня 1865 года передъ членами Общаго Совѣта, даетъ превосходную, незамѣнимую подготовку для пониманія перваго тома „Капитала“. Нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ не изданъ ея русскій переводъ.

[3]) Отъ ученія Бакунина нынѣшній анархизмъ почти такъ же далекъ, какъ и отъ ученія Прудона.

„Международная контръ-организація пролетаріата противъ всемірнаго заговора капиталистовъ" нанесла тяжелый ударъ *буржуазному націонализму*. Ростъ международнаго пролетаріата дѣлалъ, — какъ мы сказали, — необходимымъ созданіе *національныхъ центровъ* движенія, дѣятельность которыхъ стѣснялась бы организаціей „Стараго Интернаціонала". Эта организація во всякомъ случаѣ должна была уступить свое мѣсто новымъ формамъ совмѣстнаго дѣйствія международнаго пролетаріата. Но необходимо помнить, что сознательный пролетаріатъ націоналенъ совсѣмъ не въ буржуазномъ смыслѣ этого слова. Еще „*Манифестъ Коммунистической Партіи*" поясняетъ намъ, какъ должны мы понимать *пролетарскій „національзмъ"*: онъ замѣчаетъ, что пролетаріатъ каждой страны естественно долженъ прежде всего справиться съ своей собственной буржуазіей. Съ этой точки зрѣнія понятіе *нація* опредѣляется *географическими и политическими, а вовсе не племенными и не рассовыми признаками*. Сообразно съ этимъ, Коммунистическій Манифестъ, — а по его примѣру и знаменитый первый „Манифестъ Международнаго Товарищества Рабочихъ", — призываютъ къ объединенію *пролетаріевъ всѣхъ странъ, а не пролетаріевъ всѣхъ племенъ и народностей*. Не трудно понять, что на практикѣ объединеніе рабочихъ *на основѣ этнографическаго принципа* часто являлось бы препятствіемъ для его объединенія *на почвѣ классовой борьбы*. Для примѣра укажемъ на Англію, гдѣ *англичанину* сплошь и рядомъ приходится работать бокъ-о-бокъ съ *ирландцемъ*. Господствующіе классы Англіи издавна старались сѣять и раздувать вражду между англійскими и ирландскими рабочими, слѣдуя хитрому правилу всѣхъ угнетателей: *раздѣляй и властвуй*. Международное Товарищество Рабочихъ всѣми силами боролось съ этой разъединяющей и развращающей политикой англійскихъ тори и виговъ. Марксъ не разъ указывалъ на то, какъ важно для дѣла всемірнаго пролетаріата объединеніе англійскихъ рабочихъ съ ирландскими. И само собою разумѣется, что это объединеніе должно было, по его мысли, произойти *въ предѣлахъ единой партіи наемнаго труда*. Если бы какой-нибудь ирландскій соціалистъ, не сумѣвшій покончить съ буржуазнымъ націонализмомъ, вздумалъ организовать работающихъ въ Англіи *ирландскихъ* пролетаріевъ отдѣльно отъ *англійскихъ*, ему пришлось бы выслушать суровую отповѣдь отъ Общаго Совѣта Международнаго Товарищества. Нашъ „Бундъ" достойнымъ образомъ почтитъ память „Стараго Интернаціонала", хорошенько задумавшись надъ этимъ.

Международный пролетаріатъ празднуетъ сороковую годовщину этого Интернаціонала въ то самое время, когда на Дальнемъ Востокѣ свирѣпствуетъ война, вызванная хищнической политикой той кровожадной, безстыдной, бездарной и беззаботной шайки, которая правитъ Россіей во имя малоумнаго Николая II. И эта шайка дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы вызвать въ русскомъ народѣ „патріотическую" ненависть къ желтой расѣ. Въ виду ея постыдныхъ усилій полезно и пріятно напомнить благородныя слова перваго Манифеста Международнаго Товарищества:

„Если успѣхъ дѣла освобожденія рабочихъ зависитъ отъ ихъ братскаго единенія и взаимнаго содѣйствія, то какимъ образомъ они могутъ выполнить свое великое назначеніе, когда международная политика, руководясь единственно преступными замыслами и пользуясь національными предразсудками, расточаетъ въ своихъ разбойничьихъ войнахъ кровь и деньги народовъ?.. Пора рабочимъ вникнуть въ таинства международной политики; пора имъ наблюдать за дипломатическими дѣйствіями своихъ правительствъ, сопротивляться имъ въ случаѣ нужды всѣми средствами, имѣющимися подъ рукою, и, наконецъ, въ случаѣ неудачи подобныхъ отдѣльныхъ усилій, соединиться въ одномъ общемъ протестѣ противъ преступныхъ замысловъ правительствъ... Бороться во имя такого политическаго знамени значитъ принимать участіе въ общей борьбѣ за полное освобожденіе рабочаго класса".

Мы ничего не прибавимъ къ этимъ словамъ, не желая ослаблять производимое ими впечатлѣніе, и закончимъ свою статью тѣмъ же призывомъ, какимъ заканчивается цитируемый нами замѣчательный документъ:

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ДРУЖИНА КНЯЗЯ СВЯТОПОЛКА.

У Чернышева моста въ Петербургѣ идетъ спѣшная работа: строится балаганъ для столичныхъ политическихъ гастролей провинціальнаго князя Святополка; размалевывается вывѣска отечественной суздальской работы; на вывѣскѣ красуется многообѣщающее слово: реформы. Прочные подмостки еще не сколочены, и гастролеръ, взобравшись на министерскій стулъ, лицомъ къ Европѣ, въ полъ-оборота къ россійской земщинѣ и печати, демонстрируетъ пресловутую вывѣску, сыплетъ рѣчь за рѣчью передъ иностранцами, поясняетъ и дополняетъ эти рѣчи передъ сотрудниками петербургской „Руси".

Провозглашается эра довѣрія правительства къ дѣятелямъ мѣстнаго самоуправленія, и тотчасъ же щедрому на обѣщанія балагуру-министру открываются распростертыя объятія либеральной и реакціонной прессы, а „земщина" спѣшитъ сдержанно принести благодарность за одну только готовность что-то совершить. Неужто же такъ великъ политическій кредитъ царскихъ министровъ у русскаго „общества", что не требуется и подкрѣпляющихъ слова фактовъ? Дѣйствительно, потокъ благодарностей опережаетъ какіе бы то ни было правительственные шаги, но кое что уже и начато новымъ министромъ. Это кое-что по объему незначительно, но довольно многозначительно по содержанію. 22-го сентября издается высочайшій указъ о присвоеніи одному изъ товарищей Министра Внутреннихъ Дѣлъ званія завѣдывающаго полиціей. Коротко говоря, возстановляется памятное III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, то самое, упраздненіе котораго было однимъ изъ первыхъ шаговъ Лорисъ-Меликовской „диктатуры сердца". Одновременно съ этимъ слѣдуетъ высочайшее утвержденіе введенныхъ иркутскимъ генералъ-губернаторомъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ ссылкѣ. На время войны генералъ-губернаторъ получилъ право налагать чувствительныя административныя взысканія, за „самовольныя отлучки" и можетъ въ розницу передовѣрять это право своимъ подчиненнымъ. Жалобы ссыльныхъ на незаконные циркуляры Кутайсова удовлетворены тѣмъ..., что циркуляры эти получаютъ силу закона.

Приняты мѣры и другого рода: отмѣненъ циркуляръ Плеве, запрещавшій присоединеніе земствъ къ общеземской военно-санитарной организаціи; сданъ въ архивъ Государственнаго Совѣта реакціонный пособникъ Плеве въ его „крестьянской реформѣ", товарищъ министра Стишинскій; тамъ же нашли себѣ успокоеніе пресловутые „ревизоры" — Зиновьевъ и Штюрмеръ; возвращены въ свои тверскія имѣнія опальные либералы; фонъ-Дервисъ, Милюковъ, помилованы ссыльные: Мартыновъ и Чернолусскій.

Нужно взять всю сумму этихъ, въ одиночку незначительныхъ, шаговъ новаго курса, нужно не забывать, что программная болтовня новаго министра ведется подъ отдаленный грохотъ орудій на сибирскомъ востокѣ, чтобы вѣрно освѣтить авансцену политической дѣятельности правительства.

Впереди всѣхъ говорливый министръ. Въ Вильнѣ онъ объявляетъ себя другомъ „благожелательной" печати; обѣщаетъ справедливость евреямъ отъ самаго „источника справедливости" — царя-батюшки; обѣщаетъ „уравненіе въ правахъ" польскому дворянству. На пріемѣ чиновъ своего министерства онъ объявляетъ царскій манифестъ 26 февраля 1903 года — своей программой. Усердный министръ оповѣщаетъ даже телеграммой бѣлостокскихъ евреевъ, что пойдетъ навстрѣчу нуждамъ еврейскаго населенія края. А черезъ 8 дней послѣ отправки этой телеграммы бѣлостокская полиція учиняетъ огнестрѣльную бойню бѣлостокскихъ рабочихъ, мирно собравшихся съ женщинами и дѣтьми на загородную сходку; стрѣляютъ не въ сопротивляющуюся толпу, а въ спины бѣгущихъ женщинъ.

Между тѣмъ, широковѣщательные діалоги министра съ корреспондентами заграничной прессы заканчиваются довольно неожиданно. Святополкъ, въ сущности, лишаетъ эти свои рѣчи всякаго политическаго вѣса, отрекаясь отъ нихъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Руси": иностранцы де поняли его по иностранному, а слѣдовательно, не поняли. Остается только обѣщаніе министра учиться „по крестьянскому вопросу" и „личныя" мнѣнія его о необходимости оживленія дѣятельности земства. Такое плачевное вступленіе было бы и смѣшно, и грустно, и непонятно, если бы не поведеніе политическаго хора, занимающаго ту же авансцену.

За внушительными фигурами Мещерскаго и Грингмута виднѣются отецъ и сынъ Суворины, далѣе — выползающія изъ академической раковины Русскія Вѣдомости, наконецъ, Петербургскія Вѣдомости и рядъ провинціальныхъ газетъ умѣренно либеральнаго тона. Въ наиболѣе близкомъ къ министру реакціонномъ кружкѣ этихъ „представителей русскаго народа", происходитъ такая семейно-клубная сцена: Князь Петръ Димитріевичъ (Мирскій) сказалъ любезную рѣчь; Ура Петру Димитріевичу! и „довѣрчиво" улыбающійся князь юбилейно взлетаетъ на воздухъ и падаетъ въ пухлыя руки своихъ собутыльниковъ. Но даже и въ эту обычную угодливо-либеральную болтовню временами врываются серьезныя политическія ноты. Русскія пушки, сегодня въ рукахъ Куропаткина, завтра въ плѣну у Куроки, грозно ревутъ, и дикая оргія войны разыгрывается все сильнѣе. Либералы чувствуютъ себя кредиторами царскаго правительства, они нетерпѣливо напоминаютъ о срокѣ уплаты долговъ, они требуютъ реформъ. Они грозятъ и манятъ, и выдаютъ правительству новые авансы кредитными билетами отвѣтнаго довѣрія. Послѣ органовъ печати выступаютъ съ выраженіемъ довѣрія правительству и учрежденія мѣстнаго самоуправленія. Цѣлый рядъ земствъ отозвался благодарностью и довѣріемъ по адресу новаго министра. Также высказываются и городскія думы. „Программа" Святополка-Мирскаго послѣ этого вота довѣрія становится программой обширнаго слоя россійскихъ либераловъ. И вотъ испуганный премьеръ — „malgré lui" — начинаетъ пятиться назадъ и спѣшитъ заявить, что его не поняли. Какъ будто бы и поздно! Напирающая на княжескихъ собутыльниковъ и на самого князя толпа либераловъ, какъ будто бы не хочетъ слушать сѣтованій на то, что новый государственный экспериментаторъ не понятъ толпой; она, толпа, требуетъ внимательнаго отношенія къ себѣ, требуетъ, чтобы наконецъ поняли ее самое тѣ, кому понимать надлежитъ. Игриво подбрасываемаго князя Святополка теперь хотятъ поднять на щиты для того, чтобы двинуться въ походъ за спасенье Руси.

Позволительно думать, что княжеская дружина поведетъ этотъ походъ не только противъ „остатковъ крѣпостного строя", — это походъ и противъ „внутреннихъ враговъ". Какъ иначе можетъ быть истолковано отношеніе либеральной печати къ новымъ крупнымъ мѣрамъ репрессіи, предпринятымъ правительствомъ противъ революціоннаго движенія? Не является ли безусловнымъ одобреніемъ по адресу правительства молчаніе по этому поводу печати, которая, вообще говоря, довольно-таки откровенно „заговорила"? А что такое учрежденіе особаго вѣдомства общей и политической полиціи съ полномочнымъ начальникомъ во главѣ, какъ не усиленіе борьбы царизма съ движеніемъ народныхъ массъ? Очевидно, вѣрно „поняли" министра „Московскія Вѣдомости", когда настойчиво напоминали „либераламъ", что въ „программѣ" Святополка — манифестѣ прошлаго года вразумительно говорится о необходимости борьбы съ внутренней смутой. Уличной революціи, очевидно, будетъ объявлена безпощадная война. Наглыя расправы съ рабочими, вродѣ Бѣлостокской, едва ли оставляютъ сомнѣніе въ томъ, что здѣсь новый курсъ будетъ только усиленіемъ стараго. Зато революціонность „учрежденій мѣстнаго самоуправленія" — этихъ позицій, занятыхъ либерализмомъ, — утоляется дешевымъ путемъ. Это путь минимальныхъ уступокъ, путь прирученія. Первые шаги правительства по этому пути уже колеблютъ, повидимому, всю шаткую массу либераловъ, готовую отъ оппозиціи перейти въ вѣрноподданничество при одномъ лишь *запахѣ* чечевичной похлебки.

Это первая мутная волна освободительнаго движенія и, нужно сознаться, она мало похожа на мощный революціонный приливъ демократическаго моря.

Но среди этого либеральнаго шума съ недалекой „окраины" доносятся слова, обращенныя къ царскому генералъ-губернатору, Оболенскому:

„Осмѣливаемся доложить Вамъ, что въ самыхъ глубокихъ слояхъ населенія, въ наиболѣе здоровой въ нравственномъ отношеніи части народа, царитъ глубокая горечь, порожденная существующимъ, угнетающимъ порядкомъ вещей.... Мы не можемъ больше выносить этого противнаго природѣ гнета, мы не въ силахъ дольше дышать воздухомъ, который пропитанъ зловоніемъ низостей всевозможныхъ честолюбцевъ"[1]).

Если „прекрасный Іосифъ" царской политики, князь Святополкъ, сегодня не податливъ на страстныя рѣчи жены Пентефрія, — россійской либеральной прессы, то судьба даетъ ему совѣтниковъ. Такого друга онъ уже нашелъ въ лицѣ журнала „Право",

---

[1]) Такъ говорятъ тамерфорскіе рабочіе своему сатрапу Оболенскому въ адресѣ соціалистической ассоціаціи этого города

Въ Амстердамѣ.

(Мысли и замѣтки.)

II.

Самый главный и самый насущный изъ всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся въ Амстердамѣ представителями международнаго соціализма, былъ формулированъ такъ:

„Международныя правила соціалистической политики".

Это былъ тотъ самый вопросъ, который, въ нѣсколько иной формулировкѣ, разсматривался еще 4 года тому назадъ на международномъ съѣздѣ въ Парижѣ. Тогда спорили главнымъ образомъ о томъ, можетъ или не можетъ соціалистъ, не измѣняя себѣ, участвовать въ буржуазномъ министерствѣ. Рѣшеніе, принятое парижскимъ съѣздомъ по этому вопросу, извѣстно подъ именемъ *резолюціи Каутскаго*. Не мѣшаетъ привести ее здѣсь для справки. Вотъ она:

„Въ современномъ демократическомъ государствѣ завоеваніе политической власти пролетаріатомъ не можетъ быть достигнуто просто путемъ какого нибудь насильственннаго дѣйствія, но можетъ явиться лишь результатомъ длинной и трудной работы въ области политической и экономической организаціи пролетаріата, а также результатомъ его физическаго и нравственнаго возрожденія и постепеннаго проникновенія избранныхъ имъ представителей въ муниципальные совѣты и законодательныя собранія.

„Но гдѣ правительственная власть централизована, тамъ ея завоеваніе не можетъ совершиться по частямъ. Вступленіе отдѣльнаго соціалиста въ буржуазное министерство не можетъ считаться нормальнымъ началомъ завоеванія политической власти и должно быть разсматриваемо, какъ временный и исключительный пріемъ въ борьбѣ съ трудными обстоятельствами.

„Находятся ли на лицо въ отдѣльномъ случаѣ эти трудныя обстоятельства — это вопросъ тактики, а не принципа. Онъ не подлежитъ разсмотрѣнію конгресса. Однако, во всякомъ случаѣ этотъ опасный опытъ можетъ быть полезенъ лишь тогда, когда его одобряетъ значительное большинство организованной соціалистической партіи, и когда соціалистическій министръ является и остается уполномоченнымъ этой партіи.

„Гдѣ соціалистическій министръ дѣйствуетъ независимо отъ своей партіи; гдѣ онъ перестаетъ быть ея уполномоченнымъ, тамъ его вступленіе въ министерство превращается изъ средства, способствующаго усиленію пролетаріата, въ средство, содѣйствующее его ослабленію, и изъ средства, способствующаго завоеванію политической власти, въ средство, препятствующее этому завоеванію".

Коммиссія, обсуждавшая эту резолюцію, прибавила къ ней, согласно моему предложенію, значительно, впрочемъ, измѣненному, благодаря ловкому ходу Жорэса, слѣдующія строки: „Конгрессъ полагаетъ, однако, что даже въ крайнихъ случаяхъ соціалистъ долженъ покинуть министерство, если организованная партія найдетъ, что это послѣднее дало очевидныя доказательства своей пристрастности въ борьбѣ труда съ капиталомъ".

Если разсматривать эту резолюцію съ чисто теоретической точки зрѣнія, то ее съ нѣкоторыми оговорками можно, пожалуй, признать правильной. Подобно тому, какъ въ литературѣ всѣ роды хороши, кромѣ *скучнаго*, такъ и въ политикѣ всѣ тактическіе пріемы позволительны, кромѣ *нецѣлесообразныхъ*. А участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ не можетъ быть разъ навсегда объявлено не сообразнымъ съ нашей цѣлью. Цѣль эта, какъ извѣстно, заключается въ замѣнѣ *капиталистическихъ* отношеній производства *соціалистическими*. Этотъ переворотъ можетъ быть совершенъ только соціалистическимъ, то есть, — иначе сказать, — только сознательнымъ пролетаріатомъ. Поэтому *все, что развиваетъ классовое сознаніе пролетаріата, сообразно съ нашей цѣлью, а все, что затемняетъ его, противорѣчитъ ей*. Съ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать и вопросъ о вступленіи соціалиста въ буржуазное министерство. Можно ли утверждать, что такое вступленіе вездѣ, всегда, при всякихъ обстоятельствахъ поведетъ къ затемненію классоваго самосознанія пролетаріата? Нѣтъ, безусловно утверждать это нельзя. Можно представить себѣ такое положеніе дѣлъ, такую степень политическаго развитія рабочаго класса и такое поведеніе его представителя — министра, при наличности которыхъ участіе соціалиста въ министерствѣ не затемнитъ самосознанія пролетаріата, а напротивъ подвинетъ его впередъ. Поэтому съ теоретической точки зрѣнія Каутскій былъ правъ, когда не хотѣлъ безусловно высказаться въ своей резолюціи противъ такого участія. Но задача, которую предстояло рѣшить парижскому съѣзду, имѣла главнымъ образомъ практическій характеръ. Въ своей резолюціи онъ долженъ былъ считаться съ даннымъ положеніемъ дѣлъ и съ даннымъ поведеніемъ соціалистическаго министра Милльрана. А поведеніе Милльрана не могло не имѣть очень вреднаго вліянія на самосознаніе рабочихъ. Съ этимъ соглашались всѣ, кромѣ *сознательныхъ оппортюнистовъ*: Жорэса, Фолльмара, Бернштейна, Анзееле и имъ подобныхъ[1]). Поэтому парижскій съѣздъ не долженъ былъ довольствоваться отвлеченнымъ отвѣтомъ на вопросъ, поставленный передъ нимъ самой жизнью; онъ обязанъ былъ найти такую формулу, которая ясно выражала бы свое отрицательное отношеніе къ тактикѣ Милльрана[2]). Онъ не исполнилъ этой своей обязанности. Онъ поступилъ въ этомъ отношеніи очень уклончиво и непослѣдовательно. Въ своемъ рѣшеніи онъ, перечисливъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ вступленіе Милльрана въ министерство Вальдэка-Руссо, какъ будто не оправдывалъ этого вступленія. Но въ то же время дѣлалъ видъ, что совсѣмъ не касается „случая Милльрана", уважая автономію французской партіи. Что вышло изъ этой совсѣмъ ненужной уклончивости и совершенно очевидной непослѣдовательности? Вышло то, чего и надо было ожидать. Французскіе оппортюнисты, Жорэсъ, Милльранъ и tutti quanti, истолковали отвлеченную, непослѣдовательную и уклончивую парижскую резолюцію въ свою пользу и продолжали съ новымъ усердіемъ практиковать свой „новый методъ"... затемненія классового самосознанія пролетаріата. До чего дошли они въ практическомъ отрицаніи всѣхъ принциповъ и всѣхъ революціонныхъ преданій соціализма, видно изъ той роли, которую игралъ „спаситель республики" Милльранъ во время пріѣзда *царя* во Францію. Онъ, принимавшій участіе въ международномъ соціалистическомъ съѣздѣ 1896 г., почтительнѣйше лебезилъ передъ палачомъ „всея Россіи" и злѣйшимъ врагомъ освободительныхъ стремленій россійскаго рабочаго класса. Это было бы позорно и непростительно даже для самаго вульгарнаго радикала, и одно это могло бы обнаружить передъ глазами многихъ заблуждавшихся, но искреннихъ соціалистовъ значеніе международнаго парижскаго промаха. А къ этому присоединилось то, — если можно, — еще болѣе важное обстоятельство, что резолюція, принятая на парижскомъ съѣздѣ, не оправдала и тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нее людьми, старавшимися *примирить* сторонниковъ „*новаго* метода" съ защитниками старой революціонной тактики, т. е. съ марксистами и бланкистами. Она не только не упрочила единства французской соціалистической партіи, но несомнѣнно послужила одной изъ сильнѣйшихъ причинъ раскола въ ней. Вотъ почему ее стали находить неудовлетворительной даже многіе изъ тѣхъ, которые голосовали за нее въ Парижѣ. И чѣмъ болѣе приближалось время новаго международнаго съѣзда, тѣмъ ниже падалъ французскій оппортюнизмъ во мнѣніи соціалистовъ всѣхъ странъ. Вышедшій въ отставку со своимъ буржуазнымъ патрономъ, — Вальдэкомъ, — „соціалистъ" Милльранъ оказался до такой степени скомпрометтированнымъ, что его партія, — партія „новаго метода", „Французская Соціалистическая Партія, — нашла выгоднымъ для себя исключить его изъ своихъ рядовъ. Но это „Spaccio della bestia trionfante" ничего не измѣнило въ образѣ дѣйствій этой партіи. Вдохновляемая и руководимая главнымъ и наиболѣе вліятельнымъ во Франціи представителемъ „новаго метода" Жорэсомъ, она оставалась непремѣннымъ членомъ архибуржуазнаго союза республиканскихъ партій (bloc républicain) и сдѣлалась чѣмъ то въ родѣ „*соціалистической*" лейбъ-гвардіи главы буржуазнаго министерства Комба. И всѣ тѣ, которые осуждали тактику Милльрана, видѣли, что этотъ постоянный союзъ съ буржуазными партіями, эта неизмѣнная вѣрность буржуазному правительству еще опаснѣе для дѣла пролетаріата, чѣмъ прямое участіе соціалиста въ буржуазномъ министерствѣ. Общественное мнѣніе соціалистическаго міра до такой степени повернулось теперь противъ французскаго оппортюнизма, что его очень рѣдко рѣшались защищать даже тѣ оппортюнистическіе элементы въ партіяхъ другихъ странъ, которые въ глубинѣ души питали къ нему полное сочувствіе.

Въ виду этого сторонники революціонной тактики во Франсiи, точнѣе, — въ лицѣ сотрудника этого журнала, либеральнаго Кiевскаго профессора князя С. Трубецкого. Завидуя „свободѣ слова“ революцiонной печати, драматически указывая на тысячи революцiонныхъ листковъ, усыпающихъ грады и веси Россiи, Трубецкой галлюцинируетъ новымъ внутреннимъ Портъ-Артуромъ — очевидно, отожествляя революцiонный пролетарiатъ съ Японiей,—и требуетъ средствъ предупрежденiя и защиты, въ видѣ дарованiя свободы либеральной печати. Не заманчивый ли это союзникъ для царскаго правительства? И не стоитъ ли правительству, ради подобныхъ союзниковъ, потерять свою самодержавную невинность?

---

[1]) Напомню, что всѣмъ участникамъ парижскаго съѣзда извѣстенъ былъ ordre du jour, принятый французской палатой 15 іюня 1900 г. По поводу запроса Симіяна о кровавомъ способѣ поддержанія „порядка" въ средѣ шалонскихъ стачечниковъ Палата большинствомъ голосовъ рѣшила перейти къ очередному порядку, выразивъ довѣріе министерству (Вальдэка-Руссо-Мильрана) и осудивъ „ученіе коллективизма, съ помощью котораго обманываютъ рабочихъ". Милльранъ ни однимъ словомъ не высказался противъ этого, а его товарищи — соціалистическіе депутаты „новаго метода", — даже голосовали за это рѣшеніе. Читатель понимаетъ, что такое поведеніе должно было сильно компрометтировать соціалистовъ въ глазахъ рабочихъ. И именно имъ объясняется распространеніе въ средѣ французскаго пролетаріата отрицательнаго отношенія къ *политикѣ*.

[2]) См. въ первой книжкѣ „Зари" мою статью о парижскомъ съѣздѣ. Я разсказываю тамъ, какъ я пытался въ политической коммиссіи пополнить этотъ важный пробѣлъ въ резолюціи Каутскаго, и почему не удалась моя попытка. Кстати, на русскомъ собраніи въ Женевѣ по поводу амстердамскаго съѣзда нѣкто г. Владимировъ утверждалъ, что въ Парижѣ я голосовалъ за резолюцію Каутскаго. Это неправда. Я голосовалъ *противъ* нея вмѣстѣ со всей группой „Освобожденіе Труда".

Тогда подъ „прогрессивное“ знамя отважнаго князя соберется отборная дружина встревоженныхъ консерваторовъ и умѣренныхъ либераловъ, которые, конечно, не далеко зайдутъ въ увлеченiи „началами, чуждыми русской жизни“. Но этой дружинѣ прiйдется столкнуться съ революцiонными полчищами рабочихъ: тому порукой „глубокая горечь“ миллiоновъ народа. И даже въ рядахъ привиллегированнаго „общества“ мы должны будемъ увидѣть два лагеря: лагерь тѣхъ, которые готовы рукоплескать сословно-цензовымъ реформамъ царскаго правительства и сдѣлать это правительство своимъ, и — лагерь тѣхъ, которые поймутъ связь своихъ интересовъ съ интересами широкихъ слоевъ демократiи и, — на первыхъ шагахъ историческаго пути,—совмѣстимость интересовъ „общества“ съ ближайшими интересами рабочаго класса.

Каковъ бы ни былъ стратегическiй планъ генерала Святополкъ-Мирскаго, передъ господствующими классами Россiи всего только два пути: либо перспектива „разговаривать“ и считаться съ пролетарскими массами на городскихъ улицахъ при посредствѣ казаковъ и жандармовъ, при закрытыхъ подъѣздахъ и магазинахъ, либо „разговоры“ съ представителями интересовъ рабочаго народа на тѣхъ же основанiяхъ, на которыхъ привиллегированная оппозицiя предлагаетъ царскому правительству разговаривать съ нею самою: *въ государственныхъ и мѣстныхъ учрежденiяхъ*.

НА ОЧЕРЕДИ.

Ниже мы сообщаемъ довольно подробное изложенiе хода послѣдней мобилизацiи. Съ наглядной очевидностью встаетъ передъ нами картина все еще „стихiйнаго“, все еще неоформленнаго, но уже весьма интенсивнаго недовольства народной массы, гонимой на убой. Мы видимъ, какъ самодержавiе *вынуждено* всей своей предшествующей исторiей развивать это стихiйно нарастающее недовольство, какъ оно питаетъ его своими административными прiемами, гнилостью всего своего механизма, наглостью своихъ агентовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что каждая новая поставка пушечнаго мяса явится одновременно постановкой на сцену новаго акта народнаго протеста, именуемаго на казенномъ языкѣ „безпорядками“.

Съумѣетъ ли соцiальдемократiя сдѣлать такъ, чтобы въ этихъ слѣдующихъ актахъ политической драмы ея собственная роль была болѣе активной, а, слѣдовательно, чтобы и роль протестующей массы была болѣе политически-сознательной?

Никто не станетъ отрицать, что въ рядахъ активныхъ работниковъ нашего движенiя царитъ въ настоящее время весьма подавленное настроенiе. Было бы ошибочно приписывать его исключительно, или даже только главнымъ образомъ, результатамъ пережитаго партiей внутренняго кризиса. Причина подавленности болѣе глубокая и коренится въ аналогичномъ настроенiи, охватившемъ *всю* нашу общественную жизнь съ наступленiемъ послѣдняго, предреволюцiоннаго перiода борьба самодержавiя за свое существованiе. Съ началомъ войны, вся страна охвачена тягостнымъ чувствомъ ожиданiя огромныхъ бѣдствiй — дорогой цѣны, которою будетъ куплено освобожденiе Россiи. И всякое новое сбывшееся „пророчество“, всякое новое несчастiе, постигающее народъ, усиливаетъ это чувство угнетенности, подъ покровомъ котораго незамѣтно, но вѣрно, зрѣетъ революцiонный протестъ, рѣшительный и непреклонный. Это чувство угнетенности, охватывающее громадныя массы, не можетъ не отражаться и на психикѣ активныхъ борцовъ. Передъ громадностью стихiйно развертывающихся событiй исторической важности, колосально революцiонизирующихъ жизнь населенiя и его сознанiе, — какими ничтожными представляются наши собственныя средства воздѣйствiя, наши привычные методы участiя въ общественной жизни! Передъ революцiоннымъ эффектомъ военнаго краха самодержавiя быстро блѣднѣетъ успѣхъ десятка нашихъ демонстрацiй. И неудивительно, что именно быстрый ходъ процесса стихiйнаго революцiонизированiя Россiи ближайшимъ образомъ вызываетъ ослабленiе революцiонной активности въ живущихъ сознательной политической жизнью слояхъ населенiя.

Но такъ будетъ только до извѣстнаго момента. Переходъ скрытой энергiи въ дѣйствующую, выходъ наружу стихiйно растущаго возмущенiя народныхъ массъ, вызоветъ къ активности и передовые общественные элементы.

Соцiальдемократiи медлить не приходится, ибо, несомнѣнно, не далеки уже отъ насъ тѣ дни, когда въ разныхъ слояхъ населенiя начнетъ проявляться „повальное“ пробужденiе отъ выше отмѣченнаго чувства угнетенности, когда созрѣвшiй подъ его покровомъ революцiонный протестъ станетъ искать себѣ выхода въ активной борьбѣ. Мы обязаны стоять въ этотъ моментъ на своемъ посту, чтобы не дать безплодно расточиться хотя бы крупицѣ революцiонной энергiи массъ, чтобы не дать формирующемуся общественному движенiю сбиться на такой путь, который велъ бы къ предательству интересовъ революцiи или къ попранiю интересовъ пролетарiата.

Энергiя мѣстной и общепартiйной работы должна быть направлена на развитiе самой широкой и дѣйствительно политической агитацiи. И эта агитацiя должна имѣть свой естественный центръ, опредѣляемый даннымъ политическимъ положенiемъ, совершенно исключительнымъ по своей обстановкѣ. Такимъ центромъ являются два тѣсно связанные между собой момента нашей политической жизни: война и „новый курсъ“ во внутренней политикѣ. Сосредоточивъ всю свою работу вокругъ широкой агитацiи, бьющей въ одну точку, приспособивъ всѣ функцiи „повседневной“ работы — систематическую пропаганду, организацiонное строительство, всѣ виды „частной“ агитацiи — къ этой центральной, для даннаго момента, дѣятельности, наши организацiи вѣрнымъ путемъ пойдутъ навстрѣчу той могучей волнѣ народнаго возмущенiя, которая медленно, но неуклонно, приближается къ твердынямъ царской Бастилiи.

Всѣ методы агитацiи, которыми мы располагаемъ: печатное и живое слово, тайныя собранiя и явные протесты, массовыя демонстрацiи и политическiя стачки — все должно быть, по мѣрѣ возможности, пущено нами въ ходъ, чтобы наполнить центры нашей общественной жизни шумомъ тѣхъ боевыхъ лозунговъ, которые мы — и только мы — можемъ бросить въ широкiя массы народа. Такими лозунгами будутъ: „учредительное собранiе (избранное на основѣ всеобщаго избирательнаго права) и прекращенiе войны“. Неся всюду эти боевые лозунги, добившись того, чтобы ихъ подхватили возможно болѣе обширные передовые слои пролетарiата, партiя выступитъ, какъ политическая сила, на той аренѣ, гдѣ нынѣ между самодержавiемъ и верхами имущихъ классовъ начинается домашнiй торгъ о „безболѣзненной“, и, стало быть, возможно болѣе убыточной для народа, ликвидацiи царистскаго хозяйства. Мы должны добиваться того, чтобы всюду, гдѣ ведется этотъ торгъ, было громко и внушительно сказано слово русскихъ пролетарiевъ, чтобы всюду, гдѣ объ одеждѣ русскаго народа мечутъ жребiй, самъ народъ — его передовая часть — заявилъ свое мнѣнiе по этому вопросу. Предстоящiя губернскiя земскiя собранiя, которыя будутъ обсуждать программу „новаго курса“ правительства, не должны пройти безслѣдно для дѣла развитiя классового самосознанiя пролетарiата, который долженъ уяснить себѣ сущность и характеръ предстоящей политической кампанiи „земщины“ и, какъ активная сила, вмѣшаться въ болѣе или менѣе мирное собесѣдованiе этой „земщины“ съ царевой „опричниной“. Пролетарiатъ не только самъ долженъ занять опредѣленную позицiю въ вопросѣ, который, такъ или иначе, будетъ рѣшаться на и вокругъ земскихъ собранiй, — онъ долженъ поставить себѣ цѣлью воздѣйствовать на общественное мнѣнiе всѣхъ заинтересованныхъ круговъ населенiя, чтобы не позволить весьма возможному союзу консервативныхъ и „умѣренныхъ“ элементовъ общества свести къ ничтожному минимуму размѣръ политическихъ завоеванiй, которыя достанутся народу въ результатѣ нынѣшняго кризиса. Въ моментъ, когда начинаютъ формироваться главныя политическiя силы, которымъ придется принимать участiе въ близкой уже развязкѣ послѣдняго перiода жизни царизма, — своевременное и сознательное выступленiе пролетарiата обезпечитъ ему то влiянiе, возможность котораго подготовлена колоссальной ролью, сыгранной рабочимъ движенiемъ послѣднихъ лѣтъ въ дѣлѣ расшатыванiя падающаго режима.

И для того, чтобы это влiянiе могло проявиться, необходимо, чтобы рабочая партiя, зорко слѣдя за политической драмой (или комедiей), разыгрывающейся между реакцiонными и либеральными элементами современной Россiи, въ то же время стремилась расширить самую арену, на которой разыгрывается эта драма. Рядомъ съ скромнымъ вопросомъ о „реформахъ“, долженъ встать вопросъ о прекращенiи войны, которое будетъ означать полное моральное и матерiальное крушенiе царизма. Онъ долженъ встать, какъ требованiе широкихъ массъ населенiя, не опрошенныхъ ни самодержавiемъ, ни имущими классами, какъ крикъ революцiоннаго возмущенiя пролетарiата и тянущихся за нимъ слоевъ народа. Каждый разъ, какъ обстоятельства это позволяютъ, — при мобилизацiи, при отправкѣ войскъ на театръ войны, при встрѣчѣ раненыхъ, при оповѣщанiяхъ о новыхъ „побѣдахъ“ или (что вѣроятнѣе) о новыхъ пораженiяхъ, при обсужденiи въ думахъ и земствахъ новыхъ „пожертвованiй“, наконецъ, и во время самыхъ заявленiй этими земствами „нуждъ населенiя“ и желательныхъ „реформъ“ — всегда и вездѣ нужно мобилизовать пролетарскiя массы для предъявленiя требованiя мира. И это требованiе должно быть сообщено и въ студенческую среду, гдѣ слѣдуетъ ожидать въ этомъ году обычныхъ „волненiй“, должно быть навязано собирающейся выступать, какъ партiя, крайней буржуазной демократiи, должно быть брошено и въ солдатскiя казармы, и въ среду офицерства. Требованiе это *должно стать популярнымъ*, и нѣтъ тѣхъ жертвъ, нѣтъ тѣхъ усилiй, которыхъ не слѣдовало бы быть затратить пролетарiату, чтобы это требованiе огласило улицы и площади нашихъ городовъ.

За работу же! Усиливайте свою агитацiю печатнымъ словомъ, умножайте тайные станки, распространяйте „нелегальную“ литературу во всевозрастающихъ количествахъ. Собирайте возможно чаще сходки рабочихъ, организуйте новыя и новыя группы и кружки и бросайте въ массу пароль: организацiя въ видахъ близкаго наступленiя новой рѣшительной аттаки на царизмъ. Организуйте проявленiя пролетарскаго протеста, чтобы воспитывать кадры борцовъ для этой рѣшительной аттаки. Объединяйте всю эту сложную „будничную“ работу ясно поставленной задачей — внесенiя классового самосознанiя въ волнующiяся пролетарскiя массы и организацiи самостоятельнаго и сознательнаго классового движенiя русскаго пролетарiата одновременно противъ его нынѣшняго смертельнаго врага – царизма и противъ „вѣчнаго“ его врага — буржуазнаго общества.

Л. М.

ТОРЖЕСТВО СОЦIАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦIОНЕРОВЪ.

Повидимому, гг. соцiалисты-революцiонеры были твердо увѣрены, что ихъ „докладъ“ международному амстердамскому конгрессу[1]) не прочтетъ рѣшительно никто. Иначе трудно объяснить себѣ ту... развязность, съ которой они въ „Революцiонной Россiи“ жалуются на „клеветы нашихъ (т. е. соц.-рев.) соперниковъ“, повинныхъ въ томъ, что въ средѣ западно-европейской революцiонной соцiальдемократiи наши „революцiонные авантюристы“ пользуются самой незавидной славой.

„Западно-европейскiе соцiалисты... ознакомлялись съ русскими дѣлами до послѣдняго времени крайне односторонне, почти исключительно изъ русскихъ соцiальдемократическихъ источниковъ“ (Р. Р. № 52). Во-первыхъ, это невѣрно; ибо г. г. соцiалисты-революцiонеры издаютъ спецiально для „ознакомленiя“ западно-европейской публики журналъ на французскомъ языкѣ (Tribune russe), да и, вообще, по части само-рекламированiя не оставляютъ желать ничего лучшаго. Русскiе читатели могутъ составить себѣ достаточное понятiе объ этомъ „соцiально-революцiонномъ“ искусствѣ, хотя бы по тому фейерверку и шуму, который герои „Революцiонной Россiи“ устроили по поводу занятiя мѣста „въ семьѣ соцiалистическихъ партiй“. Такъ какъ междуродный конгрессъ не считаетъ ни нужнымъ, ни возможнымъ входить въ разбирательство истинной цѣнности и значенiя тѣхъ „партiй“, которыя такъ или иначе примазываются къ движенiю пролетарiата, то соцiалисты-революцiонеры получили возможность... „пѣтушкомъ, пѣтушкомъ“ — бѣжать за побѣдоносной колесницей отрицаемаго ими *только* пролетарскаго классоваго движенiя.

---

[1]) Rapport du Parti Socialiste Revolutionaire de Russie au Congrès Socialiste international d'Amsterdam. Août 1904.

ши сдѣлали бы непростительную ошибку, если бы не воспользовались такимъ настроенiемъ для пересмотра въ Амстердамѣ неудовлетворительной парижской резолюцiи. Такъ какъ Францiя примѣняла къ жизни идеи, вырабатываемыя и распространяемыя международнымъ соцiалистическимъ оппортюнизмомъ, то Францiи же и долженъ былъ принадлежать починъ новаго обсужденiя и, — если возможно, — осужденiя оппортюнистической практики. Французская партiя революцiонной соцiальдемократiи, — „*Соцiалистическая Партiя Францiи*“, — взяла на себя такой почнъ, и по ея предложенiю, въ число очередныхъ вопросовъ амстердамскаго съѣзда былъ занесенъ вопросъ о „международныхъ правилахъ соцiалистической политики“. Въ качествѣ проекта рѣшенiя по этому вопросу, она предложила обобщенное и потому нѣсколько видоизмѣненное ею рѣшенiе прошлогодняго дрезденскаго съѣзда германской соцiальдемократiи по вопросу о нѣмецкомъ „ревизiонизмѣ“. Въ своемъ новомъ видѣ этотъ проектъ рѣшенiя былъ таковъ:

„Конгрессъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ревизiонистскiя стремленiя измѣнить нашу испытанную и увѣнчанную успѣхомъ тактику въ такомъ направленiи, чтобы на мѣсто завоеванiя политической власти путемъ побѣды надъ нашими противниками поставить политику уступокъ существующему порядку.

„Послѣдствiемъ такой ревизiонистской тактики было бы превращенiе партiи, ставящей себѣ цѣлью возможно быстрое преобразованiе существующаго буржуазнаго общества въ общество соцiалистическое,—а потому революцiонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — въ партiю, довольствующуюся реформированiемъ буржуазнаго общества.

„Поэтому, конгрессъ, въ противоположность существующимъ ревизiонистскимъ теченiямъ, убѣжденный, что классовыя противорѣчiя не ослабляются, а постоянно возрастаютъ заявляетъ:

1. Что партiя отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за основанные на капиталистическомъ способѣ производства политическiе и экономическiе порядки и потому отказывается ассигновывать какiя бы то ни было денежныя средства, нужныя для поддержанiя правящихъ классовъ у власти;

2. Что соцiальдемократiя, согласно резолюцiи Каутскаго на международномъ соцiалистическомъ конгрессѣ 1900 года въ Парижѣ, не можетъ стремиться къ участiю въ правительственной власти въ рамкахъ буржуазнаго общества.

„Далѣе, конгрессъ осуждаетъ всякое стремленiе затушевывать существующiя классовыя противорѣчiя, чтобы облегчить сотрудничество съ буржуазными партiями.

„Конгрессъ ожидаетъ, что соцiальдемократическiя парламентскiя фракцiи будутъ продолжать пользоваться той возрастающею силою, которая создается увеличенiемъ числа ихъ членовъ и огромнымъ приростомъ стоящей за ними массы избирателей, для выясненiя цѣлей соцiальдемократiи и для того, чтобы, соотвѣтственно принципамъ нашей программы, со всею энергiею и настойчивостью охранять интересы рабочаго класса, добиваться расширенiя и упроченiя политической свободы и равноправiя, вести еще болѣе энергичную, чѣмъ до сихъ поръ, борьбу противъ милитаризма и маринизма, противъ колонiальной и империалистской политики, противъ произвола, угнетенiя и эксплуатацiи во всѣхъ видахъ, энергично содѣйствовать развитiю соцiальнаго законодательства и выполненiю историческихъ и культурныхъ задачъ рабочаго каласса“,

Не трудно замѣтить, чѣмъ этотъ проектъ отличается отъ парижскаго рѣшенiя 1900 г. Между тѣмъ, какъ это послѣднее оставалось въ области теорiи, осторожно обходя „проклятый вопросъ“ практики, новый проектъ смѣло подходитъ къ нему, безъ колебанiй давая на него тотъ отвѣтъ, который одинъ только и могъ быть признанъ достойнымъ соцiалистическаго пролетарiата нашихъ дней: отвѣтъ въ духѣ непримиримой оппозицiи и непрерывной революцiонной агитацiи. Новый проектъ прямо требовалъ *осужденiя* ревизiонизма международнымъ съѣздомъ.

Всякому было ясно, что вопросъ, выдвинутый Соцiалистической Партiей Францiи, будетъ самымъ жгучимъ изъ всѣхъ вопросовъ, подлежавшихъ разсмотрѣнiю въ Амстердамѣ. И какъ та, такъ и другая сторона, какъ „новый методъ“, такъ и революцiонная соцiальдемократiя, готовилась, каждая сообразно своему духу и своему характеру, къ рѣшительному бою.

Сущность оппортюнизма заключается, какъ извѣстно, въ преувеличенномъ стремленiи приспособляться къ обстоятельствамъ, забывая о конечной цѣли соцiалистическаго движенiя или пренебрегая этой цѣлью. Вообще говоря, такое стремленiе чрезвычайно вредно для соцiализма, потому что люди, имъ одержимые, дѣлаются органически неспособными видѣть то, что лежитъ дальше ихъ собственнаго носа. Но въ Амстердамѣ этотъ первородный грѣхъ оппортюнистовъ принесъ нѣкоторую пользу революцiонной соцiальдемократiи. Такъ какъ въ настоящее время соцiальдемократическiй мiръ находился подъ очень непрiятнымъ впечатлѣнiемъ подвиговъ французскихъ соцiалистовъ „новаго метода“, то они и не рѣшились открыто выступить на его защиту, а сдѣлали видъ, что сами очень не одобряютъ его. Только бельгiйцы — Фюрнэмонъ и Анзеель — первый въ политической коммиссiи, второй въ предпослѣднемъ засѣданiи съѣзда, — прямо и откровенно, безъ обиняковъ и оговорокъ, высказались за „новый методъ“, а всѣ остальные оппортюнисты, которыхъ таки не мало прiѣхало въ Амстердамъ, отнеслись къ нему совсѣмъ такъ, какъ относились къ Iисусу его „тайные ученики“, т. е. они усердно скрывали свое сочувствiе къ нему страха ради революцiонна. Вслѣдствiе этого, во время пренiй, вызванныхъ вопросомъ о международныхъ правилахъ соцiалистической политики, партiя французскаго оппортюнизма оказалась совсѣмъ одинокой, и ея вождь Жорэсъ, — послѣ трехдневныхъ споровъ въ коммиссiи, разсматривавшей этотъ вопросъ, — имѣлъ полное основанiе сказать о себѣ: „въ теченiе цѣлыхъ трехъ дней я слышалъ лишь горькiя слова критики, недовѣрiя, нерасположенiя“. И неизвѣстно, что было бы, если бы Вандервельдъ и Адлеръ не оказали оппортюнизму поддержки, предложивъ коммиссiи сдѣлать „поправку“ въ томъ проектѣ, который былъ предложенъ Соцiалистической Партiей Францiи и который кратко назывался на съѣздѣ *дрезденской резолюцiей*.

Вотъ эта поправка. „*Первый* абзацъ дрезденской резолюцiи долженъ быть формулированъ такъ: „Съѣздъ съ величайшей рѣшительностью объявляетъ, что необходимо безо всякихъ колебанiй держаться испытанной, увѣнчанной успѣхомъ соцiалистической тактики, основанной на классовой борьбѣ, и что политика приспособленiя къ существующему порядку ни въ какомъ случаѣ не должна замѣнять собою борьбы за прiобрѣтенiе политической власти посредствомъ побѣды надъ нашими противниками“.

„*Второй* абзацъ долженъ начинаться словами: „Слѣдствiемъ такой тактики уступокъ было бы“. Въ *третьемъ* абзацѣ вычеркнуть слова: въ противоположность существующимъ ревизiонистскимъ теченiямъ. То мѣсто резолюцiи, гдѣ рѣчь идетъ о парижскомъ рѣшенiи, должно быть измѣнено такъ:

„2. Что касается опасности и неудобствъ участiя въ правительственной власти при существующемъ порядкѣ вещей, конгрессъ подтверждаетъ резолюцiю Каутскаго, принятую конгрессомъ 1901 г.“

Сдѣлайте мысленно эти измѣненiя въ дрезденской резолюцiи, и вы тотчасъ замѣтите, что страшное слово: „*осужденiе*“ по прежнему красовалось бы въ ней; только здѣсь оно встрѣчалось бы одинъ разъ („Далѣе, конгрессъ *осуждаетъ*“ и т. д.), а не два, какъ въ „дрезденской резолюцiи“. Что же это за странность: хотѣли устранить „осужденiе“, а сами оставили его въ своемъ проектѣ? Видно ужъ такъ много хорошихъ дѣлъ натворилъ оппортюнизмъ, что даже тѣ, которые гнали его осужденiе въ дверь, незамѣтно для самихъ себя оказались вынужденными впустить то же самое осужденiе въ окно! Но какъ же могло остаться *незамѣтнымъ* для нихъ самихъ такое *замѣчательное* обстоятельство? Я могу объяснить себѣ это только тѣмъ, что для нихъ „суть вопроса“ заключалась именно не въ *словахъ*, а въ самомъ *содержанiи* „дрезденской резолюцiи“. И въ этомъ легко убѣдиться при нѣкоторомъ вниманiи къ дѣлу. Если бы съѣздъ принялъ ихъ „поправку“, то вышло бы, что онъ въ своемъ отношенiи къ спорному вопросу соцiалистической политики *не пошелъ дальше парижскаго съѣзда*; но послѣ всего того, что произошло за четыре года, отдѣлявшiе амстердамскiй съѣздъ отъ парижскаго, и въ виду огромнаго вреда, который причиненъ былъ французскому соцiализму неопредѣленностью принятаго въ Парижѣ рѣшенiя, *отказываться идти дальше значило отступать назадъ* и прямо *поощрять* Жорэса и комп. къ новымъ преступнымъ злоупотребленiямъ именемъ пролетарiата. Это было бы страшной, непоправимой ошибкой.

Представители революцiонной соцiальдемократiи хорошо поняли это, и, благодаря ихъ единодушнымъ и энергичнымъ усилiямъ, неумѣстная „поправка“ была отклонена въ коммиссiи 24 голосами противъ 16. Послѣ этого голосовали „дрезденскую резолюцiю“. *За* нее было подано 29 голосовъ; *противъ* — 3; 10 воздержалось. Такимъ образомъ, въ коммиссiи споръ былъ разрѣшенъ въ пользу марксизма; но пока еще только въ коммиссiи: окончательное рѣшенiе долженъ былъ вынести съѣздъ. Что, если бы онъ разошелся съ коммиссiей и одобрилъ „поправку“ Адлера-Вандервельда? Тайные ученики Жорэса всѣми силами старались перевести на свою сторону товарищей, воздержавшихся въ коммиссiи отъ подачи голоса. Они надѣялись, что съ ихъ помощью имъ удастся отклонить „дрезденскую резолюцiю“.

Прежде, чѣмъ говорить о томъ, къ чему привели эти отчаянныя усилiя, и описывать то „обходное движенiе“, которое сдѣлалъ Анзеель противъ нѣкоторыхъ нацiональныхъ делегацiй, ясно обнаружившихъ свои революцiонныя сочувствiя, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

„Поправка“ Адлера-Вандервельда была не малой услугой международному оппортюнизму. Я прямо говорю это теперь, какъ говорилъ и въ коммиссiи. Но напрасно Адлеръ понялъ мои слова въ томъ смыслѣ, будто я обвинялъ его самого въ оппортюнизмѣ. *Я упрекалъ его только въ непослѣдовательности*. Рѣшительно высказавшись въ коммиссiи противъ тактики (по-

Вотъ только и всего. „И говорить по этому поводу, что „мы заняли въ семьѣ соціалистическихъ партій мѣсто, соотвѣтствующее значенію нашей дѣятельности, нашей программы и тактики“, кричать о какомъ-то „торжественномъ (?) утвержденіи нашихъ правъ“ по малой мѣрѣ странно.

„Революціонная Россія“ въ этомъ случаѣ такъ же сознательно расчитываетъ на простецовъ, какъ и тогда, когда она въ доказательство пассованія соціальдемократіи передъ „историческимъ значеніемъ нашей борьбы, нашей тактики, существованія нашей партіи вообще“ приводитъ... что бы вы думали? — что „соціальдемократическая делегація не рѣшилась и заикнуться передъ конгрессомъ или передъ его бюро о неутвержденіи полномочій нашей делегаціи“. Какъ прекрасно извѣстно Хлестаковымъ „Революціонной Россіи“, еще до начала конгресса бюро постановило, что каждая *организація* сама провѣряетъ свои мандаты, но... бываютъ случаи, что для „торжественности“ и „нехотя согрѣшишь“.

Если г. г. соціалисты-революціонеры разводятъ такія „небылицы въ лицахъ“ передъ русскими читателями, то понятно, что передъ „мало знакомыми съ русскими дѣлами“ западно-европейскими соціалистами они еще меньше стѣсняются. Здѣсь „мѣру разумѣть“ и совсѣмъ ужъ не нужно! Правда, „Рев. Россія“ сокрушенно доводитъ до свѣдѣнія своихъ читателей, что „наши (соц.-рев.) попытки отвѣчать (въ иностранной, особенно нѣмецкой соціальдемократической прессѣ) на худшія вылазки противъ насъ, оставались втунѣ. Вѣжливо, „съ соціальдемократическимъ привѣтомъ“ извѣщали насъ, что къ сожалѣнію, по тѣмъ или инымъ причинамъ (не всегда было легко понять, по какимъ) редакція не считаетъ удобнымъ помѣстить нашъ отвѣтъ“. И приписываются эти неудачи исключительно поѣздкамъ „Георга“ (каково остроуміе?) Плеханова въ Цюрихъ къ Бебелю. Но намъ чудится, что дѣло обстоитъ гораздо проще, и что „Рев. Рос.“ можетъ спокойно перестать слѣдить за поѣздками тов. Плеханова. Намъ думается: да ужъ не были ли „отвѣты“ г. г. соц.-рев. составлены такъ же... добросовѣстно, какъ составленъ ихъ „докладъ“ конгрессу? Не потому ли именно имъ было „не всегда легко понять“ дѣйствительные мотивы „вѣжливыхъ“ отказовъ?

Что говорить! Своего противника, конечно, всякій можетъ не понять или понять превратно, и потому, сознаемся откровенно, мы были крайне довольны, увидѣвъ „докладъ“ соц.-рев. Теперь то ужъ, конечно, всѣ недоразумѣнія разсѣятся, думали мы. Правда, мы, вообще говоря, не ожидали, чтобы гг. соціалисты-революціонеры ясно и опредѣленно высказали свои принципы, по той простой причинѣ, что „самая прекрасная дѣвушка въ мірѣ не можетъ дать больше того, что у нея есть“. Но все же по одному вопросу, по крайней мѣрѣ, по вопросу о „террорѣ“, думали мы, с.-р. не преминутъ, конечно, вынести на „свѣтъ гласности“, столь страстно призываемой ими, все, что только могутъ сказать въ защиту своего „метода“. И, признаться, мы ожидали, что правдивое изложеніе соц.-революціонерами ихъ взглядовъ на терроръ навсегда излѣчитъ отъ нѣкоторыхъ симпатій къ нему тѣхъ западно-европейскихъ товарищей, въ которыхъ чувство непосредственной радости по поводу всякаго удара, нанесеннаго царизму, заглушаетъ иногда голосъ политическаго разума. Русскіе „марксистообразные софисты“, по увѣренію „Рев. Рос.“, „боятся вмѣшательства революціоннаго интернаціонала въ наши домашніе споры“. По этой то именно причинѣ они, вѣроятно, стараются помѣщать „систематически на столбцахъ „Neue Zeit“ „Vorwärts“, „Leipziger Volkszeitung“ и др. фактическія сообщенія, замѣтки и статьи, словно только что сорвавшіяся со страницъ „Искры“. Напротивъ, „наша партія“, партія соц.-рев., „не страшится свѣта гласности и всесторонняго обсужденія своей тактики“.

Итакъ, „русскій читатель легко себѣ представитъ, въ какомъ видѣ предстали передъ западно-европейскими товарищами русскіе террористы“... послѣ опубликованія „доклада“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ! Намъ даже страшно стало, когда мы подумали, что маленькій докладъ однимъ ударомъ можетъ разрушить то зданіе „предразсудковъ и предубѣжденій“ противъ террора, которое мы такъ старательно созидали среди европейскихъ товарищей своими „фактическими сообщеніями“.

Но, страшенъ сонъ, да милостивъ богъ. Съ авторами „доклада“ случился странный казусъ: недосмотръ, недоразумѣніе, внезапный параличъ памяти... что угодно, только, разумѣется, не боязнь „свѣта гласности“. Какъ бы то ни было однако, приходится съ грустью констатировать, что „революціонному интернаціоналу“, по крайней мѣрѣ, до слѣдующаго конгресса, придется подождать печатнаго доклада о террорѣ „партіи соц.-рев.“ Ибо въ докладѣ, представленномъ Амстердамскому конгрессу, объ этомъ деликатномъ предметѣ не говорится ни слова, ну такъ-таки ни единаго слова! Каковъ пассажъ для любителей „гласности“? Каково посрамленіе для „идейныхъ противниковъ“ распространявшихъ „басни и инсинуаціи“ насчетъ безпринципности соц.-рев.?

Намъ вспоминается сцена въ коммиссіи по вопросу о международномъ регулированіи тактики, когда взялъ слово „гражданинъ“ Рубановичъ; мы помнимъ тотъ акаѳистъ святому террору, который нескончаемымъ потокомъ лился изъ его устъ, вызвавъ, наконецъ, нетерпѣливыя восклицанія со стороны „товарищей“ и требованіе прекратить уклоненіе отъ темы со стороны предсѣдателя коммиссіи, тов. Трульстра. „Гражданинъ“ Рубановичъ, словъ нѣтъ, не пряталъ въ карманъ „террора“ своей „партіи“, и мы готовы были рукоплескать его откровенности и любви къ „гласности“. Но одна мысль охладила нашъ восторгъ. Вѣдь г. Рубановичъ разливался соловьемъ о террорѣ... послѣ „Плеве“, а „докладъ“ былъ написанъ и напечатанъ до „Плеве“! Признаемся, способъ освѣдомленія заграничныхъ „товарищей“ нѣсколько своеобразный, но ужъ во всякомъ случаѣ не „односторонній“.

До „Плеве“ — о „боевой организаціи“ заявляется глухо лишь, что она „старается вести непосредственную революціонную борьбу противъ царизма“ (стр. 16 „доклада“), послѣ „Плеве“ — всѣ „сказки“ о террорѣ „уже почти разсѣялись, благодаря лишь одному активному участію нашей делегаціи въ Амстердамскомъ съѣздѣ“. До „Плеве“ — въ числѣ „дѣяній“ партіи перечисляется всеобщая стачка 1903 г. и крестьянскій бунтъ 1902 г., но *ни звукомъ* не упоминается ни объ одномъ покушеніи. Ни Балмашевъ, ни Гершуни, ни безвѣстные уфимскіе революціонеры, не нашли себѣ мѣста на страницахъ „доклада“. И гг. соц.-рев. имѣютъ еще мужество жаловаться на „клеветническія выходки въ дѣлѣ Балмашева“, не понимая, что ни одинъ самый ярый врагъ террора не могъ нанести худшаго оскорбленія смѣлому революціонеру, чѣмъ „докладъ“ самихъ соціалистовъ-революціонеровъ! Партія, отрекающаяся отъ своихъ собственныхъ „героевъ“! Партія, наскоро запихивающая ихъ трупы куда-нибудь подальше, чтобы никто не увидѣлъ! Партія, „передъ семьей соціалистическихъ партій“, трусливо сторонящаяся (чтобы не скомпрометтировали!) отъ тѣхъ, беззавѣтное самоотверженіе кот. только и скрашиваетъ нѣсколько всю неприглядную картину ея безпринципности! И все это съ цѣлью „торжественно“ засѣсть въ международномъ бюро! Какая милая картина! Какой ослѣпительный потокъ „свѣта гласности“! Какая мужественная защита своихъ „принциповъ“! Это — до „Плеве“. А послѣ „Плеве“, — о послѣ „Плеве“ опять и „свѣтлая память“ Балмашева и „геройская натура“ Гершуни и „самоотверженные борцы“ 15 іюля — все это снова вытаскивается на свѣтъ божій, все это снова пойдетъ въ ходъ, все это вдругъ снова нужно, ибо на все это есть теперь спросъ, а „спросъ — господинъ предложенія“.

Маленькій эпизодъ, но, кажется, безпримѣрный въ исторіи революціонныхъ партій. И имѣя на совѣсти свой „докладъ“, правдолюбы „Рев. Рос.“ осмѣливаются еще бить себя въ перси и исступленно вопить о „басняхъ и инсинуаціяхъ нашихъ идейныхъ противниковъ“!

МОБИЛИЗАЦІЯ И НЕДАВНІЕ БЕЗПОРЯДКИ[1].

(По поводу послѣдней мобилизаціи).

Мобилизація всюду несетъ съ собой стонъ, плачъ и скрежетъ зубовный. Даже въ наиболѣе подверженныхъ гипнозу патріотическихъ жупеловъ слояхъ населенія мобилизація *абсолютно никакихъ* чувствъ, кромѣ безпросвѣтнаго отчаянія и озлобленія, не вызываетъ. Дѣйствительно, письма изъ Бессарабіи, изъ Одессы, изъ Николаева, изъ Полтавской и Екатерин. г. единодушно подчеркиваютъ полное отсутствіе какого бы то ни было одушевленія; „на что намъ эта война?“ „мало, что ли, своей земли, что полѣзли въ Китай?“ — такія рѣчи раздаются на каждомъ шагу. Чего ждутъ для себя призванные на дѣйствительную службу, можетъ показать слѣдующій инцидентъ на одномъ изъ Луганскихъ заводовъ. Попъ явился служить молебенъ, но встрѣченъ былъ криками рабочихъ-запасныхъ: „Нечего тутъ молебенъ служить, спой-ка лучше по всѣхъ насъ панихиду“. На увѣщанія попа послѣдовалъ отвѣтъ: „Знаемъ мы васъ, вѣчно вы на всевышняго сваливаете, а нашего брата теперь въ Манджуріи и воронъ не успѣваетъ клевать“. Мудрено ли, что каждое описаніе мобилизаціи начинается и кончается словами: отовсюду раздаются безумныя рыданія?

Этотъ ужасъ передъ войной привелъ къ невиданному еще, кажется, въ исторіи явленію: *повальному* бѣгству запасныхъ. Австрійскій чиновникъ сообщалъ одному товарищу, что за 2-3 дня границу перешло въ одномъ только мѣстѣ около 600 человѣкъ. Бѣгство запасныхъ изъ Одессы привело къ тому, что — хотя тамъ была неполная мобилизація — едва удалось набрать нужный контингентъ. Полиціи пришлось принять экстренныя мѣры: при выдачѣ билетовъ на желѣзнодорожной станціи стали требовать предъявленія паспорта; тогда запасные бросились на лошадяхъ на ближайшія станціи; извощики подняли цѣны до 12-15 руб. Въ самый день мобилизаціи со станціи Раздѣльной вернули 500 (по одной версіи, даже нѣсколько тысячъ) бѣжавшихъ, въ томъ числѣ 34 запасныхъ офицеровъ. Изъ Николаева бѣжало около 500 челов., среди которыхъ также были офицеры. Въ Полтавской губ., гдѣ мобилизація происходила не во всѣхъ уѣздахъ сразу, призванные крестьяне толпами переходили въ незатронутые наборомъ уѣзды. Изъ Екатеринослава однихъ евреевъ бѣжало около 600 чел. Отмѣчены кое гдѣ случаи, когда отдѣльные запасные отказывались итти (здѣсь мы не имѣемъ въ виду сознательнаго, въ видѣ протеста, отказа, о какомъ ниже). Въ Кишиневѣ и Одессѣ полиція устраивала ночныя облавы на неявившихся и сажала ихъ подъ замокъ. На одной изъ южныхъ станцій проѣзжающій замѣтилъ, что многихъ изъ запасныхъ сажали въ вагоны связанными, такъ какъ сами они не шли. Въ Севастополѣ отправлявшіеся на войну солдаты минной роты отдавали ружья окружающей публикѣ.

„Когда я пріѣхалъ въ Бессарабію, пишетъ корреспондентъ, острый пароксизмъ горя уже прошелъ; его смѣнило тупое отчаяніе и животная покорность“. Результатъ естественный, если принять во вниманіе, что ужасы мобилизаціи осложняются небывалымъ кризисомъ и сильнымъ неурожаемъ, постигшимъ юго-западный уголъ Россіи. Однако, далеко не вездѣ горе смѣняется апатіей: большинство извѣстій свидѣтельствуетъ о сопутствующемъ ему озлобленіи, переходящемъ (стихійно, иногда, а при наличности агитаціи — *всегда*) въ протестъ. Такъ, вышеописанная сценка съ попомъ на Луганскомъ заводѣ закончилась угрозами со стороны рабочихъ; въ Одессѣ и въ Архангельскѣ, въ толпѣ, собравшейся для проводовъ запасныхъ и передъ сборными пунктами, крики отчаянія прерывались злобными замѣчаніями, направленными противъ виновниковъ войны. „Солдаты ведутъ себя вызывающе, сообщаютъ изъ Одессы, начальство предупредительно“. На всякое насиліе, на всякое безобразіе со стороны администраціи, запасные немедленно реагируютъ протестомъ, обыкновенно въ бурной формѣ. Въ Полтавѣ начальникъ станціи хотѣлъ заставить запасныхъ, отпущенныхъ на десять дней домой, ѣхать въ товарномъ поѣздѣ. Толпа бросилась на него съ криками: „что мы, свиньи, что ли? Хотимъ ѣхать, какъ всѣ люди“. Начальству пришлось стушеваться, и запасные сѣли въ пассажирскіе вагоны. Глупый офицеръ Люблинскаго полка въ Одессѣ рѣшилъ не выпускать запасныхъ изъ казармы. Сейчасъ же поднялся страшный шумъ, солдаты грозили разнести казарму, и прибывшему старшему офицеру пришлось уступить.

Крики: „долой войну, долой самодержавіе“ раздавались совершенно независимо отъ воздѣйствія революціонныхъ организацій. Такъ было передъ сборнымъ пунктомъ въ Одессѣ. Манифестаціи на вокзалѣ (см. корреспонденцію изъ Одессы въ этомъ номерѣ) прошли также безъ всякаго участія со стороны комитета. Вообще же отовсюду сообщаютъ о поразительномъ революціонизирующемъ вліяніи мобилизаціи и настоящей войны вообще. Тѣмъ, кому приходилось раньше слышать проповѣдь революціонера и у кого его слова до сихъ поръ оставались гдѣ-то за предѣлами сознанія, теперь, подъ вліяніемъ несчастья, глубоко задѣвшаго жизненные интересы самыхъ широкихъ массъ, сразу удается придать опредѣленную форму своему протесту: эти люди и разбираются въ причинахъ этого несчастья легко. И такихъ единицъ предыдущая, часто, на первый взглядъ, безплодная, работа нашихъ организацій создала не мало не только среди городского пролетаріата, но и среди крестьянства. Такъ, вездѣ понимаютъ, что война ведется царемъ и бюрократіей въ собственныхъ интересахъ. На вопросъ товарища, почему мы вою-

---

[1] Подъ этимъ заглавіемъ мы даемъ сводку многочисленныхъ полученныхъ нами корреспонденцій, преимущественно изъ южныхъ губерній.

койника Милльрана. Адлеръ не менѣе рѣшительно прибавилъ, что *нынѣшняя тактика Жорэса еще хуже, еще опаснѣе для пролетаріата*, а заключилъ свою рѣчь неожиданнымъ заявленіемъ, что не хочетъ никого осуждать такъ какъ никто изъ насъ не можетъ претендовать на непогрѣшимость. Я тогда не понялъ и до сей поры искренно недоумѣваю, какимъ образомъ преданный своему дѣлу соціалистъ, — а я никогда и на одну минуту не сомнѣвался въ томъ, что Адлеръ глубоко преданъ своему дѣлу, — можетъ отказаться *осудить* ту тактику, которую онъ самъ же находитъ вредной для пролетаріата. Если онъ не считаетъ себя въ правѣ осуждать, даже и въ этомъ случаѣ, то онъ, очевидно, держится евангельскаго правила: „не судите, да не судимы будете“. Но это правило, — проповѣдуемое нашими толстовцами, — хорошо развѣ только въ монастырѣ, а ужъ никакъ не въ средѣ людей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія классовой *борьбы*. Въ своей рѣчи въ коммиссіи, — рѣчи, которая, кстати сказать, была безбожно скомкана и исковеркана въ органѣ „лояльнаго“ Жорэса, „Humanité“, — я выразилъ именно это свое недоумѣніе. Адлеръ, возражая мнѣ, не нашелъ нужнымъ разъяснить его, а предпочелъ оправдываться отъ упрека въ оппортюнизмѣ. Когда я крикнулъ ему, что я не дѣлалъ такого упрека, онъ отвѣтилъ, что я высказалъ его печатно. Но это не вѣрно. Ни я и ни одинъ изъ сотрудниковъ „Искры“ никогда не писалъ ничего подобнаго. Осенью прошлаго года въ статьѣ, посвященной общему съѣзду австрійской соціальдемократіи, я высказалъ сожалѣніе о томъ, что Адлеръ занимаетъ слишкомъ неопредѣленное положеніе въ спорѣ между ревизіонистами и марксистами. Я и теперь столь же глубоко сожалѣю объ этомъ. Но, во первыхъ, *такое сожалѣніе было бы невозможно, еслибы я думалъ, что Адлеръ уже сдѣлался ревизіонистомъ*. А во-вторыхъ, умѣстно ли было поднимать въ коммиссіи вопросъ о томъ, что писалъ и какъ именно писалъ я объ Адлерѣ чуть не за годъ до амстердамскаго съѣзда? Нѣтъ, Адлеръ просто былъ раздраженъ, — можетъ быть вслѣдствіе смутнаго недовольства своей „поправкой“, — и это его раздраженіе обнаружилось какъ въ излишней мнительности, такъ и въ тѣхъ его неосторожныхъ словахъ, которыя дали мнѣ поводъ думать, что онъ, — *не желающій никого осуждать*, — выдвигаетъ противъ россійской соціальдемократіи бездоказательное обвиненіе. Именно онъ удивился что энергичнѣе всего отстаиваютъ дрезденскую резолюцію представители Россіи и Франціи, т. е. именно тѣхъ двухъ странъ, гдѣ соціалисты наиболѣе расходятся между собой по вопросамъ тактики. Тогда я крикнулъ ему: „между нашими марксистами *тактическихъ* разногласій не существуетъ“. На это онъ возразилъ: „Вамъ было очень легко достигнуть этого, выталкивая изъ партіи всѣхъ тѣхъ, которые не согласны съ вами“. Этотъ отвѣтъ вызвалъ громкій и радостный смѣхъ присутствовавшихъ въ коммиссіи оппортюнистовъ всѣхъ странъ; но такъ какъ изъ нашей партіи никто не былъ „вытолкнутъ“ за свои мнѣнія, то я, встрѣтившись съ Адлеромъ на другой день въ засѣданіи Международнаго Бюро, предложилъ ему назвать мнѣ жертвы нашей нетерпимости. Онъ сказалъ, *что ему совсѣмъ неизвѣстны такія жертвы и что его слова относились не къ намъ*. Тогда я попросилъ его повторить это передъ коммиссіей, на что онъ охотно согласился и что онъ исполнилъ въ тотъ же день. Я былъ удовлетворенъ, и я не сталъ бы возвращаться здѣсь къ этому непріятному эпизоду, еслибы центральный органъ австрійской партіи, — занесшій въ свой отчетъ о засѣданіяхъ политической коммиссіи тѣ слова Адлера, которыя были поняты мною въ вышеуказанномъ смыслѣ обвиненія, — не умолчалъ о томъ, какъ объяснилъ ихъ Адлеръ въ той же коммиссіи. Это умолчаніе вводитъ въ заблужденіе читателей вѣнской „Arbeiter Zeitung“, и я обращаю на него вниманіе Адлера, которому легко будетъ поправить дѣло какими-нибудь пятью строками.

Теперь вернемся въ засѣданіе съѣзда. Усилія оппортюнистовъ, пытавшихся отразить нашу аттаку посредствомъ проведенія „поправки“ Вандервельда-Адлера, не остались безплодными. Уже утромъ рѣшительнаго, историческаго дня, — 19 августа, — можно было замѣтить, что оппозиція противъ „дрезденской резолюціи“ возрастаетъ. Весь вопросъ былъ въ томъ, до чего она можетъ дорости. Оппортюнисты очень расчитывали на ораторскій талантъ Жорэса. Они много и горячо рукоплескали ему во время его рѣчи, а когда онъ кончилъ, сдѣлали ему настоящую овацію, при чемъ очень горячій восторгъ обнаружилъ возстающій противъ борьбы классовъ Киръ-Гарди, который, кстати сказать, ни слова не понимаетъ по французски. Рыбакъ рыбака видитъ издалека[1]...

Жорэсъ во всемъ мірѣ извѣстенъ, какъ замѣчательный ораторъ. Своей „формой“ рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ, очень понравились даже многимъ марксистамъ. Я не былъ въ ихъ числѣ. Мнѣ нравится лишь то краснорѣчіе, которое аѳиняне называли „*тощимъ*“, противопоставляя его „*жирному*“ краснорѣчію восточныхъ народовъ. А у Жорэса именно чрезвычайно „*жирный*“ ораторскій талантъ. Въ его рѣчахъ, украшенныхъ риторическими цвѣтами, незамѣтно крѣпкой мускулатуры *логики*. И этимъ недостаткомъ особенно сильно страдали рѣчи, произнесенныя имъ въ Амстердамѣ. Длинныя и широковѣщательныя, ноздреватыя и громкія, онѣ производили на меня почти комическое впечатлѣніе полнымъ несоотвѣтствіемъ очень бѣднаго содержанія съ крайне пышной формой. Послѣ второй его рѣчи въ коммиссіи кто-то, — кажется, Жэро-Ришаръ, — спросилъ меня, какъ я нахожу ее. Я отвѣтилъ, что я въ восторгѣ. — Въ самомъ дѣлѣ? — Честное слово! Да и нельзя мнѣ, марксисту, не восторгаться ею: вѣдь это самая лучшая изо всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ здѣсь *противъ* жорэсизма. — Какъ же это такъ? — Да очень просто. Во всей этой рѣчи нѣтъ ни одного слова о соціализмѣ. Это — рѣчь радикальнаго буржуа, горячо защищавшаго свою антиклерикальную программу и старающагося подкупить своихъ слушателей обѣщаніемъ микроскопическихъ соціальныхъ реформъ. Откровенно буржуазный Клемансо, навѣрно, говорилъ бы такъ же, какъ Жорэсъ“... — „Клемансо показалъ бы себя болѣе передовымъ человѣкомъ“, замѣтилъ стоявшій около насъ французскій товарищъ, должно быть, изъ марксистовъ. И онъ не ошибся: Клемансо говорилъ бы, въ самомъ дѣлѣ, радикальнѣе.

Этого недостатка своихъ амстердамскихъ рѣчей Жорэсъ не не могъ бы устранить, не переставъ быть Жорэсомъ. Но былъ въ нихъ и другой недостатокъ, обусловленный той взволнованностью, почти растерянностью, которую обнаружилъ „великій трибунъ“. „Это самая несчастная изъ всѣхъ рѣчей, когда либо имъ произнесенныхъ!“ — воскликнулъ одинъ изъ его „тайныхъ учениковъ“, послѣ его рѣчи въ засѣданіи съѣзда. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ: эта рѣчь отличалась поразительной безтактностью, чтобы не сказать больше. Жорэсъ вздумалъ обвинять германскую соціальдемократію... въ чемъ бы вы думали? Въ недостаткѣ *революціонной энергіи*! Этотъ упрекъ сдѣланъ былъ первосвященникомъ французскаго оппортюнизма, человѣкомъ, который вдохновлялъ Милльрана, дружитъ съ Бернштейномъ, поддерживаетъ Турати и всегда готовъ протянуть братскую руку помощи всѣмъ *анти-революціоннымъ* элементамъ всѣхъ соціалистическихъ партій всего цивилизованнаго міра! Это было и неумно, и безполезно, потому что только сердило нѣмцевъ и, — чего добраго! — могло сбить съ толку делегаціи, поддерживавшія Жорэса именно за *анти-революціонный* характеръ его политической программы. C'etait une grande gaffe! какъ говорятъ французы.

Нѣсколько болѣе ловкимъ, хотя столь же не [illegible] лояльнымъ“ маневромъ „лояльнаго“ Жорэса былъ его упрекъ [illegible] Бебелю и Гэду въ томъ, что они равнодушны къ республикѣ. [illegible] излишне пояснять читателю, имѣющему понятіе объ отно[illegible]ніи марксистовъ къ политикѣ и знакомому съ дѣятельност[illegible] Гэда и Бебеля, что ни тотъ, ни другой вовсе не обнаружи[illegible]ли такого равнодушія. Бебель прямо сказалъ, что онъ з[illegible]идуетъ французамъ, имѣющимъ республиканскія учрежде[illegible]. Но онъ напомнилъ Жорэсу, что республика, существующая во Франціи, есть *буржуазная* республика, относящаяся къ требованіямъ рабочихъ иногда болѣе отрицательно, чѣмъ *даже* полу-феодальная германская имперія. Подобное напоминаніе могло быть непріятно для человѣка, который, подобно Жорэсу, не перестаетъ славословить буржуазную республику и изображать, какъ великія и богатыя милости, тѣ жалкіе проекты жалкихъ соціальныхъ реформъ съ помощью которыхъ французскіе буржуазные республиканцы убаюкиваютъ французскій пролетаріатъ; но это напоминаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ, и тутъ приходится сказать, какъ Крыловъ: „неча на зеркало пенять, коль рожа крива“. Что сдѣлала до сихъ поръ для рабочаго класса та республика, которая, въ лицѣ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ правителей своихъ, увѣряла, что вступленіе соціалиста въ буржуазное министерство *необходимо для ея спасенія*! Если не считать ничтожныхъ частностей, — безконечно малыхъ заплатъ на жалкомъ рубищѣ буржуазной „соціальной политики“, — то реформы, придуманныя правительствомъ „республиканской самообороны“, до сихъ подъ не вышли изъ области проектовъ и обѣщаній. И какихъ проектовъ, какихъ обѣщаній! Самымъ серьезнымъ изъ нихъ является обѣщаніе крохотныхъ, — поистинѣ нищенскихъ, — пенсій рабочимъ, достигшимъ 65-ти лѣтняго возраста. Но современное положеніе пролетаріата таково, что лишь самое незначительное число пролетаріевъ достигаетъ этого возраста; поэтому сознательные французскіе рабочіе чрезвычайно мѣтко прозвали сей изумительно великодушный проектъ *проектомъ пенсій мертвецамъ*. Такова была главная „реформа“, которую *обѣщала посулить* рабочему классу французская буржуазная республика и на которую чувствительно намекалъ краснорѣчивый Жорэсъ, защищая свою тактику. Презрительно пожимая плечами по поводу такой щедрости, — поистинѣ достойной Плюшкина, — революціонные соціальдемократы отнюдь не защищаютъ монархіи: они только обнаруживаютъ нелѣпость той идеализаціи буржуазной республи емъ, кіевскій мужикъ съ негодованіемъ восклицаетъ: „Какъ, *мы* воюемъ? Царь это воюетъ, бо онъ дурный. А намъ не къ чему китайская земля, такъ на кой чертъ намъ-то воевать?“ На полтавскомъ вокзалѣ запасной, обругавъ попавшаго ему на глаза чиновника, обращается къ сосѣду: „пусть бы только посмѣлъ пикнуть, я бы ему показалъ; *вѣдь, за него я иду кровь проливать!*“ Характерно также повсемѣстное недовѣріе къ сообщеніямъ и обѣщаніямъ правительства. Въ Севастополѣ, внимательно прослушавъ чтеніе телеграммъ, мужикъ замѣчаетъ: „Японцевъ все бьютъ, а наши валятся“. Архангельскіе запасные „читали, что Куропаткинъ хорошо отступаетъ, только не думаютъ, чтобъ это была правда“.

---

[1] Изъ лагеря нашихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ тоже было послано по адресу Жорэса нѣсколько очень сердечныхъ рукоплесканій. Въ моей записной книжкѣ отмѣчено, какія именно мѣста его рѣчи вызвали эти рукоплесканія. Я готовъ подѣлиться этими отмѣтками съ „*Революціонной Россіей*“.

Правительство, съ своей стороны, прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы мобилизація возможно шире открыла населенію глаза на его полную неспособность. Дезорганизація, „неподготовленность“, произволъ, продажность — всѣ эти качества русской администраціи еще и еще разъ проявились въ полномъ блескѣ въ самой постановкѣ этого дѣла. За исключеніемъ Сибири и Урала, повсюду мобилизація была частичная: т. е. подъ ружье призывался не весь наличный контингентъ запасныхъ данной мѣстности, а лишь такое ихъ количество, которое нужно было для пополненія кадровъ отправляемыхъ воинскихъ частей. Какимъ планомъ руководствовались власти при рѣшеніи вопроса, кого брать, а кого оставить? Можетъ быть, оставляли болѣе старыхъ и слабыхъ, болѣе обремененныхъ семьей? Ничуть не бывало. Отовсюду пишутъ, что на войну гонятъ людей, убѣленныхъ сѣдинами, мѣстами брали даже лицъ старше предѣльнаго возраста. Изъ Николаева пишутъ, что „забираютъ слѣпыхъ и хромыхъ“; отцы многочисленныхъ семействъ, особенно въ чертѣ осѣдлости, составляютъ значительную часть призванныхъ. „Были случаи, сообщаютъ изъ Бессарабіи, когда подъ ружье пришлось становиться отцамъ семерыхъ дѣтей; 4, 5 и 6 ребятишекъ, оставшихся безъ кормильца, нормальное явленіе“. Въ то же время малосемейные и бездѣтные нерѣдко оставались дома. Какія случайности рѣшали судьбу имѣвшихъ несчастіе числиться въ запасѣ, показываетъ слѣдующій фактъ: въ Полтавской губ. изъ одной волости взяли 280 чел., а изъ сосѣдней — 10, потому что первая раньше явилась на сборный пунктъ. Случайная отлучка изъ дому въ день призыва избавляла отъ бѣды. Сыграли свою обычную роль и взятки: о фактахъ такого рода сообщаютъ изъ Одессы: въ Севастополѣ нѣсколькимъ запаснымъ флота, уже назначеннымъ на новые, купленные у Германіи крейсера, удалось откупиться, и на ихъ мѣсто пошли другіе. Собирая въ уѣздные города по нѣсколько тысячъ запасныхъ, кажется, нетрудно было предвидѣть, что эта масса народу потребуетъ большого количества провіанта и принять соотвѣтствующія мѣры. Между тѣмъ, всюду запаснымъ пришлось голодать, не исключая даже такихъ городовъ, какъ Одесса и Екатеринославъ. Солдатъ или держали на никуда негодной и недостаточной казенной пищѣ, или же выдавали по нѣсколько копѣекъ въ день на брата, предоставляя кормиться, какъ знаютъ. Если прибавить, что торговцы почти вездѣ закрывали лавки при появленіи въ городѣ запасныхъ, неудивительно, что голодъ приводилъ нерѣдко къ безпорядкамъ и буйствамъ. Этимъ, напр., въ значительной степени объясняются погромы въ Екатеринославѣ, Верхнеднѣпровскѣ и Александріи. Въ Верхнеднѣпровскѣ, чтобы предупредить волненія голодающей трехтысячной толпы, власти сочли себя вынужденными половину разослать на нѣсколько дней до отправки назадъ по деревнямъ *для прокормленія*. Еще хуже пришлось защитникамъ отечества въ дорогѣ: не имѣя для нихъ въ запасѣ никакихъ средствъ передвиженія, кромѣ скотскихъ вагоновъ (40 человѣкъ — 8 лошадей), власти не потрудились снабдить эти послѣдніе хотя бы самыми необходимыми приспособленіями: не было печей, не было даже соломы для подстилки. Въ холодные, дождливые осенніе дни запасные мерзли на голомъ полу, со всѣхъ сторонъ обдуваемые пронизывающимъ вѣтромъ. О пищѣ и тутъ не позаботились; ничего не было ни въ поѣздахъ, ни на станціяхъ; на кормовыя деньги, понятно, еще меньше добудешь въ дорогѣ, чѣмъ въ городѣ. Мудрено ли, что средствомъ пропитанія, въ концѣ концовъ, являлся грабежъ? Запаснымъ, вопреки всѣмъ законамъ, приходилось отправляться въ путь въ своей одеждѣ и сапогахъ. Ничего приготовлено не было. Въ Архангельскѣ шутили по этому поводу: „ничего, босикомъ легче будетъ отступать“. Семьямъ ушедшихъ на войну не выдается никакихъ пособій или таковыя назначаются въ ничтожныхъ до смѣшного размѣрахъ: напр., на цѣлую семью *въ Одессѣ* 4 р. въ мѣсяцъ. Обязанность содержать осиротѣлыхъ по, его винѣ, женщинъ и дѣтей правительство пытается свалить на крестьянъ; такъ, въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, узнавъ, что запасные волнуются по поводу предстоящей ихъ роднымъ судьбы, полиція стала объѣзжать села и старалась заставить сходы постановить приговоры о содержаніи покинутыхъ семей.

Страшное раздраженіе вносили нѣкоторыя, особенно нелѣпыя и оскорбительныя распоряженія отдѣльныхъ администраторовъ. Выше уже были упомянуты случаи на полтавскомъ вокзалѣ и въ Люблинскомъ полку. Въ той же Полтавѣ какой-то звѣрь устроилъ слѣдующее издѣвательство: провожавшія женщины страшно шумѣли и не хотѣли отходить отъ вагоновъ. Тогда имъ предложили занять два пустыхъ вагона въ концѣ поѣзда и проводить родныхъ до Харькова. Вмигъ, понятно, вагоны эти были набиты биткомъ. Поѣздъ тронулся, но прошелъ только версту, и вагоны съ несчастными женщинами, дѣтьми, не успѣвшими даже попрощаться, были отцѣплены и брошены на полотнѣ. На станціи Христиновка Ю.-З. Ж. Д. жандармъ запретилъ торговкѣ продавать солдатамъ хлѣбъ, въ видѣ наказанія за ихъ буйства, за что и былъ, разумѣется, избитъ. Не издѣвательствомъ ли было распоряженіе Одесскихъ властей отправить партію запасныхъ, состоящую почти исключительно изъ евреевъ, въ судный день?

Горе, страхъ смерти, голодъ, злоба и раздраженіе ищутъ выхода. И несчастная, забитая самодержавнымъ гнетомъ и не затронутая политической проповѣдью масса нерѣдко проявляла свой протестъ въ самыхъ дикихъ и реакціонныхъ формахъ. Мы имѣемъ въ виду еврейскіе погромы и грабежи, произведенные запасными во многихъ мѣстахъ. Погромы имѣли мѣсто въ Екатеринославѣ, Верхнеднѣпровскѣ Екат. губ., Александріи и м. Знаменкѣ Херсон. губ. Въ Екатеринославѣ разбиты были лавки и нѣкоторые частные дома, были раненые. Въ Знаменкѣ пострадало только имущество главнымъ образомъ еврейскихъ торговцевъ. Въ Александріи и Верхнеднѣпровскѣ подверглись разгрому только немногія лавки: въ первой болѣе крупныя, въ второмъ, наоборотъ, бѣднѣйшія. Въ Александріи произошло еще столкновеніе, кончившееся разгромомъ синагоги и нанесеніемъ ранъ нѣкоторымъ молящимся, вызванное выстрѣломъ еврея, защищавшаго лавки. На юго-западныхъ дорогахъ запасные разбивали станціонные буфеты, грабили всѣхъ пассажировъ, а во время большихъ остановокъ отправлялись въ прилегающія части городовъ и мѣстечекъ и производили грабежъ у мѣщанъ. Такъ, сильно пострадали станціи Христиновка и Бѣлая Церковь, а также мѣстечки того же имени. Интересно отмѣтить полную растерянность властей въ этихъ случаяхъ и отсутствіе какого нибудь единства въ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ, въ то время, какъ въ Александріи къ концу погрома явились казаки и произвели сильное избіеніе, а въ Верхнеднѣпровскѣ казаки, выписанные на средства богатыхъ евреевъ, прибыли еще до начала погрома¹), въ Екатеринославѣ буйствующей толпѣ была дана полная воля, и единственное, что начальство предприняло, это — старалось поскорѣе выпроводить запасныхъ на войну. На станціяхъ полиція также бездѣйствовала и вмѣшивалась только тогда, когда запасные грозили разнести самыя станціонныя зданія. При оцѣнкѣ этихъ грустныхъ явленій нельзя забывать, что всѣ безчинства производились толпой, доведенной до полнаго безумія горемъ и лишеніями. Всѣ описанія погромовъ начинаются съ упоминанія о томъ, что запаснымъ нечего было ѣсть; о положеніи находящихся въ пути мы упоминали выше. Интересно, какъ возникъ погромъ въ Знаменкѣ. Подъ вечеръ прибылъ поѣздъ съ 500 запасными; ѣды у нихъ не было никакой. Направились въ буфетъ, который, вслѣдствіе предусмотрительности содержателя, оказался совершенно пустымъ. Разъяренная толпа, разбивъ въ щепы залъ третьяго класса, двинулась въ мѣстечко и разбила ближайшую пекарню какого-то турка. Утоливъ первый голодъ, солдаты вернулись на станцію и, вызвавъ коменданта, потребовали отъ него пищи. Онъ обѣщалъ имъ накормить ихъ на утро, чего, однако, не исполнилъ. Тогда только запасные опять направились въ мѣстечко и, по кѣмъ-то данному сигналу: „бей жидовъ“, принялась за разгромъ еврейскихъ лавокъ и домовъ. Свою роль сыграла, несомнѣнно, психологія приговореннаго къ смерти, которую отмѣчаютъ почти всѣ корреспонденты; кое у кого, быть можетъ, даже мелькала тайная надежда попасть въ тюрьму и этимъ избавиться отъ необходимости итти на бойню. Что касается спеціально еврейскихъ погромовъ, то тутъ, къ сожалѣнію, приходится отмѣтить подчеркиваемый нѣкоторыми изъ писемъ фактъ, что бѣгство очень большого числа евреевъ отъ призыва (въ одномъ Екатеринославѣ 600 чел.) вызвало, (конечно, на фонѣ традиціонной вражды къ иновѣрцамъ) сильное раздраженіе противъ ни въ чемъ неповинныхъ оставшихся ихъ соплеменниковъ. Надо полагать также, что дѣло не обошлось безъ подстрекательства мелкой полицейской сошки, до ушей которой не дошли отзвуки европейскаго негодованія, наложившаго нѣкоторую узду на высшихъ руководителей „Кишиневскаго курса“, и которая не успѣла еще проникнуть во всѣ изгибы новой „диктатуры сердца“. И при всемъ томъ, кромѣ Екатеринослава, безпорядки не были направлены противъ *личности* евреевъ. Соціальдемократическій отрядъ обороны нашелъ, что ему нечего дѣлать въ Александріи, въ виду своеобразнаго характера „погрома¹). Важнѣе всего, однако, тотъ фактъ, что всѣ эти буйства происходили тамъ, гдѣ не было сдѣлано *ни малѣйшей попытки* внести лучъ революціоннаго сознанія въ темное царство отчаянія. Наоборотъ, вездѣ, гдѣ наши товарищи успѣли или сумѣли сдѣлать хоть что-нибудь въ этомъ направленіи, озлобленіе народа принимало совершенно опредѣленную форму протеста противъ правительства, и, во всякомъ случаѣ, не было и помину о какихъ бы то ни было еврейскихъ погромахъ или просто безчинствахъ. Помѣщенныя въ этомъ номерѣ корреспонденціи изъ Маріуполя и Елисаветграда покажутъ читателю, что даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (въ Маріуполѣ, напр., не хватало литературы и не могла имѣть мѣста устная агитація) усилія направить потокъ негодованія массъ противъ ихъ истиннаго врага вѣнчались успѣхомъ. Особенно интересно отмѣтить, что въ Елисаветградѣ, и при томъ среди крестьянъ, удалось завоевать сочувствіе идеѣ отказа идти на войну, и даже частично провести эту идею въ жизнь. Этотъ фактъ долженъ бы заставить задуматься работниковъ соціальдемократіи. Въ Одессѣ, несмотря на полное отсутствіе иниціативы у мѣстныхъ организацій, отправка запасныхъ сопровождалась самопроизвольными, если можно такъ выразиться, политическими манифестаціями. Это, а равно и то обстоятельство, что и здѣсь, и въ Николаевѣ, (а оба эти города, какъ извѣстно, благодаря многочисленному Lumpenproletariat'у, издавна являли благопріятную почву для погромовъ) мобилизація сошла совершенно благополучно для евреевъ, объясняется распространеніемъ листковъ во время сбора запасныхъ. Очевидецъ погрома въ Александріи выражаетъ глубокую увѣренность въ томъ, что, вмѣшавшись своевременно въ ходъ событій, ничего не стоило бы придать стихійному волненію форму протеста противъ правительства.

Собранныя въ этой замѣткѣ данныя, какъ намъ кажется, ясно свидѣтельствуетъ о необычайно сильномъ вліяніи войны и мобилизаціи на политическое сознаніе и, еще болѣе того, на политическое настроеніе народа. Годы агитаціи не могли бы вызвать такого броженія, въ такой степени поколебать престижъ самодержавія, какъ это сдѣлала неумолимая логика событій втеченіе немногихъ мѣсяцевъ. Фактъ этотъ бьетъ въ глаза всякому внимательному наблюдателю происходящихъ въ Россіи событій; и неудивительно, что авторы писемъ, послужившихъ матеріаломъ для этихъ строкъ, въ слѣдующихъ, быть можетъ, нѣсколько преувеличенныхъ выраженіяхъ формулируютъ итоги видѣннаго ими: „революція дышетъ въ народѣ; онъ ждетъ призыва...“, „завтра революція въ Россіи“... „Господи, да неужели же это начало конца?“

Да, народъ ждетъ призыва. Ждетъ... но не слышитъ его. Организаціи наши, къ сожалѣнію, не сдѣлали почти ничего. Кромѣ упомянутыхъ выше городовъ, ни откуда не сообщаютъ даже о распространеніи листковъ въ дни мобилизаціи, устная агитація отсутствуетъ совершенно. А между тѣмъ, какихъ болѣе благопріятныхъ условій для нашей работы ждать? Пора положить конецъ этому ненормальному положенію вещей! Пора „встряхнуться“ и активной, умѣлой работой наверстать въ возможно короткое время то, что мы потеряли за этотъ недолгій періодъ относительнаго политическаго застоя!

---

[1] Вотъ почему тамъ пострадали только немногія и при томъ бѣдныя лавки.

[1] См. корреспонденцію изъ Кременчуга. Впрочемъ, въ послѣдній моментъ получены свѣдѣнія, согласно которымъ погромъ въ Александріи носилъ болѣе серьезный характеръ: пишутъ что разнесены почти всѣ еврейскіе дома и магазины, и было двое убитыхъ и тяжело раненые.

которой предаются Жорэсъ и другіе сторонники „новаго метода“¹).

Марксъ давно и вполнѣ правильно сказалъ, что республика есть наиболѣе благопріятная для пролетаріата форма правленія, потому что въ ней достигаетъ наибольшаго развитія борьба этого класса съ буржуазіей. И этого, конечно, не позабылъ ни Гэдъ, ни Бебель. Но если, при наличности капиталистическихъ производственныхъ отношеній, республика является однимъ изъ самыхъ важныхъ политическихъ условій освобожденія рабочаго класса, то ясно, что буржуазная республика не можетъ быть въ глазахъ соціалиста *цѣлью*: она — только *средство* для достиженія цѣли: *соціальной революціи*. И именно потому, что буржуазная республика есть *средство*, а не *цѣль*, соціалисты *обязаны критиковать ее* для того, чтобы развивать *революціонное* самосознаніе рабочихъ. А Жорэсъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: онъ превращаетъ буржуазную республику изъ *средства* въ *цѣль* и приходитъ въ забавное негодованіе, когда сторонники революціоннаго соціализма возстаютъ противъ такого превращенія.

Правда, Жорэсъ также имѣетъ революціонныя симпатіи, но революція, пользующаяся *его* симпатіями, есть *буржуазная* французская *революція* конца восемнадцатого вѣка. Этой революціей были исчерпаны *революціонныя* задачи цивилизованнаго человѣчества: рабочему классу остается добиваться только *реформъ, развивая дальше основные принципы великой буржуазной революціи*. Этотъ до нельзя ошибочный взглядъ былъ положенъ Французской Соціалистической Партіей въ основу своей программы, написанной Жорэсомъ и изображающей соціализмъ простымъ придаткомъ къ либерализму; и тѣмъ же взглядомъ подсказывались всѣ амстердамскія разсужденія Жорэса. Но само собою понятно, что революціонная соціальдемократія не можетъ помириться съ этимъ взглядомъ, не подписавъ себѣ смертнаго приговора. Въ этомъ смыслѣ я и сказалъ въ первомъ очеркѣ, что въ Амстердамѣ споръ шелъ о томъ, быть или не быть революціонному соціализму.

Много трубилъ и отчасти еще трубитъ „лояльный“ Жорэсъ на ту тему, будто Гэдъ объявилъ невозможнымъ умственное освобожденіе пролетаріата въ современномъ обществѣ. Но это опять „лояльный“ пріемъ спора. Въ только что названномъ грѣхѣ Гэдъ также мало виновенъ, какъ и въ равнодушіи къ республикѣ²). Онъ только сказалъ, что отдѣленіе церкви отъ государства *еще не избавитъ человѣчества отъ религіозныхъ предразсудковъ*: въ доказательство онъ сослался на Америку, а потомъ прибавилъ, что *полное освобожденіе человѣчества отъ этихъ предразсудковъ совершится только послѣ соціалистической революціи, когда рай будетъ устроенъ на землѣ, и когда людямъ не будетъ надобности мечтать о раѣ небесномъ*. Эта послѣдняя мысль также давно уже была высказана Марксомъ, а теперь, — почти совсѣмъ на этихъ дняхъ, — была повторена въ резолюціи римскаго *международнаго съѣзда свободныхъ мыслителей*. Органъ Жорэса „L'Humanité“ крайне сочувственно встрѣтилъ римскую резолюцію; но онъ до сихъ поръ не можетъ примириться съ „сектантскимъ“ взглядомъ Гэда. Чѣмъ объясняется эта разница? Только тѣмъ, что римскій съѣздъ дѣлалъ шумные комплименты главѣ нынѣшняго французскаго министерства Комбу, а Гэдъ не обнаруживаетъ нималѣйшей склонности къ этому занятію. О, „лояльность“!!

Почти передъ самымъ голосованіемъ нѣмецкая делегація предложила, съ согласія Соціалистической Партіи Франціи, замѣнить въ „дрезденской резолюціи“ слово: „осуждаетъ“ словомъ: „отвергаетъ“ Теперь „поправка“ Адлера-Вандервельда теряла, повидимому, всякій смыслъ. Но въ томъ и дѣло, что „дрезденская резолюція“ смущала оппортюнистовъ вовсе не „осужденіемъ“. При голосованіи *за* „*поправку*“ Адлера-Вандервельда было подано столько же голосовъ, сколько и *противъ нея*. Счастье было такъ близко, такъ возможно! Перейди на право еще одна нація изъ числа колебавшихся, и для оппортюнизма была бы приготовлена такая щель, черезъ которую онъ мало по малу опять втащилъ бы весь свой багажъ въ соціалистическую практику. Международные оппортюнисты до сихъ поръ не могутъ утѣшиться и все ищутъ виноватаго. Недавно „La petite République“ (органъ оппортюниста изъ оппортюнистовъ Жеро Ришара) обрушилась на Катаяму, находя, что ему слѣдовало ѣхать не въ Амстердамъ, а въ японскую дѣйствующую армію и драться съ русскими. Эта невѣроятная нелѣпость есть лишь новое, изуродованное изданіе соображенія, высказаннаго въ Амстердамѣ Анзееломъ, который въ своей рѣчи 19-го августа посовѣтовалъ представителямъ Японіи, Россіи, Польши, Болгаріи и Испаніи *воздержаться отъ подачи голоса* по вопросу о правилахъ соціалистической политики, такъ какъ, видите-ли, въ этихъ странахъ слишкомъ мало развита политическая жизнь. Катаяма, Роза Люксембургъ, я, болгаринъ Раковскій и испанецъ Иглезіасъ тотчасъ же по окончаніи рѣчи Анзееле обратились къ съѣзду съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ энергично протестовали противъ этой „*попытки раздѣлить его участниковъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ и устроить нѣчто въ родѣ концерта великихъ державъ по вопросамъ, касающимся всего международнаго соціализма*“. Въ центральномъ органѣ германской соціальдемократіи отмѣчено, что съѣздъ сочувственно отозвался на нашъ протестъ. Иначе и быть не могло: вѣдь на съѣздѣ преобладали не оппортюнисты, а революціонеры.

Что касается въ частности движенія россійскаго пролетаріата, то мы можемъ сказать тов. Анзеелю, что это движеніе, — какъ факторъ прогресса въ Россіи, *а черезъ Россію, и во всей Европѣ*, — несравненно важнѣе, чѣмъ тотъ картофель и тѣ ковриги хлѣба, которыми онъ, въ своемъ чрезмѣрномъ увлеченіи кооперативными товариществами, собирался когда то „бомбардировать капиталистическое общество“. Qu'il se tienne pour averti!

Такъ какъ *за* „поправку“ было подано столько же голосовъ, сколько и *противъ нея*, то она была отклонена. Вслѣдъ за ней очередь дошла до „дрезденской резолюціи“, которая и была принята большинствомъ 28 голосовъ противъ 5. Делегаціи Аргентинской республики, Бельгіи, Даніи, Швеціи, Голландіи и Швейцаріи воздержались отъ голосованія. Соціалистическая Гора побѣдила соціалистическую Жиронду, причемъ многіе тайные ученики опять, какъ видимъ, покинули Жорэса.¹)

Громкія, долго несмолкавшія рукоплесканія привѣтствовали эту побѣду международной революціонной соціальдемократіи надъ революціоннымъ оппортюнизмомъ.

Кстати о ревизіонистскихъ стремленіяхъ, „отвергнутыхъ“ бывшей *дрезденской*, а нынѣ *амстердамской* резолюціей. Эти стремленія проявились, какъ извѣстно, *не только въ практической* области, но также и *въ области теоріи*: достаточно напомнить литературную дѣятельность г. г. Бернштейна и Давида. Наши „соціалисты-революціонеры“, если не во всѣхъ, то въ очень многихъ и весьма существенныхъ отношеніяхъ сочувствовали теоретическимъ подвигамъ этихъ господъ. Какъ же могли они голосовать за „дрезденскую резолюцію“? Разрѣши, мудрый Эдипъ!

Послѣ того, какъ принята была въ коммиссіи дрезденская резолюція, Бебель, Каутскій, Ферри, Адлеръ, Вандервельдъ и Трульстра предложили, какъ естественное добавленіе къ ней, резолюцію, гласящую, что въ каждой странѣ должна быть *одна* соціалистическая партія, подобно тому, какъ есть *только одинъ пролетаріатъ*. Г. Рубановичъ заявилъ по этому случаю, что онъ голосовалъ бы за объединеніе съ нами, еслибы мы отмѣнили касающуюся соціалистовъ-революціонеровъ резолюцію нашего второго съѣзда. Этого заявленія его никто изъ иностранцевъ не понялъ и никто на него не обратилъ вниманія: не до него тогда было. Но неужели г. Рубановичъ вправду вообразилъ, что „*резолюція объ единствѣ*“ хоть сколько нибудь касается его партіи? Совсѣмъ же нѣтъ! Резолюція имѣетъ въ виду *пролетарскія* партіи, къ числу которыхъ „соціалисты-революціонеры“, какъ это всѣмъ у насъ извѣстно, *не принадлежатъ*.

Единогласно принятая *съѣздомъ* резолюція объ единствѣ принесетъ большую пользу французскому пролетаріату. Жорэсъ много лѣтъ, не переставая, кричалъ о необходимости объединенія; не угодно-ли ему теперь объединиться съ партіей Гэда-Вальяна... на почвѣ амстердамской резолюціи, *такъ рѣшительно отвергнувшей оппортюнизмъ?*

Г. Плехановъ.

---

[1] Страстная любовь къ *республикѣ* не мѣшаетъ Жорэсу оставаться единомышленникомъ Бернштейна, — республиканизмъ котораго показалъ себя съ *весьма сомнительной стороны* въ извѣстной полемикѣ прошлаго года, — и Турати, который, въ свою очередь такъ близокъ съ *королевскимъ* министромъ Джіолитти. Она не мѣшаетъ ему также быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ бельгійскими оппортюнистами, взывавшими къ *безпристрастію короля* во время своей недавней борьбы за равное избирательное право. Въ этой кажущейся непослѣдовательности есть своя желѣзная логика, которая состоитъ въ томъ, чтобы всегда и вездѣ *подлаживаться* къ существующему порядку!

[2] Въ газетѣ Клемансо „L'Aurore“ Гэдъ пояснилъ, что, говоря въ Амстердамѣ о республикѣ, онъ лишь повторилъ (приведенный мною выше) взглядъ Маркса, но „лояльный“ Жорэсъ твердитъ свое: это ему *выгодно*.

[1] Воздержавшись отъ голосованія, голландская делегація нарушила постановленіе послѣдняго съѣзда голландской соц.-дем. партіи, рѣшившаго голосовать за дрезденскую резолюцію. Мнѣ извѣстно, впрочемъ, что *меньшинство* голландской делегаціи состояло изъ горячихъ сторонниковъ этой резолюціи.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Съ Дальняго Востока. (Изъ частныхъ писемъ). „Пришли хоть немножко денегъ, живется очень плохо, написалъ бы подробнѣе, да не велятъ“.

„Стоимъ вблизи Ляояна. Бой рѣшительный будетъ на дняхъ, проси своихъ знакомыхъ, не пожертвуютъ ли отъ своихъ трудовъ, кто, что можетъ, изъ бѣлья для солдатъ изъ нашей батареи. Солдатики всѣ, бѣдные, оборвались, ходятъ почти голые. Двѣ недѣли пьемъ чай безъ сахару. Бѣлаго хлѣба не видимъ уже мѣсяца два. Чернаго хлѣба за два мѣсяца получили раза четыре, а то все сухари.“

„...Когда солдаты на станціи Манджурія вышли изъ поѣзда, среди нихъ поднялся ропотъ на плохую пищу и усилился до такихъ размѣровъ, что собственное начальство не могло ихъ успокоить. Пришлось вызвать коменданта, двухъ жандармскихъ офицеровъ и еще нѣсколько военныхъ, и сообща, обѣщаніями и просьбами, съ трудомъ успокоили публику.

Болѣе интересный случай наблюдалъ я на ст. Борзя. Во время остановки воинскаго поѣзда, когда солдатъ высадили на платформу, изъ вагона вышелъ офицеръ, вызвалъ изъ строя солдатика и спросилъ: „ты говорилъ, что васъ плохо кормятъ?“. Получивъ утвердительный отвѣтъ, началъ его усовѣщевать, что, дескать, государь о нихъ заботится, а они не чувствуютъ благодарности. А затѣмъ былъ поставленъ слѣдующій вопросъ. „А правда, ты распускаешь слухи, что даже собакъ у государя лучше кормятъ, чѣмъ васъ?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта основательное распеканіе, а затѣмъ ко всѣмъ обращенный вопросъ: „довольны вы, братцы, пищей?“ Не смотря на троекратное повтореніе вопроса, отвѣта не послѣдовало. Смущенный командиръ скомандовалъ „вольно“, спрятался въ вагонъ, и я его до отхода поѣзда больше не видалъ.

Маріуполь. Мобилизація (частичная, пѣхоты не брали) удивительнымъ образомъ революціонизировала населеніе. Въ самыхъ патріотическихъ слояхъ, какъ слободское мѣщанство, заговорили совершенно другимъ языкомъ, подъ вліяніемъ бѣдствія, затронувшаго его непосредственно. Оно перестало вѣрить и въ „побѣды“ подъ Ляояномъ и въ „побѣдоносное“ отступленіе Куропаткина. Рабочая же масса высказывалась совершенно опредѣленно: „гдѣ демократы? Чего нѣтъ листковъ?“ и т. д. Патріоты изъ рабочихъ, посылавшіе царю поздравленіе, собиравшіе на Красный Крестъ, потеряли всякій кредитъ у массы. Подготовилась, такимъ образомъ, чудная почва для агитаціи. Къ сожалѣнію, мы не могли удовлетворить требованій, предъявленныхъ намъ. Лишь на второй день мобилизаціи была распространена прокламація „Ко всѣмъ запаснымъ“ въ очень ограниченномъ количествѣ; (въ серединѣ августа эти же листки распространялись на ярмаркѣ и въ городѣ); вести же устную агитацію, по нѣкоторымъ причинамъ, нельзя было. Все же на сборномъ пунктѣ (въ городѣ), намъ удалось устроить маленькую демонстрацію. Второго сентября рабочіе-запасные и провожавшіе шли съ революціонными пѣснями по улицамъ Торговой и Таганрогской. Въ этотъ же день все утро по городу раздавались революціонныя пѣсни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльные возгласы: „долой самодержавіе!, „долой войну!. Къ часамъ десяти утра удалось сгруппировать нѣкоторыхъ заводскихъ рабочихъ на улицѣ, гдѣ находится воинское присутствіе. Здѣсь толпа человѣкъ въ 200, минутъ 20 пѣла революціонныя пѣсни, кричала „долой милитаризмъ“, „самодержавіе“ и т. п. Затѣмъ одинъ товарищъ прочелъ прокламацію „Ко всѣмъ запаснымъ“. Толпа слушала, затаивъ дыханіе, боясь проронить хоть одно слово. Изъ толпы то и дѣло раздавалось: „правда, все правда“. Въ это время начала подходить полиція. Еще разъ пропѣта марсельеза, еще разъ революціонныя пѣсни и собраніе расходится. Вѣсть о происшедшемъ моментально облетѣла весь городъ. Къ вечеру изъ устъ въ уста переходила молва о „бунтѣ“, который устроили соціалисты. Настроеніе среди городскихъ рабочихъ, а въ особенности на заводахъ, приподнятое.

За работой на гуляньи обсуждаются рабочими подробности демонстраціи. Марсельезу поютъ теперь всѣ, а остальныя пѣсни просятъ другъ у друга. Усилился спросъ на литературу. Къ сожалѣнію, и теперь мы не можемъ удовлетворить всѣхъ; къ сожалѣнію, использовать настроеніе до конца у насъ не хватаетъ силъ.

Одесса. Отправку перваго эшелона войскъ, состоявшаго почти исключительно изъ евреевъ, администрація пріурочила къ „судному дню“, въ томъ разсчетѣ, что въ этотъ день еврейское населеніе будетъ сидѣть по домамъ и, слѣдовательно, все сойдетъ спокойно. Раввинъ спеціально ѣздилъ къ градоначальнику просить объ отсрочкѣ на одинъ день, но въ отвѣтъ получилъ только циническое: „Богъ проститъ“. Однако, разсчетъ мудрыхъ политиковъ не оправдался. Ко времени отправки вокзалъ и прилегающая площадь были заняты огромной толпой. Настроеніе взвинченное. Какой-то жандармъ не хотѣлъ пропустить жену запасного на платформу и при этомъ толкнулъ ее. Окружающіе, какъ одинъ человѣкъ, встали на защиту женщины, и жандармъ былъ порядочно избитъ. Напряженіе усиливалось. Запасные не хотѣли входить въ вагоны (скотскіе, наскоро приспособленные для солдатъ) и ихъ приходилось вталкивать силой. Стоны и плачъ стояли въ воздухѣ. Вдругъ толпа высыпала на полотно и загородила дорогу поѣзду. Рыданія покрылись громовыми криками: „долой войну“, „да здравствуетъ миръ“, „мы хотимъ мира съ Японіей“, „долой самодержавіе“. Увѣщанія не дѣйствовали. Спѣшно была вызвана сотня казаковъ, которая, вмѣстѣ съ раньше уже заготовленнымъ отрядомъ солдатъ, бросилась въ аттаку нагайками и прикладами; однако, толпа оказала упорное сопротивленіе, вырывала у нападающихъ оружіе и нанесла имъ немалый уронъ. Начальникъ тяги, пробравшійся на паровозъ, проявилъ усмирительное рвеніе и пытался помочь войскамъ, обдавая толпу горячимъ паромъ. Но и это не помогло, такъ какъ паръ страшенъ только на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Лишь съ большими усиліями, послѣ рядъ аттакъ, полотно удалось очистить, и поѣздъ тотчасъ же, безъ звонковъ и свистковъ ушелъ, на всѣхъ парахъ.

Къ слѣдующей отправкѣ вокзалъ былъ уже оцѣпленъ войсками. Толпа, собравшаяся на сосѣднихъ улицахъ и площадяхъ, шумѣла и волновалась, въ одномъ мѣстѣ затянули революціонныя пѣсни; говорятъ, выкинуто было красное знамя. Полиція ограничивалась увѣщаніями. Одинъ казакъ, попробовавшій „наѣзжать“ на толпу, былъ стащенъ съ лошади и изрядно помятъ. Всѣ эти проявленія протеста прошли неорганизованными.

Черезъ нѣкоторое время въ Одессу долженъ былъ пріѣхать царь. Власти пытались „законспирировать“ это событіе; въ газетахъ о предстоящемъ визитѣ не было ни слова. Произведено было, понятно, много арестовъ. Комитетъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ устроить манифестацію, избравъ для этого „итальянскій“ способъ, т. е. свистки. Манифестанты должны были стать въ трехъ мѣстахъ: на углу М. Арнаутской и Пушкинской, на углу Пушкинской и Полицейской и около собора. Разсчитывали, что на каждый пунктъ явится около 200 человѣкъ, однако, только на первомъ изъ нихъ оказалось 100 человѣкъ, на другихъ же и того меньше. Обстоятельства не благопріятствовали успѣху. Царь долженъ былъ въѣхать въ городъ въ 1 часъ дня, и демонстрантамъ пришлось, чтобы занять первые ряды, явиться уже къ 8 часамъ утра. Вмѣсто 1 часу, въѣздъ состоялся только въ $5^1/_2$ ч., и это долгое напряженное ожиданіе, истощеніе отъ десятичасового стоянія на мѣстѣ безъ ѣды, страшно ослабило энергію товарищей. Къ этому надо прибавить, что въ началѣ пути народу было очень мало, и потому демонстранты не могли, какъ предполагали, смѣшаться съ толпой, и оказались на виду, у собора же, наоборотъ, маленькая кучка ихъ совершенно затонула въ сорокатысячной массѣ народа. Полиція, чувствовавшая что-то неладное, пустила въ ходъ удачный маневръ; за нѣсколько времени до проѣзда, на углу Арнаутской и Пушкинской, солдатамъ вдругъ скомандовали выстроиться, и въ толпѣ послышались возгласы: „ѣдетъ“. Товарищи были введены въ обманъ: раздался оглушительный свистъ и крики „долой самодержавіе“. Публика въ испугѣ хлынула прочь, и полиціи ничего не стоило разсѣять демонстрантовъ. Они рѣшили пойти на помощь другимъ группамъ, но какъ разъ въ это время царь, дѣйствительно, проѣхалъ. На второмъ пунктѣ сама публика успѣла замѣтить, что нѣчто готовится, и отдѣлилась отъ демонстрантовъ, которые остались, такимъ образомъ, совершенно изолированными. Тѣмъ не менѣе, товарищи исполнили свой долгъ: во время раздался свистъ, и поднято было знамя; свистъ долетѣлъ до ушей „самого“, котораго, говорятъ, сильно при этомъ передернуло. У собора ревъ толпы заглушилъ совершенно свистки.

Севастополь. Чѣмъ дальше въ глубь Манджуріи „завлекаетъ“ японцевъ Куропаткинъ, тѣмъ быстрѣе разсѣивается туманъ „патріотическаго воодушевленія“. Недовѣріе къ правительственнымъ сообщеніямъ растетъ во всѣхъ слояхъ общества. О матросахъ и говорить нечего. Большинство изъ нихъ отрицательно относится къ войнѣ и къ милитаризму. Надъ созданіемъ такого отношенія не мало трудилось само начальство. Не даромъ одинъ сознательный матросъ предлагалъ послать Чухнину, гл. команд. Черноморскаго флота, благодарственный адресъ. „Десятки нашихъ агитаторовъ не могли бы вызвать такого недовольства, какое въ короткое время своими нелѣпыми приказами вызвалъ Чухнинъ“, говорилъ матросъ.

Теперь здѣсь служитъ часть команды „Варяга“ и „Корейца“. Все это георгіевскіе кавалеры — „герои“, — которыхъ такъ шумно чествовали наши „патріоты“. Этихъ-то „героевъ“, свободныхъ по уставу отъ черной работы, съ незажившими еще ранами, посылаютъ грузить уголь. Раны, вслѣдствіе этого, снова открылись. На заявленіе одного матроса командиру, что онъ лучше снова поѣдетъ на войну, послѣдній отвѣтилъ: „на войну! Я самъ бы поѣхалъ на войну. Мало ли чего? Что же ты въ *ложкѣ*, что ли, поѣдешь?“

Сотни запасныхъ собраны здѣсь. Ими замѣнило экономное начальство чернорабочихъ въ Портѣ. Голодающія семьи запасныхъ могутъ утѣшиться! Ихъ кормильцы ушли на службу, чтобы лишить хлѣба новыя сотни рабочихъ семей. Каждый день новыя семьи остаются безъ хлѣба.

Недавно отсюда отправили на войну минную роту. Плакали бабы, провожавшія своихъ мужей и сыновей, плакали сами отправляемые, плакали даже многіе изъ „публики“. Солдаты предлагали тѣснившимся вокругъ нихъ свои ружья, многіе спрашивали: „за что насъ гонятъ на убой?“ Теперь состоялось назначеніе матросовъ на 3 купленныхъ въ Германіи крейсера для отправки на Дальній Востокъ.

Елисаветградъ. Наборъ запасныхъ вызвалъ особенно сильное движеніе среди крестьянской массы. Во многихъ деревняхъ устроены были собранія (одно было въ 40 чел., говорили нѣсколько ораторовъ изъ крестьянъ), на которыхъ ребромъ былъ поставленъ вопросъ: „идти ли на войну?“. Многіе рѣшили протестовать, если будетъ всюду боевое настроеніе, и отказываться отъ набора, забравъ въ городъ, гдѣ предполагалось устроить демонстрацію, своихъ дѣтей; если провести общій отказъ не удастся, требовать, чтобы семьямъ уходящихъ на войну дано было обезпеченіе правительства. Полиція, узнавъ объ этомъ движеніи, встревожилась, всюду разосланы были полицейскіе чиновники съ разъясненіями, что помощи отъ властей ждать нечего, что крестьяне сами должны позаботиться, чтобы каждая деревня взяла на себя содержаніе дѣтей мобилизованныхъ. Чтобы закрѣпить это оффиціально, устраивались сходы, гдѣ каждый крестьянинъ долженъ былъ дать подписку о подчиненіи этому распоряженію. Крестьяне всюду, гдѣ только прочитывали этотъ циркуляръ, отвѣчали фразой пассивнаго бойкота: „мы согласны бы помогать, да самимъ ѣсть нечего!“. Такъ почти никто и не подписался. Во время отправки запасныхъ, которая продолжалась около двухъ недѣль, каждый день разыгрывались сцены отчаянія: плачъ и стонъ женъ и дѣтей перемѣшивался со злобными проклятіями мужей по адресу самодержавія. Въ общемъ, настроеніе было до невозможности подавленное. Вся полиція была на ногахъ, ожидая крупнаго „скандала“. Мѣстной организаціей выпущено 10 тысячъ листковъ „Къ запаснымъ“ разнаго содержанія, которые распространялись на вокзалѣ, на виду у жандармской полиціи, и довольно удачно.

Во время отправки 300 запасныхъ, послѣдніе не захотѣли итти въ вагонъ по 40 чел.; понадобилось вмѣшательство начальства, которое убѣждало „идти честью“; запасные отвѣтили крикомъ: „развѣ мы сами идемъ — насъ гонятъ“. Въ это время брошены были въ толпу листки. Солдаты принялись ихъ разбирать и читать вслухъ. Жандармы опѣшили и не знали, что дѣлать. Раздавались изъ среды запасныхъ крики: „долой войну; долой самодержавіе“; часть ихъ бросилась къ выходу, такъ что было нѣчто вродѣ демонстраціи. Около 15 чел. такъ и не явились къ отходу поѣзда.

Кременчугъ. Работа въ городѣ за послѣднее время оживилась. Кромѣ летучекъ устраиваются массовки въ 5070 и 80 человѣкъ; комитетъ старается отвѣтить на всѣ темы дня: появилась въ городѣ группа соц.-рев., и на собраніяхъ, на которыхъ перебывали всѣ организованные рабочіе, ораторы выяснили, что представляютъ собой соціалисты-революціонеры, какъ оппозиціонная партія, и каково отношеніе къ нимъ Росс. Соц.-дем. Раб. Партіи. Сходки проходили очень оживленно. Рабочіе выступали оппонентами, но, въ концѣ, всѣ пришли къ заключенію, что соціалисты-революц. становятся нашими противниками съ того момента, какъ начинаютъ посягать на самостоятельность „рабочей партіи“. На слѣдующихъ собраніяхъ говорили о манифестѣ, о якутской „исторіи“ и о погромахъ. По поводу этихъ событій на трехъ собраніяхъ, общимъ числомъ въ 150 человѣкъ, были приняты слѣдующія резолюціи; 1) „Мы, организованные рабочіе города Кременчуга, протестуемъ противъ самодержавія, пытающагося жалкими и фальшивыми попытками, вродѣ изданія манифестовъ и науськиванія разныхъ національностей другъ на друга, затемнить сознаніе массы, и призываемъ всѣхъ рабочихъ Россіи къ борьбѣ съ самодержавіемъ, ибо только его сверженіе откроетъ намъ путь къ лучшему будущему... 2) Посылаемъ привѣтъ и сочувствіе всѣмъ товарищамъ страдающимъ въ дебряхъ далекой Сибири, протестуемъ вмѣстѣ съ ними противъ дикаго съ ними обращенія и неслыханнаго по своей жестокости приговора.

Нѣсколько времени тому назадъ изъ Александріи явился тов. съ просьбой о помощи въ случаѣ антиеврейскаго погрома, ожидавшагося тамъ, въ виду большого скопленія запасныхъ. Комитетомъ немедленно было собрано около 50 рабочихъ, имѣвшихъ возможность въ то время выѣхать изъ города; рѣшено было, появившись въ рѣшительную минуту, увлечь этихъ запасныхъ на демонстрацію, прибѣгая къ оружію лишь въ борьбѣ съ полиціей. И только, когда всѣ усилія въ этомъ направленіи окажутся тщетными, прибѣгнуть къ вооруженной защитѣ личности и жилища рабочихъ слоевъ еврейскаго населенія. Не получивъ условной телеграммы,—что означало, что въ Александріи все спокойно,—Комитетъ распустилъ людей по домамъ. Черезъ 6 дней Комитетомъ была получена телеграмма съ просьбой о выѣздѣ. Это случилось въ Судный день, когда большинство массы, разсѣянной по всему городу, собрать почти не было никакой возможности. Но стоило только сказать первому попавшемуся изъ организованныхъ рабочихъ, какъ черезъ полчаса они стали появляться цѣлыми кучками. Отъ желающихъ ѣхать не было отбою. Уже приступили къ организаціи отдѣльныхъ отрядовъ, какъ получилась телеграмма съ просьбой отложить поѣздку. Чтобы, наконецъ, разобраться въ этой путаницѣ, Комитетъ послалъ отрядъ въ 16 человѣкъ, который одновременно могъ послужить и реальной силой и прислать точныя свѣдѣнія. Всѣ остальные отряды на слѣдующій день на работу не пошли, явившись на сборный пунктъ. Туда же пришли и нѣсколько человѣкъ изъ группы „Пойалей ціонъ“, съ которой Комитетъ вступилъ въ соглашеніе (абсолютное повиновеніе распоряженіямъ нашего Комитета). День прошелъ очень оживленно. Однимъ изъ товарищей была произнесена рѣчь на тему: „Происхожденіе погрома и зачѣмъ ѣдемъ въ Александрію“. Спустя нѣкоторое время люди были снова распущены съ приглашеніемъ вернуться въ пять часовъ пополудни. Въ промежуткѣ были собраны всѣ неорганизованные рабочіе, изъявившіе желаніе ѣхать въ Александрію. Здѣсь произносились рѣчи объ экономической структурѣ современнаго общества, о политическомъ строѣ Россіи, о погромахъ и т. д. Къ вечеру всѣ, какъ одинъ, явились на сборный пунктъ. Къ тому же времени, вмѣсто телеграммы, возвратились товарищи изъ Александріи. Вотъ къ чему сводится ихъ разсказъ. Около 4000 запасныхъ было собрано въ городѣ, гдѣ еврейскія лавки закрылись по случаю Суднаго дня, русскія—изъ боязни передъ хулиганами. Запаснымъ были выданы кормовые, по 12 коп. въ день на брата. Толпа по просту голодала. Начался „голодный бунтъ“. Громились лавки подрядъ. При разгромѣ одной лавки одинъ экстернъ выстрѣлилъ изъ револьвера. Толпа погналась за нимъ, онъ укрылся въ синагогу, и синагога была разбита. Послѣ того толпа продолжала громить лавки. Прибывшіе изъ Кременчуга товарищи попали въ самое щекотливое положеніе. Съ одной стороны, для демонстраціи среди толпы, которая только нѣсколько часовъ назадъ перепилась, разбивая винную лавку, ихъ было слишкомъ мало, а съ другой стороны, грабили не еврейскую бѣдноту, а лавки и единственное, что они могли бы сдѣлать, это выступить въ роли полицейскихъ противъ голодныхъ бунтовщиковъ. Понятно, на это они не пошли и вернулись домой съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся.

Тутъ то и разгорѣлись страсти! Вмѣстѣ съ посторонними, собралась толпа въ 100 человѣкъ. Когда было объявлено рѣшеніе Комитета, что самооборонѣ въ Александріи нечего дѣлать, и она туда не поѣдетъ, нѣкоторые изъ „Пойалей ціонъ“ забили тревогу. „Неправда, неправда“, кричали они, „кровь льется! еврейская кровь! Нельзя молчать!“ Лишь съ большимъ трудомъ ораторамъ-соціальдемократамъ удалось убѣдить присутствующихъ организованныхъ и неорганизованныхъ рабочихъ, что иначе поступить было нельзя, что спасеніе не въ смерти 2—3 громилъ, а въ сверженіи самодержавія, затемняющаго головы народа. Расходясь, толпа кричала „долой самодержавіе“.

Комитетомъ непосредственно послѣ Александрійскихъ событій было собрано два собранія въ 82 и 86 человѣкъ, на которыхъ, послѣ подробнаго отчета и всесторонняго освѣщенія факта, была принята слѣдующая резолюція: „мы, организованные рабочіе города Кременчуга: 1) одобряемъ поведеніе нашихъ товарищей въ Александріи, признавая его истинно соціальдемократическимъ и 2) еще разъ протестуемъ противъ необузданной политики самодержавія, морящаго голодомъ тысячи людей, отправляемыхъ имъ на убой, и заставляющаго ихъ снискивать себѣ пропитаніе грабежомъ“.

Кременчугскій Комитетъ.

Архангельскъ. Министерство Землед. и госуд. имущ. устраиваетъ ежегодно въ сентябрѣ торги для продажи лѣса изъ казенныхъ дачъ Архангельской губ. Существуетъ минимальная такса, съ которой начинаются торги. Обычно конкурренція между здѣшними лѣсопильными заводами и лѣсными конторами, посылающими заграницу цѣльный лѣсъ — бревнами, бываетъ велика, и сдѣлки совершаются по цѣнамъ, вдвое превышающимъ таксу. Въ этомъ году, однако, на торги не явился ни одинъ заводчикъ и только одна контора (изъ 5—6). Изъ 900.000 бревенъ, назначенныхъ въ продажу, куплено только 230.000, большею частью, крестьянами, которые рубятъ лѣсъ, заготовляютъ его и продаютъ готовыми плотами тѣмъ же заводчикамъ или конторамъ. Заводчики не скрываютъ, что это *стачка*, организованная тайнымъ *синдикатомъ*, имѣющая цѣлью заставить правительство, нуждающееся сейчасъ въ деньгахъ, понизить таксу. Въ случаѣ упорства казны, они грозятъ на будущій лѣсопильный сезонъ (1905 — 06) остановить всѣ лѣсопильные заводы. Въ свое оправданіе они говорятъ, что въ Лондонѣ цѣны на русскій лѣсъ начали сильно падать съ января 1904 года, и потому де они терпятъ большіе убытки. Обыватели же утверждаютъ, что заводчики просто пользуются случаемъ, желая вернуться къ прежнимъ „счастливымъ временамъ“, когда заводы здѣшніе давали свыше 25% дохода.

Изъ Шенкурска сообщаютъ о слѣдующемъ интересномъ фактѣ. Пріѣхалъ новый воинскій начальникъ и видитъ, что отъ его предшественника осталось очень мало казеннаго имущества. Онъ къ солдатамъ: „куда дѣвалось казенное добро?“ Они отвѣчаютъ: „вотъ здѣсь припрятанъ сундукъ съ шинелями; исправникъ Усковъ купилъ у стараго начальника по дешевой цѣнѣ солдатское сукно и обилъ имъ весь полъ и парадную лѣстницу въ своей квартирѣ; городской судья топитъ печи казенными дровами“. И, какъ ни болѣло сердце у „хозяина уѣзда“ и блюстителя закона — пришлось сукно сорвать и дрова перевезти обратно на казенную квартиру.

Судъ надъ Якутскими товарищами. (изъ письма одного изъ подсудимыхъ). „Судъ теперь уже кончился. 10 дней тянулась эта процедура. И, кажется мнѣ, мы получили на судѣ полное удовлетвореніе, и можемъ быть вполнѣ довольны. Истина выяснилась цѣликомъ; она выросла изъ груды лжесвидѣтельствъ, массы противорѣчій въ показаніяхъ солдатъ, полицейскихъ и казаковъ, и это еще ярче оттѣнило ее. Нужно было видѣть этихъ свидѣтелей съ трясущимися поджилками, то смущенныхъ и растерянныхъ подъ натискомъ защиты и подсудимыхъ, то врущихъ увѣренно, но топорно, грубо, иногда до упаду комично; нужно было слышать рѣчи товарищей о положеніи ссылки, о ходѣ событій въ Романовкѣ, послѣднія слова — чтобы увѣровать, какъ въ правдивость всѣхъ нашихъ заявленій, такъ и въ то, что жизнь въ ссылкѣ стала невыносимой, что протестъ былъ необходимъ и неизбѣженъ, и что нужно было протестовать въ той формѣ, которую мы избрали. Защитниками мы остались очень довольны. Пришлось потратить много времени до суда на то, чтобъ убѣдить ихъ, что намъ нужна не ихъ „защита“, а помощь въ дѣлѣ раскрытія лжесвидѣльства, съ одной стороны, и всего произвола и беззаконія, царящихъ въ ссылкѣ, съ другой. Намъ удалось добиться того, что, въ концѣ концовъ, они вполнѣ проникли́сь нашей точкой зрѣнія вели дѣло такъ, что намъ нечего было раскаиваться въ выборѣ защитниковъ. Не могу удержаться, чтобы не процитировать вамъ два мѣста изъ рѣчи Заруднаго: „Я не знаю, пошелъ ли бы *я*, будучи ссыльнымъ, въ Романовку. Быть можетъ, этому помѣшали бы темпераментъ, сила воли и мое глубокое преклоненіе передъ законностью; но это я знаю невѣрное: если бъ я тамъ былъ, то выстрѣла раздались бы раньше“. Свою рѣчь онъ закончилъ такъ: „Г.г. судьи! исполните свой долгъ по Вашему убѣжденію и Вашей совѣсти. Я, исполняя свой до конца, скажу еще смѣло: со всѣмъ убѣжденіемъ, на которое я только способенъ, со всей вѣрой въ конечное торжество добра, которая у меня есть, съ горячей любовью къ родинѣ, которая мнѣ присуща, присоединяю и мое имя къ подписямъ на заявленіи, поданнымъ якутскому губернатору 18 февраля сего года“.

„Въ отношеніи приговора и нашего держанія себя на судѣ, мы тоже должны быть вполнѣ удовлетворены. Имя стрѣлявшаго не было раскрыто. Не выдѣлено никакимъ группъ. *Всѣ* получили *одинаковый* приговоръ по 12 лѣтъ. 660 лѣтъ каторги — это нѣчто, сильно бьющее на умъ и сердце всякого. Наше время нуждается, быть можетъ, въ такихъ сильно дѣйствующихъ фактахъ, и думается мнѣ, что агитаціонное значеніе приговора и хода всего дѣла не совсѣмъ незначительно...“

...„Теперь положеніе нѣсколько опредѣлилось. 23 августа насъ всѣхъ отправляютъ „на распоряженіе“ Иркутскаго губернскаго правленія. Останемся ли въ Иркутскѣ, либо въ Александровскомъ Централѣ, либо насъ отправятъ на Забайкалье — извѣстно одному лишь Аллаху. Между прочимъ, крайне интересенъ слѣдующій *вполнѣ достовѣрный* фактъ: администрація получила распоряженіе о нашей отправкѣ въ Иркутскъ еще до окончанія суда, и мѣстное пароходство по Ленѣ г. Глотова получило еще до окончанія суда, именно 2-го августа, предложеніе заготовить для насъ пароходъ. Отсюда слѣдуетъ, что приговоръ намъ былъ готовъ и присланъ свыше еще до суда...“

Другой товарищъ пишетъ: „Одинъ изъ 3-хъ судей имѣлъ мужество подать отдѣльное мотивированное мнѣніе, въ которомъ онъ разбиваетъ въ прахъ всю мотивировку приговора и оставляетъ лишь обвиненіе въ вооруженной угрозѣ и неподчиненіи указу губернатора разойтись“.

Какъ велся судъ? Онъ все время оставался „на почвѣ законности“, и не давалъ подробно оглашать тѣхъ циркуляровъ Кутайсова, которые явились непосредственной причиной протеста. Не давали подробно разспрашивать свидѣтелей, не позволяли вступать въ полемику съ экспертами. Показаніямъ вѣрили безусловно, не смотря на то, что экспертомъ былъ унтеръ-офицеръ изъ солдатъ, еще не окончившій срока службы. Свидѣтели говорили по заученному, постоянно путались и противорѣчили сами себѣ. И когда ихъ припирали къ стѣнѣ, отвѣчали: „ничего ни помню“, „ничего на знаю“. На вопросъ относительно выстрѣловъ со стороны романовцевъ — „почему вы думаете, что стрѣляли они?“ — одинъ отвѣтъ: „да такъ“. — Но почему же? — „Да больше не откель“. Не лучше были показанія высшихъ чиновниковъ: такъ же путались и они, такъ же противорѣчили сами себѣ. Лучшими и наиболѣе правдивыми были показанія полиційместера.

Обвинительная рѣчь прокурора была жидка. Очень сильное впечатлѣніе произвела рѣчь Заруднаго. Прокуроръ отвѣчалъ, но ничего новаго не сказалъ. Зарудный ему не отвѣчалъ; отвѣчалъ Беренштамъ краткой рѣчью — и дѣло закончилось.

Еще о Якутскомъ процессѣ. Въ прокламаціи „Ко всѣмъ“, выпущенной 26 августа въ Якутскѣ за подписью „Группа политическихъ ссыльныхъ“, сообщается о судѣ надъ „Романовцами“.

„Товарищъ Бодневскій высказалъ передъ судомъ точку зрѣнія подсудимыхъ на ожидаемый приговоръ: „Приговоръ вашъ интересенъ мнѣ лишь постольку, поскольку онъ станетъ приговоромъ надъ условіями нынѣшней ссылки. И я знаю, что чѣмъ суровѣе осудите вы насъ, тѣмъ ярче подчеркнете все безобразіе, всю нелѣпость условій, доводящихъ людей десятками до гибели, и тѣмъ большимъ презрѣніемъ заклеймитъ общество дѣйствительнаго виновника нашего процесса... Приговоръ, гг. судьи, для меня безразличенъ. Я не жду и не хочу снисхожденія. Но я знаю, я вѣрю, что, какой бы дорогой цѣной ни пришлось мнѣ платить за побѣду, я дождусь ея... Скажется правда, и петля, которую затянулъ надъ ссылкой графъ Кутайсовъ, прорвется“.

Изъ тюрьмы — о тактикѣ въ судебныхъ процессахъ. Ознакомившись съ новымъ судопроизводствомъ, въ связи съ новымъ Уложеніемъ о наказаніяхъ за политическія преступленія, заключенные въ Ростовской н/Д тюрьмѣ соціальдемократы, послѣ обстоятельнаго обмѣна мнѣній, вынесли слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе: 1) что именуемый правительствомъ „гласнымъ“, судъ — судъ сословныхъ представителей — не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительно гласнымъ судомъ присяжныхъ засѣдателей, который мы считаемъ единственно возможнымъ въ рамкахъ существующаго порядка; 2) что новое мѣропріятіе является актомъ грубаго произвола и имѣетъ цѣлью, путемъ насилій и чудовищныхъ репрессій, хоть на короткое время отсрочить неминуемую гибель самодержавія, — мы выражаемъ свое глубокое возмущеніе царскому правительству, не пренебрегающему никакими средствами въ дѣлѣ борьбы съ растущимъ вглубь и вширь революціоннымъ движеніемъ. Относясь съ полнымъ презрѣніемъ съ новымъ безгласнымъ судамъ, какъ и ко всякой репрессивной мѣрѣ, мы, тѣмъ не менѣе, въ этомъ новомъ видѣ судебнаго произвола находимъ то преимущество передъ прежнимъ „административнымъ“, что цѣлый рядъ политическихъ процессовъ и рѣчи подсудимыхъ будутъ имѣть огромное агитаціонное значеніе въ дѣлѣ распространія соціальдемократическихъ идей во всѣхъ слояхъ русскаго народа; мы глубоко убѣждены, что наша партія можетъ и должна широко использовать эти процессы и обратить ихъ въ орудіе борьбы противъ самодержавія, чему должны способствовать и всѣ подсудимые, которымъ мы, поэтому, рекомендуемъ слѣдующее: 1) члены партіи должны открыто назвать себя таковыми и, развивая въ своихъ рѣчахъ наши программныя положенія, доказывать неизбѣжность полнаго крушенія всего сословно-бюрократическаго режима, стоящаго препятствіемъ на пути развитія соціальдемократическаго рабочаго движенія, а, слѣдователно, и необходимость всей нашей революціонной дѣятельности (Исключенія допускаются лишь съ согласія большинства товарищей). 2) Не-членамъ партіи, но въ той или иной степени оказывавшимъ ей услуги, рекомендуемъ держаться на судѣ съ полнымъ достоинствомъ и въ своихъ рѣчахъ выражать свою солидарность, если не со всѣмъ содержаніемъ соціальдемократической программы, то хотя бы съ ея общедемократической частью“.

Положеніе заключенныхъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія въ Петербургѣ. За самые малѣйшіе пустяки полагается карцеръ, даже за перестукиваніе. Ловля переговаривающихся устроена по цѣлой системѣ: старшій помощникъ (быв. морской офицеръ) подговариваетъ уголовныхъ доносить на стукъ, мотивируя безпокойствомъ отъ политиковъ. И хоть не всѣ уголовные соглашаются на такую низость, но кое-кто изъ нихъ все же сталъ оказывать начальству эту услугу. За эту штуку одинъ рабочій пытался дать пощечину начальнику, но былъ поваленъ надзирателями второй гал. на землю и унесенъ въ карцеръ на семь дней; вышелъ оттуда, весь избитый. Также былъ избитъ, мѣсяца два назадъ, въ карцерѣ политическій Грожанъ (швейц. подданный), назвавшій начальника *мерзавцемъ*, когда тотъ хотѣлъ его отправить въ карцеръ.

Начальникъ — старый бурбонъ, назначенный послѣ майскихъ безпорядковъ 1903 года, — вообще, ведетъ систематическую провокацію среди заключенныхъ. Онъ является одинъ въ камеры, лѣзетъ на откровенные разговоры, напрашивается на услуги къ новичкамъ и потомъ пользуется этимъ, какъ для доносовъ, такъ и для того, чтобы, поощривъ на болѣе свободное поведеніе, примѣнять потомъ самыя ужасныя репрессіи. Результатомъ варварской системы явилась попытка фармац. *Чичуа* повѣситься въ темномъ карцерѣ, куда его посадили тоже за перестукиваніе. По счастью, онъ былъ вынутъ изъ плохо сдѣланной петли и въ безсознательномъ состояніи переведенъ изъ карцера въ камеру.

Характерный документъ. Главный Морской Штабъ 28-го іюля 1904 года № 317-мъ увѣдомляетъ секретно коменданта надъ Севастопольскимъ портомъ: „Тов. Министра Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ, что постановленіемъ Педагогическаго Совѣта Рославльской низшей ремесленной школы ученикъ третьяго кл. Василій Кудрявцевъ исключенъ изъ названнаго училища за распространеніе преступныхъ прокламацій. О вышеизложенномъ Главный Морской Штабъ, по приказанію Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, сообщаетъ для внесенія въ надлежащіе списки. Подписалъ Помощ. Нач. Главн. Мор. Штаба Контръ-Адмиралъ Нидермиллеръ. Дѣлопроизводитель Юханцовъ.

Резолюція рижскихъ рабочихъ. Собраніе организованныхъ рабочихъ г. Риги, въ количествѣ 80 чел., проситъ Рижскій Ком. Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи выразить отъ ихъ имени, по поводу Кенигсбергскаго процесса, благодарность германскимъ соціальдемократамъ за оказанныя и оказываемыя ими нашей Партіи услуги, горячее сочувствіе пострадавшимъ въ процессѣ товарищамъ и полную товарищескую солидарность съ германской соціальдемократіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе выражаетъ глубочайшее презрѣніе русскому и германскому правительствамъ за ихъ гнусную роль въ этомъ процессѣ[1]).

На томъ же собраніи рабочихъ принята резолюція, выражающая негодованіе самодержавному правительству, вовлекшему Россію въ раззорительную, совершенно безсмысленную войну съ Японіей.

Настроеніе въ Финляндіи. Въ послѣднее время, какъ уже было отмѣчено въ „Искрѣ“, финляндскій пролетаріатъ началъ принимать участіе въ политической борьбѣ и, надо полагать, что въ этомъ отношеніи онъ скоро оставитъ за собой движеніе буржуазныхъ классовъ, всегда нерѣшительное и боящееся выходить изъ законныхъ рамокъ. Въ послѣднихъ числахъ августа, въ мѣстности *Остроботни*, въ праздничный день одинъ рабочій обратился къ толпѣ народа съ слѣдующей рѣчью: „Я убѣжденъ, что среди насъ нѣтъ никого, кто бы не возмущался существующимъ теперь способомъ обсужденія общественныхъ дѣлъ; каждый изъ насъ въ глубинѣ души презираетъ такъ называемый Сенатъ, это орудіе клятвопреступнаго государя, подъ властью котораго утвердился въ Финляндіи режимъ произвола, приводящій насъ въ отчаяніе и вызывающій чувство возмущенія во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Радость, выражаемая прессой по поводу рожденія наслѣдника, напрасна: народа это нисколько не касается, потому что, если ребенокъ будетъ походитъ на своего отца, то было бы лучше, чтобы онъ никогда не родился. Долой самодержавіе!“.

Въ сентябрѣ въ Гельсингфорсѣ была распространена прокламація по поводу царскаго манифеста, за подписью „Комитетъ Пролетаріата“. Въ ней говорилось: „финляндскій народъ дождался великой милости: русское правительство террора издало лицемѣрный манифестъ по поводу рожденія наслѣдника. Во первыхъ, дѣлается попытка задобрить легковѣрныхъ крестьянъ, при помощи сокращенія налоговъ и пожертвованія трехъ съ половиною милліоновъ марокъ на улучшеніе положенія сельскихъ рабочихъ. Что касается воинской повинности, то правительство, представляющееся столь милостивымъ, на самомъ дѣлѣ, ограничивается жалкими обѣщаніями. Манифестъ касается также ссыльныхъ, изгнанниковъ и заключенныхъ. Мы хорошо понимаемъ, чего добивается террористическое правительство: чтобы финляндскій народъ, обольщаясь и вѣря лживымъ обѣщаніямъ манифеста, еще легче давалъ русскому правительству выколачивать изъ себя послѣдніе гроши на военныя шутки царя. Долой правительство террора и его исполнителей! Долой режимъ произвола!“.

Манифестаціи и протесты противъ режима произвола, перенесеннаго въ послѣдніе годы изъ Россіи въ Финляндію, исходятъ не только изъ рабочей среды. Протестуютъ и представители западно-европейской мысли и науки. Недавно г-нъ Брандесъ выпустилъ возваніе ко всему университетскому міру всѣхъ странъ съ предложеніемъ протестовать противъ насилій, чинимыхъ въ Финляндіи россійскими бюрократами, и, въ частности, противъ возмутительнаго обращенія съ гельсингфорскими профессорами. Тотъ же Брандесъ произнесъ на университетскомъ праздникѣ въ Копенгагенѣ рѣчь на ту же тему, послѣ которой была вынесена резолюція, выражающая сочувствіе гельсингфорскому студенчеству и протестъ противъ насилія, совершеннаго надъ ихъ лучшими и образованнѣйшими профессорами.

Между тѣмъ, факты насилія и самаго мелкаго и глупаго преслѣдованія происходятъ изо-дня въ день. Напр., недавно произошелъ слѣдующій случай: въ одномъ изъ кафэ Гельсингфорса былъ арестованъ переодѣтымъ жандармомъ нѣкій инженеръ Вриггъ, который, говоря вслухъ о войнѣ, выразился непочтительнымъ образомъ. Вриггъ былъ препровожденъ въ полицію, гдѣ ему предложили выѣхать изъ Гельсингфорса втеченіе восьми часовъ и было объявлено, что онъ высылается изъ предѣловъ Финляндіи на пять лѣтъ.

На шестое декабря назначенъ созывъ сейма, но этотъ сеймъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ губернаторъ имѣетъ право удалять неугодныхъ ему лицъ, имѣющихъ смѣлость высказывать свои мнѣнія; сеймъ можетъ быть распущенъ властями, когда имъ вздумается. Ясно, что при такихъ условіяхъ избиратели и выборные лишаются независимости, и значеніе сейма, какъ выразителя общественнаго мнѣнія страны, совершенно теряется.

---

[1] Резолюція передана въ Правленіе германской соціальдемократической Партіи.

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ

„Передъ катастрофой.“

Нѣмецкій журналистъ либеральнаго образа мыслей, безъ особыхъ литературныхъ или политическихъ „примѣтъ“, просто средній буржуазный интеллигентъ, г. Гуго Ганцъ, посѣтилъ въ началѣ этого года Россію, провелъ въ ней три мѣсяца и написалъ о ней книгу.

Называется эта книга очень выразительно: „Передъ катастрофой“.

Не нужно думать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ какимъ-нибудь серьезнымъ научнымъ трудомъ. Нѣтъ, это просто очень длинный фельетонъ, составленный изъ нѣсколькихъ фельетоновъ обычнаго газетнаго размѣра. Ожидать отъ фельетониста буржуазной прессы оригинальныхъ сужденій или глубокихъ взглядовъ было бы непозволительной наивностью. Провѣрить и опровергать его обобщенія, занимающія среднее мѣсто между плохой мыслью и недурнымъ оборотомъ рѣчи, было бы непозволительной тратой времени. Впрочемъ, даже и такихъ чисто фразеологическихъ обобщеній въ книгѣ г. Ганца очень мало. Это, конечно, только украшаетъ ее.

Книга, какъ мы сказали, называется „Передъ катастрофой“. Не нужно, однако, думать, что авторъ имѣлъ въ Россіи дѣло съ нигилистами, заговорщиками, динамитчиками — и находится подъ ихъ непосредственнымъ внушеніемъ. Нисколько. На двадцати или тридцати строкахъ, которыя посвящены русскимъ революціонерамъ, авторъ книги въ 316 страницъ умудряется „Революціонную Россію“ сдѣлать органомъ „Бунда“, а „Бундъ“ превратить въ лассальянскую организацію. Да проститъ его богъ!

Г. Ганцъ почерпалъ всѣ свои свѣдѣнія совсѣмъ въ другихъ кругахъ. Во время пребыванія на нашей родинѣ онъ находился въ лучшемъ обществѣ. „Извѣстнѣйшіе“ банковскіе дѣльцы, „извѣстнѣйшіе“ адвокаты и „извѣстнѣйшіе“ литераторы Петербурга и Москвы продефилировали передъ нѣмецкимъ журналистомъ и теперь безыменно дефилируютъ предъ его европейскими читателями. Разумѣется, свѣтила петербургскаго либерализма не могли научить своего гостя большему, чѣмъ имъ самимъ дано. Во всякомъ случаѣ, Г. Ганцъ убѣдился, что „дальше такъ идти не можетъ“.

„Ваше сіятельство, — мы уже сказали, что нашъ авторъ имѣлъ дѣло съ людьми „лучшаго общества“, — я вывожу заключеніе, что въ Россіи нельзя повести рѣчь о ничтожнѣйшемъ педагогическомъ или хозяйственномъ вопросѣ безъ того, чтобы не натолкнуться на высшую политику“. Это наблюденіе является несомнѣнно самымъ цѣннымъ изъ наблюденій г. Ганца. Оно означаетъ, что отъ всѣхъ вопросовъ, бѣдъ и золъ современной Россіи всѣ широкія дороги и всѣ узкія тропинки ведутъ въ одинъ и тотъ же Римъ. И это — Римъ парламентскаго режима.

Но г. Ганцъ не хотѣлъ брать этого вывода на вѣру.

Либеральные князья и графы изобразили предъ нимъ Россію въ такомъ мрачномъ видѣ, что онъ рѣшилъ для провѣрки поговорить съ графомъ *консервативнымъ*. Вотъ какой у него вышелъ діалогъ съ „честнымъ консерваторомъ“.

— Что Вы слышали? спросилъ графъ.

— Что Россія голодаетъ, въ то время какъ правительство показываетъ избытки въ бюджетѣ.

— Къ сожалѣнію, вѣрно.

— Что интеллигенція въ состояніи отчаянія.

— Тоже вѣрно.

— Что можно бояться возрожденія терроризма.

— Въ такой же степени вѣрно.

— Что вся Россія надѣется лишь на то, что война будетъ проиграна, потому что только такимъ путемъ можетъ быть положенъ конецъ современному режиму.

— Опять таки вѣрно.

— Что этотъ режимъ превысилъ всякую мѣру развращенности и можетъ быть сравненъ только съ преторіанскимъ режимомъ въ послѣдніе годы Рима.

— Это еще даже недостаточно вѣрно.

Гдѣ же выходъ? спрашиваетъ каждый разъ себя и своихъ собесѣдниковъ нѣмецкій журналистъ. Конституція. А путь къ ней? Указаніе на этотъ путь мы уже слышали въ только что приведенномъ діалогѣ. Самодержавіе потерпитъ полное военное пораженіе, на помощь которому явится колоссальный финансовый крахъ. Конституція явится естественнымъ финаломъ. До рѣшительной катастрофы нельзя ждать никакихъ измѣненій въ нынѣшнихъ порядкахъ. „Когда мы въ первый разъ принуждены будемъ сломать рубль (den Coupon kürzen), а это можетъ произойти скорѣе, чѣмъ мы теперь предполагаемъ, въ тотъ день, когда мы ужъ не будемъ въ состояніи платить наши старые долги при помощи новыхъ, когда наше внутреннее банкротство не сможетъ оставаться скрытымъ предъ заграницей и предъ императоромъ, тогда, можетъ быть, будетъ приступлено къ созыву своего рода Учредительнаго Собранія (eine Art Konstituante). Но не ранѣе“.

Это говоритъ престарѣлый либеральный князь, бывшій „государственный человѣкъ“. Въ такомъ же родѣ высказывается и другой, полулиберальный князь X., „бывшій нѣкогда довѣреннымъ другомъ царя“. Также высказывается „одинъ изъ первыхъ адвокатовъ Петербурга“, далѣе, одинъ „особенно компетентный“ въ государственныхъ вопросахъ профессоръ, и наконецъ, правильность этихъ предвидѣній признаетъ и консервативный графъ, который при этомъ проситъ своего собесѣдника помнить, что консерватизмъ и негодяйство совсѣмъ не однозначащія понятія. Консерваторъ смотритъ на конституціонное будущее съ недовѣріемъ, либералы — съ признательностью, но неизбѣжность измѣненія режима, въ результатѣ „всеобщей катастрофы“, кажется всѣмъ несомнѣнной. Что такое эта „катастрофа“? Военный разгромъ и финансовое банкротство, т. е. такія объективныя, „стихійныя“ явленія, которыя своей собственной силой — биржевымъ „рублемъ“ Европы и квалифицированнымъ „дубьемъ“ Японіи — гонятъ правительство Николая II на конституціонную сдѣлку съ либеральными, полулиберальными и совсѣмъ не либеральными князьями, графами, банкирами, профессорами и адвокатами. Въ ожиданіи конституціи съ „какимъ угодно скромнымъ парламентомъ“ (ein noch so bescheidenes Parlament) эти дѣятели, въ земствахъ, думахъ, университетахъ и прессѣ расписывающіеся въ непоколебимо-воинственномъ патріотизмѣ россовъ, отходя ко сну, возносятъ, по сочувственому свидѣтельству г. Ганца, слѣдующую краткую политическую молитву небесамъ: „*Боже, помоги намъ, дабы мы были разбиты*“ („Gott hilf uns, damit wir geschlagen werden“). И, какъ мы думаемъ, нѣтъ ничего вѣроятнѣе предположенія, что и г. Струве въ тотъ самый день, когда онъ, по соображеніямъ „политическаго реализма“, выкрикнулъ: „Да здравствуетъ армія!“, шепталъ потихоньку молитву либеральному богу „философскаго идеализма“: „Помоги намъ, дабы мы были разбиты“![1])

Въ скромныхъ разсчетахъ на конституцію „съ какимъ угодно скромнымъ парламентомъ“ активныя проявленія оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ совершенно не фигурируютъ. Г. Ганцъ ничего не слышалъ отъ своихъ собесѣдниковъ о роли либеральной оппозиціи въ до-конституціонный періодъ, — просто потому, что ничего, кромѣ приведенной оппозиціонной молитвы, они и не могли въ тотъ моментъ сообщить нѣмецкому журналисту. Въ возможность народной революціи г. Ганцъ не вѣритъ. „Особенно компетентные“ въ политическихъ вопросахъ профессора, адвокаты и государственные люди внушили ему въ этомъ отношеніи полный скептицизмъ. На всемъ полѣ революціи г. Ганцъ видитъ лишь то, что легче всего видѣть либеральнымъ глазомъ изъ окошка профессорскаго кабинета: волнующееся студенчество да пару террористовъ. Студенчество, конечно, исполнено лучшихъ намѣреній. Со снисходительностью прозрѣвающаго будущее человѣка г. Ганцъ даже прощаетъ ему его временныя соціалистическія тяготѣнія. Но онъ того мнѣнія, что политическій энтузіазмъ слишкомъ ненадежный панцырь противъ казацкой нагайки. Что такое горсть студенчества въ сравненіи съ колоссальнымъ „скалящимъ зубы“ чудовищемъ царизма? Ничто! А сверхъ того?.. Возможны еще, пожалуй, разрозненныя и въ своей разрозненности безсильны возстанія угнетенныхъ націй да мятежи голодныхъ крестьянъ... и ничего болѣе. Крестьянская революція, правда, можетъ оказаться грознѣе другихъ по своимъ размѣрамъ, но, по словамъ „бывшаго царскаго друга“, князя X., эта революція направится не противъ государственнаго только режима, но „противъ всѣхъ имущихъ и образованныхъ вообще, и она начнется съ того, что перебьетъ и перетопитъ всѣхъ насъ, здѣсь находящихся“... Итакъ, еще разъ: для этого „несчастнѣйшаго изъ народовъ“ одна надежда — военный крахъ на Востокѣ, финансовый крахъ на Западѣ.

А городской пролетаріатъ? Что о немъ говоритъ нѣмецкій журналистъ? Нѣсколько мимоходомъ брошенныхъ словъ политическаго презрѣнія къ „маленькой кучкѣ организованныхъ промышленныхъ рабочихъ“ — это все.

О соціальдемократіи, какъ руководительницѣ пролетаріата г. Ганцъ даетъ отзывъ, представляющій счастливое сочетаніе буржуазнаго тупоумія Запада съ либерально-народническимъ тупоуміемъ нашего отечества.

„Марксисты, пишетъ нашъ авторъ, органомъ которыхъ служитъ „Искра“, являются доктринерами, какъ и всюду, клянутся — какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ ревизіонисты — теоріей обнищанія и хотятъ, чтобъ крестьянинъ потерялъ свою землю и полностью пролетаризовался по катехизису. Противъ нихъ выступилъ недавно умершій Михайловскій, который лучше зналъ Россію, чѣмъ горожане „Искры“. Въ настоящее время марксисты считаются (gelten) уже оттѣсненными назадъ“.

Характерна для тѣхъ либераловъ, съ голоса которыхъ поетъ г. Ганцъ, ихъ политическая впечатлительность того „мимолетнаго типа“, который заставляетъ вспомнить — мы опираемся въ данномъ случаѣ на Успенскаго — впечатлительность телячьяго студня. Дверь откроется, слуга войдетъ, кто нибудь откашляется, студень отзывчиво трепещетъ. Трепетать собственно, казалось бы, нѣтъ серьезныхъ основаній. Но таковы ужъ свойства телячьяго студня.

Либеральная впечатлительность опредѣляется тѣмъ, что либеральная мысль способна срывать явленія лишь съ общественной поверхности и притомъ въ ихъ законченной формѣ. Пока они растутъ и развиваются въ соціальныхъ нѣдрахъ, они ей чужды. Она имѣетъ дѣло не съ законами, а съ фактами, не съ тенденціями, а съ эпизодами. Но явленія болѣе капризны, чѣмъ создавшія ихъ въ тиши соціальныя силы. Отсюда такая поразительная внезапность въ смѣнѣ либеральныхъ настроеній. Чу! вотъ рабочія демонстраціи появились изъ подполья... Студенческіе безпорядки вылились на улицу... Тр рахъ! Разорвалась бомба... „Общество" трепещетъ, ждетъ, торжествуетъ... Но еще мигъ — и все исчезло. Тамъ, внизу, идетъ какая то невѣдомая сложная молекулярная работа, но на поверхности нѣтъ ничего, — и „общество" съеживается и никнетъ долу. Казалось бы, нѣтъ причинъ? Но таковы ужъ свойства — либеральнаго студня.

---

[1] Въ своей бесѣдѣ съ профессоромъ г. Ганцъ выразилъ удивленіе тому, какъ можно желать побѣды врагу: вѣдь, на полѣ сраженія умираютъ братья. Либеральный профессоръ возразилъ, что это „справедливо лишь *отчасти*“, ибо на театръ военныхъ дѣйствій „въ первую голову отправлены поляки, евреи и армяне“... Ни болѣе ни менѣе. Г. профессоръ могъ бы распространить и далѣе свое либеральное безстыдство и объяснить собесѣднику, что соладты — это сѣрые мужики и рабочіе, а либералы — все люди „хорошаго общества“. Весьма кстати г. профессоръ пояснилъ затѣмъ нѣмецкому журналисту, что le russe est liberal jusqu'a trente ans et après — canaille (русскій — разумѣй: русскій „изъ общества“ — либералъ до тридцати лѣтъ, а затѣмъ — каналья)... Мы думаемъ, что откровенный профессоръ давно перевалилъ за эту роковую грань.

Нѣмецкій журналистъ провелъ въ Россіи первые три мѣсяца настоящаго года... Это былъ моментъ страшнаго пониженія на биржѣ либеральныхъ настроеній. О революціи можно было говорить только съ пожиманіемъ плечъ... Прошлогодняя волна общественнаго протеста, взметнувшаяся въ „іюльскіе дни" на небывалую высоту, быстро шла на убыль... Январскіе Петербургскіе съѣзды, техническій и пироговскій, были послѣдними событіями, вознесенными этой волной... Ее должна была смѣнить другая, можетъ быть, болѣе могучая, какъ вдругъ въ политическую жизнь врѣзалось колоссальное событіе, къ которому психологія революціонныхъ массъ только должна была еще приспособиться и которое на первыхъ порахъ позволило реакціи организовать шовинистическія демонстраціи. Г-нъ Ганцъ имѣлъ случай видѣть въ Петербургскомъ Народномъ Домѣ, какъ это дѣлалось. Онъ описываетъ, какъ сухопарый черненькій господинъ вбѣжалъ въ залъ, и, видимо для всѣхъ, что то пошепталъ полицейскимъ, а тѣ — кое кому изъ „народа". Какъ небольшая кучка людей трижды требовала гимна. Какъ публика трижды вставала, чтобы „спокойно и терпѣливо" (gelassen und geduldig) выслушать заказанный черненькимъ господиномъ гимнъ.

Но фактъ, во всякомъ случаѣ, былъ на лицо. Полицейски-патріотическіе восторги на фонѣ революціоннаго затишья удручающе дѣйствовали на либеральныхъ импрессіонистовъ... Конечно, „общество" и вообще то не склонно *призывать* революцію. Но оно начинало уже *привыкать* къ ней, — какъ первые мѣсяцы войны все перевернули вверхъ дномъ. Отсюда эти рѣчи запуганнаго и въ то же время увѣреннаго въ своей побѣдѣ безсилія: мы ничто, но насъ все таки спасетъ азіатскій солдатъ и европейскій банкиръ. Еслибъ г. Ганцъ пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ раньше или на нѣсколько мѣсяцевъ позже, онъ вынесъ бы другія впечатлѣнія насчетъ шансовъ и возможностей русской революціи. А въ мартѣ 1904 г. онъ увезъ съ собой только голую увѣренность въ близкомъ крахѣ абсолютизма, увѣренность, которая все болѣе охватываетъ общественное мнѣніе западной Европы.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Кіевъ. 8-го сентября. На дняхъ у насъ состоялось загороднее собраніе, на которомъ присутствовало 45 чел. рабочихъ, почти поголовно не состоящихъ въ организаціи. Это третья массовка за послѣднее время. Несмотря на то, что сходка происходила далеко за городомъ, благодаря чему рабочимъ пришлось почти цѣлый день провести безъ пищи, настроеніе было очень приподнятое и оживленное. Оратора такъ и засыпали вопросами. Рѣчь шла о войнѣ, кризисѣ, политической свободѣ. Особенное вниманіе было обращено на разъясненіе рабочимъ необходимости держать во время революціи ухо востро, чтобы не быть обманутыми либеральными краснобаями.

Нѣсколько словъ о незамѣтномъ, безшумномъ самоотверженіи, проявляемомъ тѣми организованными рабочими, которымъ выпадаетъ на долю устройство подобныхъ собраній. Цѣлыя сутки приходится проводить на ногахъ: разыскать гдѣ нибудь верстъ за 10-15 удобное мѣсто, всѣхъ обѣгать, собрать, поодиночкѣ вести къ сборному пункту, выстаивать часами въ патруляхъ.

Бѣлая Церковь, Кіевск. губ. Еще недавно наше мѣстечко представляло изъ себя сонное болото; но война и вызванные ею кризисъ и безработица всколыхнули самые сѣрые, самые отсталые слои населенія. Благодаря этому, возникла и здѣсь благопріятная почва для соціальдемократической работы въ массахъ. Недавно здѣсь образовалась группа нашей Партіи, ставящая себѣ задачей пріобщить рабочихъ Бѣлой Церкви къ пролетарскому движенію всей страны, а, въ частности, поднять еще совершенно незатронутые слои рабочихъ-христіанъ и связать послѣднихъ въ одну пролетарскую организацію съ еврейскими рабочими, среди которыхъ уже нѣкоторое время работаетъ Бундъ.

Группа состоитъ почти исключительно изъ рабочихъ, большинство которыхъ отдѣлилось отъ мѣстной бундовской организаціи, недовольное выходомъ Бунда изъ Партіи. Имѣются связи съ очень многими ремесленными мастерскими и съ заводскими рабочими (всего въ Бѣлой Церкви около 2.000 рабочихъ ремесленниковъ и около 250 на чугунно-литейномъ заводѣ), а также съ мѣстными учащимися. Страшный недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ не позволяетъ поставить работу такъ широко, какъ бы этого хотѣлось.

На дняхъ была у насъ дискуссія съ бундовцами. Присутствовало около 40 человѣкъ передовыхъ членовъ обѣихъ организацій. Съ нашей стороны выступилъ ораторъ, говорившій о рѣшеніи соц.-демократіей національнаго вопроса и о вредѣ позиціи, занятой Бундомъ. По окончаніи рѣчи, его засыпали вопросами, были также и возраженія, хотя и слабыя. Дискуссія прошла очень оживленно; она выяснила, между прочимъ, что бундовскіе рабочіе знакомы съ точкой зрѣнія нашей Партіи исключительно по литературѣ Бунда. Нѣтъ здѣсь, напримѣръ, протоколовъ съѣзда, „Искра" попадаетъ лишь единичными номерами, да и то лишь за самое послѣднее время. Мы надѣемся, что когда намъ удастся познакомить еврейскихъ рабочихъ съ нашей партійной литературой, борьба съ бундовскими тенденціями станетъ для насъ гораздо легче.

Житомиръ (запоздала). Рабочее движеніе въ нашемъ городѣ находится еще въ первоначальной стадіи развитія. Наиболѣе сознательнымъ элементомъ являются у насъ рабочіе-евреи, русскіе же рабочіе почти совсѣмъ не затронуты движеніемъ. Мѣстная организація Бунда въ значительной степени содѣйствовала пробужденію еврейскихъ массъ, но своимъ „новымъ курсомъ" сжигаетъ то, что сама создавала. Существуетъ здѣсь и „Волынскій (?) комитетъ партіи соц.-рев.", но о работѣ его говорить не приходится: она столь же ничтожна по размѣрамъ, какъ и отрицательна по результатамъ. Сравнительно недавно образовалась здѣсь организація нашей Партіи. Недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ, особая атмосфера въ рабочей средѣ, созданная войной прежнихъ организацій (Бундъ и соц.-рев.), невозможныя полицейскія условія, наконецъ, отсутствіе агитаціонной литературы — въ высшей степени затрудняли работу молодой организаціи, но упорный трудъ, а главное, сознаніе, что есть почва для работы, сдѣлали свое дѣло, и „искровцы", какъ ихъ здѣсь называютъ, пріобрѣли даже популярность среди рабочихъ, особенно послѣ появленія въ большомъ количествѣ прокламацій „Искры".

Весьма отрадное и знаменательное явленіе въ жизни мѣстнаго движенія — это выходъ изъ мѣстной организаціи Бунда человѣкъ 25 еврейскихъ рабочихъ (среди нихъ четыре агитатора) и присоединеніе ихъ къ житомирской организаціи нашей Партіи. Фактъ этотъ настолько интересенъ, мотивы выхода настолько характерны, что стоитъ остановиться на этомъ болѣе подробно.

„Меня, какъ рабачого-агитатора, заявляетъ бывшій членъ бундовской организаціи, новое направленіе Бунда поставило въ весьма затруднительное положеніе. Когда мнѣ приходилось имѣть дѣло съ совершенно безсознательнымъ рабочимъ, то вмѣсто того, чтобы говорить ему о соціализмѣ, будить въ немъ классовое самосознаніе, пріобщить его къ идеямъ международной соціальдемократіи; вмѣсто того, чтобы вырвать съ корнемъ его національные предразсудки, то предубѣжденіе противъ русскихъ, которое, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, живетъ почти въ каждомъ евреѣ: вмѣсто всего этого, мнѣ приходилось, какъ разъ наоборотъ, сразу же напомнить ему, что онъ — еврей, что онъ принадлежитъ къ еврейской націи, которая, для защиты своихъ „особыхъ" правъ, нуждается въ отдѣльной организаціи, внушая ему, такимъ образомъ, недовѣріе къ русскимъ товарищамъ. Словомъ, мнѣ предстояло *прежде всего* создать въ немъ правовѣрнаго бундовца, чтобы онъ еще, — боже сохрани, — не перешелъ къ „искровцамъ"... Рабочіе, уже затронутые движеніемъ, часто спрашивали меня: „почему это евреи отдѣльно, русскіе отдѣльно (то же самое спрашиваютъ и русскіе рабочіе). Вѣдь, намъ всегда говорили, что мы члены одной семьи".

Первый смѣшанный кружокъ русскихъ и еврейскихъ рабочихъ былъ встрѣченъ съ восторгомъ послѣдними. По иниціативѣ самихъ рабочихъ, на одной изъ агитаторскихъ сходокъ была принята слѣдующая резолюція, прощедшая черезъ всѣ кружки:

„Въ виду того, что а) интересы еврейскаго пролетаріата самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ интересами всего россійскаго пролетаріата; что б) тѣ національныя требованія, какими „Бундъ" обосновываетъ необходимость отдѣльной организаціи еврейскаго пролетаріата, находятъ свое полное выраженіе въ программѣ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, что в) для болѣе успѣшной борьбы съ общимъ врагомъ — русскимъ самодержавіемъ и бюрократіей, необходимо объединеніе всего борющагося пролетаріата въ одну Рос. Соц.-Дем. Раб. Партію; принимая, далѣе, во вниманіе, что „Бундъ" своею националистическою агитаціей мѣшаетъ этому объединенію, затемняетъ классовое самосознвніе еврейскаго пролетаріата, содѣйствуя его обособленности отъ россійскаго пролетаріата, — мы, еврейскіе рабочіе, бывшіе бундовцы, протестуемъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ и заявляемъ, что, по нашему глубокому убѣжденію, еврейскій пролетаріатъ только въ совмѣстной борьбѣ, бокъ о бокъ съ россійскимъ пролетаріатомъ, добьется своего политическаго и экономическаго освобожденія. Мы выступаемъ изъ Бунда и присоединяемся къ житомирской организаціи Р. С.-Д. Р. П. Да здравствуетъ единная Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія"!

Севастополь. Въ „Искрѣ" уже сообщалось, что военное портовое вѣдомство постепенно стало замѣнять „вольныхъ" рабочихъ матросами. Этого мало. Чтобы предупредить возможность всякихъ стачекъ и протестовъ, оно прибѣгаетъ и къ такимъ пріемамъ. Среди портовыхъ рабочихъ есть много флотскихъ запасныхъ. Послѣднихъ не берутъ на службу, а оставляютъ въ порту до поры до времени, до увольненія за какую нибудь провинность, и тогда сейчасъ же переводятъ въ казармы. Наряду съ общей безработицей, такого рода средства развязываютъ совершенно руки портовой администраціи и она дѣлаетъ, что угодно. Штрафы рабочихъ, получающихъ и такъ нищенскую заработную плату въ 25—30 руб., рѣшительно на каждомъ шагу. За папироску — штрафъ, хотя „урочнаго" времени, для этого рабочему не дано, отойдешь на минуту отъ станка — штрафъ, за „небрежное" отношеніе съ инструментами, — штрафъ, однимъ словомъ, штрафъ безъ конца. Вотъ и примѣръ: разсыльный Курдзюкъ, проѣзжая на портовомъ катерѣ, не снялъ фуражки передъ главнокомандующимъ, ѣхавшимъ навстрѣчу. Его сначала хотѣли уволить, но командиръ сжалился и ограничился *только* штрафомъ въ 5 руб. Штрафуютъ не только командиры, но и мастера съ помощниками, конторщики. Особенно усердствуетъ въ этомъ отношеніи Лутновскій, прозванный рабочими „Камимурой". За „усердіе" Лутновскому даже увеличили жалованіе съ 55 до 75.

Не скупясь на прибавки жалованья гг. Лутновскимъ и иже съ нимъ, администрація не принимаетъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ. Кузьмину при нагрузкѣ парохода „Юпитеръ" сдвинувшейся съ борта сходней перебило кости ноги. Виновато, конечно, оказалось не начальство „Юпитера", которое должно было наблюдать за погрузкой, а самъ изувѣченный.

Существуетъ въ порту пріемный покой для оказанія медицинской помощи больнымъ и увѣчнымъ, но существуетъ онъ, какъ говорятъ, рабочіе „такъ, для одного только названія". Докторъ рѣдко посѣщаетъ этотъ покой, да и относится къ больнымъ небрежно. Такъ, Данильченко, съ разбитой головой и истекавшему кровью, была оказана первая помощь черезъ $3^1/_2$ ч. послѣ доставки его въ больницу.

Не лучше дѣло обстоитъ и съ „Столовой общества потребителей-мастеровыхъ Лазаревскаго Адмиралтейства". „Тѣснота, грязь, тяжелый воздухъ", пишетъ рабочій, „борщъ съ тараканами, мухами и даже спичками. Мясо повара накладываютъ руками, ѣсть его приходится также руками, такъ какъ вилокъ и ножей нѣтъ". Ко всему этому при выходѣ еще обыскиваютъ не только мужчинъ, но и женщинъ.

Балаханы (близъ Баку). Одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ стачекъ на здѣшнихъ нефтяныхъ промыслахъ является задержка заработной платы. Рабочіе сплошь и рядомъ не получаютъ денегъ по три-четыре мѣсяца. Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ они выдерживаютъ такой срокъ, какъ они могутъ продолжать работу? Это объясняется укоренившимся въ Балаханахъ особымъ видомъ truck system (расплаты товарами). Хозяева не держатъ сами лавокъ, но выдаютъ каждому вновь поступающему рабочему записку такого содержанія: „такой то принятъ; можно довѣрять". Записка эта открываетъ рабочему кредитъ у мѣстныхъ лавочниковъ. И вотъ, пока послѣдніе терпятъ, работа продолжается, хотя хозяинъ и задерживаетъ уплату заработка. И только, когда терпѣніе лавочника лопнетъ и онъ закроетъ кредитъ, рабочій начинаетъ голодать, и тогда возникаетъ стачка. Стачки эти всегда кончаются побѣдой рабочихъ. За послѣднее время было двѣ такихъ забастовки. 25 августа на заводѣ, бывшемъ Митрофанова (не платили два-три мѣс.), бастовало до 300 человѣкъ, и 31 авг. началась стачка 50 рабочихъ на промыслахъ Шушинскаго товарищества (не платили 4 мѣс.).

Мѣстная организація во всѣхъ такихъ случаяхъ почему то не реагируетъ во время, и, оставляя рабочихъ выжидать, пока кончится терпѣніе лавочника, упускаетъ драгоцѣнные моменты для агитаціи. Это одна изъ причинъ, вызывающихъ недовольство и подчасъ открытую оппозицію рабочихъ. Такимъ образомъ создается благопріятная почва для воскрешенія отжившей, нелѣпой при нашихъ политическихъ условіяхъ, идеи всепроникающаго выборнаго начала въ организаціи; идея эта тѣмъ легче пріобрѣтаетъ себѣ сторонниковъ, что въ ней, за отбросомъ негодной шелухи, остается здоровое, неотъемлемое ни при какихъ политическихъ условіяхъ зерно — *самодѣятельность заинтересованныхъ рабочихъ.*

12-го августа имѣла мѣсто однодневная стачка на промыслахъ Вишау, въ видѣ протеста противъ назначенія управляющимъ нѣкоего Богушевскаго, прославившагося на прежней своей должности (въ Бакинскомъ Нефт. Общ.) грубымъ обращеніемъ, штрафами и даже палочной расправой. Требованій выставлено не было. Протестъ, повидимому, имѣлъ успѣхъ, такъ какъ Богушевскій до сихъ поръ на промыселъ не является. Къ стачечникамъ были выпущены за подписью „Балаханскіе рабочіе", гектографированные листки, исходящіе не отъ Комитета.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ пользу Партійнаго міра высказались комитеты Партіи: Астраханскій, Саратовскій, Самарскій и Уральскій, выразивъ сочувствіе дѣйствіямъ Центральнаго Комитета. При этомъ Уральскій комитетъ оговариваетъ свою солидарность съ Ц. К. условіемъ, чтобы его политика не вела къ нарушенію организаціонныхъ принциповъ, принятыхъ вторымъ съѣздомъ Партіи.

Агитація противъ войны: **Центр. Ком.** изданъ листокъ „Новая Мобилизація". Тотъ же листокъ, нѣсколько измѣненный и дополненный, переизд. **Воронежск. Ком.**

Партійныя изданія: № 1 „*Соціальдемократъ*", популярной рабочей газеты. (Содержаніе: Классъ противъ класса! — Ткачи, стихотвореніе Гейне. — Война дворцамъ, миръ хижинамъ! — Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. — Политическое обозрѣніе. — Рабочее движеніе въ Россіи. — Политическая стачка итальянскихъ рабочихъ. — Международная солидарность рабочихъ. — Маленькая хроника. — Къ читателямъ. — Фельетонъ: Международный соціалистическій съѣздъ въ Амстердамѣ.) **„Докладъ делегаціи Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи международному соціалистическому конгрессу"**. (Содержаніе: I. Общій ходъ русской политической жизни за 1900—1904 гг. II. Рабочее движеніе. III. Крестьянское движеніе и соціальдемократія. IV. Внутренняя жизнь партіи. V. Тюрьма и ссылка.). Листокъ „*Необходимое разъясненіе*" по вопросу о представительствѣ „Бунда" на Амстердамскомъ конгрессѣ.

Изданы: **Центр. К-томъ:** „Либералы и пролетаріатъ". **Полѣс. Ком.:** „Листокъ Полѣсскаго Комитета" № 1 (газетка въ 8 стр.); **Сѣверо-Западнымъ:** „По поводу открытія памятника Екатеринѣ II (на польск. и рус. яз.); **Одесскимъ:** Листокъ о судѣ въ Якутскѣ; **Московскимъ:** „Къ учащимся"; **Воронежскимъ:** „Къ рабочимъ завода Гаусмана и Буханова"; имъ же переизданъ листокъ Ц. К. о либералахъ. **Донскимъ:** отчетъ за августъ. **Иркутскимъ:** Некрологъ Быкова. Группой студентовъ соц. дем. въ **Кіевѣ** выпущено воззваніе къ студенчеству.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Къ 1-му сентября въ Кіевской (Лукьяновской) тюрьмѣ находилось 105 политическихъ (83 мужч. и 22 женщ.), изъ нихъ: интеллигентовъ 58 (41 мужч. и 17 женщ.) и раб. 47 (42 мужч. и 5 женщ.). Изъ этого числа находились въ заключеніи: 2-ой мѣс.—1 чел., 3-ій мѣс.—2, 4-ый мѣс.—3, 5-ый мѣс.—12, 6 ой мѣс.—7. 7 ой—9, 8-ой—16, 9-ый—3, 10 ый—2, 11-ый—4, 12-й—5, 13-ый—3, 14-ый—8, 15-ый—3, 16-ый—3, 17-ый—6, 18 ый—2, 19-ый—2, 20 ый—2, 21-ый—6 и 23-ый мѣсяцъ—1. Освобождены за августъ мѣсяцъ: футлярщикъ Бенціановъ (просид. 4 мѣс.), наборщ. П. Бѣлоусовъ (4 мѣс.), печатникъ Бѣляевъ (4 мѣс.), экст. Л. Гальперинъ (4 мѣс.), аптек. уч. Ганиксбергъ (4 мѣс.), уч. зуб. шк. Галина Дзенькевичъ (4 мѣс.), гимназисты Адольфъ и Павелъ Добровольскіе ($7^1/_2$ мѣс.), студ. Е. Евгловъ (4 мѣс.), вет. врачъ Елагинъ (8 мѣс.), студ. П. Зарубинъ (4 мѣс.) реал. Ал. Калитинъ ($7^1/_2$ мѣс.), экст. М. Маннъ (3 мѣс.), инт. Г. Михайловъ (11 мѣс.), стут. О. Пожога (4 мѣс.), литографъ. Н. Пономаревъ (4 мѣс.), пом. пр. повѣр. В. Рогачевскій (4 мѣс.), литейщ. Авр. Рогозовскій (3 мѣс.), учит. Мих. Скворцовъ (14 мѣс.), стол. Ник. Соркинъ (5 мѣс.), экст. Давидъ Цирлинъ (10 мѣс.), быв. студ. Ник. Цыбульскій (2 мѣс.), раб. Шейнинъ (3 мѣс.), пом. пр. повѣр. М. Шейнманъ (3 мѣс.), студ. Ив. Шкапа (4 мѣс.), экст. Вл. Данилевскій (2 нед.), столяры Айзенбергъ и Шейнинъ (1 мѣс.), живописецъ Крупникъ (1 мѣс.), сап. Шустеръ (1 мѣс.), чулочница Гендельманъ (1 мѣс.), уч. акуш. шк. Г. Вишанская (1 мѣс.). Въ Житомирскую тюрьму перевезенъ слесарь Аркадій Ченѣнъ (арест. 29 іюля): въ Екатеринославскую — фотогр. Н. Маскинъ (іюль); въ крѣпость — столяръ Ник. Козаковъ (сидитъ съ 25-го сент. 1901 г.) и студ.-политехн. Безлущенко (арест. 15 апрѣля). Сосланы въ Арханг. губ.: на 5 лѣтъ бывш. студ. Варшав. ун. Игн. Гилецкій, на 3 года—бѣлошвей Мих. Штейнбахъ.

По ростовскимъ дѣламъ партіи назначено къ слушанію 5 процессовъ (на основаніи закона 7 іюня): 1) процессъ свыше 20-ти лицъ, привлеченныхъ по декабрск. и апрѣльск. арестамъ. Въ числѣ ихъ нелегальныя: Роза Гальберштадтъ, Марія Исаева, Паперно, Баландина; нелегальный Шнеерсонъ; пом. пр. повѣр. Мошинскій, Станчинскій, Богуцкая, Тахчогло, Лихтеръ, Гулькевичъ. Къ тому-же дѣлу привлеченъ злостный предатель Ковалевъ (Максимовъ). 2) Процессъ типографіи. Обвиняются нелег. Айнбиндеръ и еще трое. 3) Процессъ Пастушенко, жены его и еще двухъ, привлеченныхъ по дѣлу о типографіи, взятой въ декабрѣ въ Таганрогѣ. 4) Процессъ 4 лицъ, обвиняемыхъ по дѣлу о гектографѣ: нелег. Дубницкій, Елена Локерманъ. Гольденбергъ, привлеченная по тому же дѣлу, скрылась. 5) Дѣло Донского Комитета (аресты въ іюнѣ) Обвиняются: нелегальные: Любовь Ратченко, Айзенбергъ (г-жа), Левинъ; Маркъ Браиловскій, Викторъ Рачинскій, Крыско, Хоришманъ.

Тверь. Здѣсь непрерывные аресты. 18 сентября арестованы: г-жа А. В. Бушъ, конторщикъ Сатаровъ и двое рабочихъ. **Саратовъ.** Приговорены: ветерин. врачъ Сорокинъ на 5 л. ссылки (въ Вост. Сиб.?), статистикъ Россовъ 5 л., Рыскова 6 л., Сдобнова, фельдшерица 5 л. и Каликсовъ на 8 л.

Бѣжали: Изъ Колы — г-жа Рабиновичъ (дѣло с.-р.), изъ Енис. губ. — Софья Гинзбургъ (сосл. по Бак. соц.-дем. дѣлу 31 дек. 1901 г., Ошанина (сарат. демонстр. съ поселенія). Изъ Архангельской тюрьмы бѣжалъ Насимовичъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Загран. Представ. Ц К. получено 500 фр. „на комитетскія нужды".

На изданіе „Соц. Дем." получ. 100 руб. отъ Кубанск. Ком.

Отчетъ Женевской „Эмигрантской Кассы" съ 1-го іюня по 20-ое сентября.

ПРИХОДЪ. Отъ Лиги 77 фр, Со спектакля 18 іюня 155 фр. Съ реферата Плеханова 105 фр. Съ подписныхъ листовъ: № 36 12 фр. 10 с., №п — 15 фр., № 2 — 9 фр., № 38 — 7 фр. 30 с. №Z — 2 фр. Мѣсячные взносы: отъ И. 25 фр., черезъ И. отъ N 21 фр., отъ П. 56 фр., отъ X черезъ П. 15 фр., отъ М. 10 фр. отъ Б. 5 фр., отъ Л. 5 фр. Единовременные взносы: отъ проѣзжаго 20 фр., черезъ Б—да 10 фр., отъ Суб—на 6 фр. 65 с. черезъ П. на простыни и наволочки для эмигрантской квартиры 25 фр., черезъ Б. 20 фр., отъ Д — ча 50 фр., отъ К. к. р. р. 40 фр., отъ дѣвицы X 22 фр. Собрано въ разное время на собраніяхъ 27 фр. 70 с. Остатокъ съ реферата Тр — го 8 фр. Остатокъ съ дискуссіи объ анархизмѣ 10 фр. Прислано: Изъ Брюсселя 9 фр. 50 с., — Гейдельберга 25 фр., — Берлинской Эмигрантской Кассы 66 фр. 35 с. Всего прихода 383 фр. 30 с.

РАСХОДЪ. Дефицитъ съ 1-го мая 79 фр. 79 с. Выдано Д. въ разное время 40 фр., ему же для лѣченія 51 фр.; С. 31 фр., рабочему X 5 фр., П. въ разное время 42 фр. N 20 фр., П. 9 фр. З. 14 фр., А. 20 фр., рабочему 5 фр., П. 5 фр., Л. 16. рабочему черезъ И. 10 фр., Д. 10 фр., черезъ Акс. 15 фр., Я. 10, Н. 5 фр. В. 5, Г. 20, товарищу на дорогу 20, С. 17, рабочему 10, товарищу 1 фр. 50 с., К. 5 фр. Уплочено за эмигрантскую квартиру 140 фр. 45 с.; за печку 9 фр., за бѣлье для эмигрантской квартиры 26 фр., за газъ 4 фр., за мытье половъ 3 фр., за обѣды 208 фр. Всего расхода 386 фр. 74 с. Дефецитъ: 3 фр. 44 с.

Отчетъ Лозанскаго О-ва Краснаго Креста имени П. Л. Лаврова.

ПРИХОДЪ. Къ маю въ кассѣ оставалось 64 фр. 27 с. Съ рефератовъ 9 фр. — Пожертвов. 20 фр. 73 с. — Членск. вз. 31 фр. ИТОГО 125 фр.

РАСХОДЪ. Въ Загр. Ком. Бунда 40 фр. — Въ Лигу 40 фр. — Въ Загр. Ком. Соц.-Рев. 40 фр. — За залу собранія 4 фр. — Почт. расходы 1 фр. ИТОГО 125 фр.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse)

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги")

Типографія Партіи, Rue de la Couleuvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
29 CLINTON ST. NEW YORK

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 76. 20-го октября 1904 г. Годъ IV.

„ПРОТИВЪ ВОЙНЫ“.

Жорэсъ выступилъ „противъ войны“[1]. Онъ апеллируетъ къ „совѣсти цивилизованнаго человѣчества“; онъ требуетъ, чтобы оно „умоляло оба воюющихъ народа прекратить ужасное зрѣлище безполезной и не прекращающейся бойни“; онъ выражаетъ надежду, что этотъ „единодушный, умоляющій призывъ всего человѣчества будетъ услышанъ воюющими сторонами“. „Возможно, и даже необходимо“, говоритъ онъ, „дѣйствовать въ духѣ мира, создать, такъ сказать, нравственную необходимость мира путемъ грандіозной и непрерывной международной манифестаціи гуманности, мудрости, жалости“. И онъ кончаетъ свою статью: „Международный соціализмъ можетъ повсюду содѣйствовать этому необходимому пробужденію, этому необходимому торжеству гуманности и мира. Если повсюду парламенты выразятъ свои сожалѣнія по поводу этой бойни, если они выразятъ пожеланіе, чтобы правительства и народы, не заинтересованные непосредственно въ столкновеніи, вошли между собою въ соглашеніе и дружески посовѣтовали обѣимъ великимъ націямъ заключить миръ, быть можетъ, тогда дипломатія легче найдетъ случай для посредничества и вмѣшательства (intervention). Повторный и настойчивый призывъ къ миру со стороны парламентовъ стараго и новаго свѣта, призывъ, не сопровождаемый попытками оказать прямое или косвенное давленіе, несомнѣнно найдетъ откликъ во всемъ мыслящемъ человѣчествѣ и, наконецъ, отразится и на самомъ ходѣ событій“.

Таковъ „жестъ“, сдѣланный Жорэсомъ „противъ войны“ и въ пользу мира. Незачѣмъ, конечно, тратить много словъ, чтобы доказать, что „международный соціализмъ“ никоимъ образомъ не можетъ и не долженъ встать на путь, рекомендуемый ему краснорѣчивымъ трибуномъ республиканскаго „блока“.

Не на буржуазные парламенты, не на буржуазную „цивилизацію“ можно возлагать „миролюбивыя“ надежды. Буржуазная цивилизація! Какъ будто не она положила начало такимъ кровопролитнымъ побоищамъ, какихъ не зналъ до нея міръ; какъ будто не она отдала на служеніе Молоху милитаризма всѣ чудеса науки, техники, искусства; какъ будто не она создала тотъ „вооруженный миръ“, подъ бременемъ котораго стонутъ народы! Буржуазные парламенты! Какъ будто не англійскій парламентъ одобрилъ войну съ бурами; какъ будто безъ согласія американскаго парламента лилась кровь на Кубѣ и Филиппинахъ; какъ будто не „парламенты стараго и новаго свѣта“ ежегодно ассигнуютъ милліарды на армію и флотъ; какъ будто не они одобрили ту „международную“ экспедицію въ Китай, которая послужила прологомъ теперешней войны; и, наконецъ, какъ будто не парламентскій союзъ съ „цивилизованными“ и „гуманными“ либеральными друзьями заставлялъ жорэсистовъ голосовать за военный бюджетъ во французской палатѣ!

Можно и должно ненавидѣть войну. У войны нѣтъ болѣе ожесточеннаго и послѣдовательнаго противника, чѣмъ революціонный рабочій классъ, и русскій сознательный пролетаріатъ не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но мало ненавидѣть войну; надо понять ее. Надо понять неизбѣжную связь войны со всѣмъ современнымъ общественно-экономическимъ строемъ; надо понять, что лишь съ крушеніемъ капиталистическаго общества исчезнетъ навсегда необходимость кровавыхъ столкновеній; надо понять, что лишь могильщикъ этого общества — пролетаріатъ является дѣйствительнымъ носителемъ идеи мира, что только его революціонная борьба подрѣзываетъ въ корнѣ всякую возможность дикихъ побоищъ. И только понявъ это, можно успѣшно вести борьбу „противъ войны“.

Но для Жорэса и его друзей всѣхъ этихъ соображеній, конечно, не существуетъ, и съ своей точки зрѣнія они вполнѣ послѣдовательны. Кто не понимаетъ революціонной роли классовой борьбы пролетаріата во „внутренней“ политикѣ, для того книгою за семью печатями останется эта роль и въ политикѣ „внѣшней“. Кто великую борьбу труда и капитала думаетъ рѣшить посредствомъ „анонимнаго“ участія въ буржуазномъ правительствѣ, тотъ съ такимъ же правомъ видитъ въ „сотрудничествѣ“ съ парламентаріями другихъ странъ средство положить конецъ кровопролитной войнѣ. Кто возлагаетъ свои „соціалистическія“ надежды на „добрую волю“ и „гуманность“ французской буржуазіи, тотъ, естественно, ищетъ опоры своему „миролюбію“ въ „жалости“ и сентиментальныхъ вздохахъ буржуазіи всемірной.

Если бы вся эта жалкая декламація исходила изъ среды тѣхъ старыхъ дѣвъ буржуазнаго либерализма, которыя обычно слезливыми причитаніями „привѣтствуютъ“ Гаагскія конференціи, основываютъ Лиги мира и т. п., мы могли бы спокойно пройти мимо нея. Но въ данномъ случаѣ кампанія начата подъ флагомъ „соціализма“ и грозитъ, кромѣ того, серьезною опасностью тому самому дѣлу мира, во имя котораго она предпринята. Вотъ почему мы не можемъ оставить „проектъ“ Жорэса безъ вниманія.

Какъ ни похвальны добрыя чувства, внушаемыя Жорэсомъ читателямъ, и какъ бы безвредна ни казалась сама по себѣ его проповѣдь, она — поскольку ведется отъ имени „соціализма“ — совершенно извращаетъ дѣйствительную связь общественныхъ явленій и тѣмъ самымъ затрудняетъ пролетаріату пониманіе тѣхъ методовъ и средствъ, которые могутъ на дѣлѣ увѣнчать успѣхомъ его борьбу противъ милитаризма. Скажетъ ли Жорэсъ, что пролетаріатъ уже имѣетъ силу заставить правительства служить дѣлу „всеобщаго мира“? Скажетъ ли онъ, что канцлеръ германской имперіи будетъ вести все дѣло „дружескаго вмѣшательства“ подъ непрерывнымъ контролемъ и по указаніямъ нѣмецкой соціальдемократіи? Нѣтъ, кто хочетъ теперь вести войну противъ войны, тотъ не на парламенты, не на правительство, не на дипломатію долженъ разсчитывать. Тотъ долженъ вести неустанную революціонную борьбу съ самимъ буржуазнымъ обществомъ, тотъ долженъ подкапывать устои, на которыхъ зиждется зданіе военщины. Хотите вести борьбу противъ войны во Франціи? Отказывайте правительству въ военныхъ кредитахъ, требуйте расторженія позорнаго союза республики съ россійскимъ самодержавіемъ, добивайтесь прекращенія тѣхъ услугъ, которыя „нейтральная“ Франція оказываетъ царизму, ведите неустанную агитацію противъ всего капиталистическаго строя, разорвите свой союзъ съ буржуазными республиканцами, изобличайте на каждомъ шагу ихъ лицемѣріе, ихъ буржуазную ограниченность, ихъ предательство интересовъ народа во имя биржевыхъ спекуляцій, словомъ, будьте революціонными соціальдемократами у себя дома и поддерживайте революціонное соціальдемократическое движеніе пролетаріата во всемъ мірѣ! И тогда, можетъ быть, не столь „малымъ“ покажется вамъ значеніе революціонной борьбы рабочаго класса въ странахъ, не имѣющихъ парламента, какъ это показалось тов. Анзееле на Амстердамскомъ конгрессѣ, и не столь великимъ значеніе буржуазныхъ парламентовъ „стараго и новаго свѣта“, какъ это кажется Жорэсу. Тогда вы увидите, что единственной дѣйствительной силой, требующей и могущей добиться мира, и въ Россіи является революціонный пролетаріатъ.

Да, оппортунизмъ имѣетъ свою логику. Но эта логика не можетъ быть логикой „международнаго соціализма“. Вѣрный своимъ революціоннымъ традиціямъ, международный соціализмъ только революціоннымъ путемъ можетъ содѣйствовать наступленію мира. Русская революція — вотъ единственный путь, который можетъ положить скорый конецъ бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Мы никакъ не можемъ согласиться съ Жорэсомъ, будто эта бойня не вызвана „никакой исторической необходимостью“, и будто достаточно было „немножко мудрости и умѣренности“, чтобы предотвратить ее. Нѣтъ, она вызвана „исторической необходимостью“, но имя этой „необходимости“ — русское самодержавіе, и чѣмъ рѣзче и основательнѣе будетъ его крушеніе, тѣмъ быстрѣе и несомнѣннѣе покончится война. И вотъ почему, кто противъ войны, тотъ за русскую революцію, а кто за русскую революцію, тотъ за революціонное соціальдемократическое движеніе русскаго пролетаріата, ибо внѣ этого движенія могутъ быть кое какія реформы, можетъ быть даже кое-какая конституція, но не можетъ быть революціи, которая одна только навѣрное и цѣликомъ будетъ „противъ войны“, ведущейся во имя интересовъ династіи Романовыхъ.

И тѣмъ вреднѣе затѣя Жорэса, что, въ случаѣ успѣха, она не можетъ, при данныхъ обстоятельствахъ, кончиться ничѣмъ инымъ кромѣ манифестаціи въ пользу россійскаго самодержавія. Какъ ни разыгриваетъ изъ себя царское правительство „гордаго испанскаго дворянина“ каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о „дружественномъ посредничествѣ“, но нѣтъ сомнѣнія, что посредничество „правительствъ“ и „дипломатіи“ для прекращенія войны для него неизмѣримо пріятнѣе того „посредничества“, которое готовитъ ему русская революція. И это тѣмъ болѣе, что „дружественную“ Францію, прежде всего, имѣетъ Жорэсъ шансы подвинуть на желательный ему путь, и что противъ Японіи съ ея „чрезмѣрными“ требованіями естественно должно будетъ обратиться вмѣшательство державъ. Царское правительство, конечно, скорѣе, чѣмъ Японія, согласится на возстановленіе того status quo, которое было до войны, и, пожалуй даже, съ нѣкоторыми урѣзками; ибо въ этотъ status будетъ входить все то, что оно успѣло хищнически захватить у Китая. Но если Жорэсъ напоминаетъ, что вмѣшательство Франціи, Германіи и Россіи „въ пользу“ Китая и противъ Японіи въ 1895 году положило начало тому конфликту, который теперь кровью разрѣшается на Дальнемъ Востокѣ, то гдѣ ручательство, что новое вмѣшательство противъ Японіи въ пользу россійскаго царизма не послужитъ толчкомъ къ той международной войнѣ, которая зальетъ кровью не одни Манджурскія поля, но и весь міръ? А что отъ „дружескаго“ совѣта до вооруженнаго вмѣшательства рукой подать, въ этомъ, при современной комбинаціи интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пусть только „правительства“ получатъ полномочія на „посредничество“ отъ парламентовъ, да еще съ участіемъ соціалистовъ, они уже сумѣютъ распорядиться ими, не спрашивая дальше „гуманныхъ“ совѣтовъ Жорэса. И кто знаетъ: быть можетъ, въ интересахъ „цивилизаціи“, найдутся „соціалисты“, которые и нужные для „успѣха посредничества“ кредиты ассигнуютъ...

Нѣтъ, по этому пути „международный соціализмъ“ пойти не можетъ, не можетъ именно потому, что онъ „противъ войны“. И какъ ни печально для „чести человѣческаго рода, населяющаго нашу планету“, что нельзя разсчитывать на гуманность „цивилизованнаго человѣчества“, соціализмъ можетъ утѣшиться, возложивъ свои надежды на революціонность сознательнаго пролетаріата. И эта надежда не обманетъ.

---

[1] L'Humanité № 182.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА.

Пролетарское движеніе въ Россіи стоитъ наканунѣ крупныхъ историческихъ событій, которыя предъявятъ громадныя требованія къ его политической зрѣлости и сознательности. Близится моментъ, когда пролетаріату придется выступить, какъ политической силѣ, передъ лицомъ всей Россіи, пробуждающейся отъ вѣкового сна, когда отъ позиціи, занятой пролетаріатомъ въ волнующихъ всю страну вопросахъ, будетъ немало зависѣть направленіе, въ которомъ будутъ рѣшаться эти вопросы; когда, въ силу этого, русскій пролетаріатъ станетъ для всѣхъ интереснымъ, всѣмъ „дорогимъ“... какъ „дорогъ“ всякій предметъ тому, кто хочетъ его сдѣлать „своимъ“. Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать русскій пролетаріатъ „своимъ“ для тѣхъ, кто вчера еще болѣе или менѣе игнорировалъ его существованіе, какъ фактора политической жизни. Ибо рѣчь будетъ идти о томъ, чтобы сдѣлать пролетаріатъ *чужимъ* дѣлу его собственной *классовой борьбы.*

Было бы нелѣпымъ сектантствомъ „бояться“ такого перехода изъ блаженной обстановки политическаго подполья въ полный соблазновъ міръ открытой политической жизни. Трусливымъ филистерствомъ было бы закрывать глаза на то, что этотъ переходъ совершается, можно сказать, на нашихъ глазахъ и что, поэтому, *уже сейчасъ* надо пролетаріату готовиться къ предстоящему экзамену его политической зрѣлости.

Пролетараітъ становится „дорогимъ“ для многихъ изъ тѣхъ, кто до сего дня „не замѣчалъ“ его существованія. До такой степени „дорогимъ“, что его начинаютъ *защищать*... противъ злостнаго обвиненія въ „классовомъ эгоизмѣ“ его политическихъ побужденій. „Политическое рабочее движеніе... скорѣе идейное движеніе, чѣмъ „классовое“ въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ защиты экономическихъ интересовъ класса... именно сейчасъ его идейная оболочка ставитъ его въ одинъ рядъ со всѣми остальными оппозиціонными движеніями: оно направлено не противъ власти капитала, а противъ политическаго деспотизма, не противъ толстой мошны, а противъ нагаекъ и штыковъ, и сердце рабочаго бьется за идеалъ свободы *такъ же безкорыстно, какъ и сердце интеллигента*“ (курсивъ нашъ). Такъ заявляетъ авторъ передовой программной статьи второй книги „Освобожденія“, г. Независимый (Отцы и дѣти. Къ характеристикѣ нашихъ политическихъ направленій). „Каково бы ни было наше мнѣніе объ общей соціологической цѣнности гипотезы экономическаго матеріализма, сколько бы полезной мы ни считали ее для историческаго *изученія*, для научнаго *обобщенія* широкихъ историческихъ періодовъ, бываютъ моменты въ жизни народа, когда *участники* самаго историческаго движенія *не могутъ* мыслить матеріалистически и съ точки зрѣнія этого образа мыслей оцѣнивать свое собственное дѣло“. „Въ такія минуты отступаютъ на задній планъ всѣ эгоистическіе и матеріальные помыслы и раздоры; „всѣ за одного и каждый за всѣхъ“ становится лозунгомъ времени, и энтузіазмъ самопожертвованія на пользу общаго дѣла охватываетъ не только личности, но и цѣлые классы“ (стр. 3).

Участники движенія „не могутъ мыслить матеріалистически“! Это значитъ — они не могутъ отдавать себѣ отчетъ въ классовомъ характерѣ своей собственной борьбы. А „догматическое тупоуміе“, которое пытается раскрыть борцамъ этотъ характеръ, ослабляетъ самое движеніе, ибо подрываетъ въ корнѣ необходимый для его успѣха революціонный энтузіазмъ. „Компрометтировать скептическимъ сомнѣніемъ самый фактъ общенароднаго объединенія передъ лицомъ великой національной задачи, оспаривать его необходимость, и съ преувеличенной подозрительностью заботиться о дѣлежѣ шкуры еще не убитаго медвѣдя — врядъ ли особенно умно“.

Если все это перевести на языкъ политической прозы, то надо будетъ констатировать, что „Освобожденіе“ протестуетъ противъ *позиціи соціальдемократовъ* въ борьбѣ съ самодержавіемъ, объявляя ее вредной для дѣла свободы. Какъ мы видѣли выше, русское рабочее движеніе, подъ перомъ г. Независимаго, оказывается свободнымъ отъ вліянія классовыхъ интересовъ, и въ этомъ отношеніи, не уступаетъ другимъ видамъ общественнаго движенія. „Студенческія волненія и земская оппозиція, политическія убійства и политическія демонстраціи, сектантское движеніе въ народѣ и философско-идеалистическое движеніе въ интеллигенціи — во всемъ этомъ нѣтъ слѣдовъ классовой ограниченности и хозяйственной заинтересованности“. Напрасно г. Независимый не включилъ въ этотъ перечень: „всеобщія“ стачки на югѣ и крестьянскія аграрныя волненія, — тогда особенную убѣдительность пріобрѣло бы его увѣреніе, что нѣтъ даже „слѣдовъ хозяйственной заинтересованности“ въ броженіи пролетаріата, толкающемъ его на путь политическихъ демонстрацій, и въ броженіи среди крестьянства, создающемъ благопріятную почву для сектанства.

Разъ „разногласія между либералами и революціонерами“ не отражаютъ собой никакой классовой борьбы, — то для объясненія несомнѣннаго факта раздѣленія оппозиціи на революціонеровъ и либераловъ намъ остается аппелировать къ фактору... физіологическому. Не „сколько-нибудь точно опредѣленныя общественныя группы“ имѣются передъ нами, а „группы людей съ различными темпераментами, различнымъ общимъ положеніемъ въ жизни (не только общественнымъ, но и семейнымъ, возрастнымъ и т. п.), различнымъ богатствомъ жизненной опытности и личной отваги“. Короче — передъ нами „отцы“ и „дѣти“. Къ нимъ и обращается г. Независимый съ страстнымъ призывомъ протянуть другъ другу руки, соединиться въ общей борьбѣ за „свободу духа, свободу для всѣхъ и каждаго“.

На очереди дня опять стоитъ призывъ къ „всеобщему братству“ въ дѣлѣ борьбы съ однимъ врагомъ. Снова отъ русскихъ соціалистовъ требуютъ, чтобы они положили въ карманъ — въ интересахъ побѣды надъ царизмомъ — свой соціализмъ, поскольку онъ *обязываетъ* своихъ адептовъ къ анализу классовыхъ отношеній въ каждый данный моментъ и къ „матеріалистическому отношенію къ своему собственному дѣлу“. Странная вещь! Каждый разъ, когда заговариваютъ объ единомъ врагѣ — царизмѣ, объ общей для всѣхъ задачѣ — борьбы съ нимъ, въ сторону соціальдемократовъ и сознательнаго пролетаріата посылается укоризненный взглядъ и слышатся словечки о „догматическомъ тупоуміи“ и поврежденіи интересовъ свободы. Правда, г. Независимый спѣшитъ насъ увѣрить, что средце пролетарія бьется такъ же безкорыстно, какъ и сердца гг. Стаховича, Шипова и князя Львова; но въ то время, какъ гг. Стаховичъ и его присные сознаютъ свое собственное безкорыстіе и „идеалистически“ смотрятъ на свою собственную борьбу, пролетаріатъ, идущій подъ знаменемъ соціальдемократіи, старается „матеріалистически относиться къ своему собственному дѣлу“ и, что при этомъ неизбѣжно и что хуже всего, „матеріалистически“ заглядываетъ въ подоплеку Шиповскаго безкорыстія. И г. Независимый долженъ констатировать, что лишенное всякой „классовой ограниченности“ безкорыстіе Шипова „сливается въ одинъ могучій потокъ“ съ самой идеалистической борьбой съ царизмомъ, тогда какъ столь же неограниченное „хозяйственной заинтересованностью“ безкорыстіе соціальдемократіи испорчено ограниченностью умственной и ведетъ къ поврежденію интересовъ борьбы за свободу. Выходитъ, что, если не ради своей мошны, то pour les beaux yeux de Marx, но все-таки русскій пролетарій наноситъ ущербъ дѣлу освобожденія. То, что началъ г. Независимый, кончилъ и пояснялъ передовикъ „Рев. Россіи“ (см. № 53 „На два фронта“). Какъ всѣмъ хорошо памятно, гг. соціалисты-революціонеры давно уже провозгласили то, что разсказываетъ г. Независимый: именно, что противоположность между русскимъ либерализмомъ и русскимъ соціализмомъ, далекая отъ того, чтобы быть отраженіемъ антагонизма имущихъ и неимущихъ, является противоположностью между умѣренными и трусливыми отцами и радикальными и самоотверженными дѣтьми. Естественно было, поэтому, ожидать, что соціалисты-революціонеры на завтра послѣ того, какъ проголосовали на Амстердамскомъ съѣздѣ „дрезденскую“ резолюцію, примутъ руку, братски протянутую имъ гг. Независимыми. И, однако, „Рев. Рос.“ этого не сдѣлала. О, нѣтъ! „Мы не хотимъ никакой общей компромиссной политики либерально-соціалистическаго „блока“, мы отвергаемъ всякую мысль объ урѣзываніи своей программы или тактики ради внесенія гармоніи въ дѣятельность различныхъ элементовъ“. Эти слова имѣютъ всѣ шансы быть переведенными г. Рубановичемъ на европейскіе языки для ознакомленія „братской семьи соціалистическихъ партій“ съ направленіемъ только что принятаго въ эту семью Веньямина. А для г. Независимаго и братской семьи „идеалистовъ“, собираемой имъ около знамени „Освобожденія“, предназначены слѣдующія за симъ строки: „Единственно о чемъ бы здѣсь могла идти рѣчь — это объ опредѣленіи такихъ элементовъ и такихъ требованій, которые уже въ настоящее время общи программамъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ партій; иными словами, можетъ идти рѣчь лишь объ операціи, которая подобна математическому выдѣленію и „вынесенію за скобки“ общаго множителя различныхъ величинъ“ (Р. Р. № 53 стр. 2.).

Совершенно очевидно, что, при вынесеніи за скобки „общаго множителя“ различныхъ политическихъ программъ, роль такого множителя играетъ программа того теченія, которое требуетъ отъ современнаго режима *всего меньше.* „Общимъ множителемъ“ для умѣренныхъ либераловъ, крайнихъ демократовъ и соціалистовъ явится *конституціонная реформа нынѣшняго режима.* Вынести его „за скобки“ различныхъ программъ необходимо, чтобы получить отчетливое представленіе о характерѣ и содержаніи наличныхъ общественныхъ движеній. Но должна ли эта операція вынесенія за скобки опредѣлять собою, хотя бы въ извѣстной степени, *политическую тактику* той партіи, отъ программы которой, послѣ этой операціи, „въ скобкахъ“ остается ея „душа“, сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронутъ въ „Рев. Рос.“. Должны ли соціалисты опредѣлять тактику своей борьбы въ *данный моментъ* простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ программъ и выведеніемъ „за скобки“, въ качествѣ „множителя“ общихъ и союзныхъ дѣйствій, того, что въ этихъ программахъ есть общаго, т. е. — „долой самодержавіе“? Такъ именно смотрятъ „освобожденцы“, и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ „Рев. Рос.“, когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ соціалистическаго оппортюнизма, заявляетъ: „Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ идти лишь о координированіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу... Какъ видите, для *согласованности дѣйствій* тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные соціальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, — имѣется довольно узкая и ограниченная область. Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, — намъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ“.

Яснѣе нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши „соціалисты“ обѣщаютъ либераламъ „координированность дѣйствій“ на основѣ „выведенія за скобки“ того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они обѣщаютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся „ограниченія царской власти“ и не требуютъ отъ нихъ постановки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія *демократическимъ* государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать *всеобщаго избирательнаго права*. Партія „трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи“, они готовы оказать идущимъ къ государственной власти „конституціоналистамъ“ всякую поддержку, не обезпечивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый порядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ россійская соціальдемократія болѣе года назадъ именно *этимъ* условіемъ связала вопросъ о „координированности“ *своихъ* дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то „Рев. Рос.“ и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціальдемократіи въ томъ, что она „неисправимо глуха къ голосу жизни“, которая де требуетъ „достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій *всѣхъ* противниковъ самодержавія“; что она „сама себѣ создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе“; что она „будетъ вести равно ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта“; что она даже не хочетъ образовать „соціалистическаго блока“ изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ: объединитесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! „Соціалистъ-революціонеръ“, угодливо повиливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: Мы—съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что они „ревниво поддерживаютъ свое изолированное положеніе“, потому что „слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закостенѣвшія секты“, „слишкомъ заняты догматическимъ буквоѣдствомъ“ (ibid, стр. 3)! Точь въ точь жорэсисты, натравливающіе буржуазную публику на гедистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради „марксовой догмы!“

Въ виду начинающейся послѣдней аттаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію *демократическаго режима*, или ея политическіе представители сохранятъ за собою свободу заключить въ любой моментъ съ падающимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику *народныхъ* партій въ дѣлѣ „координированія“ своихъ дѣйствій съ дѣйствіями „имущихъ и сытыхъ“. И если именно теперь крики о необходимости „единенія“ сопровождаются змѣинымъ шипомъ о „догматическомъ тупоуміи“ партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякого должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой „координированности дѣйствій“, *которая не обязывала бы „умѣренную“ оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалицій* [1].

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту „странность“. Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый соціальдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ, его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя самодержавіемъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организаціи ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на „третій элементъ“; его добровольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве — отъ антисемитскихъ громилъ — жизни, чести и имущества *всѣхъ* евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не *можетъ указать ни одного случая*, когда бы пролитіе *его* крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ „отцовъ“. И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и соціальдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться *всякимъ* случаемъ нанести лишній ударъ царизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ единеніи, соціальдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать *себя* какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія, вы, увѣряющіе, что „безкорыстно“ боретесь за свободу для всѣхъ?

И вотъ черезъ $1^1/_2$ почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: „догматическое тупоуміе“. Не думаютъ ли гг. „освобожденцы“, что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ „матеріалистическаго отношенія“ къ либеральному движенію! Не думаютъ ли они *такими* отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недовѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А „соціалистамъ-революціонерамъ“ мы скажемъ, что, своимъ двусмысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшаться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ *свои* классовыя знамена, — въ этотъ именно моментъ эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ „общемъ врагѣ“, „глухотѣ“ и „слѣпотѣ“ и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазіи во всей рѣзкости и ясности вопроса: „съ народомъ или противъ народа?“

* * *

„Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи“, говоритъ г. Независимый (стр. 3), „мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплуатацію! Это постоянное запугиваніе французской революціей, столь популярное, по странной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ слоевъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. „Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ“. Но не мѣшало бы призанять и энтузіазмъ отцовъ! *Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно-общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже съумѣемъ справиться!*“ (стр. 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ „Новаго Времени“, г. Независимый изъ „Освобожденія“ „захотѣлъ“ великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами „добывали“ себѣ великую революцію, а наши Демулены не идутъ дальше формулы: „пусть намъ *дадутъ*“. Знаменательная „фигура рѣчи!“

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ „идеалистъ“ — въ *отпоръ, боящимся разочарованій прошлыхъ революцій* — обѣщаетъ, что, буде революція совершится, онъ и его присные „съ ея вредными послѣдствіями уже съумѣютъ справиться“. Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ „вредными послѣдствіями“ здѣсь разумѣется не что иное, какъ *разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты.* Русскіе соціалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы уже справимся съ вредными послѣдствіями этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, іюньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья съумѣютъ справиться съ „вредными послѣдствіями!“ Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности „справиться“ съ ними свойственными имъ мѣрами — мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата — мы и считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя усвоить пролетаріату „матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу“, выяснить буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту его политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему *такая* революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ „вредныхъ послѣдствій“, въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ *соціализма*, но и въ интересахъ *политической свободы*. Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ „разочарованій“, о которыхъ ему напоминаютъ соціальдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ея кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія. Какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ *такими* „вредными послѣдствіями“ буржуазія побѣдительница съумѣетъ справиться. Но — и объ этомъ г. Независимый забываетъ — справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ должно держаться зданіе „свободы для всѣхъ и каждаго“. Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ-же натискѣ цезаристской реакціи...

Реальный историческій антагонизмъ между соціальными силами слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши „идеалисты“ пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между „свободой всѣхъ и каждаго“ и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ, суровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слишкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкусившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго *самовнушенія*, „моментально“ забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый „реализмъ“ бернштейніанства и уносящаго нашихъ „идеалистовъ“ въ снятую ими на прокатъ высь „вѣчныхъ истинъ“. Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), „должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только оно одно даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (!!!) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его *религіозной вѣрой*“ (курсивъ нашъ). „Сдѣлать“ религіозную вѣру — въ этомъ весь смыслъ, вся сущность, вся неприкрашенная правда „идеалистическаго“ ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка этотъ, фабричнымъ методомъ изготовляемый, „идеализмъ“, этотъ „паровой цыпленокъ“, высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой „души“, такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся въ всестороннихъ возбудителяхъ похотливости современнаго Übermensch'а. И этотъ паровой цыпленокъ новѣйшаго „идеализма“ долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немыслима, дѣйствительно немыслима, революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! „Идеализмъ“, неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ

---

[1] Въ № 58 „Освобожденія“, въ отвѣтъ на письмо нѣкоего Хешо, обвиняющаго „освобожденцевъ“ въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ „ломится въ открытую дверь“. Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора“, то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже).

Въ Амстердамѣ. [1]

(Мысли и замѣтки.)

III.

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1. Международныя правила соціальдемократической политики; 2. Колоніальная политика; 3. Эмиграція и иммиграція; 4. Всеобщая стачка; 5. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6. Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: и того уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ то же полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: *вопросъ о всеобщей стачкѣ*. Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставлять требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны и подкрѣплять это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его“.

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины“. Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И хотя въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи, — какъ и во многихъ другихъ, — довольно сильно попятились назадъ, но все-таки у насъ даже въ откровенно-буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ — рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „баба не человѣкъ“. Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплуатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ *работницу* товарищемъ *работника*. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, *равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола*. Поэтому, привлекая *работницъ* къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, *работники* должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціальдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны, — какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его *только для мужчинъ*, — то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортюнизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціальдемократіи вліяніе оппортюнизма равно нулю; и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о *трэстахъ*, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи) его въ нынѣшнемъ году снова поставили на очередь. И не удивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ трэсты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающая страна есть классическая страна трэстовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными *монополіями*, отстаивая *свободу конкурренціи*. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry“. Но діалектика буржуазнаго общества такова, что, — какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“, — конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ *трэсты*. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей“, по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только *производствомъ*. Руководители трестовъ становятся господами также и въ области *сбыта*, властно диктуя свои условія *потребителямъ*. Въ виду всего этого неудивительно, что трэсты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе“ всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для борьбы съ ихъ тиранніей. Но это требованіе мелкой буржуазіи имѣетъ *консервативный* или даже *реакціонный* характеръ. Остановить развитіе трэстовъ значило бы — если бы можно было остановить его, — задержать экономическое развитіе всего современнаго общества. Вотъ почему соціалистическій пролетаріатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованіе. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополіей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трэстами колоссальныхъ предпріятій. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революція, а не реформа, — писалъ, напримѣръ, даже оппортюнистъ Гейлордъ Уильшайръ въ іюлѣ 1902 г., — мы требуемъ національзаціи промышленности“. Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскій международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трэстовъ или задерживать ихъ развитіе“ и что усилія этихъ партій „должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли [1].

Амстердамскій съѣздъ призналъ — да и нельзя этого не признать, — что трэсты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчіе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленіе сгладить это противорѣчіе, „притупить“ его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчіе, какъ на точку опоры для революціонной дѣятельности, объявивъ, что такъ какъ трэсты являются угрозой профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата то „рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу, — національную и международную, — какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплуатаціи и единственое средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ“.

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende“ (противорѣчіе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соціальной политики“ пролетаріата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философіей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „*притупленіи*“, а именно въ *обостреніи* свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго“ взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать“ и „притуплять“. Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она, — при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, — способна препартіи, отъ программы которой, послѣ этой операціи, „въ скобкахъ" остается ея „душа", сущность ея основныхъ стремленій? Къ этому сводится вопросъ, который затронутъ въ „Рев. Рос.". Должны ли соціалисты опредѣлять тактику своей борьбы въ *данный моментъ* простымъ сочетаніемъ наличныхъ общественныхъ программъ и выведеніемъ „за скобки", въ качествѣ „многожителя" общихъ и союзныхъ дѣйствій, того, что въ этихъ программахъ есть общаго, т. е. — „долой самодержавіе"? Такъ именно смотрятъ „освобожденцы", и такъ же точно рѣшаетъ этотъ вопросъ „Рев. Рос.", когда, подойдя къ нему съ осторожностью, явно говорящей о блудливомъ желаніи не замочить хвоста въ болотѣ соціалистическаго оппортюнизма, заявляетъ: „Что касается до дѣйствій различныхъ партій противъ самодержавія, то рѣчь можетъ идти лишь о координированіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они не противорѣчатъ другъ другу... Какъ видите, для *согласованности дѣйствій* тѣхъ враждебныхъ самодержавію партій, которыя представляютъ собою различные соціальные элементы, съ противорѣчивыми классовыми интересами, — имѣется довольно узкая и ограниченная область. Но было бы въ высшей степени неумно и вредно для интересовъ революціоннаго дѣла совершенно игнорировать ту простую истину, что врагъ нашего врага, — въ извѣстныхъ предѣлахъ, — намъ, если не другъ, то временный попутчикъ, случайный союзникъ".

---

[1] Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива“, давъ понять, что *я* употребляю его вслѣдъ *за Гоголемъ*. Въ печати оно оказалось приписаннымъ *Крылову*. Моей вины тутъ нѣтъ.

[1] Это рѣшеніе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 7 „Искры“.

Яснѣе нельзя выразиться: въ моментъ, когда дѣло идетъ о непосредственномъ выставленіи лозунговъ политической борьбы съ падающимъ режимомъ, наши „соціалисты" обѣщаютъ либераламъ „координированность дѣйствій" на основѣ „выведенія за скобки" того общаго, что имѣется въ программахъ всѣхъ враговъ самодержавія. Они обѣщаютъ такую координированность русскимъ либераламъ, добивающимся „ограниченія царской власти" и не требуютъ отъ нихъ постановки на очередь вопроса о замѣнѣ самодержавія *демократическимъ* государствомъ. Они обязуются вступать въ союзныя дѣйствія съ либералами, не получивъ отъ нихъ обязательства требовать *всеобщаго избирательнаго права*. Партія „трудовыхъ крестьянъ, рабочихъ и интеллигенціи", они готовы оказать идущимъ къ государственной власти „конституціоналистамъ" всякую поддержку, не обезпечивъ крестьянамъ, рабочимъ и интеллигенціи того, что новый порядокъ не оставитъ ихъ политически-безправными.

И такъ какъ россійская соціальдемократія болѣе года назадъ именно *этимъ* условіемъ связала вопросъ о „координированности" *своихъ* дѣйствій съ дѣйствіями либеральной буржуазіи, то „Рев. Рос." и посвящаетъ вторую половину своей статьи обвиненію соціальдемократіи въ томъ, что она „неисправимо глуха къ голосу жизни", которая де требуетъ „достигнуть возможно большаго координированія дѣйствій *всѣхъ* противниковъ самодержавія"; что она „сама себѣ создаетъ и ревниво поддерживаетъ свое изолированное положеніе"; что она „будетъ вести равно ожесточенную войну даже не на два, а на всѣ четыре фронта"; что она даже не хочетъ образовать „соціалистическаго блока" изъ различныхъ соціалистическихъ организацій.

Поучительная картина: либеральный писатель взываетъ: объединитесь всѣ для борьбы съ общимъ врагомъ! „Соціалистъ-революціонеръ", угодливо повиливая хвостикомъ, отвѣчаетъ: Мы—съ удовольствіемъ, а вотъ тѣ, рядомъ съ нами, тѣ не пойдутъ, потому что они „ревниво поддерживаютъ свое изолированное положеніе", потому что „слишкомъ ясно обнаруживаютъ тенденцію вырождаться въ закостенѣвшія секты", „слишкомъ заняты догматическимъ буквоѣдствомъ" (ibid, стр. 3)! Точь въ точь жорэсисты, натравливающіе буржуазную публику на гедистовъ, якобы, предающихъ дѣло республиканской свободы ради „марксовой догмы!"

Въ виду начинающейся послѣдней аттаки на самодержавіе, будетъ ли либеральная буржуазія идти вмѣстѣ съ пролетаріатомъ къ завоеванію *демократическаго режима*, или ея политическіе представители сохранятъ за собою свободу заключить въ любой моментъ съ падающимъ режимомъ конституціонную сдѣлку, которая лишитъ основныхъ политическихъ правъ народныя массы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ только и можетъ опредѣлять собой тактику *народныхъ* партій въ дѣлѣ „координированія" своихъ дѣйствій съ дѣйствіями „имущихъ и сытыхъ". И если именно теперь крики о необходимости „единенія" сопровождаются змѣинымъ шипомъ о „догматическомъ тупоуміи" партіи пролетаріата и о вредѣ, приносимомъ ею дѣлу свободы, то для всякого должно быть ясно, что дѣло идетъ о кампаніи, направленной къ тому, чтобы добиться такой „координированности дѣйствій", *которая не обязывала бы „умѣренную" оппозицію написать въ числѣ своихъ требованій всеобщее избирательное право и полную свободу слова и коалицій* [1]).

Въ самомъ дѣлѣ. Обратите вниманіе на эту „странность". Въ теченіе ряда лѣтъ руководимый соціальдемократіей сознательный пролетаріатъ только и дѣлаетъ, что поддерживаетъ всякій политическій протестъ, исходящій изъ буржуазнаго общества. Онъ демонстрируетъ въ защиту отданныхъ въ солдаты студентовъ, его пресса выноситъ на свѣтъ гласности всѣ мерзости, совершаемыя самодержавіемъ противъ самоуправляющейся буржуазіи; его организаціи ведутъ въ народныхъ массахъ агитацію по поводу каждаго башибузукскаго набѣга на земства, на легальную печать, на „третій элементъ"; его доброгольческія дружины идутъ подъ солдатскія пули для защиты отъ янычаръ Плеве — отъ антисемитскихъ громилъ — жизни, чести и имущества *всѣхъ* евреевъ, будутъ ли то буржуа или пролетаріи. Въ свою очередь, пролетаріатъ не *можетъ указать ни одного случая*, когда бы пролитіе *его* крови, униженіе его сыновей, разореніе его семей вызвало бы смѣлый, открытый протестъ свободолюбивыхъ „отцовъ". И эти послѣдніе не могутъ указать ни одного случая, когда бы сознательный пролетаріатъ и соціальдемократія не были бы готовы выполнить взятаго на себя долга пользоваться *всякимъ* случаемъ нанести лишній ударъ царизму. Въ отвѣтъ на туманныя и пустыя фразы объ общемъ единеніи, соціальдемократія заявила открыто и прямо: вотъ тѣ условія, принятіе которыхъ дѣлаетъ для пролетаріата возможнымъ связать *себя* какими либо политическими обязательствами въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Принимаете ли эти условія, вы, увѣряющіе, что „безкорыстно" боретесь за свободу для всѣхъ?

И вотъ черезъ 1½ почти года послѣ того, какъ вопросъ поставленъ, получается первый отвѣтъ, и онъ гласитъ: „догматическое тупоуміе". Не думаютъ ли гг. „освобожденцы", что такими отвѣтами они побудятъ русскихъ пролетаріевъ отказаться отъ „матеріалистическаго отношенія" къ либеральному движенію! Не думаютъ ли они *такими* отвѣтами убить въ русскихъ пролетаріяхъ то недовѣріе, которое въ нихъ воспитала безславная исторія русскаго либерализма?

А „соціалистамъ-революціонерамъ" мы скажемъ, что, своимъ двусмысленнымъ, половинчатымъ и политиканскимъ отношеніемъ къ вопросу, они блистательно подтверждаютъ характеристику, данную имъ II съѣздомъ нашей партіи. Въ моментъ, когда должна рѣшаться на долгіе годы судьба освобождающейся Россіи, когда различныя соціальныя силы собираются подъ *свои* классовыя знамена, — въ этотъ именно моментъ эти люди путаются въ ногахъ у пролетаріата со своими жалкими фразами объ „общемъ врагѣ", „глухотѣ" и „слѣпотѣ" и т. д. и больше всего стараются о томъ, чтобы не дать поставить буржуазіи во всей рѣзкости и ясности вопроса: „съ народомъ или противъ народа?"

* * *

„Пусть не указываютъ намъ на примѣръ великой французской революціи", говоритъ г. Независимый (стр. 3), „мечтавшей въ сверхчеловѣческомъ подъемѣ творческихъ силъ осуществить всеобщее братство человѣчества и осуществившей только буржуазную эксплуатацію! Это постоянное запугиваніе французской революціей, столь популярное, по странной исторической комбинаціи идей, у наиболѣе радикальныхъ слоевъ русской оппозиціи, не только смѣшно, но и вредно. „Богаты мы, едва изъ колыбели, ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ". Но не мѣшало бы призанять и энтузіазмъ отцовъ! *Пусть намъ дадутъ сперва французскую революцію со всѣми ея истинно общечеловѣческими плодами, а съ вредными ея послѣдствіями мы уже съумѣемъ справиться!*" (стр. 3, курсивъ нашъ).

Вслѣдъ за г. Меньшиковымъ изъ „Новаго Времени", г. Независимый изъ „Освобожденія" „захотѣлъ" великой французской революціи на русской почвѣ. Желаніе весьма похвальное. Только... только одно меня смущаетъ: великіе буржуа 1789 г. сами „добывали" себѣ великую революцію, а наши Демулены не идутъ дальше формулы: „пусть намъ *дадутъ*". Знаменательная „фигура рѣчи!"

Дѣло, однако, не столько въ этой характерной обмолвкѣ, сколько въ той наивности, съ которою нашъ „идеалистъ" — *въ отвѣтъ, боящимся разочарованій прошлыхъ революцій* — обѣщаетъ, что, буде революція совершится, онъ и его присные „съ ея вредными послѣдствіями уже съумѣютъ справиться". Вотъ онъ, голосъ сердца! И, вѣдь, подъ „вредными послѣдствіями" здѣсь разумѣется не чтовное, какъ *разочарованіе, которое охватывало народныя массы, когда онѣ, совершивъ революцію, замѣчали, что она не освободила ихъ отъ нищеты.* Русскіе соціалисты ставятъ себѣ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы не повторилось и у насъ того же разочарованія? Г. Независимый отвѣчаетъ: положитесь на насъ, мы ужо справимся съ вредными послѣдствіями этого разочарованія. И передъ нашими глазами встаютъ картины разстрѣловъ на Марсовомъ полѣ, возстаніе бабувистовъ, іюньскіе дни 1848 года... Вы правы, г-нъ Независимый, ваши собратья съумѣютъ справиться съ „вредными послѣдствіями!" Но именно для того, чтобы не дать имъ возможности „справиться" съ ними свойственными имъ мѣрами — мѣрами буржуазной реакціи на революціонныя проявленія пролетаріата — мы и считаемъ прежде всего обязательнымъ для себя усвоить пролетаріату „матеріалистическое отношеніе къ его собственному дѣлу", выяснить буржуазный характеръ предстоящей революціи и ту его политическую позицію въ ней, которая гарантируетъ ему достиженіе максимума того, что можетъ дать ему *такая* революція, и которая, тѣмъ самымъ, застраховываетъ его отъ „вредныхъ послѣдствій", въ видѣ разочарованія. И мы обязаны дѣлать это не только въ интересахъ *соціализма*, но и въ интересахъ *политической свободы*. Г. Независимый совершенно не понимаетъ, въ чемъ сущность тѣхъ послѣ-революціонныхъ „разочарованій", о которыхъ ему напоминаютъ соціальдемократы. Если бы дѣло шло только о вспышкахъ отчаянія народной массы, убѣдившейся, что завоеванный ея кровью режимъ не обезпечиваетъ ей человѣческаго существованія. Какъ вѣрно указываетъ г. Независимый, съ *такими* „вредными послѣдствіями" буржуазія-побѣдительница съумѣетъ справиться. Но — и объ этомъ г. Независимый забываетъ — справившись, такъ или иначе, съ этими вспышками отчаянія, буржуазія подсѣкаетъ тотъ самый сукъ, на которомъ должно держаться зданіе „свободы для всѣхъ и каждаго". Разочарованная дважды, безсознательная народная масса проникается индифферентизмомъ къ дѣлу свободы и покидаетъ буржуазный либерализмъ при первомъ-же натискѣ цезаристской реакціи...

Реальный историческій антагонизмъ между соціальными силами слагающагося буржуазнаго общества и наличной государственной формой наши „идеалисты" пытаются свести къ его идеологическимъ проявленіямъ, къ голому антагонизму между „свободой всѣхъ и каждаго" и ея отрицаніемъ въ современномъ режимѣ. Словомъ, аркадская идиллія, такъ жестоко разрушенная и въ европейской буржуазіи, и въ европейскомъ пролетаріатѣ, суровымъ опытомъ великихъ и малыхъ революцій. Но то, что 100 слишкомъ лѣтъ назадъ было плодомъ естественной невинности не вкусившей отъ древа познанія буржуазіи, теперь должно явиться результатомъ искусственнаго политическаго *самовнушенія*, „моментально" забывающаго вчера еще исповѣдывавшійся трезвый „реализмъ" бернштейніанства и уносящаго нашихъ „идеалистовъ" въ спятую ими на прокатъ высь „вѣчныхъ истинъ". Философскому идеализму, говоритъ г. Независимый (стр. 12), „должно быть приписано весьма серьезное значеніе въ современномъ освободительномъ движеніи, ибо только оно одно даетъ необходимое для молодыхъ умовъ (!!!) отвлеченное обоснованіе либерализма и дѣлаетъ его *религіозной вѣрой*" (курсивъ нашъ). „Сдѣлать" религіозную вѣру — въ этомъ весь смыслъ, вся сущность, вся неприкрашенная правда „идеалистическаго" ученія. Отъ революціоннаго идеализма 18-го вѣка этотъ, фабричнымъ методомъ изготовляемый, „идеализмъ", этотъ „паровой цыпленокъ", высиживаемый въ кабинетѣ и лишенный всякой „души", такъ же далекъ, какъ далека здоровая, жизнерадостная чувственность древнихъ эллиновъ отъ нуждающейся въ всестороннихъ возбудителяхъ похотливости современнаго Uebermensch'а. И этотъ паровой цыпленокъ новѣйшаго „идеализма" долженъ намъ, современнымъ русскимъ людямъ, дать тотъ энтузіазмъ, безъ котораго немыслима, дѣйствительно немыслима, революція, низвергающая кумиры и сносящая на своемъ пути всѣ бастиліи! „Идеализмъ", неспособный ни на минуту отвлечь своихъ собственныхъ апостоловъ отъ тревожной мысли: какъ

---

[1] Въ № 58 „Освобожденія", въ отвѣтѣ на письмо нѣкоего Хешо, обвиняющаго „освобожденцевъ" въ нежеланіи высказаться ясно за всеобщее избирательное право, г. Струве, видимо, разсерженный откровенностью своего единомышленника, увѣряетъ, что онъ „ломится въ открытую дверь". Но если это такъ и если среди освобожденцевъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ „не составляетъ предмета спора", то какъ же объяснить статью г. Независимаго и прокламацію русскихъ освобожденцевъ? (см. ниже).

Въ Амстердамѣ. [1])

(Мысли и замѣтки.)

III.

Разсмотрѣнію амстердамскаго съѣзда подлежало шесть очередныхъ вопросовъ:

1. Международныя правила соціальдемократической политики; 2. Колоніальная политика; 3. Эмиграція и иммиграція; 4. Всеобщая стачка; 5. Соціальная политика и страхованіе рабочихъ; 6. Трэсты и безработица.

Правда, вопросъ объ эмиграціи и иммиграціи былъ, за неимѣніемъ времени и по предложенію Киръ Гарди, отложенъ до слѣдующаго съѣзда, такъ что въ Амстердамѣ рѣшенія приняты были только по пяти остальнымъ вопросамъ. Но и эти пять вопросовъ настолько важны, что каждому изъ нихъ надо было бы посвятить отдѣльную статью: и того уже пять статей. А кромѣ того, амстердамскій съѣздъ принялъ не менѣе важное постановленіе по вопросу объ избирательномъ правѣ женщинъ. На немъ то же полезно было бы остановиться: еще одна статья. Но на шесть статей у меня рѣшительно не хватитъ времени. Поэтому я подробно разсмотрю здѣсь только тотъ вопросъ, который по своему важному значенію для международнаго пролетаріата не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики: *вопросъ о всеобщей стачкѣ*. Остальныхъ же рѣшеній, принятыхъ въ Амстердамѣ, я, по необходимости, коснусь только въ немногихъ словахъ.

Прежде всего я приведу рѣшеніе, касающееся женщинъ. Вотъ оно:

„Въ той борьбѣ, которую пролетаріатъ ведетъ за всеобщее и равное право прямой и тайной подачи голоса при выборахъ въ парламенты и въ общинные совѣты, соціалистическія партіи должны выставлять требованіе права голоса также для женщинъ; онѣ должны поддерживать это требованіе въ своей принципіальной пропагандѣ и энергично защищать его".

Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ привлекательныхъ сторонъ революціоннаго движенія въ Россіи было до сихъ поръ сознательное участіе въ немъ многихъ женщинъ. Имена С. Бардиной, В. Засуличъ и С. Перовской смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ наиболѣе прославившимися въ нашемъ движеніи мужскими именами. Уже въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка передовые люди нашей интеллигенціи свободны были отъ буржуазныхъ взглядовъ на „призваніе женщины". Знаменитые въ исторіи нашей страны шестидесятые и семидесятые годы еще болѣе сдѣлали для разрушенія этихъ узкихъ взглядовъ. И хотя въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ мы въ этомъ отношеніи, — какъ и во многихъ другихъ, — довольно сильно попятились назадъ, но все таки у насъ даже въ откровенно-буржуазной средѣ нерѣдко смотрятъ на женскій вопросъ разумнѣе, чѣмъ въ такой же средѣ на Западѣ.

Здѣсь не мѣсто разбирать почему это такъ, а не иначе. Я хочу только обратить вниманіе россійскихъ революціонеровъ — рабочихъ на то, что они должны слѣдовать въ этомъ вопросѣ прекрасному примѣру нашей интеллигенціи. Они должны съ презрѣніемъ отвергнуть, какъ недостойный сознательныхъ пролетаріевъ, тотъ нелѣпый взглядъ, согласно которому женщина есть какъ бы низшее существо сравнительно съ мужчиной: „баба не человѣкъ". Сама экономія нынѣшняго общества, все болѣе и болѣе превращая женщину въ предметъ капиталистической эксплуатаціи, все болѣе и болѣе дѣлаетъ *работницу* товарищемъ *работника*. Теперь у насъ въ Россіи, какъ и во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, есть цѣлыя отрасли промышленности, въ которыхъ число женщинъ, работающихъ по найму, не меньше, а иногда и больше числа мужчинъ. Этихъ женщинъ непремѣнно и какъ можно скорѣе надо вовлечь въ освободительное движеніе международнаго пролетаріата. Но на знамени этого пролетаріата написано, какъ извѣстно, *равенство правъ всѣхъ людей, независимо отъ національности и пола*. Поэтому, привлекая *работницъ* къ участію въ борьбѣ съ капиталомъ, *работники* должны добиваться для нихъ тѣхъ же правъ, какихъ добиваются для самихъ себя. Если сознаніе этой обязанности иногда затемняется у соціальдемократическихъ пролетаріевъ той или другой страны, — какъ это видно изъ примѣра бельгійской рабочей партіи, которая въ своей недавней борьбѣ за всеобщее избирательное право требовала его *только для мужчинъ*, — то это объясняется вреднымъ вліяніемъ оппортюнизма, очень сильнаго въ Бельгіи и всегда готоваго забыть основные соціалистическіе принципы ради успѣха данной минуты. Но въ нашей соціальдемократіи вліяніе оппортюнизма равно нулю; и это даетъ намъ новое основаніе надѣяться, что сознательные пролетаріи Россіи не повторятъ ошибки своихъ бельгійскихъ товарищей.

Переходя къ вопросу о *трэстахъ*, я замѣчу, что онъ разсматривался уже на лондонскомъ съѣздѣ 1896 г., но по желанію американской Socialist Labor Party (Соціалистической Рабочей Партіи) его въ нынѣшнемъ году снова поставили на очередь. И не удивительно, что наши американскіе товарищи интересуются имъ особенно сильно: нигдѣ трэсты не достигли такого колоссальнаго развитія и нигдѣ они не пріобрѣли такого рѣшительнаго вліянія на экономическую и политическую жизнь, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Эта быстро развивающаяся страна есть классическая страна трэстовъ.

Было время, когда буржуазія энергично боролась съ феодальными *монополіями*, отстаивая *свободу конкурренціи*. На почвѣ этой борьбы выросло убѣжденіе буржуазныхъ экономистовъ въ томъ, что конкурренція составляетъ душу современной экономической жизни („competition is the life of industry"). Но діалектика буржуазнаго общества такова, что, — какъ на это указалъ еще Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи", — конкурренція, устранившая феодальныя монополіи, сама роковымъ образомъ создаетъ монополію. И наиболѣе яркимъ, наиболѣе поучительнымъ примѣромъ его новѣйшей монополіи служатъ *трэсты*. Тѣ отрасли промышленности, въ которыхъ они господствуютъ, почти всецѣло находятся въ рукахъ немногихъ чудовищно богатыхъ капиталистовъ, настоящихъ „королей", по своему усмотрѣнію распоряжающихся производствомъ. И не только *производствомъ*. Руководители трестовъ становятся господами также и въ области *сбыта*, властно диктуя свои условія *потребителямъ*. Въ виду всего этого неудивительно, что трэсты сильно возбуждаютъ противъ себя „общественное мнѣніе" всей мелкой буржуазіи, настойчиво требующей отъ государства законодательныхъ мѣръ для борьбы съ ихъ тираніей. Но это требованіе мелкой буржуазіи имѣетъ *консервативный* или даже *реакціонный* характеръ. Остановить развитіе трэстовъ значило бы — если бы можно было остановить его, — задержать экономическое развитіе всего современнаго общества. Вотъ почему соціалистическій пролетаріатъ всѣхъ странъ рѣшительно отвергаетъ это мелко-буржуазное требованіе. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ новѣйшей монополіей можетъ служить только переходъ въ общественную собственность организованныхъ трэстами колоссальныхъ предпріятій. „Нашимъ боевымъ крикомъ должна быть революція, а не реформа, — писалъ, напримѣръ, даже оппортюнистъ Гейлордъ Уильшайръ въ іюлѣ 1902 г., — мы требуемъ національзаціи промышленности". Совершенно въ томъ же смыслѣ высказался парижскій международный съѣздъ 1900 года. Наконецъ, совершенно тѣмъ же духомъ проникнуто и рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, гласящее, что „соціальдемократическія партіи всѣхъ странъ никоимъ образомъ не должны участвовать въ попыткахъ мѣшать образованію трэстовъ или задерживать ихъ развитіе" и что усилія этихъ партій „должны быть направлены къ соціализаціи производства въ цѣляхъ общаго блага и уничтоженія прибыли [1]).

Амстердамскій съѣздъ призналъ — да и нельзя этого не признать, — что трэсты обостряютъ существующее въ нынѣшнемъ обществѣ противорѣчіе между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Но отъ него было далеко всякое стремленіе сгладить это противорѣчіе, „притупить" его. Нѣтъ, онъ указалъ на это обостряющееся противорѣчіе, какъ на точку опоры для революціонной дѣятельности, объявивъ, что такъ какъ трэсты являются угрозой профессіональнымъ организаціямъ пролетаріата, то „рабочіе всего міра должны противопоставить капиталистамъ свою организованную силу, — національную и международную, — какъ единственное оружіе противъ капиталистической эксплуатаціи и единственное средство уничтожить буржуазное общество, замѣнивъ его соціалистическимъ".

Гегель говаривалъ: „Der Widerspruch ist das Fortleitende" (противорѣчіе ведетъ впередъ). Эта мысль великаго философа лежитъ въ основѣ всей „соціальной политики" пролетаріата. Хотя въ средѣ этого класса и немного можно найти людей, знакомыхъ съ философіей Гегеля, но чѣмъ яснѣе сознаетъ онъ свое революціонное историческое призваніе, тѣмъ тверже становится его убѣжденіе въ томъ, что залогъ его побѣды заключается не въ „*притупленіи*", а именно въ *обостреніи* свойственныхъ нынѣшнему обществу противорѣчій. И въ этомъ состоитъ главнѣйшая отличительная черта его „соціально-политическаго" взгляда отъ взгляда мелкой буржуазіи, которая неудержимо и непрестанно стремится „смягчать" и „притуплять". Мелкая буржуазія консервативна по своему существу, хотя она, — при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, — способна пр бы не оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ — этотъ „идеализмъ", основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи — противъ соціализма — не способенъ заразить своимъ дѣланнымъ „энтузіазмомъ" ни одного общественнаго класса.

---

[1] Спѣшу отмѣтить здѣсь, что въ мою вторую статью объ амстердамскомъ съѣздѣ, по ошибкѣ корректора, закралась опечатка, которую мнѣ хотѣлось бы исправить. Именно, въ рукописи я употребилъ выраженіе: „на зеркало неча пенять, коли рожа крива", давъ понять, что я употребляю его вслѣдъ *за Гоголемъ*. Въ печати оно оказалось приписаннымъ *Крылову*. Моей вины тутъ нѣтъ.

[1] Это рѣшеніе напечатано вмѣстѣ съ другими въ № 7 „Искры".

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что „матеріалистическое отношеніе къ собственному дѣлу" подорветъ „революціонный энтузіазмъ" народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за „буржуазную" свободу?

Если „идеалистическій" скептицизмъ современнаго либерала въ „этической" относительности всѣхъ реальныхъ формъ общежитія, всѣхъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе пережившихъ себя учрежденій и отношеній, то почему бы матеріалистическому скептицизму соціалиста къ *исторической* относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той-же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ беззавѣтно проливалъ кровь за „отвлеченно-обоснованную" свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма „относительную" и весьма конкретную демократическую республику, которая вручитъ ему всѣ средства къ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе всѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ питомникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ — *классовой борьбой пролетаріата*. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ питомниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго „идеализма", — этотъ источникъ не имѣетъ конца — пока соціальныя противорѣчія продолжаютъ накоплять революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы *этой* энергіи — оторвавъ ихъ политическое движеніе отъ его класовой основы — значитъ, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

ЯВЛЕНІЕ ЛИБЕРАЛОВЪ НАРОДУ.

„Освобожденцы" обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ самодержавіемъ, непреклонною силою вещей вынуждены апеллировать къ народу отъ самодержавія. „Народъ", вызванный соціальдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать — сперва самодержавіе, затѣмъ русскихъ „радикаловъ" старой вѣры и, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе „освобожденцевъ" съ программной прокламаціей къ народу — крупный политическій шагъ. „Освобожденіе", неоффиціальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующей высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ „порочный кругъ" пассивности и легальности и спускаются внизъ съ Vademecum'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

Что-же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что царь не хотѣлъ ея, что царь миролюбивъ. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что царя соблазнили дурные совѣтники, не освѣдомляющіе своего „государя" объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо „иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ — глупы". Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду, „какъ это было изрѣдка встарину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ". Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща — государь, министры и собраніе народныхъ представителей".

Такъ строютъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту царя и, вмѣстѣ съ нимъ, и монархію. Въ своей конституціи они отводятъ царю красный уголъ. Они созываютъ собраніе народныхъ представителей не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если царь дѣйствительно нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ царѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись Романову, то неужели же и конституція не обойтись безъ Романова? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Царь царствовалъ, царствуетъ и будетъ царствовать. Партія „освобожденія", еще не побѣжденная въ борьбѣ съ монархіей, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни предъ носителемъ власти божьей милостью. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны расположиться ея народные представители. Но какой „народъ" будутъ они представлять по росписанію либераловъ? Народъ *земствъ* и *думъ*? — за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ „безъ традицій", народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привиллегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*? Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчатъ, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это — прежде еще, чѣмъ монархія успѣла предложить „либераламъ" условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!

Таковъ ихъ демократизмъ!

Они не смѣютъ сказать: долой корону! потому что у нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу, республику — монархіи. Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія съ коронованнымъ представителемъ старой Россіи. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ Земскихъ Соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они апелируютъ къ анти-революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляетъ: „*государь* (неизвѣстно, для чего нужный), *министры* (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) *и собраніе народныхъ представителей* (неизвѣстно, какой „народъ" представляющихъ)."

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда — здѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго vademecum'a — и тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, „вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей своихъ училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился отъ царя конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе*, освободиться отъ *всякой тѣсноты*, наказаній розгами (послѣ полученія „высшаго образованія"?) и заживетъ *въ довольствѣ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи страною царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*."

Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность „быстро богатѣть", — вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Присоединить къ царю Земскій Соборъ, — и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значитъ закрывать глаза — себѣ и другимъ — на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты, — значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе — извращеніемъ, агитацію — демагогіей, политическую конкурренцію — недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно идти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей „народа", въ простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей, — и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ царь рѣшится опереться на Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ, — читали, видѣли, сами говорили и писали, — знаютъ, не могутъ не знать. — Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете „этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ", отвѣтьте прямо въ „Освобожденіи": знаете вы все это или нѣтъ? — Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціальдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламаціи они не произнесли даже имени соціальдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ соціальдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недовѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи — „безъ иниціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мірового историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей", таковъ этотъ противникъ, сознательно или безсознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Соціальдемократія приметъ вызовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Къ концу іюня всѣмъ сидящимъ стало извѣстно, что впредь дѣла о политическихъ будутъ разбираться въ новомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства и уложенія о наказаніяхъ за государственныя преступленія. Сомнѣвались только, будутъ ли вновь разсмотрѣны въ этомъ порядкѣ старыя дѣла, возникшія за годъ и болѣе до того и находившіяся уже въ министерствѣ юстиціи или внутреннихъ дѣлъ; но скоро всѣ эти сомнѣнія разсѣялись — и мы узнали, что всѣ дѣла, по которымъ многіе сидѣли п

никнуться нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину", упрочить старые „устои" и такъ дальше, и судите сами, о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы" этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько *революціонны* нынѣшнія попытки г.г. „соціалистовъ-революціонеровъ" воскресить народническіе „идеалы".

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ" пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій" характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу о *соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ*. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность[1]) рабочихъ и, — примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи, — обезпечивали бы имъ право полученія средствъ, достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой". По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціальдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціальдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата: еще „Старый Интернаціоналъ" вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода, улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціальдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская „Leipziger Volkszeitung" (Лейпцигская Народная Газета) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ оказаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціальдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя „Leipziger Volkszeitung", заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціальдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода, — какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики", — мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціальдемократамъ той страны, гдѣ „передовая" интеллигенція, не смотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ", — а очень можетъ быть, именно благодаря ему, — не рѣдко съ большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго государства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціальдемократіи къ *колоніальной политикѣ* современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ *о международныхъ правилахъ соціалистической политики*. До послѣдняго времени соціальдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но *„ревизіонизмъ"* и здѣсь явился противникомъ старой революціонной *„догмы"*. Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціальдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціальдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплуатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній" и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, — подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, — вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, *пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній*. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, *является новымъ пораженіемъ оппортюнистовъ*.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и [illegible], — не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи", то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціальдемократіи, *нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ", отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи*. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніе пролетаріата. Это неоспоримо, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно гг. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ только какъ средство совершить *соціальную революцію*. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ, — говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ „La grève générale-révolution", — мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть „*политической стачкой*". Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку", называя ее средствомъ „одураченія" рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ"; а онъ „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственную" всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique"), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ"), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту[1]).

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о *всеобщей* стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка *обыкновенная*.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка *предполагаетъ* буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, *какъ товаръ*. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: *товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ*. Но онъ *не перестаетъ быть товаромъ*, потому что для него побѣда означаетъ *не болѣе, какъ повышеніе его цѣны*. Значитъ, стачка предполагаетъ не только *существованіе* капиталистическихъ отношеній производства: она предполагаетъ также *продолженіе* ихъ существованія. *Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей*. Это очевидно. *Революція* же, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: *замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими*, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и *всеобщей*, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ". Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія, — лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія, — которое называется *стачкой*: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ", пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить ихъ *политическую силу* и организовать *такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръ-революціи*. Стало быть, „экономичене оттолкнуть своимъ радикализмомъ Стаховичей и Шиповыхъ — этотъ „идеализмъ", основной посылкой котораго является идейная реакція противъ единственнаго идеалистическаго движенія нашей эпохи — противъ соціализма — не способенъ заразить своимъ дѣланнымъ „энтузіазмомъ" ни одного общественнаго класса.

---

[1]) Т. е. утрату рабочей силы.

[1]) См. 47 стр. названной брошюры.

Есть ли какія нибудь серьезныя основанія бояться того, что „матеріалистическое отношеніе къ собственному дѣлу" подорветъ „революціонный энтузіазмъ" народныхъ массъ и тѣмъ ослабитъ энергію ихъ борьбы за „буржуазную" свободу?

Если „идеалистическій" скептицизмъ современнаго либерала въ „этической" относительности всѣхъ реальныхъ формъ общежитія, всѣхъ правовыхъ и соціальныхъ нормъ, не убиваетъ энтузіазма въ борьбѣ за уничтоженіе пережившихъ себя учрежденій и отношеній, то почему бы матеріалистическому скептицизму соціалиста къ *исторической* относительности идеаловъ буржуазной свободы подрывать энергію въ той-же борьбѣ? Если безсознательный, политически-пассивный пролетаріатъ безотвѣтно проливалъ кровь за „отвлеченно-обоснованную" свободу, то почему пролетаріатъ сознательный не сможетъ отдать свою кровь за весьма „относительную" и весьма конкретную демократическую республику, которая вручитъ ему всѣ средства въ борьбѣ за освобожденіе отъ капитализма?

Онъ сможетъ, и онъ сдѣлаетъ это тѣмъ рѣшительнѣе и съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ яснѣе будетъ представлять себѣ громадность дѣла своего освобожденія и чѣмъ болѣе реалистически будетъ цѣнить значеніе всѣхъ завоеваній, которыя могутъ облегчить это дѣло. И революціонный энтузіазмъ, о которомъ такъ хлопочутъ демократы, будетъ присутствовать въ этой борьбѣ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ обильнѣе будетъ она поддерживаться неизсякаемымъ питомникомъ революціонной энергіи въ современномъ обществѣ — *классовой борьбой пролетаріата*. Въ отличіе отъ тѣхъ искусственныхъ питомниковъ, въ которыхъ фабрикуются паровыя цыплята современнаго буржуазнаго „идеализма", — этотъ источникъ не имѣетъ конца — пока соціальныя противорѣчія продолжаютъ накоплять революціонную энергію въ томъ классѣ, реальные интересы котораго совпадаютъ съ интересами общественнаго развитія. Пытаться временно задержать притокъ въ народныя массы *этой* энергіи — оторвавъ ихъ политическое движеніе отъ его класовой основы — значитъ, самымъ вѣрнымъ образомъ вредить дѣлу революціи, дѣлу свободы.

ЯВЛЕНІЕ ЛИБЕРАЛОВЪ НАРОДУ.

„Освобожденцы" обратились къ народу съ прокламаціей о войнѣ и конституціи. Либералы, которые именемъ народа привыкли ходатайствовать передъ самодержавіемъ, непреклонною силою вещей вынуждены апеллировать къ народу отъ самодержавія. „Народъ", вызванный соціальдемократіей къ политической жизни, заставилъ себя признать — сперва самодержавіе, затѣмъ русскихъ „радикаловъ" старой вѣры и, наконецъ, либераловъ. Изъ третьяго лица онъ превращается для всѣхъ во второе. Говорятъ не только о немъ, говорятъ съ нимъ. Его убѣждаютъ, его призываютъ, его содѣйствія ищутъ.

Обращеніе „освобожденцевъ" съ программной прокламаціей къ народу — крупный политическій шагъ. „Освобожденіе", неоффиціальный центральный органъ либеральной партіи, санкціонируетъ это обращеніе либераловъ и придаетъ ему значеніе боевого акта цѣлой партіи.

Въ историческую минуту, требующей высшей опредѣленности и рѣшительности, либералы переступаютъ „порочный кругъ" пассивности и легальности и спускаются внизъ съ Vademecum'омъ въ рукахъ. Прокламація написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

Что-же говорятъ либералы народу?

Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что царь не хотѣлъ ея, что царь миролюбивъ. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что царя соблазнили дурные совѣтники, не освѣдомляющіе своего „государя" объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо „иные изъ вельможъ государственныя дѣла ведутъ не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ — глупы". Чтобы помочь дѣлу, нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду, „какъ это было изрѣдка встарину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ". Управлять дѣлами будутъ всѣ сообща — государь, министры и собраніе народныхъ представителей".

Такъ строютъ свободную Россію либералы. Они берутъ подъ свою защиту царя и, вмѣстѣ съ нимъ, и монархію. Въ своей конституціи они отводятъ царю красный уголъ. Они созываютъ собраніе народныхъ представителей не для выраженія *суверенной* воли народа, а въ помощь *монарху*. Но если царь дѣйствительно нуждается теперь въ такой помощи, то нуждается ли народъ въ царѣ? Если безъ конституціи уже не обойтись Романову, то неужели же и конституціи не обойтись безъ Романова? Либералы не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, потому что не осмѣливаются даже его поставить. Царь царствовалъ, царствуетъ и будетъ царствовать. Партія „освобожденія", еще не побѣжденная въ борьбѣ съ монархіей, еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа, становится на колѣни предъ носителемъ власти божьей милостью. Таковъ ея либерализмъ!

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны расположиться ея народные представители. Но какой „народъ" будутъ они представлять по росписанію либераловъ? Народъ *земствъ* и *думъ*? — за которыми тоже вѣдь неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ „безъ традицій", народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привиллегій? Мы спрашиваемъ: тѣ представители, которые призваны спасать народъ и монархію, будутъ ли они выбираться на началахъ *общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*? Мы спрашиваемъ либераловъ прямо и рѣшительно, и мы сумѣемъ заставить ихъ дать народу столь же прямой и рѣшительный отвѣтъ на нашъ вопросъ. Въ воззваніи на этотъ счетъ не сказано ни слова. И это, разумѣется, тоже отвѣтъ, хотя и не прямой и не рѣшительный. Онъ означаетъ, что либералы отказываютъ народу, къ которому обращаются, въ политическихъ правахъ. Иначе они не молчали бы. Политическихъ правъ не даютъ народу сюрпризомъ. Когда о нихъ молчатъ, значитъ ихъ не хотятъ дать. И это — прежде еще, чѣмъ монархія успѣла предложить „либераламъ" условія, на которыхъ было бы выгодно продать народъ!

Таковъ ихъ демократизмъ!

Они не смѣютъ сказать: долой корону! потому что у нихъ нѣтъ отваги противопоставить принципъ принципу, республику — монархіи. Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руки для соглашенія съ коронованнымъ представителемъ старой Россіи. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ Земскихъ Соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они апеллируютъ къ анти-революціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи. Такова ихъ политическая отвага!

Итакъ, русское конституціонное правительство составляетъ: „*государь* (неизвѣстно, для чего нужный), *министры* (неизвѣстно, передъ кѣмъ отвѣтственные) *и собраніе народныхъ представителей* (неизвѣстно, какой „народъ" представляющихъ)."

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда — здѣсь начинается центральное мѣсто либеральнаго vademecum'а — и тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою, всѣ невзгоды и всѣ бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, „вездѣ устраивалъ себѣ правые суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей своихъ училища, и *быстро богатѣлъ*... И еслибъ и русскій народъ, такъ пишутъ либералы, потребовалъ себѣ и добился отъ царя конституціи, то и онъ избавился бы *отъ оскудѣнія, разоренія и всякихъ притѣсненій* точно такъ же, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что *всякій сможетъ получить высшее образованіе*, освободиться отъ *всякой тѣсноты*, наказаній розгами (послѣ полученія „высшаго образованія"?) и заживетъ *въ довольствѣ*. Словомъ, при конституціи, т. е. при управленіи страною царя вмѣстѣ съ собраніемъ народныхъ представителей, народъ будетъ свободенъ и добьется *настоящей, хорошей жизни*."

Такъ пишутъ либералы.

Конституціонное ограниченіе царской власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность „быстро богатѣть", — вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Присоединить къ царю Земскій Соборъ, — и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи, пролетаризаціи народныхъ массъ, преступности и невѣжества. Такъ говорятъ либералы. Но говорить такъ, значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое сладкимъ, значитъ закрывать глаза — себѣ и другимъ — на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать ногами кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты, — значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго, государства да на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе — навращеніемъ, агитацію — демагогіей, политическую конкурренцію — недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно идти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей „народа", въ простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей, — и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій либералъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Они знаютъ, что и послѣ того, какъ царь рѣшится опереться на Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работу, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ, — читали, видѣли, сами говорили и писали, — знаютъ, не могутъ не знать. — Вы, напр., г. Струве, вы, который одобряете „этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ", отвѣтьте прямо въ „Освобожденіи": знаете вы все это или нѣтъ? — Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, и то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціальдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобъ свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Они должны были бы хоть это предвидѣть. Но въ прокламаціи они не произнесли даже имени соціальдемократіи. Они пытаются разговаривать съ народомъ черезъ голову той партіи, которая, задолго до ихъ выступленія, говорила съ народомъ о тѣхъ же вопросахъ, но говорила иначе, которая заставила ихъ самихъ обратиться къ народу. Надо думать, они понимаютъ, что они вступили на путь прямой и непосредственной политической борьбы съ соціальдемократіей. Нашей партіи не страшенъ такой противникъ!

Съ суевѣрной почтительностью предъ монархіей, съ недовѣріемъ къ демократіи, безъ политическаго энтузіазма, безъ оппозиціонной энергіи — „безъ инціативы, безъ вѣры въ себя, безъ вѣры въ народъ, безъ мірового историческаго призванія, не довѣряя собственнымъ лозунгамъ, съ фразами вмѣсто идей", таковъ этотъ противникъ, сознательно или безсознательно бросившій вызовъ партіи рабочихъ массъ.

Соціальдемократія приметъ вызовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О НОВОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Къ концу іюня всѣмъ сидящимъ стало извѣстно, что впредь дѣла о политическихъ будутъ разбираться въ новомъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства и уложенія о наказаніяхъ за государственныя преступленія. Сомнѣвались только, будутъ ли вновь разсмотрѣны въ этомъ порядкѣ старыя дѣла, возникшія за годъ и болѣе до того и находившіяся уже въ министерствѣ юстиціи или внутреннихъ дѣлъ; но скоро всѣ эти сомнѣнія разсѣялись — и мы узнали, что всѣ дѣла, по которымъ многіе сидѣли въ

никнуться нѣкоторыми, правда, чрезвычайно поверхностными революціонными стремленіями.

Припомните, читатель, нашихъ народниковъ съ ихъ толками о томъ, что у насъ надо остановить развитіе капитализма, „закрѣпить общину", упрочить старые „устои" и такъ дальше, и судите сами, о томъ, въ какой мѣрѣ „идеалы" этихъ добрыхъ, но неразумныхъ людей выражали собой революціонныя идеи нашего времени. Охотно предоставляю вамъ судить и о томъ, насколько *революціонны* нынѣшнія попытки г.г. „соціалистовъ-революціонеровъ" воскресить народническіе „идеалы".

Разъ заговоривъ о „соціальной политикѣ" пролетаріата, естественно упомянуть о рѣшеніи, принятомъ въ Амстердамѣ по вопросу, „соціально-политическій" характеръ котораго сказался даже въ его формулировкѣ, т. е. по вопросу *о соціальной политикѣ и о страхованіи рабочихъ*. Сущность этого рѣшенія сводится къ требованію „такихъ учрежденій, которыя по возможности предотвращали бы болѣзни, несчастные случаи и инвалидность[1] рабочихъ и, — примѣненіемъ законовъ объ обязательномъ страхованіи, — обезпечивали бы имъ право полученія средствъ достаточныхъ для существованія и пользованія врачебной помощью въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь, несчастный случай, инвалидность, старость, беременность, роды или безработица лишатъ ихъ возможности пользоваться своей рабочей силой". По поводу этого требованія возникла очень интересная полемика въ германской соціальдемократической печати. Нечего и говорить, что германскіе соціальдемократы единогласно признаютъ необходимость такихъ законовъ, которые по возможности ограждали бы здоровье и рабочую силу пролетаріата; еще „Старый Интернаціоналъ" вполнѣ основательно находилъ, что законы этого рода, улучшая матеріальное положеніе рабочаго класса, въ то же время нимало не ставятъ его въ зависимость по отношенію къ буржуазному государству. Но что касается собственно страхованія рабочихъ, то лѣвое крыло германской соціальдемократіи недовѣрчиво относится ко всѣмъ проектамъ, предполагающимъ усиленіе государственнаго вліянія въ этой области. Такъ, напримѣръ, вскорѣ послѣ амстердамскаго съѣзда строго-марксистская „Leipziger Volkszeitung" (Лейпцигская Народная Газета) писала, что государственное страхованіе рабочихъ отъ безработицы способно подорвать значеніе профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и тѣмъ ослабить освободительное движеніе пролетаріата. Вслѣдствіе этого, мѣра, полезная съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ этого класса, можетъ оказаться вредной съ точки зрѣнія его конечной цѣли: полнаго освобожденія его отъ ига капитала. И это справедливо. А такъ какъ соціальдемократы, отстаивая ближайшіе интересы рабочаго класса, обязаны въ то же время не упускать изъ виду будущность его освободительнаго движенія, то необходимо признать, что опасенія, высказанныя „Leipziger Volkszeitung", заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всей революціонной соціальдемократіи. Этимъ я совсѣмъ не хочу сказать, что всѣ и всякіе проекты страхованія рабочихъ отъ безработицы должны быть осуждены разъ на всегда. Мнѣ только хочется замѣтить, что при оцѣнкѣ проектовъ этого рода, — какъ и всѣхъ вообще проектовъ, относящихся къ области „соціальной политики", — мы всегда должны помнить, что мы имѣемъ право поддерживать ихъ только въ томъ случаѣ, если они не увеличиваютъ зависимости рабочихъ отъ государственной власти. Помнить это особенно полезно намъ, соціальдемократамъ той страны, гдѣ „передовая" интеллигенція, не смотря на свое стремленіе къ почти анархической „свободѣ", — а очень можетъ быть, именно благодаря ему, — не рѣдко съ большой настойчивостью добивалась расширенія опеки нашего полицейскаго господства надъ производителями.

Вопросъ объ отношеніи международной соціальдемократіи къ *колоніальной политикѣ* современныхъ капиталистическихъ странъ тѣсно связанъ съ разсмотрѣннымъ мною въ предыдущей статьѣ знаменитымъ вопросомъ *о международныхъ правилахъ соціалистической политики*. До послѣдняго времени соціальдемократы всѣхъ странъ считали своей несомнѣнной обязанностью противиться всѣмъ колоніальнымъ затѣямъ алчной буржуазіи и всѣмъ государственнымъ издержкамъ на колоніи. Но *„ревизіонизмъ"* и здѣсь явился противникомъ старой революціонной *„догмы"*. Г. Бернштейнъ уже лѣтъ шесть тому назадъ пытался убѣдить своихъ соціальдемократическихъ читателей, что возставать противъ буржуазной колоніальной политики значитъ идти въ разрѣзъ съ требованіями цивилизаціи. Но уже парижскій съѣздъ 1900 г. своимъ рѣшеніемъ по вопросу о колоніальной политикѣ показалъ, что международная соціальдемократія продолжаетъ иначе смотрѣть на это дѣло. Амстердамскій съѣздъ высказался не менѣе ясно и рѣшительно. Онъ рѣзко осудилъ „капиталистическую эксплуатацію непрерывно расширяющихся колоніальныхъ владѣній" и громко высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что она, — подвергая населеніе колоній тяжелому и нерѣдко кровавому гнету, — вмѣстѣ съ тѣмъ не приноситъ ему ничего, кромѣ усиленія его бѣдствій. Согласно принятому съѣздомъ рѣшенію, *пролетаріатъ долженъ стремиться къ полной эмансипаціи колоній*. И это рѣшеніе, вполнѣ достойное современнаго международнаго соціализма, *является новымъ пораженіемъ оппортюнистовъ*.

А всеобщая стачка?

Я сказалъ, что вопросъ о ней по своей важности не уступаетъ вопросу о правилахъ соціалистической политики. И такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если въ Амстердамѣ о ней спорили не такъ долго и, — главное, — не такъ страстно, какъ о „дрезденской резолюціи", то это произошло потому, что намъ, лѣвому крылу соціальдемократіи, *нельзя подойти ни къ одному вопросу революціонной тактики, не покончивъ предварительно съ „ревизіонизмомъ", отвергающимъ почти всякую мысль о соціальной революціи*. Будущимъ международнымъ съѣздамъ много придется толковать о всеобщей стачкѣ: вопросъ о ней дѣлается тѣмъ насущнѣе, чѣмъ могущественнѣе становится освободительное движеніе пролетаріата. Это неоспоримо, и это всѣ чувствуютъ. Но напрасно г.г. анархисты умозаключаютъ отсюда, что революціонный пролетаріатъ все болѣе и болѣе будетъ усваивать себѣ анархическую тактику. Совсѣмъ напротивъ! Обстоятельное обсужденіе вопроса о всеобщей стачкѣ ясно покажетъ революціонному пролетаріату, какъ утопично и какъ несостоятельно анархическое представленіе о ней. И чѣмъ правильнѣе будетъ смотрѣть этотъ пролетаріатъ на всеобщую стачку, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ осуждать теорію и практику анархистовъ.

Въ глазахъ анархистовъ, всеобщая стачка имѣетъ смыслъ только какъ средство совершить *соціальную революцію*. „Въ виду того, что она (всеобщая стачка) потребуетъ огромныхъ жертвъ, — говоритъ Э. Жиро въ своей брошюрѣ „La grève générale révolution", — мы можемъ признать ее только ради полной революціи (avec ses fins de totale révolution). А для того, чтобы примѣненіе этого средства не было заранѣе осуждено на неудачу, она не должна быть *„политической стачкой"*. Тотъ же Э. Жиро въ той же брошюрѣ рѣшительно отвергаетъ всеобщую „политическую стачку", называя ее средствомъ „одураченія" рабочихъ. Онъ полагаетъ, что сторонники такой стачки всегда представляютъ ее себѣ, какъ мирную стачку на законномъ основаніи, какъ стачку „скрещенныхъ рукъ"; а онъ „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", одобряетъ только „экономическую, революціонную, насильственную" всеобщую стачку. Прибавлю къ этому, что, по мнѣнію Э. Жиро, сторонники революціонной всеобщей стачки не должны сочувствовать и политической борьбѣ рабочаго класса въ современномъ обществѣ; онъ совѣтуетъ совсѣмъ оставить политику („Pas de politique"), сожалѣя лишь, что въ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзахъ французскихъ рабочихъ (въ „синдикатахъ"), немного найдется людей, въ самомъ дѣлѣ слѣдующихъ этому совѣту[1].

Эти взгляды основаны по большей части на самыхъ вопіющихъ недоразумѣніяхъ.

Прежде, чѣмъ говорить о *всеобщей* стачкѣ, полезно вспомнить, что представляетъ собою стачка *обыкновенная*.

Извѣстно, что стачкой называется коллективный отказъ отъ работы рабочихъ одного, нѣсколькихъ или многихъ капиталистическихъ предпріятій. Слѣдовательно, стачка *предполагаетъ* буржуазныя отношенія производства: она предполагаетъ, что при обычномъ ходѣ дѣлъ рабочая сила выносится на рынокъ, *какъ товаръ*. И состоитъ она въ томъ, что этотъ обычный ходъ дѣлъ нарушается: *товаръ вступаетъ въ борьбу съ покупателемъ*. Но онъ *не перестаетъ быть товаромъ*, потому что для него побѣда означаетъ *не болѣе, какъ повышеніе его цѣны*. Значитъ, стачка предполагаетъ не только *существованіе* капиталистическихъ отношеній производства; она предполагаетъ также *продолженіе* ихъ существованія. *Стачка есть одинъ изъ способовъ классовой борьбы на основѣ нынѣшняго порядка вещей*. Это очевидно. *Революція же*, къ которой стремится сознательный пролетаріатъ, должна устранить этотъ порядокъ: *замѣнить капиталистическія отношенія производства соціалистическими*, при которыхъ рабочая сила уже не будетъ товаромъ. Какимъ же образомъ эта замѣна можетъ явиться результатомъ такого способа борьбы, который предполагаетъ существованіе и продолженіе существованія буржуазнаго порядка? Чтобы совершить эту революцію, одной стачки, хотя бы и *всеобщей*, недостаточно: пролетаріату нужно не только отказаться продавать свою рабочую силу, но и обратить въ общественную собственность средства производства, принадлежащія теперь капиталистамъ. Это тоже очевидно, и это признаетъ, „вмѣстѣ почти со всѣми анархистами", и Э. Жиро, рѣзко осуждающій стачку „скрещенныхъ рукъ". Но обращеніе средствъ производства выходитъ далеко за предѣлы того дѣйствія, — лучше было бы сказать: того отсутствія дѣйствія, — которое называется *стачкой*: чтобы „экспропріировать экспропріаторовъ", пролетаріату необходимо сломить сопротивленіе господствующихъ классовъ, т. е. разбить ихъ *политическую силу* и организовать *такую защиту новаго экономическаго порядка, которая была бы способна подавить всякія попытки капиталистической контръ-революціи*. Стало быть, „экономиче-

---

[1] Т. е. утрату рабочей силы.

[1] См. 47 стр. названной брошюры.

12-18 мѣсяцевъ и ждали со дня на день высылки, возвращены жандармамъ для новаго дознанія и направленія ихъ въ новомъ порядкѣ. И тутъ то проявилась вся растерянность и неподготовленность жандармовъ къ этому новому порядку. Прежде всего стали выпускать на свободу цѣлыми десятками — и при освобожденіи жандармы, предъявляя всѣ имѣвшіяся противъ обвиняемыхъ данныя, смущенно заявляли, что „агентурныхъ“ и прочихъ „свѣдѣній у нихъ имѣется достаточно и они „глубоко убѣждены“ въ виновности привлекаемаго, но что уликъ, годныхъ для суда — въ видѣ свидѣтельскихъ показаній или вещественныхъ доказательствъ — у нихъ собственно нѣтъ никакихъ и поэтому они вынуждены выпустить до суда на свободу и, можетъ быть, даже совсѣмъ прекратить о немъ дознаніе. Первое время выпускали даже нелегальныхъ, противъ кого не оказывалось годныхъ для суда уликъ. Итакъ, шпіонскія „агентурныя“ показанія, изъ-за которыхъ люди просиживали по году, два или болѣе, шли на шесть-десять лѣтъ въ Якутку; показанія, на основаніи которыхъ строились обвиненія и наказанія добрыхъ 9/10 всѣхъ привлекаемыхъ — теперь свелись къ нулю, ихъ нельзя теперь показывать даже передъ той тѣнью законности, какую представляютъ собою суды сословныхъ представителей. Теперь нужны свидѣтельскія показанія... и вотъ передъ нами раскрывается жандармскій застѣнокъ, выступаетъ наружу, на свѣтъ божій вся та подлая, убійственная атмосфера угрозъ, запугиванія всяческаго давленія и развращенія, среди которой десятки лѣтъ велось дознаніе о политическихъ и среди которой погибалъ не одинъ десятокъ слабыхъ волей и сознаніемъ душъ. Намъ стали предъявлять протоколы всего дознанія — чего раньше никогда не дѣлалось — и мы увидѣли, что въ каждомъ дѣлѣ — а такихъ въ той тюрьмѣ, о которой я сейчасъ пишу, набрался бы цѣлый десятокъ — фигурируютъ „откровенныя“ показанія самихъ же привлекаемыхъ, непреднамѣренныя предательства и выбалтыванія, которыя давались подъ вліяніемъ угрозъ, застращиваній и разныхъ нравственныхъ пытокъ, какъ, напримѣръ, допросъ при родителяхъ, плачущихъ и умоляющихъ сына или дочь показывать все, что спросятъ жандармы, „чистосердечно разсказывать все, чтобъ простили“ и т. д... Видно было, что жандармамъ стоило часто не мало іезуитскаго труда и сноровки, чтобы подавить и развратить неустойчивую, слабую душу. Но при прежнемъ, застѣночномъ порядкѣ веденія дѣлъ все это было шито и крыто: жандармы могли безнаказанно пользоваться средневѣковыми средствами дознанія съ пристрастіемъ, творить и сѣять развратъ; слабые же духомъ и нравственно-неустойчивые элементы привлекаемыхъ могли надѣяться, что ихъ сознательно или безсознательно творимыя іудины дѣла будутъ покрыты мракомъ жандармско-полицейской неизвѣстности и поглощены департаментскими архивными крысами. Теперь же этому способу застѣночнаго дознанія и царству жандармскаго растлѣнія наступаетъ конецъ. Въ томъ добромъ десяткѣ дѣлъ, о которыхъ я говорилъ выше и которые разсматриваются теперь въ новомъ порядкѣ, „откровенныя“ предательскія показанія самихъ же привлекаемыхъ — это единственныя свидѣтельскія показанія на которыхъ зиждется весь будущій процессъ. И этимъ жандармы крайне смущены... ибо на судѣ, такимъ образомъ, обнаружится вся та застѣночность и атмосфера нравственнаго растлѣнія, среди которыхъ протекалъ весь процессъ дознанія. Въ этомъ отношеніи новый судъ для насъ, соціаль-демократовъ, — благо: онъ дастъ намъ возможность вскрыть и освѣтить передъ массами и широкими кругами общества весь цинизмъ, дикій произволъ и застѣночный развратъ, какіе сѣяла и сѣетъ вокругъ себя жандармско-полицейская клика. Съ другой стороны, перспектива для дающихъ предательскія показанія быть разоблаченными на судѣ, передъ товарищами, передъ обществомъ предохранитъ насъ въ будущемъ отъ тѣхъ нравственно-неустойчивыхъ и случайныхъ элементовъ, которые раньше, въ силу необычайно быстро растущаго революціоннаго потока съ одной стороны и необычайно трудной провѣрки и контроля надъ активными элементами, съ другой стороны, — въ немаломъ числѣ захватывались въ сферу самой активной и отвѣтственной революціонной работы и, такимъ образомъ, не мало понижали нравственный уровень революціонной среды.

Новый порядокъ судопроизводства, разумѣется, выдвинулъ вопросъ о тактикѣ, какой должны придерживаться товарищи на дознаніи и судѣ. Вопросъ этотъ дебатировался въ тюрьмахъ и дебатируется очень горячо и оживленно — и, въ общемъ, выясняется, что прежде всего для всѣхъ теперь, когда обнаружилось, что скудость данныхъ, добытыхъ дознаніемъ, доходитъ до того, что весь процессъ строится только на показаніяхъ самихъ привлекаемыхъ, — теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, нравственно и партійно обязателенъ полный и сплошной отказъ отъ показаній на всемъ дознанія. Затѣмъ, на самомъ судѣ необходимо, чтобы защита вскрыла и освѣтила тотъ застѣночный произволъ, насиліе и политическую развращенность, какіе царятъ въ сферѣ жандармскаго дознанія; на долю же товарищей выпадаетъ обязанность вскрыть и освѣтить ту органическую связь, въ какой находится жандармско-полицейскій произволъ и разнузданность въ частной области привлеченія и дознанія по дѣламъ о политическихъ съ общимъ строемъ и режимомъ разлагающагося полицейско-бюрократическаго самодержавія.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что мѣстныя организаціи должны и будутъ вести самую плодотворную агитацію на почвѣ этихъ процессовъ среди пролетарскихъ массъ и самихъ широкихъ круговъ другихъ классовъ общества.

Р — ъ

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Перемѣна курса министерства внутреннихъ дѣлъ имѣла пока одинъ несомнѣнный результатъ: она развязала языки политическимъ сплетникамъ, которые въ Петербургѣ исполняютъ должность политическихъ дѣятелей. Возвратившись съ дачнаго отдыха, многочисленные Бобчинскіе и Добчинскіе радостно набросились на благодарную тему о взаимномъ довѣріи и живомъ единеніи общества и правительства. Каждый день создается новый слухъ о новыхъ реформахъ, проекты которыхъ уже лежатъ въ портфелѣ Святополка. Эта болтовня въ связи съ настойчивою пропагандою газетъ, сплетающихъ либеральныя требованія съ гимнами новому министру, уже начинаетъ оказывать тлетворное вліяніе на умы. Въ интеллигентныхъ кругахъ, правда, до сихъ поръ преобладаетъ скептическое и осторожное отношеніе къ политикѣ „хорошаго обхожденія“. Но въ широкой публикѣ Святополкъ, очевидно, уже превратился въ вѣчнаго героя обывательской мечты, въ пресловутаго „барина“, который пріѣдетъ и все разсудитъ. На пріемы къ нему тянутся наивной толпою всѣ униженные и оскорбленные, въ простотѣ души полагая, что онъ все можетъ и всѣхъ замѣнитъ. Напримѣръ, 29 сентября къ нему явилась одна отвергнутая учебнымъ начальствомъ дѣвица съ прошеніемъ, чтобы онъ „приказалъ“ принять ее на курсы. Другая просительница настаивала, чтобы Святополкъ далъ приказъ педагогическому совѣту какой то гимназіи о повышеніи отмѣтки ея сыну... и т. д. и т. д. Эти эпизоды не только смѣшны, но и въ высокой степени поучительны. Намъ пришлось бывать на пріемахъ Ванновскаго Старикъ въ въ буквальномъ смыслѣ слова осаждался толпою обиженныхъ обывателей, искавшихъ у него „справедливости“, хотя бы ихъ „обиды“ никоимъ образомъ не относились къ области народнаго просвѣщенія. Здѣсь сказывается долговременное воспитаніе въ рамкахъ полицейскаго государства, отличительными чертами котораго являются неимовѣрная многопредметность административной дѣятельности, регламентація мельчайшихъ подробностей народной жизни, мелочная и назойливая опека надъ гражданами... Обыватель такъ привыкъ къ „хозяйскому“ расраженію его жизнью, что повсюду ищетъ „благожелательнаго“ господина, который помогъ бы разобраться въ его, обывательскихъ, дѣлахъ и дѣлишкахъ... Святополку въ такихъ случаяхъ остается, конечно, только очаровывать любезностью. Впрочемъ, въ смыслѣ заглаживанія безчисленныхъ грѣховъ своего неудачливаго предшественника, новый министръ, дѣйствительно, кое что дѣлаетъ. Но очень сомнительно, чтобы онъ пошелъ дальше покаянія. Карьеристъ, человѣкъ безъ какихъ бы то ни было политическихъ идей, онъ, вѣрнѣе всего, будетъ ловко лавировать между различными вліятельными теченіями, пока не наткнется на подводные камни. По крайней мѣрѣ, уже теперь, на зарѣ своихъ дней, онъ, допуская въ „Нов. Времени“ самыя радикальныя рѣчи, воспретилъ газетамъ перепечатку изъ „Права“ статьи профес. кіевскаго университета князя Евгенія Трубецкого (изъ „Идеалистовъ“), статьи, гдѣ сей ученый мужъ въ умѣренныхъ и скромныхъ выраженіяхъ хлопоталъ о томъ, чтобы укрѣпить „Престолъ“ небольшою и легкою конституціею, обѣщая тогда „побѣдить“ и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Но князь Святополкъ-Мирскій не торопится уступать лавровъ (хотя и весьма сомнительныхъ) князю Трубецкому.

Петербургъ. Либералы все еще находятся въ приподнятомъ настроеніи. Здѣсь поговариваютъ о подготовляющемся тайномъ земскомъ съѣздѣ, на которомъ де выберутъ депутацію для представленія Святополку-Мирскому *ультиматума* созыва Земскаго Собора, который первымъ дѣломъ возьметъ въ свои руки веденіе войны: разберетъ вопросъ о необходимости для насъ Манджуріи и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ, заключитъ миръ — а затѣмъ уже займется преобразованіями. Болтовня здѣсь вообще ужасно развита. Анекдоты тоже очень въ ходу. Говорятъ, что Ника долго искалъ министра, котораго онъ былъ-бы поумнѣе, и наконецъ нашелъ его въ лицѣ Святополка-Мирскаго, о которомъ говорятъ, что онъ джентельмэнъ, но глупъ. Носятся слухи, что „веснѣ“ положенъ конецъ. Призывался будто бы одинъ изъ редакторовъ „Новаго Времени“ и редакторъ „Вѣстника Права“ и имъ предложили окончательно прекратить разговоръ о конституціи.

Петербургъ. Съ 8-го на 9 октября въ Крестѣ разыгралась ужасная драма, — повѣсился въ камерѣ студентъ-технологъ, Иванъ Малышевъ. 11-го только дали знать объ этомъ его отцу. Вчера, 13-го были назначены похороны на Смоленскомъ кладбищѣ. У тюрьмы, на Выборгской сторонѣ, собралось около 300 чел. молодежи, студентовъ и курсистокъ, — хотѣли устроить демонстрацію при выносѣ тѣла. Однако, похороны на Смоленскомъ, по распоряженію тюрьмы и охраны, въ этотъ день не состоялись. Была лишь отслужена панихида, на которой присутствовали учащіеся. Было много сыщиковъ. Все обошлось смирно. Сегодня, 14-го, Малышева хоронили на Успенскомъ кладбищѣ, за городомъ, по Финляндской жел. дор..

Двери русской Бастиліи раскрылись... еще для трехъ узниковъ, вынесшихъ по *двадцать* лѣтъ заключенія въ каменномъ мѣшкѣ. Какъ намъ сообщаютъ, ***Вѣра Фигнеръ***, бывшій полковникъ ***Ашенбреннеръ*** и ***Василій Ивановъ*** переведены на поселеніе. В. Фигнеръ находится теперь въ Петропавловской крѣпости, въ ожиданіи высылки въ Архангельскую губернію; Ивановъ и Ашенбреннеръ — въ Домѣ Предварительнаго Заключенія.

Какъ извѣстно, освобожденные узники были осуждены по „военному“ процессу Народной Воли (въ 1884 году). Въ лицѣ Вѣры Николаевны Фигнеръ, военные судьи приговорили къ смерти, (замѣненной потомъ вѣчной каторгой) дѣятельную участницу всѣхъ почти многочисленныхъ террористическихъ покушеній времени 1878-1882 гг. Въ ея лицѣ они также карали члена знаменитаго „Исполнительнаго Комитета.“

Отъ имени всего сознательнаго россійскаго пролетаріата привѣтствуемъ тѣхъ, чьи имена дороги каждому революціонеру! Отъ души желаемъ имъ, чтобы полученная ими полу-свобода скоро превратилась въ полное освобожденіе!

Судя по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, здоровье В. Н. Фигнеръ сильно пошатнулось: ея зрѣніе ослабѣло, зубы выпали вслѣдствіе цынги.

Замѣтимъ, что, кромѣ недавно, сравнительно, заключенныхъ Гершуни и Карповича, Шлиссельбургская могила все еще держитъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ цѣлый рядъ ветерановъ революціоннаго движенія: М. Попова, С. Иванова, Лопатина, Стародворскаго, Новорусскаго, Антонова, Лукашевича, Фроленко, Морозова. Поповъ находится въ заключеніи 25 лѣтъ, Фроленко и Морозовъ — по 23 года, остальные по 17-20 лѣтъ. Ихъ еще не усталъ терзать двуглавый орелъ.

Наступленіе Куропаткина и морской бой адмирала Рожественскаго

Сплошной позоръ покрываетъ послѣдніе дни отживающаго режима. Трагедія и фарсъ причудливо сплетаются надъ развернувшейся уже могилой россійскаго самодержавія, вызывая во всемъ мірѣ сплошное чувство презрѣнія къ этому черезчуръ зажившемуся „рыцарю печальнаго образа“.

Лятай и Гулль — два эпизода изъ исторіи военной славы царизма. Лятай съ его чудовищнымъ кровопролитіемъ — это трагедія, въ которой злымъ рокомъ является самодержавіе, жертвой — народъ. И до сихъ поръ неизвѣстно точно число русскихъ, выбитыхъ изъ строя въ этой безпримѣрной въ исторіи бойнѣ. Судя по тому, что число однихъ убитыхъ достигаетъ 17 тысячъ, надо полагать, что вмѣстѣ съ ранеными, убыль въ войскахъ никакъ не меньше 50, а то и 60 тысячъ. Даже по русскимъ свѣдѣніямъ, черезъ Мукденъ эвакуировано болѣе 30000 раненыхъ, а они эвакуировались, кромѣ того, и по другой дорогѣ, прямо въ Харбинъ. Но бой при рѣкѣ Шахэ еще не кончился; онъ только пріостановился за взаимнымъ истощеніемъ воюющихъ сторонъ, и со дня на день можно ждать продолженія кровавой трагедіи. Чѣмъ то она окончится? Увы

ская, революціонная, насильственная“ всеобщая *стачка* можетъ привести къ своей цѣли, т. е. къ *соціальной революціи* только тогда, когда она будетъ сопровождаться цѣлымъ рядомъ *политическихъ* дѣйствій. А изъ этого слѣдуетъ, что стремиться придать „стачкѣ-революціи“ исключительно *экономическій* характеръ значитъ *не понимать ея задачи и способствовать ея крушенію.* Анархическое представленіе о ней, будучи усвоено пролетаріатомъ, привело бы его къ жесточайшей неудачѣ. Оно вредно для пролетаріата, и поэтому онъ будетъ *тѣмъ меньше расположенъ къ его усвоенію, чѣмъ больше разовьется его самосознаніе.*

„Стачка-революція“ *должна* имѣть политическій характеръ. Но этого мало. Тотъ рядъ политическихъ дѣйствій, отсутствіе котораго осудило бы пролетаріатъ на пораженіе, предполагаетъ высокую степень политическаго воспитанія этого класса. А его политическое воспитаніе немыслимо безъ планомѣрной и постоянной политической борьбы его со своими врагами, на основѣ нынѣ существующихъ общественныхъ отношеній. А это еще разъ доказываетъ, что тотъ, кто видитъ во всеобщей стачкѣ такое средство, признаніе котораго должно вести насъ къ отрицанію „политики“, не имѣетъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для успѣха „стачки-революціи“. Если анархистъ Э. Жиро сожалѣетъ о томъ, что въ синдикатахъ Франціи мало встрѣчается рабочихъ, слѣдующихъ девизу: „долой политику“; то мы, соціаль-демократы, видимъ въ этомъ проявленіе здраваго смысла пролетаріата и новое ручательство за то, что чѣмъ яснѣе будетъ становиться классовое самосознаніе рабочихъ, тѣмъ рѣшительнѣе отвернутся они отъ анархизма. Въ настоящее время анархисты пользуются извѣстнымъ вліяніемъ во французскихъ синдикатахъ единственно потому, что политическіе подвиги Милльрана, Жорэса и компаніи оттолкнули часть французскаго пролетаріата отъ соціализма. Но нашимъ французскимъ товарищамъ не трудно будетъ показать ему, опираясь на рѣшеніе амстердамскаго съѣзда, что революціонный международный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ мелко буржуазной политикой оппортюнистовъ. И тогда всѣ французскіе рабочіе, борющіеся съ буржуазіей, поймутъ, что у всякаго *класса* должна быть *своя политика*, опредѣляемая его *классовыми интересами*, и что если политика *мелко-буржуазныхъ* оппортюнистовъ вредитъ интересамъ *пролетаріата*, то это совершенно естественно и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить ему достаточнымъ основаніемъ для отказа отъ *своей собственной* классовой политики.

Пока пролетаріатъ боролся подъ революціоннымъ знаменемъ буржуазіи; пока онъ ограничивался ниспроверженіемъ „враговъ своихъ враговъ“; пока онъ не задумывался о своемъ собственномъ дѣлѣ или едва только начиналъ задумываться о немъ, тогда у него не было большой надобности въ организаціи: прогнать Карла X парижскіе рабочіе могли и не объединившись предварительно въ прочные союзы. Но чтобы добиться политическаго господства и, опираясь на него, произвести коренную перемѣну въ производственныхъ отношеніяхъ; чтобы совершить соціалистическую революцію, пролетаріатъ непремѣнно долженъ быть хорошо организованъ. Поэтому, если мы допускаемъ, что путь къ соціалистической революціи идетъ черезъ всеобщую стачку, то мы должны предположить, что пролетаріатъ прочно организованъ не только въ политическую партію, но и въ профессіональные союзы. Кто надѣется, что „стачка-революція“ можетъ быть совершена даже неорганизованнымъ или плохо организованнымъ пролетаріатомъ, тотъ „безъ руля и безъ вѣтрилъ“ носится въ области фантазіи. Анархисты всегда любили гулять въ этой области. Въ послѣдніе годы они, правда, старались кое гдѣ, — и особенно во Франціи, — сблизиться съ профессіональными рабочими союзами. Но, по пословицѣ: горбатаго исправитъ могила — они все таки не перестали быть утопистами до мозга костей. Утопическій взглядъ на общественную жизнь красной нитью проходитъ черезъ всѣ ихъ разсужденія о всеобщей стачкѣ. Такъ, хотя Э. Жиро убѣжденъ, что профессіональные союзы должны явиться тѣмъ рычагомъ, съ помощью котораго пролетаріатъ разрушитъ міръ буржуазной эксплуатаціи и создастъ міръ общественной гармоніи, но условія успѣха „стачки-революціи“ представляются ему въ фантастическомъ освѣщеніи. Правильно указавъ на то, что прекращеніе перевозочной дѣятельности чрезвычайно сильно способствовало бы остановкѣ всего производительнаго механизма современнаго общества, онъ прибавляетъ, что остановить перевозку можно *и не дожидаясь рѣшенія союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, такъ какъ двѣ тысячи энергичныхъ людей могутъ въ какихъ нибудь двѣнадцать часовъ остановить движеніе по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ*[1]. При такомъ упрощенномъ взглядѣ задача организаціи рабочихъ массъ неизбѣжно должна потерять значительную долю своей важности въ глазахъ анархистовъ, и естественно, поэтому, что анархисты готовы чуть не во всякую данную минуту призывать рабочихъ ко всеобщей стачкѣ. Естественно также, если соціальдемократы находятъ, что *анархическая* пропаганда всеобщей стачки скорѣе препятствуетъ дѣлу организаціи пролетаріата, чѣмъ способствуетъ ему.

Ради безпристрастія надо замѣтить, однако, что не однимъ анархистамъ свойственно утопическое представленіе о всеобщей стачкѣ. На пятомъ съѣздѣ французскихъ рабочихъ союзовъ, состоявшемся въ Марсели въ октябрѣ 1893 г., принятъ былъ „принципъ“ всеобщей стачки, которая опредѣлялась, какъ одновременная всеобщая (universelle) пріостановка производства во всѣхъ его отрасляхъ. Но воображать себѣ всеобщую стачку, какъ одновременное прекращеніе работы рѣшительно *во всѣхъ* отрасляхъ производства значитъ обѣими ногами становиться на почву утопій[2]; мы никогда не добьемся дѣйствительно всеобщей остановки наемной работы; да намъ и не нужно добиваться ея: всеобщая стачка дастъ все, что можетъ дать, при условіи забастовки въ главнѣйшихъ отрасляхъ производства и передвиженіе товаровъ. Утопическое опредѣленіе всеобщей стачки принято было въ Марсели подъ сильнымъ вліяніемъ *Ар. Бріана*, играющаго теперь видную роль между французскими оппортюнистами, и это показываетъ, что оппортюнистическія наклонности не исключаетъ болѣе или менѣе искренней симпатіи къ *утопизму*. Во время преній о всеобщей стачкѣ на амстердамскомъ съѣздѣ Бріанъ самъ призналъ нелѣпой мысль о „всеобщей, абсолютной“ забастовкѣ и негодовалъ на тѣхъ, которые приписываютъ ему эту мысль. Но мы видимъ, что противники г. Бріана не такъ неправы, какъ это могло бы показаться.

Амстердамскій съѣздъ обязанъ былъ предостеречь рабочій классъ отъ утопическаго взгляда на всеобщую стачку, проповѣдуемаго главнымъ образомъ анархистами. Онъ такъ и поступилъ, Съ *этой* стороны рѣшеніе, принятое съѣздомъ и предложенное голландской соц.-дем. партіей, болѣе удачно, чѣмъ рѣшеніе, предлагавшееся Аллеманомъ и даже чѣмъ то, которое Соціалистическая Партія Франціи приняла на своемъ съѣздѣ въ Лиллѣ, — состоявшемся за нѣсколько дней до амстердамскаго съѣзда, — и которое она хотѣла провести на этомъ послѣднемъ. И въ виду этой стороны голландскаго проекта ему можно было простить его недостатокъ.

Недостатокъ его пока еще лишенъ *практическаго* значенія; я укажу на него лишь въ интересахъ *теоріи*.

Въ конституціонныхъ странахъ пролетаріатъ имѣетъ права, позволяющія ему умножать свои силы и увеличивать свое вліяніе, не покидая конституціонной почвы. Но тотъ самый фактъ, что эти его права позволяютъ ему организоваться и усиливаться, оставаясь на почвѣ закона, заставляетъ его враговъ задумываться о томъ, нельзя-ли отнять у него эти права, пока еще не поздно, т. е. пока еще онъ не имѣетъ политической *власти*. Въ Германіи буржуазные органы уже поговариваютъ объ этомъ, и примѣръ Саксоніи, гдѣ законъ, опредѣляющій права выбора въ ландтагъ, былъ недавно измѣненъ въ пользу господствующихъ классовъ, показываетъ, что при подходящихъ обстоятельствахъ германскіе охранители не станутъ церемониться съ пролетаріатомъ[1]. И чѣмъ болѣе сильнѣе становится германскій пролетаріатъ, тѣмъ насущнѣе дѣлается вопросъ, чѣмъ и какъ будетъ онъ защищаться, если охранители сдѣлаютъ указанное нападеніе на него. Разумѣется, если бы рабочіе были въ состояніи противопоставить *насилію* вооруженную силу, то вопросъ рѣшался бы самъ собою. Но въ томъ-то и дѣло, что уличное столкновеніе рабочихъ съ войскомъ очень скоро окончилось бы теперь кровавымъ торжествомъ „порядка“. Такъ думаютъ всѣ сознательные пролетаріи Германіи. Что же дѣлать? Идеологи пролетаріата указываютъ на всеобщую, точнѣе на *массовую* стачку, какъ на выходъ изъ затрудненія. Массовая стачка позволитъ пролетаріату избѣжать столкновеній съ войсками, а въ то же время она внесетъ такое разстройство въ ряды непріятеля, что онъ вынужденъ будетъ отступить, если не положить оружіе. Именно въ этомъ смыслѣ амстердамская резолюція говоритъ, что всеобщая стачка „можетъ послужить крайнимъ средствомъ для того, чтобы добиться крупныхъ общественныхъ перемѣнъ или отразить реакціонныя покушенія на права рабочихъ“.

Что же представляетъ собою всеобщая стачка, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія? *Суррогатъ вооруженнаго сопротивленія власти.* Въ качествѣ такого суррогата ее и рекомендодобраго для русскихъ солдатъ ждать нечего, ибо всѣ выгоды положенія на сторонѣ японцевъ: ихъ потери гораздо меньше, подвозъ подкрѣпленій, провіанта и аммуниціи для нихъ гораздо легче' духъ ихъ войска несравненно лучше, ибо — и этого не надо забывать — за исключеніемъ одной неудачи за „сопкѣ съ деревомъ“, — неудачи весьма относительной, потому что эта самая сопка была сначала отбита японцами у русскихъ и лишь затѣмъ, съ крайнимъ напряженіемъ силъ, взята послѣдними обратно, — за исключеніемъ этой частной неудачи, японцы оказались побѣдателями по всей линіи почти 100-верстнаго фронта. „Наступленіе“ Куропаткина окончилось тѣмъ, что японцы подвинулись значительно впередъ. Нужна вся лживость современной прессы, чтобы одной „сопкои съ деревомъ“ пытаться закрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что „наступленіе“ окончилось полнымъ пораженіемъ, что Куропаткину теперь только два исхода: или отступленіе, но уже подъ непрерывнымъ натискомъ японцевъ, или новое „наступленіе“ съ ослабленной и деморализованной арміей, съ опасностью быть окруженнымъ. Положеніе настолько критическое, что, быть можетъ, адмиралъ Алексѣевъ совершилъ одинъ изъ не очень то глупыхъ фокусовъ, своевременно побудивъ „монарха“ „снизойти“ къ его просьбѣ объ увольненіи его отъ командованія военными силами и свалилъ отвѣтственность за все грядущее на Куропаткина.

---

[1] См. названную брошюру, стр. 40.

[2] Ср. мое открытое письмо въ ред. „Mouvement socialiste“, напечатанное въ №№ 137-138 этого изданія. Тамъ я говорю, между прочимъ и о значеніи нашихъ „всеобщихъ стачекъ“ 1903 г.

[1] Въ „демократической“ французской республикѣ о подобномъ coup d'état задумываются развѣ только сумасбродные „націоналисты“; благоразумному буржуа онъ показался бы несбыточнымъ. Но такое благоразуміе обусловливается неблагопріятнымъ для политической реакціи соотношеніемъ общественныхъ силъ, а вовсе не убѣжденіемъ буржуазіи въ святости правъ пролетаріата. Послѣдовательнымъ буржуазнымъ идеологамъ права эти — бѣльмо на глазу, какъ это показалъ, между прочимъ, второй международный философскій съѣздъ, происходившій въ первыхъ числахъ сентября въ Женевѣ. Съѣздъ этотъ начался превознесеніемъ *идеалистической философіи*, а закончился *теоретическимъ заговоромъ противъ всеобщаго избирательнаго права*, — заговоромъ, въ которомъ французскіе „философы“ принимали самое горячее участіе.

Такова послѣдняя трагедія, которою подарило насъ самодержавіе. Но и въ эту трагедію врываются ноты несомнѣннаго комизма, въ видѣ той широковѣщательной и самоувѣренной прокламаціи, которою было возвѣщено міру, что „Мальбрукъ въ походъ собрался“, по тому, собственно, случаю, что теперь „время настало“. И вотъ — вмѣсто побѣдныхъ лавровъ, приходится, „схвативъ въ охапку кушакъ и шапку“ продолжать „геройское“ отступленіе..

Но если янтайская трагедія не свободна отъ примѣси комическаго, то Гулльскій инцидентъ представляетъ уже сплошной фарсъ. Правда, и тутъ кое кому оторвало голову, кое-кого изрѣшетило шрапнелью, кое кого навѣки сдѣлало калѣкой. Но членовредительство—это, такъ сказать, неизбѣжный результатъ всякаго тѣлодвиженія россійскаго царизма. Во всякомъ случаѣ, со времени знаменитаго сраженія Ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами, исторія, конечно, не видала болѣе комическаго эпизода, чѣмъ „бой“ адмирала Рожественскаго съ „непріятельской“ эскадрой, состоявшей изъ мирныхъ англійскихъ рыбаковъ. Принять рыбу за торпеду—это ужъ чересчуръ даже для царскаго адмирала! Неудивительно, что страницы иностранной печати пестрятъ юмористическими сообщеніями о плаваніи злополучной „эскадры“. Кто предполагаетъ, что г.г. офицеры занимались во время встрѣчи съ рыбаками тѣмъ самымъ „національнымъ дѣломъ“ по части „монополіи“, какимъ ихъ собратья занимались и въ Портъ-Артурѣ въ достопамятный день первой встрѣчи уже не съ мнимымъ, а доподлиннымъ японскимъ флотомъ; кто утверждаетъ, что Рожественскій „съ дѣтства“ „ушибленъ мамкой“ и страдаетъ эпилепсіей и галлюцинаціями; кто думаетъ, наконецъ, что тутъ просто дѣло въ колоссальномъ невѣжествѣ, съ одной стороны, и паническомъ страхѣ „храбраго“ адмирала передъ японскими „карликами“ съ другой. Послѣднее, пожалуй, наиболѣе вѣроятно.

Между тѣмъ, за послѣдніе дни иностранныя газеты передаютъ изъ русскихъ источниковъ слухъ, который, если онъ подтвердится, превзойдетъ все, что только можетъ придумать самое шаловливое воображеніе. Адмиралъ Рожественскій въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ увѣрялъ, что стрѣлялъ онъ, собственно, не въ англійскихъ рыбаковъ, а въ два „японскихъ“ миноносца. Оказывается, что адмиралъ правъ: онъ стрѣлялъ дѣйствительно въ миноносцы, но миноносцы-то были не японскіе; а... русскіе! Тѣ же, въ свою очередь, не остались въ долгу и, принявъ аттакующую ихъ эскадру за „японскую“, начали палить по ней.

„Отразивъ столь удачно измѣнническаго врага, наша эскадра прослѣдовала далѣе“, захлебываются патріотическимъ восторгомъ „Московскія Вѣдомости“ по случаю побѣды надъ „англо-японскою засадою“ и тутъ же вотируютъ Рожественскому „благодарность отечества“. Неподражаемо звучатъ увѣренія адмирала въ бесѣдѣ съ однимъ иностраннымъ корреспондентомъ, что „инцидентъ въ Сѣверномъ морѣ былъ неизбѣженъ“, и, пожалуй, еще лучше усилія оффиціознаго дипломатическаго органа, „Journal de St. Petersburg“, прикрыть глупость царскихъ слугъ ссылками на коварный „ниппонизмъ“, заставляющій во всякой встрѣчной баркѣ за 14000 верстъ отъ театра войны видѣть японскій флотъ!

— Царскому правительству это веселое похожденіе балтійской эскадры не пройдетъ даромъ. Англійская буржуазія не привыкъ къ такимъ царскимъ „потѣхамъ“, при которыхъ слетаетъ съ плечъ нѣсколько неповинныхъ головъ, и, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, англійское правительство заявило, что, до полученія удовлетворенія, оно задержитъ то сборище, наполовину негодныхъ, старыхъ ящиковъ, которое называется 2-ой тихоокеанской эскадрой. И царское правительство вынуждено было вымолить прощеніе цѣною неслыханнаго для „великой державы“ униженія: кромѣ покаяннаго извиненія и уплаты вознагражденія пострадавшимъ и семьямъ погибшихъ, оно должно было согласиться задержать виновныхъ офицеровъ и подвергнуть ихъ дѣйствія суду международнаго трибунала. Этимъ самымъ констатируется, что европейскія государства такъ-же мало полагаются на царскіе суды, какъ на суды какой нибудь восточно-азіатской деспотіи. До сихъ поръ только къ такимъ странамъ, какъ Турція, Персія, Китай, иностранныя державы предъявляли требованіе особой юрисдикціи.

Петербургъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доносятся слухи объ ужасахъ всякаго рода. Особенно великъ, сравнительно съ прошлыми войнами, процентъ психически разстроенныхъ. Ихъ въ пути встрѣчаютъ цѣлыми вагонами; у большинства буйная форма помѣшательства. Везутъ ихъ безъ всякаго присмотра. Солдатамъ совершенно не выдаютъ смѣнъ бѣлья. Бѣлье гніетъ на нихъ — большинство не мѣняло его уже 5-6 мѣсяцевъ. Съ убитыхъ японцевъ прежде всего снимаютъ бѣлье. Отступленіе создало новую форму хищенія. Такъ, напримѣръ, отступая отъ Ляояна, сожгли 21 вагонъ сахару и тьму всего прочаго. Солдатамъ же сахару не выдавали по нѣсколько мѣсяцевъ, а раньше выдавали по одному-два куска. Сожженное увеличиваютъ до безконечныхъ размѣровъ: вмѣсто 15, показываютъ 50 вагоновъ, и за столько же „платятъ подрядчикамъ“ или, вѣрнѣе, предъявляютъ счета въ интендантство: сожгли де. Спекуляція на отступленіе, вообще, въ полномъ ходу. Полковые врачи жалуются на отсутствіе лекарствъ и перевязочныхъ средствъ: изъ рецептовъ приготовляются только три и то такъ, что врачъ не находитъ возможнымъ давать больнымъ такую бурду. Лучше обставлены госпитали Краснаго Креста. Но, вѣдь, главная и постоянная организація, имѣющая большое значеніе — именно полковые лазареты. А они оказались совершенно не подготовленными.

На войнѣ и по пути на войну (изъ частныхъ писемъ). Изъ письма ветерин. фельдшера. Авторъ въ началѣ подробно описываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей частью цѣлый мѣсяцъ кочевалъ между Ляояномъ и Хайченомъ въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ: пища и кормъ для лошадей отсутствовали, дороги ужасныя и притомъ совершенно неизвѣстныя командирамъ, благодаря чему отрядъ неоднократно сбивался съ пути, при удушливой жарѣ чрезмѣрные переходы, отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для удобства людей, противорѣчивыя приказанія начальства. Втеченіе 4-хъ дней, отрядъ не могъ найти деревни, гдѣ ему приказано было остановиться. Въ результатѣ масса больныхъ и гибель многихъ лошадей. Около Анпоня японцы на голову разбили Тамбовскій полкъ; застали весь полкъ за чаепитіемъ, хотя развѣдчики докладывали командиру, что японцы близко, слышна перестрѣлка; офицеры просили командира полка приготовиться для встрѣчи непріятеля, но онъ категорически заявилъ, что „не надо“ и прибавилъ, что „кто осмѣлится ослушаться меня, тому голову снесу“. Японцы подъ прикрытіемъ гаоляна приблизились на разстояніи 30 шаговъ и начали стрѣлять залпами, произвели страшную панику, спасались, кто какъ могъ, полковаго священника въ натискѣ убили. Г.г. офицеры показали себя во всей славѣ трусости, прячась за камни, говоря солдатамъ: „братушки, стрѣляйте, кто какъ умѣетъ“. но такихъ трусовъ пуля вездѣ найдетъ, если и не японская, такъ русская... Я думалъ, что на войнѣ всѣ безъ исключенія проникнуты воинственнымъ духомъ, стремятся къ одной цѣли—защищать общіе интересы, отстаивать честь дорогой каждому родины, но ничего подобнаго я не встрѣтилъ ни въ комъ; наши начальники имѣютъ каждый свою цѣль и свои личные интересы; живутъ какъ дома, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, интригуютъ съ сестрами милосердія; словомъ, ведутъ жизнь совершенно безпечную, беззаботную, не хотятъ вникнуть въ дѣло, предоставляя всецѣло вести его каптинармусамъ-артельщикамъ, а тѣ разрабатываютъ, что называется во всю: 1 руб. на дѣло, 2 руб. въ карманъ, съ китайцами сдѣлки. И это все они продѣлываютъ безконтрольно, потому и остаются безнаказанными; вотъ гдѣ вся причина голодовки людей и лошадей. И, представьте, ничего нельзя сдѣлать. Мы пробовали было доложить высшему начальству, но ничего не вышло; всѣ эти ихъ продѣлки втянули въ себя и командировъ, такъ что послѣднимъ волей неволей приходилось прикрывать ихъ..... и дѣло идетъ своимъ чередомъ. Поэтому приходится людямъ заботиться каждому лично о себѣ...“

Лицо, читавшее письма солдатъ къ роднымъ (въ Харьковской губ.) резюмируетъ ихъ содержаніе... „Такъ тяжело, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ боя, лишь бы поскорѣе ранили или убили. Разутые, голодные, безъ бѣлья, которое гніетъ и сваливается клочьями; почти всѣ больны накожными болѣзнями. Сапогъ не выдавали и поѣхали въ своихъ, которые теперь разлѣзались, — просятъ родныхъ прислать...“

Изъ письма врача. „Солдаты пристаютъ съ разными вопросами, напримѣръ — зачѣмъ мы бьемся за песчаную Манджурію, когда въ Сибири такъ много плодородной и не заселенной земли, которую мы проѣзжаемъ для того, чтобы сражаться за эти пески? На что они намъ? Зачѣмъ проводили здѣсь желѣзныя дороги по чужой землѣ? и т. д.

Изъ письма съ дороги, изъ санитарнаго отряда: „...Всѣ залѣзли въ ватныя и мѣховыя пальто, сейчасъ днемъ довольно тепло, но ночи очень холодныя. И вотъ, въ такіе-то дожди и холода мы принимаемъ и провожаемъ на вокзалъ больныхъ солдатиковъ *безъ шинелей, безъ сапогъ*, привозимъ къ санитарному поѣзду въ тулупахъ и забираемъ тулупы обратно; ихъ набиваютъ, какъ скотъ, по 20 человѣкъ въ товарный вагонъ—теплушку (съ желѣзн. печкой). Больныхъ намъ сплавляютъ изъ Харбина изъ военныхъ госпиталей... Много неврастениковъ, разстроившихъ свою нервную систему отъ ужасовъ войны. Они разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ войны: такъ, подъ Лаояномъ одинъ русскій полкъ стрѣлялъ въ другой русскій же, послѣ чего пошли другъ на друга въ атаку, въ штыки и только тогда опомнились, когда сошлись грудь съ грудью, а въ это время японцы стали ихъ разстрѣливать съ боку...

Изъ письма офицера: „... Служба паршивая, хуже каторги... ...Когда я былъ въ Ляо-Янѣ, то, повѣришь, на улицѣ лежали раненые. Далѣе солдаты стрѣляютъ въ своихъ офицеровъ, тамъ на войнѣ они не признаютъ офицеровъ. Такъ что приходится быть очень осторожнымъ съ солдатами, они укокошатъ. Снарядовъ не хватаетъ. Когда я сопровождалъ обозъ и когда напалъ маленькій отрядъ японцевъ въ 2.000 чел., то черезъ полчаса уже не могъ стрѣлять залпами, ибо не хватало патроновъ, между тѣмъ какъ японцы стрѣляютъ безпрерывочными залпами... Да, не знаю, о чемъ думало до сихъ поръ правительство.“

Заботы о раненыхъ. Съ торжественной помпой выпроваживаютъ у насъ изъ Россіи на Дальній Востокъ — на бойню — здороваго солдата. Самого слабоумнаго царя развозятъ по всей Россіи, показываютъ „солдатику,“ чтобъ подогрѣть его патріотическія чувства. Павшее духомъ самодержавіе послѣ „блестящихъ отступленій“ возлагаетъ всѣ свои надежды на этого солдата: за нимъ ухаживаютъ, онъ въ цѣнѣ. Попы торжественно звонятъ въ колокола, фабриканты жертвуютъ на „солдатика“ по нѣскольку кусковъ сахару, а ихъ жены шьютъ ему кисеты для махорки.

Но когда тотъ же солдатъ, спасая тронъ своему царю, искалѣченный, превращенный въ пушечное мясо, нуждается въ лѣченіи, въ уходѣ, о немъ забываютъ, съ нимъ не церемонятся: онъ обезцѣненъ и сталъ обузой для самодержавія. Эвакуаціонная коммиссія наскоро распихиваетъ выбывшія изъ строя жертвы по вагонамъ отходящаго поѣзда и полагаетъ, что миссія ея закончилась. Остальное предоставляется живительнымъ силамъ природы и мудрому изрѣченію: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть.“ Больнымъ не нужно чистаго бѣлья, бинтовъ, лѣкарствъ, постельныхъ матрацовъ.

Но пусть факты сами говорятъ за себя.

На станціи Мысовая, по ту сторону озера Байкала, врачъ принимаетъ партію больныхъ. Въ дорожной аптекѣ имѣется на лицо: 2 фунта касторовaго масла, нѣсколько доверовыхъ порошковъ и... одинъ грязный бинтъ. Въ вагонахъ — ни одного тюфяка. Въ довершеніе всѣхъ прелестей — раненые не были въ банѣ полгода.

Пріѣзжаютъ въ Иркутскъ, но здѣсь ихъ никто не встрѣчаетъ: нѣтъ ни представителя эвакуаціонной коммисіи, ни члена отъ Краснаго Креста. Положеніе таково, что ѣхать дальше при указанныхъ возмутительныхъ условіяхъ нельзя. Съ трудомъ удается задержаться на сутки, и докторъ, по своей иниціативѣ, ве

валъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціальдемократіи революціонной энергіи[1]. Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія, — идея „стачки скрещенныхъ рукъ“ — свойственна далеко не однимъ соціальдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Grève générale réformiste et grève générale révolutionnaire“, которая издана „коммиссіей стачекъ и всеобщей стачки“, состоящей при французской confédération générale du travail. Сочувствіе автора — или авторовъ, — этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ *революціонной* стачки, между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ свое произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безуміемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу“. На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ“, и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплуататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ и на навозной кучѣ капитализма дать возможность коммунистическому обществу и т. д.“ Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ“? И что это, — прибавлю мимоходомъ, — какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія“, т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка—всеобщее бездѣйствіе — всеобщая безсмыслица“...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки“. Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему классу многихъ, — иногда кровавыхъ, — жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ“; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей; чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ, — вслѣдствіе этого, — становиться *мирное* рѣшеніе „соціальнаго вопроса“, тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому *я* и говорю, что международнымъ соціальдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое *дѣло* не торжествовало вслѣдствіе *бездѣйствія* своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки“ не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородавкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! выходи“! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ“ нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ все таки пришлось вылѣзать на божій свѣтъ, когда кто то изъ оловянныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался *ломать избы*. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо учитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. *Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія.* Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не срѣлнютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталическихъ странъ не оловянные солдатики. Они въ значительной, — и все болѣе и болѣе возрастающей, — степени выходятъ *изъ среды пролетаріата*, и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціальдемократическихъ идей. *Въ этомъ все дѣло.* Вооруженныя возстанія и прежде оканчивались успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать“ войска[1].

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціальдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ“.

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ неправильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его“: въ настоящее время вліяніе соціальдемократіи на войско еще не таково, чтобы она могла, — *не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ*, — звать ихъ на возстаніе[2]. А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ *практическая, а не теоретическая*, то голландскій проектъ резолюціи о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ, — не смотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ *правильно выражающій современное положеніе дѣлъ*. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціальдемократіи, которую *надо было объединить* для борьбы съ оппортюнизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ“, отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ коммиссіи всеобщей стачки, его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору“ и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько .. страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди болѣе „толковитые“, чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ съѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціальдемократіи, имѣли возможность заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ *я* на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, *въ настоящее время* содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ *только теоретическое значеніе*. И на сколько я могу судить по статьѣ Э. Лифона „Le congrès de Lille“, напечатаной въ № 139-140 „Mouvement Socialiste“, не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, не вѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, *переходнаго* времени. Въ будущемъ сама *практика* потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

---

[1] И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры“.

[1] Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста Коммунистической Партіи“ (Женева 1900 г.).

[2] Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду *не* Россію; у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть „деморализовано“ и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

добраго для русскихъ солдатъ ждать нечего, ибо всѣ выгоды положенія на сторонѣ японцевъ: ихъ потери гораздо меньше, подвозъ подкрѣпленій, провіанта и аммуниціи для нихъ гораздо легче' духъ ихъ войска несравненно лучше, ибо — и этого не надо забывать — за исключеніемъ одной неудачи за „сопкѣ съ деревомъ", — неудачи весьма относительной, потому что эта самая сопка была сначала отбита японцами у русскихъ и лишь затѣмъ, съ крайнимъ напряженіемъ силъ, взята послѣдними обратно, — за исключеніемъ этой частной неудачи, японцы оказались побѣдателями по всей линіи почти 100-верстнаго фронта. „Наступленіе" Куропаткина окончилось тѣмъ, что японцы подвинулись значительно впередъ. Нужна вся лживость современной прессы, чтобы одной „сопкой съ деревомъ" пытаться закрыть тотъ несомнѣнный фактъ, что „наступленіе" окончилось полнымъ пораженіемъ, что Куропаткину теперь только два исхода: или отступленіе, но уже подъ непрерывнымъ натискомъ японцевъ, или новое „наступленіе" съ ослабленной и деморализованной арміей, съ опасностью быть окруженнымъ. Положеніе настолько критическое, что, быть можетъ, адмиралъ Алексѣевъ совершилъ одинъ изъ не очень то глупыхъ фокусовъ, своевременно побудивъ „монарха" „снизойти" къ его просьбѣ объ увольненіи его отъ командованія военными силами и сваливъ отвѣтственность за все грядущее на Куропаткина.

Такова послѣдняя трагедія, которою подарило насъ самодержавіе. Но и въ эту трагедію врываются ноты несомнѣннаго комизма, въ видѣ той широковѣщательной и самоувѣренной прокламаціи, которою было возвѣщено міру, что „Мальбрукъ въ походъ собрался", по тому, собственно, случаю, что теперь „время настало". И вотъ — вмѣсто побѣдныхъ лавровъ, приходится, „схвативъ въ охапку кушакъ и шапку" продолжать „геройское" отступленіе..

Но если янтайская трагедія не свободна отъ примѣси комическаго, то Гулльскій инцидентъ представляетъ уже сплошной фарсъ. Правда, и тутъ кое кому оторвало голову, кое-кого изрѣшетило шрапнелью, кое кого навѣки сдѣлало калѣкой. Но членовредительство — это, такъ сказать, неизбѣжный результатъ всякаго тѣлодвиженія россійскаго царизма. Во всякомъ случаѣ, со времени знаменитаго сраженія Ламанчскаго рыцаря съ вѣтряными мельницами, исторія, конечно, не видала болѣе комическаго эпизода, чѣмъ „бой" адмирала Рожественскаго съ „непріятельской" эскадрой, состоявшей изъ мирныхъ англійскихъ рыбаковъ. Принять рыбу за торпеду — это ужъ черезчуръ даже для царскаго адмирала! Неудивительно, что страницы иностранной печати пестрятъ юмористическими сообщеніями о плаваніи злополучной „эскадры". Кто предполагаетъ, что г.г. офицеры занимались во время встрѣчи съ рыбаками тѣмъ самымъ „національнымъ дѣломъ" по части „монополіи", какимъ ихъ собратья занимались и въ Портъ-Артурѣ въ достопамятный день первой встрѣчи уже не съ мнимымъ, а доподлиннымъ японскимъ флотомъ; кто утверждаетъ, что Рожественскій „съ дѣтства" „ушибленъ мамкой" и страдаетъ эпилепсіей и галлюцинаціями; кто думаетъ, наконецъ, что тутъ просто дѣло въ колоссальномъ невѣжествѣ, съ одной стороны, и паническомъ страхѣ „храбраго" адмирала передъ японскими „карликами" съ другой. Послѣднее, пожалуй, наиболѣе вѣроятно.

Между тѣмъ, за послѣдніе дни иностранныя газеты передаютъ изъ русскихъ источниковъ слухъ, который, если онъ подтвердится, превзойдетъ все, что только можетъ придумать самое шаловливое воображеніе. Адмиралъ Рожественскій въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ увѣрялъ, что стрѣлялъ онъ, собственно, не въ англійскихъ рыбаковъ, а въ два „японскихъ" миноносца. Оказывается, что адмиралъ правъ: онъ стрѣлялъ дѣйствительно въ миноносцы, но миноносцы то были не японскіе, а... русскіе! Тѣ же, въ свою очередь, не остались въ долгу и, принявъ аттакующую ихъ эскадру за „японскую", начали палить по ней.

„Отразивъ столь удачно измѣнническаго врага, наша эскадра прослѣдовала далѣе", захлебываются патріотическимъ восторгомъ „Московскія Вѣдомости" по случаю побѣды надъ „англо-японскою засадою" и тутъ же вотируютъ Рожественскому „благодарность отечества". Неподражаемо звучатъ увѣренія адмирала въ бесѣдѣ съ однимъ иностраннымъ корреспондентомъ, что „инцидентъ въ Сѣверномъ морѣ былъ неизбѣженъ", и, пожалуй, еще лучше усилія оффиціознаго дипломатическаго органа, „Journal de St. Petersburg", прикрыть глупость царскихъ слугъ ссылками на коварный „ниппонизмъ", заставляющій во всякой встрѣчной баркѣ за 14000 верстъ отъ театра войны видѣть японскій флотъ!

— Царскому правительству это веселое похожденіе балтійской эскадры не пройдетъ даромъ. Англійская буржуазія не привыкъ къ такимъ царскимъ „потѣхамъ", при которыхъ слетаетъ съ плечъ нѣсколько неповинныхъ головъ, и, подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія, англійское правительство заявило, что, до полученія удовлетворенія, оно задержитъ то сборище, наполовину негодныхъ, старыхъ ящиковъ, которое называется 2-ой тихоокеанской эскадрой. И царское правительство вынуждено было вымолить прощеніе цѣною неслыханнаго для „великой державы" униженія: кромѣ покаяннаго извиненія и уплаты вознагражденія пострадавшимъ и семьямъ погибшихъ, оно должно было согласиться задержать виновныхъ офицеровъ и подвергнуть ихъ дѣйствія суду международнаго трибунала. Этимъ самымъ констатируется, что европейскія государства такъ-же мало полагаются на царскіе суды, какъ на суды какой нибудь восточно-азіатской деспотіи. До сихъ поръ только къ такимъ странамъ, какъ Турція, Персія, Китай, иностранныя державы предъявляли требованіе особой юрисдикціи.

Петербургъ. Съ театра военныхъ дѣйствій доносятся слухи объ ужасахъ всякаго рода. Особенно великъ, сравнительно съ прошлыми войнами, процентъ психически разстроенныхъ. Ихъ въ пути встрѣчаютъ цѣлыми вагонами; у большинства буйная форма помѣшательства. Везутъ ихъ безъ всякаго присмотра. Солдатамъ совершенно не выдаютъ смѣнъ бѣлья. Бѣлье гніетъ на нихъ — большинство не мѣняло его уже 5-6 мѣсяцевъ. Съ убитыхъ японцевъ прежде всего снимаютъ бѣлье. Отступленіе создало новую форму хищенія. Такъ, напримѣръ, отступая отъ Ляояна, сожгли 21 вагонъ сахару и тьму всего прочаго. Солдатамъ же сахару не выдавали по нѣсколько мѣсяцевъ, а раньше выдавали по одному-два куска. Сожженное увеличиваютъ до безконечныхъ размѣровъ: вмѣсто 15, показываютъ 50 вагоновъ, и за столько же „платятъ подрядчикамъ" или, вѣрнѣе, предъявляютъ счета въ интендантство: сожгли де. Спекуляція на отступленіе, вообще, въ полномъ ходу. Полковые врачи жалуются на отсутствіе лекарствъ и перевязочныхъ средствъ: изъ рецептовъ приготовляются только три и то такъ, что врачъ не находитъ возможнымъ давать больнымъ такую бурду. Лучше обставлены госпитали Краснаго Креста. Но, вѣдь, главная и постоянная организація, имѣющая большое значеніе — именно полковые лазареты. А они оказались совершенно не подготовленными.

На войнѣ и по пути на войну (изъ частныхъ писемъ). Изъ письма ветерин. фельдшера. Авторъ въ началѣ подробно описываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей частью цѣлый мѣсяцъ кочевалъ между Ляояномъ и Хайченомъ въ самыхъ невѣроятныхъ условіяхъ: пища и кормъ для лошадей отсутствовали, дороги ужасныя и притомъ совершенно неизвѣстныя командирамъ, благодаря чему отрядъ неоднократно сбивался съ пути, при удушливой жарѣ чрезмѣрные переходы, отсутствіе какихъ бы то ни было приспособленій для удобства людей, противорѣчивыя приказанія начальства. Втеченіе 4-хъ дней, отрядъ не могъ найти деревни, гдѣ ему приказано было остановиться. Въ результатѣ масса больныхъ и гибель многихъ лошадей. Около Анпоня японцы на голову разбили Тамбовскій полкъ; застали весь полкъ за чаепитіемъ, хотя развѣдчики докладывали командиру, что японцы близко, слышна перестрѣлка; офицеры просили командира полка приготовиться для встрѣчи непріятеля, но онъ категорически заявилъ, что „не надо" и прибавилъ, что „кто осмѣлится ослушаться меня, тому голову снесу". Японцы подъ прикрытіемъ гаоляна приблизились на разстояніи 30 шаговъ и начали стрѣлять залпами, произвели страшную панику: спасались, кто какъ могъ, полковаго священника въ натискѣ убили. Г.г. офицеры показали себя во всей славѣ трусости, прячась за камни, говоря солдатамъ: „братушки, стрѣляйте, кто какъ умѣетъ", но такихъ трусовъ пуля вездѣ найдетъ, если и не японская, такъ русская... Я думалъ, что на войнѣ всѣ безъ исключенія проникнуты воинственнымъ духомъ, стремятся къ одной цѣли: защищать общіе интересы, отстаивать честь дорогой каждому родины, но ничего подобнаго я не встрѣтилъ ни въ комъ; наши начальники имѣютъ каждый свою цѣль и свои личные интересы; живутъ какъ дома, пьютъ, ѣдятъ, играютъ въ карты, интригуютъ съ сестрами милосердія; словомъ, ведутъ жизнь совершенно безпечную, беззаботную, не хотятъ вникнуть въ дѣло, предоставляя всецѣло вести его каптинармусамъ, артельщикамъ, а тѣ разрабатываютъ, что называется во всю: 1 руб. на дѣло, 2 руб. въ карманъ, съ китайцами сдѣлки. И это все они продѣлываютъ безконтрольно, а потому и остаются безнаказанными; вотъ гдѣ вся причина голодовки людей и лошадей. И, представьте, ничего нельзя сдѣлать. Мы пробовали было доложить высшему начальству, но ничего не вышло; всѣ эти ихъ продѣлки втянули въ себя и командировъ, такъ что послѣднимъ волей неволей пришлось прикрывать ихъ..... и дѣло идетъ своимъ чередомъ. Поэтому приходится людямъ заботиться каждому лично о себѣ..."

Лицо, читавшее письма солдатъ къ роднымъ (въ Харьковской губ.) резюмируетъ ихъ содержаніе... „Такъ тяжело, что всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ боя, лишь бы поскорѣе ранили или убили. Разутые, голодные, безъ бѣлья, которое гніетъ и сваливается клочьями; почти всѣ больны накожными болѣзнями. Сапогъ не выдавали и поѣхали въ своихъ, которые теперь развалились, — просятъ родныхъ прислать..."

Изъ письма врача. „Солдаты пристаютъ съ разными вопросами, напримѣръ — зачѣмъ мы бьемся за песчаную Манджурію, когда въ Сибири такъ много плодородной и не заселенной земли, которую мы проѣзжаемъ для того, чтобы сражаться за эти пески? На что они намъ? Зачѣмъ проводили здѣсь желѣзныя дороги по чужой землѣ? и т. д.

Изъ письма съ дороги, изъ санитарнаго отряда: „...Всѣ залѣзли въ ватныя и мѣховыя пальто, сейчасъ днемъ довольно тепло, но ночи очень холодныя. И вотъ, въ такіе-то дожди и холода мы принимаемъ и провожаемъ на вокзалъ больныхъ солдатиковъ *безъ шинелей, безъ сапогъ*, привозимъ къ санитарному поѣзду въ тулупахъ и забираемъ тулупы обратно; ихъ набиваютъ, какъ скотъ, по 20 человѣкъ въ товарный вагонъ — теплушку (съ желѣзн. печкой). Больныхъ намъ сплавляютъ изъ Харбина изъ военныхъ госпиталей... Много неврастениковъ, разстроившихъ свою нервную систему отъ ужасовъ войны. Они разсказываютъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ войны: такъ, подъ Ляояномъ одинъ русскій полкъ стрѣлялъ въ другой русскій же, послѣ чего пошли другъ на друга въ атаку, въ штыки и только тогда опомнились, когда сошлись грудь съ грудью, а въ это время японцы стали ихъ разстрѣливать съ боку...

Изъ письма офицера: „... Служба паршивая, хуже каторги... ...Когда я былъ въ Ляо-Янѣ, то, повѣришь, на улицѣ лежали раненые. Далѣе солдаты стрѣляютъ въ своихъ офицеровъ, тамъ на войнѣ они не признаютъ офицеровъ. Такъ что приходится быть очень осторожнымъ съ солдатами, они укокошатъ. Снарядовъ не хватаетъ. Когда я сопровождалъ обозъ и когда напалъ маленькій отрядъ японцевъ въ 2.000 чел., то черезъ полчаса уже не могъ стрѣлять залпами, ибо не хватало патроновъ, между тѣмъ какъ японцы стрѣляютъ безпрерывочными залпами... Да, не знаю, о чемъ думало до сихъ поръ правительство."

Заботы о раненыхъ. Съ торжественной помпой выпроваживаютъ у насъ изъ Россіи на Дальній Востокъ — на бойню — здороваго солдата. Самого слабоумнаго царя развозятъ по всей Россіи, показываютъ „солдатику," чтобъ подогрѣть его патріотическія чувства. Павшее духомъ самодержавіе послѣ „блестящихъ отступленій" возлагаетъ всѣ свои надежды на этого солдата: за нимъ ухаживаютъ, онъ въ цѣнѣ. Попы торжественно звонятъ въ колокола, фабриканты жертвуютъ на „солдатика" по нѣскольку кусковъ сахару, а ихъ жены шьютъ ему кисеты для махорки.

Но когда тотъ же солдатъ, спасая тронъ своему царю, искалѣченный, превращенный въ пушечное мясо, нуждается въ лѣченіи, въ уходѣ, о немъ забываютъ, съ нимъ не церемонятся: онъ обезцѣненъ и сталъ обузой для самодержавія. Эвакуаціонная коммиссія наскоро распихиваетъ выбывшія изъ строя жертвы по вагонамъ отходящаго поѣзда и полагаетъ, что миссія ея закончилась. Остальное предоставляется живительнымъ силамъ природы и мудрому изрѣченію: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть." Больнымъ не нужно чистаго бѣлья, бинтовъ, лѣкарствъ, постельныхъ матрацовъ.

Но пусть факты сами говорятъ за себя.

На станціи Мысовая, по ту сторону озера Байкала, врачъ принимаетъ партію больныхъ. Въ дорожной аптекѣ имѣется на лицо: 2 фунта касторовато масла, нѣсколько доверовыхъ порошковъ и... одинъ грязный бинтъ. Въ вагонахъ — ни одного тюфяка. Въ довершеніе всѣхъ прелестей — раненые не были въ банѣ полгода.

Пріѣзжаютъ въ Иркутскъ, но здѣсь ихъ никто не встрѣчаетъ: нѣтъ ни представителя эвакуаціонной коммиссіи, ни члена отъ Краснаго Креста. Положеніе таково, что ѣхать дальше при указанныхъ возмутительныхъ условіяхъ нельзя. Съ трудомъ удается задержаться на сутки, и докторъ, по своей иниціативѣ, ве

валъ пролетаріату амстердамскій съѣздъ. И въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать ее при оцѣнкѣ амстердамскаго рѣшенія.

Анархисты увидятъ въ этомъ рѣшеніи новое доказательство отсутствія у международной соціальдемократіи революціонной энергіи[1]. Но мы имъ возразимъ, что идея всеобщей стачки, какъ суррогата возстанія, — идея „стачки скрещенныхъ рукъ" — свойственна далеко не однимъ соціальдемократамъ. Передо мной лежитъ брошюра: „Greve generale reformiste et greve generale revolutionnaire", которая издана „коммиссіей стачекъ и всеобщей стачки", состоящей при французской confederation generale du travail. Сочувствіе автора — или авторовъ, — этой брошюры безраздѣльно лежитъ на сторонѣ *революціонной* стачки. Между тѣмъ, посмотрите, какъ онъ заканчиваетъ свое произведеніе. Онъ говоритъ (стр. 23 второго изданія), что возстаніе было бы „безуміемъ, конечно, героическимъ, но осужденнымъ на роковую неудачу". На слѣдующей страницѣ онъ повторяетъ, что „уличная война съ оружіемъ въ рукахъ отжила свой вѣкъ", и что при такомъ положеніи дѣлъ нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и болѣе осуществимаго средства, чѣмъ всеобщая стачка: „Чего проще! Отказаться работать на эксплуататора... Убить старое общество бездѣйствіемъ рабочихъ и на навозной кучѣ капитализма дать возможность коммунистическому обществу и т. д." Что это, какъ не „стачка скрещенныхъ рукъ"? И что это, — прибавлю мимоходомъ, — какъ не утопическое представленіе о соціалистической революціи, являющейся въ результатѣ „бездѣйствія", т. е. отказа пролетаріевъ продавать капиталистамъ свою рабочую силу? Въ примѣненіи къ такой стачкѣ до сихъ поръ остается вѣрнымъ полушутливое, полусерьезное опредѣленіе Ауэра: „всеобщая стачка — всеобщее бездѣйствіе — всеобщая безсмыслица"...

Я могъ бы привести еще очень много выписокъ такого же содержанія, но это не нужно. Всѣмъ, слѣдящимъ за рабочимъ движеніемъ, извѣстно, что убѣжденіе въ невозможности вооруженнаго возстанія раздѣляется теперь даже многими анархическими сторонниками „революціонной стачки". Это убѣжденіе и подготовило почву для распространенія мысли о всеобщей стачкѣ между тѣми пролетаріями, которые не могутъ успокоиться на наивной вѣрѣ въ то, что современная борьба классовъ, уже стоившая рабочему классу многихъ, — иногда кровавыхъ, — жертвъ, закончится словесными турнирами парламентскихъ ораторовъ. Эти пролетаріи понимаютъ, что „сила всегда служила повивальной бабкой старому обществу, готовившемуся родить новый общественный порядокъ"; но, не вѣря въ успѣхъ вооруженнаго возстанія, они тѣмъ охотнѣе усваиваютъ мысль о всеобщей стачкѣ. И чѣмъ болѣе будетъ обостряться борьба рабочаго класса съ буржуазіей: чѣмъ менѣе вѣроятнымъ будетъ, — вслѣдствіе этого, — становиться *мирное* рѣшеніе „соціальнаго вопроса", тѣмъ болѣе будетъ упрочиваться эта мысль въ средѣ пролетаріевъ. Поэтому я и говорю, что международнымъ соціальдемократамъ еще не разъ придется обсуждать ее на своихъ съѣздахъ.

Но если мысль о всеобщей стачкѣ имѣетъ здравое основаніе; если не парламентскія словесныя схватки приведутъ рабочій классъ къ побѣдѣ, то не надо обманывать себя. Никогда еще никакое *дѣло* не торжествовало вслѣдствіе *бездѣйствія* своихъ сторонниковъ, и никогда „скрещенныя руки" не разрушатъ зданія капитализма. Слушая разсужденія о томъ, что пролетаріатъ долженъ отказаться отъ надежды побѣдить своихъ враговъ въ открытомъ бою, я вспоминаю, какъ у Щедрина помпадуръ Бородавкинъ воевалъ съ обывателями Стрѣлецкой слободы. Обыватели попрятались по домамъ и, въ отвѣтъ на грозные возгласы помпадура: „Эй! Кто тутъ! выходи"! — только вздыхали. Это до такой степени сбило съ толку кровожаднаго администратора, что онъ совсѣмъ растерялся. Планъ сторонниковъ „стачки скрещенныхъ рукъ" нѣсколько напоминаетъ образъ дѣйствія щедринскихъ стрѣльцовъ. Онъ не дуренъ; но вѣдь и у Щедрина стрѣльцамъ все таки пришлось вылѣзать на божій свѣтъ, когда кто-то изъ оловянныхъ солдатиковъ Бородавкина догадался *ломать избы*. Не спрячутся и рабочіе отъ буржуазныхъ усмирителей, когда тѣ рѣшатся дать имъ кровавый урокъ. Да и стыдно имъ было бы прятаться. Самая мирная массовая стачка легко можетъ повести къ массовому столкновенію съ войскомъ. Эту возможность необходимо учитывать при соображеніяхъ о массовой стачкѣ. *Оружіе критики не можетъ замѣнить критики посредствомъ оружія.* Напрасно ссылаются на усовершенствованія современной военной техники. Сами собою не стрѣляютъ даже наиболѣе усовершенствованныя ружья и пушки; чтобы употребить ихъ въ дѣло, нужны солдаты, а солдаты современныхъ капиталистическихъ странъ не оловянные солдатики. Они въ значительной, — и все болѣе и болѣе возрастающей, — степени выходятъ *изъ среды пролетаріата,* и ихъ головы тоже не застрахованы отъ вліянія соціальдемократическихъ идей. *Въ этомъ все дѣло.* Вооруженныя возстанія и прежде оканчивались успѣшно только тогда, когда революціонерамъ удавалось „деморализовать" войска[1].

На эту сторону вопроса неизбѣжно придется обратить вниманіе международной соціальдемократіи. Правда, на международныхъ съѣздахъ неудобно говорить о ней по многимъ причинамъ. Но она, по крайней мѣрѣ, должна быть принимаема въ соображеніе, и во всякомъ случаѣ ни одно рѣшеніе международныхъ съѣздовъ не должно формулироваться такъ, чтобы подъ его вліяніемъ у рабочихъ могло возникнуть преувеличенное представленіе о революціонной роли „стачки скрещенныхъ рукъ".

Теоретически амстердамское рѣшеніе о всеобщей стачкѣ не правильно, потому что не полно. Но, рекомендуя стачку, какъ суррогатъ возстанія, амстердамскій съѣздъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что „довлѣетъ дневи злоба его", въ настоящее время вліяніе соціальдемократіи на войско еще не таково, чтобы она могла, *не совершая тяжелаго грѣха противъ рабочихъ*, — звать ихъ на возстаніе[2]. А такъ какъ задача международныхъ съѣздовъ *практическая, а не теоретическая*, то голландскій проектъ резолюціи о всеобщей стачкѣ могъ быть принятъ, не смотря на его теоретическій недостатокъ, — какъ *правильно выражающій современное положеніе дѣлъ*. Поднимать теперь споръ о теоретической возможности вооруженнаго возстанія, значило бы только вызывать недоразумѣнія и разногласія въ той революціонной соціальдемократіи, которую *надо было объединить* для борьбы съ оппортюнизмомъ. Подобная безтактность позволительна развѣ только „соціалистамъ-революціонерамъ", отъ имени которыхъ г. Устиновъ пробормоталъ на засѣданіи съѣзда нѣсколько неразборчивыхъ словъ въ защиту идеи возстанія. Какъ плохо излагалъ свою мысль этотъ делегатъ, видно изъ того, что въ коммиссіи всеобщей стачки, его разсужденія были поняты въ смыслѣ призыва къ „террору", и заставили посмотрѣть на него, какъ на человѣка нѣсколько... страннаго. Когда идея возстанія пріобрѣтетъ на Западѣ практическое значеніе, тогда о ней будутъ разсуждать люди болѣе „толковитые", чѣмъ г. Устиновъ.

Рѣшеніе, принятое Соц. Партіей Франціи на лилльскомъ съѣздѣ, предусматриваетъ возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе. Поэтому, теоретически оно болѣе правильно. Но содержаніе его было почти совсѣмъ неизвѣстно съѣхавшимся въ Амстердамъ делегатамъ другихъ странъ. Если бы мы, делегаты россійской соціальдемократіи, имѣли возможность заранѣе ознакомиться съ нимъ, то мы бы подали голосъ за него, а не за голландскій проектъ, какъ я на съѣздѣ же заявилъ объ этомъ одному изъ представителей названной партіи въ Международномъ Соц. Бюро, Браку. Но отчетъ лилльскаго съѣзда тогда еще не былъ напечатанъ, и лилльская резолюція о всеобщей стачкѣ раздавалась амстердамскимъ делегатамъ, — далеко не всѣмъ, что призналъ въ разговорѣ со мной самъ Бракъ, — напечатанная на отдѣльныхъ листкахъ. До насъ не дошелъ ни одинъ изъ нихъ. Впрочемъ, много жалѣть объ этомъ нечего, потому что, повторяю, *въ настоящее время* содержащееся въ лилльской резолюціи указаніе на возможность перехода всеобщей стачки въ возстаніе имѣетъ для западныхъ странъ *только теоретическое значеніе*. И на сколько я могу судить по статьѣ Э. Лифона „Le congres de Lille", напечатаной въ № 139/140 „Mouvement Socialiste", не это указаніе обезпечило этой резолюціи большинство голосовъ на лилльскомъ съѣздѣ.

Въ заключеніе еще разъ скажу, что данное въ Амстердамѣ рѣшеніе вопроса о всеобщей стачкѣ, не вѣрное въ теоріи, даже въ практическомъ отношеніи останется правильнымъ только въ теченіе нынѣшняго, *переходнаго* времени. Въ будущемъ сама *практика* потребуетъ совсѣмъ другого рѣшенія...

Г. Плехановъ.

---

[1] И не одни анархисты. Въ этомъ же смыслѣ ссылаются на него наши „соціалисты-революціонеры".

[1] Подробнѣе объ этомъ см. въ моемъ предисловіи къ нашему второму изданію „Манифеста Коммунистической Партіи" (Женева 1900).

[2] Прошу имѣть въ виду, что во всемъ, сказанномъ здѣсь, я имѣлъ въ виду *не* Россію: у насъ совсѣмъ не тѣ условія. По многимъ причинамъ наше войско легче можетъ быть „деморализовано" и разстроено, чѣмъ войска конституціонныхъ странъ: хотя бы по одному тому, что наши офицеры не могутъ быть такими убѣжденными сторонниками существующаго порядка, какъ западно-европейскіе. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

зетъ больныхъ въ баню. Затѣмъ онъ бросается въ Красный Крестъ, молитъ о выдачѣ медикаментовъ, бинтовъ, но находитъ только... 5 бутылокъ краснаго вина! Онъ обращается въ частный благотворительный кружокъ и здѣсь получаетъ наволоки для тюфяковъ; въ аптекѣ военныхъ врачей онъ достаетъ кое какія лѣкарства.

Въ дальнѣйшемъ пути отъ Иркутска, ни въ Красноярскѣ, ни въ другихъ пунктахъ никто не встрѣчаетъ раненыхъ.

Наконецъ, въ Омскѣ эвакуаціонный генералъ, котораго съ трудомъ разыскали, безпомощно пожимаетъ плечами, проявляетъ всякіе знаки удивленія и вопрошенія: онъ въ затрудненіи, онъ нетвердо знаетъ, кто вѣдаетъ и куда слѣдуетъ обращаться, чтобъ получить все, что нужно раненымъ. Онъ говоритъ, что уже далъ одному врачу, сопровождавшему партію эвакуируемыхъ, 100 р., но съ кого онъ получитъ эти деньги — не знаетъ. Бѣдный генералъ, пришлось принести и ему жертву на алтарь отечества: цѣлыхъ сто рублей!

У генерала, между прочимъ, заведена цѣлая канцелярія: сидятъ писаря, усиленно строчатъ; но и здѣсь всѣ попытки выяснить, какъ быть со всѣмъ необходимымъ для раненыхъ — ни къ чему доброму не приводятъ.

И ѣдутъ искалеченные люди — безпомощные, забытые, съ терзающимся отъ безсильныхъ порывовъ чѣмъ-нибудь помочь врачемъ.

А, вѣдь, всѣ эти тунеядцы — представители эвакуаціонныхъ коммиссій и Краснаго Креста, ой-ой, какіе куши получаютъ. Главный уполномоченный Краснаго Креста получаетъ 60 000 рублей годового содержанія.

Какъ заботятся с больныхъ солдатахъ. Своеобразный свѣтъ на заботливость начальства о солдатахъ проливаетъ нижеслѣдующій документъ.

Пріамурскій
военный округъ.
Окружному военному
Управленію.
Циркуляръ 36.
Отдѣлъ фармацевтическій
5 іюня 1904 года.
№ 4317.

Нѣкоторые изъ главныхъ врачей госпиталей, вмѣсто того, чтобы требовать своевременно недостающіе предметы медицинскаго довольствія изъ Хабаровскаго аптечнаго склада, обращались за помощью къ Красному Кресту, давая тѣмъ самымъ поводъ къ заключенію о скудости военномедицинскаго снабженія, хотя въ дѣйствительности таковаго нѣтъ, и всѣ полученные ими отъ Кр. Кр. предметы положенныя существующими каталогами и имѣются въ избыткѣ въ запасѣ въ военно-медицинскаго вѣдомства

Въ видахъ устраненія сего на будущее время, предлагаю требовать своевременно тѣ предметы медицинскаго довольствія, запасъ коихъ будетъ на исходѣ, и обращаться за помощью къ Красному Кресту только въ экстренныхъ случаяхъ, донося каждый разъ въ Окружное военно-медицинское управленіе о сдѣланномъ позаимствованіи.

Въ расходованіи врачебныхъ средствъ слѣдуетъ соблюдать возможную бережливость, примѣняя ихъ у больныхъ только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. При этомъ прошу старослужащихъ военныхъ врачей ознакомить своихъ призванныхъ изъ запаса и неопытныхъ товарищей съ характеромъ военныхъ больныхъ, среди которыхъ симуляція представляетъ обыкновенное явленіе.

Окружной военно медицинской Инспекторъ Тайный Совѣтникъ
Шевелевъ.

И. д. дѣлопроизводителя изъ фармацевтовъ: Васильевъ.

„Царское" интендантство, по мѣрѣ силъ, старается поставить возможно больше больныхъ, а царское врачебное вѣдомство рекомендуетъ возможно бережливѣе расходовать на леченіе этихъ больныхъ!

Еще о мобилизаціи. Не успѣла закончиться отправка запасныхъ сентябрскаго призыва изъ Одесскаго округа, какъ бѣдствіе мобилизаціи постигло новую обширную область — сѣверо-западъ Россіи и Польшу. Начавшія поступать изъ этого района сообщенія рисуютъ картину, аналогичную безпорядкамъ на югѣ; то же море отчаянія и слезъ, тоже всеобщее недовольство (см. помѣщенную въ этомъ № корр. „Изъ поѣздки по сѣверо-западу"); тѣ же эксцессы согнанной въ города голодной толпы запасныхъ; наконецъ, тѣ же злоупотребленія и та же растерянность мѣстныхъ властей. Газеты сообщаютъ о погромахъ въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Могилевѣ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ Надо отмѣтить, однако, что здѣсь еще въ большей степени, чѣмъ на югѣ замѣчается отсутствіе специфическаго антисемитскаго характера безпорядковъ: прежде всего, только въ исключительныхъ случаяхъ враждебныя дѣйствія толпы направлены были противъ личности евреевъ; такъ, въ Витебскѣ, только въ 3 й гор. части было избито нѣсколько человѣкъ, въ остальныхъ же частяхъ пострадали только лавки, и притомъ, главнымъ образомъ, бакалейныя, а также монопольки, къ евреямъ никакого отношенія не имѣющія. (Надо замѣтить, что и тутъ, по ничѣмъ не объяснимому распоряженію администраціи, всѣ съѣстныя лавки были закрыты). Изъ Сосновицъ пишутъ даже, что, несмотря на очень раздраженное состояніе толпы, „о прежнемъ погромѣ не было и помину: христіане и евреи, сбратанные недолей, прощаются и выплакиваютъ другъ передъ другомъ общее горе". Но, какъ бы то ни было и на сѣверо-западѣ, повидимому, соц.-демократическія организаціи не сумѣли дать проявленію народнаго гнѣва толчокъ въ желательную сторону. Сосновицкій корреспондентъ говоритъ, что были попытки сорганизовать протесты, которые за отсутствіемъ агитаторовъ ни къ чему не привели.

Полиція во время погромовъ почти вездѣ бездѣйствовала. Въ Могилевѣ, какъ сообщаютъ иностранныя газеты, полицейскіе чины на просьбы евреевъ о защитѣ даже отвѣчали: „такъ вамъ и надо за вашихъ демократовъ".

Для кармановъ администраторовъ мобилизація явилась удобнымъ источникомъ доходовъ. Въ тѣхъ же Сосновицахъ г.г. Кроненбергъ (Нач. Зем. Стражи) и Софроновъ (президентъ магистрата) взыскали съ каждаго домовладѣльца по 12—48 руб. „на подводы для запасныхъ", и такимъ образомъ поживились на нѣсколько тысячъ рублей. Обывателями по этому поводу послана въ Петербургъ телеграмма.

Изъ Одессы сообщаютъ въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отправкахъ запасныхъ.

28 сентября въ самомъ центрѣ города произошелъ слѣдующій фактъ. Зданіе старой семинаріи на углу Почтовой ул. и Александр. проспекта, обращенное временно въ казармы, было переполнено запасными. Послѣдніе были крайне раздражены тѣмъ, что начальство отказало имъ въ отпускахъ домой для прощанья съ семьями (полки уходили въ этотъ день). Съ самаго утра къ казармѣ стали стекаться жены и родственники уходящихъ, съ грудными дѣтьми на рукахъ. Родные, оставаясь на улицахъ, должны были оттуда прощаться со своими отцами и мужьями, выглядывавшими изъ оконъ 2 го этажа. Вдругъ, точно по уговору, схватились они за оружіе и стали штыками разбивать стекла и разворачивать рамы въ окнахъ. Въ то же время изъ оконъ полетѣли принадлежности солдатской аммуниціи и скудный казенный скарбъ; вотъ съ грохотомъ падаетъ на мостовую цѣлый сундукъ и разбивается въ дребезги; вотъ летитъ солдатское кепи, проворно подхватываемое босякомъ, быстро уходящимъ съ добычей... Въ то же время воины связывали изъ разорваннаго бѣлья или кушака длинныя полосы, которыя спускали на землю; тутъ за нихъ цѣплялись жены и дѣти, которыя затѣмъ подымались наверхъ въ казарму. На невиданный спектакль смотрѣла тысячная толпа. Вертѣлась, какъ водится, въ несмѣтномъ количествѣ и полиція, которая, однако, при такомъ небываломъ „бунтѣ" оказалась совершенно безсильной... Въ 4 часа дня буяновъ отправили на товарный вокзалъ, чтобы увезти на бойню. Въ семинарскихъ окнахъ не было буквально ни одного цѣлаго стекла, а на вѣтвяхъ разсаженныхъ вдоль улицы деревьевъ долго еще продолжали висѣть застрявшіе тамъ трофеи: гдѣ разорванное кепи, гдѣ какая-то безформенная тряпка, въ которой только по украшающему ее красному канту можно узнать частицу солдатскаго костюма.

Во время этого „бунта" былъ сильно избитъ солдатами одинъ унтеръ-офицеръ, который потомъ умеръ въ больницѣ... Какъ говорятъ, исторія была вызвана, кромѣ отказовъ въ отпускахъ, еще тѣмъ, что начальство запрещало солдатамъ брать съ собой даже самый необходимый скарбъ.

Вторая исторія разыгралась 2 октября. Въ этотъ день долженъ былъ отправиться на войну Замостскій полкъ. Первый эшелонъ былъ отправленъ въ 2 часа ночи. Второй же эшелонъ, который долженъ былъ двинуться въ 9 час. утра, *наотрѣзъ отказался идти на войну.* Причинъ мнѣ не удалось выяснить. Не знаю также, какъ съ нимъ намѣрены поступить, но думаю, что, въ концѣ концовъ, заставятъ итти.

Изъ поѣздки по сѣверо-западу. Мнѣ пришлось проѣхать Витебскую и Смоленскую губерніи какъ разъ во время мобилизаціи. Было часа 4 утра, когда — на одной изъ маленькихъ станцій — меня довольно безцеремонно растолкали вошедшіе въ вагонъ пассажиры. Недовольнымъ голосомъ я сказалъ имъ, что въ сосѣднемъ отдѣленіи много свободнаго мѣста и что незачѣмъ было меня будить. — „Да что тутъ говорить! Есть намъ охота смотрѣть, гдѣ свободныя мѣста!.." Затѣмъ минуты 3 вошедшіе разговариваютъ тихо между собой; это евреи, бѣдно одѣтые, двѣ женщины и три мужчины. Бьетъ второй звонокъ. Вагонъ наполняется рыданьями женщинъ; мущины обнимаются и тоже плачутъ. Бьетъ 3-й звонокъ. Одну изъ женщинъ почти насильно выводятъ изъ вагона. Съ перрона доносится отчаянное: „прощай! прощай!" Поѣздъ трогается. Послѣ нѣсколькихъ минутъ тяжелаго молчанія, кое-кто изъ пассажировъ начинаетъ заговаривать съ запасными. Утѣшаютъ, говорятъ, что теперь правительство рѣшило оставлять запасныхъ внутри Россіи для гарнизонной службы и т. п. — „Ахъ, оставьте, пожалуйста", перебиваетъ одинъ изъ запасныхъ „сами мы знаемъ, куда идемъ, на смерть мы идемъ..." По мѣрѣ того, какъ поѣздъ приближается къ городу, вагонъ все больше наполняется запасными. Маленькія, и въ другое время всегда пустыя, станціи биткомъ набиты народомъ. Поѣздъ на каждой станціи стоитъ чуть не по $^1/_4$ часа. Рыданія женщинъ, плачъ дѣтей наполняютъ воздухъ. Кондуктора уже давно перестали контролировать билеты. Проѣздъ всѣмъ разрѣшается безплатный. Вагоны набиты такъ, что невозможно пройти. На площадкахъ, даже на подножкахъ вагоновъ — провожающіе. Жандармъ, начальникъ станціи и оберъ-кондукторъ надрываютъ голосъ, крича: „ноги отрѣжетъ, уходите, уходите скорѣй!" Лица у всѣхъ серьезныя, у многихъ заплаканныя и только служащіе на желѣзной дорогѣ до послѣдней степени уставшіе отъ хлопотъ и бѣготни, смотрятъ безучастно на отъѣзжающихъ и убитыя горемъ ихъ семьи. Плачъ и причитанья настолько громки, что ихъ слышно еще прежде, чѣмъ поѣздъ подойдетъ къ самой станціи; этотъ же плачъ заглушаетъ свистокъ оберъ-кондуктора; послѣдній долженъ пробираться сквозь густую толпу поближе къ паровозу, чтобы дать сигналъ отправленія. Въ вагонахъ то же рыданіе, тотъ же плачъ, иногда заглушаемый какой то нелѣпой пѣсней, вѣрнѣе, криками сильно подгулявшихъ солдатъ. Но, вообще, пьяныхъ мало. Говорятъ только о войнѣ. Запасные негодуютъ на то, что черезъ двѣ недѣли послѣ призыва ихъ уже отправляютъ на театръ военныхъ дѣйствій. „Какой я солдатъ", говоритъ мужикъ лѣтъ 40, „у меня и въ памяти то ничего отъ службы нѣтъ, меня, можетъ, теперь нужно еще 5 лѣтъ учить, чтобы я вспомнилъ, какъ нужно съ орудіемъ обращаться!.. Другой жалуется: 7 человѣкъ дѣтей остается. Думаю: Господи, неужто возьмутъ? Вѣдь, всѣ дѣти перемрутъ раньше, чѣмъ я японцевъ увижу". Рядомъ старуха утѣшаетъ горько плачущую дѣвушку: „А, можетъ, и конецъ свѣту будетъ, перебьютъ всѣхъ и будетъ конецъ свѣта. Что-жъ плакать? Тогда всѣ помремъ, тогда и мы съ тобой помремъ, красавица!.." Нѣкоторые изъ призываемыхъ на службу стараются казаться бодрыми и не подавать виду. Вотъ съ небольшимъ узелкомъ вскакиваетъ въ наше отдѣленіе солдатъ, уже одѣтый въ форменное платье. Я спрашиваю его, запасной ли онъ. — „Такъ точно, запасной ефрейторъ!.." „Что жъ это вы такъ спѣшите одѣться въ форму? Вы охотно идете на войну? — Въ отвѣтъ запасной ефрейторъ только рукой махнулъ: „пусть ужъ скорѣй конецъ будетъ. Разлучаться то очень ужъ досадно!.." Онъ очень возбужденъ, и сейчасъ же начинаетъ объяснять сосѣдямъ, какія бываютъ орудія въ крѣпостяхъ. Много и долго говоритъ онъ о пушкѣ Кенэ, объ азбукѣ телеграфа Морза, о сигнализаціи зеркалами... Внезапно онъ вытаскиваетъ записную книжку и обращается ко мнѣ: „Я рѣшилъ писать дневникъ. Вотъ, будьте добры, напишите тутъ"... — „Какъ же вы будете вести дневникъ", перебиваю я его, „если вы не умѣете писать?" — Нѣтъ, я очень даже умѣю писать, и даже телеграфировать и телефонировать умѣю", обижается онъ, „а только сейчасъ отъ досады не могу написать, а вотъ у меня и въ билетѣ написано, что я очень хорошо обученъ"... Я беру карандашъ и пишу подъ его диктовку: „запасной ефрейторъ крѣпостной кронштадской артиллеріи Лазуковъ 12 октября покинулъ свою родину и поступилъ въ распоряженіе воинскаго начальника". Онъ проситъ меня перечитать написанное и затѣмъ внезапно разражается рыданьями и отчаянно кричитъ: „Ариша, Ариша! на смерть насъ везутъ..." Вотъ проѣхали городъ Полоцкъ. Запасные вышли и вагоны опустѣли. Кондукторъ въ изнеможеньи бросается на скамью: „мочи моей нѣтъ", говоритъ онъ, „вѣдь это каждую бабу изволь отъ вагона силкомъ отрывать..." Его отдыхъ продолжается, однако, очень недолго: черезъ нѣсколько станцій мы въѣзжаемъ въ Двинскій уѣздъ и поѣздъ вновь начинаетъ наполняться запасными, ѣдущими въ Двинскъ. Опять тѣ же сцены, изрѣдка прерываемыя какой-нибудь буйной выходкой пьяныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ и кондуктора, и жандармы, и урядники, которые постоянно толкутся на вокзалахъ при отправкѣ запасныхъ, — всѣ они остаются вдали и лишь сочувственно улыбаются, глядя на какую-нибудь драку. Имъ дана инструкція не слишкомъ лѣзть въ глаза публикѣ: въ такія минуты правительство благоразумно старается поменьше напоминать о себѣ. Вотъ наконецъ проѣхали и Двинскъ, и теперь можно съ облегченіемъ вздохнуть. Мы выѣзжаемъ изъ Витебской губ. Разговоръ, конечно, вертится вокругъ видѣнныхъ сценъ. „Неужто люди никогда не дойдутъ до того, чтобы не убивать другъ друга", мечтательно спрашиваетъ какой-то старикъ — еврей, вотъ выдумали же желѣзныя дороги, всякія усовершенствованія, а не могутъ выдумать, что безполезно убивать другъ друга". Нѣкоторое время ему не отвѣчали, а затѣмъ его знакомый, плотный купецъ или подрядчикъ, сочувственно вздохнувъ, говоритъ: „ничего не подѣлаешь, японцы или англичане... ихъ, вѣдь, не уговоришь, чтобъ бросили..." — „А вѣдь сколько вреда, сколько разоренія", жалуется старикъ еврей. Я говорю что особенно тяжело отзывается война на крестьянскомъ хозяйствѣ, желая продолжать разговоръ на эту тему. „Почему особенно тяжело?" — вскипѣлъ купецъ, „намъ еще хуже. Торговля совсѣмъ стала. Знаете: когда у крестьянина телушка отъ голоду мычитъ, у меня карманъ болитъ". Эту формулу солидарности экономическихъ интересовъ тутъ же поясняетъ другой пассажиръ — ремесленникъ или бѣдный торговецъ-разнощикъ: „Конечно, крупный купецъ беретъ съ средняго, средній съ мелкаго, а мелкій съ простого народа беретъ. А въ концѣ то всѣ отъ мужика и живутъ"... „Значитъ и вы должны желать окончанія войны", обращаюсь я къ купцу — „Да господи-боже! развѣ я не желаю?! Я, вѣдь, только говорю, что японцевъ или англичанъ словами не уговоришь окончить войну". — „А вотъ, можетъ быть", возразилъ я, „въ это же время въ Японіи идетъ такой же поѣздъ, въ немъ тоже сидятъ запасные солдаты или ихъ родные и также жалуются на войну и желаютъ ея окончанія..." — „Конечно, можетъ быть, а только я думаю, что это одни мечтанія. Можетъ быть одни — два такъ думаютъ, а остальные не такъ". „А какъ вы думаете", спрашиваю я, „у насъ многіе желаютъ окончанія войны?" — „Да всѣ желаютъ, понятное дѣло, кто-жъ не желаетъ!" — „А война всетаки продолжается, и въ Японіи никто и не знаетъ, что русскіе противъ войны", пробую я навести его на вопросъ о безправіи народа. Но онъ не понимаетъ, и разговоръ обрывается.

Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній. Московскій Треповъ заявился къ одному изъ крупнѣйшихъ фабричныхъ тузовъ съ просьбой „добровольно" пожертвовать на Кр. Крестъ. Фабрикантъ отказывается, говоря, что Кр. Крестъ воруетъ, и въ доказательство приводитъ, что для Краснаго Креста имъ были заказаны одѣяла по *особому* рисунку, отправлены на Востокъ, а теперь, къ его удивленію, они... продаются въ Москвѣ. Треповъ заявляетъ, что за такой демонстративный отказъ фабрикантъ будетъ высланъ. Фабрикантъ звонитъ и, въ присутствіи Трепова, приказываетъ *распустить всѣхъ своихъ рабочихъ,* а теперь, говоритъ, пожалуйста, высылайте. Угроза, очевидно, подѣйствовала на Трепова, ибо находчиваго капиталиста оставили совсѣмъ въ покоѣ.

Намъ пишутъ: Добились ли Якутскіе протестанты удовлетворенія своихъ требованій—вотъ вопросъ, который долженъ былъ ставить себѣ всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ этого протеста, вопросъ, особенно острый для самыхъ членовъ группы Якутскаго протеста, къ числу коихъ принадлежитъ и авторъ настоящей замѣтки. На этотъ вопросъ я могу отвѣтить утвердительно: да, требованія наши удовлетворены, и — что еще важнѣе — измѣнился общій тонъ отношеній между властью и ссылкой. Я говорю объ *Якутской* ссылкѣ; что же касается остальной сибирской ссылки, то она могла испытать лишь отраженное вліяніе нашего протеста и добиться лучшихъ условій жизни лишь постольку, поскольку она проявляла активный отпоръ произволу и насилію царскихъ слугъ. А такъ какъ такого активнаго отпора въ сколько нибудь крупной формѣ дано не было, то и неудивительно, что указанное рѣзкое измѣненіе въ положеніи ссылки коснулось, главнымъ образомъ, Якутской области.

Со времени нашего протеста прекратилась совершенно отправка политическихъ въ Верхоянскій и Колымскій округа. А между тѣмъ, до этого отправка туда происходила каждую недѣлю. Тов. Гургенадзе получилъ назначеніе въ Верхоянскъ. Онъ явился къ губернатору и заявилъ, что ни за что туда не поѣдетъ, а если будутъ брать его силой, то онъ сумѣетъ постоять за себя. Товарищъ, присутствовавшій при этомъ объясненіи, разсказывалъ, что губернаторъ не на шутку испугался, услышавъ этотъ грозный тонъ и видя передъ собою исполненнаго гнѣва грузина, съ горящими глазами и готоваго взяться сейчасъ же за ножъ. Губернаторъ началъ успокаивать Гургенадзе, усадилъ его въ кресло, велѣлъ подать воды и сказалъ, что не пошлетъ его въ Верхоянскій Округъ. С.-р. Максимъ Лукашикъ, бѣжавшій изъ Вилюйска и задержанный въ Якутскѣ, былъ назначенъ въ Булунъ (при устьѣ Лены), но отказался ѣхать туда, потому что тамъ ни одного политическаго нѣтъ; отъ поѣздки въ Верхоянскъ и Колымскъ онъ отказался еще раньше, потому что тамъ теперь голодъ. И вотъ администрація держитъ его въ Якутскѣ, не зная, что съ нимъ сдѣлать. Нечего и говорить, что со времени протеста отправка на казенный счетъ въ Россію кончившихъ срокъ ссылки совершается безъ всякихъ препятствій. На отлучки изъ улусовъ въ городъ никакихъ разрѣшеній не испрашивается и никакихъ наказаній за такія самовольныя отлучки не полагается даже тогда, когда ими пользовались для устройства демонстрацій. Вы уже знаете (см. „Искру" № 72), что партія, въ которой тов. Минскій убилъ офицера Сикорскаго за попытку послѣдняго обезчестить политическую, была встрѣчена въ Якутскѣ „самовольно" съѣхавшимися въ Якутскѣ политическими съ краснымъ знаменемъ и революціонными пѣснями. И въ то время, какъ до нашего протеста за переѣздъ черезъ Лену изъ села въ городъ (какъ это было съ Каревинымъ) ссылали въ Нижнеколымскъ, теперь, послѣ протеста, оставили безнаказанными всѣхъ товарищей, прибывшихъ „незаконно" изъ улусовъ и произносившихъ „незаконные" возгласы: „долой самодержавіе" и т. п. Во время суда надъ нами въ Якутскѣ собралось много „самовольно отлучившихся" изъ улусовъ. Полицмейстеръ ходилъ изъ квартиры въ квартиру, вѣжливенько прося уѣхать, но товарищи оставались въ городѣ все время и никакимъ взысканіямъ не подверглись. Вліяніе нашего протеста чувствовалось какъ во время нашего сидѣнія въ Якутской тюрьмѣ, такъ и по пути изъ Якутска въ Александровскую тюрьму. Наша отправка была назначена на 23 Августа. При выходѣ изъ тюрьмы мы увидѣли большую массу народа, впереди которой тѣсной кучкой стояли товарищи, бывшіе въ то время въ Якутскѣ и встрѣтившіе насъ дружнымъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Повели насъ полемъ къ пароходу. Шествіе было внушительное: впереди 66 арестантовъ (считая въ томъ числѣ и вольнослѣдующихъ), окруженныхъ большимъ числомъ конвойныхъ, чуть-ли не по солдату на арестанта, а за нами тѣсно сомкнутыми рядами шли провожавшіе насъ товарищи; масса обывателей частью шла по сторонамъ, частью замыкала шествіе. Всю дорогу до парохода товарищи пѣли революціонныя пѣсни. А власти, въ лицѣ всего наличнаго состава полиціи, высшей и низшей, шли тутъ же, но не рѣшались что либо предпринять. Когда подошли къ пароходу, раздались клики: долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода! долой Кутайсова! да здравствуютъ романовцы! Была провозглашена вѣчная память Юрію Матлахову, убитому на Романовкѣ 4 марта, и Нафтолію Шацу, убитому на Мачѣ послѣ выстрѣла Минскаго. Не могу передать того душевнаго подъема, который я (да, вѣроятно, и остальные товарищи) испыталъ при видѣ этой дружной импровизированной демонстраціи. Она показала намъ, что лучшіе элементы Якутской ссылки глубоко сочувствуютъ намъ и будутъ продолжать наше дѣло. Нечего и говорить, что соц.-рев. (исключая двухъ-трехъ) благоразумно сидѣли по домамъ. Вотъ пароходъ тронулся подъ пѣніе революціонныхъ пѣсенъ; дружные возгласы смѣнялись громовымъ „ура"; постепенно исчезалъ изъ виду Якутскъ съ его тюрьмой, въ которой мы просидѣли $5^1/_2$ мѣсяцевъ, „Романовка", съ которой у всѣхъ насъ связано столько неизгладимыхъ воспоминаній, и кладбище, на которомъ покоится прахъ незабвеннаго нашего Юрія... А провожавшіе насъ товарищи бѣжали по берегу, какъ бы готовые уйти изъ этихъ постылыхъ мѣстъ вмѣстѣ съ нами на каторгу, куда уносилъ насъ пароходъ. Верстъ 6—7 пробѣжали они такимъ образомъ— до Осенней пристани, гдѣ мы окончательно распростились съ ними. Конвой все время держался въ высшей степени корректно, совсѣмъ не какъ съ „лишенцами" и каторжанами, осужденными на 12 лѣтъ. Вы знаете, какъ часты были въ послѣднее время столкновенія изъ-за свиданій въ пути: доходило не разъ до избиванія прикладами, связыванія веревками и т. п. Для насъ, выставившихъ разрѣшеніе свиданій съ товарищами однимъ изъ своихъ основныхъ четырехъ требованій, вопросъ о свиданіяхъ былъ дѣломъ чести не только революціонеровъ вообще, но и чести членовъ группы Якутскаго протеста въ частности. Когда условія нашей поѣздки и отношенія къ конвою еще не были выяснены, многіе были согласны пойти на самыя крайнія мѣры, лишь бы добиться свиданій. Но этого не потребовалось: свиданія были даны намъ свободно, потому что власти чувствовали, что отказъ въ свиданіяхъ повлечетъ за собою весьма серьезныя послѣдствія. Въ Олекмѣ товарищи въ теченіе трехъ дней обсуждали детали встрѣчи съ нами, предполагая возможность, какъ одинъ изъ нихъ выразился, сухопутнаго и морского сраженія (на случай, если бъ наша баржа не пристала къ берегу). И вотъ, подъѣзжая къ Олекмѣ видимъ интересное зрѣлище: вся колонія, человѣкъ въ 40, выстроилась на берегу вооруженная, въ ожиданіи врага, длинными, повидимому, свѣжевырубленными въ лѣсу почтенными посохами. Кромѣ послѣднихъ, были припасены еще ножи и кой какое огнестрѣльное оружіе; олекминцы ждали сраженія. Но они были пріятно удивлены, когда увидѣли, что насъ выпустили на берегъ и пригласили ихъ въ кругъ, образованный конвойными. Посохи были тутъ же повергнуты въ прахъ, и мы мирно просидѣли вмѣстѣ во все время стоянки парохода. И такъ же свободно давались намъ свиданія во всю дорогу. Въ Верхоленскѣ мѣстныя власти, въ лицѣ исправника и жандарма, отказали было въ свиданіи одному товарищу. Когда мы узнали объ этомъ, мы потребовали къ себѣ офицера партіи и заявили ему, что исправника и жандарма мы знать не хотимъ, что дать или не дать свиданіе исключительно въ его, офицера, власти, и пусть онъ знаетъ, что мы требуемъ свиданія, во что бы то ни стало, и что отвѣтственность за неразрѣшеніе свиданія падетъ исключительно на него. Офицеръ сразу почувствовалъ, что это заявленіе не пустая угроза: и въ самомъ дѣлѣ, у насъ было рѣшено пустить въ ходъ все, что только было у насъ подъ руками. Тотчасъ же солдатъ былъ посланъ позвать къ намъ товарища на свиданіе. Ночевали мы все время не въ этапныхъ помѣщеніяхъ, что наиболѣе всего соотвѣтствовало бы нашему новому „общественному положенію", а на частныхъ квартирахъ. При остановкахъ и дневкахъ мы могли свободно расхаживать по селу, конечно, въ сопровожденіи почтеннаго конвоя.

На станкѣ Хоготскомъ мы всѣ были глубоко опечалены неожиданнымъ происшествіемъ: нашъ товарищъ по Романовкѣ, Владиміръ Петровичъ Бодневскій, бывшій офицеръ, получившій 10 лѣтъ Нижне-Колымска за пропаганду въ войскахъ, покончилъ жизнь выстрѣломъ изъ Браунинга въ сердце. Никакой записки покойный не оставилъ, и о причинахъ этого самоубійства можно только строить догадки. Мысль о каторгѣ и всѣхъ связанныхъ съ нею роковыхъ, фаталистическихъ случайностяхъ и униженіяхъ человѣческой личности сильно угнетала его все время. Онъ пробовалъ было бѣжать, но это ему не удавалось. И вотъ, не видя исхода изъ этой невыносимой жизни, являвшейся ему въ видѣ длиннаго ряда каторжныхъ годовъ, безъ просвѣта впереди, и не будучи въ состояніи примириться съ тѣмъ режимомъ, который ожидалъ его на каторгѣ, онъ рѣшилъ покончить съ собой. Мы сами сколотили ему гробъ, сами понесли на кладбище, сами зарыли въ могилу. На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ изъ еловыхъ вѣтокъ съ двумя красными лентами. На одной изъ нихъ была надпись: Владиміру Петровичу Бодневскому. Группа Якутскаго протеста. 19 сентября 1904 г. На другой: „Ты предпочелъ смерть жизни въ неволѣ". Власти хотѣли было производить вскрытіе, но мы настояли, чтобы этого не дѣлали, и отдали трупъ въ наше распоряженіе.

Твой врагъ надъ тобой не глумился,
Вокругъ тебя были свои,
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиныя очи твои.

Товарищи по Якутскому протесту никогда не забудутъ своего Влад. Петровича. И русская революція тоже не забудетъ, что на станкѣ Хоготскомъ въ юго-западномъ углу кладбища находится могила одного изъ ея вѣрныхъ сыновъ.

М. И. Бройдо.

Ссылка. Въ первыхъ числахъ іюля въ Красноярскую тюрьму изъ села Бейскаго, Минусинскаго уѣзда, прибыли четыре человѣка, пересылаемые въ сѣверныя волости за отказъ подчиниться циркуляру ген.-губернатора о правѣ надзирателя посѣщать квартиры политическихъ и за оскорбленіе надзирателя, троимъ назначена Кежемская волость: Науму Олейскому деревня Костина, Яну Кочинскому деревня Савина и Якову Шадрину деревня Усольцева, а Георгію Караджеву деревня Коновалова Пинчугской вол. (Изъ матеріаловъ Сиб. Союза).

Красноярскъ. 18 сентября 1904 года Иркутская Судебная Палата, безъ участія сословныхъ представителей, слушала дѣло о типографіи Сибирскаго Союза. Въ качествѣ обвиняемыхъ были привлечены: чиновникъ духовной консисторіи Иванъ Бойцовъ (агентъ-провокаторъ), бывшій воспитанникъ духовной семинаріи Петръ Миловидовъ, фельдшерица Марія Келлерманъ, наборщица Елизавета Бражникова, лѣсной кондукторъ Николай Семененко и жена его Сусанна Семененко. Защищали петербургскіе присяжные повѣренные А. Зарудный, В. В. Беренштамъ и мѣстн. П. И. Кусковъ[1]).

Бойцовъ, понятно, не явился на судъ, и дѣло о немъ постановлено отложить, разыскать его и заключить подъ стражу, но можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что полиція его и не разыщетъ и подъ стражу не заключитъ — свой человѣкъ.

Вслѣдъ за прочтеніемъ обвинительнаго акта, защита, отъ имени подсудимыхъ, представила суду три секретныхъ документа изъ дѣлъ охраннаго отдѣленія. Одинъ изъ нихъ представлялъ собой сдѣланныя Бойцовымъ выписки изъ массы писемъ, перехваченныхъ имъ на почтѣ, съ разрѣшенія „подлежащихъ властей", и представленныхъ въ охранное отдѣленіе. Другой — доносъ того же Бойцова въ охр. отдѣленіе о томъ, что заключенные въ тюрьмѣ переписываются „съ волей" при посредствѣ одного изъ тюремныхъ надзирателей, и третій — отвѣтъ охраннаго отдѣленія отъ 15 іюня 1903 г. на предложеніе жандармскаго управленія арестовать Бойцова; охранное отдѣленіе пишетъ, что, согласно предписанія департамента полиціи, Бойцовъ не можетъ быть арестованъ, и предлагаетъ управленію прекратить за нимъ „наблюденіе". При всемъ нежеланіи прокурора и самой палаты, ей все же пришлось принять эти документы и разрѣшить ссылаться на нихъ.

Изъ обвиняемыхъ Н. С. показалъ, что литература получена имъ въ томъ видѣ, въ какомъ найдена (въ сверткахъ), и С. С., что раза два была у Келлерманъ по личному дѣлу. На всѣ другіе вопросы не отвѣчали, а остальные обвиняемые совершенно отказались отъ показаній.

Большинство свидѣтелей не явилось, и показанія ихъ были прочитаны. Изъ нихъ представляютъ интересъ показанія быв. начальника жанд. управленія Вознесенскаго о томъ, что Бойцовъ явился къ нему еще въ іюнѣ 1903 года (типографія была арестована 7 сентября того же года) и предложилъ ему свои услуги, при чемъ сообщилъ свѣдѣнія о типографіи, въ которой работалъ онъ, Бойцовъ, съ Бражниковой. При этомъ Бойцовъ далъ рядъ указаній, абсолютно не соотвѣтствующихъ истинѣ. Улики, собранныя судомъ, сводятся къ слѣдующему: Миловидовъ и Келлерманъ были взяты въ типографіи, противъ Бражниковой имѣлось только показаніе Бойцова, противъ Н. С., что онъ два раза былъ у М. и К. и что у него найдена часть брошюры „Вопросы дня", другая часть которой будто бы оказалась въ типографіи, и противъ С. С., что она рекомендовала К. прачку и потомъ еще разъ была у нея. Несмотря на это, прокуроръ обвинялъ всѣхъ въ участіи въ сообществѣ и распространеніи (по 126, 128 и 129 ст. новаго угол. улож.; въ обвинительномъ актѣ обвиненіе формулировано по второй части 250 ст. стараго улож.). Въ своей рѣчи онъ сдѣлалъ историческій обзоръ революціоннаго движенія, не объясняя причинъ его возникновенія, со временъ „хожденія въ народъ" до момента образованія Р. С.-Д. Р. П. въ 1898 году, цитировалъ Маркса, затѣмъ перешелъ къ Сиб. Союзу и выясненію его программы по первой его прокламаціи (май 1902 г.). Рѣчь, въ общемъ, вышла довольно корректной, но поверхностной.

Изъ рѣчей защитниковъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ глубоко прочувствованная рѣчь прис. пов. Зарунаго, взявшаго на себя принципіальную сторону защиты. Вотъ наиболѣе интересныя мѣста изъ его рѣчи:

Несмотря на недовѣріе большей части общества къ новымъ судамъ, онъ вѣритъ, что судебные дѣятели будутъ стремиться подняться на ту высоту, на которыхъ стояли судебныя учрежденія старыхъ временъ, и никогда, вѣрные традиціямъ, не позволятъ себѣ дѣйствовать въ духѣ жандармовъ. Нужно судебное слѣдствіе въ полномъ объемѣ, не келейное, не жандармское, а такое, которое предоставлено ворамъ, убійцамъ и т. п. Настоящій процессъ — первый подобнаго рода въ Сибири. Все основано на жандармскомъ дознаніи. Это ненормально. И онъ требуетъ, чтобы палата своимъ отношеніемъ къ дѣлу исправила эту ошибку.

Указавъ на то, что всѣ обвиняемые — социальдемократы, Зарудный отмѣтилъ фактъ, что соціалистическія идеи въ настоящее время проникли даже въ правящіе классы. Существуетъ правительственный соціализмъ; даже духовенство (христіанскій) занялось улучшеніемъ быта низшихъ классовъ. Его кліенты только думаютъ, что всѣ тѣ мѣры, которыя принимаются правительствомъ и правящими классами, слишкомъ ничтожны и не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Всѣ ихъ стремленія направлены къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня рабочаго класса, дабы онъ самъ могъ, въ концѣ концовъ, безъ помощи нянекъ, защищать свои кровные интересы. Зарудный доказывалъ, что наличность существованія „сообщества" обстоятельствами дѣла ничѣмъ не доказана. Многія лица, другъ съ другомъ никакими организаціями не связанныя, могутъ дѣйствовать per se, отдѣльно, — и никакихъ основаній судить за принадлежность къ сообществу нѣтъ. То, что на прокламаціяхъ напечатано „союзъ", ровно ничего не доказываетъ. Затѣмъ онъ отмѣтилъ незаконность пріема прокурора, обвинявшаго подсудимыхъ не по тѣмъ статьямъ, которыя указаны въ обвинительномъ актѣ. Ничѣмъ *не доказано* ни распространеніе, ни размноженіе прокламацій и брошюръ, одно нахожденіе станка и оттисковъ нисколько не говоритъ въ пользу принадлежности къ какому-то, можетъ быть, несуществующему, сообществу[1]). Затѣмъ Зарудный коснулся личности подсудимыхъ, говорилъ о томъ, что эти люди не ради корысти, не ради выгодъ, работали въ этомъ духѣ. Какъ извѣстно изъ ихъ прошедшей жизни, это все честные труженики. Они проводятъ въ жизнь идеалы будущаго, несутъ свѣтъ въ эту окружающую насъ тьму. Защитникъ питаетъ *особо глубокое уваженіе* къ этимъ людямъ.

Тутъ ст. предсѣдатель его остановилъ замѣчаніемъ, что объ *особомъ уваженіи* къ обвиняемымъ онъ можетъ не говорить. Въ заключеніе Зарудный просилъ наказать ихъ за открытіе тайной типографіи штрафомъ или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ.

Палата приговорила Ник. Семененко на поселеніе, Миловидова на два и Келлерманъ на одинъ годъ крѣпости. Остальные оправданы.

Судъ идетъ! Когда Одесская судебная палата, продолжая дѣло кишиневскихъ громилъ, вела судебное слѣдствіе о кишиневскомъ погромѣ по прямымъ указаніямъ ф.-Плеве и Крушевана, когда завѣдомые убійцы торжественно оправдывались высшимъ судилищемъ края, а ихъ вдохновители цинично фигурировали на судѣ, въ качествѣ благородныхъ свидѣтелей, „Новому Времени" и стоявшему за его спиной М-ву Вн. Дѣлъ этого было мало. „Мы видимъ на скамьѣ подсудимыхъ христіанъ, — писалъ этотъ развязный органъ, — мы не станемъ говорить о томъ, виновны они или нѣтъ, — разборъ этотъ дѣло суда. — но наше нравственное чувство не можетъ помириться съ тѣмъ, что на позорную скамью подсудимыхъ не попадутъ истинные виновники погрома, что судебная кара не обрушится на головы дѣйствительныхъ преступниковъ *изъ евреевъ*". Этому благому пожеланію суждено было въ полной мѣрѣ осуществиться при производствѣ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о гомельскомъ погромѣ. Стараніями слѣдователей на скамью подсудимыхъ посажено ровно столько евреевъ, сколько попало на нее христіанъ.

Фактическая подкладка дѣла, заключающаяся въ томъ, что 29 августа 1903 г. евреи разогнали нападавшихъ на нихъ буяновъ, за что были основательно разгромлены 1 сентября желѣзнодорожными рабочими и солдатами, дала поводъ находчивымъ слѣдователямъ простое и ясное дѣло о противоеврейскихъ безпорядкахъ разбить на три дѣла: 1) дѣло о нападеніи евреевъ на русскихъ, 2) дѣло о противоеврейскихъ безпорядкахъ, 3) дѣло о вооруженномъ нападеніи на войска. Почти всѣ христіане, привлеченные по второму дѣлу, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, уличенныхъ въ убійствахъ, находятся на свободѣ. Евреи, привлеченные по первому и третьему дѣламъ, всѣ безъ исключенія находятся въ заключеніи, и ни одинъ не выпущенъ на поруки. Многіе изъ обвинившихся евреевъ вступали въ камеру судебнаго слѣдователя, въ качествѣ свидѣтелей, но лишь только показанія ихъ становились недостаточно удобными, они однимъ почеркомъ пера превращались въ обвиняемыхъ и препровождались въ тюрьму. Такимъ образомъ, слѣдователи освободились отъ многихъ нежелательныхъ свидѣтелей. Вообще, дѣлалось все, чтобы подъ грудой слѣдственныхъ актовъ и полицейскихъ протоколовъ безслѣдно и безвозвратно похоронить истинную подкладку дѣла.

Изъ самой обыкновенной базарной драки 29 августа было создано громкое дѣло объ еврейскомъ погромѣ, направленномъ противъ русскихъ. Нѣтъ нужды, что нѣтъ ни одного разграбленнаго русскаго дома, что не было ни одного случая расхищенія русскаго имущества, — перстъ Департамента Полиціи направленъ противъ евреевъ, и угодливые слѣдователи покорно слѣдуютъ этому указанію.

2 сентября погромъ въ Гомелѣ не прекратился. Онъ перешелъ только въ другую фазу: изъ уличнаго безчинства онъ сталъ судейскимъ издѣвательствомъ. Все еврейское населеніе до заключенія слѣдствія не было увѣрено въ завтрашнемъ днѣ. По указанію любого городового или ночного сторожа, недовольнаго размѣромъ полученной взятки, привлекались къ дѣлу и арестовывались ни въ чемъ неповинные люди. Вымогательство со стороны полиціи практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Въ то же время тѣ еврейскіе свидѣтели, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться путемъ зачисленія ихъ въ списки подсудимыхъ, терроризировались на другой манеръ. Въ камерѣ судебнаго слѣдователя ихъ встрѣчали самой отборной руганью и провожали съ угрозами, съ нагайкой въ рукѣ. Такова была обстановка предварительнаго слѣдствія.

Какъ извѣстно, Гомельскій процессъ начался при открытыхъ дверяхъ. Очень скоро предсѣдатель замѣтилъ, что процессъ обратится въ сплошное разоблаченіе самодержавія, и началъ самымъ безцеремоннымъ образомъ „пресѣкать" вопросы защиты.

Рязань. Въ здѣшнюю гимназію былъ присланъ съ цѣлью уничтожить крамолу инспекторъ Веригинъ — зубатовецъ чистѣйшей воды. Однимъ ученикамъ, любимцамъ инспектора, было позволено все: играть въ карты, пить, развратничать. Инспекторъ приглашалъ ихъ къ себѣ, спаивалъ, говорилъ скабрезности и проч.; другихъ тѣснилъ, изгонялъ за малѣйшій проступокъ, обращаясь грубо и нагло. Вскорѣ весь городъ былъ взволнованъ неслыханнымъ происшествіемъ: на окнахъ инспекторской квартиры разорвались снаряды. Фавориты организовали полицейскую дружину. Одинъ ученикъ, по фамиліи Маленковской, сказалъ при одномъ изъ шпиковъ, что де „ему такъ и надо". Маленковскаго исключили. Округъ позволилъ ему поступить въ другую гимназію. Послѣдовалъ еще взрывъ. Изъ округа былъ присланъ ревизоръ, старанія котораго окончились ничѣмъ, ученики — клевреты инспектора, выбранные въ качествѣ представителей отъ каждаго класса, поддержали своего благодѣтеля. Полиція начала обыски у поднадзорныхъ. Былъ обыскъ у Анфеева (ст.), Бѣлова (ст.), Ильина (ст.), Унксова (ст.), Поддубовскаго (ст.), Абрамовича (ст.), Гуревича (бывшій раб.), Когона (своя мастерская), Гусева (инт.), Стерлигова (инт.). У послѣдняго была найдена литература и письмо къ сельскому учителю Васильеву. Оба были арестованы. Черезъ нѣсколько дней были арестованы: Ильинъ, Бѣловъ, Поддубовскій, Абрамовичъ. Жандармы состряпали дѣло о „рязанскомъ сообществѣ" по 126 ст. Дѣло прекращено прокуроромъ.

Вильна. До недавняго времени политическіе сидѣли въ тюрьмѣ № 14, гдѣ имъ удалось добиться болѣе или менѣе сносныхъ условій. Но въ концѣ августа ихъ перевели въ Лукишскую тюрьму, гдѣ ихъ встрѣтили варварскія условія и каторжный режимъ. Тюрьма новая и совершенно сырая, такъ что почти всѣ страдаютъ головными болями. Передача не допускается. Обращеніе до крайности грубое; въ карцеръ таскаютъ за каждую малость, какъ напр., за требованіе прокурора; стрѣляютъ, замѣчая стоящихъ у окна. Такіе порядки, понятно, должны были привести къ конфликту.

Недавно надзиратели избили уголовнаго арестанта, противъ чего одинъ изъ политическихъ запротестовалъ; въ его камеру стали стрѣлять и потащили его въ карцеръ. Тогда товарищи рѣшили дать отпоръ; въ понедѣльникъ 4 октября они отказались отъ прогулки, и всѣ потребовали прокурора; если требованія не будутъ удовлетворены, то въ среду, 6 октября, рѣшено начать голодовку.

Къ земскому съѣзду. Какъ только что стало извѣстно, на 7 ноября созывается въ Петербургѣ совѣщаніе земцевъ. Въ немъ примутъ участіе предсѣдатели и нѣкоторые члены всѣхъ губернскихъ управъ, а также предсѣдатели отдѣльныхъ уѣздныхъ управъ; всего — до 75 членовъ. Цѣлый земскій парламентъ! О цѣли совѣщанія, намѣреніяхъ его участниковъ, планахъ ихъ работъ — въ газетахъ ничего не говорится, но г.г. земцамъ должно быть ясно: это молчаніе можетъ быть истолковано только такъ, что намѣчается какая-то закулисная сдѣлка между правительствомъ и земскимъ либерализмомъ. Но теперь не время для закулисныхъ сдѣлокъ; теперь земскіе либералы обязаны открыто заявить, чего они хотятъ, чего они требуютъ, какія условія ставятъ они правительству. Страна вправѣ требовать и потребуетъ, чтобы „земскіе люди" выступили съ открытымъ забраломъ. Итакъ, если столпы земскаго либерализма не хотятъ навлечь на себя справедливаго обвиненія въ измѣнѣ и предательствѣ интересовъ народа, они обязаны теперь же громко заявить, что не желаютъ никакихъ „секретныхъ" переговоровъ; они обязаны заявить, что примутъ участіе въ совѣщаніи лишь въ томъ случаѣ, если всѣ дѣйствія его, всѣ до послѣдняго будутъ гласными.

Мы ждемъ этого заявленія!

ПИСЬМА ОБО ВСЕМЪ

Фондъ народнаго просвѣщенія. — Взыскующій града пролетарій и просвѣщенный „мужичекъ". — Пресса либеральная и пресса націонналь-либеральная.

Едва ли не первый голосъ въ томъ хорѣ лжи, который поднялся въ отвѣтъ на пресловутыя рѣчи о „довѣріи", принадлежитъ „Руси", газетѣ Суворина-сына, отпочковавшейся, подобно преждевременно погибшей „Россіи", отъ „Новаго Времени", газеты Суворина Саваофа. О причинахъ этого отпочкованія въ свое время ходили темные слухи. Говорили, будто Суворинъ отецъ по собственному почину сказалъ Суворину сыну: „Чуетъ сердце мое новую весну; можетъ быть, скоро буду призванъ провозвѣстить ее моему народу. Но, такъ какъ въ жизни моей много было возвѣщено мною весенъ, большихъ и малыхъ, то боюсь, что народъ мой на сей разъ мнѣ не повѣритъ. Посему, возьми посохъ твой, препояшь чресла и удались изъ Эртелева переулка на Итальянскую улицу для возвѣщенія весны!" Такъ ли это было, или же г. Суворинъ сынъ, разнообразно искушенный еще, такъ сказать, въ родительскомъ чревѣ, самъ почуялъ весну и своевременно покинулъ заслуженный корабль „Нов. Вр.", или же драма „отцовъ и дѣтей" разыгралась какимъ-нибудь третьимъ способомъ подъ суворинской крышей, но фактъ тотъ, что газета „Русь" возвѣщаетъ нынѣ весну съ совершеннымъ безстрашіемъ.

Г. Суворинъ-сынъ обнаруживаетъ при этомъ несомнѣнное чутье. Онъ не только привѣтствуетъ и жлетъ, но и пытается въ весенней атмосферѣ организовать вокругъ своей газеты подобіе общественнаго, чуть ли не „общенаціональнаго" движенія. Чтобы использовать смутное угнетенно-недовольное, политически-неоформленное, но ищущее словъ и дѣйствій настроеніе широкихъ круговъ необразованнаго, но грамотнаго общества, настроеніе, скоплявшееся въ теченіе долгаго времени и нынѣ сгущенное войной, г. Суворинъ выкрикнулъ причину всѣхъ нашихъ бѣдъ: *тьма!* и далъ лозунгъ: *мы жертвуемъ на просвѣщеніе!*

Суворинъ сынъ не первый въ теченіе войны дѣлаетъ попытку „общественной" мобилизаціи. Даже въ ограниченномъ полѣ его собственнаго политическаго зрѣнія было уже два такихъ опыта.

Первый былъ сдѣланъ Суворинымъ-отцомъ, который открылъ подписку на флотъ съ цѣлью уловить такимъ путемъ возбужденную войной и ея несчастіями „націю". Суворинъ вкладывалъ въ эту подписку нѣчто вродѣ патріотически-„оппозиціонной" идеи. Общество даетъ правительству на флотъ, общество хочетъ имѣть контроль надъ своими капиталами и хочетъ считать флотъ своимъ. „Нов. Вр." выражало при этомъ увѣренность, что жертвовать будутъ „всѣ" (изъ 140 милліоновъ населенія газета отбрасывала лишь 40 мил. на „дикарей и личностей", которыя по какимъ-либо соображеніямъ ничего не дадутъ на постройку „боевого флота"), но въ сущности газета вела спекуляцію на небольшую группу жертвователей тузовъ, а „общественный контроль" означалъ, что эти жертвователи, вносящіе десятками тысячъ и милліонами, смогутъ поставить правительству кое-какія условія, хотя бы, напр., отстранить Алексѣева, противъ котораго „Нов. Вр." вело явную кампанію.

Далѣе шла общеземская санитарная организація. Это опять-таки попытка сплотить элементы привиллегированнаго общества, на законномъ и патріотическомъ дѣлѣ помощи правительству, укрѣпиться, организоваться, дать наглядную демонстрацію „важности и полезности объединенной земской работы", взять въ свои руки часть государственнаго дѣла, поставить правительство нѣкоторымъ образомъ въ зависимость отъ себя... А дальше? — дальше видно будетъ... Видно будетъ, сколько народныхъ милліоновъ нужно г.г. земцамъ бросить въ жерло войны, чтобы рѣшиться на ходатайство объ увѣнчаніи неувѣнчаннаго зданія.

Земская санитарная организація по необходимости очень ограничена. Она захватываетъ лишь самые тяжеловѣсные элементы либеральной оппозиціи. Маленькому человѣку тутъ нѣтъ мѣста. А вѣдь кромѣ земскаго дворянина либеральная партія, какъ напоминалъ въ прошломъ году г. Струве, можетъ еще разсчитывать и „на разночинца-интеллигента, представителя „третьяго" элемента, и на крестьянина, доработавшагося до политическаго самосознанія" („Осв.", № 17).

На эти болѣе широкіе круги и разсчитываетъ „Русь". „Фондъ народнаго просвѣщенія", дѣйствительно, имѣетъ успѣхъ. Даютъ, какъ пишетъ редакторъ „Руси", „люди всѣхъ сословій и состояній русскаго общества, отъ священниковъ до барона, до босяка и проститутки". Цѣлый рядъ газетъ долженъ былъ волей-неволей признать иниціативу „Руси“. Даже „Рус. Вѣд.“ объявили объ открытіи подписки на Московкій Фондъ народнаго просвѣщенія. Г. Стасюлевичъ, пр. Лесгафтъ, пр. Ярецкій и цѣлый рядъ другихъ либеральныхъ нотаблей выразили свое благоволеніе „доброму начинанію“. „Образованіе — основа всего. Всѣ наши бѣды отъ недостатка образованія“. Вокругъ Фонда носятся густыми клубами азбучныя испаренія культурническаго либерализма. Политической мысли нѣтъ и въ поминѣ. Самодержавіе забыто. Оппозиціонное настроеніе направляется на путь „положительной“ просвѣтительной работы.

---

[1]) Обвин. актъ по этому дѣлу см. въ отдѣльномъ приложеніи къ № 76 „Искры".

[1]) Относительно роли, которую игралъ въ настоящемъ дѣлѣ Бойцовъ, онъ много говорить не желаетъ. Полагаетъ, что она достаточно извѣстна Палатѣ. Но онъ не можетъ не отмѣтить, что въ исторіи извѣстны многіе случаи, когда жандармы, желая отличиться, сами устраивали типографіи, печатали прокламаціи, привлекали молодежь, а затѣмъ сами ихъ судили. Роль Бойцова очевидна. Это — агентъ охр. отд. Начальникъ охр. отдѣленія не пожелалъ его арестовать, когда получился объ этомъ приказъ, ожидая распоряженія изъ департамента полиціи. Не говоритъ ли это за то, что, не будь Бойцова, весьма возможно, что не было бы и настоящаго дѣла? Во всякомъ случаѣ онъ надѣется, что вся эта исторія съ Бойцовымъ не можетъ не быть оцѣнена Палатой.

Политической мысли нѣтъ и въ поминѣ, сказали мы. Но, въ сущности, въ этомъ именно сказывается политическій разсчетъ или инстинктъ либерализма. Между легальнымъ міркомъ земской оппозиціи и либеральной прессы, съ одной стороны, и болѣе широкими кругами возбужденнаго народа нѣтъ реальнаго моста. Это создаетъ невозможность для вождей журнальной и земской политики непосредственно и прямо опереться на широкіе круги: для этого потребовалась бы съ ихъ стороны нелегальная организація и болѣе рѣшительные лозунги. Но это имъ не подъ силу, — ихъ положеніе толкаетъ ихъ, поэтому, на обходный путь. Объединить разнообразные элементы вокругъ Фонда просвѣщенія, а самый Фондъ подчинить земству (на этомъ настаиваетъ большинство „компетентныхъ“ лицъ, — „ибо земство, какъ говоритъ г. Стасюлевичъ, это наше единственное народное представительство“), либо спеціальному самопроизвольно образовавшемуся Комитету изъ именитыхъ общественныхъ дѣятелей, значитъ, не иное что, какъ найти такой каналъ, по которому неоформленное оппозиціонное движеніе могло бы быть отведено отъ соціальдемократической партіи въ либеральный или національ-либеральный фарватеръ.

Дать городскимъ и деревенскимъ массамъ революціонно политическій лозунгъ, который включалъ бы въ себѣ культурническій лозунгъ народнаго „просвѣщенія“ — дѣло нашей Партіи. Дѣлать такое дѣло, значитъ, попутно вышибать почву изъ подъ ногъ сыновъ Суворинныхъ и — иныхъ сыновъ...

* * *

Среди разномастныхъ жертвователей „на просвѣщеніе“ успѣли отчетливо выдѣлиться на страницахъ „Руси“ двѣ фигуры: городского рабочаго и просвѣщеннаго хозяйственнаго „мужичка“.

Рабочій цѣлой головой выше остальныхъ жертвователей. Его толкаетъ въ эту чуждую ему кампанію великая идеалистическая потребность знанія, пониманія всего, что есть и что должно быть. Нелегальная литература неспособна отвѣтить на всѣ его духовные запросы, революціонная работа не можетъ въ „будни“ захватить цѣликомъ каждаго массоваго рабочаго, и онъ „идетъ со своими жалобами и надеждами — на страницы „Руси“.

„Одинъ тяжелый физическій трудъ, пишетъ рабочій, насъ не удовлетворяетъ; намъ нужно послѣ продолжительнаго рабочаго дня что-нибудь освѣжительное, способное вдохнуть намъ интересъ къ жизни... Жаждемъ мы просвѣщенія... чтобы не быть *неодушевленными орудіями производства*“. „Товарищи-рабочіе! пишетъ другой. Вы знаете значеніе образованія, *такъ какъ сами стремитесь къ нему*. Это стремленіе къ свѣту знанія и правды начинаетъ принимать среди васъ громадные размѣры; *вы кидаетесь изъ стороны въ сторону, ищете отвѣтовъ на пробудившіеся вопросы*... Жертвуйте-же, товарищи!“ Мы набросились на нелегальную литературу, пишетъ третій, вели подпольную агитацію, и въ результатѣ — только аресты и ссылки. „И вдругъ — Фондъ, и опять мы можемъ агитировать, но съ болѣе полезными и лучшими послѣдствіями“. „Изъ искры возгорится пламя! пишетъ группа женщинъ работницъ. Жертвуйте-же!“

И рабочіе жертвуютъ. Они повторяютъ при этомъ нерѣдко тѣ общія мѣста о пользѣ просвѣщенія, въ которыхъ расплываются жертвователи-Стаховичи, священники и учителя. Но рабочіе вкладываютъ въ тѣ же слова другое содержаніе. Свои жертвы на просвѣщеніе они субъективно ставятъ въ тотъ рядъ, въ которомъ у нихъ стоятъ прокламаціи, нелегальныя брошюры, бесѣды въ кружкахъ съ революціонерами, вообще, все то, въ чемъ проявляется ихъ „нелегальное“ по существу чувство общественности. Они жертвуютъ, не думая о томъ, что на собранныя деньги будетъ построена школа, въ которой ихъ дѣтей будутъ просвѣщать „церкви и самодержавному отечеству на пользу“.

Этимъ рабочимъ „кидающимся изъ стороны въ сторону, ищущимъ отвѣтовъ на пробудившіеся вопросы“, мы говоримъ: Товарищи! Не ищите здѣсь отвѣтовъ на ваши вопросы. Обученіе грамотѣ (а большаго вамъ не дастъ не только самодержавіе, но и буржуазный либерализмъ!) не избавитъ еще вашихъ дѣтей отъ положенія „неодушевленныхъ орудій производства“. Не мечите вашего бисера передъ либеральными крохоборами. Ваши задачи иныя, ваши пути иные!.. Сколько бы „искръ“ вашего одушевленія вы, товарищи-работницы, ни принесли съ собой,—все равно изъ прѣлой соломы буржуазнаго культурничества не возгорится то непотухающее пламя, которое намъ съ вами нужно!

* * *

Просвѣщенные и, надо думать, вполнѣ благоустроившіеся мужички, рѣшительно и убѣжденно высказываются за просвѣщеніе, законность, порядокъ и, заодно ужъ,—противъ общины. Они цѣнятъ просвѣщеніе, потому что оно — сила, потому что оно помогаетъ выйти въ люди, и они жертвуютъ рубль, и два, и три на фондъ, съ гордостью подписываясь: *крестьянинъ*.

Патріотическіе граждане своего отечества, они желаютъ ему побѣдъ и одолѣній, но граждане *просвѣщенные* („на мѣдные пятаки“), они понимаютъ, что для одолѣній нужно просвѣщеніе и нужна богатая казна, а для богатой казны нужна самодѣятельность и свободная иниціатива, а для иниціативы нужна конституція. Они еще не произнесли этого слова, но они не поперхнутся имъ. Сторонники порядка и законности, они люди узко-практическіе. Имъ нуженъ контроль надъ государственными капиталами, чтобъ хозяйство велось не зря, безъ мотовства, безъ воровства, не безалаберно. Контроль общества называется „по высьему“ конституцей? Ну, значитъ, конституція. Либеральная идеологія ихъ не привлечетъ: она имъ ни къ чему. Ихъ идеаломъ государственнаго человѣка и реформатора явился бы, еслибъ они были образованнѣе, какой-нибудь маркизъ Ито, который, по превосходному выраженію Суворина-второго, „правдивымъ глазомъ дикаря сумѣлъ увидѣть простые кирпичи тамъ, гдѣ европейскіе мыслители видѣли повелѣвающихъ боговъ“.

Изъ хорошихъ кирпичей этотъ новый человѣкъ хочетъ построить себѣ зданіе, въ которомъ онъ могъ бы, какъ выражается Меньшиковъ, „сознавать себя немножечко хозяиномъ“. Это будетъ безпощадный хозяинъ.

„Для того, чтобы бороться съ Японіей, мы шапками японцевъ закидаемъ. А евреи прижмемъ—мы процентомъ (ограничительными „нормами“), а противъ урчанія голоднаго брюха мы стражниковъ поставимъ сорокъ тысячъ... Зато у насъ будетъ миръ и порядокъ—ой, не тотъ ли, что бываетъ на кладбищѣ? Что же намъ нужно? „Отъ иностранцевъ мы набрались разныхъ словечекъ, развелись у насъ марксисты, соціалисты да всякіе прочіе исты, а самихъ то себя и забыли“. И такимъ манеромъ, не ровенъ часъ, „на [illegible] Русь прохлебаемъ“. Намъ нужно знаніе. Его бояться нечего. „Знаніе научитъ работать. *Власть* и *порядокъ* нужны для всякой работы, и въ защиту его встанутъ всѣ истинно-русскіе люди“. Такъ пишетъ вятскій мужикъ.

„При невѣжествѣ, говоритъ другой, да при общинныхъ порядкахъ выходятъ изъ насъ многіе негодные люди, пьяницы, тунеядцы и всякій тому подобный пролетаріатъ. Но — дайте мужику эту самую свободу, и онъ ее использаетъ въ благо себѣ и вамъ“.

Намъ нужно, пишетъ третій крестьянинъ, „1) чтобы мужикъ не былъ голоденъ, 2) чтобы создать сильную армію и флотъ, 3) намъ надо имѣть поменьше какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ враговъ и 4) намъ надо поднять промышленность и торговлю до уровня европейскихъ державъ“. А для этого—снять съ мужика опеку и дать ему знаніе.

„И перемѣнится тогда, пишетъ псковскій мужикъ, весь строй нашего общественнаго быта, тогда для всѣхъ будетъ хорошо, и государство наше будетъ крѣпче, и *всѣмъ будетъ доступно*, и умный у насъ обязательно поставится впереди всѣхъ сидней, которые занимаютъ мѣсто и задерживаютъ и тормозятъ общественное дѣло“.

Всѣ крестьяне, по словамъ новой „народной“ „Русской газеты“ (въ розничной продажѣ по копейкѣ!), въ своихъ письмахъ въ редакцію заявляютъ, что они „желаютъ сдѣлаться полными хозяевами клочка земли и вовсе не стоять за общину“. „Всѣ“ начинаютъ понимать, что „теперь пришло время, когда каждый долженъ жить своимъ разумомъ и надѣяться на свои силы, на свои знанія, на свой умъ“. Эти индивидуалисты — „мужички“, наиболѣе граждански просвѣщенные люди деревни, являются носителями ярко выраженныхъ буржуазныхъ началъ. Ихъ вліяніе будетъ въ ближайшій періодъ очень значительно, потому что во всей современной деревнѣ они одни пока знаютъ достаточно ясно, чего хотятъ, и, какъ-никакъ, умѣютъ формулировать свои мысли. Ни одна изъ буржуазныхъ партій не овладѣетъ деревней, не овладѣвъ ими. Соціальдемократіи придется овладѣвать деревней *противъ* нихъ.

* * *

На просвѣщенныхъ мужичковъ усердно охотится въ настоящіе дни наша „національ-либеральная“ пресса типа „Руси“, „Бирж. Вѣд.“, „Рус. Сл.“ и мн. др. Надъ самимъ Фондомъ просвѣщенія развѣвается мужицкое знамя, ибо начало Фонду „Русь“ положила денежнымъ взносомъ и письмомъ „простого русскаго крестьянина“, который неожиданно оказался владѣльцемъ оптоваго склада въ Петербургѣ и подстоличнаго „имѣньица“ и выражалъ въ „Новостяхъ“ свое неудовольствіе по поводу того, что „Русь“ „переработала его въ крестьянина“.

Національ-либеральная пресса (слово найдено той же „Русью“) идетъ въ гору. Она не прикрываетъ своей буржуазной наготы и не знаетъ даже, для чего это нужно. Она просто говоритъ отъ „естества“. Въ этомъ ея громадное преимущество предъ нашей „чистой“ интеллигентской либеральной прессой, которая прошла черезъ народолюбіе и рабочелюбіе, вынесла отсюда кое-какіе „предразсудки“, питаетъ уваженіе — или предполагаетъ его, по крайней мѣрѣ, въ своихъ читателяхъ — къ общимъ идеямъ и хочетъ вѣрить, что конституція не „простые кирпичи“, а изъявленіе воли „повелѣвающихъ боговъ“ морали и права.

Національ-либеральная пресса не формулируетъ программы, вытекающей изъ какого-либо политическаго „міровоззрѣнія“ и не видитъ въ томъ надобности. Она просто предъявляетъ рядъ эмпирически нащупанныхъ требованій. Оппозиціонное выжиданіе ее стѣсняетъ, она хочетъ немедленнаго соглашенія съ правительствомъ и громко кричитъ объ этомъ. Это — ростущая сила буржуазнаго „порядка“.

„Чистая“ либеральная пресса, типа „Рус. Вѣд.“, не имѣетъ предъ національ-либеральной преимуществъ мужества и послѣдовательности убѣжденій. Но она лишена первобытной не-стыдливости. Она исторически связана съ интеллигенціей, „анти“-капиталистической, „анти“ буржуазной. Эта связь обязываетъ ее къ нѣкоторой внѣшней опрятности и отчасти оппозиціонно-выжидательному поведенію. Ей еще предстоитъ эпоха нѣкотораго вліянія: это періодъ ликвидаціи царизма или періодъ соглашенія съ нимъ. Но въ свободной или полусвободной Россіи она скоро уступитъ свое мѣсто національ-либеральной прессѣ. Свобода печати, о которой она такъ долго мечтала, убьетъ ее. Ее будетъ по пятамъ преслѣдовать соціальдемократическая критика, выгоняя ее изъ ея идеологическихъ убѣжищъ, завладѣвая, гдѣ можно, ея позиціями, а гдѣ нельзя — толкая ее въ сторону окончательнаго буржуазнаго перерожденія.

Уже сегодня „Русь“ навязываетъ свою „гегемонію“ „Рус. Вѣд.“, ибо эта „чистоплотная“, но малокровная газета не способна ни на иниціативу, ни на отпоръ. Ей, какъ и всему „чистому“ либерализму, суждена роль добродѣтельнаго резонера въ томъ дѣйствіи, гдѣ гг. Суворины, отцы и дѣти, будутъ играть первыхъ любовниковъ.

Т.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Еще недавно одинъ изъ „теоретиковъ“ „Револ. Россіи“, г. Новобранцевъ, болѣе откровенно, чѣмъ глубокомысленно, раскрылъ свое кровное родство съ „Освобожденіемъ“. „Если „Освобожденіе“ объединило и объединяетъ кого—писалъ онъ въ 32-33 №№ своего органа,—то только „отцовъ“ изъ той самой интеллигенціи, „дѣти“ которой являются самоотверженными борцами за революціонное дѣло. Отцы, несомнѣнно, отличаются отъ насъ умѣренностью своей тактики и своихъ требованій; но это—не принципіальная противоположность“. Яснѣе, кажется, невозможно выразиться. Въ настоящее время, однако,—очевидно, подъ вліяніемъ пресловутаго принятія въ соціалистическую семью,—„Рев. Рос.“ пытается отречься отъ родителей. Г. Струве, на правахъ „отца“, счелъ долгомъ объяснить о „дѣтяхъ“, что „какими бы сильными террористическими средствами ни дѣйствовала эта партія, ее отнюдь нельзя назвать непримиримой. Либеральное преобразованіе русскаго государства покончитъ съ терроризмомъ этихъ элементовъ, обусловливаемымъ исключительно тѣмъ, что невозможность легальнаго развитія и усовершенствованія государственнаго строя Россіи фатально наталкиваетъ нѣкоторую часть русской радикальной интеллигенціи на политическія убійства. Оружіе политическаго насилія будетъ вырвано изъ этихъ рукъ конституціей примирительницей“ (№ 55). Но, если для полнаго умиротворенія террористовъ необходима все же конституція, то для частичнаго—достаточно даже политики сердечнаго попеченія. „Пока—утверждаетъ мудрый, какъ змій, „отецъ“,—революціонеры за министромъ, конечно, не будутъ охотиться“. Этотъ, вполнѣ правдоподобный, прогнозъ показался „дѣтямъ“ весьма преждевременнымъ, и они рѣшили раздѣлиться съ неудобнымъ „отцомъ“ пропастью „принципіальной“ противоположности. „Рев. Рос.“ (№ 52) съ гордостью заявляетъ, что соц. революціонерамъ нѣтъ никакихъ основаній измѣнять свое „поведеніе“. „Могутъ мѣняться, конечно, конкретные объекты, болѣе непосредственно ощущающіе удары, направленные черезъ ихъ головы въ центръ правительственнаго защитнаго механизма — но, вѣдь, это только частности... Эти частности зависятъ отъ постоянно мѣняющихся условій времени, отъ той роли, которую то или иное лицо фактически играетъ въ общей экономіи системы (?) правительственнаго боевого механизма, держащаго въ своихъ тискахъ страну“... „Теперь произошла децентрализація отвѣтственности“... Но, въ общемъ, „обыватели, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ готовы провозгласить славный лозунгъ: „надо погодить“—будутъ напрасно готовить себѣ излишнія разочарованія, если будутъ съ нашей стороны ждать какого-либо иного отношенія къ событіямъ“... „Пока органическая работа созданія, накопленія и организація соціалистическихъ силъ подавляется насильственными мѣрами, только глупцы могутъ ожидать, что на насилія правительства мы перестанемъ давать отпоръ силой“... Такимъ образомъ, „отцы“ съ полной непочтительностью обзываются обывателями глупцами. Тѣмъ не менѣе, г. Струве, навѣрно, снисходительно улыбнется горячей выходкѣ своихъ „дѣтей“. Редакторъ „Освобожденія“ хорошо знаетъ, что „безъ Шипова, безъ земства, безъ всей культурной русской оппозиціи „боевая организація“ есть случайный и безсильный эпизодъ“ (№ 55); онъ понимаетъ, что громкія слова „децентрализація отвѣтственности“ означаютъ только убійства губернаторовъ и полиціймейстеровъ, лишенныя, въ большинствѣ случаевъ, всякаго политическаго значенія и неспособныя долго питать террористическое движеніе. Поэтому, либерализмъ можетъ спокойно учитывать въ пользу господствующихъ класовъ самопожертвованіе мужественныхъ революціонеровъ, не считаясь съ трескучей фразеологіей „теоретиковъ“. Но партія рабочаго класса не можетъ отнестись равнодушно къ словоизверженіямъ „Рев. Россіи“. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, является это торжественное заявленіе, что какіе-то „мы“ не перестанутъ давать насильственнаго отпора правительству до тѣхъ поръ, пока оно будетъ насильственными мѣрами подавлять работу созиданія, накопленія и организація соціалистическихъ силъ, какъ не новою попыткою затемнить классовое сознаніе пролетаріата? Если эта фраза имѣетъ какой-либо смыслъ, то только смыслъ обѣщанія террористической борьбой добыть такое правительство, которое примирилось бы съ соціализмомъ. Но такого правительства, -разумѣется, если мы не подмѣнимъ революціоннаго соціализма его ревизіонистскимъ искаженіемъ — нѣтъ и не можетъ быть. Ни одно правительство современнаго буржуазнаго міра не отказывается и не откажется отъ болѣе или менѣе „насильственныхъ мѣръ“ въ борьбѣ противъ соціализма. Или „Револ. Рос.“ думаетъ, что бомбы ея партіи приближаютъ соціалистическое государство? Но тотъ же г. Новобранцевъ вполнѣ здраво утверждаетъ, что бухгалтерами грядущей русской революціи явятся умѣренные „отцы“. Слѣдовательно, „Рев. Россія“, въ порывѣ авантюристскаго „энтузіазма“, пытается обмануть пролетаріатъ и въ истинной сущности буржуазной свободы и въ дѣйствительномъ соотношеніи политическихъ силъ современной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, восхваляя террористическую тактику, она обманываетъ и тѣ элементы радикальной интеллигенціи, которые искренно стремятся облегчить тяжелое бремя страданій, лежащее на нижнихъ слояхъ общественной пирамиды. Смерть Плеве и новый курсъ Святополка-Мирскаго ясно показываютъ, какъ учитываются террористическіе акты, когда „народъ безмолвствуетъ“. Герои революціонной интеллигенціи являются, при такихъ условіяхъ, рабочимъ скотомъ въ рукахъ политическихъ эксплуататоровъ отъ Стаховича до Святополка включительно. И только соціальдемократическая работа среди пролетаріата и пролетаризирующагося крестьянства, направленная къ тому, чтобы рабочія массы за свой собственный счетъ выступили на политическую арену и самостоятельно рѣшили свою политическую судьбу, только такая работа принесетъ дѣйствительное освобожденіе Россіи и создастъ болѣе благопріятныя условія для борьбы противъ капиталистическаго строя. Но такая работа не нуждается въ динамитѣ для отдѣльныхъ частей правительственнаго механизма. Она имѣетъ другіе методы, которые, приближая рабочій классъ къ соціализму, попутно и одновременно сметаютъ и ветхія политическія постройки стараго міра. Эти методы составляютъ неотъемлемую принадлежность соціальдемократіи, какъ партіи рабочаго класса. Судьба же терроризма въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ рѣшена тѣмъ договоромъ, который самодержавіе заключитъ съ либерально-демократическими элементами русской оппозиціи.

* * *

Давно ли Плеве властнымъ почеркомъ пера запретилъ общеземскую организацію помощи больнымъ и раненнымъ воинамъ? Давно ли реакціонныя газеты съ пѣною у рта набрасывались на эту патріотическую затѣю русскихъ либераловъ? И вдругъ — все измѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ! Куропаткинъ, и въ далекой Манчжуріи провѣдавшій про новый курсъ, посылаетъ царю чувствительную депешу о полезной дѣятельности земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ и о желательности ихъ усиленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркулярно сообщаетъ губернаторамъ, что „онъ не встрѣчаетъ препятствій къ осуществленію могущихъ возникнуть со стороны земствъ предложеній объ ассигнованіи средствъ, какъ на развитіе дѣятельности уже существующихъ земскихъ врачебно-санитарныхъ отрядовъ, такъ равно и на образованіе новыхъ“. Кн. Мещерскій, доказывавшій, что общеземская организація является попыткой, подъ удобнымъ предлогомъ, „создать для будущей мирной жизни организованную всеземскую оппозицію для борьбы съ правительствомъ“, считаетъ „долгомъ совѣсти“ „исповѣдать свой грѣхъ“ и поетъ хвалебную пѣснь земскому начинанію. „Новое Время“, какъ опытный лакей, быстро приспособившійся къ новому барину, выражаетъ надежду, что „земскіе люди найдутъ въ себѣ достаточно бодрости и энергіи продолжать доброе дѣло, такъ горячо начатое ими съ первыхъ дней войны и такъ неумѣстно остановленное на первыхъ же шагахъ“, и „сердечно отзовутся на обращенное къ нимъ желаніе главнокомандующаго“. Краснорѣчивыя похвалы раздаются со всѣхъ сторонъ, тщательно прикрывая завѣтную мысль: „дайте денегъ промотавшемуся самодержавію“. Но — увы — слишкомъ поздно! Земскіе „патріоты“ переживаютъ отвратительное состояніе похмѣлья, съ роковою неизбѣжностью наступившаго послѣ оргіи воинственныхъ восторговъ и пожертвованій. Земскія кассы, по обыкновенію, пусты, а возложенная на земство закономъ обязанность призрѣнія семействъ нижнихъ чиновъ запаса, призванныхъ на войну, требуетъ все большихъ и большихъ средствъ съ развитіемъ военныхъ дѣйствій. По даннымъ харьковскаго губернскаго земства, изъ Харьковской губ. призвано въ войска 35 660 чел. Несмотря на нищенское пособіе, равняющееся, въ среднемъ, 1 руб. 43 к. въ мѣсяцъ на человѣка, харьковское земство разсчитываетъ, что ему придется израсходовать приблизительно около двухъ мил. рублей, такъ какъ пособіе семействамъ призванныхъ, по закону, прекращается черезъ годъ со дня воспослѣдованія указа о приведеніи арміи въ мирное положеніе и, слѣдовательно, на земство падаетъ обязаность призрѣвать втеченіи неопредѣленнаго времени 88.169 человѣкъ, принадлежащихъ къ семействамъ запасныхъ нижнихъ чиновъ. Тульское губернское земское собраніе высчитало, что ему необходимо для призрѣнія семействъ запасныхъ 900 тыс. рублей, нижегородское опредѣляетъ расходы въ 1.260.000 руб. саратовское — въ 400-500 тыс., полтавское — въ 800 тыс. въ годъ.

Кромѣ денежныхъ расходовъ, обязанность призрѣнія причиняетъ земцамъ и весьма чувствительныя личныя „непріятности“. Предсѣдатель саратовской губернской управы, Юматовъ, говоритъ, что „обязанности, возложенныя на уѣздныя управы, весьма сложны и чрезвычайно хлопотливы. Уѣздныя управы положительно завалены работой по пріему и разсмотрѣнію заявленій нуждающихся, по перепискѣ съ волостными правленіями.. Бывало нерѣдко и такъ, что канцеляріи управъ буквально осаждались женами, дѣтьми и другими родственниками призванныхъ на войну, настойчиво требовавшими выдачи пособій. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ выражали свое неудовольствіе по поводу отказовъ, грозили бросить тутъ же въ управѣ малолѣтнихъ дѣтей, а, напримѣръ, въ Балашовѣ, это приводилось и въ исполненіе“... Такимъ образомъ, правительство заставляетъ земцевъ не только кормить разворенныя войной семьи, но и принимать на свои головы первые взрывы народнаго горя и негодованія. Разумѣется, эта перспектива отнюдь не прельщаетъ земскихъ либераловъ. И съ тою же горячностью, съ какою они еще недавно стремились принять участіе въ „общемъ дѣлѣ“ войны, они теперь стремятся уклониться отъ этой „высокой чести“. „Въ земской средѣ — пишетъ радикальная народническая „Экономическая газета“, — очевидно, получаетъ все большее и большее распространеніе мысль, что мѣстные расходы, связанные съ настоящею войной, должны быть приняты на себя государствомъ, какъ по причинѣ непосильности ихъ для отдѣльныхъ земствъ, такъ и по чисто принципіальнымъ соображеніямъ: не земство вызвало эту войну, оно не имѣетъ никакого голоса въ ея веденіи и организаціи, а тяжесть ея распредѣляется въ странѣ совершенно неравномѣрно, внѣ какихъ бы то ни было соображеній съ интересами той или другой мѣстности“. „Экономическая Газета“ вполнѣ сочувствуетъ придуманному земствами исходу и только скорбитъ о томъ, что „къ этому вполнѣ логическому и естественному выводу въ его прямой формѣ пришли еще не всѣ земства, большая же часть пытается пока достигнуть той же цѣли болѣе или менѣе косвенными путями“. Даже „Московскія Вѣдомости“, по инымъ, конечно, побужденіямъ, одобряютъ либеральную уловку, лицемѣрно замѣчая,

„равномѣрнаго распредѣленія обязанностей требуетъ сама справедливость“. Къ сожалѣнію, мы должны нарушить трогательное согласіе и снова огорчить либераловъ. Для соціальдемократіи, какъ для единственной выразительницы и представительницы истинныхъ интересовъ народа, даже въ широкомъ смыслѣ слова, новый зигзагъ либеральной мысли является только новымъ доказательствомъ той недодуманности и убогой половинчатости русскаго либерализма, которая обрекаетъ его въ качествѣ самостоятельной политической силы, на полнѣйшее безплодіе и даже больше — на измѣну народу. Въ самомъ дѣлѣ. Недостаточно требовать, чтобы расходы на призрѣніе семействъ запасныхъ были приняты на счетъ государства. Надо же подумать и о томъ, откуда промотавшееся царское правительство возьметъ средства на эти расходы. Либералы стыдливо замалчиваютъ этотъ щекотливый вопросъ. Но „Москов. Вѣдомости.“ не обязанныя соблюдать приличіе, грубо раскрываютъ карты и заявляютъ, что правительство, конечно, имѣетъ возможность достигнуть равномѣрнаго распредѣленія военныхъ тягостей „путемъ установленія спеціальнаго налога“. Вотъ конечный логическій выводъ либеральной политики! Пусть мужицкая мошна расплачивается за военно-коммерческія предпріятія Николая Романова, Безобразова и другихъ членовъ небольшой, но теплой придворной компаніи! Но посмотрите-же, господа, что дѣлается кругомъ, прочтите ваши же подцензурныя газеты! Въ той же Нижегородской губ., которая ходатайствуетъ о передачѣ призрѣнія семействъ запасныхъ солдатъ государству, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, мужицкая мошна до того опустѣла, что не выполняетъ самыхъ прямыхъ, обычныхъ своихъ „обязанностей“. Предсѣдатель арзамасской земской управы телеграммой увѣдомилъ губернатора, что земская управа, не пользуясь никакими поступленіями земскихъ сборовъ и не предвидя ихъ въ будущемъ, „окончательно потеряла свою платежную способность и вынуждена совсѣмъ закрыть земскую кассу“. Въ другихъ мѣстахъ дѣло обстоитъ еще хуже. Не только мошна, но и ея обладатель отказываются „служить государству и обществу“. Въ Тихвинскомъ уѣздѣ хлѣбъ, приготовленный изъ зерна нынѣшняго урожая, „развалывается словно песчанный и обладаетъ ядовитыми свойствами. Тѣ, кто поѣлъ его, чувствуетъ головокруженіе, у нихъ начинается рвота, а потомъ руки и ноги дрожатъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно послѣ похмѣлья“. Въ Орловской губерніи „многіе сельскіе врачи были напуганы появленіемъ какой-то загадочной болѣзни, выражающейся разстройствомъ желудка и страшной головной болью... Пошли были толки о холеринѣ и холерѣ. Скоро, однако, дѣло разъяснилось: оказалось, что странная болѣзнь вызывается употребленіемъ хлѣба урожая нынѣшняго года“... Заболѣванія довольно часты и вызываютъ тошноту, головокруженіе, поносъ, судороги и охлажденіе конечностей. Нужно ли послѣ этого еще доказывать, что единственными требованіями, которыя отвѣчаютъ дѣйствительнымъ интересамъ многострадальнаго русскаго народа, являются требованія, съ самаго начала военныхъ дѣйствій выставляемыя революціонною соціальдемократіею: долой войну, долой позорное правительство, которое способно вызывать такія войны! Чаша народнаго горя переполнилась, и жалкимъ уловкамъ либерализма не удастся предотвратить неизбѣжное. Впрочемъ, даже либеральные межеумки начинаютъ, повидимому, понимать серьезность положенія. Факты больно бьютъ въ головы, и, не говоря о г. Струве, уже додумавшемся до „государственной возможности немедленнаго прекращенія войны“, даже г. Ив. Петрункевичъ въ „Правѣ“ дѣлаетъ какія то неопредѣленныя тѣлодвиженія, очевидно, приготовляясь къ перемѣнѣ позиціи. Онъ еще не требуетъ прекращенія войны. Наоборотъ, онъ думаетъ, что „мы не можемъ теперь предложить Японіи миръ и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условія, пріемлемыя нами и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ Россіи“. Но онъ уже дошелъ до сознанія, что „мы должны теперь же, не колеблясь, признать во имя человѣчности, во имя дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, что ради прекращенія ужаснаго кровопролитія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ гибнутъ сотни тысячъ людей, не слѣдуетъ останавливаться передъ пожертвованіемъ всѣми интересами колоніальной политики“. Въ добрый путь, гг. либералы! Быть можетъ, японскія пушки помогутъ вамъ, наконецъ, добраться до той точки зрѣнія, которую мы отстаивали, исходя изъ принципіальныхъ основаній, за которую вы насъ предавали анаѳемѣ, и которая, какъ и всегда, оказалась наиболѣе правильною въ смыслѣ практической политики. Миръ, сверженіе самодержавія, созывъ учредительнаго собранія — вотъ первые и неизбѣжные этапы на пути обновленія и возрожденія Россіи.

* * *

Въ прошломъ номерѣ „Искры“ товарищъ Л. М. отмѣталъ то чувство своеобразной угнетенности, которое невольно охватываетъ въ настоящій моментъ революціонные круги. „Предъ громадностью стихійно развертывающихся событій исторической важности, колоссально революціонизирующихъ жизнь населенія и его сознаніе, — какими ничтожными, — говорилъ онъ, — представляются наши собственныя средства воздѣйствія, наши привычные методы участія въ общественной жизни!“ Это чувство вполнѣ естественно для партіи, которая, какъ нынѣ русская соціальдемократія, переходитъ отъ революціоннаго просвѣтительства къ широкому политическому дѣйствію, которая начинаетъ оперировать могучими массами рабочихъ батальоновъ; но — субъективно, это — грустное чувство. Громадность задачи вызываетъ даже нѣкоторую растерянность въ слабыхъ умахъ. Поэтому, не будетъ лишнимъ остановиться на кое какихъ „объективныхъ“ доказательствахъ того, что наша упорная работа уже теперь приноситъ результаты, съ которыми должны поневолѣ считаться не только правительство, но и другія политическія партіи. Въ 39 номерѣ „Права“ либералъ, идеалистъ, профессоръ и князь Евгеній Трубецкой горько жаловался, что „крайнія партіи захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова... Нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы, и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ“. И почтенный наставникъ русскаго юношества уже теперь кричитъ отъ ужаса, представляя, какъ нѣкогда „миноносцы“ соціализма взорвутъ „Портъ-Артуръ“ собственности, семьи и государства. Спасительный страхъ князя Трубецкого доставилъ намъ большое удовлетвореніе, но еще съ большимъ удовольствіемъ прочли мы статью „Москов. Вѣдом.“ о „японской войнѣ и русскомъ народѣ“ (278). Эта статья — не только оффиціальное признаніе успѣха нашей агитаціи противъ войны, но и открытая измѣна принципамъ россійскаго самодержавія, всегда, какъ извѣстно, опиравшагося на темноту и безсознательность народа. „Просвѣщеніе уничтожаетъ предразсудки, — берегитесь просвѣщенія“ — проповѣдывалъ въ своемъ „Московскомъ сборникѣ“ Побѣдоносцевъ, самый крупный мыслитель и теоретикъ самодержавія. И вдругъ „Моск. Вѣд.“ категорически утверждаютъ, что „нельзя не признать крайне ненормальнымъ и недопустимымъ непониманіе самой сущности“ современныхъ историческихъ событій въ массахъ русскаго народа. Болѣе того, правительственная газета утверждаетъ, что русскій народъ „выстрадалъ себѣ право“ быть „не пассивной массой, а сознательнымъ участникомъ въ историческихъ судьбахъ отечества“. Эти здравыя мысли внушены газетѣ, во-первыхъ, полнымъ неодобреніемъ народомъ авантюры царскаго правительства, во-вторыхъ, тѣмъ, что „крайнія фракціи нашей такъ называемой интеллигенціи... стараются оказать на массы народа вреднѣйшее вліяніе именно на почвѣ войны“. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить въ связь эти два факта: непопулярность войны и нашу энергичную агитацію. Но мы сейчасъ же должны подчеркнуть необходимость ея дальнѣйшаго расширенія и углубленія, такъ какъ „Моск. Вѣд.“ перехватываютъ наши методы дѣйствія и требуютъ, ни болѣе ни менѣе, какъ, чтобы правительство организовало... агитацію въ пользу войны и, заднимъ числомъ, добилось сочувствія народа. Газета настаиваетъ даже на централистической постановкѣ агитаціи. Въ качествѣ возможныхъ агитаторовъ, она указываетъ приходское духовенство и сельскихъ учителей. Но, такъ какъ „они сами не всегда имѣютъ достаточный матеріалъ фактическихъ знаній по этому предмету, то церковное управленіе и министерство народнаго просвѣщеніе легко могутъ восполнить такой недостатокъ разсылкой подходящихъ книгъ или даже составленіемъ новыхъ изданій примѣнительно къ потребностямъ времени“. Эти немногія строки знаменуютъ очень большой политическій фактъ. Обращеніе самодержавія къ агитаціи, къ „сознательности“ населенія, къ его сочувствію неопровержимо показываетъ, что, подъ вліяніемъ революціонной работы въ массахъ, самодержавіе перестало быть полновластнымъ хозяиномъ Россіи и потеряло возможность отдѣлываться отъ своихъ противниковъ грознымъ окрикомъ: не разсуждать! Изъ господина положенія оно превратилось въ одну изъ спорящихъ сторонъ, въ одно изъ борющихся общественныхъ направленій. На чьей сторонѣ останется побѣда въ этой борьбѣ — не можетъ быть никакихъ сомнѣній. „Моск. Вѣд.“ ошибаются, приписывая агитацію противъ войны радикальной „интеллигенціи“. Главныя силы революціонной арміи вербуются изъ рядовъ рабочаго класса, и никакая агитація поповъ и чиновниковъ не сможетъ отвлечь пролетаріатъ отъ славнаго краснаго знамени, подъ которымъ онъ мужественно и сознательно сражается за свое политическое и экономическое освобожденіе.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На дняхъ въ одномъ районѣ города было устроено организаціей этого района агитаціонное собраніе. Присутствовало 59 человѣкъ. На немъ 3 агитатора произнесли рѣчи на тему: 1) Война, „новый курсъ“ и задачи с.-д. рабоч. партіи, 2) Изъ исторіи борьбы съ самодержавіемъ, 3) Объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Несмотря на петербургскую осеннюю погоду и дальность разстоянія, настроеніе рабочихъ было бодрое. Въ отвѣтъ на привѣтственную резолюцію конгресса, рабочіе единогласно приняли отвѣтную резолюцію, которую я и привожу.

„Выслушавши докладъ объ Амстердамскомъ конгрессѣ, собраніе петербургскихъ рабочихъ выражаетъ свою солидарность съ стремленіями международнаго пролетаріата и надѣется, что недалекъ тотъ день когда русскіе рабочіе, сбросивъ съ себя иго царскаго деспотизма, вступятъ свободными членами въ братскую семью международнаго пролетаріата“. Работающій.

Воронежъ. Недавно на заводахъ Гаусмана и Бухонова были распространены листки Вор. Комитета. Впечатлѣніе на рабочихъ произвели очень хорошее: нравилось, что пропечатали въ листкахъ хорошо знакомыя имена эксплуататоровъ и ненавистнаго доносчика—рабочаго Купріянова и подробно касались ихъ экономическо-правового положенія. Слышались отдѣльные голоса, находившіе, что насчетъ самодержавія говорить не слѣдовало, что это „ужъ слишкомъ далеко хватили“ соціальдемократы, но болѣе сознательные товарищи разъяснили имъ, что въ самодержавіи „самый корень зла“ и что такъ именно и слѣдовало писать, не умалчивая правды. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Черезъ нѣкоторое время были разбросаны въ громадномъ количествѣ листки Ц. К. — „Новая Мобилизація“, изданные и дополненные Вор. Комитетомъ; они читались всѣмъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ. Съ того дня каждый вечеръ на улицахъ тамъ и сямъ находятъ листки: это рабочіе, которымъ удается подобрать ихъ на улицахъ, вновь по собственной инпціативѣ разбрасываютъ ихъ по прочтеніи.

Харьковъ. Механическій заводъ Бельке. Работаетъ у насъ человѣкъ 150-200, причемъ къ зимѣ разсчитываютъ, а на лѣто принимаютъ отъ 20 до 40 чел. Рабочій день — $10\frac{1}{2}$ часовъ, зимою же работу сокращаютъ на два часа, а платятъ только за $\frac{3}{4}$ дня, то есть почти за 8 часовъ, слѣдовательно владѣлица завода Ремизова крадетъ ежедневно у каждаго рабочаго больше получаса его кровнаго труда, а у всѣхъ 150 рабочихъ въ каждую получку за 12 дней — 900 рабочихъ часовъ! Такъ происходитъ „накопленіе“ капитала!

Мастера жмутъ, обсчитываютъ и обкрадываютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Особенно выдѣляется среди нихъ мастеръ Воейковъ; рабочихъ разсчитываетъ за малѣйшіе пустяки: скажетъ слово напротивъ, испортитъ работу, станокъ старый сломится — ступай за ворота! А то пошлетъ „погулять“ на недѣлю-другую: какое тутъ „гулянье“, когда ѣсть нечего; откажешься „гулять“ — получай разсчетъ! Крики и ругань Воейкова цѣлый день стономъ стоятъ въ мастерской. Съ учениками совсѣмъ уже не церемонятся: зачастую бьетъ ихъ, заставляетъ таскать непосильныя тяжести. Когда же ученики оканчиваютъ свое „ученье“ и должны уже получать жалованье, ихъ по просту выгоняютъ и на ихъ мѣсто ставятъ немного обученнаго рабочаго, который за 20-30 коп. работаетъ цѣлый день, какъ ломовая лошадь! Жалованья Воейковъ прибавляетъ пятакъ или гривенникъ (каждые 2-3 года!), да и то не каждому, а лишь тѣмъ, кто подслуживается, доноситъ ему, что дѣлается въ мастерской, да таскаетъ въ подарокъ окорока копченные!.. Есть и среди нашего брата такіе!.. Старымъ же рабочимъ, которые заработали владѣлицѣ завода не одну тысячу рублей, Воейковъ такъ понижаетъ плату, ссылаясь на ихъ малоспособность, что имъ приходится совсѣмъ оставлять работу. А ему только и надо этого.

„Прибавка“ жалованья назначается обыкновенно въ первую получку послѣ 1 мая, чтобы рабочіе, въ надеждѣ на прибавку, вели себя 1 мая спокойно. Передъ первымъ мая Войейковъ и другіе мастера ведутъ себя смирно: какъ будто ихъ и нѣтъ на заводѣ!

За эти и другія заслуги и отличія Ремизова назначаетъ своему „сотруднику“ Войекову ежегодную награду въ 300 рублей, а другимъ мастерамъ по 2 коп. съ пуда издѣлій.

Бросимъ теперь взглядъ на остальныя условія работы.

Ворота открываютъ на заводѣ за 15-20 мин. до начала работы (6 час. утра): если прійдешь раньше, то приходится дрожать зимою на холоду, а осенью мокнуть подъ дождемъ; если опоздаешь, еще лучше: ожидать до перерыва и еще высчитаютъ за четверть дня; три раза въ день рабочіе подвергаются при выходѣ изъ завода унизительному обыску. Помѣщенія для работы отвратительны: нигдѣ нѣтъ вентиляціи, поэтому лѣтомъ открываютъ двери, а зимой выбиваютъ стекла, и сквозной вѣтеръ гуляетъ по всѣмъ мастерскимъ. Въ слесарной протекаетъ крыша. Въ инструментальной зимой такъ темно, что днемъ работаютъ при „коптилкахъ“, отчего долго работавшіе тамъ всѣ болѣютъ глазами. Токарная — не лучше: тѣсно, проходы между станками такія узкіе, что когда приходится тащить крупную вещь, то всю жизнь проклянешь, а вдобавокъ и машины не всѣ защищены! Подъ сверлильнымъ станкомъ цѣлая помойная яма, которая чистится въ годъ раза два или три, а именно въ именины мастера, да когда фабричный инспекторъ сообщитъ по телефону, что пріѣдетъ осматривать заводъ, такъ чтобы поубрались немного (да незабыли приготовить того, для чего карманы въ брюкахъ). Вездѣ пыль, грязь, кубъ отъ воды разъ въ годъ чистится! Въ литейныхъ дышать нечѣмъ во время литья отъ дыма, копоти и газовъ.

Заболѣетъ рабочій — есть у насъ „медицина“! Докторъ бываетъ: разъ въ недѣлю! Лѣчатъ на подобіе того, какъ ротные фельдшера по деревнямъ: отъ всѣхъ болѣзней почти одно и то же даютъ, да и то подешевле, а то пожалуйте въ частную аптеку на свои деньги покупать! А столовая! Сырой, грязный и темный подвалъ, безъ плиты для нагрѣванія пищи, впускаютъ только зимой, да и то однихъ котельщиковъ, потому что они работаютъ больше на дворѣ и мастерскія у нихъ совсѣмъ не отапливаются!

При такихъ условіяхъ уже много лѣтъ 200 рабочихъ добываютъ злато своимъ владѣльцамъ, тратятъ силы и губятъ здоровье. Но чувство протеста давно уже накопляется у каждаго на душѣ: рабочіе ждутъ лишь удобнаго момента, чтобы начать борьбу.

Харьковъ. На собраніи около 100 рабочихъ, созванномъ Комитетомъ Партіи, послѣ рѣчи присланнаго Ц. К. агитатора, принята была резолюція:

„Мы считаемъ наше самодержавное правительство врагомъ русскаго народа: оно выжимаетъ всѣ соки изъ населенія, оно систематически его разоряетъ и добываемыя изъ него деньги употребляетъ для того, чтобы ковать ему цѣпи и совершать дальнѣйшее разореніе. И теперь, когда самодержавное правительство, стремясь къ упроченію своего положенія и къ поддержанію своей власти, вовлекло измученную и разоренную имъ Россію въ ужасную, кровопролитную войну, каждый день которой ведетъ къ гибели новыхъ тысячъ русскихъ гражданъ и растратѣ новыхъ милліоновъ народныхъ денегъ, мы должны, наконецъ, остановить эту безумную политику зарвавшагося самодержавія. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія этой войны, но, вмѣстѣ съ этимъ, мы требуемъ также и уничтоженія виновника этой войны — самодержавія. И всѣ наши силы считаемъ теперь необходимымъ положить на то, чтобы могучимъ народнымъ движеніемъ отнять власть у самодержавнаго правительства и передать ее учредительному собранію, составленному изъ выборныхъ отъ всего народа.“

Лоевъ, Кіевской губ. Въ этомъ году нашимъ сознательнымъ рабочимъ удалось завязать связи съ Кіевомъ, и, съ помощью товарищей, сформировать организацію. Въ ея составъ первоначально вошло 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 раб. ремесленниковъ и 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ (собственно промышленнаго пролетаріата здѣсь нѣтъ), но вскорѣ число участниковъ возросло до 75 (55 рем. и 20 кресть.). Устроена касса борьбы, ведутся занятія въ кружкахъ (50 чел.) подъ руководствомъ почти исключительно рабочихъ. Занятія состоятъ главнымъ образомъ въ разъясненіи программы Р. С.-Д. Р. П., къ которой организація примкнула, и чтеніи брошюръ и „Искры“. Почти всѣ ремесленники уже сорганизованы, и главное вниманіе теперь обращено на сельскихъ батраковъ и молодежь изъ крестьянъ, которые въ сильной степени пролетаризированы, благодаря развитію въ нашемъ краѣ крупнокапиталистическаго сельскаго хозяйства. Среди нихъ устраиваются массовки — до 200 челов., на которыхъ трактуются вопросы общеполитическаго характера (о войнѣ, положеніи крестьянства, а также о соціализмѣ), и собранія крестьянъ-членовъ организаціи, гдѣ разбираются также темы болѣе спеціальнаго характера — о бундѣ, соц.-рев., „большинствѣ“ и „меньшинствѣ“ и т. п.

Съ удовольствіемъ констатируемъ фактъ, что среди организованныхъ крестьянъ многіе отлично разбираются въ отношеніи соц.-демократіи къ крестьянству. Благодаря имъ, главнымъ образомъ, у насъ имѣются обширныя связи въ окрестныхъ селахъ, которые мы, однако, не можемъ еще вполнѣ использовать. Тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что работа и тутъ пойдетъ хорошо. Въ сосѣднихъ мѣстечкахъ — Брагинѣ (? написано неразборчиво) и Радулѣ удалось уже устроить организацію по типу Лоевской,

Симферополь. Здѣсь бастовали портные, работающіе на магазинъ Зусмана (въ количествѣ 23 чел.). Хозяинъ готовъ былъ согласиться на выставленное рабочими требованіе объ увеличеніи платы, но поставилъ условіемъ увольненіе двухъ стачечниковъ, и соглашеніе не состоялось. Только по истеченіи пяти недѣль съ начала стачки хозяинъ, наконецъ, уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Рабочіе во время стачки были поддержаны кассой мѣстной организаціи Крымск. Союза. Одновременно прошла успѣшно стачка въ одной сапожной мастерской.

Кемскій уѣздъ. Арханг. губ. Капитализмъ пускаетъ здѣсь только первые ростки; самая беззастѣнчивая примитивная эксплуатація выступаетъ осложненная старыми пережитками и сводится въ 9/10 случаяхъ къ простому обирательству. Вотъ факты. Нашъ уѣздный городъ — резиденція двухъ „чинныхъ“, и „благообразныхъ“ купцовъ Антонова и Дятлева. Вокругъ одного сотни народа перебиваются ловлей трески на Мурманѣ, вокругъ другого — рубкой и сплавомъ лѣса на лѣсопильный заводъ. Объ эксплуатаціи на тресковомъ промыслѣ такъ разсказывалъ одинъ мурманецъ: „Отъ Антонова на Мурманѣ треску ловимъ. Увозятъ насъ зимой еще, — въ этомъ году на первой недѣлѣ поста выѣхали. Перевозятъ хуже, чѣмъ собакъ: привычное дѣло — и то не чаешь доѣхать. Работаемъ круглый божій день до осени, работа — страсть тяжелая. Рядимся разно, а больше такъ: 60 руб., рубашка теплая да шесть пудовъ рыбы. Иные получаютъ 50 руб., а есть и такіе, что 75 руб.; рыбы кто выговариваетъ три пуда, а кто и всѣ 10 пудовъ; ну, а рубашку каждый. Деньги получаемъ только на паспортъ да на подати — какихъ-нибудь 3-4 руб., а остальные забираемъ товаромъ. Торговля у него большая, — приходишь и получай, что требуется, — понятно, съ надбавкой противъ вольной цѣны: сахаръ, къ примѣру, по 25 к. фунтъ и все прочее также. Насчетъ рыбы тоже прижимка бываетъ: въ прошломъ году вотъ какъ рыбой обидѣли, кто рядился по 6-7 пудовъ, получили по 2-3 п., уловъ, говоритъ, плохой, больше дать никакъ невозможно. Требовать нельзя — потому контрактовъ никакихъ нѣтъ, — все на слово. Насчетъ этихъ контрактовъ много мы про межъ себя говорили, ругаемъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ. Глупы мы больно, вотъ какъ глупы! Да и то сказать: куда вѣдь дѣнешься: некуда податься! Теперь вотъ я все ужъ забралъ, а зиму — то жить надо или нѣтъ? Ну, и идешь къ нему. Всю зиму у него забираешь, — значитъ на тотъ годъ опять долженъ у него работать... Главная причина: контрактовъ нѣтъ. Что хотятъ съ нами, то и дѣлаютъ; прямо сказать — повинуемся и служимъ имъ, какъ богу и царю. А податься некуда. До ухода теперь промышляешь отъ себя разной рыбешкой, да съ этого сытъ не будешь, — надо и муки, и одеженку справить... Такое житье наше Кемское, что хуже его и нѣтъ! И что съ нами будетъ — не знаемъ!“ И долго качалъ головой и разводилъ руками изможденный, оборванный и заплатанный мурманецъ... Контракты! Въ этомъ году впервые заведены были разсчетныя книжки, но и съ книжками дѣло пошло чуть ли не хуже, чѣмъ безъ нихъ. Дѣло, конечно, не въ отсутствіи „контрактовъ“, а въ полной почти безотвѣтности эксплуатируемыхъ кореловъ.

Кромѣ Антонова есть здѣсь нѣсколько хозяевъ помельче; условія труда и найма диктуются Антоновымъ.

Западная Корелія находится въ рукахъ Дятлева. Заводъ (лѣсопильный) даетъ Дятлеву заказъ на извѣстное количество бревенъ и затѣмъ только „выкатываетъ“ пригнанныя деревья, все остальное дѣлаетъ капиталъ Дятлева руками кабальныхъ холоповъ. По существу здѣсь такая же система закабаленія, какъ и у Антонова. У Дятлева куча родственниковъ — и они, дѣйствуя якобы самостоятельно, ухитряются (при помощи замысловатой системы лавокъ, разбросанныхъ по всей Кореліи и путемъ поставки провіанта на мѣста рубки лѣса) высасывать изъ кореловъ нѣкоторый плюсъ къ тому, что высасываетъ Дятлевъ собственнымъ ртомъ. Махинація сложная. Здѣшнее бездорожье (только зимой на оленяхъ проѣдешь въ городъ) благопріятствуетъ эксплуататорамъ. Если въ этомъ году распутица простоитъ долго, то Корелія, пожалуй, вымретъ: дожди залили и хлѣбъ, и сѣно. Даже въ урожайные годы кореламъ не хватало своего хлѣба до саннаго пути. Благодаря этому ихъ страшно объегориваютъ на мукѣ. Въ прошломъ году, напр., у Антонова часть муки была здорово подмочена; покупали ее по той же цѣнѣ, какъ и сухую, даже въ ноги кланялись за это благодѣяніе. Ко-

„равномѣрнаго распредѣленія обязанностей требуетъ сама справедливость". Къ сожалѣнію, мы должны нарушить трогательное согласіе и снова огорчить либераловъ. Для соціальдемократіи, какъ для единственной выразительницы и представительницы истинныхъ интересовъ народа, даже въ широкомъ смыслѣ слова, новый зигзагъ либеральной мысли является только новымъ доказательствомъ той недодуманности и убогой половинчатости русскаго либерализма, которая обрекаетъ его въ качествѣ самостоятельной политической силы, на полнѣйшее безплодіе и даже больше — на измѣну народу. Въ самомъ дѣлѣ. Недостаточно требовать, чтобы расходы на призрѣніе семействъ запасныхъ были приняты на счетъ государства. Надо же подумать и о томъ, откуда промотавшееся царское правительство возьметъ средства на эти расходы. Либералы стыдливо замалчиваютъ этотъ щекотливый вопросъ. Но „Москов. Вѣдомости." не обязанныя соблюдать приличіе, грубо раскрываютъ карты и заявляютъ, что правительство, конечно, имѣетъ возможность достигнуть равномѣрнаго распредѣленія военныхъ тягостей „путемъ установленія спеціальнаго налога". Вотъ конечный логическій выводъ либеральной политики! Пусть мужицкая мошна расплачивается за военно-коммерческія предпріятія Николая Романова, Безобразова и другихъ членовъ небольшой, но теплой придворной компаніи! Но посмотрите-же, господа, что дѣлается кругомъ, прочтите ваши же подцензурныя газеты! Въ той же Нижегородской губ., которая ходатайствуетъ о передачѣ призрѣнія семействъ запасныхъ солдатъ государству, въ Арзамасскомъ уѣздѣ, мужицкая мошна до того опустѣла, что не выполняетъ самыхъ прямыхъ, обычныхъ своихъ „обязанностей". Предсѣдатель арзамасской земской управы телеграммой увѣдомилъ губернатора, что земская управа, не пользуясь никакими поступленіями земскихъ сборовъ и не предвидя ихъ въ будущемъ, „окончательно потеряла свою платежную способность и вынуждена совсѣмъ закрыть земскую кассу". Въ другихъ мѣстахъ дѣло обстоитъ еще хуже. Не только мошна, но и ея обладатель отказываются „служить государству и обществу". Въ Тихвинскомъ уѣздѣ хлѣбъ, приготовленный изъ зерна нынѣшняго урожая, „разваливается словно песчанный и обладаетъ ядовитыми свойствами. Тѣ, кто поѣлъ его, чувствуетъ головокруженіе, у нихъ начинается рвота, а потомъ руки и ноги дрожатъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно послѣ похмѣлья". Въ Орловской губерніи „многіе сельскіе врачи были напуганы появленіемъ какой-то загадочной болѣзни, выражающейся разстройствомъ желудка и страшной головной болью... Пошли были толки о холеринѣ и холерѣ. Скоро, однако, дѣло разъяснилось: оказалось, что странная болѣзнь вызывается употребленіемъ хлѣба урожая нынѣшняго года"... Заболѣванія довольно часты и вызываютъ тошноту, головокруженіе, поносъ, судороги и охлажденіе конечностей. Нужно ли послѣ этого еще доказывать, что единственными требованіями, которыя отвѣчаютъ дѣйствительнымъ интересамъ многострадальнаго русскаго народа, являются требованія, съ самаго начала военныхъ дѣйствій выставляемыя революціонною соціальдемократіею: долой войну, долой позорное правительство, которое способно вызывать такія войны! Чаша народнаго горя переполнилась, и жалкимъ уловкамъ либерализма не удастся предотвратить неизбѣжное. Впрочемъ, даже либеральные межеумки начинаютъ, повидимому, понимать серьезность положенія. Факты больно бьютъ въ головы, и, не говоря о г. Струве, уже додумавшемся до „государственной возможности немедленнаго прекращенія войны", даже г. Ив. Петрункевичъ въ „Правѣ" дѣлаетъ какія то неопредѣленныя тѣлодвиженія, очевидно, приготовляясь къ перемѣнѣ позиціи. Онъ еще не требуетъ прекращенія войны. Наоборотъ, онъ думаетъ, что „мы не можемъ теперь предложить Японіи миръ и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условія, пріемлемыя нами и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ Россіи". Но онъ уже дошелъ до сознанія, что „мы должны теперь же, не колеблясь, признать во имя человѣчности, во имя дѣйствительныхъ интересовъ Россіи, что ради прекращенія ужаснаго кровопролитія на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ гибнутъ сотни тысячъ людей, не слѣдуетъ останавливаться передъ пожертвованіемъ всѣми интересами колоніальной политики". Въ добрый путь, гг. либералы! Быть можетъ, японскія пушки помогутъ вамъ, наконецъ, добраться до той точки зрѣнія, которую мы отстаивали, исходя изъ принципіальныхъ основаній, за которую вы насъ предавали анаѳемѣ, и которая, какъ и всегда, оказалась наиболѣе правильною въ смыслѣ практической политики. Миръ, сверженіе самодержавія, созывъ учредительнаго собранія — вотъ первые и неизбѣжные этапы на пути обновленія и возрожденія Россіи.

* *

Въ прошломъ номерѣ „Искры" товарищъ Л. М. отмѣтилъ то чувство своеобразной угнетенности, которое невольно охватываетъ въ настоящій моментъ революціонные круги. „Предъ громадностью стихійно развертывающихся событій исторической важности, колоссально революціонизирующихъ жизнь населенія и его сознаніе, — какими ничтожными — говоритъ онъ, — представляются наши собственныя средства воздѣйствія, наши привычные методы участія въ общественной жизни!" Это чувство вполнѣ естественно для партіи, которая, какъ нынѣ русская соціальдемократія, переходитъ отъ революціоннаго просвѣтительства къ широкому политическому дѣйствію, которая начинаетъ оперировать могучими массами рабочихъ батальоновъ; но — субъективно это грустное чувство. Громадность задачи вызываетъ даже нѣкоторую растерянность въ слабыхъ умахъ. Поэтому, не будетъ лишнимъ остановиться на кое-какихъ „объективныхъ" доказательствахъ того, что наша упорная работа уже теперь приноситъ результаты, съ которыми должны поневолѣ считаться не только правительство, но и другія политическія партіи. Въ 39 номерѣ „Права" либералъ идеалистъ, профессоръ и князь Евгеній Трубецкой горько жаловался, что „крайнія партіи захватили въ свои руки монополію организаціи. Благодаря нашимъ законамъ о печати и дѣятельности нашей цензуры, имъ же принадлежитъ въ настоящее время монополія свободнаго слова... Нелегальные листки у насъ наводняютъ улицы, и вліяніе ихъ, ничѣмъ не будучи сдержано, растетъ не по днямъ, а по часамъ". И почтенный наставникъ русскаго юношества уже теперь кричитъ отъ ужаса, представляя, какъ нѣкогда „миноносцы" соціализма взорвутъ „Портъ Артуръ" собственности, семьи и государства. Спасительный страхъ князя Трубецкого доставилъ намъ большое удовлетвореніе, но еще съ большимъ удовольствіемъ прочли мы статью „Москов. Вѣдом." о „японской войнѣ и русскомъ народѣ" [illegible]. Эта статья — не только оффиціальное признаніе успѣха нашей агитаціи противъ войны, но и открытая измѣна принципамъ россійскаго самодержавія, всегда, какъ извѣстно, опиравшагося на темноту и безсознательность народа. „Просвѣщеніе уничтожаетъ предразсудки, — берегитесь просвѣщенія" — проповѣдывалъ въ своемъ „Московскомъ сборникѣ" Побѣдоносцевъ, самый крупный мыслитель и теоретикъ самодержавія. И вдругъ „Моск. Вѣд." категорически утверждаютъ, что „нельзя не признать крайне ненормальнымъ и недопустимымъ непониманіе самой сущности" современныхъ историческихъ событій въ массахъ русскаго народа. Болѣе того, правительственная газета утверждаетъ, что русскій народъ „выстрадалъ себѣ право" быть „не пассивной массой, а сознательнымъ участникомъ въ историческихъ судьбахъ отечества". Эти здравыя мысли внушены газетѣ, во-первыхъ, полнымъ неодобреніемъ народомъ авантюры царскаго правительства, во-вторыхъ, тѣмъ, что „крайнія фракціи нашей такъ называемой интеллигенціи... стараются оказать на массы народа вреднѣйшее вліяніе именно на почвѣ войны". Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить въ связь эти два факта: непопулярность войны и нашу энергичную агитацію. Но мы сейчасъ же должны подчеркнуть необходимость ея дальнѣйшаго расширенія и углубленія, такъ какъ „Моск. Вѣд." перехватываютъ наши методы дѣйствія и требуютъ, ни болѣе ни менѣе, какъ, чтобы правительство организовало... агитацію въ пользу войны и, заднимъ числомъ, добилось сочувствія народа. Газета настаиваетъ даже на централистической постановкѣ агитаціи. Въ качествѣ возможныхъ агитаторовъ, она указываетъ приходское духовенство и сельскихъ учителей. Но, такъ какъ „они сами не всегда имѣютъ достаточный матеріалъ фактическихъ знаній по этому предмету, то церковное управленіе и министерство народнаго просвѣщеніе легко могутъ восполнить такой недостатокъ разсылкой подходящихъ книгъ или даже составленіемъ новыхъ изданій примѣнительно къ потребностямъ времени". Эти немногія строки знаменуютъ очень большой политическій фактъ. Обращеніе самодержавія къ агитаціи, къ „сознательности" населенія, къ его сочувствію неопровержимо показываетъ, что, подъ вліяніемъ революціонной работы въ массахъ, самодержавіе перестало быть полновластнымъ хозяиномъ Россіи и потеряло возможность отдѣлываться отъ своихъ противниковъ грознымъ окрикомъ: не разсуждать! Изъ господина положенія оно превратилось въ одну изъ спорящихъ сторонъ, въ одно изъ борющихся общественныхъ направленій. На чьей сторонѣ останется побѣда въ этой борьбѣ — не можетъ быть никакихъ сомнѣній. „Моск. Вѣд." ошибаются, приписывая агитацію противъ войны радикальной „интеллигенціи". Главныя силы революціонной арміи вербуются изъ рядовъ рабочаго класса, и никакая агитація поповъ и чиновниковъ не сможетъ отвлечь пролетаріатъ отъ славнаго краснаго знамени, подъ которымъ онъ мужественно и сознательно сражается за свое политическое и экономическое освобожденіе.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На дняхъ въ одномъ районѣ города было устроено организаціей этого района агитаціонное собраніе. Присутствовало 59 человѣкъ. На немъ 3 агитатора произнесли рѣчи на тему: 1) Война, „новый курсъ" и задачи с.-д. рабоч. партіи, 2) Изъ исторіи борьбы съ самодержавіемъ, 3) Объ Амстердамскомъ конгрессѣ. Несмотря на петербургскую осеннюю погоду и дальность разстоянія, настроеніе рабочихъ было бодрое. Въ отвѣтъ на привѣтственную резолюцію конгресса, рабочіе единогласно приняли отвѣтную резолюцію, которую я и привожу.

„Выслушавши докладъ объ Амстердамскомъ конгрессѣ, собраніе петербургскихъ рабочихъ выражаетъ свою солидарность съ стремленіями международнаго пролетаріата и надѣется, что недалекъ тотъ день, когда русскіе рабочіе, сбросивъ съ себя иго царскаго деспотизма, вступятъ свободными членами въ братскую семью международнаго пролетаріата". Работающій.

Воронежъ. Недавно на заводахъ Гаусмана и Бухонова были распространены листки Вор. Комитета. Впечатлѣніе на рабочихъ произвели очень хорошее: нравилось, что пропечатали въ листкахъ хорошо знакомыя имена эксплуататоровъ и ненавистнаго доносчика—рабочаго Купріянова и подробно касались ихъ экономическо-правового положенія. Слышались отдѣльные голоса, находившіе, что насчетъ самодержавія говорить не слѣдовало, что это „ужъ слишкомъ далеко хватили" соціалдемократы, но болѣе сознательные товарищи разъяснили имъ, что въ самодержавіи „самый корень зла" и что такъ именно и слѣдовало писать, не умалчивая правды. Настроеніе у всѣхъ приподнятое. Черезъ нѣкоторое время были разбросаны въ громадномъ количествѣ листки Ц. К. — „Новая Мобилизація", изданные и дополненные Вор. Комитетомъ; они читались всѣмъ населеніемъ рабочихъ кварталовъ. Съ того дня каждый вечеръ на улицахъ тамъ и сямъ находятъ листки: это рабочіе, которымъ удается подобрать ихъ на улицахъ, вновь по собственной иниціативѣ разбрасываютъ ихъ по прочтеніи.

Харьковъ. Механическій заводъ Бельке. Работаетъ у насъ человѣкъ 150-200, причемъ къ зимѣ разсчитываютъ, а на лѣто принимаютъ отъ 20 до 40 чел. Рабочій день — 10½ часовъ, зимою же работу сокращаютъ на два часа, а платятъ только за [illegible] дня, то есть почти за 8 часовъ, слѣдовательно владѣлица завода Ремизова крадетъ ежедневно у каждаго рабочаго больше получаса его кровнаго труда, а у всѣхъ 150 рабочихъ въ каждую получку за 12 дней — 900 рабочихъ часовъ! Такъ происходитъ „накопленіе" капитала!

Мастера живутъ, обсчитываютъ и обкрадываютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Особенно выдѣляется среди нихъ мастеръ Воейковъ: рабочихъ разсчитываетъ за малѣйшіе пустяки: скажетъ слово напротивъ, испортитъ работу, станокъ старый сломится — ступай за ворота! А то пошлетъ „погулять" на недѣлю-другую: какое тутъ „гулянье", когда ѣсть нечего, откажешься „гулять" — получай разсчетъ! Крики и ругань Воейкова цѣлый день стономъ стоятъ въ мастерской. Съ учениками совсѣмъ уже не церемонится: зачастую бьетъ ихъ, заставляетъ таскать непосильныя тяжести. Когда же ученики оканчиваютъ свое „ученье" и должны уже получать жалованье, ихъ по просту выгоняютъ и на ихъ мѣсто ставятъ немного обученнаго рабочаго, который за 20-30 коп. работаетъ цѣлый день, какъ дешевая лошадь! Жалованія Воейковъ прибавляетъ [illegible] каждые 2-3 года, да и то не каждому, а лишь тѣмъ, кто подслуживается, доноситъ ему, что дѣлается въ мастерской, [illegible] Есть и среди нашего брата такіе! Старымъ же рабочимъ, которые заработали владѣлицѣ завода не одну тысячу рублей, Воейковъ такъ понижаетъ плату, ссылаясь на ихъ малоспособность, что имъ приходится совсѣмъ оставлять работу. А ему только и надо этого.

„Правленіе" [illegible] обьявленіе [illegible] получку послѣ 1 мая [illegible] на прибавку, вели себя 1 мая спокойно. Передъ [illegible] Воейковъ и другіе мастера [illegible]"

За эти и другія заслуги [illegible] Ремизова [illegible] ему [illegible] Воейкову ежегодную награду въ 300 рублей, а другимъ мастерамъ [illegible]

[illegible] теперь [illegible] остальныя условія работы.

[illegible] 15-20 мин. [illegible] работы [illegible] рѣшетки [illegible] зимою на холоду, а осенью мокнуть подъ дождемъ; если опоздаешь, еще лучше: ожидать до перерыва и еще вычитаютъ за четверть дня; три раза въ день рабочіе [illegible] при выходѣ изъ завода унизительному обыску. Помѣщенія для работы отвратительныя: [illegible] вентиляціи [illegible] двери, а зимой [illegible] стекла [illegible] по всѣмъ мастерскимъ. Въ слесарной [illegible] Въ инструментальной зимой такъ темно, что днемъ работаютъ при „коптилкахъ", [illegible] глазами. Токарная [illegible] проходы между [illegible] нами такіе узкіе, что [illegible] приходится [illegible] всю жизнь [illegible] и машины [illegible] нищены! Подъ сверлильнымъ станкомъ цѣлая помойная яма, которая чистится [illegible] раза два или три [illegible] мастера, да когда фабричный инспекторъ [illegible] по телефону, что пріѣдетъ осматривать заводъ, такъ чтобы [illegible] немного [illegible] приготовить [illegible] брюкахъ). Вездѣ пыль, грязь, куба отъ воды [illegible] чистится! Въ литейныхъ дышать нечѣмъ во время [illegible] дыма, копоти и газовъ.

Заболѣетъ рабочій — есть у насъ „медицина"! Докторъ бываетъ: разъ въ недѣлю! Лѣчатъ на подобіе того, какъ ротные фельдшера по деревнямъ: отъ всѣхъ болѣзней почти одно и то же даютъ, да и то подешевле, а то пожалуйте въ частную аптеку на свои деньги покупать! А столовая! Сырой, грязный и темный подвалъ, безъ плиты для нагрѣванія пищи, впускаютъ только зимой, да и то однихъ котельщиковъ, потому что они работаютъ больше на дворѣ и мастерскія у нихъ совсѣмъ не отапливаются!

При такихъ условіяхъ уже много лѣтъ 200 рабочихъ добываютъ злато своимъ владѣльцамъ, тратятъ силы и губятъ здоровье. Но чувство протеста давно уже накопляется у каждаго на душѣ: рабочіе ждутъ лишь удобнаго момента, чтобы начать борьбу.

Харьковъ. На собраніи около 100 рабочихъ, созванномъ Комитетомъ Партіи, послѣ рѣчи присланнаго Ц. К. агитатора, принята была резолюція:

„Мы считаемъ наше самодержавное правительство врагомъ русскаго народа: оно выжимаетъ всѣ соки изъ населенія, оно систематически его разоряетъ и добываемыя изъ него деньги употребляетъ для того, чтобы ковать ему цѣпи и совершать дальнѣйшее разореніе. И теперь, когда самодержавное правительство, стремясь къ упроченію своего положенія и къ поддержанію своей власти, вовлекло измученную и разоренную имъ Россію въ ужасную, кровопролитную войну, каждый день которой ведетъ къ гибели новыхъ тысячъ русскихъ гражданъ и растратѣ новыхъ милліоновъ народныхъ денегъ, мы должны, наконецъ, остановить эту безумную политику зарвавшагося самодержавія. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія этой войны, но, вмѣстѣ съ этимъ, мы требуемъ также и уничтоженія виновника этой войны — самодержавія. И всѣ наши силы считаемъ теперь необходимымъ положить на то, чтобы могучимъ народнымъ движеніемъ отнять власть у самодержавнаго правительства и передать ее учредительному собранію, составленному изъ выборныхъ отъ всего народа."

Лоевъ, Кіевской губ. Въ этомъ году нашимъ сознательнымъ рабочимъ удалось завязать связи съ Кіевомъ, и, съ помощью товарищей, сформировать организацію. Въ ея составъ первоначально вошло 25 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 раб. ремесленниковъ и 5 сельскохозяйственныхъ рабочихъ (собственно промышленнаго пролетаріата здѣсь нѣтъ), но вскорѣ число участниковъ возросло до 75 (55 рем. и 20 крестьл.). Устроена касса борьбы, ведутся занятія въ кружкахъ (50 чел.) подъ руководствомъ почти исключительно рабочихъ. Занятія состоятъ главнымъ образомъ въ разъясненіи программы Р. С.-Д. Р. П., къ которой организація примкнула, и чтеніи брошюръ и „Искры". Почти всѣ ремесленники уже сорганизованы, и главное вниманіе теперь обращено на сельскихъ батраковъ и молодежь изъ крестьнъ, которые въ сильной степени пролетаризированы, благодаря развитію въ нашемъ краѣ крупнокапиталистическаго сельскаго хозяйства. Среди нихъ устраиваются массовки — до 200 челов., на которыхъ трактуются вопросы общеполитическаго характера (о войнѣ, положеніи крестьянства, а также о соціализмѣ), и собранія крестьянъ-членовъ организаціи, гдѣ разбираются также темы болѣе спеціальнаго характера — о бундѣ, соц. рев., „большинствѣ" и „меньшинствѣ" и т. п.

Съ удовольствіемъ констатируемъ фактъ, что среди организованныхъ крестьянъ многіе отлично разбираются въ отношеніи соц.-демократіи къ крестьянству. Благодаря имъ, главнымъ образомъ, у насъ имѣются обширныя связи въ окрестныхъ селахъ, которые мы, однако, не можемъ еще вполнѣ использовать. Тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что работа и тутъ пойдетъ хорошо. Въ сосѣднихъ мѣстечкахъ — Брагинѣ (? написано неразборчиво) и Радулѣ удалось уже устроить организацію по типу Лоевской.

Симферополь. Здѣсь бастовали портные, работающіе на магазинъ Зусмана (въ количествѣ 23 чел.). Хозяинъ готовъ былъ согласиться на выставленное рабочими требованіе объ увеличеніи платы, но поставилъ условіемъ увольненіе двухъ стачечниковъ, и соглашеніе не состоялось. Только по истеченіи пяти недѣль съ начала стачки хозяинъ, наконецъ, уступилъ по всѣмъ пунктамъ. Рабочіе во время стачки были поддержаны кассой мѣстной организаціи Крымск. Союза. Одновременно прошла успѣшно стачка въ одной сапожной мастерской.

Кемскій уѣздъ. Арханг. губ. Капитализмъ пускаетъ здѣсь только первые ростки, самая беззастѣнчивая примитивная эксплуатація выступаетъ осложненная старыми пережитками и сводится въ 9/10 случаяхъ къ простому обирательству. Вотъ факты. Нашъ уѣздный городъ [illegible] двухъ „почтенныхъ" и „благообразныхъ" купцовъ Антонова и Дятлева. Вокругъ одного сотни народа перебиваются ловлей трески на Мурманѣ, вокругъ другого — рубкой и сплавомъ лѣса на лѣсопильный заводъ. Объ эксплуатаціи на тресковомъ промыслѣ такъ разсказывалъ одинъ мурманецъ: „Отъ Антонова на Мурманѣ треску ловимъ. Уходимъ [illegible] на первой недѣлѣ поста выѣхали. [illegible] хуже, чѣмъ собаки: привычное дѣло — [illegible] лѣхать. Работаемъ круглый божій день до [illegible], работа страсть тяжелая. Рядимся рано, а больше [illegible] 60 руб., рубашка теплая да шесть пудовъ рыбы. Иные получаютъ 50 руб., а есть и такіе, что 75 руб., рыбы кто выговариваетъ три пуда, а кто и всѣ 10 пудовъ, ну, а рубашку каждый. Деньги получаемъ только на паспортъ да на подати [illegible] 3-4 руб., а остальные забираемъ товаромъ. [illegible] у него [illegible] приходишь и получай, что требуется, — понятно, съ набавкой противъ вольной цѣны: сахаръ, къ примѣру, [illegible] фунтъ и все прочее также. Насчетъ [illegible] въ прошломъ году вотъ какъ [illegible] по 6-7 пудовъ, получили по 2-3 п., [illegible] никакъ невозможно. Требовали [illegible] контрактовъ никакихъ нѣтъ, — все на [illegible] этихъ контрактовъ много мы про межъ себя [illegible] Глупы мы больно, [illegible] дѣнешься: негдѣ [illegible] все уже забрать, а зиму — то [illegible] Ну и пошли къ нему. Всю зиму у него [illegible] долженъ у него работать [illegible] Что хотятъ съ [illegible] и служимъ [illegible] Do ухода теперь [illegible] рыбы [illegible] этого сытъ не [illegible] справить [illegible] Такое житье [illegible] И что съ нами будетъ [illegible] и разводилъ руками [illegible] мурманецъ... Контракты [illegible] году впервые заведены были разсчетныя [illegible] дѣло пошло чуть ли не хуже, чѣмъ [illegible] не въ отсутствіи „контрактовъ", а [illegible] эксплуатируемыхъ кореловъ.

Кромѣ Антонова есть здѣсь нѣсколько хозяевъ помельче; условія труда и найма диктуются Антоновымъ.

Западная Корелія находится въ рукахъ Дятлева. Заводъ [illegible] Дятлеву [illegible] количество брёвенъ, а тѣмъ только „выкатываетъ" пригнанныя деревья, [illegible] дѣлаетъ капиталъ Дятлева руками кабальныхъ хозяевъ. [illegible] такая же система закабаленія, какъ и у Антонова. У Дятлева куча [illegible] — и они, дѣйствуя [illegible] самостоятельно, ухитряются при помощи замысловатой системы [illegible] разбросанныхъ по всей Кореліи и путемъ посылки провіанта на мѣста [illegible] высасывать изъ кореловъ нѣкоторый плюсъ къ тому, что высасываетъ Дятлевъ собственнымъ ртомъ. Махинація [illegible] Здѣшнее бездорожье только зимой на оленяхъ [illegible] въ городъ, благопріятствуетъ эксплуататорамъ. Если въ этомъ году распутица простоитъ долго, то Корелія, пожалуй, вымретъ: дожди залили и хлѣбъ, и сѣно. Даже въ урожайные годы кореламъ не хватало своего хлѣба до санняго пути. Благодаря этому ихъ страшно объегориваютъ на мукѣ. Въ прошломъ году, напр., у Антонова часть муки была здорово подмочена; покупали ее по той же цѣнѣ, какъ и сухую, даже въ ноги кланялись за это благодѣяніе. Корелія изобилуетъ рыбой, но населеніе питается только гнилой рыбой, подержанной въ землѣ. Неудивительно, что брюшной тифъ собираетъ здѣсь обильную жатву; въ Юшкаэерѣ лѣтомъ ежедневно умирали десятками. „Медицинская помощь“ ограничивается пріѣздомъ разъ въ годъ фельдшера: прививаетъ оспу и оставляетъ бутылку дегтя — отъ всѣхъ болѣзней. Когда пріѣхали „политики“, къ нимъ начали обращаться за помощью отъ всѣхъ болѣзней, начиная съ чесотки и кончая болѣзнями почекъ. Обираемая и вымирающая, голодная и забитая скудно прозябаетъ корельская деревушка, и невольно рождается вопросъ: хватитъ ли у измученнаго въ конецъ корела силы, чтобы подняться на борьбу со своими угнетателями? Хватитъ ли?

Я думаю хватитъ. Уже кое гдѣ по Кореліи бродитъ нелегальная книжка и будитъ заснувшую мысль. Намъ извѣстенъ случай, когда на одномъ лѣсопильномъ заводѣ уѣзда одинъ изъ рабочихъ взялъ изъ заводской библіотеки книжку, вшилъ въ нее нелегальную брошюру, да съ этой брошюрой и возвратилъ. Библіотекарь не замѣтилъ, а какое то „лицо“ замѣтило. Вышелъ скандалъ, который еле-еле удалось замять.

Съ Урала. Лысвеньскій желѣзодѣлательный заводъ наслѣдниковъ графа Шувалова, несмотря на довольно близкое разстояніе отъ Перми (около 120 верстъ), оставался въ сторонѣ отъ движенія, охватившаго за послѣднее время многіе уральскіе заводы. Сравнительно высокая заработная плата, преобладаніе среди рабочихъ мѣстныхъ жителей, надѣленныхъ землею, отсутствіе энергичныхъ людей и трудность систематической работы въ небольшомъ центрѣ (на заводѣ около 3000 рабочихъ) — вотъ причины, замедлявшія движеніе. Но за послѣдніе годы, вмѣстѣ съ расширеніемъ производства, число пришлыхъ рабочихъ все увеличивалось, появились рабочіе съ юга, заронившіе и сюда сѣмена „крамолы“. На заводѣ стала циркулировать нелегальная литература, зачитываемая до дыръ, образовались соціальдемократическіе кружки. Сильно повліяло на ходъ движенія и возникшее въ январѣ 1904 г. дѣло заводского священника Добротворскаго, поддѣлавшаго векселей на 45 тысячъ рублей, якобы истраченныхъ имъ на украшеніе церкви. Высшее начальство завода хотѣло замять этотъ казусъ и ему удалось путемъ давленія добиться на сходѣ согласія рабочахъ продолжать платить извѣстный процентъ съ заработаннаго рубля (мѣстные рабочіе 3%, пришлые — 1%) впредь до покрытія всей растраты. Возмутившись этимъ, одинъ изъ служащихъ, Перевозчиковъ, заявилъ обо всемъ прокурору, за что и былъ немедленно уволенъ со службы; попа перевели въ Соликамскій уѣздъ, а дѣлу былъ данъ законный ходъ, къ великому неудовольствію начальства.

Эта гнусная исторія сильно всколыхнула массу и спросъ на нелегальную литературу поднялся. За недостаткомъ ея, пошли въ ходъ и легальныя народныя изданія различныхъ фирмъ, и нерѣдко можно было видѣть рабочихъ, собравшихся кучкой около печей и читавшихъ вслухъ какое-либо изъ этихъ изданій или „Русскія Вѣдомости“. Но одинъ изъ рабочихъ, именно Андрей Ивановичъ Худенькихъ, изъ сортировочнаго цеха, оказался провокаторомъ. Имъ былъ написанъ доносъ въ Пермь, и въ концѣ іюля этого года нагрянули жандармы вкупѣ съ прокуроромъ. Произведены были обыски у рабочихъ Горбунова, Орѣхова, Кашина, служащихъ Трапезникова, Домнина и друг., но при всемъ стараніи ничего, кромѣ одной книжки „Жизни“, найти не удалось. Съ такимъ же успѣхомъ жандармерія пріѣзжала и во второй разъ въ августѣ. Рабочій Горбуновъ (поднадзорный, привлекавшійся раньше по дѣлу Нижегородскаго Комитета) арестованъ и увезенъ въ Пермь. Жандармамъ страшно хочется создать дѣло и потому они безцеремонно таскаютъ всѣхъ на допросы; призывали въ качествѣ свидѣтеля и смотрителя завода Шпынова. Рабочій Викт. Кашинъ велъ себя на допросахъ очень скверно, — выдавалъ и наговаривалъ на другихъ. На массу все это произвело сильное впечатлѣніе и надо надѣяться, что движеніе не заглохнетъ и распространится вширь и вглубь.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ одного товарища-рабочаго нами получено слѣдующее обращеніе.

ТОВАРИЩАМЪ-РАБОЧИМЪ.

Товарищи!

„*Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ!..*“

Колеблется самодержавіе!

Трудная година близится къ концу, все ближе и ближе рѣшительная минута, и наша Партія должна теперь занять свой — столько же почетный, сколько и отвѣтственный, постъ — въ авангардѣ пробуждающихся народныхъ массъ.

Въ такую минуту передъ Партіей одна за другой встаютъ самыя неотложныя и самыя насущнѣйшія задачи. И одна изъ этихъ задачъ — это вопросъ *о средствахъ*... Дѣйствительно, передъ этимъ вопросомъ опускаются самыя сильныя руки, задумываются самыя свѣтлыя головы...

Теперь, когда Партія должна мобилизовать всѣ свои наличныя силы, когда результатъ всей работы зависитъ отъ правильнаго и непрерывнаго функціонированія *всѣхъ* ея частей, — приходится вдругъ безпомощно останавливаться въ самомъ разгарѣ работы.., Денегъ нѣтъ!..

Въ періодъ *собиранія* нашей Партіи ея преимущественно интеллигентскій, — а потому сравнительно очень ограниченный — составъ, до нѣкоторой степени обезпечивалъ ей кое какія средства къ существованію.

Но вотъ, съ вступленіемъ партійной жизни и дѣятельности въ другой — слѣдующій фазисъ, — въ новую *эпоху широкой политической работы*, — передъ ней открылось новое, необозримо-широкое поле дѣятельности, завиднѣлись безконечные горизонты... Зашевелились, хотя еще и смутно, въ полуснѣ, — широкія массы народа, вплоть до самыхъ „низовъ“ — и кадры революціоной соціальдемократіи начали пополняться съ возрастающей быстротой, — а вмѣстѣ съ тѣмъ, и составъ ея измѣнился настолько, насколько увеличивался...

„Рабочій пошелъ!“

Хотя между нимъ и интеллигентской частью Партіи все еще не было той непосредственной, органической связи, *при которой только и возможна сколько-нибудь производительная работа*, но все же — теперь можно это съ увѣренностью сказать — мы изжили таки чуть было не получившее право гражданства „идейное теченіе“ въ нашей Партіи, основою котораго была та мысль, что русскій пролетаріатъ можетъ принимать участіе въ переустройствѣ своей судьбы лишь съ точки зрѣнія крыловскаго сапожника, разсматривающаго картину...

Но рабочій приносилъ съ собою лишь крѣпкую думу да желѣзную волю, — и скоро матеріальныя средства Партіи стали представлять собою каплю въ морѣ все возраставшихъ потребностей... численный составъ Партіи росъ не по днямъ, а по часамъ — и переросталъ средства. Нужно было выискивать новые пути, — но ихъ не находилось... И важнѣйшія функціи партійной работы — изданіе и транспортъ литературы, конспиративныя квартиры и т., и т. д. — все это замирало, подчасъ въ самую нужную минуту, подчасъ вызывая приступы отчаянія у работниковъ.

„Денегъ нѣтъ!“

Это было какое-то проклятіе... И оно продолжаетъ до сихъ поръ неотступно висѣть надъ нашей Партіей, сковывая намъ руки, парализуя нашу дѣятельность!

Товарищи! Камень на пути слабаго — пусть будетъ ступенью на пути сильнаго! Бѣденъ русскій пролетаріатъ, но роскошь имѣть *свою* Партію онъ себѣ позволитъ.

Ни „Пожарскіе“ изъ „Освобожденія“, ни „Минины“ изъ „Новаго Времени“ — не поведутъ народа къ свободѣ: только самъ русскій пролетаріатъ, сознавшій, наконецъ, свою *великую солидарность* и *великую силу* этой солидарности — онъ — и только онъ! — разнесетъ въ прахъ и безъ остатка ненавистную твердыню царизма!..

„У насъ никогда не было остановки изъ-за средствъ“, — говорилъ намъ товарищъ Б., видный дѣятель Германской Соціальдемократической Рабочей Партіи. „У насъ всѣ организованые рабочіе считаютъ партію своею, обезпеченіе ее средствами — дѣломъ огромной важности, и каждый изъ нихъ аккуратно дѣлаетъ свой еженедѣльный *членскій* взносъ...“

Дѣйствительно, дисциплинированность нашихъ нѣмецкихъ товарищей въ этомъ (какъ и во многихъ другихъ случаяхъ) поражаетъ всякого иностранца, — но еще болѣе интересна и ужъ поистинѣ трогательна та „хозяйская“ заботливость, съ которой каждый изъ нихъ относится ко всякимъ проявленіямъ партійной жизни... Вообще экономный на слова, — нѣмецкій рабочій совершенно измѣняется, когда рѣчь заходитъ о „его Партіи“: онъ становится не только словоохотливъ, но прямо неистощимъ, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ посвятитъ своего слушателя во всѣ подробности партійной жизни... Вы сразу видите, что *его Партія и онъ — одно и то же*, что ея успѣхъ — его успѣхъ, ея горе — его горе...

Не то, далеко не то у насъ...

Правда, ненавистный царизмъ съ тупой злобой уничтожаетъ всѣ мельчайшіе зачатки *общественной жизни* и не даетъ никакой сколько-нибудь законной почвы для организаціи рабочихъ Россіи въ Партію.

Но у насъ даже и тѣ товарищи, которые уже организованы нашей Партіей, бываютъ на нашихъ собраніяхъ, читаютъ наши листки, нашу литературу, — даже и тѣ какъ-то плохо сознаютъ важность и необходимость притока денегъ въ партійныя кассы. Вотъ какія грустныя слова вырываются по этому поводу у одного кавказскаго товарища:

...„Большинство нашихъ организацій, несмотря на долгую работу среди рабочихъ, не пользуются съ ихъ стороны никакой денежной поддержкой и вездѣ принуждены искать средствъ въ сторонѣ. Сборъ съ рабочихъ составляетъ ничтожный процентъ въ общемъ бюджетѣ мѣстнаго комитета. Происходитъ это не потому, что рабочіе не въ состояніи платить, а просто потому, что для большинства рабочихъ комитетъ остается чѣмъ-то чужимъ не „своимъ“, „роднымъ“, о которомъ они должны заботиться. Они привыкли предъявлять требованія къ комитету, привыкли смотрѣть на свое содѣйствіе комитетской работѣ, какъ на одолженіе! Даже чтеніе и распространеніе листковъ разсматривается, какъ одолженіе... Я здѣсь, конечно, говорю о только что затронутыхъ пропагандой и агитаціей (таково большинство такъ называемыхъ *организованныхъ*), а не о тѣхъ нѣсколькихъ десяткахъ, которые содѣйствуютъ всей комитетской дѣятельности, какъ сознательные соціальдемократы. Что рабочіе могутъ платить, когда они того хотятъ, приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ примѣровъ: армянскіе націоналисты въ Баку имѣютъ отъ рабочихъ до 1500 рублей въ мѣсяцъ, Тифлисскій Комитетъ нашей Партіи собираетъ отъ 700 до 900 руб., а Батумскій около 1000 руб. въ мѣсяцъ, — а, вѣдь, тамъ рабочіе не богаче, чѣмъ въ другихъ промышленныхъ центрахъ, а по степени сознательности, въ общемъ куда ниже, чѣмъ напр. на югѣ... Я привожу эти цифры для того, чтобы показать, что рабочіе *могутъ* платить, когда хотятъ. А не платятъ они потому, что вообще не привыкли принимать активное участіе въ партійной работѣ, не втянулись постоянной, активной борьбой настолько въ партійную жизнь, чтобы каждую минуту быть готовымъ жертвовать всѣмъ для Партіи...“

Товарищи! Мы видимъ теперь, что Партія встанетъ на ноги лишь благодаря *нашей* поддержкѣ, ея работа пойдетъ впередъ лишь благодаря *нашей* помощи, ея дѣятельность оживится, лишь благодаря *нашему* въ ней участію! „*Хоть пятакъ, хоть одну копейку на общее дѣло!*“ — пусть будетъ нашимъ лозунгомъ. Сорганизуемся вокругъ нашихъ партійныхъ *боевыхъ кассъ*, и пусть наши трудовые гроши, претворившись въ типографскій шрифтъ и бумагу, разнесутъ по всей Россіи *свободное печатное слово*, которое откроетъ глаза тѣмъ нашимъ братьямъ, у которыхъ они еще закрыты!..

Соберемъ съ міру по ниткѣ — и сплетемъ покрѣпче ту веревку, которая мертвой петлей затянется на шеѣ самодержавія!..

Оно уже дрогнуло, это гнусное самодержавіе, оно чувствуетъ уже, что началъ просыпаться народъ-великанъ, что всколыхнулась вся необъятная Россія, и что готовится судъ, великій *историческій судъ*, — послѣдній судъ между поруганнымъ, обобраннымъ народомъ и гнуснымъ самодержавіемъ!

Такъ позаботимся же, товарищи, чтобы этотъ судъ — былъ *скорый!*

Агитація противъ войны. **Центр. Ком.** изданы листоки: „Ляоянъ и Портъ-Артуръ“ и „Война съ Японіей“; **Искрой** — „Царскія пораженія и наши требованія“; **Сѣвернымъ Ком.** — „Къ солдатамъ изъ запаснымъ“; **Екатеринос. Ком.** „Къ запаснымъ“; **Харьков. Ком.** — „Резолюція рабочихъ противъ войны“; **Бакинскимъ** — „Кризисъ, безработица, война“ (листокъ „Искры“); **Сиб. Союзомъ** переизданы листки „Искры“: „За что долженъ умирать русскій солдатъ?“ (10 000 экз.), „Война противъ войны“ (5000 экз.) и „Къ солдатамъ“ (10 000 экз.); **Полѣсскимъ ком.** Листки „Искры“: „Ко всѣмъ запаснымъ“ и „Къ солдатамъ“. **Одесск. ком.** переизданъ (въ 10.000 экз.) листокъ Ц. К.: „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“. **Крымск. Союзомъ**: „Къ рекрутамъ“. **Кіев. Ком.** — „Мира!“ (6000 экз.)

Вышли изданія: „Искры“: „Первый шагъ“ (листовка объ Учредительномъ Собраніи); **Одесск. Ком.** „Царь въ Одессѣ“; **Харьковск. Ком.** „Къ обществу“ и листокъ по поводу закрытія для публики съѣзда земскихъ врачей; **Симферопольск. гр. Крымск. Союза** — листокъ къ рабочимъ табачн. фабрикъ“; **Архангельск. Ком.** — „Ликвидація города Глупова“ (листокъ); **Гр. Дальняго Сѣвера** — „Какъ обманулъ царь крестьянъ въ манифестѣ?“ и №№ 1—3 листка-хроники: „Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?“; **Саратовск. Ком.** — листокъ объ адресѣ уѣзднаго земскаго собранія Святополкъ-Мирскому; **Томскаго Ком.** — „Убійство Плеве“, „Манифестъ Николая Обманова“ и „Еще одна побѣда русскаго оружія въ Якутской Обл.“ (Нохтуйская трагедія); **Иркутскаго Ком.** — 1) тотъ-же листокъ, 2) письмо заключенныхъ въ Александровской тюрьмѣ къ Иркутскому губернатору (по поводу смерти Быкова) и 3) О судѣ надъ „романовцами“ (въ 1000 экз.); **Сиб. Союза** — „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Сибири (по поводу процесса типографіи Союза — 5000 экз.); **Воронежскимъ Ком.** — отчетъ о дѣятельности съ воззваніемъ къ обществу.

Вышло отдѣльнымъ приложеніемъ къ № 76 „Искры“, содержащее обвинительн. акты по тремъ политич. дѣламъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Харьковъ. Въ здѣшнихъ тюрьмахъ сидятъ сейчасъ (октябрь) слѣдующія лица: Бѣлявскій, Ал., раб., ар. 30 Окт. 03 г. по дѣлу Харьк. Ком. Партіи; Роговой, Аронъ (Иванъ Сусликовъ), раб., Шургалкинъ Алекс., раб., арестованы 10 Сент. 03 г., дѣло Хар. тип. и Хар. Ком. Партіи; Камермахеръ Вульфъ, Новаковскій, Як. Сол., Новаковская, Бэла Сол., Яглина, Анна Наумовна, Жарова, Раиса Соломоновна, арестованы въ Сент. 03 г., дѣло Уманской типографіи и Черкасской типографіи; Дворкина, Агнесса Соломоновна, ар. въ дек. 03 г.; Шейкинъ, раб., Бобовниковъ, раб., дѣло Конотопской тип.; Бродскій, Григ. Мих. (Шабельскій), Тартаковскій, С. М., арестованы въ мартѣ 04 г., дѣло Хар. Ком. Партіи; Исаковичъ, Е. Я., инт., ар. на сходкѣ; Андріевскій, П. Е., инт., ар. 18 нояб. 03 г., (дѣло Р. Укр. П.); Морковинъ, Вл. Вл., Плескій, Бол. Мих., Короткевичъ, Евг. Ник., всѣ трое соц. рев., инт., ар. 29 янв. 04 г.; Ласкинъ, раб., Вилецкій, раб., Кожевниковъ, раб., арестованы 31 авг. 04 г.; Фроловъ, Кл., раб., отбываетъ приговоръ за Екатериносл. дем.; Коганъ — ожид. ссылки на пос., Рутштейнъ, Илья — по приговору, оба за Екатер. дем. Двое послѣднихъ сидятъ отдѣльно отъ прочихъ, въ главномъ корпусѣ тюрьмы. Тамъ же сидитъ бѣжавшій и взятый на границѣ Кацъ, Овсей (Н. Высоцкій), ар. 23 апр. 04 г.

Освобождены въ сентябрѣ: Кожевниковъ М. (студ.), Пересъ М. (статистикъ), Барановъ, Я. М. (Никоновъ В. Н.), Ноткинъ А., Портновъ, раб.

Судебные процессы должны начаться не раньше января — февраля 1905 г.

Иркутскъ. Всѣ колоніи около Иркутска разселены. Между прочимъ, въ партіи, вышедшей изъ Александровской тюрьмы 25 іюля, пересылались въ Якутскую Область: изъ Куяды — Мень, Мисюра; изъ Тугутуя — Потаповъ съ женой, Тагѣевъ, Пальчикъ; изъ Чана — Васильевскій, Венгроверъ, Нейманъ, Магарадзе; изъ Ханхты — Гольдманъ; изъ Куяды и Тугутуя — Баневуръ, Ковальскій, Тотаевскій, а также здѣшніе: Лобановъ и Сачаева и еще 6 человѣкъ.

Витебскъ. Въ театрѣ во время манифестаціи арестовано 37 чел.

На дняхъ закончилась сессія Суд. Палаты, въ которую вошли, между прочимъ, и нѣсколько политическихъ дѣлъ; приговоры свирѣпые.

Армавиръ, Кубанск. обл. Арест. и отвезенъ въ Луганскую тюрьму учитель Митягинъ. **Архангельскъ.** 20 авг. были обыски у ссыльнаго Сергѣя Иванова и жены чиновника Цыкоревой (найдена соц.-дем. литература). По манифесту, отсюда освобождены отъ 60 до 70 челов. (несовершеннолѣтніе). Д-ру Никонову разрѣшено отправиться на войну, въ качествѣ врача.

Побѣги. Привѣтствуемъ трехъ „романовцевъ“, бѣжавшихъ, по осужденіи на каторгу, съ пути въ Александровскую тюрьму, Бѣжать удалось: Ольгѣ Вякеръ (дѣло „Южно-Рус. соц.-дем. гр.“), Науму Кагану („Южн. Раб.“) и Максу Бройдо („Раб. Биб.“).

Бѣжалъ изъ Якутск. Обл. Михаилъ Лурье (Севастоп. соц.-дем. дѣло — на 8 лѣтъ). Бѣжавшіе изъ Якутск. Обл. Гургенадзе, Винникъ и Левинъ добровольно отдались въ руки Иркутской полиціи. Задержаны бѣжавшіе изъ Якутск. Обл.: Молчанъ (изъ Ковно), Фридманъ (изъ Бѣлостока), Роза Бярхина (изъ Саратова), Конст. Ивановъ (умеръ въ тюрьмѣ). Въ 1899 г. бѣжалъ изъ Вилюйска, куда былъ сосланъ по народовольч. дѣлу на 8 лѣтъ и черезъ 2 года снова ар. по дѣлу с.-р.). Бѣжали изъ Архангельск. губ.: Викторъ Крохмаль (по дорогѣ въ Пустозерскъ, куда былъ сосланъ на 8 лѣтъ), Эмилія Лямзе (Кіевск. соц.-рев.), студ. Пашинъ (соц.-дем. изъ Москвы), учитель Давыдовъ, Червяковъ, г-жа Ритманъ (Одес. соц.-дем.), Колецкій (P. P. S.). Изъ тюрьмы (въ Бѣлостокѣ) бѣжалъ снова Сергѣй Цедербаумъ, бѣжавшій годъ тому назадъ изъ Александровской пересыльной тюрьмы и вновь арестованный въ январѣ въ Екатеринославѣ.

Политическіе процессы. 1) Въ Кишиневѣ преданы суду одес. палаты Копель Ройтенштейнъ 20 л. и Мотель Вольфъ 19 л., обвиняются по 2 п. 1 ч. 129 ст., за распространеніе 19 декабря 1903 года прокламаціи мѣстнаго „комитета с. д. организаціи“; 2) суду Виленск. Палаты преданъ арестованный 27 мая 1904 г. за распространіе среди крестьянъ Дисненск. уѣзда с.-д. и с.-р. литературы крестьянинъ Ипполитъ Василевскій 27 л., обвиняется по 130 ст. Судъ былъ назначенъ на 19 октября. 3) Крест. Василій Зоринъ (онъ-же Громовъ) 23 л., арест. 6 апр. 1904 г. въ с. Тейковѣ (Шуйскаго у.), преданъ суду Москов. Палаты по 2 п. 1 ч. 129 ст. (за распространеніе изданій Рос. С.-Д. Р. П.). 4) Рабочій Шиллеръ и Сергѣй Антроповъ (быв. студ., бѣжавшій въ 1903 г. изъ Сибири) преданы суду Одесск. Палаты. Арестованы лѣтомъ 1903 г. на границѣ. Оба нелегальные.

Некрологъ. Партія потеряла преданнаго ей члена въ лицѣ умершей въ Ростовской на Д. тюрьмѣ Клары Моисеевны Айзенбергъ. Покойная долго работала въ Кіевской организаціи, была арестована въ 1901 году и приговорена къ ссылкѣ въ В. Сиб., но бѣжала и перешла на положеніе нелегальной. Въ іюнѣ нынѣшняго года она была арестована въ Ростовѣ на Д., подъ именемъ Левитской, и была предана суду Палаты. Послѣродовая болѣзнь свела ее въ преждевременную могилу.

Некрологъ. 14 августа, послѣ 15 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія въ Иркутскомъ замкѣ, умеръ нашъ товарищъ **Илья Васильевичъ Быковъ.** Дѣло, за которое онъ былъ преданъ военному суду, изложено въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ въ № 72 „Искры“. Быковъ былъ приговоренъ къ 13½ год. каторги. Но Иркутская тюрьма, объ ужасахъ которой уже писалось, со своими мокрыми душными гротами-камерами, въ короткое время совершила то дѣло, которое должны были сдѣлать долгіе годы каторги. Она порвала эту молодую, хорошую, многообѣщающую жизнь. Тов. Быковъ умеръ отъ скоротечной чахотки, войдя въ Иркутскую тюрьму совершенно здоровымъ. Болѣлъ онъ всего двѣ недѣли. Покойнаго товарища я встрѣчалъ на нѣсколькихъ такъ наз. „широкихъ чтеніяхъ“, устраиваемыхъ Ирк. Ком—мъ. Вниманіе мое сразу привлекъ этотъ высокій, стройный солдатъ своимъ необыкновенно симпатичнымъ видомъ, дѣльными вопросами и тѣмъ горячимъ интересомъ, съ которымъ онъ относился къ бесѣдамъ на этихъ собраніяхъ. Я сталъ присматриваться къ нему и сильно имъ заинтересовался. Бесѣды, которыя мы вели, возвращаясь съ собраній, помогли мнѣ понять этого милаго человѣка и цѣннаго товарища. По характеру необычайно мягкій и отзывчивый, И. В. Быковъ проявлялъ огромныя способности въ области теоріи. Въ этомъ я могъ убѣдиться, разговаривая съ нимъ о „Капиталѣ“ Маркса, который онъ какъ разъ въ это время изучалъ. Все свободное отъ казарменной жизни время онъ отдавалъ серьезнымъ занятіямъ. Вслѣдствіе этого, Комитетъ обратилъ на него особое вниманіе и рѣшилъ принять его въ такъ наз. „агитаціонную группу“, выполняющую роль подкомитета. Но ему такъ и не удалось поработать въ этой организаціи, т. к. вскорѣ по своей конспиративной неопытности, довѣрчивости къ людямъ и страстному желанію какъ можно больше поработать, онъ былъ замѣченъ, преданъ[1] и арестованъ.

...До сихъ поръ я не могу освободиться отъ жгучаго, горестнаго чувства, вызваннаго во мнѣ этой неожиданной смертью. Мы хотѣли его освободить! Вѣдь, онъ такъ хотѣлъ работать (см. обвинит. актъ, его письмо). Ясная голова, смѣлый умъ и мягкій, кроткій, пролетарски-товарищескій характеръ. Я, по крайней мѣрѣ, рѣдко встрѣчалъ у интеллигента такое счастливое сочетаніе. Въ будущемъ, Быковъ, безъ сомнѣнія, сталъ бы выдающимся работникомъ и всѣми любимымъ товарищемъ. И. В. Быковъ умеръ всего 25 лѣтъ.

Га—зъ, бывшій членъ Иркут. Ком.

---

[1] Имена предателей его, а, слѣдовательно, и убійцъ: вольноопредѣляющіеся: Воронецкій, Угриничъ-Требинскій, Купрессовъ, Осиповъ и Поповъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ Женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено: изъ Бреславля — 12 фр. 30 ст.; изъ Болгаріи отъ Благоевой — 13 фр.; изъ Брюсселя — 48 фр. 50 ст.; мѣсячныхъ взносовъ — 10 фр.

Передано: 46 фр. — въ пользу Якутянъ; 50 фр. — А. Л. 41 фр. 70 ст. — К—у; дано взаймы Центральному Комитету — 20 фр.; почтовые расходы — 1 фр. 60 ст.

Получено: Изъ Фрейбурга отъ М. R. для „Искры“ и „Соц.-Дем.“ — 7 фр., отъ него же въ кассу ссыльныхъ 3 фр., изъ Канска для „Искры“ 50 руб.

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“).

Типографія Партіи, Rue de la Culouvrenière, 27, Genève.

INTERNATIONAL B
A. WASS
29 CLINTON S

ИСКРА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 77. 5-го ноября 1904 г. Годъ IV.

ДЕМОКРАТЫ НА РАСПУТЬИ.

Земская улица справляетъ торжественный праздникъ. Послѣ долгихъ лѣтъ непреклоннаго преслѣдованія, земскіе либералы снова призваны спасать отечество. Къ ихъ голосу прислушиваются, ихъ мнѣнія должны, въ той или другой, степени опредѣлить завтрашній день русской исторіи. Какъ растерявшееся правительство, такъ и разночинная интеллигенція любовно обращаетъ взоры къ мѣстнымъ людямъ и ждетъ отъ нихъ отвѣта на наболѣвшіе вопросы нашего времени. Министерство внутреннихъ дѣлъ созываетъ своего рода Земскій Соборъ, а либерально-демократическая пресса спѣшитъ облечь его довѣріемъ народа. „На земскихъ людей — пишутъ „Кіевск. Отклики“ — выпала счастливая доля общественнаго представительства; волею судьбы они, въ столь знаменательное время, получаютъ возможность говорить отъ имени страны, высказать ея пожеланія, основанныя на многолѣтнемъ опытѣ. И будемъ вѣрить, что они сдѣлаютъ свое дѣло“... Не удивительно, что, встрѣчая такое отношеніе, земскіе либералы начинаютъ чувствовать себя хозяевами положенія и пытаются диктовать свою волю не только издыхающему самодержавію, но и революціоннымъ элементамъ пробудившагося народа. Открывая елецкое земское собраніе, извѣстный А. А. Стаховичъ, человѣкъ, несомнѣнно, искренній и доброжелательный въ предѣлахъ своего ограниченнаго кругозора, съ тревогою умоляетъ крайнія партіи не нарушить революціоннымъ дѣйствіемъ благодѣтельнаго развитія новаго курса и не толкнуть правительство въ объятія реакціи. Вслѣдъ за нимъ, газетный проходимецъ Столыпинъ, на страницахъ вывернувшагося на изнанку „Нов. Вр.“, призываетъ къ умѣренности радикальное студенчество, опять таки въ интересахъ свободы. Студенческія волненія и демонстраціи, по увѣренію Столыпина, „дорогой подарокъ“ и „козырь, нежданный, громадный козырь въ рукахъ реакціонеровъ“. „Не слѣдуетъ дѣлать этого подарка, не нужно ломать воображаемыхъ рѣшетокъ: теперь и двери открыты, широко открыты“. „Въ эти широко открытыя двери войдутъ представители земскихъ собраній, затѣмъ, уже при закрытыхъ дверяхъ, постановятъ рѣшенія, которыя удовлетворятъ жгучія нужды студентовъ, крестьянъ, рабочихъ и, вообще, всего русскаго населенія. Все будетъ сдѣлано къ общему благу и удовольствію, если только, конечно, не помѣшаютъ непримиримые и безсмысленные революціонеры. Вотируйте же довѣріе земскимъ либераламъ! Такія ноты звучатъ въ рѣчахъ земскихъ гласныхъ и въ писаніяхъ радикальныхъ журналистовъ. Русская буржуазная демократія, въ жгучей жаждѣ политическаго освобожденія, готова устранить себя, какъ самостоятельную силу, и передовѣрить свои полномочія тѣмъ людямъ, которые, въ силу историческихъ условій, случайно получили возможность говорить отъ имени страны.

Ни одна партія не имѣетъ столькихъ основаній стремиться къ свободѣ, какъ соціальдемократія. Ни одна партія не принесла дѣлу свободы такихъ многочисленныхъ и кровавыхъ жертвъ, какъ соціальдемократія. Но именно потому, что намъ, дѣйствительно, дорога свобода народа, мы имѣемъ право и обязанность строго взвѣсить политическую цѣнность поведенія русскаго „общества“, съ такой готовностью дающаго полномочіе говорить именемъ всего народа своимъ самымъ ненадежнымъ представителямъ. Мы не станемъ разсматривать совершенно ясный вопросъ о томъ, насколько утвержденные въ министерство Плеве предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ или предводители дворянства, которые составятъ основную ткань предстоящаго земскаго съѣзда, могутъ явиться даже выразителями земскаго либерализма. Пусть они всѣ будутъ послѣдовательными либералами, и тогда демократія не можетъ передать имъ своихъ полномочій. Исторія русскаго земства даетъ намъ право на это недовѣріе. Земскій либерализмъ ведетъ свое происхожденіе непосредствено отъ дворянскихъ конституціонныхъ движеній конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Онъ сложился изъ двухъ разнородныхъ теченій: одно — слабое и мало вліятельное выражало потребности нарождавшагося тогда капиталистическаго хозяйства, другое — сильное и значительное — являлось крѣпостнической опозиціей правительству, стремившейся политическою властью дворянства укрѣпить разрушенныя жизнью феодальныя привиллегіи господствующаго сословія. Но въ конкретныхъ политическихъ требованіяхъ оба теченія сливались въ одномъ конституціонномъ потокѣ. Либеральные депутаты редакціонныхъ коммиссій въ своей оппозиціи противъ бюрократіи и самодержавія шли сомкнутымъ строемъ съ конституціоналистами-крѣпостниками. И они не имѣли основаній расходиться, такъ какъ политическія требованія той и другой группы, въ особенности, послѣ безповоротнаго рѣшенія уничтожить крѣпостную зависимость, оказались, по существу, одинаковыми. И тѣ и другіе стояли за дарованіе гражданскихъ правъ народу и политическихъ правъ дворянству; и тѣ и другіе допускали распространеніе политическихъ правъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и лицъ съ высшимъ образованіемъ; и тѣ и другіе не признавали народную массу достаточно зрѣлой для политической дѣятельности. Тѣ же черты земскій либерализмъ сохранилъ и при второмъ подъемѣ конституціоннаго движенія въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ революціоннаго натиска, самодержавіе, какъ и теперь, призвало земскія силы къ спасенію расшатаннаго смутой трона. Земскіе либералы имѣли возможность развить предъ правительствомъ полную и стройную программу своей партіи. И они это сдѣлали. Но и тогда они не далеко ушли отъ требованій своихъ предшественниковъ, даже въ скромной области мѣстнаго самоуправленія. „Либеральная программа, — писалъ „Вѣстникъ Европы“ [1]) — стоитъ вездѣ и всегда за значительное пониженіе имущественнаго ценза и совершенное уничтоженіе его для лицъ, получившихъ извѣстное образованіе“. Тѣ же мысли отстаивалъ и оффиціальный органъ земскаго либерализма — газета „Земство“, редактировавшаяся нынѣшнимъ сотрудникомъ „Русск. Вѣд.“, г. Скалономъ. Несомнѣнно, подъ давленіемъ измѣнившихся экономическихъ условій, программа земскаго либерализма восьмидесятыхъ годовъ утратила яркость сословной окраски и восприняла буржуазность окружающей дѣйствительности, но она не сдѣлалась болѣе демократической. Народъ попрежнему оставался за политическими кулисами, уступая авансцену привиллегированнымъ классамъ. Третій подъемъ земскаго либеральнаго движенія еще не принялъ окончательной формы, но нашумѣвшія въ прошломъ году пренія въ земскихъ собраніяхъ по вопросамъ о мелкой земской единицѣ и земскомъ избирательномъ цензѣ показываютъ, что земскій либерализмъ остается, по существу, на старой позиціи. Кромѣ того, земскія пренія обнаружили наличность значительной группы сторонниковъ узко сословныхъ дворянскихъ привиллегій, группы, съ которою придется серьѣзно считаться при ликвидаціи существующаго порядка. А экономическія требованія современныхъ земскихъ либераловъ, какъ показали труды сельскохозяйственныхъ комитетовъ, являются самыми крѣпостническими вожделѣніями.

Этотъ характеръ земскаго либерализма буржазная демократія должна бы принять во вниманіе, прежде чѣмъ вручать ему полномочія рѣшать судьбу страны. Разумѣется, что самая плохая конституція лучше самаго хорошаго самодержавія. Но, не говоря уже о требованіяхъ послѣдовательнаго демократизма, нѣтъ никакихъ основаній думать, что либералы доставятъ Россіи даже самую плохую конституцію. До сихъ поръ самодержавіе умѣло съ большимъ успѣхомъ пользоваться антидемократическимъ характеромъ земскаго конституціоннаго движенія. Въ восьмидесятыхъ годахъ правительство искусно раскололо земскую оппозицію, обѣщая, съ одной стороны, возстановленіе политическаго преобладанія дворянства, а съ другой, принимая народническую программу экономической политики по отношенію къ крестьянству. Безъ сомнѣнія, бюрократія не могла выполнить намѣченной программы, какъ по ея противорѣчію съ народнохозяйственнымъ развитіемъ, такъ и по собственной неспособности. Но, если правительство оказалось безсильнымъ удовлетворить народныя нужды, то народъ не имѣлъ никакихъ данныхъ повѣрить, что эти нужды будутъ удовлетворены либералами, когда они сосредоточатъ политическую власть въ рукахъ господствующихъ классовъ. И земское движеніе, встрѣчаемое равнодушіемъ или даже враждебностью народа, до сихъ поръ оставалось безплоднымъ и не могло обезпечить даже мѣстное самоуправленіе отъ посягательствъ самодержавной бюрократіи и реакціоннаго дворянства.

Въ переживаемый моментъ земскій либерализмъ находится, правда, въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Жизнь вывела его изъ тѣсныхъ рамокъ землевладѣльческаго класса. Подъ конституціоннымъ знаменемъ сгруппировались разнообразные элементы буржуазной демократіи съ разночинной интеллигенціей во главѣ. Лѣвый флангъ земскихъ либераловъ уже воспринялъ въ сознаніи это измѣненіе. Въ саратовской коммиссіи о пересмотрѣ нормъ земскаго избирательнаго ценза гласный Львовъ вполнѣ опредѣленно охарактеризовалъ глубокую перемѣну въ личномъ составѣ конституціонной оппозиціи и ясно формулировалъ новыя задачи земскаго движенія. Онъ указалъ, что, вслѣдствіе начала равнаго раздѣла наслѣдства, дѣти землевладѣльцевъ вынуждены искать средства къ существованію въ либеральныхъ профессіяхъ. Становясь врачами и адвокатами, учителями, молодое поколѣніе дворянства переходитъ въ ряды разночинной интеллигенціи и проникается ея демократическимъ настроеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно перекидываетъ мостъ между землевладѣніемъ и буржуазіей, связываетъ въ одно цѣлое исторически раздѣленныя общественныя группы и преобразовываетъ узкій земскій либерализмъ въ широкій общественный потокъ демократическаго движенія. И г. Львовъ горячо убѣждалъ неповоротливыхъ земскихъ „отцовъ“ раскрыть глаза на дѣйствительность и признать грядущую русскую демократію Это лѣвое теченіе земскаго либерализма сблизило его съ демократическими элементами русскаго общества и дало ему новую силу. Это теченіе, несомнѣнно, побуждаетъ радикальную интеллигенцію передовѣрить свои нужды представителямъ земской оппозиціи. Но, не говоря о томъ, что даже земская крайняя лѣвая, въ цѣломъ, далеко не отличается послѣдовательнымъ демократизмомъ и носитъ еще слѣды своего сословнаго происхожденія, мы не имѣемъ увѣренности, что въ данную минуту побѣда останется за этою фракціею земскаго либерализма. Наоборотъ, есть полное основаніе предполагать, что теперь выдвинется впередъ либеральная правая, въ которой еще до сихъ поръ живъ духъ сословно-дворянскаго конституціоннаго движенія шестидесятыхъ годовъ. При условіи обращенія правительства къ предводителямъ дворянства и представителямъ земскихъ управъ за правымъ крыломъ земскаго либерализма почти обезпечено компактное большинство. Этимъ и объясняются тѣ призывы къ умѣренности, которые раздаются нынѣ изъ земскихъ круговъ по адресу крайнихъ элементовъ.

Умѣренная, уклончивая и нерѣшительная тактика земскихъ либераловъ вполнѣ вытекаетъ изъ основныхъ особенностей ихъ программы. Ставя своею цѣлью расширеніе политическихъ правъ имущихъ классовъ, земскій либерализмъ не можетъ разсчитывать на поддержку широкаго народнаго движенія. Поэтому, онъ возлагаетъ всѣ надежды на добрую волю монарха, стихійною силою вещей доведеннаго до сознанія необходимости политическихъ преобразованій. Естественно, что при такихъ условіяхъ формы воздѣйствія на самодержавное правительство должны отличаться особою мягкостью и осторожностью, и самое воздѣйствіе должно мотивироваться пользами самодержавія, необходимостью спасти престолъ отъ гибельнаго натиска бурныхъ волнъ народнаго недовольства. Эта тактика, отнюдь не необходимая для лѣваго демократическаго крыла земской оппозиціи, является классической тактикой земскаго либерализма въ его цѣломъ. Всеподданнѣйшее ходатайство — вотъ, въ сущности, единственный методъ дѣйствія, которымъ располагаютъ земскіе либералы.

Теперь, когда имъ снова выпала отвѣтственная роль, они неизбѣжно должны были переоцѣнить старые пріемы борьбы и подумать о новыхъ методахъ дѣйствія. Но ихъ политическая позиція заранѣе обрекала на неуспѣхъ всѣ поиски новыхъ путей. „Моск. Вѣд.“ сообщали, будто либералы рѣшили пользоваться свободою слова и собраній, не обращая вниманія на отсутствіе законодательныхъ гарантій. Сама по себѣ, эта мысль заслуживаетъ полнаго сочувствія. Неисполненіе требованій полицейскаго самодержавія, открытое игнорированіе всѣхъ административныхъ запретовъ является удачнымъ и цѣлесообразнымъ пріемомъ борьбы. Но послѣдовательное проведеніе этой тактики неминуемо поведетъ къ столкновенію съ современнымъ полицейскимъ государствомъ, неминуемо повлечетъ переходъ къ явному возстанію противъ власти. Между тѣмъ, всякое возстаніе только тогда можетъ разсчитывать на успѣхъ, когда оно поддерживается широкими народными массами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что требованія политическихъ привиллегій, выставленныхъ на знамени земскаго либерализма, не привлекутъ къ себѣ симпатій народной массы. Она останется равнодушной къ борьбѣ либераловъ и, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ, спокойно перенесетъ разгромъ либеральной партіи самодержавіемъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще разъ рухнетъ для даннаго момента надежда на освобожденіе Россіи, въ интересахъ котораго буржуазная демократія съ такимъ легкомысліемъ стушевывается сейчасъ предъ умѣренными элементами оппозиціи и передаетъ свои полномочія отцамъ земскаго либерализма, забывая, что всѣ разсчеты отцовъ основаны только на случайныхъ и временныхъ настроеніяхъ верховной власти. Какъ и въ эпоху „Народной Воли“, господствующая нынѣ группа земскихъ либераловъ не располагаетъ никакими средствами борьбы, кромѣ всеподданнѣйшихъ увѣщаній, и, какъ тогда, такъ и теперь, она, вѣроятно, вынуждена будетъ сойти со сцены, уступивъ мѣсто революціонерамъ. По крайней мѣрѣ, мы не можемъ поручиться, что самодержавіе снова не извернется въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и не сумѣетъ какимъ либо ловкимъ политическимъ ходомъ отсрочить свою гибель, пока противъ него, въ качествѣ представителей народа, будутъ стоять одни либералы. Поэтому, торопливое и необдуманное надѣленіе земскихъ гласныхъ правами народныхъ представителей является въ высокой степени необдуманнымъ актомъ, которымъ русская нарождающаяся демократія самоубійственно лишаетъ себя политическаго значенія. Сверженіе самодержавія, въ силу историческихъ условій русскаго общественнаго развитія, можетъ быть достигнуто только активными усиліями самого народа. Никакое политическое замѣстительство въ этомъ случаѣ не допустимо и, поскольку разночинная интеллигенція передаетъ полномочія демократіи въ земскія руки, она безразсудно рискуетъ дѣломъ политическаго освобожденія Россіи. Судьба свободы въ Россіи зависитъ не отъ верховъ нашего общества. Она будетъ рѣшена голосомъ народа. И къ нему должны быть направлены въ переживаемую критическую минуту взоры всѣхъ искреннихъ сторонниковъ демократическаго обновленія русской жизни. Было бы, конечно, политическою безграмотностью игнорировать такой крупный фактъ, какъ созывъ земскихъ представителей. Но еще большей безграмотностью является передовѣріе земскимъ гласнымъ демократическихъ мандатовъ. *Демократія должна дѣйствовать самостоятельно отъ земскихъ либераловъ и, въ качествѣ самостоятельной силы, вліять на поведеніе земскихъ либераловъ, стараясь превратить суррогаты общественнаго представительства въ всенародное Учредительное собраніе.* Нѣкоторое сознаніе этой необходимости уже начинаетъ проявляться въ буржуазно-демократическихъ кругахъ. Такъ, недавно въ Саратовѣ, на собраніи санитарнаго общества, присутствовавшая, въ количествѣ около 400 человѣкъ, публика громкими аплодисментами единогласно приняла текстъ телеграммы Святополку, въ которой выражалось пожеланіе, чтобы „довѣріе къ творческимъ силамъ страны нашло себѣ выраженіе въ прочныхъ формахъ участія представительства всего русскаго народа въ законодательствѣ и управленіи“. Это требованіе, столь отличное отъ рабьихъ привѣтствій земскихъ собраній, представляетъ дѣйствительный голосъ демократіи. И такія требованія должны быть обращены не только къ правительству, но и къ членамъ предстоящаго Земскаго съѣзда. Нѣтъ никакого основанія оставлять ихъ въ спокойной увѣренности, что они имѣютъ право говорить за народъ. Народъ долженъ непосредственно подать свой голосъ и сказать свое рѣшительное слово. Демократія обязана всѣми силами содѣйствовать революціонному пробужденію народныхъ массъ. Но для этого она не должна пасовать предъ либералами, она должна отвергнуть ихъ политическую гегемонію и, учитывая либерализмъ, какъ развѣдочный отрядъ въ предстоящей стычкѣ съ самодержавіемъ, твердо и непреклонно примкнуть къ единственно революціонной партіи нашего времени — соціальдемократіи, подъ напоромъ которой зашаталось россійское самодержавіе и которой, очевидно, суждено нанести ему и послѣдній рѣшительный ударъ. Пока же буржуазная демократія плетется подъ земскимъ флагомъ, въ хвостѣ умѣреннаго либерализма, она всегда подвергается опасности попасть подъ перекрестный огонь и потерпѣть полное пораженіе.

---

[1]) 1882 г. апрѣль. Внутрен. обозрѣніе.

НА ОЧЕРЕДИ.

Необходимо работать „во всю“. Эта мысль, къ счастью, начинаетъ все больше овладѣвать умами членовъ партіи. Наша жизнь вступила въ фазу быстрой смѣны событій, и нашему брату-революціонеру „зѣвать“ не приходится. Открывается новая страница въ исторіи русской революціи: зашевелилась широкая масса „обывателей“, стоявшихъ доселѣ въ сторонѣ отъ всякой „политики“, духъ недовольства, духъ „разрушенія“ замѣтно охватываетъ новые и новые слои населенія. И всѣ болѣе или менѣе организованныя общественныя силы спѣшатъ овладѣть этой пробуждающейся стихіей, спѣшатъ черпать въ ней новую энергію, чтобы получше укрѣпиться на своихъ позиціяхъ. Не спѣша, но отъ того не менѣе успѣшно, строится въ боевые ряды наша „великая либерально-демократическая партія“, столь малая и незамѣтная въ періодъ политическаго затишья, такъ быстро заполняющая политическую авансцену при первомъ дуновеніи попутнаго вѣтерка. У насъ нѣтъ никакихъ основаній скорбѣть о томъ, что анемичный буржуазный либерализмъ быстро оживаетъ и нагуливаетъ себѣ „румяныя щеки“; его успѣхи въ данный моментъ знаменуютъ собой общественный прогрессъ, а мы, соціальдемократы, никакихъ своихъ надеждъ не строимъ на остановкѣ общественнаго развитія. Но тѣмъ съ большимъ спокойствіемъ можемъ мы взирать на успѣхи того громаднаго общественнаго движенія, которое знаменуетъ собой политическую эмансипацію россійской буржуазіи (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), тѣмъ съ большей строгостью мы должны требовать отъ самихъ себя выполненія нашей собственной очередной задачи. А она сводится къ тому, чтобы поставить на боевую ногу всѣ силы революціоннаго пролетаріата. Стало быть, надо работать „во всю“, работать, не покладая рукъ.

И, однако, не вполнѣ изжитое еще недавнее прошлое ставить не мало помѣхъ плодотворной работѣ. Партійные работники должны, во что бы то ни стало, подняться *надъ* тѣми, сравнительно, частными вопросами, которые вчера еще только и раздѣляли *непосредственно* большинство ихъ на два лагеря. Они должны подняться надъ этими частными вопросами, и они могутъ это сдѣлать, потому что вопросы, которые намъ теперь приходится разрѣшать на практикѣ, гораздо важнѣе и существеннѣе тѣхъ вопросовъ, по которымъ партія подѣлилась на различныя теченія. Правда, эти вопросы вчерашняго спора *логически* связаны съ вопросами той завтрашней практики, которой отъ насъ требуетъ исключительность переживаемаго момента. Но, къ счастью, *психологически* тѣ и другіе вопросы не находятся въ непосредственной связи. Къ счастью, потому, что если бы было иначе, то неразъясненность для громаднаго большинства соціальдемократовъ всѣхъ выдвинувшихся за послѣдній годъ спорныхъ вопросовъ породила бы неопреодолимыя препятствія къ проведенію единой партійной тактики въ такой именно моментъ, когда ея отсутствіе означало бы обезцѣненіе доброй доли положительныхъ результатовъ всего нашего прошлаго. И если для *всѣхъ*, спорившихъ вчера, спорный вопросъ стоялъ: какъ обезпечить выдержанность классоваго характера партійной работы? — то можно надѣятся, что этотъ академически до сихъ поръ ставившійся вопросъ исчезнетъ въ такой политической практикѣ, которая сумѣетъ показать: „*какъ это дѣлается*“ *въ дѣйствительности?* Политическая необходимость уже теперь ставитъ передъ нами дилемму: *или* самостоятельная классовая политика всего сознательнаго пролетаріата, *или* превращеніе послѣдняго въ самоотверженную „толпу“ при лицедѣяхъ буржуазной ревоакція. И если масса товарищей просто, „безъ заднихъ мыслей“ о томъ, чтобы какъ нибудь невзначай не поступить „по меньшинству“ или „по большинству“ задастся одной цѣлью — организовать на почвѣ совершающихся сейчасъ событій самостоятельное политическое выступленіе пролетаріата, какъ сознательной, классовой силы, то безъ большихъ треній всѣ, дѣйствительно желающіе работать на основѣ партійной программы и принципіальныхъ рѣшеній II съѣзда, съумѣютъ столковаться, *не смотря* на то, что мы еще теперь, черезъ годъ послѣ этого съѣзда, не сговорились въ оцѣнкѣ положительнаго значенія сдѣланныхъ имъ въ *организаціонной* области экспериментовъ.

Маленькая иллюстрація изъ недавняго прошлаго: нѣтъ сомнѣнія, что пропасть между организаціонными взглядами „экономистовъ“ и „искровцевъ“ была не менѣе глубока, чѣмъ та, которая раздѣляетъ практиковъ изъ „меньшинства“ и „большинства“. И, когда вспыхнули лѣтнія забастовки 1903 г., „война“ между тогдашними фракціями еще далеко не прекратилась. Но повелительная необходимость требовала единства дѣйствій — и въ Екатеринославѣ „искровскій“ комитетъ передалъ оффиціальное руководство движеніемъ коммиссіи, въ которой представителямъ „демократической“ рабочей организаціи было обезпечено большинство, а въ Одессѣ, при другомъ отношеніи силъ, не менѣе „демократическая“ организація „Рабочей воли“ признала безусловно руководство „искровскаго“ комитета. Можно думать, что и теперь, лишь только наши организаціи и группы вновь почувствуютъ подъ своими ногами прочную базу быстро наростающаго массоваго движенія, оживающаго отъ политическаго затишья пролетаріата, онѣ безъ труда справятся съ весьма запутанными, на первый взглядъ, вопросами организаціоннаго строительства, о которыхъ такъ трудно было столковаться до сихъ поръ. Это, конечно, еще далеко не рѣшитъ вопроса о полной ликвидаціи послѣдняго, по преимуществу, междуусобнаго періода нашей партійной жизни, но несомнѣнно сильно двинетъ впередъ такое рѣшеніе. А потому, *всѣмъ*, желающимъ скорѣйшаго наступленія партійнаго мира, можно посовѣтовать: пользуясь благопріятной политической обстановской, развивайте самую интенсивную работу, организуйте самыя широкія массы пролетаріата въ активной борьбѣ за его очередныя задачи — и, дѣлая это, меньше всего отвлекайтесь въ сторону предварительной очистки пути отъ мусора организаціонныхъ неурядицъ; ни въ коемъ случаѣ не урѣзывайте себѣ въ этой работѣ *ради* тѣхъ или другихъ формально-организаціонныхъ соображеній. Помните, что общій подъемъ нашей работы „самъ собой“ разрѣшитъ многое изъ того, что теперь еще кажется трудно-разрѣшимымъ.

Высказанныя мной здѣсь мысли легли, какъ помнятъ товарищи, въ основу такъ называемой „деклараціи меньшинства“ (см. № 72). Хотя и приходится сожалѣть, что изложенныя въ этомъ документѣ практическія идеи до сихъ поръ слишкомъ мало подвинулись къ своему осуществленію, все же можно съ удовольствіемъ констатировать, что онѣ не встрѣтили *никакого* принципіальнаго протеста въ рядахъ партіи. Тѣ самыя организаціи, которыя сочли долгомъ строго осудить одновременно опубликованную декларацію Ц. К. (и совершенно несправедливо осудить), не сказали ни слова противъ той программы ближайшихъ практическихъ дѣйствій партіи, которая была выставлена въ нашей деклараціи. „Самъ“ тов. Ленинъ, повидимому, усмотрѣлъ „оппортюнизмъ“ только въ одномъ пунктѣ этой деклараціи — въ предложеніи создать популярную газету [1]). Но и то у меня имѣются всѣ основанія думать, что популярную газету для рабочихъ тов. Ленинъ отвергаетъ не an und für sich, а лишь тогда, когда выдержанность ея направленія не гарантирована редакторствомъ такого строго-ортодоксальнаго соціалиста, какъ В. Д. Бончъ-Бруевичъ.

Но и т. Ленинъ едва ли убѣдилъ многихъ изъ своихъ единомышленниковъ въ томъ, что попытка организовать новую газету безъ этой гарантіи есть такой уже несомнѣнный признакъ „оппортюнизма“.

Какъ бы то ни было, кромѣ этого пункта, проспектъ практической работы партіи, предложенный „меньшинствомъ“, не оспоренъ товарищами, не раздѣляющими его позиціи въ организаціонныхъ вопросахъ. Многихъ это обстоятельство, быть можетъ, огорчитъ, какъ огорчило ихъ то, что они, при лучшемъ желаніи, не могли разойтись съ „Искрой“, когда послѣдняя вела свою „кампанію“ въ пользу усвоеннаго ею пониманія характера русско-японской войны и нашей тактики по отношенію къ ней. Меня это обстоятельство только радуетъ, ибо достаточно накопилось дѣйствительныхъ разногласій, чтобы намъ выискивать еще новыя.

Возможно, что при примѣненіи на практикѣ тѣхъ общихъ принциповъ, которые мы, связанные единой программой, должны будемъ проводить въ своей работѣ организаціи активной борьбы рабочихъ массъ, между нами всплывутъ еще немалыя разногласія. Но они всплывутъ на почвѣ, расчищенной отъ прежнихъ наслоеній и я не считаю невозможнымъ, что при рѣшеніи, напр., вопроса, какъ *практически* дѣйствовать соціальдемократамъ по отношенію къ земской политической кампаніи, иные изъ „меньшинства“ сойдутся съ нѣкоторыми изъ „большинства“ и обратно.

* * *

Слѣдя за открывшейся „новой эрой“ въ области политическихъ отношеній между правительствомъ и буржуазнымъ обществомъ, разъясняя пролетаріату значеніе этой новой эры и призывая его сознательный авангардъ къ активному вмѣшательству въ начинающуюся политическую драму,—мы, соціальдемократы, не должны закрывать глаза на тѣ измѣненія, которыя могутъ быть внесены „эрой довѣрія“ *непосредственно* въ условія нашей дѣятельности въ самомъ рабочемъ классѣ. Я говорю здѣсь не только о томъ общемъ, невольномъ ослабленіи дѣйствія всемогущаго полицейскаго аппарата, которое кое-гдѣ сказывается уже теперь и которое будетъ проявляться все болѣе по мѣрѣ того, какъ самодержавіе будетъ запутываться въ непривычной ему политикѣ „довѣрія“. Конечно, будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы замшевыя перчатки, одѣваемыя на полицейскій кулакъ при его сопрокосновеніи съ земцами или даже со студентами, во время снимались каждый разъ, какъ придется его направить противъ пролетаріевъ. Недавнія полицейскія звѣрства въ Бѣлостокѣ, Варшавѣ и Ченстоховѣ служатъ тому порукой. Но несомнѣнно также и то, что общая дезорганизація полицейскаго аппарата не позволяетъ проводить сколько нибудь систематической тактики, строго отличающей тѣхъ, кого нужно „погладить“, отъ тѣхъ, кого можно и должно „подтянуть“.

Но я имѣю въ виду нѣчто, гораздо болѣе важное, чѣмъ простое ослабленіе политической репрессіи и бдительности. „Эра довѣрія“ означаетъ собой перемѣну въ политическихъ отношеніяхъ между царизмомъ и буржуазнымъ обществомъ. Но пролетаріатъ не отдѣленъ глухой стѣной отъ этого общества. Если „новая эра“ идетъ *мимо него*, то лишь постольку, поскольку онъ самъ отдѣлился уже или находится въ процессѣ отдѣленія отъ буржуазной „націи“. Тамъ же, гдѣ онъ идетъ за или вмѣстѣ съ „обществомъ“ и поскольку онъ идетъ съ нимъ вмѣстѣ, дешевая благодать „новаго курса“ не преминетъ разлиться и на него. Затѣянный „Русью“ „фондъ народнаго просвѣщенія“, о которомъ писалъ тов. Т. въ прошломъ номерѣ, послужилъ уже цѣли пріобщенія довольно широкаго слоя рабочихъ къ ограниченнымъ интересамъ либеральнаго культурничества, воспрянувшаго, благодаря этому курсу. Оживленіе дѣятельности по устройству воскресныхъ школъ и „народныхъ“ читаленъ не преминетъ, въ свою очередь, отразиться привлеченіемъ многихъ и многихъ рабочихъ къ тѣмъ „маленькимъ дѣламъ“ буржуазнаго либерализма и демократіи, которыя, въ атмосферѣ новой лорисъ-меликовщины, становятся центриками политической мобилизаціи оппозиціонныхъ силъ и факторами сплоченія около нихъ нужнаго имъ „народа“. Вполнѣ возможно, что на этой почвѣ „сотрудничества“ пролетаріевъ и передовыхъ элементовъ буржуазіи первые проявятъ потребность въ большей самодѣятельности и самостоятельности, чѣмъ та, которая досталась имъ въ удѣлъ въ сѣрыя будни полной политической реакціи. Характерно въ этомъ смыслѣ заявленіе 139 рабочихъ инструментальной мастерской Путиловскаго завода, что они даютъ свой вкладъ въ „фондъ народнаго просвѣщенія“ съ тѣмъ, чтобы этотъ фондъ не только находился „не въ рукахъ чиновничества“, но и съ тѣмъ, чтобы въ его организаціи участвовали представители отъ рабочихъ [1]). Не менѣе характерно и то, что на столбцахъ „Руси“ уже высказываются желанія, чтобы въ первую голову средства „фонда“ затратить на . . . основаніе газеты для городскихъ рабочихъ!

Оживятся, надо думать, и всевозможныя легальныя рабочія общества изъ числа тѣхъ, которыя, равнымъ образомъ, являются ареной общественнаго сотрудничества пролетаріевъ и демократическихъ элементовъ „общества“. Намъ пишутъ, что въ рабочей средѣ оживаетъ идея „только-профессіональнаго“ движенія. Въ атмосферѣ „новой эры“ эта идея можетъ, пожалуй, и не заглохнуть такъ, какъ она глохла въ условіяхъ полнаго безправія самыхъ умѣренныхъ профессіоналистскихъ начинаній.

Словомъ, если „новая эра“ не намѣрена и не можетъ пойти на встрѣчу революціонной классовой борьбѣ пролетаріата, то, идя на встрѣчу хотя бы частнымъ общественнымъ потребностямъ буржуазіи, она, по пути, открываетъ нѣкоторыя перспективы недостаточно-сознательнымъ, но уже втянутымъ въ кругъ *гражданскихъ* интересовъ, слоямъ рабочихъ. Какъ борецъ за *свое* освобожденіе, пролетарій не затрагивается политической комедіей, аранжированной кн. Святополкомъ. Какъ пассивный участникъ оппозиціоннаго или просто культурно-либеральнаго движенія, онъ можетъ быть приглашенъ къ участію въ ней.

Это обстоятельство обязываетъ соціальдемократію къ соотвѣтственной умѣлой работѣ. Не въ нашихъ интересахъ, конечно, чтобы въ этой стадіи разложенія нынѣшняго порядка тѣ или другіе слои трудящейся массы были закрѣплены политически за чуждыми имъ, по существу, общественными силами. Но, разумѣется, помѣшать этому мы можемъ не суровыми окриками и не игнорированіемъ тѣхъ вполнѣ реальныхъ и, въ основѣ своей, прогрессивныхъ потребностей и запросовъ, удовлетворенія которыхъ рабочая масса ищетъ тамъ, гдѣ ей открывается какая-либо къ тому возможность.

Въ моментъ, когда для политическихъ проявленій различныхъ классовъ или отдѣльныхъ группъ внутри нихъ понемногу открывается широкое поле гласной, легализованной или только терпимой, дѣятельности, было бы наивностью самовлюбленныхъ заговорщиковъ пытаться убѣдить широкія массы населенія, находящіяся въ той или другой мѣрѣ подъ нашимъ вліяніемъ, не заполнять тѣхъ мѣстъ, которыя освобождаются для нихъ ослабленіемъ полицейской опеки. Но столь же непростительно было-бы закрывать глаза на эти, въ сторонѣ отъ русла нашей „доселешней“, работы, совершающіяся, частные процессы политическаго развитія того класса, руководить которымъ мы стремимся. Было бы ошибкой предоставить рабочимъ массамъ искать и находить себѣ новыхъ политическихъ руководителей въ сферѣ, скажемъ, культурно-образовательной и профессіонально экономической дѣятельности, въ сторону которой должна стихійно направиться ближайшимъ образомъ мысль широкихъ слоевъ пролетаріата въ данный моментъ [1]). Было бы политической узостью не попытаться оказать свое воздѣйствіе на ходъ и исходъ этого введенія пролетаріата въ среду оппозиціонной общественно-политической дѣятельности либерально-демократической буржуазіи.

Нелишне будетъ указать, что такая тактика „невмѣшательства“, со всѣми ея роковыми послѣдствіями (быть можетъ, вплоть до образованія новой рабочей партіи, которая сформировалась бы, внѣ насъ, въ ходѣ пріобрѣтеннаго пролетаріатомъ опыта сотрудничества и — по мѣрѣ разочарованія — размежевки съ буржуазіей), что такая тактика была бы неизбѣжна и неминуема для насъ, если бы въ нашей партіи восторжествовали тѣ, во истину, заговорщическія тенденціи, для которыхъ почва была подготовлена всѣмъ такъ называемымъ „ленинизмомъ“ и которыя a priori исключаютъ для партіи какое бы то ни было *соединеніе „подпольной“ конспираторской работы съ сложнымъ дѣломъ руководства сколько нибудь открытой общественной дѣятельностью широкихъ массъ*. Въ тѣхъ кругахъ, гдѣ указанныя заговорщическія тенденціи получили достаточное развитіе, съ большимъ неодобреніемъ относятся къ принятымъ II съѣздомъ резолюціямъ о профессіональной борьбѣ и о фабричныхъ старостахъ. И, дѣйствительно, эти резолюціи ставятъ нашей партіи тактическія задачи, которыя идутъ въ разрѣзъ съ самымъ существомъ заговорщической организаціи. Это не мѣшаетъ имъ вѣрно намѣчать путь, по которому должна идти политическая партія прелетаріата каждый разъ, какъ обрекающій ее на „подпольное“ существованіе режимъ открываетъ руководимому ею классу тѣ или иные каналы для отстаиванія хотя-бы не большой доли его интересовъ. Обѣ эти резолюціи, вѣроятно, очень и очень пригодятся намъ именно при дальнѣйшемъ развитіи Святополковой эры „довѣрія“.

Во время переходнаго періода отъ полной политической реакціи къ дѣйствительной политической свободѣ, которая легализируетъ всю классовую борьбу пролетаріата, партія наша

---

[1] См. брош. „Борьба за съѣздъ“.

[1] См. „Русь“ отъ 28 октября.

[1] Отмѣчу, что такое направленіе извѣстнаго „стихійнаго потока“ въ рабочихъ массахъ не будетъ, въ сущности, означать ихъ отказа отъ „политики“, ибо именно такое направленіе входитъ, какъ часть въ цѣлое, въ „политику“... только не въ самостоятельную политику пролетаріата, а въ политику буржуазіи, ведущей за собой пролетаріатъ.

Новая разновидность ревизіонизма.

Приблизительно года полтора тому назадъ Ленинъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ выступить противъ новой „критики“ марксовой теоріи, выразившейся въ сочиненіяхъ г. Богданова. Совершенно справедливо усматривая въ сочетаніи эмпиріомонизма съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи новую разновидность буржуазно-„критическихъ“ стремленій, Ленинъ энергически настаивалъ на томъ, чтобы я немедленно занялся оцѣнкой этого теченія. Онъ говорилъ мнѣ при этомъ, что онъ обращался съ этимъ предложеніемъ къ Плеханову, но что Плехановъ, вполнѣ раздѣляя необходимость такой работы, тѣмъ не менѣе, отказался отъ нея вслѣдствіе болѣе насущныхъ и болѣе неотлагательныхъ партійныхъ занятій. Я обѣщалъ Ленину исполнить его просьбу при первой возможности. Этотъ эпизодъ ясно показываетъ, что мы, марксисты, встрѣтили соединеніе эмпиріомонизма съ матеріалистическимъ взглядомъ на исторію, какъ враждебное и противоположное нашимъ взглядамъ ученіе, выступить противъ котораго мы считали своимъ партійнымъ долгомъ. Однако, различныя партійныя условія стерли на время изъ нашей памяти этотъ вопросъ, — точнѣе, отодвинули его на задній планъ. Но вотъ, недавно, вышли въ свѣтъ двѣ книжки г. Богданова „Эмпиріомонизмъ“ и сборникъ статей подъ заглавіемъ: „Изъ психологіи общества“, и это обстоятельство заставило меня вспомнить обѣщаніе, данное мною Ленину. Я принимаюсь, наконецъ, за критику богдановской „критики“.

Раньше, чѣмъ перейти къ темѣ, считаю не лишнимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, опредѣлить задачу этой статьи. Само собою разумѣется, что размѣры газетнаго фельетона не позволяютъ мнѣ дать полное изложеніе и обстоятельную критику эмпиріомонизма. Цѣль моя заключается исключительно въ томъ, чтобы въ общихъ и краткихъ чертахъ показать, до какой степени эмпиріомонизмъ противорѣчитъ матеріалистическому пониманію исторіи и до какой степени взглядъ г. Богданова, какъ послѣдователя этого направленія, ничего общаго не имѣетъ съ теоріей Маркса-Энгельса.

Въ статьѣ „Развитіе жизни въ природѣ и въ обществѣ“ г. Богдановъ пытается объяснить происхожденіе идеологіи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи. Онъ находитъ, что формулировка историческаго матеріализма въ томъ видѣ, какъ она была дана Марксомъ въ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“, въ значительной степени устарѣла и страдаетъ неполнотой и неточностью. Эта формулировка „не выясняетъ намъ, — говоритъ г. Богдановъ, — въ чемъ заключается непосредственное жизненное значеніе цѣлой обширной области общественныхъ явленій, не выясняетъ, почему идеологія нужна обществу, для чего она ему служитъ и въ *какой мѣрѣ* (курсивъ автора) она необходима; при этомъ остается также въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько идеологія существенно однородна или разнородна съ „экономикой“. Далѣе, старая формулировка страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью своихъ основныхъ понятій, особенно относится это къ понятію „экономической структуры“ общества, въ которую входятъ, между прочимъ имущественныя отношенія“, т. е., въ сущности, *правовыя* (курсивъ автора) отношенія собственности, тогда какъ „правовая надстройка вообще причисляется къ формамъ идеологіи“ [1]).

Устарѣвшая, неполная и неточная формулировка Маркса можетъ быть дополнена, расширена и приведена въ согласіе съ результатами современной науки лишь въ томъ случаѣ, если историческій матеріализмъ откажется отъ „матеріалистической метафизики“ и приметъ за точку отправленія теорію познанія эмпиріомонизма. Намъ, слѣдовательно, остается разсмотрѣть, насколько удачной оказалась новая „ревизія“ марксовой теоріи, предпринятая г. Богдановымъ.

Сущность запутанной и сложной теоріи Авенаріуса сводится къ двумъ основнымъ принципамъ. Во-первыхъ, въ нее входитъ біологическій принципъ борьбы за существованіе: главнымъ двигателемъ нашего познанія является приспособленіе къ жизни, и всѣ научныя обобщенія обусловливаются стремленіемъ къ экономіи силъ. Во-вторыхъ, наше познаніе должно разъ на всегда освободиться отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ и догматическихъ предпосылокъ. Для этого познаніе должно разсматриваться само по себѣ, какъ таковое. Если же мы вникнемъ въ процессъ образованія познанія и поймемъ его настоящее содержаніе, то мы увидимъ, что оно состоитъ изъ совокупности мнѣній людей. Каждый человѣкъ воспринимаетъ въ противостоящей ему средѣ мнѣнія и всѣ формы проявленія ощущеній другихъ людей. Изъ суммы этихъ высказываній слагается обобщенный научный опытъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что критическая сторона теоріи Авенаріуса состоитъ въ томъ, что онъ окончательно устраняетъ съ поля опыта познаваемый реальный предметъ, положительная же сторона сводится къ тому, что опытъ есть продуктъ коллективныхъ высказываній людей. Съ теоріей Авенаріуса совершенно тождественно, по своему внутреннему содержанію, міровоззрѣніе Маха. Центральнымъ пунктомъ для философскихъ взглядовъ Маха служитъ также какъ для взглядовъ Авенаріуса, критика и отрицаніе познаваемаго внѣшняго предмета. Опытъ состоитъ изъ суммы нашихъ ощущеній. Представленіе о томъ, что нашимъ субъективнымъ ощущеніямъ соотвѣтствуетъ реальный предметъ внѣ насъ, возникаетъ по той причинѣ, что наши внѣшнія чувства дѣйствуютъ не одновременно. Когда мы *видимъ* предметъ, мы можемъ его не *осязать*; когда осязаемъ, не ощущать его запаха и т. д. Отсутствіе нѣкоторыхъ ощущеній при воспріятіи предмета даетъ намъ поводъ предполагать, что предметъ существуетъ внѣ насъ и независимо отъ нашихъ ощущеній. На основаніи этого анализа Махъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Вещь, тѣло, матерія есть *ничто* внѣ нашихъ ощущеній цвѣта, звука и т. д., — внѣ такъ называемыхъ признаковъ“ [2]), или: „Не тѣла причиняютъ наши ощущенія, а совокупность элементовъ нашихъ ощущеній образуетъ тѣла. Если физику кажется, что тѣла представляютъ собою нѣчто устойчивое и реальное, а ощущенія нѣчто текучее и преходящее, то онъ при этомъ упускаетъ изъ виду, что всѣ „тѣла“ только символы, которые являются продуктомъ нашего мышленія для обозначенія совокупности ощущеній [3]). Здѣсь сказано съ ясностью, не оставляющей никакого сомнѣнія, что *не сознаніе обусловливается бытіемъ, а что, напротивъ, бытіе обусловливается сознаніемъ*. Разница между Авенаріусомъ и Махомъ чисто формальнаго характера. Авенаріусъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на формѣ проявленія ощущеній, на высказываніяхъ, между тѣмъ какъ Махъ занимается анализомъ ощущеній. Но какъ тотъ, такъ и другой устраняютъ изъ познанія внѣшній предметъ, разсматривая его, какъ метафизическое предположеніе. И это-то міровоззрѣніе, совершенно противоположное теоріи Маркса, г. Богдановъ кладетъ въ основу матеріалистическаго взгляда на исторію. Г. Богдановъ совсѣмъ не оригиналенъ въ этомъ предпріятіи. Всѣ „ревизіонисты“ начинали свой пересмотръ системы Маркса тѣмъ, что удаляли изъ нея философскій матеріализмъ и подкладывали подъ историческій матеріализмъ идеалистическій фундаментъ. Не оригиналенъ г. Богдановъ и въ выборѣ философской системы. Г. Струве уже старался соединить марксову теорію съ имманентной философіей [1]). А имманентная философія въ своей *главной основѣ* совершенно тождественна съ эмпиріомонизмомъ, какъ это признаетъ и самъ Махъ. „Критики“ воображали, — а нѣкоторые изъ нихъ воображаютъ еще и до сихъ поръ, — что философскій матеріализмъ въ теоріи Маркса-Энгельса лишь случайный элементъ, не стоящій ни въ какой связи съ философско-историческимъ воззрѣніемъ. Это грубое заблужденіе блестяще доказываетъ лишь то, что „критики“ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія ни о методѣ, ни о содержаніи матеріалистическаго объясненія исторіи. На самомъ дѣлѣ матеріалистическое объясненіе природы служитъ исходнымъ пунктомъ, первой и необходимой предпосылкой матеріалистическаго объясненія исторіи. Марксъ и Энгельсъ принимаютъ природу и ея процессы за дѣйствительность, которая существуетъ внѣ нашего сознанія и независимо отъ него. Содержаніе нашего сознанія обусловливается бытіемъ, дѣйствіемъ на насъ окружающей природы. Но, не смотря на причинную зависимость мышленія отъ бытія, *данное* мышленіе далеко не всегда тождественно съ бытіемъ [2]). Наши представленія о мірѣ и объ его закономѣрности могутъ совсѣмъ не совпадать, и весьма часто не совпадали, съ объективной дѣйствительностью. Поэтому, истинно и дѣйствительно лишь то мышленіе, которое находитъ свое подтвержденіе въ окружающей насъ дѣйствительности. Эта мысль побудила творцовъ научнаго соціализма окончательно порвать съ идеализмомъ, который, такъ или иначе, всегда принималъ процессы мысли за объективную реальность. „Философы, говоритъ Марксъ, *объясняли* міръ такъ или иначе, но дѣло заключается въ томъ, чтобы *измѣнить* его“. Очевидно, что съ точки зрѣнія Маркса не всякое объясненіе міра содержитъ въ себѣ возможность измѣнить его; а это значитъ, что не всякое мышленіе соотвѣтствуетъ объективной дѣйствительности. Марксъ и Энгельсъ неоднократно указывали на тотъ неоспоримый фактъ, что въ основѣ естествознанія лежитъ именно матеріалистическій, а не иной методъ изслѣдованія. Оставалось открыть научный способъ для изслѣдованія *историческаго* процесса. И это величайшее открытіе было сдѣлано Марксомъ. Въ чемъ же и состояло это открытіе, если не въ томъ, что была указана причина историческаго развитія, *лежащая внѣ представленій и внѣ сознанія людей?* Опредѣляя сущность ставитъ себѣ цѣлью, не ослабляя той своей „подпольной“ организаціи, которая ей необходима для веденія революціонной, въ узко-техническомъ смыслѣ слова (т. е. нелегальной и анти-легальной), борьбы, въ то же время распространить прямо или косвенно, свое вліяніе на всѣ тѣ сферы общественной дѣятельности, въ которыхъ будутъ постепенно находить себѣ примѣненіе культурно-политическія стремленія широкихъ массъ пролетаріата. Если, подъ эгидой „довѣрія“, рабочія массы двинутся въ широкое движеніе въ сторону *самообразованія*, мы должны будемъ въ этой сферѣ отыскать такія позиціи, которыя мы смогли бы занять для того, чтобы направить и это движеніе отъ буржуазнаго культурническаго либерализма къ пролетарской освободительной борьбѣ.[1] Если оживится профессіональное движеніе среди рабочихъ, мы должны овладѣть имъ и, равнымъ образомъ, сдѣлать его одной изъ опоръ самостоятельной классовой пролетарской политики.

---

[1] „Изъ психологіи общества“ стр. 36.

[2] Analise der Empfindung S. 5, 4 Auflage.

[3] Ibid. S. 23.

[1] См. ст. „О нѣкоторыхъ философскихъ упражненіяхъ нѣкоторыхъ „критиковъ“. „Заря“ № 4.

[2] Анимизмъ возникъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ причинъ, но это воззрѣніе, тѣмъ не менѣе, не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу процессовъ природы.

Я не могу указывать здѣсь конкретно всѣ тѣ поводы, которыми мы могли бы воспользоваться *уже теперь*, чтобы упредить другія общественныя силы и взять на себя иниціативу *оформленія* намѣчающихся частныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Но одинъ примѣръ мнѣ бы хотѣлось привести. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о предполагаемомъ созывѣ II-го всероссійскаго ремесленнаго съѣзда. Весьма вѣроятно, что это начинаніе удастся. Отчего бы нашей партіи не воспользоваться этимъ, чтобы вызвать въ „сословіи“ ремесленныхъ подмастерьевъ, почти повсемѣстно затронутомъ нашей пропагандой, движеніе съ требованіемъ созыва, въ связи съ съѣздомъ хозяевъ, всероссійскаго съѣзда подмастерьевъ, а, можетъ быть, и, вообще, квалифицированныхъ рабочихъ? Нѣсколько десятковъ легальныхъ (не „зубатовскихъ“, конечно) рабочихъ обществъ (взаимопомощи и т. п.) представляютъ вполнѣ пригодную легальную „зацѣпку“ для такого предпріятія. Если бы эта идея осуществилась, отъ насъ самихъ зависѣло бы превратить такой „рабочій конгрессъ“ въ крупный фактъ освободительной борьбы пролетаріата. Было бы желательно, чтобы товарищи на мѣстахъ обсудили возможность работы въ этомъ направленіи.

Предпріятіе, подобное указанному, ставитъ передъ нами вопросъ: не слѣдуетъ ли попытаться использовать *для себя* открывшуюся для буржуазной печати сравнительную (на русскій масштабъ) свободу? Я говорю, разумѣется, не о возможности для соціальдемократовъ пользоваться той или другой легальной демократической „трибуной“ для пропаганды марксизма. Пока наша *партійная* печать нелегальна, это участіе соціальдемократовъ въ легальной литературѣ не представляетъ большого интереса для партіи. Но зато мы имѣемъ всѣ основанія смотрѣть на пользующіеся нѣкоторой свободой демократическіе органы легальной прессы, какъ на возможную арену для *демонстраціи* политическихъ стремленій рабочаго класса. Мы могли бы попытаться публиковать въ такихъ органахъ тѣ или другія заявленія, протесты, резолюціи нашихъ организованныхъ рабочихъ (и резолюціи о III съѣздѣ, конечно, онѣ едва ли будутъ кому интересны). Обращенія рабочихъ съ такими заявленіями въ легальные органы печати сослужили бы — независимо отъ ихъ успѣха — немалую службу въ дѣлѣ практическаго ознакомленія „рядовыхъ“ рабочихъ съ тѣми политическими силами, съ которыми имъ впослѣдствіи придется столкнуться на аренѣ болѣе широкой политической борьбы.

Я считалъ необходимымъ намѣтить нѣкоторыя „возможности“, открывающіяся намъ, благодаря знаменательнымъ политическимъ событіямъ, развертывающимся въ Россіи. Товарищи видятъ, что эти немногія, указанныя мной, возможности открываютъ перспективы разнообразной, интересной и новой по формамъ работы. И я могу кончить статью такъ, какъ ее началъ: необходимо работать, работать во всю!

Л. М.

ОБЪ АГРАРНОЙ ПРОГРАММѢ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

I.

Наступившій кризисъ русскаго самодержавно-бюрократическаго строя настоятельно заставляетъ въ настоящее время учесть всѣ общественныя силы, которыя примутъ участіе не только въ освободительной борьбѣ, но и въ конструированіи новаго политическаго строя.

Трудно, конечно, предрѣшить и напередъ точно учесть ту роль, которую сыграютъ различные классы въ этой борьбѣ во время и послѣ побѣды надъ самодержавіемъ. Тѣмъ не менѣе, задача каждой политической партіи заключается не только въ томъ, чтобы, по возможности, опредѣлить роль всѣхъ общественныхъ силъ, но и выяснить, какія задачи осуществимы въ ближайшемъ будущемъ и какія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Безъ такого учета всякая программа партіи будутъ представлять изъ себя или безсодержательный наборъ громкихъ фразъ, или, въ лучшемъ случаѣ, рядъ благихъ пожеланій, которыя могутъ никогда не осуществиться или привести совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Каждая политическая партія вырабатываетъ свою программу, и та программа для данной политической группы является наиболѣе удачной, лучше выработанной, которая ставитъ лучшій политическій прогнозъ, которая яснѣе и точнѣе опредѣляетъ политическую роль каждаго общественнаго класса.

Изъ проекта программы соціалистовъ-революціонеровъ видно, что они, къ сожалѣнію, не знаютъ ни того, что они могутъ, ни того, чего они хотятъ. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что такое заключеніе единственно правильное, если вѣрить искренности авторовъ проекта программы, а у насъ нѣтъ основанія въ нее не вѣрить.

Въ этой статьѣ мы не будемъ анализировать мотивировки программы, обнаруживающей своеобразное пониманіе дѣйствительности „соц.-революціонерами“: нужно было бы оспаривать почти каждое слово мотивировки, критикуя все міровоззрѣніе, выразившееся въ ней[1]).

II.

Въ основѣ программы лежитъ такъ называемое „народническое“ міровоззрѣніе, реставрированное по западно-европейскому образцу. Эта смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“ отразилась неблагопріятно, какъ на общей мотивировкѣ программы, такъ и на программныхъ задачахъ, поставленныхъ „соц.-революціонерами“.

Желая угодить всѣмъ рѣзко оппозиціоннымъ элементамъ современнаго общества — разночинной интеллигенціи, рабочимъ и крестьянамъ, — „соц.-революціонеры“ ухитрились создать такую программу, отдѣльные пункты которой, дѣйствительно, выражаютъ интересы этихъ, столь разнородныхъ, общественныхъ группъ. Бѣда лишь въ томъ, что желаніе угодить всѣмъ привело неизбѣжно къ противорѣчію однихъ требованій другимъ.

Поскольку программа касается общедемократическихъ требованій, въ ней нѣтъ противорѣчій, потому что въ осуществленіи ихъ одинаково заинтересованы всѣ три группы, интересы которыхъ хочетъ представить партія „соц.-революціонеровъ“. Переходя же къ хозяйственнымъ отношеніямъ, „соц.-рев.“ неизбѣжно попадаютъ въ противорѣчіе со своими же пожеланіями и требованіями.

1) „Въ вопросахъ рабочаго законодательства партія „соц.-революціонеровъ“ ставитъ своею цѣлью... установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени, сообразно нормамъ, указываемымъ научною гигіеной; установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ“... и т. д.

Все это хорошо и нельзя не одобрить, но... что будетъ съ „народнымъ производствомъ“? Вѣдь, если эту мѣру провести въ жизнь и распространить на такъ называемыхъ кустарей, которые конкурируютъ съ крупнымъ производствомъ, благодаря низкой оплатѣ труда и удлиненному рабочему дню, то большая часть ихъ погибнетъ въ безнадежной конкурренціи! Огромное количество кустарей имѣетъ по одному, по 2-5 рабочихъ, многіе кустари работаютъ дома на хозяина сдѣльно. Устраненіе этихъ кустарей дастъ огромный толчокъ капитализаціи промышленности. Соціальдемократы сокращенія мелкаго производства не боятся, такъ какъ они находятъ развитіе крупнаго капиталистическаго производства шагомъ впередъ въ хозяйственномъ развитіи общества; они не боятся, если защитой рабочихъ толкнуть это развитіе впередъ. Но для „соц.-рев.“, „переустройство“ современнаго общества начинать съ требованій, дающихъ толчокъ развитію крупной промышленности насчетъ мелкой, какъ будто не пристало. Итакъ, „соц.-рев.“, чтобы угодить рабочимъ, готовы дать толчокъ развитію крупнаго производства насчетъ мелкаго! Во всякомъ случаѣ, это великодушно — жертвовать своими кровными убѣжденіями, ради блага рабочихъ... Чтобы угодить крестьянамъ, „въ вопросахъ аграрной политики и поземельныхъ отношеній партія „соц.-рев.“ ставитъ себѣ цѣлью использовать (какъ?), въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, такъ и *вообще* (?) трудовыя (?!) воззрѣнія (!), традиціи (!!) и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся. Въ этихъ видахъ партія будетъ стоять за соціализацію (?) всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ *на началахъ уравнительнаго землепользованія*“.

Допустимъ, что „соц.-рев“. цѣликомъ „используютъ вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни крестьянъ“ и раздѣлятъ землю поровну. Очевидно, для крестьянъ тогда наступитъ райская жизнь, и на фабрику никого изъ деревенскаго населенія и коврижкой не заманишь. Какіе же получатся результаты соціализаціи земли? Обратимся къ фактамъ.

На сто душъ крестьянскаго населенія приходится посѣвной площади десятинъ[1]):

I. въ югозападномъ районѣ	51,2
II. въ средне-черноземномъ	63,5
III. въ промышл.-черноземн.	52
IV. въ южномъ районѣ	121

Изъ общей площади земли приходится % владѣній:

въ I. районѣ	46,9%	крест. и	53,1%	частн., каз. и удѣльн.
во II. „	58,9%	„ „	41,1%	„ „ „ „
въ III. „	52,3%	„ „	47,7%	„ „ „ „
въ IV. „	48,4%	„ „	51,6%	„ „ „ „

Итакъ, если земледѣльческое населеніе не увеличится и если *всѣ* земли будутъ въ рукахъ крестьянъ, то количество земли у нихъ почти удвоится, и крестьяне будутъ имѣть посѣва почти вдвое болѣе: въ первыхъ трехъ районахъ *по одной десятинѣ* на душу, а въ южномъ *по 2½ десятины*. Но мы взяли огромные районы съ десятками губерній. Если же разбить эти районы на болѣе мелкія территоріальныя единицы, то мы найдемъ, что въ однихъ районахъ количество земли у крестьянъ почти не увеличится (тамъ, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ земель), а въ нѣкоторыхъ районахъ оно учетверится, упятерится. Особенно много земли, по отношенію къ земледѣльческому населенію, будетъ въ южномъ районѣ, гдѣ и теперь крестьяне и казаки нанимаютъ огромное количество крестьянъ центральнаго черноземнаго района. Теперь крестьяне и помѣщики многоземельныхъ районовъ нанимаютъ крестьянъ малоземельныхъ районовъ. Если отъ „соц.-рев“. не послѣдуетъ запрещеніе крестьянамъ нанимать рабочихъ, а другимъ наниматься, то увеличеніе крестьянской земли въ многоземельныхъ районахъ еще болѣе увеличитъ потребность крестьянъ въ наемномъ трудѣ. Правда, при увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, нужно думать, потребности крестьянъ увеличатся и заработная плата возрастетъ, но высокая заработная плата лишь благопріятствуетъ введенію сельскохозяйственныхъ машинъ у богатыхъ предпринимателей и легче сдвинетъ на заработки крестьянъ изъ плотно населенныхъ районовъ. Извѣстно, что въ рѣже населенныхъ районахъ и въ настоящее время процвѣтаютъ капиталистическія казачьи и крестьянскія хозяйства при *уравнительномъ юридическомъ* землепользованіи и при наймѣ своихъ многоземельныхъ, но бѣдныхъ сосѣдей. Если сравнить развитіе капиталистическаго крестьянскаго хозяйства въ многоземельныхъ и малоземельныхъ районахъ, то мы найдемъ, что при многоземельи капиталистическое хозяйство развивается сильнѣе и быстрѣе. Напримѣръ, въ южномъ районѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, земли у крестьянъ въ 2½ раза болѣе, чѣмъ въ центральномъ, изъ крестьянъ выдѣлилась многочисленная группа богатѣевъ. Въ центральномъ районѣ эта группа слабѣе и тамъ, безъ содѣйствія „соц.-рев“., произошло уравненіе... бѣдностью. Въ южномъ районѣ группа однолошадныхъ и двухлошадныхъ имѣетъ 77,8% всѣхъ лошадей (по переписи 1893 г.), а группа богатыхъ хозяйствъ въ шесть и болѣе лошадьми имѣетъ только

---

[1]) Нынѣшняя германская соціальдемократія (ея марксистская фракція) *формально* составилась изъ союза рабочихъ обществъ самообразованія.

[1]) Какой, напримѣръ, родной стариной вѣетъ отъ положенія, что русская промышленность, отгороженная частоколомъ таможни отъ конкурренціи, *„страдаетъ отъ недостатка внѣшнихъ рынковъ“*.

[1]) См. П. Масловъ. „Условія развитія сельскаго хозяйства“. стр. 220.

всякаго научнаго метода, Гельмгольцъ говоритъ, что „поскольку мы въ состояніи объяснить закономѣрность факторомъ, находящимся внѣ нашихъ представленій, постольку мы можемъ назвать этотъ факторъ причиной“. Это справедливое требованіе, предъявляемое всякому научному опыту, было предъявлено Марксомъ историческому изслѣдованію. Объективной причиной, объясняющей закономѣрность историческаго процесса, оказались, какъ извѣстно, фактическія отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства, обусловливаемыя состояніемъ производительныхъ силъ. Но что же такое производительныя силы даннаго общества, если не мѣра власти общественнаго человѣка надъ внѣшней природой? А если это такъ, то должно быть ясно для каждаго, что матеріалистическое объясненіе исторіи необходимо предполагаетъ матеріалистическій взглядъ на природу. Опредѣляя понятіе орудій производства, Марксъ говоритъ: „Кромѣ предметовъ, которые служатъ посредникомъ между трудомъ и его объектомъ, и потому, въ той или другой степени, служатъ проводники воздѣйствія, орудіями процесса труда въ болѣе обширномъ смыслѣ, являются всѣ *матеріальныя условія* вообще, необходимыя для того, чтобы процессъ труда могъ совершиться“. Если разсмотрѣть весь процессъ въ его цѣломъ съ точки зрѣнія результата процесса, т. е. продукта, тогда оба они — орудія труда и объектъ труда являются средствами производства“. Кажется парадоксальнымъ считать, напримѣръ, рыбу, которая еще не поймана, средствомъ производства для рыбной ловли. Но до сихъ поръ еще не изобрѣтено искусство ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится“. Буржуазные идеологи, вынужденные подъ вліяніемъ грандіозныхъ успѣховъ современной техники, признать общественное значеніе орудій производства, находятъ возможность и въ этомъ случаѣ встать на идеалистическую почву. Техника, говорятъ они, играетъ огромную, неоспоримую роль, ею, дѣйствительно, обусловливается развитіе культуры; но сама техника обязана своимъ происхожденіемъ чистому сознанію, „умственному фактору“. Такъ что экономическій базисъ сводится, въ послѣднемъ счетѣ, къ идеалистическому началу, къ сознанію. Въ приведенной нами цитатѣ Марксъ со свойственной ему краткостью и истинной глубиной отвѣчаетъ на подобнаго рода возраженіе: чистое сознаніе, „умственный факторъ“ не изобрѣлъ искусства ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится. Всякое орудіе, приспособленное къ своей цѣли, — въ данномъ примѣрѣ къ рыбной ловлѣ, — есть продуктъ умственной, цѣлесообразной дѣятельности, предполагающей наличность сознанія, но несмотря на это, орудіе создано не изъ ощущеній и не изъ чистаго сознанія, а изъ грѣшной матеріи, получившей опредѣленную форму, сообразно опредѣленной цѣли. Но и это не все. Направленіе умственной дѣятельности, необходимое для созданія орудій рыбной ловли, опредѣлялось не „умственнымъ факторомъ“, а свойствами той среды, которая дала возможность человѣку стать рыболовомъ. Если бы на земномъ шарѣ не существовало рыбы, то отсутствовалъ бы весь психическій и умственный процессъ, которымъ сопровождается рыбная ловля, отсутствовали бы также всѣ тѣ миѳы, которые выросли на почвѣ этого занятія. Слѣдовательно, не психика, не чистое сознаніе, не „умственный факторъ“ *творитъ* изъ самого себя орудія производства, а реальная природа вызываетъ и опредѣляетъ тотъ или иной родъ умственной дѣятельности, которая ставитъ себѣ цѣлью побѣду надъ той же окружающей природой.

Но перейдемъ къ г. Богданову. Какъ ученикъ Авенаріуса и Маха, онъ отказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ матеріализма. „Эмпиріомонизму, — пишетъ онъ, — нѣтъ дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма; и духъ и матерія для него только комплексы элементовъ (совокупность ощущеній. Ортодоксъ), а всякая сущность и всякое сверхопытное познаніе, — термины безъ всякаго содержанія, пустыя абстракціи“[1]). Но что же такое природа, физическій міръ? Вотъ что. „Вообще, физическій міръ — это соціально-согласованный, соціально гармонизованный, словомъ, соціально организованный опытъ“[2]). Итакъ, природа не реальна; она не существуетъ внѣ нашего сознанія; она лишь продуктъ коллективныхъ ощущеній и представленій людей. Это положеніе является исходнымъ пунктомъ для всѣхъ соціологическихъ взглядовъ г. Богданова и оно же должно спасти историческій матеріализмъ отъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ.

Остановимся на наиболѣе существенныхъ взглядахъ г. Богданова и посмотримъ, насколько они согласуются съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первостепенный и главный вопросъ въ соціологіи есть вопросъ о томъ, что такое общество, о причинахъ его возникновенія, развитія и существованія. Г. Богдановъ ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „Отдѣльные люди, даже взятые въ совокупности, еще не составляютъ общества. Въ понятіи „общества“ уже заключается идея организованности, объединенія жизненной совмѣстности особей. Такимъ образомъ, чтобы имѣло смыслъ самое употребленіе слова „общество“, необходима наличность опредѣленнаго организованнаго приспособленія. Это приспособленіе — *соціальный инстинктъ*“[3]). Послѣдователи историческаго матеріализма безспорно согласятся съ г. Богдановымъ, что для того, чтобы слово „общество“ имѣло смыслъ, должно существовать понятіе, которому соотвѣтствовала бы общественная организація. Но они никоимъ образомъ не согласятся съ нимъ въ томъ, что *первоначальной* причиной общественной организаціи служитъ психологическій факторъ — общественный инстинктъ.

Согласиться съ такимъ положеніемъ значило бы отказаться отъ всего матеріалистическаго взгляда на исторію и вернуться далеко назадъ, къ наивнымъ и первымъ попыткамъ исканія историческихъ законовъ. Объяснять общественную жизнь и историческую дѣятельность человѣка тѣми или другими психологическими и умственными свойствами человѣческой природы, значитъ топтаться на одномъ мѣстѣ и довольствоваться чистѣйшей тавтологіей, такъ какъ соціальная психологія, которая нуждается въ объективной причинѣ для своего объясненія, объясняется въ данномъ случаѣ той же соціальной психологіей. И это возвращеніе къ туманнымъ, неопредѣленнымъ и ничего не говорящимъ ссылкамъ на свойства человѣческой природы г. Богдановъ самодовольно выдаетъ за углубленіе и дополненіе Марксовой теоріи. Это представители и защитники господствующихъ угнетающихъ классовъ охотно ссылались и до сихъ поръ ссылаются на соціальный инстинктъ, на гуманную человѣческую природу потому что подобное объясненіе *возникновенія* и существованія общества даетъ возможность затушевывать и притуплять классовыя противорѣчія. Именно противъ этого идеалистическаго взгляда на исторію и выступилъ историческій матеріализмъ. Съ точки зрѣнія матеріалистическаго взгляда на исторію, общество возникаетъ не вслѣдствіе сердечнаго влеченія, а подъ вліяніемъ борьбы съ внѣшней природой, требующей совокупныхъ усилій. „Человѣкъ, пишетъ Бельтовъ, не въ одиночку ведетъ борьбу съ природой, съ нею борется, по выраженію Маркса, общественный человѣкъ (der Gesellschaftsmensch), т. е. болѣе или менѣе значительный по своимъ размѣрамъ общественный союзъ“. Первобытный человѣкъ, ведя борьбу съ природой въ союзѣ съ себѣ подобными, обладаетъ, разумѣется, соціальнымъ инстинктомъ. Но этотъ инстинктъ не есть самостоятельно психологическое начало, не божественное внушеніе и не составляетъ *сущности* человѣческой природы, а есть результатъ той продолжительной борьбы, которую вели съ окружающей природой предки первобытнаго человѣка, высшія животныя. Соціальный инстинктъ и всѣ его формы проявленія — продуктъ совмѣстной борьбы съ окружающей географической средой, а не *первоначальная* причина общественной организаціи. Поэтому, совершенно правильно разсуждаетъ Бельтовъ, когда говоритъ: „Свойства *общественнаго* (курсивъ автора) человѣка опредѣляются въ каждое данное время *степенью развитія производительныхъ силъ, потому что отъ степени развитія этихъ силъ зависитъ весь строй общественнаго союза*“ (курсивъ нашъ). Это значитъ, что не соціальными свойствами человѣческой *природы* обусловливается общественная организація, а, наоборотъ, общественной организаціей опредѣляются соціальныя свойства человѣка. Только объективными общественными отношеніями, экономическими процессами, возможно объяснить ту сложную и пеструю игру психологическихъ силъ, борьбу различныхъ и противоположныхъ страстей и стремленій, которыя возникаютъ и обнаруживаются на почвѣ общественной жизни и исторической дѣятельности. Но всякое объективное бытіе, находящееся внѣ человѣческой психологіи — запрещенный плодъ для г. Богданова. Съ его точки зрѣнія, не природа предшествовала общественной организаціи, а, наоборотъ, организованное общество выдумало природу. Субъективно идеалистическое міровоззрѣніе Маха и Авенаріуса строго запрещаетъ г. Богданову выходить за предѣлы человѣческихъ представленій и заставляетъ его, поэтому, на разные лады повторять то безсодержательное положеніе, что причина общественнаго сознанія есть общественное сознаніе. „Въ своей борьбѣ за существованіе, разсуждаетъ г. Богдановъ, люди не могутъ объединяться иначе, какъ при помощи *сознанія*: безъ сознанія нѣтъ общенія. Поэтому *соціальная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ есть сознательная психологическая*“[1])

Это глубокомысленное открытіе должно, по мнѣнію г. Богданова, служить серьезнымъ и значительнымъ дополненіемъ къ марксовой теоріи. Г. Богдановъ жестоко ошибается. Основателямъ историческаго матеріализма была очень хорошо извѣстна та очевидная и банальная истина, что если бы не было человѣка съ его психическими свойствами и способностью къ умственной, сознательной дѣятельности, то не было бы ни общественной организаціи, ни всемірной исторіи. Историческій матеріализмъ никогда не отрицалъ факта существованія сознанія и значенія его въ историческомъ процессѣ, а старался открыть объективныя причины историческаго развитія и общественнаго сознанія. Желая углубить теорію Маркса, г. Богдановъ съ легкомысліемъ, должна ставить себѣ цѣлью, не ослабляя той своей „подпольной“ организаціи, которая ей необходима для веденія революціонной, въ узко-техническомъ смыслѣ слова (т. е. нелегальной и анти-легальной), борьбы, въ то же время распространить, прямо или косвенно, свое вліяніе на всѣ тѣ сферы общественной дѣятельности, въ которыхъ будутъ постепенно находить себѣ примѣненіе культурно-политическія стремленія широкихъ массъ пролетаріата. Если, подъ эгидой „довѣрія“, рабочія массы двинутся въ широкое движеніе въ сторону *самообразованія*, мы должны будемъ въ этой сферѣ отыскать такія позиціи, которыя мы смогли бы занять для того, чтобы направить и это движеніе отъ буржуазнаго культурническаго либерализма къ пролетарской освободительной борьбѣ.[1] Если оживится профессіональное движеніе среди рабочихъ, мы должны овладѣть имъ и, равнымъ образомъ, сдѣлать его одной изъ опоръ самостоятельной классовой пролетарской политики.

---

[1]) „Эмпиріомонизмъ“, стр. 21.

[2]) Ibid., стр. 36.

[3]) „Изъ психологіи общества“, стр. 56.

[1]) Ibid. стр. 50 курсивъ автора.

Я не могу указывать здѣсь конкретно всѣ тѣ поводы, которыми мы могли бы воспользоваться *уже теперь*, чтобы упредить другія общественныя силы и взять на себя иниціативу *оформленія* намѣчающихся частныхъ движеній въ рабочемъ классѣ. Но одинъ примѣръ мнѣ бы хотѣлось привести. Въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о предполагаемомъ созывѣ II-го всероссійскаго ремесленнаго съѣзда. Весьма вѣроятно, что это начинаніе удастся. Отчего бы нашей партіи не воспользоваться этимъ, чтобы вызвать въ „сословіи“ ремесленныхъ подмастерьевъ, почти повсемѣстно затронутомъ нашей пропагандой, движеніе съ требованіемъ созыва, въ связи съ съѣздомъ хозяевъ, всероссійскаго съѣзда подмастерьевъ, а, можетъ быть, и, вообще, квалифицированныхъ рабочихъ? Нѣсколько десятковъ легальныхъ (не „зубатовскихъ“, конечно) рабочихъ обществъ (взаимопомощи и т. п.) представляютъ вполнѣ пригодную легальную „вывѣску“ для такого предпріятія. Если бы эта идея осуществилась, отъ насъ самихъ зависѣло бы превратить такой „рабочій конгрессъ“ въ крупный фактъ освободительной борьбы пролетаріата. Было бы желательно, чтобы товарищи на мѣстахъ обсудили возможность работы въ этомъ направленіи.

Предпріятіе, подобное указанному, ставитъ передъ нами вопросъ: не слѣдуетъ ли попытаться использовать *для себя* открывшуюся для буржуазной печати сравнительную (на русскій масштабъ) свободу? Я говорю, разумѣется, не о возможности для соціальдемократовъ пользоваться той или другой легальной демократической „трибуной“ для пропаганды марксизма. Пока наша *партійная* печать нелегальна, это участіе соціальдемократовъ въ легальной литературѣ не представляетъ большого интереса для партіи. Но зато мы имѣемъ всѣ основанія смотрѣть на пользующіеся нѣкоторой свободой демократическіе органы легальной прессы, какъ на возможную арену для *демонстраціи* политическихъ стремленій рабочаго класса. Мы могли бы попытаться публиковать въ такихъ органахъ тѣ или другія заявленія, протесты, резолюціи нашихъ организованныхъ рабочихъ (и резолюціи о III съѣздѣ, конечно, онѣ едва ли будутъ кому интересны). Обращенія рабочихъ съ такими заявленіями въ легальные органы печати сослужили бы (независимо отъ ихъ успѣха) немалую службу въ дѣлѣ практическаго ознакомленія „рядовыхъ“ рабочихъ съ тѣми политическими силами, съ которыми имъ впослѣдствіи придется столкнуться на аренѣ болѣе широкой политической борьбы.

Я считалъ необходимымъ намѣтить нѣкоторыя „возможности“, открывающіяся намъ, благодаря знаменательнымъ политическимъ событіямъ, развертывающимся въ Россіи. Товарищи видятъ, что эти немногія, указанныя мной возможности открываютъ перспективы разнообразной, интересной и новой по формамъ работы. И я могу кончить статью такъ, какъ ее началъ: необходимо работать, работать во всю!

Л. М.

---

[1] Нынѣшняя германская соціальдемократія (ея марксистская фракція) *формально* составилась изъ союза рабочихъ обществъ самообразованія.

ОБЪ АГРАРНОЙ ПРОГРАММѢ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

I.

Наступившій кризисъ русскаго самодержавно-бюрократическаго строя настоятельно заставляетъ въ настоящее время учесть всѣ общественныя силы, которыя примутъ участіе не только въ освободительной борьбѣ, но и въ конструированіи новаго политическаго строя.

Трудно, конечно, предрѣшить и напередъ точно учесть ту роль, которую сыграютъ различные классы въ этой борьбѣ во время и послѣ побѣды надъ самодержавіемъ. Тѣмъ не менѣе, задача каждой политической партіи заключается не только въ томъ, чтобы, по возможности, опредѣлить роль всѣхъ общественныхъ силъ, но и выяснить, какія задачи осуществимы въ ближайшемъ будущемъ и какія въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Безъ такого учета всякая программа партіи будутъ представлять изъ себя или безсодержательный наборъ громкихъ фразъ, или, въ лучшемъ случаѣ, рядъ благихъ пожеланій, которыя могутъ никогда не осуществиться или привести совершенно не къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ. Каждая политическая партія вырабатываетъ свою программу, и та программа для данной политической группы является наиболѣе удачной, лучше выработанной, которая ставитъ лучшій политическій прогнозъ, которая яснѣе и точнѣе опредѣляетъ политическую роль каждаго общественнаго класса.

Изъ проекта программы соціалистовъ-революціонеровъ видно, что они, къ сожалѣнію, не знаютъ ни того, что они могутъ, ни того, чего они хотятъ. Изъ дальнѣйшаго читатель увидитъ, что такое заключеніе единственно правильное, если вѣрить искренности авторовъ проекта программы, а у насъ нѣтъ основанія въ нее не вѣрить.

Въ этой статьѣ мы не будемъ анализировать мотивировки программы, обнаруживающей своеобразное пониманіе дѣйствительности „соц.-революціонерами“: нужно было бы оспаривать почти каждое слово мотивировки, критикуя все міровоззрѣніе, выразившееся въ ней[1].

II.

Въ основѣ программы лежитъ такъ называемое „народническое“ міровоззрѣніе, реставрированное по западно-европейскому образцу. Эта смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“ отразилась неблагопріятно, какъ на общей мотивировкѣ программы, такъ и на программныхъ задачахъ, поставленныхъ „соц.-революціонерами“.

Желая угодить всѣмъ рѣзко оппозиціоннымъ элементамъ современнаго общества — разночинной интеллигенціи, рабочимъ и крестьянамъ, — „соц.-революціонеры“ ухитрились создать такую программу, отдѣльные пункты которой, дѣйствительно, выражаютъ интересы этихъ столь разнородныхъ общественныхъ группъ. Бѣда лишь въ томъ, что желаніе угодить всѣмъ привело неизбѣжно къ противорѣчію однихъ требованій другимъ.

Поскольку программа касается общедемократическихъ требованій, въ ней нѣтъ противорѣчій, потому что въ осуществленіи ихъ одинаково заинтересованы всѣ три группы, интересы которыхъ хочетъ представить партія „соц.-революціонеровъ“. Переходя же къ хозяйственнымъ отношеніямъ, „соц.-рев.“ неизбѣжно попадаютъ въ противорѣчіе со своими же пожеланіями и требованіями.

1) „Въ вопросахъ рабочаго законодательства партія „соц.-революціонеровъ“ ставитъ своею цѣлью: установленіе законодательнаго максимума рабочаго времени, сообразно нормамъ, указываемымъ научною гигіеной; установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ“ и т. д.

Все это хорошо и нельзя не одобрить, но что будетъ съ „народнымъ производствомъ“? Вѣдь если эту мѣру провести въ жизнь и распространить на такъ называемыхъ кустарей, которые конкурируютъ съ крупнымъ производствомъ благодаря низкой оплатѣ труда и удлиненному рабочему дню, то большая часть ихъ погибнетъ въ безнадежной конкурренціи. Огромное количество кустарей имѣетъ по одному, по 2—5 рабочихъ, многіе кустари работаютъ дома на хозяина сдѣльно. Устраненіе этихъ кустарей дастъ огромный толчокъ капитализаціи промышленности. Соціалдемократы сокращенія мелкаго производства не боятся, такъ какъ они находятъ развитіе крупнаго капиталистическаго производства шагомъ впередъ въ хозяйственномъ развитіи общества; они не боятся, если [illegible] рабочихъ толкнутъ это развитіе впередъ. Но для „соц.-рев.“ „переустройство“ современнаго общества начинать съ требованій, дающихъ толчокъ развитію крупной промышленности насчетъ мелкой, какъ будто не пристало. Итакъ, „соц.-рев.“, чтобы угодить рабочимъ, готовы дать толчокъ развитію крупнаго производства насчетъ мелкаго! Во всякомъ случаѣ, это великодушно — жертвовать своими кровными убѣжденіями, ради блага рабочихъ... Чтобы угодить крестьянамъ, „въ вопросахъ аграрной политики и поземельныхъ отношеній партія „соц.-рев.“ ставитъ себѣ цѣлью использовать (какъ?), въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, такъ и *вообще* (?) трудовыя (?!) воззрѣнія (!), традиціи (!!) и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности взглядъ на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся. Въ этихъ видахъ партія будетъ стоять за соціализацію (?) всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ *на началахъ уравнительнаго землепользованія*“.

Допустимъ, что „соц.-рев.“ цѣликомъ „используютъ вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни крестьянъ“ и раздѣлятъ землю поровну. Очевидно, для крестьянъ тогда наступитъ райская жизнь, и на фабрику никого изъ деревенскаго населенія и коврижкой не заманишь. Какіе же получатся результаты соціализаціи земли? Обратимся къ фактамъ.

На сто душъ крестьянскаго населенія приходится посѣвной площади десятинъ[1]:

I. въ югозападномъ районѣ	51,2
II. въ средне-черноземномъ	63,5
III. въ промышл.-черноземн.	52
IV. въ южномъ районѣ	121

Изъ общей площади земли приходится % владѣній:

въ I районѣ	46,9%	крест. и	53,1%	частн., каз. и удѣльн.
во II. „	58,9%	„ „	41,1%	„ „ „ „ „
въ III „	52,3%	„ „	47,7%	„ „ „ „ „
въ IV. „	48,4%	„ „	51,6%	„ „ „ „ „

Итакъ, если земледѣльческое населеніе не увеличится и если вся земля будетъ въ рукахъ крестьянъ, то количество земли у нихъ почти удвоится, и крестьяне будутъ имѣть посѣва почти вдвое болѣе: въ первыхъ трехъ районахъ *по одной десятинѣ* на душу, а въ южномъ *по 2½ десятины*. Но мы взяли огромные районы съ десятками губерній. Если же разбить эти районы на болѣе мелкія территоріальныя единицы, то мы найдемъ, что въ однихъ районахъ количество земли у крестьянъ почти не увеличится (тамъ, гдѣ нѣтъ помѣщичьихъ земель), а въ нѣкоторыхъ районахъ оно учетверится, упятерится. Особенно много земли, по отношенію къ земледѣльческому населенію, будетъ въ южномъ районѣ, гдѣ и теперь крестьяне и казаки нанимаютъ огромное количество крестьянъ центральнаго черноземнаго района. Теперь крестьяне и помѣщики многоземельныхъ районовъ нанимаютъ крестьянъ малоземельныхъ районовъ. Если отъ „соц.-рев.“ не послѣдуетъ запрещеніе крестьянамъ нанимать рабочихъ, а другимъ наниматься, то увеличеніе крестьянской земли въ многоземельныхъ районахъ еще болѣе увеличитъ потребность крестьянъ въ наемномъ трудѣ. Правда, при увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія, нужно думать, потребности крестьянъ увеличатся и заработная плата возрастетъ, но высокая заработная плата лишь благопріятствуетъ введенію сельскохозяйственныхъ машинъ у богатыхъ предпринимателей и легче сдвинетъ на заработки крестьянъ изъ густо населенныхъ районовъ. Извѣстно, что въ рѣже населенныхъ районахъ и въ настоящее время процвѣтаютъ капиталистическія казачьи и крестьянскія хозяйства при *уравнительномъ [illegible]* землепользованіи и при наймѣ своихъ многоземельныхъ по бѣдныхъ сосѣдей. Если сравнить развитіе капиталистическаго крестьянскаго хозяйства въ многоземельныхъ и малоземельныхъ районахъ, то мы найдемъ, что при многоземельи капиталистическое хозяйство развивается сильнѣе и быстрѣе. Напримѣръ, въ южномъ районѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, земли у крестьянъ въ 2½ раза болѣе, чѣмъ въ центральномъ, изъ крестьянъ выдѣлилась многочисленная группа богатѣевъ. Въ центральномъ районѣ эта группа слабѣе и тамъ, безъ содѣйствія „соц.-рев.“, произошло уравненіе... бѣдностью. Въ южномъ районѣ группа однолошадныхъ и двухлошадныхъ имѣетъ 77,8% всѣхъ лошадей по переписи 1893 г., а группа богатыхъ хозяйствъ въ шесть и болѣе лошадьми имѣетъ только

---

[1] Какъ, напримѣръ, [illegible] стариной вѣетъ отъ положенія, что русская промышленность, огороженная частоколомъ таможни отъ конкурренціи, „*страдаетъ отъ недостатка внѣшнихъ рынковъ*“.

[1] См. П. Масловъ, „Условія развитія сельскаго хозяйства“, стр. 220.

всякаго научнаго метода. Безсмысленно говорить, что „поскольку мы въ состояніи объяснить закономѣрность факторомъ, находящимся внѣ нашихъ представленій, постольку мы можемъ назвать этотъ факторъ причиной“. Это справедливое требованіе, предъявляемое всякому научному опыту, было предъявлено Марксомъ историческому изслѣдованію. Объективной причиной, объясняющей закономѣрность историческаго процесса, являются, какъ извѣстно, фактическія отношенія людей въ общественномъ процессѣ производства, обусловливаемыя состояніемъ производительныхъ силъ. Но что же такое производительная сила даннаго общества, если не мѣра власти общественнаго человѣка надъ внѣшней природой? А если это такъ, то должно быть ясно для каждаго, что матеріалистическое объясненіе исторіи необходимо предполагаетъ матеріалистическій взглядъ на природу. Опредѣляя понятіе орудія производства, Марксъ говоритъ: „Кромѣ предметовъ, которые служатъ посредникомъ между трудомъ и его объектомъ, и потому, въ той или другой степени, суть проводники воздѣйствія, орудіями процесса труда въ болѣе обширномъ смыслѣ являются всѣ *матеріальныя условія* вообще, необходимыя для того, чтобы процессъ труда могъ совершиться“. „Если разсмотрѣть весь процессъ въ его цѣломъ съ точки зрѣнія результата процесса, т. е. продукта, тогда оба они — орудіе труда и объектъ труда являются средствами производства“. „Кажется парадоксальнымъ считать, напримѣръ, рыбу, которая еще не поймана, средствомъ производства для рыбной ловли. Но до сихъ поръ еще не изобрѣтено искусство ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится“. Буржуазные идеологи, вынужденные подъ вліяніемъ грандіозныхъ успѣховъ современной техники признать общественное значеніе орудій производства, находятъ возможность и въ этомъ случаѣ встать на идеалистическую почву. Техника, говорятъ они, играетъ огромную, неоспоримую роль, ею, дѣйствительно, обусловливается развитіе культуры; но сама техника обязана своимъ происхожденіемъ чистому сознанію, „умственному фактору“. Такъ что экономическій базисъ сводится, въ послѣднемъ счетѣ, къ идеалистическому началу, къ сознанію. Въ приведенной нами цитатѣ Марксъ съ свойственной ему краткостью и истинной глубиной отвѣчаетъ на подобнаго рода возраженія: чистое сознаніе, „умственный факторъ“ не изобрѣлъ искусства ловить рыбу въ тѣхъ водахъ, гдѣ она не водится. Всякое орудіе, приспособленное къ своей цѣли, — въ данномъ примѣрѣ къ рыбной ловлѣ, — есть продуктъ умственной, цѣлесообразной дѣятельности, предполагающей наличность сознанія, но несмотря на это, орудіе создано не изъ ощущеній и не изъ чистаго сознанія, а изъ грубой матеріи, получившей опредѣленную форму, сообразно опредѣленной цѣли. Но и это не все. Направленіе умственной дѣятельности, необходимое для созданія орудія рыбной ловли, опредѣлилось не „умственнымъ факторомъ“, а свойствами той среды, которая дала возможность человѣку стать рыболовомъ. Если бы на земномъ шарѣ не существовало рыбы, то отсутствовалъ бы весь психическій и умственный процессъ, которымъ сопровождается рыбная ловля, отсутствовали бы также всѣ тѣ миѳы, которые выросли на почвѣ этого занятія. Слѣдовательно, не психика, не чистое сознаніе, не „умственный факторъ“ *творитъ* изъ самого себя орудія производства, а реальная природа вызываетъ и опредѣляетъ тотъ или иной родъ умственной дѣятельности, которая ставитъ себѣ цѣлью побѣду надъ той же окружающей природой.

Но перейдемъ къ г. Богданову. Какъ ученикъ Авенаріуса и Маха, онъ отказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ отъ матеріализма. „Эмпиріомонизму, — пишетъ онъ, — нѣтъ дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, и духъ и матерія для него лишь обозначенія элементовъ, совокупность ощущеній. [illegible] сущность и всякое сверхопытное познаніе — термины безъ всякаго содержанія, пустыя абстракціи“[1]. Но что же такое природа, физическій міръ? Вотъ что: „Вообще физическій міръ — это соціально согласованный, соціально гармонизированный, словомъ, соціально организованный опытъ“[2]. Итакъ, природа не реальна, она не существуетъ внѣ нашего сознанія, она лишь продуктъ коллективныхъ ощущеній и представленій людей. Это положеніе является исходнымъ пунктомъ для всѣхъ соціологическихъ взглядовъ г. Богданова и оно же должно спасти историческій матеріализмъ отъ всѣхъ смертныхъ грѣховъ.

Остановимся на наиболѣе существенныхъ взглядахъ г. Богданова и посмотримъ, насколько они согласуются съ матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первостепенный и главный вопросъ въ соціологіи есть вопросъ о томъ, что такое общество, о причинахъ его возникновенія, развитія и существованія. Г. Богдановъ ставитъ этотъ вопросъ и отвѣчаетъ на него такимъ образомъ: „Отдѣльные люди, взятые въ совокупности, еще не составляютъ общества. Въ понятіи „общества“ уже заключается идея организованности, объединенія жизненной совмѣстности особей. Такимъ образомъ, чтобы имѣло смыслъ самое употребленіе слова „общество“, необходима наличность опредѣленнаго органическаго приспособленія. Это приспособленіе — *соціальный инстинктъ*“[3]. Послѣдователи историческаго матеріализма безспорно согласятся съ г. Богдановымъ, что для того, чтобы слово „общество“ имѣло смыслъ, должно существовать понятіе, которому соотвѣтствовала бы общественная организація. Но они никакимъ образомъ не согласятся съ нимъ въ томъ, что *первоначальной* причиной общественной организаціи служитъ психологическій факторъ — общественный инстинктъ.

Согласиться съ такимъ положеніемъ значило бы отказаться отъ всего матеріалистическаго взгляда на исторію и вернуться далеко назадъ, къ наивнымъ и первымъ попыткамъ исканія историческихъ законовъ. Объяснять общественную жизнь и историческую дѣятельность человѣка тѣми или другими психологическими и умственными свойствами человѣческой природы значитъ топтаться на одномъ мѣстѣ и довольствоваться чистѣйшей тавтологіей, такъ какъ соціальная психологія, которая нуждается въ объективной причинѣ для своего объясненія, объясняется въ данномъ случаѣ той же соціальной психологіей. И это возвращеніе къ туманнымъ, неопредѣленнымъ и ничего не говорящимъ ссылкамъ на свойства человѣческой природы г. Богдановъ самодовольно выдаетъ за углубленіе и дополненіе Марксовой теоріи. Это представители и защитники господствующихъ угнетающихъ классовъ охотно ссылались и до сихъ поръ ссылаются на соціальный инстинктъ, на туманную человѣческую природу, потому что подобное объясненіе *возникновенія* и существованія общества даетъ возможность затушевывать и притуплять классовыя противорѣчія. Именно противъ этого идеалистическаго взгляда на исторію и выступилъ историческій матеріализмъ. Съ точки зрѣнія матеріалистическаго взгляда на исторію, общество возникаетъ не въ силу тайнаго сердечнаго влеченія, а подъ вліяніемъ борьбы съ внѣшней природой, требующей совокупныхъ усилій. „Человѣкъ, пишетъ Бельтовъ, не въ одиночку ведетъ борьбу съ природой; съ нею борется, по выраженію Маркса, общественный человѣкъ, der Gesellschaftsmensch, т. е. болѣе или менѣе значительный по своимъ размѣрамъ общественный союзъ“. Первобытный человѣкъ, ведя борьбу съ природой въ союзѣ съ себѣ подобными, обладаетъ, разумѣется, соціальнымъ инстинктомъ. Но этотъ инстинктъ не есть самостоятельно психологическое начало, не божественное внушеніе и не составляетъ *сущности* человѣческой природы, а есть результатъ той продолжительной борьбы, которую вели съ окружающей природой предки первобытнаго человѣка, высшія животныя. Соціальный инстинктъ и всѣ его формы проявленія — продуктъ совмѣстной борьбы съ окружающей географической средой, а не *первоначальная* причина общественной организаціи. Поэтому, совершенно правильно разсуждаетъ Бельтовъ, когда говоритъ: „Свойства *общественнаго* (курсивъ автора) человѣка опредѣляются въ каждое данное время *степенью развитія производительныхъ силъ, потому что отъ степени развитія этихъ силъ зависитъ весь строй общественнаго союза*“ (курсивъ нашъ). Это значитъ, что не соціальными свойствами человѣческой *природы* обусловливается общественная организація, а, наоборотъ, общественной организаціей опредѣляются соціальныя свойства человѣка. Только объективными общественными отношеніями, экономическими процессами, возможно объяснить ту сложную и пеструю игру психологическихъ силъ, борьбу различныхъ и противоположныхъ страстей и стремленій, которыя возникаютъ и обнаруживаются на почвѣ общественной жизни и исторической дѣятельности. Но всякое объективное бытіе, находящееся внѣ человѣческой психологіи — запрещенный плодъ для г. Богданова. Съ его точки зрѣнія, не природа предшествовала общественной организаціи, а, наоборотъ, организованное общество выдумало природу. Субъективно-идеалистическое міровоззрѣніе Маха и Авенаріуса строго запрещаетъ г. Богданову выходить за предѣлы человѣческихъ представленій и заставляетъ его, поэтому, на разные лады повторять то безсодержательное положеніе, что причина общественнаго сознанія есть общественное сознаніе. „Въ своей борьбѣ за существованіе, разсуждаетъ г. Богдановъ, люди не могутъ объединяться иначе, какъ при помощи *сознанія*: безъ сознанія нѣтъ общенія. Поэтому *соціальная жизнь во всѣхъ своихъ проявленіяхъ есть сознательная психологическая*“[1].

Это глубокомысленное открытіе должно, по мнѣнію г. Богданова, служить серьезнымъ и значительнымъ дополненіемъ къ марксовой теоріи. Г. Богдановъ жестоко ошибается. Основателямъ историческаго матеріализма была очень хорошо извѣстна та очевидная и банальная истина, что если бы не было человѣка съ его психическими свойствами и способностью къ умственной, сознательной дѣятельности, то не было бы ни общественной организаціи, ни всемірной исторіи. Историческій матеріализмъ никогда не отрицалъ факта существованія сознанія и значенія его въ историческомъ процессѣ, а старался открыть объективныя причины историческаго развитія и общественнаго сознанія. Желая углубить теорію Маркса, г. Богдановъ съ легкомысліемъ,

---

[1] „Эмпиріомонизмъ“, стр. 21.

[2] Ibid., стр. 36.

[3] „Изъ психологіи общества“, стр. 56.

[1] Ibid. стр. 50 курсивъ автора.

1,4%. Въ южномъ районѣ первая группа имѣетъ 58% всѣхъ лошадей, а вторая группа богатѣевъ около 10% и все болѣе богатѣетъ на счетъ первой[1])

Почему же это происходитъ? Да потому, что при земельномъ просторѣ богатому есть гдѣ развернуться, завести большое хозяйство, а бѣдному, сколько бы земли у него ни было, нечѣмъ ее распахать и засѣять. Современный капиталистическій строй тѣмъ и отличается, что при наличности капитала *онъ* растетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ капиталъ больше, а безъ капитала приходится продавать свой трудъ, хотя и есть большой земельный надѣлъ. Уравнительное землепользованіе ничуть не мѣшаетъ однимъ засѣвать много, а другимъ оставаться безъ хлѣба и наниматься къ богатому сосѣду. Итакъ, „переходъ земли въ общественное владѣніе“ послужитъ толчкомъ для развитія капиталистическихъ крестьянскихъ хозяйствъ, потому что дастъ возможность богатымъ крестьянамъ расширить запашку, что мы и видимъ на югѣ и на востокѣ Россіи. А такое развитіе крестьянскаго хозяйства обостритъ классовую борьбу между богатыми и пролетаризированными крестьянами въ деревнѣ. Такъ программа хочетъ „использовать трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства“. Для соціальдемократа обостреніе классовой борьбы въ деревнѣ не страшно, потому что черезъ эту борьбу пролетаріатъ и можетъ добиться соціалистическаго строя, „соц.-рев“. же, желая остановить развитіе капитализма въ крестьянствѣ, получили бы противоположные результаты, если бы осуществили свою программу. Мы въ настоящее время можемъ наблюдать результаты крестьянскаго многоземелья. Эти результаты чрезвычайно благопріятны для *всѣхъ* крестьянъ: богатѣи расширяютъ запашки и ведутъ крупное хозяйство, а бѣднота получаетъ *заработную* плату вдвое *выше*, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ и не находится въ такой кабалѣ у помѣщиковъ. „Соціалисты-революціонеры“, не вскрывая тѣхъ классовыхъ противорѣчій, которыя явятся въ деревнѣ послѣ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія, безсознательно обманываютъ и себя и деревенскую бѣдноту, для которой необходимо начать классовую борьбу.

Нечего и говорить, что „соціализація *всѣхъ* частновладѣльческихъ земель“ даже при всеобщей народной революціи — безнадежная утопія, такъ какъ экспропріація мелкаго землевладѣнія такое же безнадежное дѣло, какъ и экспропріація вообще мелкой собственности. Нужно при этомъ замѣтить, что раздѣлъ земли между мелкими территоріальными единицами легче создастъ мелкихъ землевладѣльцевъ чѣмъ тогда, когда земля принадлежитъ крупной территоріальной единицѣ, напр. цѣлой губерніи или уѣзду. Поясню это примѣромъ. Около деревни А — крупное помѣщичье владѣніе, которое крестьяне „уравнительно“ раздѣлили и получили по 20 дес., которыя и будутъ распахиваться богатѣями. Около деревни В другой волости нѣтъ помѣщичьей земли, и крестьяне деревни В будутъ арендовать у крестьянъ деревни А землю[2]). Вмѣсто одного помѣщика, въ деревнѣ А окажется нѣсколько помѣщиковъ-крестьянъ, которые не откажутся получать и кабальную аренду. Можетъ быть, „соц.-рев.“ убѣдятъ крестьянъ отдавать даромъ излишнюю землю, находящуюся „въ уравнительномъ пользованіи“, или, можетъ быть, при „соціализаціи“ земли ренты не будетъ, или „вообще трудовыя традиціи крестьянства“ этого не позволятъ?

При настоящемъ положеніи крестьянства въ Россіи возможна такая же революція, какъ въ 18 столѣтіи во Франціи. Если бы крестьянское движеніе было такъ же сильно, то экспропріація крупнаго землевладѣнія и передача его въ руки мѣстнаго самоуправленія крупныхъ территоріальныхъ единицъ обострила бы классовую борьбу не только въ будущемъ парламентѣ, но и въ мѣстномъ самоуправленіи, очистивши эту борьбу сразу отъ элементовъ сословныхъ. Но, вѣдь, это задача соціальдемократовъ, которые стремятся обострить классовую борьбу, а не „соц.-рев“., которые надѣятся „уравнительнымъ землепользованіемъ“ сгладить ее. Поэтому, между программой, предлагаемой Иксомъ, въ которой проектируется экспропріація крупнаго землевладѣнія и программой соц.-демократовъ, принятой въ настоящее время, по *существу* нѣтъ никакой разницы, потому что та и другая программа имѣетъ въ виду вскрыть и обострить классовыя противорѣчія. Другой вопросъ, при какихъ условіяхъ лучше вскроются эти противорѣчія: во всякомъ случаѣ, ни одинъ соц.-дем. не будетъ стоять за современное помѣщичье землевладѣніе. Разница между программой соц.-дем. и „соц.-рев“. заключается въ томъ, что первые даютъ правильный прогнозъ результатовъ революціи, не скрываютъ предстоящей классовой борьбы и хотятъ ее обострить. „Соц.-революціонеры“, напротивъ, стремятся *притупить* классовую борьбу обманчивымъ „уравнительнымъ землепользованіемъ“ и *скрываютъ* отъ себя и отъ другихъ тѣ результаты, которые будутъ при осуществленіи поставленныхъ ими задачъ. Это дѣлаютъ всегда демократы, которые за фразами о свободѣ, равенствѣ и братствѣ хотятъ скрыть вовсе не братскую классовую борьбу; съ *этимъ* соц.-дем. всегда будутъ бороться, вскрывая не только классовыя противорѣчія, но и противорѣчія демократовъ съ соціалистической окраской...

III.

Цитированное выше требованіе въ вопросахъ аграрной политики „соц.-рев“. именуютъ „основнымъ требованіемъ программы-минимумъ“. Но „соц.-рев“. совершенно основательно находятъ, что сверженіе самодержавія и замѣна его конституціонной или республиканской формой правленія можетъ произойти безъ широкаго крестьянскаго движенія, при которомъ только и возможна экспропріація, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупнаго землевладѣнія. Въ такомъ случаѣ „соц.-рев“. выступаютъ 1) „за расширеніе правъ общинъ и территоріальныхъ ихъ союзовъ по экспропріаціи частновладѣльческихъ земель; 2) конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и т. п. и обращеніе ихъ, равно какъ и государственныхъ имуществъ, на то же дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды разселенія и переселенія; 3) ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства; 4) вознагражденіе за произведенныя улучшенія въ землѣ при переходѣ пользованія ею отъ одного лица къ другому; 5) обращеніе ренты путемъ спеціальнаго налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія“.

Если мы разберемся въ этихъ требованіяхъ, то увидимъ, что, выставляя ихъ, „соц.-рев“. также не знаютъ, чего они хотятъ. Первый пунктъ нельзя разбирать потому, что, повидимому, самимъ авторамъ проекта неясно, какое „расширеніе правъ на экспропріацію частной собственности“ возможно въ рамкахъ правового буржуазнаго строя, и они помѣстили громкую фразу, не опредѣливши ея содержанія.

Второй пунктъ ведетъ, только въ меньшей степени, чѣмъ экспропріація всего крупнаго землевладѣнія, къ тѣмъ же результатамъ, о которыхъ мы говорили выше, потому что увеличеніе крестьянскаго землепользованія возможно только въ нѣкоторыхъ районахъ, тамъ, гдѣ есть монастырскія и удѣльныя земли. Третій пунктъ имѣетъ важное значеніе. Но къ какимъ же результатамъ ведетъ осуществленіе требованія, выставленнаго въ немъ?

Въ настоящее время арендная плата бываетъ двухъ видовъ: или арендуютъ богатые крестьяне, по болѣе дешевой цѣнѣ, чтобы получить съ арендуемой земли прибыль, или арендуютъ по болѣе высокой цѣнѣ бѣдняки, чтобы получить какой-нибудь заработокъ, уплачивая землевладѣльцу въ арендной платѣ и ренту за землю и прибыль, которую получилъ бы богатый арендаторъ. Послѣдній типъ кабальной аренды существуетъ потому, что бѣднякъ не можетъ конкуррировать съ капиталистомъ, но вынужденъ арендовать и переплачивать за землю, хотя не выручаетъ за это и заработной платы. Если землевладѣльцу запретить сдачу земли по такимъ повышеннымъ цѣнамъ, запретить „кабальную аренду“, то бѣднякъ освободится не только отъ кабалы, но и отъ земли, которую арендовалъ, потому что по пониженной арендной платѣ сниметъ землю капиталистъ, уплативши впередъ и арендную плату; т. е. третьимъ пунктомъ своихъ требованій „соц.-рев“. *дадутъ толчокъ къ устраненію кабальныхъ отношеній и къ развитію капиталистическаго хозяйства въ земледѣліи.* Если теперь помѣщикъ находитъ выгоднымъ эксплуатировать бѣдняковъ кабальной арендой, въ которой онъ получаетъ и прибыль и ренту, то при уничтоженіи такой аренды онъ самъ или капиталистъ-арендаторъ заведетъ капиталистическое хозяйство, чтобы получать въ хозяйствѣ ту прибыль, которую у него вырвали. Если авторы проекта не знали о существованіи двухъ видовъ аренды, то остается только рекомендовать имъ ту экономическую литературу, въ которой выяснено, при какихъ условіяхъ и какая бываетъ аренда. Было бы слишкомъ скучно и неумѣстно на страницахъ „Искры“ разъяснять „соц.-революціонерамъ“ условія возникновенія и существованія того и другого типа аренды; замѣтимъ лишь, что кабальная (продовольственная) аренда и капиталистическая аренда исключаютъ другъ друга, и уничтоженіе первой благопріятно для развитія второй. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ „соц.-рев“. не знаютъ, чего хотятъ, потому что своими требованіями они облегчаютъ развитіе капиталистическихъ, классовыхъ противорѣчій въ деревнѣ.

Не напоминаютъ ли эти прожектеры заблудившагося въ лѣсу путника, который, стремясь домой, снова и снова возвращается въ лѣсную глушь? „Соц.-революціонеру“ хочется объединить всѣхъ крестьянъ, остановить развитіе капитализма, онъ выставляетъ требованіе, а оно приводитъ къ противоположнымъ результатомъ! Шутница жизнь жестоко смѣется надъ революціонной маниловщиной...

Четвертый пунктъ программы тоже интересенъ. При „уравнительномъ“ пользованіи общинной землей легче всего сосредоточить землю въ рукахъ богатѣевъ, установивши вознагражденіе за произведенныя ими улучшенія. Стоитъ богатому крестьянину сдѣлать на своемъ надѣлѣ значительныя улучшенія и бѣдняку никогда не достанется его надѣлъ. Прощайте тогда передѣлы, умиляющіе такъ „соц.-революціонеровъ“, прощай „уравнительное землепользованіе“, прощайте „вообще трудовыя традиціи“! Ради культуры земли и экономическаго прогресса „соц.-рев“. пожертвовали и въ этомъ пунктѣ своимъ основнымъ принципомъ — равненіе крестьянъ подъ одно: это благоразумно, но непослѣдовательно и угрожаетъ толкнуть „соц.-рев“. въ соц.-демократическую ересь.

Наконецъ, пятый пунктъ аграрной программы, требуя экспропріаціи ренты путемъ обложенія, является наиболѣе энергическимъ средствомъ для уничтоженія мелкой аренды и для развитія раціональнаго капиталистическаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, если землевладѣльцу „соц.-рев“. запрещаютъ (третьимъ пунктомъ) брать арендную плату больше капиталистической ренты, а эту ренту налогомъ отнимаютъ, то доходъ отъ земли можно получить *только*, ведя капиталистическое хозяйство, которое, кромѣ ренты, будетъ давать еще прибыль. Если бы „соц.-рев“., заимствуя этотъ пунктъ программы у Икса[1]), подумали, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ осуществленіе этого, а также и другихъ выставленныхъ ими требованій, то, вѣроятно, отказались бы отъ нихъ. Желая быть послѣдовательными, они ограничились бы требованіемъ „уравнительнаго пользованія“ крестьянами той землей, которая у нихъ есть, прибавивши требованіе „уравнять“ и весь крестьянскій инвентарь, чтобы крестьянамъ не повадно было арендовать землю другъ у друга, вопреки найденнымъ „соц.-революціонерами“ „вѣковымъ традиціямъ“.

Къ сожалѣнію, стремленіе угодить всѣмъ, ставши на точку зрѣнія и пролетарія и собственника, толкаетъ „соц.-рев“. къ безпардонному эклектизму, при чемъ ставятся въ одну программу самыя противоположныя требованія.

Соединить въ одну программу различныя требованія, поливши ихъ соусомъ народническаго утопизма, не трудное дѣло, но, вѣдь, нужно знать, что къ чему. Вносить въ головы рабочихъ, крестьянъ и „революціонной интеллигенціи“ путаницу въ программныхъ вопросахъ вредно для каждой изъ этихъ группъ, и плохую услугу революціи дѣлаютъ „соціалисты-революціонеры“, затуманивая ихъ классовое самосознаніе. Изъ анализа программныхъ требованій мы видимъ, что „соц.-рев“. не знаютъ, чего они хотятъ, не знаютъ, какія послѣдствія вытекаютъ изъ ихъ требованій.

Въ началѣ своей статьи мы указывали на необходимость для каждой партіи знать, что она можетъ и что она хочетъ, на необходимость политическаго прогноза. Изъ программы „соц.-рев“. видно, что они не знаютъ ни того, ни другого. Экспропріація *всего*, въ томъ числѣ и мелкаго землевладѣнія — безнадежная утопія. „Уравнительное землепользованіе“ — мелкобуржуазная утопія, неосуществимая даже при полицейскомъ гнетѣ и при всеобщей бѣдности, благопріятствующей „равненію“. Другіе пункты, заимствованные, главнымъ образомъ, изъ соціальдемократическихъ программъ, ведутъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыхъ и ожидаютъ отъ нихъ соціальдемократы: къ развитію и обостренію классовой борьбы въ деревнѣ и въ городѣ.

Въ остальныхъ пунктахъ своей программы „соц.-рев“. выставляютъ общедемократическія требованія, разбирать и критиковать которыя нѣтъ никакого интереса. Мы хотѣли показать лишь то основное противорѣчіе, въ которомъ неизбѣжно должны пугаться „соц.-рев“. въ своемъ стремленіи примирить пролета-

---

[1] См. тамъ же стр. 319 320.

[2] Такое явленіе наблюдается и теперь тамъ, гдѣ рядомъ съ многоземельными казаками, крестьянами, живутъ малоземельные.

[1] См. Иксъ. Объ аграрной программѣ. Изд. „Искры“.

свойственнымъ всѣмъ критикамъ, выкинулъ изъ этой теоріи ея сущность — объективную причину исторической закономѣрности, и вернулся, такимъ образомъ, обратно къ тѣмъ неопредѣленнымъ, первоначальнымъ идеалистическимъ попыткамъ объяснять исторію, которыя господствовали въ XVIII столѣтіи. Согласно взглядамъ г. Богданова, историческій матеріализмъ способенъ стать законченнымъ и цѣльнымъ воззрѣніемъ, если онъ будетъ исходить изъ психологическаго фактора, т. е. изъ общественнаго сознанія. Съ такимъ расширеннымъ и исправленнымъ историческимъ матеріализмомъ согласится, безъ всякаго сомнѣнія, Карѣевъ. И фактически г. Богдановъ дополняетъ и углубляетъ Маркса тѣми возраженіями, которыя Карѣевъ сдѣлалъ Бельтову.

Но вернемся къ разсужденіямъ г. Богданова объ общественной организаціи. Подобно всѣмъ субъективнымъ идеалистамъ, г. Богдановъ неожиданно вторгается въ запрещенную область и становится на почву объективной природы. Такъ, напримѣръ, чтобы объяснить происхожденіе общественной идеологіи, т. е. „высказываній“, онъ заставляетъ двухъ первобытныхъ людей столкнуться съ волкомъ. „Одинъ человѣкъ, разсказываетъ намъ г. Богдановъ, видитъ звѣря, а другой, находящійся вблизи, не видитъ, тогда дѣйствія обоихъ могутъ оказаться взаимно неприспособленными. Одинъ, убѣгая, подвергаетъ опасности другого, предоставивши его неожиданному нападенію хищника; или даже погибнутъ оба человѣка сначала одинъ, потомъ другой (послѣднее ужъ само собой разумѣется), тогда какъ дѣйствуя сообща, они могли бы одолѣть врага и опасность“[1]). На этомъ примѣрѣ г. Богдановъ намѣренъ разрѣшить сразу двѣ проблемы. Во-первыхъ, опасное столкновеніе двухъ людей съ волкомъ должно послужить побудительной причиной къ ихъ взаимному высказыванію; во-вторыхъ, заставить ихъ соединиться въ общество. Не желая входить въ подробности этого примѣра, мы только спросимъ г. Богданова, откуда взялся волкъ, этотъ „метафизическій хищникъ“ до существованія организованнаго общества? Вѣдь мы узнали отъ г. Богданова, что вообще физическій міръ — это „соціально-согласованный, соціально-гармонизованный, соціально организованный опытъ“. Но г. Богдановъ все таки чувствуетъ, что раньше долженъ быть волкъ для того, чтобы послѣдовало высказываніе о немъ. Однако, это между прочимъ. Касаясь далѣе вопроса о частной собственности, г. Богдановъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „Что такое означаетъ, напримѣръ, право частной собственности? Общественное признаніе того, что опредѣленное лицо можетъ безпрепятственно и исключительно пользоваться опредѣленными вещами и общественное стремленіе помѣшать попыткѣ нарушить это отношеніе“. Съ виду это положеніе можетъ показаться сходнымъ со взглядами марксистовъ на право частной собственности, но только съ виду. На самомъ дѣлѣ оно не только не согласуется съ марксистскимъ воззрѣніемъ, но противорѣчитъ ему самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Съ точки зрѣнія г. Богданова, объективность истины заключается въ согласіи мнѣній людей. Право на частную собственность является, сообразно этой его теоретической предпосылкѣ, не результатомъ объективныхъ условій, а исключительнымъ продуктомъ *солидарнаго общественнаго сознанія*. Спрашивается, подъ какимъ же вліяніемъ и по какой причинѣ можетъ быть уничтожено общественное сознаніе, проникнутое необходимостью частной собственности и препятствующее ея уничтоженію? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ главный представитель имманентной философіи, В. Шуппе. Шуппе, будучи совершенно солидаренъ съ Авенаріусомъ и Махомъ въ томъ, что единственнымъ критеріемъ объективной истины является согласіе мнѣній людей, т. е. общественное сознаніе, смотритъ на отрицаніе частной собственности, какъ на нарушеніе *объективной* священной истины, выработанной и установленной общественнымъ сознаніемъ многихъ поколѣній. И если г. Богдановъ не дѣлаетъ такого вывода, то это только по своей непослѣдовательности. Согласно матеріалистическому объясненію исторіи, право на частную собственность не есть продуктъ *солидарнаго* общественнаго сознанія. Частная собственность возникла помимо общественнаго сознанія и постепенно пріобрѣтала свою правовую санкцію, благодаря фактической имущественной силѣ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ она скоплялась. Конечно, общество, основанное на частной собственности проникается сознаніемъ необходимости ея существованія и считаетъ ее естественнымъ базисомъ общественной жизни. Но подобное сознаніе и подобное признаніе есть слѣдствіе существованія частной собственности, а не причина ея возникновенія. А изъ этого слѣдуетъ, что общественное признаніе частной собственности уничтожается, по мѣрѣ разложенія тѣхъ объективныхъ условій, на почвѣ которыхъ оно выросло. Но, припоминая очевидно, марксову теорію, г. Богдановъ, говоритъ между прочимъ, и слѣдующее: „Обыкновенно такое право (на частную собственность. Ортодоксъ. устанавливается господствующими группами общества и принимаетъ тѣ отношенія, которыя именно этими группами признаются за нормальныя, т. е., вообще говоря, выгодныя для нихъ отношенія“.[1]) Экономическому фактору, который, кстати сказать, грубо отождествляется съ *сознательной* выгодой, отводится, какъ видитъ читатель, второстепенное значеніе въ возникновеніи права на частную собственность. Такой взглядъ на роль и значеніе экономическаго фактора никогда не думали оспаривать ни Михайловскій, ни Карѣевъ, ни ихъ послѣдователи соціалисты-революціонеры.

Теперь становится понятнымъ тотъ упрекъ, который г. Богдановъ дѣлаетъ Марксу. Какъ мы видѣли выше, г. Богдановъ полагаетъ, что Марксъ смѣшалъ понятія, когда причислилъ имущественныя отношенія къ „экономической структурѣ“, между тѣмъ, какъ онѣ, на самомъ дѣлѣ, относятся къ „надстройкѣ“, т. е. къ идеологіи. Г. Богдановъ сильно ошибается и въ этомъ пунктѣ Марксъ не смѣшивалъ понятій, а таки придерживался того убѣжденія, что имущественныя отношенія опредѣляются отношеніями людей въ процессѣ производства и что право санкціонируетъ лишь существующія фактическія отношенія. Подобный упрекъ показываетъ только то, что г. Богдановъ гораздо основательнѣе усвоилъ взгляды Штаммлера, нежели ту теорію, которую взялся углублять.

Понятно также, почему г. Богдановъ находитъ, что формулировка Маркса недостаточно выясняетъ или совсѣмъ не выясняетъ значенія идеологіи. Для г. Богданова, для котораго весь физическій міръ и вся всемірная исторія продукты коллективнаго общественнаго сознанія, кромѣ идеологіи, вообще ничего не существуетъ. Значеніе идеологіи съ этой точки зрѣнія абсолютно, едино и нераздѣльно. „Общественное бытіе и общественное сознаніе, говоритъ онъ, въ полномъ смыслѣ тождественно“[1]) Само собой разумѣется, что соотвѣтственно взглядамъ Авенаріуса и Маха, которые отрицаютъ какое бы то ни было объективное бытіе, общественное сознаніе и представляетъ собой единственно объективное бытіе. Поэтому, г. Богдановъ углубляетъ формулировку Маркса тѣмъ, что безцеремонно выбрасываетъ изъ нея ея основу. Сущность формулировки Маркса заключается въ томъ положеніи, что *сознаніе, т. е. идеологія, обусловливается бытіемъ*, а дополненіе г. Богданова къ этой формулировкѣ гласитъ: *бытіе есть продуктъ сознанія* т. е. *идеологіи*. Можно только удивляться той святой наивности, съ которой г. Богдановъ не понялъ ни міросозерцанія своихъ учителей: Авенаріуса и Маха, ни теоріи Маркса.

Съ точки зрѣнія діалектическаго матеріализма, общественное сознаніе вовсе не тождественно съ общественнымъ бытіемъ. *Идеологія опредѣленнаго историческаго момента является отраженіемъ опредѣленной общественной структуры, и въ этомъ смыслѣ данное общественное сознаніе тождественно съ даннымъ общественнымъ бытіемъ; но, съ другой стороны, идеологія стоитъ въ противорѣчіи къ тѣмъ развивающимся объективнымъ силамъ, которыя должны привести данную общественную структуру къ ея разрушенію.* Идеологія современнаго капиталистическаго порядка вещей есть отраженіе капиталистическаго общества, и въ этомъ смыслѣ общественное сознаніе соотвѣтствуетъ общественному бытію. Но, съ другой стороны, эта же идеологія противорѣчитъ тому объективному общественному процессу, который ведетъ капиталистическое общество къ своей противоположности. *Діалектическій характеръ идеологіи обусловливается діалектическимъ развитіемъ историческаго процесса.* На протяженіи *всей* исторіи общественное сознаніе тождественно съ общественнымъ движеніемъ, но во всякій опредѣленный моментъ общественное сознаніе, отражая общественную структуру настоящяго, находится въ противорѣчіи къ исторической тенденціи будущаго. Вслѣдствіе этого, научный соціализмъ, исходя не изъ общественнаго сознанія, а изъ объективныхъ общественныхъ условій, опредѣляетъ историческую тенденцію будущаго не на основаніи общественнаго сознанія, а на основаніи оцѣнки степени развитія производительныхъ силъ и ихъ отношенія къ данной общественной организаціи. Если же стать на точку зрѣнія субъективнаго идеализма и признать, что единственнымъ *объективнымъ* критеріемъ *соціальной истины* служитъ коллективное сознаніе *даннаго* общества, то всѣ соціалистическія стремленія нашей эпохи, которыя сознаны пока еще только меньшинствомъ, должны представиться не чѣмъ инымъ, какъ *субъективной утопіей* этого меньшинства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что субъективный идеализмъ въ философіи съ желѣзной необходимостью долженъ вести къ соціальному консерватизму или, въ лучшемъ случаѣ, къ субъективному методу въ соціологіи.

Ставъ на почву субъективнаго идеализма, г. Богдановъ является скорѣе приверженцемъ русской субъективной школы, нежели послѣдователемъ историческаго матеріализма. Эмпиріомонизмъ г. Богданова представляетъ собою не что иное, какъ новую разновидность „критики“ марксовой теоріи.

Ортодоксъ.

---

[1] „Изъ психологіи общества“ стр. 60.

[1] Ibid стр. 70.

[1] Ibid. стр. 51.

іять съ своей эклектической мелко-буржуазной точкой зрѣнія: желая умѣститься между двухъ и даже между трехъ стульевъ (интеллигенція, пролетаріатъ и все крестьянство) они сѣли... не туда, куда хотѣли.

Игрекъ.

БОРЬБА ЗА ПРАВО.

Въ то время, какъ земскіе либералы взываютъ къ умѣренности и посылаютъ многозначительныя предостереженія крайнимъ партіямъ, политическая мысль народной массы проявляется въ грозныхъ актахъ, которые ясно показываютъ, что въ настоящее время всякая двусмысленная программа половинчатыхъ реформъ явится только прологомъ къ революціи. Задавленный, угнетенный, ежечасно попираемый въ самыхъ элементарныхъ правахъ народъ открыто возстаетъ противъ агентовъ самодержавной власти и вершитъ надъ ними скорый, но немилостивый судъ. Послѣдніе номера русскихъ газетъ полны извѣстіями о кровавыхъ расправахъ населенія съ представителями самодержавнаго правительства. Въ началѣ октября въ селѣ Троицкомъ, Одесскаго уѣзда, послѣ цѣлаго ряда анонимныхъ писемъ, убитъ урядникъ Родковскій. 1 октября въ Одессѣ тремя выстрѣлами изъ револьвера застрѣленъ околодочный Янцеловскій въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревался арестовать рабочее собраніе. Въ Лодзи рабочіе разбили камнемъ голову жандарму Назаренко. Въ Батумѣ 13 октября раненъ выстрѣломъ приставъ Филимоновъ. Въ Бѣлостокѣ 6 октября, неизвѣстный молодой человѣкъ бросилъ въ канцелярію полицейскаго участка разрывной снарядъ, взрывомъ котораго ранено нѣсколько человѣкъ служащихъ. 9 сентября рабочій Поляковъ совершилъ покушеніе на одесскаго градоначальника Нейдгардта. 16 августа, въ саратовской тюрьмѣ проломили кирпичемъ черепъ начальнику сыскной полиціи Баранову. 13 августа въ Андижанѣ вечеромъ, во время обхода, ранены помощникъ пристава, офицеръ стражи и городовой. Въ Озургетскомъ уѣздѣ убійства настолько участились, что обратили спеціальное вниманіе правительства. Въ Аджикентѣ 13 августа на людной улицѣ совершено было покушеніе на убійство мѣстнаго пристава. Въ Гродненскомъ округѣ убитъ помощникъ старшины. Во время процесса объ убійствѣ въ городѣ Пинскѣ шпіона Арнацкаго жандармскій ротмистръ Нартовъ жаловался, что рабочіе двухъ агентовъ убили и одного облили сѣрной кислотой. На судебномъ разбирательствѣ дѣла о гомельскомъ погромѣ полицейскіе чины также роптали на свою службу, указывая на то, что имъ каждую минуту грозятъ смерть или увѣчья. Таковы факты, запестрѣвшіе на газетныхъ столбцахъ при первыхъ признакахъ нѣкоторой свободы печати. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число ихъ быстро увеличится. Кромѣ убійствъ и покушеній на убійства, къ явленіямъ этого порядка необходимо причислить многочисленныя оскорбленія должностныхъ лицъ, дѣлами о которыхъ завалены наши судебныя учрежденія. Съ другой стороны, газеты сообщаютъ о многочисленныхъ процессахъ по обвиненію должностныхъ лицъ въ оскорбленіяхъ, побояхъ и даже убійствахъ обывателей. Въ общемъ и цѣломъ, получается картина очевидной гражданской войны между властью и населеніемъ. Правительство пожинаетъ зрѣлые плоды долгой и настойчивой политики. Оно упразднило законы положеніемъ объ усиленной охранѣ, оно облекло неограниченною властью каждаго агента полицейскаго самодержавія. Жандармскіе солдаты получили право производить дознанія и лишать свободы лицъ, заподозрѣнныхъ въ неблагонадежности. Шпіоны и полицейскіе наполнили всѣ общественныя учрежденія, проникли въ семьи... Неосторожное слово, непочтительное отношеніе къ носителямъ самодержавной идеи влекло за собою тяжелое возмездіе. Больше всего, конечно, этотъ порядокъ давилъ низшіе классы населенія. Старый взглядъ на крестьянъ и рабочихъ, какъ на безправныхъ рабовъ, давалъ власти особую наглость въ притѣсненіяхъ и надругательствахъ. Если высшіе общественные слои могли иногда путемъ самыхъ разнообразныхъ усилій добиваться возстановленія поруганныхъ правъ, то темная народная масса была обречена безмолвно страдать и терпѣть, пока... хватитъ терпѣнія. Она долго терпѣла, но теперь, повидимому, и ея терпѣнію приходитъ конецъ. Открытая гражданская война между властью и населеніемъ показываетъ, что приближается моментъ крушенія самодержавно-полицейскаго государства. Дезорганизація власти, неспособность ея удовлетворять простѣйшія потребности народа въ правосудіи въ обезпеченіи личной неприкосновенности можетъ означать только скорое паденіе отжившаго строя. Самодержавіе лишилось силы даже охранять собственный государственный механизмъ, и онъ разсыпается подъ ударами народа. Но пока эти удары носятъ характеръ отдѣльныхъ единоличныхъ протестовъ, они не могутъ принести серьезныхъ политическихъ результатовъ. Революціонная энергія народныхъ массъ только тогда будетъ использована цѣлесообразно, когда она вольется въ рамки планомѣрной организованной дѣятельности, когда терроръ отдѣльныхъ протестантовъ противъ отдѣльныхъ лицъ смѣнится возстаніемъ массы противъ всего существующаго строя. Это возстаніе уже слышится въ частныхъ вспышкахъ народнаго гнѣва, и революціонныя партіи должны быть готовы къ самымъ неожиданнымъ историческимъ событіямъ.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 29 октября. Ходятъ слухи, что положеніе Святополка непрочно и что самъ онъ колеблется, продолжать или нѣтъ торжественно объявленное шествіе по пути „широкаго либерализма". Но наиболѣе энергичные элементы буржуазной оппозиціи пока, по крайней мѣрѣ, не теряютъ бодрости духа и искусно собираютъ силы вокругъ конституціоннаго знамени. Возникаетъ цѣлый рядъ не оформленныхъ, но способныхъ въ рѣшительную минуту сплотиться для солидарнаго дѣйствія, организацій. Стремленіе къ объединенію, какъ эпидемія, охватило всѣ болѣе или менѣе сознательные политически слои. И кто только съ кѣмъ не объединяется! Объединяются сотрудники и редакціи прогрессивныхъ изданій для совмѣстнаго обсужденія литературныхъ дѣлъ и планомѣрнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе; объединяются адвокаты, педагоги, профессора, врачи. Возникаютъ новыя періодическія изданія, гдѣ декаденты братаются съ народниками, бывшіе марксисты съ либералами и идеалистами, земцы—съ разночинною интеллигенціею. Забыты раздоры и разногласія: всѣ сливаются въ общей симпатіи къ „особѣ прекраснаго пола", какъ выражаются на провинціальныхъ земскихъ съѣздахъ о конституціи. Самой жгучею злобою дня является сейчасъ, конечно, вопросъ о земскомъ съѣздѣ. Онъ вызываетъ горячіе и многозначительные толки. Въ послѣдніе дни возникали сомнѣнія, состоится ли этотъ съѣздъ, или правительство, испуганное разцвѣтомъ безсмысленныхъ мечтаній, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, разрушитъ воздушные замки либераловъ и запретитъ предстоящій Земскій „Соборъ". Однако, всякій шагъ назадъ со стороны Святополка едва-ли обойдется ему дешево. Наиболѣе видные представители земской оппозиціи уже съѣхались сюда и вошли въ тѣсное общеніе не только между собою, но и съ представителями либеральной печати. Отношенія, повидимому, установились самыя добрыя. „Романъ общества съ третьимъ элементомъ", очевидно, приближается къ благополучному концу и увѣнчается законнымъ бракомъ. Земцы произвели на разночинную интеллигенцію гораздо лучше впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать. Они достаточно тверды въ своихъ взглядахъ и намѣреніяхъ, достаточно проникнуты недовѣріемъ къ сладкому пѣнію самодержавныхъ сиренъ. Трудно сказать, что изъ этого выйдетъ. Но, при всемъ моемъ оптимизмѣ, я не жду ничего радостнаго для народа отъ грядущихъ событій. Наоборотъ, результаты представляются мнѣ глубоко трагическими. Теперь, когда поднимается общественная волна, ярко освѣщается то отчужденное положеніе, которое занимаетъ пролетаріатъ на праздникѣ жизни. До него никому нѣтъ дѣла, онъ стоитъ въ сторонѣ. Въ такія историческія минуты, какъ теперь, переживаешь то, что раньше лишь читалъ въ книгахъ и воспринималъ, какъ отвлеченную идею. Смятеніе самодержавія, политическая ограниченность либеральной буржуазіи, безсознательность трудящихся массъ сцѣпляются въ роковой кругъ, изъ котораго можетъ быть только одинъ выходъ — *революція*. Великія задачи возложила на русскую соціальдемократію исторія, но и великихъ духовныхъ силъ требуетъ она для ихъ разрѣшенія.

Отъ редакціи. Пессимизмъ автора корреспонденціи относительно исхода начавшейся въ Петербургѣ кампаніи представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Обрисованная корреспондентомъ обстановка момента является весьма благопріятной для энергичнаго, самостоятельнаго и сознательнаго выступленія пролетаріата. И если такое своевременное выступленіе будетъ имѣть мѣсто, буржуазная оппозиція *не посмѣетъ* забыть объ его существованіи, она должна будетъ сама позаботиться о томъ, чтобы масса пролетаріата не чувствовала себя стоящей „въ сторонѣ" отъ арены политическихъ событій. Соціальдемократія позаботится о томъ, чтобы сама буржуазная оппозиція почувствовала себя вынужденной включить въ свою политическую программу даннаго дня тѣ требованія, которыя выставляетъ пролетаріатъ. И если буржуазія не пойметъ необходимости сдѣлать это, то конечный результатъ нынѣшней „весны" если и окажется для кого-нибудь „трагическимъ", то ужъ никакъ не для революціоннаго пролетаріата. Мы не сомнѣваемся также, что у пролетаріата имѣются и тѣ духовныя силы, которыя необходимы для выполненія стоящихъ передъ нимъ великихъ задачъ. Пусть только соціаль-демократія спѣшитъ мобилизовать эти силы.

Петербургъ. Въ газетахъ появилась замѣтка о самоубійствѣ въ Выборгской тюрьмѣ студента технолога Малышева (см. „Искра № 76). Суть сообщенія сводится къ тому, что по этому поводу „молодежь призывалась 17 октября на площадь Казанскаго собора для выраженія массового протеста" и *потому* 16 октября газеты получаютъ (отъ кого?) совѣтъ (не приказъ ли?) пресѣчь „вымышленные слухи о томъ, что Малышевъ былъ арестованъ безъ достаточныхъ основаній и что самоубійство его было вызвано дурнымъ обращеніемъ въ тюрьмѣ" (Бирж. Вѣд. 16 окт.).

Что же касается до бывшей 14 окт., въ день похоронъ Малышева, демонстраціи — то она прошла довольно удачно, но при совершенно необычной обстановкѣ. Узнавъ у тюрьмы, что тѣло Малышева находится на Успенскомъ вокзалѣ, демонстранты (500-700 чел. почти исключительно студенты и курсистки) пошли туда съ пѣніемъ и вѣнками. Ихъ сопровождали городовые разныхъ видовъ и оружія, но пѣть не мѣшали. У платформы застали нѣсколько бѣлыхъ вагончиковъ, въ одномъ изъ которыхъ стоялъ гробъ Малышева. Возложили вѣнки. Нѣсколько отрядовъ полиціи двинулось въ сторону демонстрантовъ, прошли мимо ихъ и усѣлись въ вагончики для мертвецовъ. Демонстранты стояли въ недоумѣніи: какъ имъ тогда добраться до Успенскаго кладбища?

Рѣшили идти на Финляндскій вокзалъ, но полиціймейстеръ запротестовалъ. „Это что же, это демонстрація, такъ нельзя, предупреждаю, на насиліе отвѣчу насиліемъ"! Поднялась сумятоха, споры. Конные городовые поскакали къ Финляндскому вокзалу, чтобы занять выгодную позицію, а демонстранты двинулись... къ Литейному мосту съ вѣнками и пѣніемъ; „Вы жертвою пали" и т. д. Этотъ маневръ обманулъ полицію и позволилъ имъ дойти почти до Литейнаго моста. Здѣсь они уперлись въ конные и пѣшіе отряды городовыхъ и въ повозки ломовыхъ, забаррикадировавшихъ проходъ. Полиція выжидала. Демонстранты постояли и рѣшили разойтись.

Къ политикѣ и миссіи Святополкъ-Мирскаго молодежь относится скептически. Политехники на сходкѣ вынесли резолюцію, предупреждающую общество отъ либеральныхъ заигрываній новаго министра и требующую „созыва Земскаго Собора на самыхъ широкихъ основаніяхъ".

Объединенной соціальдемократической организаціей студентовъ Петербурга (15 высшихъ учебныхъ заведеній была выпущена прокламація, приглашающая студентовъ „отказаться отъ демонстраціи 17 октября, назначенной „группой студентовъ", въ пользу болѣе отвѣчающей современнымъ условіямъ Россіи демонстраціи близкаго будущаго, на подготовку которой и должны быть въ настоящій моментъ направлены всѣ силы".

Министерство „довѣрія" на работѣ. 15-го октября на Ярославскомъ вокзалѣ были проводы на Дальній Востокъ студентовъ-прапорщиковъ запаса. Провожающихъ собралось человѣкъ 30 учащейся молодежи. Во время проводовъ говорились рѣчи на злободневныя темы, пѣлись революціонныя пѣсни. Послѣ отхода поѣзда, къ отъѣзжающимъ подошелъ какой то субъектъ и оскорбилъ одну курсистку. Студенты вступились за нее; въ отвѣтъ на это, оскорбившій ударилъ одного студента по лицу. Тогда жандармы натравили на провожавшихъ носильщиковъ, и началось избіеніе 30 человѣкъ 70 носильщиками. Били, по чемъ попало, курсистокъ таскали за волосы... били и на платформѣ и на площади передъ вокзаломъ. Публика, бывшая на вокзалѣ, безучастно смотрѣла на эту возмутительную сцену.

На слѣдующій день въ университетѣ, послѣ лекціи Ключевскаго, состоялась сходка, на которой присутствовало около 500 человѣкъ.

Собраніе, принимая во вниманіе, что этотъ фактъ является только частичнымъ проявленіемъ полицейско самодержавнаго режима, единогласно рѣшило протестовать противъ этого строя и немедленной демонстраціей оповѣстить публику о происшествіи на Ярославскомъ вокзалѣ.

Студенты съ пѣніемъ вышли на дворъ и пошли по Б.-Никитской. Участвовавшихъ въ демонстраціи на улицѣ было уже значительно меньше (около 350 чел.). Масса публики шла по тротуарамъ. Въ перерывахъ между пѣснями, студенты, по мѣрѣ возможности, старались освѣдомить публику о причинахъ демонстраціи. На М.-Бронной среди демонстрантовъ появился плакатъ съ надписью „долой войну". Было рѣшено идти на Сѣнную площадь къ табачнымъ фабрикамъ. Когда демонстранты свернули съ Живодерки на переулокъ, дворники и городовые (околодочныхъ не было) отдѣлили часть демонстрантовъ отъ остальной толпы. Замѣтивъ это, демонстранты рѣшили идти обратно и соединиться съ публикой. Цѣпь городовыхъ прорвали безъ столкновеній, но затѣмъ около знамени началась свалка. Одинъ изъ дворниковъ безъ всякаго повода ударилъ студента по лицу; это послужило сигналомъ къ общему нападенію со стороны полиціи. Били сначала кулаками. Затѣмъ у нѣкоторыхъ дворниковъ появились въ рукахъ колья. Били звѣрски, нападали по пять человѣкъ на одного; одного студента подняли на воздухъ и били кулаками, по чемъ попало; били лежачихъ и избитыхъ до потери сознанія увозили въ полицію. Наконецъ студентамъ удалось отбить избиваемыхъ товарищей и, не будучи въ силахъ отбиваться голыми руками, демонстранты бѣжали, преслѣдуемые полиціей и криками „бей ихъ!" Отставшихъ и падавшихъ били и забирали.

Изъ Одессы сообщаютъ, что 23 октября состоялась студенческая демонстрація. Въ университетѣ происходила защита какой то диссертаціи. Студенты распространили въ публикѣ много прокламацій, а затѣмъ, въ срединѣ диспута, предложили публикѣ заняться обсужденіемъ положенія дѣлъ въ Россіи. Предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ, но публика не удалилась и политическій „митингъ" могъ начаться. Къ сожалѣнію, студенты были неорганизованы и много времени прошло, пока одинъ изъ нихъ началъ рѣчь. Въ это время вернулся вышедшій было профессоръ-предсѣдатель и потребовалъ, чтобы собраніе разошлось. Публика, не получая никакихъ указаній отъ инціаторовъ сходки, стала расходиться, тѣмъ болѣе, что студентъ-ораторъ смолкъ. Студенты и публика прошли немного по улицѣ съ криками: „долой войну!", „долой самодержавіе!", „да здравствуетъ демократическая республика!" и т. д.

Рига. 26 октября была демонстрація по поводу начавшагося въ выѣздной сессіи Петербургской судебной палаты политическаго процесса о студентѣ Фридманѣ и двухъ рабочихъ, арестованныхъ 9 мѣсяцевъ тому назадъ. Въ ожиданіи демонстраціи, нагнали много полиціи къ зданію суда, но рабочіе собрались въ другомъ мѣстѣ — въ центрѣ города, у полицейскаго управленія. Собралась громадная толпа, изъ которой полетѣли камни въ окна почтеннаго учрежденія. Стекла были выбиты. Толпа двинулась, мимо вокзала, къ Московской улицѣ. Полиція, услыхавъ о началѣ „безпорядковъ", полетѣла отъ суда къ мѣсту дѣйствія, но опоздала: толпа уже разошлась, по данному ею, условному заранѣе, паролю: „въ тюрьму!" Вообразивъ, что затѣвается нападеніе на тюрьму, полиція бросилась къ ней, остановила по пути вагонъ электрическаго трамвая и наполнила его городовыми. Увы — никого нѣтъ! Со злости задержали нѣсколькихъ прохожихъ.

Варшава. Безуспѣшная война съ внутреннимъ врагомъ. Голосъ варшавскихъ рабочихъ раздается громко и властно, и его не заглушатъ никакіе приказы, никакія мѣры полицейскія и административныя. Русскому самодержавію не везетъ теперь не только въ его раззорительной войнѣ съ „наглыми японцами", но даже въ борьбѣ съ внутренними врагами онъ претерпѣваетъ теперь одно пораженіе за другимъ. И вотъ является приказъ Черткова, обезпечивающій русскому оружію славу въ борьбѣ съ... невооруженными рабочими, приказъ о томъ, чтобы солдаты въ столкновеніяхъ съ толпой прибѣгали къ оружію.—Во второй половинѣ октября Варшавскій Комитетъ С. Д. Ц. П. и Л. издалъ прокламацію „Къ новобранцамъ", которую въ довольно большомъ количествѣ (6000 экз.) распространяли въ Варшавѣ, Лодзи и другихъ городахъ. 23 октября подъ Варшавой состоялось собраніе призывныхъ и новобранцевъ подъ открытымъ небомъ. Произнесены были рѣчи о милитаризмѣ, о войнѣ и о начавшейся въ Царствѣ Польскомъ мобилизаціи; послѣ этого собравшіеся стройными рядами, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись въ городъ. По дорогѣ къ нимъ примкнули группы рабочихъ, ожидавшихъ ихъ по близости, такъ что около городской заставы они уже образовали внушительную толпу въ тысячу человѣкъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ большой отрядъ полиціи. Воодушевленная приказомъ Черткова и принимая его также по своему адресу, полиція, безъ предварительнаго предупрежденія, кинулась съ шашками на голо на демонстрантовъ. Но настроеніе Варшавскихъ рабочихъ въ настоящее время не таково, чтобы покорно принимать удары полицейскихъ холоповъ. Пристава, который съ револьверомъ въ рукахъ бросился на демонстрантовъ, встрѣтили градомъ камней и здоровенными дубинами, и этотъ доблестный воинъ „побѣдоносно отступилъ". Такая же участь постигла помощника пристава и многихъ усердствовавшихъ городовыхъ. А когда эти башибузуки на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ стали стрѣлять въ толпу, вызывая въ демонстрантахъ естественное возмущеніе и ярость, одинъ рабочій кинулся на пристава, вырвалъ у него изъ рукъ револьверъ и выстрѣломъ поранилъ его въ бокъ. Другой рабочій вонзилъ вахмистру Левандовскому кинжалъ въ грудь, въ тотъ моментъ, когда озвѣрѣвшій наемникъ самодержавія размахнулся шашкой, намѣреваясь разсѣчь одному изъ присутствовавшихъ черепъ. Другіе полицейскіе вернулись съ поля битвы со слѣдами отъ кастетовъ и т. д. На сторонѣ демонстрантовъ нѣсколько лицъ болѣе или менѣе тяжело раненныхъ. Большинство изъ нихъ скрылось, но шесть болѣе тяжело раненныхъ попало въ руки полиціи. Арестованные не принадлежатъ къ числу „зачинщиковъ", это или безучастные прохожіе или люди, которые изъ любопытства примкнули къ демонстраціи. На сколько до сихъ поръ извѣстно, ни одинъ членъ соціальдемократической организаціи не былъ тогда арестованъ, несмотря на противоположное заявленіе „Варшавскаго Дневника". Но кому изъ насъ неизвѣстны военныя донесенія нашихъ доблестныхъ воиновъ. — „Въ неутомимой заботѣ о ввѣренномъ ему краѣ", Чертковъ издалъ послѣ этого происшествія новый приказъ. Появилось обязательное постановленіе, воспрещающее жителямъ Варшавы, Лодзи, Ченстохова, Томашева и другихъ городовъ имѣть при себѣ кастеты, палки съ скрытыми кинжалами и т. д. Во истинѣ мудрое постановленіе! Съ одной стороны, указъ войскамъ: стрѣляйте въ рабочихъ! съ другой стороны указъ рабочимъ: не сопротивляйтесь! дабы наши славные защитники отечества не рискнули въ этой борьбѣ... синякомъ!..

Господинъ Чертковъ долженъ будетъ примириться съ мыслью, что Варшавскіе рабочіе въ этомъ вопросѣ, какъ — увы! — и во многихъ другихъ вопросахъ, позволятъ себѣ быть другого мнѣнія!

Настроеніе Варшавскихъ рабочихъ какъ нельзя болѣе приподнятое и революціонное. Случаются, напр., такого рода явленія. Идутъ нѣсколько рабочихъ соц.-дем. по улицѣ, замѣтятъ толпу, а также незнакомыхъ рабочихъ и подумаютъ, не стоитъ ли устроить маленькую демонстрацію?! Крикнетъ кто-нибудь изъ нихъ: „Да здравствуетъ соціальдемократія! или запоютъ „Красное знамя", толпа вторитъ и демонстрація en passant готова. Такого рода демонстраціи, и даже болѣе крупныя, какъ, напр., 3 октября по поводу военнаго суда — самое обычное явленіе. 3 октября демонстрація должна была состояться передъ зданіемъ военнаго суда, но, ввиду находившагося тамъ большого отряда полиціи и жандармовъ, организаторы демонстраціи направили толпу на Маршалковскую. Тамъ, однако жъ, ихъ почтила своимъ присутствіемъ цѣлая громада городовыхъ. Одинъ изъ нихъ, котораго, повидимому, искушали 25 рублей, назначенныхъ въ награду за добытое революціонное знамя, съ остервененіемъ бросился на демонстрантовъ, желая вырвать знамя изъ рукъ знаменоносца. Но въ одну секунду его такъ избили, что каретѣ скорой помощи пришлось его отвести съ „поля битвы". Все же эти неудачи не удержали польскихъ товарищей попытать въ третій разъ счастья на улицѣ Холодной, которая была ареной многочисленныхъ демонстрацій за послѣднее время. Тамъ развѣвалось красное знамя; раздавались возгласы: „Долой военный судъ!" „Долой царя!" „Да здравствуетъ Каспржакъ!" „Да здравствуетъ соціалъдемократія!" Къ моменту прибытія полиціи товарищи разсѣялись. Въ воскресенье 30 октября должна была состояться еще одна демонстрація, но о ней въ другой разъ.

Каспржакъ и Гурцманъ передъ военнымъ судомъ. 23 сентября разыгралась сызнова комедія суда надъ Каспржакомъ и Гурцманомъ. Читателямъ „Искры" изъ прежнихъ корреспонденцій объ этомъ процессѣ уже извѣстно, что военный судъ (3 августа) принялъ рѣшеніе подвергнуть Каспржака психіатрической экспертизѣ. Это для всѣхъ неожиданное рѣшеніе приписывали, между прочимъ, полученному свыше приказу отсрочить во что бы то ни стало процессъ, въ виду ожидавшагося тогда со дня на день разрѣшенія отъ бремени царицы. Въ „такой" моментъ воздвигнуть висѣлицу казалось не совсѣмъ удобнымъ. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось, такъ какъ никто даже и не думалъ привести въ исполненіе рѣшеніе суда. Каспржакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ сидѣть въ X павильонѣ Варшавской цитадели, и царскій судъ, послѣ необходимаго изъ „высшихъ соображеній" перерыва, опять собрался произнести смертный приговоръ. Стрѣльниковъ и Мухинъ постарались гарантировать себя отъ всякихъ неожиданностей. Бывшаго эксперта, доктора Пантелѣева, устранили и пригласили, вмѣсто него, доктора Александровича. Въ качествѣ свидѣтелей-экспертовъ, призвали профес. Щербакова и Шабашникова. Прокуроръ, кромѣ того, постарался привлечь нѣсколько милыхъ своему сердцу свидѣтелей, но не допустилъ, въ качествѣ свидѣтеля, арестованнаго по дѣлу той же типографіи В. Файнштейна, со-

ріатъ съ своей эклектической мелко-буржуазной точкой зрѣнія: желая умѣститься между двухъ и даже между трехъ стульевъ (интеллигенція, пролетаріатъ и все крестьянство) они сѣли... не туда, куда хотѣли.

Игрекъ.

БОРЬБА ЗА ПРАВО.

Въ то время, какъ земскіе либералы взываютъ къ умѣренности и посылаютъ многозначительныя предостереженія крайнимъ партіямъ, политическая мысль народной массы проявляется въ грозныхъ актахъ, которые ясно показываютъ, что въ настоящее время всякая двусмысленная программа половинчатыхъ реформъ явится только прологомъ къ революціи. Задавленный, угнетенный, ежечасно попираемый въ самыхъ элементарныхъ правахъ народъ открыто возстаетъ противъ агентовъ самодержавной власти и вершитъ надъ ними скорый, но немилостивый судъ. Послѣдніе номера русскихъ газетъ полны извѣстіями о кровавыхъ расправахъ населенія съ представителями самодержавнаго правительства. Въ началѣ октября въ селѣ Троицкомъ, Одесскаго уѣзда, послѣ цѣлаго ряда анонимныхъ писемъ, убитъ урядникъ Родковскій. 1 октября въ Одессѣ тремя выстрѣлами изъ револьвера застрѣленъ околодочный Янцеловскій въ тотъ моментъ, когда онъ намѣревался арестовать рабочее собраніе. Въ Лодзи рабочіе разбили камнемъ голову жандарму Назаренко. Въ Батумѣ 13 октября раненъ выстрѣломъ приставъ Филимоновъ. Въ Бѣлостокѣ 6 октября, неизвѣстный молодой человѣкъ бросилъ въ канцелярію полицейскаго участка разрывной снарядъ, взрывомъ котораго ранено нѣсколько человѣкъ служащихъ. 9 сентября рабочій Поляковъ совершилъ покушеніе на одесскаго градоначальника Нейдгардта. 16 августа, въ саратовской тюрьмѣ проломили кирпичемъ черепъ начальнику сыскной полиціи Баранову. 13 августа въ Андижанѣ вечеромъ, во время обхода, ранены помощникъ пристава, офицеръ стражи и городовой. Въ Озургетскомъ уѣздѣ убійства настолько участились, что обратили спеціальное вниманіе правительства. Въ Аджикентѣ 13 августа на людной улицѣ совершено было покушеніе на убійство мѣстнаго пристава. Въ Гродненскомъ округѣ убитъ помощникъ старшины. Во время процесса объ убійствѣ въ городѣ Пинскѣ шпіона [illegible] жандармскій ротмистръ [illegible] жаловался, что рабочіе двухъ агентовъ убили и одного облили сѣрной кислотой. На судебномъ разбирательствѣ дѣла о гомельскомъ погромѣ полицейскіе чины также роптали на свою службу, указывая на то, что имъ каждую минуту грозятъ смерть или увѣчья. Таковы факты, занесенные на газетныхъ столбцахъ при первыхъ признакахъ нѣкоторой свободы печати. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что число ихъ быстро увеличится. Кромѣ убійствъ и покушеній на убійства къ явленіямъ этого порядка необходимо причислить многочисленныя оскорбленія должностныхъ лицъ, дѣлами о которыхъ завалены наши судебныя учрежденія. Съ другой стороны, газеты сообщаютъ о многочисленныхъ процессахъ по обвиненію должностныхъ лицъ въ оскорбленіяхъ, побояхъ и даже убійствахъ обывателей. Въ общемъ и цѣломъ, получается картина очевидной гражданской войны между властью и населеніемъ. Правительство пожинаетъ зрѣлые плоды [illegible] и настойчивой политики. Оно упразднило законы положеніемъ объ усиленной охранѣ [illegible] неограниченною властью каждаго агента полицейскаго самодержавія. Жандармскіе [illegible] получили право производить [illegible] и лишать свободы [illegible] неблагонадежныхъ [illegible]. Шпіоны и полицейскіе [illegible] проникли въ семьи. [illegible] отношеніе къ носителямъ самодержавной идеи [illegible] тяжелое возмездіе. Больше всего, конечно, этотъ [illegible] низшіе классы населенія. [illegible] и рабочихъ, [illegible] бую наглость въ притѣсненіяхъ и [illegible]. [illegible] шіе общественные слои [illegible] разныхъ усилій добиваются [illegible] то темная народная масса была [illegible] и терпѣть, пока [illegible] хватитъ терпѣнія. [illegible] теперь, повидимому, [illegible]. Открытая гражданская война между властью и населеніемъ показываетъ, что приближается моментъ [illegible] самодержавно-полицейскаго государства. Дезорганизація власти, неспособность ея удовлетворять простѣйшія потребности народа [illegible] печеніи личной неприкосновенности [illegible] можетъ означать [illegible] скорое паденіе [illegible]. Самодержавіе [illegible] силы даже охранять собственный [illegible] механизмъ, и онъ разрывается подъ ударами [illegible]. Но [illegible] носятъ характеръ отдѣльныхъ [illegible] не могутъ принести серьезныхъ политическихъ [illegible]. Революціонная энергія народныхъ массъ [illegible] использована [illegible] планомѣрной организаціи [illegible] ныхъ протестовъ [illegible] станіемъ массы [illegible]. [illegible] станіе уже слышится [illegible] и революціонныя партіи должны быть [illegible] самымъ неожиданнымъ историческимъ событіямъ.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ 29 октября. Ходятъ слухи, что положеніе Святополка непрочно и что [illegible] или [illegible] торжественно обставленное [illegible] либерализма". Но наиболѣе энергичные элементы буржуазной оппозиціи пока, по крайней мѣрѣ, не теряютъ бодрости духа и искусно собираютъ силы вокругъ конституціоннаго знамени. Возникаетъ цѣлый рядъ не оформленныхъ [illegible] въ рѣшительную минуту [illegible] организацій. Стремленіе къ объединенію [illegible] охватило всѣ болѣе или менѣе сознательные политическіе [illegible]. И кто только съ кѣмъ не объединяется! Объединяются [illegible] и редакціи прогрессивныхъ изданій [illegible] литературныхъ [illegible] и планомѣрнаго [illegible] на общественное мнѣніе, объединяются адвокаты, педагоги, профессора, врачи. Возникаютъ новыя [illegible] декаденты братаются съ народниками, бывшіе марксисты съ либералами и идеалистами, земцы — съ разночинною интеллигенціею. Забыты раздоры и разногласія, всѣ сливаются въ [illegible] симпатіи къ „особѣ прекраснаго [illegible]", какъ выражается [illegible] провинціальныхъ земскихъ съѣздахъ о конституціи. Самой жгучею злобою дня является сейчасъ, конечно, вопросъ о земскомъ съѣздѣ. Онъ вызываетъ горячіе и многозначительные толки. Въ послѣдніе дни возникли сомнѣнія, состоится ли этотъ съѣздъ, или правительство, испуганное размахомъ [illegible] мечтаній, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ разрушитъ воздушные замки либераловъ и запретитъ предстоящій „Земскій Соборъ". Однако всякій шагъ назадъ со стороны Святополка едва-ли обойдется ему дешево. Наиболѣе видные представители земской оппозиціи уже съѣхались сюда и вошли въ тѣсное общеніе не только между собою, но и съ представителями либеральной печати. Отношенія, повидимому, установились самыя добрыя. „Романъ общества съ третьимъ элементомъ", очевидно, приближается къ благополучному концу и увѣнчается законнымъ бракомъ. Земцы произвели на разночинную интеллигенцію гораздо лучше впечатлѣніе, чѣмъ можно было ожидать. Они достаточно тверды въ своихъ взглядахъ и намѣреніяхъ, достаточно проникнуты недовѣріемъ къ сладкому пѣнію самодержавныхъ сиренъ. Трудно сказать, что изъ этого выйдетъ. Но, при всемъ моемъ оптимизмѣ, я не жду ничего радостнаго для народа отъ грядущихъ событій. Наоборотъ, результаты представляются мнѣ глубоко трагическими. Теперь, когда поднимается общественная волна, ярко освѣщается то отчужденное положеніе, которое занимаетъ пролетаріатъ на праздникѣ жизни. До него никому нѣтъ дѣла, онъ стоитъ въ сторонѣ. Въ такія историческія минуты, какъ теперь, переживаешь то, что раньше лишь читалъ въ книгахъ и воспринималъ, какъ отвлеченную идею. Смятеніе самодержавія, политическая ограниченность либеральной буржуазіи, безсознательность трудящихся массъ сцѣпляются въ роковой кругъ, изъ котораго можетъ быть только одинъ выходъ — *революція*. Великія задачи возложила на русскую соціальдемократію исторія, но и великихъ духовныхъ силъ требуетъ она для ихъ разрѣшенія.

Отъ редакціи. Пессимизмъ автора корреспонденціи относительно исхода начавшейся въ Петербургѣ кампаніи представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременнымъ. Обрисаванная корреспондентомъ обстановка момента является весьма благопріятной для энергичнаго, самостоятельнаго и сознательнаго выступленія пролетаріата. И если такое своевременное выступленіе будетъ имѣть мѣсто, буржуазная оппозиція *не посмѣетъ* забыть объ его существованіи, она должна будетъ сама позаботиться о томъ, чтобы масса пролетаріата не чувствовала себя стоящей „въ сторонѣ" отъ арены политическихъ событій. Соціальдемократія позаботится о томъ, чтобы сама буржуазная оппозиція почувствовала себя вынужденной включить въ свою политическую программу даннаго дня тѣ требованія, которыя выставляетъ пролетаріатъ. И если буржуазія не пойметъ необходимости сдѣлать это, то конечный результатъ нынышней „весны" если и окажется для кого-нибудь „трагическимъ", то ужъ никакъ не для революціоннаго пролетаріата. Мы не сомнѣваемся также, что у пролетаріата имѣются и тѣ духовныя силы, которыя необходимы для выполненія стоящихъ передъ нимъ великихъ задачъ. Пусть только соціаль-демократія спѣшитъ мобилизовать эти силы.

Петербургъ. Въ газетахъ появилась замѣтка о самоубійствѣ въ Выборгской тюрьмѣ студента-технолога Малышева (см. „Искра" № 76). Суть сообщенія сводится къ тому, что по этому поводу „молодежь призывалась 17 октября на площадь Казанскаго собора для выраженія массового протеста" и *потому* 16 октября газеты получаютъ отъ кого? совѣтъ не приказали? пресѣчь „вымышленные слухи о томъ, что Малышевъ былъ арестованъ безъ достаточныхъ основаній и что самоубійство его было вызвано дурнымъ обращеніемъ въ тюрьмѣ." Бирж. Вѣд. 16 окт.

Что же касается до бывшей 14 окт. въ день похоронъ Малышева демонстраціи — то она прошла довольно удачно, но при совершенно необычной обстановкѣ. Узнавъ у тюрьмы, что тѣло Малышева находится на [illegible] вокзалѣ, демонстранты (около 700 чел., почти исключительно студенты и курсистки) пошли туда съ пѣніемъ и вѣнками. Ихъ сопровождали городовые разныхъ видовъ и оружія, но пѣть не мѣшали. У платформы застали нѣсколько бѣлыхъ вагончиковъ, въ одномъ изъ которыхъ стоялъ гробъ Малышева. Возложили вѣнки. Нѣсколько отрядовъ полиціи двинулись на сторону демонстрантовъ, прошли мимо ихъ и усѣлись въ вагончики для мертвецовъ. Демонстранты стояли въ недоумѣніи, какъ имъ тогда добраться до [illegible] кладбища.

Рѣшили итти на Финляндскій вокзалъ [illegible]

[illegible]

Министерство „довѣрія" на работѣ. [illegible]

[illegible]

Изъ Одессы сообщаютъ, что 23 октября состоялась студенческая демонстрація. Въ университетѣ происходила защита какой-то диссертаціи. Студенты распространили въ публикѣ много прокламацій, а затѣмъ, въ серединѣ диспута, предложили публикѣ заняться обсужденіемъ положенія дѣлъ въ Россіи. Предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ, но публика не удалилась и политическій „митингъ" могъ начаться. Къ сожалѣнію, студенты были неорганизованы и много времени прошло, пока одинъ изъ нихъ началъ рѣчь. Въ это время вернулся вышедшій было профессоръ-предсѣдатель и потребовалъ, чтобы собраніе разошлось. Публика, не получая никакихъ указаній отъ иниціаторовъ сходки, стала расходиться, тѣмъ болѣе, что студентъ-ораторъ смолкъ. Студенты и публика прошли немного по улицѣ съ криками: „долой войну!", „долой самодержавіе!", „да здравствуетъ демократическая республика!" и т. д.

Рига. 26 октября была демонстрація по поводу начавшагося въ выѣздной сессіи Петербургской судебной палаты политическаго процесса о студентѣ Фридманѣ и двухъ рабочихъ, арестованныхъ 9 мѣсяцевъ тому назадъ. Въ ожиданіи демонстраціи, нагнали много полиціи къ зданію суда, но рабочіе собрались въ другомъ мѣстѣ — въ центрѣ города, у полицейскаго управленія. Собралась громадная толпа, изъ которой полетѣли камни въ окна почтеннаго учрежденія. Стекла были выбиты. Толпа двинулась, мимо вокзала, къ Московской улицѣ. Полиція, услыхавъ о началѣ „безпорядковъ", полетѣла отъ суда къ мѣсту дѣйствія, но опоздала: толпа уже разошлась, по данному ею, условному заранѣе, паролю: „въ тюрьму!" Вообразивъ, что затѣвается нападеніе на тюрьму, полиція бросилась къ ней, остановила по по пути вагонъ электрическаго трамвая и наполнила его городовыми. Увы — никого нѣтъ! Со злости задержали нѣсколькихъ прохожихъ.

Варшава. Безуспѣшная война съ внутреннимъ врагомъ. Голосъ варшавскихъ рабочихъ раздается громко и властно, и его не заглушатъ никакіе приказы, никакія мѣры полицейскія и административныя. Русскому самодержавію не везетъ теперь не только въ его разорительной войнѣ съ „наглыми японцами", но даже въ борьбѣ съ внутренними врагами онъ претерпѣваетъ теперь одно пораженіе за другимъ. И вотъ является приказъ Черткова, обезпечивающій русскому оружію славу въ борьбѣ съ... невооруженными рабочими, приказъ о томъ, чтобы солдаты въ столкновеніяхъ съ толпой прибѣгали къ оружію. — Во второй половинѣ октября Варшавскій Комитетъ С. Д. Ц. П. и Л. издалъ прокламацію „Къ новобранцамъ", которую въ довольно большомъ количествѣ (6000 экз.) распространяли въ Варшавѣ, Лодзи и другихъ городахъ. 23 октября подъ Варшавой состоялось собраніе призывныхъ и новобранцевъ подъ открытымъ небомъ. Произнесены были рѣчи о милитаризмѣ, о войнѣ и о начавшейся въ Царствѣ Польскомъ мобилизаціи, послѣ этого собравшіеся [illegible] рядами съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ двинулись къ городу. По дорогѣ къ нимъ примкнули группы рабочихъ [illegible], такъ что около городской заставы они уже образовали внушительную толпу въ тысячу человѣкъ. Здѣсь ихъ встрѣтилъ большой отрядъ полиціи. Воодушевленная приказомъ Черткова и принимая его также по своему адресу, полиція, безъ предварительнаго предупрежденія, кинулась съ шашками на [illegible] демонстрантовъ. Но настроеніе варшавскихъ рабочихъ въ настоящее время не таково, чтобы покорно принимать удары полицейскихъ холоповъ. Пристава, который съ револьверомъ въ рукахъ бросился на демонстрантовъ, встрѣтили градомъ камней и здоровенными дубинами, и этотъ доблестный воинъ „побѣдоносно отступилъ". Такая же участь постигла помощника пристава и многихъ усердствовавшихъ городовыхъ. А когда эти башибузуки на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ стали стрѣлять въ толпу, вызывая въ демонстрантахъ естественное возмущеніе и ярость, одинъ рабочій кинулся на пристава, вырвалъ у него изъ рукъ револьверъ и выстрѣломъ поранилъ его въ бокъ. Другой рабочій вонзилъ вахмистру [illegible] кинжалъ въ грудь въ тотъ моментъ, когда озвѣрѣвшій наемникъ самодержавія размахнулся шашкой, намѣреваясь разсѣчь одному изъ присутствовавшихъ черепъ. Другіе полицейскіе вернулись съ поля битвы со слѣдами отъ [illegible] и т. д. На сторонѣ демонстрантовъ нѣсколько лицъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ. Большинство изъ нихъ скрылось, но шесть болѣе тяжело раненыхъ попало въ руки полиціи. Арестованные не принадлежатъ къ числу „зачинщиковъ", [illegible] которые изъ любопытства примкнули къ демонстраціи. Насколько до сихъ поръ извѣстно, ни одинъ членъ соціалдемократической организаціи не былъ тогда арестованъ, несмотря на противоположное заявленіе „Варшавскаго Дневника". Но кому изъ насъ неизвѣстны [illegible] доблестныхъ воиновъ. — „Въ неутомимой заботѣ о ввѣренномъ ему краѣ" Чертковъ издалъ послѣ этого происшествія новый приказъ. Появилось обязательное постановленіе, воспрещающее жителямъ Варшавы, Лодзи, Ченстохова, Томашева и другихъ городовъ имѣть при себѣ кастеты, палки съ скрытыми кинжалами и т. п. Во истинѣ мудрое постановленіе! Съ одной стороны, указъ войскамъ: стрѣляйте въ рабочихъ! съ другой стороны указъ рабочимъ: не сопротивляйтесь! [illegible] не рискнули въ [illegible].

[illegible] Чертковъ [illegible] помирится съ мыслью, что [illegible] „увы" — и во [illegible] другого мнѣнія!

Настроеніе варшавскихъ рабочихъ [illegible] болѣе приподнятое и революціонное. [illegible] такого рода явленія. [illegible] рабочихъ [illegible] улицѣ, замѣтятъ [illegible] не стоитъ [illegible] Крикнетъ кто-нибудь [illegible] или запоютъ „[illegible]" [illegible] демонстрація en passant готова. [illegible] болѣе крупныя, какъ, [illegible] самое обычное явленіе. [illegible] октября демонстрація [illegible] состояться передъ [illegible] военнаго суда, [illegible] тамъ большого отряда полиціи [illegible] организаторы демонстраціи направили толпу на Маршалковскую. Тамъ однако же, ихъ [illegible] присутствіемъ [illegible] городовыхъ. Одинъ [illegible] назначенныхъ [illegible] знамя, съ остервенѣніемъ [illegible] вырвать знамя изъ рукъ [illegible] избили, что [illegible] „поля битвы". [illegible] попытать [illegible] которая была ареной [illegible] демонстраціи за послѣднее время. Тамъ [illegible] „Долой войну!" [illegible] „Да здравствуетъ Каспржакъ!" „Да здравствуетъ [illegible]" Къ моменту прибытія [illegible] разсѣялись. Въ воскресенье 30 октября [illegible] демонстрація, но о ней въ [illegible]

Каспржакъ и Гурцманъ передъ военнымъ судомъ. 23 сентября [illegible] военнаго суда надъ Каспржакомъ и Гурцманомъ. Читателямъ „Искры" изъ прежнихъ корреспонденцій [illegible] уже извѣстно, что военный судъ 3 августа [illegible] рѣшеніе подвергнуть Каспржака психіатрической экспертизѣ. [illegible] неожиданное рѣшеніе приписывали, между прочимъ, полученному свыше приказу отсрочить во что бы то ни стало процессъ въ виду ожидавшагося тогда со дня на день разрѣшенія отъ бремени царицы. Въ „такой" моментъ воздвигнуть висѣлицу казалось [illegible] неудобнымъ. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось, такъ какъ никто даже и не сумѣлъ привести въ [illegible] рѣшеніе суда. Каспржакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ сидѣть въ X павильонѣ Варшавской цитадели, и царскій судъ, послѣ необходимаго изъ „высшихъ соображеній" перерыва, опять собрался произнести смертный приговоръ. [illegible] Стрѣльниковъ и Мухинъ постарались гарантировать себя отъ всякихъ неожиданностей. Бывшаго эксперта, доктора Пантелѣева, устранили и пригласили, вмѣсто него, доктора Александровича. Въ качествѣ свидѣтелей-экспертовъ, призвали профес. Щербакова и Шабашникова. Прокуроръ, кромѣ того, постарался привлечь нѣсколько милыхъ своему сердцу свидѣтелей, но не допустилъ, въ качествѣ свидѣтеля, арестованнаго по дѣлу той же типографіи В. Файнштейна, содержавшагося до сихъ поръ въ Варшавской цитадели. 23 сентября засѣданіе суда отложено за неявкой проф. Щербака.

Въ четвергъ, 29-го, состоялось продолженіе этого своеобразнаго суда. Опять проходитъ рядъ свидѣтелей, но не безъ инцидента. Городовой Бовбель, раненный Каспржакомъ, измѣнилъ на судѣ свое первоначальное показаніе, по которому и Гурцманъ будто вмѣшался въ борьбу Каспржака съ Бовбелемъ. Мухинъ, внѣ себя, безцеремонно крикнулъ: какъ ты смѣешь измѣнять свои показанія? и, ни доводы Бовбеля, что онъ давалъ свои первоначальныя показанія почти въ невмѣняемомъ состояніи отъ потери крови и отъ сильнаго потрясенія, ни убѣжденія защитника Андреевскаго, что поведеніе Мухина является прямымъ приглашеніемъ къ лжесвидѣтельствованію, не въ состояніи унять этого бурбона. Не лишенъ извѣстной пикантности и слѣдующій эпизодъ. Защитникъ Андреевскій спрашиваетъ Бовбеля: „Знали ли вы, когда подписывали протоколъ, что вы подписываете?“ Бовбель: Точно такъ! Андр.: „Въ протоколѣ, такъ тяжко обвиняющемъ Гурцмана, встрѣчаются слова „пассивный зритель“. Объясните, пожалуйста, что эти слова значатъ“. Бовбель (въ большомъ смущеніи): „Я этого выраженія не знаю“. Андр.: Спасибо, я кончилъ.

Нужно ли послѣ этого прибавлять, кто и какъ у насъ пишетъ протоколы? На этомъ еще не кончилась комедія. Дѣло еще за экспертизой, изъ за которой, вѣдь, судъ первоначально былъ отсроченъ. Но такъ какъ теперь „высшихъ соображеній“ нѣтъ, то жандармскій цинизмъ обнаруживается во всей своей красѣ. Эти сердцевѣды рѣшили, что экспертиза можетъ состояться въ залѣ суда въ теченіе двухъ часовъ, и назначили для этого слѣдующее засѣданіе 30 сентября, не разсчитывая на то, что эксперты осмѣлятся претендовать на большую компетенцію въ такомъ щепетильномъ вопросѣ, чѣмъ они, жандармы. Но каково же было разочарованіе этой жандармской своры, когда Щербакъ объявилъ, что, не желая навлечь на себя обвиненія въ шарлатанствѣ, онъ не считаетъ возможнымъ придти къ опредѣленному заключенію послѣ двухчасовой экспертизы. Наблюденіе должно, по крайней мѣрѣ, продолжаться полгода, и на этотъ срокъ Каспржака слѣдуетъ помѣстить въ больницу. И это убѣжденіе Щербака осталось непоколебимымъ, несмотря на увѣщеванія Мухина, что, въ виду такого „деликатнаго“ обращенія съ обвиняемыми, жандармы откажутся де производить обыски. Профессоръ Щербакъ, выведенный изъ терпѣнія, категорически заявилъ, что онъ не жандармъ, а психіатръ, и что имъ руководятъ научныя соображенія, а не жандармскія, и, на всѣ дальнѣйшія разглагольствованія Мухина, онъ махнулъ, въ концѣ концовъ, рукой, ничего не отвѣчая. И судъ, не нашедши въ экспертахъ покорнаго орудія жандармской политики, долженъ былъ, желая сохранить хоть тѣнь законности, отложить дальнѣйшее разбирательство на полгода. Гурцмана же, съ Файнштейномъ и другими товарищами, будетъ въ скоромъ времени судить Варшавская Судебная Палата.

P. S. Только что получилось изъ Варшавы извѣстіе, что Мухинъ предъявилъ протестъ противъ постановленія суда объ отсрочкѣ дѣла и подалъ жалобу въ Петербургъ. Результатъ этой жалобы пока неизвѣстенъ, но *Каспржака, какъ ни въ чемъ не бывало, по прежнему держатъ въ X павильонѣ Варшавской цитадели. Таковъ судъ!*

О безпорядкахъ въ Ченстоховѣ. Въ краковской консервативной газетѣ „Czas“ въ номерѣ отъ шестого ноября мы находимъ слѣдующее сообщеніе изъ города Ченстохова (Петрок. губ.). „Во вторникъ 1 ноября (н. ст.) въ католическій праздникъ Всѣхъ Святыхъ, толпы людей выходили послѣ богослуженія изъ церкви Святого Зигмунта, направляясь вдоль широкой улицы, служащей главной артеріей города и кончающейся у подножья Ясной Горы, мѣста стеченія богомольцевъ. Неожиданно отъ толпы отдѣлилась кучка людей, человѣкъ 50. Надъ ихъ головами вскорѣ показалось нѣчто въ родѣ краснаго знамени съ надписями „P. P. S“. и „Не пойдемъ на войну“. Эта толпа двинулась по направленію къ центру города съ криками „ура!“ Публика съ удивленіемъ смотрѣла на это зрѣлище, не будучи въ состояніи понять, въ чемъ дѣло. При видѣ нѣсколькихъ десятковъ подростковъ въ возрастѣ отъ 12-18 лѣтъ, никто не могъ себѣ представить, чтобы это были на самомъ дѣлѣ рабочіе-соціалисты. Значительная часть публики изъ любопытства продолжала все же слѣдовать за кричащей (главнымъ образомъ, дискантомъ) кучкой. Особенно близко къ послѣдней никто не подходилъ, предпочитая держаться въ нѣкоторомъ отдаленіи, на боковыхъ дорожкахъ и троттуарахъ. Среди публики были и такіе простецы, которые, при видѣ красной „хоругви“, думали, что это обычная въ Честноховѣ религіозная процессія, направляющаяся на Ясную Гору, и, въ простотѣ души своей, присоединилась къ ней. Недалеко отъ угла слѣдующей улицы показался мѣстный полиціймейстеръ фонъ-Нерлихъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ городовыхъ. Жители полагали, что онъ разгонитъ толпу, хотя бы кнутами извозчиковъ, что не трудно было сдѣлать. Но почему же дѣло приняло другой оборотъ? Полиціймейстеръ со своей свитой сталъ гулять параллельно съ шумящей толпой демонстрантовъ. Нѣкоторыя лица, шедшія съ нимъ рядомъ, увѣряли, будто онъ время отъ времени обращался къ толпѣ съ вѣжливымъ приглашеніемъ: „впередъ, господа, прошу впередъ“. Всѣхъ поражало его пассивное отношеніе, и любопытство публики все возрастало. Скоро, однако, дѣло разъяснилось самымъ трагическимъ образомъ. Когда демонстранты и присоединившаяся къ нимъ публика очутились передъ зданіемъ ратуши, полиціймейстеръ выскочилъ впередъ, кликнулъ военный караулъ (12 чел. солдатъ и одинъ дежурный офицеръ), который находился у ратуши. Караулъ выстроился, и полиціймейстеръ отдалъ приказаніе стрѣлять, не пригласивъ даже ни разу публику разойтись. Все это произошло такъ неожиданно, что никто изъ публики не успѣлъ даже сообразить, въ чемъ тутъ дѣло было. Оріентировались одни лишь „демонстранты“, значительная часть которыхъ разсѣялась еще до выстрѣловъ. Такимъ образомъ три ружейныхъ залпа, одинъ за другимъ, даны были въ мирную, любопытствующую толпу. Пришедшій въ ярость полиціймейстеръ громко оралъ: „не жалѣйте пуль!“ но командующій отрядомъ не послушался его, полагая, повидимому, что трехъ залповъ хватитъ...

Двое убитыхъ и болѣе десятка раненыхъ остались на мѣстѣ. Пришедшая въ ужасъ публика отчасти разбѣжалась, отчасти скрылась въ воротахъ сосѣднихъ домовъ. Убитые: каменщикъ съ завода „Раковъ“ и столяръ Кнорихъ. Двухъ тяжело раненыхъ отвезли въ больницу, причемъ врачи не даютъ никакой надежды на ихъ выздоровленіе. Больше десяти человѣкъ получили болѣе или менѣе тяжелыя раны, *среди нихъ есть дѣти*, гулявшіе, по случаю праздника, со своими родителями“.

Корреспондентъ „Czas'a“ полагаетъ, что это не была демонстрація со стороны запасныхъ, такъ какъ въ этотъ день ни одного запасного въ городѣ Ченстоховѣ уже не осталось (за послѣднюю недѣлю черезъ Ченстоховъ прошло свыше 30.000 солдатъ, отправляемыхъ на Востокъ), а организованная полиціймейстеромъ, въ силу какихъ то непонятныхъ ему соображеній, демонстрація.

Со стороны соціалистическихъ организацій у насъ пока свѣдѣній объ описанномъ выше происшествіи нѣтъ.

Погромы на Сѣверо-Западѣ. Приводимыя ниже корреспонденціи изъ Смоленска и Могилева послужатъ хорошей иллюстраціей къ тому, что сказано было въ предыдущихъ номерахъ „Искры“ о погромахъ этого года. Обращаемъ особое вниманіе читателя на разницу въ характерѣ погромовъ въ обоихъ городахъ сообразно съ ролью, которую тутъ и тамъ играла полиція. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти данныя являются новымъ подтвержденіемъ безсилія самодержавнаго режима овладѣть контролемъ за своими органами на мѣстахъ. „Новый курсъ“ долженъ былъ спасовать передъ внутренней политикой какого то могилевскаго полиціймейстера, и тотъ фактъ, что — по свѣдѣніямъ заграничной печати — Клингенбергъ уволенъ въ отставку или даже преданъ суду именно за погромъ, понятно, нисколько не гарантируетъ безправнаго обывателя отъ самостоятельныхъ экспериментовъ губернскихъ и уѣздныхъ самодержцевъ.

Частное лицо изъ Могилева пишетъ:

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ только грабили лавки и гдѣ сплошь всѣ окна выбиты, я видѣла, а о другихъ слышала: рѣшительно опустѣли дома и стоятъ теперь съ заколоченными окнами, а объ обитателяхъ заботится теперь общество пособія бѣднымъ евреямъ. А сколько ходятъ съ повязками и лежатъ въ больницѣ?! Два юриста собирали факты, провѣряли ихъ, и теперь имѣется довольно цѣнный матеріалъ, подтверждающій упорные слухи, циркулирующіе одинаково среди евреевъ, русскихъ и самихъ громилъ, а именно, что *все это* было по порученію полиціи. Послѣ послѣдней демонстраціи соц.-демократовъ полиціймейстеръ обѣщалъ отомстить: „Вотъ будетъ мобилизація, будетъ погромъ, и я ничего не сдѣлаю“... Если въ другихъ мѣстахъ мобилизація, дѣйствительно, была причиной, то у насъ дѣло не такъ обстоитъ. Вѣдь громили и грабили здѣсь не запасные, а всѣ мѣщане; сосѣди нападали на евреевъ, съ которыми ведутъ всегда дѣла. Не стану утверждать, но, кажется, этотъ слухъ вѣренъ: Видоровичъ (прис. пов.) былъ съ полиціймейстеромъ на Дебряхъ; созвали мѣщанъ (евр. и русск.), и на вопросъ Видоровича, они сказали полиціймейстеру: „Что вы допрашиваете? вѣдь вы же сами велѣли!“, а одинъ еврей сказалъ ему: „Я спрятался за вашу спину, а вы мнѣ по мордѣ (!) дали“. Среди свидѣтелей есть и христіане, удостовѣряющіе бездѣйствіе полиціи и ея разрѣшеніе громить. Полиціймейстеръ самъ давалъ на водку толпѣ громилъ; онъ стоялъ при разграбленіи лавокъ и ровно ничего не дѣлалъ; онъ не посылалъ охраны въ предупрежденіе..., а какъ только доносили ему о выстрѣлѣ со стороны оборонявшихся, онъ посылалъ туда патруль ловить „демократовъ“. Самозащита страшно преслѣдовалась. Радіоновъ громогласно заявлялъ: „пусть васъ теперь защищаютъ „демократы“. Многіе русскіе мѣщане повторяли ту же фразу, которую полиція бросаетъ въ евреевъ: „теперь выставьте знамя“.

Смоленскъ. Мобилизація была объявлена 10 октября. 11-го городскія улицы, и въ особенности площадь нижняго базара, гдѣ находится управленіе воинскаго начальника, и толкучка, уже были наполнены запасными, почти поголовно пьяными, не взирая на то, что всѣ „монопольки“ были закрыты. Послѣднее обстоятельство вызывало большое озлобленіе со стороны запасныхъ, что къ вечеру выразилось въ разбитіи одной „монопольки“ и въ столкновеніи съ полиціей изъ-за арестованнаго при этомъ запасного, при чемъ три городовыхъ и помощн. пристава Бровковичъ были порядочно избиты. Но къ вечеру же обнаружилось, что запасные нуждаются не въ одной водкѣ. Трое запасныхъ заходятъ къ еврейкѣ, торгующей печенымъ хлѣбомъ, и спрашиваютъ хлѣбъ; та отвѣшиваетъ. „Деньги платить надо?“ Торговка, перетрусивъ, отвѣчаетъ: „Какъ хотите“. — Ну, ничего, мы запасные, говорятъ тѣ нѣсколько виновато и уходятъ, не заплативъ. Мы отмѣчаемъ этотъ случай, такъ какъ онъ иллюстрируетъ положеніе призванныхъ запасныхъ. По два, три дня бродятъ они по улицѣ, подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи сначала очереди у воинскаго начальника, а затѣмъ: пѣхотинцы — пока ихъ отправятъ въ Ярославль, гдѣ формируется какая то часть, а артиллеристы — пока ихъ разставятъ по квартирамъ. На дворѣ холодно, сырой осенній вѣтеръ, туманъ. „Ноги совсѣмъ отсырѣли, съ утра стоимъ; тутъ и не пьющій выпьетъ“, говорилъ мнѣ одинъ запасной[1]) Прибавьте къ этому невыразимое душевное состояніе людей, отрываемыхъ отъ своихъ семей и гонимыхъ на вѣрную смерть, и необходимость алкоголя для нихъ станетъ понятна. Въ первые два дня мобилизаціи, брали почти всѣхъ, въ томъ числѣ, и больныхъ и многосемейныхъ. Откуда то пронесся слухъ, что много евреевъ-запасныхъ скрылось, и что, вмѣсто нихъ, и приходится брать больныхъ и многосемейныхъ. 12-го утромъ озлобленіе запасныхъ, какъ и всякое безсознательное озлобленіе въ Россіи, попыталось принять обычную форму — еврейскаго погрома. Но если озлобленіе, стремленіе сорвать на комъ-нибудь свое горе выразилось въ издѣвательствахъ надъ проходившими и пробѣгавшими евреями и ихъ избиваніи (въ больницѣ губернскаго земства находится сейчасъ пять тяжело избитыхъ евреевъ), то не менѣе, если только не болѣе, замѣтную роль въ начинавшемся погромѣ играло стремленіе поживиться на чей либо счетъ. Началось, какъ всегда, на толкучкѣ. Какой-то запасный покупалъ полушубокъ въ лавкѣ у еврея; одинъ давалъ пять съ полтиной, другой просилъ восемь рублей: никакъ не сходились. Наконецъ, запасный вышелъ изъ себя и съ крикомъ: „А, ты ничего не хочешь уступить солдату, идущему на войну, — такъ ничего же и не получишь!“ вырвалъ полушубокъ у еврея. За нимъ бросились и другіе запасные толпившіеся здѣсь, и въ мигъ лавка была расхищена. За ней перешли къ смежнымъ лавкамъ съ верхнимъ платьемъ, и были разбиты еще двѣ лавки. Затѣмъ была разграблена лавка съ обувью. Награбленное здѣсь же надѣвалось на себя. Городовой, стоявшій въ этомъ мѣстѣ (у магазина Лизункова), когда громилы направились было къ этому магазину, отвелъ ихъ, сказавъ, что это русскій: „еврейскій — вонъ“. Собственно погромъ здѣсь въ этомъ только и выразился. Извѣщенный по телефону, губернаторъ немедленно пріѣхалъ, вызвалъ войска, держалъ рѣчь, пригрозилъ стрѣлять (ружья, дѣйствительно, были заряжены боевыми патронами), и хотя запасные объяснялись съ нимъ и не совсѣмъ почтительно, все таки все мало по малу успокоилось. „Открой винныя лавки, ваше превосходительство, а то сами откроемъ!“ „Дай, ваше превосходительство, квартиру и харчи!“ — вотъ были ихъ требованія. „Гдѣ же, голубчики, я денегъ возьму?“ отговаривался на послѣднее губернаторъ. „Да и намъ же не за сорокъ верстъ ночевать ходить“. Губернаторъ открылъ одну винную лавку и уѣхалъ. „Пусть только стемнѣетъ“, говорили потомъ запасные: „мы монопольку разнесемъ“. Въ подтвержденіе, что за это ничего не будетъ, разсказывалось, что, будто бы, въ Минскѣ запасные разбили всѣ винныя лавки и выпили все вино, а что царь на докладѣ объ этомъ написалъ: „Мои дѣти, мое вино“.

Въ другихъ частяхъ (собственно только на Благовѣщенской, главной улицѣ города) погромъ принялъ болѣе мягкія формы. Запасные, входя въ магазинъ (не различая, впрочемъ, особенно русскихъ и евреевъ), спрашивали нужную имъ вещь (табакъ, фрукты, съѣстные припасы) и, заявивъ, что они запасные, уходили, не заплативъ. Въ большинствѣ случаевъ они требовали денегъ на водку и, получивъ требуемое, уходили (иногда заявляли, что мало, и требовали еще). Въ одномъ магазинѣ (русскомъ) такой запасный доказывалъ необходимость дачи ему на водку тѣмъ, что онъ очень усердно колотилъ пристава наканунѣ: „два раза ударилъ!“ Вообще, слѣдуетъ отмѣтить, что запасные съ большимъ увлеченіемъ разсказывали, какъ они колотили полицію и какъ они не церемонились съ губернаторомъ. Когда же пронесся слухъ, что за Днѣпромъ (на Нижнемъ базарѣ) громятъ лавки, и на Благовѣщенской всѣ магазины закрылись, то погромъ выразился здѣсь въ нѣсколькихъ разбитыхъ окнахъ и попыткахъ выломать двери. При одной такой попыткѣ, случившейся здѣсь, членъ губернской земской управы Губкинъ пробовалъ уговорить толпу (здѣсь были небольшія кучки, человѣкъ по 5—7). Тогда двое громилъ отводятъ его въ сторону и говорятъ: „Баринъ! ты уже получилъ съ жидовъ, что слѣдуетъ. Не мѣшай же намъ немного поживиться!“ Въ другомъ мѣстѣ другому защитнику евреевъ пришлось хуже. Сотрудникъ мѣстной газеты Орловъ, увидѣвъ, что толпа гонится за старымъ, уже избитымъ евремъ, сталъ уговаривать ее, указывая, что тотъ и такъ еле тащится. „А, ты за жидовъ!“ и бросились на него. Кое-какъ ему удалось ускользнуть во дворъ и тамъ спрятаться.

Къ тремъ часамъ дня вездѣ уже было спокойно. До вечера 14-го, когда я пишу эти строки, ничего больше не произошло. Сегодня даже патрулей уже нѣтъ.

Общее впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ у пишущаго, получилось такое, что антисемитизма, въ смыслѣ ненависти расовой или вызванной экономическими причинами, въ толпѣ не было. Если жертвой здѣсь является еврей, то не потому именно, что онъ еврей, а потому, что онъ существо сравнительно безправное, по отношенію къ русскому. Убѣжденіе, „что за жида ничего не будетъ“, что съ жида всѣ живятся, что онъ за себя не постоитъ — вотъ рѣшающій моментъ въ погромѣ. Такое же отношеніе у нашего народа къ китайцамъ, мордвѣ, татарамъ, — ко всѣмъ, кто сравнительно безпомощенъ. Уравняйте еврея въ правахъ съ русскимъ, защитите его одинаково закономъ, стой еврей самъ крѣпче за себя — и погромы исчезнутъ.

Отвѣтъ русскихъ рабочихъ г. Могилева на полицейскій погромъ. Намъ сообщаютъ о весьма отрадномъ фактѣ: въ то время, какъ легальная пресса не рѣшается пойти дальше глухихъ намековъ на то, что могилевскій погромъ 10 октября былъ сфабрикованъ полиціей, — рабочіе въ Могилевѣ дали *свой* отвѣтъ гнусной шайкѣ чиновныхъ громилъ. „17 октября, пишутъ намъ, русскіе рабочіе, примыкающіе къ могилевской организаціи Р. С.-Д. Р. П., устроили манифестацію. Несмотря на немногочисленность ея участниковъ, манифестація произвела сильное впечатлѣніе на случайныхъ зрителей, благодаря стройному порядку, въ которомъ она прошла, и смѣлому поведенію ея участниковъ. Шествіе началось у братской церкви по окончаніи обѣдни. На большомъ знамени (его пришлось нести двумъ человѣкамъ) было вышито, съ одной стороны: „Мы, русскіе рабочіе-соціаль-демократы, выражаемъ свой протестъ противъ полиціи, подстрекавшей толпу къ погрому“, а съ другой: „Рабочіе всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ и „долой войну!“ Одинъ рабочій громко, такъ что далеко было слышно, провозгласилъ тѣ же лозунги: „долой самодержавіе“, „довольно крови за ненужную Манчжурію!“ Рабочіе дружно повторили эти возгласы. Затѣмъ демонстранты, съ пѣніемъ марсельезы, медленно двинулись впередъ и дошли почти до театра, гдѣ спокойно разошлись. Полиція явилась слишкомъ поздно; по подозрѣнію, задержала трехъ человѣкъ.

Впечатлѣніе, произведенное демонстраціей на населеніе, какъ русское, такъ и еврейское, огромно. Въ глазахъ перваго движеніе до сихъ поръ носило чисто національный характеръ. Для многихъ слова: „жидъ“ и „демократъ“ совпадали. Послѣ демонстраціи намъ уже приходилось слышать: „а, вѣдь, и наши бунтуютъ; значитъ, всѣмъ плохо“. Полиція старается распространять слухи, что демонстранты были подкуплены евреями. Еще болѣе сильное впечатлѣніе демонстрація произвела на еврейское населеніе, безъ различія классовъ. Многіе говорили о демонстрантахъ съ какимъ то благоговѣніемъ. Уваженіе къ нимъ было тѣмъ сильнѣе, что въ городѣ знали, что и въ самооборонѣ во время погрома 10 октября участвовали русскіе рабочіе.

О томъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное демонстраціей, можно судить по тому, что въ тотъ же день на Костеркѣ, когда народъ возвращался съ вечерни, группа русской молодежи, не примыкающей даже къ организаціи, безъ всякаго участія послѣдней, стала кричать: „долой войну!“ „долой самодержавіе!“

Организаціи не удалось распространить листки въ моментъ демонстраціи. Послѣ нея вышло два листка: „къ рабочимъ“ и „къ обществу“. Листки „Искры“: „къ солдатамъ“ и „ко всѣмъ запаснымъ“ были распространены среди запасныхъ и произвели глубокое впечатлѣніе. Одна обывательница, въ квартирѣ которой размѣстили солдатъ, жаловалась, что „демократы“ помѣшали ей спать, такъ какъ подбросили прокламаціи, а солдаты всю ночь читали ихъ и спорили. Одни говорили, что нужно идти на войну, другіе — что нѣтъ. Къ утру побѣдили первые. На одной квартирѣ солдаты пили „за здоровье братьевъ-солдатъ“ и кричали: „долой войну!“ Любопытно отмѣтить, что по прочтеніи прокламацій, нѣкоторые выразили свой протестъ тѣмъ, что на слѣдующій день не пошли на ученіе, сказавшись больными. Часто слышатся возгласы: „такъ то такъ, да что мы одни подѣлаемъ?“ и т. п.

Шавли, Ковенск. губ. (по частному письму). Въ субботу 9 октября здѣсь была демонстрація по поводу бѣлостокской бойни. На главной-Тюремной улицѣ (какъ это по-русски, назвать такъ улицу!) собралось около 300 рабочихъ-евреевъ; кричали „долой самодержавіе“, „банзай“, „ура японцамъ“[1]); разбросано было до 2000 экз. прокламацій Двинскаго комитета Бунда, призывающихъ открытымъ протестомъ поддержать бѣлостокскихъ товарищей и виленскихъ заключенныхъ, начавшихъ борьбу не на жизнь, а на смерть. Одинъ изъ публики, столяръ *Бальцеръ* (старшина мѣщанской управы), извѣстилъ полицію, которая явилась и арестовала нѣсколько человѣкъ демонстрантовъ. Въ демонстраціи должны были принять также участіе литовцы, но опоздали, и полиція успѣла арестовать многихъ изъ нихъ.

Мобилизація произвела у насъ, какъ и вездѣ, страшное разореніе. Всѣ, кто имѣлъ хоть грошъ, бѣжали отсюда. Нужда неописуемая. Кучка дамъ-благотворительницъ, русскихъ и полекъ, собрала немного денегъ и открыла богадѣльню для покинутыхъ стариковъ. Раздѣлили городъ на кварталы и начали посѣщать бѣдныхъ. Но что можно сдѣлать? Возьмутъ двухъ старухъ, а десятки остаются безъ крова. Приходятъ бабы съ кучей ребятъ; куда ихъ дѣть? Гдѣ найти работы? По улицамъ ходятъ десятки оборванныхъ, продрогшихъ дѣтей и просятъ хлѣба. Гдѣ найти средства прокормить и одѣть этихъ несчастныхъ?

Одесса. Сообщаемъ еще нѣкоторыя подробности посѣщенія нашего города царемъ. На вокзалѣ Николая встрѣчали депутаціи городского самоуправленія, купечества, мѣщанской и ремесленной управъ, иновѣрческихъ обществъ и т. д. Тутъ разыгралась обычная позорная комедія. До особеннаго цинизма дошли представители еврейской общины: докторъ философіи Крепсъ и докторъ медицины Авиновицкій, Пенъ (оба видные сіонисты) и др. А представитель палестинскаго колонизаціоннаго общества изливалъ вѣрноподданническое чувство даже отъ имени тѣхъ евреевъ-колонистовъ, которые должны были эмигрировать въ Палестину, спасаясь отъ правительственныхъ преслѣдованій во время эпидеміи погромовъ въ 80-хъ годахъ. Уѣзжая, Николай оставилъ 5.000 руб. на благотворительныя цѣли и „Высочайше“ поблагодарилъ одесситовъ за сохраненіе тишины и порядка. Какъ видно, тишина и порядокъ такія диковинныя вещи на святой Руси, что за нихъ приходится посылать особую благодарности съ высоты престола. Несомнѣнно, что часть этой благодарности градоначальникъ Нейдгардтъ могъ смѣло передать Одесскому комитету, который проявилъ такъ мало иниціативы, энергіи и дѣеспособности, что сильнѣйшимъ образомъ способствовалъ сохраненію тишины и спокойствія, столь любезныхъ сердцу монарха. Не смотря на то, что о пріѣздѣ Николая всѣ давно уже толковали, нашъ комитетъ чуть ли не въ послѣдній день выработалъ планъ встрѣчи. Все это обсуждалось такъ спѣшно, устраивалось такъ непрочно, что въ нужный моментъ ничего не произошло, кромѣ прошедшей совершенно незамѣтно попытки освистать царя на Полицейской. Какъ видно, въ 24 часа ничего серьезнаго устроить невозможно, тѣмъ болѣе, что нужная въ такихъ случаяхъ предварительная усиленная агитація въ массахъ сильно хромала. Единственное, что было сдѣлано, это то, что спустя три недѣли послѣ *отъѣзда* царя, былъ выпущенъ листочекъ въ 6.000 экземпляровъ „*О пріѣздѣ царя въ Одессу*".

---

[1]) Затѣмъ запасные ничего не ѣли, такъ какъ кормить ихъ начинаютъ только послѣ опредѣленія въ часть, такъ что даже хлѣбъ имъ приходилось добывать полу-нищенски, полу-насильно, какъ это видно изъ приведеннаго факта.

[1]) Оставляемъ эту подробность на отвѣтственности корреспондента. Мы понимаемъ, конечно, желаніе наговорить при демонстраціи побольше непріятностей царскому правительству, но болѣе чѣмъ странно, со стороны сознательныхъ рабочихъ, было бы — для этой цѣли — провозглашать „ура“ правительству японскому. Ред.

На дняхъ уходили на войну послѣдніе эшелоны принятыхъ запасныхъ. Наканунѣ отъѣзда, многіе изъ нихъ ходили пьяными толпами по улицамъ, попытались разбить нѣсколько еврейскихъ лавокъ, избили нѣсколькихъ еврейскихъ торговцевъ, буйствовали на улицахъ. Такъ они изливали накопившуюся отъ всѣхъ мукъ горечь! Послѣ этого, на толкучкѣ, гдѣ они сильнѣе всего дебоширили, днемъ и ночью находились солдаты и полиція, такъ какъ опасались возможности еврейскаго погрома. Наканунѣ же отъѣзда, запасные устроили грандіозный разгромъ казармъ, о которомъ уже сообщено въ предыдущемъ №. Эти событія, *конечно*, остались безъ *всякаго* воздѣйствія со стороны мѣстнаго комитета. Таково-то печальное положеніе вещей!

Недавно въ Одессѣ состоялся съѣздъ земскихъ врачей Херсонской губерніи. Были вынесены резолюціи довольно радикальнаго характера. Такъ, напримѣръ, требовали свободы слова, религій, сходокъ для рабочихъ, участія представителей рабочихъ въ выработкѣ фабричнаго законодательства, всеобщаго обязательнаго обученія, участія широкихъ массъ въ городскомъ самоуправленіи и т. д. и т. д. По этому поводу не было *никакихъ собраній, никакихъ* листковъ, и нѣкоторые рабочіе, случайно узнавъ объ этомъ изъ газетъ, спрашивали: „какая же разница между нами и ними, отчего бы не соединиться?" — Теперь у насъ происходитъ наборъ новобранцевъ. Масса лицъ, отбывающихъ въ этомъ году, успѣла благополучно скрыться за границу. Процентъ принятыхъ новобранцевъ въ этомъ году долженъ быть на 30% больше, чѣмъ въ прошломъ. Евреи же, составляющіе 33% всего одесскаго населенія, будутъ приняты въ количествѣ *69%*. Въ прошломъ году, по поводу призыва, устраивались массовыя собранія, распространялись листки, въ этомъ же году, — ничего подобнаго нѣтъ! За послѣднее время распространялись лишь листки: 1) Объ убійствѣ Плеве — изд. Ц. К. (чуть ли не черезъ три мѣсяца послѣ убійства); 2) „Уроки войны", изд. Ц. К. и редакціи „Искры": 3) Портъ-Артуръ и Ляоянъ (перепечатка изд. Ц. К.) и 4) „О войнѣ съ Японіей". Третій листокъ значительно *предваряетъ* событія, а брошюра „О войнѣ съ Японіей", распространявшаяся черезъ 2 недѣли послѣ этого — *отстаетъ* на цѣлыхъ *7 мѣсяцевъ*. Для характеристики нравовъ, царящихъ въ нашей комитетской организаціи, интересно отмѣтить, что нашъ комитетъ *отказался* распространить предложенные ему нѣсколько тысячъ листковъ: „Ко всѣмъ запаснымъ рядовымъ". Мотивомъ служило то, что эти листки, молъ, печатались нечистыми „меньшинствинскими" руками. И это тогда, когда листки были до крайности необходимы: происходилъ призывъ запасныхъ солдатъ.

Недавно на Болгарской улицѣ было арестовано собраніе въ 5 человѣкъ. Арестованные заранѣе рѣшили не сдаваться, и одна дѣвица изъ револьвера убила наповалъ надзирателя. Всѣ они содержатся подъ сильнѣйшей внѣшней и внутренней охраной. Всѣ арестованные — *не* соціальдемократы.

Изъ мѣстной тюрьмы выпустили массу товарищей, съ совершеннымъ прекращеніемъ дѣлъ. Такъ, были прекращены дѣла: о транспортѣ литературы, организаціи рабочихъ кружковъ, храненіи брошюръ и др.

Отъ Ред. Мы съ большой неохотой даемъ мѣсто содержащимся въ корреспонденціи жалобамъ на поистинѣ скандальную, анти-партійную дѣятельность комитета, которому довѣрено партіей руководство движеніемъ въ одномъ изъ главныхъ центровъ. Но *замалчивать* многочисленныя жалобы этого рода, идущія отъ мѣстныхъ рабочихъ, совершенно невозможно. Необходимо, чтобы партія вмѣшалась въ одесскія дѣла и положила конецъ царящей тамъ *системѣ угашенія революціоннаго движенія*. Иначе намъ грозитъ уходъ одесскихъ пролетаріевъ отъ соціальдемократіи. Не можемъ не выразить своего удивленія по поводу того, что товарищи, привезшіе отвергнутыя Одесскимъ Комитетомъ прокламаціи, не сочли своей *обязанностью* распространить ихъ *помимо* комитета.

Кіевъ. Подъ вліяніемъ княжеской болтовни Святополка и „довѣрія" къ ней либеральныхъ болтуновъ земства и думъ, начинаютъ болтливо говорить и писать и наши обыватели: всюду среди нихъ оживленные толки и бесѣды, что „жить теперь становится легче и пріятнѣе, пресса и общество оживляются"... Обыватели полны самыхъ радужныхъ ожиданій, они радостно волнуются и говорятъ, что „21 X въ день восшествія на престолъ будетъ объявленъ манифестъ о дарованіи реформъ"[1]; всюду говорятъ, что „въ заграничныхъ газетахъ (Vorwärts и др.) напечатанъ уже и текстъ манифеста, которымъ будетъ объявлено о созывѣ представителей земствъ и думъ въ С.-Петербургѣ для выработки конституціи"...

19/X въ Политехническомъ Институтѣ студентами вывѣшено было въ витринѣ объявленіе, что „Vorwärts помѣстилъ текстъ имѣющаго выйти манифеста о конституціи". Толпы студентовъ читали это сообщеніе, открыто выражая свое радостное настроеніе. Интересъ среди „общества" и студенчества къ легальной и нелегальной прессѣ громадный. Институтская читальня всегда биткомъ набита студентами. Ежедневно ждутъ отъ газетъ жгучихъ новостей *не столько* съ театра военныхъ дѣйствій, сколько изъ области внутренней жизни... Такъ сильно приковала къ себѣ общественное вниманіе наша внутренняя политическая жизнь... Болѣе всего разговоровъ о земствѣ... Изъ статей прессы наиболѣе обращаютъ вниманіе читателей передовицы „Русс. Вѣд." (отъ 14 X...), статьи „Права" (въ №№ 39, 40, 41)...

Положеніе Кіевской прессы подъ ферулой Клейгельса попрежнему невыносимое. Для иллюстраціи сообщаю, что цензоръ Сидоровъ въ „Югозападной Недѣлѣ", издающейся Муромцовымъ, въ № 6 не пропустилъ ни *одной* статьи и 6 № вышелъ всего въ *4 строчки* текста изъ двухъ только отдѣловъ: библіографія и литературное искусство (всего 2 небольшихъ статейки), остальныя страницы *пустыя*.

18 октября въ Институтѣ былъ вывѣшенъ въ витринѣ и распространенъ среди студентовъ и общества *первый* листокъ „Организаціоннаго Комитета Студентовъ Политехническаго Института" съ заявленіемъ, что въ своей дѣятельности онъ „будетъ держаться соціальдемократической программы и тактики"...

Севастополь. На окраинѣ города имѣется предмѣстье „Аполлонова балка". Года три назадъ жителямъ этой балки присланы были изъ городской управы окладные листы; аполлоновцы отказались платить на томъ основаніи, что земля принадлежитъ морскому вѣдомству. На слѣдующій годъ повторилась таже исторія: только управа поставила въ счетъ и недоимку прошлаго года. Но и теперь большинство платить отказалось, а уплатившіе — уплатили только часть. Но такъ какъ городская управа — „управа", и въ ней засѣдаютъ господа, а аполлоновцы — люди простого званія, то дѣло приняло обычное россійское теченіе: въ балку нагрянули приставъ, околодочный и городовики и стали забирать у „неплательщиковъ" самовары, ведра, — словомъ, все необходимое въ домашнемъ обиходѣ. „Къ тѣмъ — пишетъ корреспондентъ-рабочій — „кого не было дома, перелѣзали черезъ стѣну и забирали все, что имъ было угодно". „Угодно" же „имъ" было, вѣроятно, весьма многое... Въ насиліяхъ недостатка тоже не было. Одну женщину избили такъ, что отъ побоевъ остались слѣды. Необходимо отмѣтить, что земскій врачъ *Піотуховичъ* не выдалъ ей удостовѣренія объ этомъ, а отослалъ ее къ приставу „за бумагой". Бѣдная женщина, благоразумно опасаясь новыхъ побоевъ, предпочла обратиться къ градоначальнику, который, понятно, оставилъ ея жалобу безъ вниманія.

Теперь передъ аполлоновцами опять окладные листы, по которымъ надо платить въ управу; между тѣмъ, морское вѣдомство также требуетъ уплаты „за мѣсто, и несчастнымъ жителямъ" — заканчиваетъ корреспондентъ — „питающимся чуть ли не однимъ хлѣбомъ, приходится платить за одинъ клочекъ земли двумъ хозяевамъ".;

Саратовъ. Около 26 сентября въ семинаріи долженъ былъ служить архіерей. Семинаристы вызвались пѣть сами, а потому архіерей своихъ пѣвчихъ не взялъ. Когда начали служить молебенъ, то всѣ семинаристы, бывшіе въ церкви, т. е., около 600 человѣкъ, запѣли. Это очень понравилось архіерею. Но не долго продолжалась его радость. Послѣ молебна, когда протодіаконъ сталъ провозглашать многолѣтіе государю, со всѣхъ сторонъ послышалось шиканье, свистъ и топотъ, и семинаристы отказались пѣть „многая лѣта". Когда архіерей обратился къ нимъ съ рѣчью, то и она была заглушена свистомъ, топаньемъ и кашлемъ.

Передъ новой авантюрой? (Письмо изъ Либавы). Кажется, что русское правительство готовится къ войнѣ съ Англіей. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, которое выносишь изъ разговоровъ съ чиновничьимъ міромъ г. Либавы, военнаго порта, а съ 1893 года и крѣпости. Производятся день и ночь работы для возведенія постоянныхъ сильныхъ укрѣпленій на морскомъ берегу, тратятся бѣшенныя деньги для „приведенія въ плоскость стола" мѣстности вокругъ нихъ (чтобы непріятельскому десанту негдѣ было укрыться по близости отъ укрѣпленій), возводятся „временныя" баттареи со стороны суши... Служащіе въ нѣкоторыхъ казенныхъ учрежденіяхъ получили отъ коменданта Либавской крѣпости оффиціальную „бумагу", гдѣ они должны заполнить извѣстныя графы и дать свѣдѣнія, кто изъ нихъ и въ какомъ числѣ остается или уѣзжаетъ „въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій", сколько пудовъ багажу или клади разсчитываютъ везти и куда именно. Не Японцы же изъ Сѣвернаго моря откроютъ военныя дѣйствія противъ Либавы? Остается думать, что все это направляется противъ Англіи. Къ тому же въ крѣпости полученъ изъ Петербурга приказъ быть непремѣнно готовыми къ марту мѣсяцу и къ этому времени закончить *всѣ* постройки.

Рядомъ съ швыряніемъ денегъ на приведеніе „въ плоскость стола" окрестностей укрѣпленій, идетъ экономія... за счетъ здоровья солдатъ. Такъ въ (Либавской) минной ротѣ уменьшены, вѣроятно, по случаю „побѣды — одолѣнія надъ мятежными японцами" солдатскіе пайки, мяса даютъ $^3/_4$ фунта на человѣка, вмѣсто 1 фунта чаю и сахару отпускаютъ вдвое меньше и т. д.

Банкротство надвигается. Какъ извѣстно, недавно выпущенъ внутренній 3,6% заемъ на сумму 150 милліоновъ рублей въ видѣ 50 рублей свидѣтельствъ государственнаго казначейства. Оказывается, что *отдѣленія Государственнаго банка отказываются принимать ихъ въ уплату по платежамъ Банку.* Когда управляющему Госуд. банка Тевяшеву жаловалось на это, нѣкое учрежденіе, набравшее этихъ бумагъ на 75000 руб., то онъ заявилъ, что-де это временная мѣра. На вопросъ, нельзя ли обратиться къ министру финансовъ по этому поводу, послѣдовалъ отвѣтъ, что это-де ни къ чему не поведетъ: министру финансовъ требуется ежедневно на военныя издержки нѣсколько (сколько?) милліоновъ рублей, а у него 50 мил. рублей послѣдняго займа еще нереализовано: для этого и была имъ предписана эта мѣра. Такимъ образомъ, русское правительство, для поправленія своихъ финансовъ, прибѣгаетъ къ выпуску „неразмѣнныхъ" денегъ. Обыкновенно такія, по меньшей мѣрѣ, рискованныя операціи предшествуютъ банкротству.

Якутскъ. Въ послѣдніе годы туземное населеніе Азіатской Россіи, видимо, начинаетъ пробуждаться къ національной жизни. Многимъ памятны, вѣроятно, недавнія волненія бурятъ. Въ 1903 г. можно было видѣть въ Красноярск. тюрьмѣ двухъ киргизовъ, сосланныхъ, въ качествѣ политическихъ, за гектографированье листковъ къ своимъ сородичамъ. Теперь наступила очередь якутовъ. Все лѣто 1904 г. происходили по улусамъ и наслегамъ тайныя сходки всего взрослаго мужск. якутск. населенія. На нихъ формулированы были 2 требованія: расширеніе самоуправленія и отмѣна ссылки въ Як. об. „Наша земля — для насъ, а не для русскихъ преступниковъ, и мы проживемъ своимъ умомъ лучше, чѣмъ умомъ Вашей полиціи," — говорилъ намъ молоденькій писарь, горячій защитникъ политическаго возрожденія своего народа. Оживленная агитація и горячіе споры пріурочивались, главнымъ образомъ, къ вопросу о мѣрахъ воздѣйствія на правительство. Одни — и въ томъ числѣ молодая якутская интеллигенція — указывали на печальную участь бурятскихъ ходатайствъ, совершенно отрицали легальные пути[1] и предлагали собраться полуторатысячнымъ отрядомъ въ Якутскѣ (почти каждый взрослый якутъ имѣетъ ружье и держать его въ своихъ рукахъ, пока изъ Петербурга не придетъ удовлетворительный отвѣтъ: стоящая въ городѣ сотня солдатъ ничего-де съ такой силой подѣлать не сможетъ; это предложеніе, очевидно, навѣяно примѣромъ романовскаго „форта". Другіе — особенно зажиточные, руководящіе круги — находя ненужнымъ и вреднымъ вызывающій образъ дѣйствій, настаивали на посылкѣ депутаціи къ царю отъ всего якутскаго народа, полагая, *что, въ виду войны*, она встрѣтитъ лучшій пріемъ, нежели бурятская, возможность же вооруженнаго отстаиванія своихъ требованій всегда останется. Въ концѣ концовъ, пока побѣдили умѣренные, и въ минувшемъ августѣ состоялся въ Якутскѣ съѣздъ до 50 представителей якутскаго народа, разрѣшеніе на созывъ котораго было получено отъ губернатора подъ какимъ-то невинно-патріотическимъ предлогомъ. Этотъ „парламентъ" выбралъ двухъ депутатовъ къ царю; остается ждать, чѣмъ все это кончится. Къ сожалѣнію, все движеніе происходило до такой степени безъ всякаго воздѣйствія мѣстныхъ полит. ссыльныхъ, что большинство послѣднихъ даже и не знаетъ о немъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Въ послѣднее время многихъ русскихъ гражданъ волнуетъ вопросъ, какъ питаются солдаты въ дѣйствующей арміи? Зачѣмъ вамъ, господа, „дѣйствующая"? Посмотрите на „бездѣйствующую" которая сидитъ у себя дома, у которой и провіантскіе магазины подъ бокомъ, и безграничный подвалъ къ услугамъ. Въ Черноморскомъ флотѣ матросы, имѣющіе хоть кое-какія средства, питаются на свой счетъ: во флотскихъ казармахъ многіе обзаводятся бензинками обыкновенно партіями человѣкъ въ 5—6 и готовятъ себѣ сами пищу. Характерно, что этотъ невинный фактъ вызываетъ цѣлый рядъ столкновеній съ начальствомъ, которое, повидимому, желаетъ, чтобы матросъ даже на свои деньги не смѣлъ по человѣчески питаться. Отсутствіе какой бы то ни было заботливости о пищѣ защитниковъ престола отечества принимаетъ временами характеръ прямого издѣвательства. Матросамъ въ плаваніе выдаются галеты и сухари. Галеты лучше сухарей. Поэтому, вначалѣ выдаются сухари. Между тѣмъ, галеты начинаютъ портиться, и въ нихъ заводятся черви. Тогда чтобы не пропадало казенное добро, матросовъ начинаютъ питать червивыми галерами! Иллюстраціей отношенія къ здоровью солдата служитъ такая сценка: вечеромъ на кораблѣ матросы ужинаютъ. Въ это время мимо нихъ проходитъ корабельный священникъ. — „Батюшка, милости просимъ поужинать съ нами, кашицы отвѣдать". — „Нѣтъ, нѣтъ, я вашей каши *не ѣмъ*: попробовалъ разъ—животъ заболѣлъ. *Кушайте во славу Божію*".

Мало того, что русскому солдату приходится самому себя содержать, онъ еще долженъ покупать на свой счетъ мазь для сапогъ, *масло для винтовокъ и... пули.* Читатель не вѣритъ? Приведемъ фактъ. Во всѣхъ пѣхотныхъ частяхъ, расположенныхъ въ Севастополѣ, солдатъ послѣ учебной стрѣльбы, когда они страшно утомлены, и какъ разъ въ самую жаркую пору дня— посылаютъ собирать пули. Такимъ образомъ, сначала—изъ высшихъ соображеній государственной безопасности—пули разсылаются во всѣ концы, а затѣмъ—изъ еще болѣе высокихъ соображеній государственной экономіи—солдаты посылаются разыскивать ихъ. Странно, конечно, экономничать въ такихъ мелочахъ тому правительству, которое въ другихъ случаяхъ расхищаетъ милліарды. Но самое странное—это вотъ что. Каждому солдату задается опредѣленный урокъ: собрать столько-то пуль. Но задаются уроки по такому оригинальному расчету, что рота, разстрѣлявшая пуль пудовъ 12, должна вернуть ихъ пудовъ 18. Солдатамъ остается, конечно, или покупать пули или красть ихъ. Въ заключеніе, когда такихъ пуль соберется пудовъ 400, ротный командиръ крадетъ ихъ, а деньги кладетъ въ карманъ.

Въ дополненіе къ сообщеннымъ нами раньше даннымъ о замѣнѣ на казенныхъ работахъ „вольныхъ" рабочихъ матросами приведемъ нѣкоторые факты. Въ приказѣ отъ 13 августа капитанъ надъ портомъ пишетъ: „Главный командиръ приказалъ... во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно замѣнить наемъ чернорабочихъ нижними чинами, замѣнять оныхъ, требуя изъ дивизіи нарядъ съ указаніемъ количества людей, потребнаго для данной работы". Несмотря на безграмотность, достаточно ясно. Въ прошломъ году оштрафованнымъ матросамъ предлагали замѣну ареста работою: по 2 дня работы за 1 день карцера (матросы очень часто предпочитали послѣдній) Теперь же арестованныхъ днемъ заставляютъ работать, а на ночь запираютъ въ карцеръ.

Политическій процессъ во флотѣ.

Копія.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

коимъ предается Суду Военно-Морского суда Севастопольскаго Порта матросъ I ст. Учебнаго Отряда Черноморскаго флота Иванъ Тимофеевъ Яхновскій.

15 мая 1904 года въ Севастополѣ къ матросу Учебнаго отряда Поповичу подошелъ въ экипажѣ матросъ одной съ нимъ роты Иванъ Яхновскій и со словами: „возьми, прочти и отдай другимъ, но такъ, чтобы никто не видѣлъ", далъ ему нелегальную брошюру: „Рѣчь Гольдмана на судѣ"; при этомъ Яхновскій добавилъ, что на слѣдующій день онъ долженъ получить изъ Харькова 60 книгъ, которыя надо раздать на учебныя суда: „Березань", „Днѣстръ" и „Прутъ". Не умѣя, по малограмотности, самъ прочитать брошюры, Поповичъ передалъ ее ротному писарю, а затѣмъ, по совѣту послѣдняго отнесъ къ ротному командиру штабсъ-капитану Шперлингу, объяснивъ тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ получилъ ее отъ Яхновскаго.

По указанію штабсъ-капитана Шперлинга, Поповичъ на слѣдующій день подошелъ къ Яхновскому и попросилъ у него еще книгъ. Тогда Яхновскій вынулъ изъ кармана пять экземпляровъ преступнаго содержанія прокламацій „Ко всему рабочему народу", изданія Крымскаго Союза Соціаль-Демократической Рабочей Партіи и передалъ ихъ Поповичу, прося по прочтеніи раздать товарищамъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто не видѣлъ.

На возникшемъ по этому поводу при мѣстномъ жандармскомъ управленіи дознаніи Поповичъ, подтвердивъ вышеизложенное, добавилъ, что, давая въ послѣдній разъ книги, Яхновскій обѣщалъ какъ-нибудь въ праздничный день свести его къ своимъ знакомымъ, гдѣ можно послушать чтеніе хорошей книжки, а равно, что къ Яхновскому постоянно приходили въ роту компанія однихъ и тѣхъ же лицъ, но кто они, не знаетъ. Допрошенный же на дознаніи, въ качествѣ свидѣтеля, матросъ Борисовъ, удостовѣрилъ, что слышалъ отъ товарищей въ ротѣ, что Яхновскій говоритъ противъ властей, самъ наблюдалъ, что онъ занимается политикой, а равно неоднократно замѣчалъ, какъ вечерами, въ свободное отъ службы время, около койки Яхновскаго собирались для собесѣдованія какіе-то матросы, но кто именно и о чемъ они говорили, ему неизвѣстно.

Осмотромъ брошюры „Рѣчь Гольдмана на судѣ" и прокламацій „Ко всему рабочему народу" на дознаніи было установлено, что въ первой изъ нихъ объясняются принципы Соц.-дем. Партіи и говорится, между прочимъ, о томъ, что главное препятствіе къ проведенію этихъ желательныхъ принциповъ въ массу русскаго народа составляетъ самодержавіе, борьба съ которымъ, поэтому, должна стоять на первомъ планѣ. Что же касается помянутыхъ прокламацій, то въ нихъ рабочіе приглашаются къ протесту противъ войны съ Японіей, выгодной для самодержавія и капиталистовъ, но пагубной для рабочихъ, а равно предлагается бороться съ самодержавіемъ, какъ врагомъ интересовъ трудящагося класса, до полнаго уничтоженія царской власти и учрежденія республики, а, для успѣшности этой борьбы, стать въ ряды Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Привлеченный на дознаніи въ качествѣ обвиняемаго, Яхновскій, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что никакихъ книгъ Поповичу не давалъ, и что тотъ взвелъ на него обвиненіе ложно, по злобѣ за то, что онъ ему не отдалъ денегъ, которыя былъ долженъ за сапоги, въ подтвержденіе чего сослался на матросовъ Покшина и Николаенко.

Спрошенные же, въ виду этого, на дознаніи Покшинъ и Николаенко—ссылки Яхновскаго, однако, не подтвердили, показавъ, что никакой вражды между ними не замѣчали.

По выпискѣ изъ алфавита матросъ I ст. Иванъ Тимофеевъ Яхновскій, 23 лѣтъ, происходитъ изъ крестьянъ Полтавской губ., въ службѣ съ 1 января 1903 года на 6 лѣтнихъ правахъ, подъ судомъ не былъ, дисциплинарнымъ взысканіямъ не подвергался. Изъ дѣла видно, что Яхновскій окончилъ курсъ приходской школы въ г. Харьковѣ, къ дознаніямъ политическаго характера ранѣе не привлекался.

Въ виду изложеннаго и на основаніи 1159 и 1171 ст. Воен. Морск. Суд. Уст., матросъ Учебнаго отряда Черноморскаго флота Иванъ Яхновскій предается Военно-Морскому Суду Сев. Порта по обвиненію въ томъ: что 15 и 16 мая 1904 года, съ злоумышленной цѣлью распространенія среди нижнихъ чиновъ флота идей революціоннаго содержанія, ведущихъ къ подорванію основъ самодержавія и ниспроверженію существующаго строя правленія въ государствѣ, онъ тайно передалъ въ казармѣ матросу Учебнаго отряда Поповичу, прося его о дальнѣйшемъ распространеніи, нелегальныя изданія „Рѣчь Гольдмана на Судѣ" и „Ко всему рабочему народу", въ которыхъ, между прочимъ, говорится о необходимости полнаго уничтоженія царской власти и учрежденія въ Россіи республики.

Преступное дѣяніе это предусмотрѣно ст. 130 ч. I п. 2 высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 года Уголовнаго Уложенія (ст. VII Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 7 іюня 1904 г.) и 317 ст. Воен. Морского устава о наказаніяхъ.

Составленъ въ гор. Севастополѣ 29 сент. 1904 г.

Подлинный подписалъ:

Военно-Морской Прокуроръ *Александровъ*.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Ростовъ на Дону (Письмо заготовщиковъ).

„Мы, ростовцы, опять захотѣли появиться на страницахъ нашей дорогой газеты. Въ силу того, что здѣсь ремесленники, а особенно заготовщики, работаютъ очень много (до 15 час. въ сутки), что не позволяетъ вести планомѣрную организаціонную работу, то на заготовщиковъ было обращено особое вниманіе, какъ на самыхъ угнетенныхъ и придавленныхъ безжалостной эксплуатаціей хозяевъ. Одинъ изъ среды заготовщиковъ, какъ самый развитой, отдалъ всего себя на подготовку организованной забастовки. Число рабочихъ этого цеха въ Ростовѣ 50-60.

---

[1] Въ этотъ день — „восшествія на престолъ" — ждали „манифеста" не въ одномъ лишь Кіевѣ.

[1] Въ своей политической невинности, подачу коллективныхъ заявленій, запрещенныхъ закономъ, и т. п. — они считали *легальнымъ* путемъ.

Ихъ раздѣляли на группы и опытные пропагандисты бесѣдовали съ ними по нѣсколько часовъ каждый день. Непрерывная работа среди нихъ привела, наконецъ, къ давно желанному результату. Ночью съ 14-го на 15 октября была общая сходка, на которой выбрали депутатовъ для предъявленія хозяевамъ требованій: десятичасовой рабочій день, увеличеніе заработной платы и уничтоженіе сдѣльной работы. Сходка закончилась пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе". Настроеніе было замѣчательно хорошее. Говорилось много рѣчей объ эксплуатаціи рабочихъ хозяевами, коснулись революціоннаго движенія въ Россіи. Сознаніе заготовщиковъ пробудилось: стали требовать литературу, нелегальную и легальную.

Были предъявлены хозяевамъ требованія стачечниковъ. Хозяева сперва не поддавались, удовлетворили только нѣкоторыя требованія, мотивируя свой отказъ отъ остальныхъ тѣмъ, что они приведутъ ихъ къ разворенію. Наконецъ, потерпѣвъ солидные убытки, они сдались. Полная солидарность чувствовалась среди забастовщиковъ. Замѣчательно, даже ученики не приходили на работу. Хозяева хотѣли прибѣгнуть къ услугамъ полиціи, но ученики скрывались и все таки не приходили".

Сморгонь. (Корреспонденція на еврейскомъ языкѣ, писанная мѣстнымъ рабочимъ). 16 августа по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ была распространенна прокламація Сѣверо-Западнаго комитета о войнѣ и безработицѣ. Впѣчатленіе прекрасное; крестьяне собирались десятками и совмѣстно читали листки, находя, что въ нихъ написано гораздо лучше, чѣмъ въ газетахъ. Многіе высказывали мнѣніе, что скоро должно произойти возстаніе. Полиція сейчасъ же пронюхала объ этомъ и бросилась по деревнямъ съ розысками, надѣясь по свѣжимъ слѣдамъ допытаться, какимъ путемъ соціалистическая литература проникаетъ въ деревню. Крестьянамъ былъ отданъ приказъ, подъ угрозой строгаго наказанія, чтобы каждый, кто найдетъ листокъ, представлялъ его въ полицію. Объ этомъ же объявляли и попы по церквамъ, при чемъ прибавляли, что „стыдно, что въ деревняхъ находятся соціалисты". 17 числа арестовано было 12 чел. 6 дней они просидѣли въ Сморгони, а за тѣмъ отправлены были въ Ошмянскую уѣздную тюрьму; одному изъ нихъ, который считался главнымъ обвиняемымъ, и у котораго нашли переписанную резолюцію, удалось, однако, бѣжать.

21-го у насъ состоялось въ лѣсу собраніе въ 125 ч., на которомъ говорилось о Бундѣ и о томъ, нужна ли еврейскому пролетаріату самостоятельная организація. Были приглашены и бундовцы. Они явились въ разгаръ собранія и стали перебивать оратора; возникла шумная ссора, благодаря чему пришлось разойтись изъ боязни, что полиція явится на крикъ. На слѣдующій день наша организація устроила собраніе въ другомъ лѣсу. Явилось опять свыше 125 чел.; ораторъ произнесъ ту же рѣчь, но передъ самимъ концомъ патруль извѣстилъ о приближеніи полиціи. Рѣшили всѣ вмѣстѣ отправиться въ городъ; однако, 50 чел. отдѣлились и пошли разными дорогами; остальные 75 чел. тронулись гурьбой и рѣшили не сдаваться, если ихъ будутъ арестовывать. Они никого не встрѣтили, и лишь придя въ городъ, узнали, что жандармъ арестовалъ одного патрульнаго, которому удалось къ тому же ускользнуть.

23-го была распространена прокламація по поводу убійства Плеве, а 26-го въ центрѣ города, въ синагогахъ и на вокзалѣ были расклеены воззванія къ солдатамъ, которыя очень много народу успѣло прочесть, раньше чѣмъ полиція ихъ сорвала. Болѣе 150 штукъ этихъ прокламацій удалось распространить по вагонамъ проходившаго на Дальній Востокъ воинскаго поѣзда.

Около трехъ недѣль назадъ состоялось собраніе всѣхъ организованныхъ рабочихъ, численностью въ 175 чел. (125 евреевъ и 20 христіанъ), на которомъ говорилось объ Амстердамскомъ конгрессѣ.

Лодзь. Въ концѣ октября Лодзинскій Комитетъ Соц.-Дем. Ц. П. и Л. выпустилъ прокламацію „Хлѣба и работы", объясняющую причину экономическаго застоя, призывающую на борьбу съ самодержавіемъ и къ протестамъ противъ гибельной, нелѣпой войны. Прокламацію распространили въ большомъ количествѣ (5000 экз.), наклеивали ее на воротахъ фабрикъ, заборахъ и т. д. Къ сожалѣнію, дѣло не обошлось безъ жертвъ. Въ ночь съ пятницы на субботу двухъ товарищей рабочихъ, наклеивавшихъ на воротахъ прокламаціи, замѣтилъ городовой. Этотъ защитникъ отечества подбѣжалъ съ намѣреніемъ арестовать „преступниковъ"; встрѣтивъ сопротивленіе со стороны одного изъ нихъ, онъ въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Пуля попала въ грудь и смертельно раненнаго отвезли въ Лодзинскую больницу. Этой новой жертвой изъ легіона жертвъ гнуснаго самодержавія оказался рабочій Теодоръ Елиньскій. Онъ незадолго до этого былъ выпущенъ изъ тюрьмы, въ которой просидѣлъ очень долго за транспортъ нелегальной литературы. Другую прокламацію Лодзинскій Комитетъ выпустилъ къ „новобранцамъ и всѣмъ лодзинскимъ рабочимъ" по поводу распространяемыхъ полиціей слуховъ, будто новобранцы намѣреваются „бить жидовъ". Прокламація обличаетъ продѣлки царскихъ слугъ, желающихъ направить все накопенное безработицей, царскимъ гнетомъ, отчаяніемъ и голодомъ, озлобленіе противъ евреевъ, изъ опасенія, ~~какъ бы~~ волна возмущенія и недовольства не направилась съ стихійной силой противъ настоящихъ виновниковъ нужды и голода. Прокламація приглашала рабочихъ помѣшать преступнымъ планамъ царскихъ холоповъ и не допускать еврейскихъ погромовъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ Лодзи не замѣтно пока успѣховъ полицейской пропаганды, которая сказалась и въ усердно распускаемыхъ ею слухахъ, будто соціальдемократы собираются поджигать дома, якобы, затѣмъ, чтобы народу причинить еще большія бѣдствія, такъ какъ имъ, молъ, соціальдемократамъ, народное горе и нищета нужны, чтобы склонить народъ къ революціи. Но и соціально-философское ученіе городовыхъ не спасетъ самодержавія!

Съ Урала. Сысертскій заводъ. Письмо рабочаго Уральскому Комитету Р. С.-Д. Р. П.).

Уральскій рабочій, до сихъ поръ спавшій неразбуднымъ сномъ, начинаетъ пробуждаться. Тамъ и сямъ слышатся его протесты и жалобы на плохое экономическое положеніе, хотя требованія рабочихъ носятъ пока еще экономическій характеръ.

Въ 45 верстахъ отъ Екатеринбурга есть Сысертскій заводъ; въ маѣ тамъ была стачка, которая продолжалась около двухъ недѣль, но, благодаря неустройству и отсутствію правильной организаціи, она не могла окончиться для рабочихъ удачей. Народъ сначала дружно забастовалъ, требуя правильной и порядочной расцѣнки, сбавленной до невозможности литейнымъ мастерамъ заводоуправляющимъ. Вожаками стачки, какъ оказалось, были два неграмотныхъ мѣстныхъ заводскихъ рабочихъ, которые твердо и настойчиво требовали повышенія разцѣнокъ и просили товарищей продолжать забастовку, грозя избить всѣхъ, кто выйдетъ на работу. Тогда заводская администрація заманила нѣсколькихъ трусишекъ (всегда портящихъ дѣло при стачкахъ) и набрала въ два раза больше совершенно незнакомыхъ съ литейнымъ дѣломъ чернорабочихъ, которые и работали, вмѣстѣ съ трусами, самыя необходимыя вещи, безъ которыхъ нельзя было обойтись. Нужно отмѣтить, какъ долго боролись совершенно неграмотные люди и что не одинъ человѣкъ изъ нихъ не пострадалъ и только, послѣ стачки, когда были сдѣланы маленькія уступки и рабочіе стали работать, управляющій разсчиталъ зачинщиковъ, но всѣ рабочіе заявили, что если ихъ разсчитаютъ, то они снова прекратятъ работу и всѣ были приняты обратно, а заводское начальство смирилось, боясь новыхъ безпорядковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДВѢ ДЕМОНСТРАЦИИ ВЪ БЕЛЬГІИ.

6 ноября члены бельгійской рабочей партіи собрались въ г. Левенѣ, гдѣ въ этотъ день предстояло открытіе памятника шестерымъ рабочимъ, самымъ подлымъ образомъ убитымъ во время всеобщей стачки 1902 г. Въ свое время „Искра" дала подробное описаніе всѣхъ перипетій этой стачки. Отсылая читателей къ этой статьѣ, мы напоминаемъ лишь вкратцѣ о событіяхъ, разыгравшихся въ Левенѣ. Когда 18 апрѣля 1902 года реакціонное большинство палаты отвергло требованіе равнаго для всѣхъ избирательнаго права, соціалистическіе депутаты встрѣтили это голосованіе единодушнымъ возгласомъ: „да здравствуетъ всеобщее избирательное право! да здравствуетъ всеобщая стачка!" Около полумилліона бельгійскихъ рабочихъ немедленно отозвались на этотъ кличъ и въ рядѣ шумныхъ манифестацій обнаружили свое твердое рѣшеніе бороться до конца за выдвинутое самой жизнью требованіе. Левенскіе пролетаріи также не отстали отъ общаго движенія. Вечеромъ 18 апрѣля тысячи пролетаріевъ собрались около мѣстнаго народнаго дома и съ революціонными пѣснями двинулись по улицамъ города. Но вотъ на углу одной изъ улицъ отрядъ національной гвардіи загородилъ дорогу шествію. Безъ всякаго предупрежденія офицеръ скомандовалъ — „пли!"... и мостовая Левена обагрилась кровью мирныхъ, безоружныхъ рабочихъ. Шестеро убитыхъ, много раненыхъ. Не всѣ они принадлежали къ Рабочей партіи: одинъ изъ убитыхъ оказался членомъ военнаго клуба, другой былъ правовѣрный либералъ, но всѣ они были рабочіе и всѣ сознавали несправедливость существующей въ Бельгіи избирательной системы. А на другой сторонѣ — звѣрь въ образѣ человѣка, офицеръ, съ молокомъ матери всосавшій всѣ предразсудки правящихъ классовъ, давно потерявшихъ честь и совѣсть и только ждущихъ того момента, когда можно будетъ задушить въ крови пролетаріевъ все соціалистическое движеніе.

Манифестація 6-го ноября показала, что бельгійскій пролетаріатъ не забылъ ни своихъ мертвецовъ, ни той цѣли, за которую они пали. Изъ пролетарскихъ грошей составилась значительная сумма, израсходованная на устройство на Левенскомъ кладбищѣ памятника жертвамъ гнуснаго злодѣянія, и тысячами стеклись къ назначенному дню пролетаріи со всѣхъ уголковъ Бельгіи, чтобы принять участіе въ открытіи памятника и у его подножія повторить данную нѣкогда въ другомъ мѣстѣ торжественную клятву — бороться до конца за всеобщее избирательное право. Медленно, подъ звуки похороннаго марша, двигалась по узкимъ улицамъ города несмѣтная масса народу, предшествуемая своими, обвитыми чернымъ крепомъ, знаменами и безконечнымъ рядомъ вѣнковъ, присланныхъ различными рабочими обществами; медленно проходили эти тысячи пролетаріевъ мимо величественнаго памятника, изображающаго убитую горемъ пролетарскую женщину, нагнувшуюся надъ убитымъ сыномъ, и такъ много говорящаго и уму и сердцу. А тутъ же лучшіе ораторы бельгійской рабочей партіи напоминаютъ этой двадцатитысячной толпѣ о былыхъ бояхъ и о грядущихъ сраженіяхъ... И, казалось, предъ каждымъ участникомъ снова вставали эти кровавыя событія апрѣльскихъ дней и надъ гробомъ шестерыхъ мучениковъ онъ повторяетъ слова одного изъ ораторовъ: „Дадимъ клятву, что мы доведемъ до конца дѣло освобожденія рабочаго класса. И когда настанетъ день побѣды, когда народъ будетъ владыкой своихъ судей, мы вернемся сюда, чтобы привѣтствовать нашихъ покойниковъ и чтобы сказать ихъ роднымъ, ихъ друзьямъ, ихъ соратникамъ: „смотрите, мы сдержали наше обѣщаніе. Мы были вѣрными исполнителями ихъ послѣдней воли!".

Да! бельгійскій пролетаріатъ обнаружилъ столько героизма въ своей борьбѣ, что въ его стойкости и рѣшимости сомнѣваться не приходится. Но очень и очень приходится спрашивать, подъ какимъ знаменемъ будетъ вестись эта борьба? Подъ краснымъ ли знаменемъ революціоннаго соціализма или подъ блѣднорозовымъ — оппортюнистическаго демократизма? Этотъ вопросъ напрашивается самъ собою у всякаго, кто видитъ, какія усилія употребляетъ либеральная партія, чтобы сдѣлать свой специфическій лозунгъ борьбы съ клерикализмомъ общимъ лозунгомъ демократіи вообще и рабочаго движенія, въ частности, и какъ слабо то сопротивленіе, которое оказываетъ большинство бельгійскихъ соціалистовъ этому проникновенію буржуазныхъ взглядовъ въ среду рабочихъ.

Было бы, поэтому, большимъ счастіемъ, еслибы состоявшаяся въ тотъ же день 6-го ноября либеральная манифестація въ Брюсселѣ повела къ отрезвленію соціалистовъ. По количеству участниковъ, эта послѣдняя манифестація оказалась очень внушительной: говорятъ о 35, даже 40 тысячахъ участниковъ. Правда, проникшія въ печать свѣдѣнія бросаютъ довольно оригинальный свѣтъ на „либеральный" способъ организаціи этой манифестаціи. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ — и это разсказываютъ весьма почтенныя либеральныя газеты, какъ вещь само особою понятную, — что одинъ либеральный депутатъ привелъ съ собою въ Брюссель до 7000 манифестантовъ. Этотъ либеральный депутатъ — одинъ изъ крупнѣйшихъ бельгійскихъ предпринимателей, отецъ рабочихъ и самодержавный властелинъ въ своемъ округѣ. Понятно, что ему не трудно было среди „своихъ" рабочихъ набрать не одну сотню манифестантовъ, для которыхъ къ тому же хозяинъ заказалъ на свой счетъ спеціальный поѣздъ. Другой либеральный депутатъ тоже „привелъ" пару тысячъ манифестантовъ. Не обошлось тутъ и безъ куріозовъ: многіе изъ приведенныхъ такимъ образомъ въ Брюссель рабочихъ тутъ же повыбрасывали изъ петлицъ синіе цвѣтки (эмблема либерализма) и, замѣнивъ ихъ красными, брали билетъ для проѣзда дальше въ Левенъ, чтобы присоединиться къ рабочей манифестаціи. Но, какъ бы тамъ ни было, даже за вычетомъ невольныхъ либераловъ, манифестація 6-го ноября показала нѣкоторое оживленіе либеральной партіи. Цѣлью манифестаціи было празднованіе побѣды либераловъ на послѣднихъ законодательныхъ выборахъ. Ожидали, что по этому случаю у либеральныхъ вождей развяжутся языки и что они не только возвѣстятъ странѣ, что либерализмъ идетъ, но и покажутъ, что онъ несетъ съ собой. Но не тутъ-то было: составъ либеральной партіи такъ разношерстенъ, что всякое опредѣленное заявленіе грозитъ кого нибудь шокировать, кого нибудь оттолкнуть. И потому побольше туману! Ссылку на полную общихъ мѣстъ, а потому безсодержательную либеральную программу *1846 года*, общіе разговоры о верховенствѣ „по скольку возможно" всего народа, о „расширеніи" сферы народнаго образованія, объ „уваженіи" правъ рабочаго и о „гарантіи" его безопасности въ настоящемъ и будущемъ — это все, что либеральные ораторы нашли возможнымъ отвѣтить на прямо поставленные рабочей партіей вопросы объ ихъ отношеніи къ прямому избирательному праву, къ обязательному обученію и къ рабочему законодательству. Но еще лучше всякихъ рѣчей брюссельская манифестація характеризуется слѣдующимъ обстоятельствомъ: настоящая манифестація имѣла состояться вскорѣ послѣ выборовъ, но тогда была запрещена брюссельскимъ бургомистромъ, г. Де-Мотомъ, надѣявшимся угодить своимъ запретомъ клерикальному правительству и королю. А г. Де Мотъ есть членъ либеральной партіи; ею онъ выбранъ въ брюссельскій коммунальный совѣтъ и ею же на послѣднихъ выборахъ выбранъ въ сенаторы. Г. Де Мотъ запретилъ, слѣдовательно, празднованіе своей собственной побѣды и побѣды своей партіи. Съ такими союзниками бельгійскіе соціалисты далеко не уйдутъ, и ихъ мечтанія о совмѣстномъ натискѣ демократическаго „блока" на клерикальную твердыню болѣе, чѣмъ наивны.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Заявленіе. Въ іюльской деклараціи Ц. К. заявлено, что „Центральный Комитетъ, въ полномъ своемъ составѣ, — за исключеніемъ одного члена, — обсуждалъ вопросъ о современной борьбѣ группъ внутри партіи". Вслѣдъ за опубликованіемъ этой деклараціи, тов. N, вышедшій задолго до ея появленія изъ состава Ц. К. и состоявшій послѣ этого членомъ одной изъ мѣстныхъ организацій, заявилъ, черезъ члена Ц. К., не принимавшаго участія въ выработкѣ деклараціи, что онъ изъ состава Ц. К. не выходилъ. Это странное заявленіе тов. N. породило въ партіи массу ложныхъ слуховъ, обостривших и безъ того тяжелое положеніе партійной жизни. Желая положить конецъ деморализаціи, вносимой такими слухами, Центральный Комитетъ считаетъ себя вынужденнымъ открыто предъявить къ тов. N. обвиненіе въ томъ, что онъ сдѣлалъ ложное заявленіе съ цѣлью дезорганизовать партію.

Предъявляя тов. N. такое обвиненіе, Ц. К. предлагаетъ ему разобрать этотъ конфликтъ третейскимъ судомъ въ составѣ вождей международной Соціальдемократіи.

Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Заявленіе заграничнаго представителя Ц. К.

1. Въ № 8—9 „Разсвѣта" на стр. 216 въ денежномъ отчетѣ напечатано: „изъ этой суммы — 507 fr. 20 c. находится по сіе время въ кассѣ Ц. К.". Это заявленіе совершенно неправильно, т. к. въ кассу Ц. К. не только не поступали эти деньги, но тов. Бончъ-Бруевичъ и другія лица передали Ц. К. сдѣланные ими, во время ихъ завѣдыванія партійными предпріятіями, долги въ 11.832 fr. 85 c.

2. Въ томъ же № „Р." напечатано заявленіе объ устройствѣ и открытіи въ Женевѣ „Библіотеки и Архива Рос. С.-Д. Р. П.". Между тѣмъ, минувшей весной, при содѣйствіи Ц. К. и на средства членовъ партіи, была основана „Библіотека и Архивъ", названная „Библ. и Арх. при Ц. К.", о чемъ своевременно было напечатано съ просьбой о присылкѣ пожертвованій. Послѣ же опубликованія Ц. К. извѣстной его іюльской деклараціи, группа лицъ, съ тов. Бончъ-Бруевичемъ во главѣ, завѣдывавшая этимъ учрежденіемъ, сообщила въ частномъ письмѣ Ц. К., что она считаетъ „Библ. и Арх." учрежденіемъ независимымъ, а нынѣ она уже объявляетъ его „Биб. и Арх. Р. С.-Д. Р. П."

Такое отношеніе этой группы лицъ къ учрежденію, основанному на средства и при содѣйствіи Ц. К. и членовъ партіи, слѣдуетъ признать неправильнымъ и заслуживающимъ самаго строгаго осужденія.

Агитація противъ войны. Кіевск. Ком. изданы листки: „Къ запаснымъ" (6.000 экз.), „Гдѣ нашъ врагъ?" (по поводу волненій запасныхъ — 6.000 экз.) и листокъ съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ въ день мобилизаціи (6.000 экз.). **Смоленскимъ Ком.** была распространена прокламація „Искры" „Ко всѣмъ запаснымъ" (печ. 1.000 экз.) и собственная „Къ запаснымъ" (мимеографъ — 2.500 экз.). Мѣсяцъ назадъ были распространены: „Объ убійствѣ Плеве" Ц. К. — 400 экз., „Война противъ войны" изд. Ц. К. — 400 экз. и 41—42 №№ „Искры" — 400 экз.

Московскимъ Ком. изданъ листокъ „Къ учащимся (объ избіеніи студентовъ-демонстрантовъ); **Кіевскимъ** — „Къ царскому юбилею" (6.000 экз.); **Рижскимъ** — „Къ Рижскимъ рабочимъ" (по поводу политич. процесса въ Ригѣ) и „Ко всѣмъ" (о полицейскихъ насиліяхъ—3.000 экз.) **„Балаханскими и Биби-Эйбатскими рабочими" въ Баку** выпущенъ отчетъ съ призывомъ къ рабочимъ о поддержкѣ основанной группой типографіи и листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ" (война — положеніе мѣстныхъ рабочихъ — призывъ къ всеобщей забастовкѣ, *какъ средству добиться прекращенія войны*).

Печатается и на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ № 2 „*Соціаль демократъ*". Вышло отд. прилож. къ № 77 („Вопросы парт. жизни").

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Ростовъ на Д. Арестованы: Калбасниковъ, Берковъ и еще двое. **Орѣхово-Зуево.** Здѣсь арестовали 2 рабочихъ съ брошюрами (по 1 экз.), но изъ Москвы пришелъ приказъ ихъ освободить, такъ какъ владѣніе литературой въ одномъ экз. не наказуемо (?). Изъ **Бакинской** тюрьмы бѣжалъ Сам. Глузкинъ (рабоч.).

А. Щепетевъ (Севастопольское дѣло), о которомъ въ „Иск." сообщалось, что онъ бѣжалъ, на самомъ дѣлѣ, *утонулъ* въ Ленѣ.

Заявленіе.

Товарищи, привлекавшіеся по дѣлу Ярославскаго студенческаго Комитета (аресты 902 г., апрѣль) просятъ опубликовать, что въ настоящее время вполнѣ точно установлено, что библіотекарь Демидовскаго Лицея Михаилъ Невскій явился въ ихъ дѣлѣ агентомъ-провокаторомъ. Онъ пытался втереться въ студенческіе кружки и, поселившись рядомъ съ однимъ изъ арестованныхъ по этому дѣлу, подслушивалъ черезъ стѣну его разговоры и слѣдилъ за всѣми, приходящими въ эту квартиру. Благодаря, главнымъ образомъ, показаніямъ Невскаго, въ апрѣлѣ 902 г. въ Ярославѣ были арестованы студенты Лицея: Кузнецовъ, Клириковъ, и Вершинскій (всѣ трое получили по 3 года Вост. Сиб.) Петровскій, Покровскій, Копачелли, Першинъ, Кедровъ, Тучапскій, Прѣсныченко, Гладкій, статистикъ Гавсманъ (получили гласный надзоръ) и земскій служащій Абкинъ (4 г. Олонецкой губ.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Загр. Лиги Рус. Рев. Соц.-Дем. Получено: изъ Митвейды въ іюлѣ за литературу 35 фр. 70 ст.; оттуда-же въ сентябрѣ 43 фр. 10 ст. (изъ нихъ 8 м. 50 пф. для Якутянъ), оттуда-же въ октябрѣ 86 фр. 20 ст.; изъ Карлсруэ въ іюлѣ 80 фр., и за литературу 47 фр. 91 ст., оттуда-же отъ Лат. орг. за 30 №№ „Осв." 7 фр. 50 ст.; изъ Гейдельберга по отчету за іюнь 52.50; отъ Лозанской Группы Сод. по отчету за іюнь 195 фр., за іюль 50 фр., за августъ 42 фр.; отъ Цюрихской Гр. Сод. за іюнь 142 фр. 30 ст., въ августѣ 75 фр., въ августѣ со спектакля 55 фр., въ октябрѣ за литературу 20 фр. еще за литературу 10 и 20 фр.; Отъ Бернской Гр. Сод. за іюнь 458 фр., на поѣздку референта 20 фр.; изъ Мягкаго Знака по отчету за іюнь 77 фр. 30 ст., въ сентябрѣ 60 фр., въ октябрѣ 115 фр., въ іюнѣ за талоны Бельтова 9 фр., по подписному листу эмигрантской кассы 13 фр. 50 ст.; изъ Брауншвейга въ августѣ по отчету съ 12-го мая по 11 іюля 22 фр. 94 ст., по подп. листу Лиги 6 фр. 70 ст. по подп. листу эмигрантской кассы 7 фр. 29 ст.; изъ Берлинской Гр. Сод. П. въ іюлѣ на Бориславск. стачечн. 20 фр.; отъ Женевской Гр. Сод. П. „Единеніе" за іюнь—іюль 107 фр.; изъ Лондона въ октябрѣ за литературу и карточки 48 фр. 50 ст., на паспортъ 19 фр.; изъ Фрейбурга (Baden) за іюнь 25 фр. 86 ст.; изъ Антверпена въ августѣ за литературу 31 фр. 50 ст.; изъ Дрездена въ августѣ 122 фр. 95 ст. въ октябрѣ за литературу 7 фр. 35 ст.; отъ Вѣнской Гр. Сод. П. въ августѣ 45 фр. 43 ст.; изъ Мюнхена за іюнь—іюль 123 фр.; Гессенскій Ф. въ августѣ 98 фр. 40 ст. (изъ нихъ 60 м. со студ. веч., 7 м. 30 пф. по подп. листу). Въ августѣ отъ Неизвѣстнаго (Himmel) 5 фр., отъ друзей Лиги Р. С.-Д. 37 фр., отъ Аврамова за литературу 45 фр. 30 ст., по подп. листу № 217 17 фр. 50 ст.; въ сентябрѣ черезъ М. изъ Л. 165 фр. 80 ст.; въ октябрѣ отъ Г. 100 фр., черезъ М. отъ саратовки изъ Лозанны 40 фр. Въ пользу Якутянъ: въ іюлѣ изъ Гейдельберга 92 фр. 48 ст., въ іюнѣ изъ Льежа 4 фр., изъ Бернской кассы 1000 фр.

Загр. кассой Ц. К. отъ 15 окт. по 15 ноября получены: отъ Гр—ева — 40 фр., отъ N N 500 р.; собрано въ объед. клубѣ — 14 фр. 85 ст., черезъ М. А. изъ Рос. 200 р., отъ стар. соц.-дем. 100 фр., изъ Фрейб. отъ М. В. на „И." и „С.-Д." — 7 фр. отъ него же на ссыльныхъ — 3 фр., изъ Канска для „И." 50 р.; изъ Н. І. чрезъ Лигу — 283 фр.; член. взносъ двухъ базельцевъ — 11 фр. 40 ст., отъ курильщика на „С. Д." — 5 фр., отъ „Секретаря" на попул. брош. — 25 фр., отъ экспедиціи — 20 фр., изъ Харькова за лит. — 45 фр., отъ Э. Б. на „С.-Д." — 25 фр., отъ Н. І. изъ Цюр. — 150 фр., отъ Коли въ Ц. К. — 10 фр., собр. въ Цюр. на рефер. Дана для отъѣзжающ. 35 фр., отъ Лиги — 420 фр., отъ Лели на изд. литературы черезъ М. — 530 фр. — Всего 3741 фр. 25 ст.

1852. Пойдетъ въ слѣд. №. **Марусѣ.** Необходимы корреспонденціи изъ вашего города; позаботьтесь объ этомъ. **Н—къ.** Повидимому, многое вами посланное, пропадаетъ. Отправляйте въ 2 экз. и изъ разныхъ пунктовъ. **Архаровцу.** Получено, ждемъ продолженія; **Саввѣ и Э.** Отчего замолкли? необходимы корреспонденціи, мѣстные листки. **Нижній.** Повторите письмо — невозможно разобрать.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 78. 20-го ноября 1904 г. Годъ IV.

ИТОГИ „ЗЕМСКАГО ПАРЛАМЕНТА“.

Мигъ вожделѣнный насталъ! Нотабли русской „земли“, умѣренные „отцы“ земства сказали, наконецъ, „свое вѣское слово“. „Земская мысль“ разрѣшилась отъ бремени открытымъ конституціоннымъ требованіемъ.

Несомнѣнно, роды были трудные. Несомнѣнно, много пришлось хлопотать ученой повитухѣ — „освобожденской“ партіи, —чтобы привести къ благополучному—для родильницы и ребенка—концу этотъ долгій, почти слоновой продолжительности, процессъ беременности. Нельзя не воздать должнаго тонкому искусству этой хлопотуньи, которая съумѣла добиться вожделѣннаго результата, не прибѣгнувъ даже къ хирургической операціи—къ революціонной помощи народныхъ массъ. Все обошлось „чинно, благородно“ и, прятавшіеся, какъ увѣряетъ иностранная пресса и какъ мы охотно вѣримъ, отъ всякихъ проявленій „народной симпатіи“, земскіе нотабли изъ своихъ келейныхъ засѣданій вынесли на свѣтъ божій свое законченное твореніе, точно выражающее смыслъ и сущность того либерально-демократическаго „блока“, надъ укрѣпленіемъ котораго такъ усиленно потрудилось „Освобожденіе“.

Несомнѣнно, въ засѣданіяхъ „земскаго съѣзда“ и, еще больше, за его кулисами, разыгралась богатая дѣйствіемъ политическая комедія. Надо было „примирить“ съ *конституціоннымъ* характеромъ движенія вліятельнаго Шипова и его либерально-славянофильскую группу; надо было примирить „сѣрыхъ“ отцовъ провинціи съ *политическимъ* характеромъ манифестаціи вообще; надо было примирить съ ея *либеральнымъ* характеромъ нѣкоторыхъ реакціонныхъ предсѣдателей и предводителей; надо было примирить съ ярко-оппозиціонной тенденціей рѣшеній съѣзда—свою собственную группу, ея рядовыхъ членовъ. Надо было, наконецъ, убѣдить немногихъ представителей демократизма удовлетвориться неопредѣленностью выраженій въ формулировкѣ „пожеланія“ объ учредительномъ собраніи и согласиться на умолчаніе о всеобщемъ избирательномъ правѣ: изъ всѣхъ задачъ, вѣроятно, наиболѣе легкая, ибо демократы на самомъ съѣздѣ и за его кулисами были, судя по всему, наиболѣе „самоотверженными“ изъ дѣятелей „блока“.

Вся эта трудная работа лежала, безъ сомнѣнія, на основномъ ядрѣ земскихъ конституціоналистовъ, и они удачно выполнили, повидимому, свою задачу. Конституціонная резолюція, за вычетомъ одного пункта, о которомъ ниже, собрала подписи всѣхъ, кромѣ 2-хъ, участниковъ собранія. Это — большой успѣхъ, знаменующій собой кульминаціонную точку въ развитіи историческаго земскаго либерализма. Резолюціи 6—8 ноября пріобрѣтаютъ значеніе политическаго событія первостепенной важности. Прогрессивная русская буржуазія впервые „полнымъ голосомъ“ сказала: прости! выпестовавшему ее просвѣщенному крылу царской бюрократіи, впервые отвѣтила достойной политическихъ дѣятелей „черной неблагодарностью“ шарлатанамъ сердечнаго попеченія, такъ долго превращавшимъ въ одинъ изъ устоевъ самодержавія то общественное самоуправленіе, которому, по самой его исторической сущности, надлежало быть могильщикомъ царизма.

Надо сказать, что министерство „новаго курса“ много поработало для достиженія этого счастливаго результата. Когда бѣдный Святополкъ предложилъ организаторамъ „тайнаго“ земскаго съѣзда сдѣлать послѣдній оффиціальнымъ, онъ вызывалъ къ жизни такихъ „духовъ“, съ которыми привыкла и умѣетъ справляться столичная бюрократія. И если онъ всетаки почувствовалъ себя очень скоро въ положеніи волхва извѣстной сказки, то только потому, что, вмѣстѣ съ духами земской оппозиціи, онъ, не замѣчая того, „разнуздывалъ“ и духовъ революціонной демократіи. Петербургъ взволновался и—первые показатели возрождающагося массоваго натиска—студенческія сходки заговорили революціоннымъ языкомъ, а варшавскіе пролетаріи, въ рядѣ уличныхъ сраженій, въ то же время напомнили просвѣщенному министру, съ какими стихіями ему придется имѣть дѣло. „Сегодня 4 октября, писалъ намъ одинъ товарищъ изъ Петербурга, и, быть можетъ, черезъ 2—3 дня накопленное сознаніе выльется въ стихійный процессъ.... спросите любого встрѣчнаго, гдѣ онъ будетъ 6-го, и онъ вамъ, почти не задумываясь, скажетъ: на площади, гдѣ будетъ земскій съѣздъ. Мнѣ кажется, ясно, что стихійная манифестація, во всякомъ случаѣ состоится“. Языкъ прессы становился все болѣе нетерпѣливымъ, изъ провинціи полетѣли радикальные адреса земскому съѣзду.[1] И старая, знакомая „нервность“, столько разъ уже парализовавшая въ рѣшительную минуту авантюристскую предпріимчивость нашихъ болѣе или менѣе сознательныхъ провокаторовъ диктатуры сердца, — эта роковая нервность, ростъ которой такъ отчетливо выражаетъ собою приближеніе великаго краха самодержавія, снова погубила его игру. Земской оппозиціи не суждено было испытать минуты блаженства на груди „весенняго“ обольстителя. „Оппозиціонныя группы возвращаютъ себѣ свободу дѣйствій“, писалъ въ № 60 „Освобожденія“ его петербургскій корреспондентъ. *Отнимаютъ* ее, — слѣдовало-бы сказать, ибо эта „свобода“ была имъ брошена въ лицо наглой бюрократіей. Вмѣстѣ съ сотрудникомъ г-на Струве, мы готовы поблагодарить судьбу за то, что жертва генеральскаго флирта не сохранила свое либеральное цѣломудріе; но, въ отличіе отъ него, мы не можемъ забыть, что еще одинъ ласковый взглядъ, —и эта впечатлительная дама утратила бы душевное равновѣсіе.

Но рокъ сулилъ иначе, тотъ рокъ, который безпощадно влечетъ къ могилѣ дряхлый государственный режимъ. Бюрократическій фетишизмъ ослѣпилъ петербургскихъ зубатовцевъ высшей марки. Не помѣшать земскимъ нотаблямъ собраться и вынести болѣе или менѣе „лойяльныя“ оппозиціонныя заявленія—съ этимъ еще могла, хоть и скрѣпя сердце, мириться весенняя политика; но дать этому собранію санкцію оффиціальности, подписать заранѣе подъ его невѣдомыми рѣшеніями священную формулу „дозволено цензурой“,—это было слишкомъ. И, очертя голову, сознавая, что совершаетъ новую глупость, правительство спѣшно взяло назадъ свое разрѣшеніе. И, словно по мановенію жезла, обычнаго типа собраніе „свѣдущихъ людей“, превратилось, тѣмъ самымъ, въ земскій парламентъ, а его разнородные элементы грубымъ движеніемъ солдатской ботфорты брошены въ объятія конституціоналистовъ. То, что могло бы превратиться въ жалкую комедію, стало серьезнымъ политическимъ дѣйствіемъ. Рѣшающій голосъ въ земскомъ парламентѣ пріобрѣтали открытые конституціоналисты, продиктовавшіе ему свою программу. Эта послѣдняя, какъ выше указано, должна была, чтобы объединить собраніе, считаться съ заскорузлой „умѣренностью“ земской правой и вотъ почему, безъ сомнѣнія, мы не находимъ въ резолюціяхъ 6—8 ноября ни протеста противъ войны, ни требованія *всенароднаго* представительства въ учредительномъ собраніи и будущемъ конституціонномъ аппаратѣ. Земскіе демократы, которые только что объявили себя сторонниками всеобщаго избирательнаго права (см. ихъ брачный договоръ съ „соц.-рев.“ и „P. P. S“ въ „Humanité“) пожертвовали, ради сохраненія *своего стараго* брака (по разсчету) съ „умѣренными“ этимъ требованіемъ; они не сочли даже нужнымъ приложить его къ резолюціямъ, хотя бы какъ мнѣніе радикальнаго меньшинства. Конечно, эта скромность *субъективно* мотивировалась нежеланіемъ вносить „дисгармонію“ въ земскій блокъ. Но такъ какъ ихъ самопожертвованіе — за счетъ принциповъ —не могло помѣшать г. Шипову и К° приложить *свое* особое мнѣніе (21-го члена), мнѣніе противниковъ рѣшительнаго конституціонализма, то примѣненный крайней лѣвой „пріемъ умолчанія“ только лишній разъ показалъ ея политическую безхарактерность и ни къ чему не привелъ.

Но этотъ характерный фактъ, самъ по себѣ, менѣе всего можетъ быть признанъ случайнымъ. Онъ явился неизбѣжнымъ выводомъ изъ того обстоятельства, что, умѣло использовавъ, противъ земской правой, нелѣпую политику Святополка, для проведенія конституціонной *программы*, земская лѣвая не преминула сдѣлать этой правой существенную уступку въ области *тактики*. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на „полу-запрещеніе“ съѣзда апелляціей къ общественному мнѣнію; вмѣсто того, чтобы, сдѣлавъ свои засѣданія возможно-болѣе гласными, пойти навстрѣчу поднимающемуся въ широкихъ демократическихъ низахъ движенію, — конституціоналисты сдѣлали все возможное, чтобы умалить *непосредственно-агитаціонное значеніе* своего „перваго шага“. Мало того, что они засѣдали „въ потемкахъ“; мало того, что они не приняли резолюціи протеста противъ дѣйствій правительства по отношенію къ нимъ, что они не протестовали противъ запрещенія печати касаться ихъ съѣзда, — но, какъ намъ сообщаютъ, они усиленно старались, чтобы петербургская „толпа“ не вздумала отвѣтить революціоннымъ эхо на ихъ слабозвучащіе голоса. Ради сохраненія земскаго „блока“, „освобожденская“ лѣвая послушно слѣдовала по старымъ протоптаннымъ дорожкамъ либеральной благонамѣренности, прямикомъ ведущимъ въ болото тѣхъ самыхъ „полумѣръ“, противъ которыхъ такъ краснорѣчиво на-дняхъ предостерегалъ на банкетѣ саратовскихъ либераловъ г-нъ Унковскій.

Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Разрывая съ традиціями земско-либеральной половинчатости и вступая подъ знамя открытаго конституціонализма, нельзя остановиться на полдорогѣ и упускать возможность нанести сильный ударъ врагу тогда, когда онъ еще можетъ быть застигнутъ врасплохъ. Въ качествѣ первой рѣшительно конституціоналистской демонстраціи земской буржуазіи, съѣздъ 6—8 ноября могъ бы явиться исходнымъ пунктомъ для всесторонняго бурнаго натиска на самодержавіе. Но для этого надо было не прятаться отъ народа, не давать—если вѣрны свѣдѣнія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ—полиціи обѣщаніе избѣгать уличныхъ манифестацій, не парализовать значеніе своей собственной побѣды—побѣды надъ собственными политическими традиціями, не давать опомниться потерявшей голову реакціи, не спѣшить разъѣзжаться „по домамъ“, затянуть плодотворный процессъ усиливавшагося кругомъ ихъ броженія. А для этого надо было только одно—стать рѣшительно и твердо на *демократическую* точку зрѣнія и *не бояться* политическаго выступленія народной массы. Только въ этомъ случаѣ, земская демонстрація превратилась бы въ *революціонное дѣйствіе*.

Было бы наивностью думать, что не только умѣренные либералы, но и болѣе радикальные земскіе демократы *самостоятельно* придутъ къ мысли объ апелляціи къ народному движенію. Ни ихъ прошлое, ни ихъ поведеніе въ ноябрьскіе дни не даютъ намъ права на такую надежду. Задача расширить политическое значеніе ставшаго на принципіально-вѣрный путь буржуазно-конституціоннаго движенія и влить въ него революціонное содержаніе падаетъ всецѣло на плечи рабочей партіи. Только этимъ путемъ она сможетъ выполнить свою миссію — подготовить организованный пролетаріатъ къ самостоятельной политической роли въ наступающей буржуазной революціи и—въ процессѣ роста его политическаго давленія на рядомъ съ нимъ борющіяся противъ царизма общественныя силы — обезпечить ему роль дѣйствующаго авангарда этой революціи, которой такъ неизбѣжно измѣняютъ и будутъ поочередно измѣнять всѣ фракціи буржуазнаго либерализма.

Голоса революціоннаго пролетаріата почти не было слышно въ тѣ ноябрьскіе дни, когда земскіе отцы отечества говорили отъ имени измученной царизмомъ страны. Но *тѣнь* его явно носилась и передъ самодержавствующей бюрократіей, когда она спѣшно брала назадъ свое согласіе на съѣздъ, она носилась и передъ умѣренными земцами.

И земскій либерализмъ далъ свою санкцію историческому факту выступленія русскаго народа на арену активной политической борьбы, когда вписалъ въ число своихъ требованій организацію *народнаго* (а не центральнаго *земскаго*) представительства и реорганизацію существующаго мѣстнаго самоуправленія, путемъ предоставленія избирательнаго права „по возможности (!)“ всему населенію. Такова сила событій: всего только годъ назадъ подавляющее большинство земцевъ объявило единственнымъ прочнымъ базисомъ прогресса и культуры сохраненіе помѣстнаго и образовательнаго ценза въ общественномъ самоуправленіи: нынѣ же самые отсталые и зависимые отъ бюрократіи предсѣдатели управъ, элементы сдѣлали тотъ скачекъ, послѣ котораго *земство, какъ таковое,* теряетъ свой raison d'être, въ качествѣ камня, на коемъ, по старому повѣрью, созиждется церковь конституціоннаго будущаго Россіи! И мы, перифразируя извѣстное изрѣченіе, вправѣ сказать „земскому“ либерализму: „умри, Денисъ, ты лучшаго ничего не сдѣлаешь“.

Ноябрьскія резолюціи могутъ сыграть крупную роль въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія анти-царистскаго движенія. Но не отъ ихъ авторовъ зависитъ теперь реализовать эти возможные результаты. Очередь за пролетаріатомъ. Онъ „подхватитъ“ вышедшее снова на поверхность общественной жизни конституціонное движеніе и, придавъ ему сознательно-революціонный характеръ, обозначитъ яркими, недвусмысленными красками его демократическіе лозунги. Онъ будетъ оказывать такое воздѣйствіе на стоящій въ центрѣ этого движенія либерально-демократическій „блокъ“ чтобы каждое его уклоненіе вправо отрывало отъ него и отбрасывало къ соціальдемократіи его демократическіе элементы, чтобы каждый шагъ его влѣво, совершаясь подъ явнымъ давленіемъ народныхъ массъ, велъ къ революціонному обостренію разгорающійся конфликтъ между старой и новой Русью.

Ноябрьскія событія въ Петербургѣ будутъ имѣть свое продолженіе въ предстоящей сессіи губернскихъ земскихъ собраній. Буржуазная демократія, несомнѣнно, мобилизуетъ всѣ свои силы, чтобы не дать земскимъ резолюціямъ въ губерніяхъ опуститься значительно ниже того уровня, на который ей удалось поднять ихъ въ петербургскомъ парламентѣ. Наша обязанность добиваться, чтобы уровень этотъ былъ еще поднятъ, чтобы *наше* политическое требованіе—созыва *всенароднаго* учредительнаго собранія—громко раздалось на этихъ собраніяхъ, чтобы конституціонныя манифестаціи на нихъ превратились—активнымъ и сознательнымъ участіемъ пролетаріата—въ революціонныя событія. Опытъ нашихъ харьковскихъ товарищей, которые подготовили и провели въ самый день открытія „земскаго парламента“ въ столицѣ демонстрацію въ мѣстномъ юридическомъ обществѣ, показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать. И если мы съумѣемъ всесторонне повести подготовительную работу агитаціи и организаціи, второй актъ конституціоннаго движенія оппозиціонной буржуазіи можетъ совпасть съ первымъ рѣшительнымъ выступленіемъ русскаго пролетаріата, какъ самостоятельно-дѣйствующей политической силы, сознательно налагающей *свое* революціонное вліяніе на ходъ и исходъ начинающейся развязки исторической драмы.

Противъ воли его активныхъ участниковъ, сдѣлавшихъ все возможное для умаленія его значенія, земскій съѣздъ сталъ крупнымъ политическимъ событіемъ, въ силу объективной логики историческаго развитія. Это обстоятельство непреложно свидѣтельствуя о томъ, какъ благопріятно складываются условія для рѣшительной революціонной иниціативы, обязываютъ партію пролетаріата къ открытію энергичной и планомѣрной политической кампаніи. Время не ждетъ, товарищи!

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Петербургская весна, какъ извѣстно, не можетъ обойтись безъ помощи начальства. Слабой сѣверной природѣ, тусклому сѣверному солнцу не подъ силу справиться въ короткій положенный срокъ съ той грудой мерзлой нечисти и навоза, которая скапливается на петербургскихъ улицахъ за долгую зиму. И потому, лишь только выглянули первые лучи весенняго солнца, армія дворниковъ, по приказу попечительнаго начальства, начинаетъ помогать природѣ, и тысячи заступовъ скалываютъ толстый слой смѣшаннаго съ грязью уличнаго льда. Ужъ не по этому ли петербургскому образцу думаютъ наши воители либерализма устроить „весну“ всероссійскую? Какъ понять иначе, что теперь, когда вся страна въ страстномъ напряженіи ждетъ смѣлаго слова; теперь, когда десятилѣтія трусливой тактики просьбъ и „надеждъ“ повысили наглость самодержавія до чудовищной авантюры японской войны; теперь, когда совершенно исключительное стеченіе историческихъ обстоятельствъ дало возможность либерализму пятой раздавить самодержавнаго дракона; какъ понять, что теперь мы слышимъ изъ устъ нашихъ Мирабо все тѣ же рѣчи о „надеждахъ“ на „верховную власть“? Какъ понять, что въ разгаръ „гласности“, подъ „громъ обличительныхъ статей“ „Рус. Вѣд.“ заявляютъ, будто „можно надѣяться, что правительство *захочетъ* прислушиваться къ голосу общества и *благосклонно* отнесется къ его горячимъ пожеланіямъ“? Болѣе того: будто „самому правительству не чуждо сознаніе пользы и необходимости общественнаго содѣйствія“? Неужели этимъ старымъ дѣтямъ такъ и суждено ничему не научаться и ничего не забывать? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что только мимолетную петербургскую весну можетъ дѣлать начальство въ сотрудничествѣ со стихіей? Неужели имъ такъ и не суждено понять, что содѣйствіе не дворниковъ, а народа, нужно для наступленія истинной весны всероссійской? Неужели они такъ и не поймутъ, что теперь время не просьбъ, а требованій, не дипломатическихъ ходовъ, а открытой борьбы? „Надежды“ на правительство теперь — это измѣна; каждый день откладыванія открытаго протеста — это преступленіе. Съ народомъ или противъ народа — вотъ два пути, другихъ нѣтъ; и противъ народа значитъ противъ свободы, ибо только могучій заступъ народа можетъ снять съ русской земли тотъ толстый пластъ замерзшей грязи, имя которому — самодержавіе.

⁂

Пока „весна“ успѣла растопить лишь самый верхній слой этого пласта, и — боги праведные! — какіе уже пошли ароматы. Цѣлыя тучи „обличеній“ несутся со всѣхъ сторонъ, и остается лишь удивляться той кротости и истинно христіанскому долготерпѣнію, съ которымъ россійскій обыватель переносилъ всѣ казни египетскія, терпѣливо дожидаясь минуты, когда тысячи труповъ на поляхъ Манчжуріи, сотни милліоновъ, безслѣдно растраченныхъ народныхъ денегъ и грозящее государственное банкротство дадутъ ему, наконецъ, возможность излить хоть часть своихъ горестей на газетные столбцы. И какихъ, можно сказать, „первобытныхъ“ горестей! Почитайте-ка „Русь“, „Нашу Жизнь“, „Право“, „Русскія Вѣдомости“ и ихъ провинціальныхъ соратниковъ. Прежде всего, со всѣхъ концовъ Россіи послышалось: бьютъ, бьютъ, бьютъ. Бьютъ на улицахъ, бьютъ въ участкахъ, бьютъ въ тюрьмахъ, бьютъ въ казармахъ, бьютъ даже докторовъ въ генеральскихъ квартирахъ! Кулакъ царилъ и царитъ во всю; онъ безвозбранно гулялъ и гудетъ по обывательскимъ спинамъ, а вотъ же терпѣли до сихъ поръ, сердешные! И лишь теперь, наконецъ, раздался „вопль наболѣвшей души“. Но не только бьютъ обывателя; надъ нимъ издѣваются. Его тащутъ на каждомъ шагу въ участокъ, его законопачиваютъ въ тюрьму, въ которой окна закладываютъ кирпичами и завѣшиваютъ щитами, его ссылаютъ въ мѣста, куда, дѣйствительно, никакой Макаръ телятъ не гонялъ, его судятъ судомъ неправеднымъ, и, какъ нынѣ публично выясняется, самъ верховный стражъ правосудія — сенатъ въ своихъ толкованіяхъ законовъ совершенно открыто руководствовался юридической нормой, извѣстной подъ названіемъ „чего прикажете“? И все это терпѣлъ обыватель. Терпѣлъ онъ и то, что читать ему позволяли лишь житія святыхъ — съ изъятіемъ „опасныхъ“ мѣстъ —, а писать разрѣшали обо всемъ, „кромѣ“ внѣшней и внутренней политики, да еще плохого нрава голубей.

Мудрено ли, что теперь, лишь только пріоткрылись двери, ведущія въ завѣтный рай „гласности“, тысячи обывателей наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ повѣдать міру свои страданія? Но, вмѣстѣ съ страданіями, они всенародно докладываютъ и о своемъ терпѣніи. Они докладываютъ, что на ихъ глазахъ били, сажали въ тюрьмы, ссылали, вѣшали, разстрѣливали, урѣзывали языки, сковывали руки, а они... они ходатайствовали, они „надѣялись“, они просили. И еще разъ спросимъ: неужели и теперь еще найдутся люди, которые будутъ одновременно говорить о „правопорядкѣ“ и ходатайствахъ, о „гарантіяхъ“ и надеждахъ, о свободѣ и просьбахъ?

⁂

Не только обыватель воспользовался весеннимъ просторомъ, чтобы излить свои печали. И пауки самодержавной бюрократіи, какъ водится, готовые съѣсть другъ друга въ той тѣсной банкѣ, куда загнали ихъ сейчасъ историческія судьбы, спѣшать свести публично свои счеты и ввалить другъ на друга вину за тотъ крахъ, который принесла самодержавію война. Времена теперь смутныя, что будетъ — неизвѣстно, и „на всякій случай“, не мѣшаетъ зарекомендовать себя публикѣ съ „отличной“ стороны.

---

[1] Какой то доноситель сообщаетъ въ „Моск. Вѣд.“, что саратовскіе земцы, отправляясь въ Петербургъ, были провожаемы не только „красными“ рѣчами своихъ товарищей, но и *пѣніемъ марсельезы.*

Очень поучительна полемика, которая ведется теперь на страницахъ газетъ между министромъ иностранныхъ дѣлъ и адмираломъ Алексѣевымъ. Разумѣется, высокоблагородные господа не изволятъ пачкать въ чернилахъ свои собственныя руки, да и занятіе-то для нихъ непривычное. Не въ „писакъ“ же имъ превратиться, по просвѣщенному выраженію Александра II! Но въ „писакахъ“ недостатка не бываетъ, и г. министръ изволитъ говорить устами „Петербургскаго Телеграфнаго Агентства“, а г. адмиралъ — кто бы могъ подумать это? — устами того самаго „Нов. Времени“, которое не уставало „обличать“ его въ помѣхѣ „единокомандованію“ Куропаткина.

И министру и адмиралу очень хочется свалить съ себя отвѣтственность за тѣ ужасныя пораженія, которыя не перестаютъ терпѣть русская армія и флотъ съ самаго начала войны. Ради этого, пресловутый сухопутный адмиралъ, немедленно по прибытіи въ Петербургъ, заявилъ сотруднику парижской газеты „Echo de Paris“ для распубликованія, что, если русскій флотъ оказался „неподготовленнымъ“, то вина падаетъ отнюдь не на него, Алексѣева, завѣдывавшаго флотомъ, а на „успокоительныя“ телеграммы, полученныя имъ изъ Петербурга послѣ разрыва дипломатическихъ отношеній между Россіей и Японіей. Очевидно, славный адмиралъ самъ никакъ не могъ догадаться, что разрывъ переговоровъ означаетъ войну, и, если бы ему это во время объяснили, то, конечно, въ однѣ сутки россійскій флотъ былъ бы приведенъ въ полную „готовность“. Такія ли чудеса можетъ творить русскій „витязь“!

Министръ иностранныхъ дѣлъ не могъ, съ другой стороны, допустить такой „клеветы“, которая такъ явно обличала „непредусмотрительность“ или, проще говоря, ребяческую наивность и самомнѣніе россійской дипломатіи. И онъ пустился въ „опроверженія“. Увы, этотъ походъ въ область „гласности“ былъ для бѣднаго дипломата крайне неудаченъ. Не только совершенно несомнѣнно установлено, что министерство иностранныхъ дѣлъ послѣ разрыва переговоровъ додумалось только до того, что теперь, дескать, нужно „выжидать развитія событій“, о чемъ „Прав. Вѣстникъ“ и поставилъ публику въ извѣстность одноременно съ телеграммой о минной аттакѣ японцевъ, выбившей изъ строя три русскихъ судна, — но болѣе того: „Новое Время“, при сей оказіи, разоблачило весьма пикантный эпизодъ. По поводу статьи „Нов. Времени“ о неминуемости войны послѣ разрыва переговоровъ „графъ, Ламздорфъ просилъ Плеве внушить редакторамъ газетъ“ и пр. и пр. И Плеве, конечно, „внушилъ“. А затѣмъ публику пытались одурманить вышеупомянутымъ, столь своевременнымъ сообщеніемъ въ „Прав. Вѣстникѣ“. Неизвѣстно, впрочемъ, хотѣли ли эти жалкіе люди просто отсрочить хоть на день объявленіе „вѣрноподданнымъ“ о своемъ преступленіи, или они, въ безумномъ самоослѣпленіи, дѣйствительно, думали, что „войны не будетъ“, потому что „царь сказалъ, что хочетъ мира“.

Судя по тому, что адмиралъ Алексѣевъ за „свойственныя“ ему „энергію и распорядительность“ и за „боевыя заслуги“ получилъ только что отъ „искренно благодарнаго“ Николая орденъ Георгія третьей степени, побѣда въ полемикѣ остается пока за нимъ.

* * *

Всѣмъ „весна“ принесла хоть какую-нибудь отраду, даже адмиралу Алексѣеву. Только Грингмутъ съ братіей остался обдѣленнымъ. Да и каково, въ самомъ дѣлѣ, положеніе этихъ „разбойниковъ пера и мошенниковъ печати“, когда изъ всѣхъ поръ сдавленнаго самодержавіемъ русскаго народа несется одинъ дружный крикъ — „свободы“! Каково положеніе этихъ годовъ, такъ приспособившихся къ кромѣшной тьмѣ исконныхъ самодержавныхъ порядковъ, теперь, когда грядущая заря свободы бросаетъ первые отблески свои? Г. Грингмутъ и К° не пишутъ теперь; они, воистину, „брызжутъ слюною бѣшеной собаки“. И только меланхолическія воспоминанія о „славномъ царствованіи Александра III“ скорбной нотой врываются въ неумолкающій лай цѣпныхъ псовъ Страстнаго бульвара.

Нѣтъ тѣхъ казней, которымъ бы мысленно не подвергъ г. Грингмутъ зловредныхъ „либераловъ“. Даже къ японцамъ онъ согласенъ отнестись съ большею снисходительностью, чѣмъ къ „шайкѣ политическихъ воровъ“. Но мало однихъ словесныхъ громовъ. „Моск. Вѣд“. рѣшили мобилизовать „народныя“ силы въ защиту „стяга самодержавія“. „Почему молчитъ дворянство? можетъ ли молчать дворянство?“, завопилъ г. Грингмутъ. И „дворянство“ начало „топорщиться“. „Дворянинъ“ Павловъ потребовалъ къ отвѣту г. Петрункевича, изумляясь, что у этого злодѣя либерализма „не дрогнетъ рука останавливать ходъ исторіи, утверждая, что наша колоніальная политика не имѣетъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ“. „Укажите, какіе „соки“ тянутъ изъ народа?“, вопилъ „дворянинъ“ Павловъ, „укажите „путы“, изъ которыхъ онъ рвется!“ Въ другой статьѣ тотъ же неустрашимый дворянинъ „доказалъ“, что не только народъ не связанъ „путами“, но, можно сказать, задыхается подъ бременемъ правъ: и къ землѣ-то онъ прикрѣпленъ (по „дворянину“ Павлову, „обезпеченъ землею“), и въ Сибирь можетъ убѣгать отъ голодухи и малоземелья, и даже самыя непосильныя подати существуютъ только для того, чтобы демонстрировать „право“ крестьянина не быть проданнымъ лично съ аукціона. Вообще, много храбрости обнаружилъ пылкій „дворянинъ“. Даже отступленіе Куропаткина у него превратилось въ „наступленіе“, ибо, хотя русскія войска сдѣлали „двѣсти верстъ движенія назадъ“, но „походъ за 10.000 верстъ въ чужой странѣ называется движеніемъ впередъ, а не отступленіемъ“. Доказавъ такъ блистательно, что за 10.000 верстъ „движеніе назадъ“ называется „движеніемъ впередъ“, храбрый воитель, ужъ разумѣется, шутя, доказываетъ, что русскій народъ благоденствуетъ подъ скипетромъ „самодержавнаго вождя Россіи“ и ничего такъ не желаетъ, какъ перегрызть горло всѣмъ господамъ Петрункевичамъ.

Отклики на письмо Павлова показали всю силу той рати, которая готова мобилизоваться подъ знаменемъ г. Грингмута. Увы, увы! Два-три „дворянина“, нѣкая „русская“, якобы томящаяся незнаніемъ, что у нея есть на свѣтѣ единомышленники и теперь, послѣ письма Павлова, облегченно вздохнувшая (та же „русская“, впрочемъ, съ такимъ же изумленіемъ привѣтствовала за нѣсколько номеровъ до того нѣкоего „честно и по русски думающаго студента“), да какая то княгиня Вадбольская — вотъ и все. Объявилось, правда, семеро „сочувствующихъ“ крестьянъ, но, къ негодованію г. Грингмута, сейчасъ же обнаружилось, что это какой то шутникъ мистифицировалъ редакцію. При такомъ изобиліи силъ, собственно, только и оставалось бы послѣдовать совѣту премудрой княгини и ждать, что „святая Русь умолитъ помазанника Божія на колѣняхъ не давать воли ея внутреннимъ врагамъ“.

Но „сила всегда молчитъ. Топорщится безсиліе“. И потому то именно другой „дворянинъ“ С. Нилусъ вздумалъ грозить „внутреннимъ врагамъ“ русской „Вандеей“, да какой еще! „Молчитъ вѣрная русская Вандея потому, что она не клочекъ великаго царства, а *вся* русская земля, и заговоритъ она, только по призыву своего царя, но заговоритъ не какъ Вандея, а ужъ всею своею стомилліонною грудью“. И, очевидно, для того, чтобы царь скорѣе „призвалъ“, въ томъ же столбцѣ г. Юзефовичъ напоминаетъ „наиболѣе поучительный и жестокій ударъ“, который „нанесенъ былъ божьимъ промысломъ одному изъ покушеній ввести въ Россіи государственное самоуправленіе“. Этотъ ударъ — убійство Александра II „въ *тотъ именно моментъ*, когда имъ заложенъ былъ первый камень шаткаго политическаго зданія государственнаго самоуправленія, къ *счастью* для Россіи такъ и оставшагося, *за его кончиной*, непостроеннымъ“: Яснѣе сказать, кажется, нельзя. Очевидно, при случаѣ, пламенные монархисты „Моск. Вѣд“. ничего не имѣютъ противъ сошествія духа святого въ динамитную бомбу или револьверный патронъ. Лишь бы во время „божій промыселъ“ свое дѣло дѣлалъ. Надо признаться, серьезность и непреклонность такая, которой не мѣшало бы поучиться у „Моск. Вѣд.“ кое-кому изъ „борцовъ“ либерализма. Тутъ, по крайней мѣрѣ, люди знаютъ, чего хотятъ, и идутъ на проломъ къ тому, чего хотятъ. Княгинѣ, по ея „дамскому положенію“, разрѣшаютъ мечтать о „склоненныхъ колѣняхъ“, но чтобы г. Юзефовичъ съ Грингмутомъ такой маниловщиной занялись... помилуйте, люди, хоть и дикіе, но взрослые!

Но все же пока „вѣрное дворянство“ молчитъ. „Страшно, грозно это молчаніе“, пугаетъ насъ „дворянинъ“ Нилусъ, ожидающій „призыва“. Но Грингмуту не терпится; онъ требуетъ, чтобы дворянство сейчасъ же сказало „свое истинно русское слово“. Боимся, что „слово“ это придется Грингмуту не по вкусу, ибо голосъ „дикихъ помѣщиковъ“ будетъ и въ дворянскихъ собраніяхъ заглушенъ голосомъ современнаго землевладѣнія, которое такъ же мало можетъ примириться съ самодержавіемъ, какъ и современная промышленность. И тогда не пожалѣетъ ли редакторъ „Моск. Вѣд“., что подстрекнулъ къ вмѣшательству въ процессъ крушенія царизма еще одну общественную силу, и не останется ли тогда ему самъ-другъ съ Юзефовичемъ, призвавъ на помощь „божій промыселъ“, начать готовить бомбы въ подвалахъ дома на Страстномъ бульварѣ.

ДОВОЛЬНО-ЛИ?

Стыдъ и позоръ, что „центральный органъ“ партіи, исповѣдующей соціалистическіе принципы, допускаетъ на своихъ страницахъ такую беззастѣнчивую ложь и клевету). (Р. Р. № 54. Довольно! (отрыв. изъ „Дневн. Читат.“).

Въ 75 № „Искры“ въ статьѣ „Торжество соціалистовъ-революціонеровъ“ мы разоблачили „эпизодъ, безпримѣрный въ исторіи революціонныхъ партій“, — умолчаніе г.г. соціалистами-революціонерами о террорѣ въ докладѣ, представленномъ делегаціей ихъ партіи Амстердамскому конгрессу. Насъ побудили къ этому упорныя инсинуаціи „Р. Р.“, будто мы „клеветали“ на „соц.-рев.“ въ иностран. печати. Мы хотѣли показать, какъ „освѣдомляютъ“ заграничн. товарищей сами „соц.-рев.“ Дѣло было такъ ясно, что мы были увѣрены — соціально-революціоннымъ поборникамъ „гласности“ останется лишь сконфуженно промолчать. Но, — къ несчастью соц.-рев. — у „Революціонной Россіи“ есть нѣкій „читатель“, г. А. Левицкій. „Читатель“ этотъ не только почитываетъ, но и пописываетъ. Дѣло хорошее; но мы совѣтовали бы г. Левицкому почитывать повнимательнѣе, а пописывать поосторожнѣе. Иначе онъ всегда рискуетъ оказывать своимъ „друзьямъ“ услуги чисто медвѣжьяго свойства. Въ самомъ дѣлѣ; какъ прикажете назвать „услугу“, оказанную г. Левицкимъ своимъ „соціально-революціоннымъ“ друзьямъ? Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они ведутъ двойную бухгалтерію своимъ „убѣжденіямъ“. И вдругъ, выскакиваетъ не въ мѣру услужливый „читатель“ и, прокричавъ голосомъ, задыхающимся отъ бѣшенства, цѣлую кучу отборнѣйшихъ ругательствъ, вопитъ благимъ матомъ: довольно! Не двойная бухгалтерія у моихъ „друзей“. а... *тройная*! Именно такую „услугу“ оказалъ г. Левицкій своимъ „друзьямъ“, и мы сейчасъ покажемъ это. Но, предварительно, разсмотримъ возраженія г. Левицкаго, такъ сказать, „по существу“.

Возраженія эти сводятся къ двумъ пунктамъ. Во-первыхъ, авторъ статьи „Торжество соц.-рев.“ неправильно сказалъ, будто „въ числѣ „дѣяній“ партіи (соц.-рев.) перечисляется всеобщая стачка 1903 г. и крестьянскій бунтъ 1902 г.“ По словамъ г. Левицкаго, ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ въ „докладѣ“ соц.-рев. нѣтъ. Однако-же, посмотримъ на „докладъ“ и мы увидимъ, что и всеобщая стачка и крестьянскій бунтъ включены въ главу, озаглавленную „l'Action du Parti S. R.“, а г. Левицкій, въ примѣчаніи на стр. 23 № 54 „Р. Р.“, услужливо поучаетъ насъ, что „action“ — это не просто „дѣятельность“, ибо „по французски это выходитъ даже сильнѣе“. Итакъ, остается неопровержимый фактъ, что и стачка и бунтъ „перечислены въ числѣ „дѣяній“ партіи соц.-рев.“ Если прибавить, что эти „дѣянія“ въ соотвѣтствующей главѣ занимаютъ почти все мѣсто, и что — въ частности — о террористическихъ дѣяніяхъ въ этой главѣ не говорится *ни полъ слова*, то спрашивается: зачѣмъ г.г. соц.-рев. трудились „перечислять“ стачку и бунтъ? Неужели только затѣмъ, чтобы, какъ хочетъ увѣрить г. Левицкій, заявить, что соц.-рев. ко всему этому имѣли самое отдаленное касательство? Полный отвѣтъ на этотъ загадочный вопросъ можетъ получить лишь тотъ, кто прочтетъ эту замѣчательную главу; ибо надо прочитать, *какъ* она написана.

Наши злоключенія.

I.

О либерализмѣ и гегемоніи.

Въ нашей соціальдемократической литературѣ нѣтъ, кажется, болѣе заѣзженной фигуры, чѣмъ фигура либерала, и нѣтъ болѣе избитаго вопроса, чѣмъ вопросъ объ отношеніи соціальдемократіи къ освободительному движенію передовыхъ элементовъ современнаго русскаго общества. Давно прошли времена, когда практикъ, съ головой погружаясь въ перипетіи повседневной борьбы, безразлично выглядывалъ оттуда, изъ отмежеваннаго имъ себѣ угла, на остальной божій міръ, невѣдомый и чуждый, зіявшій предъ нимъ огромнымъ темнымъ пятномъ, въ темнотѣ котораго исчезали отдѣльныя очертанія. Забыто недавнее прошлое, когда П. Аксельродъ являлся дѣвственному уму соціальдемократа-неофита чѣмъ то въ родѣ буржуазнаго искусителя, стремящагося вовлечь молодой пролетаріатъ въ предосудительную связь съ другими общественными группами.

Жизнь, съ начала текущаго десятилѣтія — и что дальше, то больше,—своимъ шумомъ и своей пестротой врывалась въ узкій кругъ сектантскихъ понятій и разрушала цѣльность кружковой психологіи. Легко было сохранять эту ограниченную цѣльность, пока вокругъ было мертвенно тихо, и трудно, невозможно, когда россійское сонное царство стало, наконецъ, приходить въ движеніе подъ напоромъ пролетарской стихіи.

Демонстрирующіе студенты, вовлекаемые въ круговоротъ борьбы все болѣе широкіе, непочатые до тѣхъ поръ слои демократіи, земцы, кристализующіеся въ своего рода оппозиціонное средостѣніе; крестьяне, волнующіеся то здѣсь, то тамъ... съ этими новыми факторами общественнаго развитія приходилось считаться, хочешь того или нѣтъ. Событія говорили властнымъ языкомъ, на улицѣ залагались, еще неясными контурами, основы того боевого сотрудничества, которое должно было, въ конечномъ счетѣ, сокрушить гидру самодержавія. И въ тонъ этимъ знаменіямъ времени совершался коренной переломъ въ представленіяхъ русской соціальдемократіи. Прежняя абстракція, мечта отдѣльныхъ соціальдемократовъ — писателей и немногихъ кружковъ, идея такъ называемой гегемоніи, идея пролетаріата, руководящаго освободительной борьбой, дѣлала съ каждымъ днемъ какъ будто все болѣе замѣтные успѣхи, пытаясь, если не облечься въ плоть и кровь, то во всякомъ случаѣ стать „общимъ мѣстомъ“ въ нашей тактикѣ.

Было слишкомъ очевидно, что партіи сознательнаго пролетаріата предстоитъ борьба съ самодержавнымъ врагомъ не одинъ на одинъ, а въ сложной комбинаціи различныхъ общественныхъ группъ, преслѣдующихъ различныя цѣли и предъявляющихъ каждая свою долю въ наслѣдствѣ къ умирающему самодержавію. И очевиднымъ представлялось также, что только она, эта организованная сила рабочихъ массъ, можетъ взять на себя рѣшительный ударъ въ сверженіи ненавистнаго колосса. Формула партійной программы, гласящая, что „соціальдемократія поддерживаетъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе, направленное противъ существующаго въ Россіи общественнаго и политическаго порядка“, эта формула еще задолго до своего офиціальнаго признанія кочевала изъ устъ въ уста, изъ одного литературнаго произведенія въ другое. Неудивительно, если соціальдемократы съ удвоенной энергіей принялись теперь навертывать то, что ранѣе было ими упущено: съ головы до ногъ осматривали они всякаго политическаго дебютанта и расцѣнивали каждый шагъ, каждый жестъ своихъ возможныхъ союзниковъ. Литература о либерализмѣ росла, формуляръ либеральныхъ грѣховъ былъ исписанъ до, краевъ, но странное дѣло: ясности опредѣленности, отчетливости въ отношеніи къ либерально-демократическому конгломерату въ литературѣ было, пожалуй, менѣе въ настоящій разгаръ политической агитаціи, чѣмъ въ то сравнительно глухое время, когда П. Аксельродъ писалъ свое „Взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи“. Партіи, не на словахъ, а на дѣлѣ, полагавшей возможнымъ занять господствующее положеніе въ комбинаціи силъ, направленныхъ противъ царизма, казалось бы, на первыхъ же порахъ ея политической оріентировки обязательно дать отчетъ себѣ въ томъ, отъ какихъ моментовъ зависитъ, чѣмъ опредѣляется ея отношеніе къ отдѣльнымъ элементамъ конгломерата; а затѣмъ, какъ думаетъ эта партія реализовать свое политическое значеніе въ процессѣ борьбы и группировки, какъ думаетъ она осуществлять въ окружающей ее общественной средѣ — свое революціонизирующее вліяніе.

А между тѣмъ, оглядываясь на истекшіе годы, невольно приходишь къ тому невеселому выводу, что мысль соціальдемократіи почему то обычно застрѣвала въ преддверіи этихъ задачъ и что, напримѣръ, не кто другой, какъ тотъ изъ соціальдемократическихъ писателей, который нарочито всегда усердствовалъ въ борьбѣ со скверной расплывчатости, въ данномъ вопросѣ проявилъ — о, иронія судьбы — максимальную сумму этого непохвальнаго свойства.

1.

Попытайтесь, въ самомъ дѣлѣ, читатель, произвести надъ многочисленными статьями Ленина объ отечественномъ либерализмѣ операцію, подобную той, которую чертъ у Горькаго произвелъ — съ неожиданнымъ результатомъ — надъ русскимъ обывательскимъ сердцемъ: освободите писанія его отъ привходящихъ, хотя въ данномъ случаѣ и почтенныхъ наслоеній — публицистическаго жара, цвѣтовъ грубоватаго краснорѣчія, той стремительности, съ которой дубина его аргументаціи разила политически невоспитанныхъ людей и „половинчатыхъ“, „политикановъ“ и у васъ останется въ рукахъ вылущенной та куцая маленькая идейка, что либеральная среда до сихъ поръ видитъ путь къ свободѣ лежащимъ не черезъ арену нелегальной борьбы, и что „предразсудокъ“ ея заключается въ готовности удовлетвориться суррогатомъ въ видѣ земствъ съ расширенными полномочіями, вмѣсто того, чтобы ставить „цѣлью своей — неподдѣльный конституціонный режимъ. И отсюда резюме: ахъ, отчего они оппортунисты, ахъ, зачѣмъ они политиканы! Въ *этомъ* бѣда и *этимъ* опредѣляется наше настоящее отношеніе къ нимъ. Стоитъ, однако, либераламъ распроститься съ своимъ сквернымъ „предразсудкомъ“, и „мы“ ухватимся за нихъ со столь большимъ восторгомъ, что даже не спросимъ, изъ чьихъ же вы будете, и къ какой, собственно говоря, конституціи приписаны, не спросимъ потому, что расплывчатому понятію либерала у насъ соотвѣтствуетъ такое же расплывчатое понятіе политической свободы [1]).

„Мы“, соціальдемократы, завѣряетъ насъ Ленинъ, направляя парѳянскую стрѣлу въ одного изъ „Аннибаловъ либерализма“, будемъ „привѣтствовать“ ихъ, либераловъ, „объединеніе“, „мы будемъ поддерживать ихъ требованія“, „мы постараемся, чтобы дѣятельность либераловъ и соціальдемократовъ взаимно пополняли другъ друга“ [1]).

Я рекомендую вниманію читателя эти знаменательныя строки: онѣ такъ чудовищны подъ перомъ извѣстнаго своею непримиримостью правовѣрнаго соціальдемократа, что, вѣроятно, у многихъ возникнетъ сомнѣніе, да такъ ли это, неужели эти строки напечатаны черпымъ по бѣлому, неужели это не lapsus, не простая обмолвка; потому что, вѣдь, къ азбукѣ соціальдемократической тактики должно бы относиться, что одно дѣло поддержать либеральное *движеніе*, направленное противъ царизма, и другое—поддерживать *требованія*, которыя этому движенію вздумалось бы выставить на своемъ знамени. Такъ, соціальдемократія, разумѣется, по мѣрѣ своихъ силъ и въ формѣ, отвѣчающей моменту, поддержитъ умѣренныхъ земцевъ, если имъ случится напороться на рогатки полицейскаго произвола, но ей и въ голову не придетъ — вторить земскимъ пожеланіямъ созыва собранія изъ представителей земствъ и думъ. У соціальдемократіи, какъ у демократическаго авангарда для настоящаго историческаго періода, есть свое и совершенно опредѣленное требованіе, отъ котораго ей нѣтъ возможности отступаться ни по какимъ соображеніямъ компромисса. Это требованіе учредительнаго собранія, избраннаго народомъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. И еще менѣе можетъ соціальдемократія утѣшать себя иллюзіей, что при данной разнородности ближайшихъ задачъ ея дѣятельность и дѣятельность людей съ вышеназваннымъ политическимъ credo въ состояніи при какихъ бы то ни было условіяхъ взаимно пополнять другъ друга.

И, однако, то, что казалось бы иллюзіей съ точки зрѣнія этой азбуки, становится болѣе или менѣе понятнымъ, если принять за реальность фантастическія представленія Ленина о русскомъ либерализмѣ. Либеральная среда Н. Ленина есть среда, характеризующаяся, прежде всего, половинчатостью, мягкотѣлостью и прочими *моральными* особенностями, столь же лестными, сколь отвлеченными отъ *соціальнаго* содержанія, которому въ данной средѣ, какъ и во всякой другой, конечно, быть полагается—о чемъ *въ теоріи* небезызвѣстно, разумѣется, и Ленину. Морально-ничтожная среда безсильна бороться съ гнетущимъ ее врагомъ. Значитъ, заключаетъ Ленинъ, она отдастся на волю тому, кто поведетъ эту борьбу во главѣ наилучше организованной партіи, значитъ, она потащится въ хвостѣ революціонной соціальдемократіи, ковыляя вслѣдъ демократическимъ требованіямъ (хотя бы эти требованія били прямо по щекамъ ея групповую физіономію); значитъ, въ направленіи послѣдовательнаго демократизма у насъ съ ней одинъ путь, и намъ надлежитъ только, считаясь съ ея моральными дефектами, *толкать* эту среду къ одной общей, нами поставленной, цѣли...

А потому, еще не потрудившись раскрыть общихъ скобокъ „либеральной буржуазіи,“ за которыми укрылись разнородные элементы оппозиціоннаго конгломерата, мы „ловимъ всякаго

---

[1]) См. его статью въ № 2-3 „Зари“ „Гонители земства и Аннибалы либерализма“, стр. 93—100. „Объединеніе либераловъ, пишетъ онъ (страница 97), — дѣло безусловно полезное и желательное, но только такое объединеніе, которое ставитъ своею цѣлью борьбу съ застарѣлыми предразсудками, а не заигрыванье съ ними, повышеніе средняго уровня нашей политической развитости (вѣрнѣе, неразвитости), а не санкціонированіе его, однимъ словомъ, объединеніе для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистическаго фразерства о крупномъ значеніи легальной дѣятельности“. См. также его ст. „Политическая борьба и политиканство“ въ № 26 „Искры“.

[1]) Тамъ же стр. 99.

Теперь пунктъ второй: г. Левицкій увѣряетъ, что соц.-рев. въ своемъ докладѣ не замалчивали вопроса о террорѣ. Посмотримъ же „доказательства“. Ихъ нѣсколько, и прежде всего, мы попросимъ читателей внимательно прочесть *все*, что могъ выудить изъ „доклада“ г. Левицкій, и сказать: такъ-ли говорятъ о террорѣ г.г. соц.-рев. на россійскомъ языкѣ, съ россійскими гражданами?

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ *все*, что могъ провести г. Левицкій: во-первыхъ, то мѣсто о Боевой Организаціи, которое цитируется и въ статьѣ „Торжество соц.-рев.“. И что-же? Оказывается, что про „боевую организацію“ сказано именно то самое и именно въ тѣхъ словахъ, какъ цитировалось въ „Искрѣ“. Боевая организація служитъ партіи „для непосредственной революціонной борьбы противъ царизма“. Правда, передъ этимъ мѣстомъ неподалеку стоитъ сакраментальное слово „терроръ“. Но, увы! говорится о террорѣ правительства, а не о террорѣ соц.-рев! Г. Левицкій въ примѣчаніи увѣряетъ, что lutte revolutionaire directe (непосредственная революціонная борьба), подобно action directe, есть „обычное во французскомъ политическомъ языкѣ выраженіе для обозначенія террористическаго метода, практикующагося анархистами“. Но этимъ примѣчаніемъ усердный „читатель“ „Рев. Россіи“ только лишній разъ выдаетъ себя съ головой. Не говоря уже о сомнительномъ лингвистическомъ толкованіи, хочетъ-ли г. Левицкій сказать, что соц.-рев. преднамѣренно старались о томъ, чтобы ихъ „терроръ“ смѣшивали съ преслѣдующимъ совсѣмъ другія цѣли „терроромъ“ анархистовъ? И какимъ образомъ „террористическій методъ“ можетъ быть направленъ противъ царизма? И, самое главное, зачѣмъ-же все-таки такая скромность: о правительствѣ прямо говорится, что оно практикуетъ терроръ (terreur), а „террористическій методъ“ соц.-рев. закутанъ въ такія выраженія, что вотъ г. Левицкому приходится „толковый словарь“ составлять?

Дальше: въ „докладѣ“, по словамъ Левицкаго,

1) говорится, что „партія организовала Б. О. цѣль которой — карать агентовъ русскаго правительства“ и т. д.;

2) упоминается о брошюрѣ: „террористическій элементъ въ нашей программѣ“;

3) сообщается, что Б. О. опубликовала прокламаціи по поводу покушеній членовъ Б. О. Балмашева и Качура. Къ этому мѣсту г. Левицкій дѣлаетъ безподобное примѣчаніе, что о Гершуни не упоминается потому, что онъ „на судѣ признавалъ себя членомъ Ц. К., а не Б. О.“! Какъ будто соц.-рев. упрекаютъ въ томъ, что они замалчиваютъ не терроръ, а спеціально Б. О.! А „уфимскіе революціонеры“? О нихъ „докладъ“ молчитъ, вѣроятно, потому, что вовсе неизвѣстно, по какому вѣдомству они зачислены?

Вотъ *все*, что, по словамъ г. Левицкаго, сказано въ „докладѣ“ о террорѣ. Читатель видитъ, разумѣется, что по той роли, которую соц.-рев. отводятъ террору, когда пишутъ по русски, этого безконечно мало! Это ли называется на языкѣ соц.-рев. „безпристрастное освѣдомленіе заграничныхъ товарищей“?

Но читатель все таки, вѣроятно, не вполнѣ удовлетворенъ. Положимъ, что о террорѣ дѣйствительно ничего не говорится; положимъ, что о Гершуни, уфимскихъ революціонерахъ и др. вовсе не упоминается; положимъ, что о *дѣлахъ* Балмашева и Качуры ничего не разсказывается, а глава о „дѣяніяхъ“ партіи соц.-рев. наполнена стачкой и крестьянскимъ бунтомъ. Но, вѣдь, имена Балмашева и Качуры все-таки упомянуты, хотя-бы и мимоходомъ, а между тѣмъ въ статьѣ „Искры“ было категорично сказано, между прочимъ, и о Балмашевѣ, что онъ „не нашелъ себѣ мѣста на страницахъ доклада“. Какъ-же это?

Вотъ тутъ-то и начинается самая большая „услуга“, оказанная не по разуму усерднымъ „читателемъ“ соц.-революціонерамъ.

Но мы должны, впрочемъ, покаяться. До сихъ поръ мы привели не всѣ мѣста о террорѣ, выписанныя г. Левицкимъ. Есть еще одно мѣсто, въ которомъ, будто бы, про соц.-революціонеровъ говорится, что они отличаются отъ соц.-демократовъ, между прочимъ, своею тенденціею „предпринять серіи открытыхъ, насильственныхъ нападеній, хотя бы по партизанскому методу, на извѣстныхъ представителей автократическаго режима“. Не будемъ останавливаться на томъ, что и тутъ терроръ закутанъ въ слова, довольно туманныя. Но, прочтя это мѣсто, мы поразились вотъ чѣмъ: именно это мѣсто „доклада“ — объ отличіяхъ соц.-революціонеровъ отъ соц.-демократовъ — мы хотѣли цитировать въ своей статьѣ въ качествѣ самаго убѣдительнаго доказательства замалчиванія вопроса о террорѣ. Но насъ остановила лояльность. Хотя изъ „доклада“ и трудно сразу уразумѣть, къ какимъ именно „соц.-революціонерамъ“ относится это перечисленіе „отличій“, но все же, по тщательномъ изслѣдованіи, можно придти къ заключенію, что подъ именемъ „всѣ эти группы“ авторы доклада подразумѣваютъ никакъ не нынѣшнихъ соц.-революціонеровъ, а разнообразныя старыя группы — отъ „народовольцевъ“ 1892 года до группы издателей газеты „Наканунѣ“. По этой именно причинѣ мы, въ интересахъ безпристрастія, рѣшили этимъ мѣстомъ „доклада“ не пользоваться.

Прочтя теперь въ статьѣ г. Левицкаго слова объ „открытыхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ“ и пр. и пр., мы поспѣшно бросились снова наводить справку. На стр. 10 (а не 16, какъ показано у Левицкаго) мы нашли дѣйствительно то самое, что искали, но — увы — словъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ, партизанскихъ методахъ и проч. *нѣтъ какъ нѣтъ*! Сначала идетъ все, какъ слѣдуетъ, какъ у Левицкаго: „...1) своей тенденціей придать болѣе активный и революціонный характеръ соціалистической пропагандѣ“, затѣмъ идетъ точка съ запятой, а потомъ пунктъ 2), въ которомъ говорится уже о пропагандѣ среди крестьянъ. Словъ, отпечатанныхъ г. Левицкимъ курсивомъ на стр. 23 № 54 „Рев. Рос.“, повторяемъ, и *въ поминѣ нѣтъ*.

Такой результатъ провѣрки крайне заинтересовалъ насъ, и мы пошли дальше. Слѣдующая цитата, упомянутая уже въ нашей статьѣ въ № 75 „Искры“, нашлась, правда, не на стр. 23-24 и не курсивомъ, какъ указываетъ г. Левицкій, а простымъ шрифтомъ, на стр. 16 (какъ это и указано въ № 75 „Искры“). Цитата вѣрная, но вѣдь мы ее затѣмъ и вытаскивали, что она даетъ опору нашимъ утвержденіямъ.

Идемъ еще дальше. Ищемъ стр. 62, на которой, по словамъ Левицкаго, говорится о томъ, что Б. О. призвана „карать“ и пр. Но тутъ нашему изумленію нѣтъ предѣловъ. Стр. 62 отыскать невозможно, ибо уже на 47 поставлена весьма изящная виньетка, указывающая конецъ „доклада“, а на 48 совершенно явственно напечатанъ адресъ типографіи: Imp. Le Bigot Fr. Разумѣется, и цитаты о прокламаціяхъ Б. О. съ упоминаніемъ Балмашева и Качуры, цитаты, которая, по увѣреніямъ г. Левицкаго, помѣщена „черезъ 2 страницы“ послѣ стр. 62, мы отыскать не могли.

Что же это, однако, за чудо? У насъ въ рукахъ та самая красная, ярко красная книжечка, которая раздавалась всѣмъ членамъ конгресса; книжечка у насъ въ нѣсколькихъ, совершенно одинаковыхъ экземплярахъ; на ней стоитъ то самое заглавіе — **Rapport du P. S. R. de Russie au congrés socialiste international d'Amsterdam. Août 1904.** (Докладъ партіи русскихъ соц.-революц. международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ. Августъ 1904), то самое заглавіе, которое мы цитировали въ статьѣ № 75; цитаты г. Левицкаго, если не цѣликомъ, то частью совпадаютъ съ тѣмъ, что напечатано въ нашей книжечкѣ; — и, вдругъ, какая то нелѣпая путаница!

Послѣ долгихъ недоумѣвающихъ размышленій, насъ началъ, наконецъ, озарять свѣтъ „истины“, и мы увидѣли, въ чемъ тутъ дѣло. Г. Левицкій, изволите ли видѣть, беретъ свои цитаты не изъ того подлиннаго доклада, который раздавался всѣмъ членамъ конгресса, а изъ яко-бы „оффиціальнаго изданія“ его „въ сборникѣ, напечатанномъ ко времени конгресса Интернаціональнымъ Соціалистическимъ Секретаріатомъ“. Не будемъ говорить объ „оффиціальности“ „Желтой Книги“ интернаціональнаго Бюро, которая появилась на конгрессѣ къ концу его и которая предназначалась для *перепечатки* на французскомъ языкѣ (а на этомъ языкѣ написанъ „докладъ“ соц.-рев., такъ что въ переводѣ онъ не нуждался) всѣхъ докладовъ, представленныхъ конгрессу[1], а спросимъ г. Левицкаго: а тѣ „красныя книги“, которыя озаглавлены, какъ сказано выше, въ которыхъ на первой страницѣ еще разъ повторено, что это „докладъ, представленный делегаціей партіи соц.-революц.“, которыя, наконецъ, самою делегаціею соц.-рев. были розданы въ первый же день всѣмъ членамъ конгресса; — эти книжечки — „оффиціальныя, или „оффиціозныя“, или предназначенныя для спеціальныхъ читателей, что-ли?

Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, были ли сдѣланы изъятія изъ „Красной книги“ „до Плеве“, или, наоборотъ, вставки въ „Желтую Книгу“ — „послѣ Плеве“; мы охотно повѣримъ г. Левицкому на слово, что эти вставки-изъятія „принадлежатъ перу тов. Рубановича“. Для насъ достаточно констатировать слѣдующее:

Г. Левицкій съ убѣдительностью показалъ намъ, что г.г. соц.-революціонеры не только ведутъ двойную бухгалтерію, смотря по времени, мѣсту и языку, но и „доклады“ ихъ печатаются съ какими-то таинственными махинаціями, быть можетъ, глядя „по читателю“; что бухгалтерія у нихъ, дѣйствительно, не двойная, а тройная, а, можетъ быть, если порыться, и четверная. Но намъ нѣтъ охоты копаться въ этой, по деликатному выраженію г. Левицкаго, „грязи“ и доискиваться, зачѣмъ и почему понадобилось это чернокнижіе съ „желтыми“ и „красными“ книгами.

Г. Левицкій не могъ не знать и зналъ, что мы въ своей статьѣ опирались на единственно извѣстный намъ „докладъ“, розданный соц.-революціонерами на конгрессѣ. Онъ не могъ этого не знать, потому что въ нашей статьѣ приведено полностью заглавіе книжечки и сдѣлана (въ цитатѣ) ссылка на ея страницы. Г. Левицкій долженъ былъ это знать, а между тѣмъ... между тѣмъ онъ находитъ въ себѣ печальное мужество бить себя въ перси, вопить о „лжесвидѣтельствѣ“, „грязи“, „клеветѣ“, „политической морали“, кричать „довольно“ и требовать, чтобы „всѣ русскіе социальдемократы“ протестовали противъ „поступковъ“ „Искры“.

Мы показали цѣну „благородства“, которое хотѣлъ „соблюсти“ г. Левицкій. И теперь мы его спросимъ: довольно-ли? *Пока*, думается намъ, довольно; если-же г. Левицкій останется и теперь неудовлетвореннымъ, то мы, быть можетъ, сумѣемъ представить ему и еще кое какіе перлы изъ докладовъ „оффиціальнаго“ и „неоффиціальнаго“. Но не мѣшало бы все-же завравшемуся „читателю“ „Революціонной Россіи“ теперь, когда вся двусмысленность поведенія соц.-рев. въ вопросѣ о террорѣ обнаружилась съ такою яркостью, какой мы сами не ожидали; не мѣшало-бы г. Левицкому заявить объ этомъ печатно и обрушиться на своихъ лицемѣрныхъ „друзей“ съ тою же пылкостью, которую онъ такъ неумѣстно обнаружилъ по отношенію къ „Искрѣ“.

Во всякомъ случаѣ мы ждемъ, что отвѣтитъ г. Левицкій по этому поводу, и, если онъ теперь попытается закутаться въ тогу молчанія, всѣмъ будетъ ясно, какую цѣну имѣетъ его нравственное возмущеніе.

---

[1] У насъ этой книги сейчасъ нѣтъ подъ руками. Увидѣвъ, что тамъ напечатанъ тотъ-же „докладъ“, мы не сочли нужнымъ вторично читать его, никакъ не предполагая даже и возможности такого фокуса, который обнаруживается теперь.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ РОМАНТИКА И РЕВОЛЮЦІОННЫЙ РЕАЛИЗМЪ.

Почти десять лѣтъ уже прошло съ того времени, какъ наше революціонное движеніе (я говорю о главномъ, соц.-демократическомъ его руслѣ) приняло такое направленіе, что ни одинъ самый наглый врагъ не можетъ болѣе съ легкимъ сердцемъ рѣшаться обвинить въ безуміи замысловъ его представителей. Ни одному робкому другу больше не приходится аппелировать въ своей защитѣ къ чистотѣ этихъ замысловъ и къ самоотверженію революціонеровъ. Аргументы ad hominem потеряли свое значеніе, потому что направленіе соціальдемократіи глубоко реалистично. Медленно, но вѣрно, дѣлаетъ соціальдемократія свое дѣло, организуя кадры просвѣтленныхъ классовымъ самосознаніемъ пролетаріевъ для борьбы за классовые интересы, отнимая, одну за другой, позиціи у самодержавія, этой нѣкогда казавшейся непреоборимой, а теперь уже близкой къ своему паденію, твердыни, на пути къ освобожденію рабочаго класса. Симпатіи и антипатіи къ революціонерамъ въ настоящее время всецѣло строятся на почвѣ любви и ненависти къ тому реальному дѣлу, которому они служатъ. Но, какъ бы реалистичны мы ни были въ своихъ цѣляхъ и въ средствахъ осуществленія ихъ, сила традиціи прошлаго беретъ подчасъ надъ нами свою власть, и романтическія дали, потускнѣвшія было въ процессѣ жизнестроительства, выплываютъ во всей своей былой яркости. Я говорю объ эпидеміи тюремныхъ бунтовъ, голодовокъ и де-

---

либерала“, въ надеждѣ подвинуть его на аршинъ, „когда онъ собрался подвинуться на вершокъ“...[1] быть можетъ, въ сторону отъ линіи нашего собственнаго передвиженія. Непоколебимо вѣря, что „они“ (либералы) „бѣдны“ и „слабы“, въ то время, когда „мы“ (соціальдемократы) „богаты“ и „сильны“, мы приходимъ въ умиленіе, какъ отъ первыхъ колеблющихся шаговъ начинающаго ходить ребенка, отъ сомнительной программы либеральныхъ реформъ и собираемся пустить эту „программу“ „въ народъ“, дабы эти „бѣдные“ и „слабые“ люди, у которыхъ „такъ мало“ въ настоящее время тамъ связей, могли побольше таковыхъ завязать.[2]

Мы суверенно презираемъ „либеральную буржуазію“ и потому что презираемъ, избавляемъ себя, пока что, отъ сведенія счетовъ съ ея классовой и групповой подоплекою, прекраснодушно полагая, что либеральная буржуазія позволитъ революціонному пролетаріату съорганизовать себя, дастъ продиктовать ему себѣ „положительную программу дѣйствій“ и что „всѣ и всякіе оппозиціонные слои“ сгруппируются единственно для того, чтобы оказывать „посильную помощь“ освободительному движенію соціальдемократіи.[3] Мы убѣждены въ покладистости либеральнаго безсилія, и поэтому самому, не смущаясь, протягиваемъ руку — предводителямъ россійскаго дворянства[1], суля имъ на „завтра“ „союзъ“ съ самой неподражаемой наивностью. Мы не прочь поддержать и либеральныя „требованія“: вѣдь они нами же будутъ продиктованы, а на худой конецъ — окажутся только „половинчатыми“ и въ такомъ случаѣ, стало быть, будутъ знаменовать собою тотъ „вершокъ“ движенія, который приблизитъ насъ къ желанному нами „аршину“...

Съ этой мѣшаниной взглядовъ Ленина на среду либерализма тѣсно сплетена и пресловутая теорія хожденія соціальдемократовъ „во всѣ классы“ и та примитивная, съ позволенія сказать, гегемонія, на слегка аракчеевскій ладъ, при которой подвѣдомственные оной элементы оппозиціи, съ вытянутыми руками по швамъ, неукоснительно выполняютъ предписанія, идущей церемоніальнымъ маршемъ къ своей цѣли, командующей соціальдемократіи. Съ ними связано и еще кое-что, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Сейчасъ лишь отмѣтимъ, что вышеизложенная точка зрѣнія — монстръ прошла достаточно таки неоцѣненной соціалдемократической критикой, — и это характерный симптомъ пережитой, но нами еще до сихъ поръ неизжитой эпохи, — неоцѣненной во всемъ ея значеніи и объемѣ, а не въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе кричащихъ эксцессахъ, неоцѣненной потому, между прочимъ, что и критика исходила изъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній, общихъ у критики съ самимъ разбираемымъ монстромъ. Такъ, Рязановъ не мало потрудился въ свое время для того, чтобы перечислить многочисленныя ошибки Ленина. Онъ сдѣлалъ много вѣрныхъ замѣчаній о Ленинской тактикѣ въ отношеніи къ либеральной буржуазіи, но эти замѣчанія фатально заводили его самого въ тупой переулокъ отрицанія за соціальдемократіей вообще руководящей, верховенствующей роли въ предстоящей схваткѣ съ самодержавнымъ режимомъ, заводили по той простой причинѣ, что въ его собственной концепціи русскаго либерализма — какъ и у Ленина — не было мѣста такимъ общественнымъ элементамъ, на которые соціальдемократія могла бы оказать когда бы то ни было свое воздѣйствіе въ качествѣ авангарда демократіи. Между нимъ и Ленинымъ разница лишь та, что въ то время, какъ одинъ дѣлалъ логически правильные выводы изъ неправильныхъ предпосылокъ, другой на ошибку своего исходнаго положенія нагромождалъ еще ошибки никчемныхъ своихъ заключеній. Если либерализмъ, дѣйствительно, таковъ, какимъ онъ рисуется у Ленина, если для того, чтобы оперировать съ нимъ, приходится обращаться ни къ кому другому, какъ къ господамъ предводителямъ дворянства или къ земцамъ, стоящимъ за цензъ, то въ такомъ случаѣ, конечно, лучше и разумнѣе выбросить за бортъ партійной программы, какъ негодный балластъ, самую идею гегемоніи и отправить гулять либераловъ на всѣ четыре стороны, вмѣсто того, чтобы съ горя заниматься измышленіемъ прекраснодушно-аракчеевской утопіи. Потому что россійскій либерализмъ, отъ котораго отнята его исторически-необходимая часть, его движущій нервъ, его буржуазно-демократическая половина, годенъ развѣ на то, чтобы его бичевали скорпіонами.

2.

Но въ томъ то и дѣло, что либерализмъ нашихъ дней далеко уже не то, чѣмъ былъ его одноименный предшественникъ, блаженной памяти „эпохи великихъ реформъ“ или даже „диктатуры сердца“. Если либерализмъ 60, 70 или начала 80-хъ годовъ былъ par excellence либерализмомъ землевладѣльческихъ группъ и отдѣльныхъ элементовъ бюрократіи, то въ настоящее время подъ старое и лишь слегка раставрированное знамя его собралась уже значительная часть современной буржуазной демократіи. Всякій тотъ, кому за послѣдніе годы приходилось слѣдить за общественной жизнью Россіи, не могъ, безъ сомнѣнія, не замѣтить усиленной демократической *тяги* къ обнаженной отъ всѣхъ идеологическихъ наслоеній, отъ всякихъ пережитковъ историческаго прошлаго, къ неподкрашенной идеѣ конституціонной свободы. Эта тяга была въ своемъ родѣ реализаціей долгаго процесса молекулярныхъ измѣненій въ средѣ демократіи, ея овидіевыхъ превращеній, заполнявшихъ своей калейдоскопической пестротой вниманіе и интересъ цѣлаго ряда смѣнявшихся поколѣній на протяженіи двухъ десятилѣтій. Какъ сколько нибудь замѣтная общественная категорія буржуазная демократія дебютировала впервые примѣрно двадцать лѣтъ тому назадъ, въ эпоху интеллигентскаго разгрома и крѣпчавшей ежечасно реакціи; она дебютировала, выходя изъ своего доисторическаго, а отчасти и революціоннаго „подполья“, и взоръ ея, въ противоположность традиціоннымъ навыкамъ русской интеллигенціи, былъ обращенъ не къ народу непосредственно, а къ достопочтеннымъ „представителямъ“ русской земли. Это былъ первый актъ отмѣченнаго еще Драгомановымъ „хожденія“ демократіи „въ общество и земство“.

Скромный и вначалѣ совершенно неполитическій актъ въ тонъ скромному и совершенно неполитическому времени, съ культомъ малыхъ дѣлъ, съ исканіемъ отрадныхъ явленій въ видѣ лозунговъ. И, однако, за смиренномудрой внѣшностью скрывался моментъ большого потенціально-политическаго содержанія; въ этой уродливой формѣ буржуазная демократія отразила первый лучъ своего самосознанія, въ эту форму она отлила свою увѣренность въ томъ, что ей найдется и находится мѣсто въ процессѣ общественнаго созиданія, что она не отщепенецъ современности, что, наоборотъ, ея дѣятельность, профессіональная дѣятельность растущихъ слоевъ интеллигентной демократіи, довлѣетъ себѣ и общепризнана, какъ цѣнность. Но если такова была *субъективная* сторона этого акта, то *объективная* гласила, что усложнившаяся потребность времени, тотъ огромный стихійный процессъ, который исподволь и незамѣтно перекраивалъ патріархальную Россію на капиталистическій ладъ, создавали непрестанно увеличивающійся спросъ на трудъ интеллигентной демократіи, умножали ряды ея, вызывали къ жизни несуществовавшіе до того элементы и неуклонно вели ихъ къ сближенію монстрацій послѣднихъ лѣтъ, калѣчащихъ и выбрасывающихъ на долгое время изъ нашей среды, если не навсегда, часто наиболѣе горячихъ и наиболѣе способныхъ товарищей. Признаюсь, избравъ эти эпидеміи темой для своей статьи, я чувствую нѣкоторую неловкость. Зрѣлище молодого орленка революціи, схваченнаго агентами правительственнаго произвола, засаженнаго въ клѣтку и продолжающаго открытую борьбу со своими врагами и мучителями даже въ клѣткѣ, такъ трогательно. Не менѣе вызываетъ у насъ сочувствіе и экзальтація измученнаго продолжительнымъ сидѣніемъ товарища даже солиднаго возраста. Все это — область тюремной психологіи и психопаталогіи, отвѣтственность за которую должна пасть на „творцовъ системы этой чудной". Я совсѣмъ не хотѣлъ бы, чтобы голосъ мой былъ принятъ за голосъ обвиненія и укоризны по адресу измученныхъ, настрадавшихся товарищей. Нельзя и жестоко увеличивать ихъ страданія словами укоризны, надо изжить бѣду вмѣстѣ съ ними, разъ ужъ она стряслась, не снимая съ себя отвѣтственности (подобно части якутскихъ ссыльныхъ), предотвращать ее всѣми силами, облегчая сидѣніе и организуя побѣги для тѣхъ товарищей, которые, по свойству своей натуры, наиболѣе тяжело переносятъ свою неволю. Но не только можно, но и должно протестовать, когда кто либо пытается отождествить духъ самоистребленія, посѣщающій въ послѣднее время наши тюрьмы, съ духомъ трезваго отношенія къ дѣйствительности и здороваго политическаго такта, который даетъ соціальдемократіи столько преимуществъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ передъ другими революціонными фракціями. Нѣчто подобное усматривается въ статьѣ тов. Бертова въ № 71 „Искры". „Пора уже понять мѣстнымъ организаціямъ, говоритъ онъ въ первой части своей статьи „Борьба въ тюрьмѣ", что современная борьба въ тюрьмѣ болѣе, чѣмъ когда либо, часть всей нашей революціонной политики". Какія же такія специфическія черты современной тюремной политики отличаютъ ее, съ одной стороны, отъ политики прежнихъ дней и сближаютъ съ внѣтюремной политикой современности? Сравнивая „вѣкъ нынѣшній съ вѣкомъ минувшимъ", тов. Бертовъ, прежде всего, останавливается на двухъ разныхъ типахъ обитателей тюрьмы въ 70-80 годы и въ наши дни. Въ старину, это былъ интеллигентъ, сознающій свои задачи, для котораго „цѣнность собственнаго человѣческаго достоинства, революціонной чести, перевалировала надъ цѣнностью личной жизни". О какой чести и о какомъ достоинствѣ тутъ говорится? Если объ извѣстномъ минимумѣ самоуваженія, не допускающемъ возможности посягательствъ на себя со стороны другихъ, то тотъ сѣрый рабочій, который повалилъ въ тюрьмы послѣ провала 98 года, хотя бы только за стачки, стоять за себя, за свое достоинство умѣетъ. Вѣдь, самая стачка („не бунтъ безсмысленный и безтолковый") есть показатель роста человѣческаго достоинства въ рабочей массѣ, ла говоря уже о важномъ мѣстѣ, какое занимаетъ въ числѣ стачечныхъ поводовъ грубое обращеніе полиціи съ арестованными, какъ это было съ работницами джутовой фабрики въ Ригѣ. Поэтому тыкать, хотя бы сѣрому рабочему, пресловутой честью героическихъ интеллигентовъ 80 годовъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно, какъ неосновательно сознаніе своихъ задачъ считать привелегіею „вѣка отцовъ!" Сѣрый рабочій не болѣе сѣраго интеллигента безсознателенъ и робѣетъ передъ начальствомъ. Отвергнуть мысль объ ослабленіи чувства чести въ политическихъ арестантахъ вообще, значитъ, на половину отвергнуть идею объ обостреніи вопроса о защитѣ чести политиковъ для профессіональныхъ революціонеровъ: имъ не приходится ратовать за себя самихъ и за другихъ безсознательныхъ. Но, можетъ быть, униженіе личности революціонера со стороны тюремной администраціи сдѣлало со временъ „Народной Воли" большой шагъ впередъ? Трудно что либо по этому поводу сказать сколько-нибудь положительное. Если въ недавнее время тюрьма подвергла истязанію политиковъ за учиненную ими демонстрацію, революціонне оказательство, дѣйствіе наступательнаго характера, то въ доброе старое время по приказу оберъ-полиціймейстера былъ высѣченъ, какъ извѣстно, политическій арестантъ только за то, что надѣлъ въ его присутствіи шапку. Съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе, что положеніе самодержавія, т. е. той власти, которая вяжетъ и вѣшаетъ революціонеровъ, сильно измѣнилось съ 80 годовъ къ худшему, Въ 80 годы кучка революціонеровъ противустояла незыблемому, какъ Андреевская „Стѣна", правительству, въ настоящее время нѣтъ такой общественной группы, гдѣ бы правительство не имѣло враговъ. Болѣе, чѣмъ когда либо, оно имѣетъ тенденцію считаться съ общественнымъ мнѣніемъ того „болота", которому всякое колебаніе атмосферы въ ту или другую сторону кажется посягательствомъ на его кровные интересы. Когда почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, правительству больше, чѣмъ когда либо, улыбается играть передъ общественнымъ мнѣніемъ роль жертвы, предоставивъ революціонерамъ роль театральныхъ злодѣевъ. Законность стала лозунгомъ дня, это обстоятельство, мнѣ кажется, наиболѣе благопріятствуетъ отстаиванію заключенными политиками своей чести. Поскольку рѣчь идетъ о простой неквалифицированной чести, нѣтъ надобности въ экстравагантныхъ мѣрахъ. Но я только изъ любезности къ тов. Бертову допустилъ предположеніе, что въ его статьѣ рѣчь идетъ о простой неквалифицированной чести. На самомъ дѣлѣ онъ говоритъ о квалифицированной „революціонной" чести, разумѣя подъ ней нѣчто аналогичное (да простятъ мнѣ тѣни прошлаго!), не тождественное, конечно, съ рыцарской или воинской честью. Такой честью, дѣйствительно, дорожатъ болѣе, чѣмъ жизнью. Для революціонера, не романтика, а реалиста, и честь и жизнь не могутъ противополагаться какъ другъ другу, такъ и той коллективной цѣли, которая опредѣляетъ и его жизненныя стремленія. Квалифицированная же честь романтиковъ себѣ довлѣетъ. Она требуетъ непрестаннаго оказательства, ради оказательства, независимо отъ того, достигается или недостигается этимъ какая либо конкретная цѣль и ужъ безъ всякаго отношенія къ общей цѣли. О долгѣ революціонеровъ безпрестанно защищать свое достоинство, объ обязанности ихъ продолжать борьбу и по заключеніи въ тюрьму, — объ этомъ говоритъ тов. Бертовъ, что и даетъ мнѣ право заподозрить его въ романтическихъ симпатіяхъ. Посмотримъ, правъ ли я. „Борьба (въ 70-80 годы) была прежде всего борьбой единоличной, борьбой одного противъ темныхъ силъ русскаго правительства. Своими мученіями, своею смертью, стремился революціонеръ заставить русскихъ палачей „измѣнить режимъ". Такими чертами заключаетъ тов. Бертовъ свою обрисовку типа революціонера былыхъ временъ. Если къ этимъ чертамъ присоединить еще ту черту прошлаго, на которую указываетъ Дебагорій Макроіевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, т. е., что революціонеры его времени больше проявляли себя послѣ ареста, чѣмъ до него, то противоположность этой богатой натуры для будущихъ историковъ-художниковъ съ политикомъ нашихъ дней, не столько дающимъ матеріалъ для историковъ съ беллетристическимъ пошибомъ и другихъ беллетристовъ, сколько дѣлающимъ исторію, всплываетъ во всей силѣ, и разъ тов. Бертовъ исходитъ изъ того взгляда, что современная тюремная тактика больше, чѣмъ когда либо, соотвѣтствуетъ внѣтюремной тактикѣ, ему слѣдовало бы подчеркнуть вышесказанную противоположность между человѣческими типами, намѣтивъ, въ общихъ чертахъ, новую тюремную тактику, противоположную той, которая принималась въ оные дни. Не тутъ то было! Я говорилъ уже, что онъ совсѣмъ не справился съ первой частью вышесказанной задачи, или же исполнилъ ее такъ, что ввелъ, по крайней мѣрѣ, въ сомнѣніе, не хочетъ ли онъ пристыдить вѣкъ нынѣшній указаніемъ на вѣкъ минувшій, не сокрушается ли онъ о томъ, что богатыри перевелись, и народъ посѣрѣлъ? Что касается второй части задачи, то она почти не ставится тов. Бертовымъ, хотя по концу его главы о тюрьмѣ и можно было бы заключить, что онъ ее блистательно разрѣшилъ. Правда, онъ говоритъ что-то такое о невозможности для революціонеровъ оныхъ дней примѣнять массовую энергію и о наростаніи условій для массовой борьбы въ наши дни. Но этотъ массовый принципъ въ голомъ видѣ, примѣняемый къ тюремнымъ условіямъ, заставляетъ тов. Бертова дѣлать довольно комичныя утвержденія. Такъ, онъ полагаетъ, что массовые аресты создали въ тюрьмахъ изъ политиковъ силу, импонирующую уже чисто физическими свойствами массы. Это въ тюрьмѣ-то, со всей ея усовершенствованной техникой, за замками, за рѣшетками, въ одиночномъ заключеніи. Въ массовомъ голоданіи, въ массовомъ избіеніи революціонеровъ, онъ видитъ дѣйствіе того же чудодѣйственнаго массового принципа и обрушивается на товарищей, находящихъ, что борьбу удобнѣе вести по выходѣ изъ тюремныхъ стѣнъ, чѣмъ внутри ихъ, обвиняя таковыхъ товарищей (они есть) въ узости и оппортюнизмѣ. Методъ — своими мученіями, своею смертью заставить чадолюбивое правительство сдаться, — оказывается болѣе цѣлесообразнымъ, разъ умираютъ и мучаются тысячи неблагонадежныхъ подданныхъ, а не десятки. Революціонеры прошлыхъ дней примѣняли и массовыя голодовки и массовые бунты, что не мѣшало имъ быть единоличными борцами внѣ тюремной стѣны, при чемъ единоличный характеръ ихъ борьба носила не потому, чтобы дѣйствовалъ каждый въ разбродъ, а потому что они дѣйствовали изолированно отъ общественныхъ силъ, были, въ полномъ смыслѣ слова, „третьимъ элементомъ". Отличіе соц.-демократическаго движенія отъ революціоннаго движенія прежнихъ дней не то, что оно массовое, а то, что оно тѣсно сплетается съ существенными интересами крупныхъ общественныхъ группъ, представляетъ ихъ. Оно — крупное явленіе дѣйствительности. Соц.-демократы могутъ умирать въ борьбѣ, но соц.-демократія, какъ явленіе отъ міра сего, не можетъ смерть и калѣченіе своихъ сторонниковъ считать чѣмъ либо инымъ, какъ недобровольною данью врагу. Нѣтъ, въ печальныхъ событіяхъ нашей тюремной жизни послѣднихъ лѣтъ трудно усмотрѣть что либо общее съ тактикой соціальдемократіи. Скорѣй тутъ можно видѣть дѣйствіе традицій романтическихъ временъ. Та же традиція говоритъ устами тов. Бертова, когда онъ рекомендуетъ намъ, сидя въ тюрьмѣ, непрестанно защищать свое достоинство. Достоинство свободнаго человѣка, стремящагося къ самоопредѣленію, и отданнаго подъ опеку въ самыхъ элементарныхъ проявленіяхъ своей воли? Такое достоинство, несомнѣнно, страдаетъ въ тюрьмѣ, но можно ли его защитить тѣми средствами, какія представляетъ тюрьма революціонеру? Тов. Бертовъ думаетъ, что да. Онъ идетъ даже дальше, предполагая, что тюрьма представляетъ прекрасную арену для практическаго изученія революціоннаго дѣла. Тов. Бертовъ рекомендуетъ намъ летать въ клѣткѣ, упражняться въ дѣланіи революціи въ тюрьмѣ. Естественно, онъ долженъ расширить программу тюремной революціи: кромѣ войны оборонительной (защита чести), онъ санкціонируетъ еще войну наступательную. „Мы должны во всѣхъ тюрьмахъ добиваться такого смягченія одиночнаго заключенія, которое не препятствовало бы свободному общенію между собой заключенныхъ", говоритъ тов. Бертовъ, и въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ раскрываетъ свои карты: „это нужно для успѣха пропаганды". Я ничего не имѣю противъ почтенной цѣли, поставленной себѣ тов. Бертовымъ, обратить тюрьму, даже тюрьму, въ поприще пропаганды. Задача, достойная всякаго, но открыто добиваться въ тюрьмѣ того, чего мы лишены на волѣ (простите, тов. Бертовъ) — абсурдъ. Для этого существуетъ подпольный путь, составляющій главную дорогу, по которой движется партія. Что допустимо на волѣ, то, тѣмъ болѣе допустимо въ тюрьмѣ. Статьи, подобныя статьѣ тов. Бертова, могутъ еще болѣе наэлектризовывать и безъ того сгущенную атмосферу тюремъ и вызвать повтореніе непроизводительныхъ и чувствительныхъ потерь товарищей. И это дѣлаетъ тотъ самый тов. Бертовъ, который знаетъ о тюрьмахъ, находящихся, благодаря стремленіямъ нѣкоторыхъ честолюбцевъ играть роль руководителей, въ постоянномъ напряженномъ состояніи. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ честолюбіи, а въ неврастеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей и общей возбудимости всѣхъ тюремныхъ жителей. Тѣмъ опаснѣе является приходить къ нимъ съ подобной проповѣдью.

---

[1] См. его статью въ № 16 „Искры“ „Политическая агитація и классовая точка зрѣнія“: „Партія пролетаріата должна умѣть ловить всякаго либерала какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собрался подвинуться на вершокъ и заставлять его двинуться на аршинъ“.

[2] См. его статью въ № 18 „Искры“ „Письмо къ земцамъ“: „Пошлемъ же привѣтъ новымъ протестантамъ, а, слѣдовательно, и новымъ нашимъ союзникамъ. Поможемъ имъ, вы видите: они бѣдны, они выступаютъ только съ маленькимъ листкомъ, изданнымъ хуже рабочихъ и студенческихъ листковъ. Мы богаты. Опубликуемъ его печатно. Огласимъ новую пощечину царямъ-Обмановымъ. Эта пощечина тѣмъ интереснѣе, чѣмъ „солиднѣе“ люди, ее дающіе. Вы видите: они слабы; *у нихъ такъ мало связей въ народѣ* (курс. мой), что ихъ письмо ходитъ по рукамъ, точно и въ самомъ дѣлѣ копія съ частнаго письма. Мы — сильны, мы можемъ и должны *пустить* это письмо *„въ народъ“* (курс. мой) и прежде всего въ среду пролетаріата, готоваго къ борьбѣ и начавшаго уже борьбу за свободу всего народа“.

Замѣтимъ, что весь этотъ шумъ былъ поднятъ Ленинымъ по поводу письма „старыхъ земцевъ“, предлагавшаго гласнымъ обсудить въ предстоявшую земскую сессію и принять рядъ постановленій по вопросамъ, изъ которыхъ первый же гласилъ: „О пересмотрѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ и объ измѣненіи его въ смыслѣ: а) предоставленія одинаковыхъ избирательныхъ правъ всѣмъ группамъ населенія безъ всякихъ сословныхъ различій при условіи *значительнаго пониженія имущественнаго избирательнаго ценза*“... другими словами: при условіи сохраненія ценза вообще. Комментаріи излишни!

[3] См. „Что дѣлать“ (стр. 64): „О томъ, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. сталкивались лицомъ къ лицу съ нашимъ политическимъ режимомъ, позаботятся не только они сами, — объ этомъ прежде всего и больше всего позаботится сама полиція и сами чиновники самодержавнаго правительства. Но „мы“, если мы хотимъ быть передовыми демократами, должны позаботиться о томъ, чтобы *наталкивать* людей, недовольныхъ, собственно, только университетскими или только *земскими* (курс. мой) и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политическаго порядка. *Мы* должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу подъ руководствомъ *нашей* партіи, чтобы *посильную помощь этой борьбѣ и этой партіи могли оказывать и дѣйствительно стали оказывать всѣ и всякіе оппозиціонные слои* (курс. мой). *Мы* должны вырабатывать изъ практиковъ-соціальдемократовъ такихъ политическихъ вождей, которые бы умѣли руководить всѣми проявленіями этой всесторонней борьбы, умѣли въ нужную минуту „продиктовать положительную программу дѣйствій“ и волнующимся студентамъ и *недовольнымъ земцамъ* (курс. мой)“. и возмущеннымъ сектантамъ и обиженнымъ народнымъ учителямъ и пр. и пр. См. также статью „Гонители земства и Аннибалы либерализма“ (стр. 97): „Объединеніе либераловъ возможно въ двухъ формахъ: посредствомъ образованія самостоятельной либеральной (нелегальной, разумѣется) партіи и посредствомъ *организаціи содѣйствія революціонерамъ* (курс. мой).

[1] Въ своемъ „внутреннемъ обозрѣніи“ въ № 2-3 „Зари“ онъ заканчиваетъ характеристику двухъ предводительскихъ рѣчей (одна изъ нихъ принадлежала Стаховичу) словами: „А предводителямъ дворянства мы скажемъ, прощаясь съ ними: до свиданья, господа завтрашніе наши союзники“ (стр. 403).

Санчо Панса.

* * *

Тов. Санчо-Панса, быть можетъ, и удачно использовалъ нѣкоторые частные промахи и неудачныя *выраженія* тов. Бертова, но вовсе не доказалъ, на нашъ взглядъ, невѣрности какъ тѣхъ чисто-*практическихъ* указаній, которыя сдѣлалъ въ своей статьѣ Бертовъ, такъ и той общей точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Эта общая точка зрѣнія вовсе не заключается въ индивидуалистическомъ принципѣ „борьбы за революціонную честь". Бертовъ исходитъ изъ того факта, что *массовое* примѣненіе „мѣръ пресѣченія" перенесло въ сферу тюрьмы и ссылки нѣкоторые новые для нихъ и обычные для русской внѣтюремной дѣйствительности элементы отношеній между „властями" и „подданными". Это — фактъ, иллюстрируемый неслыханными прежде, какъ *общее* явленіе, многочисленными случаями избіенія заключенныхъ, „тыканія" ихъ и т. п. Борьба противъ этихъ стремленій деградировать условія существованія политическихъ

съ передовыми слоями имущаго и „созидающаго" общества. Закрѣплялось это сближеніе общностью тѣхъ, въ своемъ существѣ, элементарныхъ задачъ — удовлетворенія запросовъ культурнаго развитія, которыя приходилось отстаивать отъ враговъ обѣимъ сторонамъ, какъ демократіи, осѣдавшей во всѣхъ наличныхъ общественныхъ организаціяхъ (или вокругъ нихъ группировавшейся), такъ и самимъ организаціямъ, пріобрѣтавшимъ извѣстный налетъ демократичности и расширявшимъ размахъ своей дѣятельности подъ напоромъ этихъ новыхъ элементовъ. Но болѣе десятилѣтія понадобилось на то, чтобы невидная вначалѣ, дѣловая кооперація постепенно пропиталась общественно-политическимъ содержаніемъ и стала кристаллизаціоннымъ ядромъ либерально-демократическаго движенія. Культурникъ начала 90-хъ годовъ, дѣятельный членъ безвременно погибшихъ комитетовъ грамотности, ораторъ (нерѣдко „марксистъ") ученыхъ засѣданій тѣхъ обществъ, гдѣ даже въ вопросахъ агрономіи и техники звучали нотки общественной оппозиціи, земскій „третій элементъ", не дающій покоя губернаторамъ, это лишь вѣхи на одномъ и томъ же политическомъ пути, и въ то же время это только наиболѣе рельефныя фигуры изъ единаго либеральнаго пролога. Къ началу настоящаго столѣтія прологъ исторіи кончается и начинается какъ будто бы что-то вродѣ либеральной исторіи!

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ мартовскихъ дней 1901 года впервые заявила о себѣ такъ назвавшая себя „конституціонная партія", и либерализмъ новѣйшей формаціи получилъ, наконецъ, свое организованное литературное выраженіе. Правда, до „партіи" еще было далеко, но уже не подлежало сомнѣнію, что консолидація земскихъ либеральныхъ круговъ и буржуазной демократіи подвинулась на много впередъ: объ этомъ краснорѣчиво говорилъ самый фактъ появленія литературнаго органа, и еще болѣе краснорѣчиво говорило его содержаніе.

„Освобожденіе", заявившее себя „регистраторомъ земской политической мысли", рождено, оборудовано, вспоено и вскормлено той самой демократіей, которая пошла въ „либералы", какъ нѣкогда ходили въ народъ, и какъ еще вчера извѣстная ея часть гуляла въ „марксистахъ". Но въ этомъ заключалась и причина той двойственности, печать которой лежитъ на всѣхъ номерахъ этого органа отъ первой и до послѣдней страницы. Многолѣтній процессъ сближенія не въ силахъ былъ стереть существеннаго различія въ общественныхъ воззрѣніяхъ сближающихся группъ, продиктованнаго различіемъ ихъ соціальнаго положенія.

Какъ должно совершиться политическое освобожденіе Россіи, съ народомъ или безъ его участія, таковъ былъ проклятый вопросъ, раздѣлявшій союзниковъ и всплывавшій то и дѣло наружу, несмотря на эквилибристическіе таланты бывшаго марксистскаго писателя. Буржуазная демократія рѣшала его иначе, чѣмъ земцы, земцы иначе, чѣмъ буржуазная демократія.

Хотя и повернутая лицомъ къ представителямъ имущаго общества, демократія не могла ограничиваться тѣмъ, чтобы показывать спину народу: слишкомъ близка была ея связь съ ея собственными революціонными побѣгами, слишкомъ свѣжи воспоминанія о недавнемъ еще культѣ народа. Она была достаточно „учена" и научена — и прошлымъ своимъ и своимъ настоящимъ — чтобы не знать, что сознательная или еще лучше полу-стихійная волна народнаго протеста есть незамѣнимое оружіе либеральнаго движенія. Она была, сверхъ того, достаточный скептикъ, чтобы не бояться перспективъ революціонныхъ идеологій и понимать, что буржуазному міру не грозитъ отсюда никакой внезапной опасности. Она была частью буржуазнаго общества, но — какъ я уже имѣлъ случай говорить (см. № 35 „Искры" „О двуликой демократіи"), она была той его частью, которая „не принимала непосредственнаго участія въ эксплуатаціи труда капиталомъ и крестьянина помѣщикомъ", и, какъ таковая, была нарочито воспріимчива, какъ для реформаторства въ сферѣ экономическихъ отношеній, такъ и для политическихъ требованій демократизма. Конечно, въ своемъ оппортунизмѣ (а непремѣнно оппортунистиченъ тотъ общественный слой, который никогда не сознавалъ за собой исторической силы), она стократъ была готова промѣнять демократическую послѣдовательность на минутный успѣхъ сегодняшняго дня; конечно, она пассовала до сихъ поръ всякій разъ, когда выступала на сцену классовая „умѣренность" тѣхъ, кто шелъ съ нею въ союзѣ и былъ хозяиномъ большинства облюбованныхъ ею организацій, но — „интеллигентный" авангардъ идущей за нею вслѣдъ „неинтеллигентной" большой демократіи — она не чувствовала того органическаго антагонизма между собою и народными массами, который такъ отчетливо ощущали ея союзники, и сомнительный, ненадежный, приверженецъ идеи всенароднаго представительства, не была во всякомъ случаѣ этой идеѣ принципіально враждебна.

За то иную картину представляла собою имущая и, въ частности, земская половина союза. Крѣпко засѣвшая въ своихъ организаціяхъ, она казалась заманчивой архимедовой точкой, опираясь на которую рычагъ демократической агитаціи могъ бы сдвинуть громаду самодержавія. И она подлинно была опорой демократіи и дружно работала съ нею вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло касалось общекультурныхъ задачъ развитія. Но она обнаруживала поразительно ничтожную подвижность во всемъ, что выходило за эти предѣлы, и становилась абсолютно инертной и неподатливой всякій разъ, когда на поверхность всплывалъ вопросъ неприкрытой, откровенной политики: здѣсь она чувствовала себя между молотомъ и наковальней, здѣсь она сознавала себя въ тискахъ промежуточнаго своего положенія. У нея было недостаточно вѣры въ свои собственныя силы, чтобы рисковать на самостоятельную политику, хотя бы и пользуясь услугами демократическаго союзника, и слишкомъ много классоваго недовѣрія и классовой непріязни къ народу, чтобы захотѣть, хотя бы и малую долю пути, идти съ нимъ вмѣстѣ, нога въ ногу. Народъ для нея былъ въ лучшемъ случаѣ подходящимъ объектомъ культурной попечительности, но никогда субъектомъ осмысленнаго политическаго дѣйствія, и ростущее броженіе массъ рефлектировалось въ ея головѣ, какъ та „общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ", которая не менѣе опасна, чѣмъ самая „близорукая и неумѣлая" самодержавная бюрократія. Инстинктъ привиллегированнаго собственника заботливо переводилъ непригдядную прозу классовыхъ противорѣчій на поэтическій языкъ идеаловъ и общаго блага, онъ смѣло подсказывалъ ей тезисы вродѣ тѣхъ, что дать народу политическія права равносильно скачку въ неизвѣстное, или что слишкомъ рѣшительная демократизація земской избирательной системы означала бы господство толпы, оскверняющей все своимъ невѣжествомъ. И подобныя рѣчи раздавались не въ средѣ тѣхъ земцевъ, которые едва еще успѣли прикрыть въ себѣ „дикаго помѣщика" фиговымъ листкомъ вольномыслія. Нѣтъ, мы слышали эту музыку и отъ московскаго г. Шипова, и отъ саратовскаго г. Львова, и отъ тверского г. Кузьмина-Караваева, мы слышали цѣлый оркестръ „конституціонной партіи" и „группы земскихъ дѣятелей", мы слышали и слышимъ до сихъ поръ, какъ „рекутъ" на „внутренняго врага" „всякъ золъ глаголъ" разные именитые столпы либеральнаго отечества...

Антинародныя черты „умѣренной", правой половины либеральнаго единенія не подлежали какому бы то ни было сомнѣнію.

Понятны отсюда тѣ трудности, которыя предстояло разрѣшить литературному выраженію этого союза, тому органу, который съ первыхъ же шаговъ своихъ задавался сомнительной похвальности цѣлью — притупить внутреннія противорѣчія союза, усердно ловя равнодѣйствующую неоднороднаго общественнаго мнѣнія. И понятно также, что въ погонѣ за этой равнодѣйствующей — при наличномъ соотношеніи силъ, онъ постоянно дѣлалъ реверансы своей Дульцинеѣ — „умѣренности", — и что за этими реверансами періодически слѣдовали на его столбцахъ вспышки плохо скрытаго чувства накопившагося недовольства демократіи. Изумляться приходится развѣ только долготерпѣнію демократіи, ея политической невзыскательности, тому, наконецъ, что, находясь въ сферѣ ея постояннаго вниманія, органъ г. Струве не продѣлалъ еще больше зигзаговъ въ своемъ курсѣ, чѣмъ онъ ихъ совершилъ въ дѣйствительности.

3.

Но разъ все это такъ, разъ подлинно таковъ былъ оппозиціонный конгломератъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло россійской соціальдемократіи, разъ подлинно подъ кровомъ и флагомъ либерализма въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ происходило наростаніе демократическихъ элементовъ страны и медленная правда, но идущая неуклонно впередъ ихъ кристаллизація, совершенно ясна была миссія, которая возлагалась историческимъ ходомъ вещей на партію, не безъ нѣкотораго права носящей гордое названіе авангарда демократіи.

Что значило, въ самомъ дѣлѣ, это имя? Оно значило, что соціальдемократія — для даннаго историческаго момента — претендуетъ на роль демократическаго собирательнаго центра, что всѣ группы, организаціи, неоформленныя даже теченія, въ которыхъ есть хотя зерно демократизма, тяготѣютъ къ сближенію съ ней во имя очередной задачи и внимательно прислушиваются къ ея лозунгамъ. Оно значило, что соціальдемократія, дѣйствительно, имѣетъ животворящій демократическій лозунгъ, который, какъ маякъ, свѣтитъ въ ночи абсолютизма всѣмъ маленькимъ людямъ Россіи. Оно значило, что подъ гегемоніей сильнѣйшей и единственно послѣдовательной демократической организаціи народная Россія мобилизуется противъ Россіи антинародной, хотя бы и одѣтой въ мундиръ конституціонализма. Оно значило бы, это гордое имя, если бы ему отвѣчало реальное содержаніе въ дѣйствительности, *раздѣленіе* въ оппозиціонномъ конгломератѣ, раздѣленіе — если можно такъ выразиться — *по линіи демократизма* и соотвѣтствующее этому раздѣленію *новое сочетаніе* общественныхъ силъ.

Вся исторія слагающихся и слагавшихся многіе годы общественныхъ отношеній Россіи, казалось, вопіяла о той [illegible], о томъ классѣ, которые пришли бы „володѣть и княжить" пробуждающейся къ политической жизни демократіей, „володѣть и княжить", не въ феодальномъ — Ленинскомъ смыслѣ этого слова, разумѣется, согласно которому гегемонію осуществляютъ агенты разныхъ степеней, организующіе и приводящіе къ присягѣ вассальныхъ земцевъ, студентовъ, статистиковъ и [illegible] всякаго званія людишекъ, а въ томъ единственно-реалистическомъ, по которому партія сознательнаго и борющагося пролетаріата втягиваетъ въ сферу своего вліянія демократію, — какъ самымъ фактомъ своей собственной усложняющейся и развертывающейся дѣятельности, такъ и отвѣчающими этой дѣятельности тактическими пріемами и лозунгами. Втягивать — не значи монстрацій послѣднихъ лѣтъ, калѣчащихъ и выбрасывающихъ на долгое время изъ нашей среды, если не навсегда, часто наиболѣе горячихъ и наиболѣе способныхъ товарищей. Признаюсь, избравъ эти эпидеміи темой для своей статьи, я чувствую нѣкоторую неловкость. Зрѣлище молодого орленка революціи, схваченнаго агентами правительственнаго произвола, засаженнаго въ клѣтку и продолжающаго открытую борьбу со своими врагами и мучителями даже въ клѣткѣ, такъ трогательно. Не менѣе вызываетъ у насъ сочувствіе и экзальтація измученнаго продолжительнымъ сидѣніемъ товарища даже солиднаго возраста. Все это — область тюремной психологіи и психопаталогіи, отвѣтственность за которую должна пасть на „творцовъ системы этой чудной“. Я совсѣмъ не хотѣлъ бы, чтобы голосъ мой былъ принятъ за голосъ обвиненія и укоризны по адресу измученныхъ, настрадавшихся товарищей. Нельзя и жестоко увеличивать ихъ страданія словами укоризны, надо изжить бѣду вмѣстѣ съ ними, разъ ужъ она стряслась, не снимая съ себя отвѣтственности (подобно части якутскихъ ссыльныхъ). предотвращать ее всѣми силами, облегчая сидѣніе и организуя побѣги для тѣхъ товарищей, которые, по свойству своей натуры, наиболѣе тяжело переносятъ свою неволю. Но не только можно, но и должно протестовать, когда кто либо пытается отождествить духъ самоистребленія, посѣщающій въ послѣднее время наши тюрьмы, съ духомъ трезваго отношенія къ дѣйствительности и здороваго политическаго такта, который даетъ соціальдемократіи столько преимуществъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ передъ другими революціонными фракціями. Нѣчто подобное усматривается въ статьѣ тов. Бертова въ № 71 „Искры“. „Пора уже понять мѣстнымъ организаціямъ, говоритъ онъ въ первой части своей статьи „Борьба въ тюрьмѣ“, что современная борьба въ тюрьмѣ болѣе, чѣмъ когда либо, часть всей нашей революціонной политики“. Какія же такія специфическія черты современной тюремной политики отличаютъ ее, съ одной стороны, отъ политики прежнихъ дней и сближаютъ съ внѣтюремной политикой современности? Сравнивая „вѣкъ нынѣшній съ вѣкомъ минувшимъ“, тов. Бертовъ, прежде всего, останавливается на двухъ разныхъ типахъ обитателей тюрьмы въ 70-80 годы и въ наши дни. Въ старину, это былъ интеллигентъ, сознающій свои задачи, для котораго „цѣнность собственнаго человѣческаго достоинства, революціонной чести, перевалировала надъ цѣнностью личной жизни“. О какой чести и о какомъ достоинствѣ тутъ говорится? Если объ извѣстномъ минимумѣ самоуваженія, не допускающемъ возможности посягательствъ на себя со стороны другихъ, то тотъ сѣрый рабочій, который повалилъ въ тюрьмы послѣ провала 98 года, хотя бы только за стачки, стоятъ за себя, за свое достоинство умѣетъ. Вѣдь, самая стачка („не бунтъ безсмысленный и безтолковый“) есть показатель роста человѣческаго достоинства въ рабочей массѣ, не говоря уже о важномъ мѣстѣ, какое занимаетъ въ числѣ стачечныхъ поводовъ грубое обращеніе полиціи съ арестованными, какъ это было съ работницами джутовой фабрики въ Ригѣ. Поэтому тыкать, хотя бы сѣрому рабочему, пресловутой честью героическихъ интеллигентовъ 80 годовъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно, какъ неосновательно сознаніе своихъ задачъ считать привелегіею „вѣка отцовъ!“ Сѣрый рабочій не болѣе сѣраго интеллигента безсознателенъ и робѣетъ передъ начальствомъ. Отвергнуть мысль объ ослабленіи чувства чести въ политическихъ арестантахъ вообще, значитъ, на половину отвергнуть идею объ обостреніи вопроса о защитѣ чести политиковъ для профессіональныхъ революціонеровъ: имъ не приходится ратовать за себя самихъ и за другихъ безсознательныхъ. Но, можетъ быть, униженіе личности революціонера со стороны тюремной администраціи сдѣлало со временъ „Народной Воли“ большой шагъ впередъ? Трудно что либо по этому поводу сказать сколько-нибудь положительное. Если въ недавнее время тюрьма подвергла истязанію политиковъ за учиненную ими демонстрацію, революціонное оказательство, дѣйствіе наступательнаго характера, то въ доброе старое время по приказу оберъ-полиціймейстера былъ высѣченъ, какъ извѣстно, политическій арестантъ только за то, что надѣлъ въ его присутствіи шапку. Съ другой стороны, необходимо принять во вниманіе, что положеніе самодержавія, т. е. той власти, которая вяжетъ и вѣшаетъ революціонеровъ, сильно измѣнилось съ 80 годовъ къ худшему, Въ 80 годы кучка революціонеровъ противустояла незыблемому, какъ Андреевская „Стѣна“, правительству, въ настоящее время нѣтъ такой общественной группы, гдѣ бы правительство не имѣло враговъ. Болѣе, чѣмъ когда либо, оно имѣетъ тенденцію считаться съ общественнымъ мнѣніемъ того „болота“, которому всякое колебаніе атмосферы въ ту или другую сторону кажется посягательствомъ на его кровные интересы. Когда почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, правительству больше, чѣмъ когда либо, улыбается играть передъ общественнымъ мнѣніемъ роль жертвы, предоставивъ революціонерамъ роль театральныхъ злодѣевъ. Законность стала лозунгомъ дня, это обстоятельство, мнѣ кажется, наиболѣе благопріятствуетъ отстаиванію заключенными политиками своей чести. Поскольку рѣчь идетъ о простой неквалифицированной чести, нѣтъ надобности въ экстравагантныхъ мѣрахъ. Но я только изъ любезности къ тов. Бертову допустилъ предположеніе, что въ его статьѣ рѣчь идетъ о простой неквалифицированной чести. На самомъ дѣлѣ онъ говоритъ о квалифицированной „революціонной“ чести, разумѣя подъ ней нѣчто аналогичное (да простятъ мнѣ тѣни прошлаго!), не тождественное, конечно, съ рыцарской или воинской честью. Такой честью, дѣйствительно, дорожатъ болѣе, чѣмъ жизнью. Для революціонера, не романтика. а реалиста, и честь и жизнь не могутъ противополагаться какъ другъ другу, такъ и той коллективной цѣли, которая опредѣляетъ и его жизненныя стремленія. Квалифицированная же честь романтиковъ себѣ довлѣетъ. Она требуетъ непрестаннаго оказательства, ради оказательства, независимо отъ того, достигается или недостигается этимъ какая либо конкретная цѣль и ужъ безъ всякаго отношенія къ общей цѣли. О долгѣ революціонеровъ безпрестанно защищать свое достоинство, объ обязанности ихъ продолжать борьбу и по заключеніи въ тюрьму, — объ этомъ говоритъ тов. Бертовъ, что и даетъ мнѣ право заподозрить его въ романтическихъ симпатіяхъ. Посмотримъ, правъ ли я. „Борьба (въ 70-80 годы) была прежде всего борьбой единоличной, борьбой одного противъ темныхъ силъ русскаго правительства. Своими мученіями, своею смертью, стремился революціонеръ заставить русскихъ палачей „измѣнить режимъ“. Такими чертами заключаетъ тов. Бертовъ свою обрисовку типа революціонера былыхъ временъ. Если къ этимъ чертамъ присоединить еще ту черту прошлаго, на которую указываетъ Дебагорій Макроіевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, т. е., что революціонеры его времени больше проявляли себя послѣ ареста, чѣмъ до него, то противоположность этой богатой натуры для будущихъ историковъ-художниковъ съ политикомъ нашихъ дней, не столько дающимъ матеріалъ для историковъ съ беллетристическимъ пошибомъ и другихъ беллетристовъ, сколько дѣлающимъ исторію, всплываетъ во всей силѣ, и разъ тов. Бертовъ исходитъ изъ того взгляда, что современная тюремная тактика больше, чѣмъ когда либо, соотвѣтствуетъ внѣтюремной тактикѣ, ему слѣдовало бы подчеркнуть вышесказанную противоположность между человѣческими типами, намѣтивъ, въ общихъ чертахъ, новую тюремную тактику, противоположную той, которая принималась въ оные дни. Не тутъ то было! Я говорилъ уже, что онъ совсѣмъ не справился съ первой частью вышесказанной задачи, или же исполнилъ ее такъ, что ввелъ, по крайней мѣрѣ, въ сомнѣніе, не хочетъ ли онъ пристыдить вѣкъ нынѣшній указаніемъ на вѣкъ минувшій, не сокрушается ли онъ о томъ, что богатыри перевелись, и народъ посѣрѣлъ? Что касается второй части задачи, то она почти не ставится тов. Бертовымъ, хотя по концу его главы о тюрьмѣ и можно было бы заключить, что онъ ее блистательно разрѣшилъ. Правда, онъ говоритъ что-то такое о невозможности для революціонеровъ оныхъ дней примѣнять массовую энергію и о наростаніи условій для массовой борьбы въ наши дни. Но этотъ массовый принципъ въ голомъ видѣ, примѣняемый къ тюремнымъ условіямъ, заставляетъ тов. Бертова дѣлать довольно комичныя утвержденія. Такъ, онъ полагаетъ, что массовые аресты создали въ тюрьмахъ изъ политиковъ силу, импонирующую уже чисто физическими свойствами массы. Это въ тюрьмѣ-то, со всей ея усовершенствованной техникой, за замками, за рѣшетками, въ одиночномъ заключеніи. Въ массовомъ голоданіи, въ массовомъ избіеніи революціонеровъ, онъ видитъ дѣйствіе того же чудодѣйственнаго массового принципа и обрушивается на товарищей, находящихъ, что борьбу удобнѣе вести по выходѣ изъ тюремныхъ стѣнъ, чѣмъ внутри ихъ, обвиняя таковыхъ товарищей (они есть) въ узости и оппортюнизмѣ. Методъ — своими мученіями, своею смертью заставить чадолюбивое правительство сдаться, — оказывается болѣе цѣлесообразнымъ, разъ умираютъ и мучаются тысячи неблагонадежныхъ подданныхъ, а не десятки. Революціонеры прошлыхъ дней примѣняли и массовыя голодовки и массовые бунты, что не мѣшало имъ быть единоличными борцами внѣ тюремной стѣны, при чемъ единоличный характеръ ихъ борьба носила не потому, чтобы дѣйствовалъ каждый въ разбродъ, а потому что они дѣйствовали изолированно отъ общественныхъ силъ, были, въ полномъ смыслѣ слова, „третьимъ элементомъ“. Отличіе соц.-демократическаго движенія отъ революціоннаго движенія прежнихъ дней не то, что оно массовое, а то, что оно тѣсно сплетается съ существенными интересами крупныхъ общественныхъ группъ, представляетъ ихъ. Оно — крупное явленіе дѣйствительности. Соц.-демократы могутъ умирать въ борьбѣ, но соц.-демократія, какъ явленіе отъ міра сего, не можетъ смерть и калѣченіе своихъ сторонниковъ считать чѣмъ либо инымъ, какъ недобровольною данью врагу. Нѣтъ, въ печальныхъ событіяхъ нашей тюремной жизни послѣднихъ лѣтъ трудно усмотрѣть что либо общее съ тактикой соціальдемократіи. Скорѣй тутъ можно видѣть дѣйствіе традицій романтическихъ временъ. Та же традиція говоритъ устами тов. Бертова, когда онъ рекомендуетъ намъ, сидя въ тюрьмѣ, непрестанно защищать свое достоинство. Достоинство свободнаго человѣка, стремящагося къ самоопредѣленію, и отданнаго подъ опеку въ самыхъ элементарныхъ проявленіяхъ своей воли? Такое достоинство. несомнѣнно, страдаетъ въ тюрьмѣ, но можно ли его защитить тѣми средствами, какія представляетъ тюрьма революціонеру? Тов. Бертовъ думаетъ, что да. Онъ идетъ даже дальше, предполагая, что тюрьма представляетъ прекрасную арену для практическаго изученія революціоннаго дѣла. Тов. Бертовъ рекомендуетъ намъ летать въ клѣткѣ, упражняться въ дѣланіи революціи въ тюрьмѣ. Естественно, онъ долженъ расширить программу тюремной революціи: кромѣ войны оборонительной (защита чести), онъ санкціонируетъ еще войну наступательную. „Мы должны во всѣхъ тюрьмахъ добиваться такого смягченія одиночнаго заключенія, которое не препятствовало бы свободному общенію между собой заключенныхъ“, говоритъ тов. Бертовъ, и въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ раскрываетъ свои карты: „это нужно для успѣха пропаганды“. Я ничего не имѣю противъ почтенной цѣли. поставленной себѣ тов. Бертовымъ, обратить тюрьму, даже тюрьму, въ поприще пропаганды. Задача, достойная всякаго, но открыто добиваться въ тюрьмѣ того, чего мы лишены на волѣ (простите, тов. Бертовъ) — абсурдъ. Для этого существуетъ подпольный путь, составляющій главную дорогу, по которой движется партія. Что допустимо на волѣ, то, тѣмъ болѣе допустимо въ тюрьмѣ. Статьи, подобныя статьѣ тов. Бертова, могутъ еще болѣе наэлектризовывать и безъ того сгущенную атмосферу тюремъ и вызвать повтореніе непроизводительныхъ и чувствительныхъ потерь товарищей. И это дѣлаетъ тотъ самый тов. Бертовъ, который знаетъ о тюрьмахъ, находящихся, благодаря стремленіямъ нѣкоторыхъ честолюбцевъ играть роль руководителей, въ постоянномъ напряженномъ состояніи. Тутъ дѣло совсѣмъ не въ честолюбіи, а въ неврастеніи нѣкоторыхъ изъ товарищей и общей возбудимости всѣхъ тюремныхъ жителей. Тѣмъ опаснѣе является приходить къ нимъ съ подобной проповѣдью.

Санчо Панса.

⁂

Тов. Санчо-Панса, быть можетъ, и удачно использовалъ нѣкоторые частные промахи и неудачныя *выраженія* тов. Бертова, но вовсе не доказалъ, на нашъ взглядъ, невѣрности какъ тѣхъ чисто-*практическихъ* указаній, которыя сдѣлалъ въ своей статьѣ Бертовъ, такъ и той общей точки зрѣнія, на которой онъ стоитъ. Эта общая точка зрѣнія вовсе не заключается въ индивидуалистическомъ принципѣ „борьбы за революціонную честь“. Бертовъ исходитъ изъ того факта, что *массовое* примѣненіе „мѣръ пресѣченія“ перенесло въ сферу тюрьмы и ссылки нѣкоторые новые для нихъ и обычные для русской внѣтюремной дѣйствительности элементы отношеній между „властями“ и „подданными“. Это — фактъ, иллюстрируемый неслыханными прежде, какъ *общее* явленіе, многочисленными случаями избіенія заключенныхъ, „тыканія“ ихъ и т. п. Борьба противъ этихъ стремленій деградировать условія существованія политическихъ

съ передовыми слоями имущаго и „созидающаго“ общества. Закрѣплялось это сближеніе общностью тѣхъ, въ своемъ существѣ, элементарныхъ задачъ — удовлетворенія запросовъ культурнаго развитія, которыя приходилось отстаивать отъ враговъ обѣимъ сторонамъ, какъ демократіи, осѣдавшей во всѣхъ наличныхъ общественныхъ организаціяхъ (или вокругъ нихъ группировавшейся), такъ и самимъ организаціямъ, пріобрѣтавшимъ извѣстный налетъ демократичности и расширявшимъ размахъ своей дѣятельности подъ напоромъ этихъ новыхъ элементовъ. Но болѣе десятилѣтія понадобилось на то, чтобы невидная вначалѣ, дѣловая кооперація постепенно пропиталась общественно-политическимъ содержаніемъ и стала кристаллизаціоннымъ ядромъ либерально-демократическаго движенія. Культурникъ начала 90-хъ годовъ, дѣятельный членъ безвременно погибшихъ комитетовъ грамотности, ораторъ (нерѣдко „марксистъ“) ученыхъ засѣданій тѣхъ обществъ, гдѣ даже въ вопросахъ агрономіи и техники звучали нотки общественной оппозиціи, земскій „третій элементъ“, не дающій покоя губернаторамъ, это лишь вѣхи на одномъ и томъ же политическомъ пути, и въ то же время это только наиболѣе рельефныя фигуры изъ единаго либеральнаго пролога. Къ началу настоящаго столѣтія прологъ исторіи кончается и начинается какъ будто бы что-то вродѣ либеральной исторіи!

Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ мартовскихъ дней 1901 года впервые заявила о себѣ такъ назвавшая себя „конституціонная партія“, и либерализмъ новѣйшей формаціи получилъ, наконецъ, свое организованное литературное выраженіе. Правда, до „партіи“ еще было далеко, но уже не подлежало сомнѣнію, что консолидація земскихъ либеральныхъ круговъ и буржуазной демократіи подвинулась на много впередъ: объ этомъ краснорѣчиво говорилъ самый фактъ появленія литературнаго органа, и еще болѣе краснорѣчиво говорило его содержаніе.

„Освобожденіе“, заявившее себя „регистраторомъ земской политической мысли“, рождено, оборудовано, вспоено и вскормлено той самой демократіей, которая пошла въ „либералы“, какъ нѣкогда ходили въ народъ, и какъ еще вчера извѣстная ея часть гуляла въ „марксистахъ“. Но въ этомъ заключалась и причина той двойственности, печать которой лежитъ на всѣхъ номерахъ этого органа отъ первой и до послѣдней страницы. Многолѣтній процессъ сближенія не въ силахъ былъ стереть существеннаго различія въ общественныхъ воззрѣніяхъ сближающихся группъ, продиктованнаго различіемъ ихъ соціальнаго положенія.

Какъ должно совершиться политическое освобожденіе Россіи, съ народомъ или безъ его участія, таковъ былъ проклятый вопросъ, раздѣлявшій союзниковъ и всплывавшій то и дѣло наружу, несмотря на эквилибристическіе таланты бывшаго марксистскаго писателя. Буржуазная демократія рѣшала его иначе, чѣмъ земцы, земцы иначе, чѣмъ буржуазная демократія.

Хотя и повернутая лицомъ къ представителямъ имущаго общества, демократія не могла ограничиваться тѣмъ, чтобы показывать спину народу: слишкомъ близка была ея связь съ ея собственными революціонными побѣгами, слишкомъ свѣжи воспоминанія о недавнемъ еще культѣ народа. Она была достаточно „учена“ и научена — и прошлымъ своимъ и своимъ настоящимъ — чтобы не знать, что сознательная или еще лучше полу-стихійная волна народнаго протеста есть незамѣнимое оружіе либеральнаго движенія. Она была, сверхъ того, достаточный скептикъ, чтобы не бояться перспективъ революціонныхъ идеологій и понимать, что буржуазному міру не грозитъ отсюда никакой внезапной опасности. Она была частью буржуазнаго общества, но — какъ я уже имѣлъ случай говорить (см. № 35 „Искры“ „О двуликой демократіи“), она была той его частью, которая „не принимала непосредственнаго участія въ эксплуатаціи труда капиталомъ и крестьянина помѣщикомъ“, и, какъ таковая, была нарочито воспріимчива, какъ для реформаторства въ сферѣ экономическихъ отношеній, такъ и для политическихъ требованій демократизма. Конечно, въ своемъ оппортунизмѣ (а непремѣнно оппортунистиченъ тотъ общественный слой, который никогда не сознавалъ за собой исторической силы), она стократъ была готова промѣнять демократическую послѣдовательность на минутный успѣхъ сегодняшняго дня; конечно, она пассовала до сихъ поръ всякій разъ, когда выступала на сцену классовая „умѣренность“ тѣхъ, кто шелъ съ нею въ союзѣ и былъ хозяиномъ большинства облюбованныхъ ею организацій, но — „интеллигентный“ авангардъ идущей за нею вслѣдъ „неинтеллигентной“ большой демократіи — она не чувствовала того органическаго антагонизма между собою и народными массами, который такъ отчетливо ощущали ея союзники, и сомнительный, ненадежный, приверженецъ идеи всенароднаго представительства, не была во всякомъ случаѣ этой идеѣ принципіально враждебна.

За то иную картину представляла собою имущая и, въ частности, земская половина союза. Крѣпко засѣвшая въ своихъ организаціяхъ, она казалась заманчивой архимедовой точкой, опираясь на которую рычагъ демократической агитаціи могъ бы сдвинуть громаду самодержавія. И она подлинно была опорой демократіи и дружно работала съ нею вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло касалось общекультурныхъ задачъ развитія. Но она обнаруживала поразительно ничтожную подвижность во всемъ, что выходило за эти предѣлы, и становилась абсолютно инертной и неподатливой всякій разъ, когда на поверхность всплывалъ вопросъ неприкрытой, откровенной политики: здѣсь она чувствовала себя между молотомъ и наковальней, здѣсь она сознавала себя въ тискахъ промежуточнаго своего положенія. У нея было недостаточно вѣры въ свои собственныя силы, чтобы рисковать на самостоятельную политику, хотя бы и пользуясь услугами демократическаго союзника, и слишкомъ много классоваго недовѣрія и классовой непріязни къ народу, чтобы захотѣть, хотя бы и малую долю пути, идти съ нимъ вмѣстѣ, нога въ ногу. Народъ для нея былъ въ лучшемъ случаѣ подходящимъ объектомъ культурной попечительности, но никогда субъектомъ осмысленнаго политическаго дѣйствія, и ростущее броженіе массъ рефлектировалось въ ея головѣ, какъ та „общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“, которая не менѣе опасна, чѣмъ самая „близорукая и неумѣлая“ самодержавная бюрократія. Инстинктъ привиллегированнаго собственника заботливо переводилъ неприглядную прозу классовыхъ противорѣчій на поэтическій языкъ идеаловъ и общаго блага, онъ смѣло подсказывалъ ей тезисы вродѣ тѣхъ, что дать народу политическія права равносильно скачку въ неизвѣстное, или что слишкомъ рѣшительная демократизація земской избирательной системы означала бы господство толпы, оскверняющей все своимъ невѣжествомъ. И подобныя рѣчи раздавались не въ средѣ тѣхъ земцевъ, которые едва еще успѣли прикрыть въ себѣ „дикаго помѣщика“ фиговымъ листкомъ вольномыслія. Нѣтъ, мы слышали эту музыку и отъ московскаго г. Шипова, и отъ саратовскаго г. Львова, и отъ тверскаго г. Кузьмина-Караваева, мы слышали цѣлый оркестръ „конституціонной партіи“ и „группы земскихъ дѣятелей“, мы слышали и слышимъ до сихъ поръ, какъ „рекутъ“ на „внутренняго врага“ „всякъ золъ глаголъ“ разные именитые столпы либеральнаго отечества...

Антинародныя черты „умѣренной“, правой половины либеральнаго единенія не подлежали какому бы то ни было сомнѣнію.

Понятны отсюда тѣ трудности, которыя предстояло разрѣшить литературному выраженію этого союза, тому органу, который съ первыхъ же шаговъ своихъ задавался сомнительной похвальности цѣлью — притупить внутреннія противорѣчія союза, усердно ловя равнодѣйствующую неоднороднаго общественнаго мнѣнія. И понятно также, что въ погонѣ за этой равнодѣйствующей — при наличномъ соотношеніи силъ, онъ постоянно дѣлалъ реверансы своей Дульцинеѣ — „умѣренности“, — и что за этими реверансами періодически слѣдовали на его столбцахъ вспышки плохо скрытаго чувства накопившагося недовольства демократіи. Изумляться приходится развѣ только долготерпѣнію демократіи, ея политической невзыскательности, тому, наконецъ, что, находясь въ сферѣ ея постояннаго вниманія, органъ г. Струве не продѣлалъ еще больше зигзаговъ въ своемъ курсѣ, чѣмъ онъ ихъ совершилъ въ дѣйствительности.

3.

Но разъ все это такъ, разъ подлинно таковъ былъ оппозиціонный конгломератъ, съ которымъ приходилось имѣть дѣло россійской соціальдемократіи, разъ подлинно подъ кровомъ и флагомъ либерализма въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ происходило наростаніе демократическихъ элементовъ страны и медленная, правда, но идущая неуклонно впередъ ихъ кристаллизація, — совершенно ясна была миссія, которая возлагалась историческимъ ходомъ вещей на партію, не безъ нѣкотораго права носящую гордое названіе авангарда демократіи.

Что значило, въ самомъ дѣлѣ, это имя? Оно значило, что соціальдемократія — для даннаго историческаго момента — претендуетъ на роль демократическаго собирательнаго центра, что всѣ группы, организаціи, неоформленныя даже теченія, въ которыхъ есть хотя зерно демократизма, тяготѣютъ къ сближенію съ ней во имя очередной задачи и внимательно прислушиваются къ ея лозунгамъ. Оно значило, что соціальдемократія, дѣйствительно, имѣетъ животворящій демократическій лозунгъ, который, какъ маякъ, свѣтитъ въ ночи абсолютизма всѣмъ маленькимъ людямъ Россіи. Оно значило, что подъ гегемоніей сильнѣйшей и единственно послѣдовательной демократической организаціи народная Россія мобилизуется противъ Россіи антинародной, хотя бы и одѣтой въ мундиръ конституціонализма. Оно значило бы, это гордое имя, если бы ему отвѣчало реальное содержаніе въ дѣйствительности, *раздѣленіе* въ оппозиціонномъ конгломератѣ, раздѣленіе — если можно такъ выразиться — *по линіи демократизма* и соотвѣтствующее этому раздѣленію *новое сочетаніе* общественныхъ силъ.

Вся исторія слагающихся и слагавшихся многіе годы общественныхъ отношеній Россіи, казалось, вопіяла о той силѣ, о томъ классѣ, которые пришли бы „володѣть и княжить“ пробуждающейся къ политической жизни демократіей, „володѣть и княжить“, не въ феодальномъ — Ленинскомъ смыслѣ этого слова, разумѣется, согласно которому гегемонію осуществляютъ агенты разныхъ степеней, организующіе и приводящіе къ присягѣ вассальныхъ земцевъ, студентовъ, статистиковъ и прочихъ всякаго званія людишекъ, а въ томъ единственно-реалистическомъ, по которому партія сознательнаго и борющагося пролетаріата втягиваетъ въ сферу своего вліянія демократію, — какъ самимъ фактомъ своей собственной усложняющейся и развертывающейся дѣятельности, такъ и отвѣчающими этой дѣятельности тактическими пріемами и лозунгами. Втягивать — не значи заключенныхъ и ссыльныхъ необходимо вызывается не только естественнымъ чувствомъ самосохраненія, не только столь же естественной реакціей попираемаго личнаго достоинства, но и совершенно трезвыми соображеніями политическаго разсчета — интересами движенія, которое не можетъ допустить, чтобы его рядовые участники безпрепятственно деморализовались полицейскимъ терроромъ. Естественно, поэтому, что „тюремная борьба“ становится обычнымъ „стихійнымъ“ явленіемъ. Каждый сознательный рабочій, каждый „профессіональный“ революціонеръ знаетъ по личному опыту, что ему столь же часто приходится *призывать* къ такой борьбѣ и организовывать для нея „непрофессіональныхъ революціонеровъ“, какъ и удерживать послѣднихъ отъ столь естественныхъ при тюремномъ режимѣ попытокъ не оправдываемой обстоятельствами „борьбы ради борьбы“ или отъ примѣненія нераціональныхъ пріемовъ борьбы. Отъ этой задачи, взваливаемой на насъ, дѣйствительно, радикально измѣнившимися условіями „тюремной жизни“, нельзя отговориться общими и, сами по себѣ, довольно правильными разсужденіями о безсмысленности превращать тюремный мірокъ въ сколокъ большого міра нашей борьбы „на свободу“. И тов. Бертовъ, совершенно *реалистически* относясь къ сути дѣла, взялся показать, какъ можно и слѣдуетъ ввести это стихійное явленіе въ такія рамки, въ которыхъ борьба наименѣе расточала бы наши силы и приводила насъ къ необходимымъ результатамъ. Указывая *предѣлъ* „наступательной“ тюремной борьбы въ фактическомъ уничтоженіи тюремнаго одиночества, онъ не говоритъ этимъ, что, для достиженія этого предѣла, необходимо вести борьбу всякими средствами, что неизбѣжно втягивало бы заключенныхъ въ непрерывную открытую войну „съ начальствомъ“. Выяснивъ себѣ, чего мы можемъ добиваться въ тюрьмѣ, мы уже можемъ соизмѣрять примѣняемыя нами средства съ степенью важности тѣхъ или иныхъ поводовъ къ борьбѣ. Только опредѣливъ, въ какихъ рамкахъ борьба наша неизбѣжна, мы можемъ съ успѣхомъ противодѣйствовать той „неврастеничности“, которая толкаетъ иныхъ заключенныхъ къ ненужнымъ вспышкамъ и подсказываетъ многимъ изъ нихъ шаблонное и, сплошь и рядомъ, безусловно вредное средство борьбы — „голодовку“. Съ этой точки зрѣнія, попытка тов. Бертова отнюдь не можетъ быть представлена „подстрекательствомъ“ къ „борьбѣ противъ борьбы“, а, напротивъ, служитъ цѣли *регулировать* стихійно возникающее, неустранимое никакими отвлеченными разсужденіями, но подлежащее нашему сознательному воздѣйствію, явленіе, которое нельзя не признать частью общей борьбы рабочаго класса и, вообще, массы населенія съ давящимъ и растаптывающимъ личность „обывателя“ полицейскимъ режимомъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Конституціонное движеніе.

Движеніе, ставящее себѣ цѣлью политическое освобожденіе Россіи, широкимъ потокомъ разлилось по всей странѣ и, въ той или иной формѣ, охватило самые разнообразные слои русскаго „общества“ и народа. Въ такое время въ высшей степени важно — и особенно важно для сознательнаго пролетаріата — слѣдить за выраженіемъ политической мысли и воли *во всѣхъ* разнородныхъ группахъ, входящихъ, такъ или иначе, въ русло освободительнаго потока. Ниже мы печатаемъ три документа, могущіе послужить матеріаломъ, не только для будущей исторіи, но и для непосредственной практической цѣли — пониманія цѣлей и стремленій, настроеній и надеждъ нѣкоторыхъ группъ общества. Мы надѣемся, что товарищи приложатъ всѣ усилія, чтобы *всѣ* такого рода документы своевременно попадали въ наши руки.

СЪѢЗДУ ЗЕМСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Высшіе Женскіе Курсы въ Москвѣ

Мы, слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ, пользуемся случаемъ, чтобы высказать тѣ пожеланія, которыя волнуютъ насъ, какъ членовъ общества, и надежды, которыя мы связываемъ съ даннымъ историческимъ моментомъ.

Финансовая политика, приведшая къ разорительной войнѣ, систематическая задержка экономическаго и культурнаго развитія, открыли глаза обществу на несостоятельность существующаго режима и поставили на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ нашего политическаго строя. Вашъ съѣздъ является въ настоящее время единственной организаціей, оффиціально призванной для рѣшенія вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ общественными нуждами, и мы думаемъ, что онъ могъ бы взять на себя иниціативу въ дѣлѣ освобожденія личности и общества отъ самодержавнаго произвола и бюрократической опеки.

Но необходимыя реформы могутъ быть выработаны и осуществлены только всѣмъ народомъ, въ лицѣ его представителей. Поэтому, мы находимъ, что первое, чего должны требовать вы, земскіе дѣятели, — это созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямого, тайнаго, равнаго для лицъ обоего пола, избирательнаго права. Только такое собраніе можетъ обсудить всѣ нужды русскаго народа и выработать для ихъ удовлетворенія соотвѣтствующій политическій строй.

Резолюція принята сходкой, на которой присутствовали 700 слушательницъ.

САМАРА.

Въ съѣздъ предсѣдателей земскихъ управъ и земскихъ людей въ Петербургѣ.

Г.г. земскіе представители!

Въ трудную минуту, переживаемую родиной, обращаемся къ вамъ: требуйте отъ лица всей мыслящей и трудовой Россіи участія представителей народа въ законодательствѣ и управленіи; требуйте свободы совѣсти, слова, печати, гарантіи личности.

Предъявить эти требованія въ настоящій благопріятный моментъ, переживаемый нашимъ отечествомъ, — вашъ долгъ и мы твердо вѣримъ, что вы исполните его съ непоколебимой рѣшимостью.

Да будетъ шестое ноября 1904 г. началомъ эры обновленія и возрожденія Россіи!

Настоящее воззваніе, составленное неизвѣстно кѣмъ, распространялось въ Самарѣ 2 и 3 ноября, для собранія подписей, которыхъ собрано болѣе 600. Оно послано съѣзду земскихъ представителей въ Петербургъ.

Соединенное собраніе всѣхъ группъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты, состоявшееся 4 ноября 1904 года, единогласно постановило обратиться къ „Земскому съѣзду 6 ноября“ съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Вся Россія, истомленная многолѣтнимъ молчаніемъ, привѣтствовала созывъ перваго оффиціальнаго съѣзда земскихъ дѣятелей. Теперь, съ чувствомъ глубокаго изумленія узнавъ объ отмѣнѣ принятаго правительствомъ рѣшенія, мы все же не можемъ удержаться отъ исполненія лежащаго на насъ гражданскаго долга, открыто заявить вамъ наше непреклонное убѣжденіе, что назрѣвшія нужды родины могутъ быть разрѣшены только призваніемъ представителей всего народа къ участію въ законодательствѣ и управленіи на началахъ общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Только свободные избранники народа сумѣютъ обезпечить ему неприкосновенность личности, свободу совѣсти и равенство передъ закономъ безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и національностей.

Мы убѣждены, что немедленно должна быть гарантирована полная свобода собраній и печати, чтобы обезпечить возможность всесторонняго выясненія истинныхъ потребностей всего населенія. Но, обсуждая нужды родины, Вы не должны забыть про тысячи политическихъ „преступниковъ“, разбросанныхъ по казармамъ каторги, казематамъ крѣпостей и тюрьмамъ и улусамъ сибирской тайги, осмѣлившихся раньше васъ во всеуслышаніе заявить о необходимости свѣта и воздуха для измученнаго народа. Выражая вамъ свои сокровенныя желанія и надежды, мы твердо вѣримъ, что вы не уклонитесь отъ выполненія лежащаго на васъ гражданскаго долга.

Эта резолюція подписана 103 помощниками и съ подписями будетъ издана. Кромѣ нихъ, присоединится еще человѣкъ десять.

Резолюція, принятая на съѣздѣ земскихъ дѣятелей, происходившемъ 6, 7 и 8 ноября въ С.-Петербургѣ и подписанная 102 его участниками.

1) Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала 80-хъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2) Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3) Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4) Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5) Для устраненія возможности административнаго произвола, необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ. Никто, безъ постановленія независимой судебной власти, не долженъ быть подвергнутъ взысканію или ограниченію въ правахъ. Для этого необходимо еще установленіе такого порядка привлеченія къ гражд. и угол. отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушенія закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6) Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія своихъ нуждъ, для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свобода собраній и союзовъ.

7) Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны.

8) Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни государства. Такъ какъ большинство населенія принадлежитъ къ крестьянству, то слѣдуетъ поставить его въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Для этого необходимо: а) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и б) оградить его правильной формой суда.

9) Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ, по преимуществу, сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнить обязанности, присущія правильнымъ и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены, по возможности, всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ, чтобы этимъ учрежденіямъ были предоставлены необходимая независимость и устойчивость, которыя однѣ только и могутъ обезпечить правильное развитіе ихъ дѣятельности, создать необходимое взаимодѣйствіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Примѣчаніе. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

ассимилировать, не значитъ сливаться; даже такой могучій, единственный въ мірѣ, организмъ, какъ германская соціальдемократія, оказывался способнымъ до сихъ поръ усваивать лишь сравнительно незначительные обломки непролетарскихъ и непролетаризующихся общественныхъ слоевъ; тѣмъ болѣе было бы опрометчиво думать о такой ассимиляціи en masse[1] нашему молодому движенію. Но тѣмъ болѣе нужна была опредѣленная связь, — какъ въ дѣйствіи, такъ и въ цѣли, — которая держала бы буржуазно-демократическіе элементы въ постоянной фактической зависимости отъ организаціи, par excellence долженствующей собою представлять интересы демократическаго развитія.

И эта связь, эта спайка естественно давались тѣмъ minimum'омъ демократизма, который зовется — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Естественно, казалось, провозгласить этотъ minimum своимъ и общедемократическимъ лозунгомъ и понести его въ широкія пролетарскія массы, которыхъ вмѣсто этого пробавляли либеральной, расплывчато конституціонной формулой — „долой самодержавіе“, бережно храня въ „карманѣ“ программы всю серію партійныхъ демократическихъ требованій, съ демократической республикой во главѣ. И, если бы понесли, тогда, конечно, отвѣтный массовый кличъ могъ бы прозвучать призывнымъ набатомъ, обращеннымъ ко всей народной Россіи.

И, однако, мысль соціальдемократіи была въ такой степени далека отъ чего бы то ни было подобнаго, что когда моя резолюція на прошлогоднемъ партійномъ съѣздѣ сдѣлала первый шагъ къ признанію этого требованія лозунгомъ партіи, тѣмъ, что включала всеобщее избирательное право въ число ультимативныхъ условій, отъ выполненія которыхъ либералами зависитъ возможность совмѣстныхъ съ ними дѣйствій соціальдемократіи, то такой типичный представитель цѣлой полосы нашей партійной исторіи, какъ Ленинъ, нашелъ предъявленіе подобнаго требованія мелочнымъ и неправильнымъ!

Мелочно, изволите ли видѣть, всякій разъ, когда представляется возможность оказать реальное давленіе на оппозиціонныя группы, заставлять ихъ, какъ нѣмцы говорятъ, показывать окраску (Farbe bekennen) преподносить имъ неотразимый реактивъ своего требованія, лакмусову бумажку демократизма, и класть на вѣсы ихъ политическаго разсчета всю цѣнность пролетарскаго содѣйствія. Мелочно пользоваться въ сношеніяхъ съ ними... тѣмъ испытаннымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго когда-то Лассаль вывелъ изъ прогрессистскаго плѣна германскихъ рабочихъ и заложилъ фундаментъ великой партіи. А неправильно, де, потому, что „неразумно было бы“ временныя соглашенія „объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми съ такими либерально-демократическими теченіями, которыя выставляли бы лозунгъ цензовой конституціи, куцой конституціи вообще. Въ сущности, [illegible] подошло бы „теченіе“ гг. „освобожденцевъ“, но связывать [illegible] руки, запрещая напередъ „временныя соглашенія“ [illegible] съ самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовмѣстимой съ принципами марксизма“[2]. Такъ писалъ — лѣта 1904-го — тотъ самый человѣкъ, обычно козыряющій своею непримиримостью, который до сихъ поръ не устаетъ, съ упорствомъ маніака, изловлять повсемѣстно бациллу оппортунизма! Такъ писалъ онъ какъ разъ въ то время, когда идея всенароднаго представительства уже начинала принимать конкретныя очертанія! Но ошибся бы тотъ, кто нашелъ бы этотъ ленинскій взглядъ неожиданнымъ, не вытекающимъ съ логической неизбѣжностью изъ всего его прошлаго. Онъ былъ роковымъ, если угодно — трагическимъ послѣдствіемъ той позиціи, которую Ленинъ занималъ въ отношеніи къ либеральному движенію съ тѣхъ поръ какъ жизнь заставила его прежнюю алгебру абстрактныхъ положеній (и пока абстрактныхъ, довольно вѣрныхъ — см. его „Задачи русскихъ соціальдемократовъ“) замѣнить ариѳметическими величинами современныхъ общественныхъ отношеній и связанныхъ съ ними тактическихъ вопросовъ. Какъ серьезнаго общественнаго процесса, для него не существовало того демократическаго подъема, который очертили мы выше. Все болѣе и болѣе опредѣляющійся обликъ буржуазной демократіи заслонялся отъ него цензовыми фигурами, а отдѣльные интеллигентные слои и прослойки представлялись простымъ резервуаромъ, безъ самостоятельнаго общественно-политическаго содержанія, резервуаромъ, изъ котораго почерпали свои силы самыя разнообразныя направленія. Вотъ почему, хотя либеральная демократія и значилась иногда въ его литературномъ лексиконѣ[1], но она проваливалась въ тартарары всякій разъ, когда на сцену выступалъ вопросъ партійной политики, когда необходимо было опредѣлить свою тактическую позицію. Вотъ почему для него либерализмъ былъ всегда либерализмомъ цензовыхъ группъ, и въ числѣ его неизмѣнныхъ „союзниковъ“ обязательно фигурировали умѣренный земецъ и предводитель россійскаго дворянства, т. е. какъ разъ такіе общественные элементы, которые процессомъ роста соціальдемократическаго движенія должны были все сильнѣе отталкиваться отъ соціальдемократіи — даже и въ настоящій періодъ борьбы съ абсолютизмомъ (а онъ, мудрецъ, стоялъ все на томъ, — что ихъ можно подталкивать!). Что же удивительнаго, что онъ не пошелъ на мою резолюцію: вѣдь, она ставила крестъ надъ его „безсмысленными мечтаніями“, вѣдь, она упраздняла его давнюю idee fixe о „взаимномъ пополненіи“ умѣренными земцами и соціальдемократами своей политической дѣятельности. И совершенно понятно, совершенно въ порядкѣ вещей, что ему не было дано уразумѣть и принять той концепціи соціальдемократической гегемоніи, которая легла въ основаніе этой резолюціи.

Для меня вопросъ о гегемоніи и ея осуществленіи въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи принималъ конкретныя формы въ вопросѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ собирательномъ лозунгѣ и ультимативномъ требованіи; для меня этотъ ультиматумъ соціальдемократіи, обращенный ко всѣмъ, хотябы въ минимальной степени демократическимъ элементамъ страны, былъ тѣмъ передаточнымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго — въ каждый данный моментъ — соціальдемократія могла бы на всякую желающую войти съ ней въ сношенія организацію или группу произвести надлежащее давленіе всей тяжестью своей положительной работы, всѣмъ вѣсомъ своихъ пролетарскихъ легіоновъ; при посредствѣ котораго, верша свое пролетарское дѣло, она въ то же время творила бы работу радикализаціи, демократизаціи стремящейся къ свободѣ Россіи.

Инымъ представлялся вопросъ для Ленина. „По Ленину“, гегемонія осуществляется „хожденіемъ“ соціальдемократовъ „во всѣ классы“ и пріобщеніемъ къ соціальдемократической арміи либеральныхъ буржуазныхъ элементовъ (вплоть до земцевъ), „организуемыхъ партіей борющагося пролетаріата въ какіе то спеціальные подсобные отряды или вѣрнѣе — „общества для содѣйствія“ соціальдемократіи. Звеномъ же между всей этой разномастной толпой служила — по тому же Ленину — „организація дѣйствительно всенародныхъ обличеній правительства“ (см. „Что дѣлать“), мыслимая имъ, какъ монопольное владѣніе соціальдемократіи — жизнь, увы, показала съ тѣхъ поръ, что именно въ данной области либерализму легче и удобнѣе всего эмансипироваться отъ вліянія этой партіи.

Если съ моей точки зрѣнія идея всеобщаго избирательнаго права или идея всенароднаго представительства должна была стать центральной идеей всей эпохи освобожденія Россіи отъ ярма абсолютизма и практическимъ фокусомъ воздѣйствія соціальдемократіи на всѣ, внѣ ея стоящія, общественныя группировки, то для Ленина она была той технической подробностью, той конкретной деталью, о которой не мѣсто толковать на партійномъ съѣздѣ и относительно которой „во сто разъ раціональнѣе было бы предоставить „сговориться“ центральнымъ учрежденіямъ партіи“ (см. „Шагъ впередъ“, стр. 99). Партійные центры ведутъ переговоры съ своими „контрагентами“, торгуются съ ними и затѣмъ, представляютъ результатъ своей сдѣлки, какъ fait accompli, вѣрноподданному партійному народу. Принимая же во вниманіе аутентичное признаніе самого Ленина, что „неразумно было бы объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми“ временныя соглашенія съ адептами „куцой конституціи“, („Шагъ впередъ“, стр. 98) можно легко себѣ представить, во чтобы обратилась эта торгово-политическая сдѣлка — если бы она производилась по Ленину — и при какомъ, съ позволенія сказать, „пиковомъ интересѣ“ остался бы одураченный, идущій за соціальдемократіей и въ рядахъ ея, россійскій пролетаріатъ. Вѣдь, одна маленькая уступка, одна ничтожная подробность въ системѣ избирательнаго права, и милліоны людей выброшены дѣльцами освободительнаго движенія за бортъ той Россіи, которая ждетъ надѣленія себя правами политическаго гражданства!

Все одно къ одному. Одна ленинская ошибка тянула за собою другую и большую: обычные раціоналистическіе пріемы его мышленія помогли неправильной оцѣнкѣ россійскаго либеральнаго конгломерата лишить реальнаго содержанія концепцію гегемоніи; пустоутробная идея „ассимиляціонной“ гегемоніи свела на нѣтъ идею всеобщаго избирательнаго права; и наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было лозунга привело прямикомъ къ завѣтнымъ берегамъ оппортунизма. Такова была трагикомедія этой въ своемъ родѣ логичной нелогичности. Ленинъ очутился, въ концѣ концовъ, въ положеніи мольеровскаго героя нимало не подозрѣвавшаго о томъ, что все время упражняется въ прозѣ...

4.

Чтобы, наконецъ, покончить съ Ленинымъ, еще два слова объ его замѣчаніяхъ на мою резолюцію.

Какъ и слѣдовало ожидать, и оба прочихъ ея условія кажутся ему непріемлемыми: либералы на нихъ не пойдутъ. Почему? — Потому, что „не бывало и быть не можетъ такихъ либерально демократическихъ теченій, которыя бы не выставляли въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и не затемняли его (пролетаріата) сознаніе“. Потому, что „быть либераломъ и становиться рѣшительно на сторону соціальдемократіи (въ борьбѣ съ самодержавіемъ? Ст.) — одно исключаетъ другое“. („Шагъ впередъ“ стр. 98).

---

[1] Революціонная (соц.-дем.) разновидность разночинной интеллигенціи — особенно въ настоящее время — только небольшая фракція по сравненію съ общедемократическимъ буржуазнымъ потокомъ.

[2] См. [illegible] чинъ „Шагъ впередъ, два шага назадъ“, стр. 97 и 98.

[1] См., напр., поверхностныя строки, посвященныя ей въ предисловіи ко 2-му изданію его „Задачъ“.

заключенныхъ и ссыльныхъ необходимо вызывается не только естественнымъ чувствомъ самосохраненія, не только столь же естественной реакціей попираемаго личнаго достоинства, но и совершенно трезвыми соображеніями политическаго разсчета — интересами движенія, которое не можетъ допустить, чтобы его рядовые участники безпрепятственно деморализовались полицейскимъ терроромъ. Естественно, поэтому, что „тюремная борьба" становится обычнымъ „стихійнымъ" явленіемъ. Каждый сознательный рабочій, каждый „профессіональный" революціонеръ знаетъ по личному опыту, что ему столь же часто приходится *призывать* къ такой борьбѣ и организовывать для нея „непрофессіональныхъ революціонеровъ", какъ и удерживать послѣднихъ отъ столь естественныхъ при тюремномъ режимѣ попытокъ не оправдываемой обстоятельствами „борьбы ради борьбы" или отъ примѣненія нераціональныхъ пріемовъ борьбы. Отъ этой задачи, взваливаемой на насъ, дѣйствительно, радикально измѣнившимися условіями „тюремной жизни", нельзя отговориться общими и, сами по себѣ, довольно правильными разсужденіями о безсмысленности превращать тюремный мірокъ въ сколокъ большого міра нашей борьбы „на свободу". И тов. Бертовъ, совершенно *реалистически* относясь къ сути дѣла, взялся показать, какъ можно и слѣдуетъ ввести это стихійное явленіе въ такія рамки, въ которыхъ борьба наименѣе расточала бы наши силы и приводила насъ къ необходимымъ результатамъ. Указывая *предѣлъ* „наступательной" тюремной борьбы въ фактическомъ уничтоженіи тюремнаго одиночества, онъ не говоритъ этимъ, что, для достиженія этого предѣла, необходимо вести борьбу всякими средствами, что неизбѣжно втягивало бы заключенныхъ въ непрерывную открытую войну „съ начальствомъ". Выяснивъ себѣ, чего мы можемъ добиваться въ тюрьмѣ, мы уже можемъ сонамѣрять примѣняемыя нами средства съ степенью важности тѣхъ или иныхъ поводовъ къ борьбѣ. Только опредѣливъ, въ какихъ рамкахъ борьба наша неизбѣжна, мы можемъ съ успѣхомъ противодѣйствовать той „неврастеничности", которая толкаетъ иныхъ заключенныхъ къ ненужнымъ вспышкамъ и подсказываетъ многимъ изъ нихъ шаблонное и, сплошь и рядомъ, безусловно вредное средство борьбы — „голодовку". Съ этой точки зрѣнія, попытка тов. Бертова отнюдь не можетъ быть представлена „подстрекательствомъ" къ „борьбѣ противъ борьбы", а, напротивъ, служитъ цѣли *регулировать* стихійно возникающее, неустранимое никакими отвлеченными разсужденіями, но подлежащее нашему сознательному воздѣйствію, явленіе, которое нельзя не признать частью общей борьбы рабочаго класса и, вообще, массы населенія съ давящимъ и растаптывающимъ личность „обывателя" полицейскимъ режимомъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Конституціонное движеніе.

Движеніе, ставящее себѣ цѣлью политическое освобожденіе Россіи, широкимъ потокомъ разлилось по всей странѣ и, въ той или иной формѣ, охватило самые разнообразные слои русскаго „общества" и народа. Въ такое время въ высшей степени важно — и особенно важно для сознательнаго пролетаріата — слѣдить за выраженіемъ политической мысли и воли *во всѣхъ* разнородныхъ группахъ, входящихъ, такъ или иначе, въ русло освободительнаго потока. Ниже мы печатаемъ три документа, могущіе послужить матеріаломъ, не только для будущей исторіи, но и для непосредственной практической цѣли — пониманія цѣлей и стремленій, настроеній и надеждъ нѣкоторыхъ группъ общества. Мы надѣемся, что товарищи приложатъ всѣ усилія, чтобы *всѣ* такого рода документы своевременно попадали въ наши руки.

СЪѢЗДУ ЗЕМСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Высшіе Женскіе Курсы въ Москвѣ

Мы, слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ, пользуемся случаемъ, чтобы высказать тѣ пожеланія, которыя волнуютъ насъ, какъ членовъ общества, и надежды, которыя мы связываемъ съ даннымъ историческимъ моментомъ.

Финансовая политика, приведшая къ раззорительной войнѣ, систематическая задержка экономическаго и культурнаго развитія, открыли глаза обществу на несостоятельность существующаго режима и поставили на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ нашего политическаго строя. Вашъ съѣздъ является въ настоящее время единственной организаціей, оффиціально призванной для рѣшенія вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ общественными нуждами, и мы думаемъ, что онъ могъ бы взять на себя иниціативу въ дѣлѣ освобожденія личности и общества отъ самодержавнаго произвола и бюрократической опеки.

Но необходимыя реформы могутъ быть выработаны и осуществлены только всѣмъ народомъ, въ лицѣ его представителей. Поэтому, мы находимъ, что первое, чего должны требовать вы, земскіе дѣятели, — это созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямого, тайнаго, равнаго для лицъ обоего пола, избирательнаго права. Только такое собраніе можетъ обсудить всѣ нужды русскаго народа и выработать для ихъ удовлетворенія соотвѣтствующій политическій строй.

Резолюція принята сходкой, на которой присутствовали 700 слушательницъ.

САМАРА.

Въ съѣздъ предсѣдателей земскихъ управъ и земскихъ людей въ Петербургѣ.

Г.г. земскіе представители!

Въ трудную минуту, переживаемую родиной, обращаемся къ вамъ: требуйте отъ лица всей мыслящей и трудовой Россіи участія представителей народа въ законодательствѣ и управленіи; требуйте свободы совѣсти, слова, печати, гарантіи личности.

Предъявить эти требованія въ настоящій благопріятный моментъ, переживаемый нашимъ отечествомъ, — вашъ долгъ и мы твердо вѣримъ, что вы исполните его съ непоколебимой рѣшимостью.

Да будетъ шестое ноября 1904 г. началомъ эры обновленія и возрожденія Россіи!

Настоящее воззваніе, составленное неизвѣстно кѣмъ, распространялось въ Самарѣ 2 и 3 ноября, для собранія подписей, которыхъ собрано болѣе 600. Оно послано съѣзду земскихъ представителей въ Петербургъ.

Соединенное собраніе всѣхъ группъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты, состоявшееся 4 ноября 1904 года, единогласно постановило обратиться къ „Земскому съѣзду 6 ноября" съ слѣдующимъ заявленіемъ:

„Вся Россія, истомленная многолѣтнимъ молчаніемъ, привѣтствовала созывъ перваго оффиціальнаго съѣзда земскихъ дѣятелей. Теперь, съ чувствомъ глубокаго изумленія узнавъ объ отмѣнѣ принятаго правительствомъ рѣшенія, мы все же не можемъ удержаться отъ исполненія лежащаго на насъ гражданскаго долга, открыто заявить вамъ наше непреклонное убѣжденіе, что назрѣвшія нужды родины могутъ быть разрѣшены только призваніемъ представителей всего народа къ участію въ законодательствѣ и управленіи на началахъ общаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Только свободные избранники народа сумѣютъ обезпечить ему неприкосновенность личности, свободу совѣсти и равенство передъ закономъ безъ различія сословій, вѣроисповѣданій и національностей.

Мы убѣждены, что немедленно должна быть гарантирована полная свобода собраній и печати, чтобы обезпечить возможность всесторонняго выясненія истинныхъ потребностей всего населенія. Но, обсуждая нужды родины, Вы не должны забыть про тысячи политическихъ „преступниковъ", разбросанныхъ по казармамъ каторги, казематамъ крѣпостей и тюрьмамъ и улусамъ сибирской тайги, осмѣлившихся раньше васъ во всеуслышаніе заявить о необходимости свѣта и воздуха для измученнаго народа. Выражая вамъ свои сокровенныя желанія и надежды, мы твердо вѣримъ, что вы не уклонитесь отъ выполненія лежащаго на васъ гражданскаго долга.

Эта резолюція подписана 103 помощниками и съ подписями будетъ издана. Кромѣ нихъ, присоединится еще человѣкъ десять.

Резолюція, принятая на съѣздѣ земскихъ дѣятелей, происходившемъ 6, 7 и 8 ноября въ С.-Петербургѣ и подписанная 102 его участниками.

1) Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившійся съ начала 80-хъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2) Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ приведенія дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3) Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4) Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5) Для устраненія возможности административнаго произвола, необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ. Никто, безъ постановленія независимой судебной власти, не долженъ быть подвергнутъ взысканію или ограниченію въ правахъ. Для этого необходимо еще установленіе такого порядка привлеченія къ гражд. и угол. отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушенія закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6) Для полнаго развитія духовныхъ силъ народа, для всесторонняго выясненія своихъ нуждъ, для безпрепятственнаго выраженія общественнаго мнѣнія, необходимо обезпеченіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, свободы слова и печати, а также свобода собраній и союзовъ.

7) Личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны.

8) Самодѣятельность общества является главнымъ условіемъ правильнаго и успѣшнаго развитія политической и экономической жизни государства. Такъ какъ большинство населенія принадлежитъ къ крестьянству, то слѣдуетъ поставить его въ положеніе, благопріятствующее развитію въ немъ самодѣятельности и энергіи, а это достижимо только путемъ коренного измѣненія нынѣшняго неполноправнаго и приниженнаго состоянія крестьянъ. Для этого необходимо: а) освободить отъ административной опеки сельское населеніе во всѣхъ проявленіяхъ его личной и общественной жизни и б) оградить его правильной формой суда.

9) Земскія и городскія учрежденія, въ которыхъ, по преимуществу, сосредоточивается мѣстная общественная жизнь, должны быть поставлены въ такія условія, при которыхъ они могли бы съ успѣхомъ выполнить обязанности, присущія правильнымъ и широко поставленнымъ органамъ мѣстнаго самоуправленія. Для этого необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены, по возможности, всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія, б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ населенію путемъ созданія мелкихъ земскихъ единицъ на началахъ, обезпечивающихъ ихъ дѣйствительную самодѣятельность, в) чтобы кругъ вѣдомства земскихъ и городскихъ учрежденій простирался на всю область мѣстныхъ пользъ и нуждъ, чтобы этимъ учрежденіямъ были предоставлены необходимая независимость и устойчивость, которыя однѣ только и могутъ обезпечить правильное развитіе ихъ дѣятельности, создать необходимое взаимодѣйствіе правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Примѣчаніе. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на всѣ части Россійской Имперіи.

ассимилировать, не значитъ сливаться; даже такой могучій, единственный въ мірѣ, организмъ, какъ германская соціальдемократія, оказывался способнымъ до сихъ поръ усваивать лишь сравнительно незначительные обломки непролетарскихъ и непролетаризующихся общественныхъ слоевъ; тѣмъ болѣе было бы опрометчиво думать о такой ассимиляціи en masse[1]) нашему молодому движенію. Но тѣмъ болѣе нужна была опредѣленная связь, — какъ въ дѣйствіи, такъ и въ цѣли, — которая держала бы буржуазно-демократическіе элементы въ постоянной фактической зависимости отъ организаціи, par excellence долженствующей собою представлять интересы демократическаго развитія.

И эта связь, эта спайка естественно давались тѣмъ minimum'омъ демократизма, который зовется — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ. Естественно, казалось, провозгласить этотъ minimum своимъ и общедемократическимъ лозунгомъ и понести его въ широкія пролетарскія массы, которыхъ вмѣсто этого пробавляли либеральной, расплывчато-конституціонной формулой — „долой самодержавіе", бережно храня въ „карманѣ" программы всю серію партійныхъ демократическихъ требованій, съ демократической республикой во главѣ. И, если бы понесли, тогда, конечно, отвѣтный массовый кличъ могъ бы прозвучать призывнымъ набатомъ, обращеннымъ ко всей народной Россіи.

И, однако, мысль соціальдемократіи была въ такой степени далека отъ чего бы то ни было подобнаго, что когда моя резолюція на прошлогоднемъ партійномъ съѣздѣ сдѣлала первый шагъ къ признанію этого требованія лозунгомъ партіи, тѣмъ, что включила всеобщее избирательное право въ число ультимативныхъ условій, отъ выполненія которыхъ либералами зависитъ возможность совмѣстныхъ съ ними дѣйствій соціальдемократіи, то такой типичный представитель цѣлой полосы нашей партійной исторіи, какъ Ленинъ, нашелъ предъявленіе подобнаго требованія мелочнымъ и неправильнымъ!

Мелочно, изволите-ли видѣть, всякій разъ, когда представляется возможность оказать реальное давленіе на оппозиціонныя группы, заставлять ихъ, какъ нѣмцы говорятъ, показывать окраску (Farbe bekennen) преподносить имъ неотразимый реактивъ своего требованія, лакмусову бумажку демократизма, и класть на вѣсы ихъ политическаго разсчета всю цѣнность пролетарскаго содѣйствія. Мелочно пользоваться въ сношеніяхъ съ ними..; тѣмъ испытаннымъ орудіемъ, при посредствѣ котораго когда-то Лассаль вывелъ изъ прогрессистскаго плѣна германскихъ рабочихъ и заложилъ фундаментъ великой партіи. А неправильно, де, потому, что „неразумно было бы" временныя соглашенія „объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми съ такими либерально-демократическими теченіями, которыя выставляли бы лозунгъ цензовой конституціи, куцой конституціи вообще. Въ сущности, именно сюда подошло бы „теченіе" гг. „освобожденцевъ", но свя[illegible] руки, запрещая напередъ „временныя соглашенія" [illegible] съ самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовмѣстимой съ принципами марксизма"[2]). Такъ писалъ — лѣта 1904 го — тотъ самый человѣкъ, обычно козыряющій своею непримиримостью, который до сихъ поръ не устаетъ, съ упорствомъ маніака, излавливать повсемѣстно бациллу оппортунизма! Такъ писалъ онъ какъ разъ въ то время, когда идея всенароднаго представительства уже начинала принимать конкретныя очертанія! Но ошибся бы тотъ, кто нашелъ бы этотъ ленинскій взглядъ неожиданнымъ, не вытекающимъ съ логической неизбѣжностью изъ всего его прошлаго. Онъ былъ роковымъ, если угодно — трагическимъ послѣдствіемъ той позиціи, которую Ленинъ занималъ въ отношеніи къ либеральному движенію съ тѣхъ поръ какъ жизнь заставила его прежнюю алгебру абстрактныхъ положеній (и пока абстрактныхъ, довольно вѣрныхъ — см. его „Задачи русскихъ соціальдемократовъ„) замѣнить ариѳметическими величинами современныхъ общественныхъ отношеній и связанныхъ съ ними тактическихъ вопросовъ. Какъ серьезнаго общественнаго процесса, для него не существовало того демократическаго подъема, который очертили мы выше. Все болѣе и болѣе опредѣляющійся обликъ буржуазной демократіи заслонялся отъ него цензовыми фигурами, а отдѣльные интеллигентные слои и прослойки представлялись простымъ резервуаромъ, безъ самостоятельнаго общественно-политическаго содержанія, резервуаромъ, изъ котораго почерпали свои силы самыя разнообразныя направленія. Вотъ почему, хотя либеральная демократія и значилась иногда въ его литературномъ лексиконѣ[1]), но она проваливалась въ тартарары всякій разъ, когда на сцену выступалъ вопросъ партійной политики, когда необходимо было опредѣлить свою тактическую позицію. Вотъ почему для него либерализмъ былъ всегда либерализмомъ цензовыхъ группъ, и въ числѣ его неизмѣнныхъ „союзниковъ" обязательно фигурировали умѣренный земецъ и предводитель россійскаго дворянства, т. е. какъ разъ такіе общественные элементы, которые процессомъ роста соціальдемократическаго движенія должны были все сильнѣе отталкиваться отъ соціальдемократіи — даже и въ настоящій періодъ борьбы съ абсолютизмомъ (а онъ, мудрецъ, стоялъ все на томъ, — что ихъ можно подталкивать!). Что же удивительнаго, что онъ не пошелъ на мою резолюцію: вѣдь, она ставила крестъ надъ его „безсмысленными мечтаніями", вѣдь, она упраздняла его давнюю idée fixe о „взаимномъ пополненіи" умѣренными земцами и соціальдемократами своей политической дѣятельности. И совершенно понятно, совершенно въ порядкѣ вещей, что ему не было дано уразумѣть и принять той концепціи соціальдемократической гегемоніи, которая легла въ основаніе этой резолюціи.

Для меня вопросъ о гегемоніи и ея осуществленіи въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи принималъ конкретныя формы въ вопросѣ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ собирательномъ лозунгѣ и ультимативномъ требованіи; для меня этотъ ультиматумъ соціальдемократіи, обращенный ко всѣмъ, хотябы въ минимальной степени демократическимъ элементамъ страны, былъ тѣмъ передаточнымъ механизмомъ, при посредствѣ котораго — въ каждый данный моментъ — соціальдемократія могла бы на всякую желающую войти съ ней въ сношенія организацію или группу произвести надлежащее давленіе всей тяжестью своей положительной работы, всѣмъ вѣсомъ своихъ пролетарскихъ легіоновъ; при посредствѣ котораго, верша свое пролетарское дѣло, она въ то же время творила бы работу радикализаціи, демократизаціи стремящейся къ свободѣ Россіи.

Инымъ представлялся вопросъ для Ленина. „По Ленину", гегемонія осуществляется „хожденіемъ" соціальдемократовъ „во всѣ классы" и пріобщеніемъ къ соціальдемократической арміи либеральныхъ буржуазныхъ элементовъ (вплоть до земцевъ), „организуемыхъ партіей борющагося пролетаріата въ какіе то спеціальные подсобные отряды или вѣрнѣе — „общества для содѣйствія" соціальдемократіи. Звеномъ же между всей этой разномастной толпой служила — по тому же Ленину — „организація дѣйствительно всенародныхъ обличеній правительства" (см. „Что дѣлать"), мыслимая имъ, какъ монопольное владѣніе соціальдемократіи — жизнь, увы, показала съ тѣхъ поръ, что именно въ данной области либерализму легче и удобнѣе всего эмансипироваться отъ вліянія этой партіи.

Если съ моей точки зрѣнія идея всеобщаго избирательнаго права или идея всенароднаго представительства должна была стать центральной идеей всей эпохи освобожденія Россіи отъ ярма абсолютизма и практическимъ фокусомъ воздѣйствія соціальдемократіи на всѣ, внѣ ея стоящія, общественныя группировки, то для Ленина она была той технической подробностью, той конкретной деталью, о которой не мѣсто толковать на партійномъ съѣздѣ и относительно которой „во сто разъ раціональнѣе было бы предоставить „сговориться" центральнымъ учрежденіямъ партіи" (см. „Шагъ впередъ", стр. 99). Партійные центры ведутъ переговоры съ своими „контрагентами", торгуются съ ними и затѣмъ, представляютъ результатъ своей сдѣлки, какъ fait accompli, вѣрноподданному партійному народу. Принимая же во вниманіе аутентичное признаніе самого Ленина, что „неразумно было бы объявлять ни въ какомъ случаѣ недопустимыми" временныя соглашенія съ адептами „куцой конституціи", („Шагъ впередъ", стр. 98.) можно легко себѣ представить, во чтобы обратилась эта торгово-политическая сдѣлка — если бы она производилась по Ленину — и при какомъ, съ позволенія сказать, „пиковомъ интересѣ" остался бы одураченный, идущій за соціальдемократіей и въ рядахъ ея, россійскій пролетаріатъ. Вѣдь, одна маленькая уступка, одна ничтожная подробность въ системѣ избирательнаго права, и милліоны людей выброшены дѣльцами освободительнаго движенія за бортъ той Россіи, которая ждетъ надѣленія себя правами политическаго гражданства!

Все одно къ одному. Одна ленинская ошибка тянула за собою другую и большую: обычные раціоналистическіе пріемы его мышленія помогли неправильной оцѣнкѣ россійскаго либеральнаго конгломерата лишить реальнаго содержанія концепцію гегемоніи; пустоутробная идея „ассимиляціонной" гегемоніи свела на нѣтъ идею всеобщаго избирательнаго права; и наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было лозунга привело прямикомъ къ завѣтнымъ берегамъ оппортунизма. Такова была трагикомедія этой въ своемъ родѣ логичной нелогичности. Ленинъ очутился, въ концѣ концовъ, въ положеніи мольеровскаго героя нимало не подозрѣвавшаго о томъ, что все время упражняется въ прозѣ...

4.

Чтобы, наконецъ, покончить съ Ленинымъ, еще два слова объ его замѣчаніяхъ на мою резолюцію.

Какъ и слѣдовало ожидать, и оба прочихъ ея условія кажутся ему непріемлемыми: либералы на нихъ не пойдутъ. Почему? — Потому, что „не бывало и быть не можетъ такихъ либерально демократическихъ теченій, которыя бы не выставляли въ своихъ программахъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами рабочаго класса и не затемняли его (пролетаріата) сознаніе". Потому, что „быть либераломъ и становиться рѣшительно на сторону соціальдемократіи (въ борьбѣ съ самодержавіемъ? Ст.) — одно исключаетъ другое". („Шагъ впередъ" стр. 98).

---

[1]) Революціонная (соц.-дем.) разновидность разночинной интеллигенціи — особенно въ настоящее время — только небольшая струйка по сравненію съ общедемократическимъ буржуазнымъ потокомъ.

[2]) См. [illegible] чинъ „Шагъ впередъ, два шага назадъ", стр. 97 и 98.

[1]) См., напр., поверхностныя строки, посвященныя ей въ предисловіи ко 2-му изданію его „Задачъ".

заключенныхъ и ссыльныхъ необходимо вызывается не только естественнымъ чувствомъ самосохраненія, не только столь же естественной реакціей попираемаго личнаго достоинства, но и совершенно трезвыми соображеніями политическаго разсчета — интересами движенія, которое не можетъ допустить, чтобы его рядовые участники безпрепятственно деморализовались полицейскимъ терроромъ. Естественно, поэтому, что „тюремная борьба" становится обычнымъ „стихійнымъ" явленіемъ. Каждый сознательный рабочій, каждый „профессіональный" революціонеръ знаетъ по личному опыту, что ему столь же часто приходится *призывать* къ такой борьбѣ и организовывать для нея „непрофессіональныхъ революціонеровъ", какъ и удерживать послѣднихъ отъ столь естественныхъ при тюремномъ режимѣ попытокъ не оправдываемой обстоятельствами „борьбы ради борьбы" или отъ примѣненія нераціональныхъ пріемовъ борьбы. Отъ этой задачи, наваливаемой на насъ, дѣйствительно радикально измѣнившимися условіями „тюрьмы и жизни", нельзя отговориться общими и, сами по себѣ, довольно правильными разсужденіями о безсмысленности превращать тюремные мирки въ сколокъ большого міра нашей борьбы „за свободу". И тов. Бертовъ, совершенно *реалистически* относясь къ сути дѣла, взялся показать, какъ можно и слѣдуетъ ввести это стихійное явленіе въ такія рамки, въ которыхъ борьба наименѣе расточала бы наши силы и приводила насъ къ необходимымъ результатамъ. Указывая *предѣлъ* „наступательной" тюремной борьбы въ фактическомъ уничтоженіи тюремнаго одиночества, онъ не говоритъ этимъ, что, для достиженія этого предѣла, необходимо вести борьбу всякими средствами, что неизбѣжно втягивало бы заключенныхъ въ непрерывную открытую войну „съ начальствомъ". Выяснивъ себѣ, чего мы можемъ добиваться въ тюрьмѣ, мы уже можемъ соизмѣрять примѣняемыя нами средства съ степенью важности тѣхъ или иныхъ поводовъ къ борьбѣ. [illegible] въ такихъ рамкахъ борьба [illegible] неизбѣжна, мы можемъ съ успѣхомъ противодѣйствовать той „невыдержанности", которая [illegible] иныхъ заключенныхъ къ [illegible] [illegible] шаблонное [illegible] средство борьбы [illegible] *регулировать* [illegible]

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Конституціонное движеніе

[illegible]

витія, открыли глаза обществу на несостоятельность существующаго режима и поставили на очередь вопросъ о коренномъ пересмотрѣ нашего политическаго строя. Вашъ съѣздъ является въ настоящее время единственной организаціей, оффиціально призванной для рѣшенія вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ общественными нуждами, и мы думаемъ, что онъ могъ бы взять на себя иниціативу въ дѣлѣ освобожденія личности и общества отъ самодержавнаго произвола и бюрократической опеки.

Но необходимыя реформы могутъ быть выработаны и осуществлены только всѣмъ народомъ, въ лицѣ его представителей. Поэтому, мы находимъ, что первое, чего должны требовать вы, земскіе дѣятели, — это созывъ учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямого, тайнаго, равнаго для лицъ обоего пола, избирательнаго права. Только такое собраніе можетъ обсудить всѣ нужды русскаго народа и выработать для ихъ удовлетворенія соотвѣтствующій политическій строй.

Резолюція принята сходкой, на которой присутствовали 700 слушательницъ.

САМАРА

Въ съѣздъ представителей земскихъ управъ и земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ.

Гг. земскіе представители!

Въ трудную минуту, переживаемую родиной, обращаемся къ вамъ: требуйте отъ лица всей мыслящей и трудовой Россіи участія представителей народа въ законодательствѣ и управленіи, требуйте свободы совѣсти, слова, печати, гарантіи личности.

Предъявить эти требованія въ настоящій благопріятный моментъ, переживаемый нашимъ отечествомъ, — вашъ долгъ, и мы твердо вѣримъ, что вы исполните его съ непоколебимой рѣшимостью.

Да будетъ [illegible] ноября 1904 [illegible] началомъ эры обновленія и возрожденія Россіи.

[illegible]

Резолюція, принятая на съѣздѣ земскихъ дѣятелей, происходившемъ 6, 7 и 8 ноября въ С.-Петербургѣ и подписанная 102 его участниками.

1) Ненормальность существующаго въ нашей жизни порядка государственнаго управленія, съ особой силой проявившаяся съ начала 80-хъ годовъ, заключается въ полной разобщенности правительства съ обществомъ и въ отсутствіи необходимаго въ государственной жизни взаимнаго между ними довѣрія.

2) Отношенія правительства къ обществу имѣли въ своемъ основаніи опасеніе развитія общественной самодѣятельности и постоянное стремленіе къ устраненію общества отъ участія во внутреннемъ управленіи. Исходя изъ этихъ основаній, правительство стремилось къ проведенію административной централизаціи во всѣхъ отрасляхъ мѣстнаго управленія, къ опекѣ надъ всѣми сторонами общественной жизни. Взаимодѣйствіе съ обществомъ признавалось правительствомъ исключительно въ смыслѣ [illegible] дѣятельности общественныхъ учрежденій въ соотвѣтствіе съ видами правительства.

3. Бюрократическій строй, разобщая верховную власть съ населеніемъ, создаетъ почву для широкаго проявленія административнаго произвола и личнаго усмотрѣнія. Такой порядокъ лишаетъ общество необходимой всегда увѣренности въ охранѣ законныхъ правъ всѣхъ и каждаго и подрываетъ довѣріе его къ правительству.

4. Правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ.

5. Для устраненія возможности административнаго произвола необходимо установленіе и послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа неприкосновенности личности и частныхъ жилищъ. Никто, безъ постановленія независимой судебной власти, не долженъ быть подвергнутъ взысканію или ограниченію въ правахъ. Для этого необходимо еще установленіе такого порядка привлеченія къ гражданской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ за нарушеніе закона, который обезпечивалъ бы практическое осуществленіе начала законности въ управленіи.

6. [illegible]

7. [illegible]

8. [illegible]

9. [illegible]

10. [illegible]

11. [illegible]

[illegible]

[illegible] „Шагъ впередъ" стр. 98.

10) Но для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія государственной власти съ обществомъ на основѣ вышеуказанныхъ началъ и для обезпеченія правильности развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія (въ законодательствѣ—мнѣніе меньшинства—27 гол.) въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ надъ законностью дѣйствій администраціи. (мнѣніе большинства—71 голосъ).

11) Въ виду важности и трудности внутренняго и внѣшняго состоянія, переживаемаго Россіей, частное совѣщаніе выражаетъ надежду, что верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при содѣйствіи ихъ вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа.

Делегатами для представленія резолюціи черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Николаю II избраны: Графъ Гейденъ П. А., князь Львовъ Г. Е., Петрункевичъ И. И., Родзянко М. В., Шиповъ Д. Н.

Резолюцію подписали: Бар. Стуартъ, предс. Бессараб. губ. упр., Петровъ С. А., предс. Владим. губ. упр., Смирновъ Г. А., чл. Моск. губ. упр., Еремѣевъ А. К., предс. Вологод. губ. упр., Кудрявый В. А., Перелешинъ Д. А., чл. Воронежск. губ. упр., Урсулъ, предс. Воронежск. губ. упр., Бар. Будбергъ, предс. Валуйск. уѣзд. упр., Родзянко, предс. Екатериносл. губ. упр., Карышевъ, Н. А., Масленниковъ, Геркенъ, предс. Казанск. губ. упр., Марковниковъ, бывш. предс., Баратынскій, предв. двор. Казан. у., Лесли, предс. Калужск. губ. упр., Соколовъ, предс. Костромск. губ. упр., Раевскій, предс. Курск. губ. упр., Князь Долгоруковъ П. Д., Загорскій, ф. Руценъ, Якушкинъ, Ширковъ, Головинъ, предс. Московск. губ. упр., Артыновъ, Гучковъ, Кокошкинъ, Рихтеръ, предс. Моск. уѣзд. упр., Хмелевъ, Челноковъ, Мейенъ, Шиповъ, Савельевъ, предс. Нижегородск. губ. упр., Гориновъ, Клевейнъ, Прокофьевъ, предс. Новгородск. губ. упр., Бередниковъ, пр. Тихвинск. у. упр., Колюбакинъ, Масловъ, пр. Орловск. г. у., Полѣновъ, Стаховичъ А. А., Татариновъ, предс. Орл. у. упр., Ковалевскій, бывш. предс. Пермской губ. упр., Атрыганьевъ, предс. Пензен. губ. упр., Ладыженскій, Лизогубъ, предс. Полтавск. губ. упр., Горбуновъ, предс. Псковск. г. упр., Графъ Гейденъ, Эминъ, пр. Рязанск. г. упр., Кн. Волконскій, Ушаковъ, пр. Самарск. г. у., Племянниковъ, Шишковъ, Костромитиновъ, Аладовъ, чл. С.-Петерб. губ. упр., Арсеньевъ К. К., Гвоздевъ, Кашкаровъ, Князь Баратаевъ, пр. Симбирск. г. упр., Садовскій, пр. Смоленск. г. у., Вороновскій, Полуэктовъ, Хомяковъ Н. А., Юматовъ, предс. Саратовск. г. упр., Котляревскій, Львовъ, Масленниковъ, Павловъ, Харченко, пр. Таврическ. г. у., Колобовъ, пр. Тамбовск. г. у., Брюхатовъ, Вернадскій, Измайловъ, Новосильцевъ Г. А., пр. Тверск. губ., у. Дервизъ, Кузьминъ-Караваевъ, Милюковъ, Петрункевичи М. И. и И. И., Родичевъ, Кн. Львовъ, предс. Тульск. г. у., Кн. Голицынъ, Писаревъ, Коропчанскій, пр. Уфимск. г. у., Жуковскій, Колокольцевъ, предс. Харьковск. г. у., Линтваревъ, Свѣчинъ, пр. Черниговск. г. упр., Хижняковъ; Ярославск. губ.: Кн. Шаховской, Глѣбовъ, Калитинъ, пр. Холмск. у. у., Протопоповъ, Самарск. губ. гл. Уклонились отъ подписи: Гр. Стенбокъ Ферморъ, пр. Херсон. г. у. и Марковъ, предс. Петерб. губ. управы.

СЪѢЗДУ ЗЕМСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Студенты Московскаго Университета.

Мы, студенты московскаго университета, обращаемся къ Вамъ, гг. члены съѣзда, съ нашими желаніями и надеждами. Вашимъ работамъ посвящено наше напряженное вниманіе и мы хотимъ указать на тѣ задачи, разрѣшенія которыхъ мы ждемъ отъ Вашего съѣзда. Мы глубоко вѣримъ, что съѣздъ заявитъ передъ лицомъ всей Россіи о тѣхъ реформахъ, необходимость которыхъ для культурнаго развитія нашей родины общепризнана. Мы убѣждены, что безъ свободы слова, совѣсти, печати и собраній, безъ всеобщаго, тайнаго и равнаго избирательнаго права нѣтъ другого пути прогресса для русскаго народа. При отсутствіи этихъ реформъ, возможенъ только путь реакціи, по которому, вотъ уже много лѣтъ, идетъ наше правительство. Но рѣшеніе этихъ вопросовъ, выработка конкретныхъ формъ будущаго политическаго и экономическаго строя можетъ исходить только отъ собранія представителей всего русскаго народа. И созвать путемъ всеобщаго голосованія это собраніе должно быть первымъ и основнымъ требованіемъ Вашего съѣзда.

Подъ адресомъ собрано больше 2000 подписей.

Харьковъ. „Новый курсъ“ правительства не остался и у насъ безъ отвѣта и замѣтно всколыхнулъ нашу застоявшуюся атмосферу. Толки о земскомъ съѣздѣ, о Трубецкомъ, о „Правѣ“ и проч. не прекращаются какъ среди интеллигенціи, такъ и у рабочихъ.

Пріѣздъ Глазова подлилъ масла въ огонь. Стали циркулировать слухи, что „русскіе“ студенты готовятъ депутацію къ министру отъ имени всего студенчества. По этому поводу было созвано нѣсколько сходокъ. Еще большее возбужденіе вызвали приходившія съ разныхъ сторонъ извѣстія о демонстраціяхъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, о погромахъ въ западномъ краѣ. Одновременно съ тѣмъ, среди студенчества дѣятельно распространялась литература: „Искра“, листки Харьк. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (къ обществу, къ студентамъ и др.).

Приподнятое настроеніе въ первый разъ вылилось на вечерѣ студ.-ветеринаровъ. Послѣ спектакля, въ одной изъ залъ театра собралось 200-300 человѣкъ посторонней публики и студентовъ. По окончаніи сходки студенты, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, разошлись въ 3-ьемъ часу ночи. Полиція не вмѣшивалась и держала себя корректно.

На другой день ветеринары устроили въ институтѣ сходку, на которой собралось до 30 студентовъ. По ея окончаніи, до 200 ветеринаровъ вышли на улицу и стройными рядами прошлись по Сумской и Московской ул. съ пѣніемъ „Дубинушки“ и крича „Долой войну, долой самодержавіе“. Полиція, застигнутая врасплохъ, бездѣйствовала и демонстранты спокойно разошлись.

Пріѣхалъ Глазовъ; къ нему депутаціи, разумѣется, не послали, а распространенъ былъ листокъ соц.-дем. студ. орган. съ приглашеніемъ на понедѣльникъ, 1 ноября, на демонстрацію около театра. Къ назначенному часу (6 час. веч.), оба тротуара были залиты народомъ: на одной сторонѣ — демонстранты-студенты (200-300 чел.), на другой — обыватели — зрители. Рабочихъ не было (да ихъ никто и не приглашалъ). Ровно въ 6 час. студенты сомкнулись и прокричали: „Долой войну, долой самодержавіе!“. Затѣмъ изъ толпы посыпались прокламаціи, изд. Харьков. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: „Уроки войны“.

Студенты медленно двинулись внизъ, но не прошло и 5-ти минутъ, какъ изъ-за угла выскочилъ отрядъ конныхъ городовыхъ. Повторилась обычная исторія: городовые врѣзались въ середину улицы, толпа бросилась на тротуары, но храброе воинство, подъ предводительствомъ помощн. пристава Римскаго-Корсакова, командовавшаго: „Впередъ! За мной! Окружать ихъ!“, кинулось за нею. Студентовъ окружили тѣснымъ кольцомъ; часть ихъ бросилась вверхъ, другая внизъ по Сумской. Городовые скакали по тротуарамъ за ними и били нагайками направо и налѣво. Полиція старалась оттѣснить небольшія кучки студентовъ въ боковыя улицы, гдѣ избивала ихъ вплотную, методически. За студентами и полиціей, двигалась публика — разумѣется, на нѣкоторомъ отдаленіи, слѣдя за всѣми перипетіями „сраженія“ съ чисто обывательскимъ любопытствомъ. Только изрѣдка изъ ея рядовъ раздавались возгласы: „Не бейте! Не надо бить!“ Дальше этого обывательское сочувствіе не шло. Лишь нѣкоторые смѣльчаки рѣшались крикнуть „долой полицію!“. А между тѣмъ, мирной, нейтральной публикѣ тоже не разъ порядочно доставалось отъ усердствующихъ городовыхъ: провозглашая „господа, расходитесь, расходитесь!“ они толкали направо и налѣво въ спину тѣхъ, кто медлилъ послѣдовать ихъ приглашенію, а протестующихъ — безъ всякихъ стѣсненій избивали. Одну дѣвушку околодочный толкнулъ въ грудь такъ, что она зашаталась и чуть не упала; когда окружающіе начали кричать: „Не толкаться! Мерзавцы!“, онъ толкнулъ ее еще разъ, началъ осыпать отборной бранью, а городовые бросились наводить порядокъ шашками (въ ножнахъ). Въ другомъ мѣстѣ, околодочный толкнулъ студента въ спину, на что онъ отвѣтилъ тѣмъ же; благородный вояка выхватилъ шашку и разсѣкъ ему ею руку и голову...

Излишне говорить, что не только по отношенію къ демонстрантамъ, но и ко всей публикѣ, полиція чувствова себя буквально, какъ на полѣ сраженія. Картина „сраженія“ была повидимому, настолько реальна, что группа запасныхъ, уходя отъ преслѣдованія, съ самымъ серьезнымъ видомъ замѣтила: „Ну чѣмъ не война? Этакъ, пожалуй, пока попадешь подъ японца, здѣсь голову сложишь“... Любопытно, вообще, отношеніе запасныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ помогали полиціи (другой корреспондентъ разсказываетъ, что, напротивъ, на приглашеніе полиціи помогать ей, они отвѣчали, что это не ихъ дѣло и что студенты справедливо кричатъ: „долой войну“), но большинство поднимало листки и съ сочувствіемъ показывало товарищамъ. Нѣкоторые даже обращались къ студентамъ и, на ихъ возгласы „долой войну!“, отвѣчали „вотъ это правда! Спасибо, братцы!“.

Къ 8-ми часамъ публики собралось нѣсколько тысячъ (Сумская отъ театра до Николаевской площади и два квартала по Московской улицѣ были сплошь залиты толпой).

Въ 11 часовъ улицы опустѣли и городъ принялъ обычный видъ. На слѣдующій день по всей Сумской были разставлены конные городовые. Арестованныхъ (нѣсколько человѣкъ) черезъ день отпустили. Избито много народу, не мало очень серьезно.

Студенты волнуются, настроеніе замѣтно поднялось.

На слѣдующій день (20 ноября), очевидно въ противовѣсъ бывшимъ демонстраціямъ, полиція постаралась устроить „патріотическую“ манифестацію. Часовъ въ 9 вечера группа, человѣкъ въ 20-30, появилась на Сумской и двинулась съ портретомъ Николая, распѣвая гимнъ, внизъ къ Николаевск. площади, ввалилась въ театръ, требуя исполненія оркестромъ гимна, навѣстила потомъ казармы, циркъ, вокзалъ... Шествіе было величаво и трогательно: впереди, безъ шапокъ, выступали 4 околодочныхъ; сзади, съ боковъ и впереди манифестантовъ такъ же торжественно шествовали чины полиціи всякаго ранга и калибра; за исключеніемъ этихъ „форменныхъ“ патріотовъ, остальная толпа состояла изъ патріотовъ штатскихъ болѣе, чѣмъ подозрительнаго вида, изъ нѣсколькихъ гимназистовъ и человѣкъ 10 мальчишекъ и дѣвочекъ, которыя обыкновенно продаютъ телеграммы „Южнаго Края“. Вчера еще они бѣгали передъ городовыми и кричали: „живодеры, живодеры“ — а сегодня съ такимъ же рвеніемъ своими дѣтскими голосами вопили „шапки долой!“ Ихъ поддерживала вся толпа манифестирующей сволочи, и если среди прохожихъ находились вольные или невольные протестанты, то разрѣшеніе принципіальнаго конфликта брала на себя полиція, предупредительно исполняя желанія г.г. манифестантовъ. Широкая публика, какъ и наканунѣ, валила сзади, но нѣсколько поодаль и шапокъ не снимала (манифестанты все время шли безъ шапокъ), какъ бы желая этимъ подчеркнуть, что ею руководитъ только любопытство. Вакханалія эта закончилась около 12 часовъ ночи. Какъ ни мерзки такія „представленія“, но они играютъ теперь большую роль: страна, гдѣ такой городъ, какъ Харьковъ, можетъ выставить въ защиту самодержавія только 20-30 человѣкъ подкупной сволочи, тѣмъ самымъ выдаетъ царизму свидѣттльство о несостоятельности и поетъ ему всенародную отходную. Этого не видитъ только слѣпой. А къ счастью, нынѣ и слѣпые начинаютъ понемногу прозрѣвать.

Настроеніе, повторяемъ, приподнятое. Къ субботѣ готовится демонстрація, но иного характера.

Харьковъ. Въ субботу 6 ноября въ юридическомъ обществѣ предполагался интересный докладъ о земствѣ. Передъ чтеніемъ доклада предсѣдатель, профессоръ Гредескулъ, предложилъ отъ имени общества послать привѣтственную телеграмму Святополкъ-Мирскому, при чемъ произнесъ сладенькую рѣчь, сорвавшую все же апплодисменты. Предложенъ былъ тутъ же текстъ этой телеграммы, и предсѣдатель настаивалъ на принятіи его par acclamation безъ обсужденія. Вслѣдствіе возникшаго протеста, поставленъ былъ на голосованіе вопросъ, слѣдуетъ ли обсуждать текстъ привѣтствія, и большинствомъ (приблизительно) 27 челов. противъ 19 рѣшенъ, несмотря на усилія предсѣдателя, въ положительномъ смыслѣ. Три оратора: адвокаты Переверзевъ, Вальцъ и Гонтаревъ произнесли рѣчи, въ которыхъ высказали мнѣніе о неумѣстности въ данный моментъ всякихъ поздравленій. „Теперь время выносить резолюціи, сказалъ Гонтаревъ, въ которыхъ общественныя группы выражали бы свой взглядъ на то, что необходимо для обновленія Россіи. И не привѣтствовать должны мы, а какъ кредиторы, получающіе часть своего долга, подводить счетъ тому, что еще должнику остается уплатить“. Свою рѣчь онъ закончилъ заявленіемъ, что намъ нужны въ „законод. учрежденіяхъ выборные представители отъ народа съ правомъ рѣшающаго голоса“. Послѣ этой рѣчи послышались изъ публики, присутствовавшей въ количествѣ около 1000 человѣкъ, бурные апплодисменты и долго несмолкавшіе крики „долой самодержавіе“. Посыпались также въ большомъ количествѣ листки. Предсѣдатель сдѣлалъ попытку заставить публику „уважать свободу преній собранія“, но шумъ только усилился, и собраніе было закрыто. Въ это время изъ публики выступилъ ораторъ и, произнеся короткую рѣчь, предложилъ собранію резолюцію, выработанную Комитетомъ Партіи[1]. Однако, благодаря страшному безпорядку, почти никто ничего не слышалъ; началось пѣніе революціонныхъ пѣсенъ; съ пѣніемъ же вышли на улицу, подняли знамя и прошлись сомкнутой толпой по улицамъ. Въ концѣ демонстраціи явилась полиція, нѣсколько человѣкъ было сильно побито, нѣсколько — арестовано. Въ демонстраціи участвовало много рабочихъ. Къ сожалѣнію, организована демонстрація была весьма неудачно. По слухамъ, кромѣ трехъ высказавшихся ораторовъ, изъ числа адвокатовъ, собирались говорить еще четыре человѣка, которые должны были точнѣе и детальнѣе формулировать свои политическія требованія. Кромѣ того, можно были бы по окончаніи этихъ рѣчей заставить выслушать и своего оратора и обратить собраніе общества въ публичный митингъ, если бы вдругъ совершенно несвоевременно не поднялся безпорядочный шумъ, въ результатѣ котораго собраніе оказалось по просту сорваннымъ.

Среди учащейся молодежи.

23 октября на Московск. высшихъ женскихъ курсахъ состоялась общая сходка, ближайшей причиной которой послужило избіеніе учащейся молодежи. На сходкѣ присутствовало около 700 человѣкъ. Послѣ преній, происходившихъ на сходкѣ, громадное большинство рѣшило, что обсуждать факты избіенія, не ставя ихъ въ связь съ нашимъ политическимъ строемъ, невозможно, а потому сходка вынесла такую резолюцію:

Мы, слушательницы Московскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, собравшіяся на сходку 23-го октября 1904 г., выражаемъ негодованіе по поводу избіенія молодежи, имѣвшаго мѣсто въ послѣдніе дни. Эти печальныя событія лишній разъ насъ убѣждаютъ, что для огражденія человѣческаго достоинства русскихъ гражданъ, необходимо коренное измѣненіе нашего **политическаго строя**, безъ котораго всѣ ожидаемыя реформы явятся только жалкими палліативами.

Слушательницы Жен. Медиц. Инст., собравшись по призыву объединенной соц.-демократич. организаціи студентовъ С.-П.-Б. на общую сходку 4 ноября, въ количествѣ 553-хъ человѣкъ, послѣ обсужденія вопроса о современномъ политическомъ положеніи Россіи, приняли слѣдующую резолюцію:

1) Требовать немедленнаго прекращенія войны. 2) Требовать созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго голосованія всѣхъ гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 20-ти лѣтняго возраста. 3) Мы готовы поддерживать активно свои требованія участіемъ въ демонстраціи, устраиваемой объединенными революціонными партіями или одной изъ нихъ, не принимая никакихъ партійныхъ лозунговъ, а соединившись подъ знаменемъ вышеупомянутыхъ требованій, общихъ въ данное время для всѣхъ революціонныхъ партій и революціонно мыслящихъ людей.

Борьба съ крамолой въ войскахъ.

49-й
Пѣхотный Брестскій
полкъ.
по части строевой
6 Апрѣля 1904 г.
№ 58
въ г. Севастополѣ.

Секретно.
Циркулярно.

Командующему 7-ой ротой сего же полка.

До свѣдѣнія моего дошло, что въ городѣ вновь замѣчено разбрасываніе разныхъ листковъ, съ цѣлью распространенія преступной пропаганды; въ виду сего предлагаю Вашему Высокоблагородію, путемъ личной бесѣды съ нижними чинами ввѣренной Вамъ роты, выяснить имъ всю гнусность и преступность означенной пропаганды, въ особенности теперь, когда, по случаю войны съ Японіей, всякій честный человѣкъ долженъ поддерживать дѣйствія правительства, а не пускаться въ критику; равно надлежитъ внушить нижнимъ чинамъ, чтобы они, если найдутъ что-либо, немедля представляли своему ротному командиру, не давая читать другимъ лицамъ.

Командиръ полка, Полковникъ *Шульцъ.*
Полковой Адъютантъ, Штабсъ-Капитанъ *Ларкевичъ.*

Протестъ олекминскихъ ссыльныхъ.

Копія.

Господину Якутскому Губернатору.

Мы, политическіе ссыльные г. Олекминска, считаемъ нужнымъ сообщить Вамъ, по поводу Манифеста 11-го августа 1904 г., слѣдующее:

1) Пункты 7 и 8 ст. XXIX выдѣляютъ часть политическихъ ссыльныхъ, яко бы проявившихъ въ глазахъ правительства раскаяніе своимъ „добрымъ поведеніемъ“ и даруютъ имъ особую льготу, въ видѣ сбавки срока. Мы протестуемъ противъ подобнаго раздѣленія нашихъ товарищей на лицъ съ „добрымъ“ и „дурнымъ“ поведеніемъ и заявляемъ, что каково-бы ни было наше поведеніе въ ссылкѣ, оно всегда диктовалось намъ нашими революціонными убѣжденіями; ни въ какой аттестаціи со стороны правительства никто изъ насъ не нуждается.

2) Въ пунктахъ 7 и 8 мы видимъ стремленіе правительства мистифицировать общество якобы гуманнымъ отношеніемъ къ революціонерамъ, между тѣмъ, какъ его истинное отношеніе къ нимъ такъ ярко выразилось въ недавней расправѣ съ нашими якутскими товарищами, начавшими борьбу за улучшеніе условій ссылки. Орудіемъ этого мистифицированія общества никт изъ насъ быть не захочетъ.

3) Все это заставляетъ насъ заявить Вамъ, что мы заран протестуемъ противъ примѣненія къ намъ п. п. 7 и 8 ст. XXI Манифеста, и если, несмотря на нашъ протестъ, къ кому либ изъ насъ эти пункты будутъ примѣнены, мы сочтемъ се въ правѣ думать, что за нашимъ революціоннымъ образо мыслей и исходящимъ изъ него образомъ дѣйствій правителство признаетъ право гражданства.

Г. Олекминскъ, 20 сентября 1904 г.

М. Альфесъ, М. Бабинскій, Л. Берконъ, Л. Васильевскій, Венгроверъ, С. Гештофтъ, Ш. Глазеръ, С. Зильберманъ, Л. Кацель, Г. Левинъ, Л. Либерманъ, П. Магарадзе, Б. Нейманъ, Н. Певанеръ, Е. Полушкинъ, К. Поповъ, Гр. Рабиновичъ, А. Савинковъ, Ш. Серъ, Я. Строжецкій, М. Урицкій, Т. Феденева, Ш. Хиной, В. Шанцеръ, С. Шерманъ, С. Брукеръ.

---

[1] По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, демонстраціи предшествовала агитація Комитета среди передовыхъ элементовъ пролетаріата.

Это заявленіе весьма характерное, но и столь же невѣрное. Я попросилъ бы, напр., почтеннаго Ленина указать мнѣ на *антидемократическія или антипролетарскія требованія* (а только о таковыхъ и шла рѣчь въ моей резолюціи) въ программахъ, ну скажемъ, французскихъ радикаловъ (Клемансо и компаніи) или итальянскахъ республиканцевъ. Я попросилъ бы его разъяснить мнѣ, почему отдѣльнымъ фракціямъ бельгійскахъ либераловъ дозволительно было становиться на сторону соціальдемократіи въ борьбѣ за избирательную реформу начала 90-хъ годовъ, а россійскимъ сего не полагается дѣлать — въ великомъ освободительномъ движеніи[1]. Но, разумѣется, резолюція имѣла въ виду не „всѣ и всякіе оппозиціонные слои“, она, конечно, мѣтила не въ тѣхъ предводителей дворянства, которые обрѣтаются искони въ монопольномъ владѣніи суроваго Ленина, (см. его внутр. обозр. въ „Зарѣ“), а лишь въ небольшое, либеральное земское меньшинство, находящееся въ сферѣ непосредственнаго вліянія передовыхъ элементовъ буржуазной демократіи. И конечно, last, but not least, она прежде всего исходила изъ того предположенія, что россійская соціальдемократія представляетъ собой, какъ *партія рабочихъ массъ*, ту реальную, гигантскую силу, съ которой одной приходится серьезно считаться царизму и которую одну приходится принимать въ разсчетъ „всѣмъ и всякимъ“ организаціямъ и группамъ. И только въ *этомъ* послѣднемъ случаѣ, если справедливо *это* исходное положеніе, если *дѣйствительно* соціальдемократія являетъ собою правально функціонирующій партійный организмъ, найдется достаточное число охотниковъ изъ среды оппозиціоннаго конгломерата стать „на сторону“ соціальдемократіи.

На этомъ мы можемъ разстаться, пока что, съ злоключеніями Ленина. Но разставаясь, мы оказываемся опять стоящими передъ тѣмъ же проклятымъ вопросомъ, что и въ началѣ нашей статьи. Не былъ же Ленинъ въ самомъ дѣлѣ какимъ-то уродомъ въ средѣ россійской революціонной соціальдемократіи? Вѣдь, то, что онъ писалъ, покрывала, въ значительной мѣрѣ собой какъ малая коллективность — редакція, такъ и большая — соціальдемократическая партія. Если одна, игнорируя, молчала, то другая — подымала на щитъ его „неосвѣтимыя глупости“.

И несомнѣнно, ленинскія „глупости“ не индивидуальнаго только происхожденія, а и характерный симптомъ того недуга, которымъ болѣла и болѣетъ до сихъ поръ россійская соціальдемократія. Этотъ недугъ поражаетъ ея волю и помрачаетъ сознаніе.

Но объ этомъ мы скажемъ особо.

Староверъ.

---

[1] Даже въ Германіи, гдѣ вырожденіе либерализма достигло наибольшихъ размѣровъ, свободомыслящая группа Барта оказалась вынужденной, два года тому назадъ, во время парламентской борьбы изъ за таможенныхъ пошлинъ, стать „на сторону“ нѣмецкой соціальдемократіи и слѣдовать лозунгамъ Зингера.

Такой же текстъ заявленія подписала колонія с. Мартыновскаго, Киренскаго у., въ составѣ: М. Граппъ, А. Карякинъ, Ш. Левинъ, А. Махлина. Равнымъ образомъ, къ нему присоединился Колтунъ изъ Нохтуйска.

Екатеринодаръ. Дѣятельность Кубанскаго Комитета въ сентябрѣ и октябрѣ, главнымъ образомъ, была направлена на упроченіе связей среди рабочихъ. Организаціонная работа Комитета въ послѣднее время охватила районъ отъ Ставрополя до Новороссійска и отъ Тихорѣцкой до Майкопа.

За это время, помимо прокламацій на мѣстныя темы, были распространены листки „Искры“: — „Къ солдатамъ“ — 1500 экз.; „Война, кризисъ и безработица“ — 2000; „Пора“ — 2000; „Уроки войны“ — 2000. Изъ брошюръ распространены: „Двѣ Европы“ — 500; „Во что обходится народу война“ — 500 и „Классовая борьба въ Криммичау“ — 100. Кромѣ того, №№ 68-72 „Искры“, въ количествѣ отъ 100 до 150 экз. каждый. Наибольшее количество прокламацій, листковъ и брошюръ было распространено въ Екатеринодарѣ и Армавирѣ, затѣмъ слѣдуетъ Новороссійскъ, Ставрополь, Тихорѣцкая, Кавказская и др. станицы Кубанской области.

Само собою разумѣется, послѣ каждаго распространенія прокламацій, полиція и жандармы, еще мало привыкшіе къ нашей дѣятельности, теряли голову и хватали кого попало. Такъ, во время распространенія прокламацій въ театрѣ г. Екатеринодара былъ арестованъ одинъ посторонній единственно за то, что поднялъ „преступный листокъ“; другой арестованный тамъ же былъ отбитъ у полиціи, причемъ самъ руководитель облавы — полицеймейстръ Черникъ — долженъ былъ скрыться, сопровождаемый свистомъ и хохотомъ многочисленной публики, главнымъ образомъ — рабочихъ.

Отзываясь на непосредственныя мѣстныя нужды рабочихъ и освѣщая эти нужды свѣтомъ классовой борьбы пролетаріата, Комитетъ въ сентябрѣ издалъ прокламаціи: въ Армавирѣ „Къ рабочимъ барона Штейнгеля“, въ Екатеринодарѣ — „Къ рабочимъ чугунно-литейнаго завода Гусника.“

Начавшаяся было на заводѣ Гусника стачка не удалась, не смотря на то, что Комитетомъ были приняты мѣры къ поддержанію стачечниковъ и своевременно распространены прокламаціи, въ которыхъ были формулированы требованія рабочихъ. Война и у насъ принесла кризисъ и безработицу. Мѣстные наиболѣе крупные заводы: Авсѣева, Мордовцева и др. сильно сократили производство и распустили рабочихъ. Такъ, маслобойный заводъ Авсѣева, гдѣ обыкновенно работаютъ до 600 рабочихъ, совсѣмъ прекратилъ работу. Въ Новороссійскѣ три большихъ цементныхъ завода разсчитали больше половины рабочихъ. Къ этому присоединился еще неурожай на табачныхъ плантаціяхъ и неурожай подсолнечника. Иногородніе, живущіе, главнымъ образомъ, работой на плантаціяхъ и въ экономіяхъ, сильно бѣдствуютъ.

Въ послѣднее время кружковая пропаганда въ Екатеринодарѣ, подъ вліяніемъ совершающихся въ Россіи событій, приняла характеръ агитаціи. Нѣсколько собраній было посвящено войнѣ и политикѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ. Характеризуя современное положеніе вещей въ Россіи, отмѣчая полнѣйшее банкротство самодержавія и растерянность правительства, ораторы особенно подчеркивали ту мысль, что „пробужденіе демократіи“ — результатъ широкаго революціоннаго движенія пролетаріата и призывали рабочихъ къ активному вмѣшательству въ ходъ политическихъ событій. Этотъ призывъ былъ встрѣченъ рабочими съ полнымъ единодушіемъ.

Полученный на дняхъ „Соціальдемократъ“ былъ принятъ рабочими очень хорошо, доступность и содержательность статей очень нравится рабочимъ и они выражаютъ надежду, что „Соціальдемократъ“ будетъ ихъ газетой. Комитетъ указываетъ организованнымъ рабочимъ на необходимость, путемъ ежемѣсячныхъ взносовъ по 10-20 коп. съ каждаго рабочаго, матеріально поддерживать рабочій органъ.

* * *

Отъ ред. Сейчасъ получено извѣстіе, что въ Екатеринодарской городской думѣ, во время засѣданія, одинъ рабочій сказалъ политическую рѣчь. Подробности не сообщаются.

Изъ армянской дѣйствительности. Эривань. Въ армянской провинціи повсюду въ настоящее время господствуетъ сильное шовинистическое настроеніе. Малѣйшая симпатія къ русскимъ или къ чему нибудь русскому принимается за „національную измѣну“ и карается населеніемъ, какъ таковая. Достаточно армянину, проходя по улицѣ, заговорить по русски, чтобы любой прохожій, — будь это старый простолюдинъ или „интеллигентный“ молодой человѣкъ, — немедленно остановилъ его и съ жандармской строгостью потребовалъ прекратить разговоръ на ненавистномъ языкѣ. Подобные инциденты сопровождаются нерѣдко грубыми оскорбленіями по адресу непокорныхъ, избіеніемъ ихъ, обливаніемъ (если это дамы) разными ядовитыми жидкостями и пр. и пр. Сильную ненависть проявляетъ населеніе также по отношенію къ русской школѣ, къ русскому суду, къ русскому театру, — словомъ, ко всему русскому вообще.

Настроеніе это вызвано разбойнической „окраинной политикой“ царскаго самодержавія и, въ частности, знаменитымъ закономъ 12-го іюня (1903 г.) объ отобраніи армянскихъ церковныхъ имуществъ. Законъ этотъ сильно задѣлъ религіозно-національныя струны населенія и вызвалъ въ немъ глубокое возмущеніе. Но, лишенное самыхъ элементарныхъ начатковъ гражданскаго и политическаго сознанія, армянское населеніе не смогло понять — откуда ему наносится ударъ: оно отождествило интересы царизма съ интересами русскаго народа и нашло исходъ своему угнетущему чувству въ грубомъ, близорукомъ шовинизмѣ.

Этимъ обстоятельствомъ сильно воспользовались армянскія националистическія партіи. Онѣ присосались къ этой *стихійной*, безсознательной формѣ народнаго недовольства, стали закрѣплять и культивировать шовинистическія чувства населенія и эксплуатировать ихъ для своихъ цѣлей. И, такимъ образомъ, эти партіи, обезсилѣвшія было за послѣдніе годы и, казалось, окончательно терявшія подъ собою почву на Кавказѣ, оживились и развернули новую энергичную дѣятельность. Но, что важнѣе всего въ ряду результатовъ хищническаго закона 12 іюня, это — вынужденное признаніе со стороны националистическихъ партій необходимости считаться съ положеніемъ и нуждами кавказскихъ армянъ, признаніе, на ряду съ „обще-національнымъ“ турецко-армянскимъ вопросомъ, также вопроса *„русско-армянскаго“*. Вѣрныя самимъ себѣ, эти партіи, сливаясь со стихіей, не столько подчинили ее своему вліянію, сколько сами ей подчинились, и, съ одной стороны, эксплоатируя подъемъ національнаго чувства населенія для своихъ турецко-армянскихъ предпріятій, съ другой — они стали оформлявать и отражать всѣ грубыя проявленія его безсмысленной, безтолковой злобы и ненависти по отношенію къ русскимъ и слѣпого преклоненія передъ всѣмъ *своимъ, національнымъ.* Партія „Дрошака“, — наиболѣе сильная и вліятельная въ настоящее время, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе безпринципная и реакціонная, — долгое время боровшаяся противъ попытокъ армянской интеллигенціи *откликнуться* на политическія нужды кавказскихъ армянъ, всѣми позволительными и непозволительными средствами старавшаяся задержать развитіе рабочаго движенія среди армянъ и объявлявшая „измѣнниками“ армянскихъ соціаль-демократовъ за то, что они отвлекали мысль армянской націи отъ турецко-армянскаго вопроса и *дробили* ея революціонныя силы, — эта самая партія на своемъ съѣздѣ, состоявшемся весною текущаго года, *принуждена была оффиціально признать необходимость такого дробленія.* Она санкціонировала дѣятельность своихъ полуоффиціальныхъ „комитетовъ самообороны“, — бывшихъ и являющихся по настоящее время главными очагами свирѣпствующаго шовинизма, — и приняла нѣкоторыя общія постановленія по новому „русско-армянскому“ дѣлу.

Въ настоящее время организаціи „Дрошака“ и „Hntschak“-а густою сѣтью покрыли всю армянскую провинцію: Александрополь, Карсъ, Эривань и т. д. Онѣ проникли въ самыя глухія деревушки, овладѣли всецѣло населеніемъ, извлекаютъ изъ него громадныя матеріальныя средства, вооружаютъ и переправляютъ молодежь въ турецкую Арменію и, что самое главное, подъ видомъ борьбы противъ обрусительной политики русскаго правительства, ограждаютъ населеніе отъ всякаго внѣшняго вліянія, въ томъ числѣ, разумѣется, — и это главнымъ образомъ, — отъ вліянія „ассимиляторской“ соціаль-демократической пропаганды.

Таковы результаты закона 12 іюня. Самодержавное правительство можетъ быть довольно этими результатами. За кратковременнымъ, хотя довольно бурнымъ и многообѣщавшимъ стихійнымъ взрывомъ революціоннаго чувства, сопровождавшимся извѣстными кровавыми столкновеніями населенія съ царскими башибузуками, послѣдовала мрачная политическая реакція, бросившая населеніе въ объятія націоналистическихъ партій и, быть можетъ, надолго задержавшая ростъ политическаго сознанія и революціонной самодѣятельности армянскаго населенія.

Нужно отмѣтить, однако, что соціаль-демократическая пропаганда, къ счастію, какъ бы тайкомъ и контрабандой все-жъ-таки проникаетъ въ „темное царство“ армянской провинціи. Нѣкоторыя организаціи „Hntschak'a“, — партіи, называющей себя соціалистической и даже соціальдемократической и, дѣйствительно, насчитывающей въ своихъ рядахъ пару-другую соціаль-демократовъ... партіи, въ общемъ, націоналистической, ничѣмъ (по крайней мѣрѣ, въ настоящее время) отъ „Дрошака“ не отличающейся, — нѣкоторыя организаціи этой партіи или, вѣрнѣе, нѣкоторые ея члены питаютъ симпатіи къ намъ, соціаль-демократамъ, и мѣстами, гдѣ они не боятся народнаго гнѣва, распространяютъ нашу литературу (органъ, листки и брошюры Кавказск. Союза). Дѣйствующія въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ организаціи этой партіи еще болѣе склоняются въ нашу сторону и, казалось бы, недалеко уже время, когда онѣ, окончательно порвавъ со своими націоналистическими традиціями, всецѣло примкнутъ къ нашей партіи. Помимо Hntschak-истовъ нашу литературу распространяютъ здѣсь также наши товарищи (рабочіе и интеллигенты), которымъ приходится бывать въ провинціи. Въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ промышленнымъ центрамъ, — въ Тифл. и Бакинск. губерніяхъ, — вліяніе націоналистовъ сильно поколеблено. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ у насъ имѣются даже постоянныя организаціи изъ молодежи, которыя регулярно получаютъ нашу литературу и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за геройской борьбой городскихъ рабочихъ.

Эта борьба, — прибавимъ въ заключеніе, — одержала уже на Кавказѣ не одну блестящую побѣду. Она одержитъ побѣду и надъ свирѣпствующей теперь, душу раздирающей армянской реакціей. Соціальдемократія, — своей смѣлой пропагандой, — озаритъ это „темное царство“ армянской провинціи, научитъ населеніе *политически* мыслить и *политически* дѣйствовать, сорганизуетъ подъ своимъ знаменемъ его пролетарскія и полупролетарскія массы и, въ рѣшительную минуту, поведетъ его на штурмъ самодержавія, въ братскомъ единеніи съ тѣмъ самымъ русскимъ народомъ, противъ котораго столь неразумно и столь несправедливо оно полно теперь такой грубой ненависти.

Августъ 1904 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Законодательные выборы въ Италіи. — Президентскіе выборы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки. — Съѣздъ Швейцарской соціальдемократической партіи.

Съ происшедшими 6-го ноября выборами въ итальянскій парламентъ приключилось нѣчто весьма странное. Еще не были точно подсчитаны результаты выборовъ, еще едва ли можно было опредѣлить партійную окраску избранныхъ депутатовъ, какъ уже оффиціозное телеграфное агентство разнесло по всему міру вѣсть о побѣдѣ, блестящей побѣдѣ министерства. На перебалатировкахъ — опять побѣды, побѣды и побѣды. А спустя нѣсколько дней, стали ходить слухи о предстоящей отставкѣ кабинета. Правда, эти слухи пока не оправдались, но есть всѣ основанія думать, что, съ открытіемъ засѣданій палаты, дни министерства Джіолити будутъ сочтены и его побѣда окажется пирровой побѣдой.

Характерная черта нынѣшнихъ выборовъ — это союзъ (правда, неформальный, но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительный) всѣхъ силъ стараго міра противъ соціалистической партіи: крупная и мелкая буржуазія, свѣтское правительство и духовная власть, полиція и каморра — всѣ бросились въ объятія другъ друга, чтобы нанести пораженіе революціонному пролетаріату, осмѣлившемуся массовой стачкой протестовать противъ разстрѣливанія своихъ братьевъ. Монархисты и республиканцы, свободомыслящіе и клерикалы, властители Рима и „ватиканскій плѣнникъ“ — всѣ за одно въ борьбѣ съ соціализмомъ.

Распустивъ палату послѣ всеобщей стачки для того, чтобы создать себѣ новое большинство внѣ крайней лѣвой, Джіолити не пренебрегъ никакими средствами, чтобы нанести пораженіе ставшей ему ненавистной парламентской лѣвой и, главнымъ образомъ, соціалистической партіи, въ которой революціонные элементы стали брать верхъ надъ реформистами. Пущенный правительствомъ избирательный лозунгъ — „противъ реакціи и противъ революціи!“ — освободилъ кандидатовъ отъ обязанности защищать какую-нибудь опредѣленную программу. Вмѣсто партійныхъ подраздѣленій, выступило на первый планъ дѣленіе на кандидатовъ министерскихъ и антиминистерскихъ, на тѣхъ, къ чьимъ услугамъ быть весь полицейско-административный аппаратъ, и на тѣхъ, противъ кого этотъ аппаратъ былъ направленъ. Чудодѣйственная сила этого аппарата сдѣлала свое дѣло, такъ что утромъ 8 ноября телеграфъ могъ оповѣстить міръ о выборѣ 294 министерскихъ депутатовъ, 46 членовъ конституціонной оппозиціи, 27 радикаловъ, 25 соціалистовъ и 16 республиканцевъ. Подкупомъ, угрозами, тюремнымъ заключеніемъ соціалистическихъ агитаторовъ, наконецъ, объявленіемъ осаднаго положенія въ нѣкоторыхъ городахъ, былъ купленъ этотъ успѣхъ. Тоже самое имѣло мѣсто при перебаллотировкахъ, при которыхъ, между прочимъ, яснѣе всего обнаружилась измѣна буржуазной демократіи: всѣ 8 республиканцевъ, находившихся въ перебаллатировкѣ съ министерскими кандидатами, были избраны при помощи соціалистическихъ голосовъ, тогда какъ изъ 30 соціалистовъ на перебаллатировкахъ прошло всего 4.

Однако, не смотря на эту побѣду, сейчасъ же послѣ выборовъ всѣмъ стало ясно, что ловкому режиссеру, руководившему всей этой кампаніей, не справиться съ призванными имъ къ жизни силами. Вчерашнему демократу Джіолити придется отвѣчать передъ палатой за весь тотъ развратъ, который внесъ въ выборы пущенный имъ въ ходъ административно-полицейскій аппаратъ. Такъ называемые министерскіе депутаты весьма часто бываютъ министерскими только до выборовъ, пока нуждаются въ министерской поддержкѣ, а послѣ того они тѣмъ болѣе склонны карать своихъ вчерашнихъ покровителей, чѣмъ больше они сами вмѣстѣ съ ними грѣшили. Избранные безъ всякой опредѣленной программы, они тѣмъ легче могутъ перейти въ лагерь оппозиціи, какъ это уже не разъ случалось въ Италіи, да и не въ ней одной. Кромѣ того, министерское большинство заранѣе подточено изнутри тѣмъ компромиссомъ съ клерикализмомъ, который былъ заключенъ во время избирательной кампаніи. Джіолити придется изворачиваться между своей вчерашней демократической программой и своими сегодняшними союзниками. Большинство Джіолити растаетъ, какъ только ему придется проводить въ жизнь какую-нибудь положительную программу.

Единственнымъ нефиктивнымъ побѣдителемъ послѣднихъ выборовъ оказывается соціалистическая партія. Покинутая своими вчерашними союзниками — радикалами и республиканцами, освободившись, благодаря революціонному выступленію пролетаріата, — отъ половинчатыхъ и оппортунистически-настроенныхъ элементовъ, она одна пошла въ бой съ развернутымъ знаменемъ, опираясь на свою революціонную программу и на свою молодую, но испытанную уже организацію. Даже враги не могли скрыть своего изумленія передъ обнаруженной нашей партіей энергіей, сознательностью и солидарностью. И если въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ соціалисты потеряли нѣсколько мѣстъ, то это въ достаточной мѣрѣ объясняется вышеуказанными причинами, то есть давленіемъ администраціи, неожиданнымъ вмѣшательствомъ клерикаловъ[1]) и позорнымъ бѣгствомъ демократическихъ избирателей. А во всей странѣ число нашихъ избирателей почти удвоилось, сравнительно съ 1900 годомъ (301.000 вмѣсто 162.000), а число избранныхъ депутатовъ осталось безъ измѣненія.

* * *

Если въ Италіи побѣда Джіолити оказывается очень двусмысленной, то побѣда Рузвельта въ Соединенныхъ Штатахъ находится внѣ всякихъ сомнѣній. Но если вы при этомъ спросите, что означаетъ эта побѣда, какой общественный классъ, какая программа побѣдила въ лицѣ Рузвельта, то окажется, что между двумя главными кандидатами на президентскій постъ никакого принципіальнаго различія не было. То, что когда-то раздѣляло демократическую и республиканскую партіи, давно сглажено быстро двигающимся впередъ экономическимъ развитіемъ страны. Даже новые лозунги, какъ борьба съ трестами, имперіализмъ, моно-и биметализмъ, не играютъ болѣе никакой роли, такъ какъ въ той и другой партіи имѣются сторонники прямо исключающихъ другъ друга взглядовъ, а, главное, на практикѣ всѣ они оказываются рабами господствующаго крупнаго капитала. Главнымъ мотивомъ борьбы является при такихъ обстоятельствахъ удовлетвореніе личнаго честолюбія, погоня за теплыми мѣстами, надежда на концессіи и т. под. А избирателю, поскольку онъ также не заинтересованъ во всѣхъ этихъ благахъ, приходится руководствоваться личными вкусами и избирать болѣе „симпатичнаго“ кандидата. Въ этомъ отношеніи Рузвельтъ, занимавшій уже президентское мѣсто, имѣлъ всѣ преимущества передъ мало извѣстнымъ Паркеромъ. Въ какой степени партійныя различія не играли никакой роли въ выборахъ, лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что нѣкоторые штаты, давшіе большинство республиканцу Рузвельту, выбрали губернаторовъ изъ демократической партіи, и наоборотъ.

Очевидно, что такое положеніе вещей должно было бы способствовать созданію третьей партіи, въ которой нашли бы себѣ защиту всѣ тѣ, чьи интересы меньше всего удовлетворяются двумя господствующими партіями. Дѣйствительно, попытки въ этомъ направленіи дѣлались неоднократно, но не давали положительныхъ результатовъ. Стремленіе соединить въ одной партіи всѣ недовольные элементы оказывалось въ концѣ концовъ невыполнимымъ, и движеніе, очень быстро захватывавшее обширные слои населенія, столь же быстро падало и окончательно сходило со сцены. И въ настоящее время нѣкоторые радикальные представители демократической партіи, подъ вліяніемъ перенесеннаго пораженія, мечтаютъ объ образованіи новой радикальной партіи. Будущее покажетъ, удастся ли имъ объединить вокругъ себя мелкую буржуазію, но американскій рабочій, можно теперь съ увѣренностью сказать, будетъ принадлежать соціализму. Много причинъ мѣшало и теперь еще мѣшаетъ американскому пролетарію стать подъ соціалистическое знамя, но постоянный неуклонный ростъ соціалистическихъ голосовъ въ послѣдніе годы является лучшимъ доказательствомъ того, что соціалистическое сознаніе продолжаетъ безостановочно проникать въ умы американскихъ рабочихъ массъ. 600 тысячъ голосовъ, поданныхъ за соціалистическаго кандидата Дебса, являются, конечно, каплей въ морѣ въ сравненіи съ 14 милліонами, принимавшими участіе въ голосованіи. Но если вспомнить, что американская соціалистическая партія еще очень молода, что на выборахъ 1896 года за нее подано было всего только 36 тысячъ голосовъ, а въ 1900 г. — 131 тысяча, то мы можемъ смѣло сказать, что американская соціальдемократія вправѣ гордиться достигнутыми ею результатами.

* * *

Своеобразныя трудности встрѣчаетъ на своемъ пути швейцарская соціальдемократія, съѣздъ которой состоялся 21 ноября въ Цюрихѣ. Въ демократической обстановкѣ маленькихъ швейцарскихъ кантоновъ съ трудомъ вырабатывались специфическіе пролетарскіе методы борьбы и процессъ выдѣленія въ особую политическую партію совершался чрезвычайно медленно. Послѣдній съѣздъ является значительнымъ шагомъ впередъ въ этомъ направленіи. Принятая на этомъ съѣздѣ новая программа въ своей теоретической части является повтореніемъ общихъ основъ соціализма, какъ онѣ формулируются всѣми соціальдемократическими партіями, стоящими на почвѣ марксизма, а въ практической части даетъ рядъ цѣнныхъ указаній для агитаціи среди рабочей массы, уже пользующейся многими завоеваніями демократіи. Сюда относятся требованія, касающіяся демократической организаціи арміи, измѣненія системы налогового обложенія, организаціи школы и воспитанія молодежи и т. д. и т. д. Принятыя по разнымъ поводамъ резолюціи тоже являются симптомомъ начала болѣе наступательной политики со стороны швейцарской соціальдемократіи. Такъ, по поводу предстоящей реорганизаціи швейцарской арміи рѣшено требовать избранія офицеровъ и унтеръ-офицеровъ солдатами, отмѣны военнаго суда въ мирное время и *безусловнаго* запрещенія употребленія войска противъ стачечниковъ. По послѣднему вопросу принята еще слѣдующая резолюція: „соціальдемократическая партія предлагаетъ солдатамъ, мобилизуемымъ во время стачекъ, помнить о своей солидарности съ находящимися въ стачкѣ рабочими и не становиться исполнителями такихъ дѣйствій, которыя могли бы помѣшать ихъ собратьямъ пользоваться въ полномъ объемѣ правомъ стачекъ и собраній“. Нечего и говорить, что буржуазное „общественное мнѣніе“ Швейцаріи подняло бурю негодованія по поводу этого рѣшенія рабочей партіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отчетъ о партійной дѣятельности въ Сѣверо-Западномъ Краѣ.

Скоро годъ, какъ произошелъ второй съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. и столько же, какъ въ Сѣверо-Западномъ Краѣ началась партійная работа. Еще за долго до съѣзда нашей партіи, когда въ самомъ разгарѣ была полемика съ Бундомъ, въ средѣ послѣдняго явились отдѣльныя группы рабочихъ, недовольныхъ бундовской позиціей въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ и составившихъ глухую оппозицію, причемъ главнымъ импульсомъ недовольства являлся организаціонный вопросъ; такая оппозиція существовала въ Минскѣ, Вильнѣ и цѣломъ рядѣ маленькихъ городковъ, наконецъ, отдѣльные болѣе сознательные оппозиціонеры открыто становились противниками бундовской политики и, оставаясь въ организаціи, вели полемику, защищая партійную точку зрѣнія; такимъ образомъ въ общихъ чертахъ обстояло дѣло въ средѣ еврейскаго пролетаріата въ моментъ выступленія партійныхъ группъ въ нашемъ краѣ. Что касается пролетаріата другихъ національностей, то дѣло обстояло нѣсколько иначе: послѣдній былъ организованъ лишь въ Вильнѣ и Сморгони, не считая отдѣльныхъ попытокъ работать среди христіанскаго пролетаріата въ Двинскѣ, Витебскѣ и Минскѣ.

---

[1]) До послѣднихъ выборовъ итальянскіе клерикалы не участвовали въ парламентской жизни Италіи, въ видѣ протеста противъ монархіи, упразднившей свѣтскую власть папы. Нынѣ впервые страхъ передъ краснымъ призракомъ заставилъ клерикаловъ забыть старые счеты съ господствующими слоями буржуазіи.

Среди польскаго пролетаріата въ Вильнѣ велась работа, главнымъ образомъ, П. П. С.; литовцы и П. С. Д. имѣли очень слабыя связи.

Когда Бундъ вышелъ изъ Партіи и полный разрывъ сталъ достояніемъ дѣйствительности, отдѣльные революціонеры въ данномъ краѣ, примыкавшіе, по своимъ взглядамъ, къ партіи, но работавшіе здѣсь въ другихъ организаціяхъ или общепартійныхъ группахъ, объединившись съ вышеупомянутыми элементами Бунда, выступившими изъ него послѣ съѣзда, какъ было въ Минскѣ и Вильнѣ, а мѣстами просто начавшіе работать отдѣльно, заводя связи въ рабочей средѣ, (такъ было въ Двинскѣ и другихъ мѣстахъ), основали группы партіи. Передъ партійными группами стояла серьезная и трудная задача: во-первыхъ, вести соціальдемократическую работу, осложняемую національной розныо, которая *питается*, главнымъ образомъ, руссификаторской политикой правительства и исключительнымъ положеніемъ евреевъ, и во-вторыхъ, бороться противъ тѣхъ націоналистическихъ и сепаратистскихъ тенденцій, которыя всегда отличали П. П. С. *и стали* отличительными признаками послѣднихъ лѣтъ дѣятельности Бунда.

Первоначальная дѣятельность группъ свелась къ кружковой работѣ, стремившейся выработать сознательную рабочую базу дальнѣйшей дѣятельности. И по мѣрѣ того, какъ эта работа начинала развиваться въ ширь, сдѣлалась необходимой агитаціонная литература мѣстнаго и обще-политическаго характера, а также широкая массовая устная агитація. Всѣ эти требованія, какъ и общепартійная политика, не могли быть возложены на неокрѣпшія еще группы, въ виду чего, послѣ болѣе, чѣмъ полугодовой работы, образовался Сѣверо-Западный Комитетъ

Районъ нашей дѣятельности, главнымъ образомъ, ремесленный, мелкобуржуазный, съ мало развитымъ фабричнымъ производствомъ. Большая часть городской пролетарской массы состоитъ изъ евреевъ. Среди христіанъ серьезнаго движенія нигдѣ нѣтъ, что сильно тормозитъ активную борьбу еврейскаго пролетаріата, разбивающуюся о косность пролетаріата другихъ національностей и уничтожаетъ de facto въ средѣ рабочихъ даннаго края сознаніе солидарности и общности интересовъ. Стремясь избѣгнуть ошибки „старыхъ“ революціонеровъ даннаго края, Сѣверо-Западный Комитетъ, всецѣло стоя на точкѣ зрѣнія партіи въ національномъ и организаціонномъ вопросахъ, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности рѣшилъ направить работу въ среду рабочихъ *всѣхъ національностей*, стараясь основаться въ малозатронутой христіанской массѣ и особенное вниманіе отдавая работѣ среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Годовой опытъ группъ и Комитета показалъ, что онѣ вполнѣ въ состояніи удовлетворять нуждамъ мѣстной массы въ смысла языка, пониманія нѣкоторыхъ особенностей мѣстныхъ условій, приспособленія къ агитаціи и т. д. и что національная пестрота ихъ состава ни подъ какимъ видомъ не можетъ тормозить, но еще болѣе объединяетъ и воодушевляетъ работу. Кромѣ того, мы можемъ указать на возможность устройства общихъ собраній, даже если послѣдніе осложняются участіемъ двухъ или трехъ ораторовъ на еврейскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ. Но общность интересовъ рабочихъ подчеркивается не только этими техническими условіями[1]), но, что гораздо важнѣе, сознаніемъ, что работа ведется *одной* соціальдемократической организаціонной единицей, не дѣлающей организаціонной разницы между эллиномъ и іудеемъ...

Переходя къ практическимъ результатамъ нашей дѣятельности, мы можемъ отмѣтить въ области прокламаціонной литературы слѣдующія цифры за 5 мѣсяцевъ.

„Сѣв.-Зап. Комитетомъ“ изданы слѣдующіе листки, всѣ печатные, „Извѣщеніе о выступленіи Сѣв.-Зап. Ком.“ — 4000 экз. „Война и безработица“ — 8000 эк.

Въ типографіи комитета напечатаны листки „Искры“: „Къ рабочему народу“ (по поводу убійства Плеве) — 9000 эк., „Пора“ — 10.000 эк., „Къ Гражданамъ“ по поводу голодовки, издано Виленской группой — 1000 эк. Ею же, по поводу открытія памятника Екатеринѣ, на русскомъ и польскомъ языкахъ — 3000 эк. Виленской организаціей учащихся: „Къ учащимся“ — 1000 „эк. Центральнымъ Комитетомъ: „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“ — 12.000 экз.

Итого за указанный промежутокъ въ типографіи комитета напечатано 55.000 экземпляровъ.

Сюда не входятъ, конечно, прокламаціи и листки группъ, изданныя на гектографѣ и листки „Искры“ и Ц. К., распространенныя въ районѣ группъ. Мы перечислимъ нѣкоторыя названія, но къ сожалѣнію, не повсюду имѣемъ возможность, въ данный моментъ, отмѣтить количество распространенной литературы.

Виленской группой передъ 1 мая 1000 экз.. „Къ гражданамъ Россіи“, Ц. К. „Къ русскому пролетаріату“ 400 экз. Его же. „Война противъ войны“ перепечатано на гектографѣ 200 экз. и распространена печатанная Ц. К 300 экз. Болѣе 200 экз. „Пауковъ и Мухъ“ и 100 экз. „Кто чѣмъ живетъ“.

Двинской группой: „Война противъ войны“. „Пауки и Мухи“, „Кто чѣмъ живетъ“, „Къ рабочимъ города Двинска“ 600 экз. на гектографѣ, по поводу безработицы. „Къ гражданамъ Россіи“ 600 экз.

Витебской группой: „Пауки и Мухи“, 600 экз., „Кто чѣмъ живетъ“ 300 экз., „Къ гражданамъ Россіи“ 1000 экз., „Война противъ войны“. Среди крестьянъ 100 экз. „Къ деревенской бѣднотѣ“.

Минской груп. распространены всѣ перечисленныя изданія.

Вся эта литература разбрасывалась и распространялась по рукамъ. Сюда не вошла, конечно, обычная литература, мы пересчитали лишь ту, которая распространялась безъ возврата.

Массовая агитація не ограничилась только листками. Всѣми группами и организаціями, перечисленными ниже, устраивались массовыя собранія, о нѣкоторыхъ изъ нихъ было сообщено въ „Искрѣ“. Не дѣлая подробнаго подсчета числу этихъ собраній, укажемъ только, что они нигдѣ не бывали численностью менѣе 50 человѣкъ, не считая случайныхъ собраній въ 15-20 ч., которыя нѣкоторыми группами проводятся довольно часто. Лишь въ Вильнѣ, въ силу мѣстныхъ полицейскихъ условій, собранія бывали не болѣе, чѣмъ въ 30 ч., за исключеніемъ послѣдняго въ 60 ч. по поводу памятника Екатеринѣ II, о которомъ сообщено въ „Искрѣ“.

Районъ Сѣверо-Западнаго Комитета сильно расширился и въ данный моментъ въ составъ его входятъ слѣдующія группы и организаціи:

Виленская группа — 120 орг. раб., сверхъ того около 200-250 читающихъ литературу. Въ составъ ея входитъ *Сморгонская рабочая организація* — 175 орг. раб.

Минская група — 150 орг. раб., болѣе 200 чит. лит. Въ составъ ея входитъ *Бобруйская группа* — 75 орг. раб.

Витебская группа — 180 организованныхъ рабочихъ, около 150 читающихъ литературу. Въ составъ ея входятъ: *Крестьянская соціальдемократическая организація* — 75 орг. крестьянъ, болѣе 200 читающ. литер. *Невельская рабочая организація* — 35 орг. раб. *Велижская рабочая организація* — 25 орг. раб. *Двинская группа* — 25 орг. раб. *Солокская организація* — 60 орг. раб. Кромѣ того, комитетъ имѣетъ связи въ Ковнѣ, Борисовѣ, Полоцкѣ, Слуцкѣ и другихъ городахъ.

Изъ общаго числа 970 орг. раб. и крестьянъ — еврейскихъ рабочихъ 575 чел., рускихъ, польскихъ и латышскихъ — 320 ч. русскихъ крестьянъ 75 ч.

Широкая массовая агитація въ средѣ еврейскихъ рабочихъ сильно тормозится отсутствіемъ жаргонной литературы и послѣдняя стоитъ на очереди вопросовъ, возникшихъ передъ комитетомъ. Мы выражаемъ свою надежду, что Ц. О. и Ц. К. пойдутъ на встрѣчу *этой насущной необходимости* и постараются создать жаргонную литературу, подобно армянской и грузинской.

Заканчивая нашъ отчетъ, мы выражаемъ полную увѣренность въ возможности тѣсной объединенной работы въ средѣ пролетаріевъ всѣхъ національностей Россіи подъ знаменемъ единой Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Сѣверо-Западный Комитетъ Россійской
Соціальдемократической Рабочей Партіи.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Положеніе, которое Бундъ занялъ по отношенію къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи послѣ его выхода изъ нея, слишкомъ ненормальное. и слишкомъ далеко зашелъ Бундъ въ тупой переулокъ, чтобы найти приличный выходъ изъ своего ложнаго положенія. Неудивительно, поэтому, что для отстаиванія своего дальнѣйшаго права на монополію руководительства еврейскимъ рабочимъ движеніемъ, Бундъ поневолѣ долженъ прибѣгать къ выходкамъ, которыя не всегда можно квалифицировать, даже и не при особенно высокомъ требованіи, какъ корректные и достойные соц.-дем. организаціи пріемы. Тутъ уже „всѣ средства хороши“: можно, когда это требуется, поступаться не только литературными пріемами, но даже этическими и логическими доводами. Но если прегрѣшенія противъ товарищеской этики проходятъ для Бунда часто безнаказанно, то прегрѣшенія противъ логики часто ставятъ его въ положеніе знаменитой унтерофицерской вдовы, и то, что случилось съ этой бѣдной вдовой, случилось и съ бундовскимъ корреспондентомъ изъ Минска въ № 199 „Посл. Извѣстій“.

Дѣйствительно, полюбуйтесь логикой. Минскій комитетъ Бунда рѣшилъ сорганизовать стачку по поводу бѣлостокской рѣзни, но не счелъ нужнымъ войти по этому поводу въ переговоры съ „организаціей „Искры“, „такъ какъ они здѣсь составляютъ такую микроскопическую величину, которая не въ состояніи сколько-нибудь увеличить силу и значеніе какого-нибудь революціоннаго предпріятія“. Кажется, ясно, что если „они составляютъ здѣсь такую микроскопическую величину“, то и говорить о нихъ не приходится, а тѣмъ болѣе печатать протестъ противъ нихъ, да еще курсивомъ. Къ чему же тогда всѣ эти разглагольствованія относительно того, что „искровскіе“ рабочіе отказались принимать участіе въ забастовкѣ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, „что мы по этому поводу не вошли въ переговоры съ ихъ группой“. Понятно, что если рабочіе принадлежатъ къ одной соціальдемократической организаціи, то они могутъ отозваться на призывъ другой соціальдемократической организаціи только тогда, когда вторая вошла по этому вопросу въ переговоры съ первой; но непонятно, почему бундовскій комитетъ, смотря на минскую организацію „искровцевъ“, какъ на „слишкомъ микроскопическую“ величину, чтобы считаться съ ней, все-таки считается съ ней на страницахъ своихъ „Послѣднихъ Извѣстій“. Да и это, собственно, понятно. Надо только умѣть стать на точку зрѣнія бундовскаго корреспондента и принять во вниманіе ту цѣль, которая преслѣдуется подобными корреспонденціями; а цѣль подобныхъ корреспонденцій можетъ быть только одна — это очернить организацію Партіи. На это, однако, не удалось. Всякому ясно, что „искровскіе“ рабочіе иначе поступить не должны были, разъ бундовскій комитетъ не вошелъ предварительно въ переговоры съ той организаціей, къ которой они принадлежатъ, и, стало быть отвѣтственность за этотъ печальный фактъ лежитъ исключительно на представителяхъ бундовскаго комитета.

Да и что, на самомъ дѣлѣ, могло удержать комитетъ отъ того, чтобы переговорить съ „группой „Искры“? Неужели только „микроскопичность“ организаціи? Да, вѣдь, это ложь, явная ложь, и это заявляетъ самъ корреспондентъ своимъ протестомъ противъ „группы“, этой „микроскопической группы“. Нѣтъ, здѣсь дѣло не въ „микроскопичности“, а въ преднамѣренномъ стремленіи бросить тѣнь на организацію Партіи.

Какъ бы тамъ ни было, но этотъ фактъ имѣлъ мѣсто. Надо полагать, что при дальнѣйшей такой политикѣ Бунда, при продолженіи отстаиванія за собой права монополіи на руководительство еврейскимъ рабочимъ движеніемъ, площадь тренія между бундовскими комитетами и Польскимъ и Сѣверо-Западнымъ комитетами, съ постепеннымъ развитіемъ послѣднихъ, все будетъ увеличиваться и каждый разъ будутъ вызываться подобные печальные факты. Пора, наконецъ, Бунду, въ интересахъ пролетаріата, бросить приходскую политику и свыкнуться съ мыслью, что Рос. Соц.-Дем. Раб. Партія, раньше или позже, но укрѣпится въ сѣв.-западномъ краѣ, а такое отношеніе Бунда къ Партіи, какого онъ теперь придерживается, должно повести къ крайней дезорганизаціи рабочихъ, къ розни между пролетаріатомъ обѣихъ организацій. Пора объ этомъ подумать бундовскимъ комитетамъ и перемѣнить свою тактику.

Бывшій членъ Минской группы. Л — дъ.

Агитація противъ войны: Сѣверн. Ком. изданы листки: „Святая скотина“ (5000 экз.) и „Къ запаснымъ“ (5000 экз.); **Кіевск. Ком.:** „Гдѣ нашъ врагъ?“ (къ мобилизуемымъ объ еврейск. погромахъ 6000 экз.), „Къ запаснымъ“ (6000 э.) и „Ко всѣмъ рабоч. и работн.“ (о волненіяхъ запасныхъ въ Каневѣ) — въ 6000 экз.; **Саратовск. Ком.:** брошюра „О войнѣ“. **Сарат.** группой „Своб. слово“: 4 листка къ запаснымъ. **Елисаветград.** организаціей — переизданы листки „Искры“: „Кто долженъ побѣдить?“ 2000 экз.). „Пора“ (2000 э.), „Кому помогать?“ (1000 экз.) и листки Ц. К.: „О мобилизаціи“ (2000 экз.), „Новая мобилизація“ (2000 экз.), „Портъ-Артуръ и Ляоянъ (2000 экз.); сверхъ того „Громъ побѣды, раздавайся!“ (500 экз.) и мѣстный листокъ „О мобилизаціи“ (2000 экз.). **Екатеринославск. Ком.** переизданъ въ 7000 экз. листокъ „Искры“ — „Ко всему рабочему народу“. **Бакинск. Ком.** изданы: листки „Искры“ — „Жертвуйте, русскіе люди“ (3500 э.); „Что даетъ война рабочимъ?“ (3000 экз. на русск. и арм. яз.); „Ко всѣмъ“ (4000 экз. на русск. и арм. яз.); „Съ театра войны“ (3000 экз. на русск. и арм.“); „По поводу мобилизаціи“ (8000 экз. на русск. и арм.); „Письмо японскихъ соціалистовъ“ и „По поводу письма японск. соц.“ (по 3000 экз. на рус. и арм.). **Имеретинско-Мингрельскимъ Ком.** изданъ листокъ: „Къ солдатамъ“ (2000 экз.)

Изданы: Кіевск. Ком.: „Летучій Листокъ“ (мѣстн. газетка) № 1 (1500 экз.) и „Къ новобранцамъ“ (1000 экз.). **Харьковск. Ком.** — Листокъ по поводу избіенія демонстрантовъ 1 ноября.“ **Екатеринославск. Ком.:** „Къ новобранцамъ“. **Воронежск. Ком.:** „Къ новобранцамъ“ и „Къ рабочимъ г. Воронежа“ (по поводу стачки въ ж.-д. мастерскихъ). **Саратовской** группой „Своб. Слово“, кромѣ 3 №№ газеты подъ тѣмъ же именемъ, выпущены листки: 1) „Къ обществу“, 2) „Къ портнымъ“, 3) „Къ рабочимъ“ (о 8-часовомъ раб. днѣ). **Сѣвернымъ Ком.:** „Къ рабочимъ Вахромѣева въ Ярославлѣ“ (800 экз.) и листокъ о полицейскихъ насиліяхъ (100 экз.) **Бакинск. Ком.:** „По поводу холеры“ (1000 экз. на русск. и арм. яз.), „Жертвы политики національн. травли“ (600 экз. на рус. и арм. яз.). „Революціонныя пѣсни“ (2000 экз.). „Къ рабочимъ Олеума“ (300 экз.). „Къ рабочимъ Манташева“ (600 экз. на русск. и арм.), „Къ приказчикамъ г. Баку“ (400 экз.), „Бюллетень Бѣлгородскаго район. ком.“ (500 экз.). **Мингрельско-Имеретинскимъ Ком.:** листки о вооруженномъ нападеніи на конвой 6 іюля (2000 экз.), „Къ рабочимъ завода Серебрякова“ (1000 экз.), „О тюремныхъ условіяхъ“ (1000 экз.). „Къ ецерскимъ крестьянамъ“ (600 экз.), „Къ гражданамъ“ (3500 экз.). „Къ новобранцамъ“ (3000 экз.), „Программа-минимумъ“ (2000 экз. — всѣ на грузинск. языкѣ). **Кубанск. Ком.** листки: „Къ раб. зав. Гусника“ и „Къ раб. барона Штейнгеля“. **Одес. Ком.** „Новый министръ“ (8000 экз.). **Кіевск. Ком.:** „Разрушенныя мечтанія либераловъ“ (8000 экз.) и „Мы требуемъ народнаго правленія“ (10.000 экз.).

Уральскій Ком. въ теченіе августа и сентября распространилъ по своему району листки: „Къ запаснымъ рядовымъ“ (изд. Ц. К.) — 1200 экз., „Правдивое слово министра финансовъ“ (тоже — 800 экз.); 3) Парвусъ. „Война и революція“ — 300 экз.; сверхъ того №№ 59 и 60 „Искры“ (по 200 экз.), брошюру „Какъ праздновали 1-е мая въ Россіи въ 1903 г.“ (изд. Сибирск. Союза — 200 экз.), брошюры: Каутскаго, Соціальная революція; Милитаризмъ и рабочій классъ; Мартовъ: „Рабочее дѣло въ Россіи“ и другія.

Группой соц.-дем. дальняго сѣвера выпущенъ № 4 листка „Что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ?“ (100 экз.), „Къ учащимся“ (120 экз.) и „Банкротство самодержавія“ (120 экз.)

Вышли новыя брошюры: Ж. Лонгэ: „Соціализмъ въ Японіи“, съ предисл. В. Засуличъ. **Машицкій:** „Въ огнѣ“, повѣсть, **Матеріалы** къ Якутск. процессу (рѣчи адв. Заруднаго и обвиняемыхъ Розенталя, Израильсона и Н. Кагана, особое мнѣніе чл. суда Соколова и др.). Вышелъ № 2 „Соціаль-демократа“. Ноябрь. (Содержаніе: „Рабы взбунтовались“. — „Знаніе — сила.“ — „Война“. — „Обо всемъ понемногу“. — Политическое обозрѣніе. — „Рабочее движеніе въ Россіи.“ — „Какъ вѣнскіе рабочіе отстояли свою честь“. — Фельетонъ: „Царь послѣдышъ“).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Екатеринославъ. Въ началѣ ноября взятъ съ транспортомъ (4 пуда) Соломонъ Гаденко. Изъ тюрьмы освободили взятаго съ транспортомъ Гиршу Мозера, кожевенника, в Жмудичу. Изъ здѣшней тюрьмы бѣжалъ въ октябрѣ Зейдманъ, взятый въ типографіи соц.-рев., но снова былъ арестованъ. **Таганрогъ.** Здѣсь арестованъ австрійскій подданный графъ Подольскій, свободный художникъ Захаревичъ, одна дѣвица и офицеръ — двоюродный братъ Подольскаго. Обвиняются въ принадлежности къ военно-революціонной организаціи. При арестѣ у Подольскаго, взято много чертежей, подозрѣваютъ, что это планы дворцовъ. Въ гостинницѣ, гдѣ онъ жилъ, долгое время служилъ, въ качествѣ лакея, (!) жандармскій полковникъ. **Херсонъ.** Въ сентябрѣ здѣсь арестованъ рабочій Маркусъ Адамовъ при разброскѣ прокламацій. **Пермь.** 10 сентября взяты: Мухачевъ, Францевъ (мальчикъ лѣтъ 15-ти) и еще 2—3 человѣка. Тогда-же въ **Нижне-Тагилѣ** арестованы зубной врачъ Залкиндъ съ мужемъ, а въ **Екатеринбургѣ** арестованъ одинъ человѣкъ на улицѣ (по пермскому дѣлу). Въ началѣ 1905 г. предстоитъ судъ надъ взятыми въ разное время, въ теченіе прошлаго года, пермяками, а въ февралѣ будетъ разбираться дѣло покойнаго „союза с.-д. и с. р.“ („дѣло о незаконномъ сожительствѣ“, какъ здѣсь выражаются). **Челябинскъ.** 22 сентября арестованы слесарь Емельяновъ и столяръ Семеновъ. **Петербургъ.** 27 сентября за Невской заставой арестована служащая въ библіотекѣ Поповой А. Покровская (Игнатьева) и ея мужъ А. А. Покровскій. Кромѣ процесса типографіи „Союза борьбы“, здѣсь-же разбирались два политическихъ дѣла: о типографіи группы „Рабочій“ и о перевозкѣ литературы. **Смоленскъ.** Здѣсь въ тюрьмѣ сидятъ по дѣлу о сходкѣ: рабочіе Леонтьевъ, Лебедевъ, Берестинскій и Григорьевъ; гимназистъ Анатолій Медвѣдковъ (по дѣлу о, якобы, террористической организаціи). Въ Вяземской тюрьмѣ сидитъ Ник. Медвѣдковъ, въ Сычевской — Степанъ Биценко. **Ярославль.** Въ октябрѣ арестованъ рабочій Иванъ Кузнецовъ (600 прокл.), рабочій Романовъ и еще 12 лицъ. Позднѣе взяты студентъ-лицеистъ Колосовскій, г-жа Либерманъ; былъ обыскъ въ статистикѣ. Въ концѣ октября были обыски у врача Берлацкой, Маневичъ, у студента Чистякова и еще у 14 студентовъ. 10 ноября въ губерн. земск. управѣ служителями вскрытъ пакетъ изъ-заграницы, присланный на имя земскаго агронома. Въ немъ оказались „Искра“ и „Соц.-демократъ“. Членъ управы *Мусинъ-Пушкинъ* представилъ добычу губернатору, который, по слухамъ, обрадовался „Соц.-Дем.“, какъ новинкѣ. **Шуя.** 27 ноября здѣсь судится рабочій Новиковъ по 129 ст. **Варшава.** 11 октября высланъ въ Вятскую губ. Игн. Музиль, отбывшій по приговору годичное тюремное заключеніе. **Архангельскъ.** 20 сент. были обыски: у ссыльной Чеховской (Р. Р. S.), въ началѣ октября — въ модной мастерской Петровой (по приказу изъ Вологды). Въ Холмогорскомъ уѣздѣ возбуждено дѣло противъ ссыльныхъ Толмачева и Львовой (распространеніе прокламацій). Въ Шенкурскѣ — противъ Королева и еще одного (за „вооруженное сопротивленіе“). **Житоміръ.** Арестов. Иванъ Квасницкій (студ. Кіевск. унив., 2-й разъ). Освобождены: подъ залогъ въ 500 рублей К. Рикъ (быв. студ.) и рабочій Быкъ (оба по дѣлу Житом. орган.).

Предостереженіе. Въ Кишиневъ прибылъ извѣстный шпіонъ Василій *Осипчукъ*, о которомъ писалось въ „Посл. Изв.“ и „Рев. Рос.“. Примѣты его: малороссъ, средняго роста, плечистъ, волосы черные, коротко стриженные, носитъ длинные усы. Лицо монгольскаго типа.

Побѣги. Изъ Сибири бѣжала *Синева*, сосланная на поселеніе по дѣлу Нижегородск. демонстр. 1902 г. и недавно выпущенная изъ Канской тюрьмы, гдѣ просидѣла 6½ мѣс. по доносу предателя и ренегата Михайлова (осужд. по тому же дѣлу; нынѣ служитъ въ охранѣ). Изъ Архангельск. губ.: Конь (дѣло „Рабочей мысли“) и раб. Макруевъ (дѣло Саратов. соц.-дем.).

Къ свѣдѣнію товарищей. Послѣ самой тщательной провѣрки всѣхъ слуховъ о провокаціи, болѣе года волновавшихъ юзовскихъ товарищей, *Юзовская группа Донецкаго комитета* настоящимъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что всѣ слухи, указывавшіе, какъ на провокаторовъ, на товарищей, работавшихъ здѣсь подъ кличками Леонида, Николая, Маши и Самуила, совершенно ложны.

Дѣйствительнымъ провокаторомъ, жертвами котораго, между прочимъ, стали и вышеупомянутые товарищи, состоитъ **Гавріилъ Евдокимовъ**, слесарь центральной шахты Новороссійскаго Общества въ Юзовкѣ, значащійся въ книгахъ юзовской полиціи, какъ „секретный агентъ № 4.“

Справками въ первоисточникахъ и выслѣживаніемъ его несомнѣнно установлено, что болѣе 50 товарищей и болѣе десяти тысячъ экземпляровъ нашихъ изданій выдано имъ полиціи.

Его примѣты: выше средняго роста, брюнетъ, открытое, широкое лицо, на первый взглядъ, производящее хорошее впечатлѣніе (русскій простякъ, съ душой на распашку, маленькіе усики, бороду брѣетъ), коренастъ, голосъ низкій, нѣсколько грубоватый, походка слегка размашистая, любитъ выпивать. Человѣкъ семейный. Живетъ на 15-ой линіи, домъ № 2.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Насъ просятъ напечатать о полученіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ изъ Berrиса 134,65 fr. за литературу, 145,75 — сборъ съ предпріятія, 27,00 — сборъ по подписнымъ листамъ, 85,05 — сборъ на устройство побѣга.

Кременчугъ. Повторите: невозможно разобрать.

Отчетъ кассы „Коммиссіи по изданію партійной соціальдемократической литературы на армянскомъ и грузинскомъ языкахъ“ съ 1 октября по 20 ноября.

Армянская касса: Б-нъ — 105 фр.; картины — 47 фр. 25 с.; книги — 5 фр.; подп. листъ — 5 фр. 75 с.; мѣс. взносы — 41 фр.; изъ армянской деревни черезъ Кавк. Союзъ — 133 фр.; Итого 337 фр.

Грузинская касса: изъ Парижа 67 фр. (въ томъ числѣ 62 фр. сборъ съ реферата тов. Невзорова и 5 фр. отъ бывш. студ.).

Вышло на армянскомъ: К. Марксъ — Наемный трудъ и капиталъ — ц. 50 с.

Печатается: Л. Мартовъ — Рабочее Дѣло въ Россіи (на груз.); Гэдъ и Лафаргъ — Чего хотятъ соціальдемократы? (на армянск.).

Адресъ для всякого рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной „Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“).

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

---

[1]) Мы не говоримъ о *постоянной* выполнимости общихъ собраній и часто сами проводимъ чисто русскія и чисто жаргонныя собранія.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 79. 1-го декабря 1904 г. Годъ IV.

РАБОЧІЙ КЛАССЪ И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

22 ноября въ первый разъ сообщено на столбцахъ легальной печати принятое на легальномъ собраніи („банкетъ представителей интеллигентныхъ профессій въ С.-Петербургѣ“, въ количествѣ 676 челов.) требованіе „*немедленнаго созыва учредительнаго собранія изъ представителей всего населенія Россійскаго государства*“, требованіе, которое, будучи нѣкогда выставлено въ письмѣ Исполн. Ком. Народн. Воли Александру III, было — первою изъ нынѣ дѣйствующихъ политическихъ партій — введено въ свою программу партіей россійскаго пролетаріата, въ противовѣсъ, такъ легко прикрывавшей собою реакціонно славянофильскія мечтанія, стереотипной формулѣ „земскаго собора“. Выдвинутая нашей партіей, формула *революціоннаго* преобразованія существующаго режима становится, воистину, популярнымъ требованіемъ, и этотъ фактъ можетъ служить симптомомъ того политическаго вліянія, которое *уже* можетъ оказывать русская соціальдемократія на ходъ буржуазной революціи.

Революція! Это слово у многихъ на устахъ въ эти яркіе дни всеобщаго политическаго возбужденія; но многіе ли могутъ сказать, что оно у нихъ не только на устахъ?

Воспитанное въ эпоху политическаго маразма, характеризующаго западно европейское общество послѣдней четв. 19 вѣка, наше поколѣніе „забыло“ о другихъ формахъ побѣды развивающагося буржуазнаго строя надъ старымъ государственнымъ порядкомъ, чѣмъ тѣ формы *политическаго компромисса*, которыми для Германіи и Австріи — нашихъ ближайшихъ сосѣдокъ — окончился процессъ ихъ буржуазной „европеизаціи“. По мѣрѣ того, какъ на „Западѣ“ буржуазная *революція* становилась „забытымъ словомъ“ юности увядающаго класса, а мечта о близкой „соціальной революціи“ *на Востокѣ* разбивалась о дѣйствительность россійскаго капитализма, — въ русской прогрессивной интеллигенціи все больше укрѣплялась увѣренность, что сословно-бюрократическій абсолютизмъ нашихъ дней, „мирно“ или подъ вліяніемъ натиска снизу, смѣнится болѣе или менѣе „австрійскимъ“ видомъ приспособленнаго къ нуждамъ буржуазнаго общества государственнаго порядка.

Время *буржуазныхъ* революцій миновало, да здравствуетъ революція *народная!* говорилъ семидесятникъ, мечтая „перескочить“ изъ абсолютизма въ „царство труда“. Время буржуазныхъ революцій миновало, да здравствуетъ буржуазная *реформа!* говорилъ современный русскій демократъ.

Дѣйствительность, казалось, оправдывала этотъ отказъ отъ революціи. Мощная сила міроваго капиталистическаго развитія властно диктовала правящимъ классамъ отсталыхъ „восточныхъ“ странъ необходимость преобразованія на европейскій ладъ главныхъ функцій общественной организаціи — иначе этимъ странамъ грозилъ полный упадокъ. „Добровольное“ приспособленіе государственныхъ и правовыхъ учрежденій къ потребностямъ капитализма казалось для нихъ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ воздѣйствія могущественнаго всемірно капиталистическаго организма на новыя страны, а тихое политическое прозябаніе основаннаго на этомъ компромиссѣ конгломерата новыхъ и старыхъ соціальныхъ силъ — тѣмъ удѣломъ, который ждетъ эти страны-падчерицы исторіи — вплоть до момента міровой пролетарской революціи. И въ то же самое время общества „новыхъ странъ“, стихійно стремящіяся сбросить съ себя сословно абсолютистскія цѣпи, окутывала все болѣе и болѣе густая атмосфера *идейно-политической реакціи*, несшаяся изъ того самаго „Запада“, который своимъ экономическимъ движеніемъ революціонизировалъ общественную структуру „Востока“. Эта реакціонная атмосфера заражала своими міазмами и нарождавшіяся соціальныя силы нашего Востока. Въ этихъ міазмахъ гибли зародыши истинно революціонныхъ проявленій буржуазной эмансипаціи въ Россіи, прежде чѣмъ успѣвали развиться въ дѣйствительно освободительное историческое движеніе.

Но эти именно обстоятельства — идейное вліяніе буржуазной реакціи, дѣлавшее зажившійся у себя на родинѣ царизмъ, въ качествѣ ея „*послѣдняго оплота*“, политической необходимостью, и обусловленный той же реакціей сдавленный и безъидейный характеръ эмансипаціонныхъ стремленій русской буржуазіи — эти же обстоятельства отсрочивали все дальше и дальше наступленіе того момента, когда сознаніе неизбѣжной ликвидаціи своего собственнаго неограниченнаго господства должно было овладѣть самими представителями царистскаго режима. Опираясь на западно-европейскую буржуазную реакцію и безъ особеннаго труда справляясь съ собственной оппозиціей, царизмъ могъ откладывать, казалось, до безконечности, уплату по предъявленному ему исторіей векселю. Но именно потому, что онъ могъ ее отсрочивать, задача, безъ разрѣшенія которой Россія не могла спастись отъ полнаго упадка, становилась все сложнѣе и запутаннѣе. Чудовищное несоотвѣтствіе между правовой формой и соціальнымъ содержаніемъ требовало, для сохраненія политическаго равновѣсія, такихъ средствъ, которыя своими неизбѣжными послѣдствіями дѣлали все болѣе утопичной мысль о „мирномъ“ преобразованіи государственнаго режима. Каждая новая отсрочка накопляла новыя противорѣчія, требовавшія радикальныхъ реформъ, посягающихъ на привиллегіи и коренные интересы правящей клики. Реформа сверху становится все болѣе невѣроятной, революціонное преобразованіе снизу все болѣе необходимымъ, какъ единственное рѣшеніе запутаннаго вопроса.

Въ то же время исторія создавала общественную силу, способную выйти изъ того тѣснаго круга, въ которомъ заключено было политическое движеніе слишкомъ поздно явившейся русской буржуазіи. Въ нѣдрахъ неспособнаго къ революціонному самоосвобожденію отъ абсолютизма буржуазнаго общества назрѣвали новаго типа соціальныя противорѣчія — пролетаріатъ начиналъ свою классовую борьбу. Его политическое развитіе не сдавливалось идейными вліяніями европейской буржуазной реакціи; напротивъ, міровая пролетарская борьба противъ этой реакціи несла ему революціонные импульсы. Въ русской дѣйствительности оказывалась на лицо сила, способная, безъ оглядки назадъ, проникнуться, *какъ классъ*, тѣмъ революціоннымъ самозабвеніемъ, безъ котораго немыслима активная роль въ коренномъ общественномъ переворотѣ; сила, способная неуклонно толкать впередъ все общественное движеніе и активно революціонизировать общественную атмосферу. Всякій знаетъ, какъ русскій рабочій классъ выполнилъ эту роль въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ, въ ходѣ его классоваго движенія и подъ его вліяніемъ, постоянно разстраивалось политическое и соціальное равновѣсіе существующаго порядка и складывались въ политическія партіи неоформленныя массы создаваемыхъ процессомъ общественнаго развитія антагонистовъ царизма. Рабочее движеніе клиномъ врѣзалось въ русскую политическую дѣйствительность, необычайно расширяя площадь враждебнаго соприкосновенія интересовъ современнаго буржуазнаго общества съ сословно-бюрократическимъ государствомъ и обостряя ихъ конфликты, заставляя самодержавіе усиливать агрессивный, т. е. анти-буржуазный, анти-культурный характеръ своей консервативной политики и побуждая либерально-демократическую буржуазію стремиться расширить содержаніе своего движенія до размѣровъ задачи *народнаго* освобожденія. Самый характеръ реакціонной политики вынуждалъ къ этому либерально-демократическую буржуазію, противъ которой — какъ и противъ всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ — царизмъ въ послѣдніе годы тщился мобилизовать самыя широкія массы пребывающихъ въ темнотѣ соціальныхъ „низовъ“. Знаменательная „зубатовская“ манифестація 19-го февраля 1902 года въ Москвѣ, кишиневско-гомельскіе эксперименты антисемитовъ, одесская всеобщая стачка (въ ея первой стадіи) и, наконецъ, „патріотическія“ манифестаціи начала нынѣшняго года должны были ясно доказать всѣмъ и каждому, что вопросъ о политическомъ будущемъ Россіи уже не можетъ рѣшаться *безъ* участія народныхъ массъ, что, слѣдовательно, сторонники общественнаго прогресса не могутъ разсчитывать на благопріятный исходъ своихъ попытокъ, если не съумѣютъ развить свое маленькое либеральное дѣло до размѣра *національной политической задачи*, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. И запутавшееся, въ ходѣ борьбы съ революціонной „крамолой“, въ сѣтяхъ своей собственной политики, самодержавное правительство словно умышленно спѣшило *навязать* своему либеральному врагу этотъ революціонный выводъ. Наступилъ Японскій разгромъ и лозунгъ — „не реформы, а реформа“ отмѣтилъ въ либеральномъ „обществѣ“ первый проблескъ сознанія того маленькаго факта, что и на „Востокѣ“ исторія движется порою „скачками“.

Буржуазная революція стала возможной перспективой для Россіи *потому*, что еще въ нѣдрахъ сословно-полицейскаго строя въ ней зародилось враждебное буржуазіи классовое движеніе *пролетаріата*.

⁂

Оппозиціонная буржуазія вступаетъ въ медовый мѣсяцъ своего революціоннаго опьяненія, когда демократы сознаютъ себя соціалистами, либералы — демократами, слабохарактерные представители бюрократіи — либералами, скромные реформисты — революціонерами. Въ этомъ, только еще начинающемся, хаосѣ „всеобщаго братанія“ какъ не потерять голову трезвому, разсудительному сыну „упадочной эпохи“, „идеалисту“ въ философіи и „реалисту“ въ политикѣ, человѣку съ „фаустовскими“ стремленіями въ груди и Вагнеровской степенностью въ поступкахъ, словомъ, редактору-издателю „Освобожденія“?

Возражая своему единомышленнику, г-ну Nemo, желающему убѣдить г. Струве въ необходимости для конституціоналистовъ „расширить предѣлы освободительнаго движенія“, выставивъ на своемъ знамени всеобщее избирательное право, — редакторъ „Освобожденія“ (№ 58) увѣряетъ, что г. Nemo „ломится въ открытую дверь“, ибо „освобожденцы“ уже усвоили себѣ „необходимость энергичной борьбы за демократическій характеръ политической реформы Россіи“. Но „демократическій характеръ политической реформы“ — это, казалось бы, для *современной* Россіи означаетъ полную, всестороннюю, послѣдовательную буржуазную революцію — самодержавіе народа на мѣсто самодержавія царя, свободную республику на мѣсто сословно-бюрократическаго полицейскаго государства? Но нѣтъ! Для г. Струве вопросъ стоитъ иначе. Не *довести до ея логическаго конца* буржуазную революцію желаетъ онъ, а *наиболѣе вѣрнымъ способомъ остановить ее на полпути*. Не развить до положеннаго имъ исторіей предѣла революціонную энергію общественныхъ силъ, подлежащихъ политическому руководству „либерально-демократической партіи“, а обозначить напередъ предѣльный пунктъ ихъ развитія; аппелировать не къ неумолимой логикѣ историческаго развитія, а къ логикѣ нынѣшнихъ „господъ жизни“, къ ихъ политическому разсчету. „При самодержавіи, — говоритъ г. Струве, — Россія находится въ состояніи скрытой... но разростающейся вглубь и вширь хронической революціи, которая неизбѣжно перейдетъ въ острую форму, если не будетъ предпринята крупная реформа. *Маленькая* конституція можетъ, или, вѣрнѣе, должна сейчасъ же породить дальнѣйшее политическое движеніе, которое, въ случаѣ упорства правящихъ классовъ, *неизбѣжно приведетъ къ большой революціи*... Для русской монархіи своевременный и открытый компромиссъ съ демократическимъ конституціонализмомъ есть прямо таки вопросъ существованія“...

Буржуазный мыслитель не можетъ не попытаться заткнуть всѣ дыры созданнаго его представленіемъ общественнаго мірозданія своимъ „идеалистическимъ“ колпакомъ („если бы въ современной русской монархіи выдвинулся крупный, дальновидный реформаторъ, онъ...“ и т. д.); навѣки развращенный двойной школой оппортунизма — бернштейніанствомъ и „идеализмомъ“ — онъ не былъ бы вѣренъ самому себѣ, если бы не потщился запрудить могучій потокъ историческаго движенія самыми противуестественными изъ „своевременныхъ и открытыхъ компромиссовъ“; онъ не былъ бы рабомъ выпестованнаго имъ дѣтища — союза земцевъ съ демократіей — если бы не жаждалъ такой „большой“ конституціи, которая вернула бы ему былую увѣренность въ невозможности самой маленькой революціи. Но — hic Rhodus, hic salta! — говоритъ идеологу буржуазіи современная русская дѣйствительность. Съ народомъ или противъ него? или, — что то же, — за революцію или противъ нея, выбора нѣтъ, и если сегодня *даже* Струве видитъ, что слишкомъ поздно мечтать о „безболѣзненномъ“ переходѣ отъ русскаго абсолютизма къ австрійской олигархіи, то *завтра* даже Гейдены должны будутъ понять всю утопичность надежды на переходъ къ „бисмарковской демократіи“. Ибо ничто иное, какъ уродливый германскій полу-абсолютизмъ, механически соединенный со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, представляетъ собою тотъ „своевременный компромиссъ“, который грезится нынѣ музѣ „Освобожденія“; только въ *такой* формѣ можетъ реализоваться сосуществованіе нынѣ господствующихъ реакціонныхъ силъ съ конституціонными правами *всего* народа. И это — идеалъ вождя нашей „либерально-демократической партіи“! Это предѣлъ, который онъ пытается поставить освободительному движенію представляемаго имъ класса! Странное, но знаменательное ослѣпленіе: г. Струве позабылъ, что именно *этотъ* „своевременный компромиссъ“ въ Германіи, если и отсрочилъ „большую революцію“ до того момента, когда пролетаріатъ *одинъ* сможетъ ее совершить *противъ всего буржуазнаго общества*, то онъ же, прежде всего, *похоронилъ буржуазную демократію*, какъ таковую... Нечего и говорить, что намѣчаемый г. Струве новый „компромиссъ“ не разрѣшитъ тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя исторія накопила ко дню ликвидаціи царизма и въ выполненіи которыхъ заключается сущность предстоящей „реформы“. Онъ не можетъ удовлетворить самыхъ жгучихъ потребностей народныхъ массъ, а, слѣдовательно, не остановитъ „дальнѣйшаго политическаго движенія“. Онъ не разрѣшитъ вопроса о „сверхштатномъ“, съ точки зрѣнія законовъ буржуазнаго общества, голоданіи и вымираніи русскаго крестьянства, онъ не разрубитъ Гордіева узла національныхъ вопросовъ, онъ не эмансипируетъ окончательно „иновѣрное“ населеніе отъ средневѣковья православной церкви. И, прежде всего, онъ, этотъ компромиссъ, разобьется о *сознательную борьбу русскаго пролетаріата*.

Главный двигатель и центральная фигура надвигающейся буржуазной революціи, русскій пролетаріатъ не можетъ, — если бы даже „захотѣлъ“, если бы даже его убѣдили недальновидные вожди, — остановиться на полдорогѣ въ дѣлѣ историческаго разрушенія „до-буржуазныхъ“ формъ общежитія. Онъ не можетъ допустить никакого „своевременнаго компромисса“ между историческимъ прошлымъ и вылупляющимся будущимъ, потому что всякій такой компромиссъ будетъ оплаченъ *имъ*, потому что всякій такой компромиссъ будетъ совершенъ на счетъ его политическихъ правъ или сверхсмѣтныхъ матеріальныхъ лишеній. Гонимый впередъ развитіемъ историческаго процесса, онъ не можетъ остановиться въ ломкѣ существующаго на томъ пунктѣ, гдѣ того бы хотѣла та или другая фракція оппозиціонной буржуазіи: потому что всякая такая остановка для него, несущаго главное бремя разрушительной работы, означаетъ шагъ назадъ по направленію къ полному безправію и матеріальному вырожденію. Силой вещей пролетаріатъ толкается къ противодѣйствію всякимъ попыткамъ остановить революціонное развитіе, и когда это стихійное противодѣйствіе не озаряется отчетливымъ сознаніемъ своихъ историческихъ задачъ, оно неизбѣжно выливается въ *революціонную утопію*, въ попытку *обойти* путь историческаго движенія, въ попытку предъявить *буржуазной* революціи невыполнимыя для нея требованія. Но если развитіе классовой борьбы русскаго пролетаріата сдѣлало возможной въ Россіи буржуазную революцію, то развитіе его классоваго *самосознанія* и его организація вокругъ соціальдемократическаго знамени сдѣлали маловѣроятнымъ для него этотъ трагическій исходъ его борьбы противъ измѣнническихъ попытокъ буржуазіи предать дѣло своей собственной революціи. Подъ руководствомъ соціальдемократіи, русскій пролетаріатъ отстоитъ дѣло буржуазной революціи отъ всякихъ попытокъ погубить его „своевременными компромиссами“. Воздѣйствуя на буржуазную оппозицію силой своего вліянія на *народныя массы*, силою своей сплоченности и *самостоятельностью* своей политической позиціи, сознательный пролетаріатъ, группируя вокругъ себя въ своихъ политическихъ выступленіяхъ всѣ, въ данный моментъ *еще не* удовлетворенные соціальные элементы и, подчиняя ихъ своему руководству, тѣмъ самымъ двигаетъ впередъ развитіе буржуазной „реформы“ за предѣлы, которые ей ставятся и будутъ еще ставиться вкусившими отъ древа познанія ранними провозвѣстниками будущихъ измѣнъ либеральной демократіи. Соціальныя силы, которымъ предстоитъ сыграть активную роль въ предстоящемъ „преобразованіи“ еще только начинаютъ выходить на политическую арену, драма буржуазной революціи еще только начинаетъ развертываться; почти не слышно крестьянства, молчатъ милліоны сектантовъ, слабы голоса задавленныхъ царизмомъ національностей. Только дѣйствительно-революціонная программа внесетъ единство и планомѣрность въ процессъ пробужденія этихъ стихій. И эту программу, которая не можетъ не быть программой *полнаго, всесторонняго и послѣдовательнаго развитія буржуазной революціи*, дастъ соціалистическій пролетаріатъ. Во имя этой программы, онъ будетъ толкать впередъ буржуазное общество въ цѣломъ въ его борьбѣ съ царизмомъ; во имя ея, онъ будетъ раскалывать это общество всякій разъ, какъ тѣ или иныя его фракціи, найдя удовлетвореніе своимъ *частнымъ* интересамъ въ томъ или иномъ „своевременномъ компромиссѣ“, будутъ въ своей политикѣ идти въ разрѣзъ съ *общими* интересами буржуазнаго развитія.

Во имя этой революціонной программы, пролетаріатъ *сегодня* выдвигаетъ требованіе прекращенія войны и созыва всенароднаго учредительнаго собранія. Подхватываемыя широкой оппозиціонной массой, навязываемыя ею ея умѣреннымъ вождямъ, эти требованія уже сыграли видную роль въ дѣлѣ *обобщенія* революціонной борьбы противъ царизма, въ дѣлѣ углубленія пропасти между нимъ и его врагами. Мы уже добились того, что *противъ* всенароднаго характера учредительнаго собранія никто изъ буржуазной оппозиціи не рѣшается открыто выступить; мы постараемся добиться и того, чтобы вся она сочла необходимымъ поддержать его. И въ дальнѣйшемъ развитіи событій пролетаріатъ сумѣетъ провести свою революціонную линію. Прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія закончатъ *прологъ* революціи. Послѣдовательная, сверху до низу, *демократизація* государственнаго строя, осуществляющая самодержавіе народа и полноту гражданскихъ свободъ индивидуума; коренная ломка аграрныхъ отношеній, наносящая смертельный ударъ кабальнымъ порядкамъ и „первенствующему сословію“; революціонно-демократическое рѣшеніе „національныхъ вопросовъ“, — по *этой* линіи будетъ направлять общественное преобразованіе сознательный пролетаріатъ. И на этомъ пути онъ смететъ, какъ бутафорскую ветошь, жалкія постройки „своевременныхъ компромиссовъ“.

ОБЪЕДИНЕНІЕ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Очередная задача — политическое освобожденіе Россіи — встала во весь свой ростъ, во всей своей ясности, во всей принципіальной простотѣ и фактической сложности. И тотъ вопросъ, который она поставила передъ всѣми стекающимися подъ освободительное знамя партіями и группами, этотъ вопросъ требуетъ ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ.

По мѣрѣ того, какъ даются эти отвѣты, все яснѣе и яснѣе изъ пестраго конгломерата столь многочисленныхъ „направленій“ выступаютъ на нашихъ глазахъ сравнительно простыя архитектурныя линіи соціальнаго строенія. Традиціонныя идеологическія облаченія, вчера еще раздѣлявшія разныя группы, падаютъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, и родственныя души, впервые сбросившія покровъ ненужной ветоши, узнаютъ другъ друга и радостно бросаются въ объятія, поспѣшно отставляя въ сторону, какъ „идеалъ“ — прекрасный, но далекій — то, что вчера казалось священнымъ и неприкосновеннымъ „символомъ вѣры“.

Прологъ русской революціи только открывается, а уже процессъ сплоченія однородныхъ соціальныхъ элементовъ начинаетъ совершаться съ поразительною быстротою.

На берегахъ Невы, въ памятные дни „земскаго парламента“ мы видѣли одинъ изъ актовъ этого сплоченія; многолюдные банкеты, собранія ученыхъ и литературныхъ обществъ, новыя предпріятія въ области періодической прессы — это все этапы на пути объединенія буржуазной демократіи на „легальной“, осѣненной министерскимъ „довѣріемъ“, поверхности русской жизни. Напечатанный въ № 17 „Листка Освобожденія“ документъ показываетъ намъ тотъ же процессъ сплоченія въ нелегальномъ подпольѣ.

„По иниціативѣ нѣсколькихъ членовъ финляндской оппозиціи“ — собрались на конференцію делегаты 7 организацій: партіи соціалистовъ-революціонеровъ, польской соціалистической партіи (П. П. С.), грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ (Сакартвело), армянской революціонной федераціи (Дрошакъ), польской національной лиги (Liga Narodowa), финляндской партіи активнаго сопротивленія и союза освобожденія. Мы не знаемъ, какимъ образомъ попалъ въ эту тѣсную компанію делегатъ восьмой организаціи — латышской с.-д. рабочей партіи. Всѣ эти партіи и группы единогласно пришли къ извѣстнымъ заключеніямъ, къ которымъ присоединилась впослѣдствіи и „Бѣлорусская соціалистическая (?) громада“. Делегатъ латышской соціальдемократіи заявилъ, впрочемъ, что принимаетъ всѣ результаты конференціи ad referendum, т. е. подвергнетъ ихъ предварительному разсмотрѣнію и утвержденію своей организаціи.

Заключенія эти, поскольку конференція сочла возможнымъ ихъ опубликовать, сводятся къ слѣдующему, единогласно принятому, заявленію (мотивировку мы опускаемъ):

„Ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій, соединяясь для согласованныхъ дѣйствій, ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ.

Но въ то же время всѣ эти партіи констатируютъ, что слѣдующіе основные принципы и требованія одинаково признаются всѣми ими:

1. Уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи;

2. Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ;

3. Право національнаго самоопредѣленія; гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ.

Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованій представленныя на конференціи партіи соединятъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженіемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя ставитъ себѣ каждая изъ этихъ партій“.

Таковъ новоявленный „блокъ“, и это именно — „блокъ“, а не что иное; ибо не отдѣльный политическій актъ, не отдѣльный моментъ текущей политической борьбы, а огромная задача цѣлаго историческаго періода — уничтоженіе самодержавія — связала на долгое время участниковъ конференціи общими узами.

Таковы условія, на которыхъ сочла возможнымъ „согласовать“ свои дѣйствія крайняя „лѣвая“ буржуазной и националистической оппозиціи, и достаточно бѣглаго сопоставленія этихъ условій съ тѣмъ, что дѣлается на „правомъ“, соприкасающемся съ умѣренной земской фрондой, крылѣ той же оппозиціи, чтобы увидѣть, что „средняя линія“, на которой сошлись разнообразные элементы, и тутъ и тамъ болѣе или менѣе одинакова. Да иначе и быть не могло: ибо передъ нами не два разныхъ „блока“, не двѣ разныхъ группировки, а одна сплошная цѣпь объединившейся буржуазной оппозиціи всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блѣдно-розоваго г. Гейдена до ярко-краснаго г. Гарденина.

Мы напрасно стали бы искать въ тѣхъ „основныхъ принципахъ“ и требованіяхъ, которыя договаривающіяся группы сочли возможнымъ взять за общую „скобку“, „крайнихъ“ демократическихъ требованій, еще такъ недавно блиставшихъ въ качествѣ „ближайшихъ“ въ программахъ кое-какихъ изъ участвовавшихъ въ конференціи партій: ни требованіе республики, ни требованіе прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, ни требованіе созыва учредительнаго собранія не нашли себѣ мѣста въ тѣхъ „общихъ пунктахъ, которые могутъ послужить основой для согласованнаго дѣйствія въ данный историческій моментъ“, какъ выражается протоколъ конференціи. Иначе говоря та общая, дѣйствительно, а не мнимо „ближайшая“ цѣль, на достиженіи которой — конечно, сохраняя цѣликомъ (въ самомъ дальнемъ чуланѣ) свои „идеалы“, конечно, ничѣмъ не жертвуя изъ своей „программы“!—готовы соединить свои практическія усилія участники конференціи, есть — ограниченная монархія при условіи всеобщей (но не больше) подачи голосовъ. „Средняя линія“, получившаяся въ результатѣ помѣси освобожденцевъ съ чистыми националистами съ одной стороны и „крайними“ соціалистами, столь недавно съ презрѣніемъ отвергавшими самую мысль о „буржуазной“ революціи и требовавшими, если не „соціальной“, то, по меньшей мѣрѣ, „трудовой“, съ другой — эта „средняя линія“ — въ результатѣ химическаго процесса ассоціаціи на конференціи—оказалась ниже уровня освобожденцевъ самихъ по себѣ! Въ самомъ дѣлѣ: въ томъ же „листкѣ“, гдѣ напечатаны рѣшенія конференціи, „Союзъ Освобожденія“ заявляетъ, что „прежде всего признаетъ существенно необходимымъ положить въ основаніе политической реформы принципъ всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосовъ“. Въ основу „блока“ легли тѣ минимальныя требованія, которыя сочли возможнымъ принять наиболѣе отсталые элементы изъ участниковъ конференціи.

Незачѣмъ, конечно, говорить, что мы и отъ буржуазной демократіи требуемъ большаго. Незачѣмъ говорить, что мы требуемъ отъ нея программы, включающей въ себѣ всю полноту демократическихъ гарантій, и видимъ постыдную измѣну дѣлу свободы въ той „скромности“, которую обнаружили участники соглашенія. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе мы готовы отъ всей души привѣтствовать начавшійся процессъ внесенія ясности во взаимныя отношенія борющихся съ самодержавіемъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ.

Разрушеніе иллюзій — это прогрессъ несомнѣнный, а такихъ иллюзій не мало пришлось разрушить или, по меньшей мѣрѣ, поставить на надлежащее мѣсто, для того, чтобы положить основаніе новому „блоку“.

Одна изъ крупныхъ заслугъ конференціи это—вовлеченіе разрозненныхъ національныхъ теченій въ русло общероссійской борьбы съ самодержавіемъ. И въ этомъ знаменательномъ фактѣ сказываются съ очевидностью революціонные плоды реакціонной „обрусительной“ политики самодержавія. Впервые финляндская оппозиція открыто выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ Великаго Княжества и ставитъ финляндскій вопросъ, какъ вопросъ всероссійскаго освобожденія. Впервые національ-демократы польской „Ligi Narodowa“, доселѣ враждебно относившіеся ко всякой мысли о союзѣ съ русской оппозиціей, рѣшаютъ присоединить свои усилія къ общерусской борьбѣ противъ царизма и признать, такимъ образомъ, польскій вопросъ частью все того-же всероссійскаго вопроса о низверженіи самодержавія; и по тому же пути пошли и армянскіе націоналисты „Дрошака“.[1] Впервые національ-соціалисты П. П. С., такъ недавно еще ставившіе непремѣннымъ условіемъ даже частичныхъ соглашеній съ россійскими соціалистами обязательство со стороны послѣднихъ активно содѣйствовать возстановленію независимости Польши и клеветавшіе на русское движеніе, впервые эти неумолимые сепаратисты соглашаются объединить свою борьбу съ борьбою русской оппозиціи.

И что характерно для этой партіи, претендующей на званіе соціалистической, это та легкость, съ которою она отказалась отъ своихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, лишь только почувствовала себя въ родной буржуазно-демократической стихіи. Куда дѣлся тотъ скептицизмъ и невѣріе по отношенію къ русскому революціонному движенію, которыя обуревали П. П. С., пока это движеніе являлось ей лишь въ образѣ партіи пролетаріата? Куда дѣлось то представленіе о „вредѣ“ „всероссійскихъ“ программъ, которое носилось передъ П. П. С. при зарожденіи еврейскаго рабочаго движенія? Куда дѣлась вѣра, что „политическая самостоятельность Польши“ есть „*единственно* вѣрная гарантія народныхъ правъ“? П. П. С. ищетъ теперь этой гарантіи въ политическомъ освобожденіи Россіи и, соединяясь ради этой цѣли съ русской буржуазной демократіей, она довольствуется тѣмъ признаніемъ права націй на самоопредѣленіе, котораго ей казалось такъ безконечно мало въ программѣ minimum демократіи соціальной. Нечего и говорить, что мысли о превращеніи грядущей революціи въ „соціальную“ далеко-далеко улетѣли отъ П. П. С. на заграничной „конференціи“. И мы привѣтствуемъ это начало выступленія буржуазно-демократической партіи въ ея неприкрытомъ буржуазно-демократическомъ видѣ. Нѣсколькими двусмысленными „соціалистами“ меньше — это выгода для дѣла соціализма, для дѣла развитія классового сознанія пролетаріата; нѣсколькими хорошими буржуазными демократами больше — это выгода для дѣла демократіи, а только черезъ демократію можетъ пройти рабочій классъ къ своей великой цѣли... Лишь бы эти эксъ-соціалисты становились скорѣе *хорошими* демократами; пока этого про нихъ, какъ видимъ, сказать еще нельзя...

Не будемъ останавливаться на однородной эволюціи „грузинской партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ“, этомъ ублюдкѣ чуть не десятка направленій, совмѣстившихся въ парѣ лицъ (см. № 67 „Искры“); при дружескомъ содѣйствіи и покровительствѣ гг. с.-р-овъ, эта „партія“ бывшихъ анархистовъ благополучно и безъ лишнихъ замедленій прослѣдовала подъ сѣнь демократической буржуазіи, какъ тому и слѣдуетъ быть.

Еще съ большей стремительностью, чѣмъ П. П. С., спѣшатъ на дѣлѣ сбросить „соціалистическій“ плащъ соціалисты-революціонеры. Не забывшій разглагольствованій о „трудовой“, не буржуазной революціи, кіевскій комитетъ ихъ „партіи“ еще мечтаетъ, что вотъ-вотъ „начнется свѣтлая эра соціализаціи“, а уже рука г. Гарденина вынесла „за скобку“ признаніе въ качествѣ общей, ближайшей цѣли простого приспособленія, хотя бы и не „революціоннаго“, политическихъ формъ къ буржуазному строю общества. А въ „Сынѣ Отечества“ наслѣдники „незабвеннаго учителя“ с.-р-овъ, Н. Михайловскаго, откровенно заявляютъ, что „соціальныя противорѣчія должны быть на время забыты“, и даже „крестьянскій вопросъ“, трактуютъ „лишь какъ вопросъ „о дарованіи крестьянину общихъ правъ“. Куда дѣлась священная „соціализація“, изъ-за которой столько копій ломали гг. соц.-революціонеры? Еще юный „союзъ учащихся соц.-рев.“ кричитъ „долой буржуазію“, а въ это самое время, сознающіе „непримиримую вражду“ между „арміей труда“ и „всѣми другими партіями“, вожди соціалистовъ-революціонеровъ довѣрчиво вкладываютъ свою руку въ дружески протянутую имъ руку самой доподлинной „буржуазіи“. Еще вновь образовавшаяся Минская Группа, помня старые лозунги и старыя фразы, поучаетъ „всѣхъ гражданъ“, будто историческій „обманъ“ народа буржуазіей заключался именно въ томъ, что „народу дано право выбирать очень малое число представителей“; а въ это самое время „партія“, вступая въ „блокъ“, не требуетъ даже признанія со стороны всѣхъ участниковъ его права народа на прямое и равное представительство съ имущими классами!

Мы рады, что с.-р—ы вступили, наконецъ, на тотъ путь, на которомъ они единственно плодотворно могутъ использовать свои силы для дѣла политической свободы; мы рады, что они начинаютъ выбрасывать за бортъ весь тотъ вздоръ о „соціализаціи“, „трудовой революціи“, о необходимости для буржуазіи „трепетать“ отъ ихъ соціалистическихъ доблестей, который они съ такимъ упорствомъ городили цѣлые годы, напрасно дробя силы бурж. демократіи и внося дезорганизацію и путаницу въ то дѣло развитія классоваго сознанія и организаціи пролетаріата, которому посвящаетъ себя соціальдемократія; мы надѣемся, что они и дальше съ такою же рѣшительностью пойдутъ по пути сліянія съ родственными имъ теченіями и, вмѣстѣ со своею симферопольскою группою, признаютъ, что, по крайней мѣрѣ, „до тѣхъ поръ, пока Россія не раскрѣпощена отъ царскаго рабства“, имъ надлежитъ „выступать, какъ революціонерамъ политическимъ“, отложивъ свои „соціалистическія“ стремленія до лучшихъ временъ. Мы разсчитываемъ, что своему центральному органу и всѣмъ своимъ комитетамъ, группамъ и союзамъ они посовѣтуютъ послѣдовать честному примѣру симферопольской группы и делегаціи на конференціи и перестать, наконецъ, болтать тѣ невыносимыя глупости о „соціализмѣ“, которыя заполняютъ ихъ листки. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, узаконить „двойную бухгалтерію“, какъ принципъ партійной дѣятельности[2].

И когда с.-р—ы все это сдѣлаютъ, когда они внесутъ единство во всѣ свои дѣйствія и станутъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, т. е. добрыми демократами, тогда у насъ не будетъ причинъ

---

[1] См. о нихъ въ корреспонденціи „Изъ армянской дѣйствительности“ въ № 78 „Искры“.

[2] И особенно нельзя, вступивъ уже въ „буржуазный“ блокъ умалчивать объ этомъ, какъ дѣлаетъ только что вышедшій № 5 „Р. Р.“, и кричать о необходимости „для рабочихъ, для соціалистическихъ элементовъ составить прочный соціалистическій блокъ“. Что это значитъ? Хотятъ-ли г.г. соц.-рев. засѣдать въ двухъ „блокахъ“ сразу, быть именинниками и на Онуфрія и на Антона, или они уже откровенно сами не причисляютъ себя къ „соціалистическимъ элементамъ“ и даютъ лишь благожелательные совѣты намъ, соціальдемократамъ?

Война и Революція.[1]

III.

Девять мѣсяцевъ войны.

Самодержавіе вступило въ періодъ своей политической агоніи. Оно страшно еще въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ, но дни его сочтены.

Самодержавіе падетъ. Вотъ несомнѣнный результатъ войны. Война можетъ затянуться, неизвѣстенъ ея конечный исходъ, но одно несомнѣнно: она въ конецъ подкопала политическіе устои царской Россіи.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, вначалѣ войны, я писалъ: „война неудержимо гонитъ впередъ къ политическому банкротству Россіи“. Каково же положеніе царской Россіи въ настоящій моментъ, послѣ девяти мѣсяцевъ войны?

Самодержавіе начало войну въ моментъ своего наивысшаго вліянія во всемірной политикѣ. Европа боялась Россіи. Европа была настолько убѣждена въ могуществѣ царской Россіи, что не могла даже допустить мысли о нападеніи на Россію, со стороны ли Японіи, или со стороны другого какого либо государства. Европейскія правительства вѣрили еще въ силу Россіи даже тогда, когда уже стала очевидной ея неподготовленность къ войнѣ. Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Война показала полную военную безпомощность Россіи. Медленно, колеблясь, волнообразными движеніями, увеличивая свой скептицизмъ послѣ каждаго русскаго пораженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ легко возбуждаясь и отдаваясь иллюзіямъ при каждомъ новомъ военномъ плюсѣ русской арміи, чтобы тѣмъ болѣе жестоко разочароваться при новой неудачѣ, — общественное мнѣніе Западной Европы наконецъ, совершило рѣшительный поворотъ въ своемъ отношеніи къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ измѣняться характеръ политическихъ отношеній державъ къ Россіи. Оказалось, что военное могущество Россіи, съ которымъ онѣ такъ считались въ своихъ политическихъ планахъ, было фикціей. Ихъ пугалъ фантомъ. Призракъ задерживалъ ихъ на пути преслѣдованія своихъ политическихъ цѣлей. Оказалось, что одна изъ величинъ, устанавливавшихъ равновѣсіе Европы и всего міра, была величиной дутой. И если эту величину исключить, создастся совершенно новое соотношеніе силъ. И сообразно съ этимъ видоизмѣняется политика европейскихъ державъ.

Государства, дружественныя Россіи — Германія и Франція, переходятъ отъ доброжелательнаго къ осторожному нейтралитету. Нейтралитетъ съ опаской, какъ бы не втянуться самому въ борьбу. Это въ особенности ясно видно на примѣрѣ Франціи.

Правящіе круги Франціи со смѣшанными чувствами встрѣтили русско-японскую войну. Буржуазная Франція имѣла въ Россіи политическую опору. Это — основа франко-русской дружбы. Вначалѣ предполагалось при помощи Россіи возвратить Франціи Элзасъ-Лотарингію. Вскорѣ убѣдились, однако, что на агрессивную политику Россіи противъ Германіи нечего разсчитывать. Тогда возникла идея защиты Франціи отъ новаго нападенія со стороны Германіи. Это была фикція, такъ какъ Германіи нечего больше отвоевывать у французовъ. Произошла новая диверсія, подъ сильнымъ вліяніемъ русской дипломатіи. Франко-русскому союзу было дано направленіе противъ Англіи. Французская буржуазія стала мечтать о томъ, чтобы при помощи Россіи, расширить насчетъ Англіи, свои колоніальныя владѣнія и, вообще, упрочить свое колоніальное вліяніе. Но при первомъ же колоніальномъ столкновеніи Франціи съ Англіей — случай въ Фашодѣ — Россія коварно измѣнила своему союзнику, не оказавъ ему никакой поддержки. Съ тѣхъ поръ франко русскій союзъ потерялъ свое конкретное политическое содержаніе. Остается одна общая идея, что Франція не одна, что у нея есть союзникъ, идея безъ реальнаго политическаго содержанія, которою націоналисты стараются раздуть потухающій огонекъ нахальнаго, и въ тоже время трусливаго шовинизма буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ значеніе франко-русскаго союза во внутренней политикѣ Франціи. Вначалѣ это былъ рычагъ, при помощи котораго сбрасывали министровъ и достигали министерской власти. Потомъ этотъ союзъ сталъ мячикомъ въ игрѣ парламентскихъ партій при выборахъ. Къ тому же времени насталъ торговый кризисъ въ Россіи, который обрушился сильными потерями на французскихъ владѣльцахъ русскихъ цѣнностей. При такихъ условіяхъ разразилась русско-японская война. Франція ждала русскихъ побѣдъ. Эти побѣды раскрыли бы передъ ней перспективы расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній. Цѣль, для которой при случаѣ можно было бы даже кой чѣмъ рискнуть. Побѣды русскаго оружія подняли бы воинственный духъ Франціи, и гордая своимъ могучимъ „союзникомъ“ шовинистическая буржуазія могла бы вовлечь страну въ военныя авантюры. Эту опасность предвидѣли французскія соціалистическія партіи, которыя поэтому съ самаго начала войны подняли агитацію противъ вмѣшательства Франціи, причемъ радикальное крыло ихъ — гэдисты и бланкисты, заявили, что на объявленіе войны со стороны французскаго правительства они отвѣтятъ возстаніемъ рабочихъ. Но дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Съ каждымъ ударомъ, наносимымъ русской арміи японцами, падали шансы французскаго шовинизма и трезвенное настроеніе все больше охватывало умы. И вотъ результатъ: могучій союзникъ, на котораго французская буржуазія надѣялась, оказался самъ безпомощенъ. Франко-русскій союзъ, вмѣсто того, чтобы обезпечить безопасность страны, грозитъ ей міровой войны. Милліардами, отданными взаймы царскому правительству, французская нація только достигла того, что теперь она же оказывается обязанной проливать свою кровь за русскаго царя. Франко-русскій договоръ, недавно еще вздувавшій національныя чувства французской буржуазіи, повисъ теперь камнемъ на ея шеѣ. Она теперь охотно избавилась бы отъ него, если бы была возможность. Это неосуществимо. Но что вполнѣ возможно, это — въ критическомъ случаѣ подъ какимъ-нибудь предлогомъ уклониться отъ исполненія договора. Такъ оно и будетъ. Чѣмъ затруднительнѣе положеніе царскаго правительства, тѣмъ меньше оно можетъ разсчитывать на поддержку Франціи. Примѣръ на лицо! Въ первые дни столкновенія изъ-за потопленныхъ Рождественскимъ рыбачьихъ лодокъ, когда казалось Англія готова была открыть противъ Россіи военныя дѣйствія, французская печать рѣшительно стала на сторону Англіи. Она заговорила объ общихъ интересахъ европейскихъ державъ въ защитѣ мирнаго торговаго мореходства, о томъ, что нужно добится гарантій, дѣлающихъ повтореніе такихъ случаевъ невозможнымъ и т. п. Когда же острый кризисъ прошелъ, французскія газеты сразу перемѣнили тонъ, стали подыскивать аргументы въ пользу ополоумѣвшихъ отъ страха русскихъ адмираловъ и полемизировать противъ англійскихъ газетъ. Связь ясна: Франція поддерживаетъ Россію только до тѣхъ поръ, пока это ни къ чему не обязываетъ, но въ моментъ опасности ея сочувствіе Россіи исчезаетъ и дружественный нейтралитетъ грозитъ даже превратиться въ явно враждебный.

Германская буржуазія связана очень значительными торговыми интересами съ Россіей. Этимъ въ значительной степени опредѣляется ея дружественный нейтралитетъ. Нѣмецкимъ фабрикантамъ и купцамъ, терпящимъ сильные убытки отъ войны и сопряженнаго съ ней торговаго застоя въ Россіи, разумѣется хотѣлось бы русскихъ побѣдъ и скорѣйшаго завершенія войны. Но именно потому, что часть нѣмецкой буржуазіи матеріально заинтересована въ успѣхахъ русскаго оружія, она, учитывая русскія пораженія, пропитывается раздраженіемъ противъ русскихъ политическихъ порядковъ, сдѣлавшихъ возможной эту несчастную войну. Недовѣріе къ царскому правительству ростетъ въ Германіи. Идея политическаго переустройства Россіи какъ слѣдствія неудачной войны, здѣсь очень популярна. Это заставляетъ германскую буржуазію держатся насторожѣ.

Германское правительство, которое вначалѣ старалось подслужиться Россіи въ надеждѣ на ея военные успѣхи, пока что воспользовалось ея затруднительнымъ положеніемъ при заключеніи новыхъ торговыхъ договоровъ. Повидимому ему удалось заставить царское правительство согласиться на возвышенныя хлѣбныя пошлины.

Распространенъ слухъ, будто нѣмецкое правительство съ своей стороны обѣщало устроить Россіи значительный заемъ въ Германіи. Конференціи Витте съ нѣмецкимъ банкиромъ Мендельсономъ, аудіенція того же Мендельсона у царя показываютъ во всякомъ случаѣ, что со стороны царскаго правительства прилагаются большія усилія, чтобы достать денегъ въ Германіи. Однако банкиры, очевидно, требуютъ особыхъ, чрезвычайныхъ гарантій и дѣло подвигается очень туго. Но если бы даже заемъ былъ обезпеченъ, то достаточно характерно уже то обстоятельство, что царскому правительству пришлось поступиться интересами хлѣбнаго вывоза Россіи, чтобы добиться этого займа.

Курсъ русскихъ государственныхъ бумагъ палъ. Онъ палъ не смотря на отчаянную биржевую игру русскаго министерства финансовъ, которое систематически снабжаетъ иностранные банки средствами для спекуляціи на повышеніе и тратитъ десятки милліоновъ на скупку русскихъ фондовъ. Курсъ палъ несмотря даже на то, что положеніе денежнаго рынка чрезвычайно благопріятно для государственнаго кредита. Темпъ роста индустріи все еще очень умѣренный, въ силу этого въ банкахъ накопляются большіе запасы денегъ. Въ такое время биржа гонится за государственными займами и при подпискѣ на сто марокъ, требуемыхъ правительствомъ, предлагаетъ нѣсколько тысячъ. Тѣмъ болѣе знаменательно, что царскому правительству только съ трудомъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось заключить свой военный заемъ во Франціи, на условіяхъ чрезвычайно неблагопріятныхъ. Оно этимъ обезцѣнило всѣ русскіе фонды, сдѣлало возвратъ къ прежнему уровню курса невозможнымъ и такимъ образомъ само подорвало свой кредитъ. Въ прошломъ году русская 4% рента стояла приблизительно на одинаковомъ уровнѣ съ итальянской также 4 процентной: курсъ итальянской ренты колебался между 103-104, русскій курсъ былъ 100-101, теперь курсъ русской 4% ренты 89-91, а итальянская рента осталась безъ измѣненій. Обезцѣненіе русскихъ государственныхъ бумагъ достигаетъ, слѣдовательно, *десяти процентовъ*. Если распредѣлить это на весь русскій государственный долгъ ранить и столь обижающую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. Тогда мы и съ ними сможемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ въ такія же временныя соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной оппозиціи. Но мы напомнимъ гг. с.-рамъ, что для этого надо быть *добрыми* демократами; мало одного устраненія изъ ихъ программы требованій, „затемняющихъ классовое сознаніе рабочаго класса“; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда служило „всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право“, а они и этого лозунга не сумѣли обезпечить при своемъ вступленіи въ „блокъ“. Правда, первые шаги трудны; быть можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествованія по открытому пути буржуазнаго демократизма, с.-р—ы оказались— увы! — плохими демократами; но все-же отъ „трудовой революціи“ прямо къ монархической конституціи, съ возможностью даже двухъ и трехстепенныхъ выборовъ,—скачекъ черезъ чуръ смѣлый!

---

[1] Первыя двѣ статьи см. въ №№ 59 и 61 (переизд. Ц. К омъ).

Таковъ новоявленный „блокъ“ и, привѣтствуя его, какъ несомнѣнный шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констатировать крайней убогости того политическаго credo, которое послужило его основой; тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя требованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, не вездѣ и не всюду проводятся. Мы уже подчеркивали отсутствіе хотя бы особаго мнѣнія „освобожденцевъ“ насчетъ избирательнаго права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И если г. Водовозовъ (см. корреспонденцію изъ Кіева) полагаетъ, что изъ „резолюцій“ путемъ „косвенныхъ уликъ“ можно вычитать хотя-бы всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, это неправда,[1] а, во вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся не для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, чтобы высказывать ихъ. Да кромѣ того памятная „освобожденская“ прокламація („Народъ и война“), ни единымъ словечкомъ не заикающаяся о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно доказываетъ, насколько серьезно считаютъ себя связанными взаимными обязательствами участники „блока“. И для насъ несомнѣнно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ прислоняется къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ задачу слить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки буржуазной оппозиціи, до самыхъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ нечего и думать ни о расширеніи предѣловъ ея „демократизма“, ни даже о томъ, чтобы общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настойчиво проводился въ жизнь. Интересамъ единства и „гармоническаго“ сочетанія *всѣхъ* теченій неизбѣжно будутъ приноситься въ жертву и демократизмъ программы и революціонность тактики.

Мы были своевременно увѣдомлены о созывѣ конференціи и своевременно же, по соглашенію съ другими пятью соціалъ-демократическими организаціями, выработали мотивированный отказъ принять въ ней участіе. Ниже мы печатаемъ текстъ его. Мы не знаемъ, почему партія „Пролетаріатъ“ не довела до свѣдѣнія конференціи свой отказъ[2]. И совершенно непростительнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ конференціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, но и не протестовавшаго противъ нихъ открыто, делегата Латышск. С.-Д. Р. П. Мы полагаемъ, что самъ нашъ латышскій товарищъ почувствовалъ, какимъ рѣзкимъ диссонансомъ является присутствіе, вопреки общему рѣшенію соціалдемократовъ, представителя пролетарской организаціи (см. ниже его подпись подъ „отвѣтомъ“) посреди этихъ, чуждыхъ пролетаріату, элементовъ.

Въ печатаемомъ ниже „отвѣтѣ“ бѣглыми штрихами намѣчены принципіальныя причины, заставившія соціальдемократію отказаться отъ предлагавшейся конференціи. Соціальдемократія—единственная партія, ведущая *принципіально выдержанную* политику, единственная партія, у которой „конечная цѣль“ является не ни къ чему не обязывающимъ на практикѣ субъективнымъ „идеаломъ“, предназначеннымъ для прикрытія убогости и ограниченности цѣли „ближайшей“, не средствомъ для наигрыванія на идеалистическихъ стремленіяхъ уловляемыхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; соціальдемократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что „блокъ“ ни къ чему не обязываетъ, что онъ не урѣзываетъ „программъ“ и оставляетъ полную „свободу дѣйствія“ всѣмъ участникамъ соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ „блоковъ“ — Жореса и Прессансэ. Вѣдь по ихъ словамъ и участіе во французскомъ „блокѣ“ ради „общей“ цѣли — поддержанія республики и демократической свободы — „ни къ чему не обязываетъ“. И мы охотно вѣримъ господамъ Жорэсу и Прэссансэ, что они тоже сохраняютъ „всю полноту соціалистическаго идеала“. Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ высотахъ жорэсовскихъ „идеаловъ“, а на презрѣнной землѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы соціалистическихъ „блокаровъ“, эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради „общей ближайшей цѣли“, какъ мы это видѣли еще надняхъ, ни защищать систему шпіонства и доносовъ, ни вотировать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народныя деньги на „секретные фонды“, предназначенные для подкупа и политическаго сыска. Такова неумолимая логика „ближайшей цѣли“, не связанной не разрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жорэсъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь — „формальныя соображенія“; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортюниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказать о другомъ защитникѣ „удивительной и неуязвимой формы блока“ г. Прэсансэ? Этотъ господинъ, посылающій своя „привѣтствія“ всѣмъ казненнымъ, павшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ царизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ соціальдемократіи,смѣетъ намекать, что къ новому „блоку“ не примыкаютъ лишь „нелѣпые доктринеры, непримиримостью прикрывающіе свою трусость“!.. Соціальдемократія можетъ презрѣніемъ отвѣтить на инсинуаціи этого сотрудника сомнительно-соціалистической „Humanité“ и несомнѣнно-капиталистическаго „Temps“.

Соціальдемократія не можетъ, подобно участникамъ конференціи думать, что „полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго дѣйствія“. Нѣтъ, „свободы дѣйствій“ мы допустить не можемъ. Не измѣняя дѣлу пролетаріата, мы не можемъ допустить, чтобы націоналисты всѣхъ видовъ звали рабочій классъ положить всѣ свои силы на поддержаніе націоналистическихъ тенденцій; мы не можемъ допустить, чтобы „освобожденцы“ обманывали пролетаріатъ вздорными сказками о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое наступитъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія политической свободы; мы не можемъ допустить затемнѣнія классоваго сознанія пролетаріата мѣщанскими утопіями насчетъ всевозможныхъ „соціализацій“ и „коопераций“; и внесенія дезорганизаціи въ дѣло его классоваго сплоченія; и больше всего мы не можемъ допустить такой постановки вопроса о задачахъ рабочаго класса въ политическомъ освобожденіи Россіи, при которой вся его роль сводится къ „облегченію начинаній либераловъ“ и „помощи имъ“, какъ выражается все тотъ же несравненный Прессанса.

И такъ какъ ни одна буржуазная партія, не переставъ быть буржуазной, не можетъ отказаться ни отъ своихъ представленій о роли и значеній народныхъ массъ въ политической борьбѣ, ни отъ своихъ методовъ и средствъ борьбы, то именно потому для соціальдемократіи никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможны прочные и продолжительные союзы съ буржуазными партіями. Такіе союзы, всегда вносящіе принципіальную путаницу, и тѣмъ самымъ стирающіе грани между пролетаріатомъ и крайними элементами буржуазіи, могутъ имѣть реальную цѣнность лишь тогда, когда, по счастливому выраженію „Р. Р.“, „выносятъ за скобку общій множитель“: но, естественно, что этотъ „множитель“, эта реальная величина, которая признается „общею цѣлью“, есть программа той изъ входящихъ въ соглашеніе единицъ, которая требуетъ минимума. Соединить на этомъ „минимумѣ“ максимумъ усилій — вотъ единственное оправданіе и единственный смыслъ „блока“, если онъ только не остается простой игрушкой. И если бы даже участники „блока“ этого не сознавали, то логика событій очень скоро научитъ ихъ этой политической азбукѣ.

Не съ вѣтру взятые субъективныя фантазіи, не пылкость революціоннаго темпарамента не субъективные идеалистическіе порывы продиктовали намъ нашу программу-минимумъ; классовые интересы пролетаріата, интересы развитія его сознанія и организаціи въ цѣляхъ скорѣйшаго и полнаго освобожденія его отъ капиталистической эксплуатаціи, требуютъ, чтобы въ данный историческій моментъ мы добивались не постепеннаго реформированія самодержавно-крѣпостническаго государства, а революціонной перестройки всего общественнаго зданія на основахъ полной демократизаціи. При такой постановкѣ вопроса, соціальдемократію связывали бы по рукамъ тѣ скромныя цѣли, которыя признали себѣ „общими“ участники „блока“. И каждый разъ, какъ на очередь встанетъ вопросъ о длительномъ союзѣ съ буржуазными партіями, соціальдемократія должна будетъ отвѣчать на него отрицательно. Временное соглашеніе, допускаемое на извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ союзомъ. Временное соглашеніе имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и взвѣшенный всѣми участниками соглашенія и кончается съ окончаніемъ этого акта. Блокъ—обнимаетъ рядъ дѣйствій, растянутыхъ на періодъ времени неизвѣстной продолжительности. Соглашеніе заключается во имя опредѣленнаго дѣйствія, блокъ — во имя общей цѣли, которой затѣмъ должны быть подчинены всѣ дѣйствія. Каждый отдѣльный актъ борьбы противъ царизма, каждый отдѣльный эпизодъ ея можетъ стать для насъ предметомъ соглашенія, но „соглашеніе“, содержаніемъ котораго является самая огромная изъ текущихъ историческихъ задачъ въ ея цѣломъ, для насъ немыслимо. Такое соглашеніе связало бы насъ по рукамъ и по ногамъ на долгій періодъ и имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы соціальдемократія отказалась отъ надежды на революціонный переворотъ и отказалась отъ мысли въ самомъ процессѣ борьбы за низверженіе самодержавія развивать классовую организацію пролетаріата.

Но если даже взглянуть на дѣло съ столь любезной противникамъ „доктринерства“ практической точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что вступленіе соціальдемократіи въ „блокъ“ было бы пагубно для дѣла свободы. Являясь лишь крайнимъ звеномъ той цѣпи, начало которой заложено въ „земскихъ парламентахъ“, соціальдемократія сыграла бы въ этомъ случаѣ лишь роль развѣдочнаго отряда въ массахъ и возбудителя народнаго движенія, не окрашеннаго въ яркій классовый цвѣтъ. Мы уже слишкомъ много разъ говорили объ этомъ въ „Искрѣ“, чтобы надо было еще разъ пояснять, какъ, при такихъ условіяхъ, пролетаріатъ только облегчилъ бы умѣренныя „начинанія“ либераловъ. А торжество этихъ „начинаній“ означало бы лишь замѣну революціоннаго переворота затяжнымъ, и для „низшихъ“ классовъ крайне болѣзненнымъ, процессомъ медленнаго отмиранія самодержавно-бюрократическихъ и крѣпостническихъ порядковъ.

И, наоборотъ, самостоятельное и активное выступленіе организованнаго рабочаго класса подъ знаменемъ соціальдемократіи съ „крайними“ демократическими лозунгами заставитъ всѣхъ и каждаго, кто хочетъ найти опору въ народѣ, принять и отстаивать эти лозунги. И такъ какъ умѣренный либерализмъ уже на земскомъ съѣздѣ показалъ въ достаточной степени свою дряблость и безхарактерность, когда потребовались смѣлыя дѣйствія, то энергичное и послѣдовательное выступленіе партіи пролетаріата заставитъ всѣ демократическіе элементы буржуазіи принять и — что самое главное — и провести въ жизнь политическіе лозунги соціальдемократіи и сдѣлаетъ ее центромъ тяготѣнія всего разношерстнаго радикализма.

Но для этого рабочая партія должна выступить на политическую арену въ полную мѣру своей мощи и силы. Незачѣмъ говорить, насколько содѣйствовало бы такому выступленію фактическое объединеніе всѣхъ пролетарскихъ организацій Россіи. Но, конечно — только пролетарскихъ. И мы не скажемъ вмѣстѣ съ „Vorwärts'омъ“, что „даже“ (bereits) это будетъ „огромнымъ успѣхомъ“, а скажемъ, что именно это и только это будетъ успѣхомъ дѣйствительнымъ.

Когда руководимый соціальдемократіей рабочій классъ выпрямится во весь свой ростъ и скажетъ свое мощное слово — а событія въ Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Саратовѣ и

---

[1] Насчетъ представительства въ органахъ самоуправленія, напримѣръ, резолюція прямо оговариваетъ, что требуетъ лишь „по возможности“ привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ“, хотя по п. 7 „политическія права“ должны быть „равны“.

[2] Ц. К. Бунда (П. И. № 202) заявляетъ, что отвѣтъ Бунда на предложеніе участвовать въ конференціи „запоздалъ по независящимъ отъ Бунда причинамъ“. Но мы не понимаемъ, почему Ц. К. Бунда, вопреки условію, не публикуетъ текстъ этого „отвѣта“.

о окажется, что кредиторы царскаго правительства уже потерпѣли убытокъ почти что въ *полтора милліарда марокъ*. Конечно, убытокъ этотъ остается только на бумагѣ, покуда владѣлецъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ ихъ сохраняетъ въ своей кассѣ. Отсюда возникаетъ интересъ биржи удержать русскій курсъ отъ паденія. Потери при продажѣ русскихъ бумагъ уже сейчасъ очень велики, всякій знаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, если всѣ начнутъ продавать, то паденію курса не будетъ удержу — поэтому, владѣльцы русскихъ государственныхъ облигацій сохраняютъ ихъ скрѣпя сердце, въ портфелѣ.

Паденіе курса русскихъ фондовъ задерживается не изъ разсчета на повышеніе, а изъ боязни ихъ окончательно обезцѣнить. Охраняющимъ ихъ факторомъ является не довѣріе къ устойчивости русскихъ финансовъ, а наоборотъ опасеніе довести государство до банкротства, которое, разумѣется, прежде всего отразится на владѣльцахъ русскихъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Создается глухое напряженіе. Биржа робко прислушивается къ военнымъ событіямъ и съ озлобленной настойчивостью требуетъ отъ царскаго правительства побѣдъ. Быть можетъ, будущій историкъ, на основаніи документовъ, теперь публикѣ недоступныхъ, покажетъ, что давленіе со стороны биржи было одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ генерала Куропаткина перейти въ наступленіе. Биржа привѣтствовала этотъ моментъ, какъ новую эру. Вышло опять наоборотъ. Курсъ все еще удалось удержать, но основы его равновѣсія все болѣе подтачиваются — а когда онъ снова пошатнется, то падетъ гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ до сихъ поръ.

Невозможно предсказать, когда настанетъ этотъ моментъ. Это зависитъ отъ хода военныхъ событій, отъ политики и отъ финансовыхъ оборотовъ царскаго правительства, а съ другой стороны отъ общаго состоянія денежнаго рынка. Но раньше или позже, переломъ неминуемъ, и можно съ увѣренностью сказать, что дальнѣйшее сильное паденіе русскихъ фондовъ весьма разрушительно отразится на всѣхъ биржевыхъ операціяхъ: оно повлечетъ за собой паденіе всѣхъ другихъ биржевыхъ цѣнностей, русскихъ какъ и иностранныхъ. Уже первое паденіе курса русскихъ бумагъ вначалѣ войны оказало сильное давленіе на биржу. Пострадаютъ банки, имѣющіе въ собственномъ портфелѣ или подъ залогъ русскія бумаги. Это, конечно, повлечетъ за собою новыя осложненія. Фондъ русскаго государственнаго банка заграницей, предназначенный для биржевой спекуляціи на повышеніе, будетъ сорванъ. Врядъ ли удастся удержать золотой обмѣнъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Summa summarum, разразится одинъ изъ самыхъ страшныхъ *денежныхъ кризисовъ*.

Перспективы эти, разумѣется, не въ состояніи расположить европейскую буржуазію въ пользу царскаго правительства. Она еще не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, но чувствуетъ, что, если война будетъ дальше умножать только русскія пораженія, это сильно и на Европѣ отразиться разными бѣдами политическаго и финансоваго характера. Недовѣріе къ царскому правительству растетъ. Измѣняется сама точка зрѣнія при обсужденіи русскихъ дѣлъ. Скептицизмъ окрашиваетъ все въ новый цвѣтъ. То, что раньше казалось грозной силой, становится вздорнымъ хвастовствомъ, мужество кажется нелѣпымъ упрямствомъ, храбрость—безуміемъ, и если раньше малодушіе прикрывалось мантіей разсудительности, то теперь благоразуміе заподазривается въ трусости. Озлобленіе, недоброжелательное отношеніе беретъ верхъ. И на мѣсто могущества Россіи въ политическіе планы европейской буржуазіи все больше начинаетъ входить идея разложенія Россіи.

При англорусскомъ столкновеніи германская буржуазія высказалась такъ же двусмысленно, какъ и французская. Въ острую фазу конфликта германская пресса хлестко нападала на Россію, но какъ только стало ясно, что англійскія угрозы можно, пока что, не брать въ серьезъ, буржуазныя нѣмецкія газеты вдругъ вспомнили свою роль безпристрастнаго наблюдателя и стали осуждать направо и налѣво — и русскихъ морскихъ офицеровъ и англійское правительство. Такъ какъ Германія не связана оборонительнымъ договоромъ съ Россіей, то политика эта, повидимому, была обусловлена желаніемъ вовлечь Англію въ войну съ Россіей. Но если въ русско-японской войнѣ Германія очень опредѣленно поставила свою карту на сторону Россіи, то въ англо-русской войнѣ она могла бы разсчитывать только на то, что война эта, пошатнувъ значительно могущество Англіи, раздробитъ окончательно силу царской Россіи. Это означаетъ уже разсчетъ на то, чтобы явиться торжествующимъ наслѣдникомъ какъ Англіи, такъ и разбитой на голову Россіи.

Россія оказывается политически изолированной. Ея дружественный договоръ съ Франціей сохраняетъ еще только формальное значеніе. Показавъ свое безсиліе, она потеряла своихъ союзниковъ. Еще нѣсколько неудачъ, еще болѣе сильное паденіе, и ея друзья соединятся въ ея врагами. Въ то же время враги ея переходятъ къ наступательной политикѣ.

Англійская экспедиція въ *Тибетъ* была вызовомъ Россіи. Англійское правительство, отправляя экспедицію, сочло нужнымъ тутъ же заявить: „до Тибета никому, кромѣ Англіи, дѣла нѣтъ“. Открытая цѣль экспедиціи была показать Далай-Ламѣ, что ему нечего ждать помощи отъ царя. И задача эта была превосходно выполнена. Англичане достигли Ліассы, и надежды тибетскихъ монаховъ на вмѣшательство царя оказались столь же тщетными, какъ и надежды благочестиваго тибетскаго народа на то, что попамъ и чернокнижникамъ удастся двинуть противъ англичанъ адскія или небесныя силы. Договоръ, продиктованный англичанами тибетскому правительству, помимо улаженія спорныхъ пунктовъ, которые служили только поводомъ, но не причиной военной кампаніи, очень ясно и опредѣленно ставитъ всѣ сношенія Тибета съ другими державами, а это значитъ, по существу, его сношенія съ *Россіей*, подъ контроль Англіи и въ полную зависимость отъ ея воли. На эту политическую оплеуху царское правительство не могло отвѣтить ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ оффиціозныхъ статей въ „Новомъ Времени“, полныхъ безсильной брюжжащей злобы.

Еще смѣлѣе Англія выступила въ своемъ конфликтѣ съ Россіей изъ-за знаменитой бомбардировки рыбачьихъ лодокъ.

Англія нисколько не думала довести дѣло до войны, это теперь очевидно, тѣмъ не менѣе, она дѣлала видъ, что откроетъ немедленно военныя дѣйствія. Такъ поступаютъ только по отношенію къ противнику, относительно котораго увѣрены, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рѣшиться на борьбу и, слѣдовательно, долженъ будетъ отступить. И Англія съ успѣхомъ провела эту политику.

Мобилизація англійскаго флота внѣ всякаго сомнѣнія нагнала сильный страхъ на царское правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія могла убѣдиться, что въ случаѣ войны съ Россіей ей нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ. Политическій экспериментъ оказался очень удачнымъ. На этомъ Англія пока остановилась. Но, разумѣется, по мѣрѣ роста военныхъ неудачъ царскаго правительства она не замедлитъ пойти дальше.

До войны царское правительство во всемъ мірѣ вело наступательную политику. Война заставила его принять оборонительное положеніе. Теперь его противники переходятъ къ наступленію. Скоро начнутъ его повсюду вытѣснять и закрывать ему пути, какъ въ Тибетѣ. Скажется это и въ Персіи, и въ Малой Азіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ, война все болѣе и болѣе истощаетъ силы Россіи. Заключить миръ? На это царское правительство рѣшиться не можетъ. Это значило бы оффиціально признать свое безсиліе. Если бы даже удалось теперь заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя Японія ставила до войны, то все же царское правительство попало бы въ чрезвычайно плачевное положеніе. Вытѣснивъ побѣдоносной войной Россію изъ Манджуріи, Японія теперь, конечно, и въ Кореѣ и въ Китаѣ повела бы гораздо болѣе агрессивную политику, чѣмъ до войны. Но миръ въ настоящій моментъ на старыхъ условіяхъ прямо немыслимъ. Японія неминуемо потребуетъ сдачи Портъ Артура. Согласиться на это, для царскаго, правительства равносильно признанію своего политическаго банкротства. Поэтому оно употребляетъ всѣ усилія, чтобы вести дальше войну, надѣясь, въ концѣ концовъ, сломать военную энергію Японіи.

Однако, ближайшія военныя перспективы царскаго правительства съ достовѣрностью показываютъ только одно — паденіе Портъ Артура. Хотя судьба крѣпости давно рѣшена, тѣмъ не менѣе, капитуляція ея произведетъ потрясающее впечатлѣніе и въ мірѣ политики и въ мірѣ финансовъ. Завоевавъ Портъ Артуръ, Японія достигаетъ главной политической цѣли своего похода.

Политическая карта войны мѣняется, воюющія стороны обмѣниваются своими ролями: только что Японія съ неимовѣрными усиліями старалась завоевать русскую крѣпость, а тутъ, наоборотъ, Россіи придется отвоевывать у Японіи Портъ Артуръ. Политическій престижъ Японіи, конечно, сильно подымается, подымается патріотическое воодушевленіе и въ странѣ и въ войскѣ. Помимо всего прочаго, освободятся нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которыми Японія сумѣетъ подкрѣпить свою манджурскую армію и освободится ея военный флотъ.

Допустимъ, хотя на это мало вѣроятія, что во всемъ остальномъ ходъ военныхъ событій сложится благопріятно для царскаго правительства. Чего же можно ожидать въ лучшемъ случаѣ? О наступательной зимней кампаніи уже никто не думаетъ. Это дѣло рѣшенное. Въ настоящій моментъ похваляются уже однимъ тѣмъ, что удалось армію зарыть въ землянки и этимъ защитить ее и отъ холода, и отъ японскихъ ядеръ. Самое большее, слѣдовательно, можно разсчитывать на то, что Куропаткину удастся удержаться на своей позиціи всю зиму. Каково будетъ состояніе арміи къ веснѣ? Она уже сейчасъ деморализована, удручающе повліяетъ на нее паденіе Портъ Артура, мѣсяцы бездѣйствія должны парализовать ея энергію, а отъ манджурскихъ морозовъ и мятелей при ужасныхъ жизненныхъ условіяхъ, да еще при непорядкахъ русскаго интендантства, армія пострадаетъ не меньше, чѣмъ она страдала до сихъ поръ отъ японскихъ пуль и гранатъ. За зиму будутъ присланы подкрѣпленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть арміи, истощенная и изболѣвшаяся, не будетъ пригодна къ походу и должна быть отослана на родину. Принимая, къ тому же, во вниманіе незначительную провозоспособность сибирской желѣзной дороги, врядъ ли можно разсчитывать на значительное усиленіе численнаго состава русской манджурской арміи ранять и столь обижающую ихъ резолюцію нашего II съѣзда. Когда мы и съ ними сможемъ вступать въ отдѣльныхъ случаяхъ въ такія же временныя соглашенія, какія считаемъ возможными по отношенію къ другимъ лѣвымъ фракціямъ буржуазной оппозиціи. Но мы напомнимъ гг. с.-рамъ, что для этого надо быть *добрыми* демократами; мало одного устраненія изъ ихъ программы требованій, „затемняющихъ классовое сознаніе рабочаго класса“; нужно еще, чтобы ихъ лозунгомъ борьбы вездѣ и всегда служило „всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право“, а они и этого лозунга не сумѣли обезпечить при своемъ вступленіи въ „блокъ“. Правда, первые шаги трудны; быть можетъ, поэтому, на первыхъ порахъ своего шествованія по отлогому пути буржуазнаго демократизма, с.-р—ы оказались — увы! — плохими демократами; но все-же отъ „трудовой революціи“ прямо къ монархической конституціи, съ возможностью даже двухъ и трехстепенныхъ выборовъ, —скачекъ черезъ чуръ смѣлый!

Таковъ новоявленный „блокъ“ и, привѣтствуя его, какъ несомнѣнный шагъ впередъ, мы все же не можемъ не констатировать крайней убогости того политическаго credo, которое послужило его основой; тѣмъ болѣе, что даже эти минимальныя требованія, несмотря на круговую поруку всѣхъ участниковъ, не вездѣ и не всюду проводятся. Мы уже подчеркивали отсутствіе хотя бы особаго мнѣнія „освобожденцевъ“ насчетъ избирательнаго права въ резолюціяхъ земскаго съѣзда. И если г. Водовозовъ (см. корреспонденцію изъ Кіева) полагаетъ, что изъ „резолюціи“ путемъ „косвенныхъ уликъ“ можно вычитать хотя-бы всеобщее избирательное право, то, во-первыхъ, это неправда,[1] а, во вторыхъ, мы думаемъ, что резолюціи пишутся не для того, чтобы умалчивать о требованіяхъ, а для того, чтобы высказывать ихъ. Да кромѣ того памятная „освобожденская“ прокламація („Народъ и война“), ни единымъ словечкомъ не заикающаяся о всеобщемъ избирательномъ правѣ, достаточно показываетъ, насколько серьезно считаютъ себя связанными взаимными обязательствами участники „блока“. И для насъ несомнѣнно, что, пока буржуазная демократія однимъ бокомъ присоединяется къ умѣренному либерализму, пока она ставитъ себѣ задачу слить въ одно цѣлое всѣ оттѣнки буржуазной оппозиціи, до самыхъ умѣренныхъ включительно, до тѣхъ поръ нечего и думать ни о расширеніи предѣловъ ея „демократизма“, ни даже о томъ, чтобы общепризнанный на конференціи минимумъ серьезно и настойчиво проводился въ жизнь. Интересамъ единства и „гармоническаго“ сочетанія *всѣхъ* теченій неизбѣжно будутъ приноситься въ жертву и демократизмъ программы и революціонность тактики.

Мы были своевременно увѣдомлены о созывѣ конференціи и своевременно же, по соглашенію съ другими пятью соціалдемократическими организаціями, выработали мотивированный отказъ принять въ ней участіе. Ниже мы печатаемъ текстъ его. Мы не знаемъ, почему партія „Пролетаріатъ“ не довела до свѣдѣнія конференціи свой отказъ.[2] И совершенно непростительнымъ, съ нашей точки зрѣнія, является участіе въ конференціи, хотя и не присоединившагося еще къ ея рѣшеніямъ, но и не протестовавшаго противъ нихъ открыто, делегата Латышск. С.Д. Р. П. Мы полагаемъ, что самъ нашъ латышскій товарищъ почувствовалъ, какимъ рѣзкимъ диссонансомъ является присутствіе, вопреки общему рѣшенію соціалдемократовъ, представителя пролетарской организаціи [illegible] „[illegible]ѣтомъ“) посреди этихъ чуждыхъ пролетаріату элементовъ.

Въ печатаемомъ ниже „отвѣтѣ“ [illegible] намѣчены принципіальныя причины, заставившія [illegible] отказаться отъ предлагавшейся конференціи. Соціалдемократія — единственная партія, ведущая [illegible] политику, единственная партія, у которой „конечная цѣль“ не является не ни къ чему не обязывающимъ [illegible] субъективнымъ „идеаломъ“, предназначеннымъ для прикрытія убогости и ограниченности цѣли „ближайшей“, не средствомъ для награждения на идеалистическихъ стремленіяхъ уловляемыхъ массъ, а конкретной исторической задачей, неразрывно связанной со всей текущей борьбой и опредѣляющей формы и частныя цѣли ея; соціальдемократія ни въ коемъ случаѣ и ни ради какихъ ближайшихъ задачъ не можетъ связать себѣ рукъ. Какъ бы ни казалось, на первый взглядъ, что „блокъ“ ни къ чему не обязываетъ, что онъ не урѣзываетъ „программъ“ и оставляетъ полную „свободу дѣйствія“ всѣмъ участникамъ соглашенія, на самомъ дѣлѣ это не такъ. И лучше всего можно видѣть это на примѣрѣ спеціалистовъ по части всякихъ „блоковъ“ — Жореса и Прессансэ. Вѣдь по ихъ словамъ и участіе во французскомъ „блокѣ“ ради „общей“ цѣли — поддержанія республики и демократической свободы — „ни къ чему не обязываетъ“. И мы охотно вѣримъ господамъ Жорэсу и Прэссансэ, что они тоже сохраняютъ „всю полноту соціалистическаго идеала“. Но, увы! Политическая борьба ведется не на небесныхъ высотахъ жорэсовскихъ „идеаловъ“, а на презрѣнной землѣ; и, какъ бы непорочны ни были идеальные помыслы соціалистическихъ „блокаровъ“, эта непорочность не мѣшаетъ имъ, ради „общей ближайшей цѣли“, какъ мы это видѣли еще надняхъ, ни защищать систему шпіонства и доносовъ, ни вотировать кредиты на поддержаніе милитаризма, ни даже ассигновать народныя деньги на „секретные фонды“, предназначенные для подкупа и политическаго сыска. Такова неумолимая логика „ближайшей цѣли“, не связанной неразрывными узами съ цѣлью конечной. Пусть думаетъ Жорэсъ, что строгая вѣрность принципамъ, это лишь — „формальныя соображенія“; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго для оппортюниста, у котораго принципъ и дѣло, теорія и практика ничѣмъ не связаны другъ съ другомъ. Но что сказать о другомъ защитникѣ „удивительной и неуязвимой формы блока“ г. Прэсансэ? Этотъ господинъ, посылающій своя „привѣтствія“ всѣмъ казненнымъ, павшимъ отъ солдатскихъ пуль, сосланнымъ и заключеннымъ жертвамъ царизма, огромное большинство которыхъ боролось и борется подъ знаменемъ соціалдемократіи,смѣетъ намекать, что къ новому „блоку“ не примыкаютъ лишь „нелѣпые доктринеры, непримиримостью прикрывающіе свою трусость“! Соціальдемократія можетъ презрѣніемъ отвѣтить на инсинуаціи этого сотрудника сомнительно-соціалистической „Humanité“ и несомнѣнно капиталистическаго „Temps“.

Соціалдемократія не можетъ, подобно участникамъ конференціи думать, что „полная свобода дѣйствій для всѣхъ партій не только не противорѣчитъ, но, напротивъ, находится въ полной гармоніи съ ихъ намѣреніями координированнаго дѣйствія“. Нѣтъ, „свободы дѣйствій“ мы допустить не можемъ. Не измѣняя дѣлу пролетаріата, мы не можемъ допустить, чтобы націоналисты всѣхъ видовъ звали рабочій классъ положить всѣ свои силы на поддержаніе націоналистическихъ тенденцій, мы не можемъ допустить, чтобы „освобожденцы“ обманывали пролетаріатъ вздорными сказками о томъ всеобщемъ благоденствіи, которое наступитъ, будто бы, на другой день послѣ завоеванія политической свободы, мы не можемъ допустить затемнѣнія классоваго сознанія пролетаріата мѣщанскими утопіями насчетъ всевозможныхъ „[illegible]“ и „коопераций“ и внесенія деморализаціи въ дѣло его классоваго сплоченія и больше всего мы не можемъ допустить такой постановки вопроса о задачахъ рабочаго класса въ политическомъ освобожденіи Россіи, при которой вся его роль сводится къ „облегченію начинаній либераловъ“ и „[illegible] имъ“, какъ выражается все тотъ же несравненный Прессансэ.

И такъ какъ ни одна буржуазная партія, не переставъ быть буржуазной, не можетъ отказаться ни отъ своихъ представленій о [illegible] значеніи народныхъ массъ въ политической борьбѣ, ни отъ своихъ методовъ и средствъ борьбы, то именно потому для соціалдемократіи никогда и ни при какихъ условіяхъ невозможны прочные и продолжительные союзы съ буржуазными партіями. [illegible] всегда [illegible] принципіальную черту, и тѣмъ самымъ [illegible] между пролетаріатомъ и крайними элементами буржуазіи могутъ имѣть реальную цѣнность лишь тогда, когда, по [illegible] выраженію „Р. Р.“, „выносятъ за скобку общій множитель“. [illegible] естественно, что этотъ „множитель“ — опредѣленная величина, которая признается „общею цѣлью“ [illegible] программъ той или входящихъ въ соглашеніе единицъ [illegible] минимума. Соединить на этомъ „минимумѣ“ максимумъ усилій — вотъ единственное оправданіе и единственный смыслъ „блока“, если онъ только не остается простой игрушкой. И если бы даже участники „блока“ этого не сознавали, то логика событій очень скоро научитъ ихъ этой политической азбукѣ.

Не съ вѣтру взятые субъективныя фантазіи, не пылкость революціоннаго темпарамента не субъективные идеалистическіе порывы продиктовали намъ нашу программу-минимумъ; классовые интересы пролетаріата, интересы развитія его сознанія и организаціи въ цѣляхъ скорѣйшаго и полнаго освобожденія его отъ капиталистической эксплуатаціи, требуютъ, чтобы въ данный историческій моментъ мы добивались не постепеннаго реформированія самодержавно-крѣпостническаго государства, а революціонной перестройки всего общественнаго зданія на основахъ полной демократизаціи. При такой постановкѣ вопроса, соціальдемократію связывали бы по рукамъ тѣ скромныя цѣли, которыя признали себѣ „общими“ участники „блока“. И каждый разъ, какъ на очередь встанетъ вопросъ о длительномъ союзѣ съ буржуазными партіями, соціальдемократія должна будетъ отвѣчать на него отрицательно. Временное соглашеніе, допускаемое на извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ ничего общаго съ такимъ союзомъ. Временное соглашеніе имѣетъ предметомъ одинъ, точно опредѣленный актъ, заранѣе обсужденный и взвѣшенный всѣми участниками соглашенія и кончается съ окончаніемъ этого акта. Блокъ—обнимаетъ рядъ дѣйствій, растянутыхъ на періодъ времени неизвѣстной продолжительности. Соглашеніе заключается во имя опредѣленнаго дѣйстыя, блокъ — во имя общей цѣли, которой затѣмъ должны быть подчинены всѣ дѣйствія. Каждый отдѣльный актъ борьбы противъ царизма, каждый отдѣльный эпизодъ ея можетъ стать для насъ предметомъ соглашенія, но „соглашеніе“, содержаніемъ котораго является самая огромная изъ текущихъ историческихъ задачъ въ ея цѣломъ, для насъ немыслимо. Такое соглашеніе связало бы насъ по рукамъ и по ногамъ на долгій періодъ и имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы соціальдемократія отказалась отъ надежды на революціонный переворотъ и отказалась отъ мысли въ самомъ процессѣ борьбы за низверженіе самодержавія развивать классовую организацію пролетаріата.

Но если даже взглянуть на дѣло съ столь любезной противникамъ „доктринерства“ практической точки зрѣнія, то нѣтъ сомнѣнія, что вступленіе соціальдемократіи въ „блокъ“ было бы пагубно для дѣла свободы. Являясь лишь крайнимъ звеномъ той цѣпи, начало которой заложено въ „земскихъ парламентахъ“, соціальдемократія сыграла бы въ этомъ случаѣ лишь роль развѣдочнаго отряда въ массахъ и возбудителя народнаго движенія, не окрашеннаго въ яркій классовый цвѣтъ. Мы уже слишкомъ много разъ говорили объ этомъ въ „Искрѣ“, чтобы надо было еще разъ пояснять, какъ, при такихъ условіяхъ, пролетаріатъ только облегчилъ бы умѣренныя „начинанія“ либераловъ. А торжество этихъ „начинаній“ означало бы лишь замѣну революціоннаго переворота затяжнымъ и для „низшихъ“ классовъ крайне болѣзненнымъ, процессомъ медленнаго отмиранія самодержавно-бюрократическихъ и крѣпостническихъ порядковъ.

И, наоборотъ, самостоятельное и активное выступленіе организованнаго рабочаго класса подъ знаменемъ соціальдемократіи съ „крайними“ демократическими лозунгами заставитъ всѣхъ и каждаго, кто хочетъ найти опору въ народѣ, принять и отстаивать эти лозунги. И такъ какъ умѣренный либерализмъ уже на земскомъ съѣздѣ показалъ въ достаточной степени свою дряблость и безхарактерность, когда потребовались смѣлыя дѣйствія, то энергичное и послѣдовательное выступленіе партіи пролетаріата заставитъ всѣ демократическіе элементы буржуазіи принять и — что самое главное — и провести въ жизнь политическіе лозунги соціальдемократіи и сдѣлаетъ ее центромъ тяготѣнія всего разношерстнаго радикализма.

Но для этого рабочая партія должна выступить на политическую арену въ полную мѣру своей мощи и силы. Незачѣмъ говорить, насколько содѣйствовало бы такому выступленію фактическое объединеніе всѣхъ пролетарскихъ организацій Россіи. Но, конечно — только пролетарскихъ. И мы не скажемъ вмѣстѣ съ „Vorwärts'омъ“, что „даже“ (bereits) это будетъ „огромнымъ успѣхомъ“, а скажемъ, что именно это и только это будетъ успѣхомъ дѣйствительнымъ.

Когда руководимый соціальдемократіей рабочій классъ выпрямится во весь свой ростъ и скажетъ свое мощное слово — а событія въ Одессѣ, Харьковѣ, Екатеринодарѣ, Саратовѣ и

---

[1] Насчетъ представительства въ органахъ самоуправленія, напримѣръ, резолюція прямо оговариваетъ, что требуетъ лишь „по возможности“ привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ“, хотя по п. 7 „политическія права“ должны быть „равны“.

[2] Ц. К. Бунда П. И. № 202 заявляетъ, что отвѣтъ Бунда на предложеніе участвовать въ конференціи „запоздалъ по независящимъ отъ Бунда причинамъ“. Но мы не понимаемъ, почему Ц. К. Бунда, вопреки условію, не публикуетъ текста этого „отвѣта“.

о окажется, что кредиторы царскаго правительства уже потеряли убытокъ почти что въ *полтора миллiарда марокъ*. Конечно, убытокъ этотъ остается только на бумагѣ, покуда [illegible] владѣлецъ русскихъ государственныхъ процентныхъ обязательствъ ихъ сохраняетъ въ своей кассѣ. Отсюда возникаетъ интересъ биржи удержать русскій курсъ отъ паденія. Потери [illegible] же русскихъ бумагъ уже сейчасъ очень велики [illegible] вмѣстѣ съ тѣмъ [illegible] если всѣ двинутъ [illegible] паденію курса не будетъ удерж[illegible] этому [illegible] государственныхъ обязат[illegible] портфелѣ.

Паденіе курса русскихъ фондовъ [illegible] ета на повышеніе [illegible] Охраненіемъ ихъ [illegible] устойчивости русскихъ финансовъ [illegible] государство до банкротства [illegible] разразится на владѣльцахъ русскихъ государственныхъ [illegible] обязательствъ. Создается [illegible] напряженіе. Биржа [illegible] прислушивается къ военнымъ событіямъ и [illegible] особенной [illegible] востью требуетъ отъ царскаго правительства побѣды. [illegible] жетъ, будущій историкъ на основаніи документовъ [illegible] публикѣ недоступныхъ [illegible] что [illegible] биржи было одной изъ [illegible] причинъ [illegible] на Куропаткина [illegible] въ наступленіе. Биржа [illegible] на этотъ моментъ [illegible] курсъ все еще [illegible] болѣе [illegible] етъ гораздо глубже [illegible]

Невозможно предсказать [illegible] зависитъ отъ хода военныхъ событій [illegible] финансовыхъ оборотовъ [illegible] стороны отъ общаго [illegible] денежнаго рынка. [illegible] позже, переломъ неминуемъ [illegible] что дальнѣйшее [illegible] паденіе русскихъ фондовъ весьма разрушительно отразится на всѣхъ биржевыхъ [illegible] влечетъ за собой паденіе [illegible] русскихъ [illegible] русскихъ, какъ и иностранныхъ. Уже [illegible] курса русскихъ бумагъ въ началѣ войны [illegible] на биржу. Пострадаютъ банки, имѣющіе въ собственномъ портфелѣ или подъ залогъ русскія бумаги. Это, конечно, повлечетъ за собою новыя [illegible] Фондъ русскаго государственнаго банка заграницей, предназначенный [illegible] операціи на повышеніе, будетъ сорванъ. Врядъ ли удастся удержать золотой обмѣнъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Summa summarum, разразится одинъ изъ самыхъ страшныхъ *денежныхъ кризисовъ*.

Перспективы эти, разумѣется, не въ состояніи расположить европейскую буржуазію къ [illegible] царскаго правительства. Она не можетъ предвидѣть всѣхъ послѣдствій, но чувствуетъ, что война будетъ дальше увеличивать только русскія пораженія, что [illegible] и на Европѣ отразится разными бѣдами политическаго и финансоваго характера. Недовѣріе къ царскому правительству [illegible] растетъ. Измѣняется сама [illegible] зрѣнія при обсужденіи русскихъ [illegible] Скептицизмъ окрашиваетъ все въ новый цвѣтъ. То, что раньше казалось грозной силой, становится вздорнымъ хвастовствомъ, мужество кажется не[illegible] упрямствомъ, храбрость [illegible] и если раньше малодушіе прикрывалось мантией разсудительности, то теперь благоразуміе заподазривается въ трусости [illegible]бленіе, недоброжелательное отношеніе беретъ верхъ. И на

[illegible] могущества Россіи [illegible] политическіе планы германской буржуазіи [illegible] входитъ и [illegible] Россіи.

При [illegible] германской буржуазіи [illegible] такъ же двусмысленно, какъ и французская. Въ [illegible] германская пресса [illegible] начала на [illegible] можно [illegible] буржуазная измѣнила газеты [illegible] свою роль безпристрастнаго наблюдателя и [illegible] направо и налѣво — и русскихъ морскихъ офи[illegible] англійское правительство. Такъ какъ Германія не [illegible] договоромъ съ Россіей, то политика [illegible] повидимому, была обусловлена [illegible] вовлечь Англію въ войну съ Россіей. Но если [illegible] русско-японской войнѣ Германія [illegible] поставила свою карту на сторону Россіи, то въ англо-русской войнѣ она могла бы разсчитывать [illegible] значительно могущество Англіи, раздробивъ [illegible] силу царской Россіи. [illegible] торжествующимъ [illegible] какъ Англія, такъ и разбитой [illegible] Россія.

Россія оказывается [illegible] изолированной. [illegible] сохраняетъ [illegible] формальное [illegible] союзни[illegible] и ея [illegible] врагами [illegible]

Англійская [illegible] *Тибетъ* [illegible] Россіи [illegible] нуж[illegible] Англіи [illegible] была [illegible] помощи отъ царя. [illegible] Англичане [illegible] на вмѣшательство [illegible] Тибетъ [illegible] Россіи [illegible] контроль Англіи и въ полную [illegible] На эту политическую оплеуху царское правительство не могло отвѣтить ничѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ [illegible] въ „Новомъ Времени“, полныхъ без[illegible]

[illegible] Англія [illegible] въ [illegible] конфликтѣ съ Россіей [illegible] мобилизаціи рыбачьихъ лодокъ.

Англія нисколько не думала доводить дѣло до войны, это теперь очевидно. [illegible] что открыто [illegible] Такъ поступаютъ только [illegible] котораго увѣрены, что онъ никоимъ образомъ не можетъ рѣшиться на борьбу и, слѣдовательно, должен будетъ отступить. И Англія съ успѣхомъ провела эту политику.

Мобилизація англійскаго флота внѣ всякаго сомнѣнія нагнала сильный страхъ на царское правительство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія могла убѣдиться, что въ случаѣ войны съ Россіей ей нечего бояться вмѣшательства другихъ державъ. Политическій экспериментъ оказался очень удачнымъ. На этомъ Англія пока остановилась. Но, разумѣется, по мѣрѣ роста военныхъ неудачъ царскаго правительства она не замедлитъ пойти дальше

До войны царское правительство во всемъ мірѣ вело наступательную политику. Война заставила его принять оборонительное положеніе. Теперь его противники переходятъ къ наступленію. Скоро начнутъ его повсюду вытѣснять и закрывать ему пути какъ въ Тибетѣ. Скажется это и въ Персіи, и въ Малой Азіи, и на Балканскомъ полуостровѣ.

А между тѣмъ, война все болѣе и болѣе истощаетъ силы Россіи. Заключить миръ? На это царское правительство рѣшиться не можетъ. Это значило бы офиціально признать свое безсиліе. Если бы даже удалось теперь заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя Японія ставила до войны, то все же царское правительство попало бы въ чрезвычайно плачевное положеніе. Вытѣснивъ побѣдоносной войной Россію изъ Манджуріи, Японія теперь, конечно, и въ Кореѣ и въ Китаѣ повела бы гораздо болѣе агрессивную политику, чѣмъ до войны. Но миръ въ настоящій моментъ на старыхъ условіяхъ прямо немыслимъ. Японія неминуемо потребуетъ сдачи Портъ Артура. Согласиться на это, для царскаго правительства равносильно признанію своего политическаго банкротства. Поэтому оно употребляетъ всѣ усилія, чтобы вести дальше войну, надѣясь въ концѣ концовъ сломать военную энергію Японіи.

Однако, ближайшія военныя перспективы царскаго правительства съ достовѣрностью показываютъ только одно — паденіе Портъ Артура. Хотя судьба крѣпости давно рѣшена, тѣмъ не менѣе капитуляція ея произведетъ потрясающее впечатлѣніе и въ мірѣ политики и въ мірѣ финансовъ. Завоевавъ Портъ Артуръ, Японія достигнетъ главной политической цѣли своего похода.

Политическая карта войны мѣняется, воюющія стороны обмѣниваются своими ролями: только что Японія съ неимовѣрными усиліями стремилась завоевать русскую крѣпость, а тутъ, наоборотъ, Россія придется отвоевывать у Японіи Портъ Артуръ. Политическій престижъ Японіи, конечно, сильно подымается, подымется патріотическое воодушевленіе и въ странѣ и въ войскѣ. Помимо всего прочаго, освободятся нѣсколько десятковъ тысячъ солдатъ, которыми Японія сумѣетъ подкрѣпить свою манджурскую армію и освободится ея военный флотъ.

Допустимъ, хотя и это мало вѣроятно, что во всемъ остальномъ ходъ военныхъ событій сложится благопріятно для царскаго правительства. Чего же можно ожидать въ лучшемъ случаѣ? О наступательной зимней кампаніи уже никто не думаетъ. Это дѣло рѣшенное. Въ настоящій моментъ похваляются уже однимъ тѣмъ, что удалось армію зарыть въ землянки и этимъ защитить ее и отъ холода, и отъ японскихъ ядеръ. Самое большее, слѣдовательно, можно разсчитывать на то, что Куропаткину удастся удержать на своей позиціи всю зиму. Каково будетъ состояніе арміи къ веснѣ? Она уже сейчасъ деморализована, удручающе подѣйствуетъ на нее паденіе Портъ Артура, мѣсяцы бездѣйствія должны [illegible] ея энергію, а отъ манджурскихъ морозовъ и метелей при ужасныхъ жилищныхъ условіяхъ, да еще при [illegible] русскаго интендантства, армія пострадаетъ не меньше, чѣмъ она страдала до сихъ поръ отъ японскихъ пуль и [illegible] За зиму будутъ присланы подкрѣпленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительная часть арміи, истощенная и изболѣвшаяся, не будетъ пригодна къ походу и должна быть отослана на родину. Принимая, къ тому же, во вниманіе незначительную провозоспособность сибирской желѣзной дороги, врядъ ли можно разсчитывать на значительное усиленіе численнаго состава русской манджурской арміи другихъ городахъ, какъ первые раскаты надвигающейся грозы, показываютъ, что это время не за горами, — тогда и только тогда мы сможемъ облегченно сказать: дѣло свободы обезпечено! Прологъ революцiи кончается, начинается революцiя!

Отъ ред. Получивъ отъ одного изъ членовъ финляндской оппозицiи приглашенiе принять участiе въ конференцiи всѣхъ революцiонныхъ и оппозицiонныхъ организацiй Россiи, Совѣтъ нашей партiи счелъ крайне желательнымъ внести единство въ дѣйствiя всѣхъ соцiальдемократическихъ организацiй по отношенiю къ проектируемой конференцiи. Съ этою цѣлью было созвано совѣщанiе, въ которомъ приняли участiе делегаты шести поименованныхъ ниже организацiй. На этомъ совѣщанiи былъ выработанъ общiй текстъ заявленiя съ которымъ каждая организацiя должна обратиться къ инициаторамъ конференцiи. Заявленiе это рѣшено было опубликовать при первомъ появленiи извѣстiй о конференцiи въ печати.

Отвѣтъ на приглашенiе принять участiе въ конференцiи оппозицiонныхъ и революцiонныхъ организацiй Россiйскаго государства.

Наша организацiя получила черезъ Ваше посредство отъ финляндской революцiонной партiи приглашенiе принять участiе въ общей конференцiи всѣхъ оппозицiонныхъ и революцiонныхъ организацiй, существующихъ въ Россiи, съ цѣлью обсудить общiй планъ дѣйствiй, который позволилъ бы имъ воспользоваться современнымъ положенiемъ дѣлъ, вызваннымъ войной Россiи съ Японiей.

Къ сожалѣнiю, наша организацiя вынуждена отклонить это предложенiе. При этомъ она руководствуется, кромѣ мотивовъ, не подлежащихъ опубликованiю, слѣдующими соображенiями:

Мы считаемъ для себя вполнѣ обязательнымъ воспользоваться настоящей войной для усиленiя революцiонной борьбы противъ царизма. Наши соцiальдемократическiя убѣжденiя обязываютъ насъ также поддерживать всякое дѣйствительно оппозицiонное и революцiонное движенiе.

Но надежду вызвать плодотворное политическое дѣйствiе посредствомъ предлагаемой Вами конференцiи мы считаемъ неосновательной: элементы, которые должны быть представлены на этой конференцiи, слишкомъ разнородны, какъ по своимъ основнымъ политическимъ взглядамъ, такъ и по преслѣдуемымъ ими ближайшимъ политическимъ задачамъ и своимъ прiемамъ борьбы. Наконецъ, нѣкоторые изъ этихъ элементовъ до такой степени чужды точки зрѣнiя классовой борьбы, что не свободны даже отъ политическаго авантюризма, вродѣ совершенно непростительныхъ, съ нашей соцiальдемократической точки зрѣнiя, спекуляцiй на побѣду японскаго буржуазнаго правительства.

Въ виду всего этого, мы держимся того убѣжденiя, что плодотворныя революцiонныя дѣйствiя возможны у насъ теперь только на почвѣ классовой борьбы, сомкнутыми рядами, всего рабочаго народа Россiи безъ различiя нацiональностей, борьбы, ставящей себѣ ближайшею цѣлью — въ полномъ согласiи съ соцiалистическимъ пролетарiатомъ Японiи — возможно болѣе быстрое прекращенiе преступной войны, которая, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени пагубно отразится на интересахъ народныхъ массъ, независимо отъ того, кончится-ли эта война побѣдой или пораженiемъ самодержавнаго правительства.

Совѣтъ Рос. С.-Д. Р. П.

(На подлинникѣ слѣдуютъ подписи делегатовъ: Р. С.-Д. Р. П., Соцiальдемократiи Польши и Литвы, Загранич. Комтета Бунда, польск. соц. партiи „Пролетарiатъ“, Рев. Украинской Партiи и Латышской С. Д. Р. П.).

МОСКОВСКІЕ ТИПОГРАФСКІЕ РАБОЧІЕ И НАША ПАРТІЯ.

Мы уже неоднократно имѣли случай говорить о союзѣ типографскихъ рабочихъ и его органѣ. Въ № 57 „Искры“ мы сообщали о рѣшенiи Союза положить въ основу своей дѣятельности программу Р. С.-Д. Р. П., но въ то-же время признать „преждевременнымъ“ присоединенiе къ партiи. Редакцiя „Вѣстника“ обѣщала выяснить впослѣдствiи причины такого обособленiя и, въ лежащемъ передъ нами № 6, дѣйствительно, пытается болѣе подробно изложить мотивы, побуждающiе Союзъ держаться въ сторонѣ отъ партiи. На первый разъ „Вѣстникъ“ ограничивается критикою организацiоннаго строенiя нашей партiи, и надо сказать, что эта критика въ значительной мѣрѣ — поскольку она не вытекаетъ изъ неполнаго представленiя о *классовыхъ* задачахъ пролетарiата — покоится на недоразумѣнiи.

Неразвитость классовой точки зрѣнiя сказывается у редакцiи „Вѣстника“, главнымъ образомъ, въ непониманiи того непреложнаго факта, что классовая борьба требуетъ непремѣнно объединеннаго и координированнаго, т. е. централизованнаго дѣйствiя всего пролетарiата данной страны.

„Въ № 57 „Искры“ мы попытались указать Союзу, что изъ одного прибавленiя политической борьбы къ борьбѣ профессiональной не получается еще борьбы классовой. Сознательно-классовый отпечатокъ накладывается на политическую борьбу методами и средствами, которыми она пользуется, методами и средствами, опредѣляемыми конечными цѣлями движенiя. Несомнѣнно, „центръ“ Союза былъ вполнѣ правъ, когда — въ отвѣтъ намъ — писалъ въ 5 № „Вѣстника“: „Классовая борьба... необходимо должна носить характеръ политическiй“, но мы и не думали отрицать, что всякая классовая борьба есть борьба политическая; мы хотѣли лишь подчеркнуть, что *не всякая* политическая борьба, или не всякая форма участiя рабочихъ въ политической борьбѣ, выражаетъ правильно понятые классовые интересы пролетарiата. И не „перемѣнить“ свой „пролетарскiй“ характеръ на „классовый“ совѣтовали мы Союзу, а придать своей политической борьбѣ классовый характеръ. Это неизбѣжно привело-бы его и въ ряды Р. С.-Д. Р. П.

Это — по существу дѣла. Но мы не можемъ оставить безъ разсмотрѣнiя и тѣ частныя возраженiя противъ организацiоннаго централизма, которыя, какъ мы уже сказали, въ значительной мѣрѣ основаны на недоразумѣнiи.

Конечно, редакцiя „Вѣстника“ вполнѣ права, когда говоритъ, что въ полной мѣрѣ „благодѣтельное“ влiянiе централизма можетъ проявиться лишь тамъ, гдѣ существуетъ политическая свобода и гдѣ, слѣдовательно, возможенъ всестороннiй демократическiй контроль членовъ организацiи надъ дѣятелностью ея исполнительныхъ органовъ. Но, признавая это, не слѣдуетъ, какъ говорятъ нѣмцы, „вмѣстѣ съ водою, выплескивать изъ ванны и ребенка.“

Нужно только сказать, что 1) необходимо использовать въ полной мѣрѣ всѣ формы и суррогаты непосредственнаго демократическаго контроля, доступные и при отсутствiи политической свободы, и 2) самый централизмъ въ своихъ проявленiяхъ долженъ быть соотвѣтственно ограниченъ; ограниченъ, но не уничтоженъ, какъ этого желаетъ „Вѣстникъ“.

Если дѣятелямъ „Союза“ сколько-нибудь извѣстна исторiя нашей партiи за послѣднiй годъ, то они, конечно, должны знать, что именно эти вопросы служили предметомъ самаго живого, самаго страстнаго обсужденiя въ средѣ нашихъ партiйныхъ товарищей. Имъ должно быть также извѣстно, что въ результатѣ ожесточенныхъ споровъ — все большее и большее число членовъ партiи и организацiй ея приходитъ къ такому рѣшенiю вопроса о соотвѣствующихъ современнымъ условiямъ формахъ, которое никакъ не можетъ оправдать чрезмѣрныхъ опасенiй редакцiи „Вѣстника“.

Правда, редакцiю „Вѣстника“ очень пугаетъ внутри-партiйная борьба, такъ что она даже увѣряетъ, что „иначе смотрящiе элементы, составляя хотя бы и меньшинство, всегда будутъ тормозить дѣла и угрожать планомѣрности партiйной работы.“ Въ этомъ разсужденiи поразительно вотъ что: такъ какъ меньшинство можетъ „угрожать планомѣрности партiйной работы“, то — во имя „планомѣрности“, должно быть? — дѣятели Союза отказываются вовсе отъ „партiйной“ работы и предпочитаютъ стоять совсѣмъ въ сторонѣ отъ нея. Но, если бы и другiя рабочiя организацiи послѣдовали примѣру Союза, то не думаетъ ли редакцiя „Вѣстника“, что „планомѣрности и единства“ было-бы безконечно меньше, чѣмъ теперь? Конечно, „несогласiй и раздоровъ“ тоже не было-бы, ибо „всякiй молодецъ“ дѣйствовалъ-бы, на свой образецъ“ и ни мало не интересовался-бы тѣмъ, что дѣлаютъ другiе. Было-бы очень много группъ и кружковъ, но не было-бы партiи рабочаго класса, и ужъ, конечно, о „полной солидарности“ не могло-бы быть и рѣчи. Да и вообще, эта боязнь „торможенiя“ со стороны меньшинства наводитъ на очень невеселыя мысли. Если присутствiе въ организацiи людей, между которыми нѣтъ „полной солидарности“ во всѣхъ взглядахъ, должно непремѣнно „тормозить“ и „угрожать“, то вѣдь это относится не только къ партiи, а и къ каждой отдѣльной организацiи. Неужели въ средѣ „Союза“ не находится по каждому отдѣльному вопросу большинства и меньшинства? И неужели этотъ нормальнѣйшiй фактъ организацiонной жизни, который ведетъ къ тому, что люди столковываются между собою и вырабатываютъ коллективное мнѣнiе, угрожаетъ „планомѣрности работы“ Союза? Союзъ, вѣдь, тоже централизованная организацiя, ибо онъ централизуетъ рабочiе кружки разныхъ типографiй. И только въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ централизованъ на бюрократическихъ принципахъ, которымъ онъ приписываетъ господство въ нашей партiи, было-бы понятно нежеланiе его войти въ высшiй централизованный коллективъ — партiю. Но мы надѣемся, что этого нѣтъ, и что, несмотря на отсутствiе политической свободы, центръ Союза, въ большей или меньшей степени, является дѣйствительнымъ выразителемъ политической воли типографскихъ рабочихъ.

Намъ остается еще вкратцѣ разсмотрѣть тѣ воображаемыя опасности, которыя, будто-бы, грозятъ „Союзу“ при вступленiи его въ партiю. Послѣ сказаннаго выше, незачѣмъ, конечно, говорить, что никакого „безпрекословнаго подчиненiя велѣнiямъ главнаго штаба“, ограниченiя дѣятельности лишь „выполненiемъ чужихъ предписанiй“, „лишенiя инициативы“ и пр. и пр. отъ „Союза“ не потребуется.

Было, конечно, время, когда части партiи централизацiя и рисовалась, быть можетъ, въ такомъ уродливомъ видѣ. Но „Союзъ“ долженъ-же знать, что время это давно миновало, и что въ самихъ партiйныхъ организацiяхъ, въ ихъ жизненности и прочности — а на этотъ счетъ „Союзу“, кажется, сомнѣваться не приходится — оказались достаточныя „гарантiи“ отъ всякаго „разноса“...

Не менѣе неосновательны опасенiя „Союза“ потерять свою „независимость“. Конечно, извѣстную долю „независимости“ Союзъ, при вступленiи въ партiю, потеряетъ, какъ теряетъ ее всякiй кружокъ типографскихъ рабочихъ, вступая въ Союзъ. Но, во-первыхъ, не такъ велика эта утрата „независимости“, какъ кажется редакцiи „Вѣстника“, а, во-вторыхъ, не надо забывать, что, вѣдь, и партiя потеряетъ тогда свою полную „независимость“ отъ Союза, ибо Союзъ будетъ однимъ изъ опредѣляющихъ дѣятельность партiи элементовъ. Нѣкоторыя средства въ партiйную кассу Союзу вносить, конечно, придется, но, вѣдь, и плодами дѣятельности партiи онъ будетъ пользоваться. Конечно, вступленiе въ партiю возможно лишь тогда, когда ясно сознана польза объединенiя; а при такихъ условiяхъ врядъ-ли придется поднимать вопросъ о „средствахъ.“

Не касаясь другихъ, затронутыхъ въ статьѣ „Вѣстника“ вопросовъ, вродѣ представительства на съѣздѣ и пр. вопросовъ, которые могутъ быть регулированы къ взаимному удовлетворенiю гораздо проще, чѣмъ это кажется авторамъ статьи, мы остановимся еще только на опасенiи Союза, будто, „присоединившись къ партiи“, онъ „теряетъ право издавать свой „Вѣстникъ.“ Опасенiе это рѣшительно ни на чемъ не основано. На съѣздѣ Лиги, правда, раздавались рѣчи вродѣ того, что „все издательство партiйной литературы должно быть сосредоточено въ рукахъ Ц. К., который имѣетъ для этого свою типографiю“, но все это давно „травой поросло“, и теперь былые сторонники такого „единоначалiя“ требуютъ даже предоставленiя права „свободно“ издавать литературу подъ фирмой партiи „всѣмъ членамъ партiи.“[1] Тѣмъ болѣе нѣтъ основанiй опасаться, что, требуя такого сомнительнаго права для каждаго члена партiи въ отдѣльности, кто-либо будетъ оспаривать совершенно несомнѣнное право издательства у одной изъ организацiй, входящихъ въ партiю.

Такимъ образомъ, аргументацiя „Вѣстника“ оказывается совершенно несостоятельною. Мы будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитiемъ ея въ слѣдующихъ номерахъ газеты Союза. Теперь же скажемъ еще только, что, конечно, „централизацiя нисколько не ослабляетъ возможности еретичества“, и мы меньше, чѣмъ кто-либо, склонны приписывать такую роль организацiоннымъ формамъ. И если мы настойчиво призываемъ членовъ Союза въ ряды партiи, то потому, что лучшимъ средствомъ противъ „еретичества“, т. е. уклоненiя отъ линiи классовой борьбы пролетарiата, считаемъ совмѣстную, объединенную борьбу возможно болѣе широкихъ массъ рабочихъ подъ знаменемъ соцiальдемократiи. Только такая борьба стираетъ всѣ мѣстные, групповые и профессiональные налеты и шлифуетъ коллективное классовое сознанiе пролетарiата. Только она одна даетъ возможность рабочему классу вести свою, пролетарскую, классовую политику.

---

[1] Галерка. На новый путь. Стр. 41.

къ веснѣ. Итакъ, переждавъ весеннiе разливы, Куропаткинъ двинется въ наступленiе. Конечно, зима и на японскую армiю повлiяетъ неблагопрiятно. Однако она по многимъ причинамъ находится въ лучшемъ положенiи. Духъ ея болѣе бодрый, по всѣмъ даннымъ она и одеждой и пищей лучше обезпечена, японское интендантство работаетъ исправно, да и условiя у нея лучшiя въ виду болѣе близкихъ и хорошихъ путей сообщенiя, соединяющихъ армiю со страной. Численный составъ японской армiи увеличится, благодаря освобожденiю осадной армiи у Портъ Артура и присылкѣ еще отнюдь не истощившихся японскихъ резервовъ. Соотношенiе силъ къ началу лѣтней компанiи, поэтому, будетъ приблизительно такое же, какъ теперь. Допустимъ, что Куропаткину на этотъ разъ все же удастся одолѣть японцевъ, но и въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ, конечно, идти только объ ихъ постепенномъ отступленiи. Разбить современную армiю наголову, въ нѣсколькихъ сраженiяхъ сломить окончательно ея силу противодѣйствiя — нельзя. Именно японско-русская война сдѣлала это болѣе всего очевиднымъ. Итакъ, въ лучшемъ случаѣ японцевъ будутъ оттѣснять шагъ за шагомъ, какъ до сихъ поръ они оттѣсняли русскую армiю. Но русской наступающей армiи при этомъ придется гораздо тяжелѣе, чѣмъ приходилось японцамъ. Уже по одному тому, что страна раззорена и придется идти по мѣстамъ, которыя русская армiя сама при своемъ отступленiи опустошила. Затѣмъ, какъ извѣстно, японцы до сихъ поръ шагу не дѣлали впередъ, не укрѣпивши предварительно завоеванной позицiи, — слѣдовательно, придется ихъ выбивать шагъ за шагомъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ. При этомъ русская армiя все больше будетъ отдаляться отъ своей главной операцiонной базы, а японская приближаться. Преимущества болѣе короткаго, удобнаго и скораго сообщенiя съ страной, такъ выгодно сказывавшiяся при японскомъ наступленiи, конечно, не меньше помогутъ имъ при отступленiи. Въ виду всего этого, Куропаткину, при самыхъ лучшихъ условiяхъ, понадобится не меньше времени, чтобы оттѣснить японцевъ къ р. Ялу, чѣмъ японцамъ понадобилось, чтобы отъ р. Ялу достигнуть Мукдена. Итакъ, если Куропаткинъ въ это же время будущаго года, т. е. къ зимѣ 1905 — 06 года окажется у Портъ-Артура, то это будетъ самымъ блестящимъ военнымъ успѣхомъ, какого только можно ожидать. Тогда только онъ будетъ стоять передъ задачей — завоевать Портъ Артуръ. Японцы къ тому времени возстановятъ разрушенныя ими укрѣпленiя, а еслибы это имъ и не вполнѣ удалось, то они зато будутъ имѣть передъ теперешними защитниками крѣпости громадное преимущество *свободнаго морского сношенiя*. Ибо отъ балтiйскаго флота можно ждать чего угодно, но только не того, чтобы онъ уничтожилъ японскiй военный флотъ и послѣ этого еще былъ въ состоянiи блокировать военную гавань. Осада затянется, и къ веснѣ 1906 года можно будетъ серьезно разсчитывать на заключенiе мира. Разумѣется, военныя прогулки по японскимъ островамъ, уничтоженiе государственной силы Японiи и т. п. все это только нелѣпый бредъ разгоряченнаго воображенiя нашихъ квасныхъ патрiотовъ. Въ лучшемъ случаѣ, миръ будетъ заключенъ на основанiи истощенiя силъ обѣихъ сторонъ на какой-нибудь средней линiи. Дѣлается это обыкновенно насчетъ кого нибудь третьяго. Третьяго недолго искать. Японiя получитъ Корею, а Россiя удержитъ Манджурiю и Портъ Артуръ.

Таково дальнѣйшее теченiе и таковъ исходъ войны для Россiи при *невѣроятно благопрiятныхъ условiяхъ*. Каковъ же политическiй результатъ? Возстановлено положенiе, какимъ оно было до войны, но только Россiя стала другая и политическiя соотношенiя державъ измѣнились. Россiя потеряла свой военный флотъ, истощила армiю, нажила себѣ пару новыхъ миллiардовъ долгу, подорвала свой кредитъ, раззорила страну, должна была, чтобы концентрировать всѣ свои силы на войну съ Японiей, поступиться своими интересами передъ державами, которыя, какъ мы видѣли, даже сейчасъ готовятся воспользоваться затруднительнымъ положенiемъ Россiи и не преминутъ это сдѣлать, разъ война затянется. Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическiй конфликтъ въ Восточной Азiи не разрѣшенъ, развязка его только отсрочена, и покончивъ съ войной, Россiя должна немедленно начать готовиться къ войнѣ. Итакъ, война даже при самомъ благопрiятномъ ея исходѣ, истощитъ силы самодержавной Россiи и поставитъ ее передъ задачами, исполненiе которыхъ уже сейчасъ ей не подъ силу.

Но почти немыслимо, чтобы ходъ военныхъ событiй вдругъ радикально измѣнилъ свой характеръ. Нѣтъ никакого основанiя предполагать, что японцы будутъ малодушно выжидать за своими окопами цѣлую зиму, пока Куропаткинъ сочтетъ для себя выгоднымъ повести на нихъ свои войска. Наоборотъ, весь опытъ настоящей войны говоритъ за то, что они даже въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ къ наступленiю. А если не сейчасъ, то навѣрное послѣ паденiя Портъ-Артура. И вотъ представимъ себѣ, что имъ удастся выбить Куропаткина изъ его позицiи, какъ это имъ удавалось до сихъ поръ. Тогда судьба кампанiи рѣшена: русской армiи придется оставить Мукденъ и отступить къ Харбину. Собрать новую русскую армiю, способную дать отпоръ японцамъ, можно будетъ только еще въ Харбинѣ. Отступающая же русская армiя съумѣетъ, пожалуй, сраженiями по пути, при страшныхъ потеряхъ съ своей стороны, задержать на время наступательное движенiе японцевъ, но остановить его она, потерявъ ближайшее генеральное сраженiе, уже навѣрное не будетъ въ состоянiи. Отбросивъ русскую армiю въ горные хребты южной Манджурiи и овладѣвъ этой частью манджурской желѣзной дороги, японцы могутъ остановиться. Они, разумѣется, не думаютъ о томъ, чтобы завоевать Сибирь и пойти на Москву. Сомнительно, чтобы для нихъ имѣло смыслъ слѣдовать за русскимъ войскомъ дальше Харбина. Взятiе Харбина, который, благодаря исходящимъ отъ него развѣтвленiямъ манджурской желѣзной дороги, является стратегическимъ ключемъ къ Портъ-Артуру и къ Владивостоку, для нихъ имѣетъ большое, но отнюдь не рѣшающее значенiе. Они позаботятся о томъ, чтобы укрѣпить горные проходы; разъ это имъ удастся, они могутъ въ пройденной ими западной части южной Манджурiи ограничиться обороной, а наступательное движенiе перенести къ владивостокской вѣтви Манджурской желѣзной дороги. Вторая часть ихъ главной стратегической задачи, а именно: овладѣнiе горной Манджурiей, которая, будучи снабжена крѣпостями, дѣлаетъ Китай и Корею для Россiи недоступными, доставитъ имъ гораздо меньше трудностей, чѣмъ первая. Эта вторая часть должна завершиться паденiемъ Владивостока. Тутъ уже нечего будетъ заботиться о томъ, чтобы отвоевать обратно Портъ-Артуръ, — достаточно будетъ работы, чтобы защитить Владивостокъ. Посланный на морскiя авантюры балтiйскiй флотъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, только ухудшитъ это отчаянное положенiе. Очень сомнительно — дойдетъ-ли онъ цѣликомъ до японскихъ водъ. Совершенно непонятно, какъ онъ будетъ вести военную кампанiю, не имѣя операцiонной базы — военной гавани, куда онъ могъ бы укрыться въ случаѣ пораженiя, гдѣ онъ могъ-бы возобновить свой запасъ угля, продовольствiя, военныхъ снарядовъ. Рѣшенiе послать на Дальнiй Востокъ балтiйскiй флотъ было принято, когда еще Портъ-Артуръ стоялъ прочно и въ гавани его стоялъ значительный военный флотъ. Тогда это рѣшенiе имѣло смыслъ. Конечно, Владивостокъ еще въ русскихъ рукахъ. Но пройти во Владивостокъ мимо японскихъ береговъ русской эскадрѣ еще труднѣе, чѣмъ попасть неповрежденной въ Желтое море. Ей придется по пути выдержать генеральное сраженiе, а разъ она въ немъ будетъ побита, ей ничего другого не останется, какъ разсѣяться по нейтральнымъ гаванямъ и дать себя разоружить.

Паденiе Портъ-Артура, новое пораженiе манчжурской армiи, отступленiе къ Харбину, разгромъ балтiйскаго флота, осада, наконецъ, паденiе Владивостока, оттѣсненiе Россiи, игнорированiе ея въ интернацiональной политикѣ, въ связи со всѣмъ этимъ — окончательное паденiе русскаго кредита, паника на биржѣ, банкротство русскаго государственнаго банка, крушенiе золотой валюты, обезцѣненiе русскихъ кредитныхъ билетовъ, денежный и торговый кризисъ, возмущенiе и враждебное настроенiе капиталистической Европы, въ связи съ давнишней ненавистью европейскихъ народовъ, которые, по исторической традицiи, видятъ въ русскомъ самодержавiи своего собственнаго врага, полная безцѣльность дальнѣйшаго веденiя войны и, въ силу этого, позорный миръ съ Японiей — вотъ перспективы, которыя въ настоящiй моментъ открываются передъ русскимъ самодержавiемъ.

„Война началась изъ за Манчжурiи и Кореи, она уже теперь перешла къ спору о гегемонiи въ Восточной Азiи, она разростается въ вопросъ *о мировомъ положенiи царской Россiи* и завершится перемѣщенiемъ политическаго равновѣсiя всего мiра“. Когда эти слова были написаны, они многимъ еще казались рискованнымъ спекулятивнымъ предположенiемъ, — теперь это на глазахъ у всѣхъ стало политическимъ фактомъ. Судьбы Манчжурiи отошли далеко въ сторону, не въ нихъ теперь дѣло на очереди стоитъ вопросъ: останется-ли Россiя въ средѣ „великихъ державъ“, или она пойдетъ по пути *Турцiи*.

Полная неудача Россiи является результатомъ ея политическаго неустройства. Поэтому, *самодержавiе*, потерявъ войну, можетъ только привести страну къ дальнѣйшему паденiю.

Вначалѣ самодержавной Россiи боялись. Потерявъ страхъ, перестали прислушиваться къ ея голосу. Затѣмъ съ ней больше уже не будутъ считаться. Станутъ распоряжаться безъ нея и безъ нея передѣлаютъ карту мiра. А затѣмъ начнутъ добираться и до ея собственныхъ владѣнiй и будутъ отдѣлять отъ нея кусокъ за кускомъ. И то, что еще вначалѣ кажется невѣроятнымъ и чудовищнымъ — идеи, вродѣ присоединенiя остзейскихъ провинцiй къ Германiи, Финляндiи къ Швецiи, Королевства Польскаго къ Австрiи, Бессарабiи къ Румынiи и т. п. — въ мѣрѣ политическаго упадка самодержавной Россiи изъ утопiи превратится въ реальную политику государствъ.

Нужно такое государственное переустройство, которое дало бы Россiи новый притокъ военныхъ, финансовыхъ и политическихъ силъ. Это сознано теперь всѣми, не исключая и царскаго правительства. Къ этому привела война.

Парвусъ.

А теперь, когда мы присутствуемъ при начинающемся крушеніи самодержавія, когда всѣ общественныя силы организуются и вырабатываютъ свои политическіе лозунги, свои методы политической борьбы, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо приложить всѣ усилія, чтобы и пролетаріатъ выступилъ въ качествѣ объединенной, сознательной и самостоятельной *классовой* силы...

НАСТОЯЩІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ И ЗАДАЧИ СОЦ.-ДЕМ. НА ОКРАИНАХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Готовясь войти въ какую-нибудь политическую сдѣлку съ имущими классами, самодержавіе стремится продать имъ за возможно большую цѣну кроху народной свободы. Исходя и въ дальнѣйшемъ изъ того же принципа, самодержавное правительство постарается воспользоваться пестротою національнаго состава Россіи. При первыхъ признакахъ демонстрацій и массовыхъ протестовъ, правительство постарается дискредитировать движеніе рабочихъ или, что еще гораздо хуже, постарается охарактеризовать общую волну народнаго возмущенія, какъ бунтъ поляковъ, евреевъ, армянъ etc... Что правительство это уже предпринимаетъ, мы видѣли въ самое послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ наряду съ „милостивыми" словами Святополка Мирскаго, обращенными къ еврейской депутаціи въ Вильнѣ эта волна еврейскихъ погромовъ, прокатившаяся по Сѣверо-Западному краю? Власти стараются свалить вину на запасныхъ, но сущность отъ этого не мѣняется, и, кромѣ того, запасные приходили и доканчивали то, что начато было „мѣстными людьми". Не запасные же, въ самомъ дѣлѣ, выпускали прокламаціи въ Двинскѣ съ призывомъ бить „жидовъ"[1]. Не запасные были иниціаторами погрома и въ Могилевѣ, гдѣ полиціймейстръ Родіоновъ „въ субботу въ полицейскомъ управленіи доказывалъ запаснымъ, *что необходимо губить демократовъ евреевъ*[2]".

Старый испытанный методъ! И горе демократическимъ требованіямъ пролетаріата, если политика правительства будетъ имѣть успѣхъ, но во сто кратъ сильнѣе отзовется этотъ успѣхъ на *классовой организаціи* рабочихъ, и это намъ необходимо подчеркивать на каждомъ шагу въ нашей теперешней агитаціи. Необходимо возможно шире и глубже распространять ту желательную истину политики рабочаго класса, что порабощеніе какой-бы то ни было соціальной группы противорѣчитъ его истиннымъ интересамъ, и что всякій изъянъ въ демократической конституціи будущей Россіи, по отношенію къ какой-нибудь національности, явится изъяномъ въ свободѣ всего русскаго народа и, прежде всего,—пролетаріата. И первый ударъ, который соц.-дем. нанесетъ указанной политикѣ самодержавія, будетъ наиболѣе тѣсное объединеніе россійскаго рабочаго класса. Такое объединенное общероссійское движеніе рабочаго класса нельзя будетъ назвать „бунтомъ" евреевъ и поляковъ. Характерно, что правительство предприняло на этотъ разъ погромы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ, въ виду существующаго сильнаго движенія *только* среди еврейскаго пролетаріата, является возможность сліянія въ сознаніи темной массы рабочихъ громилъ понятій „демократъ" и „еврей бунтарь". Я беру тотъ же № Посл. извѣстій цитированный мною выше, и въ весьма подробной корреспонденціи изъ Одессы читаю описаніе отчаянія и горя запасныхъ, ихъ буйства, но ни слова о разгромѣ евреевъ.

Намъ необходимо общероссійское движеніе, охватывающее пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію отъ Риги до Тифлиса и отъ Варшавы до Москвы. Но какъ это сдѣлать? И развѣ объ этомъ не говорилось много разъ? Да, но, къ сожалѣнію, *только* говорилось. Теперь насталъ тотъ моментъ, когда всякаго рода разговоры должны превращаться въ дѣло. Объединеніе рабочаго движенія должно произойти въ такихъ тѣсныхъ организаціонныхъ рамкахъ, которыя дадутъ возможность объединить *дѣятельность*, придать ей планомѣрность, расширить сферу вліянія соціальдемократіи въ Россіи увеличивъ, тѣмъ самымъ, силу натиска пролетаріата на цитадель царизма. Каждая потерянная минута въ данномъ направленіи даетъ лишній козырь въ руки Россійской реакціи. И этотъ вопросъ объединенія въ конкретной формѣ возстаетъ на первомъ планѣ предъ нѣкоторыми окраинными организаціями, какъ Бундъ, Партія С.-Д. въ Польшѣ и Литвѣ[3], Латышской Соц.-Дем. etc., которыя ограничили свою дѣятельность рамками *своей* національности, раздробляя, такимъ образомъ, общерусскую работу. Насущнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было, является необходимость объединенія для еврейскихъ рабочихъ, и легче, чѣмъ кому бы то ни было, сдѣлать первый шагъ въ данномъ направленіи организованному еврейскому пролетаріату. Я говорю, что для него это насущная необходимость потому, что онъ всегда служилъ тѣмъ козломъ отпущенія, на которомъ русское правительство, пользуясь отсталостью окружающаго населенія, старалось вымѣстить свою ненависть къ рабочему движенію, во-первыхъ, и раздавить его во вторыхъ. Отсутствіе въ районѣ Бунда сплоченной силы спропагандированнаго еврейскаго пролетаріата помогло въ данномъ случаѣ русскому самодержавію. И внѣ всякаго сомнѣнія (это можетъ подтвердить всякій практикъ бундовскаго района), что организаціонное отдѣленіе Бунда отъ Партіи, превращеніе его въ самостоятельную, самодовлѣющую организацію имѣло для еврейскаго пролетаріата самое отрицательное значеніе, достаточнымъ доказательствомъ того служитъ широкое недовольство политикой Бунда въ слояхъ еврейской массы, и та жадность, съ которой она прислушивается къ партійной агитаціи въ здѣшнемъ краѣ. Какъ много сталкивавшійся съ еврейской и нееврейской массой въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я могу лишь указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что организаціонный сепаратизмъ Бунда и нѣкоторыхъ другихъ организацій ни въ какомъ случаѣ не идетъ „снизу", даже наоборотъ, мнѣ постоянно приходилось наталкиваться на тотъ же вопросъ, „неужели мы не можемъ бороться въ рядахъ Партіи, вмѣстѣ съ русскими товарищами"? Вы можете постоянно услышать здѣсь жалобы сознательнаго пролетарія на отсутствіе работы среди „христіанъ"; косность послѣднихъ особенно чувствительна еврейскому пролетаріату далеко ушедшему въ своей классовой сознательности. А что здѣсь есть громадная почва для работы и что при самой умѣренной дѣятельности, здѣсь можно имѣть успѣхъ, показала небольшая практика мѣстнаго партійнаго комитета. Недолгая дѣятельность, напримѣръ, витебской группы дала возможность выставить въ Витебскѣ защиту изъ христіанскихъ рабочихъ[4], и я твердо убѣжденъ, что, существуй въ Литвѣ болѣе или менѣе сильное организованное движеніе среди христіанъ, оно давно сдѣлалось бы ареной демонстрацій, а въ настоящій моментъ не было бы возможности погромовъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. И этотъ моментъ, который требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, неустанно говоритъ намъ о необходимости уничтоженія всякаго сепаратизма въ нашихъ рядахъ и о работѣ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые, оставаясь незатронутыми, грозятъ нанести серіозный ударъ рабочему классу Россіи. Всякое отграничиваніе себя, въ силу своихъ узко національныхъ интересовъ, отъ общерусскаго движенія *въ данный моментъ* является преступнымъ, во-первыхъ, по отношенію къ классовой борьбѣ пролетаріата, а во вторыхъ, по отношенію къ демократизму русской конституціи.

Не находя причинъ, которыя мѣшали бы вступленію П. С. Д. въ нашу Партію, и думая, что оно не заставитъ себя ждать, я выражаю свое убѣжденіе въ томъ, что и Бундъ могъ бы найти модусъ для себя, который далъ бы возможность ему вступить въ Партію, конечно, на условіяхъ, непротиворѣчащихъ основнымъ организаціоннымъ партійнымъ принципамъ, санкціонированнымъ II съѣздомъ. И первое что необходимо было предпринять при такомъ объединеніи, это возможно широкая агитація среди нееврейскаго пролетаріата въ районѣ его дѣятельности, такимъ образомъ, фактически, а не только уставно, сливъ движеніе еврейскихъ и нееврейскихъ рабочихъ въ одно русло. И если очевидность этого сліянія не ясна *верхамъ* Бунда, то обязанность нашей Партіи обратиться къ еврейскому пролетаріату съ широкой агитаціей и литературой на еврейскомъ языкѣ, разъясняя сущность переживаемой минуты и вызываемую ею необходимость разбить организаціонныя перегородки, искусственно сковывающія силы еврейскихъ рабочихъ. То радушіе, съ которымъ послѣдніе встрѣтили нашу дѣятельность здѣсь, служитъ намъ гарантіей, что этотъ призывъ не останется безплоднымъ.

Товарищъ изъ Литвы.

---

[1] № 198 Посл. Изв. кор. изъ Двинска.

[2] Ibid. курсивъ подлинника.

[3] Польская соціальдемократія не ограничиваетъ рамокъ своей дѣятельности рамками національности *(Прим. ред.)*.

[4] См. Посл. Изв. № 196.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пролетарскія демонстраціи.

Въ легальныхъ газетахъ только глухо промелькнули извѣстія о ниже сообщаемыхъ демонстраціяхъ, которымъ, повидимому суждено стать исходнымъ пунктомъ открытаго выступленія сознательнаго пролетаріата. Если въ Одессѣ голосъ сознательныхъ рабочихъ на первой демонстраціи еще до извѣстной степени теряется въ обще-демократическомъ хорѣ (только до извѣстной степени, ибо благодаря, разумѣется, многочисленности рабочихъ -соціальдемократовъ, и эта демонстрація стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, оваціей въ честь нашей партіи, то въ Харьковѣ, во *второй* одесской демонстраціи, (по слухамъ, и въ Саратовѣ) и особенно Екатеринодарѣ нашимъ товарищамъ удалось показать „обществу", что они дѣйствуютъ, какъ самостоятельная партія, чувствующая себя способной оказать вліяніе на ходъ событій и пытающаяся сдѣлать это. Отмѣчаемъ, со словъ харьковскихъ и екатеринодарскихъ товарищей, какъ сочувственно отнеслись рабочіе къ идеѣ демонстрацій новаго типа.

Харьковъ. Послѣ неудавшагося студенческаго митинга съ демонстраціей и весьма удачнаго избіенія демонстрантовъ, въ городѣ стали ходить слухи, что „Комитетъ" на дняхъ устроитъ демонстрацію рабочихъ со студентами. Слухи эти ни на какихъ фактическихъ данныхъ не были основаны. Всѣ только понимали, что „это такъ должно быть", разъ студентамъ не удалось, тѣмъ болѣе, что эти неувѣнчавшіяся успѣхомъ попытки все же имѣли импозантный видъ. Но вотъ одно какъ будто постороннее обстоятельство, дѣйствительно, сдѣлало необходимымъ выступить съ категорическимъ заявленіемъ своихъ гражданскихъ чувствъ. На слѣдующій день послѣ неудавшейся попытки студентовъ, кучка „патріотовъ", во главѣ съ четырьмя надзирателями и эскортируемая цѣлымъ отрядомъ агентовъ явной и тайной полиціи, вздумала контръ-манифестировать: носили по улицамъ портретъ Николая Послѣдыша, пѣли гимнъ, молитвы; процессія эта двигалась изъ театра въ театръ, въ циркъ... только послѣдній пунктъ ихъ программы не былъ выполненъ, благодаря вліянію полиціймейстера: манифестанты направились къ одному „тоже увеселительному учрежденію", но полиціймейстеръ сказалъ: „тамъ безнравственно". Хожденіе это продолжалось до часу ночи. Публика, стоявшая по сторонамъ, смѣялась и говорила: „это не то, что вчера". На вопросъ одной женщины „что это такое?" городовой отвѣтилъ: „это, такъ, дураки какіе-то!" Не трудно понять, что эта патріотическая манифестація подлила масла въ огонь. Раздраженіе въ публикѣ росло. „Имъ можно, а намъ нельзя", говорили рабочіе. Впрочемъ, самъ фактъ вызывалъ много недовѣрія даже въ патріотически настроенныхъ обывателяхъ; извѣстны случаи, что полицейскіе надзиратели утромъ еще приглашали на „манифестацію". Говорятъ, что участникамъ платили по трехгривенному.

Возвратимся, однако, къ слухамъ о необходимости общей демонстраціи во что бы то ни стало. Полиція была того же мнѣнія и готовилась къ настоящей революціи: двѣ сотни казаковъ стояли наготовѣ во дворахъ, ближайшихъ къ центральнымъ улицамъ; кромѣ этого, въ казармахъ много пѣхоты было приготовлено къ охранѣ въ „нужную" минуту арсеналовъ, тюремъ и т. п.

Организація, между тѣмъ, готовилась. На предстоявшую субботу 6 ноября назначено было въ актовомъ залѣ университета засѣданіе Юридическаго Общества; среди прочихъ вопросовъ подлежало обсужденію предложеніе совѣта названнаго общества послать привѣтственную телеграмму нашему „весеннему Даждь-богу — Святополкъ-Мирскому. Долженъ напомнить, что этотъ день совпалъ съ предполагавшимся днемъ открытія земскаго съѣзда. Рѣшено было воспользоваться этимъ засѣданіемъ и обратить его въ народный митингъ. Намъ представлялся прекрасный случай открыто заявить наше отношеніе къ той вакханаліи либерализма, въ которой такъ ясно проявляется крайняя степень политической безнравственности „вождей" такъ называемаго общества. О техническихъ мѣрахъ приготовленія распространяться не буду.

На засѣданіе собралось много публики и не мало организованныхъ пролетаріевъ (свыше двухсотъ), приглашать больше было трудно: большею частью, рабочіе стѣснялись идти въ такое парадное собраніе; и сверхъ того, университетскіе церберы быть можетъ, по внушенію свыше отъ кого нибудь изъ Совѣт. общества[1], многимъ не дали использовать свою рѣшимость: „мужиковъ не пускать!" Зала была биткомъ набита. Для чего, спрашивается, явилась эта публика? Что ее сюда манило? гражданская доблесть или крайняя степень любопытства? Въ всякомъ случаѣ, рабочими и революціонерами руководили мотивы перваго характера, и они пришли, готовые на все, съ чѣмъ у насъ связано выраженіе своего гражданскаго мужества. Вездѣ въ ихъ средѣ говорили о варшавскомъ разстрѣлѣ демонстрантовъ. Но ни у кого ни одинъ на тонъ голосъ не поколебался и не дрогнулъ, — только повторяли: „ну, что-жъ? Значитъ, надо быть тверже; мы не студенты, мы рабочіе; намъ непристойно разбѣгаться предъ свистомъ нагаекъ".

Засѣданіе началось. Предсѣдатель, профессоръ Гредескулъ предпослалъ чтенію телеграммы вводное слово. Красиво, не съ ораторскимъ, а съ педагогическимъ искусствомъ, онъ сталъ говорить о нынѣшнемъ положеніи. Насталъ моментъ, говорилъ онъ, когда въ каждомъ гражданинѣ должны проснуться его долгъ и обязанность передъ родиной; не надо ждать, „что скажутъ другіе"; надо спрашивать, что долженъ дѣлать я? И для должнаго проявленія мужества, надо руководиться только послѣднимъ критеріемъ. Переходя въ область повѣствовательную, онъ развивалъ мысль, что, пойдетъ-ли наше правительство дальше по тому пути, на который оно вступило съ назначеніемъ Святополка или нѣтъ, но послѣдній, во всякомъ случаѣ, вписалъ нашу эпоху свѣтлыми красками въ лѣтопись нашего отечества. Далѣе, онъ много (не менѣе, чѣмъ того требовалось примѣнительно къ подлости распространялся о томъ, что у насъ въ настоящій моментъ существуетъ *фактическая* свобода слова. Телеграмма, послѣ достаточнаго воскуренія ѳиміама, выражаетъ пожеланіе... „закрѣпить созданное имъ, министромъ, положеніе правовыми нормами".

Поднимается кто-то изъ членовъ общества и проситъ слова. Слово дается, но не ему, а предсѣдателю. Послѣдній исчерпалъ всѣ средства логики, софизмовъ и почти насилія, чтобы не допустить преній, и побудить принять телеграмму единогласно, „для внушительности". Но оппоненты все просили слова. Тогда тотъ же Гредескулъ, прорицатель гражданскихъ добродѣтелей, ставитъ на баллотировку вопросъ: допустить-ли пренія по поднятому вопросу?.. (sic), т. е. дать ли оппозиціи высказаться о телеграммѣ или же принятіемъ его, предсѣдателя, предложенія, считать ее единогласно принятой? „И по этому поводу прошу слова", заявляетъ просившій ранѣе слова. — „Собраніе можетъ высказаться тоже единогласно, но за другую редакцію текста". Гредескулъ говоритъ, что при выработкѣ текста совѣтъ принялъ во вниманіе и меньшинство общества и высказался въ такой формѣ, чтобы тѣ не сказали, что ихъ мнѣнія не высказаны (читаетъ мѣсто телеграммы о „закрѣпленіи правовыми нормами"). Пренія и препирательства продолжаются. Оппонентъ заявляетъ, что, если бъ во всѣхъ парламентахъ, къ которымъ предсѣдатель приравнилъ настоящее собраніе, руководились такого рода пріемами, то всюду большинство могло бы наложить на меньшинство узду, превосходящую даже крайніе предѣлы цензурныхъ обычаевъ. Предсѣдатель этотъ доводъ нашелъ софистическимъ, такъ какъ его, де, оппозиція преніямъ ни въ коемъ случаѣ не является покушеніемъ на свободу выраженія мнѣній; наоборотъ, его предложеніе домогается придать объединяющему всѣхъ единомыслію внушительный характеръ единогласія. Нужно замѣтить, что каждое „слово" предсѣдателя и оппонента награждалось — въ первомъ случаѣ шиканіемъ, во второмъ — аплодисментами. Ставится на баллотировку вопросъ: принимается-ли предложеніе предсѣдателя, т. е. о принятіи телеграммы безъ преній? Залъ наэлектризовывается. Да; нѣтъ; нѣтъ..., опять да и т. д. По тону, съ которымъ произносились отвѣты, можно было прочесть психическое состояніе говорившаго. „Ни въ коемъ случаѣ", голосуетъ одинъ, и по его адресу раздается долго несмолкающій единодушный громъ аплодисментовъ. Въ результатѣ баллотировка даетъ 15 да; 29 нѣтъ. Начинаются пренія. Слово просятъ 8 человѣкъ. Одинъ за другимъ, ораторы въ томъ или иномъ смыслѣ высказываются противъ посылки. Одинъ развиваетъ мысль, что выраженное намъ довѣріе есть наше право, а благодарить можно за то, что даруется; позаботился ли министръ узнать о довѣріи общества къ нему? и т. д. Другой приходитъ къ выводу, что неразумно, недостойно общественныхъ дѣятелей и унизительно расточать хвалу тому, кого мы порицать не смѣемъ. Рѣчь, произнесенная третьимъ ораторомъ, обстоятельнѣе предъидущихъ. „Въ чемъ наша культурность, за которую (такъ приблизительно онъ говорилъ) мы причисляемъ себя къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Путешественникъ, проѣзжая по культурнымъ странамъ, дѣйствительно видитъ выраженіе общественнаго мнѣнія. Во Франціи ведется страшная борьба съ конгрегаціями, съ клерикализмомъ; въ Англіи—борьба съ имперіализмомъ; въ Америкѣ—съ трестами, и только, проѣзжая Россію, мы встрѣчаемъ всеобщее ликованіе". Каждый разъ рѣчь эта прерывалась громкими аплодисментами и возгласами одобренія. „Что даетъ намъ право радоваться? Лучшая часть русскаго общества скитается заграницей, составляя тамъ цвѣтъ ученаго міра, украшая своими именами западно-европейскіе университеты; другая группа лучшей части нашего общества, болѣе многочисленная первой, погибаетъ въ полярныхъ странахъ, въ тундрахъ далекой Якутки. Развѣ наши дѣти освобождены отъ всѣхъ этихъ несчастій? Во всемъ ли этомъ наша культура?" Громъ аплодисментовъ и бурные крики одобренія. Ораторъ кончилъ; не успѣлъ еще заговорить слѣдующій, вдругъ рикошетомъ летятъ со всѣхъ сторонъ прокламаціи за подписью Харьковскаго Комитета и карточки печатныя съ возгласами: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ учредительное собраніе!" Публика начинаетъ ловить, бросая излишекъ въ другую сторону; такъ продолжалось съ минуту, но она казалась безконечной. Подымается Гредескулъ, только что захлебывавшійся отъ „фактической свободы слова", и стараясь перекричать всѣхъ, заявляетъ, „что не находитъ словъ для достаточнаго выраженія негодованія по поводу только что происшедшаго". Кажется, онъ даже имѣлъ дерзость заявить это отъ имени членовъ Совѣта или даже „общества". Вой и свистъ покрываютъ его слова. „Долой предсѣдателя! Стыдно! Берите слова обратно!" слышатся со всѣхъ сторонъ. Предсѣдатель не унимается и кричитъ на всю залу: „если тѣ, которые это сдѣлали, честные и порядочные люди, пусть они добровольно удаляются". Эта провокаторская выходка подняла бурю негодованія. Вой и свистъ доходятъ до апогея. Предсѣдатель объявляетъ собраніе закрытымъ и часть „общества" удаляется. Шумъ не прекращается; тогда на стулъ вскакиваетъ товарищъ и объявляетъ настоящее собраніе народнымъ митингомъ; среди шума онъ начинаетъ произносить рѣчь, объявивъ себя членомъ Р. С.-Д. Р. П. Публика начинаетъ окружать его и слушать. Ораторъ приглашаетъ гражданъ вникнуть въ нынѣшнее положеніе вещей. Можно-ли считать поведеніе нынѣшняго министра первымъ шагомъ правительства къ измѣненію режима? Въ то время, какъ онъ платонически выражаетъ довѣріе общественнымъ силамъ, жандармская и общая полиція оффиціально объединяются, но, на самомъ дѣлѣ, послѣдняя подчиняется первой, и начальнику жандармовъ вручается власть министра. Звѣрская Кутайсовская политика по отношенію къ ссыльнымъ-революціонерамъ поощряется новымъ весеннимъ богомъ; въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ происходитъ наглое избіеніе демонстрантовъ; въ Варшавѣ демонстрантовъ разстрѣливаютъ. Среди не совсѣмъ прекратившагося шума (публика суетилась и никакъ не могла успокоиться, а между отдѣльными членами происходила перебранка) нельзя было разобрать все, что говорилъ ораторъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ предложилъ собранію резолюцію, выработанную Харьковскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. и принятую передовыми кружками рабочихъ. Резолюція была принята очень дружными аплодисментами.

Затѣмъ началось пѣніе Марсельезы. Публика выходила очень долго, такъ какъ въ залѣ имѣется единственный выходъ, а народу было нѣсколько сотъ человѣкъ. Тѣмъ временемъ, у зданія университета скопились и вновь приходившіе. Около университета рабочіе выкинули красное знамя[1] и двинулись по главнымъ улицамъ. Подъ знаменемъ шли, конечно, не только рабочіе; были и студенты и частная публика такъ или иначе примыкающая къ организаціи. Всего подъ знаменемъ шло ни въ коемъ случаѣ не меньше 500 человѣкъ. Шествіе продолжалось по главнымъ улицамъ, свыше часу. Пѣсни пѣлись разныя: Варшавянка, Красное Знамя, Дубинушка. Больше всего, Марсельеза. Были возгласы: „Да здравствуетъ Россійская Республика, Учредительное Собраніе, Р. С.-Д. Р. П., Долой и т. д." Вспоминали и про освобожденныхъ недавно В. Фигнеръ, Ашенбреннера и В. Иванова. Сначала полиціи было совсѣмъ мало, но потомъ она все увеличивалась, но нападать не смѣла, а войска подъ руками не было. Полицейскіе только покорнѣйше просили „хоть не кричать". Они попробовали было устроить цѣпь изъ полицейскихъ, но ее конечно, прорвали. Казаки явились уже слишкомъ поздно. Когда стали расходиться, полицейскіе стали нападать на отдѣльныхъ лицъ и вымещать всю злобу безсилія, особенно усердно помогали стоявшіе въ сторонѣ съ дубьемъ шпіоны. Бросились они потомъ по улицамъ, но такъ какъ много публики шло изъ театровъ, то попадались большею частью, непричастные люди: ихъ то сильно избивали и арестовывали.

Ночью были обыски и аресты. Арестованы: раб. Ласкинъ и инт. Верховскій (послѣдній взятъ на улицѣ и сильно избитъ).

Одинъ изъ организаторовъ.

Екатеринодаръ. Демонстрація въ городской думѣ. Нашъ мирный городъ, до сихъ поръ довольно слабо реагировавшій на все, хотя сколько-нибудь выходящее за предѣлы узко обывательскихъ жизненныхъ рамокъ, зашевелился, оправился отъ дремоты и проявилъ необычайный интересъ къ политическимъ событіямъ. Какъ будто въ самую середину болота упалъ камень, всколыхнулъ застоявшуюся воду и пробудилъ отъ спячки всѣхъ мирно прозябавшихъ жабъ, лягушекъ, головастиковъ и тому подобную болотную тварь. Плескъ и шумъ паденія до-

---

[1] Дѣло въ томъ, что до Совѣта дошли глухіе слухи о томъ, что Комитетъ что-то замышляетъ. По крайней мѣрѣ, въ субботу утромъ Комитету былъ присланъ ультиматумъ: „если до 3-хъ часовъ дня Комитетъ не пришлетъ обѣщанія, что „ничего не будетъ", засѣданіе не состоится". Комитетъ, конечно, ничего не отвѣтилъ.

[1] Надписи: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Р. С.-Д. Р. П.

А теперь, когда мы присутствуемъ при начинающемся крушеніи самодержавія, когда всѣ общественныя силы организуются и вырабатываютъ свои политическіе лозунги. свои методы политической борьбы, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо приложить всѣ усилія, чтобы и пролетаріатъ выступилъ въ качествѣ объединенной, сознательной и самостоятельной *классовой* силы...

НАСТОЯЩІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ И ЗАДАЧИ СОЦ.-ДЕМ. НА ОКРАИНАХЪ.

(Письмо въ редакцію).

Готовясь войти въ какую-нибудь политическую сдѣлку съ имущими классами, самодержавіе стремится продать имъ за возможно большую цѣну кроху народной свободы. Исходя и въ дальнѣйшемъ изъ того же принципа, самодержавное правительство постарается воспользоваться пестротою національнаго состава Россіи. При первыхъ признакахъ демонстрацій и массовыхъ протестовъ, правительство постарается дискредитировать движеніе рабочихъ или, что еще гораздо хуже, постарается охарактеризовать общую волну народнаго возмущенія, какъ бунтъ поляковъ, евреевъ, армянъ etc.. Что правительство это уже предпринимаетъ, мы видѣли въ самое послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ народу съ „милостивыми“ словами Святополка Мирскаго, обращенными къ еврейской депутаціи въ Вильнѣ эта волна еврейскихъ погромовъ, прокатившаяся по Сѣверо-Западному краю? Власти стараются свалить вину на запасныхъ, но сущность отъ этого не мѣняется, и, кромѣ того, запасные приходили и доканчивали то, что начато было „мѣстными людьми“. Не запасные же, въ самомъ дѣлѣ, выпускали прокламаціи въ Двинскѣ съ призывомъ бить „жидовъ“[1]. Не запасные были инціаторами погрома и въ Могилевѣ, гдѣ полиціймейстеръ Родіоновъ „въ субботу въ полицейскомъ управленіи доказывалъ запаснымъ, *что необходимо губить демократовъ евреевъ*[2]“.

Старый испытанный методъ! И горе демократическимъ требованіямъ пролетаріата, если политика правительства будетъ имѣть успѣхъ, но во сто кратъ сильнѣе отзовется этотъ успѣхъ на *классовой организаціи* рабочихъ, и это намъ необходимо подчеркивать на каждомъ шагу въ нашей теперешней агитаціи. Необходимо возможно шире и глубже распространять ту желательную истину политики рабочаго класса, что порабощеніе какой-бы то ни было соціальной группы противорѣчитъ его истиннымъ интересамъ, и что всякій изъянъ въ демократической конституціи будущей Россіи, по отношенію къ какой-нибудь національности, явится изъяномъ въ свободѣ всего русскаго народа и, прежде всего,—пролетаріата. И первый ударъ, который соц.-дем. нанесетъ указанной политикѣ самодержавія, будетъ наиболѣе тѣсное объединеніе россійскаго рабочаго класса. Такое объединенное общероссійское движеніе рабочаго класса нельзя будетъ назвать „бунтомъ“ евреевъ и поляковъ. Характерно, что правительство предприняло на этотъ разъ погромы въ Сѣверо-Западномъ краѣ, гдѣ, въ виду существующаго сильнаго движенія *только* среди еврейскаго пролетаріата, является возможность слиянія въ сознаніи темной массы рабочихъ-громилъ понятій „демократъ“ и „еврей бунтарь“. Я беру тотъ же № Посл. извѣстій цитированный мною выше, и въ весьма подробной корреспонденціи изъ Одессы читаю описаніе отчаянія и горя запасныхъ, ихъ буйства, но ни слова о разгромѣ евреевъ.

Намъ необходимо общероссійское движеніе, охватывающее пролетаріатъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію отъ Риги до Тифлиса и отъ Варшавы до Москвы. Но какъ это сдѣлать? И развѣ объ этомъ не говорилось много разъ? Да, но, къ сожалѣнію, *только* говорилось. Теперь насталъ тотъ моментъ, когда всякаго рода разговоры должны превращаться въ дѣло. Объединеніе рабочаго движенія должно произойти въ такихъ тѣсныхъ организаціонныхъ рамкахъ, которыя дадутъ возможность объединить *дѣятельность*, придать ей планомѣрность, расширить сферу вліянія соціальдемократіи въ Россіи увеличивъ, тѣмъ самымъ, силу натиска пролетаріата на цитадель царизма. Каждая потерянная минута въ данномъ направленіи даетъ лишній козырь въ руки Россійской реакціи. И этотъ вопросъ объединенія въ конкретной формѣ возстаетъ на первомъ планѣ предъ нѣкоторыми окраинными организаціями, какъ Бундъ, Партія С.-Д. въ Польшѣ и Литвѣ[3], Латышской Соц.-Дем. etc., которыя ограничили свою дѣятельность рамками *своей* національности, раздробляя, такимъ образомъ, общерусскую работу. Насущнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было, является необходимость объединенія для еврейскихъ рабочихъ, и легче, чѣмъ кому бы то ни было, сдѣлать первый шагъ въ данномъ направленіи организованному еврейскому пролетаріату. Я говорю, что для него это насущная необходимость потому, что онъ всегда служилъ тѣмъ козломъ отпущенія, на которомъ русское правительство, пользуясь отсталостью окружающаго населенія, старается вымѣстить свою ненависть къ рабочему движенію, во-первыхъ, и раздавить его во-вторыхъ. Отсутствіе въ районѣ Бунда сплоченной силы сорганизованнаго еврейскаго пролетаріата помогло въ данномъ случаѣ русскому самодержавію. И внѣ всякаго сомнѣнія (это можетъ подтвердить всякій практикъ бундовскаго района), что организаціонное отдѣленіе Бунда отъ Партіи превращеніе его въ самостоятельную, самодовлѣющую организацію имѣло для еврейскаго пролетаріата самое отрицательное значеніе, достаточнымъ доказательствомъ того служитъ широкое недовольство политикой Бунда въ слояхъ еврейской массы, и та жадность, съ которой она прислушивается къ партійной агитаціи въ здѣшнемъ краѣ. Какъ много сталкивавшійся съ еврейской и нееврейской массой въ Сѣверо-Западномъ краѣ, я могу лишь указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что организаціонный сепаратизмъ Бунда и нѣкоторыхъ другихъ организацій ни въ какомъ случаѣ не идетъ „снизу“, даже наоборотъ, мнѣ постоянно приходилось наталкиваться на тотъ же вопросъ, „неужели мы не можемъ бороться въ рядахъ Партіи, вмѣстѣ съ русскими товарищами“? Вы можете постоянно услышать здѣсь жалобы сознательнаго пролетарія на отсутствіе работы среди „христіанъ“; косность послѣднихъ особенно чувствительна еврейскому пролетаріату далеко ушедшему въ своей классовой сознательности. А что здѣсь есть громадная почва для работы и что при самой умѣренной дѣятельности, здѣсь можно имѣть успѣхъ, показала небольшая практика мѣстнаго партійнаго комитета. Недолгая дѣятельность, напримѣръ, витебской группы дала возможность выставить въ Витебскѣ защиту изъ христіанскихъ рабочихъ[4], и я твердо убѣжденъ, что, существуй въ Литвѣ болѣе или менѣе сильное организованное движеніе среди христіанъ, оно давно сдѣлалось бы ареной демонстрацій, а въ настоящій моментъ не было бы возможности погромовъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ. И этотъ моментъ, который требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, неустанно говоритъ намъ о необходимости уничтоженія всякаго сепаратизма въ нашихъ рядахъ и о работѣ въ тѣхъ слояхъ пролетаріата, которые, оставаясь незатронутыми, грозятъ нанести серіозный ударъ рабочему классу Россіи. Всякое отграничиваніе себя, въ силу своихъ узко національныхъ интересовъ, отъ общерусскаго движенія *въ данный моментъ* является преступнымъ, во-первыхъ, по отношенію къ классовой борьбѣ пролетаріата, а во вторыхъ, по отношенію къ демократизму русской конституціи.

Не находя причинъ, которыя мѣшали бы вступленію П. С. Д. въ нашу Партію, и думая, что оно не заставитъ себя ждать, я выражаю свое убѣжденіе въ томъ, что и Бундъ могъ бы найти [illegible] для себя, который далъ бы возможность ему вступить въ Партію, конечно, на условіяхъ, непротиворѣчащихъ основнымъ организаціоннымъ-партійнымъ принципамъ, санкціонированнымъ II съѣздомъ. И первое что необходимо было предпринять при такомъ объединеніи, это возможно широкая агитація среди нееврейскаго пролетаріата въ районѣ его дѣятельности, такимъ образомъ, фактически, а не только уставно, сливъ движеніе еврейскихъ и нееврейскихъ рабочихъ въ одно русло. И если очевидность этого слиянія не ясна *верхамъ* Бунда, то обязанность нашей Партіи обратиться къ еврейскому пролетаріату съ широкой агитаціей и литературой на еврейскомъ языкѣ, разъясняя сущность переживаемой минуты и вызываемую ею необходимость разбить организаціонныя перегородки, искусственно сковывающія силы еврейскихъ рабочихъ. То радушіе, съ которымъ послѣдніе встрѣтили нашу дѣятельность здѣсь, служитъ намъ гарантіей, что этотъ призывъ не останется безплоднымъ.

Товарищъ изъ Литвы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пролетарскія демонстраціи.

Въ легальныхъ газетахъ только глухо промелькнули извѣстія о ниже сообщаемыхъ демонстраціяхъ, которымъ, повидимому суждено стать исходнымъ пунктомъ открытаго выступленія сознательнаго пролетаріата. Если въ Одессѣ голосъ сознательныхъ рабочихъ на первой демонстраціи еще до извѣстной степени теряется въ обще-демократическомъ хорѣ (только до извѣстной степени, ибо благодаря, разумѣется, многочисленности рабочихъ-соціальдемократовъ, и эта демонстрація стала, вмѣстѣ съ тѣмъ, оваціей въ честь нашей партіи, то въ Харьковѣ, во *второй* одесской демонстраціи, (по слухамъ, и въ Саратовѣ) и особенно Екатеринодарѣ нашимъ товарищамъ удалось показать „обществу“, что они дѣйствуютъ, какъ самостоятельная партія, чувствующая себя способной оказать вліяніе на ходъ событій и пытающаяся сдѣлать это. Отмѣчаемъ, со словъ харьковскихъ и екатеринодарскихъ товарищей, какъ сочувственно отнеслись рабочіе къ идеѣ демонстрацій новаго типа.

Харьковъ. Послѣ неудавшагося студенческаго митинга съ демонстраціей и весьма удачнаго избіенія демонстрантовъ, въ городѣ стали ходить слухи, что „Комитетъ“ на дняхъ устроитъ демонстрацію рабочихъ со студентами. Слухи эти ни на какихъ фактическихъ данныхъ не были основаны. Всѣ только понимали, что „это такъ должно быть“, разъ студентамъ не удалось, тѣмъ болѣе, что эти неувѣнчавшіяся успѣхомъ попытки все же имѣли импозантный видъ. Но вотъ одно какъ будто постороннее обстоятельство, дѣйствительно, сдѣлало необходимымъ выступить съ категорическимъ заявленіемъ своихъ гражданскихъ чувствъ. На слѣдующій день послѣ неудавшейся попытки студентовъ, кучка „патріотовъ“, во главѣ съ четырьмя надзирателями и эскортируемая цѣлымъ отрядомъ агентовъ явной и тайной полиціи, вздумала контръ-манифестировать: носили по улицамъ портретъ Николая Послѣдыша, пѣли гимнъ, молитвы; процессія эта двигалась изъ театра въ театръ, въ циркъ... только послѣдній пунктъ ихъ программы не былъ выполненъ, благодаря вліянію полиціймейстера: манифестанты направились къ одному „тоже увеселительному учрежденію“, но полиціймейстеръ сказалъ: „тамъ безнравственно“. Хожденіе это продолжалось до часу ночи. Публика, стоявшая по сторонамъ, смѣялась и говорила: „это не то, что вчера“. На вопросъ одной женщины „что это такое?“ городовой отвѣтилъ: „это, такъ, дураки какіе-то!“ Не трудно понять, что эта патріотическая манифестація подлила масла въ огонь. Раздраженіе въ публикѣ росло. „Имъ можно, а намъ нельзя“, говорили рабочіе. Впрочемъ, самъ фактъ вызывалъ много недовѣрія даже въ патріотически настроенныхъ обывателяхъ; извѣстны случаи, что полицейскіе надзиратели утромъ еще приглашали на „манифестацію“. Говорятъ, что участникамъ платили по трехгривенному.

Возвратимся, однако, къ слухамъ о необходимости общей демонстраціи во что бы то ни стало. Полиція была того же мнѣнія и готовилась къ настоящей революціи: двѣ сотни казаковъ стояли наготовѣ во дворахъ, ближайшихъ къ центральнымъ улицамъ; кромѣ этого, въ казармахъ много пѣхоты было приготовлено къ охранѣ въ „нужную“ минуту арсеналовъ, тюремъ и т. п.

Организація, между тѣмъ, готовилась. На предстоявшую субботу 6 ноября назначено было въ актовомъ залѣ университета засѣданіе Юридическаго Общества; среди прочихъ вопросовъ подлежало обсужденію предложеніе совѣта названнаго общества послать привѣтственную телеграмму нашему „весеннему Дажъ-богу — Святополкъ-Мирскому. Долженъ напомнить, что этотъ день совпалъ съ предполагавшимся днемъ открытія земскаго съѣзда. Рѣшено было воспользоваться этимъ засѣданіемъ и обратить его въ народный митингъ. Намъ представлялся прекрасный случай открыто заявить наше отношеніе къ той вакханаліи либерализма, въ которой такъ ясно проявляется крайняя степень политической безнравственности „вождей“ такъ называемаго общества. О техническихъ мѣрахъ приготовленій распространяться не буду.

На засѣданіе собралось много публики и не мало организованныхъ пролетаріевъ (свыше двухсотъ), приглашать больше было трудно: большею частью, рабочіе стѣснялись идти въ такое парадное собраніе; и сверхъ того, университетскіе церберы быть можетъ, по внушенію свыше отъ кого нибудь изъ Совѣта общества[1], многимъ не дали использовать свою рѣшимость: „мужиковъ не пускать!“ Зала была биткомъ набита. Для чего, спрашивается, явилась эта публика? Что ее сюда манило: гражданская доблесть или крайняя степень любопытства? Въ всякомъ случаѣ, рабочими и революціонерами руководили мотивы перваго характера, и они пришли, готовые на все, съ чѣмъ у насъ связано выраженіе своего гражданскаго мужества. Всюду въ ихъ средѣ говорили о варшавскомъ разстрѣлѣ демонстрантовъ. Но ни у кого ни одинъ на тонъ голосъ не поколебался и не дрогнулъ, — только повторяли: „ну, что-жъ? Значитъ, надо быть тверже; мы не студенты, мы рабочіе; намъ непристойно разбѣгаться предъ свистомъ нагаекъ“.

Засѣданіе началось. Предсѣдатель, профессоръ Гредескулъ предпослалъ чтенію телеграммы вводное слово. Красиво, но не съ ораторскимъ, а съ педагогическимъ искусствомъ, онъ сталъ говорить о нынѣшнемъ положеніи. Насталъ моментъ, говорилъ онъ, когда въ каждомъ гражданинѣ должны проснуться его долгъ и обязанность передъ родиной; не надо ждать, „что скажутъ другіе“; надо спрашивать, что долженъ дѣлать я? И для полнаго проявленія мужества, надо руководиться только послѣднимъ критеріемъ. Переходя въ область повѣствовательную, онъ развивалъ мысль, что, пойдетъ-ли наше правительство дальше по тому пути, на который оно вступило съ назначеніемъ Святополка или нѣтъ, но послѣдній, во всякомъ случаѣ, вписалъ нашу эпоху свѣтлыми красками въ лѣтопись нашего отечества. Далѣе, онъ много (не менѣе, чѣмъ того требовалось примѣнительно къ подлости) распространялся о томъ, что у насъ въ настоящій моментъ существуетъ *фактическая* свобода слова. Телеграмма, послѣ достаточнаго воскуренія ѳиміама, выражаетъ пожеланіе... „закрѣпить созданное имъ, министромъ, положеніе правовыми нормами“.

Подымается кто-то изъ членовъ общества и проситъ слова. Слово дается, но не ему, а предсѣдателю. Послѣдній исчерпалъ всѣ средства логики, софизмовъ и почти насилія, чтобы не допустить преній, и побудить принять телеграмму единогласно, „для внушительности“. Но оппоненты все просили слова. Тогда тотъ же Гредескулъ, прорицатель гражданскихъ добродѣтелей, ставитъ на баллотировку вопросъ: допустить-ли пренія по поднятому вопросу?.. (sic), т. е. дать ли оппозиціи высказаться о телеграммѣ или же принятіемъ его, предсѣдателя, предложенія, считать ее единогласно принятой? „И по этому поводу прошу слова“, заявляетъ просившій раньше слова. — „Собраніе можетъ высказаться тоже единогласно, но за другую редакцію текста“. Гредескулъ говоритъ, что при выработкѣ текста совѣтъ принялъ во вниманіе и меньшинство общества и высказался въ такой формѣ, чтобы тѣ не сказали, что ихъ мнѣнія не высказаны (читаетъ мѣсто телеграммы о „закрѣпленіи правовыми нормами“). Пренія и препирательства продолжаются. Оппонентъ заявляетъ, что, если бъ во всѣхъ парламентахъ, къ которымъ предсѣдатель приравнилъ настоящее собраніе, руководились такого рода пріемами, то всюду большинство могло бы наложить на меньшинство узду, превосходящую даже крайніе предѣлы цензурныхъ обычаевъ. Предсѣдатель этотъ доводъ нашелъ софистическимъ, такъ какъ его, де, оппозиція преніямъ ни въ коемъ случаѣ не является покушеніемъ на свободу выраженія мнѣній; наоборотъ, его предложеніе домогается придать объединяющему всѣхъ единомыслію внушительный характеръ единогласія. Нужно замѣтить, что каждое „слово“ предсѣдателя и оппонента награждалось — въ первомъ случаѣ шиканіемъ, во второмъ — апплодисментами. Ставится на баллотировку вопросъ: принимается-ли предложеніе предсѣдателя, т. е. о принятіи телеграммы безъ преній? Залъ наэлектризовывается. Да; нѣтъ; нѣтъ... опять да и т. д. По тону, съ которымъ произносились отвѣты, можно было прочесть психическое состояніе говорившаго. „Ни въ коемъ случаѣ“, голосуетъ одинъ, и по его адресу раздается долго несмолкающій единодушный громъ апплодисментовъ. Въ результатѣ баллотировка даетъ 15 да; 29 нѣтъ. Начинаются пренія. Слово просятъ 8 человѣкъ. Одинъ за другимъ, ораторы въ томъ или иномъ смыслѣ высказываются противъ посылки. Одинъ развиваетъ мысль, что выраженное намъ довѣріе есть наше право, а благодарить можно за то, что даруется; позаботился ли министръ узнать о довѣріи общества къ нему? и т. д. Другой приходитъ къ выводу, что неразумно, недостойно общественныхъ дѣятелей и унизительно расточать хвалу тому, кого мы порицать не смѣемъ. Рѣчь, произнесенная третьимъ ораторомъ, обстоятельнѣе предъидущихъ. „Въ чемъ наша культурность, за которую (такъ приблизительно онъ говорилъ) мы причисляемъ себя къ семьѣ цивилизованныхъ народовъ? Путешественникъ, проѣзжая по культурнымъ странамъ, дѣйствительно видитъ выраженіе общественнаго мнѣнія. Во Франціи ведется страшная борьба съ конгрегаціями, съ клерикализмомъ; въ Англіи—борьба съ имперіализмомъ; въ Америкѣ—съ трестами, и только, проѣзжая Россію, мы встрѣчаемъ всеобщее ликованіе“. Каждый разъ рѣчь эта прерывалась громкими апплодисментами и возгласами одобренія. „Что даетъ намъ право радоваться? Лучшая часть русскаго общества скитается заграницей, составляя тамъ цвѣтъ ученаго міра, украшая своими именами западно-европейскіе университеты; другая группа лучшей части нашего общества, болѣе многочисленная первой, погибаетъ въ полярныхъ странахъ, въ тундрахъ далекой Якутки. Развѣ наши дѣти освобождены отъ всѣхъ этихъ несчастій? Во всемъ ли этомъ наша культура?“ Громъ апплодисментовъ и бурные крики одобренія. Ораторъ кончилъ; не успѣлъ еще заговорить слѣдующій, вдругъ рикошетомъ летятъ со всѣхъ сторонъ прокламаціи за подписью Харьковскаго Комитета и карточки печатныя съ возгласами: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ учредительное собраніе!“ Публика начинаетъ ловить, бросая излишекъ въ другую сторону; такъ продолжалось съ минуту, но она казалась безконечной. Подымается Гредескулъ, только что захлебывавшійся отъ „фактической свободы слова“, и стараясь перекричать всѣхъ, заявляетъ, „что не находитъ словъ для достаточнаго выраженія негодованія по поводу только что происшедшаго“. Кажется, онъ даже имѣлъ дерзость заявить, что отъ имени членовъ Совѣта или даже „общества“. Вой и свистъ покрываютъ его слова. „Долой предсѣдателя! Стыдно! Берите слова обратно!“ слышатся со всѣхъ сторонъ. Предсѣдатель не унимается и кричитъ на всю залу: „если тѣ, которые это сдѣлали, честные и порядочные люди, пусть они добровольно удалятся“. Эта провокаторская выходка подняла бурю негодованія. Вой и свистъ доходятъ до апогея. Предсѣдатель объявляетъ собраніе закрытымъ и часть „общества“ удаляется. Шумъ не прекращается; тогда на стулъ вскакиваетъ товарищъ и объявляетъ настоящее собраніе народнымъ митингомъ; среди шума онъ начинаетъ произносить рѣчь, объявивъ себя членомъ Р. С.-Д. Р. П. Публика начинаетъ окружать его и слушать. Ораторъ приглашаетъ гражданъ вникнуть въ нынѣшнее положеніе вещей. Можно-ли считать поведеніе нынѣшняго министра первымъ шагомъ правительства къ измѣненію режима? Въ то время, какъ онъ платонически выражаетъ довѣріе общественнымъ силамъ, жандармская и общая полиція оффиціально объединяются, но, на самомъ дѣлѣ, послѣдняя подчиняется первой, и начальнику жандармовъ вручается власть министра. Звѣрская Кутайсовская политика по отношенію къ ссыльнымъ-революціонерамъ поощряется новымъ весеннимъ богомъ; въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и другихъ городахъ происходитъ наглое избіеніе демонстрантовъ; въ Варшавѣ демонстрантовъ разстрѣливаютъ. Среди не совсѣмъ прекратившагося шума (публика суетилась и никакъ не могла успокоиться, а между отдѣльными членами происходила перебранка) нельзя было разобрать все, что говорилъ ораторъ. Въ концѣ своей рѣчи онъ предложилъ собранію резолюцію, выработанную Харьковскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. и принятую передовыми кружками рабочихъ. Резолюція была принята очень дружными апплодисментами.

Затѣмъ началось пѣніе Марсельезы. Публика выходила очень долго, такъ какъ въ залѣ имѣется единственный выходъ, а народу было нѣсколько сотъ человѣкъ. Тѣмъ временемъ, у зданія университета скоплялись и вновь приходившіе. Около университета рабочіе выкинули красное знамя[1] и двинулись по главнымъ улицамъ. Подъ знаменемъ шли, конечно, не только рабочіе; были и студенты и частная публика, такъ или иначе примыкающая къ организаціи. Всего подъ знаменемъ шло ни въ коемъ случаѣ не меньше 500 человѣкъ. Шествіе продолжалось (по главнымъ улицамъ) свыше часу. Пѣсни пѣлись разныя: Варшавянка, Красное Знамя, Дубинушка. Больше всего, Марсельеза. Были возгласы: „Да здравствуетъ Россійская Республика, Учредительное Собраніе, Р. С.-Д. Р. П., Долой и т. д.“ Вспоминали и про освобожденныхъ недавно В. Фигнеръ, Ашенбренера и В. Иванова. Сначала полиціи было совсѣмъ мало, но потомъ она все увеличивалась, но нападать не смѣла, а войска подъ руками не было. Полицейскіе только покорнѣйше просили „хоть не кричать“. Они попробовали было устроить цѣпь изъ полицейскихъ, но ее конечно, прорвали. Казаки явились уже слишкомъ поздно. Когда стали расходиться, полицейскіе стали нападать на отдѣльныхъ лицъ и вымещать всю злобу безсилія, особенно усердно помогали стоявшіе въ сторонѣ съ дубьемъ шпіоны. Бросились они потомъ по улицамъ, но такъ какъ много публики шло изъ театровъ, то попались большею частью, непричастные люди: ихъ то сильно избивали и арестовывали.

Ночью были обыски и аресты. Арестованы: раб. Ласкинъ и инт. Верховскій (послѣдній взятъ на улицѣ и сильно избитъ).

Одинъ изъ организаторовъ.

Екатеринодаръ. Демонстрація въ городской думѣ. Нашъ мирный городъ, до сихъ поръ довольно слабо реагировавшій на все, хотя сколько-нибудь выходящее за предѣлы узко-обывательскихъ жизненныхъ рамокъ, зашевелился, оправился отъ дремоты и проявилъ необычайный интересъ къ политическимъ событіямъ. Какъ будто въ самую середину болота упалъ камень, всколыхнулъ застоявшуюся воду и пробудилъ отъ спячки всѣхъ мирно прозябавшихъ жабъ, лягушекъ, головастиковъ и тому подобную болотную тварь. Плескъ и шумъ паденія достигъ до самыхъ темныхъ, самыхъ тинистыхъ и уютныхъ угловъ; старыя, консервативныя жабы негодующе заквакали, а либеральные головастики съ удвоенной энергіей заюлили въ пустыхъ поросляхъ самодержавнаго болота. Выступила на сцену, конечно, и щука, облеченная въ синій жандармскій мундиръ; злобно почавкала зубами, но ничѣмъ вкуснымъ не поживилась. Роль магическаго камня сыграла демонстрація въ городской думѣ 10 ноября, подготовленная Кубанскимъ Комитетомъ и удачно проведенная. Въ этой демонстраціи русскій организованный пролетаріатъ впервые встрѣтился лицомъ къ лицу съ нашей либерально настроенной буржуазіей, ясно и точно формулировавъ передъ нею свою политическую позицію и указавъ этой буржуазіи, на какихъ условіяхъ она можетъ сдѣлаться союзникомъ пролетаріата въ общей борьбѣ противъ самодержавія.

---

[1] № 198 Посл. Изв. кор. изъ Двинска.

[2] Ibid. курсивъ подлинника.

[3] Польская соціальдемократія не ограничиваетъ рамокъ своей дѣятельности рамками національности *(Прим. ред.)*.

[4] См. Посл. Изв. № 196.

[1] Дѣло въ томъ, что до Совѣта дошли глухіе слухи о томъ, что Комитетъ что-то замышляетъ. По крайней мѣрѣ, въ субботу утромъ Комитету былъ присланъ ультиматумъ: „если до 3-хъ часовъ дня Комитетъ не пришлетъ обѣщанія, что „ничего не будетъ“, засѣданіе не состоится“. Комитетъ, конечно, ничего не отвѣтилъ.

[1] Надписи: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе! Р. С.-Д. Р. П.

Самая идея демонстраціи была встрѣчена мѣстными рабочими очень сочувственно. Сознательные рабочіе, вообще, тяготятся своей бездѣятельностью въ такой важный историческій моментъ, какъ теперь, и съ готовностью идутъ на всякое дѣло, польза котораго для нихъ очевидна, причемъ вопросъ объ опасности предпріятія занимаетъ самое послѣднее мѣсто. А въ данномъ случаѣ крупную роль сыграло также сознаніе что предлагаемая демонстрація — еще новый шагъ въ развитіи формъ политической борьбы, и отъ степени ея удачности зависитъ, конечно, возможность дальнѣйшаго и болѣе широкаго примѣненія подобной же тактики.

Демонстрація состоялась вечеромъ, во время засѣданія думы. Залъ былъ наполненъ публикой, болѣе многочисленной, чѣмъ обычно, — причемъ среди публики случайно находился и мѣстный полиціймейстеръ. Бѣднягѣ пришлось сыграть довольно незавидную роль олицетворителя царизма, теряющаго голову подъ натискомъ неудержимо растущаго революціоннаго движенія. Начало засѣданія прошло своимъ чередомъ, и ничто, повидимому, не предвѣщало грозы въ спокойной атмосферѣ нашего, съ позволенія сказать, самоуправленія. Голова вяло докладывалъ подлежащіе обсужденію вопросы, гласные такъ же вяло ихъ рѣшали; представитель власти наслаждался всеобщимъ покоемъ. Но гроза разразилась. Въ удобный моментъ передъ столомъ гласныхъ появилась группа рабочихъ, и одинъ изъ этой группы началъ говорить рѣчь, содержаніе которой приводимъ по печатной прокламаціи, на другой же день распространенной Комитетомъ:

„Гг. гласные! Мы явились къ вамъ, какъ представители организованнаго пролетаріата, какъ члены политической партіи, которая можетъ и должна принять участіе въ политической жизни страны. Замѣчающаяся за послѣднее время перемѣна правительственной политики, выдвигающей на смѣну полицейскому гнету министра Плеве кучу либеральныхъ обѣщаній, повліяла, вѣроятно, и на васъ, дѣятелей нашего самоуправленія. Вы знаете, чѣмъ является это самоуправленіе при самодержавныхъ порядкахъ. Вы знаете, что каждый крупный чиновникъ сильнѣе всѣхъ васъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вы знаете, какъ часто вамъ приходится, вмѣсто дѣйствительнаго „самоуправленія", разыгрывать одну только нелѣпую и недостойную комедію. И городское и земское самоуправленіе сейчасъ же чувствуютъ тяжелую лапу самодержавія, какъ только они пытаются дѣйствительно служить интересамъ населенія

Теперь вы — представители общества — ждете либеральныхъ реформъ. Вы надѣетесь, на основаніи туманныхъ обѣщаній новаго министра, что вамъ прибавятъ политическихъ правъ, что чиновно-полицейскій произволъ, опутавшій всю страну, будетъ, если не уничтоженъ, то, по крайней мѣрѣ, ограниченъ. Погибающее самодержавіе думаетъ бросить вамъ приманку, чтобы отдалить свою гибель, оно хочетъ погасить народный протестъ, возбужденный его гнусностями и его политической негодностью, оно надѣется обмануть васъ и теперь точно такъ же, какъ не разъ обманывало!

Но теперь оно будетъ имѣть дѣло не только съ вами, представителями буржуазныхъ слоевъ общества. Оно встрѣтитъ не одинъ только робкій, безпомощный протестъ земскихъ и думскихъ дѣятелей, воспитанныхъ въ подчиненіи рабскому режиму. Оно почувствуетъ, что народилась въ Россіи новая сила, съ самаго начала своего существованія явившаяся непримиримымъ, смертельнымъ врагомъ царскаго деспотизма. Эта сила — организованный пролетаріатъ, соціальдемократическая рабочая партія. Добиваясь своей конечной цѣли, соціалистическаго строя, она на своемъ пути смететъ прочь съ лица земли ветхое самодержавіе, препятствующее широкому развитію ея дѣятельности.

Да, революціонный пролетаріатъ, и только онъ, избавитъ Россію отъ царскаго гнета, избавитъ и весь цивилизованный міръ отъ этого постыднаго остатка минувшаго варварства. И тотъ, кто дѣйствительно тяготится положеніемъ безправнаго, забитаго раба, кто дѣйствительно хочетъ для своего народа свободы и свѣта, — тотъ не можетъ удовлетвориться лукавыми заискиваніями царскаго министра, тотъ не можетъ ожидать, чтобы гнилое дерево самодержавія пустило свѣжіе ростки народнаго освобожденія. Только на развалинахъ трона выростетъ наша свобода. Только тѣ, кто всецѣло принимаетъ нашу демократическую программу, могутъ надѣяться на побѣду. И мы — горсть борцовъ великой арміи труда,—зовемъ васъ за собой. Мы съ вами — представители противоположныхъ общественныхъ классовъ, но и насъ можетъ объединить ненависть къ одному и тому же врагу — самодержавному строю. Мы можемъ быть союзниками въ нашей политической борьбѣ. Но для этого вы должны оставить прежній путь смиренія, вы должны смѣло, открыто присоединиться къ нашему требованію: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе, избранное всѣмъ народомъ! Да здравствуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!"

Вначалѣ рѣчи все встрепенулось, зашевелилось; затѣмъ разомъ притихло, и минуты двѣ царило молчаніе, нарушаемое только „преступными" словами оратора. Затѣмъ голова проявилъ признаки жизни и попробовалъ протестовать. Между нимъ и говорившимъ товарищемъ завязался довольно горячій діалогъ. — „Что вамъ угодно?" недоумѣваетъ голова. Ораторъ отвѣтилъ, что онъ именно и говоритъ затѣмъ, чтобы разъяснить, что нужно ему и его товарищамъ. — „Но вы не просили моего разрѣшенія!" попробовалъ голова перейти на точку зрѣнія законности. Его поддержалъ одинъ изъ гласныхъ: „Вы бы попросили, вотъ г. голова и разрѣшилъ бы. А то что же такъ... съ нахрапу-то!" Но голова, вопреки мнѣнію своего коллеги, поспѣшилъ заявить, что онъ „не разрѣшаетъ". Оратору оставалось только замѣтить, что въ такомъ случаѣ онъ самъ даетъ себѣ слово, и продолжать свою рѣчь дальше. Обезкураженный отецъ города снялъ цѣпь и объявилъ засѣданіе закрытымъ. Изъ залы, конечно, никто не вышелъ, и большинство гласныхъ осталось на своихъ мѣстахъ, въ позѣ жены Лота, гнѣвомъ Іеговы превращенной въ соляной столбъ. Рѣчь продолжалась безъ всякихъ перерывовъ и была благополучно закончена, поддержанная дружными апплодисментами. Послѣ діалога оратора съ головой, въ воздухѣ замелькали бѣлые листки: прокламаціи, заключавшія въ себѣ краткое резюме выставленныхъ въ рѣчи положеній, посыпались и среди гласныхъ и среди публики. Затѣмъ демонстранты спокойно удалились.

Бѣдный полиціймейстеръ оказался далеко не на высотѣ своего положенія и совершенно потерялъ голову, безсвязно заявляя присутствующимъ, что онъ тутъ не при чемъ, потому что онъ не болѣе, какъ зритель, а настоящій хозяинъ засѣданія — голова. Оказывается, что и для полиціи бываютъ моменты, когда ей приходится отказываться отъ своихъ прерогативъ верховной власти надъ обывателями... Только когда прошло первое сильное впечатлѣніе, представитель идеи самодержавія понемногу подобралъ свои растерянныя чувства и попросилъ гласныхъ не расходиться, такъ какъ надлежитъ составить протоколъ о преступномъ дѣяніи. Гласные, конечно, не противорѣчили, а полиціймейстеръ, собравъ тѣ прокламаціи, которыя еще остались на виду, помчался за жандармеріей. Забряцали шпоры, замелькали синіе мундиры, и началась обычная россійская картина сыска. Никто изъ участниковъ демонстраціи пока еще не задержанъ. Ночью было произведено нѣсколько обысковъ, не задѣвшихъ организацію.

Вѣсть о происшествіи быстро и широко распространилась по городу, вызвавъ всевозможные толки и обсужденія, причемъ даже представители самыхъ консервативныхъ воззрѣній отдаютъ должное той солидарности, съ которой дѣйствовали демонстранты, и удачной подготовкѣ всего предпріятія. Наряду съ достаточно нелѣпыми предположеніями, высказываются и вполнѣ здравыя представленія о смыслѣ событій. Соціальдемократическая организація признана силой, съ которой слѣдуетъ считаться.

Наши умѣренные либералы, между прочимъ, высказали довольно таки невысокій уровень политической сознательности — „Ну, какъ можно было выступить передъ нашими гласными съ такими радикальными требованіями? Слѣдовало, во всякомъ случаѣ, указать на себя, только какъ на сочувствующихъ ихъ стремленіямъ къ расширенію правъ самоуправленія, а никакъ не республики требовать!" Есть разговоры и о томъ, конечно, что революціонеры своими рѣзкими дѣйствіями только „портятъ благопріятную для реформъ атмосферу правительственныхъ верховъ. Шутка ли: съ часу на часъ ожидается рожденіе самодержавной конституціи, при благосклонномъ содѣйствіи, въ качествѣ акушера, бывшаго шефа жандармовъ, а тутъ являются эти рабочіе и безъ всякихъ околичностей выкладываютъ свою программу. Долго ли напугать роженицу-самодержавіе? Пожалуй и родится, вмѣсто заправской конституціи, какой-нибудь безголовый уродецъ.

Люди, имѣвшіе ранѣе о соціальдемократахъ такое же представленіе, какъ о жителяхъ Марса, — а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, еще достаточно — исполнились теперь весьма понятнаго любопытства. — „Кто они такіе? Откуда взялись? Чего добиваются?" — эти вопросы на устахъ у несознательной обывательской массы. Учесть сейчасъ весь активъ, данный намъ удачной демонстраціей, пока еще, конечно, невозможно. Во всякомъ случаѣ, этотъ опытъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе серьезнаго вниманія, что онъ является, какъ никакъ, дѣйствительно новымъ пріемомъ политической борьбы, дающимъ вполнѣ очевидные плодотворные результаты. Въ подобныхъ демонстраціяхъ рабочіе чувствуютъ, что они выступаютъ, какъ опредѣленныя политическія единицы; они получаютъ захватывающій интересъ къ проявленіямъ политической жизни, а вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ — и чувство своей правоспособности въ качествѣ партійныхъ политическихъ борцовъ. Съ другой стороны, толчокъ, данный демонстраціей, увеличивая запасъ энергіи и сознательности партійныхъ работниковъ, распространяетъ въ самыхъ широкихъ слояхъ общества значеніе партіи, какъ чего-то вполнѣ опредѣленнаго, оформленнаго и, главное, имѣющаго право *требовать*. Инертная масса привыкаетъ смотрѣть на всю партію не только, какъ на собраніе подпольныхъ агитаторовъ и конспираторовъ съ мало понятными желаніями и стремленіями, но какъ на активную, борющуюся, ясно и опредѣленно заявляющую о своихъ требованіяхъ политическую силу. И остается только пожелать, чтобы наши товарищи возможно шире использовали новый методъ борьбы—въ думахъ, въ земствахъ и на всевозможныхъ съѣздахъ „общественныхъ" дѣятелей. Форма открытаго выступленія рабочихъ въ этихъ демонстраціяхъ будетъ, конечно, видоизмѣняться, сообразно съ обстоятельствами; останется неизмѣннымъ лишь самый характеръ демонстраціи. Конечно, не всѣ демонстраціи пройдутъ такъ удачно, какъ эта. Будутъ жертвы. Но гдѣ ихъ нѣтъ? Наши товарищи стремятся къ борьбѣ, они тяготятся нелѣпымъ для члена политической партіи положеніемъ зрителя. И на *такія* жертвы они идутъ съ радостью, съ энтузіазмомъ...

Приводимъ текстъ листка, распространеннаго во время демонстраціи: — „Въ періодъ пробужденія освободительнаго движенія, въ періодъ начинающагося подъема духа у самыхъ умѣренныхъ слоевъ оппозиціонно-настроеннаго русскаго общества Кубанскій Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Р. П. обращается къ вамъ гг. гласные, какъ къ представителямъ нашего самоуправленія жалкіе зачатки котораго „подарило" самодержавіе порабощенному народу. Комитетъ выражаетъ надежду, что всѣ искренніе сторонники общественнаго самоуправленія признаютъ, наконецъ всю безплодность и политическую незрѣлость той раболѣпной и трусливой политики, которой придерживались до настоящаго времени наши либералы. Пора понять каждому мыслящему гражданину, что самодержавный строй не совмѣстимъ со сколько-нибудь широкими проявленіями общественной иниціативы, что въ полицейско-бюрократическомъ государствѣ можетъ существовать только гнусная пародія, жалкая тѣнь самоуправленія. Но сторонники самоуправленія и, вообще, все наше либеральное теченіе останется безсильнымъ въ своей борьбѣ съ разлагающимся самодержавіемъ, если оно не займетъ въ этой борьбѣ вполнѣ опредѣленную и твердую позицію, опирающуюся на дѣйствительныя потребности жизни. Кубанскій Комитетъ указываетъ на организованный пролетаріатъ, какъ на политическую партію въ интересахъ которой лежитъ проведеніе демократической программы, главнымъ лозунгомъ своимъ поставившей свободную демократическую республику, основанную на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Принявъ всецѣло эту демократическую программу и отстаивая ее въ полной солидарности съ рабочей партіей, либерализмъ можетъ явиться дѣйствительнымъ врагомъ самодержавія, подъ гнетомъ котораго изнываетъ Россія, можетъ сыграть историческую роль въ неизбѣжно приближающейся революціи. Это признаніе знаменуетъ, конечно, полный отказъ отъ прежней тактики и открытое присоединеніе къ боевому кличу пролетаріата: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ россійская демократическая республика! Да здравствуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!"

Въ другомъ письмѣ сообщаютъ:

Екатеринодаръ. 20 Ноября. Мы уже писали Вамъ о томъ, что кружковая пропаганда, подъ вліяніемъ совершающихся въ Россіи событій большой политической важности, приняла у насъ характеръ агитаціи: говорилось о необходимости выступленія пролетаріата, какъ организованной, сплоченной силы, какъ авангарда революціоннаго движенія; выяснялась политическая позиція, которую долженъ занять рабочій классъ въ общемъ натискѣ всѣхъ оппозиціонно и революціонно настроенныхъ элементовъ русскаго общества на самодержавіе, подчеркивалась робость и незрѣлость россійскаго либерализма и противорѣчія его съ задачами соціальдемократіи. Выяснивъ, такимъ образомъ роль пролетаріата въ освободительномъ движеніи и доказавъ необходимость немедленнаго вмѣшательства его въ ходъ событій, комитетъ рѣшилъ использовать революціонное настроеніе рабочихъ устройствомъ демонстраціи. Наиболѣе подходящимъ для этого мѣстомъ, за отсутствіемъ въ области земскихъ учрежденій, комитетъ призналъ залъ думскихъ засѣданій, тѣмъ болѣе, что екатеринодарской думой только что было выражено привѣтствіе бывшему шефу жандармовъ князю Св.-Мирскому съ пожеланіемъ скорѣйшаго осуществленія обѣщанныхъ имъ реформъ. Для привлеченія въ думу наибольшаго количества публики, былъ распространенъ слухъ объ якобы предстоящихъ рѣчахъ либеральныхъ гласныхъ о необходимости расширенія городского самоуправленія. Публики собралось, дѣйствительно много, для многихъ не нашлось даже мѣста. Никто изъ демонстрантовъ до послѣдняго дня не зналъ о мѣстѣ и времени готовящейся демонстраціи и лишь за два часа, передъ отправленіемъ въ думу былъ выясненъ планъ и распредѣлены роли. Неожиданное появленіе многочисленной публики, хотя и показалось гласнымъ явленіемъ нѣсколько необычнымъ, тѣмъ не менѣе, никакихъ мѣръ къ поддержанію „порядка" не было принято и городской голова объявилъ засѣданіе открытымъ. Присутствіе въ думѣ мѣстнаго полицеймейстера, хотя и осложнило задачу, тѣмъ не менѣе, не явилось для руководителей полной неожиданностью: заранѣе было извѣстно, что въ числѣ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію думы, значился вопросъ объ увеличеніи штата полиціи. Сначала рѣшено было отсрочить демонстрацію до времени ухода изъ думы полицеймейстера, когда же выяснилось, что ухода этого нельзя ожидать ранѣе 10 11 ч. вечера, руководители демонстраціи рѣшили не медлить, тѣмъ болѣе, что всякое промедленіе могло испортить дѣло: публика прибывала и полицеймейстеръ во всякое время могъ вызвать нарядъ полиціи; помимо этого, не представлялось возможнымъ слишкомъ долго держать демонстрантовъ въ напряженномъ состояніи и въ особенности оратора. Когда всѣ мѣры предосторожности были приняты и думскій телефонъ приведенъ въ негодность — по условленному знаку, на средину зала выступилъ ораторъ, окруженный сознательнымъ ядромъ въ 30-40 человѣкъ и произнесъ рѣчь.

Впечатлѣніе отъ всего происшедшаго было велико, оно еще болѣе усилилось тѣмъ, что демонстрація произошла въ присутствіи начальника мѣстной полиціи, въ тупомъ молчаніи просидѣвшаго въ думѣ до самаго момента ухода демонстрантовъ. Разговоровъ, конечно, не оберешься; всѣ они, въ конечномъ счетѣ, сводятся къ признанію за демонстраціей событія большой политической важности. Нужно было видѣть вытянутыя лица гласныхъ, надо было наблюдать эту „нѣмую" сцену, чтобы составить полное представленіе обо всемъ происшедшемъ. Нѣкоторые гласные изъ такъ называемой „правой", въ особенности попъ, вздумали было протестовать, но необычность происшествія приковала ихъ къ мѣсту — они прослушали рѣчь оратора и прочли заявленіе комитета. Взрывъ рукоплесканій вывелъ ихъ изъ состоянія гипноза. Попъ выскочилъ изъ-за стола, точно изъ бани, и рысью помчался къ очнувшемуся отъ столбняка полицеймейстеру.

— Каково, а? Долой самодержавіе?!... да что же это? бормоталъ онъ, утирая платкомъ жирный вспотѣвшій лобъ.

— Какъ, неужто крикнулъ?...

— Доказательства на лицо! чуть не плача причитывалъ представитель православія, передавая неумѣлому слугѣ самодержавія заявленіе Комитета.

— Ну, ежели крикнулъ: „долой..., то я долженъ дѣйствовать", и съ этими словами невѣжественный, но бравый есаулъ началъ очищать залъ отъ „гидры революціи", повсюду собирая листки комитета.

Эту неблагодарную работу раздѣлилъ съ нимъ гласный Виноградовъ — считаемъ неоходимымъ запечатлѣть имя этого добровольца.

Возобновивъ засѣданіе и принявъ безъ преній два какихъ то спѣшныхъ предложенія головы, гласные начали расходиться, но въ швейцарской ихъ поджидалъ новый сюрпризъ: полицейская банда съ жандармами во главѣ. Послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, „граждане" были возвращены обратно и думское засѣданіе возобновилось, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго подполковника Соколова.

— Почему вы никого не задержали, господа? — была первая фраза, вырвавшаяся изъ устъ огорченнаго жандарма. Справедливость требуетъ сказать, что гласные вели себя, въ общемъ, съ достоинствомъ и на всѣ вопросы царскаго опричника давали отрицательный отвѣтъ. Гораздо болтливѣе оказались думскіе сторожа; одинъ изъ нихъ указалъ нѣсколько лицъ, бывшихъ въ тотъ вечеръ въ думѣ. Въ ту же ночь начались массовые обыски — опричники заработали, но никто изъ организаціи не пострадалъ. Арестованъ служащій въ одной изъ мѣстныхъ гостинницъ (найдена нелег. литература). Были обыски у Н. Клегова, Рослякова и другихъ. Исключенъ изъ гимназіи ученикъ 8 класса Ярошенко только лишь за то, что сказалъ нѣсколькимъ товарищамъ, что въ думскомъ засѣданіи будутъ читать отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ на привѣтствіе думы. Въ настоящее время всѣхъ гласныхъ тягаютъ на допросъ; допрашиваютъ многихъ и изъ публики. Несмотря на усиленную слѣжку и жандармскіе наѣзды, въ ночь на 12-ое ноября была распространена прокламація комитета съ подробнымъ описаніемъ демонстраціи 10 Ноября въ количествѣ 1000 экз.. На этихъ дняхъ распространенъ перепечатанный комитетомъ листокъ „Искры": „Кто побѣдитъ?" въ количествѣ 2000 экземпляровъ.

Одесса. 18 ноября въ залахъ городской думы происходило засѣданіе общества охраненія народнаго здравія, на которомъ двумя врачами были прочитаны доклады на тему объ оздоровленіи народа, но главной ихъ темой было выясненіе условій, необходимыхъ для радикальнаго излеченія нашей страны отъ ея злыхъ недуговъ. Въ основу выставленныхъ референтами тезисовъ были положены *минимальныя требованія соц.-дем. программы*—вплоть до созванія учредительнаго собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ (эти тезисы напечатаны въ газетахъ). На это собраніе явилось около *2.000* чел., среди нихъ *масса рабочихъ*. Собраніе приняло характеръ настоящаго народнаго собранія. Настроеніе было необыкновенное. Каждое слово оратора прерывалось бурными, долго несмолкавшими апплодисментами и криками: „долой самодержавіе, да здравствуетъ соц.-дем. партія!" Разбрасывались прокламаціи. Когда положенія были прочитаны, публика не могла уже себя сдерживать, сломила перила и всѣ преграды и повалила впередъ. Пришлось намѣченнымъ ораторамъ *не* говорить; но образовался самопроизвольный митингъ и произносились соц.-дем. революціонныя рѣчи (правда, не очень удачныя). Настроеніе дошло до апогея. Весь залъ оглашался криками: „да здравствуетъ соціальдемократія, долой самодержавіе, долой войну!.." Наконецъ, съ пѣніемъ марсельезы вышли всей толпой на улицу. На площади и на сосѣднихъ улицахъ уже стояли войска. Толпу разбили на части, которыя съ пѣснями и криками повалили въ разныя стороны, между прочимъ, и по Дерибасовской улицѣ. Черезъ полъ или три четверти часа всѣ группы были уже разсѣяны, но *почти* безъ употребленія оружія (полиція кричала нижнимъ чинамъ: „не бейте"!). Весь городъ былъ возбужденъ и въ ту ночь и весь слѣдующій день.

Одесса. (Вторая политическая демонстрація). Городское Управленіе рѣшило отпраздновать 40-лѣтіе Судеб. Уставовъ. Въ Окружномъ судѣ при стеченіи нѣсколькихъ тысячъ народа былъ прочитанъ рефератъ, по окончаніи котораго предсѣдатель сказалъ, что засѣданіе закрыто, но одинъ изъ товарищей объявилъ, что мы его теперь только открываемъ. Полицію съ тріумфомъ изгнали. Чебанова (пристава) поколотили. На кафедру взошелъ одинъ товарищъ — прекрасный ораторъ. Мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ говорилъ о „послѣднемъ самодержцѣ Николаѣ II", вызвало громъ апплодисментовъ и крики „долой самодержавіе". Затѣмъ говорилъ одинъ соціалистъ-революціонеръ, между прочимъ, высказался за амнистію Сазонова. Словомъ, получилось, что называется, „народное собраніе".

Затѣмъ оттуда мы двинулись черезъ всю Пушкинскую до благороднаго собранія. Насъ казаки разогнали, но мы опять собрались въ тѣсные ряды и пошли по Херсонской. Вотъ тутъ то началось настоящее шествіе. До Ольгіевской мы прошли съ пѣснями и криками. Обратно выкинули 4 флага, всѣ единодушно замолчали, мужчины сняли шапки и затѣмъ начали привѣтствовать знамя. Это грандіозное зрѣлище Одесса долго будетъ помнить. Но тутъ на насъ двинулись казаки и началась свалка. Масса раненыхъ, нѣкоторые тяжело. Одна работница умираетъ. 60 арестовъ. При обыскѣ у одной арестованной нашли $1^{1}/_{2}$ пуда литературы.

Въ тотъ же день былъ устроенъ грандіозный банкетъ въ благородномъ собраніи. Входъ 3 р. 50 к. Большинство публики — либералы. Изъ ораторовъ выдѣлялись: Жаботинскій, Изгоевъ, Богомолецъ, которыхъ вчера арестовали. Прекрасную рѣчь сказалъ одинъ рабочій.

Затѣмъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ, за подписью *Зеленаго* (гор. голова), Маразли (быв. гор. голова) и другихъ, было послано въ Петербургъ заявленіе о конституціи.

Рѣчь рабочаго на банкетѣ 20 ноября въ Одессѣ. Войдя въ $10^1/_2$ часовъ вечера въ залъ „благороднаго собранія“, ораторъ потребовалъ себѣ слова отъ имени „пролетаріевъ, собравшихся внизу“. Послѣ нѣкотораго смятенія, поддержанный лѣвой стороной собранія, онъ получилъ слово:

Граждане! Вы собрались въ этотъ залъ обсудить современное положеніе вещей и протестовать противъ существующаго политическаго режима. Какимъ же образомъ случилось то, что Вы, граждане, сидите спокойно въ этомъ роскошномъ залѣ, а мы, пролетаріи, какъ нищіе, стоимъ на улицѣ и отданы на произволъ полиціи? Почему для защиты общенароднаго дѣла Вы отгораживаетесь отъ тѣхъ, которые своимъ потомъ и кровью кормятъ Васъ, которые до сихъ поръ такъ гордо и такъ мужественно носили знамя борьбы за наше общее освобожденіе? Отъ имени рабочихъ-членовъ мѣстной с.-д.—ской рабочей организаціи — я требую, чтобы залы политическихъ собраній были открыты для всѣхъ! Граждане! Мы переживаемъ важный историческій моментъ. Ближайшее будущее должно рѣшить, станетъ ли Россія культурной страной или татарская Азія снова побѣдитъ *европейскую* Россію, а кнутъ и нагайка по-прежнему будутъ диктовать законы всему великому русскому народу. Мы, русскіе рабочіе с.-д—ты, прекрасно понимаемъ всю слабость и дряблость русскаго буржуазнаго либерализма, но въ настоящій моментъ мы стоимъ предъ лицомъ одного и того же жестокаго врага. Одно и то же безпощадно гнететъ насъ всѣхъ, русскихъ гражданъ. Одинъ и тотъ же вампиръ-царизмъ сосетъ соки великой націи. А потому мы, Р. С.-Д. Р. П., готовы считать Васъ своими союзниками, если Вы честно и мужественно будете держать знамя національнаго освобожденія. Мы требуемъ, чтобы Вы отказались отъ позорной игры въ политическія прятки; чтобы Вы открыто заявили, что самодержавный режимъ не примиримъ съ интересами русскаго народа и написали на своемъ знамени: „Долой самодержавіе!“ Мы требуемъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы положить конецъ той подлой авантюрѣ, которую затѣялъ издыхающій деспотизмъ! Мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніяхъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ! Мы требуемъ прекращенія всѣхъ политическихъ дѣлъ и всеобщей безусловной амнистіи для всѣхъ такъ называемыхъ „политическихъ преступниковъ“, подвергнутыхъ карѣ — какъ судомъ, такъ и администраціей! Мы требуемъ неограниченной свободы печати, слова, собраній, союзовъ, стачекъ, безусловнаго равенства передъ закономъ всѣхъ безъ различія пола, націи, вѣроисповѣданій и расы! Мы требуемъ правительства, вполнѣ и исключительно отвѣтственнаго передъ россійскимъ парламентомъ! Если Вы, граждане, найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто и безъ колебаній поддержать наши демократическія требованія, мы, пролетаріи с.-дем., приглашаемъ Васъ идти рядомъ съ нами въ борьбѣ съ царизмомъ. Въ этой жестокой борьбѣ мы, соц.-дем., будемъ до послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства. Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! Да здравствуетъ демократическая республика. Да здравствуетъ соціальная революція!

Кіевъ. 12 ноября въ политехникумѣ состоялась сходка, созванная партійными организаціями для обсужденія общеполитическихъ вопросовъ. На сходку явились 385 человѣкъ. Были произнесены рѣчи: первая — о внутренней политикѣ царствованія Николая II, въ этой рѣчи указывалось на стѣсненное положеніе правительства въ послѣднее время, на тиски, въ которыхъ оно очутилось, и на авантюристскую войну, какъ на слѣдствіе этой политики правительства. Вторая рѣчь была о войнѣ; въ ней ораторъ указывалъ на требованіе мира, мира во что бы то ни стало, какъ на лучшій выходъ изъ созданнаго войной положенія для рабочаго класса и для всѣхъ низшихъ слоевъ населенія. Было предложено нѣсколько резолюцій и, между прочимъ, чисто соц.-демократическая. Послѣ рѣчей соц.-дем. выступили съ рѣчами либералы. Одинъ либералъ находилъ, что „вольнолюбивая буржуазія дѣйствуетъ теперь въ интересахъ народа“, и предложилъ, поэтому, выразить свою полную солидарность съ „земцами“. Нѣсколько словъ, сказанныхъ соц. дем. ораторомъ въ отвѣтъ либералу, были покрыты апплодисментами, и резолюція, предложенная либераломъ, даже и не голосовалась. Второй либералъ предложилъ сходкѣ не выражать презрѣнія либераламъ за ихъ трусливую политику, а, наоборотъ, поддерживать ихъ, ибо въ данное время они дѣйствуютъ въ интересахъ народа, подъ вліяніемъ „идеальныхъ“ мотивовъ. „Вѣдь, было же отмѣнено крѣпостное право по чисто идеалистическимъ побужденіямъ“, заключилъ ораторъ. Рѣчь была встрѣчена апплодисментами и шиканіемъ. При баллотировкѣ нашей резолюціи, цѣлью коей было выяснить количество соц.-демокр. голосовъ въ политехникумѣ, наша резолюція получила около 50 голосовъ (нѣкоторые бундовцы *не* голосовали за нее). Была принята слѣдующая резолюція:

„Констатируя полное крушеніе „политики довѣрія“, студенчество Кіев. Полит. Института протестуетъ противъ наглыхъ заигрываній Святополка-Мирскаго съ либеральными элементами общества, отмѣчаетъ наряду съ этимъ продолжающіеся аресты революціонной молодежи, кровавыя расправы съ рабочими, полицейскую организацію еврейскихъ погромовъ, жестокій гнетъ инородныхъ и иновѣрныхъ группъ и усиливающееся бремя налоговъ, вызванныхъ позорной войной.

Протестуя противъ такихъ проявленій наглаго произвола бюрократіи, мы требуемъ безусловной политической свободы, полной равноправности всѣхъ гражданъ Россіи и созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Мы одновременно клеймимъ позоромъ политику правительства, проявлявшуюся въ безполезной тратѣ народныхъ силъ на веденіе безсмысленной войны на Дальнемъ Востокѣ и требуемъ ея немедленнаго прекращенія“.

Крайне характерно было поведеніе гг. соц.-рев.: одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ предисловіи къ своей резолюціи сказалъ, что студенчество, шедшее до сихъ поръ, какъ *стадо* барановъ за вожаками (шиканье), должно выставлять въ резолюціи только тѣ требованія, которыя могутъ быть осуществлены въ дѣйствительности; нечего, поэтому, упоминать о „соціализмѣ и прочихъ мечтаніяхъ, такъ какъ это сейчасъ неосуществимо“. Ораторъ противорѣчилъ себѣ въ резолюціи, признавая студенчество „огромной боевой силой“. Вѣроятно, въ погонѣ за реальными результатами, авторъ резолюціи „забылъ“ о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Второй соц.-рев. предложилъ, какъ онъ сказалъ, самую умѣренную резолюцію, на которой могли бы сойтись всѣ (?). Въ ней также не упоминалось объ избирательномъ правѣ и отсутствовало требованіе прекращенія войны. Послѣ окончанія сходки, студенты прошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по корридорамъ института. Пѣли и въ вагонахъ трамвая, до верху нагруженныхъ студентами.

Эта сходка особенно рѣзко показала полное единодушіе либераловъ и соц.-рев. Послѣдніе, въ погонѣ за популярностью и сплоченіемъ всѣхъ силъ, теряютъ не только свой, съ позволенія сказать, соціализмъ, но даже и демократизмъ.

14 ноября. Группа студентовъ-революціонеровъ.

Кіевъ. Время — тревожное... Земскій съѣздъ начинаетъ производить свое дѣйствіе и на нашу провинцію. Впрочемъ пока еще лишь на передовую интеллигенцію. Насъ ознакомляютъ, съ ходомъ дѣла. Отъ насъ даже требуютъ поддержки... И вотъ мы даже не знаемъ, сумѣемъ ли ее оказать; нервы напрягаются; съ безпокойствомъ начинаешь интенсивно соображать — что дѣлать?... А еще вчера мирные обыватели-кіевляне, встрѣчаясь другъ съ другомъ, равнодушнымъ тономъ скептически спрашивали другъ друга: „Ну, что, на чемъ у васъ исторія остановилась? На какомъ моментѣ“?... Повторяю, моментъ въ русской исторіи важный, можетъ быть критическій. Въ военной стратегіи эта „горячка“ знаменуетъ переходъ въ наступленіе.

Пріѣхалъ сюда изъ Петербурга гласный черниговскаго земства и участникъ земскаго съѣзда Хижняковъ (радикалъ). Воспользовался онъ „литературной средой“ въ литературно-артистическомъ обществѣ, чтобы сдѣлать свое сообщеніе. Публика (около 150 человѣкъ всего...) собралась въ небольшомъ числѣ, чтобы выслушать рефератъ нѣкоего Могилянскаго (пом. пр. пов.), „О поэзіи Огарева“. Послѣ этого послѣдовалъ сюрпризъ. Исполняющій роль предсѣдателя Куперникъ объявилъ: „Господа, пріѣхавшій изъ Питера и т. д. Хижняковъ прочтетъ докладъ о съѣздѣ. Я предлагаю привѣтствовать г. Х., а въ лицѣ его и самъ съѣздъ.“ (Громкія, продолжительныя рукоплесканія).

Хижняковъ 1) (Человѣкъ весьма пожилой, лѣтъ 50 съ лишнимъ; пріятное лицо, говоритъ пріятно.) докладываетъ о самомъ съѣздѣ. Между прочимъ, сообщаетъ, что за нѣкоторое время до открытія съѣзда, земцы получили письмо отъ проф. Милюкова; суть письма въ слѣдующемъ: „Настоящее земское совѣщаніе происходитъ при исключительно благопріятныхъ для васъ условіяхъ. Поэтому именно, *вы* должны быть выразителями общественнаго мнѣнія. Вы опираетесь на широкое общественное мнѣніе; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы обязаны формулировать общенародныя требованія. Должна быть устранена наивность „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Задача серьезна, но вовсе не мудреная. Нужно только въ нѣсколькихъ выраженіяхъ резюмировать сознанную всѣми мысль: „существующій порядокъ отжилъ; народные представители должны быть созваны для устроенія иного строя“. Это письмо (говоритъ Хижняковъ) произвело на земцевъ сильное впечатлѣніе. Порядокъ совѣщанія былъ таковъ. Читался докладъ (съѣзду) редакціонной коммиссіи; съѣздъ обсуждаетъ его, дополняетъ многое, а затѣмъ вырабатываетъ окончательную формулировку по тезисамъ. (Добавленія съѣзда: напр., право союзовъ и собраній, неприкосновенность частныхъ жилищъ и проч.).

..... Къ сожалѣнію, въ восьмомъ 2) пунктѣ, по вопросу о судѣ ограничились лишь формулой: необходимо оградить правовую форму суда. Здѣсь не указана необходимость на общегражданскій судъ, одного типа. Это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію многихъ, крестьянскій бытъ, порядокъ землепользованія и прочее требуютъ особой компетентности. На десятомъ пунктѣ произошло разногласіе. Меньшинство предлагало формулировку: необходимо установить *общеніе* народа съ верховною властью; для чего необходимо *участіе* (на ряду съ кѣмъ? Можетъ быть, въ качествѣ совѣщательнаго органа? спрашиваетъ Х.) народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ опредѣленіи бюджета. Сюда примкнулъ и Шиповъ, указавшій въ своей рѣчи, что онъ держится особаго взгляда на этотъ вопросъ; въ сущности — славянофильскаго (говоритъ Х.): общеніе, взаимное довѣріе, и прочія сантиментальности. Противъ этого „этическаго“ направленія высказалось 60 голосовъ, а за — 27. Большинство резюмировало такъ: Власть законодательная и установленіе бюджета принадлежитъ народному представительству. Наконецъ, 11 пунктъ ставитъ вопросы: какъ провести въ жизнь всѣ эти пожеланія. Необходимъ созывъ учредительнаго собранія, для чего нужно представить резолюцію государю. Собственно, съѣздъ по этому поводу раздѣлился на три фракціи, выбрана средняя резолюція, какъ ближе выражающая мнѣніе большинства. Вслѣдъ затѣмъ, стали подписываться. Совершенно неожиданнымъ оказался подвохъ: Предпослѣдній пунктъ внесенъ въ текстъ, въ видѣ двухъ формулировокъ: большинства и меньшинства (совершенно не парламентскій пріемъ, замѣчаетъ Хиж., но, почему это допустили, не говоритъ). Подписались 101 человѣкъ (знаменательное число! Хиж.), ибо одинъ — Марковъ 3), предсѣдатель петербургской земской управы, прислалъ письмо съ отказомъ: онъ не думалъ, что съѣздъ приметъ такой характеръ и беретъ свои слова обратно (зачѣмъ же было торчать три дня на съѣздѣ? Хиж.). Впрочемъ, вскорѣ раздумываетъ и все таки подписываетъ. Затѣмъ выбираютъ пять депутатовъ: Шиповъ, Львовъ, Петрункевичъ, Гейденъ и Родзянко. Однако, наканунѣ еще, Святополкъ Мирскій узнаетъ о намѣреніи прислать депутатовъ и заявляетъ бывшему у него по частному дѣлу Гейдену, ~~что~~ оффиціально такую депутацію онъ не можетъ принять, но чтобы тотъ лично принесъ ему резолюціи, а онъ передастъ государю. Такъ и сдѣлали. Теперь, заключаетъ Хиж., резолюція находится на пути. Послѣ засѣданій съѣзда происходилъ банкетъ литераторовъ и земцевъ. Говорились рѣчи, читались адреса. Адресовъ масса. Насчитано около 10,000 подписей. Было бы, конечно, гораздо больше, если бы съѣздъ подвергся широкой огласкѣ, а не встрѣтилъ цензурный запретъ. Что будетъ теперь? Будемъ ждать. Теперь все зависитъ отъ самого общества; оно должно поддержать требованія земцевъ въ какой бы то ни было формѣ“. (Громъ рукоплесканій).

Среди публики внезапно вскакиваетъ молодой человѣкъ, въ статскомъ, на стулъ, и сильно взволнованнымъ голосомъ заявляетъ: „Я протестую противъ рукоплесканій. Земство не заслужило того, чтобы имъ восхищались. Оно не выполнило очень многаго. Вы не должны были расходиться, но ожидать, пока не послѣдуетъ удовлетворенія вашихъ требованій! Вы должны были поступить такъ, какъ поступили французы въ 1789 г. Но этого мало. Вы забыли и ни слова не упомянули о тѣхъ, кто является истиннымъ виновникомъ настоящей „весны“, вы забыли о рабочемъ классѣ и сотняхъ страдальцевъ... И о главномъ вы умолчали: Вопросъ о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. Земцы далеко не сдѣлали того, что они могли сдѣлать. Вы занимались больше болтовней, чѣмъ дѣломъ! (Человѣкъ 20, окружавшіе оратора, апплодируютъ — все соціальдемократы — студенты и дѣвицы). *Хижняковъ*: (взволнованнымъ голосомъ) Господа, это несправедливо. Вы горько ошибаетесь. Мы вполнѣ ясно сознаемъ, что мы дошли до настоящаго момента, переступивъ черезъ кости мучениковъ. *Мы вполнѣ понимаемъ, что рабочій классъ сильно способствовалъ созданію настоящаго положенія дѣлъ.* Упреки не заслужены нами. О нихъ (пострадавшихъ) мы вовсе не забыли. Ближайшимъ образомъ это выразилось въ принятіи резолюціи на банкетѣ; необходима отмѣна исключительныхъ правилъ и общая амнистія. Наконецъ, вашему заявленію объ избирательномъ правѣ ничего въ проектѣ не противорѣчитъ. Я готовъ вторично прочесть пункты. *Водовозовъ* (горячо). Я безусловно протестую противъ рѣчи недовольнаго оратора: Пунктъ седьмой говоритъ о равенствѣ личныхъ, общественныхъ и *политическихъ* правъ. Если бы вы были болѣе знакомы съ государственной наукой, вы увидѣли бы, что формула эта разумѣетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! А затѣмъ, я безусловно протестую противъ выраженнаго отношенія къ земскимъ дѣятелямъ. Настоящій моментъ призываетъ къ единенію, а не къ борьбѣ фракцій и партій. А вы на это именно и тратите свои силы. Къ чему вы стремитесь? Къ измѣненію политическаго порядка. Такъ сосредоточьте свое вниманіе на этомъ, а не на подведеніи старыхъ счетовъ съ союзниками. Подобное отвлеченіе силъ — въ настоящій моментъ — огромная тактическая ошибка, больше — это политическое преступленіе! (часть публики апплодируетъ, въ кружкѣ недовольныхъ слышны возгласы протеста).

Отъ редакціи. Нашъ товарищъ, конечно, напрасно упрекнулъ земцевъ въ „болтовнѣ“: не мѣшало бы, напротивъ, если-бы они побольше потолковали на съѣздѣ о дѣйствительныхъ нуждахъ Россіи. Но онъ безусловно правъ въ своихъ возраженіяхъ *по существу.* И именно потому, что онъ былъ правъ, самаго суроваго осужденія заслуживаетъ постыдное выступленіе „демократа“ г-на Водовозова. Нападать съ тылу на соціалистовъ, когда они, критикуя половинчатость и умѣренность земцевъ, стремятся толкнуть ихъ на путь дѣйствительно-*демократической* политики, значитъ предавать дѣло демократіи, а пользоваться при этомъ стереотипно пошлыми фразами о всеобщемъ „единеніи“, значитъ — для господина, пережившаго, какъ В. Водовозовъ, всѣ перипетіи различныхъ „фракціонныхъ“ раздоровъ послѣдняго десятилѣтія — *сознательно* спекулировать на политическую наивность своихъ слушателей. Мы тоже за „единеніе“, г-нъ Водовозовъ, и первые будемъ апплодировать г. Хижнякову, когда онъ формулируетъ потребности нынѣшняго дня *въ терминахъ нашей программы,* то есть, въ соотвѣтствіи съ интересами тѣхъ милліоновъ крестьянъ и рабочихъ, изъ которыхъ состоитъ подавляющее большинство населенія. Пламенѣющій чувствомъ къ „умѣреннымъ отцамъ“, г-нъ Водовозовъ оказывается „болѣе земцемъ, чѣмъ сами земцы“. Г. Хижняковъ, въ отвѣтъ на упрекъ объ игнорированіи всеобщаго избирательнаго права, говоритъ, что ничто въ требованіяхъ 11 пунктовъ *не противорѣчитъ* этому праву, а г-нъ Водовозовъ дерзаетъ заявить, что изъ § 7 *можно вывести* всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоувѣренныя ссылки на учебники обманутъ только самыхъ наивныхъ простаковъ, а неловкость примѣненныхъ г-мъ Водовозовымъ софизмовъ только заставитъ сознательныхъ рабочихъ и честныхъ революціонеровъ смотрѣть въ оба за этимъ, съ позволенія сказать, демократомъ, такъ рано проявляющимъ свою готовность совершить измѣну.

---

1) Привожу докладъ въ сокращенномъ видѣ, конечно.

2) Я не привожу цѣликомъ всѣхъ 11 пунктовъ: они вамъ должны быть извѣстны.

3) Какъ извѣстно, не подписался еще Стенбокъ-Ферморъ (предсѣдатель херсонской управы).

Кіевъ. Отлагая, по недостатку мѣста, описаніе сходки студентовъ Кіевскаго Университета (600 чел.), мы сообщаемъ принятую этой сходкой резолюцію:

Признавая, что настоящая война является результатомъ авантюристической политики царизма, затѣявшаго ее въ интересахъ своихъ и небольшой группы крупныхъ капиталистовъ;

что эта преступная война ведетъ къ интеллектуальному и экономическому вырожденію россійскаго народа, отрывая тысячи сыновъ Россія отъ ихъ семей и занятій въ жертву военному Молоху, обрекая, такимъ образомъ, десятки тысячъ человѣкъ на вѣрную голодную смерть, вызывая глубокій застой въ промышленности и торговлѣ, благодаря чему десятки тысячъ рабочихъ съ ихъ семьями ежедневно выбрасываются на улицу, и, наконецъ, доводя нашу истощенную и голодную деревню до полнаго раззоренія;

Признавая все это, мы заявляемъ, что гнусной, наглой авантюрѣ царизма долженъ быть положенъ конецъ!

Мы требуемъ мира.

Признавая, что нелѣпо ожидать прекращенія войны отъ самодержавнаго царизма и

признавая, что тяжелое экономическое и умственное состояніе Россіи находится въ зависимости отъ всего политическаго строя нашей жизни, въ основу котораго положены принципы самодержавія, мы заявляемъ, что такой политическій строй долженъ быть ликвидированъ, царизмъ долженъ быть низвергнутъ!

Для ликвидаціи самодержавія, мы требуемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Мы признаемъ, что лишь въ революціонномъ соціальдемократическомъ полетаріатѣ, соціально-экономическое положеніе котораго находится въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ строемъ нашей жизни, мы видимъ силу могущую дѣйствительно сокрушить царизмъ;

мы находимъ, что всѣ остальные революціонные элементы Россіи должны примкнуть къ его борьбѣ;

наконецъ, заявляемъ, что въ возстаніи народныхъ массъ, руководимыхъ пролетаріатомъ, мы видимъ гарантіи того, что дѣло народной свободы, дѣло революціи не будетъ предано.

Что же касается нашего либерализма, то, принимая во вниманіе, что не только онъ не является и не можетъ явиться дѣйствительнымъ и непоколебимымъ защитникомъ народныхъ интересовъ, но оказался даже несостоятеленъ въ защитѣ своихъ узко-групповыхъ интересовъ;

принимая далѣе во вниманіе, что нашъ либерализмъ въ настоящее время присоединился къ недостойной игрѣ царизма, „политикѣ сердца“; мы заявляемъ, что не возлагаемъ на него никакихъ надеждъ, отказываемся отъ всякой солидарности съ нимъ и клеймимъ презрѣніемъ его недостойное виляніе передъ ласковымъ заигрываніемъ самодержавія.

Москва. (Частное письмо изъ публики) Довольно своеобразный характеръ носило празднованіе дня основанія Петровско-Разумовской академіи. Около 2000 студентовъ и публики собралось въ залѣ академіи, студенты выбрали предсѣдателя и онъ открылъ собраніе рѣчью о реформѣ суда Александромъ II 40 лѣтъ тому назадъ. Начальство отсутствовало совершенно. Первая рѣчь чисто революціоннаго содержанія, полная энергіи и вѣры въ лучшее будущее, удивительно подѣйствовала на собраніе. Дальше шли рѣчи такого же направленія. Читали о Нечаевскомъ дѣлѣ (Нечаевъ былъ студентомъ академіи); ораторъ-студентъ говорилъ о способахъ борьбы въ настоящую минуту и о томъ, какія формы правленія могутъ быть у насъ установлены въ ближайшемъ будущемъ.

Сдѣлали перерывъ и хоръ студентовъ, въ 500 человѣкъ, грянулъ „Марсельезу“, выкинули багрово-красное знамя, огромной величины и замѣчательной красоты и двинулись съ пѣніемъ по корридорамъ въ верхій залъ, гдѣ развѣвалось другое такое же знамя. Возбужденіе публики дошло до высшаго предѣла... Стройное пѣніе, мощные возгласы „Долой самодержавіе“, два красныхъ знамени надъ кафедрой ораторовъ, все это многіе видѣли первый разъ въ жизни.

Перерывъ кончился. Начались опять рѣчи и пренія. Говорили студенты соціальдемократы и радикалы. Послѣдніе обращались съ призывомъ слиться всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ для сверженія самодержавія.

Больше всѣхъ имѣла успѣхъ рѣчь рабочаго, очень коротенькая, но сильная и, по своему харатеру, агитаціонная. Кромѣ него, говорилъ еще нѣмецъ, соціальдемократъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ. Онъ доказывалъ, что только соціальдемократія, какъ представительница интересовъ пролетаріата, революціонна по своему существу и звалъ молодежь нести въ ряды рабочей массы идеи соціализма.

Настроеніе публики послѣ такого „празднованія“ приподнятое и всѣ расходились съ пѣніемъ, реальнымъ же доказательствомъ всеобщаго сочувствія дѣлу революціи было то, что собрали, какъ мнѣ передавали, рублей 300 на политическихъ ссыльныхъ и на Р. С.-Д. Р. П.

Испанскій „патріотъ“ русскаго „престолъ-отечества“. Намъ доставлены партійной группой въ Льежѣ слѣдующіе документы:

I Собраніе членовъ русской колоніи въ Льежѣ въ своемъ засѣданіи отъ *22 ноября* 1904 г., посвященномъ обсужденію поступившаго со стороны испанской секціи „Краснаго Креста“ приглашенія на спектакль въ пользу „Русскаго Краснаго Креста“, приняло слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе:

1) что русско-японская война не только не вытекаетъ изъ потребностей капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣетъ своею цѣлью задержать то политическое переустройство, которое необходимо для его развитія;

2) что война эта, порожденная авантюристской политикой самодержавнаго правительства, вызвана стараніями клики бюрократіи и незначительной части капиталистовъ, желающихъ воспользоваться для своего обогащенія тѣмъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, какимъ является война для каждаго народа, тѣмъ болѣе для населенія, окончательно раззореннаго россійскимъ самодержавіемъ и страдающаго отъ хроническаго голода;

3) что война эта вызвана русскимъ правительствомъ въ его стремленіи поддержать за самодержавной Россіей престижъ первоклассной культурной державы въ глазахъ европейскаго общества и отвлечь этой войной вниманіе всего цивилизованнаго

Рѣчь рабочаго на банкетѣ 20 ноября въ Одессѣ. Войдя въ $10^1/_2$ часовъ вечера въ залъ „благороднаго собранія“, ораторъ, потребовалъ себѣ слова отъ имени „пролетаріевъ, собравшихся внизу“. Послѣ нѣкотораго смятенія, поддержанный лѣвой стороной собранія, онъ получилъ слово:

Граждане! Вы собрались въ этотъ залъ обсудить современное положеніе вещей и протестовать противъ существующаго политическаго режима. Какимъ же образомъ случилось то, что Вы, граждане, сидите спокойно въ этомъ роскошномъ залѣ, а мы, пролетаріи, какъ нищіе, стоимъ на улицѣ и отданы на произволъ полиціи? Почему для защиты общенароднаго дѣла Вы отгораживаетесь отъ тѣхъ, которые своимъ потомъ и кровью кормятъ Васъ, которые до сихъ поръ такъ гордо и такъ мужественно носили знамя борьбы за наше общее освобожденіе? Отъ имени рабочихъ-членовъ мѣстной с.-д.-ской рабочей организаціи — я требую, чтобы залы политическихъ собраній были открыты для всѣхъ! Граждане! Мы переживаемъ важный историческій моментъ. Ближайшее будущее должно рѣшить, станетъ ли Россія культурной страной или татарская Азія снова побѣдитъ *европейскую* Россію, а кнутъ и нагайка по-прежнему будутъ диктовать законы всему великому русскому народу. Мы, русскіе рабочіе с.-д—ты, прекрасно понимаемъ всю слабость и дряблость русскаго буржуазнаго либерализма, но въ настоящій моментъ мы стоимъ предъ лицомъ одного и того же жестокаго врага. Одно и то же безпощадно гнететъ насъ всѣхъ, русскихъ гражданъ. Одинъ и тотъ же вампиръ-царизмъ сосетъ соки великой націи. А потому мы, Р. С.-Д. Р. П., готовы считать Васъ своими союзниками, если Вы честно и мужественно будете держать знамя національнаго освобожденія. Мы требуемъ, чтобы Вы отказались отъ позорной игры въ политическія прятки; чтобы Вы открыто заявили, что самодержавный режимъ не примиримъ съ интересами русскаго народа и написали на своемъ знамени: „Долой самодержавіе!“ Мы требуемъ немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, чтобы положить конецъ той подлой авантюрѣ, которую затѣялъ издыхающій деспотизмъ! Мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основаніяхъ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ! Мы требуемъ прекращенія всѣхъ политическихъ дѣлъ и всеобщей безусловной амнистіи для всѣхъ такъ называемыхъ „политическихъ преступниковъ“, подвергнутыхъ карѣ — какъ судомъ, такъ и администраціей! Мы требуемъ неограниченной свободы печати, слова, собраній, союзовъ, стачекъ, безусловнаго равенства передъ закономъ всѣхъ безъ различія пола, націи, вѣроисповѣданій и расы! Мы требуемъ правительства, вполнѣ и исключительно отвѣтственнаго передъ россійскимъ парламентомъ! Если Вы, граждане, найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто и безъ колебаній поддержать наши демократическія требованія, мы, пролетаріи с.-дем., приглашаемъ Васъ идти рядомъ съ нами въ борьбѣ съ царизмомъ. Въ этой жестокой борьбѣ мы, соц.-дем., будемъ до послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства. Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ соціальная революція!

Кіевъ. 12 ноября въ политехникумѣ состоялась сходка, созванная партійными организаціями для обсужденія общеполитическихъ вопросовъ. На сходку явились 385 человѣкъ. Были произнесены рѣчи: первая — о внутренней политикѣ царствованія Николая II; въ этой рѣчи указывалось на стѣсненное положеніе правительства въ послѣднее время, на тиски, въ которыхъ оно очутилось, и на авантюристскую войну, какъ на слѣдствіе этой политики правительства. Вторая рѣчь была о войнѣ; въ ней ораторъ указывалъ на требованіе мира, мира во что бы то ни стало, какъ на лучшій выходъ изъ созданнаго войной положенія для рабочаго класса и для всѣхъ низшихъ слоевъ населенія. Было предложено нѣсколько резолюцій и между прочимъ чисто соц.-демократическая. Послѣ рѣчей соц. дем. выступили съ рѣчами либералы. Одинъ либералъ находилъ, что „вольнолюбивая буржуазія дѣйствуетъ теперь въ интересахъ народа“ и предложилъ, поэтому, выразить свою полную солидарность съ „земцами“. Нѣсколько словъ, сказанныхъ соц. дем. ораторомъ въ отвѣтъ либералу, были покрыты аплодисментами и резолюція, предложенная либераломъ, даже и не голосовалась. Второй либералъ предложилъ сходкѣ не выражать презрѣнія либераламъ за ихъ трусливую политику, а, наоборотъ, поддерживать ихъ, ибо въ данное время они дѣйствуютъ въ интересахъ народа, подъ вліяніемъ „идеальныхъ“ мотивовъ. „Вѣдь было же отмѣнено крѣпостное право по чисто идеалистическимъ побужденіямъ“, заключилъ ораторъ. Рѣчь была встрѣчена аплодисментами и шиканіемъ. При баллотировкѣ нашей резолюціи, цѣлью коей было выяснить количество соц.-демокр. голосовъ въ политехникумѣ, наша резолюція получила около 50 голосовъ; нѣкоторые бундовцы не голосовали за нее. Была принята слѣдующая резолюція:

„Констатируя полное крушеніе „политики довѣрія“, студенчество Кіев. Полит. Института протестуетъ противъ новыхъ заигрываній Святополкъ-Мирскаго съ либеральными элементами общества, отмѣчаетъ наряду съ этимъ продолжающіеся аресты революціонной молодежи, кровавыя расправы съ рабочими, полицейскую организацію еврейскихъ погромовъ, жестокій гнетъ инородныхъ и иновѣрныхъ группъ и усиливающееся бремя налоговъ, вызванныхъ позорной войной.

Протестуя противъ такихъ проявленій наглаго произвола бюрократіи, мы требуемъ безусловной политической свободы, полной равноправности всѣхъ гражданъ Россіи и созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Мы одновременно клеймимъ позоромъ политику правительства, проявляющуюся въ безполезной тратѣ народныхъ силъ на веденіе безсмысленной войны на Дальнемъ Востокѣ и требуемъ ея немедленнаго прекращенія.“

Крайне характерно было поведеніе соц.-рев.; одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ въ предисловіи къ своей резолюціи сказалъ, что студенчество, плетшееся до сихъ поръ, какъ *стадо барановъ* за всякимъ [illegible], должно выставлять въ резолюціи только тѣ требованія, которыя могутъ быть осуществлены въ дѣйствительности, и поэтому упоминать о „соціализмѣ и прочихъ мечтаніяхъ“ [illegible] неосуществимо“. Ораторъ, противорѣча себѣ, въ резолюціи призываетъ студенчество „огромной боевой силой“. Вѣроятно въ погонѣ за реальными результатами авторъ резолюціи „забылъ“ о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Второй соц.-рев. предложилъ, какъ онъ сказалъ, самую умѣренную резолюцію, на которой могли бы сойтись всѣ. Въ ней также не упоминалось объ избирательномъ правѣ и отсутствовало требованіе прекращенія войны. Послѣ окончанія сходки студенты прошлись съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по коридорамъ института. Шли и въ вагонахъ трамвая, до верху нагруженныхъ студентами.

Эта сходка особенно рѣзко показала полное единодушіе либераловъ и соц.-рев. Послѣдніе, въ погонѣ за популярностью и сплоченіемъ всѣхъ силъ, теряютъ не только свой, съ позволенія сказать, соціализмъ, но даже и демократизмъ.

14 ноября. Группа студентовъ-революціонеровъ.

Кіевъ. Время — тревожное... Земскій съѣздъ начинаетъ производить свое дѣйствіе и на нашу провинцію. Впрочемъ, пока еще лишь на передовую интеллигенцію. Насъ ознакомляютъ съ ходомъ дѣла. Отъ насъ даже требуютъ поддержки... И вотъ мы даже не знаемъ, сумѣемъ ли ее оказать; нервы напрягаются, съ безпокойствомъ начинаешь интенсивно соображать — что дѣлать?... А еще вчера мирные обыватели-кіевляне, встрѣчаясь другъ съ другомъ, равнодушнымъ тономъ скептически спрашивали другъ друга: „Ну, что, на чемъ у васъ исторія остановилась? На какомъ моментѣ“?... Повторяю, моментъ въ русской исторіи важный, можетъ быть критическій. Въ военной стратегіи эта „горячка“ знаменуетъ переходъ въ наступленіе.

Пріѣхалъ сюда изъ Петербурга гласный черниговскаго земства и участникъ земскаго съѣзда Хижняковъ (радикалъ). Воспользовался онъ „литературной средой“ въ литературно-артистическомъ обществѣ, чтобы сдѣлать свое сообщеніе. Публика (около 150 человѣкъ всего...) собралась въ небольшомъ числѣ, чтобы выслушать рефератъ нѣкоего Могилянскаго (пом. пр. пов.), „О поэзіи Огарева“. Послѣ этого послѣдовалъ сюрпризъ. Исполняющій роль предсѣдателя Куперникъ объявилъ: „Господа, пріѣхавшій изъ Питера и т. д. Хижняковъ прочтетъ докладъ о съѣздѣ. Я предлагаю привѣтствовать г. Х., а въ лицѣ его и самъ съѣздъ.“ (Громкія, продолжительныя рукоплесканія).

Хижняковъ [1]) (Человѣкъ весьма пожилой, лѣтъ 50 съ лишнимъ; пріятное лицо, говоритъ пріятно.) докладываетъ о самомъ съѣздѣ. Между прочимъ, сообщаетъ, что за нѣкоторое время до открытія съѣзда, земцы получили письмо отъ проф. Милюкова, суть письма въ слѣдующемъ: „Настоящее земское совѣщаніе происходитъ при исключительно благопріятныхъ для васъ условіяхъ. Поэтому именно, *вы* должны быть выразителями общественнаго мнѣнія. Вы опираетесь на широкое общественное мнѣніе; въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Вы обязаны формулировать общенародныя требованія. Должна быть устранена наивность „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“. Задача серьезна, но вовсе не мудреная. Нужно только въ нѣсколькихъ выраженіяхъ резюмировать сознанную всѣми мысль: „существующій порядокъ отжилъ; народные представители должны быть созваны для устроенія иного строя“. Это письмо (говоритъ Хижняковъ) произвело на земцевъ сильное впечатлѣніе. Порядокъ совѣщанія былъ таковъ. Читался докладъ (съѣзду) редакціонной коммиссіи; съѣздъ обсуждаетъ его, дополняетъ многое, а затѣмъ вырабатываетъ окончательную формулировку по тезисамъ. (Добавленія съѣзда: напр., право союзовъ и собраній, неприкосновенность частныхъ жилищъ и проч.).

.....Къ сожалѣнію, въ восьмомъ [2]) пунктѣ, по вопросу о судѣ ограничились лишь формулой: необходимо оградить правовую форму суда. Здѣсь не указана необходимость на общегражданскій судъ, одного типа. Это объясняется тѣмъ, что, по мнѣнію многихъ, крестьянскій бытъ, порядокъ землепользованія и прочее требуютъ особой компетентности. На десятомъ пунктѣ произошло разногласіе. Меньшинство предлагало формулировку: необходимо установить *общеніе* народа съ верховною властью; для чего необходимо *участіе* на ряду съ кѣмъ? Можетъ быть, въ качествѣ совѣщательнаго органа? спрашиваетъ Х.) народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ опредѣленіи бюджета. Сюда примкнулъ и Шиповъ, указавшій въ своей рѣчи, что онъ держится особаго взгляда на этотъ вопросъ; въ сущности — славянофильскаго (говоритъ Х.): общеніе, взаимное довѣріе, и прочія сантиментальности. Противъ этого „этическаго“ направленія высказалось 60 голосовъ, а за — 27. Большинство резюмировало такъ: Власть законодательная и установленіе бюджета принадлежитъ народному представительству. Наконецъ, 11 пунктъ ставитъ вопросы, какъ провести въ жизнь всѣ эти пожеланія. Необходимъ созывъ учредительнаго собранія, для чего нужно представить резолюцію государю. Собственно съѣздъ по этому поводу раздѣлился на три фракціи, выбрана средняя резолюція, какъ ближе выражающая мнѣніе большинства. Вслѣдъ затѣмъ, стали подписываться. Совершенно неожиданнымъ оказался подвохъ. Предпослѣдній пунктъ внесенъ въ текстъ, въ видѣ двухъ формулировокъ: большинства и меньшинства (совершенно не парламентскій пріемъ, замѣчаетъ Хиж., но, почему это допустили, не говоритъ). Подписалось 101 человѣкъ (знаменательное число! Хиж.), ибо одинъ — Марковъ [3]), предсѣдатель петербургской земской управы, прислалъ письмо съ отказомъ: онъ не думалъ, что съѣздъ приметъ такой характеръ и беретъ свои слова обратно. Зачѣмъ же было [illegible] съѣздъ? Хиж.). Впрочемъ, скорѣ раздумываетъ и все таки подписываетъ. Затѣмъ выбираютъ пять депутатовъ: Шипова, Львова, Петрункевичъ, Гейденъ и Родзянко. Однако наканунѣ еще Святополкъ-Мирскій узнаетъ о намѣреніи прислать депутацію и [illegible] бывшему у него по частному дѣлу Гейдену, что оффиціально такую депутацію онъ не можетъ принять, но чтобы тотъ лично принесъ ему резолюціи, а онъ передастъ государю. Такъ и сдѣлали. Теперь, заключаетъ Хиж., резолюція находится на пути. Послѣ засѣданій съѣзда происходилъ банкетъ литераторовъ и земцевъ. Говорились рѣчи, читались адреса. Адресовъ масса. Насчитано около 10,000 подписей. Было бы, конечно, гораздо больше, если бы [illegible] широкой огласкѣ, а не встрѣтили цензурныя [illegible]. „Что будетъ теперь?“ Будемъ ждать. Теперь все зависитъ отъ самого общества, оно должно поддержать требованія земскаго съѣзда, [illegible] бы то ни было формѣ.“ (Громк. рукоплесканія).

[illegible] молодой человѣкъ [illegible] „Я протестую противъ [illegible] Земство не [illegible] Оно не [illegible] Вы не должны были [illegible] не добьетесь удовлетворенія [illegible] требованій!“ Вы [illegible] 1789 г. [illegible] „весны“, вы [illegible] о рабочемъ классѣ [illegible] *Хижняковъ* [illegible] что мы [illegible] *Мы только понимаемъ, что рабочій классъ* [illegible] *Водовозовъ* [illegible] *политическихъ* [illegible] избирательное право.“ А [illegible] престиж[illegible] въ кружкѣ [illegible] протеста.

Отъ редакціи. Н[illegible], конечно, напрасно упрекнули земцевъ въ „[illegible]“; не мѣшало бы, напротивъ, если бы они побольше потолковали на съѣздѣ о дѣйствительныхъ нуждахъ Россіи. Но онъ безусловно правъ въ своихъ возраженіяхъ *по существу*. И именно потому, что онъ былъ правъ, самаго суроваго осужденія заслуживаетъ постыдное выступленіе „демократа“ г-на Водовозова. Нападать съ тылу на соціалистовъ, когда они, критикуя половинчатость и умѣренность земцевъ, стремятся толкнуть ихъ на путь дѣйствительно-*демократической* политики, значитъ предавать дѣло демократіи, а пользоваться при этомъ стереотипно пошлыми фразами о всеобщемъ „единеніи“, значитъ — для господина, пережившаго, какъ В. Водовозовъ, всѣ перипетіи различныхъ „фракціонныхъ“ раздоровъ послѣдняго десятилѣтія — *сознательно* спекулировать на политическую наивность своихъ слушателей. Мы тоже за „единеніе“, г-нъ Водовозовъ, и первые будемъ аплодировать г. Хижнякову, когда онъ формулируетъ потребности нынѣшняго дня *въ терминахъ нашей программы*, то есть, въ соотвѣтствіи съ интересами тѣхъ милліоновъ крестьянъ и рабочихъ, изъ которыхъ состоитъ подавляющее большинство населенія. Пламенѣющій чувствомъ къ „умѣреннымъ отцамъ“, г-нъ Водовозовъ оказывается „болѣе земцемъ, чѣмъ сами земцы“. Г. Хижняковъ, въ отвѣтъ на упрекъ объ игнорированіи всеобщаго избирательнаго права, говоритъ, что ничто въ требованіяхъ 11 пунктовъ *не противорѣчитъ* этому праву, а г-нъ Водовозовъ дерзаетъ заявить, что изъ § 7 *можно вывести* всеобщее и даже тайное и прямое избирательное право! Самоувѣренныя ссылки на учебники обманутъ только самыхъ наивныхъ простаковъ, а неловкость примѣненныхъ г-мъ Водовозовымъ софизмовъ только заставитъ сознательныхъ рабочихъ и честныхъ революціонеровъ смотрѣть въ оба за этимъ, съ позволенія сказать, демократомъ, такъ рано проявляющимъ свою готовность совершить измѣну.

Кіевъ. Отлагая, по недостатку мѣста, описаніе сходки студентовъ Кіевскаго Университета (600 чел.), мы сообщаемъ принятую этой сходкой резолюцію:

Признавая, что настоящая война является результатомъ авантюристической политики царизма, затѣявшаго ее въ интересахъ своихъ и небольшой группы крупныхъ капиталистовъ;

что эта преступная война ведетъ къ интеллектуальному и экономическому вырожденію россійскаго народа, отрывая тысячи сыновъ Россіи отъ ихъ семей и занятій въ жертву военному Молоху, обрекая, такимъ образомъ, десятки тысячъ человѣкъ на вѣрную голодную смерть, вызывая глубокій застой въ промышленности и торговлѣ, благодаря чему десятки тысячъ рабочихъ съ ихъ семьями ежедневно выбрасываются на улицу, и, наконецъ, доводя нашу истощенную и голодную деревню до полнаго разоренія;

Признавая все это, мы заявляемъ, что гнусной, наглой авантюрѣ царизма долженъ быть положенъ конецъ!

Мы требуемъ мира.

Признавая, что нелѣпо ожидать прекращенія войны отъ самодержавнаго царизма и

признавая, что тяжелое экономическое и умственное состояніе Россіи находится въ зависимости отъ всего политическаго строя нашей жизни, въ основу котораго положены принципы самодержавія, мы заявляемъ, что такой политическій строй долженъ быть ликвидированъ, царизмъ долженъ быть низвергнутъ!

Для ликвидаціи самодержавія, мы требуемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

Мы признаемъ, что лишь въ революціонномъ соціальдемократическомъ пролетаріатѣ, соціально-экономическое положеніе котораго находится въ полномъ противорѣчіи со всѣмъ строемъ нашей жизни, мы видимъ силу, могущую дѣйствительно сокрушить царизмъ;

мы находимъ, что всѣ остальные революціонные элементы Россіи должны примкнуть къ его борьбѣ;

наконецъ, заявляемъ, что въ возстаніи народныхъ массъ, руководимыхъ пролетаріатомъ, мы видимъ гарантіи того, что дѣло народной свободы, дѣло революціи не будетъ предано.

Что же касается нашего либерализма, то, принимая во вниманіе, что не только онъ не является и не можетъ явиться дѣйствительнымъ и непоколебимымъ защитникомъ народныхъ интересовъ, но оказался даже несостоятеленъ въ защитѣ своихъ узко-групповыхъ интересовъ,

принимая далѣе во вниманіе, что нашъ либерализмъ въ настоящее время присоединился къ недостойной игрѣ царизма „политикѣ сердца“, мы заявляемъ, что не возлагаемъ на него никакихъ надеждъ, отказываемся отъ всякой солидарности съ нимъ и клеймимъ презрѣніемъ его недостойное виляніе передъ лисковымъ заигрываніемъ самодержавія.

Москва. (Частное письмо изъ публики). Довольно своеобразный характеръ носило празднованіе дня основанія Петровско-Разумовской академіи. Около 2000 студентовъ и публики собралось въ залѣ академіи, студенты выбрали предсѣдателя и онъ открылъ собраніе рѣчью о реформѣ суда Александромъ II 40 лѣтъ тому назадъ. Начальство отсутствовало совершенно. Первая рѣчь чисто революціоннаго содержанія, полная энергіи и вѣры въ лучшее будущее, удивительно подѣйствовала на собраніе. Дальше шли рѣчи такого же направленія. Читали о Нечаевскомъ дѣлѣ (Нечаевъ былъ студентомъ академіи); ораторъ-студентъ говорилъ о способахъ борьбы въ настоящую минуту и о томъ, какія формы правленія могутъ быть у насъ установлены въ ближайшемъ будущемъ.

Сдѣлали перерывъ и хоръ студентовъ, въ 500 человѣкъ, грянулъ „Марсельезу“, выкинули багрово-красное знамя, огромной величины и замѣчательной красоты и двинулись съ пѣніемъ по коридорамъ въ верхній залъ, гдѣ развѣвалось другое такое же знамя. Возбужденіе публики дошло до высшаго предѣла. Стройное пѣніе, мощные возгласы „Долой самодержавіе“, два красныхъ знамени надъ кафедрой ораторовъ, все это многіе видѣли первый разъ въ жизни.

Перерывъ кончился. Начались опять рѣчи и пренія. Говорили студенты соціальдемократы и радикалы. Послѣдніе обращались съ призывомъ слиться всѣмъ оппозиціоннымъ элементамъ для сверженія самодержавія.

[illegible] имѣла успѣхъ рѣчь рабочаго, очень коротенькая, [illegible] и по своему характеру, агитаціонная. Кромѣ него, говорилъ еще нѣмецъ соціальдемократъ, на ломанномъ русскомъ языкѣ. Онъ доказывалъ, что только соціальдемократія, какъ представительница интересовъ пролетаріата, революціонна по своему существу и звалъ молодежь нести въ ряды рабочей массы идеи соціализма.

Настроеніе публики послѣ такого „празднованія“ приподнятое и она разошлась съ пѣніемъ, реальнымъ же доказательствомъ [illegible] сочувствія дѣлу революціи было то, что собрали [illegible] мѣстѣ [illegible] рублей 300 на политическихъ ссыльныхъ и на Р. С.-Д. Р. П.

Испанскій „патріотъ“ русскаго „престолъ-отечества“. Намъ доставлены партійной группой въ Льежѣ слѣдующіе документы:

1. Собраніе членовъ русской колоніи въ Льежѣ въ своемъ засѣданіи отъ [illegible] *ноября* 1904 г., посвященномъ обсужденію поступившаго со стороны испанской секціи „Краснаго Креста“ приглашенія на спектакль въ пользу „Русскаго Краснаго Креста“, приняло слѣдующую резолюцію:

„Принимая во вниманіе:

1) что русско-японская война не только не вытекаетъ изъ потребностей капиталистическаго общества, но, напротивъ, имѣетъ своею цѣлью задержать его политическое переустройство, которое необходимо для его развитія;

2) что война эта, порожденная авантюристской политикой самодержавнаго правительства, вызвана стараніями клики бюрократіи и незначительной части капиталистовъ, желающихъ воспользоваться для своего обогащенія тѣмъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ, какимъ является война для каждаго народа, тѣмъ болѣе для населенія, окончательно разореннаго россійскимъ самодержавіемъ и страдающаго отъ хроническаго голода;

3) что война эта вызвана русскимъ правительствомъ въ его стремленіи поддержать за самодержавной Россіей престижъ первоклассной культурной державы въ глазахъ европейскаго общества и отвлечь этой войной вниманіе всего цивилизованнаго

---

[1] Привожу докладъ въ сокращенномъ видѣ, конечно.

[2] Я не привожу цѣликомъ всѣхъ 11 пунктовъ: они вамъ должны быть извѣстны.

[3]) Какъ извѣстно, не подписался еще Стенбокъ-Ферморъ (предсѣдатель херсонской управы).

міра отъ той дикой борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“, въ которой оно пользуется всѣми средствами, не останавливаясь передъ массовыми арестами, высылками въ необитаемыя части государства, массовыми избіеніями, разстрѣлами и даже кровавыми еврейскими погромами (Кишиневъ, Гомель, Могилевъ и др.);

4) что войной этой русское правительство стремится отвлечь на „внѣшняго врага“ все то негодованіе, всю ту ненависть, которыя накопились во всѣхъ слояхъ русскаго общества противъ самодержавнаго правительства и „высшихъ классовъ“ и, такимъ образомъ, затормазивши ростъ революціоннаго движенія внутри страны, укрѣпить расшатанный тронъ;

Обращая, далѣе, вниманіе общества на то, что отъ всѣхъ средствъ, посылаемыхъ правительству или варварски выжимаемыхъ имъ у бѣднѣйшей части населенія на спеціальную цѣль помощи раненымъ на войнѣ, до назначенной цѣли доходитъ лишь микроскопическая доза, а все остальное попадаетъ въ карманы спеціально назначенныхъ для этого чиновниковъ, на что не разъ указывалось и европейской прессой,

Собраніе, признавая, что участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, помогающихъ русскому правительству въ его позорной войнѣ, даетъ ему тѣмъ самымъ нравственную поддержку въ его авантюристской политикѣ, отклоняетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашеніе испанской секціи „Краснаго Креста“ и выражаетъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что единственнымъ средствомъ противъ всѣхъ бѣдствій, вызванныхъ настоящей войной въ Россіи, является одно — принудить русское правительство прекратить эту войну“.

Резолюція принята 77 голосами противъ двухъ при двухъ воздержавшихся.

II. Резолюція собранія членовъ Льежской колоніи была напечатана въ № 330 отъ 25 ноября с. г. мѣстной газеты „Express“, подъ заглавіемъ „La vraie Russie contre la Russie officielle“. Въ отвѣтъ на нее, членами русской колоніи получено слѣдующее письмо:

Господамъ членамъ русской колоніи въ Льежѣ.

Liège 25 ноября 1905 (?).

Въ отвѣтъ на ваше заявленіе, озаглавленное „La vraie Russie contre La Russie officielle“, появившееся сегодня въ газетѣ „Express“:

Вы забываете, М. М. Г. Г., наиболѣе священныя обязанности человѣчества. Вы забываете, что Красный Крестъ оказываетъ тамъ, на полѣ битвы, неоцѣнимыя услуги Вашимъ братьямъ, убитымъ и раненнымъ. Такимъ образомъ, я оставляю за собой право доставить это заявленіе не только Его Императорскому Величеству Императору Россіи, но и Петербургской прессѣ. Вы забываете, М. М. Г. Г., что дѣятельность Краснаго Креста является величайшимъ международнымъ дѣломъ. Ваше заявленіе прямо таки недостойно. Общественное мнѣніе явится судьей по данному вопросу, и я оставляю всѣ послѣдствія на Вашей отвѣтственности. Примите и проч.

Чл. Инт. Асс., Испанская секція.

Ed. de Beawuillieres de Narmont.

P. S. Я жалѣю только объ одномъ: если бы я зналъ 77 именъ, я ихъ представилъ бы въ распоряженіе прессы, но Вы не имѣли достаточно открытой смѣлости присоединить Ваши подписи къ этому сообщенію. Вы являетесь той породой людей, которымъ трудно подыскать соотвѣтствующее названіе. Надѣюсь, что французская пресса, которой я отсылаю это заявленіе русской колоніи, сумѣетъ его судить и оцѣнить въ свою очередь.

III. Собраніе членовъ русской колоніи въ Льежѣ въ своемъ засѣданіи отъ *29 ноября* 1904 г., заслушавъ письмо члена испанской секціи „Краснаго Креста“, приняло слѣдующую резолюцію:

„Подчеркнувъ въ принятой 22 ноября резолюціи преступное происхожденіе русско-японской войны и указавъ на то, что организованный испанской секціей „Кр. Кр.“ спектакль въ пользу русскихъ раненыхъ является предпріятіемъ, помогающимъ русскому правительству въ его позорной войнѣ и тѣмъ самымъ дающимъ ему нравственную поддержку въ его авантюристской политикѣ, *собраніе ясно указало этимъ*, что настоящее предпріятіе, если бы даже оно исходило изъ самыхъ чистыхъ, гуманныхъ побужденій и имѣло своей цѣлью помощь раненымъ не одной лишь, а обѣихъ воюющихъ сторонъ, должно быть разсматриваемо единственно, какъ актъ политическій и, какъ таковой, оцѣниваемо исключительно съ политической точки зрѣнія, собраніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе:

что для всякаго, кто не страдаетъ близорукостью въ разсмотрѣніи соціальныхъ явленій должна быть вполнѣ ясна полная неприменимость къ нимъ индивидуально-этической оцѣнки; что лишь въ слѣпомъ преклоненіи предъ существующимъ, можно не видѣть вопіющаго противорѣчія между громкими словами о человѣколюбіи и полнѣйшей недѣйствительностью всѣхъ паліативовъ, изобрѣтаемыхъ современнымъ капиталистическимъ обществомъ противъ имъ же созданныхъ ужасовъ войны;

что не въ исправленіи уже нанесеннаго зла, а въ борьбѣ за коренное уничтоженіе порождающихъ его соціальныхъ и политическихъ условій лежитъ истинный разумный альтруизмъ;

Не останавливаясь на неприличномъ тонѣ и общемъ характерѣ заслушаннаго письма, собраніе заявляетъ, что только наличность подписи: „Членъ Испанской Секціи Международной Ассоціаціи Краснаго Креста“ препятствуетъ усмотрѣть въ немъ актъ низкаго провокаторства, которымъ русское самодержавное правительство такъ охотно и успѣшно пользуется, не только у себя въ Россіи, но и заграницей“.

Резолюція принята 99 голосами при 4 воздержавщихся.

Присоединилось 11 человѣкъ“.

Надѣемся, что пощечина, полученная имъ такъ заслуженно отъ Льежской русской молодежи, заставитъ г-на де-Нармонъ на будущее время сохранять про себя свою жгучую страсть къ обнаруженію тѣхъ именъ, сообщеніе которыхъ могло бы быть цѣнно для русской полиціи.

Къ сожалѣнію, при перепечаткѣ изъ бельгійскаго *радикальнаю* органа „Express“ резолюціи русской колоніи, оффиціальный органъ бельгійскихъ *соціалистовъ* „Peuple“ произвольно измѣнилъ ея текстъ, давъ ему интерпретацію извѣстнаго жоресовскаго плана о борьбѣ европейской *буржуазіи* противъ русско японской войны. Слова „принудить русское правительство прекратить эту войну“ замѣнены словомъ: „чтобы *общественное мнѣніе* Европы принудило русское правительство“ и т. д. Въ такомъ видѣ резолюція перепечатана и въ органѣ Жореса. Зачѣмъ нужно было столь „расширительное“ толкованіе — неизвѣстно.

Сердечное попеченіе о мобилизуемыхъ.

М. В. Д.
Приставъ
...стана ...аго уѣзда
ноября ... дня
гор. N. Кіев. губ.

Секретно.
Конфиденціально.

Ваше Высоко....іе.

Призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ 6-ой частной мобилизаціи сопровождался въ Каневскомъ уѣздѣ цѣлымъ рядомъ безпорядковъ со стороны запасныхъ, а также посягательствомъ ихъ на чужое имущество. Явленіе это глубоко прискорбное и является крайне печальнымъ, что возникло оно по поводу священнѣйшей изъ повинностей гражданина, по коей населеніе призывается на защиту кровныхъ интересовъ и чести имперіи. Лица, виновныя въ отдѣльныхъ проступкахъ и преступленіяхъ противъ порядка управленія, личной и имущественной безопасности обывателей, понесутъ въ свое время кару по всей строгости закона. Но это обстоятельство отнюдь не должно покрывать всей прискорбности имѣвшихъ мѣсто массовыхъ безпорядковъ и не можетъ ослаблять тяжести нравственной отвѣтственности, лежащей на всѣхъ представителяхъ государственной, общественной и частной административной власти, на коихъ, и по долгу службы и по нравственному чувству, лежитъ забота о предупрежденіи самой возможности подобныхъ явленій среди массы населенія. Нѣтъ сомнѣнія, при обычныхъ условіяхъ жизни огромное большинство запасныхъ нижнихъ чиновъ, призываемыхъ нынѣ на дѣйствительную службу, представляетъ собою добрыхъ гражданъ, свято чтущихъ чужое право, отнюдь не склонныхъ къ разгулу дикихъ страстей, не знающихъ удержу, въ томъ убѣждаютъ и высокіе подвиги нашихъ воиновъ, засвидѣтельствованные на полѣ брани многочисленными примѣрами, возбудившими удивленіе всего міра, и тѣмъ не менѣе они, будущіе герои, при самомъ призывѣ ихъ на службу, подчиняются особому настроенію, свойственному толпѣ; подъ вліяніемъ „преувеличенныхъ извѣстій“ съ театра войны о предстоящихъ жертвахъ, у лишенныхъ прощанія съ родными, и неизвѣстности будущаго создается особаго рода нервозность, которая увлекаетъ этихъ людей за границу дозволеннаго и не рѣдко ставитъ ихъ въ ряды тяжкихъ преступниковъ. Для ослабленія и для устраненія подобныхъ тягостныхъ явленій, начальникъ края нашелъ, что всѣ лица и учрежденія, такъ или иначе прикосновенныя къ части населенія, изъ среды коихъ будутъ призываться запасные на дѣйствительную службу отъ ея начальнаго момента и до конца призыва, должны сердцемъ и душою войти въ нравственное состояніе призываемыхъ и по мѣрѣ силъ и средствъ предложить имъ всѣ тѣ утѣшенія и все то сочувствіе, какія приличны случаю и мѣсту. Лица духовнаго сословія должны въ настоящее время, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также при всякомъ удобномъ случаѣ и въ школахъ, какъ пастыри, объяснять и знакомить населеніе, какъ тяжко нехорошо отзывается на населеніи буйство и разбой призываемыхъ, а тѣмъ болѣе на послѣднихъ, которые *по окончаніи войны будутъ наказаны по всей строгости закона и никакіе геройскіе подвиги ихъ не спасутъ отъ этою.* А въ дни самаго призыва пастыри должны пригласить призываемыхъ къ общей молитвѣ въ мѣстные храмы и для душевныхъ собесѣдованій о долгѣ воиновъ и предстоящемъ святомъ подвигѣ на алтарѣ отечества и своей родины. Сердечная отзывчивость къ положенію призванныхъ подсказала-бы представителямъ общественныхъ и частныхъ учрежденій и частнымъ лицамъ, довѣреннымъ землевладѣльцевъ, администраціи всѣхъ заводовъ, какъ согласно мѣстнымъ условіямъ и обычаямъ слѣдовало-бы встрѣтить почетно и по возможности *уютить* призываемыхъ, въ предѣлахъ благопристойнаго и по правиламъ благоустроеннаго общежитія и затѣмъ съ честью и любовью проводить на дальній Востокъ тѣхъ, кому судьба укажетъ итти на защиту отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что среди призываемыхъ запасныхъ чиновъ такія уродливыя личности, которыя признаютъ возможность разграбить ближайшую свою родину, прежде чѣмъ выступить на защиту истинно родной страны, представляютъ лишь рѣдкія исключенія, но даже и эти исключительныя лица были бы поставлены въ надлежащія рамки при наличности очерченныхъ выше условій: благожелательнаго, отзывчиваго вниманія ко всѣмъ призываемымъ; вообще вниманія, которое способно было бы укрѣпить свойственный торжественному моменту подъемъ духа и не дать этому подъему выразиться въ уродливой и дикой формѣ полнаго презрѣнія къ требованіямъ порядка и законности. Физически не имѣя возможности лично быть у всѣхъ, обращаюсь письменно съ покорнѣйшей просьбой къ гг. пастырямъ, дворянамъ, землевладѣльцамъ и ихъ арендаторамъ, заводской администраціи всѣхъ категорій и лицамъ, завѣдующимъ частными учрежденіями, принять самое горячее участіе на случай призыва запасныхъ нижнихъ чиновъ и воздѣйствовать на нихъ съ моральной стороны во избѣжаніе всякихъ безпорядковъ и безобразій, позаботиться для нихъ же устройствомъ сердечныхъ проводовъ и угощеній, соединиться для этого въ одно общество *безъ различія вѣры и положенія* и своимъ примѣромъ, отзывчивостью парализовать дикія чувства, и выходки въ призываемыхъ. Кромѣ того, покорнѣйше прошу всѣхъ гг. почтить меня въ скоромъ времени до 9 ноября отвѣтомъ, какія гдѣ могутъ быть приняты мѣры къ встрѣчѣ и проводамъ нижнихъ чиновъ, въ чемъ именно проводы и угощенія будутъ выражаться, высказавъ при этомъ, кому будетъ болѣе удобно принимать руководство въ случаѣ угощеній и проводовъ призываемыхъ, а также свой взглядъ на болѣе примѣнительныя стороны встрѣчи и проводовъ по мѣстнымъ условіямъ и приданія всему этому болѣе торжественности.

Примите увѣреніе въ глубокомъ къ Вамъ уваженіи

приставъ (подпись неразборч.).

Старайтесь, господа! Понемногу начинаютъ и крестьяне соображать, какъ можно побудить васъ нѣсколько болѣе заботиться о „пушечномъ мясѣ“.

Новая провокація. Новая „Романовка“ въ перспективѣ.

М. В. Д.
Якутскій окружной
исправникъ
№ 2160
Іюля 30 дня 1904 г.

Инороднымъ управамъ, Волостнымъ управленіямъ и старшинамъ скопческихъ селеній.

N-ой Инородной Управѣ.

„Поручено Инородной Управѣ, съ полученія сего, немедленно объявить и лично разъяснить всѣмъ инородцамъ, чтобы они отнюдь не принимали въ дома свои административно-ссыльныхъ, находящихся на водвореніи въ другихъ наслегахъ безъ предъявленія ими надлежащихъ письменныхъ разрѣшеній, и если куда явится такой изъ сосѣдняго наслега административно-ссыльный, то доносить о немъ въ Окружное Полицейское Управленіе черезъ сельскія власти, какъ о самовольно отлучившемся, немедленно съ нарочнымъ и принять мѣры къ выдворенію его изъ этого наслега“.

Повидимому, присутствіе „романцевъ“ въ Якутскѣ связывало руки тамошнему начальству. При нихъ на волѣ все шло тихо, благородно. Но обратите вниманіе на дату циркуляра — первый день романовскаго процесса, т. е. начало конца. Если прежняя мѣра — запрещеніе давать лошадей — не помогла, если о невыѣздѣ ссыльныхъ долженъ былъ заботиться свой наслегъ, то объ этомъ теперь будетъ заботиться и чужой, куда появится ссыльный. Циркуляръ имѣетъ невинный видъ запрещенія отдавать квартиры для жительства — таково только можетъ быть его формальное толкованіе, но онъ написанъ такъ, что дѣлаетъ невозможною всякую отлучку. Одинъ болѣе развитой и толковый староста въ наслегѣ толкуетъ такъ: „административно-ссыльныхъ изъ другихъ наслеговъ якуты не имѣютъ права впускать въ свои дома не только на жительство, но и погрѣться, чаю напиться, ночевать“. Подумайте только объ этомъ натравливаніи полудикого якута на ссыльныхъ. Якута не трудно прогнать, показавъ ему револьверъ, ножъ и т. п.: онъ трусъ ужасный, но это не борьба, не съ нимъ нужно бороться, и не съ нимъ будутъ бороться. А бороться будутъ. Всякое насиліе надъ товарищами встрѣтитъ отпоръ въ ссылкѣ, ибо съ „романовцами“ еще не исчезли люди, способные на это. Случайно многихъ не было съ ними, а кромѣ того, многіе прибыли лишь впослѣдствіи. А репрессіи уже начались. Бѣжавшій лѣтомъ изъ Вилюйска Молчанъ, несовершеннолѣтній, пойманный на Ленѣ, былъ возвращенъ въ Якутскъ, гдѣ содержится въ тюрьмѣ. Теперь ему объявили о новомъ назначеніи въ Колымскъ, т. е. на вѣрную смерть, ибо тамъ теперь, кромѣ всѣхъ бѣдъ, еще форменный голодъ. Молчанъ заявилъ, что ни за что туда не поѣдетъ.

Екатеринославъ. Процессъ о всеобщей стачкѣ 1903 года представляетъ нѣчто небывалое въ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣло 50 рабочихъ и, вмѣстѣ съ ними, только одинъ интеллигентъ, и то онъ не былъ ни „представителемъ“, ни „подстрекателемъ“ демонстрація. Всѣ они на судѣ (судебн. палата съ сосл. предст.) держались въ высшей степени тактично, съ удивительной солидарностью; очень многіе признали себя членами Р. С.-Д. Р. Р.[1]); чуть не всѣ заканчивали свои рѣчи словами: „долой самодержавіе“, Сословный представитель, губернскій предводитель дворянства, велъ себя на судѣ непозволительно, требовалъ высшей мѣры наказанія рабочихъ за поведеніе на судѣ. Даже сама палата должна была ему заявить, что она вправѣ судить только за проступки до суда, а прочее ея не касается.

Невозможно, къ сожалѣнію, передать въ письмѣ всѣхъ деталей. Сколько курьезнаго, страннаго, возмутительнаго въ показаніяхъ полиціи, случайныхъ свидѣтелей и т. п., и сколько благородства, мужества въ поведеніи подсудимыхъ!

8-го ноября судъ закончился. Изъ 54 подсуд. оправданы 14, остальные приговорены къ тюремному заключенію: 1-ая группа — 3 г. 4 м. (Іаффе, Овсякъ, Розенбаумъ, Трофимовъ Михаилъ; 2-ая — 2 г. 8 м. (Вонахъ, Городецкій, Градковскій, Голубенковъ); 3-ья — 2 г. и 2 м. (Кошкинъ, Незнающая, Соленый, Телесовъ); 4-ая — 2 г. (Бѣлкинъ, Грибановъ, Горскинъ, Лайминъ, Макулевъ, Алифиренко, Романовъ, Хохловъ, Ужаченковъ); 5-ая — 1 г. 9 м. 10 дн. (Ицекманъ, Левицкій, Лѣсовой, Рессинъ, Слонинъ, Трекухъ); 6 ая — 1 г. 4 м. (Роберманъ, Левинъ, Трофимовъ, Нищенко, Рудинкова, Самойловъ, Цыбулевскій); 7-ая — 10 м. 20 дн. (Айнбундъ, Берковская, Либерманъ, Теминъ); 8-ая — вмѣнено въ наказаніе время предварительнаго заключенія (Синюринъ, Горбуновъ); оправданы: Афанасьевъ, Бобылевъ, Берестовскій, Хася Гинзбургъ, Ефимовъ, Звѣздинъ, Зажуловскій, Лифшицъ, Медвѣдевъ, Медлядская, Оводова, Шевченко и Ященко.

Отъ редакціи. Слѣдуетъ отмѣтить своеобразное отличіе обвинительнаго акта по этому дѣлу (онъ будетъ напечатанъ нами) отъ аналогичныхъ документовъ (какъ, напримѣръ, по дѣлу о той-же всеобщей стачкѣ въ *Кіевѣ*). Авторы тщательно подчеркиваютъ *политическій* характеръ всего движенія, такъ искусно скрываемый обыкновенно въ обвинительныхъ актахъ по дѣламъ о массовыхъ движеніяхъ. На этотъ разъ оффиціальный документъ пестритъ упоминаніями о томъ, какъ тысячеголовая толпа кричала: „долой самодержавіе!“ Впервые слуги самодержавія признали, что рабочая *масса* возстаетъ противъ существующаго политическаго режима. *Послѣ этою* говоговорить о „немногочисленныхъ злонамѣренныхъ элементахъ“ уже не приходится. Екатеринославскому пролетаріату выданъ его злѣйшими врагами аттестатъ политической зрѣлости.

Другая характерная черта обвинительнаго акта — на этотъ разъ сближающая его съ ему подобными — стремленіе изъ всей „преступной толпы“ выдѣлить *евреевъ*, какъ главныхъ зачинщиковъ. Всякій знаетъ, какую вѣру можно придавать такому выдѣленію. Одно только интересно: не чувствуютъ-ли наши самодержцы, что, стремясь выставить евреевъ-рабочихъ застрѣльщиками и вожаками такихъ могучихъ массовыхъ движеній, какъ политическая стачка 1903 г., они, съ одной стороны, выдаютъ *имъ* аттестатъ громаднаго вліянія на русскую пролетарскую массу, а, съ другой, оффиціально признаютъ, что *эта* масса перестала относиться антисемитически къ своимъ еврейскимъ товарищамъ, и, *въ своей ненависти къ самодержавію*, опрокинула всѣ перегородки расовыхъ и вѣроисповѣдныхъ различій, построенныя исторіей? И это — лишнее свидѣтельство революціонной зрѣлости пролетаріата, выданное чинами министерства юстиціи.

Екатеринодаръ. Въ здѣшней тюрьмѣ содержится 14 политическихъ: изъ нихъ Пѣшковъ (раб.), Чито (грузинъ раб.), Бороденко (раб.) сидятъ съ апрѣля, Глушко (семинар.) съ августа, Ткаченко съ мая, Швитко (жел.-дор. служ.) съ апрѣля. Послѣ голодовки переведенъ въ Усть-Лабу В. С. Поповъ (сидитъ съ апр.), а недавно въ Армавиръ перевели А. Щербинина.

Большинство содержащихся въ тюрьмѣ и другія лица, всего до 25 человѣкъ, подлежатъ суду Новочеркасской Судебной Палаты. Дознаніе будетъ закончено въ ноябрѣ и разборъ дѣла можно ожидать не раньше января или февраля мѣсяца.

Всѣ обвиняются по соціальдемократическому дѣлу, уликъ противъ большинства привлеченныхъ почти нѣтъ никакихъ, — тѣмъ не менѣе, нѣкоторыхъ изъ нихъ держатъ уже болѣе семи мѣсяцевъ. Глушко судится 14 декабря (въ Новочеркасской Палатѣ) за храненіе прокламацій Кубанскаго Комитета. Кромѣ найденныхъ у него листковъ, этотъ 18-ти лѣтній юноша ни въ чемъ не обличенъ, но въ отместку за его полное достоинства поведеніе при арестѣ и въ тюрьмѣ, ему предъявили обвиненіе по 128 и 130 ст.

Архангельскъ. 7 ноября на собраніи политическихъ ссыльныхъ, (около 60 человѣкъ) была принята слѣдующая резолюція:

Принимая во вниманіе: что съѣздъ предсѣдателей управъ не обладаетъ полномочіями отъ народа для выработки того „основного закона“, который долженъ лечь въ основу будущаго правового порядка; что только Учредительное Собраніе, избранное всѣмъ населеніемъ, можетъ взять на себя эту задачу — Собраніе приходитъ къ заключенію, что главная и единственная задача съѣзда должна заключаться въ требованіи немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго и равнаго для всѣхъ голосованія.

Протесты ссыльныхъ. Якутскіе ссыльные подали губернатору заявленіе, въ которомъ протестуютъ противъ царскаго манифеста и его примѣненія къ нимъ и обѣщаютъ, въ случаѣ если онъ все же будетъ примѣненъ, продолжать, по возвращеніи въ Россію, свой революціонный образъ дѣйствія. Подписи: Як. Рубинштейнъ, А. Баскинъ, Б. Бродскій, Д. Биндеръ, Г. Геликманъ, Ц. Виленкинъ, Р. Зайдмеръ, Ливанскій, Циля Дарголыцъ, М. Вайнштейнъ, З. Левинъ, О. Винникъ, А. Берштейнъ, А. Крюковъ, А. Курносовъ, С. Шейнкманъ, В. Ивановъ, Я. Законъ

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Среди христолюбиваго воинства. Военное министерство все чаще и чаще пишетъ циркуляры о борьбѣ съ крамолой въ войскахъ, военное начальство все усерднѣе принимаетъ строжайшія мѣры борьбы съ нею... Солдатамъ перестаютъ довѣрять, ихъ заподазриваютъ. Часто въ казармахъ осматриваютъ солдатъ: всѣ-ли православные носятъ на шеѣ крестъ? Въ бурное лѣто прошлаго года, при подавленіи волненій, начальство не надѣялось на солдатъ. Поэтому, оно составило отряды, выбирая по 2—3 солдата изъ роты; предъ тѣмъ, какъ вести въ бой, вожди рѣчами вдохновляли свою команду на подвигъ доблестный. И солдатъ шелъ, разобщенный со своими обычными товарищами, неловко себя чувствуя среди незнакомыхъ и опасаясь предательства со стороны собрата. Все это не пустая мнительность: въ армію проникаетъ неблагонадежность. Въ казармѣ устанавливается спеціальный сыскъ, громогласно предъ цѣлыми ротами обѣщаютъ денежныя и другія награды за поимку преступниковъ, производятъ чуть ли не еженедѣльно поголовные обыски — и, тѣмъ не менѣе, нелегальщина во многихъ войсковыхъ частяхъ явленіе заурядное и хроническое. Среди солдатъ большого города можно уже встрѣтить такихъ, которые впервые услышали о революціонной борьбѣ въ той самой казармѣ, въ которой къ концу службы они сдѣлались активными революціонерами-агитаторами.

Но, какъ ни быстро растетъ въ арміи число ихъ, все же они — капля въ бездонномъ морѣ рабства и безсмысленной покорности. Центръ, основа неблагонадежности арміи не въ нихъ, не въ этихъ единицахъ, примыкающихъ къ организаціи и регулярно получающихъ нелегальную литературу. Не очень то грозятъ благонадежности арміи и тѣ прокламаціи, которыя изрѣдка попадаютъ въ одну сотую россійскихъ полковъ и производятъ большее впечатлѣніе на военное министерство, чѣмъ на солдатъ. Точно также не представляютъ сколько-нибудь внушительной силы и тѣ одиночки, которые втихомолку и незамѣтно, изолированно, ведутъ осторожную пропагандистскую работу и за годъ, за два, создаютъ вокругъ себя небольшой кружокъ. Такая работа встрѣчается чаще организаціонной. Но возникающіе такимъ путемъ кружки живутъ слишкомъ замкнуто, составляя свой обособленный мірокъ; они отрываются отъ жизни солдатской массы и перестаютъ жить ея интересами. Дѣйствительная неблагонадежность арміи въ томъ, что покорный, безропотный солдатъ начинаетъ становиться рѣдкостью. Съ каждымъ днемъ идетъ на убыль солдатъ, считающій непоколебимой истиной преподаваемую ему „словесность“, вѣрящій во всемъ начальству, терпѣливо ожидающій, что за богомъ — молитва, за царемъ — служба не пропадаетъ и принимающій, какъ нѣчто естественное, самыя дикія выходки своего начальства. Дѣло дошло до того, что такой солдатъ составляетъ врядъ-ли половину всего полкового состава. А въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, формирующихся, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, „истинно русскій“ солдатъ остается уже въ меньшинствѣ. Наблюдателю всюду бросается въ глаза тотъ фактъ, что армія раскалывается на двѣ совершенно различныя части. Изъ нихъ „благонадежная“ часть состоитъ изъ наименѣе цѣнныхъ, даже въ глазахъ начальства, элементовъ. Здѣсь безграмотные, наиболѣе тупые и безтолковые, забитые и трусливые — преимущественно изъ деревень обнищавшей черноземной полосы и медвѣжьихъ угловъ съ натуральнымъ хозяйствомъ (такъ наз. „свинопасы“). Но этими жалкими людьми не исчерпываются сторонники „порядка“. На сторонѣ его стоитъ обширный слой толковыхъ и грамотныхъ людей, желающихъ, при помощи служебныхъ отличій, „выйти въ люди“, проложить себѣ дорогу къ „легкому куску хлѣба“. Они не только сторонники существующаго строя, но и единственные его защитники. Они — „внутренніе враги“ казармы, являясь вѣрными слугами и пособниками начальства въ дѣлѣ угнетенія и обезличиванія солдатъ. Изъ этого слоя и выходятъ унтера, фельдфебеля, жандармы, стражники, городовые, швейцары и пр.

---

[1]) По словамъ легальныхъ газетъ, 29 чел.

Остальная половина арміи уже отчасти неблагонадежна. Она состоитъ, если отбросить сознательныхъ одиночекъ, во 1-хъ, изъ людей, еще до службы почувствовавшихъ ненормальность и тяготу условій существованія въ современномъ обществѣ и начавшихъ собственнымъ умомъ доходить до вредныхъ мыслей; во 2-хъ, изъ лицъ, не носившихъ въ себѣ до солдатчины ни одной капли оппозиціоннаго яда, чистыми и непорочными „истинно-русскими“ людьми вступившихъ на службу, но, подъ бременемъ жестокой дисциплины и казарменнаго варварства, потерявшихъ терпѣніе: въ нихъ начинаетъ работать мысль, вспыхиваетъ и зрѣетъ лютая злоба.

Правда, ихъ негодованіе, очевидно, поверхностно, ихъ возмущеніе не идетъ подчасъ дальше полкового начальства. Во всякомъ случаѣ — первый и самый трудный шагъ по пути къ сознательной жизни сдѣланъ, самыя крѣпкія нити благонадежности порваны. Сегодня они еще вѣрятъ, но кто знаетъ, что будетъ завтра... Они служатъ „царю-батюшкѣ“, презирая свою службу, подчиняются властямъ, ненавидя ихъ, видятъ произволъ, проклиная его. Каждый фактъ начальническаго изувѣрства глубже роетъ яму между ними и „порядкомъ“. Самостоятельно, безъ прокламацій и постояннаго воздѣйствія, они начинаютъ ненавидѣть всю солдатчину отъ начала до конца, весь казарменный укладъ, все начальство! Не всегда это широкое неугасающее недовольство остается только „профессіональнымъ“ — часто казарменные тиски выжимаютъ изъ пробужденной головы солдата мысли о томъ гнетѣ, который онъ покинулъ на волѣ и который его стережетъ при выходѣ изъ казармы. И тогда недовольство, стихійное и безформенное, начинаетъ подрывать корни не только политическаго, но и экономическаго строя.

Оппозиціонныхъ солдатъ не трудно выискать: многіе изъ нихъ сами бросаются въ глаза. Недовольства у нихъ накопилось такъ много, злоба является до того преобладающимъ настроеніемъ, что это сказываетя довольно часто. За каждое выраженіе недовольства можно попасть подъ арестъ, за каждое ругательство по адресу офицера, даже за глаза, можно угодить въ дисциплинарный батальонъ и, тѣмъ не менѣе, если по близости нѣтъ завѣдомаго врага, то недовольство такъ и брызжетъ, ругань такъ и льется. Такой солдатъ служитъ только за страхъ, но не за совѣсть. Ему не важны ни постъ, который онъ охраняетъ, ни арестованные, которыхъ онъ конвоируетъ... Онъ исполняетъ все это, потому что *съ него спрашиваютъ*. Все важное, о чемъ ему твердитъ начальство — присяга, престолъ, отечество — для него не существуетъ, надъ нимъ сохраняетъ силу только палка, онъ повинуется только потому, что „ничего не подѣлаешь“...

Итакъ, чуть ли не половина арміи, въ большей или меньшей степени, заражена оппозиціоннымъ духомъ. Пробужденная, главнымъ образомъ, казарменнымъ гнетомъ, оппозиціонная мысль иногда выходитъ за предѣлы этого гнета и самостоятельно начинаетъ переоцѣнивать всѣ житейскія отношенія. Иногда же она безсильно бьется, не умѣя связать гнетъ казармы съ гнетомъ, царящимъ за его предѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта масса представляетъ богатый и воспріимчивый матеріалъ для соц.-демократической работы. Въ каждомъ полку десятки, а то и сотни лицъ уже повергли въ прахъ старые кумиры и теперь мучительно ищутъ выходъ для своихъ сомнѣній, жадно подхватывая „новое слово“. Съ окончаніемъ службы, для нихъ начинается новая жизнь. И они стремятся начать ее по новому. Поэтому они съ радостью встрѣтятъ того революціоннаго Колумба, который откроетъ ихъ непочатую силу, ихъ нетронутую энергію. Разговоры о томъ, что солдатъ закованъ въ броню дисциплины, которую трудно пробить, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть борьбы, въ процессѣ которой революціонизируется сознаніе, что масса здѣсь слишкомъ пестра, что въ казармѣ солдатъ, съ одной стороны, оторванъ отъ своего классового положенія, а съ другой—смотритъ на свое пребываніе въ ней, какъ на временное — являются несостоятельными. Здѣсь приходится считаться съ фактами: въ казармѣ выкристализовался обширный слой жаждущихъ революціоннаго воздуха и весь этотъ слой цѣликомъ пригоденъ для воспріятія демократическихъ идей. Что же касается соціализма, то проникнутся имъ далеко не всѣ: извѣстная часть дальше демократизма не пойдетъ. Но эта часть не велика, ибо оппозиція формируется, главнымъ образомъ, изъ пролетарскихъ элементовъ, преимущественно тѣхъ, кому приходилось жить не на одномъ мѣстѣ и бывать въ городѣ.

Доказывать необходимость работы въ войскѣ — значитъ ломиться въ открытую дверь. Почва для этой работы богатѣйшая. Съ точки зрѣнія конспиративной дѣятельности, работа въ арміи не представляетъ тѣхъ исключительныхъ трудностей и опасностей, какъ это кажется на первый взглядъ. Работа здѣсь получаетъ тѣмъ большее значеніе, что солдаты разнесутъ и посѣятъ болѣе или менѣе правильное представленіе о нашемъ движеніи, сосредоточивающемся преимущесвенно въ большихъ городахъ, по тѣмъ глухимъ угламъ, куда не проникаетъ еще наша агитація.

До сихъ поръ наши организаціи, въ большинствѣ случаевъ, ставятъ работу среди войскъ на заднiй планъ, ограничиваясь тѣмъ, что 2-3 раза въ году печатаютъ стереотипный, до нельзя абстрактный листокъ о милитаризмѣ и подбрасываютъ его къ воротамъ казармы. Нужно ли говорить, что значеніе такой агитаціи до нельзя мизерно? Для арміи необходимы спеціальныя организаціи, послѣдовательно и планомѣрно развивающія систематическую дѣятельность, объединяющія сознательныхъ солдатъ, обличающія всѣ крѣпостническіе пережитки арміи, привлекающія все новые элементы и т. д.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Скопинскій уѣз., Рязанской губ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ двухъ деревняхъ нашего уѣзда происходили крестьянскія волненія, для усмиренія которыхъ потребовалось вмѣшательство высшихъ властей. Происходили они на почвѣ частныхъ неудовольствій и выразились, въ сущности, въ пустякахъ. Въ усадьбѣ помѣщиковъ Темешовыхъ—въ возмездіе за постоянныя прижимки въ случаѣ неизбѣжныхъ при черезполосицѣ потравъ и т. п. — крестьяне перебили всѣ окна. Въ деревнѣ Вердеровѣ, гдѣ помѣщикъ самовольно перенесъ столѣтнюю проѣзжую дорогу на новое мѣсто, а старую, оградивъ ее шлагбаумами и поставивъ караульнаго черкеса, захватилъ въ свое исключительное пользованіе, — крестьяне, составивъ приговоръ, двинулись толпой на черкеса, чтобы прогнать его, а когда тотъ выстрѣлилъ, то поколотили его изрядно, а затѣмъ уничтожили шлагбаумы и завладѣли дорогой. Вотъ и все. Само собой разумѣется, что крестьяне прибѣгли къ этимъ мѣрамъ, исчерпавъ предварительно всѣ мирные пути улаженія конфликта, не исключая и суда. Понятно тоже, что закончились волненія, какъ это всегда бываетъ, арестами „зачинщиковъ“, возстановленіемъ шлагбаумовъ и увеличеніемъ числа вердеровскихъ черкесовъ съ одного до трехъ, а у Темешовыхъ — водвореніемъ въ усадьбу городового... на страхъ врагамъ и для охраны побитыхъ стеколъ...

Интересно отмѣтить, какъ понятъ былъ крестьянами въ нашемъ уѣздѣ извѣстный манифестъ 26 февраля позапрошлаго года.

Прекратилось ли у насъ крѣпостное право?

Верхнеуральскій уѣздъ, Оренб. губ. Съ Уаянскаго завода нынѣшней весной сослали нѣсколькихъ довольно оригинальныхъ „политиковъ“. Все это старики 50, 52, 60, 70 и даже 75 лѣтъ. Послѣднимъ шелъ въ маѣ на 3 г. въ Олонецкую губ. нѣкій Григорій Азановъ, дряхлый, полуослѣпшій старикъ 70-ти лѣтъ—настоящая развалина, готовая разсыпаться отъ малѣйшаго сотрясенія или удара. „Дѣло“ ихъ велось жандармами и шли они по постановленію мин. вн. дѣлъ, но сами они, не безъ основанія, утверждали, что высылаетъ ихъ „контора“. Не унаслѣдовавъ отъ помѣщиковъ крѣпостной эпохи *права* ссылать своихъ крестьянъ, наши заводчики обладаютъ, что еще важнѣе, достаточной для этого *силой*. Пользуясь своимъ давленіемъ на закабаленную округу и спаивая крестьянъ водкой, контора почти всегда можетъ добиться мірского приговора, изгоняющаго неудобныхъ почему либо ей лицъ, въ качествѣ „порочныхъ“ членовъ общества. Если же міръ ведетъ борьбу съ конторой и не склоненъ выполнять ея желаній—на сцену являются жандармы. Такой именно случай и представляетъ собою уаянское дѣло.

Уаянскій заводъ, купленный въ 1872 г. у казны торговымъ домомъ Вогау и К°, больше всего ради приписанныхъ къ нему земель и лѣсовъ, работаетъ теперь только для проформы, въ одну домку, да и та такая, что „кузницы лучше бываютъ“. Вслѣдствіе этого 100 человѣкъ работаетъ, а 1½ тысячи гуляетъ... Работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ въ сутки, днемъ и ночью. а получаютъ... человѣкъ 60 — аристократія — рублей по 15 въ мѣсяцъ, чернорабочіе же довольствуются и 30 коп. въ день (7 — 8 р. въ мѣсяцъ). Перечисленныя уловія труда на заводѣ уже сами по себѣ представляютъ богатую почву для всевозможныхъ „исторій“ и златоустовская бойня, напримѣръ, отозвалась здѣсь въ свое время сильнымъ броженіемъ; но „дѣло“ Азанова съ товарищами разыгралось совсѣмъ на иной почвѣ, на почвѣ уцѣлѣвшихъ здѣсь пережитковъ крѣпостной эпохи.

Приписанные къ заводу въ качествѣ поссесіонныхъ крестьянъ, уаянцы, какъ и населеніе прочихъ 16 желѣзодѣлательныхъ уральскихъ заводовъ, отказались въ свое время принять навязанныя имъ уставныя грамоты, которыми имъ отводилось всего по 320 кв. саж. усадебной земли на дворъ, и продолжали по старому распахивать свои росчисти въ приписанныхъ къ заводу лѣсахъ. Изъ 39,240 дес. этихъ лѣсовъ, предоставленныхъ заводу указомъ 1850 г., хотя и не выдѣленныхъ изъ черты башкирскихъ владѣній, на долю крестьянскихъ росчистей приходится 18,551 дес., т.-е. добрая половина. Правительство не только не оспаривало ихъ правъ на эти земли, но даже цѣлымъ рядомъ указовъ и разъясненій подтвердило ихъ. (Такъ, указомъ 14 сент. 1862 г. и журналомъ Главн. Комит. по устр. сельск. сост. отъ 9 авг. 1864 г. всѣмъ крестьянамъ изъ бывшихъ „непремѣнныхъ работниковъ“ предоставлено было пожизненное безвозмездное пользованіе росчищенными ими землями, а въ 1869 г. Мин. Вн. Д. по соглашенію съ Мин. Фин., разъяснилъ, что указъ 62 г. относится ко всѣмъ посессіоннымъ крестьянамъ безъ различія, и что росчисти могутъ быть передаваемы по наслѣдству). Безспорно владѣли уаянцы своими росчистями и послѣ перехода завода къ Вогау и К°, но когда компанія предприняла и съ 1882 по 1888 г. осуществила отмежеваніе приписанныхъ къ заводу земель изъ общихъ съ башкирскими дачъ, то въ число отрѣзанныхъ 29.240 дес. она не включила крестьянскихъ росчистей, мотивируя это тѣмъ, что указъ 1850 г. предоставилъ, де, заводу 39 тыс. дес. *лѣсу*, а не полей. Башкиры, у которыхъ такимъ образомъ оказалось отрѣзанными 18.551 дес. лишняго лѣсу, жаловались въ сенатъ, но тщетно, — имъ предложили оспаривать права владѣнія крестьянъ на ихъ росчисти. Уаянцы, чтобы избѣжать спора (хотя указами 42 и 43 г.г. мастеровымъ предоставлялось расчистить не только казенную, но и башкирскую земли), заключили съ башкирами мировую, обязавшись платить имъ ежегодно какіе-то гроши съ каждой десятины росчистей, въ качествѣ, якобы, арендной платы, и взяли съ нихъ росписки въ полученіи аренды, въ обезпеченіи себя отъ всякихъ съ ихъ стороны претензій. Но опасность имъ грозила совсѣмъ съ другой стороны. Торговый домъ Вогау и К°, получивъ въ свое владѣніе полностью 39 тыс. дес. лѣсу, рѣшилъ, что не дурно было бы присоединить къ нимъ и 18½ тыс. крестьянскихъ росчистей, тѣмъ болѣе, что, по непринятымъ ими уставнымъ грамотамъ, они являлись собственниками только клочка усадебной земли. Задумано — сдѣлано.

30 іюля 1899 г. земскій начальникъ 2-го уч. Ингисъ вызвалъ къ себѣ 16 уаянцевъ, по иску заводскаго юрисконсульта Линчевскаго, и взыскалъ съ нихъ въ пользу завода 45 руб. за „самовольное сѣнокошеніе“ на собственныхъ ихъ лугахъ-росчистяхъ, которые Линчевскій считалъ купленными компаніей вмѣстѣ съ заводомъ.

Началась судебная волокита, драки на покосахъ съ заводскими полѣсовщиками, аппеляціи, кассаціи, однимъ словомъ, все, что полагается въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, на указы и прочіе документы, предъявляемые крестьянами, никакого вниманія не обращали.

— Куда вы лѣзете съ этими старыми прокислыми щами? заявилъ откровенный земскій начальникъ уаянцамъ при первомъ же разбирательствѣ. Въ частномъ же разговорѣ безъ стѣсненія прибавилъ еще, что хотя, де, земля и ваша, но заводъ хотъ 7, — мало будетъ, такъ 10 и 15 тысячъ потратитъ, а ужъ отобьетъ ее у васъ. Крестьяне, однако, не сдавались, земскій пробовалъ сажать (на три дня) въ холодную по нѣскольку десятковъ „скандальщиковъ“ и „растройщиковъ“ общества, какими ему казались пользующіеся наибольшимъ вѣсомъ старики — ходатаи, вродѣ Азанова, но и это не помогло. Уаянцы продолжали судиться, переходя отъ одной инстанціи къ другой. Въ подтвержденіе своихъ правъ—характерная подробность—уаянцы готовы были ссылаться даже на слова извѣстной рѣчи Александра III волостнымъ старшинамъ: „все, де, остается по старому и земля будетъ *неприкосновенной* собственностью прежнихъ владѣльцевъ“—перетолковывали они слова царской рѣчи въ свою пользу, особенно напирая на слово „неприкосновенной“.

Стали между ними похаживать и какія-то сомнительныя „царскія грамоты“, а когда въ іюнѣ 1903 г. по дорогѣ въ заводъ оказались разбросанными какія-то „афишки“, въ которыхъ, по словамъ Азанова, говорилось: „Уаяновцы, собирайтесь, мы готовы“... контора воспользовалась этимъ и подняла такую тревогу, что на спасеніе завода тронулся самъ губернаторъ съ 2 сотнями казаковъ. Съ дороги его воротили, и навѣстилъ онъ Уаяновъ лишь осенью 1903 г. уже безъ казаковъ, а когда его встрѣтили съ хлѣбомъ-солью, да еще на колѣняхъ, то онъ уже вполнѣ успокоился на счетъ ихъ благонадежности и даже покаялся, что напрасно, де, ѣхалъ къ нимъ въ іюнѣ „русскую-христіанскую кровь проливать“.

Однако, это ничуть не помѣшало нашествію на Уаянъ жандармовъ, которые, по указанію конторы, и выбрали себѣ нѣсколько жертвъ... Все-ли этимъ кончится на Уаяни или, лишившись своихъ стариковъ, уаянцы обратятся къ болѣе активнымъ средствамъ защиты своей собственности, чѣмъ судебная волокита, — покажетъ будущее.

(Примѣчаніе корреспондента). Содержаніе упомянутыхъ указовъ etc. записано со словъ крестьянскихъ ходатаевъ, выучившихъ ихъ *наизусть*, — провѣрить переданное ими по первоисточникамъ, т. е. по „собр. узаконеній“ и пр. я не имѣлъ возможности.

Въ малорусской деревнѣ. (Изъ „Селянина“ — газеты „Рев. Укр. П.“ № 21-22). **С. Людвиновецъ**, Кіев. уѣзд. Передъ жатвой крестьяне собрались на сходъ, который рѣшилъ не наниматься къ сосѣднему помѣщику Боеровскому дешевле, чѣмъ за 1 р. Сходомъ руководилъ староста. Крестьяне твердо стояли на своемъ рѣшеніи и Боеровскій донесъ на старосту. Появились жандармы, перерыли все село и арестовали старосту, который увезенъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и сидитъ въ тюрьмѣ.

М. Баршевка, Полтав. губ., Переяславль. уѣзд. 1 августа были арестованы на ярмаркѣ въ м. Быковѣ два крестьянина изъ Барашевки — Артюхъ и его сынъ, по доносу одной бабы, которая видѣла, какъ сынъ Артюха разбрасывалъ между возами на ярмаркѣ прокламаціи Р. У. П. При обыскѣ въ ихъ избѣ найдена нелегальная украинская литература.

Елисаветградъ. 20 октября крестьяне экономіи Безродецкой *Дыменное* зажгли всѣ скирды соломы. На завтра нагрянула елисаветградская полиція и сняла допросъ съ помѣщицы. Она говорила имъ, что это дѣло соціальдемократовъ, которые поютъ по всѣмъ деревнямъ революціонныя пѣсни и распространяютъ листки революціоннаго содержанія, и указала на нѣсколько крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней явилась полиція, во главѣ съ жандармскимъ полковникомъ, и стала искать. Произвела восемь обысковъ, ничего не найдя, разъѣхалась. Спустя нѣсколько дней жандармск. полковникъ и 150 казаковъ вторично обложили *Дыменное* и произвели 16 обысковъ и только у одного нашли одну брошюру: „Рѣчь Гольдблата“. Его арестовали и привезли въ елисаветградскую тюрьму. Кромѣ того, были обыски въ экономіи Слободскаго, искали тамъ типографію. Перевернули всю экономію вверхъ дномъ, но ничего не нашли; затѣмъ отправились въ городъ для обысковъ. Крестьяне не смущаются этими набѣгами, они только все болѣе озлобляются.

По улицамъ ночью теперь довольно опасно ходить: почти всѣхъ останавливаютъ. Но полиція не попадаетъ въ цѣль. Такъ, на дняхъ остановили одного купчика, ходившаго съ бѣльемъ подъ мышкой. За нимъ погнались двое переодѣтыхъ городовыхъ; онъ — бѣжать; городовые еще шибче. Купчикъ, думая, что это воры, началъ кричать и еле добѣжалъ до квартиры. Его схватили, онъ сталъ кричать еще громче, такъ какъ у него въ карманѣ было 300 рублей. Переодѣтые городовые стали его нахально обыскивать, но, наконецъ, открыли ему свое „званіе“. На просьбу купчика пройти въ квартиру для обыска, ему отвѣтили, что приказано на улицѣ. Такимъ образомъ, купчикъ отдѣлался однимъ страхомъ.

Около крѣпости, въ 11 часовъ вечера, полиція остановила одного молодого человѣка Б — на и стала нахально спрашивать, куда онъ идетъ. Не зная, что у него въ карманѣ номеръ „Искры“, онъ рѣзко отвѣтилъ. Его обыскали и, найдя номеръ, отправили въ участокъ. Просидѣвъ два дня, онъ былъ выпущенъ, а дѣло пошло по инстанціямъ.

Во время распространенія листковъ „Новая мобилизація“, арестованъ приказчикъ; при немъ ничего не нашли, но все же онъ былъ избитъ и только послѣ этого выпущенъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Юзовка. Тяжелый годъ пришлось пережить нашей организаціи — въ нашей средѣ оказался провокаторъ. По конспиративнымъ соображеніямъ мы, не писали вамъ объ этомъ, пока у насъ были только подозрѣнія — теперь сомнѣній больше нѣтъ, предатель узнанъ и заклейменъ (см. № 78 Искры), но слѣды его гнусной дѣятельности не скоро удастся стереть. И не тѣмъ, главнымъ образомъ, тормозилъ онъ нашу работу, что вырывалъ изъ нашей среды товарищей и проваливалъ тысячи, предназначенныхъ къ распространенію, листковъ, а тѣмъ развратомъ, той заразой взаимнаго недовѣрія, которую онъ внесъ въ нашу организацію.

Въ продолженіи одного года съ лишнимъ, у насъ происходили совершенно непонятные аресты и провалы. Товарищи терялись въ догадкахъ, какъ ихъ объяснить, и естественно заподазривали то одного, то другого. Много честныхъ и преданныхъ дѣлу товарищей невыразимо страдали отъ высказываемаго имъ недовѣрія. Иные такъ и уѣзжали, измученные; другіе, арестованные, напрасно взывали изъ тюрьмы о реабилитаціи. Пока настоящій виновникъ не былъ открытъ, масса искала предателей и не вѣрила никакимъ реабилитаціямъ. Не дремала и полиція, стараясь еще больше подлить масла въ огонь.

Товарищу Подольскому приставъ говорилъ, что его выдалъ Самуилъ (арестованъ въ іюнѣ, фамилія намъ неизвѣстна), Бережкову[1], что его выдалъ шахтеръ Брязкунъ (арестованъ въ іюнѣ) и т. д. Многіе неопытные товарищи попадались на эту удочку тѣмъ болѣе, что отказъ отъ показаній у насъ еще мало практикуется. Такъ за послѣднее время отказались только Бѣлый и Цыганенко.

Число заподозрѣнныхъ все росло и мы въ прошломъ письмѣ сообщили вамъ для реабилитаціи только клички тѣхъ товарищей, о которыхъ особенно упорно носились слухи... Для того же, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ главнаго виновника, полиція практиковала такіе способы: при арестѣ Левандовскаго — его арестовали вторично уже послѣ обыска, о которомъ сообщалось въ № 73 — полицейскіе громкимъ шопотомъ при немъ говорили, что надо еще взять „главнаго“, что на 15 линіи живетъ, т. е. самаго провокатора Гавріила Евдокимова. Еще два слова, чтобы покончить съ этой грустной исторіей.

Мы, разумѣется, не можемъ сообщить во всеобщее свѣдѣніе все, что мы узнали объ отдѣльныхъ случаяхъ, волновавшихъ организацію, но положительно утверждаемъ, что *всѣ случаи арестовъ, проваловъ и пр., ставившіеся пока въ вину то тому, то другому товарищу, вполнѣ объясняются провокаціей Гавріила Евдокимова, какъ за то время, когда онъ уже состоялъ въ организаціи, такъ и до того (дружба и откровенность!!).*

Послѣ сказаннаго не трудно понять, какъ тяжело было организаціи вести революціонную работу. Съ неимовѣрнымъ трудомъ удавалось только не давать окончательно заглохнуть пропагандѣ и агитаціи. Кружки работали почти безъ перерыва. На рѣдкія, сравнительно, массовыя сходки собиралось отъ 80 до 120 человѣкъ. Собранія эти проходили очень оживленно, выступало 5-6 ораторовъ, подъ конецъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей и пѣлись революціоныя пѣсни. Собранія эти длились отъ 9 часовъ вечера до 1 и 2 часовъ ночи. Говорились рѣчи о войнѣ,[1] о кризисѣ, объ итальянской стачкѣ, о цензовой и демократической конституціяхъ, о всеобщей стачкѣ и прочее.

За то организаціонную работу на заводахъ и рудникахъ поставить прочно все не удавалось. Отъ времени до времени, распространялись листки, которые Евдокимовъ не успѣвалъ или не смогъ „распространить“: „Пора“, „Къ солдатамъ“, „Къ запаснымъ“, „Кризисъ, безработица, война“ и др., но числомъ немного, всего за лѣто тысячи три, остальное громадное большинство попало прямо въ полицію.

---

[1] Онъ оказался бѣжавшимъ изъ Архангельска нелегальнымъ Иваномъ Бѣлымъ.

[1] и демонстраціяхъ по поводу ея.

работа встрѣчается чаще организаціонной. Но возникающіе такимъ путемъ кружки живутъ слишкомъ замкнуто, составляя свой обособленный мірокъ; они отрываются отъ жизни солдатской массы и перестаютъ жить ея интересами. Дѣйствительная неблагонадежность арміи въ томъ, что покорный, безропотный солдатъ начинаетъ становиться рѣдкостью. Съ каждымъ днемъ идетъ на убыль солдатъ, считающій непоколебимой истиной преподаваемую ему „словесность“, вѣрящій во всемъ начальству, терпѣливо ожидающій, что за богомъ — молитва, за царемъ — служба не пропадаетъ и принимающій, какъ нѣчто естественное, самыя дикія выходки своего начальства. Дѣло дошло до того, что такой солдатъ составляетъ врядъ-ли половину всего полкового состава. А въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ, формирующихся, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, „истинно русскій“ солдатъ остается уже въ меньшинствѣ. Наблюдателю всюду бросается въ глаза тотъ фактъ, что армія раскалывается на двѣ совершенно различныя части. Изъ нихъ „благонадежная“ часть состоитъ изъ наименѣе цѣнныхъ, даже въ глазахъ начальства, элементовъ. Здѣсь безграмотные, наиболѣе тупые и безтолковые, забитые и трусливые — преимущественно изъ деревень обнищавшей черноземной полосы и медвѣжьихъ угловъ съ натуральнымъ хозяйствомъ (такъ наз. „свинопасы“). Но этими жалкими людьми не исчерпываются сторонники „порядка“. На сторонѣ его стоитъ обширный слой толковыхъ и грамотныхъ людей, желающихъ, при помощи служебныхъ отличій, „выйти въ люди“, проложить себѣ дорогу къ „легкому куску хлѣба“. Они не только сторонники существующаго строя, но и единственные его защитники. Они — „внутренніе враги“ казармы, являясь вѣрными слугами и пособниками начальства въ дѣлѣ угнетенія и обезличиванія солдатъ. Изъ этого слоя и выходятъ унтера, фельдфебеля, жандармы, стражники, городовые, швейцары и пр.

Остальная половина арміи уже отчасти неблагонадежна. Она состоитъ, если отбросить сознательныхъ одиночекъ, во 1-хъ, изъ людей, еще до службы почувствовавшихъ ненормальность и тяготу условій существованія въ современномъ обществѣ и начавшихъ собственнымъ умомъ доходить до вредныхъ мыслей; во 2-хъ, изъ лицъ, не носившихъ въ себѣ до солдатчины ни одной капли оппозиціоннаго яда, чистыми и непорочными „истинно-русскими“ людьми вступившихъ на службу, но, подъ бременемъ жестокой дисциплины и казарменнаго варварства, потерявшихъ терпѣніе: въ нихъ начинаетъ работать мысль, вспыхиваетъ и зрѣетъ лютая злоба.

Правда, ихъ негодованіе, очевидно, поверхностно, ихъ возмущеніе не идетъ подчасъ дальше полкового начальства. Во всякомъ случаѣ — первый и самый трудный шагъ по пути къ сознательной жизни сдѣланъ, самыя крѣпкія нити благонадежности порваны. Сегодня они еще вѣрятъ, но кто знаетъ, что будетъ завтра... Они служатъ „царю-батюшкѣ“, презирая свою службу, подчиняются властямъ, ненавидя ихъ, видятъ произволъ, проклиная его. Каждый фактъ начальническаго изувѣрства глубже роетъ яму между ними и „порядкомъ“. Самостоятельно, безъ прокламацій и постояннаго воздѣйствія, они начинаютъ ненавидѣть всю солдатчину отъ начала до конца, весь казарменный укладъ, все начальство! Не всегда это широкое неугасающее недовольство остается только „профессіональнымъ“ — часто казарменные тиски выжимаютъ изъ пробужденной головы солдата мысли о томъ гнетѣ, который онъ покинулъ на волѣ и который его стережетъ при выходѣ изъ казармы. И тогда недовольство, стихійное и безформенное, начинаетъ подрывать корни не только политическаго, но и экономическаго строя.

Оппозиціонныхъ солдатъ не трудно выискать: многіе изъ нихъ сами бросаются въ глаза. Недовольства у нихъ накопилось такъ много, злоба является до того преобладающимъ настроеніемъ, что это сказывается довольно часто. За каждое выраженіе недовольства можно попасть подъ арестъ, за каждое ругательство по адресу офицера, даже за глаза, можно угодить въ дисциплинарный батальонъ и, тѣмъ не менѣе, если по близости нѣтъ завѣдомаго врага, то недовольство такъ и брызжетъ, ругань такъ и льется. Такой солдатъ служитъ только за страхъ, но не за совѣсть. Ему не важны ни постъ, который онъ охраняетъ, ни арестованные, которыхъ онъ конвоируетъ... Онъ исполняетъ все это, потому что *съ него спрашиваютъ*. Все важное, о чемъ ему твердитъ начальство — присяга, престолъ, отечество — для него не существуетъ, надъ нимъ сохраняетъ силу только палка, онъ повинуется только потому, что „ничего не подѣлаешь“...

Итакъ, чуть ли не половина арміи, въ большей или меньшей степени, заражена оппозиціоннымъ духомъ. Пробужденная, главнымъ образомъ, казарменнымъ гнетомъ, оппозиціонная мысль иногда выходитъ за предѣлы этого гнета и самостоятельно начинаетъ переоцѣнивать всѣ житейскія отношенія. Иногда же она безсильно бьется, не умѣя связать гнетъ казармы съ гнетомъ, царящимъ за его предѣлами. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ эта масса представляетъ богатый и воспріимчивый матеріалъ для соц.-демократической работы. Въ каждомъ полку десятки, а то и сотни лицъ уже повергли въ прахъ старые кумиры и теперь мучительно ищутъ выходъ для своихъ сомнѣній, жадно подхватывая „новое слово“. Съ окончаніемъ службы, для нихъ начинается новая жизнь. И они стремятся начать ее по новому. Поэтому они съ радостью встрѣтятъ того революціоннаго Колумба, который откроетъ ихъ непочатую силу, ихъ нетронутую энергію. Разговоры о томъ, что солдатъ закованъ въ броню дисциплины, которую трудно пробить, что здѣсь нѣтъ и не можетъ быть борьбы, въ процессѣ которой революціонизируется сознаніе, что масса здѣсь слишкомъ пестра, что въ казармѣ солдатъ, съ одной стороны, оторванъ отъ своего классового положенія, а съ другой—смотритъ на свое пребываніе въ ней, какъ на временное — являются несостоятельными. Здѣсь приходится считаться съ фактами: въ казармѣ выкристаллизовался обширный слой жаждущихъ революціоннаго воздуха и весь этотъ слой цѣликомъ пригоденъ для воспріятія демократическихъ идей. Что же касается соціализма, то проникнутся имъ далеко не всѣ: извѣстная часть дальше демократизма не пойдетъ. Но эта часть не велика, ибо оппозиція формируется, главнымъ образомъ, изъ пролетарскихъ элементовъ, преимущественно тѣхъ, кому приходилось жить не на одномъ мѣстѣ и бывать въ городѣ.

Доказывать необходимость работы въ войскѣ — значитъ ломиться въ открытую дверь. Почва для этой работы богатѣйшая. Съ точки зрѣнія конспиративной дѣятельности, работа въ арміи не представляетъ тѣхъ исключительныхъ трудностей и опасностей, какъ это кажется на первый взглядъ. Работа здѣсь получаетъ тѣмъ большее значеніе, что солдаты разнесутъ и посѣятъ болѣе или менѣе правильное представленіе о нашемъ движеніи, сосредоточивавшемся преимущественно въ большихъ городахъ, по тѣмъ глухимъ угламъ, куда не проникаетъ еще наша агитація.

До сихъ поръ наши организаціи, въ большинствѣ случаевъ, ставятъ работу среди войскъ на задній планъ, ограничиваясь тѣмъ, что 2-3 раза въ году печатаютъ стереотипный, до нельзя абстрактный листокъ о милитаризмѣ и подбрасываютъ его къ воротамъ казармы. Нужно ли говорить, что значеніе такой агитаціи до нельзя мизерно? Для арміи необходимы спеціальныя организаціи, послѣдовательно и планомѣрно развивающія систематическую дѣятельность, объединяющія сознательныхъ солдатъ, обличающія всѣ крѣпостническіе пережитки арміи, привлекающія все новые элементы и т. д.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Скопинскій уѣз., Рязанской губ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ двухъ деревняхъ нашего уѣзда происходили крестьянскія волненія, для усмиренія которыхъ потребовалось вмѣшательство высшихъ властей. Происходили они на почвѣ частныхъ неудовольствій и выразились, въ сущности, въ пустякахъ. Въ усадьбѣ помѣщиковъ Темешовыхъ—въ возмездіе за постоянныя прижимки въ случаѣ неизбѣжныхъ при черезполосицѣ потравъ и т. п. — крестьяне перебили всѣ окна. Въ деревнѣ Вердеровѣ, гдѣ помѣщикъ самовольно перенесъ столѣтнюю проѣзжую дорогу на новое мѣсто, а старую, оградивъ ее шлагбаумами и поставивъ караульнаго черкеса, захватилъ въ свое исключительное пользованіе, — крестьяне, составивъ приговоръ, двинулись толпой на черкеса, чтобы прогнать его, а когда тотъ выстрѣлилъ, то поколотили его изрядно, а затѣмъ уничтожили шлагбаумы и завладѣли дорогой. Вотъ и все. Само собой разумѣется, что крестьяне прибѣгли къ этимъ мѣрамъ, исчерпавъ предварительно всѣ мирные пути улаженія конфликта, не исключая и суда. Понятно тоже, что закончились волненія, какъ это всегда бываетъ, арестами „зачинщиковъ“, возстановленіемъ шлагбаумовъ и увеличеніемъ числа вердеровскихъ черкесовъ съ одного до трехъ, а у Темешовыхъ — водвореніемъ въ усадьбу городового... на страхъ врагамъ и для охраны побитыхъ стеколъ...

Интересно отмѣтить, какъ понятъ былъ крестьянами въ нашемъ уѣздѣ извѣстный манифестъ 26 февраля позапрошлаго года.

Прекратилось ли у насъ крѣпостное право?

Верхнеуральскій уѣздъ, Оренб. губ. Съ Уязнскаго завода нынѣшней весной сослали нѣсколькихъ довольно оригинальныхъ „политиковъ“. Все это старики 50, 52, 60, 70 и даже 75 лѣтъ. Послѣднимъ шелъ въ маѣ на 3 г. въ Олонецкую губ. нѣкій Григорій Азановъ, дряхлый, полуослѣпшій старикъ 70-ти лѣтъ—настоящая развалина, готовая разсыпаться отъ малѣйшаго сотрясенія или удара. „Дѣло“ ихъ велось жандармами и шли они по постановленію мин. вн. дѣлъ, но сами они, не безъ основанія, утверждали, что высылаетъ ихъ „контора“. Не унаслѣдовавъ отъ помѣщиковъ крѣпостной эпохи *права* ссылать своихъ крестьянъ, наши заводчики обладаютъ, что еще важнѣе, достаточной для этого *силой*. Пользуясь своимъ давленіемъ на закабаленную округу и спаивая крестьянъ водкой, контора почти всегда можетъ добиться мірского приговора, изгоняющаго неудобныхъ почему либо ей лицъ, въ качествѣ „порочныхъ“ членовъ общества. Если же міръ ведетъ борьбу съ конторой и не склоненъ выполнять ея желаній—на сцену являются жандармы. Такой именно случай и представляетъ собою узянское дѣло.

Узянскій заводъ, купленный въ 1872 г. у казны торговымъ домомъ Вогау и К°, больше всего ради приписанныхъ къ нему земель и лѣсовъ, работаетъ теперь только для проформы, въ одну домну, да и та такая, что „кузницы лучше бываютъ“. Вслѣдствіе этого 100 человѣкъ работаетъ, а 1½ тысячи гуляетъ... Работаютъ въ двѣ смѣны по 12 часовъ въ сутки, днемъ и ночью, а получаютъ... человѣкъ 60 — аристократія — рублей по 15 въ мѣсяцъ, чернорабочіе же довольствуются и 30 коп. въ день (7 — 8 р. въ мѣсяцъ). Перечисленныя условія труда на заводѣ уже сами по себѣ представляютъ богатую почву для всевозможныхъ „исторій“ и златоустовская бойня, напримѣръ, отозвалась здѣсь въ свое время сильнымъ броженіемъ; но „дѣло“ Азанова съ товарищами разыгралось совсѣмъ на иной почвѣ, на почвѣ уцѣлѣвшихъ здѣсь пережитковъ крѣпостной эпохи.

Приписанные къ заводу въ качествѣ поссессіонныхъ крестьянъ, узянцы, какъ и населеніе прочихъ 16 желѣзодѣлательныхъ уральскихъ заводовъ, отказались въ свое время принять навязанныя имъ уставныя грамоты, которыми имъ отводилось всего по 320 кв. саж. усадебной земли на дворъ, и продолжали по старому распахивать свои росчисти въ приписанныхъ къ заводу лѣсахъ. Изъ 39.240 дес. этихъ лѣсовъ, предоставленныхъ заводу указомъ 1850 г., хотя и не выдѣленныхъ изъ черты башкирскихъ владѣній, на долю крестьянскихъ росчистей приходится 18,551 дес., т. е. добрая половина. Правительство не только не оспаривало ихъ правъ на эти земли, но даже цѣлымъ рядомъ указовъ и разъясненій подтвердило ихъ. Такъ, указомъ 14 сент. 1862 г. и журналомъ Глав. Комит. по устр. сельск. сост. отъ 9 авг. 1864 г. всѣмъ крестьянамъ изъ бывшихъ „непремѣнныхъ работниковъ“ предоставлено было пожизненное безвозмездное пользованіе росчищенными ими землями, а въ 1869 г. Мин. Вн. Д. по соглашенію съ Мин. Фин., разъяснилъ, что указъ 62 г. относится ко всѣмъ посессіоннымъ крестьянамъ безъ различія, и что росчисти могутъ быть передаваемы по наслѣдству. Безспорно владѣли узянцы своими росчистями и послѣ перехода завода къ Вогау и К°, но когда компанія предприняла и съ 1882 по 1888 г. осуществила отмежеваніе приписанныхъ къ заводу земель изъ общихъ съ башкирскими дачъ, то въ число отрѣзанныхъ 29.240 дес. она не включила крестьянскихъ росчистей, мотивируя это тѣмъ, что указъ 1850 г. предоставилъ, де, заводу 39 тыс. дес. *лѣсу*, а не полей. Башкиры, у которыхъ такимъ образомъ оказалось отрѣзанными 18.551 дес. лишняго лѣсу, жаловались въ сенатъ, но тщетно, — имъ предложили оспаривать права владѣнія крестьянъ на ихъ росчисти. Узянцы, чтобы избѣжать спора (хотя указами 42 и 43 г.г. мастеровымъ предоставлялось расчистить не только казенную, но и башкирскую земли), заключили съ башкирами мировую, обязавшись платить имъ ежегодно какіе-то гроши съ каждой десятины росчистей, въ качествѣ, якобы, арендной платы, и взяли съ нихъ росписки въ полученіи аренды, въ обезпеченіи себя отъ всякихъ съ ихъ стороны претензій. Но опасность имъ грозила совсѣмъ съ другой стороны. Торговый домъ Вогау и К°, получивъ въ свое владѣніе полностью 39 тыс. дес. лѣсу, рѣшилъ, что не дурно было бы присоединить къ нимъ и 18½ тыс. крестьянскихъ росчистей, тѣмъ болѣе, что, по непринятымъ ими уставнымъ грамотамъ, они являлись собственниками только клочка усадебной земли. Задумано — сдѣлано.

30 іюля 1899 г. земскій начальникъ 2-го уч. Ингисъ вызвалъ къ себѣ 16 узянцевъ, по иску заводскаго юрисконсульта Линчевскаго, и взыскалъ съ нихъ въ пользу завода 45 руб. за „самовольное сѣнокошеніе“ на собственныхъ ихъ лугахъ-росчистяхъ, которые Линчевскій считалъ купленными компаніей вмѣстѣ съ заводомъ.

Началась судебная волокита, драки на покосахъ съ заводскими полѣсовщиками, аппеляціи, кассаціи, однимъ словомъ, все, что полагается въ такихъ случаяхъ. Разумѣется, на указы и прочіе документы, предъявляемые крестьянами, никакого вниманія не обращали.

— Куда вы лѣзете съ этими старыми прокислыми щами? заявилъ откровенный земскій начальникъ узянцамъ при первомъ же разбирательствѣ. Въ частномъ же разговорѣ безъ стѣсненія прибавилъ еще, что хотя, де, земля и ваша, но заводъ хоть 7, — мало будетъ, такъ 10 и 15 тысячъ потратитъ, а ужъ отобьетъ ее у васъ. Крестьяне, однако, не сдавались, земскій пробовалъ сажать (на три дня) въ холодную по нѣскольку десятковъ „скандалистовъ“ и „растройщиковъ“ общества, какими ему казались пользующіеся наибольшимъ вѣсомъ старики — ходатаи, вродѣ Азанова, но и это не помогло. Узянцы продолжали судиться, переходя отъ одной инстанціи къ другой. Въ подтвержденіе своихъ правъ—характерная подробность—узянцы готовы были ссылаться даже на слова извѣстной рѣчи Александра III волостнымъ старшинамъ „все, де, остается по старому и земля будетъ *неприкосновенной* собственностью прежнихъ владѣльцевъ“—перетолковывали они слова царской рѣчи въ свою пользу, особенно напирая на слово „неприкосновенной“.

Стали между ними похаживать и какія-то сомнительныя „царскія грамоты“, а когда въ іюнѣ 1903 г. по дорогѣ въ заводъ оказались разбросанными какія-то „афишки“, въ которыхъ, по словамъ Азанова, говорилось: „Узяновцы, собирайтесь, [illegible]“ — контора воспользовалась этимъ и подняла такую тревогу, что на спасеніе завода тронулся самъ губернаторъ съ 2 сотнями казаковъ. Съ дороги его вернули, и навѣстилъ онъ Узянь лишь осенью 1903 г. уже безъ казаковъ, а когда его встрѣтили съ хлѣбомъ солью, да еще на колѣняхъ, то онъ уже вполнѣ успокоился на счетъ ихъ благонадежности и даже покаялся, что напрасно, де, ѣхалъ къ нимъ въ [illegible] „русскую-христіанскую кровь проливать“.

Однако, это ничуть не помѣшало нашествію на Узянь жандармовъ, которые, по указанію конторы, и выбрали себѣ нѣсколько жертвъ... Все-ли этимъ кончится на Узяни или, лишившись своихъ стариковъ, узянцы обратятся къ болѣе активнымъ средствамъ защиты своей собственности, чѣмъ судебная волокита, — покажетъ будущее.

(Примѣчаніе корреспондента). Содержаніе упомянутыхъ указовъ etc. записано со словъ крестьянскихъ ходатаевъ, выучившихъ ихъ *наизусть*, — провѣрить переданное ими по первоисточникамъ, т. е. по „собр. узаконеній“ и пр. я не имѣлъ возможности.

Въ малорусской деревнѣ. (Изъ „Селянина“ — газеты „Рев. Укр. П.“ № 21-22). **С. Людвинивецъ**, Кіев. уѣзд. Передъ жатвой крестьяне собрались на сходъ, который рѣшилъ не наниматься къ сосѣднему помѣщику Боеровскому дешевле, чѣмъ за 1 р. Сходомъ руководилъ староста. Крестьяне твердо стояли на своемъ рѣшеніи и Боеровскій донесъ на старосту. Появились жандармы, перерыли все село и арестовали старосту, который увезенъ въ Кіевъ, гдѣ онъ и сидитъ въ тюрьмѣ.

М. Баршевка, Полтав. губ., Переяславль. уѣзд. 1 августа были арестованы на ярмаркѣ въ м. Быковѣ два крестьянина изъ Барашевки — Артюхъ и его сынъ, по доносу одной бабы, которая видѣла, какъ сынъ Артюха разбрасывалъ между возами на ярмаркѣ прокламаціи Р. У. П. При обыскѣ въ ихъ избѣ найдена нелегальная украинская литература.

Елисаветградъ. 20 октября крестьяне экономіи Безродецкой-*Дыменное* зажгли всѣ скирды соломы. На завтра нагрянула елисаветградская полиція и сняла допросъ съ помѣщицы. Она говорила имъ, что это дѣло соціальдемократовъ, которые поютъ по всѣмъ деревнямъ революціонныя пѣсни и распространяютъ листки революціоннаго содержанія, и указала на нѣсколько крестьянъ. Черезъ нѣсколько дней явилась полиція, во главѣ съ жандармскимъ полковникомъ, и стала искать. Произвела восемь обысковъ, ничего не найдя, разъѣхалась. Спустя нѣсколько дней жандармск. полковникъ и 150 казаковъ вторично обложили *Дыменное* и произвели 16 обысковъ и только у одного нашли одну брошюру: „Рѣчь Гольдблата“. Его арестовали и привезли въ елисаветградскую тюрьму. Кромѣ того, были обыски въ экономіи Слободскаго, искали тамъ типографію. Перевернули всю экономію вверхъ дномъ, но ничего не нашли; затѣмъ отправились въ городъ для обысковъ. Крестьяне не смущаются этими набѣгами, они только все болѣе озлобляются.

По улицамъ ночью теперь довольно опасно ходить: почти всѣхъ останавливаютъ. Но полиція не попадаетъ въ цѣль. Такъ, на дняхъ остановили одного купчика, ходившаго съ бѣльемъ подъ мышкой. За нимъ погнались двое переодѣтыхъ городовыхъ; онъ — бѣжать; городовые еще шибче. Купчикъ, думая, что это воры, началъ кричать и еле добѣжалъ до квартиры. Его схватили, онъ сталъ кричать еще громче, такъ какъ у него въ карманѣ было 300 рублей. Переодѣтые городовые стали его нахально обыскивать, но, наконецъ, открыли ему свое „званіе“. На просьбу купчика пройти въ квартиру для обыска, ему отвѣтили, что приказано на улицѣ. Такимъ образомъ, купчикъ отдѣлался однимъ страхомъ.

Около крѣпости, въ 11 часовъ вечера, полиція остановила одного молодого человѣка Б — на и стала нахально спрашивать, куда онъ идетъ. Не зная, что у него въ карманѣ номеръ „Искры“, онъ рѣзко отвѣтилъ. Его обыскали и, найдя номеръ, отправили въ участокъ. Просидѣвъ два дня, онъ былъ выпущенъ, а дѣло пошло по инстанціямъ.

Во время распространенія листковъ „Новая мобилизація“, арестованъ приказчикъ, при немъ ничего не нашли, но все же онъ былъ избитъ и только послѣ этого выпущенъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Юзовка. Тяжелый годъ пришлось пережить нашей организаціи — въ нашей средѣ оказался провокаторъ. По конспиративнымъ соображеніямъ мы, не писали вамъ объ этомъ, пока у насъ были только подозрѣнія — теперь сомнѣній больше нѣтъ, предатель узнанъ и заклейменъ (см. № 78 Искры), но слѣды его гнусной дѣятельности не скоро удастся стереть. И не тѣмъ, главнымъ образомъ, тормозилъ онъ нашу работу, что вырывалъ изъ нашей среды товарищей и проваливалъ тысячи, предназначенныхъ къ распространенію, листковъ, а тѣмъ развратомъ, той заразой взаимнаго недовѣрія, которую онъ внесъ въ нашу организацію.

Въ продолженіи одного года съ лишнимъ, у насъ происходили совершенно непонятные аресты и провалы. Товарищи терялись въ догадкахъ, какъ ихъ объяснить, и естественно заподазривали то одного, то другого. Много честныхъ и преданныхъ дѣлу товарищей невыразимо страдали отъ высказываемаго имъ недовѣрія. Иные такъ и уѣзжали, измученные; другіе, арестованные, напрасно взывали изъ тюрьмы о реабилитаціи. Пока настоящій виновникъ не былъ открытъ, масса искала предателей и не вѣрила никакимъ реабилитаціямъ. Не дремала и полиція, стараясь еще больше подлить масла въ огонь.

Товарищу Подольскому приставъ говорилъ, что его выдалъ Самуилъ (арестованъ въ іюнѣ, фамилія намъ неизвѣстна), Бережкову[1], что его выдалъ шахтеръ Брязкунъ (арестованъ въ іюнѣ) и т. д. Многіе неопытные товарищи попадались на эту удочку тѣмъ болѣе, что отказъ отъ показаній у насъ еще мало практикуется. Такъ за послѣднее время отказались только Бѣлый и Цыганенко.

Число заподозрѣнныхъ все росло и мы въ прошломъ письмѣ сообщили вамъ для реабилитаціи только клички тѣхъ товарищей, о которыхъ особенно упорно носились слухи... Для того же, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ главнаго виновника, полиція практиковала такіе способы: при арестѣ Левандовскаго — его арестовали вторично уже послѣ обыска, о которомъ сообщалось въ № 73 — полицейскіе громкимъ шопотомъ при немъ говорили, что надо еще взять „главнаго“, что на 15 линіи живетъ, т. е. самаго провокатора Гавріила Евдокимова. Еще два слова, чтобы покончить съ этой грустной исторіей.

Мы, разумѣется, не можемъ сообщить во всеобщее свѣдѣніе все, что мы узнали объ отдѣльныхъ случаяхъ, волновавшихъ организацію, но положительно утверждаемъ, что *всѣ случаи арестовъ, проваловъ и пр., ставившіеся пока въ вину то тому, то другому товарищу, вполнѣ объясняются провокаціей Гавріила Евдокимова, какъ за то время, когда онъ уже состоялъ въ организаціи, такъ и до того (дружба и откровенность!)*.

Послѣ сказаннаго не трудно понять, какъ тяжело было организаціи вести революціонную работу. Съ неимовѣрнымъ трудомъ удавалось только не давать окончательно заглохнуть пропагандѣ и агитаціи. Кружки работали почти безъ перерыва. На рѣдкія, сравнительно, массовыя сходки собиралось отъ 80 до 120 человѣкъ. Собранія эти проходили очень оживленно, выступало 5-6 ораторовъ, подъ конецъ происходилъ оживленный обмѣнъ мыслей и пѣлись революціонныя пѣсни. Собранія эти длились отъ 9 часовъ вечера до 1 и 2 часовъ ночи. Говорились рѣчи о войнѣ,[1] о кризисѣ, объ итальянской стачкѣ, о цензовой и демократической конституціяхъ, о всеобщей стачкѣ и прочее.

За то организаціонную работу на заводахъ и рудникахъ поставить прочно все не удавалось. Отъ времени до времени, распространялись листки, которые Евдокимовъ не успѣвалъ или не смогъ [illegible]: „Пора“, „Къ солдатамъ“, „Къ запаснымъ“, „Кризисъ, безработица, война“ и др., но числомъ немного, всего за [illegible] тысячи три, остальное громадное большинство попало прямо въ полицію.

---

[1] Онъ оказался бѣжавшимъ изъ Архангельска нелегальнымъ Иваномъ Бѣлымъ.

[1] и демонстраціяхъ по поводу ея.

Сильно упали также наши денежные доходы, послѣдніе мѣсяцы они достигали не болѣе 30-40 рублей въ мѣсяцъ.

Изъ Луганской тюрьмы начинаютъ постепенно выпускать арестованныхъ. Готовится одно крупное дѣло объ юзовской организаціи, судить будетъ Палата, обвиняемыхъ до 50 человѣкъ.

Наше буржуазное общество, по прежнему, безмолвствуетъ и только съ любопытствомъ прислушивается къ тому, что творится въ „городахъ“, да ругаетъ войну. Объясняется это отчасти отсутствіемъ интеллигенціи, о которомъ мы вамъ уже писали, отчасти отсутствіемъ какого бы то ни было органа, могущаго быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, (Юзовка, стоящая на землѣ Новороссійскаго Общества, стоитъ даже, такъ сказать, внѣ земства), а отчасти вліяніемъ новаго нагнаннаго полиціей страха: недавно къ мѣстному фабриканту Дейкселю пріѣхалъ какой-то его знакомый. Знакомаго этого полиція хотѣла арестовать, онъ бѣжалъ, но былъ вскорѣ пойманъ, чемоданъ же его безслѣдно исчезъ. Полиція по этому поводу расточала обильно угрозы.

Наши якобы либералы кромѣ того все еще не могутъ забыть холернаго бунта 1892 года, когда почти вся Юзовка была сожжена до тла. — Торжествуютъ инженеры, механики, машинисты, штейгера, такъ какъ они всѣ, по ходатайству Юза, освобождены отъ мобилизаціи.

Кризисъ еще мало насъ коснулся. Въ городскихъ ремесленныхъ мастерскихъ, правда, сокращаютъ работу и оставшихся заставляютъ работать на 2-3 часа больше прежняго, заводы же и рудники, напротивъ, страдаютъ отъ недостатка рабочихъ рукъ — въ шахту спускается $^{2}/_{3}$ и даже $^{1}/_{2}$ прежняго числа, такъ какъ большинство рабочихъ, не желая, чтобы мобилизація застала ихъ не дома, ушли на родину.

Тверь. Война дала себя чувствовать и нашему городу: въ августѣ Морозовская, а въ сентябрѣ Залогинская фабрика сократили свое производство; и та, и другая стоятъ теперь два дня въ недѣлю: субботу и воскресенье. Захватила насъ и мобилизація: первая, частичная (небольшая), была въ концѣ іюня, вторая, несравненно болѣе крупная (до 1800 съ Тверск. уѣзда) объявлена была 10 октября. Прошла она, въ общемъ, тихо; тѣмъ не менѣе, нужно отмѣтить, что настроеніе запасныхъ и ихъ провожатыхъ было возбужденное и озлобленное. Отправка состоялась 13-го, провожать сходились толпами со всего уѣзда. Разсказываютъ, что одинъ запасной рѣшительно отказался идти. Когда его посадили на поѣздъ, онъ спрыгнулъ съ него и былъ, въ концѣ концовъ, водворенъ силой. Рядъ обстоятельствъ помѣшалъ мѣстной организаціи надлежащимъ образомъ использовать этотъ крайне важный моментъ; однако, нужно думать, что кое-что запасные съ собой всетаки повезли, на память о родинѣ.

Какъ разъ 13 октября Московская Судебная Палата разбирала (въ Твери) дѣло о „бунтѣ“ ситцевой фабрики (февраль). Оправдавъ двухъ, Палата приговорила 15 человѣкъ къ тюремному заключенію, на сроки 7-8 мѣсяцевъ. Въ тотъ же день было назначено дѣло Смирнова (нелегальный — Кирилловъ), арестованнаго въ январѣ 1903 г. въ В. Волочкѣ. Дѣло было отложено.

Только что улегся шумъ мобилизаціи, начался призывъ новобранцевъ. И здѣсь нужно отмѣтить что открытая и рѣзкая (чтобъ не сказать болѣе) критика начальства и пѣніе революціонныхъ пѣсенъ — не рѣдкость. Но полиціи приходится смотрѣть сквозь пальцы и не на такія вещи. Разсказываютъ, что во время присяги, когда священникъ произнесъ слова: „отречемся“, — раздалось: „отъ стараго міра“!!

Процессъ и призывъ отмѣчены Комитетомъ листками. Распространялись они въ Твери, уѣздѣ, В. Волочкѣ, Торжкѣ и уѣздѣ и Бѣжецкѣ.

Тверской Комитетъ.

Ноябрь 1904 г.

Иваново-Вознесенскъ. Здѣсь на фабрикахъ работы много (есть заказы на войну, особенно тамъ, гдѣ работаютъ шелковыя матеріи). Несмотря на это, расцѣнка понижена. Рабочіе въ приподнятомъ настроеніи. На фабрикѣ наслѣдниковъ Зубкова силой вычитываютъ у рабочихъ на „Красный Крестъ“. Неплатящіе разсчитываются.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

„Объединительные“ переговоры между французскими соціалистическими партіями. — Нейвильи и Клюзъ. — Министръ Пельтанъ и рабочіе.

Амстердамскій конгрессъ опять поставилъ на очередь вопросъ объ объединеніи французскихъ соціалистическихъ фракцій. Но какъ роли перемѣнились! Между тѣмъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ — въ эпоху дрейфусіады, Мильерана и проч. —, самымъ горячимъ сторонникомъ полнаго слiянія и самымъ ярымъ противникомъ исторически сложившихся соціалистическихъ организацій являлся Жоресъ, теперь тотъ же Жоресъ не хочетъ идти дальше созданія „Комитета соглашенія“, а его противники, революціонные соціалисты, требуютъ тѣснаго сплоченія всѣхъ существующихъ соціалистическихъ фракцій. И не трудно понять, почему это такъ: тогдашнее сліяніе было бы торжествомъ расплывчатой формулы С. Манде [1] и означало бы гегемонію жоресовскихъ тенденцій во французскомъ соціализмѣ, теперь же основою сліянія можетъ быть только дрезденско-амстердамская резолюція.

Прошумѣвшій нѣкогда „министеріализмъ“ почилъ сномъ праведнымъ, и никто не пролилъ слезы надъ его безвременной могилой; такой же конецъ ждетъ и жоресовскую политику блока въ тотъ день, когда сойдетъ со сцены министерство Комба, которому, по всѣмъ вѣроятіямъ, жить осталось тоже не долго. И теперь уже можно сказать, что и по блокѣ французскіе рабочіе плакать не будутъ. Можетъ быть, въ интересахъ французскаго соціализма была бы болѣе шумная смерть жоресовской политики, но вещи приходится брать такъ, какъ онѣ есть. И поэтому-то, революціонные соціалисты, взявшіе на себя послѣ Амстердамскаго конгресса инціативу объединенія, поступили совершенно правильно, что не прервали начатыхъ съ жоресистами переговоровъ, несмотря на нѣкоторые ихъ скандальные воты въ палатѣ уже въ самое послѣднее время: они понимаютъ, что блокъ живетъ еще только по инерціи. Резолюція Центральнаго Совѣта Соціалистической Партіи Франціи (революціонныхъ соціалистовъ) предложенная коммиссіи, составленной изъ представителей разныхъ фракцій для веденія переговоровъ объ объединеніи, ясно и опредѣленно формулировть условія этого объединенія, кладя въ основу ихъ, какъ рѣшенія амстердамскаго конгресса, такъ и назрѣвшія потребности французскаго соціализма. Центральный Совѣтъ — говорится въ этой резолюціи — „готовъ создать во Франціи партійное единство на слѣдующихъ условіяхъ, вытекающихъ изъ постановленій послѣдняго международнаго конгресса, безъ которыхъ не можетъ быть ни соціализма, ни единства:

1. Цѣлью партіи, объединеной на „почвѣ классовой борьбы“ является „не реформированіе существующаго общества“, а „возможно болѣе скорое превращеніе буржуазнаго общества въ соціалистическое“; средствомъ же — „завоеваніе политической власти путемъ открытой борьбы съ буржуазіей“;

2. Контроль партіи надъ ея представителями въ парламентѣ, которые обязаны конституироваться отдѣльно, „противъ всѣхъ буржуазныхъ партій“, отказывать „во всѣхъ средствахъ, могущихъ поддержать власть господствующихъ классовъ“, и „рядомъ съ пропагандой конечной цѣли соціализма“, стремиться „къ защитѣ и расширенію политической свободы“, а также и всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя въ состояніи улучшить условія борьбы рабочаго класса;

3. Пресса, причисляющая себя къ партіи, должна быть поставлена подъ контроль послѣдней, т. е. ея центральныхъ органовъ или ея федерацій;

4. Руководство дѣлами партіи принадлежитъ лицамъ, непосредственно избираемымъ на ежегодныхъ конгрессахъ, парламентская же фракція, какъ таковая, въ управленіи дѣлами партіи не участвуетъ“.

Блокъ сковалъ по рукамъ и ногамъ соціалистическую партію. Мысль о какой-либо наступательной политикѣ должна была быть отброшена: въ палатѣ такая политика невозможна, потому что грозитъ расколоть блокъ, а въ странѣ, — потому что можетъ рикошетомъ отразиться на палатѣ. Неудивительно, поэтому, что столь значительныя событія въ жизни рабочаго класса, какъ процессы въ Дуэ и въ Клюзѣ почти не были использованы соціалистической агитаціей. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ тѣми остатками деспотически — патріархальной эксплуатаціи рабочихъ, какая еще нерѣдко встрѣчается у насъ въ Россіи и является специфической принадлежностью эпохи первоначальнаго накопленія. Въ обоихъ случаяхъ предприниматели, привыкшіе къ тупому повиновенію рабочихъ и не знавшіе границъ для своей ненасытной алчности, натолкнулись вдругъ на пробудившійся въ рабочихъ духъ протеста, на выросшее сознаніе необходимости борьбы и организаціи. И въ обоихъ случаяхъ всѣ старанія предпринимателей были направлены на то, чтобы задушить въ зародышѣ это начинающееся пробужденіе, чтобы провоцировать, раздразнить рабочихъ и найти такимъ образомъ поводъ для удаленія тѣхъ, которыхъ они считали наиболѣе безпокойными, и для сломленія противодѣйствія всѣхъ остальныхъ.

Надъ Нейвильскими ткачами, процессъ которыхъ разбирался въ Дуэ, господствовала, въ полномъ смыслѣ этого слова, семья фабрикантовъ Кейе. Все, что капиталистическая жадность могла придумать для того, чтобы держать рабочихъ въ нищетѣ и зависимости, было пущено въ ходъ: низкая заработная плата; обмѣриваніе на нѣсколько аршинъ въ каждомъ кускѣ; штрафы, превышающіе иногда заработокъ; выдача денегъ впередъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ; фабричная лавка и кабакъ съ самымъ безбожнымъ обирательствомъ... Можно себѣ представить, какъ забитъ былъ рабочій, который втеченіе многихъ лѣтъ могъ безропотно выносить всю эту каторгу. Когда же, наконецъ, въ январѣ 1900 года нѣсколькимъ энергичнымъ рабочимъ удалось положить тамъ начало профессіональной организаціи, то семья Кейе направила всѣ свои усилія на то, чтобы уничтожить ненавистный имъ союзъ рабочихъ. Сначала думали достигнуть этого путемъ внесенія розни въ среду самихъ рабочихъ, но когда это не помогло, то вдругъ зимою 1903-04 года послѣдовала одна за другой цѣлая серія пониженій расцѣнокъ. Рабочіе долго крѣпились, понимая, какъ невыгодна стачка, провоцированная предпринимателемъ. Но наконецъ терпѣніе было истощено, стачка начата, послѣ цѣлаго ряда новыхъ провокацій толпа не выдержала, бросилась на жилище одного изъ Кейе, которое было разгромлено, а затѣмъ въ тотъ же день отъ неизвѣстной причины сгорѣло. Слѣдствіе по горячимъ слѣдамъ не открыло никакихъ поджигателей. На судѣ мэръ города Нейвильи высказалъ предположеніе, что камень, брошенный однимъ изъ рабочихъ, разбилъ горѣвшую въ одной комнатѣ лампу. Но этого недостаточно было для Кейе. Надо было обвинить въ поджогѣ наиболѣе энергичныхъ защитниковъ рабочаго дѣла. И путемъ подкуповъ, обѣщаній, застращиваній, личнаго воздѣйствія, удалось создать процессъ, который при свѣтѣ гласности не замедлилъ оказаться очень плохой тенденціозной выдумкой. Но это не помѣшало и слѣдователю и полиціи держать подъ замкомъ и третировать, какъ преступниковъ, 38 честныхъ рабочихъ. Изъ нихъ 13 были оправданы судомъ присяжныхъ въ Дуэ, остальнымъ 25-ти еще предстоитъ судъ исправительной полиціи.

Роль Кейе въ Клюзѣ, гдѣ лѣтомъ нынѣшняго года разыгралась стачка рабочихъ — часовщиковъ, играла семья Кретіе, которая, ради вытравленія изъ рабочихъ духа солидарности, рѣшила прибѣгнуть къ самому простому средству — къ револьверу. Когда 18 іюля мирная рабочая демонстрація поравнялась съ фабричнымъ зданіемъ господъ Кретіе, оттуда раздались выстрѣлы, продолжавшіеся затѣмъ въ теченіи 20 минутъ; а въ результатѣ — трое убитыхъ рабочихъ и болѣе 40 человѣкъ раненыхъ. Рабочіе разнесли фабрику въ дребезги, но стрѣлявшіе — четыре брата Кретіе, достойные дѣти достойнаго отца, явившагося главнымъ организаторомъ убійства — успѣли спастись. Вмѣстѣ съ 6 рабочими, обвинявшимися въ разграбленіи имущества фабрикантовъ, братья Кретіе были преданы суду. Какъ въ Нейвильи, полицейскія и судебныя власти сдѣлали все возможное, чтобы выгородить отца и облегчить участь сыновей, которыхъ оправдать не могъ никакой судъ, несмотря на подкупленныхъ свидѣтелей и благосклонность слѣдователя, судей и присяжныхъ. Рабочіе были оправданы; трое Кретіе приговорены къ одному году тюремнаго заключенія, а четвертый къ 8 мѣсяцамъ. Напомнимъ, что незадолго передъ этимъ парижскіе присяжные приговорили къ *смертной казни* рабочаго Спано, убившаго мастера, отказавшаго ему отъ мѣста и тѣмъ лишившаго его заработка.

Но если рыцари первоначальнаго накопленія имѣютъ свои первобытные способы для борьбы съ начинающимъ бунтовать рабочимъ, то и тамъ на верху, гдѣ „цивилизація“ сіяетъ во всемъ своемъ блескѣ, сильные міра сего также ухищряются стѣснить свободу рабочаго, конечно, болѣе „цивилизованными“ способами. Пельтанъ, самый радикальный министръ нынѣшняго кабинета, объявилъ, что вводитъ восьмичасовый рабочій день для всѣхъ рабочихъ морского министерства. 88 рабочихъ и работницъ, работающихъ на пороховомъ заводѣ на островѣ Св. Михаила, поняли это такъ, что и время, потраченное ими на морской переѣздъ, должно входить въ эти восемь часовъ, и когда администрація пожелала толктвать законъ иначе, они объявили стачку. Во время стачки рабочіе пробовали было вступить въ переговоры съ администраціей, но эта послѣдняя предпочла короткую расправу: она вывѣсила объявленіе, въ которомъ было сказано, что, кто къ такому то дню не приступитъ къ работѣ, будетъ уволенъ. Всѣ подчинились этому требованію, за исключеніемъ шестерыхъ, которые и были уволены. Результатомъ этого было то, что рабочіе всѣхъ французскихъ арсеналовъ объявили свою солидарность съ жертвами произвола и стали готовиться къ стачкѣ, которая во многихъ мѣстахъ вспыхнула тотчасъ же. Въ Брестѣ, гдѣ въ мастерскихъ морского министерства работаетъ до 6000 человѣкъ, всѣ прекратили работу и послали Пельтану телеграмму, въ которой изложили свою жалобу. Вмѣсто отвѣта, Пельтанъ телеграфировалъ администраціи: „Правительство никогда не потерпитъ прекращенія работъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу національной обороны. Объявите что всякій рабочій, который до утра пятницы не приступитъ къ работѣ, будетъ считаться уволившимся. Наиболѣе виновные будутъ исключены, другіе получатъ пониженія по службѣ“. Это объявленіе и вмѣшательство въ дѣло такъ называемаго „желтаго“ синдиката поколебало рѣшимость большинства рабочихъ, и было рѣшено приступить къ работѣ. Рабочіе послали делегацію къ Пельтану, и, какъ заявляетъ газета Жореса „l'Humanité“, делегація вынесла изъ этого свиданія увѣренность, что жертвъ не будетъ, и что, по всей вѣроятности, будутъ приняты обратно и тѣ шесть рабочихъ, увольненіе которыхъ послужило исходнымъ пунктомъ стачечнаго движенія. Можно думать, что Жоресъ правильно освѣдомленъ на этотъ счетъ, и что конфликтъ кончится такъ, какъ кончались всѣ подобные конфликты въ эпоху блока, т. е. что жертвъ не будетъ. Но все же остается открытымъ вопросъ — и опять таки это одно изъ основныхъ свойствъ блока оставлять всѣ вопросы открытыми — остается, слѣдовательно, неразрѣшеннымъ вопросъ, пользуются ли еще правомъ стачекъ рабочіе, занятые въ государственныхъ мастерскихъ: вѣдь остается заявить, что ихъ работа имѣетъ „отношеніе къ національной оборонѣ“, хотя бы въ данный моментъ этой оборонѣ не угрожалъ никакой внѣшній врагъ, и для цѣлой категоріи рабочихъ дѣйствіе общихъ законовъ прекращается. Вчера то же самое было продѣлано во время всеобщей стачки въ Голландіи, сегодня то же дѣлаютъ во Франціи, завтра навѣрное очередь дойдетъ до Италіи и т. д. Пріятныя перспективы, нечего сказать!

ИЗЪ ПАРТІИ.

„Существующая въ Вильнѣ Организація Учащихся болѣе двухъ лѣтъ считала себя безпартійной, не примыкая ни къ одной изъ дѣйствующихъ въ Россіи революціонныхъ партій. Между тѣмъ, въ кружкахъ организаціи проходилась Эрфуртская программа, руководители кружковъ твердо держались классовой точки зрѣнія и матеріалистическаго пониманія исторіи, которые проводились и на отдѣльныхъ рефератахъ; существовавшая формальная „безпартійность“, не мѣшая развитію соціальдемократическихъ взглядовъ, тѣмъ не менѣе, тормозила работу, создавая излишніе конфликты съ нѣкоторыми отдѣльными лицами, не примыкавщими, по своимъ взглядамъ, къ соц.-дем.

Въ виду этого: Виленская Организація Учащихся большинствомъ восьми голосовъ противъ одного воздержавшагося вынесла резолюцію:

„Принимая во вниманіе 1) что Организація Учащихся въ городѣ Вильнѣ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія классовой борьбы и матеріалистическаго пониманія исторіи, 2) что соціальдемократія въ Ростіи является единственной выразительницей интересовъ рабочаго класса, 3) что организація учащихся должна выработать въ своей средѣ солдатъ, пополняющихъ кадры пролетарской революціонной арміи, — Виленская Организація Учащихся входитъ въ составъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, примыкая къ партійной Виленской группѣ.

Виленская Организація Учащихся.

Нами полученъ послѣдній номеръ (№ 7) органа Кавказскаго Союза Р. С.-Д. Р. П. „Борьба пролетаріата“ на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ (каждое изданіе отдѣльно). Отпечатанъ онъ чисто и состоитъ изъ 22 страницъ большого формата со слѣдующимъ содержаніемъ: 1) „Памяти Ладо Кецховели“ (съ портретомъ Кецховели); 2) „Кто побѣдитъ?“ (перев. прокламаціи „И.“); 3) „Терроръ въ соціаль-демократической программѣ“; 4) „По поводу закона 2 іюня 1904 г.“ (перев. статьи „Искры“ № 70); 5) „Національный вопросъ съ точки зрѣнія соціальдемократіи“ (полемическая) и 6) „О положеніи крестьянъ въ Закавказьи“.

Изъ оригинальныхъ статей особенно выдается своею принципіальною выдержанностью статья по національному вопросу; статью о крестьянахъ, довольно длинную, смѣло можно было помѣстить въ легальной прессѣ, вычеркнувъ только нѣсколько строкъ. Въ общемъ, органъ производитъ впечатлѣніе альманаха, сборника статей, но никакъ не періодическаго изданія. Въ немъ нѣтъ ни внутренняго, ни внѣшняго обозрѣнія, нѣтъ ни одной статьи о текущихъ, злободневныхъ вопросахъ; нѣтъ ни корреспонденцій, ни извѣстій, — словомъ, нѣтъ всего того, что составляетъ душу всякаго періодическаго изданія. Пожелаемъ „Союзу“, чтобы онъ пополнилъ этотъ пробѣлъ.

Письмо въ редакцію „Искры.“ Въ брошюрѣ „Борьба за съѣздъ“, неизвѣстно почему носящей заголовокъ Р. С.-Д. Р. П., но, въ дѣйствительности, выпущенной частной издательской компаніей „В. Бончъ Бруевичъ и Н. Ленинъ“ на стр. 46 приведена резолюція о самораспущеніи СПБ. Рабочей Организаціи, причемъ авторъ брошюры, г. Шаховъ, категорически утверждаетъ, что редакція „Искры“ „изложила резолюцію Пет. Раб. Орг. своими словами, сгладивъ такимъ путемъ всѣ ея „шероховатости“... „Къ сожалѣнію, — скорбитъ г. Шаховъ, — мы нигдѣ не нашли полнаго текста резолюціи Пет. Раб. Орг. и, въ силу этого, принуждены ограничиться тѣми выдержками изъ нея, которыя были напечатаны въ № 162 Послѣднихъ Извѣстій Бунда.“

Скорбь г. Шахова вполнѣ понятна, но его обвиненіе редакціи „Искры“ въ фальсификаціи документовъ — безцеремонная и, къ сожалѣнію, сознательная ложь. Самые тщательные поиски г. Шахова не могли увѣнчаться успѣхомъ по той простой причинѣ, что напечатанная въ № 61 „Искры“ резолюція о распущеніи Пет. Раб. Орг. есть подлинная, полная и буквальная резолюція. Выдержки же, помѣщенныя въ № 162 Послѣднихъ Извѣстій Бунда, какъ вскользь упоминаетъ объ этомъ самъ г. Шаховъ (почему мы и обвиняемъ его въ сознательной лжи) на стр. 48 своей брошюры, представляютъ цитаты изъ одного „листка“ Пет. Раб. Орг., который ни въ какомъ отношеніи къ „резолюціи“ не находится. Этотъ „Листокъ“ былъ выпущенъ въ концѣ октября 1903 г., „резолюція“ же была принята въ мартѣ 1904 года. Г. Шаховъ, послѣ тщетныхъ поисковъ „полнаго“ текста, самъ составилъ его изъ двухъ разнородныхъ документовъ. Пріемъ, несомнѣнно, очень простой и удобный, но только кто же виновенъ въ фальсификаціи: редакція „Искры“ или г. Шаховъ и издавшая его произведеніе фирма „В. Б.-Бруевичъ и Н. Ленинъ“?

Съ тов. привѣтомъ Бывшій членъ ком. СПБ. Раб. Организ.

С. Петербургъ. Ноябрь 1904 г.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Одесса. 15 ноября провалилась большая соц.-дем. типографія на Слободкѣ Романовкѣ, существовавшая подъ видомъ угольнаго и дровяннаго склада. Въ ней взяты Самуилъ Стесель съ женой и матерью и два русскихъ рабочихъ. Найдено до 9 пуд. литературы (№ 1 С.-Д.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Отчетъ Цюрихской Сибирской кассы. *Отъ февраля до ноября 1904 г.*

ПРИХОДЪ. Остатокъ къ 6 февр. 1904 г. — 94 fr. 15 с. Собрано въ Цюрихѣ: ежемѣсячн. взносы 167 fr. 10 с., по подпис. лист. 122 fr. (экстренный сборъ для Якутянъ), собрано на Protestversam. 86 fr. 65 с. (для Якутянъ), получено съ бала 110 fr. 25 с., отъ F. i. H. по листу 24 fr. 62 с., отъ F. i. H. членскіе взносы 25 fr., отъ М—а съ лотереи 30 fr., отъ М—а ежемѣс. сборъ 64 fr., отъ М—а 23 fr., изъ Кларана по листу 17 fr. 75 с., изъ Нерви 22 fr., изъ Льежа 100 fr., изъ В—тура по листу черезъ В. К. 13 fr. 80 с., изъ Давоса по листу 37 fr., изъ Давоса 53 fr., отъ итал. соціалист. 9 fr., изъ Болгаріи по листу № 43 50 fr. (черезъ Нину), отъ Kupferkasse 64 fr., единовр. пожертв. 132 fr. 09 с., (21 fr. — 21 fr. — 20 fr. — 79 fr. 50 с. — 1 fr. 50 — 3 fr. 09 с. — 6 fr). Всего 1246 fr. 01 с. РАСХОДЪ. Въ разн. города Европ. и Аз. Россіи: черезъ З. К. Бунда 110 fr., черезъ Р. С.-Д. Р. П. 139 fr. 65 с. (для Якутянъ 86 fr. 65 с.), Послано Комит. Сиб. Кассы: заключ. въ К—ой тюрьмѣ 60 fr., въ Вологду ссыльнымъ 180 fr. 64 с., въ В—скъ 25 fr., ссыльн. черезъ Ц. кассу Енис. губ. 100 fr., на побѣгъ изъ Сибири 26 fr., пострад. Якут. (черезъ Бернск. Сиб. кассу) 125 fr., въ Х—скую тюрьму 40 fr., въ М—въ для ссыльныхъ въ Сиб. 59 fr., въ Иркутскъ для заключен. 106 fr., ссыльн. С—ву 26 fr., въ Красноярскъ для ссыльн. Енис. губ. 100 fr., Почтов. расх. 17 fr. 67 с., въ кассѣ наличными 71 fr. 96 с. Всего 1246 fr. 01 с.

P. S. По листу № 42 К. получ. изъ Давоса 80 fr. Комитетъ.

Загр. Пред. Ц. К. получено съ 15 окт. по 15 ноября: отъ ред. Ц. О. 3838 fr.; отъ Лиги 790 fr. и черезъ нея же — изъ Льежа 60 fr., изъ Дрезд. 12 fr. 20 сеп., изъ Берна отъ слушателей одес. кур. 10 fr., отъ Nemo на „С.-Д.“ 50 fr., изъ Базеля по подп. л. № 6 на „С.-Д.“ 33 fr. 50 сеп., изъ Берна на изд. Бельтова 200 fr., отъ Абрамова 4 fr., изъ Дрезд. за литер. отъ „Эти“ черезъ Л. на „С.-Д“ 55 fr., изъ Рос. на „С.-Д.“ 300 fr., изъ Вюрцбургъ 20 fr., отъ гр. земц. за подп. 2 fr. 10 сеп.; собрано на собр. кл. 2 fr. 50 с., отъ М. Д. изъ Цюриха на спец. цѣли 50 fr. и отъ М. S. изъ Цюриха 10 fr. Всего — 4475 fr. 30 с.

Насъ просятъ напечатать о полученіи 80 кронъ изъ Вѣны отъ С. Л. за іюнь, іюль, августъ и сентябрь, а также отъ больного 4 кроны 20 г.

Насъ просятъ напечатать, что въ сентябрѣ нами получено въ пользу Якутянъ изъ Бальтимора черезъ Tuman'er 11 кронъ и 50 цент., изъ нихъ отъ соціалистическаго клуба 5 дол., отъ Балт. группы бундистовъ 3 дол. и отъ М. Эндиера 50 цент.

Донской. Письмо № 8 получено. **Калуга.** Присылайте листки; постарайтесь связаться съ редакціей. Статья о „Рев. Укр. Партіи“, корресп. изъ Воронежа и др. отложены за недостаткомъ мѣста.

---

[1] Какъ извѣстно, на банкетѣ въ С. Манде Мильеранъ далъ свое, доволь[illegible]ивчатое опредѣленіе соціализма.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 80.
15-го декабря 1904 г.
Годъ IV.

ЗЕМСКАЯ „ДЕРЗОСТЬ“ И ПРОЛЕТАРСКАЯ „БЕЗТАКТНОСТЬ“.

То, что такъ страстно призывали изувѣры „Москов. Вѣд.“, наконецъ, свершилось. „Съ высоты престола“ достаточно внятно сказано „довольно!“ расходившемуся либеральному „обществу“. Резолюція Николая II на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ „дерзкими и безтактными“ и ея авторъ, по своему, правъ, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоустраниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя опредѣленной угрозой, просьбы естественно производятъ впечатлѣніе „неслыханной дерзости“. Такой угрозой могъ бы быть отказъ отъ соучастія съ самодержавіемъ въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще, отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ *общая стачка* земскихъ органовъ управленія. Еслибъ самодержавіе думало, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ *такихъ* дѣйствій, оно не пускалось бы на такія шутки, какъ повтореніе эпизода съ „безсмысленными мечтаніями“. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы самодержавіе сообразило, что, по существу дѣла, оно имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Самодержавіе приказало городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга *не обсуждать* вопроса о реформѣ, и они — повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской „легальности“, не собрались, *вопреки* запрещенію, не пошли на явное его нарушеніе. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ атаку, не рѣшивъ заранѣе не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати — она не протестовала, когда, въ наказаніе за ея „злоупотребленія“, ее вернули въ „первобытное состояніе“. Ей позволили собираться — но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соотвѣтствовала революціонность поступковъ. И самодержавіе констатировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значитъ совершать „дерзость и безтактность“.

Царскій отвѣтъ черниговскому земству заканчиваетъ собой „весну“ въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе „Сына Отечества“, запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ „общегосударственные вопросы“, варварскія избіенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы — все это показываетъ, что самодержавіе собралось съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но, рядомъ съ голой репрессіей, оно собирается еще пустить въ ходъ новый пріемъ „зубатовской политики“ — по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевыми, Сергіями и Муравьевыми. Конституціонному движенію попытаются противопоставить вытащенную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества „земщины“ и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснялось растущее недовольство придворной клики размѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста,—въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Кличъ: „учредительное собраніе!“ раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной „улицей“, не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ „общества“. И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ — подъ знаменемъ новой „земской реформы“. Созданіе совѣщательнаго „центральнаго земства“ или приглашеніе земскихъ людей въ (совѣщательный) Государственный Совѣтъ — такова приманка, которую шарлатаны „Нов. Вр.“ выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи, въ противовѣсъ „правовому порядку“. Вокругъ Николая II въ настоящее время ведется борьба между слѣпыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана „прирученія“ буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и „центральное земство“, въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано Николаемъ II. Если земцы не пожелаютъ отречься отъ программы, выработанной на ноябрскомъ съѣздѣ, они должны будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортюнистическую тактику сдѣлокъ, — это будетъ всего менѣе, конечно, зависѣть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интеллигенціи. Но демократическая интеллигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма невнушительную силу и она должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земской буржуазіей станетъ стѣснителенъ для послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло укрѣпляться въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываютъ *справа*, для этого надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе *слѣва*, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интеллигенція можетъ сама противостоять напору „земскаго благоразумія“. А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависѣть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ измѣнить конституціоналистской демократіи, надо, чтобы эта послѣдняя не измѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить теперь, когда наши демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, насколько отчетливо понимаютъ они свои задачи. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшались въ манифестаціи либерально-демократическихъ слоевъ „общества“ чтобы предложить взывающимъ о необходимости всеобщаго „единенія“ конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы позволить народнымъ массамъ видѣть въ буржуазной оппозиціи хотя бы временнаго союзника. Какой же пріемъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ (въ юридическомъ обществѣ) ихъ ораторъ былъ встрѣченъ криками „долой“ и т. д., и въ этихъ безчинствахъ принимали активное участіе не только „сторонники порядка“, — партизаны проф. Гродескула, — но и только что ополчавшіеся противъ этого самаго профессора радикалы, которые, однако, охотно пользовались поддержкой пролетаріевъ, когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать соціальдемократическаго оратора, они пытались позорно бѣжать съ открытаго имъ „народнаго митинга“, и харьковскимъ рабочимъ пришлось попросту затворять выходныя двери, чтобы заставить гг. „демократовъ“ выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ „Благородномъ собраніи“, столь же враждебный пріемъ встрѣтилъ нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія „тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ“. Позорные крики: „вонъ“, „не надо“ и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы „нужды населенія“ [1]).

„Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи, — говоритъ „Освобожденіе“ (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, — но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ — болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты“.

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ „свои собранія“ подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственныя собранія. Это — очень откровенно сказано, — до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество „просто потому, что это общество могло устроить публичное собраніе, а *они не могли* (курс. нашъ), и, желая говорить передъ публикой, они *вынуждены были* (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе“. Кажется, ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что „демонстранты помѣшали членамъ юридическаго общества произвести ихъ собственную демонстрацію — голосованіе и отправку телеграммы мин. внут. дѣлъ“, что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: „какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?“, на каковой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ *имъ* добиться *для себя* права собраній? Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободу они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собою на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ *присоединиться къ пролетарской революціонной демонстраціи*, чтобы предложить имъ оставить, какъ второстепенный, вопросъ о Святополкѣ и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, *созыва Учредительнаго Собранія*. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдаютъ слова „Освобожденія“: „тѣ, кто негодуетъ на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами, — хотя бы съ самыми благими намѣреніями, — поступать подобнымъ же образомъ“. Обвинять въ „свободномъ“ органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и отождествлять ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значитъ вторить „Гражданину“, который тоже, вѣдь, увѣряетъ, что сторонники свободы отнимаютъ свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ“[2]).

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать „благовидный“ характеръ навѣянному самими заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ царизма. Они только посмѣются, когда прочтутъ далѣе въ статьѣ „Освобожденія“ слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній:

„Попытки... обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать, между прочимъ, и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полнаго соблюденія правъ и свободы сужденій этихъ собраній“. Интересно было бы знать, входитъ ли въ число „правъ“ общественныхъ собраній „право“ подчиняться министерскому запрещенію говорить объ „общегосударственныхъ вопросахъ“, „право“ пускать (какъ сдѣлалъ предсѣд. Там. губ. собр.) публику „по билетамъ“, „право“ засѣдать подъ охраной полиціи, „право“ „представителей населенія“ *не желать слушать* являющихся къ нимъ „демонстрантовъ?“ Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю нелѣпость разговоровъ о „свободѣ сужденій“, соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу сужденій, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать *подъ охрану населенія*. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ всякой „свободы сужденій“, дабы сохранить за собою святое „право“ — бормотать въ предѣлахъ, дозволенныхъ начальствомъ.

„Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, говоритъ „Освобожденіе“, „конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи тѣхъ силъ, которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ, принявъ извѣстное направленіе, разстроить земскія собранія, *стать же на мѣсто ихъ и, вмѣсто нихъ, говорить съ правительствомъ, дѣйствуя, какъ народъ, они, конечно, не могутъ*“ (курс. нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающейся въ немъ дилеммой. Кто будетъ „говорить съ правительствомъ“, „какъ народъ“ — земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто *уже* убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидитъ въ этихъ попыткахъ начало „могущественнаго народнаго возстанія“, передъ которымъ должны стушеваться слабыя организаціи имущихъ классовъ. И только тотъ „демократъ“, который еще не рѣшилъ *для себя самого*, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ „лойяльной“ ли земской оппозиціей или съ революціоннымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями „Освобожденія“.

Рѣшить *этотъ* вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣйствительные демократы и рѣшительные конституціоналисты заинтересованы въ томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалось. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ „смолкнуть и стушеваться“ передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, расшаркиваясь передъ „могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми „располагаютъ русскіе революціонеры“ — на близорукій глазъ.

„Всеобщей мобилизаціи“ „могущественнаго народнаго возстанія“ естественно предшествуютъ „частныя мобилизаціи“ передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія *этихъ* отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонныя попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетаріатъ долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ „общественныя собранія и учрежденія“ свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями *народа*, должны „смолкнуть и стушеваться“ узкіе корпоративные интересы маленькихъ группъ оппозиціонной буржуазіи идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно „безтактно“ — въ смыслѣ Петра Струве — для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться „дерзкими“ — въ смыслѣ Николая Романова.

ОСНОВНОЙ ГРѢХЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ.

Ноябрскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятыя земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первою внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейскаго самодержавія, но и впервые заявленною опредѣленною программою либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекало какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей деклараціи и, вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть анти-народную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недовѣріе. Между тѣмъ, „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ“. Поэтому, либеральная программа считаетъ безусловно необходимымъ для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, „правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“. Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма; но онѣ съ тою же послѣдовательностью устанавливаютъ на мѣстѣ разрушеннаго самодержавія главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую, съ демократической точки зрѣнія, полноту правъ народа.

Демократія принципіально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не правитъ, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность предъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полнаго отнятія верховной власти у главы правительства — монарха и передачи этой власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается только въ разобщенности правительства съ населеніемъ и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь извѣстной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ монархъ-самодержецъ. Послѣдній попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Его воля ставится не только рядомъ съ волей народа, но и надъ ней. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи Штейнъ, санкція монарха предназначается выражать не однѣ потребности адми-

---

[1] См. также кор. изъ Ростова на Д. въ этомъ №.

[2] Въ примѣчаніи авторъ цитируетъ корреспонденцію „Искры“, которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма неудачно“ и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить его словамъ передовой статьи въ „Искрѣ“, гдѣ сказано, что эта демонстрація „показываетъ, въ какомъ направленіи намъ слѣдуетъ дѣйствовать“. Очевидно, почтеннѣйшій авторъ, что направленіе съ которомъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать, есть именно то направленіе, которое вы осуждаете, какъ „посягательство на свободу ученыхъ обществъ“, и что, дѣйствуя въ *этомъ* направленіи, соціальдемократы могутъ въ то же время, при лучшей организованности, совладать съ тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ“, о которомъ говорилъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано“. Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и больше всего политической невоспитанностью „массовой“ интеллигентской публики (въ томъ числѣ, и членовъ самого общества), съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 80. 15-го декабря 1904 г. Годъ IV.

ЗЕМСКАЯ „ДЕРЗОСТЬ“ И ПРОЛЕТАРСКАЯ „БЕЗТАКТНОСТЬ“.

То, что такъ страстно призывали изувѣры „Москов. Вѣд.“, наконецъ, свершилось. „Съ высоты престола“ достаточно внятно сказано „довольно!“ расходившемуся либеральному „обществу“. Резолюція Николая II на докладѣ о Черниговской земской челобитной объявляетъ домогательства земцевъ „дерзкими и безтактными“ и ея авторъ, по своему, правъ, если принять во вниманіе, что либеральная оппозиція, приглашая самодержавіе самоупраздниться, ничѣмъ не грозитъ ему въ случаѣ его отказа. Не подкрѣпленныя опредѣленной угрозой, просьбы естественно производятъ впечатлѣніе „неслыханной дерзости“. Такой угрозой могъ бы быть отказъ отъ соучастія съ самодержавіемъ въ расходѣ общественныхъ денегъ на веденіе войны, какъ и вообще, отказъ отъ выдачи денегъ правительству, какъ *общая стачка* земскихъ органовъ управленія. Еслибъ самодержавіе думало, что земская оппозиція стоитъ наканунѣ *такихъ* дѣйствій, оно не пускалось бы на такія шутки, какъ повтореніе эпизода съ „безсмысленными мечтаніями“. Но нѣсколькихъ явныхъ признаковъ безхарактерности буржуазной оппозиціи было достаточно для того, чтобы самодержавіе сообразило, что, по существу дѣла, оно имѣетъ передъ собой, въ лицѣ земцевъ, челобитчиковъ, а не людей, властно требующихъ и готовыхъ постоять за свои требованія. Самодержавіе приказало городскимъ гласнымъ Саратова и Петербурга *не обсуждать* вопроса о реформѣ, и они — повиновались, не рѣшились выйти изъ предѣловъ полицейской „легальности“, не собрались, *вопреки* запрещенію, не пошли на явное его нарушеніе. Это обстоятельство показало, что либеральная оппозиція пошла въ атаку, не рѣшивъ заранѣе не отдавать безъ боя разъ уступленныхъ ей позицій. Ей дали нѣкоторый просторъ для печати — она не протестовала, когда, въ наказаніе за ея „злоупотребленія“, ее вернули въ „первобытное состояніе“. Ей позволили собираться — но она разошлась, когда позволеніе было взято назадъ. Рѣшительности и радикализму рѣчей не соотвѣтствовала революціонность поступковъ. И самодержавіе констатировало, что выступать съ заявленіями, не имѣя твердой воли заставить себя выслушать, значитъ совершать „дерзость и безтактность“.

Царскій отвѣтъ черниговскому земству заканчиваетъ собой „весну“ въ правительственныхъ сферахъ. Закрытіе „Сына Отечества“, запрещеніе обсуждать въ земскихъ собраніяхъ „общегосударственные вопросы“, варварскія избіенія демонстрантовъ на улицахъ Петербурга и Москвы — все это показываетъ, что самодержавіе собралось съ силами и готовится къ новой рѣшительной схваткѣ съ внутренними врагами. Но, рядомъ съ голой репрессіей, оно собирается еще пустить въ ходъ новый пріемъ „зубатовской политики“ — по крайней мѣрѣ, за эту зубатовскую политику борется въ настоящее время Святополкъ съ Побѣдоносцевымъ, Сергіями и Муравьевыми. Конституціонному движенію попытаются противопоставить вытащенную изъ либерально-народническаго архива идею сотрудничества „земщины“ и самодержавія. По мѣрѣ того, какъ выяснялось растущее недовольство придворной клики размѣрами, которые приняло конституціонное движеніе, и по мѣрѣ того, какъ голоса революціонныхъ элементовъ все отчетливѣе стали слышаться въ хорѣ общественнаго протеста, — въ самомъ оппозиціонномъ лагерѣ все явственнѣе намѣчались признаки близкаго разложенія. Кличъ „учредительное собраніе!“ раздавшійся на многихъ митингахъ и поддержанный революціонной „улицей“, не преминулъ вызвать самое жгучее безпокойство на правомъ флангѣ „общества“. И, вмѣстѣ съ поворотомъ Святополка въ сторону усиленныхъ репрессій, въ печати начинается походъ противъ конституціоналистовъ — подъ знаменемъ новой „земской реформы“. Созданіе совѣщательнаго „центральнаго земства“ или приглашеніе земскихъ людей въ совѣщательный Государственный Совѣтъ — такова приманка, которую шарлатаны „Нов. Вр.“ выбрасываютъ оппозиціонной буржуазіи въ противовѣсъ „правовому порядку“. Вокругъ Николая II въ настоящее время ведется борьба между тупыми доктринерами реакціи и сторонниками этого плана „прирученія“ буржуазной оппозиціи.

Если реакціи будетъ нанесенъ въ ближайшемъ будущемъ еще одинъ сильный ударъ, то, несомнѣнно, духъ Зубатова окажется побѣдителемъ надъ духомъ Плеве, и „центральное земство“, въ томъ или другомъ видѣ, будетъ пожаловано Николаемъ II. Если земцы не пожелаютъ отречься отъ программы, выработанной на ноябрьскомъ съѣздѣ, они должны будутъ отвѣтить категорическимъ отказомъ принять участіе въ этой политической комедіи. Пойдутъ ли они на такое революціонное дѣйствіе или предпочтутъ оппортунистическую тактику [illegible], — это будетъ всего менѣе, конечно, зависѣть отъ ихъ собственной политической проницательности. Важную роль сыграетъ давленіе общественной среды, не послѣднюю, въ томъ числѣ, давленіе демократической интеллигенціи. Но демократическая интеллигенція, сама по себѣ, представляетъ весьма невнушительную силу и она должна будетъ въ этомъ убѣдиться, какъ только ея союзъ съ земской буржуазіей станетъ стѣснительнымъ для послѣдней. Чтобы ея вліяніе на земство могло усилиться въ моментъ, когда съ земствомъ заигрываетъ *справа* [illegible], надо, чтобы на лицо было сильное революціонное движеніе *слѣва*, со стороны народныхъ массъ. Только примыкая къ сознательнымъ народнымъ массамъ, демократическая интеллигенція можетъ сама противостоять напору „земскаго благоразумія“. А это значитъ, что удача или неудача новаго зубатовскаго эксперимента будетъ не въ послѣдней степени зависѣть отъ отношенія демократіи къ революціонному выступленію пролетаріата. Для того, чтобы земскій либерализмъ не могъ измѣнить конституціоналистской демократіи, [illegible] не измѣняла пролетаріату.

Объ этомъ умѣстно напомнить [illegible] демократы дали намъ нѣкоторый матеріалъ [illegible] тому, насколько отчетливо понимаютъ они свои задачи. Въ рядѣ случаевъ, какъ извѣстно, сознательные русскіе пролетаріи вмѣшивались въ манифестаціи либерально-демократическихъ [illegible] „банкетовъ“, чтобы предложить взывающимъ о необходимости [illegible] „единенія“ конституціоналистамъ ту платформу, которая могла бы доставить народнымъ массамъ силы [illegible] въ буржуазной [illegible] и хотя бы временнаго союзника. Какой же пріемъ встрѣтили при этомъ пролетаріи? Въ Харьковѣ [illegible] ихъ ораторъ былъ встрѣченъ криками „вонъ“ и [illegible] этихъ безчинствахъ принимали [illegible] участіе не [illegible] „сторонники порядка“, — партизаны графа [illegible], — но и [illegible], что ополчавшіеся противъ [illegible] самаго [illegible], которые, однако, охотно [illegible], когда проваливали телеграмму кн. Святополку. Когда имъ не удалось заставить замолчать соціалдемократическаго оратора, они пытались позорно бѣжать съ открытаго имъ „народнаго митинга“, и харьковскимъ рабочимъ пришлось [illegible] затворять выходныя двери, чтобы заставить гг. „демократовъ“ выслушать свою резолюцію. Въ Одессѣ, на банкетѣ въ „Благородномъ собраніи“, столь же враждебный пріемъ встрѣтилъ нашего товарища, когда онъ явился для формулировки желанія „тысячъ демонстрирующихъ на улицѣ пролетаріевъ“. Позорные крики: „вонъ“, „не надо“ и т. д. дали понять представителю одесскихъ рабочихъ, что гг. демократы, ничего не имѣя противъ того, чтобы русскіе пролетаріи сражались на улицахъ съ полиціей, готовы прійти въ бѣшенство, когда они вторгаются въ тѣ святилища, гдѣ либералы и демократы формулируютъ для правительства и Европы „нужды населенія“[1].

„Пусть всѣ элементы устраиваютъ свои собранія и демонстраціи, — говоритъ „Освобожденіе“ (№ 61) по поводу харьковскихъ событій, — но пусть одна демонстрація не мѣшаетъ другой. Необходимо, чтобы всѣ, кто чувствуетъ потребность въ живомъ общеніи на почвѣ современныхъ жгучихъ вопросовъ, устраивали свои собранія и такимъ образомъ фактически осуществляли право собраній. Такой способъ — болѣе правильный и болѣе революціонный, чѣмъ тотъ, къ которому прибѣгли харьковскіе демонстранты“.

Слѣдовательно, пусть рабочіе устраиваютъ „свои собранія“ подъ градомъ казацкихъ нагаекъ на составляющихъ общую собственность городскихъ улицахъ и предоставятъ имѣющей возможность легально собираться демократіи проводить ея собственныя собранія. Это — очень откровенно сказано, до цинизма откровенно для человѣка, который только что передъ этимъ объяснилъ, что демонстранты-рабочіе явились въ юридическое общество „просто потому, что это общество могло устроить публичное собраніе, а *они не могли* (курс. нашъ), и, желая говорить передъ публикой, они *вынуждены были* (курс. нашъ) вторгнуться въ чужое собраніе“. Кажется, ясно? Но авторъ до такой степени огорченъ тѣмъ, что „демонстранты помѣшали членамъ юридическаго общества произвести ихъ собственную демонстрацію — голосованіе и отправку телеграммы мин. внут. дѣлъ“, что совершенно сбивается съ своей аргументаціи и задаетъ демонстрантамъ пустопорожній вопросъ: „какъ дѣйствовать, чтобы добиться свободы собраній?“, на каковой вопросъ и отвѣчаетъ вышеуказанными словами, смыслъ которыхъ: дайте намъ собираться съ разрѣшенія властей, а для себя обходитесь безъ разрѣшенія. Но для харьковскихъ рабочихъ дѣло вовсе не шло о вопросѣ, какъ *имъ* добиться *для себя* права собраній? Ихъ занималъ другой вопросъ: какъ добиться для всей страны широкой демократической свободы? И для борьбы за эту свободу они сочли нужнымъ явиться въ чужое для нихъ собраніе, чтобы попытаться увлечь его за собою на болѣе революціонный путь, чтобы предложить его членамъ *присоединиться къ пролетарской революціонной демонстраціи*, чтобы предложить имъ оставить, какъ второстепенный, вопросъ о Святополкѣ и требовать, вмѣстѣ съ рабочими, *созыва Учредительнаго Собранія*. И, въ виду такой цѣли, величайшей наглостью и іезуитизмомъ отдаютъ слова „Освобожденія“: „тѣ, кто негодуетъ на то, что правительство нарушаетъ права ученыхъ обществъ и свободу ихъ сужденій, не должны сами, — хотя бы съ самыми благими намѣреніями, — поступать подобнымъ же образомъ“. Обвинять въ „свободномъ“ органѣ сознательныхъ пролетаріевъ въ посягательствѣ на свободу и права гражданъ и отождествлять ихъ поведеніе съ поведеніемъ полиціи, значитъ вторить „Гражданину“, который тоже вѣдь увѣряетъ, что сторонники свободы отнимаютъ свободу слова у всѣхъ несогласно-мыслящихъ[2].

Русскіе пролетаріи ни на минуту не будутъ сбиты съ толку гнилыми разсужденіями демократическаго органа, поставившаго себѣ цѣлью придавать „благовидный“ характеръ навѣянному самими заскорузлыми предразсудками и самой обывательской трусостью негодованію радикальной интеллигенціи на попытки пролетаріата принять участіе въ манифестаціяхъ противъ царизма. Они только посмѣются, когда прочтутъ далѣе въ статьѣ „Освобожденія“ слѣдующія слова по поводу предстоящихъ земскихъ собраній.

„Попытки [illegible] обращеній къ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ будутъ несомнѣнно имѣть крупное политическое значеніе. Въ такомъ смыслѣ будутъ и уже начали дѣйствовать, между прочимъ, и революціонныя организаціи. Ихъ попытки прійти въ соприкосновеніе съ общественными собраніями будутъ имѣть, однако, положительное политическое значеніе лишь при условіи полнаго соблюденія правъ и свободы сужденій этихъ собраній“. Интересно было бы знать, входитъ ли въ число „правъ“ общественныхъ собраній „право“ подчиняться министерскому запрещенію говорить объ „общегосударственныхъ вопросахъ“, „право“ пускать, какъ сдѣлалъ предсѣд. Там. губ. собр., публику „по билетамъ“, „право“ засѣдать подъ охраной полиціи, „право“ „представителей населенія“ *не желать слушать* являющихся къ нимъ „демонстрантовъ“? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы увидѣть всю нечестность разговоровъ о „свободѣ сужденій“, соблюдать которую должны пролетаріи. Одно изъ двухъ: либо общественныя собранія хотятъ имѣть дѣйствительную свободу сужденій, въ которой имъ отказываетъ правительство, и тогда они заинтересованы въ томъ, чтобы стать *подъ охрану населенія*. Либо они пуще огня боятся этого населенія, и тогда они заранѣе отказываются отъ [illegible] „свободы сужденій“, чтобы сохранить за собою святое „право“ бормотать въ предѣлахъ, дозволенныхъ начальствомъ.

„Передъ могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, говоритъ „Освобожденіе“, „конечно, должны были бы смолкнуть и стушеваться существующія общественныя собранія и учрежденія, но демонстраціи и [illegible], которыми располагаютъ въ настоящее время русскіе революціонеры, легко могутъ принять извѣстное направленіе [illegible] земскія собранія, *стать же на мѣсто ихъ и, [illegible] говорить съ правительствомъ, дѣйствуя какъ народъ, они [illegible] не могутъ*“ (курс. нашъ).

Въ этихъ строкахъ вопросъ поставленъ совершенно правильно и демократамъ слѣдуетъ задуматься надъ заключающейся въ немъ дилеммой. Кто будетъ „говорить съ правительствомъ“, „какъ народъ“ — земская ли буржуазія или самъ народъ? Тотъ, кто *уже* убѣдился въ томъ, что для земской буржуазіи роль представителя грядущей революціи не по силамъ, будетъ только привѣтствовать попытки самого народа формулировать свои нужды. Тотъ, кто въ этомъ убѣдился, легко увидитъ въ этихъ попыткахъ начало „могущественнаго народнаго возстанія“, передъ которымъ должны стушеваться слабыя организаціи имущихъ классовъ. И только тотъ „демократъ“, который еще не рѣшилъ *для себя самого*, съ кѣмъ намѣренъ онъ идти въ ногу: съ „лойяльной“ ли земской оппозиціей или съ революціоннымъ народомъ? только тотъ удовлетворится двусмысленными разсужденіями „Освобожденія“.

Рѣшить *этотъ* вопросъ необходимо всѣмъ демократамъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ рельефнѣе становится перспектива той сдѣлки, которую правительство Святополка желало бы предложить земской оппозиціи. Дѣйствительные демократы и рѣшительные конституціоналисты заинтересованы въ томъ, чтобы эта сдѣлка, имѣющая своей цѣлью разстроить ряды ихъ арміи, не удалось. Но она будетъ разбита тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе должны будутъ „смолкнуть и стушеваться“ передъ требованіями народа сомнительные элементы земскаго либерализма. И плохую услугу дѣлу демократіи и конституціоннаго движенія окажутъ тѣ, кто, расшаркиваясь передъ „могущественнымъ народнымъ возстаніемъ“, скрупулезно подсчитываютъ силы, которыми „располагаютъ русскіе революціонеры“ — на близорукій глазъ.

„Всеобщей мобилизаціи“ „могущественнаго народнаго возстанія“ естественно предшествуютъ „частныя мобилизаціи“ передовыхъ пролетарскихъ отрядовъ. Кто не умѣетъ оцѣнить политическаго значенія выступленія *этихъ* отрядовъ, тотъ будетъ застигнутъ врасплохъ и началомъ дѣйствительнаго возстанія. И нѣтъ для демократіи другого способа содѣйствовать скорому наступленію этого начала, какъ поддерживая революціонныя попытки передовыхъ пролетаріевъ.

Съ помощью буржуазной демократіи или противъ нея, сознательный пролетаріатъ долженъ дѣлать свое революціонное дѣло и нести во всѣ „общественныя собранія и учрежденія“ свои политическія требованія, передъ которыми, какъ передъ требованіями *народа*, должны „смолкнуть и стушеваться“ узкіе корпоративные интересы маленькихъ группъ оппозиціонной буржуазіи идущіе въ разрѣзъ съ интересами освободительнаго движенія въ цѣломъ.

Пролетаріатъ долженъ выступать достаточно „безтактно“ — въ смыслѣ Петра Струве — для того, чтобы земскія требованія конституціи перестали казаться „дерзкими“ — въ смыслѣ Николая Романова.

---

[1] См. [illegible] на 1 [illegible] въ этомъ №.

[2] Въ примѣчаніи [illegible] цитируетъ корреспондента „Искры“, которая признаетъ, что демонстрація въ Харьковѣ была „организована весьма [illegible]“ и пользуется этимъ признаніемъ, чтобы противопоставить его словамъ передовой статьи въ „Искрѣ“, [illegible] демонстраціи „показываетъ, по [illegible] направленіи [illegible] слѣдуетъ дѣйствовать“. [illegible] направленіе [illegible] именно то направленіе [illegible] посягательство на свободу ученыхъ обществъ [illegible] и [illegible] дѣйствуя [illegible] демократы могутъ въ то же время, [illegible] организованности, [illegible] съ тѣмъ „несвоевременнымъ безпорядкомъ“, о которомъ говоритъ нашъ корреспондентъ и который привелъ къ тому, что собраніе было „просто сорвано“. Этотъ безпорядокъ и шумъ объясняются прежде всего и больше всего политической невоспитанностью „массовой“ интеллигентской публики въ томъ числѣ, и членовъ самого общества, съ которою не удалось справиться организованному отряду харьковскихъ пролетаріевъ.

ОСНОВНОЙ ГРѢХЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ.

Ноябрьскій съѣздъ земскихъ представителей оставитъ крупный слѣдъ въ исторіи политическаго развитія Россіи. Резолюціи, принятыя земскими дѣятелями на засѣданіяхъ 6, 7 и 8 ноября, являются не только первою внушительною манифестаціею имущаго русскаго общества противъ полицейскаго самодержавія, но и впервые заявленною опредѣленною программою либеральной партіи, медленно и трудно складывавшейся послѣдніе годы усердными стараніями буржуазной демократіи. Давно ожидаемая программа не получила, правда, достаточно точнаго и яснаго выраженія. Буржуазная демократія, кровно заинтересованная въ томъ, чтобы знамя либерально-демократическаго блока привлекало какъ умѣренные умы господствующихъ классовъ, такъ и бурныя силы народныхъ массъ, окутала туманнымъ покровомъ наиболѣе сомнительные пункты своей деклараціи и, вообще, постаралась придать ей такую отвлеченную, алгебраическую форму, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ. Однако, благовидная внѣшность скромной уклончивости оказалась не въ состояніи скрыть анти-народную сущность земскихъ резолюцій. Ее выдаетъ не столько двусмысленность и намѣренная недоговоренность отдѣльныхъ положеній, сколько основная точка зрѣнія, строго и послѣдовательно выдержанная во всѣхъ одиннадцати членахъ либеральнаго символа вѣры.

Коренную причину ненормальности современнаго государственнаго порядка русская оппозиція видитъ въ томъ, что бюрократическій строй разобщаетъ верховную власть съ населеніемъ и порождаетъ между ними взаимное недовѣріе. Между тѣмъ, „правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ“. Поэтому, либеральная программа считаетъ безусловно необходимымъ для созданія и сохраненія всегда живого и тѣснаго общенія и единенія между властью и обществомъ и для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни, „правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи“. Эти разсужденія заключаютъ, какъ неизбѣжный логическій выводъ, безповоротное и окончательное уничтоженіе россійскаго абсолютизма, но онѣ съ тою же послѣдовательностью устанавливаютъ на мѣстѣ разрушеннаго самодержавія главныя основы новой политической системы, которая въ корнѣ отрицаетъ необходимую, съ демократической точки зрѣнія, полноту правъ народа.

Демократія принципіально признаетъ законодательную, верховную власть только за народомъ, который является самодержавнымъ властителемъ своихъ судебъ. Всѣ законы исходятъ отъ народа. Правительство представляетъ только исполнительную власть; оно не правитъ, а управляетъ на точномъ основаніи законовъ и за всѣ свои дѣйствія несетъ отвѣтственность предъ народомъ. Политическая программа либерально-демократическаго блока не признаетъ принципа народнаго суверенитета. Въ то время, какъ демократія требуетъ полнаго изъятія верховной власти у главы правительства — монарха и передачи этой власти народу, либералы утверждаютъ, что главная ненормальность существующаго порядка заключается лишь въ разобщенности правительства съ населеніемъ и настаиваютъ на дарованіи гражданамъ лишь извѣстной доли въ тѣхъ правахъ, которыми обладаетъ монархъ-самодержецъ. Послѣдній попрежнему остается источникомъ законовъ, главою законодательной и исполнительной власти и сохраняетъ свои священныя и мистическія полномочія. Его воля ставится не только рядомъ съ волей народа, но и надъ ней. Какъ училъ старый теоретикъ конституціонной монархіи Штейнъ, санкція монарха предназначается выражать не однѣ потребности администраціи и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція неожиданно даже для самихъ либераловъ легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ — вся сила мнѣнія. Но мнѣніе имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функцій монарха и народа, то практика не считается съ необезпеченными правами. Могущественный монархъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, который обладаетъ законодательными полномочіями, неизбѣжно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ *участія* въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распредѣляется государственная власть между сильнымъ монархомъ и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ-суверенъ не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотъемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ, — въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ, — то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ поръ не прекращается и—рано или поздно—неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета. Но отсталые элементы русскаго либерализма извлекли для себя изъ опыта Западной Европы лишь тотъ урокъ, что конституціонная монархія представитъ лучшее средство для сохраненія привилегій, выросшихъ изъ сословно-крѣпостного строя, для сосредоточенія политической власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатаціи верхними десятью тысячами широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянскимъ фрондой, — либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ пріемомъ эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что „личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны“. Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы „къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены *по возможности* всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія“. Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область *политическихъ правъ* гражданъ и, однако, либеральная программа, только что широковѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною „возможностью“. То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по внѣшности пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что „верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія“... Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на *суверенитетъ* учредительнаго собранія, созваннаго для коренного обновленія русской жизни, но и „представители всего народа“ подмѣнены „представителями народа“. Въ политическихъ программахъ такіе „пропуски“ означаютъ лишеніе политическихъ правъ милліоновъ рабочаго люда.

Эти основные промахи либеральной программы вполнѣ опредѣляютъ ея анти-народный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который взлелѣяли освобожденцы и къ которому теперь примкнули соціалисты-революціонеры, вкупѣ съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими націоналистами. Такимъ образомъ, земская программа пріобрѣтаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ сверженію самодержавія. Поддерживаемый „революціонными“ партіями либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной соціальдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечить рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансцены вялые и колеблющіеся элементы имущаго общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ „скипетръ, корону, звѣзды и другія игрушки“, такъ дорого стоящія рабочему люду.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПАРТІИ.

У. Р. П. оффиціально и фактически начала существовать съ 1901 года. По составу и духу членовъ, она была даже мало соціалистической—въ ея ряды собралась украинская молодежь, ясно сознавшая только необходимость борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ. Демократизмъ и оппозиція русскому правительству никогда не умирали на Украйнѣ. Съ самаго присоединенія къ Москвѣ, часть украинскаго общества съ большей или меньшей энергіей стремилась вырвать свою родину изъ лапъ азіатскаго деспота и создать демократическую республику. Это были времена феодализма — передъ оппозиціонерами рисовался идеалъ вольнаго рыцаря — казака. Но все течетъ.... феодализмъ уплылъ, разсыпались казацкіе курганы — свидѣтели прошлой славы и... только мертвые остались держать живыхъ въ своихъ объятіяхъ... Украинская оппозиція, въ своемъ опьяненіи добрымъ, старымъ временемъ, не замѣтила тѣхъ колесъ и ремней народившагося колосса — капитализма, что побѣжали и завертѣлись по всей земной поверхности, требуя отъ всѣхъ, къ кому они проникали, или примѣняться къ новымъ условіямъ жизни, или убираться вонъ съ арены — уступить мѣсто болѣе жизнеспособнымъ элементамъ. Болѣе жизнеспособною и дѣятельною оказалась та часть украинофиловъ, которая впослѣдствіи составила У. Р. П., другая же медленно формируется въ національ-демократическую партію, руководимую такими идеологами, какъ проф. львовскаго университета М. Грушевскимъ и поэтомъ I. Франкомъ. Итакъ, мы видѣли, что первые кадры У. Р. П. образовались изъ распавшихся украинофиловъ. По большей части, это были студенты кіевскаго и харьковскаго университетовъ, народные учителя, семинаристы и, главнымъ образомъ, представители интеллигентнаго пролетаріата. Но традиціи прошлыхъ временъ еще густымъ слоемъ пыли лежали въ ихъ мозгу, почему мы и видимъ то бросаніе изъ стороны въ сторону въ формулировкѣ своихъ взглядовъ и ту безпрограмность, какую такъ и не могла устранить У. Р. П. до сего времени. Первой оффиціальной брошюрой украинскихъ революціонеровъ была дико-шовинистическая „Самостiйна Украiна“ (независимая Украйна). На ней не такъ отразился шовинизмъ партіи, какъ шовинизмъ ея автора, который, къ слову, къ партіи никогда не принадлежалъ. За „Самостійною Украіною“ была издана серія брошюръ: „чі йе теперь панщина?“ (Есть ли теперь крѣпостничество), „Власна земля“ (Собственная земля), „Козаччина“ (Казатчина), „Дядько Дмытро“ (Дядя Митя), „Страйкъ чи бойкотъ?“ (Стачка или бойкотъ). Брошюры, по большей части, передѣлки съ польскаго изданія П. П. С.; только „Козаччина“ оригинальна. Изъ всѣхъ этихъ брошюръ удержали, въ дальнѣйшей своей передѣлкѣ, цѣнность только „Дядько-Дмитро“ и „Страйкъ и бойкотъ“, остальныя ждутъ исправленія въ соціаль-демократическомъ духѣ... Отъ „Самостійноі Украіна“ черезъ годъ У. Р. П. оффиціально отказалась. Кромѣ брошюръ, „Закорданний комітетъ“ Р. У. П. (заграничный комитетъ) занялся изданіемъ теоретическаго органа Партіи — „Гасло“ (Пароль) съ 1902 г. Просматривая „Гасло“ съ перваго номера до его прекращенія (май 1903 г. № 5 — всего 17 номеровъ), мы увидимъ, какъ Партія эволюціонировала отъ с. революціонерства, P. P. S—ства, бернштейніанства до с.-дем. идей, хотя и не совсѣмъ ортодоксальныхъ. Съ первыхъ же шаговъ, У. Р. П. выказала большую энергію. Были гектографированы въ громадномъ количествѣ прокламаціи по поводу 19 февраля и распространены по всей Украйнѣ; вмѣстѣ съ прокламаціями, распространялись и вышеупомянутыя брошюры. Но цѣль У. Р. П. была неясна: одни члены стояли за независимую Украйну, другимъ только нужно было уничтоженіе самодержавія, но на одномъ всѣ сходились—это работать среди крестьянъ. О фабр.-зав. рабочихъ сначала никто и не думалъ. Да и какъ могли о нихъ думать члены У. Р. П., вышедшіе изъ села, м. б., даже совсѣмъ или почти незнакомые съ рабочимъ движеніемъ. Усиленно они занялись агитаціей и распространеніемъ литературы по селамъ. Какъ снѣгомъ, была усѣяна ихъ листками Украйна. Съ оконъ вагоновъ, пѣшкомъ, на велосипедахъ, проѣзжая сотни верстъ на крестьянской телѣгѣ, развозили и разбрасывали сѣмена протеста украинскіе революціонеры. Что то новое, необыкновенное посѣтило давно уснувшую и ушедшую отъ политической жизни страну. Крестьянинъ задвигался, заговорилъ, сначала недоумѣвая, „откуда сія милость“... Но политическій гнетъ, безправіе и голодъ быстро объяснили хлѣбопашцамъ, въ чемъ дѣло, и они съ большимъ интересомъ схватились за предлагаемую имъ литературу, да еще на ихъ собственномъ „мужицкомъ“ языкѣ. Страданія народа были ужасны! Каждый искалъ въ нелегальной литературѣ какого-нибудь исхода. О чемъ въ книгахъ и листкахъ не говорилось, то добавляла поэтическая фантазія селянина. Не понявъ хорошо прокламаціи и „Власной земли“, трактующихъ о націонализаціи земли, крестьянинъ нашелъ въ нихъ поддержку своимъ мечтаніямъ о „дѣлежѣ земли по правдѣ“ и... заволновался. Полилась кровь запоротыхъ и замученныхъ Иваномъ Оболенскимъ жертвъ. Но не нужно думать, что Карловка возстала исключительно благодаря литературѣ У. Р. П. Голодъ, который тамъ свирѣпствовалъ, сдѣлалъ бы это и безъ литературы! Другое дѣло—остальныя части Украйны, особенно: Полтавщина, Кіевщина, Черниговщина: здѣсь народъ бурлилъ серьезно, особенно въ окрестностяхъ Лубенъ, Полт. губ.

Въ этотъ важный для Россіи моментъ не нашлось ни одной партіи, которая могла бы воспользоваться такимъ высокимъ настроеніемъ массъ. У. Р. П. была еще очень молода. Крестьяне, успокоившись, перешли въ выжидательное положеніе, но отнюдь не заснули, и дальше У. Р. П. легко было, да и теперь тоже самое, вербовать въ ихъ рядахъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Дифференціація села уже пошла очень далеко и на Украйнѣ есть сейчасъ почти около 10 мил. сельскихъ пролетаріевъ и почти пролетаріевъ. Не смотря на сравнительно невысокую культурность села, проповѣдь соціализма легко прививается и батраку и полупролетарію. Съ изданіемъ „Гасла“ У. Р. П. становится партіей соціалистической, но не вырабатываетъ сейчасъ своей программы, а говоритъ, что „программу намъ укажетъ жизнь“. Эта безпрограмность, можетъ быть, и сослужила членамъ У. Р. П. ту пользу, что, не закупорившись въ „своей собственной программѣ“, они могли спокойно знакомиться съ различными теченіями соціализма и отнестись къ марксизму безъ предразсудковъ с.-р. „критики“, а благодаря этому, и довести свою эволюцію за сравнительно короткое время до признанія с.-демократическихъ идей своими. Съ 1903 г. начинаетъ издаваться ежемѣсячный журналъ „Селянинъ“ (крестьянинъ)—политическій органъ для села. Онъ сначала носитъ мелко-буржуазный, радикальный характеръ, но съ 1904 г. становится строго соц.-демократическимъ. Для села эта газета незамѣнима, сельскій пролетаріатъ относится къ ней съ большимъ довѣріемъ, очень любитъ читать и считаетъ ее своей „мужицкой“ газетой. „Селянинъ“ — лучшая связь Партіи съ массой. До сего времени У. Р. П. изданы слѣдующія книги и брошюры: вышли переводы съ русскаго языка — „Революція 1848 г. у Франціи“, „Зъ історіі Францускоі революціі 3 книжки“, „Парижска комуна“. Поливанова „Скинавъ“ (кончился), съ нѣмецкаго — Ф. Лассаль: „программа рабітниківъ“, „Про суть конституціі“. Либкнехтъ—„Павуки та мухи“. Бебель—„студенты и соціализмъ“ и Каутскій—„Соціальна революція“; съ французскаго — Лафаргъ „Селянська посілість и скополична эволюція“. „Аграрна программа французскоі Рабітничоі Партіі“; оригинальное: „Революційний духъ на Вкраіні“ (Революціонное движеніе на Украйнѣ), „Доля працюючаго люду“ (Судьба трудящагося народа — сборникъ), „Дума про пихідъ ситого князя Оболенскаго на голодныхъ селянъ“ (Пѣснь о походѣ откормленнаго князя Оболенскаго на голодныхъ крестьянъ), „Солдатики“ (Солдатики — разсказъ), „Работи!“ (Дѣла!—разсказъ), „Боротьба“ (Борьба — разсказъ изъ жизни солдата раскольника; по аграрному вопросу — I. Гілька — „Про херсонски то инші заробітки“ (Объ отхожихъ

Письма къ товарищамъ-рабочимъ.

Письмо первое.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи.)

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ“. Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ — конечно, соціальдемократовъ — въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ собственно, обязанности на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства“, указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства“ къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. къ интеллигентамъ П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ!“ Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ *спеціально* и непосредственно къ товарищамъ рабочимъ, можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя на встрѣчу желанію этихъ товарищей, я намѣренъ въ рядѣ писемъ, бесѣдовать съ вами о положеніи Россійской соціальдемократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и задачъ, наконецъ, о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры“.

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи царскаго самодержавія и сословнаго общественнаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата будутъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступитъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціальдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственнаго участія во всѣхъ дѣлахъ своей партіи, безъ прямого и непосредственнаго вліянія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціальдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціальдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой инціативы и активности нашихъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ чрезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собой навязывается такой вопросъ: не странно ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціальдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціальдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса“, овладѣвшаго государственной властью, соціальдемократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціальдемократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціальдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о *взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ* и имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни“. Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде, чѣмъ вникать въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціальдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы граждански и политически неполноправными въ ней. Это чувство особенно обострилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на царское самодержавіе. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство въ интересахъ широкой истинно-пролетарской агитаціи — благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, — вы естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли периферіи, получающей указанія „сверху“, но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры“ появилось письмо въ редакцію отъ Кіевскаго Комитета и корреспонденція изъ Ростова, присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета, въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... назадъ“, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается „ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ“. Но поразительнѣе всего было то, что въ эту эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь политическимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда), занимались составленіемъ резолюцій (!) и выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа во имя „дисциплины“ и „принципіальной выдержанности“. (За то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источникъ и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, на перекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда на нистраціи и не одну волю народнаго представительства, но и высшее ихъ соотношеніе.

При такихъ условіяхъ грядущая русская конституція неожиданно даже для самихъ либераловъ легко можетъ принести осуществленіе гнилой славянофильской теоріи, согласно которой царю должна принадлежать вся сила власти, а землѣ — вся сила мнѣнія. Но мнѣніе имѣетъ цѣнность лишь тогда, когда за нимъ стоитъ могущество власти. Если теорія признаетъ равноправность державныхъ функцій монарха и народа, то практика не считается съ необезпеченными правами. Могущественный монархъ, въ рукахъ котораго сосредоточиваются государственныя средства, войско и бюрократія, который обладаетъ законодательными полномочіями, неизбѣжно превратитъ въ декоративное учрежденіе народное представительство съ его скромнымъ правомъ *участія* въ законодательствѣ. Бумажныя конституціи европейскихъ монархій первой половины прошлаго вѣка служатъ неопровержимымъ историческимъ свидѣтельствомъ, какъ распредѣляется государственная власть между сильнымъ монархомъ и ничтожнымъ парламентомъ. И не только въ моменты острыхъ столкновеній между властью и народомъ монархическая конституція оказывается карточнымъ домикомъ, она не обезпечиваетъ народныхъ интересовъ даже въ обычное время, при нормальномъ теченіи государственной жизни. Признаніе народнаго суверенитета обусловливаетъ полную зависимость исполнительной власти отъ народа, въ лицѣ его представителей. Глава государства, формируя составъ исполнительныхъ органовъ, обязанъ призывать къ высшему управленію только членовъ парламентскаго большинства, выражающаго въ данный моментъ преобладающую народную волю. Монархъ-суверенъ не ограниченъ никакими обязательствами и назначаетъ министровъ страны по личному произволу и усмотрѣнію. Избраніе министровъ изъ членовъ парламентскаго большинства составляетъ неотъемлемую черту дѣйствительнаго парламентскаго правленія, которое основывается на солидарности правительства, если не съ народомъ, — въ современномъ классовомъ обществѣ такой солидарности быть не можетъ, — то съ болѣе или менѣе широкими слоями населенія.

Въ Германіи и Австріи, гдѣ парламентаризма въ полномъ смыслѣ слова не существуетъ, гдѣ правительство не зависитъ отъ воли народныхъ представителей, борьба между властью и населеніемъ до сихъ поръ не прекращается и—рано или поздно—неизбѣжно должна закончиться провозглашеніемъ народнаго суверенитета. Но отсталые элементы русскаго либерализма извлекли для себя изъ опыта Западной Европы лишь тотъ урокъ, что конституціонная монархія представитъ лучшее средство для сохраненія привилегій, выросшихъ изъ сословно-крѣпостного строя, для сосредоточенія политической власти въ рукахъ привилегированнаго меньшинства и для неограниченной эксплоатаціи верхними десятью тысячами широкихъ массъ населенія. Это стремленіе является реальной основой политики наиболѣе вліятельныхъ элементовъ земскаго либерализма. Дѣтище разнороднаго конгломерата, въ которомъ буржуазная демократія соединилась съ дворянскимъ фрондой, — либеральная программа земскаго съѣзда должна была установить и установила политическія основы не только классоваго, но и олигархическаго угнетенія народа. Поэтому умолчаніе о всеобщемъ, прямомъ и равномъ для всѣхъ гражданъ избирательномъ правѣ вовсе не представляется разсчитаннымъ пріемомъ эзоповскаго языка и не погашается седьмою резолюціею, гласящею, что „личныя, гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны“. Лживость этого заявленія лучше всего опредѣляется тѣмъ, что оно находится въ явномъ и не замаскированномъ противорѣчіи съ девятою резолюціею, которая высказываетъ требованіе, чтобы „къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены *по возможности* всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія“. Участіе въ мѣстномъ самоуправленіи цѣликомъ входитъ въ область *политическихъ правъ* гражданъ и, однако, либеральная программа, только что широковѣщательно провозглашавшая политическое равенство, на первомъ же пробномъ камнѣ даетъ глубокую трещину и ограничиваетъ народныя права какою-то неопредѣленною „возможностью“. То же ограниченіе, хотя и въ менѣе ясномъ видѣ, заключается въ послѣднемъ, столь превосходномъ по внѣшности пунктѣ либеральной деклараціи, гдѣ выражается надежда, что „верховная власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы при ихъ содѣйствіи (!) вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія“... Здѣсь не только отсутствуетъ всякій намекъ на *суверенитетъ* учредительнаго собранія, созваннаго для коренного обновленія русской жизни, но и „представители всего народа“ подмѣнены „представителями народа“. Въ политическихъ программахъ такіе „пропуски“ означаютъ лишеніе политическихъ правъ милліоновъ рабочаго люда.

Эти основные промахи либеральной программы вполнѣ опредѣляютъ ея анти-народный характеръ. Между тѣмъ, она — зрѣлый плодъ того либерально-демократическаго блока, который взлелѣяли освобожденцы и къ которому теперь примкнули соціалисты-революціонеры, вкупѣ съ финляндскими, польскими, грузинскими и другими націоналистами. Такимъ образомъ, земская программа пріобрѣтаетъ на дѣлѣ значеніе объединенной платформы всѣхъ буржуазныхъ партій, стремящихся къ сверженію самодержавія. Поддерживаемый „революціонными“ партіями либерально-демократическій блокъ явно пытается навязать свою программу великому освободительному движенію современной Россіи и исказить его возможные результаты. И только сознательное, самостоятельное и энергичное вмѣшательство революціонной соціальдемократіи въ загорѣвшійся по всей линіи бой между старой и новой Россіей можетъ разстроить этотъ заговоръ противъ народа и обезпечитъ рабочему классу его необходимыя права. Когда на политической аренѣ появятся стройные ряды рабочихъ батальоновъ и рѣшительно оттѣснятъ съ авансцены вялые и колеблющіеся элементы имущаго общества, тогда только отдѣльные ручьи народнаго недовольства сольются въ мощный и широкій революціонный потокъ, который бурнымъ порывомъ смететъ „скипетръ, корону, звѣзды и другія игрушки“, такъ дорого стоящія рабочему люду.

ОБЪ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПАРТІИ.

У. Р. П. оффиціально и фактически начала существовать съ 1901 года. По составу и духу членовъ, она была даже мало соціалистической—въ ея ряды собралась украинская молодежь, ясно сознавшая только необходимость борьбы съ россійскимъ самодержавіемъ. Демократизмъ и оппозиція русскому правительству никогда не умирали на Украйнѣ. Съ самаго присоединенія къ Москвѣ, часть украинскаго общества съ большей или меньшей энергіей стремилась вырвать свою родину изъ лапъ азіатскаго деспота и создать демократическую республику. Это были времена феодализма — передъ оппозиціонерами рисовался идеалъ вольнаго рыцаря — казака. Но все течетъ.... феодализмъ уплылъ, разсыпались казацкіе курганы — свидѣтели прошлой славы и... только мертвые остались держать живыхъ въ своихъ объятіяхъ... Украинская оппозиція, въ своемъ опьяненіи добрымъ, старымъ временемъ, не замѣтила тѣхъ колесъ и ремней народившагося колосса — капитализма, что побѣжали и завертѣлись по всей земной поверхности, требуя ото всѣхъ, къ кому они проникали, или примѣняться къ новымъ условіямъ жизни, или убираться вонъ съ арены — уступить мѣсто болѣе жизнеспособнымъ элементамъ. Болѣе жизнеспособною и дѣятельною оказалась та часть украинофиловъ, которая впослѣдствіи составила У. Р. П., другая же медленно формируется въ національ-демократическую партію, руководимую такими идеологами, какъ проф. львовскаго университета М. Грушевскимъ и поэтомъ І. Франкомъ. Итакъ, мы видѣли, что первые кадры У. Р. П. образовались изъ распавшихся украинофиловъ. По большей части, это были студенты кіевскаго и харьковскаго университетовъ, народные учителя, семинаристы и, главнымъ образомъ, представители интеллигентнаго пролетаріата. Но традиціи прошлыхъ временъ еще густымъ слоемъ пыли лежали въ ихъ мозгу, почему мы и видимъ то бросаніе изъ стороны въ сторону въ формулировкѣ своихъ взглядовъ и ту безпрограмность, какую такъ и не могла устранить У. Р. П. до сего времени. Первой оффиціальной брошюрой украинскихъ революціонеровъ была дико-шовинистическая „Самостiйна Украiна“ (независимая Украйна). На ней не такъ отразился шовинизмъ партіи, какъ шовинизмъ ея автора, который, къ слову, къ партіи никогда не принадлежалъ. За „Самостійною Украiною“ была издана серія брошюръ: „чі є теперь панщина?“ (Есть ли теперь крѣпостничество), „Власна земля“ (Собственная земля), „Козаччина“ (Казатчина), „Дядько Дмытро“ (Дядя Митя), „Страйкъ чи бойкотъ?“ (Стачка или бойкотъ). Брошюры, по большей части, передѣлки съ польскаго изданія П. П. С.; только „Козаччина“ оригинальна. Изъ всѣхъ этихъ брошюръ удержали, въ дальнѣйшей своей передѣлкѣ, цѣнность только „Дядько-Дмитро“ и „Страйкъ и бойкотъ“, остальныя ждутъ исправленія въ соціаль-демократическомъ духѣ... Отъ „Самостійноі Украіна“ черезъ годъ У. Р. П. оффиціально отказалась. Кромѣ брошюръ, „Закорданний комітетъ“ Р. У. П. (заграничный комитетъ) занялся изданіемъ теоретическаго органа Партіи — „Гасло“ (Пароль) съ 1902 г. Просматривая „Гасло“ съ перваго номера до его прекращенія (май 1903 г. № 5 — всего 17 номеровъ), мы увидимъ, какъ Партія эволюціонировала отъ с. революціонерства, Р. Р. S—ства, бернштейніанства до с.-дем. идей, хотя и не совсѣмъ ортодоксальных. Съ первыхъ же шаговъ, У. Р. П. выказала большую энергію. Были гектографированы въ громадномъ количествѣ прокламаціи по поводу 19 февраля и распространены по всей Украйнѣ, вмѣстѣ съ прокламаціями, распространялись и вышеупомянутыя брошюры. Но цѣль У. Р. П. была неясна: одни члены стояли за независимую Украйну, другимъ только нужно было уничтоженіе самодержавія, но на одномъ всѣ сходились—это работать среди крестьянъ. О фабр.-зав. рабочихъ сначала никто и не думалъ. Да и какъ могли о нихъ думать члены У. Р. П., вышедшіе изъ села, м. б., даже совсѣмъ или почти незнакомые съ рабочимъ движеніемъ. Усиленно они занялись агитаціей и распространеніемъ литературы по селамъ. Какъ снѣгомъ, была усѣяна ихъ листками Украйна. Съ оконъ вагоновъ, пѣшкомъ, на велосипедахъ, проѣзжая сотни верстъ на крестьянской телѣгѣ, развозили и разбрасывали сѣмена протеста украинскіе революціонеры. Что то новое, необыкновенное посѣтило давно уснувшую и ушедшую отъ политической жизни страну. Крестьянинъ задвигался, заговорилъ, сначала недоумѣвая, „откуда сія милость“... Но политическій гнетъ, безправіе и голодъ быстро объяснили хлѣбопашцамъ, въ чемъ дѣло, и они съ большимъ интересомъ схватились за предлагаемую имъ литературу, да еще на ихъ собственномъ „мужицкомъ“ языкѣ. Страданія народа были ужасны! Каждый искалъ въ нелегальной литературѣ какого-нибудь исхода. О чемъ въ книгахъ и листкахъ не говорилось, то добавляла поэтическая фантазія селянина. Не понявъ хорошо прокламаціи и „Власной земли“, трактующихъ о націонализаціи земли, крестьянинъ нашелъ въ нихъ поддержку своимъ мечтаніямъ о „дѣлежѣ земли по правдѣ“ и... заволновался. Полилась кровь запоротыхъ и замученныхъ Иваномъ Оболенскимъ жертвъ. Но не нужно думать, что Карловка возстала исключительно, благодаря литературѣ У. Р. П. Голодъ, который тамъ свирѣпствовалъ, сдѣлалъ бы это и безъ литературы! Другое дѣло—остальныя части Украйны, особенно: Полтавщина, Кіевщина, Черниговщина: здѣсь народъ бурлилъ серьезно, особенно въ окрестностяхъ Лубенъ, Полт. губ.

Въ этотъ важный для Россіи моментъ не нашлось ни одной партіи, которая могла бы воспользоваться такимъ высокимъ настроеніемъ массъ. У. Р. П. была еще очень молода. Крестьяне, успокоившись, перешли въ выжидательное положеніе, но отнюдь не заснули, и дальше У. Р. П. легко было, да и теперь тоже самое, вербовать въ ихъ рядахъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Дифференціація села уже пошла очень далеко и на Украйнѣ есть сейчасъ почти около 10 мил. сельскихъ пролетаріевъ и почти-пролетаріевъ. Не смотря на сравнительно невысокую культурность села, проповѣдь соціализма легко прививается и батраку и полупролетарію. Съ изданіемъ „Гасла“ У. Р. П. становится партіей соціалистической, но не вырабатываетъ сейчасъ своей программы, а говоритъ, что „программу намъ укажетъ жизнь“. Эта безпрограмность, можетъ быть, и сослужила членамъ У. Р. П. ту пользу, что, не закупорившись въ „своей собственной программѣ“, они могли спокойно знакомиться съ различными теченіями соціализма и отнестись къ марксизму безъ предразсудковъ с.-р. „критики“, а благодаря этому, и довести свою эволюцію за сравнительно короткое время до принятія с.-демократическихъ идей своими. Съ 1903 г. начинаетъ издаваться ежемѣсячный журналъ „Селянинъ“ (крестьянинъ)—политическій органъ для села. Онъ сначала носитъ мелко-буржуазный, радикальный характеръ, но съ 1904 г. становится строго соц.-демократическимъ. Для села эта газета незамѣнима: сельскій пролетаріатъ относится къ ней съ большимъ довѣріемъ, очень любитъ читать и считаетъ ее своей „мужицкой“ газетой. „Селянинъ“ — лучшая связь Партіи съ массой. До сего времени У. Р. П. изданы слѣдующія книги и брошюры: вышли переводы съ русскаго языка — „Революція 1848 г. у Франціи“, „Зъ історіі Французскоі революціі 3 книжки“, „Парижска комуна“. Поливанова „Скинавъ“ (кончился), съ нѣмецкаго — Ф. Лассаль: „программа рабітниківъ“, „Про суть конституціи“. Либкнехтъ—„Павуки та мухи“, Бебель—„студенты и соціализмъ“ и Кауцкій—„Соціальна революція“; съ французскаго — Лафаргъ „Селянська посілість и скополична эволюція“, „Аграрна программа французской Рабітничоі Партіі“; оригинальное: „Революційний духъ на Вкраіні“ (Революціонное движеніе на Украйнѣ), „Доля працюючаго люду“ (Судьба трудящагося народа — сборникъ), „Дума про пихідъ ситого князя Оболенскаго на голодныхъ селянъ“ (Пѣснь о походѣ откормленнаго князя Оболенскаго на голодныхъ крестьянъ), „Солдатики“ (Солдатики — разсказъ), „Работи!“ (Дѣла!—разсказъ), „Боротьба“ (Борьба — разсказъ изъ жизни солдата-раскольника); по аграрному вопросу— І. Гілька — „Про херсонски то инші зарабітки“ (Объ отхоже

Письма къ товарищамъ-рабочимъ.

Письмо первое.

(Интеллигенты и рабочіе въ нашей партіи).

Дорогіе товарищи!

На дняхъ мы выпускаемъ въ свѣтъ брошюру одного рабочаго, подъ заглавіемъ: „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ“. Рукопись этой брошюры получена была нами въ сопровожденіи письма отъ двухъ рабочихъ — конечно, соціальдемократовъ — въ которомъ они заявляютъ себя солидарными съ взглядами автора и заранѣе привѣтствуютъ появленіе ея въ печати. По всей вѣроятности, такой же пріемъ она встрѣтитъ у большинства изъ васъ, такъ какъ авторъ выступаетъ въ ней страстнымъ выразителемъ настроенія, несомнѣнно распространеннаго въ вашей средѣ, и горячимъ защитникомъ вашихъ правъ (собственно, обязанности) на непосредственное участіе во внутреннихъ дѣлахъ партіи. Авторъ требуетъ, чтобы тѣ, которыхъ онъ называетъ „теоретиками меньшинства“, указали „рабочимъ всей Россіи пути и средства“ къ обезпеченію себѣ непосредственнаго вліянія на внутреннюю жизнь своей партіи: „Не ограничивайтесь, говоритъ онъ, воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ (т. е. къ интеллигентамъ П. А.) о реформированіи практики, но... взывайте также къ пролетаріямъ!“ Мы увидимъ, что авторъ впалъ въ крупное недоразумѣніе, предполагая, что мы обращаемся къ одной только интеллигенціи. Но нельзя не согласиться съ нимъ, когда онъ заявляетъ, что обращеніе партійныхъ литераторовъ, добивающихся дальнѣйшаго развитія нашей практики въ пролетарскомъ смыслѣ *спеціально* и непосредственно къ товарищамъ рабочимъ, можетъ послужить имъ моральной поддержкой въ ихъ стремленіи къ повышенію своей самодѣятельности внутри нашихъ партійныхъ организацій.

Идя на встрѣчу желанію этихъ товарищей, я намѣренъ въ рядѣ писемъ, бесѣдовать съ вами о положеніи Россійской соціальдемократіи, о насущныхъ вопросахъ и задачахъ, выдвинутыхъ передъ нею ходомъ общественной жизни и ея собственнаго развитія, о путяхъ и средствахъ для рѣшенія этихъ вопросовъ и задачъ, наконецъ, о событіяхъ, фактахъ и явленіяхъ, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ интересамъ пролетаріата и къ его освободительному движенію.

Настоящее письмо я посвящаю спеціально тому вопросу, который является исходнымъ и центральнымъ пунктомъ брошюры, толкнувшей меня на мысль вступить въ спеціальную бесѣду съ вами на страницахъ „Искры“.

Мы вступаемъ въ періодъ ликвидаціи царскаго самодержавія и сословнаго общественнаго строя Россіи. Направленіе, ходъ и результаты этой ликвидаціи для пролетаріата будутъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ политической сознательности, энергіи и организованности, съ которыми онъ выступитъ въ предстоящихъ событіяхъ, т. е. оттого, въ какой мѣрѣ соціальдемократіи удастся сплотить рабочія массы подъ своимъ знаменемъ въ самостоятельную политическую силу, способную энергично бороться съ абсолютизмомъ и отстаивать интересы своего класса противъ всѣхъ эксплуататорскихъ классовъ. Но именно вы, товарищи, больше всего можете сдѣлать для объединенія этихъ массъ въ такую партію. А это, разумѣется, недостижимо безъ вашего непосредственнаго участія во всѣхъ дѣлахъ своей партіи, безъ прямого и непосредственнаго вліянія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ на всю нашу партійную жизнь. Къ такой активной роли въ партіи и призываетъ васъ авторъ брошюры.

На ряду съ другими знаменательными явленіями въ средѣ соціальдемократовъ-рабочихъ, брошюра эта указываетъ на ростъ вашего пролетарскаго самосознанія и на интенсивное стремленіе въ вашихъ рядахъ къ болѣе широкой и энергичной самодѣятельности внутри своей партіи. И само собою разумѣется, что всякій соціальдемократъ, сознательно и горячо преданный дѣлу политическаго возвышенія пролетаріата, не можетъ не привѣтствовать радостно этого стремленія, имѣющаго значеніе первостепенной важности именно въ настоящій моментъ, когда, какъ я уже выше сказалъ, отъ широкой инціативы и активности нашихъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ чрезвычайно высокой степени зависитъ ближайшая судьба нашей партіи и роль пролетарскихъ массъ въ предстоящихъ генеральныхъ битвахъ демократіи съ абсолютизмомъ.

Но тутъ самъ собой навязывается такой вопросъ: не странно ли въ высшей степени, что сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ Россійской соціальдемократической партіи, должны еще только стремиться къ пріобрѣтенію непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ въ ней, что широкое и прямое участіе ихъ въ опредѣленіи формъ и содержанія дѣятельности партіи, членами которой они состоятъ, что это участіе является не реальнымъ фактомъ, а только еще вопросомъ, поставленнымъ лишь на очередь и ждущимъ еще своего разрѣшенія?

Соціальдемократія, стремящаяся къ соціалистической революціи и признающая, что эта революція „можетъ быть дѣломъ только самого рабочаго класса“, овладѣвшаго государственной властью, соц.-демократія въ силу, однимъ словомъ, принциповъ и требованій своей собственной программы, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ политической организаціей соціалистическаго пролетаріата. И такой организаціей она въ самомъ дѣлѣ и является во всѣхъ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Международная соціальдомократія, однимъ изъ отрядовъ которой признаетъ себя и наша партія, объединяетъ въ себѣ наиболѣе сознательные и революціонные элементы пролетаріата, руководящіе имъ въ борьбѣ за его освобожденіе, и потому самому непосредственно вліяющіе на всю внутреннюю жизнь и дѣятельность организацій, къ которымъ они принадлежатъ. Или, точнѣе говоря, они то сами, непосредственно, своей мыслью и своей волей, всецѣло и опредѣляютъ характеръ, направленіе, пути и практическія задачи своихъ партійныхъ организацій. Въ силу какихъ же причинъ наша партія оказывается лишенной этой существенной черты интернаціональной соціальдемократіи, той именно черты, обладаніе которой и дѣлаетъ изъ нея международную армію соціально-революціоннаго пролетаріата? Въ рѣшеніи этого вопроса лежитъ ключъ и къ рѣшенію вопроса о *взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ организаціяхъ* и имѣющаго, какъ говоритъ авторъ брошюры, „чуть ли не самое важное значеніе въ нашей партійной жизни“. Къ сожалѣнію, вниманіе автора всецѣло сосредоточено не на первомъ, а на послѣднемъ вопросѣ. Это вполнѣ понятно и простительно. Прежде, чѣмъ вникать въ коренныя причины и происхожденіе угнетающаго ихъ зла, люди начинаютъ протестовать и бороться противъ самаго этого зла или, вѣрнѣе, противъ тѣхъ его непосредственно-осязательныхъ формъ и проявленій, которыя сами собою бросаются въ глаза и особенно больно даютъ имъ себя чувствовать.

Пролетаріи, сознательно работающіе въ рядахъ россійской соціальдемократіи, чувствуютъ себя какъ бы граждански и политически неполноправными въ ней. Это чувство особенно обострилось подъ вліяніемъ нашего внутри-партійнаго кризиса, парализовавшаго ея силы какъ разъ въ такой моментъ, когда она обязана была всецѣло направить ихъ на мобилизацію и организацію рабочихъ массъ для рѣшительнаго натиска на царское самодержавіе. Непосредственно соприкасаясь съ этими массами, видя стихійный ростъ ихъ недовольства, испытывая на каждомъ шагу, изо дня въ день, совершенную невозможность использовать это недовольство въ интересахъ широкой истинно-пролетарской агитаціи — благодаря воцарившемуся въ партіи хаосу и бездѣятельности многихъ комитетовъ, — вы естественно, особенно сильно начали тяготиться своимъ подчиненнымъ положеніемъ въ ней въ роли периферіи, получающей указанія „сверху“, но лишенной, такъ сказать, законныхъ средствъ съ своей стороны давать властныя указанія руководящимъ партійнымъ организаціямъ. Весною, въ одномъ и томъ же номерѣ „Искры“ появилось письмо въ редакцію отъ Кіев Комитета и корреспонденція изъ Ростова (присланная однимъ изъ членовъ тамошняго комитета), въ которыхъ съ горечью указывалось на то, что наши общія нужды еще менѣе удовлетворяются, чѣмъ когда бы то ни было, что со времени съѣзда „наша партія сдѣлала колоссальный шагъ... *назадъ*“, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не получается „ни одного фунта литературы, а „Искра“ получается лишь въ отдѣльныхъ экземплярахъ“. Но поразительнѣе всего было то, что въ эту эпоху цѣлый рядъ комитетовъ, не смущаясь полнѣйшимъ застоемъ въ выполненіи ими своихъ самыхъ элементарныхъ, самыхъ простыхъ и неотложныхъ обязанностей (обезпеченіе себя необходимой литературой, регулярное распространеніе ея, устная пропаганда) занимались составленіемъ резолюцій для выраженія строгаго порицанія редакціи партійнаго органа во имя „дисциплины“ и „принципіальной выдержанности“, (!) за то, что она старалась безпощадно вскрывать истинное значеніе, источникъ и опасности нашего партійнаго кризиса и поддерживала тѣхъ товарищей, которые пытались удовлетворить запросу на литературу своими усиліями, на перекоръ противодѣйствію партійныхъ учрежденій, на которыхъ эта обязанность лежала и лежитъ. А вамъ, товарищи, приходилось при этомъ играть роль безпомощной, безгласной массы, которой даже и не полагалось знать, что происходитъ за кулисами, какъ и откуда промыслѣ въ Херсонскую и др. губерніи), „Великий хліборобский страйкъ въ Галичині“ (Большая крестьянская стачка въ Галиціи). Кромѣ того, послѣ соединенія У. Р. П. съ У. П. С. — соціалистическими членами партіи были распространены изданія У. С. П.: „Нарисъ програми У. С. П.“ (Наброски программы У. С. П.), „До програми У. С. П.“ (Къ программѣ У. С. П.) Марксъ и Энгельсъ — „Манифестъ коммунистической партіи“, „Робітницька справа“ (Рабочее дѣло), „Бунтъ въ селі Вишнівці“ (Бунтъ въ селѣ Вишневкѣ), №№ 1—3 журнала „Добра Новина“ (Пріятная новость). Партія также пріобрѣла изданіе украинскихъ соціальдемократовъ: „Німецка революція 1848 року (переводъ съ русск.). Дикштейна: „Хто съ чего живъ“ (Кто чѣмъ живетъ). Кромѣ того, переводились сочиненія укр. радикала Драгоманова и другія, запрещенныя въ Россіи на украинскомъ языкѣ, сочиненія. Соединившись съ У. С. П. (1903 г.), У. Р. П. стала продолжать изданіе „Доброй новини“, которую изъ еле начавшаго свое существованіе журнальчика превратила въ практическій органъ для фабр. и зав. пролетаріата. Но скоро въ У. Р. П. и У. С. П. произошелъ расколъ, о причинахъ котораго будетъ дальше сказано, и „Добра новина“ прекратила свое существованіе. Вмѣсто нея, съ 1904 г. З. К. сталъ издавать „Працю“ (Работу) съ такою же цѣлью и назначеніемъ, какъ и „Добру новину“, журналъ, какъ и „Селянинъ“, съ соц.-дем. направленіемъ. Съ начала своего существованія партія состояла изъ 6 „Вільныхъ громадъ“ (Вольныхъ комитетовъ)—Кіевской, на Полтавщинѣ, Полтавской (городъ), Харьковской, Черниговской и Черноморской; потомъ присоединился „Закордонний комітетъ“ и былъ партійнымъ съѣздомъ выбранъ „Центральный комітетъ“, и наконецъ, въ 1904 г. присоединился „Донской комітетъ“. Такимъ образомъ, У. Р. П. оффиціально состоитъ изъ 6 „Вільныхъ громадъ“ и 3 комитетовъ, хотя можно въ скоромъ времени ожидать еще появленія „Вільныхъ громадъ“, какъ Одесской, Екатеринославской, Волынской и Подольской.... Въ то время, какъ другія „Вільні громады“ продолжали издавать прокламаціи, распространять литературу и укореняться въ селѣ—„Київска Вільна громада“ взяла на себя иниціативу проведенія въ партіи соц.-дем. идей. Въ № 4 „Гасла“ за 1904 г. К. В. Г. помѣщаетъ проектъ программы, близкій къ программѣ „Искры“, и „Зари“, но проектъ этотъ былъ встрѣченъ бурнымъ негодованіемъ всѣхъ украинскихъ комитетовъ. Въ публикѣ чувствовался духъ націонализма и, отчасти, соц.-революціонизма. Проэктъ былъ близокъ къ программѣ россійской соц.-дем. партіи и затрагивалъ честь „украинскаго революціонера.“ Но Рубиконъ былъ перейденъ и спокойствіе въ партіи нарушено. Кіевъ сталъ разлагающимъ элементомъ партіи... И не удивительно. Въ то время, какъ всѣ остальныя В. Г., въ сторонѣ отъ культурныхъ центровъ и предубѣжденныя противъ русской книжки, занимались кустарничествомъ, „Кіевска Вільна Громада“ имѣла возможность столкнуться со всѣми революціонными теченіями Россіи, а, кромѣ того, познакомиться на дѣлѣ съ рабочимъ движеніемъ. Члены К. В. Г. начинаютъ вести пропаганду среди кіевскаго пролетаріата и организовывать кружки; впослѣдствіи за Кіевомъ пошелъ Харьковъ, а потомъ и остальныя В. Г. Сначала изъ рабочихъ подготовляли агитаторовъ и пропагандистовъ для села. Имѣя въ рядахъ своихъ элементы, способные къ воспринятію идей научнаго соціализма, Р. У. П. должна была въ своемъ ростѣ натолкнуться на альтернативу — или, не сбрасывая съ себя надѣтой мантіи, сойти на дорогу соціалистовъ-революціонеровъ, или же рости дальше до соціальдемократизма. На пути молодой партіи были если не пропасти, такъ засады. Соціалисты-революціонеры, въ своихъ поискахъ за союзниками противъ россійской соціальдемократіи, обратили съ вожделѣніемъ свои очи и на У. Р. П.; даже для приманки националистовъ, издали на украинскомъ языкѣ книжечку (конецъ 1903г. „Сказка про злого царя, та якъ винъ людямъ порядку давъ“, но очень поздно спохватились кокетничать — У. Р. П. уже не могла отречься отъ соціальдемократизма. Вступала въ союзъ съ У. Р. П. Укр. соціалистическая партія — фотографическій снимокъ съ П. П. С., ея миніатюра, но не надолго. Въ послѣднее время за У. Р. П. сталъ ухаживать Бундъ. Будучи боленъ маніей преслѣдованія и ограждаясь отъ самого себя плетнями федераціи, онъ сталъ заражать и У. Р. П. своей „подозрительно самооправдывающейся литературой“. Благодаря русскимъ условіямъ, отъ Кіева руководство партіи перешло къ З. К. Въ это время, т. е. 1903—4 г., партія вездѣ уже столкнулась съ фабрично-заводскими рабочими, разобралась, что быть партіей, значитъ быть представителемъ *только одною класса*, разобраться въ этомъ ей много помогъ Загр. Ком., заявивъ въ своихъ изданіяхъ, что У. Р. П. есть партія трудящихся массъ, какъ за плугомъ, такъ и за станкомъ. Съ 1903 г. почувствовалась потребность въ измѣненіи названія партіи. Названіе „революціонная“ очень растяжимо и подъ такое знамя часто собираются всевозможные элементы, діаметрально противоположные другъ другу. Стали поговаривать о съѣздѣ, о необходимыхъ реформахъ, объ очисткѣ Партіи. Такъ въ добрыхъ пожеланіяхъ съѣзда протянулось больше года. За это время партія, можно сказать, стала неузнаваема; слово соц.-дем., раньше презираемое, теперь стало предметомъ гордости для каждаго члена У. Р. П. Въ своихъ изданіяхъ 1904 г., въ особенности въ отчетѣ о дѣятельности Партіи для Амстердамскаго конгресса (на нѣмецк. яз.), У. Р. П. оффиціально заявляетъ свое соціальдемократическое направленіе. Но назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! сталъ соц.-дем., такъ будь ортодоксаленъ. Мы живемъ не въ „Самостійні Україні“, а въ Россіи и составляемъ часть этого колоссальнаго государства. А большое въ территоріальномъ отношеніи государство для пролетарской борьбы и объединенія куда удобнѣе разбитой на клѣточки дореформенной Германіи и стремиться къ разложенію такого государства, значитъ—стремиться къ ослабленію классовой борьбы пролетаріата данной мѣстности. Поэтому, если У. Р. П. не националистическая партія, если слова „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ для нея не пустой звукъ, то она должна всѣми силами стремиться къ соединенію съ Р. С. Д. Р. П. Необходимость соединенія съ Р. С. Д. Р. П. чувствуется и сознается всѣми (не говорю о незначительной частицѣ ярыхъ шовинистовъ) членами У. Р. П., но въ то время какъ одна часть У. Р. П., назову ее „Искровцы“, стремится прежде всего объединить движеніе всей Россіи, другая, благодаря, конечно, своей отсталости, свой кругозоръ ограничиваетъ рамками своей національности. Эта-то часть, какъ я раньше упомянулъ, и восприняла бациллы бундизма, т. е. хотя и признаетъ союзъ съ русской соц.-дем. желательнымъ, но заключать этотъ союзъ она хочетъ на бундовскій ладъ: „безъ федераціи не соединимся“, заявляетъ она. Здѣсь, въ этихъ словахъ, кроется, товарищи-украинцы, глубочайшій оппортунизмъ, если не больше. Если вы не вѣрите въ силу тѣхъ экономическихъ условій, которыя связываютъ братствомъ пролетаріатъ всего міра, если вы боитесь соединиться съ такой же соц.-демократіей, какъ и вы, на началахъ автономіи, то значитъ, вы не думаете о пролетаріатѣ, потому что рабочему классу она не нужна, наоборотъ — для него она пагубна!

Украинецъ-искровецъ

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Противъ „весны“ Въ Екатеринославѣ распространена такая прокламація: „Русскіе люди! Смертное время настало на Руси: подкупленные жидами министръ внутреннихъ дѣлъ съ его гнусными помощниками думаютъ обратить могущественную монархическую Русь въ республику. О Боже! Неужели это совершится? Неужели мы русскіе люди, преданные Государю, не уничтожимъ проклятыхъ соціалистовъ, жидовъ? Да, уничтожимъ смертью жидовъ! Бейте жидовъ!“

Не поищетъ-ли кн. Святополкъ авторовъ этого воззванія въ своемъ вѣдомствѣ?

С.-Петербургъ. 27 ноября. Всѣ почти факты проявленія освободительнаго движенія извѣстны вамъ, въ главныхъ чертахъ, изъ легальныхъ газетъ, которыя теперь пишутъ незнакомымъ нашему поколѣнію стилемъ. Поэтому, я ограничусь краткимъ сообщеніемъ о „настроеніи“ радикальныхъ элементовъ петербургской демократіи, настроеніи, представляющемъ много поучительнаго и наводящемъ на серьезныя размышленія. Вообще говоря, настроеніе очень бодрое, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ крылѣ либерально-демократическаго блока. Земцы покинули столицу съ самыми благими и энергичными намѣреніями. Справедливость требуетъ замѣтить, что той выдержки, мужества, какія они проявили, никто отъ нихъ не ожидалъ. „Свое“ дѣло они сдѣлали. Большаго, по своей природѣ и происхожденію, они сдѣлать не могутъ. Ближайшимъ ихъ шагомъ теперь будетъ привлеченіе губернскихъ земскихъ собраній къ оффиціальному вотированію резолюцій земскаго съѣзда. Послѣ земцевъ выступила наша разночинная интеллигенція и сказала свое слово на различныхъ банкетахъ. Энергія крѣпнетъ, жажда освобожденія усиливается. Но... вылиться имъ не въ чемъ. Говорить — уже пропадаетъ охота, такъ какъ все сказано. Дальше нужно дѣло, а дѣло-то пока на налаживается. Между тѣмъ, ясно, что періодъ словесности окончился. Разбужены самые косные, до сихъ поръ всегда остававшіеся въ сторонѣ, элементы общества; обнаруживаютъ интересъ и входятъ въ общіе ряды такіе люди, которыхъ считали живыми мертвецами. Къ дѣлу, къ дѣлу! — вотъ мучительная мысль, терзающая всѣ умы и сердца. Всѣ сознаютъ, всѣ чувствуютъ необходимость перейти къ дѣлу, но — какъ подстрѣленная птица подняться хочетъ и не можетъ, такъ и радикальная демократія безсильно застрѣваетъ въ словесной оппозиціи. Вѣроятно, это настроеніе выльется въ рядѣ демонстрацій. А затѣмъ? Встрѣтитъ-ли оно живой откликъ въ могучихъ пластахъ народной массы и превратится въ революціонное дѣйствіе или растворится въ морѣ народной темноты и равнодушія и утихнетъ.. вплоть до новаго, быть можетъ, рѣшительнаго взрыва? Неизвѣстное будущее крѣпко хранитъ свою тайну, и буржуазная демократія съ тревогою и безпокойствомъ начинаетъ осматриваться кругомъ, подыскивая надежныхъ и сильныхъ союзниковъ.

Демонстрація въ Петербургѣ 28 ноября. Я только что вернулся домой съ демонстраціи. Передать вамъ все то, что я испытываю сейчасъ, то жгучее чувство боли и безсилія, бѣшенства и злобы — чувства, которыя въ данную минуту, навѣрное, общи всему мыслящему Петербургу — я не въ силахъ. Худшаго времени мы еще не переживали. Съ одной стороны, заигрываніе съ либералами, якобы свобода печати, возможность для интеллигенціи высказываться на собраніяхъ и требовать конституціи, — съ другой стороны, верхъ произвола, гнусная насмѣшка жандармеріи и охраны, какъ бы желающихъ показать интеллигенціи, что она зазналась, что пора ей на старое мѣсто. А къ этому еще наша, соціальдемократовъ, неподготовленность и растерянность, наши внутерніе... раздоры. Но не буду забѣгать впередъ. Перейду къ фактамъ. А они таковы.

Демонстрація была назначена на Невскомъ, между Казанской площадью и Полицейскимъ мостомъ. На самомъ же дѣлѣ, было намѣчено три пункта: дума, Казанскій соборъ и Полицейскій мостъ. А оттуда думали пройти на дворцовую площадь. Къ часу дня на Невскомъ собралось много гуляющей публики, большинство студенты. Рабочихъ было ничтожное число, чел. 50, не болѣе. Всѣ они гуляли разбросанными по большому пространству. Полиціи было, конечно, очень много; разгуливала рота пѣхоты, но, кромѣ того, въ думскомъ дворѣ и въ другихъ дворахъ были спрятаны конные жандармы и городовые, а также пѣшіе и цѣлые полки сыщиковъ и дворниковъ въ статскомъ, безъ бляхъ. Ровно въ 1 часъ дня изъ скопившейся передъ думой небольшой кучки (чел. 200-250) студентовъ было выкинуто красное знамя и раздались громовые крики „долой самодержавіе“ и „долой войну“, подхваченные окружающими. Это продолжалось не болѣе одной-двухъ минутъ, а затѣмъ началось нѣчто ужасное, еще невиданное мной, а я, слава богу, присутствовалъ не на одной и не на двухъ демонстраціяхъ! Изъ думскаго двора выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ съ саблями на голо, съ офицеромъ во главѣ и, окруживъ демонстрантовъ, началъ безпощадно ихъ рубить. Били острыми клинками по головѣ, били всѣхъ, кто попался, женщинъ и мужчинъ одинаково. Я въ это время подбѣжалъ съ противоположной стороны. Избитые, окровавленные демонстранты разбѣжались. Осталось 2-3 студента у магазина мельхіора Каца. И съ ними сражались жандармы. Одному изъ студентовъ была нанесена рана по головѣ въ 12-15 вершковъ; онъ тутъ свалился, на него накинулись сыщики толпой и поволокли его въ одинъ дворъ на Михайловской, откуда только что вывели не менѣе двухъ сотъ пѣшихъ городовыхъ. Башибузуки разбѣжались въ погонѣ за „бунтовщиками“, все время нанося сабельные удары. Нагаекъ не было ни одной (я не видалъ). Вотъ на улицѣ жандармъ настигаетъ курсистку, сабля блеститъ, ударъ по головѣ — и она лежитъ на землѣ, залитая кровью. Публика бѣжитъ въ паническомъ ужасѣ. А бойня продолжается. Тамъ, въ углу, студенты дерутся съ пѣшими городовыми и шпіонами, какъ саранча, выскочившими откуда то и нападавшими съ палками въ рукахъ. И вдругъ я слышу крикъ: „держи, лови!“ — и десятки шпіоновъ и городовыхъ бѣгутъ за какой то чуйкой, удиравшимъ къ католической церкви. Его настигли, повалили, били чѣмъ попало и поволокли. Въ это время за мной поскакали. Я побѣжалъ прямо на паперть католической церкви. А тамъ скопилась толпа. Сзади же выглядывала свора шпиковъ. Я поспѣшилъ убраться. Черезъ минуту туда наскочили жандармы, и началось избіеніе. Когда я, еле переводя духъ, очутился у часовни гостиннаго двора, снова крикъ: „держи“! — 20 человѣкъ гнались за кѣмъ то; подскакало четверо конныхъ, въ одно мгновеніе онъ былъ затоптанъ и избитъ. Въ видѣ безформенной массы его буквально поволокли во дворъ на Михайловскую. А жандармскій офицеръ сидѣлъ на конѣ и смотрѣлъ. Черезъ минуту, вижу, нѣсколько городовыхъ бьютъ студента и окровавленнаго волокутъ. А конные жандармы то тамъ, то тутъ, продолжаютъ наносить сабельные удары. Демонстраціи собственно и не было, была одна бойня.

лась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей знамя классовыхъ интересовъ пролетаріата и дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами“. „Правильнымъ рѣшеніемъ“ вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая жизнь“ и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“.

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ — вотъ что можно сказать по поводу сведенія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами“, стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціальдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ“ соціальдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привелегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удерживать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ“.

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, особенно больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній. Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ „руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно преобладали въ нихъ рабочіе — и все пойдетъ отлично въ партіи, „тимъ мы сразу освободимъ“ ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній“, и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы“ — таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики“ онъ подмѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ“ соціальдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціальдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій“ и самый вопросъ о поднятіи иниціативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами“?.. Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ“, несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ[1], и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма“ въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе“ эпохи „экономизма“, кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!“ сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги полицейскихъ демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти являлись бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ“ нашей партіи присоединились бы новые, еще гораздо болѣе глубокія, зловредныя и прямо разрушительныя для нея[2].

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового“ положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ“ вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ Искрѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей П. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія“ Россійской соціальдемократіи въ чисто пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлаетъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что она будто бы обращаются „*исключительно* (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи“. „Не ограничивайтесь - обращается онъ къ намъ - воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ[1]) о реформированіи нашей практики; но, — наряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ“. Но развѣ „Искра“ — органъ спеціально для интеллигенціи, хотя бы и соціальдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ“? Вѣдь „Искра“ — органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ, дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированіи практики“), „Искра“ прежде всего и главнымъ образомъ обращается къ товарищамъ, не дѣлая различія, между „интеллигентами“ и рабочими. Лица, стоящія внѣ лагеря соціальдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классового воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами“, являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи — рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціальдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней — ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни — Искра, какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями“ къ одной только интеллигенціи, или къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко *всѣмъ* нашимъ „практикамъ“, къ какому бы классу они, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда“, положившая начало соціальдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась спеціально къ „*рабочей* интеллигенціи“. Но въ то время у насъ еще не было соціальдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно относилась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллигентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему политическому развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время масса пролетаріевъ, читающихъ одни только революціонные листки и популярныя брошюрки, отстаютъ отъ передовыхъ сознательныхъ соціальдемократовъ-рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда“ вымыслѣ въ Херсонскую и др. губерніи), „Великій хліборобскій страйкъ въ Галичині" (Большая крестьянская стачка въ Галиціи). Кромѣ того, послѣ соединенія У. Р. П. съ У. П. С. — соціалистическими членами партіи были распространены изданія У. С. П.: „Нарисъ програми У. С. П." (Наброски программы У. С. П.), „До програми У. С. П." (Къ программѣ У. С. П.) Марксъ и Энгельсъ — „Манифестъ коммунистической партіи", „Робітницька справа" (Рабочее дѣло), „Бунтъ въ селі Вишнівці" (Бунтъ въ селѣ Вишневкѣ), №№ 1—3 журнала „Добра Новина" (Пріятная новость). Партія также пріобрѣла изданіе украинскихъ соціальдемократовъ: „Німецка революція 1848 року (переводъ съ русск.). Дикштейна: „Хто съ чего живъ" (Кто чѣмъ живетъ). Кромѣ того, перевозились сочиненія укр. радикала Драгоманова и другія, запрещенныя въ Россіи на украинскомъ языкѣ, сочиненія. Соединившись съ У. С. П. (1903 г.), У. Р. П. стала продолжать изданіе „Доброй новини", которую изъ еле начинающаго свое существованіе журнальчика превратила въ практическій органъ для фабр. и зав. пролетаріата. Но скоро въ У. Р. П. и У. С. П. произошелъ расколъ, о причинахъ котораго будетъ дальше сказано, и „Добра новина" прекратила свое существованіе. Вмѣсто нея, съ 1904 г. З. К. сталъ издавать „Працю" (Работу) съ такою же цѣлью и назначеніемъ, какъ и „Добру новину", журналъ, какъ и „Селянинъ", съ соц.-дем. направленіемъ. Съ начала своего существованія партія состояла изъ 6 „Вільныхъ громадъ" (Вольныхъ комитетовъ)—Кіевской, на Полтавщинѣ, Полтавской (городъ), Харьковской, Черниговской и Черноморской; потомъ присоединился „Закордонний комітетъ" и былъ партійнымъ съѣздомъ выбранъ „Центральный комітетъ", наконецъ, въ 1904 г. присоединился „Донской комітетъ". Такимъ образомъ, У. Р. П. оффиціально состоитъ изъ 6 „Вільныхъ громадъ" и 3 комитетовъ, хотя можно въ скоромъ времени ожидать еще появленія „Вільныхъ громадъ", какъ Одесской, Екатеринославской, Волынской и Подольской.... Въ то время, какъ другія „Вільні громады" продолжали издавать прокламаціи, распространять литературу и укореняться въ селѣ—„Киівска Вільна громада" взяла на себя инициативу проведенія въ партіи соц.-дем. идей. Въ № 4 „Гасла" за 1904 г. К. В. Г. помѣщаетъ проектъ программы, близкій къ программѣ „Искры", и „Зари", но проектъ этотъ былъ встрѣченъ бурнымъ негодованіемъ всѣхъ украинскихъ комитетовъ. Въ публикѣ чувствовался духъ націонализма и, отчасти, соц.-революціонизма. Проэктъ былъ близокъ къ программѣ россійской соц.-дем. партіи и затрагивалъ честь „украинскаго революціонера." Но Рубиконъ былъ перейденъ и спокойствіе въ партіи нарушено. Кіевъ сталъ разлагающимъ элементомъ партія... И не удивительно. Въ то время, какъ всѣ остальныя В. Г., въ сторонѣ отъ культурныхъ центровъ и предубѣжденныя противъ русской книжки, занимались кустарничествомъ, „Кіевска Вільна Громада" имѣла возможность столкнуться со всѣми революціонными теченіями Россіи, а, кромѣ того, познакомиться на дѣлѣ съ рабочимъ движеніемъ. Члены К. В. Г. начинаютъ вести пропаганду среди кіевскаго пролетаріата и организовывать кружки; впослѣдствіи за Кіевомъ пошелъ Харьковъ, а потомъ и остальныя В. Г. Сначала изъ рабочихъ подготовляли агитаторовъ и пропагандистовъ для селъ. Имѣя въ рядахъ своихъ элементы, способные къ воспріятію идей научнаго соціализма, Р. У. П. должна была въ своемъ ростѣ натолкнуться на альтернативу — или, не сбрасывая съ себя надѣтой мантіи, сойти на дорогу соціалистовъ-революціонеровъ, или же рости дальше до соціальдемократизма. На пути молодой партіи были если не пропасти, такъ засады. Соціалисты-революціонеры, въ своихъ поискахъ за союзниками противъ россійской соціальдемократіи, обратили съ вождѣленіемъ свои очи и на У. Р. П.; даже для приманки націоналистовъ, издали на украинскомъ языкѣ книжечку (конецъ 1903г.) „Сказка про злого царя, та якъ винъ людямъ порядку давъ", но очень поздно спохватились кокетничать — У. Р. П. уже не могла отречься отъ соціальдемократизма. Вступала въ союзъ съ У. Р. П. Укр. соціалистическая партія — фотографическій снимокъ съ П. П. С., ея миніатюра, но не надолго. Въ послѣднее время за У. Р. П. сталъ ухаживать Бундъ. Будучи боленъ маніей преслѣдованія и ограждаясь отъ самого себя плетнями федераціи, онъ сталъ заражать и У. Р. П. своей „подозрительно самооправдывающейся литературой". Благодаря русскимъ условіямъ, отъ Кіева руководство партіи перешло къ З. К. Въ это время, т. е. 1903—4 г., партія вездѣ уже столкнулась съ фабрично-заводскими рабочими, разобралась, что быть партіей, значитъ быть представителемъ *только одного класса*; разобраться въ этомъ ей много помогъ Загр. Ком., заявивъ въ своихъ изданіяхъ, что У. Р. П. есть партія трудящихся массъ, какъ за плугомъ, такъ и за станкомъ. Съ 1903 г. почувствовалась потребность въ измѣненіи названія партіи. Названіе „революціонная" очень растяжимо и подъ такое знамя часто собираются всевозможные элементы, діаметрально противоположные другъ другу. Стали поговаривать о съѣздѣ, о необходимыхъ реформахъ, объ очисткѣ Партіи. Такъ въ добрыхъ пожеланіяхъ съѣзда протянулось больше года. За это время партія, можно сказать, стала неузнаваема; слово соц.-дем., раньше презираемое, теперь стало предметомъ гордости для каждаго члена У. Р. П. Въ своихъ изданіяхъ 1904 г., въ особенности въ отчетѣ о дѣятельности Партіи для Амстердамскаго конгресса (на нѣмецк. яз.), У. Р. П. оффиціально заявляетъ свое соціальдемократическое направленіе. Но назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ! сталъ соц.-дем., такъ будь ортодоксаленъ. Мы живемъ не въ „Самостійні Украіні", а въ Россіи и составляемъ часть этого колоссальнаго государства. А большое въ территоріальномъ отношеніи государство для пролетарской борьбы и объединенія куда удобнѣе разбитой на клѣточки дореформенной Германіи и стремиться къ разложенію такого государства, значитъ—стремиться къ ослабленію классовой борьбы пролетаріата данной мѣстности. Поэтому, если У. Р. П. не националистическая партія, если слова „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь" для нея не пустой звукъ, то она должна всѣми силами стремиться къ соединенію съ Р. С. Д. Р. П. Необходимость соединенія съ Р. С. Д. Р. П. чувствуется и сознается всѣми (не говорю о незначительной частицѣ ярыхъ шовинистовъ) членами У. Р. П., но въ то время какъ одна часть У. Р. П., назову ее „Искровцы", стремится прежде всего объединить движеніе всей Россіи, другая, благодаря, конечно, своей отсталости, свой кругозоръ ограничиваетъ рамками своей національности. Эта-то часть, какъ я раньше упомянулъ, и восприняла бациллы бундизма, т. е. хотя и признаетъ союзъ съ русской соц.-дем. желательнымъ, но заключать этотъ союзъ она хочетъ на бундовскій ладъ: „безъ федераціи не соединимся", заявляетъ она. Здѣсь, въ этихъ словахъ, кроется, товарищи-украинцы, глубочайшій оппортунизмъ, если не больше. Если вы не вѣрите въ силу тѣхъ экономическихъ условій, которыя связываютъ братствомъ пролетаріатъ всего міра, если вы боитесь соединиться съ такой же соц.-демократіей, какъ и вы, на началахъ автономіи, то значитъ, вы не думаете о пролетаріатѣ, потому что рабочему классу она не нужна, наоборотъ — для него она пагубна!

---

[1] Рѣчь идетъ здѣсь въ томъ предположеніи, что самодержавіе продолжаетъ еще существовать и соціальдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій, и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

[2] Напомнимъ, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы — организаціи „чисто“ пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. И онѣ до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціальдемократіи и, наоборотъ, находятся подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи“, но только не идейной соціальдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально-организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ“.

[1] Т. е. къ „интеллигентамъ“.

Украинецъ-искровецъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Противъ „весны" Въ Екатеринославѣ распространена такая прокламація; „Русскіе люди! Смертное время настало на Руси: подкупленные жидами министръ внутреннихъ дѣлъ съ его гнусными помощниками думаютъ обратить могущественную монархическую Русь въ республику. О Боже! Неужели это совершится? Неужели мы русскіе люди, преданные Государю, не уничтожимъ проклятыхъ соціалистовъ, жидовъ? Да, уничтожимъ смертью жидовъ! Бейте жидовъ!"

Не поищетъ-ли кн. Святополкъ авторовъ этого воззванія въ своемъ вѣдомствѣ?

С.-Петербургъ. 27 ноября. Всѣ почти факты проявленія освободительнаго движенія извѣстны вамъ, въ главныхъ чертахъ, изъ легальныхъ газетъ, которыя теперь пишутъ незнакомымъ нашему поколѣнію стилемъ. Поэтому, я ограничусь краткимъ сообщеніемъ о „настроеніи" радикальныхъ элементовъ петербургской демократіи, настроеніи, представляющемъ много поучительнаго и наводящемъ на серьезныя размышленія. Вообще говоря, настроеніе очень бодрое, какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ крылѣ либерально-демократическаго блока. Земцы покинули столицу съ самыми благими и энергичными намѣреніями. Справедливость требуетъ замѣтить, что той выдержки, мужества, какія они проявили, никто отъ нихъ не ожидалъ. „Свое" дѣло они сдѣлали. Большаго, по своей природѣ и происхожденію, они сдѣлать не могутъ. Ближайшимъ ихъ шагомъ теперь будетъ привлеченіе губернскихъ земскихъ собраній къ оффиціальному вотированію резолюцій земскаго съѣзда. Послѣ земцевъ выступила наша разночинная интеллигенція и сказала свое слово на различныхъ банкетахъ. Энергія крѣпнетъ, жажда освобожденія усиливается. Но... вылиться имъ не въ чемъ. Говорить — уже пропадаетъ охота, такъ какъ все сказано. Дальше нужно дѣло, а дѣло-то пока на налаживается. Между тѣмъ, ясно, что періодъ словесности окончился. Разбужены самые косные, до сихъ поръ всегда остававшіеся въ сторонѣ, элементы общества; обнаруживаютъ интересъ и входятъ въ общіе ряды такіе люди, которыхъ считали живыми мертвецами. Къ дѣлу, къ дѣлу! — вотъ мучительная мысль, терзающая всѣ умы и сердца. Всѣ сознаютъ, всѣ чувствуютъ необходимость перейти къ дѣлу, но — какъ подстрѣленная птица подняться хочетъ и не можетъ, такъ и радикальная демократія безсильно застрѣваетъ въ словесной оппозиціи. Вѣроятно, это настроеніе выльется въ рядѣ демонстрацій. А затѣмъ? Встрѣтитъ-ли оно живой откликъ въ могучихъ пластахъ народной массы и превратится въ революціонное дѣйствіе или растворится въ морѣ народной темноты и равнодушія и утихнетъ. . вплоть до новаго, быть можетъ, рѣшительнаго взрыва? Неизвѣстное будущее крѣпко хранитъ свою тайну, и буржуазная демократія съ тревогою и безпокойствомъ начинаетъ осматриваться кругомъ, подыскивая надежныхъ и сильныхъ союзниковъ.

Демонстрація въ Петербургѣ 28 ноября. Я только что вернулся домой съ демонстраціи. Передать вамъ все то, что я испытываю сейчасъ, то жгучее чувство боли и безсилія, бѣшенства и злобы — чувства, которыя въ данную минуту, навѣрное, общи всему мыслящему Петербургу — я не въ силахъ. Худшаго времени мы еще не переживали. Съ одной стороны, заигрываніе съ либералами, якобы свобода печати, возможность для интеллигенціи высказываться на собраніяхъ и требовать конституціи, — съ другой стороны, верхъ произвола, гнусная насмѣшка жандармеріи и охраны, какъ бы желающихъ показать интеллигенціи, что она зазналась, что пора ей на старое мѣсто. А къ этому еще наша, соціальдемократовъ, неподготовленность и растерянность, наши внутренніе... раздоры. Но не буду забѣгать впередъ. Перейду къ фактамъ. А они таковы.

Демонстрація была назначена на Невскомъ, между Казанской площадью и Полицейскимъ мостомъ. На самомъ же дѣлѣ, было намѣчено три пункта: дума, Казанскій соборъ и Полицейскій мостъ. А оттуда думали пройти на дворцовую площадь. Къ часу дня на Невскомъ собралось много гуляющей публики, большинство студенты. Рабочихъ было ничтожное число, чел. 50, не болѣе. Всѣ они гуляли разбросанными по большому пространству. Полиціи было, конечно, очень много; разгуливала рота пѣхоты, но, кромѣ того, въ думскомъ дворѣ и въ другихъ дворахъ были спрятаны конные жандармы и городовые, а также пѣшіе и цѣлые полки сыщиковъ и дворниковъ въ статскомъ, безъ бляхъ. Ровно въ 1 часъ дня изъ скопившейся передъ думой небольшой кучки (чел. 200-250) студентовъ было выкинуто красное знамя и раздались громовые крики „долой самодержавіе" и „долой войну", подхваченные окружающими. Это продолжалось не болѣе одной-двухъ минутъ, а затѣмъ началось нѣчто ужасное, еще невиданное мной, а я, слава богу, присутствовалъ не на одной и не на двухъ демонстраціяхъ! Изъ думскаго двора выскочилъ отрядъ конныхъ жандармовъ съ саблями на голо, съ офицеромъ во главѣ и, окруживъ демонстрантовъ, началъ безпощадно ихъ рубить. Били острыми клинками по головѣ, били всѣхъ, кто попался, женщинъ и мужчинъ одинаково. Я въ это время подбѣжалъ съ противоположной стороны. Избитые, окровавленные демонстранты разбѣжались. Осталось 2-3 студента у магазина мельхіора Каца. И съ ними сражались жандармы. Одному изъ студентовъ была нанесена рана по головѣ въ 12-15 вершковъ; онъ тутъ свалился, на него накинулись сыщики толпой и поволокли его въ одинъ дворъ на Михайловской, откуда только что вывели не менѣе двухъ сотъ пѣшихъ городовыхъ. Башибузуки разбѣжались въ погонѣ за „бунтовщиками", все время нанося сабельные удары. Нагаекъ не было ни одной (я не видалъ). Вотъ на улицѣ жандармъ настигаетъ курсистку, сабля блеститъ, ударъ по головѣ — и она лежитъ на землѣ, залитая кровью. Публика бѣжитъ въ паническомъ ужасѣ. А бойня продолжается. Тамъ, въ углу, студенты дерутся съ пѣшими городовыми и шпіонами, какъ саранча, выскочившими откуда то и нападавшими съ палками въ рукахъ. И вдругъ я слышу крикъ: „держи, лови!" — и десятки шпіоновъ и городовыхъ бѣгутъ за какой то чуйкой, удиравшимъ къ католической церкви. Его настигли, повалили, били чѣмъ попало и поволокли. Въ это время за мной поскакали. Я побѣжалъ прямо на паперть католической церкви. А тамъ скопилась толпа. Сзади же выглядывала свора шпиковъ. Я поспѣшилъ убраться. Черезъ минуту туда наскочили жандармы, и началось избіеніе. Когда я, еле переводя духъ, очутился у часовни гостиннаго двора, снова крикъ: „держи"! — 20 человѣкъ гнались за кѣмъ то; подскакало четверо конныхъ, въ одно мгновеніе онъ былъ затоптанъ и избитъ. Въ видѣ безформенной массы его буквально поволокли во дворъ на Михайловскую. А жандармскій офицеръ сидѣлъ на конѣ и смотрѣлъ. Черезъ минуту, вижу, нѣсколько городовыхъ бьютъ студента и окровавленнаго волокутъ. А конные жандармы то тамъ, то тутъ, продолжаютъ наносить сабельные удары. Демонстраціи собственно и не было, была одна бойня.

лась эта безурядица, влекущая партію ко дну. Брошюра является полнымъ негодованія протестомъ противъ этого положенія рабочихъ въ партіи, водрузившей знамя классовыхъ интересовъ пролетаріата и дѣйствующей отъ его имени. Товарищи-рабочіе чувствуютъ и сознаютъ себя неполноправными гражданами своей собственной партіи, а авторъ брошюры требуетъ уравненія ихъ въ правахъ съ „интеллигентами". „Правильнымъ рѣшеніемъ" вопроса объ устраненіи „антагонизма между рабочими и интеллигентами, заявляетъ онъ, мы сразу освободимъ нашу партію отъ тѣхъ язвъ, кризисовъ и шатаній, которыми такъ изобилуетъ ея краткая жизнь" и „тѣмъ самымъ будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы".

У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ — вотъ что можно сказать по поводу сведенія всѣхъ стоящихъ передъ партіей задачъ къ вопросу объ „антагонизмѣ между рабочими и интеллигентами", стоящими въ ея рядахъ. Какъ, однако, ни важенъ этотъ вопросъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не только не охватываетъ главныхъ, или точнѣе, главной очередной нашей задачи, но, наоборотъ, самъ входитъ въ нее, какъ составная часть, и внѣ ея, самостоятельно, въ соціальдемократическомъ смыслѣ, радикально не можетъ быть и разрѣшенъ. Въ высшей степени прогрессивное и отрадное стремленіе нашихъ передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ обезпечить себѣ полную возможность активнаго участія въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ дѣлъ своей партіи принимаетъ въ брошюрѣ форму односторонняго протеста противъ какъ бы сознательнаго намѣренія „интеллигентовъ" соціальдемократовъ во что бы то ни стало закрѣпить за собою свое привелегированное положеніе въ партіи и всякими средствами удерживать пролетаріевъ въ роли подчиненныхъ и послушныхъ имъ „помощниковъ".

Сосредоточивая все свое вниманіе на конкретномъ, особенно больно бьющемъ въ глаза проявленіи зла, а не на корнѣ или источникѣ его, нашъ авторъ, да и не онъ одинъ, а, навѣрное, многіе товарищи, склоненъ перенести вопросъ объ его устраненіи цѣликомъ въ область формально-организаціонныхъ отношеній. Стоитъ только измѣнить составъ нашихъ руководящихъ организацій такимъ образомъ, чтобы численно преобладали въ нихъ рабочіе — и все пойдетъ отлично въ партіи: „этимъ мы сразу освободимъ" ее отъ всѣхъ „язвъ, кризисовъ и шатаній", и даже „будутъ сняты съ очереди выдвинутые передъ нами жизнью вопросы" — таковъ практическій выводъ, диктуемый одностороннимъ отношеніемъ автора къ вопросу объ относительной роли рабочихъ и интеллигентовъ въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Онъ какъ будто не замѣчаетъ, что общую принципіальную задачу „реформированія нашей практики" онъ подмѣнилъ частной задачей „уравненія въ правахъ" соціальдемократовъ-рабочихъ съ ихъ товарищами изъ интеллигенціи, задачей, которая можетъ быть радикально рѣшена именно въ процессѣ дальнѣйшаго развитія этой практики въ соціальдемократическомъ направленіи, а отнюдь не самостоятельно, какъ нѣчто самодовлѣющее, независимое отъ этого процесса.

Къ чему должна была бы привести на практикѣ, въ чемъ должна была бы выразиться тенденція сводить всѣ наши очередныя задачи къ измѣненію состава нашихъ „партійныхъ организацій" и самый вопросъ о поднятіи инициативы и самодѣятельности рабочихъ внутри партіи формулировать и рѣшать, какъ вопросъ о доставленіи послѣднимъ численнаго преобладанія въ этихъ организаціяхъ надъ „интеллигентами"?.. Во первыхъ, воскресъ бы къ новой жизни блаженной памяти „демократизмъ", несовмѣстимый съ условіями существованія революціонныхъ организацій при абсолютизмѣ[1] и потому на практикѣ всегда вырождающійся въ противоположность, служа при этомъ ширмой для честолюбивыхъ интригановъ и открывая даже доступъ въ организацію ловкимъ провокаторамъ. Во-вторыхъ, разгорѣлась бы борьба сторонниковъ мнимаго „демократизма" въ партійной организаціи съ его противниками. И въ еще гораздо большей степени, чѣмъ лозунгъ „чисто рабочее движеніе" эпохи „экономизма", кличъ: „да здравствуютъ истинные пролетаріи, долой интеллигентовъ!" сталъ бы для всевозможныхъ демагоговъ средствомъ развращенія рабочихъ и дезорганизаціи партіи. Читатели, помнящіе еще подвиги полицейскихъ демагоговъ зубатовской школы, легко представятъ себѣ, въ какомъ смыслѣ могли бы использовать партійныя междуусобія на указанной почвѣ представители реакціи. Но еще болѣе опаснымъ для партіи орудіемъ междуусобія эти являлись бы въ рукахъ разныхъ честолюбцевъ, преслѣдующихъ личныя цѣли и тѣхъ ея демократическихъ противниковъ, которые, въ силу спутанности своихъ понятій объ историческихъ условіяхъ и процессѣ подготовленія соціальной революціи, возлагаютъ всѣ свои надежды на стихійныя возстанія самыхъ отсталыхъ, наиболѣе безсознательныхъ и прямо одичалыхъ элементовъ народныхъ массъ. Словомъ, къ старымъ „язвамъ, кризисамъ и шатаніямъ" нашей партіи присоединились бы новые, еще гораздо болѣе глубокія, зловредныя и прямо разрушительныя для нея[2].

На самомъ авторѣ брошюры одностороннее увлеченіе мыслью объ измѣненіи, такъ сказать, „правового" положенія рабочихъ „въ нашихъ организаціяхъ" вредно отразилось, между прочимъ, тѣмъ, что онъ проглядѣлъ въ Искрѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ редакціей Ц. О., все то, что тамъ говорится о путяхъ и средствахъ для „самопреобразованія" Россійкой соціальдемократіи въ чисто пролетарскую партію. И подъ вліяніемъ того же настроенія, которое породило это увлеченіе, онъ дѣлаетъ по адресу редакціи и ближайшихъ сотрудниковъ центральнаго органа упрекъ въ томъ, что они будто бы обращаются „*исключительно* (курсивъ мой, П. А.) къ интеллигенціи". „Не ограничивайтесь - обращается онъ къ намъ - воззваніями къ теперешнимъ нашимъ практикамъ[1]) о реформированіи нашей практики; но, — наряду съ ними, взывайте также и къ пролетаріямъ". Но развѣ „Искра" — органъ спеціально для интеллигенціи, хотя бы и соціальдемократической? И развѣ брошюры, выходящія изъ партійной типографіи, предназначаются для однихъ только „интеллигентовъ"? Вѣдь „Искра" — органъ всей партіи, т. е. всей той совокупности лицъ, которая признаетъ нашу программу и работаетъ на пользу пролетаріата подъ руководствомъ партійныхъ организацій. Въ вопросахъ нашей внутрипартійной жизни верховными судьями являются одни лишь члены партіи, и никто другой, а потому трактуя объ ея внутреннихъ отношеніяхъ, дѣлахъ, потребностяхъ и задачахъ („реформированіи практики"), „Искра" прежде всего и главнымъ образомъ обращается къ товарищамъ, не дѣлая различія, между „интеллигентами" и рабочими. Лица, стоящія внѣ лагеря соціальдемократіи, не признающія ея принциповъ и практическихъ задачъ, не могутъ претендовать на рѣшающій голосъ въ ея внутреннихъ дѣлахъ, хотя бы они были и рабочіе. И наоборотъ, товарищи, отдавшіе всѣ свои силы дѣлу классового воспитанія и политическаго объединенія пролетаріата, хотя бы они были „интеллигентами", являются такими же полноправными судьями въ этихъ дѣлахъ, какъ и товарищи — рабочіе. Поэтому, вскрывая и критикуя ошибки и недостатки Россійской соціальдемократіи, обсуждая и намѣчая пути и средства къ ихъ устраненію, указывая новыя задачи, выдвигающіяся передъ ней — ея собственнымъ развитіемъ и ходомъ общественной жизни — Искра, какъ центральный органъ партіи, никоимъ образомъ не можетъ „ограничиваться воззваніями" къ одной только интеллигенціи, или — къ однимъ лишь рабочимъ, а, наоборотъ, должна взывать ко *всѣмъ* нашимъ „практикамъ", къ какому бы классу они, по своей профессіи или общественному положенію, ни принадлежали. Въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ группа „Освобожденіе Труда", положившая начало соціальдемократическому движенію въ Россіи, неоднократно обращалась спеціально къ „*рабочей* интеллигенціи". Но въ то время у насъ еще не было соціальдемократической партіи. Мало того, радикальная интеллигенція, въ цѣломъ, враждебно относилась тогда къ самой мысли о дѣятельности въ пользу самостоятельнаго рабочаго движенія въ современной Россіи и революціонная партія была цѣликомъ партіей интеллитентской, совершенно оторванной отъ пролетаріата, даже въ принципѣ отрицавшей законность стремленія къ превращенію ея въ политическую организацію рабочаго класса. Наконецъ, большинство даже наиболѣе передовыхъ рабочихъ, по своему политическому развитію, сильно отставало отъ соціалистической интеллигенціи, пожалуй, не многимъ меньше, чѣмъ въ настоящее время масса пролетаріевъ, читающихъ одни только нелегальные листки и популярныя брошюрки, отстаютъ отъ вполнѣ сознательныхъ соціальдемократовъ-рабочихъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ положеніе дѣлъ кореннымъ образомъ измѣнилось съ того времени, когда группа „Освобожденіе Труда" вы-

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь въ томъ предположеніи, что самодержавіе продолжаетъ еще существовать, и соціальдемократическая партія продолжаетъ дѣйствовать, какъ нелегальная организація. При измѣненіи этихъ условій, и самый вопросъ, выдвинутый авторомъ, потеряетъ свое значеніе.

[2]) Напомню, кстати, что англійскіе профессіональные рабочіе союзы — организаціи „чисто" пролетарскія, по составу не только массы своихъ членовъ, но и стоящихъ во главѣ ихъ учрежденій. Но онѣ до сихъ поръ еще очень чужды ученіямъ соціальдемократіи и, наоборотъ, находятся подъ самымъ сильнымъ умственнымъ и политическимъ вліяніемъ „интеллигенціи", но только не идейно соціальдемократической, а самой что ни на есть буржуазной. Формально-организаціонная самостоятельность рабочихъ, на практикѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, прекрасно уживается съ подчиненіемъ ихъ политической и умственной опекѣ буржуазныхъ „интеллигентовъ".

[1]) Т. е. къ „интеллигентамъ".

Вотъ что пишетъ одинъ изъ сильно пострадавшихъ во время демонстраціи: „Когда небольшая группа демонстрантовъ запѣла марсельезу и направилась съ тротуара на улицу, изъ гостинаго двора выѣхали конные полицейскіе и, недоѣзжая до демонстрантовъ, обнажили шашки. Подъ напоромъ лошадей и взмахами сабель публика сбилась на тротуаръ. Двое или трое пытались палками отогнать лошадей, но присутствовавшіе въ толпѣ дворники, а также прибывшіе изъ засадъ дворники и пѣшіе городовые (изъ которыхъ нѣкоторые тоже обнажили шашки) быстро отняли эти палки и ими же начали избивать публику. На ту часть толпы, гдѣ я былъ, наступали съ улицы конные полицейскіе, съ тротуара дворники съ палками и городовой съ обнаженной шашкой. Женщинѣ, стоявшей передо мной, дворникъ со всего размаха разбилъ лицо. Крики и вопли неслись отовсюду. Меня схватилъ сзади дворникъ и сталъ наносить удары палкой по головѣ. Удары сыпались, какъ изъ рога изобилія. Я схватился руками за фуражку, чтобы послѣдняя не соскочила и служила хотя нѣкоторой защитой отъ ударовъ. Вскорѣ я увидѣлъ, что городовой обнаженной шашкой дѣлалъ движенія, какъ бы собираясь проколоть сосѣда студента. Послѣдній, бѣлый, какъ полотно, съ трясущимися губами, истерически кричалъ ему: „Ты не смѣешь колоть, ты не смѣешь колоть!“ — „Смѣю!“ кричалъ городовой и снова то замахивался шашкой, то наставлялъ ее, какъ бы для того, чтобы заколоть. Въ это время подвернулся ему я, и онъ ударилъ меня по головѣ шашкой плашмя. Отъ страшныхъ и многочисленныхъ (я думаю 20-30) ударовъ дворницкой палки я почти не почувствовалъ удара шашки (такъ какъ одеревенѣла голова); но вскорѣ я почувствовалъ, что пальцы рукъ, которыми я продолжалъ придерживать фуражку, липнутъ, и, отнявши руку отъ фуражки, увидѣлъ, что рука въ крови. Шею и ухо залила кровь. Гонимый ударами палокъ, кулаковъ и шашки съ одной стороны, я наткнулся на сверкающую обнаженную шашку околоточнаго съ другой стороны. Послѣдній размахивалъ ею и тѣмъ отнялъ у насъ возможность убѣгать отъ преслѣдователей. Пришлось пробиваться назадъ и „на бисъ“ попасть подъ кулаки тѣхъ же дворниковъ. Они били по лицу и, насколько я помню, при обратномъ моемъ движеніи палкой не били. (Это можно объяснить исключительно только тѣмъ, что дворники съ палками понадобились въ другомъ мѣстѣ). Я помню, что очень кричалъ и говорилъ бившимъ, что у меня разбита голова, но дѣлалъ это напрасно: они продолжали бить и крикъ, повидимому, только раздражалъ ихъ. Избитый, съ разорваннымъ пальто, я старался остановить носовымъ платкомъ кровь. Кто-то изъ студентовъ взялъ меня подъ руку и повелъ на портикъ церкви св. Екатерины, говоря, что тамъ дѣлаютъ перевязки. Тамъ, дѣйствительно, я увидѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ. Одна изъ курсистокъ стала присыпать іодоформомъ рану на затылкѣ и перевязывать. Я просилъ сдѣлать это возможно скорѣе, чтобы скрыться и не быть арестованнымъ. Меня успокаивали, что здѣсь вполнѣ безопасно. Но мои опасенія оказались болѣе основательными. Не успѣли мнѣ сдѣлать перевязку, какъ съ гикомъ налетѣли конные жандармы и пѣшіе городовые и дворники. И началась опять расправа: на этотъ разъ надъ ранеными, мирно стоящими людьми, среди коихъ были и дѣти. Въ узкій проходъ между колоннами ринулась въ паническомъ ужасѣ толпа. Но и здѣсь былъ примѣненъ тотъ же пріемъ: публика была окружена со всѣхъ сторонъ. На пути стоялъ конный жандармъ съ обнаженной шашкой, и здѣсь разыгралась сцена, которую я не могу забыть. Тѣхъ, кто хотѣлъ пробѣжать, онъ останавливалъ взмахомъ обнаженной шашки. Такъ, студента, остановивъ такимъ взмахомъ, онъ лѣвой рукой схватилъ за волосы и сталъ приподнимать, изрыгая ругательства и рычанье. Это происходило уже подъ рѣшетчатыми воротами, которыя были заперты, и ни на мольбы, ни на угрозы публики не открывались стоявшими во дворѣ церкви дворниками. Нѣсколько разъ приподнималъ жандармъ свою жертву, и когда меня дворники придвинули впередъ, жандармъ еще продолжалъ терзать несчастнаго за волосы. Наконецъ, я миновалъ конныхъ и думалъ, что могу перевести духъ. Но тутъ я снова попалъ въ руки дворниковъ, которые кулаками по лицу переталкивали меня другъ отъ друга. Но вотъ я на срединѣ Невскаго. И налѣво, и направо стоятъ конные городовые. Скрыться некуда. Въ это время меня усмотрѣлъ одинъ изъ чиновъ жандарміи. „Взять его!“, и два городовые повели меня. Когда меня проводили мимо взвода городовыхъ, ихъ предводитель околоточный сталъ издѣваться надо мной, изрыгая самыя отборныя ругательства. Городовые посадили меня на извозчика. Я былъ крайне изумленъ, что они не били меня на извозчикѣ и не били въ участкѣ. Другіе были не такъ счастливы: ихъ били и въ участкѣ. Въ пріемномъ покоѣ мнѣ сдѣлали перевязку. Въ результатѣ у меня: на затылкѣ рана не много менѣе сантиметра, заплылъ и опухъ глазъ, ушибленъ суставъ на рукѣ. Теперь все подживаетъ, но, къ сожалѣнію, начались головныя боли, что является симптомомъ не изъ безопасныхъ. Въ тотъ же день избили мою жену. Въ участкѣ сняли допросъ, который былъ сплошнымъ издѣвательствомъ. Наприм., если потерпѣвшій заявлялъ, что его избили, то его вѣжливо спрашивали, не помнитъ ли онъ номера бляхи избившаго. Въ тотъ же участокъ принесли въ обморокѣ избитаго студента. Были еще два раненыхъ. Конечно, все мной списанное не исчерпываетъ и десятой доли мной пережитаго за какіе-нибудь 5—6 часовъ.

Другихъ загоняли во дворы и тамъ избивали. Одинъ или отъ удара или отъ нервнаго потрясенія сошелъ съ ума: дико гоготалъ и истерически всхлипывалъ. Были разсѣченныя раны. У одного студента вытекъ глазъ. Такого избіенія еще не видѣлъ Петербургъ.

Изъ письма курсистки: Какъ я уже вамъ писала, демонстрація была назначена на 28-ое. Потомъ вдругъ разнесся слухъ, что она отложена изъ-за принципіально организаціонныхъ разногласій, изъ-за настояній „меньшинства“. Но уже въ субботу утромъ я знала, что она все-таки состоится. И мы начали готовиться. Я шла съ чистымъ, легкимъ сердцемъ, вся — радостная. И не одна. Мы всѣ, всѣ мои знакомые шли на смерть, не думая вернуться къ своимъ пенатамъ, прощались, и всѣ сіяли. Ни одного омраченнаго лица, ни одного скорбнаго слова. Въ 12 мы уже были на Невскомъ. Меня предупреждали, что знамя будетъ выкинуто на углу Невскаго и Михайловской и, понятно, мы старались держаться этого мѣста. Съ послѣднимъ боемъ часовъ (въ 1 ч. дня) раздались крики: „сюда, товарищи“. Мы сплотились вовлѣ знаменосцевъ (ихъ здѣсь было 2) и съ марсельезой двинулись по Невскому, откуда на насъ уже мчалась конница съ обнаженными шашками. Черезъ двѣ секунды одна часть демонстрантовъ была разсѣяна по Невскому, другую загнали въ какой-то магазинъ, гдѣ продержали часа полтора и выпустили, не переписавъ. — Теперь я уже могу хладнокровно говорить (но не думать) объ этомъ. Я могу забыть все, всѣ радости и печали моей жизни, но никогда не забуду этого, главное, этого ужаснаго момента, когда, вся изогнувшись, я лежала и видѣла занесенное надъ собой лошадиное копыто, видѣла раненныхъ и избитыхъ товарищей, слышала ихъ крики и стоны... Изъ нашихъ пострадала моя подруга, которую жестоко избили два городовыхъ, и она еще излечивается. А остальныя отдѣлались пустяками — кого за волосы потянули, кого по ногамъ, кого по зубамъ etc. Въ общей суммѣ, говорятъ, убито 4 человѣка, изъ нихъ 2 курсистки. Еще одна умерла отъ потрясенія. Не знаю, насколько это вѣрно, знаю, что я видѣла много серьезно раненыхъ, которыхъ кой-какъ перевязали. А вечеромъ мы устроили праздникъ Р. С-Д. Р. П. Было это на балу у технологовъ, въ физической аудиторіи, гдѣ выступало много ораторовъ, была вынесена резолюція и съ криками „да здравствуетъ международная, да здравствуетъ Россійская соціальдемократія“ съ пѣньемъ марсельезы, съ поднятыми знаменами, мы двинулись въ концертный залъ, гдѣ другая часть публики, насладившись пѣніемъ и музыкой, собралась танцовать. Но мы не дали ей. Намъ на помощь подоспѣли студенты со сходки, которая происходила въ чертежной, и соединенными усиліями мы вытѣснили буржуазію изъ ея законныхъ владѣній. Митингъ продолжался. Снова говорили, пѣли, кричали. Бѣднымъ с.-рамъ, которые пытались сказать что-то свое, ничего не удалось сдѣлать. Предложенная ими демонстрація на 30 была отклонена“.

Изъ другого письма: „Демонстрація началась въ началѣ второго часа. Кучка демонстрантовъ, состоявшая отчасти изъ рабочихъ и въ большинствѣ изъ студентовъ, выкинула красный флагъ и запѣла Марсельезу. Послѣ перваго куплета крикнули: „долой самодержавіе“. Крики и пѣніе были поддержаны толпой, и масса бросилась навстрѣчу къ демонстрантамъ. Но въ это время отовсюду появились конные стражники, которые рубили шашками, преимущественно по головамъ. Когда налетѣли конные на толпу, я былъ оттѣсненъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами къ костелу Екатерины, куда привели нѣсколькихъ раненыхъ и устроили тамъ перевязочный пунктъ. Черезъ двѣ-три минуты стражники и жандармы напали на паперть костела, вскакивали съ лошадьми, давили, рубили. Во дворахъ домовъ, которые всѣ были заперты, такъ что спастись было некуда, стояли дворники. Они били и толкали подъ лошадей и на шашки. Подобное творилось на протяженіи отъ Полицейскаго моста до Литейнаго проспекта. Женщины истерички рыдали. У меня предъ глазами стоитъ курсистка съ покраснѣвшимъ въ слезахъ лицомъ, повторявшая одно — „всѣ боятся, всѣ боятся“. Другая, совсѣмъ еще юная, истерически плакала и бросалась навстрѣчу всадникамъ. Ее насильно удалось увести. За все время демонстраціи съ четверти второго и до четырехъ часовъ дня было выкинуто 10 флаговъ. Марсельезы больше не было слышно; когда выкидывали флаги, кричали одно: долой самодержавіе. И тамъ и сямъ слышалась команда: „руби, бей“ и снова люди бѣжали въ паническомъ ужасѣ, падали подъ лошадей. Дворники, окруживъ толпой человѣкъ въ семь, били *одного* студента. Сегодня на огромной сходкѣ въ университетѣ (2000 человѣкъ) по этому поводу были разсказаны потрясающіе факты изъ того, что дѣлалось въ участкахъ. Доставлялись раненые съ порублеными руками, сломанными ногами, вытекшими глазами, отбитыми легкими, задыхавшіеся. По доставленіи въ участокъ, снова били тѣхъ, кто казался недостаточно избитымъ. Бываютъ дни, когда переживаешь за цѣлые годы - это былъ такой день. Сегодня по городу носятся упорные *слухи*, что убито 35 человѣкъ. Я не хочу и не могу писать по поводу всего этого — слишкомъ это больно. Это не случайность — Святополкъ окончательно доказалъ, что преемникъ Плеве не можетъ дѣйствовать иначе. Сегодня, когда огромная толпа, всѣ эти 2000 человѣкъ вышли изъ университета и запѣли вѣчную память убитымъ товарищамъ, а затѣмъ Марсельезу и двинулись на Невскій, его снова наводнила полиція и пѣшая и конная и снова были пущены въ ходъ кулаки. Не знаю, были-ли случаи употребленія и сегодня оружія, кулаки же изведалъ и на себѣ. Это — система, культъ полицейскаго. На сходкѣ говорили о Святополкѣ и рядомъ съ его именемъ стояло—мерзавецъ. Но одинъ изъ товарищей справедливо указалъ, что за мерзавцемъ Святополкомъ стоитъ мерзавецъ-царь. Это первый случай, когда наконецъ, въ университетѣ отожествили царя и самодержавіе и распространили на перваго всѣ послѣдствія второго. Резолюція сходки такова: 1) присоединяемся къ демонстрантамъ, 2) высказываемъ глубокое презрѣніе фарисейской политикѣ Святополка, 3) долой самодержавіе. Резолюція была выработана экспромтомъ, потому что и сама сходка не была организована по недостатку времени. Вѣроятно университетъ будетъ закрытъ, возрождается движеніе въ пользу забастовокъ, ибо о демонстраціи сейчасъ нельзя думать. Масса арестовъ надломила силы...

Отъ редакціи: Неудача петербургской демонстраціи, какъ это часто бываетъ, вызвала внутри мѣстной организаціи сильное недовольство комитетомъ. Въ настоящее время мы еще не имѣемъ всѣхъ данныхъ, чтобы возстановить дѣйствительную картину подготовки демонстраціи и получить вѣрное представленіе о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу. Поэтому, мы не имѣемъ возможности помѣстить присланныя намъ сообщенія, исходящія отчасти отъ товарищей, къ словамъ которыхъ мы относимся съ полнымъ довѣріемъ. Надѣясь, что при посредствѣ Ц. К., мѣстнымъ товарищамъ удастся съ полной ясностью установить, какіе основные дефекты въ постановкѣ мѣстнаго дѣла способствовали крушенію задуманнаго плана, мы ограничимся только изложеніемъ фактической стороны дѣла, какъ оно извѣстно намъ.

Въ началѣ ноября Петербургскій Комитетъ объявилъ особой прокламаціей къ студенчеству, что онъ откладываетъ предположенную имъ ко времени земскаго съѣзда рабочую демонстрацію до начала сессіи губернскихъ земскихъ собраній и приглашалъ студентовъ ожидать этого момента для присоединенія къ рабочимъ. Демонстрація была назначена на 28 ноября, но за нѣсколько дней (5-6) до назначеннаго срока, Комитетъ отмѣнилъ ее, въ виду указаній со стороны нѣкоторыхъ членовъ организаціи, что рабочая масса недостаточно подготовлена агитаціей. Между тѣмъ, студенческія организаціи, недовольныя новой отсрочкой, заявили, что онѣ, въ такомъ случаѣ, приступятъ къ демонстраціи самостоятельно. Повидимому, эта угроза (а, можетъ быть, и другія, неизвѣстныя намъ обстоятельства) побудила Комитетъ, за два дня до воскресенья 28 ноября, вновь назначить демонстрацію на этотъ день. Извѣстіе же объ отмѣнѣ демонстраціи уже успѣло распространиться въ нѣкоторыхъ рабочихъ районахъ. Въ результатѣ — на демонстрацію рабочіе почти вовсе не явились. Это, главнымъ образомъ, обусловило ея неудачу.

Въ вечеръ послѣ неудавшейся демонстраціи состоялось собраніе нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, на которомъ, какъ намъ сообщаютъ, въ самой рѣзкой формѣ порицалось поведеніе Комитета. Въ какой степени это отношеніе раздѣляется большинствомъ входящихъ въ организацію и примыкающихъ къ ней товарищей, — намъ трудно судить. Мы надѣемся только, что петербургскіе товарищи, помня о важности переживаемаго момента, не будутъ слишкомъ увлекаться поисками „виноватаго“ и совмѣстными усиліями постараются, пользуясь полученнымъ уро-

---

ступила съ пропагандой соціальдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціальдемократіи. Не имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціальдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ“ элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже выше замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ *сознательную* и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своей конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классового самосознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга; можно даже сказать, это — различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція“ можетъ, — поглощая въ себѣ „интеллигентовъ“ и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними — пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціальдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, напрягая всѣ свои силы на поднятіе умственнаго уровня и политической самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно-революціонную силу, противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, товарищи, вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой собственный политическій кругозоръ, развивать въ себѣ инициативу, энергію и организаторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами“, станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда“ неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически-нормальный путь образованія соціальдемократическихъ партій на западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напримѣръ, уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба“, открывающей собою начало эпохи соціальдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе труда“ въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки“[1], обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи“ съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонерамъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы“. Подъ „революціонерами“ подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи“, такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на *рабочую* интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей... Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ, во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ“ къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія“, мы предлагали передовымъ рабочимъ:

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ“, они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного *самостоятельнаю рабочаю* союза или *рабочей* партіи“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выражали увѣренность въ томъ, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ... поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути“.

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей Партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціальдемократовъ-рабочихъ“ выпала роль только „помощниковъ“.

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата, самимъ или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціальдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ ужъ просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ“ лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и ужъ никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой[1].

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціальдемократы интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлившихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ“, которыми теперь такъ тяготятся соціальдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними, и наиболѣе передовые товарищи „интеллигенты“. Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда“ предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже на лицо, то спрашивается: какіе же пути и средства, какія формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ.

---

[1] „Объявленіе“ напечатано при моей брошюрѣ: „Рабочее движеніе и соціальдемократія“, первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

[1] Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціальдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ, тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе иниціативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а *слѣдствіемъ* того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

Вотъ что пишетъ одинъ изъ сильно пострадавшихъ во время демонстраціи: „Когда небольшая группа демонстрантовъ запѣла марсельезу и направилась съ тротуара на улицу, изъ гостинаго двора выѣхали конные полицейскіе и, недоѣзжая до демонстрантовъ, обнажили шашки. Подъ напоромъ лошадей и взмахами сабель публика сбилась на тротуаръ. Двое или трое пытались палками отогнать лошадей, но присутствовавшіе въ толпѣ дворники, а также прибывшіе изъ засадъ дворники и пѣшіе городовые (изъ которыхъ нѣкоторые тоже обнажили шашки) быстро отняли эти палки и ими же начали избивать публику. На ту часть толпы, гдѣ я былъ, наступали съ улицы конные полицейскіе, съ тротуара дворники съ палками и городовой съ обнаженной шашкой. Женщинѣ, стоявшей передо мной, дворникъ со всего размаха разбилъ лицо. Крики и вопли неслись отовсюду. Меня схватилъ сзади дворникъ и сталъ наносить удары палкой по головѣ. Удары сыпались, какъ изъ рога изобилія. Я схватился руками за фуражку, чтобы послѣдняя не соскочила и служила хотя нѣкоторой защитой отъ ударовъ. Вскорѣ я увидѣлъ, что городовой обнаженной шашкой дѣлалъ движенія, какъ бы собираясь проколоть сосѣда студента. Послѣдній, бѣлый, какъ полотно, съ трясущимися губами, истерически кричалъ ему: „Ты не смѣешь колоть, ты не смѣешь колоть!" — „Смѣю!" кричалъ городовой и снова то замахивался шашкой, то наставлялъ ее, какъ бы для того, чтобы заколоть. Въ это время подвернулся ему я, и онъ ударилъ меня по головѣ шашкой плашмя. Отъ страшныхъ и многочисленныхъ (я думаю 20-30) ударовъ дворницкой палки я почти не почувствовалъ удара шашки (такъ какъ одеревенѣла голова); но вскорѣ я почувствовалъ, что пальцы рукъ, которыми я продолжалъ придерживать фуражку, липнутъ, и, отнявши руку отъ фуражки, увидѣлъ, что рука въ крови. Шею и ухо залила кровь. Гонимый ударами палокъ, кулаковъ и шашки съ одной стороны, я наткнулся на сверкающую обнаженную шашку околоточнаго съ другой стороны. Послѣдній размахивалъ ею и тѣмъ отнялъ у насъ возможность убѣгать отъ преслѣдователей. Пришлось пробиваться назадъ и „на бисъ" попасть подъ кулаки тѣхъ же дворниковъ. Они били по лицу и, насколько я помню, при обратномъ моемъ движеніи палкой не били. Это можно объяснить исключительно только тѣмъ, что дворники съ палками понадобились въ другомъ мѣстѣ. Я помню, что очень кричалъ и говорилъ бившимъ, что у меня разбита голова, но дѣлалъ это напрасно: они продолжали бить и крикъ, повидимому, только раздражалъ ихъ. Избитый, съ разорваннымъ пальто, я старался остановить носовымъ платкомъ кровь. Кто-то изъ студентовъ взялъ меня подъ руку и повелъ на портикъ церкви св. Екатерины, говоря, что тамъ дѣлаютъ перевязки. Тамъ, дѣйствительно, я увидѣлъ нѣсколькихъ раненыхъ. Одна изъ курсистокъ стала присыпать іодоформомъ рану на затылкѣ и перевязывать. Я просилъ сдѣлать это возможно скорѣе, чтобы скрыться и не быть арестованнымъ. Меня успокаивали, что здѣсь вполнѣ безопасно. Но мои опасенія оказались болѣе основательными. Не успѣли мнѣ сдѣлать перевязку, какъ съ гикомъ налетѣли конные жандармы и пѣшіе городовые и дворники. И началась опять расправа: на этотъ разъ надъ ранеными, мирно стоявшими людьми, среди коихъ были и дѣти. Въ узкій проходъ между колоннами ринулась въ паническомъ ужасѣ толпа. Но и здѣсь былъ примѣненъ тотъ же пріемъ: публика была окружена со всѣхъ сторонъ. На пути стоялъ конный жандармъ съ обнаженной шашкой, и здѣсь разыгралась сцена, которую я не могу забыть. Тѣхъ, кто хотѣлъ пробѣжать, онъ останавливалъ взмахомъ обнаженной шашки. Такъ, студента, остановивъ такимъ взмахомъ, онъ лѣвой рукой схватилъ за волосы и сталъ приподнимать, изрыгая ругательства и рычанье. Это происходило уже подъ рѣшетчатыми воротами, которыя были заперты, и ни на мольбы, ни на угрозы публики не открывались стоявшими во дворѣ церкви дворниками. Нѣсколько разъ приподнималъ жандармъ свою жертву, и когда меня дворники придвинули впередъ, жандармъ еще продолжалъ терзать несчастнаго за волосы. Наконецъ, я миновалъ конныхъ и думалъ, что могу перевести духъ. Но тутъ я снова попалъ въ руки дворниковъ, которые кулаками по лицу переталкивали меня другъ отъ друга. Но вотъ я на срединѣ Невскаго. И налѣво, и направо стоятъ конные городовые. Скрыться некуда. Въ это время меня усмотрѣлъ одинъ изъ чиновъ жандармеріи: „Взять его!", и два городовые повели меня. Когда меня проводили мимо взвода городовыхъ, ихъ предводитель околоточный сталъ издѣваться надо мной, изрыгая самыя отборныя ругательства. Городовые посадили меня на извозчика. Я былъ крайне изумленъ, что они не били меня на извозчикѣ и не били въ участкѣ. Другіе были не такъ счастливы: ихъ били и въ участкѣ. Въ пріемномъ покоѣ мнѣ сдѣлали перевязку. Въ результатѣ у меня, на затылкѣ рана не много менѣе сантиметра, заплылъ и опухъ глазъ, ушибленъ суставъ на рукѣ. Теперь все подживаетъ, но, къ сожалѣнію, начались головныя боли, что является симптомомъ не изъ безопасныхъ. Въ тотъ же день избили мою жену. Въ участкѣ сняли допросъ, который былъ сплошнымъ издѣвательствомъ. Наприм., если потерпѣвшій заявлялъ, что его избили, то его вѣжливо спрашивали, не помнитъ ли онъ номера бляхи избившаго. Въ тотъ же участокъ принесли въ обморокѣ избитаго студента. Были еще два раненыхъ. Конечно, все мной описанное не исчерпываетъ и десятой доли мной пережитаго за какіе-нибудь 5—6 часовъ.

Другихъ загоняли во дворы и тамъ избивали. Одинъ или отъ удара или отъ нервнаго потрясенія сошелъ съ ума: дико гоготалъ и истерически всхлипывалъ. Были разсѣченныя раны. У одного студента вытекъ глазъ. Такого избіенія еще не видѣлъ Петербургъ".

Изъ письма курсистки: Какъ я уже вамъ писала, демонстрація была назначена на 28-ое. Потомъ вдругъ разнесся слухъ, что она отложена изъ-за принципіально организаціонныхъ разногласій, изъ-за настояній „меньшинства". Но уже въ субботу утромъ я знала, что она все-таки состоится. И мы начали готовиться. Я шла съ чистымъ, легкимъ сердцемъ, вся — радостная. И не одна. Мы всѣ, всѣ мои знакомые шли на смерть, не думая вернуться къ своимъ пенатамъ, прощались, и всѣ сіяли. Ни одного омраченнаго лица, ни одного скорбнаго слова. Въ 12 мы уже были на Невскомъ. Меня предупреждали, что знамя будетъ выкинуто на углу Невскаго и Михайловской и, понятно, мы старались держаться этого мѣста. Съ послѣднимъ боемъ часовъ (въ 1 ч. дня) раздались крики: „сюда, товарищи". Мы сплотились возлѣ знаменосцевъ (ихъ здѣсь было 2) и съ марсельезой двинулись по Невскому, откуда на насъ уже мчалась конница съ обнаженными шашками. Черезъ двѣ секунды одна часть демонстрантовъ была разсѣяна по Невскому, другую загнали въ какой-то магазинъ, гдѣ продержали часа полтора и выпустили, не переписавъ. — Теперь я уже могу хладнокровно говорить (но не думать) объ этомъ. Я могу забыть все, всѣ радости и печали моей жизни, но никогда не забуду этого, главное, этого ужаснаго момента, когда, вся изогнувшись, я лежала и видѣла занесенное надъ собой лошадиное копыто, видѣла раненныхъ и избитыхъ товарищей, слышала ихъ крики и стоны... Изъ нашихъ пострадала моя подруга, которую жестоко избили два городовыхъ, и она еще излечивается. А остальныя отдѣлались пустяками — кого за волосы потянули, кого по ногамъ, кого по зубамъ etc. Въ общей суммѣ, говорятъ, убито 4 человѣка, изъ нихъ 2 курсистки. Еще одна умерла отъ потрясенія. Не знаю, насколько это вѣрно, знаю, что я видѣла много серьезно раненыхъ, которыхъ кой-какъ перевязали. А вечеромъ мы устроили праздникъ Р. С.-Д. Р. П. Было это на балу у технологовъ, въ физической аудиторіи, гдѣ выступало много ораторовъ, была вынесена резолюція и съ криками „да здравствуетъ международная, да здравствуетъ Россійская соціальдемократія" съ пѣньемъ марсельезы, съ поднятыми знаменами, мы двинулись въ концертный залъ, гдѣ другая часть публики, насладившись пѣніемъ и музыкой, собралась танцовать. Но мы не дали ей. Намъ на помощь подоспѣли студенты со сходки, которая происходила въ чертежной, и соединенными усиліями мы вытѣснили буржуазію изъ ея законныхъ владѣній. Митингъ продолжался. Снова говорили, пѣли, кричали. Бѣднымъ сорамъ, которые пытались сказать что-то свое, ничего не удалось сдѣлать. Предложенная ими демонстрація на 30 была отклонена".

Изъ другого письма: „Демонстрація началась въ началѣ второго часа. Кучка демонстрантовъ, состоявшая отчасти изъ рабочихъ и въ большинствѣ изъ студентовъ, выкинула красный флагъ и запѣла Марсельезу. Послѣ перваго куплета крикнули: „долой самодержавіе". Крики и пѣніе были поддержаны толпой, и масса бросилась навстрѣчу къ демонстрантамъ. Но въ это время отовсюду появились конные стражники, которые рубили шашками, преимущественно по головамъ. Когда налетѣли конные на толпу, я былъ оттѣсненъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами къ костелу Екатерины, куда привели нѣсколькихъ раненыхъ и устроили тамъ перевязочный пунктъ. Черезъ двѣ-три минуты стражники и жандармы напали на паперть костела, вскакивали съ лошадьми, давили, рубили. Во дворахъ домовъ, которые всѣ были заперты, такъ что спастись было некуда, стояли дворники. Они били и толкали подъ лошадей и на шашки. Подобное творилось на протяженіи отъ Полицейскаго моста до Литейнаго проспекта. Женщины истерично рыдали. У меня предъ глазами стоитъ курсистка съ покраснѣвшимъ въ слезахъ лицомъ, повторявшая одно — „всѣ боятся, всѣ боятся". Другая, совсѣмъ еще юная, истерически плакала и бросалась навстрѣчу всадникамъ. Ее насильно удалось увести. За все время демонстраціи съ четверти второго и до четырехъ часовъ дня было выкинуто 10 флаговъ. Марсельезы больше не было слышно; когда выкидывали флаги, кричали одно: долой самодержавіе. И тамъ и сямъ слышалась команда: „руби, бей" и снова люди бѣжали въ паническомъ ужасѣ, падали подъ лошадей. Дворники, окруживъ толпой человѣкъ въ семь, били *одного* студента. Сегодня на огромной сходкѣ въ университетѣ (2000 человѣкъ) по этому поводу были разсказаны потрясающіе факты изъ того, что дѣлалось въ участкахъ. Доставлялись раненые съ порублеными руками, сломанными ногами, вытекшими глазами, отбитыми легкими, задыхавшіеся. По доставленіи въ участокъ, снова били тѣхъ, кто казался недостаточно избитымъ. Бываютъ дни, когда переживаешь за цѣлые годы - это былъ такой день. Сегодня по городу носятся упорные *слухи*, что убито 35 человѣкъ. Я не хочу и не могу писать по поводу всего этого — слишкомъ это больно. Это не случайность — Святополкъ окончательно доказалъ, что преемникъ Плеве не можетъ дѣйствовать иначе. Сегодня, когда огромная толпа, всѣ эти 2000 человѣкъ вышли изъ университета и запѣли вѣчную память убитымъ товарищамъ, а затѣмъ Марсельезу и двинулись на Невскій, его снова наводнила полиція и пѣшая и конная и снова были пущены въ ходъ кулаки. Не знаю, были ли случаи употребленія и сегодня оружія, кулаки же извѣдалъ и на себѣ. Это — система, культъ полицейскаго. На сходкѣ говорили Святополкѣ и рядомъ съ его именемъ стояло—мерзавецъ. Но одинъ изъ товарищей справедливо указалъ, что за мерзавцемъ Святополкомъ стоитъ мерзавецъ-царь. Это первый случай, когда наконецъ, въ университетѣ отожествили царя и самодержавіе и распространили на перваго всѣ послѣдствія второго. Резолюція сходки такова: 1) присоединяемся къ демонстрантамъ, 2) высказываемъ глубокое презрѣніе фарисейской политикѣ Святополка, 3) долой самодержавіе. Резолюція была выработана экспромтомъ, потому что и сама сходка не была организована по недостатку времени. Вѣроятно университетъ будетъ закрытъ, возрождается движеніе въ пользу забастовокъ, ибо о демонстраціи сейчасъ нельзя думать. Масса арестовъ надломила силы...

Отъ редакціи: Неудача петербургской демонстраціи, какъ это часто бываетъ, вызвала внутри мѣстной организаціи сильное недовольство комитетомъ. Въ настоящее время мы еще не имѣемъ всѣхъ данныхъ, чтобы возстановить дѣйствительную картину подготовки демонстраціи и получить вѣрное представленіе о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за неудачу. Поэтому, мы не имѣемъ возможности помѣстить присланныя намъ сообщенія, исходящія отчасти отъ товарищей, къ словамъ которыхъ мы относимся съ полнымъ довѣріемъ. Надѣясь, что при посредствѣ Ц. К. мѣстнымъ товарищамъ удастся съ полной ясностью установить, какіе основные дефекты въ постановкѣ мѣстнаго дѣла способствовали крушенію задуманнаго плана, мы ограничимся только изложеніемъ фактической стороны дѣла, какъ оно извѣстно намъ.

Въ началѣ ноября Петербургскій Комитетъ объявилъ особой прокламаціей къ студенчеству, что онъ откладываетъ предположенную имъ ко времени земскаго съѣзда рабочую демонстрацію до начала сессіи губернскихъ земскихъ собраній и приглашалъ студентовъ ожидать этого момента для присоединенія къ рабочимъ. Демонстрація была назначена на 28 ноября, но за нѣсколько дней (5-6) до назначеннаго срока, Комитетъ отмѣнилъ ее, въ виду указаній со стороны нѣкоторыхъ членовъ организаціи, что рабочая масса недостаточно подготовлена агитаціей. Между тѣмъ, студенческія организаціи, недовольныя новой отсрочкой, заявили, что онѣ, въ такомъ случаѣ, приступятъ къ демонстраціи самостоятельно. Повидимому, эта угроза, а, можетъ быть, и другія, неизвѣстныя намъ обстоятельства побудила Комитетъ, за два дня до воскресенья 28 ноября, вновь назначить демонстрацію на этотъ день. Извѣстіе же объ отмѣнѣ демонстраціи уже успѣло распространиться въ нѣкоторыхъ рабочихъ районахъ. Въ результатѣ — на демонстрацію рабочіе почти вовсе не явились. Это, главнымъ образомъ, обусловило ея неудачу.

Въ вечеръ послѣ неудавшейся демонстраціи состоялось собраніе нѣсколькихъ сотъ рабочихъ, на которомъ, какъ намъ сообщаютъ, въ самой рѣзкой формѣ порицалось поведеніе Комитета. Въ какой степени это отношеніе раздѣляется большинствомъ входящихъ въ организацію и примыкающихъ къ ней товарищей, — намъ трудно судить. Мы надѣемся только, что петербургскіе товарищи, помня о важности переживаемаго момента, не будутъ слишкомъ увлекаться поисками „виноватаго" и совмѣстными усиліями постараются, пользуясь полученнымъ уро-

---

ступила съ пропагандой соціальдемократическихъ ученій. Сознательно-революціонные рабочіе, входящіе въ составъ нашей партіи, не могутъ, поэтому, и не имѣютъ права выключать себя изъ того круга читателей, къ которымъ ея центральный органъ спеціально обращается, когда дѣло касается жизненныхъ интересовъ пролетаріата и соціальдемократіи. Не имѣютъ права именно потому, что, какъ совершенно справедливо говоритъ нашъ авторъ, отъ сознательнаго и активнаго участія передовыхъ соціальдемократическихъ рабочихъ въ обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ зависитъ дальнѣйшая судьба Россійской соціальдемократіи. Кромѣ того, выключая себя изъ круга тѣхъ членовъ партіи, къ которымъ обращается ихъ Центральный органъ, они тѣмъ самымъ зачислили бы себя въ разрядъ „незрѣлыхъ" элементовъ ея, даже и не претендующихъ на то, чтобы съ ними говорили, какъ съ политически взрослыми, полноправными членами партіи.

Я уже выше замѣтилъ, что вопросъ, спеціально занимающій автора брошюры, радикально можетъ быть разрѣшенъ только въ процессѣ сознательной коллективной работы нашей партіи, систематически направленной на организацію и на вовлеченіе все болѣе и болѣе широкихъ массъ пролетаріата въ *сознательную* и организованную борьбу за свои классовые интересы, имѣющую своей конечной цѣлью революціонное ниспроверженіе буржуазнаго строя и замѣну его соціалистическимъ. Только на почвѣ и въ атмосферѣ этой борьбы происходитъ процессъ развитія классоваго самосознанія и объединенія пролетарскихъ массъ въ самостоятельную политическую партію. Или точнѣе этотъ процессъ и эта борьба покрываютъ другъ друга: можно даже сказать, что — различныя названія для одного и того же историческаго явленія или факта. И именно въ процессѣ развитія классовой самодѣятельности рабочихъ массъ, выступая иниціаторами, руководителями и организаторами ихъ въ борьбѣ за экономическіе, политическіе и умственные интересы пролетаріата, наша „рабочая интеллигенція" можетъ, [illegible] поглощая въ себѣ „интеллигентовъ" и тѣмъ самымъ сливаясь съ ними, пріобрѣсть то положеніе въ Россійской соціальдемократіи, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы ея программѣ и ея принципіальному назначенію, какъ партіи пролетаріата. Неутомимо работая надъ вовлеченіемъ все болѣе широкихъ слоевъ его въ организованную борьбу съ ихъ экономическими эксплуататорами и политическими угнетателями, направляя свои силы на поднятіе умственнаго уровня и [illegible] самодѣятельности этихъ слоевъ, на увеличеніе боевыхъ средствъ и на объединеніе своего класса въ сознательно революціонную [illegible], противостоящую всѣмъ другимъ классамъ и партіямъ, вы, [illegible], вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе будете расширять и свой собственный политическій кругозоръ, развивать въ себѣ иниціативу, энергію и организаторскія способности, пріобрѣтете вѣру въ свои собственныя силы и, вмѣстѣ съ товарищами „интеллигентами", станете на дѣлѣ, въ настоящемъ смыслѣ слова, интеллигенціей рабочаго класса.

Я уже упоминалъ о томъ, что группа „Освобожденіе Труда" неоднократно обращалась спеціально къ передовымъ рабочимъ. Въ этихъ обращеніяхъ указывалось имъ и на тотъ путь революціонной самодѣятельности, который только что намѣченъ и который представляетъ собою исторически-нормальный путь образованія соціальдемократическихъ партій на западѣ и одинъ только и можетъ привести и приведетъ къ радикальному устраненію того „антагонизма между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ", который такъ больно даетъ себя чувствовать нашей партіи. Такъ, напримѣръ, уже черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ брошюры Плеханова „Соціализмъ и политическая борьба", открывающей собою начало эпохи соціальдемократическаго движенія въ Россіи, группа „Освобожденіе труда" въ объявленіи объ изданіи „Рабочей библіотеки"[1], обращалась спеціально къ „рабочей интеллигенціи" съ призывомъ взять на себя дѣло объединенія нашего пролетаріата въ самостоятельную революціонную силу. „Для того, чтобы рабочій классъ своевременно могъ пріобрѣсть значеніе крупной политической силы въ періодъ крушенія абсолютизма, сказано въ объявленіи, „революціонерамъ необходимо съ гораздо большей серьезностью и упорствомъ приняться за дѣло пропаганды соціализма въ его средѣ и объединенія его въ тайные союзы, съ ясно продуманными цѣлями и средствами борьбы". Подъ „революціонерами" подразумѣваются здѣсь соціалистическіе элементы, какъ въ „интеллигенціи", такъ и среди интеллигентныхъ рабочихъ. Но, сказано дальше, „обязанность эта прежде всего и главнымъ образомъ падаетъ на *рабочую* интеллигенцію и особенно на ея наиболѣе развитыхъ и смѣлыхъ представителей. Она сама должна проникнуться той мыслью, что серьезное и неустанное подготовленіе рабочаго класса къ его великой исторической роли представляетъ собою одно изъ необходимѣйшихъ условій для обезпеченія трудящихся массъ Россіи отъ гибельныхъ ошибокъ, отъ обмановъ и насилій со стороны эксплуататорскихъ классовъ. И вотъ во имя и ради задачи „подготовленія рабочихъ промышленныхъ центровъ" къ ихъ исторической миссіи руководителей народныхъ массъ въ борьбѣ „съ врагами народнаго благосостоянія", мы предлагали передовымъ рабочимъ:

„Вмѣсто того, чтобы тащиться въ хвостѣ такъ называемыхъ интеллигентныхъ кружковъ", они должны „направить всѣ свои усилія на образованіе одного *самостоятельнаго рабочаго* союза или *рабочей* партіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выражали увѣренность въ томъ, что „искренніе друзья народной самодѣятельности изъ высшихъ и среднихъ классовъ не замедлятъ поддержать усилія рабочей интеллигенціи на этомъ пути".

Въ дѣйствительности, однако, объединяющимъ и организующимъ элементомъ въ процессѣ образованія нашей Партіи явились именно интеллигенты, на долю же „разрозненныхъ единицъ и кружковъ соціальдемократовъ-рабочихъ" выпала роль только „помощниковъ".

Что же мѣшало сознательно-революціоннымъ представителямъ пролетаріата самимъ или вмѣстѣ съ лучшими представителями интеллигенціи, взять на себя роль иниціаторовъ и организаторовъ нашего соціальдемократическаго движенія? Очевидно, было бы слишкомъ ужъ просто и нелѣпо объяснить этотъ фактъ какими-нибудь прирожденными свойствами нашихъ сознательныхъ революціонныхъ пролетаріевъ и вообще ихъ личными недостатками. Но точно также вульгарно и нелѣпо было бы дѣлать въ данномъ случаѣ „интеллигентовъ" лично отвѣтственными, взваливать всю вину на нихъ, какъ на представителей непролетарскихъ классовъ, и видѣть корень явленія въ ихъ злой волѣ, въ ихъ преднамѣренномъ стремленіи держать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ и всячески устранять ихъ отъ руководящихъ функцій. Люди, душой и тѣломъ отдавшіеся дѣлу подготовленія рабочаго класса къ пролетарской революціи путемъ организаціи его въ самостоятельную политическую силу, такіе люди должны были стремиться къ развитію самостоятельности и самодѣятельности передовыхъ рабочихъ и ужъ никоимъ образомъ не могли себѣ ставить цѣлью систематическое подавленіе той и другой[1].

Но, если ни сознательные рабочіе, ни соціальдемократы-интеллигенты не могутъ считаться главными виновниками того факта, что первые играли подчиненную роль въ процессѣ образованія нашей партіи, то корень этого факта, очевидно, приходится искать въ историческихъ условіяхъ, опредѣлившихъ ходъ ея развитія. Въ этихъ же условіяхъ коренится и источникъ тѣхъ отношеній „между рабочими и интеллигентами въ нашихъ организаціяхъ", которыми теперь такъ тяготятся соціальдемократическіе пролетаріи, а вмѣстѣ съ ними, и наиболѣе передовые товарищи „интеллигенты". Но въ такомъ случаѣ самъ собой рождается другой вопросъ: измѣнились ли условія существованія и развитія нашего движенія настолько, что стремленіе, воодушевляющее наиболѣе сознательныхъ представителей его и проникающее собою брошюру, по поводу которой я пишу эти строки, имѣетъ реальную почву для своего осуществленія? Другими словами: назрѣли ли уже условія для выполненія нашими товарищами-рабочими (разумѣется, совмѣстно съ остальными членами партіи) той миссіи по отношенію къ своему классу, которую группа „Освобожденіе Труда" предлагала ихъ предшественникамъ взять на себя? Наконецъ, если условія для осуществленія этой миссіи имѣются уже на лицо, то спрашивается, какіе же пути и средства, какія формы и методы революціонной борьбы наиболѣе цѣлесообразны для преслѣдованія ея?

Обо всѣхъ этихъ вопросахъ у меня будетъ идти рѣчь въ слѣдующихъ письмахъ.

П. Аксельродъ.

---

[1] „Объявленіе" напечатано при моей брошюрѣ „Рабочее движеніе и соціальдемократія", первомъ выпускѣ названнаго изданія. Брошюра эта появилась въ свѣтъ въ концѣ 1884 г.

[1] Я говорю объ общемъ, такъ сказать, принципіальномъ отношеніи соціальдемократической интеллигенціи къ сознательно-революціоннымъ пролетаріямъ. Что на практикѣ, тѣ или другіе представители ея, въ силу своихъ личныхъ свойствъ или создавшихся партійнымъ развитіемъ привычекъ и отношеній, могли фактически тормозить развитіе иниціативы и самодѣятельности этихъ пролетаріевъ внутри партіи, это не подлежитъ сомнѣнію. Но явленія такого рода были не причиной, а *слѣдствіемъ* того факта, что передовые рабочіе играли подчиненную, такъ сказать, служебную роль въ процессѣ образованія своей партіи.

[illegible], вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую [illegible] повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи необходимо, ей „до зарѣзу“ нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, инициативная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи организація.

Петербургскій „фортъ Шаброль“. 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не входить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили нарядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны;— начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы“ пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва почти совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ, человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ, городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ оттѣснили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еше городовые и началась настоящая бойня. Полиція рубила направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненные и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ плашмя по головѣ образовали груду тѣлъ. Товарищи бросились поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины, но нѣсколько человѣкъ осталось лежать на мостовой. Меня окружили четыре здоровыхъ городовыхъ и принялись колотить шашками Цѣлъ я остался, лишь благодаря тому, что на головѣ у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли прорубить, а въ рукахъ основательная дубинка, фунтовъ 5-6. Домой я вернулся почти что цѣлъ и невредимъ только немного побаливаетъ голова.

Водворяя порядокъ, городовые страшно озвѣрѣли, рубили безъ всякой пощады, у тѣхъ же, которые били плашмя, шашки были совершенно изогнуты ударами дубинокъ. Вижу, наприм., такую сцену: околодочный стрѣляетъ въ упоръ по толпѣ 5 разъ изъ револьвера, но, очевидно, стрѣлялъ холостыми, т. к. никто не падалъ. Въ другомъ мѣстѣ студентъ зацѣпился за ограду и 5 городовыхъ бьютъ его шашками. Дальше околодочный ударилъ со всего размаху шашкой курсистку такъ, что она падаетъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ безъ конца. Посторонняя публика вела себя хорошо. На Тверскомъ бульварѣ арестовали человѣкъ 10, въ Леонтьевскомъ же переулкѣ забрали толпу человѣкъвъ въ 150.

(Судя по правительственному сообщенію, эта демонстрація организованна мѣстнымъ комитетомъ партіи соц.-рев., листокъ котораго, призывающій на демонстрацію, присланъ намъ. *Ред*).

Москва. 6-го декабря, на слѣдующій день послѣ избіенія студентовъ, около часу опять публика стала стекаться на улицы, на этотъ разъ самая разнообразная; встрѣчалось очень много рабочихъ. Настроеніе было страшно возбужденное. Полиція оттѣсняла толпу на Страстную площадь, несмотря на то, что не было ни пѣнія, ни флаговъ, стала бить ее шашками; часть вогнала во дворъ и туда въѣхали казаки, послѣ чего были вызваны кареты медицинской помощи. При малѣйшей группировкѣ, конные казаки съ гикомъ ее разгоняли. Въ это время, часамъ къ 2 мъ, въ Кремлѣ у Краснаго Крыльца собралось около *200 рабочихъ* и прочли публикѣ резолюцію: „Мы — рабочіе съ 22 заводовъ и фабрикъ — съ Краснаго Крыльца Кремлевскаго дворца провозглашаемъ гибель самодержавнаго строя и борьбу за царство соціализма и свободы.“ Въ толпѣ здѣсь было нѣсколько сотъ человѣкъ — сочувствующихъ и зѣвакъ. Демонстранты спокойно разошлись группами, дѣло обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Саратовъ 24 XI. Въ Саратовѣ сейчасъ творится нѣчто невиданное и непонятное. Царитъ полная свобода собраній и слова. Началось это такъ: 5 ноября, т. е. наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Петербургѣ, у насъ въ первоклассной гостинницѣ („Россія“) былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ, почему за входъ пришлось платить по 2 рубля. Билеты раздавались только по рекомендаціи. Говорились довольно свободныя, но вполнѣ, даже черезъ чуръ „парламентскія“ рѣчи о свободѣ личности, совѣсти, печати и т. д. Въ результатѣ былъ выработанъ привѣтственный адресъ земскому съѣзду въ довольно демократическомъ духѣ. Подписалось подъ этой телеграммой 319 челов. (всего на банкетѣ было человѣкъ 400), изъ нихъ оказалось 3 предводителя дворянства, 1 председатель уѣзд. зем. упр., 38 инженеровъ, 19 купцовъ (больше изъ думцевъ), 16 учителей, 3 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д. и 1 мѣщанскій староста.

Адресъ дошелъ по назначенію и, говорятъ, произвелъ на съѣздѣ фуроръ своими подписями. Затѣмъ 15/XI. въ помѣщеніи фельдшерской школы, въ засѣданіи родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены Саратовскаго аптекарскаго общества, сначала былъ прочитанъ некрологъ Бунакова, а затѣмъ разговоръ перешелъ на земскій съѣздъ; были прочитаны резолюціи съѣзда, потомъ прочли проектъ конституціи, выработанный кружкомъ какихъ то умѣренныхъ либераловъ; перешли къ критическому разбору проекта; говорили интеллигенты и рабочіе; всѣ отнеслись къ этому проекту очень несочувственно, такъ какъ онъ сохранялъ монархію и только ограничивалъ ее), центральное законодательное учрежденіе должно было, по этому проекту, состоять изъ выборныхъ представителей отъ земствъ и думъ, избираемыхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Въ заключеніе были выработаны резолюціи о необходимости созыва учредительнаго собранія, прекращенія войны и т. д.

Наконецъ, вчера, 20 ноября, совершилось нѣчто совершенно неожиданное: юристы устроили банкетъ, опять въ гостинницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел. а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякого разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на „Пѣшемъ базарѣ“. Собралось сюда до 1.000 челов., (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣ свободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе — въ духѣ с.-рев. Говорили прямо, безъ обиняковъ; *вещи называли своими именами*, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Сазонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д.: всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась въ чайной сходка, то гдѣ то по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія, у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались, повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему, урѣзками и вставками. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія: равенство суда для всѣхъ, его гласность, участіе въ немъ народа, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, независимость коронныхъ судей, и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій, независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Поэтому, мы выражаемъ убѣжденіе, что, независимо отъ смѣны лицъ и направленій призываемыхъ руководить судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей.“

Резолюціи, выработанныя сходкой въ народной чайной:

1) Созывъ учредительнаго собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голосовъ.

2) Немедленное прекращеніе войны.

3) Амнистія всѣмъ политическимъ.

Эти резолюціи тремя депутатами были доставлены на банкетъ юристовъ, гдѣ были прочитаны и встрѣчены единодушными громкими апплодисментами.

21/XI въ залѣ коммерческаго собранія, послѣ литературнаго вечера, была устроена сходка на подобіе описанной, но прошла не достаточно удачно и не въ полномъ порядкѣ. Тутъ публика опять показала себя невоспитанной въ политическомъ отношеніи. Дѣло произошло такъ: ко времени окончанія литерат.-музыкальной части вечера, къ коммерческому собранію собралась толпа рабочихъ, желая войти внутрь, такъ какъ они слышали, что тамъ состоится совѣщаніе. Полиціймейстеръ непускалъ ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Тогда вышелъ нѣкто Герасимовъ (сотрудникъ „Саратовскаго Листка“), председательствовавшій на сходкахъ въ фельдшерской школѣ и народной чайной, и вступилъ въ переговоры съ полиціймейстеромъ. Онъ поручился за то, что въ собраніи будетъ соблюденъ порядокъ, и тогда полиціймейстеръ впустилъ толпу и на время стушевался. Начались выборы председателя; одни хотѣли выбрать непремѣнно Герасимова, другіе не хотѣли; изъ нежелавшихъ имѣть его председателемъ одни говорили, что неудобно одному и тому же человѣку выставлятьтя всюду, такъ какъ его за это могутъ арестовать, а другіе не желали его потому, что онъ вступилъ въ разговоры съ полиціймейстеромъ. Эти господа настаивали, что надо было силой войти въ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ, председательствовалъ все таки Герасимовъ. Во время выборовъ публика вела себя очень бурно, такъ что явился опять полиціймейстеръ и заявилъ, что онъ объявляетъ собраніе незаконнымъ, такъ какъ оно нарушаетъ порядокъ и тишину, но другихъ мѣръ онъ не принялъ и сходка закончилась благополучно, хотя прошла довольно безсодержательно.

Описанныя выше событія внесли большое оживленіе, особенно подѣйствовало активное вмѣшательство рабочихъ въ общій хоръ протеста. Послѣ этого, по городу усиленно циркулировали слухи — въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается — что въ Саратовѣ сорганизованы большія массы рабочихъ, готовыхъ прекратить въ нужную минуту всѣ работы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ.

Отношеніе къ протесту замѣтно перемѣнилось даже у самыхъ патентованныхъ реакціонеровъ. Мнѣ приходилось слышать отъ самыхъ „благонамѣренныхъ“ чиновниковъ, вмѣсто прежняго возмущенія „бунтовщиками“, откровенное признаніе, что „мы наканунѣ великихъ событій. Дай только Богъ, чтобы меньше крови пролилось“ и т. п.

Подлили масла въ огонь и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, 22-го ученики техническаго училища прекратили занятія и потребовали возвращанія товарища, исключеннаго за участіе въ сходкѣ 21-го въ клубѣ). Директоръ обѣщалъ исполнить требованіе.

На утро (23-го) семинаристы отказались заниматься, собрались въ залѣ и также потребовали возвращенія товарищей, исключенныхъ за сентябрскій протестъ; къ этому были присоединены и другія мелкія требованія (удаленія инспектора Целебровскаго и пр.) Отказавшись исполнить требованія, начальство закрыло до Рождества 3, 4 и 5 классы, изъ которыхъ 40 человѣкъ, какъ организаторовъ забастовки, исключило безъ права поступленія; въ остальныхъ трехъ классахъ идетъ допросъ. Хотя семинаристами были выставлены только мѣстныя требованія, протестъ надо признать удавшимся, тѣмъ болѣе, что это первый случай открытаго протеста въ здѣшней семинаріи. Всѣ дѣйствовали (исключая одной части шестого класса) необыкновенно дружно и возбудили къ себѣ большое сочувствіе въ обществѣ.

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. Въ воскресенье 5 декабря мѣстная адвокатура праздновала 40-лѣтіе реформы судебныхъ уставовъ. Приглашена была мѣстная интеллигенція и человѣкъ 25 рабочихъ. Всего — въ залѣ коммерческаго клуба — собралось 500 человѣкъ. Въ своей вступительной рѣчи председатель собранія, также какъ и председатель организаціонной комиссіи, выражали надежду, что всѣ ораторы будутъ пѣть въ униссонъ (въ программу вошло 10 ораторовъ, но разрѣшалось говорить и сверхъ программы), не нарушать правилъ гостепріимства (!) и ничѣмъ не омрачать праздника (!!) Говорили о народномъ представительствѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, свободѣ слова, печати, свободѣ совѣсти; о земствѣ, объ амнистіи политическимъ. Всѣ рѣчи — умѣренно либеральнаго характера. Только одинъ изъ нихъ рѣшился поставить точку надъ і и произнесъ слово конституція, встрѣченное громомъ апплодисментовъ. Всѣ они надѣются на воцареніе въ самомъ скоромъ будущемъ свободы, равенства и братства.

Уже послѣ рѣчи 2-го оратора изъ толпы — человѣкъ 200 [illegible] роскошно сервированнаго стола — выступилъ ораторъ, прося у председателя позволенія прочесть, выработанную на цѣломъ рядѣ собраній, резолюцію рабочихъ. Председатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ“, сказалъ председатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, председателемъ котораго былъ тамъ Короленко“.

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, — мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы. Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода“, не пропущенные цензурой даже теперь“.

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „чоговорками“. Говорило еще 2 с.-д. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, а какъ только рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ: „встаньте, поютъ народный гимнъ“. Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

Такъ какъ с.-д—ту дали слово лишь послѣ окончанія программы, когда резолюція либераловъ была уже прочитана, то публика, въ сущности, не разбиралась въ вопросѣ (правда с.-д. своей резолюціи въ бюро не представили) и подписывалъ, сама не зная что.

Когда извѣстный въ городѣ адвокатъ-юдофобъ Севастьяновъ съ рюмкой въ рукѣ произносилъ свою рѣчь, одинъ рабочій крикнулъ: „оставь рюмку, мы голодны“.

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ, разбрасывавшихъ прокламаціи, арестовали, остальныхъ разогнали. — Карловъ (жандармскій полковникъ), полиціймейстеръ и помощникъ его все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ шпиковъ. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ помѣщенной въ № 79 корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи десятка полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября, вечеромъ, состоялся „банкетъ“ въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало до 400 либераловъ. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ“, какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ за самымъ лѣвымъ столомъ въ числѣ 50, и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая безтактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда, только съ этой цѣлью и должны были придти сюда или вовсе не приходить“. Въ отвѣтъ на это, имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, такъ какъ имъ задолго до банкета было предложено совмѣстно со всѣми политическими группами организовать банкетъ и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта; 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, поэтому всѣ тѣ, которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса, наравнѣ со всѣми прочими, вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ и 3) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ кореннымъ вопросамъ русской жизни и долгъ ихъ заключается въ открытомъ проведеніи своей точки зрѣнія, диктовать же имъ тему для обсужденія никто не можетъ и въ 4) срывать банкета они и не думаютъ, если же либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій соц.-демократической программы, то за этотъ актъ трусости данная группа менѣе всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній, остановились на томъ, что полемизировать не будутъ, но мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около 500 человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около 10½ часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія“... Это говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ нетрудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ эстрадѣ съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это еще что за безобразіе, вонъ, вонъ!“ болѣе же рьяный изъ нихъ шелъ дальше: „такъ соціальдемократы уважаютъ свободу; это они провели его сюда, вонъ, подлецы, и прочее“. Кончилось тѣмъ, что депутату рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первую рѣчь произнесъ городской голова, Зеленый. Онъ много говорилъ о судебной реформѣ, о томъ, что ею мы обязаны Александру II, память котораго предложилъ почтить вставаніемъ. Всѣ, за исключеніемъ лѣваго стола, встали, тѣ же немногіе изъ протестующихъ, которые были въ сторонѣ отъ своихъ стульевъ, низко опустили головы. За первою рѣчью посыпался цѣлый рядъ либеральныхъ рѣчей, а слово депутату такъ и не давалось. Явилось подозрѣніе, что ему не хотятъ дать слова, кто то заглянулъ въ списокъ ораторовъ и, дѣйствительно, оказалось, что депутатъ не записанъ. Тогда лѣвый столъ послалъ сказать председателю, что если онъ не дастъ имъ слова, они будутъ протестовать. Тогда дано было слово одному изъ нихъ, который произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ началъ съ того, что здѣсь произнесено было много хорошихъ, красивыхъ рѣчей, много наговорили либеральныхъ словъ, но никто не остановился на томъ, кому собственно они обязаны этой возможностью высказывать свои либеральные взгляды. Напомнилъ имъ, что ихъ высказыванія зависятъ отъ „погоды“, въ то время какъ другой классъ людей высказывался всегда откровенно, рѣзко и опредѣленно во всякую „погоду“, чѣмъ и проложилъ дорогу всему современному либеральничанію. Этотъ классъ — рабочій классъ. Онъ растетъ и ширится и если они — либералы — хотятъ чего-нибудь достигнуть, они должны прислушиваться къ тому, чего хочетъ, чего требуетъ этотъ классъ. Прежде всего, онъ требуетъ поправокъ и дополненій къ резолюціи, выработанной на земскомъ съѣздѣ, именно: 1) немедленнаго прекращенія войны, 2) осуществленія въ законодательномъ порядкѣ всей демократической программы.

За нимъ говорилъ рабочій отъ имени пролетаріата (рѣчь помѣщена въ 79 № „Искры“). Либералы перерывали его криками „довольно, довольно“, но съ другой стороны, раздавалось: „просимъ, продолжайте“ и ораторъ, выругавъ либераловъ трусами, продолжалъ рѣчь. Затѣмъ заговорилъ Драго, гласный думы, который началъ съ того, что очень радъ видѣть здѣсь представителей пролетаріата, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы выслушать ихъ мнѣнія, хотя и находитъ ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ отношеніи совсѣмъ другое замѣчается у либераловъ; взять хоомъ, вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую на, повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи еобходимо, ей „до зарѣзу“ нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, инициаивная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи рганизація.

Петербургскій „фортъ Шаброль“. 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не входить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили изрядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны; — начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы“ пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва почти совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ, человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ, городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ оттѣснили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еще городовые и началась настоящая бойня. Полиція рубила направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненные и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ плашмя по головѣ образовали груду тѣлъ. Товарищи бросились поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины, но нѣсколько человѣкъ осталось лежать на мостовой. Меня окружили четыре здоровыхъ городовыхъ и принялись колотить шашками. Цѣлъ я остался лишь благодаря тому, что на головѣ у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли прорубить, а въ рукахъ основательная дубинка, фунтовъ 5-6. Домой я вернулся почти что цѣлъ и невредимъ, только немного побаливаетъ голова.

Водворяя порядокъ, городовые страшно озвѣрѣли, рубили безъ всякой пощады, у тѣхъ же, которые били плашмя, шашки были совершенно изогнуты ударами дубинокъ. Вижу, наприм., такую сцену: околодочный стрѣляетъ въ упоръ по толпѣ 5 разъ изъ револьвера, но, очевидно, стрѣлялъ холостыми, т. к. никто не падалъ. Въ другомъ мѣстѣ студентъ зацѣпился за ограду и 5 городовыхъ бьютъ его шашками. Дальше околодочный ударилъ со всего размаху шашкой курсистку такъ, что она падаетъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ безъ конца. Посторонняя публика вела себя хорошо. На Тверскомъ бульварѣ арестовали человѣкъ 10, въ Леонтьевскомъ же переулкѣ забрали толпу человѣкъ въ 150.

(Судя по правительственному сообщенію, эта демонстрація организованна мѣстнымъ комитетомъ партіи соц.-рев., листокъ котораго, призывающій на демонстрацію, присланъ намъ. *Ред.*)

Москва. 6-го декабря, на слѣдующій день послѣ избіенія студентовъ, около полудня опять публика стала стекаться на улицы, на этотъ разъ самая разнообразная, встрѣчалось очень много рабочихъ. Настроеніе было страшно возбужденное. Полиція оттѣсняла толпу на Страстную площадь, несмотря на то, что не было ни пѣнія, ни флаговъ, стала бить ее шашками, часть вогнала во дворъ и тутъ въѣхали казаки, послѣ чего были вызваны кареты медицинской помощи. При малѣйшей группировкѣ, конные казаки съ гикомъ ее разгоняли. Въ это время, часамъ къ 2-мъ, въ Кремлѣ у Краснаго Крыльца собралось до *200 рабочихъ* и прочли публикѣ резолюцію: „Мы — рабочіе 22 заводовъ и фабрикъ — съ Краснаго Крыльца Кремлевскаго дворца провозглашаемъ гибель самодержавнаго строя и борьбу за царство соціализма и свободы.“ Въ толпѣ здѣсь было нѣсколько сотъ человѣкъ — сочувствующихъ и зѣвакъ. Демонстранты спокойно разошлись группами. Обошлось безъ вмѣшательства полиціи.

Саратовъ 24 XI. Въ Саратовѣ сейчасъ творится нѣчто невиданное и непонятное. Царитъ полная свобода собраній и слова. Началось это такъ: 5 ноября, т. е. наканунѣ открытія земскаго съѣзда въ Петербургѣ, у насъ въ первоклассной гостиницѣ („Россія“) былъ устроенъ банкетъ съ ужиномъ, почему за входъ пришлось платить по 2 рубля. Билеты раздавались только по рекомендаціи. Говорились довольно свободныя, но вполнѣ, даже черезъ чуръ „парламентскія“ рѣчи о свободѣ личности, совѣсти, печати и т. д. Въ результатѣ былъ выработанъ привѣтственный адресъ земскому съѣзду въ довольно демократическомъ духѣ. Подписалось подъ этой телеграммой 319 челов., всего на банкетѣ было человѣкъ 400, изъ нихъ оказалось 3 предводителя дворянства, 1 предсѣдатель уѣзд. зем. упр., 38 инженеровъ, 19 купцовъ (больше изъ думцевъ), 16 учителей, 2 рабочихъ, 1 крестьянинъ, много врачей, адвокатовъ и т. д. и 1 мѣщанскій староста.

Адресъ дошелъ по назначенію и, говорятъ, произвелъ на съѣздѣ фуроръ своими подписями. Затѣмъ 15 XI въ помѣщеніи фельдшерской школы, въ засѣданіи родительскаго кружка секціи дѣтской гигіены Саратовскаго аптекарскаго общества, сначала былъ прочитанъ некрологъ Бунакова, а затѣмъ разговоръ перешелъ на земскій съѣздъ, были прочитаны резолюціи съѣзда, потомъ прочли проектъ конституціи, выработанный кружкомъ какихъ-то умѣренныхъ либераловъ; перешли къ критическому разбору проекта; говорили интеллигенты и рабочіе; всѣ отнеслись къ этому проекту очень несочувственно, такъ какъ онъ сохранялъ монархію и только ограничивалъ ее; центральное законодательное учрежденіе должно было, по этому проекту, состоять изъ выборныхъ представителей отъ земствъ и думъ, избираемыхъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Въ заключеніе были выработаны резолюціи о необходимости созыва учредительнаго собранія, прекращенія войны и т. д.

Наконецъ, вчера, 20 ноября, совершилось нѣчто совершенно неожиданное: юристы устроили банкетъ, опять въ гостиницѣ (платный), гдѣ присутствовало до 700 чел., а демократическая публика устроила свое собраніе безъ всякого разрѣшенія и внѣшняго легальнаго повода, въ народной чайной на „Пѣшемъ базарѣ“. Собралось сюда до 1.000 челов. (рабочихъ, интеллигенціи, учащихся). Рѣчи говорились вполнѣ свободныя, причемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе — въ духѣ с.-рев. Говорили прямо, безъ обиняковъ; *вещи называли своими именами*, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Сазонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д.; всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась въ чайной сходка, то гдѣ то по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія, у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались, повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему, урѣзками и вставками. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія: равенство суда для всѣхъ, его гласность, участіе въ немъ народа, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, независимость коронныхъ судей, и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій, независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Поэтому, мы выражаемъ убѣжденіе, что, независимо отъ смѣны лицъ и направленій призываемыхъ руководить судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь при условіи законодательной гарантіи и свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, и при участіи въ законодательствѣ страны выборныхъ народныхъ представителей.“

Резолюціи, выработанныя сходкой въ народной чайной:

1. Созывъ учредительнаго собранія на почвѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права и тайной подачи голосовъ.
2. Немедленное прекращеніе войны.
3. Амнистія всѣмъ политическимъ.

Эти резолюціи тремя депутатами были доставлены на банкетъ юристовъ, гдѣ были прочитаны и встрѣчены единодушными громкими аплодисментами.

21 XI въ залѣ коммерческаго собранія, послѣ литературнаго вечера, была устроена сходка на подобіе описанной, но прошла не достаточно удачно и не въ полномъ порядкѣ. Тутъ публика опять показала себя невоспитанной въ политическомъ отношеніи. Дѣло происходило такъ: ко времени окончанія литературно-музыкальной части вечера, къ коммерческому собранію собралась толпа рабочихъ, желая войти внутрь, такъ какъ они слышали, что тамъ состоится совѣщаніе. Полиціймейстеръ не пускалъ ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Тогда вышелъ нѣкто Герасимовъ, сотрудникъ „Саратовскаго Листка“, предсѣдательствовавшій на сходкахъ въ фельдшерской школѣ и народной чайной, и вступилъ въ переговоры съ полиціймейстеромъ. Онъ поручился за то, что въ собраніи будетъ соблюденъ порядокъ, и тогда полиціймейстеръ впустилъ толпу и на время стушевался. Начались выборы предсѣдателя: одни хотѣли выбрать непремѣнно Герасимова, другіе не хотѣли; изъ нежелавшихъ имѣть его предсѣдателемъ одни говорили, что неудобно одному и тому же человѣку выставляться всюду, такъ какъ его могутъ арестовать, а другіе не желали его потому, что онъ вступилъ въ разговоры съ полиціймейстеромъ. Эти послѣдніе настаивали, что надо было силой войти въ помѣщеніе. Въ концѣ концовъ предсѣдательствовалъ все таки Герасимовъ. Во время выборовъ публика вела себя очень бурно, такъ что явился опять полиціймейстеръ и заявилъ, что онъ объявляетъ собраніе незаконнымъ, такъ какъ оно нарушаетъ порядокъ и тишину, но другихъ мѣръ онъ не принялъ и сходка закончилась благополучно, хотя прошла довольно безсодержательно.

Описанныя выше событія внесли большое оживленіе, особенно подѣйствовало активное вмѣшательство рабочихъ въ общій хоръ протеста. Послѣ этого по городу усиленно циркулировали слухи (въ истинности которыхъ никто не сомнѣвается), что въ Саратовѣ организованы большія массы рабочихъ, готовыя прекратить въ нужную минуту всѣ работы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ.

Отношеніе къ протесту замѣтно перемѣнилось даже у самыхъ патентованныхъ реакціонеровъ. Мнѣ приходилось слышать отъ самыхъ „благонамѣренныхъ“ чиновниковъ, вмѣсто прежняго возмущенія „бунтовщиками“, откровенное признаніе, что „мы наканунѣ великихъ событій. Дай только Богъ, чтобы меньше крови пролилось“ и т. п.

Подлили масла въ огонь и безпорядки въ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, 22-го ученики техническаго училища прекратили занятія и потребовали возвращенія товарища, исключеннаго за участіе въ сходкѣ 21-го въ клубѣ. Директоръ обѣщалъ исполнить требованіе.

На утро 23-го семинаристы отказались заниматься, собрались въ залѣ и также потребовали возвращенія товарищей, исключенныхъ за сентябрьскій протестъ; къ этому были присоединены и другія мелкія требованія (удаленія инспектора Нечеброваго и др.). Отказавшись исполнить требованія, начальство закрыло до Рождества 3, 4 и 5 классы, изъ которыхъ 40 человѣкъ, какъ организаторовъ забастовки, исключило безъ права поступленія, въ остальныхъ трехъ классахъ идетъ опросъ. Хотя семинаристами были выставлены только мѣстныя требованія, протестъ надо признать удавшимся тѣмъ болѣе, что это первый случай открытаго протеста въ стѣнахъ семинаріи. Всѣ эти исторіи [illegible] исключая одной части [illegible] класса, необыкновенно дружно и возбудили къ себѣ большое сочувствіе въ обществѣ.

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. Въ воскресенье 5 декабря мѣстная адвокатура праздновала 40-тіе реформы судебныхъ уставовъ. Приглашена была мѣстная интеллигенція и человѣкъ 25 рабочихъ. Всего въ залѣ коммерческаго клуба собралось 500 человѣкъ. Въ своей вступительной рѣчи предсѣдатель собранія, также какъ и предсѣдатель организаціонной комиссіи, выражали надежду, что всѣ ораторы будутъ пѣть въ унисонъ (въ программу вошли 10 ораторовъ), но разрѣшалось говорить и сверхъ программы, не нарушать правилъ гостепріимства (!) и ничѣмъ не омрачать праздника (!!). Говорили о народномъ представительствѣ, о крестьянскомъ вопросѣ, свободѣ слова, печати, свободѣ совѣсти, о земствѣ, объ амнистіи политическимъ. Всѣ рѣчи — умѣренно либеральнаго характера. Только одинъ изъ нихъ рѣшился поставить точку надъ i и произнесъ слово конституція, встрѣченное громомъ аплодисментовъ. Всѣ они надѣятся на воцареніе въ самомъ скоромъ будущемъ свободы, равенства и братства.

Уже послѣ рѣчи 2-го оратора изъ толпы — человѣкъ 200 стоявшей вокругъ роскошно сервированнаго стола — выступилъ ораторъ, прося у предсѣдателя позволенія прочесть, вынесенную на цѣломъ рядѣ собраній, резолюцію рабочихъ. Предсѣдатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ“, сказалъ предсѣдатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, предсѣдателемъ котораго былъ тамъ Короленко“.

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, — мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы. Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода“, не пропущенные цензурой даже теперь“.

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „чоговорками“. Говорило еще 2 с.-д. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, и какъ только рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ: „встаньте, поютъ народный гимнъ“. Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

Такъ какъ с.-д.-ту дали слово лишь послѣ окончанія программы, когда резолюція либераловъ была уже прочитана, то публика, въ сущности, не разбиралась въ вопросѣ (правда с.-д. своей резолюціи въ бюро не представили) и подписывалъ, сама не зная что.

Когда извѣстный въ городѣ адвокатъ юдофобъ Севастьяновъ съ рюмкой въ рукѣ произносилъ свою рѣчь, одинъ рабочій крикнулъ: „оставь рюмку, мы голодны“.

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ, разбрасывавшихъ прокламаціи, арестовали, остальныхъ разогнали. — Карловъ (жандармскій полковникъ), полиціймейстеръ и помощникъ его все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ шпиковъ. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ помѣщенной въ № 79 корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи десятка полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября, вечеромъ, состоялся „банкетъ“ въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало до 400 либераловъ. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ“, какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ за самымъ лѣвымъ столомъ въ числѣ 50, и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая безтактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда, только съ этой цѣлью и должны были придти сюда или вовсе не приходить“. Въ отвѣтъ на это, имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, такъ какъ имъ задолго до банкета было предложено совмѣстно со всѣми политическими группами организовать банкетъ и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта; 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, поэтому всѣ тѣ, которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса, наравнѣ со всѣми прочими, вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ и 3) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ кореннымъ вопросамъ русской жизни и долгъ ихъ заключается въ открытомъ проведеніи своей точки зрѣнія; диктовать же имъ тему для обсужденія никто не можетъ и въ 4) срывать банкета они и не думаютъ; если же либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій соц.-демократической программы, то за этотъ актъ трусости данная группа менѣе всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній, остановились на томъ, что полемизировать не будутъ, но мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около 500 человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около 10½ часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія“... Это говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ нетрудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ эстрадѣ съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это еще что за безобразіе, вонъ, вонъ“; болѣе же рьяный изъ нихъ шелъ дальше: „такъ соціальдемократы уважаютъ свободу; это они провели его сюда, вонъ, подлецы, и прочее“. Кончилось тѣмъ, что депутату рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первую рѣчь произнесъ городской голова, Зеленый. Онъ много говорилъ о судебной реформѣ, о томъ, что ею мы обязаны Александру II, память котораго предложилъ почтить вставаніемъ. Всѣ, за исключеніемъ лѣваго стола, встали, тѣ же немногіе изъ протестующихъ, которые были въ сторонѣ отъ своихъ стульевъ, низко опустили головы. За первою рѣчью посыпался цѣлый рядъ либеральныхъ рѣчей, а слово депутату такъ и не давалось. Явилось подозрѣніе, что ему не хотятъ дать слова, кто-то заглянулъ въ списокъ ораторовъ и, дѣйствительно, оказалось, что депутатъ не записанъ. Тогда лѣвый столъ послалъ сказать предсѣдателю, что если онъ не дастъ имъ слова, они будутъ протестовать. Тогда дано было слово одному изъ нихъ, который произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ началъ съ того, что здѣсь произнесено было много хорошихъ, красивыхъ рѣчей, много наговорили либеральныхъ словъ, но никто не остановился на томъ, кому собственно они обязаны этой возможностью высказывать свои либеральные взгляды. Напомнилъ имъ, что ихъ высказыванія зависятъ отъ „погоды“, въ то время какъ другой классъ людей высказывался всегда откровенно, рѣзко и опредѣленно во всякую „погоду“, чѣмъ и проложилъ дорогу всему современному либеральничанью. Этотъ классъ — рабочій классъ. Онъ растетъ и ширится и если они — либералы — хотятъ чего-нибудь достигнуть, они должны прислушиваться къ тому, чего хочетъ, чего требуетъ этотъ классъ. Прежде всего, онъ требуетъ поправокъ и дополненій къ резолюціи, выработанной на земскомъ съѣздѣ, именно: 1) немедленнаго прекращенія войны, 2) осуществленія въ законодательномъ порядкѣ всей демократической программы.

За нимъ говорилъ рабочій отъ имени пролетаріата (рѣчь помѣщена въ 79 № „Искры“). Либералы перерывали его криками „довольно, довольно“, но съ другой стороны раздавалось: „просимъ, продолжайте“ и ораторъ, выругавъ либераловъ трусами, продолжалъ рѣчь. Затѣмъ заговорилъ Драго, гласный думы, который началъ съ того, что очень радъ видѣть здѣсь представителей пролетаріата, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы выслушать ихъ мнѣнія, хотя и находитъ ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ отношеніи совсѣмъ другое замѣчается у либераловъ; взять хокомъ, вытащить свою телѣгу изъ той трясины, въ которую она, повидимому, попала — по чьей винѣ, все равно. Партіи необходимо, ей „до зарѣзу" нужно, чтобы *именно въ Петербургѣ* въ настоящій моментъ дѣйствовала живая, подвижная, инициативная и продуманно подготовляющая свои боевыя операціи организація.

Петербургскій „фортъ Шаброль". 1-го декабря произошла невѣроятная исторія въ Политехникумѣ. Ночью въ зданіе Политехническаго института прибыло человѣкъ 25 жандармовъ для совершенія обыска въ институтѣ.

Институтъ вмѣстѣ съ Лѣснымъ находятся верстахъ въ 15 отъ города. Студентовъ въ общежитіи человѣкъ 1500. Они не пустили жандармовъ, тѣ къ директору, онъ отвѣчаетъ, что онъ обязанъ ихъ пустить на основаніи устава, но проситъ ихъ не входить. Жандармы настаивали — тогда онъ сказалъ, что за студентовъ не ручается. Все происходило въ присутствіи толпы студентовъ. Жандармы вошли и начали обыскъ. Вдругъ потухло электричество и жандармовъ заперли въ чертежной, исколотили изрядно и вышибли изъ зданія. Мгновенно собрана была сходка и при участіи профессоровъ было рѣшено не пускать полицію въ зданіе. Съ флагами, съ пѣснями толпа пошла въ Лѣсной институтъ, разбудила студентовъ и попросила помощи, тѣ присоединились къ Политехникамъ и пошли назадъ. Въ это время стало извѣстно, что ѣдетъ конная полиція. Тотчасъ же были устроены баррикадные рвы, вооружились сѣрной кислотой, поставили насосы высокаго давленія. Былъ выбранъ Комитетъ охраны, — начали готовить динамитныя бомбы, но полиція испугалась и ушла. Тотчасъ же собрался совѣтъ профессоровъ и была вынесена резолюція, что при существующемъ порядкѣ вещей, когда личность и жилище не гарантированы и когда полиція имѣетъ такую большую власть, не можетъ правильно продолжаться учебная дѣятельность, и потому совѣтъ черезъ министра требуетъ гарантій свободы личности и жилища и т. д.

Москва. 5 декабря (частное). Только что вернулся съ демонстраціи, которая назначена была въ 1 часъ дня 5 декабря на Тверской улицѣ. Въ 1 ч. 10 м. быстро собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выкинули знамена и съ пѣніемъ „Марсельезы" пошли вверхъ по Тверской къ дому губернатора. Полиція сперва [illegible] совершенно отсутствовала, но потомъ появился передъ нами отрядъ городовыхъ человѣкъ въ 20. Толпа не обратила на нихъ вниманія и пошла на нихъ. Городовые же мирно пошли передъ демонстрантами. Такое шествіе продолжалось нѣсколько минутъ. Городовые вдругъ сразу повернули назадъ и съ обнаженными шашками бросились на толпу. Этотъ первый натискъ полиціи былъ встрѣченъ палками и городовыхъ въ первый моментъ отбросили, но изъ дворовъ сосѣднихъ домовъ на демонстрантовъ кинулись еще городовые и началась настоящая бойня. Полиція рубила направо и налѣво, не разбирая ни пола, ни возраста. Толпа не оказала почти что никакого сопротивленія и бросилась бѣжать. Раненые и падавшіе безъ сознанія отъ ударовъ плашмя по головѣ образовали груду тѣлъ. [illegible] поднимать и вносить въ сосѣдніе магазины. Во [illegible] человѣкъ [illegible] лежать на мостовой. Меня окружили четверо городовыхъ [illegible] и принялись колотить шашками [illegible] благодаря тому, что на голову у меня была мѣховая шапка, которую они не смогли разрубить [illegible] фунтовъ 5 [illegible]. Домой я вернулся [illegible] только немного [illegible].

Водворяя [illegible] безъ всякаго [illegible] были совершенно [illegible] такую сцену [illegible] изъ револьвера [illegible] не падать. Въ другомъ мѣстѣ [illegible] 5 городовыхъ били [illegible] шашками. [illegible] рилъ со всего размаху шашкой [illegible] етъ безъ чувствъ на землю. Подобныхъ случаевъ [illegible]. Посторонняя публика [illegible]. На Тверскомъ бульварѣ арестовали человѣкъ [illegible] толпу человѣкъ въ [illegible].

(Судя [illegible] демонстрація организована [illegible] которая [illegible].)

Москва. [illegible] студентовъ [illegible] на этотъ разъ [illegible] рабочихъ. [illegible] оттѣсняла толпу [illegible] не было ни [illegible] вогнала [illegible] вызваны [illegible] ровкѣ [illegible] часами [illegible] *200 рабочихъ* [illegible] 22 завода и фабрики [illegible] двор [illegible] за [illegible] ско [illegible] стран [illegible] ша [illegible].

Саратовъ 24 XI. [illegible] данія [illegible] На [illegible] съѣзда [illegible] пришлось [illegible] рекоменда [illegible] черезъ [illegible] печати и [illegible] ный [illegible] духѣ. [illegible] на банкетѣ [illegible] дители [illegible] роев [illegible] чихъ [illegible] щанскій староста.

А [illegible] съѣздъ [illegible] нія [illegible] секціи [illegible] сначала былъ [illegible] воръ перенесъ [illegible] съѣзда, [illegible] кружкомъ [illegible] критическому [illegible] чие все [illegible] такъ какъ [illegible] ее центральное [illegible] этому проекту [illegible] земства и думы [illegible] тельнаго права. [illegible] необходимости [illegible] войны и т. д.

Наконецъ вчера [illegible] неожиданное [illegible] платный [illegible] присутствовало [illegible] публика устроила [illegible] внѣшняго легальнаго [illegible] „[illegible] базаръ". Собралось около 1000 человѣкъ [illegible] рабочихъ, интеллигенціи, учащихся. Рѣчи [illegible] чемъ одни ораторы говорили въ духѣ соц.-дем., другіе въ духѣ с.-рев. Говорили прямо безъ обиняковъ, [illegible] своими именами, и тутъ *впервые* опредѣленно высказались за *демократическую республику*. Тутъ опять занимались очень много критикой, и довольно рѣзкой, либераловъ. Когда были выработаны резолюціи, рѣшено было черезъ представителей сообщить ихъ юристамъ, присутствующимъ на своемъ банкетѣ, что и было исполнено послѣ нѣкоторой борьбы, такъ какъ многіе не хотѣли вступать съ ними ни въ какія сношенія (считая ихъ представителями либеральной партіи). Между прочимъ, собраніе, по предложенію одной особы, почтило вставаніемъ Сазонова.

Справедливость требуетъ прибавить, что сходка была организована недостаточно умѣло: ораторы часто повторяли другъ друга, и не говорили обо многомъ существенномъ; особенно ничего не было сказано о томъ, что сейчасъ надо *дѣлать*. Затѣмъ во всѣхъ разговорахъ о либералахъ сильно сквозитъ полное смѣшеніе программы съ тактикой и практической политикой. Большинство совершенно забыло тотъ пунктъ соціальдемократической программы, который гласитъ, что соц.-дем. поддерживаетъ всякое прогрессивное движеніе до тѣхъ поръ, пока и т. д., всѣ твердятъ, что съ либералами нельзя и ненадо имѣть ничего общаго, что съ ними надо бороться и т. д.

Вообще, оживленіе въ городѣ сильное. Когда собралась въ чайной сходка, то гдѣ-то по близости были спрятаны вооруженные солдаты (чел. 40) и казаки. Во время собранія туда вошелъ было приставъ, но его попросили уйти и онъ ушелъ. Ко времени окончанія, у выхода стояли два-три старшихъ чина и нѣсколько городовыхъ, но ничего не предпринимали и сходка мирно, чинно и солидно разошлась. На дняхъ предполагается организовать еще нѣсколько такихъ сходокъ.

Текстъ телеграммы участниковъ банкета юристовъ, посланной министру юстиціи за подписью 575 человѣкъ:

„Собравшись въ день сорокалѣтія судебныхъ уставовъ и обсудивъ положеніе русскаго правосудія, мы признаемъ, что великія идеи, которыя стремились провести въ жизнь творцы судебной реформы, не только не осуществились и не получили дальнѣйшаго развитія, но, напротивъ, подрывались повидимому случайными, но въ дѣйствительности представлявшими своеобразную стройную систему урѣзками и [illegible]ами. Эта система въ корнѣ подорвала истинныя основы правосудія [illegible] для всѣхъ [illegible] участіе въ немъ народа [illegible] незыблемыхъ [illegible] независимость коронныхъ судей, и преслѣдованіе только по суду всѣхъ преступленій независимо отъ ихъ характера и отъ общественнаго положенія преступника. Посему, мы выражаемъ убѣжденіе, что независимо отъ смѣны лицъ [illegible] призываемыхъ руководить судебнымъ строемъ, правильное отправленіе правосудія въ Россіи станетъ возможнымъ лишь [illegible] законодательной гарантіи свободы личности, слова, печати, собраній и [illegible] и при участіи въ законодательствѣ [illegible] народныхъ представителей."

[illegible]

1. [illegible]

2. [illegible]

3. Амнистія [illegible]

Эти [illegible] на банкетѣ [illegible] 1. [illegible] [illegible] ментами.

[illegible] не прошла [illegible] публика [illegible] [illegible] „Искра" [illegible]

[illegible] гдѣ [illegible] [illegible] рабочихъ [illegible]

Ростовъ на Дону. Либеральный банкетъ и пролетаріи. [illegible] самымъ скорымъ созывомъ [illegible] свободы, равенства и братства.

Уже [illegible]

[illegible] стояло вокругъ роскошно сервированнаго стола — выступилъ ораторъ, прося у предсѣдателя позволенія прочесть, вынесенную на цѣломъ рядѣ собраній, резолюцію рабочихъ. Предсѣдатель возмутился нарушеніемъ порядка, несоблюденіемъ правилъ гостепріимства (!!) и, не смотря на указаніе на то, что собравшіеся на улицѣ рабочіе ждутъ на холодѣ когда будетъ прочтена ихъ резолюція, что ихъ разгонитъ полиція, онъ ни слова этому, ни слова къ порядку другому оратору не далъ.

„Вѣдь они-жъ на улицѣ; пусть собираются гдѣ хотятъ", сказалъ предсѣдатель. По окончаніи програмной части, резолюція все таки была прочитана.

Начался ужинъ. Рѣчи продолжались. Слово взялъ великолѣпный ораторъ — соціальдемократъ, участникъ петербургскаго банкета. „Прежде всего я долженъ извиниться передъ вами за то, что буду говорить въ то время, какъ вы будете ѣсть (хохотъ); а затѣмъ позволю себѣ подѣлиться съ вами впечатлѣніями отъ Питерскаго банкета, предсѣдателемъ котораго былъ тамъ Короленко".

Разсказавъ подробно о петербургскомъ банкетѣ и обращаясь къ либераламъ, ораторъ сказалъ: Вы чуть было не поступили дурно. Вы не хотѣли выслушать резолюцію рабочихъ и чуть не прогнали представителя пролетаріата. Вы думаете добиться свободы сидя здѣсь за вкусными яствами, заставляя людей, кровью своей купившихъ вамъ возможность свободно разговаривать, — мокнуть подъ дождемъ. Свободы вамъ не дадутъ, пока вы не присоединитесь къ пролетаріату для совмѣстной активной борьбы. Затѣмъ онъ прочелъ стихи Тана „Свобода", не пропущенные цензурой даже теперь".

Рѣчь произвела страшно сильное впечатлѣніе, либералы хлопали до изнеможенія, а крайніе прерывали рѣчь своими „поговорками". Говорило еще 2 с.-д. Одинъ изъ нихъ прочелъ свои стихи.

Настроеніе росло и росло, и [illegible] рабочіе запѣли Варшавянку, раздался возгласъ „встаньте, поютъ народный гимнъ". Почти всѣ встали и слушали все время стоя.

[illegible] окончанія программы [illegible] либераловъ была [illegible] то [illegible] разбирались въ вопросѣ [illegible] сами [illegible]

[illegible] рабочій [illegible] мы [illegible]

На улицѣ стояла толпа рабочихъ человѣкъ въ 100. Нѣсколько человѣкъ [illegible] арестовали остальныхъ разогнали [illegible] жандармскій полковникъ, полиціймейстеръ и пом. [illegible] все время сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Было много переодѣтыхъ [illegible]. Главные ораторы скрылись.

Одесса. Въ дополненіе къ [illegible] корреспонденціи, приводимъ болѣе подробное изложеніе событій, составленное на основаніи точныхъ полученныхъ изъ Одессы писемъ.

20 ноября вечеромъ состоялся „банкетъ" въ Благородномъ Собраніи, на которомъ присутствовало [illegible] 400 [illegible]. Еще до банкета либераламъ стало извѣстно, что опредѣленная группа лицъ проектируетъ предложить свою собственную демократическую резолюцію, выражающую интересы рабочаго класса и расходящуюся съ постановленіями земскаго съѣзда. Испуганные этимъ обстоятельствомъ, либералы въ самомъ началѣ банкета отнеслись крайне враждебно къ кучкѣ „нахаловъ", какъ кто-то изъ нихъ выразился, сидѣвшихъ на самомъ концѣ столовъ въ числѣ [illegible] и вступили въ переговоры съ этой группой участниковъ. „Господа, говорили они, вы хотите намъ сорвать банкетъ, это политическая безтактность, вы вносите въ общее дѣло дезорганизацію. Это собраніе имѣетъ опредѣленную цѣль, именно исключительно поддержаніе земскихъ резолюцій, и всѣ явились сюда только съ этой цѣлью и должны были притти сюда или вовсе не приходить". Въ отвѣтъ на это имъ было заявлено 1) что эти переговоры запоздали, [illegible] имъ задолго до банкета было предложено совмѣстно со всѣми политическими группами организовать банкетъ и тогда бы не пришлось въ настоящую минуту бесѣдовать, но что на это предложеніе либералы не дали отвѣта, 2) что данная группа смотритъ на этотъ банкетъ, какъ на собраніе представителей всѣхъ слоевъ общества въ широкомъ смыслѣ слова, поэтому и [illegible] 3) которые берутъ на себя защиту интересовъ рабочаго класса наравнѣ со всѣми прочими, вправѣ считать себя хозяевами на этомъ банкетѣ и 4) что данная группа смотритъ на всякое общественное собраніе, какъ на мѣсто для выраженія своего отношенія къ [illegible]ренным вопросамъ русской жизни и [illegible] ихъ въ открытомъ [illegible] своей точки зрѣнія [illegible] для обсужденія [illegible] не можетъ [illegible] банкета они и не думаютъ, [illegible] либеральная публика разбѣжится при заявленіи имъ минимальныхъ требованій демократической программы, [illegible] трусости данная группа меньше всего можетъ быть отвѣтственна. Послѣ долгихъ преній остановились на томъ, что [illegible] не будутъ, но мотивированное заявленіе демократическихъ требованій будетъ предложено присутствующимъ. Публика, около [illegible] человѣкъ, заняла мѣста въ главномъ залѣ. Вдругъ около [illegible] часовъ неожиданно раздался громко взволнованный голосъ: „Граждане, именемъ пролетаріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія" [illegible] говорилъ молодой человѣкъ, въ которомъ не трудно было узнать пролетарія. Многіе вскакиваютъ съ своихъ мѣстъ, а либералы-распорядители бросаются къ оратору съ крикомъ: „долой отсюда, вонъ, это [illegible] вонъ" [illegible] Болѣе же рѣзкій изъ нихъ [illegible] соціальдемократы указываютъ свободу, это [illegible] и [illegible]". Кончилось тѣмъ, что [illegible] рабочихъ обѣщали дать слово въ очередь. Первымъ [illegible] городской голова [illegible]. Онъ много говорилъ [illegible] судебной реформѣ [illegible] мы обязаны Александру [illegible] память котораго предложилъ [illegible] почтить вставаніемъ. Всѣ за исключеніемъ [illegible] встали [illegible] же немногіе изъ присутствующихъ, которые были [illegible] своихъ стульевъ [illegible] рѣчью посыпался цѣлый рядъ либеральныхъ рѣчей, а слово депутату такъ и не давалось. [illegible] ему не хотѣли дать слова, что [illegible] и дѣйствительно оказалось, [illegible] послать сказать [illegible] слова, они будутъ [illegible] одному изъ нихъ, который [illegible] того, что здѣсь [illegible] много [illegible] красивыхъ рѣчей, много на [illegible] никто не остановился на томъ, [illegible] этой возможности [illegible] называть [illegible]. Напомнилъ имъ, что [illegible] высказыванія [illegible] въ то время какъ другой классъ [illegible] и опредѣленно [illegible] современномъ [illegible] рабочій классъ. [illegible] хотятъ че[illegible] присоединиться къ тому, [illegible] онъ требуетъ [illegible] выработанной на [illegible] войны, [illegible] всей демократической программы.

[illegible] говорилъ [illegible] имени пролетаріата (рѣчь по[illegible] „Искра"). [illegible] перебивали его криками [illegible] раздавались [illegible] трусами, [illegible] рѣчь [illegible] думы, которыя [illegible] представителей [illegible] имѣетъ [illegible] того, чтобы выслушать ихъ [illegible] и находить ихъ слишкомъ нетерпимыми къ чужимъ мнѣніямъ, къ чужимъ взглядамъ; въ этомъ [illegible] замѣчается у либераловъ; взять хотя бы его: онъ не скажетъ, чтобъ ему особенно нравились поправки, но, политическій тактъ требуетъ чтобы и онъ подписался подъ ними. Въ третьемъ часу ночи публика стала расходиться. Оказалось, что подъ земскими резолюціями, подписалось около 300 человѣкъ, подъ демократической — 116 человѣкъ. Резолюціи эти должны быть посланы Святополку-Мирскому, но до сихъ поръ это еще не сдѣлано.

Екатеринославъ. И у насъ „общество" заразилось „весеннимъ" воздухомъ. Вчера вечеромъ 28 ноября состоялся банкетъ, устроенный мѣстной интеллигенціей. Бывшій на съѣздѣ земецъ, предсѣдатель управы Родзянко, читалъ докладъ о съѣздѣ. Екатеринославскіе земцы нарочно выбрали Родзянко, принципіальнаго противника (на сколько у такихъ господъ могутъ быть принципы) всякихъ реформъ, настоящаго царскаго лакея (онъ камергеръ двора), и уполномочили его *непремѣнно* голосовать за конституцію. Какъ ни тяжко было это камергеру, онъ вынужденъ былъ исполнить порученіе. Въ „обществѣ" открыто и увѣренно говорятъ о политической свободѣ. Либералы заявляютъ, что не сегодня — завтра начнется новая глава въ Русской исторіи. „Какъ,—горячатся они, неужели царь посмѣетъ не послушаться земцевъ, вѣдь это судъ земли, котораго „всегда слушались".

Устроители банкета постарались, чтобы „черная публика" не помѣшала имъ и не испортила ихъ радужное настроеніе, назначивъ за входъ достаточно высокую плату — 3 рубля.

Недалеко отъ зданія, въ которомъ происходилъ банкетъ, разъѣзжали верховые городовые...

Пили, ѣли, говорили и... даже не вынесли конституціонной резолюціи. На дняхъ здѣсь въ военно-окружномъ судѣ судили трехъ запасныхъ за участіе въ безпорядкахъ во время мобилизаціи; 1 приговоренъ къ 2-мъ годамъ арестантскихъ ротъ, другой къ $1\frac{1}{2}$ г., третій оправданъ и немедленно отправленъ на войну. Съ недѣлю назадъ было арестовано собраніе въ 49 чел. держали три дня и выпустили, были единичные аресты, взяли литературу.

Даже профессора!

Резолюція, вынесенная Совѣтомъ Профессоровъ Кіевскаго Политехникума 24 ноября 1904 года, по вопросу о студенческихъ безпорядкахъ.

„Останавливаясь на вопросѣ объ общихъ причинахъ студенческихъ волненій и мѣрахъ къ ихъ устраненію, Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было мѣропріятій, которыя могли бы гарантировать порядокъ и спокойствіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, пока поддерживаются общія условія нашей жизни съ характеризующими ихъ административнымъ произволомъ и безправіемъ личности. Совѣтъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что послѣднее время безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ повторяются ежегодно, независимо отъ частыхъ измѣненій въ настроеніи высшей администраціи, независимо отъ различій во внутреннемъ складѣ жизни того или другого учебнаго заведенія. Въ частности, внутренній распорядокъ Кіевскаго Политехникума всегда выгодно отличался отъ режима большинства высшихъ учебныхъ заведеній, и однако, и здѣсь безпорядки были явленіемъ не менѣе обычнымъ, чѣмъ и повсюду.

Политика министерства Ванновскаго также мало могла погасить безпорядки, какъ и суровыя мѣры предшествовавшаго министерства. Все это утверждаетъ въ одномъ основномъ убѣжденіи, которое для лицъ, стоящихъ близко къ академической жизни и задумывавшихся надъ судьбами высшаго образованія въ Россіи, давно уже стало аксіомой: причины студенческихъ безпорядковъ лежатъ въ общемъ государственномъ строѣ Россіи, не обезпечивающемъ общегражданскихъ правъ личности. Успѣшное развитіе высшаго образованія въ Россіи невозможно при существующемъ строѣ Россіи. Мы присутствуемъ при скорбномъ зрѣлищѣ постепеннаго вырожденія, непрерывнаго упадка русскаго просвѣщенія, что является необходимымъ слѣдствіемъ непрекращающихся безпорядковъ. И въ этомъ мы, стоящіе на стражѣ высшаго образованія, усматриваемъ серьезную національную и культурную опасность для Россіи, и считаемъ своимъ гражданскимъ и академическимъ долгомъ указать на эту связь упадка высшаго образованія съ общимъ безправіемъ личности въ Россіи.

На-дняхъ, собравшіеся въ Петербургѣ земскіе люди указали, въ качествѣ единственнаго средства обновленія русской жизни, на обезпеченіе правъ личности и утвержденіе правового порядка, въ частности на огражденіе свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова, собраній, уравненія общегражданскихъ и политическихъ правъ и, наконецъ, на участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи, какъ на единственную возможность законнаго укрѣпленія этихъ правъ. Мы со своей стороны свидѣтельствуемъ, что только этимъ путемъ можетъ быть оздоровлена атмосфера въ академической жизни, возстановлено довѣріе между профессорами и студентами, ограждена истинная академическая автономія, прекращены безпорядки, нарушающіе правильность академической жизни. До тѣхъ же поръ, пока административный произволъ вырываетъ все новыя и новыя жертвы, какъ изъ среды студенчества, такъ и остальныхъ русскихъ гражданъ, пока общественная совѣсть оскорбляется фактами нарушенія личныхъ правъ, а иногда и физической неприкосновенности, пока гласность подавлена и самые жгучіе вопросы академической жизни вѣдаются лишь тайной канцеляріей, академическій вопросъ, подобно всѣмъ насущнымъ вопросамъ русской жизни, неразрѣшимъ.

Въ виду этого мы сочли обязанностью, какъ члены академической коллегіи и русскіе граждане, въ настоящій рѣшительный моментъ русской исторіи отмѣтить всю настоятельность коренной государственной реформы, заключающей въ себѣ и всѣ частныя реформы, въ томъ числѣ и академическую — именно — своевременность и необходимость введенія въ Россіи представительнаго образа правленія съ прочными гарантіями личныхъ и общественныхъ правъ, на основѣ равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ.

Совѣтъ вполнѣ присоединяется, поэтому, къ голосу земскихъ людей и выражаетъ пожеланіе, чтобы постановленія земскаго съѣзда скорѣе нашли осуществленіе въ русской жизни.

Доводя до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства свои заключенія, Совѣтъ покорнѣйше проситъ довести ихъ и до свѣдѣнія госп. министра внутреннихъ дѣлъ".

Настоящая резолюція является отвѣтомъ Совѣта Профессоровъ на сдѣланный ему телеграммой министра финансовъ запросъ о причинахъ бывшихъ въ институтѣ въ ноябрѣ „студенческихъ безпорядковъ", о которыхъ министерству было сдѣлано донесеніе директоромъ института Зворыкинымъ."

Кіевъ. Прошлый годъ былъ періодомъ кризиса въ развитіи студенческаго движенія. Союзный Совѣтъ, издавна объединявшій радикальное студенчество въ университетѣ и руководившій его борьбой, вслѣдствіе дифференціаціи этого студенчества и образованія партійныхъ студенческихъ организацій, сталъ ареной борьбы между соціальдемократами и соціалистами-революціонерами; при невыдержанности, даже полной неопредѣленности землячествъ, большинство въ немъ переходило отъ одного направленія къ другому. Это было причиной непостоянства и нерѣшительности его тактики, — это дискредитировало его въ глазахъ студенчества. Къ концу 1903 года онъ окончательно понялъ безполезность своего существованія и объявилъ себя распущеннымъ, согласно постановленію второго студенческаго съѣзда, незадолго до этого состоявшагося. Въ слѣдующемъ полугодіи было нѣсколько попытокъ возстановить Союзный Совѣтъ, оставшихся, однако, тщетными.

Какъ результатъ неудачи студенческаго движенія предыдущихъ лѣтъ, съ одной стороны, и небывалаго дотолѣ роста рабочаго движенія съ другой, у многихъ выработалось отрицательное отношеніе къ самостоятельному студенческому движенію. Сторонники этого взгляда считаютъ излишнимъ объединеніе студенческихъ организацій, носящихъ постоянный характеръ, и полагаютъ, что послѣднія должны стараться не только по духу своей программы примкнуть къ пролетарскому движенію, но и активно выступать только одновременно съ пролетаріатомъ. Крайніе же представители этого направленія не признаютъ вовсе студенческаго движенія и относятся отрицательно ко всѣмъ попыткамъ какого бы то ни было объединенія студентовъ.

Пока велись эти споры, организація усиленно занималась своей внутренней работой. Группа студентовъ соціальдемократовъ, пользующаяся наибольшей силой и вліяніемъ въ университетѣ, занятая рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи къ студенческому движенію, въ то же время энергично организовывала свои кружки, устанавливала свои отношенія къ мѣстному К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д.

Между тѣмъ, высоко поднявшаяся волна общественнаго движенія и быстрое развитіе событій захватили и студенчество и положили конецъ спорамъ; необходимость протеста началась сознаваться всѣми. Удобнымъ поводомъ для него явился пріѣздъ Глазова.

Было созвано коалиціонное собраніе изъ представителей группы студентовъ соц.-дем., группы с.-р., Украинской студенческой громады, польской корпораціи, группы студентовъ Бунда и четырехъ землячествъ; задачей собранія была исключительно организація протеста по случаю пріѣзда Глазова; оно было лишено права вести какую бы то ни было агитацію. Делегаты партійныхъ организацій имѣли опредѣленные мандаты. Послѣ долгихъ споровъ, пришли къ соглашенію, какъ относительно формы протеста, такъ и относительно роли самого коалиціоннаго собранія. Группа студ. соц.-дем. повела усиленную агитацію. Коалиціонное собраніе выпустило приглашеніе собраться около 14-ой аудиторіи, указывая на слухъ о томъ, что „націоналисты" готовятся поднести привѣтственный адресъ Глазову отъ имени всѣхъ студентовъ. Коалиціонное собраніе не знало въ точности настроенія студенчества, поэтому, рѣшилось прямо звать студентовъ на сходку въ традиціонную въ этомъ отношеніи XIV аудиторію, разсчитывая, въ случаѣ недостаточнаго количества для сходки, удовольствоваться корридорной манифестаціей, гдѣ недостатокъ активнаго элемента могъ бы возмѣститься любопытными. Но опасенія оказались напрасными, и XIV аудиторія наполнилась студентами, прямо направившимися въ нее. Во все время сходки участниковъ было не менѣе 600 человѣкъ.

Послѣ выбора предсѣдателя, начались рѣчи. Ораторы сразу приступили къ обсужденію положенія дѣлъ въ странѣ, о формальномъ же поводѣ сходки (адресъ націоналистовъ) не было сказано ни слова, хотя одинъ изъ участниковъ и настаивалъ на томъ, чтобы не отклоняться отъ предмета, указаннаго въ приглашеніи коалиціоннаго собранія. Всѣ рѣчи, за исключеніемъ двухъ, были въ строго соціальдемократическомъ духѣ, такъ что въ студенчествѣ осталось безспорно впечатлѣніе, что сходка создана соціальдемократами. Одна изъ не соціальдемократическихъ рѣчей была въ духѣ с.-р., другая же носила характеръ полной политической неопредѣленности. Другіе ораторы говорили о роли рабочаго движенія въ общественной жизни Росссіи, о ростѣ его, о паденіи самодержавія, близость котораго чувствуется всѣми; рѣзко отзывались о „новомъ курсѣ" и предательской политикѣ либерализма... По выслушаніи ораторовъ, была принята par acclamation резолюція, опубликованіе которой было поручено сходкой коалиціонному собранію. Было предложено еще дополненіе къ ней, въ которомъ проводились террористическіе принципы, но оно не голосовалось сходкой, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ": въ аудиторію ворвалась полиція.

Съ самаго начала сходки, явился инспекторъ, чтобы мѣрами увѣщанія прекратить ее. Началъ съ просьбы не требовать войны: „Подумайте, господа, кому она нужна"? Такое начало вызвало гомерическій хохотъ у всѣхъ и заставило смолкнуть самого инспектора и такъ удручающе подѣйствовало на него, что онъ не могъ больше произнести ничего внятнаго. Послѣ его дебюта на сцену явился ректоръ. Предсѣдателю стоило большихъ трудомъ сдержать студентовъ, не желавшихъ слушать старую лису. Ректоръ заговорилъ о томъ, чтобы пожалѣли себя, пожалѣли товарищей, пожалѣли науку, которую оскорбляютъ такія сборища, наконецъ, умолялъ, со слезами на глазахъ, пожалѣть его самого, его сѣдину. Онъ грозилъ разными циркулярами и просилъ не заставлять его прибѣгать къ крайнему средству — полиціи.

Конечно, вся эта комедія не имѣла никакого результата, лишь кое гдѣ можно было замѣтить, какъ нѣкоторыя заячьи души пробирались къ дверямъ... Сходка близилась къ концу, уже была принята резолюція, какъ въ двери стремительно ворвалась полиція съ обнаженными шашками. Среди нѣкоторой части собравшихся произошла паника; раздались кое гдѣ крики „рубятъ", и устрашенные ринулись, выломавъ дверь, въ сосѣднюю аудиторію, четыре человѣка даже спустились по водосточной трубѣ съ третьяго этажа. Въ суматохѣ одному студенту шашкой перерѣзали сухожиліе кисти руки. Но, къ счастью, паника тотчасъ прекратилась, пытавшіеся бѣжать вернулись обратно; воцарился порядокъ и предсѣдатель снова могъ исполнять свои обязанности.

Во главѣ полиціи былъ полиціймейстеръ Цихоцкій, который заявилъ сходкѣ, что явился по приглашенію ректора съ полномочіемъ отобрать входные билеты и переписать всѣхъ участниковъ сходки. Сходка, въ лицѣ предсѣдателя, отвѣтила энергичнымъ отказомъ, потребовала немедленнаго удаленія полиціи и вызова въ аудиторію министра, засѣдавшаго у попечителя. Полиціймейстеръ заявилъ, что собственной властью онъ ни того, ни другого сдѣлать не можетъ, отъ передачи же требованія сходки министру также отказался. Нѣкоторыми изъ участниковъ сходки было предложено послать делегацію къ министру съ извѣщеніемъ о томъ, что происходитъ въ университетѣ, но это предложеніе съ негодованіемъ было отклонено сходкой. Удалившійся на нѣкоторое время полиціймейстеръ, явился вновь и заявилъ, что онъ по распоряженію попечителя даетъ возможность безпрепятственно разойтись сходкѣ, что и произошло, когда полиція была удалена изъ стѣнъ университета.

Маленькая подробность. Когда полиція явилась въ аудиторію, гдѣ происходила сходка, значительное количество студентовъ, до того момента не принимавшихъ въ ней участія, направились къ аудиторіи съ желаніемъ присоединиться къ участникамъ сходки, но не были допущены полиціей. Послѣ сходки націоналисты не рѣшились преподнести адреса министру не только отъ имени всего университета, но даже отъ своего собственнаго.

Какъ на прямой результатъ сходки, можно указать на возросшее еще больше вліяніе группы студ. Соц.-Дем., выразившееся, напримѣръ, въ многочисленныхъ просьбахъ студентовъ принять ихъ въ ея кружки.

Казань. Демонстрація 5 ноября вызвала среди мѣстнаго студенчества сильное броженіе. Почти каждый день собираются курсовыя сходки и принимаются резолюціи, въ которыхъ, главнымъ образомъ, требуютъ возвращенія въ университетъ товарищей, уничтоженія инспекціи вообще и удаленія инспектора Орловскаго въ частности. Эти общія требованія поддерживаются всѣми курсами, за исключеніемъ двухъ-трехъ, какъ напримѣръ, 5 медицинскаго, самаго консервативнаго въ университетѣ. Нѣкоторыми же курсами юридическаго и естественнаго факультетовъ въ резолюціяхъ, кромѣ указанныхъ выше требованій, прямо и ясно указывается на необходимость сверженія самодержавія и замѣны его конституціоннымъ режимомъ. Все это до того напугало директора, что онъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ студентовъ и, послѣ маленькаго допроса, разрѣшилъ всѣмъ опять входъ въ университетъ, предварительно отобравъ обѣщаніе не принимать участія въ „могущихъ возникнуть волненіяхъ". Носятся слухи, что часть студентовъ, случайно попавшихъ подъ подозрѣніе, хотѣли предать суду сословныхъ представителей. А такъ какъ нѣтъ никакихъ уликъ противъ нихъ, то мѣстный жандармъ Мочаловъ начинаетъ готовить „свидѣтелей". Всѣ сразу догадались, что тутъ что-то неладно и кое кто ужъ началъ отказываться отъ показаній. Какъ оказалось послѣ, вся эта комедія продѣлывалась затѣмъ, чтобы показать студентовъ приставамъ и околодочнымъ, которые и выступятъ свидѣтелями по дѣлу о демонстраціи.

Екатеринославскій процессъ 1).

Всего обвиняемыхъ 56 человѣкъ; изъ нихъ 2 скрылись. Остальные 54 всѣ рабочіе, кромѣ Іоффе, ретушера фотографіи, который не игралъ видной роли. 34 человѣка содержалось подъ стражей, 20 были на свободѣ. 29 человѣкъ на вопросъ о виновности отвѣчали, что виновными себя не признаютъ, но на демонстраціи были и были сознательно.

Какъ выяснилось изъ заявленій подсудимыхъ, помимо той бойни, которая была устроена на улицахъ въ цѣляхъ разсѣянія демонстрантовъ, арестованныхъ потомъ подвергали страшному избіенію въ участкахъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе *Левитскаго.* Нѣкій офицеръ Масловъ былъ привлеченъ за нѣсколько времени до демонстраціи къ отвѣтственности за буйство въ саду. Свидѣтелемъ этого буйства случайно былъ Левитскій и былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля въ судъ. Масловъ нѣсколько разъ пытался подкупить Левитскаго, но безуспѣшно. На судѣ Левитскій показалъ то, что видѣлъ. Во время демонстраціи во всѣхъ участкахъ были наряды солдатъ. Когда Левитскаго арестовали и привели въ участокъ, случайно командиромъ наряда солдатъ въ этомъ участкѣ оказался Масловъ. Столъ былъ уставленъ бутылками съ водкой и офицеръ Масловъ пировалъ съ околодочными. Когда онъ увидѣлъ Левитскаго, онъ со словами „попался, голубчикъ," набросился на него и началъ его избивать. Къ нему присоединились пьянствовавшіе съ нимъ 8 околодочныхъ и началось жестокое избіеніе. Нѣсколько разъ Левитскій терялъ сознаніе. Когда же онъ приходилъ въ сознаніе, его снова начинали бить, пока онъ снова не терялъ сознанія. Подсудимая Медвѣдская, 16 лѣтъ, была случайно арестована и въ участкѣ жестоко избита. На вопросъ о виновности отвѣтила, что въ демонстраціи не участвовала, но послѣ жестокой расправы съ ней, поняла значеніе демонстраціи и теперь заявляетъ, что, если останется на свободѣ, то приметъ участіе въ демонстраціи. Большинство подсудимыхъ заявляло себя членами соціальдемократической партіи и пыталось говорить вступительныя рѣчи, но предсѣдатель обрывалъ ихъ. Свидѣтелей на судъ было вызвано 112, изъ нихъ 97 полицейскихъ и 3 шпіона. Первымъ допрашивается полиціймейстеръ Машевскій. Разсказываетъ сначала о происшествіяхъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ которыхъ начались волненія 7 августа. Утверждаетъ сначала, что тамъ были постороннія лица, но послѣ перекрестнаго допроса отказывается. Отвѣчая на вопросы одного изъ защитниковъ, разсказываетъ, что когда пріѣхалъ въ желѣзнодорожныя мастерскія губернаторъ, онъ (полиціймейстеръ), обратившись къ толпѣ рабочихъ, крикнулъ: „шапки долой!, — „Ну что же", спрашиваетъ защитникъ, „кто-нибудь снялъ шапку?" -- „Нѣтъ, никто не снялъ," отвѣчаетъ полиціймейстеръ. Затѣмъ Машевскій разсказываетъ о томъ, что въ послѣднее время передъ демонстраціей наблюдалось сильное движеніе среди рабочихъ. Происходили сходки, которыя приходилось разгонять. При этомъ сильно распространялись прокламаціи, преимущественно соціальдемократическія, которыя имѣли большой успѣхъ. На вопросъ защитника о содержаніи прокламацій, полиціймейстеръ отвѣчалъ: „Право, ихъ такую массу выпускаютъ и онѣ мнѣ такъ надоѣли, что я ихъ бросаю, не читая." Онъ показываетъ затѣмъ, что въ первый день демонстраціи было не менѣе 10 тысячъ человѣкъ. По вопросу объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія онъ заявляетъ, что оно было вызвано крайней необходимостью, такъ какъ толпа была готова разорвать полицію. По поводу этого послѣдняго показанія читается протоколъ осмотра раненныхъ и убитыхъ, при чемъ оказывается, что почти всѣ раны нанесены сзади, а нѣкоторыя сбоку.

Городовымъ полицейскимъ врачемъ этотъ фактъ былъ объясненъ тѣмъ, что рабочіе успѣли повернуться во время стрѣльбы. Подсудимый *Телесовъ* при этомъ разсказываетъ, что одинъ городовой, когда демонстрація уже кончилась, прицѣлился въ него, но попалъ въ какого-то старичка и убилъ его. Послѣ, ведя его въ участокъ, городовой все время его билъ, приговаривая: „хотѣлъ тебя, жида, убить, а убилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка." Тотъ же подсудимый разсказываетъ, что когда толпа демонстрантовъ подходила къ Брянскому заводу, было обѣденное время, женщины несли рабочимъ обѣдъ. Конные городовые ни за что, ни про что начали бить женщинъ. Одинъ рабочій, увидавши, что бьютъ его жену, началъ защищать ее и бросилъ камень. Тогда началось побоище.

Изъ свидѣтелей выдѣлился съ хорошей стороны старшій фабричный инспекторъ *Евтушевскій.* Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что условія работы на Екатеринославскихъ заводахъ неимовѣрно тяжелы, что рабочіе изнашиваются въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, очень рано становятся инвалидами и выбрасываются на улицу. Поэтому понятно глухое броженіе и недовольство среди рабочихъ.

На вопросы защиты показываетъ, что администрація заводовъ ничего не предпринимаетъ для улучшенія положенія рабочихъ. Нѣсколько разъ онъ собиралъ совѣщаніе директоровъ заводовъ. Они обѣщали устроить бани, школы, больницы, и обѣщаній своихъ не исполняли.

Директоръ Брянскаго завода *Уржумцевъ* говоритъ, что давно ожидали забастовокъ. Показываетъ, что рабочіе вели себя очень корректно. Разсказываетъ интересный фактъ. Когда приблизилась толпа, онъ самъ остановилъ заводъ. Затѣмъ онъ попросилъ рабочихъ не оставлять работы, пока не будетъ выпущенъ изъ Мартыновской печи расплавленный чугунъ, во избѣжаніе громадныхъ убытковъ (если бы чугунъ застылъ, пришлось бы ломать печь). Рабочіе не только согласились это сдѣлать, но имъ помогали подошедшіе демонстранты изъ другихъ заводовъ. Тотъ же Уржумцевъ, также директоръ другого завода и Евтушевскій показали, что рабочіе вели себя очень корректно. Въ прокламаціяхъ тоже не было призыва къ насилію, всѣ прокламаціи были отъ соціальдемократическаго комитета, всѣ онѣ призывали къ спокойному поведенію.

Каждый свидѣтель изъ полицейскихъ послѣ вопроса, „что Вы знаете по настоящему дѣлу?" начиналъ свое показаніе словами „я согласно протоколу". Когда одному изъ нихъ заданъ былъ вопросъ „что это значитъ", онъ отвѣтилъ: „я присягу принималъ согласно протоколу". Приставъ Сергѣевъ, изъ заводского района, давши довольно развязное показаніе, собирается уходить. Его останавливаетъ предводитель дворянства *Бродскій* и начинаетъ подробно разспрашивать о положеніи рабочихъ, стремясь, повидимому, сознательно къ тому, чтобъ ослабить впечатлѣніе отъ показаній Евтушевскаго. Сергѣевъ, какъ и можно было ожидать, рисуетъ самую идиллическую картину. Рабочимъ живется превосходно. Недоразумѣнія съ администраціей бываютъ чрезвычайно рѣдко, а когда бываютъ, то ему (Сергѣеву) удается ихъ благополучно разрѣшать.

Тогда защитникъ *Раппъ* проситъ разрѣшенія по поводу показанія Сергѣева задать нѣсколько вопросовъ Евтушевскому, который въ это время оставался еще въ залѣ засѣданія. Предсѣдатель отказываетъ. Тогда Раппъ проситъ занести въ протоколъ, что показанія старшаго фабричнаго инспектора были исправлены показаніями пристава. Когда защита, въ цѣляхъ выясненія истины, хотѣла попросить разъясненія у старшаго фабричнаго инспектора по поводу показаній пристава, ей было

---

1) Обв. актъ откладывается за недостаткомъ мѣста.

тя бы его: онъ не скажетъ, чтобъ ему особенно нравились поправки, но, политическій тактъ требуетъ чтобы и онъ подписался подъ ними. Въ третьемъ часу ночи публика стала расходиться. Оказалось, что подъ земскими резолюціями, подписалось около 300 человѣкъ, подъ демократической — 116 человѣкъ. Резолюціи эти должны быть посланы Святополку-Мирскому, но до сихъ поръ это еще не сдѣлано.

Екатеринославъ. И у насъ „общество" заразилось „весеннимъ" воздухомъ. Вчера вечеромъ 28 ноября состоялся банкетъ, устроенный мѣстной интеллигенціей. Бывшій на съѣздѣ земецъ, предсѣдатель управы Родзянко, читалъ докладъ о съѣздѣ. Екатеринославскіе земцы нарочно выбрали Родзянко, принципіальнаго противника (на сколько у такихъ господъ могутъ быть принципы) всякихъ реформъ, настоящаго царскаго лакея (онъ камергеръ двора), и уполномочили его *непремѣнно* голосовать за конституцію. Какъ ни тяжко было это камергеру, онъ вынужденъ былъ исполнить порученіе. Въ „обществѣ" открыто и увѣренно говорятъ о политической свободѣ. Либералы заявляютъ, что не сегодня — завтра начнется новая глава въ Русской исторіи. „Какъ,—горячатся они, неужели царь посмѣетъ не послушаться земцевъ, вѣдь это судъ земли, котораго „всегда слушались".

Устроители банкета постарались, чтобы „черная публика" не помѣшала имъ и не испортила ихъ радужное настроеніе, назначивъ за входъ достаточно высокую плату — 3 рубля.

Недалеко отъ зданія, въ которомъ происходилъ банкетъ, разъѣзжали верховые городовые...

Пили, ѣли, говорили и... даже не вынесли конституціонной резолюціи. На дняхъ здѣсь въ военно-окружномъ судѣ судили трехъ запасныхъ за участіе въ безпорядкахъ во время мобилизаціи; 1 приговоренъ къ 2-мъ годамъ арестантскихъ ротъ, другой къ $1\frac{1}{2}$ г., третій оправданъ и немедленно отправленъ на войну. Съ недѣлю назадъ было арестовано собраніе въ 49 чел. держали три дня и выпустили, были единичные аресты, взяли литературу.

Даже профессора!

Резолюція, вынесенная Совѣтомъ Профессоровъ Кіевскаго Политехникума 24 ноября 1904 года, по вопросу о студенческихъ безпорядкахъ.

„Останавливаясь на вопросѣ объ общихъ причинахъ студенческихъ волненій и мѣрахъ къ ихъ устраненію, Совѣтъ Кіевскаго Политехническаго Института отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было мѣропріятій, которыя могли бы гарантировать порядокъ и спокойствіе въ высшемъ учебномъ заведеніи, пока поддерживаются общія условія нашей жизни съ характеризующими ихъ административнымъ произволомъ и безправіемъ личности. Совѣтъ съ прискорбіемъ констатируетъ, что послѣднее время безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ повторяются ежегодно, независимо отъ частыхъ измѣненій въ настроеніи высшей администраціи, независимо отъ различій во внутреннемъ складѣ жизни того или другого учебнаго заведенія. Въ частности, внутренній распорядокъ Кіевскаго Политехникума всегда выгодно отличался отъ режима большинства высшихъ учебныхъ заведеній, и однако, и здѣсь безпорядки были явленіемъ не менѣе обычнымъ, чѣмъ и повсюду.

Политика министерства Ванновскаго также мало могла погасить безпорядки, какъ и суровыя мѣры предшествовавшаго министерства. Все это утверждаетъ въ одномъ основномъ убѣжденіи, которое для лицъ, стоящихъ близко къ академической жизни и задумывавшихся надъ судьбами высшаго образованія въ Россіи, давно уже стало аксіомой: причины студенческихъ безпорядковъ лежатъ въ общемъ государственномъ строѣ Россіи, не обезпечивающемъ общегражданскихъ правъ личности. Успѣшное развитіе высшаго образованія въ Россіи невозможно при существующемъ строѣ Россіи. Мы присутствуемъ при скорбномъ зрѣлищѣ постепеннаго вырожденія, непрерывнаго упадка русскаго просвѣщенія, что является необходимымъ слѣдствіемъ непрекращающихся безпорядковъ. И въ этомъ мы, стоящіе на стражѣ высшаго образованія, усматриваемъ серьезную національную и культурную опасность для Россіи, и считаемъ своимъ гражданскимъ и академическимъ долгомъ указать на эту связь упадка высшаго образованія съ общимъ безправіемъ личности въ Россіи.

На-дняхъ, собравшіеся въ Петербургѣ земскіе люди указали, въ качествѣ единственнаго средства обновленія русской жизни, на обезпеченіе правъ личности и утвержденіе правового порядка, въ частности на огражденіе свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова, собраній, уравненія общегражданскихъ и политическихъ правъ и, наконецъ, на участіе народнаго представительства въ законодательствѣ и управленіи, какъ на единственную возможность законнаго укрѣпленія этихъ правъ. Мы со своей стороны свидѣтельствуемъ, что только этимъ путемъ можетъ быть оздоровлена атмосфера въ академической жизни, возстановлено довѣріе между профессорами и студентами, ограждена истинная академическая автономія, прекращены безпорядки, нарушающіе правильность академической жизни. До тѣхъ же поръ, пока административный произволъ вырываетъ все новыя и новыя жертвы, какъ изъ среды студенчества, такъ и остальныхъ русскихъ гражданъ, пока общественная совѣсть оскорбляется фактами нарушенія личныхъ правъ, а иногда и физической неприкосновенности, пока гласность подавлена и самые жгучіе вопросы академической жизни вѣдаются лишь тайной канцеляріей, академическій вопросъ, подобно всѣмъ насущнымъ вопросамъ русской жизни, неразрѣшимъ.

Въ виду этого мы сочли обязанностью, какъ члены академической коллегіи и русскіе граждане, въ настоящій рѣшительный моментъ русской исторіи отмѣтить всю настоятельность коренной государственной реформы, заключающей въ себѣ и всѣ частныя реформы, въ томъ числѣ и академическую — именно — своевременность и необходимость введенія въ Россіи представительнаго образа правленія съ прочными гарантіями личныхъ и общественныхъ правъ, на основѣ равенства политическихъ правъ всѣхъ гражданъ.

Совѣтъ вполнѣ присоединяется, поэтому, къ голосу земскихъ людей и выражаетъ пожеланіе, чтобы постановленія земскаго съѣзда скорѣе нашли осуществленіе въ русской жизни.

Доводя до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства свои заключенія, Совѣтъ покорнѣйше проситъ довести ихъ и до свѣдѣнія госп. министра внутреннихъ дѣлъ"

Настоящая резолюція является отвѣтомъ Совѣта Профессоровъ на сдѣланный ему телеграммой министра финансовъ запросъ о причинахъ бывшихъ въ институтѣ въ ноябрѣ „студенческихъ безпорядковъ", о которыхъ министерству было сдѣлано донесеніе директоромъ института Зворыкинымъ.

Кіевъ. Прошлый годъ былъ переломомъ кризиса въ развитіи студенческаго движенія. Союзный Совѣтъ, издавна объединявшій радикальное студенчество въ университетѣ и руководившій его борьбой, вслѣдствіе дифференціаціи самого студенчества и образованія партійныхъ студенческихъ организацій, сталъ ареной борьбы между соціальдемократами и соціалистами-революціонерами; при невыдержанности и идейной неопредѣленности землячествъ, большинство въ немъ переходило то отъ одного направленія къ другому. Это было причиной непостоянства и нерѣшительности его тактики, — это дискредитировало его въ глазахъ студенчества. Къ концу 1903 года онъ окончательно понялъ безполезность своего существованія и объявилъ себя распущеннымъ, согласно постановленію второго [illegible] съѣзда, незадолго до этого состоявшагося. Въ слѣдующемъ полугодіи было нѣсколько попытокъ возстановить Союзный Совѣтъ, оставшихся, однако, тщетными.

Какъ результатъ неудачи студенческаго движенія предыдущихъ лѣтъ, съ одной стороны, и небывалаго дотолѣ роста рабочаго движенія съ другой, у многихъ выработалось отрицательное отношеніе къ самостоятельному студенческому движенію. Сторонники этого взгляда считаютъ излишнимъ объединеніе студенческихъ организацій, носящихъ постоянный характеръ, и полагаютъ, что послѣднія должны стараться не только по духу своей программы примкнуть къ пролетарскому движенію, но и активно выступать только одновременно съ пролетаріатомъ. Крайніе же представители этого направленія не признаютъ вовсе студенческаго движенія и относятся отрицательно ко всѣмъ попыткамъ какого бы то ни было объединенія студентовъ.

Пока велись эти споры, организаціи усиленно занимались своей внутренней работой. Группа студентовъ соціальдемократовъ, пользующаяся наибольшей силой и вліяніемъ въ университетѣ, занятая рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи къ студенческому движенію, въ то же время энергично организовывала свои кружки, устанавливала свои отношенія къ мѣстному К. Р. С.-Д. Р. П. и т. д.

Между тѣмъ, высоко поднявшаяся волна общественнаго движенія и быстрое развитіе событій захватили и студенчество и положили конецъ спорамъ; необходимость протеста начала сознаваться всѣми. Удобнымъ поводомъ для него явился пріѣздъ Глазова.

Было созвано коалиціонное собраніе изъ представителей группы студентовъ соц.-дем., группы с.-р., Украинской студенческой громады, польской корпораціи, группы студентовъ Бунда и четырехъ землячествъ; задачей собранія была исключительно организація протеста по случаю пріѣзда Глазова; оно было лишено права вести какую бы то ни было агитацію. Делегаты партійныхъ организацій имѣли опредѣленные мандаты. Послѣ долгихъ споровъ, пришли къ соглашенію, какъ относительно формы протеста, такъ и относительно роли самого коалиціоннаго собранія. Группа студ. соц.-дем. повела усиленную агитацію. Коалиціонное собраніе выпустило приглашеніе собраться около 14-ой аудиторіи, указывая на слухъ о томъ, что „націоналисты" готовятся поднести привѣтственный адресъ Глазову отъ имени всѣхъ студентовъ. Коалиціонное собраніе не знало въ точности настроенія студенчества, поэтому, рѣшилось прямо звать студентовъ на сходку въ традиціонную въ этомъ отношеніи XIV аудиторію, разсчитывая, въ случаѣ недостаточнаго количества для сходки, удовольствоваться корридорной манифестаціей, гдѣ недостатокъ активнаго элемента могъ бы возмѣститься любопытными. Но опасенія оказались напрасными, и XIV аудиторія наполнилась студентами, прямо направившимися въ нее. Во все время сходки участниковъ было не менѣе 600 человѣкъ.

Послѣ выбора предсѣдателя, начались рѣчи. Ораторы сразу приступили къ обсужденію положенія дѣлъ въ странѣ, о формальномъ же поводѣ сходки (адресъ націоналистовъ) не было сказано ни слова, хотя одинъ изъ участниковъ и настаивалъ на томъ, чтобы не отклоняться отъ предмета, указаннаго въ приглашеніи коалиціоннаго собранія. Всѣ рѣчи, за исключеніемъ двухъ, были въ строго соціальдемократическомъ духѣ, такъ что въ студенчествѣ осталось безспорно впечатлѣніе, что сходка создана соціальдемократами. Одна изъ не соціальдемократическихъ рѣчей была въ духѣ с.-р., другая же носила характеръ полной политической неопредѣленности. Другіе ораторы говорили о роли рабочаго движенія въ общественной жизни Россіи, о ростѣ его, о паденіи самодержавія, близость котораго чувствуется всѣми; рѣзко отзывались о „новомъ курсѣ" и предательской политикѣ либерализма... По выслушаніи ораторовъ, была принята par acclamation резолюція, опубликованіе которой было поручено сходкой коалиціонному собранію. Было предложено еще дополненіе къ ней, въ которомъ проводились террористическіе принципы, но оно не голосовалось сходкой, „по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ": въ аудиторію ворвалась полиція.

Съ самаго начала сходки, явился инспекторъ, чтобы мѣрами увѣщанія прекратить ее. Началъ съ просьбы не требовать войны: „Подумайте, господа, кому она нужна"? Такое начало вызвало гомерическій хохотъ у всѣхъ и заставило смолкнуть самого инспектора и такъ удручающе подѣйствовало на него, что онъ не могъ больше произнести ничего внятнаго. Послѣ его дебюта на сцену явился ректоръ. Предсѣдателю стоило большихъ трудомъ сдержать студентовъ, не желавшихъ слушать старую лису. Ректоръ заговорилъ о томъ, чтобы пожалѣли себя, пожалѣли товарищей, пожалѣли науку, которую оскорбляютъ такія сборища, наконецъ, умолялъ, со слезами на глазахъ, пожалѣть его самого, его сѣдину. Онъ грозилъ разными циркулярами и просилъ не заставлять его прибѣгать къ крайнему средству — полиціи.

Конечно, вся эта комедія не имѣла никакого результата, лишь кое гдѣ можно было замѣтить, какъ нѣкоторыя заячьи души пробирались къ дверямъ... Сходка близилась къ концу, уже была принята резолюція, какъ въ двери стремительно ворвалась полиція съ обнаженными шашками. Среди нѣкоторой части собравшихся произошла паника; раздались кое гдѣ крики „рубятъ", и устрашенные ринулись, выломавъ дверь, въ сосѣднюю аудиторію, четыре человѣка даже спустились по водосточной трубѣ съ третьяго этажа. Въ суматохѣ одному студенту шашкой перерѣзали сухожиліе кисти руки. Но, къ счастью паника тотчасъ прекратилась, пытавшіеся бѣжать вернулись обратно; воцарился порядокъ и предсѣдатель снова могъ исполнять свои обязанности.

Во главѣ полиціи былъ полиціймейстеръ Цихоцкій, который заявилъ сходкѣ, что явился по приглашенію ректора съ полномочіемъ отобрать входные билеты и переписать всѣхъ участниковъ сходки. Сходка, въ лицѣ предсѣдателя, отвѣтила энергичнымъ отказомъ, потребовала немедленнаго удаленія полиціи и вызова въ аудиторію министра, засѣдавшаго у попечителя. Полиціймейстеръ заявилъ, что собственной властью онъ ни того, ни другого сдѣлать не можетъ, отъ передачи же требованія сходки министру также отказался. Нѣкоторыми изъ участниковъ сходки было предложено послать делегацію къ министру съ извѣщеніемъ о томъ, что происходитъ въ университетѣ, но это предложеніе съ негодованіемъ было отклонено сходкой. Удалившійся на нѣкоторое время полиціймейстеръ, явился вновь и заявилъ, что онъ по распоряженію попечителя даетъ возможность безпрепятственно разойтись сходкѣ, что и произошло, когда полиція была удалена изъ стѣнъ университета.

Маленькая подробность. Когда полиція явилась въ аудиторію, гдѣ происходила сходка, значительное количество студентовъ, до того момента не принимавшихъ въ ней участія, направились къ аудиторіи съ желаніемъ присоединиться къ участникамъ сходки, но не были допущены полиціей. Послѣ сходки націоналисты не рѣшились преподнести адреса министру не только отъ имени всего университета, но даже отъ своего собственнаго.

Какъ на прямой результатъ сходки, можно указать на возросшее еще больше вліяніе группы студ. Соц.-Дем., выразившееся, напримѣръ, въ многочисленныхъ просьбахъ студентовъ принять ихъ въ ея кружки.

Казань. Демонстрація 5 ноября вызвала среди мѣстнаго студенчества сильное броженіе. Почти каждый день собираются курсовыя сходки и принимаются резолюціи, въ которыхъ, главнымъ образомъ, требуютъ возвращенія въ университетъ товарищей, уничтоженія инспекціи вообще и удаленія инспектора Орловскаго въ частности. Эти общія требованія поддерживаются всѣми курсами за исключеніемъ двухъ-трехъ, какъ напримѣръ, 5 медицинскаго, самаго консервативнаго въ университетѣ. Нѣкоторыми же курсами юридическаго и естественнаго факультетовъ въ резолюціяхъ, кромѣ указанныхъ выше требованій, прямо и ясно указывается на необходимость сверженія самодержавія и замѣны его конституціоннымъ режимомъ. Все это до того напугало директора, что онъ сейчасъ же призвалъ къ себѣ студентовъ и послѣ маленькаго допроса, разрѣшилъ всѣмъ опять входъ въ университетъ, предварительно отобравъ обѣщаніе не принимать участія въ „могущихъ возникнуть волненіяхъ". Носятся слухи, что часть студентовъ, случайно попавшихъ подъ подозрѣніе, хотѣли предать суду сословныхъ представителей. А такъ какъ нѣтъ никакихъ уликъ противъ нихъ, то мѣстный жандармъ Мочаловъ начинаетъ готовить „свидѣтелей". Всѣ сразу догадались, что тутъ что-то неладно и кое кто ужъ началъ отказываться отъ показаній. Какъ оказалось послѣ, вся эта комедія продѣлывалась затѣмъ, чтобы показать студентовъ приставамъ и околодочнымъ, которые и выступятъ свидѣтелями по дѣлу о демонстраціи.

Екатеринославскій процессъ [1]).

Всего обвиняемыхъ 56 человѣкъ; изъ нихъ 2 скрылись. Остальные 54 всѣ рабочіе, кромѣ Іоффе, ретушера фотографіи, который не игралъ видной роли. 34 человѣка содержалось подъ стражей, 20 были на свободѣ. 29 человѣкъ на вопросъ о виновности отвѣчали, что виновными себя не признаютъ, но на демонстраціи были и были сознательно.

Какъ выяснилось изъ заявленій подсудимыхъ, помимо той бойни, которая была устроена на улицахъ въ цѣляхъ разсѣянія демонстрантовъ, арестованныхъ потомъ подвергали страшному избіенію въ участкахъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе *Левитскаго.* Нѣкій офицеръ Масловъ былъ привлеченъ за нѣсколько времени до демонстраціи къ отвѣтственности за буйство въ саду. Свидѣтелемъ этого буйства случайно былъ Левитскій и былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля въ судъ. Масловъ нѣсколько разъ пытался подкупить Левитскаго, но безуспѣшно. На судѣ Левитскій показалъ то, что видѣлъ. Во время демонстраціи во всѣхъ участкахъ были наряды солдатъ. Когда Левитскаго арестовали и привели въ участокъ, случайно командиромъ наряда солдатъ въ этомъ участкѣ оказался Масловъ. Столъ былъ уставленъ бутылками съ водкой и офицеръ Масловъ пировалъ съ околодочными. Когда онъ увидѣлъ Левитскаго, онъ со словами „попался, голубчикъ," набросился на него и началъ его избивать. Къ нему присоединились пьянствовавшіе съ нимъ 8 околодочныхъ и началось жестокое избіеніе. Нѣсколько разъ Левитскій терялъ сознаніе. Когда же онъ приходилъ въ сознаніе, его снова начинали бить, пока онъ снова не терялъ сознанія. Подсудимая Медвѣдская, 16 лѣтъ, была случайно арестована и въ участкѣ жестоко избита. На вопросъ о виновности отвѣтила, что въ демонстраціи не участвовала, но послѣ жестокой расправы съ ней, поняла значеніе демонстраціи и теперь заявляетъ, что, если останется на свободѣ, то приметъ участіе въ демонстраціи. Большинство подсудимыхъ заявляло себя членами соціальдемократической партіи и пыталось говорить вступительныя рѣчи, но предсѣдатель обрывалъ ихъ. Свидѣтелей на судъ было вызвано 112, изъ нихъ 97 полицейскихъ и 3 шпіона. Первымъ допрашивается полиціймейстеръ Машевскій. Разсказываетъ сначала о происшествіяхъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, съ которыхъ начались волненія 7 августа. Утверждаетъ сначала, что тамъ были постороннія лица, но послѣ перекрестнаго допроса отказывается. Отвѣчая на вопросы одного изъ защитниковъ, разсказываетъ, что когда пріѣхалъ въ желѣзнодорожныя мастерскія губернаторъ, онъ (полиціймейстеръ), обратившись къ толпѣ рабочихъ, крикнулъ: „шапки долой!, — „Ну что же", спрашиваетъ защитникъ, „кто-нибудь снялъ шапку?" -- „Нѣтъ, никто не снялъ," отвѣчаетъ полиціймейстеръ. Затѣмъ Машевскій разсказываетъ о томъ, что въ послѣднее время передъ демонстраціей наблюдалось сильное движеніе среди рабочихъ. Происходили сходки, которыя приходилось разгонять. При этомъ сильно распространялись прокламаціи, преимущественно соціальдемократическія, которыя имѣли большой успѣхъ. На вопросъ защитника о содержаніи прокламацій, полиціймейстеръ отвѣчалъ: „Право, ихъ такую массу выпускаютъ и онѣ мнѣ такъ надоѣли, что я ихъ бросаю, не читая." Онъ показываетъ затѣмъ, что въ первый день демонстраціи было не менѣе 10 тысячъ человѣкъ. По вопросу объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія онъ заявляетъ, что оно было вызвано крайней необходимостью, такъ какъ толпа была готова разорвать полицію. По поводу этого послѣдняго показанія читается протоколъ осмотра раненныхъ и убитыхъ, при чемъ оказывается, что почти всѣ раны нанесены сзади а нѣкоторыя сбоку.

Городовымъ полицейскимъ врачемъ этотъ фактъ былъ объясненъ тѣмъ, что рабочіе успѣли повернуться во время стрѣльбы. Подсудимый *Телесовъ* при этомъ разсказываетъ, что одинъ городовой, когда демонстрація уже кончилась, прицѣлился въ него, но попалъ въ какого-то старичка и убилъ его. Послѣ, ведя его въ участокъ, городовой все время его билъ, приговаривая: „хотѣлъ тебя, жида, убить, а убилъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка." Тотъ же подсудимый разсказываетъ, что когда толпа демонстрантовъ подходила къ Брянскому заводу, было обѣденное время, женщины несли рабочимъ обѣдъ. Конные городовые ни за что, ни про что начали бить женщинъ. Одинъ рабочій, увидавши, что бьютъ его жену, началъ защищать ее и бросилъ камень. Тогда началось побоище.

Изъ свидѣтелей выдѣлился съ хорошей стороны старшій фабричный инспекторъ *Евтушевскій.* Въ своемъ показаніи онъ заявилъ, что условія работы на Екатеринославскихъ заводахъ неимовѣрно тяжелы, что рабочіе изнашиваются въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, очень рано становятся инвалидами и выбрасываются на улицу. Поэтому понятно глухое броженіе и недовольство среди рабочихъ.

На вопросъ защиты показываетъ, что администрація заводовъ ничего не предпринимаетъ для улучшенія положенія рабочихъ. Нѣсколько разъ онъ собиралъ совѣщаніе директоровъ заводовъ. Они обѣщали устроить бани, школы, больницы и обѣщаній своихъ не исполняли.

Директоръ Брянскаго завода *Уржумцевъ* говоритъ, что давно ожидали забастовокъ. Показываетъ, что рабочіе вели себя очень корректно. Разсказываетъ интересный фактъ. Когда приблизилась толпа, онъ самъ остановилъ заводъ. Затѣмъ онъ попросилъ рабочихъ не оставлять работы, пока не будетъ выпущенъ изъ Мартыновской печи расплавленный чугунъ, во избѣжаніе громадныхъ убытковъ (если бы чугунъ застылъ, пришлось бы ломать печь). Рабочіе не только согласились это сдѣлать, но имъ помогали подошедшіе демонстранты изъ другихъ заводовъ. Тотъ же Уржумцевъ, также директоръ другого завода и Евтушевскій показали, что рабочіе вели себя очень корректно. Въ прокламаціяхъ тоже не было призыва къ насилію, всѣ прокламаціи были отъ соціальдемократическаго комитета, всѣ онѣ призывали къ спокойному поведенію.

Каждый свидѣтель изъ полицейскихъ послѣ вопроса, „что Вы знаете по настоящему дѣлу?" начиналъ свое показаніе словами „я согласно протоколу". Когда одному изъ нихъ заданъ былъ вопросъ „что это значитъ", онъ отвѣтилъ: „я присягу принималъ согласно протоколу". Приставъ Сергѣевъ, изъ заводского района, давши довольно развязное показаніе, собирается уходить. Его останавливаетъ предводитель дворянства *Бродскій* и начинаетъ подробно разспрашивать о положеніи рабочихъ, стремясь, повидимому, сознательно къ тому, чтобъ ослабить впечатлѣніе отъ показаній Евтушевскаго. Сергѣевъ, какъ и можно было ожидать, рисуетъ самую идиллическую картину. Рабочимъ живется превосходно. Недоразумѣнія съ администраціей бываютъ чрезвычайно рѣдко, а когда бываютъ, то ему Сергѣеву удается ихъ благополучно разрѣшать.

Тогда защитникъ *Раппъ* проситъ разрѣшенія по поводу показанія Сергѣева задать нѣсколько вопросовъ Евтушевскому, который въ это время оставался еще въ залѣ засѣданія. Предсѣдатель отказываетъ. Тогда Раппъ проситъ занести въ протоколъ, что показанія старшаго фабричнаго инспектора были исправлены показаніями пристава. Когда защита, въ цѣляхъ выясненія истины, хотѣла попросить разъясненія у старшаго фабричнаго инспектора по поводу показаній пристава, ей [illegible] предсѣдателемъ въ этомъ отказано. Инцидентъ этотъ на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

---

[1]) Обв. актъ откладывается за недостаткомъ мѣста.

Завѣдующій сыскнымъ отдѣленіемъ *Окселенко* разсказываетъ, что публика настроена ненормально, и въ качествѣ иллюстраціи разсказываетъ: „я былъ посланъ въ больницу Брянскаго завода снять фотографическія карточки съ труповъ убитыхъ рабочихъ“. Когда ему пришлось снимать карточку съ трупа двѣнадцати-мѣсячнаго мальчика, лежавшаго въ неудобномъ положеніи, и онъ велѣлъ его поставить на столъ, то изо рта и ушей его хлынула кровь. При этомъ бывшая здѣсь женщина, очевидно, родственница или мать, добавляетъ онъ съ улыбкой, бросилась на меня, рванула за пальто, и когда пальто распахнулось и обнаружился полицейскій мундиръ, то она, внѣ себя, вскрикнула: „а мало еще вы крови напились, еще пріѣзжаете снимать“... 6 ноября подсудимые заявляютъ, что ихъ избили въ тюрьмѣ. Защитники дѣлаютъ заявленіе о томъ, что, получивши свѣдѣнія отъ подсудимыхъ о возмутительной расправѣ, учиненной надъ нѣкоторыми изъ нихъ, они не въ силахъ продолжать защиту, пока не будетъ приступлено къ дознанію въ тюрьмѣ, и требуютъ медицинск. освидѣтельствованія подсудимыхъ. Предсѣдатель, смущенный, объявляетъ, что онъ дѣлаетъ перерывъ на время, которое потребуется защитниками для возбужденія дѣла. Судьи уходятъ. Тов. прокурора подходитъ къ защитѣ и подсудимымъ, записываетъ фамиліи потерпѣвшихъ, затѣмъ призываетъ полиціймейстера, тюремнаго инспектора, городскихъ врачей. Производится освидѣтельствованіе, при чемъ констатируется наличность свѣжихъ побоевъ. Засѣданіе возобновляется черезъ четыре часа. Надо при этомъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ другихъ, изъ членовъ судебнаго присутствія выдѣлился своимъ дикимъ поведеніемъ предводитель дворянства Екат. губ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ залу засѣданія послѣ перерыва, выражая возмущеніе слишкомъ большой свободой, которую будто бы даетъ предсѣдатель защитникамъ и подсудимымъ. Во время же самыхъ засѣданій онъ постоянно выражалъ мимикой и жестами свое отрицательное отношеніе къ подсудимымъ и защитникамъ. Изъ рѣчей защитниковъ выдѣлялись рѣчи *Гуровича, Раппа и Александрова.*

Благодаря перерывамъ со стороны предсѣдателя ни одному изъ говорившихъ подсудимыхъ не удалось сказать всего того, что онъ хотѣлъ сказать. *Михаилъ Трофимовъ* заявляетъ себя сознательнымъ членомъ соціальдемократической партіи. „Сегодня день моего ангела“, говорилъ онъ, „и вашъ суровый приговоръ будетъ лучшимъ подаркомъ“. *Телесовъ*: „что мнѣ сказать? участвовалъ въ демонстраціи и буду дальше участвовать въ движеніи, пока не умру“. *Санюринъ*: „я раньше не понималъ смысла движенія и былъ малосознательнымъ его участникомъ; теперь, послѣ 15 мѣсячнаго моего сидѣнья, я сталъ ярымъ членомъ Соц.-дем. Партіи“. *Кошкинъ* (17 лѣтъ) обнаруживаетъ не дюжинныя ораторскія способности. Своею рѣчью производитъ сильное впечатлѣніе; заявляетъ, что онъ участвовалъ сознательно въ демонстраціи. „Голодъ, угнетеніе капитализма, безправіе, всѣ слѣдствія самодержавнаго строя я испыталъ уже на себѣ, несмотря на мои 17 лѣтъ. Я понялъ, что въ борьбѣ съ эксплуатаціей и безправіемъ единичныя усилія не могутъ привести ни къ чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно“. Предсѣдатель прерываетъ. Подсудимый возобновляетъ рѣчь. Предсѣдатель очень скоро его опять прерываетъ. Послѣ нѣсколькихъ прерываній подсудимый прекращаетъ свою рѣчь. *Незнающая* (19 лѣтъ): „я — членъ соц.-дем. партіи, и прежде всего стремлюсь къ тому, чтобы раздѣлаться съ позорнымъ самодержавіемъ“. *Левицкій* пытается разъяснить тѣ цѣли, которыя преслѣдовали рабочіе, въ томъ числѣ и онъ, устраивая демонстрацію. Когда же предсѣдатель спрашиваетъ: „зачѣмъ Вы это говорите? товарищи Ваши и такъ это знаютъ“. — „Я говорю, отвѣчалъ онъ, для тѣхъ, которые внѣ суда“. — „Но вѣдь засѣданіе закрыто“. — „Эти камни, отвѣчаетъ Левицкій, показывая на стѣны, раздвинутся, и нашъ громкій голосъ пролетаріатомъ будетъ услышанъ“. *Роберманъ* говоритъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и доказываетъ неизбѣжность солидарной борьбы съ самодержавіемъ. *Рудникова*, молодая дѣвушка, говоритъ прочувствованную рѣчь, рисуетъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ дѣвушекъ, говоря, что ихъ положеніе гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчинъ, разсказываетъ о своей жизни, говоритъ, что ей, какъ и многимъ, угрожала проституція. *Омифаренко*, булочникъ, неграмотный, описываетъ каторжную работу булочниковъ, продолжающуюся по 18 часовъ въ сутки. *Романовъ*: „я не боюсь вашего приговора, какъ бы суровъ онъ ни былъ, имъ я искуплю величайшее преступленіе, совершенное мною въ жизни: я, будучи на военной службѣ въ Ригѣ (онъ запасной унтеръ-офицеръ), участвовалъ въ усмиреніи рабочихъ. Я надѣюсь, что вашъ приговоръ будетъ звеномъ той цѣпи, которая соединитъ меня съ соц.-дем. партіей и примиритъ ее со мною (приговоръ — исправительный домъ на два года). *Шевченко* (до сихъ поръ онъ не сказалъ ни слова, и никто его ни въ чемъ не уличалъ) говоритъ послѣднимъ. „Такъ какъ я говорю послѣднимъ и мнѣ предоставлено послѣднее слово, то я имъ пользуюсь, чтобы въ послѣдній разъ сказать: „долой самодержавіе!“ (общее движеніе и смѣхъ. Подсудимый садится прежде, чѣмъ предсѣдатель успѣлъ его остановить).

Херсонъ. Тихій, захолустный Херсонъ заволновался. Всѣ какъ то вразу заговорили, засуетились. Замѣтно переполошилась и полиція, усердно разыскивая крамолу, которая въ послѣднее время стала интенсивно распространяться по всему городу. Въ день мобилизаціи у насъ мѣстная организація распространила листки: „Къ запаснымъ“. При этомъ полиція задержала рабочаго Маркуса Адамова, предварительно звѣрски избивъ его. Разговоровъ по этому поводу въ городѣ много. Затѣмъ какъ бы наступило затишье. Работа между тѣмъ шла усиленнымъ темпомъ. Занятія съ рабочими велись преимущественно кружковыя. Организація поставила себѣ цѣлью работать въ глубь. За это время устроены были 4 массовки, на которыхъ говорилось о казни Плеве (по этому поводу были также листки), о назначеніи новаго министра, о внутренней политикѣ Россіи. Условія Херсона не позволяютъ устраивать часто большія массовыя сходки. Объясняется это отчасти разрозненностью рабочихъ (въ Херсонѣ преимущественно ремесленники), отсутствіемъ опытныхъ руководителей рабочихъ, а главнымъ образомъ, отсутствіемъ интеллигентныхъ силъ. Послѣднія здѣсь крайне нужны. Отсутствуетъ въ Херсонѣ также агитаціонная и пропагандистская литература.

Ноябрь у насъ особенно богатъ событіями. Съ 12 ноября здѣсь начался пріемъ новобранцевъ. По этому случаю организація распространила прокламаціи „Къ новобранцамъ“ въ кол. 2000 экз. Изъ нихъ 500 экз. были выброшены возлѣ присутствія, среди новобранцевъ, вверхъ. При этомъ полиція опять задержала одного рабочаго, Скляра. На слѣдующій день въ городѣ и въ театрѣ были распространены прокламаціи: „Портъ Артуръ и Ляоянъ“ (перепеч. изъ изд. Ц. К.) и „Новый министръ“. Разбросъ въ театрѣ произвелъ эффектное впечатлѣніе. Когда во время 4-го акта съ галлереи вдругъ посыпались листки, публика бросилась подымать ихъ, полиція силою отнимала, гоняясь за крамолою изъ одного угла театра въ другой. По телефону были вызваны жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ. Они такъ растерялись, что не знали, что дѣлать. Заперли раекъ и выпускали оттуда по одному человѣку. Наугадъ были задержаны 4 человѣка; трехъ выпустили въ туже ночь, а 4-го, рабочаго Зиглина, держатъ до сихъ поръ. Зло разбираетъ нашихъ царскихъ приспѣшниковъ: не могутъ попасть на слѣдъ и ловятъ по улицѣ всякаго, кто только быстро ходитъ. Комическихъ сценъ теперь не оберешься. Въ городѣ много толковъ о разбросахъ прокламацій; разсказываютъ, какъ водится, даже небылицы. — Въ Херсонской тюрьмѣ вотъ уже больше года томятся 27 чел. политическихъ. Дѣла о нихъ находились уже въ Палатѣ и, предполагали, будутъ разсматриваться осенью, Палата нашла обвиненія мало обоснованными и возвратила всѣ дѣла жандармамъ для дослѣдованія. И вотъ несчастныхъ 27 молодыхъ жизней обречены томиться въ тюрьмѣ, кто знаетъ, сколько еще времени, благодаря тому, что жандармы не имѣютъ основательныхъ уликъ противъ нихъ. Порядки въ тюрьмѣ возмутительные, новый смотритель всячески урѣзываетъ минимумъ удобствъ: лишаетъ свиданій, запрещаетъ носить обѣды и т. д. Столкновенія съ нимъ однажды чуть было не довели сидящихъ до голодовки.

Ромны, Полт. губ. Въ истекшемъ учебномъ году въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи были распространены два раза прокламаціи за подписью Организаціоннаго кружка роменской учащейся молодежи. Одна изъ нихъ указывала на тяжелое состояніе учащихся въ школѣ, на плохой подборъ преподавателей и на причины подобнаго положенія, коренящагося въ самодержавномъ строѣ, и призывала къ устройству кружковъ самообразованія. Въ другой, начинавшейся призывомъ молодежи къ работѣ, была намѣчена также программа для чтенія. Обѣ прокламаціи были встрѣчены сочувственно. Начальство переполошилось и, чувствуя себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ „крамолой“, бросились искать помощи у мѣстной полиціи и жандармеріи. На слѣдующій же день, послѣ бывшаго въ залѣ реальнаго училища молебна, на которомъ присутствовалъ и исправникъ, состоялось во главѣ съ послѣднимъ засѣданіе „совѣщательной комиссіи“. Послѣ него приступили къ дѣятельнымъ розыскамъ „крамольниковъ“. Каждаго, сколько нибудь выдѣляющагося изъ общей массы учащихся, — звали на допросъ. Такъ, напримѣръ, одного изъ учениковъ 5 класса посчитали „неблагонадежнымъ“ по слѣдующимъ причинамъ: „угрюмъ, длинноволосъ, рѣдко смѣется“. Чего же больше? Улики на лицо. Крамольника нашли, но что съ нимъ дѣлать? Призываютъ его отца и заявляютъ: „Если вашего сына увидятъ съ кѣмъ-либо изъ „жидовъ“, то онъ немедленно же будетъ уволенъ“. Дѣло въ томъ, что въ здѣшнемъ городѣ образовалась С.-Д. группа, которая, какъ полагаютъ власти, состоитъ изъ однихъ евреевъ, — и вотъ на этомъ основаніи 14 тысячъ еврейскаго населенія считаются политически-неблагонадежными и поэтому съ нимъ „противозаконно“ вести знакомство. Кой-кому изъ учащихся не даютъ отпусковъ: „За прокламаціями поѣдешь.“ Среди реалистовъ и гимназистокъ замѣчается интересъ къ чтенію нелегальной литературы и сочиненій легальныхъ по вопросамъ общественнымъ, политико экономическимъ; замѣчается также спросъ на идейную беллетристику. Въ противовѣсъ этому, усилились репрессіи, которыя помогаютъ и малосознательнымъ ученикамъ и ученицамъ понять кое-что изъ явленій школьной жизни и критически относиться къ нимъ. Директоръ Радкевичъ, присланный сюда для искорененія „духа своеволія“, способствовалъ своей лицемѣрной политикой, съ одной стороны, и жестокими мѣрами, съ другой — пробужденію революціонныхъ чувствъ. Учитель русскаго языка въ реальномъ училищѣ А. А. Ельчуковъ старается насадить „патріотизмъ“ и воспитать „истинно-русскихъ“ людей, для чего на урокахъ начали было читать столь популярныя произведенія г. Побѣдоносцева, но, встрѣтивъ насмѣшливое отношеніе со стороны воспитанниковъ, чтеніе столь уважаемаго имъ автора прекратилъ и замѣнилъ его устными бесѣдами на патріотическія темы.

Большой популярностью въ педагогической средѣ пользуется мѣстный содержатель ученической квартиры г. Херувимовъ, квартира котораго особенно рекомендуется начальствомъ р. у. Ежедневно своими бесѣдами онъ развращаетъ учениковъ, читая имъ и поясняя юдофобскія статьи „Свѣта“ и старается привить имъ свои взгляды на „жидовъ“, говоритъ о необходимости и цѣлесообразности погромовъ и мечтаетъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту: направить громилъ на мѣстную общественную библіотеку, которой, по его словамъ, „правятъ жиды“. Въ благодарность за столь полезную дѣятельность онъ удостаивается крѣпкаго рукопожатія г. инспектора В. И. Тимофеева. Такихъ то воспитателей рекомендуетъ намъ начальство!

Москва. 10 ноября въ Таганской тюрьмѣ началась голодовка, въ которой приняли участіе слѣдующіе заключенные: по дѣлу Моск. Ком. Р. С.-Д. Р. П.: Мих. Лещинскій (раб.), Валентинъ Батыревъ (инт.), Соломонъ Черномордикъ (инт.), Конст. Котельниковъ (инт). Всѣ они арестованы 6 іюня 1903 г. По дѣлу московскихъ с.-ровъ: Леонъ Крумбюгель, ар. въ октябрѣ прошлаго года, Серг. Абрамовичъ (учитель), Лидія Езерская (дантистка), Григорій Ривкинъ (инт.), арестован. въ январѣ 904 года. По Нижегородскому дѣлу с.-д.: Ник. Гурвичъ (инт.), ар. въ апрѣлѣ 1903 г., Барышевъ (раб.). ар. по с.-д. дѣлу въ концѣ апрѣля этого года. Слѣдствіе по ихъ дѣламъ давно окончено, но положеніе остается до сихъ поръ невыясненнымъ; извѣстно только, что ихъ собираются судить по новому закону. И вотъ, они выставили требованіе — такъ или иначе кончить ихъ дѣло: если судить, то назначить судъ не позже 1 февраля 1905 года и дать объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе. Двое товарищей — Черномордикъ и Котельниковъ — требуютъ, чтобы ихъ освободили до суда. Голодовку начали 10 ноября, пославъ предварительно заявленіе прокурору моск. палаты и мин. юстиціи. Прокуроръ отвѣтилъ, что, когда дѣло перейдетъ въ судъ, то назначеніе срока зависитъ отъ предсѣдателя судебн. палаты. Но это никого не удовлетворило. На первый день голодовки освободили Барышева, а на третій — Абрамовича безъ залога. Пріѣзжалъ жандармскій офицеръ и обѣщалъ освободить Крумбюгеля подъ залогъ въ 20 тыс. рублей, Езерскую — за 5 тыс. рублей, Ривкина за три тыс. руб., Черномордика и Котельникова по одной тыс. рублей. Всѣ пока отказались, кромѣ Крумбюгеля, которому денежный залогъ замѣнили имущественнымъ обезпеченіемъ. Сестры и мать Ривкина, Крумбюгеля и Гурвича поѣхали къ министру. Въ городѣ ходятъ и распространяются слухи о голодовкѣ. За нѣкоторыхъ арестованныхъ, у которыхъ нѣтъ залога, лица изъ московскаго общества предлагаютъ внести его. Чтобы поддерживать товарищей, съ 15 ноября всѣ остальные примыкаютъ къ голодовкѣ и будутъ продолжать ее до удовлетворенія всѣхъ требованій. Въ тюрьмѣ, кромѣ названныхъ, находятся еще слѣдующія лица: по дѣлу моск. районной организ. Ц. К. ар. 19 іюня 1904 года: Ел. Стасова, Зина Ивановичъ, Алекс. Тараева, Ник. Бауманъ съ женой, Ив. Бѣлянчиковъ, Алекс. Заваринъ, Ив. Александровъ, Дмитр. Будановъ и баварскій подданный Артуръ Циглеръ. Въ какомъ положеніи ихъ дѣло, до сихъ поръ неизвѣстно. Всѣ они отказались ѣздить на допросъ. По дѣлу с.-р. въ Москвѣ арестованы: въ маѣ 1904 года: Евг. Сорока, Марія Емельянова, Ник. Гиммеръ, Ник. Звоновъ, Владим. Мануринъ, Алекс. Троцкій, Степановъ. Слѣдствіе по ихъ дѣлу окончилось. По дѣлу Моск соц.-дем. Комитета арест. 15 фев. 1904 г. Богданъ Кнуньянцъ и Ольга Шнеерсонъ. Ее обѣщаютъ выпустить подъ залогъ 500 рублей. Отбываетъ наказаніе Ник. Авдѣевъ: 2 г. тюрьмы и 5 лѣтъ Архангельск. губ. Изъ Петербурга привезены мужъ и жена Карпенко, по дѣлу типографіи с.-д. группы въ СПБ. У нихъ былъ приговоръ — вѣчная ссылка, но онъ замѣненъ тюрьмой на полтора года, по манифесту.

(Голодовка кончилась — побѣдой заключенныхъ).

Гродно. (Изъ тюрьмы). Мы еще не успѣли забыть сентябрскій „бунтъ“, все, что мы пережили въ этой тюрьмѣ — голодъ, карцера, издѣвательство, какъ опять тюремная администрація вздумала вновь взяться за старое. 5 ноября начальникъ объявилъ, что лишаетъ заключенныхъ на мѣсяцъ (нѣкоторыхъ на 2 недѣли) права выписки продуктовъ за то, что разговариваютъ между собою и во время прогулки переходятъ на тотъ дворъ, гдѣ гуляютъ общія камеры. Въ послѣднее время всѣ получали больничную пищу, благодаря тому, что многіе заболѣли отъ обычной арестантской. Теперь, по распоряженію начальника, всѣ опять переведены на общій котелъ. Когда къ 11 ноября у заключенныхъ вышелъ весь сахаръ, чай и пр., рѣшили требовать у начальника выписать хлѣбъ и сахаръ. Онъ ноотказалъ. Рѣшено было не уходить съ прогулки въ камеры, пока не принесутъ хлѣба. Утромъ вышли на прогулку 7 человѣкъ (изъ одной общей камеры) и 2 чел. изъ одиночекъ, заявивъ, что не уйдутъ со двора, пока не принесутъ хлѣба. Они гуляли цѣлый день, другихъ изъ камеръ не выпускали; однако предъ вечеромъ удалось выйти на дворъ еще шестерымъ товарищамъ. Въ 7 часовъ пришелъ начальникъ и сталъ убѣждать зайти въ камеры, но всѣ отказались. Былъ вызванъ конвой, принудившій товарищей уйти со двора. На другой день повторилась та же исторія. Тогда возбужденіе оставшихся въ камерахъ достигло крайней степени и къ вечеру проявилось въ томъ, что начали стучать, ломать двери и пр. Бывшіе на дворѣ пѣли революціонныя пѣсни. Шумъ и крикъ были слышны въ городѣ. Черезъ ¼ часа появились товарищъ прокурора, полиціймейстеръ, пристава, орава городовыхъ. Разспросивъ заключенныхъ и убѣдивъ ихъ успокоиться, товарищъ прокурора ушелъ.

Черезъ день принесли выписку всѣмъ безъ исключенія. — Въ общемъ, режимъ здѣсь невыносимый, крайне вредно отзывающійся на здоровьи заключенныхъ. За каждый пустякъ приходится бороться, растрачивая безплодно силы. Рабочій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Симферополь. Въ концѣ октября мѣстной организаціей Крымскаго Союза были распространены листки „Пора“ и „Къ солдатамъ,“ изданія Союза. Листки были распространены широко въ рабочихъ кварталахъ, населенныхъ бѣднотой и на базарѣ. Много дней спустя послѣ распространенія, листки читались обывателями, правда, „низшаго“ ранга. Удачно были раскиданы листки и въ казармахъ мѣстнаго полка. Начальство узнало объ этомъ, произвели обыскъ, но солдаты успѣли много прокламацій припрятать и жадно читали ихъ, разсказывая объ этомъ откровенно обывателямъ. Начальство обѣщало награду въ 60 руб. за поимку „соціалиста“ но увы! соціалистъ и по сію пору живъ.

2 ноября во время призыва новобранцевъ были распространены листки „Къ рекрутамъ“ изд. и редакція Крымскаго Союза Сначала утромъ листки были раскиданы въ самомъ зданіи воинскаго присутствія, а вечеромъ они были разбросаны и расклеены по городу, при чемъ на слѣдующій день въ отдѣльныхъ кварталахъ до 12 часовъ возлѣ наклеенныхъ листковъ собирались кучки народа, читали ихъ и всячески комментировали. Листки были написаны на русскомъ и *татарскомъ* языкахъ и разошлись также среди татаръ. Впечатлѣніе, произведенное листками, огромно. Въ воинскомъ присутствіи сейчасъ же послѣ распространенія былъ произведенъ обыскъ, часть листковъ была отобрана, но много листковъ новобранцы успѣли унести и два дня спустя видѣли еще, какъ новобранцы группой читали листки. Въ воинскомъ присутствіи было арестовано двое совершенно непричастныхъ къ организаціи лицъ, якобы повинныхъ въ подметѣ. Одного изъ нихъ уже выпустили, а другого, вѣроятно, выпустятъ, т. к. ему, конечно, удастся установить свою непричастность.

Недавно у насъ отправляли солдатъ, которыхъ надо было выписать въ запасъ и которыхъ погнали, вмѣсто этого, на войну. Солдаты разгромили нѣсколько домовъ терпимости, одинъ подожгли, избили городоваго, на вокзалѣ разбили окна въ вагонахъ, крича, что „имъ нечего терять“; подъѣзжая къ Севастополю, они, говорятъ, запѣли марсельезу.

Симферопольская организація.

Митава. Съ 15 по 23 октября въ нашемъ городѣ происходилъ наборъ новобранцевъ. По этому поводу, въ городѣ и по дорогамъ, ведущимъ къ нему, были распространены прокламаціи съ подписью латышской партіи. Онѣ открыто читались, даже въ залѣ, гдѣ происходилъ наборъ. Попытка со стороны мѣстныхъ властей изловить распространителей не увѣнчалась успѣхомъ. Что прокламаціи имѣли большое вліяніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: спустя нѣсколько дней послѣ присяги, часть новобранцевъ хотѣли отправить на мѣсто ихъ назначенія Прійдя на вокзалъ, всѣ до единаго отказались сѣсть въ товарные вагоны, которые не были снабжены даже печами. Черезъ нѣсколько часовъ, имъ предоставили вагоны третьяго класса. По дорогѣ къ вокзалу, новобранцы разбивали стекла магазиновъ и фонари. Слышались и возгласы: долой самодержавіе, долой войну, но возгласы эти были заглушены музыкой.

Нѣсколько прокламацій попали въ руки унтеръ-офицеровъ, случайно прошедшихъ мимо солдатской канцеляріи, гдѣ ихъ было разбросано довольно много. Очевидно, не зная навѣрное, что это за листки, унтеръ-оф. принесли прокламаціи въ казарму, гдѣ онѣ обошли всѣ роты и подъ конецъ вернулись назадъ къ тѣмъ, которые ихъ нашли. Еще долгое время лежали прокламаціи въ сундукахъ. Пошли толки и слухи. „Кабы вся дивизія сразу поднялась, тогда было бы дѣло, а то поднимется одинъ только полкъ, тогда всѣхъ перебьютъ“ — говоритъ одинъ. „Въ бумажкахъ то правда написана: въ тысячу разъ онѣ лучше, нежели наши телеграммы. Кабы побольше ихъ“ — говорилъ другой. „Больно много въ нихъ ругаютъ начальство“, — говоритъ одинъ. „И подѣломъ имъ“, — отвѣчаютъ ему. Условія въ казармѣ самыя ужасныя: легальную книжку не имѣешь права читать безъ подписи ротнаго. А между тѣмъ, интересъ къ чтенію въ послѣднее время сильно поднялся. Популярныя изданія берутся на расхватъ. Что касается нелегальныхъ брошюръ, то про чтеніе ихъ нечего и думать. Чуть ли не каждую ночь дѣлаются обыски въ сундукахъ. За малѣйшую вину сажаютъ подъ строгій арестъ, т. е. безъ горячей пищи. И сидятъ такъ нѣкоторые по 20 и 30 сутокъ за то, что не замѣтили офицера или не во время отдали честь. Прибавимъ еще произволъ со стороны начальства, доходящій до крайностей, и передъ нами яркая картина забитаго солдата, машины, орудія въ рукахъ начальства.

Были распространены въ казармахъ прокламаціи Риж. К. П. „къ солдатамъ“, но, къ сожалѣнію, въ очень ничтожномъ количествѣ (100 экз.).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новозыбковъ. **Отчетъ о работѣ мѣстной организаціи.** Весной работа въ нашемъ районѣ нѣсколько пріостановилась. Причиной былъ рядъ проваловъ и общая усиленная дѣятельность полиціи. К. Вагинъ и Л. Павловъ, задержанные въ Клинцахъ при распространеніи прокламацій, выдали на допросѣ все, что знали, къ счастью, знали они очень немногое. По ихъ указаніямъ, было арестовано семь человѣкъ; двое, Баблаковъ и Александровъ, сидятъ еще теперь, остальные выпущены по манифесту. Организація не была затронута арестомъ, но полиція, предположивъ, что крамола должна исходить изъ Новозыбкова, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялась за ея искорененіе. Послѣ клинцовскаго „успѣха“, помощникъ исправника поставилъ Новозыбковъ на военное положеніе, производилъ повальные аресты и обыски, не приведшіе, однако же, ни къ какому результату. Только въ концѣ іюля ему удалось, да и то случайно, захватить складъ литературы. За два дня передъ тѣмъ нѣкій Савинеръ, экстернъ, уѣзжавшій на каникулы въ деревню, захватилъ съ собою нѣсколько листковъ Полѣсскаго Комитета, которые передалъ крестьянамъ. Тѣ связали его и доставили въ городъ. Отправившись къ нему съ обыскомъ, помощникъ, по указанію лавочника Гостева, открылъ находящійся по сосѣдству складъ, въ которомъ хранилось свыше 3.000 экз. свѣжеотпечатанной крестьянской брошюры и незначительное количество другихъ изданій, да переплетный прессъ, принятый находчивымъ сыщикомъ, въ первую минуту опьяненія побѣды за типографскій, давно служившій объектомъ его полицей предсѣдателемъ въ этомъ отказано. Инцидентъ этотъ на всѣхъ произвелъ сильное впечатлѣніе.

Завѣдующій сыскнымъ отдѣленіемъ *Окселенко* разсказываетъ, что публика настроена ненормально, и въ качествѣ иллюстраціи разсказываетъ: „я былъ посланъ въ больницу Брянскаго завода снять фотографическія карточки съ труповъ убитыхъ рабочихъ“. Когда ему пришлось снимать карточку съ трупа двѣнадцати-мѣсячнаго мальчика, лежавшаго въ неудобномъ положеніи, и онъ велѣлъ его поставить на столъ, то изо рта и ушей его хлынула кровь. При этомъ бывшая здѣсь женщина, очевидно, родственница или мать, добавляетъ онъ съ улыбкой, бросилась на меня, рванула за пальто, и когда пальто распахнулось и обнаружился полицейскій мундиръ, то она, внѣ себя, вскрикнула: „а мало еще вы крови напились, еще пріѣзжаете снимать“... 6 ноября подсудимые заявляютъ, что ихъ избили въ тюрьмѣ. Защитники дѣлаютъ заявленіе о томъ, что, получивши свѣдѣнія отъ подсудимымъ о возмутительной расправѣ, учиненной надъ нѣкоторыми изъ нихъ, они не въ силахъ продолжать защиту, пока не будетъ приступлено къ дознанію въ тюрьмѣ, и требуютъ медицинск. освидѣтельствованія подсудимыхъ. Предсѣдатель, смущенный, объявляетъ, что онъ дѣлаетъ перерывъ на время, которое потребуется защитниками для возбужденія дѣла. Судьи уходятъ. Тов. прокурора подходитъ къ защитѣ и подсудимымъ, записываетъ фамиліи потерпѣвшихъ, затѣмъ призываетъ полиціймейстера, тюремнаго инспектора, городскихъ врачей. Производится освидѣтельствованіе, при чемъ констатируется наличность свѣжихъ побоевъ. Засѣданіе возобновляется черезъ четыре часа. Надо при этомъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ такъ же, какъ и въ другихъ, изъ членовъ судебнаго присутствія выдѣлился своимъ дикимъ поведеніемъ предводитель дворянства Екат. губ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ залу засѣданія послѣ перерыва, выражая возмущеніе слишкомъ большой свободой, которую будто бы даетъ предсѣдатель защитникамъ и подсудимымъ. Во время же самыхъ засѣданій онъ постоянно выражалъ мимикой и жестами свое отрицательное отношеніе къ подсудимымъ и защитникамъ. Изъ рѣчей защитниковъ выдѣлялись рѣчи *Гуровича, Раппа и Александрова.*

Благодаря перерывамъ со стороны предсѣдателя ни одному изъ говорившихъ подсудимыхъ не удалось сказать всего того, что онъ хотѣлъ сказать. *Михаилъ Трофимовъ* заявляетъ себя сознательнымъ членомъ соціальдемократической партіи. „Сегодня день моего ангела“, говорилъ онъ, „и вашъ суровый приговоръ будетъ лучшимъ подаркомъ“. *Телесовъ*: „что мнѣ сказать? участвовалъ въ демонстраціи и буду дальше участвовать въ движеніи, пока не умру“. *Санюринъ*: „я раньше не понималъ смысла движенія и былъ малосознательнымъ его участникомъ; теперь, послѣ 15 мѣсячнаго моего сидѣнья, я сталъ ярымъ членомъ Соц.-дем. Партіи“. *Кошкинъ* 17 лѣтъ) обнаруживаетъ не дюжинныя ораторскія способности. Своею рѣчью производитъ сильное впечатлѣніе; заявляетъ, что онъ участвовалъ сознательно въ демонстраціи. „Голодъ, угнетеніе капитализма, безправіе, всѣ слѣдствія самодержавнаго строя я испыталъ уже на себѣ, несмотря на мои 17 лѣтъ. Я понялъ, что въ борьбѣ съ эксплуатаціей и безправіемъ единичныя усилія не могутъ привести ни къ чему, что необходимо соединиться и бороться солидарно“. Предсѣдатель прерываетъ. Подсудимый возобновляетъ рѣчь. Предсѣдатель очень скоро его опять прерываетъ. Послѣ нѣсколькихъ прерываній подсудимый прекращаетъ свою рѣчь. *Незнающая* (19 лѣтъ): „я — членъ соц.-дем. партіи, и прежде всего стремлюсь къ тому, чтобы раздѣлаться съ позорнымъ самодержавіемъ“. *Левицкій* пытается разъяснить тѣ цѣли, которыя преслѣдовали рабочіе, въ томъ числѣ и онъ, устраивая демонстрацію. Когда же предсѣдатель спрашиваетъ: „зачѣмъ Вы это говорите? товарищи Ваши и такъ это знаютъ“. — „Я говорю, отвѣчалъ онъ, для тѣхъ, которые внѣ суда“. — „Но вѣдь засѣданіе закрыто“. — „Эти камни, отвѣчаетъ Левицкій, показывая на стѣны, раздвинутся, и нашъ громкій голосъ пролетаріатомъ будетъ услышанъ“. *Роберманъ* говоритъ о бѣдственномъ положеніи рабочихъ и доказываетъ неизбѣжность солидарной борьбы съ самодержавіемъ. *Рудникова*, молодая дѣвушка, говоритъ прочувствованную рѣчь, рисуетъ самыми мрачными красками положеніе рабочихъ дѣвушекъ, говоря, что ихъ положеніе гораздо хуже, чѣмъ положеніе мужчинъ, разсказываетъ о своей жизни, говоритъ, что ей, какъ и многимъ, угрожала проституція. *Олифаренко*, булочникъ, неграмотный, описываетъ каторжную работу булочниковъ, продолжающуюся по 18 часовъ въ сутки. *Романовъ*: „я не боюсь вашего приговора, какъ бы суровъ онъ ни былъ, имъ я искуплю величайшее преступленіе, совершенное мною въ жизни: я, будучи на военной службѣ въ Ригѣ (онъ запасной унтеръ-офицеръ), участвовалъ въ усмиреніи рабочихъ. Я надѣюсь, что вашъ приговоръ будетъ звеномъ той цѣпи, которая соединитъ меня съ соц. дем. партіей и примиритъ ее со мною (приговоръ — исправительный домъ на два года). *Шевченко* (до сихъ поръ онъ не сказалъ ни слова, и никто его ни въ чемъ не уличалъ) говоритъ послѣднимъ. „Такъ какъ я говорю послѣднимъ и мнѣ предоставлено послѣднее слово, то я имъ пользуюсь, чтобы въ послѣдній разъ сказать: „долой самодержавіе!“ (общее движеніе и смѣхъ. Подсудимый садится прежде, чѣмъ предсѣдатель успѣлъ его остановить).

Херсонъ. Тихій, захолустный Херсонъ заволновался. Всѣ какъ то вразу заговорили, засуетились. Замѣтно переполошилась и полиція, усердно разыскивая крамолу, которая въ послѣднее время стала интенсивно распространяться по всему городу. Въ день мобилизаціи у насъ мѣстная организація распространила листки: „Къ запаснымъ“. При этомъ полиція задержала рабочаго Маркуса Адамова, предварительно звѣрски избивъ его. Разговоровъ по этому поводу въ городѣ много. Затѣмъ какъ бы наступило затишье. Работа между тѣмъ шла усиленнымъ темпомъ. Занятія съ рабочими велись преимущественно кружковыя. Организація поставила себѣ цѣлью работать въ глубь. За это время устроены были 4 массовки, на которыхъ говорилось о казни Плеве (по этому поводу были также листки), о назначеніи новаго министра, о внутренней политикѣ Россіи. Условія Херсона не позволяютъ устраивать часто большія массовыя сходки. Объясняется это отчасти разрозненностью рабочихъ (въ Херсонѣ преимущественно ремесленники), отсутствіемъ опытныхъ руководителей рабочихъ, а главнымъ образомъ, отсутствіемъ интеллигентныхъ силъ. Послѣднія здѣсь крайне нужны. Отсутствуетъ въ Херсонѣ также агитаціонная и пропагандистская литература.

Ноябрь у насъ особенно богатъ событіями. Съ 12 ноября здѣсь начался пріемъ новобранцевъ. По этому случаю организація распространила прокламаціи „Къ новобранцамъ“ въ кол. 2000 экз. Изъ нихъ 500 экз. были выброшены возлѣ присутствія, среди новобранцевъ, вверхъ. При этомъ полиція опять задержала одного рабочаго, Скляра. На слѣдующій день въ городѣ и въ театрѣ были распространены прокламаціи: „Портъ Артуръ и Ляоянь“ (перепеч. изъ изд. Ц. К.) и „Новый министръ“. Разбросъ въ театрѣ произвелъ эффектное впечатлѣніе. Когда во время 4-го акта съ галлереи вдругъ посыпались листки, публика бросилась подымать ихъ, полиція силою отнимала, гоняясь за крамолою изъ одного угла театра въ другой. По телефону были вызваны жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ. Они такъ растерялись, что не знали, что дѣлать. Заперли раекъ и выпускали оттуда по одному человѣку. Наугадъ были задержаны 4 человѣка; трехъ выпустили въ туже ночь, а 4-го, рабочаго Зиглина, держатъ до сихъ поръ. Зло разбираетъ нашихъ царскихъ приспѣшниковъ: не могутъ попасть на слѣдъ и ловятъ по улицѣ всякаго, кто только быстро ходитъ. Комическихъ сценъ теперь не оберешься. Въ городѣ много толковъ о разбросахъ прокламацій; разсказываютъ, какъ водится, даже небылицы. — Въ Херсонской тюрьмѣ вотъ уже больше года томятся 27 чел. политическихъ. Дѣла о нихъ находились уже въ Палатѣ и, предполагали, будутъ разсматриваться осенью, но Палата нашла обвиненія мало обоснованными и возвратила всѣ дѣла жандармамъ для дослѣдованія. И вотъ несчастныхъ 27 молодыхъ жизней обречены томиться въ тюрьмѣ, кто знаетъ, сколько еще времени, благодаря тому, что жандармы не имѣютъ основательныхъ уликъ противъ нихъ. Порядки въ тюрьмѣ возмутительные, новый смотритель всячески урѣзываетъ минимумъ удобствъ: лишаетъ свиданій, запрещаетъ носить обѣды и т. д. Столкновенія съ нимъ однажды чуть было не довели сидящихъ до голодовки.

Ромны, Полт. губ. Въ истекшемъ учебномъ году въ мѣстномъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи были распространены два раза прокламаціи за подписью Организаціоннаго кружка роменской учащейся молодежи. Одна изъ нихъ указывала на тяжелое состояніе учащихся въ школѣ, на плохой подборъ преподавателей и на причины подобнаго положенія, коренящагося въ самодержавномъ строѣ, и призывала къ устройству кружковъ самообразованія. Въ другой, начинавшейся призывомъ молодежи къ работѣ, была намѣчена также программа для чтенія. Обѣ прокламаціи были встрѣчены сочувственно. Начальство переполошилось и, чувствуя себя безпомощнымъ въ борьбѣ съ „крамолой“, бросились искать помощи у мѣстной полиціи и жандармеріи. На слѣдующій же день, послѣ бывшаго въ залѣ реальнаго училища молебна, на которомъ присутствовалъ и исправникъ, состоялось во главѣ съ послѣднимъ засѣданіе „совѣщательной комиссіи“. Послѣ него приступили къ дѣятельнымъ розыскамъ „крамольниковъ“. Каждаго, сколько нибудь выдѣляющагося изъ общей массы учащихся, — звали на допросъ. Такъ, напримѣръ, одного изъ учениковъ 5 класса посчитали „неблагонадежнымъ“ по слѣдующимъ причинамъ: „угрюмъ, длинноволосъ, рѣдко смѣется“. Чего же больше? Улики на лицо. Крамольника нашли, но что съ нимъ дѣлать? Призываютъ его отца и заявляютъ: „Если вашего сына увидятъ съ кѣмъ-либо изъ „жидовъ“, то онъ немедленно же будетъ уволенъ“. Дѣло въ томъ, что въ здѣшнемъ городѣ образовалась С.-Д. группа, которая, какъ полагаютъ власти, состоитъ изъ однихъ евреевъ, — и вотъ на этомъ основаніи 14 тысячъ еврейскаго населенія считаются политически-неблагонадежными и поэтому съ нимъ „противозаконно“ вести знакомство. Кой-кому изъ учащихся не даютъ отпусковъ: „За прокламаціями поѣдешь.“ Среди реалистовъ и гимназистокъ замѣчается интересъ къ чтенію нелегальной литературы и сочиненій легальныхъ по вопросамъ общественнымъ, политико экономическимъ; замѣчается также спросъ на идейную беллетристику. Въ противовѣсъ этому, усилились репрессіи, которыя помогаютъ и малосознательнымъ ученикамъ и ученицамъ понять кое-что изъ явленій школьной жизни и критически относиться къ нимъ. Директоръ Радкевичъ, присланный сюда для искорененія „духа своеволія“, способствовалъ своей лицемѣрной политикой, съ одной стороны, и жестокими мѣрами, съ другой — пробужденію революціонныхъ чувствъ. Учитель русскаго языка въ реальномъ училищѣ А. А. Ельчуковъ старается насадить „патріотизмъ“ и воспитать „истинно русскихъ“ людей, для чего на урокахъ начали было читать столь популярныя произведенія г. Побѣдоносцева, но, встрѣтивъ насмѣшливое отношеніе со стороны воспитанниковъ, чтеніе столь уважаемаго имъ автора прекратилъ и замѣнилъ его устными бесѣдами на патріотическія темы.

Большой популярностью въ педагогической средѣ пользуется мѣстный содержатель ученической квартиры г. Херувимовъ, квартира котораго особенно рекомендуется начальствомъ р. у. Ежедневно своими бесѣдами онъ развращаетъ учениковъ, читая имъ и поясняя юдофобскія статьи „Свѣта“ и старается привить имъ свои взгляды на „жидовъ“, говоритъ о необходимости и цѣлесообразности погромовъ и мечтаетъ привести въ исполненіе свою завѣтную мечту: направить громилъ на мѣстную общественную библіотеку, которой, по его словамъ, „правятъ жиды“. Въ благодарность за столь полезную дѣятельность онъ удостаивается крѣпкаго рукопожатія г. инспектора В. И. Тимофеева. Такихъ то воспитателей рекомендуетъ намъ начальство!

Москва. 10 ноября въ Таганской тюрьмѣ началась голодовка, въ которой приняли участіе слѣдующіе заключенные: по дѣлу Моск. Ком. Р. С. Д. Р. П.: Мих. Лещинскій (раб.), Валентинъ Батыревъ (инт.), Соломонъ Черномордикъ (инт.), Конст. Котельниковъ (инт). Всѣ они арестованы 6 іюня 1903 г. По дѣлу московскихъ с.-ровъ: Леонъ Крумбюгель, ар. въ октябрѣ прошлаго года, Серг. Абрамовичъ (учитель), Лидія Езерская (дантистка), Григорій Ривкинъ (инт.), арестован. въ январѣ 904 года. По Нижегородскому дѣлу с.-д.: Ник. Гурвичъ (инт.), ар. въ апрѣлѣ 1903 г., Барышевъ (раб.) ар. по с.-д. дѣлу въ концѣ апрѣля этого года. Слѣдствіе по ихъ дѣламъ давно окончено, но положеніе остается до сихъ поръ невыясненнымъ; извѣстно только, что ихъ собираются судить по новому закону. И вотъ, они выставили требованіе — такъ или иначе кончить ихъ дѣло: если судить, то назначить судъ не позже 1 февраля 1905 года и дать объ этомъ оффиціальное увѣдомленіе. Двое товарищей — Черномордикъ и Котельниковъ — требуютъ, чтобы ихъ освободили до суда. Голодовку начали 10 ноября, пославъ предварительно заявленіе прокурору моск. палаты и мин. юстиціи. Прокуроръ отвѣтилъ, что, когда дѣло перейдетъ въ судъ, то назначеніе срока зависитъ отъ предсѣдателя судебн. палаты. Но это никого не удовлетворило. На первый день голодовки освободили Барышева, а на третій — Абрамовича безъ залога. Пріѣзжалъ жандармскій офицеръ и обѣщалъ освободить Крумбюгеля подъ залогъ въ 20 тыс. рублей, Езерскую — за 5 тыс. рублей, Ривкина за три тыс. руб., Черномордика и Котельникова по одной тыс. рублей. Всѣ пока отказались, кромѣ Крумбюгеля, которому денежный залогъ замѣнили имущественнымъ обезпеченіемъ. Сестры и мать Ривкина, Крумбюгеля и Гурвича поѣхали къ министру. Въ городѣ ходятъ и распространяются слухи о голодовкѣ. За нѣкоторыхъ арестованныхъ, у которыхъ нѣтъ залога, лица изъ московскаго общества предлагаютъ внести его. Чтобы поддерживать товарищей, съ 15 ноября всѣ остальные примыкаютъ къ голодовкѣ и будутъ продолжать ее до удовлетворенія всѣхъ требованій. Въ тюрьмѣ, кромѣ названныхъ, находятся еще слѣдующія лица: по дѣлу моск. районной организ. Ц. К. ар. 19 іюня 1904 года: Ел. Стасова, Зина Ивановичъ, Алекс. Тараева, Ник. Бауманъ съ женой, Ив. Бѣлянчиковъ, Алекс. Заваринъ, Ив. Александровъ, Дмитр. Будановъ и баварскій подданный Артуръ Цаглеръ. Въ какомъ положеніи ихъ дѣло, до сихъ поръ неизвѣстно. Всѣ они отказались ѣздить на допросъ. По дѣлу с.-р. въ Москвѣ арестованы: въ маѣ 1904 года: Евг. Сорока, Марія Емельянова, Ник. Зиммеръ, Ник. Звоновъ, Владим. Мануринъ, Алекс. Троцкій, Степановъ. Слѣдствіе по ихъ дѣлу окончилось. По дѣлу Моск. соц.-дем. Комитета арест. 15 фев. 1904 г. Богданъ Кнуньянцъ и Ольга Шнеерсонъ. Ее обѣщаютъ выпустить подъ залогъ 500 рублей. Отбываетъ наказаніе Ник. Авдѣевъ: 2 г. тюрьмы и 5 лѣтъ Архангельск. губ. Изъ Петербурга привезены мужъ и жена Карпенко, по дѣлу типографіи с.-д. группы въ СПБ. У нихъ былъ приговоръ — вѣчная ссылка, но онъ замѣненъ тюрьмой на полтора года, по манифесту.

(Голодовка кончилась — побѣдой заключенныхъ.)

Гродно. (Изъ тюрьмы). Мы еще не успѣли забыть сентябрскій „бунтъ“, все, что мы пережили въ этой тюрьмѣ — голодъ, карцера, издѣвательство, какъ опять тюремная администрація вздумала вновь взяться за старое. 5 ноября начальникъ объявилъ, что лишаетъ заключенныхъ на мѣсяцъ нѣкоторыхъ на 2 недѣли права выписки продуктовъ за то, что разговариваютъ между собою и во время прогулки переходятъ на тотъ дворъ, гдѣ гуляютъ общія камеры. Въ послѣднее время всѣ получали больничную пищу, благодаря тому, что многие заболѣли отъ обычной арестантской. Теперь, по распоряженію начальника, всѣ опять переведены на общій котелъ. Когда къ 11 ноября у заключенныхъ вышелъ весь сахаръ, чай и пр., рѣшили требовать у начальника выписать хлѣбъ и сахаръ. Онъ отказалъ. Рѣшено было не уходить съ прогулки въ камеры, пока не принесутъ хлѣба. Утромъ вышли на прогулку 7 человѣкъ (изъ одной общей камеры) и 2 чел. изъ одиночекъ, заявивъ, что не уйдутъ со двора, пока не принесутъ хлѣба. Они гуляли цѣлый день, другихъ изъ камеръ не выпускали; однако предъ вечеромъ удалось выйти на дворъ еще шестерымъ товарищамъ. Въ 7 часовъ пришелъ начальникъ и сталъ убѣждать зайти въ камеры, но всѣ отказались. Былъ вызванъ конвой, принудившій товарищей уйти со двора. На другой день повторилась та же исторія. Тогда возбужденіе остававшихся въ камерахъ достигло крайней степени и къ вечеру проявилось въ томъ, что начали стучать, ломать двери и пр. Бывшіе на дворѣ пѣли революціонныя пѣсни. Шумъ и крикъ были слышны въ городѣ. Черезъ $^1/_4$ часа появились товарищъ прокурора, полиціймейстеръ, пристава, орава городовыхъ. Разспросивъ заключенныхъ и убѣдивъ ихъ успокоиться, товарищъ прокурора ушелъ.

Черезъ день принесли выписку всѣмъ безъ исключенія. — Въ общемъ, режимъ здѣсь невыносимый, крайне вредно отзывающійся на здоровьи заключенныхъ. За каждый пустякъ приходится бороться, растрачивая безплодно силы. Рабочій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Симферополь. Въ концѣ октября мѣстной организаціей Крымскаго Союза были распространены листки „Пора“ и „Къ солдатамъ,“ изданія Союза. Листки были распространены широко въ рабочихъ кварталахъ, населенныхъ бѣднотой и на базарѣ. Много дней спустя послѣ распространенія, листки читались обывателями, правда, „низшаго“ ранга. Удачно были раскиданы листки и въ казармахъ мѣстнаго полка. Начальство узнало объ этомъ, произвели обыскъ, но солдаты успѣли много прокламацій припрятать и жадно читали ихъ, разсказывая объ этомъ откровенно обывателямъ. Начальство обѣщало награду въ 60 руб. за поимку „соціалиста“ но увы! соціалистъ и по сію пору живъ.

2 ноября во время призыва новобранцевъ были распространены листки „Къ рекрутамъ“ изд. и редакція Крымскаго Союза. Сначала утромъ листки были раскиданы въ самомъ зданіи воинскаго присутствія, а вечеромъ они были разбросаны и расклеены по городу, при чемъ на слѣдующій день въ отдѣльныхъ кварталахъ до 12 часовъ возлѣ наклеенныхъ листковъ собирались кучки народа, читали ихъ и всячески комментировали. Листки были написаны на русскомъ и *татарскомъ* языкахъ и разошлись также среди татаръ. Впечатлѣніе, произведенное листками, огромно. Въ воинскомъ присутствіи сейчасъ же послѣ распространенія былъ произведенъ обыскъ, часть листковъ была отобрана, но много листковъ новобранцы успѣли унести и два дня спустя видѣли еще, какъ новобранцы группой читали листки. Въ воинскомъ присутствіи было арестовано двое совершенно непричастныхъ къ организаціи лицъ, якобы повинныхъ въ подметѣ. Одного изъ нихъ уже выпустили, а другого, вѣроятно, выпустятъ, т. к. ему, конечно, удастся установить свою непричастность.

Недавно у насъ отправляли солдатъ, которыхъ надо было выписать въ запасъ и которыхъ погнали, вмѣсто этого, на войну. Солдаты разгромили нѣсколько домовъ терпимости, одинъ подожгли, избили городоваго, на вокзалѣ разбили окна въ вагонахъ, крича, что „имъ нечего терять“; подъѣзжая къ Севастополю, они, говорятъ, запѣли марсельезу.

Симферопольская организація.

Митава. Съ 15 по 23 октября въ нашемъ городѣ происходилъ наборъ новобранцевъ. По этому поводу, въ городѣ и по дорогамъ, ведущимъ къ нему, были распространены прокламаціи съ подписью латышской партіи. Онѣ открыто читались, даже въ залѣ, гдѣ происходилъ наборъ. Попытка со стороны мѣстныхъ властей изловить распространителей не увѣнчалась успѣхомъ. Что прокламаціи имѣли большое вліяніе, видно хотя бы изъ слѣдующаго факта: спустя нѣсколько дней послѣ присяги, часть новобранцевъ хотѣли отправить на мѣсто ихъ назначенія Прійди на вокзалъ, всѣ до единаго отказались сѣсть въ товарные вагоны, которые не были снабжены даже печами. Черезъ нѣсколько часовъ, имъ предоставили вагоны третьяго класса. По дорогѣ къ вокзалу, новобранцы разбивали стекла магазиновъ и фонари. Слышались и возгласы: долой самодержавіе, долой войну, но возгласы эти были заглушены музыкой.

Нѣсколько прокламацій попали въ руки унтеръ-офицеровъ, случайно прошедшихъ мимо солдатской канцеляріи, гдѣ ихъ было разбросано довольно много. Очевидно, не зная навѣрное, что это за листки, унтеръ-оф. принесли прокламаціи въ казарму, гдѣ онѣ обошли всѣ роты и подъ конецъ вернулись назадъ къ тѣмъ, которые ихъ нашли. Еще долгое время лежали прокламаціи въ сундукахъ. Пошли толки и слухи. „Кабы вся дивизія сразу поднялась, тогда было бы дѣло, а то поднимется одинъ только полкъ, тогда всѣхъ перебьютъ“ — говоритъ одинъ. „Въ бумажкахъ то правда написана: въ тысячу разъ онѣ лучше, нежели наши телеграммы. Кабы побольше ихъ“ — говорилъ другой. „Больно много въ нихъ ругаютъ начальство“, — говоритъ одинъ. „И подѣломъ имъ“, — отвѣчаютъ ему. Условія въ казармѣ самыя ужасныя: легальную книжку не имѣешь права читать безъ подписи ротнаго. А между тѣмъ, интересъ къ чтенію въ послѣднее время сильно поднялся. Популярныя изданія берутся на расхватъ. Что касается нелегальныхъ брошюръ, то про чтеніе ихъ нечего и думать. Чуть ли не каждую ночь дѣлаются обыски въ сундукахъ. За малѣйшую вину сажаютъ подъ строгій арестъ, т. е. безъ горячей пищи. И сидятъ такъ нѣкоторые по 20 и 30 сутокъ за то, что не замѣтили офицера или не во время отдали честь. Прибавимъ еще произволъ со стороны начальства, доходящій до крайностей, и передъ нами яркая картина забитаго солдата, машины, орудія въ рукахъ начальства.

Были распространены въ казармахъ прокламаціи Риж. К. П. „къ солдатамъ“, но, къ сожалѣнію, въ очень ничтожномъ количествѣ (700 экз.).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новозыбковъ. Отчетъ о работѣ мѣстной организаціи. Весной работа въ нашемъ районѣ нѣсколько пріостановилась. Причиной былъ рядъ проваловъ и общая усиленная дѣятельность полиціи. К. Вагинъ и Л. Павловъ, задержанные въ Клинцахъ при распространеніи прокламацій, выдали на допросѣ все, что знали, къ счастью, знали они очень немногое. По ихъ указаніямъ, было арестовано семь человѣкъ: двое, Баблаковъ и Александровъ, сидятъ еще теперь, остальные выпущены по манифесту. Организація не была затронута арестомъ, но полиція, предположивъ, что крамола должна исходить изъ Новозыбкова, съ рвеніемъ, достойнымъ лучшей участи, принялась за ея искорененіе. Послѣ клинцовскаго „успѣха“, помощникъ исправника поставилъ Новозыбковъ на военное положеніе, производилъ повальные аресты и обыски, не приведшіе, однако же, ни къ какому результату. Только въ концѣ іюля ему удалось, да и то случайно, захватить складъ литературы. За два дня передъ тѣмъ нѣкій Савинеръ, экстернъ, уѣзжавшій на каникулы въ деревню, захватилъ съ собою нѣсколько листковъ Полѣсскаго Комитета, которые передалъ крестьянамъ. Тѣ связали его и доставили въ городъ. Отправившись къ нему съ обыскомъ, помощникъ, по указанію лавочника Гостева, открылъ находящійся по сосѣдству складъ, въ которомъ хранилось свыше 3.000 экз. свѣжеотпечатанной крестьянской брошюры и незначительное количество другихъ изданій, да переплетный прессъ, принят находчивымъ сыщикомъ, въ первую минуту опьяненія побѣ за типографскій, давно служившій объектомъ его полицей вожделѣній. При квартирѣ былъ взятъ тов. А. Шустовъ и пришедшій къ нему въ гости О. Квецинскій. Послѣдній освобожденъ по манифесту; Шустовъ, избившій при арестѣ помощника и смѣло державшій себя на допросѣ, сидитъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ.

Всѣ усилія блюстителей закона не причинили, однако, большого вреда организаціи, и, послѣ непродолжительнаго застоя, работа была возобновлена съ удвоенной энергіей. Расширена агитація въ массѣ, какъ въ самомъ Новозыбковѣ, такъ и въ окрестныхъ мѣстечкахъ и въ промышленно-кустарныхъ селахъ, значительное число которыхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ присоединено къ комитету. Въ августѣ былъ прочитанъ въ Новозыбк. рефератъ на тему: „Годовщина южныхъ событій и современная война“, очень понравившійся рабочимъ, забросавшимъ оратора массой разнообразныхъ вопросовъ. На другомъ большомъ собраніи, въ сентябрѣ, послѣ доклада о „казацкомъ курсѣ“ въ Германіи, о насиліяхъ надъ русскими студентами и кенигсбергскомъ процессѣ, была единогласно принята, при пѣніи марсельезы и дружномъ „ура“ въ честь нѣмецкихъ товарищей, соотвѣтствующая резолюція.

Новый актъ международной пролетарской солидарности привелъ рабочихъ въ восторженное настроеніе. Соорудивъ изъ красной рубахи импровизированное знамя, они шли пять верстъ отъ лѣса до города съ революціонными пѣснями, кликами и громкими проклятіями самодержавію и его прислужникамъ.

Подобныя собранія были устроены также въ окрестностяхъ.

Въ сентябрѣ же было прочитано два реферата передъ интеллигентной молодежью: о „современномъ политическомъ моментѣ“ и о „христіанствѣ и соціализмѣ“.

За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Полѣсскимъ Комитетомъ было издано большое количество прокламаціонной литературы, около 75 тыс. листковъ. Всѣ они были разбросаны также въ Новозыбковскомъ районѣ. Воспользовавшись уборкой хлѣба, организація распространила прокламаціи „Искры“ по деревнямъ: засунутыя въ снопы, онѣ разошлись по всѣмъ окрестностямъ и имѣли большой успѣхъ у крестьянъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что дѣятельность организаціи, да и всего комитета, не очень плодотворна, и достигнутые результаты ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было бы сдѣлать. Мы обязаны ими, главнымъ образомъ, благодарной почвѣ, на которой развертывается наша агитація, и воспріимчивости населенія къ идеямъ революціоннаго соціализма. Новозыбковъ находится въ центрѣ фабрично-заводского и промышленно-кустарнаго округа, насчитывающаго свыше 100 тыс. рабочихъ. Въ самомъ городѣ и окружающихъ его посадахъ: Клинцахъ, Ардонѣ, Злынкѣ, имѣются громадныя фабрики; въ уѣздѣ много промышленныхъ селъ, гдѣ, наряду съ зарождающимся крупнымъ производствомъ, доживаетъ свой вѣкъ кустарный промыселъ; одно сапожное и кожевенное производство въ Семеновкѣ занимаетъ свыше 10 тыс. рабочихъ рукъ. Положеніе кустарей самое жалкое, плата за трудъ минимальная; тѣ немногіе, которымъ удалось сохранить мнимую самостоятельность, опутаны долгами и безжалостно эксплуатируются скупщиками-кулаками. Не лучше живется рабочимъ и на заводахъ. Невѣжественные, забитые, разрозненные, безъ руководства, безъ живого слова, эти несчастные помирились со своей участью и давно уже (съ 1900 г.) не пытаются больше бороться съ хищнической эксплуатаціей. Будь у насъ дѣло иначе поставлено, движеніе волной разлилось бы по району. Между тѣмъ, это широкое поле дѣятельности нами очень мало использовано. Вмѣсто тысячъ организованныхъ рабочихъ, мы насчитываемъ лишь сотни; крупныя фабрики совсѣмъ или почти совсѣмъ незатронуты; въ крестьянствѣ, крайне возбужденно настроенномъ, озлобленномъ казацкой расправой въ Ушерпьѣ и представляющимъ прекрасный объектъ для агитаціи, работы не ведется никакой. Нельзя винить въ этомъ организацію и комитетъ: они дѣлаютъ все возможное. Слабая интенсивность работы объясняется посторонними неблагопріятными обстоятельствами, тормозящими революціонную дѣятельность и не дающими ей развернуться такъ широко, какъ было бы желательно и необходимо. Сюда относятся, прежде всего: совершенное отсутствіе нелегальной литературы и недостатокъ въ людяхъ. Недавно основанный и недурно функціонирующій кружокъ пропагандистовъ вынужденъ пользоваться исключительно легальными пособіями, а, вѣдь, на нихъ далеко не уѣдешь. Наиболѣе важные, спеціально революціонные вопросы, разрабатываются при помощи руководителя, но какъ быть, когда руководителя не оказывается? Совершенно безпомощны также агитаторы: сагитировавъ извѣстное количество людей, они должны, вѣдь, подготовить ихъ къ вступленію въ организацію, должны познакомить ихъ съ цѣлями и задачами партіи, въ которую они ихъ вербуютъ, — но что могутъ они сдѣлать безъ литературы, съ тѣмъ небольшимъ запасомъ знаній, которымъ обладаютъ? Только въ послѣднее время Ц. К. доставилъ комитету 35 фунтовъ своихъ изданій („Рабочаго дѣла въ Россіи“ и „Краснаго знамени“), но, вѣдь, это капля въ морѣ, если принять во вниманіе обширность сферы нашей дѣятельности, и въ конечномъ счетѣ каждому пункту досталось опять таки только два-три экземпляра. Однако, и это ничтожное количество оказало свое вліяніе на ходъ работы.

Кромѣ литературнаго воздѣйствія, расширеніе движенія предполагаетъ наличность достаточнаго количества опытныхъ и способныхъ агитаторовъ. И въ этомъ отношеніи положеніе у насъ не завидно. На весь обширный районъ мы располагаемъ всего тремя-четырьмя агитаторами, если и не опытными, то даровитыми. На крупныя фабрики мы только потому и не проникаемъ, что некого послать туда; товарищи едва могутъ справиться съ тѣми мѣстами, гдѣ начало уже сдѣлано. То же самое нужно сказать о руководителяхъ движенія, членахъ комитета. Сфера дѣятельности Полѣсскаго Комитета необычайно велика; она обнимаетъ площадь въ нѣсколько губерній, въ длину, приблизительно, отъ Пинска до Брянска, шириною отъ Могилева до Роменъ. Немыслимые при другихъ обстоятельствахъ, такого рода комитеты допустимы при теперешнемъ состояніи революціонной работы въ Россіи, съ тѣмъ только условіемъ, что составъ комитета долженъ быть пропорціоналенъ величинѣ обслуживаемой имъ территоріи. Такіе „районные“ комитеты только тогда могутъ быть работоспособными, когда отдѣльныя, большія и меньшія, группы, возникшія на разныхъ мѣстахъ, объединяются въ одно цѣлое, съ руководящимъ центромъ-комитетомъ во главѣ. Посреди борьбы организаціонныхъ направленій въ партіи, посреди всевозможныхъ плановъ строенія комитетовъ, нашъ комитетъ сложился по особенной, оригинальной схемѣ. Вся обширная территорія раздѣлена на нѣсколько районовъ. Каждый изъ нихъ подвѣдомственъ одному члену комитета, который старается изъ своего центра развить движеніе по периферіи и вызывать къ жизни новыя организаціи. Этотъ „районный завѣдующій“ — мастеръ на всѣ руки: онъ и администраторъ, онъ и организаторъ, онъ завѣдуетъ техникой, руководитъ агитаціей и пропагандой, самъ же и пропагандистъ, и ораторъ на собраніяхъ, и вояжеръ, періодически объѣзжающій и слѣдящій за работой въ районѣ, — словомъ, полнѣйшее олицетвореніе всемогущаго, „вездѣсущаго духа“. Но одному человѣку не разорваться; обладай онъ даже организаторскимъ геніемъ, онъ неминуемо долженъ жертвовать однѣми функціями ради другихъ.

Ц. К. слѣдуетъ обратить больше вниманія на нашъ округъ. Игнорировать его не въ разсчетѣ партіи, такъ какъ пунктъ этотъ очень важенъ, особенно, если припомнить, что на сотни верстъ кругомъ нѣтъ нашихъ комитетовъ. Необходимо снабдить насъ достаточнымъ количествомъ литературы, и, что самое важное, придти намъ на помощь агитаторами и, по меньшей мѣрѣ, двумя опытными руководителями. „Распредѣленіе силъ партіи“ входитъ, вѣдь, по уставу, въ число обязанностей Ц. К. Если этого не будетъ сдѣлано, мы вѣчно будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ и ощутительныхъ результатовъ никогда не достигнемъ.

Черкассы, Кіевской губ. Злобой дня у насъ пріѣздъ жандармеріи. Какъ хищный волкъ рыщетъ она по городу, врывается въ квартиры, обыскиваетъ, арестуетъ. Это сильно затормазило работу нашей организаціи. Листки (Кіевск. Ком.), тѣмъ не менѣе, распространяются удачно. Наша организація охватываетъ заводы въ Черкассахъ, Смѣлѣ и станціи Бобринской. Во главѣ ея стоятъ почти исключительно рабочіе; большинство ея членовъ — русскіе рабочіе. Всего организованныхъ около 100 человѣкъ. До послѣдняго времени мы испытывали буквально голодъ въ литературѣ; все имѣвшееся разошлось и послѣдніе 2—3 мѣсяца пропаганда и агитація велись по... легальной провинціальной газеткѣ. На массовыхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ довольно часто, говорятъ на злобу дня: о кризисѣ, войнѣ, задачахъ соц.-дем. и т. д. Въ качествѣ агитаторовъ выступаютъ мѣстные же рабочіе. Сильно тормозитъ работу отсутствіе хорошаго руководительства. Хотя бы наѣздомъ набѣжалъ опытный человѣкъ изъ партіи! Работы вдоволь — въ Черкасахъ, Смѣлѣ и Бобринской крупные свеклосахарные заводы, паровыя мельницы и пр. Плотная рабочая масса. Въ однихъ Черкассахъ до 20 тыс. рабочихъ. Страшная нужда въ литературѣ, особенно въ листкахъ; не десятки и не сотни, а тысячи нужны намъ. Прибавьте еще деревни, гдѣ мы всегда можемъ распространить большое количество.

Жандармерія всѣ силы напрягаетъ, чтобы разбить нашу организацію, раскрывающую рабочей массѣ глаза... Жандармерія работаетъ... а городъ съ тревогой ждетъ — въ связи съ мобилизаціей — еврейскаго погрома. Въ присылкѣ казаковъ отказано. Буржуазія собираетъ деньги для полиціи. На требованіе Комитета самообороны удѣлить часть собранныхъ денегъ на покупку оружія, — такъ какъ много оружія пропало въ Смѣлѣ и теперь почти нѣтъ оружія — буржуазія отвѣтила категорическимъ отказомъ. Трусливое холопство еврейской буржуазіи и здѣсь отчетливо сказалось... Мобилизаціи ждутъ къ концу ноября. Черкассы назначены сборнымъ пунктомъ, и къ намъ, такимъ образомъ, соберутся запасные всего уѣзда, около 15 тыс. человѣкъ. Волнуются всѣ, и еврейское и русское населеніе. Особенно волнуется еврейское населеніе, благодаря циркулирующимъ слухамъ, что готовится погромъ. Говорятъ, напримѣръ, что на съѣздѣ исправниковъ Кіевской губ., состоявшемся на дняхъ, было рѣшено всякое народное недовольство, могущее имѣть мѣсто во время мобилизаціи, направить въ сторону еврейскихъ погромовъ. Что это нѣсколько правдоподобно, доказываютъ дѣйствія здѣшней полиціи: на сахарномъ заводѣ, напр., постовые городовые собираютъ по вечерамъ болѣе отсталыхъ рабочихъ (деревенскихъ) и, заговаривая о войнѣ и мобилизаціи, сваливаютъ всѣ бѣдствія православныхъ христіанъ на голову „жидовъ и поляковъ“, стараются доказать, что надо мстить „поганымъ“...

Балта. Подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія, и въ нашемъ захолустьи пустило корни соціальдемократическое движеніе. Несмотря на много неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, какъ совсѣмъ патріархальный строй отношеній, общая сонливость жизни и просто ужасающая нищета мѣстныхъ ремесленниковъ, совсѣмъ скромными во всѣхъ отношеніяхъ силами удалось пробудить къ политической и классовой жизни мѣстное рабочее населеніе. Съ весны этого года начались массовыя собранія по 70, 80, а иногда и 100 человѣкъ, проходившія весьма оживленно. Всего такихъ собраній было до десяти. Говорилось на нихъ о войнѣ, о мобилизаціи, объ амстердамскомъ конгрессѣ, о „новомъ курсѣ“. Затѣмъ велись бесѣды о политической и экономической борьбѣ, объ отношеніи Р. С.-Д. Р. П. къ Бунду, о соц.-рев. и т. п. Распространялось сравнительно много литературы; такъ, были разбросаны прокламаціи Одесскаго Ком. о мобилизаціи, 400 шт.; въ связи съ этимъ, велась усиленная устная агитація среди присланныхъ сюда въ большомъ количествѣ запасныхъ. Прокламаціи о мобилизаціи распространялись во время пребыванія въ городѣ губернатора, который, разумѣется, сдѣлалъ все, чтобы усилить эффектъ отъ этого событія. Распространено также 500 шт. къ запаснымъ, объ убійствѣ Плеве — 100 шт., „Кто долженъ побѣдить?“ изд. „Искры“, 100 экз. Далѣе роздано 40 шт. „Двѣ Европы“. „Стачка въ Кременчугу — 30 шт. „Во что обходится русскому народу война“ — 25 штукъ. „Городское самоуправленіе“ — 20 штукъ „Стачки на югѣ“ и т. д.

Почти еженедѣльно, кромѣ массовокъ, происходятъ собранія въ 20-30 человѣкъ[1]). Большинство рабочихъ — евреи, процентъ русскихъ незначителенъ. Организовано также до 40 работницъ изъ табачныхъ и конфектныхъ фабрикъ. Полицейскія условія здѣсь совершенно первобытныя. Однако, рабочихъ уже звали въ полицію и, ничего не добившись, отпускали. Были и обыски здѣсь. Въ общемъ, вліяніе организаціи на обывательскую среду идетъ далеко. Растетъ число нейтрально-сочувствующихъ, и пробуждающаяся политическая мысль обывателя находитъ себѣ подчасъ самое оригинальное выраженіе (адресъ Зарудному). Лучшіе рабочіе обыкновенно очень скоро покидаютъ Балту и переѣзжаютъ въ крупные центры. Въ воспитаніи такихъ отдѣльныхъ дѣятельныхъ рабочихъ, которые могли бы проявить себя на болѣе широкой аренѣ, и заключается одна изъ задачъ мѣстной организаціи. Слѣдовало бы только встрѣтить побольше поддержки извнѣ.

Заявленіе. (Переводъ съ польскаго). Желая познакомить всѣхъ съ истиннымъ ходомъ стачки, въ виду умышленно лживыхъ извѣстій, распространяемыхъ въ нелегальной и заграничной прессѣ, мы, „Стачечный Комитетъ“, т. е. люди, руководившіе всей стачкою, заявляемъ:

18 августа состоялось первое оффиціальное собраніе. На собраніе приглашены были только агитаторы и нѣсколько болѣе вліятельныхъ каменщиковъ, которые, назначивъ день начала стачки на субботу 20 августа, избрали Комитетъ и поручили ему дальнѣйшее руководительство стачкою. Въ Комитетъ вошло по 4 представителя отъ мѣстныхъ организацій „Пролетаріата“ и „С.-Д. П. и Л.“. Комитетъ рѣшилъ: 1) устраивать ежедневно биржу, т. е. назначать мѣста, гдѣ могли бы сходиться каменьщики для совѣщаній по дѣламъ стачки; 2) устраивать общія собранія; 3) организовать кассу для стачечниковъ и 4) поручить указаннымъ выше организаціямъ изданіе прокламацій.

20 августа были распространены прокламаціи партіи „Пролетаріатъ“, призывающія къ стачкѣ, послѣ чего работа прекратилась и стачка вспыхнула.

Въ общемъ, въ стачкѣ приняло участіе, по нашему счету, больше 10.000 каменщиковъ. 22 августа состоялось первое собраніе за Вольскою заставою. Собранные каменщики, въ числѣ 600 человѣкъ, выслушавъ 2-хъ ораторовъ изъ С.-Д., устроили манифестаціонное шествіе черезъ Волю; полиція не оказала никакого сопротивленія. Въ среду 24, каменщики, въ числѣ 400, собрались за Ерусалимскою заставою, гдѣ были произнесены одна за другою двѣ рѣчи, одна — товарищемъ изъ „Пролетаріата“, другая — товарищемъ изъ С.-Д.

На 27 было назначено собраніе на Сѣкеркахъ за Черняковскою заставою. Собраніе это было самымъ многочисленнымъ изъ всѣхъ, какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ: въ немъ приняло участіе болѣе 800 человѣкъ. Были произнесены 3 рѣчи; 2 товарищемъ изъ С. Д., 1 тов. изъ „Пролетаріата“. По окончаніи собранія, появилась полиція, при чемъ арестовано было около 25 товарищей, отдѣлившихся отъ толпы.

28 августа, т. е. въ воскресенье, была распространена 2-ая прокламація, изданная „Пролетаріатомъ“, призывающая стачечниковъ къ солидарности и стойкости; 30-го состоялось 4-ое собраніе за Мокотовскою заставою; собравшіеся, въ числѣ 300, выслушавъ рѣчь товарища изъ „Пролетаріата“ и обсудивъ нѣкоторые техническіе вопросы стачки, начали расходиться, какъ вдругъ нагрянула полиція и арестовала 6 тов.

1 сентября, въ четвергъ, было новое собраніе на углу Ерусалимской Аллеи и Леопольдины, гдѣ собралось 300 человѣ и были произнесены 2 рѣчи тов. изъ „Пролетаріата“.

Въ послѣдній разъ собрались каменьщики на Сасской Ке 4 сентября въ воскресенье, гдѣ нѣсколько разъ въ присутст 200 каменьщиковъ держали рѣчь 2 тов. изъ „Пролетаріата“ и произнесъ довольно длинную рѣчь одинъ изъ стачечнико

Въ четвергъ 8 сентября „Стачечный Комитетъ“ рѣши устроить демонстрацію; демонстранты въ числѣ 400 человѣ развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсен съ безпрестанными возгласами „долой самодержавіе“, „долой эксплуатацію“, да „здравствуетъ рабочее дѣло“, „да здравствуетъ стачка“ и т. д., — прошли отъ угла Краковскаго Предм. и Ново-Медовой черезъ Ново-Медовую, Ново-Сенаторскую, Театральную Плош. до Вержбовой, гдѣ на нихъ набросилась полиція. Произошла стычка, при чемъ ранено двое городовыхъ и одинъ околодочный, но полиціи не удалось никого арестовать.

10 сентября каменьщики, добившись въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ (въ меньшинствѣ изъ нихъ) сокращенія рабочаго дня на 1 часъ, нѣкотораго повышенія платы и увѣренія со стороны предпринимателей, что имъ построятъ паккамеры, и не будучи въ силахъ вести дальше борьбу, рѣшили прекратить стачку и 12 сентября приступили къ работѣ.

Денегъ у насъ было мало, и этому обстоятельству слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать неудачу стачки.

Кромѣ „Пролетаріата“ и „С. Д. Ц. П. и Л.“, никакія другія партіи въ стачкѣ участія не принимали.

„Стачечный Комитетъ Каменьщиковъ“.

Варшава, октября 1904 г.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ц. К. переиздалъ листокъ: „Кто долженъ побѣдить“? **Кубанскимъ Ком.** — тотъ же листокъ. **Харьковскимъ Ком.** — тоже, **Кіевскимъ**: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“? (6000), Призывъ къ всеобщей забастовкѣ съ требованіемъ мира (6000), „Къ запаснымъ“ (2-е изданіе — 6000), „Мобилизація и еврейскій погромъ“ (10000), **Самарск. Ком.** „Требуйте мира“ (5000), **Петерб. Ком.** „Къ запаснымъ Обуховскаго завода“, **Двинск. орган.** „Пора“ и „Новая мобилизація“ (переп. съ листка Ц. К.), **Крымскимъ Союзомъ**: „Пора“ и „Къ солдатамъ“, (листокъ „Искры“), **Херсонск. орган.** „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“ (листки Ц. К.), **Елисаветградск. орг.** „Къ солдатамъ“ (листокъ „Искры“).

Изданія комитетовъ: Петербургскаго: 1) Къ студенчеству о демонстраціи, 2) „По поводу земскаго съѣзда“. **Кіевскаго:** „Земскій съѣздъ“ (6000), „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (1000), „Къ рабочимъ завода Греттера“ (1000). **Одесскаго:** Резолюція, предложенная собранію въ обществѣ народнаго здравія. **Казанскаго:** „Къ новобранцамъ“ (2000), „Къ столѣтію Казанскаго университета“ (2000). **Уральскаго:** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Саратовскаго** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Тамбовской и Борисоглѣбской** группами: „Къ новобранцамъ“ (1000). **Самарскимъ:** „Объ Амстердамскомъ конгрессѣ“, „Представителямъ земствъ“, „Къ рабочимъ завода Лебедева“ (500) и „Къ новобранцамъ“ (2000). **Екатеринославскимъ Ком.:** „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о судѣ надъ участниками всеобщей стачки — 8000). **Балаханскими** и Бибиайбатскими рабочими въ Баку — листокъ о всеобщей стачкѣ. **Томскимъ Ком.** — Листокъ № 61, „Царскій слуга или воръ“. **Иркутскимъ Ком.:** „Резолюція олекминскихъ ссыльныхъ“. **Камышинской группой:** „Къ новобранцамъ“ (300). **Кременч. Ком.:** „Къ новобранцамъ“. **Елисаветгр. Орг.:** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“. **Херсонск. орг.** — „Къ рекрутамъ“. **Студ. Орг. Кіевск. Ком.** выпустила листки: 1) „Хроника“, 2) „О ходѣ либеральнаго движенія“, 3) „Отвѣтъ на призывъ къ единенію“, 4) „Игра въ революцію“, 5) „Резолюція петерб. банкета“. **С.-Д. организація Моск.** высш. учебн. зав. издала листки о голодовкѣ въ Таганкѣ и о программѣ — минимумъ партіи.

Въ изданіи „Искра“ вышла брошюра **Рабочаго:** „Рабочіе и интеллигенты“, съ предисл. П. Аксельрода.

Въ изданіи Ц. К—та вышелъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ **Маркса и Энгельса** (5000 экз.).

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ воспоминанія Л. Дейча „*16 л. въ Сибири*“, 330 стр., съ прилож. Цѣна 4 fr.

Бакинскій Ком. Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ сообщить, что въ его прокламаціи, изданной по поводу убійства Плеве и подвергшейся рѣзкимъ нападкамъ „Рев. Рос.“ (№ 52), слово „ублюдокъ-смѣльчакъ“ употребленное въ примѣненіи къ Сазонову и вызвавшее негодованіе „Рев. Рос.“ введено въ прокламацію, по недоразумѣнію, корректоровъ типографій и комитетъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за это выраженіе. (Комитетъ своевременно оповѣстилъ объ этомъ въ своемъ мѣсячномъ отчетѣ, изданномъ въ Баку).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ теченіе 24—27 ноября арестовано 165. **Бѣлая Церковь.** Здѣсь арестовано 28 рабочихъ. **Калуга.** Въ ночь на 10 ноября взяты: бывш. семинар. Виноградовъ и семин. С. Муравьевъ (найд. „Искра“).

Екатеринодаръ. Въ станицѣ Платниревской жандармы арестовали 3-хъ крестьянъ, ходившихъ по станицѣ и разсказывавшихъ содержаніе прокламацій и брошюръ, изданныхъ Р. У. П. Одинъ изъ нихъ малограмотный, а двое другихъ и совсѣмъ не читаютъ.

Побѣги: Бѣжавшій изъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., ветеринарный врачъ — Грюнеръ арестованъ на границѣ и теперь сидитъ въ Сувалкахъ. — М. Веріеръ, приговоренный на 4 г. въ Вост. Сиб. и сданный въ солдаты, бѣжалъ заграницу. — Верховскій, арестованный въ Харьковѣ на улицѣ, послѣ демонстр. 6 ноября, по дорогѣ въ тюрьму бѣжалъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Комитетъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

Въ засѣданіи Комитета Кассы 14-го октября 1904 года представитель Заграничной Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ заявилъ, что представляемая имъ заграничная организація, согласно резолюціи II съѣзда ея объ отношеніи заграничной организаціи П. С. Р. къ Соц.-Дем. Партіи направленія „Искры“, не считаетъ болѣе возможнымъ участвовать черезъ своего представителя въ женевской кассѣ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, состоящей изъ представителей Р. С.-Д. Р. П., Бунда и П. С. Р. Комитетъ Кассы въ засѣданіи 14-го октября постановилъ ликвидировать дѣла этой кассы къ 1-му декабря 1904 г. По истеченіи этого срока ни одно учрежденіе въ Женевѣ, задающееся цѣлью помощи политическимъ ссыльнымъ и заключен., не можетъ носить имени женевской кассы помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ безъ согласія представлявшихъ ее организацій. Всѣ дѣла Кассы ликвидированы правильно. Комитетъ.

Женева, 24-го декабря 1904 г.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено 16 fr. 45 с. — изъ Л. перед.: ве Л—скую тюрьму 87 fr. 60 с.

Отчетъ кассы будетъ помѣщенъ въ слѣд. №.

Въ почтовый ящикъ предыдущаго номера „Искры“ вкрались слѣдующія опечатки: въ рубрикѣ „Насъ просятъ напечатать“ вмѣсто „получено въ пользу якутянъ черезъ Tuman'a“, набрано — „черезъ Tumaner'a“; тамъ же вмѣсто *11 дол. и 50 цент.*, напечатано *11 кронъ и 50 цент.*; тамъ же пропущены слова: „*отъ Вестъ-Меккеръ Юніонъ 3 дол.*

Слѣдующій № выйдетъ черезъ недѣлю.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

---

[1]) Также устраиваются въ ограниченномъ кругу дискуссіи. Были пока дискуссіи объ с.-рахъ и о женскомъ вопросѣ.

вожделѣній. При квартирѣ былъ взятъ тов. А. Шустовъ и пришедшій къ нему въ гости О. Квецинскій. Послѣдній освобожденъ по манифесту; Шустовъ, избившій при арестѣ помощника и смѣло державшій себя на допросѣ, сидитъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ.

Всѣ усилія блюстителей закона не причинили, однако, большого вреда организаціи, и, послѣ непродолжительнаго застоя, работа была возобновлена съ удвоенной энергіей. Расширена агитація въ массѣ, какъ въ самомъ Новозыбковѣ, такъ и въ окрестныхъ мѣстечкахъ и въ промышленно-кустарныхъ селахъ, значительное число которыхъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ присоединено къ комитету. Въ августѣ былъ прочитанъ въ Новозыбк. рефератъ на тему: „Годовщина южныхъ событій и современная война“, очень понравившійся рабочимъ, забросавшимъ оратора массой разнообразныхъ вопросовъ. На другомъ большомъ собраніи, въ сентябрѣ, послѣ доклада о „казацкомъ курсѣ“ въ Германіи, о насиліяхъ надъ русскими студентами и кенигсбергскомъ процессѣ, была единогласно принята, при пѣніи марсельезы и дружномъ „ура“ въ честь нѣмецкихъ товарищей, соотвѣтствующая резолюція.

Новый актъ международной пролетарской солидарности привелъ рабочихъ въ восторженное настроеніе. Соорудивъ изъ красной рубахи импровизированное знамя, они шли пять верстъ отъ лѣса до города съ революціонными пѣснями, кликами и громкими проклятіями самодержавію и его прислужникамъ.

Подобныя собранія были устроены также въ окрестностяхъ.

Въ сентябрѣ же было прочитано два реферата передъ интеллигентной молодежью: о „современномъ политическомъ моментѣ“ и о „христіанствѣ и соціализмѣ“.

За послѣдніе шесть мѣсяцевъ Полѣсскимъ Комитетомъ было издано большое количество прокламаціонной литературы, около 75 тыс. листковъ. Всѣ они были разбросаны также въ Новозыбковскомъ районѣ. Воспользовавшись уборкой хлѣба, организація распространила прокламаціи „Искры“ по деревнямъ: засунутыя въ снопы, онѣ разошлись по всѣмъ окрестностямъ и имѣли большой успѣхъ у крестьянъ.

Слѣдуетъ, однако, признать, что дѣятельность организаціи, да и всего комитета, не очень плодотворна, и достигнутые результаты ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было бы сдѣлать. Мы обязаны ими, главнымъ образомъ, благодарной почвѣ, на которой развертывается наша агитація, и воспріимчивости населенія къ идеямъ революціоннаго соціализма. Новозыбковъ находится въ центрѣ фабрично-заводскаго и промышленно-кустарнаго округа, насчитывающаго свыше 100 тыс. рабочихъ. Въ самомъ городѣ и окружающихъ его посадахъ: Клинцахъ, Ардонѣ, Злынкѣ, имѣются громадныя фабрики; въ уѣздѣ много промышленныхъ селъ, гдѣ, наряду съ зарождающимся крупнымъ производствомъ, доживаетъ свой вѣкъ кустарный промыселъ; одно сапожное и кожевенное производство въ Семеновкѣ занимаетъ свыше 10 тыс. рабочихъ рукъ. Положеніе кустарей самое жалкое, плата за трудъ минимальная; тѣ немногіе, которымъ удалось сохранить мнимую самостоятельность, опутаны долгами и безжалостно эксплуатируются скупщиками-кулаками. Не лучше живется рабочимъ и на заводахъ. Невѣжественные, забитые, разрозненные, безъ руководства, безъ живого слова, эти несчастные помирились со своей участью и давно уже (съ 1900 г.) не пытаются больше бороться съ хищнической эксплуатаціей. Будь у насъ дѣло иначе поставлено, движеніе волной разлилось бы по району. Между тѣмъ, это широкое поле дѣятельности нами очень мало использовано. Вмѣсто тысячъ организованныхъ рабочихъ, мы насчитываемъ лишь сотни; крупныя фабрики совсѣмъ или почти совсѣмъ незатронуты; въ крестьянствѣ, крайне возбужденно настроенномъ, озлобленномъ казацкой расправой въ Ущерпьѣ и представляющимъ прекрасный объектъ для агитаціи, работы не ведется никакой. Нельзя винить въ этомъ организацію и комитетъ: они дѣлаютъ все возможное. Слабая интенсивность работы объясняется посторонними неблагопріятными обстоятельствами, тормозящими революціонную дѣятельность и не дающими ей развернуться такъ широко, какъ было бы желательно и необходимо. Сюда относятся, прежде всего: совершенное отсутствіе нелегальной литературы и недостатокъ въ людяхъ. Недавно основанный и недурно функціонирующій кружокъ пропагандистовъ вынужденъ пользоваться исключительно легальными пособіями, а, вѣдь, на нихъ далеко не уѣдешь. Наиболѣе важные, спеціально революціонные вопросы, разрабатываются при помощи руководителя, но какъ быть, когда руководителя не оказывается? Совершенно безпомощны также агитаторы: сагитировавъ извѣстное количество людей, они должны, вѣдь, подготовить ихъ къ вступленію въ организацію, должны познакомить ихъ съ цѣлями и задачами партіи, въ которую они ихъ вербуютъ, — но что могутъ они сдѣлать безъ литературы, съ тѣмъ небольшимъ запасомъ знаній, которымъ обладаютъ? Только въ послѣднее время Ц. К. доставилъ комитету 35 фунтовъ своихъ изданій („Рабочаго дѣла въ Россіи“ и „Краснаго знамени“), но, вѣдь, это капля въ морѣ, если принять во вниманіе обширность сферы нашей дѣятельности, и въ конечномъ счетѣ каждому пункту досталось опять таки только два-три экземпляра. Однако, и это ничтожное количество оказало свое вліяніе на ходъ работы.

Кромѣ литературнаго воздѣйствія, расширеніе движенія предполагаетъ наличность достаточнаго количества опытныхъ и способныхъ агитаторовъ. И въ этомъ отношеніи положеніе у насъ не завидно. На весь обширный районъ мы располагаемъ всего тремя-четырьмя агитаторами, если и не опытными, то даровитыми. На крупныя фабрики мы только потому и не проникаемъ, что некого послать туда; товарищи едва могутъ справиться съ тѣми мѣстами, гдѣ начало уже сдѣлано. То же самое нужно сказать о руководителяхъ движенія, членахъ комитета. Сфера дѣятельности Полѣсскаго Комитета необычайно велика; она обнимаетъ площадь въ нѣсколько губерній, въ длину, приблизительно, отъ Пинска до Брянска, шириною отъ Могилева до Роменъ. Немыслимые при другихъ обстоятельствахъ, такого рода комитеты допустимы при теперешнемъ состояніи революціонной работы въ Россіи, съ тѣмъ только условіемъ, что составъ комитета долженъ быть пропорціоналенъ величинѣ обслуживаемой имъ территоріи. Такіе „районные“ комитеты только тогда могутъ быть работоспособными, когда отдѣльныя, большія и меньшія, группы, возникшія на разныхъ мѣстахъ, объединяются въ одно цѣлое, съ руководящимъ центромъ-комитетомъ во главѣ. Посреди борьбы организаціонныхъ направленій въ партіи, посреди всевозможныхъ плановъ строенія комитетовъ, нашъ комитетъ сложился по особенной, оригинальной схемѣ. Вся обширная территорія раздѣлена на нѣсколько районовъ. Каждый изъ нихъ подвѣдомственъ одному члену комитета, который старается изъ своего центра развить движеніе по периферіи и вызвать къ жизни новыя организаціи. Этотъ „районный завѣдующій“ мастеръ на всѣ руки: онъ и администраторъ, онъ и организаторъ, онъ завѣдуетъ техникой, руководитъ агитаціей и пропагандой, самъ же и пропагандистъ, и ораторъ на собраніяхъ, и вояжеръ, періодически объѣзжающій и слѣдящій за работой въ районѣ, — словомъ, полнѣйшее олицетвореніе всемогущаго, „вездѣсущаго духа“. Но одному человѣку не разорваться: обладай онъ даже организаторскимъ геніемъ, онъ неминуемо долженъ жертвовать одними функціями ради другихъ.

Ц. К. слѣдуетъ обратить больше вниманія на нашъ округъ. Игнорировать его не въ разсчетѣ партіи, такъ какъ пунктъ этотъ очень важенъ, особенно, если припомнить, что на сотни верстъ кругомъ нѣтъ нашихъ комитетовъ. Необходимо снабдить насъ достаточнымъ количествомъ литературы, и, что самое важное, придти намъ на помощь агитаторами и, по меньшей мѣрѣ, двумя опытными руководителями. „Распредѣленіе силъ партіи“ входитъ, вѣдь, по уставу, въ число обязанностей Ц. К. Если этого не будетъ сдѣлано, мы вѣчно будемъ топтаться на одномъ мѣстѣ и ощутительныхъ результатовъ никогда не достигнемъ.

Черкассы, Кіевской губ. Злобой дня у насъ пріѣздъ жандармеріи. Какъ хищный волкъ рыщетъ она по городу, врывается въ квартиры, обыскиваетъ, арестуетъ. Это сильно затормазило работу нашей организаціи. Листки (Кіевск. Ком.), тѣмъ не менѣе, распространяются удачно. Наша организація охватываетъ заводы въ Черкассахъ, Смѣлѣ и станціи Бобринской. Во главѣ ея стоятъ почти исключительно рабочіе; большинство ея членовъ — русскіе рабочіе. Всего организованныхъ около 100 человѣкъ. До послѣдняго времени мы испытывали буквально голодъ въ литературѣ; все имѣвшееся разошлось и послѣдніе 2—3 мѣсяца пропаганда и агитація велись по... легальной провинціальной газеткѣ. На массовыхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ довольно часто, говорятъ на злобу дня: о кризисѣ, войнѣ, задачахъ соц.-дем. и т. д. Въ качествѣ агитаторовъ выступаютъ мѣстные же рабочіе. Сильно тормозитъ работу отсутствіе хорошаго руководительства. Хотя бы наѣздомъ набѣжалъ опытный человѣкъ изъ партіи! Работы вдоволь — въ Черкасахъ, Смѣлѣ и Бобринской крупные свеклосахарные заводы, паровыя мельницы и пр. Плотная рабочая масса. Въ однихъ Черкассахъ до 20 тыс. рабочихъ. Страшная нужда въ литературѣ, особенно въ листкахъ; не десятки и не сотни, а тысячи нужны намъ. Прибавьте еще деревни, гдѣ мы всегда можемъ распространить большое количество.

Жандармерія всѣ силы напрягаетъ, чтобы разбить нашу организацію, раскрывающую рабочей массѣ глаза... Жандармерія работаетъ... а городъ съ тревогой ждетъ — въ связи съ мобилизаціей — еврейскаго погрома. Въ присылкѣ казаковъ отказано. Буржуазія собираетъ деньги для полиціи. На требованіе Комитета самообороны удѣлить часть собранныхъ денегъ на покупку оружія, — такъ какъ много оружія пропало въ Смѣлѣ и теперь почти нѣтъ оружія — буржуазія отвѣтила категорическимъ отказомъ. Трусливое холопство еврейской буржуазіи и здѣсь отчетливо сказалось... Мобилизація ждутъ къ концу ноября. Черкассы назначены сборнымъ пунктомъ, и къ намъ, такимъ образомъ, соберутся запасные всего уѣзда, около 15 тыс. человѣкъ. Волнуются всѣ, и еврейское и русское населеніе. Особенно волнуется еврейское населеніе, благодаря циркулирующимъ слухамъ, что готовится погромъ. Говорятъ, напримѣръ, что на съѣздѣ исправниковъ Кіевской губ., состоявшемся на дняхъ, было рѣшено всякое народное недовольство, могущее имѣть мѣсто во время мобилизаціи, направить въ сторону еврейскихъ погромовъ. Что это нѣсколько правдоподобно, доказываютъ дѣйствія здѣшней полиціи: на сахарномъ заводѣ, напр., постовые городовые собираютъ по вечерамъ болѣе отсталыхъ рабочихъ (деревенскихъ) и, заговаривая о войнѣ и мобилизаціи, сваливаютъ всѣ бѣдствія православныхъ христіанъ на голову „жидовъ и поляковъ“, стараются доказать, что надо мстить „поганымъ“...

Балта. Подъ вліяніемъ всеобщаго оживленія, и въ нашемъ захолустьи пустило корни соціальдемократическое движеніе. Несмотря на много неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, какъ совсѣмъ патріархальный строй отношеній, общая сонливость жизни и просто ужасающая нищета мѣстныхъ ремесленниковъ, совсѣмъ скромными во всѣхъ отношеніяхъ силами удалось пробудить къ политической и классовой жизни мѣстное рабочее населеніе. Съ весны этого года начались массовыя собранія по 70, 80, а иногда и 100 человѣкъ, проходившія весьма оживленно. Всего такихъ собраній было до десяти. Говорилось на нихъ о войнѣ, о мобилизаціи, объ амстердамскомъ конгрессѣ, о „новомъ курсѣ“. Затѣмъ велись бесѣды о политической и экономической борьбѣ, объ отношеніи Р. С.-Д. Р. П. къ Бунду, о соц.-рев. и т. п. Распространялось сравнительно много литературы; такъ, были разбросаны прокламаціи Одесскаго Ком. о мобилизаціи, 400 шт.; въ связи съ этимъ, велась усиленная устная агитація среди присланныхъ сюда въ большомъ количествѣ запасныхъ. Прокламаціи о мобилизаціи распространялись во время пребыванія въ городѣ губернатора, который, разумѣется, сдѣлалъ все, чтобы усилить эффектъ отъ этого событія. Распространено также 500 шт. къ запаснымъ, объ убійствѣ Плеве — 100 шт., „Кто долженъ побѣдить?“ изд. „Искры“, 100 экз. Далѣе роздано 40 шт. „Двѣ Европы“. „Стачка въ Кримичау — 30 шт. „Во что обходится русскому народу война“ — 25 штукъ. „Городское самоуправленіе“ — 20 штукъ „Стачки на югѣ“ и т. д.

Почти еженедѣльно, кромѣ массовокъ, происходятъ собранія въ 20-30 человѣкъ[1]). Большинство рабочихъ — евреи, процентъ русскихъ незначителенъ. Организовано также до 40 работницъ изъ табачныхъ и конфектныхъ фабрикъ. Полицейскія условія здѣсь совершенно первобытныя. Однако, рабочихъ уже звали въ полицію и, ничего не добившись, отпускали. Были и обыски здѣсь. Въ общемъ, вліяніе организаціи на обывательскую среду идетъ далеко. Растетъ число нейтрально-сочувствующихъ, и пробуждающаяся политическая мысль обывателя находитъ себѣ подчасъ самое оригинальное выраженіе (адресъ Зарудному). Лучшіе рабочіе обыкновенно очень скоро покидаютъ Балту и переѣзжаютъ въ крупные центры. Въ воспитаніи такихъ отдѣльныхъ дѣятельныхъ рабочихъ, которые могли бы проявить себя на болѣе широкой аренѣ, и заключается одна изъ задачъ мѣстной организаціи. Слѣдовало бы только встрѣтить побольше поддержки извнѣ.

Заявленіе. (Переводъ съ польскаго). Желая познакомить всѣхъ съ истиннымъ ходомъ стачки, въ виду умышленно лживыхъ извѣстій, распространяемыхъ въ нелегальной и заграничной прессѣ, мы, „Стачечный Комитетъ“, т. е. люди, руководившіе всей стачкою, заявляемъ:

18 августа состоялось первое оффиціальное собраніе. На собраніе приглашены были только агитаторы и нѣсколько болѣе вліятельныхъ каменщиковъ, которые, назначивъ день начала стачки на субботу 20 августа, избрали Комитетъ и поручили ему дальнѣйшее руководительство стачкою. Въ Комитетъ вошло по 4 представителя отъ мѣстныхъ организацій „Пролетаріата“ и „С.-Д. П. и Л.“. Комитетъ рѣшилъ: 1) устраивать ежедневно биржу, т. е. назначать мѣста, гдѣ могли бы сходиться каменьщики для совѣщаній по дѣламъ стачки; 2) устраивать общія собранія; 3) организовать кассу для стачечниковъ и 4) поручить указаннымъ выше организаціямъ изданіе прокламацій.

20 августа были распространены прокламаціи партіи „Пролетаріатъ“, призывающія къ стачкѣ, послѣ чего работа прекратилась и стачка вспыхнула.

Въ общемъ, въ стачкѣ приняло участіе, по нашему счету, больше 10.000 каменщиковъ. 22 августа состоялось первое собраніе за Вольскою заставою. Собраные каменщики, въ числѣ 600 человѣкъ, выслушавъ 2-хъ ораторовъ изъ С.-Д., устроили манифестаціонное шествіе черезъ Волю; полиція не оказала никакого сопротивленія. Въ среду 24, каменщики, въ числѣ 400, собрались за Ерусалимскою заставою, гдѣ были произнесены одна за другою двѣ рѣчи, одна — товарищемъ изъ „Пролетаріата“, другая — товарищемъ изъ С.-Д.

На 27 было назначено собраніе на Сѣкеркахъ за Черняковскою заставою. Собраніе это было самымъ многочисленнымъ изъ всѣхъ, какъ предыдущихъ, такъ и послѣдующихъ: въ немъ приняло участіе болѣе 800 человѣкъ. Были произнесены 3 рѣчи; 2 товарищемъ изъ С.-Д., 1 тов. изъ „Пролетаріата“. По окончаніи собранія, появилась полиція, при чемъ арестовано было около 25 товарищей, отдѣлившихся отъ толпы.

28 августа, т. е. въ воскресенье, была распространена 2-ая прокламація, изданная „Пролетаріатомъ“, призывающая стачечниковъ къ солидарности и стойкости; 30-го состоялось 4-ое собраніе за Мокотовскою заставою; собравшіеся, въ числѣ 300, выслушавъ рѣчь товарища изъ „Пролетаріата“ и обсудивъ нѣкоторые техническіе вопросы стачки, начали расходиться, какъ вдругъ нагрянула полиція и арестовала 6 тов.

1 сентября, въ четвергъ, было новое собраніе на углу Ерусалимской Аллеи и Леопольдины, гдѣ собралось 300 человѣкъ и были произнесены 2 рѣчи тов. изъ „Пролетаріата“.

Въ послѣдній разъ собрались каменщики на Сасской Кемпѣ 4 сентября въ воскресенье, гдѣ нѣсколько разъ въ присутствіи 200 каменщиковъ держали рѣчь 2 тов. изъ „Пролетаріата“ и произнесъ довольно длинную рѣчь одинъ изъ стачечниковъ.

Въ четвергъ 8 сентября „Стачечный Комитетъ“ рѣшилъ устроить демонстрацію; демонстранты въ числѣ 400 человѣкъ, развернувъ красное знамя, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, съ безпрестанными возгласами „долой самодержавіе“, „долой эксплуатацію“, да „здравствуетъ рабочее дѣло“, „да здравствуетъ стачка“ и т. д., — прошли отъ угла Краковскаго Предм. и Ново-Медовой черезъ Ново-Медовую, Ново-Сенаторскую, Театральную Плош. до Вержбовой, гдѣ на нихъ набросилась полиція. Произошла стычка, при чемъ ранено двое городовыхъ и одинъ околодочный, но полиціи не удалось никого арестовать.

10 сентября каменьщики, добившись въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ (въ меньшинствѣ изъ нихъ) сокращенія рабочаго дня на 1 часъ, нѣкотораго повышенія платы и увѣренія со стороны предпринимателей, что имъ построятъ паккамеры, и не будучи въ силахъ вести дальше борьбу, рѣшили прекратить стачку и 12 сентября приступили къ работѣ.

Денегъ у насъ было мало, и этому обстоятельству слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать неудачу стачки.

Кромѣ „Пролетаріата“ и „С. Д. Ц. П. и Л.“, никакія другія партіи въ стачкѣ участія не принимали.

„Стачечный Комитетъ Каменьщиковъ“.

Варшава, октября 1904 г.

---

[1] Также устраиваются въ ограниченномъ кругу дискуссіи. Были пока дискуссіи объ с.-рахъ и о женскомъ вопросѣ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Агитація противъ войны. Ц. К. переизданъ листокъ: „Кто долженъ побѣдить“? **Кубанскимъ Ком.** — тотъ же листокъ. **Харьковскимъ Ком.** — тоже. **Кіевскимъ**: „Для чего долженъ умирать русскій солдатъ“? (6000). Призывъ къ всеобщей забастовкѣ съ требованіемъ мира (6000), „Къ запаснымъ“ (2-е изданіе — 6000), „Мобилизація и еврейскій погромъ“ (10000). **Самарск. Ком.** „Требуйте мира“ (5000), **Петерб. Ком.** „Къ запаснымъ Обуховскаго завода“, **Двинск. орган.** „Пора“ и „Новая мобилизація“ (переп. съ листка Ц. К.). **Крымскимъ Союзомъ**: „Пора“ и „Къ солдатамъ“, (листокъ „Искры“), **Херсонск. орган.** „Портъ-Артуръ и Ляоянъ“ (листки Ц. К.), **Елисаветградск. орг.** „Къ солдатамъ“ (листокъ „Искры“).

Изданія комитетовъ: Петербургскаго: 1) Къ студенчеству о демонстраціи, 2) „По поводу земскаго съѣзда“. **Кіевскаго**: „Земскій съѣздъ“ (6000), „Къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ“ (1000), „Къ рабочимъ завода Греттера“ (1000). **Одесскаго**: Резолюція, предложенная собранію въ обществѣ народнаго здравія. **Казанскаго**: „Къ новобранцамъ“ (2000), „Къ столѣтію Казанскаго университета“ (2000). **Уральскаго**: „Къ новобранцамъ“ (2000). **Саратовскаго** „Къ новобранцамъ“ (2000). **Тамбовской и Борисоглѣбской** группами: „Къ новобранцамъ“ (1000). **Самарскимъ**: „Объ Амстердамскомъ конгрессѣ“, „Представителямъ земствъ“, „Къ рабочимъ завода Лебедева“ (500) и „Къ новобранцамъ“ (2000). **Екатеринославскимъ Ком.**: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (о судѣ надъ участниками всеобщей стачки — 8000). **Балаханскими** и Бибиайбатскими рабочими въ Баку — листокъ о всеобщей стачкѣ. **Томскимъ Ком.** — Листокъ № 61, „Царскій слуга или воръ“. **Иркутскимъ Ком.**: „Резолюція олекминскихъ ссыльныхъ“. **Камышинской группой**: „Къ новобранцамъ“ (300). **Кременч. Ком.**: „Къ новобранцамъ“. **Елисаветгр. Орг.**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“. **Херсонск. орг.** — „Къ рекрутамъ“. **Студ. Орг. Кіевск. Ком.** выпустила листки: 1) „Хроника“, 2) „О ходѣ либеральнаго движенія“, 3) „Отвѣтъ на призывъ къ единенію“, 4) „Игра въ революцію“, 5) „Резолюція петерб. банкета“. **С.-Д. организація Моск.** высш. учебн. зав. издала листки о голодовкѣ въ Таганкѣ и о программѣ — минимумъ партіи.

Въ изданіи „Искра“ вышла брошюра **Рабочаго**: „Рабочіе и интеллигенты“, съ пред. П. Аксельрода.

Въ изданіи Ц. К—та вышелъ „Манифестъ Коммунистической Партіи“ **Маркса и Энгельса** (5000 экз.).

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ воспоминанія Л. Дейча „*16 л. въ Сибири*“, 330 стр., съ прилож. Цѣна 4 fr.

Бакинскій Ком. Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ сообщить, что въ его прокламаціи, изданной по поводу убійства Плеве и подвергшейся рѣзкимъ нападкамъ „Рев. Рос.“ (№ 52), слово „ублюдокъ-смѣльчакъ“ употребленное въ примѣненіи къ Сазонову и вызвавшее негодованіе „Рев. Рос.“ введено въ прокламацію, по недоразумѣнію, корректоровъ типографіи и комитетъ слагаетъ съ себя отвѣтственность за это выраженіе. (Комитетъ своевременно оповѣстилъ объ этомъ въ своемъ мѣсячномъ отчетѣ, изданномъ въ Баку).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Петербургъ. Въ теченіе 24—27 ноября арестовано 165. **Бѣлая Церковь.** Здѣсь арестовано 28 рабочихъ. **Калуга.** Въ ночь на 10 ноября взяты: бывш. семинар. Виноградовъ и семин. С. Муравьевъ (найд. „Искра“).

Екатеринодаръ. Въ станицѣ Платниревской жандармы арестовали 3-хъ крестьянъ, ходившихъ по станицѣ и разсказывавшихъ содержаніе прокламацій и брошюръ, изданныхъ Р. У. П. Одинъ изъ нихъ малограмотный, а двое другихъ и совсѣмъ не читаютъ.

Побѣги: Бѣжавшій изъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ., ветеринарный врачъ — Грюнеръ арестованъ на границѣ и теперь сидитъ въ Сувалкахъ. — М. Веріеръ, приговоренный на 4 г. въ Вост. Сиб. и сданный въ солдаты, бѣжалъ заграницу. — Верховскій, арестованный въ Харьковѣ на улицѣ, послѣ демонстр. 6 ноября, по дорогѣ въ тюрьму бѣжалъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Комитетъ женевской кассы помощи ссыльнымъ и заключеннымъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ:

Въ засѣданіи Комитета Кассы 14-го октября 1904 года представитель Заграничной Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ заявилъ, что представляемая имъ заграничная организація, согласно резолюціи II съѣзда ея объ отношеніи заграничной организаціи П. С. Р. къ Соц.-Дем. Партіи направленія „Искры“, не считаетъ болѣе возможнымъ участвовать черезъ своего представителя въ женевской кассѣ помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ, состоящей изъ представителей Р. С.-Д. Р. П., Бунда и П. С. Р. Комитетъ Кассы въ засѣданіи 14-го октября постановилъ ликвидировать дѣла этой кассы къ 1-му декабря 1904 г. По истеченіи этого срока ни одно учрежденіе въ Женевѣ, задающееся цѣлью помощи политическимъ ссыльнымъ и заключен., не можетъ носить имени женевской кассы помощи политич. ссыльнымъ и заключеннымъ безъ согласія представлявшихъ ее организацій. Всѣ дѣла Кассы ликвидированы правильно. Комитетъ.

Женева, 24-го декабря 1904 г.

Представителемъ Р. С.-Д. Р. П. въ женевской кассѣ помощи ссыльнымъ и заключеннымъ получено 16 fr. 45 c. — изъ Л. перед.: въ Л—скую тюрьму 87 fr. 60 c.

Отчетъ кассы будетъ помѣщенъ въ слѣд. №.

Въ почтовый ящикъ предыдущаго номера „Искры“ вкрались слѣдующія опечатки: въ рубрикѣ „Насъ просятъ напечатать“ вмѣсто „получено въ пользу якутянъ черезъ Tuman'a“, набрано — „черезъ Tumaner'a“; тамъ же вмѣсто *11 дол. и 50 цент.*, напечатано *11 кронъ и 50 цент.*; тамъ же пропущены слова: „*отъ Вестъ-Меккеръ Юніонъ 3 дол.*

Слѣдующій № выйдетъ черезъ недѣлю.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 81. 23-го декаб[illegible]4 г. Годъ IV.

ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЕСНЫ.

Царскаго „манифеста“ ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили царскія „благія начинанія“. Сначала говорили, что „вырабатывается“ конституція; потомъ — что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами, выбранными земствами; наконецъ — и это была крайняя мѣра политическаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавія — что царь самъ назначитъ новыхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ изъ числа „простыхъ“ смертныхъ. Но самодержавіе всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель. Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ подъ ногъ россійскаго царизма всѣ „основы“, на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, Николай II прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи „непремѣнно“ сохранить „незыблемость основныхъ законовъ имперіи“! Скипетръ уже выпадаетъ изъ его нѣмѣющихъ рукъ, а онъ все тычетъ въ глаза своимъ „подданнымъ“ эту опостылѣвшую имъ игрушку, и на несущіеся со всѣхъ сторонъ крики: „долой самодержавіе!“ — отвѣчаетъ тѣмъ, что хватается за свою потускнѣвшую корону и старается покрѣпче нахлобучить ее на голову! Несчастный забылъ, что во время революцій это — экспериментъ опасный, ибо, когда корона слишкомъ приросла къ головѣ, она слетаетъ вмѣстѣ съ головою... Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ „реформъ“, которыя обѣщаетъ самодержецъ. Какъ ни туманно выражены очертанія этихъ „реформъ“ въ указѣ, какъ заботливо ни старается онъ сохранить въ „принципѣ“ всѣ прерогативы деспотизма — до положенія объ усиленной охранѣ включительно, но достаточно самодержавію попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ „предначертаній“, которыми съ трогательною наивностью пытается царь положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуться въ сторону правового раскрѣпощенія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе царизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ „реформъ“ не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то презрѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо царскаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ разбора всѣ тѣ великія и богатыя милости, которыя сулитъ „отечеству“ самодержецъ и которыя еще такъ недавно заставили бы радостно забиться многія либеральныя сердца. Событія послѣдняго времени, видно, не совсѣмъ даромъ прошли даже для самыхъ расположенныхъ къ маниловщинѣ душъ.

Мы не будемъ сейчасъ доискиваться точнаго смысла и значенія той кучи „преобразованій“, которымъ суждено отцвѣсть, не расцвѣтши въ пасмурномъ климатѣ самодержавной Россіи. Но стоитъ подчеркнуть, какъ, безсильное во всѣхъ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавіе становится совершенно безплоднымъ, лишь только задумаетъ излить свои благодѣянія на самый прогрессивный классъ нашего времени — на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій-же классъ стоитъ, какъ самый ярый врагъ, передъ царизмомъ. Казалось бы, всѣ основанія для самодержавія попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумомъ возможныхъ для царизма „уступокъ“. Но этотъ „максимумъ“ такъ минималенъ, что даже тѣхъ „льготъ“, которыя сулились пролетаріату въ блаженную эпоху Зубатовщины, самодержавіе обѣщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12-го декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше „государственнаго страхованія“, то есть, не того, что требуетъ пролетаріатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокрадовъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующіе извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающіе свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости „страхованія“. Обѣщая рабочимъ только такую „льготу“, царизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что и онъ уже самъ не мечтаетъ о возможности „примиренія“ своего съ пролетаріатомъ. И министерскій лакей Суворинъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что „административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ“, во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ той „благомыслящей части общества“, на „сочувствіе“ которой можетъ разсчитывать царь.

Высочайшія „реформы“! Царское правительство позаботилось обставить возвѣщеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету упованій на самодержца. Рядъ предостереженій и пріостановокъ газетъ, высочайшій „разносъ“ „дерзкихъ и безтактныхъ“ земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ — вотъ каковъ былъ канунъ „предначертаній“, обѣщающихъ русскому народу „разумную“ свободу печати, „самостоятельность“ и „независимость“ земствъ, охрану „неприкосновенности“ личности! А появившійся на слѣдующій-же день послѣ указа нахальный окрикъ „правительственнаго сообщенія“ показалъ съ достаточной степенью вразумительности ту обстановку, въ которой предполагается проводить царскія „реформы“, и тѣ мѣры, которыми правительство думаетъ обезпечить себѣ „сочувствіе“. Указъ требуетъ „сочувствія благомыслящей части общества“. Сообщеніе откровенно поясняетъ, что и земства и думы, и общества и собранія, и молодежь, и печать и частныя лица и дѣятели мѣстнаго самоуправленія, и даже „лица, состоящія на государственной службѣ“ — все это относится къ разряду „неблагомыслящихъ“. Усваивая себѣ всю программу „Московскихъ Вѣдомостей“ по части искорененія „вольнаго духа“, правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣплена обманчивыми призраками, только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя“! И инсинуируя насчетъ „пользы“ враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣятелей освободительнаго движенія „народъ“, которому будто бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія“. Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ „народъ“ царское правительство: вчерашніе громилы Кишиневскихъ евреевъ еще разъ могутъ сослужить службу дѣлу отстаиванія „священныхъ завѣтовъ“. А въ Тамбовѣ, „помазанникъ божій“ уже двинулъ въ походъ противъ „неблагомыслящихъ“ шайку хулигановъ. Какъ ни чудовищенъ на первый взглядъ Тамбов.инцидентъ но,въ сущности, можно было предвидѣть что правительство такъ же мало остановится передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное „неблагомысліе“ какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на „неблагомысліе“ еврейское. Совѣты Грингмутовъ, душегубскіе проекты Павловыхъ и Кузьминыхъ, „вандейскія“ предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ [illegible] „довѣріе“, которое обѣщано было „голосу общества“. И [illegible]днее правительственное сообщеніе есть не только угроза административными и судебными карами, но и прямое поощреніе къ расправѣ съ „врагами“. Изъ каждой строчки его [illegible] призывъ: „бей либераловъ и соціалистовъ“, призывъ, [illegible]ый по своему истинному смыслу съ столь недавнимъ: [illegible]довъ“. Подонки „образованнаго“ общества, въ лицѣ Х[illegible]скаго отдѣла „Русскаго собранія“, въ своей „всеподданнѣйшей челобитной“ уже предлагаютъ свои услуги — „стать во [illegible] общерусскаго всесословнаго движенія, отстаивающаго первенствующее положеніе православія и неприкосновенность самодержавія“, и грозятъ „однимъ мощнымъ потокомъ смыть плѣсень нашей общественной жизни“. Этимъ пресмыкающимся плѣсенямъ кажется все, что ростетъ выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно барахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы самодержавіе для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регаліями въ одной рукѣ и лоскутомъ бумаги, на которой блѣдными чернилами нацарапаны проекты „реформы“ — въ другой, выступаетъ оно въ походъ на защиту „незыблемыхъ основъ“.

Во имя „реформъ“ самодержавіе уже не можетъ собрать во кругъ себя внушительной силы; ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя царизма. Но во имя „Кишинева“, подъ „священный стягъ“ могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отмирающіе и жадно цѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ возложена миссія — „охранять священные завѣты предковъ“.

Можно заранѣе предвидѣть, что „предначертанія“ указа 12 декбря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ, съ которыми попытается еще выступить прижатый къ стѣнѣ самодержецъ. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на который возложено проведеніе „реформъ“ въ жизнь, подниметъ вопросъ о привлеченіи къ своимъ „работамъ“ въ той или иной формѣ „дѣятелей, общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ“, ни даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иныя „либеральныя“ преобразованія Государственнаго Совѣта. И если „указъ“ врядъ-ли соблазнитъ многихъ изъ малыхъ сахъ, таящихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ „единеніи царя съ народомъ“, то труднѣе поручиться за стойкость „умѣренныхъ“, когда правительство будетъ предлагать „обществу“ призрачное „участіе“ въ законодательствѣ, хотя-бы это „участіе“ было ничѣмъ инымъ, какъ помощью въ дѣлѣ „укрывательства слѣдовъ преступленія“ царизма.

И на сей возможный случай нельзя не порадоваться, что при первомъ-же шагѣ на пути къ „реформамъ“ царское правительство такъ ясно оскаливаетъ свои волчьи зубы и замахивается надъ всѣми „неблагомыслящими“ полицейской нагайкой. Въ эпоху „весенняго“ опьяненія слишкомъ много лицъ, солидныхъ отцовъ и [illegible] дѣтей, ставило себя такъ или иначе съ дѣломъ освобожденія Россіи, [illegible] своей подписью засвидѣтельствовало свою „неблагонадежность“ и громко требовало уничтоженія самодержавія. Конечно, на политическую доблесть и стойкость огромной вереницы прошедшихъ передъ нами за послѣднее время отечественныхъ Мирабо возлагать большихъ надеждъ нельзя. Но если не политическій разумъ и не гражданскія добродѣтели, то чувство личнаго самосохраненія должно внушить всему этому люду пониманіе необходимости не поддаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго царизмомъ. Привѣтливое киванье царскаго указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго сообщенія, что безъ особой остроты разума любому Мирабо легко сообразить, какіе скорпіоны ждутъ его, если самодержавіе выйдетъ побѣдителемъ изъ возгорѣвшейся борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть“ самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ беззастѣнчивостью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ самодержавіе, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться въ самомъ началѣ этого пути. Исторія австрійской контръ-революціи, исторія Муравьевскаго крестоваго похода въ Польшѣ показываетъ, куда пойдетъ затравленное царское правительство. Сегодня, по его почину, тамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, сѣраго рабочаго — на либеральнаго фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатаціей всѣхъ тѣхъ иллюзій, которыя, въ первобытно-наивной формѣ, сливаясь съ архаическими идеалами варварской эпохи — православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непросвѣтленной свѣтомъ политическаго сознанія душѣ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война зальетъ пожаромъ и кровью деревни и города. Всероссійскій Кишиневъ — вотъ что сулитъ Россія самодержавіе. А когда напуганные „высшіе“ классы покорно припадутъ къ стопамъ самодержца, тогда придетъ чередъ и народу кровью расплачиваться за разбивающіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освѣщенное демагогическимъ крещеніемъ самодержавіе вознесется надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ самодержавія. Или, вѣрнѣе, все это могло-бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетаріата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ пойти на удочку самодержавныхъ демагоговъ, который знаетъ, что только черезъ развалины царскаго трона онъ можетъ выйти на путь борьбы за соціальное освобожденіе. И эту твердую, увѣренную поступь въ борьбѣ могъ дать пролетаріату только ростъ его *классоваго* сознанія, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой соціальдемократіи удается стать во главѣ освободительнаго движенія и подчинить своему вліянію всѣ освободительныя силы, ровно въ той мѣрѣ становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойниковъ самодержавія, и тѣ попытки разжиганія гражданской войны, къ которымъ они прибѣгнутъ, падутъ на ихъ-же голову.

Гражданская война подъ знаменемъ демагогіи и во имя цезаристскаго возрожденія самодержавія, или демократическая революція — на этомъ распутьи стоитъ теперь страна.

Рабочій классъ не заставитъ себя долго ждать: чуткое ухо уже слышитъ приближающійся мѣрный шагъ рабочей арміи, идущей на безпощадный бой съ царизмомъ. Самодержавіе тоже напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы отстоять свои позиціи, и безъ бою не сдается. А посреди этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется до сихъ поръ въ нерѣшительности либерально-демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы, тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи примкнуть опредѣленно къ той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показалъ примѣръ Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоупраздненіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местью съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея „крайними“ демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную самодержавіемъ, со всѣмъ ея варварствомъ и со всѣми ея реакціонными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи — вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отказъ отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу самодержавія, или отказъ отъ политическихъ привиллегій въ пользу народа — вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Преисполненный сознанія величія своей исторической миссіи, можетъ смотрѣть рабочій классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ воздвигнетъ утесъ, о который разобьются волны реакціи. Насилію самодержавныхъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ — свѣтъ классоваго сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ живительной росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе бросилъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и безповоротно признать демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчить замыслы самодержавныхъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на „потокъ и разграбленіе“. Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ самодержавіемъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа!

МАССОВАЯ СТАЧКА ВЪ БАКУ.

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась въ „всеобщую забастовку. Газеты не выходятъ, трамвайное сообщеніе прервано...

То, что намъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не является случайнымъ. Уже давно бакинскій пролетаріатъ порывается снова прибѣгнуть къ испытанному въ 1903-году средству рѣшительнаго воздѣйствія на своихъ враговъ. Онъ [illegible] это въ майскіе дни истекающаго года, но безуспѣшно [illegible] вызванное войной и усиленное „весеннимъ [illegible] это стремленіе. Образовавшаяся недавно организація „балаханскихъ и биби-эйбатскихъ рабочихъ“ (отдѣлившаяся отъ партійнаго комитета — надо надѣяться, не на долго — въ силу очень обострившихся организаціонныхъ разногласій), начала свою агитаціонную дѣятельность горячимъ призывомъ готовиться ко „всеобщей забастовкѣ“, какъ средству, которымъ пролетаріатъ положитъ конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціи, выпущенная ею по поводу „весенняго“ разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ — въ формѣ всеобщей стачки — исторгнуть отъ самодержавія удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принялъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ царь подписалъ свой „указъ“ о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать самодержавію и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ создавшагося, съ окончаніемъ царской „весны“, политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: *переговоры царизма съ „обществомъ“ кончились, время заговорить народу!*

Каковы бы ни были дальнѣйшія перепетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящихъ условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характаръ *политическаго* протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка — каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ — сыграетъ значительную *агитаціонную* роль и дастъ, наряду съ недавними демонстраціями въ Одессѣ Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчекъ переходу потенціальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый почивъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытаннаго однажды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для близкаго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ россійскаго пролетаріата высшей революціонной активности. Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ жгучую потребность вступить въ рѣшительный бой съ своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно революціонная инціатива, только глубоко продуманная тактика позволятъ соціальдемократической партіи содѣйствовать тому, чтобы новый „стихійный“ подъемъ революціонной энергіи массъ превратился въ тотъ „девятый валъ“, который свалитъ царизмъ.

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово, послѣ того какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно громко, какъ революціонный призывъ, раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни и организованный соціальдемократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложитъ свое вліяніе на итогъ переживаемаго страной политическаго кризиса.

Въ странѣ, потрясенной до самыхъ глубинъ разыгрывающейся политической драмой; въ моментъ, когда всѣ жизне-способные элементы всѣхъ классовъ готовы рукоплескать *всякой* формѣ политическаго протеста, — въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при по-

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 81. 23-го декаб[illegible]4 г. Годъ IV.

ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЕСНЫ.

Царскаго „манифеста" ждали долго, и услужливая молва широко разносила шагъ за шагомъ всѣ перипетіи того скорбнаго пути, который проходили царскія „благія начинанія". Сначала говорили, что „вырабатывается" конституція; потомъ — что Государственный Совѣтъ будетъ пополненъ членами, выбранными земствами; наконецъ — и это была крайняя мѣра политическаго разума, какую обывательская мысль еще предполагала у самодержавія — что царь самъ назначитъ новыхъ членовъ въ Государственный Совѣтъ изъ числа „простыхъ" смертныхъ. Но самодержавіе всегда оказывалось и оказывается еще реакціоннѣе и ослѣпленнѣе, чѣмъ предполагаетъ самый пессимистическій обыватель. Въ ту минуту, когда исторія уже начинаетъ вырывать изъ подъ ногъ россійскаго царизма всѣ „основы", на которыхъ оно еще кое-какъ держалось, Николай II прежде всего заявляетъ о своемъ желаніи „непремѣнно" сохранить „незыблемость основныхъ законовъ имперіи"! Скипетръ уже выпадаетъ изъ его нѣмѣющихъ рукъ, а онъ все тычетъ въ глаза своимъ „подданнымъ" эту опостылѣвшую имъ игрушку, и на несущіеся со всѣхъ сторонъ крики: „долой самодержавіе!" - отвѣчаетъ тѣмъ, что хватается за свою потускнѣвшую корону и старается покрѣпче нахлобучить ее на голову! Несчастный забылъ, что во время революцій это — экспериментъ опасный, ибо, когда корона слишкомъ приросла къ головѣ, она слетаетъ вмѣстѣ съ головою... Мы не станемъ теперь останавливаться на разборѣ тѣхъ „реформъ", которыя обѣщаетъ самодержецъ. Какъ ни туманно выражены очертанія этихъ „реформъ" въ указѣ, какъ заботливо ни старается онъ сохранить въ „принципѣ" всѣ прерогативы деспотизма — до положенія объ усиленной охранѣ включительно, но достаточно самодержавію попробовать хоть на шагъ двинуться въ сторону тѣхъ „предначертаній", которыми съ трогательною наивностью пытается царь положить преграду напору революціи, достаточно хоть на пядь подвинуться въ сторону правового раскрѣпощенія крестьянъ, установленія независимаго суда, самостоятельности мѣстнаго самоуправленія и пр. и пр., чтобы все зданіе царизма рухнуло, какъ карточный домикъ. Совершенно очевидно, что ни одной изъ этихъ „реформъ" не суждено быть осуществленной самодержавіемъ. И для современнаго настроенія умовъ, быть можетъ, наиболѣе характерно то презрѣніе, съ которымъ даже нѣкоторыя легальныя газеты проходятъ мимо царскаго реформаторства, не удостаивая ни единымъ словомъ разбора всѣ тѣ великія и богатыя милости, которыя сулитъ „отечеству" самодержецъ и которыя еще такъ недавно заставили бы радостно забиться многія либеральныя сердца. Событія послѣдняго времени, видно, не совсѣмъ даромъ прошли даже для самыхъ расположенныхъ къ маниловщинѣ душъ.

Мы не будемъ сейчасъ доискиваться точнаго смысла и значенія той кучи „преобразованій", которымъ суждено отцвѣсть, не расцвѣтши въ пасмурномъ климатѣ самодержавной Россіи. Но стоитъ подчеркнуть, какъ, безсильное во всѣхъ своихъ реформаторскихъ потугахъ, самодержавіе становится совершенно безплоднымъ, лишь только задумаетъ излить свои благодѣянія на самый прогрессивный классъ нашего времени — на пролетаріатъ. Въ рабочемъ классѣ концентрируется максимумъ революціонной энергіи и рабочій-же классъ стоитъ, какъ самый ярый врагъ, передъ царизмомъ. Казалось бы, всѣ основанія для самодержавія попытаться успокоить этотъ бурный элементъ максимумомъ возможныхъ для царизма „уступокъ". Но этотъ „максимумъ" такъ минималенъ, что даже тѣхъ „льготъ", которыя сулились пролетаріату въ блаженную эпоху Зубатовщины, самодержавіе обѣщать уже не можетъ. И рожденный въ долгихъ мукахъ указъ 12-го декабря ничего не предлагаетъ рабочимъ больше „государственнаго страхованія", то есть, не того, что требуетъ пролетаріатъ, имѣющій всѣ основанія не довѣрять страховымъ операціямъ полицейскихъ держимордъ и патентованныхъ казнокрадовъ, а того, что требуютъ фабриканты и заводчики, чувствующіе извѣстныя неудобства отъ закона о вознагражденіи за увѣчья и желающіе свалить съ себя на плечи самихъ рабочихъ и плательщиковъ налоговъ тягости „страхованія". Обѣщая рабочимъ только такую „льготу", царизмъ тѣмъ самымъ откровенно признаетъ, что и онъ уже самъ не мечтаетъ о возможности „примиренія" своего съ пролетаріатомъ. И министерскій лакей Суворинъ откровенно поясняетъ въ своей статьѣ объ указѣ, что „административные ссыльные, революціонеры и массы фабричныхъ рабочихъ", во всякомъ случаѣ, не принадлежатъ къ той „благомыслящей части общества", на „сочувствіе" которой можетъ разсчитывать царь.

Высочайшія „реформы"! Царское правительство позаботилось обставить возвѣщеніе ихъ такъ, чтобы и самому слѣпому обывателю подчеркнуть тщету упованій на самодержца. Рядъ предостереженій и пріостановокъ газетъ, высочайшій „разносъ" „дерзкихъ и безтактныхъ" земствъ, безпримѣрное по своей циничной наглости и жестокости избіеніе демонстрантовъ — вотъ каковъ былъ канунъ „предначертаній", обѣщающихъ русскому народу „разумную" свободу печати, „самостоятельность" и „независимость" земствъ, охрану „неприкосновенности" личности! А появившійся на слѣдующій же день послѣ указа нахальный окрикъ „правительственнаго сообщенія" показалъ съ достаточной степенью вразумительности ту обстановку, въ которой предполагается проводить царскія „реформы", и тѣ мѣры, которыми правительство думаетъ обезпечить себѣ „сочувствіе". Указъ требуетъ „сочувствія благомыслящей части общества". Сообщеніе откровенно поясняетъ, что и земства и думы, и общества и собранія, и молодежь, и печать и частныя лица и дѣятели мѣстнаго самоуправленія, и даже „лица, состоящія на государственной службѣ" — все это относится къ разряду „неблагомыслящихъ". Усваивая себѣ всю программу „Московскихъ Вѣдомостей" по части искорененія „вольнаго духа", правительство грозитъ расправой всей Россіи. Вся Россія „ослѣплена обманчивыми призраками, только шайка придворныхъ бандитовъ знаетъ, чего требуютъ „насущныя нужды народныя"! И инсинуируя насчетъ „пользы" враговъ, правительство тѣмъ самымъ открыто пытается натравить на дѣятелей освободительнаго движенія „народъ", которому будто бы „чуждо движеніе противъ существующаго порядка управленія". Мы знаемъ, гдѣ будетъ искать этотъ „народъ" царское правительство: вчерашніе громилы Кишиневскихъ евреевъ еще разъ могутъ сослужить службу дѣлу отстаиванія „священныхъ завѣтовъ". А въ Тамбовѣ „помазанникъ божій" уже двинулъ въ походъ противъ „неблагомыслящихъ" шайку хулигановъ. Какъ ни чудовищенъ на первый взглядъ Тамбовскій инцидентъ, но въ сущности, можно было предвидѣть, что правительство такъ же мало остановится передъ тѣмъ, чтобы натравить подкупленную чернь на православное „неблагомысліе", какъ не остановилось оно передъ натравливаніемъ ея на „неблагомысліе" еврейское. Совѣты Грингмутовъ, душегубскіе проекты Павловыхъ и Кузьминыхъ, „вандейскія" предложенія Нилусовъ встрѣтили въ высшихъ сферахъ то „довѣріе", которое обѣщано было „голосу общества". И послѣднее правительственное сообщеніе есть не только угроза административными и судебными карами, но и прямое поощреніе къ расправѣ съ „врагами". Изъ каждой строчки его зв[illegible]призывъ: „бей либераловъ и соціалистовъ", призывъ, та[illegible]ный по своему истинному смыслу съ столь недавнимъ: [illegible]довъ". Подонки „образованнаго" общества, въ лицѣ Х[illegible]скаго отдѣла „Русскаго собранія", въ своей „всеподданѣй[illegible] челобитной" уже предлагаютъ свои услуги — „стать во главѣ общерусскаго всесословнаго движенія, отстаивающаго первенствующее положеніе православія и неприкосновенность самодержавія", и грозятъ „однимъ мощнымъ потокомъ смыть плѣсень нашей общественной жизни". Этимъ пресмыкающимся плѣсенью кажется все, что ростетъ выше уровня того самодержавнаго болота, въ тинѣ котораго они такъ привольно барахтаются.

Такъ мобилизуетъ свои силы самодержавіе для предстоящей гражданской войны. Съ кишиневскими регаліями въ одной рукѣ и лоскутомъ бумаги, на которой блѣдными чернилами нацарапаны проекты „реформы"—въ другой, выступаетъ оно въ походъ на защиту „незыблемыхъ основъ".

Во имя „реформъ" самодержавіе уже не можетъ собрать вокругъ себя внушительной силы; ни одинъ жизнеспособный классъ уже не можетъ, не отказываясь отъ насущныхъ интересовъ своихъ, стать подъ знамя царизма. Но во имя „Кишинева", подъ „священный стягъ" могутъ собраться, наряду съ отбросами общества и народа, всѣ отмирающіе и жадно цѣпляющіеся за жизнь слои. И на это воинство будетъ возложена миссія — „охранять священные завѣты предковъ".

Можно заранѣе предвидѣть, что „предначертанія" указа 12 декбря не составляютъ крайняго предѣла тѣхъ реформаторскихъ проектовъ, съ которыми попытается еще выступить прижатый къ стѣнѣ самодержецъ. Нѣтъ ничего невозможнаго ни въ томъ, что Комитетъ Министровъ, на который возложено проведеніе „реформъ" въ жизнь, подниметъ вопросъ о привлеченіи къ своимъ „работамъ" въ той или иной формѣ „дѣятелей, общественнымъ довѣріемъ облеченныхъ", ни даже въ томъ, что будутъ предложены тѣ или иныя „либеральныя" преобразованія Государственнаго Совѣта. И если „указъ" врядъ-ли соблазнитъ многихъ изъ малыхъ сихъ, таящихъ въ глубинѣ сердца славянофильскія мечтанія объ „единеніи царя съ народомъ", то труднѣе поручиться за стойкость „умѣренныхъ", когда правительство будетъ предлагать „обществу" призрачное „участіе" въ законодательствѣ, хотя бы это „участіе" было ничѣмъ инымъ, какъ помощью въ дѣлѣ „укрывательства слѣдовъ преступленія" царизма.

И на сей возможный случай нельзя не порадоваться, что при первомъ-же шагѣ на пути къ „реформамъ" царское правительство такъ ясно оскаливаетъ свои волчьи зубы и замахивается на [illegible]благомысле[illegible]. Въ [illegible] опьяненія [illegible] лицъ, солидныхъ [illegible] дѣ[illegible] такъ или иначе съ [illegible] своей подписью [illegible] необходимость" и громко требовали [illegible] самодержавія. Конечно, на политическую доблесть и стойкость [illegible] огромной [illegible] передъ нами за послѣднее время отечественныхъ Мирабо возлагать большихъ надеждъ нельзя. Но если не политическій разумъ и не гражданскія добродѣтели, то чувство личнаго самосохраненія должно внушить всему этому люду пониманіе необходимости не поддаваться на приманку пряника сомнительной сладости, предлагаемаго царизмомъ. Привѣтливое киванье царскаго указа дополняется такими угрожающими жестами правительственнаго сообщенія, что безъ особой остроты разума любому Мирабо легко сообразить, какіе скорпіоны ждутъ его, если самодержавіе выйдетъ побѣдителемъ изъ возгорѣвшейся борьбы. Эта борьба зашла слишкомъ далеко, чтобы можно было ждать немедленной измѣны сколько нибудь широкаго круга лицъ въ вопросѣ о томъ, „быть или не быть" самодержавію.

Но та гражданская война, которую, съ беззастѣнчивостью испытаннаго авантюриста, провоцируетъ самодержавіе, должна заставить широкіе круги либерально-демократическаго общества не остановиться въ самомъ началѣ этого пути. Исторія австрійской контръ-революціи, исторія Муравьевскаго крестоваго похода въ Польшѣ показываетъ, куда пойдетъ затравленное царское правительство. Сегодня, по его почину, тамбовскіе хулиганы избиваютъ земцевъ, завтра оно будетъ натравлять крестьянина на помѣщика, сѣраго рабочаго — на либеральнаго фабриканта, и въ этой гражданской войнѣ оно не остановится передъ эксплуатаціей всѣхъ тѣхъ иллюзій, которыя, въ первобытно-наивной формѣ, сливаясь съ архаическими идеалами варварской эпохи — православіемъ и самодержавіемъ, смутно бродятъ въ непросвѣтленной свѣтомъ политическаго сознанія душѣ народныхъ низовъ. Отклоняя мысль народа отъ политическаго переворота и, ради этой цѣли, разжигая всѣ грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война зальетъ пожаромъ и кровью деревни и города. Всероссійскій Кишиневъ — вотъ что сулитъ Россіи самодержавіе. А когда напуганные „высшіе" классы покорно припадутъ къ стопамъ самодержца, тогда придетъ чередъ и народу кровью расплачиваться за разбивающіяся о суровую дѣйствительность иллюзіи, и освѣщенное демагогическимъ крещеніемъ самодержавіе вознесется надъ побѣжденной Россіей.

Все это будетъ, если удадутся планы сторонниковъ самодержавія. Или, вѣрнѣе, все это могло бы быть, если бы эти планы могли удасться. Но они не могутъ удасться, потому что, въ лицѣ сознательнаго пролетаріата, выступаетъ на сцену исторической драмы тотъ народъ, которому чужды утопіи и иллюзіи, который не можетъ пойти на удочку самодержавныхъ демагоговъ, который знаетъ, что только черезъ развалины царскаго трона онъ можетъ выйти на путь борьбы за соціальное освобожденіе. И эту твердую, увѣренную поступь въ борьбѣ можетъ дать пролетаріату только ростъ его *классоваго* сознанія, только его классовая организація. Въ той мѣрѣ, въ какой соціалдемократіи удается стать во главѣ освободительнаго движенія и подчинить своему вліянію всѣ освободительныя силы, ровно въ той мѣрѣ становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойниковъ самодержавія и всѣ попытки разжиганія гражданской войны, къ которымъ они прибѣгнутъ, падутъ на ихъ же голову.

Гражданская война подъ знаменемъ демагогіи и во имя безграничнаго возрожденія самодержавія, или демократическая революція — на этомъ распутьи стоитъ теперь страна.

Рабочій классъ не заставитъ себя долго ждать. Чуткое ухо уже слышитъ приближающійся мѣрный шагъ рабочей арміи, идущей на безпощадный бой съ царизмомъ. Самодержавіе тоже напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы отстоять свои позиціи и безъ бою не сдается. А посреди этихъ двухъ непримиримыхъ силъ мечется до сихъ поръ въ нерѣшительности либерально-демократическое общество. Чѣмъ ближе часъ грозной битвы, тѣмъ настоятельнѣе для русской демократіи примкнуть опредѣленно къ той или другой сторонѣ. Самостоятельная роль либерализма, съ его легальными методами дѣйствія, сыграна. Онъ высказалъ все, что могъ сказать, и послѣдній политическій шагъ его земской организаціи можетъ, какъ это показалъ примѣръ Московскаго, Смоленскаго и Черниговскаго земствъ, состоять лишь въ самоупраздненіи. Надвигающаяся реакція съ ея безпощадною местью съ одной стороны, надвигающаяся революція съ ея „крайними" демократическими лозунгами съ другой, какъ два жернова, перемалываютъ промежуточныя формы общественнаго движенія. За гражданскую войну, организованную самодержавіемъ, со всѣмъ ея варварствомъ и со всѣми ея реакціонными результатами, или за революцію, стремящуюся воплотить въ жизнь наиболѣе совершенныя формы государственной демократіи — вотъ вопросъ, который надо рѣшить. Отказъ отъ всѣхъ политическихъ правъ въ пользу самодержавія, или отказъ отъ политическихъ привиллегій въ пользу народа — вотъ между чѣмъ надо выбирать.

Преисполненный сознанія величія своей исторической миссіи, можетъ смотрѣть рабочій классъ въ лицо грядущимъ событіямъ. Несокрушимый оплотъ прогресса и культуры, онъ воздвигнетъ утесъ, о который разобьются волны реакціи. Насилію самодержавныхъ громилъ онъ противопоставитъ силу борцовъ революціи, демагогическимъ натравливаніямъ — свѣтъ классоваго сознанія. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революціи, будетъ живительной росой для ростковъ народной свободы. Теперь, когда правительственный отвѣтъ на конституціонное движеніе бросилъ лучъ свѣта на перспективы будущаго, теперь пролетаріатъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать, обращаясь ко всѣмъ, кто хочетъ свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и безповоротно признать демократическіе лозунги народа! Всякое колебаніе, всякая попытка уклониться отъ послѣдовательнаго демократизма можетъ только облегчить замыслы самодержавныхъ демагоговъ, отдать имъ всю страну на „потокъ и разграбленіе". Кто хочетъ послѣдовательной борьбы съ самодержавіемъ, тотъ уже не можетъ не быть за демократическія требованія народа!

МАССОВАЯ СТАЧКА ВЪ БАКУ.

Газеты сообщили важное извѣстіе о начавшейся въ Баку и его районѣ стачкѣ рабочихъ нефтяныхъ промысловъ. По имѣющимся у насъ даннымъ, стачка охватила всѣ промыслы и превратилась въ „всеобщую забастовку. Газеты не выходятъ, трамвайное сообщеніе прервано...

То, что намъ извѣстно о настроеніи умовъ въ Баку, позволяетъ думать, что такой оборотъ событій не является случайнымъ. Уже давно бакинскій пролетаріатъ порывается снова [illegible] 1903 году [illegible] рѣшительнаго воздѣйствія на [illegible] въ маѣ [illegible] вытекающаго [illegible] безусловно [illegible] вызванное войной и усиленное „весенними" [illegible] это стремленіе [illegible] недавно организація „балаханскихъ и биби-эйбатскихъ рабочихъ" (отдѣлившаяся отъ партійнаго комитета — надо надѣяться, не на долго — въ силу очень обострившихся организаціонныхъ разногласій), начала свою агитаціонную дѣятельность горячимъ призывомъ готовиться ко „всеобщей забастовкѣ", какъ средству, которымъ пролетаріатъ положитъ конецъ преступной войнѣ. На это же средство указывала недавно изданная прокламація той же партійной организаціи выпущенная ею по поводу „весенняго" разгула либераловъ: прокламація призывала рабочихъ своимъ давленіемъ — въ формѣ всеобщей стачки — исторгнуть отъ самодержавія удовлетвореніе народныхъ требованій. Мѣстный комитетъ принялъ живое участіе въ руководствѣ начавшимся движеніемъ.

Стачка вспыхнула 13 декабря, на другой день послѣ того, какъ царь подписалъ свой „указъ" о незыблемости самодержавія. Она вспыхнула словно нарочно для того, чтобы показать самодержавію и его либеральному противнику, что ведущійся между ними поединокъ совершается на почвѣ, которую въ каждый мигъ могутъ потрясти вулканическія силы классовой борьбы пролетаріата. Она произошла какъ будто нарочно для того, чтобы подчеркнуть логическій выводъ, объективно слѣдующій изъ создавшагося, съ окончаніемъ царской „весны", политическаго положенія. Этотъ выводъ гласитъ: *переговоры царизма съ „обществомъ" кончились, время заговорить народу!*

Каковы бы ни были дальнѣйшія перепетіи новой бакинской забастовки, она, при настоящихъ условіяхъ, обязательно приметъ, въ большей или меньшей степени, характеръ *политическаго* протеста. А если насъ не обманываетъ наше пониманіе царящаго въ широкихъ кругахъ пролетаріата настроенія, эта стачка — каковъ бы ни былъ ея ходъ и исходъ — сыграетъ значительную *агитаціонную* роль и дастъ, наряду съ недавними демонстраціями въ Одессѣ Харьковѣ и другихъ городахъ, сильный толчекъ переходу потенціальной революціонной энергіи, накопленной въ пролетарскихъ массахъ, въ энергію активную.

Мы привѣтствуемъ, поэтому, смѣлый починъ бакинскихъ пролетаріевъ снова испробовать дѣйствіе уже испытаннаго однажды боевого средства. Мы призываемъ всѣхъ товарищей внимательно слѣдить за событіями въ Баку, популяризировать ихъ въ массахъ и дѣлать надлежащіе выводы для близкаго будущаго. Переживаемое время требуетъ отъ россійскаго пролетаріата высшей революціонной активности. Наша постоянная агитаціонная и организаціонная работа все ближе и ближе подводитъ насъ къ тому моменту, когда широкія пролетарскія массы ощутятъ жгучую потребность вступить въ рѣшительный бой съ своимъ злѣйшимъ врагомъ. И въ этотъ моментъ только истинно революціонная инціатива, только глубоко продуманная тактика позволитъ соціальдемократической партіи содѣйствовать тому, чтобы новый „стихійный" подъемъ революціонной энергіи массъ превратился въ тотъ „девятый валъ", который свалитъ царизмъ.

Пролетаріатъ порывается сказать свое слово, послѣ того какъ либерально-демократическая буржуазія сказала все, что могла сказать. Это слово должно громко, какъ революціонный призывъ, раздаться на аренѣ нашей общественно-политической жизни и организованный соціалдемократіей пролетаріатъ, какъ самостоятельный и сознательный факторъ общественнаго преобразованія, наложитъ свое вліяніе на итогъ переживаемаго страной политическаго кризиса.

Въ странѣ, потрясенной до самыхъ глубинъ разыгрывающейся политической драмой, въ моментъ, когда всѣ жизне-способные элементы всѣхъ классовъ готовы рукоплескать *всякой* формѣ политическаго протеста, — въ такой моментъ политическая массовая стачка можетъ съ успѣхомъ послужить въ рукахъ организованнаго пролетаріата тѣмъ рычагомъ, при посредствѣ котораго онъ дастъ сильный толчокъ революціонному развитію событій. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, „активную“ стачку, не съуживающую искусственно своего революціоннаго эффекта однимъ лишь экономическимъ давленіемъ прекращенія работы, но усиливающую этотъ эффектъ всѣми видами открытаго „уличнаго“ протеста. Вотъ почему мы съ надеждой смотримъ на бакинскую стачку.

Мы ограничиваемся здѣсь этими бѣглыми замѣчаніями, чтобы вернуться еще къ данному вопросу, когда получатся болѣе полныя свѣдѣнія о бакинской стачкѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изъ Москвы намъ пишутъ:

За короткій періодъ либеральной „весны“, въ теченіе котораго оппозиціонное движеніе русскаго „общества“ могло проявиться болѣе или менѣе активно, можно было замѣтить очень сильное развитіе этого движенія. Въ печати то и дѣло появлялись отчеты о банкетахъ, на которыхъ высказывались тѣ или иныя, болѣе или мѣнѣе либеральныя пожеланія. Въ дѣйствительности, это оппозиціонное движеніе развилось и развивается гораздо шире и глубже, чѣмъ можно объ этомъ заключить изъ газетъ.

Чтобы выяснить значеніе этого движенія,—а это очень важно,—нужно опредѣлить тѣ элементы, изъ которыхъ оно составляется. Эти элементы чрезвычайно разнообразны. Уже по составу лицъ, участвующихъ на банкетахъ, можно видѣть, что тутъ встрѣчаются разнообразные, почти не соединимые элементы „общества“: купцы, земцы, представители свободныхъ профессій — доктора, адвокаты, интеллигентный пролетаріатъ въ видѣ временныхъ и постоянныхъ статистиковъ, мелкихъ служащихъ и т. д. Эта смѣсь людей различнаго состоянія и различнаго общественнаго положенія обусловливается, несомнѣнно, отсутствіемъ въ этой средѣ оформившихся политическихъ партій. „Въ темнотѣ всѣ кошки сѣры“. Отсутствіе политической жизни сказывается не только въ томъ, что для людей различныхъ положеній нѣтъ почвы для взаимной политической борьбы, вытекающей изъ различія интересовъ въ каждомъ конкретномъ случаѣ, но и въ полной неопредѣленности политическихъ стремленій и надеждъ. Поэтому, между демократическимъ и собственно либеральнымъ движеніемъ нѣтъ никакой границы, да, вѣроятно, и не будетъ, пока либерализмъ не почувствуетъ себя въ нѣкоторой степени удовлетвореннымъ. Только тогда либеральные земцы, купцы и др. представители либерализма будутъ и на демократовъ смотрѣть, какъ на безпокойныхъ людей, мѣшающихъ ихъ „работѣ“, теперь же между тѣми и другими существуетъ полное и трогательное согласіе... Демократическая часть оппозиціоннаго общества старается не только оформить движеніе, но и придать ему демократическій оттѣнокъ: эта наиболѣе активная и политически наиболѣе зрѣлая группа среди неоформившейся оппозиціонной массы. Поэтому, ей до сихъ поръ почти всегда удавалось придавать оппозиціонному движенію тотъ характеръ, какой она желаетъ: бюрократическій гнетъ такъ сталъ чувствителенъ для всѣхъ, что пока всѣ разнохарактерные оппозиціонные элементы идутъ дружно вмѣстѣ. Нужно прибавить къ этому, что демократы, въ свою очередь, придерживаются тактики „приспособленія“ къ преобладающему настроенію, отчасти въ утопической надеждѣ увести движеніе за собою на путь демократизма, отчасти потому, что безъ „вліятельныхъ общественныхъ элементовъ“ они безсильны. Волей-неволей, демократамъ приходится въ рѣчахъ *говорить* о всеобщемъ тайномъ, прямомъ избирательномъ правѣ, а въ резолюціяхъ банкетовъ умалчивать объ этомъ.

Немногіе изъ демократовъ обнаруживаютъ настолько политической дальнозоркости, что предвидятъ разрывъ между либеральнымъ и демократическимъ движеніемъ. Большинство надѣется „вести общество за собой“ и рискуетъ быть увлеченнымъ этимъ „обществомъ“ на путь компромиссовъ, несовмѣстимыхъ съ демократическими воззрѣніями.

Впрочемъ, не будемъ заниматься предсказаніями, хотя и есть данныя для того, чтобы предвидѣть дальнѣйшую эволюцію демократовъ и либераловъ.

Къ сожалѣнію, значительная часть демократовъ, если не большинство, стремятся доказать „вѣчность“ этого союза различныхъ элементовъ и въ современныхъ политическихъ условіяхъ находятъ благопріятную почву для такой пропаганды. Въ особенности объ этомъ стараются „идеалисты“. Какъ я уже замѣтилъ, оппозиціонное движеніе политически не оформилось и разсужденія о „чистомъ либерализмѣ“ находятъ благосклонныхъ слушателей среди разнообразныхъ слоевъ общества именно потому, что еще не выступилъ наружу политическій антагонизмъ этихъ слоевъ. Нужно думать, что въ ближайшемъ будущемъ положеніе выяснится. Теперь начинаютъ выступать на политическую арену биржевые комитеты, городскія думы и т. д., которые на своемъ знамени пишутъ и будутъ писать „имущественный цензъ!“

Пока „цензовые“ господа хотя и благосклонно, но съ опасеніемъ „за политическій тактъ“, посматриваютъ на неимѣющихъ ценза политическихъ дѣятелей. Успѣхъ демократовъ среди городской буржуазіи, какъ я упомянулъ, создаетъ благопріятную почву для пропаганды „чистаго“ надклассоваго либерализма. Это въ области теоріи. На практикѣ этотъ успѣхъ выражается въ многочисленныхъ заявленіяхъ съ большимъ количествомъ подписей о присоединеніи къ требованіямъ земскаго съѣзда. Вѣроятно, къ январю мѣсяцу такія заявленія будутъ покрыты десятками тысячъ подписей.

Сочувственное отношеніе къ болѣе крайнимъ „безцензовымъ“ политическимъ фракціямъ со стороны либеральныхъ слоевъ выразилось пока въ слѣдующихъ фактахъ: въ протестѣ литераторовъ, противъ избіенія демонстрантовъ въ Петербургѣ, въ таковомъ же протестѣ по тому же поводу въ Москвѣ, въ сочувственной встрѣчѣ на саратовскомъ банкетѣ резолюціи 1000 человѣкъ рабочихъ и интеллигентовъ о необходимости всеобщаго избирательнаго права и прекращенія войны и т. д. На сколько далеко пойдетъ и долго ли продержится это сочувствіе—трудно сказать, возможно, что до тѣхъ поръ, пока правая оппозиціоннаго движенія не будетъ удовлетворена.

Нужно замѣтить, что оппозиціонное движеніе, подъ вліяніемъ текущихъ событій, двигается все болѣе и болѣе влѣво. Совершенно безплодно было бы [illegible]аться рѣшеніемъ вопроса о томъ, какую роль въ этомъ движеніи съиграли демократы, какую роль — текущія событія. Все развитіе оппозиціоннаго движенія вполнѣ „законосообразно“ и правильно: на лѣвую демократическую давитъ своей непримиримостью крайняя лѣвая — соціаль-демократія. Первая въ свою очередь толкаетъ влѣво либеральное движеніе. Къ послѣднему примыкаютъ все болѣе и болѣе политически неоформившіеся слои городской буржуазіи. Среди городского мѣщанства оппозиціонное движеніе на столько еще не оформилось, что въ большинствѣ случаевъ выражается въ видѣ недовольства тѣми или иными непорядками...

Вѣроятно, сильный толчокъ для политическаго сознанія городской буржуазіи и земства даетъ отвѣтъ правительства на ходатайство московской городской думы, черниговскаго земскаго собранія и саратовской думы.

Ф.

* * *

Происходившія уже сессіи губернскихъ земскихъ собраній прошли менѣе ярко, чѣмъ того можно было ожидать на основаніи земскаго дебюта 6—9 ноября. Въ общемъ и цѣломъ, поведеніе земцевъ окрашено тѣмъ же политиканствомъ, которое и прежде парализовало оппозиціонную силу земскаго движенія, Только Вятское земство рѣшилось прямо и открыто признать свою солидарность съ постановленіями земскаго съѣзда. Кромѣ него, конституціонныя рѣшенія еще приняты Полтавскимъ, Черниговскимъ, Московскимъ, Калужскимъ и Смоленскимъ земствами (въ видѣ „всеподданнѣйшихъ адресовъ“). Слѣдуетъ отмѣтить протестъ тамбовскихъ гласныхъ противъ ввода полиціи въ зданіе собранія и отказъ московскихъ и черниговскихъ земцевъ отъ продолженія сессіи послѣ ознакомленія съ правительственнымъ сообщеніемъ 15 декабря. Черниговскіе земцы разъѣхались, не заключивъ смѣты. Московскіе отсрочили на неопредѣленное время свои засѣданія, мотивируя тѣмъ, что „взволнованные сегодняшнимъ правительственнымъ сообщеніемъ“, они не находятъ въ себѣ „должнаго спокойствія для продолженія своихъ занятій“. Логическимъ слѣдствіемъ изъ такого поведенія должна быть — *общая стачка* земствъ, отказъ ихъ отъ выполненія своихъ функцій. Но такая стачка въ томъ лишь случаѣ могла бы сыграть роль крупнаго политическаго событія, если бы требованія, выставленныя въ земскихъ адресахъ и ходатайствахъ, носили достаточно *демократическій* характеръ.

* * *

Знаменательнымъ въ нынѣшнемъ конституціонномъ движеніи слѣдуетъ признать активное участіе въ немъ нѣкоторыхъ круговъ торгово-промышленной буржуазіи. Открытое выступленіе Московской городской думы, присоединеніе къ ней Московскаго биржевого комитета, аналогичныя, хотя и разбившіяся о трусость гласныхъ, попытки Петербургской и Саратовской думъ и активное участіе въ „банкетномъ“ движеніи такихъ, наиболѣе тѣсно связанныхъ съ буржуазными верхами, корпорацій, какъ инженеры и присяжные повѣренные — все это свидѣтельствуетъ еще разъ о томъ, что развитіе общественной жизни у насъ движется въ томъ же направленіи, въ какомъ оно шло „на Западѣ“ въ соотвѣтствующія эпохи. Буржуазное преобразованіе общества заканчивало собой длительный процессъ, начальные моменты котораго заставляли промышленную буржуазію въ состояніи политическаго индифферентизма. Идеологи „интеллигенты“ и приспособляющіеся къ новымъ условіямъ обломки стараго привиллегированнаго сословія, обладающіе наибольшимъ политическимъ воспитаніемъ, лишь постепенно уступали въ освободительномъ движеніи руководящую роль купцамъ и промышленникамъ. Когда же сама промышленная и торговая буржуазія перенимаетъ въ свои руки, знамя буржуазнаго прогресса, это означаетъ уже, что дни стараго порядка сочтены. Но это же значитъ, что на лицо имѣется новый „хозяинъ жизни“, который приведетъ къ одному буржуазному знаменателю идеалистическія иллюзіи либераловъ и демократовъ.

Появленіе на политической сценѣ „солидныхъ“ круговъ буржуазіи должно дать новый и сильный толчокъ „европеизаціи“ нашего либеральнаго движенія, освобожденію его отъ примѣсей дворянски-сословныхъ и народнически-идеалистическихъ элеменовъ.

* * *

Оффиціально признано, что въ „императорскомъ“ Красномъ Крестѣ грабятъ. Въ дѣло должна была вмѣшаться прокуратура. Оффиціозно признано, что вѣрны разоблаченія капитана Кладо о негодности русскаго флота, о хищническомъ хозяйствѣ въ этомъ почтенномъ учрежденіи. Осталось неопровергнутымъ утвержденіе газетныхъ обличителей, что манчжурская армія ходитъ безъ сапогъ и почти безъ бѣлья и что интендантство даетъ заказы завѣдомымъ мошенникамъ, изготовляющимъ никуда не годную аммуницію. Ни одна монархія еще не уходила съ исторической сцены, покрытая такимъ позоромъ. И въ то же время ни одна монархія, такъ явно пережившая самое себя, такъ очевидно разложившаяся заживо, не имѣла въ такой степени возможности гальванизировать свои силы поддержкой „цивилизованнаго человѣчества“.

Объявленіе о новомъ внѣшнемъ займѣ въ 230 милл. рублей показываетъ, что, несмотря на колоссальное паденіе своего престижа, Романовская династія еще нужна всемірной буржуазной реакціи. Эксплуатаціи русскаго національнаго несчастія міровымъ капиталомъ еще не положенъ конецъ и, внѣ всякаго сомнѣнія, успѣшное заключеніе переговоровъ о займѣ подсказало самодержавію его послѣдніе реакціонные шаги. Ненужное уже ни одному классу въ собственномъ отечествѣ, царизмъ еще кое кому нуженъ въ Европѣ.

Это обстоятельство, отстрочивая снова и снова моментъ, когда Россія сброситъ съ себя цѣпи абсолютизма, тѣмъ самымъ все болѣе запутываетъ политическую задачу, которую приходится рѣшать буржуазному обществу. Чтобы преодолѣть историческую реакціонную силу, концентрирующуюся въ царскомъ абсолютизмѣ, необходимо развить максимумъ силы революціонной.

ГОЛОСА ПЕЧАТИ

∞ Кто „настоящій хозяинъ страны“?

„Освобожденіе“ говоритъ:

> „Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что съѣздъ 6 ноября составитъ эпоху въ исторіи политическаго развитія Россіи... *Въ первый разъ* ясно, твердо и открыто заговорилъ настоящій хозяинъ страны — общественное мнѣніе“ (№ 60, курс. нашъ).

Такимъ образомъ „настоящимъ хозяиномъ страны“ объявлено мнѣніе сотни земскихъ нотаблей. А „мнѣніе“ революціонной массы, тѣ лозунги, вокругъ которыхъ она объединяется въ своихъ политическихъ выступленіяхъ, однимъ наглымъ росчеркомъ вычеркнуты изъ состава „общественнаго мнѣнія“.

Привѣтствуя въ 1902 г. цензовую программу русскихъ конституціоналистовъ, г. Струве видѣлъ въ ней „*первый* важный опытъ практической и въ то же время выдержанно-принципіальной формулировки ближайшихъ задачъ освободительнаго движенія въ Россіи“. Съ тѣхъ поръ утекло много воды на страницахъ „Освобожденія“, и г. Струве успѣлъ уже сдѣлаться „демократомъ“, т. е. успѣлъ два или три раза назвать себя этимъ именемъ. Но стоило невнятно, безхарактерно и крадучись заговорить земскимъ отцамъ, чтобы „демократическое“ ухо г. Струве немедленно распознало „ясный, твердый и открытый“ голосъ „настоящаго хозяина страны“.

∞ „Рев. Рос.“ тоже вѣритъ, что въ свое „равенство политическихъ правъ“ земскій съѣздъ вложилъ идею всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, — или, какъ органъ „блока“, она считаетъ себя обязаной дѣлать, по крайней мѣрѣ, видъ, что вѣритъ этому. Но что ее огорчаетъ, такъ это недоговоренности въ резолюціяхъ съѣзда.

> „... у людей болѣе недовѣрчивыхъ, (корбитъ довѣрчивая газета, это можетъ возбудить *даже и* подозрѣнія, не кроется ли подъ неясными и окольными формулами какая-нибудь задняя мысль... *Зачѣмъ это нужно?* Вѣдь это только *можетъ* вызвать подозрѣніе, что авторы имѣли какіе-то мотивы, какія то основанія для того, чтобы набросить на что-то вуаль“... (№ 55, курс. наши).

Какъ трогательно!

Смотрите, укоризненно говоритъ демократическій ягненокъ земскому волку, у котораго изъ подъ небрежно накинутой овечьей шкуры торчитъ волчій хвостъ. — Вотъ здѣсь у васъ ка

Екатеринославская всеобщая стачка 1903 года въ изображеніи слугъ самодержавія.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянахъ: Андреѣ Ивановѣ Горбуновѣ, 16 л.; Иванѣ Михайловѣ Сенюринѣ, 16 л.; Кондратѣ Агѣевѣ Олефиренко, (онъ же Алферовъ) 65 л.: Иванѣ Яковлевѣ Берестовскомъ, 17 л.; Егорѣ Елисѣевѣ Бобылевѣ, 17 л.; Петрѣ Яновѣ Ваннагъ, 31 г.; Петрѣ Яковлевѣ Голубенковѣ, 23 л.; Флорѣ Сильвестровѣ Городецкомъ, 29 л.; Ефимѣ Александровѣ Горскинѣ, 29 л.; Иванѣ Ефремовѣ Лѣсовомъ, 19 л.; Феодорѣ Осиповѣ Самойловѣ, 19 л.; Петрѣ Васильевѣ Медвѣдевѣ, 20 л.; Антонѣ Яковлевѣ Овсякѣ, 28 л.; Лаврентіи Михайловѣ Макулюсѣ, 32 л.; Василіи Антоновѣ Мѣщенко, 18 л.; Сергіѣ Владиміровѣ Ужатченковѣ, 37 л.; Михаилѣ Козьминѣ Трофимовѣ, 19 л.; Николаѣ Евсеевѣ Мальцовѣ, 33 л.; Іоганѣ Мартыновѣ Лаймингъ 23 л.; Иванѣ Евграфовѣ Шевченко, 23 л.; Никитѣ Осиповѣ Хохловѣ, 23 л.; Арсеніи Петровѣ Грибановѣ, 22 л.; Моисеѣ Семеновѣ Яценко, 23 л.; мѣщанахъ: Ошерѣ Шлемовѣ Трибухѣ, 16 л.; Мордухѣ Шимоновѣ Лившицѣ, 16 л.; Саррѣ Хаимовой Медвядской, 16 л.; Самуилѣ Ельевѣ Слонимѣ, 18 л.; Исаѣ Ефимовѣ Телисовѣ 18 л.; Златѣ Нафтоліевой Берковской, 18 л.; Хаѣ Давидовой Рудниковой, 17 л.; Шамшелѣ Шмуйловѣ Левинѣ, 20 л.; Федорѣ Александровѣ Бѣлкинѣ, 21 г.; Хаѣ Генѣ Ароновой Либерманѣ, 20 л.; Яковѣ Іосифовичѣ Милейковскомъ, 28 л.; Лейбѣ Давидовѣ Инекманъ, 17 л.; Николаѣ Макаровѣ Соленомъ, 20 л.; Рахили Моисеевой Незнающей, 19 л.; Аннѣ Карповой Оводовой, 26 л.; Ильѣ Хайкелевѣ Іоффе, 23 л.; Никифорѣ Васильевѣ Кошкинѣ 18 л.; Максимѣ Ивановѣ Звѣздинѣ, 28 л.; Шейнѣ Пинхусовой Розенбаумъ, 30 л.; Юдкѣ Мовшеевѣ Рессинѣ, 19 л.; Давидѣ Гершевѣ, Затуловскомъ, 22 л.; Ханцкелѣ Лейбовѣ Цыбулевскомъ, 20 л.; Гершѣ Левиковѣ Левинкомъ, 19 л.; Аронѣ Давидовѣ Рыскинѣ, 18 л.; Степанѣ Степановѣ Ефимовѣ, 30 л.; Ефимѣ Александровѣ Романовѣ, 28 л.; Веніаминѣ Шмулевѣ Роберманъ, 28 л.; Хасѣ Бенціоновой Гинзбургъ, 22 л.; Саррѣ Лейзеровой Айгундъ (она же Айбундъ), 20 л.; Мордухѣ Калмановѣ Тилинѣ, 20 л.; Николаѣ Лаврентьевѣ Афанасьевѣ, 26 л., и германско-подданомъ Людвигѣ Антоновѣ Градковскомъ, 63 л.

7—11 Августа 1903 года въ городѣ Екатеринославѣ и предмѣстьѣ его, поселкѣ Амуръ-Нижнеднѣпровскъ, Новомосковскаго уѣзда, происходили безпорядки, состоявшіе въ томъ, что рабочіе фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній, прекративъ работы, многотысячной толпой, съ красными флагами и криками: долой самодержавіе, шествовали по улицамъ и, при попыткахъ полиціи и войскъ разсѣять толпу и задержать виновныхъ бросали камни въ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ и двухъ изъ нихъ ранили, и многихъ ушибли.

Произведеннымъ по этому поводу разслѣдованіемъ выяснено, что съ іюня 1903 года въ городѣ Екатеринославѣ, особенно въ фабричномъ и заводскомъ его районахъ, и въ поселкѣ Амуръ-Нижнеднѣпровскъ, Новомосковскаго уѣзда, гдѣ также расположено нѣсколько заводовъ, усиленно распространялись печатныя воззванія (прокламаціи), призывавшія рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ, предъявленію требованій восьми часового рабочаго дня, увеличенія заработной платы и публичному порицанію установленнаго въ государствѣ образа правленія. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній и увѣщаній нѣкоторыхъ лицъ, рабочіе въ городѣ, поселкѣ и ихъ окрестностяхъ стали устраивать сходки, число участниковъ которыхъ иногда доходило до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, но работы на заводахъ, фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ продолжали обычнымъ порядкомъ, не заявляя ни владѣльцамъ предпріятій, ни чинамъ фабричной инспекціи и горнаго надзора никакихъ требованій.

4 августа въ городѣ, нѣкоторые изъ рабочихъ булочныхъ и пекаренъ, и съ ними какія то другія лица начали обходить хлѣбопекарни и убѣждать рабочихъ прекратить работы, грозя въ противномъ случаѣ ихъ избить; подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій рабочіе пекаренъ и булочныхъ стали въ разныхъ мѣстахъ города собираться небольшими группами для какихъ то переговоровъ, а 6 августа въ одномъ изъ дворовъ на Первозвановской улицѣ устроили сходку, на которой было рѣшено обойти всѣ пекарни и булочныя въ городѣ и насильственными мѣрами прекратить въ нихъ работы. Хотя сходка эта была замѣчена полиціей и участники ея задержаны, но въ то же время, до свѣдѣнія полиціи дошло, что готовится общая забастовка рабочихъ на заводахъ, и что забастовка эта должна начаться 7 августа въ мастерскихъ Екатерининской жел. дор., а сигналомъ къ ней долженъ послужить или тревожный гудокъ въ главныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, или тревожные свистки паровозовъ; вслѣдствіе этого полиціей были усилены наблюдательные посты, для подавленія могущихъ возникнуть безпорядковъ были вызваны войска, а гудокъ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ былъ наглухо закрытъ.

7 августа утромъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ около двухъ съ половиною тысячъ человѣкъ, явились въ обычное время на работы и разошлись по цехамъ, но работать начали немногіе, большинство же, остановясь у машинъ и станковъ, къ работамъ не приступало; вскорѣ въ нѣкоторыхъ цехахъ раздались удары въ колоколъ-сигналъ прекращенія работъ и вслѣдъ затѣмъ рабочіе съ криками: „бросай работу“ стали выбѣгать во дворъ и силой увлекать за собой своихъ товарищей, начавшихъ уже работать. Среди столпившихся во дворѣ рабочихъ были замѣчены проникшія въ мастерскія какія то постороннія лица, которыя, стараясь быть незамѣченными, присѣдали на землю и толпой скрывались. Сначала рабочихъ пытался успокоить начальникъ екатеринославскаго жандармскаго отдѣленія ротмистръ Остромысленскій, но толпа волновалась, среди нея произносились рѣчи и читались воззванія объ угнетеніи рабочаго класса и слышались крики: „дайте намъ хлѣба, долой жандармовъ“. Прибывшимъ на мѣсто безпорядковъ начальнику мастерскихъ, инженеру Ильинскому, а затѣмъ и управляющему губерніей вице-губернатору рабочіе предъявили требованія объ установленіи восьми часового рабочаго дня, увеличеніи заработной платы, смѣщеніи нѣкоторыхъ мастеровъ и удаленіи изъ мастерскихъ чиновъ жандармской полиціи. На убѣжденія инженера Ильинскаго и вице губернатора продолжать работы, рабочіе отвѣтили отказомъ, а затѣмъ услыша, что заявленныя ими требованія не могутъ быть немедленно удовлетворены и что для заявленія ихъ слѣдуетъ выбрать депутатовъ, рабочіе съ криками: „ура, что его слушать..... это вранье.... одни обѣщанія идемъ“, стали бросать шапки вверхъ, махать платками и требовали, чтобы ихъ выпустили изъ мастерскихъ, обѣщая, что они не будутъ производить никакихъ безпорядковъ. Когда, однако, рабочіе постепенно и группами были выпущены изъ мастерскихъ то изъ нихъ лишь немногіе отправились по своимъ домамъ, большинство же образовало толпу, которая со свистомъ и криками двинулась по полотну жел. дороги къ Брянскому заводу. Въ толпѣ этой были выставлены красные флаги, раздавались крики: „долой самодержавіе“, и во множествѣ разбрасывались преступнаго содержанія печатныя воззванія, усѣявшія желѣзнодорожный путь. Нѣкоторые изъ толпы вскакивали на стоявшіе у мастерскихъ паровозы и давали тревожные свистки; другіе бросились къ шедшему на пути товарному поѣзду, вскочили на площадки вагоновъ, затормозили поѣздъ, дергая за сигнальную веревку, стали давать тревожные свистки, и звали машиниста и его помощника присоединиться къ толпѣ, а затѣмъ стали бросать въ паровозъ камни, которыми ушибли машиниста и ранили его помощника.

Подойдя къ расположенному за желѣзнодорожными мастерскими сталелитейному заводу Эзау, толпа съ криками: „бросай работу, станемъ подъ знамена дружнѣй, долой самодержавіе“, ворвалась въ заводъ и, пробѣгая по заводу, разбрасывала воззванія, давала тревожные свистки и увлекала за собою рабочихъ, заставивъ ихъ прекратить работы. Затѣмъ толпа съ такими же криками пыталась проникнуть на сосѣдній съ заводомъ Эзау, бетонный заводъ, но была остановлена стоящими у завода войсками.

Увеличиваясь съ каждой минутой не только рабочими разныхъ заводовъ и фабрикъ, но и другими, не имѣющими никакого отношенія къ заводамъ лицами, толпа приблизилась къ Брянскому заводу, и часть ея успѣла ворваться въ него. Пробѣгая съ криками по заводу, толпа остановила на немъ работы. Впереди этой толпы были видны двѣ какія то дѣвицы въ шля

-то... недоразумѣніе. „*Зачѣмъ это нужно?*“ Вѣдь у болѣе зрительныхъ „это“ можетъ вызвать неосновательныя подозрѣнія...

∞ „Наше неучастіе въ либерально-революціонно-националистическомъ „блокѣ“ раздражаетъ оппозиціонную печать.

> „Кромѣ охранителей, жалуется „Наша Жизнь“, существуютъ, къ сожалѣнію, и другія, притомъ прогрессивныя направленія, которыя *все еще*(!) говорятъ о всякаго рода противорѣчіяхъ и все еще выдвигаютъ на первый планъ именно эти противорѣчія, а не то „общее“, что можетъ объединять въ извѣстныя времена всѣ классы, всѣ сословія. Въ общемъ, однако, — утѣшается газета — сословно-классовыя различія сейчасъ потонули въ томъ живомъ и могучемъ потокѣ, который стремительно несется по русской землѣ и захватываетъ въ свое русло и московскаго купца, и тамбовскаго, саратовскаго и др. земцевъ, и петербургскаго чиновника, и всегдашняго либерала-интеллигента“.

Тѣ обвиненія, которымъ „Освобожденіе“ и Революціонная Россія“ придаютъ замаскированную форму, легальный органъ, которому не грозитъ немедленный отпоръ, выражаетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Партія сознательнаго пролетаріата осуждается за то, что осмѣливается выдвигать такія требованія, которыя отличаются отъ требованій московскаго купца, тамбовскаго дворянина и петербургскаго чиновника. Другими словами, соціальдемократія сурово осуждается за свою преданность тому дѣлу, которое „Наша Жизнь“ лицемѣрно называетъ своимъ дѣломъ. Ибо, что сейчасъ съ такой рѣзкостью отличаетъ сознательныхъ рабочихъ отъ либеральныхъ дворянъ и якобы демократическихъ интеллигентовъ, такъ это ихъ несокрушимая пролетарская преданность демократическимъ интересамъ! Соціальдемократія не согласна добровольно захлебнуться (а утопить ее нѣтъ силъ!) въ томъ „могучемъ потокѣ“, который течетъ въ руслѣ сословно-имущественнаго ценза, и за эту ея несговорчивость „демократическая“ газета уподобляетъ ее охранителямъ.

∞ Князь Мещерскій пугаетъ московскихъ купцовъ-либераловъ, вотировавшихъ въ думѣ за конституцію, тѣмъ соображеніемъ, что огромное большинство оппозиціи

> „не народа ради хочетъ конституціи, а хочетъ ея, какъ самой удобной обстановки для уничтоженія всего, что есть сила, мѣшающая ихъ произволу, и разумѣется, *силы капитала во всѣхъ его видахъ*“.

„Наша Жизнь“, какъ видите, дѣйствительно права. Охранитель Мещерскій раскалываетъ оппозицію, указывая представителямъ капитала на угрозу, которую соціальдемократія представляетъ для капитала во всѣхъ его видахъ. Мы же раскалываемъ оппозицію, рѣшительно выступая („все еще“!) противъ политическихъ привилегій, которыхъ требуетъ для себя „капиталъ во всѣхъ его видахъ“. Не ясно ли, что мы съ Мещерскимъ дѣлаемъ приблизительно одно и то же дѣло?

∞ Когда то въ англійской палатѣ было сказано: „Мы всѣ — соціалисты“. Во Франціи, какъ извѣстно, есть цѣлая партія „радикалъ-соціалистовъ“, которыхъ съ соціализмомъ связываетъ только ихъ глубокая ненависть къ нему. Вообще, когда буржуазные политики говорятъ о своемъ „соціализмѣ“, остается только предостеречь: Пролетаріи! держите крѣпче ваши карманы!

У насъ теперь если не всѣ — „соціалисты“, то всѣ — демократы. Даже „Русь“.

> „Побольше, господа, искренняго демократизма, взываетъ она, если хотите, чтобы „народъ“ призналъ и поддержалъ ваши реформы“.

На грѣхъ „Руси“ ни разу не случалось объяснить, въ чемъ состоитъ ея демократизмъ. Разумѣется, остальная „демократическая“ пресса нисколько ея къ этому не принуждаетъ. Устанавливается молчаливая круговая порука на началахъ взаимнаго попустительства. Въ результатѣ, всѣ — демократы, кто себя такъ называетъ. А называютъ всѣ, кому не лѣнь. Пролетаріи, держите крѣпче ваши карманы!

∞ Въ „Рус. Вѣд.“ г. Сергѣй Муромцевъ развиваетъ такую логическую цѣпь. Высочайшій указъ 12 декабря требуетъ „*дѣйствительныхъ* мѣръ къ охраненію полной силы закона“. *Слѣдовательно*, указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но пресса, оглашая факты произвола, тѣмъ самымъ способствуетъ борьбѣ съ нимъ. *Слѣдовательно*, высочайшій указъ предполагаетъ для прессы свободу обличенія. *Слѣдовательно*, всякій власть имущій, кто сталъ бы ставить этимъ обличеніямъ препоны, тѣмъ самымъ „заявилъ бы себя сторонникомъ произвола, осуждаемаго высочайшимъ указомъ“.

Г. Сергѣй Муромцевъ беретъ на нашъ взглядъ вопросъ слишкомъ узко. На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать такъ. Высочайшій указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но извѣстно, что парламентарный режимъ, контроль общества надъ исполнительной властью, представляетъ собою лучшее орудіе борьбы съ чиновничьимъ произволомъ. *Слѣдовательно*, высочайшій указъ предполагаетъ парламентаризмъ. *Слѣдовательно*, всѣ противники конституціи заявляютъ себя „сторонниками произвола, осужденнаго высочайшимъ указомъ“.

Безспорно, конституцію легче вычитать изъ царскаго указа, чѣмъ завоевать!

∞ „Польская соціалистическая партія“ (P. P. S.) организовала за послѣднее время въ одной Варшавѣ „около двухъ десятковъ“ демонстрацій „по самымъ различнымъ поводамъ“, сверхъ того — три въ Лодзи, одну въ Ченстоховѣ, въ Калишѣ, Сѣдльцѣ, Люблинѣ, Гроднѣ, Заверцѣ, Островцѣ.“ Во время демонстрацій „выкидывались красныя знамена съ подписью „П. П. С“. Сообщая объ этомъ фактѣ, „Рев. Россія“ (№ [illegible]) объясняетъ:

> „Эта надпись (подпись?) была введена послѣ нѣсколькихъ „демонстрацій, чтобы предупредить злоупотребленія, вродѣ „искровскихъ“ (въ корреспонденціяхъ изъ Польши)“.

Мы слышали, что впредь, во избѣжаніе злоупотребленій, къ указанной подписи рѣшено прибавлять: „не смѣшивать съ „Народовой Лигой!“ И подумать только, что все это изъ-за искровскихъ корреспондентовъ! Впрочемъ, какъ извѣстно, Ѳома Качура (не смѣшивать съ „народнымъ героемъ“) выгравировалъ на своемъ револьверѣ „подпись“ „боевой организаціи“ — тоже „во избѣжаніе злоупотребленій“!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Протестъ литераторовъ противъ бойни 28-го ноября. Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

28 го ноября 1904-го года, днемъ, произошла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, демонстрація, въ которой участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Объ этой демонстраціи было заранѣе извѣстно, и администрація приняла слѣдующія мѣры: заготовила большіе наряды пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона и, кромѣ того, цѣлыя сотни дворниковъ (на одномъ дворѣ католической церкви ихъ было собрано 320 ч., но были партіи и въ другихъ мѣстахъ). Въ одномъ участкѣ дворникамъ велѣно было бить студентовъ, и пояснено, что въ отвѣтѣ за это они не будутъ; въ другомъ участкѣ тоже приказано было бить студентовъ, но такъ, чтобы не видѣла публика, — бить ногами и кулаками по ребрамъ. Ворота въ домахъ на Невскомъ проспектѣ велѣно было затворить. Послѣ полудня собралось на Невскомъ значительное количество молодежи, особенно между Садовою и Казанскою улицею. Ровно въ часъ дня небольшая толпа демонстрантовъ, занимавшая тротуаръ дома противъ думы, выкинула красный флагъ съ пѣніемъ рабочей марсельезы. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно изъ Думской улицы выскочилъ рысью отрядъ конныхъ городовыхъ. Толпа сразу прекратила пѣніе. Городовые обнажили шашки и бросились въ толпу, избивая всѣхъ, кого попало. Демонстранты пытались бѣжать, но подоспѣвшіе городовые и дворники ловили ихъ и жестоко избивали.

Вообще въ этотъ день было выкинуто нѣсколько красныхъ флаговъ съ надписями: „прекращеніе войны“, „долой войну“, „долой самодержавіе,“ молодежь кричала: „да здравствуетъ свобода.“ Никакихъ вызывающихъ дѣйствій демонстранты не проявляли.

Дѣйствія полицейской арміи противъ безоружныхъ демонстрантовъ и случайныхъ прохожихъ состояли въ томъ, что безъ всякаго предварительнаго предупрежденія отряды конной полиціи и жандармовъ пускались во весь опоръ, при чемъ сыпались удары нагайками и обнаженными шашками. Конные отряды въѣзжали на панели и даже на ступени католическаго храма. Дворники били демонстрантовъ и проходящихъ мужчинъ и женщинъ по лицу, въ глаза, выбивали зубы, старались захватить не успѣвшихъ бѣжать (потому что бѣжать вслѣдствіе скопленія народа искусственно сжатаго дѣйствіями полиціи въ одно мѣсто, очень часто оказывалось невозможнымъ) и тащили ихъ во дворы домовъ, избивали ихъ тамъ до потери сознанія, хватали мужчинъ и женщинъ за волосы, въ совершенномъ озвѣрѣніи царапали лицо плѣнникамъ, которыхъ держали другіе дворники, и затѣмъ бросали ихъ десятками въ подвалы и дворницкія, гдѣ нерѣдко избіенія продолжались. Тѣхъ изъ прохожихъ, которые пытались протестовать противъ этихъ безобразій, также хватали и подвергали побоямъ. Когда одна дѣвушка, увидѣвъ бляху городового № 816 воскликнула „я это запомню“, то была избита особенно жестоко. Характерную черту этой бойни составляетъ ея злостная преднамѣренность, вопреки утвержденію офиціальнаго сообщенія о „случайныхъ пораненіяхъ пострадавшихъ“.

На Михайловской улицѣ видѣли слѣдующія сцены. Среди свалки между сотней нападающихъ вооруженныхъ городовыхъ и дворниковъ и 7—8 жертвами, на головы которыхъ сыпались удары обнаженныхъ сабель и палокъ, четыре городовыхъ топтали каблуками распростертое тѣло тщедушной дѣвушки. Вдругъ двое изъ нихъ хватаютъ ее и швыряютъ на середину улицы. Другіе тащатъ поверженныя тѣла, какъ кули, во дворъ дома № 14 на Михайловской улицѣ. А вотъ полицейскій офицеръ кричитъ: „поскорѣй его убрать“, и дворники и городовые волокутъ человѣческое тѣло съ безжизненно повисшими ногами. Несчастнаго тащатъ за обѣ руки по снѣгу, при чемъ голова его колотится о мерзлую мостовую. Видѣли одного студента, у котораго была буквально отрублена щека и висѣла, болтаясь. Многіе замѣтили окровавленныя шашки у конныхъ полицейскихъ, хотя по офиціальному сообщенію они наносили удары „*на этотъ разъ плашмя*.“ Одному изъ пострадавшихъ дворникъ нанесъ ударъ въ голову желѣзнымъ кастетомъ. Около католическаго собора на тротуарѣ виднѣлась кровь.

На Итальянской улицѣ, противъ Михайловскаго сквера, разыгралась слѣдующая возмутительная сцена. Нѣсколько курсистокъ, видя, что конные городовые бросились на Михайловской улицѣ на публику во весь опоръ, поспѣшно взобрались на верхъ конки, которая и тронулась по направленію къ Смольному. Увидѣвъ это, нѣсколько жандармовъ и городовыхъ догнали вагонъ, оцѣпили его, стащили за косы съ имперіала конки беззащитныхъ дѣвушекъ и, бросивъ на землю, начали топтать ихъ ногами.

Поведеніе дворниковъ и полиціи вызывало полное одобреніе приставовъ. Вотъ дворники поймали у Гостинаго двора курсистку, держатъ ее за руки, и приставъ бьетъ ее по лицу. Вотъ другой приставъ у Казанскаго собора кричитъ: „бей въ морду,“ и самъ подаетъ примѣръ, избивая и безъ того уже пострадавшую дѣвушку. Одинъ жандармскій офицеръ обнажилъ шашку и ударилъ по головѣ студента, котораго держали четверо городовыхъ. Били и околоточные. Былъ избитъ даже офицеръ въ военной формѣ. Полицейскіе офицеры обращались къ женщинамъ на „ты“, ругали ихъ площадною бранью.

Въ 2—3—4 ч. дня, когда въ толпѣ уже не преобладали учащіеся, небольшая группа, человѣкъ въ 10—12, запѣла русскую марсельезу. Внезапно налетѣли конные жандармы подъ предводительствомъ офицера и рубили, не разбирая ни пола, ни возраста, особенно энергично устремляясь на тѣ кучки, гдѣ были студенты. Подбѣжали пѣшіе городовые и дворники и избивали спасавшихся. Одинъ дворникъ при этомъ съ такою силою ударилъ студента по плечу палкою, что она разлетѣлась на нѣсколько кусковъ. На Михайловской улицѣ въ это время каждаго изъ тѣхъ, кто не успѣлъ убѣжать, била группа городовыхъ и дворниковъ отъ 6 до 10 человѣкъ. Среди нихъ былъ даже доброволецъ, огромнаго роста гвардеецъ казакъ (въ красной формѣ). Били долго кулаками, шашками, пока жертва не сваливалась съ ногъ: тогда ее тащили во дворъ дома № 4. Приводились новыя жертвы съ Невскаго въ ужасномъ видѣ: въ изорванной одеждѣ, безъ шапокъ, съ окровавленными физіономіями. Ихъ подводили къ воротамъ дома № 4 и избивали вновь: кто не выдерживалъ и падалъ, того топтали ногами. Битье продолжалось и внутри этого двора, на глазахъ жандармскаго офицера, который на протесты избиваемыхъ нагло отвѣчалъ: „васъ не били“.

Въ 4 часа публика спокойно гуляла около католической церкви. Вдругъ вновь раздалось пѣніе. Не прошло и минуты, какъ къ панели подскакалъ отрядъ конныхъ городовыхъ, которые стали наносить удары остріемъ шашекъ.

Избивали не только на улицахъ, но и въ нѣсколькихъ дворахъ, а именно въ третьемъ заднемъ дворѣ католической церкви, во дворѣ № 4 по Михайловской улицѣ; раздирающіе душу крики неслись изъ дома № 42 по Мойкѣ. Продолжали бить даже и тогда, когда, по оффиціальному сообщенію, всѣ безпорядки были прекращены.

Получившихъ раны и подвергшихся страшнымъ побоямъ было несомнѣнно гораздо болѣе 42 человѣкъ, — числа показаннаго въ оффиціальномъ сообщеніи, такъ какъ многимъ избитымъ удалось спастись отъ задержанія. Въ числѣ валявшихся, какъ трупы, послѣ избіенія на дворѣ дома № 4 по Михайловской улицѣ, съ лицами, залитыми кровью, было 10 штатскихъ, въ томъ числѣ одинъ приватъ-доцентъ петербургскаго университета, 2 желѣзнодорожныхъ служащихъ, 2 рабочихъ, 15 студентовъ горнаго института, 10 студентовъ университета, около 10 медиковъ, лѣсники, нѣсколько курсистокъ. Такимъ образомъ, число избитыхъ *на одномъ дворѣ* уже превосходитъ цифру пострадавшихъ, показанную въ правительственномъ сообщеніи. Но были и другіе дворы, куда стаскивали избитыхъ: такъ ихъ относили въ домъ № 14 по Екатерининскому каналу, куда къ нимъ не допускали и родственниковъ; посторонніе же, спрашивавшіе о раненыхъ, были немедленно арестованы. Изъ числа раненыхъ нѣсколько человѣкъ были такъ тяжело избиты, что потребовалась медицинская помощь (она была оказана и во дворѣ дома № 4 по Михайловской улицѣ). На вопросъ, сколько раненыхъ лежитъ въ домѣ № 14 по Екатерининскому каналу, приставъ отвѣчалъ: „мы изъ этого секрета не дѣлаемъ, — народу достаточно лежитъ“. Арестованныхъ отправляли еще въ домъ № 4 по Казанской улицѣ.

пахъ, которыя пробѣгая по заводу, также кричали: „бросай работу“. Отъ Брянскаго завода толпа двинулась на сосѣдніе трубопрокатный и гвоздильный заводы. Когда въ это время ротмистръ Остромысленскій, командиръ батальона подполковникъ Соловьевъ и его конный ординарецъ приблизились къ толпѣ, желая ее остановить, толпа встрѣтила ихъ бранью и стала бросать въ нихъ камни, которыми ушибла ротмистра Остромысленскаго, заставивъ его и Соловьева съ ординарцемъ отступить назадъ. Подступивъ къ трубопрокатному заводу, часть толпы остановилась на насыпи у завода и криками стала приглашать рабочихъ завода присоединиться къ толпѣ, причемъ кричала: „долой самодержавіе“ и разбрасывала воззванія; часть же толпы ворвалась въ самый заводъ и угрозами и убѣжденіями заставила рабочихъ прекратить работы. Въ заводѣ толпа бросала камни въ окна конторы, и, когда одинъ изъ камней попалъ въ конторѣ въ директора завода Рока, послѣдній, опасаясь дальнѣйшихъ насилій, выстрѣлилъ изъ револьвера въ окно, послѣ чего толпа оставила заводъ и, соединившись съ рабочими сосѣдняго гвоздильнаго завода, также по крикамъ прекратившими работы, двинулась назадъ къ Брянскому заводу. По дорогѣ на ст. „Горяйново“ многіе изъ толпы подступили къ готовому отправиться пассажирскому поѣзду, пытались вскочить на паровозъ и тянули сигнальную веревку, давая тревожные свистки, пока веревка не оборвалась.

Подходя къ Брянскому заводу, около котораго находились войска, полиція и тысячи оставившихъ заводы рабочихъ, толпа выставила нѣсколько красныхъ флаговъ и, оглашая воздухъ криками; „долой самодержавіе“, „дайте намъ свободу“, разбрасывала печатныя воззванія, одни изъ коихъ призывали рабочихъ къ забастовкѣ и требованіямъ восьми часового рабочаго дня и политической свободы, другія были обращены къ солдатамъ и убѣждали ихъ не стрѣлять въ безоружную толпу. Встрѣченная криками стоявшихъ у завода рабочихъ: „ура, наши идутъ“, толпа стала приближаться къ нимъ. Не допуская толпу соединиться съ этими рабочими, полиціймейстеръ Машевскій нѣсколько разъ приказывалъ коннымъ городовымъ оттѣснять толпу, послѣдняя подъ натискомъ городовыхъ отступала, но затѣмъ подхватывала валявшіеся на землѣ камни и бросала ихъ въ городовыхъ. Камни собирали на берегу Днѣпра также женщины, толпившіяся около рабочихъ, и передавали ихъ послѣднимъ, а также и сами бросали въ городовыхъ. Ушибленные камнями городовые возвращались назадъ, а оттѣсненая толпа вслѣдъ за ними вновь подступала къ заводу. Когда камни стали попадать въ стоявшую у завода роту солдатъ, командиръ послѣдней подполковникъ Надхинъ, видя, что полиція не можетъ удержать толпу, приближавшуюся къ солдатамъ, далъ сигналъ къ открытію огня. Услыша сигналъ, одни въ толпѣ стали кричать: „товарищи, не бойтесь, стрѣлять не будутъ“, другіе выскакивали впередъ и обнажая грудь, въ изступленіи кричали солдатамъ: „стрѣляйте“. Послѣ второго сигнала къ стрѣльбѣ, толпа оттѣсненная конными городовыми, отхлынула отъ завода къ фабричной слободкѣ и увлекла за собой полиціймейстера и многихъ городовыхъ. У фабричной слободки толпа соединилась съ другой, стоявшей тамъ толпой, и образовала скопище народа и рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Эта огромная возбужденная толпа съ криками „долой самодержавіе“ и красными флагами намѣревалась двинуться въ городъ; но видя, что на пути стоятъ двѣ роты солдатъ Керчь-Еникальскаго пѣхотнаго полка, стала приближаться къ нимъ и частью обходить ихъ. На убѣжденія военнаго и гражданскаго начальства остановиться и не подходить къ солдатамъ, толпа отвѣчала криками и бранью и продолжала подступать къ войскамъ, попытки оттѣснить и разсѣять толпу конными городовыми не имѣли успѣха: толпа схватывала камни и бросала ихъ въ чиновъ полиціи, и многіе изъ послѣднихъ были ушиблены, а лошади подъ ними искалѣчены.

Тогда полиціймейстеръ, видя, что онъ безсиленъ остановить толпу, предоставилъ распоряжаться командовавшему ротами подполковнику Соловьеву. Послѣдній въ свою очередь нѣсколько разъ убѣждалъ толпу остановиться и началъ давать сигналы къ стрѣльбѣ; слыша ихъ, въ толпѣ кричали: „товарищи, не бойтесь, стрѣлять не будутъ, не имѣютъ права“, другіе же кричали, что у солдатъ холостые патроны, нѣкоторые изъ толпы приблизились къ солдатамъ, убѣждали ихъ не стрѣлять, говоря, что, отбывъ срокъ военной службы, они снимутъ мундиры и станутъ такими же рабочими, какъ и собравшіеся, и будутъ также притѣсняемы, какъ и они, и что въ толпѣ находятся ихъ, солдатъ, сестры, жены, братья; другіе кричали солдатамъ, чтобы они перебили офицеровъ и присоединились къ толпѣ. Видя, что возбужденіе толпы растетъ и она настолько приблизилась къ солдатамъ, что может броситься и ихъ обезоружить, Соловьевъ сдѣлалъ послѣднюю попытку удержать толпу и, выѣхавъ впередъ, убѣждаетъ остановиться, клянясь, что, въ противномъ случаѣ, онъ прикажетъ стрѣлять. Въ отвѣтъ на это изъ толпы посыпалась брань, въ солдатъ полетѣли камни, и Соловьевъ былъ ушибленъ въ спину; послѣ чего онъ далъ сигналъ стрѣлять, и полурота произвела боевыми выстрѣлами залпъ, послѣ котораго толпа, увидя упавшихъ убитыхъ и раненыхъ, немедленно разсѣялась. На мѣстѣ выстрѣловъ полиціей было поднято трое убитыхъ и 16 раненныхъ, изъ коихъ четыре затѣмъ въ больницѣ отъ ранъ умерли; многіе же легко раненные разбѣжались и скрылись по дворамъ. Во время уборки раненыхъ и труповъ, толпа снова стала собираться и съ криками: „насъ побили, бей полицію“, начала бросать камни въ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ; толпа эта была незначительна и скоро была разсѣяна полиціей..

Въ этотъ же день утромъ въ городѣ у конторы газеты „Вѣстникъ Юга“ и у печатни Яковлева на улицѣ собралась толпа народа, бросавшая камни въ окна и кричавшая рабочимъ, чтобы они оставили работы и присоединились къ толпѣ. Вслѣдствіе этихъ криковъ и угрозъ быть избитыми, рабочіе этихъ заведеній прекратили работы и вышли на улицу; собравшаяся толпа, однако, скоро была разсѣяна полиціей. Въ тоже время на Гимназической улицѣ толпа рабочихъ собралась у казеннаго виннаго склада, стала бросать камни въ окна и криками требовала, чтобы рабочіе бросали работу и присоединялись къ толпѣ; эта толпа бросала также камни въ чиновъ полиціи, которымъ, однако удалось толпу разсѣять.

Когда послѣ уборки труповъ и раненыхъ, полиціймейстеръ въ тотъ же день съ 2 — 3 конными городовыми возвращался съ завода въ городъ, на Трамвайной улицѣ его встрѣтила толпа народа, человѣкъ въ полтораста. На требованіе полиціймейстера остановиться, толпа бросилась въ переулокъ и стала бросать оттуда камни въ полиціймейстера и городовыхъ, и, лишь увидя шедшую отъ вокзала роту солдатъ, прекратила насилія и разбѣжалась.

На слѣдующій день, 6 августа, съ утра, на углу Брянской площади и 1-й ул. Чечелевки, близъ покойницкой Брянскаго завода, въ которой находились трупы убитыхъ наканунѣ рабочихъ, стала собираться толпа народа, достигшая вскорѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ. Получивъ свѣдѣнія, что толпа эта намѣрена отнять у полиціи тѣла убитыхъ и пронести ихъ по Екатерининскому проспекту, полиціймейстеръ Машевскій, съ конными городовыми и 2-мя ротами солдатъ, поспѣшилъ на мѣсто сборища. Увидя полиціймейстера, шумѣвшая толпа потребовала, чтобы онъ вступилъ съ нею въ переговоры и, когда Машевскій приблизился къ толпѣ, то изъ нея стали раздаваться крики, что собравшіеся требуютъ установленія 8-ми часоваго рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а одинъ изъ евреевъ, находясь въ первыхъ рядахъ толпы, крикнулъ: „и свободы Россіи“. Во время переговоровъ съ полиціймейстеромъ въ толпѣ выбрасывались вверхъ пачки преступныхъ печатныхъ воззваній, которыя сейчасъ же толпой подхватывались, а одинъ изъ толпы, полѣзшій на дерево, оттуда читалъ воззваніе окружавшей его толпѣ, которая при этомъ кричала „ура“.

Когда полиціймейстеръ отказался вести переговоры съ безчинствовавшей толпой, послѣдняя, побужденная крикомъ нѣкоторыхъ: идемъ въ городъ! двинулась на Озерный базаръ, а нѣкоторая часть ея послѣдовала за процессіей на кладбище, но тамъ, благодаря присутствію полиціи и войскъ, погребеніе убитыхъ рабочихъ совершено было безпрепятственно. На Озерномъ базарѣ толпа ворвалась въ депо электрическаго трамвая, выгнала изъ него рабочихъ и пріостановила такимъ образомъ движеніе вагоновъ. Когда чины полиціи пытались остановить толпу, имъ кричали: „уйдите, не ваше дѣло, что хотимъ, то и дѣлаемъ“, и грозили насиліемъ. Въ то же время часть толпы пыталась проникнуть на городскую электрическую станцію, но охранявшіе ее городовые стали стрѣлять изъ револьверовъ въ воздухъ и этимъ заставили толпу отступить. Съ Озернаго базара, постепенно увеличивающаяся толпа направилась на Еканое-то… недоразумѣніе. „*Зачѣмъ это нужно?*" Вѣдь у болѣе подозрительныхъ „это" можетъ вызвать неосновательныя подозрѣнія…

∞ „Наше неучастіе въ либерально-революціонно-націоналистическомъ „блокѣ" раздражаетъ оппозиціонную печать.

> „Кромѣ охранителей, жалуется „Наша Жизнь", существуютъ, къ сожалѣнію, и другія, притомъ прогрессивныя направленія, которыя *все еще*(!) говорятъ о всякаго рода противорѣчіяхъ и все еще выдвигаютъ на первый планъ именно эти противорѣчія, а не то „общее", что можетъ объединять въ извѣстныя времена всѣ классы, всѣ сословія. Въ общемъ, однако, — утѣшается газета — сословно-классовыя различія сейчасъ потонули въ томъ живомъ и могучемъ потокѣ, который стремительно несется по русской землѣ и захватываетъ въ свое русло и московскаго купца, и тамбовскаго, саратовскаго и др. земцевъ, и петербургскаго чиновника, и всегдашняго либерала-интеллигента".

Тѣ обвиненія, которымъ „Освобожденіе" и Революціонная Россія" придаютъ замаскированную форму, легальный органъ, которому не грозитъ немедленный отпоръ, выражаетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Партія сознательнаго пролетаріата осуждается за то, что осмѣливается выдвигать такія требованія, которыя отличаются отъ требованій московскаго купца, тамбовскаго дворянина и петербургскаго чиновника. Другими словами, соціальдемократія сурово осуждается за свою преданность тому дѣлу, которое „Наша Жизнь" лицемѣрно называетъ своимъ дѣломъ. Ибо, что сейчасъ съ такой рѣзкостью отличаетъ сознательныхъ рабочихъ отъ либеральныхъ дворянъ и якобы-демократическихъ интеллигентовъ, такъ это ихъ несокрушимая пролетарская преданность демократическимъ интересамъ! Соціальдемократія не согласна добровольно захлебнуться (а утопить ее нѣтъ силъ!) въ томъ „могучемъ потокѣ", который течетъ въ руслѣ сословно-имущественнаго ценза, и за эту ея несговорчивость „демократическая" газета уподобляетъ ее охранителямъ.

∞ Князь Мещерскій пугаетъ московскихъ купцовъ-либераловъ, вотировавшихъ въ думѣ за конституцію, тѣмъ соображеніемъ, что огромное большинство оппозиціи

> „не народа ради хочетъ конституціи, а хочетъ ея, какъ самой удобной обстановки для уничтоженія всего, что есть сила, мѣшающая ихъ произволу, и разумѣется, *силы капитала во всѣхъ его видахъ*".

„Наша Жизнь", какъ видите, дѣйствительно права. Охранитель Мещерскій раскалываетъ оппозицію, указывая представителямъ капитала на угрозу, которую соціальдемократія представляетъ для капитала во всѣхъ его видахъ. Мы же раскалываемъ оппозицію, рѣшительно выступая „все еще"! противъ политическихъ привилегій, которыхъ требуетъ для себя „капиталъ во всѣхъ его видахъ". Не ясно ли, что мы съ Мещерскимъ дѣлаемъ приблизительно одно и то же дѣло?

∞ Когда то въ англійской палатѣ было сказано: „Мы всѣ — соціалисты". Во Франціи, какъ извѣстно, есть цѣлая партія „радикалъ-соціалистовъ", которыхъ съ соціализмомъ связываетъ только ихъ глубокая ненависть къ нему. Вообще, когда буржуазные политики говорятъ о своемъ „соціализмѣ", остается только предостеречь: Пролетаріи! держите крѣпче ваши карманы!

У насъ теперь если не всѣ [illegible] „соціалисты", [illegible] всѣ [illegible] демократы. Даже „Русь"

> „Побольше господа искренняго демократизма [illegible] она, если хотите, чтобы „народъ" [illegible] ваши реформы".

На грѣхъ „Руси" на разу не случается [illegible] въ чемъ состоитъ ея демократизмъ. Разумѣется, остальная „демократическая" пресса нисколько ея къ этому не принуждаетъ. У [illegible] налаживается молчаливая круговая порука на началахъ взаимнаго попустительства. Въ результатѣ, всѣ — демократы, кто себя такъ называетъ. А называютъ всѣ, кому не лѣнь. Пролетаріи, держите крѣпче ваши карманы!

∞ Въ „Рус. Вѣд." г. Сергѣй Муромцевъ развиваетъ такую логическую цѣпь. Высочайшій указъ 12 декабря требуетъ „*дѣйствительныхъ* мѣръ къ охраненію полной силы закона". *Слѣдовательно*, указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но пресса, оглашая факты произвола, тѣмъ самымъ способствуетъ борьбѣ съ нимъ. *Слѣдовательно*, высочайшій указъ предполагаетъ [illegible] прессы свободу обличенія. *Слѣдовательно*, въ наши власть имущій, кто сталъ бы ставить этимъ обличеніямъ препоны, тѣмъ самымъ „заявилъ бы себя сторонникомъ произвола, осуждаемаго высочайшимъ указомъ".

Г. Сергѣй Муромцевъ [illegible] такъ. На самомъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать такъ: Высочайшій указъ требуетъ борьбы съ произволомъ. Но [illegible] что парламентарный режимъ, контроль [illegible] тельной властью, представляетъ собою лучшее [illegible] съ чиновничьимъ произволомъ. *Слѣдовательно* [illegible] предполагаетъ парламентаризмъ. *Слѣдовательно*, всѣ противники конституціи заявляютъ себя „сторонниками произвола, осужденнаго высочайшимъ указомъ".

Безспорно, конституцію легче вычитать изъ царскаго указа, чѣмъ завоевать!

∞ „Польская соціалистическая партія" (P. P. S.) организовала за послѣднее время въ одной Варшавѣ „около двухъ десятковъ" демонстрацій „по самымъ различнымъ поводамъ", сверхъ того — три въ Лодзи, одну въ Ченстоховѣ, въ Калишѣ, Сѣдльцѣ, Люблинѣ,Ироднѣ, Заверцѣ, Островцѣ." Во время демонстрацій „выкидывались красныя знамена съ подписью „П. П. С". Сообщая объ этомъ фактѣ, „Рев. Россія" (№ 56) объясняетъ:

> „Эта надпись (подпись?) была введена послѣ нѣсколькихъ „демонстрацій, чтобы предупредить злоупотребленія, вродѣ „искровскихъ" (въ корреспонденціяхъ изъ Польши)".

Мы слышали, что впредь, во избѣжаніе злоупотребленій, къ указанной подписи рѣшено прибавлять: „не смѣшивать съ „Народовой Лигой!" И подумать только, что все это изъ-за искровскихъ корреспондентовъ! Впрочемъ, какъ извѣстно, Ѳома Качура (не смѣшивать съ „народнымъ героемъ") выгравировалъ на своемъ револьверѣ „подпись" „боевой организаціи" — тоже „во избѣжаніе злоупотребленій"!

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Протестъ литераторовъ противъ бойни 28-го ноября. Насъ просятъ напечатать слѣдующій документъ:

28-го ноября 1904-го года, днемъ, произошла въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, демонстрація, въ которой участвовала преимущественно учащаяся молодежь. Объ этой демонстраціи было заранѣе извѣстно, и администрація приняла слѣдующія мѣры: заготовила большіе наряды пѣшей и конной полиціи и жандармскаго дивизіона и, кромѣ того, цѣлыя сотни дворниковъ (на одномъ дворѣ католической церкви ихъ было собрано 320 ч., но были партіи и въ другихъ мѣстахъ). Въ одномъ участкѣ дворникамъ велѣно было бить студентовъ, и пояснено, что въ отвѣтѣ за это они не будутъ; въ другомъ участкѣ тоже приказано было бить студентовъ, но такъ, чтобы не видѣла публика, — бить ногами и кулаками по ребрамъ. Ворота въ домахъ на Невскомъ проспектѣ велѣно было затворить. Послѣ полудня собралось на Невскомъ значительное количество молодежи, особенно между Садовою и Казанскою улицею. Ровно въ часъ дня небольшая толпа демонстрантовъ, занимавшая тротуаръ дома противъ [illegible], выкинула красный флагъ съ пѣніемъ рабочей марсельезы. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно изъ Думской улицы выскочилъ рысью отрядъ конныхъ городовыхъ. Толпа сразу прекратила пѣніе. Городовые обнажили шашки и бросились въ толпу, избивая всѣхъ, кого попало. Демонстранты пытались бѣжать, но подоспѣвшіе городовые и дворники ловили ихъ и жестоко избивали.

Вообще въ этотъ день было выкинуто нѣсколько красныхъ флаговъ съ надписями: „прекращеніе войны", „долой войну", „долой самодержавіе". Молодежь кричала „да здравствуетъ свобода!" Никакихъ оскорбительныхъ дѣйствій демонстранты не проявляли.

Дѣйствія полицейской арміи противъ безоружныхъ демонстрантовъ и случайныхъ прохожихъ состояли въ томъ, что безъ всякаго предварительнаго предупрежденія отряды конной полиціи и жандармовъ врѣзались во весь опоръ, при чемъ сыпались удары нагайками и обнаженными шашками. Конные отряды въѣзжали на [illegible] и даже на ступени католическаго храма. Дворники били демонстрантовъ и проходившихъ мужчинъ и женщинъ по лицу, въ глаза, выбивали зубы, старались захватить не успѣвшихъ бѣжать, потому что бѣжать вслѣдствіе скопленія народа искусственно сжатаго дѣйствіями [illegible] очень часто оказывалось невозможнымъ, и тащили ихъ во дворы домовъ, избивали ихъ тамъ до потери сознанія, хватали мужчинъ и женщинъ за [illegible] въ совершенномъ [illegible] передавали [illegible], которыхъ держали другіе дворники и затѣмъ [illegible] ихъ [illegible] въ подвалы и дворницкія [illegible] Характеризуя [illegible] [illegible] случайныхъ [illegible]

На Михайловской улицѣ [illegible] вооруженныхъ [illegible] Двое изъ нихъ хватаютъ ее и швыряютъ на середину улицы. Другіе тащатъ поверженныя тѣла, какъ кули, во дворъ дома № 14 на Михайловской улицѣ. А вотъ полицейскій офицеръ кричитъ: „поскорѣй его убрать", и дворники и городовые волокутъ человѣческое тѣло съ безжизненно повисшими ногами. Несчастнаго тащатъ за обѣ руки по снѣгу, при чемъ голова его колотится о мерзлую мостовую. Видѣла одного студента, у котораго была буквально отрублена щека и висѣла, болтаясь. Многіе замѣтили окровавленныя шашки у конныхъ полицейскихъ, хотя по офиціальному сообщенію они наносили удары „*на этотъ разъ* плашмя." Одному изъ пострадавшихъ дворникъ нанесъ ударъ въ голову желѣзнымъ кастетомъ. Около католическаго собора на тротуарѣ виднѣлась кровь.

На Итальянской улицѣ, противъ Михайловскаго сквера, разыгралась слѣдующая возмутительная сцена. Нѣсколько курсистокъ, видя, что конные городовые бросились на Михайловской улицѣ на публику во весь опоръ, поспѣшно взобрались на верхъ конки, которая и тронулась по направленію къ Смольному. Увидѣвъ это, нѣсколько жандармовъ и городовыхъ догнали вагонъ, оцѣпили его, стащили за косы съ имперіала конки беззащитныхъ дѣвушекъ и, бросивъ на землю, начали топтать ихъ ногами.

Поведеніе дворниковъ и полиціи вызывало полное одобреніе приставовъ. Вотъ дворники поймали у Гостинаго двора курсистку, держатъ ее за руки, и приставъ бьетъ ее по лицу. Вотъ другой приставъ у Казанскаго собора кричитъ: „бей въ морду," и самъ подаетъ примѣръ, избивая и безъ того уже пострадавшую дѣвушку. Одинъ жандармскій офицеръ обнажилъ шашку и ударилъ по головѣ студента, котораго держали четверо городовыхъ. Били и околоточные. Былъ избитъ даже офицеръ въ военной формѣ. Полицейскіе офицеры обращались къ женщинамъ на „ты", ругали ихъ площадною бранью.

Въ 2—3—4 ч. дня, когда въ толпѣ уже не преобладали учащіеся, небольшая группа, человѣкъ въ 10—12, запѣла русскую марсельезу. Внезапно налетѣли конные жандармы подъ предводительствомъ офицера и рубили, не разбирая ни пола, ни возраста, особенно энергично устремляясь на тѣ кучки, гдѣ были студенты. Подбѣжали пѣшіе городовые и дворники и избивали спасавшихся. Одинъ дворникъ при этомъ съ такою силою ударилъ студента по плечу палкою, что она разлетѣлась на нѣсколько кусковъ. На Михайловской улицѣ въ это время каждаго изъ тѣхъ, кто не успѣлъ убѣжать, била группа городовыхъ и дворниковъ отъ [illegible] 10 человѣкъ. Среди нихъ былъ даже добровольно огромнаго роста гвардеецъ казакъ въ красной формѣ. Били долго кулаками, шашками, пока жертва не сваливалась съ ногъ, тогда ее тащили во дворъ дома № 4. Приводились новыя жертвы съ Невскаго въ ужасномъ видѣ: въ изорванной одеждѣ, безъ шапокъ, съ окровавленными физіономіями. Ихъ подводили къ воротамъ дома № 4 и избивали вновь; кто не выдерживалъ и падалъ, того топтали ногами. Битье продолжалось и внутри этого двора, на глазахъ жандармскаго офицера, который на протесты избиваемыхъ нагло отвѣчалъ: „васъ не бьютъ".

Въ 4 часа публика спокойно гуляла около католической церкви. Вдругъ вновь раздалось пѣніе. Не прошло и минуты, какъ къ панели подскакалъ отрядъ конныхъ городовыхъ, которые стали наносить удары остріемъ шашекъ.

Избивали не только на улицахъ, но и въ нѣсколькихъ дворахъ, а именно въ третьемъ заднемъ дворѣ католической церкви, во дворѣ № 4 по Михайловской улицѣ; раздирающіе душу крики неслись изъ дома № 12 по Мойкѣ. Продолжали бить даже и тогда, когда по официальному сообщенію, всѣ безпорядки были прекращены.

Получившихъ раны и подвергшихся страшнымъ побоямъ было несомнѣнно гораздо болѣе 42 человѣкъ, числа показаннаго въ официальномъ сообщеніи, такъ какъ многимъ избитымъ удалось спастись отъ задержанія. Въ числѣ валявшихся, какъ трупы, подлѣ избіенія на дворѣ дома № 4 по Михайловской улицѣ, съ лицами, залитыми кровью, было 10 штатскихъ, въ томъ числѣ одинъ приватъ-доцентъ петербургскаго университета, 2 желѣзнодорожныхъ служащихъ, 2 рабочихъ, 15 студентовъ горнаго института, 10 студентовъ университета, около 10 медиковъ, ученики, нѣсколько курсистокъ. Такимъ образомъ, число избитыхъ *на одномъ дворѣ* уже превосходитъ цифру пострадавшихъ, показанную въ правительственномъ сообщеніи. Но были и другіе дворы, куда стаскивали избитыхъ, такъ ихъ относили въ домъ № 11 по Екатерининскому каналу, куда къ нимъ не допускали и родственниковъ, посторонніе же, спрашивавшіе о раненыхъ, были немедленно арестованы. Изъ числа раненыхъ нѣсколько человѣкъ были такъ тяжело избиты, что [illegible] и во дворѣ дома № 4 по Михайловской улицѣ. На вопросъ, сколько раненыхъ лежитъ въ домѣ № 11 по Екатерининскому каналу, [illegible] „мы изъ этого секрета не дѣлаемъ, [illegible] Арестованныхъ отправили еще въ домъ № 1 [illegible] Казанской улицѣ.

вахъ, которая [illegible] работу". Отъ Брянскаго завода [illegible] трубопрокатный и [illegible] ротмистръ Остромысленскій [illegible] никъ Соловьевъ и его конные [illegible] толпѣ, желая ее остановить, толпа встрѣтила ихъ [illegible] стала бросать въ нихъ камни, которыми [illegible] Остромысленскаго заставили [illegible] и Соловьева съ [illegible] отступить назадъ. [illegible] часть толпы остановилась [illegible] приглашать рабочихъ [illegible] кричала: „долой самодержавіе" [illegible] же толпы ворвалась въ самыя [illegible] заставила рабочихъ прекратить работу [illegible] бросала камни въ окна конторы [illegible] залъ въ контору [illegible] дальнѣйшихъ насилій [illegible] послѣ чего толпа остановила [illegible] послѣдняго [illegible] работы, двинулась [illegible] Брянскому [illegible] рогѣ на ст. „Горѣйчное" [illegible] новому отправиться [illegible] паровозъ и тендеръ [illegible] машинистки, пока веревка не [illegible]

Подходя къ Брянскому заводу, [illegible] войска, полиція и тысячи [illegible] поставила нѣсколько [illegible] криками „долой самодержавіе" [illegible] разсылала печатныя воззванія [illegible] нихъ къ забастовкѣ и [illegible] политической свободы, другіе [illegible] и убѣждали ихъ не стрѣлять въ безоружную [illegible] встрѣченная криками [illegible] дутъ", толпа стала приближаться къ нимъ. Не допуская толпу соединиться съ этими ротами, по [illegible] Масаевскій нѣсколько разъ приказывалъ конным [illegible] толпу, послѣдняя подъ натискомъ городовыхъ [illegible] подхватывала валявшіеся на землѣ камни и [illegible] ихъ въ городовыхъ. Камни собирали на берегу [illegible] дѣти, толпившіеся около рабочихъ, и [illegible] ихъ, а также и [illegible] городовые [illegible] слѣдомъ за ними вновь наступали на [illegible] стали попадать въ стоявшія у завода роты [illegible] послѣдней подполковникъ Ралхинъ [illegible] держать толпу, прибѣгнулъ къ [illegible] къ открытію огня. Услышавъ сигналъ [illegible] стали кричать: „товарищи, не бойтесь, стрѣлять не будутъ" [illegible] выскакивали впередъ и обнажая грудь [illegible] солдатамъ: „стрѣляйте". Послѣ втораго сигнала къ стрѣльбѣ,

[illegible] бей полицію" [illegible] бросать камни въ [illegible] и [illegible] незначительно [illegible] была разсѣяна полиціей.

Въ этотъ же день утромъ въ городѣ у конторы газеты „Вѣстникъ Юга" и у печатни Яковлева на улицѣ собралась толпа народа, бросавшая камни въ окна и кричавшая рабочимъ, чтобы они оставили работы и присоединились къ толпѣ. Въ дѣйствіе

[illegible] и убѣждали [illegible] рабочихъ [illegible] заведеній [illegible] толпа, [illegible] Въ [illegible] время на Гим[illegible] рабочихъ [illegible] винн[illegible] бросали камни въ окна и криками требовала, чтобы рабочіе бросили работу и присоединились къ толпѣ; эта толпа [illegible] однако [illegible]

[illegible] насилія [illegible]

[illegible] Брянской [illegible] Брянскаго [illegible] убитыхъ наканунѣ ра[illegible] вечерѣ 3-хъ [illegible] намѣрена [illegible] ихъ по Екатерининской [illegible] Масаевскій съ конными [illegible] на мѣсто [illegible] толпа и требовала, [illegible] переговоры и, когда Масаевскій [illegible] стали раздаваться крики, [illegible] 8-ми [illegible] рабочаго [illegible] на[illegible] крикнувъ „да здравствуетъ свобода" Рос[illegible] въ толпѣ [illegible]

[illegible] крикомъ [illegible] базаръ, а [illegible] на кладбище, [illegible] потребовали [illegible] убитыхъ рабочихъ [illegible] На Озерномъ базарѣ [illegible] электрическаго трамвая, [illegible] такимъ образомъ [illegible] остановить [illegible] то и [illegible] Въ то же время часть толпы пыталась проникнуть на городскую электрическую станцію, но охранявшіе ее городовые стали стрѣлять изъ револьверовъ въ воздухъ и этимъ заставили толпу отступить. Съ Озерного базара, постепенно увеличивающаяся толпа направилась на Ека-

Всѣ приведенные факты, удостовѣренные пострадавшими и очевидцами бойни, доказываютъ, что полиція задалась цѣлью не разогнать участниковъ демонстраціи, а главное — подвергнуть ихъ жестокому избіенію и на улицахъ, и въ скрытыхъ отъ взоровъ публики мѣстахъ.

Когда о поведеніи полиціи было частнымъ образомъ доведено до свѣдѣнія кн. Святополкъ-Мирскаго, онъ сослался на то, что не можетъ такъ скоро отучить дворниковъ отъ обычаевъ, усвоенныхъ ими при прежнихъ порядкахъ. Однако, какъ ни безобразно было поведеніе полиціи и дворниковъ при прежнихъ демонстраціяхъ, все же не было столь многихъ жертвъ избіенія на улицахъ, въ закрытыхъ дворахъ, дворницкихъ и подвалахъ и не было такой неслыханной жестокости. Да и вообще, по какому праву полиція прибѣгаетъ къ содѣйствію дворниковъ, да еще напившихся пьяными, вѣроятно, на выданную подачку?

О происшедшихъ событіяхъ никакого гласнаго разслѣдованія не было. Правительство ограничилось опубликованіемъ сообщенія, совершенно не соотвѣтствующаго дѣйствительности. Виновные въ насиліяхъ надъ демонстрантами и публикой остаются безнаказанными. Конечно, новѣйшая русская исторія знаетъ факты, еще болѣе возмутительные, хотя бы, напримѣръ, стрѣляніе въ упоръ въ толпу безоружныхъ рабочихъ въ Златоустѣ, массовыя порки крестьянъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ или избіеніе политическихъ узниковъ въ тюрьмахъ. Но описанное выше событіе происходитъ въ столицѣ, на глазахъ у министра внутреннихъ дѣлъ, говорящаго о довѣріи къ обществу, и потому то оно особенно характерно для современнаго режима и должно окончательно разсѣять иллюзіи тѣхъ, которые еще не потеряли надежды на возможность самыхъ элементарныхъ гарантій личности при нынѣшнемъ государственномъ строѣ.

Мы не считаемъ себя въ правѣ молчать, когда избиваютъ нашихъ сыновей и дочерей, нашихъ братьевъ и сестеръ за то только, что они являются выразителями требованій, вполнѣ опредѣленно высказанныхъ самыми разнообразными слоями русскаго общества. Не имѣя возможности напечатать это заявленіе, каждая частность котораго основана на многочисленныхъ письменныхъ показаніяхъ очевидцевъ, ни въ одномъ періодическомъ изданіи въ Россіи, мы вынуждены помѣстить его за нашими подписями въ русскихъ заграничныхъ изданіяхъ.

Члены редакціи и сотрудники: „Русскаго Богатства“, „Міра Божьяго“, „Образованія“, „Новаго Пути“, „Правды“, „Вѣстника Права“, „Вѣстника Фабричнаго Законодательства“, „Права“, „Хозяина“, „Юриста“, „Экономической Газеты“, „Сына Отечества“, „Нашей жизни“, „Руси“ и другихъ періодическихъ изданій: А. Агафоновъ (членъ редакціи журнала „Міръ Божій“), Д. Айзманъ, И. Афанасьевъ, Ник. Ашешовъ, Вас. Анучинъ, Николай Анненскій, Левъ Бухъ, редакторъ-издатель „Экономической Газеты“, Баршъ, А. И. Богдановичъ, Ф. Д. Батюшковъ, О. Е. Бужанскій (редакторъ журнала „Вѣстникъ фабричнаго Законодательства“), Н. А. Бердяевъ, Ю. Безродная, Н. Березинъ, Влад. Быховскій, В. В. Брусянинъ, И. Василевскій (Не-Буква), Е. Водовозова-Семевская, В. Водовозовъ, Волжскій (Ал. Глинка), М. Винаверъ, Марія Водовозова (издательница), Л. М. Василевскій, З. Гиппіусъ, Карлъ Бернардовичъ Гренхагенъ, А. Горнфельдъ, Влад. Гессенъ (редакторъ „Права“ и „Вѣстника Права“), П. Головачевъ, Василій Голубевъ, К. А. Горбуновъ, С. И. Гусевъ-Оренбургскій, І. В. Гессенъ, Е. Ганейзеръ, М. Гольдштейнъ, В. Гольдбергъ. Ю. Гессенъ, Конст. Диксонъ, А. Даманская (Димантъ), С. Двининъ, Б. Дубровская, Е. Елпатьевскій, И. Жилкинъ, В. Жаботинскій, Д. Е. Жуковскій, С. Займовскій, А. Иванчинъ-Писаревъ, Е. И. Игнатьевъ, Вл, Кранихфельдъ, В. Каррикъ, Е. Д. Кускова (издательница), Коллонтай, Л. Купріянова, Л. Клейнбортъ, А. Каминка, В. Ксандровъ, Вл. Короленко, П. Е. Кулаковъ, Н. Карабчевскій (редакторъ „Юриста“), Ю. Н. Лавриновичъ, Александръ Ламакинъ, Д. А. Линевъ (Далинъ), Мих. Алексѣев. Лихаревъ, Леонъ Давидовичъ Ляховецкій, А. Лукьяновъ, Н. Лихарева, Мануилъ Маргуліесъ, В. Мякотинъ, Павелъ Мокіевскій, Д. Мережковскій, А. И. Матюшенскій, А. Милюкова, Л. Немановъ, М. Невѣдомскій (Миклашевскій), Александръ Новиковъ, А. Никольскій, Александръ Яковлевичъ Острогорскій (редакторъ журнала „Образованіе“), Ник. Бор. Полыновъ, П. П. Румянцевъ, В. В. Португаловъ, А. С. Пругавинъ, Э. Пименова, А. Пѣшехоновъ, Л. Пантелѣевъ, С. Н. Прокоповичъ, С. Протопоповъ, Я. Л. Паперъ, Дмитрій Дмитріевичъ Семеновъ, В. Семевскій, Л. А. Севъ, С. Я. Стечкинъ (Сергѣй Соломинъ), И. С. Соколовъ, А. А. Суворинъ, (издатель „Руси“), В. Тотомьянцъ (членъ редакціи „Наша Жизнь“), Г. Фальборкъ, Дм. Вл. Философовъ, А. Фейгельсонъ, А. Финнъ (Енотаевскій), С. Л. Франкъ. Б. І. Харитонъ („С. От.“), В. В. Хижняковъ, Владиміръ Чернолусскій, Георгій Чулковъ, Гр. Шрейдеръ (завѣдующій редакціей „Сынъ Отечества“), Григорій Штильманъ, З. Шадурская, Марія Шишмарева, М. А. Энгельгартъ, Сергѣй П. Юрицынъ (редакторъ-издатель „Сына Отечества“), Александръ П. Юрицынъ, С. Южаковъ, Александръ Яблоновскій, В. Яковлевъ (Богучарскій), П. Якубовичъ.

Адресъ Черниговскаго земства.

Ваше Императорское Величество!

Въ переживаемую нашимъ отечествомъ тяжелую годину войны и внутреннихъ неустройствъ, Черниговское Губернское Земское Собраніе рѣшается выразить Вамъ, Государь, свое глубокое убѣжденіе, что правильная дѣятельность общественныхъ учрежденій и всего государственнаго управленія совершенно невозможны при такихъ условіяхъ, какія давно уже переживаетъ Россія.

Бюрократическая система управленія, создавъ полную разобщенность Верховной власти съ населеніемъ, ревниво устраняя всякое участіе общества въ управленіи и охраняя полную обособленность и безотвѣтственность своихъ дѣйствій, довела страну до крайне тягостного положенія. Личность русскаго человѣка не ограждена отъ произвола властей; свободы совѣсти онъ лишенъ; оглашеніе въ собраніяхъ и въ печати злоупотребленій и нарушеній закона въ управленіи строго преслѣдуется; значительная часть Россіи находится подъ дѣйствіемъ усиленной охраны, крайне тягостной для населенія и дающей полный просторъ широкому произволу администраціи; судъ стѣсненъ и ограниченъ въ дѣлѣ огражденія правды и закона. Такое положеніе дѣлъ создаетъ неисчислимыя бѣдствія населенія во всѣхъ проявленіяхъ его частной и общественной жизни и вызываетъ всеобщее недовольство.

Черниговское Губернское Земское Собраніе, пребывая въ твердомъ убѣжденіи, что водвореніе въ странѣ порядка, права и правды можетъ быть достигнуто единственно установленіемъ тѣснаго общенія Верховной власти съ народомъ, всеподданѣйше проситъ Ваше Величество услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ, отвѣчающихъ столь близко имъ извѣстнымъ основнымъ нуждамъ русскаго населенія и проектъ этотъ дозвольте непосредственно представить Вашему Величеству.

Настоящій адресъ въ засѣданіи 5 декабря единогласно принятъ Губернскимъ Собраніемъ.

Отъ ред. Черниговскій представитель на земскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, по дорогѣ въ свою губернію увѣрялъ кіевлянъ (см. „Искра“ № 79), что соціальдемократы неправы, когда обвиняютъ этотъ съѣздъ въ нежеланіи требовать *народнаго* представительства. Теперь черниговскіе земцы единогласно (а, слѣдовательно, и съ участіемъ г. Хижнякова) предлагаютъ царю созвать представителей *земствъ*, и только ихъ. Мы просимъ радикальнаго г. Василія Водовозова объяснить намъ, считать ли г. Хижнякова измѣнившимъ резолюціямъ земскаго съѣзда?

Петербургъ.

Резолюція 2-ой сходки въ женск. медиц. институтѣ.

Слушательницы женскаго медицинскаго института, собравшись 3 дек. 1904 г. на общую сходку въ количествѣ 404 чел., по призыву организаціи Женск. Мед. Инст. С.-Р. и С.-Д. партій, по обсужденіи текущихъ событій, вынесли слѣдующую резолюцію:

I. Привѣтствуя самоотверженныхъ борцовъ за свободу, Сазонова и Сикорскаго, и протестуя противъ безчеловѣчной расправы съ ними, мы просимъ ихъ принять и передать наше глубокое сочувствіе всѣмъ товарищамъ-борцамъ, томящимся въ тюрьмѣ и ссылкѣ, всѣмъ безстрашно выступившимъ противъ нашего общаго врага — самодержавія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы выражаемъ полную увѣренность въ томъ, что недалеко время, когда мы увидимъ ихъ всѣхъ свободными въ нашихъ рядахъ.

II. Событія послѣднихъ дней еще рѣзче подчеркнули истинную цѣну политики правительства, показали всю наивность надеждъ на измѣненіе существующаго порядка сверху.

III. Еще разъ подчеркивая сущность политики самодержавія и выражая полную солидарность съ товарищами, вышедшими на борьбу съ самодержавіемъ, мы требуемъ по прежнему:

1) Немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго избирательнаго права;

2) Неприкосновенности личности, свободы слова, совѣсти, собраній, союзовъ, стачекъ;

3) Немедленнаго прекращенія войны;

4) Освобожденія и возвращенія всѣхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя убѣжденія.

IV. Мы призываемъ всѣхъ товарищей сплотиться и организоваться подъ знаменемъ революціонныхъ партій для дѣятельной и стойкой борьбы съ позорнымъ рабствомъ.

Москва. 21 ноября состоялся банкетъ. Въ большомъ залѣ Эрмитажа, залитаго свѣтомъ, собралось до 500 чел. Всѣ входящіе записывали свое званіе, имя и фамилію. Кругомъ разставлены столы. Собралась вся соль и литературной и артистической Москвы. Собрались представители газетнаго міра, адвокатуры, медицины, земства, профессора, лаборанты, масса женщинъ. Здѣсь былъ Савва Морозовъ и представители рабочихъ, здѣсь былъ князь Шаховскій, огромная фигура котораго показывалась въ разныхъ мѣстахъ (онъ былъ устроителемъ банкета). Здѣсь былъ графъ Толстой Сергѣй, были профессора Анучинъ, Соболевскій, Новгородцевъ, Кизеветеръ, Каблуковы, Рожковъ и т. д. Здѣсь были: Вербицкая, Варвара Морозова, жена Саввы Морозова и артистки. Были Скалонъ, Энгель, Бларамбергъ, Шестаковъ, докторъ Жбанковъ, директоръ псих. больницы Яковенко, Баженовъ, Южинъ (Сумбатовъ), Боборыкинъ, Чириковъ. Много лысыхъ старцевъ, уже успѣвшихъ оглохнуть въ долгомъ ожиданіи конституціи и потому слушавшихъ ораторовъ съ приставленной къ уху, въ видѣ трубки, рукой, и много народу просто „интеллигентнаго“. Банкетъ открылся рѣчью профессора (?) Жданова. Это была хорошая рѣчь, но недостатокъ ея заключался въ ея академичности. Затѣмъ выступилъ психіаторъ Яковенко и крайне неудачно. Онъ сталъ проводить аналогію между Россіей и беременной женщиной. „Конституція, сказалъ онъ, это еще младенецъ въ утробѣ матери. Трудны эти роды, но трудные роды при извѣстныхъ средствахъ поддаются благополучному исходу. Стоитъ для этого произвести кесарево сѣченіе или сдѣлать поворотъ на ножку“. Послѣ этой фразы собраніе разразилось веселымъ смѣхомъ. Это была рѣчь, которая на моментъ придала банкету балаганный характеръ. За нимъ выступилъ пом. прис. пов. Покровскій. Его рѣчь была встрѣчена въ началѣ очень одобрительно. Онъ началъ такъ: „Граждане и согражданки“! Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію историческаго революціоннаго движенія въ Россіи, и этотъ моментъ былъ для него рѣшающимъ. Такъ какъ по составу банкетъ, пожалуй, былъ умѣренно-либераленъ, то напоминаніе о революціонномъ движеніи, о процессѣ 193-хъ и т. д. вызвало у большинства либераловъ воспоминанія о тѣхъ ужасныхъ дняхъ, сразу ихъ охладило, и рѣчь была встрѣчена не особенно горячо. Карышевъ познакомилъ съ засѣданіемъ земцевъ въ Петербургѣ. Онъ нарисовалъ картину того, какъ съѣхались земцы, не знающіе или мало знающіе другъ друга, какъ они смутно, а то и непонятно, чувствовали себя, какъ ихъ *выручили* адреса, единодушно требовавшіе конституціи и какъ эти адреса поставили ихъ на рельсы. „Представьте, господа, говорилъ Карышевъ, съѣхались самые различные люди. Кромѣ того мы знали, что будутъ на съѣздѣ и предсѣдатели губернскихъ управъ, т. е. чиновники. Мы [illegible], что дѣлать, и вотъ опредѣленно и единодушно со всѣхъ концовъ Россіи намъ стали говорить въ адресахъ, чего отъ насъ хотятъ. Представьте себѣ насъ, которые всю жизнь молча думали о времени, когда мы сможемъ свободно говорить о себѣ, о своихъ нуждахъ, и вы поймете, какой моментъ былъ, когда мы выработали наши резолюціи. Глубокое волненіе охватило насъ. Мы всѣ по внутреннему мановенію души встали и съ необыкновеннымъ возбужденіемъ зааплодировали. Другой торжественный моментъ былъ тогда, когда резолюціи были написаны: нужно было ихъ подписать. Затаивъ дыханіе, мы стояли. И когда предсѣдатель Шиповъ сталъ вызывать по алфавиту и попросилъ подписать, и когда первый изъ насъ взялъ перо и подписалъ, мы всѣ облегченно вздохнули и смѣло стали подписывать свои фамиліи. Мы видѣли и ясно осязали, что дѣло было сдѣлано! Мы видѣли: вотъ на столѣ лежитъ историческій документъ!“ (Неправда ли, какая прекрасная картина психологіи русскаго либерала. Они боялись и хотѣли. Они аплодировали сами себѣ, увидѣвъ, что они смогли сказать. Они боялись, что не подпишутъ, и одинъ, первый, доказалъ имъ, что они могутъ подписать). Послѣ этого говорилъ депутатъ отъ студентовъ клиницистовъ (всѣхъ депутатовъ было пять) Невядомскій. Онъ сказалъ слѣдующее: „Мы пришли заявить русскому обществу отъ студентовъ медиковъ клиницистовъ свое привѣтствіе. Но, считая себя элементомъ русской интеллигенціи, мы считаемъ себя обязанными высказать и наше мнѣніе. Мы не вѣримъ въ „весну“. Въ то время, когда намъ говорятъ о свободѣ печати, газеты „Право“, „Наша жизнь“ и „Сынъ отечества“ получаютъ предостереженія, въ то время, когда намъ говорятъ о законности, на Ярославскомъ вокзалѣ избиваютъ студентовъ, а у Тенишевскаго училища дико скачетъ эскадронъ, давя публику. Мы не вѣримъ въ „весну“. Наоборотъ, наступаетъ лишь конецъ зимы. Весны не можетъ быть по распоряженію начальства. Но мы думаемъ, что всѣ силы русскаго объединеннаго народа должны создать весну сами. Видя широкое пробужденіе русскаго общества, мы выражаемъ ему горячее привѣтствіе и присоединяемся къ нему въ его требованіяхъ“. Студенты были встрѣчены долгими рукоплесканіями. Затѣмъ Малянтовичъ прочелъ резолюцію адвокатуры и произнесъ рѣчь. Въ этой рѣчи онъ превзошелъ самого себя. Эта была самая лучшая рѣчь. Одинъ Малянтовичъ (прис. повѣр.) спасъ собраніе, онъ вынесъ его на своихъ плечахъ. „Господа, сказалъ онъ (приблизительно), настало время, когда всѣ мы ясно и опредѣленно, единогласно и смѣло должны заявить, что мы хотимъ управлять страной. Настало время, когда никто не мо-

---

теринискій проспектъ и съ криками: „впередъ, бей полицію, долой самодержавіе!“, двинулись по проспекту, разбрасывая прокламаціи и выставляя красные флаги.

Въ толпѣ этой было много женщинъ, которыя махали шляпами и платками, приглашая рабочихъ и служащихъ въ разныхъ заведеніяхъ присоединиться къ толпѣ, многіе изъ толпы подошли къ паровой мельницѣ братьевъ Гезе и криками и угрозами приглашали рабочихъ присоединиться къ нимъ. Нѣкоторые въ толпѣ были вооружены разной величины палками, другіе шли съ камнями въ рукахъ и, при попыткѣ полицейскихъ чиновъ остановить ихъ, бросали въ нихъ камнями; около зданія цирка одинъ изъ евреевъ пустилъ, при помощи резины, камень въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ въ околодочнаго надзирателя Стрекозова; Стрекозовъ успѣлъ наклониться, а камень, попавъ въ дверь цирка, выбилъ въ ней доску. Толпа хотѣла пройти весь городъ, но около Зимняго театра ей путь прегражденъ былъ ротою солдатъ, шедшихъ съ барабаннымъ боемъ; толпа пріостановилась и подалась назадъ; часть толпы, перескочивъ черезъ заборъ, проникла въ техническій садъ и оттуда произвела нѣсколько выстрѣловъ, однимъ изъ нихъ былъ раненъ въ ногу стоявшій близъ сада конный городовой Андрющенко, а остальная толпа стала разбѣгаться съ проспекта въ прилегающія улицы; при этомъ многіе изъ толпы, не допуская полиціи задержать выдавшихся участниковъ безпорядковъ, нападали на полицейскихъ чиновъ и бросали въ нихъ камнями; околодочныхъ надзирателей Паніева и Скопина окружили со всѣхъ сторонъ и грозили имъ насиліемъ; спасаясь отъ разъяренной толпы, Паніевъ и Скопинъ принуждены были стрѣлять изъ револьверовъ: въ отвѣтъ на это, изъ толпы также раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Разсѣянная прибывшими конными городовыми толпа въ значительномъ количествѣ въ тотъ день не собиралась. 9-го августа въ городѣ, въ разныхъ мѣстахъ, собирались небольшія группы народа, причемъ толпа, человѣкъ болѣе 20-ти, на Петербургской улицѣ, подойдя къ мельницѣ Розенберга, кричала рабочимъ, чтобы они прекратили работу; толпа около Брянскаго завода не пускала рабочихъ, желавшихъ продолжать работы, схватывала ихъ и заставляла ихъ присоединяться къ собравшимся; а въ толпѣ, собравшейся на 3-й улицѣ Чечелевки и состоявшей преимущественно изъ евреевъ, кто-то говорилъ, убѣждая собраться на слѣдующій день на той же Чечелевкѣ и поясняя, что толпа своего добьется. Всѣ эти сборища, однако, были разсѣиваемы полиціей.

10-го августа, часовъ съ 8 утра, на 1-й и 3-й улицахъ Чечелевки и Брянской площади собралась толпа, болѣе тысячи человѣкъ; толпа шумѣла, въ ней раздавались крики: „долой самодержавіе“ и разбрасывались преступнаго содержанія печатныя воззванія. Наблюдавшій за всѣмъ происходившимъ околодочный надзиратель Кузнецовъ съ немногими городовыми безсиленъ былъ остановить толпу и послѣдняя безчинствовала въ теченіе двухъ часовъ, пока на мѣсто сборища не прибылъ извѣщенный Кузнецовымъ полиціймейстеръ съ конными городовыми. Увидя полиціймейстера, бывшіе впереди толпы, преимущественно евреи, стали размахивать шляпами и палками, убѣждая толпу „стоять стойко“; съ криками: „бей полиціймейстера“, толпа стала бросать камни въ городовыхъ, а нѣкоторые изъ толпы, окруживъ надзирателя Кузнецова и бросая въ него камни, грозили его разорвать. Въ это время на мѣсто происшествія прибыли вызванные полиціймейстеромъ казаки 7-го Донского казачьяго полка и одинъ изъ нихъ, спасая Кузнецова, выстрѣлилъ изъ ружья; устрашенная этимъ, толпа разступилась и Кузнецовъ успѣлъ бѣжать. Окруженная казаками и городовыми толпа, бросая въ нихъ камни, стала разбѣгаться въ улицы и по дворамъ, причемъ часть толпы скрылась въ недостроенномъ трехъэтажномъ домѣ Кирпотина и оттуда изъ оконъ продолжала бросать въ казаковъ камни. Домъ этотъ былъ оцѣпленъ казаками и городовыми и многіе изъ скрывшихся въ немъ были задержаны, при чемъ у нѣкоторыхъ отобраны были камни, а въ домѣ и дворѣ найдены выброшенныя печатныя воззванія. По разсѣяніи этой толпы, другихъ значительныхъ сборищъ народа, оказывающихъ сопротивленіе полиціи, въ городѣ не было. Въ поселкѣ Амуръ-Н. Днѣпровскъ 7 августа работы на заводахъ не прекращались и участковый фабричный инспекторъ Кухта, посѣтившій въ тотъ день заводы, отъ рабочихъ никакихъ заявленій не получалъ. 8-го же августа, около полудня, рабочіе машиностроительнаго и эстампажнаго заводовъ прекратили работы и, направившись толпою къ расположеннымъ вблизи оцинковальному, трубопрокатному и печному заводамъ, убѣжденіями и угрозами заставили рабочихъ этихъ заводовъ прекратить работы и присоединиться къ забастовавшимъ. Образовавшаяся у заводовъ толпа, однако, скоро была разсѣяна полиціей и когда въ тотъ же день, вечеромъ, въ поселокъ прибылъ фабричный инспекторъ Кухта, онъ засталъ возлѣ заводовъ человѣкъ 150 рабочихъ, которые прекращеніе работъ объяснили требованіями 8-ми часоваго рабочаго дня, увеличенія заработной платы, уничтоженія штрафовъ и вѣжливаго обращенія съ ними мастеровъ и просили разрѣшенія собраться рабочимъ всѣхъ заводовъ для заявленія этихъ требованій; выслушавъ разъясненія Кухты, что предъявленіе требованій скопомъ воспрещено, рабочіе разошлись. 9 августа, съ утра прекратились работы и въ мѣстныхъ желѣзнорожныхъ мастерскихъ, послѣ чего, часамъ къ 10 утра, у заводовъ собралась толпа рабочихъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Толпа волновалась и шумѣла, въ ней слышны были крики: „требуйте ваши законныя права“ и пачками раздавались печатныя воззванія, которыя нѣкоторыми въ толпѣ въ то же время и оглашались. Побуждаемая криками вожаковъ, большею частью евреевъ и евреекъ, прибывшихъ изъ города Екатеринослава, „товарищи, соединяйтесь, впередъ, солдаты стрѣлять не будутъ, имъ запрещено,“ толпа, выставляя красные флаги и съ криками „ура“, „долой самодержавіе“, двинулась на Николаевскую площадь поселка. На площади этой находились войска, которыя толпу и разсѣяли. 10 августа на той же площади вновь собралась значительная часть рабочихъ и, когда на площадь прибылъ уѣздный исправникъ, кто-то изъ толпы, присѣвъ на землю, сталъ выкрикивать требованія рабочихъ: о 8-ми часомъ рабочемъ днѣ, увеличеніи заработной платы, освобожденія арестованныхъ въ городѣ за безпорядки и другія; на предложеніе исправника разойтись, рабочіе отвѣтили согласіемъ и, дѣйствительно, разошлись, но къ работамъ не приступали. На слѣдующій день, однако, 11-го августа, утромъ, на той же площади вновь собралась толпа рабочихъ, болѣе 500 человѣкъ; въ толпѣ этой раздавались крики: „долой самодержавіе“ и разбрасывались печатныя воззванія; для разсѣянія этой толпы полиція должна была прибѣгнуть къ содѣйствію военной силы. Другихъ затѣмъ сборищъ въ поселкѣ Амуръ-Н. днѣпровскъ не было и 13 августа работы на всѣхъ заводахъ возобновились. Въ дни безпорядковъ въ городѣ Екатеринославѣ и въ поселкѣ Амуръ-Н.-днѣпровскъ, на мѣстѣ сборищъ, полиціей было поднято множество разбрасываемыхъ толпой воззваній, одни изъ коихъ призывали рабочихъ устроить общую забастовку, выходить на улицы и „ставъ подъ красныя знамена“, требовать 8-ми часоваго рабочаго дня и замѣны существующаго образа правленія народнымъ представительствомъ; другія были обращены къ солдатамъ, убѣждали послѣднихъ не стрѣлять въ безоружную толпу и порицали установленный законами образъ правленія. При разсѣяніи скопищъ, оказавшихъ сопротивленіе полиціи и войскамъ, полицейскій урядникъ Ахушковъ получилъ двѣ легкія раны въ голову, раненъ былъ пулей въ ногу полицейскій городовой Андрющенко и легко ушиблены камнями: полиціймейстеръ Машевскій, начальникъ Екатеринославскаго отдѣленія Кременчугскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ ротмистръ Остромысленскій, приставъ 1-й части г. Екатеринослава Крюковъ, конный ординарецъ 135-го Керчь-Еникальскаго пѣхотнаго полка Савенко и болѣе 20 нижнихъ чиновъ полицейскихъ и воинскихъ. Во время безпорядковъ и по прекращеніи таковыхъ, полиціей были задержаны многія лица замѣченныя въ толпѣ. Задержанные были предъявлены всѣмъ чинамъ полиціи и войска, принимавшимъ участіе въ разсѣян скопищъ, и при этомъ выяснилось, что въ шествіи толпы улицамъ и въ оказаніи сопротивленія полицейской власти числѣ многихъ другихъ принимали участіе: (слѣдуетъ пере сленіе обвиняемыхъ).

сказать обществу, что его требованія, его желанія — „безпочвенныя мечтанія“. Господа, чѣмъ опредѣленнѣе мы выразимся, тѣмъ грознѣе наша сила. Прошло время просить, пришло время требовать. Я предлагаю minimum того, что можетъ требовать всякій, уважающій себя русскій человѣкъ: Необходимо представительное правленіе“. Здѣсь собраніе встало и страшно шумно привѣтствовало эту резолюцію (подробная редакція и мотивы поручены бюро. Въ него входятъ адвокатъ, четыре „радикала“ и нѣсколько гласныхъ земцевъ). Затѣмъ произошелъ неожиданный скандалъ. Поднимается какой-то старичокъ и ехиднымъ тонкимъ голоскомъ говоритъ: „Господа, вотъ мы постановили, что необходимъ представительный образъ правленія. Но какъ объ этомъ сообщить всей Россіи? Вотъ здѣсь среди насъ сидятъ представители газеты, считающей себя органомъ интеллигенціи... Это — „Русск Вѣд“. Вонъ они сидятъ. Если они считаютъ себя таковыми, то пусть это докажутъ и напечатаютъ все, что здѣсь происходило“. Старичекъ сѣлъ. Это оказался докторъ Жбанковъ. Поднялся невообразимый шумъ. Этотъ моментъ раскололь русскихъ либераловъ на двѣ части: на болѣе умѣренную, оказавшуюся въ большинствѣ и ставшую за „Р. В.“, и болѣе демократическую, шикавшую и свиставшую ораторамъ — заступникамъ „Р. В“. Поднялся господинъ, который рѣзко сказалъ: „здѣсь говорили о свободѣ, а между тѣмъ надъ „Р. В“. хотѣли сдѣлать насиліе. Это жонглированіе словомъ свобода!“

Вскочилъ Малянтовичъ!

„Извините, вскрикнулъ онъ, всякій газетный органъ, который считаетъ себя выраженіемъ русскаго прогрессивнаго общества, который думаетъ, что онъ служитъ его интересамъ, болѣетъ его болѣзнями и страдаетъ его страданіями, обязанъ напечатать это въ тотъ моментъ, когда общество достигло высшаго напряженія въ своемъ стремленіи къ свободѣ. Всѣ здѣсь понимаютъ, что такое свобода. И „Моск. Вѣд“. тоже стоятъ за свободу, когда упрекаютъ либераловъ въ томъ, что они противъ нихъ. И тотъ, кто думаетъ, что мы жонглируемъ свободой — самъ жонглеръ!“

Предсѣдатель. — Я дѣлаю оратору замѣчаніе за непарламентское выраженіе.

Малянтовичъ. — Простите, я повторяю, что „Рус. Вѣд“. должны напечатать. Пусть ихъ закроютъ! Пусть они лучше умрутъ, чѣмъ позорно будутъ существовать, ибо сейчасъ смерть есть жизнь!“

Ораторъ Соколовъ: — Господа, вы заставляете „Рус. Вѣд“. напечатать, а Вы подпишетесь подъ своимъ требованіемъ представительнаго правленія?

Малянтовичъ — Господа, смѣшно намъ тратить время на пустяки. Вѣдь 500 человѣкъ до утра не подпишутъ. Всѣ мы шли сюда, зная, зачѣмъ идемъ. Мы подписывали свои фамиліи при входѣ. Я убѣжденъ, что собраніе согласится приложить этотъ списокъ въ видѣ подписей къ резолюціи.

Собраніе единогласно соглашается. Говоритъ Бларамбергъ въ защиту „Рус. Вѣъ“., объ ихъ сорокалѣтнемъ служеніи; возгласъ: „Это то и плохо, что вы 40 лѣтъ существовали. Порядочная газета столько не просуществуетъ!“

Крикъ: „Довольно говорить о такой дряни. Слишкомъ много чести:“ Шумъ, крикъ, предсѣдатель усиленно звонитъ. Малянтовичъ предлагаетъ передать резолюцію въ центральное земское бюро и довести до свѣдѣнія министра, что постановленіе состоялось тогда-то и находится тамъ-то“. Собраніе принимаетъ. Послѣ этого предсѣдатель Доброхотовъ отказывается дѣлать резюме и трусливо убѣгаетъ. Собраніе безъ конца. Всѣ или расходятся, или начинаютъ ужинать.

Москва. Вчера здѣсь состоялась демонстрація, афишированная „с.-р-ами“, устроенная студентами.

Объявлена была демонстрація на сходкѣ въ университетѣ, а на другой день появились соотвѣтствующія письменныя приглашенія.

Возбужденіе царило очень сильное. Болѣе довѣрчивые говорили о 12.000 рабочихъ, съорганизованныхъ „с.-р-ами“, другіе о 2.000, иные о 800. Демонстрація обѣщалась вооруженной, готовилось множество флаговъ. Въ концѣ концовъ настроеніе создалось. Пошли и тѣ, кто не считалъ демонстрацію своевременной.

Полиція приняла свои мѣры. Были присланы казачьи подкрѣпленія изъ провинціи. Всю ночь на 5-е происходило движеніе. Въ манежѣ были казаки, драгуны, жандармы, полиція, пѣхота. Сосредоточены были большія силы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ на Страстномъ бульварѣ. Мелкими отрядами полиція была помѣщена чуть ли не во всѣхъ крупныхъ дворахъ большого района. Были наняты дворники по 50 коп. „на рыло“. Всѣмъ охотно сообщался планъ демонстраціи и, какъ можно судить по принятымъ мѣрамъ, не былъ безызвѣстенъ и тѣмъ, кому это было нужно. Планъ былъ таковъ: собираются 1) у кофейни Филиппова (Тверская), 2) въ Брюсовскомъ пер. и 3) на Неглинной. По данному сигналу всѣ соединяются и громятъ кн. Сергѣя. Полиція бѣжитъ.

Студенты „соц.-демокр.“ (т. е. студенты, группирующіеся вокругъ С.-Д. О. В. У. З.) собрались на Страстномъ бульварѣ, и, затѣмъ большинство ихъ присоединилось къ главной массѣ.

До 12 час. ничто не выдавало тайны грядущаго переворота. Полиція была спрятана, на улицѣ обращали вниманіе только стоявшія на Тверской и Никитской (а можетъ быть и еще гдѣ нибудь) группы по 5-7 чел. какъ будто рабочихъ, но съ военной выправкой и склонностью къ дисциплинѣ. Только кофейня Филиппова была полна слушателями высшихъ учебныхъ заведеній. Преобладали студенты Московскаго университета, за ними шли сел. хоз., техники и межевики терялись совсѣмъ. Скоро Тверская стала наполняться по тротуарамъ бродящими студентами, курсистками и просто публикой — интеллигенціей. Въ часъ вышли изъ кофейни почти всѣ. Двери заперли и оставшаяся кучка съ трудомъ добилась, чтобы ее выпустили, начавъ ломать дверь[1]. Демонстрація началась въ 1 ч. 10 мин. Продолжалась ровно 5 минутъ, по словамъ одной слѣдившей курсистки. Съ тротуаровъ быстро сбѣжали на улицу и образовалась толпа, исключительно изъ слушателей и слушательницъ высш. учеб. зав. Если и были посторонніе, они затерялись. Впереди былъ рядъ курсистокъ, дальше нѣсколько рядовъ студентовъ, за ними шли кучей въ безпорядкѣ (всего было человѣкъ 300-400). Тотчасъ впереди демонстраціи появились стройные ряды 8-12 вершковыхъ полицейскихъ. Къ удивленію, они быстрыми шагами пошли впереди демонстрантовъ, а не на нихъ. Потомъ они освободили одну половину улицы. Пѣвшіе студенты съ крикомъ бросились въ образовавшійся проходъ. У дворца Сергѣя въ два (кажется) ряда выстроились конные жандармы. Шеренга городовыхъ отступила (при чемъ рядъ студентовъ двинулся невольно на нихъ) и вдругъ выхватила сабли и бросилась на находившихся противъ Чернышевскаго переулка студентовъ. Засверкали шашки, сливаясь въ блестящія полосы, раздались крики. Задніе ряды въ паникѣ бросились обратно. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Видно было, какъ кучами падали люди (невольно думалось, что это трупы, при видѣ взмаховъ шашекъ — били со всего размаха), слышны были удары[2] чудились разбитые черепа). Впечатлѣніе дополнилось бѣжавшимъ безъ шапки студентомъ. Голова его была разсѣчена, изъ раны (вершка $1^1/_2$—2 длины, текла кровь. Нѣсколько студентовъ бросилось обратно къ Филиппову. Тутъ произошла скверная исторія. Ихъ встрѣтили булочники криками: „не пустимъ“. Вышла драка... Приставъ или околодочный стрѣлялъ (minimum три выстрѣла) въ толпу, но были ли жертвы, не знаю. Можетъ быть выстрѣлы были холостые. Городовые били, главнымъ образомъ, плашмя, при чемъ если бы удары всегда соотвѣтствовали размаху, то количество тяжело-раненыхъ было бы несомнѣнно весьма велико. Но и такъ, было нанесено немало рубленныхъ ранъ (я видалъ пять). Подлецы околодочные били жестоко. Немедленно послѣ перваго избіенія, въ качествѣ провокатора, проѣхала матушка „Иверская“. Ей слегка посвистали, но тотчасъ перестали. Бѣдная матушка „Иверская“, какъ ее разносторонне-подло эксплуатируютъ. Потомъ она, не возбуждая вниманія, ѣздила съ двумя жандармами по бокамъ. Городовые крестились на матушку и начинали бить, какъ и прежде да записывать номера ругающихъ ихъ извощиковъ (у которыхъ органическая рознь съ полиціей).

Организація избіенія была „артистическая“, толпу разсѣкали на двое и гнали въ разныя стороны. Первая демонстрація была разсѣяна полминуты послѣ нападенія. Часть разбитой толпы побѣжала на Дмитровку, часть на Тверской бульваръ. На Дмитровкѣ соединились съ шедшими со Страстного бульвара (человѣкъ 50) съ флагомъ и пѣніемъ. Дали соединиться и опять избили, при чемъ опять полицейскій чинъ не ниже околодочнаго сдѣлалъ minimum три выстрѣла. Я видѣлъ, какъ оттуда увозили штатскаго съ разсѣченнымъ лицомъ. На Тверскомъ бульварѣ дали опять соединиться человѣкамъ 100-150, причемъ появилось много штатскихъ, повидимому не шпиковъ, судя по дѣйствіямъ полиціи, — мелкихъ торговцевъ мастеровыхъ, интеллигентовъ. Собравшись, запѣли Марсельезу (пропѣли три куплета) и быстро пошли по Никитской. Полиція (городовые) бросилась вслѣдъ, разсѣкла толпу и разогнала. Я видѣлъ одного съ окровавленной головой.

Къ тремъ часамъ все было тихо, только по Тверской до ночи ходила возбужденная толпа изъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и просто любопытныхъ. Въ Брюсовскомъ переулкѣ и на Неглинной первоначально никто не сосредоточился. 12.000 рабочихъ не оказалось. Это произвело удручающее впечатлѣніе на студенческую неосвѣдомленную и политически незрѣлую массу, которая шла повинуясь одному чувству. Прходилось слышать возгласы: „насъ обманули“... Многіе озлобились и въ первую минуту горячо утверждали, что они придутъ завтра, но съ револьверами... Меньшинство твердо рѣшило: мы прійдемъ на демонстрацію, но прійдемъ, когда будемъ силой, а пока „работать, работать и работать“.

Изъ тайнъ чернаго кабинета (точная копія).

московскій
почтъ-директоръ.

Совершенно секретно.

Милостивый Государь,
Дмитрій Федоровичъ!

Вслѣдствіе письма отъ 8 сего апрѣля за № 3271, о задержаніи и доставленіи въ Охранное Отдѣленіе корреспонденціи съ адресомъ: Москва, Большой Палашевскій переулокъ, домъ Добычина, кв. № 49, на имя дочери священника Лидіи Григорьевой Синцеровой (Сонщеровой), имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что о задержаніи означенной корреспонденціи въ Московскомъ Почтамтѣ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

При этомъ имѣю честь присовокупить, что, въ случаѣ полученія такой корреспонденціи въ Москвѣ, я буду имѣть честь увѣдомить Ваше Превосходительство дополнительно.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и искренней преданности.

Всегда готовый къ Вашимъ
услугамъ К. Радченко.

Его Пр-ству
Д. Ф.
Трепову.

№ 15464
9 апрѣля 1904 г.

Адресъ московскихъ студентовъ и курсистокъ профессору В. И. Герье.

Владиміръ Ивановичъ!

Роль, которую Вы играли въ только что закончившемся, знаменитомъ отнынѣ собраніи Московской Городской Думы, заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ:

30 ноября, во время засѣданія московской городской думы, впервые за все время своего существованія вотировавшей постановленія общегражданскаго характера, указывающія на настроеніе нашей родины и призывающія къ объединенной работѣ всѣхъ, въ комъ не заглохло еще чувство гражданина, Вы одинъ изъ всѣхъ гласныхъ вмѣстѣ съ купцомъ Найденовымъ позорно отказались отъ Вашей подписи.

Вы, претендовавшій ранѣе на званіе гражданина, являетесь теперь отщепенцомъ всего русскаго мыслящаго общества. Вы — единомышленникъ гг. Грингмута и Мещерскаго, но Вы, къ позору русской науки и нашего университета, продолжаете быть нашимъ профессоромъ.

Ваше прошлое, Ваша подпись подъ знаменитымъ „воззваніемъ“ гг. профессоровъ къ студентамъ съ упрекомъ въ томъ, что они „бунтуютъ“, забывая свой долгъ передъ обществомъ и народомъ и „даромъ ѣдятъ народный хлѣбъ“; Ваше посѣщеніе подъ охраной жандармовъ манежа и тюремъ для цѣлей полицейскаго свойства, Ваше открытое присутствіе на жандармскихъ дознаніяхъ о курсисткахъ въ Бутырской тюрьмѣ, — давали намъ не разъ поводъ выражать свое негодованіе. Теперь же Вашъ демонстративный отказъ въ подписи подъ тѣмъ, подъ чѣмъ подписывается вся мыслящая Россія, слишкомъ опредѣленно обрисовываетъ Васъ, чтобы оставалась хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, съ кѣмъ мы имѣли и имѣемъ дѣло, и даетъ намъ право еще разъ выразить наше презрѣніе, не скрывать его передъ лицомъ всего общества, а потому предать все это гласности.

3 декабря этотъ адресъ былъ прочитанъ Герье въ университетѣ. Онъ „по болѣзни“ отказался читать лекціи и ушелъ подъ свистъ студентовъ изъ аудиторіи. 4 декабря, однако, онъ читалъ уже на женскихъ курсахъ; тамъ ему тоже долженъ былъ быть прочитанъ этотъ адресъ.

Кременчугъ. 3 декабря за городомъ состоялось массовое собраніе, которое закончилось возмутительнымъ избіеніемъ.

Къ восьми часамъ вечера въ открытой степи собралось человѣкъ до 200[1]. Явились ораторы, и были произнесены двѣ рѣчи по поводу положенія дѣлъ на дальнемъ Востокѣ, какъ вдругъ нагрянула въ большомъ количествѣ полиція. Многіе изъ присутствовавшихъ были въ первый разъ на собраніи. При холостыхъ залпахъ полиціи, они бросились бѣжать, несмотря на призывы остальныхъ остановиться и дать отпоръ. Оставшіеся 80 человѣкъ были арестованы и отведены въ полицію, гдѣ ихъ по очереди прогоняли сквозь строй городовыхъ, вооруженныхъ нагайками. „Представьте себѣ, пишетъ рабочій, правильно выстроенный двойной рядъ. Вытаскиваютъ парня и вталкиваютъ его между рядами, и тамъ каждый его стегаетъ нагайкой, затѣмъ избитаго поворачиваютъ обратно и повторяется то же. Это была какая то вакханалія; я и еще нѣсколько человѣкъ стояли около четвертаго участка, и каждый ударъ нагайки, каждый стонъ проходившаго сквозь строй отзывался болью, вызывалъ чувство злобы и отчаянія“.

Въ другомъ письмѣ разсказываютъ, что люди, живущіе по сосѣдству съ четвертымъ участкомъ, разбѣжались изъ своихъ квартиръ, не будучи въ состояніи выносить страшныхъ криковъ, несшихся со двора.

Невольно приходитъ въ голову сравненіе. Вѣдь, третьяго декабря „весна“ была еще въ разгарѣ и, вѣроятно, въ то самое время — часу въ десятомъ — когда полиція подводила къ участку свои жертвы, въ разныхъ городахъ интеллигентные люди сходились на банкеты, чтобы послушать хорошихъ рѣчей и постановить радикальныя резолюціи. Замѣтьте при этомъ, что вѣдь „массовки“ вовсе не демонстрація. Если по обстановкѣ (холодная декабрская ночь въ открытой степи), онѣ прямо противоположны банкетамъ, то по цѣли аналогичны. По разнымъ пустырямъ, лѣсамъ и оврагамъ рабочіе собираются именно затѣмъ, чтобы слушать свободныя рѣчи, причемъ, если полиція прозѣваетъ, собранія часто заканчиваются резолюціями, но, по меньшей мѣрѣ, такъ же часто и нагайками. А рабочіе все таки собираются.

Въ № 80 „Искры“ въ одной изъ корреспонденцій, рисующихъ настроеніе нашей разночинной интеллигенціи, говорится, что многихъ въ ея средѣ банкеты уже не удовлетворяютъ, говорить промежъ себя уже не хочется, „все сказано“. „Дальше нужно дѣло, а дѣло то пока не налаживается“. Почему бы такой интеллигенціи, если она, дѣйствительно, жаждетъ „дѣла“, не подѣлиться остатками дарованной ей „весны“ съ рабочими, которымъ она не дарована. Ей слѣдуетъ устраивать уже ненужные ей банкеты и отдавать ихъ рабочимъ, подъ ихъ массовки, которыя они покупаютъ теперь такой дорогой цѣной.

Къ банкету въ Ростовѣ н/Д. Въ дополненіе къ корреспонденціи, помѣщенной въ № 80 „Искры“, можно сообщить слѣдующія подробности: когда, послѣ рѣчи присяжнаго-повѣреннаго и банкира Берберова, попросилъ слова представитель рабочихъ, предсѣдатель отказалъ ему въ виду того, что онъ не входитъ въ списокъ ораторовъ: „если вы хотите говорить о рабочихъ, объ ихъ требованіяхъ, отчего вы сами не собираетесь дома (!), а пришли мѣшать (!) нашему празднику“. Въ публикѣ раздались крики: „мы требуемъ, чтобъ онъ говорилъ“, но буржуазная часть публики поддержала предсѣдателя. Кончилось тѣмъ, что оратору предложили говорить по окончаніи оффиціальнаго списка ораторовъ. Адвокатъ Севастьяновъ, антисемитъ и организаторъ февральской патріотической демонстраціи, хотя и говорилъ „либерально“, былъ прерываемъ шиканьемъ и свистомъ. О политической свободѣ говорилъ, главнымъ образомъ, товарищъ директора Азовско-Донскаго комерческаго банка Коганъ (онъ же прочелъ резолюцію). Присяжный повѣренный Уткинъ говорилъ объ амнистіи по политичекимъ и религіознымъ дѣламъ. Резолюція либераловъ была прочтена до того, какъ было дано слово представителю рабочихъ, не смотря на то что часть публики требовала, чтобы онъ говорилъ до чтенія резолюціи. Послѣ него говорилъ еще, между прочимъ, сотрудникъ мѣстной газеты заявившій: „либеральный трезвонъ раздавался у насъ не разъ, но правительству всегда удавалось раздавить кучку либераловъ. Мы можемъ добиться результатовъ только, когда всѣ либералы *присоединятся къ борющемуся пролетаріату*“.

Харьковъ. На 5-ое декабря предполагался банкетъ по случаю сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, въ которомъ долженъ былъ принимать участіе весь цвѣтъ мѣстной адвокатуры, медики и т. д. Студентовъ рѣшили *не пускать ни подъ какимъ видомъ*, мотивируя это тѣмъ, что очень мало мѣста. Конечно, дѣло не въ мѣстахъ, а въ страхѣ передъ возможностью повторенія исторіи въ Юридическомъ Обществѣ (Кстати: туда уже также не пускаютъ — можно попасть только по билету, по рекомендаціи члена.) За полчаса до начала банкета, вице-губернаторъ Азанчевскій прислалъ приказъ, въ которомъ говорилось, что по причинамъ, которыхъ не можетъ объяснить, запрещаетъ собраться и проситъ дать свои подписи. Всѣ 182 члена подписались, но благополучно собрались и говорили рѣчи на разныя темы, вплоть до 4-хъ часовъ утра.

Сегодня по городу дефилируютъ конные патрули и масса пѣшихъ казаковъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Въ ноябрѣ вспыхнуло среди матросовъ возмущеніе. Недовольство среди нихъ давно уже достигло значительной степени. Казарменный режимъ становился все строже, ихъ обворовывали на пищѣ, заваливали службой и работой въ порту, причемъ, подъ конецъ лишили полагавшейся за эту работу платы; на войну отправляли безъ предупрежденій, не давая даже проститься съ родными и устроить свои дѣла. Все это вызывало среди матросовъ глухое броженіе, не разъ прорывавшееся отдѣльными вспышками въ томъ или иномъ видѣ. Напримѣръ, запасные не приняли разъ обѣда; когда же двоихъ изъ нихъ арестовали, остальные заставили освободить ихъ. Одинъ матросъ при отправкѣ на Дальній Востокъ громогласно обругалъ офицера, толкнувшаго его жену. Въ другой разъ, уѣзжавшіе на Дальній Востокъ матросы, какъ только поѣздъ сталъ отходить отъ вокзала, отвѣтили на привѣтствія провожавшаго ихъ адмирала тѣмъ, что забросали его всевозможными предметами, попавшимися въ эту минуту подъ руку. Послѣднія волненія, принявшія громадныя размѣры, были вызваны новымъ распоряженіемъ администраціи градоначальства, переполнившимъ чашу терпѣнія матросовъ. Администрація рѣшила снести лачуги, расположенныя возлѣ флотскихъ казармъ. Въ этихъ лачугахъ ютилась всякая бѣднота; между прочимъ, здѣсь же помѣщались и семьи матросовъ. Зная настроеніе матросовъ и опасаясь, чтобы они не вступились за обижаемыхъ, градоначальникъ (контръ-адмиралъ Спицкій) попросилъ главнаго командира Чухнина не выпускать въ этотъ день матросовъ изъ казармъ. Чухнинъ далъ свое согласіе, прибавивъ, что онъ вообще намѣренъ взять матросовъ въ ежевыя руковицы. Приказъ этотъ сталъ извѣстенъ матросамъ и сразу вызвалъ у нихъ возбужденіе. Часовъ въ шесть вечера, когда въ казармы возвращаются всѣ, находящіеся въ „нарядахъ“, и когда матросы привыкли послѣ службы уходить въ городъ, на дворъ казармъ высыпало, точно по сигналу, свыше десяти тысячъ (?) человѣкъ, потребовавшихъ, чтобы имъ немедленно открыли ворота. Дежурный офицеръ отвѣтилъ отказомъ. Въ мигъ ворота были вынесены изъ массивныхъ каменныхъ устоевъ и разнесены въ дребезги. Матросы, перебивъ стекла въ казармахъ, направились къ офицерскимъ флигелямъ, расположеннымъ тутъ же недалеко отъ казармъ. Двинулись они туда съ криками: „ура“! „Долой Чухнина“, „Долой войну“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавались крики: „долой самодержавіе!“ Желѣзныя рѣшетки были сломаны, стекла выбиты, рамы выломаны. Отъ опрокинутыхъ лампъ начался пожаръ. Нѣсколько офицеровъ подверглись избіенію. Офицерскія же семьи съ самаго начала „бунта“ поспѣшили переѣхать въ городъ, охваченныя паническимъ ужасомъ. Въ городѣ заговорили о томъ, что „началась революція“. Къ сожалѣнію, „бунтъ“ вспыхнулъ полчаса спустя послѣ окончанія работъ въ порту, когда всѣхъ рабочихъ перевезли уже на другую сторону бухты. Не имѣя возможности попасть обратно и присоединиться всей массой къ матросамъ, рабочіе густой толпой стояли на обрывистомъ берегу бухты и съ напряженіемъ смотрѣли туда, гдѣ при надвигающейся темнотѣ мрачными силуэтами высились гигантскіе корпуса казармъ. Разбивъ флигеля, матросы направились къ морскому штабу. Тамъ имъ загородилъ дорогу отрядъ брестскаго полка (его казармы находятся возлѣ флотскихъ). Одинъ унтеръ-офицеръ заявилъ, что онъ стрѣлять не будетъ, такъ какъ тамъ (среди матросовъ) находится его братъ. Унтеръ-офицера отправили обратно въ казармы. Отрядъ выстроился, раздалась команда, грянулъ залпъ... но ни одинъ матросъ не былъ даже раненъ — всѣ заряды полетѣли вверхъ надъ головами. Отрядъ отвели обратно въ казармы; въ заключеніе и солдаты выбили у себя стекла. Матросы снова повернули къ своимъ казармамъ. Офиможетъ сказать обществу, что его требованія, его желанія — „безсмысленныя мечтанія“. Господа, чѣмъ опредѣленнѣе мы выскажемся, тѣмъ грознѣе наша сила. Прошло время просить, пришло время требовать. Я предлагаю minimum того, что можетъ требовать всякій, уважающій себя русскій человѣкъ: Необходимо представительное правленіе“. Здѣсь собраніе встало и страшно шумно привѣтствовало эту резолюцію (подробная редакція и мотивы поручены бюро. Въ него входятъ адвокатъ, четыре „радикала“ и нѣсколько гласныхъ земцевъ). Затѣмъ произошелъ неожиданный скандалъ. Поднимается какой-то старикъ и ехиднымъ тонкимъ голоскомъ говоритъ: „Господа, вотъ мы постановили, что необходимъ представительный образъ правленія. Но какъ объ этомъ сообщить всей Россіи? Вотъ здѣсь среди насъ сидятъ представители газеты, считающей себя органомъ интеллигенціи... Это — „Русск Вѣд“. Вонъ они сидятъ. Если они считаютъ себя таковыми, то пусть это докажутъ и напечатаютъ все, что здѣсь происходило“. Старичекъ сѣлъ. Это оказался докторъ Жбанковъ. Поднялся невообразимый шумъ. Этотъ моментъ раскололь русскихъ либераловъ на двѣ части: на болѣе умѣренную, оказавшуюся въ большинствѣ и ставшую за „Р. В.“, и болѣе демократическую, шикавшую и свиставшую ораторамъ — заступникамъ „Р. В“. Поднялся господинъ, который рѣзко сказалъ: „здѣсь говорили о свободѣ, а между тѣмъ надъ „Р. В“. хотѣли сдѣлать насиліе. Это жонглированіе словомъ свобода!“

---

[1] Она выскочила, когда уже всѣ бѣжали.

[2] Повидимому о палки, бывшія у демонстрантовъ.

[1] Попозднѣе ожидали еще человѣкъ 300 заводскихъ, но подоспѣвшая къ девяти часамъ полиція предупредила ихъ приходъ.

Вскочилъ Малянтовичъ!

„Извините, вскрикнулъ онъ, всякій газетный органъ, который считаетъ себя выраженіемъ русскаго прогрессивнаго общества, который думаетъ, что онъ служитъ его интересамъ, болѣетъ его болѣзнями и страдаетъ его страданіями, обязанъ напечатать это въ тотъ моментъ, когда общество достигло высшаго напряженія въ своемъ стремленіи къ свободѣ. Всѣ здѣсь понимаютъ, что такое свобода. И „Моск. Вѣд“. тоже стоятъ за свободу, когда упрекаютъ либераловъ въ томъ, что они противъ нихъ. И тотъ, кто думаетъ, что мы жонглируемъ свободой — самъ жонглеръ!“

Предсѣдатель. — Я дѣлаю оратору замѣчаніе за непарламентское выраженіе.

Малянтовичъ. — Простите, я повторяю, что „Рус. Вѣд“. должны напечатать. Пусть ихъ закроютъ! Пусть они лучше умрутъ, чѣмъ позорно будутъ существовать, ибо сейчасъ смерть есть жизнь!“

Ораторъ Соколовъ: — Господа, вы заставляете „Рус. Вѣд“. напечатать, а Вы подпишетесь подъ своимъ требованіемъ представительнаго правленія?

Малянтовичъ — Господа, смѣшно намъ тратить время на пустяки. Вѣдь 500 человѣкъ до утра не подпишутъ. Всѣ мы шли сюда, зная, зачѣмъ идемъ. Мы подписывали свои фамиліи при входѣ. Я убѣжденъ, что собраніе согласится приложить этотъ списокъ въ видѣ подписей къ резолюціи.

Собраніе единогласно соглашается. Говоритъ Бларамбергъ въ защиту „Рус. Вѣд“, объ ихъ сорокалѣтнемъ служеніи; возгласъ: „Это то и плохо, что вы 40 лѣтъ существовали. Порядочная газета столько не просуществуетъ!“

Крикъ: „Довольно говорить о такой дряни. Слишкомъ много чести!“ Шумъ, крикъ, предсѣдатель усиленно звонитъ. Малянтовичъ предлагаетъ передать резолюцію въ центральное земское бюро и довести до свѣдѣнія министра, что постановленіе состоялось тогда-то и находится тамъ-то“. Собраніе принимаетъ. Послѣ этого предсѣдатель Доброхотовъ отказывается дѣлать резюме и трусливо убѣгаетъ. Собраніе безъ конца. Всѣ или расходятся, или начинаютъ ужинать.

Москва. Вчера здѣсь состоялась демонстрація, афишированная „с. р-ами“, устроенная студентами.

Объявлена была демонстрація на сходкѣ въ университетѣ, а на другой день появились соотвѣтствующія письменныя приглашенія.

Возбужденіе царило очень сильное. Болѣе довѣрчивые говорили о 12.000 рабочихъ, сорганизованныхъ „с.-р-ами“, другіе о 2.000, иные о 800. Демонстрація обѣщалась вооруженная, готовилось множество флаговъ. Въ концѣ концовъ настроеніе создалось. Пошли и тѣ, кто не считалъ демонстрацію своевременной.

Полиція приняла свои мѣры. Были присланы казачьи подкрѣпленія изъ провинціи. Всю ночь на 5-е происходило движеніе. Въ манежѣ были казаки, драгуны, жандармы, полиція, пѣхота. Сосредоточены были большія силы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ на Страстномъ бульварѣ. Мелкими отрядами полиція была помѣщена чуть ли не во всѣхъ крупныхъ дворахъ большого района. Были наняты дворники по 50 коп. „на рыло“. Всѣмъ охотно сообщался планъ демонстраціи и, какъ можно судить по принятымъ мѣрамъ, не былъ безызвѣстенъ и тѣмъ, кому это было нужно. Планъ былъ таковъ: собираются 1) у кофейни Филиппова Тверская, 2) въ Брюсовскомъ пер. и 3) на Неглинной. По тайному сигналу всѣ соединяются и громятъ кн. Сергѣя. Полиція бѣжитъ.

Студенты „соц.-демокр.“ т. е. студенты, группирующіеся вокругъ С. Д. О. В. У. З. собрались на Страстномъ бульварѣ, а, затѣмъ большинство ихъ присоединилось къ главной массѣ.

До 12 час. ничто не выдавало тайны грядущаго переворота. Полиція была спрятана, на улицѣ обращали вниманіе только стоявшія на Тверской и Никитской, а можетъ быть и еще гдѣ нибудь группы по 5-7 чел. какъ будто рабочихъ, но съ военной выправкой и склонностью къ дисциплинѣ. Только кофейня Филиппова была полна слушателями высшихъ учебныхъ заведеній. Преобладали студенты Московскаго университета, за ними шли сельхоз., техники и медики терялись совсѣмъ. Скоро Тверская стала наполняться по тротуарамъ бѣдными студентами, курсистками и просто публикой — интеллигенціей. Въ часъ вышли изъ кофейни почти всѣ. Двери заперли и оставшаяся кучка съ трудомъ добилась, чтобы ее выпустили, начавъ ломать дверь[1]. Демонстрація началась въ 1 ч. 10 мин. Продолжалась ровно 5 минутъ, по словамъ одной слѣдившей курсистки. Съ тротуаровъ быстро сбѣжали на улицу и образовалась толпа, исключительно изъ слушателей и слушательницъ высш. учеб. зав. Если и были посторонніе, они затерялись. Впереди былъ рядъ курсистокъ, затѣмъ нѣсколько рядовъ студентовъ, за ними шли кучей въ безпорядкѣ. Всего было человѣкъ 300-400. Тотчасъ впереди демонстраціи появились стройные ряды 8-12 верховыхъ полицейскихъ. Къ удивленію, они быстрыми шагами пошли впереди демонстрантовъ, а не на нихъ. Потомъ они освободили одну половину улицы. Первые студенты съ крикомъ бросились въ образовавшійся проходъ. У дворца Сергѣя въ два, кажется, ряда выстроились конные жандармы. Шеренга городовыхъ отступила, при чемъ рядъ студентовъ двинулся невольно на нихъ, и вдругъ выхватила сабли и бросилась на находившихся противъ Чернышевскаго переулка студентовъ. Засверкали шашки, сливаясь въ блестящія полосы, раздались крики. Задніе ряды въ паникѣ бросились обратно. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Видно было, какъ кучами падали люди (невольно думалось, что это трупы, при видѣ взмаховъ шашекъ — били со всего размаха), слышны были удары[2] тупились разбитые черепа. Впечатлѣніе дополнилось бѣжавшимъ безъ шапки студентомъ. Голова его была разсѣчена, изъ раны (вершка 1½—2 длины, текла кровь. Нѣсколько студентовъ бросилось обратно къ Филиппову. Тутъ произошла скверная исторія. Ихъ встрѣтили булочники криками: „не пустимъ“. Вышла драка... Приставъ или околоточный стрѣлялъ (minimum три выстрѣла) въ толпу, но были ли жертвы, не знаю. Можетъ быть выстрѣлы были холостые. Городовые били, главнымъ образомъ, плашмя, при чемъ если бы удары всегда соотвѣтствовали размаху, то количество тяжело-раненыхъ было бы несомнѣнно весьма велико. Но и такъ, было нанесено немало рубленныхъ ранъ (я видалъ пять). Подлецы околодочные били жестоко. Немедленно послѣ перваго избіенія, въ качествѣ провокатора, проѣхала матушка „Иверская“. Ей слегка посвистали, но тотчасъ перестали. Бѣдная матушка „Иверская“, какъ ее разносторонне-подло эксплуатируютъ. Потомъ она, не возбуждая вниманія, ѣздила съ двумя жандармами по бокамъ. Городовые крестились на матушку и начинали бить, какъ и прежде да записывать номера ругающихъ ихъ извозчиковъ (у которыхъ органическая рознь съ полиціей).

Организація избіенія была „артистическая“, толпу разсѣкали на двое и гнали въ разныя стороны. Первая демонстрація была разсѣяна полминуты послѣ нападенія. Часть разбитой толпы побѣжала на Дмитровку, часть на Тверской бульваръ. На Дмитровкѣ соединились съ шедшими со Страстного бульвара (человѣкъ 50) съ флагомъ и пѣніемъ. Дали соединиться и опять избили, при чемъ опять полицейскій чинъ не ниже околодочнаго сдѣлалъ minimum три выстрѣла. Я видѣлъ, какъ оттуда увозили штатскаго съ разсѣченнымъ лицомъ. На Тверскомъ бульварѣ дали опять соединиться человѣкамъ 100-150, причемъ появилось много штатскихъ, повидимому не шпиковъ, судя по дѣйствіямъ полиціи, — мелкихъ торговцевъ, мастеровыхъ, интеллигентовъ. Собравшись, запѣли Марсельезу (пропѣли три куплета) и быстро пошли по Никитской. Полиція (городовые) бросилась вслѣдъ, разсѣкла толпу и разогнала. Я видѣлъ одного съ окровавленной головой.

Къ тремъ часамъ все было тихо, только по Тверской до ночи ходила возбужденная толпа изъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ и просто любопытныхъ. Въ Брюсовскомъ переулкѣ и на Неглинной первоначально никто не сосредоточился. 12.000 рабочихъ не оказалось. Это произвело удручающее впечатлѣніе на студенческую неосвѣдомленную и политически незрѣлую массу, которая шла повинуясь одному чувству. Приходилось слышать возгласы: „насъ обманули“... Многіе озлобились и въ первую минуту горячо утверждали, что они придутъ завтра, но съ револьверами... Меньшинство твердо рѣшило: мы прійдемъ на демонстрацію, но прійдемъ, когда будемъ силой, а пока „работать, работать и работать“.

Изъ тайнъ чернаго кабинета (точная копія).

Московскій
почтъ-директоръ.

Совершенно секретно.

Милостивый Государь,
Дмитрій Федоровичъ!

Вслѣдствіе письма отъ 8 сего апрѣля за № 3271, о задержаніи и доставленіи въ Охранное Отдѣленіе корреспонденціи съ адресомъ: Москва, Большой Палашевскій переулокъ, домъ Добычина, кв. № 49, на имя дочери священника Лидіи Григорьевой Синцеровой (Сонцеровой), имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что о задержаніи означенной корреспонденціи въ Московскомъ Почтамтѣ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

При этомъ имѣю честь присовокупить, что, въ случаѣ полученія такой корреспонденціи въ Москвѣ, я буду имѣть честь увѣдомить Ваше Превосходительство дополнительно.

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и искренней преданности.

Всегда готовый къ Вашимъ
услугамъ К. Радченко.

Его Пр—ству
Д. Ф.
Трепову

№ 15464
9 апрѣля 1904 г.

Адресъ московскихъ студентовъ и курсистокъ профессору В. И. Герье.

Владиміръ Ивановичъ!

Роль, которую Вы играли въ только что закончившемся, знаменитомъ отнынѣ собраніи Московской Городской Думы, заставляетъ насъ обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующимъ.

30 ноября, во время засѣданія московской городской думы, впервые за все время своего существованія вотировавшей постановленія общегражданскаго характера, указывающія на настроеніе нашей родины и призывающія къ объединенной работѣ всѣхъ, въ комъ не заглохло еще чувство гражданина, Вы одинъ изъ всѣхъ гласныхъ вмѣстѣ съ купцомъ Найденовымъ позорно отказались отъ Вашей подписи.

Вы, претендовавшій ранѣе на званіе гражданина, являетесь теперь отщепенцомъ всего русскаго мыслящаго общества. Вы — единомышленникъ гг. Грингмута и Мещерскаго, но Вы, къ позору русской науки и нашего университета, продолжаете быть нашимъ профессоромъ.

Ваше прошлое, Ваша подпись подъ знаменитымъ „воззваніемъ“ гг. профессоровъ къ студентамъ съ упрекомъ въ томъ, что они „бунтуютъ“, забывая свой долгъ передъ обществомъ и народомъ и „даромъ ѣдятъ народный хлѣбъ“. Ваше посѣщеніе подъ охраной жандармовъ манежа и тюремъ для цѣлей полицейскаго свойства, Ваше открытое присутствіе на жандармскихъ дознаніяхъ о курсисткахъ въ Бутырской тюрьмѣ, — давали намъ не разъ поводъ выражать свое негодованіе. Теперь же Вашъ демонстративный отказъ въ подписи подъ тѣмъ, подъ чѣмъ подписывается вся мыслящая Россія, слишкомъ опредѣленно обрисовываетъ Васъ, чтобы оставалась хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, съ кѣмъ мы имѣли и имѣемъ дѣло, и даетъ намъ право еще разъ выразить наше презрѣніе, не скрывать его секретъ личномъ всего общества, а потому предать все это гласности.

3 декабря этотъ адресъ былъ прочитанъ Герье въ университетѣ. Онъ „по болѣзни“ отказался читать лекціи и ушелъ подъ свистъ студентовъ изъ аудиторіи. 4 декабря, однако, онъ читалъ уже на женскихъ курсахъ; тамъ ему тоже долженъ былъ быть прочитанъ этотъ адресъ.

Кременчугъ. 3 декабря за городомъ состоялось массовое собраніе, которое закончилось возмутительнымъ избіеніемъ.

Къ восьми часамъ вечера въ открытой степи собралось человѣкъ до 200[1]. Явились ораторы, и были произнесены двѣ рѣчи по поводу положенія дѣлъ на дальнемъ Востокѣ, какъ вдругъ нагрянула въ большомъ количествѣ полиція. Многіе изъ присутствовавшихъ были въ первый разъ на собраніи. При холостыхъ залпахъ полиціи, они бросились бѣжать, несмотря на призывы остальныхъ остановиться и дать отпоръ. Оставшіеся 80 человѣкъ были арестованы и отведены въ полицію, гдѣ ихъ по очереди прогоняли сквозь строй городовыхъ, вооруженныхъ нагайками. „Представьте себѣ, пишетъ рабочій, правильно выстроенный двойной рядъ. Вытаскиваютъ парня и вталкиваютъ его между рядами и тамъ каждый его стегаетъ нагайкой, затѣмъ избитаго поворачиваютъ обратно и повторяется то же. Это была какая-то вакханалія; я и еще нѣсколько человѣкъ стояли около четвертаго участка, и каждый ударъ нагайки, каждый стонъ проходившаго сквозь строй отзывался болью, вызывалъ чувство злобы и отчаянія“.

Въ другомъ письмѣ разсказываютъ, что люди, живущіе по сосѣдству съ четвертымъ участкомъ, разбѣжались изъ своихъ квартиръ, не будучи въ состояніи выносить страшныхъ криковъ, несшихся со двора.

Невольно приходитъ въ голову сравненіе. Вѣдь, третьяго декабря „весна“ была еще въ разгарѣ и, вѣроятно, въ то самое время — часу въ десятомъ — когда полиція подводила къ участку свои жертвы, въ разныхъ городахъ интеллигентные люди сходились на банкеты, чтобы послушать хорошихъ рѣчей и постановить радикальныя резолюціи. Замѣтьте при этомъ, что вѣдь „массовки“ вовсе не демонстрація. Если по обстановкѣ (холодная декабрская ночь въ открытой степи), онѣ прямо противоположны банкетамъ, то по цѣли аналогичны. По разнымъ пустырямъ, лѣсамъ и оврагамъ рабочіе собираются именно затѣмъ, чтобы слушать свободныя рѣчи, причемъ, если полиція просвѣдетъ, собранія часто заканчиваются резолюціями, но, по меньшей мѣрѣ, такъ же часто и нагайками. А рабочіе все таки собираются.

Въ № 80 „Искры“ въ одной изъ корреспонденцій, рисующихъ настроеніе нашей разночинной интеллигенціи, говорится, что многихъ въ ея средѣ банкеты уже не удовлетворяютъ, говорить промежъ себя уже не хочется, „все сказано“. „Дальше нужно дѣло, а дѣло то пока не налаживается“. Почему бы такой интеллигенціи, если она, дѣйствительно, жаждетъ „дѣла“, не подѣлиться остатками дарованной ей „весны“ съ рабочими, которымъ она не дарована. Ей слѣдуетъ устраивать уже ненужные ей банкеты и отдавать ихъ рабочимъ, подъ ихъ массовки, которыя они покупаютъ теперь такой дорогой цѣной.

Къ банкету въ Ростовѣ н/Д. Въ дополненіе къ корреспонденціи, помѣщенной въ № 80 „Искры“, можно сообщить слѣдующія подробности: когда, послѣ рѣчи присяжнаго-повѣреннаго и банкира Берберова, попросилъ слова представитель рабочихъ, предсѣдатель отказалъ ему въ виду того, что онъ не входитъ въ списокъ ораторовъ: „если вы хотите говорить о рабочихъ, объ ихъ требованіяхъ, отчего вы сами не собираетесь дома (!), а пришли мѣшать (!) нашему празднику“. Въ публикѣ раздались крики: „мы требуемъ, чтобъ онъ говорилъ“, но буржуазная часть публики поддержала предсѣдателя. Кончилось тѣмъ, что оратору предложили говорить по окончаніи оффиціальнаго списка ораторовъ. Адвокатъ Севастьяновъ, антисемитъ и организаторъ февральской патріотической демонстраціи, хотя и говорилъ „либерально“, былъ прерываемъ шиканьемъ и свистомъ. О политической свободѣ говорилъ, главнымъ образомъ, товарищъ директора Азовско-Донскаго комерческаго банка Коганъ (онъ же прочелъ резолюцію). Присяжный повѣренный Уткинъ говорилъ объ амнистіи по политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Резолюція либераловъ была прочтена до того, какъ было дано слово представителю рабочихъ, не смотря на то, что часть публики требовала, чтобы онъ говорилъ до чтенія резолюціи. Послѣ него говорилъ еще, между прочимъ, сотрудникъ мѣстной газеты заявившій: „либеральный трезвонъ раздавался у насъ не разъ, но правительству всегда удавалось раздавить кучку либераловъ. Мы можемъ добиться результатовъ только, когда всѣ либералы *присоединятся къ борющемуся пролетаріату*“.

Харьковъ. На 5-ое декабря предполагался банкетъ по случаю сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, въ которомъ долженъ былъ принимать участіе весь цвѣтъ мѣстной адвокатуры, медики и т. д. Студентовъ рѣшили *не пускать ни подъ какимъ видомъ*, мотивируя это тѣмъ, что очень мало мѣста. Конечно, дѣло не въ мѣстахъ, а въ страхѣ передъ возможностью повторенія исторіи въ Юридическомъ Обществѣ (Кстати: туда уже также не пускаютъ — можно попасть только по билету, по рекомендаціи члена.) За полчаса до начала банкета, вице-губернаторъ Азанчевскій прислалъ приказъ, въ которомъ говорилось, что по причинамъ, которыхъ не можетъ объяснить, запрещаетъ собраться и проситъ дать свои подписи. Всѣ 182 члена подписались, но благополучно собрались и говорили рѣчи на разныя темы, вплоть до 4-хъ часовъ утра.

Сегодня по городу дефилируютъ конные патрули и масса пѣшихъ казаковъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Въ ноябрѣ вспыхнуло среди матросовъ возмущеніе. Недовольство среди нихъ давно уже достигло значительной степени. Казарменный режимъ становился все строже, ихъ обворовывали на пищѣ, заваливали службой и работой въ порту, причемъ, подъ конецъ, лишили полагавшейся за эту работу платы; на войну отправляли безъ предупрежденій, не давая даже проститься съ родными и устроить свои дѣла. Все это вызывало среди матросовъ глухое броженіе, не разъ прорывавшееся отдѣльными вспышками въ томъ или иномъ видѣ. Напримѣръ, запасные не приняли разъ обѣда; когда же двоихъ изъ нихъ арестовали, остальные заставили освободить ихъ. Одинъ матросъ при отправкѣ на Дальній Востокъ громогласно обругалъ офицера, толкнувшаго его жену. Въ другой разъ, уѣзжавшіе на Дальній Востокъ матросы, какъ только поѣздъ сталъ отходить отъ вокзала, отвѣтили на привѣтствія провожавшаго ихъ адмирала тѣмъ, что забросали его всевозможными предметами, попавшимися въ эту минуту подъ руку. Послѣднія волненія, принявшія громадныя размѣры, были вызваны новымъ распоряженіемъ администраціи градоначальства, переполнившимъ чашу терпѣнія матросовъ. Администрація рѣшила снести лачуги, расположенныя возлѣ флотскихъ казармъ. Въ этихъ лачугахъ ютилась всякая бѣднота; между прочимъ, здѣсь же помѣщались и семьи матросовъ. Зная настроеніе матросовъ и опасаясь, чтобы они не вступились за обижаемыхъ, градоначальникъ (контръ-адмиралъ Спицкій) попросилъ главнаго командира Чухнина не выпускать въ этотъ день матросовъ изъ казармъ. Чухнинъ далъ свое согласіе, прибавивъ, что онъ вообще намѣренъ взять матросовъ въ ежевыя рукавицы. Приказъ этотъ сталъ извѣстенъ матросамъ и сразу вызвалъ у нихъ возбужденіе. Часовъ въ шесть вечера, когда въ казармы возвращаются всѣ, находящіеся въ „нарядахъ“, и когда матросы привыкли послѣ службы уходить въ городъ, на дворъ казармъ высыпало, точно по сигналу, свыше десяти тысячъ (?) человѣкъ, потребовавшихъ, чтобы имъ немедленно открыли ворота. Дежурный офицеръ отвѣтилъ отказомъ. Въ мигъ ворота были вынесены изъ массивныхъ каменныхъ устоевъ и разнесены въ дребезги. Матросы, перебивъ стекла въ казармахъ, направились къ офицерскимъ флигелямъ, расположеннымъ тутъ же недалеко отъ казармъ. Двинулись они туда съ криками: „ура“, „долой Чухнина“, „долой войну“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздавались крики: „долой самодержавіе!“ Желѣзныя рѣшетки были сломаны, стекла выбиты, рамы выломаны. Отъ опрокинутыхъ лампъ начался пожаръ. Нѣсколько офицеровъ подверглись избіенію. Офицерскія же семьи съ самаго начала „бунта“ поспѣшили переѣхать въ городъ, охваченныя паническимъ ужасомъ. Въ городѣ заговорили о томъ, что „началась революція“. Къ сожалѣнію, „бунтъ“ вспыхнулъ полчаса спустя послѣ окончанія работъ въ порту, когда всѣхъ рабочихъ перевезли уже на другую сторону бухты. Не имѣя возможности попасть обратно и присоединиться всей массой къ матросамъ, рабочіе густой толпой стояли на обрывистомъ берегу бухты и съ напряженіемъ смотрѣли туда, гдѣ при надвигающейся темнотѣ мрачными силуэтами высились гигантскіе корпуса казармъ. Разбивъ флигеля, матросы направились къ морскому штабу. Тамъ имъ загородилъ дорогу отрядъ брестскаго полка (его казармы находятся возлѣ флотскихъ). Одинъ унтеръ-офицеръ заявилъ, что онъ стрѣлять не будетъ, такъ какъ тамъ среди матросовъ находится его братъ. Унтеръ-офицера отправили обратно въ казармы. Отрядъ выстроился, раздалась команда, грянулъ залпъ... но ни одинъ матросъ не былъ даже раненъ — всѣ заряды полетѣли вверхъ надъ головами. Отрядъ отвели обратно въ казармы; въ заключеніе и солдаты выбили у себя стекла. Матросы снова повернули къ своимъ казармамъ. Офицеры наскоро раздали боевые патроны учебной командѣ и вообще наиболѣе забитымъ матросамъ, остававшимся до сихъ поръ въ сторонѣ отъ волненій. По командѣ раздавались залпы, но всѣ выстрѣлы летѣли вверхъ. Вскорѣ, впрочемъ, и учебная команда перестала повиноваться и присоединилась къ остальнымъ матросамъ. Послѣ всѣхъ залповъ убитыми оказались только одинъ матросъ, котораго уложила пущенная изъ револьвера пуля офицера, и одинъ полковникъ, получившій ударъ камнемъ по головѣ. Между тѣмъ, изъ лагерей въ казармы наскоро перевели бѣлостокскій полкъ; солдатамъ роздали боевые патроны, и каждый ротный командиръ обратился къ своей ротѣ съ рѣчью, напоминая ей о „долгѣ присяги“. Но рѣчи не производили на этотъ разъ должнаго впечатлѣнія. Почти не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ и фельдфебелей, солдаты громко переговаривались другъ съ другомъ. — Будешь стрѣлять? — А ты будешь? — А воздухъ на что? — Тамъ наши земляки! — За что я буду въ нихъ стрѣлять? Они намъ добра желаютъ! — Въ воздухъ надо стрѣлять, либо въ офицеровъ! Вспоминались всѣ обиды, плохая пища и пр. Офицера, видя такое настроеніе въ полку, трусили. Вотъ рѣчь одного ротнаго. (Храбрясь) „Братцы! Помните долгъ присяги. Флотскіе эти — подлецы, негодяи. Прикажу стрѣлять — стрѣляйте сейчасъ же. А кто не будетъ стрѣлять, тому голову шашкой сниму“. (Струсивъ, послѣ минуты волненія). — А если и меня на штыки подымутъ, такъ мнѣ все равно“. Полкъ цѣлую ночь продержали при оружіи, но вывести его не рѣшились.

---

[1] Она выскочила, когда уже всѣ бѣжали.

[2] Повидимому о палки, бывшія у демонстрантовъ.

[1] Попозднѣе ожидали еще человѣкъ 300 заводскихъ, но подоспѣвшая къ девяти часамъ полиція предупредила ихъ приходъ.

Побѣда осталась за матросами. На другой день ихъ пускали уже куда угодно, безъ всякихъ билетовъ. Раньше же пускали только „по служебнымъ обязанностямъ“ и только по билетамъ. Конечно, начальство не замедлило принять свои мѣры. Часть матросовъ, наиболѣе активная, была переведена на суда. Возбужденное настроеніе продолжало проявляться и здѣсь. На дняхъ миноносцы отказались грузить уголь; матросы встрѣтили и проводили командира свистомъ. Въ заключеніе всѣхъ событій послѣдовали аресты. Арестовано свыше 100 матросовъ. Кромѣ нихъ, было арестовано около 25 портовыхъ рабочихъ, такъ какъ въ порту была сдѣлана попытка забастовать и присоединиться къ матросамъ. На улицѣ арестовано два неизвѣстныхъ интеллигента. Наканунѣ „бунта“ мѣстная организація, „Крымскій союзъ“, распространила листокъ „Къ солдатамъ“ въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ первый разъ удалось распространить воззванія въ самой казармѣ. Въ то же время этотъ же листокъ и значительное число брошюръ были распространены на цѣломъ рядѣ судовъ. На утро послѣ „бунта“ „Крымскій союзъ“ распространилъ на Корабельной (гдѣ флотскія казармы) листокъ „Пора“ въ количествѣ 700 экз. Затѣмъ были выпущены къ портовымъ рабочимъ два листка съ призывомъ забастовать и присоединиться къ матросамъ.

Черезъ нѣсколько дней Чухнинъ, котораго матросы ненавидятъ всѣ до единаго, явился, наконецъ, въ казармы на смотръ и произнесъ рѣчь. Онъ говорилъ о томъ, какъ произошло государство и какъ его трудно перестраивать; говорилъ, что къ „бунтамъ“ подстрекаютъ „враги-инородцы“ и что зачинщиковъ надо выдавать. Недавно въ порту во флотѣ и арміи *три дня подрядъ* распространяли брошюры Богдановича. Начальство вообще серьезно встревожено, несмотря на стихійный характеръ „бунта“. Теперь Чухнинъ уже смѣщенъ. Казармы брестскаго полка находятся рядомъ съ флотскими. Солдаты и матросы — прежде враги — посѣщаютъ теперь другъ друга, ходятъ обнявшись, о чемъ то шушукаются. Чухнинъ телеграфировалъ царю, что „бунтъ носитъ явно политическій характеръ“. Возбужденіе какъ среди матросовъ, такъ и среди солдатъ продолжается (въ газетахъ сообщено о преданіи военно-морскому суду 35 матросовъ. *Ред.*).

О причинахъ матросскаго возмущенія намъ сообщаетъ слѣдующія подробности одинъ товарищъ-матросъ:

По распоряженію Главнаго Морского Штаба, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ болѣе тысячи матросовъ были назначены для отправленія на дальній востокъ и тогда же росписаны по экипажамъ крейсеровъ №№ 1, 2, 3. Они содержались вмѣстѣ съ другими матросами въ огромныхъ казармахъ одной изъ флотскихъ дивизій, гдѣ помѣщалось болѣе 15000 человѣкъ, среди которыхъ подавляющее большинство — призванные изъ запаса. Въ условіяхъ гражданской жизни они успѣли забыть былую военную муштровку, и суровый казарменный режимъ, настойчиво проводимый адмираломъ Чухнинымъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, страшно озлоблялъ ихъ, все болѣе обостряя то смутное, но глубокое недовольство, съ которымъ они шли на призывъ при мобилизаціи. Вначалѣ неясно сознанное негодованіе противъ преступнаго царскаго правительства зрѣло все болѣе; это правительство затѣяло ненужную войну, оторвало ихъ отъ мирной жизни, предало ужасамъ нищеты ихъ осиротѣлыя семьи и самихъ ихъ готовилось послать на бойню. Разговоры съ молодыми матросами, среди которыхъ уже давно ведется соціальдемократическая пропаганда, содѣйствовали тому, что смутное недовольство превращалось въ сознательную ненависть къ самодержавному порядку. Нелѣпые приказы адмирала Чухнина, оскорбительные для личнаго достоинства солдата, подливали масла въ огонь. Въ цѣляхъ усиленія дисциплины, адмиралъ, подъ угрозой наказанія, рѣшительно запретилъ матросамъ показываться на главныхъ улицахъ города — Нахимовской, Морской и Екатерининской; на другихъ улицахъ было запрещено появляться въ обществѣ женщинъ, кто бы онѣ ни были, матери, жены или знакомыя; особые патрули подъ командой прапорщиковъ флота наблюдали за исполненіемъ этого; женатымъ матросамъ не разрѣшались отлучки на квартиры. Особенно возмущало матросовъ объявленіе, вывѣшенное на Приморскомъ бульварѣ; въ немъ, на ряду съ обычнымъ „травы не мять, собакъ не водить“ значилось: „нижнимъ чинамъ не входить“ („собакамъ и солдатамъ входъ воспрещается“, говорили въ казармахъ).

Варшава. Мобилизація въ Варшавскомъ округѣ вызвала страшный протестъ со стороны всего населенія. Въ крупныхъ городахъ почти ежедневно происходятъ столкновенія между полиціей и толпой, или между кадровыми и запасными, призванными на службу. Особенно сильны волненія въ Варшавѣ. Мѣстные комитеты всѣхъ партій выпускаютъ громадное количество листковъ, призывая рабочихъ всѣхъ гражданъ къ открытому протесту противъ мобилизаціи, противъ войны, противъ самодержавія. И послѣднему приходится круто. Съ демонстрирующими рабочими оно очень легко справлялось при содѣйствіи войскъ, и такъ какъ до настоящаго времени рабочіе еще не могли дать войскамъ дружный вооруженный отпоръ, то самодержавіе выходило всегда побѣдителемъ. Но теперь картина рѣзко измѣнилась. Призывая запасныхъ, правительство принуждено было снабдить ихъ оружіемъ, и вотъ во многихъ мѣстахъ запасные вооруженные самимъ же правительствомъ, обрушились на него же. Приспѣшникамъ самодержавія легко было направить солдатъ противъ рабочихъ, но когда это нужно было сдѣлать противъ запасныхъ солдатъ, одѣтыхъ въ тѣ же мундиры, вооруженныхъ той же винтовкой, то мѣстные палачи своѣмъ перетрусили и только въ двухъ-трехъ мѣстахъ смогли заставить кадровыхъ стрѣлять въ запасныхъ. Можно себѣ представить настроеніе солдата, когда ему приказывали стрѣлять въ своего же товарища по полку и даже ротѣ, съ которымъ ему приходится и спать подъ одной крышей, и ѣсть изъ одного котелка. Въ Ченстоховѣ и Кутно запасные отказались итти на кровавую бойню, какъ теперь всѣ называютъ войну съ Японіей, и ихъ пришлось силою тащить въ вагоны; но и водворенные въ вагоны, они продолжали кричать „долой самодержавіе“ и пѣть революціонныя пѣсни. Бѣгство заграницу массовое. Есть уѣзды, откуда $^3/_4$ не явилось къ воинскимъ начальникамъ. 29-го октября партія запасныхъ, въ 1000 человѣкъ, предназначенная на укомплектованіе мобилизированныхъ частей, отказалась сѣсть въ скотскіе вагоны и только послѣ долгихъ, трехъчасовыхъ увѣщаній и обѣщаній пересадить ихъ въ пасажирскіе вагоны, только послѣ ареста 80 человѣкъ, наиболѣе протестующихъ—они уступили. По поводу мобилизаціи выпущены были листки военно-революціонной группой, гдѣ запасные призывались къ открытому протесту противъ войны и отказу итти на бойню, призывались въ ряды Р. С-Д Р. П. для совмѣстной борьбы противъ существующаго соціальнаго и политическаго строя.

Офицеръ.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Царскій манифестъ и положеніе нашихъ нефабричныхъ рабочихъ. — 20 лѣтъ обязательнаго страхованія на случай болѣзни въ Германіи.

Царскій манифестъ обѣщаетъ рабочимъ государственное страхованіе. Даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. предполагая, что даваемое теперь обѣщаніе, дѣйствительно, будетъ сдержано, можно быть увѣреннымъ, что изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ выйдетъ никуда негодный проектъ, который лишній разъ только подтвердитъ, что фабричное законодательство можетъ быть хорошимъ демагогическимъ средствомъ въ рукахъ Зубатовыхъ, но не можетъ явиться дѣйствительнымъ факторомъ въ улучшеніи положенія рабочихъ, безъ активнаго участія заинтересованнаго класса въ этомъ самомъ законодательствѣ и въ вышедшихъ изъ него учрежденіяхъ. Если предыдущее рабочее законодательство оказывалось хотя сколько нибудь полезнымъ рабочему классу, то лишь постольку, поскольку на стражѣ каждаго закона стояла сознательная воля пролетаріевъ отстоять завоеванное тяжелой борьбой право. А многочисленные слои пролетаріевъ, до сихъ поръ мало или вовсе не принимавшихъ участія въ этой борьбѣ, такъ и лишены были даже этихъ жалкихъ благъ законодательства и попрежнему остаются жертвами самой безчеловѣчной и ничѣмъ не ограниченной эксплуатаціи. Трудно сказать, суждено ли еще будетъ самодержавію, дни котораго несомнѣнно сочтены, — суждено ли ему еще будетъ провести въ жизнь обѣщанный законъ, но соціальдемократіи тотъ или иной исходъ дастъ въ руки новое агитаціонное средство и возможность втянуть въ экономическую и политическую борьбу эти обширные слои пролетаріевъ, которымъ мѣсто только въ нашихъ рядахъ.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ наши сельско-хозяйственные рабочіе, о которыхъ мы, однако, распространяться не будемъ, оставляя бесѣду о нихъ до другого раза. Но и среди городскихъ рабочихъ имѣются многочисленныя категоріи, живущія подъ совершенно особымъ режимомъ, или, если хотите, общимъ режимомъ россійскаго беззаконія, которое, однако, тѣмъ тяжелѣе ложится на данную группу, чѣмъ ниже то мѣсто, которое она занимаетъ на соціальной лѣстницѣ. Недавно газеты приводили свѣдѣнія о жизни портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, 70% которыхъ живетъ въ ночлежныхъ домахъ. Рабочіе нанимаются черезъ подрядчиковъ, въ рукахъ которыхъ остается около $^1/_3$ заработка. Условія найма не регулированы, о жилищахъ не заботятся, ни больницъ, ни школъ, никакого вознагражденія въ случаѣ несчастій. Въ такомъ же положеніи находятся и портовые рабочіе и матросы въ прикаспійскихъ портахъ, и безправіе этихъ паріевъ лучше всего характеризуется той 1261 ст. Улож. о наказ., которую бакинское портовое управленіе въ 1903 году помѣстило въ разсчетныхъ книжкахъ для судовыхъ рабочихъ. Статья эта гласитъ: „корабельные служители или водоходцы, которые во время пути окажутъ корабельщику явное неповиновеніе въ исполненіи ихъ обязанностей, подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ, или тѣлесному наказанію хлыстомъ до пяти ударовъ по усмотрѣнію самаго корабельщика, или же, въ случаяхъ важныхъ, и аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ“.

Не менѣе ужасно положеніе строительныхъ рабочихъ — каменьщиковъ, маляровъ, землекоповъ и т. д., — находящихъ работу только въ лѣтнее время. И для нихъ нигдѣ никакой защиты: какъ общее правило, за дни болѣзни или за дождевые дни здѣсь платы не выдаютъ; очень часто за прогульные дни взымаются штрафы, въ $2-2^1/_2$ раза превышающіе заработную плату; рабочій день продолжается 13-15 часовъ; отвѣтственности за несчастные случаи, столь частые при этихъ работахъ, не существуетъ. — Не казиста и жизнь приказчиковъ, этихъ рабовъ прилавка, какъ назвала ихъ недавно одна нѣмецкая газета. Но, заговоривъ о приказчикахъ, мы чувствуемъ, что многіе изъ нихъ обидятся за то, что мы причисляемъ ихъ къ пролетаріямъ, такъ какъ они живутъ еще предразсудками прошлаго, когда каждый приказчикъ могъ еще мечтать стать самому хозяиномъ лавки въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но эти времена прошли. Устройство самостоятельнаго, могущаго выдержать конкурренцію торговаго дѣла требуетъ нынѣ весьма большихъ капиталовъ, а ростъ капитализма съ его постояннымъ разореніемъ мелкихъ собственниковъ и мелкихъ ремесленниковъ ведетъ къ увеличенію предложенія труда между прочимъ, и въ торговлѣ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ пониженію заработка и усиленію эксплуатаціи наемниковъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя цифры: Въ *Одессѣ* огромное большинство магазиновъ открывается въ 6-7 часовъ утра и закрывается въ 10-11, а иногда и въ 12 часовъ ночи; рѣдко гдѣ есть праздничный отдыхъ; времени на обѣдъ не дается и приходится ѣсть урывками тутъ же въ магазинѣ за прилавкомъ; отсюда катарры желудка и другія болѣзни, ранняя старость и очень большая смертность. Въ *Лодзи* приказчики тоже работаютъ по 12—17 часовъ безъ перерыва на обѣдъ. Въ *Костромѣ* приказчики работаютъ безпрерывно 14-16 час., ѣдятъ и пьютъ урывками въ лавкѣ; пища часто совершенно застываетъ и, случается, даже замерзаетъ; вознагражденіе 16—35 рублей въ мѣсяцъ, но прослужившіе лѣтъ 10-15 могутъ получать и больше, до 60 рублей. Въ *Смоленскѣ* рабочій день приказчиковъ 13, 15, 16 и болѣе часовъ. Отъ 15 до 17 час., не исключая праздниковъ, работаютъ также приказчики въ *Ставрополѣ* и въ городахъ *Ставропольской губерніи*. Въ *Москвѣ* рабочій день колеблется между 9 и 16 часами, но первая цифра встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ; жалованье 720-900 рублей въ годъ. И такъ вездѣ по всему лицу земли русской. Сильно страдаютъ приказчики отъ безработицы: потерявшій мѣсто приказчикъ рѣдко находитъ новое черезъ 2 мѣсяца, чаще же всего ждетъ полгода, 1 годъ, 2, $2^1/_2$ и 3 года. Словомъ, нынѣшніе приказчики ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ отъ пролетаріевъ не отличаются и могутъ искать выхода изъ своего положенія только въ совмѣстной борьбѣ со всѣмъ рабочимъ классомъ.

Отъ приказчиковъ перейдемъ къ желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Желѣзнодорожныя предпріятія являются высшей формой крупнокапиталистическаго хозяйства со всѣми сопровождающими его явленіями, слѣдовательно, и съ рѣзко выраженной противоположностью классовыхъ интересовъ. Несмотря на это, только рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ принимаютъ сейчасъ активное участіе, какъ въ стачечной, такъ и въ политической борьбѣ россійскаго пролетаріата. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ другіе рабочіе и служащіе слишкомъ разрознены по роду своихъ занятій, а также тѣмъ кастовымъ духомъ, которое воспитываетъ и поддерживаетъ въ нихъ начальство, разбивая ихъ на отдѣльныя категоріи по чинамъ, рангамъ, жалованью и т. п. Какъ среди приказчиковъ, здѣсь живутъ спеціальные предразсудки, которые только облегчаютъ начальству его варварскую эксплуатацію этихъ самыхъ якобы непролетаріевъ. И въ то время, какъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ добились 10-ти часового рабочаго дня, для прочихъ служащихъ остается крайнимъ предѣломъ 16-ти и 24-хъ часовый рабочій день.

* * *

Страхованіе, которое русское правительство теперь обѣщаетъ, уже много лѣтъ существуетъ въ Германіи, но если рабочій классъ этой страны сумѣлъ сдѣлать изъ этихъ законовъ могучее орудіе въ своей борьбѣ противъ принижающихъ тенденцій капитализма, то объясняется это высокой степенью сознательности и организованности, а отнюдь не расположеніемъ правительства, которое, напротивъ, стремилось изувѣчить этотъ законъ, какъ только замѣтило, что его расчетъ отвлечь рабочихъ отъ соціальдемократіи оказался ошибочнымъ. До 1883 года въ Германіи существовалъ лишь законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, — законъ, очень похожій на дѣйствовавшій у насъ до прошлаго года и требовавшій, чтобы рабочій на судѣ доказалъ виновность предпринимателя или его агентовъ. Забота же о больныхъ, старикахъ и лицахъ, неспособныхъ къ труду, лежала на общинахъ или была предоставлена частной благотворительности. Само собою разумѣется, что даже при крайне ничтожной помощи, бюджеты городскихъ общинъ были сильно отягчены и особенно страдали въ эпохи промышленныхъ кризисовъ. Вопль общинныхъ совѣтовъ по этому поводу не прекращался во все продолженіе семидесятыхъ горовъ. И это была *экономическая* причина новаго соціально-политическаго законодательства. Но еще болѣе правительство руководилось политическими соображеніями, т. е. борьбой съ соціальдемократіей. Императорское посланіе отъ 17 ноября 1881 года заявило, что необходимо двигаться „не только по пути подавленія соціальдемократическихъ стремленій, но и по пути положительнаго споспѣшествованія благу рабочихъ“. Точно также, во введеніи къ внесенному 3 марта 1881 года законопроекту о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, мы читаемъ: „При обсужденіи закона 21 октября 1881 года объ общеопасныхъ стремленіяхъ соціальдемократіи, было указано на необходимость бороться противъ печальныхъ явленій, вызвавшихъ этотъ законъ, — бороться и путемъ положительныхъ мѣропріятій, цѣлью которыхъ должно быть улучшеніе положенія рабочихъ. Не только человѣколюбіе и христіанское ученіе, которыми должны быть проникнуты государственныя учрежденія, обязываетъ государство заботиться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде, о своихъ нуждающихся въ помощи членахъ, но это входитъ также въ задачи разумной консервативной политики, цѣлью которой должно быть воспитаніе въ неимущихъ классахъ, которые въ то же время являются наиболѣе многочисленными и наименѣе освѣдомленными, взгляда, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе. Съ этой цѣлью необходимо предоставить имъ черезъ законодательство рядъ очевидныхъ, прямыхъ выгодъ и такимъ образомъ убѣдить ихъ, чтобы они видѣли въ государствѣ учрежденіе, не изобрѣтенное только для защиты лучше обставленныхъ классовъ, но служащее и ихъ потребностямъ и интересамъ“. Несмотря на это краснорѣчіе, названному проекту не суждено было стать закономъ, такъ какъ буржуазное большинство парламента находило, что онъ слишкомъ много даетъ рабочимъ, и вотировало противъ него. Въ слѣдующемъ году правительство внесло, поэтому, новый „исправленный“ проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и одновременно другой „проектъ закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни“. Первый проектъ и на этотъ разъ былъ отвергнутъ, а второй сталъ закономъ и введенъ въ дѣйствіе 1 декабря 1884 года. Такъ какъ въ то время еще надѣялись, что рабочіе пойдутъ на закинутую правительствомъ удочку и отвернутся отъ соц.-демократіи, то имъ была предоставлена извѣстная доля самоуправленія въ больничныхъ кассахъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ соціальнополитическихъ законахъ самоуправленіе совершенно отсутствуетъ. Но и на этотъ разъ были приняты мѣры къ тому, чтобы въ опредѣленный моментъ бдительное око начальства могло вмѣшаться. Въ большихъ городахъ, поэтому,— тамъ, гдѣ неутомимой долгой работой крѣпко сплоченному, привыкшему къ дружной работѣ и знакомому со всѣми полицейскими ухищреніями, пролетаріату удалось преодолѣть массу мелкихъ и крупныхъ препятствій, больничныя кассы стали образцовыми учрежденіями, дѣйствительно выполняющими тѣ требованія, которыя вправѣ предъявить къ нимъ рабочій классъ. Но все это сдѣлано не благодаря закону, а вопреки ему. Рабочій, продающій свою рабочую силу, тѣсно связанную съ его личностью, имѣетъ право требовать, чтобы предприниматель принялъ всѣ мѣры къ сохраненію этой личности. Точно также рабочій вправѣ требовать, чтобы часть выжатой изъ него прибавочной стоимости была употреблена на содержаніе его во время болѣзни и на его лѣченіе. Что же сдѣлалъ германскій законъ? Онъ возложилъ на рабочаго $^2/_3$ взноса въ кассу, а на хозяина — только $^1/_3$. Онъ въ высшей степени затруднилъ дѣятельность больничныхъ кассъ, раздробивъ ихъ на множество мелкихъ съ разными названіями фабричныхъ, цеховыхъ, профессіональныхъ и т. д., причемъ правительство весьма часто, по непонятнымъ для непосвященнаго въ тайны полицейской политики причинамъ, ставило цѣлый рядъ препятствій попыткамъ сліянія мелкихъ кассъ. Несмотря на самоуправленіе, кассамъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать въ свободномъ выборѣ врачей, и очень часто тамъ, гдѣ врачи ставили кассамъ тяжелыя, невыполнимыя условія, они находили правительство на своей сторонѣ. Существованіе аптечной монополіи отнимаетъ у кассъ возможность сколько нибудь заботиться объ удешевленіи лекарствъ. Собираемый кассами богатый статистическій матеріалъ съ указаніемъ причинъ заболѣваній далъ бы имъ возможность принять тѣ или иныя мѣры къ устраненію этихъ причинъ, но тутъ они встрѣчаютъ неисчислимыя препятствія и въ законѣ, и въ предпринимателяхъ. Смѣшанный характеръ кассъ (состоятъ изъ рабочихъ и предпринимателей) не даетъ имъ возможности использовать агитаціонно имѣющійся у нихъ матеріалъ о санитарномъ состояніи фабрикъ, о заболѣваемости и смертности въ различныхъ производствахъ и т. п. Есть еще другіе недочеты, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что онъ въ очень малой степени могъ удовлетворить германскихъ рабочихъ. Поскольку онъ оставлялъ просторъ ихъ самодѣятельности, они сдѣлали изъ него все возможное и даже больше возможнаго.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Новая газета.

Мы получили объявленіе объ изданіи новой соціальдемократической газеты „Впередъ“. Какъ явствуетъ изъ него, газета издается „литераторами, группировавшимися ранѣе около В. Бонча-Бруевича и Н. Ленина“ и намѣрена проводить въ жизнь принципы, руководящіе дѣятельностью названныхъ писателей.

Такимъ образомъ, направленіе, извѣстное въ партійномъ жаргонѣ подъ именемъ „твердаго“, получаетъ возможность свободно высказаться по всѣмъ вопросамъ партійной политики. Этому нельзя не радоваться, потому что та узкая сфера организаціонныхъ вопросовъ, которою до сихъ поръ почти исключительно занимались литераторы, „группирующіеся около Бонча-Бруевича и Ленина“, не давала возможности широкой массѣ товарищей выяснить себѣ политическій характеръ даннаго направленія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Александру. Дайте черезъ Дикаго Вашъ адресъ. S. не пойдетъ.

Въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ первый выпускъ „Справочнаго словаря по теоріи, исторіи и практикѣ соціализма“ подъ редакціей Плеханова, изданіе Лейтайзена. Въ составленіи словаря принимаютъ участіе: Плехановъ, Кольцовъ, Невзоровъ, Ортодоксъ, Старовѣръ, Мартовъ, Ленинъ, Засуличъ, Аксельродъ, Бакаловъ, Ротштейнъ, Ингерманъ, Дейчъ, Войнаровская, Линдовъ и др.

Словарь выйдетъ въ шести выпускахъ. Подписка принимается въ Партійной экспедиціи P. Axelrod, Bd Pont d'Arve, 4. Подписчики, живущіе въ Россіи могутъ обращаться къ ней черезъ посредство комитетовъ Партіи. Цѣна всего изданія 4 рубля.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

церы наскоро раздали боевые патроны учебной командѣ и вообще наиболѣе забитымъ матросамъ, остававшимся до сихъ поръ въ сторонѣ отъ волненій. По командѣ раздавались залпы, но всѣ выстрѣлы летѣли вверхъ. Вскорѣ, впрочемъ, и учебная команда перестала повиноваться и присоединилась къ остальнымъ матросамъ. Послѣ всѣхъ залповъ убитыми оказались только одинъ матросъ, котораго уложила пущенная изъ револьвера пуля офицера, и одинъ полковникъ, получившій ударъ камнемъ по головѣ. Между тѣмъ, изъ лагерей въ казармы наскоро перевели бѣлостокскій полкъ; солдатамъ роздали боевые патроны, и каждый ротный командиръ обратился къ своей ротѣ съ рѣчью, напоминая ей о „долгѣ присяги“. Но рѣчи не производили на этотъ разъ должнаго впечатлѣнія. Почти не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ и фельдфебелей, солдаты громко переговаривались другъ съ другомъ. — Будешь стрѣлять? — А ты будешь? — А воздухъ на что? — Тамъ наши земляки! — За что я буду въ нихъ стрѣлять? Они намъ добра желаютъ! — Въ воздухъ надо стрѣлять, либо въ офицеровъ! Вспоминались всѣ обиды, плохая пища и пр. Офицера, видя такое настроеніе въ полку, трусили. Вотъ рѣчь одного ротнаго. (Храбрясь) „Братцы! Помните долгъ присяги. Флотскіе эти — подлецы, негодяи. Прикажу стрѣлять — стрѣляйте сейчасъ же. А кто не будетъ стрѣлять, тому голову шашкой сниму“. (Струсивъ, послѣ минуты волненія). — А если и меня на штыки подымутъ, такъ мнѣ все равно“. Полкъ цѣлую ночь продержали при оружіи, но вывести его не рѣшились.

Побѣда осталась за матросами. На другой день ихъ пускали уже куда угодно, безъ всякихъ билетовъ. Раньше же пускали только „по служебнымъ обязанностямъ“ и только по билетамъ. Конечно, начальство не замедлило принять свои мѣры. Часть матросовъ, наиболѣе активная, была переведена на суда. Возбужденное настроеніе продолжало проявляться и здѣсь. На дняхъ миноносцы отказались грузить уголь; матросы встрѣтили и проводили командира свистомъ. Въ заключеніе всѣхъ событій послѣдовали аресты. Арестовано свыше 100 матросовъ. Кромѣ нихъ, было арестовано около 25 портовыхъ рабочихъ, такъ какъ въ порту была сдѣлана попытка забастовать и присоединиться къ матросамъ. На улицѣ арестовано два неизвѣстныхъ интеллигента. Наканунѣ „бунта“ мѣстная организація, „Крымскій союзъ“, распространила листокъ „Къ солдатамъ“ въ числѣ 600 экземпляровъ. Въ первый разъ удалось распространить воззванія въ самой казармѣ. Въ то же время этотъ же листокъ и значительное число брошюръ были распространены на цѣломъ рядѣ судовъ. На утро послѣ „бунта“ „Крымскій союзъ“ распространилъ на Корабельной (гдѣ флотскія казармы) листокъ „Пора“ въ количествѣ 700 экз. Затѣмъ были выпущены къ портовымъ рабочимъ два листка съ призывомъ забастовать и присоединиться къ матросамъ.

Черезъ нѣсколько дней Чухнинъ, котораго матросы ненавидятъ всѣ до единаго, явился, наконецъ, въ казармы на смотръ и произнесъ рѣчь. Онъ говорилъ о томъ, какъ произошло государство и какъ его трудно перестраивать; говорилъ, что къ „бунтамъ“ подстрекаютъ „враги инородцы“ и что зачинщиковъ надо выдавать. Недавно въ порту во флотѣ и арміи *три дня подрядъ* распространяли брошюры Богдановича. Начальство вообще серьезно встревожено, несмотря на стихійный характеръ „бунта“. Теперь Чухнинъ уже смѣщенъ. Казармы брестскаго полка находятся рядомъ съ флотскими. Солдаты и матросы — прежде враги — посѣщаютъ теперь другъ друга, ходятъ обнявшись, о чемъ то шушукаются. Чухнинъ телеграфировалъ царю, что „бунтъ носитъ явно политическій характеръ“. Возбужденіе какъ среди матросовъ, такъ и среди солдатъ продолжается (въ газетахъ сообщено о преданіи военно-морскому суду 35 матросовъ. *Ред.*).

О причинахъ матросскаго возмущенія намъ сообщаетъ слѣдущія подробности одинъ товарищъ-матросъ:

По распоряженію Главнаго Морского Штаба, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ болѣе тысячи матросовъ были назначены для отправленія на дальній востокъ и тогда же росписаны по экипажамъ крейсеровъ №№ 1, 2, 3. Они содержались вмѣстѣ съ другими матросами въ огромныхъ казармахъ одной изъ флотскихъ дивизій, гдѣ помѣщалось болѣе 15000 человѣкъ, среди которыхъ подавляющее большинство — призванные изъ запаса. Въ условіяхъ гражданской жизни они успѣли забыть былую военную муштровку, и суровый казарменный режимъ, настойчиво проводимый адмираломъ Чухнинымъ, главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, страшно озлоблялъ ихъ, все болѣе обостряя то смутное, но глубокое недовольство, съ которымъ они шли на призывъ при мобилизаціи. Вначалѣ неясно сознанное негодованіе противъ преступнаго царскаго правительства зрѣло все болѣе; это правительство затѣяло ненужную войну, оторвало ихъ отъ мирной жизни, предало ужасамъ нищеты ихъ осиротѣлыя семьи и самихъ ихъ готовилось послать на бойню. Разговоры съ молодыми матросами, среди которыхъ уже давно ведется соціальдемократическая пропаганда, содѣйствовали тому, что смутное недовольство превращалось въ сознательную ненависть къ самодержавному порядку. Нелѣпые приказы адмирала Чухнина, оскорбительные для личнаго достоинства солдата, подливали масла въ огонь. Въ цѣляхъ усиленія дисциплины, адмиралъ, подъ угрозой наказанія, рѣшительно запретилъ матросамъ показываться на главныхъ улицахъ города — Нахимовской, Морской и Екатерининской; на другихъ улицахъ было запрещено появляться въ обществѣ женщинъ, кто бы онѣ ни были, матери, жены или знакомыя; особые патрули подъ командой прапорщиковъ флота наблюдали за исполненіемъ этого; женатымъ матросамъ не разрѣшались отлучки на квартиры. Особенно возмущало матросовъ объявленіе, вывѣшенное на Приморскомъ бульварѣ; въ немъ, на ряду съ обычнымъ „травы не мять, собакъ не водить“ значилось: „нижнимъ чинамъ не входить“ („собакамъ и солдатамъ входъ воспрещается“, говорили въ казармахъ).

Варшава. Мобилизація въ Варшавскомъ округѣ вызвала страшный протестъ со стороны всего населенія. Въ крупныхъ городахъ почти ежедневно происходятъ столкновенія между полиціей и толпой, или между кадровыми и запасными, призванными на службу. Особенно сильны волненія въ Варшавѣ. Мѣстные комитеты всѣхъ партій выпускаютъ громадное количество листковъ, призывая рабочихъ всѣхъ гражданъ къ открытому протесту противъ мобилизаціи, противъ войны, противъ самодержавія. И [illegible] ему приходится круто. Съ демонстрирующими рабочими оно очень легко справлялось при содѣйствіи войскъ, и такъ какъ до [illegible] времени рабочіе еще не могли дать войскамъ дружный и вооруженный отпоръ, то самодержавіе выходило всегда побѣдителемъ. Но теперь картина рѣзко измѣнилась. Призывая запасныхъ, правительство принуждено было снабдить ихъ оружіемъ, и вотъ во многихъ мѣстахъ запасные, вооруженные самимъ же правительствомъ, обрушились на него же. Приспѣшникамъ самодержавія легко было направить солдатъ противъ рабочихъ, но когда [illegible] нужно было сдѣлать противъ запасныхъ солдатъ, [illegible] мундиры, вооруженныхъ той же винтовкой, то [illegible] своѣмъ перетрусили и только въ двухъ-тр[illegible] заставить кадровыхъ стрѣлять въ запасныхъ. [illegible] представить настроеніе солдата, когда ему приказываютъ [illegible] въ своего же товарища по полку и даже [illegible] приходится и спать подъ одной крышей, и ѣсть [illegible] котелка. Въ Ченстоховѣ и Кутно запасные [illegible] кровавую бойню, какъ теперь всѣ называютъ войну [illegible], и ихъ пришлось силою гнать въ вагоны; но и [illegible] въ вагоны, они продолжали кричать „долой самодержавіе“ [illegible] революціонныя пѣсни. Бѣгство заграницу массовое. [illegible] откуда ³/₄ не явилось къ воинскимъ начальникамъ. [illegible] партія запасныхъ, въ 1000 человѣкъ, предназначенная [illegible] комплектованіе мобилизированныхъ частей, отказалась [illegible] въ скотскіе вагоны и только послѣ долгихъ, трехъчасовыхъ [illegible] ній и обѣщаній пересадить ихъ въ пасажирскіе вагоны [illegible] послѣ ареста 80 человѣкъ, наиболѣе протестующихъ — она ус[illegible]пили. По поводу мобилизаціи выпущены были листки военно-революціонной группой, гдѣ запасные призывались къ открытому протесту противъ войны и отказу итти на бойню, призывались въ ряды Р. С-Д Р. П. для совмѣстной борьбы противъ существующаго соціальнаго и политическаго строя.

Офицеръ.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Царскій манифестъ и положеніе нашихъ нефабричныхъ рабочихъ. — 20 лѣтъ обязательнаго страхованія на случай болѣзни въ Германіи.

Царскій манифестъ обѣщаетъ рабочимъ государственное страхованіе. Даже въ лучшемъ случаѣ, т. е. предполагая, что даваемое теперь обѣщаніе, дѣйствительно, будетъ сдержано, можно быть увѣреннымъ, что изъ тиши бюрократическихъ кабинетовъ выйдетъ никуда негодный проектъ, который лишній разъ только подтвердитъ, что фабричное законодательство можетъ быть хорошимъ демагогическимъ средствомъ въ рукахъ Зубатовыхъ, но не можетъ явиться дѣйствительнымъ факторомъ въ улучшеніи положенія рабочихъ, безъ активнаго участія заинтересованнаго класса въ этомъ самомъ законодательствѣ и въ вышедшихъ изъ него учрежденіяхъ. Если предыдущее рабочее законодательство оказывалось хотя сколько нибудь полезнымъ рабочему классу, то лишь постольку, поскольку на стражѣ каждаго закона стояла сознательная воля пролетаріевъ отстоять завоеванное тяжелой борьбой право. А многочисленные слои пролетаріевъ, до сихъ поръ мало или вовсе не принимавшихъ участія въ этой борьбѣ, такъ и лишены были даже этихъ жалкихъ благъ законодательства и попрежнему остаются жертвами самой безчеловѣчной и ничѣмъ не ограниченной эксплуатаціи. Трудно сказать, суждено ли еще будетъ самодержавію, дни котораго несомнѣнно сочтены, — суждено ли ему еще будетъ провести въ жизнь обѣщанный законъ, но соціальдемократіи тотъ или иной исходъ дастъ въ руки новое агитаціонное средство и возможность втянуть въ экономическую и политическую борьбу эти обширные слои пролетаріевъ, которымъ мѣсто только въ нашихъ рядахъ.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ наши сельско-хозяйственные рабочіе, о которыхъ мы, однако, распространяться не будемъ, оставляя бесѣду о нихъ до другого раза. Но и среди городскихъ рабочихъ имѣются многочисленныя категоріи, живущія подъ совершенно особымъ режимомъ, или, если хотите, общимъ режимомъ россійскаго беззаконія, которое, однако, тѣмъ тяжелѣе ложится на данную группу, чѣмъ ниже то мѣсто, которое она занимаетъ на соціальной лѣстницѣ. Недавно газеты приводили свѣдѣнія о жизни портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, 70% которыхъ живетъ въ ночлежныхъ домахъ. Рабочіе нанимаются черезъ подрядчиковъ, въ рукахъ которыхъ остается около ¹/₃ заработка. Условія найма не регулированы, о жилищахъ не заботятся, ни больницъ, ни школъ, никакого вознагражденія въ случаѣ несчастій. Въ такомъ же положеніи находятся и портовые рабочіе и матросы въ прикаспійскихъ портахъ, и безправіе этихъ паріевъ лучше всего характеризуется той 1261 ст. Улож. о наказ., которую бакинское портовое управленіе въ 1903 году помѣстило въ разсчетныхъ книжкахъ для судовыхъ рабочихъ. Статья эта гласитъ: „корабельные служители или водоходцы, которые во время пути окажутъ корабельщику явное неповиновеніе въ исполненіи ихъ обязанностей, подвергаются за сіе, смотря по обстоятельствамъ, или тѣлесному наказанію хлыстомъ до пяти ударовъ по усмотрѣнію самаго корабельщика, или же, въ случаяхъ важныхъ, и аресту на время отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ“.

Не менѣе ужасно положеніе строительныхъ рабочихъ — каменьщиковъ, маляровъ, землекоповъ и т. д., — находящихъ работу только въ лѣтнее время. И для нихъ нигдѣ никакой защиты: какъ общее правило, за дни болѣзни или за дождевые дни здѣсь платы не выдаютъ; очень часто за прогульные дни взымаются штрафы, въ 2—2½ раза превышающіе заработную плату; рабочій день продолжается 13-15 часовъ; отвѣтственности за несчастные случаи, столь частые при этихъ работахъ, не существуетъ. — Не казиста и жизнь приказчиковъ, этихъ рабовъ прилавка, какъ назвала ихъ недавно одна нѣмецкая газета. Но, заговоривъ о приказчикахъ, мы чувствуемъ, что многіе изъ нихъ обидятся за то, что мы причисляемъ ихъ къ пролетаріямъ, такъ какъ они живутъ еще предразсудками прошлаго, когда каждый приказчикъ могъ еще мечтать стать самому хозяиномъ лавки въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Но эти времена прошли. Устройство самостоятельнаго, могущаго выдержать конкурренцію торговаго дѣла требуетъ нынѣ весьма большихъ капиталовъ, а ростъ капитализма съ его постояннымъ разореніемъ мелкихъ собственниковъ и мелкихъ ремесленниковъ ведетъ къ увеличенію предложенія труда между прочимъ, и въ торговлѣ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ пониженію заработка и усиленію эксплуатаціи наемниковъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя цифры: Въ *Одессѣ* огромное большинство магазиновъ открывается въ 6-7 часовъ утра и закрывается въ 10-11, а иногда и въ 12 часовъ ночи; рѣдко гдѣ есть праздничный отдыхъ; времени на обѣдъ не дается и приходится ѣсть урывками тутъ же въ магазинѣ за прилавкомъ; отсюда катарры желудка и другія болѣзни, ранняя старость и очень большая смертность. Въ *Лодзи* приказчики тоже работаютъ по 12—17 часовъ безъ перерыва на обѣдъ. Въ *Костромѣ* приказчики работаютъ безпрерывно 14-16 час., ѣдятъ и пьютъ урывками въ лавкѣ; пища часто совершенно застываетъ и, случается, даже замерзаетъ; вознагражденіе 16—35 рублей въ мѣсяцъ, но прослужившіе лѣтъ 10-15 могутъ получать и больше, до 60 рублей. Въ *Смоленскѣ* рабочій день приказчиковъ 13, 15, 16 и болѣе часовъ. Отъ 15 до 17 час., не исключая праздниковъ, работаютъ также приказчики въ *Ставрополѣ* и въ городахъ *Ставропольской губерніи*. Въ *Москвѣ* рабочій день колеблется между 9 и 16 часами, но первая цифра встрѣчается въ исключительныхъ случаяхъ; жалованье 720-900 рублей въ годъ. И такъ вездѣ по всему лицу земли русской. Сильно страдаютъ приказчики отъ безработицы: потерявшій мѣсто приказчикъ рѣдко находитъ новое черезъ 2 мѣсяца, чаще же всего ждетъ полгода, 1 годъ, 2, 2½ и 3 года. Словомъ, нынѣшніе приказчики ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ отъ пролетаріевъ не отличаются и могутъ искать выхода изъ своего положенія только въ совмѣстной борьбѣ со всѣмъ рабочимъ классомъ.

Отъ приказчиковъ перейдемъ къ желѣзнодорожнымъ служащимъ и рабочимъ. Желѣзнодорожныя предпріятія являются высшей формой крупнокапиталистическаго хозяйства со всѣми сопровождающими его явленіями, слѣдовательно, и съ рѣзко выраженной противоположностью классовыхъ интересовъ. Несмотря на это, только рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ принимаютъ сейчасъ активное участіе, какъ въ стачечной, такъ и въ политической борьбѣ россійскаго пролетаріата. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ другіе рабочіе и служащіе слишкомъ разрознены по роду своихъ занятій, а также тѣмъ кастовымъ духомъ, которое воспитываетъ и поддерживаетъ въ нихъ начальство, разбивая ихъ на отдѣльныя категоріи по чинамъ, рангамъ, жалованью и т. п. Какъ среди приказчиковъ, здѣсь живутъ специальные предразсудки, которые только облегчаютъ начальству его варварскую эксплуатацію этихъ самыхъ якобы непролетаріевъ. И въ то время, какъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ добились 10-ти часового рабочаго дня, для прочихъ служащихъ остается крайнимъ предѣломъ 16-ти и 24-хъ часовый рабочій день.

* * *

Страхованіе, которое русское правительство теперь обѣщаетъ, уже много лѣтъ существуетъ въ Германіи, но если рабочій классъ этой страны сумѣлъ сдѣлать изъ этихъ законовъ могучее оружіе въ своей борьбѣ противъ принижающихъ тенденцій капитализма, то объясняется это высокой степенью сознательности и организованности, а отнюдь не расположеніемъ правительства, которое, напротивъ, стремилось изувѣчить этотъ законъ, какъ только замѣтило, что его расчетъ отвлечь рабочихъ отъ соціальдемократіи оказался ошибочнымъ. До 1883 года въ Германіи существовалъ лишь законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи, — законъ, очень похожій на дѣйствовавшій у насъ до прошлаго года и требовавшій, чтобы рабочій на судѣ доказалъ виновность предпринимателя или его агентовъ. Забота же о больныхъ, старикахъ и лицахъ, неспособныхъ къ труду, лежала на общинахъ или была предоставлена частной благотворительности. Само собою разумѣется, что даже при крайне ничтожной помощи, бюджеты городскихъ общинъ были сильно отягчены и особенно страдали въ эпохи промышленныхъ кризисовъ. Вопль общинныхъ совѣтовъ по этому поводу не прекращался во все продолженіе семидесятыхъ годовъ. И это была *экономическая* причина новаго соціально-политическаго законодательства. Но еще болѣе правительство руководилось политическими соображеніями, т. е. борьбой съ соціальдемократіей. Императорское посланіе отъ 17 ноября 1881 года заявило, что необходимо двигаться „не только по пути подавленія соціальдемократическихъ стремленій, но и по пути положительнаго споспѣшествованія благу рабочихъ“. Точно также, во введеніи къ внесенному 3 марта 1881 года законопроекту о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, мы читаемъ: „При обсужденіи закона 21 октября 1881 года объ общеопасныхъ стремленіяхъ соціальдемократіи, было указано на необходимость бороться противъ печальныхъ явленій, вызвавшихъ этотъ законъ, — бороться и путемъ положительныхъ мѣропріятій, цѣлью которыхъ должно быть улучшеніе положенія рабочихъ. Не только человѣколюбіе и христіанское ученіе, которыми должны быть проникнуты государственныя учрежденія, обязываетъ государство заботиться въ большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлалось прежде, о своихъ нуждающихся въ помощи членахъ, но это входитъ также въ задачи разумной консервативной политики, цѣлью которой должно быть воспитаніе въ неимущихъ классахъ, которые въ то же время являются наиболѣе многочисленными и наименѣе освѣдомленными, взгляда, что государство есть не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе. Съ этой цѣлью необходимо предоставить имъ черезъ законодательство рядъ очевидныхъ, прямыхъ выгодъ и такимъ образомъ убѣдить ихъ, чтобы они видѣли въ государствѣ учрежденіе, не изобрѣтенное только для защиты лучше обставленныхъ классовъ, но служащее и ихъ потребностямъ и интересамъ“. Несмотря на это краснорѣчіе, названному проекту не суждено было стать закономъ, такъ какъ буржуазное большинство парламента находило, что онъ слишкомъ много даетъ рабочимъ, и вотировало противъ него. Въ слѣдующемъ году правительство внесло, поэтому, новый „исправленный“ проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и одновременно другой „проектъ закона о страхованіи рабочихъ на случай болѣзни“. Первый проектъ и на этотъ разъ былъ отвергнутъ, а второй сталъ закономъ и введенъ въ дѣйствіе 1 декабря 1884 года. Такъ какъ въ то время еще надѣялись, что рабочіе пойдутъ на закинутую правительствомъ удочку и отвернутся отъ соц.-демократіи, то имъ была предоставлена извѣстная доля самоуправленія въ больничныхъ кассахъ, тогда какъ въ позднѣйшихъ соціальнополитическихъ законахъ самоуправленіе совершенно отсутствуетъ. Но и на этотъ разъ были приняты мѣры къ тому, чтобы въ опредѣленный моментъ бдительное око начальства могло вмѣшаться. Въ большихъ городахъ, поэтому, — тамъ, гдѣ неутомимой долгой работой крѣпко сплоченному, привыкшему къ дружной работѣ и знакомому со всѣми полицейскими ухищреніями, пролетаріату удалось преодолѣть массу мелкихъ и крупныхъ препятствій, больничныя кассы стали образцовыми учрежденіями, дѣйствительно выполняющими тѣ требованія, которыя вправѣ предъявить къ нимъ рабочій классъ. Но все это сдѣлано не благодаря закону, а вопреки ему. Рабочій, продающій свою рабочую силу, тѣсно связанную съ его личностью, имѣетъ право требовать, чтобы предприниматель принялъ всѣ мѣры къ сохраненію этой личности. Точно также рабочій вправѣ требовать, чтобы часть выжатой изъ него прибавочной стоимости была употреблена на содержаніе его во время болѣзни и на его лѣченіе. Что же сдѣлалъ германскій законъ? Онъ возложилъ на рабочаго ²/₃ взноса въ кассу, а на хозяина — только ¹/₃. Онъ въ высшей степени затруднилъ дѣятельность больничныхъ кассъ, раздробивъ ихъ на множество мелкихъ съ разными названіями фабричныхъ, цеховыхъ, профессіональныхъ и т. д., причемъ правительство весьма часто, по непонятнымъ для непосвященнаго въ тайны полицейской политики причинамъ, ставило цѣлый рядъ препятствій попыткамъ слiянія мелкихъ кассъ. Несмотря на самоуправленіе, кассамъ мѣшали и продолжаютъ мѣшать въ свободномъ выборѣ врачей, и очень часто тамъ, гдѣ врачи ставили кассамъ тяжелыя, невыполнимыя условія, они находили правительство на своей сторонѣ. Существованіе аптечной монополіи отнимаетъ у кассъ возможность сколько нибудь заботиться объ удешевленіи лекарствъ. Собираемый кассами богатый статистическій матеріалъ съ указаніемъ причинъ заболѣваній далъ бы имъ возможность принять тѣ или иныя мѣры къ устраненію этихъ причинъ, но тутъ они встрѣчаютъ неисчислимыя препятствія и въ законѣ и въ предпринимателяхъ. (Смѣшанный характеръ кассъ — состоятъ изъ рабочихъ и предпринимателей) не даетъ имъ возможности использовать агитаціонно имѣющійся у нихъ матеріалъ о санитарномъ состояніи фабрикъ, о заболѣваемости и смертности въ различныхъ производствахъ и т. п. Есть еще другіе недочеты, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что онъ въ очень малой степени могъ удовлетворить германскихъ рабочихъ. Поскольку онъ оставлялъ просторъ [illegible] самодѣятельности, они сдѣлали изъ него все возможное и даже больше возможнаго.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Новая газета.

Мы получили объявленіе объ изданіи новой соціальдемократической газеты „Впередъ“. Какъ явствуетъ изъ него, газета издается „литераторами, группировавшимися ранѣе около В. Бонча-Бруевича и Н. Ленина“ и намѣрена проводить въ жизнь принципы, руководящіе дѣятельностью названныхъ писателей.

Такимъ образомъ, направленіе, извѣстное въ партійномъ жаргонѣ подъ именемъ „твердаго“, получаетъ возможность свободно высказаться по всѣмъ вопросамъ партійной политики. Этому нельзя не радоваться, потому что та узкая сфера организаціонныхъ вопросовъ, которою до сихъ поръ почти исключительно занимались литераторы, „группирующіеся около Бонча-Бруевича и Ленина“, не давала возможности широкой массѣ товарищей выяснить себѣ политическій характеръ даннаго направленія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Александру. Дайте черезъ Дикаго Вашъ адресъ. S не пойдетъ.

Въ ближайшемъ будущемъ выйдетъ первый выпускъ „Справочнаго словаря по теоріи, исторіи и практикѣ соціализма“ подъ редакціей Плеханова, изданіе Лейтайзена. Въ составленіи словаря принимаютъ участіе: Плехановъ, Кольцовъ, Н[illegible]оровъ, Ортодоксъ, Староверъ, Мартовъ, Ленинъ, Засуличъ, Аксельродъ, Бак[illegible]овъ, Г[illegible]штейнъ, Ингерманъ, Дейчъ, Войнаровскій, Линдовъ и др.

Словарь выйдетъ въ шести выпускахъ. Подписка принимается въ Партійной экспедиціи P. Axelrod, Ed Pont d'Arve 4. Подписчики, живущіе въ Россіи могутъ обращаться къ ней черезъ посредство комитетовъ Партіи. Цѣна всего изданія [illegible] рубля.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 82. 1-го января 1905 г. Годъ V.

ГИБЕЛЬ ПОРТЪ-АРТУРА.

Портъ-Артуръ палъ, и отъ его паденія замѣтно дрогнули вѣковыя стѣны Петропавловской бастиліи.

Портъ-Артуръ палъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ милліонахъ обывательскихъ сердецъ что-то порвалось на вѣки. Вновь возродившаяся послѣ Крымскаго разгрома, наивная вѣра въ военное могущество самодержавной Россіи окончательно вытравлена изъ сознанія русскаго филистера. Примитивный его „патріотизмъ" доживаетъ свои послѣдніе дни. Частью онъ перерождается въ сознательно-буржуазный воинствующій націонализмъ на „либеральной" подкладкѣ, частью смѣняется тѣмъ злораднымъ чувствомъ безсильнаго рабьяго протеста, которое побуждаетъ привѣтствовать попраніе „національной гордости", какъ меньшее зло, по сравненію съ продолженіемъ безконечнаго ужаса царящаго строя...

Портъ-Артуръ палъ и въ своемъ паденіи унесъ послѣднюю надежду, за которую, какъ утопающій за соломинку, хватался оскорбленный въ своихъ „патріотическихъ" чувствахъ обыватель: надежду на „реваншъ" второй либо третьей эскадры, на быстрый побѣдоносный финалъ этой для всѣхъ черезчуръ затянувшейся, всѣхъ пугающей своими все-осложняющимися перспективами, нелѣпой войны. „Болотные" элементы русскаго общества теряютъ послѣднюю вѣру въ возвращеніе прекрасныхъ дней соннаго политическаго прозябанія, и посмотрите, какъ заквакали, немедленно послѣ Портъ-Артурской капитуляціи, газетныя выразительницы думъ и чувствъ этого болота! Съ какой энергіей заговорили молодцы обѣихъ Суворинскихъ фирмъ о преступленіяхъ „бюрократіи", о „жестокомъ судѣ" надъ дѣйствительными виновниками Портъ-Артурской катастрофы! Царистская реакція, сознательно или безсознательно, культивировала неосмысленный шовинизмъ, какъ единственную, законно дозволенную, форму гражданскаго чувства. Теперь это, ею грубо оскорбленное, реакціонное чувство обращается противъ нея, какъ враждебная ей сила, какъ матеріалъ, порождающій, при сжиганіи въ горнилѣ политическихъ событій, новую революціонную энергію. Революціонное значеніе капитуляціи Портъ-Артура состоитъ не только въ томъ, что она яркими красками рисуетъ передъ русскимъ буржуазнымъ обществомъ ту перспективу, которую анализировалъ въ № 79 „Искры" тов. Парвусъ: перспективу безконечнаго, съ ничтожными шансами на успѣхъ, обратнаго похода русской арміи отъ Мукдена до Тихаго океана. Революціонное значеніе капитуляціи еще и въ томъ, что она съ обидной для патріотическаго сердца ясностью показала все безсиліе индивидуальнаго и коллективнаго мужества русскихъ воиновъ передъ безнадежной гнилостью того порядка, на защиту котораго они отдаютъ свои силы.

Тѣмъ мужественнѣе и красивѣе, по своему удальству и упорству, была оборона Портъ-Артура, тѣмъ нагляднѣе вина, падающая за это пораженіе на голову царизма.

Всѣ сходятся на признаніи энергіи и мужества, проявленныхъ Стесселемъ и его помощниками. Объ этихъ вольныхъ и невольныхъ слугахъ царизма можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что они честно несли свое знамя. Конечно, мы знаемъ, что оборотной стороной этого офицерскаго мужества здѣсь, какъ и всегда, являлся узкій кастовый духъ, пропитывающій всѣ отношенія въ современной арміи. Въ этихъ трогательныхъ, по своему, описаніяхъ послѣднихъ минутъ крѣпости, послѣднихъ словъ и дѣяній ея защитниковъ, какой жестокой иронией звучитъ сообщеніе, что генералы выговариваютъ у японцевъ себѣ и офицерамъ право вернуться въ Россію, оставляя въ плѣну солдатъ и матросовъ. Привиллегированный классъ и классъ пролетаріевъ и здѣсь, послѣ только что окончившейся кровавой страды, объединявшей ихъ, если вѣрить прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ военнымъ лѣтописцамъ, въ „одну братскую семью",—эти два класса снова, какъ только миновала опасность, расходятся по разнымъ дорогамъ — почетное возвращеніе и подобающій тріумфъ для людей бѣлой кости, и скучные, томительные дни безславнаго плѣна для тѣхъ, которые были дѣйствительными героями и дѣйствительными страстотерпцами полугодовой осады.

Какъ бы то ни было, но, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей кастовой морали, русское армейское офицерство проявило въ Портъ-Артурѣ высокую доблесть. Понятно, поэтому, что именно военная корпорація съ особенной горечью и желчью воспринимаетъ извѣстіе о Портъ-Артурскомъ крахѣ, съ особеннымъ возмущеніемъ слышитъ, что въ началѣ войны укрѣпленія имѣлись частью на бумагѣ, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ не было и т. д. Въ „Нов. Вр." сообщаютъ, что Стессель, могущественный Стессель, тщетно воевалъ съ высшими властями, отстаивая дѣло укрѣпленія артурской твердыни. И здѣсь, рядомъ съ столь обычными въ этой войнѣ картинами заражающей *все* христолюбивое воинство гангреной продажности, передъ русскимъ обществомъ встаетъ самая мрачная страница военной лѣтописи: вопіющіе, позорные порядки русскаго флота.

Одно изъ послѣднихъ убѣжищъ хирѣющаго дворянства, наслѣдственная добыча вороватыхъ великихъ князей—его постоянныхъ начальниковъ — русскій флотъ съ первыхъ дней войны до сегодня, отъ ночной битвы 29 января до Гулльскаго сраженія, покрываетъ себя позоромъ. Въ томъ, что въ оборонѣ Портъ-Артура связано съ сухопутными операціями, мы встрѣчаемъ примѣры храбрости, энергіи, стойкости; все, связанное съ дѣйствіями флота, дышетъ неспособностью, трусостью, безчестностью. Исторія гибели тихоокеанскаго флота — одно сплошное, безцѣльное, ничѣмъ не оправданное истребленіе человѣческихъ жизней и десятковъ милліоновъ денегъ, безполезное даже съ точки зрѣнія „военной славы" и являющееся результатомъ сверхсмѣтнаго грабежа и казнокрадства, царящихъ во флотѣ. Теперь, когда послѣ скандальныхъ разоблаченій капитана Кладо порядки въ русскомъ флотѣ ни для кого не являются тайной, будетъ кстати припомнить одинъ трагическій эпизодъ изъ исторіи этого флота—эпизодъ, о которомъ не упоминаютъ его оффиціальные лѣтописцы.

Стоя передъ своими судьями, бывшій лейтенантъ Сухановъ говорилъ въ 1882 г. имъ о томъ, какъ онъ напрасно боролся съ злоупотребленіями, свившими гнѣздо въ морскомъ вѣдомствѣ, и какъ убѣдился въ безнадежности своихъ попытокъ облагородить это благородное вѣдомство.

Борьба съ казнокрадами логически — неизбѣжно привела Суханова къ разрыву съ флотской корпораціей и къ переходу въ ряды борцовъ за свободу, а этотъ переходъ столь же неизбѣжно привелъ его черезъ казематъ Петропавловской крѣпости — къ смертной казни.

Теперь, когда морской офицеръ, не рискуя служебной карьерой и даже создавая себѣ карьеру политическую, можетъ смѣло поднять свой голосъ для критики Авгіевыхъ конюшенъ флотскаго хозяйства, теперь память моряка-революціонера отомщена. Вспоминаютъ ли о немъ наши воинствующіе патріоты въ тѣ дни, когда они кричатъ объ очищеніи этихъ конюшенъ?

За двадцать слишкомъ лѣтъ — никакой перемѣны. Въ роли патрона всѣхъ флотскихъ казнокрадовъ, индифферентный въ вопросахъ политики вел. князь Алексѣй смѣнилъ фрондировавшаго вел. князя Константина и будетъ, быть можетъ, смѣненъ реакціоннымъ, какъ говорятъ, вел. кн. Александромъ. Вывѣска мѣняется — та же смрадная язва скрывается за этой вывѣской. И, какъ во времена Суханова, бороться съ этой язвой нельзя оставаясь во флотѣ, нельзя, оставаясь въ предѣлахъ „легальнаго" общества. По прежнему, борьба съ этимъ частнымъ зломъ растворяется въ борьбѣ съ государственнымъ строемъ, неизбѣжно его порождающимъ.

Крахъ Портъ Артура снова и снова навязываетъ „обществу" этотъ выводъ. И вновь, пытаясь *обойти* его, революціонному лозунгу соціаль-демократовъ: „немедленное прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія" наши националъ-либералы праваго и лѣваго оттѣнковъ противупоставляютъ свой лозунгъ: обновленіе самодержавія путемъ полу-конституціонной реформы и укрѣпленіе этой новой системы, путемъ продолженія войны за обратное отнятіе Манджуріи и Портъ-Артура.

Громадное большинство либеральныхъ газетъ трусливо уклоняется отъ отвѣта на вопросъ, круто поставленный паденіемъ Портъ-Артура. Этотъ вопросъ — вопросъ о продленіи войны— теперь ясно и безповоротно выдвинутъ на очередь, какъ вопросъ о продленіи существованія царизма. Отъ него нельзя отвертѣться, нельзя отмолчаться. Продолженіе войны — это значитъ теперь: соучастіе съ царизмомъ въ чудовищныхъ затратахъ на постройку новаго флота, въ одурачиваніи народа относительно „необходимости" для Россіи возвратиться къ тому status quo, который она утратила за годъ позорной войны и который самъ былъ вѣчной опасностью для мира. Это значитъ — соучастіе въ попыткахъ примирить абсолютную монархію съ болѣе или менѣе легализированнымъ представительствомъ привиллегированныхъ классовъ „въ законодательствѣ и управленіи"; это значитъ, слѣдовательно, для либеральнаго „общества"—немедленный и прочный союзъ съ Романовской монархіей, союзъ противъ пролетаріата и демократіи.

И, наоборотъ, требованіе немедленнаго прекращенія войны означаетъ отказъ Россіи отъ „колоніальной политики" Романовской династіи, это значитъ — капитуляція Романовыхъ передъ волей народа, это значитъ — сверженіе самодержавія и монархіи и установленіе демократическаго строя.

Всякое колебаніе между этими двумя путями невозможно теперь, когда, съ паденіемъ Портъ-Артура Россіи надо или *отказаться отъ него совсѣмъ* или поставить себѣ цѣлью—разгромить Японію, чтобы отнять только что потерянную крѣпость.

„Общество" должно выбирать. И пролетаріатъ заставитъ его высказаться рѣшительно: за войну ради грошевыхъ „реформъ или за миръ для уничтоженія царизма? Но, какъ бы ни высказались политическіе вожди и представители „общества", исторія произнесла свой приговоръ, руководимыя пролетаріатомъ народныя массы приведутъ его въ исполненіе, и за паденіемъ Портъ Артурскихъ стѣнъ неминуемо послѣдуетъ паденіе Петропавловки.

ПОРА ОБЪЯСНИТЬСЯ!

Парижская *конференція (нѣкоторыхъ) революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій Россіи* не вызвала въ европейской печати тѣхъ многочисленныхъ толковъ, которыхъ можно было ожидать по ея поводу. Однако, о ней говорятъ какъ въ буржуазной, такъ и соціальдемократической прессѣ. И на сколько мы можемъ судить по тому, что намъ пришлось прочитать на этотъ счетъ, наши западно-европейскіе товарищи находятся въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно тѣхъ побужденій, которыя заставили насъ отказаться отъ участія въ названной конференціи. Иногда ихъ недоумѣніе выражается даже очень рѣзко. Такъ, напримѣръ, въ парижской „Humanite" де-Прессансэ, можно сказать, раздѣлалъ насъ на обѣ корки.

Мы ни мало не смущаемся сердитой выходкой этого „товарища". Во первыхъ Ф. Прессансэ, какъ и всѣ жорэсисты, является профессіональнымъ защитникомъ всякаго рода союзовъ „блоковъ") соціалистовъ съ буржуазными партіями. Во-вторыхъ, упреки, сыплющіеся на насъ изъ лагеря жорэсистовъ, будутъ въ состояніи производить на насъ извѣстное впечатлѣніе только тогда, когда мы позабудемъ, что на этихъ „товарищахъ" лежитъ тяжелая нравственная отвѣтственность за кровь нашихъ братьевъ, французскихъ пролетаріевъ, пролитую вооруженной силой буржуазной республики въ Шалонѣ и на островѣ Мартиникѣ. Мы еще не забыли, да врядъ ли и позабудемъ когда-нибудь, объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ. Поэтому мы не возражаемъ Ф. Прессансэ. Но наше отсутствіе на парижской конференціи было, къ сожалѣнію, неправильно истолковано не одними только жорэсистами. Оно удивило также и нѣкоторыхъ товарищей, принадлежащихъ къ нѣмецкой и австрійской соціальдемократіи. О немъ не безъ легкаго товарищескаго упрека говорилъ нѣсколько недѣль тому назадъ „Vorwärts"; къ нему совсѣмъ недавно, въ № отъ 22-го декабря, отнеслась съ подобнымъ же упрекомъ вѣнская газета „Arbeiter-Zeitung". Неодобреніе, идущее изъ такихъ источниковъ, для насъ далеко небезразлично, и потому мы находимъ, что пора объясниться. Но такъ какъ мы хотимъ избѣжать ненужныхъ повтореній, то мы будемъ говорить здѣсь лишь о замѣткѣ, появившейся въ „Arbeiter Zeitung". Мы надѣемся, что нашъ отвѣтъ центральному органу австрійской соціальдемократической партіи достаточно выяснитъ наши побужденія и для нашихъ германскихъ товарищей.

Редакція „Arbeiter Zeitung", надѣемся, повѣритъ намъ, когда мы скажемъ, что насъ огорчила ея замѣтка: кому же пріятно слышать, что его осуждаютъ тѣ люди, къ которымъ онъ относится съ уваженіемъ? Но мы не скроемъ отъ этой редакціи, что ея замѣтка также и обрадовала насъ въ немалой степени. Обрадовала вотъ почему.

Во время преній, происходившихъ въ политической коммиссіи амстердамскаго съѣзда, товарищъ Викторъ Адлеръ высказалъ и защищалъ то убѣжденіе, что никто изъ насъ, членовъ международной соціальдемократіи, не долженъ осуждать своихъ товарищей; делегаты Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи нашли тогда эту мысль совершенно ошибочной. Ихъ представитель въ политической коммиссіи оспаривалъ товарища Адлера, чѣмъ вызвалъ въ немъ, нисколько того не желая, довольно значительное раздраженіе. Теперь „Arbeiter Zeitung" *осудила* насъ; стало быть, и она находитъ, что мысль Адлера была неосновательна. Намъ пріятно убѣдиться, что въ этомъ важномъ отношеніи центральный органъ австрійской партіи согласенъ съ нами.

Въ той же коммиссіи и тотъ-же тов. Адлеръ довольно зло смѣялся надъ тѣми соціальдемократами, которые позволяютъ себѣ имѣть опредѣленное мнѣніе о тактикѣ соціалистической партіи другихъ странъ; онъ думалъ тогда, что такое мнѣніе очень сильно рискуетъ быть ошибочнымъ вслѣдствіе недостатка данныхъ; наши делегаты и въ этомъ были не согласны съ Адлеромъ. Теперь австрійская „Arbeiter-Zeitung", хотя и мягко, но совершенно недвусмысленно высказалось о тактикѣ нашей партіи; стало быть, она находитъ, что Адлеръ заблуждался. Намъ пріятно видѣть, что и въ этомъ важномъ отношеніи она согласна не съ нимъ, а съ нами.

Но намъ хотѣлось бы, чтобы почтенный вѣнскій соціальдемократическій органъ согласился съ нами также и въ томъ, что касается нашей собственной тактики; поэтому мы просимъ его внимательно взвѣсить нижеслѣдующее.

Онъ съ удовольствіемъ констатируетъ тотъ фактъ, что во время большихъ демонстрацій „послѣднихъ недѣль" студенты и пролетаріи (почему не пролетаріи и студенты? Ред.) всѣхъ революціонныхъ направленій выступали вмѣстѣ противъ казаковъ и сомкнутыми рядами героически дѣлали свое революціонное дѣло. Уже эти немногія слова показываютъ, что „Arbeiter-Zeitung" находится въ глубокомъ заблужденіи. Нашъ отказъ участвовать въ парижской конференціи былъ понятъ ею, какъ видно, въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ выступать вмѣстѣ съ другими партіями *„противъ казаковъ"*. Но мы никогда *не говорили* ничего подобнаго и никогда *не дѣлали* ничего такого, что могло бы дать нашимъ австрійскимъ товарищамъ достаточное основаніе *предположить* что-нибудь подобное. Съ нашей „теоретико-тактической точки зрѣнія", — какъ выражается „Arbeiter-Zeitung", — намъ всегда казался неоспоримымъ тотъ принципъ, который былъ высказанъ еще въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи", и который гласитъ, что *революціонный пролетаріатъ обязанъ поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго экономическаго и политическаго порядка*. Мы всегда и вездѣ отстаивали этотъ принципъ, за что насъ упрекали и до сихъ поръ продолжаютъ упрекать въ оппортюнизмѣ нѣкоторые, не по разуму, рьяные „революціонеры". Правда, на практикѣ намъ до послѣднихъ лѣтъ не приходилось *поддерживать „противъ казаковъ"* какія бы то ни было другія оппозиціонныя или революціонныя направленія. Но это произошло не по нашей винѣ. Это произошло единственно потому, что когда—,послѣ затишья 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, — мы выступили на арену борьбы „съ казаками", на этой аренѣ *не было никакихъ другихъ оппозиціонныхъ или революціонныхъ элементовъ*. Собственно въ Россіи мы, послѣ указаннаго затишья, выступили первыми застрѣльщиками въ борьбѣ съ „казаками". Намъ первымъ пришлось испытать на себѣ всю тяжесть „казацкихъ" преслѣдованій; и намъ оставалось лишь сожалѣть о томъ, что насъ слишкомъ *слабо поддерживали*, — тогда еще слишкомъ слабые, — *другіе элементы, враждебные царизму*. Не легкое бремя борьбы „съ казаками" до сихъ поръ лежитъ главнымъ образомъ на спинѣ *соціальдемократическихъ россійскихъ „пролетаріевъ"*, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться „Arbeiter-Zeitung", давъ себѣ небольшой трудъ ознакомиться со статистикой совершающихся въ Россіи арестовъ и ссылокъ. Вотъ почему намъ въ высшей степени странно слышать, какъ наши западно-европейскіе товарищи совѣтуютъ намъ не отставать въ борьбѣ съ царизмомъ отъ другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ. Эти товарищи несравненно правильнѣе поступили бы, если бы посовѣтовали *другимъ* элементамъ поддержать насъ въ этой борьбѣ. *Такой* совѣтъ способствовалъ бы распространенію среди нашихъ крупныхъ и мелкихъ буржуа, выступающихъ теперь противъ абсолютной монархіи, вѣрнаго взгляда на огромную важность россійскаго рабочаго движенія въ дѣлѣ борьбы за политическую свободу и тѣмъ увеличивалъ бы у насъ шансы революціи. Именно этотъ, а не другой совѣтъ прежде и настойчивѣе всего подсказывается, — по нашему скромному, но въ тоже время вполнѣ искреннему и очень глубокому убѣжденію, — всѣми правилами международной *пролетарской* солидарности.

Пусть не подумаютъ наши австрійскіе товарищи, что мы, съ своей стороны, отказываемся поддерживать другія анти-„казацкія" партіи, хотя бы и позже насъ выступившія на политическую сцену. Повторяемъ, мы убѣждены, что такой отказъ былъ бы огромной и непростительной ошибкой. Но, будучи всегда готовы энергично поддерживать эти партіи, если онѣ предпримутъ какое нибудь серьезное политическое дѣйствіе, мы никогда и ни за что не согласимся *слиться съ ними*. Партія рабочаго класса должна выступать, какъ отдѣльная и независимая партія, если только она хочетъ неуклонно и послѣдовательно защищать интересы этого класса.

Намъ скажутъ, пожалуй, что парижская конференція и не поднимала вопроса о взаимномъ сліяніи представленныхъ на ней партій. Допустимъ. Но парижская конференція вовсе и не представляется намъ серьезнымъ политическимъ актомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлала эта конференція? Выработала „декларацію", гласящую, что представленныя на ней организаціи стремятся къ замѣнѣ самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ и признаютъ право самоопредѣленія за всѣми націями, входящими въ составъ россійскаго государства. Нашей партіи не было никакой надобности дожидаться парижской конференціи для того, чтобы дать защищаемымъ ею демократическимъ принципамъ гораздо болѣе яркое, полное и опредѣленное выраженіе. Точно также и признаніе права національнаго самоопредѣленія гораздо раньше парижской конференціи было занесено въ нашу программу. Стоило-ли намъ ѣхать въ Парижъ для того, чтобы привезти оттуда тѣ истины, которыя сдѣлались для насъ политическимъ трюизмомъ, вродѣ, напримѣръ, сознанія необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ? „Соединять свои усилія" для того, чтобы хоромъ повторять подобные трюизмы, значитъ лишать эти „усилія" всякаго практическаго значенія. Если парижская конференція, не ограничившись хоровымъ повтореніемъ подобныхъ трюизмовъ, сообщила своимъ участникамъ еще и то убѣжденіе, что они должны поддерживать другъ друга въ борьбѣ съ царизмомъ, то это могло быть очень полезнымъ въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые еще не знали этого или забывали это подъ вліяніемъ какихъ нибудь политическихъ или національныхъ предразсудковъ. Но мы совсѣмъ не нуждались и въ этомъ напоминаніи. Слѣдовательно, и съ этой стороны поѣздка въ Парижъ должна была представиться намъ совершенно излишнею.

Организаціи, участвовавшія въ конференціи, заявляютъ въ своей декларацін, что онѣ „соединяютъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма", но въ то же время ни одна изъ нихъ „ни на минуту не думаетъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ". Это можно признать яснымъ только при одномъ условіи, а именно только въ томъ случаѣ, если организаціи, участвовавшія на конференціи, представляли,—несмотря на все богатое раз-

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 82. 1-го января 1905 г. Годъ V.

ГИБЕЛЬ ПОРТЪ-АРТУРА.

Портъ-Артуръ палъ, и отъ его паденія замѣтно дрогнули вѣковыя стѣны Петропавловской бастиліи.

Портъ-Артуръ палъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ милліонахъ обывательскихъ сердецъ что-то порвалось на вѣки. Вновь возродившаяся послѣ Крымскаго разгрома, наивная вѣра въ военное могущество самодержавной Россіи окончательно вытравлена изъ сознанія русскаго филистера. Примитивный его „патріотизмъ" отживаетъ свои послѣдніе дни. Частью онъ перерождается въ сознательно-буржуазный воинствующій націонализмъ на „либеральной" подкладкѣ, частью смѣняется тѣмъ злораднымъ чувствомъ безсильнаго рабьяго протеста, которое побуждаетъ привѣтствовать попраніе „національной гордости", какъ меньшее зло, по сравненію съ продолженіемъ безконечнаго ужаса царящаго строя...

Портъ-Артуръ палъ и въ своемъ паденіи унесъ послѣднюю надежду, за которую, какъ утопающій за соломинку, хватался оскорбленный въ своихъ „патріотическихъ" чувствахъ обыватель: надежду на „реваншъ" второй либо третьей эскадры, на быстрый побѣдоносный финалъ этой для всѣхъ черезчуръ затянувшейся, всѣхъ пугающей своими все-осложняющимися перспективами, нелѣпой войны. „Болотные" элементы русскаго общества теряютъ послѣднюю вѣру въ возвращеніе прекрасныхъ дней соннаго политическаго прозябанія, и посмотрите, какъ заквакали, немедленно послѣ Портъ-Артурской капитуляціи, газетныя выразительницы думъ и чувствъ этого болота! Съ какой энергіей заговорили молодцы обѣихъ Суворинскихъ фирмъ о преступленіяхъ „бюрократіи", о „жестокомъ судѣ" надъ дѣйствительными виновниками Портъ-Артурской катастрофы! Царистская реакція, сознательно или безсознательно, культивировала неосмысленный шовинизмъ, какъ единственную, закономъ дозволенную, форму гражданскаго чувства. Теперь это, ею грубо оскорбленное, реакціонное чувство обращается противъ нея, какъ враждебная ей сила, какъ матеріалъ, порождающій, при сжиганіи въ горнилѣ политическихъ событій, новую революціонную энергію. Революціонное значеніе капитуляціи Портъ-Артура состоитъ не только въ томъ, что она яркими красками рисуетъ передъ русскимъ буржуазнымъ обществомъ ту перспективу, которую анализировалъ въ № 79 „Искры" тов. Парвусъ: перспективу безконечнаго, съ ничтожными шансами на успѣхъ, обратнаго похода русской арміи отъ Мукдена до Тихаго океана. Революціонное значеніе капитуляціи еще и въ томъ, что она съ обидной для патріотическаго сердца ясностью показала все безсиліе индивидуальнаго и коллективнаго мужества русскихъ воиновъ передъ безнадежной гнилостью того порядка, на защиту котораго они отдаютъ свои силы.

Чѣмъ мужественнѣе и красивѣе, по своему удальству и упорству, была оборона Портъ-Артура, тѣмъ нагляднѣе вина, падающая за это пораженіе на голову царизма.

Всѣ сходятся на признаніи энергіи и мужества, проявленныхъ Стесселемъ и его помощниками. Объ этихъ вольныхъ и невольныхъ слугахъ царизма можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что они честно несли свое знамя. Конечно, мы знаемъ, что оборотной стороной этого офицерскаго мужества здѣсь, какъ и всегда, являлся узкій кастовый духъ, пропитывающій всѣ отношенія въ современной арміи. Въ этихъ трогательныхъ, по своему, описаніяхъ послѣднихъ минутъ крѣпости, послѣднихъ словъ и дѣяній ея защитниковъ, какой жестокой ироніей звучитъ сообщеніе, что генералы выговариваютъ у японцевъ себѣ и офицерамъ право вернуться въ Россію, оставляя въ плѣну солдатъ и матросовъ. Привилегированный классъ и классъ пролетаріевъ и здѣсь, послѣ только что окончившейся кровавой страды, объединявшей ихъ, если вѣрить прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ военнымъ лѣтописцамъ, въ „одну братскую семью", — эти два класса снова, какъ только миновала опасность, расходятся по разнымъ дорогамъ — почетное возвращеніе и подобающій тріумфъ для людей бѣлой кости, и скучные, томительные дни безславнаго плѣна для тѣхъ, которые были дѣйствительными героями и дѣйствительными страстотерпцами полугодовой осады.

Какъ бы то ни было, но, въ тѣсныхъ предѣлахъ своей кастовой морали, русское армейское офицерство проявило въ Портъ-Артурѣ высокую доблесть. Понятно поэтому, что именно военная корпорація съ особенной горечью и желчью воспринимаетъ извѣстіе о Портъ-Артурскомъ крахѣ, съ особеннымъ возмущеніемъ слышитъ, что въ началѣ войны укрѣпленія имѣлись частью на бумагѣ, продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ не было и т. д. Въ „Нов. Вр." сообщаютъ, что Стессель, могущественный Стессель, тщетно воевалъ съ высшими властями, отстаивая дѣло укрѣпленія артурской твердыни. И здѣсь, рядомъ съ столь обычными въ этой войнѣ картинами поражающей *все* христолюбивое воинство гангреной продажности, передъ русскимъ обществомъ встаетъ самая мрачная страница военной лѣтописи: вопіющіе позорные порядки русскаго флота.

Одно изъ послѣднихъ убѣжищъ хирѣющаго дворянства, наслѣдственная добыча вороватыхъ великихъ князей и его постоянныхъ начальниковъ, — русскій флотъ съ первыхъ дней войны до сегодня, отъ ночной битвы 26 января до Гулльскаго сраженія, покрываетъ себя позоромъ. Въ томъ, что въ оборонѣ Портъ-Артура связано съ сухопутными операціями, мы встрѣчаемъ примѣры храбрости, энергіи, стойкости; все, связанное съ дѣйствіями флота, дышетъ неспособностью, трусостью, безчестностью. Исторія гибели тихоокеанскаго флота — одно сплошное, безцѣльное, ничѣмъ не оправданное истребленіе человѣческихъ жизней и десятковъ милліоновъ денегъ, безполезное даже съ точки зрѣнія „военной славы" и являющееся результатомъ сверхмѣрнаго грабежа и казнокрадства, царящихъ во флотѣ. Теперь, когда послѣ скандальныхъ разоблаченій капитана Кладо порядки въ русскомъ флотѣ ни для кого не являются тайной, будетъ кстати припомнить одинъ трагическій эпизодъ изъ исторіи этого флота, — эпизодъ, о которомъ не упоминаютъ его оффиціальные лѣтописцы.

Стоя передъ своими судьями, бывшій лейтенантъ Сухановъ говорилъ въ 1882 г. имъ о томъ, какъ онъ напрасно боролся со злоупотребленіями, свившими гнѣздо въ морскомъ вѣдомствѣ, и какъ убѣдился въ безнадежности своихъ попытокъ облагородить это благородное вѣдомство.

Борьба съ казнокрадами логически — неизбѣжно привела Суханова къ разрыву съ флотской корпораціей и къ переходу въ ряды борцовъ за свободу, а этотъ переходъ столь же неизбѣжно привелъ его черезъ казематъ Петропавловской крѣпости — къ смертной казни.

Теперь, когда морской офицеръ, не рискуя служебной карьерой и даже создавая себѣ карьеру политическую, можетъ смѣло поднять свой голосъ для критики Авгіевыхъ конюшенъ флотскаго хозяйства, теперь память моряка-революціонера отомщена. Вспоминаютъ ли о немъ наши воинствующіе патріоты въ тѣ дни, когда они кричатъ объ очищеніи этихъ конюшенъ?

За двадцать слишкомъ лѣтъ — никакой перемѣны. Въ роли патрона всѣхъ флотскихъ казнокрадовъ, индифферентный въ вопросахъ политики вел. князь Алексѣй смѣнилъ фрондировавшаго вел. князя Константина и будетъ, быть можетъ, смѣненъ реакціоннымъ, какъ говорятъ, вел. кн. Александромъ. Вывѣска мѣняется — та же смрадная язва скрывается за этой вывѣской. И, какъ во времена Суханова, бороться съ этой язвой нельзя оставаясь во флотѣ, нельзя, оставаясь въ предѣлахъ „легальнаго" общества. По прежнему, борьба съ этимъ частнымъ зломъ растворяется въ борьбѣ съ государственнымъ строемъ, неизбѣжно его порождающимъ.

Крахъ Портъ-Артура снова и снова навязываетъ „обществу" этотъ выводъ. И вновь, пытаясь *обойти* его, революціонному лозунгу соціалъ-демократовъ: „немедленное прекращеніе войны и созывъ учредительнаго собранія" наши націоналъ-либералы праваго и лѣваго оттѣнковъ противупоставляютъ свой лозунгъ: обновленіе самодержавія путемъ полу-конституціонной реформы и укрѣпленіе этой новой системы, путемъ продолженія войны за обратное отнятіе Манджуріи и Портъ-Артура.

Громадное большинство либеральныхъ газетъ трусливо уклоняется отъ отвѣта на вопросъ, круто поставленный паденіемъ Портъ-Артура. Этотъ вопросъ — вопросъ о продленіи войны — теперь ясно и безповоротно выдвинутъ на очередь, какъ вопросъ о продленіи существованія царизма. Отъ него нельзя отвертѣться, нельзя отмолчаться. Продолженіе войны — это значитъ теперь: соучастіе съ царизмомъ въ чудовищныхъ затратахъ на постройку новаго флота, въ обманываніи народа относительно „необходимости" для Россіи возвратиться къ тому status quo, который она утратила за годъ позорной войны и который самъ былъ вѣчной опасностью для мира. Это значитъ — соучастіе въ попыткахъ примирить абсолютную монархію съ болѣе или менѣе легализированнымъ представительствомъ привилегированныхъ классовъ „въ законодательствѣ и управленіи"; это значитъ, слѣдовательно, для либеральнаго „общества" — немедленный и прочный союзъ съ Романовской монархіей, союзъ противъ пролетаріата и демократіи.

И, наоборотъ, требованіе немедленнаго прекращенія войны означаетъ отказъ Россіи отъ „колоніальной политики" Романовской династіи, это значитъ — капитуляція Романовыхъ передъ волей народа, это значитъ — сверженіе самодержавія и монархіи и установленіе демократическаго строя.

Всякое колебаніе между этими двумя путями невозможно теперь, когда, съ паденіемъ Портъ-Артура Россіи надо или *отказаться отъ него совсѣмъ* или поставить себѣ цѣлью — разгромить Японію, чтобы отнять только что потерянную крѣпость.

„Общество" должно выбирать. И пролетаріатъ заставитъ его высказаться рѣшительно: за войну ради грошевыхъ „реформъ" или за миръ для уничтоженія царизма? Но, какъ бы ни высказались политическіе вожди и представители „общества", исторія произнесла свой приговоръ, руководимыя пролетаріатомъ народныя массы приведутъ его въ исполненіе, и за паденіемъ Портъ-Артурскихъ стѣнъ неминуемо послѣдуетъ паденіе Петропавловки.

ПОРА ОБЪЯСНИТЬСЯ!

Парижская *конференція (нѣкоторыхъ) революціонныхъ и оппозиціонныхъ организацій Россіи* не вызвала въ европейской печати тѣхъ многочисленныхъ толковъ, которыхъ можно было ожидать по ея поводу. Однако о ней говорятъ какъ въ буржуазной, такъ и въ соціалдемократической прессѣ. И насколько мы можемъ судить по тому, что намъ пришлось прочитать на этотъ счетъ, наши западно-европейскіе товарищи находятся въ нѣкоторомъ недоумѣніи относительно тѣхъ побужденій, которыя заставили насъ отказаться отъ участія въ названной конференціи. Иногда ихъ недоумѣніе выражается даже очень рѣзко. Такъ, напримѣръ, въ парижской „Humanité" де-Прессансе можно сказать, разнесъ насъ на обѣ корки.

Мы ни мало не смущаемся сердитой выходкой этого „товарища". Во первыхъ, Ф. Прессансе, какъ и всѣ жоресисты, является профессіональнымъ защитникомъ всякаго рода союзовъ („блоковъ") соціалистовъ съ буржуазными партіями. Во-вторыхъ, упреки, сыплющіеся на насъ изъ лагеря жоресистовъ, будутъ въ состояніи производить на насъ извѣстное впечатлѣніе только тогда, когда мы позабудемъ, что на этихъ „товарищахъ" лежитъ тяжелая нравственная отвѣтственность за кровь нашихъ братьевъ, французскихъ пролетаріевъ, пролитую вооруженной силой буржуазной республики въ Шалонѣ и на островѣ Мартиникѣ. Мы еще не забыли, да врядъ ли и позабудемъ когда-нибудь объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ. Поэтому мы не возражаемъ Ф. Прессансе. Но наше отсутствіе на парижской конференціи было, къ сожалѣнію, неправильно истолковано не одними только жоресистами. Оно удивило также и нѣкоторыхъ товарищей, принадлежащихъ къ нѣмецкой и австрійской соціалдемократіи. О немъ не безъ легкаго товарищескаго упрека говоритъ нѣсколько недѣль тому назадъ „Vorwärts"; къ нему совсѣмъ недавно, въ № отъ 22-го декабря, отнеслась съ подобнымъ же упрекомъ вѣнская газета „Arbeiter-Zeitung". Неодобреніе и упреки изъ такихъ источниковъ, для насъ далеко небезразличны, и потому мы находимъ, что пора объясниться. Но такъ какъ мы хотимъ избѣжать ненужныхъ повтореній, то мы будемъ говорить здѣсь лишь о замѣткѣ, появившейся въ „Arbeiter-Zeitung". Мы надѣемся, что нашъ отвѣтъ центральному органу австрійской соціалдемократической партіи достаточно выяснитъ наши побужденія и для нашихъ германскихъ товарищей.

Редакція „Arbeiter-Zeitung", надѣемся, повѣритъ намъ, когда мы скажемъ, что насъ огорчила ея замѣтка: кому же пріятно слышать, что его осуждаютъ тѣ люди, къ которымъ онъ относится съ уваженіемъ? Но мы не скроемъ отъ этой редакціи, что ея замѣтка также и обрадовала насъ, и въ немалой степени обрадовала. Вотъ почему.

Во время преній, происходившихъ въ политической коммиссіи амстердамскаго съѣзда, товарищъ Викторъ Адлеръ высказалъ и защищалъ то убѣжденіе, что никто изъ насъ, членовъ международной соціалдемократіи, не долженъ осуждать своихъ товарищей; делегаты Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи нашли такую мысль совершенно ошибочной. Ихъ представитель въ политической коммиссіи оспаривалъ товарища Адлера, чѣмъ вызвалъ въ немъ, нисколько того не желая, довольно значительное раздраженіе. Теперь „Arbeiter-Zeitung" *осудила* насъ; стало быть, и она находитъ, что мысль Адлера была неосновательна. Намъ пріятно убѣдиться, что въ этомъ важномъ отношеніи центральный органъ австрійской партіи согласенъ съ нами.

Въ той же коммиссіи и тотъ же тов. Адлеръ довольно зло смѣялся надъ тѣми соціалдемократами, которые позволяютъ себѣ имѣть опредѣленное мнѣніе о тактикѣ соціалистической партіи другихъ странъ: онъ думалъ тогда, что такое мнѣніе очень сильно рискуетъ быть ошибочнымъ вслѣдствіе недостатка данныхъ; наши делегаты и въ этомъ были не согласны съ Адлеромъ. Теперь австрійская „Arbeiter-Zeitung", хотя и мягко, но совершенно недвусмысленно высказалось о тактикѣ нашей партіи; стало быть, она находитъ, что Адлеръ заблуждался. Намъ пріятно видѣть, что и въ этомъ важномъ отношеніи она согласна не съ нимъ, а съ нами.

Но намъ хотѣлось бы, чтобы почтенный вѣнскій соціальдемократическій органъ согласился съ нами также и въ томъ, что касается нашей собственной тактики; поэтому мы просимъ его внимательно взвѣсить нижеслѣдующее.

Онъ съ удовольствіемъ констатируетъ тотъ фактъ, что во время большихъ демонстрацій „послѣднихъ недѣль" студенты и пролетаріи (почему не пролетаріи и студенты? Ред.) всѣхъ революціонныхъ направленій выступали вмѣстѣ противъ казаковъ и сомкнутыми рядами героически дѣлали свое революціонное дѣло. Уже эти немногія слова показываютъ, что „Arbeiter-Zeitung" находится въ глубокомъ заблужденіи. Нашъ отказъ участвовать въ парижской конференціи былъ понятъ ею, какъ видно, въ томъ смыслѣ, что мы не хотимъ выступать вмѣстѣ съ другими партіями *„противъ казаковъ"*. Но мы никогда *не говорили* ничего подобнаго и никогда *не дѣлали* ничего такого, что могло бы дать нашимъ австрійскимъ товарищамъ достаточное основаніе *предположить* что-нибудь подобное. Съ нашей „теоретико-тактической точки зрѣнія", — какъ выражается „Arbeiter-Zeitung", — намъ всегда казался неоспоримымъ тотъ принципъ, который былъ высказанъ еще въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи", и который гласитъ, что *революціонный пролетаріатъ обязанъ поддерживать всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго экономическаго и политическаго порядка*. Мы всегда и вездѣ отстаивали этотъ принципъ, за что насъ упрекали и до сихъ поръ продолжаютъ упрекать въ оппортюнизмѣ нѣкоторые, не по разуму, рьяные „революціонеры". Правда, на практикѣ намъ до послѣднихъ лѣтъ не приходилось *поддерживать „противъ казаковъ"* какія бы то ни было другія оппозиціонныя или революціонныя направленія. Но это произошло не по нашей винѣ. Это произошло единственно потому, что когда, — послѣ затишья 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, — мы выступили на арену борьбы „съ казаками", на этой аренѣ *не было никакихъ другихъ оппозиціонныхъ или революціонныхъ элементовъ*. Собственно въ Россіи мы, послѣ указаннаго затишья, выступили первыми застрѣльщиками въ борьбѣ съ „казаками". Намъ первымъ пришлось испытать на себѣ всю тяжесть „казацкихъ" преслѣдованій, и намъ оставалось лишь сожалѣть о томъ, что насъ слишкомъ *слабо поддерживали*, — тогда еще слишкомъ слабые, — *другіе элементы, враждебные царизму*. Не легкое бремя борьбы „съ казаками" до сихъ поръ лежитъ главнымъ образомъ на спинѣ *соціальдемократическихъ россійскихъ „пролетаріевъ"*, какъ въ этомъ легко можетъ убѣдиться „Arbeiter-Zeitung", давъ себѣ небольшой трудъ ознакомиться со статистикой совершающихся въ Россіи арестовъ и ссылокъ. Вотъ почему намъ въ высшей степени странно слышать, какъ наши западно-европейскіе товарищи совѣтуютъ намъ не отставать въ борьбѣ съ царизмомъ отъ другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ элементовъ. Эти товарищи несравненно правильнѣе поступили бы, если бы посовѣтовали *другимъ* элементамъ поддержать насъ въ этой борьбѣ. *Такой* совѣтъ способствовалъ бы распространенію среди нашихъ крупныхъ и мелкихъ буржуа, выступающихъ теперь противъ абсолютной монархіи, вѣрнаго взгляда на огромную важность россійскаго рабочаго движенія въ дѣлѣ борьбы за политическую свободу и тѣмъ увеличивалъ бы у насъ шансы революціи. Именно этотъ, а не другой совѣтъ прежде и настойчивѣе всего подсказывается, — по нашему скромному, но въ тоже время вполнѣ искреннему и очень глубокому убѣжденію, — всѣми правилами международной *пролетарской* солидарности.

Пусть не подумаютъ наши австрійскіе товарищи, что мы, съ своей стороны, отказываемся поддерживать другія анти-„казацкія" партіи, хотя бы и позже насъ выступившія на политическую сцену. Повторяемъ, мы убѣждены, что такой отказъ былъ бы огромной и непростительной ошибкой. Но, будучи всегда готовы энергично поддерживать эти партіи, если онѣ предпримутъ какое-нибудь серьезное политическое дѣйствіе, мы никогда и ни за что не согласимся *слиться съ ними*. Партія рабочаго класса должна выступать, какъ отдѣльная и независимая партія, если только она хочетъ неуклонно и послѣдовательно защищать интересы этого класса.

Намъ скажутъ, пожалуй, что парижская конференція и не поднимала вопроса о взаимномъ сліяніи представленныхъ на ней партій. Допустимъ. Но парижская конференція вовсе и не представляется намъ серьезнымъ политическимъ актомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлала эта конференція? Выработала „декларацію", гласящую, что представленныя на ней организаціи стремятся къ замѣнѣ самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ и признаютъ право самоопредѣленія за всѣми націями, входящими въ составъ россійскаго государства. Нашей партіи не было никакой надобности дожидаться парижской конференціи для того, чтобы дать защищаемымъ ею демократическимъ принципамъ гораздо болѣе яркое, полное и опредѣленное выраженіе. Точно также и признаніе права національнаго самоопредѣленія гораздо раньше парижской конференціи было внесено въ нашу программу. Стоило-ли намъ ѣхать въ Парижъ для того, чтобы привезти оттуда тѣ истины, которыя сдѣлались для насъ политическимъ трюизмомъ, вродѣ, напримѣръ, сознанія необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ? „Соединять свои усилія" для того, чтобы хоромъ повторять подобные трюизмы, значитъ лишать эти „усилія" всякаго практическаго значенія. Если парижская конференція, не ограничившись хоровымъ повтореніемъ подобныхъ трюизмовъ, сообщила своимъ участникамъ еще и то убѣжденіе, что они должны поддерживать другъ друга въ борьбѣ съ царизмомъ, то это могло быть очень полезнымъ въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые еще не знали этого или забывали это подъ вліяніемъ какихъ-нибудь политическихъ или національныхъ предразсудковъ. Но мы совсѣмъ не нуждались и въ этомъ напоминаніи. Слѣдовательно, и съ этой стороны поѣздка въ Парижъ должна была представиться намъ совершенно излишнею.

Организаціи, участвовавшія въ конференціи, заявляютъ въ своей деклараціи, что онѣ „соединяютъ свои усилія для ускоренія неизбѣжной гибели абсолютизма", но въ то же время ни одна изъ нихъ „ни на минуту не думаетъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы или тактическихъ пріемовъ борьбы, соотвѣтствующихъ потребностямъ, силамъ и положенію тѣхъ общественныхъ элементовъ, классовъ или національностей, интересы которыхъ она представляетъ". Это можно признать яснымъ только при одномъ условіи, а именно только въ томъ случаѣ, если организаціи, участвовавшія на конференціи, представляли, — несмотря на все богатое разнообразіе своихъ названій, — интересы *одного и того же* общественнаго класса, а потому и выражали въ сущности однѣ и тѣ же классовыя тенденціи. Въ этомъ случаѣ, конечно, имъ очень легко было понять другъ друга и объединить свои усилія. Но если предположить, что на конференціи участвовали представители *различныхъ* общественныхъ классовъ, то неизбѣжно возникаетъ интересный вопросъ: какимъ именно образомъ они могли соединиться, не переставая въ то же время быть самими собою? Это очень трудная задача. Намъ говорятъ, что парижская конференція разрѣшила ее, и не сообщаютъ, въ чемъ именно состоитъ ея рѣшеніе. Но именно вслѣдствіе этого ея декларація утрачиваетъ всякій серьезный смыслъ и представляется не болѣе, какъ рядомъ политическихъ трюизмовъ и безсодержательныхъ фразъ. Стоитъ-ли толковать о *такой* деклараціи? И неужели „Arbeiter Zeitung“ думаетъ что писать такія деклараціи уже значитъ *бороться съ „казаками“*? Мы — враги всякихъ двусмысленностей и всякаго фразерства, и уже по одному этому мы отказались бы подписаться подъ парижской деклараціей. Мы спокойно можемъ ограничиться тѣмъ заявленіемъ, что всякій серьезный противникъ царизма, — *не возстающій противъ политическихъ требованій сознательнаго пролетаріата*, — можетъ въ каждомъ своемъ революціонномъ дѣйствіи разсчитывать на поддержку нашей партіи. Это заявленіе, надѣемся, достаточно для того, чтобы наши западно-европейскіе братья не приписывали намъ желанія уклониться отъ борьбы „съ казаками“.

„Arbeiter-Zeitung“ сообщаетъ намъ далѣе, что каждая побѣда Японіи является пораженіемъ царизма. Можемъ увѣрить ее, что мы давно и хорошо знаемъ это. Не говоря уже о передовыхъ статьяхъ „Искры“, которыя могли остаться неизвѣстными вѣнскому соціальдемократическому органу, мы напомнимъ ту рѣчь, которую одинъ изъ делегатовъ нашей партіи произнесъ въ первомъ же засѣданіи амстердамскаго съѣзда. Эта рѣчь, содержаніе которой было передано также и въ „Arbeiter-Zeitung“, достаточно показываетъ, что мы ни мало не заблуждались на счетъ историческаго значенія русско-японской войны. Но безусловно признавая истину, сообщаемую намъ нашимъ вѣнскимъ собратомъ, и неизмѣнно руководствуясь ею въ своей практической дѣятельности, мы продолжаемъ считать непростительной всякую спекуляцію на побѣду буржуазнаго японскаго правительства, которое, кстати сказать, преслѣдуетъ теперь, по сообщеніямъ европейскихъ газетъ, соціалистовъ своей страны за то, что тѣ распространяли соціалистическія изданія между русскими военноплѣнными.

Еще два слова. „Arbeiter-Zeitung“ какъ будто одобряетъ латышскихъ соціальдемократовъ за то, что они съ одной стороны вмѣстѣ съ нами отказались участвовать въ парижской конференціи, а съ другой — всетаки участвовали въ ней. Признаемся, намъ такая похвала не представляется очень лестной.

Заслужилъ одобреніе вѣнской газеты и еврейскій „Бундъ“, который, по ея словамъ, хотя и отвѣтилъ отрицательно на приглашеніе участвовать въ конференціи, но закончилъ свой отвѣтъ выраженіемъ готовности вмѣстѣ съ другими партіями сражаться и бороться противъ царизма.

Послѣ всего сказаннаго нами выше излишне было бы повторять, что и намъ совсѣмъ не чужда эта совершенно естественная готовность. Замѣтимъ только, что представитель „Бунда“ дѣятельно участвовалъ въ редактированіи отвѣта, посланнаго организаторамъ конференціи нами, соціальдемократіей Латвы и Польши и нѣкоторыми другими соціальдемократическими организаціями.

Вотъ все, что мы считаемъ *теперь* нужнымъ и возможнымъ возразить на замѣтку вѣнской „Arbeiter-Zeitung“.

ОБЪ ОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ „ДИРЕКТИВѢ“.

Прошло уже довольно много времени съ тѣхъ поръ, какъ Бундъ сдѣлалъ печальное открытіе, что въ области національнаго вопроса соціальдемократическая мысль дала „несомнѣнно меньше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ крупныхъ политическихъ вопросахъ“, и что специфическіе интересы пролетаріата угнетенныхъ національностей порождаютъ специфическія требованія, которыхъ, по непростительному упущенію, не имѣется ни въ одной соціальдемократической программѣ. Однако, до настоящаго времени всѣ попытки Бунда пополнить столь важный пробѣлъ политическихъ воззрѣній международной соціальдемократіи всецѣло исчерпывались однимъ „специфическимъ“ требованіемъ признанія Всеобщаго еврейскаго рабочаго союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи единственнымъ представителемъ еврейскаго пролетаріата. Но это требованіе, при всей его опредѣленности, справедливо возбуждало нѣкоторое недоумѣніе и, во всякомъ случаѣ, не могло считаться сколько-нибудь цѣннымъ вкладомъ въ идейную сокровищницу интернаціональной соціальдемократіи.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, Бунду удалось найти якобы самостоятельное политическое требованіе программнаго характера. Это — требованіе національнаго самоуправленія.[1] Подъ національнымъ самоуправленіемъ политическіе мыслители „Вѣстника Бунда“ понимаютъ не самоуправленіе отдѣльныхъ областей съ иноплеменнымъ населеніемъ, а самоуправленіе каждой націи, какъ „суммы всѣхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной культурно-исторической группѣ, независимо отъ ихъ районнаго разселенія“.

Задачи національнаго самоуправленія формулируются, къ сожалѣнію, въ очень туманныхъ и расплывчатыхъ выраженіяхъ. Ему предназначается область культурныхъ функцій государства: „народной школы и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка и искусства“. Нація, гласитъ новая теорія, „самоуправляется лишь въ той области вопросовъ, въ которой проявляется *національная* жизнь, какъ таковая, т. е. въ области культурныхъ вопросовъ. „Этимъ ограничивается ея компетенція. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ и функцій „національный союзъ“ становится какъ бы не существующимъ. Его члены фигурируютъ уже не въ роли представителей данной націи, а просто въ роли жителей той или иной административной единицы, избирателей въ тѣ или иные органы областного самоуправленія, гражданъ россійскаго государства...“ Культурныя же задачи передаются въ вѣдѣніе „національно-автономныхъ учрежденій“, избираемыхъ для себя каждой націей „на демократическихъ началахъ путемъ всеобщаго избирательнаго права.“

Такова сущность тѣхъ политическихъ требованій, которыми Бундъ, въ специальныхъ интересахъ пролетаріата угнетенныхъ національностей, считаетъ необходимымъ пополнить программы соціальдемократическихъ партій, таковъ его отвѣтъ на національный вопросъ. Только „извѣстнаго рода идейная неопрятность, продуктъ недостаточно тщательной очистки своихъ взглядовъ и симпатій отъ привнесеннаго въ нихъ буржуазнаго хлама“ препятствовали до сихъ поръ творцамъ и борцамъ великаго классового движенія, развивающагося подъ знаменемъ научнаго соціализма, найти это глубокое и ясное рѣшеніе! Къ счастью для интернаціональной соціальдемократіи, новый проектъ національнаго самоуправленія представляетъ сплошное недоразумѣніе, вытекшее изъ полнаго непониманія его авторами государственно-правовыхъ отношеній современнаго капиталистическаго общества, о которомъ только и можетъ итти рѣчь въ программѣ минимумъ и знаменуетъ не косность или буржуазность соціальдемократической мысли, а плачевную теоретическую немощь „единственныхъ представителей еврейскаго пролетаріата“.

Понятіе самоуправленія, съ которымъ такъ неосторожно обходится „Вѣстникъ Бунда“, въ качествѣ политическаго принципа, означаетъ не самостоятельное завѣдываніе различныхъ общественныхъ или національныхъ союзовъ ихъ собственными дѣлами, а опредѣленную систему государственнаго управленія, опредѣленное устройство мѣстной администраціи. Оно имѣетъ цѣлью не выполненіе той или другой отдѣльной государственной задачи, а совокупность всѣхъ государственныхъ задачъ, поскольку онѣ ограничиваются мѣстностью. Какъ государственный институтъ, самоуправленіе обладаетъ принудительною властью, правомъ установленія налоговъ, правомъ мѣстнаго законодательства. Такимъ образомъ, самоуправленіе отнюдь не характеризуется удовлетвореніемъ „собственныхъ“ — хозяйственныхъ или культурныхъ — нуждъ данной общественной группы; наоборотъ, оно превращаетъ всѣ государственныя нужды въ „собственныя“ нужды всего населенія. Въ этомъ смыслѣ современное право и опредѣляетъ самоуправленіе, какъ самостоятельное осуществленіе населеніемъ общихъ задачъ государственнаго управленія. Только такое самоуправленіе, передающее функціи государства въ руки народа, является особымъ политическимъ требованіемъ и должно занимать мѣсто въ политическихъ партійныхъ программахъ.

Но такое самоуправленіе неизбѣжно строится на территоріальной, а не національной основѣ. Задачи государства по отношенію ко всѣмъ гражданамъ, ихъ взаимныя права и обязанности въ государственномъ цѣломъ едины и одинаковы. Въ цѣломъ рядѣ такихъ функцій самоуправленія, какъ охрана труда, благоустройство мѣстности, улучшеніе жизненныхъ условій и т. п. раздробленіе территоріальныхъ единицъ на національныя группы явилось бы реакціонной реставраціей средневѣковыхъ правовыхъ отношеній. Слабое сознаніе этого мелькаетъ и у авторовъ „національнаго самоуправленія“, когда они признаютъ необходимость „всенаціональнаго“ территоріальнаго самоуправленія для удовлетворенія нуждъ „территоріальнаго“ характера, т. е. въ сущности, всѣхъ нуждъ, общихъ населенію данной мѣстности безъ различія національностей.

Но мимолетный проблескъ сознанія немедленно гаснетъ, какъ только рядомъ съ общимъ самоуправленіемъ они строятъ особый національный механизмъ и возводятъ его въ званіе политическаго института, на введеніи котораго должна настаивать соціальдемократія. Здѣсь начинается безнадежная путанница. То самоуправленіе, которое должно вѣдать проявленія національной жизни въ языкѣ, наукѣ, искусствѣ, литературѣ и т. п., вовсе не представляетъ политическаго понятія. По отношенію къ духовной культурѣ націи государство несетъ только одну обязанность — обезпечить ей возможность свободнаго существованія и развитія свободными политическими условіями. Если культурные запросы націи вызовутъ необходимость національныхъ союзовъ, то образованіе ихъ, естественно, не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій въ демократическомъ государствѣ. Но ни одно государство не имѣетъ ни права ни основанія создавать такіе союзы *принудительно* и облекать ихъ полномочіями органовъ государственной власти. Это — добровольныя соединенія гражданъ, обязательныя исключительно для участниковъ. Государственная власть не можетъ насильственнымъ путемъ заставить еврея оказывать содѣйствіе національному обществу изученія еврейской литературы или еврейской исторіи. Политическія программы, поскольку онѣ предвидятъ возникновеніе подобныхъ національныхъ „учрежденій“, могутъ требовать только общаго и широкаго права союзовъ, которое, какъ извѣстно, составляетъ обычное требованіе всякой демократической партіи. Требованія же національнаго культурнаго самоуправленія нѣтъ ни въ одной программѣ, такъ какъ такое самоуправленіе не является государственнымъ институтомъ. Государство не знаетъ „учрежденій, вѣдающихъ дѣла языка, науки и искусства“,[1] и нельзя требовать, чтобы оно отказалось отъ того, чего не имѣетъ.

Нѣсколько иной характеръ носитъ требованіе обособленной національной школы, выставленное „Вѣстн. Бунда“. Демократическое государство обязано дать всѣмъ гражданамъ равное образованіе и, поэтому, не имѣетъ права отказаться отъ участія въ школьномъ дѣлѣ. Однако, при наличности національныхъ школьныхъ союзовъ, вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы урегулировать ихъ отношенія къ государству, а не въ томъ, чтобы лишить ихъ свободы преподаванія и обученія. И надо надѣяться, что демократія разрѣшитъ этотъ вопросъ безъ всякаго ущерба національнымъ правамъ и достоинству.

Такимъ образомъ, всякая демократическая программа обезпечиваетъ различнымъ національностямъ разноплеменнаго государства возможность національнаго самоуправленія, какъ его понимаетъ Бундъ, но его практическое осуществленіе не можетъ стать задачей какой либо политической партіи и, слѣдовательно, задачей государства, такъ какъ такое самоуправленіе является добровольнымъ соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ извѣстной націи.

Другой вопросъ, насколько національное самоуправленіе, этотъ блокъ пролетаріата съ буржуазіей въ области якобы единыхъ культурныхъ цѣлей, можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія соціальной демократіи. Старая догма, въ которой Бундъ, по примѣру прочихъ ревизіонистовъ, пытается найти „наименѣе укрѣпленное мѣсто“ для своей аттаки, не видитъ ничего привлекательнаго въ такой комбинаціи, при которой на плечи пролетаріата даже въ демократическомъ государствѣ взваливается, кромѣ обычнаго гнета всей буржуазіи, еще специальный гнетъ родной буржуазіи въ вопросахъ культурной жизни. Но этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе, возникающіе въ связи съ проектомъ національнаго самоуправленія, потребовалъ бы особаго разсмотрѣнія. Въ настоящей замѣткѣ мы имѣли цѣлью только показать, что первое самостоятельное политическое требованіе, вымученное „Вѣстникомъ Бунда“, по скольку оно является политическимъ, цѣликомъ заключается въ требованіяхъ всѣхъ демократическихъ программъ; поскольку же оно въ нихъ не находится, оно не является политическимъ. Никакихъ специфическихъ требованій, основанныхъ на специфическихъ интересахъ еврейскаго пролетаріата, Бундъ не выставилъ. Положительные результаты его творческихъ усилій равны нулю. Попытка органически связать националистическія утопіи съ пролетарскими интересами окончилась, какъ и нужно было ожидать, блестящею неудачею. „Національная соціальдемократическая программа“ свелась къ плохому и запутанному пересказу общеизвѣстнаго демократическаго символа вѣры.

Этотъ жалкій исходъ долгихъ исканій, окончившихся наиболѣе безплодной и наименѣе классовой директивой, служитъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ двусмысленности и неустойчивости современной позиціи Бунда и его неспособности къ роли самостоятельнаго политическаго руководителя соціальдемократическаго рабочаго движенія.

---

[1] „Вѣстникъ Бунда“, №№ 4 и 5. „Соціальдемократія и національный вопросъ“.

[1] Быть можетъ, Бундъ разумѣетъ здѣсь академіи наукъ и художествъ? Но неужели онъ серьезно думаетъ, что въ нихъ „сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго національизма“?

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Новый заемъ, какъ констатировали уже легальныя газеты, заключенъ, вопреки „благовидной“ внѣшности, на такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какихъ еще никогда не приходилось испытывать Россіи. И конечно, въ этой цѣнѣ займа

Война и революція.

IV. Самодержавіе и реформы.[1]

Царское правительство согласно на реформы, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ боится реформъ. Оно хотѣло бы провести государственныя преобразованія такъ, чтобы сохранить всю власть въ своихъ рукахъ, но оно боится, что, начавъ реформировать, оно откроетъ брешь напору общественныхъ и народныхъ силъ, передъ которымъ не съумѣетъ удержаться на своей высотѣ. Оно не рѣшается на *реформы*, потому что боится *революціи*. Хотя сознаніе необходимости реформъ въ немъ вызвано войной, царское правительство именно всего больше опасается начать серьезныя преобразованія въ моментъ войны, когда войско отвлечено въ сторону, государственныя силы напряжены до послѣдней крайности, а народное возбужденіе растетъ, подзадориваемое военными неудачами. Оно, поэтому, хотѣло бы переждать войну или, по крайней мѣрѣ, дождаться побѣдъ, не нарушая общаго теченія государственной жизни. Втайнѣ оно еще до недавняго времени надѣялось на то, что можетъ быть еще все повернется по иному, японцы будутъ наголову разбиты, страхи окажутся отлетѣвшими, и можно будетъ все повести по старому, на зло врагамъ — внѣшнимъ и внутреннимъ.

Результатомъ этой двойственности должна явиться политика колебаній, политика поминутнаго политическаго взнуздыванія и разнуздыванія. Пока что правительство не рѣшилось назначить на мѣсто казненнаго террористами Плеве реакціоннаго министра. Святополкъ Мирскій со своимъ жандармскимъ либерализмомъ оказался лицомъ, соотвѣтствующимъ моменту. Но уже медоточивыя земскія слезницы, посыпавшіяся въ отвѣтъ на ничего не значущія любезности министра по адресу „общества“, начинаютъ безпокоить правительство. Готовясь проводить „реформы“ сверху, оно все же приходитъ въ лихорадочный трепетъ и разражается нетерпѣливымъ гнѣвомъ, когда, не то чтобы требованія, но тишайшія пожеланія хотя бы тѣхъ же реформъ раздаются „снизу“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у царскаго правительства нѣтъ и не можетъ быть ясной программы государственныхъ реформъ. Оно стоитъ передъ задачами, которыя оно, по всему своему политическому положенію и по своей исторической традиціи, не въ состояніи понять. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ послѣ *Крымской кампаніи* было гораздо проще. Тогда ясно было, что помѣщичья крѣпостная Россія отжила свой вѣкъ и нужно завести новый порядокъ на западно-европейскій образецъ. Нужно построить желѣзныя дороги, нужно развить торговлю, нужны фабрики и банки, нужно, поэтому, раскрѣпостить крестьянъ, чтобы создать свободныхъ работниковъ, и, въ связи со всѣмъ этимъ, нужно поставить администрацію и судъ внѣ сословной зависимости. А теперь что? Развитіе индустріи? Государственное значеніе развитія капиталистической индустріи царское правительство давно поняло, оно ему и не противится, наоборотъ, оно его — по своему — всячески поощряетъ. Царское правительство знаетъ, что *либеральная доктрина* связываетъ развитіе индустріи съ парламентаризмомъ и политической свободой. Но вотъ этого именно оно не въ состояніи понять.

Царское правительство въ состояніи понять значеніе *мѣстнаго самоуправленія*. Оно знаетъ, что если земствамъ дать больше свободы, они понастроятъ больницъ, школъ и позаботятся объ улучшеніи мѣстныхъ путей сообщенія. Но чтобы это вело къ расширенію политической и финансовой силы государства, оно не можетъ себѣ представить. Наоборотъ, оно видитъ въ умноженіи земскихъ расходовъ, которые, конечно, должны оплатиться налогами съ населенія, только истощеніе податныхъ силъ, нужныхъ ему самому для потребностей центральнаго управленія, для выполненія общихъ государственныхъ задачъ.

Царское правительство понимаетъ значеніе *грамотности для солдата*, но оно не можетъ себѣ представить, какимъ образомъ народныя школы могутъ въ значительной мѣрѣ повліять на экономическое развитіе страны, и потому для военныхъ цѣлей готово ограничиться реформой рекрутскихъ школъ грамотности.

Можно доказать правительству пользу *высшаго образованія*, въ особенности если центръ тяжести положить на техническія школы. Правительство, внѣ всякаго сомнѣнія, тратило бы больше средствъ на университеты и дало бы имъ больше свободы, если бы они не были разсадникомъ революціонной интеллигенціи. Почему это такъ, правительство постичь не можетъ. Одно время оно серьезно думало, что во всемъ евреи виноваты. Однако, не смотря на то, что число евреевъ въ нихъ сведено на ничтожный процентъ, связь русскихъ университетовъ съ революціоннымъ движеніемъ не прекратилась, а, наоборотъ, расширилась. Остается только еще „тлетворное вліяніе революціонныхъ идей Запада“. Но это не объясненіе, а тавтологія, потому что рѣчь идетъ именно о томъ, почему эти идеи, не смотря на всѣ полицейскія преслѣдованія, захватываютъ одно поколѣніе русской интеллигенціи за другимъ. Это для самодержавія тайна подъ семью замками. Чтобы разгадать ее, оно должно не только убѣдиться въ своей политической непригодности, но понять то коренное значеніе политической свободы, которое не входитъ въ кругъ его политическихъ понятій. Поэтому его отношеніе къ университетской молодежи, а отсюда къ высшему образованію, измѣнится только тогда, когда оно перестанетъ существовать. До того тактика отеческихъ увѣщаній будетъ идти объ руку съ тактикой жандармскихъ взысканій, и гнетъ надъ университетами будетъ то сгущаться, то разряжаться, ни на одинъ моментъ не удовлетворяя и безпрерывно раздражая.

Центральный пунктъ либерализма — *парламентъ*. Царское правительство способно воспринять идею парламентаризма въ смыслѣ общественнаго контроля надъ чиновниками. Эта идея ему даже симпатична. Но оно чувствуетъ, что суть не въ этомъ. Оно не можетъ себѣ представить, чтобы уничтоженіе взяточничества и чиновничьяго произвола именно и было тѣмъ кореннымъ преобразованіемъ государственнаго порядка, которое должно обновить Россію, спасти ее отъ гибели и привести къ могуществу. И оно право: уничтоженіе взяточничества и бюрократическаго произвола не есть основа коренныхъ политическихъ преобразованій, а только явится ихъ результатомъ. Русское самодержавіе выказываетъ въ данномъ случаѣ большую политическую проницательность, чѣмъ русскій либерализмъ, который свою борьбу за парламентарный порядокъ сводитъ къ борьбѣ противъ бюрократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство знаетъ, что по части выколачиванія податей никто не можетъ сравниться съ чиновничествомъ, и оно не понимаетъ, какимъ образомъ парламентъ съумѣетъ увеличить государственные доходы послѣ того, какъ оно само уже обобрало всѣ податные объекты и нажимало податныя пружины такъ, что онѣ отказывались служить. Тутъ же оно наталкивается на вопросъ о *бюджетѣ*.

Отдать государственный бюджетъ въ распоряженіе парламента съ точки зрѣнія царскаго правительства должно казаться политической нелѣпостью. Поставивъ доходы и расходы страны въ зависимость отъ парламентской баллотировки, оно дѣлаетъ отъ нея зависимыми судьбы государства и связываетъ себя по рукамъ и ногамъ. Это для царскаго правительства равносильно политическому самоубійству. Но уже даже контроль и обсужденіе государственнаго бюджета въ парламентѣ доставили бы правительству непосильныя хлопоты, ставили бы ему на каждомъ шагу затрудненія и служили бы неистощимымъ источникомъ противуправительственной агитаціи, охватывающей всѣ стороны и входящей во всѣ мелочи государственной жизни. Царское правительство стоитъ передъ вопросомъ: для какой *политической цѣли* осложнять и затруднять такимъ образомъ свою государственную дѣятельность? Этого оно до тѣхъ поръ не пойметъ, покуда *кредитъ его на европейской биржѣ* не изсякнетъ. Пока европейская биржа довѣряетъ безконтрольному царскому правительству милліарды, оно считаетъ излишнимъ поставить свои финансы подъ контроль русскаго парламента.

---

[1] Съ нѣкоторыми *частностями* въ этой статьѣ мы не можемъ согласиться, но считаемъ нужнымъ отложить свои замѣчанія до тѣхъ поръ, пока т. Парвусъ закончитъ свои статьи и дастъ намъ возможность точнѣе узнать его взгляды на вопросы, разбираемые въ этихъ статьяхъ.
Редакція.

учтены не только военныя неудачи правительства, но и — прежде всего — внутреннее положеніе страны. Тотъ фактъ, что, *несмотря* на военный разгромъ и *несмотря* на всенародныя требованія свободы, царское самодержавіе продолжаетъ еще существовать, — одинъ этотъ фактъ обходится русскому народу, на плечи котораго падутъ всѣ платежи по займу, въ десятки милліоновъ рублей — страховая премія на „дожитіе“ царизма, взимаемая синдикатомъ банкировъ, взявшихъ на себя выпускъ займа.

Премія недурна, да и вообще заемъ дастъ возможность кой-кому полакомиться очень жирными кусочками. Любопытно только будетъ узнать, много ли среди этихъ лакомокъ найдется ревнителей свободы? Найдутся ли такіе „граждане“, которые, подписавъ свое имя подъ резолюціей, требующей контроля народнаго представительства надъ государственнымъ бюджетомъ, съ такимъ же усердіемъ побѣгутъ подписывать то же имя и на подписномъ листѣ на новый, совершенно „безконтрольный“ заемъ? Долгъ всѣхъ немедленно разоблачать такихъ „двуликихъ“ подписчиковъ!

⁂

Неизвѣстно, найдутся ли, дѣйствительно, подписчики на новый заемъ среди россійскихъ свободолюбцевъ. Но во всякомъ случаѣ опьяняющій „весенній“ воздухъ не мѣшаетъ кое-какимъ трезвымъ людямъ какъ нельзя лучше обдѣлывать свои дѣлишки. Особенно усердствуютъ въ этомъ отношеніи петербургскіе помѣщики, „представительствующіе“ за „народъ“ въ петербургскомъ земствѣ. Охрана священныхъ правъ собственности во образѣ лѣсовъ составляетъ предметъ ихъ неусыпныхъ заботъ. Извѣстно, что съ самаго освобожденія крестьянъ идетъ неустанная борьба по лѣсной части между крестьянами, которымъ обычно при надѣлѣ лѣсъ вовсе не нарѣзался или нарѣзался въ самомъ мизерномъ количествѣ, и помѣщиками. Вязанка хворосту въ холодную зимнюю пору, пара бревенъ для починки разваливающейся избы — эти скромные и невидные предметы порождаютъ на всемъ пространствѣ Руси непрекращающуюся „лѣсную“ войну и создаютъ рядъ тяжелыхъ „лѣсныхъ“ драмъ. Петербургскіе земцы рѣшили, не дожидаясь пересмотра Судебныхъ Уставовъ въ духѣ „правды и милости“, положить конецъ этой войнѣ и этимъ драмамъ одною „скоростью“. Изъ 9 уѣздныхъ земскихъ собраній 5 постановили ходатайствовать о томъ, чтобы всякую „незаконную“ порубку лѣса считать кражей и наказывать какъ кражу. Такимъ упрощеннымъ путемъ думаютъ петербургскіе земцы, безъ участія „народнаго представительства“, положить конецъ одному виду народнаго „неустройства“. Въ Петербургскомъ губернскомъ собраніи эту колупаевскую точку зрѣнія защищалъ особенно яро баронъ Корфъ, который даже находилъ, что приравнять порубку лѣса къ кражѣ значитъ оказать народу „благодѣяніе“, потому что „тюрьма научитъ весьма многихъ съ уваженіемъ относиться къ чужой собственности и, такимъ образомъ, тюрьма явится воспитательнымъ элементомъ для населенія“. Предложеніе барона Корфа было принято (въ открытой баллотировкѣ) 18 голосами противъ 16, а затѣмъ произошелъ очень любопытный инцидентъ: пять либеральныхъ гласныхъ, которые во время баллотировки вопроса о рубкѣ лѣса были заняты въ бюджетной коммиссіи, потребовали пересмотра рѣшенія. Собраніе постановило: пересмотрѣть вопросъ только въ томъ случаѣ, если гласные большинства согласятся на такой пересмотръ. Но, конечно, было бы весьма неожиданно, если бы 18 Колупаевыхъ и Деруновыхъ, только что добившихся желательнаго имъ рѣшенія, согласились на его пересмотръ. Очевидно, такого пересмотра не будетъ. А между тѣмъ, казалось бы, съ пятью членами бюджетной коммиссіи противниковъ приравненія порубокъ къ кражѣ было большинство (16+5 = 21). Очевидно, если это большинство постановило такое двусмысленное рѣшеніе, то лишь потому, что въ глубинѣ души „сопротивленіе“ ихъ было не очень ужъ сильно, и лишь открытая баллотировка заставила ихъ голосовать противъ чудовищныхъ проектовъ „лѣсоохранителей“. Не мѣшаетъ при этомъ случаѣ вспомнить, что и многіе изъ „Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, посреди всѣхъ своихъ гуманныхъ и либеральныхъ постановленій, обнаруживали величайшую свирѣпость, лишь только подымался вопросъ о порубкахъ, потравахъ и т. п. деликатныхъ „огорченіяхъ“ въ помѣщичьемъ обиходѣ. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, шутки — въ сторону, говоритъ хорошая нѣмецкая пословица.

⁂

Но не только въ вопросахъ „карманнаго“ свойства обнаруживалось за послѣднее время двусмысленное отношеніе кое какихъ земцевъ, подчасъ даже и весьма либеральныхъ, къ „народу“. Въ Калужскомъ губернскомъ собраніи, напримѣръ, рѣчь зашла объ излюбленной области земскихъ культурно либеральныхъ начинаній — о народныхъ читальняхъ и библіотекахъ. Сыпались жалобы на ограниченіе доступа книгъ, газетъ и журналовъ въ эти читальни, и раздавались голоса о необходимости „ходатайствовать“ объ отмѣнѣ всѣхъ такихъ ограниченій. Но вотъ всталъ, — повидимому очень либеральный господинъ, — князь Оболенскій и предложилъ ходатайствовать не о полной отмѣнѣ всякихъ ограниченій для народныхъ читаленъ и библіотекъ, а лишь о томъ, чтобы запрещенныя къ обращенію въ народѣ книги были „означены въ особыхъ для того составленныхъ спискахъ“. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что, „если въ народныя библіотеки будутъ допущены всѣ книги безъ изъятія, то усилится строгость общей цензуры, такъ что изъ за народныхъ читаленъ можетъ потерпѣть вся читающая публика“. Предложеніе князя Оболенскаго земскимъ собраніемъ было принято. Ради удобства хорошихъ господъ и избавленія ихъ отъ необходимости бороться за отмѣну „общей цензуры“, калужскіе земцы умываютъ свои руки, видя, какъ правительство окутываетъ народъ мракомъ невѣжества. Они спокойно предоставляютъ народу питаться лебедой „благонамѣренной“ литературы, чтобы имѣть возможность безпрепятственно лакомиться той пшеницей „вольныхъ“ мыслей, которой удастся пройти сквозь сито „общей цензуры“. А потомъ эти же господа будутъ клясться въ своей самоотверженной преданности дѣлу народнаго просвѣщенія!

⁂

Еще болѣе безобразный эпизодъ изъ исторіи отношенія земцевъ къ народу приходится отмѣтить въ Тамбовскомъ губернскомъ земствѣ. Извѣстна исторія нападенія тамбовскихъ лабазниковъ на либеральныхъ гласныхъ и служащихъ Тамбовскаго земства. Земцы рѣшили единогласно требовать отъ министра внутреннихъ дѣлъ судебнаго разслѣдованія. Это очень хорошо. Но какою цѣною куплено это единогласіе! Нѣкій гласный Дашкевичъ „указалъ, что серьезность положенія заключается не столько въ томъ, что случилось, а въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ быть, если въ занятія образованныхъ людей будетъ вмѣшиваться необразованная толпа, не могущая имѣть никакого интереса къ тому, что здѣсь происходитъ. Образованные люди могутъ раздѣляться на партіи, это ихъ дѣло и *право*, но нельзя бросать въ эти партійные споры необразованную толпу. Мы всѣ живемъ въ деревнѣ, и можемъ себѣ представить, какими послѣдствіями грозитъ такой оборотъ дѣла. Подобное вмѣшательство толпы наблюдалось мною не только въ Тамбовѣ, но и въ Кирсановскомъ уѣздѣ, о чемъ я имѣю въ виду довести до свѣдѣнія правительства“. И во всемъ собраніи не нашлось ни одного либеральнаго голоса, чтобы крикнуть этому любителю „доводить до свѣдѣнія правительства“ о „вмѣшательствѣ толпы“ — вонъ! А между тѣмъ, несомнѣнно, въ собраніи было достаточно людей, прекрасно понимавшихъ, что единственной гарантіей отъ непріятныхъ „послѣдствій“ можетъ быть только самый активный и жгучій интересъ толпы къ тому, „что здѣсь происходитъ“. Эти люди неоднократно и сами говорили „отъ имени“ народа, т. е. той самой „необразованной толпы“, которой г. Дашкевичъ смѣетъ кричать: руки прочь отъ господскаго дѣла! Эти люди рукоплескали и будутъ еще рукоплескать „необразованной толпѣ“, когда она, во имя „интереса“ къ политическимъ судьбамъ страны, будетъ демонстрировать противъ самодержавія! Но они молчали, потому что измѣна народу для нихъ дешевая цѣна, когда дѣло идетъ объ единогласіи людей „образованныхъ“.

Всеобщая стачка въ Баку уже вырвала 20 убитыхъ изъ среды рабочихъ. Знаете ли, что это? Это—необразованная толпа борется и умираетъ за свободу въ то время, какъ Тамбовскіе, Черниговскіе, Смоленскіе и иные образованные люди спѣшно ретируются по домамъ... отъ грѣха подальше!

ГОЛОСА ПЕЧАТИ

∞ Кто на кого напалъ: гомельскіе громилы на евреевъ или вооруженные евреи на русское населеніе? Защита обвиняемыхъ-евреевъ ссылается въ пользу перваго отвѣта на фактъ появленія въ Гомелѣ, наканунѣ безпорядковъ, прокламацій съ призывомъ бить евреевъ.

По этому поводу „Новое Время“ пишетъ:

> „Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что такого рода прокламаціи появлялись. Гомель — городъ прокламацій. Гомельское отдѣленіе подпольной организаціи „Бунда“ — „Всеобщ. евр раб. союза въ Л., П. и Р.“ фабрикуетъ и при всякомъ удобномъ случаѣ распространяетъ прокламаціи въ тысячахъ экземпляровъ. *Что мѣшало ему выпустить и такую прокламацію* съ цѣлью натравить вооруженную еврейскую толпу на русское населеніе города“? (№ 10344),

„Новое Время“ знаетъ по собственному многолѣтнему опыту, что заниматься внутренней политикой значитъ путемъ фальшивыхъ сообщеній, поддѣлокъ, клеветъ, сознательной лжи, подлоговъ и провокацій натравлять одну націю на другую. И оно совершенно искренне не понимаетъ, что могло помѣшать соціальдемократической организаціи путемъ подлога натравить евреевъ на русскихъ. Это вполнѣ понятно.

Но почему ни одна изъ либеральныхъ газетъ не сочла своимъ гражданскимъ долгомъ выступить въ защиту Бунда, который лишенъ возможности говорить въ легальной печати, это... — впрочемъ, это тоже вполнѣ понятно.

И если петербургскіе рабочіе и студенты выскажутся при случаѣ по этому вопросу въ формѣ, хотя и не литературной, но вполнѣ доступной пониманію „Нов. Врем.“, то мы и въ этомъ не увидимъ, разумѣется, ничего непонятнаго.

∞ Въ передовой статьѣ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ: „Кого судить?“, „Новое Время“ (№ 10351) говоритъ:

> „Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ выяснить причины того рокового явленія, что на разстояніи полувѣка Россіи пришлось повторить въ Портъ-Артурѣ второй Севастополь... Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ привести къ тому, что, кромѣ ст. 64 положенія объ управленіи крѣпостями (о сдачѣ крѣпостей), найдутся, быть можетъ, и другія статьи, по которымъ полагается привлекать къ суду и тѣхъ, кто строитъ и не достраиваетъ крѣпостей, портовъ и доковъ, кто строитъ крѣпости, но не вооружаетъ ихъ, кто назначаетъ въ крѣпости защитниковъ, но не обезпечиваетъ ихъ ни достаточнымъ числомъ орудій, ни достаточнымъ числомъ снарядовъ... Только одинъ судъ можетъ показать, во что обошелся Россіи пагубный, роковой законъ о морскомъ цензѣ“.

Патріотическая газета можетъ успокоиться: призываемый ею „строгій“ судъ не замедлитъ послѣдовать. Этотъ судъ будетъ судъ народа надъ самодержавіемъ, которое „не достраивало крѣпостей“ и „не обезпечивало ихъ снарядами и орудіями“. Мы только опасаемся, что этотъ строгій судъ, рядомъ съ главными виновниками, не пощадитъ и тѣхъ попустителей, которые всѣми силами помогали самодержавію готовить „второй Севастополь“ и передъ лицомъ новыхъ Клейнмихелей и Сухозанетовъ успѣшно разыгрывали роль новыхъ Гречей и Булгариныхъ.

∞ Патріотическая-либеральная-шовинистическая-цензовая демократическая „Русь“ пишетъ:

> „Мы глубоко увѣрены въ томъ, что собравшіеся представители земли выскажутся противъ мира въ нынѣшнемъ положеніи, и за войну, пока не станетъ миръ дѣйствительно возможенъ“.
>
> „Не бойтесь „либераловъ“! — продолжаетъ „Русь“ — Посмотрите что пишетъ М. А. Стаховичъ, (котораго не причисляютъ, вѣдь, къ консерваторамъ), стоя у кровавой нивы: „чтобы кончить войну, надо побѣдить во что бы то ни стало“.

„Наши Дни“ по этому поводу пишутъ:

> „Мы, съ своей стороны, глубоко убѣждены въ томъ, что страна, если ее спросятъ, выскажется за миръ — конечно, на условіяхъ, пріемлемыхъ для Россіи“.

Но дѣло въ томъ, что козыряющая своимъ демократизмомъ „Русь“ подъ представителями земли понимаетъ, какъ видно изъ той же статьи, *представителей отъ земствъ*. Скажутъ ли „Наши Дни“, что они „глубоко убѣждены“ въ томъ, что *эти* представители выскажутся за миръ? Скажутъ ли „Наши Дни“ народу съ такой же увѣренностью, съ какой „Русь“ говоритъ правительству:

— Не бойтесь либераловъ!

∞ По свидѣтельству „Рев. Россіи“ —

> „Союзъ Освобожденія“ въ вопросѣ о наслѣдственной династіи или президентствѣ держится *нейтральной* позиціи, высказываетъ *безразличіе*... Точка зрѣнія эта встрѣчается не у однихъ либераловъ; вспомнимъ, что еще не такъ давно, такой правовѣрный марксистъ, какъ Жюль Гэдъ, говорилъ, что ему все равно — Лубэ или Вильгельмъ“ (№ 56, курс. нашъ).

Въ той же статьѣ „Рев. Россія“ продолжаетъ увѣрять, что частное совѣщаніе земцевъ

> „высказалось — хотя и въ недостаточно категорической *внѣшней* (sic!) формѣ — за равенство политическихъ правъ всѣхъ гражданъ (и гражданокъ, не такъ ли?) въ будущемъ представительномъ режимѣ“.

О, конечно, „блокъ“ пока еще никого ни къ чему не обязываетъ, — по крайней мѣрѣ, ни къ чему доброму, — онъ всѣмъ оставляетъ „свободу дѣйствій“, но, разумѣется, союзники пользуются этой свободой съ должнымъ „тактомъ“ и „благоразуміемъ“.

Блокъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“ вычитывать изъ земскихъ резолюцій всеобщее избирательное право совершенно по тому же рецепту, по которому либералы вычитываютъ конституцію изъ царскихъ указовъ.

Онъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“ увѣрять, что „освобожденцы“ относятся къ монархіи *нейтрально*, — точно въ политической борьбѣ возможенъ нейтралитетъ, точно не всякій, кто *не противъ* монархіи, тѣмъ самымъ *за* монархію.

Онъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“, въ интересахъ обѣленія своихъ либеральныхъ союзниковъ, безсмысленно клеветать на гедистовъ, валя ихъ въ одну кучу съ „освобожденцами“, — точно „безразличіе“ гедистовъ не есть фигуральное выраженіе ихъ стремленія замѣнить *уже существующую* во Франціи *буржуазную* республику — республикой *соціалистической*, тогда какъ т. н. „безразличіе“ освобожденцевъ есть лишь фигураль

Если бы оно даже понимало политическое значеніе этой мѣры, царское правительство уже по той причинѣ не можетъ согласиться и ставить государственный бюджетъ подъ контроль парламента, что этотъ послѣдній долженъ былъ бы начать свой контроль съ разоблаченія тѣхъ плутней и мошенническихъ продѣлокъ, которыми до сихъ поръ только и удавалось прикрывать хроническій государственный дефицитъ. Прежде чѣмъ заняться упорядоченьемъ русскихъ финансовъ, россійскій парламентъ будетъ стоять передъ трудной задачей ликвидаціи многосложнаго и до нельзя запутаннаго государственнаго хозяйства самодержавія. Суть тутъ не въ отдѣльныхъ хищеніяхъ, которыя будутъ раскрыты, а въ томъ, что будетъ обнаружена недостаточная финансовая база всего государственнаго бюджета самодержавной Россіи. Царское правительство боится, не безъ основанія, что это окончательно погубитъ его европейскій кредитъ.

Но парламентъ безъ бюджетнаго права лишенъ всякаго политическаго значенія.

Царское правительство по всему своему политическому характеру не въ состояніи провести серьезныя государственныя реформы въ странѣ, — въ силу этого оно не можетъ также допустить *политической свободы* — свободы печати, сходокъ и т. п. — ибо оно этимъ, разумѣется, только дало бы просторъ агитаціи и организаціи политическихъ силъ, направленныхъ противъ него.

За всѣмъ тѣмъ царское правительство видитъ на примѣрѣ Западной Европы, что парламентаризмъ и политическая свобода ведутъ къ партійной борьбѣ, затрудняющей политику правительства, а главное, къ *организаціи рабочаго класса*, грозящей опасностью всему современному государственному и общественному строю.

Отъ царскаго правительства нельзя ждать, чтобы оно провело въ странѣ, хотя бы на манеръ Японіи, парламентарный режимъ. Японія ввела у себя государственный порядокъ капитализма заодно съ экономическимъ преобразованіемъ страны на капиталистическій манеръ. Правительство Микадо явилось иниціаторомъ и въ томъ и другомъ направленіи и потому сохранило политическое руководство за собой. Ему нечего бояться политической оппозиціи капиталистическаго класса, который оно само создало и выразителемъ интересовъ котораго оно добровольно является. Опасность ему только еще грозитъ со стороны пролетаріата. Въ Россіи этотъ моментъ пропущенъ. Онъ былъ въ 60 хъ годахъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на полпути, Александръ II долженъ былъ бы ввести въ Россіи конституціонный порядокъ. Онъ могъ бы это сдѣлать. Онъ бы при этомъ натолкнулся только на оппозицію тѣхъ же крѣпостниковъ. Но насколько сильно было ихъ личное вліяніе на царя, настолько же эти элементы были политически безсильны, такъ какъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права изъ подъ ихъ ногъ была вырвана почва, на которой единственно держалась ихъ сила. Что соціальное развитіе Россіи при такихъ условіяхъ приняло бы гораздо болѣе широкій и сильный размахъ, мы видимъ, именно, на примѣрѣ Японіи, которая съ своей стороны только сознательно повторила опытъ Западной Европы. Результатомъ этого соціальнаго развитія былъ бы ростъ политической силы Россіи, а этотъ ростъ политической силы шелъ бы къ увеличенію престижа царскаго правительства и далъ бы ему возможность удовлетворить самые честолюбивые планы своей міровой политики. Вмѣсто этого царское правительство стало поперекъ политическому и соціальному развитію страны. Вмѣсто силы, оно ее, поэтому, привело къ безсилію. Дойдя до такого неожиданнаго результата своей политики, царское правительство не прочь измѣнить ея характеръ. Но политическія реформы въ его глазахъ только имѣютъ смыслъ, если онѣ въ состояніи непосредственно обновить политическія силы страны и безпомощность превратить въ могущество, т. е. оно хотѣло бы заднимъ числомъ учесть то, что должно было бы явиться результатомъ многолѣтняго развитія, если бы реформы были введены въ Россіи заблаговременно, если бы, при условіяхъ парламентаризма, мѣстнаго самоуправленія и политической свободы, политическій строй и государственное хозяйство Россіи еще 40 лѣтъ тому назадъ получили бы прочную основу и возможность нормальнаго роста, культурное развитіе населенія не задерживалось бы, а шло бы впередъ, личная инициатива и формы коллективной дѣятельности въ областяхъ политики, какъ и въ областяхъ промышленности, науки и искусства, получили бы широкій просторъ, національныя силы были бы разбужены и подняты, и въ связи со всѣмъ этимъ развивалась бы индустрія, разрослись бы города, поднялось бы сельское хозяйство. Но гдѣ же взять результаты свободнаго политическаго развитія страны, когда этой свободы не было? Замѣсто этого мы имѣемъ результаты царскаго хозяйничанія, сознательнаго стремленія самодержавія путемъ насилія, наперекоръ экономическому развитію, удержать политическое развитіе страны не то что на промежуточной, а на искусственной, недодѣланной, состоящей изъ однихъ обломковъ политической формѣ, оторванной отъ прошлаго и не связанной съ будущимъ. Ликвидируя старый порядокъ, царскому правительству приходится ликвидировать самого себя.

Вотъ почему царское правительство на пути реформъ будетъ попадать во все новыя и новыя противорѣчія. Результатомъ этого должна явиться шаткость его политики. Амплитуда этихъ качаній очень коротка, но тѣмъ больше ихъ скорость. Вмѣсто гарантій свободы — цензорское попустительство, готовое каждоминутно превратиться въ жандармскій кулакъ. Вмѣсто народныхъ представителей,—съѣздъ земскихъ предсѣдателей, которымъ правительство зажимаетъ ротъ еще раньше, чѣмъ они его раскрыли. Сегодня полиціймейстеръ разсыпается въ любезностяхъ передъ студентами, завтра казацкая нагайка гуляетъ по ихъ спинамъ. И такъ безъ конца. Ни одного серьезнаго шага впередъ. Ибо на пути политическихъ реформъ правительство не имѣетъ исходнаго пункта, не имѣетъ политической директивы, теряетъ почву подъ ногами.

А между тѣмъ подъ ударами войны политическое, финансовое, экономическое положеніе страны все болѣе и болѣе ухудшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ все труднѣе и сложнѣе становится задача политической реорганизаціи Россіи, возстановленія упавшихъ силъ государства. Тѣмъ радикальнѣе долженъ быть государственный переворотъ, чтобы достигнуть этого результата. До войны, когда царское правительство стояло на зенитѣ своего могущества, оно могло еще, пожалуй, провести постепенный переходъ къ парламентарному порядку. Война создала новую ситуацію. Теперь паламентъ нуженъ, для того чтобы на мѣсто обезсиленнаго правительства создать новую силу. Парламентъ это можетъ сдѣлать только тогда, если съумѣетъ вызвать въ странѣ національное возбужденіе. Для этого онъ долженъ пользоваться авторитетомъ. Для этого онъ долженъ имѣть права и политическое значеніе. И чѣмъ болѣе широка и глубока будетъ его политическая работа, тѣмъ скорѣе онъ возстановитъ государственныя силы страны.

Чѣмъ дольше правительство задерживаетъ реформы, тѣмъ большимъ оно должно будетъ поступаться при политической реорганизаціи страны; но чувствуя, что требованія къ нему становятся все больше, правительство все дольше задерживаетъ реформы. Но война показала, что при самодержавіи Россія существовать не можетъ. Поэтому, самодержавіе, закрывая путь реформъ, гонитъ страну, подъ страхомъ уничтоженія ея могущества, на путь революціи.

А на помощь революціонной тактикѣ правительства работаетъ война со своими революціонными событіями. Война агитируетъ фактами. Она уже создала въ Россіи такое возбужденіе умовъ, какого не достичь никакой революціонной пропагандой даже при полной политической свободѣ.

Вначалѣ войны — патріотическое воодушевеніе. Оно было поверхностное и дѣланное, но правительство само его раздувало. И оно само же испугалось своей агитаціи. Ибо раздутый ею патріотическій интересъ къ войнѣ начиналъ захватывать болѣе широкіе круги, а тутъ ему грозила опасность превратиться въ общій политическій интересъ. На смѣну патріотическихъ демонстрацій пошла патріотическая пресса. Сотнями тысячъ стали распространяться газетныя листки, усиленно накачивавшія въ массы военный патріотизмъ. Но такъ какъ война не побѣждала, а пораженія, то результатъ газетной пропаганды получился совершенно неожиданный: не патріотическое возбужденіе, а народное возмущеніе. А вѣдь эта пропаганда велась изо дн учтены не только военныя неудачи правительства, но и — прежде всего — внутреннее положеніе страны. Тотъ фактъ, что, *несмотря* на военный разгромъ и *несмотря* на всенародныя требованія свободы царское самодержавіе продолжаетъ еще существовать, — одинъ этотъ фактъ обходится русскому народу, на плечи котораго падутъ всѣ платежи по займу, въ десятки милліоновъ рублей — страховая премія на „дожитіе“ царизма, взимаемая синдикатомъ банкировъ, взявшихъ на себя выпускъ займа.

Премія недурна, да и вообще заемъ дастъ возможность кой-кому полакомиться очень жирными кусочками. Любопытно только будетъ узнать, много ли среди этихъ лакомокъ найдется ревнителей свободы? Найдутся ли такіе „граждане“, которые, подписавъ свое имя подъ резолюціей, требующей контроля народнаго представительства надъ государственнымъ бюджетомъ, съ такимъ же усердіемъ побѣгутъ подписывать то же имя и на подписномъ листѣ на новый, совершенно „безконтрольный“ заемъ? Долгъ всѣхъ немедленно разоблачать такихъ „двуликихъ“ подписчиковъ!

* * *

Неизвѣстно, найдутся ли, дѣйствительно, подписчики на новый заемъ среди россійскихъ свободолюбцевъ. Но во всякомъ случаѣ опьяняющій „весенній“ воздухъ не мѣшаетъ кое-какимъ трезвымъ людямъ какъ нельзя лучше обдѣлывать свои дѣлишки. Особенно усердствуютъ въ этомъ отношеніи петербургскіе помѣщики, „представительствующіе“ за „народъ“ въ петербургскомъ земствѣ. Охрана священныхъ правъ собственности во образѣ лѣсовъ составляетъ предметъ ихъ неусыпныхъ заботъ. Извѣстно, что съ самаго освобожденія крестьянъ идетъ неустанная борьба по лѣсной части между крестьянами, которымъ обычно при надѣлѣ лѣсъ вовсе не нарѣзался или нарѣзался въ самомъ мизерномъ количествѣ, и помѣщиками. Вязанка хворосту въ холодную зимнюю пору, пара бревенъ для починки разваливающейся избы — эти скромные и невидные предметы порождаютъ на всемъ пространствѣ Руси непрекращающуюся „лѣсную“ войну и создаютъ рядъ тяжелыхъ „лѣсныхъ“ драмъ. Петербургскіе земцы рѣшили, не дожидаясь пересмотра Судебныхъ Уставовъ въ духѣ „правды и милости“, положить конецъ этой войнѣ и этимъ драмамъ одною „скоростью“. Изъ 9 уѣздныхъ земскихъ собраній 5 постановили ходатайствовать о томъ, чтобы всякую „незаконную“ порубку лѣса считать кражей и наказывать какъ кражу. Такимъ упрощеннымъ путемъ думаютъ петербургскіе земцы, безъ участія „народнаго представительства“, положить конецъ одному виду народнаго „неустройства“. Въ Петербургскомъ губернскомъ собраніи эту колупаевскую точку зрѣнія защищалъ особенно яро баронъ Корфъ, который даже находилъ, что приравнять порубку лѣса къ кражѣ значитъ оказать народу „благодѣяніе“, потому что „тюрьма научитъ весьма многихъ съ уваженіемъ относиться къ чужой собственности и, такимъ образомъ, тюрьма явится воспитательнымъ элементомъ для населенія“. Предложеніе барона Корфа было принято (въ открытой баллотировкѣ) 18 голосами противъ 16, а затѣмъ произошелъ очень любопытный инцидентъ: пять либеральныхъ гласныхъ, которые во время баллотировки вопроса о рубкѣ лѣса были заняты въ бюджетной коммиссіи, потребовали пересмотра рѣшенія. Собраніе постановило: пересмотрѣть вопросъ только въ томъ случаѣ, если гласные большинства согласятся на такой пересмотръ. Но, конечно, было бы весьма неожиданно, если бы 18 Колупаевыхъ и Деруновыхъ, только что добившихся желательнаго имъ рѣшенія, согласились на его пересмотръ. Очевидно, такого пересмотра не будетъ. А между тѣмъ, казалось бы, съ пятью членами бюджетной коммиссіи противниковъ приравненія порубокъ къ кражѣ было большинство (16+5 = 21). Очевидно, если это большинство постановило такое двусмысленное рѣшеніе, то лишь потому, что въ глубинѣ души „сопротивленіе“ ихъ было не очень ужъ сильно, и лишь открытая баллотировка заставила ихъ голосовать противъ чудовищныхъ проектовъ „лѣсоохранителей“. Не мѣшаетъ при этомъ случаѣ вспомнить, что и многіе изъ „Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, посреди всѣхъ своихъ гуманныхъ и либеральныхъ постановленій, обнаруживали величайшую свирѣпость, лишь только подымался вопросъ о порубкахъ, потравахъ и т. п. деликатныхъ „огорченіяхъ“ въ помѣщичьемъ обиходѣ. Когда рѣчь заходитъ о кошелькѣ, шутки — въ сторону, говоритъ хорошая нѣмецкая пословица.

* * *

Но не только въ вопросахъ „карманнаго“ свойства обнаруживалось за послѣднее время двусмысленное отношеніе кое-какихъ земцевъ, подчасъ даже и весьма либеральныхъ, къ „народу“. Въ Калужскомъ губернскомъ собраніи, напримѣръ, рѣчь зашла объ излюбленной области земскихъ культурно-либеральныхъ начинаній — о народныхъ читальняхъ и библіотекахъ. Сыпались жалобы на ограниченіе доступа книгъ, газетъ и журналовъ въ эти читальни, и раздавались голоса о необходимости „ходатайствовать“ объ отмѣнѣ всѣхъ такихъ ограниченій. Но вотъ всталъ, — повидимому очень либеральный господинъ, — князь Оболенскій и предложилъ ходатайствовать не о полной отмѣнѣ всякихъ ограниченій для народныхъ читаленъ и библіотекъ, а лишь о томъ, чтобы запрещенныя къ обращенію въ народѣ книги были „означены въ особыхъ для того составленныхъ спискахъ“. Онъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что, „если въ народныя библіотеки будутъ допущены всѣ книги безъ изъятія, то усилится строгость общей цензуры, такъ что изъ за народныхъ читаленъ можетъ потерпѣть вся читающая публика“. Предложеніе князя Оболенскаго земскимъ собраніемъ было принято. Ради удобства хорошихъ господъ и избавленія ихъ отъ необходимости бороться за отмѣну „общей цензуры“, калужскіе земцы умываютъ свои руки, видя, какъ правительство окутываетъ народъ мракомъ невѣжества. Они спокойно предоставляютъ народу питаться лебедой „благонамѣренной“ литературы, чтобы имѣть возможность безпрепятственно лакомиться той пшеницей „вольныхъ“ мыслей, которой удастся пройти сквозь сито „общей цензуры“. А потомъ эти же господа будутъ клясться въ своей самоотверженной преданности дѣлу народнаго просвѣщенія!

* * *

Еще болѣе безобразный эпизодъ изъ исторіи отношенія земцевъ къ народу приходится отмѣтить въ Тамбовскомъ губернскомъ земствѣ. Извѣстна исторія нападенія тамбовскихъ лабазниковъ на либеральныхъ гласныхъ и служащихъ Тамбовскаго земства. Земцы рѣшили единогласно требовать отъ министра внутреннихъ дѣлъ судебнаго разслѣдованія. Это очень хорошо. Но какою цѣною куплено это единогласіе! Нѣкій гласный Дашкевичъ „указалъ, что серьезность положенія заключается не столько въ томъ, что случилось, а въ тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ быть, если въ занятія образованныхъ людей будетъ вмѣшиваться необразованная толпа, не могущая имѣть никакого интереса къ тому, что здѣсь происходитъ. Образованные люди могутъ раздѣляться на партіи, это ихъ дѣло и *право*, но нельзя бросать въ эти партійные споры необразованную толпу. Мы всѣ живемъ въ деревнѣ, и можемъ себѣ представить, какими послѣдствіями грозитъ такой оборотъ дѣла. Подобное вмѣшательство толпы наблюдалось мною не только въ Тамбовѣ, но и въ Кирсановскомъ уѣздѣ, о чемъ я имѣю въ виду довести до свѣдѣнія правительства“. И во всемъ собраніи не нашлось ни одного либеральнаго голоса, чтобы крикнуть этому любителю „доводить до свѣдѣнія правительства“ о „вмѣшательствѣ толпы“ — вонъ! А между тѣмъ, несомнѣнно, въ собраніи было достаточно людей, прекрасно понимавшихъ, что единственной гарантіей отъ непріятныхъ „послѣдствій“ можетъ быть только самый активный и жгучій интересъ толпы къ тому, „что здѣсь происходитъ“. Эти люди неоднократно и сами говорили „отъ имени“ народа, т. е. той самой „необразованной толпы“, которой г. Дашкевичъ смѣетъ кричать: руки прочь отъ господскаго дѣла! Эти люди рукоплескали и будутъ еще рукоплескать „необразованной толпѣ“, когда она, во имя „интереса“ къ политическимъ судьбамъ страны, будетъ демонстрировать противъ самодержавія! Но они молчали, потому что измѣна народу для нихъ дешевая цѣна, когда дѣло идетъ объ единогласіи людей „образованныхъ“.

Всеобщая стачка въ Баку уже вырвала 20 убитыхъ изъ среды рабочихъ. Знаете ли, что это? Это — необразованная толпа борется и умираетъ за свободу въ то время, какъ Тамбовскіе, Черниговскіе, Смоленскіе и иные образованные люди спѣшно ретируются по домамъ... отъ грѣха подальше!

ГОЛОСА ПЕЧАТИ

∞ Кто на кого напалъ: гомельскіе громилы на евреевъ или вооруженные евреи на русское населеніе? Защита обвиняемыхъ евреевъ ссылается въ пользу перваго отвѣта на фактъ появленія въ Гомелѣ, наканунѣ безпорядковъ, прокламацій съ призывомъ бить евреевъ.

По этому поводу „Новое Время“ пишетъ:

> „Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что такого рода прокламаціи появлялись. Гомель — городъ прокламацій. Гомельское отдѣленіе подпольной организаціи „Бунда“ „Всеобщ. евр. раб. союза въ Л., П. и Р.“ фабрикуетъ и при всякомъ удобномъ случаѣ распространяетъ прокламаціи въ тысячахъ экземпляровъ. *Что мѣшало ему выпустить и такую прокламацію* съ цѣлью натравить вооруженную еврейскую толпу на русское населеніе города“? (№ 10344).

„Новое Время“ знаетъ по собственному многолѣтнему опыту, что заниматься внутренней политикой значитъ путемъ фальшивыхъ сообщеній, поддѣлокъ, клеветъ, сознательной лжи, подлоговъ и провокацій натравлять одну націю на другую. И оно совершенно искренне не понимаетъ, что могло помѣшать соціалдемократической организаціи путемъ подлога натравить евреевъ на русскихъ. Это вполнѣ понятно.

Но почему ни одна изъ либеральныхъ газетъ не сочла своимъ гражданскимъ долгомъ выступить въ защиту Бунда, который лишенъ возможности говорить въ легальной печати, это... — впрочемъ, это тоже вполнѣ понятно.

И если петербургскіе рабочіе и студенты выскажутся при случаѣ по этому вопросу въ формѣ, хотя и не литературной, но вполнѣ доступной пониманію „Нов. Врем.“, то мы и въ этомъ не увидимъ, разумѣется, ничего непонятнаго.

∞ Въ передовой статьѣ подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ: „Кого судить?“, „Новое Время“ (№ 10351) говоритъ:

> „Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ выяснить причины того рокового явленія, что на разстояніи полувѣка Россіи пришлось повторить въ Портъ-Артурѣ второй Севастополь... Только одинъ судъ надъ защитниками Портъ-Артура можетъ привести къ тому, что, кромѣ ст. 64 положенія объ управленіи крѣпостями (о сдачѣ крѣпостей), найдутся, быть можетъ, и другія статьи, по которымъ полагается привлекать къ суду и тѣхъ, кто строитъ и не достраиваетъ крѣпостей, портовъ и доковъ, кто строитъ крѣпости, но не вооружаетъ ихъ, кто назначаетъ въ крѣпости защитниковъ, но не обезпечиваетъ ихъ ни достаточнымъ числомъ орудій, ни достаточнымъ числомъ снарядовъ... Только одинъ судъ можетъ показать, во что обошелся Россіи пагубный, роковой законъ о морскомъ цензѣ“.

Патріотическая газета можетъ успокоиться: призываемый ею „строгій“ судъ не замедлитъ послѣдовать. Этотъ судъ будетъ судъ народа надъ самодержавіемъ, которое „не достраивало крѣпостей“ и „не обезпечивало ихъ снарядами и орудіями“. Мы только опасаемся, что этотъ строгій судъ, рядомъ съ главными виновниками, не пощадитъ и тѣхъ попустителей, которые всѣми силами помогали самодержавію готовить „второй Севастополь“ и передъ лицомъ новыхъ Клейнмихелей и Сухозанетовъ успѣшно разыгрывали роль новыхъ Гречей и Булгариныхъ.

∞ Патріотическая-либеральная-шовинистическая-цензовая демократическая „Русь“ пишетъ:

> „Мы глубоко увѣрены въ томъ, что собравшіеся представители земли выскажутся противъ мира въ нынѣшнемъ положеніи, и за войну, пока не станетъ миръ дѣйствительно возможенъ“.
>
> „Не бойтесь „либераловъ“! — продолжаетъ „Русь“ — Посмотрите что пишетъ М. А. Стаховичъ, (котораго не причисляютъ, вѣдь, къ консерваторамъ), стоя у кровавой нивы: „чтобы кончить войну, надо побѣдить во что бы то ни стало“.

„Наши Дни“ по этому поводу пишутъ:

> „Мы, съ своей стороны, глубоко убѣждены въ томъ, что страна, если ее спросятъ, выскажется за миръ — конечно, на условіяхъ, пріемлемыхъ для Россіи“.

Но дѣло въ томъ, что козыряющая своимъ демократизмомъ „Русь“ подъ представителями земли понимаетъ, какъ видно изъ той же статьи, *представителей отъ земствъ*. Скажутъ ли „Наши Дни“, что они „глубоко убѣждены“ въ томъ, что *эти* представители выскажутся за миръ? Скажутъ ли „Наши Дни“ народу съ такой же увѣренностью, съ какой „Русь“ говоритъ правительству:

— Не бойтесь либераловъ!

∞ По свидѣтельству „Рев. Россіи“ —

> „Союзъ Освобожденія“ въ вопросѣ о наслѣдственной династіи или президентствѣ держится *нейтральной* позиціи, высказываетъ *безразличіе*... Точка зрѣнія эта встрѣчается не у однихъ либераловъ; вспомнимъ, что еще не такъ давно, такой правовѣрный марксистъ, какъ Жюль Гэдъ, говорилъ, что ему все равно — Лубэ или Вильгельмъ“ (№ 56, курс. нашъ).

Въ той же статьѣ „Рев. Россія“ продолжаетъ увѣрять, что частное совѣщаніе земцевъ

> „высказалось — хотя и въ недостаточно категорической *внѣшней* (sic!) формѣ — за равенство политическихъ правъ всѣхъ гражданъ (и гражданокъ, не такъ ли?) въ будущемъ представительномъ режимѣ“.

О, конечно, „блокъ“ пока еще никого ни къ чему не обязываетъ, — по крайней мѣрѣ, ни къ чему доброму, — онъ всѣмъ оставляетъ „свободу дѣйствій“, но, разумѣется, союзники пользуются этой свободой съ должнымъ „тактомъ“ и „благоразуміемъ“.

Блокъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“ вычитывать изъ земскихъ резолюцій всеобщее избирательное право совершенно по тому же рецепту, по которому либералы вычитываютъ конституцію изъ царскихъ указовъ.

Онъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“ увѣрять, что „освобожденцы“ относятся къ монархіи *нейтрально*, — точно въ политической борьбѣ возможенъ нейтралитетъ, точно не всякій, кто *не противъ* монархіи, тѣмъ самымъ *за* монархію.

Онъ *морально* побуждаетъ „Рев. Россію“, въ интересахъ обѣленія своихъ либеральныхъ союзниковъ, безсмысленно клеветать на гедистовъ, валя ихъ въ одну кучу съ „освобожденцами“, — точно „безразличіе“ гедистовъ не есть фигуральное выраженіе ихъ стремленія замѣнить *уже существующую* во Франціи *буржуазную* республику — республикой *соціалистической*, тогда какъ т. н. „безразличіе“ освобожденцевъ есть лишь фигураль

Если бы оно даже понимало политическое значеніе этой мѣры, царское правительство уже по той причинѣ не можетъ согласиться и ставить государственный бюджетъ подъ контроль парламента, что этотъ послѣдній долженъ былъ бы начать свой контроль съ разоблаченія тѣхъ плутней и мошенническихъ продѣлокъ, которыми до сихъ поръ только и удавалось прикрывать хроническій государственный дефицитъ. Прежде чѣмъ заняться упорядоченьемъ русскихъ финансовъ, россійскій парламентъ будетъ стоять передъ трудной задачей ликвидаціи многосложнаго и до нельзя запутаннаго государственнаго хозяйства самодержавія. Суть тутъ не въ отдѣльныхъ хищеніяхъ, которыя будутъ раскрыты, а въ томъ, что будетъ обнаружена недостаточная финансовая база всего государственнаго бюджета самодержавной Россіи. Царское правительство боится, не безъ основанія, что это окончательно погубитъ его европейскій кредитъ.

Но парламентъ безъ бюджетнаго права лишенъ всякаго политическаго значенія.

Царское правительство по всему своему политическому характеру не въ состояніи провести серьезныя государственныя реформы въ странѣ, — въ силу этого оно не можетъ также допустить *политической свободы* — свободы печати, сходокъ и т. п. — ибо оно этимъ, разумѣется, только дало бы просторъ агитаціи и организаціи политическихъ силъ, направленныхъ противъ него.

За всѣмъ тѣмъ царское правительство видитъ на примѣрѣ Западной Европы, что парламентаризмъ и политическая свобода ведутъ къ партійной борьбѣ, затрудняющей политику правительства, а главное, къ *организаціи рабочаго класса*, грозящей опасностью всему современному государственному и общественному строю.

Отъ царскаго правительства нельзя ждать, чтобы оно провело въ странѣ, хотя бы на манеръ Японіи, парламентарный режимъ. Японія ввела у себя государственный порядокъ капитализма заодно съ экономическимъ преобразованіемъ страны на капиталистическій манеръ. Правительство Микадо явилось иниціаторомъ и въ томъ и другомъ направленіи и потому сохранило политическое руководство за собой. Ему нечего бояться политической оппозиціи капиталистическаго класса, который оно само создало и выразителемъ интересовъ котораго оно добровольно является. Опасность ему только еще грозитъ со стороны пролетаріата. Въ Россіи этотъ моментъ пропущенъ. Онъ былъ въ 60-хъ годахъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на полпути, Александръ II долженъ былъ бы ввести въ Россіи конституціонный порядокъ. Онъ могъ бы это сдѣлать. Онъ бы при этомъ натолкнулся только на оппозицію тѣхъ же крѣпостниковъ. Но насколько сильно было ихъ личное вліяніе на царя, настолько же эти элементы были политически безсильны, такъ какъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права изъ подъ ихъ ногъ была вырвана почва, на которой единственно держалась ихъ сила. Что соціальное развитіе Россіи при такихъ условіяхъ приняло бы гораздо болѣе широкій и сильный размахъ, мы видимъ, именно, на примѣрѣ Японіи, которая съ своей стороны только сознательно повторила опытъ Западной Европы. Результатомъ этого соціальнаго развитія былъ бы ростъ политической силы Россіи, а этотъ ростъ политической силы шелъ бы къ увеличенію престижа царскаго правительства и далъ бы ему возможность удовлетворить самые честолюбивые планы своей мировой политики. Вмѣсто этого царское правительство стало поперекъ политическому и соціальному развитію страны. Вмѣсто силы, оно ее, поэтому, привело къ безсилію. Дойдя до такого неожиданнаго результата своей политики, царское правительство не прочь измѣнить ея характеръ. Но политическія реформы въ его глазахъ только имѣютъ смыслъ, если онѣ въ состояніи непосредственно обновить политическія силы страны и безпомощность превратить въ могущество, т. е. оно хотѣло бы заднимъ числомъ учесть то, что должно было бы явиться результатомъ многолѣтняго развитія, если бы реформы были введены въ Россіи заблаговременно, если бы, при условіяхъ парламентаризма, мѣстнаго самоуправленія и политической свободы политическій строй и государственное хозяйство Россіи еще 40 лѣтъ тому назадъ получили бы прочную основу и возможность нормальнаго роста, культурное развитіе населенія не задерживалось бы, а шло бы впередъ, личная иниціатива и формы коллективной дѣятельности въ областяхъ политики, какъ и въ областяхъ промышленности, науки и искусства, получили бы широкій просторъ, національныя силы были бы разбужены и подняты, и въ связи со всѣмъ этимъ развивалась бы индустрія, разрослись бы города, поднялось бы сельское хозяйство. Но гдѣ же взять результаты свободнаго политическаго развитія страны, когда этой свободы не было? Замѣсто этого мы имѣемъ результаты царскаго хозяйничанія, сознательнаго стремленія самодержавія путемъ насилія, наперекоръ экономическому развитію, удержать политическое развитіе страны не то что на промежуточной, а на искусственной, недодѣланной, состоящей изъ однихъ обломковъ политической формѣ, оторванной отъ прошлаго и не связанной съ будущимъ. Ликвидируя старый порядокъ, царскому правительству приходится ликвидировать самого себя.

Вотъ почему царское правительство на пути реформъ будетъ попадать во все новыя и новыя противорѣчія. Результатомъ этого должна явиться шаткость его политики. Амплитуда этихъ качаній очень коротка, но тѣмъ больше ихъ скорость. Вмѣсто гарантій свободы — цензорское попустительство, готовое каждоминутно превратиться въ жандармскій кулакъ. Вмѣсто народныхъ представителей, — съѣздъ земскихъ предсѣдателей, которымъ правительство зажимаетъ ротъ еще раньше, чѣмъ они его раскрыли. Сегодня полиціймейстеръ разсыпается въ любезностяхъ передъ студентами, завтра казацкая нагайка гуляетъ по ихъ спинамъ. И такъ безъ конца. Ни одного серьезнаго шага впередъ. Ибо на пути политическихъ реформъ правительство не имѣетъ исходнаго пункта, не имѣетъ политической директивы, теряетъ почву подъ ногами.

А между тѣмъ подъ ударами войны политическое, финансовое, экономическое положеніе страны все болѣе и болѣе ухудшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ все труднѣе и сложнѣе становится задача политической реорганизаціи Россіи, возстановленія упавшихъ силъ государства. Тѣмъ радикальнѣе долженъ быть государственный переворотъ, чтобы достигнуть этого результата. До войны, когда царское правительство стояло на зенитѣ своего могущества, оно могло еще, пожалуй, провести постепенный переходъ къ парламентарному порядку. Война создала новую ситуацію. Теперь паламентъ нуженъ, для того чтобы на мѣсто обезсиленнаго правительства создать новую силу. Парламентъ это можетъ сдѣлать только тогда, если съумѣетъ вызвать въ странѣ національное возбужденіе. Для этого онъ долженъ пользоваться авторитетомъ. Для этого онъ долженъ имѣть права и политическое значеніе. И чѣмъ болѣе широка и глубока будетъ его политическая работа, тѣмъ скорѣе онъ возстановитъ государственныя силы страны.

Чѣмъ дольше правительство задерживаетъ реформы, тѣмъ большимъ оно должно будетъ поступаться при политической реорганизаціи страны, но чувствуя, что требованія къ нему становятся все больше, правительство все дольше задерживаетъ реформы. Но война показала, что при самодержавіи Россія существовать не можетъ. Поэтому, самодержавіе, закрывая путь реформъ, гонитъ страну, подъ страхомъ уничтоженія ея могущества, на путь революціи.

А на помощь революціонной тактикѣ правительства работаетъ война со своими революціонными событіями. Война агитируетъ фактами. Она уже создала въ Россіи такое возбужденіе умовъ, какого не достигъ никакой революціонной пропагандой даже при полной политической свободѣ.

Вначалѣ войны — патріотическое воодушевленіе. Оно было поверхностное и дѣланное, но правительство само его раздувало. И оно само же испугалось своей агитаціи. Ибо раздутый ею патріотическій интересъ къ войнѣ начиналъ захватывать болѣе широкіе круги, а тутъ ему грозила опасность превратиться въ общій политическій интересъ. На смѣну патріотическихъ демонстрацій пошла патріотическая пресса. Сотнями тысячъ стали распространяться газетныя листки, усиленно накачивавшія въ массы военный патріотизмъ. Но такъ какъ война не побѣды дала, а пораженія, то результатъ газетной пропаганды получился совершенно неожиданный: не патріотическое возбужденіе, а народное возмущеніе. А вѣдь эта пропаганда велась изо дн ное выраженіе ихъ стремленія примирить своихъ союзниковъ слѣва съ *еще существующей* въ Россіи монархіей — въ интересахъ добраго мира съ „принципіальными“ монархистами-земцами. „Освобожденіе“ совершенно право:

> „Практическое значеніе соглашенія все въ будущемъ, но *моральное* значеніе его ясно и теперь“.

Цитируя статью „Vorwärts'a“ по вопросу о русскомъ „блокѣ“, г. Струве наставительно замѣчаетъ:

> „Почтенный органъ нѣмецкой соціальдемократіи не можетъ не видѣть, что содержаніе деклараціи конференціи и заявленія „Союза Освобожденія“ таково, что разговоры о „половинчатости и робости“ лишены всякаго смысла“.

„Союзъ Освобожденія“, какъ извѣстно, высказался за ограниченіе самодержавія и за всеобщее избирательное право. Г. Струве, повидимому, думаетъ, что всеобщее избирательное право исчерпываетъ программу демократіи и что однажды высказаться за это требованіе значитъ бороться за него. И онъ считаетъ, что заявленіемъ „Союза Освобожденія“ на вѣчныя времена купленъ патентъ „рѣшительности и смѣлости“.

Энгельсъ когда-то писалъ, что иной филистеръ „воображаетъ себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ, когда отдѣлывается отъ вѣры въ наслѣдственную монархію и становится приверженцемъ демократической республики“. Г. Струве показываетъ, что нѣкоторымъ филистерамъ вовсе нѣтъ надобности отдѣлываться отъ вѣры въ наслѣдственную монархію, чтобы „вообразить себя богъ знаетъ какимъ смѣльчакомъ“.

Еще о двойной бухгалтеріи.

„Рев. Россія“ жаловалась, что с. р-ы не имѣютъ возможности самостоятельно освѣдомлять о своей дѣятельности „заграничныхъ товарищей“, и что монополія освѣдомленія находится въ рукахъ ихъ „идейныхъ противниковъ“, которые осыпаютъ ихъ „клеветами“. Ей указали, какъ удивительно г.г. с. р-ы воспользовались представившеюся имъ возможностью „освѣдомить“ весь соціалистическій міръ: въ своемъ докладѣ *международному конгрессу* они умолчали о террорѣ. Тогда выступилъ г. Левицкій, и его статья, въ которой онъ съ благороднѣйшимъ негодованіемъ билъ себя въ перси, разоблачила, что есть два „изданія“ доклада: якобы-„оффиціальное“ и якобы-неоффиціальное. Въ первомъ о террорѣ смутно говорится, хотя лишь въ „библіографическомъ отдѣлѣ“ (при перечисленіи прокламацій) и притомъ — тоже феноменъ природы — преимущественно въ той части (второй) яко-бы „доклада“, которая представлена въ международное *бюро* еще въ 1903 году и отсутствуетъ въ „докладѣ“, розданномъ *конгрессу* 1904 года. Изъ первой же части „доклада“ въ „неоффиціальномъ“ изданіи, которое однако-же нигдѣ таковымъ не обозначено и раздавалось всѣмъ членамъ конгресса, вытравлены всѣ мѣста которыя въ яко-бы „оффиціальномъ“ изданіи еще напоминаютъ о террорѣ.

Уличенные въ „двойной бухгалтеріи“, г.г. с. р-ы не унимаются, и въ № 56 Р. Р. уже дуэтъ — изъ г.г. Левицкаго и Рубановича — кричитъ благимъ матомъ о всѣхъ статьяхъ о террорѣ, помѣщенныхъ въ Tribune Russe, о письмахъ во французскія газеты, о прокламаціяхъ, посланныхъ въ международное *бюро*, словомъ обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ причинъ умолчанія о террорѣ въ докладѣ представленномъ, международному *конгрессу* Методъ самозащиты очень хорошій, но, къ сожалѣнію, мало убѣдительный. Г. Левицкій, какъ явно опытный „сихъ дѣлъ“ мастеръ, откровенно излагаетъ и теорію этого „метода“:

„запутать какъ можно больше людей и вещей, чтобы потомъ никто ничего въ этомъ хитросплетеніи разобрать не могъ“. къ огорченію г. Левицкаго „разобрать“ можно. Мало того, Пойманные съ поличнымъ, г. г. с. р-ы теперь, мимоходомъ, признаются, что имѣли всегда и помимо „идейныхъ противниковъ“ возможность „освѣдомлять“ всю иностранную печать: черезъ Tribune Russe, французскія газеты и проч.

Мы не станемъ дольше останавливаться на этомъ совершенно ясномъ дѣлѣ. Отмѣтимъ только одну изумительно... смѣлую выходку г. Левицкаго. Мы говорили, что, въ доказательство *умалчиванія* о террорѣ, хотѣли цитировать то мѣсто „доклада“ объ отличіяхъ с. р-овъ отъ с. д-овъ, на которое г. Левицкій ссылается въ доказательство того, что о террорѣ *не* умалчивается. Провѣрка ссылки г. Левицкаго и обнаружила *изъятія*, сдѣланныя въ докладѣ: „изъятъ“ былъ именно тотъ пунктъ „отличій“, въ которомъ намекалось на терроръ. Очевидно, что „это мѣсто“ мы хотѣли цитировать потому, что въ немъ о террорѣ не упоминалось, а мы никакъ не могли подозрѣвать, что въ яко-бы „оффиціальномъ“ изданіи вставлена и фраза о террорѣ. А г. Левицкій, съ безстыдствомъ, которому трудно подобрать подходящую квалификацію, спрашиваетъ: какъ-же могли вы цитировать „это мѣсто“, если *его* въ вашемъ „экземплярѣ“ не было? Очень милый образчикъ литературной порядочности господина, не перестающаго сыпать словами: ложь, клевета, безстыдство, краска стыда и пр. и пр.

А въ заключеніе, pour la bonne bouche, эпизодъ, совсѣмъ комическій. Мы высказали скромную догадку, что двумя изданіями „доклада“ г. г. с. р-ы, пожалуй, и не ограничились, что для каждаго сорта читателей у нихъ особыя „сокращенія“. И что-же? Забѣгая съ виноватымъ видомъ впередъ, г. Левицкій услужливо сообщаетъ:

„Кстати сказать, на англійскомъ языкѣ было сдѣлано нашими англійскими товарищами особое изданіе отчета, еще болѣе сокращенное, ибо предназначалось не для Бюро (NB: опять „бюро“!), а для ознакомленія съ партіей интересующихся ею (sic!).

Признаемся, мы будемъ очень удивлены, если въ этомъ „еще болѣе сокращенномъ“ изданіи г. г. с. р-ы не фигурируютъ въ видѣ ярыхъ трэдъ юніонистовъ. Для „интересующихся“ чего не сдѣлаешь!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ конституціонному движенію. Интересная, по общественному положенію подписавшихъ и по своей мотивировкѣ, резолюція принята петербургскими инженерами, среди которыхъ фигурировалъ рядъ тайныхъ и дѣйствительныхъ статскихъ сов., заслуженныхъ профессоровъ, видныхъ служащихъ разныхъ вѣдомствъ и пр. Собраніе инженеровъ всѣхъ спеціальностей и преподавателей высшихъ техническихъ школъ, состоявшееся 5 декабря 1904 года въ С.-Петербургѣ въ ресторанѣ „Контанъ“. Собравшимися были избраны предсѣдатель собранія и члены бюро.

Собраніе, обсудивъ положеніе отечественной промышленности, единогласно пришло къ слѣдующему заключенію:

Преуспѣяніе русской промышленности возможно только на почвѣ широкаго развитія общественной и личной самодѣятельности.

Необходимыми условіями такого развитія являются: полная неприкосновенность личности, свобода собраній и союзовъ, свобода слова и печати. Только при прочной гарантіи этихъ правъ достижимы распространеніе и углубленіе народнаго образованія, безъ чего невозможно увеличеніе производительности труда. Отсутствіе этихъ условій ведетъ къ упадку нашего высшаго образованія, этой основы техническаго прогресса, приводя ежегодно къ гибели сотни молодыхъ силъ, необходимыхъ для Россіи, отталкивая отъ университетовъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеній лучшихъ представителей науки. Только при участіи общества въ законодательной работѣ достижима устойчивость какъ нашей экономической политики, такъ и политики въ области охраны труда, въ настоящее время подверженной безпрестаннымъ колебаніямъ и часто отражающей личныя взгляды случайныхъ ея руководителей; въ этомъ участіи главная гарантія равномѣрнаго удовлетворенія интересовъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Только контроль народныхъ представителей надъ бюджетомъ можетъ обезпечить соотвѣтствующее общенароднымъ интересамъ расходованіе народныхъ средствъ.

Въ виду всего этого, собраніе считаетъ неотложною необходимостью для дальнѣйшаго развитія русской промышленности: открытіе обществу широкаго поля для самодѣятельности, предоставленіе всему народу участія въ законодательствѣ чрезъ свободно избранныхъ представителей и обезпеченіе правъ личности, что возможно при условіи замѣны существующаго бюрократическаго строя представительнымъ образомъ правленія.

Единственный путь для успѣшнаго разрѣшенія этой задачи, по глубокому убѣжденію собравшихся, это немедленный созывъ представителей народа для выработки новыхъ основаній государственной жизни и, въ качествѣ необходимыхъ условій правильной работы этого собранія, — отмѣна положенія объ усиленной охранѣ, введеніе свободы печати, полная амнистія всѣхъ осужденныхъ и административно высланныхъ за политическія преступленія.

Настоящее заключеніе, принятое единогласно, было подписано всѣми присутствующими въ числѣ 485 лицъ.

Петербургъ. 20 декабря. На дняхъ въ залѣ Павлова состоялся банкетъ литераторовъ, посвященный „миру и свободѣ“. Особенностью этого банкета является то обстоятельство, что на немъ, кромѣ обычной интеллигентной публики, присутствовало 30 — 40 рабочихъ, выставившихъ своихъ собственныхъ ораторовъ, которые произнесли весьма недурныя рѣчи. Подъ вліяніемъ этой группы, подкрѣпленной соціальдемократической интеллигенціей, удалось, къ величайшей досадѣ господъ либераловъ съ Анненскимъ (редакторъ „Русск. Богатства“) и В. В. во главѣ, провести соціальдемократическую резолюцію. Дѣло въ томъ, что обычныя либеральныя резолюціи отличаются крайней неточностью и расплывчатостью. Изъ боязни „отпугнуть отъ себя“ менѣе радикальные элементы, онѣ старательно обходятъ ужасныя слова о „всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ“, замѣняя ихъ выраженіемъ „свободно выбранные представители всего народа“. „Не все ли равно?“ — говорятъ либералы. „Зачѣмъ, господа, придираться къ словамъ?“ И вотъ „сумасшедшіе мальчишки“ (такъ окрестили соціальдемократовъ гг либералы) вздумали поставить точку надъ і и настаивали, чтобы въ резолюціи все было сказано ясно и точно. Одинъ рабочій, кромѣ того, предложилъ прибавить, что избирательныя права должны распространяться и на женщинъ... Тутъ-то и разразился потокомъ словъ „соціалистъ“ и отецъ народничества, г. В. В. Онъ разъяснилъ собранію слѣдующее: въ настоящее время прежде всего долженъ быть рѣшенъ вопросъ о войнѣ, а его можно рѣшить и безъ женщинъ. Слѣдовательно, въ резолюціи объ избирательныхъ правахъ женщинъ упоминать незачѣмъ. Неправда ли, какая глубокомысленная и остроумная аргументація! Не смотря на оппозицію либераловъ, собраніе приняло резолюцію съ энтузіазмомъ. Большіе споры возбудилъ вопросъ о томъ, какъ отмѣтить въ резолюціи, что на банкетѣ присутствовали рабочіе. Сначала предложили выразить это словами: интеллигенція и народъ. Послѣ протеста соціальдемократовъ, Анненскій предложилъ оставить одну только интеллигенцію, потому-де, что „гг. рабочіе, конечно, не обидятся, если ихъ присоединить къ интеллигенціи“. Но и это не понравилось соціальдемократамъ. Тогда сдѣлали маленькую „уступочку“ — „интеллигенція и трудящіяся массы“. Но и это не удовлетворило рабочихъ. Пошли дальше и сказали: „интеллигенція и трудящіеся классы“. Опять протесты. Слѣдующая уступка — „интеллигенція и рабочіе классы“. Однако, всѣ эти туманности въ духѣ соціалистовъ революціонеровъ, были безпощадно отвергнуты. Пришлось либераламъ сдаться окончательно и написать въ резолюціи всѣми буквами: „интеллигенція и рабочій классъ“. И представьте себѣ такую иронію судьбы: одинъ извѣстный своей „нетактичностью“ литераторъ предложилъ считать именные билеты участниковъ банкета за подписи. Такимъ образомъ либералы и демократы расписались подъ этой „сумасшедшей“ резолюціей, такъ какъ многіе постыдились взять обратно свои билеты. „Мальчишки“, конечно, торжествовали и собираются продолжать ту же политику. Банкетъ закончился пѣніемъ „Марсельезы“, „Варшавянки“ и „Интернаціонала“. Вскорѣ послѣ этого банкета состоялся банкетъ врачей. Соціальдемократы проникли туда, произносили рѣчи, (говорилъ очень хорошо одинъ рабочій), старались провести свою резолюцію, но это не удалось. Между прочимъ, интересно также поведеніе нашихъ „легальныхъ“ марксистовъ. Послѣ перваго банкета они, возмущенные поведеніемъ либераловъ, возымѣли желаніе составить имъ оппозицію. Объ этомъ много толковали, собирались даже привлечь на помощь идеалистовъ изъ „Нов. Пути“, которые, по старой памяти, выказываютъ нѣкоторое сочувствіе соціальдемократіи. Однако, несмотря на столь торжественныя приготовленія, наши марксисты не только не выступили самостоятельно въ противовѣсъ либераламъ, но даже тогда, когда выступили соціальдемократы, молчали, какъ рыбы.

Харьковъ. 11 декабря здѣсь происходило общее собраніе членовъ общественной библіотеки. Засѣданіе это по распоряженію губернатора было закрытымъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ былъ поставленъ на очередь пріемъ новыхъ членовъ. Баллотировалось въ этотъ день свыше ста человѣкъ. Между ними оказалось человѣкъ 7 членовъ Русскаго Собранія, и всѣ они были *единогласно* забаллотированы.

Послѣ этого собраніе, по рѣшенію подавляющаго большинства голосовъ, перешло къ обсужденію вопроса: почему въ засѣданіе общества по распоряженію администраціи не была допущена публика? Въ заключеніе 135-ю голосами была принята слѣдующая резолюція:

„Собраніе выражаетъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что ни одно культурное начинаніе, а слѣдовательно въ томъ числѣ и Харьк. Общ. Библіотека, не можетъ правильно развиваться при существующемъ полицейско-бюрократическомъ строѣ, и что всякое культурное учрежденіе только тогда можетъ быть поставлено на должную высоту и защищено отъ административнаго произвола, когда самъ народъ возьметъ въ свои руки законодательство и управленіе страной. Вслѣдствіе этого собраніе присоединяется къ неоднократно выражавшемуся мнѣнію всей страны о необходимости созыва, для выработки основного статута россійскаго государства, собранія народныхъ представителей, избранныхъ всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ“. 43 чел. во главѣ съ г. Гредескуломъ нашли болѣе умѣстнымъ присоединиться къ резолюціи земцевъ 6—8 ноября. Г. Гредескулъ, оскандалившійся на засѣданіи въ Юридическомъ Обществѣ, принесъ на Собраніи Библіотеки покаяніе. Теперь, когда ясно стало, что „весна“ окончилась, сказалъ онъ, я нахожу, что долгъ всѣхъ насъ — тѣснѣе сплотиться и дѣйствовать болѣе рѣшительно. Вообще наши либералы настроены довольно бодро и ищутъ путей.. къ народу. Возымѣлъ извѣстное вліяніе также и инцидентъ въ Юридическомъ Обществѣ, несмотря на свой не совсѣмъ успѣшный, съ нашей точки зрѣнія, исходъ. Либералы не пытаются больше игнорировать соціальдемократовъ и скорѣе наоборотъ — ищутъ нѣкотораго сближенія съ ними.

Харьковъ. Приводимъ изъ прокламаціи, изданной Харьковскимъ Комитетомъ Р. С. Д. Р. П., подробности объ одномъ интересномъ эпизодѣ, происшедшемъ на либеральномъ банкетѣ пятаго декабря.

въ день и захватывала милліоны народу. Подъ давленіемъ фактовъ пришлось дать газетамъ большую свободу давать правдивыя свѣдѣнія о военныхъ событіяхъ и обсуждать ихъ. Нельзя было иначе, ибо публика совершенно изверилась въ оффиціальныя сообщенія и представляла себѣ положеніе вещей еще въ болѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ. Война подняла вообще политическіе интересы массъ, она стала политическимъ фокусомъ общественной жизни страны.

Армія подъ огнемъ непріятеля. Десятки тысячъ падаютъ жертвами войны. Полмилліона людей вырваны изъ клѣтушекъ жизненныхъ буденъ, разъединявшихъ ихъ, дробившихъ ихъ на ничтожныя робкія существованьица, и поставлены передъ лицомъ смерти. Офицеры и солдаты покончили свои личныя связи съ жизнью. Нужна общая идея, которая бы воодушевила эти массы; нужны побѣды, которыя подымали бы въ нихъ вѣру въ свои силы и увлекали впередъ перспективой новыхъ удачъ. Но вмѣсто побѣдъ позорныя, удручающія пораженія, вмѣсто воодушевляющей идеи политическій кошмаръ безразсудной войны. И мѣсяцъ проходитъ за мѣсяцемъ. Растутъ лишенія и трудности военной кампаніи, ростутъ неудачи. Мужество, подвиги личной храбрости, величайшее геройство — все пропадаетъ даромъ. Раздраженіе растетъ въ арміи. Разбуженная политическая мысль ищетъ себѣ пищи. Отчаяніе, созданное положеніемъ, придаетъ ей смѣлости. Армія все больше настраивается противъ правительства, армія заражается революціонными идеями, армія готова отпасть отъ правительства.

Экономическія послѣдствія войны не заставили себя ждать. Кризисъ. Банкротства предпринимателей, безработица рабочихъ. Возбужденіе растетъ.

А тутъ призывъ резервистовъ. На каждаго — нѣсколько человѣкъ родныхъ и знакомыхъ, которые принимаютъ живѣйшее участіе въ его судьбѣ. Такимъ образомъ уже сейчасъ затронуты милліоны.

При призывѣ резервистовъ правительство держалось тактики брать по небольшому числу изъ возможно большаго числа мѣстъ. Разсчетъ былъ тотъ, чтобы отвлеченіемъ рабочихъ рукъ не слишкомъ повліять на хозяйство. Такимъ образомъ по всей Россіи, чуть ли не въ каждой глухой деревушкѣ создался болѣе близкій интересъ къ военнымъ событіямъ. Но вотъ уже начался обратный потокъ съ войны на родину. Раненные, изувѣченные, больные возвращаются домой. Въ какомъ видѣ, всѣмъ извѣстно. Все это ожесточено и озлоблено. И вотъ правительство, разсылая ихъ по домамъ, по всей странѣ разсылаетъ революціонныхъ агитаторовъ. Потокъ этотъ только что начался, и нѣтъ ему конца. Онъ будетъ длиться столько же, сколько и война, еще годъ или полтора, и завершится тѣмъ, что, по окончаніи войны, сразу вся армія, нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, отхлынетъ обратно, чтобы всей массой завершить работу революціонной агитаціи.

И пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ, кризисъ за кризисомъ, царское правительство теряетъ флотъ, теряетъ армію, теряетъ свое политическое вліяніе, теряетъ свой кредитъ на биржѣ, — съумѣетъ ли оно еще удержать свою политическую власть въ Россіи? Отвѣтъ на это намъ долженъ дать анализъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ Россіи.

* * *

Я началъ свои статьи анализомъ міровыхъ связей капиталистическаго развитія странъ и политики государствъ, которыя привели къ настоящей войнѣ и должны привести къ паденію самодержавія. Это объективный историческій процессъ. На почвѣ созданныхъ имъ соотношеній вступаютъ въ дѣйствіе субъективные факторы исторіи: политика правительства и борьба партій.

Политика царскаго правительства, какъ мы только что видѣли, ведетъ къ результату, совершенно обратному той цѣли, которую правительство себѣ сознательно ставитъ. Это явленіе, часто повторяющееся въ исторіи. Исторія часто водила за носъ тѣхъ, кто думалъ ее взнуздать.

Какъ это ни кажется парадоксальнымъ, но приходится, пожалуй, прійти къ заключенію, что наиболѣе выдающимся субъективнымъ факторомъ историческаго развитія является не политическая мудрость, а политическая глупость. Люди никогда не умѣли вполнѣ использовать тѣ соціальныя условія, которыя они сами создали. Имъ постоянно кажется, что они забѣгаютъ впередъ, а на самомъ дѣлѣ они отстаютъ отъ объективнаго историческаго процесса. Капиталистическій порядокъ въ Европѣ давно стоитъ поперекъ пути ея экономическаго, политическаго и культурнаго развитія. Онъ держится только еще потому, что народныя массы еще недостаточно прониклись сознаніемъ трагичности своего положенія, политическая энергія пролетаріата недостаточно концентрирована, соціалистическимъ партіямъ недостаетъ рѣшимости и отваги. Мыслимо такое развитіе, что дальнѣйшее существованіе капиталистическаго строя станетъ политической виной соціальдемократіи.

Нельзя сочинять событія. Но можно ихъ задерживать. Противъ этого работаетъ революціонная мысль. Она борется противъ реакціи, противъ политической глупости, противъ всякой половинчатости, трусости, нерѣшительности, которыя тормозятъ ходъ историческаго развитія. Она не является самостоятельнымъ историческимъ факторомъ, но она очищаетъ путь исторіи. Такимъ образомъ она ускоряетъ событія.

Матеріалистическое пониманіе исторіи отвергаетъ историческій фатализмъ, который винитъ исторію за ошибки политиковъ, позади каждой политической нелѣпости ищетъ міровыхъ законовъ, оно отвергаетъ также и историческій субъективизмъ политикановъ, которые воображаютъ, что дѣлаютъ исторію, и вмѣстѣ съ тѣмъ пребываютъ въ постоянномъ страхѣ, какъ бы исторія не ушла отъ нихъ. Политиканъ — въ вѣчныхъ хлопотахъ какъ бы измыслить какое нибудь особое политическое средство, какую нибудь особую политическую комбинацію, которыя сразу разрѣшили бы всѣ политическія затрудненія. Напримѣръ, если соціализмъ связать съ идеалами купечества, революціонизмъ скрестить съ земскимъ либерализмомъ, крестьянскую программу смѣшать съ помѣщичьими интересами, если все это взвалить на общество, а подъ общество подвести рабочихъ, если крестьяне начнутъ сжигать помѣщичьи амбары, а помѣщики будутъ распространять среди крестьянъ революціонные листки и если къ тому же имѣть про запасъ динамитную бомбу, — то нельзя ли такимъ образомъ заставить царское правительство подарить народу конституцію? Это политическая алхимія, которая доходитъ до нелѣпостей, потому что добивается невозможнаго: она хочетъ выдвинутую исторіей борьбу классовъ для спеціальной цѣли борьбы съ самодержавіемъ превратить въ содѣйствіе классовъ.

Вмѣсто спекуляцій о томъ, какого можно было бы достичь политическаго эффекта, если бы соединить всѣ партіи и политическія теченія на борьбу противъ самодержавія, гораздо важнѣе сдѣлать подсчетъ политическихъ силъ Россіи и опредѣлить ходъ ея политическаго развитія при условіи антагонизма партій, существующаго на самомъ дѣлѣ и неизбѣжнаго при классовой борьбѣ, которая не знаетъ перерывовъ и остановокъ: она развилась при самодержавіи, скажется при сверженіи его и продолжится послѣ его паденія. Этотъ анализъ — задача послѣдующихъ статей.

Мы изслѣдуемъ идеологію складывающихся въ Россіи политическихъ партій и постараемся раскрыть тѣ классовые интересы, которые стоятъ за ними, и тотъ путь политическаго развитія, на который ихъ толкаютъ эти интересы. Надѣюсь, что на основаніи добытыхъ такимъ путемъ данныхъ намъ удастся выяснить, какъ рабочему классу въ Россіи всего лучше воспользоваться въ своихъ интересахъ борьбой стоящихъ внѣ него политическихъ теченій противъ самодержавія и между собой изъ-за политической власти. Но изслѣдованіе наше поведетъ насъ гораздо дальше. Міровой процессъ капиталистическаго развитія ведетъ къ политическому перевороту въ Россіи — этотъ переворотъ не можетъ не отразиться на политическомъ развитіи капиталистическихъ странъ всего міра. Русская революція потрясетъ капиталистическій міръ въ его политическихъ основахъ, а русскій пролетаріатъ можетъ сыграть роль авангарда соціальной революціи. Слѣдуя за политической борьбой пролетаріата въ Россіи, наши очерки приведутъ насъ къ міровымъ перспективамъ интернаціональнаго соціализма.

Парвусъ.

Въ виду того, что присутствіе на собраніи, для сколько-нибудь значительнаго числа рабочихъ, было заранѣе исключено, мѣстный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. рѣшилъ не организовывать никакого выступленія на собраніи со стороны социальдемократовъ. Но если, въ результатѣ этого постановленія, ни одинъ изъ дѣйствительныхъ социальдемократовъ не выступилъ съ социальдемократической рѣчью, то за то выступилъ самозванецъ, какой-то прикащикъ. Заявивши въ началѣ своей рѣчи, что такихъ людей, какъ онъ, въ германскомъ рейхстагѣ называютъ будто бы социальдемократами, онъ началъ затѣмъ говорить отъ лица рабочаго класса и отъ лица его осмѣлился обратиться къ собранію съ унизительной слезной просьбой не забыть въ будущемъ парламентѣ „меньшую братію". Это послѣ того, какъ нѣкоторые изъ предыдущихъ ораторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ социальдемократіей, отмѣтили то громадное значеніе, которое имѣло въ подготовленіи даннаго момента рабочее движеніе. Вскорѣ послѣ этого засѣданіе было закрыто и, къ сожалѣнію уже послѣ закрытія засѣданія, хотя и въ присутствіи еще довольно значительной части собранія, было сдѣлано два заявленія. Одинъ изъ присутствовавшихъ заявилъ, на основаніи того знакомства, которое онъ имѣетъ съ теоріей и практикой социальдемократіи, что самозванный социальдемократъ не имѣетъ ничего общаго съ социальдемократіей, что социальдемократы могутъ только бороться за свои идеалы, но ни въ какомъ случаѣ не просить у кого бы то ни было милостей; что имъ и странно было бы обращаться къ присутствующимъ съ просьбой о милостяхъ, когда напротивъ мы, здѣсь собравшіеся, тѣмъ, что могли собраться и что насъ не разогнали штыками, въ значительной степени обязаны милости социальдемократическаго рабочаго движенія.

Еще важнѣе было другое заявленіе, такъ какъ оно другимъ говорившимъ было сдѣлано по порученію присутствовавшихъ рабочихъ. Онъ присоединился къ заявленію предыдущаго оратора и заявилъ отъ лица присутствовавшихъ рабочихъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ самозваннымъ ораторомъ, что они не просятъ ни у кого милостей, а будутъ разсчитывать только на свою силу, на то давленіе, которое они будутъ въ состояніи оказать на будущій парламентъ. Не съ просьбами они будутъ обращаться къ членамъ парламента, а постараются поставить ихъ въ такое положеніе по отношенію къ себѣ, чтобы они обязаны были отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Екатеринославъ. На дняхъ было собраніе изъ 85 человѣкъ рабочихъ, учащихся и людей изъ „общества". Была принята 84 голосами противъ одного резолюція, предложенная Комитетомъ, въ которой предполагалось обратиться къ губернскому земскому собранію. Эта же резолюція была принята и другими собраніями рабочихъ и издана Комитетомъ. Выяснивъ отношеніе пролетаріата къ современнымъ событіямъ, резолюція говоритъ:

„... Поставивъ себѣ такую ближайшую политическую задачу (созывъ всенароднаго Учредительнаго Собранія) и стремясь всѣми силами къ ея осуществленію, мы, рабочіе, будемъ поддерживать тѣхъ, кто стремится къ этой цѣли. Всякое же отклоненіе отъ этого требованія, всякое желаніе сохранить какое бы то ни было неравенство въ правахъ, мы будемъ разсматривать, какъ предательство, какъ измѣну дѣлу народнаго освобожденія".

Екатеринодаръ. 10 декабря состоялся у насъ общественный банкетъ по поводу сорокалѣтія судебныхъ уставовъ. Безъ преувеличенія можно сказать — онъ обратился въ настоящій политическій митингъ, сплошной тріумфъ революціонной борьбы. Этотъ митингъ является до такой степени крупнымъ фактомъ въ исторіи мѣстнаго революціоннаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ столько вопросовъ первостепенной важности, что я позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Не прекратились еще разговоры о думской демонстраціи, и жандарская свора, разыскивая оратора, не закончила еще своихъ наѣздовъ на жилища мирныхъ обывателей, какъ вдругъ обрѣлась „крамола" въ такъ называемомъ обществѣ „изящныхъ искусствъ". На одномъ изъ многолюдныхъ „четверговъ" этого общества, во время разговоровъ о „веснѣ", однимъ изъ присутствовавшихъ была произнесена рѣчь о „сумеркахъ" русской жизни и о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, этимъ остаткомъ варварства. Ораторъ подробно характеризовалъ исконную политику царскаго правительства: обѣщаніе реформъ либераламъ, увѣреніе, что „первый шагъ не будетъ послѣднимъ", и безпощадное преслѣдованіе революціонеровъ. Свою рѣчь онъ закончилъ указаніемъ на то, что россійскій либерализмъ будетъ по прежнему безпомощенъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, если не будетъ опираться на массы и не приметъ цѣликомъ демократическую программу социальдемократіи.

Рѣчь оратора не мало способствовала успѣху предстоящаго банкета. Открытый листъ для записи желающихъ присутствовать на банкетѣ быстро покрылся подписями. Разговоровъ о предстоящемъ банкетѣ было не мало: одинъ говорилъ, что напуганные „революціей" либералы не придутъ, другіе указывали на полицію, которая собирается разогнать собраніе, и т. д. Однако, къ 10 часамъ вечера большой залъ центральной гостинницы былъ переполненъ многочисленной и разнообразной публикой: адвокаты, врачи, гласные думы, студенты, рабочіе, торговцы. Настроеніе было повышенное, въ воздухѣ пахло „революціей". Вскорѣ появились полиція и шпики.

Банкетъ открылся красивой рѣчью пом. прис. повѣреннаго Вальберга, подвергшаго рѣзкой критикѣ азіатскій строй нашего отечества. Не успѣлъ ораторъ сойти съ трибуны, какъ у предсѣдательскаго стола неожиданно выросла огромная фигура полиціймейстера Черника, того самаго Черника, который такъ „корректно" себя велъ на думской демонстраціи десятаго ноября.

Тотчасъ же раздались свистки и крики „долой полицію"!

— Господа, началъ опѣшившій полиціймейстеръ, напрасно вы думаете, что я пришелъ сюда, чтобы препятствовать... Такія собранія, какъ видно изъ газетъ, устраиваются повсемѣстно, и я ничего не имѣю, если, конечно, не будетъ ничего такого, что могло бы... Это „разъясненіе" снова было покрыто свистомъ и криками возбужденнаго собранія. Въ концѣ концовъ предсѣдатель банкета, пом. прис. повѣреннаго Ширскій, предложилъ начальнику полиціи занять мѣсто въ публикѣ на правахъ гостя, а однимъ изъ присутствующихъ была высказана увѣренность въ томъ, что полиціймейстеръ будетъ вести себя вполнѣ благопристойно и ничѣмъ не нарушитъ порядка собранія.

Послѣ программныхъ рѣчей, такъ или иначе связанныхъ съ судебными уставами, было предоставлено слово госпожѣ Мартыновской. Она говорила о роли женщинъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, о томъ, что смѣшно говорить о равноправіи женщинъ въ томъ азіатскомъ государствѣ, гдѣ вообще никто не имѣетъ никакихъ правъ. Характеризовавъ дѣятельность Перовской, Бардиной, Брешко-Брешковской и др., госпожа Мартыновская указала на то, что русская женщина въ революціонномъ движеніи такъ же много терпитъ отъ самодержавнаго произвола, какъ и мужчина. Не грустенъ ли фактъ, заключила она свою рѣчь, что лишь одна партія предусматриваетъ избирательныя права женщинъ — социальдемократы?

На срединѣ рѣчи госпожа Мартыновская была прервана полиціймейстеромъ, не выдержавшимъ тона, какъ только произнесено было имя Перовской. Произошло замѣшательство. Снова раздались крики „долой полицію"! Сбитый съ толку полиціймейстеръ удалился, сопровождаемый энергичнымъ свистомъ.

Затѣмъ говорилъ одинъ изъ бывшихъ тверскихъ учителей. Онъ говорилъ о полной невозможности какой бы то ни было легальной общественной дѣятельности при существующемъ абсолютизмѣ и полицейскомъ произволѣ. Лучшая часть народныхъ учителей тверской губерніи давно это поняла и выступила на путь политической борьбы, принявъ программу революціонной социальдемократіи.

Настроеніе собранія становилось все болѣе и болѣе революціоннымъ и къ моменту появленія на трибунѣ г. Н. К. дошло до наивысшаго предѣла.

Агитаціонная, горячо сказанная рѣчь оратора вполнѣ отвѣчала настроенію собранія.

Нѣсколько минутъ тому назадъ, сказалъ онъ, насъ осѣнила „весна" самодержавія... Какъ Мефистофель отъ крестнаго знамени, такъ ревностный царскій слуга, полиціймейстеръ Черникъ, корчился здѣсь отъ побѣдоносной пѣсни свободы... (дружныя рукоплесканія).

Охарактеризовавъ исконную политику царскаго правительства, ораторъ высказалъ увѣренность въ томъ, что уроки исторіи не пройдутъ безслѣдно для русскаго либеральнаго общества; оно пойметъ наконецъ всю безплодность надеждъ на реформы сверху и присоединится къ авангарду революціоннаго движенія — пролетаріату. Подъ громъ пушекъ на Дальнемъ Востокѣ, подъ стоны больныхъ и раненыхъ, плачъ обездоленныхъ семей, самодержавіе роетъ себѣ могилу, и мы будемъ его могильщиками. Загорается уже заря лучшаго будущаго, поднимается мускулистая рука рабочаго и не сегодня — завтра твердыня самодержавія разлетится въ прахъ"!..

По окончаніи рѣчи группа организованныхъ рабочихъ запѣла „Варшавянку", къ нимъ присоединились студенты и многіе изъ публики. Наступилъ сплошной тріумфъ революціи. На требованіе разойтись, вновь предъявленное полиціймейстеромъ, появившимся съ цѣлой бандой приставовъ, собраніе по прежнему отвѣтило: „долой полицію"! и свистками. Черезъ нѣсколько минутъ въ залъ ворвался нарядъ городовыхъ и жандармовъ. Произошла свалка; схваченный было жандармами одинъ ораторъ (Н.-К — въ) былъ отбитъ публикой, а полицейская свора оттѣснена. Въ ту же ночь было произведено нѣсколько арестовъ и обысковъ. Арестованъ ветеринарный врачъ Крутиковъ. Жандармы усиленно искали К — ва, разгромили квартиру, но онъ успѣлъ бѣжать.

Кіевъ. 14 декабря въ обществѣ грамотности читался годовой отчетъ о дѣятельности общества. Обыкновенно публики бываетъ человѣкъ 40, на этотъ же разъ было около 250. Было бы и больше, но до 50 рабочихъ не получило доступа, какъ не члены общества (между тѣмъ, интеллигенты не-члены были допускаемы). Рѣчи на собраніи касались стѣсненій, испытываемыхъ въ просвѣтительной работѣ. Внезапно поднялся одинъ рабочій и попросилъ слова. Предсѣдатель отвѣтилъ, что говорить могутъ только члены общества, но публика запротестовала, и рабочій сталъ говорить, несмотря на звонокъ предсѣдателя. Рабочій говорилъ отъ имени Кіевскаго Комитета Партіи.

Черниговъ. Во время принятія земскимъ собраніемъ адреса о конституціи (5 дек.), присутствовавшіе въ залѣ организованные рабочіе произвели демонстрацію, распространивъ листки съ изложеніемъ своихъ политическихъ требованій и прерывая апплодисменты гласныхъ криками: „да здравствуетъ учредительное собраніе!". Предположенное рабочими прямое обращеніе къ гласнымъ не состоялось, въ виду усиленныхъ мѣръ, принятыхъ полиціей. Подробную корреспонденцію объ этомъ помѣстимъ въ слѣдующемъ №.

Рига. Резолюція рабочихъ: „Мы, организованные рабочіе фабрики Кузнецова, шлемъ свое глубокое сочувствіе нашимъ еврейскимъ товарищамъ, пострадавшимъ въ бойнѣ, учиненной царской полиціей въ г. Бѣлостокѣ. Эта возмутительная расправа полиціи съ безоружными людьми, собравшимися мирно обсудить свои дѣла, это стрѣляніе безъ всякихъ предупрежденій въ мирно расходящуюся толпу, вызываетъ въ насъ глубокую ненависть къ Россійскому самодержавному правительству, еще лишній разъ запятнавшему себя кровью борцовъ освободительнаго движенія россійскаго пролетаріата. Эта вопіющая расправа лишній разъ доказываетъ намъ необходимость во что бы то ни стало свергнуть самодержавное правительство, которое стремится пулями убить пробужденіе рабочаго класса. Бѣлостокская бойня, учиненная правительствомъ подъ шумокъ якобы либеральныхъ рѣчей Святополкъ-Мирскаго, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ непримиримости самодержавія съ самодѣятельностью пролетаріата. Кровь нашихъ еврейскихъ товарищей рабочихъ, пролитая въ Бѣлостокѣ по волѣ самодержавнаго правительства предстанетъ предъ его лицемъ въ день расплаты съ нимъ и взоветъ о мщеніи.

Сверженіе самодержавія — первая и необходимая задача всего россійскаго пролетаріата въ его борьбѣ за социализмъ. Октябрь 1904 г.

Изъ Закавказья. Изъ Кутаисской губерніи. Въ октябрѣ и ноябрѣ въ разныхъ мѣстахъ Гуріи были устроены народные митинги противъ войны и солдатчины. Собранія происходили ночью при лунномъ свѣтѣ подъ открытымъ небомъ. На одномъ митингѣ присутствовало 300 чел., на другомъ свыше 1000, на третьемъ 3000-4000, на четвертомъ 400-500. Говорили наши пропагандисты, которыхъ слушатели часто прерывали дружными возгласами: „долой войну", „да здравствуетъ свобода!" На митингахъ присутствовало также много женщинъ и дѣтей; многіе пришли издалека, за двадцать верстъ, чтобы послушать ораторовъ.

Волненія запасныхъ. Намъ пишутъ, что въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губ. взбунтовалось $4^1/_2$ тыс. запасныхъ и туда вызваны войска. Чѣмъ кончилось, еще неизвѣстно. Уфу хотятъ наводнить войсками; въ гимназіяхъ кончаютъ занятія раньше на недѣлю, чтобы освободить зданія для войскъ.

Кременчугъ. Негодованіе рабочихъ на жестокое избіеніе взятыхъ на сходкѣ 4 декабря вылилось 18 декабря въ нападеніи на одного изъ особенно отличившихся полицейскихъ звѣрей — помощника пристава 1-ой части. Ему облили лицо сѣрной кислотой. По подозрѣнію арестованъ живописецъ Дунаевскій: подозрѣніе основано на томъ, что его тоже собственоручно избилъ нынѣ наказанный полицейскій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Кулачная расправа въ Черноморскомъ флотѣ. Несмотря на запрещеніе бить нижнихъ чиновъ, ихъ бьютъ очень часто, въ особенности во флотѣ, и даже калѣчатъ. Напримѣръ, въ Черноморскомъ флотѣ, въ учебномъ отрядѣ, командиръ 4 роты, штабсъ-капитанъ Шмерлингъ, подозвалъ къ себѣ матроса своей роты Петрова и началъ бить его изо всѣхъ силъ кулаками по лицу за то, что тотъ доложилъ дежурному офицеру, что фельдфебель понесъ домой полный мѣшокъ казеннаго обмундированія, т. е. матросскихъ вещей 1-го срока. А что фельдфебель дѣлился съ ротнымъ командиромъ Шмерлингомъ, этого Петровъ не зналъ. Билъ его Шмерлингъ до тѣхъ поръ, покуда брызнула кровь изъ уха и Петровъ упалъ безъ чувствъ съ перебитыми обѣими перепонками. Когда принесли его въ госпиталь, онъ заявилъ о происшедшемъ главному доктору, а докторъ раппортовалъ главному командиру. Отъ этого командира штабсъ-капитанъ Шмерлингъ получилъ выговоръ и предупрежденіе *такъ* не бить. Шмерлингъ исполнилъ приказаніе: онъ теперь ежедневно бьетъ матросовъ кулаками по головѣ или по щекамъ, но не въ ухо.

Это въ обыкновенное время, но когда Шмерлингъ не въ духѣ, то не придерживается приказанія главнаго командира, а бьетъ и по уху. (Сообщено матросомъ).

Изъ Закавказья. Въ Озургеты, Кутаисской губерніи, были вызваны молодые люди Ланчхутскаго участка для набора рекрутовъ. Полиція, во избѣжаніе демонстраціи, закрыла всѣ лавки и трактиры, такъ что негдѣ было поѣсть, а по дорогамъ разставили казаковъ для „поддержанія порядка". Несмотря на все это, молодежь прошла по городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; казаки отвѣтили нагайками и четырехъ заарестовали. Народъ вышелъ изъ терпѣнія и почти всѣ (за исключеніемъ 50) оставили военное присутствіе и, не вынувъ жребія, разошлись по домамъ.

Въ Кутаисѣ пятаго ноября новобранцы произвели демонстрацію. Около пяти часовъ у входа военнаго присутствія къ нимъ присоединились 150 мѣстныхъ рабочихъ и съ краснымъ знаменемъ и возгласами прошли по улицамъ. Разбросали массу прокламацій. Полиція очнулась только послѣ демонстраціи и въ разныхъ мѣстахъ города заарестовала семь человѣкъ.

Демонстрація была и въ маленькомъ г. Гори (Тифлисской губерніи). 50 новобранцевъ съ краснымъ знаменемъ и возгласами „Долой войну! Долой самодержавіе!" — прошли по городу. Полиція не вмѣшивалась. Только на другой день изъ Тифлиса выписали казаковъ.

(Сообщено Батумскимъ комитетомъ Партіи).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. Стачка началась 14 (13?) декабря съ утра, а часамъ къ 5—6 вечера стояли уже Балаханы, Биби-Эйбатъ, Бѣлый и Черный Городъ, за немногими исключеніями. Время для стачки (въ смыслѣ ея экономическихъ цѣлей) выбрано не подходящее: отправка грузовъ значительно сокращена, такъ какъ прекратилось Волжское движеніе. Сверхъ того, благодаря идущей сейчасъ борьбѣ между мѣстнымъ и американскимъ синдикатами, въ Батумѣ получилось необычайное скопленіе керосина (до 15 мил. руб.); по этимъ двумъ причинамъ, производство значительно сократилось.

Комитетъ предложилъ армянскимъ партіямъ „дрошакистовъ" и „инчакистовъ" принять участіе въ политической демонстраціи, которую онъ намѣренъ былъ организовать во время стачки. Дрошакисты прислали мотивированный отказъ, инчакисты же съ готовностью приняли предложеніе.

О дальнѣйшихъ событіяхъ мы еще не получили свѣдѣній. Изъ газетъ извѣстно, что забастовали батумскіе рабочіе и что въ Балаханахъ **стрѣляли въ рабочихъ** (по газетнымъ свѣдѣніямъ 20 чел. убито).

Кременчугъ. Положеніе рабочихъ въ прачешныхъ заведеніяхъ. Товарищи! Вы просите насъ написать вамъ кое-что о нашей жизни и о работѣ. Чтобы написать и выразить вамъ накопившуюся боль въ груди, нужно умѣть выражаться, а мы не сильны въ этомъ отношеніи, но писать есть о чемъ и даже много. Начнемъ съ работы. Работа наша производится поштучно: за каждую штуку, т. е. сорочку, мы получаемъ 5 коп., и для того, чтобы выработать 90 коп., мы должны сдѣлать 18 сорочекъ, что гораздо тяжелѣе и вреднѣе, нежели работать на мельницѣ отъ шести до шести часовъ. Чѣмъ же она тяжелѣе и вреднѣе?

1) Тяжелѣе она тѣмъ, что приходится цѣлый день безъ устали бѣгать, какъ бѣшеному, за утюгами, конечно, для того, чтобы больше заработать, такъ какъ хозяева, для экономіи дровъ, нанимаютъ по-штучно работать массу лишнихъ людей, за то въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ совсѣмъ не топятъ плиты.

2) Вреднѣе она тѣмъ, что приходится цѣлый день работать въ сырости, копоти, угарѣ и вдобавокъ дышать парами, идущими отъ мокраго бѣлья. Но это еще не все; цѣлый день приходится стоять около плиты и вонючаго смрада, исходящаго отъ разныхъ помой и острыхъ и ѣдкихъ веществъ, которыя употребляются при мойкѣ бѣлья, какъ то: хлорная известь, сахарная соль, щавелевая кислота и проч. Нерѣдко также принимаютъ въ стирку бѣлье отъ заразныхъ больныхъ; конечно, къ такому бѣлью хозяева не дотрагиваются, но у насъ часто оказывается чесотка и многія другія болѣзни. Сильнѣе они отражаются на прачкахъ, такъ какъ прачки заняты исключительно грязнымъ бѣльемъ и постоянно стоятъ по колѣно въ лужахъ грязи, которая течетъ отъ мокраго бѣлья. Тамъ же онѣ отдыхаютъ отъ тяжелой работы, тамъ же онѣ ѣдятъ, пьютъ, тамъ же проводятъ дни и ночи. Вѣдь наши мастерскія не знаютъ условій гигіены, да и хозяева мало о ней заботятся. Словомъ, нѣтъ людей измученнѣе и жалче, чѣмъ *женщины прачки*. Прачки тоже работаютъ поштучно. За каждую большую штуку бѣлья, какъ то одѣяла, простыни, сорочки и т. д., онѣ получаютъ одну коп., за полотенца и наволоки по одной коп. за три штуки, а покрывала, носовые платки, чулки онѣ получаютъ для стирки въ видѣ безплатнаго приложенія. Для того чтобы прачкѣ заработать 50 коп. въ день, ей нужно работать не меньше 14 — 15 час. въ сутки. Есть еще третья группа мученицъ, которыя работаютъ мягкую работу, т. е. столовое бѣлье. Чтобы имъ заработать 30 коп. въ день, онѣ должны потѣть и коптиться съ утра до поздняго вечера въ невыносимой жарѣ, потому что наши прачешныя строятся безъ всякихъ приспособленій. Особенно угнетаютъ хозяева учениковъ. Отъ утра до ночи они таскаютъ тяжелыя корзины съ бѣльемъ, которыя превышаютъ ихъ силы, и за это получаютъ въ видѣ вознагражденія руготню и подзатыльники. Они спятъ и ѣдятъ у своихъ бѣдныхъ и голодныхъ родителей. Хозяева, принимая ихъ безъ платы за ученіе, стараются выгадать какъ можно больше, а потому ихъ ничему не учатъ, и по истеченіи срока ученія, они снова работаютъ даромъ. Если же иногда они за первый срокъ выучиваются, то, несмотря на то, что они такъ же работаютъ, какъ мастера, имъ платятъ не 5, а 3 коп. И то для этого нужно заслужить у хозяина благосклонность.

Но, товарищи, есть и въ нашей работѣ одна хорошая сторона: это то, что, проработавъ при нашей работѣ до 30-35 лѣтъ, человѣкъ обязательно наживаетъ чахотку и идетъ въ отпускъ провѣдать своихъ прадѣдовъ.

Рабочій.

Харьковъ. Несмотря на предыдущую постоянную работу, несмотря на славные майскіе дни 1900 г., въ которыхъ рабочіе такъ энергично выступили съ протестомъ, приходится теперь констатировать, что ни въ одномъ районѣ не удалось создать прочнаго ядра, опираясь на которое можно было бы продолжать работу. Правда, люди всѣ не вымерли. Почти въ каждомъ районѣ есть рабочіе, которые раньше входили въ организацію, но теперь они разрознены, стоятъ внѣ организаціи и относятся недовѣрчиво ко всякимъ попыткамъ снова сплотиться: „знаемъ, — ничего не выйдетъ; ужъ не разъ такъ было". Скептицизмъ этотъ мѣшаетъ нашей работѣ.

Трудно, конечно, указать причины такого недовѣрчиваго отношенія. Понятно, однако, что главнымъ образомъ тутъ виноваты условія, при которыхъ приходится работать. Не успѣваетъ еще организаторъ или пропагандистъ завязать прочныя сношенія съ своимъ райономъ или кружкомъ, какъ жандарская лапа вырываетъ его изъ рабочей среды.

Лишь въ послѣднее время замѣчается подъемъ настроенія, — результатъ оживленія агитаціонной работы. Пользуясь этимъ, Комитетъ старается снова сплотить рабочихъ, входившихъ ранѣе въ организацію.

Рѣшивъ провести „земскую кампанію" по плану редакціи, Комитетъ приступилъ къ работѣ. Въ кружкахъ изъ болѣе сознательныхъ рабочихъ и на „летучкахъ" выясняется наше отношеніе къ конституціонному движенію и наши современныя задачи. Собранія производятъ на участниковъ хорошее впечатлѣніе. На этой недѣлѣ распространены №№ 1 и 2 „Соц.-Дем." и №№ 73—77 „Искры".

Рабочій.

Въ виду того, что присутствіе на собраніи, для сколько-нибудь значительнаго числа рабочихъ, было заранѣе исключено, мѣстный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. рѣшилъ не организовывать никакого выступленія на собраніи со стороны соціальдемократовъ. Но если, въ результатѣ этого постановленія, ни одинъ изъ дѣйствительныхъ соціальдемократовъ не выступилъ съ соціальдемократической рѣчью, то за то выступилъ самозванецъ, какой-то прикащикъ. Заявивши въ началѣ своей рѣчи, что такихъ людей, какъ онъ, въ германскомъ рейхстагѣ называютъ будто бы соціальдемократами, онъ началъ затѣмъ говорить отъ лица рабочаго класса и отъ лица его осмѣлился обратиться къ собранію съ унизительной слезной просьбой не забыть въ будущемъ парламентѣ „меньшую братію“. Это послѣ того, какъ нѣкоторые изъ предыдущихъ ораторовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ соціальдемократіей, отмѣтили то громадное значеніе, которое имѣло въ подготовленіи даннаго момента рабочее движеніе. Вскорѣ послѣ этого засѣданіе было закрыто и, къ сожалѣнію уже послѣ закрытія засѣданія, хотя и въ присутствіи еще довольно значительной части собранія, было сдѣлано два заявленія. Одинъ изъ присутствовавшихъ заявилъ, на основаніи того знакомства, которое онъ имѣетъ съ теоріей и практикой соціальдемократіи, что самозванный соціальдемократъ не имѣетъ ничего общаго съ соціальдемократіей, что соціальдемократы могутъ только бороться за свои идеалы, но ни въ какомъ случаѣ не просить у кого бы то ни было милостей; что имъ и странно было бы обращаться къ присутствующимъ съ просьбой о милостяхъ, когда напротивъ мы, здѣсь собравшіеся, тѣмъ, что могли собраться и что насъ не разогнали штыками, въ значительной степени обязаны милости соціальдемократическаго рабочаго движенія.

Еще важнѣе было другое заявленіе, такъ какъ оно другимъ говорившимъ было сдѣлано по порученію присутствовавшихъ рабочихъ. Онъ присоединился къ заявленію предыдущаго оратора и заявилъ отъ лица присутствовавшихъ рабочихъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ самозваннымъ ораторомъ, что они не просятъ ни у кого милостей, а будутъ разсчитывать только на свою силу, на то давленіе, которое они будутъ въ состояніи оказать на будущій парламентъ. Не съ просьбами они будутъ обращаться къ членамъ парламента, а постараются поставить ихъ въ такое положеніе по отношенію къ себѣ, чтобы они обязаны были отдавать имъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Екатеринославъ. На дняхъ было собраніе изъ 85 человѣкъ рабочихъ, учащихся и людей изъ „общества“. Была принята 84 голосами противъ одного резолюція, предложенная Комитетомъ, въ которой предполагалось обратиться къ губернскому земскому собранію. Эта же резолюція была принята и другими собраніями рабочихъ и издана Комитетомъ. Выяснивъ отношеніе пролетаріата къ современнымъ событіямъ, резолюція говоритъ:

„... Поставивъ себѣ такую ближайшую политическую задачу (созывъ всенароднаго Учредительнаго Собранія) и стремясь всѣми силами къ ея осуществленію, мы, рабочіе, будемъ поддерживать тѣхъ, кто стремится къ этой цѣли. Всякое же отклоненіе отъ этого требованія, всякое желаніе сохранить какое бы то ни было неравенство въ правахъ, мы будемъ разсматривать, какъ предательство, какъ измѣну дѣлу народнаго освобожденія“.

Екатеринодаръ. 10 декабря состоялся у насъ общественный банкетъ по поводу сорокалѣтія судебныхъ уставовъ. Безъ преувеличенія можно сказать — онъ обратился въ настоящій политическій митингъ, сплошной тріумфъ революціонной борьбы. Этотъ митингъ является до такой степени крупнымъ фактомъ въ исторіи мѣстнаго революціоннаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ столько вопросовъ первостепенной важности, что я позволю себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Не прекратились еще разговоры о думской демонстраціи, и жандармская свора, разыскивая оратора, не закончила еще своихъ наѣздовъ на жилища мирныхъ обывателей, какъ вдругъ обрѣлась „крамола“ въ такъ называемомъ обществѣ „изящныхъ искусствъ“. На одномъ изъ многолюдныхъ „четверговъ“ этого общества, во время разговоровъ о „веснѣ“, однимъ изъ присутствовавшихъ была произнесена рѣчь о „сумеркахъ“ русской жизни и о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, этимъ остаткомъ варварства. Ораторъ подробно характеризовалъ исконную политику царскаго правительства: обѣщаніе реформъ либераламъ, увѣреніе, что „первый шагъ не будетъ послѣднимъ“, и безпощадное преслѣдованіе революціонеровъ. Свою рѣчь онъ закончилъ указаніемъ на то, что россійскій либерализмъ будетъ по прежнему безпомощенъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, если не будетъ опираться на массы и не приметъ цѣликомъ демократическую программу соціальдемократіи.

Рѣчь оратора не мало способствовала успѣху предстоящаго банкета. Открытый листъ для записи желающихъ присутствовать на банкетѣ быстро покрылся подписями. Разговоровъ о предстоящемъ банкетѣ было не мало: одинъ говорилъ, что напуганные „революціей“ либералы не придутъ, другіе указывали на полицію, которая собирается разогнать собраніе, и т. д. Однако, къ 10 часамъ вечера большой залъ центральной гостинницы былъ переполненъ многочисленной и разнообразной публикой: адвокаты, врачи, гласные думы, студенты, рабочіе, торговцы. Настроеніе было повышенное, въ воздухѣ пахло „революціей“. Вскорѣ появились полиція и шпики.

Банкетъ открылся красивой рѣчью пом. прис. повѣреннаго Вальберга, подвергшаго рѣзкой критикѣ азіатскій строй нашего отечества. Не успѣлъ ораторъ сойти съ трибуны, какъ у предсѣдательскаго стола неожиданно выросла огромная фигура полиціймейстера Черника, того самаго Черника, который такъ „корректно“ себя велъ на думской демонстраціи десятаго ноября.

Тотчасъ же раздались свистки и крики „долой полицію“!

— Господа, началъ опѣшившій полиціймейстеръ, напрасно вы думаете, что я пришелъ сюда, чтобы препятствовать... Такія собранія, какъ видно изъ газетъ, устраиваются повсемѣстно, и я ничего не имѣю, если, конечно, не будетъ ничего такого, что могло бы... Это „разъясненіе“ снова было покрыто свистомъ и криками возбужденнаго собранія. Въ концѣ концовъ предсѣдатель банкета, пом. прис. повѣреннаго Ширскій, предложилъ начальнику полиціи занять мѣсто въ публикѣ на правахъ гостя, а однимъ изъ присутствующихъ была высказана увѣренность въ томъ, что полиціймейстеръ будетъ вести себя вполнѣ благопристойно и ничѣмъ не нарушитъ порядка собранія.

Послѣ программныхъ рѣчей, такъ или иначе связанныхъ съ судебными уставами, было предоставлено слово госпожѣ Мартыновской. Она говорила о роли женщинъ въ нашемъ революціонномъ движеніи, о томъ, что смѣшно говорить о равноправіи женщинъ въ томъ азіатскомъ государствѣ, гдѣ вообще никто не имѣетъ никакихъ правъ. Характеризовавъ дѣятельность Перовской, Бардиной, Брешко-Брешковской и др., госпожа Мартыновская указала на то, что русская женщина въ революціонномъ движеніи такъ же много терпитъ отъ самодержавнаго произвола, какъ и мужчина. Не грустенъ ли фактъ, заключила она свою рѣчь, что лишь одна партія предусматриваетъ избирательныя права женщинъ — соціальдемократы?

На срединѣ рѣчи госпожа Мартыновская была прервана полиціймейстеромъ, не выдержавшимъ тона, какъ только произнесено было имя Перовской. Произошло замѣшательство. Снова раздались крики „долой полицію“! Сбитый съ толку полиціймейстеръ удалился, сопровождаемый энергичнымъ свистомъ.

Затѣмъ говорилъ одинъ изъ бывшихъ тверскихъ учителей. Онъ говорилъ о полной невозможности какой бы то ни было легальной общественной дѣятельности при существующемъ абсолютизмѣ и полицейскомъ произволѣ. Лучшая часть народныхъ учителей тверской губерніи давно это поняла и выступила на путь политической борьбы, принявъ программу революціонной соціальдемократіи.

Настроеніе собранія становилось все болѣе и болѣе революціоннымъ и къ моменту появленія на трибунѣ г. Н. К. дошло до наивысшаго предѣла.

Агитаціонная, горячо сказанная рѣчь оратора вполнѣ отвѣчала настроенію собранія.

Нѣсколько минутъ тому назадъ, сказалъ онъ, насъ осѣнила „весна“ самодержавія... Какъ Мефистофель отъ крестнаго знамени, такъ ревностный царскій слуга, полиціймейстеръ Черникъ, корчился здѣсь отъ побѣдоносной пѣсни свободы... (дружныя рукоплесканія).

Охарактеризовавъ исконную политику царскаго правительства, ораторъ высказалъ увѣренность въ томъ, что уроки исторіи не пройдутъ безслѣдно для русскаго либеральнаго общества: оно пойметъ наконецъ всю безплодность надеждъ на реформы сверху и присоединится къ авангарду революціоннаго движенія — пролетаріату. Подъ громъ пушекъ на Дальнемъ Востокѣ, подъ стоны больныхъ и раненыхъ, плачъ обездоленныхъ семей, самодержавіе роетъ себѣ могилу, и мы будемъ его могильщиками. Загорается уже заря лучшаго будущаго, поднимается мускулистая рука рабочаго и не сегодня — завтра твердыня самодержавія разлетится въ прахъ“!..

По окончаніи рѣчи группа организованныхъ рабочихъ запѣла „Варшавянку“, къ нимъ присоединились студенты и многіе изъ публики. Наступилъ сплошной тріумфъ революціи. На требованіе разойтись, вновь предъявленное полиціймейстеромъ, появившимся съ цѣлой бандой приставовъ, собраніе по прежнему отвѣтило: „долой полицію“! и свистками. Черезъ нѣсколько минутъ въ залъ ворвался нарядъ городовыхъ и жандармовъ. Произошла свалка; схваченный было жандармами одинъ ораторъ (Н.-К — въ) былъ отбитъ публикой, а полицейская свора оттѣснена. Въ ту же ночь было произведено нѣсколько арестовъ и обысковъ. Арестованъ ветеринарный врачъ Крутиковъ. Жандармы усиленно искали К — ва, разгромили квартиру, но онъ успѣлъ бѣжать.

Кіевъ. 14 декабря въ обществѣ грамотности читался годовой отчетъ о дѣятельности общества. Обыкновенно публики бываетъ человѣкъ 40, на этотъ же разъ было около 250. Было бы и больше, но до 50 рабочихъ не получило доступа, какъ не члены общества (между тѣмъ, интеллигенты не-члены были допускаемы). Рѣчи на собраніи касались стѣсненій, испытываемыхъ въ просвѣтительной работѣ. Внезапно поднялся одинъ рабочій и попросилъ слова. Предсѣдатель отвѣтилъ, что говорить могутъ только члены общества, но публика запротестовала, и рабочій сталъ говорить, несмотря на звонокъ предсѣдателя. Рабочій говорилъ отъ имени Кіевскаго Комитета Партіи.

Черниговъ. Во время принятія земскимъ собраніемъ адреса о конституціи (5 дек.), присутствовавшіе въ залѣ организованные рабочіе произвели демонстрацію, распространивъ листки съ изложеніемъ своихъ политическихъ требованій и прерывая аплодисменты гласныхъ криками: „да здравствуетъ учредительное собраніе!“. Предположенное рабочими прямое обращеніе къ гласнымъ не состоялось, въ виду усиленныхъ мѣръ, принятыхъ полиціей. Подробную корреспонденцію объ этомъ помѣстимъ въ слѣдующемъ №.

Рига. Резолюція рабочихъ: „Мы, организованные рабочіе фабрики Кузнецова, шлемъ свое глубокое сочувствіе нашимъ еврейскимъ товарищамъ, пострадавшимъ въ бойнѣ, учиненной царской полиціей въ г. Бѣлостокѣ. Эта возмутительная расправа полиціи съ безоружными людьми, собравшимися мирно обсудить свои дѣла, это стрѣляніе безъ всякихъ предупрежденій въ мирно расходящуюся толпу, вызываетъ въ насъ глубокую ненависть къ Россійскому самодержавному правительству, еще лишній разъ запятнавшему себя кровью борцовъ освободительнаго движенія россійскаго пролетаріата. Эта вопіющая расправа лишній разъ доказываетъ намъ необходимость во что бы то ни стало свергнуть самодержавное правительство, которое стремится пулями убить пробужденіе рабочаго класса. Бѣлостокская бойня, учиненная правительствомъ подъ шумокъ якобы либеральныхъ рѣчей Святополкъ-Мирскаго, еще болѣе убѣждаетъ насъ въ непримиримости самодержавія съ самодѣятельностью пролетаріата. Кровь нашихъ еврейскихъ товарищей рабочихъ, пролитая въ Бѣлостокѣ по волѣ самодержавнаго правительства предстанетъ предъ его лицемъ въ день расплаты съ нимъ и взоветъ о мщеніи.

Сверженіе самодержавія — первая и необходимая задача всего россійскаго пролетаріата въ его борьбѣ за соціализмъ. Октябрь 1904 г.

Изъ Закавказья. Изъ Кутаисской губерніи. Въ октябрѣ и ноябрѣ въ разныхъ мѣстахъ Гуріи были устроены народные митинги противъ войны и солдатчины. Собранія происходили ночью при лунномъ свѣтѣ подъ открытымъ небомъ. На одномъ митингѣ присутствовало 300 чел., на другомъ свыше 1000, на третьемъ 3000-4000, на четвертомъ 400-500. Говорили наши пропагандисты, которыхъ слушатели часто прерывали дружными возгласами: „долой войну“, „да здравствуетъ свобода!“ На митингахъ присутствовало также много женщинъ и дѣтей; многіе пришли издалека, за двадцать верстъ, чтобы послушать ораторовъ.

Волненія запасныхъ. Намъ пишутъ, что въ Бирскомъ уѣздѣ Уфимской губ. взбунтовалось $4^1/_2$ тыс. запасныхъ и туда вызваны войска. Чѣмъ кончилось, еще неизвѣстно. Уфу хотятъ наводнить войсками; въ гимназіяхъ кончаютъ занятія раньше на недѣлю, чтобы освободить зданія для войскъ.

Кременчугъ. Негодованіе рабочихъ на жестокое избіеніе взятыхъ на сходкѣ 4 декабря вылилось 18 декабря въ нападеніи на одного изъ особенно отличившихся полицейскихъ звѣрей — помощника пристава 1-ой части. Ему облили лицо сѣрной кислотой. По подозрѣнію арестованъ живописецъ Дунаевскій: подозрѣніе основано на томъ, что его тоже собственоручно избилъ нынѣ наказанный полицейскій.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Кулачная расправа въ Черноморскомъ флотѣ. Несмотря на запрещеніе бить нижнихъ чиновъ, ихъ бьютъ очень часто, въ особенности во флотѣ, и даже калѣчатъ. Напримѣръ, въ Черноморскомъ флотѣ, въ учебномъ отрядѣ, командиръ 4 роты, штабсъ-капитанъ Шмерлингъ, подозвалъ къ себѣ матроса своей роты Петрова и началъ бить его изо всѣхъ силъ кулаками по лицу за то, что тотъ доложилъ дежурному офицеру, что фельдфебель понесъ домой полный мѣшокъ казеннаго обмундированія, т. е. матросскихъ вещей 1-го срока. А что фельдфебель дѣлился съ ротнымъ командиромъ Шмерлингомъ, этого Петровъ не зналъ. Билъ его Шмерлингъ до тѣхъ поръ, покуда брызнула кровь изъ уха и Петровъ упалъ безъ чувствъ съ перебитыми обѣими перепонками. Когда принесли его въ госпиталь, онъ заявилъ о происшедшемъ главному доктору, а докторъ рапортовалъ главному командиру. Отъ этого командира штабсъ-капитанъ Шмерлингъ получилъ выговоръ и предупрежденіе *такъ* не бить. Шмерлингъ исполнилъ приказаніе: онъ теперь ежедневно бьетъ матросовъ кулаками по головѣ или по щекамъ, но не въ ухо.

Это въ обыкновенное время, но когда Шмерлингъ не въ духѣ, то не придерживается приказанія главнаго командира, а бьетъ и по уху. (Сообщено матросомъ).

Изъ Закавказья. Въ Озругеты, Кутаисской губерніи, были вызваны молодые люди Ланчхутскаго участка для набора рекрутовъ. Полиція, во избѣжаніе демонстраціи, закрыла всѣ лавки и трактиры, такъ что негдѣ было поѣсть, а по дорогамъ разставили казаковъ для „поддержанія порядка“. Несмотря на все это, молодежь прошла по городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; казаки отвѣтили нагайками и четырехъ заарестовали. Народъ вышелъ изъ терпѣнія и почти всѣ (за исключеніемъ 50) оставили военное присутствіе и, не вынувъ жребія, разошлись по домамъ.

Въ Кутаисѣ пятаго ноября новобранцы произвели демонстрацію. Около пяти часовъ у входа военнаго присутствія къ нимъ присоединились 150 мѣстныхъ рабочихъ и съ краснымъ знаменемъ и возгласами прошли по улицамъ. Разбросали массу прокламацій. Полиція очнулась только послѣ демонстраціи и въ разныхъ мѣстахъ города заарестовала семь человѣкъ.

Демонстрація была и въ маленькомъ г. Гори (Тифлисской губерніи). 50 новобранцевъ съ краснымъ знаменемъ и возгласами „Долой войну! Долой самодержавіе!“ — прошли по городу. Полиція не вмѣшивалась. Только на другой день изъ Тифлиса выписали казаковъ.

(Сообщено Батумскимъ комитетомъ Партіи).

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку. Стачка началась 14 (13?) декабря съ утра, а часамъ къ 5—6 вечера стояли уже Балаханы, Биби-Эйбатъ, Бѣлый и Черный Городъ, за немногими исключеніями. Время для стачки (въ смыслѣ ея экономическихъ цѣлей) выбрано не подходящее: отправка грузовъ значительно сокращена, такъ какъ прекратилось Волжское движеніе. Сверхъ того, благодаря идущей сейчасъ борьбѣ между мѣстнымъ и американскимъ синдикатами, въ Батумѣ получилось необычайное скопленіе керосина (до 15 мил. руб.); по этимъ двумъ причинамъ, производство значительно сократилось.

Комитетъ предложилъ армянскимъ партіямъ „дрошакистовъ“ и „инчакистовъ“ принять участіе въ политической демонстраціи, которую онъ намѣренъ былъ организовать во время стачки. Дрошакисты прислали мотивированный отказъ, инчакисты же съ готовностью приняли предложеніе.

О дальнѣйшихъ событіяхъ мы еще не получили свѣдѣній. Изъ газетъ извѣстно, что забастовали батумскіе рабочіе и что въ Балаханахъ **стрѣляли въ рабочихъ** (по газетнымъ свѣдѣніямъ 20 чел. убито).

Кременчугъ. Положеніе рабочихъ въ прачешныхъ заведеніяхъ.

Товарищи! Вы просите насъ написать вамъ кое-что о нашей жизни и о работѣ. Чтобы написать и выразить вамъ накопившуюся боль въ груди, нужно умѣть выражаться, а мы не сильны въ этомъ отношеніи, но писать есть о чемъ и даже много. Начнемъ съ работы. Работа наша производится поштучно: за каждую штуку, т. е. сорочку, мы получаемъ 5 коп., и для того, чтобы выработать 90 коп., мы должны сдѣлать 18 сорочекъ, что гораздо тяжелѣе и вреднѣе, нежели работать на мельницѣ отъ шести до шести часовъ. Чѣмъ же она тяжелѣе и вреднѣе?

1) Тяжелѣе она тѣмъ, что приходится цѣлый день безъ устали бѣгать, какъ бѣшеному, за утюгами, конечно, для того, чтобы больше заработать, такъ какъ хозяева, для экономіи дровъ, нанимаютъ по-штучно работать массу лишнихъ людей, за то въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ совсѣмъ не топятъ плиты.

2) Вреднѣе она тѣмъ, что приходится цѣлый день работать въ сырости, копоти, угарѣ и вдобавокъ дышать парами, идущими отъ мокраго бѣлья. Но это еще не все; цѣлый день приходится стоять около плиты и вонючаго смрада, исходящаго отъ разныхъ помой и острыхъ и ѣдкихъ веществъ, которыя употребляются при мойкѣ бѣлья, какъ то: хлорная известь, сахарная соль, щавелевая кислота и проч. Нерѣдко также принимаютъ въ стирку бѣлье отъ заразныхъ больныхъ; конечно, къ такому бѣлью хозяева не дотрагиваются, но у насъ часто оказывается чесотка и многія другія болѣзни. Сильнѣе они отражаются на прачкахъ, такъ какъ прачки заняты исключительно грязнымъ бѣльемъ и постоянно стоятъ по колѣно въ лужахъ грязи, которая течетъ отъ мокраго бѣлья. Тамъ же онѣ отдыхаютъ отъ тяжелой работы, тамъ же онѣ ѣдятъ, пьютъ, тамъ же проводятъ дни и ночи. Вѣдь наши мастерскія не знаютъ условій гигіены, да и хозяева мало о ней заботятся. Словомъ, нѣтъ людей измученнѣе и жалче, чѣмъ *женщины прачки*. Прачки тоже работаютъ поштучно. За каждую большую штуку бѣлья, какъ то одѣяла, простыни, сорочки и т. д., онѣ получаютъ одну коп., за полотенца и наволоки по одной коп. за три штуки, а покрывала, носовые платки, чулки онѣ получаютъ для стирки въ видѣ безплатнаго приложенія. Для того чтобы прачкѣ заработать 50 коп. въ день, ей нужно работать не меньше 14 — 15 час. въ сутки. Есть еще третья группа мученицъ, которыя работаютъ мягкую работу, т. е. столовое бѣлье. Чтобы имъ заработать 30 коп. въ день, онѣ должны потѣть и коптиться съ утра до поздняго вечера въ невыносимой жарѣ, потому что наши прачешныя строятся безъ всякихъ приспособленій. Особенно угнетаютъ хозяева учениковъ. Отъ утра до ночи они таскаютъ тяжелыя корзины съ бѣльемъ, которыя превышаютъ ихъ силы, и за это получаютъ въ видѣ вознагражденія руготню и подзатыльники. Они спятъ и ѣдятъ у своихъ бѣдныхъ и голодныхъ родителей. Хозяева, принимая ихъ безъ платы за ученіе, стараются выгадать какъ можно больше, а потому ихъ ничему не учатъ, и по истеченіи срока ученія, они снова работаютъ даромъ. Если же иногда они за первый срокъ выучиваются, то, несмотря на то, что они такъ же работаютъ, какъ мастера, имъ платятъ не 5, а 3 коп. И то для этого нужно заслужить у хозяина благосклонность.

Но, товарищи, есть и въ нашей работѣ одна хорошая сторона: это то, что, проработавъ при нашей работѣ до 30-35 лѣтъ, человѣкъ обязательно наживаетъ чахотку и идетъ въ отпускъ провѣдать своихъ прадѣдовъ.

Рабочій.

Харьковъ. Несмотря на предыдущую постоянную работу, несмотря на славные майскіе дни 1900 г., въ которыхъ рабочіе такъ энергично выступили съ протестомъ, приходится теперь констатировать, что ни въ одномъ районѣ не удалось создать прочнаго ядра, опираясь на которое можно было бы продолжать работу. Правда, люди всѣ не вымерли. Почти въ каждомъ районѣ есть рабочіе, которые раньше входили въ организацію, но теперь они разрознены, стоятъ внѣ организаціи и относятся недовѣрчиво ко всякимъ попыткамъ снова сплотиться: „знаемъ, — ничего не выйдетъ; ужъ не разъ такъ было“. Скептицизмъ этотъ мѣшаетъ нашей работѣ.

Трудно, конечно, указать причины такого недовѣрчиваго отношенія. Понятно, однако, что главнымъ образомъ тутъ виноваты условія, при которыхъ приходится работать. Не успѣваетъ еще организаторъ или пропагандистъ завязать прочныя сношенія съ своимъ райономъ или кружкомъ, какъ жандармская лапа вырываетъ его изъ рабочей среды.

Лишь въ послѣднее время замѣчается подъемъ настроенія,— результатъ оживленія агитаціонной работы. Пользуясь этимъ, Комитетъ старается снова сплотить рабочихъ, входившихъ раньше въ организацію.

Рѣшивъ провести „земскую кампанію“ по плану редакціи, Комитетъ приступилъ къ работѣ. Въ кружкахъ изъ болѣе сознательныхъ рабочихъ и на „летучкахъ“ выясняется наше отношеніе къ конституціонному движенію и наши современныя задачи. Собранія производятъ на участниковъ хорошее впечатлѣніе. На этой недѣлѣ распространены №№ 1 и 2 „Соц.-Дем.“ и №№ 73—77 „Искры“.

Рабочій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Борьба со школькой реакціей въ Пруссіи и Австріи. — Движеніе горнорабочихъ во рурскомъ бассейнѣ.

„Задачей школы является развитіе во всѣхъ существахъ, носящихъ человѣческій образъ, всего того, что человѣчно". (Аммосъ Коменскій). — „Мы... говорили не о воспитаніи народа въ противоположность воспитанію высшихъ сословій, ибо народъ въ *этомъ* смыслѣ, — въ смыслѣ низшей и простой черни, — намъ вовсе не нуженъ, да и наши національные интересы не допускаютъ этого. Нѣтъ, мы говорили о національномъ воспитаніи". (Фихте). — Такъ думали и такъ говорили, — правда, во времена, давно минувшія, когда буржуазія находилась еще въ восходящемъ періодѣ своего развитія, — духовные вожди новаго буржуазнаго общества. Въ тѣ далекія времена правильное пониманіе значенія народнаго образованія было не чуждо передовымъ представителямъ этого общества. Нынче это пониманіе утеряно. Современная германская буржуазія, не завершившая своей революціи изъ страха передъ появившимся на общественной аренѣ пролетаріатомъ, руководится въ своей школьной политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, мыслью, высказанною гдѣ-то Ницше: „Глупъ тотъ, кто, желая имѣть рабовъ, воспитываетъ господъ". Современная „народная" школа стала именно школой для низшаго сословія, задачей которой является приготовленіе послушныхъ „рабовъ" для будущихъ эксплуататоровъ. Буржуазія и сейчасъ нуждается въ народныхъ школахъ, потому что отъ степени интеллигентности рабочаго зависитъ судьба національной промышленности. Но боязнь „воспитать господъ" давно уже лишила буржуазію, по крайней мѣрѣ, германскую, всякаго политичнскаго смысла, а затѣмъ и политическаго значенія. Отказъ ея отъ выполненія своей исторической миссіи создалъ почву для гегемоніи Пруссіи въ Германіи и юнкерства въ Пруссіи. Юнкера же не могутъ остановиться на полулиберальномъ компромиссѣ буржуазіи, въ особенности, въ школьномъ дѣлѣ: имъ надо идти назадъ, къ среднимъ вѣкамъ, къ господству церкви надъ школой. Въ такомъ духѣ и былъ выработанъ законъ, внесенный въ прусскій ландтагъ и нашедшій поддержку почти всѣхъ партій. Только пара засѣдающихъ тамъ либераловъ изъ свободомыслящихъ протестовала, и то очень слабо, противъ „ухудшеній" въ дѣлѣ народнаго образованія. При такомъ положеніи вещей руководство народнымъ протестомъ само собою перешло въ руки соціальдемократіи. Съ этой цѣлью былъ созванъ въ Берлинѣ съѣздъ представителей прусскихъ соціальдемократовъ. Роль, которую Пруссія стала играть въ общегерманской политикѣ, давно уже толкала соціальдемократію на болѣе активное вмѣшательство въ прусскія дѣла, и школьный законопроектъ явился лишь новымъ поводомъ для осуществленія старой мысли о созывѣ съѣзда прусскихъ соціальдемократовъ. Не имѣя возможности говорить здѣсь подробно объ этомъ съѣздѣ, мы приведемъ лишь тѣ требованія по школьному вопросу, которыя вошли въ принятую тамъ резолюцію: „1) Отдѣленіе школы отъ церкви, т. е. полное устраненіе вліянія духовенства въ школѣ и удаленія религіозныхъ предметовъ изъ школьной программы. 2) Единая школа для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; рядомъ съ даровымъ обученіемъ, даровые учебники; ограниченіе числа учениковъ такимъ числомъ, чтобы учителю дана была полная возможность обученія своихъ учениковъ; совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ вплоть до высшихъ классовъ. Лучшая подготовка и высшая плата для учителей; 3) Устройство школьныхъ помѣщеній и доставка учебныхъ вещей въ соотвѣтствіи съ требованіями гигіены и прогрессивной педагогіи; 4) Доставка пищи и одежды всѣмъ нуждающимся ученикамъ".

Въ Пруссіи — реакціонные феодалы, а въ Австріи — мелкобуржуазные демагоги. Христіанско-соціалистическая, она же антисемитская, она же попросту партія Люгера, тоже провела свой школьный законъ въ ландтагѣ Нижней Австріи. Но результатомъ его было такое революціонное возбужденіе рабочаго населенія, какого уже давно не видали въ Австріи. Уличныя демонстраціи слѣдовали одна за другой, массовыя собранія не прекращались. И министрамъ и ландтагу пришлось уступить: законъ вернулся въ ландтагъ, и наиболѣе реакціонные его постановленія измѣнены. Руководство школьнымъ дѣломъ остается въ рукахъ школьнаго совѣта изъ инспекторовъ народныхъ училищъ, а не въ рукахъ антисемитовъ и поповъ, какъ предполагалось прежде. Точно также для подготовки учителей создается учительскій институтъ, тогда какъ раньше думали ограничиться субсидіей католическимъ институтамъ.

* * *

Газеты принесли извѣстіе, что въ горномъ участкѣ Брухштрассе (въ Вестфаліи) 250 рабочихъ бросили работу. Событіе само по себѣ не имѣло бы большого значенія, — такія стачки въ Европѣ повторяются почти ежедневно, — если бы оно не являлось предвѣстникомъ всеобщей стачки, которую всячески провоцировали господа предприниматели. Типично для поведенія послѣднихъ то, что произошло въ Брухштрассе. Этотъ участокъ принадлежитъ обществу, состоящему собственникомъ еще нѣсколькихъ другихъ участковъ той же мѣстности. Практика предпринимателей въ послѣднее время состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить работу на болѣе прибыльныхъ участкахъ и закрыть другіе, менѣе прибыльные. Такъ поступили и собственники Брухштрассе: эксплуатацію одного своего участка они прекратили; отъ этого нѣсколько сотъ рабочихъ потеряли работу на старомъ насиженномъ мѣстѣ, а взамѣнъ удлинили смѣны для рабочихъ Брухштрассе, чтобы прибыль предпринимателей не пострадала. Можно себѣ представить, какое возмущеніе вызываетъ это чисто разбойничье поведеніе предпринимателей, — повторяемъ, Брухштрассе только типичное явленіе среди цѣлой массы подобныхъ фактовъ, — среди рабочихъ. Рабочіе начинаютъ стачку при очень неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: предприниматели, какъ мы видѣли, сами закрываютъ нѣкоторые участки и шахты, а число безработныхъ и сейчасъ уже очень велико. Но рабочіе не только отстаиваютъ свое благосостояніе и свое человѣческое достоинство, но борются противъ хищническихъ аппетитовъ маленькой кучки предпринимателей, ставящихъ собственную прибыль выше интересовъ цѣлой большой области. Завтра, вѣроятно, двѣсти тысячъ вестфальскихъ горнорабочихъ вступятъ въ борьбу съ этой хищной стаей, и мы шлемъ имъ горячее пожеланіе успѣха въ трудной борьбѣ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отвѣтъ нашимъ непослѣдовательнымъ сіонистамъ.

Публицисты „Вѣстника Бунда" обвинили меня въ искаженіи истины. Это — тяжкое обвиненіе. И если бы оно исходило отъ правдивыхъ людей, то мнѣ давно нужно было бы отозваться на него. Но такъ какъ оно исходило отъ публицистовъ „Бунда", то торопиться было некуда. Однако, въ концѣ концовъ, отвѣтить мнѣ все-таки нужно, потому что иной наивный читатель можетъ повѣрить даже и названнымъ публицистамъ.

Искаженіе истины органъ „Бунда" нашелъ въ одномъ изъ моихъ фельетоновъ объ амстердамскомъ конгрессѣ. Ему очень не нравится то мѣсто этого фельетона, гдѣ я разсказываю о томъ, при какихъ обстоятельствахъ рѣшенъ былъ Международнымъ Соціалистическимъ Бюро вопросъ о представительствѣ Россіи. Этому мѣсту названный органъ противопоставляетъ письма нѣкоторыхъ иностранныхъ товарищей, состоящихъ членами этого Бюро, — письма, будто бы совершенно меня опровергающія. Я сейчасъ разсмотрю содержаніе этихъ писемъ, но прежде считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе.

Публицисты „Бунда" слишкомъ „вольно" излагаютъ неудобное для нихъ мѣсто моего фельетона. У нихъ выходитъ, что я утверждалъ, будто націонализмъ „Бунда" былъ той осью, вокругъ которой вертѣлись дебаты въ Бюро по вопросу о представительствѣ Россіи. И они просятъ своихъ читателей „хорошенько это замѣтить". Но тутъ наши непослѣдовательные сіонисты, стремящіеся къ тому, чтобы утвердить Сіонъ не въ Палестинѣ, а въ предѣлахъ россійскаго государства, очень далеко уходятъ отъ истины, хотя, вѣроятно, и безъ умысла. Они привыкли смотрѣть на свой союзъ, какъ на самую серьезную въ Россіи рабочую организацію, какъ на своего рода „*ось*", вокругъ которой совершается все движеніе россійскаго пролетаріата. Оттого они усмотрѣли „*ось*" и въ моемъ фельетонѣ. Но тамъ ея не было. Я вовсе не говорилъ, что націонализмъ „Бунда" былъ осью, вокругъ которой вертѣлись споры и т. д. Поэтому публицисты „Бунда", съ помощью приводимыхъ имъ писемъ, опровергаютъ не меня, а *свою собственную неумѣстную и неудачную выдумку.*

Въ томъ то и дѣло, что никакихъ споровъ о *націонализмѣ* „Бунда" въ Бюро не поднималось; въ томъ то и дѣло, что одного указанія Гайндмэна на то, что „Бундъ" вышелъ изъ нашей партіи только вслѣдствіе своихъ націоналистическихъ стремленій, было достаточно для того, чтобы рѣшить вопросъ о представительствѣ въ пользу „соціалистовъ-революціонеровъ". Вотъ гдѣ „заковыка"! Если бы было иначе, если бы произошли „дебаты" и оказалась „ось", то это было бы гораздо болѣе лестно для „Бунда". Можетъ быть, потому то его органъ и извратилъ смыслъ моего разсказа объ этомъ эпизодѣ?

Перехожу къ письмамъ.

Въ письмѣ Ванъ-Коля *съ увѣренностью* говорится, что о націонализмѣ „Бунда" не было и рѣчи. Но вѣдь я заявилъ же, что бундисты вышли изъ нашей организаціи только потому, что „ея уставъ не оставлялъ мѣста для ихъ болѣе или менѣе націоналистическихъ стремленій"? Факта этого заявленія не оспариваетъ и органъ „Бунда". И уже этого одного достаточно, чтобы видѣть, что свидѣтельство тов. Ванъ-Коля не совсѣмъ точно. Чѣмъ объясняется его неточность? Вѣроятно, тѣмъ, что этотъ товарищъ не понялъ о чемъ его спрашивали бундисты. Вѣроятно, онъ думалъ, что кто-то утверждаетъ, будто въ спорахъ о представительствѣ Россіи націонализмъ „Бунда" подвергался подробному обсужденію, игралъ роль „оси" и т. п. Но ничего этого не было; все это впослѣдствіи выдумали бундисты, и неудивительно, что тов. Ванъ-Коль отрицалъ это.

Письмо тов. Серви... но пусть читатель дастъ себѣ трудъ пробѣжать это письмо, напечатанное въ № 5 „Вѣстника Бунда". Онъ самъ увидитъ, что письмо это ничего не говоритъ *ни противъ меня, ни въ мою пользу.* Оно показываетъ только одно: что изъ памяти тов. Серви совершенно изгладился ходъ интересующихъ насъ здѣсь споровъ.

Письмо Гайндмэна гораздо содержательнѣе, хотя и оно показываетъ, что его авторъ не вполнѣ хорошо помнитъ, какъ было дѣло. Онъ говоритъ: „Мнѣ казалось несообразнымъ чтобы русскіе евреи, имѣя случай соединиться съ русской соціальдемократической партіей и будучи на самомъ дѣлѣ представлены делегатомъ этой партіи, — тѣмъ не менѣе требовали для себя отдѣльной делегаціи и отдѣльнаго голоса". На самомъ дѣлѣ, Гайндмэнъ не сказалъ въ своей рѣчи, что я „на самомъ дѣлѣ" представляю *Бундъ въ Международномъ Бюро*, или вѣрнѣе, сказалъ это очень условно. Да онъ и не смогъ сказать это иначе, послѣ того, какъ присутствовавшій въ Бюро гражданинъ изъ „Бунда" объявилъ, что его организація меня своимъ [представителемъ считать не можетъ, а я съ своей стороны поставилъ Бюро на видъ, что рѣшительно не претендую на честь подобнаго представительства. Но Гайдмэнъ, дѣйствительно, сказалъ, что *требованіе „русскихъ евреевъ" ни съ чѣмъ несообразно, и что они упускаютъ прекрасный случай вернуться въ Россійскую Соціальдемократическую Партію.* [1] Я именно такъ и передалъ въ своемъ фельетонѣ это мѣсто его рѣчи. Что-же касается собственно „*націонализма*", то неужели публицисты „Вѣстника Бунда" не поняли, что именно на него указываютъ слова: русскіе *евреи?* Ходъ мысли Гайндмэна былъ таковъ: онъ находилъ, что *какъ пролетаріи*, рабочіе, входящіе въ составъ „Бунда", могли бы быть представлены въ Бюро тѣмъ самымъ лицомъ, которое представляетъ всю вообще рабочую партію Россіи; а *какъ русскіе евреи*, эти рабочіе не должны имѣть права на отдѣльное представительство. Читатель понимаетъ, конечно, что это значитъ; но недогадливые публицисты „Бунда" этого не поняли; они не догадались, что письмо Гайндмэна опровергаетъ *не меня, а ихъ*, и съ торжествомъ напечатали его въ своемъ органѣ. Говорите же послѣ этого, что гоголевскій городничій лгалъ, и что никакой человѣкъ не можетъ самъ себя высѣчь!

Остается письмо товарища Каутскаго. Непослѣдовательные сіонисты ликуютъ по поводу того, что „Каутскій солидаризуется съ Бундомъ". Но тутъ они опять обнаруживаютъ большую недогадливость. Каутскій говоритъ, что онъ солидаренъ съ Бундомъ въ принципіальномъ отношеніи. Что же это значитъ? Это значитъ, что онъ солидаренъ съ ними постольку, поскольку они стоятъ на соціальдемократической точкѣ зрѣнія („я отношу Бундъ къ соціальдемократіи принципіально"). Но Каутскій не одобряетъ *организаціонной обособленности* Бунда. А на чемъ основывается эта организаціонная обособленность? На томъ, что я назвалъ болѣе или менѣе націоналистическими стремленіями Бунда. Стало быть, Каутскій солидаренъ съ этой организаціей не болѣе, чѣмъ солидаренъ съ нею непріятный ей теперь Плехановъ. Почему же ликуютъ публицисты Бунда? Говорю паки: — по недогадливости. [2]

Въ недогадливости вся бѣда публицистовъ Бунда. Въ приведенномъ ими мѣстѣ моего фельетона говорится о „*смыслѣ*" того эпизода, который произошелъ въ международномъ Бюро по вопросу о представительствѣ Россіи. Когда спорятъ о *смыслѣ*, то апеллируютъ къ *логикѣ*, а не къ показаніямъ свидѣтелей. „Теоретики" (гм! гм!) „Бунда" позабыли объ этомъ и противъ собственной воли подтвердили, что логика на моей сторонѣ. Какъ ни благодаренъ я имъ за это, но все таки не могу воздержаться отъ восклицанія: вотъ такъ полемисты! Видно, они мастера только на крѣпкія слова!

Впрочемъ, надо и то сказать: если-бы эти люди были сильнѣе въ дѣлѣ логики, то они не были бы непослѣдовательными сіонистами.

Г. Плехановъ.

Одесскій Комитетъ о значеніи манифестацій новаго типа. Говоря о демонстраціяхъ 18 и 20 ноября, Одесскій Комитетъ пишетъ въ своей прокламаціи:

„Событіе, *неслыханное еще въ Россіи* — выступленіе соціальдемократіи въ городской думѣ, въ народномъ домѣ, вызвало *огромное революціонное возбужденіе во всемъ городѣ* (курсивъ нашъ)".

„Мы соціальдемократы", читаемъ мы выше, „должны указывать буржуазіи и всѣмъ другимъ слоямъ народа этотъ единственный выходъ (Учред. Собр. и прекращеніе войны), — указывать, что они должны пойти за нами, потому что только мы, партія пролетаріата, будемъ бороться за политическую свободу до конца, только мы не отступимъ ни на одинъ шагъ съ намѣченнаго пути, потому что только мы являемся организованной политической силой, только мы не знаемъ той буржуазной борьбы интересовъ, которая обезсиливаетъ всѣ другіе общественные классы. Вотъ какую огромную задачу выдвигаетъ передъ нами настоящій моментъ. Мы должны проникнуть вездѣ и всюду. Могучій голосъ пролетаріата должны теперь услышать всѣ. До сихъ поръ мы шли одни въ борьбѣ съ самодержавіемъ, теперь мы должны пойти впереди всѣхъ тѣхъ, которые еще начинаютъ подыматься. Мы должны ихъ толкать. — И мы уже взялись за исполненіе этой задачи."

Петербургская демонстрація и петербургскіе рабочіе. Петербургскіе сознательные рабочіе, не принявшіе участія въ демонстраціи 28 ноября, подвергаются тяжкимъ нападкамъ за свое поведеніе въ нѣкоторыхъ партійныхъ кругахъ (эти нападки воспроизведены въ новой газетѣ Бонча-Бруевича и Ленина). Предоставляя петербургскимъ товарищамъ самимъ отвѣтить на завѣдомо несправедливыя обвиненія, мы *пока* воздержимся отъ опубликованія всѣхъ, имѣющихся у насъ по этому вопросу, данныхъ, и лишь отмѣтимъ теперь же, что по поводу поведенія „твердаго" *Комитета* (не обнаружившаго, однако, должной твердости въ своемъ отношеніи къ настояніямъ революціонной учащейся молодежи), организованные рабочіе *четырехъ районовъ изъ шести* уже приняли резолюціи, выражающія полное недовѣріе бездѣятельному комитету, который, слѣдуя самоубійственной „внутренней политикѣ", не только порвалъ всякую организаціонную связь съ партійными центрами, но и оттолкнулъ отъ себя массу сознательныхъ петербургскихъ пролетаріевъ. Резолюція, принятая послѣдними, будетъ имѣть практически-организаціонныя послѣдствія.

Агитація противъ войны Ц. К. изданъ листокъ: „Правда о войнѣ" (къ солдатамъ); **Томскимъ комитетомъ** (въ ноябрѣ) — листокъ о предстоящемъ паденія Портъ-Артура.

Изданія комитетовъ: Ц. К.: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (въ 100.000 экз.) — о современномъ политическомъ положеніи. **Кіевскимъ** — переизданъ тотъ же листокъ (въ 8 тыс. экз.) **Харьковскимъ** — 1) объ екатеринославскомъ процессѣ, 2) о банкетѣ 5-го декабря. **Екатеринославскимъ** — „Резолюція, принятая рабочими въ виду земск. собр.". **Кубанскимъ** — „По поводу указа 12-го декабря" (въ 3.000 экз.). **Донскимъ** — „о годовщинѣ ноябр. ростов. стачки". **Рижскимъ** — „Нужна ли рабочимъ политическая свобода?" (4.000 экз. и къ студентамъ. **Балаханскими и Биби-эйбатскими рабочими** — „Наши требованія" (призывающая къ всеобщей стачкѣ и формулирующая ея требованія). **Одесскимъ** — Резолюція земскаго съѣзда (3000 экз.), „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (о демонстраціяхъ 18 и 20 ноября) — въ 10.000 экз. **Минской группой** „Самозванные руководители пролетаріата" (по поводу нападокъ Бунда — 2000 экз.).

Черниговской группой партіи за второе полугодіе истекшаго года изданы слѣдующія прокламаціи: 1) „О подвигахъ полиціймейстера Гиршфельда", 2) „Объ убійствѣ Плеве", 3) „О царскомъ манифестѣ по поводу рожденія наслѣдника" 4) „Губернаторъ Хвостовъ въ роли благочестиваго палача" (по поводу аграрн. волненій), 5) „Къ новобранцамъ", 6) „Резолюція массовыхъ сходокъ по поводу губерн. земск. собр.", 7) „Предполагавшаяся (не сказанная) рѣчь делегата рабочихъ на губ. зем. собран." 8) „О царскомъ указѣ 12-го декабря".

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Кострома. Въ ноябрѣ арестованы студентъ Ярославскаго лицея Н. Н. Соколовъ и А. Осадкинъ. **Харьковъ.** Арест. Говоровъ. **Севастополь.** Въ здѣшней тюрьмѣ содержатся: провизоръ Канторовичъ и интел. Гриневскій (оба съ октября ноября 1903 года по дѣлу о с.-д. пропагандѣ въ войскахъ), раб. Теодоровичъ (съ 29-го апрѣля по обв. въ прин. къ с.-д. партіи), студ. техн. Лейкардтъ и штурманъ Каютенко-Каютинъ, (съ 1-го августа, найденъ складъ с.-д. литературы и т. п.), бывш. студ. М. Кипинъ, Антоновъ, рабочіе: Гнѣдовъ, Виничукъ, Козыревъ, Дунаевъ, Бержицкій, Донецъ, Элеръ, Бляхеръ, Кимбергъ, Павловскій, Тройкинъ, Вязьмитиновъ, табельщикъ Останковъ — всѣ арестованы съ 12-го ноября по 3-ье декабря, въ связи съ безпорядками матросовъ. При военно-морскомъ арестномъ домѣ до безпорядковъ содержалось 8 матросовъ. При артиллерійской гауптвахтѣ заключенныхъ 4 солдатъ, взятыхъ по дѣлу Канторовича. **Екатеринодаръ.** Глушко приговор. Палатой къ 2 мѣс. тюр. закл., Мордань и Очередко, судившіеся по 12 Уст., — къ 4 мѣс. крѣпости. Всѣмъ зачтено предвар. заключеніе и они освобождены. 5-го декабря арест. Кольцовъ — по обвиненію въ томъ, что говорилъ 6-го ноября въ думѣ отъ имени мѣстныхъ рабочихъ. **Кіевъ.** Арестованъ Е. Шехтеръ.

Ростовъ на Дону. 17 дек. ар. инт. Сватиковъ, обв. въ произн. рѣчи на банкетѣ. Скоро предстоитъ разборъ дѣла Кошелевца (ар. въ 1902 г. въ Азовѣ, былъ на порукахъ). Изъ мѣстной тюрьмы освобождены подъ залогъ нелег. Левинъ, Маркъ Браиловскій, Над. Сигида, Скрипкинъ, Давидъ Берковъ. **Елисаветградъ.** 26-27 ноября было свыше 30 обысковъ. Взята типографія мѣстной организаціи, при ней В. и С. Гайзерманъ и еще одинъ товарищъ. Найдено пять пудовъ шрифта, нѣсколько сотъ прокламацій, литература и паспорта. Въ ту же ночь арестованы: Софья Розенбаумъ, Л. Кричевская (раб.), Р. Вельвовская, Іосифъ Шуловъ (конторщ.), у него на квартирѣ взятъ рабочій Сергѣй, рабочій Саша и др. На квартирѣ у Розенбаумъ арест. одинъ интеллигентъ. 29 ноября арестована Сліозбергъ, но послѣ освобождена. Виновникъ провала — провокаторъ Мойсей (Златопольскій (рѣзчикъ, извѣстенъ подъ именемъ Владиславскаго).

Москва. На демонстраціи 5 и 6 декабря арестованы слѣдующія лица:

Авдѣевъ техн., Асквази студ., Ауэрбахъ студ. с.-х. и., Березовскій студ., Бычинскій студ., Болотовъ студ., Болотова кур., Вишнякъ студ., Волкова кур., Георгбіани техн., Гомбіевскій студ., Гинзбургъ пом. пр. пов., Гродзинская, Давидовичъ ак., Давидовичъ экст., Девгиль студ. мед., Захаровъ студ., Кабановъ студ. с.-х. и., Кабанова, Кузьминъ студ., Лазаревичъ, Лебедевъ пом. пр. пов., Лозинская кур., Манштетъ студ., Мушинская пед. кур., Насимовичъ, Ратнеръ, Ржонснитскій студ., Селиванова, Сильвестровъ студ. с. х. и., Станкевичъ студ., Станкевичъ Ольга, Суница техн., Соколовъ студ., Филипповъ, Фондаминская, Фриденбергъ техн., Федоровъ, Харичковъ, Херхеулидзе, Чириковъ студ. с. х. и., Шатерниковъ техн., Шаровская, Шебиневичъ, студ. Бычковъ. Многіе изъ арестованныхъ ранены.

Побѣги. Изъ **Екатеринославской** тюрьмы — Софья Розенбаумъ, осуждена Палатой по дѣлу всеобщей стачки. Изъ **Ростовской** тюрьмы — Станчинскій (преданъ суду по дѣлу Донск. Ком). Изъ **Севастопольской** морск. тюрьмы — матросъ Иванъ Яхновскій (преданъ суду за с.-д. агитацію). Изъ **Иркутской** губерніи — г-жа Гордонъ-Бройдо. — Т. Слуцкина изъ Иркутской губ.

Предостереженіе. Въ Харьковѣ въ настоящее время гастролируетъ извѣстный провокаторъ **Григорій Рабиновичъ**, въ свое время попавшійся при попыткѣ подкупа женевскихъ почтальоновъ. Портретъ его былъ помѣщенъ въ 52 № „Искры".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено отъ военнаго врача на изданіе литературы по аграрному вопросу 150 рублей; отъ „4-хъ адресовъ" получено 5 рублей.

Отчетъ Берлинской Эмигрантской Кассы съ 1 дек. по 1 января 1904 года:

ПРИХОДЪ: Изъ Женевы на спеціальную цѣль 50, возвращено долгу 150, пожертвованія отъ U. X. Z. Y. T. M. 318, пожертвованія черезъ К—и 15, отъ нѣмцевъ на спеціальную цѣль—120 для романовцевъ изъ Мит. 20, собрано для нихъ же 14. по листу и отъ 7 мѣсяч. взнос. 12.50, съ двухъ рефератовъ 15.40, отъ Днѣпрова черезъ Р—ча на спеціальную цѣль 100. Итого 814.90.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

---

[1] При этомъ онъ сослался на то, что было сказано мною о причинахъ, побудившихъ „Бундъ" къ выходу изъ нашей партіи.

[2] Г. Г. бундисты, какъ видно, позабыли статью Каутскаго, написанную имъ послѣ Кишиневскаго погрома. Я очень рекомендую ее читателю, онъ увидитъ изъ нея, какъ именно „Каутскій солидаризируется съ Бундомъ".

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 83. Четвергъ, 7-го января 1905 г. Годъ V.

НА ВѢРНОМЪ ПУТИ.

5 января 1905 г.

Въ то время, какъ въ осажденномъ внутреннимъ непріятелемъ правительственномъ Портъ-Артурѣ идетъ спѣшная работа снаряженія новыхъ фортовъ и спусканія подводныхъ минъ, — въ лагерѣ враговъ царизма въ процессѣ все учащающихся аванпостныхъ схватокъ совершается работа самоопредѣленія общественныхъ силъ, или, что то же, формированія реальныхъ политическихъ партій.

Это — очень важная, по своей политической цѣнности, работа и въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ она можетъ производиться только въ періоды сильнаго общественнаго подъема. Тотъ общественный классъ, авангардъ котораго не успѣетъ въ предреволюціонную эпоху произвести эту предварительную работу, окажется застигнутымъ врасплохъ самой революціей и будетъ вынужденъ болѣе или менѣе продолжительное время играть въ ней роль аморфной массы, неспособной вести самостоятельную классовую политику. А сущность этой работы заключается въ политическомъ сплоченіи всѣхъ сознательныхъ элементовъ даннаго класса въ ходѣ ихъ активныхъ выступленій на защиту политическихъ требованій, формирующихъ съ наибольшей ясностью и отчетливостью интересы этого класса. Когда сознательный авангардъ опредѣленнаго класса политически объединился и организовался въ такой активной кампаніи, совершающейся на глазахъ широкихъ народныхъ массъ, когда онъ, въ ходѣ своей политической организаціи, пользуется всѣми случаями, представляющимися ему для вовлеченія въ сферу своей агитаціи все болѣе широкихъ, доселѣ инертныхъ слоевъ этой массы; когда, наконецъ, онъ умѣетъ пользоваться моментами стихійнаго подъема этой массы для того, чтобы однимъ удачнымъ ударомъ прочно скрѣплять свою связь съ нею; — когда всѣ эти условія на лицо, сознательный авангардъ можетъ сказать съ увѣренностью, что политическая „катастрофа“ не застанетъ его въ роли секты, оторванной отъ массы.

Начиная 3-й годъ своего существованія, „Искра“ писала въ № 31 отъ 1 января 1903 г., обращаясь къ „той рабочей и интеллигентной молодежи, которая несетъ на себѣ главное бремя нашей революціонной работы“.

„Помните, что въ моментъ, когда будетъ происходить ликвидація теперешняго, въ сущности подготовительнаго періода нашего движенія, когда на расчищенной отъ самодержавія аренѣ будетъ происходить открытая классовая борьба между враждебными соціальными силами, — что въ этотъ моментъ будетъ поздно искать отвѣта на вопросы, которые задастъ пролетаріату жизнь — время будетъ отдать свои силы на борьбу *за отвѣты, уже найденные*“[1]).

Сознательные пролетаріи хорошо поняли значеніе нынѣшняго момента для ихъ политическаго сплоченія въ дѣйствительный революціонный авангардъ своего класса и отозвались на призывъ своихъ руководящихъ организацій къ широкой агитаціи за созывъ Учредительнаго Собранія и прекращеніе войны. Въ этомъ же № „Искры“, какъ и въ предыдущихъ, читатель найдетъ сообщенія о рядѣ устроенныхъ рабочими собраній и манифестацій. Сознательные рабочіе хорошо оцѣнили возможное агитаціонное значеніе своихъ „вторженій“ въ сферу пріобрѣвшаго извѣстное право на „легальность“ общественнаго движенія, руководимаго либерально-демократической оппозиціей. Ихъ не смутили раздавшіеся со стороны многихъ либеральныхъ умниковъ и демократическихъ фразеровъ возгласы: „долой!“ „кто вы такіе?“ и т. д. Ихъ, мы увѣрены, не смутятъ и раздающіеся со стороны нѣкоторыхъ „революціонеровъ по недоразумѣнію“ окрики: „назадъ!“ „это не революціонно!“ и т. д.

Ихъ не смутятъ глубокомысленныя соображенія (которыя можно услышать равнымъ образомъ и отъ черезчуръ распѣтушившихся либераловъ и отъ недозрѣлыхъ революціонеровъ о томъ, что „въ настоящее время, когда“… и т. д. не слѣдуетъ обращать вниманія на такія „мелочи“, какъ объединеніе уже вовлеченныхъ въ среду нашего вліянія пролетарскихъ элементовъ на почвѣ коллективнаго выступленія передъ правительствомъ и „обществомъ“ съ манифестированіемъ своихъ требованій. Какъ доведенный до краснаго каленія либералъ, такъ и идущій, незамѣтно для себя, у него въ поводу революціонеръ указаннаго выше типа думаютъ, что „въ настоящее время“ умѣстны только открытыя схватки дѣтей народа съ полицейской силой — вооруженныя демонстраціи. Имъ кажется, что, организуя, рядомъ съ либеральными и демократическими „мирными“ манифестаціями, свои такія же манифестаціи, пролетаріи отказываются отъ выполненія своей исторической миссіи — собрать и вывести на открытый бой тѣ народныя массы, которыя однѣ только смогутъ разбить на голову полчища царизма. Первый думаетъ, что пролетаріи-соціальдемократы занимаются этими „мелочами“, въ силу своей страсти „сводить старые счеты“ съ несогласно мыслящими о характерѣ желательныхъ политическихъ завоеваній. Тѣ „революціонеры“ изъ интеллигенціи, которыхъ мы упоминали и которые, называютъ ли они себя „соціал-революціонерами“, или „марксистами“ или подчасъ даже соціальдемократами, принадлежатъ всецѣло къ числу „революціонеровъ фразы“, выведенныхъ настоящимъ бурнымъ моментомъ изъ состоянія обычной для нихъ политической бездѣятельности, — эти псевдо-революціонеры, въ свою очередь, воображаютъ, что соціальдемократы устраиваютъ свои „мирныя“ манифестаціи въ земствахъ, думахъ и на общественныхъ собраніяхъ потому, что „оппортюнистически“ гонятся за „практическими“ завоеваніями, имѣющими извѣстное значеніе въ „мирное“ время, но несущественными въ періоды боевые.

Недоразумѣнія либеральныя достаточно только отмѣтить. Укажемъ развѣ, что если появленіе рабочихъ на собраніяхъ либераловъ и демократовъ сопровождалось тѣмъ, что принято называть „сведеніемъ счетовъ“, то это происходило лишь тамъ и тогда, гдѣ и когда либералы и „демократы“ начинали сводить свои счеты съ народной массой, заявляя своими резолюціями недовѣріе къ ней или встрѣчая реакціоннымъ отпоромъ призывъ соціальдемократовъ къ болѣе революціонному и демократическому выступленію. Если, напримѣръ, самарская демонстрація въ ноябрѣ ознаменовалась тѣмъ, что къ обычной народной поговоркѣ „долой самодержавіе“ пришлось прибавить мѣстную характерную поговорку „долой либераловъ“ то вина за это всецѣло падаетъ на послѣднихъ. Ибо, что-бы ни думали эти господа, но не свобода существуетъ для либераловъ, а либералы для свободы, и если либералъ измѣняетъ дѣлу борьбы съ самодержавіемъ, то преданность свободѣ обязываетъ кричать „долой либераловъ!“.

На доводахъ революціонеровъ голой фразы слѣдуетъ остановиться внимательнѣе. Правда, въ настоящій моментъ вліяніе ихъ на сознательныхъ пролетаріевъ приблизительно равно нулю, выступаютъ ли они въ качествѣ открытыхъ противниковъ нашей партіи или же съ большимъ или меньшимъ правомъ присваиваютъ себѣ кличку „соціальдемократа“. По вопросу объ агитаціи противъ войны имъ не удалось убѣдить, мы увѣрены, ни одного русскаго пролетарія, въ томъ, что требованіе „мира во что бы то ни стало“ недостаточно революціонно, ибо пролетаріи никакъ не могли раздѣлить либеральнаго соображенія этихъ господъ, будто „преждевременный“ миръ можетъ задержать крахъ самодержавія, никакъ не могли, поэтому, вдохновиться „революціоннымъ“ энтузіазмомъ по адресу буржуазнаго японскаго правительства, преслѣдующаго японскихъ пролетаріевъ за ихъ борьбу съ милитаризмомъ. Также точно не удалось этимъ безпринципнымъ революціонерамъ внушить сознательному пролетаріату политическую беззаботность относительно хода либерально демократическихъ кампаній противъ царизма. Но если сейчасъ дѣло обстоитъ такъ, то завтра — при болѣе сильномъ подъемѣ народныхъ „низовъ“ идея *обойти* трудности, представляемыя соціальдемократической тактикѣ авантюристскими экспериментами надъ внезапно давшейся въ руки народной стихіей, можетъ пріобрѣсти извѣстный успѣхъ среди менѣе сознательныхъ элементовъ нашего движенія. И это тѣмъ болѣе, что обостреніе конфликта между либеральнодемократическимъ „обществомъ“ и самодержавіемъ должно будетъ создать массу новыхъ „революціонеровъ на часъ“, которые будутъ стремиться морально и матеріально усилить наиболѣе безпринципныя и авантюристскія группы въ нынѣшнемъ революціонномъ лагерѣ. Насъ не удивило бы даже, если бы это обостреніе борьбы либерально демократической буржуазіи съ самодержавіемъ вызвало ближайшимъ образомъ, между прочимъ, созданіе новаго теченія въ широкой средѣ соціальдемократической интеллигенціи — съ извѣстной симпатіей къ террору, съ снисходительнымъ и „широкимъ“ отношеніемъ къ всякаго рода „блокамъ“, съ каиновой печатью склонности ко всѣмъ и всякимъ авантюристскимъ лозунгамъ въ агитаціи и къ противоестественнымъ „синтезамъ“ въ теоріи (напримѣръ, синтезъ Ничше и Маркса). Пусть, поэтому, сознательные пролетаріи внимательнѣе относятся къ проповѣди тѣхъ, кого поднявшаяся волна буржуазно-революціоннаго движенія забросить въ политическія сферы, близкія классовому движенію пролетаріата. При нашихъ политическихъ условіяхъ мы не всегда можемъ, встрѣтившись съ новымъ претендентомъ на „руководительство пролетарской борьбой“, узнать подробно исторію его предыдущей политической дѣятельности и выяснить, въ какой заговорщической школкѣ или въ какомъ буржуазномъ „блокѣ“ онъ подвизался непосредственно передъ постановкой своей „соціальдемократической“ кандидатуры. Тѣмъ строже должны будемъ мы взвѣшивать каждое „новое слово“, въ разгаръ революціонной борьбы бросаемое этими претендентами въ нашу агитацію, тѣмъ отчетливѣе должны мы выяснить для себя cui prodest? — кому на пользу тотъ или другой рекомендуемый пролетаріату планъ борьбы?

Манифестаціи организованныхъ пролетаріевъ на собраніяхъ либерально-демократической оппозиціи, говорятъ намъ, недостаточно революціонны для нынѣшняго революціоннаго времени. Почему собственно? Потому, что они не направлены непосредственно противъ самодержавія? Невѣрно! Ибо, манифестируя, пролетаріи покрываютъ своимъ могучимъ голосомъ слабые голоса общественнаго протеста либеральной демократіи и тѣмъ самымъ усиливаютъ политическій эффектъ болѣе или менѣе „легальныхъ“ выступленій земцевъ и тому подобныхъ элементовъ. Но эти выступленія *не замѣняютъ* вооруженныхъ столкновеній руководимой пролетаріатомъ народной массы съ силами реакціи? Разумѣется, но не въ этомъ и цѣль такихъ манифестацій, какъ не въ этомъ заключалась — для соціальдемократіи! — и цѣль обычныхъ въ нашей борьбѣ уличныхъ демонстрацій. Основная ихъ цѣль была агитаціонная, и обычныя демонстраціи сравнительно ограниченнаго круга сознательныхъ рабочихъ и не могли ставить себѣ иной цѣли. Лишь такія, въ строгомъ смыслѣ слова, массовыя демонстраціи, которыя непосредственно выростаютъ изъ стихійнаго подъема широкихъ слоевъ народа, въ обычное время слабо реагирующихъ на нашу агитацію, — лишь такія демонстраціи могутъ нами оцѣниваться съ точки зрѣнія ихъ возможнаго превращенія въ частныя возстанія, съ точки зрѣнія ихъ обобщенія въ одно всероссійское возстаніе народа. Но для того, чтобы имѣть передъ собой такія демонстраціи, какъ хроническое явленіе, надо усиленно и систематически вести агитацію въ самыхъ широкихъ массахъ всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи средствами. А, чтобы вести такую агитацію, надо прежде всего концентрировать ее на опредѣленныхъ, ясныхъ и принципіально-правильныхъ политическихъ требованіяхъ, и эти требованія сдѣлать массѣ понятными во всей ихъ конкретности путемъ постояннаго нагляднаго *демонстрированія* того реальнаго соотношенія общественныхъ силъ въ „общенаціональной“ борьбѣ нашихъ дней, которое мы для себя констатируемъ теоретическимъ анализомъ и публицистическимъ освѣщеніемъ. Разнообразные политическіе уроки, данные имѣвшими уже мѣсто случаями „соприкосновенія“ революціонныхъ пролетаріевъ и оппозиціонныхъ буржуа на аренѣ общей борьбы съ царизмомъ въ Харьковѣ и Одессѣ, въ Кіевѣ и Саратовѣ, Петербургѣ и Черниговѣ, не останутся достояніемъ тѣхъ только тысячъ передовыхъ пролетаріевъ, которые явились непосредственными участниками этихъ событій. Втягиваемые нашей агитаціей въ сферу активной борьбы новые и новые слои народа воспримутъ въ свое пробудившееся сознаніе совершенно опредѣленныя картины политической дѣйствительности, которыя будутъ ассоціироваться съ общими идеями, являющимися предметомъ нашей „повседневной“ пропаганды и агитаціи. Наивно воображать, будто революціонное развитіе массы можетъ идти инымъ путемъ. Наивно представлять себѣ, будто крѣпкая организація „профессіональныхъ революціонеровъ“, сильная только своей конспиративностью, гибкостью и *революціоннымъ престижемъ*, завоеваннымъ втеченіе извѣстнаго періода, — будто она сможетъ „овладѣть“ поднимающимися въ моментъ остраго революціоннаго подъема новыми широкими слоями народной массы и повести ее по тому пути, который диктуется *нашимъ* пониманіемъ *ея* интересовъ. Увы! политическій капиталъ, пріобрѣтенный въ условіяхъ подпольной работы быстро обезцѣнивается въ яркіе дни дѣйствительной революціи и политическій кредитъ, завоеванный при отсутствіи конкурентовъ на него, можетъ быть скоро и безвозвратно утерянъ. Для того, чтобы народная масса шла за нами въ дни революціи, необходимо, чтобы процессъ приближенія этой революціи былъ одновременно процессомъ политическаго сплоченія въ ходѣ активной и планомѣрной борьбы всѣхъ уже теперь сознательныхъ атомовъ этой массы, чтобы каждый временный подъемъ новаго слоя этой массы „естественно“ крѣпко связывалъ возможно большую часть его съ уже сплоченнымъ ядромъ сознательнаго пролетаріата. Совершенно очевидно, что эта великая задача недостижима средствами одного лишь „накачиванія“ народной массы прокламаціями, изготовленными нашими типографіями, да поневолѣ рѣдкими политическими „смотрами“, которые мы можемъ дѣлать этой массѣ въ видѣ уличныхъ демонстрацій и стачекъ. Совершенно очевидно, что эта полезная и необходимая работа должна непремѣнно дополняться и политически осмысливаться интенсивнымъ участіемъ въ „повседневной“ политической жизни уже объединенныхъ нами пролетарскихъ элементовъ[1]). Тутъ же замѣтимъ, что *только этимъ путемъ* рѣшается, въ конечномъ счетѣ, тотъ вопросъ объ „укрѣпленіи связи партіи съ массой“ и о „демократизаціи“ нашей организаціи, который такъ живо интересуетъ теперь большинство членовъ нашей партіи.

Какъ это ни странно, но наша точка зрѣнія вызываетъ въ умахъ нѣкоторыхъ романтиковъ игривое представленіе о желаніи „добиваться осязательныхъ результатовъ“ въ смыслѣ Бернштейна. Не понимая, что, въ качествѣ соціальдемократовъ, мы не можемъ въ дѣлѣ пріобрѣтенія революціоннаго вліянія на массы разсчитывать ни на что иное, кромѣ развитія классового самосознанія и классовой организаціи передовой части пролетаріата, эти романтики воображаютъ, будто отстаиваемая нами тактика жертвуетъ цѣлью — народной революціей — для „осязательнаго“ результата, въ видѣ… пріобрѣтеннаго пролетаріями политическаго опыта. Недавно одинъ политическій младенецъ на этомъ основаніи зачислилъ насъ въ бернштейніанцы. Но ему удалось это сдѣлать, и ему подобнымъ будетъ удаваться это, только въ той мѣрѣ, поскольку онъ изъ числа ближайшихъ цѣлей соціальдемократіи вычеркнулъ задачу формированія классовой партіи пролетаріата, какъ „мелочь“, которою слѣдуетъ поступиться, когда рѣчь идетъ о подготовкѣ возстанія. Сознательные русскіе пролетаріи, разумѣется, по достоинству оцѣнятъ подобныя попытки затуманить ихъ сознаніе и не промѣняютъ на чечевичную похлебку безкорыстныхъ апплодисментовъ либеральныхъ „друзей народа“ и псевдо-революціонныхъ его льстецовъ своего права на первородство, на гордое сознаніе, что *ничто болѣе не приближаетъ, ничто вѣрнѣе не обезпечиваетъ наступленія русской революціи, какъ каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ пролетаріатомъ по пути развитія его классоваго сплоченія.*

Соціальдемократія не желаетъ уподобляться Помпею, который питалъ иллюзію, что ему стоитъ топнуть ногой, чтобы изъ подъ земли выросли новые легіоны. Она предоставляетъ повтореніе плачевнаго опыта Помпея тѣмъ авантюристскимъ партіямъ, которыя — подобно антисемитскимъ партіямъ многихъ западно-европейскихъ странъ — внезапно становятся общественной силой и столь же внезапно видятъ свои массы возвращающимися въ небытіе политическаго сна. Она говоритъ: „то, что жизнью взято разъ, не въ силахъ рокъ отнять у насъ“, и стремится своей „повседневной“ тактикой обезпечить себя отъ тѣхъ сюрпризовъ, которые неминуемо ждутъ демогагическія партіи.

Партія взяла вѣрный „курсъ“, когда — хоть и съ нѣкоторымъ опозданіемъ и не всегда достаточно быстрымъ темпомъ — повела свою нынѣшнюю кампанію, не смущаясь криками изъ партера и изъ галерки русскаго освободительнаго движенія. Она пойдетъ и далѣе по избранному ею пути, тѣмъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ подготовляя себя и руководимые ею слои пролетаріата къ тому близкому уже моменту, когда результаты ея агитаціи смогутъ быть учтены въ открытомъ активномъ выступленіи самыхъ широкихъ массъ народа. Этотъ моментъ не за горами — бакинскія событія являются симптомомъ его наступленія. И наша теперешняя „кампанія“ по поводу войны и по поводу либеральной „весны“ должна имѣть результатомъ — выработать хорошо обученные кадры офицеровъ и унтеръ-офицеровъ той громадной арміи, которая въ этотъ моментъ будетъ вновь требовать отъ насъ политическаго руководства.

ГОНИ ПРИРОДУ ВЪ ДВЕРЬ…

Крушеніе зубатовщины въ ея чистомъ видѣ оставило правительству и буржуазіи наслѣдіе въ видѣ „чисто-экономическихъ“ легальныхъ рабочихъ организацій, основанныхъ большими и малыми зубатовцами въ разныхъ мѣстахъ. Разгромъ зубатовской „партіи“ лишилъ эти организаціи всякаго интереса для правительства, а удаленіе изъ нихъ ловкихъ демагоговъ, вродѣ Шаевича, повело къ угасанію всѣхъ этихъ чахлыхъ растеній. Только Петербургское „Собраніе фабрично-заводскихъ рабочихъ“, основанное при активномъ участіи попа Гапона и подъ покровительствомъ градоначальника Фуллона, проявляло въ истекшемъ году признаки роста и развитія. Общество, конечно, самое благонамѣренное и преслѣдуетъ самыя узкія цѣли взаимопомощи на „легальной“ почвѣ. Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ послѣднее время въ немъ числилось уже до 7,000 членовъ.

Гони природу въ дверь — она влетитъ въ окно! А „природа“ пролетаріата, какъ извѣстно, стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ „устоями“ существующаго порядка и, рано или поздно, эта природа должна сказаться въ „поступкахъ“ всякаго, хотя бы и опекаемаго, добровольнаго соединенія рабочихъ. Стоило только, чтобы полицейскій присмотръ нѣсколько поослабъ въ эпоху недавней „весны“ — и „Собраніе“ стало проявлять кое-какія стремленія, непріятныя капиталистамъ. Газета „Русь“ сообщаетъ, что „въ срединѣ декабря состоялся частный съѣздъ представителей крупныхъ петербургскихъ заводовъ. На этомъ частномъ совѣщаніи было рѣшено, что „рабочіе — члены „Собранія русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ“ привержены борьбѣ съ капитализмомъ“. И потому *состоялось постановленіе*: исключить съ заводовъ рабочихъ, состоящихъ членами этого общества“.

Замѣтимъ тутъ же, что тайное совѣщаніе петербургскихъ заводчиковъ происходило всего *черезъ нѣсколько дней* послѣ знаменательнаго, въ своемъ родѣ, банкета инженеровъ (происходившаго 5 декабря), на которомъ, въ числѣ прочихъ политическихъ требованій (Учредительное Собраніе, представительное правленіе на широкихъ демократическихъ началахъ, амнистія), было принято „для рабочихъ“, какъ выражается нашъ корресподентъ, требованіе *свободы союзовъ и стачекъ*. На банкетѣ присутствовало „много желѣзнодорожниковъ и заводчиковъ“. И болѣе, чѣмъ вѣроятно, что тѣ самые капиталисты, которые потребовали юридической санкціи свободы рабочихъ союзовъ, черезъ нѣсколько дней вступили въ заговоръ для борьбы съ уже разрѣшеннымъ рабочимъ союзомъ, показывая на практикѣ, какъ будетъ и впредь буржуазія пытаться сводить на нѣтъ легальныя права пролетаріата. Пусть запомнятъ этотъ урокъ петербургскіе „тредъюніонисты“!

---

[1]) „Идейныя традиціи и идейныя задачи пролетарскаго соціализма“.

[1] На это мы указывали ровно два года назадъ въ вышецитированной статьѣ. „Нужныя русскому пролетаріату агитаторскія и организаторскія силы не могутъ въ достаточномъ количествѣ (надо было сказать: и качествѣ) выработаться на одной практикѣ нашей „будничной“ работы, такъ безжалостно втиснутой проклятымъ абсолютизмомъ въ рамки почти сектантской кружковщины. Эта практика должна дополняться не только возможно частымъ выступленіемъ революціонныхъ организацій на арену общественной борьбы, но и постояннымъ развитіемъ *политической жизни* въ нашихъ тайныхъ организаціяхъ, во всѣхъ группахъ и кружкахъ, составляющихъ нашу партію и тяготѣющихъ къ ней“.

На основаніи рѣшенія частнаго совѣщанія заводчиковъ, Путиловскій заводъ немедленно уволилъ — передъ Рождествомъ! — 4 рабочихъ — членовъ „Собранія“. Тогда 27 декабря состоялось экстренное засѣданіе представителей одиннадцати отдѣловъ „Собранія“, и на этомъ засѣданіи единогласно приняли слѣдующія рѣшенія:

1) Признать *ненормальнымъ положеніе труда* и отношеніе къ нему фабрично-заводской администраціи, а, въ частности, мастеровъ съ ихъ произволомъ.

2) Обратиться черезъ представителя „Собранія“ и особую депутацію съ требованіемъ (не съ „ходатайствомъ“) къ администраціи Путиловскаго завода объ увольненіи виновнаго и грубо обращающагося, какъ засвидѣтельствовано всѣми рабочими, мастера Тетявкина и о принятіи обратно уволенныхъ членовъ „Собранія“ на заводъ.

3) Обратиться съ жалобой къ градоначальнику и фабричной инспекціи съ тѣмъ, чтобы подобнаго рода случаи не имѣли мѣста;

4) *Если же это законное и отвѣчающее справедливости требованіе не будетъ принято во вниманіе*, то заявить администраціи, что *за дальнѣйшее спокойное теченіе жизни среди петербургскихъ рабочихъ Собраніе не отвѣчаетъ.*

Браво! можемъ мы только сказать „легалистамъ“. Порадуйтесь, г. Фуллонъ, скажемъ мы еще, на блестящіе успѣхи, достигнутые „вашимъ“ обществомъ!

Правительству и предпринимателямъ теперь приходится выбирать: или уступка требованіямъ рабочихъ и, слѣдовательно, признаніе за обществомъ *права вмѣшиваться* во „внутренніе распорядки“, права предъявлять требованія объ удаленіи заводскихъ служащихъ и обратномъ пріемѣ уволенныхъ „за неблагонадежность“ рабочихъ, — притомъ требованія, подкрѣпленныя угрозой стачки (ничѣмъ инымъ, вѣдь, и не является заявленіе о „спокойномъ теченіи жизни“). Или же имъ надо „встать на дыбы“, отвѣтить новыми репрессіями—тогда финалъ зубатовской „легализаціи“ новаго „чистаго“ типа будетъ еще болѣе прискорбнымъ для враговъ пролетаріата, чѣмъ былъ эпилогъ легализаціи открыто-провокаторской. Или—или! Дать рабочимъ ясно понять значеніе ихъ профессіональнаго объединенія, или толкнуть ихъ къ соціальдемократіи, къ „революціи“ — другого выбора нѣтъ.

Петербургскій „тредъюніонизмъ“ вплотную подошелъ къ вопросамъ *политики*. И разрѣшить эти вопросы петербургская организація не сможетъ, если не рѣшится встать подъ красное знамя соціальдемократіи.

P. S. „Легальная“ рабочая организація показала, что ея слова — не пустая угроза. Въ понедѣльникъ, 3 января *забастовали всѣ рабочіе Путиловскаго завода* — 12.000 человѣкъ, выставивъ требованія, предъявленныя „Собраніемъ русскихъ рабочихъ:“ возвращеніе изгнанныхъ рабочихъ и удаленіе негодяя-мастера. еще въ № „Руси“ отъ 31 декабря директоръ завода Смирновъ въ весьма нагломъ письмѣ въ редакцію отрицаетъ самый фактъ изгнанія рабочихъ изъ за ихъ принадлежности къ организаціи. Г. Смирновъ спрашиваетъ: „на какомъ основаніи собраніе фабричныхъ рабочихъ беретъ на себя смѣлость вторгаться въ частное дѣло отдѣльнаго завода, предъявляя ему „требованія“. Рабочіе, „подверженные“ г. Смирнову, показали ему — „на какомъ основаніи“ они предъявляютъ требованія. Путиловская стачка послужитъ — мы въ этомъ увѣрены — такъ долго не наступавшимъ поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ петербургскаго рабочаго движенія, нѣсколько застоявшагося за послѣдніе годы. Пусть же петербургская соціальдемократія энергичными усиліями поможетъ мѣстному пролетаріату твердо вступить на открывающуюся передъ нимъ дорогу открытой классовой борьбы!

По послѣднимъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ къ стачкѣ присоединяются рабочіе Обуховскаго, Невскаго, Франко-Русскаго и др. заводовъ, ткачи и прядильщики — всего до 100.000 чел

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Старцы комитета министровъ усиленно заняты „обновленіемъ“ Россіи. О „работахъ“ комитета появляются лишь отрывочныя свѣдѣнія, что тогда-то „сидѣли“ о томъ-то, но, что высидѣли, неизвѣстно. Въ заграничныхъ газетахъ сообщаются сенсаціонные слухи: то передается, будто проектируемая „свобода печати“ будетъ состоять въ усиленіи репрессіи за оскорбленіе величества, то промелькнетъ извѣстіе, будто евреямъ и другимъ иновѣрцамъ будетъ дарована вся полнота правъ, свойственныхъ русскому обывателю вообще, и т. д. Но все это слухи. Изъ области достовѣрнаго извѣстно пока лишь, что предполагается обезпечить „законность“, и средства къ тому избраны слѣдующія: отдѣльнымъ министрамъ будетъ воспрещено входить съ представленіями къ его величеству о мѣрахъ, противорѣчащихъ существующимъ законамъ, и, кромѣ того, для всякаго закона будетъ требоваться санкція Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ, и для господъ изъ комитета министровъ „законность“ состоитъ въ ограниченіи самодержавія „монарха“, но въ чью пользу? — въ пользу тѣхъ нѣсколькихъ десятковъ „особъ первыхъ четырехъ классовъ“, которые засѣдаютъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вмѣсто всемогущества одного временщика — министра внутреннихъ дѣлъ — всемогущество объединенной сановной бюрократіи за круговой порукой!

Говорятъ, будто на частномъ совѣщаніи членовъ комитета министровъ было признано, что реформы, намѣченныя въ составленномъ 25 лѣтъ тому назадъ проектѣ кн. Васильчикова, „въ настоящее время уже не могутъ удовлетворить назрѣвшія потребности страны“. Проектъ кн. Васильчикова „устарѣлъ“ — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Болѣе того; онъ вообще всегда былъ никуда не годенъ. Но гг. министры, въ поискахъ за болѣе „современными“ средствами для удовлетворенія „назрѣвшихъ потребностей“, отъ „устарѣлаго“ Васильчикова идутъ къ совсѣмъ ужъ сгнившимъ „верховникамъ“ эпохи Анны Іоанновны Самодержавіе, ограниченное Верховнымъ Совѣтомъ, какъ гарантія „законности“! Трудно сказать, чего тутъ больше: нахальной дерзости или тупоумной наивности.

⁂

Поговариваютъ, впрочемъ, еще объ одномъ мѣропріятіи, проектируемомъ комитетомъ министровъ: объ отмѣнѣ положенія объ усиленной охранѣ. Одинъ изъ городовъ Россійской Имперіи — Саратовъ — оказался настолько счастливымъ, что въ немъ съ 5 декабря истекшаго года пресловутое „положеніе“ дѣйствительно перестало существовать — „по закону“ по крайней мѣрѣ. Но можно поручиться, что саратовскіе обыватели и не догадались бы объ этомъ счастливомъ событіи безъ предупредительнаго напоминанія газетъ. Ибо чѣмъ въ сущности отличается обычная царская охрана отъ „усиленной“? Ровно ничѣмъ, и мы еще недавно видѣли, какъ однимъ росчеркомъ мvропомазаннаго пера была — внѣ всякихъ законовъ и „охранъ“ — установлена подсудность военнымъ судамъ для запасныхъ, участвующихъ въ безпорядкахъ. Если три слова — „быть по сему“ — могутъ грозить смертной казнью любому обывателю, то можно-ли сомнѣваться въ томъ, что всѣ другіе виды насилія и произвола, и безъ „усиленной“ охраны, сумѣютъ оградить свое существованіе, не утруждая даже „собственной“ руки Николая II?

Мѣсто административнаго произвола займетъ судъ; но какая разница между судебнымъ произволомъ самодержавія и административнымъ? Чѣмъ отличаются, напримѣръ, подвиги гомельскихъ судей отъ подвиговъ любого жандарма въ благословенной атмосферѣ усиленной охраны? Защитники посаженныхъ на скамью подсудимыхъ жертвъ гомельскаго погрома евреевъ и гражданскіе истцы съ истинно „христіанскимъ“ терпѣніемъ и незлобивостью переносили до сихъ поръ возмутительныя издѣвательства надъ правосудіемъ предсѣдателя кіевской судебной палаты, всѣми силами заботившагося о томъ, чтобы не дать выясниться на судѣ горькой для царскаго правительства правдѣ. Потому что правда эта заключается въ томъ, что Гомельскій погромъ, какъ и Кишиневскій, есть твореніе правительства, пытавшагося такимъ путемъ положить конецъ еврейской „крамолѣ“. Но, наконецъ, и эти страстотерпцы не выдержали. Когда предсѣдатель, безъ малѣйшей тѣни основательнаго повода, грубо удалилъ изъ залы адвоката Соколова, всѣ его товарищи по защитѣ и гражданскіе истцы, при полномъ одобреніи самихъ „подсудимыхъ“ и публики, удаленной за это изъ зала, съ протестомъ сложили съ себя свои обязанности.

Другого исхода нельзя было, впрочемъ, и ожидать. Чуть не всѣ массовые процессы, грозящіе вывести на свѣжую воду царское правительство, кончаются такимъ образомъ. Достаточно вспомнить дѣло о безпорядкахъ на Тихорѣцкой въ связи со смертью Золотовой, дѣло о крестьянскихъ безпорядкахъ, дѣло о Павловскихъ сектантахъ, дѣло о Кишиневскомъ погромѣ.

Послѣдній судебный скандалъ — съ дѣломъ генерала Ковалева, заманившаго къ себѣ на квартиру врача Забусова и подвергшаго его варварскимъ истязаніямъ при содѣйствіи казаковъ — тоже бросилъ яркій свѣтъ на царскій судъ. Тутъ „по недоразумѣнію“ позабыли извѣстить о судѣ самого потерпѣвшаго и его повѣреннаго, но за то не забыли прочесть похвальные отзывы о ген. Ковалевѣ и просьбу отнестись къ нему „помягче“, присланные начальникомъ Закаспійской области, ген. Уссаковскимъ и героемъ блестящихъ отступленій — генер. Куропаткинымъ. „Правосудіе“ конечно, оправдало возложенныя на него ожиданія и оказалось весьма „мягко“. Въ полусотнѣ палочныхъ ударовъ по животу и паховой области судъ не усмотрѣлъ истязанія, а только „превышеніе власти“.

Вообще пріемъ затушевыванія истины въ царскихъ судахъ сталъ до такой степени обычнымъ, что, когда предсѣдатель суда обнаруживаетъ хоть нѣкоторые признаки желанія быть безпристрастнымъ, это возбуждаетъ изумленіе и чуть ли не чувство почтительнѣйшей „благодарности“. Такъ, 11 декабря къ предсѣдателю иркутскаго военно-окружнаго суда, только что постановившаго приговоръ, которымъ 7 человѣкъ осуждены на смертную казнь, причемъ относительно 5 судъ постановилъ ходатайствовать о смягченіи участи, „явились повѣренные обвиняемыхъ съ выраженіемъ благодарности за внимательное отношеніе къ интересамъ защиты“. Эта чудовищная „благодарность“ за соблюденіе минимальныхъ требованій простой порядочности, сильнѣе, чѣмъ самая злостная сатира, клеймитъ царскій судъ.

Однако, говорятъ, вѣдь чины судебнаго вѣдомства участвовали нерѣдко въ банкетахъ, принимавшихъ конституціонныя резолюціи, и даже такъ огорчили этимъ своего шефа, что, по слухамъ, онъ, по этой именно причинѣ, собирался въ отставку подавать. Стало быть, il y a des juges en Russie. Да, въ пору „весеннихъ“ вѣяній, гг. судьи кое-гдѣ побаловались. Побаловались они, напримѣръ, во Владимірѣ губ. Но, догорѣли огни, сталъ комитетъ министровъ сочинять реформы, и Владимірскихъ либераловъ отъ юриспруденціи потребовали къ отвѣту. Глава россійскаго „правосудія“, министръ юстиціи обратился къ нимъ съ предложеніемъ подтвердить шпіонскія показанія о томъ, что происходило на банкетѣ 20 ноября. И гг. судьи, только что проливавшіе слезы умиленія передъ „идеалами“ „судебныхъ уставовъ“, требовавшіе „участія народнаго представительства“ и пр. и пр., смиренно исполнили требованіе г. министра, и, забывъ свои „либеральныя“ увлеченія, принялись за скромный, но болѣе соотвѣтствующій званію императорскихъ судей, трудъ — подкрѣпленія шпіонскихъ донесеній. Отъ конституціонныхъ подвиговъ — къ исполненію должности провокаторовъ! Милыя картины!

Да, съ такимъ министромъ юстиціи, какъ Муравьевъ, съ такими судьями, какъ во Владимірѣ, съ такими судами, какъ въ Гомелѣ, — можно обойтись безъ „усиленной охраны“!

⁂

Пока, въ ожиданіи реформъ, „довѣріе“ къ общественнымъ силамъ продолжаетъ творить чудеса. Двадцати пяти ученымъ обществамъ, состоящимъ при петербургскомъ университетѣ, запрещено устраивать публичныя собранія, во избѣжаніе „недоразумѣній“; московскій съѣздъ дѣятелей по школьному и внѣшкольному образованію рабочихъ закрытъ „по независящимъ обстоятельствамъ“; по тѣмъ же обстоятельствамъ закрыты кіевскіе съѣзды преподавателей естественныхъ наукъ и криминалистовъ; закрыто одесское литературное общество „за нарушеніе устава“; обществу взаимнаго вспоможенія приказчиковъ запрещено „обсуждать“ вопросъ о нормировкѣ рабочаго времени; участники ростовскаго и харьковскаго банкетовъ привлекаются къ суду за оскорбленіе величества и произнесеніе противоправительственныхъ рѣчей. Вотъ далеко не полная хроника „довѣрія“ за какую-нибудь недѣлю! Нельзя, впрочемъ, пропустить еще болѣе выдающагося акта „довѣрія“, совершеннаго въ Нижнемъ Новгородѣ. Тамъ на засѣданіе общества содѣйствія народному образованію, праздновавшаго свой 10 лѣтній юбилей, ворвалась полиція съ обнаженными шашками. 10 человѣкъ было ранено, много избито. На пути къ реформамъ прогрессъ обнаруживается огромный: прежде избивали только на улицахъ, теперь и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. По мѣрѣ развитія „работъ“ комитета министровъ и снятія „усиленной охраны“ начнутъ, вѣроятно, избивать въ частныхъ квартирахъ. Царскій „указъ“ еще не успѣлъ вступить въ дѣйствіе, но „правительственное сообщеніе“ свирѣпствуетъ уже въ полной силѣ.

⁂

Неудивительно, что обыватели начинаютъ обнаруживать нѣкоторое нетерпѣніе и дѣлать кое-гдѣ робкія попытки освободиться, по крайней мѣрѣ, отъ оплаты тѣхъ услугъ, которыя оказываетъ имъ такъ любезно полиція своими шашками, хотя бы и „плашмя“. Петербургская дума постановила прекратить оплату помѣщенія, занимаемаго охраннымъ отдѣленіемъ, упорно не желающимъ выбраться изъ дома, гдѣ умеръ Пушкинъ. Мраморная доска памяти поэта, а за доскою — господа въ синихъ мундирахъ и гороховыхъ пальто! Комбинація, дѣйствительно, возмутительная, но, пожалуй, не менѣе возмутительно и то, что петербургскіе думцы, не находя въ себѣ мужества попросту отказаться отъ траты денегъ на охранное отдѣленіе, пытаются спрятаться за ту-же мраморную доску. Кромѣ этого робкаго протеста противъ „охраны“, петербургская дума такъ же робко протестовала противъ жандармовъ вообще. Она ходатайствуетъ объ освобожденіи ея отъ расходовъ на жандармскій дивизіонъ, ... не потому, что считаетъ его „дѣятельность“ вредной, а потому, что, за введеніемъ нынѣ конной полиціи, онъ сталъ „ненадобенъ“!

Если вѣрить иностраннымъ газетамъ, московская дума рѣшила этотъ вопросъ болѣе смѣло, постановивъ прекратить выдачу денегъ полиціи и жандармамъ, пока не будутъ привлечены къ отвѣтственности виновные въ избіеніи демонстрантовъ 5 и 6 декабря. Разумѣется, и это „пока“ довольно скромно, ибо, если пара полицейскихъ „стрѣлочниковъ“ и будетъ привлечена къ отвѣтственности, то отъ этого дѣло еще мало измѣнится.

Но, какъ бы то ни было, антиполицейскія постановленія петербургской и московской думъ имѣютъ симптоматическое значеніе, какъ показатель нѣкотораго „безпокойства“ со стороны гражданъ и отсутствія увѣренности, что съ ихъ стороны сдѣлано уже въ предѣлахъ земныхъ все земное.

Екатеринославское губернское земство такого „безпокойства“ не обнаружило. Это земство оказалось очень довольно и собою и другими. Сначала оно безропотно подчинялось самымъ неистовымъ „распоряженіямъ“ своего предсѣдателя, категорически воспретившаго даже и заговаривать о чемъ-нибудь „этакомъ;“ потомъ оно единогласно приняло холопскій вѣрноподданническій адресъ по случаю рожденія наслѣдника; потомъ единогласно же въ частномъ засѣданіи приняло какую то секретную, повидимому, очень либеральную резолюцію; потомъ такъ же единогласно выразило благодарность предсѣдателю губернской управы — Родзянко за „стойкость“, съ которою онъ отстаивалъ земскіе интересы на петербургскомъ съѣздѣ, и свирѣпому предсѣдателю собранія за „умѣлое“ веденіе засѣданій и за присоединеніе, „вопреки своимъ убѣжденіямъ“, къ „секретной“ резолюціи; и, наконецъ, тоже единогласно, пожертвовало 3000 руб. народныхъ денегъ на учрежденіе стипендіи имени капитана Кладо, проповѣдующаго необходимость продолженія войны во что бы то ни стало. Милая картина либеральной стойкости и единогласія! Самое трогательное, это именно то, что и стойкость, и холопство, и подлость—все единогласно!

ГОЛОСА ПЕЧАТИ

∞ Извѣстны нареканія, которымъ въ либерально-демократическихъ кругахъ подверглась манифестація нашихъ харьковскихъ товарищей на собраніи 6 ноября. Приведемъ по этому поводу слѣдующія строки изъ прокламаціи мѣстнаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб Партіи, дающія должный отвѣтъ критикамъ изъ „Освобожденія“:

> „Мы шли въ собраніе съ твердымъ намѣреніемъ превратить это собраніе въ митингъ и предложить резолюцію. Но мы хотѣли сдѣлать это послѣ того, какъ будетъ закрытъ списокъ ораторовъ изъ членовъ Юридическаго общества, и только дикое поведеніе г. Гредескула вынудило насъ сдѣлать это раньше. На либералахъ, поддержавшихъ г. Гредескула въ его борьбѣ съ публикой, лежитъ отвѣтственность за сравнительную неудачу этого собранія, за тотъ хаосъ и безпорядокъ, которые получились въ концѣ засѣданія“.

∞ „Наша Жизнь“ (въ передовой № 52) высказывается за передачу полиціи, содержащейся, какъ извѣстно, въ значительной степени на счетъ органовъ общественнаго самоуправленія, въ вѣдѣніе этихъ послѣднихъ.

> „При существующемъ же порядкѣ, — продолжаетъ газета, — что-жъ остается дѣлать общественнымъ установленіямъ? Это — отказъ въ ассигнованіи суммъ на обязательные расходы на полицію. Но и это средство врядъ ли можетъ привести къ какимъ либо положительнымъ результатамъ, такъ какъ общественнымъ учрежденіямъ приходится дѣйствовать въ атмосферѣ всевластія бюрократіи“.

Лучше нельзя, чѣмъ это дѣлаетъ радикальная газета, компрометтировать предлагаемыя ею же самой боевыя средства. Отказъ отъ выполненія „обязательныхъ расходовъ“ предлагается для борьбы съ „всевластіемъ“ — сирѣчь, самодержавіемъ, — и этотъ же отказъ оказывается безрезультатнымъ, ибо существуетъ „всевластіе“. Но не очевидно ли, что указанный „отказъ“ только и имѣетъ тотъ смыслъ, что, осуществляя его, земства и думы бросаютъ путь „легальной“ борьбы и *аппелируютъ къ революціонному движенію народа?* Разумѣется, „отказать“ самодержавію въ деньгахъ, а потомъ подчиниться его насилію и отдать тѣ же деньги — явилось бы вполнѣ безрезультатной игрой, недостойной рѣшительныхъ противниковъ „всевластія“.

∞ Г-нъ Этьеннъ Авенардъ, недурно освѣдомляющій своихъ читателей петербургскій корреспондентъ парижской „Humanitè“, пишетъ (въ № отъ 13 января) по поводу разочарованій, вызванныхъ въ либералахъ неуспѣхомъ земскихъ ходатайствъ и слухами объ отставкѣ Святополка-Мирскаго:

> „Либералы мнѣ говорили: „Къ счастью для насъ за нами стоятъ революціонеры. Революція невозможна безъ терроризма. А намъ нужна революція. Намъ нуженъ терроризмъ. Пора террористамъ выступить на сцену“.

Несомнѣнно, что столичные либералы быстро революціонизируются и начинаютъ проявлять признаки политической проницательности Они уже понимаютъ, что „революціонеры“ (читай „террористы“) стоятъ *за ними*, то есть, дѣлаютъ ихъ [illegible] — и только. Они начинаютъ понимать, что если революціонная борьба неизбѣжна, то всего выгоднѣе, — для либераловъ, — чтобы она была сведена цѣликомъ къ террористической борьбѣ. Сегодня они уже открыто говорятъ о необходимости террора, завтра они возьмутъ на себя издержки по его „производству“. Паденіе либеральныхъ надеждъ на „революцію сверху“, вѣроятно, вызоветъ къ жизни новую террористическую волну.

∞ Московскій комитетъ „Партіи соціалистовъ-революціонеровъ“ пишетъ въ прокламаціи, озаглавленной „Долой войну!“:

> „Крестьянина увѣряютъ, что онъ идетъ защищать вѣру, царя и отечество. Но гдѣ вѣра его? Присягнувъ земной власти, онъ отрекся отъ истиннаго Бога, Евангеліе промѣнялъ на воинскій уставъ и, вмѣсто заповѣди Христа — не только не убивать, но любить ближняго, онъ идетъ творить волю *антихристову* (курс. нашъ), волю начальства, посылающаго его на самый ужасный грѣхъ братоубійства“.

Подумаешь, къ чему только не обязываетъ союзъ съ „освобожденцами“, которые, какъ извѣстно, не чужды новѣйшаго „идеализма“! Но откуда у московскихъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ такія точныя свѣдѣнія о желаніяхъ „антихриста“?

Творя волю „истиннаго бога“ всѣхъ буржуазныхъ обманщиковъ, „соціалисты-революціонеры“ въ той же прокламаціи, только что пригласивъ „земцевъ и все русское общество“ присоединиться къ натиску на самодержавіе и добиваться созыва „Земскаго собора и учрежденія народнаго правленія“, вслѣдъ за тѣмъ, объявляютъ, что

> „великая народная революція разобьетъ оковы народныя и на развалинахъ царства произвола и насилія создастъ новое царство, царство правды, мира и труда, царство соціализма. Исчезнетъ война“ и т. д.

Все это при томъ „народномъ правленіи“, которое установитъ Земскій соборъ подъ предсѣдательствомъ князя Трубецкого. Чью волю творятъ московскіе „соціалисты-революціонеры“?

∞ Харьковскіе „соціалисты-революціонеры“ не удовлетворяются однимъ „народнымъ правленіемъ“ своихъ московскихъ товарищей. Они (въ прокламаціи „къ обществу) требуютъ демократической республики. По этому поводу они пишутъ:

> „Русскому обществу опять брошена приманка — конституція. Неужели же оно повторитъ свою старую ошибку? Нѣтъ, мы не хотимъ этому вѣрить! То, что общество сдѣлало четверть вѣка тому назадъ по отношенію къ партіи „Народной Воли“ по недомыслію, теперь будетъ носить характеръ сознательнаго предательства. Да, наконецъ, это не въ его выгодахъ. Только опираясь на партію „соціалистовъ-революціонеровъ“, русское общество можетъ достигнуть чего либо... Надо думать не о монархической конституціи, а о демократической республикѣ, ибо только при ней можетъ быть осуществлена свобода въ полной мѣрѣ. Безъ борьбы же этого достигнуть нельзя, а бороться пока можетъ только одна партія соціалистовъ-революціонеровъ, что она уже и доказала... Только подъ ея знаменемъ мы (?) покончимъ свои старые счеты съ самодержавіемъ и вступимъ въ царство свободы“.

Харьковскимъ послѣдователямъ г. Гарденина вся ихъ тирада кажется такой забавной, что они игриво заключаютъ въ кавычки самое названіе „соціалисты-революціонеры“. Надо же не пугать общество, чтобы оно рѣшилось „опереться“ на ту партію, московскій комитетъ которой собирается ввести „земцевъ“ въ царство соціализма черезъ „Земскій соборъ“!

∞ „Чего же мы добиваемся въ интересахъ всего трудового народа?“ — не безъ недоумѣнія спрашиваетъ, наконецъ, самъ себя Центральный Комитетъ все той же партіи, очевидно, смущенный политической разношерстностью харьковскихъ, московскихъ, симферопольскихъ, минскихъ и иныхъ подвѣдомственныхъ ему комитетовъ? И отвѣчаетъ, указавъ на прекращеніе войны и амнистію:

> „2) обезпечить продовольствіемъ всѣхъ голодныхъ и неимущихъ до установленія въ Россіи новыхъ порядковъ“ (чтобы, значитъ, помнили при „новыхъ порядкахъ“, какъ добры бываютъ буржуазные демократы... во время ихъ установленія!),
>
> „4) уничтожить частное владѣніе землей и отобрать землю въ собственность сельскихъ и городскихъ обществъ, гдѣ это окажется возможнымъ“ (для кого?),
>
> „5) необходимо силой добиться созыва Учредительнаго Собранія, которое было бы избрано всѣмъ взрослымъ населеніемъ, безъ различія національности, тайной подачей голосовъ“.

Значитъ, Центр. Ком. „П. С.-Р.“ *не требуетъ* ни прямого, ни равнаго избирательнаго права въ Учредительное Собраніе. Запомнимъ это!

Въ Учредительномъ Собраніи и парламентѣ „соціалисты революціонеры“ обѣщаютъ добиться равноправія національностей, отмѣны арміи, безплатнаго всеобщаго обученія, 8-мичасового рабочаго дня, „страхованія во всѣхъ его видахъ“, „доставленія работы безработнымъ“. А въ заключеніе:

> „Мы будемъ всѣми мѣрами содѣйствовать переходу отдѣльныхъ предпріятій отъ частныхъ лицъ и компаній къ общественнымъ учрежденіямъ и производительнымъ товариществамъ — чтобы пропадала (?) власть капитала надъ трудомъ и чтобы народъ учился и привыкалъ совмѣстно трудиться на общую пользу, безъ чего нельзя ожидать водворенія на землѣ соціалистическаго строя“.

„Опираясь на партію соціалистовъ-революціонеровъ“, „общество“, управляющее страной при помощи непрямого и неравнаго избирательнаго права, заставляетъ „народъ“ „учиться и привыкать совмѣстно трудиться на общую пользу“ помощью маленькихъ мѣръ крошечнаго „государственнаго“ и „муниципальнаго“, съ позволенія сказать, „соціализма“. Вполнѣ понятно, что для движенія въ сторону *такого* соціализма, „трудовой народъ“ нуждается въ „свободѣ слова, печати“ и пр., о чемъ упоминаетъ въ своемъ перечисленіи Ц. К. „Партіи С.-Р.“, и вовсе не нуждается въ *свободѣ стачекъ*, о чемъ Ц. К. „Партіи С.-Р.“ не упоминаетъ. Вполнѣ понятно также, что революція, которая осуществитъ всѣ сіи прелести, будетъ „не буржуазная, а демократическая“, а кто сему не повѣритъ, тотъ — злостный догматикъ марксизма!

∞ Г-нъ Струве когда-то далъ „аннибалову клятву“ не посвящать столбцовъ своей газеты полемикѣ съ иными освободительными „теченіями“. Г-нъ Струве строго выполняетъ свои обѣщанія. На *столбцахъ* его газеты вы не встрѣтите *прямой* полемики, скажемъ, съ соціальдемократіей. Но — какъ удержаться? — *на обложкѣ* газеты все чаще и чаще скромно выползаетъ на свѣтъ, въ видѣ библіографическихъ замѣтокъ, прямая полемика съ нашей партіей и, особенно, съ „Искрой“.

Полемизировать, хотя бы на заборахъ своего предпріятія, представляетъ, разумѣется, законное право „освобожденцевъ“. Жаль только, что, не удосуживаясь поспорить съ нами по поводу частыхъ, съ нашей стороны, нападеній на политическое направленіе почтеннаго органа, обитатель его обложки считаетъ своимъ долгомъ черезчуръ развязно толковать о соціальдемократической литературѣ, посвященной разногласіямъ между „меньшинствомъ“ и „большинствомъ“. Такъ, на обложкѣ послѣдняго (62) № „Освобожденія“ мы встрѣчаемъ рецензію на книжку „Совѣтъ противъ партіи“. Рецензентъ замѣчаетъ:

> „Г. Орловскій рѣзко, хотя и очень скучно, полемизируетъ противъ „меньшинства“, доказывая, часто довольно убѣдительно, что послѣднее не совсѣмъ лояльно въ выборѣ средствъ“ и т. д.

Зачѣмъ бы, казалось, такъ ужъ спѣшить довести до свѣдѣнія Орловскаго, что ему удалось „убѣдить“ одного „освобожденца“ (да еще съ обложки газеты)? Но г-нъ рецензентъ уже не въ первый разъ размахиваетъ своимъ картоннымъ мечемъ противъ „меньшинства“, бросая вскользь замѣчанія, вродѣ вышеприведеннаго. Это уже не случайность.

Только вотъ бѣда! Совершенно „никчемный“ характеръ замѣтокъ этого рода заставилъ нѣкоторыхъ ошибиться относительно направленія симпатій автора. Въ листкѣ, озаглавленномъ „Услужливый либералъ“ и вышедшемъ безъ подписи, „убѣдительно доказывалось“ на основаніи одной его рецензіи, что нашъ авторъ, въ качествѣ либерала, питаетъ особую нѣжность къ „оппортюнистическому меньшинству“. Рецензентъ, открывшій по сему случаю свое забрало и оказавшійся, по ближайшемъ разсмотрѣніи, нѣкіимъ Р. Донскимъ, прислалъ въ нашу редакцію письмо, съ просьбой помѣстить его въ „Искрѣ“. Въ этомъ письмѣ онъ, хотя и не рѣзко, но „очень скучно“, полемизируетъ противъ нелѣпой, само собой разумѣется, идеи объ его сочувствіи „Искрѣ“ и, въ доказательство противнаго, приводитъ тотъ фактъ, что онъ помѣстилъ въ „Книжкѣ Освобожденія“ (на журналѣ тоже имѣется своя обложка) рецензію на „Что дѣлать?“, судя по которой, его можно было бы съ такимъ же правомъ занести въ сторонники „большинства“.

Извиняемся передъ г. Донскимъ, что мы не могли привести его письма въ подлинникѣ, за отсутствіемъ въ нашей газетѣ особой обложки. Продолжаемъ, и послѣ письма, думать, что онъ совершенно напрасно себя безпокоитъ, пытаясь „со стороны“ сказать свое слово по поводу споровъ, ведущихся въ нашей партіи.

∞ Въ „Новомъ Времени“ г. Ст—нъ совѣтуетъ кн. Святополку-Мирскому „не покидать своего поста“. Онъ увѣряетъ, будто

> „существенный признакъ, на которомъ сходятся всѣ партіи, это — довѣріе къ личности кн. Святополка-Мирскаго“,

а, благодаря такой „вѣрѣ общества въ полную его искренность“, онъ можетъ „ошибаться“, „медлить“, „требовать отъ общества терпѣнія“;

> „у него развязаны руки для такихъ дѣйствій, которыя представлялись бы опасными для другого государственнаго человѣка“.

Мудрый совѣтчикъ напоминаетъ министру, что

> „если встрѣчаются затрудненія для проведенія намѣченной программы, то неужели только и свѣта, что въ одномъ окнѣ: политику можно разнообразить до безконечности“.

Г. Ст—нъ, иначе — Столыпинъ, какъ извѣстно, попалъ въ литературу „по назначенію“ Плеве, „пристроившаго“ его къ мѣстечку редактора „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Эта родословная, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему высоко держать знамя либерализма. Но природа всегда возьметъ свое, и обычаи родного вѣдомства, привыкшаго „пріобрѣтать довѣріе“ одною рукою, чтобы имѣть другую „развязанною для такихъ дѣйствій“, невольно сказываются въ провокаторскихъ политическихъ совѣтахъ „либеральнаго“ публициста.

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 27 декабря. Событія развиваются съ неумолимою послѣдовательностью. Политическое возбужденіе безостановочно растетъ и вширь и вглубь, и всѣ начинанія растеряннаго правительства только подливаютъ масла въ огонь общественнаго недовольства. Царскій выговоръ черниговскимъ земцамъ сразу повысилъ настроеніе умѣренныхъ элементовъ и вызвалъ броженіе въ дворянскихъ верхахъ. Грубый окрикъ Николая пробудилъ тѣ слои, съ которыми никогда бы ничего не подѣлалъ „третій элементъ“. При такихъ условіяхъ указъ 12 декабря никого не смутилъ, никого не удовлетворилъ и никого не утихомирилъ. Наоборотъ. Благодаря одновременному „правительственному сообщенію“ всѣ высочайшія разглагольствованія показались столь издерганными, шаблонными и безсодержательными, что ихъ безпочвенность была признана общимъ молчаливымъ соглашеніемъ. Только рептиліи пробормотали два-три невнятныхъ привѣтствія, но ихъ уже никто не читаетъ. Между тѣмъ, указъ 12 декабря — произведеніе самаго талантливаго представителя самодержавной бюрократіи — Витте, и въ этомъ, быть можетъ, лучше всего сказывается полное разложеніе россійскаго самодержавія. На его проклятой почвѣ невозможна никакая созидательная работа.

Витте, пока, по крайней мѣрѣ, не желаетъ признать гибели того строя, съ которымъ онъ связалъ свою судьбу. Онъ носится съ утопическимъ планомъ какого то подзаконнаго и просвѣщеннаго абсолютизма и энергично стремится захватить дѣло реформы въ свои руки. Но умный чиновникъ оказывается близорукимъ политиканомъ. Бюрократическій умъ не въ состояніи понять содержанія современнаго общественнаго движенія, направленнаго противъ всѣхъ основъ и послѣдствій полицейскаго государства, противъ всякой бюрократической опеки. Поэтому превращеніе комитета министровъ въ фабрику реформъ, представляя личную побѣду Витте, является въ то же время его политическимъ пораженіемъ. Никто не вѣритъ въ творческія способности Комитета, и намѣченныя преобразованія, высиженныя въ этомъ учрежденіи, заранѣе клеймятся презрительнымъ равнодушіемъ, какъ плоды канцелярскихъ измышленій. А Витте, повидимому, серьезно вѣритъ въ свой „планъ“ и думаетъ привлечь къ его осуществленію даже либераловъ. Однако, его первыя попытки окончились полной неудачей. Послѣ указа онъ пригласилъ къ себѣ извѣстнаго либеральнаго юриста Набокова и предложилъ послѣднему ближайшее сотрудничество въ дѣлѣ осуществленія „реформаторской“ программы царскаго указа. Набоковъ категорически отказался облагодѣтельствовать отечество и, когда разговоръ пошелъ на чистоту, откровенно высказалъ, что никто изъ оппозиціонныхъ слоевъ и группъ не будетъ спасать то, скорѣйшее крушеніе чего составляетъ ихъ завѣтное желаніе, и что, кромѣ того, оппозиція считаетъ всю затѣю Витте совершенно безнадежной. Витте, которому было очень важно сдѣлать своимъ сторонникомъ неглупаго, независимаго, родовитаго человѣка, пользующагося, въ качествѣ члена редакціи „Права“, опредѣленною либеральною репутаціею, всевозможными доводами долго убѣждалъ Набокова принять предложеніе, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ нѣсколько растерянно просилъ „указать кого нибудь“. Набоковъ иронически рекомендовалъ „доктора государственнаго права Грибовскаго“, извѣстнаго своею готовностью служить всѣмъ, кто ему хорошо заплатитъ, но также извѣстнаго полной бездарностью...

Отказъ Набокова хорошо характеризуетъ настроеніе оппозиціи. Если она мало заботится о правахъ народныхъ массъ, то свои права понимаетъ ясно и не желаетъ ими поступаться. Можно быть увѣреннымъ, что предпринимаемый Витте опытъ гальванизаціи смраднаго трупа россійскаго самодержавія только усилитъ его разложеніе; можно предполагать, что и самъ хитроумный предсѣдатель комитета министровъ, съ свойственной ему ловкостью, въ подходящій моментъ откажется отъ неблагодарной задачи и выступитъ въ роли конституціоналиста; одного нельзя предполагать и въ одно нельзя вѣрить, — что утопія подзаконнаго и просвѣщеннаго абсолютизма соберетъ сколько нибудь вліятельную и значительную партію. Современное либерально-демократическое движеніе питается всѣми соками буржуазнаго общества, и ничто не остановитъ его натиска на отжившій деспотизмъ.

Политическія комбинаціи растерявшагося правительства, естественно, сильно занимаютъ верхи петербургскаго населенія, но ничто не производило здѣсь такого громаднаго, прямо скажу, — грандіознаго впечатлѣнія, какъ капитуляція Портъ Артура. Заговорила широкая публика, толпа, — и ея языкъ былъ выразителенъ. И Стесселя и военную цензуру открыто обвиняютъ въ шарлатанствѣ, въ обманахъ. Говорятъ много, и голоса въ пользу мира количественно страшно возросли. Общее мнѣніе — противъ манчжурской политики, и паденіе Портъ Артура дало силу и значеніе противникамъ войны. Трудно было ожидать, чтобы эта миніатюрная географическая точка связывала втеченіе полугода уста желавшихъ мира. А это такъ. Теперь, когда оказалось, что не только вся страна, но даже сами страдальцы солдаты артурскаго гарнизона были гнусно обмануты, этотъ клочекъ земли потерялъ всякое обаяніе. Другихъ пунктовъ, приковывающихъ мысль и вниманіе, на Дальнемъ Востокѣ нѣтъ, а потому особенно ярко выступаетъ полная ненужность и преступность этой несчастливой войны.

А тутъ еще — по Волгѣ холера, въ Гурьевскомъ уѣздѣ — чума, вездѣ вздорожаніе жизни, масса безработныхъ, — вообще, обостреніе всѣхъ нуждъ, всѣхъ болѣзней страны. Неотвратимый моментъ приближается, и нужно зорко смотрѣть, чтобы онъ не былъ учтенъ исключительно въ пользу различныхъ пѣнкоснимателей. Въ чемъ сейчасъ страшная необходимость, — это въ свободномъ словѣ, въ открытомъ изложеніи всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Уже не группы, не кружки ставятъ вопросы и даютъ отвѣты, а толпа. Пресса начинаетъ служить массѣ. Тиражъ либеральныхъ газетъ, не смотря на запрещеніе розничной продажи, достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Нужно противопоставить этому огромному количеству бумаги, выбрасываемой либерально-демократическимъ блокомъ, качественно и количественно сильную революціонную литературу; нужно темнымъ и предательскимъ лозунгамъ освобожденцевъ противопоставить ясныя демократическія требованія въ защиту правъ и интересовъ народной массы.

Петербургъ. О банкетѣ 14 декабря очевидецъ пишетъ: Банкетъ устроенъ былъ какъ разъ въ день опубликованія правительственнаго сообщенія вслѣдствіе чего въ немъ, по крайней мѣрѣ въ правой половинѣ, сказывалось какое-то чувство придавленности. Публика, какъ будто хоронила драгоцѣнные останки блаженной памяти весны. Начался онъ необычайной эзоповской рѣчью Анненскаго, заявившаго, правда, весьма кудряво и столь же прикровенно, что ничего съ высочайшимъ указомъ не измѣнилось и что „мы будемъ дѣлать то же, что до сихъ поръ дѣлали“. Затѣмъ пошла слезная беллетристика на тему о страданіяхъ народа, вызванныхъ войною, въ общемъ очень благонамѣренная. Но тутъ слово попросилъ сотрудникъ „Руси“ и необычайно энергично бросивъ всему собранію упрекъ въ благонамѣренности, сказалъ, что полвечера прошло въ никому ненужной беллетристикѣ и т. д. Поднявшійся страшный шумъ одобренія и протестовъ не давалъ говорить. Анненскій вскочилъ закричалъ, что должно быть стыдно, когда сердце обливается кровью за народъ, говорить такія рѣчи, называть этотъ стонъ благонамѣреннымъ и т. д. Послышались еще болѣе громкіе аплодисменты...

Интересна была рѣчь одного инженера. Это былъ сплошной покаянный вопль за грѣхи общества, которое вначалѣ поддерживало самодержавіе, распластавшись передъ трономъ въ патріотическомъ восторгѣ. Онъ звалъ къ покаянію, онъ горячо и вдохновенно требовалъ, чтобы общество смыло съ себя позоръ и т. д. Рѣчь его дышала подкупающей искренностью, и видно было, что человѣкъ дѣйствительно ужаснулся и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, бичевалъ себя и другихъ, испытывая муки встревоженной совѣсти. Въ этомъ отношеніи характерны были еще другія рѣчи. Закончилъ онъ словами блаженнаго Августина „Если говорить правду, значитъ безчинствовать будемъ же безчинствовать“. Затѣмъ въ залѣ, дѣйствительно, поднялось невообразимое безчинство; какъ проявится „безчинство“ въ дальнѣйшемъ — посмотримъ.

Но вотъ на каѳедру взошелъ рабочій. Предсѣдатель гласный Кедринъ поднимается и говоритъ: Въ лицѣ этого оратора собраніе имѣетъ честь привѣтствовать рабочаго... Браво, браво... крики безъ конца, наставленные лорнеты, жадные взоры, звуки изумленія.

Ораторъ соц.-рев. Говоритъ онъ по внѣшности хорошо, но мысли мало. Какъ разъ наоборотъ обстоитъ дѣло съ рабочимъ соц.-дем. Онъ заявляетъ себя членомъ Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи и представителемъ явившейся сюда делегаціи рабочихъ. Говорилъ хорошо объ отношеніи соціальдемократовъ къ веснѣ вообще, о томъ, что раздѣляетъ пролетаріатъ и буржуазію, о международной солидарности рабочихъ, о роли международнаго жандарма—русскаго самодержавія, объ основныхъ требованіяхъ настоящаго момента: прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, къ признанію которыхъ и призываетъ собраніе.

Передъ началомъ его рѣчи Кедринъ и его удостоиваетъ хорошей рекомендаціи публикѣ. Самой выдающейся по содержанію и одной изъ лучшихъ по формѣ является рѣчь слѣдующаго соціальдемократа интеллигента. Рѣзкими и краткими штрихами, онъ рисуетъ отношеніе партіи къ „веснѣ“, выясняетъ, почему Россійская Соціальдемократія, признавая возможными соглашенія для достиженія ближайшихъ цѣлей, относится въ высшей степени осторожно ко всякаго рода союзамъ съ другими не пролетарскими партіями, иллюстрируя примѣромъ неудавшагося союза праваго и лѣваго крыла либераловъ, выясняетъ опасность такихъ союзовъ, ставитъ ярко дилемму для лѣваго крыла русскихъ демократовъ или потонуть въ либерализмѣ или утилизировать себя, какъ политическую силу, присоединившись къ требованіямъ и борьбѣ соціальдемократіи, говоритъ о томъ, что борьба эта можетъ быть только революціонной, народной, и отвергая рѣшительно всякіе компромиссы и половинчатыя мѣры, заканчиваетъ энергичнымъ призывомъ къ революціи. Рѣчь его принимается очень восторженно и по признанію даже самыхъ умѣренныхъ является самымъ содержательнымъ, что было сказано за этотъ вечеръ.

Въ залѣ присуствовало до 70 человѣкъ рабочихъ. Вначалѣ ихъ не пускали, какъ и другую безбилетную публику (входъ 5 рублей), но энергичныя требованія дѣлаютъ свое дѣло. Рабочихъ впускаютъ, при чемъ раздается мрачное, но настойчивое заявленіе: „Пролетаріатъ не долженъ стоять на лѣстницѣ“. По окончаніи банкета, рабочіе собираются вмѣстѣ, поютъ „Марсельезу“, „Варшавянку“ и другія пѣсни. Къ рабочимъ присоединилось много пролетарскихъ интеллигентовъ, создается хорошая революціонная атмосфера.

Радикальные врачи.. противъ свободы стачекъ. Тотъ же очевидецъ сообщаетъ по поводу банкета петербургскихъ врачей: Банкетъ носилъ болѣе радикальный характеръ. Рѣчи смѣлѣе, демократичнѣе, выражается полное недовѣріе царскому указу. И все таки... Организаціоное бюро выработало недурную резолюцію, заключавшую перечисленіе всѣхъ требуемыхъ конституціонныхъ гарантій. Большинствомъ голосовъ была включена и *свобода стачекъ*. Но, при чтеніи резолюціи на собраніи, всѣ „свободы“ остались, а свобода стачекъ куда то скрылась. Въ своей рѣчи одинъ молодой врачъ бросилъ коллегамъ рѣзкій упрекъ, что они игнорируютъ такія требованія, которыя важны для пролетаріата, и призывалъ ихъ исправить ошибку. Равнымъ образомъ, онъ укорялъ ихъ за то, что они не поддержали въ своей резолюціи требованія прекращенія войны, выставленнаго рабочей партіей. Предсѣдатель г. Елпатьевскій заявилъ, что незачѣмъ дополнять уже принятую резолюцію, что, конечно, онъ противъ свободы стачекъ ничего не имѣетъ, но думаетъ, что оно уже содержится въ принятыхъ требованіяхъ. Начался большой шумъ. Одинъ ораторъ говоритъ: незачѣмъ заниматься теоретическими разговорами! Ему отвѣчаетъ тотъ-же молодой врачъ: „по мнѣнію предыдущаго оратора свобода для интеллигенціи — это „практика“, а свобода для рабочихъ — „теорія“. Кончилось тѣмъ, что при голосованіи *провалили особую резолюцію о свободѣ стачекъ*, для чего внезапно рѣшили, что голосовать могутъ только врачи (между тѣмъ, врачей къ этому моменту уже было меньше, чѣмъ прочей публики, въ прежнихъ голосованіяхъ участвовавшей). Весь эпизодъ прошелъ очень шумно и бурно.

На собраніи говорилъ рабочій, членъ Р. С-Д. Р. П., говорившій о свободѣ стачекъ и тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится бороться за свободу рабочимъ и буржуазіи, о тѣхъ мукахъ и лишеніяхъ, съ какими для рабочихъ связана организація какой нибудь сходки, въ то время какъ представители имущихъ классовъ могутъ собиратся въ просторныхъ залахъ. Говорилъ также о томъ, почему рабочіе требуютъ прекращенія войны.

Присутствовало 50 рабочихъ, пробравшихся послѣ долгихъ усилій. Хотя въ началѣ ихъ просили, чтобы они „посидѣли пока вотъ здѣсь, а тамъ васъ пустятъ (!!) въ залу“, но въ концѣ собранія они стали хозяевами зала и подъ поднятымъ краснымъ знаменемъ началось пѣніе революціонныхъ пѣсенъ.

Выступленіе рабочихъ на обоихъ банкетахъ было организовано наскоро — удалось предупредить лишь немногихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ скромныхъ выступленіяхъ, далекихъ отъ манифестацій, о которыхъ мы мечтаемъ, можно отмѣтить одну или даже двѣ хорошихъ стороны. Во 1-хъ, 50-60 человѣкъ имѣли возможность совершенно свободно выслушать своего соціальдемократическаго оратора. Мы имѣемъ передъ собой тѣ „массовки“, которыя обычно такъ трудно здѣсь устраивать; во 2-ыхъ, они могли изучить на мѣстѣ либеральную буржуазію всѣхъ оттѣнковъ, получивъ неизгладимый урокъ отъ этого опыта „хожденія во всѣ классы“. Одна исторія съ „свободой стачекъ“ чего стоитъ!

Кіевъ. Въ прошломъ № „Искры“ уже сообщалось вкратцѣ о попыткѣ нашихъ товарищей устроить демонстрацію на засѣданіи общества грамотности. Вотъ что разсказываетъ объ этой попыткѣ Комитетъ Партіи въ своей прокламаціи:

„14 декабря въ стѣнахъ „народнаго“ дома кіевскаго общества грамотности разыгралась позорная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поучительная сцена трогательнаго единенія значительнаго количества „свободолюбивыхъ“ грамотниковъ... съ полиціей. У дверей *публичнаго* собранія товарищи нашли полицію, которая пропускала только „чистую“ благородную публику. А „народолюбивые“ члены общества не только не протестовали противъ такого нарушенія гласности, но устроили еще одну цѣпь и вторично сами уже процѣживали пропущенную *даже полиціей* публику. Совмѣстныя старанія полиціи и господъ либераловъ увѣнчались успѣхомъ: только нѣсколько рабочихъ проникло въ залъ, гдѣ собралось „общество“ заботиться о просвѣщеніи тѣхъ же рабочихъ. Негодованію нашихъ товарищей, оставшихся за дверьми „народнаго“ дома, не было границъ. Но самое позорное разыгралось внутри.

Пока читались доклады членовъ общества объ общихъ политическихъ причинахъ безплодности въ Россіи всякой общественной работы, направленной на просвѣщеніе народа — все шло тихо, чинно и весьма „либерально“. Но когда нашъ товарищъ, рабочій пожелалъ высказать на этотъ счетъ взглядъ части кіевскаго пролетаріата, организованной подъ знаменемъ соціальдемократіи, — то залъ огласился такимъ дикимъ протестомъ многихъ „народолюбивыхъ“ грамотниковъ, который по своему безстыдству можетъ сравниться развѣ лишь съ безобразіями бывшей въ Кіевѣ „патріотической демонстраціи“.

Нашъ товарищъ попросилъ слова. Послѣ долгихъ пререканій съ предсѣдателемъ онъ, хотя и не получилъ формально слова, все же началъ говорить. Смущенный враждебной ему обстановкой и взволнованный еще до того четырекратными попытками проникнуть въ залъ — товарищъ нашъ не могъ сказать свою рѣчь съ тѣмъ блескомъ, который такъ любятъ всѣ, кому нужна внѣшность, а не сущность дѣла. Онъ оборвалъ свою рѣчь. Но тутъ поднялся шумный протестъ разныхъ „либеральныхъ“ законниковъ, на всѣ лады выкрикивавшихъ: „какъ членъ общества, протестую противъ подобнаго акта“. „Требую закрытія собранія!“ — „Общество грамотности — для грамотности“. — „Только члены общества могутъ здѣсь говорить!“ и т. п. и т. п.

Нашъ товарищъ, возмущенный такимъ наглымъ отношеніемъ — какъ общественный дѣятель, и потрясенный этой травлей — какъ человѣкъ, долго не могъ выждать тишины, чтобы про себя Центральный Комитетъ все той же партіи, очевидно, смущенный политической разношерстностью харьковскихъ, московскихъ, симферопольскихъ, минскихъ и иныхъ подвѣдомственныхъ ему комитетовъ? И отвѣчаетъ, указавъ на прекращеніе войны и амнистію:

> „2) обезпечить продовольствіемъ всѣхъ голодныхъ и неимущихъ до установленія въ Россіи новыхъ порядковъ“ (чтобы, значитъ, помнили при „новыхъ порядкахъ“, какъ добры бываютъ буржуазные демократы... во время ихъ установленія!),
>
> „4) уничтожить частное владѣніе землей и отобрать землю въ собственность сельскихъ и городскихъ обществъ, гдѣ это окажется возможнымъ“ (для кого?),
>
> „5) необходимо силой добиться созыва Учредительнаго Собранія, которое было бы избрано всѣмъ взрослымъ населеніемъ, безъ различія національности, тайной подачей голосовъ“.

Значитъ, Центр. Ком. „П. С.-Р.“ *не требуетъ* ни прямого, ни равнаго избирательнаго права въ Учредительное Собраніе. Запомнимъ это!

Въ Учредительномъ Собраніи и парламентѣ „соціалисты-революціонеры“ обѣщаютъ добиться равноправія національностей, отмѣны арміи, безплатнаго всеобщаго обученія, 8-мичасового рабочаго дня, „страхованія во всѣхъ его видахъ“, „доставленія работы безработнымъ“. А въ заключеніе:

> „Мы будемъ всѣми мѣрами содѣйствовать переходу отдѣльныхъ предпріятій отъ частныхъ лицъ и компаній къ общественнымъ учрежденіямъ и производительнымъ товариществамъ — чтобы пропадала (?) власть капитала надъ трудомъ и чтобы народъ учился и привыкалъ совмѣстно трудиться на общую пользу, безъ чего нельзя ожидать водворенія на землѣ соціалистическаго строя“.

„Опираясь на партію соціалистовъ-революціонеровъ“, „общество“, управляющее страной при помощи непрямого и неравнаго избирательнаго права, заставляетъ „народъ“ „учиться и привыкать совмѣстно трудиться на общую пользу“ помощью маленькихъ мѣръ крошечнаго „государственнаго“ и „муниципальнаго“, съ позволенія сказать, „соціализма“. Вполнѣ понятно, что для движенія въ сторону *такою* соціализма, „трудовой народъ“ нуждается въ „свободѣ слова, печати“ и пр., о чемъ упоминаетъ въ своемъ перечисленіи Ц. К. „Партіи С.-Р.“, и вовсе не нуждается въ *свободѣ стачекъ*, о чемъ Ц. К. „Партіи С.-Р.“ не упоминаетъ. Вполнѣ понятно также, что революція, которая осуществитъ всѣ сіи прелести, будетъ „не буржуазная, а демократическая“ а кто сему не повѣритъ, тотъ — злостный догматикъ марксизма!

∞ Г-нъ Струве когда-то далъ „аннибалову клятву“ не посвящать столбцовъ своей газеты полемикѣ съ иными освободительными „теченіями“. Г-нъ Струве строго выполняетъ свои обѣщанія. На *столбцахъ* его газеты вы не встрѣтите *прямой* полемики, скажемъ, съ соціальдемократіей. Но — какъ удержаться? — *на обложкѣ* газеты все чаще и чаще скромно выползаетъ на свѣтъ, въ видѣ библіографическихъ замѣтокъ, прямая полемика съ нашей партіей и, особенно, съ „Искрой“.

Полемизировать, хотя бы на заборахъ своего предпріятія, представляетъ, разумѣется, законное право „освобожденцевъ“. Жаль только, что, не удосуживаясь поспорить съ нами по поводу частыхъ, съ нашей стороны, нападеній на политическое направленіе почтеннаго органа, обитатель его обложки считаетъ своимъ долгомъ чрезчуръ развязно толковать о соціальдемократической литературѣ, посвященной разногласіямъ между „меньшинствомъ“ и „большинствомъ“. Такъ, на обложкѣ послѣдняго (62) № „Освобожденія“ мы встрѣчаемъ рецензію на книжку „Совѣтъ противъ партіи“. Рецензентъ замѣчаетъ:

> „Г. Орловскій рѣзко, хотя и очень скучно, полемизируетъ противъ „меньшинства“, доказывая, часто довольно убѣдительно, что послѣднее не совсѣмъ лояльно въ выборѣ средствъ“ и т. д.

Зачѣмъ бы, казалось, такъ ужъ спѣшить довести до свѣдѣнія Орловскаго, что ему удалось „убѣдить“ одного „освобожденца“ (да еще съ обложки газеты)? Но г-нъ рецензентъ уже не въ первый разъ размахиваетъ своимъ картоннымъ мечемъ противъ „меньшинства“, бросая вскользь замѣчанія, вродѣ вышеприведеннаго. Это уже не случайность.

Только вотъ бѣда! Совершенно „никчемный“ характеръ замѣтокъ этого рода заставилъ нѣкоторыхъ ошибиться относительно направленія симпатій автора. Въ листкѣ, озаглавленномъ „Услужливый либералъ“ и вышедшемъ безъ подписи, „убѣдительно доказывалось“ на основаніи одной его рецензіи, что нашъ авторъ, въ качествѣ либерала, питаетъ особую нѣжность къ „оппортюнистическому меньшинству“. Рецензентъ, открывшій по сему случаю свое забрало и оказавшійся, по ближайшемъ разсмотрѣніи, нѣкіимъ Р. Донскимъ, прислалъ въ нашу редакцію письмо, съ просьбой помѣстить его въ „Искрѣ“. Въ этомъ письмѣ онъ, хотя и не рѣзко, но „очень скучно“, полемизируетъ противъ нелѣпой, само собой разумѣется, идеи объ его сочувствіи „Искрѣ“ и, въ доказательство противнаго, приводитъ тотъ фактъ, что онъ помѣстилъ въ „Книжкѣ Освобожденія“ (на журналѣ тоже имѣется своя обложка) рецензію на „Что дѣлать?“, судя по которой, его можно было бы съ такимъ же правомъ занести въ сторонники „большинства“.

Извиняемся передъ г. Донскимъ, что мы не могли привести его письма въ подлинникѣ, за отсутствіемъ въ нашей газетѣ особой обложки. Продолжаемъ, и послѣ письма, думать, что онъ совершенно напрасно себя безпокоитъ, пытаясь „со стороны“ сказать свое слово по поводу споровъ, ведущихся въ нашей партіи.

∞ Въ „Новомъ Времени“ г. Ст—нъ совѣтуетъ кн. Святополку-Мирскому „не покидать своего поста“. Онъ увѣряетъ, будто

> „существенный признакъ, на которомъ сходятся всѣ партіи, это — довѣріе къ личности кн. Святополка-Мирскаго“

а, благодаря такой „вѣрѣ общества въ полную его искренность“, онъ можетъ „ошибаться“, „медлить“, „требовать отъ общества терпѣнія“;

> „у него развязаны руки для такихъ дѣйствій, которыя представлялись бы опасными для другого государственнаго человѣка“.

Мудрый совѣтчикъ напоминаетъ министру, что

> „если встрѣчаются затрудненія для проведенія намѣченной программы, то неужели только и свѣта, что въ одномъ окнѣ: политику можно разнообразить до безконечности“.

Г. Ст—нъ, иначе — Столыпинъ, какъ извѣстно, попалъ въ литературу „по назначенію“ Плеве, „пристроившаго“ его къ мѣстечку редактора „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Эта родословная, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему высоко держать знамя либерализма. Но природа всегда возьметъ свое, и обычаи родного вѣдомства, привыкшаго „пріобрѣтать довѣріе“ одною рукою, чтобы имѣть другую „развязанною для такихъ дѣйствій“, невольно сказываются въ провокаторскихъ политическихъ совѣтахъ „либеральнаго“ публициста.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 27 декабря. Событія развиваются съ неумолимою послѣдовательностью. Политическое возбужденіе безостановочно растетъ и вширь и вглубь, и всѣ начинанія растеряннаго правительства только подливаютъ масла въ огонь общественнаго недовольства. Царскій выговоръ черниговскимъ земцамъ сразу повысилъ настроеніе умѣренныхъ элементовъ и вызвалъ броженіе въ дворянскихъ верхахъ. Грубый окрикъ Николая пробудилъ тѣ слои, съ которыми никогда бы ничего не подѣлалъ „третій элементъ“. При такихъ условіяхъ указъ 12 декабря никого не смутилъ, никого не удовлетворилъ и никого не утихомирилъ. Наоборотъ. Благодаря одновременному „правительственному сообщенію“ всѣ высочайшія разглагольствованія показались столь издерганными, шаблонными и безсодержательными, что ихъ безпочвенность была признана общимъ молчаливымъ соглашеніемъ. Только рептиліи пробормотали два-три невнятныхъ привѣтствія, но ихъ уже никто не читаетъ. Между тѣмъ, указъ 12 декабря — произведеніе самаго талантливаго представителя самодержавной бюрократіи — Витте, и въ этомъ, быть можетъ, лучше всего сказывается полное разложеніе россійскаго самодержавія. На его проклятой почвѣ невозможна никакая созидательная работа.

Витте, пока, по крайней мѣрѣ, не желаетъ признать гибели того строя, съ которымъ онъ связалъ свою судьбу. Онъ носится съ утопическимъ планомъ какого то подзаконнаго и просвѣщеннаго абсолютизма и энергично стремится захватить дѣло реформы въ свои руки. Но умный чиновникъ оказывается близорукимъ политиканомъ. Бюрократическій умъ не въ состояніи понять содержанія современнаго общественнаго движенія, направленнаго противъ всѣхъ основъ и послѣдствій полицейскаго государства противъ всякой бюрократической опеки. Поэтому превращеніе комитета министровъ въ фабрику реформъ, представляя личную побѣду Витте, является въ то же время его политическимъ пораженіемъ. Никто не вѣритъ въ творческія способности Комитета, и намѣченныя преобразованія, высиженныя въ этомъ учрежденіи, заранѣе клеймятся презрительнымъ равнодушіемъ, какъ плоды канцелярскихъ измышленій. А Витте, повидимому, серьезно вѣритъ въ свой „планъ“ и думаетъ привлечь къ его осуществленію даже либераловъ. Однако, его первыя попытки окончились полной неудачей. Послѣ указа онъ пригласилъ къ себѣ извѣстнаго либеральнаго юриста Набокова и предложилъ послѣднему ближайшее сотрудничество въ дѣлѣ осуществленія „реформаторской“ программы царскаго указа. Набоковъ категорически отказался облагодѣтельствовать отечество и, когда разговоръ пошелъ на чистоту, откровенно высказалъ, что никто изъ оппозиціонныхъ слоевъ и группъ не будетъ спасать то, скорѣйшее крушеніе чего составляетъ ихъ завѣтное желаніе, и что, кромѣ того, оппозиція считаетъ всю затѣю Витте совершенно безнадежной. Витте, которому было очень важно сдѣлать своимъ сторонникомъ неглупаго, независимаго родовитаго человѣка, пользующагося, въ качествѣ члена редакціи „Права“, опредѣленною либеральною репутаціею, всевозможными доводами долго убѣждалъ Набокова принять предложеніе, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ нѣсколько растерянно просилъ „указать кого нибудь“. Набоковъ иронически рекомендовалъ „доктора государственнаго права Грибовскаго“, извѣстнаго своею готовностью служить всѣмъ, кто ему хорошо заплатитъ, но также извѣстнаго полной бездарностью...

Отказъ Набокова хорошо характеризуетъ настроеніе оппозиціи. Если она мало заботится о правахъ народныхъ массъ, то свои права понимаетъ ясно и не желаетъ ими поступаться. Можно быть увѣреннымъ, что предпринимаемый Витте опытъ гальванизаціи смраднаго трупа россійскаго самодержавія только усилитъ его разложеніе; можно предполагать, что и самъ хитроумный предсѣдатель комитета министровъ, съ свойственной ему ловкостью, въ подходящій моментъ откажется отъ неблагодарной задачи и выступитъ въ роли конституціоналиста; одного нельзя предполагать и въ одно нельзя вѣрить, — что утопія подзаконнаго и просвѣщеннаго абсолютизма соберетъ сколько нибудь вліятельную и значительную партію. Современное либерально-демократическое движеніе питается всѣми соками буржуазнаго общества, и ничто не остановитъ его натиска на отживающій деспотизмъ.

Политическія комбинаціи растерявшагося правительства, естественно, сильно занимаютъ верхи петербургскаго населенія, но ничто не произвело здѣсь такого громаднаго, прямо сказку, — грандіознаго впечатлѣнія какъ капитуляція Портъ Артура. Заговорила широкая публика, толпа, — и ея языкъ былъ выразителенъ. И Стесселя и военную цензуру открыто обвиняютъ въ шарлатанствѣ, въ обманахъ. Говорятъ много, и голоса въ пользу мира количественно страшно возросли. Общее мнѣніе — противъ манчжурской политики, и паденіе Портъ Артура дало силу и значеніе противникамъ войны. Трудно было ожидать, чтобы эта миніатюрная географическая точка связывала втеченіе полугода уста желавшихъ мира. А это такъ. Теперь, когда оказалось, что не только вся страна, но даже сами страдальцы солдаты артурскаго гарнизона были гнусно обмануты, этотъ клочекъ земли потерялъ всякое обаяніе. Другихъ пунктовъ, приковывающихъ мысль и вниманіе, на Дальнемъ Востокѣ нѣтъ, а потому особенно ярко выступаетъ полная ненужность и преступность этой несчастливой войны.

А тутъ еще — по Волгѣ холера, въ Гурьевскомъ уѣздѣ — чума, вездѣ вздорожаніе жизни, масса безработныхъ, — вообще, обостреніе всѣхъ нуждъ, всѣхъ болѣзней страны. Неотвратимый моментъ приближается, и нужно зорко смотрѣть, чтобы онъ не былъ учтенъ исключительно въ пользу различныхъ пѣнкоснимателей. Въ чемъ сейчасъ страшная необходимость, — это въ свободномъ словѣ, въ открытомъ изложеніи всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Уже не группы, не кружки ставятъ вопросы и даютъ отвѣты, а толпа. Пресса начинаетъ служить массѣ. Тиражъ либеральныхъ газетъ, не смотря на запрещеніе розничной продажи, достигаетъ небывалыхъ размѣровъ. Нужно противопоставить этому огромному количеству бумаги, выбрасываемой либерально-демократическимъ блокомъ, качественно и количественно сильную революціонную литературу; нужно темнымъ и предательскимъ лозунгамъ освобожденцевъ противопоставить ясныя демократическія требованія въ защиту правъ и интересовъ народной массы.

Петербургъ. О банкетѣ 14 декабря очевидецъ пишетъ: Банкетъ устроенъ былъ какъ разъ въ день опубликованія правительственнаго сообщенія вслѣдствіе чего въ немъ, по крайней мѣрѣ въ правой половинѣ, сказывалось какое-то чувство придавленности. Публика, какъ будто хоронила драгоцѣнные останки блаженной памяти весны. Начался онъ необычайной зазцовской рѣчью Анненскаго, заявившаго, правда, весьма кудряво и столь же прикровенно, что ничего съ высочайшимъ указомъ не измѣнилось и что „мы будемъ дѣлать то же, что до сихъ поръ дѣлали“. Затѣмъ пошла слезная беллетристика на тему о страданіяхъ народа, вызванныхъ войною, въ общемъ очень благонамѣренная. Но тутъ слово попросилъ сотрудникъ „Руси“ и необычайно энергично бросивъ всему собранію упрекъ въ благонамѣренности, сказалъ, что полвечера прошло въ никому ненужной беллетристикѣ и т. д. Поднявшійся страшный шумъ одобренія и протестовъ не давалъ говорить. Анненскій вскочилъ закричалъ, что должно быть стыдно, когда сердце обливается кровью за народъ, говорить такія рѣчи, называть этотъ стонъ благонамѣреннымъ и т. д. Послышались еще болѣе громкіе аплодисменты...

Интересна была рѣчь одного инженера. Это былъ сплошной покаянный вопль за грѣхи общества, которое вначалѣ поддерживало самодержавіе, распластавшись передъ трономъ въ патріотическомъ восторгѣ. Онъ звалъ къ покаянію, онъ горячо и вдохновенно требовалъ, чтобы общество смыло съ себя позоръ и т. д. Рѣчь его дышала подкупающей искренностью и видно было, что человѣкъ дѣйствительно ужаснулся и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, бичевалъ себя и другихъ, испытывая муки встревоженной совѣсти. Въ этомъ отношеніи характерны были еще другія рѣчи. Закончилъ онъ словами блаженнаго Августина „Если говорить правду, значитъ безчинствовать, будемъ же безчинствовать“. Затѣмъ въ залѣ, дѣйствительно, поднялось невообразимое безчинство; какъ проявится „безчинство“ въ дальнѣйшемъ — посмотримъ.

Но вотъ на каѳедру взошелъ рабочій. Предсѣдатель гласный Кедринъ поднимается и говоритъ: Въ лицѣ этого оратора собраніе имѣетъ честь привѣтствовать рабочаго... Браво, браво... крики безъ конца, наставленные лорнеты, жадные взоры, звуки изумленія.

Ораторъ соц.-рев. Говоритъ онъ по внѣшности хорошо, но мысли мало. Какъ разъ наоборотъ обстоитъ дѣло съ рабочимъ соц.-дем. Онъ заявляетъ себя членомъ Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи и представителемъ явившейся сюда делегаціи рабочихъ. Говорилъ хорошо объ отношеніи соціальдемократовъ къ веснѣ вообще, о томъ, что раздѣляетъ пролетаріатъ и буржуазію, о международной солидарности рабочихъ, о роли международнаго жандарма — русскаго самодержавія, объ основныхъ требованіяхъ настоящаго момента: прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, къ признанію которыхъ и призываетъ собраніе.

Передъ началомъ его рѣчи Кедринъ и его удостоиваетъ хорошей рекомендаціи публикѣ. Самой выдающейся по содержанію и одной изъ лучшихъ по формѣ является рѣчь слѣдующаго соціальдемократа интеллигента. Рѣзкими и краткими штрихами, онъ рисуетъ отношеніе партіи къ „веснѣ“, выясняетъ, почему Россійская Соціальдемократія, признавая возможнымъ соглашенія для достиженія ближайшихъ цѣлей, относится въ высшей степени осторожно ко всякаго рода союзамъ съ другими не пролетарскими партіями, иллюстрируя примѣромъ неудавшагося союза праваго и лѣваго крыла либераловъ, выясняетъ опасность такихъ союзовъ, ставитъ ярко диллему для лѣваго крыла русскихъ демократовъ или потонуть въ либерализмѣ или утилизировать себя, какъ политическую силу, присоединившись къ требованіямъ и борьбѣ соціальдемократіи, говоритъ о томъ, что борьба эта можетъ быть только революціонной, народной, и отвергая рѣшительно всякіе компромиссы и половинчатыя мѣры, заканчиваетъ энергичнымъ призывомъ къ революціи. Рѣчь его принимается очень восторженно и по признанію даже самыхъ умѣренныхъ является самымъ содержательнымъ, что было сказано за этотъ вечеръ.

Въ залѣ присуствовало до 70 человѣкъ рабочихъ. Вначалѣ ихъ не пускали, какъ и другую безбилетную публику (входъ 5 рублей), но энергичныя требованія дѣлаютъ свое дѣло. Рабочихъ впускаютъ, при чемъ раздается мрачное, но настойчивое заявленіе: „Пролетаріатъ не долженъ стоять на лѣстницѣ“. По окончаніи банкета, рабочіе собираются вмѣстѣ, поютъ „Марсельезу“, „Варшавянку“ и другія пѣсни. Къ рабочимъ присоединилось много пролетарскихъ интеллигентовъ, создается хорошая революціонная атмосфера.

Радикальные врачи.. противъ свободы стачекъ. Тотъ же очевидецъ сообщаетъ по поводу банкета петербургскихъ врачей: Банкетъ носилъ болѣе радикальный характеръ. Рѣчи смѣлѣе, демократичнѣе, выражается полное недовѣріе царскому указу. И все таки... Организаціоное бюро выработало недурную резолюцію, заключавшую перечисленіе всѣхъ требуемыхъ конституціонныхъ гарантій. Большинствомъ голосовъ была включена и *свобода стачекъ*. Но, при чтеніи резолюціи на собраніи, всѣ „свободы“ остались, а свобода стачекъ куда то скрылась. Въ своей рѣчи одинъ молодой врачъ бросилъ коллегамъ рѣзкій упрекъ, что они игнорируютъ такія требованія, которыя важны для пролетаріата, и призывалъ ихъ исправить ошибку. Равнымъ образомъ, онъ укорилъ ихъ за то, что они не поддержали въ своей резолюціи требованія прекращенія войны, выставленнаго рабочей партіей. Предсѣдатель г. Елпатьевскій заявилъ, что незачѣмъ дополнять уже принятую резолюцію, что, конечно, онъ противъ свободы стачекъ ничего не имѣетъ, но думаетъ, что оно уже содержится въ принятыхъ требованіяхъ. Начался большой шумъ. Одинъ ораторъ говоритъ: незачѣмъ заниматься теоретическими разговорами! Ему отвѣчаетъ тотъ-же молодой врачъ: „по мнѣнію предыдущаго оратора свобода для интеллигенціи — это „практика“, а свобода для рабочихъ — „теорія“. Кончилось тѣмъ, что при голосованіи *провалили особую резолюцію о свободѣ стачекъ*, для чего внезапно рѣшили, что голосовать могутъ только врачи (между тѣмъ, врачей къ этому моменту уже было меньше, чѣмъ прочей публики, въ прежнихъ голосованіяхъ участвовавшей). Весь эпизодъ прошелъ очень шумно и бурно.

На собраніи говорилъ рабочій, членъ Р. С-Д. Р. П., говорившій о свободѣ стачекъ и тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходится бороться за свободу рабочимъ и буржуазіи, о тѣхъ мукахъ и лишеніяхъ, съ какими для рабочихъ связана организація какой нибудь сходки, въ то время какъ представители имущихъ классовъ могутъ собиратся въ просторныхъ залахъ. Говорилъ также о томъ, почему рабочіе требуютъ прекращенія войны.

Присутствовало 50 рабочихъ, пробравшихся послѣ долгихъ усилій. Хотя въ началѣ ихъ просили, чтобы они „посидѣли пока вотъ здѣсь, а тамъ васъ пустятъ (!!) въ залу“, но въ концѣ собранія они стали хозяевами зала и подъ поднятымъ краснымъ знаменемъ началось пѣніе революціонныхъ пѣсенъ.

Выступленіе рабочихъ на обоихъ банкетахъ было организовано наскоро — удалось предупредить лишь немногихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ скромныхъ выступленіяхъ, далекихъ отъ манифестацій, о которыхъ мы мечтаемъ, можно отмѣтить одну или даже двѣ хорошихъ стороны. Во 1-хъ, 50-60 человѣкъ имѣли возможность совершенно свободно выслушать своего соціальдемократическаго оратора. Мы имѣемъ передъ собой тѣ „массовки“, которыя обычно такъ трудно здѣсь устраивать; во 2-ыхъ, они могли изучить на мѣстѣ либеральную буржуазію всѣхъ оттѣнковъ, получивъ неизгладимый урокъ отъ этого опыта „хожденія во всѣ классы“. Одна исторія съ „свободой стачекъ“ чего стоитъ!

Кіевъ. Въ прошломъ № „Искры“ уже сообщалось вкратцѣ о попыткѣ нашихъ товарищей устроить демонстрацію на засѣданіи общества грамотности. Вотъ что разсказываетъ объ этой попыткѣ Комитетъ Партіи въ своей прокламаціи:

„14 декабря въ стѣнахъ „народнаго“ дома кіевскаго общества грамотности разыгралась позорная, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поучительная сцена трогательнаго единенія значительнаго количества „свободолюбивыхъ“ грамотниковъ... съ полиціей. У дверей *публичнаю* собранія товарищи нашли полицію, которая пропускала только „чистую“ благородную публику. А „народолюбивые“ члены общества не только не протестовали противъ такого нарушенія гласности, но устроили еще одну цѣпь и вторично сами уже процѣживали пропущенную *даже полиціей* публику. Совмѣстныя старанія полиціи и господъ либераловъ увѣнчались успѣхомъ: только нѣсколько рабочихъ проникло въ залъ, гдѣ собралось „общество“ заботиться о просвѣщеніи тѣхъ же рабочихъ. Негодованію нашихъ товарищей, оставшихся за дверьми „народнаго“ дома, не было границъ. Но самое позорное разыгралось внутри.

Пока читались доклады членовъ общества объ общихъ политическихъ причинахъ безплодности въ Россіи всякой общественной работы, направленной на просвѣщеніе народа — все шло тихо, чинно и весьма „либерально“. Но когда нашъ товарищъ, рабочій пожелалъ высказать на этотъ счетъ взглядъ части кіевскаго пролетаріата, организованной подъ знаменемъ соціальдемократіи, — то залъ огласился такимъ дикимъ протестомъ многихъ „народолюбивыхъ“ грамотниковъ, который по своему безстыдству можетъ сравниться развѣ лишь съ безобразіями бывшей въ Кіевѣ „патріотической демонстраціи“.

Нашъ товарищъ попросилъ слова. Послѣ долгихъ пререканій съ предсѣдателемъ онъ, хотя и не получилъ формально слова, все же началъ говорить. Смущенный враждебной ему обстановкой и взволнованный еще до того четырекратными попытками проникнуть въ залъ — товарищъ нашъ не могъ сказать свою рѣчь съ тѣмъ блескомъ, который такъ любятъ всѣ, кому нужна внѣшность, а не сущность дѣла. Онъ оборвалъ свою рѣчь. Но тутъ поднялся шумный протестъ разныхъ „либеральныхъ“ законниковъ, на всѣ лады выкрикивавшихъ: „какъ членъ общества, протестую противъ подобнаго акта“. „Требую закрытія собранія!“ — „Общество грамотности — для грамотности“. — „Только члены общества могутъ здѣсь говорить!“ и т. п. и т. п.

Нашъ товарищъ, возмущенный такимъ наглымъ отношеніемъ — какъ общественный дѣятель, и потрясенный этой травлей — какъ человѣкъ, долго не могъ выждать тишины, чтобы продолжать свою рѣчь. Отчаявшись въ этомъ, онъ при шумномъ протестѣ господъ грамотниковъ, твердившихъ со своимъ предсѣдателемъ во главѣ, что собраніе закрыто, и они не отвѣтственны за совершающееся, началъ читать резолюцію организованной части кіевскаго пролетаріата, принятую передъ этимъ на всѣхъ собраніяхъ.

Въ этой позорной для „либеральныхъ“ грамотниковъ словесной свалкѣ — чувство глубокаго негодованія охватывало всѣхъ искреннихъ друзей политическаго освобожденія русскаго народа. Оно вылилось въ возмущенномъ возгласѣ одного изъ присутствующихъ: „въ этомъ „народномъ“ домѣ не даютъ говорить представителю народа!“ — Да, 14 декабря кіевскіе „свободолюбивые“ культурники дали яркое доказательство своего отношенія къ голосу народа и его требованіямъ“.

Вотъ та резолюція, которую не хотѣли выслушать члены „общества грамотности:“

Резолюція, принятая всѣми организованными рабочими соціальдемократами г. Кіева.

Принимая во вниманіе, 1) что пролетаріату необходима политическая свобода для борьбы съ современнымъ строемъ за торжество своихъ соціальныхъ идеаловъ; 2) что требованіе политической свободы демократической интеллигенціей совпадаетъ такимъ образомъ съ ближайшими задачами пролетаріата; 3) что сломить самодержавіе и воплотить въ русской жизни принципы *демократической* конституціи возможно только при дѣятельномъ участіи сознательной части пролетаріата, мы кіевскіе организованные рабочіе соціальдемократы, пользуясь настоящимъ собраніемъ, какъ однимъ изъ удобныхъ случаевъ публичнаго обсужденія важнѣйшаго вопроса нашей современности, вопроса о народномъ образованіи и исходя изъ того, что дѣло народнаго образованія не можетъ быть правильно поставлено въ капиталистическомъ обществѣ вообще, а особенно въ самодержавномъ государствѣ, заявляемъ, что кіевская демократическая интеллигенція можетъ бороться рядомъ съ сознательными кіевскими рабочими лишь при томъ условіи, если она лозунгомъ своей борьбы выставитъ слѣдующія требованія:

I. Созывъ учредительнаго собранія, на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ.

II. Прекращеніе войны.

Кіевъ. О томъ же инцидентѣ пишетъ очевидецъ-рабочій: изъ среды публики выступилъ рабочій и попросилъ слова. Предсѣдатель спрашиваетъ, членъ ли онъ общества грамотности, ибо только члены пользуются правомъ голоса. Рабочій съ гордостью отвѣтилъ: „Я не членъ этого общества, но я членъ человѣческаго міра и представитель того народа, о которомъ вы такъ печетесь. Я требую слова“! Вся толпа загудѣла, заволновалась... „Мы требуемъ дать ему слово“, закричали всѣ... Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ и рабочій началъ говорить. Говорилъ онъ, волнуясь, все же высказалъ, что требуется для того, чтобы народное образованіе можно было поставить поистинѣ на должную высоту; заявилъ, при какихъ условіяхъ рабочіе соціальдемократы могутъ идти рядомъ съ либералами и демократами, потребовалъ прекращенія войны... Вся публика была обсыпана прокламаціями. Полиція заволновалась; бѣгала изъ стороны въ сторону, высматривала. Предсѣдатель кричитъ, что засѣданіе закрыто, а публика кричитъ „продолжайте!“ Торжественность момента не поддается описанію: это былъ поистинѣ голосъ народа.

Все прошло благополучно, оратору удалось скрыться.

Вчера было собраніе редакторовъ и журналистовъ, но зданіе ревностно охранялось полиціей, и публикѣ не удалось попасть на собраніе.

Въ университетѣ прекращены занятія, и самъ университетъ превращенъ въ казарму для запасныхъ.

Черниговъ. Съ самаго назначенія Мирскаго, когда въ обществѣ начали циркулировать слухи о предстоящихъ крупныхъ измѣненіяхъ въ политической жизни страны, среди рабочихъ города Чернигова сталъ проявляться особый интересъ къ текущимъ событіямъ. Этимъ повышеннымъ вниманіемъ къ политическимъ событіямъ и рѣшила воспользоваться мѣстная организація съ цѣлью развитія классового самосознанія мѣстныхъ рабочихъ и пріученія ихъ къ активному проявленію накопившейся революціонной энергіи. Въ пропагандистскихъ кружкахъ, кромѣ обычныхъ теоретическихъ занятій, руководители стали выяснять отношеніе соціальдемократіи къ современнымъ событіямъ, разбирались и освѣщались программныя газетныя статьи различныхъ буржуазныхъ партій. Въ скоромъ времени организаціей получено было обращеніе ред. „Искры“. Рѣшено было воспользоваться предстоящимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ для активнаго выступленія мѣстной организаціи. Организація не обманывала себя насчетъ трудности этого дѣла. Принято было во вниманіе, что мѣстные рабочіе до сихъ поръ не участвовали ни въ какихъ демонстраціяхъ и что первый опытъ легко можетъ окончиться неудачей. Но организація рѣшила, что когда нибудь надо же организовать первую демонстрацію, хотя-бы съ рискомъ неудачи. Отсутствіе активной борьбы мѣстнаго пролетаріата ведетъ къ ослабленію революціонной энергіи, не даетъ работѣ выйти изъ сравнительно узкихъ предѣловъ кружковщины. Публичное выступленіе рабочихъ несомнѣнно благотворно отзовется на массовой агитаціи среди рабочихъ и привлечетъ вниманіе общества къ соціальдемократическому движенію. — Проведеніе плана поручено было комиссіи изъ восьми рабочихъ и двухъ интеллигентовъ. Работа ей предстояла двоякаго рода: во-первыхъ ознакомить рабочую массу съ текущимъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и съ отношеніемъ къ нему соціальдемократической партіи, во-вторыхъ организовать самое выступленіе рабочихъ передъ земскимъ собраніемъ. Первая часть была проведена вполнѣ. Состоялась одна массовая сходка, въ которой участвовало 80 человѣкъ. Ораторы (одинъ интеллигентъ и одинъ рабочій) выяснили, какое огромное значеніе для соціальдемократіи, какъ политической партіи, имѣетъ сознательное и активное участіе рабочихъ въ настоящій моментъ въ общественной жизни. Выяснено было значеніе земской оппозиціи, причины ея возникновенія и роль, которую ей суждено сыграть въ данный моментъ. Указывались условія, при которыхъ революціонный пролетаріатъ можетъ идти рядомъ съ либералами для общей борьбы съ самодержавіемъ. Подробно выяснено, что лишь тогда, когда пролетаріатъ въ этой борьбѣ выступитъ, какъ самостоятельная, сознающая свои классовые интересы, партія, этотъ союзъ съ либералами будетъ полезенъ для рабочихъ что лишь считаясь съ организованной силой рабочаго класса, либералы станутъ демократичнѣе и не обратятъ всѣ выгоды отъ сверженія самодержавія въ свою пользу для вящаго угнетенія и эксплуатація пролетаріата. Въ заключеніе была принята резолюція, отмѣчающая характерное значеніе даннаго момента для объединенной борьбы съ самодержавіемъ и условія союза съ либералами (всенародное учредительное собраніе). Эта же резолюція была затѣмъ проведена на нѣсколькихъ небольшихъ сходкахъ и летучкахъ. Въ общей сложности она была принята 150 рабоч. — Самое же выступленіе рабочихъ рѣшено было пріурочить ко дню, когда въ собраніи будетъ дебатироваться вопросъ о пересмотрѣ земскаго положенія. Судя по настроенію либераловъ, едва можно было ожидать, что въ собраніи будетъ обсуждаться резолюція петербургскаго съѣзда, и что постановленіе собранія будетъ ей болѣе или менѣе соотвѣтствовать. Пролетаріату, слѣдовательно, оставалось лишь оттѣнить свои требованія и публично объ этомъ заявить. Это поручено было делегаціи рабочихъ, которая должна была обратиться къ собранію съ рѣчью. Другіе же рабочіе должны были въ это время разбрасывать прокламаціи. Провести этотъ планъ въ полной мѣрѣ не удалось.

Благодаря вызванному среди рабочихъ интересу къ земскимъ собраніямъ, многіе изъ нихъ стали посѣщать его засѣданія, обращая вниманіе предсѣдателя. Въ то же время по городу стали циркулировать слухи объ ожидающейся демонстраціи. Поводъ къ этому подали, вѣроятно, газетныя извѣстія объ екатеринодарской демонстраціи, а также оживившаяся революціонная работа. Услужливые люди изъ либераловъ довели объ этомъ до свѣдѣнія предсѣдателя, который распорядился закрыть хоры подъ предлогомъ, что они не выдержатъ многочисленной публики. Въ то же время мѣстные либералы стали обращаться ко всѣмъ, подозрѣваемымъ въ какихъ либо отношеніяхъ къ „крайнимъ“ элементамъ съ просьбами отговорить рабочихъ отъ подобныхъ неумѣстныхъ „затѣй“ и не портить впечатлѣнія отъ предстоящаго выступленія земцевъ. Рабочіе, конечно, съ этимъ не посчитались. Въ собраніе, по выбору организаціи, явилось человѣкъ 50 (евреевъ и христіанъ). Были и другіе рабочіе. Постояннымъ посѣтителямъ собраній изъ мѣстной аристократіи и интеллигенціи сразу бросилось въ глаза присутствіе необычнаго элемента, который спокойно и съ большимъ вниманіемъ относился къ происходящему. Ожидавшійся докладъ не былъ разсмотрѣнъ. Вскорѣ послѣ открытія засѣданія предсѣдатель объявилъ перерывъ, и гласные удалились въ особую комнату, гдѣ выработанъ былъ текстъ всеподданнѣйшаго адреса. Часа два публика провела въ томительномъ ожиданіи. Полиція не дремала. Еще наканунѣ ночью были произведены обыски у четырехъ случайно заподозрѣнныхъ рабочихъ, у которыхъ, разумѣется, ничего не нашли. Въ залу собранія явилось много переодѣтыхъ стражниковъ и нѣсколько приставовъ. На площади передъ собраніемъ появился полиціймейстеръ, жандармскій полковникъ, а въ сосѣднемъ помѣщеніи губернской типографіи спрятанъ былъ отрядъ полиціи. Всѣ эти причины, а особенно внезапное закрытіе хоровъ, съ которыхъ предполагалась рѣчь делегаціи, заставили воздержаться отъ непосредственнаго обращенія къ собранію съ рѣчью. Пришлось ограничиться лишь частью выработаннаго плана. Когда былъ прочтенъ и принятъ адресъ, раздались, среди аплодисментовъ публики, крики: „долой самодержавіе, да здравствуетъ всенародное учредительное собраніе, да здравствуетъ всеобщее избирательное право, да здравствуетъ демократическая республика“ и проч.. Публика устремилась къ выходу изъ залы въ переднюю. Тутъ посыпались прокламаціи. Онѣ были двоякаго рода. Въ одной была отпечатана упомянутая выше резолюція массовой сходки (эта прокламація утромъ была разослана гласнымъ и получена ими во время засѣданія), а другая, краткая, содержала предполагавшееся обращеніе делегаціи. Публика жадно хватала ихъ и тутъ же прочитывала. Не дремавшая полиція бросилась арестовывать. Ей въ этомъ помогали добровольцы, изъ которыхъ особенно отличился блестящій чиновникъ особыхъ порученій Парадѣловъ. Было арестовано нѣсколько рабочихъ и мелкихъ чиновниковъ. Всѣхъ выпустили. О демонстраціи заговорили по городу. Многіе интеллигенты говорили, что они впервые въ Черниговѣ увидѣли сознательныхъ рабочихъ соціальдемократовъ и удивляются ихъ выдержкѣ и серьезному отношенію къ происходившему въ собраніи. Ремесленники-хозяева были тоже довольны, что демократы потребовали правъ для всѣхъ. Среди рабочихъ, несмотря на невыполненіе первоначальнаго плана большой подъемъ духа. Надо думать, что теперь работа пойдетъ оживленнѣе. Масса, немного потерявшаяся въ нарядной залѣ дворянскаго собранія, теперь станетъ смѣлѣе, и будущія выступленія, можно надѣяться, будутъ болѣе внушительны. Интересъ къ дальнѣйшимъ событіямъ въ жизни Чернигова (царскій окрикъ и его результаты) и общероссійской не ослабѣлъ. На дняхъ организація выпустила прокламацію, въ которой подводится итогъ либеральной веснѣ, роли либераловъ, и коментируется царскій указъ. Прокламація заканчивается призывомъ товарищей къ активной политической борьбѣ.

Вотъ текстъ обращенія рабочихъ къ гласнымъ:

„Гг. гласные! Вамъ предстоитъ высказаться по поводу будущаго политическаго строя Россіи. Вы отъ имени народа будете требовать участія въ законодательствѣ, свободы слова, печати, собраній и пр.. Но, чтобы говорить именемъ народа, Вы должны выразить нужды народа; Вы должны потребовать того, чего уже давно требуетъ революціонный пролетаріатъ. Вы должны принять освященный кровью рабочихъ боевой лозунгъ: созывъ учредительнаго собранія для выработки основныхъ законовъ страны, избраннаго всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ. Если же Вы, прикрываясь именемъ народа, будете требовать политическихъ правъ только для себя, если Вы захотите основать свою свободу на безправіи народа, то Вы не только не умиротворите страны, но революціонный пролетаріатъ долженъ будетъ бороться противъ Васъ, какъ людей, добивающихся лишь новыхъ узко-классовыхъ привиллегій и неспособныхъ даже въ критическій моментъ борьбы съ общимъ врагомъ — самодержавіемъ стать на общенаціональную точку зрѣнія.“

Черниговскіе земцы отвѣтили на это заявленіе рабочихъ — принятіемъ петиціи о созывѣ представителей *земли*. Завтра они опять будутъ плакаться, что народъ имъ не довѣряетъ...

Самара. Изъ легальныхъ газетъ извѣстно о состоявшемся, по распоряженію губернатора, закрытіи „семейно-педагогическаго“ кружка. Причиной закрытія явилась соціальдемократическая демонстрація, произведенная 19 ноября. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ № 1 „Хроники“, изданной восточными комитетами нашей партіи:

„Читались доклады и говорились рѣчи о „стѣнѣ“ и „средостѣніи“, о необходимости разныхъ свободъ, о самодѣятельности общества и проч.

Воспользовавшись одной изъ паузъ, пролетарій началъ рѣчь. „Господа, довольно намъ говорить туманными экивоками... Публика встрепенулась: предсѣдатель бросился къ звонку... совѣтъ задвигалъ стульями. Ораторъ остановился.

Послѣ этого опять говорили, опять кивали въ сторону правительства... Наконецъ, раздалось настойчивое требованіе выслушать прерваннаго оратора, началось движеніе въ публикѣ, послышались крики: „долой самодержавіе“! „долой либераловъ!“ сверху полетѣли листки мѣстнаго комитета. Въ суматохѣ никто не слыхалъ, какъ собраніе было объявлено закрытымъ.

Съ хоръ раздалась марсельеза, публика расхватывала листки.

Демонстранты вышли изъ собранія на улицу и съ пѣніемъ и съ криками прошли двѣ улицы, прежде чѣмъ полиція стала арестовывать. Арестованно 11 чел. уже послѣ того, какъ демонстранты разошлись“.

На другой день общество было закрыто“.

Характерно, что, по сообщенію корреспондента, послѣ этого эпизода либералы „повидимому, дѣлаютъ попытки войти въ сношенія съ соціальдемократами по поводу будущихъ дѣйствій“. О томъ же самомъ сообщаютъ въ „Хроникѣ“ и относительно либераловъ саратовскихъ.

Уфа. Въ концѣ ноября въ рядѣ собраній, обсуждавшихъ современное политическое положеніе, обсуждено и принято организованными рабочими заявленіе, обращенное „ко всѣмъ гражданамъ“. Заимствуемъ изъ него слѣдующія строки:

„Мы привѣтствуемъ выступленіе либеральной буржуазіи съ открытыми заявленіями о необходимости для Россіи политической свободы. Но, къ сожалѣнію, это выступленіе недостаточно рѣшительно по формѣ и недостаточно демократично въ своихъ требованіяхъ“. Отмѣчая „частное совѣщаніе“ земцевъ 6—9 ноября, заявленіе продолжаетъ: „въ 11 выработанныхъ ими пунктахъ не указано ясно и опредѣленно, какъ они представляютъ себѣ будущую конституцію страны и какую роль отводятъ въ ней монарху. При перечнѣ политическихъ правъ, не указано на необходимость всеобщаго избирательнаго права. Есть только слабые намеки на него, которые можно истолковать, какъ угодно. А между тѣмъ, уже политическій тактъ долженъ подсказать имъ необходимость этого требованія, ибо лишь при этомъ условія ихъ выступленіе могло бы быть подхвачено народными массами“.

Изложивъ затѣмъ требованія организованныхъ рабочихъ г. Уфы — всенародное учредительное собраніе и прекращеніе войны — заявленіе говоритъ:

„Вотъ условія, на которыхъ, по постановленію организованныхъ рабочихъ г. Уфы и въ согласіи съ рѣшеніемъ Рабочей Партіи, часть которой мы составляемъ, — рабочіе смогутъ поддержать и поддержатъ выступленіе либераловъ на путь открытой политической борьбы съ самодержавнымъ порядкомъ“.

Заявленіе издано уфимской группой Уральскаго Комитета Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Симферополь. Въ концѣ октября на собраніи 50 организованныхъ рабочихъ обсуждался вопросъ объ отношеніи соціальдемократіи къ войнѣ. Единогласно была принята резолюція противъ войны и выражено горячее сочувствіе японскимъ товарищамъ. Въ началѣ ноября на собраніи 80-ти рабочихъ, съ участіемъ неорганизованныхъ, обсуждался вопросъ о либеральномъ движеніи. Говорили два оратора мѣстной организаціи партіи. Принята резолюція о немедленномъ прекращеніи войны и созывѣ всенароднаго учредительнаго собранія. Настроеніе сходки было сильно приподнятымъ. Съ конспиративной стороны собраніе было отлично организовано центральной рабочей группой.

Постановленіе собранія рѣшено огласить передъ земскимъ собраніемъ.

Смоленскъ. На собраніяхъ, организованныхъ мѣстнымъ комитетомъ, принята мѣстными рабочими подробная резолюція, формулирующая политическія требованія рабочихъ: созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, немедленное введеніе свободы совѣсти, союзовъ, собраній, слова, печатнаго и устнаго, неприкосновенности личности и т. д.; амнистія пострадавшимъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ.

Резолюція приглашаетъ „партіи, общественныя группы и учрежденія“ поддержать эти требованія рабочихъ, обѣщая въ свою очередь поддержку рабочихъ тѣмъ, кто послѣдуетъ приглашенію.

Резолюція издана Комитетомъ Партіи, который объявляетъ: „Кто противъ нашихъ требованій, тотъ противъ народа“.

Либералы въ Харьковѣ. Проф. Овсянико-Куликовскій имѣлъ мужество предсѣдательствовать на банкетѣ, запрещенномъ губернаторомъ и принявшемъ резолюціи объ Учредительномъ Собраніи и прекращеніи войны. Но... либеральное „но“ открылось въ поведеніи профессора сейчасъ же послѣ банкета. О послѣднемъ производится „дознаніе“. Какъ намъ сообщаютъ изъ достовѣрнаго источника, профессоръ, „будучи приглашенъ на собесѣдованія съ губернаторомъ, не только не уклонился отъ бесѣды съ нимъ по поводу банкета, но характеризовалъ одну изъ рѣчей, какъ „некорректную“.

Екатеринодаръ. Подъ вліяніемъ думскаго инцидента и банкета въ центральной гостинницѣ, среди рабочихъ замѣтно усилилось желаніе примкнуть къ мѣстной организаціи. Рабочіе предлагали устроить рабочій митингъ подъ открытымъ небомъ, но въ виду усиленія дѣятельности жандарміи и полиціи, „Комитетъ“ не нашелъ возможнымъ организовать второй банкетъ. За декабрь Куб. Комитетомъ выпущена прокламація по поводу указа Николая II въ 3000 экземпляровъ, распространили прокламацію Ц. К. „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ въ 3000 экз. Послѣ банкета были обыски у Н. С. Клестова и Лаврусевича и др.

Смотритель тюрьмы Скачко продолжаетъ издѣваться надъ политическими заключенными. Такъ рабочаго Пѣшкова онъ продержалъ въ карцерѣ около мѣсяца и довелъ его до того, что тотъ покушался на самоубійство.

Мобилизація въ Самгородецкой, Чернятинской и др. волостяхъ Бердичевскаго уѣзда Кіевской губерніи. Не миновала эти захолустья „чаша сія“. Мобилизацію тутъ ждали еще 25 ноября, но она по какимъ то соображеніямъ „прошла“ на дняхъ — 9 декабря. Описывать картины людского горя, отчаянія, наступленія — значитъ повторяться: тѣ же стоны, тѣ же рыданія, тѣ же вопли обезумѣвшихъ женщинъ, рвущихъ на себѣ волосы и хватающихся за колеса телѣгъ, на которыхъ увозятъ ихъ близкихъ, ихъ кормильцевъ, плачъ мужчинъ и тѣ же порой пѣсни для бодрости. Эти пѣсни, насильно выдавленныя изъ больной, разбитой, изможденной груди, такія же больныя и надорванныя, едва вырвавшись на воздухъ, скоро замираютъ, а грудь, которая ихъ издавала, уже вздрагиваетъ отъ конвульсій рыданія... Ужасныя картины народнаго горя!

Они дѣятельно готовились къ мобилизаціи. Мѣстный приставъ проявилъ особенную энергію. Еще въ началѣ ноября онъ, вдохновленный губернаторомъ, обратился къ священникамъ, мировымъ посредникамъ, помѣщикамъ съ секретной бумагой[1] о томъ, какъ вліять на запасныхъ, и съ просьбой о поддержкѣ совѣтомъ. Ему не было отказано. „Паны“ совѣтовали и давали деньги, но сами въ глубинѣ сердца ждали „бунта“, а нѣкоторые изъ нихъ (помѣщикъ Ребиндеръ, ксендзъ и пр.) поспѣшили скрыться съ горизонта.

Къ мобилизаціямъ уже приспособились и, пользуясь предыдущимъ опытомъ, ввели нѣкоторыя „улучшенія и усовершенствованія“ въ административно-полицейской техникѣ. Опытъ показалъ: закрыта казенная лавка — разнесутъ, открыта — напьются и поэтому „склонны ко всякаго рода безпорядку“. Поступили такъ: двери лавокъ были настежь открыты, но... всю водку вывезли, и сидѣлецъ любезно говорилъ: „что-жъ, — вышла!“ Далѣе: 9 декабря въ Самгородкѣ должна была быть ярмарка. Чтобы избѣжать скопленія большихъ массъ народа, раннимъ утромъ на всѣхъ въѣздахъ въ мѣстечко стояла полиція и „заворачивала“ во-свояси ѣдущихъ на ярмарку. На желѣзную дорогу транспортивали запасныхъ съ особенными предосторожностями: на возъ усаживали по два человѣка и съ ними одного изъ представителей деревенскаго „начальства“. При проѣздѣ черезъ села и мѣстечки подъ угрозой штрафа и шествія пѣшкомъ, воспрещалось соскакивать съ телѣгъ. Для увеселенія припасли музыку, но запасные пригрозили поломать инструменты, если только заиграютъ, — музыку не пустили въ ходъ. Грузили въ вагоны запасныхъ ночью не на станціи, а въ полѣ (возлѣ деревни Николаевки). Туда подошелъ „спеціально приготовленный“ поѣздъ, въ него кое-какъ понапихали „пушечное мясо“ и хотѣли уже везти, но тутъ женщины съ криками: „возьмите насъ, если берете ихъ!“ легли на рельсы передъ паровозомъ.

Мобилизація прошла „спокойно“, — приставъ можетъ гордиться, выпить и закусить по поводу удачнаго исхода и даже надѣяться (почему бы нѣтъ?!) на орденокъ — полтинничекъ съ головкой царя-послѣдыша и съ приличествующей случаю надписью.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. На собраніяхъ с-д. рабочихъ собираются подписи подъ привѣтственнымъ адресомъ бакинскимъ стачечникамъ. Одновременно ведутся денежные сборы въ пользу жертвъ стачки. Агитація по этому поводу организована вновь возникшей „группой“ партійныхъ работниковъ въ Петербургѣ, которую Ц. К. утвердилъ, какъ особую организацію, въ виду явной невозможности для ея многочисленныхъ членовъ въ настоящее время работать подъ руководствомъ мѣстнаго комитета партіи, не допускающаго къ работѣ всѣхъ, не раздѣляющихъ его взглядовъ.

Приводимъ текстъ адреса бакинцамъ:

Товарищи! До насъ долетѣла радостная вѣсть о вашей всеобщей стачкѣ. Мы, петербургскіе рабочіе, горячо привѣтствуемъ васъ въ вашей славной борьбѣ. Въ вашемъ новомъ выступленіи мы видимъ начало того революціоннаго движенія широкихъ массъ, которое окончательно свалитъ ненавистное намъ самодержавіе. Пусть же ширится и ростетъ наша пролетарская борьба, пусть она охватитъ всю Россію — и пусть всеобщая стачка бакинскихъ рабочихъ послужитъ оживляющимъ примѣромъ для всего рабочаго класса Россіи. Ваша долгая и славная борьба, товарищи, — это одна изъ славныхъ страницъ въ исторіи нашего революціоннаго движенія, а новое ваше дѣло даетъ намъ надежду на то, что вмѣсто скромнаго шопота либераловъ скоро зашумитъ — грозная волна рабочей революціи.

---

[1] Въ свое время эта бумага была напечатана въ „И.“

Да здравствуетъ революціонное движеніе пролетаріата!
Да здравствуетъ соціализмъ! Слава смѣлымъ борцамъ!

Баку. 26 декабря. Стачка еще продолжается. Произошла жестокая драма 25-го. При столкновеніи съ казаками на Биби-Эйбатѣ у завода Мухтарова было убито 2 рабочихъ и въ Балаханахъ у завода Нобеля 3 убитыхъ, 1 умершій отъ ранъ; тутъ и тамъ до 30 раненыхъ. Вчера хоронили 2 убитыхъ армянскихъ рабочихъ. На кладбищѣ собралось человѣкъ 100 рабочихъ; были произнесены рѣчи. Въ настоящій моментъ, повидимому, стачка заканчивается, хотя и частичной, но важной побѣдой рабочихъ. Заводчики соглашаются на 9 часовый рабочій день и на рядъ другихъ уступокъ. Подробнѣе сообщимъ впослѣдствіи.

Коммиссія стремилась завести переговоры съ делегатами рабочихъ организацій, что ей и удалось. Это тоже важный результатъ. Идея промысловыхъ судовъ была принята хозяевами сочувственно. Любопытная вообще метаморфоза: промышленникамъ приходится сказать „прости" своему обычному презрительному и высокомѣрному отношенію къ рабочимъ и признать въ нихъ силу, съ представителями которой приходится вести мирную, корректную бесѣду.

Харьковъ. Положеніе дѣлъ въ Харьковѣ замѣтно улучшается. Организаціонная работа растетъ и крѣпнетъ. Настроеніе среди товарищей бодрое, хорошее. Реакція прошлыхъ лѣтъ проходитъ подъ давленіемъ событій на Дальнемъ Востокѣ и порождаемаго ими гнета, отразившагося сильно на положеніи рабочихъ. Промышленный кризисъ надвинулся и на нашъ городъ, на этотъ центръ юга Россіи. Мануфактурныя торговыя фирмы лопаются, заявляя банкротство, — въ большомъ ходу расплата двадцать копеекъ за рубль. Заводы и фабрики сокращаютъ производство на половину, уменьшая заработную плату рабочимъ или увольняя ихъ подъ благовидными предлогами. Послѣднее дѣлается втихомолку отъ правительства. Капиталисты имѣютъ тайныя инструкціи отъ него — не увольнять рабочихъ, во-первыхъ, изъ боязни усилить и безъ того плохое впечатлѣніе, производимое кризисомъ на мировомъ рынкѣ, а во-вторыхъ, и это главное, по возможности не вызвать броженія среди рабочихъ. Но въ то же время, подъ давленіемъ растущей нужды въ средствахъ, правительство усиленно ищетъ способовъ пополнить истощенную казну, прибѣгая при этомъ, по обыкновенію, къ наглому обману. На дняхъ, напримѣръ, въ вагонныхъ мастерскихъ К. Х. С. ж. д. мѣстнымъ начальствомъ, вѣрными холопами самодержавнаго правительства, была предложена *желающимъ* изъ рабочихъ всѣхъ цеховъ командировка на Дальній Востокъ для обслуживанія санитарныхъ поѣздовъ на условіяхъ: отъ 60 до 70 рублей въ мѣсяцъ жалованья тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, и здѣсь половину этого оклада семьѣ. Желающихъ нашлось около 50 человѣкъ. Но какъ только они заявили о своемъ согласіи, то сейчасъ же имъ было объявлено, что оклады жалованья командированнымъ будутъ платиться въ размѣрѣ, получаемомъ здѣсь въ данное время, безъ прибавки и безъ выдачи семьѣ половиннаго оклада. Въ случаѣ же отказа отъ командировки будутъ увольняться отъ службы въ 24 часа. Обманутые рабочіе, подъ угрозой увольненія, отправились на Дальній Востокъ, съ окладами въ 30 руб. въ мѣсяцъ, оставляя свои семьи на произволъ судьбы. Другой случай имѣлъ мѣсто въ паровозномъ депо той же дороги. Здѣсь начальство, отбросивъ въ сторону всякія церемоніи, грозно приказало 15-ти кочегарамъ ѣхать въ командировку на Дальній Востокъ безъ увеличенія окладовъ и обезпеченія семействъ, причемъ вывѣсило объявленіе въ депо: „за ослушаніе распоряженія будутъ увольняться отъ службы безъ объясненій". Два эти случая были въ первыхъ числахъ сентября, а 23 числа того же мѣсяца въ мастерскихъ той же дороги разыгралась трогательная сцена при встрѣчѣ мѣстнымъ начальствомъ министра путей сообщенія Хилкова. Оно организовало изъ рабочихъ (?): шпиковъ, мастеровъ и конторщиковъ депутацію отъ всѣхъ рабочихъ (?), безъ желанія, конечно, послѣднихъ. Депутація поднесла министру хлѣбъ соль и пожертвованіе деньгами, въ суммѣ 2 500 рублей на обмундированіе арміи на Дальнемъ Востокѣ. Министръ умилился, пустилъ слезу и благодарилъ „рабочихъ" т. е. шпіоновъ, мастеровъ и конторщиковъ вмѣстѣ съ начальствомъ въ то время, когда сами рабочіе ничего объ этомъ не знали. Теперь же у нихъ производится вычетъ изъ жалованья безъ указанія — на что именно. На вопросы нѣкоторыхъ изъ нихъ: куда и зачѣмъ вычитаютъ, начальство отвѣчаетъ грубостью и бранью. На той же К. Х. С. дорогѣ расцѣнки на сдѣльныя работы понижаются, а сверхурочныя, вызванныя усиленнымъ оборотомъ подвижного состава въ связи съ событіями на Дальнемъ Востокѣ, держатъ рабочихъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ кряду по 15-16 часовъ на работѣ. И послѣднія не оплачиваются. Получаемая ранѣе плата за одиннадцати-часовой рабочій день убавлена, и это убавленіе идетъ за сверхурочныя работы. Отказаться нельзя отъ послѣднихъ — штрафуютъ и увольняютъ безъ объясненій. Зорко слѣдитъ начальство за рабочими черезъ шпіоновъ и провокаторовъ и старается чуть ли не каждаго изъ нихъ обвинить въ принадлежности къ соціальдемократической партіи. Во время столкновенія рабочаго съ мастеромъ, перваго тащатъ къ начальнику мастерскихъ Зингаянду, а тотъ, ругая рабочаго, злобно кричитъ: „я знаю, знаю — это все первое мая!" и, затѣмъ, переходя въ ласковый таинственный шопотъ, предлагаетъ рабочему выдать товарищей, принадлежащихъ къ партіи, обѣщая въ награду за трудъ прибавку жалованья. Отвергающіе такія предложенія моментально выгоняются изъ кабинета. Изъ мастеровъ въ особенности проявляетъ себя въ механическомъ цехѣ Александровъ (студ. харьк. техн. института). За отказы отъ сверхурочныхъ работъ и по уважительнымъ причинамъ представляетъ по начальству къ увольненію, какъ не желающихъ работать. Держитъ себя по отношенію къ рабочимъ высокомѣрно, ругаетъ „животнымъ", „скотиной" и нецензурными словами. Не лучше обращеніе и другихъ мастеровъ. Напримѣръ, вагонный мастеръ Ключинскій (инженеръ) и его семья успѣли зарекомендовать себя въ этомъ отношеніи довольно хорошо. Дѣло въ томъ, что самъ Ключинскій считается завѣдующимъ библіотекой при мастерскихъ, но его замѣняетъ всегда жена съ свояченицей. Послѣднія презрительно относятся къ рабочимъ, отказывая въ выдачѣ нужныхъ дѣльныхъ книгъ по разнымъ вопросамъ, хотя въ библіотекѣ подборъ книгъ не дурной. Ключинскіе состоятъ членами какого-то просвѣтительнаго общества, въ родѣ „Общества грамотности" и воскресной школы Алчевской. Въ ремесленной ученической школѣ той же дороги свирѣпствуетъ попъ въ роли законоучителя. За самое малѣйшее отступленіе отъ дисциплины, хотя бы то: не во время снялъ шапку, не во время усмѣхнулся, глядя на сытое и самодовольное лицо попа, или сталъ оправдываться во время нелѣпо-взводимаго обвиненія, — все влечетъ за собою увольненіе изъ школы учащагося, а также и его отца изъ мастерскихъ отъ службы. Въ общемъ, гнетъ растетъ, не имѣя предѣловъ. Страдаютъ рабочіе, обливаясь кровавымъ потомъ подъ тяжестью непосильной работы въ теченіи 15-16 часовъ. Но дальше такъ не можетъ идти. Броженіе незамѣтно ростетъ и выливается въ опредѣленную форму протеста.

Рабочій.

Союзъ московскихъ типографскихъ рабочихъ и демонстрація 5—6 декабря. Изъ листка, изданнаго „Союзомъ типографскихъ рабочихъ" по поводу московской демонстраціи, происходившей 5-6 декабря, приводимъ слѣд. объясненіе неучастія въ ней рабочихъ.

„Мы видѣли", — говоритъ Союзъ въ своемъ листкѣ, — „тѣ недостатки устройства демонстраціи, которые были на лицо, и мы должны ихъ больше не повторять. Недостатки эти въ томъ, что демонстрація была плохо организована, плохо устроена и что на нее *не пришли почти совсѣмъ тѣ, кто долженъ былъ прійти — рабочіе* (курсивъ нашъ).

„Соціалисты-революціонеры, которые назначили демонстрацію, *слишкомъ поздно* извѣстили насъ и мы *должны были отказаться прійти*. Только хорошо столковавшись и подготовившись заранѣе, можемъ мы смѣло идти на призывъ... Для того, чтобы демонстрація была удачна, нужна предварительная работа. Нуженъ также планъ, котораго долженъ придерживаться каждый. Центръ Союза типографскихъ рабочихъ только тогда можетъ руководить демонстраціей, когда у него будетъ время подготовить своихъ товавишей. И когда на демонстрацію придутъ не только студенты, а нѣсколько тысячъ рабочихъ, только тогда правительство пойметъ, что бороться съ нами не такъ просто"!

Въ дополненіе къ этимъ словамъ, отмѣтимъ характерный фактъ: студенты Московскаго университета, на сходкѣ 7 дек., собравшейся въ количествѣ 528 чел., постановили: „средствомъ борьбы съ существующимъ режимомъ въ данный моментъ собраніе признаетъ только вооруженныя демонстраціи и исключичельно *съ несомнѣннымъ и организованнымъ участіемъ рабочихъ*". Къ свѣдѣнію всѣхъ и всякихъ комитетовъ!

Рабочее движеніе въ тылу у Куропаткина.

Харбинъ. Въ послѣднее время замѣчалось систематическое уменьшеніе количества дровъ, выдаваемыхъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ главныхъ мастерскихъ. Отъ положенной нормы — 45 сотыхъ куба — уменьшили до 25, а потомъ до 15 и даже до девяти сотыхъ, и все это продѣлывалось безъ зазрѣнія совѣсти, прямо и открыто, въ рѣдкихъ случаяхъ съ туманнымъ объясненіемъ причинъ. Рабочіе, глядя на всю эту махинацію, только недоумѣвали. Но послѣдняя выходка начальства — желаніе выдать только по 9-15 сотыхъ куба, возбудила ропотъ среди рабочихъ. Ропотъ этотъ росъ и, наконецъ, перешелъ въ открыто высказываемое возмущеніе. Тогда рабочіе стали приглашать другъ друга явиться послѣ обѣда (2 ноября) во дворъ мастерскихъ для обсужденія этого дровяного вопроса. Послѣ обѣда на работу не пошли, а пошли во дворъ на сходку; сходка собрала приблизительно 80-90 челов., выставила требованія: 1) Удовлетворенія полной нормы топки — 45 сот. куба и 2) Требовать доставки дровъ къ квартирамъ рабочихъ, а не бросать ихъ въ полуверстѣ, какъ это дѣлали раньше. Рѣшили забастовать. Интересны при этомъ слѣдующія сцены: рабочіе-китайцы, смотря на русскихъ, не понимая въ чемъ дѣло, прежде стали поодаль отъ сходки, а когда узнали, въ чемъ дѣло, то замахали руками, и радостно восклицая, присоединились моментально къ толпѣ русскихъ[1]. Вызванный рабочими начальникъ мастерскихъ, инженеръ Красногорскій, заявилъ имъ, что будто бы нѣтъ на складѣ дровъ достаточнаго количества, а между тѣмъ рабочимъ было извѣстно, что дровъ очень много, и потому они энергично заявили ему, что онъ говоритъ неправду, что дровъ много, и требовали удовлетворить ихъ. Часа черезъ полтора появилось объявленіе на дверяхъ конторы, призывающее рабочихъ къ своимъ работамъ и обѣщающее удовлетвореніе ихъ требованій только въ половинномъ размѣрѣ. Рабочіе, сорвавъ это объявленіе, заявляютъ, что не согласны на такую уступку и требуютъ удовлетворить ихъ полностью. Тогда черезъ нѣкоторое время появляется новое объявленіе, гдѣ обѣщается удовлетворить требованіе рабочихъ полностью съ утра слѣдующаго дня, а теперь приглашаются стать на работу. Рабочіе рѣшаютъ выйти на работу въ слѣдующій день утромъ. Дѣйствительно, съ утра слѣдующаго дня началась подвозка дровъ къ квартирамъ рабочихъ. Не можемъ не отмѣтить, что инженеръ Красногорскій въ обращеніи съ депутатами и съ рабочими выступилъ довольно грубо, называлъ всѣхъ ихъ все время на „ты", и такое же обращеніе проявилъ онъ по адресу всей сходки, тѣмъ самымъ оскорбляя *всѣхъ рабочихъ*, принимавшихъ участіе въ забастовкѣ. Война теперь стала мало интересна и многимъ прямо ненавистна въ силу открывшихся голыхъ фактовъ, говорящихъ за лживость и преступность нашего самодержавнаго правительства. Проявляютъ интересъ къ исканію причинъ настоящей войны, а потому недостатокъ или, вѣрнѣе, отсутствіе нелегальной литературы замѣчается страшное.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Наши предприниматели и законъ объ отвѣтственности за увѣчья рабочихъ. — Вопросъ о безработицѣ во французской палатѣ. — Производительныя товарищества, техническій прогрессъ и партія „соціалистовъ-революціонеровъ".

Въ ожиданіи того момента, когда господамъ предпринимателямъ удастся съѣсть весь законъ 2 іюня 1903 года цѣликомъ и на мѣсто его водворить государственное страхованіе, т. е. перенесеніе всѣхъ расходовъ по страхованію на налогоплательщиковъ, они не прочь, пока что, подкопаться подъ отдѣльные пункты и значительно урѣзать тѣ жалкія крохи, которыя законъ доставляетъ рабочимъ. Напримѣръ, какъ видно изъ отчетовъ о засѣданіяхъ коммиссіи по примѣненію указаннаго закона, предприниматели желали бы, чтобы судъ утверждалъ ихъ сдѣлки съ рабочими, хотя бы эти сдѣлки шли во вредъ пострадавшему рабочему (Въ коммиссіи былъ по этому поводу разсказанъ такой фактъ: рабочій при работѣ лишился глаза; онъ потребовалъ десять тысячъ рублей, фабричный инспекторъ нашелъ его требованіе правильнымъ въ размѣрѣ трехъ тысячъ, а судъ утвердилъ сдѣлку, по которой рабочій получилъ *десять* рублей и пожизненное мѣсто на томъ же заводѣ: проработавъ недѣлю, рабочій былъ уволенъ). Они желали бы, чтобы для освидѣтельствованія рабочихъ могли приглашаться только полицейскіе и уѣздные врачи. Они желали бы, чтобы „дѣйствительно заработанная потерпѣвшимъ" сумма исчислялась путемъ сложенія суммы обычнаго годового заработка съ суммой, заработанной отъ сверхурочныхъ работъ, и дѣленія затѣмъ этой суммы не на число рабочихъ дней въ году, а на число, которое получится отъ причисленія „сверхурочныхъ дней" къ дѣйствительнымъ календарнымъ днямъ. Они желали бы... но аппетиты такъ велики, что всего не перечислишь. Коммиссія принимала рѣшенія „добрыя" по отношенію къ рабочимъ. Выступленіе нашихъ рабочихъ подъ знаменемъ соціальдемократіи и многолѣтняя ихъ борьба успѣли внушить части крупной буржуазіи и буржуазной интеллигенціи ту простую мысль, что „патріархальныя отношенія" давно отжили свой вѣкъ, что даже иллюзіями чистаго манчестерства не можетъ уже удовлетвориться большая часть русскихъ пролетаріевъ. Это поняла и указанная коммиссія, но чего ей не дано еще было „понять", такъ это того, что почти всѣмъ ея „добрымъ" предписаніямъ суждено остаться мертвой буквой, соціальнополитической утопіей, безъ соотвѣтствующаго представительства рабочихъ, безъ сильныхъ и авторитетныхъ рабочихъ союзовъ, безъ сильной рабочей партіи. Многіе изъ поднятыхъ въ коммиссіи вопросовъ рѣшаются въ Европѣ третейскими судами, профессіональными союзами рабочихъ и т. под. Впрочемъ, въ виду наглядности уроковъ, даваемыхъ борьбой рабочаго класса, есть всѣ основанія полагать, что русская буржуазія современемъ „пойметъ" и это.

* * *

Безработица — столь же обычное явленіе въ жизни пролетарія, какъ и болѣзнь, съ той только разницей, что первая въ огромномъ большинствѣ случаевъ принимаетъ массовый характеръ и сразу обнаруживаетъ, такимъ образомъ, свое неслучайное, а закономѣрное происхожденіе, коренящееся во всемъ механизмѣ капиталистическихъ производственныхъ отношеній. Соціально-политическіе знахари надѣются искоренить безработицу путемъ страхованія. Для соціальдемократіи, стоящей на той точкѣ зрѣнія, что промышленная резервная армія является неизбѣжной составной частью современнаго экономическаго строя, можетъ быть только рѣчь объ устраненіи этого самаго строя, а въ его предѣлахъ — только о борьбѣ съ индивидуальными послѣдствіями безработицы. На эту именно точку зрѣнія сталъ тов. Вайянъ въ своей рѣчи (произнесенной недавно во французской палатѣ) по вопросу о борьбѣ съ безработицей. Стоя на точкѣ зрѣнія ученія Маркса о причинахъ промышленныхъ кризисовъ, о необходимости промышленной резервной арміи для капиталистическаго производства и связаннаго съ нимъ роста богатства, Вайянъ при свѣтѣ этого ученія показалъ, какъ означенный процессъ совершался въ современной Франціи и какіе ужасающіе размѣры принимаетъ въ этой странѣ безработица. Оказывается, согласно оффиціальнымъ цыфрамъ за 1896-1902 гг., которыя, по мнѣнію Вайяна, еще ниже дѣйствительности, процентъ безработныхъ достигаетъ $7^{1}/_{4}$ въ годъ, т. е. свыше 400 тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ $^{2}/_{3}$ мужчинъ и $^{1}/_{3}$ женщинъ, постоянно сидятъ безъ работы. Признавая, что безработица не можетъ быть устранена на почвѣ капиталистическихъ отношеній, Вайянъ думаетъ, однако, что общество можетъ и обязано смягчить ея ужасы. Въ этомъ отношеніи онъ выдвигаетъ на первый планъ тѣ мѣры, которыя противодѣйствуютъ физическому и моральному вырожденію рабочаго класса. Сюда онъ относитъ рабочее законодательство (восьмичасовый рабочій день, установленіе закономъ минимума заработной платы, запрещеніе сверхурочной работы), организаціи рабочихъ (синдикаты, товарищества, посредническія бюро) и планомѣрную организацію общественныхъ работъ государствомъ, департаментами, коммунами и другими учрежденіями. Вайянъ совершенно отвергаетъ всѣ мѣры, имѣющія характеръ благотворительности и посягающія на человѣческое достоинство рабочихъ. Наконецъ, Вайянъ рекомендуетъ также страхованіе, но онъ видитъ въ этомъ средство вырвать у современнаго государства признаніе своей отвѣтственности и сознаніе своего фактическаго безсилія; онъ хочетъ поставить вопросъ о безработицѣ въ центрѣ обществено-политическихъ интересовъ и общественно-политической дѣятельности. Онъ требуетъ учрежденія постоянной коммиссіи для собиранія статистическихъ свѣдѣній о безработицѣ и надѣется получить такимъ образомъ богатый матеріалъ для соціально революціонной агитаціи. Какъ и слѣдовало ожидать, министерство отнеслось отрицательно къ проекту страхованія („денегъ на это не имѣется"), а Мильеранъ, главнымъ конькомъ котораго въ послѣднее время является „рабочее" законодательство, рекомендовалъ примѣненіе во Франціи гентской системы кассъ для безработныхъ.

* * *

Гентская система, которую рекомендуетъ Мильеранъ, есть одинъ изъ способовъ борьбы съ безработицей, который, какъ гласитъ нѣмецкая пословица, стремится вымыть шубу, не смочивши ее, то есть бороться съ однимъ изъ проявленій капиталистическаго строя, не трогая самыхъ основъ этого строя. А тѣмъ временемъ прогрессъ техники заботится о созданіи все новыхъ и новыхъ отрядовъ арміи безработныхъ. Прогрессъ этотъ сказывается всюду и, конечно, не останавливается у дверей кооперативныхъ фабрикъ и заводовъ. Вотъ что случилось, напримѣръ, съ извѣстнымъ кооперативнымъ стекляннымъ заводомъ въ Альби, созданнымъ нѣкогда стараніями Жореса послѣ знаменитой стачки въ Кармо. Въ докладѣ, составленномъ секретаремъ этого товарищества, мы читаемъ: „Какъ и слѣдовало ожидать, машина для выдуванія бутылокъ появилась во Франціи и въ другихъ странахъ. Первая изобрѣтена г. и Буше тотчасъ же куплена г. Рессегье[1]. Къ счастью, административный совѣтъ стекляннаго завода рабочихъ не дремалъ. Онъ дѣйствовалъ такъ ловко, что въ настоящее время на заводѣ пролетаріата тоже работаетъ машина. Мы можемъ даже утверждать, что, съ точки зрѣнія совершенства работы, она выше первой; въ ней во время работы стекло все время вращается, тогда какъ въ первой машинѣ оно остается неподвижнымъ. Но возникаетъ очень тяжелая задача: машина уменьшаетъ на 50% персоналъ, необходимый для производства, и требуетъ малообученныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ были нужны работники опытные".

Будемъ надѣяться, что эта тяжелая задача не предстанетъ передъ тѣми производительными товариществами, которыя будутъ созданы „партіей соціалист.-революціонеровъ" съ цѣлью уничтожить власть капитала надъ трудомъ и пріучить народъ къ совмѣстному труду на общую пользу (см. отд.: „Среди газетъ" въ настоящемъ номерѣ). Мы надѣемся, что „партія соц.-рев." заранѣе позаботится о законодательномъ ограниченіи техническаго прогресса для производительныхъ товариществъ и о запрещеніи вводить новыя машины, и совѣтуемъ ей въ этомъ смыслѣ пересмотрѣть прокламацію ея центральнаго комитета.

ИЗЪ ПАРТІИ.

На конференціи Центральнаго Комитета съ представителями меньшинства, послѣдніе, по выясненіи практической политики Центральнаго Комитета, заявили, что, въ виду резолюціи Центральнаго Комитета, напечатанномъ въ 72 № Искры, они считаютъ возможнымъ теперь полное прекращеніе организаціонной обособленности меньшинства. Рѣшеніе уполномоченныхъ было предложено на обсужденіе всѣхъ сторонниковъ меньшинства, работающихъ въ Кіевскомъ, Харьковскомъ, Донскомъ, Кубанскомъ, Петербургскомъ, Одесскомъ комитетахъ, Донецкомъ и Крымскомъ союзахъ и другихъ партійныхъ организаціяхъ. Въ результатѣ этого обсужденія была принята слѣдующая резолюція:

„Соглашаясь вполнѣ съ характеристикой переживаемаго Россіей политическаго момента, данной въ заявленіи уполномоченныхъ меньшинства, напечатанной въ 72 № „Искры", а также и съ предложенной въ этомъ заявленіи формулировкой тѣхъ политическихъ задачъ, которыя стоятъ теперь передъ нашей Партіей, — мы, члены меньшинства, въ виду соглашенія, состоявшагося между нашими уполномоченными и Центральнымъ Комитетомъ и въ виду возможности, такимъ образомъ, фактическаго объединенія Партіи въ процессѣ совмѣстной работы, — считаемъ необходимымъ подчеркнуть еще разъ слѣдующее:

Война и вызванныя ею народныя бѣдствія — кризисъ и голодовка — во много разъ усилили въ народныхъ массахъ недовольство существующимъ политическимъ строемъ и создали чрезвычайно благопріятный моментъ для достиженія ближайшей цѣли Р. С.-Д. Р. П. — сверженія самодержавія. Но мы выполнимъ не только свою демократическую задачу — созданія политически свободнаго строя, но и спеціальную задачу соціальдемократическую — созданіе элементовъ классовой партіи въ процессѣ борьбы за политическую свободу — лишь въ томъ случаѣ, если мы не только будемъ использовать растущее недовольство народныхъ массъ съ цѣлью нанесенія все новыхъ и новыхъ ударовъ крѣпости самодержавія, — но и поставимъ себѣ задачей систематически и планомѣрно привлекать пролетаріатъ къ участію во всѣхъ политическихъ событіяхъ дня, въ качествѣ сознательной и самостоятельной политической силы; если мы, такимъ образомъ, каждое политическое событіе используемъ для расширенія и углубленія классового самосознанія пролетаріата и выработки въ немъ способности къ политической самостоятельности.

Сознавая затѣмъ, на сколько необходимо въ интересахъ россійскаго и международнаго пролетаріата возможно полнѣе использовать переживаемый нами историческій моментъ въ указанныхъ выше цѣляхъ и сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что выполненіе этой славной и трудной задачи возможно лишь на почвѣ фактическаго объединенія всѣхъ соціальдемократичечкихъ силъ, — мы, члены меньшинства, основываясь на сообщенныхъ нашими уполномоченными свѣдѣніяхъ, указывающихъ, что Центральный Комитетъ сдѣлалъ уже фактическіе шаги въ сторону намѣченнаго имъ еще въ резолюціи, напечатанной въ 72 № „Искры", объединенія всѣхъ партійныхъ силъ безъ различія оттѣнковъ — выражаетъ довѣріе этой объединительной политикѣ Центральнаго Комитетя и прекращаетъ свое обособленное существованіе въ Партіи. —

---

[1] Въ главныхъ мастерскихъ работаетъ русскихъ до 500 чел. и столько же китайцевъ.

[1] Крупный заводчикъ, на заводѣ котораго до стачки работали всѣ члены товарищества.

По этому поводу Цен. Ком. сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

Вслѣдъ за опубликованіемъ „іюльской резолюціи" Центральнаго Комитета, товарищи изъ меньшинства, какъ на отдѣльныхъ собраніяхъ, такъ и на столбцахъ Ц. О. заявляли, что, разъ Ц. К. провозглашаетъ политику объединенія на почвѣ положительной работы, на почвѣ фактическаго сотрудничества всѣхъ партійныхъ товарищей, независимо отъ ихъ принадлежности къ „меньшинству" и „большинству", то меньшинство перестаетъ считать себя *стороной* и впредь не можетъ быть рѣчи ни о бойкотѣ Ц. К., ни о предъявленіи къ нему *ультимативныхъ требованій*. На конференціи съ Центральнымъ Комитетомъ уполномоченные „меньшинства" объявили организаціонную обособленность меньшинства ликвидированной и, сдавъ Центральному Комитету свои организаціонныя связи, высказали отъ имени примыкающихъ къ „меньшинству" товарищей полную готовность немедленно приступить къ объединенной партійной работѣ, не заявляя никакихъ формальныхъ притязаній. Считая непоколебленнымъ свое убѣжденіе въ отсутствіи такихъ разногласій, которыя исключали бы возможность совмѣстной дѣятельности всѣхъ членовъ Партіи, Центральный Комитетъ приглашаетъ всѣхъ бывшихъ членовъ „меньшинства" къ партійной работѣ. Разъ товарищи готовы слиться съ партіей, то Центральный Комитетъ признаетъ своей партійной обязанностью возможно полнѣе использовать силы каждаго работника внѣ всякаго отношенія къ былой розни и былой борьбѣ. Центральный Комитетъ приглашаетъ всѣхъ, дорожащихъ единствомъ Партіи товарищей сообразовать свою дѣятельность съ задачей сплоченія Партіи, поднятія ея работоспособности и сосредоточенія всего своего вниманія на задачахъ революціоннаго пролетаріата.

Письмо въ редакцію „Искры" отъ рабочаго.

Присматриваясь къ развитію нашей партіи, къ ея революціонной дѣятельности, наблюдаешь ненормальныя явленія въ ея отношеніяхъ къ массѣ, и это особенно вредно въ данный моментъ по отношенію къ борьбѣ за скорѣйшее сверженіе самодержавія. Объясняется это, я думаю, цѣлымъ рядомъ историческихъ причинъ, при которыхъ складывалась наша русская жизнь: вѣковою оторванностью народа отъ мыслящей части общества, грубымъ подавленіемъ свободнаго развитія личности, попраніемъ ея гражданскихъ правъ и вслѣдствіе этого — слабымъ сознаніемъ классовыхъ интересовъ. Все это нельзя не признать за факторъ, тормозящій политическое воспитаніе массы. Мы видимъ, что наша партія еще не стала классовой, пролетарской въ полномъ смыслѣ слова; для этого ей нужно оформиться въ сознательную политическую активную силу, реагирующую на всѣ явленія общественной жизни.

Намъ нельзя не признать, что у насъ нѣтъ еще сознательной классовой пролетарской партіи, а есть организація соціальдемократовъ въ узкомъ смыслѣ слова и рядомъ съ нею неорганизованная пролетарская масса, временами проявляющая свою революціонность. Мы чувствуемъ какъ бы какую то разобщенность, размежеванность интеллигентныхъ верховъ отъ обладающихъ сильно развитыми революціонными стремленіями пролетарскихъ низовъ. Несмотря на пламенное желаніе первыхъ слиться со вторыми, имъ это до настоящаго времени не удавалось. Ко всѣмъ призывамъ с.-д. интеллигенціи масса относилась недовѣрчиво. А чтобы заставить самодержавіе съ собою считаться, нужна тѣсно сплоченная сила, чтобы рѣшительнымъ натискомъ опрокинуть пошатнувшуюся самодержавную твердыню.

Только за послѣднее время стало появляться то довѣріе, котораго такъ долго ждалъ нашъ передовой революціонный авангардъ отъ массы. Эта недовѣрчивость происходила и происходитъ отъ непониманія историческаго хода вещей, силою котораго прежніе угнетатели могутъ стать въ ряды пролетаріата и отстаивать пролетарскіе интересы. Но призракъ еще остался, и онъ еще долго будетъ жить въ той или иной формѣ. Теперь въ болѣе сознательномъ слоѣ пролетаріата все чаще и чаще приходится слышать: „Освобожденіе рабочихъ дѣло самихъ рабочихъ", а вотъ какъ они выражаютъ свое отношеніе къ партійнымъ разногласіямъ: „паны дерутся, а у хлопцовъ чубы болятъ." Да и при каждомъ разногласіи рабочихъ съ комитетскими организаціями и при образованіи новыхъ группъ, а таковыхъ является все больше и больше, встаетъ на очередь этотъ больной вопросъ: какъ бы упорядочить отношенія и устранить всѣ ненормальности? Здѣсь нужно, я думаю, внести свѣжую струю, заставить обновиться нашу партійную революціонную дѣятельность, нужно найти болѣе подходящія формы для сліянія верховъ съ низами.

На первый взглядъ, такая разобщенность какъ будто отсутствуетъ, но если мы присмотримся ближе къ психологіи пролетаріата, къ процессу развитія его классового самосознанія, то ясно увидимъ, что и расколы имѣютъ за собою болѣе глубокія причины, чѣмъ простая неумѣлость интеллигентовъ оріентироваться при данныхъ условіяхъ. Рабочіе выражаютъ въ нихъ, пожалуй, свою еще неоформленную самостоятельность въ такомъ уродливомъ видѣ, который тормазитъ правильный ходъ развитія организаціонной устойчивости партіи, а отсутствіе у насъ тѣсной, живой, организаціонной связи между комитетами, руководящими рабочимъ движеніемъ и далеко отстоящей отъ нихъ массой, грозитъ нашей партійной организаціи оторваться и отъ пролетарскихъ интересовъ. Въ настоящее же время, въ столь важный историческій моментъ, мы не можемъ использовать того политическаго положенія, создавшагося на почвѣ либерально-земскихъ теченій, съ такою пользою, съ какою мы могли бы это сдѣлать при другихъ условіяхъ, при болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ массой. Мы не можемъ массу вести за собою. Наши генералы остаются безъ арміи. Для того, чтобы устранить всю обособленность комитетовъ отъ массы и приблизить ихъ другъ къ другу, нужно отрѣшиться отъ того неправильнаго взгляда, что масса инертна и не способна на самодѣятельность. Если наша задача состоитъ въ воспитаніи политической зрѣлости пролетаріата, то можемъ ли мы достигнуть этой цѣли, подавляя всякое проявленіе самодѣятельности и иниціативы въ самомъ пролетаріатѣ. Я думаю, что здѣсь нужно только слѣдить за правильностью развитія этой самодѣятельности, направляя ее практическими совѣтами. И если наши воспитатели будутъ стоять на высотѣ своего призванія, то можно быть увѣреннымъ, что партія получитъ другіе результаты. Вѣдь всѣ жалобы идутъ не противъ комитетовъ, какъ учрежденій, а противъ того, что комитеты не могутъ удовлетворять всѣ потребности (данной минуты). Престижъ комитетовъ стоитъ высоко даже у неорганизованной массы.

Мы видимъ, что необходима болѣе широкая постановка дѣла, работа дальше такъ продолжаться не можетъ. Намъ нужно вызвать на борьбу съ самодержавіемъ всѣ дремлющія силы народа, развить въ немъ сознательную активную жизнедѣятельность, чтобы наша партія не была партіей заговорщиковъ, а оформляла бы сознательные массовые протесты, и выражала бы всѣ требованія пролетаріата. Но чтобы внести болѣе самодѣятельности и иниціативы въ широкія массы, развить въ нихъ увѣренность считать себя членами Россійской Соціальдемократической Рабочей партіи, необходимъ болѣе широкій размахъ въ дѣятельности активныхъ работниковъ и тѣсное единеніе ихъ другъ съ другомъ, чтобы на самомъ дѣлѣ покончить съ кустарничествомъ и связать всѣ звенья партійной организаціонной цѣпи между собою. Необходимо дѣлать періодическіе районные съѣзды изъ близко стоящихъ къ массѣ агитаторовъ и пропагандистовъ отъ всѣхъ соціальдемократическихъ организацій, какъ городовъ, такъ и мѣстечекъ, какъ комитетскихъ, такъ и рабочихъ организацій, гдѣ таковыя имѣются, но почему либо не входятъ въ комитетскую организацію. Но эти представители должны быть посланы на съѣздъ не самими комитетами, а агитаторами, пропагандистами и вполнѣ сознательными рабочими, близко стоящими къ дѣлу и непосредственно заинтересованными въ работѣ. Но если въ данномъ городѣ или мѣстечкѣ нѣтъ подходящаго кандидата, близко стоящаго къ массѣ и исполняющаго какую либо функцію партійной работы, а есть только годные члены комитета, то и онъ можетъ быть посланъ рабочими при совѣщаніи ихъ съ агитаторами и пропагандистами, не считаясь съ его профессіей, лишь бы онъ близко стоялъ къ работѣ и могъ внести что либо изъ своего опыта и знанія въ обсужденіе вопросовъ съѣзда.

Задачи съѣзда должны заключаться въ слѣдующемъ:

I. Ознакомленіе съ ходомъ революціоннаго движенія и положеніемъ дѣлъ въ районѣ.

II. Очередныя политическія задачи и предстоящая дѣятельность партіи.

III. Выработка въ общихъ чертахъ подходящихъ организаціонныхъ формъ.

IV. Вопросъ о постановкѣ пропаганды и текущей агитаціи.

V. Созданіе районнаго бюро.

Задачи районнаго бюро:

I. Содѣйствіе дѣлу объединенія и улучшенія постановки политической агитаціи.

II. Освѣдомленіе о ходѣ революціонной работы въ партіи и положеніи дѣлъ въ районѣ организацій работниковъ, примыкающихъ къ бюро, бюро другихъ районовъ, Ц. К. и Ц. О.

III. Содѣйствіе правильному и своевременному распредѣленію силъ въ предѣлахъ района.

IV. Улучшеніе постановки техники и конспиративныхъ функцій (типографіи, паспорта, квартиры и проч.).

Въ заключеніе скажу, въ какомъ отношеніи будутъ находиться люди, посланные бюро, къ комитетамъ. Я думаю, что вошедшій въ организацію какой либо работникъ не займется разрушеніемъ комитетской организаціи, онъ войдетъ въ данную организацію съ комитетомъ во главѣ и будетъ работать подъ его руководствомъ.

Я не хочу этимъ проэктомъ сказать, что нужны новыя организаціонныя формы за негодностью старыхъ. Я хочу подчеркнуть, что вновь создающіяся организаціи должны работать въ рамкахъ партіи, развивая и использовывая всѣ силы, которыя теперь не могутъ развиться при настоящей обособленности и разъединенности. Еще разъ скажу, что передовая часть интеллигентнаго революціоннаго верха должна стоять на высотѣ своего назначенія и запомнить себѣ разъ на всегда, что, если наша партія стремится стать классовой, пролетарской, то ей не нужно подавлять самодѣятельность самой массы, — намъ нужно только раствориться въ ней, насыщая всѣ поры соціальдемократическими тенденціями. Я полагаю, что посредствомъ такихъ съѣздовъ намъ удастся ближе стать къ массѣ.

Собравшіеся на съѣздъ подѣлятся другъ съ другомъ своими мнѣніями, вынесутъ извѣстный опытъ, который будутъ примѣнять на дѣлѣ. У нихъ будетъ развиваться чувство солидарности, сознаніе, что они сила, сплоченная общими интересами, готовая дѣйствовать съ неуклонною послѣдовательностью, отстаивая свои классовые пролетарскіе интересы. Тогда можно будетъ сказать, что наша партія не будетъ „партіей" соціальдемократическихъ единицъ, но будетъ дѣйствительной массовой соціальдемократической партіей, а рабочее движеніе получитъ свое окончательное строеніе подъ знаменемъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Рабочій.

Отъ редакціи. Не касаясь пока деталей плана, предлагаемаго авторомъ письма, мы отъ души привѣтствуемъ въ этомъ планѣ выраженіе того порыва къ самодѣятельности, который все болѣе и болѣе охватываетъ широкій слой сознательныхъ работниковъ, примыкающій къ нашимъ комитетамъ и составляющій истинную силу нашей партіи. Въ частности, всякіе съѣзды, конференціи, совѣщанія и другіе способы коллективнаго обсужденія политическихъ вопросовъ возможно болѣе широкимъ кругомъ партійныхъ работниковъ, должны стать повседневнымъ явленіемъ въ жизни партіи. И тѣмъ плодотворнѣе будутъ такія конференція и совѣщанія, чѣмъ больше вниманія они будутъ удѣлять разработкѣ тѣхъ тактическихъ задачъ, которыя ставятся передъ нами жизнью.

Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ новыя и сложныя политическія задачи, которыя ставитъ передъ нашею партіею, какъ классовою партіею пролетаріата, явно начавшійся быстрый процессъ крушенія царизма, не могутъ быть удовлетворительно выполнены безъ сознательнаго и активнаго участія въ политической дѣятельности партіи тѣхъ тысячъ пролетаріевъ, которыхъ наша-же предшествующая дѣятельность пробудила къ сознательной политической жизни. Нѣтъ сомнѣнія также въ томъ, что силы этихъ пролетаріевъ до сихъ поръ, по причинамъ, которыя коренятся въ самыхъ условіяхъ историческаго развитія и дѣятельности нашей партіи, не были утилизированы въ полной мѣрѣ. Неоспоримо, что и самый организаціонный аппаратъ нашей партіи, выросшій въ условіяхъ дѣятельности, значительно менѣе сложной, чѣмъ та, которая предстоитъ намъ теперь, нуждается въ различныхъ исправленіяхъ и дополненіяхъ, примѣнительно къ новымъ политическимъ задачамъ.

Такимъ образомъ проекты, подобные выдвинутому авторомъ напечатаемаго выше письма, являются отнюдь не простымъ измышленіемъ празднаго ума, а отвѣтомъ на назрѣвающую потребность, заслуживающую самаго серьезнаго вниманія всѣхъ членовъ партіи. Но, чтобы отвѣтъ этотъ не носилъ на себѣ мертвящей печати канцелярскаго формализма, необходимо, прежде всего, чтобы центральнымъ пунктомъ служило не организаціонное строительство и прожектерство, а выполненіе опредѣленныхъ политическихъ задачъ. На почвѣ политическихъ задачъ, потребностей политической агитаціи должна совершаться группировка партійныхъ силъ. И только въ связи съ практическимъ осуществленіемъ политическихъ задачъ долженъ рѣшаться вопросъ о необходимыхъ видоизмѣненіяхъ партійной организаціи или о введеніи новыхъ элементовъ въ сѣть партійныхъ учрежденій. Только при этомъ условіи можно быть увѣреннымъ, что организаціонная перестройка не явится тормазомъ для положительной политической работы, а, наоборотъ, будетъ облегчать ея выполненіе. И только при этомъ условіи можно быть увѣреннымъ, что эта перестройка будетъ совершаться въ прогрессивномъ направленіи, содѣйствуя, такимъ образомъ, въ конечномъ счетѣ, безболѣзненному переходу нашей партіи изъ обстановки самодержавно-политическаго деспотизма въ условія сравнительно-свободной дѣятельности.

Автору письма, повидимому, не чужды развитыя только что соображенія, и это сказывается уже въ томъ, что констатируемую имъ взаимную отчужденность рабочихъ и интеллигенціи онъ предлагаетъ лечить не противоставленіемъ рабочей организаціи интеллигентской, а болѣе прочной организаціей тѣсно соприкасающихся другъ съ другомъ на почвѣ положительной политической работы интеллигентовъ и сознательныхъ пролетаріевъ. Другая, крайне цѣнная черта проектовъ автора — это то чувство кровной связи съ Партіей, которое заставляетъ мысль искать выхода изъ обнаружившихся партійныхъ неустройствъ не иначе, какъ въ рамкахъ самой партіи. Мы думаемъ, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ авторъ является выразителемъ думъ широкаго слоя сознательныхъ рабочихъ, достаточно широкаго для того, чтобы, опираясь на него, наша партія могла начать чувствовать себя дѣйствительной партіей класса, разсчитывать на соотвѣтствующую силѣ этого класса историческую роль и быть обезпеченной отъ всякихъ внезапныхъ потрясеній, вызываемыхъ капризными проявленіями кружковой психологіи.

Предлагаемый планъ, разумѣется, долженъ быть подвергнутъ тщательному обсужденію. Нужно взвѣсить и общую схему его и рядъ практическихъ деталей; но основная мысль, несомнѣнно, встрѣтитъ сочувствіе у всѣхъ, кто задумывался надъ судьбами нашей партіи и жадно рвался вывести ее на просторъ широкой, массовой политической борьбы.

Приглашаемъ товарищей высказаться по вопросамъ, затронутымъ въ письмѣ рабочаго.

Агитація противъ войны. Центр. Ком. изданъ листокъ „Ко всѣмъ рабочимъ и русскимъ гражданамъ" (о пораженіяхъ на войнѣ) въ 70.000 экз. (упомянутый въ посл. № листокъ къ солдатамъ „Правда о войнѣ" напеч. въ 50.000, листокъ „Искры" „Кто долженъ побѣдить?" — въ 18.000 экз.); **Сибирскимъ Союзомъ.** „Къ солдатамъ" (печ.); **Самарскимъ Ком.** „Ко всѣмъ солдатамъ" (по поводу мобилизаціи — печ.).

Вышелъ № 3 „Соціальдемократа" (декабрь). Содержаніе: Кто спасетъ Россію? — Бакинская стачка. — Призывъ (стих.). — Среди газетъ. — Какъ попы бунтуютъ народъ? — Политическое обозрѣніе. — Рабочее движеніе въ Россіи. — Письмо рабочаго изъ Кременчуга. — Борьба и организація сельскихъ рабочихъ во Франціи. — Фельетонъ: Царь-послѣдышъ.

Центр. Ком. переизданъ въ 9000 экз. (въ русской типографіи) Манифестъ Коммунистической Партіи.

Центр Ком. изданы листки: „Слово и дѣло русскаго самодержавія" и „Купля—продажа" (по 50.000; оба о „веснѣ"). **Кіевск. Ком.** — „Друзья народа" (объ инцидентѣ въ Народномъ домѣ — 8000 экз.); **Смоленск. Ком.** — „Ко всѣмъ гражданамъ" (резолюція рабочихъ — печ.); **Уфимской груп.** Уральскаго Ком. „Заявленіе организованныхъ рабочихъ" (печ. въ типогр. Ц. К.); **Комитетами Восточнаго района**.: „Какая политическая свобода нужна русск. народу?" (печ. въ типогр. Ц. К.) и „Хроника" (бюллетень въ 8 печ. стр. съ корреспонденціями изъ разныхъ мѣстъ); **Томск. Ком.**: „Царское самодержавіе и свобода" и „Къ революціонному студенчеству" (обѣ печат.); **Харьк. Ком.** — О происшествіи въ Юрид. об—вѣ. (гект. вышло въ ноябрѣ въ 750 экз.); **Самарск. Ком.** — „Ко всѣмъ рабочимъ" (о политич. полож. — 250 экз.), „Весна кончилась" (140), „Сказка о попѣ и чортѣ" (200) и „**Денегъ нѣтъ**" (письмо рабочаго изъ № 76 „Искры"); **Саратовск. Ком.** „Что же дальше?" (по поводу отвѣта царя черниг. предвод.). **Бакинск. Ком.** — „Къ солдатамъ" (въ 1000 экз. — по поводу стачки) и листокъ съ требованіями стачечниковъ изданъ совмѣстно съ комитетомъ партіи „Гнчакъ".

Ц. К. Польской Соціалистической Партіи „Пролетаріатъ" сообщаетъ намъ, что выработанный ею, сообща съ остальными пятью соц.-дем. организаціями, текстъ отвѣта на приглашеніе иниціаторовъ извѣстной Парижской конференціи, не былъ партіей своевременно отправленъ по совершенно случайнымъ причинамъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Харьковъ. Съ половины сентября освобождены Ласкинъ, Кожевниковъ и Вилецкій, взятые 30 авг., Исаковичъ, Марковинъ, Короткевичъ, Бѣлявскій, Андрієвскій; 15 декабря освобожденъ Тартаковскій. Изъ уѣздныхъ тюремъ освобождены: Иваницкій, (с.-р.), Драхановъ (раб. с.-д., арест. въ іюлѣ 1903 г.), Альб. Гавриловичъ и Гр. Кузьменко, а также Раскинъ (всѣ по с. д. дѣлу сентября 1903 г.), Хапкинъ (по тому же дѣлу) переведенъ въ губернскую тюрьму.

Послѣ демонстраціи 6 ноября, кромѣ арестованныхъ за нарушеніе обязательнаго постановленія, арестованы вновь по обвиненію въ политич. преступл. Ласкинъ и Цируль (освобожденный въ авг.). 16 декабря отправлены Я. и Б. Новаковскіе, Жорова, Дворкина, Яшина, Шейкинъ, Камермахеръ и Хайкинъ — въ Умань, Кіев. губ., гдѣ будутъ ждать суда по дѣлу объ Уманьской типографіи. Обвинительнаго акта они еще не получали.

Въ губ. тюрьмѣ находятся: Роговой (Сусликовъ), Шургалкинъ, Кацъ (Высоцкій), Ласкинъ, Цируль, Плесскій (с.-р.) и екатеринославцы: Фроловъ, Коганъ и Фурштейнъ. Бродскій находится въ земской больницѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Лидіи Б. Къ сожалѣнію, не можемъ воспользоваться.

Отчетъ Заграничной Лиги Русской Революціоной Соціальдемократіи

Получено: изъ Нью-Іорка въ ноябрѣ черезъ П. Б. Аксельрода 283 фр.; изъ Цюриха: 1 въ ноябрѣ черезъ Дана 70 фр.; въ ноябрѣ 100 фр. и 150. 2 въ ноябрѣ черезъ Блюм. 85 фр. 40 с.; въ декабрѣ на изд. Соц.-Дем. 20 фр.; за декабрь 125 фр. въ январѣ 150 фр. Отъ Бернской Гр. Соц.: по отчету за ав и сентябрь 210 фр. 50 с., (изъ нихъ отъ Б. И. Ф. 16 фр. за литерат. 135 фр. 20 с., (въ томъ числѣ изъ Біля 57.30); за карточки 14 фр. 50 с., на изданіе популярн. органа 26 фр., съ лѣтней вечеринки еще 10 фр., ежемѣсячные взносы 3.50 и изъ Россіи 5.30). Отъ Бернской Гр. за октябрь 573.10 (изъ нихъ экстренный сборъ на агитаціон. литерат. за прекращеніе войны 200 фр., съ реферата Мартова 85.25, за литер. 246.25, за карточки 31.60 и отъ слушат. одесскихъ курсовъ для Ц. К. 10 фр. Бернская Гр. Соц. получила въ октябрѣ изъ Бернской Эмигр Кассы для товарищей 36 фр. Отъ Января получено Бернско Гр. Соц. 24 руб. 65 коп. на изданіе книги Бельтова. Отчетъ Берлинской Группы: за октябрь 523 мар. 47 пф., за ноябр 454 м. 5 пф., за декабрь 336 м. 10 пф. Изъ Гесенскаго Ф. в ноябрѣ за литературу 50 фр., 23 фр. 65 с., въ декабрѣ 61 ф 55 сент. Отъ Лозаннской Группы Соц. за сентябрь и октябр 163 фр., за ноябрь и декабрь 149 фр. Изъ Мягкаго Знака в ноябрѣ за литерат. и сборы 101 фр., на изданіе Соц.-дем 60 за открытки 9 фр., въ декабрѣ 170 фр. Изъ Крлс. въ ноябр 50 фр. Изъ Г. С.-Д. въ декабрѣ по отчету 123 фр. 15 с. Из Брауншвейга для Лиги: отъ М. 1 мар., отъ Химика 5 мар., память покойнаго Боруха отъ десяти товарищей 9 мар. 60 пф отъ Евг. 2 мар., оттуда же: въ декабрѣ 123 фр. 15 с., въ ян 92 фр. 35 сен. Изъ Брюсселя по отчету за октябрь получе 100 фр. Изъ Парижа по отчету 100 фр. Отъ Аврашова въ н ябрѣ за литерат. 19 фр. 70 сен. Черезъ Л. изъ Ковно 40 ф Изъ Дрездена: въ ноябрѣ 61 фр. 55 сент., (изъ нихъ Лигѣ счетъ долга за литерат. 11 мар. 60 пф., въ распоряженіе Ц. 10 мар., въ экспедицію за литерат. 28 мар. 40 пф.), оттуда въ декабрѣ 29 мар., съ реферата Тр. 28 мар. 50 пф., изъ н мецкой деревни 280 мар. Изъ Бал. въ декабрѣ 16 фр. 60 сен 30 фр., по листамъ № 4 и 5 — 13 фр. 90 с., въ январѣ 35 ф 75 сент. Во Фрейб. Сакс. на рефер. Тр. 30 мар. 85 пф. И Антверпена въ декабрѣ за литерат. 40 фр. Изъ Дармштадта, Лигу" 100 мар. Отъ Женевской Груп. Соц. въ декабрѣ 110 ф 75 с., въ январѣ 71 фр., по листу эмигрант. кассы № 118, пользу Партіи" 105 фр.

Поправка къ отчету въ № 77. Изъ Цюриха получено въ августѣ 75 фр. 65 сент., 55 фр., (а не 75 фр., 55 фр.); въ се тябрѣ 30 фр., въ октябрѣ 20 фр. и 80 фр., (а не 20, 10 и

Отчетъ Объединенной Эмигрантской Кассы въ слѣд. №.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитет съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціон „Соціальдемократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suis

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги"

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière. 27. Genève.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 84. **Вторникъ, 18-го января 1905 г.** **Годъ V.**

По поводу петербургскихъ событій нашей партіей издано на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ слѣдующее воззваніе:

Цивилизованному міру.

Граждане!

9-ое января 1905 года выжгло свое имя на страницахъ міровой исторіи. Въ этотъ день гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря: онъ кусаетъ еще эту руку сегодня, она задушитъ его — завтра.

Въ этой желѣзной рукѣ — спасеніе русскаго народа, спасеніе Россіи, измученной, униженной, доведенной до отчаянія бездушнымъ и преступнымъ режимомъ. Втеченіе цѣлаго вѣка свобода и цивилизація оставались недостижимымъ идеаломъ лучшихъ гражданъ порабощеннаго отечества. Единицы боролись — и умирали подъ ударами властелиновъ Зимняго дворца. Опираясь на милліоны безправныхъ рабовъ, залитый кровью порабощенныхъ національностей, на трупахъ умирающихъ отъ голода крестьянъ и рабочихъ, царизмъ строилъ свою гегемонію надъ цивилизованной Европой. Всюду онъ сѣялъ развратъ, вездѣ онъ являлся оплотомъ реакціи и національной розни. Дѣло борьбы съ царизмомъ, дѣло его уничтоженія является дѣломъ борьбы за европейскую культуру противъ дикаго варварства — послѣднимъ актомъ міровой задачи, которую поставила Великая Революція восемнадцатаго вѣка.

Это историческое дѣло не смогли выполнить сотни и тысячи представителей высшихъ классовъ Россіи, многолѣтняя борьба ихъ не могла поколебать режима кнута. Внутренно прогнившій абсолютизмъ въ ожесточенномъ преслѣдованіи всякой мысли дошелъ до послѣдней степени цинизма и жестокости. Литература въ намордникѣ, литераторы подъ вѣчной угрозой тюрьмы и ссылки, наука въ цѣпяхъ, университеты въ рукахъ полиціи, немногія школы въ рукахъ поповъ; голодъ и эпидеміи въ разоренной деревнѣ; отчаяніе среди порабощенныхъ царизмомъ народовъ. Съ ужасомъ весь міръ узналъ о звѣрствахъ царизма въ Финляндіи; вопли кишиневскихъ жертвъ потрясли человѣчество. Но то, что дѣлало самодержавіе въ Финляндіи и Кишиневѣ, оно дѣлаетъ постоянно въ Польшѣ и Литвѣ, въ Сибири и на Кавказѣ, оно это сдѣлало въ громадномъ масштабѣ на улицахъ Петербурга, когда народъ столицы предъявилъ ему требованія всей Россіи.

Народъ столицы, увлекаемый революціонными пролетаріями и увлекая за собою всѣхъ честныхъ гражданъ изъ буржуазіи, въ величественной мирной манифестаціи потребовалъ отъ царя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія для излѣченія страны отъ ранъ, нанесенныхъ вѣковымъ господствомъ палачей.

На мирную демонстрацію царь отвѣтилъ ружейными и пушечными выстрѣлами. Убиты мужчины, женщины, дѣти. Убиты рабочіе, студенты, буржуа, священники. Офицеры, капитулирующіе передъ японцами, хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа.

Смерть царизму! — отвѣтилъ на это неслыханное злодѣйство петербургскій пролетаріатъ. Смерть царизму! — отвѣтитъ на это вся Россія. Вѣсть о петербургскихъ убійствахъ уже вызвала манифестаціи рабочихъ въ другихъ городахъ. Соціальдемократія употребитъ всю свою энергію, чтобы къ начатому въ Петербургѣ возстанію примкнули пролетаріи и крестьяне всей Россіи. Всѣ революціонныя силы будутъ нынѣ направлены на то, чтобы нанесенный 9-го января ударъ оказался роковымъ для царизма. И если-бы временно реакціи удалось задержать въ данный моментъ распространеніе движенія, оно съ умноженной силой ударитъ вновь черезъ короткое время.

Цивилизованный міръ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, что совершается въ Россіи. Царизмъ доживаетъ свои послѣдніе дни среди гражданской войны, среди труповъ своихъ возставшихъ подданныхъ. Готовая къ послѣдней побѣдной битвѣ, демократическая Россія становится тѣмъ политическимъ факторомъ съ которымъ уже теперь должно считаться цивилизованное человѣчество. Граждане свободныхъ странъ не могутъ встрѣтить проклятіемъ свободу, пробивающую себѣ дорогу среди ужасовъ царистскаго варварства.

Теперь міръ знаетъ, что царизмъ пытается продлить свое существованіе, опираясь на одни только штыки. Но режимъ штыковъ есть непрестанная военная авантюра, вѣчная угроза всесвѣтному миру.

На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы россійскій пролетаріатъ.

На помощь же, граждане свободныхъ странъ! Не свое только дѣло, не дѣло только Россіи, — дѣло всего міра, ваше дѣло дѣлаютъ борцы русской революціи, и они увѣрены, что въ этотъ грозный, рѣшительный часъ вы не оставите ихъ безъ поддержки.

Долой самодержавіе! — пусть презрѣніе и ненависть станутъ между нимъ и цивилизованнымъ міромъ! Да здравствуетъ русскій народъ! Долой преграды, построенныя реакціей между нимъ и свободнымъ человѣчествомъ!

Да здравствуетъ русская революція, да здравствуетъ россійскій пролетаріатъ!

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

За Совѣтъ Партіи: **Г. Плехановъ, П. Аксельродъ.**
За Центральный Комитетъ: **Н. Второвъ.**
За Центральный Органъ „Искра“: **Вѣра Засуличъ.**
За Заграничн. Лигу Русской Соціальдем. **Л. Дейчъ.**

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ.

Суббота, 8 января 1905 г.

Послѣ Баку — Петербургъ. Вулканическую, насыщенную подземными парами почву нефтяныхъ промысловъ всколыхнули первые удары надвигающагося землетрясенія, которому суждено снести до основанія вѣковое зданіе самодержавной Россіи. Тысячекратнымъ эхо, громкимъ гуломъ отозвались эти удары въ наэлектризованной политической атмосферѣ столицы, стягивающей къ себѣ всѣ нити русской государственной жизни.

И какъ мало нужно было, на первый взглядъ, для того, чтобы привести въ движеніе колоссальную массу петербургскаго пролетаріата! Двое уволенныхъ рабочихъ, — и встали заводы, фабрики и мелкія мастерскія огромнаго города. А затѣмъ — митинги, собранія, резолюціи, всеобщая стачка, покрытый тысячами подписей адресъ царю, атмосфера всеобщаго и небывалаго возбужденія, въ которой рождаются и разносятся по всему свѣту темныя предположенія, чудовищные слухи, самою неопредѣленностью и грандіозностью своею заставляющіе замирать сердца милліоновъ людей въ предчувствіи чего то великаго, чего то изъ ряда вонъ выходящаго, чего то острой гранью врѣзающагося въ исторію! Двое уволенныхъ рабочихъ — и грандіозное потрясеніе всей хозяйственной и политической жизни страны, рикошетомъ ударившее по странамъ всего міра, пріостановившее снаряженіе эскадры, поколебавшее курсы, напугавшее биржевого молоха... Такъ въ горахъ неосторожное движеніе, повышенный голосъ путника заставляетъ сдвигаться съ мѣста и падать все разрушающую на своемъ пути лавину!

Двое рабочихъ, уволеныхъ за принадлежность къ рабочему „обществу“! Какъ будто не десятки и не сотни ихъ ежедневно, ежечасно, не только „увольняются“, но арестовываются, ссылаются, заточаются въ казематы за участіе въ борьбѣ своего класса съ тяготѣющимъ надъ нимъ гнетомъ и эксплуатаціей! Но не даромъ мы переживаемъ время, когда мощные удары войны потрясли до основанія всѣ устои самодержавной Россіи! И не даромъ въ десятилѣтней, неустанной борьбѣ росло и закалялось чувство протеста, чувство солидарности, боевое настроеніе и и боевая сплоченность Россіи рабочей! Логика политической обстановки и логика революціоннаго положенія пролетаріата неизбѣжно, съ неумолимой необходимостью, вели къ такому положенію, когда достаточно искры, чтобы яркимъ пламенемъ вспыхнуло колоссальное движеніе народныхъ массъ. И та же логика, съ такою-же неизбѣжностью выводитъ эти массы на путь открытой, революціонной борьбы съ царизмомъ, въ желѣзныхъ объятіяхъ котораго задыхается пролетарскій исполинъ.

Тѣнь Зубатова стояла у колыбели того „Русскаго собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“, протестъ котораго послужилъ сигналомъ къ началу всеобщей стачки. Грязныя полицейскія руки пестовали новорожденнаго, пытаясь влить отраву холопства и предательства въ сердца тѣхъ рабочихъ, которые объединялись на борьбу за свои будничные экономическіе интересы, съ наивной вѣрой въ возможность вмѣстить хотя бы эту борьбу въ мертвящія рамки самодержавно-бюрократическаго режима. Но какъ быстро и легко, почти незамѣтнымъ движеніемъ плеча, сбросилъ съ себя пролетаріатъ эти полицейскія шелковыя узы, которыми мечтала связать его жандарская фантазія! Какъ одесскіе стачечники 1903 г. однимъ фактомъ выступленія на путь открытой массовой борьбы далеко отбросили отъ себя грязную шайку зубатовскихъ агентовъ, такъ и петербургское „Общество“, покончивъ съ зубатовщиной, теперь, можно сказать, въ первый же день участія своего въ движеніи могучаго массоваго потока, безповоротно рветъ послѣднія цѣпи, которыми старалась сковать его мнимая „благосклонность“ правительствующихъ лицъ.

„Благожелательный“ и „довѣрчивый“ министръ внутреннихъ дѣлъ, принимавшій депутаціи земцевъ, адвокатовъ и иныхъ представителей либеральнаго общества, наотрѣзъ отказался и не могъ не отказаться принять депутацію забастовавшихъ рабочихъ. Не могъ не отказаться, потому что принять депутацію „либераловъ“ — значило поощрить ихъ идти все по тому же пути чаянія конституціонныхъ благъ „сверху“: принять же депутацію рабочихъ — значило признать и поощрить массовое движеніе, требующее свободы „снизу“ и уже потому революціонное. Вчерашній „покровитель“ и „другъ“ „Собранія рабочихъ“, петербургскій градоначальникъ Фуллонъ, забывая о печальной судьбѣ своего французскаго соименника, послужившаго 115 лѣтъ тому назадъ первымъ революціоннымъ украшеніемъ парижскихъ фонарей, сегодня грозитъ расправами требующимъ хлѣба и свободы рабочимъ. Думаетъ ли онъ, что завтра найдется въ Петербургѣ хотя бы одинъ пролетарій, готовый промѣнять свое классовое первородство на чечевичную похлебку его „благосклонности“?

Выходецъ изъ пропитанной всѣми предразсудками суевѣрія, невѣжества и холопства среды русскаго духовенства, священникъ церкви при пересыльной тюрьмѣ, Георгій Гапонъ стоялъ во главѣ „Собранія рабочихъ“. И посмотрите, какъ все та же неизбѣжная революціонная логика пролетарской борьбы подчинила себѣ этого сына государственной церкви! Волна могучаго пролетарскаго потока подхватила его и уже теперь, въ самомъ началѣ своего подъема, взметнула такъ высоко, какъ, конечно, никогда еще не случалось взлетать ни одному православному „пастырю“. Какимъ языкомъ *долженъ былъ* заговорить этотъ „смиренный“ служитель алтаря! „Не акціонеры разорятся, а рабочіе; такъ ли товарищи?“ вопрошаетъ Гапонъ депутацію, во главѣ которой онъ явился для переговоровъ съ директоромъ Путиловскаго завода, и тутъ же совершаетъ первый „революціонный“ актъ — отказа признавать „власти предержащія“, открытаго отказа считать директора завода представителемъ назначившихъ его акціонеровъ. Въ маломъ, частномъ случаѣ съ Гапономъ видится великое, общее. Въ обстановкѣ надвигающагося на Россію великаго историческаго перелома, подъ давленіемъ соціальдемократіи, кто хоть на день, хоть на часъ связалъ свою судьбу съ судьбою массоваго движенія рабочаго класса, тотъ долженъ, неизбѣжно долженъ въ этотъ день, въ этотъ часъ подыматься все выше и выше къ вершинамъ классовой идеологіи пролетаріата. Будетъ ли Гапонъ продолжать идти въ ногу съ разростающимся пролетарскимъ движеніемъ, и долго-ли будетъ онъ идти — это частное, личное дѣло. Но что несомнѣнно, такъ это то, что, не желая отстать отъ движенія, онъ долженъ будетъ послѣдовательно идти *впередъ*; онъ долженъ будетъ сбросить свою рясу, свой позолоченный крестъ, свои предразсудки, свои „легальныя“ мечтанія, свою политическую близорукость и ограниченность, онъ долженъ будетъ все болѣе и болѣе становиться на революціонную, классовую точку зрѣнія. И если онъ этого не сможетъ, не сумѣетъ сдѣлать, какъ выжатый лимонъ, отброситъ его въ сторону стихія рабочаго движенія, использовавъ въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ всѣ тѣ элементы революціонности, которые, въ причудливой комбинаціи, таились подъ складками поповской рясы.

Революціонная логика пролетарскаго движенія подчиняетъ себѣ всякаго, такъ или иначе тѣсно связавшаго судьбу свою съ этимъ движеніемъ. Но болѣе того. Она такъ же неизбѣжно, такъ же стихійно, часто „за порогомъ сознанія“, подчиняетъ себѣ и самихъ участниковъ движенія, рядовую рабочую массу. Пусть политическое сознаніе этой массы еще безпомощно бродитъ посреди бугровъ и рытвинъ традиціонной идеологіи; пусть эта масса еще не отдаетъ себѣ отчета ни во всей полнотѣ своихъ интересовъ, ни въ томъ единственномъ пути, классовой организаціи и классовой борьбы, которымъ можетъ она придти къ освобожденію. Стихійная сила положенія толкаетъ ее, хотя бы ощупью, выбраться на этотъ вѣрный путь. Im Anfang war die That. Если на сознаніи массъ еще лежитъ печать реакціонныхъ предразсудковъ и политической ограниченности, то въ *дѣйствіяхъ* ея уже прорывается присущая ей революціонность.

Иностранныя газеты сообщаютъ (мы еще не успѣли получить извѣстій изъ Россіи), что стачечники рѣшили подать „петицію“ царю. Да, рабочая масса сохранила еще остатокъ вѣры въ то, что царь поможетъ ей. Да, она подхватила эту идею обращенія къ царю, которую съ такимъ усердіемъ со всѣхъ крышъ проповѣдуютъ мудрыя птицы либерализма. Но не съ „припаданіемъ къ стопамъ“, не съ униженнымъ самооправданіемъ „счастливымъ событіемъ“ рожденія новаго отпрыска стараго поколѣнія тирановъ, не черезъ переднія придворныхъ лакеевъ пытается она довести свое слово до царскихъ ушей. Тысячными толпами рѣшили рабочіе собраться къ зимнему дворцу и требовать, чтобъ царь самолично вышелъ на балконъ принять „петицію“ и присягнуть, что требованія народа будутъ исполнены.

Такъ обращались къ своему „доброму королю“ герои Бастиліи и похода въ Версаль! И тогда раздавалось „ура“ въ честь показавшагося толпѣ по ея *требованію* монарха, но въ этомъ „ура“ уже звучалъ смертный приговоръ монархіи.

Рабочіе выставляютъ въ своей „петиціи“ тѣ требованія, которыя съ упорствомъ и послѣдовательностью не переставала пропагандировать наша партія и только она: Всенародное Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго, и тайнаго избирательнаго права. Рабочіе не „забыли“ назвать Учредительное Собраніе его настоящимъ именемъ; они не оставили лишь „подразумѣваемой“ ни одной изъ гарантій народныхъ правъ! И въ этомъ мы видимъ, мы съ гордостью видимъ слѣдъ *нашей* работы, нашей кровной связи съ пролетарскимъ движеніемъ. Правда, „петиція“ повторяетъ и заношенныя либеральныя фразы насчетъ уничтоженія „средостѣнія“ между царемъ и народомъ, возможности слiянія царя и народа черезъ голову „бюрократіи“. Неискушенная въ политической борьбѣ рабочая масса не думаетъ еще объ огражденіи своихъ классовыхъ пролетарскихъ интересовъ, и услужливо подсовываемую ей славянофильскую труху принимаетъ за чистое золото политической свободы *для народа*. Пусть такъ. Сегодня она не понимаетъ политическаго положенія. Завтра она пойметъ его. Но и сегодня, довѣрчиво взявъ въ свои руки одно изъ потертыхъ либеральныхъ знаменъ, какъ несетъ она его? Возьмите самый „смѣлый“, либеральный адресъ или резолюцію съ тѣми же требованіями, съ тѣмъ же обращеніемъ и посмотрите, *какъ* говорятъ либералы, и *какъ* говоритъ народъ. „Всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые осмѣливались возвышать свой голосъ въ защиту интересовъ народа и трудящихся классовъ, бросали въ тюрьму или ссылку“. „Бюрократія толкала страну на край гибели и разоренія и позорной войной привела ее къ разгрому“. „Если Вы не удовлетворите нашей просьбы, мы умремъ на этой площади, передъ Вашимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти, намъ открыты два только пути: путь, который ведетъ къ свободѣ и счастью, или тотъ, который ведетъ въ могилу“. „Если наша жизнь должна быть принесена въ жертву страданіямъ Россіи, мы не пожалѣемъ этой жертвы, мы охотно принесемъ ее“. Вотъ какимъ *нелиберальнымъ* языкомъ говоритъ даже либеральныя рѣчи петербургскій пролетаріатъ. „Мы готовы умереть“ — это значитъ: мы готовы *биться* за свободу, а не только *просить* ее. Отъ просьбъ не умираютъ! Былъ ли слышенъ когда либо подобный языкъ? Да, онъ былъ слышенъ все въ тѣ-же славные дни Великой Революціи, когда зданіе стараго порядка трещало уже по всѣмъ швамъ, и когда революціонный народъ, сохраняя еще реакціонныя иллюзіи и политическую наивность, уже дѣлалъ *революціонное дѣло.* Но за революціоннымъ дѣломъ придетъ революціонное сознаніе, и уже то, *какъ* говоритъ сегодня пролетарская масса показываетъ, *что* она будетъ говорить завтра. Мы уже видѣли, что во главу угла, какъ свои главныя требованія, рабочіе поставили демократическіе лозунги нашей партіи. Очевидно, что уже сегодня тысячи пролетаріевъ сознательно принимаютъ ихъ. Завтра ихъ такъ же сознательно примутъ десятки и сотни тысячъ. Мы знаемъ изъ иностранныхъ газетъ, что три завода бросили работу по призыву соціальдемократовъ, что, бросая работу, рабочіе поютъ свою пролетарскую „марсельезу“. Завтра стотысячная масса сплотится вокругъ краснаго знамени соціальдемократіи.

Соціальдемократія можетъ съ увѣренностью дѣлать такія предсказанія. Не она ли одна, при всеобщемъ скептицизмѣ, при всеобщихъ крикахъ объ „ограниченности“, „сектантствѣ“, „узости“, „нетерпимости“, не она ли одна съ самаго своего зарожденія неразрывно связала дѣло русской свободы съ дѣломъ рабочаго класса? Не она ли одна всегда вѣрила въ силу и неизбѣжную революціонность пролетарскихъ массъ? Не она ли одна видѣла въ нихъ единственно надежную опору свободы и демократіи и клала всѣ свои силы на дѣло классоваго пробужденія и классовой организаціи этихъ массъ? И не она ли предсказала то выступленіе на арену борьбы съ царизмомъ милліонныхъ рабочихъ массъ, начало котораго мы наблюдаемъ теперь въ Петербургѣ, и продолженіе котораго скоро — мы увѣрены въ этомъ — будемъ наблюдать по всему пространству Россіи?

Какой урокъ тѣмъ либеральнымъ маловѣрамъ, которые, оправдывая свою собственную ограниченность и трусость, говорили о томъ, что народъ „не участвуетъ“ въ политическомъ освобожденіи Россіи, что народъ „молчитъ“ и „врядъ ли заговоритъ“, что только „образованное“ общество „борется“ за свободу, и что тѣмъ самымъ „борьба“ непремѣнно должна быть втиснута въ рамки „легальности“! Какой урокъ этимъ трезвеннымъ и умѣреннымъ политиканамъ, которые не умѣли даже поднять своего взора къ вершинѣ того могучаго дуба, палыми желудями котораго они питались! Пусть попробуютъ эти господа, хотя бы насильно, вдвинуть въ тѣсныя рамки „легальности“ борьбу стотысячныхъ массъ петербургскихъ рабочихъ, даже теперь, когда массы еще подхватываютъ ихъ ограниченные лозунги!

Но, скажемъ мы сейчасъ же, какой урокъ и тѣмъ утопи-

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
29 CLINTON ST. NEW YORK

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 84. Вторникъ, 18-го января 1905 г. **Годъ V.**

По поводу петербургскихъ событій нашей партіей издано на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ слѣдующее воззваніе

Цивилизованному міру.

Граждане!

9-ое января 1905 года выжгло свое имя на страницахъ міровой исторіи. Въ этотъ день гигантская рука русскаго пролетаріата схватила за горло самодержавнаго звѣря; онъ кусаетъ еще эту руку сегодня, она задушитъ его — завтра.

Въ этой желѣзной рукѣ — спасеніе русскаго народа, спасеніе Россіи, измученной, униженной, доведенной до отчаянія бездушнымъ и преступнымъ режимомъ. Втеченіе цѣлаго вѣка свобода и цивилизація оставались недостижимымъ идеаломъ лучшихъ гражданъ порабощеннаго отечества. Единицы боролись — и умирали подъ ударами властелиновъ Зимняго дворца. Опираясь на милліоны безправныхъ рабовъ, залитый кровью порабощенныхъ національностей, на трупахъ умирающихъ отъ голода крестьянъ и рабочихъ, царизмъ строилъ свою гегемонію надъ цивилизованной Европой. Всюду онъ сѣялъ развратъ, вездѣ онъ являлся оплотомъ реакціи и національной розни. Дѣло борьбы съ царизмомъ, дѣло его уничтоженія является дѣломъ борьбы за европейскую культуру противъ дикаго варварства — послѣднимъ актомъ мировой задачи, которую поставила Великая Революція восемнадцатаго вѣка.

Это историческое дѣло не смогли выполнить сотни и тысячи представителей высшихъ классовъ Россіи, многолѣтняя борьба ихъ не могла поколебать режима кнута. Внутренно прогнившій абсолютизмъ въ ожесточенномъ преслѣдованіи всякой мысли дошелъ до послѣдней степени цинизма и жестокости. Литература въ намордникѣ, литераторы подъ вѣчной угрозой тюрьмы и ссылки, наука въ оковахъ, университеты во власти полиціи, [illegible] и эпидеміи въ разоренной деревнѣ, отчаяніе среди порабощенныхъ царизмомъ народовъ. Съ ужасомъ весь міръ узналъ о звѣрствахъ царизма въ Финляндіи и о кишиневскихъ жертвахъ позора человѣчества. Но то, что дѣлало самодержавіе въ Финляндіи и Кишиневѣ, оно дѣлаетъ ежедневно въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Сибири и на Кавказѣ, и это оно сдѣлало въ громадномъ масштабѣ на улицахъ Петербурга, когда народъ захотѣлъ предъявить ему требованіе всей Россіи.

Народъ столицы, увлекаемый революціоннымъ пролетаріатомъ и увлекая за собою всѣхъ честныхъ гражданъ изъ буржуазіи, въ величественной мирной манифестаціи потребовалъ отъ царя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія для излѣченія страны отъ ранъ, нанесенныхъ вѣковымъ господствомъ [illegible].

На мирную демонстрацію царь отвѣтилъ ружейными и пушечными выстрѣлами. Убиты мужчины, женщины, дѣти. Убиты рабочіе, студенты, буржуа, священники. Офицеры, капитулирующіе передъ японцами, хладнокровно рѣзали дѣтей и женщинъ своего народа.

„Смерть царизму!“ — отвѣтилъ на это неслыханное злодѣйство петербургскій пролетаріатъ. „Смерть царизму!“ — отвѣтитъ на это вся Россія. Вѣсти о петербургскихъ убійствахъ уже вызвали манифестаціи рабочихъ въ другихъ городахъ. Соціальдемократія употребитъ всю свою энергію, чтобы къ начатому въ Петербургѣ возстанію примкнули пролетаріи и крестьяне всей Россіи. Всѣ революціонныя силы будутъ нынѣ направлены на то, чтобы нанесенный 9-го января ударъ оказался роковымъ для царизма. И если бы временной реакціи удалось задержать въ данный моментъ распространеніе движенія, оно съ умноженной силой ударитъ вновь черезъ короткое время.

Цивилизованный міръ не можетъ равнодушно смотрѣть на то, что совершается въ Россіи. Царизмъ доживаетъ свои послѣдніе дни среди гражданской войны, среди труповъ своихъ возставшихъ подданныхъ. Готовая къ послѣдней побѣдной битвѣ, демократическая Россія становится тѣмъ политическимъ факторомъ, съ которымъ уже теперь должно считаться цивилизованное человѣчество. Граждане свободныхъ странъ не могутъ встрѣтить проклятіемъ свободу, пробивающую себѣ дорогу среди ужасовъ царистскаго варварства.

Теперь міръ знаетъ, что царизмъ пытается продлить свое существованіе, опираясь на одни только штыки. Но режимъ штыковъ есть непрестанная военная авантюра, вѣчная угроза всесвѣтному миру.

На алтарь цивилизаціи, свободы и мира несетъ свои жертвы россійскій пролетаріатъ.

На помощь же, граждане свободныхъ странъ! Не свое только дѣло, не дѣло только Россіи — дѣло всего міра, ваше дѣло дѣлаютъ борцы русской революціи, и они увѣрены, что въ этотъ грозный рѣшительный часъ вы не оставите ихъ безъ поддержки.

Долой самодержавіе! Пусть презрѣніе и ненависть станутъ между нимъ и цивилизованнымъ міромъ! Да здравствуетъ русскій народъ! Долой преграды, построенныя реакціей между нимъ и свободнымъ человѣчествомъ!

Да здравствуетъ русская революція, да здравствуетъ россійскій пролетаріатъ!

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

За Совѣтъ Партіи **Г. Плехановъ, П. Аксельродъ.**
За Центральный Комитетъ **Н. Второвъ.**
За Центральный Органъ „Искра“ **Вѣра Засуличъ.**
За Заграничн. Лигу Русской Соціальдем. **Л. Дейчъ.**

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦІИ.

Суббота, 8 января 1905 г.

Послѣ Баку — Петербургъ. Вулканическую, насыщенную подземными парами почву нефтяныхъ промысловъ всколыхнули первые удары надвигающагося землетрясенія, которому суждено снести до основанія вѣковое зданіе самодержавной Россіи. Тысячекратнымъ эхо, громкимъ гуломъ отозвались эти удары въ наэлектризованной политической атмосферѣ столицы, стягивающей къ себѣ всѣ нити русской государственной жизни.

И какъ мало нужно было, на первый взглядъ, для того, чтобы привести въ движеніе колоссальную массу петербургскаго пролетаріата! Двое уволенныхъ рабочихъ, — и встали заводы, фабрики и мелкія мастерскія огромнаго города. А затѣмъ — митинги, собранія, резолюціи, всеобщая стачка, покрытый тысячами подписей адресъ царю, атмосфера всеобщаго и небывалаго возбужденія, въ которой рождаются и разносятся по всему свѣту темныя предположенія, чудовищные слухи, самою неопредѣленностью и грандіозностью своею заставляющіе замирать сердца милліоновъ людей въ предчувствіи чего то великаго, чего то изъ ряда вонъ выходящаго, чего то острой гранью врѣзающагося въ исторію! Двое уволенныхъ рабочихъ — и грандіозное потрясеніе всей хозяйственной и политической жизни страны, рикошетомъ ударившее по странамъ всего міра, пріостановившее снаряженіе эскадры, поколебавшее курсы, напугавшее биржевого молоха. Такъ въ горахъ неосторожное движеніе, повышенный голосъ путника заставляетъ сдвигаться съ мѣста и падать все разрушающую на своемъ пути лавину!

Двое рабочихъ, уволенныхъ за принадлежность къ рабочему „обществу“! Какъ будто не десятки и не сотни ихъ ежедневно, ежечасно, не только „увольняются“, но арестовываются, ссылаются, заточаются въ казематы за участіе въ борьбѣ своего класса съ тяготѣющимъ надъ нимъ гнетомъ и эксплуатаціей! Но не даромъ мы переживаемъ время, когда мощные удары войны потрясли до основанія всѣ устои самодержавной Россіи! И не даромъ въ десятилѣтней неустанной борьбѣ росло и закалялось чувство протеста, чувство солидарности, боевое настроеніе и боевая сплоченность Россіи рабочей! Логика политической обстановки и логика революціоннаго положенія пролетаріата неизбѣжно, съ неумолимой необходимостью, вели къ такому положенію, когда достаточно искры, чтобы яркимъ пламенемъ вспыхнуло колоссальное движеніе народныхъ массъ. И та же логика, съ такою-же неизбѣжностью выводитъ эти массы на путь открытой, революціонной борьбы съ царизмомъ, въ желѣзныхъ объятіяхъ котораго задыхается пролетарскій исполинъ.

Тѣнь Зубатова стояла у колыбели того „Русскаго собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ“, протестъ котораго послужилъ сигналомъ къ началу всеобщей стачки. Грязныя полицейскія руки пестовали новорожденнаго, пытаясь влить отраву холопства и предательства въ сердца тѣхъ рабочихъ, которые объединялись на борьбу за свои будничные экономическіе интересы, съ наивной вѣрой въ возможность вмѣстить хотя бы эту борьбу въ мертвенныя рамки самодержавно-бюрократическаго режима. Но какъ быстро и легко, почти незамѣтнымъ движеніемъ плеча сброситъ съ себя пролетаріатъ эти полицейскія шелковыя узы, которыми мечтала связать его жандарская фантазія! Какъ одесскіе стачечники 1903 г. однимъ фактомъ выступленія на путь открытой массовой борьбы далеко отбросили отъ себя грязную шайку зубатовскихъ агентовъ, такъ и петербургское „Общество“, покончивъ съ зубатовщиной теперь, можно сказать, въ первый же день участія своего въ движеніи могучаго массоваго потока безповоротно рветъ послѣднія цѣпи, которыми старалась сковать его мнимая „благосклонность“ правительствующихъ лицъ.

„Благожелательный“ и „довѣрчивый“ министръ внутреннихъ дѣлъ, принимавшій депутаціи земцевъ, адвокатовъ и иныхъ представителей либеральнаго общества, наотрѣзъ отказался и не могъ не отказаться принять депутацію забастовавшихъ рабочихъ. Не могъ не отказаться, потому что принять депутацію „либераловъ“ — значило поощрить ихъ идти все по тому же пути чаянія конституціонныхъ благъ „сверху“; принять же депутацію рабочихъ — значило признать и поощрить массовое движеніе, требующее свободы „снизу“ и уже потому революціонное. Вчерашній „покровитель“ и „другъ“ „Собранія рабочихъ“, петербургскій градоначальникъ Фуллонъ, забывая о печальной судьбѣ своего французскаго соименника, послужившаго 115 лѣтъ тому назадъ первымъ революціоннымъ украшеніемъ парижскихъ фонарей, сегодня грозитъ расправами требующимъ хлѣба и свободы рабочимъ. Думаетъ ли онъ, что завтра найдется въ Петербургѣ хотя бы одинъ пролетарій, готовый промѣнять свое классовое первородство на чечевичную похлебку его „благосклонности“?

Выходецъ изъ пропитанной всѣми предразсудками суевѣрія, невѣжества и холопства среды русскаго духовенства, священникъ церкви при пересыльной тюрьмѣ, Георгій Гапонъ стоялъ во главѣ „Собранія рабочихъ“. И посмотрите, какъ все та же неизбѣжная революціонная логика пролетарской борьбы подчинила себѣ этого сына государственной церкви! Волна могучаго пролетарскаго потока подхватила его и уже теперь, въ самомъ началѣ своего подъема, взметнула такъ высоко, какъ, конечно, никогда еще не случалось взлетать ни одному православному „пастырю“. Какимъ языкомъ *долженъ былъ* заговорить этотъ „смиренный“ служитель алтаря! „Не акціонеры разорятся, а рабочіе — такъ ли товарищи?“ вопрошаетъ Гапонъ депутацію, во главѣ которой онъ явился для переговоровъ съ директоромъ Путиловскаго завода, и тутъ же совершаетъ первый „революціонный“ актъ — отказъ признавать „власти предержащія“, открытаго отказа считать директора завода представителемъ назначившихъ его акціонеровъ. Въ маломъ, частномъ случаѣ съ Гапономъ видится великое, общее. Въ обстановкѣ надвигающагося на Россію великаго историческаго перелома подъ знаменемъ соціальдемократіи, кто хоть на день, хоть на часъ связалъ свою судьбу съ судьбою массоваго движенія рабочаго класса, тотъ долженъ, неизбѣжно долженъ въ этотъ день, въ этотъ часъ подыматься все выше и выше къ вершинамъ классовой идеологіи пролетаріата. Будетъ ли Гапонъ продолжать идти въ ногу съ разростающимся пролетарскимъ движеніемъ, и долго ли будетъ онъ идти — это частное, личное дѣло. Но что несомнѣнно, такъ это то, что, не желая отстать отъ движенія, онъ долженъ будетъ послѣдовательно идти *впередъ*, онъ долженъ будетъ сбросить свою рясу, свой позолоченный крестъ, свои предразсудки, свои „легальныя“ мечтанія, свою политическую близорукость и ограниченность, онъ долженъ будетъ все болѣе и болѣе становиться на революціонную, классовую точку зрѣнія. И если онъ этого не сможетъ, не сумѣетъ сдѣлать, какъ выжатый лимонъ, отброситъ его въ сторону стихія рабочаго движенія, использовавъ въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ всѣ тѣ элементы революціонности, которые, въ причудливой комбинаціи, таились подъ складками поповской рясы.

Революціонная логика пролетарскаго движенія подчиняетъ себѣ всякаго, такъ или иначе тѣсно связавшаго судьбу свою съ этимъ движеніемъ. Но болѣе того. Она такъ же неизбѣжно, такъ же стихійно, часто „за порогомъ сознанія“, подчиняетъ себѣ и самихъ участниковъ движенія, рядовую рабочую массу. Пусть политическое сознаніе этой массы еще безпомощно бродитъ посреди бугровъ и рытвинъ традиціонной идеологіи; пусть эта масса еще не отдаетъ себѣ отчета ни во всей полнотѣ своихъ интересовъ, ни въ томъ единственномъ пути, классовой организаціи и классовой борьбы, которымъ можетъ она придти къ освобожденію. Стихійная сила положенія толкаетъ ее, хотя бы ощупью, выбраться на этотъ вѣрный путь. Im Anfang war die That. Если на сознаніи массъ еще лежитъ печать реакціонныхъ предразсудковъ и политической ограниченности, то въ *дѣйствіяхъ* ея уже прорывается присущая ей революціонность.

Иностранныя газеты сообщаютъ (мы еще не успѣли получить извѣстій изъ Россіи), что стачечники рѣшили подать „петицію“ царю. Да, рабочая масса сохранила еще остатокъ вѣры въ то, что царь поможетъ ей. Да, она подхватила эту идею обращенія къ царю, которую съ такимъ усердіемъ со всѣхъ крышъ проповѣдуютъ мудрыя птицы либерализма. Но не съ „припаданіемъ къ стопамъ“, не съ униженнымъ самооправданіемъ „счастливымъ событіемъ“ рожденія новаго отпрыска стараго поколѣнія тирановъ, не черезъ переднія придворныхъ лакеевъ пытается она довести свое слово до царскихъ ушей. Тысячными толпами рѣшили рабочіе собраться къ зимнему дворцу и требовать, чтобъ царь самолично вышелъ на балконъ принять „петицію“ и присягнуть, что требованія народа будутъ исполнены.

Такъ обращались къ своему „доброму королю“ герои Бастиліи и похода въ Версаль! И тогда раздавалось „ура“ въ честь показавшагося толпѣ по ея *требованію* монарха, но въ этомъ „ура“ уже звучалъ смертный приговоръ монархіи.

Рабочіе выставляютъ въ своей „петиціи“ тѣ требованія, которыя съ упорствомъ и послѣдовательностью не переставала пропагандировать наша партія и только она. Всенародное Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Рабочіе не „забыли“ назвать Учредительное Собраніе его настоящимъ именемъ; они не оставили лишь „подразумѣваемой“ ни одной изъ гарантій народныхъ правъ! И въ этомъ мы видимъ, мы съ гордостью видимъ слѣдъ *нашей* работы, нашей кровной связи съ пролетарскимъ движеніемъ. Правда, „петиція“ повторяетъ и заношенныя либеральныя фразы насчетъ уничтоженія „средостѣнія“ между царемъ и народомъ, возможности слiянія царя и народа черезъ голову „бюрократіи“. Неискушенная въ политической борьбѣ рабочая масса не думаетъ еще объ огражденіи своихъ классовыхъ пролетарскихъ интересовъ, а услужливо подсовываемую ей славянофильскую труху принимаетъ за чистое золото политической свободы *для народа*. Пусть такъ. Сегодня она не понимаетъ политическаго положенія. Завтра она пойметъ его. Но и сегодня, довѣрчиво взявъ въ свои руки одно изъ потертыхъ либеральныхъ знаменъ, какъ несетъ она его? Возьмите самый „смѣлый“ либеральный адресъ или резолюцію съ тѣми же требованіями, съ тѣмъ же обращеніемъ и посмотрите, *какъ* говорятъ либералы и *какъ* говоритъ народъ. „Всѣхъ тѣхъ изъ насъ, которые осмѣливались возвышать свой голосъ въ защиту интересовъ народа и трудящихся классовъ, бросали въ тюрьму или ссылку“. „Бюрократія толкала страну на край гибели и разоренія и позорной войной привела ее къ разгрому“. „Если Вы не удовлетворите нашей просьбы, мы умремъ на этой площади передъ Вашимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти, намъ открыты два только пути: путь, который ведетъ къ свободѣ и счастью, или тотъ, который ведетъ въ могилу“. „Если наша жизнь должна быть принесена въ жертву страданіямъ Россіи, мы не пожалѣемъ этой жертвы, мы охотно принесемъ ее“. Вотъ какимъ *нелиберальнымъ языкомъ* говоритъ даже либеральныя рѣчи петербургскій пролетаріатъ. „Мы готовы умереть“ — это значитъ: мы готовы *биться* за свободу, а не только *просить* ее. Отъ просьбъ не умираютъ. Былъ ли слышенъ когда либо подобный языкъ? Да, онъ былъ слышенъ все въ тѣ-же славные дни Великой Революціи, когда зданіе стараго порядка трещало уже по всѣмъ швамъ, и когда революціонный народъ, сохраняя еще реакціонныя иллюзіи и политическую наивность, уже дѣлалъ *революціонное дѣло*. Но за революціоннымъ дѣломъ придетъ революціонное сознаніе, и уже то, *какъ* говоритъ сегодня пролетарская масса, показываетъ, *что* она будетъ говорить завтра. Мы уже видѣли, что во главу угла, какъ свои главныя требованія, рабочіе поставили демократическіе лозунги нашей партіи. Очевидно, что уже сегодня тысячи пролетаріевъ сознательно принимаютъ ихъ. Завтра ихъ такъ же сознательно примутъ десятки и сотни тысячъ. Мы знаемъ изъ иностранныхъ газетъ, что три завода бросили работу по призыву соціальдемократовъ, что, бросая работу, рабочіе поютъ свою пролетарскую „марсельезу“. Завтра стотысячная масса сплотится вокругъ краснаго знамени соціальдемократіи.

Соціальдемократія можетъ съ увѣренностью дѣлать такія предсказанія. Не она ли одна, при всеобщемъ скептицизмѣ, при всеобщихъ крикахъ объ „ограниченности“, „сектантствѣ“, „узости“, „нетерпимости“, не она ли одна съ самаго своего зарожденія неразрывно связала дѣло русской свободы съ дѣломъ рабочаго класса? Не она ли одна всегда вѣрила въ силу и неизбѣжную революціонность пролетарскихъ массъ? Не она ли одна видѣла въ нихъ единственно надежную опору свободы и демократіи и клала всѣ свои силы на дѣло классоваго пробужденія и классовой организаціи этихъ массъ? И не она ли предсказала то выступленіе на арену борьбы съ царизмомъ милліонныхъ рабочихъ массъ, начало котораго мы наблюдаемъ теперь въ Петербургѣ, и продолженіе котораго скоро — мы увѣрены въ этомъ — будемъ наблюдать по всему пространству Россіи?

Какой урокъ тѣмъ либеральнымъ маловѣрамъ, которые, оправдывая свою собственную ограниченность и трусость, говорили о томъ, что народъ „не участвуетъ“ въ политическомъ освобожденіи Россіи, что народъ „молчитъ“ и „врядъ ли заговоритъ“, что только „образованное“ общество „борется“ за свободу, и что тѣмъ самымъ „борьба“ непремѣнно должна быть втиснута въ рамки „легальности“! Какой урокъ этимъ трезвеннымъ и умѣреннымъ политиканамъ, которые не умѣли даже поднять своего взора къ вершинѣ того могучаго дуба, палыми желудями котораго они питались! Пусть попробуютъ эти господа, хотя бы насильно, вдвинуть въ тѣсныя рамки „легальности“ борьбу стотысячныхъ массъ петербургскихъ рабочихъ, даже теперь, когда массы еще подхватываютъ ихъ ограниченные лозунги!

Но скажемъ мы сейчасъ же, какой урокъ и тѣмъ утопитеамъ „конспиративной“ организаціи, которые считали возможнымъ во имя привычки къ повиновенію, во имя формально-организаціонной „дисциплины“, механическимъ рычагомъ „агентуры“ двигать по своему усмотрѣнію милліонную армію рабочаго класса! Пусть попробуютъ они приложить эту военно-аракчеевскую мѣрку къ тому грандіозному движенію, которое развертывается передъ нашими глазами! Пусть попробуютъ они въ организаціонномъ уставѣ третьяго, четвертаго и пятаго съѣздовъ „профессіональныхъ революціонеровъ“ искать того магическаго средства, которое дастъ соціальдемократіи величайшее доступное ей счастье — одушевить этотъ массовый потокъ классовымъ сознаніемъ, политической самостоятельностью! Развѣ не ясно теперь, развѣ не очевидно, что ровно въ той мѣрѣ соціальдемократія сможетъ овладѣть этимъ движеніемъ, — а, стало быть, и это движеніе сможетъ усвоить соціальдемократическое сознаніе, — ровно въ той мѣрѣ сможетъ она направить это движеніе по *классовому* руслу, въ какой ея *вчерашняя и сегодняшняя* пропагандистская и агитаціонная работа выдвинула и выдвигаетъ кадры сознательныхъ соціальдемократовъ изъ среды самой рабочей массы, перелила и переливаетъ черезъ эти кадры въ самое массу элементы классоваго сознанія, сдѣлала и дѣлаетъ ее политически воспріимчивой къ лозунгамъ, выдвигаемымъ соціальдемократіей? Каждый атомъ этой „мелкой“, „подготовительной“ работы сторицею вернется ей теперь!

Совершенно ясны и тѣ задачи, огромныя, трудныя задачи, которыя ставитъ передъ нашей партіей выступленіе на авансцену русской исторіи, на *революціонную* авансцену, рабочихъ массъ. Почему не „*узкая*“ организація „профессіональныхъ революціонеровъ“ дала толчокъ движенію этой лавины, а „Собраніе рабочихъ“? Потому что „Собраніе“ это было дѣйствительно широкою организаціею, основанною на самодѣятельности рабочихъ массъ. Задачи, которыя ставило себѣ это „Собраніе“, были ограничены; самодѣятельность концентрировалась на узкомъ полѣ „чисто экономической“ борьбы; неотмежеванность отъ „правящихъ сферъ“ неизбѣжно вносила сѣмена реакціонности. Потому и возникшее подъ руководствомъ этого „Собранія“ движеніе носитъ на себѣ на первыхъ порахъ печать ограниченности, зигзагами выбирается на правильный путь. Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ „нелегальностью“ нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массой, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетаріата, но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы.

Начавшееся движеніе идетъ зигзагами, бродитъ въ потемкахъ, запинается о реакціонность, о малосознательность отсталыхъ слоевъ массы, дѣлаетъ ложные шаги. Должны ли мы отвернуться отъ него, осудить его, умыть руки? Должны ли мы, если революція вначалѣ пойдетъ „не по нашему“, и мы не съумѣемъ овладѣть ею настолько, чтобы заставить ее идти иначе, нападать въ тылъ революціи? Это была бы преступная, самоубійственная политика, — отказъ отъ того самого дѣла, именемъ котораго мы освящаемъ свое существованіе!

„Шагъ дѣйствительнаго движенія дороже дюжины программъ“, говорилъ Марксъ. И говорилъ не потому, конечно, чтобы онъ, всю жизнь свою посвятившій постановкѣ пролетарской программы на прочную научную основу, недооцѣнивалъ ея колоссальное значеніе. Но наша программа говоритъ намъ, что самая сущность массоваго пролетарскаго движенія революціонна, какими бы наносными пластами она ни заслонялась. И не для того программа существуетъ, чтобы во имя ея отворачиваться отъ непривлекательной для насъ внѣшности, а для того, и *только для того*, чтобы подъ всякою внѣшностью, подъ всѣми случайными проявленіями, отыскать искру революціонной сущности и раздуть ее въ революціонное пламя; чтобы заставить революціонное движеніе сдѣлать новый шагъ по революціонному пути. Какъ акушеры, мы должны помогать труднымъ и мучительнымъ, часто „неправильнымъ“, родамъ классоваго сознанія. Въ этомъ — оправданіе, въ этомъ весь смыслъ нашей дѣятельности.

Петербургское движеніе громкимъ голосомъ диктуетъ всѣмъ, въ комъ живъ духъ соціальдемократіи, ихъ долгъ: на улицу, къ массамъ! На площадяхъ и улицахъ, у воротъ пустующихъ фабрикъ, въ рабочихъ кварталахъ, въ трактирахъ и чайныхъ долженъ непрерывно звучать голосъ соціальдемократа, несущаго въ „неправильное“ движеніе массъ правильное пониманіе классовыхъ интересовъ и методовъ борьбы пролетаріата, критикующаго сегодняшній день для того, чтобы подготовить болѣе революціонный завтрашній! Каждый день всеобщей стачки долженъ быть новымъ шагомъ впередъ, шагомъ въ сознаніи массы, шагомъ въ дѣйствительномъ движеніи ея.

И не только въ Петербургѣ, но вездѣ и всюду, гдѣ есть соціальдемократія, ея обязанность сейчасъ же развернуть всѣ свои силы, стремиться превратить петербургское движеніе въ движеніе всероссійское. Этой работой наша партія сдѣлаетъ массы соціальдемократическими, а себя массовой; этой же работой она совершитъ революцію. Потому что наступила пролетарская весна, а она несетъ съ собою революцію! И если нынѣшнее движеніе уляжется, это не будетъ значить, что оно прошло безслѣдно. Оно будетъ повторяться и возвращаться все съ большей и большей силой, пока могучимъ революціоннымъ натискомъ не освободитъ Россію!

◆

13 января

Великая русская революція началась... Среди треска ружейной пальбы и грохота пушечной канонады родилась эта, такъ страстно жданная, такъ горячо призываемая освободительница народовъ. Въ день 9 января, на площади передъ дворцомъ деспота канула въ вѣчность та традиціонная идея о „народномъ“ царѣ, которая слабыми отблесками своими еще связывала революціонную волю народа. Въ этотъ день, когда на обращеніе народа царь отвѣтилъ пулями и картечью; въ этотъ день, когда сотнями падали безоружные, и улицы столицы впервые украсились баррикадами; въ этотъ день, когда все, что служитъ еще царю, явилось народу въ отвратительной наготѣ наемныхъ убійцъ; въ этотъ день — порвалась „цѣпь великая“ самодержавной традиціи, и однимъ ударомъ создалась традиція революціонная; потому что въ этотъ день не осталось въ столицѣ равнодушныхъ: кто не за царя, тотъ непремѣнно *противъ* него и не только крикъ: долой самодержавіе! но и крикъ: смерть царю! сталъ выраженіемъ народной воли! И такова великая логика революціи: тотъ народъ, который вчера, казалось, такъ покорно и безучастно сносилъ иго самовластья, сегодня встаетъ во весь свой ростъ и дѣйствуетъ такъ рѣшительно, смѣло и послѣдовательно, какъ будто проходилъ школу Великой Французской Революціи.

Каждый день приноситъ новыя, захватывающія духъ извѣстія. И какъ ни свирѣпствуетъ царская цензура, не забывающая душить слово и мысль, въ то время какъ всѣ другіе царскіе слуги душатъ людей; какъ ни слабо отражаютъ доходящія вѣсти дѣйствительное положеніе дѣлъ, все же, быть можетъ, этотъ первый взрывъ петербургской революціи дѣйствительно уляжется. Но горе тому, кто подумаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ уляжется и революція! Революція уже не можетъ остановиться, и, если можетъ быть о чемъ вопросъ, то лишь о темпѣ ея. Провинція рѣшитъ этотъ вопросъ. Уже волнуется Москва, уже возбужденіе перекинулось на окраины, и можно быть увѣреннымъ, что скоро заговоритъ югъ. Наша задача — ускорить и сдѣлать одновременнымъ это распространіе революціи. Въ этомъ залогъ скорой и быстрой побѣды.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ДНИ.

Послѣдніе дни издыхающаго царизма — первые дни рождающейся русской свободы! И какъ весь долгій, тернистый путь борьбы за свободу обильно смоченъ пролетарской кровью, такъ и эти славные и ужасные дни неизгладимо отмѣчены потоками крови рабочаго класса. Эта кровь, кровь безоружныхъ, кровь женщинъ и дѣтей положила на вѣки грань между старой, рабской Россіей и Россіей новой, свободной! Пролетаріатъ заговорилъ во всю мощь своего голоса! Пролетаріатъ воздвигъ баррикады на улицахъ столицы, гдѣ все привыкло къ безмолвію и порядку, тому ужасному „порядку“, который стоитъ народу больше жизней, больше искалѣченныхъ существованій, чѣмъ самая кровопролитная война! Пролетаріатъ противопоставилъ силу массоваго и воодушевленнаго сопротивленія царскимъ войскамъ, которыя, побѣжденныя японцами, не устыдились обратить свое оружіе противъ родного народа! Они не устыдились вчера, они устыдятся завтра — въ томъ порукой всѣ тѣ извѣстія о колебаніяхъ и сомнѣніяхъ войскъ, о стрѣльбѣ черезъ голову и отказѣ стрѣлять, которыя начинаютъ просачиваться въ иностранныя газеты сквозь толстый слой цензурной грязи!

Пролетаріатъ возсталъ и тѣмъ положилъ прочный камень въ фундаментъ русской свободы. Во имя своего освобожденія отъ эксплуатаціи онъ возсталъ за тѣ демократическія требованія, за созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, которыя неустанно выдвигала наша партія. Послѣ 9 января — нельзя подойти къ народу съ другимъ, болѣе двусмысленнымъ лозунгомъ, и потому этотъ день незыблемо рѣшилъ, что русская свобода можетъ восторжествовать лишь какъ демократическая свобода.

Революція началась. Кто знаетъ, когда она кончится? Всѣ, въ комъ теплится чувство человѣчности, всѣ, въ комъ мелкіе личные помыслы не задавили окончательно мысли гражданина, всѣ жадно ждутъ извѣстій съ арены великой борьбы. Мы пойдемъ на встрѣчу этой жаждѣ и будемъ немедленно опубликовывать всѣ приходящія къ намъ извѣстія.

Петербургъ. 2 января въ воскресенье происходило собраніе Русскаго Общества за Нарвской заставой. Дебаты на этомъ собраніи — въ моментъ, когда движеніе массы еще не вынесло главарей общества, далеко за предѣлы ихъ плановъ и начинаній, особенно характерно вскрываютъ истинную цѣль, всего предпріятія попа Гапона — этого Лассаля на изнанку. Предсѣдатель, дѣлая введеніе въ дебаты говоритъ о необходимости заступиться за уволенныхъ товарищей, разсказываетъ исторію увольненія рабочаго Сергунина, который 15 лѣтъ былъ способенъ къ работѣ, а затѣмъ вдругъ оказался неспособнымъ — указываетъ еще на случай, когда у него потребовали докторскаго свидѣтельства о работоспособности, и тутъ же по телефону дали знать заводскому врачу, чтобы онъ его не выдавалъ. (Предсѣдателемъ дѣлается выводъ, что телефонъ повредилъ рабочему дѣлу) Говорится и повторяется о необходимости заступиться.

Въ дебатахъ присными г-на Гапона указывается, что виновата въ непорядкахъ фабричная администрація и только она. Выступаетъ Шелгуновъ и пробуетъ расширить вопросъ, — указываетъ, что виновата не фабричная администрація, сама по себѣ, а капиталисты и проч. Но предсѣдатель сводитъ все снова къ заводской администраціи и для доказательства ея дурныхъ качествъ указываетъ, что администрація не беретъ заказы на большіе военные суда, что „Ретвизанъ“ и пр. строились за границей, и что это обусловливается тѣмъ, что де русскіе рабочіе работаютъ хуже заграничныхъ, послѣднее де совершенно несправедливо, русскіе рабочіе также хорошо работаютъ, какъ и заграничные. Это направляетъ дебаты въ сторону изслѣдованія причинъ меньшей трудоспособности русскихъ рабочихъ въ сравненіи съ заграничными. Начинается сравненіе условій жизни русскихъ и заграничныхъ рабочихъ, но предсѣдатель снова говоритъ о необходимости заступиться за уволенныхъ и вспоминаетъ о благѣ „гласности“, благодаря которой въ „Русской газетѣ“ защищаются права рабочихъ. О результатахъ переговоровъ съ администраціей завода, фабричнымъ инспекторомъ и градоначальникомъ докладываетъ др. Архангельскій. Администрація завода не приняла Архангельскаго какъ депутата отъ рабочихъ, но не отказалась поговорить съ нимъ, какъ съ представителемъ печати, и назвала требованія рабочихъ чрезмѣрными. А „отечески заботящійся о рабочихъ“ градоначальникъ Фуллонъ (имя градоначальника произносится въ русскомъ обществѣ не иначе, какъ съ прибавленіемъ „отечески заботящійся о рабочихъ“) отослалъ депутацію къ фабричному инспектору. Послѣдній напомнилъ депутаціи о свободномъ договорѣ между рабочими и предпринимателями и съ тѣмъ ихъ и отпустилъ. Дальше ораторы настаиваютъ на поддержкѣ требованій (слово стачка тщательно избѣгается за весь вечеръ; очевидно по данному свыше паролю боятся закрытія общества). Дебаты заканчиваются. Начинаютъ говорить о резолюціи. Но предсѣдатель объявляетъ, что въ этомъ учрежденіи (такъ и сказалъ) нельзя принимать никакихъ резолюцій. Въ это время въ залѣ происходитъ нѣкоторое замѣшательство, всѣ обращаются назадъ лицомъ. Это разбрасываются прокламаціи Ц. К. ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ, и Петербургской группы Ц. К. „Кого судить“. Многіе ихъ читаютъ, другіе поднимаютъ и рвутъ на куски. Въ это время выступилъ рабочій соц.-дем. Онъ указалъ на то, что соціальдемократія защищаетъ и давно уже защищаетъ права рабочихъ, что ею давно уже выставленъ цѣлый рядъ необходимыхъ для рабочихъ требованій, что къ ней надо обращаться за защитой рабочихъ интересовъ, что онъ и предлагаетъ сдѣлать. Затѣмъ обращаясь къ требованіямъ, онъ нашелъ ихъ недостаточными, указалъ на необходимость выставить политическія требованія и звалъ въ ряды соціальдемократіи. Говорилъ онъ недолго, очень простымъ языкомъ. Его прерывали возгласами, что этого не надо, что это рано еще и пр. Рѣчь была все же покрыта аплодисментами. Возражать товарищу сталъ д-ръ Архангельскій, о которомъ уже упоминалось выше. Тотъ самый д-ръ Архенгельскій, который подписывался подъ резолюціями на банкетахъ...

Указавъ на то, что онъ собственно не противъ политическихъ требованій — онъ тѣмъ не менѣе нашелъ, что здѣсь они не умѣстны, что ораторъ зашелъ слишкомъ далеко, что здѣсь „еще слишкомъ рано“... Этимъ заявленіемъ, да еще выборомъ попа Гапона для веденія дѣла, назвать которое своимъ именемъ (т. е. употребить слово стачка) не рѣшались его иниціаторы, закончилось собраніе 2 января. Въ понедѣльникъ 3-го заводъ сталъ. (Я не пишу того, что извѣстно изъ легальныхъ газетъ, напр., изъ „Новаго Времени“ о хожденіяхъ попа Гапона съ братіей, къ администраціи) 3-го въ понедѣльникъ было вновь въ 11 час. утра собраніе „Русскаго Общества“. На немъ выступилъ нашъ ораторъ. Онъ началъ съ расширенія экономическихъ требованій: 8-ми часовой рабочій день, повышеніе расцѣнковъ на 25 процентовъ, минимальная плата для чернорабочихъ въ одинъ рубль и цѣлый рядъ другихъ, приводимыхъ въ газетахъ, были впервые выставлены нашимъ ораторомъ и приняты собраніемъ; затѣмъ онъ перешелъ къ политическимъ требованіямъ и выставилъ весь ихъ рядъ. Его очень внимательно слушали, прерывали криками согласія: „согласны, запишите, а то мы забудемъ“. (Это относилось къ перечню требованій). Вечеромъ 3-го же, всѣ эти требованія были выставлены уже русскимъ собраніемъ. Отъ 2-го вечеромъ до 3-го вечеромъ — въ 24 часа — его принудили сдѣлать громадный шагъ впередъ. И „Русская газета“ предлагаетъ бастовать вплоть до удовлетворенія всѣхъ требованій, выставленныхъ 3-го вечеромъ.

Со вторника начали поговаривать о стачкахъ на другихъ заводахъ: о томъ, что обуховцы, уже давно собирающіеся забастовать, присоединятся, что это же относится къ инструментально-трубочному и Балтійскому заводу (Васильевскій островъ). Въ настоящій моментъ стоитъ въ городѣ (городской районъ) Невская ниточная мануфактура, Невская бумагопрядильная мануфактура, Екатерингофская бумагопрядильня. Завтра станетъ фабрика Рѣчкина (?), Россійская резиновая мануфактура. Стоитъ Невскій судостроительный заводъ (Семянниковскій), Обуховскій заводъ. Въ понедѣльникъ — Патронный и Балтійскій. Почти въ одно время съ Путиловскимъ сталъ Франко-Русскій заводъ. Поднять маленькія мастерскія и ремесленниковъ мало надежды. Во вторникъ и въ среду вечеромъ происходили собранія въ 5-мъ отдѣленіи Русскаго общества (на углу Рождественской и Дегтярной). Въ среду туда пошла наша публика — рабочіе, но выступить не рѣшилась. На собраніе явились ткачи съ мануфактуры Штиглица. Масса сѣрая, сейчасъ изъ деревни, съ деревенскимъ разговоромъ — „кабы“, „да вотъ бы“, и весь вечеръ былъ посвященъ разбору и установленію новыхъ расцѣнковъ. Наши не были подготовлены къ такому собранію и не чувствовали себя въ силахъ, начавъ съ расцѣнковъ, довести до Учредительнаго Собранія, и промолчали. Но несомнѣнно, что для массы ткачей самый фактъ обсужденія своихъ дѣлъ въ массовомъ собраніи имѣетъ громадное воспитательное значеніе, и тутъ, какъ и во всемъ происходящемъ теперь, поступательное движеніе впередъ массы дѣлаетъ своимъ орудіемъ Русское собраніе, основанное съ цѣлью затемненія классоваго сознанія.

Въ среду 5-го было Собраніе фабрично-заводскихъ рабочихъ за Невской заставой. На собраніе пожаловалъ самъ Строевъ изъ „Русской Газеты“ (ведетъ тамъ отдѣлъ изъ фабрично-заводской жизни за своею подписью). Началъ онъ съ экономическихъ требованій и дошелъ до необходимости для рабочихъ стремиться къ „обобществленію труда“ и переходу орудій производства въ руки рабочихъ (такъ и сказалъ — „стремиться къ обобществленію труда“). Но затѣмъ отъ „стремленія къ обобществленію труда“ непосредственно перешелъ къ защитѣ того положенія, что виноватъ не царь, который... и все прочее, а виноваты чиновники, что противъ ихъ произвола и слѣдуетъ протестовать. Обуховцы и семянниковцы, особенно первые, самый развитой элементъ, и для разговора съ ними было выдвинуто „стремленіе къ обобществленію труда“ и „борьба съ чиновниками“. Вначалѣ рѣчи Строевъ, между прочимъ, сказалъ что онъ только что возвращается „отъ очень интеллигентныхъ людей“, которые ему указывали на недостаточность требованій, выставленныхъ рабочими. Эти „очень интеллигентные люди“, сирѣчь господа питерскіе либералы, не понимаютъ... (это, впрочемъ, имъ и полагается по росписанію) помилуйте, только мелкія требованія... Господа либералы не понимаютъ, какое значеніе имѣетъ само по себѣ такое грандіозное движеніе массъ. Впрочемъ, оно не остановится на экономическихъ требованіяхъ, и господа либералы, которые ждутъ, чтобы для нихъ сдѣлали революцію, получатъ навѣрное, получатъ и полный рядъ политическихъ требованій.

6 января. Собранія „Русскаго Общества“ происходятъ ежедневно. Всюду, гдѣ можно, выступаютъ наши рабочіе. Наиболѣе успѣшно для насъ прошло собраніе за Невской заставой, то самое, описаніе котораго я началъ съ рѣчи Строева. Послѣ него говорилъ рабочій С. Д. Говорилъ очень удачно и дѣльно. Слушали его хорошо, часто прерывали аплодисментами. Онъ освѣтилъ программу с.-д. и выставилъ требованія немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Послѣ его рѣчи собраніе пожелало имѣть предсѣдателемъ соціальдемократа, который и былъ избранъ всѣмъ собраніемъ. Собраніе было громадное, былъ полонъ весь залъ — толпа заполняла крыльцо и дверь. Говорили еще нѣсколько соціальдемократовъ рабочихъ. Собранія происходятъ ежедневно по 2 раза въ день.

Положеніе рисуется такимъ: 38 тысячъ забастовало еще вчера; съ воскресенья ожидается всеобщая забастовка — а въ царя — уже стрѣляютъ изъ пушекъ. Картечь попала въ Николаевскій залъ зимняго дворца, который былъ полонъ дипломатами и прочими лицами. Командиръ полка, къ которому принадлежала баттарея, застрѣлился.

Священникъ Гапонъ *весьма* теперь разговариваетъ съ либералами. Ему же переданы ими деньги для поддержанія стачки. Священникъ Гапонъ (28 лѣтъ, академикъ) объяснялъ либераламъ, что онъ теперь „политическій революціонеръ“, что теперь онъ откроетъ свои карты, что крайняя партія не можетъ быть понята сѣрой массой, что крайнія партіи вылавливаютъ только способныхъ одиночекъ. Января 6-го за Нарвской заставой тамъ Путиловскій заводъ въ первомъ отдѣленіи Русскаго Общества говорилъ Гапонъ; выставилъ требованіе учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Собраніе приняло эти требованія. Была рѣшена всеобщая забастовка. Въ воскресенье рѣшили идти къ зимнему дворцу съ дѣтьми и домочадцами и требовать учредительнаго собранія и освобожденія всѣхъ борцовъ за политическую свободу и рѣшили стоять на этомъ требованіи до конца. „Будемъ освобождать арестованныхъ! Не дадимъ никого въ обиду!“ Итакъ на воскресенье Гапономъ назначена революція. „Гапонъ — демагогъ, не брезгающій никакими средствами“, говорятъ про него либералы, но „*за нимъ идутъ массы, а надо теперь, чтобы масса пришла къ зимнему дворцу*“, и они усердно разговариваютъ теперь съ Гапономъ, даютъ ему деньги и обѣщаютъ ихъ безъ конца, и тутъ же рядомъ говорятъ о „мизерности“ нашей организаціи! Какъ отвратительно слышать все это... Гапонъ говоритъ, что онъ использовалъ градоначальника и [illegible] полицію въ интересахъ дѣла — онъ хотѣлъ стать Лассалемъ — а пока что, дѣйствуетъ то въ союзѣ съ провокаторомъ(?) докторомъ Архангельскимъ, то, подъ сурдинку, съ либералами. Онъ хочетъ стать Лассалемъ, боится, чтобы „крайнія партіи не внесли раскола въ массу“. А глупые либералы повторяютъ это намъ... Либералы, какъ и всегда, грязнѣе всѣхъ, ибо понимаютъ все и ничѣмъ не рискуютъ.

Попъ Гапонъ ведетъ дѣло, во всякомъ случаѣ, блестяще. Что касается дѣятельности нашей группы — въ это время, — то она сводится къ попыткѣ внести все, что можно, въ развертывающіяся событія. Организованъ стачечный комитетъ. Изъ лучшихъ рабочихъ организована группа выступающихъ на собраніяхъ, съ которыми разработано было содержаніе рѣчей. Въ каждомъ районѣ образованы районные стачечные комитеты, собраны районныя агитаторскія группы — съ ними разработано содержаніе агитаціи въ эти дни. Уже во вторникъ стачечный комитетъ рѣшилъ въ воззваніяхъ звать ко всеобщей забастовкѣ. А рядомъ съ экономическими требованіями, выставлены: созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и всѣ свободы. Кромѣ листка, призывающаго къ всеобщей забастовкѣ, выпущенъ листокъ къ путиловцамъ. Нарвскимъ районнымъ собраніемъ предпринято изданіе бюллетеней.

(Сообщено Петерб. Группой при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.)

Изъ частнаго письма отъ 8 января.

Петербургъ. 100.000 рабочихъ забастовали. Газеты не выходятъ. На улицахъ толпятся рабочіе, хотятъ остановить фабрики. Собираются, говорятъ и т. д. Громадныя собранія съ попомъ Гапономъ, который фанатизируетъ толпу. Онъ говоритъ объ ихъ интересахъ, что имъ нужно добиваться экономическихъ улучшеній, что имъ нужно добиваться политическихъ правъ, что рабочіе единственные свѣточи, единственные избавители отъ всѣхъ золъ. Онъ спрашиваетъ ихъ, клянутся ли они, что поддержатъ его. Народъ кричитъ: „клянемся“. Что то небывалое. Въ первое время они требовали чисто экономическихъ улучшеній, но въ собранія пробирались соціальдемократы и одерживали побѣды, и повсюду были приняты резолюціи политическія. Попъ все больше и больше идетъ влѣво и приближается къ соціальдемократамъ. Говорятъ, что завтра всѣ пойдутъ къ царю съ петиціей, въ которой требуютъ созыва Учредительнаго Собранія со всеобщимъ, прямымъ, тайнымъ и равнымъ избирательнымъ правомъ и много другихъ требованій. Сегодня ужъ на улицахъ вывѣшено объявленіе, въ которомъ говорится, что за собранія на улицахъ будутъ стрѣлять. Питера не узнать.

Петербургъ. (Отъ члена мѣстной группы при Ц. К.).

8-го января вечеромъ.

Суббота. На улицѣ толпы рабочихъ. Полиція тьма-тьмущая. Повсюду, гдѣ рабочіе, тамъ и полиція, но еще столкновеній не было. Настроеніе среди рабочихъ мирное, и они этимъ гордятся. Мирное — не въ смыслѣ пониженія требованій, а въ смыслѣ отсутствія бурныхъ проявленій. Забастовка была начата обществомъ легальнымъ, во главѣ со священникомъ Гапономъ исключительно на почвѣ экономическихъ требованій, но теперь она находится подъ значительнымъ давленіемъ и вліяніемъ соц.-дем. (ежедневно происходитъ около 11 громадныхъ собраній этихъ обществъ, и на нихъ выступаютъ ораторы соціальдемократы). Результатомъ этого вліянія явились политическія требованія — требованія всякихъ свободъ. А вчера Гапонъ уже заявилъ, что *соціальдемократы не враги, а друзья народа*; далѣе онъ заявилъ, что нѣтъ среди чиновниковъ правды. Фабричные инспектора и градоначальникъ, къ которымъ онъ и рабочіе обращались, отказались удовлетворить требованія; теперь онъ зоветъ всѣхъ выбрать депутацію къ самому царю, заявляя, что онъ одинъ дастъ правду, а если и царь не удовлетворитъ требованій, то „долой царя!“ Такъ заявилъ торжественно священникъ Гапонъ. Конечно, соціальдемократы предостерегаютъ отъ такихъ шаговъ, говорятъ, что рабочіе не просить должны, а требовать. Сегодня уже нельзя достать газетъ, такъ какъ всѣ типографіи стали. Всѣхъ бастующихъ уже свыше 100 тысячъ. Грандіозное зрѣлище!

9-го января.

Воскресенье утромъ. Положительно переживаешь революціонные дни. Сегодня 200 тысячъ рабочихъ собираются у дворца *просить* свободы. Что изъ этого выйдетъ — не трудно себѣ представить, такъ какъ градоначальникъ уже вывѣсилъ объявленіе объ употребленіи военной силы и рѣшительныхъ мѣръ. Вѣроятно, рабочихъ просто у заставы не пустятъ въ городъ. Замѣчается какое то зловѣщее передъ бурей затишье. Вѣдь, уже всѣ производства стали. Газеты не выходятъ. Вы, вѣрно, слышали о той роли, которую здѣсь играетъ священникъ Гапонъ. Правда, онъ имѣетъ громадное вліяніе на массу, но подъ вліяніемъ соціальдемократическихъ ораторовъ самому Гапону надо было стать очень радикальнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо выставлять соціальдемократическія требованія, чтобы удержать за собою вліяніе на массу. На нѣкоторыхъ собраніяхъ масса принимала резолюціи соціальдемократическія и давала слово только тому оратору, который себя заявлялъ соціальдемократомъ, выбирала предсѣдателя соціальдемократа. Какъ быстро идутъ дни, какъ сильно переживаешь!...

10 января.

Вчера былъ у насъ настоящій революціонный день изъ временъ французской революціи. Еще съ субботы стягивались всѣ войска изъ окрестностей, а къ утру въ воскресенье городъ представлялъ военный бивуакъ. Зимній дворецъ былъ окруженъ густой цѣпью войска, тутъ же поставлены пулеметы. У всѣхъ заставъ стянуты войска кавалерійскія и пѣхотныя. Съ 9-ти часовъ утра стала тянуться длинная вереница рабочаго люда ко дворцу. Все безмолвствовало зловѣще. Въ 11 часовъ у дворца была пятидесятитысячная, а то и стотысячная толпа По ней дали два залпа. Масса убитыхъ и раненыхъ. Негодованію толпы не было предѣловъ. Бурные возгласы не прекращались цѣлый день: „Долой царя! Опричники! Свобода жизни! Отъ японцевъ бѣжите, а со своими сражаетесь! и т. п. и т. п.“ Ну, положительно не было ни одного человѣка, равнодушнаго къ этой рѣзнѣ. Далѣе, два раза по нѣсколько залповъ дали на Невскомъ по Мойкѣ и по Екатерининскому каналу. Убитыхъ и раненыхъ масса. Казаки, разъѣзжая въ три ряда (по дорогѣ и по панели), давили публику, нѣсколько разъ даже обнажали шашки и неистовствовали. Публика рабочая была воинственно настроена.

Съ Путиловскаго завода двинулись всѣ рабочіе, во главѣ съ священникомъ Гапономъ. Ихъ не пропустили войска Тогда они вернулись за хоругвями и иконой и двинулись ко дворцу. Возлѣ заставы войска открыли по нимъ пальбу. Рабочіе скомандовали: „ложись“, а офицера — „пали по лежачимъ“. Было дано 18 залповъ. Масса раненыхъ и убитыхъ. Съ Шлиссельбургскаго тракта со всѣхъ заводовъ (Обух., Семянниковск. и др.) двинулись въ городъ. У заставы ихъ встрѣтили казаки, которые хотѣли врѣзаться въ толпу. Но тутъ женщины вышли впередъ и легли на землю, требуя, чтобы по ихъ трупамъ проѣхали. Казаки не рѣшились! Затѣмъ стали ломать заборъ, чтобы по Невѣ направиться въ городъ. На Васильевскомъ было особенно революціонное настроеніе, чисто соціальдемократическое. Разрушены телеграфные и телефонные столбы, сняты проволоки для преграждения конницѣ свободнаго движенія Разгромленъ маленькій складъ съ ружьями, построены баррикады, на которыхъ водрузили два красныхъ знамени, захватили типографію (частную) и выпустили соц.-дем. бюллетень Здѣсь войско много разъ палило. Знаменосецъ поднятъ на штыки. Ораторъ убитъ на баррикадахъ. Много убитыхъ и раненыхъ. Такъ же было воинственное настроеніе, хотя не такое сильное, какъ на Васильевск., на сторонахъ Петерб. и Выборгской. Все время выступали вездѣ ораторы соціальдемократы.

Изъ Колпина пришли тоже 15-20 тысячъ рабочихъ.

Петербургъ. 10-го января. (Изъ частнаго письма). Кровью залитъ Петербургъ. Число убитыхъ и раненыхъ (пока еще не извѣстно, но, навѣрное, не меньше 1000 человѣкъ. Попробую описать, что самъ слышалъ и чему былъ очевидцемъ.

Къ двумъ часамъ дня 9-го января на площади Зимняго Дворца должны были собраться депутаты всѣхъ заводовъ и фабрикъ (бастуетъ весь Петербургъ; въ типографіи „Правительственнаго Вѣстника“, на водопроводѣ и электрической станціи работаютъ солдаты). Во главѣ рабочихъ изъ за Нарвской Заставы шелъ священникъ Гапонъ съ петиціей, которую онъ долженъ былъ подать царю отъ лица всѣхъ рабочихъ. Рабочіе шли со своими женами и дѣтьми. Всѣ выходы изъ рабочихъ районовъ въ городъ были заняты войсками, и тутъ происходили главныя избіенія и разстрѣлы мирно настроенной и невооруженной толпы. Послѣ перваго залпа священникъ и масса ребятишекъ, шедшихъ впереди, повалились. Толпа по командѣ легла на землю а казаки шашками начали избивать народъ. Такія же избіенія и разстрѣлы происходили на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской Сторонѣ, за Невской Заставой и др.

Къ 12 часамъ дня я былъ около Александровскаго сада. Всѣ входы на площадь Дворца были заняты войсками въ походномъ вооруженіи, жандармами и матросами. Какъ только толпа, все время увеличивающаяся притокомъ новыхъ массъ рабочихъ, начала выражать неудовольствіе, что не пускаютъ къ площади, сейчасъ же раздалась команда „рысью“ и народъ погнали по улицамъ. Толпа держала себя въ высшей степени мирно; не было ни знамени, ни революціонныхъ возгласовъ. Такъ продолжалось до 2 ч. дня.

Въ это время я очутился на углу Невскаго и Адмиралтейской площади. Здѣсь была та же картина. Войско во всю ширину улицы; передъ нимъ громадная тысячная толпа. Всѣ чего-то ждутъ. По другую сторону войска въ этомъ мѣстѣ также стояла толпа, успѣвшая прорваться и занимавшая панель и часть площади около сквера. Противъ нея, уже на площади, тоже войско.

Въ 3 часа я услышалъ сигнальный рожокъ, но ни я, и никто изъ окружающихъ не обратили на это вниманія; никакихъ предостереженій, что сейчасъ будутъ стрѣлять, сдѣлано не было. Потомъ раздался второй рожокъ, — впечатлѣніе тоже самое. И вдругъ — залпъ, одинъ, другой, третій. На мѣстѣ остались сотни. Бросились врассыпную, подхватили убитыхъ и понесли по Невскому. Возбужденіе охватило всѣхъ страшное. Отдѣльныя сцены не поддаются описанію. Это была уже не демонстрація, а революція, только при отсутствіи оружія у революціонеровъ. Боролись голыми руками, стаскивали съ лошадей солдатъ, офицеровъ, срывали съ нихъ погоны, отнимали оружіе и шашки, и отпускали истерзанныхъ. Залпы были: на углу Невскаго и Мойки (два—вдоль по Мойкѣ), два у Александринскаго театра; потомъ раздавались отдѣльные выстрѣлы.

До 9 часовъ вечера происходили столкновенія съ войсками. На Васильевскомъ Островѣ была устроена баррикада изъ поваленныхъ телефонныхъ столбовъ и разнесенъ морской арсеналъ. Изъ разговоровъ въ толпѣ видна твердая рѣшимость продолжать борьбу, но уже съ оружіемъ въ рукахъ.

Сегодня съ утра артиллерія отправлена за Нарвскую заставу По слухамъ оттуда идутъ 15,000 вооруженныхъ рабочихъ. Рабочіе изъ Колпина тоже собираются идти на Петербургъ. Въ Москву послана депутація съ призывомъ къ оружію.

Восемь ротъ, не знаю какого полка, отказались выйти на улицу. Вчера солдаты, когда къ нимъ обращались съ убѣжденіями не стрѣлять въ своихъ братьевъ, внимательно и сочувственно слушали на ходу и отвѣчали: „не по своей винѣ; простите насъ!“ я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Вчера вечеромъ было собраніе интеллигенціи; въ резолюціяхъ рѣшено примкнуть къ рабочему движенію и поддерживать его всѣми имѣющимися средствами.

Петербургъ. 12 января. Сейчасъ нѣтъ здѣсь рѣшительно ни одного рабочаго, который не проникся бы, по меньшей мѣрѣ, сомнѣніемъ къ „любвеобильному“ монарху. На всѣхъ перекресткахъ то и дѣло слышится: „долой самодержавіе!“, „долой царя!“. Вся та сѣрая масса, которая съ глубокой вѣрой шла къ царю, столь же глубоко теперь вѣритъ, что царя нѣтъ, а есть палачъ. И только нѣкоторые скептики еще утверждаютъ, что царь ничего не знаетъ про настоящія событія. Начались репрессіи. Всѣхъ видныхъ литераторовъ арестовали и отправили въ крѣпость: Гессена, Анненскаго, Пѣшехонова, Кедрина и друг. Забастовка продолжается. Всѣ настаиваютъ на поддержаніи общерусскихъ политическихъ требованій, такъ какъ только въ этомъ случаѣ возможно избавленіе отъ такихъ смутныхъ дней, и присоединенія рабочихъ другихъ городовъ къ тому же. Рабочіе заявили, что не хотятъ вступать въ переговоры съ отдѣльными заводами, т. к. требованія таковы, что ни отдѣльные заводы, ни даже всѣ вмѣстѣ не смогутъ ихъ удовлетворить. Но все же пульсъ общественной жизни понизился, и не столько въ низахъ рабочей массы, сколько въ ея верхахъ. Возможно, что скоро и все уляжется. Но, тѣмъ не менѣе, еще никогда не было такого крупнаго урока политическаго воспитанія рабочихъ массъ, какъ теперь. Если революціонное движеніе на сей разъ прекратилось, то лишь временно съ тѣмъ, чтобы скоро еще грознѣе возстать и съ оружіемъ въ рукахъ добиться свободы.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТИХІЯ И ПРОЛЕТАРІАТЪ.

Вихрь возстанія пронесся надъ Петербургомъ. Царское чудовище разверзло свою пасть и поглотило тысячи жизней: оно почуяло приближеніе конца. Варварство, накопленное въ теченіе вѣковъ, не могло быть раздавлено пролетаріатомъ одной столицы; оно погибнетъ при громкихъ проклятіяхъ повсемѣстно возставшаго русскаго народа. Событія съ головокружительной быстротой несутся къ этой развязкѣ. Непоколебимость русскаго курса на европейской биржѣ въ моментъ сильнѣйшаго революціоннаго кризиса и диктатура Трепова, смѣнившая режимъ растерянности и довѣрія Мирскаго являются ея вѣрнѣйшими предзнаменованіями. Все или ничего — девизъ настоящаго дня, данный самодержавіемъ

Первый эпизодъ великой русской революціи разыгрался въ фантастической обстановкѣ. — Петербургскіе рабочіе отсталый элементъ, они равнодушны къ политикѣ, мы должны взяться за ихъ медленное, систематическое воспитаніе; — такъ говорилъ еще вчера Струве, такъ говорили либералы. Исторія посмѣялась надъ ихъ куриной слѣпотой. Дебаты, начавшіеся въ собраніи рабочихъ, организованномъ для затемнѣнія ихъ сознанія, для ихъ политическаго развращенія, въ одну недѣлю разрослись въ возстаніе пролетаріата, которое потрясло всю Россію до основанія, потрясло весь цивилизованный міръ. И кому лихорадочно-торопливая исторія навязала роль вождя народнаго? Кто герой сегодняшняго дня? Какой-то никому невѣдомый Гапонъ, служитель православной церкви, цѣлые вѣка раболѣпствовавшей передъ большими и малыми деспотами русской земли.

Глубокомысленнымъ, трезвеннымъ политикамъ изъ буржуазнаго лагеря, не видящимъ дальше своего носа, все это должно казаться чудомъ, все это должно внушить суевѣрное преклоненіе передъ таинственномъ рокомъ. Для насъ, для соціальдемократіи, это не чудо, для насъ это неизбѣжное столкновеніе тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ, подземную работу которыхъ мы видѣли, результаты которой мы предсказали. Именно потому, что сфинксъ русской революціи нами давно разгаданъ, мы не потеряемся въ моментъ самаго бѣшенаго разгула народной революціонной стихіи. Эта стихія намъ родная, въ ней соціальдемократія родилась, но соціальдемократія можетъ и должна ее подчинить себѣ, она уже подчиняетъ ее себѣ — сила знанія даетъ намъ власть надъ революціей.

Великая буржуазная революція Россіи началась при благопріятныхъ условіяхъ. „Буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкаетъ его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя.“ Такъ писалъ Марксъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, и это остается вѣрнымъ и понынѣ для насъ. Но соотношеніе силъ буржуазіи и пролетаріата въ современной Россіи гораздо болѣе благопріятное, чѣмъ на Западѣ, когда Марксъ писалъ эти строки, т. е. наканунѣ 48 года.

Въ періодъ истекшей либеральной „весны“ оппозиціонная буржуазія осмѣлилась говорить съ самодержавіемъ языкомъ гражданина только въ разсчетѣ на поддержку со стороны пролетаріата. Недостаточно быстрое выступленіе на арену этого могучаго союзника обезкураживало, обезсиливало ее; она терялась, не знала что дѣлать, она не находила въ своемъ распоряженіи никакого оружія, кромѣ словъ, а одними словами царизма не свалишь съ ногъ. Оппозиціонная буржуазія томительно выжидала революціоннаго выступленія пролетаріата, но въ то же время она боялась этого выступленія: кто знаетъ, куда заведетъ насъ этотъ богатырь, когда онъ подымется? Такъ либералы топтались на мѣстѣ, разъѣдаемые рефлексіей. Къ счастью, *стихія буржуазной революціи сильнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ тотъ классъ, непосредственное политическое господство котораго она подготовляетъ.* Какъ бы мелки и мизерны ни были думы и чувства политически сознательной буржуазіи Россіи, ея освобожденіе невозможно безъ великой народной революціи. Слишкомъ громадна инерція вѣкового гнета царизма, поддерживаемаго европейской реакціей, слишкомъ далеко зашло впередъ движеніе русскаго пролетаріата, чтобы процессъ освобожденія буржуазнаго общества закончился какимъ нибудь жалкимъ компромиссомъ, соотвѣтствующимъ ничтожному размаху традиціонной политической мысли русскаго либерализма. Не сегодня, такъ завтра, не въ той, такъ въ другой формѣ стихія буржуазной революціи должна была найти проводникъ между властными политическими интересами буржуазнаго общества, прокладывающими себѣ путь, и революціонной энергіей пролетаріата. Исторія не ждетъ. Традиціонный либерализмъ не съумѣлъ преодолѣть своей косности — исторія его отмела. Наспѣхъ складывающаяся буржуазная демократія тоже не успѣла прійти въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ. Исторія отыскала революціонный проводникъ на сторонѣ, внѣ политическихъ партій. Роль такого проводника между политическими интересами буржуазнаго общества и отсталыми слоями рабочей массы сыгралъ неожиданно для всѣхъ и для самого себя священникъ Гапонъ.

Сынъ священника, затѣмъ семинаристъ, исключенный и вновь принятый въ семинарію, толстовецъ, затѣмъ духовный академикъ, выскующій града, тюремный священникъ, изобрѣтающій филантропическіе проекты съ благоволенія царицы, затѣмъ агитаторъ среди рабочихъ съ явнаго благоволенія полиціи и тайнаго либераловъ, наконецъ, народный трибунъ и вождь возстанія, таково curriculum vitae (краткая біографія) этой мятежной натуры, проникнутой глубокимъ демократическимъ инстинктомъ и въ то же время лишенной всякихъ политическихъ принциповъ. Лучшаго орудія для своихъ цѣлей слѣпая стихія буржуазной революціи не могла бы найти. Она сдѣлала случайнаго революціонера „разстригу“ своимъ героемъ. Но врядъ ли найдется въ исторіи другой герой, который съ большимъ основаніемъ, чѣмъ Гапонъ, могъ бы примѣнять къ своимъ дѣяніямъ знаменитыя слова Бланки: „La foule en révolution n'est pas un régiment auquel on commande, mais un élément auquel on obéit“. (Революціонная толпа — не полкъ, надъ которымъ командуютъ, а элементъ, которому подчиняются).

Гдѣ вашъ хваленый пролетаріатъ? писалъ перебѣжчикъ Струве въ послѣднемъ номерѣ Освобожденія, наканунѣ возстанія 9-го января. Гдѣ русская соціальдемократія? съ злорадствомъ спрашивали сознательные и безсознательные враги пролетаріата, основываясь на первыхъ оффиціальныхъ вѣстяхъ съ поля битвы. На первый вопросъ *теперь* съумѣла отвѣтить даже буржуазная англійская пресса. Послушайте, бывшій марксистъ, что пишетъ д-ръ Диллонъ, корреспондентъ буржуазной газеты „Daily Telegraph“; поучитесь у англійскаго буржуа уваженію къ русскому пролетаріату: „*Революціонное движеніе самопроизвольно возникаетъ въ рабочемъ классѣ;* оно никоимъ образомъ не было вызвано буржуазными вождями... *Профессора, академики, чиновники, тайные совѣтники собрались* на званый обѣдъ, не подозрѣвая, что имъ придется подписаться подъ бумагой, требующей отъ царя отреченія отъ самодержавія. *Еслибъ они что либо объ этомъ раньше знали, они бы остались дома.* Но во время обѣда у одного изъ присутствующихъ является мысль набросать декларацію противъ самодержавія и собрать подписи. *Сначала всѣ испугались*, но черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ охватилъ революціонный порывъ, и они подписались съ энтузіазмомъ. *Революціонная волна поднялась изъ народныхъ глубинъ, но она увлекаетъ также со стихійной силой и верхніе слои...*“ Это отвѣтъ либераламъ насчетъ пролетаріата. Но, къ счастью для русскаго пролетаріата, мы теперь можемъ уже отвѣтить съ чувствомъ удовлетворенія и на второй вопросъ: гдѣ была соціальдемократія въ первые дни революціи? Она была въ сознаніи тѣхъ пролетаріевъ, которые боролись въ „Русскомъ Собраніи“ съ разными демагогами и политическими шарлатанами, вродѣ гг. Архангельскихъ и Строевыхъ, она была въ сознаніи организованныхъ и неорганизованныхъ товарищей, которые выдвинули на рабочихъ собраніяхъ Петербурга соціальдемократическія требованія, которые заставили импровизированнаго вождя народнаго Гапона присоединиться къ этимъ требованіямъ, которые сдѣлали ихъ боевымъ лозунгомъ всего петербургскаго пролетаріата, соціальдемократія организовала и засѣдала въ стачечныхъ комитетахъ, она была во главѣ пролетаріата на баррикадахъ Васильевскаго Острова, она завтра будетъ во главѣ всего возставшаго русскаго пролетаріата.

Насъ не удивляетъ и не смущаетъ, что героемъ перваго революціоннаго натиска является человѣкъ, который *до революціи* былъ чуждъ соціальдемократіи, былъ даже враждебенъ ей. Мы знали и всегда говорили, что мы живемъ въ атмосферѣ революціонизирующагося буржуазнаго общества; мы знали и говорили, что въ такой атмосферѣ пролетаріатъ неизбѣжно долженъ и будетъ получать революціонные импульсы и толчки отъ элементовъ, чуждыхъ ему. Но, нисколько не смущаясь тѣмъ, что разношерстные элементы толкаютъ, сознательно или безсознательно, иногда даже противъ воли тѣ или другіе слои пролетаріата на революціонный путь, наша соціальдемократія всегда ставила себѣ цѣлью внести ясное сознаніе въ стихійно революціонизирующіяся рабочія массы и подчинить ихъ правильно понятымъ интересамъ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи десятилѣтняя работа соціальдемократіи вполнѣ исторически окупилась. Если чуждый намъ священникъ Гапонъ увлекъ отсталыя массы петербургскаго пролетаріата на возстаніе, то въ рядахъ петербургскаго пролетаріата нашлось достаточно соціальдемократическихъ элементовъ, чтобы ввести это возстаніе въ соціальдемократическое русло, чтобы временнаго техническаго организатора возстанія пролетаріата идейно подчинить постоянному вождю пролетаріата — соціальдемократіи.

Возстаніе 9 января есть только первый эпизодъ русской революціи, и чѣмъ больше будетъ развиваться великая историческая драма, тѣмъ больше въ хаосѣ революціонной стихіи будутъ кристаллизоваться очертанія и роли отдѣльныхъ политическихъ партій.

Первый непосредственный толчекъ народной революціи далъ человѣкъ, не принадлежавшій ни къ какой политической партіи, не исповѣдывавшій никакихъ политическихъ принциповъ, ничѣмъ не связанный ни со вчерашнимъ, ни съ завтрашнимъ днемъ. Только полная свобода отъ всякихъ обязательствъ позволила ему прибѣгнуть къ *такимъ* пріемамъ ускоренія революціоннаго процесса, которые могли бы оказаться пагубными для дѣла революціи и для дѣла пролетаріата, еслибъ въ пролетаріатѣ не было достаточно элементовъ, которые использовали стихійное возбужденіе для соціальдемократическихъ цѣлей, для цѣлей, основанныхъ на пониманіи историческаго процесса развитія общества. Для соціальдемократіи Гапонъ, его сотрудники, его организація и его дѣятельность — одинаково *объективныя* явленія, за которыя она *не могла бы* ни въ какомъ случаѣ взять на себя моральную отвѣтственность, но которыя она *обязана* была всестороннимъ образомъ использовать. Это она сдѣлала въ Петербургѣ. Теперь, когда первый толчекъ данъ, достаточно одного *чувства солидарности* для того, чтобы вызвать всеобщую стачку въ Россіи, для того, чтобы въ разныхъ концахъ Россіи поднять рабочія массы на возстаніе. Теперь соціальдемократіи не трудно, пользуясь этимъ пролетарскимъ чувствомъ, какъ *рычагомъ*, во всѣхъ концахъ Россіи, сразу, *съ перваго же шагу*, стать во главѣ революціоннаго движенія широкихъ массъ; теперь ей легче связать себя, какъ партію пролетаріата, самымъ тѣснымъ образомъ съ всенароднымъ возстаніемъ *во всѣхъ его перипетіяхъ*; теперь она можетъ отъ имени возставшаго и возстающаго пролетаріата привлечь къ дѣлу революціи всѣ радикальные и быстро революціонизирующіеся элементы буржуазнаго общества. Теперь соціальдемократія можетъ взять въ свои руки и гегемонію революціонной борьбы. Стихія буржуазной революціи встряхнула самые отсталые слои рабочихъ массъ. Соціальдемократія превратитъ эту революціонную стихію въ орудіе для всесторонняго политическаго освобожденія Россіи.

Быть или не быть — стояло передъ царскимъ чудовищемъ, загнаннымъ 9 января на край пропасти. Не быть! — отвѣтитъ ему возставшій народъ.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПРОЕКТЪ БЕЗБОЛѢЗНЕННОЙ ЛИКВИДАЦІИ АБСОЛЮТИЗМА.

Опубликованный Витте проектъ постепенной ликвидаціи гражданской обособленности крестьянства, которая до сихъ поръ считалась неприкосновеннымъ догматомъ русской внутренней политики, является характернымъ признакомъ полнаго разложенія священныхъ устоевъ россійскаго абсолютизма.

Сословная обособленность крестьянства создана, разумѣется, не самодержавіемъ; она выросла исторически на почвѣ крѣпостной организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Но съ паденіемъ крѣпостного права, съ развитіемъ капитализма въ Россіи эта обособленность утратила свои экономическіе корни и превратилась въ политическій институтъ, заботливо поддерживаемый царскимъ правительствомъ.

Коснѣющая во мракѣ безпримѣрнаго невѣжества, подавленная варварскою нищетою, проникнутая первобытною вѣрою въ

Петербургъ. (Отъ члена мѣстной группы при Ц. К.).

8-го января вечеромъ.

Суббота. На улицѣ толпы рабочихъ. Полиціи тьма-тьмущая. Повсюду, гдѣ рабочіе, тамъ и полиція, но еще столкновеній не было. Настроеніе среди рабочихъ мирное, и они этимъ гордятся. Мирное — не въ смыслѣ пониженія требованій, а въ смыслѣ отсутствія бурныхъ проявленій. Забастовка была начата обществомъ легальнымъ, во главѣ со священникомъ Гапономъ исключительно на почвѣ экономическихъ требованій, но теперь она находится подъ значительнымъ давленіемъ и вліяніемъ соц.-дем. ежедневно происходитъ около 11 громадныхъ собраній этихъ обществъ, и на нихъ выступаютъ ораторы соціальдемократы). Результатомъ этого вліянія явились политическія требованія — требованія всякихъ свободъ. А вчера Гапонъ уже заявилъ, что *соціальдемократы не враги, а друзья народа*; далѣе онъ заявилъ, что нѣтъ среди чиновниковъ правды. Фабричные инспектора и градоначальникъ, къ которымъ онъ и рабочіе обращались, отказались удовлетворить требованія; теперь онъ зоветъ всѣхъ выбрать депутацію къ самому царю, заявляя, что онъ одинъ дастъ правду, а если и царь не удовлетворитъ требованій, то „долой царя!“ Такъ заявилъ торжественно священникъ Гапонъ. Конечно, соціальдемократы предостерегаютъ отъ такихъ шаговъ, говорятъ, что рабочіе не просить должны, а требовать. Сегодня уже нельзя достать газетъ, такъ какъ всѣ типографіи стали. Всѣхъ бастующихъ уже свыше 100 тысячъ. Грандіозное зрѣлище!

9-го января.

Воскресенье утромъ. Положительно переживаешь революціонные дни. Сегодня 200 тысячъ рабочихъ собираются у дворца *просить* свободы. Что изъ этого выйдетъ — не трудно себѣ представить, такъ какъ градоначальникъ уже вывѣсилъ объявленіе объ употребленіи военной силы и рѣшительныхъ мѣръ. Вѣроятно, рабочихъ просто у заставы не пустятъ въ городъ. Замѣчается какое то зловѣщее передъ бурей затишье. Вѣдь, уже всѣ производства стали. Газеты не выходятъ. Вы, вѣрно, слышали о той роли, которую здѣсь играетъ священникъ Гапонъ. Правда, онъ имѣетъ громадное вліяніе на массу, но подъ вліяніемъ соціальдемократическихъ ораторовъ самому Гапону надо было стать очень радикальнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо выставлять соціальдемократическія требованія, чтобы удержать за собою вліяніе на массу. На нѣкоторыхъ собраніяхъ масса принимала резолюціи соціальдемократическія и давала слово только тому оратору, который себя заявлялъ соціальдемократомъ, выбирала предсѣдателя соціальдемократа. Какъ быстро идутъ дни, какъ сильно переживаешь!...

10 января.

Вчера былъ у насъ настоящій революціонный день изъ временъ французской революціи. Еще съ субботы стягивались всѣ войска изъ окрестностей, а къ утру въ воскресенье городъ представлялъ военный бивуакъ. Зимній дворецъ былъ окруженъ густой цѣпью войска, тутъ же поставлены пулеметы. У всѣхъ заставъ стянуты войска кавалерійскія и пѣхотныя. Съ 9-ти часовъ утра стала тянуться длинная вереница рабочаго люда ко дворцу. Все безмолвствовало зловѣще. Въ 11 часовъ у дворца была пятидесятитысячная, а то и стотысячная толпа. По ней дали два залпа. Масса убитыхъ и раненыхъ. Негодованію толпы не было предѣловъ. Бурные возгласы не прекращались цѣлый день: „Долой царя! Опричники! Свобода жизни! Отъ японцевъ бѣжите, а со своими сражаетесь! и т. п. и т. п.“ Ну, положительно не было ни одного человѣка, равнодушнаго къ этой рѣзнѣ. Далѣе, два раза по нѣсколько залповъ дали на Невскомъ по Мойкѣ и по Екатерининскому каналу. Убитыхъ и раненыхъ масса. Казаки, разъѣзжая въ три ряда (по дорогѣ и по панели), давили публику, нѣсколько разъ даже обнажали шашки и неистовствовали. Публика рабочая была воинственно настроена.

Съ Путиловскаго завода двинулись всѣ рабочіе, во главѣ съ священникомъ Гапономъ. Ихъ не пропустили войска. Тогда они вернулись за хоругвями и иконой и двинулись ко дворцу. Возлѣ заставы войска открыли по нимъ пальбу. Рабочіе скомандовали: „ложись“, а офицера — „пали по лежачимъ“. Было дано 18 залповъ. Масса раненыхъ и убитыхъ. Съ Шлиссельбургскаго тракта со всѣхъ заводовъ (Обух., Семянниковск. и др.) двинулись въ городъ. У заставы ихъ встрѣтили казаки, которые хотѣли врѣзаться въ толпу. Но тутъ женщины вышли впередъ и легли на землю, требуя, чтобы по ихъ трупамъ проѣхали. Казаки не рѣшились! Затѣмъ стали ломать заборъ, чтобы по Невѣ направиться въ городъ. На Васильевскомъ было особенно революціонное настроеніе, чисто соціальдемократическое. Разрушены телеграфные и телефонные столбы, сняты проволоки для прегражденія конницѣ свободнаго движенія. Разгромленъ маленькій складъ съ ружьями, построены баррикады, на которыхъ водрузили два красныхъ знамени, захватили типографію (частную) и выпустили соц.-дем. бюллетень. Здѣсь войско много разъ палило. Знаменосецъ поднятъ на штыки. Ораторъ убитъ на баррикадахъ. Много убитыхъ и раненыхъ. Такъ же было воинственное настроеніе, хотя не такое сильное, какъ на Васильевск., на сторонахъ Петерб. и Выборгской. Все время выступали вездѣ ораторы соціальдемократы.

Изъ Колпина пришли тоже 15-20 тысячъ рабочихъ.

Петербургъ. 10-го января. Изъ частнаго письма. Кровью залитъ Петербургъ. Число убитыхъ и раненыхъ пока еще не извѣстно, но, навѣрное, не меньше 1000 человѣкъ. Попробую описать, что самъ слышалъ и чему былъ очевидцемъ.

Къ двумъ часамъ дня 9-го января на площади Зимняго Дворца должны были собраться депутаты всѣхъ заводовъ и фабрикъ (бастуетъ весь Петербургъ, въ типографіи „Правительственнаго Вѣстника“, на водопроводѣ и электрической станціи работаютъ солдаты). Во главѣ рабочихъ изъ-за Нарвской Заставы шелъ священникъ Гапонъ съ петиціей, которую онъ долженъ былъ подать царю отъ лица всѣхъ рабочихъ. Рабочіе шли со своими женами и дѣтьми. Всѣ выходы изъ рабочихъ районовъ въ городъ были заняты войсками, и тутъ происходили главныя избіенія и разстрѣлы мирно настроенной и невооруженной толпы. Послѣ перваго залпа священникъ и масса ребятишекъ, шедшихъ впереди, повалились. Толпа по командѣ легла на землю, а казаки шашками начали избивать народъ. Такія же избіенія и разстрѣлы происходили на Васильевскомъ Островѣ, на Петербургской Сторонѣ, за Невской Заставой и др.

Къ 12 часамъ дня я былъ около Александровскаго сада. Всѣ входы на площадь Дворца были заняты войсками въ походномъ вооруженіи, жандармами и матросами. Какъ только толпа, все время увеличивающаяся притокомъ новыхъ массъ рабочихъ, начала выражать неудовольствіе, что не пускаютъ къ площади, сейчасъ же раздалась команда „рысью“ и народъ погнали по улицамъ. Толпа держала себя въ высшей степени мирно; не было ни знамени, ни революціонныхъ возгласовъ. Такъ продолжалось до 2 ч. дня.

Въ это время я очутился на углу Невскаго и Адмиралтейской площади. Здѣсь была та же картина. Войско во всю ширину улицы, передъ нимъ громадная тысячная толпа. Всѣ чего-то ждутъ. По другую сторону войска въ этомъ мѣстѣ также стояла толпа, успѣвшая прорваться и занимавшая панель и часть площади около сквера. Противъ нея, уже на площади, тоже войско.

Въ 3 часа я услышалъ сигнальный рожокъ, но ни я, и никто изъ окружающихъ не обратили на это вниманія; никакихъ предостереженій, что сейчасъ будутъ стрѣлять, сдѣлано не было. Потомъ раздался второй рожокъ, — впечатлѣніе тоже самое. И вдругъ — залпъ, одинъ, другой, третій. На мѣстѣ остались сотни. Бросились врассыпную, подхватили убитыхъ и понесли по Невскому. Возбужденіе охватило всѣхъ страшное. Отдѣльныя сцены не поддаются описанію. Это была уже не демонстрація, а революція, только при отсутствіи оружія у революціонеровъ. Боролись голыми руками, стаскивали съ лошадей солдатъ, офицеровъ, срывали съ нихъ погоны, отнимали оружіе и шашки, и отпускали истерзанныхъ. Залпы были: на углу Невскаго и Мойки (два — вдоль по Мойкѣ), два у Александринскаго театра; потомъ раздавались отдѣльные выстрѣлы.

До 9 часовъ вечера происходили столкновенія съ войсками. На Васильевскомъ Островѣ была устроена баррикада изъ поваленныхъ телефонныхъ столбовъ и разнесенъ морской арсеналъ. Изъ разговоровъ въ толпѣ видна твердая рѣшимость продолжать борьбу, но уже съ оружіемъ въ рукахъ.

Сегодня съ утра артиллерія отправлена за Нарвскую заставу. По слухамъ оттуда идутъ 15,000 вооруженныхъ рабочихъ. Рабочіе изъ Колпина тоже собираются идти на Петербургъ. Въ Москву послана депутація съ призывомъ къ оружію.

Восемь ротъ, не знаю какого полка, отказались выйти на улицу. Вчера солдаты, когда къ нимъ обращались съ убѣжденіями не стрѣлять въ своихъ братьевъ, внимательно и сочувственно слушали на ходу и отвѣчали: „не по своей винѣ; простите насъ!“ я былъ свидѣтелемъ такой сцены.

Вчера вечеромъ было собраніе интеллигенціи; въ резолюціяхъ рѣшено примкнуть къ рабочему движенію и поддерживать его всѣми имѣющимися средствами.

Петербургъ. 12 января. Сейчасъ нѣтъ здѣсь рѣшительно ни одного рабочаго, который не проникся бы, по меньшей мѣрѣ, сомнѣніемъ къ „любвеобильному“ монарху. На всѣхъ перекресткахъ то и дѣло слышится: „долой самодержавіе!“, „долой царя!“. Вся та сѣрая масса, которая съ глубокой вѣрой шла къ царю, столь же глубоко теперь вѣритъ, что царя нѣтъ, а есть палачъ. И только нѣкоторые скептики еще утверждаютъ, что царь ничего не знаетъ про настоящія событія. Начались репрессіи. Всѣхъ видныхъ литераторовъ арестовали и отправили въ крѣпость: Гессена, Анненскаго, Пѣшехонова, Кедрина и друг. Забастовка продолжается. Всѣ настаиваютъ на поддержаніи общерусскихъ политическихъ требованій, такъ какъ только въ этомъ случаѣ возможно избавленіе отъ такихъ смутныхъ дней, и присоединенія рабочихъ другихъ городовъ къ тому же. Рабочіе заявили, что не хотятъ вступать въ переговоры съ отдѣльными заводами, т. к. требованія таковы, что ни отдѣльные заводы, ни даже всѣ вмѣстѣ не смогутъ ихъ удовлетворить. Но все же пульсъ общественной жизни понизился, и не столько въ низахъ рабочей массы, сколько въ ея верхахъ. Возможно, что скоро и все уляжется. Но, тѣмъ не менѣе, еще никогда не было такого крупнаго урока политическаго воспитанія рабочихъ массъ, какъ теперь. Если революціонное движеніе на сей разъ прекратилось, то лишь временно съ тѣмъ, чтобы скоро еще грознѣе возстать и съ оружіемъ въ рукахъ добиться свободы.

РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТИХІЯ И ПРОЛЕТАРІАТЪ.

Вихрь возстанія пронесся надъ Петербургомъ. Царское чудовище разверало свою пасть и поглотило тысячи жизней: оно почуяло приближеніе конца. Варварство, накопленное въ теченіе вѣковъ, не могло быть раздавлено пролетаріатомъ одной столицы; оно погибнетъ при громкихъ проклятіяхъ повсемѣстно возставшаго русскаго народа. Событія съ головокружительной быстротой несутся къ этой развязкѣ. Непоколебимость русскаго курса на европейской биржѣ въ моментъ сильнѣйшаго революціоннаго кризиса и диктатура Трепова, смѣнившая режимъ растерянности и довѣрія Мирскаго являются ея вѣрнѣйшими предзнаменованіями. Все или ничего — девизъ настоящаго дня, данный самодержавіемъ.

Первый эпизодъ великой русской революціи разыгрался въ фантастической обстановкѣ. — Петербургскіе рабочіе отсталый элементъ, они равнодушны къ политикѣ, мы должны взяться за ихъ медленное, систематическое воспитаніе, — такъ говорилъ еще вчера Струве, такъ говорили либералы. Исторія посмѣялась надъ ихъ куриной слѣпотой. Дебаты, начавшіеся въ собраніи рабочихъ, организованномъ для затемнѣнія ихъ сознанія для ихъ политическаго развращенія, въ одну недѣлю разрослись въ возстаніе пролетаріата, которое потрясло всю Россію до основанія, потрясло весь цивилизованный міръ. И кому лихорадочно-торопливая исторія навязала роль вождя народнаго? Кто герой сегодняшняго дня? Какой-то никому невѣдомый Гапонъ, служитель православной церкви, цѣлые вѣка раболѣпствовавшей передъ большими и малыми деспотами русской земли.

Глубокомысленнымъ, трезвеннымъ политикамъ изъ буржуазнаго лагеря, не видящимъ дальше своего носа, все это должно казаться чудомъ, все это должно внушить суевѣрное преклоненіе передъ таинственномъ рокомъ. Для насъ, для соціальдемократіи, это не чудо, для насъ это неизбѣжное столкновеніе тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ, подземную работу которыхъ мы видѣли, результаты которой мы предсказали. Именно потому, что сфинксъ русской революціи нами давно разгаданъ, мы не потеряемся въ моментъ самаго бѣшенаго разгула народной революціонной стихіи. Эта стихія намъ родная, въ ней соціальдемократія родилась, но соціальдемократія можетъ и должна ее подчинить себѣ, она уже подчиняетъ ее себѣ — сила знанія даетъ намъ власть надъ революціей.

Великая буржуазная революція Россіи началась при благопріятныхъ условіяхъ. „Буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкаетъ его, такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ слѣдовательно пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя“. Такъ писалъ Марксъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, и это остается вѣрнымъ и понынѣ для насъ. Но соотношеніе силъ буржуазіи и пролетаріата въ современной Россіи гораздо болѣе благопріятное, чѣмъ на Западѣ, когда Марксъ писалъ эти строки, т. е. наканунѣ 48 года.

Въ періодъ истекшей либеральной „весны“ оппозиціонная буржуазія осмѣлилась говорить съ самодержавіемъ языкомъ гражданина только въ расчетѣ на поддержку со стороны пролетаріата. Недостаточно быстрое выступленіе на арену этого могучаго союзника обезкураживало, обезсиливало ее; она терялась, не знала что дѣлать, она не находила въ своемъ распоряженіи никакого оружія, кромѣ словъ, а одними словами царизма не свалишь съ ногъ. Оппозиціонная буржуазія томительно выжидала революціоннаго выступленія пролетаріата, но въ то же время она боялась этого выступленія: кто знаетъ куда заведетъ насъ этотъ богатырь когда онъ подымется? Такъ либералы топтались на мѣстѣ, разъѣдаемые рефлексіей. Къ счастью, *стихія буржуазной революціи смѣлѣе и рѣшительнѣе чѣмъ тотъ классъ, непосредственное политическое господство которую она подготовляетъ*. Какъ бы мелки и мизерны не были думы и чувства политически сознательной буржуазіи Россіи, ея освобожденіе невозможно безъ великой народной революціи. Слишкомъ громадна инерція вѣкового гнета царизма, поддерживаемаго европейской реакціей, слишкомъ далеко зашло впередъ движеніе русскаго пролетаріата, чтобы процессъ освобожденія буржуазнаго общества закончился какимъ нибудь жалкимъ компромиссомъ, соотвѣтствующимъ ничтожному размаху традиціонной политической мысли русскаго либерализма. Не сегодня, такъ завтра, не въ той такъ въ другой формѣ стихія буржуазной революціи должна была найти проводникъ между классными политическими интересами буржуазнаго общества, прокладывающими себѣ путь, и революціонной энергіей пролетаріата. Исторія не ждетъ. Традиціонный либерализмъ не съумѣлъ преодолѣть своей косности — исторія его отмела. Наспѣхъ складывающаяся буржуазная демократія тоже не успѣла прійти въ тѣсное соприкосновеніе съ народомъ. Исторія отыскала революціонный проводникъ на сторонѣ, внѣ политическихъ партій. Роль такого проводника между политическими интересами буржуазнаго общества и отсталыми слоями рабочей массы сыгралъ неожиданно для всѣхъ и для самого себя священникъ Гапонъ.

Сынъ священника, затѣмъ семинаристъ, исключенный и вновь принятый въ семинарію, толстовецъ, затѣмъ духовный академикъ, взыскующій града, тюремный священникъ, изобрѣтающій филантропическіе проекты съ благоволенія царицы, затѣмъ агитаторъ среди рабочихъ съ явнаго благоволенія полиціи и тайнаго либераловъ, наконецъ, народный трибунъ и вождь возстанія, таково curriculum vitae (краткая біографія) этой мятежной натуры, проникнутой глубокимъ демократическимъ инстинктомъ и въ то же время лишенной всякихъ политическихъ принциповъ. Лучшаго орудія для своихъ цѣлей слѣпая стихія буржуазной революціи не могла бы найти. Она сдѣлала случайнаго революціонера „разстригу“ своимъ героемъ. Но врядъ ли найдется въ исторіи другой герой, который съ большимъ основаніемъ, чѣмъ Гапонъ, могъ бы примѣнять къ своимъ дѣяніямъ знаменитыя слова Бланки: „La foule en révolution n'est pas un régiment auquel on commande, mais un élément auquel on obéit“. (Революціонная толпа — не полкъ, надъ которымъ командуютъ, а элементъ, которому подчиняются).

Гдѣ вашъ хваленый пролетаріатъ? писалъ перебѣжчикъ Струве въ послѣднемъ номерѣ Освобожденія, наканунѣ возстанія 9-го января. Гдѣ русская соціальдемократія? съ злорадствомъ спрашивали сознательные и безсознательные враги пролетаріата, основываясь на первыхъ оффиціальныхъ вѣстяхъ съ поля битвы. На первый вопросъ *теперь* съумѣла отвѣтить даже буржуазная англійская пресса. Послушайте, бывшій марксистъ, что пишетъ д-ръ Диллонъ, корреспондентъ буржуазной газеты „Daily Telegraph“; поучитесь у англійскаго буржуа уваженію къ русскому пролетаріату: „*Революціонное движеніе самопроизвольно возникаетъ въ рабочемъ классѣ*; оно никоимъ образомъ не было вызвано буржуазными вождями... *Профессора, академики, чиновники, тайные совѣтники собрались* на званый обѣдъ, не подозрѣвая, что имъ придется подписаться подъ бумагой, требующей отъ царя отреченія отъ самодержавія. *Еслибъ они что либо объ этомъ раньше знали, они бы остались дома*. Но во время обѣда у одного изъ присутствующихъ является мысль набросать декларацію противъ самодержавія и собрать подписи. *Сначала всѣ испугались*, но черезъ нѣсколько минутъ всѣхъ охватилъ революціонный порывъ, и они подписались съ энтузіазмомъ. *Революціонная волна поднялась изъ народныхъ глубинъ, но она увлекаетъ также со стихійной силой и верхніе слои*...“ Это отвѣтъ либераламъ насчетъ пролетаріата. Но, къ счастью для русскаго пролетаріата, мы теперь можемъ уже отвѣтить съ чувствомъ удовлетворенія и на второй вопросъ: гдѣ была соціальдемократія въ первые дни революціи? Она была въ сознаніи тѣхъ пролетаріевъ, которые боролись въ „Русскомъ Собраніи“ съ разными демагогами и политическими шарлатанами, вродѣ гг. Архангельскихъ и Строевыхъ, она была въ сознаніи организованныхъ и неорганизованныхъ товарищей, которые выдвинули на рабочихъ собраніяхъ Петербурга соціальдемократическія требованія, которые заставили импровизированнаго вождя народнаго Гапона присоединиться къ этимъ требованіямъ, которые сдѣлали ихъ боевымъ лозунгомъ всего петербургскаго пролетаріата, соціальдемократія организовала и засѣдала въ стачечныхъ комитетахъ, она была во главѣ пролетаріата на баррикадахъ Васильевскаго Острова, она завтра будетъ во главѣ всего возставшаго русскаго пролетаріата.

Насъ не удивляетъ и не смущаетъ, что героемъ перваго революціоннаго натиска является человѣкъ, который *до революціи* былъ чуждъ соціальдемократіи, былъ даже враждебенъ ей. Мы знали и всегда говорили, что мы живемъ въ атмосферѣ революціонизирующагося буржуазнаго общества; мы знали и говорили, что въ такой атмосферѣ пролетаріатъ неизбѣжно долженъ и будетъ получать революціонные импульсы и толчки отъ элементовъ, чуждыхъ ему. Но, нисколько не смущаясь тѣмъ, что разношерстные элементы толкаютъ, сознательно или безсознательно, иногда даже противъ воли тѣ или другіе слои пролетаріата на революціонный путь, наша соціальдемократія всегда ставила себѣ цѣлью внести ясное сознаніе въ стихійно революціонизирующіяся рабочія массы и подчинить ихъ правильно понятымъ интересамъ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи десятилѣтняя работа соціальдемократіи вполнѣ исторически окупилась. Если чуждый намъ священникъ Гапонъ увлекъ отсталыя массы петербургскаго пролетаріата на возстаніе, то въ рядахъ петербургскаго пролетаріата нашлось достаточно соціальдемократическихъ элементовъ, чтобы ввести это возстаніе въ соціальдемократическое русло, чтобы временнаго техническаго организатора возстанія пролетаріата идейно подчинить постоянному вождю пролетаріата — соціальдемократіи.

Возстаніе 9 января есть только первый эпизодъ русской революціи, и чѣмъ больше будетъ развиваться великая историческая драма, тѣмъ больше въ хаосѣ революціонной стихіи будутъ кристаллизоваться очертанія и роли отдѣльныхъ политическихъ партій.

Первый непосредственный толчекъ народной революціи далъ человѣкъ, не принадлежавшій ни къ какой политической партіи, не исповѣдывавшій никакихъ политическихъ принциповъ, ничѣмъ не связанный ни со вчерашнимъ, ни съ завтрашнимъ днемъ. Только полная свобода отъ всякихъ обязательствъ позволила ему прибѣгнуть къ *такимъ* пріемамъ ускоренія революціоннаго процесса, которые могли бы оказаться пагубными для дѣла революціи и для дѣла пролетаріата, еслибъ въ пролетаріатѣ не было достаточно элементовъ, которые использовали стихійное возбужденіе для соціальдемократическихъ цѣлей, для цѣлей, основанныхъ на пониманіи историческаго процесса развитія общества. Для соціальдемократіи Гапонъ, его сотрудники, его организація и его дѣятельность — одинаково *объективныя* явленія, за которыя она *не могла бы* ни въ какомъ случаѣ взять на себя моральную отвѣтственность, но которыя она *обязана* была всестороннимъ образомъ использовать. Это она сдѣлала въ Петербургѣ. Теперь, когда первый толчекъ данъ, достаточно одного *чувства солидарности* для того, чтобы вызвать всеобщую стачку въ Россіи, для того, чтобы въ разныхъ концахъ Россіи поднять рабочія массы на возстаніе. Теперь соціальдемократіи не трудно, пользуясь этимъ пролетарскимъ чувствомъ, какъ *рычагомъ*, во всѣхъ концахъ Россіи, сразу, *съ перваго же шагу*, стать во главѣ революціоннаго движенія широкихъ массъ, теперь ей легче связать себя, какъ партію пролетаріата, самымъ тѣснымъ образомъ съ всенароднымъ возстаніемъ *во всѣхъ его перипетіяхъ*; теперь она можетъ отъ имени возставшаго и возстающаго пролетаріата привлечь къ дѣлу революціи всѣ радикальные и быстро революціонизирующіеся элементы буржуазнаго общества. Теперь соціальдемократія можетъ взять въ свои руки и гегемонію революціонной борьбы. Стихія буржуазной революціи встряхнула самые отсталые слои рабочихъ массъ. Соціальдемократія превратитъ эту революціонную стихію въ орудіе для всесторонняго политическаго освобожденія Россіи.

Быть или не быть — стояло передъ царскимъ чудовищемъ, загнаннымъ 9 января на край пропасти. Не быть! — отвѣтитъ ему возставшій народъ.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПРОЕКТЪ БЕЗБОЛѢЗНЕННОЙ ЛИКВИДАЦІИ АБСОЛЮТИЗМА.

Опубликованный Витте проектъ постепенной ликвидаціи гражданской обособленности крестьянства, которая до сихъ поръ считалась неприкосновеннымъ догматомъ русской внутренней политики, является характернымъ признакомъ полнаго разложенія священныхъ устоевъ россійскаго абсолютизма.

Сословная обособленность крестьянства создана, разумѣется, не самодержавіемъ; она выросла исторически на почвѣ крѣпостной организаціи сельско-хозяйственнаго производства. Но съ паденіемъ крѣпостного права, съ развитіемъ капитализма въ Россіи эта обособленность утратила свои экономическіе корни и превратилась въ политическій институтъ, заботливо поддерживаемый царскимъ правительствомъ.

Коснѣющая во мракѣ безпримѣрнаго невѣжества, подавленная варварскою нищетою, проникнутая первобытною вѣрою въ божественное всемогущество монарха, крестьянскія массы дѣйствительно обезпечивала правящимъ сферамъ увѣренность въ незыблемости трона, и коронованные и некоронованные хозяева [illegible] искали основаніе цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ и учрежденій, ограждавшихъ крестьянство отъ вліянія иныхъ слоевъ населенія.

Подавленіе самыхъ элементарныхъ культурныхъ потребностей, лишеніе общегражданскихъ правъ, унизительное закрѣпощеніе личности, грубая регламентація семейныхъ отношеній и хозяйственной дѣятельности, тяжелая эксплуатація денежными и натуральными повинностями, — всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности обособленность крестьянскаго сословія. Правительство создало изъ крестьянства своего рода гетто, члены котораго искусственно поддерживались подъ извѣстный низкій духовный уровень. Всякій, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ поднимался надъ нормальною чертою, выбрасывался изъ крестьянскаго сословія. Тщательно не допуская и выбрасывая всѣ инородные элементы, крестьянское гетто, однако, цѣпко держало въ роковыхъ границахъ рядовыхъ своихъ членовъ земельнымъ надѣломъ и паспортною системою. Выходъ изъ крестьянскаго общества и даже отлучка были поставлены въ зависимость отъ согласія и разрѣшенія міра, сельскихъ властей, домохозяевъ и родителей.

Несмотря на всестороннее и полное развитіе, современная изоляція крестьянства казалась ненасытнымъ самодержавникамъ еще недостаточной, и Плеве готовился увѣнчать зданіе реформой, которая окончательно обратила бы крестьянъ въ государственное рабство. Проектъ Плеве не имѣлъ никакого экономическаго оправданія. Онъ былъ лишенъ даже фискальнаго значенія. Въ своей новой запискѣ Витте обстоятельно доказываетъ, что съ повышеніемъ цѣнности земли и съ отмѣною круговой поруки обособленность крестьянства потеряла всякій смыслъ съ точки зрѣнія фиска. Послѣдній идеологъ самодержавія, Плеве руководился только политическими мотивами.

„Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, — писалъ онъ, — привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, — крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безотечественныхъ теченій“.

И Плеве считалъ своимъ священнымъ долгомъ, въ эпоху всеобщей смуты, охранить послѣдній оплотъ самодержавія путемъ законодательнаго закрѣпленія общины, неотчуждаемости надѣльныхъ земель и особаго строя крестьянскаго управленія и суда.

Мечты Плеве не осуществились. Буржуазное общество рукою мужественнаго революціонера сметаетъ съ дороги своего развитія человѣка, въ полицейскомъ фанатизмѣ пытавшагося насильственно создать издыхающему самодержавію ту классовую опору, которую оно потеряло въ процессѣ экономической эволюціи Россіи. Дальше Плеве идти было некуда.

Изоляція деревни не могла, конечно, остановить ея хозяйственное развитіе, но она могла задержать ростъ производительныхъ силъ страны. Крестьянство, сдавленное тисками азіатскаго политическаго режима, на три четверти превратилось въ вѣчно голодную, доведенную до отчаянія массу, стихійное недовольство которой является постоянной угрозой существующему строю. Аграрный терроръ и кровавыя расправы съ агентами правительственной власти стали обычными проявленіями дѣйствительнаго настроенія деревни.

Болѣе счастливая экономически крестьянская буржуазія, озлобленная одинаковымъ политическимъ гнетомъ, скованная одною полицейскою цѣпью съ крестьянскимъ пролетаріатомъ, поневолѣ сливается съ общимъ крестьянскимъ потокомъ и занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Сословная обособленность сплачиваетъ разнородные элементы современной деревни и приводитъ ихъ къ великому освободительному движенію, въ которомъ созрѣвшее буржуазное общество завоевываетъ новыя формы политической жизни.

Это движеніе становится съ каждымъ днемъ все глубже и шире. Историческая могила уже раскрывается предъ самодержавіемъ. И послѣдній человѣкъ съ умомъ, оставшійся у Николая II, спѣшитъ предотвратить катастрофу, предлагая безболѣзненно и мирно ликвидировать старый порядокъ и, прежде всего, сословную обособленность крестьянства.

Поддерживать долѣе систему крестьянскаго гетто значитъ, по мнѣнію Витте, закрывать глаза на современныя нужды и потребности и жить всецѣло лишь патріархальнымъ прошлымъ. Крестьяне — „живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашняго очага“. Поэтому Витте готовъ снять съ крестьянъ всѣ спеціальныя путы, которыми ихъ такъ долго связывало самодержавіе. По проекту, общинное землевладѣніе остается только въ качествѣ добровольнаго товарищескаго владѣнія землей и превращается въ частно-правовой союзъ, лишенный государственнаго значенія. Особые сословные суды съ ихъ обычнымъ правомъ упраздняются, какъ и особое крестьянское управленіе. Семейные раздѣлы, выходъ изъ общины, отлучки изъ деревни, вообще вся личная жизнь крестьянина освобождается отъ правительственной регламентаціи. Крестьянинъ долженъ стать такимъ же гражданиномъ своей страны, какъ и всѣ остальные.

Витте не доводитъ до конца своего проекта: онъ оставляетъ нѣкоторыя стѣсненія и особенности крестьянскаго [illegible] преимущественно съ владѣніемъ надѣльной землей; но эти исключенія не измѣняютъ основной идеи его плана: ввести крестьянство въ общія правовыя условія буржуазнаго общества.

По отношенію къ предшествующей политикѣ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, планъ Витте несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередъ; но онъ [illegible] который онъ [illegible] у него [illegible] осуществить на почвѣ [illegible] самодержавія. Въ [illegible] русскаго государственнаго [illegible] безправія и [illegible] крестьянъ [illegible] режима. [illegible] отъ [illegible] единой [illegible] въ [illegible] [illegible] Витте [illegible] правительства [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] быть подчинена надзору земскихъ начальниковъ [illegible] управленія, [illegible] примѣнять къ указному закону. [illegible] за предѣлы обычныхъ разговоровъ о земской полиціи и полицейской службѣ, которая съ уничтоженіемъ такъ называемаго крестьянскаго благоустройства переходитъ въ [illegible] правительства. Если бы проектъ Витте могъ осуществиться, [illegible] бы новыя силы либерализма [illegible] дворянскому землевладѣнію, [illegible] въ экономическомъ самоуправленіи. [illegible] обновленное крестьянство, объединенное мелкими земскими организаціями, составило бы прочную опору буржуазной оппозиціи, лишенной въ настоящее время легальныхъ формъ политическаго общенія съ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе общественному самоуправленію низшихъ органовъ администраціи нарушило бы стройную систему бюрократическаго всевластія и правительственной безотвѣтственности, являющихся основными чертами абсолютизма. Борьба народа съ деспотическимъ произволомъ правленія и управленія получила бы еще новыя [illegible] опору въ контролѣ выборныхъ властей надъ дѣйствіями низшей администраціи.

Конечный результатъ освобожденія крестьянства и укрѣпленія земской организаціи, при данныхъ условіяхъ, неизбѣжно [illegible] словами самаго Витте въ его [illegible] запискѣ о „Самодержавіи и земствѣ“: „[illegible] послѣдовательное развитіе [illegible] неизбѣжно [illegible] центральнаго [illegible] и къ постоянному участію народа въ законодательствѣ и управленіи державою“. Такой результатъ естественно [illegible] не входитъ въ расчеты русской самодержавной власти. [illegible] Витте встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ [illegible] сферахъ, несмотря на всю его [illegible]. Но не имѣя никакого практическаго значенія, самъ остается знаменательнымъ свидѣтельствомъ [illegible] въ правительствѣ, свойственныхъ [illegible] жизни народовъ, когда власть пытается спасти себя уступками политическимъ требованіямъ своихъ противниковъ. Такъ на зарѣ великой французской революціи, когда [illegible] десятивѣковаго королевства уже повѣяло благодѣтельной грозой, наиболѣе догадливые министры Людовика XVI сдѣлали отчаянную попытку мирно и безболѣзненно вмѣстить буржуазное общество въ тѣсныя рамки стараго режима. Но безпорядочная и нерѣшительная политика непослѣдовательныхъ реформаторовъ только обострила назрѣвавшія противорѣчія, и бурный революціонный потокъ однимъ порывомъ смелъ какъ упорное сопротивленіе королевскаго двора, такъ и хитроумныя комбинаціи неудачливыхъ чиновниковъ. Гильотина быстро и вѣрно ликвидировала запутанныя дѣла обанкротившагося государственнаго строя. Однако исторія ничему не научаетъ тѣхъ, кто обреченъ на гибель. На зарѣ великой русской революціи Неккеръ русскаго двора повторяетъ безплодный опытъ французскихъ министровъ и тщетно пытается отдалить послѣдній часъ романовской династіи, предлагая постепенную ликвидацію [illegible] устоевъ россійскаго самодержавія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата является достойнымъ отвѣтомъ на эти жалкія усилія.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДЛОГЪ.

„Въ [illegible] Вашему Императорскому Величеству [illegible] *росписи не оказалось издержекъ на продолженіе войны съ Японіей*“ — этими [illegible] „Государственная роспись [illegible]“. „Подробныя [illegible] и [illegible] средствахъ, обращенныхъ на нихъ потребности, будутъ *въ свое время* изложены въ отчетахъ государственнаго [illegible]“ — [illegible] однимъ [illegible] дѣйствительный [illegible] народу контроль надъ государственными [illegible] „Въ свое время“, т. е. черезъ 2—3 года, [illegible] когда [illegible] о самодержавіи Его Величества останутся [illegible] воспоминанія, а „сенаторъ Коковцовъ“ будетъ въ тиши деревенскаго уединенія писать мемуары, [illegible] гнѣвъ народа низвергъ его преступную голову.

Не мудрено послѣ этого, что отъ [illegible] фонда болѣе чѣмъ 600 милліоновъ рублей [illegible] дней, Коковцовъ [illegible] „свободная наличность“ [illegible] до сихъ поръ и возможностью полученія „безъ крайнихъ затрудненій“ новыхъ средствъ для продолженія [illegible] истощенія народа [illegible] средствъ на Дальнемъ Востокѣ. Для [illegible] народное достояніе, ни десятки милліоновъ рублей, уплаченныхъ иностраннымъ банкирамъ за устройство займа и съ [illegible] поддержки курса русскихъ бумагъ, ни всѣ огромныя проценты и [illegible] выкупа по [illegible] цѣнѣ облигацій [illegible] билетовъ новаго займа, ни огромное, благодаря пониженію курса, повышеніе процента на капиталъ, ни *заключенный въ цѣну займовъ* торговый договоръ съ Германіей, отдавшій русское сельское хозяйство на позоръ и разграбленіе нѣмецкимъ аграріямъ — все это не „крайнія затрудненія“! Ни о чемъ этомъ ни однимъ словомъ не упоминается въ росписи.

Не говоритъ [illegible] что другой [illegible] фактъ — уменьшеніе золотого обращенія на 100 милліоновъ рублей и увеличеніе кредитныхъ — на 250 милліоновъ, объясняется [illegible] какъ [illegible] Говорить о кризисѣ? Но г. Министръ финансовъ [illegible] статистику, доказывающую, что число рабочихъ не сократилось, а только [illegible] уменьшилось рабочее время. Правда, свѣдѣнія получены „черезъ посредство фабричной инспекціи“, т. е. чиновниковъ того же министерства финансовъ; правда, обслѣдованы только наиболѣе крупныя фабрики между тѣмъ, какъ мы знаемъ, что кризисъ прежде всего обрушился на [illegible] ремесленныя заведенія и что именно крупнѣйшія фабрики получаютъ во время войны казенные заказы; правда, какъ разъ тѣ производства, въ которыхъ кризисъ свирѣпствуетъ сильнѣе всего — напримѣръ, строительное — вовсе не обслѣдованы; правда, наконецъ, [illegible]. Но какое до всего этого министру [illegible]? Копеекъ, вытащенныхъ изъ кармана [illegible] рублей, [illegible] что въ суматохѣ [illegible]. И то „въ свое время“, когда [illegible].

Пока же народъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что кромѣ всѣхъ тягостей войны [illegible] 16 милліоновъ рублей на „[illegible] фонды“ и — какъ долго! — [illegible] милліоновъ рублей на „[illegible]“. Разумѣется, та огромная сумма, которая [illegible] тратится на полицію и жандармерію городами, земствами и [illegible] обществами — [illegible]. А, впрочемъ, есть всё же и [illegible] счастливые люди, въ годину народнаго бѣдствія умудрившіеся увеличить вклады въ сберегательныя кассы на 54 милліона рублей. И тутъ надо [illegible] г-ну министру. Еще въ самомъ началѣ войны онъ сказалъ: „каждый разъ, когда случается большое бѣдствіе — война или голодъ — приливъ денегъ въ сберегательныя кассы превышаетъ отливъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ во всякое иное время“.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОЛИТИКЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Шумъ [illegible] г. Струве. Редакторъ „Освобожденія“ [illegible] Николая II [illegible] Витте и [illegible] политическая [illegible] русскую соціалдемократію.

Съ [illegible] конституціонное [illegible] русской интеллигенціи, [illegible] ей роль, не [illegible] русскихъ рабочихъ [illegible] какъ [illegible] ихъ въ „приготовительный классъ политическаго воспитанія“.

По мнѣнію г. Струве „революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ“. „Русскій рабочій культурно отсталъ, забитъ и (я имѣю въ виду главнымъ образомъ рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще не достаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ“.

И [illegible] Струве предлагаетъ соціалдемократіи освобожденцамъ соединиться [illegible] „всякими разумными средствами“ ускорить рожденіе революціоннаго народа, которое, какъ любезно, но въ одномъ противорѣчіи со своей основной мыслью, предсказываетъ г. Струве, можетъ послѣдовать каждую минуту.

Эти „разумныя средства“ заключаются въ организаціи легальнаго профессіональнаго рабочаго движенія, которое, оставаясь формально аполитическимъ, подготовитъ когда-нибудь кадры для соціалдемократической партіи. Русскіе соціалисты-демократы должны сознательно наложить на себя постъ осторожности и оппортунизма, чтобы вовлечь рабочій классъ въ освободительную борьбу современной Россіи. Совѣты г. Струве опубликованы 6 января. 9 января „забитый“ петербургскій пролетаріатъ, не успѣвъ освѣдомиться о „разумныхъ средствахъ“, рекомендуемыхъ для его политическаго воспитанія въ либеральной лабораторіи Парижа, [illegible] восстаніемъ и требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права доказалъ, что онъ гораздо болѣе политически созрѣлъ, чѣмъ колеблющаяся демократія „Освобожденія“. Жизнь наглядно обнаружила никчемность политическихъ рецептовъ г. Струве, безпощадно вскрыла убожество либеральной мысли. „Культурно отсталый“ рабочій не только нашелъ въ себѣ достаточно мужества и сознанія, чтобы отдать жизнь за требованіе полнаго освобожденія народа, но и сумѣлъ развить такое мощное движеніе, которое увлекло въ свой потокъ наиболѣе чуткіе элементы либеральной демократіи. Петербургскіе либералы продиктовали петербургскимъ рабочимъ свою программу и свой планъ дѣйствій, но петербургскіе рабочіе заставили часть петербургскихъ либераловъ забыть, по крайней мѣрѣ на время, колебанія и жалкіе [illegible] и встать на путь революціонной борьбы.

Политическія разглагольствованія, опубликованныя г. Струве 6 января, въ корнѣ опровергнуты политическимъ дѣйствіемъ 9 января. Русскій рабочій однимъ ударомъ обратилъ въ ничто претензіи либераловъ на руководящую роль въ освободительномъ движеніи и раскрылъ политическую отсталость ихъ вождя.

Г. Струве до сихъ поръ посвящалъ свои силы политическому воспитанію высокородныхъ верховъ имущаго русскаго общества. Для нихъ политическая программа приготовительнаго класса была вполнѣ умѣстной, и въ качествѣ наставника политическихъ младенцевъ „Освобожденіе“ недурно выполняло свои задачи. Но, когда г. Струве отрывается отъ родной ему почвы и пытается поучать пролетаріатъ, мы имѣемъ право сказать ему словами поэта:

Танцуй свою „Дѣву Дунай“,
Но въ покоѣ оставь мужика!

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Москва. 29 декабря начались публичныя засѣданія Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Въ первый день публики собралось человѣкъ 600. Начались доклады — одинъ другого хуже. Одинъ докладчикъ послѣ 20 минутной болтовни заявилъ, что все то, что онъ сейчасъ читалъ, давнымъ давно напечатано. Другой взывалъ къ тому времени, когда возможно будетъ интеллигенціи уплатить неоплатный долгъ народу. Третій занимался оправданіемъ третьяго техническаго съѣзда и все удивлялся, почему его закрыли: вѣдь, съѣздъ, говорилъ онъ, занимался законными дѣлами. Возражать можно было послѣ каждой группы докладовъ. Каждому оратору давалось по [illegible] минутъ. Послѣ первой группы беретъ слово одинъ изъ публики, назвавшій себя Герасимомъ Васильевымъ, и говоритъ слѣдующее: „Оставляя за собой право говорить по существу послѣ всѣхъ докладовъ, я хочу указать на [illegible], которые были прочитаны всѣ эти доклады. Была высказана такая вещь, какъ „долгъ народу“. Къ чему [illegible] это — неужели мы все еще не можемъ никакъ научиться говорить по-человѣчески, какъ граждане? Почему не сказать вмѣсто какого-то „долга народу“ слѣдующее: мы демократы и современный строй мѣшаетъ намъ жить. Мы сами слабы, чтобы измѣнить эти условія, мы идемъ въ пролетарскія массы, даемъ имъ знанія, но хорошо знаемъ, что только сознательныя массы могутъ столкнуть то, что мѣшаетъ намъ жить. Что мѣшаетъ? Мѣшаетъ самодержавіе. Итакъ, долой самодержавіе! (звонокъ предсѣдателя и оглушительные аплодисменты). Ораторъ продолжаетъ: не время теперь заниматься уставами какихъ-то обществъ, не время заниматься счетомъ засѣданій, которыя имѣла коммиссія. Вѣдь, государственный совѣтъ засѣдаетъ очень много, а толку въ этомъ большого нѣтъ. Теперь нужно заняться тѣмъ, отъ чего зависитъ жизнь страны. И докладчику, который защищалъ третій съѣздъ и удивлялся закрытію, лучше было бы, если бы онъ вмѣсто защитника съѣзда обратился въ обличителя того режима, который закрылъ этотъ съѣздъ. А закрыло его самодержавіе и докладчикъ лучше бы сдѣлалъ, если бы сказалъ „долой самодержавіе!“ (звонокъ и оглушительные аплодисменты).

„Соціалдемократія, затрачивая въ настоящую минуту организацію пролетарскихъ силъ, не можетъ сейчасъ удѣлить много силъ на культурно-образовательную цѣль, но въ свободномъ государствѣ соціалдемократія не позволитъ либерально-буржуазнымъ обществамъ (а таковымъ является и это общество, замѣтилъ предсѣдатель) заниматься просвѣщеніемъ пролетарскихъ массъ. Дѣло просвѣщенія пролетаріата она возьметъ въ свои руки. Займитесь теперь самымъ важнымъ вопросомъ русской жизни: низверженіемъ самодержавія и потребуйте, вмѣстѣ съ россійской соціалдемократической партіей, учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, непремѣннымъ результатомъ котораго будетъ демократическая республика (продолжительные аплодисменты).

Послѣ этого предсѣдатель просилъ публику быть тише и заявилъ, что они собрались здѣсь для обсужденія серьезнаго дѣла, а не для производства демонстраціи (часть публики аплодировала, большинство шикало). На другой день съѣздъ оказался закрытымъ и собравшаяся публика, человѣкъ 300, встрѣтила запертыя двери. Прошли нѣсколько улицъ. Впереди толпы шелъ торговецъ съ красными воздушными шарами. Публика покупала ихъ и пускала. Одинъ товарищъ [illegible], что это эмблема либеральнаго движенія. На другой день было собралось на частное совѣщаніе, чтобы протестовать противъ закрытія (было всего человѣкъ 60).

Либералы возмущены тѣмъ, что съѣздъ, какъ они заявляютъ, „сорванъ“ и на этомъ частномъ собраніи предсѣдатель заявилъ, что у оратора не хватило „гражданскаго мужества“ записать свою фамилію: онъ назвалъ вымышленную. Особенно отличился на этомъ собраніи [illegible]. Онъ въ наступленіи кричалъ: „зачѣмъ они мѣшаютъ намъ работать, зачѣмъ они [illegible], пролетаріатъ за ними никогда не шелъ и не пойдетъ“. Случайно бывшій товарищъ отчиталъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Въ концѣ концовъ, они вынесли резолюцію (horribile dictu!), что они признаютъ очень желательнымъ выступленіе соціалдемократіи и во всѣхъ случаяхъ, когда они будутъ что-либо затѣвать, они на совѣщаніе будутъ приглашать представителя соціалдемократической организаціи.

Батумъ. Согласно рѣшенію послѣдней Кавказской Конференціи и въ виду полученнаго предложенія отъ Союзнаго Комитета поддержать готовившуюся въ Тифлисѣ демонстрацію, Батумскій Комитетъ рѣшилъ устроить демонстрацію. 20-го декабря въ 10 часовъ утра рабочіе заводовъ Ротшильда и 2-го Манташева, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, бросивъ работу, собрались возлѣ зав. Ротшильда и выбросили нѣсколько малыхъ знаменъ съ надписями „Долой позорную войну! Мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія!“ (на 3-хъ языкахъ) и одно большое расшитое шелкомъ знамя съ обще-соціалистическими надписями. Вскорѣ къ толпѣ присоединились подоспѣвшіе рабожественное всемогущество монарха, крестьянская масса дѣйствительно обезпечивала правящимъ сферамъ увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, и коронованные и некоронованные хищники заложили основаніе цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ законовъ и учрежденій, ограждавшихъ крестьянство отъ сношенія съ остальнымъ населеніемъ.

Подавленіе самыхъ элементарныхъ культурныхъ потребностей, лишеніе общегражданскихъ правъ, унизительное [illegible] личности, грубая регламентація семейныхъ отношеній и хозяйственной дѣятельности, тяжелая эксплуатація денежными и натуральными повинностями, — всѣ средства были пущены въ ходъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности обособленность крестьянскаго сословія. Правительство создало изъ крестьянства своего рода гетто, члены котораго искусственно поддерживались подъ извѣстный низкій духовный уровень. Всякій, кто, по тѣмъ или инымъ причинамъ, поднимался надъ нормальною чертою, выбрасывался изъ крестьянскаго сословія. Тщательно не допуская и выбрасывая всѣ инородные элементы, крестьянское гетто, однако, цѣпко держало въ роковыхъ границахъ рядовыхъ своихъ членовъ земельнымъ надѣломъ и паспортной системою. Выходъ изъ крестьянскаго общества и даже отлучка были поставлены въ зависимость отъ согласія и разрѣшенія міра, сельскихъ властей, домохозяевъ и родителей.

Несмотря на всестороннее и полное развитіе, современная изоляція крестьянства казалась ненасытнымъ самодержавщикамъ еще недостаточной, и Плеве готовился увѣнчать зданіе реформой, которая окончательно обратила бы крестьянъ въ государственное рабство. Проектъ Плеве не имѣлъ никакого экономическаго оправданія. Онъ былъ лишенъ даже фискальнаго значенія. Въ своей новой запискѣ Витте обстоятельно доказываетъ, что съ повышеніемъ цѣнности земли и съ отмѣною круговой поруки обособленность крестьянства потеряла всякій смыслъ съ точки зрѣнія фиска. Послѣдній идеологъ самодержавія, Плеве руководился только политическими мотивами.

„Воспитанные въ неустанномъ упорномъ трудѣ, — писалъ онъ, — привыкшіе къ исконной однообразной обстановкѣ жизни, пріученные измѣнчивымъ успѣхомъ земледѣльческихъ работъ къ сознанію своей зависимости отъ внѣшнихъ силъ природы и, слѣдовательно, отъ началъ высшаго порядка, — крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ, силою вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій".

И Плеве считалъ своимъ священнымъ долгомъ, въ эпоху всеобщей смуты, охранить послѣдній оплотъ самодержавія путемъ законодательнаго закрѣпленія общины, неотчуждаемости надѣльныхъ земель и особаго строя крестьянскаго управленія и суда.

Мечты Плеве не осуществились. Буржуазное общество рукою мужественнаго революціонера смело съ дороги своего развитія человѣка, въ полицейскомъ фанатизмѣ дерзавшаго насильственно создать издыхающему самодержавію ту классовую опору, которую оно потеряло въ процессѣ экономической эволюціи Россіи. Дальше Плеве идти было некуда.

Изоляція деревни не могла, конечно, остановить народнохозяйственное развитіе, но она могла задержать ростъ производительныхъ силъ страны. Крестьянство, сдавленное тисками азіатскаго политическаго режима, на три четверти превратилось въ вѣчно голодную, доведенную до отчаянія массу, стихійное недовольство которой является постоянной угрозой существующему строю. Аграрный терроръ и кровавыя расправы съ агентами правительственной власти стали обычными проявленіями дѣйствительнаго настроенія деревни.

Болѣе счастливая экономически крестьянская буржуазія, озлобленная одинаковымъ политическимъ гнетомъ, скованная одною полицейскою цѣпью съ крестьянскимъ пролетаріатомъ, поневолѣ сливается съ общимъ крестьянскимъ потокомъ и занимаетъ въ немъ первое мѣсто. Сословная обособленность сплачиваетъ разнородные элементы современной деревни и присоединяетъ ихъ къ великому освободительному движенію, въ которомъ созрѣвшее буржуазное общество завоевываетъ новыя формы политической жизни.

Это движеніе становится съ каждымъ днемъ все глубже и шире. Историческая могила уже раскрывается предъ самодержавіемъ. И послѣдній человѣкъ съ умомъ, оставшійся у Николая II, спѣшитъ предотвратить катастрофу, предлагая безболѣзненно и мирно ликвидировать старый порядокъ и, прежде всего, сословную обособленность крестьянства.

Поддерживать долѣе систему крестьянскаго гетто значитъ, по мнѣнію Витте, закрывать глаза на современныя нужды и потребности и жить воспоминаніями патріархальнаго прошлаго. Крестьяне — „живые люди, которымъ, какъ и всѣмъ намъ, дороги начала личной независимости, семейной самостоятельности и неприкосновенности домашняго очага". Поэтому, Витте готовъ снять съ крестьянъ всѣ спеціальныя путы, которыми ихъ такъ долго связывало самодержавіе. По проекту, общинное землевладѣніе остается только въ качествѣ добровольнаго товарищескаго владѣнія землей и превращается въ частно-правовой союзъ, лишенный государственнаго значенія. Особые сословные суды съ ихъ обычнымъ правомъ упраздняются, какъ и особое крестьянское управленіе. Семейные раздѣлы, выходъ изъ общины, отлучки изъ деревни, вообще вся личная жизнь крестьянина освобождается отъ правительственной регламентаціи. Крестьянинъ долженъ стать такимъ же гражданиномъ своей страны, какъ и всѣ остальные.

Витте не доводитъ до конца своего проекта; онъ оставляетъ нѣкоторыя сословныя особенности крестьянства, связанныя преимущественно съ владѣніемъ надѣльной землей; но эти исключенія не измѣняютъ основной идеи его плана: ввести крестьянство въ общія правовыя условія буржуазнаго общества.

По отношенію къ предшествующей политикѣ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ, планъ Витте несомнѣнно представляетъ крупный шагъ впередъ, но онъ страдаетъ все же недостаткомъ, который отнимаетъ у него всякое значеніе: онъ не осуществимъ на почвѣ господства самодержавія. Все зданіе русскаго государственнаго строя, отъ царя и до урядника, покоится на безправіи и темнотѣ [illegible] населенія, искусственно замкнутыхъ въ сословныя рамки. Освобожденіе крестьянъ отъ гнета спеціальной опеки, сліяніе ихъ съ остальными сословіями неизбѣжно влечетъ за собою преобразованіе всего государственнаго механизма. Витте [illegible] указываетъ [illegible] правительственныхъ реформъ. Онъ видитъ, что [illegible] крестьянъ [illegible] управленія, и предлагаетъ образовать мелкую земскую единицу для удовлетворенія хозяйственныхъ и культурныхъ нуждъ сельскаго населенія. Дѣятельность этой мелкой единицы должна быть подчинена надзору [illegible] органы управленія, новыя [illegible] примыкаютъ къ уѣздному земству. [illegible] земство получаетъ новое право „и [illegible] на участіе почти всѣхъ отраслей полицейской и податной службы, которая съ уничтоженіемъ такъ называемаго крестьянскаго самоуправленія переходитъ въ исключительное вѣдѣніе правительства". Если бы проектъ Витте могъ осуществиться, онъ далъ бы новыя силы либерально-демократическому движенію, [illegible] въ земскомъ самоуправленіи. Равноправное крестьянство, объединенное мелкими земскими организаціями, составило бы прочную опору буржуазной оппозиціи, лишенной въ настоящее время легальныхъ формъ политическаго общенія съ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиненіе общественному самоуправленію низшихъ органовъ администраціи нарушило бы стройную систему бюрократическаго всевластія и правительственной безотвѣтственности, являющихся основными чертами абсолютизма. Борьба народа съ деспотическимъ произволомъ правленія и управленія получила бы новую [illegible] даже легальную опору въ контролѣ выборныхъ властей надъ дѣйствіями низшей администраціи.

Конечный результатъ освобожденія крестьянства и упорядоченія земской организаціи, при такихъ условіяхъ, неизбѣжно долженъ быть формулированъ словами самого Витте въ его извѣстной запискѣ о „Самодержавіи и земствѣ": „правильное послѣдовательное развитіе всесословнаго представительства въ мѣстномъ управленіи неизбѣжно приведетъ къ народному представительству въ сферѣ управленія центральнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ участію народа въ законодательствѣ и управленіи верховномъ". Такой результатъ естественно не можетъ входить въ расчеты русской самодержавной власти. По [illegible] проектъ Витте встрѣтилъ упорное сопротивленіе въ высшихъ сферахъ, несмотря на всю его жалкую умѣренность. Но не имѣя никакого практическаго значенія, онъ остается знаменательнымъ свидѣтельствомъ колебанія и растерянности правительства, свойственныхъ предреволюціоннымъ періодамъ въ жизни народовъ, когда власть пытается спасти себя усвоеніемъ политическихъ программъ своихъ противниковъ. Такъ на зарѣ великой французской революціи, когда въ душной атмосферѣ деспотическаго королевства уже повѣяло благодѣтельной грозой, наиболѣе догадливые министры Людовика XVI сдѣлали отчаянную попытку мирно и безболѣзненно вогнать буржуазное общество въ тѣсныя рамки стараго режима. Но безпорядочная и нерѣшительная политика запоздалыхъ реформаторовъ только обострила назрѣвшія противорѣчія, и бурный революціонный потокъ одинаково смелъ, какъ упорное сопротивленіе королевскаго двора, такъ и хитроумныя комбинаціи неудачливыхъ чиновниковъ. Гильотина быстро и вѣрно ликвидировала запутанныя дѣла обанкротившегося государственнаго строя. Однако исторія ничему не научаетъ тѣхъ, кто обреченъ на гибель. На зарѣ великой русской революціи Неккеръ русскаго двора повторяетъ безплодный опытъ французскихъ министровъ и тщетно пытается отдалить послѣдній часъ романовской династіи, предлагая постепенную ликвидацію священныхъ исконныхъ устоевъ россійскаго самодержавія. Возстаніе петербургскаго пролетаріата является достойнымъ отвѣтомъ на всѣ жалкія усилія.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОДЛОГЪ.

„Въ представляемую Вашему Императорскому Величеству роспись *не включены издержки на продолженіе войны съ Японіей*" — этими немногими словами [illegible] предваряется новая сѣть мошенническихъ выкладокъ, публикуемыхъ подъ названіемъ „Государственной росписи доходовъ и расходовъ". „Подробныя данныя о всѣхъ произведенныхъ на войну расходахъ и о средствахъ, обращенныхъ на ихъ покрытіе, будутъ *въ свое время* изложены въ отчетахъ государственнаго контроля" — вотъ нарисованная однимъ штрихомъ дѣйствительная мѣра доступнаго народу контроля надъ государственнымъ хозяйствомъ. „Въ свое время", т. е. черезъ 2-3 года, т. е. тогда, когда, будемъ надѣяться, о самодержавіи Его Величества останутся лишь печальныя воспоминанія, а „сенаторъ Коковцевъ" будетъ въ тиши деревенскаго уединенія писать мемуары, конечно, если справедливый гнѣвъ народа не снесетъ его преступную голову.

Не мудрено послѣ этого, что отъ знаменательнаго факта болѣе чѣмъ 600 милліоновъ рублей новаго долга, Министръ финансовъ отговаривается „*безпрепятственнымъ* покрытіемъ" всѣхъ расходовъ до сихъ поръ и возможностью полученія „безъ крайнихъ затрудненій" новыхъ средствъ для продолженія безумнаго расточенія народной крови и народныхъ средствъ на Дальнемъ Востокѣ. Для хищниковъ, которые готовы безъ удержу грабить народное достояніе, ни десятки милліоновъ рублей, уплаченныхъ иностраннымъ банкирамъ за устройство займа и спекулятивное поддержаніе курса русскихъ бумагъ, ни [illegible] огромныхъ процентовъ и обязательнаго выкупа по нарицательной цѣнѣ обезцѣненныхъ билетовъ новаго займа, ни огромное, благодаря пониженію курса, повышеніе процента на всѣ прежніе займы, ни *вошедшій въ цѣну займовъ* торговый договоръ съ Германіей, отдавшій русское сельское хозяйство на позоръ и разграбленіе нѣмецкимъ аграріямъ, — все это не „крайнія затрудненія!" Ни о чемъ этомъ ни однимъ словомъ не упоминается въ росписи.

Нечего и говорить, что другой знаменательный фактъ — уменьшеніе золотого обращенія на 100 милліоновъ рублей и увеличеніе кредитнаго — на 250 милліоновъ, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ [illegible] желаніемъ населенія получать бумажки. Говорятъ о кризисѣ? Но г. Министръ финансовъ собралъ на этотъ счетъ спеціальную „статистику", доказывающую, что число рабочихъ не сократилось, а только (!) уменьшилось рабочее время. Правда, свѣдѣнія получены „черезъ посредство фабричной инспекціи", т. е. чиновниковъ того-же министерства финансовъ; правда, обслѣдованы только наиболѣе крупныя фабрики между тѣмъ какъ [illegible] извѣстно, что кризисъ прежде всего обрушивается на мелкія и ремесленныя заведенія, а что именно крупнѣйшія фабрики получаютъ во время войны казенные заказы; правда, какъ разъ тѣ производства, въ которыхъ кризисъ свирѣпствуетъ сильнѣе всего — напримѣръ, строительное — вовсе не обслѣдованы; правда, наконецъ, что города и мѣстечки переполнены голодными безработными людьми, преимущественно [illegible]. Но какое дѣло до всего этого министру отъ финансовъ? Кошелекъ, вытащенный изъ народнаго кармана, въ его рукахъ, а если онъ вытащилъ его не совсѣмъ чисто, то все же не теряетъ надежды, что въ суматохѣ это забудутъ. Но пусть не торжествуетъ г. министръ теперь заранѣе. И то „свое время", когда ему придется дать отчетъ въ своемъ хозяйничаньи, быть можетъ, ближе, чѣмъ онъ полагаетъ, и не „государственный контроль", а народъ опредѣлитъ это „время".

Пока же народъ можетъ утѣшиться тѣмъ, что кромѣ всѣхъ тягостей войны, ему придется въ этотъ годъ платить 108 милліоновъ рублей на удовольствіе имѣть министерство внутреннихъ дѣлъ, 16 милліоновъ рублей на „особъ императорской фамиліи" и — какъ дешево! — 5½ милліоновъ рублей за „отдѣльный корпусъ жандармовъ". Разумѣется, тѣ огромныя суммы, которыя обязательно тратятся на полицію и жандармерію городами, земствами и сельскими обществами — въ этотъ круглый счетецъ не входятъ. А въ концѣ концовъ, есть все же и явно счастливые люди, въ годину народнаго бѣдствія умудрившіеся увеличить вклады въ сберегательныя кассы на 54 милліона рублей. И тутъ надо отдать справедливость г-ну министру. Еще въ самомъ началѣ войны онъ сказалъ: „каждый разъ, когда случается большое бѣдствіе — война или голодъ — приливъ денегъ въ сберегательныя кассы превышаетъ [illegible] въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ во всякое иное время".

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОЛИТИКЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Шумъ либеральныхъ банкетовъ вскружилъ голову г. Струве. Редакторъ „Освобожденія", до сихъ поръ предписывавшій правила хорошаго поведенія Николаю II, Витте и другимъ высокимъ особамъ, [illegible] давать политическіе совѣты россійской соціалдемократіи.

Съ гордостью окидывая взглядомъ широкое конституціонное движеніе русской интеллигенціи, либеральный мудрецъ не придумалъ для русскихъ рабочихъ ничего лучшаго, какъ сослать ихъ въ „приготовительный классъ политическаго воспитанія".

По мнѣнію г. Струве „революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ"... „Русскій рабочій культурно отсталъ, забитъ и (мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще не достаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ".

И г. Струве предлагаетъ соціалдемократіи и освобожденцамъ соединиться и „всякими разумными средствами ускорить рожденіе революціоннаго народа, которое, какъ любезно, но въ одномъ противорѣчіи со своей основной мыслью, предсказываетъ Струве, можетъ послѣдовать каждую минуту.

Эти „разумныя средства" заключаются въ организаціи легальнаго профессіональнаго рабочаго движенія, которое, оставаясь формально неполитическимъ, подготовитъ когда-нибудь кадры для соціалдемократической партіи. Русскіе соціалдемократы должны сознательно наложить на себя постъ осторожности и оппортунизма, чтобы вовлечь рабочій классъ въ освободительную борьбу современной Россіи. Совѣты г. Струве опубликованы 6 января. 9 января „забитый" петербургскій пролетаріатъ, не успѣвъ освѣдомиться о разумныхъ средствахъ, придуманныхъ для его политическаго воспитанія въ либеральной лабораторіи Парижа, поднялъ знамя возстанія и требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права доказалъ, что онъ гораздо болѣе политически созрѣлъ, чѣмъ колеблющаяся демократія „Освобожденія". Жизнь наглядно обнаружила ничтожность политическихъ рецептовъ г. Струве, безпощадно вскрыла убожество либеральной мысли. „Культурно отсталый" рабочій не только нашелъ въ себѣ достаточно мужества и сознанія, чтобы отдать жизнь за требованіе полнаго освобожденія народа, но и сумѣлъ развить такое мощное движеніе, которое увлекло въ свой потокъ наиболѣе чуткіе элементы либеральной демократіи. Петербургскіе либералы продиктовали петербургскимъ рабочимъ свою программу и свой планъ дѣйствій, но петербургскіе рабочіе заставили часть петербургскихъ либераловъ забыть, по крайней мѣрѣ на время, колебанія и жалкіе развороты и встать на путь революціонной борьбы.

Политическія разглагольствованія, опубликованныя г. Струве 6 января, въ корнѣ опровергнуты политическимъ дѣйствіемъ 9 января. Русскій рабочій однимъ ударомъ обратилъ въ ничто претензіи либераловъ на руководящую роль въ освободительномъ движеніи и раскрылъ политическую отсталость ихъ вождя.

Г. Струве до сихъ поръ посвящалъ свои силы политическому воспитанію высокородныхъ верховъ имущаго русскаго общества. Для нихъ политическая программа приготовительнаго класса была вполнѣ умѣстной, и въ качествѣ наставника политическихъ младенцевъ „Освобожденіе" недурно выполняло свои задачи. Но когда г. Струве отрывается отъ родной почвы и пытается поучать пролетаріатъ, мы имѣемъ право сказать ему словами поэта:

Танцуй свою „Дѣву Дунай",
Но въ покоѣ оставь мужика!

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Москва. 29 декабря начались публичныя засѣданія Московскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Въ первый день публики собралось человѣкъ 600. Начались доклады — одинъ другого хуже. Одинъ докладчикъ, послѣ 20 минутной болтовни заявилъ, что все то, что онъ сейчасъ читалъ, давнымъ давно напечатано. Другой взывалъ къ тому времени, когда возможно будетъ интеллигенціи уплатить неоплатный долгъ народу. Третій занимался оправданіемъ третьяго техническаго съѣзда и все удивлялся, почему его закрыли, вѣдь, съѣздъ, говоритъ онъ, занимался законными вещами. Возражать можно было послѣ каждой группы докладовъ. Каждому оратору давалось по 5 минутъ. Послѣ первой группы беретъ слово одинъ изъ публики, назвавшій себя Германомъ Васильевымъ и говоритъ слѣдующее. „Оставляя за собой право говорить по существу послѣ всѣхъ докладовъ, я хочу указать на тотъ рабій языкъ, которымъ были прочитаны всѣ эти доклады. Вытаскивается такая ветошь, какъ „долгъ народу". Къ чему все это — неужели мы все еще не можемъ никакъ научиться говорить по-человѣчески, языкомъ гражданъ? Почему не заявить вмѣсто какого-то „долга народу" слѣдующее: мы демократы и современный строй мѣшаетъ намъ жить. Мы сами слабы, чтобы измѣнить эти условія, мы идемъ въ пролетарскія массы, даемъ имъ знанія, ибо хорошо знаемъ, что только сознательныя массы могутъ столкнуть то, что мѣшаетъ намъ жить. Что мѣшаетъ? Мѣшаетъ самодержавіе. Итакъ, долой самодержавіе! (звонокъ предсѣдателя и оглушительные аплодисменты). Ораторъ продолжаетъ: не время теперь заниматься уставами какихъ-то обществъ, не время заниматься счетомъ засѣданій, которыя имѣла коммиссія, вѣдь, государственный совѣтъ засѣдаетъ очень много, а толку въ этомъ большого нѣтъ. Теперь нужно заняться тѣмъ, отъ чего зависитъ жизнь страны, и докладчику, который защищалъ третій съѣздъ и удивлялся закрытію, лучше было бы, если бы онъ вмѣсто защитника съѣзда, обратился въ обличителя того режима, который закрылъ этотъ съѣздъ. А закрыло его самодержавіе и докладчикъ лучше бы сдѣлалъ, если бы сказалъ „долой самодержавіе!" (звонокъ и оглушительные аплодисменты).

„Соціалдемократія, занятая въ настоящую минуту организаціей пролетарскихъ силъ, не можетъ сейчасъ удѣлить много силъ на культурно-образовательную цѣль, но въ свободномъ государствѣ соціалдемократія не позволитъ либерально-буржуазнымъ обществамъ (а таковымъ является и это общество, звонокъ предсѣдателя) заниматься просвѣщеніемъ пролетарскихъ массъ. Дѣло просвѣщенія пролетаріата она возьметъ въ свои руки. Займитесь теперь самымъ важнымъ вопросомъ русской жизни: сверженіемъ самодержавія и потребуйте, вмѣстѣ съ россійской соціалдемократической партіей, учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, непремѣннымъ результатомъ котораго будетъ демократическая республика" (продолжительные аплодисменты).

Послѣ этого предсѣдатель просилъ публику быть тише и заявилъ, что они собрались здѣсь для обсужденія серьезнаго дѣла, а не для производства демонстраціи (часть публики аплодировала, большинство шикало). На другой день съѣздъ былъ за эту рѣчь закрытъ и собравшаяся публика, человѣкъ 700, встрѣтила запертыя двери. Прошли нѣсколько улицъ. Впереди толпы шелъ торговецъ съ красными воздушными шариками. Публика покупала ихъ и пускала. Одинъ товарищъ сказалъ, что это эмблема либеральнаго движенія. На другой день бюро собралось на частное совѣщаніе, чтобы протестовать противъ закрытія (было всего человѣкъ 60).

Либералы возмущены тѣмъ, что съѣздъ, какъ они заявляютъ, „сорвали" и на этомъ частномъ собраніи предсѣдатель заявилъ, что у оратора не хватило „гражданскаго мужества" записать свою фамилію: онъ записалъ вымышленную. Особенно отличился на этомъ собраніи Фальборкъ. Онъ въ исступленіи кричалъ: „зачѣмъ они мѣшаютъ намъ работать, зачѣмъ они къ намъ являются, пролетаріатъ за ними никогда не шелъ и не пойдетъ". Случайно бывшій товарищъ отчиталъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Въ концѣ концовъ, они вынесли резолюцію (horribile dictu), что они признаютъ очень желательнымъ выступленіе соціалдемократіи и во всѣхъ случаяхъ, когда они будутъ что либо затѣвать, они на совѣщаніе будутъ приглашать представителя соціалдемократической организаціи.

Батумъ. Согласно рѣшенію послѣдней Кавказской Конференціи и въ виду полученнаго предложенія отъ Союзнаго Комитета поддержать готовившуюся въ Тифлисѣ демонстрацію, Батумскій Комитетъ рѣшилъ устроить демонстрацію. 20 го декабря въ 10 часовъ утра рабочіе заводовъ Ротшильда и 2-го Манташева, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, бросивъ работу, собрались возлѣ зав. Ротшильда и выбросили нѣсколько малыхъ знаменъ съ надписями „Долой позорную войну! Мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія!" (на 3-хъ языкахъ) и одно большое расшитое шелкомъ знамя съ обще-соціалистическими надписями. Вскорѣ къ толпѣ присоединились подоспѣвшіе рачіе съ другихъ заводовъ и съ берега. Къ толпѣ поочередно говорили ораторы по русски, армянски и по грузински. Но довести до конца свои рѣчи ораторамъ не удалось, отчасти потому, что возбужденное настроеніе толпы прорывалось революціонными возгласами и выстрѣлами на воздухъ, отчасти потому, что все прибывающія съ знаменами толпы запоздавшихъ рабочихъ встрѣчались шумными привѣтствіями. Затѣмъ пропѣвъ нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ, разбросавъ прокламаціи и красныя карточки съ призывомъ къ демонстраціи и сдѣлавши нѣсколько залповъ на воздухъ, демонстранты возбужденные и съ шумными возгласами разошлись. Многіе кричали „въ городъ,“ но организаторы, какъ рѣшено было заранѣе, уговаривали расходиться. Прибывшіе казаки и полиція, увидѣвъ настроеніе рабочихъ (которыхъ было не меньше 3-хъ тысячъ), рѣшили благоразумно отойти. Въ общемъ, планъ демонстраціи, выработанный заранѣе, удалось привести въ исполненіе, хотя отдѣльныя части и не были исполнены.

Настроеніе рабочихъ крайне возбужденное и бодрое. Въ городѣ страхъ и волненіе, усиливаемое движеніемъ по улицамъ казаковъ и солдатъ. До полудня всѣ магазины были закрыты. Вокругъ губернаторскаго дома разставлены и спрятаны солдаты, среди которыхъ прохаживаются офицера. Изъ принадлежащихъ къ организаціи и ея периферіи никто не арестованъ, но говорятъ, что въ прилежащихъ къ мѣсту демонстраціи боковыхъ улицахъ арестовано нѣсколько человѣкъ. Вѣдь полиціи нужны „трофеи“.

22 декабря 1904 г. Батумскій Комитетъ.

Тифлисъ. Подъ Рождество здѣсь состоялось два народныхъ митинга: желѣзнодорожныхъ рабочихъ (1000 чел.) и на заводѣ Яралова (300 чел.). Выходя на обѣдъ, рабочіе остановились; были произнесены небольшія рѣчи, развернуто знамя и разбросаны листки съ нашими программными требованіями. Когда подоспѣли казаки, все было уже кончено и толпа разошлась. Ночью были аресты.

Рига. 6 января у насъ была демонстрація, въ которой принимали участіе 4—5000 чел. латышскихъ и еврейскихъ рабочихъ и незначительное число учащихся. Демонстрація началась въ 12¼ ч. дня, когда соединились всѣ демонстранты на одной изъ главныхъ улицъ города — Александровской и выступилъ ораторъ (латышъ), который говорилъ около 5 минутъ. Послѣ этого демонстранты пошли по Александровской улицѣ, по направленію къ центру города. По дорогѣ пѣлись революціонныя пѣсни и раздавались революціонные возгласы; было распространено при этомъ много прокламацій. Знаменоносцы, подъ охраной „боевого отряда“, несли три большихъ красныхъ знамени съ надписями: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ политическая свобода“, „Долой войну“, „Мы требуемъ мира“. Распространяли также красныя карточки, на которыхъ было напечатано: „*Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!* Долой войну! Мы требуемъ мира! Долой самодержавіе! Мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права! Мы требуемъ равноправія всѣхъ населяющихъ Россію національностей! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ международная соціальдемократія!“ Рижск. федерація. Ком. Латыш. Соц.-дем. Раб. Партія и Всеобщ. Еврейск. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бундъ). Публика, встрѣчая демонстрантовъ, снимала шапки и кланялась. Даже офицеръ и тотъ „отдалъ честь“ знаменамъ. Постовые городовые, увидя демонстрантовъ, спрятались. Дойдя до Рыцарской улицы, крикнули заранѣе условленный пароль: „жандармы“ и демонстранты разошлись; передъ этимъ нѣкоторые изъ „боевого отряда“ выстрѣлили нѣсколько разъ. Демонстрація продолжалась около ½ часа. Такъ какъ блюстители порядка были заняты на парадѣ, то дѣло обошлось безъ всякихъ жертвъ. Полиція явилась только черезъ 10—15 минутъ послѣ ухода демонстрантовъ. Она начала придираться къ гуляющей публикѣ, но скоро оставила это.

На второй день въ мѣстной газетѣ „Прибалтійскій Край“ появилось лаконическое и въ то же время ложное сообщеніе о демонстраціи. Сказано, что была манифестація, которая разсѣялась по прибытіи „полицейскаго наряда“. Какъ я уже сказалъ, царскіе холопы подоспѣли на „мѣсто преступленія“ только черезъ 10—15 минутъ послѣ того, какъ только разошлась.

О демонстраціи теперь много говорятъ въ городѣ.

Новозыбковъ. 7 декабря здѣсь состоялся политическій банкетъ, участники котораго послали, за 75 подписями, адресъ Черниговскому губернскому земскому собранію. Указывая на то, что въ настоящее время земства являются единственными легальными представителями населенія, адресъ требуетъ, чтобъ они высказались за всенародное Учредительное Собраніе, амнистію и прекращеніе войны.

Извѣстно, какъ Черниговское губернское земство отнеслось къ демократическимъ требованіямъ.

Во время банкета, происходившаго въ клубѣ, на улицѣ собралась сочувственно настроенная толпа „простонародья“.

По поводу банкета производится дознаніе.

Харьковъ 31 декабря 1904 г. ст. ст. (Изъ частнаго письма).

Нѣсколько словъ о встрѣчѣ у насъ новаго года. Публика сильно готовилась и очень многаго ждала отъ этой встрѣчи... Предполагалось встрѣтить новый годъ въ народномъ домѣ при громадномъ скопленіи рабочихъ и интеллигентовъ, чтобы потомъ устроить, если удастся, демонстрацію. Но... полиція предупредила: губернаторъ не далъ разрѣшенія на обычное празднованіе наступленія новаго года; казаки окружили народный домъ; конная и пѣшая полиція запрудила всѣ прилегающія къ зданію Народнаго дом улицы. „Домъ“ былъ наглухо запертъ и приходившихъ немедленно удаляли съ угрозами употребить насиліе въ случаѣ отказа повиноваться. На Сумской ул. нѣкоторыхъ, повидимому, менѣе склонныхъ повиноваться, избили; трехъ даже арестовали, говорятъ.

Нижній-Новгородъ. 29 декабря былъ назначенъ литературный вечеръ въ Народномъ домѣ, послѣ литературнаго отдѣленія предполагались танцы, но вмѣсто нихъ были произнесены двѣ рѣчи, а третьему оратору не пришлось говорить, такъ какъ ворвалась масса полиціи и, окруживши тѣснымъ кольцомъ публику и обнаживъ шашки, начала сплошное избіеніе. Раненыхъ около 40 человѣкъ, изъ нихъ много тяжело. Въ ночь было много арестовъ. Взяты: Лазаревъ (былъ уже арестованъ по дѣлу с.-р. и недавно выпущенъ), докторъ Длинополовъ и др. Помощнику полиціймейстера здорово попало, а пристава Кевдина (извѣстный мерзавецъ) хотѣли сбросить съ хоръ внизъ, но онъ угрожалъ стрѣлять изъ револьвера. Днемъ въ этотъ же день было учительское собраніе во всесословномъ клубѣ, на которомъ говорились либералами хорошія фразы. Арестовали рабочаго за то, что онъ сказалъ нѣсколько словъ отъ лица рабочаго класса, но тутъ-же отпустили по требованію публики. Всѣ волнуются, всѣ слои общества охвачены сочувственнымъ волненіемъ.

Изъ второго письма отъ 3-го января: Сегодня состоялось собраніе рабочихъ и интеллигентовъ (встрѣчали новый годъ), гдѣ обсуждался вопросъ, какимъ образомъ реагировать на избіеніе въ Народномъ домѣ. Представители мѣстнаго комитета Партіи предложили принять резолюцію, но встрѣтили къ себѣ непріязненное отношеніе мѣстныхъ рабочихъ соціальдемократовъ, среди которыхъ теперешній Комитетъ не пользуется популярностью.

Смоленскъ. У насъ большое волненіе въ городѣ. Болото всколыхнулось. Какой то озорникъ бросилъ „бомбу“ въ губернаторскій домъ, которая повредила рѣшетку и выбила нѣсколько оконъ. Губернатора, кстати сказать, не было дома — въ отпуску — объ этомъ было своевременно заявлено въ мѣстной газетѣ. Теперь средиземная эскадра рыщетъ по домамъ. Были обыски у доктора Хайкина, у статистика Дмитріева, у Града, у Саковича и другихъ.

Сегодня на вокзалѣ арестовано, какъ говорятъ, трое человѣкъ; везли на трехъ извозчикахъ съ жандармами. Взятъ позапрошлой ночью врачъ земской больницы А. П. Голубковъ, причемъ говорятъ, что его причисляютъ къ центральной организаціи на томъ основаніи, что нашли у него инструкціонное письмо Ц. К. къ мѣстнымъ организаціямъ. Ну и логика!!

ДОКЛАДЪ

особой комиссіи Вологодской Городской Думы по вопросу о выработкѣ руководящихъ указаній для уполномоченныхъ на Всероссійскій Съѣздъ представителей городского управленія.

18 Декабря 1904 г.

Исполняя порученіе Думы отъ 3-го Декабря 1904 г., относящееся къ предложенію г. Городского Головы о выработкѣ программы желательныхъ къ обсужденію на съѣздѣ городскихъ представителей вопросовъ, особая комиссія по этому дѣлу имѣетъ честь доложить Думѣ слѣдующія свои заключенія и данныя.

При разрѣшеніи поставленной Думою задачи: войти въ детальное обсужденіе положеній, выраженныхъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего года Московскою городскою думою и съѣздомъ земскихъ дѣятелей въ С. Петербургѣ въ соотвѣтствіи и связи съ вопросами, имѣющими прямое отношеніе спеціально къ городскому управленію, комиссія прежде всего, конечно, необходимо было обратить вниманіе на это соотвѣтствіе и связь.

Всѣмъ извѣстно то толкованіе, которое дается разграниченію круговъ вѣдѣнія и дѣятельности государства и общиннаго управленія городовъ власть имущими лицами. Все то, что признается этими лицами не отвѣчающимъ ихъ интересамъ, считается выходящимъ за предѣлы вѣдѣнія городского управленія.

Строй городской жизни, самодѣятельность гражданъ, ихъ самоуправленіе подчинены въ этомъ полному произволу бюрократіи.

По признанію комиссіи, всѣ подобнаго рода имѣвшія мѣсто толкованія круговъ вѣдомства совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Исторія отмѣнявшихся, въ силу указаннаго обстоятельства, земскихъ ходатайствъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія среди крестьянъ, участія городовъ и земствъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ на войнѣ съ Японіею, неоднократная передача самимъ правительствомъ законопроектовъ государственнаго характера на обсужденіе и заключеніе органовъ общественныхъ управленій, — все это достаточно ярко свидѣтельствуетъ о произвольности этихъ разграниченій нуждъ и пользъ цѣлаго государства и его части — городской или земской общины, разграниченій, которыя произвольно навязывались ранѣе, какъ законное положеніе того и другого. Между государствомъ и составляющими его общинами не можетъ быть по самому ихъ существу противуположеній, такъ какъ интересы части дороги цѣлому, а интересы цѣлаго дороги его части.

Поэтому отношенія государственнаго и общиннаго управленія должны и могутъ быть правильно построены только на началахъ взаимнаго довѣрія и поддержки. А для этого органы общественнаго управленія городовъ должны быть введены въ кругъ государственныхъ учрежденій и должны пользоваться безусловнымъ правомъ заявленій и ходатайствъ Верховной Власти по всѣмъ предметамъ, касающимся блага городского населенія. Эти заявленія, эти ходатайства со стороны представителей города о всѣхъ нуждахъ и пользахъ городского населенія должны быть признаны ихъ прямою обязанностью.

Характеръ настоящихъ, существующихъ отношеній между органами государственнаго и городского общественнаго управленія, если принять указанную точку зрѣнія, долженъ быть признанъ безусловно ненормальнымъ.

Надзоръ и опека надъ дѣятельностью городского управленія, унижающіе достоинство полноправнаго городского населенія; общественная самодѣятельность гражданъ, стѣсненная произволомъ и усмотрѣніемъ постороннихъ благу мѣстнаго населенія элементовъ; стремленіе возложить какъ можно больше расходовъ по повинностямъ государственнаго характера на мѣстныя средства, препятствуя въ то-же время изысканію новыхъ источниковъ доходовъ и отказывая во всякомъ контролѣ и распоряженіи надъ взятыми городскими средствами; органы городского общественнаго самоуправленія Городовымъ Положеніемъ 1892 г. превращенные въ органы администраціи, — таковы характерныя черты отношеній, нынѣ существующихъ между цѣлымъ государствомъ и его частями — городскими общинами. Всѣмъ извѣстны отказы въ утвержденіи на службу должностныхъ лицъ по городскому управленію, отказы въ удовлетвореніи ходатайствъ объ уменьшеніи тягости обязательныхъ расходовъ государственнаго характера и отрицательное отношеніе ко всякимъ другимъ ходатайствамъ. Всѣ отношенія къ городскому населенію и его представителямъ со стороны администраціи проникаетъ одно начало: возложить на общественное управленіе какъ можно больше государственныхъ повинностей и стѣснить всѣми мѣрами свободное выраженіе воли самихъ гражданъ во всемъ остальномъ, въ удовлетвореніи пользъ и нуждъ мѣстнаго характера.

Но тамъ, гдѣ населеніе имѣетъ однѣ только обязанности: отбываетъ кровью или имуществомъ государственныя повинности, но не имѣетъ участія въ распоряженіи и контролѣ собранными съ него общими государственными средствами, тамъ невозможны никакія другія отношенія. Тамъ, гдѣ у общества, у народа только однѣ обязанности и нѣтъ правъ, тамъ всѣ пользы и нужды, всѣ вопросы о благѣ отечества, его славѣ и чести будутъ рѣшаться въ запертыхъ наглухо канцеляріяхъ и не согласно съ его интересами. Административная дѣятельность сводится за послѣднее время лишь къ охранѣ существующаго порядка, благодаря чему интересы и благо народа отодвинуты на дальній планъ.

Чтобы сулившія благосостояніе и благоустройство реформы императора Александра II, составившія удивительную и для другихъ народовъ эпоху въ жизни нашей страны, не погибли, должно было, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостного рабства, произойти освобожденіе русскаго общества, всего русскаго народа отъ политическаго рабства, отъ произвола бюрократіи.

Такимъ образомъ, обсуждая общій вопросъ объ отношеніяхъ государства и городской общины, о соотвѣтствіи и связи ихъ органовъ, комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Принципы самовластія бюрократіи, полицейское начало, лежащее въ основѣ существующей системы государственнаго правленія, несовмѣстимо, непримиримо съ принципомъ самоуправленія при проявленіи послѣдняго даже въ ограниченномъ кругѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ.

2) Самодѣятельность гражданъ, — ограничиваемая по произволу и усмотрѣнію бюрократіи, не можетъ вести къ правильному удовлетворенію пользъ и нуждъ населенія, къ развитію русскихъ городовъ.

Эти свои заключенія, вызванныя существующимъ строемъ городского управленія, комиссія ставитъ въ связь съ принятыми Думою положеніями Московской городской думы и съѣзда земскихъ дѣятелей.

Переходя затѣмъ отъ обсужденія общаго вопроса о положеніи, которое занимаетъ въ государствѣ городское управленіе, къ частнымъ вопросамъ, вызываемымъ отдѣльными чертами этого положенія, практикой, комиссія пришла къ убѣжденію въ необходимости коренныхъ измѣненій строя городского управленія въ слѣдующихъ направленіяхъ.

Во первыхъ, должна быть расширена сфера дѣятельности городского управленія включеніемъ въ нее всѣхъ пользъ и нуждъ мѣстнаго населенія, во вторыхъ, должна существовать его полная самостоятельность въ удовлетворенія всѣхъ потребностей мѣстнаго населенія и въ третьихъ, въ этой дѣятельности городское управленіе должно пользоваться ясно выраженной закономъ независимостью отъ другихъ органовъ власти.

Въ настоящее время вся охрана общественной тишины и безопасности въ городѣ, почтовыя, телеграфныя и иныя городскія сношенія, просвѣтительное, учебное дѣло, мировая юстиція, находятся внѣ власти и вліянія городского населенія, интересы котораго въ этихъ наиболѣе близкихъ ему дѣлахъ обслуживаются элементами совершенно чуждыми интересамъ города. По мнѣнію комиссіи, всѣ такія ближе всего касающіеся интересовъ самого населенія дѣла должны быть на мѣстѣ переданы въ вѣдѣніе городского управленія, всѣ вопросы, связанные съ устройствомъ такихъ дѣлъ, должны рѣшаться при участіи городского управленія.

Въ настоящее время о какой либо самостоятельности городского управленія не можетъ быть и рѣчи: всѣ дѣла, всѣ рѣшенные органами городского управленія вопросы, могутъ быть пріостановлены и отмѣнены, если не по несоотвѣтствію ихъ закону, то по несоотвѣтствію ихъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, которое воленъ усмотрѣть или не усмотрѣть тотъ или иной органъ администраціи. Опека и надзоръ надъ дѣятельностью городского населенія проведены съ послѣдовательностью по всѣмъ статьямъ Городового Положенія. Право самообложенія ограничено почти до предѣловъ, допускающихъ удовлетвореніе только однѣхъ государственныхъ повинностей, отбываемыхъ на общія городскія средства. Число избирателей и гласныхъ, лицъ участвующихъ въ городскомъ управленіи, ограничено на столько, что городскимъ хозяйствомъ завѣдуетъ слой городского населенія, составляющій, напримѣръ, въ городѣ Вологдѣ 1% всего населенія.

По мнѣнію комиссіи, опека и надзоръ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности городского управленія должны быть совершенно устранены, ибо трудно быть кому либо судьей въ благѣ и счастьѣ другихъ людей, какой бы добротой не преисполнены были при этомъ его намѣренія. Это во первыхъ, а во вторыхъ кому-же ближе знать свои пользы и нужды, свои интересы, какъ не самому городскому населенію, его представителямъ? Конечно, возможны ошибки и со стороны городского управленія и необходимо въ случаѣ нарушенія имъ законныхъ интересовъ частныхъ лицъ и установленій, а также въ общемъ случаѣ формальнаго нарушенія закона, дожно существовать обжалованіе его рѣшеній независимому суду съ указанною въ законѣ отвѣтственностью органовъ городского управленія, постановившихъ незаконное рѣшеніе. Но отмѣна и утвержденіе рѣшеній городского управленія со стороны другихъ органовъ власти — должны быть совершенно исключены. Родъ и предѣлы спеціальныхъ городскихъ налоговъ, идущихъ въ распоряженіе городского управленія на удовлетвореніе общихъ нуждъ, горожанъ съ имуществъ, торговли и промысловъ должны, по мнѣнію комиссіи, устанавливаться только волею этого населенія, его представителей. Участіе въ городскомъ управленіи въ формѣ выбора городскихъ представителей, непосредственно завѣдующихъ всѣми дѣлами города, должно быть, по мнѣнію комиссіи, распространено на всѣхъ лицъ, какъ домохозяевъ и владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, такъ и на квартиронанимателей, участвующихъ въ платежѣ указанныхъ спеціальныхъ городскихъ налоговъ, проживавшихъ въ городѣ опредѣленное время и тѣмъ самымъ заинтересованныхъ въ его благоустройствѣ. Наконецъ, въ интересахъ той же самостоятельности городского управленія всякая дѣятельность его должна быть публичной, гласной и обсуждаться въ печати свободно безъ всякой цензуры.

При настоящемъ строѣ городского управленія независимости его дѣйствій не существуетъ. Всѣ органы городского управленія дѣйствуютъ въ зависимости отъ усмотрѣнія администраціи, — людей пришлыхъ, случайныхъ, неотвѣтственныхъ предъ мѣстнымъ населеніемъ и фактически почти не отвѣчающихъ передъ судомъ за свои дѣйствія. Необходимо, по мнѣнію комиссіи, установить, что, всѣ лица неопороченныя по, суду имѣютъ право на службу городскому управленію и что ни одно должностное лицо выборное или принятое не можетъ быть удалено со службы помимо воли представителей города, что принятыя и выборныя должностныя лица городского управленія не подлежатъ никакому утвержденію и отвѣчаютъ за свои дѣйствія по должности только по суду.

По мнѣнію комиссіи, Городовое Положеніе 1892 г., какъ законъ, не отвѣчающій потребностямъ жизни городовъ, интересамъ развитія городского хозяйства должно быть совершенно отмѣнено и долженъ быть созданъ при участіи представителей населенія новый законъ, устанавливающій точно и ясно положеніе городской общины въ государствѣ, права, обязанности и отвѣтственность органовъ городского управленія на вышеизложенныхъ началахъ. Комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ полагала-бы предложить представителямъ города, которыхъ Дума изберетъ на съѣздъ городскихъ дѣятелей, поставить на этомъ съѣздѣ вопросъ объ учрежденіи постояннаго бюро съѣздовъ и изданіи общаго для городовъ органа печати по вопросамъ городского хозяйства.

Всѣ эти заключенія комиссіи стоятъ въ связи и соотвѣтствіи съ положеніями Московской Городской Думы и съѣзда земскихъ дѣятелей, почему особая комиссія и имѣетъ честь представить ихъ на утвержденіе Городской Думы, какъ руководящія указанія для имѣющихъ быть избранными уполномоченныхъ на предстоящій съѣздъ городскихъ дѣятелей.

Царская милость и отвѣтъ на нее ссыльныхъ. (Мы уже сообщали о заявленіяхъ ссыльныхъ въ Олекминскѣ и другихъ мѣстахъ по поводу „всемилостивѣйшаго манифеста“. Теперь газеты сообщаютъ, что льгота (скидка на ⅓ срока) будетъ распространена на всѣхъ ссыльныхъ въ Сибири. Судя по нижеслѣдующему письму, эта мѣра примѣняется къ ссыльнымъ и въ другихъ мѣстахъ).

Великій Устюгъ, 4-го декабря. Двѣ недѣли тому назадъ пришла отъ губернатора бумага съ объявленіемъ намъ, что онъ, согласно манифесту, нашелъ возможнымъ скинуть намъ всѣмъ ⅓ срока.

Мы всѣ рѣшили отказаться отъ этой милости, расписавшись на этой бумагѣ, что наши убѣжденія остаются прежними, и по освобожденіи, если таковое послѣдуетъ, мы оставляемъ за собой право заняться прежней дѣятельностью. Но на бумагѣ удалось подписаться только одному товарищу, такъ какъ послѣ его подписи уже никому бумаги не давали, а объявляли о скидкѣ ⅓ устно. Устно же почти всѣ мы сдѣлали соотвѣтственныя заявленія, съ просьбой довести ихъ до свѣдѣнія губернатора и министра. Это было около 20 ноября. 30 ноября мы всей почти колоніей, 15 человѣкъ, направились въ полицію объясняться съ исправникомъ по поводу препятствій, которыя онъ дѣлаетъ, чтобы не дать товарищамъ-рабочимъ поступить въ мастерскія. Послѣ энергичнаго объясненія исправникъ исполнилъ наши требованія и послалъ къ завѣдующему мастерскими пристава убѣдить его въ томъ, чтобы онъ обратно принялъ нашихъ товарищей Мы всѣ вышли и собрались на лѣстницѣ въ полицейскомъ управленіи, для обсужденія, слѣдуетъ ли жаловаться на исправника губернатору. Товарищъ же Владимировъ, сдѣлавшій раньше подпись на губернаторской бумагѣ, что онъ революціонеръ, по приглашенію исправника, остался въ полиціи. Мы ждали его довольно долго, наконецъ послали его звать. Нашъ посолъ вернулся и объявилъ, что Владимирова арестуютъ и отправляютъ по этапу въ Усть-Сысольскъ. Моментально мы ворвались всѣ въ полицію, окружили Владимирова и объявили, что не дадимъ его арестовать до тѣхъ поръ, пока и намъ не будетъ дана бумага для подписи. Исправникъ намъ заявилъ, что бумагу намъ не дастъ, а Владимирова арестуетъ силой. Тогда мы другъ за другомъ въ энергичныхъ выраженіяхъ выяснили исправнику всю подлость, какъ правительства, такъ и его, исправника, и потребовали, чтобы онъ, не смягчая выраженій по адресу правительства, обо всемъ донесъ губернатору. Вмѣстѣ съ тѣмъ объочіе съ другихъ заводовъ и съ берега. Къ толпѣ поочередно говорили ораторы по русски, армянски и по грузински. Но довести до конца свои рѣчи ораторамъ не удалось, отчасти потому, что возбужденное настроеніе толпы прорывалось революціонными возгласами и выстрѣлами на воздухъ, отчасти потому, что все прибывающія съ знаменами толпы запоздавшихъ рабочихъ встрѣчались шумными привѣтствіями. Затѣмъ пропѣвъ нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ, разбросавъ прокламаціи и красныя карточки съ призывомъ къ демонстраціи и сдѣлавши нѣсколько залповъ на воздухъ, демонстранты возбужденные и съ шумными возгласами разошлись. Многіе кричали „въ городъ,“ но организаторы, какъ рѣшено было заранѣе, уговаривали расходиться. Прибывшіе казаки и полиція, увидѣвъ настроеніе рабочихъ (которыхъ было не меньше 3-хъ тысячъ), рѣшили благоразумно отойти. Въ общемъ, планъ демонстраціи, выработанный заранѣе, удалось привести въ исполненіе, хотя отдѣльныя части и не были исполнены.

Настроеніе рабочихъ крайне возбужденное и бодрое. Въ городѣ страхъ и волненіе, усиливаемое движеніемъ по улицамъ казаковъ и солдатъ. До полудня всѣ магазины были закрыты. Вокругъ губернаторскаго дома разставлены и спрятаны солдаты, среди которыхъ прохаживаются офицера. Изъ принадлежащихъ къ организаціи и ея периферіи никто не арестованъ, но говорятъ, что въ прилежащихъ къ мѣсту демонстраціи боковыхъ улицахъ арестовано нѣсколько человѣкъ. Вѣдь полиціи нужны „трофеи“.

22 декабря 1904 г. Батумскій Комитетъ.

Тифлисъ. Подъ Рождество здѣсь состоялось два народныхъ митинга: желѣзнодорожныхъ рабочихъ (1000 чел.) и на заводѣ Яралова (300 чел.). Выходя на обѣдъ, рабочіе остановились; были произнесены небольшія рѣчи, развернуто знамя и разбросаны листки съ нашими программными требованіями. Когда подоспѣли казаки, все было уже кончено и толпа разошлась. Ночью были аресты.

Рига. 6 января у насъ была демонстрація, въ которой принимали участіе 4—5000 чел. латышскихъ и еврейскихъ рабочихъ и незначительное число учащихся. Демонстрація началась въ 12¼ ч. дня, когда соединились всѣ демонстранты на одной изъ главныхъ улицъ города — Александровской и выступилъ ораторъ (латышъ), который говорилъ около 5 минутъ. Послѣ этого демонстранты пошли по Александровской улицѣ, по направленію къ центру города. По дорогѣ пѣлись революціонныя пѣсни и раздавались революціонные возгласы; было распространено при этомъ много прокламацій. Знаменоносцы, подъ охраной „боевого отряда“ несли три большихъ красныхъ знамени съ надписями: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ политическая свобода“, „Долой войну“, „Мы требуемъ мира“. Распространяли также красныя карточки, на которыхъ было напечатано: „*Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!* Долой войну! Мы требуемъ мира! Долой самодержавіе! Мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права! Мы требуемъ равноправія всѣхъ населяющихъ Россію національностей! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ международная соціальдемократія!“ Рижск. федерація. Ком. Латыш. Соц.-дем. Раб. Партіи и Всеобщ. Еврейск. Раб. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи (Бундъ). Публика, встрѣчая демонстрантовъ, снимала шапки и [illegible]. Даже офицеръ и тотъ „отдалъ честь“ знаменамъ. Постовые городовые, увидя демонстрантовъ, спрятались. Дойдя до Рыцарской улицы, крикнули заранѣе условленный пароль „жандармы“ и демонстранты разошлись; передъ этимъ нѣкоторые изъ „боевого отряда“ выстрѣлили нѣсколько разъ. Демонстрація продолжалась около ½ часа. Такъ какъ блюстители порядка были заняты на парадѣ, то дѣло обошлось безъ всякихъ жертвъ. Полиція явилась только черезъ 10—15 минутъ послѣ ухода демонстрантовъ. Она начала придираться къ гуляющей публикѣ, но скоро оставила это.

На второй день въ мѣстной газетѣ „Прибалтійскій Край“ появилось лаконическое и въ то же время лживое сообщеніе о демонстраціи. Сказано, что была манифестація, которая разсѣялась по прибытіи „полицейскаго наряда“. Какъ я уже сказалъ, цѣпкіе холопы подоспѣли на „мѣсто преступленія“ только черезъ 10—15 минутъ послѣ того, какъ толпа [illegible].

О демонстраціи теперь много говорятъ въ городѣ.

Новозыбковъ. 7 декабря здѣсь состоялся политическій банкетъ, участники котораго послали за 75 подписями адресъ Черниговскому губернскому земскому собранію. Указывая на то, что въ настоящее время земства являются единственными легальными представителями населенія, адресъ требуетъ, чтобы они высказались за всенародное Учредительное Собраніе, амнистію и прекращеніе войны.

Извѣстно, какъ Черниговское губернское земство отнеслось къ демократическимъ требованіямъ.

Во время банкета, происходившаго въ клубѣ, на улицѣ собралась сочувственно настроенная толпа „[illegible]“.

По поводу банкета производится дознаніе.

Харьковъ 31 декабря 1904 г. (ст. ст.). Изъ частнаго письма.

Нѣсколько словъ о встрѣчѣ у насъ новаго года. Публика сильно готовилась и очень многаго ждала отъ этой встрѣчи. Предполагалось встрѣтить новый годъ въ народномъ домѣ при громадномъ скопленіи рабочихъ и интеллигентовъ, чтобы потомъ устроить, если удастся, демонстрацію. Но полиція предупредила: губернаторъ не далъ разрѣшенія на обычное празднованіе наступленія новаго года, казаки окружили народный домъ, конная и пѣшая полиція загородила всѣ прилегающія къ зданію Народнаго дома улицы. „Домъ“ былъ наглухо запертъ и [illegible] немедленно удаляли съ угрозами употребить силу въ случаѣ отказа повиноваться. На Сумской ул. нѣсколькихъ, повидимому, менѣе [illegible] повиноваться избили [illegible] арестовали, говорятъ.

Нижній-Новгородъ. 29 декабря [illegible] литературный вечеръ въ Народномъ домѣ; послѣ литературнаго отдѣленія предполагались танцы, но вмѣсто нихъ были произнесены двѣ рѣчи, а третьему оратору не позволили говорить, такъ какъ ворвавшаяся масса полиціи и окружившіи [illegible] публику и обнаживъ шашки, начала [illegible] избіеніе. Раненыхъ около 40 человѣкъ, изъ нихъ много тяжело. Въ ночь было много арестовъ. Взятый Лазаревъ былъ уже арестованъ [illegible] и недавно выпущенный докторъ [illegible] и др. Помощникъ полиціймейстера [illegible] мерзавецъ, хотѣлъ [illegible] стрѣлять изъ револьвера. Днемъ [illegible] этого же дня было учительское собраніе во [illegible] клубѣ, на которомъ [illegible] либералами хорошія фразы. Арестовали рабочаго за то, что онъ сказалъ нѣсколько словъ отъ лица рабочаго класса, но тутъ-же отпустили по требованію публики. Всѣ [illegible] слои общества охвачены сочувственнымъ волненіемъ.

Изъ второго письма отъ 3-го января. Сегодня [illegible] собраніе рабочихъ и интеллигентовъ встрѣчали новый годъ, гдѣ обсуждался вопросъ, какимъ образомъ реагировать на избіеніе въ Народномъ домѣ. Представители мѣстнаго комитета Партіи предложили принять резолюцію, но встрѣтили [illegible] неприязненное отношеніе мѣстныхъ рабочихъ соціалдемократовъ, среди которыхъ теперешній Комитетъ не пользуется популярностью.

Смоленскъ. У насъ большое волненіе въ городѣ. Болото всколыхнулось. Какой то озорникъ бросилъ „бомбу“ въ губернаторскій домъ, которая повредила рѣшетку и выбила нѣсколько оконъ. Губернатора, кстати сказать, не было дома — въ отпуску — объ этомъ было своевременно заявлено въ мѣстной газетѣ. Теперь [illegible] жандармерія [illegible]

Были обыски у доктора Хайкина, у статистика Дмитріева, у Града, у Саковича и другихъ.

Сегодня на вокзалѣ арестовано, какъ говорятъ, трое человѣкъ; везли на трехъ извозчикахъ съ жандармами. Взятъ позапрошлой ночью врачъ земской больницы А. П. Голубковъ, причемъ говорятъ, что его причисляютъ къ центральной организаціи на томъ основаніи, что нашли у него инструкціонное письмо Ц. К. къ мѣстнымъ организаціямъ. Ну и логика!!

ДОКЛАДЪ

особой комиссіи Вологодской Городской Думы по вопросу о выработкѣ руководящихъ указаній для уполномоченныхъ на Всероссійскій Съѣздъ представителей городскаго управленія.

18 Декабря 1904 г.

Исполняя порученіе Думы отъ 3-го Декабря 1904 г., относящееся къ предложенію г. Городского Головы о выработкѣ программы желательныхъ къ обсужденію на съѣздѣ городскихъ представителей вопросовъ, особая комиссія по этому дѣлу имѣетъ честь доложить Думѣ слѣдующія свои заключенія и данныя.

При разрѣшеніи поставленной Думою задачи: войти въ детальное обсужденіе положеній, выраженныхъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ сего года Московскою городскою думою и съѣздомъ земскихъ дѣятелей въ С. Петербургѣ въ соотвѣтствіи и связи съ вопросами, имѣющими прямое отношеніе спеціально къ городскому управленію, комиссіи прежде всего, конечно, необходимо было обратить вниманіе на это соотвѣтствіе и связь.

Всѣмъ извѣстно то толкованіе, которое дается разграниченію круговъ вѣдѣнія и дѣятельности государства и общиннаго управленія городовъ власть имущими лицами. Все то, что признается этими лицами не отвѣчающимъ ихъ интересамъ, считается выходящимъ за предѣлы вѣдѣнія городского управленія.

Строй городской жизни, самодѣятельность гражданъ, ихъ самоуправленіе подчинены въ этомъ полному произволу бюрократіи.

По признанію комиссіи, всѣ подобнаго рода имѣвшія мѣсто толкованія круговъ вѣдомства совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительности. Исторія отмѣнявшихся, въ силу указаннаго обстоятельства, земскихъ ходатайствъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія среди крестьянъ, участія городовъ и земствъ въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ на войнѣ съ Японіею, неоднократная передача самимъ правительствомъ законопроектовъ государственнаго характера на обсужденіе и заключеніе органовъ общественныхъ управленій, — все это достаточно ярко свидѣтельствуетъ о произвольности этихъ разграниченій нуждъ и пользъ цѣлаго государства и его части — городской или земской общины, разграниченій, которыя произвольно называлисъ раньше, какъ законное положеніе того и другого. Между государствомъ и составляющими его общинами не можетъ быть по самому ихъ существу противуположеній, такъ какъ интересы части дороги цѣлому, а интересы цѣлаго дороги его части.

Поэтому отношенія государственнаго и общиннаго управленія должны и могутъ быть правильно построены только на началахъ взаимнаго довѣрія и поддержки. А для этого органы общественнаго управленія городовъ должны быть введены въ кругъ государственныхъ учрежденій и должны пользоваться безусловнымъ правомъ заявленій и ходатайствъ Верховной Власти по всѣмъ предметамъ, касающимся блага городского населенія. Эти заявленія, эти ходатайства со стороны представителей города о всѣхъ нуждахъ и пользахъ городского населенія должны быть признаны ихъ прямою обязанностью.

Характеръ настоящихъ, существующихъ отношеній между органами государственнаго и городского общественнаго управленія, если принять указанную точку зрѣнія, долженъ быть признанъ безусловно ненормальнымъ.

Надзоръ и опека надъ дѣятельностью городского управленія, унижающіе достоинство полноправнаго городского населенія, общественная самодѣятельность гражданъ, стѣсненная произволомъ и усмотрѣніемъ постороннихъ благу мѣстнаго населенія элементовъ, стремленіе возложить какъ можно больше расходовъ по повинностямъ государственнаго характера на мѣстныя средства, препятствуя въ то же время изысканію новыхъ источниковъ доходовъ и отказывая во всякомъ контролѣ и распоряженіи надъ взятыми городскими средствами; органы городского общественнаго самоуправленія Городовымъ Положеніемъ 1892 г. превращенные въ органы администраціи — таковы характерныя черты отношеній нынѣ существующихъ между цѣлымъ государствомъ и его частями — городскими общинами. Всѣмъ извѣстны отказы въ утвержденіи на службу должностныхъ лицъ по городскому управленію, отказы въ удовлетвореніи ходатайствъ объ уменьшеніи тягости обязательныхъ расходовъ государственнаго характера и отрицательное отношеніе ко всякимъ другимъ ходатайствамъ. Всѣ отношенія къ городскому населенію и его представителямъ со стороны администраціи проникаетъ одно начало: возложить на общественное управленіе какъ можно больше государственныхъ повинностей и стѣснить всѣми мѣрами свободное выраженіе воли самихъ гражданъ во всемъ остальномъ въ удовлетвореніи пользъ и нуждъ мѣстнаго характера.

Населеніе имѣетъ однѣ только обязанности: отбывать [illegible] или имуществомъ государственныя повинности, но не имѣетъ участія въ распоряженіи и контролѣ [illegible] государственными средствами, тамъ невозможны никакія другія отношенія. Тамъ, гдѣ у общества, у народа только однѣ обязанности и нѣтъ правъ, тамъ всѣ пользы и нужды, всѣ вопросы о благѣ отечества, его славѣ и чести будутъ рѣшаться въ запертыхъ наглухо канцеляріяхъ [illegible] интересами. Административная дѣятельность сводится за послѣднее время лишь къ охранѣ существующаго порядка, [illegible] интересы и благо народа отодвинуты на задній планъ.

Чтобы [illegible] реформы императора Александра II [illegible] удивительную [illegible] эпоху въ жизни нашей страны, не погибли, должно было, [illegible] освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной [illegible] произойти освобожденіе русскаго общества, всего русскаго народа [illegible] рабства отъ произвола бюрократіи.

Такимъ образомъ, [illegible] общій вопросъ объ отношеніяхъ государства и городской общины [illegible] и связи ихъ органовъ, комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ.

1) Принципы самовластія бюрократіи, полицейское начало, лежащее въ основѣ существующей системы государственнаго управленія, несовмѣстимы [illegible] съ принципомъ самоуправленія при [illegible] въ ограниченномъ кругѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ.

2) Самодѣятельность гражданъ, [illegible] ограничиваемая по произволу и усмотрѣнію бюрократіи, не можетъ вести къ правильному удовлетворенію пользъ и нуждъ населенія, къ развитію русскихъ городовъ.

Эти свои заключенія, вызванныя существующимъ строемъ городского управленія, комиссія ставитъ въ связь съ принятыми Думою положеніями Московской городской думы и съѣзда земскихъ дѣятелей.

Переходя затѣмъ отъ обсужденія общаго вопроса о положеніи, которое занимаетъ въ государствѣ городское управленіе, къ частнымъ вопросамъ, вызываемымъ отдѣльными чертами этого положенія, практикой, комиссія пришла къ убѣжденію въ необходимости коренныхъ измѣненій строя городского управленія въ слѣдующихъ направленіяхъ.

Во первыхъ, должна быть расширена сфера дѣятельности городского управленія включеніемъ въ нее всѣхъ пользъ и нуждъ мѣстнаго населенія, во вторыхъ, должна существовать его полная самостоятельность въ удовлетвореніи всѣхъ потребностей мѣстнаго населенія и въ третьихъ, въ этой дѣятельности городское управленіе должно пользоваться ясно выраженной закономъ независимостью отъ другихъ органовъ власти.

Въ настоящее время вся охрана общественной тишины и безопасности въ городѣ, почтовыя, телеграфныя и иныя городскія сношенія, просвѣтительное, учебное дѣло, мировая юстиція, находятся внѣ власти и вліянія городского населенія, интересы котораго въ этихъ наиболѣе близкихъ ему дѣлахъ обслуживаются элементами совершенно чуждыми интересамъ города. По мнѣнію комиссіи, всѣ такія ближе всего касающіеся интересовъ самого населенія дѣла должны быть на мѣстѣ переданы въ вѣдѣніе городского управленія, всѣ вопросы, связанные съ устройствомъ такихъ дѣлъ, должны рѣшаться при участіи городского управленія.

Въ настоящее время о какой либо самостоятельности городского управленія не можетъ быть и рѣчи: всѣ дѣла, всѣ рѣшенные органами городского управленія вопросы, могутъ быть пріостановлены и отмѣнены, если не по несоотвѣтствію ихъ закону, то по несоотвѣтствію ихъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, которое воленъ усмотрѣть или не усмотрѣть тотъ или иной органъ администраціи. Опека и надзоръ надъ дѣятельностью городского населенія проведены съ послѣдовательностью по всѣмъ статьямъ Городового Положенія. Право самообложенія ограничено почти до предѣловъ, допускающихъ удовлетвореніе только однѣхъ государственныхъ повинностей, отбываемыхъ на общія городскія средства. Число избирателей и гласныхъ, лицъ участвующихъ въ городскомъ управленіи, ограничено на столько, что городскимъ хозяйствомъ завѣдуетъ слой городского населенія, составляющій, напримѣръ, въ городѣ Вологдѣ 1% всего населенія.

По мнѣнію комиссіи, опека и надзоръ въ сферѣ хозяйственной дѣятельности городского управленія должны быть совершенно устранены, ибо трудно быть кому либо судьей въ благѣ и счастьѣ другихъ людей, какой бы добротой не преисполнены были при этомъ его намѣренія. Это во первыхъ, а во вторыхъ кому-же ближе знать свои пользы и нужды, свои интересы, какъ не самому городскому населенію, его представителямъ? Конечно, возможны ошибки и со стороны городского управленія и необходимо въ случаѣ нарушенія имъ законныхъ интересовъ частныхъ лицъ и установленій, а также въ общемъ случаѣ формальнаго нарушенія закона, должно существовать обжалованіе его рѣшеній независимому суду съ указанною въ законѣ отвѣтственностью органовъ городского управленія, постановившихъ незаконное рѣшеніе. Но отмѣна и утвержденіе рѣшеній городского управленія со стороны другихъ органовъ власти — должны быть совершенно исключены. Родъ и предѣлы спеціальныхъ городскихъ налоговъ, идущихъ въ распоряженіе городского управленія на удовлетвореніе общихъ нуждъ, горожанъ съ имуществъ, торговли и промысловъ должны, по мнѣнію комиссіи, устанавливаться только волею этого населенія, его представителей. Участіе въ городскомъ управленіи въ формѣ выбора городскихъ представителей, непосредственно завѣдующихъ всѣми дѣлами города, должно быть, по мнѣнію комиссіи, распространено на всѣхъ лицъ, какъ домохозяевъ и владѣльцевъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, такъ и на квартиронанимателей, участвующихъ въ платежѣ указанныхъ спеціальныхъ городскихъ налоговъ, проживающихъ въ городѣ опредѣленное время и тѣмъ самымъ заинтересованныхъ въ его благоустройствѣ. Наконецъ, въ интересахъ той же самостоятельности городского управленія всякая дѣятельность его должна быть публичной, гласной и обсуждаться въ печати свободно безъ всякой цензуры.

При настоящемъ строѣ городского управленія независимости его дѣйствій не существуетъ. Всѣ органы городского управленія дѣйствуютъ въ зависимости отъ усмотрѣнія администраціи, — людей пришлыхъ, случайныхъ, неотвѣтственныхъ предъ мѣстнымъ населеніемъ и фактически почти не отвѣчающихъ передъ судомъ за свои дѣйствія. Необходимо, по мнѣнію комиссіи, установить, что всѣ лица неопороченныя по суду имѣютъ право на службу городскому управленію и что ни одно должностное лицо выборное или принятое не можетъ быть удалено со службы помимо воли представителей города, что принятыя и выборныя должностныя лица городского управленія не подлежатъ никакому утвержденію и отвѣчаютъ за свои дѣйствія по должности только по суду.

По мнѣнію комиссіи, Городовое Положеніе 1892 г., какъ законъ не отвѣчающій потребностямъ жизни городовъ, интересамъ развитія городского хозяйства должно быть совершенно отмѣнено и долженъ быть созданъ при участіи представителей населенія новый законъ, устанавливающій точно и ясно положеніе городской общины въ государствѣ, права, обязанности и отвѣтственность органовъ городского управленія на вышеизложенныхъ началахъ. Комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ полагала-бы предложить представителямъ города, которыхъ Дума изберетъ на съѣздъ городскихъ дѣятелей, поставить на этомъ съѣздѣ вопросъ объ учрежденіи постояннаго бюро съѣздовъ и изданіи общаго для городовъ органа печати по вопросамъ городского хозяйства.

Всѣ эти заключенія комиссіи стоятъ въ связи и соотвѣтствіи съ положеніями Московской Городской Думы и съѣзда земскихъ дѣятелей, почему особая комиссія и имѣетъ честь представить ихъ на утвержденіе Городской Думы, какъ руководящія указанія для имѣющихъ быть избранными уполномоченныхъ на предстоящій съѣздъ городскихъ дѣятелей.

Царская милость и отвѣтъ на нее ссыльныхъ. (Мы уже сообщали о заявленіяхъ ссыльныхъ въ Олекминскѣ и другихъ мѣстахъ по поводу „всемилостивѣйшаго манифеста“. Теперь газеты сообщаютъ, что льгота (скидка на ¼ срока) будетъ распространена на всѣхъ ссыльныхъ въ Сибири. Судя по нижеслѣдующему письму, эта мѣра примѣняется къ ссыльнымъ и въ другихъ мѣстахъ.

Великій Устюгъ, [illegible] декабря. Двѣ недѣли тому назадъ пришла отъ губернатора бумага съ объявленіемъ намъ, что онъ согласно манифесту, нашелъ возможнымъ скинуть намъ всѣмъ ¼ срока.

Мы всѣ рѣшили отказаться отъ этой милости, расписавшись на этой бумагѣ, что наши убѣжденія остаются прежними, и по освобожденіи, если таковое послѣдуетъ, мы оставляемъ за собой право заняться прежней дѣятельностью. Но на бумагѣ удалось подписаться только одному товарищу, такъ какъ послѣ его подписи уже никому бумаги не давали, а объявляли о скидкѣ ¼ устно. Устно же почти всѣ мы сдѣлали соотвѣтственныя заявленія съ просьбой довести ихъ до свѣдѣнія губернатора и министра. Это было около 20 ноября. 30 ноября мы всей почти колоніей (15 человѣкъ) направились въ полицію объясниться съ исправникомъ по поводу препятствій, которыя онъ дѣлаетъ, чтобы не дать товарищамъ-рабочимъ поступить въ мастерскія. Послѣ энергичнаго объясненія исправникъ исполнилъ наши требованія и послалъ къ завѣдующему мастерскими пристава убѣдить его въ томъ, чтобы онъ обратно принялъ нашихъ товарищей. Мы всѣ вышли и собрались на лѣстницѣ въ полицейскомъ управленіи для обсужденія, слѣдуетъ ли жаловаться на исправника губернатору. Товарищъ же Владимировъ, сдѣлавшій раньше подпись на губернаторской бумагѣ, что онъ революціонеръ, по приглашенію исправника, остался въ полиціи. Мы ждали его довольно долго, наконецъ послали его звать. Нашъ посолъ вернулся и объявилъ, что Владимирова арестуютъ и отправляютъ по этапу въ Усть-Сысольскъ. Моментально мы ворвались всѣ въ полицію, окружили Владимирова и объявили, что не дадимъ его арестовать до тѣхъ поръ, пока и намъ не будетъ дана бумага для подписи. Исправникъ намъ заявилъ, что бумагу намъ не дастъ, а Владимирова арестуетъ силой. Тогда мы другъ за другомъ въ энергичныхъ выраженіяхъ выяснили исправнику всю подлость, какъ правительства, такъ и его, исправника, и потребовали, чтобы онъ, не смягчая выраженій по адресу правительства, обо всемъ донесъ губернатору. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что Владимирова мы не дадимъ, хотя бы дѣло дошло до вооруженнаго сопротивленія. Затѣмъ ушли, уводя съ собой и Владимирова.

Тотчасъ же мы послали двѣ телеграммы: одну губернатору въ Вологду, другую товарищамъ. Текстъ губернаторской телеграммы: „Мы всѣ солидарны съ Владимировымъ, требуемъ оставленія его въ Устюгѣ, подписи: Гарденинъ, Ѳеофаровъ, Сатинъ, Солуквадзе, Сапрыгинъ, Сучитовъ, Полуботко, Тесленко, Лапинъ, Бѣловъ, Ждановъ, Кестеръ, Микеринъ, Крушевскій, Горожанъ, Питеровъ, Лавандовскій, Тарутина“. Товарищамъ въ Вологду: „Владимирова за подпись въ Усть-Сысольскъ, мы всѣ активно протестуемъ“. Это было въ два часа дня. Владимирова мы спрятали, рѣшивъ, если понадобится, дать ему возможность бѣжать, а сами собрались для выработки средствъ защиты, если понадобится. Въ два часа ночи пришла срочная телеграмма отъ товарищей изъ Вологды: „сейчасъ была депутація у губернатора: Владимировъ остается въ Устюгѣ, никто изъ Устюжанъ ставки не получитъ.“ Мы всѣ очень довольны случившимся, такъ какъ, кажется, нигдѣ еще протестъ противъ манифеста не выражался такъ ярко, какъ у насъ. Владимирова мы все-таки еще не выпускаемъ, ждемъ оффиціальнаго увѣдомленія, пока же рѣшили впредь въ полицію ходить не иначе, какъ всей колоніей въ 15 человѣкъ. Не знаемъ, чѣмъ все это кончится. Сегодня были въ полиціи, справлялись о Владимировѣ. Исправникъ заявилъ, что отъ губернатора пришла ему телеграмма — ждать письменныхъ распоряженій.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Изъ Саратовской губ. Къ началу ноября 1903 года положеніе въ нашей мѣстности было такое: только что закончилось крестьянское движеніе въ селахъ X и У и закончилось полнымъ разгромомъ всего сознательнаго ядра въ этихъ селахъ, разгромомъ, вызваннымъ неумѣстной и безусловно вредной тактикой — аграрнымъ терроромъ. Весь характеръ движенія въ указанныхъ селахъ сводился къ борьбѣ съ мѣстными помѣщиками посредствомъ террора; на организацію же и на распространеніе агитаціи вширь обращалось слишкомъ мало вниманія.

Совершенно случайно небольшое количество литературы попало оттуда въ село *.* гдѣ, попавъ на благопріятную почву, сразу вызвало къ дѣятельности нѣсколько энергичныхъ крестьянъ.

Когда я завязалъ сношеніе съ послѣдними, у нихъ оставалось только одно воспоминаніе о литературѣ и энергіи.

Первые два мѣсяца мнѣ пришлось заняться окончательнымъ распропагандированіемъ этихъ вожаковъ и выработкой плана работы.

Всю зиму шла у насъ устная пропаганда въ своемъ селѣ, и распространялась литература, завязывались сношенія съ окрестными селеніями. Собираться кружками и устанавливать сколько-нибудь прочную организацію — нечего было и думать, такъ какъ нельзя было найти мѣста для собраній, потому особенно, что за мною и нѣкоторыми изъ крестьянъ особенно сильно слѣдила полиція.

Весной, когда снѣгъ сошелъ, явилась возможность собираться въ лѣсу, чѣмъ мы и поспѣшили воспользоваться. Первыя собранія были посвящены разъясненію понятій соціализма, политической свободы, классовой борьбы, внушенію необходимости конспираціи и на разъясненіе цѣлей и тактики мѣстнаго движенія.

На слѣдующихъ собраніяхъ была выяснена необходимость организаціи и организовано революціонное товарищество. Второе революціонное товарищество было организовано въ сосѣдней деревнѣ, гдѣ занятія съ крестьянами велись мною приблизительно въ такомъ же порядкѣ. Надо замѣтить, что очень важнымъ пунктомъ въ уставѣ товарищества крестьяне считаютъ взаимопомощь семьямъ пострадавшихъ въ революціонной борьбѣ.

Всего организованныхъ крестьянъ въ обоихъ селеніяхъ около 15-20 человѣкъ. Мы старались нарочно не набирать много членовъ въ товарищество первое время, чтобы не ошибиться въ выборѣ людей.

Весной же мы занялись усиленной пропагандой по окрестнымъ селамъ. Удалось объединить около десяти окрестныхъ селъ радіусомъ 15-20 верстъ.

Въ этихъ селахъ мы стремились вездѣ найти подходящихъ одного двухъ человѣкъ, способныхъ самостоятельно вести пропаганду въ своемъ селѣ и окрестностяхъ его. Почти вездѣ это удалось, но, конечно, не вездѣ нашлись люди, вполнѣ удовлетворяющіе нашимъ требованіямъ.

Во всѣ объединенныя села идетъ постоянно много литературы, много ея, конечно, идетъ по случайнымъ связямъ въ болѣе отдаленныя села.

Въ распространеніи литературы мы совершенно воздержались отъ раскидыванія ея и рѣшили прибѣгнуть къ этому способу только послѣ того, какъ будетъ установлена возможность раскидать листки въ большомъ количествѣ селъ одновременно. Главная работа по организаціи связей и проч. велась весной и въ началѣ лѣта до начала работъ. Горячая пора сельскихъ работъ остановила почти совершенно нашу работу. Осенью удалось мнѣ найти прекрасныя связи въ большомъ селѣ, находящемся въ 25 верстахъ отъ нашего, и несомнѣнно эта связь открываетъ намъ новый громадный районъ для дѣятельности; въ этомъ селѣ удалось сорганизовать небольшой пока кружокъ изъ трехъ крестьянъ.

Въ организаціяхъ участвуютъ почти исключительно молодые крестьяне; пожилые, если и сочувствуютъ, то отъ активнаго участія воздерживаются. Въ нѣкоторыхъ селахъ революціонное сознаніе распространилось за этотъ годъ страшно широко; такъ, въ тѣхъ двухъ селеніяхъ, гдѣ мнѣ удалось организовать кружки и откуда, слѣдовательно, началось все движеніе, всѣ (кромѣ стариковъ) сознательные. Особенно большое значеніе для агитаціи имѣла война. Даже несознательные крестьяне относились къ ней очень неодобрительно и не особенно вѣрили въ истинность патріотическихъ фразъ, малѣйшее же прикосновеніе пропаганды настраивало всякаго противъ войны и виновниковъ ея.

Временами встрѣчалось большое затрудненіе въ литературѣ и почти всегда очень сильно чувствовался недостатокъ въ хорошей литературѣ. Первоначальная *агитація* между несознательными можетъ вестись при помощи спеціальныхъ и общихъ листковъ, но пропаганда новичковъ страшно трудна безъ брошюрной литературы. Брошюры въ извѣстномъ количествѣ, конечно, у насъ были, но, къ сожалѣнію, въ слишкомъ ничтожномъ. Изъ брошюръ пользовался я многими соц.-революціонерскими, тѣми, въ которыхъ не затрагивалась соціалистическая часть ихъ программы.

Изъ соціальдемократическихъ изданій разошлось у насъ небольшое количество брошюры Ленина, „Кто чѣмъ живетъ“, нѣкоторыя изданія группъ: „Свобода“, „Жизнь“ и „Воля“.

Въ массѣ разошлась брошюра-листокъ „19 февраля“ и многіе другіе листки мѣстнаго комитета.

На эту зиму движеніе, вѣроятно, приметъ форму узкой мѣстной пропаганды и распространенія литературы. Дальнѣйшая организаціонная работа возможна будетъ только съ весны.

По всей вѣроятности, удастся намъ устроить зимой разброску прокламацій во всей округѣ.

Въ заключеніе скажу, что изданіе крестьянской литературы теперь должно стать насущной задачей комитетовъ. Хорошая литература въ селахъ тѣмъ болѣе нужна, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ никакой возможности вести устную пропаганду и приходится ограничиваться только литературой. Въ виду этого мы сочли нужнымъ издавать сами на гектографѣ листки на ту или иную злободневную тему, но листки никогда не смогутъ замѣнить брошюръ и не удовлетворяютъ запросамъ крестьянъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. 26 декабря на Васильевскомъ островѣ провалилось собраніе въ 70 чел. рабочихъ. Всѣхъ переписали — къ большинству изъ нихъ явились съ обыскомъ, арестовали изъ нихъ 12 чел. (въ томъ числѣ 3 интеллиг.). Наканунѣ въ томъ же районѣ проведена была небольшая массовка. Говорили двое интеллигентовъ и два рабочихъ. Темой рѣчей служило критическое положеніе самодержавія и необходимость активнаго массоваго выступленія пролетаріата. Былъ принятъ адресъ бакинскимъ стачечникамъ и пущенъ въ массу для собиранія подписей. Собрано на сходкѣ 7 руб. въ пользу бакинцевъ. Послѣ рѣчей произошелъ обмѣнъ мнѣній по вопросу о демонстраціи.

Основался „комитетъ типографщиковъ“, начавшій организацію рабочихъ, причастныхъ къ типографскому дѣлу. Вообще, съ оживленіемъ дѣятельности соц.-демократовъ („Петербургской группы“, отдѣлившейся отъ, такъ называемаго, Комитета), повсюду обнаруживаются элементы, подготовленные предыдущей работой и готовые активно работать. Такъ выплыла снова основанная нѣкогда организація фармацевтовъ.

26 декабря на литературномъ вечерѣ въ школѣ Обуховскаго завода состоялась сходка 200 рабочихъ, на которой говорилъ рядъ ораторовъ изъ рабочихъ и интеллигентовъ. Тутъ же собрали 35 руб. въ пользу бакинской стачки.

Москва, 10 января. При извѣстіи о петербургскихъ событіяхъ, рабочіе рѣшили вооружаться и Комитетъ партіи принялъ мѣры въ этомъ направленіи. Настроеніе рабочихъ очень возбужденное.

Въ послѣднее время товарищамъ изъ т. н. „меньшинства“ удалось вступить въ соглашеніе съ союзомъ типографскихъ рабочихъ, который будетъ теперь дѣйствовать вмѣстѣ съ Партіей.

Ярцево, Смоленской губ. Въ концѣ ноября или началѣ декабря гимназисты старшихъ классовъ мѣстной гимназіи, подъ руководствомъ одного изъ преподавателей, ѣздили осматривать извѣстную Ярцевскую мануфактуру. Директоръ мануфактуры встрѣтилъ ихъ честь честью: устроилъ обѣдъ и все прочее. По отъѣздѣ гимназистовъ, на фабрикѣ найдены разбросанными различнаго содержанія листки и брошюры Р. С.-Д. Р. П. Часть ихъ членами существующей на фабрикѣ со времени неудачной попытки Герасимовича въ 1902 году охранной дружины, насчитывающей до 300 человѣкъ, была представлена немедленно директору. Послѣдній тотчасъ же прилетѣлъ къ директору гимназіи: „Вотъ, какъ отблагодарили насъ наши гости“. Директоръ взялся за допросы, взывая къ чести гимназистовъ, увѣщевая назвать неблагонадежнаго, но ничего, конечно, не добился.

Кстати о Ярцевской мануфактурѣ (6000 рабоч.): по нѣкоторымъ извѣстіямъ въ настроеніи тамошнихъ рабочихъ замѣчается нѣкоторый поворотъ въ лучшую сторону, что сказалось, положимъ, пока только въ нѣсколькихъ случаяхъ избіенія „охранниковъ“.

Смоленскъ. На здѣшнемъ либеральномъ банкетѣ 20 ноября присутствовало 40 рабочихъ. Говорили двое. По настоянію рабочихъ, въ резолюцію было включено требованіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Въ числѣ „либеральныхъ“ ораторовъ отличился адвокатъ Нелюбовичъ, повѣренный Рязанско-Уральской жел. дор., требовавшій уничтоженія института земскихъ начальниковъ. Сей мужъ хорошо извѣстенъ рабочимъ, такъ какъ постоянно выступаетъ на судѣ противъ исковъ объ увѣчьяхъ, причемъ позволяетъ себѣ отпускать остроты на счетъ рабочихъ со сломанной ногой или рукой: „онъ можетъ еще почтальономъ служить“ и т. п. Рабочіе припомнили ему его подвиги и ошикали.

Узнавъ, что на банкетѣ присутствовали рабочіе, жандармскій генералъ Громека послалъ по телеграфу доносъ въ департаментъ полиціи. Изъ министерства пришелъ запросъ и губернаторъ началъ дѣло, допрашивалъ предсѣдателя губ. управы и другихъ лицъ, но ничего не узналъ и отыскать рабочихъ-участниковъ банкета не смогъ.

25 декабря состоялось собраніе рабочихъ въ числѣ 147 чел., на которомъ, послѣ рѣчей объ указѣ 12 декабря, о войнѣ, о стачкѣ въ Баку и т. д., была принята резолюція о современномъ положеніи (о ней см. въ № 83), раньше уже обсуждавшаяся на маленькихъ собраніяхъ. Сверхъ того, принята резолюція выражающая пожеланія успѣха бакинцамъ. Листки съ первой резолюціей были распространены комитетомъ 27 декабря въ количествѣ 1000 экз. Дневальный-солдатъ арестовалъ при этомъ съ листками столяра Бройдова. Въ части его сильно избили, чѣмъ послѣ хвастался приставъ 1-ой части Невяровичъ.

Въ Рославлѣ образовалась группа Р. С.-Д. Р. П.

Баку. Какъ извѣстно изъ газетъ, стачка прекратилась. Комитетъ предложилъ рабочимъ возобновить работы, считая невозможнымъ добиться дальнѣйшихъ уступокъ отъ капиталистовъ. За время стачки разрушенъ заводъ Нобеля, сожжено много источниковъ и амбаровъ (въ Балаханахъ 80). Всего больше пострадали комп. Нобеля и Каспійское товарищество.

Похороны убитыхъ товарищей были грандіозны. На вѣнкахъ были красныя ленты съ надписями: „Дорогимъ товарищамъ. Долой самодержавіе!“ На кладбищѣ произносились горячія рѣчи, разбрасывали прокламаціи, подняли красное знамя.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Засѣданіе Международнаго Соціалистическаго Бюро.

15 января въ брюссельскомъ Народномъ Домѣ происходило первое послѣ амстердамскаго конгресса засѣданіе Международнаго Соціалистическаго Бюро.

Въ самомъ началѣ тов. Вальянъ довелъ до свѣдѣнія членовъ Бюро, что единеніе французскихъ соціалистическихъ партій можно считать дѣломъ законченнымъ, такъ какъ проектъ единенія, составленный въ духѣ амстердамской, дрезденской тожъ, резолюціи принятъ всѣми организаціями. По этому поводу тов. Гайндманомъ внесена и затѣмъ единогласно принята резолюція, въ которой Бюро поздравляетъ соціалистическія партіи тѣхъ странъ, которыя приняли мѣры къ реализаціи соціалистическаго единства, на основѣ рѣшенія Амстердамскаго конгресса, и приглашаетъ соціалистовъ другихъ странъ послѣдовать ихъ примѣру. Точно также единогласно приняты внесенная тов. Вальяномъ резолюція о войнѣ и предложенное тов. Лонге заявленіе съ выраженіемъ сочувствія гонимымъ японскимъ правительствомъ японскимъ соціалистамъ. Послѣ прочтенія секретаремъ, тов. Серви, отчета о его дѣятельности за время, протекшее отъ послѣдняго засѣданія, приступлено къ разсмотрѣнію главнаго пункта, стоявшаго на очереди настоящаго засѣданія — *вопроса о способѣ голосованія на международныхъ конгрессахъ*. Однако, по этому вопросу въ Бюро обнаружилось чрезвычайное разнообразіе мнѣній: одни (Вандервельдъ, Ванъ-Коль, Гейндманъ) полагали, что голосъ на конгрессѣ должны имѣть только національныя (въ смыслѣ государственномъ) партіи, но для того, чтобы маленькія партіи не подавляли большихъ, слѣдуетъ ввести пропорціональное представительство; другіе (Адлеръ) предлагали дать голосъ (или извѣстное число голосовъ) каждой отдѣльно контингуированной партіи; наконецъ, третій (Бебель) не прочь предоставить голосъ и отдѣльнымъ національностямъ (въ смыслѣ этнографическомъ). Противъ послѣднихъ двухъ предложеній высказалась тов. Люксембургъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятіе „партія“ можетъ быть еще болѣе растяжимымъ, чѣмъ понятіе „государство“ и „нація“ и что при національномъ представительствѣ швейцарская делегація напримѣръ, совершенно исчезла бы, растворившись въ делегаціяхъ французской, нѣмецкой и италіанской, а Россія и Австрія съ ихъ безконечнымъ множествомъ національностей майоризировали бы весь конгрессъ. Съ своей стороны, тов. Аксельродъ заявилъ, что у него нѣтъ готовой формулы, примѣнимой ко всѣмъ случаямъ, но что слѣдуетъ принять во вниманіе положеніе вещей въ Россіи, гдѣ буржуазные элементы примазываются къ рабочему движенію и гдѣ скоро всѣ будутъ называть себя соціалистами, гдѣ, слѣдовательно, голоса этихъ „тоже соціалистовъ“ могутъ задавить дѣйствительную пролетарскую партію — россійскую соціальдемократію. — Въ концѣ концовъ, въ виду такихъ разногласій, рѣшено сдать вопросъ въ коммиссію изъ трехъ членовъ, которымъ и поручено выработать соотвѣтствующій модусъ къ слѣдующему засѣданію бюро.

Приводимъ полный текстъ упомянутыхъ выше двухъ резолюцій — тов. Вайяна и Лонге:

1) Бюро напоминаетъ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ, что они должны неустанно блюсти и употреблять всѣ усилія, чтобы помѣшать участію своей страны въ войнѣ и въ нарушеніи нейтралитета. Примѣромъ можетъ послужить геройская борьба русскихъ соціалистовъ, которые стремятся довести до конца начатую войной и ея революціонными послѣдствіями гибель царизма и такимъ образомъ положить конецъ колоніальному грабежу. — Бюро отъ имени международнаго соціализма шлетъ борющимся соціалистамъ и пролетаріямъ Россіи выраженіе своего восторга и своихъ симпатій и высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы ихъ революціонная борьба въ возможно ближайшемъ будущемъ освободила Россію и весь міръ отъ тираніи и абсолютизма, и завоевала для россійскаго пролетаріата тѣ условія, при которыхъ онъ могъ бы безпрепятственно вести свою организаціонную работу и свою освободительную борьбу.

2) Международное Соціалистическое Бюро протестуетъ противъ политическихъ судебныхъ преслѣдованій, жертвой которыхъ въ настоящее время являются японскіе соціалисты. Оно протестуетъ въ особенности противъ распущенія соціалистическаго Союза въ Токіо, противъ запрещенія соціалистической газеты „Heimin Shimboun“ и противъ осужденія ея редакторовъ за одно только опубликованіе „Коммунистическаго Манифеста“, этого классическаго памятника всемірнаго соціализма. — Международное Соціалистическое Бюро шлетъ выраженіе своего глубокаго сочувствія и свою полную солидарность японскимъ соціалистамъ, борющимся за общее дѣло международнаго пролетаріата.

Вышла брошюра **„Двѣ диктатуры“ Мартынова.** Авторъ затрагиваетъ въ ней существенные вопросы нашей тактики и на анализѣ развитія великой французской революціи выясняетъ невозможность для русской соціальдемократіи играть въ предстоящемъ переворотѣ роль якобинской партіи. Рекомендуемъ брошюру каждому, интересующемуся вопросомъ о задачахъ партіи въ революціонный моментъ.

Вышелъ 2-ой выпускъ „Политическихъ процессовъ“ (прилож. къ И-крѣ). Въ немъ помѣщенъ обвинительный актъ по дѣлу Польск. с.-д., по уфимскому дѣлу и т. д.

ПОСЛѢДНІЯ СООБЩЕНІЯ.

Только что получено извѣстіе, что 9-го января убита въ Петербургѣ т. **Бердичевская.**

Петербургъ. 11 января. (Изъ частнаго письма). Весь Петербургъ находится подъ гнетомъ всеобщей стачки рабочихъ, къ которой присоединилось движеніе соціальдемократической партіи. Четыре дня нѣтъ ни одной газеты, керосинъ стоитъ 20 коп. фунтъ, магазины на главныхъ улицахъ почти всѣ закрыты, многіе изъ нихъ были третьяго дня и вчера разграблены, по вечерамъ кромѣшная тьма на улицахъ, электричество и газъ не горятъ. Въ воскресенье были ужасныя схватки между войсками и стачечниками, войска стрѣляли, погибла масса людей. Очевидцы увѣряютъ, что погибло около 4 000 человѣкъ въ томъ числѣ масса женщинъ и дѣтей; кареты Краснаго Креста, извозчики и ломовые весь вечеръ перевозили убитыхъ и раненыхъ, которыми больницы переполнены. Озлобленіе въ народѣ страшное, престижъ государя совсѣмъ погибъ, на Васильевскомъ островѣ строились баррикады. Ужасную картину представляетъ сегодня Невскій съ наглухо заколоченными магазинами, въ особенности Гостиный Дворъ. Жутко становится смотрѣть. Многіе магазины разграблены, слѣды разрушенія и удачнаго дѣйствія храбрыхъ войскъ видны на многихъ мѣстахъ: выбиты, между прочимъ, стекла во дворцѣ Сергѣя Александровича и „Аничковскомъ“. Домъ Строганова, уголъ Мойки и Невскаго, съ обваленной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ штукатуркой отъ дѣйствія пуль. Къ сожалѣнію, въ этомъ движеніи принимаютъ участіе и хулиганы, которые и занимаются грабежемъ и насиліемъ. Подозрѣваютъ, что они дѣйствуютъ подъ прикрытіемъ полиціи, которая надѣется этимъ путемъ вызвать отвращеніе публики къ общему политическому движенію, придавая ему характеръ простого грабежа. Сегодня узналъ, что стачка распространилась также на Колпино и Сестрорѣцкъ; говорятъ также, что и въ Москвѣ начались безпорядки.

Отсутствіе всякихъ газетъ лишаетъ насъ возможности имѣть хотя бы нѣкоторыя свѣдѣнія о происходящемъ, но долженъ сказать, что дѣйствіе правительства вызвало всеобщее негодованіе. Правительственное сообщеніе о характерѣ движенія никого не убѣдило, а наоборотъ.

С.-Петербургъ. 11 января., вторникъ (Изъ частн. письма). Войска прибываютъ изъ Ревеля. Весь ужасъ въ отсутствіи оружія.

Сейчасъ вернулся съ Невскаго. Всѣ окна магазиновъ заколачиваются, т. к. вчера много витринъ было разбито хулиганами по преимуществу. Невскій и прилежащія улицы имѣютъ благодаря этому совершенно непривычный видъ. Въ воскресеніе было много убитыхъ, сколько, сказать трудно. *Но по достовѣрнымъ даннымъ отъ служащаго Маріинской больницы тамъ находится 1500 убитыхъ и раненыхъ. Это только въ одной Маріинской.* Въ Обуховской, напримѣръ, трупы свалены въ сараѣ.

Наканунѣ всѣ были выпущены изъ Предварилки для того, чтобы было мѣсто для новыхъ. Дѣйствительно, всѣ тюрьмы полны. Массовые аресты среди литераторовъ.

Правительство очень помогло озлобленію массъ. Объ экономическомъ характерѣ стачки давно забыто.

Гапонъ выпустилъ письмо, которое начинается словами: „У насъ нѣтъ царя“ и продолжается въ политическомъ духѣ.

Теперь центръ тяжести перенесенъ на окраины, т. к. для того, чтобы попасть въ городъ, надо пробить крѣпкую цѣпь войска. Въ войскахъ есть единичные случаи неповиновенія. Какъ слухъ могу передать, что въ первый день, т. е. въ воскресеніе, войска отказались стрѣлять въ слѣдующихъ частяхъ: Финляндскій полкъ опустилъ ружья, два офицера Семеновскаго полка отказались вести роты. Въ Преображенскомъ полку тоже неспокойно. Посты у Аничковскаго и Сергія Александровича дворцовъ несутъ флотскіе солдаты, „герои Чемульпо“. Кстати сказать, въ этихъ дворцахъ за воскресенье ни осталось ни одного стеклышка. Плохо приходилось офицерамъ въ нарядѣ. Мнѣ извѣстно, что въ пяти случаяхъ толпа срывала ихъ съ лошадей, забирала ружья, избивала и опускала въ Мойку. Дѣло происходило около Полицейскаго моста. Городовыхъ не бьютъ, только разоружаютъ. Особенно ихъ оружіемъ воспользовались на Васильеостровскихъ баррикадахъ 4-й линіи. Кстати, тамъ совершенно разбиты два участка.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Заграничный Комитетъ Бунда, вслѣдствіе разныхъ причинъ, 24 января расторгнулъ свой союзъ съ Администраціей Заграничной Лиги. Сообщая объ этомъ, Администрація Заграничной Лиги проситъ всѣ сборы въ пользу Эмигрантской и Сибирской кассъ направлять по адресу экспедиціи, съ указаніемъ: „для Эмигр. кассы“ или „для Сибирской кассы“.

Отчетъ Кассы будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ №.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere, 27.

Русское Соціалъ-Демократическое Общество. NEW YORK. Russian Social Democratic Society

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 85. Четвергъ, 27-го января 1905 г. Годъ V.

Къ рабочимъ всѣхъ странъ!

Только что совершилось преступленіе, которому нѣтъ прощенія и жертвой его былъ цѣлый народъ!

Поднялись тысячи рабочихъ, еще вѣрившихъ въ человѣколюбивыя чувства того, кто называлъ себя ихъ отцомъ, кого называли царемъ-миротворцемъ!

Они просили прекращенія гибельной войны, улучшенія своей несчастной доли, дарованія необходимыхъ политическихъ реформъ, уже завоеванныхъ всѣми народами Запада.

Николай II и его совѣтники, вмѣсто всякаго отвѣта, — велѣли стрѣлять въ нихъ. Въ этотъ мрачный, кровавый день мужчины, женщины, дѣти — толпа мирная и безоружная — пали подъ ударами дикой солдатчины, безсознательной пособницы самой гнусной тираніи.

Порядокъ царитъ сегодня въ Петербургѣ.

Соперникъ Абдула Гамида еще царствуетъ на трупахъ своего народа!

Но между царизмомъ и всѣми тѣми, кого объединяетъ отнынѣ одно и то же чувство неудержимаго возмущенія, вырыта пропасть, и новыя репрессіи лишь увеличатъ ее.

Напрасно тѣ, кто не отступилъ передъ убійствомъ, чтобы поддержать гнусный режимъ, льстятъ себя надеждой остановить движеніе, охватившее уже всѣ классы народа, присоединяя къ ужасу бойни еще произволъ массовыхъ арестовъ: отнынѣ началась рѣшительная схватка, и героизмъ русскаго пролетаріата, авангарда революціи, порука въ томъ, что борьба будетъ доведена до конца, до разрушенія режима, являющагося чудовищнымъ наслѣдіемъ прошлаго, самой опасной угрозой вольностямъ всей Европы.

Нужно, чтобы въ этой борьбѣ наши русскіе братья могли разсчитывать не только на нашу духовную солидарность, но и на дѣйствительную помощь соціалистическихъ партій всего міра.

Борьба, которую они ведутъ — наша борьба! Врагъ, который ихъ гнететъ — врагъ всего человѣческаго рода!

Съ горячимъ призывомъ обращается Международное Соціалистическое Бюро ко всѣмъ, кто можетъ, какимъ бы то ни было способомъ — дѣйствіемъ, вліяніемъ, агитаціей — содѣйствовать дѣлу освобожденія, дѣлу, которое будетъ однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ и самыхъ многообѣщающихъ событій исторіи.

Отдавая приказъ о Петербургской бойнѣ, Николай II подписалъ смертный приговоръ царизму!

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ международный соціализмъ.

Исполнительный Комитетъ Международнаго
Соціалистическаго Бюро: Эмиль Бандервельде.
Едуардъ Анселе.
Секретарь: Викторъ Серви.

ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ.

Двѣ силы стояли другъ противъ друга, двѣ силы боролись за власть въ современной Россіи. На одной сторонѣ шайка темныхъ хищниковъ, воплощающая въ себѣ всѣ такъ называемыя историческія традиціи Россіи, мрачный ужасъ ея прошлаго, кровавый позоръ настоящаго, безысходную тоску ея возможнаго будущаго. На другой сторонѣ — рвущееся къ свободѣ „общество“ — буржуазный либерализмъ и разночинная демократія, борцы за культуру и гражданственность.

Странной казалась эта тяжба двухъ крохотныхъ группъ, расположившихся на могучей спинѣ гиганта народа. И когда сила, олицетворяющая буржуазное будущее Россіи, подымала свой голосъ, то реакціонная сила, гордая своей мрачной традиціей, насмѣшливо отвѣчала: народъ не съ вами! народъ безмолвствуетъ, ему нѣтъ дѣла до вашихъ стремленій! И подъ бичемъ злой насмѣшки русскій либерализмъ съеживалъ свои историческія задачи и дѣло національнаго освобожденія страны принижалъ до дѣла „упорядоченія“ самодержавнаго порядка. Борьба между царизмомъ и народомъ подмѣнялась борьбой между „бюрократіей“ и „земщиной“. И на наглый вопросъ реакціонеровъ: гдѣ же народъ? „общество“ подтверждало: революціонный народъ отсутствуетъ.

Между тѣмъ, пока велась эта тяжба, пока бюрократія и либерализмъ занимались своимъ невиннымъ фехтованіемъ, въ народѣ шла глухая работа мысли. Въ судорожныхъ потрясеніяхъ „мобилизаціонныхъ безпорядковъ“, въ взрывахъ массоваго отчаянія, въ тамъ и сямъ пробивавшихся политическихъ демонстраціяхъ и стачкахъ проявлялось революціонное броженіе. И на эту почву, разрыхленную неустанной работой соціальдемократіи, падали скудные лучи либеральной „весны“, и благодарная почва пускала изъ себя множество еще незамѣтныхъ издали ростковъ. Откуда то, словно изъ подъ земли, на оживленныя „весной“ либеральныя и демократическія газеты предъявлялся колоссальный спросъ, какой-то невѣдомый массовый читатель жадно ловилъ все, что хоть намекомъ говорило о рѣшительной борьбѣ за свободу. Десятки и сотни, порою тысячи, передовыхъ пролетаріевъ появлялись передъ либеральными собраніями и требовали отъ общества принятія демократической программы въ борьбѣ съ царизмомъ. Они говорили отъ имени милліоновъ трудящихся, они говорили, какъ организованный въ рабочую партію авангардъ россійскаго пролетаріата. Но ихъ заявленія — встрѣчались ли они ворчливымъ брюзжаніемъ или горячимъ, но не безъ примѣси скептицизма, сочувствіемъ — не встрѣчали довѣрія. За сотнями и тысячами передовыхъ одиночекъ общество не хотѣло замѣтить *массы*. И либеральная борьба плелась въ прежнихъ рамкахъ, въ томительной смѣнѣ смѣлыхъ рѣчей и зыхъ поступковъ, не дерзая признать себя частью *народ* виженія, не смѣя разорвать съ самодержавіемъ, не рѣша ринять лозунговъ революціи и демократической программы олюціоннаго народа“ для „общества“ все еще не существо о.

Девятаго января революціонный народъ оказался на лицо, скоро организовавшій свои стотысячныя массы вокругъ созданныхъ самою реакціей учрежденій, тѣсно сплотившійся вокругъ тѣхъ случайныхъ вождей, которые дерзнули повести его на рѣшительный бой, и съ поразительнымъ единодушіемъ написавшій на своемъ знамени тѣ политическія требованія, во имя которыхъ вела свою агитацію соціальдемократія. Отнынѣ знаменитая петиція петербургскихъ рабочихъ останется вѣчнымъ памятникомъ политическаго успѣха нашей работы, и легкость, съ которою сотнямъ организованныхъ соціальдемократовъ удалось въ нѣсколько дней привлечь сплоченныя Гапономъ стотысячныя массы къ этимъ требованіямъ, является неоспоримымъ залогомъ дальнѣйшаго, все возростающаго успѣха нашей работы.

Революціонный народъ оказался на лицо—въ образѣ столичнаго пролетаріата, логикой стихійной классовой борьбы быстро мобилизованнаго для революціоннаго натиска на самодержавіе. Не прошло двухъ недѣль со времени начала петербургской стачки, и *около милліона пролетаріевъ* во всѣхъ концахъ Россіи бросило работу. Такое движеніе едва ли знаетъ исторія классовой борьбы во всемъ мірѣ. Этотъ милліонъ пролетаріевъ, появившихся на политической аренѣ въ тотъ моментъ, когда либеральная „весна“ готова была исчерпать себя до дна, — своимъ грандіознымъ выступленіемъ радикально измѣнилъ все политическое положеніе.

Девятаго января петербургскіе пролетаріи предъявили краткосрочный ультиматумъ дому Романовыхъ и, обративъ залитую кровью мирную манифестацію въ революціонную схватку съ полчищами царизма, нанесли послѣднему страшный ударъ.

Какъ уличная, баррикадная революція, какою оно стало, благодаря логикѣ событій, девятое января не удалось — рабочія массы не имѣли оружія, онѣ не подготовились къ тому, чтобы овладѣть имъ въ тотъ моментъ, когда ощутили въ немъ потребность. Но именно эта неудача показала наглядно, что уличная революція можетъ и должна побѣдить въ современной Россіи, несмотря на то, что въ этой революціи пролетарскія массы не могутъ и мечтать о вооруженіи, сколько нибудь равномъ тому, которымъ располагаетъ государство. Тайна успѣха прошлыхъ революцій заключалась не въ превосходствѣ оружія инсургентовъ надъ оружіемъ солдатъ, а исключительно въ томъ, что, дѣйствуя въ *атмосферѣ сочувствія всего населенія*, революціонеры могли оказывать войскамъ *упорное сопротивленіе* вплоть до того неизбѣжнаго психологическаго момента, когда дѣйствующія въ атмосферѣ всеобщей вражды войска начинали колебаться и освобождаться отъ гипноза дисциплины. Продержаться на улицахъ возможно дольше — такова техническая задача всякаго открытаго нападенія на государственную власть. И опытъ 9 января показалъ, что даже колоссальныя военныя силы не могутъ помѣшать стотысячнымъ массамъ владѣть улицей. Десятки залповъ, пущенныхъ воинствомъ князя Владиміра, не могли „очистить“ улицъ столицы. Если бы массы, подготовленныя къ ожидавшей ихъ встрѣчѣ, владѣя кое какимъ оружіемъ, укрѣпились на улицахъ столицы и заставили царское воинство брать приступомъ каждую пядь земли, еслибы онѣ вынудили его перейти отъ „обороны“ (Зимняго дворца) къ нападенію на созданныя народомъ укрѣпленія, то еще неизвѣстно, не закончилось ли бы уже 9 января пораженіемъ царскаго правительства въ Петербургѣ.

Девятое января показало всѣмъ, что не только революціонный народъ не есть выдумка соціальдемократіи, но что и народное всстаніе не есть ея иллюзія. Тѣмъ самымъ сильно возрасла не только увѣренность революціонныхъ массъ въ возможности боевой тактики, но и симпатія окружающей среды къ революціоннымъ дѣйствіямъ пролетаріата. Своимъ „неудачнымъ“ возстаніемъ 9 января петербургскіе пролетаріи завоевали своему классу вниманіе и сочувствіе всего населенія и несказанно облегчили веденіе дальнѣйшей борьбы за свободу Россіи.

Но они достигли еще большаго. Когда ночью девятаго января борцы за свободу подсчитывали многочисленныя жертвы этого дня, они должны были, по справедливости, къ многимъ сотнямъ павшихъ прибавить цѣлыхъ четыре убитыхъ или, по крайней мѣрѣ, смертельно раненыхъ „истинно-русскихъ“ идеи.

Разъ навсегда поражена — и не излечиться ей во вѣки! — идея „народнаго царя“. Сыгравшій такую роль во всемъ движеніи, культивировавшій эту идею, Г. Гапонъ открыто и честно констатировалъ ея крушеніе. Вмѣстѣ съ ней, однако, слетаетъ послѣдняя идеологическая риза съ кроваваго самодержавія, исчезаетъ послѣдняя тѣнь нравственной связи его съ народомъ.

Добита окончательно послѣ ранъ, нанесенныхъ Зубатовымъ и Шаевичемъ идея россійскаго полицейскаго соціализма. Мыслимы еще новыя и новыя потугки на этотъ достаточно старый уже ладъ, но „духъ живъ“ навсегда улетѣлъ уже отъ „зубатовскаго экономизма“, и еслибы новые „легальные союзы“ были инсценированы самодержавіемъ, теперь уже съ самаго начала рабочіе будутъ входить въ нихъ съ скрытой цѣлью возмущенія.

Въ крови и грязи сходитъ съ политической сцены „политика довѣрія“, сходитъ, чтобы никогда уже болѣе не обморочить ни Россіи, ни Европы. Вмѣстѣ съ зубатовщиной полицейскаго соціализма убита зубатовщина полицейскаго либерализма.

И, наконецъ, на смерть пораженъ умѣренный россійскій либерализмъ, спекулировавшій на истощеніе царизма въ его борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами и на „безболѣзненную“ передачу маленькой части государственной власти изъ рукъ монарха въ руки „земщины“. Послѣ 9 января невозможно вершить судьбы Россіи, безъ вѣдома русскаго народа. Послѣ девятаго января нельзя стоять за свободу, напередъ устраняя народъ отъ пользованія плодами ея. Послѣ 9 января нельзя отождествлять „общественное мнѣніе“ Россіи съ мнѣніемъ ея „верхнихъ десяти тысячъ“.

Велико историческое значеніе этого перелома въ русской жизни. Оно уже сказалось въ небываломъ еще нигдѣ взрывѣ открытаго сочувствія представителей всѣхъ общественныхъ классовъ дѣлу пролетарской борьбы. Пролетаріатъ — освободитель родины, пролетаріатъ — авангардъ всей націи въ эти дни признанъ въ своей героической роли общественнымъ мнѣніемъ передовыхъ элементовъ либерально-демократической буржуазіи. Вести пролетаріатъ, вести систематически и послѣдовательно по тому пути, на который 9 января вступили петербургскіе рабочіе, — такова та задача, выполняя которую россійская соціальдемократія сумѣетъ всецѣло использовать свое своеобразное историческое положеніе въ общенаціональной борьбѣ за свободу. Вести пролетаріатъ по этому пути — значитъ реализовать въ полной мѣрѣ плоды неустанной работы соціальдемократіи надъ формированіемъ въ современной Россіи самостоятельнаго классоваго пролетарскаго движенія.

Однимъ мощнымъ ударомъ петербургскіе пролетаріи закрѣпили за всѣмъ россійскимъ пролетаріатомъ его позицію класса — освободителя націи, позицію класса, владѣющаго дѣйствительной гегемоніей въ общенаціональномъ дѣлѣ. Освобожденіе Россіи, какъ производное классовой борьбы пролетаріата, эта головоломная „доктринерская“ идея соціальдемократовъ, облекается въ плоть и кровь на глазахъ русскаго общества. И когда въ отвѣтъ на подавленіе петербургскаго возстанія, величественный порывъ классовой солидарности вызываетъ стачки во всѣхъ концахъ Россіи, буржуазное общество не въ силахъ сопротивляться этому движенію, и не имѣя возможности *въ данный моментъ* поднять свой протестъ до высоты, достигнутой въ Петербургѣ, Московскіе, Рижскіе, Ковенскіе, Саратовскіе и др. рабочіе, можно сказать, „шутя“, въ ходѣ сдѣланнаго ими себѣ военнаго смотра, добываютъ себѣ значительныя экономическія уступки, которыя при другихъ условіяхъ стоили бы имъ массы жертвъ и которыя значительно повысятъ ихъ боевую энергію, боевую готовность и организованность. Въ одномъ уже этомъ колоссальное значеніе продолжающагося по сей день движенія.

Но еще болѣе важно то вліяніе, которое переживаемыя событія окажутъ на классовое самосознаніе всего россійскаго пролетаріата. Пусть въ данный моментъ въ большинствѣ случаевъ дѣло и не пойдетъ далѣе стачки или мирной демонстраціи. Изъ январскихъ дней весь россійскій пролетаріатъ выйдетъ выросшимъ политически на цѣлую голову. И плоды этого „стихійнаго“ роста скажутся тѣмъ скорѣе и очевиднѣе, чѣмъ больше въ предыдущій періодъ соціальдемократія успѣла заронить въ эту стихійно поднявшуюся массу сознаніе ея историческихъ задачъ, чѣмъ тѣснѣе удалось ей своей агитаціей сплотить вокругъ себя передовые элементы этой массы. Все, что въ послѣдніе мѣсяцы было сдѣлано Партіей въ этомъ направленіи агитаціей противъ войны и агитаціей по поводу земско-либеральнаго движенія, скажется въ степени сознательности и революціонности внезапно поднявшихся массъ, какъ уже сказалось въ эти знаменательные дни въ Петербургѣ, гдѣ такъ легко, такъ поразительно быстро, благодаря умѣлой агитаціи нашихъ товарищей рабочія массы перешли отъ лозунговъ реакціонной демагогіи и національ-либерализма къ революціоннымъ лозунгамъ соціальдемократіи.

Январская эпопея всероссійской пролетарской борьбы сразу создаетъ для нашей работы такой широкій базисъ, котораго у насъ еще никогда не было. Полтора года отдѣляетъ насъ отъ послѣдняго крупнаго массоваго выступленія пролетаріата. За эти полтора года много силъ Партіи было поглощено болѣзнями ея внутренняго развитія, много стихійныхъ факторовъ не давали ей возможности выпрямиться во весь ростъ и развернуть свою политическую работу. И, тѣмъ не менѣе, логика историческаго развитія вновь привела въ тѣсное соприкосновеніе съ нашей порѣдѣвшей и ослабѣвшей арміей могучую силу пролетарской стихіи и вновь въ результатѣ этого соприкосновенія соціальдемократія становится крупнѣйшей политической силой современности, а пролетаріатъ охотно принимаетъ ея политическое руководство. Десятки тысячъ было за нами въ памятные лѣтніе дни 1903 года — милліонъ уже стоитъ за нами сейчасъ въ этомъ грандіозномъ пролетарскомъ возстаніи, отъ котораго, по прекрасному выраженію Розы Люксембургъ, „вѣетъ духомъ Маркса“.

Періодъ необходимой подготовительной работы сильно сокращенъ январскими событіями, положившими начало революціонной мобилизаціи громадныхъ массъ народа. Усиливая во много разъ свою агитацію, охватывая ею милліоны рабочихъ, крестьянъ, солдатъ, буржуазныхъ слоевъ націи, мы должны теперь призывать ихъ къ всенародному возстанію противъ царизма, прервавшаго 9 го января всякіе „мирные“ переговоры съ народомъ.

Но, чтобы наша работа шла успѣшно и чтобы „духъ Маркса“ не отлеталъ отъ нея, она должна идти въ томъ же *направленіи*, въ какомъ она развивалась послѣдніе мѣсяцы. Темпъ долженъ стать неизмѣримо болѣе быстрымъ, масштабъ практическихъ цѣлей каждаго дня уже сталъ болѣе крупнымъ, но принципы тактики и ея методы остаются тѣми же самыми. Революціонную мобилизацію массъ, мы — партія сознательнаго пролетаріата — совершаемъ посредствомъ сплоченія и организаціи передовыхъ пролетаріевъ въ самостоятельную и самостоятельно выступающую во всѣхъ событіяхъ общественной жизни пролетарскую партію. Пользуясь высоко поднявшейся волной революціоннаго возмущенія народа и поднимая ее все выше, выше, выше, — мы будемъ крѣпко сплачивать и спаивать въ одно великое цѣлое — въ дѣйствительную рабочую партію — всѣ политически-мыслящіе элементы рабочаго класса. И когда голосъ этого коллективнаго агитатора — рабочей партіи — станетъ слышенъ народнымъ массамъ во всѣхъ концахъ Россіи, когда его политическіе лозунги будутъ восприниматься всей возстающей Россіей, какъ они были восприняты возставшимъ 9-го января рабочимъ Петербургомъ, когда звенья соціальдемократической пролетарской организаціи, укрѣпленныя ежечаснымъ упражненіемъ въ маневрахъ, аванпостныхъ сраженіяхъ и серьезныхъ битвахъ, станутъ охватывать всѣ боевые, революціонные элементы народныхъ низовъ — тогда россійской соціальдемократіи будетъ обезпечено *политическое руководство* неминуемымъ и быстро приближающимся къ осуществленію всенароднымъ возстаніемъ противъ царизма.

Намъ скажутъ, что, уйдя въ *эту* работу, мы оставляемъ въ сторонѣ „важнѣйшую“ изъ задачъ момента — мы оставляемъ въ сторонѣ работу по вооруженію пролетаріата, по систематической подготовкѣ организаціи, которая гарантировала бы повсемѣстность и единовременность нападенія народа на правительство, которая бы обезпечила намъ *военно-техническое* руководство массами въ моментъ рѣшительной борьбы.

На это мы отвѣтимъ: въ качествѣ наиболѣе организованной и сознательной политической силы, мы, конечно, не можемъ игнорировать и техническихъ задачъ. Но, какъ онѣ ни важны, не въ нихъ центръ тяжести нашей работы по подготовкѣ массъ къ возстанію. Какъ и всѣ революціонеры, мы должны заботиться о вооруженіи идущихъ къ возстанію массъ, но не должны забывать, что подпольныя организаціи могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи очень немного, и всѣ ихъ старанія не будутъ имѣть никакого значенія, если онѣ не сумѣютъ вооружить народъ однимъ незамѣнимымъ оружіемъ — *жгучей потребностью напасть на самодержавіе и вооружиться для этого*. Вотъ куда должны мы направить свои усилія — *на пропаганду въ массахъ самовооруженія для цѣлей возстанія*. А такая пропаганда можетъ быть сколько нибудь плодотворна лишь въ связи съ такой тактикой, которая всесторонне революціонизируетъ сознаніе народныхъ массъ.

Такимъ образомъ, лишь въ той мѣрѣ можемъ мы надѣяться обезпечить приспособленіе нашей конспиративной организаціи къ задачамъ *техническаго* руководства возстаніемъ (которое въ Петербургѣ почти цѣликомъ находилось въ рукахъ Г. Гапона и его общества), —въ какой мы успѣемъ спаять организаціонной связью всѣ живыя силы россійскаго пролетаріата. А это, въ свою очередь, возможно для соціальдемократовъ только въ процессѣ неустанной и осмысленной политической агитаціи, только методами, развивающими самостоятельность пролетаріевъ, ихъ инипіативу и активность. Собрать подъ знаменемъ Партіи и крѣпко, внутренней связью, сплотить вокругъ нея десятки и сотни тысячъ пробудившихся въ эти дни къ революціонной борьбѣ рабочихъ—значитъ, сдѣлать большую половину того дѣла, которое намъ остается для приведенія русскаго пролетаріата въ полную боевую готовность. Если сдѣлано это, то нѣкоторыя, сравнительно легко примѣнимыя мѣры нашихъ мѣстныхъ организацій и нѣкоторое необходимое улучшеніе въ функціонированіи нашей центральной организаціи дадутъ намъ возможность

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать“ — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои рули техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, использует для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи“, нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства“ самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ побѣдный бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *ею* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный момента является, поэтому, не столько „организовать“ народную революцію, сколько „*развязать*“ ее. Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, пр[illegible] прошеніемъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ“ народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году безпрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длится легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій“ послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ“. Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, помѣстное дворянство въ немъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче излить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей и храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колосса царизма долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ диллемой, или оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго“ царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи“ положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ [illegible] подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе [illegible] приблизиться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность можетъ также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ, годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго класса.

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для всего міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution in Russland“[1] тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

[1] „Neue Zeit“, 1905 № 18.

Итоги и перспективы [1].

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ одной — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Иниціативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ возрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ ближе, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ“ —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и запугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество“, т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ на то, чтобы устрашить правительство, сломить реакціонную энергію правительства, возобновить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей объясненія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обѣщаніе. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она сорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизованный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втече[illegible] нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро депе[illegible] сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петерб[illegible] событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ [illegible]ній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедленно сообщаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли с[illegible] за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ въ [illegible] время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

[1] Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января“ не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ раздѣляются редакціей „Искры“.

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать" — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои рули техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, использует для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи", нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства" самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ побѣдный бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *его* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный момента является, поэтому, не столько „организовать" народную революцію, сколько „*развязать*" ее. Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, пришедшихъ съ прошеніемъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ" народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году безпрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длится легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій" послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ". Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, помѣстное дворянство въ немъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче излить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей, храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колоссъ царизма долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ диллемой, или оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго" царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи" положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе довѣрчиво приблизиться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность могла также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго дѣла.

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для цѣлаго міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution in Russland" 1) тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

1) „Neue Zeit", 1905 № 18.

Итоги и перспективы 1).

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ одной — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Иниціативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ воззрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ ближе, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ" —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и запугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество", т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ на то, чтобы устрашить правительство. Сломить реакціонную энергію правительства, возстановить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей общенія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обѣщаніе. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она сорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизованный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втече нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро депе сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петербу событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ со ній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедлен сообщаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли сл за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ въ время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

1) Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января", не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ раздѣляются редакціей „Искры".

внести свою долю и въ дѣло техническаго руководства стихійными народными возстаніями...

Нелѣпо и вредно мечтать о *монополіи* активной роли въ надвигающемся возстаніи для русской соціальдемократіи. О чемъ она вправѣ, о чемъ она должна „мечтать" — это о политической гегемоніи для своего класса, о *политически руководящей роли* для себя, какъ авангарда класса освободителя націи. А эта роль не можетъ быть ни достигнута, ни прочно закрѣплена за нами тѣмъ, что намъ удастся взять всецѣло въ свои руки техническую организацію и проведеніе возстанія. Сознательный пролетаріатъ, опираясь на логику стихійнаго процесса историческаго развитія, использует для своихъ цѣлей всѣ элементы организаціи, всѣ элементы броженія, которые создаетъ моментъ „кануна революціи", нисколько не смущаясь тѣмъ, что всѣ эти элементы отнимаютъ у него долю „техническаго руководства" самой революціей, и такимъ образомъ, волей неволей посодѣйствуютъ перенесенію нашихъ требованій въ самые отсталые слои народной массы. Мы будемъ только рады, если, вслѣдъ за *священникомъ*, популяризировавшимъ въ массахъ наше требованіе *разрыва государства съ церковью*, вслѣдъ за *монархическимъ* рабочимъ обществомъ, организовавшимъ *народный походъ на Зимній дворецъ*, русская революція обогатится генераломъ, который первымъ поведетъ народныя массы въ побѣдный бой противъ царскаго войска, или чиновникомъ, который первый провозгласитъ оффиціальное низверженіе царской власти. Мы будемъ вправѣ видѣть громадный успѣхъ нашей работы, если какое либо узко націоналистическое или ограниченно-буржуазное движеніе послужитъ послѣднимъ толчкомъ, отъ котораго затрясется царская Бастилія, если террористической организаціи заговорщиковъ удастся пробить въ правительственномъ механизмѣ первую брешь. Все это будетъ работать для рабочаго класса, если только рабочій классъ во всѣхъ перипетіяхъ революціи будетъ политическимъ авангардомъ возстающей націи, если подъ *его* политическимъ давленіемъ будутъ совершаться всѣ эти революціонныя превращенія, если только движущей силой всего революціоннаго процесса будетъ сознательная и планомѣрная работа соціальдемократіи.

Нашей задачей въ данный момента является, поэтому, не столько „организовать" народную революцію, сколько „*развязать*" ее. Революція уже существуетъ потенціально въ мысляхъ и чувствахъ широкихъ народныхъ массъ. Надо дать ей выходъ въ открытомъ движеніи, надо реализовать ее — и эта задача лежитъ цѣликомъ въ области агитаціи и организаціи массъ, въ области *политическаго руководства* массами. Никто не сможетъ выполнить *эту* политическую работу лучше, чѣмъ соціальдемократія, связанная своею 20 тилѣтней дѣятельностью съ народными массами. Никто не сможетъ выполнить ее въ интересахъ классовой борьбы пролетаріата, кромѣ той партіи, для которой борьба за освобожденіе Россіи отъ царизма тѣсно сплетается съ процессомъ революціоннаго самоопредѣленія рабочаго класса, съ процессомъ его организаціи для своего конечнаго и полнаго освобожденія.

Пусть же девятое января, начавшее новую эру въ жизни Россіи, положитъ начало и непрерывнымъ политическимъ успѣхамъ нашей Партіи, призванной исторіей стоять во главѣ національной русской революціи!

РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

5 февраля 1904 года была объявлена война между Японіей и правительствомъ русскаго царя, а черезъ годъ, 22 (9) января 1905 года, царь объявилъ войну своему собственному народу. Теперь онъ ведетъ эту внутреннюю войну не только противъ революціонныхъ сообществъ студентовъ и рабочихъ, а противъ всей массы своихъ подданныхъ — войну болѣе жестокую и варварскую, чѣмъ та, въ которой сталкиваются арміи на поляхъ Манчжуріи. Японскіе солдаты не трогаютъ тѣхъ, кто не сражается, щадятъ капитулирующихъ. Царскіе слуги умерщвляютъ безоружныхъ, пришедшихъ съ прошеніемъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ. „Отецъ" народа свирѣпствуетъ въ своей странѣ такъ, какъ когда то свирѣпствовала въ ней орда самыхъ кровожадныхъ и звѣроподобныхъ хищниковъ монголовъ.

Междуусобная война въ Россіи началась и началась она побѣдой вооруженной силы, первой побѣдой, одержанной ею въ этомъ году безпрерывныхъ боевъ. Но эта побѣда обойдется автократамъ Россіи безконечно дороже всѣхъ пораженій въ Манчжуріи. Эта побѣда является могучимъ призывомъ къ цѣлому народу и требуетъ отъ него кроваваго мщенія. Лишь продолжая убивать можетъ поддерживать свое существованіе самодержавіе, но изъ крови каждаго убитаго должны вставать новые и новые мстители. Все безпощаднѣе, все отчаяннѣе, все съ большимъ презрѣніемъ и къ своей, и къ чужой жизни будетъ кипѣть этотъ ужасный междуусобный бой, который не можетъ кончиться прежде, чѣмъ будетъ низвержено въ прахъ самодержавіе, растерзанное тѣмъ самымъ народомъ, которому оно безпрерывно наноситъ тысячи и тысячи ранъ.

Быть можетъ на этотъ разъ царскому правительству удастся еще подавить массовыя стачки и демонстраціи въ провинціи, какъ удалось, повидимому, въ Петербургѣ. Но оно не можетъ же обойтись безъ пролетаріата, трудомъ котораго держится, какъ оно само, такъ и все общество. Не можетъ правительство и удовлетворить пролетаріатъ, изъ лишеній котораго черпаетъ оно свои богатства. Пока длится легкомысленно начатая война, оно будетъ наоборотъ безпрерывно раздражать рабочихъ. Давно уже начались въ Россіи волненія, постоянно подавляемыя и снова возрождающіяся все съ большей и большей силой и смѣлостью.

Но чѣмъ дальше продолжаются эти волненія, тѣмъ съ большей увѣренностью можно предсказать, что они всколыхнутъ, наконецъ, и дремлющія массы крестьянства; что за штурмами городскихъ „бастилій" послѣдуютъ штурмы дворянскихъ „замковъ". Россіи грозитъ всеобщій хаосъ — и ради чего? Единственно и исключительно ради благополучія придворной камарильи, высокомѣрно презирающей народъ, инстинктивно ненавидящей его и чующей смертельную опасность для себя въ каждой тѣни народной свободы. Камарилья увѣрена, что ея режимъ привилегій, злоупотребленій, хищеній можетъ безнаказанно продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока она сохраняетъ возможность не допускать ни малѣйшаго контроля надъ своими легкомысленными и преступными дѣйствіями; она одна нуждается въ сохраненіи современнаго режима.

Остальные имущіе классы—капиталисты, мелкая буржуазія, помѣстное дворянство въ немъ вовсе не заинтересованы.

Продленіе современнаго хаоса грозитъ наоборотъ самымъ существеннымъ интересамъ этихъ классовъ, такъ какъ возмущенныя народныя массы могутъ всего легче излить именно на нихъ первыя вспышки своего гнѣва, и никакая въ мірѣ военная сила не оказалась бы достаточной для ихъ охраны. Поэтому, чѣмъ ожесточеннѣе борьба между дворомъ и народными массами, тѣмъ беззащитнѣе чувствуютъ себя имущіе классы, тѣмъ опаснѣе ихъ положеніе, тѣмъ настоятельнѣе чувствуютъ они потребность въ политическихъ уступкахъ, которыя положили бы конецъ революціи, тѣмъ сильнѣе ихъ негодованіе противъ правительства, которое въ своемъ слѣпомъ упорствѣ безсовѣстно подвергаетъ ихъ величайшимъ опасностямъ.

Ко всему этому должно присоединиться наконецъ и возростающее раздраженіе самого войска. Побѣдоносное окончаніе войны съ Японіей съ настоящаго момента становится совершенно невозможнымъ. Мыслима ли теперь, при общенародномъ возмущеніи, дальнѣйшая мобилизація резервовъ, которая уже раньше всюду встрѣчала сильнѣйшее сопротивленіе? И можетъ ли отправлять войска на Дальній Востокъ то царское правительство, которое такъ нуждается въ нихъ противъ собственнаго народа? Война противъ Японіи можетъ еще тянуться нѣкоторое время, но это будетъ совершенно безцѣльная бойня, безцѣльное нагроможденіе жертвъ со стороны правительства, которое, не имѣя ни ума, ни силы для побѣды, обладаетъ достаточной дозой злобнаго упрямства и легковѣсной безсовѣстности, для сопротивленія неизбѣжному миру.

Этотъ миръ придетъ таки и будетъ позорнымъ для самодержавія, но чѣмъ дальше онъ откладывается, чѣмъ дольше водятъ на бойню распорядители судебъ Россіи свое войско въ Манчжуріи, тѣмъ съ большей силой должно будетъ вспыхнуть негодованіе этого войска, когда, побѣжденное, оно вернется домой послѣ всѣхъ принесенныхъ имъ безцѣльныхъ жертвъ. Возвращеніе манчжурской арміи представляетъ величайшую опасность для царизма. Къ могучему броженію громаднаго царства, къ возстаніямъ промышленныхъ рабочихъ и, быть можетъ, крестьянъ, къ недовольству имущихъ классовъ и интеллигенціи, къ покушеніямъ противъ столповъ самодержавія и взрывамъ отчаянной мести, чаша которой переполнена въ настоящій моментъ, — ко всему этому прибавится тогда возмущеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ лучшей, храбрѣйшей части русскаго войска. Чтобы устоять противъ всего этого колоссъ царизма долженъ бы опираться не на глиняныя ноги, а на желѣзныя скалы. Его единственной лейбъ-гвардіей останутся тогда тѣ воры, которые, грабя теперь безъ помѣхи государство, имѣютъ всѣ причины опасаться народнаго гнѣва.

Паденіе самодержавія стало несомнѣннымъ, когда оказалось, что правительство не въ состояніи справиться съ маленькой Японіей. Кричащее противорѣчіе деспотизма со всѣми жизненными потребностями современнаго общества не могло не становиться все невыносимѣе для Россіи, въ которой современные способы производства пустили такіе глубокіе корни. Вся нація была поставлена предъ диллемой, или оставаться равнодушной зрительницей своего собственнаго разложенія, или избавиться отъ самодержавнаго полипа, высасывающаго всю ея кровь. Тѣмъ не менѣе оппозиціонные слои городского пролетаріата вмѣстѣ со студенчествомъ не были достаточно сильны, чтобы нанести серьезный ударъ самодержавію. Какъ ни усердно велась словесная и письменная агитація, ея сила не была достаточна для того, чтобы поднять всю массу населенія, большая часть котораго едва поднялась надъ растительнымъ существованіемъ первобытнаго крестьянина. Нужны были болѣе могучія впечатлѣнія, чѣмъ тѣ, которыя могли вызвать агитаціонные листки и рѣчи. Чтобы почувствовать свою силу и понять свои задачи, юный великанъ нуждался въ наглядномъ обученіи, и оно дается ему теперь самое щедрое и настойчивое.

Война противъ Японіи показала ему всю бездонную глубину легкомыслія, неспособности и развращенности существующаго правительства. Битва или вѣрнѣе цѣлый рядъ битвъ 22 (9) января въ Петербургѣ съ ужасающей наглядностью показали, какъ безумно ждать какихъ бы то ни было уступокъ народнымъ потребностямъ отъ милости „миролюбиваго" царя. Такой урокъ не могъ не проникнуть въ самую глубь сознанія — онъ подѣйствуетъ.

Сохраненіе самодержавія невозможно. Но до сихъ поръ въ широкихъ кругахъ еще надѣялись, что въ послѣдній моментъ правительство опомнится, добровольно отдастъ то, чего нельзя удержать на сколько-нибудь продолжительное время, и такимъ образомъ избѣгнетъ насильственной революціи. Переходя послѣднимъ изъ европейскихъ правительствъ—если не причислять Турціи къ Европѣ — къ конституціоннымъ формамъ, русское правительство, думали многіе, приметъ во вниманіе уроки предшественниковъ; взирая на европейскія монархіи, оно пойметъ, какъ незначительно то уменьшеніе власти, котораго потребуетъ отъ него конституція, на манеръ австрійской или прусской.

Этой грезѣ о „мирной революціи" положенъ конецъ. Либерализмъ князя Святополка-Мирскаго оказался одной изъ потемкинскихъ деревень, воздвигнутой для облегченія займа. Какъ только заемъ былъ подписанъ, картонная деревня разсыпалась.

9 января стало очевидно, что путь мирныхъ реформъ закрытъ для Россіи, этотъ день рѣшилъ, что ея такъ кроваво начавшаяся революція будетъ идти впередъ тѣмъ же кровавымъ и насильственнымъ путемъ, что для восточной Европы XX-е столѣтіе начинается тѣмъ самымъ, чѣмъ для западной — закончилось XVIII-е.

8 января царь повелѣлъ палить картечью въ своихъ любезныхъ подданныхъ, — заслужившихъ казнь за намѣреніе довѣрчиво приблизиться къ нему съ *прошеніемъ*. Обратилъ ли Николай II вниманіе на *число*, въ которое онъ принялъ свое рѣшеніе? 21 (8) января 1793 г. Людовикъ XVI былъ гильотинированъ за участіе въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью кровавое подавленіе его возмутившагося народа. А, быть можетъ, именно число это и разстроило царю нервы? Трусливая растерянность могла также точно привести къ кровавой бойнѣ 22 (9) января, какъ и кровожадная рѣшительность.

Безъ радости привѣтствуемъ мы этотъ поворотный пунктъ. Страшная, полная жертвъ борьба предстоитъ народамъ россійскаго царства въ ближайшіе недѣли, мѣсяцы — быть можетъ годы. Но не напрасны будутъ эти жертвы. Свобода, завоеванная самимъ народомъ, дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ подаренная. Послѣдняя затрагиваетъ народъ лишь поверхностно и оставляетъ его въ сущности такимъ, какимъ онъ былъ, а первая — переворачиваетъ его до самой глубины, возрождаетъ его внутренне и быстро приводитъ къ зрѣлости, заставляя въ мѣсяцы и годы переживать десятилѣтія. Наименѣе искушеннымъ въ политикѣ, наименѣе знающимъ, болѣе наивнымъ, чѣмъ какой бы то ни было слой борющагося европейскаго пролетаріата, вступаетъ русскій пролетаріатъ въ начавшуюся революцію. И каковъ бы ни былъ ея исходъ, русскій пролетаріатъ выйдетъ изъ катастрофы ровесникомъ европейскаго, быть можетъ, его передовымъ борцомъ въ великой международной борьбѣ противъ всякаго господства и всякой эксплуатаціи. Его побѣда дастъ новыя силы въ борьбѣ пролетаріямъ всѣхъ странъ, она повсюду смутитъ и ослабитъ враговъ пролетарскаго дѣла.

Не для одной только Россіи началась новая историческая эпоха. 22 (9) января нынѣшняго года она началась для цѣлаго міра. Намъ предстоятъ великія событія. Пусть великій моментъ найдетъ достойное его поколѣніе!

К. Каутскій.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГЪ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Въ своей статьѣ „Die Revolution in Russland"[1]) тов. Р. Люксембургъ, описавъ отличныя отъ западноевропейскихъ въ соотвѣтствующую эпоху соціальныя условія Россіи, говоритъ:

Дѣло просвѣщенія, развитія и организаціи пролетарской массы, выполнявшееся во всѣхъ другихъ странахъ въ предреволюціонную эпоху буржуазными классами, партіями и идеологами, въ Россіи выпало цѣликомъ на долю интеллигенціи, но интеллигенціи, въ идеологическомъ отношеніи, не буржуазной, а

---

[1]) „Neue Zeit", 1905 № 18.

Итоги и перспективы[1]).

Революція подавлена, но она не побѣждена. Она не побѣждена, а въ самомъ ея паденіи — залогъ ея побѣды. Она показала, что она возможна. А разъ она возможна, то она возобновится и побѣдитъ.

Революція охватила всю страну. Она закрыла фабрики, остановила торговлю, закрыла банки и разогнала биржу, пріостановила движеніе по путямъ сообщенія въ городахъ, остановила печать, удалила студентовъ и профессоровъ изъ университетовъ, заставила закрыть двери судовъ и канцелярій, она пріостановила экономическую жизнь страны, прекратила функціи государства, за исключеніемъ одной — полицейской, и двинула стотысячныя массы противъ правительства. Ружейные выстрѣлы ея не задержали, она стала выше смерти и шла впередъ, теряя тысячи жертвъ, но все же она разбилась о преторіанскую гвардію, и волны народныхъ массъ, не охваченныхъ организаціей, не подготовленныхъ къ вооруженной борьбѣ, не разсчитывавшихъ на нее, не ожидавшихъ ея, медленно, со скрежетомъ зубовнымъ, еле подавляя въ себѣ возмущающееся чувство, не подъ вліяніемъ страха, а въ сознаніи своей неподготовленности къ рѣшительной борьбѣ, отхлынули назадъ.

Подведемъ итоги событіямъ.

Стачка началась съ чисто экономическихъ требованій рабочихъ. Но на почвѣ политическихъ условій Россіи давно уже всякая большая стачка неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ. Это въ особенности должно было произойти теперь, послѣ того страшнаго возбужденія умовъ, которое создала позорная война. Иниціативу взяли на себя наши соціальдемократическія организаціи — онѣ выставили политическія требованія и съ успѣхомъ собирали вокругъ нихъ массы стачечниковъ. Въ это время выступилъ, въ качествѣ политическаго агитатора, священникъ Гапонъ, который ускорилъ развитіе событій и придалъ имъ своеобразный характеръ. Личность эта еще не вполнѣ опредѣлилась, но роль ея въ событіяхъ послѣднихъ дней вполнѣ ясна. Сознательно ли Георгій Гапонъ пріурочилъ свои взгляды къ воззрѣніямъ и настроеніямъ сѣрой массы, или на самомъ дѣлѣ не шелъ дальше того, что говорилъ, во всякомъ случаѣ онъ несомнѣнно стоялъ ближе, чѣмъ мы, къ этой массѣ. Но эта большая близость была достигнута на счетъ ясности политической цѣли и опредѣленности политическихъ средствъ борьбы. Вотъ почему, въ то время какъ мы могли создать только организаціонные пункты, вокругъ которыхъ концентрировались массы, священникъ Гапонъ могъ увлечь эти массы непосредственно. Но вотъ почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ движеніи съ самаго начала таилось внутреннее противорѣчіе. Онъ велъ массы къ царю, а шелъ противъ царя; онъ велъ массы на мирную демонстрацію, а шелъ на революцію. Онъ имѣлъ за собою организацію въ семь тысячъ рабочихъ. Какъ революціонный разсадникъ, эта организація могла объединить вокругъ себя стотысячныя массы. Но она сама не знала своего революціоннаго характера, отъ нея скрытъ былъ ея революціонный смыслъ — вотъ почему эта организація въ нѣсколько тысячъ рабочихъ только ввела священника Гапона въ рабочіе массы, а затѣмъ сама растворилась въ неорганизованной толпѣ, вмѣсто того, чтобы связать ее звеньями своей организаціонной цѣпи. Герой и толпа — вотъ формула 9 января.

Георгій Гапонъ увлекъ за собой рабочіе массы, но онъ ихъ не объединилъ. У него хватило политической проницательности не разрывать съ соціальнореволюціонными организаціями, а, напротивъ, войти въ союзъ съ ними. Онъ, повидимому, заручился также поддержкой либеральныхъ и радикальныхъ элементовъ общества.

Либеральная русская оппозиція — оппозиція изъ среды имущихъ классовъ, оппозиція земствъ, городскихъ представительствъ, разныхъ съѣздовъ, вообще корпорацій людей „съ положеніемъ" —къ этому времени оказалась на рубежѣ политическаго поворота. До того она не была революціонна. Она надѣялась достичь политическихъ реформъ путемъ давленія общественнаго мнѣнія на правительство. Но надежды эти расплылись. Эра либеральничающаго Святополка-Мирскаго явно приходила къ концу. Правительство круто повернуло назадъ — не оставалось никакого сомнѣнія, что настаетъ новый періодъ реакціи. Что дѣлать? Надо было противопоставить правительству политическую силу, а въ распоряженіи либераловъ были только жалобы и запугиванія. Либералы оказались передъ дилемой: либо сдаться, либо перейти на революціонный путь. Тутъ подоспѣли стачки. Во главѣ массъ оказался священникъ Гапонъ. Именно внѣпартійный, неорганизованный характеръ этого движенія какъ нельзя больше подошелъ къ интересамъ либераловъ. Ихъ классовой инстинктъ подсказывалъ имъ, что эти стотысячныя толпы рабочаго народа могутъ развить громадную политическую силу, могутъ одержать великую политическую побѣду, но, не будучи организованы, не съумѣютъ удержать за собой политическое положеніе, господиномъ котораго окажется „общество", т. е. либералы. Разсчитывали ли либералы непосредственно на революцію? Врядъ ли, хотя они, конечно, не могли не считаться съ ней. Ихъ главный разсчетъ былъ на то, чтобы устрашить правительство. Сломить реакціонную энергію правительства, возстановить и упрочить либеральную эру и заодно съ реформирующимъ правительствомъ задержать революціонное движеніе массъ — вотъ политическія задачи либеральнаго общества.

Итакъ, въ поднявшейся съ стихійной силой революціонной арміи были различныя, смутныя и противорѣчивыя теченія. Сознательно съ политической программой революціи шли только соціалисты и та относительно небольшая, но все же довольно значительная часть рабочихъ, которыхъ имъ удалось сгруппировать вокругъ себя. Массы шли подъ вліяніемъ своего революціоннаго настроенія, увлекаемыя обаяніемъ геройской личности, водушевленныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, идеей общенія съ царемъ. Онѣ шли не на борьбу, а на смерть. Либералы шли, готовые предать революцію въ первый же моментъ, когда правительство имъ протянетъ руку. Георгій Гапонъ въ лучшемъ случаѣ надѣялся на то, что событія дадутъ направленіе революціонной энергіи массъ и въ горнилѣ революціонной борьбы отпадутъ шлаки реакціонныхъ воззрѣній. Былъ герой, но не было политическаго руководителя, не было программы дѣйствія, не было организаціи.

Царь не могъ выйти къ рабочимъ массамъ. Если бы онъ къ нимъ вышелъ, то это на моментъ было бы великимъ торжествомъ монархической идеи. Но только на одинъ моментъ. Массы приняли бы это какъ признаніе ихъ силы. Рѣзкій отказъ въ ихъ требованіяхъ вызвалъ бы немедленно возстаніе. Всякій неопредѣленный отвѣтъ былъ бы принятъ какъ обѣщаніе. Массы разошлись бы, но съ растущей увѣренностью въ свои силы — черезъ непродолжительное время онѣ вернулись бы съ большей силой и большей рѣшимостью.

Но царь и не хотѣлъ выйти къ народу. Царское правительство ждало возстанія и готовилось къ нему. Соціалисты и правительство — вотъ тѣ единственныя политическія силы, которыя шли въ борьбу съ ясной политической цѣлью. Соціалисты шли съ тѣмъ, чтобы придать мирной демонстраціи революціонный характеръ, — правительство очень вѣрно разсчитало, что ему выгоднѣе потопить въ крови неподготовленную революцію, чѣмъ ждать, пока она сорганизуется и политически опредѣлится. Правительство къ тому же, чтобы поднять свой политическій престижъ и упрочить свое финансовое положеніе на биржѣ, рѣшило показать Европѣ, что оно твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ.

Правительство готовило бойню и звало весь цивилизованный міръ въ свидѣтели своей кровавой расправы. Втече нѣсколькихъ дней газеты и даже оффиціозныя бюро деп сообщали точныя подробности о готовящихся въ Петерб событіяхъ. Заявленія отца Гапона, рѣшенія рабочихъ с ній, интервью литераторовъ и политиковъ были немедленн общаемы по телеграфу во всѣ концы міра. Мы могли сл за развивающимся движеніемъ чуть ли не также, какъ в время за массовой стачкой въ Бельгіи. Это было бы можно, если бы оно не было желательно правительству.

---

[1]) Какъ видитъ читатель изъ статьи „Девятое января", не всѣ мысли, выраженныя тов. Парвусомъ раздѣляются редакціей „Искры".

революціонной, *соціалистической*, той деклассированной интеллигенціи, которая являлась идеологической выразительницей самаго *рабочаго класса*. Всю сумму классоваго сознанія, политической зрѣлости и идеализма, которая выразилась, воплотилась въ дѣло въ массовомъ возстаніи петербургскаго пролетаріата, слѣдуетъ отнести всецѣло на счетъ десятилѣтій неустанной, упорной работы соціалистической, точнѣе говоря — соціальдемократической агитаціи.

А по ближайшемъ разсмотрѣніи эта сумма оказывается *огромной*. Правда, первое выступленіе петербургской рабочей массы еще выбросило на поверхность различныя постороннія примѣси — царистскія иллюзіи, невѣдомыхъ случайныхъ вожаковъ. Какъ при всѣхъ революціонныхъ взрывахъ, вначалѣ раскаленная лава катитъ предъ собою на край кратера всевозможные осадки, скопившіеся въ глубинѣ. Но сквозь случайности минуты и остатки традиціоннаго міровоззрѣнія, съ головокружительною быстротою тающіе въ огнѣ революціонной обстановки, совершенно отчетливо выступаютъ крѣпкіе, здоровые и сильно развитые зародыши чисто пролетарскаго классоваго сознанія и тотъ простой героическій идеализмъ, *чуждый* позъ и театральныхъ пріемовъ, отличающихъ великіе историческіе моменты въ жизни *буржуазіи*, который является вѣрнымъ и типичнымъ признакомъ всѣхъ классовыхъ движеній современнаго сознательнаго пролетаріата. А между тѣмъ всякому, хоть сколько-нибудь знакомому съ русскими условіями, извѣстно, что — опять таки въ противоположность западной Европѣ — въ *провинціи*, по которой теперь постепенно катится революціонная волна, на югѣ, на западѣ, на Кавказѣ пролетаріатъ, по степени развитія классоваго сознанія и организаціи, стоитъ еще значительно выше, чѣмъ пролетаріатъ царской столицы.

Конечно, это первое массовое возстаніе петербургскихъ рабочихъ было несомнѣнно неожиданнымъ и для самой русской соціальдемократіи, да и внѣшнее *руководство* грандіознымъ политическимъ бунтомъ очевидно не принадлежало соціальдемократіи. Отсюда легко можетъ возникнуть представленіе, что событія „переросли черезъ голову“ русской соціальдемократіи. Если подъ этимъ подразумѣвать стихійное „перерастаніе“ *размѣровъ* и *быстроты* движенія черезъ всѣ наличныя силы и средства для овладѣнія и руководства движеніемъ, то для нынѣшняго момента въ Россіи это будетъ, конечно, вѣрно. Но, горе той соціальдемократіи, которой *не* удается въ соотвѣтствующіе историческіе моменты вызвать на общественную сцену духовъ, *въ этомъ смыслѣ* „перерастающихъ“ черезъ ея голову! Это означало бы лишь, что соціальдемократія не умѣетъ дать толчокъ дѣйствительно революціонному *массовому движенію*, ибо планомѣрно назначенныя, организованныя и въ порядкѣ проводимыя, словомъ „сдѣланныя“ революціи существуютъ только въ богатой фантазіи полицейскихъ головъ или прусскихъ и русскихъ прокуроровъ.

Если же подъ словами „перерастаніе черезъ голову“ понимать, что *направленіе, мощь*, самый *феноменъ* пролетарской революціи является неожиданностью для политическихъ дѣятелей, что въ своемъ бурномъ теченіи революція поставила себѣ *цѣли*, далеко превышающія всѣ предварительные разсчеты, то въ такомъ случаѣ именно соціальдемократія является въ настоящее время въ царской имперіи *единственной* общественной силой, черезъ голову которой *не* „переросли“ петербургскія событія, единственной силой, которая духовно стоитъ вполнѣ на высотѣ положенія.

Молніей изъ яснаго неба было внезапное политическое массовое возстаніе петербургскаго пролетаріата не только для безмозглыхъ кретиновъ господствующей воровской шайки самодержавія, не только для тупоголовой, грубой кучки промышленныхъ денежныхъ мѣшковъ, занимающихъ въ Россіи мѣсто буржуазіи. Оно было тѣмъ же самымъ и для русскихъ либераловъ, для тѣхъ торжественно кушающихъ ad majorem libertatis gloriam (во славу свободы) господъ, которые громкими криками негодованія — „вонъ, долой“ — встрѣчали пролетарскихъ ораторовъ, являвшихся въ Кіевѣ и Одессѣ на ихъ банкеты; оно было тѣмъ же самымъ для господъ Струве и К°, которые еще наканунѣ петербургской революціи считали революціонную борьбу русскаго пролетаріата въ сущности простой „отвлеченной категоріей“ и полагали, что отъ либеральнаго мяуканья и визга „видныхъ лицъ“ скорѣе всего рухнутъ іерихонскія стѣны самодержавія.

Такой же молніей изъ яснаго неба было это возстаніе и для того неоформленнаго текучаго слоя революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, вѣрили поочередно то въ спасительную силу бомбы и револьвера съ выгравированными на немъ страшными словами, то въ слѣпые взрывы крестьянскихъ бунтовъ, то вообще ни во что больше не вѣрили, и перетекали, какъ сыпучій песокъ революціи, въ постоянной смѣнѣ настроеній — то восторженнаго ликованія, то смертной тоски — отъ терроризма къ либерализму и обратно, и только никогда не могли усвоить себѣ настоящей вѣры въ самостоятельную классовую борьбу россійскаго пролетаріата.

И только непреклонные догматики русской соціальдемократіи, эта непріятная и упрямая компанія, пользующаяся въ нѣкоторыхъ кругахъ Интернаціонала такою же почетною нелюбовью какъ французскіе „гедисты“, только они съ непоколебимымъ спокойствіемъ и увѣренностью, даваемыми научнымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, втеченіе десятилѣтій *предсказывали* пришествіе петербургскаго 9 января, *подготовляли* и *подготовили* его своею планомѣрною агитаціей.

Марксова „догма“ только и дала русской соціальдемократіи возможность болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ намѣтить почти съ математическою точностью крупныя линіи капиталистическаго развитія посреди капризнаго своеобразія соціальнаго строенія Россіи, планомѣрною дѣятельностью предвосхитить и реализовать революціонные результаты этого развитія.

Марксова „догма“ только и дала соціальдемократамъ возможность открыть въ самодержавной Россіи въ лицѣ рабочаго класса политическую силу и единственнаго будущаго носителя сначала политическаго освобожденія Россіи отъ самодержавія, а затѣмъ и собственнаго освобожденія отъ господства капитала.

Та же марксова „догма“ позволяла русской соціальдемократіи неуклонно отстаивать противъ всѣхъ и всякихъ поползновеній самостоятельныя классовыя задачи и классовую политику россійскаго пролетаріата: — и тогда, когда самый фактъ *физическаго* существованія рабочаго класса приходилось только еще вычитывать изъ суконнаго языка оффиціальной промысловой статистики, когда приходилось еще разыскивать русскія фабрики и, такъ сказать, отвоевывать чуть не каждую математическую пролетарскую единицу горячей полемикой.

И тогда, когда неустойчивый русскій интеллигентъ мучился новымъ опасеніемъ, что русскій капитализмъ развивается не „вширь“, а „вглубь“, т. е. что промышленность, вооруженная готовой заграничной техникой, занимаетъ *слишкомъ мало* пролетаріевъ, и потому русскій рабочій классъ окажется слишкомъ малочисленнымъ для выполненія предстоящихъ ему задачъ.

И тогда, когда *культурное* существованіе русскаго пролетаріата было впервые открыто „обществомъ“ изъ достопамятныхъ сообщеній о наплывѣ рабочихъ въ публичныя читальни, вродѣ того, какъ открываютъ существованіе новыхъ дикихъ племенъ въ американскихъ первобытныхъ лѣсахъ.

И тогда, когда уже впослѣдствіи, несмотря на существованіе рабочаго класса и несмотря на крупныя стачки, начали вѣрить въ политическую силу только студенческаго террора.

И позавчера, когда, несмотря на громадное соціалистическое движеніе въ Россіи, заграницей — съ чисто доктринерской шаблонностью — вѣрили прежде всего и больше всего только въ существованіе *либеральнаго* движенія въ царской имперіи.

И вчера, когда по случаю войны всѣ надежды возлагались въ сущности опять таки не на классовую борьбу россійскаго пролетаріата, а на борьбу *японцевъ*.

И, наконецъ, въ самое послѣднее время, когда снова и снова выдвигалась вѣра не въ самостоятельную революціонную политику соціальдемократическаго рабочаго класса, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь въ смѣсь „революціонныхъ“ и „оппозиціонныхъ“ партій Россіи, въ политическій слоеный пирогъ, въ которомъ „съ болѣе широкой точки зрѣнія“ и „въ виду переживаемаго великаго момента“ будто бы необходимо на скорую руку спечь воедино пролетарскую политику со всякой иной.

Девятое января облекло слово плотью и кровью и показало всему міру русскій пролетаріатъ въ самостоятельной политической революціи. Духомъ *Маркса* вѣяло отъ первой большой битвы за русскую свободу на улицахъ Петербурга, и онъ же рано или поздно, съ необходимостью закона природы, приведетъ къ побѣдѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣ кровавой трагедіи 9 января въ Петербургѣ — отвратительная, циничная комедія 19 января въ Царскомъ Селѣ. Послѣ разстрѣла, по приказанію царя, дѣйствительныхъ представителей рабочихъ — пріемъ тѣмъ же царемъ кучки какихъ-то подозрительныхъ людей, собранныхъ полиціей на фабрикахъ и заводахъ Петербурга. Пусть эти люди не переодѣтые шпіоны и дворники, пусть они въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ петербургскимъ рабочимъ, во всякомъ случаѣ, они не были и не могли быть выразителями нуждъ и желаній петербургскаго пролетаріата, во всякомъ случаѣ, они творили волю только пославшаго ихъ генералъ-губернатора. Среди 34 рабочихъ, представлявшихся царю, ни одинъ не вспомнилъ о тѣхъ требованіяхъ, за которыя положили жизнь тысячи ихъ товарищей, ни одинъ не вспомнилъ и не сказалъ коронованному убійцѣ о насущныхъ нуждахъ рабочаго класса. Они ставили свѣчи передъ иконами царской церкви, ѣли царскій обѣдъ, пили царское вино и кричали ура палачу въ то время, какъ петербургскія тюрьмы и больницы еще полны жертвами самодержавія, но сказали они только одну фразу: здравія желаемъ, ваше императорское величество! Немного желаній у русскихъ рабочихъ, если судить по словамъ депутаціи, представлявшейся царю 18 января!

Но зато кровавый царь, молчавшій и прятавшійся отъ народа 9 января, говорилъ много. Царская рѣчь 19 января — самая длинная рѣчь, произнесенная Николаемъ II за все время его десятилѣтняго позорнаго царствованія. Въ ней онъ сказалъ все, что могъ сказать русскій самодержецъ русскимъ рабочимъ. И не для тѣхъ сѣрыхъ людей, которые униженно и безмолвно стояли предъ нимъ, говорилъ верховный палачъ, — онъ говорилъ для всего русскаго пролетаріата, который по всей Россіи честно и смѣло началъ рѣшительную битву за свое политическое и экономическое освобожденіе. Предъ этимъ пролетаріатомъ объяснялся Николай II, ему объяснялъ свои планы и намѣренія. И, если даже послѣ 9 января среди русскихъ рабочихъ оставалась малая доля вѣры въ отеческую заботливость царя, то теперь Николай II раскрылъ свои карты, и пролетаріатъ легко можетъ понять и оцѣнить царскую игру.

Кровавый царь ясно и твердо опровергъ всѣ слухи, будто онъ не зналъ о кровавой расправѣ войскъ съ безоружными рабочими. Онъ призналъ, что пролилась неповинная кровь. Но онъ рѣшительно заявилъ, что стачки и собранія и впредь будутъ заставлять правительство прибѣгать къ военной силѣ, что и впредь императорское войско будетъ разстрѣливать народную толпу, не разбирая праваго и виноватаго. Онъ заявилъ, что подача рабочими прошенія о своихъ нуждахъ является бунтомъ противъ царя и правительства, бунтомъ, который власть всегда будетъ тушить кровью. Такимъ образомъ царь всенародно подтвердилъ, что свобода стачекъ и собраній, необходимая для самыхъ ничтожныхъ улучшеній рабочей жизни, недостижима при абсолютизмѣ, что рабочій классъ для того, чтобы двинуться хотя на шагъ впередъ, долженъ, прежде всего, покончить съ самодержавіемъ. Никакія лживыя обѣщанія царскихъ заботъ о положеніи рабочихъ не могутъ скрыть этого главнаго вывода царской рѣчи.

Вынужденный петербургскимъ возстаніемъ къ объясненію предъ русскимъ пролетаріатомъ, Николай II, разумѣется, не ограничился обѣщаніями новыхъ убійствъ. Великая сила рабочаго движенія слишкомъ мощно потрясаетъ гнилой тронъ, чтобы на рабочія требованія можно было отвѣчать голымъ отказомъ и угрозами пуль и штыковъ. Кромѣ новыхъ убійствъ, царь обѣщаетъ рабочимъ „обезпечить законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ“. Но эти туманныя слова только пустой звукъ, который никого не обманетъ. Самодержавіе сдѣлало для рабочихъ все, что оно могло сдѣлать, но не примирило пролетаріата съ деспотизмомъ. Оно организовало рабочіе союзы подъ управленіемъ полицейскихъ агентовъ, — и сыщикъ Шаевичъ подготовилъ всеобщія стачки на югѣ; оно передало эти союзы подъ руководство церкви, — и священникъ Гапонъ поднялъ знамя рабочаго возстанія, предавъ проклятію царя и все августѣйшее змѣиное отродье. Такъ кончатъ и всѣ рабочія организаціи, которыя можетъ создать полицейское государство. Насущные интересы пролетаріата повелительно толкаютъ его къ сверженію самодержавія, и ничто не остановитъ его наступательнаго движенія на отжившій порядокъ. Всѣ законы въ пользу рабочихъ, которые могутъ быть изданы самодержавіемъ, только обострятъ классовыя противорѣчія, только разожгутъ политическую борьбу, такъ какъ они только тогда будутъ имѣть какое-либо значеніе, когда ихъ подкрѣпитъ могущественная, сплоченная рабочая партія, дѣйствующая въ условіяхъ полной свободы личности, слова, собраній и стачекъ, т. е. въ условіяхъ демократическаго государства. До тѣхъ поръ каждый фабричный законъ, исходящій отъ самодержавія, каждый рабочій союзъ, основанный самодержавіемъ, явятся только новыми поводами къ недовольству рабочихъ массъ, только новыми ударами самодержавію. И едва ли послѣ Зубатова и Гапона правительство Николая II снова прибѣгнетъ къ опытамъ полицейскаго соціализма. Царскія обѣщанія 19 января, вѣрнѣе всего, прямой обманъ, которымъ самодержавіе старается отсрочить неизбѣжный конецъ. „У насъ нѣтъ болѣе царя. Рѣка крови легла между царемъ и народомъ“, писалъ Гапонъ послѣ петербургскихъ разстрѣловъ. Испуганный царь пытается опровергнуть мятежнаго попа и доказать, что онъ еще существуетъ, что онъ заботится о благѣ своихъ „дѣтей“ — подданныхъ. Онъ обѣщаетъ реформы, онъ „прощаетъ“ возстаніе петербургскихъ рабочихъ, онъ бросаетъ семьямъ убитыхъ подачку въ 50 тысячъ рублей. Тщетныя усилія! Пролетаріатъ Россіи не проститъ коронованнаго убійцу и не продастъ великаго дѣла свободы за окровавленныя деньги народнаго палача.

* * *

Царская рѣчь 19 января, очевидно, первый сигналъ, поданный сверху для широкаго и беззастѣнчиваго обмана народа. Вмѣстѣ съ монархомъ на ту же дорогу выступилъ „святѣйшій“ синодъ, министръ финансовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, одесскій градоначальникъ... скоро, несомнѣнно, всѣ попы и урядники начнутъ заниматься высшею политикою и опутывать народъ густою сѣтью наглой лжи и безсмысленныхъ сказокъ. Пять „смиренныхъ“ митрополитовъ пытаются увѣрить

народъ собрался у Зимняго дворца, все уже было приготовлено заботливымъ правительствомъ — и войска и санитарные отряды, и мѣста въ тюрьмахъ, и интернаціональная публика, связанная съ мѣстомъ зрѣлища телеграфными сообщеніями. Кровавая драма разыгралась по программѣ, предусмотрѣнной правительствомъ. Дальнѣйшее развитіе событій, однако, правительствомъ не было предвидѣно.

Царское правительство думало, что ружейными залпами нагонитъ паническій страхъ на народъ, который разбѣжится по домамъ, попрячется по своимъ подваламъ и чердакамъ. Случилось какъ разъ наоборотъ. Ружейные залпы не усмирили, а возбудили народъ. Нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ были снесены съ поля, но этимъ самымъ сотни тысячъ мирныхъ демонстрантовъ были превращены въ революціонную армію. Военное насиліе правительства создало революціонное возстаніе. Съ этого момента оффиціозный телеграфъ начинаетъ дѣйствовать очень вяло, и правительство вскорѣ пріостанавливаетъ всѣ сообщенія изъ Петербурга.

Въ планѣ Георгія Гапона все было разсчитано на одинъ моментъ — на то, что солдаты не будутъ стрѣлять въ безоружную толпу. Если бы солдаты отступили передъ народомъ, то правительство должно было бы пойти на уступки. Еслибы солдаты пристали къ народу, то побѣда революціи была бы обезпечена. Солдатскіе полки, хотя и дрогнули, однако стрѣляли. И планъ священника Гапона рухнулъ. Но не рухнула революціонная энергія рабочихъ массъ. И вотъ оказались трагическія послѣдствія отсутствія организаціи. Массы, не считая жертвъ, мечутся во всѣ стороны. Онѣ готовы на все и не знаютъ, за что взяться. Одни ищутъ оружія, другіе собираются въ Царское Село, третьи строятъ баррикады, [illegible] наводняютъ Невскій проспектъ — массы [illegible], все идетъ въ разбродъ, нѣтъ связывающаго центра, нѣтъ руководящей программы дѣйствія, нѣтъ связи съ провинціей, съ Москвой и даже съ ближайшими заводскими окрестностями. Такъ движеніе раскалывается на отдѣльныя части и мало по малу притихаетъ. Оно пало вслѣдствіе отсутствія связывающей и руководящей организаціи.

Петербургскіе дни показали, что военной силой трудно уже сломить революціонную энергію рабочихъ массъ. Петербургскіе рабочіе по сей моментъ въ своемъ большинствѣ еще не сдались. Они продержались недѣлю цѣлую послѣ воскресной бойни. Несомнѣнно, пока войско не перейдетъ на сторону народа, побѣда революціи невозможна. Однако уже сейчасъ даже Преображенцы, эта спеціально выхоленная и дрессированная [illegible] гвардія, и тѣ отчасти дрогнули — одни стрѣляли, не цѣлясь, иные стрѣляли въ воздухъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ отказывались стрѣлять. Если рабочія массы охватить организаціей, то онѣ въ революціонные дни разовьютъ неуклонную энергію, которая должна будетъ въ концѣ концовъ сломить моральный противовѣсъ солдатской дисциплины.

Наряду съ революціонной устойчивостью петербургскихъ рабочихъ другая знаменательная черта послѣднихъ событій, это распространеніе движенія по всей странѣ. Это произошло такъ же законосообразно, какъ и превращеніе экономической стачки въ политическую. Съ выступленіемъ Георгія Гапона все вниманіе сконцентрировалось на этой личности — создалась такимъ образомъ ложная политическая перспектива, сводящая всѣ событія къ предпріятію этого полупророка, полуполитика, какъ къ исходному пункту. Петербургская стачка, разростаясь, принимала политическій характеръ и по мѣрѣ того должна была отозваться во всей странѣ. Повторились бы южно русскія событія только на гораздо болѣе широкой базѣ, охвативъ всѣ промышленные центры Россіи, и съ болѣе рѣзко выраженной политической программой. Георгій Гапонъ и здѣсь ускорилъ и расширилъ движеніе, придавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе элементарный, вулканическій характеръ

Движеніе въ провинціи все еще разростается. Пусть и оно будетъ въ концѣ концовъ подавлено, но оно все же въ основахъ расшатаетъ государственный механизмъ самодержавія.

Еще разъ царское правительство удержало за собой власть, хотя рука возставшаго народа поднялась уже до самаго царскаго трона. А дальше что?

Событія послѣднихъ дней знаменуютъ поворотъ въ исторіи паденія самодержавія.

Конченъ періодъ либеральныхъ упованій — начинается періодъ революціонной борьбы.

Революціонная борьба до сихъ поръ велась только соціалистическими организаціями — она теперь будетъ вестись всѣмъ русскимъ народомъ.

Помимо соціалистическихъ организацій, борьба до сихъ поръ велась противъ бюрократіи и не затрагивала царя, она носила конституціонный, но не носила республиканскаго характера. Бюрократія теперь сдвинута съ политическаго поля битвы. Положеніе уяснилось и, уяснилось распредѣленіе силъ. Съ одной стороны — домъ Романовыхъ, царь и великіе князья, опирающіеся даже уже не на армію цѣликомъ, а только еще на гвардейскіе полки, а съ другой стороны — весь русскій народъ.

Политическія понятія, которыя внѣ послѣднихъ событій еще много лѣтъ могли бы служить нравственнымъ капиталомъ правительства, стерты, сведены на нѣтъ втеченіе нѣсколькихъ дней. Такова идея о царѣ, стоящемъ внѣ партій. Сотни тысячъ петербургскихъ рабочихъ проникнулись теперь ненавистью къ царю, за ними весь рабочій классъ и все населеніе городовъ и въ дальнѣйшей передачѣ весь русскій народъ. Это неизсякаемый источникъ монархической оппозиціи. Первое слово свободной русской прессы будетъ служить раскрытію событій 9/22 января. Первый день свободнаго русскаго народа будетъ посвященъ памяти убитыхъ въ кровавое Воскресенье. Отнынѣ вся политическая оппозиція Россіи будетъ носить антимонархическій характеръ, и всякая партія, которая въ будущей пролетарской Россіи примкнетъ къ монархіи, должна будетъ порвать съ народомъ.

Переходъ къ революціонной борьбѣ выдвинулъ на политическую авансцену Россіи *рабочихъ*.

Только что либералы со своими протестами, банкетами, резолюціями привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Рабочихъ не слышно было. Друзья съ сожалѣніемъ, враги съ насмѣшкой спрашивали: гдѣ же рабочіе? Либералы со всей самоувѣренностью представителей имущихъ классовъ взяли на себя политическое руководство націей и легко сроднились съ идеей, что рабочіе только могутъ составить резонаторъ ихъ шумному краснорѣчію или сопровождать его массовыми возгласами. Но вотъ поднялись рабочіе и сразу измѣнили характеръ политической кампаніи и заняли широкій центръ революціонной борьбы; либералы же оказались ея ничтожнымъ придаткомъ.

Это было стихійное движеніе, но все же оно носило ясный пролетарскій характеръ.

Рабочіе не просто выставили политическія требованія либерализма, они развили свою собственную политическую логику. Ея схема проста. Рабочіе борятся противъ экономическаго гнета капиталистическаго класса. Но рабочіе безправны, они въ Россіи политическіе рабы Они требуютъ поэтому политическихъ правъ, чтобы быть въ состояніи бороться за свое экономическое освобожденіе. Но борясь за свои политическія права, рабочіе борятся за политическую свободу вообще и являются въ этой борьбѣ представителями всего русскаго народа.

Программа, выставленная петербургскими рабочими, при всей своей эклектичности, чрезвычайно характерна: это отнюдь не программа *буржуазнаго либерализма*, это программа *рабочей демократіи*. Рабочіе борятся не за свободу частной собственности, а за *свободу классовой борьбы*, и, требуя гарантій свободы личности, они требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ законовъ, ограничивающихъ свободу капиталистической эксплуатаціи,

Такимъ образомъ русскій пролетаріатъ сразу ясно опредѣлялъ свое отношеніе и къ самодержавію и къ либерализму. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ еще только больше разовьетъ свою самостоятельную политику.

Если царь будетъ продолжать упорствовать на своемъ полновластіи, то революція вмѣстѣ съ абсолютизмомъ снесетъ и русскую монархію. Въ этой революціи всѣмъ и вся — боевой силой и руководящимъ центромъ, который объединитъ вокругъ себя русскій народъ, будетъ русскій пролетаріатъ.

Если правительство пойдетъ на уступки, то это достигнуто рабочими массами, то мы имѣемъ за собой политическую побѣду русской революціи, несмотря на физическое превосходство солдатскихъ ружей и несмотря на временное торжество революціонной, *соціалистической*, той деклассированной интеллигенціи, которая являлась идеологической выразительницей самаго *рабочаго класса*. Всю сумму классоваго сознанія, политической зрѣлости и идеализма, которая выразилась, воплотилась въ дѣло въ массовомъ возстаніи петербургскаго пролетаріата, слѣдуетъ отнести всецѣло на счетъ десятилѣтій неустанной, упорной работы соціалистической, точнѣе говоря — соціальдемократической агитаціи.

А по ближайшемъ разсмотрѣніи эта сумма оказывается *огромной*. Правда, первое выступленіе петербургской рабочей массы еще выбросило на поверхность различныя постороннія примѣси — царистскія иллюзіи, невѣдомыхъ случайныхъ вожаковъ. Какъ при всѣхъ революціонныхъ взрывахъ, вначалѣ раскаленная лава катитъ предъ собою на край кратера всевозможные осадки, скопившіеся въ глубинѣ. Но сквозь случайности минуты и остатки традиціоннаго міровоззрѣнія, съ головокружительною быстротою тающіе въ огнѣ революціонной обстановки, совершенно отчетливо выступаютъ крѣпкіе, здоровые и сильно развитые зародыши чисто пролетарскаго классоваго сознанія и тотъ простой героическій идеализмъ, *чуждый* позъ и театральныхъ пріемовъ, отличающихъ великіе историческіе моменты въ жизни *буржуазіи*, который является вѣрнымъ и типичнымъ признакомъ всѣхъ классовыхъ движеній современнаго сознательнаго пролетаріата. А между тѣмъ всякому, хоть сколько нибудь знакомому съ русскими условіями, извѣстно, что — опять таки въ противоположность западной Европѣ — въ *провинціи*, по которой теперь постепенно катится революціонная волна, на югѣ, на западѣ, на Кавказѣ пролетаріатъ, по степени развитія классоваго сознанія и организаціи, стоитъ еще значительно выше, чѣмъ пролетаріатъ царской столицы.

Конечно, это первое массовое возстаніе петербургскихъ рабочихъ было несомнѣнно неожиданнымъ и для самой русской соціальдемократіи, да и внѣшнее *руководство* грандіознымъ политическимъ бунтомъ очевидно не принадлежало соціальдемократіи. Отсюда легко можетъ возникнуть представленіе, что событія „переросли черезъ голову" русской соціальдемократіи. Если подъ этимъ подразумѣвать стихійное „перерастаніе" *размѣровъ* и *быстроты* движенія черезъ всѣ наличныя силы и средства для овладѣнія и руководства движеніемъ, то для нынѣшняго момента въ Россіи это будетъ, конечно, вѣрно. Но, горе той соціальдемократіи, которой *не* удается въ соотвѣтствующіе историческіе моменты вызывать на общественную сцену духовъ, *въ этомъ смыслѣ* „перерастающихъ" черезъ ея голову! Это означало бы лишь, что соціальдемократія не умѣетъ дать толчокъ дѣйствительно революціонному *массовому движенію*, ибо планомѣрно назначенныя, организованныя и въ порядкѣ проводимыя, словомъ, „сдѣланныя" революціи существуютъ только въ богатой фантазіи полицейскихъ головъ или прусскихъ и русскихъ прокуроровъ.

Если же подъ словами „перерастаніе черезъ голову" понимать, что *направленіе*, какъ самый *феноменъ* пролетарской революціи является неожиданностью для политическихъ дѣятелей, что въ своемъ бурномъ теченіи революція поставила себѣ *цѣли*, далеко превышающія всѣ предварительные разсчеты, то въ такомъ случаѣ именно соціальдемократія является въ настоящее время въ царской имперіи *единственной* общественной силой, черезъ голову которой *не* „переросли" петербургскія событія, единственной силой, которая духовно стоитъ вполнѣ на высотѣ положенія.

Молніей изъ яснаго неба было внезапное политическое массовое возстаніе петербургскаго пролетаріата не только для безмозглыхъ кретиновъ господствующей воровской шайки самодержавія, не только для тупоголовой, грубой кучки промышленныхъ денежныхъ мѣшковъ, занимающихъ въ Россіи мѣсто буржуазіи. Оно было тѣмъ же самымъ и для русскихъ либераловъ, для тѣхъ торжественно кушающихъ ad majorem libertatis gloriam во славу свободы господъ, которые громкими криками негодованія — „вонъ, долой" — встрѣчали пролетарскихъ ораторовъ, являвшихся въ Кіевѣ и Одессѣ на ихъ банкеты; оно было тѣмъ же самымъ для господъ Струве и К°, которые еще наканунѣ петербургской революціи считали революціонную борьбу русскаго пролетаріата въ сущности простой „отвлеченной категоріей" и полагали, что отъ либеральнаго мяуканья и визга „видныхъ лицъ" скорѣе всего рухнутъ іерихонскія стѣны самодержавія.

Такой же молніей изъ яснаго неба было это возстаніе и для того неоформленнаго текучаго слоя революціонеровъ изъ интеллигенціи, которые, какъ трость, колеблемая вѣтромъ, вѣрили поочередно то въ спасительную силу бомбы и револьвера съ выгравированными на немъ страшными словами, то въ слѣпые взрывы крестьянскихъ бунтовъ, то вообще ни во что больше не вѣрили, и перетекали, какъ сыпучій песокъ, революціи, въ постоянной смѣнѣ настроеній — то восторженнаго ликованія, то смертной тоски — отъ терроризма къ либерализму и обратно, и только никогда не могли усвоить себѣ настоящей вѣры въ самостоятельную классовую борьбу россійскаго пролетаріата.

И только непреклонные догматики русской соціальдемократіи и эта непріятная и упрямая компанія пользовалась въ нѣкоторыхъ кругахъ Интернаціонала такою же почетною нелюбовью какъ французскіе „гедисты", только они съ непоколебимымъ спокойствіемъ и увѣренностью, даваемыми научнымъ, цѣлостнымъ міровоззрѣніемъ, втеченіе десятилѣтій *предсказывали* пришествіе петербургскаго 9 января, *подготовляли* и *подготовили* его своею планомѣрною агитаціей.

Марксова „догма" только и дала русской соціальдемократіи возможность болѣе чѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ намѣтить почти съ математической точностью крупныя линіи капиталистическаго развитія посреди капризнаго своеобразія соціальнаго строенія Россіи, планомѣрною дѣятельностью предвосхитить и реализовать революціонные результаты этого развитія.

Марксова „догма" только и дала соціальдемократамъ возможность открыть въ самодержавной Россіи въ лицѣ рабочаго класса политическую силу и единственнаго будущаго носителя сначала политическаго освобожденія Россіи отъ самодержавія, а затѣмъ и собственнаго освобожденія отъ господства капитала.

Та же марксова „догма" позволяла русской соціальдемократіи неуклонно отстаивать противъ всѣхъ и всякихъ поползновеній самостоятельныя классовыя задачи и классовую политику россійскаго пролетаріата: — и тогда, когда самый фактъ *физическаго* существованія рабочаго класса приходилось только еще вычитывать изъ суконнаго языка оффиціальной промысловой статистики, когда приходилось еще разыскивать русскія фабрики и, такъ сказать, отвоевывать чуть не каждую математическую пролетарскую единицу горячей полемикой.

И тогда, когда неустойчивый русскій интеллигентъ мучился новымъ опасеніемъ, что русскій капитализмъ развивается не „вширь", а „вглубь", т. е. что промышленность, вооруженная готовой заграничной техникой, занимаетъ *слишкомъ мало* пролетаріевъ, и потому русскій рабочій классъ окажется слишкомъ малочисленнымъ для выполненія предстоящихъ ему задачъ.

И тогда, когда *культурное* существованіе русскаго пролетаріата было впервые открыто „обществомъ" изъ достопамятныхъ сообщеній о наплывѣ рабочихъ въ публичныя читальни, вродѣ того, какъ открываютъ существованіе новыхъ дикихъ племенъ въ американскихъ первобытныхъ лѣсахъ.

И тогда, когда уже впослѣдствіи, несмотря на существованіе рабочаго класса и несмотря на крупныя стачки, начали вѣрить въ политическую силу только студенческаго террора.

И позавчера, когда, несмотря на громадное соціалистическое движеніе въ Россіи, заграницей — съ чисто доктринерской шаблонностью — видѣли прежде всего и больше всего только существованіе *либеральнаго* движенія въ царской имперіи.

И вчера, когда по случаю войны всѣ надежды возлагались въ сущности опять таки не на классовую борьбу россійскаго пролетаріата, а на борьбу *японцевъ*.

И, наконецъ, въ самое послѣднее время, когда снова и снова выдвигалась вѣра не въ самостоятельную революціонную политику соціальдемократическаго рабочаго класса, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь въ смѣсь „революціонныхъ" и „оппозиціонныхъ" партій Россіи, въ политическій слоеный пирогъ, въ которомъ „съ болѣе широкой точки зрѣнія" и „въ виду переживаемаго великаго момента" будто бы необходимо на скорую руку спечь воедино пролетарскую политику со всякой иной.

Девятое января облекло слово плотью и кровью и показало всему міру русскій пролетаріатъ въ самостоятельной политической революціи. Духъ *Маркса* [illegible] отъ первой большой битвы за русскую свободу на улицахъ Петербурга, и онъ же рано или поздно съ необходимостью закона природы приведетъ къ побѣдѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Послѣ кровавой трагедіи 9 января въ Петербургѣ — отвратительная циничная комедія 19 января въ Царскомъ Селѣ. Послѣ разстрѣла, по приказанію царя, дѣйствительныхъ представителей рабочихъ — пріемъ тѣмъ же царемъ кучки какихъ-то подозрительныхъ людей, собранныхъ полиціей на фабрикахъ и заводахъ Петербурга. Пусть эти люди не переодѣтые шпіоны и дворники, пусть они въ самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ петербургскимъ рабочимъ, во всякомъ случаѣ, они не были и не могли быть выразителями нуждъ и желаній петербургскаго пролетаріата, во всякомъ случаѣ, они творили волю только пославшаго ихъ генералъ-губернатора. Среди 34 рабочихъ, представлявшихся царю, ни одинъ не вспомнилъ о тѣхъ требованіяхъ, за которыя положили жизнь тысячи ихъ товарищей, ни одинъ не вспомнилъ и не сказалъ коронованному убійцѣ о насущныхъ нуждахъ рабочаго класса. Они ставили свѣчи передъ иконами царской церкви, ѣли царскій обѣдъ, пили царское вино и кричали ура палачу въ то время, какъ петербургскія тюрьмы и больницы еще полны жертвами самодержавія, но сказали онѣ только одну фразу: здравія желаемъ, ваше императорское величество! Немного желаній у русскихъ рабочихъ, если судить по словамъ депутаціи, представлявшейся царю 18 января!

Но зато кровавый царь, молчавшій и прятавшійся отъ народа 9 января, говорилъ много. Царская рѣчь 19 января — самая длинная рѣчь, произнесенная Николаемъ II за все время его десятилѣтняго позорнаго царствованія. Въ ней онъ сказалъ все, что могъ сказать русскій самодержецъ русскимъ рабочимъ. И не для тѣхъ сѣрыхъ людей, которые униженно и безмолвно стояли предъ нимъ, говорилъ верховный палачъ, — онъ говорилъ для всего русскаго пролетаріата, который по всей Россіи честно и смѣло началъ рѣшительную битву за свое политическое и экономическое освобожденіе. Предъ этимъ пролетаріатомъ объяснялся Николай II, ему объяснялъ свои планы и намѣренія. И, если даже послѣ 9 января среди русскихъ рабочихъ оставалась малая доля вѣры въ отеческую заботливость царя, то теперь Николай II раскрылъ свои карты, и пролетаріатъ легко можетъ понять и оцѣнить царскую игру.

Кровавый царь ясно и твердо опровергъ всѣ слухи, будто онъ не зналъ о кровавой расправѣ войскъ съ безоружными рабочими. Онъ призналъ, что пролилась неповинная кровь. Но онъ рѣшительно заявилъ, что стачки и собранія и впредь будутъ заставлять правительство прибѣгать къ военной силѣ, что и впредь императорское войско будетъ разстрѣливать народную толпу, не разбирая праваго и виноватаго. Онъ заявилъ, что подача рабочими прошенія о своихъ нуждахъ является бунтомъ противъ царя и правительства, бунтомъ, который власть всегда будетъ тушить кровью. Такимъ образомъ царь всенародно подтвердилъ, что свобода стачекъ и собраній, необходимая для самыхъ ничтожныхъ улучшеній рабочей жизни, недостижима при абсолютизмѣ, что рабочій классъ для того, чтобы двинуться хотя на шагъ впередъ, долженъ, прежде всего, покончить съ самодержавіемъ. Никакія лживыя обѣщанія царскихъ заботъ о положеніи рабочихъ не могутъ скрыть этого главнаго вывода царской рѣчи.

Вынужденный петербургскимъ возстаніемъ къ объясненію предъ русскимъ пролетаріатомъ, Николай II, разумѣется, не ограничился обѣщаніями новыхъ убійствъ. Великая сила рабочаго движенія слишкомъ мощно потрясаетъ гнилой тронъ, чтобы на рабочія требованія можно было отвѣчать голымъ отказомъ и угрозами пуль и штыковъ. Кромѣ новыхъ убійствъ, царь обѣщаетъ рабочимъ „обезпечить законные пути для выясненія назрѣвшихъ ихъ нуждъ". Но эти туманныя слова только пустой звукъ, который никого не обманетъ. Самодержавіе сдѣлало для рабочихъ все, что оно могло сдѣлать, но не примирило пролетаріата съ деспотизмомъ. Оно организовало рабочіе союзы подъ управленіемъ полицейскихъ агентовъ, — и сыщикъ Шаевичъ подготовилъ всеобщія стачки на югѣ; оно передало эти союзы подъ руководство церкви, — и священникъ Гапонъ поднялъ знамя рабочаго возстанія, предавъ проклятію царя и все августѣйшее змѣиное отродье. Такъ кончатъ и всѣ рабочія организаціи, которыя можетъ создать полицейское государство. Насущные интересы пролетаріата повелительно толкаютъ его къ сверженію самодержавія, и ничто не остановитъ его наступательнаго движенія на отжившій порядокъ. Всѣ законы въ пользу рабочихъ, которые могутъ быть изданы самодержавіемъ, только обострятъ классовыя противорѣчія, только разожгутъ политическую борьбу, такъ какъ они только тогда будутъ имѣть какое либо значеніе, когда ихъ подкрѣпитъ могущественная сплоченная рабочая партія, дѣйствующая въ условіяхъ полной свободы личности, слова, собраній и стачекъ, т. е. въ условіяхъ демократическаго государства. До тѣхъ поръ каждый фабричный законъ, исходящій отъ самодержавія, каждый рабочій союзъ, основанный самодержавіемъ, явятся только новыми поводами къ недовольству рабочихъ массъ, только новыми ударами самодержавію. И едва ли послѣ Зубатова и Гапона правительство Николая II снова прибѣгнетъ къ опытамъ полицейскаго соціализма. Царскія обѣщанія 19 января, вѣрнѣе всего, прямой обманъ, которымъ самодержавіе старается отсрочить неизбѣжный конецъ. „У насъ нѣтъ болѣе царя. Рѣка крови легла между царемъ и народомъ", писалъ Гапонъ послѣ петербургскихъ разстрѣловъ. Испуганный царь пытается опровергнуть мятежнаго попа и доказать, что онъ еще существуетъ, что онъ заботится о благѣ своихъ „дѣтей" — подданныхъ. Онъ обѣщаетъ реформы, онъ „прощаетъ" возстаніе петербургскихъ рабочихъ, онъ бросаетъ семьямъ убитыхъ подачку въ 50 тысячъ рублей. Тщетныя усилія! Пролетаріатъ Россіи не проститъ коронованнаго убійцу и не продастъ великаго дѣла свободы за окровавленныя деньги народнаго палача.

* * *

Царская рѣчь 19 января, очевидно, первый сигналъ, поданный сверху для широкаго и беззастѣнчиваго обмана народа. Вмѣстѣ съ монархомъ на ту же дорогу выступилъ „святѣйшій" синодъ, министръ финансовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ, одесскій градоначальникъ. Скоро, несомнѣнно, всѣ попы и урядники начнутъ заниматься высшею политикою и опутывать народъ густою сѣтью наглой лжи и безсмысленныхъ сказокъ. Пять „смиренныхъ" митрополитовъ пытаются увѣрить

народъ собрался у Зимняго дворца, все уже было приготовлено заботливымъ правительствомъ — и войска и санитарные отряды, и мѣста въ тюрьмахъ, и интернаціональная публика, связанная съ мѣстомъ зрѣлища телеграфными сообщеніями. Кровавая драма разыгралась по программѣ, предусмотрѣнной правительствомъ. Дальнѣйшее развитіе событій, однако, правительствомъ не было предвидѣно.

Царское правительство думало, что ружейными залпами нагонитъ панически страхъ на народъ, который разбѣжится по домамъ, попрячется по своимъ подваламъ и чердакамъ. Случилось какъ разъ наоборотъ. Ружейные залпы не усмирили, а возбудили народъ. Нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ были снесены съ поля, но этимъ самымъ сотни тысячъ мирныхъ демонстрантовъ были превращены въ революціонную армію. Военное насиліе правительства создало революціонное возстаніе. Съ этого момента оффиціальный телеграфъ начинаетъ дѣйствовать очень вяло и правительство вскорѣ пріостанавливаетъ всѣ сообщенія изъ Петербурга.

Въ планѣ Георгія Гапона все было разсчитано на одинъ моментъ — на то, что солдаты не будутъ стрѣлять въ безоружную толпу. Если бы солдаты отступили передъ народомъ, то правительство должно было бы пойти на уступки. Если бы солдаты пристали къ народу, то побѣда революціи была бы обезпечена. Солдатскіе полки, хотя и дрогнули, однако стрѣляли, и планъ священника Гапона рухнулъ. Но не рухнула революціонная энергія рабочихъ массъ. И вотъ сказались трагическія послѣдствія отсутствія организаціи. Массы, не считая жертвъ, мечутся во всѣ стороны. Онѣ готовы на все и не знаютъ, за что взяться. Одни ищутъ оружія, другіе собираются въ Царское Село, третьи строятъ баррикады [illegible] ютъ Невскій проспектъ — [illegible] нили всѣ [illegible] разбродъ, нѣтъ связывающаго центра, нѣтъ руководящей программы дѣйствія, нѣтъ связи съ провинціей, съ Москвой и даже съ ближайшими заводскими окрестностями. Все движеніе расползается на отдѣльныя части и мало по малу притихаетъ. Оно пало вслѣдствіе отсутствія связывающей и руководящей организаціи.

Петербургскіе дни показали, что военной силой трудно уже сломить революціонную энергію рабочихъ массъ. Петербургскіе рабочіе по сей моментъ [illegible] не сдались. Они продержались нѣсколько [illegible] бойни. Несомнѣнно, пока войско не перейдетъ на сторону народа, побѣда революціи невозможна. Однако уже сейчасъ даже Преображенцы, эта специально выхоленная и дрессированная царская гвардія, и тѣ отчасти дрогнули: [illegible], иные стрѣляли въ воздухъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ отказывались стрѣлять. Если рабочія массы охватитъ организаціей, то онѣ въ революціонные дни разовьютъ [illegible] энергію, которая должна будетъ въ концѣ концовъ сломить моральный противовѣсъ солдатской дисциплины.

Наряду съ революціонной устойчивостью петербургскихъ рабочихъ другая знаменательная черта послѣднихъ событій, это распространеніе движенія по всей странѣ. Это произошло также закономѣрно, какъ и превращеніе экономической стачки въ политическую. Съ выступленіемъ Георгія Гапона все вниманіе сконцентрировалось на этой личности, и создалась такимъ образомъ ложная политическая перспектива, сводящая всѣ событія къ предпріятію этого полупопа, полуполитика, какъ къ исходному пункту. Петербургская стачка, разростаясь, принимала политическій характеръ и по мѣрѣ того должна была отозваться во всей странѣ. Не остановились бы, [illegible] русскія событія только на [illegible] болѣе широкой базѣ, охвативъ всѣ промышленные центры Россіи и съ болѣе рѣзко выраженной политической программой. Георгій Гапонъ и здѣсь ускорилъ и расширилъ движеніе, придавъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе элементарный, вулканическій характеръ.

Движеніе въ провинціи все еще разростается. Пусть и оно будетъ въ концѣ концовъ подавлено, но оно все же въ основахъ расшатаетъ [illegible] механизмъ самодержавія.

Еще разъ царское правительство удержало за собой [illegible], хотя рука возставшаго народа поднялась уже до самаго царскаго трона. А дальше что?

Событія послѣднихъ дней [illegible] исторіи паденія самодержавія.

[illegible] либеральныхъ упованій [illegible] борьбы.

Революціонная борьба [illegible] будетъ вестись [illegible] народомъ.

Помимо [illegible] организацій, борьба [illegible] противъ буржуазіи и [illegible] царя, она носила конституціонный [illegible] республиканскаго характера. Буржуазія теперь сдвинута съ политическаго поля битвы. Положеніе упростилось и упростилось распредѣленіе силъ. Съ одной стороны — домъ Романовыхъ [illegible] и великіе князья [illegible] уже не на [illegible], а съ другой стороны — весь русскій народъ.

Политическія [illegible] которая въ послѣднихъ событіяхъ [illegible] могли [illegible] служить нравственнымъ капиталомъ [illegible] втеченіе нѣсколькихъ дней. [illegible] идея [illegible] партій. [illegible] петербургскихъ рабочихъ проникнулись теперь ненавистью къ царю, за ними весь рабочій классъ и все населеніе городовъ, а въ дальнѣйшей [illegible] весь русскій народъ. [illegible] неисякаемый источникъ монархической оппозиціи. Первое слово свободной русской прессы будетъ служить раскрытію событій 22 января. Первый день свободнаго русскаго народа будетъ посвященъ памяти убитыхъ въ кровавое Воскресенье. Отнынѣ вся политическая оппозиція Россіи будетъ носить антимонархическій характеръ, и всякая партія, которая въ будущей пролетарской Россіи примкнетъ къ монархіи, должна будетъ порвать съ народомъ.

Переходъ къ революціонной борьбѣ выдвинулъ на политическую авансцену Россіи *рабочихъ*.

Только что либералы со своими протестами, банкетами, резолюціями привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Рабочихъ не слышно было. Друзья съ сожалѣніемъ, враги съ насмѣшкой спрашивали: гдѣ же рабочіе? Либералы со всей самоувѣренностью представителей имущихъ классовъ взяли на себя политическое руководство націей и легко сроднились съ идеей, что рабочіе только могутъ составить резонаторъ ихъ шумному краснорѣчію или сопровождать его массовыми возгласами. Но вотъ поднялись рабочіе и сразу измѣнили характеръ политической кампаніи и заняли широкій центръ революціонной борьбы; либералы же оказались ея ничтожнымъ придаткомъ.

Это было стихійное движеніе, но все же оно носило ясный пролетарскій характеръ.

Рабочіе не просто выставили политическія требованія либерализма, они развили свою собственную политическую логику. [illegible] рабочіе борются противъ экономическаго гнета капиталистическаго класса. Но рабочіе безправны, они въ Россіи политическіе рабы. Они требуютъ поэтому политическихъ правъ, чтобы быть въ состояніи бороться за свое экономическое освобожденіе. Но борясь за свои политическія права, рабочіе борются за политическую свободу вообще и являются въ этой борьбѣ представителями всего русскаго народа.

Программа, выставленная петербургскими рабочими, при всей своей эклектичности чрезвычайно характерна: это отнюдь не программа *буржуазнаго либерализма*, это программа *рабочей демократіи*. Рабочіе борются не за свободу частной собственности, а за *свободу классовой борьбы*, и, требуя гарантій свободы личности, они требуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ законовъ, ограничивающихъ свободу капиталистической эксплуатаціи.

Такимъ образомъ русскій пролетаріатъ сразу ясно опредѣлилъ свое отношеніе и къ самодержавію и къ либерализму. Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій онъ только больше разовьетъ [illegible] политику.

Если царь будетъ продолжать упорствовать на своемъ полновластіи, то революція вмѣстѣ съ абсолютизмомъ снесетъ и русскую монархію. Въ этой революціи [illegible] боевой силой и руководящимъ центромъ, который объединитъ вокругъ себя русскій народъ, будетъ русскій пролетаріатъ.

Если правительство пойдетъ на уступки, то это достигнуто рабочими массами, то мы имѣемъ за собой политическую побѣду русской революціи, несмотря на физическое превосходство солдатскихъ ружей и несмотря на временное торжество русскій народъ, что всеобщая стачка, охватившая Россію, вызвана усиліемъ англичанъ и японцевъ и ведется на деньги враговъ Россіи. Высшая духовная власть бросаетъ голоднымъ, изстрадавшимся труженикамъ подлое обвиненіе, будто они пользуются японскими средствами. Разжирѣвшіе паразиты-архіереи осмѣливаются говорить пролетаріату, что тотъ, кто не работаетъ, не достоинъ и пропитанія. Бездѣльники, обирающіе народъ, осмѣливаются клеветать на тѣхъ, кто желаетъ свободы и счастья Россіи, стремятся посѣять вражду и ненависть къ революціонерамъ въ темныхъ народныхъ массахъ. Тѣ же обвиненія повторяетъ одесскій градоначальникъ въ своей прокламаціи „Къ рабочему люду"! А петербургскій генералъ-губернаторъ идетъ прямо къ цѣли и подстрекаетъ рабочихъ къ избіенію революціонеровъ. Агенты тайной полиціи распускаютъ въ рабочей средѣ слухи, будто бы царь охотно принялъ бы петицію рабочихъ, если бы въ толпѣ не было студентовъ, составившихъ заговоръ противъ жизни царя. Эти заговорщики будто бы хотѣли воспользоваться стачкою для своихъ цѣлей; они поэтому, и виновны во всемъ, что произошло на улицахъ Петербурга, имъ рабочіе должны отомстить за смерть своихъ товарищей. Эта политика царскаго правительства не является новостью. Въ то время, когда революціонное движеніе ограничивалось преимущественно кругомъ интеллигенціи, правительство распространяло въ народѣ слухи, что господа бунтуютъ для того, чтобы снова обратить крестьянъ въ крѣпостную зависимость; теперь, когда революціонное движеніе стало народнымъ, правительство увѣряетъ, что народъ обманутъ злоумышленниками, подкупленными иностранцами. Наглая ложь, распространяемая попами и сыщиками, несомнѣнно, не встрѣтитъ никакого сочувствія среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, но она можетъ найти нѣкоторую почву въ крестьянской массѣ, забитой, темной, полной предразсудковъ. Поэтому, мы должны обратить особенное вниманіе на ту сѣть лжи, которой царь старается опутать народъ. Клеветнической литературѣ самодержавія должно быть противопоставлено честное и прямое революціонное слово. Города и деревни Россіи должны быть наполнены милліонами листковъ, изъ которыхъ народъ получилъ бы вѣрныя свѣдѣнія о рабочемъ движеніи и его цѣляхъ. Отсутствіе въ деревняхъ революціонныхъ организацій не можетъ служить непреодолимымъ препятствіемъ къ освѣдомленію крестьянства о политической борьбѣ, начатой рабочимъ классомъ. Лично, черезъ знакомыхъ, по почтѣ рабочіе-соціальдемократы могутъ пересылать и передавать революціонные листки въ глухія деревни и, такимъ образомъ, распространять тамъ пониманіе дѣйствительнаго политическаго положенія. Распространеніе свѣдѣній о политическихъ событіяхъ, распространеніе революціонныхъ идей является одной изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ переживаемаго момента. Гибель стараго порядка приближается. Народное возстаніе назрѣваетъ съ стихійною быстротою и неизбѣжностью. И соціальдемократія, какъ единственная народная партія современной Россіи, обязана расширить и усилить свою агитацію, чтобы распространить въ глубинѣ народныхъ массъ демократическія требованія своей программы и тѣмъ обезпечить себѣ политическое руководство въ предстоящей послѣдней битвѣ между самодержавіемъ и народомъ.

реакціи. А разъ будетъ дана возможность широкой политической организаціи, то сотни тысячъ рабочихъ, шедшія на смерть за политическую свободу въ интересахъ своей классовой борьбы, составятъ готовые кадры русской соціальдемократіи.

Либо революція уже побѣдила, хотя бы отчасти, принудивъ правительство къ уступкамъ, либо она возобновится и побѣдитъ. Но что бы одержать рѣшительную побѣду, нужно, чтобы революція была *организована*.

Нужно, чтобы возстаніе охватило всю страну и въ одинъ общій моментъ достигло во всей странѣ своего наивысшаго напряженія. Какъ быстро ни передалось движеніе изъ Петербурга, провинція на этотъ разъ все же опоздала. Болѣе чѣмъ милліонная масса готова къ возстанію во всей странѣ — это показываетъ все еще разворачивающаяся передъ нами картина послѣдняго массового движенія — но для единовременности необходима организація.

Мы не можемъ при настоящихъ политическихъ условіяхъ организовать эти сотни тысячъ. Но мы можемъ создать организацію, которая являлась бы связующимъ ферментомъ, а въ моментъ революціи объединила бы *вокругъ себя* эти сотни тысячъ.

Мы должны — *организовать революцію*.

Мы до сихъ поръ организовывали рабочихъ въ интересахъ ихъ классовой борьбы. Теперь у насъ спеціальная задача, разумѣется, не расходящаяся съ первой, а вытекающая изъ нея: организовать революціонные кадры рабочихъ. Должны быть организованы рабочіе кружки съ ясно очерченной задачей: подготовлять массы къ возстанію, собирать ихъ вокругъ себя во время возстанія, поднять возстаніе по данному лозунгу.

Но чтобы совершить эту работу организаціи, русская соціальдемократія должна прежде всего — организовать самое себя, а слѣдовательно покончить со своими внутренними распрями.

Можно и даже полезно спорить о наилучшей формѣ организаціи — но нельзя на этомъ основаніи дезорганизовывать партію. А въ революціонный моментъ, какой переживаетъ Россія, надо выбросить за бортъ и споры и самихъ спорщиковъ, разъ они не могутъ подчиниться партійной дисциплинѣ.

Политическая роль пролетаріата въ Россіи опредѣлилась. Сумѣетъ ли существующая соціальдемократическая партія руководить пролетаріатомъ въ его исторической борьбѣ, или ему придется возсоздать партію по собственной иниціативѣ, зависитъ, къ сожалѣнію, отъ политическаго такта нѣсколькихъ интеллигентовъ.

Парвусъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Вслѣдъ за затопленнымъ въ крови возстаніемъ петербургскаго пролетаріата, стачечное движеніе облетѣло всю Россію, превращаясь мѣстами въ прямую гражданскую войну. Въ Варшавѣ, Ригѣ уже пали сотни жертвъ, въ Лодзи войска также стрѣляли. Движеніе въ моментъ, когда мы выпускаемъ этотъ №, еще далеко не закончилось. Насколько позволяютъ судить имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя, по настоящій моментъ оно, кромѣ Петербурга, затронуло слѣдующія мѣста (вопросительные знаки мы ставимъ въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ не имѣется достовѣрныхъ данныхъ): Москва, Тверь (?), Коломна (?) Рига, Ревель, Юрьевъ (Дерптъ), Нарва, Либава, Митава, Виндава, Ковно, Шавли, Вильна, Сморгонь, Гродно(?), Бѣлостокъ, Могилевъ губ., Гомель, Минскъ, Борисовъ, Крынки, Двинскъ, Тула (?) Брянскъ (?), Мальцевскій районъ (?), Кіевъ, Екатеринославъ, Юзовка, Тифлисъ, Баку (?), Батумъ, Саратовъ, Слоб. Покровская, Самара, Варшава, Лодзь, Сосновицы, Домброво, Ченстоховъ, Пабіаницы, Згержъ, Люблинъ, Сувалки, Калишъ, Кутно, Сѣдлецъ, Кѣльцы(?), Здунская Воля, Сельце, Красноярскъ (?), Ѳеодосія, Маріуполь (?) Поти, Казань, Радомъ, Смоленскъ, Полтава (?), Кутаисъ, Елисаветполь.

Петербургъ. Суббота 8 января (изъ письма члена мѣстной группы Ц. К.). Времени совершенно нѣтъ, чтобы писать. Завтра утромъ я со своимъ райономъ, гдѣ я состою агитаторомъ, идемъ на вооруженную демонстрацію и, быть можетъ, не вернусь. Работаю въ Невскомъ районѣ. Насъ, агитаторовъ-интеллигентовъ трое, все примыкающіе къ нашей группѣ. Весь день мы говоримъ на собраніяхъ въ 300—1000 человѣкъ, гдѣ каждый часъ мѣняется публика. У насъ стоятъ 50000 рабочихъ, приходится говорить по нѣскольку разъ на день. Впечатлѣніе огромное. Въ 3 дня мы превратили гапоновскія собранія въ политическіе митинги. Отбивали залъ и предсѣдательствуемъ на собраніяхъ. Гапоновцы всѣ — и главари и масса — стали въ нашемъ районѣ на нашу сторону. Завтра идемъ съ петиціей въ одно время изъ всѣхъ районовъ сплошной толпой. Войска наготовѣ, по улицамъ везутъ пушки. Сегодня во всѣхъ „отдѣлахъ" Русскаго Общества собранія. Всюду наша публика. Въ городѣ паника. Три ночи не спали. Завтра — конецъ. Врядъ-ли уцѣлѣю. Наши агитаторы (и я въ томъ числѣ) ведутъ толпу и будутъ говорить на улицѣ. Прощайте, если уцѣлѣю, сейчасъ напишу.

Петербургъ. (Отъ члена мѣстной группы при Ц. К.).

Среда 12-го. Какъ извѣстно, сначала во главѣ движенія на Путиловскомъ заводѣ стоялъ Гапонъ, который и велъ переговоры съ администраціей завода отъ имени рабочихъ. Послѣ неудачи этихъ переговоровъ рѣшено было забастовать, и въ депутацію, отправившуюся снова къ директору, проникли уже соціальдемократы, проведшіе въ число требованій 8-часовой рабочій день и рядъ другихъ экономическихъ требованій, а также и нѣкоторыя политическія, кромѣ учредительнаго собранія. Съ понедѣльника 3 января, за Нарвской заставой, въ клубѣ „Общества" пошли массовыя собранія, чисто зубатовскія: вѣрноподданическія чувства къ царю; экономическія требованія; царь ихъ самъ удовлетворитъ. Соціальдемократы, которые тамъ пробовали выступать, не встрѣтили сочувствія. За то очень хорошо обстояло дѣло въ Невскомъ районѣ, гдѣ работали члены нашей группы. Во вторникъ 4-го забастовали на Шлиссельбургскомъ тракту четыре завода, и пошли собранія въ клубѣ. Тамъ предсѣдательствовалъ зубатовецъ Ц., вначалѣ бывшій чистымъ зубатовцемъ, потомъ сдѣлавшійся гапоновцемъ, т. е. примкнувшій ко всѣмъ требованіямъ Гапона плюсъ учредительное собраніе и отдѣленіе церкви, но продолжавшій отрицать вредъ самодержавія.

Итакъ, во вторникъ уже забастовало за Невскимъ около 20.000. У соціальдемократовъ дѣло было поставлено тамъ прекрасно: работали — одинъ организаторъ, два помощника его, два агитатора и одинъ опытный агитаторъ-организаторъ, хорошо знающій толпу. Кромѣ того еще два рабочихъ, рѣдко выступавшихъ. Это ядро раіонной организаціи усиленно работало всю недѣлю. Агитаторъ-организаторъ выступилъ на собраніи зубатовцевъ; сначала ему не давали говорить, такъ какъ онъ говорилъ рѣзко и ему противодѣйствовалъ упомянутый зубатовецъ. Но затѣмъ онъ завладѣлъ аудиторіей, его выбрали предсѣдателемъ. Послѣ этого, уже на слѣдующій день, или въ четвергъ, зубатовецъ сразу повернулъ и всѣмъ давалъ говорить. Лейтъ-мотивомъ у него было: всѣ революціонныя партіи — ваши друзья, безъ различія, не надо только соціальдемократіи, а пусть будетъ одна партія — всеобщая (!!). Свободой слова воспользовались наши агитаторы, которые выступали и все время вели соціальдемократическую агитацію. Въ среду забастовали еще 2-3 завода. Въ четвергъ 6-го былъ праздникъ. Въ этотъ день шла усиленная агитація. Гапонъ пріѣзжалъ въ раіонъ (онъ ѣздилъ изъ одного раіона въ другой) и, благодаря своей огромной популярности, симпатичной наружности, сану и кресту, лично вліялъ на рабочихъ. До пятницы онъ уже выставилъ всю соціальдемократическую программу, кромѣ отдѣленія церкви и учредительнаго собранія. Такія же требованія были выработаны соц.-дем. на отдѣльныхъ заводахъ, а когда въ пятницу забастовали всѣ заводы (соціальдемократы ходили изъ завода въ заводъ), каждый изъ нихъ выставилъ тѣ же требованія, помимо чисто экономическихъ и мѣстныхъ заводскихъ. Съ пятницы стояло уже около 150.000 раб., и вотъ у Гапона явилась мысль, которую онъ уже высказывалъ въ среду: написать петицію, подать царю; если приметъ — хорошо, если нѣтъ — всѣмъ умереть. За три дня онъ сдѣлался революціонеромъ и подъ вліяніемъ соціальдемократіи включилъ въ петицію отдѣленіе церкви и учредительное собраніе (голосованіе прямое, тайное и т. д.). Еще въ четвергъ онъ посылаетъ сказать соціальдемократамъ, что желаетъ вступить въ переговоры и, такъ какъ Невскій раіонъ наиболѣе дѣятеленъ, то онъ туда и пріѣзжаетъ.

Замѣчу сейчасъ же, что, лишь только стало извѣстно о затѣваемой Гапономъ демонстраціи, наша группа рѣшила по возможности использовать ее и, за недостаткомъ времени для болѣе сложной подготовки, остановилась на слѣдующемъ:

1) Все время до демонстраціи вести усиленную политическую агитацію;

2) Если демонстрантовъ пропустятъ на площадь Зимняго дворца, устроить тамъ рядъ митинговъ;

3) Если въ городъ не пропустятъ, устроить митинги въ каждомъ раіонѣ;

4) Въ случаѣ избіенія организовать сопротивленіе, выкинуть красныя знамена и произносить агитаціонныя рѣчи.

По этому плану мы и дѣйствовали. Вернусь, однако, къ прерванному разсказу.

Съ утра пятницы 7-го Гапонъ разъѣзжалъ по раіонамъ, читалъ рабочимъ петицію, приглашалъ идти въ воскресенье подать петицію царю, причемъ рекомендовалъ не трогать никого, вооружаться для обороны, быть готовымъ и умереть. „Царь васъ приметъ, я увѣренъ", говорилъ онъ. Оставался одинъ день, суббота, на разъясненіе петиціи! Страшно мало. Отложить же Гапонъ не хотѣлъ; да и многіе изъ насъ считали, что необходимо торопиться. Въ пятницу ночью Гапонъ сидѣлъ съ нашей организаціей Невскаго раіона и обсуждалъ положеніе дѣлъ. Гапонъ заявилъ: „у меня сто тысячъ рабочихъ. Всѣ пойдутъ на площадь со мной во главѣ. Если пропустятъ меня и депутацію рабочихъ къ царю, мы все изложимъ и попросимъ свободы. Если онъ испугается и захочетъ обмануть, клятву съ него возьмемъ передъ всѣмъ народомъ и потребуемъ въ видѣ гарантіи 8-часоваго рабочаго дня съ той же платой, какъ за 10". Гапонъ произвелъ впечатлѣніе симпатичнаго, но малосознательнаго человѣка, не вполнѣ понимающаго, куда и на что идетъ. Если, говорилъ онъ, не допустятъ въ городъ, то прорвемъ заставы и идемъ дальше мирно. Если въ городѣ будутъ стрѣлять, разобьемъ оружейные магазины, займемъ телефонъ, телеграфъ и тюрьмы (я забылъ сказать, что первое его требованіе — амнистія) и т. д.

Дѣло было уже пущено въ ходъ. Удержать все это соц.-дем. не было смысла, да и невозможно было бы. Оставалось использовать какъ можно больше. Разговоръ съ Гапономъ продолжался долго. Рѣшили дѣйствовать дружно, мирно. Идти сперва безъ пѣсенъ, безъ знаменъ, безъ рѣчей, но послѣ перваго же нападенія всѣмъ развязывались руки — рѣчи, знамена, сопротивленіе. Итакъ, до субботы шла агитація и пропаганда соц.-дем. Говорили до хрипоты. Бесѣдовали съ толпой, спрашивали, получали отвѣты. Объясняли что такое партія, соціальдемократія, рабочій классъ, самодержавіе, война и т. д. Къ предмету агитаціи подходили постепенно. И, доказавъ, напримѣръ, безцѣльность войны, заставляли толпу самое кричать: „долой самодержавіе". Говорили постоянно. Одна партія смѣняла другую. Говорили въ клубѣ (каждые полчаса 800 чел.) и во дворѣ, гдѣ скоплялось 1000—2000—3000 человѣкъ.

Съ субботы же пошло усиленное разъясненіе пунктовъ петиціи и бѣшеная агитація за то, чтобы *всѣ* пошли. Говорили весь день, разъ двадцать. Разъяснялась петиція, ставились вопросы, затѣмъ говорилась горячая рѣчь и призывались всѣ быть на слѣдующій день въ 9 час. въ одномъ мѣстѣ. Соціальдемократы требовали солидарности, единства рабочихъ, указывали на ихъ интересы и неустанно агитировали. Одного дня было мало, но больше не было времени. Во всѣхъ раіонахъ происходило въ тотъ день то же самое.

На слѣдующій день произошло слѣдующее. Пришли всѣ (30—40.000), но безъ оружія. Растянулись на полторы версты, но *сплошной массой* двинулись лишь 5—6000. Пошли. Недалеко отъ церкви Скорбящихъ — застава изъ 120 казаковъ (лейбъ-гвардія). Выступили рабочіе и начали умолять, прося пропустить. Ничто не помогло. Офицера уговаривали, одинъ старикъ на колѣни упалъ, но не помогло. Однако, три залпа были холостые или въ воздухъ. Послѣ этого разбрелись и черезъ Неву и Охту пробрались въ городъ. Было только три раненыхъ саблями (случайные удары). За Нарвской заставой, между тѣмъ, толпу рабочихъ (10.000 чел.) съ Гапономъ во главѣ также встрѣтили солдаты (пѣхота и казаки): были рѣчи, просьбы: одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, просилъ, говорилъ, но не помогло; одинъ холостой залпъ, а затѣмъ пять залповъ боевыхъ — убито много народу. Гимназистъ и рабочій пали первыми, а Гапонъ спасся, остался живъ и невредимъ; очевидно, солдаты не посмѣли стрѣлять въ него. За Московской заставой, на Каменноостровскомъ проспектѣ (Петербургская сторона), на Выборгской, вездѣ, было то же самое; толпа молила пропустить ее къ царю, а въ нее стрѣляли и массами убивали и ранили.

Тѣмъ не менѣе, въ городѣ собрались огромныя толпы. Вся площадь Зимняго дворца, Мойка, Невскій до Конюшенной, Казанская площадь были запружены. Конки не ѣздили, казаки тысячами разъѣзжали и, благодаря этому, всѣ стояли и ходили по тротуарамъ. Всѣ углы Садовой, Литейной, Михайловской были запружены, по тротуарамъ нельзя было двигаться. Отъ времени до времени наѣзжали казачьи сотни на тротуары и разгоняли всѣхъ, но никто не уходилъ, всѣ снова собирались. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ меньше было интеллигенціи. Почти все — рабочіе. Никакихъ криковъ, все было мирно.

Убѣдившись въ своемъ безсиліи отогнать толпу, которая „ждала своего царя", начали разстрѣливать народъ. Командовалъ всѣми войсками генералъ и отдавалъ приказанія адъютантамъ. Въ два часа дня начались залпы. Сразу упали всѣ, а когда народъ всталъ, многіе лежали. Первый залпъ убилъ много дѣтей, сидѣвшихъ на деревьяхъ Александровскаго сада!! Эти залпы повторялись нѣсколько разъ. Толпа отвѣчала нѣсколькими револьверными выстрѣлами, камнями, но это мало помогало. Послѣ этого военщина точно обезумѣла. Рота солдатъ шла отъ мѣста къ мѣсту и стрѣляла. На углу Гороховой и Адмиралтейскаго проспекта рабочіе избили генерала и офицера. Немедленно туда пошла рота, взяла на плечо и дала залпъ. Затѣмъ стояла *мирно* толпа на углу Морской и Невскаго, и сейчасъ же рота дала три залпа. Дальше, по Невскому у Полицейскаго моста три залпа по толпѣ стоявшей, по Мойкѣ. Убивали женщинъ, работницъ и дамъ, стариковъ, многихъ студентовъ; убили студентку Цюрихскаго Университета Бердичевскую; стрѣляли въ догонку бѣжавшимъ, стрѣляли безъ предупрежденія, точно на ученіи. Потомъ на Казанской площади, на Апраксиномъ пер., на Сѣнной. Пересказать всѣ ужасы нѣтъ возможности. Толпа пришла въ неистовство, но ничѣмъ не могла отвѣтить. Между Морской и адмиралтействомъ была брошена бомба въ казаковъ, но никого не ранила, казаки удрали. Толпа перебила всѣ окна въ Аничковскомъ дворцѣ и у Сергѣя. Всю ночь на всѣхъ улицахъ стояли лагери. На Пескахъ, на Лиговкѣ, повсюду. На Петербургской сторонѣ начали грабить лавки. На Васильевскомъ Островѣ соціальдемократы, взявшись за руки, пошли съ флагомъ. Когда ихъ разогнали, они мигомъ разбили оружейный магазинъ и построили баррикаду, сорвавъ телеграфные столбы устроили загражденія изъ проволокъ. Казаки не посмѣли напасть, и лишь вечеромъ, когда никого не было, взяли баррикаду.

На утро городъ имѣлъ видъ военнаго лагеря. Была ужасная паника. Всѣ магазины заколачивали свои окна досками. Весь день понедѣльникъ — опять огромныя толпы народа, хотя и меньше, чѣмъ наканунѣ; ихъ снова разгоняли. Начали бить лавки, разбили массу зеркальныхъ оконъ; разгромили водочный магазинъ Шитта. Къ вечеру потухло электричество на Невскомъ, и вездѣ были толпы рабочихъ. Казаки гнали и били, но уже не стрѣляли. Во вторникъ было еще тише, повсюду толпы, кучки, всюду войска. Сегодня гораздо спокойнѣе, но всѣ магазины все еще заколочены. Что касается настроенія рабочихъ, то оно падаетъ. Убитыхъ и раненыхъ масса.

Интеллигенція (писатели, адвокаты и т. д.) устроила безъ разрѣшенія политическій митингъ въ воскресенье же вечеромъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. Говорили не очень умно; одинъ даже сказалъ: „я могу протестовать лишь отъѣздомъ заграницу!" Нѣкоторые даютъ деньги рабочимъ и обѣщаютъ еще кое-что (оружіе, мимеогр.). Наконецъ, депутація интеллигенціи отправилась 8 янв. къ Витте просить, чтобы не было кровопролитія; Витте сказалъ, что ничего не знаетъ. Рыдзевскій принялъ ихъ стоя и повернулся спиной, не говоря ни слова, а вчера почти всю депутацію посадили въ Петропавловскую крѣпость (Гессенъ, Мякотинъ, Анненскій, Пѣшехоновъ, Иванчинъ-Писаревъ и др., кромѣ того, Кедринъ и Шнитниковъ за подписаніе воззванія о сборѣ денегъ для рабочихъ). Всего взято десять человѣкъ. Гессена обвиняютъ въ сношеніяхъ съ Гапономъ... Совѣты Технологическаго, Гражданскаго, Лѣсного и Горнаго сложили полномочія (мотивированно) и объявили институты закрытыми. Редакторы газеты постановили не подчиняться Гл. Управл., но на слѣдующій день Нотовичъ, Суворинъ, Худековъ и Комаровъ отказались. Ждутъ обысковъ и арестовъ массовыхъ.

Что касается Петербургскаго Комитета, то, наконецъ по настоянію Ц. К., образовалась на время стачки коммиссія: три члена отъ нашей группы, три члена отъ Петербургскаго Ком. и два члена отъ Ц. К.; эта коммиссія будетъ вести всѣ дѣла.

Настоящая стачка и движеніе показали еще разъ необходимость работать такъ, чтобы сознательные рабочіе сами дѣятельно работали. Вчерашній и позавчерашній день дали массу агитаціоннаго матеріала; будь больше сознательныхъ и подготовленныхъ къ агитаціонной работѣ пролетаріевъ, многое можно было бы сдѣлать.

Петербургъ. (Изъ письма члена мѣстной группы при Ц. К.) Какъ подготовлялись событія, вы уже знаете. Многіе находятъ, что все сдѣлано Гапономъ. Это, невѣрно. Во время стачки авторитетъ Гапона поддерживался только тѣмъ, что онъ ежедневно, или скорѣй ежечасно, эволюціонировалъ подъ вліяніемъ агитаціи с.-д. влѣво.

Начавъ съ самыхъ незначительныхъ требованій, онъ закончилъ тѣмъ, что выставилъ чуть не всю программу минимумъ с.-д., вплоть до отдѣленія церкви отъ государства. Болѣе сознательные рабочіе обвиняютъ его въ томъ, что онъ такъ долго указывалъ имъ совсѣмъ другіе пути борьбы, что онъ всегда критически относился къ революціоннымъ партіямъ, и лишь теперь вдругъ объявилъ, что истинные друзья рабочихъ — это только революціонеры.

Такъ или иначе, но было дѣло... Описать все это невозможно — столько красоты и величія во всемъ происходившемъ, несмотря на печальный исходъ. Каждый день здѣсь имѣетъ свою индивидуальную физіономію, каждый часъ чувствуешь, что живешь...

Надо перейти къ событіямъ. Началась стачка (я говорю о прошломъ). Одинъ заводъ за другимъ началъ примыкать къ ней. Та внутренняя красота, та величественная мощь, которая заключается въ этомъ фактѣ, понятны только, когда находишься вблизи этого. Какъ ничтожны и мизерны кажутся всѣ либеральныя движенія, всѣ ихъ банкеты и резолюціи передъ лицомъ пролетарской солидарности. Подумайте только, всѣ рабочіе — старики и молодые, мужчины и женщины, развитые соціальдемократы и безграмотные, сѣряки — всѣ бросали работу по первому кличу. Это тѣ рабочіе, которыхъ еще недѣлю тому назадъ казалось такъ трудно поднять...

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала стачки Гапонъ началъ организовывать на 9 января депутацію къ царю. Весь городъ заговорилъ объ этомъ. Не смотря на вліяніе с.-д. на весь ходъ событій, помѣшать организаціи депутаціи не удалось. Въ концѣ концовъ с.-д. рѣшили не противиться этому, такъ какъ мы видѣли, что какъ бы дѣло ни кончилось, въ выигрышѣ останется соціальдемократія. Могло ли быть иначе, когда въ петиціи къ царю была выставлена почти вся программа минимумъ с.-д. съ требованіемъ *немедленнаго* ея осуществленія и когда рабочіе рѣшили въ случаѣ, если царь ихъ не приметъ, или начнетъ уговаривать, пока разойтись, (онъ-де потомъ все разсмотритъ — затѣмъ перейти къ агрессивнымъ дѣйствіямъ?...

Одно, что могли сдѣлать с.-д. — это предсказать рабочимъ возможный исходъ, что они и сдѣлали.

Настало воскресенье. Само собою у всѣхъ было внутреннее опасеніе: а вдругъ рабочіе испугаются и не пойдутъ... Но они пошли. Еще въ субботу вечеромъ всѣ агитаторы с.-д. пошли по раіонамъ и тамъ ночевали, такъ какъ нужно было пойти въ воскресенье рано утромъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ ко дворцу, гдѣ всѣ должны были сойтись. Я выше не прибавила, что хотя къ царю рѣшили послать небольшую депутацію, но ко дворцу рѣшили пойти всѣ рабочіе. Въ воскресенье утромъ со всѣхъ пригородныхъ мѣстъ двинулись рабочіе, во главѣ съ с.-д. При переходѣ въ городъ ихъ вездѣ встрѣчали войска. Они имъ преграждали путь и такъ какъ рабочіе не возвращались, то стрѣляли по нимъ. Больше всѣхъ вели себя агрессивно рабочіе Васильевскаго острова. Они разграбили складъ съ холоднымъ оружіемъ, подпиливали телеграфные столбы, строя изъ нихъ баррикады, овладѣли одной типографіей и напечатали маленькое воззваніе... Но и они были сломлены, такъ какъ были безоружны. Нельзя же назвать вооруженіемъ нѣсколько заржавленныхъ шашекъ, которыми имъ удалось овладѣть.

Рабочіе Путиловскаго завода, наиболѣе преданные Гапону и среди которыхъ с. д. пользовались наименьшимъ успѣхомъ, пошли во главѣ съ крестнымъ ходомъ. Когда они встрѣтились съ войсками и послѣдніе начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись"! Всѣ легли, за исключеніемъ хоругвеносцевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы... „Православіе разстрѣляли", говорила одна старуха.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика безпрепятственно собиралась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!" Въ это время раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы, паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ отъ него собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжаютъ солдаты, то раздаются крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье"! Революціонизирующее значеніе этого событія не имѣетъ предѣловъ. О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!" По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете"... и все въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Какъ царь съ нами, такъ и мы съ царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи... пускай теперь дожидается"... Два человѣка, незнакомыхъ, не могутъ теперь пойти рядомъ, чтобы не заговорить. А рѣчи все какія!... О царѣ всѣ говорятъ со страшной ненавистью, нисколько не стѣсняясь, что передъ ними стоятъ совершенно незнакомые люди.

Въ первый день ночью рабочіе метались, спрашивая, „что же намъ теперь дѣлать"? И, дѣйствительно, было что то ужасное видѣть такую энергичную толпу, и въ тоже время столь безсильную. *Оружіе!* Вотъ чего не доставало массѣ.

Массѣ, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступленія. Ей кажется, что все это были безцѣльно, а вслѣдствіе этого большой упадокъ духа. Дѣло с.-д. разъяснить передъ ней смыслъ событій. Во всякомъ случаѣ, стачка послѣ разстрѣловъ продолжалась, даже примкнулъ еще кое кто изъ не бастовавшихъ раньше. Теперь уже начинаютъ браться за работу. Да и нѣтъ смысла бастовать дальше, разъ не предполагаются никакія выступленія сейчасъ. Дума ассигновала 25 тысячъ рублей на стачечниковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Рабочіе сильно истощены. Послѣ демонстраціи начались сборы въ пользу стачечниковъ въ обществѣ. — Безусловно 9-е января былъ первый революціонный день въ Петербургѣ, всѣ это такъ и понимаютъ. Всѣ гапоновскія общества закрыты, а предсѣдатели ихъ арестованы. Всѣ рабочіе теперь понимаютъ и говорятъ о томъ, на сколько были правы с.-д. Бываютъ, однако, единичныя исключенія, которыя находятъ, что не вмѣшайся революціонеры, они бы больше выиграли.

Полный итогъ событію пока трудно подвести.

Петербургъ. (Изъ письма участника движенія). На Шлиссельбургскомъ тракту часть обуховцевъ прошла рѣкой черезъ Охту. Очевидцы говорили, что стройное, спокойное шествіе рабочихъ представляло величавую картину. Большая часть населенія Шлис. тракта хотѣла прорваться черезъ блокаду, но на это войско отвѣтило имъ залпами. Только небольшая часть дѣйствительно прорвалась („мы три Портъ-Артура прошли", говорили они потомъ на Невскомъ около Дворцовой площади) остальные же съ проклятіями должны были вернуться, убравъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты на всѣхъ пунктахъ расположились, какъ на бивуакахъ: разложили костеръ, варили пищу, разставляли ружья. Интересное зрѣлище представлялъ собою Василевскій Островъ, тамъ, гдѣ населенія отличается вообще крайностью своего направленія и стойкостью своихъ убѣжденій. На четвертой линіи были устроены баррикады, на которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. Ихъ тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что количество и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться въ ряды. Онъ скомандовалъ; толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи, толпа замерла; раздалось: пли! и... и ни одного выстрѣла, во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли"! и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они думали, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели, а на ея мѣсто привели другую. Отказались также стрѣлять офицера Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: поздравляемъ со славной побѣдой. Этотъ полкъ теперь находится подъ арестомъ). Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ первыхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, тогда онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ, затѣмъ, началась пальба, пока врагъ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ той стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго; толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества, болѣе прекрасной, болѣе ужасной картины нельзя себѣ представить, когда самыя лучшія, благороднѣйшія сердца бились за лучшіе человѣческіе идеалы и были пронзены шальной пулей, пущенной въ нихъ грубой силой.

Хотя до многихъ дошли вѣсти о кровавыхъ столкновеніяхъ съ войскомъ на окраинахъ города, но этому не вѣрили. Толпа группировалась маленькими группами около ораторовъ, подчасъ [illegible]визованныхъ. Тѣснимая сзади какъ нарядомъ казаковъ, [illegible] съ прибывающей публикой толпа все ближе подступала [illegible]ирующимъ дворцовую площадь кирасирамъ. Вдругъ [illegible]звукъ, вслѣдъ за нимъ — залпъ, люди начали падать, [illegible]ченные, затѣмъ другой залпъ, черезъ нѣсколько секундъ еще одинъ, и побѣда была рѣшена. Толпа заволновалась, забушевала, занегодовала, какъ море, послышались крики, стоны, плачъ, проклятія, возгласы; начали носить раненыхъ, убитыхъ; за ними бѣжала гнѣвная, рыдающая, проклинающая толпа, имъ кричали: „вѣчная слава товарищамъ", но, Боже мой! какая ужасная процессія! Эти окровавленныя лица, руки, ноги. Какой безконечный, смертельный крикъ ужаса вырывался изъ тысячей грудей, когда мимо провозили убитыхъ. Большой процентъ сравнительно съ присутствующими составляютъ убитые студенты, но абсолютно, конечно, рабочіе. Много было ранено дѣвушекъ, нѣсколько убито. Вблизи находился врачебный пунктъ (ихъ было много по всему городу назначено) тамъ же кто-то произнесъ рѣчь. Такія же картины повторились и на полицейскомъ мосту, гдѣ опять было скопленіе народу, убитыхъ на Полицейскомъ мосту товарищей взяли и съ пѣніемъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой" понесли по всему Невскому. Конные наряды врѣзывались въ печальную процессію, давила людей, но разстроить ее они не могли. Когда крикнула вся находящаяся на Невскомъ публика: „шапки долой", то даже офицера, даже городовые стали подъ козырекъ.

Вечеромъ опять стрѣляли около Казанскаго собора (на завтра, какъ разсказываютъ, мальчики-газетчики бѣжали и кричали: „свѣжая телеграмма! Наши побѣдили русскихъ! Казанскій соборъ взятъ въ 7 час. 15 мин.) за достовѣрность не ручаюсь. До поздней ночи Невскій и всѣ прилегающія къ нему улицы были запружены народомъ, который то и дѣло нарушалъ общественную тишину и спокойствіе возгласами, пѣніемъ и т. д. Въ Аничковомъ дворцѣ всѣ стекла были выбиты, хотя справедливость требуетъ сказать, что дворники и люди, находящіеся на государственной службѣ усиленно старались провоцировать движеніе и обратить его въ битье стеколъ. Къ нимъ присоединилась кучка хулигановъ, которымъ это занятіе очень понравились. Они держали весь Питеръ въ теченіе трехъ дней въ страхѣ, всѣ главные магазины и дома были заколочены наглухо до среды. Полиція вообще усиленно старалась придать движенію характеръ буйства, безчинства, посягательства на жизнь и имущества обывателей. Гостинный дворъ былъ наглухо три дня закрытъ и открытъ утромъ на пару часовъ. Ненависть къ офицерамъ была до того сильна, что ихъ толпа останавливала на извозчикахъ, кидала въ слѣдъ нелестные эпитеты, срывала эполеты. Вечеромъ въ воскресенье въ публичной библіотекѣ и въ Вольно-Экономическомъ обществѣ состоялись громадные митинги, на которыхъ лучшіе русскіе общественные дѣятели и литераторы выступали съ пламенными рѣчами. „Къ оружію, граждане! взывали они къ аудиторіи, подобно тому, какъ въ воскресенье рабочіе Васильевскаго Острова овладѣли легальной типографіей и отпечатали на ней листки съ возгласомъ: „Къ оружію, товарищи!" Въ понедѣльникъ Коммисаржевская и Яворская предоставили свои театры подъ народныя собранія, но къ вечеру всѣ четыре зданія были оцѣплены, и публика туда не пускалась. Библіотека до сихъ поръ закрыта.

Рабочіе подняли тяжело раненую дѣвушку, они бережно понесли ее и говорили ей: „Товарищъ! умрите спокойно, мы за васъ отомстимъ, за каждую каплю вашей крови мы заплатимъ сторицей".

Петербургъ. Записки участника. (Студ. соцдем. 7-го января.

Трудно теперь писать, — перо нервно дрожитъ въ рукѣ, но я заставляю себя.

Возлѣ фабрики Лаферма я замѣшался въ толпу рабочихъ. Они требовали прекращенія занятій въ канцеляріи фабрики. Кто-то посовѣтовалъ идти на электрическую станцію остановить машину. Двинулись по среднему проспекту. Свернули на 12 линію. По дорогѣ зашли въ какую-то водопроводную мастерскую, убѣдиться — не работаютъ ли? Осмотръ произвели тихо, чинно и, не найдя работающихъ, продолжали свой путь. Возлѣ электрической станціи (Смирновой ?) изъ воротъ вышли солдаты, цѣпью стали поперекъ улицы, заигралъ рожокъ. Рабочіе вполнѣ основательно замѣтили, что съ голыми руками противъ вооруженныхъ не пойдешь, и рѣшили идти на 4 линію, гдѣ въ отдѣленіи „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ" происходитъ собраніе. Отправились туда. По дорогѣ меня поразило совершенное отсутствіе „блюстителей порядка", — ихъ благоразумно убрали... На 4 линіи передъ домомъ, гдѣ происходило собраніе (сквозь запотѣвшія оконныя стекла виднѣлись туманныя силуэты и было видно — биткомъ набитъ весь этажъ) вся улица чернѣла рабочимъ людомъ и эта черная туча людскихъ головъ уходила далеко между перспективой двухъ уходящихъ вдаль рядовъ фонарей... Было въ этомъ зрѣлищѣ что-то могучее величественное, вдохновляющее... Возвышался духъ, закипала энергія... Я освѣдомился у дверей, „можно ли мнѣ, какъ студенту, войти?" Симпатичный бѣлокурый рабочій любезно предложилъ мнѣ подождать пока кончится происходящее сейчасъ собраніе и войти къ началу другого (собранія и совѣщанія шли цѣлый день одно за другимъ безостановочно). Но подъ давленіемъ снизу по лѣстницѣ я попалъ въ переднюю все же ранѣе конца собранія. Я прислушался. Говорилъ симпатичный сильный голосъ. Такія слова запечатлѣлись въ моей памяти: „Пойдемъ къ зимнему дворцу, вызовемъ государя, скажемъ ему о нашихъ нуждахъ, если же онъ насъ не выслушаетъ, не нужно тогда его намъ." Прокатился гулъ дружнаго „ура!" „Это священникъ, отецъ Георгій говоритъ" сказалъ кто-то вблизи. Собраніе прекратилось. Стали расходиться. Вышелъ и отецъ Георгій. Я подошелъ къ нему и съ чувствомъ пожалъ его благородную руку. „Пока я не услышалъ того, что вы говорили только что — сказалъ я — мнѣ не вѣрилось, что среди духовенства есть такія люди, какъ вы. Мнѣ вспоминается Филиппъ—митрополитъ. — „Я теперь уже не священникъ, я борецъ за свободу" было мнѣ отвѣтомъ. „Вамъ должно быть грозятъ всѣми муками земли и ада?" — „Меня хотятъ выслать, я уже нѣсколько ночей не ночевалъ дома." Я поспѣшилъ предложить свои услуги. „Благодарю васъ, у меня есть пріютъ." Много мозолистыхъ рукъ потянулось къ нему онъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Ему принесли шубу и помогли одѣться. Какъ я потомъ узналъ рабочіе давали ему квартиры для ночевокъ и охраняли отъ шпіоновъ и полиціи. Въ столовой лежали листы для подписей къ петиціи. Два юркихъ мальчика весело, какъ зазывающіе приказчики, предлагали проходящимъ подписываться. Зала была уже биткомъ набита вновь пришедшими. Мнѣ удалось протиснуться довольно близко къ эстрадѣ. Рабочій — предсѣдатель сказалъ приблизительно слѣдующее: „Теперь настала великая историческая минута. Теперь мы можемъ и мы должны потребовать правъ и свободы", и прочиталъ петицію. Эту петицію рѣшено лично непосредственно передать государю. Если же онъ не выйдетъ по требованію народа или откажется ее принять, то „не нужно намъ царя, который глухъ къ горю народа, мы себя погубимъ но и его мы убьемъ!" Клянитесь, что всѣ придете на дворцовую площадь въ воскресенье въ 12 часовъ. Вся многосотенная масса наполнявшая залу подымаетъ руки. Собраніе закрылось. Стали выходить. На лѣстницѣ встрѣтилось два теченія выходящихъ и входящихъ, оба шли гуськомъ и не мѣшали другъ другу. На улицѣ толпились ожидающіе своей очереди и уже побывавшіе на собраніи. Происходилъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Я и одна барышня (съ которой я еще до собранія познакомился въ толпѣ и которая все время не покидала меня) подошли къ одной группѣ рабочихъ и вмѣшались въ разговоръ. Мало по малу насъ окружала нарядная толпа. Я говорилъ о войнѣ, о стачкѣ, о необходимости правъ и всѣхъ видовъ свободы, о паспортахъ, потребовали и необходимости ихъ уничтоженія, о [illegible] студенческаго движенія съ рабочимъ. „[illegible] общая борьба за общее дѣло, за свободу!" Меня подхватили на руки и стали качать. Едва я коснулся ногами земли, мои губы, щеки, лобъ стали покрываться поцѣлуями. Это была самая высшая награда, какую только можно себѣ представить. „Это васъ [illegible]ками-то" причитывала подлѣ меня какая-то старуха работница.

Къ намъ приблизился какой-то благочестивый старецъ съ окладистой бородой. „Какіе вы ужасы говорите, молодой человѣкъ, Я русскій..." (Я тоже русскій, крикнулъ я"). Онъ снялъ шапку и перекрестился „Молиться нужно". Я тутъ же, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Передъ вами гнилой трухлявый обломокъ прошлыхъ временъ. Онъ хочетъ, какъ попы, наобѣщать вамъ пряниковъ медовыхъ, если будете молиться. А я васъ спрашиваю помогъ бы вамъ Святитель Николай, если бы вы слезно молили его: „пошли, чудотворче, 8-ми часовый рабочій день" Хохотъ и крики заглушаютъ мои слова, меня опять подымаютъ на руки. Старикъ ретировался. Рабочіе предложили, проводить меня т. к. говорили они, за мной непремѣнно пойдетъ шпикъ. Они любезно провели меня черезъ систему проходныхъ дворовъ (что было очень важно при моемъ слабомъ знаніи Питера) и, когда убѣдились, что никого за нами нѣтъ, распрощались со мной.

На другой день 8-го января утромъ, когда я вышелъ изъ дому, на углахъ висѣли объявленія градоначальника, воспрещающія всякія сборища и скопища. Часамъ къ одиннадцати на В. О. ихъ уже не было — сорвали. Въ „Собраніи рабочихъ" и около него толпился рабочій людъ. Внутри происходило засѣданіе. Я слышалъ, какъ одинъ рабочій рекомендовалъ своимъ товарищамъ не срывать объявленій градоначальника, говоря, что это было бы „неделикатно", убѣждалъ всѣхъ держаться твердо, вести себя мирно, тихо, но неуклонно идти („иттить" онъ выражался) къ намѣченной цѣли. Потомъ опять читали петиціи на имя царя, и тотъ же ораторъ комментировалъ почти каждый пунктъ. Между прочимъ мнѣ понравилось то, что въ подтвержденіе пункта объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ приводилъ евангельскія слова: „воздадите кесарево — кесареви, а божіе — богу"...

9 января. Ночевалъ я на Петербургской сторонѣ. Въ Геслеровскомъ переулкѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ" стояли массы народа. Тутъ же ѣздило нѣсколько солдатъ-улановъ. Они, видимо, мирно были настроены. Рабочіе говорили съ ними и закуривали папиросы съ одной спички. Съ Геслеровскаго я направился на четвертую линію В. О. Передъ собраніемъ стояла толпа. Собирались идти къ дворцу, но тутъ же говорили, что это совершенно невозможно, такъ какъ войска загораживаютъ путь. Одну женщину, которая хотѣла пройти, казакъ зарубилъ шашкой, а одного рабочаго ранили. Толпа стояла въ нерѣшительности. Одинъ товарищъ сказалъ рѣчь. Сущность та, что соц.-дем. и соц.-рев. тоже наши товарищи и нельзя ихъ считать какими-то врагами, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые „сѣрые". Изъ окна собранія высунулся кто то и громко крикнулъ: „отецъ Гапонъ раненъ и кажется арестованъ". „Долой царя!" Вся улица отвѣтила дружнымъ „ура"! Долой, долой! Изъ того же окна посыпались прокламаціи „СПБ. Комитета партіи соц.-рев". Ихъ быстро расхватали. Но, ознакомившись, многіе говорили: „да все уже это извѣстно". Полетѣли и соціальдемократическія, напечатанныя на папиросной бумагѣ. Нѣсколько экземпляровъ, какъ пухъ поднялись кверху — понеслись подъ крышами домовъ. Имъ кричали въ догонку: „Летите въ зимній дворецъ къ царю". Я предложилъ захватить типографію и печатать въ ней бюллетени о ходѣ освободительной борьбы. Еще одинъ ораторъ началъ рѣчь такими словами: „Въ то время, какъ мы тутъ стоимъ и разговариваемъ, тамъ на Дворцовой площади быть можетъ уже льется кровь нашихъ братьевъ... Онъ кажется приглашалъ идти на проломъ, но толпу удержали рѣчи другихъ. Возбужденная, готовая идти куда угодно, толпа стояла. Но вотъ привезли на извозчикѣ окровавленнаго мальчика и разсказали о массовыхъ разстрѣлахъ около дворца. Я взобрался на сидѣнье извозчичьихъ саней и сказалъ приблизительно такъ: „Теперь ко дворцу намъ нечего ходить; вы убѣдились, что царь хочетъ сосать только народную кровь, а выслушать народъ о нуждахъ — онъ не желаетъ. Въ безоружныхъ людей онъ велѣлъ стрѣлять. Съ голыми руками мы ничего не добьемся. Намъ нужно оружіе! За оружіе, товарищи!" „За оружіе"! подхватила толпа. Всѣ двинулись. Своротили на Малый проспектъ. По дорогѣ обезоруживали городовыхъ. Нѣсколько человѣкъ хотѣло остановить конку, но ихъ уговаривали оставить. По дорогѣ приказчики поспѣшно старались запирать лавки. „Не безпокойтесь, не безпокойтесь, говорили имъ, лавокъ трогать не будемъ". Пошли по 14 линіи, растянулись почти на цѣлый кварталъ, передніе не шли, а бѣжали. Я, помню, кричалъ отстававшимъ: „товарищи, скорѣе бѣгомъ вы губите рабочее дѣло!" Наконецъ, сворачиваемъ въ переулокъ, „вотъ мастерская!" воскликнулъ рабочій-проводникъ; „дворникъ, открывай!" Дворникъ что-то бормочетъ, дрожащими руками еле вставляетъ ключъ въ замочную скважину и открываетъ желѣзную калитку. Другой дворникъ на вопросъ: гдѣ мастерская, не можетъ произнести ни слова, онъ только указываетъ рукой на подвальный этажъ. Основательная дверь мастерской не поддается нѣсколькимъ дружнымъ натискамъ; дворникъ побѣжалъ за ключами на второй этажъ, я послѣдовалъ за нимъ; онъ ткнулся въ дверь, ему не открыли. Окна мастерской находятся на уровнѣ земли. Не осиливъ дверь, принялись за окно; выбили ногами и локтями стекла, переплетъ вышибли, кажется, оглоблей, ее примѣнили, какъ таранъ. Сабли, шашки, старинные ятаганы, клинки безъ ручекъ — хватали цѣлыми снопами и выкидывали на улицу черезъ окна. Брали ключи для отвинчиванія гаекъ, напильники и просто подходящіе, увѣсистые куски желѣза. Когда мастерская уже была очищена, съ улицы крикнули: „солдаты"! Однимъ прыжкомъ я очутился на улицѣ. Солдаты выстроились на 14 линіи при началѣ переулка (АВ), на которомъ находится мастерская, и кажется готовились стрѣлять или наступать. Потомъ я слыхалъ, что офицеръ, увидя оружіе въ рукахъ народа, растерялся и не рѣшился сразу броситься на мастерскую. Мы, экспропріаторы, успѣли улизнуть за уголъ (С). Тутъ лежалъ ворохъ оружія, и всякій, кому нужно было, вооружался. Мнѣ достался старинный ятаганъ, я храню его, какъ святыню. Насъ не преслѣдовали. Я порекомендовалъ товарищамъ спрятать оружіе подъ пальто и разсыпаться среди прохожихъ, и идти обратно на четвертую линію. Мы по дорогѣ занялись офицерами. Еще до экспропріаціи, кромѣ городовыхъ, обезоружили юнкера, и отняли штыкъ у солдата. Первый попавшій подъ руку офицеръ никакъ не могъ понять (онъ былъ блѣденъ и несвязно бормоталъ), почему у него берутъ шашку, онъ-де никогда не стрѣлялъ въ народъ. Ему отвѣтили, что насъ безоружныхъ бьютъ, и намъ нужно оружіе для самозащиты.

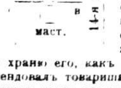

Другой ѣхалъ на извозчикѣ съ барышней. Извозчика остановили. Именемъ народа потребовали оружіе; офицеръ самъ отцѣпилъ портупею. Я пожалъ ему руку и сказалъ на ухо: „вы купите себѣ другую, а намъ негдѣ достать". Третій — казацкій полковникъ въ папахѣ величиною съ цѣлаго барана и въ казацкой буркѣ. Онъ хотѣлъ было защищаться, но ему къ груди приставили шашку; сняли кинжалъ въ серебряной оправѣ, шашку, потомъ помогли одѣть бурку. У меня въ памяти отъ этого полковника остались только рыжеватые длинные усы a la запорожскіе, которые торчали изъ подъ надвинутой на глаза папахи. Попались намъ на пути еще два офицера. Они стояли у воротъ, увидя приближающуюся толпу и сообразивъ въ чемъ дѣло, они опрометью (какъ и подобаетъ храбрымъ воинамъ!) бросились во дворъ и спрятались въ какой-то квартирѣ. Ихъ не преслѣдовали. На среднемъ проспектѣ поймали юнкера, но при немъ почему-то не нашли оружія. Съ поднятыми надъ головами шашками экспропріаторы врѣзались въ толпу на углу средняго проспекта и четвертой линіи. Насъ встрѣтило дружное „ура!" Въ это время уже началась постройка баррикады и проволочныхъ загражденій, которыми предполагалось заградить улицу передъ „Собраніемъ фабричныхъ рабочихъ" отъ внезапнаго нападенія казаковъ со сто-

Одно, что могли сдѣлать с.-д. — это предсказать рабочимъ возможный исходъ, что они и сдѣлали.

Настало воскресенье. Само собою у всѣхъ было внутреннее опасеніе: а вдругъ рабочіе испугаются и не пойдутъ... Но они пошли. Еще въ субботу вечеромъ всѣ агитаторы с.-д. пошли по раіонамъ и тамъ ночевали, такъ какъ нужно было выйти въ воскресенье рано утромъ, чтобы поспѣть къ двумъ часамъ ко дворцу, гдѣ всѣ должны были сойтись. Я выше не прибавила, что хотя къ царю рѣшили послать небольшую депутацію, но ко дворцу рѣшили пойти всѣ рабочіе. Въ воскресенье утромъ со всѣхъ пригородныхъ мѣстъ двинулись рабочіе, во главѣ съ с.-д. При переходѣ въ городъ ихъ вездѣ встрѣчали войска. Они имъ преграждали путь и такъ какъ рабочіе не возвращались, то стрѣляли по нимъ. Больше всѣхъ вели себя агрессивно рабочіе Васильевскаго острова. Они разграбили складъ съ холоднымъ оружіемъ, подпиливали телеграфные столбы, строя изъ нихъ баррикады, овладѣли одной типографіей и напечатали маленькое воззваніе... Но и они были сломлены, такъ какъ были безоружны. Нельзя же назвать вооруженіемъ нѣсколько заржавленныхъ шашекъ, которыми имъ удалось овладѣть.

Рабочіе Путиловскаго завода, наиболѣе преданные Гапону и среди которыхъ с.-д. пользовались наименьшимъ успѣхомъ, пошли во главѣ съ крестнымъ ходомъ. Когда они встрѣтились съ войсками и послѣдніе начали стрѣлять, раздалась команда среди рабочихъ: „ложись"! Всѣ легли, за исключеніемъ хоругвеносцевъ. Раздалась команда и начали стрѣлять по лежавшимъ. Хоругвеносцы держались, пока всѣ не пали отъ выстрѣловъ. Были разстрѣляны хоругви, кресты, иконы... „Православіе разстрѣляли", говорила одна старуха.

Хотя рабочихъ изъ окраинъ не пустили въ городъ, но въ самомъ Питерѣ ихъ довольно много. Съ утра они начали собираться на Невскій и ко дворцу. На Дворцовой площади былъ положительно военный лагерь. Все время публика безпрепятственно собиралась на Невскій, только близко ко дворцу не давали подходить. Вдругъ, въ 2 часа, безъ всякаго предупрежденія, раздаются выстрѣлы у Дворцовой площади и валится на землю цѣлая масса убитыхъ. Тоже самое произошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Невскомъ. Офицеры и солдаты неистовствовали. Въ одномъ мѣстѣ перебита кучка въ нѣсколько человѣкъ, прижавшихся къ стѣнѣ. Одинъ уцѣлѣлъ. Онъ выходитъ впередъ, разстегиваетъ пальто, подставляетъ грудь и говоритъ демонстративно: „Вотъ, стрѣляйте!" Въ это время раздается выстрѣлъ и онъ падаетъ мертвымъ, пораженный въ грудь. Пристрѣливали падавшихъ. Но не смотря на всѣ ужасы паники среди публики, а въ особенности среди рабочихъ, не было. Въ одномъ мѣстѣ разстрѣливали, а въ десяти шагахъ отъ него собирался народъ и говорились рѣчи. Когда проѣзжаютъ солдаты, то раздаются крики отовсюду: „Убійцы, палачи, опричники, воронье"! Революціонизирующее значеніе этого событія не имѣетъ предѣловъ. О первомъ днѣ и говорить нечего. Тогда на каждомъ перекресткѣ только и говорилось: „нѣтъ у насъ царя, что это за царь!" По Невскому, при видѣ войска, простыя женщины кричали: „Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете"... и все въ такомъ же родѣ. Проходишь по улицѣ и видишь кучку людей. Въ центрѣ стоитъ чуйка и, размахивая руками, кричитъ: „Какъ царь съ нами, такъ и мы съ царемъ! Онъ хочетъ, чтобъ мы за него умирали въ Манчжуріи... пускай теперь дожидается". Два человѣка, незнакомыхъ, не могутъ теперь пойти рядомъ, чтобы не заговорить. А рѣчи все какія!... О царѣ всѣ говорятъ со страшной ненавистью, нисколько не стѣсняясь, что передъ ними стоятъ совершенно незнакомые люди.

Въ первый день ночью рабочіе метались, спрашивая, „что же намъ теперь дѣлать"? И, дѣйствительно, было что-то ужасное видѣть такую энергичную толпу, и въ тоже время столь безсильную. *Оружіе!* Вотъ чего не доставало массѣ.

Массѣ, конечно, очень трудно учесть результаты своего выступленія. Ей кажется, что все это было безцѣльно, а вслѣдствіе этого большой упадокъ духа. Дѣло с.-д. разъяснить передъ ней смыслъ событій. Во всякомъ случаѣ, стачка послѣ разстрѣловъ продолжалась, даже примкнулъ еще кое-кто изъ не бастовавшихъ раньше. Теперь уже начинаютъ браться за работу. Да и нѣтъ смысла бастовать дальше, разъ не предполагаются никакія выступленія сейчасъ. Дума ассигновала 25 тысячъ рублей на стачечниковъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Рабочіе сильно истощены. Послѣ демонстраціи начались сборы въ пользу стачечниковъ въ обществѣ. — Безусловно 9-е января былъ первый революціонный день въ Петербургѣ, всѣ это такъ и понимаютъ. Всѣ гапоновскія общества закрыты, а предсѣдатели ихъ арестованы. Всѣ рабочіе теперь понимаютъ и говорятъ о томъ, на сколько были правы с.-д. Бываютъ, однако, единичныя исключенія, которыя находятъ, что не вмѣшайся революціонеры, они бы больше выиграли.

Полный итогъ событію пока трудно подвести.

Петербургъ. (Изъ письма участника движенія). На Шлиссельбургскомъ тракту часть обуховцевъ прошла рѣкой черезъ Охту. Очевидцы говорили, что стройное, спокойное шествіе рабочихъ представляло величавую картину. Большая часть населенія Шлис. тракта хотѣла прорваться черезъ блокаду, но на это войско отвѣтило имъ залпами. Только небольшая часть дѣйствительно прорвалась („мы три Портъ-Артура прошли", говорили они потомъ на Невскомъ около Дворцовой площади), остальные же съ проклятіями должны были вернуться, убравъ раненыхъ и убитыхъ. Солдаты на всѣхъ пунктахъ расположились, какъ на бивуакахъ: разложили костеръ, варили пищу, разставляли ружья. Интересное зрѣлище представлялъ собою Василевскій Островъ, тамъ, гдѣ населеніе отличается вообще крайностью своего направленія и стойкостью своихъ убѣжденій. На четвертой линіи были устроены баррикады, на которыхъ огромная, горячая, страстная толпа готова была умереть. Ихъ тоже не пускали въ городъ, такъ они у себя на островѣ говорили о своихъ требованіяхъ и пожеланіяхъ. Видя, что количество и настроеніе толпы все растетъ, офицеръ велѣлъ солдатамъ выстроиться въ ряды. Онъ скомандовалъ, толпа тѣснѣе сомкнулась и выступила впередъ. Ружья засверкали въ одномъ стройномъ движеніи, толпа замерла... раздалось пли! и... и ни одного выстрѣла, во второй и третій разъ командовалъ офицеръ „пли" и опять не раздалось ни одного выстрѣла. Тогда казаки стали напирать на толпу, но безъ употребленія нагаекъ, ибо они думали, что солдаты будутъ стрѣлять имъ въ спину. Роту эту увели, а на ея мѣсто привели другую. Отказались также стрѣлять офицеры Семеновскаго гвардейскаго полка, тѣ самые, которые послѣ казанской бойни 1901 года послали казачьимъ офицерамъ телеграмму: поздравляемъ со славной побѣдой. Этотъ полкъ теперь находится подъ арестомъ. Одинъ студентъ, недавно выпущенный на волю, стоя въ первыхъ рядахъ, высоко поднялъ знамя, въ него раздались выстрѣлы, но мимо, тогда онъ былъ поднятъ на штыки и тутъ же умеръ, затѣмъ началась пальба, но... врагъ не отступилъ. Очевидцы говорятъ, что никогда не забудутъ той стойкости, съ которой второй рядъ выступалъ на мѣсто павшаго перваго, толпа была доведена до высшей точки гражданскаго мужества, болѣе прекрасной, болѣе ужасной картины нельзя себѣ представить, когда самыя лучшія, благороднѣйшія сердца бились за лучшіе человѣческіе идеалы и были пронзены шальной пулей, пущенной въ нихъ грубой силой.

Хотя до многихъ дошли вѣсти о кровавыхъ столкновеніяхъ съ войскомъ на окраинахъ города, но этому не вѣрили. Толпа группировалась маленькими группами около ораторовъ, по[illegible] импровизованныхъ. Тѣснимая сзади какъ нарядомъ казаковъ, такъ [illegible] съ прибывающей публикой, толпа все ближе подступала [illegible]кирующимъ дворцовую площадь кирасирамъ. Вдругъ [illegible] звукъ, вслѣдъ за нимъ — залпъ, люди начали падать, [illegible]ненные, затѣмъ другой залпъ, черезъ нѣсколько секундъ еще одинъ, и побѣда была рѣшена. Толпа заволновалась, забушевала, занегодовала, какъ море, послышались крики, стоны, плачъ, проклятія, возгласы; начали носить раненыхъ, убитыхъ; за ними бѣжала гнѣвная, рыдающая, проклинающая толпа, имъ кричали: „вѣчная слава товарищамъ", но, Боже мой! какая ужасная процессія! Эти окровавленныя лица, руки, ноги. Какой безконечный, смертельный крикъ ужаса вырывался изъ тысячей грудей, когда мимо провозили убитыхъ. Большой процентъ сравнительно съ присутствующими составляютъ убитые студенты, но абсолютно, конечно, рабочіе. Много было ранено дѣвушекъ, нѣсколько убито. Вблизи находился врачебный пунктъ (ихъ было много по всему городу назначено) тамъ же кто-то произнесъ рѣчь. Такія же картины повторились и на полицейскомъ мосту, гдѣ опять было скопленіе народу, убитыхъ на Полицейскомъ мосту товарищей взяли и съ пѣніемъ: „Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой" понесли по всему Невскому. Конные наряды врѣзывались въ печальную процессію, давили людей, но разстроить ее они не могли. Когда крикнула вся находящаяся на Невскомъ публика: „шапки долой", то даже офицера, даже городовые стали подъ козырекъ.

Вечеромъ опять стрѣляли около Казанскаго собора на завтра, какъ разсказываютъ, мальчики-газетчики бѣжали и кричали: „свѣжая телеграмма! Наши побѣдили русскихъ! Казанскій соборъ взятъ въ 7 час. 15 мин.) за достовѣрность не ручаюсь. До поздней ночи Невскій и всѣ прилегающія къ нему улицы были запружены народомъ, который то и дѣло нарушалъ общественную тишину и спокойствіе возгласами, пѣніемъ и т. д. Въ Аничковомъ дворцѣ всѣ стекла были выбиты, хотя справедливость требуетъ сказать, что дворники и люди, находящіеся на государственной службѣ усиленно старались провоцировать движеніе и обратить его въ битье стеколъ. Къ нимъ присоединилась кучка хулигановъ, которымъ это занятіе очень понравилось. Они держали весь Питеръ въ теченіе трехъ дней въ страхѣ, всѣ главные магазины и дома были заколочены наглухо до среды. Полиція вообще усиленно старалась придать движенію характеръ буйства, безчинства, посягательства на жизнь и имущества обывателей. Гостинный дворъ былъ наглухо три дня закрытъ и открытъ утромъ на пару часовъ. Ненависть къ офицерамъ была до того сильна, что ихъ толпа останавливала на извозчикахъ, кидала въ слѣдъ нелестные эпитеты, срывала эполеты. Вечеромъ въ воскресенье въ публичной библіотекѣ и въ Вольно-Экономическомъ обществѣ состоялись громадные митинги, на которыхъ лучшіе русскіе общественные дѣятели и литераторы выступали съ пламенными рѣчами. „Къ оружію, граждане! взывали они къ аудиторіи, подобно тому, какъ въ воскресенье рабочіе Васильевскаго Острова овладѣли легальной типографіей и отпечатали на ней листки съ возгласомъ: „Къ оружію, товарищи!" Въ понедѣльникъ Коммисаржевская и Яворская предоставили свои театры подъ народныя собранія, но къ вечеру всѣ четыре зданія были оцѣплены, и публика туда не пускалась. Библіотека до сихъ поръ закрыта.

Рабочіе подняли тяжело раненную дѣвушку, они бережно понесли ее и говорили ей: „Товарищъ! умрите спокойно, мы за васъ отомстимъ, за каждую каплю вашей крови мы заплатимъ сторицей".

Петербургъ. Записки участника. (Студ. соціалдем. [illegible]-го января.

Трудно теперь писать, [illegible] перо нервно дрожитъ въ рукѣ, но я заставляю себя.

Возлѣ фабрики Лаферма я замѣшался въ толпу рабочихъ. Они требовали прекращенія занятій въ канцеляріи фабрики. Кто-то посовѣтовалъ идти на электрическую станцію остановить машину. Двинулись по среднему проспекту. Свернули на 12 линію. По дорогѣ зашли въ какую-то водопроводную мастерскую, убѣдиться — не работаютъ ли? Осмотръ произвели тихо, чинно и, не найдя работающихъ, продолжали свой путь. Возлѣ электрической станціи (Смирновой ?) изъ воротъ вышли солдаты, цѣпью стали поперекъ улицы, заигралъ рожокъ. Рабочіе вполнѣ основательно замѣтили, что съ голыми руками противъ вооруженныхъ не пойдешь, и рѣшили идти на 4 линію, гдѣ въ отдѣленіи „Общества фабрично-заводскихъ рабочихъ" происходитъ собраніе. Отправились туда. По дорогѣ меня поразило совершенное отсутствіе „блюстителей порядка", — ихъ благоразумно убрали. На 4 линіи передъ домомъ, гдѣ происходило собраніе (сквозь запотѣвшія оконныя стекла виднѣлись туманныя силуэты и было видно, [illegible] биткомъ набитъ весь этажъ) вся улица чернѣла рабочимъ людомъ и эта черная туча людскихъ головъ уходила далеко между перспективой двухъ уходящихъ вдаль рядовъ фонарей... Было въ этомъ зрѣлищѣ что-то могучее величественное, вдохновляющее... Возвышался духъ, закипала энергія... Я освѣдомился у дверей, „можно ли мнѣ, какъ студенту, войти?" Симпатичный бѣлокурый рабочій любезно предложилъ мнѣ подождать пока кончится происходящее сейчасъ собраніе и войти къ началу другого (собранія и совѣщанія шли цѣлый день одно за другимъ безостановочно). Но подъ давленіемъ снизу по лѣстницѣ я попалъ въ переднюю все же ранѣе конца собранія. Я прислушался. Говорилъ симпатичный сильный голосъ. Такія слова запечатлѣлись въ моей памяти: „Пойдемъ къ зимнему дворцу, вызовемъ государя, скажемъ ему о нашихъ нуждахъ, если же онъ насъ не выслушаетъ, не нужно тогда его намъ." Прокатился гулъ дружнаго „ура!" „Это священникъ, отецъ Георгій говоритъ" сказалъ кто-то вблизи. Собраніе прекратилось. Стали расходиться. Вышелъ и отецъ Георгій. Я подошелъ къ нему и съ чувствомъ пожалъ его благородную руку. „Пока я не услышалъ того, что вы говорили только что — сказалъ я — мнѣ не вѣрилось, что среди духовенства есть такія люди, какъ вы. Мнѣ вспоминается Филиппъ—митрополитъ." „Я теперь уже не священникъ, я борецъ за свободу" было мнѣ отвѣтомъ. „Вамъ должно быть грозятъ всѣми муками земли и ада?" — „Меня хотятъ выслать, я уже нѣсколько ночей не ночевалъ дома." Я поспѣшилъ предложить свои услуги. „Благодарю васъ, у меня есть пріютъ." Много мозолистыхъ рукъ потянулось къ нему, онъ отвѣтилъ рукопожатіемъ. Ему принесли шубу и помогли одѣться. Какъ я потомъ узналъ, рабочіе давали ему квартиры для ночевокъ и охраняли отъ шпіоновъ и полиціи. Въ столовой лежали листы для подписей къ петиціи. Два юркихъ мальчика весело, какъ зазывающіе прикащики, предлагали проходящимъ подписываться. Зала была уже биткомъ набита вновь пришедшими. Мнѣ удалось протиснуться довольно близко къ эстрадѣ. Рабочій [illegible] предсѣдатель сказалъ приблизительно слѣдующее: „Теперь настала великая историческая минута. Теперь мы можемъ и мы должны потребовать правъ и свободы" и прочиталъ петицію. Эту петицію рѣшено лично непосредственно передать государю. Если же онъ не выйдетъ по требованію народа или откажется ее принять, то „не нужно намъ царя, который глухъ къ горю народа, мы себя погубимъ, но и его мы убьемъ!" Клянитесь, что всѣ придете на дворцовую площадь въ воскресенье въ 12 часовъ. Вся многосотенная масса наполнявшая залу подымаетъ руки. Собраніе закрылось. Стали выходить. На лѣстницѣ встрѣтилось два теченія выходящихъ и входящихъ, оба шли гуськомъ и не мѣшали другъ другу. На улицѣ [illegible] ожидающіе своей очереди и уже побывавшіе на собраніи. Происходитъ оживленный обмѣнъ впечатлѣній. Я и одна барышня (съ которой я еще до собранія познакомился въ толпѣ и которая все время не покидала меня) подошли къ одной группѣ рабочихъ и вмѣшались въ разговоръ. Мало по малу насъ окружила народная толпа. Я говорилъ о войнѣ, о стачкѣ, о необходимости правъ и всѣхъ видовъ свободы, [illegible] и необходимости ихъ уничто[illegible] движенія съ рабочимъ [illegible] дѣло, за свободу [illegible] Едва я кончилъ, [illegible] покрываться [illegible] была моя высшая награда, [illegible] только можно себѣ представить. [illegible] ками-то" [illegible] подлѣ меня какая-то [illegible] да.

Къ намъ приближался какой-то благочестивый старецъ съ окладистой бородой. „Какіе вы ужасы говорите, молодой человѣкъ, Я русскій..." (Я тоже русскій, крикнулъ я"). Онъ снялъ шапку и перекрестился „Молиться нужно". Я тутъ же, обратившись къ толпѣ, сказалъ: „Передъ вами гнилой трухлявый обломокъ прошлыхъ временъ. Онъ хочетъ, какъ попы, наобѣщать вамъ пряниковъ медовыхъ, если будете молиться. А я васъ спрашиваю помогъ бы вамъ Святитель Николай, если бы вы слезно молили его: „пошли, чудотворче, 8-ми часовый рабочій день" Хохотъ и крики заглушаютъ мои слова, меня опять подымаютъ на руки. Старикъ ретировался. Рабочіе предложили, проводить меня т. к. говорили они, за мной непремѣнно пойдетъ шпикъ. Они любезно провели меня черезъ систему проходныхъ дворовъ (что было очень важно при моемъ слабомъ знаніи Питера) и, когда убѣдились, что никого за нами нѣтъ, распрощались со мной.

На другой день 8-го января утромъ, когда я вышелъ изъ дому, на углахъ висѣли объявленія градоначальника, воспрещающія всякія сборища и скопища. Часамъ къ одиннадцати на В. О. ихъ уже не было — сорвали. Въ „Собраніи рабочихъ" и около него толпился рабочій людъ. Внутри происходило засѣданіе. Я слышалъ, какъ одинъ рабочій рекомендовалъ своимъ товарищамъ не срывать объявленій градоначальника, говоря, что это было бы „неделикатно", убѣждалъ всѣхъ держаться твердо, вести себя мирно, тихо, но неуклонно идти („иттить" онъ выражался) къ намѣченной цѣли. Потомъ опять читали петиціи на имя царя, и тотъ же ораторъ комментировалъ почти каждый пунктъ. Между прочимъ мнѣ понравилось то, что въ подтвержденіе пункта объ отдѣленіи церкви отъ государства онъ приводилъ евангельскія слова: „воздадите кесарево — кесареви, а божіе — богу"...

9 января. Ночевалъ я на Петербургской сторонѣ. Въ Геслеровскомъ переулкѣ, гдѣ находится отдѣленіе „Собранія фабрично-заводскихъ рабочихъ" стояли массы народа. Тутъ же ѣздило нѣсколько солдатъ-улановъ. Они, видимо, мирно были настроены. Рабочіе говорили съ ними и закуривали папиросы съ одной спички. Съ Геслеровскаго я направился на четвертую линію В. О. Передъ собраніемъ стояла толпа. Собирались идти къ дворцу, но тутъ же говорили, что это совершенно невозможно, такъ какъ войска загораживаютъ путь. Одну женщину, которая хотѣла пройти, казакъ зарубилъ шашкой, а одного рабочаго ранили. Толпа стояла въ нерѣшительности. Одинъ товарищъ сказалъ рѣчь. Сущность та, что соц.-дем. и соц.-рев. тоже наши товарищи и нельзя ихъ считать какими-то врагами, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые „сѣрые". Изъ окна собранія высунулся кто-то и громко крикнулъ: „отецъ Гапонъ раненъ и кажется арестованъ" „Долой царя!" Вся улица отвѣтила дружнымъ „ура!" Долой, долой! Изъ того же окна посыпались прокламаціи „СПБ. Комитета партіи соц.-рев". Ихъ быстро расхватали. Но, ознакомившись, многіе говорили: „да все уже это извѣстно". Полетѣли и социальдемократическія, напечатанныя на папиросной бумагѣ. Нѣсколько экземпляровъ, какъ пухъ поднялись кверху — понеслись подъ крышами домовъ. Имъ кричали въ догонку: „Летите въ зимній дворецъ къ царю". Я предложилъ захватить типографію и печатать въ ней бюллетени о ходѣ освободительной борьбы. Еще одинъ ораторъ началъ рѣчь такими словами: „Въ то время, какъ мы тутъ стоимъ и разговариваемъ, тамъ на Дворцовой площади быть можетъ уже льется кровь нашихъ братьевъ...". Онъ кажется приглашалъ идти на проломъ, но толпу удержали рѣчи другихъ. Возбужденная, готовая идти куда угодно, толпа стояла. Но вотъ привезли на извозчикѣ окровавленнаго мальчика и разсказали о массовыхъ разстрѣлахъ около дворца. Я взобрался на сидѣнье извозчичьихъ саней и сказалъ приблизительно такъ: „Теперь ко дворцу намъ нечего ходить; вы убѣдились, что царь хочетъ сосать только народную кровь, а выслушать народъ о нуждахъ — онъ не желаетъ. Въ безоружныхъ людей онъ велѣлъ стрѣлять. Съ голыми руками мы ничего не добьемся. Намъ нужно оружіе! За оружіе, товарищи!" „За оружіе"! подхватила толпа. Всѣ двинулись. Своротили на Малый проспектъ. По дорогѣ обезоруживали городовыхъ. Нѣсколько человѣкъ хотѣло остановить конку, но ихъ уговаривали оставить. По дорогѣ прикащики поспѣшно старались запирать лавки. „Не безпокойтесь, не безпокойтесь, говорили имъ, лавокъ трогать не будемъ". Пошли по 14 линіи, растянулись почти на цѣлый кварталъ, передніе не шли, а бѣжали. Я, помню, кричалъ отстававшимъ: „товарищи, скорѣе бѣгомъ, вы губите рабочее дѣло!" Наконецъ, сворачиваемъ въ переулокъ, „вотъ мастерская!" воскликнулъ рабочій-проводникъ; „дворникъ, открывай!" Дворникъ что-то бормочетъ, дрожащими руками еле вставляетъ ключъ въ замочную скважину и открываетъ желѣзную калитку. Другой дворникъ на вопросъ: гдѣ мастерская, не можетъ произнесть ни слова, онъ только указываетъ рукой на подвальный этажъ. Основательная дверь мастерской не поддается нѣсколькимъ дружнымъ натискамъ; дворникъ побѣжалъ за ключами на второй этажъ, я послѣдовалъ за нимъ; онъ ткнулся въ дверь, ему не открыли. Окна мастерской находятся на уровнѣ земли. Не осиливъ дверь, принялись за окно, выбили ногами и локтями стекла, переплетъ вышибли, кажется, оглоблей, ее примѣняли, какъ таранъ. Сабли, шашки, старинные ятаганы, клинки безъ ручекъ — хватали цѣлыми снопами и выкидывали на улицу черезъ окна. Брали ключи для отвинчиванія гаекъ, напильники и просто подходящіе, увѣсистые куски желѣза. Когда мастерская уже была очищена, съ улицы крикнули: „солдаты"! Однимъ прыжкомъ я очутился на улицѣ. Солдаты выстроились на 14 линіи при началѣ переулка АВ), на которомъ находится мастерская, и кажется готовились стрѣлять или наступать. Потомъ я слыхалъ, что офицеръ, увидя оружіе въ рукахъ народа, растерялся и не рѣшился сразу броситься на мастерскую. Мы, экспропріаторы, успѣли улизнуть за уголъ С). Тутъ лежалъ ворохъ оружія, и всякій, кому нужно было, вооружался. Мнѣ достался старинный ятаганъ, я храню его, какъ святыню. Насъ не преслѣдовали. Я порекомендовалъ товарищамъ припрятать оружіе подъ пальто и разсыпаться среди прохожихъ, и идти обратно на четвертую линію. Мы по дорогѣ занялись офицерами. Еще до экспропріаціи, кромѣ городовыхъ, обезоружили юнкера, и отняли штыкъ у солдата. Первый попавшій подъ руку офицеръ никакъ не могъ понять (онъ былъ блѣденъ и несвязно бормоталъ), почему у него берутъ шашку, онъ-де никогда не стрѣлялъ въ народъ. Ему отвѣтили, что насъ безоружныхъ бьютъ, и намъ нужно оружіе для самозащиты.

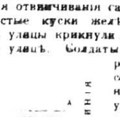

Другой ѣхалъ на извозчикѣ съ барышней. Извозчика остановили. Именемъ народа потребовали оружіе, офицеръ самъ отцѣпилъ портупею. Я пожалъ ему руку и сказалъ на ухо: „вы купите себѣ другую, а намъ негдѣ достать". Третій — казацкій полковникъ въ папахѣ величиною съ цѣлаго барана и въ казацкой буркѣ. Онъ хотѣлъ было защищаться, но ему къ груди приставили шашку; сняли кинжалъ въ серебряной оправѣ, шашку, потомъ помогли одѣть бурку. У меня въ памяти отъ этого полковника остались только рыжеватые длинные усы à la запорожскіе, которые торчали изъ подъ надвинутой на глаза папахи. Попались намъ на пути еще два офицера. Они стояли у воротъ, увидя приближающуюся толпу и сообразивъ, въ чемъ дѣло, они опрометью, какъ и подобаетъ храбрымъ воинамъ(!) бросились во дворъ и спрятались въ какой-то квартирѣ. Ихъ не преслѣдовали. На среднемъ проспектѣ поймали юнкера, но при немъ почему-то не нашли оружія. Съ поднятыми [illegible] шашками экспропріаторы врѣзались въ толпу на углу средняго проспекта и четвертой линіи. Насъ встрѣтило дружное „ура!" Въ это время уже началась постройка баррикады и проволочныхъ загражденій, которыми предполагалось заградить улицу передъ „Собраніемъ фабричныхъ рабочихъ" отъ внезапнаго нападенія казаковъ со стороны Средняго и Малаго проспектовъ. Чтобы открыть путь къ отступленію всѣ ворота распахнулись настежъ. Нѣкоторыя пришлось выломать, нѣкоторыя были открыты дворниками по добру по здорову.

Баррикады строились съ рѣдкимъ воодушевленіемъ. Хотя первоначальнаго плана не было, а пришедшая каждому въ голову мысль сейчасъ же обсуждалась и приводилась въ исполненіе, постройка шла удивительно хорошо. Большая часть строительнаго матеріала для баррикадъ была взята со двора строющагося дома противъ „рабочаго собранія": шкафы, лѣстницы, дрова, доски, кирпичи — все это быстро выносилось на улицу и баррикады росли все выше и выше. Кто-то предложилъ перерѣзать телефонныя проволоки, такъ какъ телефонъ служитъ незамѣнимымъ вспомогательнымъ средствомъ въ рукахъ правительства. Притащили лѣстницу, полѣзли на столбъ, и въ короткое время, подъ несмолкаемые возгласы снизу: „скорѣе, скорѣй!" -- всѣ проволоки были перерѣзаны, за свѣшившіеся концы ухватились и стали раскачивать столбы, но они долго не поддавались. Достали пилу и, перебивая одинъ у другого, принялись пилить. Столбъ рухнулъ — его уложили на баррикаду. Опрокидываніе телефонныхъ столбовъ очень нравилось и вдохновляло публику. Паденіе каждаго изъ нихъ привѣтствовалось громкимъ „ура"! Столбы повалили не только на 4 линіи, но и на Маломъ и 6 линіи. Посовѣтовали было перерѣзать провода электрическаго освѣщенія, но, находящіеся тутъ же, электротехники убѣдили публику, что 200-вольтовый токъ можетъ надѣлать много бѣдъ въ нашихъ рядахъ. Я принималъ горячее участіе во всей этой лихорадочной работѣ. Ко мнѣ подошелъ товарищъ рабочій. Крикнули наборщиковъ, они сейчасъ же появились изъ толпы. Я съ ними пошелъ въ типографію. Мы позвонили, подождали — не отпираютъ; встряхнули дверь. „Что вамъ угодно"? спросилъ кто то черезъ форточку. Я отвѣтилъ; „намъ нужно напечатать воззваніе. Именемъ народа я требую открыть типографію". (Тутъ я по кой-какимъ соображеніямъ опускаю подробности). Мы вошли въ просторное помѣщеніе, уставленное кассами и печатными машинами. Пахло типографской краской. Я положилъ мой ятаганъ на кассу, взялъ на окнѣ листъ бумаги и быстро сталъ писать. „Нѣсколько фразъ"! — кричали мнѣ. Карандашъ заскакалъ по бумагѣ, оставляя за собой слѣдъ въ видѣ ужасныхъ каракуль. „Не спѣшите! успѣете"! Написанное я сейчасъ же прочелъ всѣмъ бывшимъ въ типографіи. Вотъ копія этого воззванія: „Товарищи! на 4 и 5 линіяхъ Васильевскаго острова уже устроены баррикады. Мы готовы положить жизнь за свободу, бороться до конца — до побѣды! Намъ нужно только огнестрѣльное оружіе. Съ вооруженной силой царя — мы можемъ бороться только съ оружіемъ въ рукахъ. За оружіе, товарищи-граждане! Мы ждемъ, что всѣ товарищи-рабочіе присоединятся къ намъ. Мы уже захватили нѣсколько шашекъ у офицеровъ и разобрали одну мастерскую оружія"! Чтобъ дѣло шло быстрѣе, рѣшили сдѣлать два набора. Одинъ изъ присутствующихъ, который видимо былъ не причастенъ къ типографскому искусству, взялся переписать, написанное мною. Работа закипѣла въ рукахъ наборщиковъ. Вскорѣ былъ готовъ одинъ наборъ. Пришлось печатать на тискальномъ станкѣ, такъ какъ валики американки и большихъ машинъ замерзли. Печаталъ сначала одинъ наборщикъ, потомъ я, взявъ валикъ, сталъ накатывать краску. Вслѣдствіе раздѣленія труда дѣло пошло быстрѣе. Насъ безпрестанно торопили прибѣгавшіе съ улицы: „что готово? уже отпечатали"? Вдругъ вбѣжалъ кто-то, крикнулъ: „казаки!" Товарищъ видимо боясь за насъ, работавшихъ въ типографіи, произвелъ ложную тревогу. Казаки потомъ дѣйствительно явились, но тогда были еще далеко и горячиться не слѣдовало. Эта ложная тревога надѣлала большихъ бѣдъ: уходя, мы разсыпали наборъ, но напечатанные нѣсколько десятковъ экземпляровъ припрятали въ типографіи. Убѣдясь на улицѣ, что опасность еще не такъ близка, я съ однимъ товарищемъ вернулись обратно, взяли отпечатанные экземпляры и на улицѣ раздали народу. Когда мы оставляли типографію, раздался первый залпъ. Мы затерялись среди публики. Я свернулъ на Малый проспектъ и увидѣлъ цѣлую перспективу баррикадъ. Одна была особенно оригинальна. Она представляла изъ себя рядъ саней съ бочками, поставленныхъ одни за другими, цугомъ. Телефонные столбы и здѣсь были повалены. Черезъ улицу перетянуты проволочныя загражденія. Публика уничтожала газовые фонари...

Дальше сообщаю факты, свидѣтелями которыхъ я не былъ. На баррикадахъ 4 линіи умирали мужественно безоружны бойцы за свободу. Послѣ перваго (холостого) залпа одинъ рабочій взобрался на баррикаду и съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ сказалъ солдатамъ: „если не совѣстно — стрѣляйте"! Раздался залпъ и, сраженный нѣсколькими пулями онъ палъ, этотъ истинный народный герой. Онъ показалъ, какъ нужно и, какъ умѣютъ русскіе люди умирать за свободу. Къ несчастью до сихъ поръ я не слыхалъ его фамиліи. Товарищи должны непремѣнно узнать имя этого святого человѣка, онъ не долженъ остаться анонимнымъ героемъ. Его имя золотыми буквыми впишется въ великую книгу исторіи и изъ поколѣнія въ поколѣніе будетъ передаваться въ народѣ, будя въ сердцахъ самыя святыя, благородныя чувства... — О залпахъ съ полицейскаго моста вотъ что разсказывалъ очевидецъ, который смотрѣлъ на эту бойню изъ окна Благороднаго Собранія. Солдаты, человѣкъ 24, выстроились треугольникомъ (какъ летаютъ журавли), чтобъ удобнѣе было обстрѣливать тротуары. Взводъ, обращенный фронтомъ къ Строгановскому дому, уложилъ человѣкъ 12—16, только двѣ пули отбили штукатурку выше роста человѣческаго, всѣ остальныя, пронизавъ, повидимому, по нѣсколько человѣкъ попали въ фундаментъ на разстояніи $1^1/_2$—2 аршина отъ земли. На другой день мѣста, выбитыя пулями, уже были замазаны известкой, — публика отковыривала ее пальцами. Залпъ другого взвода былъ менѣе губителенъ: пули пробили двѣ витрины въ магазинѣ, упалъ одинъ человѣкъ, но и онъ поднялся и ушелъ. Стрѣляли на разстояніи 25—28 шаговъ. Послѣ залповъ толпа ожесточилась. По Морской въ это время проѣзжалъ генералъ. Ему дали по шеѣ, сорвали погоны и они, эти атрибуты генеральскаго величія, нѣкоторое время подкидывались вверхъ, а самъ генералъ, обнявъ извозчика и прижавшись къ его спинѣ, еле удралъ подъ арку на Дворцовую площадь. Фамилія генерала Рудановскій. Когда въ собраніи одного офицера спросили, какъ поступятъ съ тѣми офицерами, которые были обезоружены на улицѣ? — Онъ отвѣтилъ шутя: „вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ — простятъ".

Во дворѣ главнаго штаба, какъ дрова, по словамъ очевидца, были сложены трупы убитыхъ возлѣ Александровскаго сада. Въ ночь съ 9 на 10 изъ этого двора вывезли 9 фургоновъ труповъ. Эти трупы видимо нигдѣ не были зарегистрованы.

Петербургъ. (Изъ частнаго письма). На заставахъ велись разговоры съ солдатами, которыхъ усовѣщевали: это было въ нашей заводской части на Торговой, Офицерской, Екатерингофскомъ проспектѣ и такъ далѣе). На Невскомъ же проспектѣ и прилегающихъ къ нему улицахъ молодежь изъ ремесленниковъ начала „играть" съ конными разъѣздами, ругать ихъ, смѣяться надъ ними, сравнивать храбрость воинства здѣсь и трусость передъ японцами. Закричатъ въ одномъ мѣстѣ ура, конница (все время съ шашками на голо) бросится къ нимъ, въ это время сзади начинаютъ бить фонари и стекла въ окнахъ. Во дворцѣ Сергѣя Александровича почти всѣ стекла въ первомъ этажѣ были выбиты. Заставы на улицахъ заночевали и Дворцовая площадь походила на военный лагерь. На другой день, 10-го, среди рабочихъ (нашего завода) господствовало настроеніе держаться и продолжать бастовать, но настроенія для активныхъ дѣйствій не было, руководители не знали, что дѣлать. Совѣщаться рабочимъ можно было только на улицѣ кучками, съ оглядкой. Помѣщенія ихняго союза были закрыты. Бороться за право собираться (они не подумали, а это навѣрно увѣнчалось бы успѣхомъ. Мирные обыватели забезпокоились за свое имущество и приготовлялись защищать его и себя; такъ какъ ходили нелѣпые слухи, что ночью ихъ будутъ бить и грабить. Среднее сословіе распространяло слухи, что студенты помѣшали рабочимъ и что стрѣляли потому, что въ толпѣ были студенты! Правительство подхватило эту ложь и сегодня вывѣшено объявленіе Трепова и Коковцева. На мой взглядъ, стачка уже проиграна. Конечно, это не значитъ, что она останется безъ результатовъ.

Петербургъ. Въ числѣ жертвъ 9 января находится тов. **Вѣра Георгіевна Щедровичъ**, тяжело раненая пулей. Бывшая слушательница курсовъ Лесгафта. Щедровичъ въ 1903 году привлекалась по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ Обуховскаго завода.

Петербургъ. Намъ сообщаютъ отъ 17 января. На Троицкое кладбище отправлено 30 вагоновъ труповъ, всего 1080 чел., убитыхъ и умершихъ отъ ранъ. Гораздо болѣе этого числа, конечно, лежитъ на излѣченіи и не зарегистрованныхъ по домамъ.

Некрологъ.

9-го января на петербургскихъ баррикадахъ погибъ отъ пули царскихъ палачей нашъ товарищъ, *Марья Львовна Бердичевская*, сестра народовольца, застрѣлившагося во время неудавшагося ограбленія харьковской почты въ 1885 г. Покойной было 26 лѣтъ. Окончивъ фельдшерскую и акушерскую школу, она съ ранней молодости отдалась революціонной дѣятельности и послѣдніе годы всецѣло посвятила себя ей. Марія Львовна не однократно привлекалась по соціальдемократическимъ дѣламъ и нѣсколько разъ была арестована въ Казани и Саратовѣ. Горячо преданная революціи, Марья Львовна поражала окружающихъ своей необычайной энергіей и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ не только со стороны друзей, но и враговъ. И въ моментъ вспыхнувшей революціи она была на своемъ посту въ рядахъ борцовъ за свободу, проливая свою кровь за народное дѣло.

Русскій пролетаріатъ не забудетъ именъ своихъ героевъ и не проститъ ихъ преждевременной смерти своимъ врагамъ.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ! Вѣчная память мученицѣ русской революціи!

Бердичевская была ранена четырьмя пулями. Три въ ноги и одна въ область живота. Ей была сдѣлана операція, но неудачно. Умерла она десятого а не девятого января въ больницѣ, при чемъ безпрестанно повторяла слѣдующія слова: „Я ни на минуту не раскаиваюсь, что пошла на баррикады". Предъ кончиной она впала въ безпамятство, а за тѣмъ очнулась опять, повторивъ тѣ же слова.

Письмо Г. Гапона къ рабочимъ.

Родные! Братья товарищи-рабочіе!

Мы мирно шли 9 января къ царю за правдой, мы предупредили объ этомъ его опричниковъ-министровъ, просили убрать войска, не мѣшать намъ итти къ царю. Самому царю я послалъ 8 января письмо въ Царское Село, просилъ его выйти къ своему народу съ благороднымъ сердцемъ, съ мужественной душой. Цѣною собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась...

Звѣрь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа, сознательно захотѣли быть и сдѣлались убійцами нашихъ братьевъ, женъ и дѣтей. Пули царскихъ солдатъ, убившихъ за Нарвской заставой рабочихъ, несшихъ царскій портретъ, прострѣлили этотъ портретъ и убили нашу вѣру въ царя.

Такъ отомстимъ же, братья, проклятому народомъ царю и всему его змѣиному отродью, министрамъ, всѣмъ грабителямъ несчастной русской земли. Смерть имъ всѣмъ, вредите всѣмъ, кто чѣмъ и какъ можетъ. Я призываю всѣхъ, кто искренно хочетъ помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь! Всѣхъ интеллигентовъ, студентовъ, всѣ революціонныя организаціи (соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ) — всѣхъ! Кто не съ народомъ, тотъ противъ народа!

Братья-товарищи, рабочіе всей Россіи! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружіе разрѣшаю вамъ брать, гдѣ и какъ сможете. Бомбы, динамитъ — все разрѣшаю. Не грабьте только частныхъ жилищъ и лавокъ, гдѣ нѣтъ ни ѣды, ни оружія. Не грабьте бѣдняковъ, избѣгайте насилія надъ невинными. Лучше оставить девять сомнительныхъ негодяевъ, чѣмъ уничтожить одного невиннаго. Стройте баррикады, громите царскіе дворцы и палаты. Уничтожайте ненавистную народу полицію!..

Солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ невинныхъ братьевъ, ихъ женъ и дѣтей, всѣмъ угнетателямъ народа — мое пастырское проклятіе! Солдатамъ, которые будутъ помогать народу добиваться свободы — мое благословеніе! Ихъ солдатскую клятву измѣннику царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрѣшаю.

Дорогіе товарищи-герои! Не падайте духомъ! Вѣрьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте всѣ, кто можетъ, и распространяйте между собой и по всей Россіи это мое посланіе и завѣщаніе, зовущее всѣхъ угнетенныхъ, обездоленныхъ на Руси возстать на защиту своихъ правъ. Если меня возьмутъ или разстрѣляютъ, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мнѣ вами — сотнями тысячъ — клятву. Боритесь пока не будетъ созвано *Учредительное Собраніе* на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, гдѣ будутъ избраны вами самими защитники вашихъ правъ и интересовъ, выставленныхъ въ вашей петиціи измѣннику-царю.

Да здравствуетъ грядущая свобода русскаго народа!

Священникъ Георгій Гапонъ.

9 января 1905 года. 12 часовъ ночи.

14 января.

Москва. Стачка охватила все Замоскворѣчье. Около Прохоровской мануфактуры—пушки. Газеты не выходятъ. На стачку собрано болѣе 5.000 руб. Повсюду расклеены властями телеграммы „латинскаго" агентства (о томъ, что стачки вызваны Англіей и Японіей). Въ отвѣтъ на эти телеграммы выпущенъ листокъ Комитета подъ названіемъ „Кто предатель?" Призывъ къ забастовкѣ изданъ Комитетомъ, выпущенъ въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. Листокъ къ солдатамъ въ 5000 экз. Въ хорошо написанномъ листкѣ „Къ гражданамъ" Комитетъ призываетъ общество поддержать стачку, какъ актъ политической борьбы съ самодержавіемъ.

Въ Твери забастовка.

Москва. 11 января было столкновеніе между рабочими и казаками. Два оратора-соціальдемократа выступили передъ толпой и имѣли успѣхъ. Настроеніе у рабочихъ боевое. Организованные товарищи вооружаются. Власти перевезли все оружіе изъ магазиновъ въ арсеналъ.

Рига, 14 января. (Изъ частнаго письма).

... Что вчера было у насъ — не поддается описанію. Нельзя сидѣть на мѣстѣ, хочется мстить, видѣть ихъ кровь, какъ мы вчера видѣли нашу братскую кровь... И сколько крови! Боже мой! Вѣдь еще сегодня кровь громадными красными пятнами разстилается по всей набережной, какъ красный коверъ, а надо замѣтить, что всю ночь шелъ густой снѣгъ, и не могъ онъ покрыть или смыть эту горячую кровь. Снѣгъ таялъ, дѣлалъ ее болѣе блѣдной, но не уничтожилъ. Да, никогда не смыть имъ этой крови! Попытаюсь кое-что разсказать.

Въ среду забастовали почти всѣ фабрики. На улицахъ было громадное оживленіе. Толпы рабочихъ шли въ 100-200 человѣкъ и останавливали работы на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ сами рабочіе не прекращали работать. По временамъ они останавливались на улицахъ, ораторъ какой-нибудь произносилъ рѣчи. Жаль, что не понималъ я ихъ языка: душа рвалась къ нимъ, хотѣлось сказать имъ, что и мы съ ними. Но мы понимали ихъ рѣчи по оживленнымъ лицамъ, пылающимъ глазамъ, и они понимали наши нѣмыя рѣчи и все кричали: „Товарищи, съ нами!" Такъ прошелъ первый день. Были столкновенія съ полиціей, стрѣляли, но жертвъ не было. Магазины заколочены; учебныя заведенія закрыты на недѣлю; трамвай остановился; товарная желѣзнодорожная станція тоже перестала работать. Ходили по улицамъ до поздней ночи... Наступилъ вчерашній день. Казалось, все спокойно. Изъ заводовъ работалъ одинъ Кузнецова. Рабочій элементъ здѣсь самый консервативный, но значительная толпа рабочихъ заставила прекратить работы, хотя для этого имъ пришлось вступить въ рукопашную. Газеты не вышли — и мы оказались оторванными отъ всего міра. 13 января часа въ четыре пополудни десятитысячная толпа направилась съ Московской улицы по направленію къ желѣзнодорожному мосту. До моста никакихъ препятствій не было, но тутъ конная полиція и двѣ роты солдатъ отрѣзали толпѣ путь. Толпа остановилась, но разсѣяться не хотѣла. Раздалась команда „пли", и одинъ залпъ послѣдовалъ за другимъ...; толпа разсѣялась, оставивъ на мѣстѣ 40 убитыхъ и около 100 раненыхъ... Трудно представить себѣ, что было... Кто въ силахъ былъ стоять и слушать стоны раненыхъ и умирающихъ?... А толпу все гоняли, грозили опять стрѣлять, но никто не трогался съ мѣста. Мы бросились къ раненымъ. Въ одной кучкѣ мы насчитали 33 убитыхъ и раненыхъ. Масса тыловыхъ ранъ: стрѣляли въ бѣгущихъ... Раненыхъ понесли къ доктору, живущему на углу Мельничной и Маріинской. Здѣсь снова собралась тысячная толпа, полиція не мѣшала. Раненыхъ выносили и мы всѣ отвозили ихъ на извозчикахъ и просто на рукахъ относили на частныя квартиры или въ больницы. Эта картина электризовала толпу. Ораторъ все время говорилъ по латышски. Оглушительные крики: „Не бусь царь! Не вайкъ царь!" (Не будетъ царя! Не надо царя!) раздавались повсюду...

Такъ продолжалось до 10 часовъ вечера, когда толпа понемногу стала расходиться. Имена убитыхъ еще точно не опредѣлены. Убитъ студентъ Печуркинъ. Завтра въ часъ похороны. На студенческой сходкѣ было рѣшено превратить похороны въ демонстрацію. Вывѣсили красный флагъ съ надписью: „Слава павшимъ, проклятье убійцамъ!" Кругомъ стояла громадная толпа. Послѣ сходки стали пѣть „вѣчную память". Весь народъ стоялъ безъ шапокъ; когда раздавались возгласы, толпа поддерживала криками „ура". Полиція привела роту солдатъ — и толпу разсѣяли.

Сегодня прибыли казаки. Въѣхали они торжественно: пики на перевѣсъ.

Настроеніе пока бодрое, но кто знаетъ, сколько времени это продолжится.

Варшава (Письмо очевидца Изъ матеріаловъ „Czerw. Sztand.". Писано въ ночь съ субботы на воскресенье 15/28 — 16/29 января.

Въ среду и четвергъ распространено 6.000 листковъ о „Всеобщей забастовкѣ и революціи въ Петербургѣ"; въ субботу и воскресенье — 2000 тѣхъ же листковъ. Въ среду распространенъ листокъ Главнаго Правленія Соц. Дем. Польши и Литвы о „Пролетаріатѣ" въ количествѣ 9000 экземпляровъ (листокъ призываетъ къ чествованію посредствомъ демонстраціи памяти казненныхъ 19 лѣтъ тому назадъ героевъ „Пролетаріата"); въ пятницу и субботу распространены были въ количествѣ 9000 экз. пригласительные билеты, изданные Варшавскимъ Комитетомъ Партіи по тому же поводу; въ субботу распространено воззваніе къ молодежи (1000 экз., и „Съ театра борьбы" („Z pola walki"), приложеніе къ № 23 „Краснаго Знамени" о событіяхъ въ Петербургѣ (400 экз.).

Подъ вліяніемъ всего этого, въ четвергъ забастовали многія фабрики, а въ пятницу къ нимъ присоединились всѣ остальныя. Рабочіе ходили отъ фабрики къ фабрикѣ и останавливали работу, причемъ всѣ охотно присоединялись къ стачкѣ. Въ субботу пополудни всѣ фабрики уже бездѣйствовали; бросили работу и булочники, извощики и служащіе на конкѣ; всѣ газеты перестали появляться. Въ тотъ же день рабочіе потребовали закрытія всѣхъ лавокъ, что и было исполнено; у нежелающихъ били стекла; всѣ кондитерскія тоже закрылись. Одной кондитерской (Завистовскаго) не желали добровольно закрыть и сейчасъ же стекла разлетѣлись въ дребезги. Публика въ ужасѣ разбѣжалась, а рабочіе напутствовали ее назидательными возгласами: „нечего вамъ лакомиться, когда народъ голодаетъ!" Въ пятницу забастовали телефонистки на главной станціи, которую тутъ же предупредительно заняли полиція и войско; въ субботу однако, бастующимъ удалось перервать проволоки.

На газовомъ заводѣ тоже забастовали въ пятницу, и на работу туда нагнали солдатъ. Печальные результаты этого мѣропріятія не замедлили проявиться въ видѣ многочисленныхъ обжоговъ, такъ что пришлось призывать карету скорой помощи. Впрочемъ, рабочіе свели на нѣтъ эти благія мѣры, разбивъ почти всѣ уличные фонари.

Сценка. Проходя сегодня вечеромъ по улицѣ Багно, я встрѣчаю группу рабочихъ, которые спрашиваютъ меня: „не находите ли вы, что фонарь слишкомъ ярко свѣтитъ?" Я соглашаюсь — и стекла фонаря летятъ въ дребезги подъ ударами снѣжныхъ комьевъ.

Булочныя уже въ пятницу бастовали, хлѣба вовсе нѣтъ. Цѣна керосина повысилась съ 10 до 30 коп. за литръ (кварту). Сначало не хотѣли бастовать, извощики а также возницы, развозящіе уголь и всякаго рода товары. До 12 час. въ субботу имъ не мѣшали, но послѣ полудня ихъ заставили прекратить работу.

Сценка: ѣдетъ извощикъ, на углу группа бастующихъ навливаетъ его, заставляетъ сѣдока сойти и расплатит извощику приказываютъ отправляться домой. И это с рядомъ.

Такимъ же образомъ расправлялись и съ конками, которыя, въ случаѣ сопротивленія, стачечники опрокидывали; такъ случилось на Маршалковской, гдѣ рабочіе свалили три конки.

Водопроводъ охранялся солдатами.

Училища забастовали, или же начальство само распускало учениковъ.

Мелкія ремесленныя мастерскія тоже бастуютъ. Всѣ улицы кишатъ массами рабочихъ, которые прогуливаются или стоятъ кучками, оживленно бесѣдуя о текущихъ событіяхъ; всѣ лица выражаютъ бодрость и готовность къ борьбѣ. Слышны разговоры о борьбѣ, стачкѣ, свободѣ; тамъ и сямъ читаютъ листки. Предмѣстье Воля и близъ лежащія улицы уже съ самаго утра въ субботу переполнены народомъ, и это оживленіе переносится въ центръ города. Въ 11 час. уже громадныя толпы появляются на Гржибовской площади, на ул. Граничной, Твердой и Багнѣ. Въ 4 час. Маршалковская ул. такъ и роится. Христіане и евреи держатся вмѣстѣ (полиція старалась, сообща съ хулиганами, вызвать антиеврейскіе безпорядки). Кто то спрашиваетъ: бастуютъ ли и евреи? — „Конечно", отвѣчаетъ еврей, „мы заодно, вѣдь и намъ не лучше". На улицахъ свободно разсуждаютъ обо всемъ.

Полиція совершенно стушевалась; съ полудня уже появляются солдатскіе патрули, но весьма малочисленные; такъ, часа въ 3 я въ первый разъ съ утра встрѣчаю патруль, состоящій изъ 15 — 20 солдатъ пѣхотинцевъ, рядомъ съ ними двѣ шеренги городовыхъ съ помощникомъ пристава и квартальнымъ во главѣ. „Разойтись!" кричатъ они нетвердымъ голосомъ. Патруль продолжаетъ путь, а рабочіе опять собираются.

По временамъ проѣзжаетъ телѣга съ хлѣбомъ, конвоируемая казаками или конными жандармами.

Телефонное сообщеніе съ Лодзью прервано

Встрѣчаются господа въ лоснящихся шляпахъ и нарядныя дамы съ хлѣбомъ подъ мышкой, который они достали за 70—80 копѣекъ.

Наступаетъ вечеръ: городъ утопаетъ во мракѣ, лишь кое-гдѣ мерцаютъ фонари. Въ атмосферѣ чувствуется что то зловѣщее. Люди среди тьмы перекликаются, повсюду мелькаютъ силуэты, всѣ ворота переполнены народомъ.

Воротъ не закрываютъ; полиціи нѣтъ. Рабочіе громятъ монопольныя лавки, разливаютъ вино, бьютъ бутылки: слышны голоса, что вино надо уничтожить, чтобы люди не пили, когда станутъ голодать. Этимъ пользуются хулиганы и поджигаютъ винныя лавки. Вспыхиваютъ пожары. — Съ улицы Вроньей слышны выстрѣлы, стихающіе лишь около 11 часовъ. По ул. Сѣнной около винной лавки завязалась стычка. Солдаты въ числѣ пяти заперлись и стрѣляютъ; одинъ рабочій убитъ наповалъ, другой смертельно раненъ, у третьяго плечо пробито насквозь: рабочіе пытались поджечь лавку вмѣстѣ съ солдатами. — Я иду дальше. Спустя нѣкоторое время, слышится пальба рядомъ, на площади Витковскаго: трахъ трахъ (отдѣльные выстрѣлы и залпы; рабочіе отвѣчаютъ револьверными выстрѣлами

Спустя минуту, опять то же, а потомъ на нѣкоторое время наступаетъ тишина и тьма, въ которой ничего нельзя разглядѣть. Спустя минуту, слышатся голоса рабочихъ, солдатъ уже нѣтъ. Былъ ли кто нибудь убитъ, не знаю. Вдругъ крикъ — квартальный вышелъ изъ воротъ своего дома, у него отняли шашку, разрубили голову и закололи его кинжаломъ.

Слышно, что кое гдѣ громятъ лавки — это хулиганы пользуются темнотой: днемъ рабочіе не позволяли имъ грабить телѣгъ съ углемъ и лавокъ. Полиція блещетъ отсутствіемъ. Солдаты не смѣютъ сунуться дальше Желѣзной ул. Патрули слабые: по 15-20 чел.. Иногда проскачутъ казаки патрулями въ 8—10 чел.

Я на Великой ул. Огонь уже потушенъ пожарными. Здѣсь стоитъ сильный отрядъ пѣхоты. Я принужденъ обойти кругомъ. Толпы уже нѣтъ. Вдругъ кричатъ (10 час. веч., ворота запираютъ къ 11). „Ворота всѣ закрыть!" Вскорѣ вбѣгаетъ въ ворота помощникъ пристава XIII участка въ сопровожденіи двухъ квартальныхъ и отряда пѣхоты, бьетъ по лицу дворника и еще какого то рабочаго (насъ въ воротахъ было 4 мужчины и 2 женщины) и оретъ: „убью!" Они пошли дальше: полиція явилась, когда никого уже не было.

На улицѣ Вроньей изрѣдка палятъ изъ револьверовъ — рабочіе не теряютъ даромъ зарядовъ. Ждутъ утра. А съ Желѣзной и Теплой улицъ слышатся звуки солдатскихъ рожковъ. На углу Гржибовской и Вроньей стоятъ баррикады изъ саней, винныхъ ящиковъ. Въ половинѣ 11-го все стихаетъ, но тишина эта лишь кажущаяся.

Ворота здѣсь открыты, потому что рабочіе приказали такъ дворникамъ, чтобы имѣть убѣжище отъ ружейныхъ пуль. Возвращаясь въ половинѣ 12 го, я встрѣчаю на Теплой ул. окровавленнаго рабочаго — полицейскіе встрѣтили его одного и ударили шашкой по лицу. Слышится отчаянный вопль: полицейскіе встрѣтили опять одинокую женщину и потащили куда-то. Солдатскіе же патрули никогда не трогали одинокихъ прохожихъ. Все это факты, которыхъ я былъ очевидцемъ.

На завтра назначены демонстрація Соц.-Дем., Бунда и П. П. С. Ожидаютъ ужасныхъ событій. По всему поведенію [illegible] видно, что завтра выступитъ войско.

Дворники не получили еще никакихъ предписаній со стороны полиціи. По Маршалковской въ семь часовъ гусары съ обнаженными саблями бросались на тротуары. Изъ другихъ частей города извѣстій еще нѣтъ, такъ что нельзя составить законченный очеркъ событій.

П. П. С. издала листокъ съ требованіями исключительно экономическими. Позже вышелъ листокъ, заключающій „Политическую декларацію П. П. С.", въ которой однако нѣтъ рѣчи ни о независимости, ни о самоуправленіи Польши. С. Д. выступила съ цѣлымъ рядомъ требованій экономическаго характера, присоединяя къ нимъ политическіе лозунги: созывъ Учредительнаго Собранія, введеніе демократической республики съ автономіей для Польши и Литвы и прекращеніе войны.

Вильно. 11 января началась всеобщая забастовка. Газеты не выходятъ. Полиція и охранка рветъ и мечетъ. Дворники, городовые, шпіоны, казаки — всѣ на ногахъ цѣлый день. Но и этого мало — приходится по вечерамъ вызывать и резервъ — пѣхоту. Не помогаетъ. Настроеніе у рабочихъ приподнятое. Собранія, устраиваемыя группой партіи, проходятъ оживленно, и можно надѣяться, что если въ Петербургѣ событія не пойдутъ на убыль, забастовка продержится долго. Были аресты и обыски, но, пока что, это не повліяло на рабочихъ. Настроеніе въ обществѣ, хотя и приподнятое, но замѣчается слабый притокъ средствъ на поддержку забастовки. Всѣ организаціи дѣйствуютъ совмѣстно.

Сморгонь. Началась стачка, распространены листки Вил. группы партіи. Вызваны войска. Туда же поѣхали губернаторъ и фабричное начальство.

Ковно 16 января. Со вторника 11-го бастуютъ рабочіе всѣхъ фабрикъ, заводовъ, монополіи, желѣзнодорожной конки, а также всѣ ремесленники. Рабочіе спокойны, такъ что магазины все время оставались открытыми. У губернатора уже было нѣсколько собраній фабрикантовъ съ представителями рабочихъ, но сдѣланныя на немъ кое-какія уступки не удовлетворили рабочихъ фабрики Тильманъ, пользующихся большимъ вліяніемъ на остальныхъ рабочихъ, почему соглашеніе и не состоялось.

Екатеринославъ. (17 января. Волна стачечно-демонстраціоннаго движенія достигло и до насъ. Сегодня уже забастовали типографіи обѣихъ газетъ „Вѣстника Юга" и „Приднѣпровскаго Края" и „Губернскаго Правленія", и частныя тоже. Днѣпровскій заводъ въ с. Каменскомъ тоже забастовалъ. Бастуютъ всѣ заводы на Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ, а въ городѣ заводъ Константинова. Завтра, вѣроятно, присоединятся Брянскій, [illegible]. Шодуара, гвоздильный Гантке, желѣзнодорожныя мастерскія. Настроеніе боевое, бодрое.

Работающіе въ организаціи „меньшевики" обратились къ комитету съ слѣдующимъ письмомъ:

„Товарищи! Моментъ чрезвычайно важный. Всѣ работники, мы и районные въ томъ числѣ, живемъ грядущей забастовкой, которая можетъ, и вы это сами великолѣпно знаете, вылиться въ возстаніе. Этотъ моментъ, товарищи, требуетъ объединенія всѣхъ лучшихъ силъ организаціи. Мы тогда сдѣлаемъ все то, что революція отъ насъ требуетъ. Мы нарушили бы свой долгъ передъ партіей и передъ рабочимъ движеніемъ, если бы въ *такой моментъ* обращали вниманіе на принадлежность работниковъ къ тому или другому теченію въ партіи. Мы сами, товарищи, отбрасываемъ эту разницу. Бросимъ фракціонную нетерпимость. Всѣ помыслы, вся энергія должны быть направлены на одно, — безконечно сложную, безконечно важную предстоящую работу. Хотя бы на эти революціонныя недѣли отбросимъ всякую подозрительность, сдѣлаемъ все, что мы сможемъ, для того, чтобы лучшіе работники были въ настоящій моментъ объединены, для того, чтобы на это время уничтожить тренія, до сихъ поръ мѣшавшія работѣ. Отбросимъ подозрительность. Моментъ чрезвычайно важный. Давайте, соберемся, выработаемъ общій планъ дѣйствій для даннаго момента, создадимъ теперь единую, *сплоченную*, сильную своей сплоченностью, организацію. Только такая *сплоченная* организація сможетъ стать дѣйствительнымъ руководителемъ предстоящаго движенія. Не рвите, товарищи, не идите на расколъ. Моментъ страшно важенъ".

(*Отъ редакціи*: Не знаемъ отвѣта комитета, но знаемъ, что руководство всеобщей стачкой сосредоточено въ рукахъ дѣйствительныхъ работниковъ — авторовъ этого воззванія).

Екатеринославъ. 18 января здѣсь началась забастовка. Бастуютъ: Амуръ, Нижне-Днѣпровскіе заводы, Брянскій заводъ, городскіе рабочіе, желѣзнодорожные, типографщики. Газеты не выходятъ. Обѣщаютъ присоединиться фармацевты, учителя. Трамваи пока еще ходятъ. Требованія выставили, кромѣ отдѣльныхъ на каждомъ заводѣ, еще общія требованія съ питерскими рабочими: 8 часовой рабочій день, третейскіе суды, государственное страхованіе рабочихъ, законодательную охрану труда. Лозунги во всѣхъ рѣчахъ, листкахъ, на знаменахъ: долой самодержавные порядки, долой войну, да здравствуетъ народное правленіе, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, выбранное всеобщей, равной, прямой и тайной, подачей голосовъ. Вчера были митинги на Амурѣ и заводахъ, состоящіе изъ 1.000 и больше человѣкъ. Говорили рабочіе, говорили „наши". Столкновенія съ войсками пока не было; только вчера тысячную толпу въ городѣ разсѣяли казаки нагайками.

Кіевъ. Въ городѣ послѣ петербургскихъ событій возбужденіе. 12-го забастовалъ Южно-Русскій заводъ, заводъ Гретера, рядъ болѣе мелкихъ предпріятій. Комитетъ шелъ все время впереди движенія, посылая по возможности всюду своихъ ораторовъ, печатая требованія, издавая и распространяя листки. На рабочихъ произвела большое впечатлѣніе рѣчь комитетскаго оратора на Южно-Русскомъ заводѣ и его объясненія съ жандармскимъ полковникомъ и окружнымъ фабричнымъ инспекторомъ. Слѣдуетъ особенно отмѣтить ту заботливость, съ которой рабочіе стараются спрятать оратора. Не бастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, въ значительной мѣрѣ потому, что администрація приняла особенныя мѣры: въ мастерскихъ множество жандармовъ, за подозрительными рабочими слѣдятъ по пятамъ, гудокъ тщательно охраняется и т. д. Стачка начала довольно скоро стихать. Въ настоящее время бастуетъ, кажется, только часть рабочихъ у Гретера и у Недли (небольшая мастерская), да еще въ обмундирной мастерской. Очевидно были какія то общія причины, вслѣдствіе которыхъ петербургская забастовка пока сравнительно слабо отозвалась, на югѣ, въ районѣ лѣтней стачки 1903 года. Въ городѣ все время только и разговоровъ, что о стачкѣ, о „бунтѣ рабочихъ". Особенно ждали „бунта" 17 въ понедѣльникъ (такъ какъ въ субботу получка у желѣзнодорожныхъ рабочихъ). По городу разъѣзжаютъ все время патрули; заводы охраняются полиціей. Оканчивается ли здѣсь стачечное движеніе или оно вспыхнетъ въ любой день — кто можетъ сказать?

Ростовъ н/Д. 11 января. (изъ частнаго письма). Здѣсь ожидается стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ. О ней очень поговариваютъ и, вѣроятно, она скоро начнется.

Елисаветградъ. Кровавыя петербургскія событія нашли горячій откликъ въ народныхъ массахъ и особенно въ рабочей средѣ. Приходится напрягать всѣ силы, чтобы своевременно использовать это настроеніе. Почти ежедневно происходятъ массовки, на которыхъ ораторы разсказываютъ о петербургскихъ событіяхъ, о всеобщей стачкѣ, о революціи. Рабочіе организуютъ кассы на время предстоящей борьбы. Настроеніе на заводахъ приподнятое. Всѣ готовы бросить работу по первому знаку. Надо думать, что все это кончится, во всякомъ случаѣ, всеобщей стачкой, а отъ организаціи и имѣющихся въ ея распоряженіи силъ будетъ зависѣть направить это движеніе въ политическое русло. Нужно готовиться къ событіямъ, имѣющимъ болѣе важное значеніе,, чѣмъ либеральныя прогулки по пышнымъ задамъ россійской „словесности". Всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ извѣстій и телеграммъ изъ Петербурга. На улицахъ говорятъ о безпорядкахъ и революціи. Столичныя газеты не получаются уже шестой день. Частныя письма, получающіяся изъ Петербурга, переписываются и ходятъ по рукамъ.

Саратовъ. Прокламаціей къ гражданамъ Комитетъ Партіи оповѣстилъ о начавшейся, по его призыву, всеобщей забастовкѣ. Рабочіе выставили требованія: созывъ Учредительнаго Собранія прекращеніе войны, прекращеніе всѣхъ политическихъ процессовъ и амнистія. 8-ми часовый рабочій день и рядъ экономическихъ требованій.

Сормово 12 января. Ждутъ, подъ вліяніемъ петербургскихъ событій, забастовки на нашемъ заводѣ. Сегодня уже одинъ изъ цеховъ чуть было не началъ забастовку. Директоръ отослалъ свою семью въ городъ; на всякій случай, уже готовъ поѣздъ каждую минуту отправиться за солдатами

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Саратовъ, 11 января.

8-го января одновременно состоялись два собранія: ужинъ гласныхъ губернскаго земскаго собранія предъ открытіемъ сессіи и демократическое собраніе въ Народной Чайной (на „Пѣшемъ базарѣ"). На каждомъ было болѣе 2000 человѣкъ, на послѣднемъ — преимущественно рабочіе. Рѣчи — самаго революціоннаго характера. На другой день подали въ отставку полиціймейстеръ Зацвильховскій и его помощникъ, по предложенію губернатора, за то, что допустили рабочее собраніе. Приставъ, бывшій въ чайной, за недостатокъ распорядительности, арестованъ на недѣлю.

9 января губернаторъ открылъ земское собраніе. Послѣ избранія разныхъ комиссій, предсѣдатель губернской земской управы А. Д. Юматовъ предложилъ избрать комиссію, которая занялась бы обсужденіемъ общихъ вопросовъ.

Въ „комиссію" вошло *все собраніе*. Ею приняты самыя демократическія требованія, со включеніемъ свободы науки и *свободы стачекъ*; принято также *всеобщее, равное избирательное право съ прямой и тайной подачей голосовъ*. — Все это принято почти единогласно; ни по одному вопросу въ оппозиціи не было больше 5—7 человѣкъ. Даже любимецъ Плеве гр. Уваровъ стоялъ за свободу стачекъ... Tempora mutantur.

10 января губернскій предсѣдатель Мельниковъ объявилъ себя больнымъ и на собраніе не явился. Его мѣсто занялъ кн. Ухтомскій (уѣздный саратовскій предводитель дворянства). Открывая собраніе онъ сказалъ слѣдующее:

„Я очень счастливъ, что на мою долю выпала честь занять мѣсто предсѣдателя. Несмотря на категорическое заявленіе губернатора не допускать къ обсужденію вопросовъ общегосударственнаго характера, я принимаю на себя всю отвѣтственность и предлагаю начать обсужденіе, разъ этого пожелаетъ собраніе".

Послѣ этого дѣлаетъ заявленіе Н. Н. Львовъ. Онъ говоритъ, что при настоящихъ условіяхъ, когда виситъ административная кара надъ кн. Ухтомскимъ и гласными, онъ не находитъ возможнымъ покойно и мирно продолжать работу и покидаетъ залъ. Къ нему присоединяются почти всѣ, исключая 5—8 гласныхъ.

Собраніе принимаетъ резолюцію, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены ихъ требованія, гласные не „будутъ являться на собраніе. Выработанныя комиссіей и подписанныя гласными положенія рѣшено приложить къ протоколу собранія и послать министру внутреннихъ дѣлъ для представленія царю.

10 января. Студенческій вечеръ въ Коммерческомъ Собраніи. Послѣ концерта на эстраду вышелъ студентъ и заявилъ, что въ виду такого времени, навѣрное, всѣ согласятся, вмѣсто танцевъ, поговорить объ интересующихъ всѣхъ вопросахъ. Раздается громъ апплодисментовъ. Предсѣдателемъ собранія избрали присяжнаго повѣреннаго Чумаевскаго. Только что онъ открылъ пренія, какъ явился въ залъ приставъ и сталъ требовать прекращенія рѣчей. Предсѣдатель заявилъ, что собраніе будетъ продолжаться, на что приставъ отвѣтилъ, что онъ принужденъ будетъ очистить залъ силой. Возмущенные такой угрозой, участники рѣшили говорить во что бы то ни стало, и банкетъ закончился благополучно. Говорили рабочіе, призывая товарищей къ забастовкѣ. Говорили студенты объ отношеніи студентовъ къ современному движенію. Говорилъ одинъ народный учитель о настроеніи крестьянъ. Разсказывалъ онъ, какъ недавно крестьяне приглашали къ себѣ ораторовъ изъ Саратова, съ какими оваціями встрѣчали ихъ и все просили не забывать.

11 января. Первыми забастовали рабочіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и завода Беринга.

10 января были получены извѣстія изъ Петербурга.

Тифлисъ. Подъ вліяніемъ обще-революціоннаго возбужденія и митинговъ, пріуроченныхъ къ губернскимъ и земскимъ собраніямъ, Тиф. Ком. рѣшилъ устроить рядъ частыхъ чисто пролетарскихъ митинговъ. Было предположено, что 20-го декабря въ 12 час. послѣ обѣденнаго гудка состоятся митинги въ четырехъ мѣстахъ съ рѣчами и резолюціями. Съ утра 20-го декабря, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, какъ и на другихъ фабрикахъ и заводахъ, были разбросаны въ громадномъ количествѣ прокламаціи, разъясняющія рабочимъ наши ближайшія задачи и комментирующія нашу программу минимумъ. Передъ желѣзнодорожными мастерскими собралось свыше 1000 человѣкъ; сознательные рабочіе окружили оратора, который началъ свою рѣчь. Къ несчастью, ему не удалось долго говорить: чтобы вызвать извѣстное настроеніе, ораторъ произнесъ въ серединѣ рѣчи „долой самодержавіе!"; собраніе единодушно подхватило возгласъ, но приняло его за конечный возгласъ оратора, поэтому, крики „долой самодержавіе!" усилились, перешли въ пѣніе марсельезы, взвилося красное знамя, раздались выстрѣлы изъ револьверовъ, и масса двинулась къ полотну жел. дороги. Такъ оратору и не дали договорить. Пройдя саженей 150, толпа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода! да здравствуетъ демократическая республика!" вернулась къ мѣсту митинга и спокойно разошлась. Все это продолжалось минутъ 15. Полиціи не было, кромѣ нѣсколькихъ жандармовъ, которые предпочли припрятаться. Казаки явились, когда все уже было кончено. Передъ заводомъ Яралова митингъ былъ болѣе удаченъ. Собрались всѣ до одного рабочіе, человѣкъ 300. Ораторъ говорилъ минутъ 15. Послѣ рѣчи двинулись къ вокзалу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и возгласами. Настроеніе чрезвычайно боевое. На кожевенной фабрикѣ Адельханова митингъ вовсе не состоялся: полиція здѣсь пронюхала и нагнала казаковъ и полиціи. Передъ „Грузинскимъ издательскимъ обществомъ" собралось человѣкъ 60 наборщиковъ. Ораторъ въ небольшой рѣчи призывалъ товарищей къ политической, борьбѣ, указывая на важность момента. Были разбросаны прокламаціи, и наборщики съ пѣніемъ разошлись. Прокламаціи были разбросаны также въ караван-сараѣ Тамамшева, гдѣ приказчики въ количествѣ около 300 человѣкъ собрались на площадкѣ внутри караван-сарая, пѣли революціонныя пѣсни и кричали: долой самодержавіе, да здравствуетъ политическая свобода, да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Не смотря на то, что митинги эти, какъ митинги, не удались — это были скорѣе демонстраціи — они произвели, въ общемъ, хорошее впечатлѣніе. Съ маленькихъ мастерскихъ поступило заявленіе неудовольствія, что такъ какъ ихъ не предупредили, то лишили, такимъ образомъ, возможности принять участіе въ митингахъ. Одна табачная фабрика предложила устроить у себя митингъ. Комитетъ отклонилъ послѣднее предложеніе и вообще при устройствѣ этихъ митинговъ руководился желаніемъ избѣгнуть столкновенія съ полиціей. Въ городѣ думали, что у насъ, по примѣру Баку, разыграется стачка. Полиція встревожилась... Были аресты. На третій день, однако, арестованныхъ освободили.

Елисаветградъ. Послѣ „9 января" какъ то обиднымъ кажется упоминаніе о либеральныхъ банкетахъ, ознаменовавшихъ собой „весну" Святополка-Мирскаго. Все же считаемъ не лишнимъ отмѣтить на страницахъ нашего органа „банкетъ", имѣвшій мѣсто въ нашемъ городѣ 12-го с. м. въ залѣ общественнаго собранія. На сей разъ, огражденные толстыми стѣнами отъ широкой публики, въ которой либералы готовы признать лишь „срывателей" вечеровъ, устроители разослали билеты на свой „ужинъ" лишь стоящимъ въ сферѣ ихъ узкаго знакомства, а именно: либеральнымъ представителямъ адвокатуры, медицины и т. д. Чтобы успокоить свою совѣсть насчетъ „представительства всѣхъ классовъ населенія", нѣсколько билетовъ устроители предложили представителямъ организаціи, пожелавшимъ говорить отъ имени партіи рабочаго класса. Организація, придающая мало значенія такому изолированному отъ публики банкету, тѣмъ не менѣе послала туда своихъ ораторовъ и нѣсколько рабочихъ — слушателей. Публики въ залѣ набралось всего человѣкъ 250 — 300, размѣстившихся за сервированнымъ столомъ, залитымъ электрическимъ свѣтомъ. Первымъ произнесъ рѣчь рабочій въ виду того, что либералы отказались говорить первыми. Рѣчью своею онъ вызвалъ долгіе апплодисменты блестяще разодѣтой публики, которую своими страстными обличеніями гладилъ противъ шерсти. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей либераловъ въ радикальномъ духѣ о значеніи Татьянина дня, современномъ положеніи Россіи и предложеніи разработанной резолюціи для отсылки „въ архивъ", какъ выразился одинъ изъ нихъ, другимъ нашимъ товарищемъ — интеллигентомъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ указывалъ на пришедшую къ концу „весну" со всѣми ея послѣдствіями и вновь вышедшими на сцену старыми средствами самодержавія, на то, что земцы и либералы ничѣмъ не реагировали на всѣ преподнесенныя имъ высочайшія пощечины, плевки и побои. Далѣе онъ указывалъ, что только организованный и сознательный пролетаріатъ способенъ вызвать къ жизни всѣ отсталые элементы общества и вынести на своихъ плечахъ дѣло народной свободы, но что минуло то время, когда онъ бывалъ простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазныхъ революціонеровъ, теперь пролетаріатъ сорганизовался подъ знаменемъ собственной партіи. Указавъ на задачи этой партіи, ораторъ призывалъ всѣхъ отстаивать ея широкія политическія требованія, составляющія конечный идеалъ буржуазнаго общества, и лишь этапный пунктъ для рабочаго класса, который, однако, идетъ по одному пути со всѣми свободолюбивыми элементами, пока они сталкиваются съ однимъ общимъ врагомъ.

Несмотря на то, что полиціи, какъ и посторонней публикѣ, на вечеръ не было доступа, на хорахъ зала въ углу все время держался приставъ и пара шпиковъ, наблюдавшихъ за происходящимъ.

Все собраніе приняло резолюцію о созывѣ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, о свободѣ совѣсти, печати, союзовъ, собраній и присоединилось къ протесту противъ веденія войны и требованію о немедленномъ ея прекращеніи. Въ общемъ вечеръ прошелъ весьма оживленно и безъ инцидентовъ. Лишь въ 12 часовъ въ собраніе явился полиціймейстеръ и объявилъ собраніе закрытымъ, въ виду принятого имъ „незаконнаго характера“.

Симбирскъ. На засѣданіи 4-го января публика (немногочисленная) освистала Губернскаго Предводителя, за что и была выставлена изъ зала.

Недавно произошелъ у насъ характерный инцидентъ. 10-го января, послѣ устроеннаго въ пользу студентовъ спектакля, въ фойэ театра состоялся ужинъ, на которомъ, кромѣ студентовъ, присутствовало нѣсколько земцевъ и т. д. Говорились рѣчи. На другой день земскій гласный И. П. Рютчи, стоявшій, очевидно, съ лакеями въ дверяхъ фойэ, т. к. на ужинъ онъ приглашенъ не былъ, донесъ Губернскому Предводителю Поливанову, что на ужинѣ земскими гласными произносились противоправительственныя рѣчи. Поливановъ отправился къ губернатору и заявилъ, что, если тотъ не приметъ мѣръ противъ этихъ гласныхъ, онъ самъ поѣдетъ въ С.-Петербургъ и начнетъ дѣло. Послѣ этого губернаторъ вызвалъ двухъ гласныхъ, о чемъ говорилъ — неизвѣстно пока. Чѣмъ кончится дѣло, сообщимъ потомъ.

Ростовъ н/Д. (Изъ частнаго письма) „.... Либералы усиленно организуются влѣво, въ особенности отдѣльныя группы. Такъ, у насъ въ Ростовѣ н/Д образовалась группа, которая должна захватить своимъ вліяніемъ Донской районъ и Сѣверный Кавказъ. Программа ея очень радикальная: требуютъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Учрежденіе однопалатной системы государственнаго управленія. Она постановила не присоединяться къ освобожденской организаціи, пока та не пріобрѣтетъ подъ вліяніемъ событій болѣе яркой окраски, и пока что, усиленно старается распространить свое вліяніе возможно шире...

Ростовъ. Дѣла въ послѣднее время немного поправились. Старые работники, по какимъ либо поводамъ отставшіе отъ движенія, начинаютъ оживать, и есть надежда, что они теперь примкнутъ къ организаціи. Этому способствовало какъ оживленіе во всей Россіи, такъ и устроенныя здѣсь нѣсколько дней тому назадъ вечеринки, на которыхъ присутствовали „старики“. На этихъ вечеринкахъ говорилось о либералахъ, объ исторіи революціоннаго движенія (декабристы, народовольцы и соціальдемократы). На нѣкоторыхъ вечеринкахъ поднимались дебаты о „большинствѣ“ и „меньшинствѣ“. Въ промежуткахъ пѣли пѣсни и читали стихи. Подъ новый годъ и на новый годъ тоже было устроено нѣсколько вечеринокъ. По мнѣнію устроителей, онѣ должны были носить характеръ товарищескихъ собесѣдованій и сблизить между собой передовыхъ рабочихъ. Этого въ извѣстной степени и удалось достигнуть. Говорили о событіяхъ прошлаго года и задачахъ новаго, изъ которыхъ главная — сверженіе самодержавія. Поднятъ былъ вопросъ о политической стачкѣ.

Вопросъ о самодѣятельности рабочихъ очень заинтересовалъ всѣхъ участвующихъ, и дебаты были очень оживленные; даже тѣ, которые говорили, что раньше нужно выучиться, а потомъ говорить—приняли участіе въ дебатахъ и отказались отъ своего первоначальнаго мнѣнія. Такъ что всѣ вечеринки прошли очень оживленно, и всѣ разошлись въ приподнятомъ настроеніи. Ораторами почти исключительно выступили рабочіе. Правда, говорили они не блестяще; но такимъ образомъ они привыкаютъ выступать на собраніяхъ и могутъ сдѣлаться хорошими ораторами. Какъ видно — если хорошенько взяться за дѣло, работа пойдетъ хорошо. Къ сожалѣнію, очень мало опытныхъ дѣятелей.

Воронежъ. (15 января). У насъ въ Воронежѣ только и разговоровъ, что о Петербургскихъ ужасахъ, и въ городѣ неспокойно.

Земское Собраніе большинствомъ 50 голосовъ противъ трехъ приняло петицію царю съ заявленіемъ о необходимости созыва народныхъ представителей для законодательной палаты. Безруковъ, крупный купецъ-консерваторъ, произнесъ рѣчь о несвоевременности конституціи для Россіи, но былъ освистанъ. Съ хоръ послышались крики: „Почему не сказано о всеобщемъ избирательномъ правѣ?“. „Предатели!“ „Долой самодержавіе!“ Этотъ послѣдній кличъ былъ поддержанъ рѣшительно всею залою и заглушенъ только аплодисментами.

При выходѣ изъ залы 6 человѣкъ были арестованы; четырехъ при этомъ избили: Постоловскаго, Зимина, Блока и еще одного. Узнавъ о случившемся, публика и гласные рѣшили не расходиться, пока арестованные не будутъ выпущены. Губернскій предводитель дворянства Алехинъ, предсѣдатель собранія, велъ себя вполнѣ порядочно. Онъ отправился для переговоровъ съ губернаторомъ, послѣ чего арестованные были выпущены. Тутъ же былъ составленъ протоколъ объ ихъ арестѣ и избіеніи. Побои были засвидѣтельствованы двумя врачами, Павловымъ и Меркуловымъ, выбранными всей публикой, ожидавшей ихъ возвращенія. У Постоловскаго констатировано одиннадцать ссадинъ. Публики было около 300 человѣкъ.

На другой день губернаторъ распорядился не впускать публику; тогда Управа отказалась дѣлать доклады, а земскіе гласные отказались засѣдать. Поэтому земское собраніе было закрыто.

Казань. Съ вѣдома мѣстнаго соціальдемократическаго комитета 26 декабря состоялась политическая вечеринка, гдѣ былъ прочитанъ рефератъ „О роли личности въ исторіи“. Присутствовали 257 человѣкъ. Доходъ съ вечеринки, 93 руб. 50 коп., поступилъ на нужды комитета.

Послѣ дебатовъ по поводу реферата, болѣе 100 человѣкъ изъ присутствующихъ осталось для обсужденія неотложныхъ вопросовъ, „что и какъ дѣлать“. Было произнесено нѣсколько рѣчей агитаціоннаго характера и выработана слѣдующая резолюція:

I. Мы признаемъ демократическую республику необходимымъ условіемъ развитія Россіи.

II. Мы заявляемъ, что ни либеральныя реформы, ни конституція, выработанная внѣ участія народныхъ представителей, — не способны удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ русской общественной жизни.

III. Въ достиженіи практическихъ результатовъ по указаннымъ вопросамъ мы признаемъ возможной временную взаимную поддержку революціонныхъ партій и организацій, направленныхъ не во вредъ интересамъ пролетаріата.

IV. Мы примыкаемъ къ революціонному движенію, поставившему цѣлью осуществленіе требованій, указанныхъ въ первыхъ пунктахъ.

V. Въ виду того, что 1, война была предпринята безъ согласія народа и 2, ея дальнѣйшее веденіе неминуемо поведетъ къ разоренію Россіи, требуемъ немедленнаго ея прекращенія.

VI. Проситъ мѣстный соціальдемократическій комитетъ и „Ассоціацію революціонеровъ“ ознакомить съ настоящей резолюціей казанскую публику и напечатать эту резолюцію въ „Искрѣ“, „Революціонной Россіи“ и органѣ Бунда.

Казанскій комитетъ привѣтствуетъ эту резолюцію, свидѣтельствующую о томъ, что соціальдемократическія идеи все болѣе и болѣе проникаютъ въ среду рабочихъ, учащейся молодежи и интеллигенціи.

Казанскій комитетъ высказываетъ пожеланіе, чтобы подъ знамя этихъ идей собрались всѣ честные русскіе люди—и пусть ихъ лозунгомъ будетъ: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія!

Казанскій Комитетъ. Декабрь 1904 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЛАССОВАЯ ВОЙНА ВЪ РУРСКОМЪ БАССЕЙНѢ.

Грандіозныя событія, происходящія въ Россіи, совершено отвлекли вниманіе всѣхъ отъ другой громадной важности соціальной драмы, разыгрывающейся въ настоящее время въ Вестфаліи. Всеобщая стачка 200 тысячъ углекоповъ рурскаго басейна не только по времени совпала съ петербургскимъ движеніемъ: она и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ съ нимъ родственныя черты. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Вестфаліи мы имѣемъ дѣло съ элементарнымъ движеніемъ народной стихіи, гдѣ доводы разсудка отступаютъ на задній планъ и громче всего говоритъ возмущенное чувство, долго сдерживавшееся многими годами порабощенія и эксплуатаціи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь сознательные элементы представляли незначительное меньшинство, совершенно утопавшее въ сѣрой массѣ достигшихъ различныхъ ступеней классового сознанія рабочихъ. И тамъ и здѣсь сознательное организованное меньшинство отнеслось отрицательно (во второмъ случаѣ скептически) къ избранной формѣ протеста, но примкнуло къ нему и стало руководить имъ тогда, когда оказалось, что революціонному натиску массъ невозможно напередъ предписывать опредѣленныя, заранѣе установленныя формы. Было и въ рурскомъ бассейнѣ свое „общество русскихъ рабочихъ“, именуемое здѣсь „католическимъ союзомъ горнорабочихъ“, основаннымъ партіей центра для борьбы съ соціальдемократіей и для пропаганды примиренія классовъ, но фактически оказавшимся во главѣ стачечнаго движенія, рядомъ съ соціальдемократическимъ союзомъ горнорабочихъ. Наконецъ, чтобы не отсутсвовалъ и общій комическій элементъ, здѣсь тоже пускали въ публикѣ слухъ, объ „англичанкѣ, которая всѣмъ гадитъ“, которой рурская стачка, по словамъ политическихъ сплетниковъ, оказывалась въ такой же мѣрѣ выгодной въ экономической области, какъ петербургская была выгодна въ политической.

Но на этомъ сходство кончается. Оба движенія происходятъ въ слишкомъ различной культурной и соціально-политической обстановкѣ, чтобы не сказалась громадая разница въ обоихъ движеніяхъ. Какъ ни отстало большинство рурскихъ углекоповъ, — среди нихъ много пришельцевъ изъ восточныхъ польскихъ провинцій, — никому изъ нихъ не приходило въ голову посылать петицію императору или какому-нибудь министру: начавши борьбу, они знали, что могутъ и должны разсчитывать на свои собственныя силы да на поддержку своихъ товарищей рабочихъ. Когда началась стачка, въ рурскій районъ отправлено было довольно много полиціи и жандармовъ, но до сихъ поръ не слышно было, чтобы они производили какіе-нибудь безпорядки, убивали или увѣчали людей. На собраніяхъ стачечниковъ часто выступали, между прочимъ, и священники, высказывавшіе свои симпатіи къ стремленіямъ рабочихъ, но ни одинъ изъ нихъ не сталъ въ ряды рабочихъ, подобно священнику Гапону, ибо этого послѣдняго подняла наверхъ волна ростущаго революціоннаго движенія буржуазной демократіи, тогда какъ въ Западной Европѣ эта буржуазная демократія ведетъ исключительно паразитное существованіе безъ всякихъ видовъ на лучшее будущее. Да рурскимъ рабочимъ и не надо было вождей изъ буржуазной среды: тутъ были на мѣстѣ рабочія организаціи, которыя, правда, охватывали только часть рабочихъ, но были извѣстны всѣмъ безъ исключенія, какъ организаціи, которыя до конца будутъ отстаивать интересы рабочаго класса, будутъ принимать посильное участіе въ борьбѣ и никогда не предадутъ своихъ товарищей ни капиталистамъ, ни правительству. И не смотря на то, что этихъ организацій въ районѣ оказалось нѣсколько (всего четыре: такъ называемый „свободный“, т. е. соціальдемократическій союзъ горнорабочихъ, католическій, Гиршъ-Дункеровскій и польскій союзы), не смотря на то, что, — какъ показываютъ самыя названія этихъ союзовъ, — въ нихъ господствуетъ порядочная путаница взглядовъ, принциповъ и программъ, тѣмъ не менѣе руководство движеніемъ отличается замѣчательнымъ единствомъ и согласованностью, благодаря, главнымъ образомъ, той атмосферѣ гласности, въ которой дѣйствуютъ всѣ отвѣтственныя лица организаціи.

Переходимъ къ фактамъ. Въ свое время мы сообщали о началѣ стачки на шахтѣ Брухштрассе. Мы указали тамъ и на практику предпринимателей, соединившихся въ синдикатъ углепромышленниковъ и стремившихся ввести своеобразную регулировку производства путемъ закрытія нѣкоторыхъ шахтъ и увольненія рабочихъ. Въ результатѣ на незакрытыхъ, болѣе прибыльныхъ шахтахъ число рабочихъ увеличилось, и такъ какъ приспособленія для спуска и подъема рабочихъ не были измѣнены, то на это стало уходить гораздо больше времени, чѣмъ прежде. Отъ рабочихъ стали требовать, чтобы они являлись на работу раньше, а освобождаться они стали позже. А между тѣмъ, существовалъ договоръ между шахтовладѣльцами и рабочими, заключенный послѣ большой стачки Вестфальскихъ углекоповъ въ 1889 году, устанавливающій 8 часовъ для подземной работы и *не болѣе получаса* для подъема и спуска. Теперь на это сталъ уходить цѣлый часъ, а иногда и того больше. Кромѣ того, сильное неудовольствіе рабочихъ вызвали злоупотребленія при принятіи нагруженныхъ углемъ возовъ: такъ какъ въ углѣ часто встрѣчаются каменныя глыбы, то конторщики перестали брать въ счетъ такіе возы, причемъ, какъ впослѣдствіи показали нѣкоторые мальчики, имъ было поручено бросать камни на возы, чтобы такимъ образомъ увеличить число не засчитываемыхъ возовъ. Понятно, какъ возмущало рабочихъ такое наглое поведеніе предпринимателей и ихъ клевретовъ. Было еще не мало причинъ для негодованія рабочихъ: существовавшій раньше обычай выдавать рабочимъ за полцѣны уголь для ихъ домашняго употребленія сталъ постепенно выводиться или подвергаться многочисленнымъ исключеніямъ, штрафы усилились, обращеніе стало грубѣе, число больныхъ увеличилось въ страшной пропорціи. Положеніе становилось невыносимымъ. Долго сдерживаемое стараніями мѣстныхъ организацій, оно наконецъ прорвалось.

На разныхъ шахтахъ рабочіе въ началѣ января стали выбирать комиссіи для веденія переговоровъ съ хозяевами объ отмѣнѣ многихъ изъ вновь введенныхъ стѣснительныхъ правилъ. Но хозяева не пожелали говорить съ представителями тѣхъ, чей трудъ создаетъ для нихъ милліоны. 7-го января рабочіе шахты Брухштрассе, послѣ неудачныхъ попытокъ получить свиданіе съ шахтовладѣльцами, вступили въ стачку. На происходившемъ вечеромъ того же дня собраніи рабочихъ рѣшено было обратиться къ установленному закономъ для подобныхъ случаевъ третейскому суду, передъ которымъ представители рабочихъ должны были отстаивать опредѣленныя, тутъ же выработанныя требованія извѣстнаго минимума заработной платы и гуманнаго обращенія. Собраніе просило рабочихъ другихъ шахтъ и всего бассейна не вступать въ стачку, чтобы не повредить общему дѣлу.

Но это было напрасно. Повсюду возмущеніе рабочихъ росло и повсюду на собраніяхъ рѣчи представителей организацій, совѣтовавшихъ подождать, не начиная безпорядочной стачки и пытаясь удержать стачечное движеніе въ опредѣленныхъ предѣлахъ, встрѣчались криками: „долой тормазы! пора кончить съ этимъ положеніемъ вещей!“ 7 числа стали бросать работу на другихъ шахтахъ, а 8 въ стачкѣ находилось уже 25 тысячъ человѣкъ. На происходившихъ вечеромъ восьмого многочисленныхъ собраніяхъ вожаки всѣхъ организацій опять пытались подѣйствовать успокоительно на массы, но безрезультатно: молча выслушали рабочіе убѣжденія ораторовъ не продолжать эту, начатую безъ плана, стачку и вернуться къ работѣ, и молча же вотировали продолженіе стачки. На 12-е число была назначена конференція всѣхъ довѣренныхъ лицъ отъ всѣхъ организацій цѣлаго бассейна, и остальнымъ рабочимъ предложено дожидаться рѣшеній этой конференціи. Но и это не помогло; еще раньше, чѣмъ конференція успѣла собраться, въ стачкѣ находилось уже 80 тысячъ человѣкъ, вездѣ бросавшихъ работу подъ вліяніемъ провокаціи предпринимателей, отказывавшихся принимать представителей отъ рабочихъ для переговоровъ.

И въ слѣдующіе дни стачка продолжала рости, хотя вожаки продолжали всячески удерживать. „Характерно, разсказываетъ одинъ корреспондентъ, что именно христіанскіе рабочіе оказывали сильное давленіе на своихъ вожаковъ. Представители католическаго союза бросили соц.-дем. Шредеру упрекъ въ томъ, что онъ топчется на одномъ мѣстѣ, причемъ одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „мы довольно молились, теперь мы хотимъ дѣйствовать!“ Тѣмъ не менѣе выше упомянутая конференція, на которой присутствовало 74 представителя отъ соціальдемократическаго союза, 67 отъ христіанскаго, 7 поляковъ и 3 отъ Гиршъ-Дункеровскаго союза, приняла слѣдующую резолюцію: „Конференція самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ отсутствіе дисциплины у тѣхъ рабочихъ, которые вступили въ стачку, не договорившись съ организаціями и не выставивъ никакихъ требованій. Движеніе горнорабочихъ только въ томъ случаѣ можетъ быть доведено до счастливаго конца, когда среди рабочихъ царитъ желѣзная дисциплина. Принимая во вниманіе, что стачка приняла уже очень обширные размѣры, приглашеніе стачечникамъ взяться опять за работу могло бы послужить причиной для дальнѣйшаго ухудшенія ихъ положенія и вызвало бы со стороны предпринимателей массу увольненій. Конференція приглашаетъ находящихся уже въ стачкѣ рабочихъ продолжать ее, но остальнымъ рабочимъ слѣдуетъ не начинать пока стачки.

Конференція рѣшаетъ: требованія рабочихъ будутъ сейчасъ же формулированы и завтра переданы союзу предпринимателей съ просьбой дать отвѣтъ до полудня 16-го числа. Если отвѣтъ получится отрицательный, то 17 числа всѣ горнорабочіе должны бросить работу. 16 послѣ полудня конференція должна снова собраться, чтобы принять дальнѣйшія мѣры.“

Такъ масса толкала впередъ своихъ вождей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Вышли листки „**Искры**“: 1) „Пора кончать!“, 2) „Въ бой за свободу!“, 3) „Ко всѣмъ гражданамъ“, 4) „Какое намъ нужно страхованіе?“ (всѣ посвящ. петерб. событіямъ). **Петерб.** группы при Ц. К.: „Кого судить“, „Письмо сознат. раб. — с.-д.“. Той же группы (ея районной организаціи на Петерб. стор. — воззваніе по поводу 9 янв.). **Москов.** Ком.: „Къ обществу“, „Къ гражданамъ“, „Къ солдатамъ“, „Призывъ къ всеобщ. забастовкѣ“ и „Кто предатель?“. **Кіевск.** Ком.: „Паденіе Портъ-Артура“ (6000 экз.), „Въ Петербургѣ возстаніе!“ (6000 экз.), „Ко всѣмъ рабоч. и работниц.“ (4000 экз.), 3 №№ бюллетеня и „Что даетъ царскій указъ?“ (6000 экз.). **Одесской** группой Ц. К.: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (о петерб. событіяхъ). **Екатериносл.** Ком.: „Настала пора дѣйствовать!“ и „Гроза разразилась (оба — ко всѣмъ рабочимъ). Къ рабочимъ Днѣпр. завода (отъ стачечной коммиссіи заводу), „Къ рабочимъ печатни Яковлева“, „Ко всѣмъ гражданамъ“, Къ рабочимъ гвоздильнаго завода Гандтке. **Саратовск.** Ком. „Къ гражданамъ (о всеобщ. забастовкѣ). **Виленской** группой: „Къ рабочимъ“ и „Къ гражданамъ“. **Крымск. Союзомъ**: „Къ обществу“, „Паденіе Портъ-Артура“, „Ко всѣмъ работницамъ мастерской Шварцмана“. **Воронежск.** Ком. — Къ рабочимъ (о петерб. событіяхъ, призывъ къ стачкѣ). **Черниговск.** группой: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (объ окончаніи „весны“) и „Резолюція 143 рабочихъ“. **Полѣсск.** Ком. „Къ обществу“. **Казанск.** Ком. „Резолюція сходки 26 дек.“. **Курскаго** Ком. „Къ запаснымъ“ (225 экз.). **Астраханск.** Ком. — Рабочій листокъ № 1. **Бакинск.** Ком. — Листокъ съ приглашеніемъ окончить стачку. **Бакинск.** Организаціей Балахан. и Бибиэйбат. раб. „Ко всѣмъ рабочимъ“ (листокъ объ окончаніи стачки и полученныхъ отъ капиталистовъ уступокъ). **Батумск.** Ком. — Бюллетень № 6. **Сибирск. Союз.** „Къ солдатамъ“ (20000 экз. и „Еще шагъ!“ (15.000 экз.). **Бахмутской** группы **Донецкаго** Союза — отчетъ о дѣятельности (печ. **Томск.** Ком. „Къ революціонному студенчеству“ (1000 экз.).

Ц. К-омъ переизданы отд. оттиски изъ № 2 „Соціаль-Демократа“: „Рабы взбунтовались“ и „Политическое обозрѣніе“ по 10000 экз.).

Группой товарищей выпущенъ № 1 газеты для рабочихъ „Голосъ труда“.

Съ ноября по 15 января **Крымскій Союзъ** распространилъ въ Севастополѣ, Симферополѣ, Өеодосіи, Мелитополѣ, Геническѣ, Керчи, Ялтѣ и Евпаторіи до 45 тысячъ разныхъ листковъ, главнымъ образомъ, редакціи „Искры“. Изъ этого числа вышли въ изд. и ред. Союза: „Къ запаснымъ“ 11000 экз., „Къ обществу“ 8000 экз., „Что такое политическая свобода“ 10000 экз. и рѣчь Л. Громозовой 5000 экз.

Вышла отдѣльнымъ оттискомъ изъ № 4 „Соціальдемократа“ „Петиція петербургскихъ рабочихъ“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

34. Получили. **Варв.** Очень обрадовались вашему сообщенію. Пишите почаще и также полно. **Курилкѣ.** Все получено. Отвѣтъ посылаемъ. — Адресъ Мюллера безусловно отмѣняется.

Объединенной Эмигрантской кассой получено отъ 20 сентября по 31 декабря 1904 г. через Лигу:

Собрано на реф. Плеханова 2. 15; отъ N. чер. Ив—у 10. чер. М. изъ Л. 5+14, чер. эксп. отъ Бруев. 15, отъ Б. по листу № 16 (спец.) 5, для И. (спец.) 15, отъ К. по листу № 16 (спец.) 40, отъ Балаг. изъ Софіи 5, отъ г-жи М. (спец.) 20, чл. ван. отъ ст. С. Д. 60, отъ N. чер. Ив—у 10; отъ Interlakena (спец.) 27, отъ Назарбекова (спец.) 20; отъ ст. С. Д. 50; изъ Дармштадта „Drei Sirenen“ 45; отъ Розан. 4; отъ его сестры 1; отъ Dr G. (чер. Р. М.) 10; отъ разн. лицъ 20.80, по подп. листу № 21 изъ Давоса 70; отъ Enfant terrible изъ Арозы 20; отъ Розан. 6; чер. Р. М. отъ М. 10; для Абр. (спец.) 11; отъ наборщиковъ парт. типогр. 30; отъ N. чер. Ив—у 10; отъ Mlle Golb. 3. Черезъ Бундъ: изъ Дрезд. 73.80; Жен. Д. Ц. 27; Лозан. 36; Жен. № 26 под. листъ 14; отъ Берич. чер. Як. 75; Loc. п. л. 6; Брюс. 30; Монп. 36; Карлсруэ 49.78; Дрезд. 48; Фрейб. 59; Льежъ 40; Рейлинъ 4; по подп. лист. №№ 11, 72, 73, 74, 75 23.25; изъ Ма 43; Монп. 20.75; Льежъ 30; Фрейб. въ Б. 29.45; на диск. о реф. Владимирова 6.50. Итого 1123 фр. 53 сант.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной „Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“).

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 86. Четвергъ, 3-го февраля 1905 г. Годъ V

ОБЩЕСТВО. NEW YORK. SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

ВЪ ВОДОВОРОТѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Женева, 1 февраля.

Говорятъ, наступило затишье... Говорятъ даже, что революція девятаго января окончилось неудачей, что теперь надо ждать другой, побѣдоносной революціи... Странное затишье... Странное пониманіе революціи...

Быстрое разложеніе и ломка верхушки правительственнаго механизма; царь, вчера отказавшійся принять депутацію рабочихъ, сегодня фабрикующій самъ себѣ на заказъ подобіе такой депутаціи; генералъ-губернаторство и министерство ежевыхъ рукавицъ, смѣняющее министерство „довѣрія" и одновременно слухи о близкомъ созывѣ земскаго собора; обыскъ — дѣйствительный или предполагаемый, для характеристики господствующаго настроенія это почти безразлично — у предсѣдателя комитета министровъ и настойчивыя стремленія этого хитроумнаго Улисса царской бюрократіи возможно шире оповѣстить весь міръ о своей „невиновности" въ кровопролитіи 9 го января; совѣщаніе министра финансовъ съ промышленниками, гдѣ ихъ, почти приставивъ ножъ къ горлу, „убѣждаютъ" сдѣлать рабочимъ тѣ ничтожныя уступки, которыя, по мнѣнію правительства, прольютъ цѣлительный бальзамъ на нанесенныя царизмомъ кровавыя раны; административная скачка по дорогѣ къ „реформамъ", причемъ промышленники, которыхъ вчера силой гнали къ уступкамъ, сегодня призываются „ограждать" интересы рабочихъ въ вопросѣ о государственномъ страхованіи, а прелюбодѣю мысли Суворину и мракобѣсу Мещерскому вручается судьба свободы печати, при благосклонномъ участіи соглашающихся покрывать всю эту грязь своими именами генераловъ отъ либерализма—Кони, Арсеньева и Стасюлевича. Вотъ неполная картина того шквала, который все переворачиваетъ въ правительственныхъ верхахъ. А внизу? Общественныя и сословныя учрежденія, все съ большей и большей настойчивостью и опредѣленностью заявляющія свои освободительныя требованія; публичное выраженіе симпатій жертвамъ девятаго января и негодованія убійцамъ; заявленіе московскихъ промышленниковъ; пресса, несмотря на висящій надъ ней дамокловъ мечь бѣлаго террора говорящая подчасъ такимъ языкомъ, какой не часто встрѣчался и въ разгарѣ министерской „весны"; солдаты, убивающіе офицеровъ, которые приказывали стрѣлять въ народъ; стачечная гражданская война, охватившая чуть не половину Россіи; и кровь, кровь, цѣлыми потоками проливаемая борющимся пролетаріатомъ...

И это — затишье? Это — неудачный конецъ революціи? Нѣтъ, это сама революція, не кончившаяся, а только начавшаяся, революція съ ея неизбѣжными смѣнами приливовъ и отливовъ, революція, проявляющаяся то въ мелкихъ партизанскихъ стычкахъ, то въ длительныхъ обходныхъ движеніяхъ, то въ прямой, фронтальной аттакѣ на врага. И только мысль, привыкшая скользить по поверхности, только мысль, не умѣющая охватить весь колоссальный фактъ соціально-политическаго переворота, какимъ является революція, во всей его полнотѣ и цѣпляющаяся за отдѣльные „блестящіе" эпизоды, только мысль сторонняго наблюдателя и дилеттанта революціи можетъ продиктовать представленіе о какомъ то первомъ „настоящемъ" натискѣ пролетаріата, который будто бы еще только „предстоитъ".

Не къ „веснѣ", и не къ „теплому времени" и не къ какимъ инымъ срокамъ должны мы „готовиться", а сейчасъ, немедленно должны вложить въ уже совершающуюся революцію весь политическій и организаціонный капиталъ, накопленный нашей партіей. И только въ процессѣ непосредственнаго и всесторонняго участія нашего въ революціи будетъ этотъ капиталъ затрачиваться производительно, будетъ возрастать съ головокружительною быстротою. Конечно, всѣ предположенія говорятъ за то, что — и, быть можетъ, не разъ еще — повторится генеральная битва по всему фронту между самодержавіемъ и возставшимъ народомъ. Но смѣшно и нелѣпо пытаться заранѣе точно опредѣлить и назначить время этого сраженія въ зависимости отъ того, какъ начертили мы наши военные „планы". Исторія всегда умѣла спутать чертежи любого Архимеда, перехитрить самаго хитраго стратега и застать „врасплохъ" того, кто не готовъ былъ въ любую минуту грудью встрѣтить врага. Не пріурочивая нашу дѣятельность ни къ какому опредѣленному „моменту", и не подчиняя ее всецѣло подготовкѣ опредѣленной формы „натиска", мы должны расположить наши силы такъ, чтобы быть всегда по возможности болѣе готовыми и къ „натиску", и къ партизанскимъ стычкамъ, и къ затяжнымъ обходнымъ операціямъ.

И само собою разумѣется, что во всѣхъ „боевыхъ" эпизодахъ, революціонная по самому существу своему, соціальдемократія должна стоять въ первыхъ рядахъ борющагося народа. Соціальдемократія должна сдѣлать все, что въ ея силахъ, чтобы пролетаріатъ не оказался снова безоружнымъ и беззащитнымъ передъ лицомъ врага; она должна въ день кровавыхъ битвъ указать исходъ революціонному чувству народа, планомѣрно направлять боевую энергію массъ на самые слабые пункты вражескихъ укрѣпленій; своею бодростью, смѣлостью и отвагой она должна увлекать въ рѣшительное наступленіе возставшую толпу. Но, пуская въ ходъ оружіе, порохъ и динамитъ, становясь во главѣ народа, силой завоевывающаго себѣ свободу и дезорганизующаго ряды враговъ, соціальдемократія съ тѣмъ большей настойчивостью и зоркостью должна имѣть въ виду главную цѣль свою — охрану классовыхъ интересовъ пролетаріата, не только въ смыслѣ напоминанія ему великихъ конечныхъ цѣлей его, но и въ смыслѣ самостоятельности участія его въ освободительной борьбѣ сегодняшняго дня.

Пусть горячѣе течетъ кровь въ жилахъ, пусть чаще бьется охваченное гнѣвомъ и радостною надеждою сердце, пусть злобно сжимаются кулаки! Тотъ не революціонеръ, въ комъ не дрожатъ напряженно всѣ фибры души въ эти великіе историческіе дни. Но пусть не кружится голова! Тотъ не политическій дѣятель, тотъ — не слуга пролетаріата, кто въ минуту высшаго душевнаго подъема теряетъ изъ виду ту путеводную звѣзду, которая яркимъ свѣтомъ свѣтила намъ на всемъ протяженіи нашего пути, кто сбивается съ дороги именно тогда, когда пролетаріату нужнѣе всего его служба.

И сегодня, какъ и вчера, какъ и завтра соціальдемократія не можетъ оставить ни на минуту своей критической работы. Опираясь на классовые интересы пролетаріата, выдвигая эти интересы на первый планъ во всѣхъ стадіяхъ революціонной борьбы, соціальдемократія будетъ тѣмъ самымъ мощно двигать впередъ самое революцію. И конечно, въ этой работѣ насъ не остановятъ лицемѣрные крики о „рекламѣ для своей фракціи", исходящіе со стороны тѣхъ, кого весь развертывающійся ходъ историческихъ событій бьетъ по лицу. Для насъ соціальдемократія — не торговая фирма, не бойко торгующая лавочка, а великій историческій *принципъ*, освѣщающій всю совокупность современныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ отношеній и дающій въ руки пролетаріата ключъ, который съ наименьшимъ трудомъ и наименьшими жертвами отворитъ ему завѣтныя двери, ведущія въ царство свободы. Если исторія „рекламируетъ" этотъ принципъ, мы съ глубокою радостью привѣтствуемъ эту „рекламу". Мы „воспользуемся" ею для того, чтобы еще и еще разъ указать пролетаріату на необходимость классовой организаціи, классовой политики, классовой самостоятельности и самодѣятельности.

Въ мрачную эпоху 80-хъ годовъ, послѣ крушенія надеждъ борцовъ Народной Воли, посреди всеобщей растерянности и отчаянія возвысила свой голосъ русская соціальдемократія, чтобы сказать, что нарождается, что народился уже классъ, которому суждено въ борьбѣ за свое освобожденіе освободить всю страну отъ позора самодержавія. Съ борьбой этого класса неразрывно связала соціальдемократія свое дѣло. Сквозь строй ожесточенныхъ нападокъ, недовѣрія, криковъ объ „узости", „нетерпимости", „сектантствѣ" несла она красное знамя классовой борьбы пролетаріата, какъ единственный залогъ свободы. Посреди трусливаго ожиданія неожиданныхъ милостей сверху, она одна хранила вѣру въ революцію. Посреди метанія отъ одного чудодѣйственнаго средства борьбы къ другому, она одна хранила вѣру въ борьбу народныхъ массъ.

Въ рядѣ долгихъ, упорныхъ битвъ росло классовое сознаніе и закалялся революціонный духъ рабочаго класса. Жертва всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи, пролетаріатъ гордо могъ заявить, что его классовыя требованія одни только не носятъ на себѣ печати классовой ограниченности, что, ставя себѣ конечною цѣлью освобожденіе всего человѣчества, онъ и въ каждомъ этапѣ своей борьбы несетъ свободу для всѣхъ. И въ день 9-го января передъ всемъ міромъ пролетаріатъ выступилъ, какъ передовой борецъ, несущій въ дѣло освобожденія не только свою физическую силу, но и свои демократическіе лозунги, передъ которыми отнынѣ безповоротно должны стушеваться тѣ робкія, предательскія рѣшенія вопроса о свободѣ, которыя старался продиктовать народу классовый эгоизмъ имущихъ.

Революція началась, и она будетъ совершаться во имя созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, во имя демократіи. Послѣ 9-го января вопросъ о республикѣ изъ области тѣхъ „утопическихъ" мечтаній, которыя такъ охотно клеймятъ люди, принимающіе свою близорукость за трезвость мысли, вопросъ о республикѣ всталъ на очередь дня. И съ радостнымъ чувствомъ сѣятеля, послѣ долгой и упорной работы видящаго первые всходы своего посѣва, соціальдемократія можетъ смотрѣть на тотъ размахъ политической мысли, который обнаружили петербургскіе пролетаріи. Не изъ легальныхъ газетъ, не изъ земскихъ резолюцій, не изъ либеральныхъ рѣчей на банкетахъ вышелъ тотъ лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и всеобщаго. равнаго, прямого и тайнаго голосованія, который сдѣлало своимъ петербургское возстаніе. Соціальдемократія одна[1] несла его рабочему [illegible], и, [illegible] петербургскимъ возстаніемъ организаціонно, она въ значительной степени руководился имъ политически.

„Было бы въ высшей степени опасно, если бы мы, полагаясь на возможность для насъ непосредственнаго *организаціонкаю* руководства всей многомилліонной массой пролетаріата, не оцѣнили въ полной мѣрѣ первостепенной важности укрѣпленія элементовъ нашего *политическаго* руководства рабочимъ классомъ" — писали мы 10 мѣсяцевъ тому назадъ[2] и можемъ еще съ большей силой повторить это теперь, когда рѣчь идетъ не о движеніи одного только пролетаріата, а о *всенародномъ* возстаніи.

Не упуская изъ виду необходимости расширять свой организаціонный базисъ и даже настаивая на ней, мы все же такъ мало дорожимъ „рекламой" для своей фракціи, что открыто признаемся: движеніе стотысячныхъ массъ, хотя бы непосредственно руководимыхъ не нами, но несущихъ наши политическіе лозунги, для насъ несравненно цѣннѣе таинственныхъ операцій самыхъ ортодоксальныхъ „неуловимыхъ" кружковъ конспираторовъ. Потому что мы вѣримъ въ революціонность рабочихъ массъ и вѣримъ, что логика политическаго положенія толкнетъ въ концѣ концовъ эти массы и въ нашу партійную организацію. И, наоборотъ, мы не вѣримъ въ сомнительно-ортодоксальную алхимію „штаба спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей", который, опираясь на одно слѣпое „довѣріе" массы, приведетъ ее въ царство народной свободы.

Съ этой позиціи насъ, конечно, не столкнутъ тѣ революціонныя мухи-поденки, фантазія которыхъ тѣмъ необузданнѣе витаетъ въ области всевозможнаго прожектерства, чѣмъ менѣе связаны онѣ въ дѣйствительности съ революціонной партіей, съ революціоннымъ народомъ, съ революціоннымъ движеніемъ.

Оружіе! Захватъ государственнаго банка! Порча желѣзныхъ дорогъ! — вотъ „едва ли не самые настоятельные вопросы теперь", вопятъ картонные герои, для которыхъ одною формою „возстанія" исчерпываются всѣ проблемы, выдвигаемыя передъ соціальдемократіей русской революціей. Да, нужно оружіе, нужно во время возстанія портить желѣзныя дороги, нужно захватывать государственный банкъ, и нужно даже вести просто „революціонную" агитацію, когда не можешь или не умѣешь вести агитаціи соціальдемократической. Но и съ оружіемъ и со всякими захватами лучше всего справляются тѣ, кто не такъ громко бряцаетъ саблей въ своемъ воображеніи, для кого и оружіе и возстаніе есть лишь необходимое средство для несравненно болѣе сложной и глубокой цѣли. Соціальдемократія будетъ усиленно работать и надъ разрѣшеніемъ техническихъ вопросовъ борьбы, но она будетъ помнить, что въ дни революціи, когда развязывается вѣковой узелъ общественно политическихъ отношеній и рѣшаются будущія судьбы страны, „самымъ настоятельнымъ" вопросомъ является для насъ вопросъ о политической позиціи рабочаго класса, и что только въ связи съ этой политической работой могутъ быть для соціальдемократіи разрѣшены и вопросы техническіе.

Не впадая въ уныніе и разочарованность въ дни затишья, не увлекаясь авантюрами въ дни общественнаго подъема и возбужденія, старалась идти наша партія въ своей многолѣтней работѣ. Въ событіяхъ послѣдняго времени наша партія слишкомъ ясно почувствовала свое духовное родство и связь съ рабочей массой, слишкомъ наглядно увидѣла воплощеніе въ плоть и кровь своего дѣла, чтобы эти событія еще больше не укрѣпили соціальдемократію въ слѣдованіи по тому вѣрному пути, на который она стала. Какъ Антей, черпавшій свою силу отъ прикосновенія къ землѣ, росла и крѣпла наша партія каждый разъ, какъ могучій подъемъ пролетарской борьбы приводилъ ее въ соприкосновеніе съ мощными пластами рабочихъ массъ.

Можно ли сомнѣваться, что изъ всколыхнувшей милліонныя массы революціонной бури, она выйдетъ окрѣпшей и усилившейся до неузнаваемости? Вѣдь каждый день современной революціонной борьбы вливаетъ свѣжую кровь въ жилы соціальдемократіи. Уже теперь партія настолько чувствуетъ свою органическую связь съ пролетаріатомъ что, вопреки мнѣнію тов. Парвуса, не отъ „такта" пары—другой интеллигентовъ зависятъ ея судьбы. Прошло то время, когда партія могла распасться, не выдержавъ тѣхъ желѣзныхъ тисковъ, въ которые пыталась заковать ее бюрократическая фантазія революціонныхъ администраторовъ. Полтора года тяжелой борьбы и упорной работы не прошли даромъ. Широкіе кадры рабочихъ тѣсно, кровно связаны со своей партіей, и партія можетъ съ гордостью сказать всѣмъ, кто вздумалъ бы грозить ей „расколомъ": раскола быть уже не можетъ, можетъ быть только совершенно безразличное для партіи откалываніе отъ нея ничтожныхъ группъ, ничего не дающихъ партіи, ничѣмъ не связанныхъ ни съ нею, ни съ дѣломъ рабочаго класса.

Революція началась. Революція ставитъ передъ нами колоссальныя политическія задачи, какія не стояли еще ни передъ одной партіей въ мірѣ. Соціальдемократія, партія рабочаго класса, одна можетъ взять на себя бремя разрѣшенія этихъ задачъ. Силы дороги, ихъ нельзя расточать безплодно. Пусть же всѣ соціальдемократы, всѣ, кто чувствуетъ огромную отвѣтственность, налагаемую званіемъ выразителя пролетарскихъ интересовъ, пусть всѣ сплотятся для дружной, совмѣстной работы! Пусть коллективная мысль партіи неустанно работаетъ надъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ революціи, и пусть народныя массы на каждомъ шагу своей революціонной борьбы видятъ во главѣ себя, въ рядахъ своихъ соціальдемократа. Петербургскіе товарищи показали намъ первый примѣръ: соціальдемократъ, неустанно агитирующій, соціальдемократъ, идущій въ первыхъ рядахъ народнаго шествія, соціальдемократъ — первымъ умирающій на баррикадѣ!

Вотъ путь, по которому мы должны идти!

---

[1] Этотъ лозунгъ выдвинутъ былъ еще женевскимъ „Соціальдемократомъ" по случаю голода 1891—2 г.

[2] „Грядущій кризисъ". Искра № 63.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ И ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ.

(Памяти Ст. Халтурина).

5 февраля истекаетъ 25 лѣтъ съ того времени, какъ одинъ изъ героическихъ сыновъ русскаго пролетаріата, провозвѣстникъ соціальдемократическаго движенія, Степанъ *Халтуринъ*, пытался взорвать динамитомъ Зимній дворецъ и, уничтоживъ домъ Романовыхъ, отвоевать рабочему классу арену для борьбы за его соціальное освобожденіе.

Задача оказалась неразрѣшимой съ того конца, съ котораго ее взялся рѣшать Халтуринъ послѣ того, какъ первыя попытки его рѣшить ее на вѣрномъ пути, организаціей Сѣв.-Рус. Раб. Союза, были разбиты самодержавіемъ...

И [illegible] черезъ два года послѣ взрыва, 5 февраля, Халтуринъ погибъ на дѣлѣ мести раздавившему Южно-русскій рабочій союзъ палачу Стрѣльникову, царское самодержавіе торжествовало рѣшительную побѣду надъ русской революціей.

Четверть вѣка прошло.

Сѣверно-русскій рабочій союзъ возродился въ видѣ Петербургскаго Союза борьбы, въ видѣ многочисленныхъ рабочихъ организацій, въ видѣ Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи. Изъ костей Халтуриныхъ возстало бодрое поколѣніе Матлаховыхъ, Заломовыхъ, Ставскихъ и многихъ другихъ, безымянныхъ... Четверть вѣка прошло, и русскій рабочій снова пришелъ къ Зимнему Дворцу, но уже не какъ отчаявшійся одиночка, тайно пробирающійся въ царскіе покои, а какъ многотысячная армія, открыто предъявляющая требованія, открыто вызывающая на бой враговъ русскаго народа.

Взрывъ, произведенный Халтуринымъ, убилъ и ранилъ десятки солдатъ. Выстрѣлы, встрѣтившіе стотысячную массу рабочихъ 9 января, убили и ранили тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но эти же выстрѣлы вызвали въ стотысячной массѣ тотъ духъ, который четверть вѣка назадъ двигалъ Халтуринымъ. Къ оружію! сказалъ себѣ вятскій столяръ, когда царскіе опричники разгромили созданныя его трудомъ ячейки рабочей организаціи. Къ оружію! застонала тысячеголосая толпа, когда увидала трупы своихъ товарищей, когда была разодрана солдатскими пулями ея петиція о правахъ.

25 лѣтъ понадобилось, чтобы партизанская аттака Халтурина на Зимній дворецъ превратилась въ движеніе петербургскаго пролетаріата на эту твердыню. И двадцати пяти часовъ послѣ 9 января было слишкомъ достаточно, чтобы сдѣлать психологически возможнымъ новое шествіе его, но уже съ Халтуринскимъ оружіемъ въ рукахъ. Динамитъ — это былое воплощеніе отчаянія одиночки — уже заговорилъ о себѣ 10 января, какъ воплощеніе революціоннаго гнѣва *массы*.

Революціонное развитіе приводитъ русскій пролетаріатъ къ его исходному пункту, но съ обогащеннымъ во много разъ содержаніемъ. У колыбели его стоитъ одиночка-герой съ динамитной бомбой въ рукахъ, какъ грозный предтеча грядущей упорной борьбы. Онъ нападаетъ, онъ поднимаетъ мечъ — но онъ и гибнетъ на глазахъ у равнодушной массы. И море пролетарской крови исторія разливаетъ по всему лицу земли русской, чтобы привести пролетаріатъ въ цѣломъ къ той идеѣ, во имя которой нападалъ Халтуринъ: самодержавіе должно умереть, чтобы рабочій классъ могъ жить.

Отнынѣ эта идея стала святая святыхъ русскаго пролетаріата. Она закаляетъ его волю, наполняетъ его революціоннымъ энтузіазмомъ, даетъ ему въ руки мечъ для свершенія того дѣла, которое было не подъ силу вятскому столяру...

И жалкій внукъ жалкаго дѣда уже видитъ мысленно ту минуту, когда Зимній дворецъ, устоявшій передъ ударомъ вооруженнаго динамитомъ Халтурина, затрещитъ подъ мощными ударами возставшаго пролетаріата.

Въ этотъ день будетъ отомщена память погибшаго на одесской висѣлицѣ піонера русскаго рабочаго движенія.

ПОСЛѢ ПЕРВАГО АКТА.

Недѣлю тому назадъ мы писали о революціи въ Петербургѣ, теперь приходится говорить о революціи чуть не по всей странѣ. Во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ — въ Москвѣ, Ригѣ, Вильнѣ, въ Митавѣ и Либавѣ, въ Екатеринославѣ и Кіевѣ, въ Варшавѣ и Лодзи пролетаріи отвѣтили на петербургскую бойню массовой, — а въ Варшавѣ буквально всеобщей стачкой, доказавъ на дѣлѣ свою политическую классовую солидарность съ пролетаріатомъ береговъ Невы. И вмѣстѣ съ размѣрами вступающей въ дѣйствіе массы, растетъ

— говоря вмѣстѣ съ Марксомъ — „основательность“ ея дѣйствія.

Петербургское возстаніе возникло непосредственно и сигналъ къ нему исходилъ не отъ соціальдемократіи, хотя цѣль возстанія, его программа, его *политическій* характеръ опредѣлились благодаря энергичному вмѣшательству рабочихъ соціальдемократовъ, какъ это установлено теперь точными отчетами.

Въ остальной странѣ, въ Польшѣ въ особенности, и начало движенія и руководство имъ находилось съ самаго начала въ рукахъ соціальдемократіи. Не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы по собственному произволенію она однимъ мановеніемъ руки вызывала массовыя стачки. Ей всюду, наоборотъ, приходилось лишь идти на встрѣчу давленію самихъ рабочихъ, которые при первыхъ же слухамъ, при первыхъ же извѣстіяхъ о Петербургскихъ событіяхъ приходили въ сильнѣйшее возбужденіе и инстинктивно стремились къ активному выраженію своей солидарности. Но соціальдемократія помогла этому волненію массъ выразиться опредѣленнымъ образомъ, она выяснила его направленіе, дала ему политическіе лозунги.

Такимъ образомъ, русская революція въ цѣломъ пріобрѣтаетъ съ перваго же момента, съ бойни 9/22 января, ясно выраженный характеръ политическаго классового возстанія пролетаріата. Именно откликъ, который петербургскія событія тотчасъ же встрѣтили въ другихъ промышленныхъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи, всего лучше доказываетъ что петербургскія событія были не единичнымъ взрывомъ слѣпого отчаянія мѣстныхъ рабочихъ, подобно издавна повторяющимся крестьянскимъ бунтамъ, а выраженіемъ единаго броженія и единыхъ стремленій, которыя охватываютъ промышленныхъ рабочихъ всей страны. Такого сознательнаго открытаго проявленія активной и притомъ политической солидарности рабочихъ массъ самыхъ различныхъ городовъ и мѣстностей еще не бывало въ Россіи. Ничего хотя бы приблизительно подобнаго не могъ вызвать и праздникъ перваго мая, хотя его идея пустила въ Россіи глубокіе корни. Лишь непосредственная борьба внезапно вызвала это единеніе въ дѣйствіи и впервые доказала, что рабочій классъ въ Россіи представляетъ собою не только абстрактное понятіе или механическій агрегатъ отдѣльныхъ пролетарскихъ группъ съ одинаковыми интересами и параллельными стремленіями, а органическое дѣеспособное цѣлое, *политическій классъ* съ общей волей и общимъ классовымъ сознаніемъ. Послѣ битвъ послѣдней недѣли, передъ царскимъ правительствомъ стоятъ уже не отдѣльные отряды сѣверныхъ, южныхъ и западныхъ, латышскихъ, еврейскихъ или польскихъ пролетаріевъ, которые каждый въ отдѣльности потрясаютъ сковывающую ихъ цѣпь рабства, а единая сплоченная пролетарская армія. Безчисленными жертвами эта армія доказала, какъ основательно устранила она результаты вѣковой государственной мудрости всякаго деспотизма, гласящей „раздѣляй и властвуй“, и пролитой кровью безконечно крѣпче спаялась въ единый революціонный классъ, чѣмъ могли бы это сдѣлать бумажные договоры тайныхъ обществъ.

Въ этомъ заключается прочная цѣнность январьской недѣли, составляющей эпоху въ борьбѣ международнаго пролетаріата. Русскій пролетаріатъ въ первый разъ выступилъ на политическую арену въ качествѣ самостоятельной силы и получилъ свое кровавое историческое крещеніе, какъ парижскій въ іюньскіе дни. Онъ вступилъ въ качествѣ новаго активнаго члена въ международную семью борющагося пролетаріата.

Совершенно въ порядкѣ вещей, что для буржуазныхъ литераторовъ этотъ громадный фактъ — просто не существуетъ: они слишкомъ заняты спѣшнымъ саморекламированіемъ по случаю серьезныхъ опасеній, вызванныхъ арестомъ Максима Горькаго.

А кто пожелалъ бы полюбоваться смѣшными прыжками, выдѣлываемыми современной буржуазной „интеллигенціей“ чистѣйшей воды, предъ исторической драмой на берегахъ Невы, тотъ долженъ, [illegible] всѣми цвѣтами современнаго декадентства Zukunft Гардена. Соперничая съ телеграфными агенствами Трепова, этотъ господинъ чернымъ по бѣлому доказываетъ, что политическій строй Россіи „соотвѣтствуетъ потребностямъ русской массы“, и защищаетъ предъ цѣлымъ міромъ обманутыхъ „демагогами“ благочестивыхъ царскихъ овечекъ — петербургскихъ рабочихъ, а шествіе 200.000 массы этихъ рабочихъ на смерть за свободу объявляетъ дѣтской игрой, по сравненію съ возстаніемъ декабристовъ, когда „даже гвардейскіе офицеры“ призывали республику. Даже въ свои лучшія времена нормальный буржуазный черепъ не былъ способенъ вмѣстить историческое величіе пролетарской борьбы. Карликовый черепъ буржуазіи упадка къ этому ужъ и вовсе не призванъ.

Но даже для международной соціальдемократіи возстаніе русскаго пролетаріата такъ ново, что ей нужно еще умственно переварить его. Не смотря на діалектическій методъ мышленія, мы въ своемъ непосредственномъ сознаніи остаемся неисправимыми метафизиками, цѣпляющимися за неизмѣнность вещей. Составляя партію соціальнаго прогресса, мы тѣмъ не менѣе, при всякомъ внезапномъ проявленіи готовыхъ результатовъ невидимо для насъ совершившагося прогресса, приходимъ въ такое изумленіе, что намъ нужно нѣкоторое время, чтобы найти новому явленію соотвѣтствующее мѣсто въ своемъ умственномъ багажѣ. Въ воображеніи многихъ западныхъ соціальдемократовъ русскій пролетарій живетъ еще въ видѣ мужика съ длинными льняными волосами, въ лаптяхъ, съ тупой физіономіей вчерашняго пахаря, чуждаго гостя среди современной городской культуры. Они и не замѣтили, какъ развитіе капитализма при просвѣтительной работѣ соціальдемократіи, совершаемой подъ свинцовой крышкой абсолютизма подняло культурный и умственный уровень русскаго пролетарія и какъ изъ вчерашняго мужика онъ превратился въ интеллигентнаго, жаждущаго знанія, идеалистически настроеннаго, честолюбиваго и готоваго къ борьбѣ современнаго пролетарія большихъ горо-городовъ. И если мы вспомнимъ, что настоящая соціальдемократическая агитація не насчитываетъ въ Россіи и полутора десятка лѣтъ, что первая попытка массовой промышленной борьбы была сдѣлана всего только въ 1896 г., мы должны будемъ признать, что внутренняя кротовая работа соціальнаго прогресса совершилась съ головокружительной быстротой. Неподвижная завѣса сѣраго тумана окутывавшаго Россію была вдругъ разорвана, сметена пролетарской бурей. Тамъ гдѣ вчера еще привычный глазъ, казалось, различалъ призрачныя очертанія таинственной твердыни многовѣковаго застоя, тамъ вдругъ предсталъ предъ міромъ потрясаемый революціонной грозой, весь блистающій и трепещущій жизнью современный народъ.

Петербургскія событія даютъ намъ убѣдительный урокъ революціоннаго оптимизма. Сквозь тысячи препятствій и средневѣковыхъ рогатокъ, внѣ всякихъ современныхъ политическихъ и соціальныхъ жизненныхъ условій желѣзный законъ капиталистическаго развитія властно проявился въ рожденіи, и ростѣ классоваго сознанія пролетаріата Россіи. Но лишь вулканическіе взрывы революціи показали, какъ быстро и основательно работалъ подъ землею молодой кротъ. И какъ же весело работаетъ этотъ кротъ въ настоящій моментъ подъ ногами западноевропейскаго буржуазнаго общества! Судить о политической зрѣлости и скрытый революціонной энергіи рабочаго класса по статистикѣ выборовъ или по числу членовъ ремесленныхъ союзовъ и избирательныхъ комитетовъ — это все равно, что приняться измѣрять Монбланъ при помощи сантиметра, заимствованнаго у портнихи.

Въ такъ называемыя нормальныя времена повседневной буржуазной жизни мы не знаемъ, насколько глубоко проникли наши идеи, какъ силенъ пролетаріатъ, и насколько внутренно уже сгнила надстройка господствующаго общества. Изъ невѣрной оцѣнки силы соціальдемократическаго движенія, изъ субъективной иллюзіи его слабости вытекаютъ въ послѣднемъ счетѣ всѣ колебанія и ошибки оппортюнизма.

Пусть же плоскіе, близорукіе умы неспособные видѣть ничего, кромѣ мѣднаго пятака немедленнаго матеріальнаго успѣха, толкуютъ о „неудавшейся революціи“, о „соломенномъ огнѣ“ безрезультатнаго возстанія, только потому, что абсолютизмъ продолжаетъ формально существовать, учредительное собраніе не созвано, и сегодняшніе стачечники завтра вернутся, вѣроятно, къ работѣ. Въ дѣйствительности, происшествія послѣдней недѣли образовали въ жизни русскаго общества такую трещину, которая уже никогда не будетъ замазана. Ни царизмъ, ни рабочій классъ, ни общество не выйдутъ изъ революціоннаго водоворота такими, какими вошли въ него. Царизму нанесенъ уже смертельный ударъ, и его дальнѣйшее существованіе, сколько бы оно ни длилось, будетъ лишь агоніей. Онъ встрѣтился уже лицомъ къ лицу съ тѣмъ классомъ, который призванъ низвергнуть его. Предъ цѣлымъ свѣтомъ теперь доказано, что царизмъ существуетъ не вслѣдствіе пассивности народа, а *противъ* его положительной воли, имѣющей въ политикѣ рѣшающее значеніе. Вступивъ впервые, какъ одно цѣлое, въ открытую борьбу противъ абсолютизма, рабочій классъ тѣмъ самымъ вырвалъ у общества политическое руководство этой борьбой. И даже грубая сила—послѣднее орудіе абсолютизма, посредствомъ котораго онъ сегодня одержалъ еще жалкую побѣду, зазубрилось отъ такого употребленія: гражданская война деморализовала и политически распатала войско, навѣрное, гораздо сильнѣе, чѣмъ могли бы это сдѣлать десятки лѣтъ тайной агитаціи въ казармахъ. Царизмъ поступилъ бы благоразумнѣе, еслибъ не рисковалъ еще разъ пробовать военную силу на собственномъ народѣ.

Для соціальдемократіи начинается теперь ея существенная задача — поддерживать постоянное революціонное броженіе въ странѣ. Ея обязанности сами собою вытекаютъ изъ необходимости противодѣйствовать той политической близорукости, которая видитъ конецъ борьбы тамъ именно, гдѣ только что начинается революція. Противодѣйствовать проникновенію въ рабочія массы чувства подавленности, на которую спекулируетъ реакція, объяснять пролетаріату внутренній смыслъ и громадное значеніе его первой битвы, не дозволять ему предаваться тому угнетенному настроенію, которое завтра же охватитъ либераловъ и при буржуазныхъ революціяхъ легко проникаетъ въ массы, при отсутствіи немедленной и очевидной побѣды: такова ближайшая огромная работа, предстоящая соціальдемократіи. Ни россійская, ни какая бы то ни было иная соціальдемократія не въ состояніи создавать желательные ей историческіе моменты и положенія, какъ это рисуется хвастливой фантазіи иныхъ юнцовъ. Но соціальдемократія можетъ и должна пользоваться каждымъ положеніемъ, чтобы выяснять пролетаріату историческій смыслъ и послѣдствія каждаго момента борьбы и такимъ образомъ вести его къ дальнѣйшимъ битвамъ.

Въ настоящій моментъ всего важнѣе и необходимѣе помочь рабочей массѣ разобраться въ результатахъ своей первой битвы, воодушевить и ободрить эту массу. И этой важнѣйшей задачи не могутъ выполнить ни Гапоны, появляющіеся подобно блестящимъ метеорахъ при каждой революціи и затѣмъ исчезающіе, ни либералы, которые послѣ всякаго приступа обыкновенно складываются, какъ перочинный ножикъ, не могутъ выполнить этой задачи и различные революціонные авантюристы, всегда готовые принять участіе въ каждой большой атакѣ. Эту функцію и въ Россіи также можетъ выполнить только соціальдемократія, потому что, имѣя передъ собою конечную цѣль, ведущую дальше всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ борьбы, она не можетъ остановиться ни на одномъ, и увидѣть конецъ свѣта въ непосредственномъ успѣхѣ или пораженіи сегодняшняго дня. Однимъ словомъ, задачу можетъ выполнить лишь соціальдемократія, для которой не рабочій классъ является средствомъ достиженія политической свободы, а наоборотъ, политическая свобода есть средство, а цѣлью является полное освобожденіе рабочаго класса.

Роза Люксембургъ.

ОНЪ ПРОЩАЕТЪ!

Когда народъ къ нему шелъ, онъ бѣжалъ отъ народа.

Когда изъ груди сотенъ тысячъ рабочихъ людей вырвался вздохъ, прозвучавшій мольбой, онъ послалъ свинецъ въ эту грудь.

И только тогда, когда военная челядь его спохватилась, разстрѣлявъ послѣдній остатокъ вѣрноподданной мысли и вѣрноподданнаго чувства народа, онъ вдругъ пожелалъ — призвать свой народъ чрезъ участокъ.

Народъ былъ собранъ, разсаженъ въ кареты, приведенъ предъ царскія очи. Не тотъ, конечно, народъ, которымъ — 9 января — кишѣли улицы, предмѣстья Петербурга; не народъ, приподнятый волной возбужденія, который надѣялся, вѣрилъ, мечталъ... нѣтъ, по знаку генеральской руки, передъ нимъ вытягивался во фрунтъ и говорилъ ему „здравія желаю“ — дрессированный, бутафорскій народъ, народъ Трепова и присныхъ его. И черезъ головы этихъ статистовъ онъ кинулъ исторіи въ лицо свое отнынѣ незабвенное — „прощаю“!

Онъ прощаетъ! — Этотъ малограмотный, глупый офицеръ, всю жизнь свою проведшій въ парадахъ, онъ прощаетъ великій народъ въ его безсмертномъ движеніи.

Онъ прощаетъ ту громаду—толпу, которая несла къ подножію престола свою запоздалую вѣру въ него, видя въ немъ защитника правды.

Онъ прощаетъ тѣхъ, кто искалъ лучшей доли, и за это спитъ теперь вѣчнымъ сномъ — на кладбищахъ столицы.

Событія въ Петербургѣ 9-11 января.

(Отъ члена мѣстной группы при Ц. К.).

I.

О всѣхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ, я постараюсь дать самое безпристрастное описаніе, какъ я видѣлъ самъ и слышалъ отъ ближайшихъ участниковъ движенія, находясь въ Петербургѣ отъ самаго начала стачки.

Какъ извѣстно, стачка возникла на Путиловскомъ заводѣ, за Нарвской заставой, по ничтожному поводу, изъ-за увольненія двухъ рабочихъ. Въ Воскресенье 2 января, на собраніи Нарвскаго отдѣла „Общества русскихъ рабочихъ“ (всего 11 отдѣловъ, распредѣленныхъ по всему городу, въ каждомъ отдѣлѣ клубъ) было рѣшено бастовать, пока не возвратятъ уволенныхъ рабочихъ. Во главѣ этой мѣстной стачки сталъ о. Гапонъ, человѣкъ безусловно симпатичный, уже 8 мѣсяцевъ бывшій председателемъ общества и пользовавшійся большой популярностью среди рабочихъ. Объ этомъ священникѣ я скажу потомъ, на основаніи своихъ разговоровъ съ нимъ. Итакъ, стачка вспыхнула, и въ понедѣльникъ 3 января Путиловскій заводъ не работалъ и депутація изъ рабочихъ (частью гапоновцевъ, частью сознательныхъ соціальдемократовъ) вмѣстѣ съ Гапономъ вела переговоры съ управленіемъ завода. Рабочіе же весь день собирались въ своемъ клубѣ, мирно ходили толпой по улицамъ раіона, выслушивали ораторовъ, сами обсуждали свои дѣла. Какъ извѣстно, требованіе рабочихъ вернуть уволенныхъ товарищей было отвергнуто, къ забастовкѣ примкнулъ во вторникъ Франко-русскій заводъ, и стачка начала разростаться. Въ мою задачу не входитъ передача всѣхъ отдѣльныхъ ея проявленій — это невозможно для одного человѣка. Я хочу лишь выяснить, какъ стачка такъ быстро разрослась и какую роль играла въ ней соціальдемократія. Кромѣ того передамъ, что я видѣлъ самъ, въ своемъ районѣ. Во вторникъ бастуетъ уже почти весь Нарвскій районъ. Собранія происходятъ ежедневно. Обсуждается, какъ и въ понедѣльникъ, экономическое положеніе рабочихъ и депутація, подъ вліяніемъ ея соц.-дем. членовъ, вноситъ въ число требованій и чисто пролетарскія общаго характера, помимо мѣстныхъ, какъ напримѣръ 8-часовой рабочій день и др. Гапонъ, ни единымъ словомъ не протестуетъ, наоборотъ, поддерживаетъ эти требованія и во главѣ депутаціи предъявляетъ ихъ, во вторникъ же, администраціи завода. Когда же онѣ отвергаются, то Гапонъ возвращается въ собраніе и ведетъ сильную агитацію за всѣ экономическія требованія, призывая рабочихъ къ единодушію и выдержкѣ, обѣщая имъ, что и другіе районы забастуютъ, такъ какъ требованія эти *общи всѣмъ рабочимъ*. Итакъ, съ понедѣльника на вторникъ Гапонъ сильно эволюціонируетъ влѣво, *подъ вліяніемъ рабочихъ соц.-дем.*, какъ тѣхъ, что говорили, такъ и тѣхъ, главнымъ образомъ, что были въ депутаціи.

Какъ же относилась масса? Во вторникъ я былъ въ Нарвскомъ районѣ, на собраніи, масса въ огромномъ большинствѣ сѣрая; говорилось тамъ только объ экономикѣ, политика не допускалась. Одного соц.-дем., пытавшагося рѣзко говорить на политическую тему, заставили уйти. Впослѣдствіи это, говорятъ, измѣнилось немного къ лучшему; я же больше не ходилъ въ тотъ районъ и сталъ работать въ другомъ. Могу только сказать, что масса охотно слушала лишь своихъ и рисковано было бы пытаться выступать интеллигенту, не имѣющему знакомствъ. 1)

Итакъ, со вторника Гапонъ переноситъ свою агитацію на другіе районы; начиналось броженіе въ другихъ заводскихъ центрахъ. Во вторникъ же, въ Невскомъ районѣ (45000 раб.) происходитъ большое собраніе рабочихъ въ клубѣ „О-ва“. Въ этотъ день уже бастовало 2 завода, 2) — предъявившіе свои чисто мѣстныя требованія, а также и обще-пролетарскія. Листки же каждаго завода, примыкавшаго къ забастовкѣ, составлявшіеся подъ руководствомъ соціальдемократіи, включали и требованія политическія. Надо отмѣтить, что изъ шести петербургскихъ районовъ соц.-дем. работа наилучше поставлена въ Невскомъ и Васильеостровскомъ районахъ.

II.

Итакъ, со вторника уже начинается сильное движеніе въ Невскомъ районѣ. Соціальдемократы смѣло проникаютъ на собранія и добиваются, не въ примѣръ Нарвскому району, быстраго успѣха. Предсѣдателемъ 7-го отдѣла „О-ва“ (Невскаго отд.) былъ рабочій Петровъ, парень умный, хорошій ораторъ, отлично знавшій психологію толпы и умѣвшій вліять на нее. Самъ же онъ былъ вначалѣ противникомъ соціальдемократовъ, типъ чистаго экономиста, будущаго трэдъ-юніониста.

Онъ старался не пускать соціальдемократовъ на собранія и во вторникъ оппонировалъ нашему оратору. Послѣдній однако сумѣлъ такъ повести дѣло, что въ отсутствіе Петрова, его самого выбирали въ предсѣдатели. Какъ я уже говорилъ, соц.-дем. работа поставлена въ этомъ районѣ хорошо и имѣлось достаточно своихъ рабочихъ, поддерживавшихъ ораторовъ соціальдемократовъ. Выступали и рабочіе соціальдемократы. Вернувшійся П. набросился было на толпу за то, что она выбрала соціальдемократа, сталъ было доказывать весь вредъ соціальдемократической пропаганды, но долженъ былъ смириться. Весь вторникъ въ Невскомъ районѣ продолжались собранія. Районная организація не дремала. Въ ея составъ входили: организаторъ, трое ораторовъ-агитаторовъ, трое помощниковъ организаторовъ, выступавшихъ вмѣстѣ съ организаторомъ лишь на конспиративныхъ массовкахъ; это были интеллигенты; кромѣ того одинъ хорошій ораторъ-рабочій. и нѣсколько энергичныхъ, выдающихся рабочихъ, имѣвшихъ большія связи съ рабочими. Со вторника массовки идутъ безпрерывно на рабочихъ кварталахъ. Работы гибель; чувствуешь, что силъ мало. Приходится вести переговоры съ рабочими всѣхъ заводовъ (а ихъ болѣе 20-ти), устраивать стачечные комитеты, вырабатывать листки съ требованіями, заботиться о доставкѣ листковъ общаго характера и т. д. Однимъ словомъ, организація сразу же, по возникновеніи стачки, старается захватить ее въ свои руки и использовать ее какъ можно лучше.

Весь день среды и четверга идетъ лихорадочная работа въ раіонѣ (Невскомъ). Въ то же время продолжаются собранія и въ отдѣлѣ. Выступаютъ соц.-дем. ораторы, какъ рабочіе, такъ и интеллигенты, наравнѣ съ рабочими-гапоновцами, какъ ихъ стали называть. Петровъ замѣтно мягчаетъ въ сторону с.-д., не въ смыслѣ, конечно, подчиненія имъ, а лишь въ виду извлеченія пользы изъ ихъ агитаціи. Что касается массы, то он въ огромномъ большинствѣ, страшно сѣрая. Она охотно стекается послушать ораторовъ, внимательно слѣдитъ за ихъ рѣчами, высказываетъ одобреніе или порицаніе, задаетъ вопросы, — но при всемъ томъ ясно понимаетъ лишь самое насущное, самое близкое, вродѣ надбавокъ расцѣнокъ, издѣвательства мастера и смутно вникаетъ въ болѣе серьезныя требованія.

Въ четвергъ 6 праздникъ и народу особенно много. Собираются со всѣхъ заводовъ. Петровъ и наши агитаторы. а также двое-трое рабочихъ ораторовъ убѣждаютъ рабочихъ держаться крѣпко и на завтра принудить еще не забастовавші заводы бросить работу. Возбужденіе массы растетъ, она требуетъ все новыхъ и новыхъ рѣчей, требуетъ листковъ. А листковъ, увы, нѣтъ. Нужно отмѣтить, что масса рабочихъ, въ высшей степени сѣрая, неблагопріятно реагировала на рѣзко выраженныя политическія требованія. Лозунгъ „долой войну“ по неосторожности высказанный кѣмъ-нибудь слишкомъ преждевременно, безъ надлежащихъ „подходовъ“, вызывалъ возраженія: „война нужна, япошекъ вздуть“ — находившія поддержк На помощь тогда выходилъ другой ораторъ, который путем вопросовъ выяснялъ вредъ войны: „Много ли у насъ своей земли, товарищи?“ „Много“ — реветъ толпа. „Нужна ли нам Манчжурія“? Нѣтъ, нѣ-ѣтъ — реветъ толпа. „Кто платит за войну, на чьи деньги ведется“? „Мы-ы-ы“! — раздаетс единогласный крикъ.—Мрутъ ли наши братья, остаются ли ва жены, дѣти безъ куска хлѣба? Такъ ли? „Т-а-а-акъ“ И в такомъ родѣ, пока на вопросъ: „Такъ нужна ли намъ война“ толпа не отвѣтитъ: нѣтъ, не нужна и затѣмъ уже сама кричитъ „долой войну“. Еще труднѣе приходилось съ „долой самодержавіе“. Но и тутъ, понятно, каждому изъ соц.-дем. агитаторовъ удавалось обрисовать такую мрачную картину нищеты и безправія и поставить ее въ связь съ существующимъ режимомъ, что толпа сама кричала „долой самодержавіе“. Но э было не всегда. Раздавались возраженія. Способствовали этом члены „общества“ и ихъ предводитель Петровъ, увѣрявшіе, ч все зло происходитъ отъ слугъ царя, онъ же самъ ничего знаетъ, не вѣдаетъ. Петровъ откровенно сознавался, что он дѣлаетъ это только потому, что масса еще твердо вѣритъ царя и нельзя ничего добиться, если сразу разбивать э вѣру.

Въ четвергъ вечеромъ, въ Невскомъ районѣ, въ Смоленск школѣ происходитъ рабочая вечеринка съ либералами. Яв ется на нее огромное количество народу, рабочихъ и интел гентовъ. Въ то время, какъ въ главной залѣ шли либеральн рѣчи, въ двухъ другихъ состоялись рабочія сходки, на ко рыхъ дѣятельно обсуждались событія. Трудно забыть впеч лѣніе, произведенное этой вечеринкой. Можно было ду что находишься въ Maison du Peuple; 1) свободныя рѣчи са рабочихъ и работницъ, отсутствіе явной полиціи — все давало картину того недалекаго будущаго, къ которому мы стремимся. Воодушевленіе, царившее на вечеринкѣ, было бывалое. Чувствовалась атмосфера борьбы, и готовность должать ее неуклонно.

---

1) Одного нашего товарища не впустили даже, узнавъ въ немъ интеллигента.

2) Пишу безъ точнаго списка заводовъ.

1) „Народный домъ“ — огромное прекрасное зданіе въ Бр селѣ, принадлежащее рабочей партіи.

Онъ прощаетъ оставшихся живыхъ, осиротѣлыя семьи, больныхъ и увѣчныхъ, которыхъ била жизнь и, наконецъ, добилъ солдатскій прикладъ.

Онъ ихъ всѣхъ поучаетъ — „терпѣнію“!

Онъ ихъ всѣхъ наставляетъ — „справедливости“!

Онъ имъ всѣмъ толкуетъ о своемъ „попеченіи“ о нихъ!

И онъ же призываетъ имя „родины“..., которую затопилъ моремъ слезъ и въ которой создалъ гекатомбу!

Онъ вчера убивалъ, онъ и завтра намѣренъ убивать, презрѣнный выродокъ преступной семьи: „военной силой“ затушитъ онъ стачку, ибо стачка незаконна, и борецъ за народное дѣло есть „измѣнникъ и врагъ“!

Измѣнникъ и врагъ романовскому дому, т. е. другъ свободной Россіи; той Россіи, которой — наглецъ — онъ бросаетъ на чай, какъ лакею, и которая выброситъ его самого, какъ скверную и грязную ветошь!

Онъ стоитъ еще въ позѣ актера на своихъ царскосельскихъ подмосткахъ, а Россія уже гуломъ полна, и трясется подгнившая сцена.

То свободная Россія идетъ, то слышится поступь несчетныхъ легіоновъ народа.

Гроза шумитъ, очищая вѣками накопившуюся нечисть. И въ шумѣ грозы звучитъ приговоръ: горе убійцамъ народа, горе тѣмъ, кто, въ минуты народной бѣды, нашелъ силы глумиться надъ ней!

ОТНОШЕНІЕ БУРЖУАЗНОЙ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ КЪ НАЧАЛУ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Съ полнымъ сочувствіемъ и теплотой встрѣтила почти вся западно-европейская печать начало русской революціи. Явленіе чрезвычайно знаменательное; и знаменательно оно потому, что западная Европа относилась до сихъ поръ съ крайнимъ скептицизмомъ къ нашему освободительному движенію. Наглое и лживое царское правительство и оффиціальная, подкупленная печать неутомимо распространяли подлую клевету на весь русскій народъ. Они увѣряли западноевропейскій міръ въ томъ, что вся Россія совершенно довольна своимъ положеніемъ, что она довольна монархическимъ режимомъ, что между царемъ и русскимъ народомъ существуетъ самый тѣсный и неразрывный союзъ и что только незрѣлая, зеленая молодежь нарушаетъ своей легкомысленной крамолой спокойствіе въ странѣ. Западная Европа, плохо освѣдомленная о внутренней жизни Россіи, вѣрила въ эту клевету. И вѣря въ нее, она дѣлала вполнѣ логическія заключенія. Правильно отождествляя кнутъ и нагайку съ россійскимъ режимомъ, она выводила заключеніе, что русскій народъ, выносящій такой нестерпимый гнетъ — рабскій народъ, заслуживающій своего правительства. Отсюда слѣдовалъ и тотъ неизбѣжный выводъ, что конституціонный или республиканскій образъ правленія Россіи не по плечу, что она не доросла до политической свободы.

Что же касается нашего революціоннаго движенія, то, если западноевропейскій міръ и не вполнѣ соглашался съ той оцѣнкой, которую ему давало правительство и подкупленная печать, то онъ въ большинствѣ случаевъ былъ твердо убѣжденъ, что русскіе революціонеры являются чѣмъ то оторваннымъ отъ народа, не выражающимъ ни его интересовъ, ни его истинныхъ стремленій. Помимо того вліянія, которое оказывало русское правительство на общественное мнѣніе западноевропейскаго міра, само революціонное движеніе не внушало западной Европѣ никакого серьезнаго довѣрія до появленія на исторической аренѣ русскаго пролетаріата. Единичные террористическіе акты эпохи народовольчества поражали воображеніе западноевропейца, вызывали восторгъ своимъ героическимъ характеромъ, но не разсматривались какъ проявленіе силы, которая могла бы сокрушить россійскій абсолютизмъ. Террористическіе факты фигурировали на страницахъ иностранной печати больше всего, какъ сенсаціонныя новости.

Такое отношеніе къ единичнымъ террористическимъ актамъ со стороны западной Европы объяснить не трудно. Западная Европа пережила нѣсколько революцій и потому знаетъ очень хорошо, что для серьезнаго государственнаго переворота требуется серьезная народная сила. Поэтому, только выступленіе пролетаріата начинаетъ мало по малу разрушать вкоренившійся скептицизмъ по отношенію къ русской революціи.

Уже ростовскія событія вызвали болѣе вдумчивое и болѣе внимательное отношеніе къ нашему революціонному движенію; уже тогда болѣе проницательные публицисты почуяли, что отъ этого событія смертью вѣетъ для россійскаго абсолютизма. Но 9 января 1905 года серьезно сломало этотъ вкоренившійся скептицизмъ. Всѣ газеты всего цивилизованнаго міра съ лихорадочной страстью, съ глубокимъ, захватывающимъ интересомъ слѣдили за всѣми мельчайшими подробностями всего того, что происходило въ столицѣ россійской имперіи. Большинство изъ нихъ говорило прямо, что это есть *начало революціи въ Россіи*. Многіе именно такъ и озаглавливали свои передовыя статьи, въ которыхъ давалась оцѣнка этимъ событіямъ. Причина такого внезапнаго переворота въ общественномъ мнѣніи цивилизованнаго міра вполнѣ понятна. Западноевропейская пресса превосходно поняла, что петербургскій пролетаріатъ шелъ 9 января къ Зимнему дворцу не для того, чтобы пѣть „Боже царя храни“ и кричать „ура“. Она отлично знаетъ, что когда народъ *проситъ* у самодержца, чтобы онъ ограничилъ свою собственную власть и допустилъ народное представительство, то это ужъ больше не смиренный, не рабскій народъ, а народъ, созрѣвшій для демократической свободы, и что просьба его есть грозное требованіе. Вотъ почему западноевропейскій міръ назвалъ мирное шествіе къ зимнему дворцу *началомъ* революціи въ Россіи.

Стойкое, героическое поведеніе петербургскаго пролетаріата вызвало изумленіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, его жертвы — глубокую скорбь, а жалкое поведеніе трусливаго, коронованнаго дурака — смѣхъ и презрѣніе, его приказъ стрѣлять въ невооруженный народъ — страшное негодованіе. Боязнь Николая выйти къ своему „любимому“ и „любящему его народу“ показала всему міру, что между самодержавіемъ и русскимъ народомъ нѣтъ той связи, о которой трубятъ царское правительство и продажная печать. Героическое поведеніе петербургскаго пролетаріата съ одной стороны, трусливая жестокость Николая II, съ другой, заставили западноевропейскую буржуазію повѣрить въ русскую революцію и вызвали сочувствіе къ ней.

Восторженное, братское отношеніе всемірной соціальдемократіи къ начавшимся у насъ великимъ событіямъ само собою разумѣется.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Либеральная печать на прощаніе назвала Святополка-Мирскаго „привѣтливымъ“ министромъ. „Свѣтъ“ объявилъ, что онъ, Святополкъ, былъ костромъ, который загорѣлся невпопадъ тамъ, гдѣ надлежало теплиться свѣчкѣ. На дѣлѣ онъ былъ только „привѣтливъ“.

Онъ былъ геніемъ-хранителемъ вчерашняго либеральнаго движенія. На его алтарь сносились адреса земскихъ и прочихъ либеральныхъ собраній. Онъ преломлялъ въ себѣ лучи „упованій на довѣріе“ и „довѣрія къ уповающимъ“. Ему полагалось (его умоляли!) — быть представителемъ тѣхъ, которые заявили себя представителями народа. Но, увы! Святополку не передъ кѣмъ было представительствовать. Онъ принималъ адреса, какъ жрецъ, который, по своей интимности съ богомъ, знаетъ, что приношенія вѣрующихъ достаточно припрятывать подальше. И онъ бормоталъ въ отвѣтъ подателямъ о святости существующаго порядка и сулилъ довѣріе. Съ другой стороны, народъ, въ лицѣ пролетаріевъ, „скандалалъ“ на собраніяхъ лже-представителей, не принимая предъявляемаго ему имущественнаго и образовательнаго ценза, требуя отъ „представителей“ ценза демократической зрѣлости. Въ итогѣ дутыя акціи либеральнаго товарищества „Освобожденіе“ безъ слѣда пропадали въ портфелѣ министра довѣрія.

Онъ, Святополкъ, былъ послѣдней ставкой „кротости“ со стороны самодержавія. Онъ былъ послѣднимъ вздохомъ „либерализма“ и „прогрессивности“ царей, послѣдней попыткой ихъ приспособиться къ нуждамъ „общества“, съ которымъ до послѣдняго времени принято было, хотя и не любезно, разговаривать. Изъ этого послѣдняго обстоятельства вытекала его дипломатическая миссія. Но миссія эта не удалась по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ обѣихъ сторонъ.

Его комета зашла подъ грохотъ японскихъ орудій. Послѣднимъ сигналомъ къ его выступленію былъ взрывъ бомбы Сазонова. Онъ ушелъ подъ трескъ ружейныхъ залповъ на улицахъ Петарбурга. Дипломатъ царскаго правительства, въ дни, послѣдовавшіе за 6 ноября, онъ былъ признанъ неумѣстнымъ послѣ 9 января. При этомъ, монаршій указъ объ его отставкѣ былъ только констатированьемъ факта: его, Святополка, убрали, потому что онъ былъ вывѣской закрытой уже лавочки. Когда, сіяя въ зенитѣ политическаго неба Россіи, онъ принималъ адреса, податели получали въ отвѣтъ привѣтливыя обѣщанія довѣрія. Когда пролетаріатъ Петербурга поднялся, и добровольные ходатаи пришли 8 января съ Святополку ходатайствовать за петербургскихъ гражданъ, онъ ихъ не принялъ.

Онъ ничего не дѣлалъ, и въ его политическомъ некрологѣ набралось всего на всего: „два новыхъ товарища министра, нѣсколько отставокъ, одинъ новый генералъ-губернаторъ и выдѣленіе вѣдомства полиціи въ самостоятельную часть“. Онъ ничего не дѣлалъ, но зато онъ *говорилъ*, и его единственное „дѣло“ — выдѣленіе вѣдомства полиціи — носило подчиненный характеръ по отношенію къ его цѣли: привѣтливо говорить. И это можно подчеркнуть безъ ироніи. Онъ сосредоточилъ въ себѣ послѣдніе остатки дипломатическихъ способностей царскаго правительства — способности говорить съ народомъ. Онъ умолкъ, и правительство больше не говоритъ, оно только... стрѣляетъ. Пока онъ „говорилъ“, правительство имѣло возможность „дѣйствовать“ на Дальнемъ Востокѣ. И какъ оно дѣйствовало! Объемъ его годичной дѣятельности измѣряется чудовищными грудами мертвыхъ тѣлъ. Это былъ годъ войны съ Японіей.

⁂

Въ войнѣ съ Японіей, годъ которой закончился 27 января, царское правительство искало спасенія отъ войны внутренней. Въ это „дѣло“ оно вложило всю свою самодержавную душу, убѣгая отъ неразрѣшимыхъ для него задачъ внутренней политики. Оно было испугано уже невозможностью успокоить „военнымъ методомъ“ даже оппозиціонное студенчество. Послѣ „демонстраціи на Казанской площади“ пришлось — впервые со временъ Лорисъ-Меликова, — установить режимъ сердца, въ видѣ министерства Ванновскаго. Успѣхъ подавленія крестьянскихъ бунтовъ Малороссіи не могъ сильно обнадежить: въ воздухѣ чуялась гроза пролетарскаго недовольства. Передъ правительствомъ выдвинулся неразрѣшимый вопросъ: дать рабочему классу то, что онъ исторически вправѣ былъ требовать отъ государства. Оно не захотѣло признать себя несостоятельнымъ и попыталось стать на путь зубатовщины: дало рабочимъ крупицу организаціи. Пролетаріатъ юга взялъ эту крупицу и отвѣтилъ южными стачками 1903 г.

„Академизмъ“, крестьянскій вопросъ, рабочій вопросъ... Отъ этихъ призраковъ правительство съ радостью бросилось въ военную авантюру, надѣясь, что въ области національной идеи, оно еще призвано созидать и сохранять.

Начало войны было инсценировано такъ, чтобы будить національное чувство народа. Провоцированье японцевъ къ „коварному нападенію“ удалось. „Патріотизмъ“ проснулся. Между правительствомъ и верхами народа установилось подобіе связи. Пошли ассигнованія думъ и земствъ на войну и т. д. Крамолу, которая ползла изъ демократическаго подполья черезъ щели „положенія объ усиленной охранѣ“, призванъ былъ подавить Плеве. Но броженіе въ „обществѣ“ не утихало. Плеве былъ взорванъ бомбой. Правительство Николая вторично прибѣгло къ режиму сердца, назначивъ на мѣсто Плеве Святополка.

Между тѣмъ національное чувство, не угасая, перерождалось подъ вліяніемъ сплошного военнаго разгрома. Сначала оно питалось ложными извѣстіями о побѣдахъ, потомъ скорбью по поводу пораженій. Но горы труповъ все росли и росли, груды денегъ — таяли.

„Не экономно!“ — раздалось изъ правыхъ рядовъ либеральной оппозиціи. „Преступно“! — прошептали радикалы.

Съ ходомъ военныхъ неудачъ оппозиція правительству росла. Началось „освободительное“ земское движеніе. Виновникомъ его „успѣховъ“ реакція назвала Святополка. Въ этомъ была доля правды: вопреки желанію министра „кротость“ его разжигала оппозиціонный жаръ либераловъ. Но все это не помѣшало правительству продолжать „національное дѣло“ на Востокѣ. И ничто не могло заставить правительство сдаться на поруки либераламъ: ни годъ неудачной войны, ни разоблаченіе ея закулисныхъ тайнъ, ни паденіе Портъ-Артура, ни „благоразумное“ отступленіе Куропаткина. А между тѣмъ казалось, что стоитъ только царю призвать цензованныхъ „къ соучастію въ управленіи страной“, и онъ спокойно можетъ, сохранивъ свою царскую власть, получить одобреніе на продолженіе войны. Но

Такъ закончился 4-й день стачки. На слѣдующій день, въ пятницу 7, партія сознательныхъ рабочихъ, имѣя во главѣ одного изъ агитаторовъ-интеллигентовъ, съ ранняго утра отправилась по заводамъ, останавливала работу и къ 8—9 ч. утра весь Невскій районъ съ 45000 рабочихъ стоялъ. Окончательно забастовали въ этотъ день Обуховскій, Торнтонъ, Ижорскіе, Пороховые и т. д. Громадными толпами стекались рабочіе къ „клубу“ и слушали весь день какъ въ залѣ, такъ и на дворѣ, ораторовъ-гапоновцевъ, говорившихъ лишь объ экономическихъ требованіяхъ, и соц.-дем., призывавшихъ и къ политической борьбѣ, приглашавшихъ требовать созыва Учредительнаго Собранія, разъяснявшихъ необходимость для рабочихъ сплотиться въ одну могучую партію. Въ то же время идутъ массовки по квартирамъ. Тутъ начинаетъ чувствоваться недостатокъ въ ораторахъ, въ листкахъ. Рабочіе все чаще и чаще просятъ листковъ. А ихъ нѣтъ. Картина собранія въ этотъ день особенно грандіозна. Представьте себѣ длинную, узкую залу, вмѣщающую человѣкъ 600—700, всю биткомъ набитую мужчинами и женщинами. На одномъ концѣ сцена-эстрада. На ней предсѣдатель и ораторы. Жара невыносимая. Отъ духоты голова кружится. Но нужно говорить, говорить безъ конца. Все время подходятъ депутаціи отъ забастовавшихъ заводовъ со своими требованіями, которыя прочитываются вслухъ.

Въ этотъ день Петровъ окончательно свернулъ влѣво, т. е. рѣшилъ не противодѣйствовать соц.-дем., а, наоборотъ, дать всѣмъ свободу слова и лишь просилъ не быть рѣзкимъ, а говорить помягче. Въ этотъ же день П. сталъ говорить о необходимости амнистіи политическихъ, называя всѣхъ революціонеровъ, безъ различія направленій, друзьями рабочихъ, и приглашалъ толпу слушать ораторовъ соц.-дем. Умный и проницательный, Петровъ, понималъ, что соц.-дем. въ своихъ рѣчахъ говорятъ на ту же тему, что гапоновцы, лишь въ другихъ выраженіяхъ, и видѣлъ, какъ они дѣйствовали на массу. Одного онъ боялся пуще огня — возвеличенія партіи соц.-дем., отвлеченія вниманія рабочихъ отъ непосредственныхъ интересовъ стачки въ сторону классоваго самосознанія. Такъ что, когда пишущій эти строки разъяснилъ рабочимъ необходимость организаціи, разъяснилъ, почему только соц.-дем. постоянные и неизмѣнные друзья рабочихъ, и добился поддержки отъ наэлектризованной толпы крикомъ „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П.“, П. обратился къ собранію: „нѣтъ, не надо, да здравствуетъ весь рабочій союзъ, всѣ партіи и с.-д. и с.-р. и др.“. Столкновеній же съ нимъ не было. Наоборотъ, старались другъ друга поддержать. Соціальдемократы научились подходить къ вопросамъ политическаго свойства потихоньку, дипломатически, добиваясь, въ концѣ концовъ, отъ толпы единодушнаго подтвержденія своихъ политическихъ лозунговъ. Такъ прошелъ весь день 7-го; говорили до хрипоты, ораторы мѣнялись то на дворѣ, то въ залѣ; толпа также смѣнялась. Митингъ былъ въ полномъ разгарѣ. Ходили уже толки съ утра о необходимости пойти въ городъ. Къ вечеру уже стали говорить о петиціи, ждали Гапона, который долженъ былъ пріѣхать и прочесть ее.

III.

Въ то время, какъ все это происходило въ Невскомъ районѣ, аналогичныя событія имѣли мѣсто въ другихъ районахъ, хотя не въ такой сильной степени. Въ Нарвскомъ районѣ шли по прежнему собранія, но с.-д. были тамъ не въ особенномъ фаворѣ, а въ городскомъ, въ клубѣ на углу Дегтярной и 2-й Рождественской, соц.-дем.-интеллигента, разбросавшаго прокламаціи, толпа хотѣла отправить въ участокъ, и лишь вмѣшательство одного либерала, бывшаго тамъ въ качествѣ зрителя и указавшаго на то, что самъ Гапонъ требуетъ амнистіи политическихъ, спасло нашего товарища. Особенно успѣшно шла работа въ Василеостровскомъ районѣ, гдѣ соц.-дем. добились такого же равноправія, какъ и въ Невскомъ.

Между тѣмъ, Гапонъ, со вторника уже расширившій свою программу, разъѣзжалъ по всѣмъ районамъ и всюду приглашалъ рабочихъ крѣпко стоять на своемъ, обѣщая имъ, что они добьются улучшенія своего положенія. Священническій санъ его, симпатичная наружность и простая рѣчь имѣли огромное вліяніе на массу. „Ужъ если самъ онъ идетъ противъ чиновниковъ и капиталистовъ, то, значитъ, наше дѣло правое“ говорили рабочіе. Самъ же Гапонъ претерпѣвалъ эволюцію влѣво. Онъ, очевидно, не ожидалъ, что будетъ имѣть такой успѣхъ; врядъ ли онъ думалъ найти такую солидарность среди рабочихъ. Когда же онъ увидѣлъ все это, онъ уже въ четвергъ, ко всѣмъ требованіямъ экономическаго характера, прибавляетъ требованія политическія: амнистія политическихъ, отдѣленіе церкви отъ государства, всеобщее обученіе, учредительное собраніе.

Уже съ четверга по городу ходили тревожные слухи; говорили, что рабочіе, непремѣнно, устроятъ демонстрацію въ воскресенье. Какъ то естественно казалось, что, если идетъ общая забастовка, то неминуемо должна быть демонстрація. Тѣ же толки шли и въ районахъ. Въ какую форму выльется демонстрація, никто не зналъ. Всѣ знали, что она *должна* быть. Когда Гапонъ встрѣтился съ этой увѣренностью, когда онъ увидѣлъ, что масса такъ приподнята и наэлектризована, что она въ городъ пойдетъ, въ немъ возникла идея челобитни. Онъ, очевидно, рѣшилъ, что нужно воспользоваться моментомъ и пойти къ царю: либо онъ дастъ требуемое (а на это онъ сильно надѣялся, какъ дальше будетъ видно), либо будетъ возстаніе. И въ четвергъ вечеромъ онъ уже составляетъ свою петицію и съ пятницы начинаетъ читать ее по всѣмъ районамъ. Всюду онъ увѣряетъ рабочихъ, что одно имъ остается, это — идти прямо къ царю, просить помощи и защиты, чтобы узнать, есть ли царь; идти мирно, спокойно, но съ оружіемъ, чтобы защищаться отъ полиціи, если она нападетъ. Въ пятницу утромъ онъ присылаетъ въ Невскій районъ свое предложеніе: „у меня 100000 рабочихъ, я иду съ ними ко дворцу подать петицію; если не исполнятъ, то сдѣлаемъ революцію, согласны ли?“ Это предложеніе передается къ центръ нашей группы, которая рѣшаетъ, что соціальдемократія не присоединяется къ идеѣ петиціи, но идетъ вмѣстѣ съ массой, принимаетъ участіе въ движеніи, чтобы использовать демонстрацію какъ можно лучше. Гапонъ выражаетъ желаніе переговорить съ соц.-дем. и, такъ какъ въ пятницу вечеромъ онъ долженъ пріѣхать въ Невскій районъ прочесть свою петицію, то тамъ устраивается на одной рабочей квартирѣ совѣщаніе: Гапонъ, два агитатора-интеллигента (изъ нихъ одинъ пишущій эти строки), руководитель района (членъ Ц. Гр.), одинъ рабочій соц.-дем., предсѣдатель отдѣла Невскаго района и двое рабочихъ-гапоновцевъ.

IV.

На этомъ собраніи (поздно ночью) рѣшено было убѣдиться, чего добивается Гапонъ и какъ онъ думаетъ провести дѣло. Усѣвшись вокругъ стола, собесѣдники начали разговоры. Гапонъ — красивый мужчина, брюнетъ, съ задумчивымъ, симпатичнымъ лицомъ. Усталость видна на его лицѣ. Голосъ охрипъ, какъ у всѣхъ, впрочемъ. На предложенные ему вопросы, онъ отвѣчаетъ слѣдующее: „Масса въ настоящее время до того наэлектризована, что ее можно повести куда угодно. Мы идемъ въ воскресенье ко дворцу и подаемъ петицію. Если насъ всѣхъ пропустятъ безпрепятственно, мы пройдемъ на площадь и вызовемъ царя изъ Ц. Села. Будемъ ждать его до вечера. Когда онъ пріѣдетъ, я пойду къ нему съ депутаціей изъ нѣсколькихъ рабочихъ, предъявлю ему петицію и скажу: Ваше Величество, такъ нельзя, пора дать народу свободу. И если онъ согласится, то мы потребуемъ, чтобы онъ клятву далъ передъ народомъ. Тогда только мы уйдемъ и станемъ на работу. Но прежде всего, съ понедѣльника же будемъ работать 8 часовъ. Теперь, если насъ задержатъ на окраинахъ, мы будемъ просить, умолять, чтобы пропустили; если же не пропустятъ, мы силой прорвемся.

Задніе ряды будутъ напирать на передніе, и вся масса прорвется черезъ войска. Допустимъ, что мы прорвались; мы идемъ на площадь, тамъ будутъ войска, мы просимъ ихъ перейти на нашу сторону. Если насъ будутъ бить, мы отвѣчаемъ тѣмъ же; будутъ жертвы, но часть войскъ перейдетъ на нашу сторону, и мы тогда, будучи, кромѣ того, сильны количествомъ, устроимъ революцію. Устроимъ баррикады, разгромимъ оружейные магазины, разобьемъ тюрьму, займемъ телефонъ и телеграфъ, — словомъ, устроимъ революцію. С-ры обѣщали бомбы. Демократы — деньги — и наша возьметъ“. Таковы въ краткихъ словахъ тѣ мысли, которыя Гапонъ высказывалъ. Впечатлѣніе было такое: онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, куда онъ шелъ; онъ былъ упоенъ успѣхомъ. Дѣйствовалъ онъ искренно и былъ готовъ умереть. Онъ былъ убѣжденъ, что стрѣлять не будутъ и что депутацію примутъ; въ направленіяхъ не разбирался; сторонникъ не рѣзкихъ средствъ, въ то же время изувѣрившійся въ самодержавіе и царя; („если этотъ *дуракъ-царь* выйдетъ, мы скажемъ...“) Не совсѣмъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что будетъ, куда идетъ. Чувствовалъ, что выхода нѣтъ, что обратно нельзя; горѣлъ желаніемъ добиться своего, но на революцію смотрѣлъ по дѣтски точно ее въ одинъ день дѣлаютъ, голыми руками. Таково впечатлѣніе, произведенное Гапономъ. Въ тотъ вечеръ обсуждалось многое. Между прочимъ, просили соц. дем., до тѣхъ поръ пока все будетъ носить мирный характеръ петиціи, не вносить ничего революціоннаго, т. е. флаговъ, возгласовъ. Но какъ только начнутъ бить, то всѣмъ развязывались руки. На это пришлось согласиться, тѣмъ болѣе, что вся толпа рабочихъ была настроена мирно. Обсуждался также и вопросъ о баррикадахъ, о разгромѣ оружейныхъ лавокъ и т. д. Было рѣшено, что въ послѣдній день, въ субботу, во всѣхъ районахъ будутъ разъяснять пункты петиціи и приглашать всѣхъ рабочихъ на воскресенье собраться толпой въ извѣстный часъ въ своихъ районахъ, чтобы къ 2 часамъ быть на площади; брать съ собой по возможности оружіе, не трогать никого, но защищаться, если будутъ бить.

Соціальдемократы рѣшили поставить все на карту. Каждый работникъ шелъ хотя бы на смерть: каждый шелъ съ рабочими съ тѣмъ, что, если будутъ заставы, то устраивать въ каждомъ районѣ политическія демонстраціи со знаменами, пѣніемъ и рѣчами; если дойдутъ до площади, то тамъ устроить политичеесли бы первое и состоялось, то второе едва ли было бы достигнуто. Это подтвердили факты.

⁂

Солнце 9 января взошло надъ Петербургомъ. Министры знали, что рабочій народъ уже проснулся до свѣта, что онъ въ этотъ день выходитъ изъ своего фабрично-заводскаго гетто, чтобы всей массой итти къ царю. Итти мирно, съ петиціей... Режимъ сердца, послѣдовательно развиваясь, долженъ былъ закончиться актомъ „общенія“ монарха съ народомъ. Министры дѣйствовали „съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ“. И что же? День 9 января сталъ со стороны царя днемъ объявленія кровавой, беспощадной войны русскому народу. „Дипломатія“ была признана неумѣстной.

Замѣтимъ: на такіе революціонные акты, какъ убійство министровъ, царское правительство находило возможнымъ отвѣчать режимомъ ласки. А на мирное шествіе рабочихъ съ крестомъ и петиціей оно отвѣтило изступленнымъ бѣшенствомъ. Была ли это необдуманность? Нѣтъ,—„одуматься“ можно было на другой день, на третій, на десятый... Но разстрѣлы продолжаются съ неслыханной наглостью. Звѣрства правительства разбудили къ политической жизни милліоны рабочаго класса. А оно могло бы, казалось, попытаться усыпить рабочихъ тѣмъ же обманомъ „довѣрія и уступокъ“, которымъ оно обманывало либеральное общество. Могло ли? Оно, по крайней мѣрѣ, не пыталось.

Потому ли, что оно узнало изъ опыта либеральныхъ собраній о „нетактичности“, „недипломатичности“ пролетаріевъ?

Или всѣмъ руководило безуміе вел. кн. Владиміра, который, по его словамъ, черпалъ правила государственной мудрости „изъ исторіи французской революціи“? — Безразлично!

Война, какъ бы то ни было, начата. Министръ довѣрія отозванъ. Додѣланный Комитетомъ министровъ подъ ружейные залпы „планъ реформъ“ представляетъ собой не что иное, какъ ультиматумъ, диктующій неприкосновенность самодержавнаго режима.

„Миръ — въ Токіо“! стало лозунгомъ царскаго правительства и въ этой новой войнѣ: миръ — только со вновь порабощеннымъ народомъ!

Отвѣтомъ ему были баррикады.

А условія „мира“ продиктуетъ только Учредительное Собраніе.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

За истекшую недѣлю получились извѣстія о распространеніи движенія на слѣдующія новыя мѣстности: Бобруйскъ, Бердичевъ, Рологощъ, Влоцлавскъ, Плоцкъ. Островецъ, Керчь, Козловъ (Тамбовской губерніи), Рѣчица (Минской губерніи), Озорковъ (Калишской губерніи), Томашевъ (Петроковской губерніи), Харьковъ, Житоміръ, Омскъ, (?), Иркутскъ (?). Подтвердилось пришедшее раньше извѣстіе о стачкѣ въ Брянскѣ и Красноярскѣ.

„Единеніе царя съ народомъ“. (Разсказъ рабочаго — „депутата“). „Пришелъ къ намъ на заводъ 11 утромъ околодочный и говоритъ: „Намъ нуженъ рабочій представитель отъ вашего завода, чтобы онъ былъ богомольный, не имѣлъ никакихъ проступковъ, не очень остраго ума, но со здравымъ смысломъ, не молодой и не старый“. Нашли двухъ такихъ — меня и Ивана. Подошелъ къ намъ околодочный: „Пойдемте, говоритъ, въ участокъ“... Я взмолился... „Помилуйте, за что же? У меня жена, дѣти“... „Не бойся, пойдемъ“... и повелъ. Очень я испугался, думаю: „Господи, господи, за что?“ Однако, напрасно... Потому, потомъ очень хорошо было.

Приводятъ насъ въ участокъ, раздѣли до гола, а потомъ говорятъ: „одѣвайтесь!“ Потомъ посадили съ городовымъ на извозчика и привезли въ Зимній дворецъ. Тамъ насъ человѣкъ 30 было... Ждать-пождать, часъ-другой... Скучно уже стало. Вдругъ выходитъ генералъ, строгій такой. Поклонились мы ему. Онъ осмотрѣлъ насъ внимательно таково и говоритъ: „ну, господа, вы удостоитесь счастья говорить съ государемъ... только вы молчите (!), когда онъ заговоритъ съ вами, и кланяйтесь“. Поклонились мы генералу. Потомъ вывели насъ изъ дворца, посадили въ царскіе экипажи — долгуши, что пѣвчихъ возятъ — и повезли насъ на царскосельскій вокзалъ. Оттуда скорымъ поѣздомъ прикатили въ Царское Село. Привели насъ во дворецъ и поставили въ залѣ. Стоимъ и переглядываемся. Жутко таково. Ждать-пождать, вдругъ дверь шасть — входитъ царь-батюшка съ военнымъ кругомъ и бумажкой въ рукахъ... Поклонились мы... А онъ не взглянулъ на насъ и сталъ читать по бумажкѣ... Волнуется такъ, потому нельзя иначе... и читаетъ, что все, что намъ писали — правда (!)... Потомъ, говоритъ, идите на работу и прощайте! Поклонились мы, и ушелъ государь. Думаемъ, будетъ што еще аль нѣтъ. Только потомъ ничего не было, а увели насъ на кухню и угостили обѣдомъ, по-истинѣ царскимъ — водку давали... Потомъ посадили опять на долгуши и на вокзалъ отвезли. Въ Питеръ вернулись къ вечеру на пассажирскомъ, а съ вокзала по домамъ ужъ пѣшкомъ пошли“.

Москва 17 января. (Писано по окончаніи стачки). Забастовка идетъ недружно — одни уже становятся на работу (какъ у Доброва и Набгольца), другіе только что начинаютъ — вчера у Прохорова пріостановлены работы до вторника. У того же Прохорова одинъ агитаторъ былъ встрѣченъ словами: „чего тебѣ тутъ надо?. Начиная съ 11 янв., за городомъ (близъ Дѣвичьяго поля, въ Кожевникахъ) происходили массовыя собранія рабочихъ въ 3-4.000 ч. Громадное большинство относится одобрительно къ экономическимъ требованіямъ и индифферентно къ политическимъ. Агитатора, начавшаго рѣчь призывомъ къ политической свободѣ, плохо слушали, но политическія требованія постепенно и логически выведенныя изъ невозможности успѣха одной экономической программы, встрѣчали одобрительные: „вѣрно“, „правильно говоришь“.

Общее настроеніе пока неопредѣленное. Цехи приняли мало участія — 15 января было остановлено на нѣкоторое время движеніе по Р.-Ур. дорогѣ. Толпа жел.-дор. рабочихъ (изъ мастерскихъ) загородила на полотнѣ рельсы, остановила паровозъ и стащила машиниста.

Мастеровые часовой мастерской Х., бросивъ работу, пошли прекращать занятія къ товарищамъ по цеху, но никто не присоединился. Нѣкоторые фабриканты выплачиваютъ забастовщикамъ за первые дни плату. Интеллигенція собираетъ деньги на стачку. Говорятъ, будто собрано 25 тысячъ. Аресты громадные — взято много соц.-рев.; соц.-дем. менѣе пострадали. Таганка, Бутырки и части переполнены. Въ Татьянинъ день въ Технич. училищѣ час. къ 7 вечера собралась толпа человѣкъ въ 400 — студенты, техники, курсистки и проч.; полиція была на мѣстѣ уже раньше, и приставъ согласился впустить публику въ зданіе (долженъ былъ состояться банкетъ) лишь послѣ того, какъ парламентеръ изъ публики исполнитъ предложеніе полиціи и далъ честное слово за всю толпу не устраивать демонстраціи.

Въ зданіе полиція только „навѣдывалась“, освѣдомляясь, скоро ль кончатъ (говорили рѣчи, пѣли „Вихри враждебные“, собирали въ пользу забастовки — набрано 155 рублей), и „просила“ разойтись въ 11 час. Многіе оставались и долѣе, но всѣ мирно разошлись по домамъ...

Настроеніе у населенія тревожное — многія хозяйки запаслись хлѣбомъ, масломъ, будучи увѣрены въ поголовной забастовкѣ; однако, ни булочники, ни молочныя, ни трамваи не переставали работать. Дольше всѣхъ держится забастовавшій однимъ изъ первыхъ заводъ Бромлей. Типографщики возобновили работу, и газеты выходятъ... Обменныя правительственныя „прокламаціи“ изъ Русскаго Листка, отъ Общества Трезвости и др. вызывала иронію даже у самой сѣрой публики — мелкихъ лавочниковъ и торговцевъ... Гимназисты, гимназистки срывали эти объявленія; во многихъ гимназіяхъ собираютъ на стачку. Сегодня слушательницамъ Выс. Женск. Курс. было объявлено отъ Совѣта профессоровъ, что „въ такое бурное время занятія не могутъ итти успѣшно“, а директоръ Герье, по старой привычкѣ, передѣлалъ профессорское заявленіе — „пускай запишутъ свои фамиліи слушательницы, у которыхъ найдется достаточно хладнокровія, чтобы заниматься,.. и если число ихъ будетъ достаточно, то занятія начнутся“... Сначало было набралось 100 „хладнокровныхъ“, но въ одной изъ малыхъ аудиторій была собрана сходка, и „хладнокровныя“ перемѣрявъ свою температуру, рѣшили, что онѣ ошиблись.

Рига. 17 января. Здѣсь не стрѣляли по людямъ, а просто разстрѣливали, да разстрѣливали безъ предупрежденій залпами, пачками, по нѣсколько штукъ (5—10 шт. патроновъ). Нѣтъ возможности описать величіе демонстраціи въ 50,000 чел... Въ больницахъ, полицейскихъ участкахъ и т. д. ряды труповъ.

.....Я видѣлъ группы, которыя рѣшительно и твердо подставляли грудь — то были рабочіе — честь и слава имъ! Безъ оружія выходить нельзя и притомъ нужно имѣть не какой нибудь дурацкій револьверъ, а оружіе должно быть дѣйствительно вполнѣ годное, а то 200 солдатъ разстрѣливаютъ и разгоняютъ 100,000. Полиціи сейчасъ не видно.

На похоронахъ одного убитаго присутствовало до 15,000 — 20,000 человѣкъ. Были вѣнки съ красными лентами и съ надписями: „смерть палачамъ“; „товарищу павшему въ борьбѣ“ и т. д. Вѣнки несли рабочіе и студенты, держа ихъ высоко надъ головой. Гробъ несли на рукахъ. Каждый искалъ чести пронести хоть не долго гробъ. На кладбищѣ говорили рѣчи, говорили рабочіе и интеллигенты, раздавали прокламаціи. Чтобы не оставить вѣнковъ полиціи, ихъ разобрали присутствующіе по листку, не оставивъ ни одного листка. Въ этомъ было что то трогательное и великое...

На обратномъ пути вмѣшалась полиція, и чуть было не вышло столкновенія съ войсками, хотя шли совершенно тихо, такъ что, напримѣръ, совершенно спокойно обошли стоявшую на площади сотню козаковъ. Черезъ четыре квартала встрѣтила насъ рота солдатъ, стала поперекъ улицы, офицеръ что то скомандовалъ, вышелъ горнистъ, протрубилъ, солдаты подняли ружья; толпа остановилась... Это длилось нѣсколько минутъ: никому не хотѣлось новыхъ жертвъ безсмысленнаго варварства; сзади стали наѣзжать казаки, и мы разсѣялись въ боковыя улицы. Вообще полиція теперь не играетъ никакой роли, ея мѣсто занялъ офицеръ, который что то скомандуетъ, заиграетъ горнистъ, и пули полетятъ, валя людей...

Бѣлый терроръ въ Варшавѣ. 16-го января стрѣляли по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, не разбирая праваго и виноватаго. Около насъ на улицѣ валялись три трупа, внутренности которыхъ валялись тутъ-же около нихъ. Всѣхъ, проходившихъ вечеромъ по улицѣ, первымъ дѣломъ обыскивали, причемъ всѣ ихъ вещи, въ томъ числѣ, конечно, и кошелекъ, оставались въ рукахъ полиціи. Кромѣ того, ихъ очень часто тутъ же пристрѣливали; этой же участи подвергались всѣ, показывавшіе свой носъ изъ-за запертыхъ воротъ. На другой день Варшава была объявлена на положеніи усиленной охраны. Паника охватила всѣхъ. На улицу выходили только за крайней надобностью, причемъ рисковали очень многимъ.

Во вторникъ 19-го немного успокоились; начали выѣзжать извозчики, трамваи, выходить понемногу люди. Но все это продолжается только до вечера, до наступленія темноты, послѣ чего все это снова прекращается. Ворота по распоряженію полиціи закрыты цѣлый день на запоръ. Около нихъ находятся дворники, которые получили приказъ впускать только имъ лично извѣстныхъ людей. Забастовка еще продолжается. Жертвъ пострадавшихъ во время подавленія „безпорядковъ“ масса. Еще болѣе арестованныхъ, которыхъ массами ведутъ въ крѣпость. Въ такомъ видѣ все обстоитъ сегодня, 20 го января...

Изъ другаго письма:

Ужасы, которые я переживалъ въ послѣднее время, я не могу выразить на бумагѣ... Зрѣлище, которое представляли убитые, валявшіеся въ грязи и крови, наводило на публику ужасъ. Въ воскресенье съ самаго утра прибыла масса войска, и безъ всякихъ поводовъ стрѣляли въ каждаго встрѣчнаго, просто въ одиночныхъ людей, ибо толпы не было...

Ахъ, еслибъ ты видѣлъ солдатъ, гонявшихся за каждымъ человѣкомъ! Съ какой страстью они это совершали, съ какой жаждой они хватали свою жертву! Въ понедѣльникъ же, когда все утихло, люди, проходившіе по улицамъ мимо войска, также подвергались разнымъ пыткамъ. Били ихъ, или же просто убивали. Убивали тѣхъ, носъ которыхъ почему-либо не понравился. Офицеры въ такомъ родѣ командовали: *„а ну-ка подстрѣли вонъ того, вотъ этого“* и т. д. На людей напала какая-то паника, никто не выходитъ изъ дому, чтобы не быть убитымъ... Хлѣба не было, и теперь его съ трудомъ можно достать...

Полиція грабитъ прохожихъ...

Саратовъ, 16 января. Четвертый день уже идетъ забастовка. Стоятъ всѣ фабрики, заводы, мастерскія, мельницы, типографіи (кромѣ Губернской), конка, все управленіе Ряз.-Ур. ж. д., городская управа, земская управа. Къ забастовкѣ примкнули приказчики многихъ магазиновъ. Товарные поѣзда прекратили движеніе. Группы рабочихъ переходятъ отъ завода къ заводу и приглашаютъ товарищей присоединиться. Отказовъ нигдѣ не было, и примѣнять обструкціи не приходилось. Столкновеніе

скіе митинги въ самомъ широкомъ масштабѣ. Идти вмѣстѣ со своимъ райономъ. Держать себя мирно до перваго столкновенія. На этомъ разошлись глубокой ночью.

V.

Слѣдующій день весь прошелъ въ такой лихорадочной работѣ въ Невскомъ районѣ, какую трудно было бы ожидать отъ людей, утомленныхъ безсонными ночами и непрерывной работой. Весь день непрерывно шло одно собраніе за другимъ. Прочитывалась петиція, объяснялся каждый пунктъ ея, исчерпывался каждый вопросъ; затѣмъ, другой ораторъ произносилъ горячую рѣчь, приглашая всѣхъ на слѣдующій день притти въ 9 часовъ съ женами и дѣтьми, съ провіантомъ и теплой одеждой и оружіемъ на всякій случай! Говорили и гапоновцы, и соціальдемократы. Энтузіазмъ толпы доходилъ до апогея. Ораторовъ соціальдемократовъ привѣтствовали, руки имъ жали, проходу на улицѣ не давали и требовали листковъ и листковъ! А ихъ не было и не было!... На дворѣ одинъ ораторъ соціальдемократъ взлѣзъ на вышку и оттуда говорилъ кратко, но выразительно и горячо передъ тысячной толпой, восторжественно его привѣтствовавшей. А въ „клубѣ“ каждый часъ, каждые полчаса мѣнялась публика, входила новая смѣна и ораторы говорили, говорили до хрипоты. Тоже самое происходило во всѣхъ районахъ. Всюду приводились отдѣльные пункты петиціи, всюду толпа давала грозную клятву умереть, но не уйти, пока не исполнятъ требованій ея. Къ вечеру всѣ разошлись съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день собраться вмѣстѣ. Насталъ день девятаго января. Но что же дѣлали полиція и власти въ это время?

VI.

Въ городѣ царила полная растерянность и хаосъ. Въ субботу городъ былъ объятъ паникой. Говорили, что будетъ бойня, что рабочіе бунтуютъ, что они придутъ грабить и убивать: охрана совершенно растерялась. Или, можетъ быть, наоборотъ, она дѣйствовала, вѣрнѣе, бездѣйствовала по приказанію свыше тѣхъ, кому нужно было устроить бойню. Легко было арестовать Гапона во время его разъѣздовъ по городу, по либераламъ, то-бишь радикаламъ. Легко было выслѣдить ораторовъ; легко было въ пятницу еще окружить войсками всѣ клубы и, хотя бы цѣной кровопролитія, закрыть ихъ и арестовать говорившихъ. Но кому-то нужно было устроить бойню въ центрѣ, а не только арестовать главныхъ. Нужно было показать призракъ революціи, чтобы разъ навсегда кончить „весну“. Нѣтъ сомнѣнія, можно было бы предотвратить „демонстрацію“ — или, самое большее — превратить ее изъ мирной, носящей характеръ челобитни, въ революціонную, съ незначительнымъ числомъ участниковъ. Но „тамъ“ этого не хотѣли. Партія мракобѣсія не могла упустить выгоднаго случая. Это про тѣхъ, кто сталъ за мрачную реакцію. Тѣ же, кто смотрѣлъ иначе, болѣе мягко, вѣроятно растерялись и поддались вліянію первыхъ. Несомнѣнно лишь одно, что рѣшительныя мѣры могли быть приняты, но ихъ не приняли.

Что касается интеллигенціи, то ея роль была самая жалкая.

Незадолго передъ этимъ конституировалась партія „демократовъ“. Туда вошли всѣ бывшіе марксисты и народники. На вечеринкѣ 31 декабря они оффиціально выступили, какъ партія, и радикальный г. В — ъ, бывшій соціальдемократъ, былъ тамъ на ряду съ бывшими народниками. Объ этомъ поговорю отдѣльно, пока же скажу, что они вопили объ единеніи, хотѣли заключить контрактъ со всѣми партіями, въ рѣшительную же минуту ихъ не оказалось. Не оказалось ихъ ораторовъ, которыхъ у нихъ порядочно. Не оказалось ихъ техники; они лишь молча взирали на кровавую бойню, да депутаціи отправляли къ министрамъ съ просьбами. Лишь послѣ они стали давать деньги: этимъ ограничилась вся ихъ роль. Въ рѣшительную минуту соціальдемократы забыли всѣ споры и готовы были принять содѣйствіе другихъ партій. Но бомбы соціалистовъ-революціонеровъ остались на бумагѣ, а благіе порывы радикаловъ у нихъ въ душѣ. Интеллигенція сидѣла и ждала, что будетъ, а послѣ бойни, въ ужасѣ передъ совершившимся, въ бѣшеномъ безсильи, искала тщетно способовъ борьбы, писала резолюціи, деньги собирала; въ рѣшительную же минуту пойти туда, стать наряду съ соціальдемократами передъ рабочими, для этого мужества у нея не хватило. Возстаніе, буде оно совершилось, было бы вполнѣ пролетарское; раздѣлъ же власти былъ бы не пролетарскій—бросились бы на наживу тѣ, кто сидѣлъ сложа руки.

Перейдемъ теперь къ описанію событій 9 января.

VII.

Съ ранняго утра городъ принялъ характеръ военнаго лагеря. По всѣмъ направленіямъ шли полки кавалеріи и пѣхоты, артиллеріи, походные лазареты, кухни. Шла вся гвардія. Казаки конвоя „Его Величества“ (красные) и атаманскіе (синіе). По направленію ко всѣмъ окраинамъ были отправлены кавалерія и пѣхота. Площадь Зимняго Дворца была окружена артиллеріей, кавалеріей и пѣхотой. На всѣхъ главныхъ перекресткахъ, на Лиговкѣ, на Дегтярной, на Сѣнной, на Михайловской и т. д. были расположены войска. Пишущій эти строки отправился къ 8-ми часамъ въ Невскій районъ. Конокъ никакихъ не было. Пришлось ѣхать на извозчикѣ. По пути обогнали 120 человѣкъ казаковъ. Въ районѣ къ 9-ти часамъ собралась огромная толпа народу. Улицы также кишѣли рабочими. Ровно въ 9 часовъ толпа двинулась, растянувшись версты на двѣ, не особенно густо. Пройдя версты полторы, она была встрѣчена заставой изъ 120 казаковъ. Часть была спѣшившись, часть сидѣла на коняхъ со сверкавшими на солнцѣ саблями. Толпа остановилась. Образовался плотный заторъ изъ тысячъ пяти. Остальные растянулись позади. Изъ толпы вышли рабочіе (между ними Петровъ) и начали просить офицера пропустить, на что офицеръ отвѣтилъ: „никакъ невозможно, разойдитесь!“ Долго длились переговоры. Одинъ старикъ бросился на колѣна и сталъ раздирающимъ душу голосомъ просить солдатъ пропустить ихъ, призывалъ не стрѣлять; указывалъ, что они сами были и будутъ рабочими. Когда ничто не помогло, онъ бросился въ толпѣ на колѣняхъ и призывалъ всѣхъ умереть, исполнить клятву. Одинъ моментъ запѣли даже „Коль славенъ“, но это было прекращено во время. Разстояніе между войсками и толпой было такое незначительное, что размахивая саблями, казаки, стоя неподвижно, ранили трехъ человыкъ. Когда казалось, что вотъ, вотъ казаки бросятся, вся толпа легла на землю. Наконецъ офицеръ велѣлъ стрѣлять и было дано три залпа. Всѣ упали, но никто не былъ раненъ. Очевидно, либо залпы были холостые, либо было роздано лишь немного боевыхъ патроновъ и солдаты стрѣляли вверхъ. Впечатлѣніе отъ залповъ получилось удручающее. Толпа не рѣшалась броситься впередъ, видя штыки и сабли и начала подаваться обратно. Многіе, особенно одинъ старикъ, негодующе кидались обратно и гнали отставшихъ идти впередъ. Такъ продолжалось около часу. Можно было ожидать еще залповъ. Офицеръ, однако, своимъ правомъ не воспользовался и лишь стоялъ непоколебимо на томъ же мѣстѣ. Тогда рѣшено было итти окольными путями; многіе бросились впередъ на Неву и огромное большинство пробралось въ городъ. Ничего не оставалось соціальдемократамъ, какъ сдѣлать тоже самое и пойти туда. Впервые почувствовалось отсутствіе въ толпѣ организованности и трудно было ее организовать за такое короткое время. Вотъ все, что происходило въ Невскомъ районѣ; что касается другихъ районовъ, то дѣло представляется въ такомъ видѣ: за Нарвской заставой толпа шла съ иконами, хоругвями, имѣя во главѣ Гапона и еще одного попа[1].

Произошли тамъ, какъ и за Невской заставой, переговоры съ солдатами и офицеромъ, а затѣмъ пальба. Выступилъ одинъ гимназистъ, обнявшись съ рабочимъ, сказалъ рѣчь, и оба были убиты. Дано было всего 5 боевыхъ залповъ. Гапонъ упалъ, но не былъ даже раненъ и его унесли и спрятали. Тоже самое происходило приблизительно во всѣхъ районахъ: стрѣляли въ толпу, шедшую съ Петербургской Стороны къ Троицкому мосту, гдѣ ихъ встрѣтили солдаты. Стрѣляли у Литейнаго моста и на Васильевскомъ Островѣ. Всюду, кромѣ Невскаго района, офицеры воспользовались своимъ правомъ стрѣлять боевыми патронами и всюду было много убитыхъ. Курьезно, что за Нарвской заставой былъ убитъ околоточный, шедшій рядомъ съ толпой и тамъ же тяжело раненъ помощникъ пристава. Нигдѣ толпа не оказывала сопротивленія, кромѣ Васильевскаго Острова, гдѣ рабочіе устроили баррикады, предварительно разгромивъ оружейный магазинъ. Въ городѣ между тѣмъ происходило нѣчто неописуемое. Съ 12 часовъ толпы рабочихъ пробрались на Невскій и, такъ какъ ихъ не пускали на площадь, то они заполнили Невскій до Полицейскаго моста, Гороховую, Морскую, Адмиралтейскую, Александровскій садъ, Мойку. Кромѣ того, густыя толпы рабочихъ вмѣстѣ съ другими ходили по Невскому и образовали огромные заторы на всѣхъ мостахъ, на перекресткахъ, на Казанской площади, на Садовой, въ Гостиномъ дворѣ. Проѣздъ былъ свободенъ, хотя и съ трудомъ, по Невскому до Полицейскаго моста. Невскій, Морская, площадь, были покрыты войсками; ежеминутно наскакивали казаки, толпа разбѣгалась, чтобы снова сойтись. Вездѣ тишина: ни одного возгласа. На главныхъ пунктахъ бойни, на углу Морской, у Александровскаго сада, на Мойкѣ, толпа вела себя вызывающее спокойно: ни звука, другъ друга сдерживали. И вотъ въ бѣшенствѣ передъ этой непоколебимо-спокойной, несдвигаемой лавиной, которая не выходила изъ себя, не бросалась, а спокойно ждала депутацію, будучи увѣрена, „что слуги царя не допускаютъ, а царь то хочетъ“ — и не уходила, офицеры начали стрѣлять. Безъ предупрежденія былъ данъ рожокъ-сигналъ. Никто ничего не понялъ, до того невѣроятно было, чтобы стрѣляли. Раздались три залпа и стоны огласили воздухъ. Раненые первымъ залпомъ добивались вторымъ (Савенковъ, Бердичевская). Раздались проклятія, плачъ. Толпа обезумѣла, бросилась на солдатъ, но встрѣчала штыки и отходила. Первый трупъ понесли по Невскому съ пѣніемъ. Сперва конные жандармы, забыло только одно: когда пришли приглашать къ стачкѣ конку, то прискакали казаки и, напавъ на рабочихъ совершенно врасплохъ, основательно поколотили ихъ нагайками.

---

[1] По нашимъ свѣдѣніямъ, кромѣ Гапона, ни одинъ священникъ съ толпою не шелъ. *Ред.*

Поддержали стачку и учебныя заведенія. Первой единогласно забастовала Фельдшерская школа, потомъ техники, акушерскіе курсы и старшіе классы гимназій и реальнаго училища. Въ семинаріи занятія идутъ только въ 6 классѣ. Когда забастовавшіе гимназисты расходились по домамъ, на улицѣ ихъ догнали казаки и били нагайками; одному гимназисту выбили глазъ.

Сначала предполагалось на 17 устроить вооруженную демонстрацію (ее предлагали с.-р—ы), но потомъ замѣнили ее массовой сходкой; въ случаѣ нападенія полиціи, рѣшено оказать вооруженное сопротивленіе.

Настроеніе въ Саратовѣ небывало приподнятое и торжественное. Начались массовые обыски и аресты.

Губернаторъ назначилъ земцамъ три собранія, и если они не соберутся на нихъ въ достаточномъ числѣ или будутъ обсуждать вопросы, выходящіе изъ предѣловъ ихъ компетенціи, то земство объявляется закрытымъ, и его мѣсто займетъ администрація. По этому поводу среди земцевъ идутъ горячіе дебаты.

17 января.

Ежедневно за городомъ происходятъ собранія въ 3—4—5 тысячъ человѣвъ, на которыхъ вырабатывается программа дѣятельности на слѣдующій день, обсуждаются текущія событія и пр.

Кромѣ экономическихъ требованій предъявлены политическія. Настроеніе пока бодрое, хотя удручающимъ образомъ дѣйствуютъ событія въ Питерѣ и неполученіе извѣстій съ юга и Кавказа. Также страшитъ незначительность средствъ. Особенно ненадежны управленцы. Были аресты, но не очень многочисленные.

Сегодня было собраніе болѣе 5 тысячъ человѣкъ. Прошло очень хорошо. Повсюду стоятъ солдаты, казаки съ ружьями на готовѣ, а вчера стояли даже пушки. Завтра будетъ опять собраніе.

Полиціймейстеръ и 2 пристава, по слухамъ, подали въ отставку, не желая принимать участія въ усмиреніи.

Смоленскъ. 22 января. Сейчасъ же по полученія извѣстій изъ Петербурга у всѣхъ явилась потребность выразить чѣмъ нибудь свой протестъ, свою солидарность съ петербургскими товарищами-рабочими. Мѣстныя организаціи (ком. Р. С.-Д. Р. П., ком. П. С.-Р. и Группа бундовцевъ) вошли по этому поводу, (по инціативѣ с.-р.) въ переговоры относительно совмѣстнаго образа дѣйствій для даннаго случая. С.-Р. предлагали демонстрацію, с. д. — всеобщую стачку. Была принята стачка, и началомъ ея предполагалась пятница, 14 января. Но наканунѣ этого дня, на совѣщанія представителей рабочихъ организацій всѣхъ входившихъ въ соглашеніе организацій (присутствовали 14 с.-д., 4 с.-р. и 4 бундовца), высказавшемся принципіально за стачку, рѣшено было по многимъ практическимъ соображеніямъ началомъ ея сдѣлать понедѣльникъ, 17 января. Была заготовлена прокламація за общей подписью всѣхъ трехъ организацій. Въ субботу созывается второе соединенное собраніе представителей рабочихъ организацій (присутствовали 10 с.-д., 5 с. р., 5 бундовцевъ) для выработки детальнаго образа дѣйствій. Но тутъ, неожиданно для значительной части присутствовавшихъ, пришлось вновь пересмотрѣть вопросъ о необходимости самой стачки съ точки зрѣнія могущихъ быть жертвъ и ея осуществимости. Особенно сильны были нападки на планъ стачки со стороны рабочихъ с.-р.: „это, молъ, кабинетный планъ, который разлетается въ пухъ и прахъ при соприкосновеніи съ дѣйствительностью". Незначительнымъ большинствомъ, въ которое вошли всѣ с.-р. (интеллигенты не голосовали), стачка была признана невозможной. На этомъ и закончился нашъ блокъ. Замѣтимъ, что, не выдвигая особенныхъ возраженій противъ соглашенія съ бундовцами, наши рабочіе были очень недовольны соглашеніемъ съ соціалистами-революціонерами.

Въ воскресенье, на общемъ совѣщаніи съ организаціонными представителями рабочихъ, комитетъ рѣшилъ попытать устроить стачку въ понедѣльникъ самостоятельно. Рѣшеніе состоялось въ 5 ч. вечера и сейчасъ же было сообщено для свѣдѣнія бундовцамъ и соц. рев. Стачка удалась на половину. Въ понедѣльникъ забастовало большинство мелкихъ ремесленныхъ заведеній (портныхъ, столяровъ, сапожниковъ, заготовщиковъ и др.), всѣ типографіи (Подземскаго, Днѣпровскаго Вѣстника, Губернская Гуревича и Силина) и механическая мастерская Ковалевскаго (60 чел.). Въ значительной части заведеній, а въ болѣе крупныхъ — вездѣ, пришлось останавливать работы путемъ личнаго обращенія группъ рабочихъ, забастовавшихъ самостоятельно и переходившихъ изъ одного заведенія въ другое. С.-р. примкнули къ стачкѣ въ первый же день, и нѣсколько ихъ рабочихъ присутствовали при остановкѣ работъ въ типографіи Подземскаго. На улицахъ было арестовано нѣсколько рабочихъ по подозрѣнію въ подстрекательствѣ къ стачкѣ. Нѣкоторые выпущены на другой день, а четверо пока сидятъ; извѣстны фамиліи двоихъ: Берестинскій и Кацманъ. Въ первый день утромъ комитетомъ были распространены общіе листки съ призывомъ къ стачкѣ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Смоленска" и спеціальные „Къ рабочимъ типографія Подземскаго". Вечеромъ былъ распространенъ листокъ „Къ служащимъ и рабочимъ общества „Уніонъ". Во вторникъ стали нѣкоторыя пекарни и катушечная фабрика Гергарди, послѣ распространенія на ней общаго комитетскаго листка. Въ этотъ же день къ стачкѣ присоединились бундовцы.

Въ среду пріостановили работу желѣзнодорожныя мастерскія на полустанкѣ Строгань Данковской жел. дор. Всѣхъ рабочихъ, оставившихъ работы, было около 700-800 чел. Экономическихъ требованій, кромѣ типографіи Подземскаго, гдѣ требовали 8-ми часоваго рабочаго дня, нигдѣ не предъявляли. Трамвай (общества „Уніонъ") не остановился, не смотря на очень скверныя условія труда: „трудно добиться у насъ согласія", говорили кондуктора. Только третьяго дня они начали переговоры съ администраціей общества, которые пока не привели ни къ чему. Нѣкоторые изъ хозяевъ заранѣе дѣлали уступки рабочимъ, увѣщевая ихъ не бастовать и страшая ихъ петербургскими ужасами. Такъ на кафельномъ заводѣ Будникова хозяинъ обѣщалъ сократить на часъ рабочее время и повысить расцѣнки, т. е. вернуться къ старымъ, такъ какъ онъ только недавно ихъ понизилъ. Рабочіе его дѣйствительно всѣ работали, за что онъ ихъ и надулъ: сократилъ рабочее время только на полчаса. На катушечной Гергарди, какъ только рабочіе заявили, что они бастуютъ, Гергарди сразу сократилъ имъ рабочее время на два часа (съ 11 до 9), уговаривая не бастовать, такъ какъ у него срочные заказы. Наконецъ предложилъ имъ бастовать 2 дня съ сохраненіемъ половинной платы. Рабочіе выговорили еще третій день. Если нѣкоторые изъ хозяевъ, опасаясь убытковъ, такимъ образомъ, уступками экономическаго характера стремились отклонить рабочихъ отъ стачки, страшая ихъ избіеніемъ, подобнымъ петербургскому, то Подземскій (около 100 раб.), опасаясь экономическихъ требованій (на самомъ дѣлѣ они ему и были предъявлены), старался у себя представить стачку исключительно политической. Объясняя, почему онъ, вопреки совѣтамъ конторщиковъ, не пригласилъ полицію при остановкѣ работъ въ его типографія, онъ говорилъ: „Зачѣмъ полицію? Пускай себѣ бастуютъ: дѣло общественное". Рабочіе заведеній, которые не бастовали, потому что почему-либо не были сняты стачечниками, очень недовольны этимъ обстоятельствомъ. Даже многіе хозяева говорятъ, что они нисколько не были бы противъ стачки. Между прочимъ, на счетъ японскихъ милліоновъ. Когда останавливали типографію Подземскаго, то одинъ изъ наборщиковъ подходитъ къ приглашавшему къ стачкѣ рабочему и говоритъ: „Что же вы хоть четверть не принесли? Вѣдь шесть милліоновъ съ японцевъ получили!". Строганскій жандармъ выразилъ удивленіе, какъ это онъ 8 лѣтъ живетъ на полустанкѣ и до сихъ поръ не зналъ, что у рабочихъ есть недовольство... „Вы бы ко мнѣ обратились", говорилъ онъ имъ. Сегодня стачка уже кончилась. Воспитательное значеніе ея громадно. Рабочіе возставали за своихъ братьевъ — петербургскихъ рабочихъ: они заявляли, что дѣло петербургскихъ рабочихъ ихъ дѣло. Впервые громадное большинство здѣшнихъ рабочихъ почувствовало, что у всѣхъ рабочихъ есть одно общее „рабочее дѣло".

Смоленскій Ком. Р. С. Д. Р. П.

Екатеринославъ. 21 января. Извѣстія о питерскихъ событіяхъ быстро докатившись до Екатеринослава, вызвали массу толковъ и разговоровъ въ рабочей массѣ. Настроеніе въ нѣкоторыхъ слояхъ становилось повышеннымъ. Комитетъ (кстати уже ушедшій изъ рукъ твердокаменныхъ) пошелъ на встрѣчу этому настроенію и уже 12-го распространилъ прокламацію: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ", почти на всѣхъ заводахъ, въ большомъ количествѣ.. Броженіе усиливалось... 13—14 комитетъ выпускаетъ 2-ю прокламацію (письмо изъ Петербурга кіевскому Комитету)...

15-го прекратились работы въ типографіи „Приднѣпровскаго Края". Въ понедѣльникъ 17-го присоединяются рабочіе типографіи Яковлева. Небольшой толпой они двинулись (часа въ 4 дня) по проспекту, обходя всѣ работающія типографіи и мелкія промышленныя заведенія. „Товарищи, прекращайте работу!" — вотъ общее обращеніе, вслѣдъ за которымъ работа почти всегда немедленно же прекращалась. Въ земскую типографію долго не пускали. Дальше встрѣтились толпѣ запасные. Стали къ нимъ обращаться съ разными возгласами: „Не идите на ненужную войну", „Долой войну", „Присоединитесь къ намъ", „Вы жъ вѣдь наши братья". Общій характеръ отвѣтовъ былъ таковъ: „Мы все братцы понимаемъ, мы бы пристали да если бы всѣ это сдѣлали, а то насъ перестрѣляютъ и только...". — Все это время полиція бездѣйствовала. На вопросы, чѣмъ объяснить такое ихъ поведеніе, околоточные отвѣчали: „что жъ?! Они только предлагаютъ а не грозятъ. Преступнаго нѣтъ ничего..". Въ дѣйствительности причина была иная, какъ увидимъ ниже. — Обойдя типографіи, толпа пришла къ фабрикѣ Джигита (табачная). Ворота оказались заперты.. Когда стала напирать масса, одинъ рабочій предложилъ толпѣ вести себя тихо и спокойно, предоставить ему переговорить... Къ нему вышелъ одинъ изъ служащихъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ бесѣды, ворота раскрылись... Работницы Джигита присоединяются... Предложеніе забастовать здѣсь долго вызывало недоумѣнія: „зачѣмъ стачка? Чего хотятъ?" Это объясняется тѣмъ, что упомянутыя выше прокламаціи не попали на эту фабрику. Такъ, повсюду призывая къ забастовкѣ, толпа дошла почти до конца города (улицы: Литейная, Новая). Къ этому времени толпа сильно растянулась... Вдругъ впереди и въ серединѣ услышали душу раздирающіе крики, стоны... На шедшихъ въ хвостѣ набросились на Новой съ дикимъ гиканьемъ и криками: „Батоги готовь!" казаки.. Началось варварское избіеніе мирно шествующихъ людей. Не щадили ни пола ни возраста.. Толпа стала разбѣгаться въ разныя стороны... Многіе были ранены... Одинъ лежитъ при смерти въ больницѣ... Послѣ избіенія создалось скверное, угнетенное настроеніе... Чувствовалась потребность собраться, пораскинуть умомъ... Этому, однако, помѣшали два обстоятельства: 1) не было подходящаго мѣста вблизи; 2) наканунѣ было накрыто 3 собранія, повидимому, наиболѣе передовыхъ рабочихъ, участники поголовно арестованы. Въ этотъ же день (нѣсколько раньше) началось броженіе среди запасныхъ, и ропотъ недовольства вылился, между прочимъ, въ избіеніи офицера (по нѣкоторымъ версіямъ онъ былъ убитъ). Слежка среди солдатъ и запасныхъ достигла необычайныхъ размѣровъ. Одинъ товарищъ-солдатъ, опытный въ распространеніи прокламаціи, [illegible] разъ не смогъ ихъ совершенно вручить солдатамъ.

Во вторникъ, часа въ 4, сталъ машиностроительный заводъ на Амурѣ... За нимъ остальные амурскіе... Въ этотъ же день начинается движеніе среди служащихъ трамвая. (Сегодня, 21-го съ утра трамвай не работалъ, къ 10 часамъ вечера двигалось всего 6 вагоновъ (при помощи контролеровъ и полиціи)... Во вторникъ же депутаты городскихъ (не пригородныхъ) рабочихъ собрались для выработки требованій.. Требованія были изложены въ 22-хъ пунктахъ, всѣ экономическаго характера. Важнѣйшія: 8 часовой рабочій день, повышеніе на 20% заработной платы, болѣе сносныя гигіеническія условія, и т. д. — Забастовка расширяется, однако, медленно... Въ то время, какъ типографщики уже начинаютъ „уставать", желѣзнодорожники, мельницы и Нижнеднѣпровскъ еще работаютъ... Чувствуется страшный недостатокъ свѣдѣній изъ другихъ городовъ и разныхъ пригородовъ... Бюллетени могли бы ободрить массу, быстрѣе втянуть всѣхъ рабочихъ въ стачку. — Въ среду сталъ, наконецъ, Брянскій и близълежащіе (Гвоздильный, Эзау и т. д.) заводы. На Амурѣ среди рабочихъ масса арестовъ. Въ городѣ начались обыски. Арестовъ сравнительно немного. Взяты почти всѣ поднадзорные (въ одной 4-й части до 80 человѣкъ).

Сейчасъ стоятъ всѣ заводы, кромѣ упомянутыхъ желѣзнодорожныхъ, мельницъ и нѣкоторыхъ мелкихъ мастерскихъ... Завтра ждутъ стачки приказчиковъ и фармацевтовъ... Работаетъ ли Каменской, ставшій было за 5 дней до первой стачки типографщиковъ, — сейчасъ не знаю. Демонстрація пока не было. Столкновенія съ войсками тоже... Предмѣстья оцѣплены войсками. По городу разъѣзжаютъ казаки, конные городовые, шагаютъ пѣхотныя войска (порою съ барабаннымъ боемъ). Водопроводъ, банки, губернаторскій домъ, казначейство и другія учрежденія охраняются войсками. — Студенты горнаго училища совѣщаются о формѣ своего протеста... Носятъ трауръ по убитымъ товарищамъ.[1]) Профессорская коллегія по прежнему проявляетъ себя съ подлой стороны. Хотѣлъ сказать еще о банкетѣ, но это въ другой разъ...

Кіевъ. 18 января. Стачка идетъ вяло: одни бастуютъ, другіе начинаютъ работать. Повредило дѣлу то, что не бросили работу желѣзнодорожники. Заводы окружены войсками. Странные аресты: арестовано до 300 человѣкъ.

Харьковъ. Послѣ паровозостроительнаго завода (6.000 раб.) забастовали желѣзно-дорожныя мастерскія (8.000 съ лишнимъ). Ждутъ прекращенія работъ на остальныхъ заводахъ. На фабрикѣ Бормана бросили работу еще раньше. Въ театрахъ и другихъ помѣщеніяхъ устраиваются митинги съ политическими рѣчами. На улицахъ — толпы народа. Всѣ учебныя заведенія — высшія, среднія и низшія — закрыты.

Ростовъ н/Д. Въ городѣ всѣ говорятъ о событіяхъ въ Петербургѣ. Мѣстная работа теперь закипѣла. Донской Ком. поставилъ типографію и выпустилъ нѣсколько тысячъ листковъ. Собрано было нѣсколько сходокъ, гдѣ выясняли значеніе Петербургскихъ событій. Во Владикавказскихъ мастерскихъ возникли два теченія: одни рабочіе желаютъ устроить стачку, главнымъ образомъ для цѣлей политической агитаціи, другіе—чисто экономическую. Пока неизвѣстно, какое теченіе одержитъ побѣду. Во всякомъ случаѣ заводы и фобрики навѣрное на дняхъ забастуютъ. 18-го у Пастухова была попытка, но не удалась: рабчіе не успѣли соединиться, какъ появилась заводская администрація и нѣсколько полицейскихъ, помѣшавшихъ началу забастовки. Арестовано шесть человѣкъ. 17-го рано утромъ выстрѣломъ изъ револьвера убитъ предатель Шевченко (Орликъ).

Могилевъ — Губ. (Изъ частнаго письма). Послѣ петербургскихъ событій у насъ здѣсь были частичныя забастовки рабочихъ, а въ четвергъ 20-го ожидали демонстрацію. Демонстраціи не было, такъ какъ повсюду было спрятано войско. За то теперь началась вакханалія полицейскаго разгула. Безъ всякаго повода тащатъ людей съ улицы на пожарный дворъ, и тамъ начинается расправа; за что — неизвѣстно. Расправа самаго послѣдняго жанра съ выкручиваніемъ рукъ. Въ пятницу и субботу искалѣчили до ста человѣкъ. Истязали утонченно, со вкусомъ, съ толкомъ. Процедура битья совершалась слѣдующимъ образомъ: раньше забранныхъ отводили къ приставу, гдѣ производилась запись. Все какъ будто благородно. Но какъ только записанный выходилъ изъ двери, на него нападало нѣсколько полицейскихъ, били до полусмерти и затѣмъ сбрасывали съ лѣстницы. Здѣсь ждала вторая смѣна — били обнаженными саблями по груди до потери сознанія. Но это еще не конецъ. Попадали въ третьи руки — солдатъ. Эти били прикладами, топтали ногами, выколачивали глаза, выворачивали руки, выламывали пальцы. Ужасные крики и плачъ истязуемыхъ слышны были на улицѣ. Ничего нельзя было сдѣлать. Д-ръ Я. Лурье и д-ръ Л. Кагачъ ѣздили, говорятъ, къ полиціймейстеру; тотъ сказалъ: „Вы тоже демократы. Васъ тоже нужно бить. Теперь не то, что раньше. Нѣтъ Святополка"! Нѣсколько дѣвушекъ изруганы, оплеваны, насѣчены чуть ли не на части). Нѣсколько человѣкъ при смерти, остальные калѣки... Нельзя пройти по улицамъ. То и дѣло останавливаютъ: „сюда нельзя, не угодно ли вернуться? Не угодно ли итти по Шкловской, по Пож. пер. и т. д." Здѣсь въ чертѣ намъ создаютъ инквизицію, передъ которой блѣднѣютъ ужасы старой инквизиціи... — разнузданные, дикіе звѣри, которые снова почувствовали волю! При Святополкѣ все-таки хоть съ виду соблюдали приличіе: били, но не истязали. Всѣ описанные ужасы совершаются не надъ „демократами" только, а надъ всѣми: какой-то старикъ Кройпинъ по дѣлу зашелъ въ субботу въ полицію — избили до полусмерти, сломали переносицу. Мальчику лѣтъ 14 сломали руки; потащили его въ пожарный дворъ потому, что онъ проходилъ въ субботу по улицѣ, и приставу заблагоразсудилось обратить на него вниманіе. Забирали и тащили всѣхъ, кого вздумалось. Городовые, говорятъ, получаютъ за это награду, такъ вотъ они и стараются. Такія дѣла творятся у насъ, начиная съ четверга (20 января). Силъ нѣтъ... Въ Петербургѣ убивали; здѣсь истязаютъ, мучатъ, издѣваются. Тамъ убивали людей, казавшихся опасными. У насъ хватаютъ людей съ улицы и тащатъ въ застѣнокъ: „ты еврей, ты демократъ"...

Понедѣльникъ 24. Вчера вечеромъ, когда я писала, я еще не знала того, что происходило въ шесть часовъ на Вѣтряной. Была демонстрація. Демонстранты разбѣжались, а полиція начала хватать людей (Демонстрація была преимущественно русская, хватали преимущественно евреевъ). Хватали людей и ихъ били! Боже мой! Я схожу съ ума! М. Каганъ и М. Гершановичъ (реалисты) проходили по Лютеранскому переулку, ихъ схватили, бросили на земь, топтали ногами. Возлѣ Лютеранскаго пер. схватили реалистовъ Левина и Окштейна. Всѣхъ ихъ потащили въ полицію. Тамъ ихъ по нѣскольку разъ сбрасывали съ лѣстницы. Сбрасывали, тащили наверхъ, снова сбрасывали, и такъ нѣсколько разъ. Потомъ зажимали между дверьми, вырывали клочьями волосы. Лежатъ полумертвые. Окштейнъ раненъ въ голову — умретъ. На Вѣтряной лужи крови видны еще сегодня. Изъ тѣхъ, которыхъ били въ четвергъ и субботу, одинъ уже умеръ. Остальные не сегодня —завтра умрутъ. Забрали нѣсколько христіанъ, ихъ совсѣмъ не били.

Рѣчица. Съ 18 с. м. у насъ всеобщая забастовка. Бастуютъ 250 человѣкъ. 18-го же на главной улицѣ состоялся митингъ, на которомъ присутствовало до 450 человѣкъ. Выразили протестъ противъ петербургской бойни. Никого не арестовали.

Тифлисъ, 18 января. Завтра мы начинаемъ общую стачку и митинги. Настроеніе прекрасное. Полиціи извѣстно все. Желѣзнодорожныя мастерскія были сегодня переполнены войскомъ и жандармами; приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы не произошло столкновеній, но это едва ли удастся. Народъ здѣсь очень возбужденъ. Даже солдаты, и тѣ проявляютъ сильное возбужденіе. Между ними ведется такая же агитація и кружковая пропаганда, какъ и среди рабочихъ. Бѣда въ томъ, что мало работниковъ (агитаторовъ и пропагандистовъ).

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ завтрашняго дня, какъ будто готовятся къ празднику. Наняхъ ожидается приказъ о мобилизаціи, и должно быть тогда и начнется стачка. Рѣшено отказываться ѣхать на войну. — Людей, людей намъ нужно! Сколько еще нужно сдѣлать!

Только что пришелъ товарищъ, который сообщилъ, что арестовано 150 человѣкъ.

нимавшіе шеренгами Невскій до Полицейскаго моста — разступились; но затѣмъ быстро опомнились, догнали процессію, отняли трупъ и разогнали толпу. Потянулась печальная процессія убитыхъ и раненыхъ по Гороховой. Никакихъ мѣръ не было принято, не было каретъ скорой помощи, трупы и раненые лежали часами въ саду и на улицахъ, пока ихъ не убирали изъ публики же. Кровью былъ снѣгъ покрытъ кругомъ. Передъ первыми выстрѣлами нѣсколько рабочихъ бросились впередъ и раскрыли свою грудь передъ дулами. Они были убиты. Затѣмъ бойня быстро пошла впередъ. Та же рота, подъ руководствомъ капитана Свѣцинскаго (былъ раненъ во время убійства Плеве), стала на углу Морской и Невскаго и дала въ мирную не ожидавшую ничего толпу три залпа. Снова раненые и убитые. На углу Мойки и Невскаго, у дома Строганова стояла огромная толпа, прибитая, жалкая. По ту сторону стоялъ взводъ; офицеръ первый выстрѣлилъ изъ револьвера,—„пли", и тремя залпами онъ очистилъ Мойку. 25 человѣкъ остались лежать, среди нихъ старикъ, затѣмъ двѣ пожилыя дамы, студентъ и рабочіе. Убивались сѣдоки на извозчикахъ, убивались извозчики. Несмотря на выстрѣлы, толпа все-же не расходилась; и въ 7 часовъ вечера еще раздавались залпы на Казанской площади, на Сѣнной. Много, много было жертвъ. Весь вечеръ не прекращалось скопленіе публики. До поздней ночи казаки, не переставая, наѣзжали на тротуары и били саблями.

Интеллигенты устроили нѣчто вродѣ бюро въ публичной библіотекѣ, куда стекались всякаго рода свѣдѣнія. Сами они окончательно растерялись. Въ тотъ же вечеръ они собрались въ Вольно-экономическомъ обществѣ и битыхъ четыре часа говорили, говорили безъ конца. Стыдно было слушать ихъ растерянныя рѣчи, ихъ разговоры о томъ, что нужно протестовать. Не понимали они, что есть минуты, когда *говорить* нельзя, когда лучше молчать, если не можешь дѣлать. Многіе поняли это и ушли, поручивъ все выбранному бюро. Другіе же съ наслажденіемъ болтали.

Въ понедѣльникъ уже не стрѣляли, но было также очень много народу. Были выпущены хулиганы, которые начали бить магазины, и, когда въ 7 часовъ вечера потухло электричество, во всемъ городѣ сразу начали забивать лавки. Стукъ производилъ ужасное впечатлѣніе. Казаки же продолжали бить. Во вторникъ продолжалось то-же, хоть и тише, а въ среду спокойствіе почти водворилось.

На этомъ я покончу и скажу лишь еще нѣсколько словъ въ видѣ заключенія.

Революціи у насъ не было, былъ одинъ высоко психологическій моментъ—вѣра въ царя, подъ вліяніемъ котораго [illegible] пошла въ городъ. Реакція наступила быстро. Но событія 9-го показали рабочимъ, что просьбы больше не могутъ ничего дать. Они убили вѣру въ царя, и это зачтется при слѣдующемъ возстаніи. Въ слѣдующій разъ будутъ *требовать*, а не просить. События 9 января показали также, чего можно ожидать отъ радикаловъ, но объ этомъ въ другой разъ.

---

[1]) Въ Петербургѣ, Ригѣ и др. городахъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Тифлисъ. 31-го декабря состоялся банкетъ („товарищескій ужинъ“ какъ было обозначено на билетахъ [1]) мѣстной интеллигенціи въ помѣщеніи Артистическаго общества. Предсѣдателемъ банкета почти единогласно былъ избранъ С. Чемизовъ, повидимому заранѣе предназначенный для этой роли. Открывая собраніе, предсѣдатель произнесъ рѣчь, въ которой отмѣтилъ, что въ билетахъ не случайно употреблено слово „товарищескій“, что оно указываетъ на объединеніе собравшихся по духу, по идеѣ, что въ настоящее время общественное мнѣніе проявилось уже во многихъ городахъ, что оно представляетъ изъ себя силу, съ которой нельзя не считаться, что и настоящее собраніе есть „попытка образовать общественное мнѣніе“ (?), проявленіе духа времени, — указавъ на все это, предсѣдатель заявилъ, что на предварительныхъ собраніяхъ бюро банкета была выработана резолюція, которую участники банкета получили при входѣ и которую имъ предлагается подписывать. Приглашая присутствующихъ высказаться по поводу врученной резолюціи, предсѣдатель нѣсколько разъ усиленно подчеркнулъ, что онъ не позволитъ ораторамъ выходить изъ рамокъ этой резолюціи. Вслѣдъ затѣмъ былъ прочитанъ текстъ самой резолюціи, требующей созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія,

Для осуществленія указанныхъ преобразованій считаемъ необходимымъ немедленный созывъ Учредителнаго Собранія на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

По прочтеніи проэкта, одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ прочесть резолюцію другой редакціи. Не успѣлъ, однако, читавшій окончить первый пунктъ резолюціи, какъ предсѣдатель прервалъ его, заявивъ, что новая резолюція выходитъ за предѣлы, намѣченные бюро банкета, и онъ не можетъ позволить ее читать. Нѣкоторыя лица указывали предсѣдателю на нелогичность дѣйствій бюро и требовали, чтобы онъ или предоставилъ собранію свободу слова или вычеркнулъ изъ резолюціи пунктъ о свободѣ слова. Предсѣдатель не соглашался на уступки. Поднялся невообразимый шумъ. Слышались только отдѣльные крики: „Вы говорите отъ имени народа и не даете говорить этому народу!“ „Какъ они сюда попали, кто имъ далъ билеты?“ „Идите съ вашими требованіями на улицу: ваше мѣсто тамъ!“ „Выбрать другого предсѣдателя!“ „Васъ небольшая кучка, а насъ большинство: вы должны подчиниться большинству“ „Насъ здѣсь кучка, но мы являемся представителями многомилліоннаго пролетаріата“. „Вы не зажимайте намъ рты!“ и т. д. и т. д. Предсѣдатель усталъ звонить, онъ покидалъ нѣсколько разъ свое мѣсто и возвращался опять. Замѣнявшій предсѣдателя просилъ собраніе успокоиться и пощадить предсѣдателя, ибо онъ человѣкъ больной... Избравъ болѣе тихую минуту, предсѣдатель предлагаетъ собранію баллотировать, желаетъ ли оно слушать вторую резолюцію; желающіе должны поднять руки. Раздались протесты: „Это провокаторскій способъ!“ Предсѣдатель и его сторонники взываютъ къ единенію, просятъ не вносить розни. Желая извлечь хоть какіе-нибудь осязательные результаты изъ этого собранія, онъ предлагаетъ безъ дальнѣйшихъ преній подписывать резолюцію. Крики: „Не согласны! Прочтите сперва нашу резолюцію!“ Тѣмъ не менѣе, поданная резолюція начинаетъ подписываться. Во время пререканій публика раздѣлилась на двѣ части. Стоя другъ противъ друга съ озлобленіемъ на лицѣ, они продолжали бросать взаимныя обвиненія: „Вы еще не доросли до свободы слова!“ „Здѣсь собрались свои люди!“ „А гдѣ же общественное мнѣніе?“ Случился, однако инцидентъ, показавшій, что враги могутъ иногда дѣйствовать солидарно. Кто-то закричалъ: „Здѣсь шпіонъ! Вонъ шпіона! Господа, не ошибитесь! Осторожнѣе!“ Нашлись люди, подтвердившіе правильность предположенія. Толпа окружила какого-то субъекта и быстро вытолкала его вонъ. Подъ вліяніемъ ли этого инцидента, или благодаря тому, что страсти нѣсколько поулеглись, со стороны большинства начали раздаваться болѣе примирительныя рѣчи, допустившія прочтеніе второй резолюціи. Наконецъ она была прочтена и встрѣчена продолжительными аплодисментами. Она отличалась отъ первой тѣмъ, что, кромѣ тѣхъ же требованій, какъ и въ первой, въ ней говорилось о необходимости уничтоженія самодержавія, демократической республикѣ, всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ для гражданъ и гражданокъ, достигшихъ 21 года, правѣ стачекъ, отмѣнѣ косвенныхъ налоговъ и введеніи прогрессивнаго подоходнаго налога, отвѣтственности чиновниковъ передъ закономъ, замѣнѣ постоянной арміи милиціей, опредѣленіи отношеній между трудомъ и капиталомъ на началахъ, установленныхъ программой Р. С-Д. Р. П., немедленномъ прекращеніи войны и т. п. Послышались обычные въ такихъ случаяхъ возгласы и въ публику посыпались прокламаціи, подписанныя: Тифлисскій Комитетъ Р. С-Д. Р. П. Затѣмъ демократическая часть публики пропѣла марсельезу и другія пѣсни и стала расходиться, либеральная же часть осталась ужинать.

Присутствовало на банкетѣ около 450 человѣкъ; резолюція подписана 300.

Либералы озлоблены, говорятъ: „вы испортили банкетъ!“ Пролетаріи довольны. Теперь мы знаемъ, каковы либералы, говорятъ они.

Симферополь. Конституціонный адресъ въ земствѣ былъ принятъ единогласно. Но какихъ хлопотъ стоило либераламъ достигнуть этого единогласія, показываетъ слѣдующій инцидентъ. На другой день по принятіи адреса секретарь собранія заявилъ, что четырьмя гласными подано особое мнѣніе, причемъ свой вчерашній вотъ они объясняютъ тѣмъ, что въ совѣщательной комнатѣ ихъ уговорили. Одинъ изъ нихъ, богатый молоканинъ-кулакъ и кровопійца, мотивировалъ и по существу: по его словамъ, онъ нежелаетъ политической свободы, такъ какъ боится, что эта послѣдняя поведетъ къ раздѣлу имуществъ. И хотя отдѣльное мнѣніе не было приложено къ адресу, но идиллія единогласія все же было разрушена. А между тѣмъ несомнѣнно въ интересахъ этого единогласія радикальные составители адреса придали ему въ высшей степени холопскую форму и не включили въ число своихъ требованій требованія свободы стачекъ.

Передъ закрытіемъ земскаго собранія произошло столкновеніе земцевъ съ публикой. Публика требовала, чтобы земцы гласно высказались по поводу происходящей въ Петербургѣ гражданской войны. При этомъ уполномоченный публикой, превысивъ свои полномочія, заявилъ, что въ случаѣ отказа онъ не ручается за сохраненіе порядка: будутъ, дескать, разбитые стулья, а можетъ быть, будутъ даже стрѣлять. Земцы приняли все это за чистую монету и были страшно скандализированы, а кое-кто изъ этихъ вчерашнихъ „конституціоналистовъ“ не погнушался даже обратиться къ губернатору съ просьбой о помощи. Губернаторъ, разумѣется, не заставилъ просить себя дважды, и на слѣдующій день для охраны „народныхъ представителей“ во дворѣ находящагося по близости Окружнаго Суда были сосредоточены войска и полиція. Но, какъ и слѣдовало ожидать, либеральные страхи оказались совершенно неосновательными: публика не только не стрѣляла въ гласныхъ, но и вообще не выразила своего протеста.

Какъ вы уже, вѣроятно, знаете изъ „вѣрноподданнѣйшаго адреса“, наши земцы „единогласно“ приняли требованіе созыва представителей *всею* народа. Но, насколько ихъ демократизмъ продуманъ и искрененъ, можно судить хотя бы по слѣдующему факту. Говоря о „петиціи“, поданной публикой, одинъ либеральный гласный возмущался тѣмъ, что „всякая сволочь съ улицы“ имѣетъ дерзость требовать отъ нихъ такого или иного поведенія. Нужно замѣтить, что требованія были подписаны почти исключительно лицами интеллигентныхъ профессій; среди подписавшихся была даже жена члена управы. И если *эту* публику нашъ либералъ назвалъ „сволочью съ улицы“, то можно себѣ представить, какъ отозвался бы онъ въ подобномъ случаѣ о рабочихъ.

Смоленскъ, 14 января. Что возмутило до глубины души либеральную публику, что разсорило дотолѣ близкихъ людей, что заставило изящныхъ дамъ ругаться по извощичьи? — То выступленіе рабочихъ соціальдемократовъ на засѣданіяхъ мѣстнаго общества врачей 5 января. На этомъ засѣданіи, послѣ доклада одного изъ врачей „о случаѣ послѣродового выворота матки“ (кстати сказать, заглавіе этого доклада не было пропущено вице-губернаторомъ Цѣхальскимъ въ мѣстномъ Вѣстникѣ и проскочило только во время его отсутствія, при цензурѣ старшаго совѣтника губ. правленія), слушалось отношеніе правленія Пироговскаго общества врачей о подготовленіи докладовъ къ предстоящему X Пироговскому съѣзду“ (если и не совсѣмъ точно, то именно такъ неопредѣленно былъ озаглавленъ этотъ пунктъ засѣданія). Публикѣ заранѣе было извѣстно, что по этому пункту врачи будутъ требовать конституцію. Предсѣдатель Станиславскій, дѣйствительно, сразу направилъ дѣло въ эту сторону, указавъ на нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о тѣхъ затрудненіяхъ которыя встрѣчаетъ дѣятельность врачей въ нашихъ политическихъ условіяхъ, объ измѣненіи которыхъ и слѣдуетъ ходатайствовать съѣзду. Сейчасъ же послѣ его вступительной рѣчи изъ среды многочисленной публики болѣе 200 человѣкъ раздается голосъ: „Предсѣдатель, прошу слова!“. Предсѣдатель объясняетъ. что онъ можетъ дать слово только членамъ общества —„Тѣмъ не менѣе я буду говорить!“ продолжаетъ голосъ и начинаетъ говорить. Предсѣдатель звонитъ, посторонняя рабочимъ публика (рабочихъ было около 80 чел.) шумитъ, врачи говорятъ, стараясь заглушить оратора. Тотъ умолкаетъ. Засѣданіе продолжается. Говоритъ извѣстный земскій врачъ Шверинъ. Онъ ставитъ вопросъ рѣшительнѣе предсѣдателя, подчеркивая совершенное безплодіе врачебной дѣятельности при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ нашъ голодный и невѣжественный крестьянинъ, при тѣхъ условіяхъ труда, въ которыхъ работаетъ нашъ рабочій: невозможная гигіеническая обстановка труда, длинный рабочій день, невозможныя жилищныя условія. Ему, въ качествѣ бывшаго фабричнаго врача, извѣстны случаи, когда рабочіе и естественной смертью умирали, такъ сказать, за работой: на ходу изъ фабрики домой или изъ дому на работу. Эта часть рѣчи у него выходитъ дѣйствительно обстоятельной. Заканчиваетъ онъ нѣсколько быстро, безъ установленія строгой логической связи, необходимостью введенія въ Россіи представительнаго правленія, необходимостью участія въ законодательной власти свободно избранныхъ представителей *всею* народа (слово „всего“ Шверинъ сильно подчеркиваетъ). Когда стихли апплодисменты, вызванные этой рѣчью, изъ публики снова просятъ слова „отъ имени рабочихъ“. Предсѣдатель начинаетъ возражать, что здѣсь собралась корпорація врачей, что другія корпораціи вольны также собраться, гдѣ имъ угодно, и постановлять свои рѣшенія... Протесты со стороны рабочихъ; среди нихъ выдѣляется заявленіе: „Почему же вы не хотите дать слово тѣмъ пролетаріямъ, о которыхъ вы говорите?“ Препирательства съ предсѣдателемъ, съ отдѣльными врачами, общій шумъ. Говоритъ далѣе врачъ Бурштейнъ. Онъ дѣлаетъ то, чего нѣсколько не хватало у Шверина. указываетъ на невозможность какихъ бы то ни было соціальныхъ реформъ при самодержавномъ (онъ выразился по общепринятому эпитету: „бюрократическомъ“) режимѣ, Вносится проэктъ резолюціи, требующей въ общихъ выраженіяхъ представительнаго правленія. Начинаются пренія по поводу резолюціи. выступаетъ ораторъ, Цыгорскій, требующій, чтобы резолюція была мотивирована не общими всей Россіи условіями, а интерессами мѣстными. Ему возражаютъ. Въ пренія вмѣшиваются рабочіе и еще разъ требуютъ себѣ слова. „Отъ имени Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ послѣдній разъ прошу слова“, громовымъ голосомъ заявляетъ рабочій, который долженъ былъ, послѣ небольшаго обращенія къ врачамъ, прочесть резолюцію рабочихъ (о немъ см. № 83 „И“). Въ среду врачей и въ публику летятъ пачками, по одному-два-три, листки, содержащіе эту резолюцію. Листки разбираются, читаются, передаются отъ одного къ другому. Предсѣдатель слова не даетъ. Раздается крикъ: „Долой предсѣдателя!“ Страшный шумъ. Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе. Ораторъ рабочій въ третій разъ начинаетъ говорить, стараясь заглушить шумъ. Врачи шумятъ нарочно, кричатъ: „Все это мы знаемъ!“ Ха-ха-ха!“, обращаются спиной къ говорящему и нарочно громко говорятъ между собою. Рабочіе озлобляются. „Молчать, врачи!“ — реветъ одинъ изъ рабочихъ. Истощивъ усилія добиться вниманія, ораторъ рабочій провозглашаетъ: „Долой буржуазію! Да здравствуетъ соціалдемократія!“. Возгласъ подхватывается остальными рабочими и на нѣсколько минутъ покрываетъ все. Затѣмъ гремитъ Варшавянка. Часть публики присоединяется и подтягиваетъ рабочимъ. Болѣе же значительная часть ея (публика была специально либеральная) негодуетъ вмѣстѣ съ врачами Стихла дружно пѣтая Варшавянка. „Теперь можете говорить себѣ“, обращается къ врачамъ одинъ изъ рабочихъ. Продолжаются препирательства между врачами, публикой и рабочими. „Это безтакно, мальчишество, ребячество, скандалъ, для засѣданія и т. д., и т. д. — „Вы играете на руку консерваторамъ, которые хотятъ провала резолюціи!“ — Почему же не выступаютъ ихъ интеллигенты! — визгливо настаиваетъ одна очень почтеннаго вида и очень либеральныхъ убѣжденій, но нѣсколько наивная дама: „мы ихъ знаемъ: они здѣсь, вотъ тамъ!“ Наконецъ, врачи спрашиваютъ, можно ли имъ продолжать собраніе, и, получивъ со стороны рабочихъ утвердительный отвѣтъ, продолжаютъ засѣданіе. Резолюція принимается безъ дальнѣйшихъ преній всѣми противъ одного (человѣка три ушли, опасаясь, „какъ бы чего не вышло“). Затѣмъ принимается въ въ томъ же духѣ безъ всякихъ преній адресъ московскому университету по поводу 150-лѣтняго юбилея, и засѣданіе закрывается при возгласахъ со стороны рабочихъ: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика!“

Кишиневъ. Съ лихорадочнымъ вниманіемъ начали мы слѣслѣдить за ходомъ стачки въ Петербургѣ по газетнымъ извѣстіямъ, доходящихъ къ намъ на 3-4 день изъ Петербурга, но уже девятого вечеромъ по нашему мирному городу замѣчалось нѣчто необычайное: на Александровской улицѣ усиленный нарядъ полиціи, много переодѣтыхъ агентовъ и самъ помощникъ полиціймейстера довольно строго приглашалъ публику разойтись по сосѣднимъ улицамъ. Какъ бы еще не вышло какой нибудь революціи. Невѣдомо откуда появился слухъ, что зимній дворецъ обложенъ 40 000 толпою рабочихъ.

10-го утромъ мы изъ мѣстной газеты узнали о „столкновеніи“ между рабочими и войсками, о баррикадахъ и поняли, что кровь борцовъ за свободу льется на улицахъ Петербурга.

Мы приступили къ сборамъ пожертвованій для стачечниковъ и ихъ семействъ, причемъ мы рѣшили обращаться также къ преставителямъ земствъ и дворянамъ, съѣхавшимся на свои собранія. Меня лично интересовалъ еще вопросъ, какъ они отнесутся къ стачечникамъ. Во общемъ, было собрано до 500 рублей, изъ которыхъ 310 уже отосланы въ Петербургъ. Отношеніе къ стачечникамъ со стороны дворянъ и земцевъ [illegible] словно сочувственное. Теперь не [illegible] слышать того, что [illegible] и рядомъ повторялось мѣсяца два тому назадъ: рабочіе и учащаяся молодежь только портятъ своими требованіями, не будь ихъ, конституція была бы дана сверху. Они какъ будто сразу поняли, что о такихъ вещахъ не просятъ, а ихъ требуютъ Этому уразумѣнію помогло наше же правительство своими массовыми убійствами просящихъ.

Паралельно съ сочувствіемъ нашего высшаго класса приходится, къ сожалѣнію, констатировать платоническое сочувствіе людей свободныхъ профессій нашего города — юристовъ и врачей, которые, хотя и падки на всевозможную нелегальную литературу, но очень не охотно открываютъ свои кошели.

Что касается земскихъ и дворянскихъ собраній, то они прошли съ небывалымъ для Кишинева оживленіемъ, благодаря оппозиціонно настроеннымъ земцамъ и дворянамъ. Консервативный лагерь въ лицѣ Пуришкевичей и Крупенскихъ со своими присными были рѣшительно отодвинутъ въ сторону. Наступилъ праздникъ либеральной оппозиціи. Произносились рѣчи за выборъ специальныхъ гласныхъ, какъ участниковъ тѣхъ центральныхъ собраній, въ которыхъ будутъ разбираться вопросы о земскихъ и общегосударственныхъ реформахъ, о томъ, что не должно больше оставлять этихъ вопросовъ въ рукахъ чиновниковъ, которые ничего въ нихъ не понимаютъ. На дворянскихъ собраніяхъ не безизвѣстный членъ „Русскаго Собранія“ Владиміръ Пуришкевичъ вздумалъ сказать рѣчь къ „Великому собранію“, въ которой заявилъ, что тѣ будутъ достойны названія крамольниковъ, которые въ тяжкую годину бѣдствій позволятъ себѣ безпокоить великаго монарха, какими бы то ни было просьбами, и оскорбилъ мимоходомъ редакціи газетъ „Н. Д.“, „Н. Ж.“ и „Право“, но сей вѣрноподданный выбралъ плохой моментъ для своихъ рѣчей. Съ крикомъ „вонъ, довольно“, наши дворяне повскакали съ своихъ мѣстъ и бросились къ Пуришкевичу. Неизвѣстно чѣмъ бы кончился инцидентъ, если бы старѣйшій изъ бессарабскихъ дворянъ — Дическулъ, не заявилъ Пуришкевичу, что произносить подобныя рѣчи въ собраніи, по меньшей мѣрѣ, безтактно, за что ему отъ лица большинства выражается порицаніе, которое будетъ занесено въ протоколъ, ибо тутъ нѣтъ крамольниковъ, а есть представители дворянъ, желающіе открыто и правдиво высказать свои мысли и думы, а что касается названныхъ имъ газетъ, то недостойно ихъ оскорблять, такъ какъ они являются выразителями думъ всѣхъ лучшихъ и честнѣйшихъ русскихъ людей. Вѣрноподданническій адресъ, составленный Пуришкевичемъ, былъ, конечно, отвергнутъ, а принятъ адресъ, въ которомъ звучитъ уже не просьба, а требованіе призвать представителей земства, дворянства и народа и выслушать ихъ нужды.

Ташкентъ, 16 января. 12 января ташкентская интеллигенція отпраздновала Татьянинъ день небольшимъ банкетомъ въ Общественномъ Собраніи. Одинъ чиновникъ произнесъ рѣчь о бюрократіи, студентъ — о положеніи студентовъ, рабочій — о нуждахъ рабочихъ и крестьянинъ — о положеніи крестьянства. Затѣмъ, одинъ врачъ говорилъ о положеніи евреевъ. Прочли также резолюціи земскаго съѣзда. Въ заключеніе кричали: „Долой самодержавіе“ и „Да здравствуетъ республика!“ На банкетѣ были представители администраціи, но вели себя мирно и заботились объ одномъ, чтобы не разбрасывали прокламацій. Только черезъ нѣсколько дней нѣкоторые изъ ораторовъ подверглись обыску. Банкетъ произвелъ въ городѣ сильное впечатлѣніе.

Кіевъ. Спѣшу сообщить вамъ новый возмутительный актъ насилія полиціи надъ нѣкоторыми товарищами. Вчера и третьего дня, т. е. 28 и 29 декабря, къ намъ привели одного за другимъ двухъ рабочихъ. Одинъ изъ нихъ, Каминскій, арестованъ на базарѣ съ 15 листками: „Правда о войнѣ“ и „Къ запаснымъ“. Его повели въ Деміевскій участокъ и здѣсь въ коридорѣ городовые страшно избили его. На крики истязаемаго прибѣгалъ два раза приставъ и, для вида, кричалъ городовымъ: „вы не имѣете права бить“. Они бросали якобы, но затѣмъ снова начинали свою дикую расправу. Били такъ сильно, что вчера, 29 декаря, ночью, съ Каминскимъ стало дурно и пришлось поднять шумъ въ обоихъ корпусахъ, мужскомъ и женскомъ, чтобы пришелъ фельдшеръ. Другой арестованъ тоже на улицѣ съ листками. Его фамилія Влад. Кондратенко — слесарь, безъ работы былъ. Привезли его 28 декабря. Онъ легъ на кровать и могъ только сказать: „тяжело, не могу говорить“. Больше ничего отъ него добиться нельзя было. Весь день пролежалъ. Вчера его перевезли въ больницу тюремную: докторъ констатировалъ слѣды страшнаго избіенія. Били на этотъ разъ въ старокіевскомъ участкѣ. Сегодня мы вызываемъ прокурора съ цѣлью добиться разслѣдованія. Съ минуты на минуту ждемъ смерти Кондратенко. Нервы у всѣхъ страшно напряжены и дѣло можетъ закончиться крупными событіями. Къ сказанному можемъ добавить еще, что грубымъ надѣвательствамъ подвергались въ Старокіевскомъ участкѣ и арестованные 17 декабря. У всѣхъ сняли шапки и заперли въ камеры безъ нихъ. Выпускали на прогулку разъ въ день на пять минутъ безъ шапокъ. Насильно внесли парашу и заставили арестованныхъ выносить ее. Товарищи отказались. Прибѣгали разные типы, вплоть до пристава, и ругались площадными словами. Дѣло доходило до рукопашной, когда всѣхъ вызвали изъ камеры и отправили въ тюрьму. По дорогѣ городовые нахальничали и толкали всѣхъ, не исключая и бывшей въ партіи дѣвицы. По поводу избіенія товарищей въ участкахъ въ тюрьмѣ была объявлена голодовка, продолжавшаяся нѣсколько дней.

Кіевъ. 18 января Политехникумъ закрытъ. Въ субботу на сходку политехниковъ явилась полиція. Студенты устроили баррикады и обливали полицію водою изъ пожарныхъ кишекъ. Особенно досталось полицеместеру Цихоцкому. Студенты разошлись со сходки, устроивъ демонстрацію: отъ политехникума до Галицкаго базара (версты $1^1/_2$) 400 человѣкъ (безъ пѣсенъ) шли во главѣ съ профессорами. Правленіе института обратилось къ мин. фин. съ заявленіемъ, что, считая возможное пролитіе крови въ институтѣ позорнымъ пятномъ для себя, оно, въ случаѣ повторенія распоряженія о вводѣ въ институтъ вооруженной силы, немедленно сложитъ съ себя свои обязанности.

Харьковъ. Сегодня (15 января) въ засѣданіи общества библіотеки, по предложенію одного члена, почтили вставаніемъ павшихъ 9 января, а по предложенію другого, въ виду важности переживаемыхъ событій, единогласно рѣшили отложить собраніе до другого раза. И все это подъ предсѣдательствомъ Гредескула.

Великія Луки, Псковской губ. Намъ сообщаютъ: „Въ городѣ совершилось событіе. Дѣло въ томъ, что нашъ городокъ откликнулся на событія 9-го января и по улецамъ были разбросаны прокламаціи, трактующія о событіяхъ въ далекомъ Петербургѣ. (Первые „подметныя листки“ за время существованія нашего уѣзднаго болота: доказательство того, какъ сильно потрясло всю Россію петербургская январьская драма, какъ это потрясаніе долго еще будетъ распространяться по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ и застоявшимся болотамъ.)

Заволновалась полиція и не меньшую сенсацію это произвело и на уснувшихъ было гражданъ, Тѣмъ болѣе, что упорно ждалась забастовка на вокзалѣ въ мастерскихъ. (Въ городѣ расположены мастерскія М-В. Р. желѣзной дороги). Можно было замѣтить на улицѣ нѣсколькихъ сотскихъ въ качествѣ полицейскихъ помощниковъ и шагающихъ жандармовъ въ боевой готовности. Но надежды общества не оправдались: забастовки не было, не было до сихъ поръ также и ожидаемыхъ арестовъ. Былъ произведенъ обыскъ у доктора Кочевицкаго.

Бердичевъ 18 января была здѣсь демонстрація; число участниковъ было не велико, преобладали интеллигенты. Демонстрація [illegible] очень печально: говорятъ, двое убито, но не при столкновеніи съ полиціей на улицѣ во время демонстраціи, а саблями и дубинами во второмъ полицейскомъ участкѣ. Городовые и ночные дворники, снабженные предварительно кто дубинкой, кто ломомъ, кто заступомъ, получившіе приказаніе „бить“, звѣрски расправились съ пойманными демонстрантами. Весь городъ страшно возмущенъ изувѣрствомъ мѣстной полиціи. Всю недѣлю по городу разъѣзжаютъ военные патрули. Полиція производитъ обыски и аресты, хватаетъ прямо съ улицы.

Горы-Горки. Могил. губ. 15 января здѣсь состоялась демонстрація по поводу событій 9 января. Толпа до 100 человѣкъ, изъ которыхъ 40 рабочихъ, а остальные — ученики мѣстнаго такаторскаго училища, собралась въ рощѣ, неподалеку отъ мѣстечка. Послѣ краткой рѣчи оратора, толпа, выбросивъ знамя, направилась уже идти въ мѣстечко, какъ вдругъ прибыли исправникъ, помощникъ исправника, нѣсколько городовыхъ, жандармовъ и конвойныхъ солдатъ. Помощникъ исправника обратился къ толпѣ съ рѣчью, убѣждая ее разойтись. Въ отвѣтъ толпа запѣла Марсельезу и двинулась въ мѣстечко. При входѣ въ мѣстечко произошло столкновеніе съ полиціей, въ результатѣ чего убиты наповалъ два ученика таксаторскаго училища (Бруцеръ и Арефьевъ)—Бруцера убилъ помощникъ исправника, Арефьева — городовой; обоимъ пуля попала въ затылокъ) и ранены: рабочій (двумя пулями), работница и мальчикъ. Со стороны полиціи раненъ помощникъ исправника. У демонстрантовъ былъ только одинъ револьверъ.

---

[1] Плата за билеты была: 2 руб. съ ужиномъ и 1 руб. безъ ужина.

При провозѣ раненыхъ черезъ м. Ляды тамошніе рабочіе устроили имъ, имѣвшую характеръ демонстраціи, встрѣчу.

Николаевъ. У насъ здѣсь все не спокойно, хотя больше всѣхъ волнуется полиція. Боясь, что событія въ Петербургѣ перекинутся къ намъ, наша полиція была настолько предупредительна, что еще тогда, когда никто ни о чемъ не думалъ, напала на сонныхъ жителей и заполнила ими участки и, за недостаткомъ мѣста, даже и канцеляріи участковъ.

Въ теченіи всего воскресенья по всей Соборной были разставлены шпики и полицейскіе, которые арестовывали прохожихъ и отправляли въ полицію. Многихъ тамъ обыскивали и сейчасъ отпускали, обѣщавъ при этомъ арестовать, какъ только будетъ демонстрація.

Батумъ (Изъ частнаго письма). 16 января выстрѣломъ изъ ружья убили жандармскаго офицера Гуріели, когда онъ разъѣзжалъ по городу на саняхъ. Его сейчасъ же взяли въ городской госпиталь. По городу распространили слухи, что будутъ убивать всѣхъ, кто пойдетъ къ этому жандарму шпіону. Этотъ слухъ подѣйствовалъ настолько, что даже стражники понесли въ больницу гробъ для него ночью, а изъ родственниковъ князя Гуріели никто не осмѣлился пріѣхать изъ Гуріи на похороны его. 19 января, въ день его похоронъ, забастовали всѣ извозчики, чтобы не присутствовать на нихъ. 18 января убили заводскаго инженера Александрова. Ищутъ убійцъ, но напрасно. Особенно усердствуетъ редакторъ „Черном. Вѣстника" г. Пальмъ. Городъ переполненъ войсками. Оживленіе большое.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Кіевъ. Съ 24 на 25 декабря въ кіевскихъ войскахъ былъ сдѣланъ подметъ литературы среди строевыхъ солдатъ и среди запасныхъ послѣдней мобилизаціи. Распространено было 1000 экземпляровъ листка Кіевскаго Комитета „Къ солдатамъ" и 1500 экземпляровъ листка Ц. К. „Правда о войнѣ". Въ одномъ изъ полковъ сейчасъ же послѣ подмета всѣ 150 листковъ „Къ солдатамъ" были собраны дежурнымъ, такъ какъ одинъ фельдфебель, увидавши листки, сейчасъ же запретилъ солдатамъ выходить изъ помѣщенія и послалъ другихъ собирать листки. Въ другихъ мѣстахъ какъ среди солдатъ, такъ и среди запасныхъ, все сошло благополучно; въ большинствѣ случаевъ не было даже обысковъ, хотя обыски весьма плодотворно вліяютъ на запасныхъ, уже отвыкшихъ отъ такой заботливости объ ихъ политической невинности.

Въ одномъ мѣстѣ у малограмотнаго запасного нашли нѣсколько листковъ (вообще, среди малограмотныхъ замѣчается страсть почтительно собирать всякія бумаги, чтобы потомъ отвезти ихъ на родину); его арестовали на 2 сутокъ. Съ 25 декабря подметъ совершался въ отдѣльныхъ полкахъ (у запасныхъ) почти ежедневно, и дошло до того, что почти каждый запасной теперь имѣетъ представленіе о нелегальномъ листкѣ, о „правдѣ", которую распространяютъ неизвѣстные ему люди. Больше того: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по независящимъ обстоятельствамъ, нельзя было распространить литературу — и когда запасные и солдаты этихъ мѣстъ услыхали, что въ другихъ полкахъ былъ подметъ, то выражали громадное недовольство, почему это ихъ оставили въ сторонѣ, неужели таки они не могутъ читать и понимать этихъ листковъ! Настроеніе у запасныхъ отчаянное: недовольство войной почти сплошное, несправедливость и ненужность ея ясна почти всѣмъ — и они такъ увѣрены въ близкомъ окончаніи войны, что не могутъ повѣрить, что ихъ повезутъ на войну—имъ это кажется шуткой (такъ что даже передаютъ домой, чтобы ихъ одежду не продавали, такъ какъ они де скоро возвратятся). Когда разнесся слухъ, что готовится всеобщая мобилизація, то отчаянье дошло до того, что въ казармахъ запасные стали собираться кучками и другъ другу говорить, что не нужно идти на войну, — но здѣсь же сразу сказывается сознаніе своей слабости и разрозненности: „ну, что—я не пойду, ты не пойдешь, а остальные пойдутъ, вотъ насъ и повѣсятъ". И стоитъ только одному изъ двадцати напомнить о губернаторскихъ объявленіяхъ относительно наказаній за безпорядки, какъ между ними снова начинаются то же смущеніе и отчаянье. Теперь нѣкоторыхъ на праздникъ отпустили даже по домамъ на недѣлю. Вмѣстѣ съ запасными, выражаютъ недовольство и задержанные, отбывшіе свой срокъ, солдаты. Когда такихъ солдатъ Херсонскаго и Тираспольскаго полковъ отправляли изъ Кіева въ Харьковъ, они сначала не хотѣли идти безъ музыки, перебранивались съ офицерами и въ заключеніе на вокзалѣ избили жандарма.

Литература также распространяется среди запасныхъ, отправляющихся изъ Кіева, на вокзалѣ, и довольно удачно—почти всегда всѣ листки попадали по назначенію и лишь рѣдко— въ жандармскія лапы. Въ послѣднее время стали запасныхъ отправлять даже въ „человѣческихъ" вагонахъ 3-го класса.

Въ послѣднюю мобилизацію запасныхъ администрація принимала всевозможныя мѣры, чтобы не вызвать въ нихъ раздраженія. Такъ, кіевскій губернаторъ внесъ въ думу предложеніе „обсудить вопросъ о достойной встрѣчѣ запасныхъ". Эти же вопросы были подняты въ губернской и уѣздныхъ управахъ по дѣламъ земскаго хозяйства, ихъ обсужденіе предписывалось земскимъ начальникамъ, исправникамъ. Словомъ, вся свора заволновалась и стали придумывать мѣры, какъ бы обойти запасного. На сцену выдвинулось, конечно, въ первую голову, кропленіе запасныхъ архіереемъ и попами „святою" водою Запаснымъ раздавались грошевые подарки, устраивались торжественныя встрѣчи, говорились рѣчи. И въ первое время во многихъ мѣстахъ такими іезуитскими пріемами властямъ удавалось сохранять на время внѣшній порядокъ. Но не вездѣ. Слишкомъ много горя охватывало запасныхъ, оторванныхъ отъ своихъ семей, идущихъ на смерть и муки, чтобы можно было обмануть ихъ чувство грошевыми подачками. Правительство само позаботилось о томъ, чтобы съ глазъ запасного быстро спала завѣса и дѣйствительность явилась во всей своей красѣ.

Въ Кіевѣ отовсюду было созвано огромное количество запасныхъ. Размѣстили ихъ, какъ и всюду, въ казармахъ и нетопленныхъ сараяхъ безъ достаточно теплой одежды и обуви. Пища варилась до того отвратительно, что даже крестьяне наши, пріученные голодовкой ко всевозможнымъ лишеніямъ, не могли ѣсть этихъ помой и выбрасывали ихъ свиньямъ, а сами ѣли одинъ хлѣбъ или питались на послѣдніе гроши, привезенные изъ деревни. Была даже попытка устроить безпорядки. Часть запасныхъ начала ловить прохожихъ и грабить у нихъ одежду и деньги. Полицейскій нарядъ человѣкъ изъ 6—7 съ кучкой дворниковъ началъ было арестовать грабителей. За нихъ заступились ихъ товарищи. Толпа запасныхъ, человѣкъ въ 2000, вооружившись ножами, бросилась на городовыхъ, чтобы избить ихъ. Городовые перетрусили и начали стрѣлять поверхъ головъ. Послѣ десятка выстрѣловъ запасные разбѣжались.

Екатеринославъ. Стоитъ теперь въ одной казармѣ чему нибудь случиться, какъ вѣсть о случившемся съ быстротою молніи разносится по всѣмъ казармамъ. Вотъ фактъ, случившійся у насъ. На Александро-Невской площади стоитъ одна изъ многочисленныхъ Романовскихъ казармъ, въ которой помѣщаются двѣ роты запасныхъ 134-го запаснаго батальона. Холодная постройка изъ досокъ, на скорую руку сколоченныхъ подрядчиками, которые и себя не забыли, называется помѣщеніемъ для запасныхъ.

20-го декабря. Морозъ при сильномъ вѣтрѣ проникалъ въ казарму. Холодъ стоялъ невыносимый. Всѣ, ложась спать, валили на себя кто, что могъ. Ругань, по адресу Ники-Милуши, сыпалась самая отборная, при чемъ фельдфебеля и ефрейторы, принимали въ ней дѣятельное участіе. Въ 12 час. ночи, когда всѣ спали, въ казарму ввалился пьяный полуротный (фамиліи этого Христова воина не знаю) и ударилъ почему-то запаснаго солдата. Солдатъ закричалъ „караулъ братцы". Вотъ тутъ-то и хмѣль прошелъ у полуротнаго, и онъ стоялъ, не зная, что дѣлать; со стыдомъ ли бѣжать или, съ опасностью быть искалѣченнымъ, остаться. На крикъ солдата проснулся унтеръ-офицеръ, который, осмотрѣвшись, схватился и закричалъ: „Вставать въ ружье[1]), палите казарму".

Поднялась суматоха, многіе бросились за полуротнымъ, который выбѣжалъ на дворъ, но ему помяли таки кости. Полуротный побѣжалъ въ другую казарму и доложилъ „о запасныхъ" дежурному по 134 феодосійскому полку, подпоручику Остинскому. И, разумѣется, въ защиту собрата былъ посланъ 3-й батальонъ феодосійскаго полка, который бодрствовалъ, будучи прикомандированъ въ помощь полиціи[2]). Но, когда солдаты пришли къ казармѣ, то запасные, поволновавшись, уже легли спать. Солдаты были крайне озадачены, когда вошли въ казарму, и офицеръ обратился къ лежащимъ запаснымъ, какъ къ бунтовщикамъ. Хорошенько натѣшившись надъ ними, онъ скомандовалъ арестовать унтеръ-офицера" (онъ сидитъ теперь на гауптвахтѣ). Солдаты, придя назадъ, страшно возмущались (это уже было слишкомъ очевидно). „Какъ? солдатъ солдата!" „Мало, что ихъ на бойню посылаютъ, такъ еще мучить!" Они обиды запасныхъ принимаютъ очень близко къ сердцу и чувствуютъ, какъ свои собственныя, но, живя отдѣльной жизнью, съ населеніемъ они не связаны, возмущаются только тѣмъ, что происходитъ въ казармахъ. Они чувствуютъ свою солидарность съ запасными, а слить ихъ съ интересами общей соціальдемократической работы поставила себѣ цѣлью организовавшаяся „Военно-революціонная Группа", которая сознательно приняла программу Россійской Соціаль-Демократической Рабочей Партіи. Она призываетъ на помощь мѣстный Комитетъ для болѣе интенсивнаго развитія своей дѣятельности. Благодаря выше описанному случаю, всѣ запасные переименованы въ дѣйствительныхъ, что даетъ возможность усилить дисциплинарную отвѣтственность. Запасные возмущены, дѣйствительные относятся сочувственно. Большой спросъ на нелегальную литературу, особенно касающуюся солдатской жизни. На мучительный вопросъ, „что дѣлать", приходится отвѣчать „агитація и организація".

Членъ Военно-революціонной Группы.

Варшава. Послѣдняя мобилизація нашего округа, несмотря на всѣ старанія царскаго правительства, прошла очень и очень безпокойно. Несмотря на всѣ щедроты и милости царскихъ прихвостней въ лицѣ флигель-адъютантовъ, которые засыпали запасныхъ подарками, настроеніе послѣднихъ страшно возбужденное, что и проявилось цѣлымъ рядомъ отказовъ отъ призыва, разгромовъ помѣщеній и открытаго неповиновенія властямъ. Кромѣ мостовъ, поврежденныхъ въ Лодзи и Радомѣ, были разрушены два по дорогѣ изъ Калиша въ Варшаву, благодаря чему призывъ запасныхъ на сборные пункты запоздалъ на двѣ недѣли. Въ Новорадомскѣ пытались взорвать памятникъ царю „освободителю", тамъ же въ первую мобилизацію запасные подожгли обозные сараи, отказались садиться въ вагоны и долго отбивались камнями отъ солдатъ, загонявшихъ ихъ штыками. Былъ до полусмерти избитъ оберъ-полиціймейстеръ. Круто приходится русскому палачу! Война поставила его въ самое глупое положеніе. Приходится заигрывать съ протестующими. Но, несмотря на ласковое обращеніе съ запасными большихъ и маленькихъ чиновъ, тѣ прямо въ лицо кричатъ офицерамъ (это происходитъ въ большинствѣ случаевъ при раздачѣ пищи): „воры вы всѣ, приварокъ въ карманъ себѣ таскаете", а тѣ, проглатывая подобныя пилюли, указываютъ, что, молъ, мы не виноваты, мы, молъ, мелкіе сошки, виноваты высшіе чины въ разныхъ неустройствахъ. А неустройства поразительны: продовольственный пунктъ въ Варшавѣ былъ устроенъ за городомъ въ 3—4 верстахъ отъ окраинъ. Это, якобы, дѣлалось для того, чтобы предупредить буйство и грабежъ со стороны запасныхъ, а на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы запасные не входили въ сношеніе „съ злонамѣренными лицами", не получали бы „преступныхъ бумажекъ". Настроеніе это поддерживается оживленной дѣятельностью революціонныхъ партій. Какъ глухо ни запираютъ казарму, но туда проникаютъ и листки и вѣсти изъ города о демонстраціяхъ и борьбѣ, которая ведется рабочими. Насколько сильна эта борьба видно изъ слѣдующаго приказа по войскамъ, округа отъ 11 ноября 1904 г.

„Въ виду невозможности оберъ-полиціймейстеру, во время уличныхъ безпорядковъ, всегда лично распоряжаться вызовомъ войскъ къ необходимому пункту города, вмѣнить въ обязанность нарядамъ отъ войсковыхъ частей выходить въ указанныя мѣста по распоряженію не только оберъ-полиціймейстера, но и его помощника и приставовъ, передаваемому отъ оберъ-полиціймейстера". Скоро это право придется предоставить и гг. дворникамъ, такъ какъ и эта мѣра не могла предупредить демонстрацій.

Въ ноябрѣ были распространены довольно широко листки группы Военно-революціонной организаціи и листки Ц. К. (въ перепечаткѣ сѣверозападнаго комитета С.-Д. Р. П.): „Новая мобилизація", „Портъ-Артуръ и Ляоянъ", „Рабочіе и вы всѣ русскіе граждане". Начальство переполошилось, искало, нюхало, но ничего не нашло.

Мелитополь. Къ мобилизаціи въ городѣ, едва насчитывающемъ 30 тысячъ населенія, должно было собраться тысячъ восемь запасныхъ. Если вспомнить, что они должны были явиться не одни, а съ родными, то станетъ понятнымъ то нервное напряженіе, съ какимъ всѣ ожидали мобилизаціи. Многіе съ видомъ безнадежнаго унынія ожидали прокламацій, за которыми по ихъ мнѣнію неизбѣжно долженъ былъ послѣдовать погромъ...

Ожидалъ ихъ и жандармскій офицеръ Кравченко, давно уже ведущій съ мѣстной организаціей безрезультатную борьбу. Въ отплату за листки онъ заранѣе клялся устроить *организованный* погромъ!

Однако, на дѣлѣ погрома боялись не только евреи, но и сами господа Кравченки, которые не совсѣмъ были увѣрены въ томъ, *кою* будутъ громить запасные...

„Представители города" (городской голова, гласные и просто „именитые граждане"), раздѣлявшіе эту неувѣренность, поспѣшили проявить по отношенію къ запаснымъ свое „сердечное попеченіе": устроили дешевые обѣды, кое-какія квартиры...

Власти по своему проявляли „сердечное попеченіе"; ежедневно утромъ по улицамъ города съ барабаннымъ боемъ проходили солдаты съ примкнутыми штыками (обычно въ Мелитополѣ не стоитъ войско); днемъ разъѣзжали казачьи патрули и расхаживали пѣшіе — изъ солдатъ. Все время мобилизаціи (3 дня) въ городѣ присутствовалъ вице-губернаторъ

Мѣстная организація всѣ 3 дня непрерывно распространяла въ огромномъ количествѣ листки (ред. „Искры" и „Крымскаго Союза") — о войнѣ и къ запаснымъ. Подметчики по цѣлымъ днямъ ходили по дворамъ, наклеивали на фургоны, раздавали въ толпѣ... За все время былъ арестованъ только одинъ рабочій (Розовъ). Разсказываютъ о такомъ случаѣ: къ городовому подходитъ „горьковскій типъ" (босякъ) и цвѣтисто краснорѣчиво внушаетъ ему, что тотъ не смотритъ за „порядкомъ": такія вещи (прокламаціи) валяются прямо на улицѣ! Городовой отмахнулся: „собирать надоѣло; и такъ карманы переполнены"...

Отношеніе запасныхъ (большею частью крестьянъ) къ листкамъ было вообще очень хорошее. Вначалѣ многіе крестьяне не знали, что это за „бумажки", но потомъ, когда прочли одинъ-два листка, подымали на улицѣ всякую бумажку, разсчитывая найти прокламацію. Первое время прокламаціи читались прямо на улицѣ. Но такъ какъ полиція „мѣшала" читать, то крестьяне стали прибѣгать къ иному пріему: собирались кружками на квартирахъ, гдѣ и читали вслухъ. Находили, конечно, что „все — вѣрно"; многіе плакали при чтеніи. Одинъ запасный, не зная какъ назвать прокламацію, которую у него отобралъ городовой, заявилъ тому: „отдай мнѣ мою... правду!"

Были отдѣльные случаи столкновенія запасныхъ съ администраціей. Въ одномъ случаѣ, когда старикъ-крестьянинъ прощался на вокзалѣ съ сыномъ, офицеръ толкнулъ его, чтобы „поторопливались". Тогда сынъ избилъ офицера и оборвалъ на немъ погоны, за что и былъ арестованъ.

Въ другой разъ, на „претензію" запасного относительно квартиры, офицеръ отвѣтилъ попыткой запугать его и началъ кричать: „молчать! будь доволенъ тѣмъ, что есть!" и т. п. Тогда запасной (крестьянинъ) въ свою очередь прикрикнулъ на офицера: „*ты* не имѣешь права мнѣ кричать „молчать"!"...

Запасные были страшно возмущены тѣмъ, что при пріемѣ власти богатыхъ освобождали, а бѣдныхъ-многосемейныхъ принимали...

Скопленіе запасныхъ администрація ослабила тѣмъ, что — по мѣрѣ того, какъ шелъ ихъ пріемъ — отправляла ихъ партіями на сѣверъ.

Приблизительно на второй день мобилизаціи, когда отправляли самую большую партію запасныхъ, организація проводила ихъ прокламаціями. На толпу, „словно дождь", посыпались сверху листки. Когда полиція бросилась въ сторону сыпавшихъ — на перронъ, тогда съ другой стороны (со II-го пути) посыпался такой же дождь. Арестованъ никто не былъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Владимірская губ. Одна за другой просыпаются старыя обломовки. Особенно замѣтно идетъ этотъ процессъ пробужденія въ нашей губерніи. Здѣсь, тамъ, повсюду что-то возникаетъ или хочетъ возникнуть. Въ Ковровѣ,—рабочій центръ съ 4½-5 тысячами рабочихъ—съ мая прошлаго года не перестаютъ разбрасываться листки Сѣвернаго и Нижегородскаго комитетовъ. Полиція тщетно напрягаетъ усилія, чтобы розыскать злоумышленниковъ. Всѣ обыски и аресты бьютъ мимо цѣли. Особенно хорошо были распространены послѣдніе листки Сѣвернаго комитета къ запаснымъ во время недавней мобилизаціи. Благодаря листкамъ и нелегальщинѣ усиливается интересъ къ чтенію. „Десять лѣтъ назадъ — разсказывалъ мнѣ одинъ рабочій — глухо было у насъ, совсѣмъ глухо, никто ничего не понималъ, а теперь — началось это года съ два назадъ — смотришь, здѣсь сознательный человѣкъ, тамъ..." Результатомъ такого подъема явилась попытка перейти къ агитаціи мѣстными силами. Въ январѣ 1905 года появился гектографированный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ (30 шт.) летучій листокъ № 1 за подписью „Группа соціальдемократовъ". Листокъ призываетъ ковровскихъ рабочихъ къ организаціи подъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи.

Спросъ на литературу большой, особенно на брошюру Ленина „Къ деревенской бѣднотѣ".

Владиміръ. Во время мобилизаціи въ декабрѣ по городу разбросаны и расклеены въ большомъ количествѣ листки Сѣвернаго комитета и изданіе Группы революціонеровъ Владимірской губерніи: „Правдивое слово министра финансовъ" (перепечатка изъ Искры на гектографѣ).

Лады, Могилевской губ. 20 января было здѣсь созвано собраніе мѣстныхъ рабочихъ въ количествѣ 170 человѣкъ для обсужденія современныхъ событій. Послѣ обстоятельной и энергичной рѣчи пріѣзжаго оратора собраніемъ были приняты двѣ резолюціи, изъ которыхъ одна относительно современнаго положенія вещей, съ требованіемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, амнистіи политическимъ и прекращенія войны. Другую приводимъ здѣсь:

„Петербургскіе товарищи! Мы, рабочіе, собравшіеся въ количествѣ 170 человѣкъ для обсужденія современныхъ событій внутри Россіи, шлемъ вамъ, дорогіе товарищи, свой привѣтъ и выражаемъ свою полную солидарность съ вами и готовность бороться до конца, а также презрѣніе и ненависть гнусному царскому правительству, потоками крови старающемуся отстоять свое гнусное существованіе.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ учредительное собраніе!

Харбинъ. 19 декабря. 10 декабря послѣ обѣденнаго отдыха неизвѣстными рабочими харбинскихъ мастерскихъ произведена была расправа съ токарнымъ мастеромъ — Сокольскимъ. Случайными свидѣтелями были рабочіе одного изъ цеховъ, которые сопровождали расправу гиканьемъ и барабаннымъ боемъ на жестяныхъ банкахъ. Причиной сей расправы послужила переполненная чаша терпѣнія подвѣдомственныхъ ему рабочихъ. Мастеръ Сокольскій, несмотря на свой либерализмъ, ревностно выжимаетъ изъ рабочихъ соки. По наущиванью Сокольскаго въ ту же ночь арестовали четырехъ рабочихъ, которые въ день расправы были на работѣ. Замѣстителемъ Сокольскаго остался въ токарномъ цехѣ его помощникъ, Миролюбовъ, человѣкъ низкій, подлый,

По поводу послѣдняго ареста рабочіе сильно возмущены. Послѣ описанныхъ событій составилась цѣлая шайка добровольныхъ сыщиковъ съ мастерами, ихъ помощниками и начальниками мастерскихъ во главѣ, и пошла писать губернія: составлялись особые списки „неблагонадежныхъ", и при помощи усердной полиціи и жандармеріи началась настоящая травля.

14 декабря помощникъ мастера Миролюбовъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ, одному токарю — Джимѣ, не щадя даже его преклоннаго возраста.

Послѣдній инцидентъ вызвалъ сильное возмущеніе среди рабочихъ всѣхъ мастерскихъ. При объясненіи съ начальникомъ мастерскихъ по этому поводу рабочіе требовали ареста Миролюбова. Начальникъ отказался, ссылаясь на то, что не въ его власти арестовать Миролюбова. Рабочіе потребовали на другой день начальника дороги. Тотъ не явился, считая ниже своего достоинства вести переговоры съ рабочими, а предложилъ рабочимъ черезъ начальника мастерскихъ выбрать изъ своей среды депутатовъ для переговоровъ. (Съ послѣдними легче бороться, чѣмъ со сплоченной толпой). Рабочіе поддались на эту удочку и выбрали депутатовъ 15 декабря, а съ 15 на 16 декабря арестовали 24 человѣкъ. На второй день, 16 декабря, 18 человѣкъ изъ арестованныхъ выслали изъ предѣловъ Манджуріи. Въ числѣ арестованныхъ было 6 чел. запасныхъ, ихъ выслали въ дѣйствующую армію.

Рабочій.

---

[1]) „въ ружье"—это означаетъ команду „къ оружію".

[2]) Обыкновенно ежедневно прикомандировываютъ какой-нибудь батальонъ на случай могущихъ вспыхнуть безпорядковъ.

Иркутскъ. На соціальдемократическомъ собраніи (45 человѣкъ) была принята резолюція, протестующая противъ умѣренности земско-либеральнаго движенія и выражающая солидарность съ петербургской демонстраціей 28 ноября. Къ этой резолюціи присоединилось собраніе рабочихъ станціи **Байкалъ.**

Въ своей резолюціи собраніе требуетъ прекращенія войны и созыва учредительнаго собранія.

Резолюція астраханскихъ рабочихъ. Мы астраханскіе рабочіе, члены Р. С.-Д. Р. П., собравшись въ количествѣ около 70 человѣкъ и обсудивъ современное положеніе Россіи, вынесли слѣдующую резолюцію: мы протестуемъ противъ войны за ненужную рабочему классу Манчжурію и Корею и требуемъ ея прекращенія.

Мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія для переустройства существующаго государственнаго строя на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ интересамъ всего рабочаго класса Россіи и заявляемъ свою готовность къ открытой революціонной борьбѣ за эти требованія.

Ко всѣмъ подачкамъ настоящаго правительства мы относимся отрицательно и не вѣримъ всѣмъ его манифестамъ.

Въ своей борьбѣ съ самодержавіемъ мы не отказываемся отъ соучастія съ другими оппозиціонными общественными группами и классами, но, твердо помня наши чисто пролетарскіе интересы, мы будемъ вести эту борьбу только подъ знаменемъ соціальдемократіи.

Мы выражаемъ свой привѣтъ бакинскимъ товарищамъ, активно выступившимъ на борьбу съ капиталистической эксплуатаціей.

Астраханскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЛАССОВАЯ ВОЙНА ВЪ РУРСКОМЪ БАССЕЙНѢ.

II.

Отвѣтъ союза шахтовладѣльцевъ гласилъ: „Въ отвѣтъ на Ваше письмо отъ 23 с. м. мы сообщаемъ вамъ рѣшеніе единогласно принятое нашимъ Совѣтомъ. Мы очень сожалѣемъ, что большая часть рабочихъ дала увлечь себя и вступила въ стачку, нарушивъ незаконнымъ образомъ всѣ договоры и въ большинствѣ случаевъ даже не сообщивъ намъ своихъ требованій, которыя только впослѣдствіи были кое-какъ состряпаны и предъявлены намъ. Мы самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаемъ, чтобъ такое поведеніе было вызвано какими нибудь непорядками или другими причинами общаго характера. Мы опять повторяемъ, что вопросъ объ измѣненіяхъ въ условіяхъ труда есть дѣло администраціи отдѣльныхъ шахтъ и отдѣльныхъ рабочихъ. Мы никогда не будемъ рекомендовать членамъ нашего союза, чтобы они соглашались на тѣ основныя измѣненія договора, которыя выставлены въ Вашемъ письмѣ, такъ какъ это означало бы разрушеніе рейнскаго вестфальскаго горнаго производства и необходимой для него дисциплины. Мы принуждены, поэтому, отклонить предложенные намъ переговоры и вѣримъ, что здравомыслящее ядро рабочихъ не пожелаетъ пойти на встрѣчу нуждѣ и нищетѣ“. Въ тотъ же день (17 января) 100 тысячъ „здравомыслящихъ“ рабочихъ не вышли на работу, а еще черезъ день стачка стала всеобщею, охвативъ свыше 200 тысячъ углекоповъ.

200 тысячъ работниковъ не испугались ни нужды, ни нищеты, очевидно потому, что положеніе было черезъ-чуръ уже безысходно, что легче было вынести недѣли острой нужды, чѣмъ рѣшиться еще дальше тянуть это мрачное существованіе безъ всякихъ надеждъ на свѣтлое будущее.

Внѣшними событіями стачка была небогата. Все время образцовый порядокъ, никакихъ буйствъ. Число стачечниковъ оставалось почти постояннымъ. Полиція, правда, нѣсколькими мелочными выходками, въ родѣ конфискаціи подписныхъ листовъ или запрещенія сборовъ въ пользу стачечниковъ, пробовала провоцировать на безпорядки, но неудачно. Каждый день во всемъ округѣ происходили десятки собраній, на которыхъ рабочіе опять и опять подверждали свое желаніе твердо стоять до конца и во что бы то не стало отстоять всѣ свои требованія. Особыя собранія устраивались для женщинъ, которыя обнаружили такое же воодушевленіе и стойкость, какъ ихъ мужья и братья. Симпатіи огромнаго большинства населенія внутри страны и всѣхъ рабочихъ заграницей сразу оказались на сторонѣ стачечниковъ. Совѣтъ германской соціальдемократической партіи пожертвовалъ 25 тысячъ марокъ и открылъ въ центральномъ органѣ партіи подписку, давшую въ первыя три недѣли около 150 тысячъ марокъ.[1] Углекопы Англіи, Шотландіи, Франціи и Бельгіи также обѣщали свою помощь и въ значительной мѣрѣ исполнили свое обѣщаніе.

Морально рурскіе углекопы торжествовали побѣду въ первый же день своей борьбы. Не было ни одного пункта въ обвиненіяхъ предпринимателей, который рабочіе не могли бы швырнуть обратно въ лицо зазнавшейся кликѣ своихъ кровопійцъ. Господа капиталисты утверждали, что они не желаютъ вступать въ переговоры съ рабочими, нарушившими договоры. На это рабочіе отвѣчали, что съ такими же требованіями они обращались уже въ прежніе годы и даже теперь до начала стачки, но и тогда они не получили никакого отвѣта. Господа капиталисты отказывались вести переговоры съ представителями рабочихъ организацій на томъ основаніи, что за ними стоятъ не всѣ рабочіе района. Отвѣтъ организованныхъ рабочихъ гласилъ, что и союзъ шахтовладѣльцевъ не очень давно сталъ включать всѣхъ владѣльцевъ округа, что не мѣшало ему съ самаго начала своего основанія обращатся къ правительству съ просьбой, чтобъ оно разсматривало его, какъ представителя предпринимательскихъ интересовъ, на что правительство согласилось. Господа капиталисты увѣряли, что горное дѣло придетъ въ упадокъ, если уступить требованіямъ рабочихъ. Но рабочіе возражали, что подобныя увѣренія можно слышать изъ устъ капиталистовъ при каждомъ новомъ соціально-политическомъ законѣ, однако въ дѣйствительности прибыль ихъ предпріятій и выдаваемые ими дивиденды постоянно росли. Господа капиталисты готовы были клясться, что положеніе рабочихъ отнюдь не такъ скверно, какъ они увѣряютъ, и что жаловаться имъ собственно не на что. На это рабочіе отвѣтили указаніемъ на то, что въ 1885/86 году во всемъ районѣ приходилось 75 несчастныхъ случаевъ на 1000 углекоповъ, въ 1900 году — 124 на 1000, а въ 1903 — 147 на 1000; что въ 1896 году изъ 100 углекоповъ болѣли 51 человѣкъ, въ 1898—53, въ 1900—63, а въ 1903—71; что въ 1861—65 гг. углекопъ становился инвалидомъ, достигши 50-лѣтняго возраста, а въ 1898—90 гг. уже на 44 году отъ роду! А что касается „высокой заработной платы“, о которой кричали господа предприниматели, то при самомъ началѣ стачки обнаружилось, какая ложь скрывается за этимъ: при послѣднемъ разсчетѣ тысячи рабочихъ не получили ни одного гроша, такъ какъ съ нихъ было вычтено то, что они уже забрали впередъ. Этимъ было сказано, что огромное большинство рабочихъ жило со дня на день еле сводя концы съ концами, и уже въ первый день стачки принуждено было прибѣгнуть къ помощи стачечнаго фонда.

Морально, сказали мы, рабочіе оказались побѣдителями, но, чтобы одержать побѣду надъ предпринимателями и заставить ихъ пойти на уступки, необходимо было продержаться нѣсколько недѣль. Возможно ли это? Этотъ вопросъ предсталъ передъ коммиссіей, набранной вначалѣ стачки изъ представителей разныхъ организацій. Возможно ли содержать 200 тысячъ человѣкъ съ ихъ семьями впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, когда при первой же раздачѣ пособій пришлось раздать одинъ милліонъ марокъ? Гдѣ взять новый милліонъ, да и не одинъ? Коммиссія ясно сознавала, что такихъ денегъ въ ея распоряженіи не будетъ, и поэтому она стала искать выхода изъ запутаннаго положенія, которое оказалось тѣмъ болѣе сложнымъ, что капиталисты, горная администрація, и во время стачки не переставали всячески раздражать рабочихъ. Какъ только началась стачка, горная инспекція не преминула предложить свои услуги въ качествѣ третейскаго судьи. Шахтовладѣльцы отъ суда отказались, заявивъ, что рабочимъ вообще жаловаться не на что, въ чемъ правительство можетъ легко убѣдиться, назначивъ слѣдственную комиссію, которой администраціи шахтъ готовы сообщить всѣ необходимыя данныя объ условіяхъ труда и проч. Съ своей стороны, рабочіе принялись собирать матеріалъ для этой слѣдственной комиссіи, надѣясь обнаружить свою правоту. Но оказалось, что при этомъ слѣдствіи администрація шахтъ была поставлена въ привиллегированное положеніе, тогда какъ всѣ предложенія рабочихъ были отклонены. Въ концѣ концовъ, представители рабочихъ отказались принять участіе въ этой комедіи, а негодованіе рабочей массы отъ этого, конечно, еще возросло.

Мало этого. Когда обнаружилось, что большая часть выставленныхъ рабочими требованій будетъ проведена въ парламентѣ въ формѣ новаго закона, и когда представители рабочихъ обратились къ союзу шахтовладѣльцевъ съ предложеніемъ удовлетворить рядъ требованій, не вошедшихъ въ законъ, причемъ рабочіе въ интересахъ мирнаго улаженія спора соглашались и кое въ чемъ поступиться, то и тутъ послѣдовалъ рѣзкій отказъ.

При всемъ томъ продолжать стачку оказывалось невозможнымъ. Не говоря уже о денежныхъ затрудненіяхъ и о явной невозможности дольше содержать всю массу стачечниковъ, къ миру стала стремиться значительная часть рабочей массы, удовлетворившейся тѣми уступками, которыя давалъ обѣщанный новый законъ. 9 февраля (27 января) опять собрались представители рабочихъ и рѣшили рекомендовать рабочимъ приняться за работу, въ виду того, что не предвидится возможности скоро сломить упорство господъ капиталистовъ, и что съ другой стороны, большая часть требованій рабочихъ удовлетворяется обѣщаннымъ новымъ закономъ.

Въ тотъ моментъ, когда пишутся эти строки, еще трудно сказать, въ какой мѣрѣ это постановленіе будетъ проведено въ жизнь. Весьма возможно, что и это рѣшеніе принято безъ „хозяина“. По крайней мѣрѣ, въ большинствѣ шахтъ предприниматели, продолжая свою вызывающую политику, отказались принять обратно многихъ старыхъ рабочихъ, а въ другихъ мѣстахъ предложили работать за уменьшенную плату. Что такое поведеніе вызвало новое раздраженіе среди рабочихъ, и стачка можетъ вновь разгорѣться съ большей силой,—само собою разумѣется. Конечно, и при этомъ шансы побѣды надъ шахтовладѣльцами для рабочихъ не увеличиваются, но растетъ въ общемъ сознаніи пониманіе ненормальности такого положенія вещей, при которомъ кучка собственниковъ можетъ играть жизнью десятковъ и сотенъ тысячъ людей. И чѣмъ упрямѣе господа шахтовладѣльцы будутъ отстаивать свои привилегіи, тѣмъ рѣзче общественное мнѣніе будетъ толкать государство на путь урѣзыванія этихъ привилегій. Въ этомъ отношеніи рурскіе рабочіе уже одержали огромную побѣду, заставивъ всѣ почти политическія партіи и само правительство признать необходимость новаго закона для охраны интересовъ всѣхъ горнорабочихъ. Но объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

---

[1] Между прочимъ, то обстоятельство, что рурская стачка во времени совпала съ „нашими революціонными днями“, помѣшало Совѣту германской соціальдемократической партіи еще щедрѣе придти на помощь нашему движенію, чѣмъ онъ это сдѣлалъ, пожертвовавъ 10 тысячъ марокъ въ пользу жертвъ петербургскихъ убійствъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

5-го февраля с. г. (н. ст.) мы получили отъ тов. А. Бебеля слѣдующее письмо:

Шенебергъ-Берлинъ 3 февраля 1905. г.

Уважаемые товарищи!

Съ разныхъ сторонъ высказывались пожеланія, чтобы Правленіе Германской Соціальдемократической Партіи попыталось вмѣшаться въ тотъ прискорбный конфликтъ, который уже довольно давно возникъ между сторонниками „Искры“ и „Впередъ“ и оказываетъ особенно вредное вліяніе на партійную жизнь теперь въ виду положенія дѣлъ въ Россіи.

Правленіе партіи поручило мнѣ взять на себя предсѣдательскія обязанности въ третейскомъ судѣ, который долженъ быть составленъ изъ меня и представителей спорящихъ сторонъ — по два отъ каждой — и долженъ вынести свой приговоръ по спорнымъ пунктамъ.

Два представителя, назначаемые каждой изъ сторонъ по ея выбору, не могутъ быть, однако, ни русскими, ни поляками и вообще не должны принадлежать ни къ одной изъ національностей, подвластныхъ русскому правительству (латыши, финляндцы и пр.); это дѣлается въ интересахъ устраненія всякихъ сомнѣній въ безпристрастіи третейскихъ судей.

Третейскій судъ разсмотритъ дѣло вполнѣ объективно. Я предполагаю, конечно, что принявъ третейскій судъ и назначивъ своихъ судей, вы и ваши друзья будете готовы подчиниться приговору суда.

. . . .[1].

Время засѣданія суда будетъ вамъ сообщено, когда обѣ стороны назначатъ судей, и обѣ заявятъ о своемъ согласіи на предлагаемыя условія суда.

Дальнѣйшимъ условіемъ должна была бы быть пріостановка всякой полемики съ противной стороной съ того дня, какъ вы и ваши друзья выразятъ согласія на третейскій судъ. Разумѣется, противная сторона должна будетъ дать такое-же обязательство. Я разсчитываю, что вы и ваши друзья охотно готовы положить конецъ расколу и взаимной борьбѣ между партійными товарищами, стоящими на одной и той-же принципіальной почвѣ.

Въ международной соціальдемократіи извѣстіе объ этомъ расколѣ произвело повсюду удручающее впечатлѣніе и вызвало сильное огорченіе; все надѣюсь, что, послѣ открытаго объясненія между собою обѣихъ сторонъ, удастся найти общую почву для борьбы противъ общаго врага.

Прошу васъ, возможно скорѣе, сообщить мнѣ рѣшеніе ваше и вашихъ друзей.

Съ соціальдемократическимъ привѣтомъ *А. Бебель.*

7 февраля Совѣтъ Партіи по поводу этого письма постановилъ:

1. „Россійская Соц.-дем. Партія съ радостью принимаетъ предложеніе товарища Бебеля, сдѣланное имъ отъ имени Правленія Германской рабочей партіи. Предложеніе это находится въ полномъ соотвѣтствіи съ извѣстной резолюціей Интернаціональнаго Амстердамскаго конгресса и отклоненіе его нашей партіей явилось бы вопіющимъ нарушеніемъ съ ея стороны своихъ интернаціональныхъ пролетарскихъ обязанностей и рѣзко противорѣчило бы тому пункту ея программы, который объявляетъ Россійскую Соціальдемократическую Партію „однимъ изъ отрядовъ всемірнаго пролетаріата“.

2. Совѣтъ Партіи понимаетъ предложеніе Бебеля, какъ попытку устранить конфликтъ между двумя сторонами, изъ которыхъ одной являются наши центральныя учрежденія (Ц. К., Ц. О. и Совѣтъ) и большинство активныхъ товарищей, признающихъ законность этихъ учрежденій, а другой — группа, руководимая Ленинымъ и объявляющая ихъ незаконными.

3. Совѣтъ Партіи принимаетъ условія, указанныя въ письмѣ Бебеля, т. е. заранѣе обѣщаетъ за себя и за солидарное съ нимъ большинство партійныхъ работниковъ, подчиниться приговору третейскаго суда и гарантируетъ съ момента его назначенія прекращеніе въ „Искрѣ“ всякой полемики, касающейся организаціонныхъ распрей и имѣющей объектомъ тѣ или другія партійныя организаціи. Этимъ Ц. О. не лишается права подвергать критикѣ тѣ или другіе взгляды на очередныя тактическія задачи.

4. Съ своей стороны Совѣтъ выбираетъ въ судьи: К. Каутскаго и Клару Цеткинъ-Мундель.

---

[1] Пропускаемъ указаніе города, въ которомъ долженъ засѣдать судъ.

Насъ просятъ сообщить, что группа революціонеровъ Владимірской губерніи преобразовалась во **Владимірскую** соціальдемократическую организацію. Въ декабрѣ эта организація выпустила слѣдующіе гектографированные листки: 1) Послѣднія извѣстія № 1 (описаніе демонстрацій въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и бунта матросовъ въ Севастополѣ) 2) Политическія требованія Россійской Соц.-Дем. Раб. Партіи (перепечатка части программы), 3) Ко всѣмъ рабочимъ (призывъ къ организаціи), 4) Какихъ политическихъ порядковъ хотятъ соціальдемократы?

Вышли изданія: **Искры**: „Памятка солдатамъ“, „Вопросы партійной жизни“. „Почему сдался Портъ-Артуръ?“, „Женская доля“. „Кровавая ложь фарисеевъ синода“ (оттискъ изъ № 4 „Соц.-Дем.“) Листки: **Екатеринославск. комитета**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава“ (о петербургскихъ событіяхъ), „Письмо изъ Петербурга Кіевскому Комитету“, „Правда о войнѣ“ (переизданіе листка Ц. К. — 10000 экземпл.), „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава, Амура и Нижне-Днѣпровска“ (о всеобщей забастовкѣ), „Привѣтъ кавказ. рабоч.“, „Чему учитъ насъ стачка?“ (28 янв.). **Астрахан. комит.**: „Рабочій листокъ“ № 2 (дек. 1904): Отъ редакціи. Что такое политич. свобода? По поводу взятія Портъ-Артура. Изъ нашей обществен. жизни. Мѣстная хроника: резолюція астрахан. рабоч.), „Ко всѣмъ рабочимъ г. Астрахани“ (призывъ къ забастовкѣ по поводу петербургскихъ событій). **Смоленскаго комитета**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ г. Смоленска“, „Къ рабочимъ типографіи Подземскаго“, „Къ служащимъ и рабочимъ общества „Уніонъ“ (всѣ — съ призывомъ къ забастовкѣ по поводу 9-го января), „Царь, война и народъ“ (4000 экземпляровъ). **Московск. ком.** Прокламація о петербургскихъ событіяхъ и о требованіяхъ рабочаго класса. **Одесской группы Ц. К.**: бюллетень №№ 1, 2, 3; Петиція петербургскихъ рабочихъ и письмо Г. Гапона къ министру внутреннихъ дѣлъ. **Организац. комитета одесскаго соціальдемократическаго союза интеллигенціи** — прокламація о петербургскихъ событіяхъ. **Одесскаго комитета**: прокламація о петербургскихъ событіяхъ (призывъ ко всеобщей стачкѣ); „Къ рабочимъ и работницамъ г Одессы (о томъ же). **Исполнит. коммис. новорос. унив. одесской группы Ц. К.**: „Посланіе Г. Гапона къ рабочимъ“. **Кіевскаго комитета**: Бюллетени №№ 4—8. „Заявленіе типографскихъ рабочихъ города Кіева“. **Владимирской соціальдемократической организаціи**: „Съ новымъ годомъ!“ (100 экземпляровъ, на гектографѣ). **Крымскаго союза**: листовка: „Что такое политическая свобода?“ (15000 экземпл.). **Бакинскаго комитета**: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (7 декабря, 3000 экземпл.), „Ко всѣмъ рабочимъ“ (31 декабря, 4000 экземпляровъ), „Правда о войнѣ“ (4-го января, 6000 экземпляровъ) „Къ рабочимъ механическихъ заводовъ“ (10 января, 2000 экземпляровъ). **Костромской группы**: Прокламація о петербургскихъ событіяхъ (11 янв.) „Къ членамъ костромск. губ. земск. собранія“ (16 янв.). **Воронеж. Ком.** „Перепечатка изъ „Петиціи петерб. рабоч.“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Въ Одессѣ арестована Бася Шендеровичъ.

Одесса. 17-го января въ 4 часа дня на Мясоѣдовской улицѣ провалилась большая типографія, существовавшая всего 8 дней подъ видомъ переплетной мастерской. Взяли много шрифта, бумаги и отпечатанныхъ листковъ. Арестованы 5 или 6 человѣкъ. Въ ту же ночь взяли М. Козлова. Найдена оставленная кѣмъ-то корзина съ двумя фунтами шрифта. Были обыски у акушерки А. Лурье, у одной фельдшерицы и др. Предполагаютъ провокацію.

Тифлисъ. 16 января арестовали слѣдующихъ лицъ: Нина Каландарашвили, Филиппъ Махарадзе, Ельява, — интеллигенты; рабочіе — Хелая, Сухановъ, Михаилъ Бодчорашвили и д-ръ Гедевановъ.

Смоленскъ. Арестованъ сотрудникъ „Днѣпровскаго Вѣстника“ М. К. Гуревичъ. **Харьковъ.** Здѣсь арестовано около 40 человѣкъ. **Баку.** Въ началѣ января арестовано 40 человѣкъ.

Смоленскъ. Въ ночь съ 2 на 3 и съ 3 на 4 января были массовые обыски. Арестованъ врачъ земской больницы Голубковъ и на вокзалѣ Когутъ (инсп.).

Ростовъ на Д. Арестованы: Вячеславъ Кошельниковъ и морякъ, фамилія котораго неизвѣстна (на улицѣ въ 2 ч. ночи съ рамой, въ которой находился наборъ прокламацій); Петръ Ивановъ. Выпущены подъ залогъ: Лихтеръ (сидѣлъ болѣе года); Крисько ($6^1/_2$ мѣс.) и Голубенко (около $1^1/_2$ мѣс.)

Кіевъ. Въ послѣдніе дни произведено очень много арестовъ. Между прочимъ арестованы: М. Балабановъ (секретарь „Кіевск. Откл.“; уже выпущенъ), Райхеръ (полит.), Реганъ (студентъ), Трофименко (студ.), Тучапская (инт.), Слуцкая (учен. алекс. больн.), Іоффе и много другихъ.

16 вечеромъ на квартирѣ у студента Зеланда арестовано 17 человѣкъ рабочихъ и интеллигентовъ и 2 студента, хозяева квартиры. У одного изъ арестованныхъ найдено много листковъ. Кромѣ этого арестовано еще нѣсколько другихъ собраній.

Елисаветградъ. 24-го января вечеромъ бѣжали изъ мѣстной тюрьмы Я. И. Сазоновъ и В. Глезерманъ, взятые, вслѣдствіе провокаціи, при техникѣ два мѣсяца тому назадъ. Въ 11 час. вечера товарищи съ воли напали на часового, стоявшаго съ внѣшней стороны стѣны, заткнули ему ротъ, связали, а тѣмъ временемъ арестованные, черезъ перепиленную заранѣе рѣшетку, вышли на свободу. Бѣжавшимъ грозило 5—8 лѣтъ каторги. Ихъ побѣгъ вызвалъ торжество не только среди товарищей, но и въ „обществѣ“, пораженномъ смѣлостью и рѣшительностью революціонеровъ.

Вторично бѣжавшій изъ с. Ругозеро Олонецкой губ. Адольфъ Федор. **Корндорфъ** арестованъ въ Торнѣ 14 января.

Астраханскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П. объявляетъ: паркетчикъ Балянинъ, портные Янинъ и Сусловъ и слесарь Якунинъ (уѣхалъ) — провокаторы; паркетчикъ Мироновъ и портной Іофэ (Яфъ) — выдавали. Комитетъ предлагаетъ всѣмъ товарищамъ прекратить съ этими лицами всякія отношенія. Въ противномъ случаѣ — всѣхъ, поддерживающихъ съ ними какое бы то ни было знакомство, принужденъ будетъ лишить своего довѣрія.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Тимофей—листки получили, письмо также. Адресовъ не можемъ разобрать—не знаемъ, какимъ ключемъ Вы пишете. **Твердынину и Николаю** — оба номера дѣйствительны. **Фридрихъ** — мы не получали никакихъ денегъ изъ Риги на Ц. О. или С. Д.—Ваше письмо получили. Просимъ писать. Пришлите адреса для литературы и явку. **Казань** — отчетъ Комитета полученъ. Всѣ просьбы будутъ по возможности удовлетворены.

Получено отъ Михайловскаго для петербургскихъ рабочихъ 200 кронъ. Отъ Немо — 300 франк.

Отчетъ Берлинской Группы Содѣйствія за Январь (въ маркахъ). Изъ Россіи — 323.25, изъ Назарета для „И.“ — 53.50, отъ нѣмцевъ для отъѣзж. — 390.00, отъ проѣзж. студент. для раненыхъ — 70.00, для раненыхъ — 50.00, по листу № 89 — 188.00 на Бельтова — 12.50, съ рефер. — 74.40, отъ X изъ Берлина — 10.00, для СПБ. борцовъ — 49.50, за открытки — 22.90, марками — 10.80, литер. — 109.55, пожертв. на Партію — 400.50. Итого — 1764.90.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrénière 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 87. Четвергъ, 10-го февраля 1905 г. Годъ V.

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

ВРОЗЬ ИДТИ, ВМѢСТѢ БИТЬ.

Будьте же готовы, ибо время близко...

Передовая статья предыдущаго номера „Искры“ указала на то не подлежащее никакому сомнѣнію, обстоятельство, что революціонный кризисъ все болѣе и болѣе обостряется въ нашей странѣ, и что очень ошибаются люди, говорящіе о „затишьи“. Въ настоящей статьѣ мы хотимъ прежде всего отмѣтить, что этотъ взглядъ раздѣляется также и царской опричниной. Въ № 77 „Нашей Жизни“ перепечатано изъ „Сѣв.-Запад. Края“ слѣдующее многозначительное сообщеніе:

„Департаментъ полиціи увѣдомилъ гг. губернаторовъ, что до настоящаго времени было установлено, что главное артиллерійское управленіе отпускало оружіе и патроны учрежденіямъ не военнаго вѣдомства лишь при условіи требованія отпуска этихъ предметовъ центральнымъ управленіемъ того вѣдомства, которымъ возбуждено объ этомъ ходатайство. Нынѣ предшествующій порядокъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что *главному артиллерійскому управленію разрѣшено немедленно удовлетворять непосредственныя требованія мѣстныхъ властей*, какими признаются: губернаторы, градоначальники и оберъ-полиціймейстеры. Отпускъ оружія и патроновъ производится для вооруженій чиновъ полиціи, при чемъ выборъ оружія возложенъ опять-таки на мѣстныя власти“.

Смыслъ этого „увѣдомленія“, какъ нельзя болѣе ясенъ. Не желая идти на уступки и хорошо сознавая въ то же время, что его неуступчивость подливаетъ масла въ огонь общественнаго неудовольствія, правительство дѣятельно готовится къ бою и спѣшитъ вооружить тѣхъ, которые „по долгу службы“ и по личному влеченію стоятъ на его сторонѣ. Люди реакціи не краснобаи, но — точнѣе сказать: именно потому — они не имѣютъ недостатка въ энергіи. Она не останавливаются и не остановятся ни передъ чѣмъ; это показала чудовищная бойня 9-го января въ Петербургѣ; это продолжаютъ показывать кровавые ужасы въ другихъ мѣстахъ. Въ Варшавѣ, какъ сообщаетъ нашъ корреспондентъ, письмо котораго напечатано въ № 86 „Искры“, 16 января „стрѣляли по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, не разбирая праваго и виноватаго. Около насъ на улицѣ валялись три трупа, внутренности которыхъ валялись тутъ же около нихъ. Всѣхъ, проходившихъ вечеромъ по улицѣ, первымъ дѣломъ обыскивали, причемъ всѣ ихъ вещи, въ томъ числѣ, конечно, и кошелекъ, оставались въ рукахъ полиціи. Кромѣ того ихъ очень часто тутъ же пристрѣливали... Ужасы, которые я переживалъ въ послѣднее время, не могу выразить на бумагѣ... Зрѣлище, которое представляли убитые, валявшіеся въ грязи и крови, наводило на публику ужасъ. Въ воскресенье съ самаго утра прибыла масса войска, и безъ всякихъ поводовъ стрѣляли въ каждаго встрѣчнаго, просто въ одиночныхъ людей, ибо толпы не было“.

Въ томъ же № нашего органа, въ письмѣ изъ Могилева губернскаго яркими красками изображается безпримѣрная даже въ Россіи „охранительная“ вакханалія. „Безъ всякаго повода тащатъ людей съ улицы въ пожарный дворъ, и тамъ начинается расправа; за что — неизвѣстно. Расправа самаго послѣдняго жанра съ выкручиваніемъ рукъ. Въ пятницу и субботу искалѣчили до ста человѣкъ. Истязали утонченно, со вкусомъ, съ толкомъ... какой-то старикъ Кройнинъ по дѣлу зашелъ въ субботу въ полицію — избили до полусмерти, сломали переносицу. Мальчику лѣтъ 14 сломали руки; потащили его въ пожарный дворъ потому, что онъ проходилъ въ субботу по улицѣ, и приставу заблагоразсудилось обратить на него вниманіе. Забирали и тащили всѣхъ, кого вздумалось. Городовые, говорятъ, получаютъ за это награду, такъ вотъ они и стараются. Такія дѣла творятся у насъ, начиная съ четверга (20 января). Силъ нѣтъ... Въ Петербургѣ убивали; здѣсь истязаютъ, мучаютъ, издѣваются. Такъ убивали людей, казавшихся опасными. У насъ хватаютъ людей съ улицы и тащатъ въ застѣнокъ“.

Горе нашей странѣ, если она не возмутится въ виду всѣхъ этихъ кровавыхъ подвиговъ царскихъ людоѣдовъ! Горе тѣмъ сторонникамъ политической свободы, которые не ополчатся теперь на смертельную борьбу со смертельными врагами всякаго поступательнаго движенія! Отвѣтъ на кровавыя безчинства бандитовъ, управляющихъ Россіей, можетъ быть только одинъ: громкій, дружный, единодушный крикъ, призывающій къ вооруженному сопротивленію всѣхъ мужественныхъ людей россійскаго государства, всѣхъ враговъ царскаго самодержавія. Къ нашему боевому кличу, знаменующему собою нашу принадлежность къ международной соціальдемократіи: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ долженъ быть прибавленъ теперь нами другой боевой кличъ, выражающій сознаніе той политической обязанности, которая лежитъ теперь на насъ, какъ на партіи, представляющей интересы самаго передового, самаго революціоннаго класса современной Россіи: „враги царизма, вооружайтесь!“ — таковъ тотъ кличъ, который долженъ выйти изъ нашихъ рядовъ и, какъ энергичный революціонный призывъ, громко раздаться по всей Россіи.

Намъ замѣтятъ, пожалуй, что мысль о *вооруженномъ сопротивленіи* въ своемъ логическомъ развитіи неизбѣжно превращается въ мысль о *вооруженномъ возстаніи*. И это будетъ справедливо. Но не менѣе справедливо и то, что насъ ни на минуту не можетъ смутить подобное замѣчаніе. Легенда о томъ, что наше ученіе безповоротно приговариваетъ насъ къ „мирнымъ“ способамъ дѣйствій, сочинена была нашими противниками изъ лагеря народниковъ, никогда не бывшихъ въ состояніи понять это ученіе. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ нашей полемики, сами народники почти позабыли эту легенду, и теперь ее повторяютъ иногда въ своихъ рѣчахъ только либеральные адвокаты, начитавшіеся Бернштейна и не умѣющіе надлежащимъ образомъ поставить защиту своихъ соціальдемократическихъ кліентовъ. На самомъ дѣлѣ соціальдемократія въ каждое данное время и въ каждой данной странѣ отстаиваетъ тѣ средства борьбы, которыя она, по обстоятельствамъ времени и мѣста, находитъ наиболѣе цѣлесообразными. Тамъ, гдѣ наиболѣе цѣлесообразны „мирныя“ средства, она отрицаетъ насильственныя дѣйствія; тамъ, гдѣ наиболѣе цѣлесообразны насильственныя дѣйствія, она поворачивается спиной къ „мирнымъ“ средствамъ. Что же касается въ частности нашей соціальдемократіи, то россійская дѣйствительность ни въ какомъ случаѣ не могла развить въ ней пристрастіе къ „*законности*“. Уже первая русская соціальдемократическая группа, — группа „Освобожденіе Труда“, — въ своей программѣ предвидѣла наступленіе того момента, когда революціонному русскому пролетаріату, въ своемъ наступленіи на царское правительство, необходимо будетъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. И совершенно въ духѣ программы группы „Освобожденіе Труда“ пишущій эти строки, въ № 14 „Искры“, рекомендуя своимъ товарищамъ вооруженныя демонстраціи, выставлялъ, какъ несомнѣнную для него истину то положеніе, что демонстраціи этого рода постепенно воспитаютъ массу для неизбѣжнаго у насъ вооруженнаго возстанія. Въ то время, — т. е. въ январѣ 1902 года, — положеніе это не встрѣтило ни одного возраженія ни со стороны кого бы то ни было изъ редакторовъ „Искры“, ни со стороны ея читателей. Въ глазахъ всей нашей редакціонной коллегіи она составляла и составляетъ одну изъ тѣхъ очевидныхъ и неоспоримыхъ истинъ, за новое открытіе которыхъ могутъ браться теперь только совершенно праздные мыслители, не знающіе, куда употребить свой досугъ. Вопросъ не въ томъ, неизбѣжно ли возстаніе, а въ томъ, близокъ ли его моментъ, наступаетъ ли, наконецъ, то время, когда подготовка къ нему явится серьезнымъ дѣломъ серьезныхъ революціонеровъ, а не праздной забавой революціонныхъ недорослей. Теперь не можетъ быть споровъ по этому поводу. Движеніе 9-го января было лишь первымъ, неувѣреннымъ, плохо-обдуманнымъ и мало сознательнымъ шагомъ рабочаго Геркулеса, стряхивающаго съ себя политическую дремоту. Напрасно полицейскія няньки стараются убаюкать юнаго гиганта обѣщаніемъ экономическихъ реформъ. За первымъ его шагомъ скоро послѣдуютъ другіе, все болѣе и болѣе сознательные, обдуманные и рѣшительные. Пролетаріатъ не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не затрещало безобразное зданіе царизма, и именно это обстоятельство, ясно понимаемое защитниками нашего стараго порядка и приводящее ихъ въ злобный ужасъ, дѣлаетъ неизбѣжными у насъ теперь кровавыя столкновенія народа съ вооруженной силой правительства. Мы обязаны позаботиться о томъ, чтобы при такихъ столкновеніяхъ народъ былъ вооруженъ не церковными хоругвями и не крестами, а чѣмъ нибудь болѣе серьезнымъ и дѣйствительнымъ. Вопросъ о вооруженномъ столкновеніи нашего пролетаріата съ царскимъ правительствомъ ставится на очередь неотвратимой логикой исторіи. Мы, съ своей стороны, можемъ сдѣлать только одно: *постараться разрѣшить его въ пользу пролетаріата.*

И пусть не говорятъ намъ, что нынѣшняя усовершенствованная военная техника заранѣе осуждаетъ народное возстаніе на неудачу. Если бы это стояло даже внѣ всякаго сомнѣнія, то и тогда намъ все-таки не слѣдовало бы отказываться отъ мысли о поддержкѣ такого возстанія, потому что пассивное отношеніе нашего народа къ гнусностямъ, совершаемымъ его правителями, было бы самымъ ужаснымъ изо всѣхъ возможныхъ видовъ его пораженія, сдѣлавъ его неизлѣчимымъ рабомъ и осудивъ его на вѣчную политическую незрѣлость. А кромѣ того, необходимо помнить, что убѣжденіе въ невозможности удачнаго возстанія совсѣмъ не такъ основательно, какъ это кажется на первый взглядъ. Ф. Энгельсъ, высказавшій его въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ книгѣ Маркса о борьбѣ классовъ во Франціи, считалъ его правильнымъ, [illegible] *примѣнительно къ данному періоду развитія извѣстныхъ странъ западной Европы.* И онъ самъ былъ очень недоволенъ тѣми, которые, [illegible] объявили удачныя народныя возстанія [illegible] невозможными нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ.

Вожаки западно-европейскаго пролетаріата сдѣлали бы теперь большую тактическую ошибку, склонившись къ мысли о вооруженномъ возстаніи. Западно-европейскія правительства имѣютъ, пока еще твердую опору въ другихъ, враждебныхъ пролетаріату классахъ населенія. Поэтому возстаніе западно-европейскаго пролетаріата дѣйствительно не имѣетъ теперь шансовъ на успѣхъ. У насъ дѣло обстоитъ пока еще иначе. У насъ еще только идетъ рѣчь о завоеваніи тѣхъ общественно-политическихъ условій, при которыхъ ведется пролетарская борьба на Западѣ и которыя, сообщая этой борьбѣ широкій размахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторое время дѣлаютъ революціонный пролетаріатъ одинокимъ между другими общественными классами. Наше положеніе, вмѣстѣ со свойственными ему огромными и многочисленными невыгодами, имѣетъ, однако, ту очевидную и важную выгоду, что нашъ пролетаріатъ *пока еще совсѣмъ не одинокъ* въ своей борьбѣ съ правительствомъ. Общественное мнѣніе всей не закупленной царскимъ золотомъ Россіи открыто заклеймило бойню 9 января и тѣмъ показало, что въ названной борьбѣ пролетаріатъ можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе дѣятельную поддержку со стороны другихъ слоевъ населенія. А это очень значительно увеличиваетъ шансы вооруженнаго возстанія въ Россіи. Кто знаетъ исторію вооруженныхъ взрывовъ во Франціи, тому извѣстно, до какой степени ихъ успѣхъ всегда зависѣлъ отъ сочувствія къ нимъ со стороны „общества“. Наше положеніе, — положеніе крайней революціонной партіи, — похоже теперь не на положеніе парижскихъ рабочихъ, возставшихъ въ іюнѣ 1848 года, а на положеніе французскихъ революціонеровъ, возставшихъ въ іюнѣ 1830 года противъ Бурбоновъ и въ февралѣ 1848 года противъ іюльской монархіи.

Если на Западѣ *изолированъ* — до поры, до времени — *пролетаріатъ* то у насъ *въ изолированномъ положеніи оказывается какъ разъ тотъ врагъ, съ которымъ мы ведемъ теперь борьбу не на жизнь, а на смерть, т. е. царское правительство.* Это въ огромной степени увеличиваетъ шансы возстанія. Но чтобы использовать это, мы должны выяснить себѣ ту тактику, которая этимъ обусловливается.

Если для насъ въ военномъ отношеніи не только полезна, но прямо необходима поддержка со стороны „общества“, то намъ слѣдуетъ сдѣлать все, что требуется современнымъ положеніемъ нашего пролетаріата, для того, чтобы „общество“ не перестало сочувствовать его революціонному движенію. Для этого намъ вовсе нѣтъ надобности покидать классовую точку зрѣнія и „отказываться отъ соціализма“. Совершенно наоборотъ! Мы должны отстаивать теперь свою соціалистическую позицію упорнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, по той простой причинѣ, что, чѣмъ шире будетъ разливаться рѣка революціоннаго движенія, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе будутъ тѣ несоціалистическія или даже антисоціалистическія вліянія, которымъ станетъ подвергаться пролетаріатъ. Жизнь уже дала намъ, — между прочимъ также и 9 января текущаго года, — весьма недвусмысленныя предостереженія въ этомъ отношеніи. Но съ высоты нашей соціалистической позиціи намъ ясно видно, что въ настоящее время дѣло идетъ не о соціалистическомъ переворотѣ, а о завоеваніи тѣхъ свободныхъ демократическихъ учрежденій, которыя позволятъ намъ при свѣтѣ дня вести дѣло соціалистическаго воспитанія массы. Это понимаютъ или, по крайней мѣрѣ, инстинктивно сознаютъ и всѣ сочувствующіе революціонной борьбѣ прогрессивные элементы „общества“. А потому партія пролетаріата можетъ обезпечить себѣ ихъ поддержку, ни на волосъ не измѣняя самой себѣ. Намъ нужно только на виду у всѣхъ, ясно и отчетливо поставить свою ближайшую политическую задачу и рѣшительно воздерживаться отъ тѣхъ безтактныхъ выходокъ, которыя принимаются иными за проявленіе крайняго соціалистическаго радикализма, но которыя на самомъ дѣлѣ болѣе всего вредятъ именно этому послѣднему. Такъ, напримѣръ, стараться обезпечить себѣ поддержку со стороны „общества“ и въ то же время клеймить именемъ оппортюнизма и громить, какъ измѣну пролетаріату, поддержку, оказываемую нами освободительнымъ „кампаніямъ“, предпринимаемымъ тѣми или другими элементами этого общества, значило бы попадать въ самое жалкое противорѣчіе и разрушать лѣвой рукой то, что дѣлаетъ правая.

Кто не понимаетъ, до какой степени успѣхъ возстанія зависитъ отъ поведенія войска? Кто не знаетъ также, что на поведеніе солдатъ сильно вліяетъ поведеніе офицеровъ? Но вѣдь офицеры представляютъ собою плоть отъ плоти и кость отъ костей нашего „общества“, и чѣмъ болѣе сочувствіе „общества“ будетъ склоняться на сторону возставшихъ, тѣмъ ненадежнѣе станетъ войско, тѣмъ слабѣе будетъ его сопротивленіе. „Общество“ лучше насъ объяснитъ своимъ дѣтямъ, носящимъ офицерскіе мундиры, что стрѣлять въ народъ преступно даже съ точки зрѣнія ограниченнаго понятія о *присягѣ*, такъ какъ военный присягаетъ служить не только царю, но также *и отечеству*, и не имѣетъ нравственнаго права сдѣлаться въ интересахъ царя палачемъ отечества. Уже теперь есть всѣ основанія предполагать, что общественное негодованіе, вызванное разстрѣлами 9-го января, заставило многихъ офицеровъ крѣпко задуматься о томъ, какъ слѣдуетъ относиться имъ ко „внутреннему врагу“. И само собой разумѣется, что, чѣмъ громче и чаще будетъ осуждать офицеровъ-палачей общественное мнѣніе Россія, тѣмъ меньше будетъ у насъ военныхъ, желающихъ принимать на себя эту позорную роль. А чѣмъ меньше будетъ такихъ военныхъ, тѣмъ безнадежнѣе станетъ дѣло царизма, и тѣмъ больше повысятся шансы возстанія.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ партія „Народной Воли“ имѣла значительныя связи въ военной средѣ, и когда она стала задумываться о вооруженномъ возстаніи, она естественно пришла къ мысли о томъ, что сочувствующіе ей офицеры могутъ оказать ей огромныя услуги въ этомъ дѣлѣ. Если мы не ошибаемся, по плану, выработанному Исполнительнымъ Комитетомъ названной партіи, военнымъ отводилась большая роль во всемъ, что касалось организаціи технической стороны возстанія. Мы считаемъ теперь полезнымъ напомнить объ этомъ нашимъ читателямъ[1]).

Кто борется, тотъ хочетъ побѣдить. Кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ соблюсти тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ побѣда. Удача вооруженнаго возстанія зависитъ отъ сближенія революціонеровъ съ „обществомъ“. Поэтому сторонники вооруженнаго возстанія должны сближаться съ нимъ. Повторяемъ, это вовсе не значитъ, что мы должны прятать въ карманъ свое знамя или сливаться съ какими нибудь другими партіями. *Врозь идти, вмѣстѣ бить* — только это и нужно. Но тѣ, которые находятъ, что необходимо *бить вмѣстѣ*, обязаны сближаться другъ съ другомъ и соглашаться между собою. Сближаться и соглашаться не для лирическихъ изліяній и не для опубликованія фразистыхъ манифестовъ, а именно для того, чтобы *бить*, т. е. для совмѣстной борьбы [illegible], на поляхъ дѣйствій, гдѣ свистятъ пули и свирѣпствуютъ православные башибузуки.

Далѣе, извѣстно, что всякій, ведущій войну, считаетъ своимъ долгомъ по возможности *дезорганизовать силы непріятеля.* Эта дезорганизаціонная сторона военной дѣятельности имѣетъ большее или меньшее значеніе въ зависимости отъ тактики даннаго времени, а *тактика* опредѣляется, какъ извѣстно, въ послѣднемъ счетѣ *вооруженіемъ.* Нашъ непріятель вооруженъ такъ хорошо, что невозможно противостоять ему въ открытомъ бою, *безъ предварительной дезорганизаціи его силъ.*[2]) Слѣдовательно, эта дезорганизація представляетъ собою второе условіе успѣшнаго возстанія. Мы уже говорили объ этомъ въ выше упомянутой статьѣ нашей „О демонстраціяхъ“, напечатанной въ № 14 „Искры“. Разбирая тамъ брошюру „*объ уличныхъ безпорядкахъ (мысли военнаго)*“ и приведя то мѣсто брошюры, гдѣ авторъ совѣтуетъ въ самомъ началѣ борьбы народа съ войскомъ „изъять изъ обращенія гражданское, полицейское и военное начальство“, мы замѣчали, что соціальдемократіи, *вѣроятно*, придется сдѣлать этотъ смѣлый шагъ, когда придетъ время нанести послѣдній смертельный ударъ издыхающему царизму. Тогда еще рано было привлекать вниманіе читателей къ этому шагу, и мы говорили о немъ только *предположительно.* Теперь настала пора говорить о немъ, и мы заявляемъ категорически: *дезорганизація правительственной власти, — какихъ бы „изъятій“ она ни потребовала, — представляетъ собою, въ виду современной военной техники, совершенно необходимое условіе удачнаго вооруженнаго возстанія.* Поэтому революціонеры должны умѣть дезорганизовать правительственную власть въ нужную для нихъ минуту.

Но дезорганизація непріятеля, очевидно, предполагаетъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя называются у насъ *террористическими.* Стало быть, берясь за оружіе, мы измѣнимъ свое отношеніе къ террору по той простой причинѣ, что тогда кореннымъ образомъ измѣнится его значеніе, какъ пріема революціонной борьбы. Если бы мы вздумали практиковать его въ обыкновенное время, то мы совершенно отклонились бы отъ своей прямой и самой важной задачи: отъ агитаціи въ массѣ. Поэтому мы обыкновенно отвергали его, какъ *нецѣлесообразный* пріемъ борьбы. А въ моментъ возстанія онъ *облегчитъ успѣшный исходъ* нашей революціонной массовой агитаціи; поэтому, готовясь къ возстанію, намъ надо будетъ отвести ему надлежащее, хотя — какъ видитъ читатель, и строго *подчиненное*, — мѣсто въ нашемъ планѣ военныхъ дѣйствій.

Въ 70-хъ годахъ первые проповѣдники „терроризма“ смотрѣли на него именно какъ на дезорганизацію правительственной *власти*. Они такъ и называли его *дезорганизаторской дѣятельностью.* Въ теченіе долгаго, очень долгаго времени „терроръ“ дезорганизовалъ не правительство, а самихъ революціонеровъ. Во время возстанія онъ дезорганизуетъ враговъ революціи. И не найдется ни одного соціальдемократа, который откажется прибѣгнуть къ нему въ такое время. Кто борется, тотъ хочетъ побѣдить. Кто хочетъ побѣдить, тотъ долженъ соблюсти тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ побѣда.

---

[1]) О воздѣйствіи на солдатъ мы не говоримъ здѣсь только потому, что на нихъ вліять надо не черезъ посредство общества, а черезъ посредство *народа*. Что такое воздѣйствіе необходимо, это намъ всѣмъ извѣстно.

[2]) Примѣчаніе для „проницательнаго читателя“. Слово: *предварительно* можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Поэтому пояснимъ нашу мысль. Прежде чѣмъ пустить въ дѣло пѣхоту, полезно бываетъ *предварительно* обстрѣлять непріятеля артиллерійскимъ огнемъ. Но это обстрѣливаніе должно *непосредственно* предшествовать пѣхотной атакѣ. А если мы откроемъ артиллерійскій огонь, — скажемъ, — за мѣсяцъ до того, какъ пойдетъ въ бой наша пѣхота, то непріятель совершенно исправитъ весь вредъ, нанесенный ему артиллеріей, и мы только даромъ потратимъ порохъ

Это признаніе чрезвычайно важной роли „дезорганизаторской дѣятельности“ открываетъ соціальдемократической партіи путь для соглашенія съ разными террористическими группами, уже существующими или могущими возникнуть въ ближайшемъ будущемъ. Тутъ опять мы говоримъ, конечно, не о программномъ, а о чисто практическомъ соглашеніи: ты сдѣлаешь то, между тѣмъ какъ я сдѣлаю вотъ это; ты захватишь непріятельскій обозъ, между тѣмъ какъ я нападу на него съ такого-то фланга и т. д.

При соблюденіи двухъ указанныхъ нами условій — при сочувственомъ отношеніи къ нему со стороны общества и при дезорганизаціи революціонерами правительственной власти, — вооруженное возстаніе имѣетъ много шансовъ успѣха, и тѣ, которые даже при этихъ условіяхъ будутъ пророчить ему неудачу, сильно рискуютъ оказаться лжепророками. Однако, *возстаніе — возстанію рознь*. „Искра“, всегда рѣзко высказывавшаяся противъ революціоннаго авантюризма, считаетъ своей обязанностью напомнить своимъ читателямъ, что нѣтъ ничего легче какъ удариться въ авантюризмъ именно при подготовкѣ вооруженнаго возстанія. Революціонная исторія Франціи свидѣтельствуетъ, что всѣ попытки французскихъ заговорщиковъ вызвать возстаніе къ данному, заранѣе опредѣленному сроку оканчивались полной и иногда довольно жалкой неудачей. Это происходило отъ того, что французскія тайныя общества никогда не имѣли широкой опоры въ народной массѣ.

Въ этомъ все дѣло. Если успѣшное возстаніе невозможно теперь у насъ безъ сочувствія къ нему со стороны „общества“ и безъ дезорганизаціи силъ правительства, то даже при соблюденіи этихъ условій оно будетъ совершенно немыслимымъ, если явится дѣломъ сравнительно небольшой кучки заговорщиковъ. *Вооруженное возстаніе побѣдитъ, какъ возстаніе широкой массы или не побѣдитъ никогда и ни при какихъ предварительныхъ условіяхъ.* И вотъ почему, подготовляя вооруженное возстаніе и зовя оружію всѣхъ враговъ царизма, наша партія должна помнить, что, — какъ сказано въ передовой статьѣ № 85 „Искры“, — кореннымъ и ничѣмъ незамѣнимымъ условіемъ успѣшнаго возстанія является жгучая потребность народной массы напасть на самодержавіе съ оружіемъ въ рукахъ.

Безъ массы мы ничто. Не имѣя за собой массы, мы, несмотря ни на какое самоотверженіе, ни на какую „конспиративную“ сноровку, должны заранѣе признать свое дѣло окончательно проиграннымъ. Агитація въ массѣ важна для насъ теперь болѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Не будемъ обманывать себя: масса вовсе еще не вся проникнута ненавистью къ царизму; она еще далеко не вся раздѣляетъ наши политическія стремленія. Скажемъ болѣе, выразимся рѣзче: масса въ значительной степени остается еще *безсознательной въ политическомъ отношеніи*. Упускать это изъ виду могутъ только политическіе авантюристы, разсчитывающіе на то, что при подходящемъ случаѣ даже и безсознательная масса могла-бы быть вовлечена въ революціонную борьбу какимъ нибудь хитроумнымъ пріемомъ заговорщиковъ. Но и смущаться этимъ у насъ нѣтъ никакой причины. Революціонные кризисы чрезвычайно быстро воспитываютъ массу. Парижскій народъ даже послѣ взятія Бастиліи готовъ былъ устраивать восторженныя оваціи Людовику XVI, а 10-го августа тотъ же парижскій народъ шелъ на Тюильри, движимый жгучею ненавистью къ монархіи. Отъ насъ зависитъ ускорить политическое воспитаніе нашего пролетаріата, который, какъ сказано выше, стряхиваетъ теперь съ себя политическую дремоту и который не можетъ пошевелиться безъ того, чтобы не задрожалъ абсолютизмъ; отъ насъ зависитъ сдѣлать такъ, чтобы ненависть къ самодержавію все шире и шире разливалась въ народной массѣ, и тѣмъ все болѣе и болѣе подготовляла ее для вооруженнаго возстанія противъ него.

И такъ, широкая — неустанная революціонная агитація въ массѣ, логически ведущая ее къ рѣшительному столкновенію съ правительствомъ, съ одней стороны, и подготовка упомянутыхъ выше необходимыхъ условій успѣшнаго исхода этого столкновенія съ другой, — вотъ та двойственная задача, которая стоитъ передъ нами въ настоящую историческую минуту. Намъ надо *развязать революцію*, сказали мы, *и подготовить побѣду*, прибавимъ мы теперь.

Трудна эта задача... Но намъ надо разрѣшить ее. Поэтому мы должны съ удесятеренной энергіей работать надъ ея разрѣшеніемъ. И мы *разрѣшимъ* ее, потому что мы *обязаны* ее разрѣшить. Исторія не ждетъ..

ПРАВИТЕЛЬСТВО УХОДИТЪ!

Всероссійская стачка еще не закончилась; но ея ближайшія политическія послѣдствія уже опредѣлились съ достаточной ясностью. Залитая кровью попытка петербургскаго возстанія послужила сигналомъ къ началу открытаго революціоннаго движенія. Рабочій классъ нанесъ первый рѣшительный ударъ отжившему самодержавному строю, и всѣ силы созрѣвшаго буржуазнаго общества новой Россіи быстро мобилизуются и выступаютъ противъ столь грознаго недавно деспотизма.

Появленіе революціоннаго народа сразу измѣнило обычную картину многолѣтней политической борьбы. Либеральная демократія, возлагавшая свои главныя надежды на благожелательнаго монарха или благонамѣреннаго министра и тратившая свои усилія на безплодныя попытки заставить правящія сферы внять голосу страны, наглядно убѣждаются и въ прошлой ошибкѣ и въ грядущей опасности политики торговъ и переторжекъ съ коснымъ самодержавіемъ за спиной народа. Пролетарская кровь возвращаетъ зрѣніе слѣпымъ и заставляетъ глухихъ слышать. Послѣ девятаго января даже съ амвона церкви шефа жандармовъ раздалась отходная существующему строю. „Оживаетъ и пробуждается богатырь — Святая Русь“, — говорилъ священ. Рахмановъ, напутствуя уволеннаго министра довѣрія. „Встрепенулись всѣ слои общества... Какая сила остановитъ этотъ потокъ? Нѣтъ такой силы!“.

И сознаніе, что нѣтъ такой силы, которая могла бы противостоять напору народнаго моря, заставляетъ либеральную демократію отрекаться отъ безпомощныхъ верховъ и искать опоры и поддержки въ революціонномъ авангардѣ народныхъ массъ, въ пролетаріатѣ. Пролетаріатъ становится основною осью, къ которой примыкаютъ и вокругъ которой располагаются самыя разнообразныя партіи, самые разнородные противники господствующаго режима; пролетаріатъ указываетъ имъ не только демократическіе лозунги движенія, но даже нѣкоторыя формы политической борьбы. Либерально-демократическое движеніе, затихувшее съ концомъ правительственной „весны“ и вспыхнувшее съ новой энергіей вмѣстѣ съ революціонною стачкою, уже не ограничивается болѣе или менѣе неопредѣленными резолюціями и торжественными ужинами во славу свободы. Оно переходитъ къ дѣйствію и заимствуетъ у пролетаріата испытанное средство борьбы рабочаго класса съ его политическими и экономическими угнетателями.

Послѣ девятого января массовая забастовка общественныхъ учрежденій, на которую мы давно указывали, какъ на лучшій въ ихъ рукахъ способъ дезорганизаціи государственнаго механизма, стала совершившимся фактомъ. Въ теченіе мѣсяца, протекшаго со дня петербургскихъ разстрѣловъ, русская государственная и общественная жизнь уже совершенно выбита изъ нормальной колеи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось пріостановить дѣятельность судебныхъ учрежденій, вслѣдствіе забастовки адвокатовъ. Ни одно высшее учебное заведеніе не функціонируетъ въ настоящее время вслѣдствіе забастовки студентовъ и профессоровъ; даже среднія учебныя заведенія захвачены стачечнымъ движеніемъ. Ученыя и професіональныя общества пріостановили свою дѣятельность. Даже такія политическія организаціи имущихъ классовъ, какъ земскія учрежденія, широко воспользовались пролетарскимъ средствомъ борьбы. Намѣчавшаяся еще послѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда стачка земскихъ представителей въ то время встрѣтила непреодолимое препятствіе въ обычныхъ предразсудкахъ и обычной нерѣшительности земскаго либерализма. Всеподданнѣйшіе адреса земскихъ собраній декабрьской сессіи далеко отстаютъ отъ извѣстныхъ резолюцій петербургскаго земскаго съѣзда. Только три земства: Московское, Черниговское и Смоленское пріостановили тогда свои занятія. Теперь, послѣ петербургскихъ событій, и земцы почувствовали приливъ гражданскаго мужества. Московское, Петербургское, Таврическое, Воронежское, Уфимское, Новгородское, Саратовское, Симбирское, Курское, Вологодское, Костромское и другія губернскія Земскія собранія и Вологодская и Симферопольская городскія думы отказались работать при существующихъ условіяхъ.

Большинство учебныхъ заведеній, научныхъ и профессіональныхъ обществъ, и многія общественныя учрежденія заявили, что они прерываютъ свою дѣятельность до тѣхъ поръ, пока правительство не пойдетъ на встрѣчу законнымъ желаніямъ общества и не призоветъ свободно выбранныхъ представителей народа для участія въ законодательствѣ и управленіи страны. Конечно, демократическіе лозунги пролетаріата и теперь еще далеко не подхвачены всѣмъ оппозиціоннымъ обществомъ, но тѣ политическія требованія, которыя еще въ декабрѣ высказывались рабскимъ языкомъ вѣрноподданническихъ адресовъ, теперь говорятся ясно и твердо съ гражданскимъ достоинствомъ.

Массовая забастовка земскихъ и городскихъ учрежденій, выполняющихъ серьезныя задачи мѣстнаго государственнаго управленія, грозитъ серьезными затрудненіями, особенно опасными для правительства вслѣдствіе военнаго времени. Забастовка высшихъ учебныхъ заведеній и общественныхъ союзовъ нарушаетъ обычное теченіе общественной жизни. Въ странѣ начинается анархія, которая дѣлаетъ невыносимымъ самое существованіе.

Кровавое подавленіе рабочаго возстанія казалось правительству первымъ шагомъ къ возврату на дорогу безпощадной реакціи. Удаленіе Святополка, рѣшенное еще до девятого января, знаменовало крушеніе полицейскаго либерализма, и переходъ къ старой системѣ твердой власти. Военная диктатура въ Петербургѣ и усиленная охрана въ другихъ городахъ должны были обезпечить проведеніе въ жизнь реакціонныхъ плановъ Владиміра, почувствовавшаго приближеніе революціи. Но упорное сопротивленіе пролетаріата, выразившееся въ массовой забастовкѣ, распространившейся и на буржуазію, разрушило всѣ разсчеты сторонниковъ самодержавія. Желѣзная рука такъ часто и такъ безпощадно уничтожавшая всѣ побѣги новой жизни, на этотъ разъ оказалась безсильной предъ мощнымъ народнымъ движеніемъ. Реакція не удалась и превратилась въ покушеніе съ негодными средствами. Потокъ народнаго недовольства прорвалъ плотину деспотическаго гнета, и вмѣсто торжествующихъ голосовъ, реакціонеровъ повсюду раздаются побѣдныя привѣтствія свободѣ. Царское правительство съ смятеніи вынуждено уступить дорогу новымъ силамъ.

„Правительство идетъ!“ — восклицалъ нѣкогда Катковъ, привѣтствуя мрачную реакцію, смѣнившую либеральныя потуги Александра II. Правительство уходитъ! — можемъ мы сказать теперь, при видѣ послѣднихъ судорогъ самодержавія. Пусть Николай II еще держится окровавленными руками за расшатанный тронъ, пусть растерянная бюрократія еще хлопочетъ вокругъ обломковъ старой государственной машины, — революціонный порывъ рабочаго класса безповоротно опредѣлилъ исходъ вѣкового политическаго спора: оно уходитъ, это правительство выродившихся царей, развратныхъ великихъ князей, озвѣрѣлыхъ министровъ-жандармовъ, правительство крови и позора, въ теченіе столькихъ лѣтъ угнетавшее многомилліонный народъ. Рѣшеніе созвать Земскій Соборъ, принципіально принятое въ высшихъ сферахъ и объявленное въ оффиціозныхъ газетахъ, возвѣщаетъ начало капитуляціи самодержавія.

Земскій Соборъ, каковъ бы ни былъ его составъ, несомнѣнно поведетъ къ паденію абсолютизма, какъ системы безграничнаго произвола верховной власти. Въ этомъ смыслѣ его созывъ можетъ удовлетворить многихъ и многихъ изъ тѣхъ, кто теперь такъ любовно и горячо толкуетъ объ интересахъ народа. Но такой результатъ не можетъ удовлетворить огромное большинство народа и прежде всего пролетаріатъ, который своей кровью завоевалъ себѣ въ январьскіе дни право на лучшее будущее въ освобожденной Россіи и которому еще, быть можетъ, до созыва Земскаго Собора придется пролить не мало крови въ открытой борьбѣ съ издыхающимъ самодержавнымъ чудовищемъ.

Уже теперь очевидно, что, если самодержавіе даже поспѣшитъ созвать Земскій Соборъ, чтобы предупредить революціонный взрывъ, то этотъ Соборъ не отвѣтитъ на политическія требованія рабочего класса. Петиція петербургскихъ рабочихъ была только первымъ революціоннымъ шагомъ пролетаріата; но и эта петиція запечатлѣнная кровью тысячей жертвъ, требовала Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Между тѣмъ, редакторъ „Новаго Времени“, всегда освѣдомленный о планахъ правительства, рѣшительно отвергаетъ это требованіе и началъ издѣваться надъ нимъ. Насколько можно судить по сообщеніямъ Суворина, предполагаемый Земскій Соборъ составится изъ представителей тѣхъ классовъ, для которыхъ пролетаріатъ является только подмостками для восхожденія на вершину политическаго господства надъ народомъ. Такимъ образомъ, самодержавіе царя легко можетъ смѣниться самодержавіемъ эксплуататоровъ и угнетателей рабочаго класса. И, если различные слои оппозиціонной буржуазіи уже готовы сложить оружіе предъ Земскимъ Соборомъ, то пролетаріатъ и его политическая организація — соціальдемократическая партія — отмѣчаютъ новый поворотъ политической жизни, главнымъ образомъ, для того, чтобы своевременно усилить свою боевую готовность, чтобы своевременно пріучить мысли пролетаріата и народныхъ массъ къ возможной борьбѣ на два фронта: съ правительствомъ и отсталыми элементами буржуазіи. Намъ не разъ еще придется обсуждать и выяснять наши тактическія задачи по мѣрѣ того, какъ „принципіальное“ рѣшеніе правительства созвать народныхъ представителей будетъ принимать конкретную форму. Но, во всякомъ случаѣ, основы нашей тактики не могутъ измѣниться. Самостоятельное революціонное выступленіе пролетаріата, какъ независимой классовой партіи, за одинъ разъ достигло того, чего не могли добиться ни мирныя усилія либеральной оппозиціи, ни террористическіе акты героевъ буржуазной демократіи. Революціонная стачка, поднявшая рабочую армію, пробудила буржуазію и нанесла смертельную рану самодержавію. Царское правительство уходитъ! вотъ смыслъ переживаемой правительственной анархіи. И пролетаріатъ долженъ мобилизовать всѣ силы, чтобы въ моментъ ликвидаціи стараго порядка использовать въ своихъ интересахъ первую рѣшительную побѣду, которую его смѣлая иниціатива и его самоотверженная борьба за свободу уже одержали надъ деспотизмомъ, и сдѣлать ее рычагомъ для развитія революціи.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО „НЕВИННО-УБІЕННОМУ“.

4-го февраля бомбой, брошенной членомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, былъ убитъ „великій князь“ Сергѣй Александровичъ.

Біографія этого маленькаго человѣка и великаго негодяя не сложна.

Еще раньше, чѣмъ началась его политическая извѣстность, онъ успѣлъ прославиться развращенностью, превышавшею даже тотъ „нормальный“ уровень, который искони свойственъ „порфироносному“ дому Романовыхъ, и доходившею до самыхъ чудовищныхъ формъ садизма.

Такой нравственный багажъ въ соединеніи съ глубокими познаніями по части военной шагистики, естественно, дѣлалъ покойника самой надежной опорой „священныхъ“ основъ и самымъ подходящимъ дѣятелемъ для „незабвенной“ эпохи „царя-миротворца“.

Въ 1891 году начинаетъ восходить политическая звѣзда „августѣйшаго“ бурбона. Его первымъ подвигомъ по вступленіи въ должность московскаго генералъ-губернатора было безпримѣрное по своей наглости и жестокости изгнаніе евреевъ изъ Москвы. Декретированное вопреки всякимъ законамъ, это изгнаніе разорило и привело на край гибели тысячи еврейскихъ семей и сдѣлало имя Сергѣя глубоко ненавистнымъ во всемъ еврейскомъ народѣ. Незачѣмъ, конечно, говорить, что не на еврейскихъ денежныхъ тузовъ обрушился гнѣвъ московскаго падишаха. Къ нимъ онъ сохранялъ настолько благосклонности, что, за сравнительно умѣренныя пожертвованія на „патріотическія“ цѣли, съ удовольствіемъ еще недавно давалъ „аудіенціи“ г-ну Полякову.

Таковъ былъ первый политическій актъ Сергѣя. Второй, связанный съ его участіемъ въ организаціи „коронаціонныхъ“ торжествъ, былъ еще лучше. 4800 труповъ, явившихся жертвою его административной распорядительности, навѣки укрѣпили за нимъ почетный титулъ „князя Ходынскаго“ и сдѣлали его предметомъ презрѣнія и ненависти всей Москвы.

Но, разумѣется, для Николая II, слѣдовавшаго по стопамъ „родителя“, это еще не было причиною для устраненія съ генералъ-губернаторскаго поста развратнаго идіота, который не замедлилъ, въ компаніи съ Треповымъ и Зубатовымъ, расширить предѣлы полета своей административной фантазіи. Въ кругу сутенеровъ, проститутокъ, провокаторовъ, шпіоновъ и жандармовъ черпалъ „въ Бозѣ почившій“ вдохновеніе и идеи для рѣшенія „рабочаго вопроса“. Зубатовщина, со всѣмъ ея развратомъ, была его любимымъ дѣтищемъ. Онъ былъ ея патрономъ, и когда попы призывали „благословеніе божіе“ на новое дѣло, профессора „доказывали правильность“ новаго пути къ разрѣшенію „соціальнаго вопроса“, а шпіоны и провокаторы несли свои іудины лобзанія рабочимъ, „благородная“ личность „великаго князя“ покровительственно парила надъ всѣмъ этимъ политическимъ Содомомъ.

Война дала поводъ проявиться „патріотическимъ“ чувствамъ Сергѣя. Съ необычайною храбростью выступилъ онъ въ походъ противъ кассы Краснаго Креста и, надо признаться, произвелъ въ станѣ непріятеля опустошеніе не меньшее, чѣмъ его братъ Владиміръ произвелъ въ фондѣ, предназначенномъ на постройку памятника ихъ отцу, и самъ Сергѣй — въ суммахъ, собранныхъ на памятникъ его брату — Александру III.

Когда наступила „весна“, звѣзда Сергѣя начала, казалось, меркнуть. Въ тайномъ союзѣ съ Грингмутомъ онъ вынужденъ былъ играть непривычную ему роль „оппозиціонера“. Вмѣстѣ съ петербургскимъ Владиміромъ онъ немедленно сталъ „главой“ той „партіи великихъ князей“, которая рѣшила пролить моря народной крови, лишь бы не лишиться возможности „божьею милостью“ сосать ее. Нашептываніями, интригами, запугиваніями, чуть не прямыми угрозами эта шайка тарантуловъ непрерывно толкаетъ слабоумнаго и слабовольнаго царя на тотъ путь, который все ближе и ближе подводитъ его къ эшафоту, а ихъ самихъ — къ веревкѣ и фонарному столбу

5 и 6 декабря московскій генералъ-губернаторъ имѣлъ удовольствіе показать свою удаль и звѣрство въ расправѣ съ московскими демонстрантами. Этотъ подвигъ послужилъ поводомъ къ тому рѣшенію соц.-революціонеровъ, которое теперь приведено въ исполненіе. Онъ же, по „весеннему“ времени, лишилъ Сергѣя генералъ-губернаторскаго поста. Но Николай II былъ слишкомъ мягкосердеченъ, чтобы лишить своего „августѣйшаго“ дядю рисовавшагося въ перспективѣ несравненно большаго удовольствія — затопить въ крови московское возстаніе, какъ другой „дядя“, Владиміръ, имѣлъ удовольствіе затопить петербургское. Петербургскіе рабочіе не ошиблись адресомъ, когда выбили 9 января всѣ стекла во дворцѣ Сергѣя. Командованіе войсками московскаго округа было оставлено за нимъ, и онъ жилъ въ предвкушеніи счастливаго момента, когда и на его долю выпадетъ „воскресенье“, которое можно будетъ назвать „Сергѣевымъ“.

Ему не пришлось дожить до этого радостнаго дня. Мѣткая бомба самоотверженнаго революціонера разорвала въ клочки этого, дышавшаго злобою, развратомъ, кровожадностью, получеловѣка. Бѣшенство и наступленные вопли реакціи показываютъ, что ударъ былъ направленъ въ дорогую ей личность. Людей, которые пожалѣютъ пролитую „невинную кровь“, конечно, немного найдется. Осиновый колъ — это единственный памятникъ, который народное чувство можетъ воздвигнуть на могилѣ Сергѣя, оставившаго Россіи въ наслѣдіе Булыгина и Трепова.

Но послѣ 9 января политическое значеніе новаго террористическаго акта не можетъ быть особенно велико. Убійство Плеве, совершенное въ моментъ, когда противорѣчія русской жизни обострились до крайней степени и весь государственный механизмъ уже едва-едва сохранялъ свое неустойчивое равновѣсіе, но еще царило видимое политическое затишье, — конечно, не создало эру „весны“, но послужило тѣмъ внѣшнимъ толчкомъ, который открылъ ее. Но на фонѣ грандіозныхъ январьскихъ событій, однимъ ударомъ измѣнившихъ политическую физіономію страны, о прочномъ политическомъ значеніи отдѣльныхъ террористическихъ актовъ не можетъ быть и рѣчи. Возможный политическій эффектъ ихъ теряется передъ политическимъ эффектомъ колоссальнаго выступленія народныхъ массъ. Народными возстаніями, а не героическими подвигами одиночекъ будутъ опредѣляться этапы русской революціи. И вотъ почему на службу массовому возстанію, во всѣхъ ея проявленіяхъ, зоветъ пролетаріатъ всѣ героическія натуры, подобныя автору покушенія 4 февраля; здѣсь онѣ найдутъ достаточный просторъ для дѣятельности, и героизмъ ихъ пойдетъ цѣликомъ на пользу возставшему народу.

Но и ударъ 4-го февраля, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, способенъ внести нѣкоторое смущеніе въ ряды непріятеля. И этотъ ударъ не пропадетъ даромъ. Подвигъ московскаго героя будетъ сочувственно встрѣченъ всей свободомыслящей Россіей безъ различія партій и фракцій.

ОДИНЪ ИЗЪ ЭПИЗОДОВЪ РЕВОЛЮЦІИ.

9 января слишкомъ двѣсти тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ шли къ царю съ намѣреніемъ изложить ему свои нужды и пожеланія. Они были встрѣчены пулями и штыками... 29 января правительство принуждено было объявить объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ сенатора Шидловскаго, коммиссіи изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ, изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ г. Петербургѣ и его пригородахъ и выясненія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ“. Призвавъ 29 января, что недовольство рабочихъ имѣетъ свои причины, которыя необходимо выяснить, самодержавіе само подписало приговоръ своему поведенію 9 января.

9 января есть начало революціи, 29-ое — одинъ изъ ея эпизодовъ. Каковъ смыслъ этого эпизода? Внѣшнимъ образомъ, онъ едва ли не исчерпывается тѣмъ подписаннымъ самому себѣ приговоромъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Въ трудныя минуты своего существованія самодержавіе уже не разъ прибѣгало къ подобнымъ коммиссіямъ, въ которыхъ хоронились многія изъ обѣщанныхъ и давно назрѣвшихъ реформъ. Сколько такихъ коммиссій перевидали мы въ послѣдніе годы, сколько въ нихъ исписано бумаги, сколько потрачено на нихъ народныхъ денегъ! Результаты всѣмъ извѣстны. Ждетъ ли иная судьба коммиссію сенатора Шидловскаго? Конечно, нѣтъ.

Коммиссія придумана для того, чтобы дать исходъ острому недовольству рабочихъ и убаюкать ихъ перспективой ожидаемыхъ улучшеній. Но, кромѣ того, правительство преслѣдуетъ другую не менѣе важную для себя цѣль. 9 января былъ днемъ ужаса для правительства. Стало ясно, что даже въ легальныхъ и прирученныхъ рабочихъ союзахъ неизбѣжно развиваются политическія стремленія. Комиссія должна вернуть рабочихъ въ русло экономики: рабочихъ хотятъ убѣдить, что ихъ экономическія требованія могутъ быть удовлетворены самодержавіемъ и что, слѣдовательно, не въ интересахъ рабочихъ стремиться къ ликвидаціи современнаго политическаго строя.

Таковъ субъективный смыслъ коммиссіи для правительства. Сомнительно, однако, чтобы послѣ 9 января эти планы могли удасться. Каждый мало мальски мыслящій рабочій непремѣнно спроситъ себя: „Сколько же должно быть пролито нашей крови для того, чтобы самодержавное правительство рѣшилось признать, что для нашего недовольства имѣются весьма основательныя причины? Сколько нужно намъ пережить 9-хъ января, чтобы наконецъ наступило 29-ое число, тоже очень мало намъ обѣщающее?"

Послѣ 9 января нельзя удовлетворить рабочихъ игрою въ выборы. Если бы даже петербургскіе рабочіе отличались такой политической близорукостью, что не замѣчали бы связи между всеобщимъ политическимъ положеніемъ страны и собственными судьбами, еслибы они сосредоточили все свое вниманіе на коммиссіи сенатора Шидловскаго, то и она должна преподнести имъ такой урокъ политической мудрости, какого они во вѣкъ не забудутъ. Часть петербургскихъ рабочихъ уже теперь представила сенатору цѣлый рядъ требованій, безъ выполненія которыхъ они не признаютъ для себя возможнымъ принять участіе въ выборахъ депутатовъ. Среди этихъ требованій значатся: открытіе 11 отдѣловъ собраній рабочихъ и право открывать новые отдѣлы, разрѣшеніе печатать безъ всякихъ изъятій постановленія и пренія въ собраніяхъ, полная свобода и неприкосновенность личности всѣхъ участниковъ собранія и предоставленіе рабочимъ права уполномочивать на защиту своихъ интересовъ не только рабочихъ, но и другихъ лицъ, которыхъ изберутъ рабочіе. Г. Шидловскій, который по вопросу объ открытіи рабочихъ собраній призналъ себя некомпетентнымъ и отослалъ рабочихъ къ новоявленному спасителю царскаго трона, генералу Трепову, точно такъ же, какъ по вопросу объ уплатѣ рабочимъ за время стачки, онъ отослалъ ихъ къ министру финансовъ, несмотря на то, что царскій рескриптъ надѣляетъ его неограниченными полномочіями, — г. Шидловскій, по всей вѣроятности, и въ остальныхъ вопросахъ признаетъ себя некомпетентнымъ.

До сихъ поръ сенаторъ Шидловскій обѣщалъ рабочимъ только одно — неприкосновенность ихъ депутатовъ. Но, допуская даже, что г. Треповъ согласится сдержать слово, данное г. Шидловскимъ, [1] мы будемъ имѣть, въ качествѣ рѣдкихъ экземпляровъ, пару десятковъ рабочихъ, свободно разгуливающихъ по Петербургу, несмотря на произнесенныя ими (если они произнесутъ) въ нѣкоей коммиссіи радикальныя рѣчи, тогда какъ ихъ товарищей за подобныя же рѣчи, за критику поведенія ихъ въ коммиссіи (если они что-нибудь узнаютъ объ этомъ поведеніи), будутъ сажать въ тюрьмы, ссылать.

Мы не будемъ дальше распространяться на эту тему. Ясно, что получится урокъ нагляднаго политическаго обученія огромной важности, и что правительство само постарается сдать эпизодъ 29-го января въ архивъ исторіи, куда уже сданы многочисленные другіе эпизоды подобнаго рода.

Задача соціальдемократіи, въ виду этого и другихъ подобныхъ, эпизодовъ предначертана ея поведеніемъ въ день девятаго января. Какъ тогда, она, будучи убѣждена въ томъ, что у царскаго правительства не просятъ, а требуютъ, что всякія просьбы совершенно безполезны, все же пошла впереди рабочихъ для того, чтобы тутъ же на мѣстѣ, на примѣрѣ совершающихся грозныхъ событій, влiять на сознаніе массъ, — такъ и теперь, будучи заранѣе увѣрена въ безсиліи и безплодности коммиссіи сенатора Шидловскаго, она обязана использовать агитаціонно этотъ эпизодъ правительственной растерянности, требовать и агитировать во имя свободы выборовъ рабочихъ депутатовъ, гласности преній, полной свободы слова на тѣхъ собраніяхъ, гдѣ будутъ выбираться депутаты, а также въ самой коммиссіи и т. п. Наша партія должна открывать глаза рабочей массы на тотъ колоссальный обманъ, который практикуетъ правительство, якобы желающее услышать истинный голосъ рабочихъ и устраивающее выборы подъ надзоромъ полиціи, какъ это пытались сдѣлать на путиловскомъ заводѣ, или подъ наблюденіемъ фабричнаго инспектора, какъ это, повидимому, будетъ установлено вездѣ. Но въ нашей агитаціи мы, само собою разумѣется, не должны остановиться на этомъ. Мы должны пойти дальше. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы посылаемые въ коммиссію депутаты получили отъ рабочихъ мандатъ съ обязательствомъ заявить тамъ — и мы должны постараться, чтобы необходимость такого заявленія ясно ими сознавалась, — что и устраненіе причинъ недовольства рабочихъ и вообще плодотворная работа настоящей коммиссіи невозможна при существующихъ политическихъ условіяхъ и что, поэтому, рабочіе настойчиво требуютъ созыва Учредительнаго Собранія. Только при такой агитаціи съ нашей стороны можно надѣяться, что и эпизодъ 29-го января станетъ могучимъ стимуломъ развивающейся революціи.

О РЕВОЛЮЦІОННОЙ РАБОТѢ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Въ начавшейся русской революціи крестьянству суждено сыграть крупную роль. Несомнѣнно, что однимъ изъ главныхъ вопросовъ, которые встанутъ въ ходѣ революціи, лишь только рѣчь зайдетъ о новомъ устройствѣ государственныхъ порядковъ, и настоятельно потребуютъ разрѣшенія, будетъ вопросъ аграрный; а этотъ вопросъ безъ политическаго выступленія крестьянства, конечно, разрѣшенъ быть не можетъ.

Вотъ почему работа среди крестьянства и политическое воспитаніе крестьянства имѣетъ для нашей партіи огромное значеніе. Наша аграрная программа даетъ достаточно руководящихъ указаній для такой работы. Не ставя никакихъ предѣловъ революціонному преобразованію аграрныхъ отношеній, наша программа подчеркиваетъ основныя тенденціи развитія современной деревни, даетъ принципіальное обоснованіе нашей политической агитаціи среди крестьянъ и указываетъ тотъ минимумъ, осуществленіе котораго мы считаемъ безусловно необходимымъ для уничтоженія сковывающихъ крестьянство остатковъ крѣпостническихъ отношеній.

За послѣдніе годы кое гдѣ работа среди крестьянъ ведется нашей партіей довольно энергично. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что наша литература, чаще всего прокламаціи, идетъ въ крестьянство и при помощи тѣхъ тысячъ нитей, которыя связываютъ городской пролетаріатъ съ деревней. Такимъ образомъ, можно думать, что, въ общемъ, наши политическія идеи имѣютъ среди крестьянъ гораздо большее распространеніе и вліяютъ на политическую мысль крестьянства гораздо сильнѣе, чѣмъ это можно предположить при первомъ взглядѣ на размѣры прочныхъ организаціонныхъ связей нашихъ съ деревней.

Но какъ бы то ни было, нельзя не признать, что планомѣрная, систематическая работа соціальдемократіи въ деревнѣ далеко еще не стоитъ на той высотѣ, какая была бы для насъ желательна. Разумѣется, это объясняется не „игнорированіемъ" крестьянства, и ужъ, конечно, не тѣмъ „презрѣніемъ къ деревнѣ", которое такъ охотно подсовываютъ намъ наши критики. Относительная слабость силъ по сравненію съ тѣми огромными задачами, которыя ложатся на плечи соціальдемократіи, сама по себѣ достаточно оправдываетъ сосредоточеніе нашей работы въ городѣ. Это сосредоточеніе диктуется не только тѣмъ, что городской пролетаріатъ — самая крупная и передовая революціонная сила, мобилизовать которую было необходимо прежде всего. Рассматривая цѣлесообразность распредѣленія силъ партіи и съ точки зрѣнія интересовъ самого крестьянскаго движенія, мы пришли бы къ той же самой концентраціи работы въ городахъ. Ибо, при наличныхъ общественно-политическихъ условіяхъ Россіи, только существованіе сильнаго классоваго движенія пролетаріата можетъ обезпечить выведеніе и крестьянства на революціонный путь, чуждый реакціонныхъ иллюзій и утопій. Революціонное движеніе рабочаго класса есть необходимая предпосылка дѣйствительно *революціоннаго* движенія крестьянства и революціоннаго разрѣшенія аграрнаго вопроса. Такимъ образомъ, совершенно тщетно, и исторически несправедливо, было бы сѣтовать на „забвеніе" соціальдемократіей деревни.

Но та революціонная полоса, въ которую мы вошли, налагаетъ на насъ обязанность развернуть всѣ силы партіи. Усиливая интенсивность и размахъ своей работы во всѣхъ областяхъ нашей дѣятельности, мы должны подумать и о томъ, чтобы расширить и укрѣпить свое воздѣйствіе на крестьянство. И не только потому, что теперь необходимо усиленно и ускоренно содѣйствовать выступленію крестьянства на историческую арену для выполненія той крупной революціонной роли, которая несомнѣнно предстоитъ ему въ созидательный, если можно такъ выразиться, періодъ революціи, въ періодъ положительнаго творчества новыхъ правовыхъ, общественныхъ и экономическихъ порядковъ. И въ интересахъ такого политическаго воспитанія деревни, и въ интересахъ самой революціи, мы должны вовлечь крестьянство въ активную дѣятельность и въ переживаемый нами нынѣ, по преимуществу разрушительный, революціонный періодъ, когда рѣчь идетъ прежде всего объ уничтоженіи современнаго государственнаго строя.

Крестьянское движеніе должно и можетъ явиться огромной силой, дезорганизующей и разрушающей современный государственный механизмъ. Но разрушительная сила можетъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ — реакціонномъ и революціонномъ. Аграрный терроръ, направленный главнымъ образомъ не противъ правительственной власти (имъ въ лучшемъ случаѣ могутъ быть задѣты мелкіе представители ея), а противъ помѣщиковъ и вообще землевладѣльческой буржуазіи, тоже разрушительная сила. Но, не создавая политической организованности крестьянства, направляя мысль деревни на отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныя мѣстныя нужды и тѣмъ отвлекая ее отъ всенародной революціонной задачи, такого рода „разрушительное" участіе крестьянъ въ общенародномъ возстаніи грозитъ жестокими разочарованіями. А народныя „разочарованія", въ переводѣ на языкъ объективной дѣйствительности, выражаются въ потокахъ народной крови и въ истощеніи революціонной энергіи народа.

Само собою разумѣется, что соціальдемократія не можетъ и не будетъ звать крестьянъ на этотъ реакціонный путь, на который можетъ звать ихъ тотъ, кто самъ заряженъ реакціонными утопіями, или же тотъ, кто полагаетъ, что можетъ воспользоваться крестьянствомъ, какъ простой элементарной силой, въ интересахъ какого-нибудь фантастическаго демагогическаго плана. По самому существу своему соціальдемократія можетъ вести крестьянство только на путь дѣйствительно революціонный. Но на революціонномъ пути нѣтъ работы, только разрушительной, нѣтъ мѣста демагогіи. Здѣсь разрушительная работа массъ всегда связана съ созидательной работой ихъ, съ организаціей, съ развитіемъ политическаго сознанія и самодѣятельности.

Въ этомъ духѣ только и можетъ быть разрѣшенъ вопросъ о тѣхъ формахъ, въ которыхъ соціальдемократія должна пытаться сейчасъ же вовлечь крестьянство въ русло общенароднаго революціоннаго движенія. Событія послѣдняго времени въ Польшѣ, гдѣ по приговорамъ сельскихъ сходовъ крестьяне сотень деревень отказывались вести сношенія съ властями на русскомъ языкѣ и тѣмъ вносили огромное разстройство въ функціонированіе правительственнаго механизма, бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на то направленіе, въ которомъ мы должны работать.

Надо усиленно агитировать за то, чтобы крестьяне принимали рядъ политическихъ постановленій на своихъ сходахъ. Прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права сталъ общимъ кличемъ деревни. А для этого необходимо возможно шире оповѣщать крестьянъ обо всемъ, что дѣлалось и дѣлается за послѣднее время въ странѣ, разъяснять имъ невозможность разрѣшенія аграрнаго вопроса внѣ рѣшенія вопроса политическаго, и указать на созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, какъ на единственный путь къ радикальному рѣшенію аграрнаго вопроса.

Такого рода резолюціи сельскихъ сходовъ будутъ имѣть огромное принципіальное и политически-воспитательное значеніе. Но, переживая революціонное время, мы должны увлекать крестьянъ и къ непосредственнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Поэтому надо агитировать за рѣшительныя практическія дѣйствія, которыя положатъ начало возстанію въ деревняхъ. Отказъ подчиняться земскому начальнику и его суду; отказъ признавать утвержденныя начальствомъ „выборныя" власти деревни и свободный выборъ новыхъ; изгнаніе изъ деревень урядниковъ и сельскихъ стражниковъ; отказъ платить подати и отправлять повинности; отказъ отпускать запасныхъ, призываемыхъ подъ знамена, ставить рекрутовъ, являться на учебные сборы и т. д. — вотъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій, которыя внесутъ страшную дезорганизацію въ правительственный механизмъ и которыя въ то же время будутъ политически воспитывать и организовывать крестьянъ. Ихъ то мы и должны, прежде всего, рекомендовать крестьянству. Нѣтъ сомнѣнія, что кое гдѣ крестьяне попытаются одновременно захватывать необходимыя имъ земли. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ мы не только не можемъ быть противъ крестьянства, но, наоборотъ, должны ухватиться за эти первыя искры революціоннаго движенія крестьянства и постараться возможно ярче раздуть ихъ въ дѣйствительно революціонномъ направленіи. Мы будемъ стараться толкать крестьянъ отъ этого неполнаго, частичнаго, мѣстнаго рѣшенія аграрнаго вопроса къ революціонному всероссійскому рѣшенію его.

Возвращаясь къ намѣченнымъ выше практическимъ дѣйствіямъ, нужно сказать, что сколько-нибудь широкое примѣненіе ихъ означаетъ ничто иное, какъ начало возстанія въ деревнѣ. Но для успѣха возстанія, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, необходимо, чтобы оно не расплылось въ рядѣ единичныхъ, не связанныхъ другъ съ другомъ попытокъ. Наша работа должна быть направлена на то, чтобы сдѣлать эти первыя революціонныя попытки въ деревняхъ возможно болѣе одновременными и сочетать ихъ съ движеніемъ городскимъ. Лишь при условіи одновременнаго разлитія возстанія по обширной площади, силы правительства будутъ по необходимости такъ раздроблены, что шансы на успѣхъ возстанія сильно повысятся.

Крестьяне подгородныхъ деревень могутъ, конечно, принимать непосредственное участіе и въ городскомъ возстаніи, явившись на помощь повстанцамъ. Они могутъ оказать большую услугу возставшему пролетаріату и тѣмъ, что будутъ снабжать его съѣстными припасами. Судя по проскользнувшимъ въ иностранной печати извѣстіямъ, петербургскіе подгородные крестьяне подвозили припасы стачечникамъ въ боевые январьскіе дни. Но для того, чтобы съ прибытіемъ подгородныхъ крестьянъ, города не наполнялись политически-невѣжественнымъ и недисциплинированнымъ элементомъ, могущимъ (какъ это показали кое какіе примѣры во время еврейскихъ погромовъ) внести дезорганизацію въ дѣло самого возстанія, для этого необходимо направить всѣ усилія на то, чтобы возможно тѣснѣе политически связать городской пролетаріатъ съ подгороднымъ крестьянствомъ: надо, чтобы подгородные крестьяне отдавали себѣ ясный отчетъ въ цѣляхъ и средствахъ борьбы рабочаго класса.

Намѣченная выше бѣглыми штрихами работа потребуетъ, конечно, много силъ. Мы не будемъ говорить теперь о технической постановкѣ такой работы, о возможности созданія кадра разъѣздныхъ агитаторовъ и организаторовъ и пр. Замѣтимъ только, что политическая работа сама создастъ новыя силы для выполненія ея. Нужно только возможно яснѣе поставить передъ рабочими вопросъ о необходимости и важности широкой работы среди крестьянства, и тогда въ связанномъ съ деревней городскомъ пролетаріатѣ найдутся нужныя для этого дѣла силы.

ВОЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

Пролетаріатъ и уличная революція.

„Уличная революція, говоритъ „Искра" (№ 85), можетъ и должна побѣдить въ современной Россіи не смотря на то, что въ этой революціи пролетарскія массы не могутъ и мечтать о вооруженіи, сколько нибудь равномъ тому, которымъ располагаетъ государство. Тайна успѣха прошлыхъ революцій заключалась не въ превосходствѣ оружія инсургентовъ надъ оружіемъ солдатъ, а исключительно въ томъ, что, дѣйствуя въ атмосферѣ сочувствія всего населенія, революціонеры могли оказывать войскамъ *упорное сопротивленіе* вплоть до того неизбѣжнаго психологическаго момента, когда дѣйствующія въ атмосферѣ всеобщей вражды войска начинали колебаться и освобождаться отъ гипноза дисциплины. *Продержаться на улицахъ возможно дольше — такова техническая задача всякаго открытаго нападенія на государственную власть*".

Итакъ „Искра" ставитъ ясную задачу передъ возставшей революціонной арміей — продержаться на улицахъ какъ можно дольше. Мыслимо ли длительное и упорное сопротивленіе народной массы, укрѣпившейся за баррикадами, вооруженнымъ всѣми усовершенствованіями современной военной техники войскамъ? Мы думаемъ, что относительно этого не можетъ быть никакого сомнѣнія. „Старыя ядра и картечь артиллеріи, — говоритъ Энгельсъ, въ своей прекрасной, несмотря на нѣкоторые ошибочные съ технической точки зрѣнія взгляды, и совершенно не понятой многими статьѣ — дѣйствовавшія съ сравнительно слабой силой, замѣнены теперь разрывными гранатами, изъ которыхъ одной достаточно, чтобы разбить въ дребезги лучшую баррикаду. Кирку сапера замѣнилъ теперь динамитный патронъ".

Съ этимъ взглядомъ Энгельса ни въ коемъ случаѣ нельзя согласиться. Ошибка Энгельса — общая ошибка всѣхъ военныхъ спеціалистовъ его времени, чрезмѣрно преувеличивавшихъ роль и силу артиллерійскаго огня. Уже въ брошюрѣ Мих. Павловича „Что доказала англо-бурская война?" (Регулярная армія и милиція въ современной обстановкѣ. Одесса 1901 г.), проводится та мысль, что *артиллерійскій огонь оказывается на дѣлѣ далеко не такъ опаснымъ, какъ увѣряютъ теоретики*. Атакующему артиллерія приноситъ, главнымъ образомъ, пользу тѣмъ, что производитъ страшный шумъ и внушаетъ респектъ. (Мих. Павловичъ, стр. 24). Если не говорить объ одной, крѣпостной артиллеріи, примѣненіе которой въ уличной борьбѣ противъ баррикадъ почти немыслимо, а имѣть въ виду только полевую артиллерію, которую и разумѣетъ Энгельсъ, нужно признать, что весь опытъ нынѣшней русско-японской войны безусловно опровергаетъ точку зрѣнія, господствовавшую въ эпоху Энгельса, и подтверждаетъ правильность вышеуказаннаго взгляда на счетъ дѣйствительной силы артиллерійскаго огня. За примѣрами ходить не далеко. Вотъ какъ военный корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей", офицеръ М. Г., описываетъ бомбардировку деревушки „Линшипу" нашей скорострѣльной артиллеріей: „Надо было обратиться къ артиллерійской подготовкѣ, чтобы разрушить фанзы и кумирню, въ которыхъ засѣли японцы. Тутъ то оказалось безсиліе нашей полевой артиллеріи для такой, казалось бы, скромной цѣли: *имѣя въ своемъ распоряженіи снарядъ лишь одного типа, шрапнель, наша полевая пушка превосходна для пораженія открыто стоящихъ войскъ, но разбить деревушку, хотя бы состоящую изъ деревянныхъ лачугъ, она совершенно безсильна*... Досадно было видѣть, какъ иные дни деревушка Линшипу обстрѣливалась чуть ли не сотней полевыхъ пушекъ, и мы не могли хотя бы зажечь эту несчастную деревушку, въ которой крыши на половину соломенныя" („Русскія Вѣдомости" 5 дек. 1904).

Все это доказываетъ, насколько ошибаются тѣ, кто считаетъ невозможнымъ успѣхъ массового возстанія въ настоящее время въ виду необычайнаго развитія военной техники, особенно артиллеріи, и возлагаютъ свои надежды на бомбу или револьверъ единичной личности, на единоличный или, наконецъ, организованный терроръ.

Революціонное возстаніе пролетаріата было бы немыслимо въ настоящій моментъ въ Германіи, потому что здѣсь возставшему пролетаріату пришлось бы столкнуться не только съ арміей, но и съ громадной частью народа, не сочувствующаго пока соціальной революціи. Въ Россіи вооруженное возстаніе пролетарскихъ массъ, разразившееся „въ атмосферѣ сочувствія всего населенія", имѣетъ въ самомъ близкомъ будущемъ всѣ шансы на успѣхъ даже съ военно-технической точки зрѣнія, и тысячи пушекъ не въ состояніи будутъ легко справиться съ баррикадами, воздвигнутыми рабочими на улицахъ сотенъ русскихъ городовъ. Пренебрежительное отношеніе къ баррикадѣ, какъ къ серьезному орудію обороны въ революціонной войнѣ на улицахъ, установилось со времени подавленія іюньскаго возстанія арміей Кавеньяка. Съ технической точки зрѣнія оборона баррикадъ на улицѣ Saint Jacque около Petit Pont и улицы la Harpe, на пересѣченіи faubourg du Temple и улицы S-t Maur и т. д. доказала, что баррикада продолжала оставаться грознымъ оружіемъ обороны и въ эту эпоху. Іюньскіе инсургенты были подавлены только потому, что въ этотъ моментъ Парижъ велъ борьбу не съ одной арміей Кавеньяка, а со всей Франціей. Какъ только слухъ о возстаніи и притязаніяхъ пролетаріата разнесся по Франціи, изъ различныхъ угловъ ея по всѣмъ дорогамъ, прилегающимъ къ Парижу, на помощь къ линейнымъ войскамъ потянулись банды вооруженныхъ прикащиковъ, купеческихъ сынковъ, разсвирѣпѣвшихъ крестьянъ на войну противъ враговъ семьи и собственности, противъ мнимыхъ поджигателей, воровъ и убійцъ. Такимъ образомъ, Кавеньякъ побѣдилъ только потому, что имѣлъ противъ себя лишь парижскій пролетаріатъ, въ то время какъ послѣдній имѣлъ противъ себя почти всю Францію. То же самое произошло во время коммуны, когда одинокій Парижъ палъ въ титанической борьбѣ противъ всей крестьянской и остальной буржуазной Франціи. Въ надвигающейся русской революціи, когда возстаніе охватитъ всѣ большіе и малые города Россіи и перебросится на многія деревни, правительственная армія [1] не сможетъ справиться съ организованнымъ пролетаріатомъ и будетъ побѣждена послѣднимъ, не смотря на то, что военная техника значительно шагнула впередъ со времени іюньскихъ дней и французской коммуны. Не слѣдуетъ преувеличивать этого прогресса военной техники: „Мы убѣдились въ безсиліи полевой артиллеріи противъ легкихъ полевыхъ укрѣпленій въ войну 1877 года. Насколько наша *полевая артиллерія безсильна противъ* укрѣпленій, *заборовъ, зданій* и т. д. лучшій примѣръ аттака селенія Сандепу арміей Гриппенберга“ („Слово“ 24 янв. 1905 г.). Итакъ, наша полевая артиллерія оказывается безсильной даже противъ заборовъ; что же она въ состояніи сдѣлать противъ хорошо построенныхъ баррикадъ соотвѣтствующей высоты и глубины? А такія баррикады, съ помощью динамитныхъ патроновъ для разворачиванія мостовой, наконецъ, лома и кирки, легче строить въ настоящее время, чѣмъ прежде, несмотря на большую ширину улицъ. *Полевая артиллерія мало дѣйствительна противъ хорошо построенной баррикады, а объ употребленіи осадной артиллеріи въ уличной войнѣ нельзя и говорить.* Осадная артиллерія—вещь очень *громоздкая*: ее не удалось примѣнить ни при бомбардировкѣ Ляншину, ни при оборонѣ Ляоана, ни въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, невозможно ее будетъ примѣнить и въ уличной войнѣ. Итакъ, правительству придется, главнымъ образомъ, дѣйствовать съ помощью артиллеріи старой системы, пушекъ, стрѣляющихъ ядрами, а это поставитъ насъ приблизительно въ такое же положеніе, въ какомъ находились баррикадные герои минувшихъ возстаній, сумѣвшихъ оказать упорное сопротивленіе войскамъ реакціи. Что касается до дѣйствія динамитнаго патрона противъ баррикады, о чемъ говоритъ Энгельсъ въ отмѣченной нами выше цитатѣ (Классовая борьба во Франціи. Карла Маркса. Предисловіе Энгельса стр. 18.), то замѣтимъ, что динамитный патронъ, какъ мы сказали выше, можетъ послужить прекраснымъ средствомъ также въ рукахъ инсургентовъ и для постройки баррикады, и для защиты ея. Было бы странно, если бы инсургенты позволили саперамъ подойти къ стѣнамъ ихъ маленькой крѣпости и взорвать ее.

---

[1] Французскія газеты сообщаютъ, что два делегата Путиловскаго завода уже арестованы.

[1] Замѣтимъ, что эта армія никогда не была такъ многочисленна, какъ думаютъ многіе, опредѣляющіе ея численность въ 1.200,000 человѣкъ на мирномъ положеніи. Въ подготовляемой нами къ печати брошюрѣ: „Годъ войны" мы надѣемся ясно доказать, что русская армія на мирномъ положеніи никогда не превышала 700,000 человѣкъ, что при современномъ положеніи русскихъ финансовъ и необычайномъ казнокрадствѣ, царящемъ въ нашемъ военномъ министерствѣ, Россія ни въ коемъ случаѣ не можетъ содержать подъ ружьемъ большаго количества войскъ. Цѣлый рядъ европейскихъ военныхъ спеціалистовъ приходитъ нынѣ къ заключенію, что цифра 1.200,000 представляетъ собой чистѣйшій bluff со стороны недобросовѣстныхъ сторонниковъ царскаго правительства... Если даже милліонная армія не смогла бы справиться съ возставшей революціей, тѣмъ болѣе оказалось бы это не подъ силу меньшей арміи.

Итакъ, мы считаемъ, что баррикада и въ настоящее время можетъ служить очень серьезнымъ оружіемъ обороны въ рукахъ возставшаго пролетаріата и можетъ дать послѣднему надежное средство оказать упорное сопротивленіе войскамъ. О моральномъ вліяніи баррикады на армію нечего долго распространяться. Оно достаточно отмѣчено самимъ Энгельсомъ, оно вполнѣ охарактеризовано „Искрой“, какъ могучее средство освободить армію отъ гипноза дисциплины.

Волонтеръ.

НОВОЕ ПИСЬМО Г. ГАПОНА.

Въ нѣмецкихъ газетахъ появилось сообщенное нами заявленіе, что Г. Гапонъ присоединяется къ соціалъ-демократіи. Мы сдѣлали это по переданной намъ личной просьбѣ Г. Гапона. Послѣ этого мы получили нижеслѣдующее письмо:

Открытое письмо къ соціалистическимъ партіямъ Россіи.

„ровавые январьскіе дни въ Петербургѣ и въ остальной Росс поставили лицомъ къ лицу угнетенный рабочій классъ и самод жавный режимъ съ кровопійцей-царемъ во главѣ. Великая усская революція началась. Всѣмъ, кому дѣйствительно дорога народная свобода, необходимо побѣдить или умереть.

Въ сознаніи важности переживаемаго историческаго момента, въ настоящемъ положеніи вещей, будучи прежде всего революціонеромъ и человѣкомъ дѣла, я призываю всѣ соціалистическ партіи Россіи немедленно войти въ соглашеніе между собою и приступить къ дѣлу вооруженнаго возстанія противъ царизма.

Всѣ силы каждой партіи должны быть мобилизованы. Боевой техническій планъ долженъ быть у всѣхъ общій: бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой — все, что можетъ содѣйствовать народному возстанію. Ближайшая цѣль — сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство, которое немедленно провозглашаетъ амнистію всѣмъ борцамъ за политическую и религіозную свободу, немедленно вооружаетъ народъ и немедленно созываетъ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права.

Къ дѣлу, товарищи! Впередъ на бой! Повторимъ же лозунгъ петербургскихъ рабочихъ 9 января: свобода или смерть! Теперь всякая проволочка или неурядицы — преступленіе передъ народомъ, интересы котораго вы защищаете. Отдавъ всѣ свои силы на службу народу, изъ нѣдръ котораго я самъ вышелъ (сынъ крестьянина), безповоротно связавъ свою судьбу съ борьбой противъ угнетателей и эксплуататоровъ рабочаго класса, я, естественно, всѣмъ сердцемъ и всей душой буду съ тѣми, кто займется настоящимъ дѣломъ настоящаго освобожденія пролетаріата и всей трудящейся массы отъ капиталистическаго гнета и политическаго рабства“.

Георгій Гапонъ“.

Отъ редакціи. Отношеніе наше къ затрагиваемымъ въ письмѣ вопросамъ выясняется въ помѣщаемой въ этомъ-же номерѣ передовой статьѣ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Продолжаютъ приходить все новыя и новыя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, отозвавшихся стачками на петербургскія событія. Къ длинному ряду уже перечисленныхъ въ предыдущихъ номерахъ „Искры“ городовъ и мѣстечекъ за истекшую недѣлю прибавились: Бахмутъ, Сухумъ-Кале, Воронежъ, Кременчугъ, Грозный, Завержье, Новорадомскъ, Межирѣчье (Сѣдлецкой губ.), Невель (Витебской губ.), м. Щедринъ, Калуга, Макѣевскіе рудники, Юго-Западныя, Варш.-Вѣнск., Московско-Казанская и Московско-Рыбинско-Виндавская жел. дор., Ростовъ н Д., Коврово, Енопіево.

Петербургъ. Изъ частнаго письма работницы. „Я могу только подтвердить тотъ фактъ, что били и избивали бѣдный народъ, который шелъ къ царю, какъ къ отцу, довѣрчиво, спокойно, съ священникомъ во главѣ. И какая была имъ встрѣча! Это нѣчто ужасное. Встрѣтили ихъ залпы изъ орудій и ружей, гдѣ не только рабочіе, но тутъ были женщины и дѣти и много интеллигенціи, и за что, за что? За то, что шли, невооруженные, довѣрчиво и тихо просить у правительства защиты и помощи; всѣ до единаго у насъ возмущены, но что сдѣлаешь съ этимъ? Теперь у насъ новая власть, въ лицѣ генералъ губернатора Трепова, наводитъ на всѣхъ трепетъ. Питеръ три дня былъ на осадномъ положеніи: съ восьми часовъ должны были сидѣть дома и никуда не ходить. Разскажу, что происходило у насъ на островѣ. Во-первыхъ, 7 января явились числомъ 700 человѣкъ рабочихъ съ Путилова завода къ намъ на патронный и велѣли кончать. Всѣ заводы и частныя предпріятія, даже нѣкоторыя лавочки, позакрывались. Въ субботу восьмого народъ ходилъ и, видимо, къ чему то готовился великому. Это видно было на лицѣ каждаго рабочаго. День этотъ былъ такъ тяжелъ, какъ будто гнетъ какой то висѣлъ надъ всѣми; полиція вся растерялась и попряталась въ свою норку (надо замѣтить, что все было замѣчательно обставлено корректно). Въ воскресенье 9 января народъ съ утра пошелъ со всѣхъ концовъ города къ мѣсту назначенія, а именно къ зимнему дворцу. Отъ насъ всѣ рабочіе тронулись съ четвертой линіи отъ собранія рабочихъ, но на набережной ихъ встрѣтили казаки штыками и пулями, такъ что вступили въ неравную борьбу. Толпа озвѣрѣла, отошла назадъ; много было убитыхъ и раненыхъ. Что оставалось дѣлать бѣднягамъ? Они пошли на фабрику холоднаго оружія Шаффа и всю ее разобрали, затѣмъ стали дѣлать баррикады, сооружая ихъ изъ столбовъ телеграфныхъ и телефонныхъ и вытаскивая все, что попадало подъ руку; проволоку отъ столбовъ перетягивали черезъ улицу. Этимъ причиняли не мало затрудненія для движенія казаковъ. Но наступилъ вечеръ, и всѣ, усталые, разбитые, должны были уступить въ неравной борьбѣ. Тогда наступило другое. Всѣ петербургскіе подонки, или, какъ у насъ ихъ зовутъ, хулиганы, начали свое дѣло: стали громить все, начиная съ казенныхъ лавокъ, а затѣмъ перешли къ частнымъ торговцамъ. Главнымъ образомъ у насъ пострадали часовщики и мануфактурщики. Все это происходило на глазахъ у многочисленной толпы народа и дворниковъ, но при полнѣйшемъ отсутствіи полиціи. Всюду громко говорили: гдѣ же у насъ самодержавіе, почему оно на бумагѣ только стоитъ за насъ, а тутъ его нѣтъ, гдѣ надо? и т. д. Много интереснаго можно было слышать! Полнѣйшая темнота на улицахъ довершала общее впечатлѣніе дня. Мы проводили почти цѣлые дни на улицѣ, въ толпѣ. Только такъ и можно было видѣть и слышать хоть что-нибудь, а то ни газетъ, ни какихъ другихъ извѣстій не было. Интересно, что это такъ стихійно вылилось все. Видно, что не только одни рабочіе тутъ заинтересованы, а всѣ безъ исключенія. На улицахъ совсѣмъ незнакомые другъ съ другомъ подходили и передавали свои впечатлѣнія, высказывали свое мнѣніе и т. д. Да, великіе дни мы пережили теперь! Какъ-то начинаешь ихъ только теперь взвѣшивать и понимать. Теперь у насъ выходятъ различныя воззванія отъ самодержавія и отъ святѣйшаго синода, якобы Японія дѣлаетъ у насъ смуту, что, дескать, она отпустила восемнадцать милліоновъ рублей на эти забастовки, что это все въ ея выгодахъ и интересахъ. Но этой сказкѣ вѣрятъ только какія-нибудь старушки, слышавшія ее отъ священниковъ въ церкви, а рабочіе говорятъ: мы знали, зачѣмъ шли, и никакая Японія намъ ничего не давала, а прямо намъ худо живется и трудно. Передаю точно слышанный мною разговоръ рабочихъ, вышедшихъ изъ церкви. Ну, а теперь все понемножку входитъ въ свою колею. Аресты и обыски повсюду“.

Рига. (Письмо рабочаго участника событій). Съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдилъ рижскій пролетаріатъ за ходомъ петербургскихъ событій, начиная съ забастовки на путиловскомъ заводѣ. Всюду и вездѣ, гдѣ только собирались рабочіе: на частныхъ квартирахъ, въ столовыхъ, въ кружкахъ, на собраніяхъ только и говорили о петербургской стачкѣ. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній расхватывались немедленно по полученіи въ десяткахъ тысячахъ экземплярахъ телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства. Но вотъ наступилъ великій историческій день 9-го января, когда, по приказу царя-выродка, улицы столицы обагрились кровью нашихъ петербургскихъ братьевъ. Объ этомъ злодѣйствѣ мы узнали на второй день, т. е. 10 января. Чувство, охватившее большинство рижскихъ рабочихъ, когда получилось извѣстіе о рѣзнѣ 9 января, можно выразить въ двухъ словахъ: *„смерть царизму“*. Появилось бодрое, возвышенное настроеніе. Рабочіе признали необходимымъ выразить свою солидарность петербургскимъ товарищамъ и протестъ царскому правительству. Мѣстныя соціальдемократическія организаціи сейчасъ же пошли на встрѣчу желанію рабочихъ и взялись сорганизовать всеобщую забастовку. Работа закипѣла. Въ это самое время мы узнали о начавшихся забастовкахъ въ разныхъ городахъ Россіи. Намъ стало ясно, что пробилъ великій часъ, что наступилъ священный моментъ — что въ Россіи *началась революція*. И рижскій пролетаріатъ рѣшилъ, что и онъ не долженъ отставать въ этой борьбѣ, онъ оставилъ заводы, бросилъ фабрики, мастерскія и вышелъ на улицу пролить свою кровь за свободу и счастье русскаго народа.

11-го января, въ 5 часовъ вечера, забастовали у насъ первыя двѣ фабрики. Въ городѣ упорно заговорили о всеобщей стачкѣ, о „бунтѣ.“ Сознательный элементъ рабочихъ объясняетъ всѣмъ, что это не стачка, не „бунтъ“, а *сама революція*. Въ этотъ же день отправляли изъ Риги 28 человѣкъ запасныхъ; они заявили, что не поѣдутъ въ товарныхъ вагонахъ. Имъ отвѣтили, что ихъ „разстрѣляютъ какъ собакъ, если будутъ бунтовать“. И отправка состоялась безъ особыхъ инцидентовъ.

12-го января стачка стала быстро распространяться. Солдатамъ приказано было быть на готовѣ каждую минуту „къ выступленію противъ стачечниковъ“. Имъ произносились рѣчи о „патріотизмѣ“. Государственныя учрежденія: окружный судъ, полицейское управленіе, жандармское управленіе, государственный банкъ — охранялись войскомъ и полицейскими. Охранялись также солдатами большіе заводы и фабрики. По улицамъ ходили патрули. Изъ предмѣстій не пускали рабочихъ въ городъ и обратно. Несмотря на все это районъ забастовки съ каждымъ часомъ увеличивался. Утромъ была на Митавскомъ предмѣстьѣ стычка съ войсками и двоихъ рабочихъ ранили. Въ 5 часовъ вечера забастовали желѣзнодорожныя мастерскія, большая пробочная фабрика, нѣсколько мельницъ и цѣлый рядъ мелкихъ фабрикъ. Бастовавшіе рабочіе явились въ желѣзно-дорожныя мастерскія, гдѣ еще работали, и предложили „желѣзнодорожникамъ“, присоединиться къ забастовкѣ. Тѣ тотчасъ бросили работу. Присоединившись, всѣ пошли по фабрикамъ, на которыхъ еще не бастовали, и предлагали устроить Feierabend, т. е. бросать работу. На многихъ фабрикахъ уже не работали и ждали только прихода бастующихъ товарищей, къ которымъ тотчасъ присоединялись.

Къ 6 часамъ вечера толпа возросла до 20 тысячъ человѣкъ; была устроена демонстрація, демонстранты шли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по Маріинской, Курмановской, Романовской, Дерптской улицахъ. На послѣдней улицѣ появилась шайка конныхъ городовыхъ и *безъ всякаго предупрежденія* начала стрѣлять въ толпу. Стрѣльба продолжалась около 5 минутъ. Безоружная масса въ замѣшательствѣ бѣжала въ разныя стороны, и никакихъ жертвъ на этотъ разъ не было. Въ это самое время было еще нѣсколько демонстрацій въ разныхъ частяхъ города.

13-го января... Это своего рода петербургское 9-ое января... Въ 10 часовъ утра многіе рабочіе отправились на заводъ Феникса, чтобы остановить его, но солдаты не пропустили на заводъ. Въ это утро арестовали 80 человѣкъ рабочихъ.[1] Черезъ нѣсколько часовъ, однако, заводъ пересталъ работать. Тысячная толпа ходила по мастерскимъ, гдѣ еще не бастовали, и просила бросать работу. Забастовали всѣ типографіи, газеты перестали выходить. Къ 2 часамъ дня число бастующихъ рабочихъ возросло до 60 тысячъ человѣкъ.

Это была громадная, грандіозная демонстрація. Ничего подобнаго не видала Рига. Демонстранты двинулись по городу съ тремя большими красными знаменами. Время отъ времени останавливались и произносили рѣчи. Настроеніе было торжественное, праздничное. Дошли до фабрики Кузнецова: тамъ стояли солдаты, которые не пропустили на фабрику. Однако, рабочіе бросили работу, и имъ удалось присоединиться къ демонстрантамъ. Около 70 тысячъ человѣкъ отправились на электрическую станцію Унионъ. Около желѣзнаго моста загородила дорогу рота солдатъ унтеръ-офицерскаго баталіона.[2] Они выставили штыки при приближеніи демонстрантовъ. *Штыки упирались о груди* послѣднихъ. Начали было просить солдатъ пропустить, но вдругъ грянулъ залпъ... Громадная площадь усѣялась трупами и ранеными... Явилась еще одна рота солдатъ, и стрѣляли съ двухъ сторонъ.

Стрѣльба продолжалась около 15 минутъ. Озвѣрѣвшіе солдаты добивали прикладами раненыхъ; били безъ всякаго разбора: стариковъ, женщинъ и дѣтей. Они ворвались въ трамвай, который остановился около мѣста бойни, и убили тамъ двухъ женщинъ — мать и дочь — и 60 лѣтняго старика — директора одного мѣстнаго банка. Царской же пулей былъ убитъ одинъ помощникъ пристава; послѣдній стоялъ около правой роты солдатъ. Говорятъ, что этотъ помощникъ пристава былъ противъ стрѣльбы. На мѣстѣ рѣзни осталось около 50 человѣкъ убитыхъ и больше двухсотъ раненыхъ; многіе, спасаясь отъ пуль, бросились въ Двину. Говорятъ, что нѣсколько человѣкъ утонуло, но въ настоящее время число убитыхъ доходитъ до 80 человѣкъ: незначительный % раненыхъ выздоравливаетъ, остальные умираютъ (въ достовѣрности это неизвѣстно). Число жертвъ было бы значительно больше, но благодаря находчивости многіе, при началѣ стрѣльбы бросились на землю и такимъ образомъ уцѣлѣли. Со стороны солдатъ было нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Продолжительное время солдаты не давали убирать убитыхъ и раненыхъ. Потомъ начали развозить ихъ на заранѣе назначенные перевязочные пункты; носили раненыхъ на рукахъ при крикахъ тысячной толпы: „Да здравствуютъ борцы за свободу“, „Долой народныхъ убійцъ“, „Да здравствуетъ революція“. Большая демонстрація была около одного перевязочнаго пункта по Маріинской улицѣ. Возбужденіе толпы было страшное. *Всѣ рижскіе врачи* были заняты ранеными: всю ночь они работали надъ жертвами революціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подвиги христолюбиваго воинства на улицахъ Варшавы. Въ Портъ-Артурѣ не хватило патроновъ, и крѣпость принуждена была сдаться. Гдѣ же они? Они понадобились здѣсь, въ Россіи для усмиренія протестующихъ рабочихъ. Лейбъ-гвардейскій Петербургскій полкъ на улицахъ Варшавы разстрѣлялъ 60.000 патроновъ и даже просилъ подкрѣпленія у 184 варшавскаго полка. Говорятъ, что мы терпимъ пораженія на войнѣ потому, что солдаты плохо обучены, а Лейбъ гвардейскій Волынскій полкъ, чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, занимается практической стрѣльбой изъ оконъ казармы по живымъ цѣлямъ, въ результатѣ чего оказались убитыми одна женщина и трое дѣтей. Отличается пѣхота, а за нею и кавалерія. Послѣдняя что-то совсѣмъ плохо ведетъ себя на театрѣ войны, но зато на улицахъ сумѣла отличиться. На улицахъ Варшавы она изувѣчила сотни рабочихъ, причемъ особенно отличились, поляки по происхожденію, корнеты Долинскій и Пшездецкій. Да будутъ пригвождены къ позорному столбу имена этихъ палачей!

Лодзь. (Изъ частнаго письма). Мальчики шерстопрядиленъ, такъ называемые „Andreher'ы, требуютъ за восьмичасовой рабочій день по 20 коп. въ часъ, т. е. 1 руб. 60 коп. въ день; до сихъ поръ они получали 58 коп. Рабочіе требуютъ права выбора мастеровъ. Пріемъ и отказъ рабочихъ долженъ рѣшаться выборными отъ нихъ же... Фабриканты согласили на десятичасовой рабочій день, вмѣсто 12 час., и согласились повысить заработную плату на 5-15%, при заработкѣ въ 36 рублей въ недѣлю. Заинтересованная сторона пишетъ, что на прядильнѣ, занимающей около 900 рабочихъ, это составитъ въ годъ 12000 рублей... Въ Варшавѣ рабочіе требуютъ девятичасового рабочаго дня и увеличенія заработной платы на 25%. Фабриканты не согласились на требованія рабочихъ, и многія фабрики будутъ, по всей вѣроятности, закрыты на неопредѣленное время...

Рабочіе держатъ себя замѣчательно корректно. Между еврейскими и христіанскими рабочими — полная солидарность.

Лодзь (Изъ частнаго письма). На собраніи фабрикантовъ на которомъ присутствовали губернаторъ, полиціймейстеръ и другіе), Позванскій отъ имени фабрикантовъ сказалъ, что они соглашаются на условія, предложенныя работниками, такъ какъ въ работникахъ видятъ свою опору. Высшее начальство Лодзи, говорятъ, старается обратить эту стачку въ погромъ, но рабочіе не даютъ ни уговорить себя, ни подкупить (такъ какъ и это дѣлается).

Кіевъ. 28 января. На этой недѣлѣ здѣсь были двѣ попытки устроить митинги около заводовъ послѣ окончанія работъ. Когда рабочіе стали выходить изъ завода Графа, къ нимъ подошли двое рабочихъ отъ Гретера и предложили имъ выслушать отчетъ о результатахъ Гретеровской стачки (Гретеровцы бастовали дольше другихъ и добились сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ и удовлетворенія нѣкоторыхъ мелкихъ требованій). Образовалась группа въ 70–80 человѣкъ (у Графа, кажется, около 200 рабочихъ). Обоихъ ораторовъ слушали съ живымъ интересомъ. Когда они кончили, рабочіе начали ихъ благодарить и просили приходить почаще. Второй митингъ былъ устроенъ у завода Гретера. Этотъ слѣдуетъ считать неудавшимся, несмотря на то, что ораторовъ все время слушала толпа въ 150—200 человѣкъ. Но составъ толпы все время мѣнялся. Рабочіе постоятъ, послушаютъ и уйдутъ. Настроеніе было подавленное. Раздавались и такія рѣчи: „Теперь мы молъ знаемъ, кто вы такіе, и зачѣмъ вы бунтуете.“ Тутъ несомнѣнно сказывалось вліяніе клеветы о подкупѣ японцами. За эту недѣлю вышли слѣдующіе листки: „О посланіи Синода“, „Письмо работницы къ рабочимъ“, „Бюллетени“. Сегодня выйдетъ перепечатанный листокъ — „Пора кончать“. Листки распространяются хорошо.

Харьковъ. Съ субботы здѣсь совершенно самопроизвольно вспыхнула стачка на паровозостр. заводѣ (до 3500 человѣкъ). Начали чернорабочіе, недовольные заработной платой. Ихъ поддержалъ весь заводъ. Рабочіе собрались на дворѣ и выбрали 30 человѣкъ для выработки требованій; за неприкосновенность этихъ 30-ти ручался директоръ. Сейчасъ-же появились казаки, конные городовые, полиціймейстеръ. Онъ сказалъ слѣдующее: стачка — это ваше дѣло, я въ нее не мѣшаюсь. Но какъ можете вы, принимавшіе царя, бунтовать противъ него? Рабочіе сказали, что они не бунтуютъ, и потребовали удаленія полиціи и казаковъ. Это было исполнено. Вечеромъ было собраніе, въ столовой, 500 человѣкъ. Нашихъ ораторовъ не было. Читали петицію Гапона. Въ воскресенье утромъ было собраніе общества ремесленнаго труда. Почтили вставаніемъ умершихъ петербургскихъ товарищей. Ассигновали 500 рублей на помощь семьямъ убитыхъ товарищей и выразили свое негодованіе по адресу виновниковъ бойни, но больше толковали о государственномъ страхованіи и выбрали комиссію для рѣшенія вопроса, посылать ли депутатовъ въ Питеръ въ комиссію члена государственнаго совѣта Шидловскаго. Комиссія эта выбрала 3 депутатовъ. Сегодня было собраніе на заводѣ. Говорилъ нашъ ораторъ передъ нѣсколькими сотнями рабочихъ.

Листки, призывающіе къ стачкѣ (печ. мѣстн. комит.), и 1500 листковъ о политической свободѣ, изданные крымскимъ союз., должны были быть распространены на другихъ заводахъ и фабрикахъ сегодня утромъ. На другіе заводы стачка не переходитъ, потому что желѣзнодорожныя мастерскія противъ стачки. За послѣднее время было распространено письмо очевидца о петербургскихъ событіяхъ (2000 листковъ, печатаны въ мѣстной типографіи).

Съ 12-го числа у насъ громадный по нашему масштабу провалъ. Арестовано до 30 рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ: литераторы Неждановъ и Авиловъ, учительница Свяцова, Рахлинъ, Пересъ, Зайденбергъ, Пузановъ и многіе другіе. Взята типографія и двое работавшихъ въ ней. Въ типографіи взята напечатанная петиція Гапона.

Кромѣ того взято около десятка соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ типографія. Изъ либераловъ взятъ присяжный повѣренный Гонтыревъ и наиболѣе смѣлый ораторъ либеральныхъ банкетовъ — инженеръ Громанъ съ женой.

Екатеринославъ. 25 января. Забастовка у насъ продолжалась приблизительно 7 дней и прошла очень мирно, ни одной демонстраціи, ни одного уличнаго проявленія. Началась она въ понедѣльникъ 17 января. Первыми прекратили работу рабочіе машиностроительнаго завода Ланге, Константинъ, и другіе. Около двухъ часовъ дня остановили работу въ типографіяхъ. Первыми забастовали Вѣстниковцы; затѣмъ они всѣ отправились къ типографіи Копылова и заставили тамъ бросить работу, а оттуда уже цѣлой толпой отправились къ типографіи Яковлева тивъ легкихъ полевыхъ укрѣпленій въ войну 1877 года. Насколько наша *полевая артиллерія безсильна противъ укрѣпленій, заборовъ, зданій* и т. д. лучшій примѣръ аттака селенія Сандепу арміей Гриппенберга" („Слово" 24 янв. 1905 г.). Итакъ, наша полевая артиллерія оказывается безсильной даже противъ заборовъ; что же она въ состояніи сдѣлать противъ хорошо построенныхъ баррикадъ соотвѣтствующей высоты и глубины? А такія баррикады, съ помощью динамитныхъ патроновъ для разворачиванія мостовой, наконецъ, лома и кирки, легче строить въ настоящее время, чѣмъ прежде, несмотря на большую ширину улицъ. *Полевая артиллерія мало дѣйствительна противъ хорошо построенной баррикады, а объ употребленіи осадной артиллеріи въ уличной войнѣ нельзя и говорить.* Осадная артиллерія—вещь очень *громоздкая*: ее не удалось примѣнить ни при бомбардировкѣ Линшипу, ни при оборонѣ Ляоана, ни въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ, невозможно ее будетъ примѣнить и въ уличной войнѣ. Итакъ, правительству придется, главнымъ образомъ, дѣйствовать съ помощью артиллеріи старой системы, пушекъ, стрѣляющихъ ядрами, а это поставитъ насъ приблизительно въ такое же положеніе, въ какомъ находились баррикадные герои минувшихъ возстаній, съумѣвшихъ оказать упорное сопротивленіе войскамъ реакціи. Что касается до дѣйствія динамитнаго патрона противъ баррикады, о чемъ говоритъ Энгельсъ въ отмѣченной нами выше цитатѣ (Классовая борьба во Франціи. Карла Маркса. Предисловіе Энгельса стр. 18.), то замѣтимъ, что динамитный патронъ, какъ мы сказали выше, можетъ послужить прекраснымъ средствомъ также въ рукахъ инсургентовъ и для постройки баррикады, и для защиты ея. Было бы странно, если бы инсургенты позволили саперамъ подойти къ стѣнамъ ихъ маленькой крѣпости и взорвать ее.

---

[1] Ихъ на второй день освободили.

[2] Этотъ баталіонъ — подонки солдатъ. Тутъ люди, которые предпочитаютъ солдатскую службу „вольной жизни“. Кстати скажу, что еврейскихъ солдатъ не взяли для борьбы съ „внутреннимъ врагомъ“.

Итакъ, мы считаемъ, что баррикада и въ настоящее время можетъ служить очень серьезнымъ оружіемъ обороны въ рукахъ возставшаго пролетаріата и можетъ дать послѣднему надежное средство оказать упорное сопротивленіе войскамъ. О моральномъ вліяніи баррикады на армію нечего долго распространяться. Оно достаточно отмѣчено самимъ Энгельсомъ, оно вполнѣ охарактеризовано „Искрой", какъ могучее средство освободить армію отъ гипноза дисциплины.

Волонтеръ.

НОВОЕ ПИСЬМО Г. ГАПОНА.

Въ нѣмецкихъ газетахъ появилось сообщенное нами заявленіе, что Г. Гапонъ присоединяется къ соціальдемократіи. Мы сдѣлали это по переданной намъ личной просьбѣ Г. Гапона. Послѣ этого мы получили нижеслѣдующее письмо:

Открытое письмо къ соціалистическимъ партіямъ Россіи.

„Кровавые январьскіе дни въ Петербургѣ и въ остальной Россіи поставили лицомъ къ лицу угнетенный рабочій классъ и самодержавный режимъ съ кровопійцей-царемъ во главѣ. Великая русская революція началась. Всѣмъ, кому дѣйствительно дорога народная свобода, необходимо побѣдить или умереть.

Въ сознаніи важности переживаемаго историческаго момента, при настоящемъ положеніи вещей, будучи прежде всего революціонеромъ и человѣкомъ дѣла, я призываю всѣ соціалистическія партіи Россіи немедленно войти въ соглашеніе между собою и приступить къ дѣлу вооруженнаго возстанія противъ царизма.

Всѣ силы каждой партіи должны быть мобилизованы. Боевой техническій планъ долженъ быть у всѣхъ общій: бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой — все, что можетъ содѣйствовать народному возстанію. Ближайшая цѣль — сверженіе самодержавія, временное революціонное правительство, которое немедленно провозглашаетъ амнистію всѣмъ борцамъ за политическую и религіозную свободу, немедленно вооружаетъ народъ и немедленно созываетъ Учредительное Собраніе на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права.

Къ дѣлу, товарищи! Впередъ на бой! Повторимъ же лозунгъ петербургскихъ рабочихъ 9 января: свобода или смерть! Теперь всякая проволочка или неурядицы — преступленіе передъ народомъ, интересы котораго вы защищаете. Отдавъ всѣ свои силы на службу народу, изъ нѣдръ котораго я самъ вышелъ (сынъ крестьянина), безповоротно связавъ свою судьбу съ борьбой противъ угнетателей и эксплуататоровъ рабочаго класса, *я*, естественно, всѣмъ сердцемъ и всей душой буду съ тѣми, кто займется настоящимъ дѣломъ настоящаго освобожденія пролетаріата и всей трудящейся массы отъ капиталистическаго гнета и политическаго рабства".

Георгій Гапонъ".

Отъ редакціи. Отношеніе наше къ затрагиваемымъ въ письмѣ вопросамъ выясняется въ помѣщаемой въ этомъ-же номерѣ передовой статьѣ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Продолжаютъ приходить все новыя и новыя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, отозвавшихся стачками на петербургскія событія. Къ длинному ряду уже перечисленныхъ въ предыдущихъ номерахъ „Искры" городовъ и мѣстечекъ за истекшую недѣлю прибавились: Бахмутъ, Сухумъ-Кале, Воронежъ, Кременчугъ, Грозный, Заверье, Новорадомскъ, Межирѣчье (Сѣдлецкой губ.), Невель (Витебской губ.), м. Щедринъ, Калуга, Макѣевскіе рудники, Юго-Западныя, Варш.-Вѣнск., Московско-Казанская и Московско-Рыбинско-Виндавская жел. дор., Ростовъ н/Д., Коврово, Енопіево.

Петербургъ. (Изъ частнаго письма работницы). „Я могу только подтвердить тотъ фактъ, что били и избивали бѣдный народъ, который шелъ къ царю, какъ къ отцу, довѣрчиво, спокойно, съ священникомъ во главѣ. И какая была имъ встрѣча! Это нѣчто ужасное. Встрѣтилъ ихъ залпъ изъ орудія и ружей, пали не только рабочіе, но тутъ были женщины и дѣти и много интеллигенціи, и за что, за что? За то, что шли, невооруженные, довѣрчиво и тихо просить у правительства защиты и помощи; всѣ до единаго у насъ возмущены, но что сдѣлаешь съ этимъ? Теперь у насъ новая власть, въ лицѣ генералъ губернатора Трепова, наводитъ на всѣхъ трепетъ. Питеръ три дня былъ на осадномъ положеніи: съ восьми часовъ должны были сидѣть дома и никуда не ходить. Разскажу, что происходило у насъ на островѣ. Во-первыхъ, 7 января явились числомъ 700 человѣкъ рабочихъ съ Путилова завода къ намъ на патронный и велѣли кончать. Всѣ заводы и частныя предпріятія, даже нѣкоторыя лавочки, позакрывались. Въ субботу восьмого народъ ходилъ и, видимо, къ чему то готовился великому. Это видно было на лицѣ каждаго рабочаго. День этотъ былъ такъ тяжелъ, какъ будто гнетъ какой то висѣлъ надъ всѣми; полиція вся растерялась и попряталась въ свою норку (надо замѣтить, что все было замѣчательно обставлено корректно). Въ воскресенье 9 января народъ съ утра пошелъ со всѣхъ концовъ города къ мѣсту назначенія, а именно къ зимнему дворцу. Отъ насъ всѣ рабочіе тронулись съ четвертой линіи отъ собранія рабочихъ, но на набережной ихъ встрѣтили казаки штыками и пулями, такъ что вступили въ неравную борьбу. Толпа озвѣрѣла, отошла назадъ; много было убитыхъ и раненыхъ. Что оставалось дѣлать бѣднягамъ? Они пошли на фабрику холоднаго оружія Шаффа и всю ее разобрали, затѣмъ стали дѣлать баррикады, сооружая ихъ изъ столбовъ телеграфныхъ и телефонныхъ и вытаскивая все, что попадало подъ руку; проволоку отъ столбовъ перетягивали черезъ улицу. Этимъ причиняли не мало затрудненія для движенія казаковъ. Но наступилъ вечеръ, и всѣ, усталые, разбитые, должны были уступить въ неравной борьбѣ. Тогда наступило другое. Всѣ петербургскіе подонки, или, какъ у насъ ихъ зовутъ, хулиганы, начали свое дѣло: стали громить все, начиная съ казенныхъ лавокъ, а затѣмъ перешли къ частнымъ торговцамъ. Главнымъ образомъ у насъ пострадали часовщики и мануфактурщики. Все это происходило на глазахъ у многочисленной толпы народа и дворниковъ, но при полнѣйшемъ отсутствіи полиціи. Всюду громко говорили: гдѣ же у насъ самодержавіе, почему оно на бумагѣ только стоитъ за насъ, а тутъ его нѣтъ, гдѣ надо? и т. д. Много интереснаго можно было слышать! Полнѣйшая темнота на улицахъ довершала общее впечатлѣніе дня. Мы проводили почти цѣлые дни на улицѣ, въ толпѣ. Только такъ и можно было видѣть и слышать хоть что-нибудь, а то ни газетъ, ни какихъ другихъ извѣстій не было. Интересно, что это такъ стихійно вылилось все. Видно, что не только одни рабочіе тутъ заинтересованы, а всѣ безъ исключенія. На улицахъ совсѣмъ незнакомые другъ съ другомъ подходили и передавали свои впечатлѣнія, высказывали свое мнѣніе и т. д. Да, великіе дни мы пережили теперь! Какъ-то начинаешь ихъ только теперь взвѣшивать и понимать. Теперь у насъ выходятъ различныя воззванія отъ самодержавія и отъ святѣйшаго синода, якобы Японія дѣлаетъ у насъ смуту, что, дескать, она отпустила восемнадцать милліоновъ рублей на эти забастовки, что это все въ ея выгодахъ и интересахъ. Но этой сказкѣ вѣрятъ только какія-нибудь старушки, слышавшія ее отъ священниковъ въ церкви, а рабочіе говорятъ: мы знали, зачѣмъ шли, и никакая Японія намъ ничего не давала, а прямо намъ худо живется и трудно. Передаю точно слышанный мною разговоръ рабочихъ, вышедшихъ изъ церкви. Ну, а теперь все понемножку входитъ въ свою колею. Аресты и обыски повсюду".

Рига. (Письмо рабочаго участника событій). Съ чрезвычайнымъ интересомъ слѣдилъ рижскій пролетаріатъ за ходомъ петербургскихъ событій, начиная съ забастовки на путиловскомъ заводѣ. Всюду и вездѣ, гдѣ только собирались рабочіе: на частныхъ квартирахъ, въ столовыхъ, въ кружкахъ, на собраніяхъ только и говорили о петербургской стачкѣ. За неимѣніемъ другихъ свѣдѣній расхватывались немедленно по полученіи въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства. Но вотъ наступилъ великій историческій день 9-го января, когда, по приказу царя-выродка, улицы столицы обагрились кровью нашихъ петербургскихъ братьевъ. Объ этомъ злодѣйствѣ мы узнали на второй день, т. е. 10 января. Чувство, охватившее большинство рижскихъ рабочихъ, когда получилось извѣстіе о рѣзнѣ 9 января, можно выразить въ двухъ словахъ: „*смерть царизму*". Появилось бодрое, возвышенное настроеніе. Рабочіе признали необходимымъ выразить свою солидарность петербургскимъ товарищамъ и протестъ царскому правительству. Мѣстныя соціальдемократическія организаціи сейчасъ же пошли на встрѣчу желанію рабочихъ и взялись сорганизовать всеобщую забастовку. Работа закипѣла. Въ это самое время мы узнали о начавшихся забастовкахъ въ разныхъ городахъ Россіи. Намъ стало ясно, что пробилъ великій часъ, что наступилъ священный моментъ — что въ Россіи *началась революція.* И рижскій пролетаріатъ рѣшилъ, что и онъ не долженъ отставать въ этой борьбѣ, онъ оставилъ заводы, бросилъ фабрики, мастерскія и вышелъ на улицу пролить свою кровь за свободу и счастье русскаго народа.

11-го января, въ 5 часовъ вечера, забастовали у насъ первыя двѣ фабрики. Въ городѣ упорно заговорили о всеобщей стачкѣ, о „бунтѣ." Сознательный элементъ рабочихъ объясняетъ всѣмъ, что это не стачка, не „бунтъ", а *сама революція.* Въ этотъ же день отправляли изъ Риги 28 человѣкъ запасныхъ; они заявили, что не поѣдутъ въ товарныхъ вагонахъ. Имъ отвѣтили, что ихъ „разстрѣляютъ какъ собакъ, если будутъ бунтовать". И отправка состоялась безъ особыхъ инцидентовъ.

12-го января стачка стала быстро распространяться. Солдатамъ приказано было быть на готовѣ каждую минуту „къ выступленію противъ стачечниковъ". Имъ произносились рѣчи о „патріотизмѣ". Государственныя учрежденія: окружный судъ, полицейское управленіе, жандармское управленіе, государственный банкъ — охранялись войскомъ и полицейскими. Охранялись также солдатами большіе заводы и фабрики. По улицамъ ходили патрули. Изъ предмѣстій не пускали рабочихъ въ городъ и обратно. Несмотря на все это районъ забастовки съ каждымъ часомъ увеличивался. Утромъ была на Митавскомъ предмѣстьѣ стычка съ войсками и двоихъ рабочихъ ранили. Въ 5 часовъ вечера забастовали желѣзно-дорожныя мастерскія, большая пробочная фабрика, нѣсколько мельницъ и цѣлый рядъ мелкихъ фабрикъ. Бастовавшіе рабочіе явились въ желѣзно-дорожныя мастерскія, гдѣ еще работали, и предложили „желѣзнодорожникамъ", присоединиться къ забастовкѣ. Тѣ тотчасъ бросили работу. Присоединившись, всѣ пошли по фабрикамъ, на которыхъ еще не бастовали, и предлагали устроить Feierabend, т. е. бросать работу. На многихъ фабрикахъ уже не работали и ждали только прихода бастующихъ товарищей, къ которымъ тотчасъ присоединялись.

Къ 6 часамъ вечера толпа возросла до 20 тысячъ человѣкъ; была устроена демонстрація, демонстранты шли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ по Маріинской, Курмановской, Романовской, Деритской улицахъ. На послѣдней улицѣ появилась шайка конныхъ городовыхъ и *безъ всякаго предупрежденія* начала стрѣлять въ толпу. Стрѣльба продолжалась около 5 минутъ. Безоружная масса въ замѣшательствѣ бѣжала въ разныя стороны, и никакихъ жертвъ на этотъ разъ не было. Въ это самое время было еще нѣсколько демонстрацій въ разныхъ частяхъ города.

13-го января... Это своего рода петербургское 9-ое января... Въ 10 часовъ утра многіе рабочіе отправились на заводъ Феникса, чтобы остановить его, но солдаты не пропустили на заводъ. Въ это утро арестовали 80 человѣкъ рабочихъ.[1]) Черезъ нѣсколько часовъ, однако, заводъ пересталъ работать. Тысячная толпа ходила по мастерскимъ, гдѣ еще не бастовали, и просила бросать работу. Забастовали всѣ типографіи, газеты перестали выходить. Къ 2 часамъ дня число бастующихъ рабочихъ возросло до 60 тысячъ человѣкъ.

Это была громадная, грандіозная демонстрація. Ничего подобнаго не видала Рига. Демонстранты двинулись по городу съ тремя большими красными знаменами. Время отъ времени останавливались и произносили рѣчи. Настроеніе было торжественное, праздничное. Дошли до фабрики Кузнецова; тамъ стояли солдаты, которые не пропустили на фабрику. Однако, рабочіе бросили работу, и имъ удалось присоединиться къ демонстрантамъ. Около 70 тысячъ человѣкъ отправились на электрическую станцію Уніонъ. Около желѣзнаго моста загородила дорогу рота солдатъ унтеръ-офицерскаго баталіона[2]) Они выставили штыки при приближеніи демонстрантовъ. *Штыки упирались о груди* послѣднихъ. Начали было просить солдатъ пропустить, но вдругъ грянулъ залпъ... Громадная площадь усѣялась трупами и ранеными... Явилась еще одна рота солдатъ, и стрѣляли съ двухъ сторонъ.

Стрѣльба продолжалась около 15 минутъ. Озвѣрѣвшіе солдаты добивали прикладами раненыхъ; били безъ всякаго разбора: стариковъ, женщинъ и дѣтей. Они ворвались въ трамвай, который остановился около мѣста бойни, и убили тамъ двухъ женщинъ — мать и дочь — и 60 лѣтняго старика — директора одного мѣстнаго банка. Царской же пулей былъ убитъ одинъ помощникъ пристава; послѣдній стоялъ около правой роты солдатъ. Говорятъ, что этотъ помощникъ пристава былъ противъ стрѣльбы. На мѣстѣ рѣзни осталось около 50 человѣкъ убитыхъ и больше двухсотъ раненыхъ; многіе, спасаясь отъ пуль, бросились въ Двину. Говорятъ, что нѣсколько человѣкъ утонуло, но въ настоящее время число убитыхъ доходитъ до 80 человѣкъ: незначительный % раненыхъ выздоравливаетъ, остальные умираютъ (въ достовѣрности это неизвѣстно). Число жертвъ было бы значительно больше, но благодаря находчивости многіе, при началѣ стрѣльбы бросились на землю и такимъ образомъ уцѣлѣли. Со стороны солдатъ было нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Продолжительное время солдаты не давали убирать убитыхъ и раненыхъ. Потомъ начали развозить ихъ на заранѣе назначенные перевязочные пункты; носили раненыхъ на рукахъ при крикахъ тысячной толпы: „Да здравствуютъ борцы за свободу", „Долой народныхъ убійцъ", „Да здравствуетъ революція". Большая демонстрація была около одного перевязочнаго пункта по Маріинской улицѣ. Возбужденіе толпы было страшное. *Всѣ рижскіе врачи* были заняты ранеными: всю ночь они работали надъ жертвами революціи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Подвиги христолюбиваго воинства на улицахъ Варшавы. Въ Портъ-Артурѣ не хватило патроновъ, и крѣпость принуждена была сдаться. Гдѣ же они? Они понадобились здѣсь, въ Россіи для усмиренія протестующихъ рабочихъ. Лейбъ-гвардейскій Петербургскій полкъ на улицахъ Варшавы разстрѣлялъ 60.000 патроновъ и даже просилъ подкрѣпленія у 184 варшавскаго полка. Говорятъ, что мы терпимъ пораженія на войнѣ потому, что солдаты плохо обучены, а Лейбъ-гвардейскій Волынскій полкъ, чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, занимается практической стрѣльбой изъ оконъ казармы по живымъ цѣлямъ, въ результатѣ чего оказались убитыми одна женщина и трое дѣтей. Отличается пѣхота, а за нею и кавалерія. Послѣдняя что-то совсѣмъ плохо ведетъ себя на театрѣ войны, но зато на улицахъ сумѣла отличиться. На улицахъ Варшавы она изувѣчила сотни рабочихъ, причемъ особенно отличились, поляки по происхожденію, корнеты Долинскій и Пшездецкій. Да будутъ пригвождены къ позорному столбу имена этихъ палачей!

Лодзь. (Изъ частнаго письма). Мальчики шерстопрядиленъ, такъ называемые „Andreher'ы, требуютъ за восьмичасовой рабочій день по 20 коп. въ часъ, т. е. 1 руб. 60 коп. въ день; до сихъ поръ они получали 58 коп. Рабочіе требуютъ права выбора мастеровъ. Пріемъ и отказъ рабочихъ долженъ рѣшаться выборными отъ нихъ же... Фабриканты согласили на десятичасовой рабочій день, вмѣсто 12 час., и согласились повысить заработную плату на 5-15%, при заработкѣ въ 3-6 рублей въ недѣлю. Заинтересованная сторона пишетъ, что на прядильнѣ, занимающей около 900 рабочихъ, это составитъ въ годъ 12.000 рублей... Въ Варшавѣ рабочіе требуютъ девятичасового рабочаго дня и увеличенія заработной платы на 25%. Фабриканты не согласились на требованія рабочихъ, и многія фабрики будутъ, по всей вѣроятности, закрыты на неопредѣленное время...

Рабочіе держатъ себя замѣчательно корректно. Между еврейскими и христіанскими рабочими — полная солидарность.

Лодзь. (Изъ частнаго письма). На собраніи фабрикантовъ (на которомъ присутствовали губернаторъ, полиціймейстеръ и другіе), Познанскій отъ имени фабрикантовъ сказалъ, что они соглашаются на условія, предложенныя работниками, такъ какъ въ работникахъ видятъ свою опору. Высшее начальство Лодзи, говорятъ, старается обратить эту стачку въ погромъ, но рабочіе не даютъ ни уговорить себя, ни подкупить (такъ какъ и это дѣлается).

Кіевъ, 28 января. На этой недѣлѣ здѣсь были двѣ попытки устроить митинги около заводовъ послѣ окончанія работы. Когда рабочіе стали выходить изъ завода Графа, къ нимъ подошли двое рабочихъ отъ Гретера и предложили имъ выслушать отчетъ о результатахъ Гретеровской стачки (Гретеровцы бастовали дольше другихъ и добились сокращенія рабочаго дня на одинъ часъ и удовлетворенія нѣкоторыхъ мелкихъ требованій). Образовалась группа въ 70—80 человѣкъ (у Графа, кажется, около 200 рабочихъ). Обоихъ ораторовъ слушали съ живымъ интересомъ. Когда они кончили, рабочіе начали ихъ благодарить и просили приходить почаще. Второй митингъ былъ устроенъ у завода Гретера. Этотъ слѣдуетъ считать неудавшимся, несмотря на то, что ораторовъ все время слушала толпа въ 150—200 человѣкъ. Но составъ толпы все время мѣнялся. Рабочіе постоятъ, послушаютъ и уйдутъ. Настроеніе было подавленное. Раздавались и такія рѣчи: „Теперь мы могли знаемъ, кто вы такіе, и зачѣмъ вы бунтуете." Тутъ несомнѣнно сказывалось вліяніе клеветы о подкупѣ японцами. За эту недѣлю вышли слѣдующіе листки: „О посланіи Синода", „Письмо работницы къ рабочимъ", „Бюллетени". Сегодня выйдетъ перепечатанный листокъ — „Пора кончать". Листки распространяются хорошо.

Харьковъ. Съ субботы здѣсь совершенно самопроизвольно вспыхнула стачка на паравозостр. заводѣ (до 3500 человѣкъ). Начали чернорабочіе, недовольные заработной платой. Ихъ поддержалъ весь заводъ. Рабочіе собрались на дворѣ и выбрали 30 человѣкъ для выработки требованій; за неприкосновенность этихъ 30 ти ручался директоръ. Сейчасъ-же появились казаки, конные городовые, полиціймейстеръ. Онъ сказалъ слѣдующее: стачка — это ваше дѣло, я въ нее не мѣшаюсь. Но какъ можете вы, принимавшіе царя, бунтовать противъ него? Рабочіе сказали, что они не бунтуютъ, и потребовали удаленія полиціи и казаковъ. Это было исполнено. Вечеромъ было собраніе, въ столовой, 500 человѣкъ. Нашихъ ораторовъ не было. Читали петицію Гапона. Въ воскресенье утромъ было собраніе общества ремесленнаго труда. Почтили вставаніемъ умершихъ петербургскихъ товарищей. Ассигновали 500 рублей на помощь семьямъ убитыхъ товарищей и выразили свое негодованіе по адресу виновниковъ бойни, но больше толковали о государственномъ страхованіи и выбрали комиссію для рѣшенія вопроса, посылать ли депутатовъ въ Питеръ въ комиссію члена государственнаго совѣта Шидловскаго. Комиссія эта выбрала 3 депутатовъ. Сегодня было собраніе на заводѣ. Говорилъ нашъ ораторъ передъ нѣсколькими сотнями рабочихъ.

Листки, призывающіе къ стачкѣ (печ. мѣстн. комит.), и 1500 листковъ о политической свободѣ, изданные крымскимъ союз., должны были быть распространены на другихъ заводахъ и фабрикахъ сегодня утромъ. На другіе заводы стачка не переходитъ, потому что желѣзнодорожныя мастерскія противъ стачки. За послѣднее время было распространено письмо очевидца о петербургскихъ событіяхъ (2000 листковъ, печатаны въ мѣстной типографіи).

Съ 12-го числа у насъ громадный по нашему масштабу провалъ. Арестовано до 30 рабочихъ и нѣсколько интеллигентовъ: литераторы Нежцановъ и Авиловъ, учительница Саницова, Рахлинъ, Пересъ, Зайденбергъ, Пузановъ и многіе другіе. Взята типографія и двое работавшихъ въ ней. Въ типографіи взята напечатанная петиція Гапона.

Кромѣ того взято около десятка соціалистовъ-революціонеровъ и ихъ типографія. Изъ либераловъ взятъ присяжный повѣренный Гонтыревъ и наиболѣе смѣлый ораторъ либеральныхъ банкетовъ — инженеръ Громанъ съ женой.

Екатеринославъ. 25 января. Забастовка у насъ продолжалась приблизительно 7 дней и прошла очень мирно, ни одной демонстраціи, ни одного уличнаго проявленія. Началась она въ понедѣльникъ 17 января. Первыми прекратили работу рабочіе машиностроительнаго завода Ланге, Константинъ, и другіе. Около двухъ часовъ дня остановили работу въ типографіяхъ. Первыми забастовали Вѣстниковцы; затѣмъ они всѣ отправились къ типографіи Копылова и заставили тамъ бросить работу, а оттуда уже цѣлой толпой отправились къ типографіи Яковлева и т. д. Ходили изъ одной типографіи въ другую и повсюду останавливали работы. И вотъ, къ четыремъ часамъ, собралась толпа, приблизительно въ тысячу человѣкъ, на углу Проспекта и Харьковской улицы. Подходитъ туда приставъ и проситъ публику не идти Проспектомъ во избѣжаніе всякихъ непріятностей. Бывшая тамъ публика не поняла этой хитрой полиціи, пошла внизъ по Харьковской улицѣ на Литейную и направились къ Епархіальному свѣчному заводу для того, чтобы пріостановить тамъ работу. Не успѣли дойти до завода (всю дорогу шли очень тихо, ни одного слова не слышно было), вдругъ, откуда ни возьмись, налетѣла цѣлая ватага башибузуковъ, загнала всѣхъ въ какой-то переулокъ и избила до полусмерти. Вы себѣ представить не можете этой ужасной картины. Я не могу равнодушно вспомнить обо всемъ этомъ. Послѣ избіенія стали разбѣгаться: одни бѣгутъ съ оторванными рукавами, у другихъ кровь льется и т. д. Послѣ этого инцидента больше никакихъ столкновеній съ полиціей не было, ибо въ городѣ никакихъ безпорядковъ не было. Затѣмъ бастовали фармацевты, прикащики, шляпочницы и другіе. Бастовали всѣ заводы, но, въ общемъ, настроеніе на заводахъ было неважное: городскимъ рабочимъ пришлось приложить громадныя усилія, чтобы заставить заводскихъ бросить работу.

---

[1]) Ихъ на второй день освободили.

[2]) Этотъ баталіонъ — подонки солдатъ. Тутъ люди, которые предпочитаютъ солдатскую службу „вольной жизни". Кстати скажу, что еврейскихъ солдатъ не взяли для борьбы съ „внутреннимъ врагомъ".

Благодаря заводскимъ же рабочимъ, стачка носила преимущественно экономическій характеръ. Въ городѣ же, наоборотъ, господствовало самое боевое политическое настроеніе.

Забастовка длилась дней 7 (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ она продолжается еще и теперь), а затѣмъ приступили къ работамъ. Больше всѣхъ выиграли типографы (всѣ требованія, кромѣ 8 часового рабочаго дня); нѣкоторыхъ улучшеній добились рабочіе на заводахъ и въ мастерскихъ.

На Макѣевскихъ рудникахъ (ст. Макѣевка, въ Донецк. бассейнѣ) 25 января началась стачка; бастуютъ 15,000 раб. Выставлены слѣдующія требованія:

1) Восьмичасовой рабочій день, 2) увеличеніе платы и уравненіе платы бельгійскихъ рабочихъ съ русскими (на рудникахъ много бельгійскихъ рабочихъ, которые получаютъ вдвое — втрое больше русскихъ), 3) устройство безплатной больницы и школы и др. мелкія требованія. Директоръ отказалъ, заявивъ, что, если рабочіе не прекратятъ стачки, онъ закроетъ рудники на продолжительное время. Эта угроза еще больше возбудила рабочихъ. Толпа рабочихъ разошлась съ рѣшеніемъ продолжать стачку. Кричали: „долой самодержавіе, да здравствуетъ республика“! и т. д. — 23 янв. началась стачка на Русско бельгійскомъ заводѣ (на ст. Еноціево, Екатеринос. г.) Выставлены тѣ же требованія. Бастуютъ 2,000 раб. Изъ Екатеринослава пріѣхалъ губернаторъ и войско.

Бахмутъ. Была и утихла забастовка въ Юзовкѣ и Петровско-Волынцевскомъ заводѣ (въ 25 — 30 верстъ отъ Бахмута чугунно-литейный заводъ съ нѣсколькими десятками тысячъ рабочихъ). Требованія послѣдняго: 1) восьмичасовый рабочій день, 2) удаленіе нѣкоторыхъ мастеровъ, 3) удаленіе доктора-нѣмца. 4) хорошіе квартиры и 5) повышеніе платы. Забастовка прекращена войскомъ. Удовлетворено пока лишь послѣднее требованіе.

Въ нашемъ городѣ сегодня началась забастовка портныхъ; все спокойно, но они не работаютъ. Требованія: 1) восьмичасовый трудъ, 2) здоровыя помѣщенія и 3) повышеніе платы на 50 процентовъ.

Невель. Витеб. губ. (изъ частнаго письма). Волна народнаго движенія, такъ могуче разлившаяся теперь по Россіи, коснулась также нѣкоторыми брызгами и нашего захолустнаго уголка. Зашевелился обыватель, потянуло его къ газетѣ, къ телеграммамъ... Въ неуклюжихъ головахъ сталъ совершаться какой то новый необычайный процессъ, въ основѣ котораго лежало сознаніе, что жизнь съ ея обычнымъ укладомъ окончательно выбита изъ своей колеи. Мѣстная организація тоже начала подавать признаки жизни. Ея реагированіе на общероссійскія событія выразилось довольно важными для нашего городка политическими актами: прежде всего была объявлена забастовка, которой полагалось стать всеобщей, но она ограничилась большинствомъ ремесленныхъ заведеній и магазиновъ. Затѣмъ была устроена демонстрація, въ которой участвовало до 200 челов.. Ее нельзя считать особенно удачной, благодаря недостаточной ея организованности, но, тѣмъ не менѣе, возбужденіе она произвела громадное. Полиція неистовствовала, въ первый разъ были пущены въ ходъ нагайки. Арестовано 7 чел. Ихъ звѣрски избили въ участкѣ. Для характеристики мѣстной полиціи не мѣшаетъ отмѣтить слѣдующій курьезный фактъ: во время демонстраціи, когда раздались крики „долой самодержавіе!“, городовой Крывенко, сидѣвшій на лошади крикнулъ: „Хоть вы лопните, а я долой не сойду.“ Говорятъ, нѣсколько человѣкъ убито.

Дальше усиленіе революц. дѣятельности выразилось въ усиленномъ разбрасываніи прокламацій, которыми чуть ли не ежедневно устилается городъ. Обыватели, раньше съ пугливымъ трепетомъ относившіеся къ находимымъ листкамъ, теперь съ еле скрываемымъ удовольствіемъ ихъ почитываютъ и иногда довольно сильно похваливаютъ даже „демократовъ“, Словомъ, — чувствуется даже въ нашей глуши приближеніе новаго періода въ русской исторіи.

Красноярскъ, 17 января. (Изъ частнаго письма).

„... Сейчасъ только вернулся съ демонстраціи, произведенной на большой улицѣ рабочими. Толпа рабочихъ человѣкъ въ 300, непрерывно увеличивавшаяся притокомъ публики отъ Новаго базара, направилась къ губернаторскому дому; дойдя до сквера Пушкина, она встрѣтила на пути сотню казаковъ, перегородившихъ улицу. Остановились, говорили рѣчи, пѣли; простоявъ съ часъ, толпа двинулась обратно: около Гадалова улица снова была перегорожена ротой солдатъ; сзади казаки, спереди солдаты. Оставалось повернуть въ переулокъ, что и сдѣлали; вдругъ спереди оказались снова солдаты и казаки. Казаки заднiе съ гикомъ пустились въ толпу, но не дрались, а заключили ее между двумя рядами, на сравнительно очень маленькомъ пространствѣ. Минута была критическая; думали, будутъ драться, но вотъ показывается губернаторъ, велитъ казакамъ разойтись, а самъ направляется къ публикѣ и вызываетъ депутатовъ. На чемъ порѣшили — не знаю пока, но послѣ этого толпа двинулась къ мастерскимъ на Новомъ базарѣ, снова запѣли, но дошли безъ инцидентовъ. Рабочихъ, оказывается, разрѣзали на двѣ части около мастерскихъ, почему ихъ пришло сравнительно мало. Въ концѣ концовъ, войска оказалось далеко больше, чѣмъ демонстрантовъ.

Грозный, Терской обл. (Изъ частнаго письма). Вчера съ вечера, 27-го января, началась здѣсь забастовка на промыслахъ и заводахъ, и поговариваютъ, что будетъ общая забастовка рабочихъ и ремесленниковъ. Поговариваютъ сильно о бунтѣ татаръ, а потому уже сейчасъ царствуетъ уныніе на улицахъ и въ народѣ. Застой въ дѣлахъ страшнѣйшій. Хотятъ закрывать магазины, конторы и другія учрежденія, боясь разгрома. Извѣстно только, что утромъ послано уже войско на промысла (промысла находятся въ 15-18 верстахъ отъ города). И не только въ Грозномъ, но повсюду на Кавказѣ вспыхиваютъ бунты. Здѣсь же опять сильно циркулируютъ слухи о мобилизаціи. Говорятъ, что формируютъ третій кавказскій корпусъ, который и отправятъ на Дальній Востокъ. Говорятъ, какъ только объявятъ мобилизацію, сейчасъ же начнется рѣзня, такъ какъ чеченцы, армяне и вообще туземцы не разъ грозились устроить бунтъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 2 февраля (изъ частнаго письма). Мы переживаемъ удивительное время. Правительство потеряло всякое довѣріе, и его не ругаетъ только тотъ, кто не хочетъ. Духовенство сочиняетъ курьезныя молитвы противъ крамолы и только доказываетъ ими безсиліе царя и опричины въ борьбѣ съ народомъ. А народъ? онъ проснулся, выпрямился и разбудилъ нѣмую страну. Все ожило, все заговорило... Масса вышла на политическую сцену и въ одинъ моментъ измѣнила все. Забыта робость, потеряли значеніе кротовые пріемы тайной подпольной работы. Борьба идетъ въ открытую, явно и смѣло. Рабочіе повсюду обсуждаютъ политическіе вопросы. Каждый имперіалъ конки превратился въ политическій клубъ. Близость переворота очевидна, и величіе историческаго момента невольно захватываетъ всѣхъ равнодушныхъ, отсталыхъ, утомленныхъ, всѣмъ волнуетъ кровь, всѣхъ зоветъ и влечетъ къ посильному служенію святому дѣлу свободы.

Кострома. 3 декабря на засѣданіи Костромского отдѣла Московскаго Общества сельскаго хозяйства была принята резолюція съ требованіемъ созыва Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, амнистіи и прекращенія войны. Подъ резолюціей подписались кромѣ членовъ и многіе изъ публики — всего около 200 человѣкъ.

На собраніи присутствовало человѣкъ 30 рабочихъ и работницъ. Ихъ присутствіе придало собранію характеръ шумнаго митинга. Выступавшихъ соціальдемократовъ привѣтствовали аплодисментами. Нѣкоторыхъ либераловъ, критиковавшихъ рѣзкость резолюціи, освистали. Почтили вставаніемъ память погибшихъ борцовъ и разошлись съ пѣніемъ марсельезы.

Москва, 15 января (изъ частнаго письма). 14 января на общемъ собраніи Императорскаго Московскаго Сельскохозяйственнаго общества, въ присутствіи большого количества членовъ и многочисленной публики, обсуждалось постановленіе Костромского отдѣла общества, рѣшившаго довести до свѣдѣнія правительства о необходимости созыва Учредительнаго Собранія Моск. Императ. Общ. Сельск. Хоз. черезъ посредство котораго только и можно было по уставу препроводить такое ходатайство,—послѣ блестящихъ рѣчей (говорилось: сейчасъ у насъ нѣтъ правительства) нѣкоторыхъ членовъ, указавшихъ на то, что теперь, когда Россія вступила въ фазу революціоннаго движенія, никакія обращенія къ правительству неумѣстны, что всякое обращеніе къ правительству, разстрѣлявшему массы невооруженныхъ гражданъ-рабочихъ, распространяющему ложь и клевету, назначающему диктаторомъ изверга Трепова — позорно, единогласно приняло Костромскую резолюцію и постановило сообщить о своемъ рѣшеніи царю, всѣмъ земскимъ собраніямъ и волостнымъ правленіямъ.

Томскъ. Съ октября мѣсяца Томскій Комитетъ проявлялъ весьма энергичную дѣятельность. Организовалъ десятки кружковъ. Массовыя собранія рабочихъ и студентовъ происходили по три раза на недѣлѣ. Городъ засыпался листками, печатанными въ типографіи. За три мѣсяца вышло не менѣе 12 прокламацій, не считая союзныхъ. Боевое настроеніе росло. Соціальдемократія шагъ за шагомъ вытѣсняла вліяніе с-ровъ изъ послѣдняго ихъ убѣжища — изъ студенческой массы. Въ декабрѣ стали носиться слухи о банкетѣ, который устраиваютъ либералы, вкупѣ и влюбѣ со своими союзниками с-рами. К-тъ рѣшилъ вмѣшаться. Онъ напечаталъ и конспиративно разослалъ „требованія“ всѣмъ членамъ комиссіи по устройству банкета. К-тъ требовалъ отъ комиссіи принятія на банкетъ делегатовъ организованныхъ рабочихъ соціальдемократовъ. Большинство членовъ комиссіи оскорбилось формой требованія и испугалось оффиціальнаго вмѣшательства революціонныхъ организацій. Угроза губернатора и прокурора подѣйствовала не менѣе „отрезвляюще“, чѣмъ вмѣшательство К-та. Либералы притихли, но потихоньку продолжали конспирировать отъ властей и соціальдемократовъ. Они рѣшили отпраздновать Татьянинъ день, превративъ его, по существу, въ банкетъ. Полученіе билетовъ, цѣной отъ 1 рубля до 3-хъ, было страшно затруднено. К-ту удалось провести 30 человѣкъ изъ своихъ, благодаря тому, что настояли пустить скопившуюся у входа публику. Пропущенная публика, несмотря на то, что была подобрана безъ участія соціальдемократическаго К-та, волею судебъ и энергичной дѣятельности, соціальдемократіи за послѣднее время въ Томскѣ — оказалась въ большинствѣ своемъ настроенной соціальдемократически. Банкетъ, устроенный либералами, вопреки ожиданіямъ К-та, явился полнымъ торжествомъ соціальдемократіи. Первая же рѣчь была сказана ораторомъ К-та. Она сразу придала опредѣленный тонъ всему собранію. Ораторъ сказалъ, что собраніе это нельзя начать, не вспомнивъ о томъ, что совершилось на улицахъ Петербурга. „Первый шагъ русской революціи совершенъ — сказалъ ораторъ — онъ совершенъ пролетаріатомъ. Пали первые борцы на первыхъ русскихъ баррикадахъ. Предлагаю собранію почтить павшихъ борцовъ вставаніемъ“. И собраніе въ 700—800 чел. поднялось, какъ одинъ человѣкъ, подъ громъ рукоплесканій. За первымъ ораторомъ говорилъ второй ораторъ соц.-дем. Обстоятельная рѣчь его была посвящена сравненію политическихъ позицій, занятыхъ въ настоящій моментъ либералами, соц. рев. и соц.-дем. Одинъ за другимъ, смѣняли другъ друга ораторы соц.-дем. Отъ лица рабочихъ говорили 2 рабочихъ соц.-дем. Ни единаго слова либерала не раздалось въ залѣ собранія, устроеннаго либералами. Отъ партіи с-ровъ говорилъ одинъ, полемизируя съ с.-д. Настроеніе было страшно повышенное. Отъ имени Сиб. Союза и Томскаго К-та одинъ ораторъ объявилъ тѣ ближайшія задачи, которыя поставили себѣ эти организаціи для поддержки революціоннаго движенія пролетаріата, начавшагося въ Петербургѣ, и закончилъ такимъ образомъ свою рѣчь: „да здравствуетъ демонстрація въ г. Томскѣ, да здравствуетъ всеобщая политическая стачка по линіи сиб. дороги и да здравствуетъ всероссійская революція!“ Ораторъ К-та прочиталъ резолюцію, указывающую на пролетаріатъ, какъ на единственно революціонный классъ Россіи, вокругъ котораго должны группироваться всѣ истинно демократическіе элементы, осуждающую половинчатую позицію либераловъ и признающую единственно-вѣрнымъ путемъ для достиженія истинно-народной свободы — путь всенароднаго возстанія и уничтоженія монархіи. Кромѣ того, въ резолюціи было указано, что всеобщая политическая стачка по линіи сиб. дороги, выставленная Сиб. Союзомъ, есть наиболѣе подходящая форма борьбы для поддержки движенія въ Россіи и для нанесенія могучаго удара воинствующему царизму и т. д. Резолюція К-та была принята оглушительными аплодисментами. Ни либералы, ни с-ры не выставили собственныхъ резолюцій, хотя у первыхъ проектъ таковой не только былъ готовъ, но и отгектографированъ. Въ концѣ концовъ, одинъ изъ соц.-дем. предложилъ собранію пожертвовать весь излишекъ денегъ на устройство всеобщей стачки по линіи сибирской дороги. Предложеніе это было встрѣчено оглушительными аплодисментами всего собранія. Ни одинъ болѣе не протестовалъ. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ были разбросаны прокламаціи Сиб. Союза—„Еще шагъ“—и мѣстнаго К-та „О борьбѣ съ монархіей“. С-ры тоже распространили небольшое количество листковъ своего Ц. К. И вмѣстѣ съ шумомъ раскидываемыхъ прокламацій, раздалась торжественная, въ нѣсколько сотенъ голосовъ, рабочая марсельеза. Это былъ апофеозъ соціальдемократіи. Публика, раскраснѣвшаяся, взволнованная, подходила къ соц.-дем. и горячо пожимала имъ руки. Сама соц.-дем. публика была ошеломлена своимъ успѣхомъ. Полиція совершенно не вмѣшивалась. Вотъ при такомъ то настроеніи публики съ одной стороны и развивающихся грандіозныхъ событіяхъ въ Россіи — съ [illegible] предполагавшій подготовить демонстрацію [illegible] нашелъ необходимымъ устроить ее какъ можно скорѣе. [illegible] Союза на линіи по устройству стачки (было выпущено [illegible] листковъ по линіи съ призывомъ) и развившаяся довольно широко пропаганда среди запасныхъ, находящихся въ городѣ, понудили К-тъ еще болѣе поторопиться. Рѣшена была демонстрація съ оружіемъ въ рукахъ. И 17 числа произошла эта ужасная схватка. Къ сожалѣнію, день и часъ демонстраціи былъ слишкомъ законспирированъ и рабочіе не были достаточно широко оповѣщены...

Изъ другого письма: „Пишу подъ впечатлѣніемъ ужаса только что пережитаго. Это была не демонстрація, не массовый протестъ — это былъ добровольный эшафотъ почти всѣхъ активныхъ силъ. Произошла какая то ужасная непоправимая ошибка. Вышло на демонстрацію только одно ядро человѣкъ въ 200, да къ нимъ присоединилось еще человѣкъ 200. Рабочихъ, кромѣ организованныхъ, явилось человѣкъ 10—15, хотя въ этотъ день мастерскія были закрыты... Однимъ словомъ, вмѣсто массового протеста явилась умирать кучка героевъ, которые и легли костьми. Всѣ арестованы, всѣ ранены... Ядро взято почти все. Оно состояло, главнымъ образомъ, изъ интеллигенціи и студентовъ, наэлектризованныхъ послѣдними событіями и рѣчами. *Убитыхъ, говорятъ, около 30.* Можетъ быть, и преувеличено. Убиты — извощикъ, мальчикъ 12 лѣтъ, околодочный, гимназистка и др“. На другой день: „Понемногу начинаемъ приходить въ себя. Точнаго подсчета жертвамъ сдѣлать еще нельзя. Арестовано человѣкъ 70. Раненыхъ больше ста. Рабочихъ опоздали оповѣстить — это фактъ. Промаховъ было масса. Комитетъ цѣлъ. Разсказываютъ, что двухъ солдатъ повѣсили“.

Изъ третьяго письма: „Результатъ демонстраціи: болѣе 100 ранено. Изъ нихъ есть раненые смертельно. Арестовано около 170—180 человѣкъ. Убиты: знаменоносецъ, 1 студ., 1 рабочій, мальчикъ 13 лѣтъ, ученикъ ремесленнаго училища, гимназистка 5 класса и городовой. Избіеніе страшное. Били обезоруженныхъ, лежачихъ съ крикомъ: „добивать эту сволочь“! Исправляющій должность губернатора Бирюковъ присутствовалъ при бойнѣ. Били нагайками, шашками. Масса рубленыхъ ранъ. Казаки дали нѣсколько залповъ изъ винтовокъ. Полиція пристрѣливала раненыхъ. Въ городѣ страшное возбужденіе. Въ какую форму оно выльется — трудно сказать“.

Извѣстны пока имена убитыхъ: гимназиста Андрѣя Елизарова и гимназистки Осколкиной.

Елисаветградъ. 27 ноября произведена было въ городѣ масса обысковъ и арестовъ, приведшіе къ открытію тайной типографіи, при которой были взяты: Глезерманъ съ женою (интеллигенты) и Яковъ Сазоновъ (наборщикъ). На квартиру типографіи сразу нагрянуло человѣкъ 30 полиціи во главѣ съ прокуроромъ, жандармскимъ подполковникомъ, полиціймейстеромъ и др. высшими властями. Арестованы были въ эту ночь также Александръ Ястребовъ (студ.) и Соня Розенбаумъ, всего за два дня до ареста пріѣхавшіе въ городъ (найдены у нихъ нелегальныя рукописи), и многіе другіе товарищи — до 20 чел., которые, однако, вскорѣ (черезъ два-три дня) были выпущены, нѣкоторые подъ надзоръ, несмотря на то, что у большинства изъ нихъ найдены нелегальныя брошюры и прокламаціи. Обстановка всѣхъ этихъ арестовъ несомнѣнно указываетъ на провокацію, а сильныя улики даютъ возможность подозрѣвать пріѣхавшаго сюда изъ Польши нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Айзика Цимбельмана — рѣзчика по дереву, который, однако, не занимался здѣсь своимъ ремесломъ, хотя въ послѣднее время отлично одѣвался и окружалъ себя всевозможнымъ комфортомъ, а за день до провала внезапно уѣхалъ изъ города, захвативъ съ собою письмо отъ знакомаго къ товарищу его въ Кіевѣ, который, какъ передаютъ, тотчасъ же былъ арестованъ. Послѣднее обстоятельство можетъ окончательно подтвердить падающія на него подозрѣнія[1]).

Временное затишье въ мѣстной организаціонной работѣ, вызванное жандармскимъ набѣгомъ и разгромомъ нашей техники, продолжалось, однако, очень недолго. Разстроенные ряды товарищей вскорѣ снова сомкнулись для тѣсной и дружной работы, еще болѣе интенсивной и энергичной. Кромѣ кружковыхъ занятій, прошло нѣсколько массовокъ, а 31 января сознательные рабочіе общимъ собраніемъ встрѣчали новый революціонный годъ рѣчами на общія политическія темы, составляющія для всѣхъ злобу дня. Подъ 1-ое распространены были также по городу листки „Къ рабочимъ и работницамъ“ — „Съ новымъ годомъ“, изд. мѣстной организаціи.

Охватившая за послѣднее время наши крупные центры волна общественнаго движенія, въ которомъ болѣе или менѣе активное участіе принимаетъ и пролетаріатъ, отозвалась и у насъ. Организація нашла возможнымъ использовать его при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 30 декабря въ залѣ городской думы членами „Общества распространенія ремеслъ и грамотности“ обсуждался вопросъ объ устройствѣ народнаго дома. Къ девяти часамъ вечера обыкновенно пустовавшій залъ представлялъ необычно оживленный видъ, благодаря переполнившей его многочисленной публикѣ изъ интеллигенціи и рабочей среды. Нѣкоторыми членами прочитаны были доклады, отъ содержанія которыхъ вѣяло специфической „весной“ и надеждой на обновленіе государственнаго строя, благодаря указу 12 декабря. Выяснялись также культурныя цѣли устраиваемаго народнаго дома. По окончаніи чтенія докладовъ слово попросилъ одинъ изъ нашихъ товарищей. Громкимъ голосомъ онъ началъ съ указанія на то, что высшія задачи культурнаго развитія и поднятія уровня образованія невѣжественныхъ массъ несовмѣстимы съ царящимъ кругомъ произволомъ. Упомянувъ объ указѣ 12 декабря, онъ спрашивалъ, гарантированы ли мы теперь отъ того, чтобы сію минуту не ворвалась къ намъ банда опричниковъ и не вымела насъ отсюда, гарантированы ли члены отъ того, чтобы они за неугодное полицейскому чину слово были высланы, сосланы или арестованы, несморя на то, что указъ отмѣнилъ якобы административный произволъ. Увѣрены ли мы, чтобы на насъ, какъ на тамбовцевъ, не науськали охотнорядцевъ, съ переодѣтыми полицейскими во главѣ, и не избили, не смѣшали съ грязью нашу честь и достоинство. Указавъ далѣе на то, что зло всѣхъ нашихъ неустройствъ коренится въ безконтрольности правительства, онъ призывалъ отстаивать необходимость созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Единодушныя рукоплесканія покрыли рѣчь оратора, и тутъ же посыпались надъ головами по всему залу гектографированные листки „Къ гражданамъ“, съ призывомъ присоединиться къ политическимъ резолюціямъ соц.-дем. партіи. Листки подхватывались публикой и тутъ же читались на глазахъ растерявшихся блюстителей порядка, совершенно не подготовленныхъ къ случившемуся. Раздавались дружные крики — „Долой самодержавіе!“. Только нѣсколько шпиковъ тщетно пытались сорвать рѣчь и протолкаться къ оратору, но тѣсное ядро товарищей мѣшало имъ въ этомъ. Въ суетѣ полиціи не удалось никого арестовать.

4 января устроенъ былъ въ залѣ Общественнаго Собранія студенческій вечеръ, на который, по обыкновенію, стекалась масса публики изъ высшихъ элементовъ общества. Представителями свободныхъ профессій, адвокатурой и др., какъ передавали раньше, предполагалось на вечерѣ устроить банкетъ для поддержки всероссійскаго либеральнаго блока, съ произнесеніемъ подобающихъ рѣчей политическаго характера. Естественно, что на вечеръ явилась и демократическая публика,

---

[1]) Изъ особо характерныхъ примѣтъ его можемъ сообщить пока, что онъ говоритъ плохо по русски; владѣетъ хорошо польскимъ языкомъ. Болѣе подробныя примѣты, равно какъ и фотографическую карточку его для напечатанія въ „Искрѣ“, пришлемъ черезъ нѣсколько времени.

и т. д. Ходили изъ одной типографіи въ другую и повсюду останавливали работы. И вотъ, къ четыремъ часамъ, собралась толпа, приблизительно въ тысячу человѣкъ, на углу Проспекта и Харьковской улицы. Подходитъ туда приставъ и проситъ публику не идти Проспектомъ во избѣжаніе всякихъ непріятностей. Бывшая тамъ публика не поняла этой хитрой политики, пошла внизъ по Харьковской улицѣ на Литейную и направились къ Епархіальному свѣчному заводу для того, чтобы пріостановить тамъ работу. Не успѣли дойти до завода (всю дорогу шли очень тихо, ни одного слова не слышно было), вдругъ, откуда ни возьмись, налетѣла цѣлая ватага башибузуковъ, загнала всѣхъ въ какой-то переулокъ и избила до полусмерти. Вы себѣ представить не можете этой ужасной картины. Я не могу равнодушно вспомнить [illegible] этомъ. Послѣ избіенія стали разбѣгаться: одни бѣгутъ съ оторванными рукавами, у другихъ кровь льется и т. д. Послѣ этого инцидента больше никакихъ столкновеній съ полиціей не было, ибо въ городѣ никакихъ безпорядковъ не было. Затѣмъ бастовали фармацевты, приказчики, шляпочницы и другіе. Бастовали всѣ заводы, но, въ общемъ, настроеніе на заводахъ было неважное; городскимъ рабочимъ пришлось приложить громадныя усилія, чтобы заставить заводскихъ бросить работу.

Благодаря заводскимъ же рабочимъ, стачка носила преимущественно экономическій характеръ. Въ городѣ же, наоборотъ, господствовало самое боевое политическое настроеніе.

Забастовка длилась дней [illegible], въ нѣкоторыхъ [illegible] она продолжается еще и теперь, а затѣмъ приступили къ работамъ. Больше всѣхъ выиграли типографы: всѣ требованія, кромѣ 8-часового рабочаго дня; нѣкоторыхъ улучшеній добились рабочіе на заводахъ и въ мастерскихъ.

На **Макѣевскихъ** рудникахъ [illegible] Макѣевка, въ Донецк. бассейнѣ) 25 января началась стачка. Бастуютъ [illegible] раб. Выставлены слѣдующія требованія:

1) Восьмичасовой рабочій день, [illegible]

[illegible]

Бахмутъ. [illegible]

Невель. [illegible]

[illegible]

Грозный. [illegible]

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 2 февраля (изъ частнаго письма). Мы переживаемъ удивительное время. Правительство потеряло всякое довѣріе, и его не ругаетъ только тотъ, кто не хочетъ. Духовенство сочиняетъ курьезныя молитвы противъ крамолы и только доказываетъ ими безсиліе царя и опричины въ борьбѣ съ народомъ. А народъ? Онъ проснулся, выпрямился и разбудилъ нѣмую страну. Все ожило, все заговорило. Масса вышла на политическую сцену и въ одинъ моментъ измѣнила все. Забыта робость, потеряли значеніе кротовые пріемы тайной подпольной работы. Борьба идетъ въ открытую, явно и смѣло. Рабочіе повсюду обсуждаютъ политическіе вопросы. Каждый имперіалъ конки превратился въ политическій клубъ. Близость переворота, очевидность и величіе историческаго момента невольно захватываетъ всѣхъ равнодушныхъ, отсталыхъ, утомленныхъ, всѣмъ волнуетъ кровь, всѣхъ зоветъ и влечетъ къ посильному служенію святому дѣлу свободы.

Кострома. [illegible] декабря на засѣданіи Костромского отдѣла Московскаго Общества сельскаго хозяйства была принята резолюція съ требованіемъ созыва Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, [illegible] и прекращенія войны. [illegible] кромѣ членовъ и многіе изъ публики — всего около 200 человѣкъ.

На собраніи присутствовало человѣкъ 30 рабочихъ и работницъ. Ихъ присутствіе придало собранію характеръ шумнаго митинга. Выступавшихъ соціалдемократовъ привѣтствовали аплодисментами. Нѣкоторыхъ либераловъ, критиковавшихъ рѣзкость резолюціи, освистали. [illegible]

Москва. [illegible]

[illegible]

[illegible] большое количество листковъ своего П. К. [illegible] раскидываемыхъ прокламацій, раздалась торжественная [illegible] сколько сотенъ [illegible] рабочая марсельеза. Это была апоѳеозъ соціалдемократіи. Публика раскраснѣвшаяся, взволнованная, подходила къ соц.-дем. и горячо пожимала имъ руки. Сама соц.-дем. публика была ошеломлена своимъ успѣхомъ. Полиція совершенно не вмѣшивалась. Вотъ при такомъ-то настроеніи публики съ одной стороны и развивающихся грандіозныхъ событіяхъ въ Россіи — съ другой, Комитетъ, предполагавшій подготовить демонстрацію только къ марту, нашелъ необходимымъ устроить ее какъ можно скорѣе. Работа Союза на линіи по устройству стачки (было выпущено 100000 листковъ по линіи съ призывомъ) и развившаяся довольно широко пропаганда среди запасныхъ, находящихся въ городѣ, понудили К-тъ еще болѣе поторопиться. Рѣшена была демонстрація съ оружіемъ въ рукахъ. И 17 числа произошла эта ужасная схватка. Къ сожалѣнію, день и часъ демонстраціи были слишкомъ законспирированы, и рабочіе не были достаточно широко оповѣщены.

Изъ другого письма: „Пишу подъ впечатлѣніемъ ужаса только что пережитаго. Это была не демонстрація, не массовый протестъ — это былъ добровольный эшафотъ почти всѣхъ активныхъ силъ. Произошла какая-то ужасная непоправимая ошибка. Вышло на демонстрацію только одно ядро человѣкъ въ 200, да къ нимъ присоединилось еще человѣкъ 200. Рабочихъ, кромѣ организованныхъ, явилось человѣкъ 10–15, хотя въ этотъ день мастерскія были закрыты. Однимъ словомъ, вмѣсто массы [illegible] умирать кучка героевъ, которые и легли костьми. Всѣ [illegible], всѣ ранены... Ядро взято почти все. [illegible] образомъ изъ интеллигенціи и студентовъ, [illegible] послѣдними событіями и рѣчами. *Убитыхъ говорятъ около* [illegible]. Можетъ быть и преувеличено. Убиты [illegible] мальчикъ 12 лѣтъ, [illegible] гимназистка и [illegible]. Въ другой день: „Понемногу начинаемъ приходить въ себя. [illegible] подсчета жертвамъ сдѣлать еще нельзя. Арестовано человѣкъ [illegible]. Раненыхъ больше ста. Рабочихъ [illegible]. Промаховъ было масса. Комитетъ [illegible] двухъ солдатъ повѣсили.“

Изъ третьяго письма: „Результатъ демонстраціи: болѣе 100 раненыхъ. [illegible] раненые смертельно. Арестовано около [illegible] человѣкъ. Убиты: знаменосецъ [illegible], 1 рабочій, мальчикъ 13 лѣтъ, ученикъ ремесленнаго училища, гимназистка [illegible] и городовой. Избіеніе страшное. Били и обезоруженныхъ [illegible] съ крикомъ: „добивать [illegible]!“ Исправ[illegible] губернатора [illegible] присутствовалъ при [illegible] нагайками, шашками. Масса рубленыхъ ранъ. [illegible]“

[illegible]

Елисаветградъ. [illegible]

[illegible] стеклась [illegible] общества. Представители свободныхъ профессій, адвокатуры и пр., какъ передавали, [illegible] на вечерѣ устроить банкетъ [illegible] либеральнаго блока, съ произнесеніемъ [illegible] рѣчей политическаго характера. Естественно, что на вечеръ явилась и демократическая публика,

---

[1] Изъ особо характерныхъ примѣтъ его можемъ сообщить пока, что онъ говоритъ плохо по-русски, владѣетъ хорошо польскимъ языкомъ. Болѣе подробныя примѣты, равно какъ и фотографическую карточку его для напечатанія въ „Искрѣ“, пришлемъ черезъ нѣсколько времени.

так чутко прислушивающаяся теперь ко всякому теченію въ обществѣ. Послѣднее обстоятельство, къ стыду нашихъ либераловъ, настолько перепугало устроителей „банкета", что у нихъ хватило гражданскаго мужества лишь на то, чтобы убивать время въ активномъ или пассивномъ участіи въ танцахъ и, утомивъ ожидавшую болѣе содержательнаго вечера публику, среди которой было много рабочихъ, тѣмъ заставить ее разойтись ни съ чѣмъ къ тремъ часамъ ночи. Лишь когда порѣдѣли ряды „красныхъ", либералы набрались смѣлости заявить въ предназначенной для закусокъ комнатѣ, что предполагавшійся банкетъ не состоялся по причинамъ „тактическаго свойства". Послѣднія слова не трудно перевести на менѣе аллегорическій языкъ, и тогда они получатъ смыслъ весьма прозаическаго свойства, отъ котораго открешивается нынѣ и не „ищущій конституціи" либералъ. Но не успѣло быть произнесено и это жалкое заявленіе, какъ въ дверяхъ появился отрядъ полиціи съ приставомъ во главѣ, и одинъ видъ этой компаніи заставилъ примолкнуть жидкіе ряды „ужинавшихъ". Лишь истерическій одинокій крикъ „долой полицію" былъ отвѣтомъ на ея появленіе, да и тотъ затерялся. Собраніе къ утру разошлось ни съ чѣмъ.. Пусть же это и другія подобныя наблюденія обогатятъ жизненный опытъ нашихъ буржуазно-либеральныхъ лидеровъ, претендующихъ на представительство интересовъ народа. Пусть убѣдятся они, что безъ поддержки всѣхъ сознательныхъ элементовъ Россіи и широкихъ народныхъ массъ — даже простому, невинному упражненію ихъ въ словесности будетъ постоянно класть препоны самодержавный кулакъ.

Много зрѣлѣе отнеслись къ переживаемому русскимъ правительствомъ кризису и къ своимъ собственнымъ задачамъ представители широкихъ слоевъ мѣстнаго еврейскаго общества. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ Петербургѣ на дняхъ созывается частная совѣщательная коммиссія изъ *выборныхъ* представителей еврейскаго общества, его наиболѣе крупныхъ общинъ, по одному делегату на каждую, для обсужденія неотложныхъ нуждъ всего еврейскаго народа и вынесенія резолюцій въ формѣ конкретныхъ требованій къ русскому правительству. Собраніе состоялось 6 янв. Оффиціально разосланы были приглашенія лишь „виднымъ" представителямъ либеральной буржуазіи и демократической интеллигенціи. Наша организація была извѣщена за всего нѣсколько часовъ до открытія собранія, такъ что не было никакой возможности сорганизовать заранѣе компактную массу и выяснить ей задачи и цѣли собранія. Все же на него удалось попасть множеству нашихъ товарищей изъ рабочихъ и интеллигентовъ. Собраніе было нелегальное и самими устроителями его превращено было въ демократическій народный митингъ. Право голоса и выбора предоставлено было каждому пришедшему на собраніе, безъ различія пола и возраста. Было произнесено много рѣчей, въ томъ числѣ и нѣкоторыми нашими товарищами, которые указывали на необходимость защиты на съѣздѣ, прежде всего, интересовъ трудящихся массъ еврейскаго рабочаго класса, и присоединенія съѣздомъ еврейскихъ представителей къ своимъ исключительнымъ національнымъ требованіямъ еще общерусскаго требованія о созывѣ выборного, народнаго представительства путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Все собраніе въ 300—400 человѣкъ, за исключеніемъ девяти, высказалось, путемъ поднятія рукъ, за снабженіе делегата съѣзда слѣдующимъ мандатомъ: требовать уничтоженія всѣхъ ограничительныхъ законовъ, когда либо изданныхъ русскимъ правительствомъ противъ евреевъ, уравненія въ правахъ со всѣмъ кореннымъ населеніемъ, гражданскаго равноправія, а также высказаться за необходимость созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Въ случаѣ согласія правительственныхъ сферъ на частичныя уступки и паллiативныя мѣры, отказаться отъ таковыхъ, даже въ томъ случаѣ, если бы делегатъ оказался въ единичномъ меньшинствѣ. Потомъ приступили къ выборамъ делегата и тутъ же собрали деньги на поѣздку, которыхъ понадобилось 120 руб

Симферополь. Первымъ выраженіемъ общественнаго возбужденія, усилившагося подъ вліяніемъ еще краткихъ и неопредѣленныхъ свѣдѣній о Петерб. событіяхъ, послужило засѣданіе сельско-хозяйственнаго общества, происходившее 14-го января. Такъ какъ заранѣе было извѣстно, что это засѣданіе будетъ превращено въ „банкетъ", то публика явилась въ неслыханномъ для Симферополя количествѣ. Здѣсь была почти вся симферопольская интеллигенція и до 160 человѣкъ рабочихъ. Залъ думскихъ засѣданій былъ набитъ биткомъ; кромѣ того, цѣлыя толпы стояли еще въ прилегающихъ комнатахъ. Засѣданіе открылось довольно скучнымъ, по нынѣшнимъ временамъ, докладомъ о сельско-хозяйственномъ образованіи. Затѣмъ начались рѣчи: „о народномъ образованіи" и „финансовой политикѣ", „о свободѣ печати", и „о свободѣ рѣчи" союзовъ, собраній, свободѣ совѣсти (о свободѣ стачекъ забыли), равенствѣ національностей и неприкосновенности личности и жилища". Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчи становились смѣлѣе, но до поры до времени врядъ-ли превосходили по рѣзкости лучшія статьи „Нашихъ Дней" и „Нашей Жизни". Слѣдующій ораторъ пошелъ уже нѣсколько дальше: „Вотъ мы собрались сюда и выскажемся, по меньшей мѣрѣ, за народное представительство. А между тѣмъ, лица у всѣхъ оживленныя, радостныя, мы говоримъ и намъ нисколько не страшно. Отчего-же это такъ? А очень просто: всѣхъ не перевѣшаешь—вотъ почему намъ и не страшно. А кромѣ того, тамъ наверху теперь сквознякъ и полная растерянность. И это тоже очень понятно: одно окно было прорублено на Западъ, а другое на Востокъ—вотъ и просквозило." Въ заключеніи своей рѣчи ораторъ предложилъ требовать немедленнаго прекращенія всѣхъ политическихъ дѣлъ и амнистіи всѣмъ осужденнымъ за политическія и религіозныя убѣжденія. Но первому произнести запретное слово „самодержавіе" все таки выпало на долю оратора с.-ц.-демократа. Заявивъ, что, выступая отъ лица самаго революціоннаго въ современномъ обществѣ класса, онъ долженъ отбросить фиговый листочекъ подцензурной легальности и называть вещи ихъ именами, — ораторъ вполнѣ свободно сталъ говорить о современномъ политическомъ положеніи, доказывая, что будущее освободительныхъ стремленій русскаго общества находится въ тѣсной зависимости отъ развитія массоваго движенія пролетаріата. Сказавъ въ заключеніе, что передъ русскимъ обществомъ лежатъ два пути: союзъ съ самодержавіемъ противъ народа или союзъ съ народомъ противъ самодержавія, ораторъ высказалъ увѣренность, что общество предпочтетъ второй путь, и закончилъ свою рѣчь цитатой изъ резолюціи, принятой на собраніи ялтинскихъ рабочихъ: „Заключить союзъ съ народомъ, дѣйствовать именемъ этого союза и разсчитывать на поддержку народныхъ массъ, либеральное общество сможетъ лишь въ томъ случаѣ, если выставитъ требованія: 1) — созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права для лицъ обоего пола, 2) — полной амнистіи для всѣхъ такъ-наз. „политическихъ преступниковъ", а также для лицъ осужденныхъ за религіозныя убѣжденія. 3) — немедленное прекращеніе затѣянной самодержавіемъ позорной, антинаціональной войны." „Выставить эти требованія,—прибавилъ ораторъ,—я и предлагаю собранію и просилъ бы ихъ баллотировать". Немедленно по окончаніи этой рѣчи изъ толпы окружавшихъ оратора рабочихъ валетѣли пачки прокламацій и тучами взвились надъ публикой. Пущенныя накрестъ изъ разныхъ пунктовъ, онѣ красиво, словно снѣжинки въ снѣжную бурю, завитали по залѣ. Публика жадно набрасывалась на нихъ, вырывая ихъ другъ у друга, и тутъ-же на мѣстѣ читала. Солидные члены сельско-хоз. общества тоже старались достать себѣ по экземпляру и тоже читали, сидя за длиннымъ столомъ. Присутствовавшій на засѣданіи приставъ, говорятъ, весь передернулся при одномъ появленіи оратора — соціальдемократа, втеченіе-же его рѣчи, особенно въ наиболѣе рѣзкихъ мѣстахъ, онъ — употребляя мѣткое выраженіе екатеринодарскаго оратора, „корчился отъ свободнаго слова, какъ Мефистофель отъ крестнаго знаменія". Наконецъ, при видѣ прокламацій, блюститель порядка не выдержалъ и побѣжалъ къ телефону, но публика удержала его, прося „не дѣлать исторіи". Послѣ рѣчи С. Д. языки развязались, и нѣкоторые изъ послѣдующихъ ораторовъ говорили также вполнѣ свободно. Одинъ даже спрашивалъ публику, готова ли она съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое право (на что раздались отвѣтные возгласы: „готовы, готовы!") а другой, разсказавъ о Петерб. событіяхъ, предложилъ требовать суда надъ виновниками бойни. Всѣ предложенія, въ томъ числѣ и предложенія оратора С. Д., были собраніемъ приняты и вошли въ одну общую резолюцію.

По окончаніи засѣданія, при выходѣ изъ собранія, городовые схватили было двухъ человѣкъ (не изъ числа ораторовъ) и пытались посадить на извозчика, но толпа ихъ быстро отбила. Банкетъ вызвалъ огромное оживленіе въ симферопольскомъ обществѣ и породилъ много толковъ. Но больше всего довольны банкетомъ рабочіе. Мнѣ разсказывали, что на слѣдующій день неорганизованные рабочіе ловили на улицѣ своихъ товарищей, имѣющихъ отношеніе къ организаціи, и просили считать ихъ ея членами.

Въ P. S. нашъ корреспондентъ добавляетъ, что, если бы во время банкета ораторъ С.-Д. имѣлъ представленіе объ истинномъ характерѣ Петерб. событій, онъ говорилъ бы уже не о „будущности освободительныхъ стремленій", а просто о революціи.

Уфа Земское собраніе открылось 7 января молебномъ. Публика, болѣе многочисленная, тѣмъ въ прошлые годы, обращала вниманіе на большое число пѣвчихъ, стоявшихъ въ углу. Послѣ рѣчи предсѣдателя, предложившаго поднести адресъ царю „въ благодарность" за рожденіе наслѣдника, была избрана для выработки текста адреса коммиссія. Рѣшено также, „въ ознаменованіе радостнаго событія", построить 6 школъ и лазаретъ для раненыхъ (?!)

Послѣ этого часа три подрядъ гласные занимались всевозможными пустяками, видимо, стараясь скукой выжить публику изъ залы. Это имъ отчасти и удалось. Вдругъ, изъ угла, гдѣ стоятъ „пѣвчіе", раздается голосъ. Онъ начинаетъ говорить, другой подхватываетъ и продолжаетъ рѣчь. Предсѣдатель кричитъ „прошу замолчать". Подымается шумъ, и рѣчи оратора почти не слышно. Сыплется дождь прокламацій, и небольшая кучка демонстрантовъ, съ криками „долой самодержавіе!", выходитъ изъ залы, запѣвая Варшавянку. Впечатлѣніе взрыва динамитной бомбы. Гласные блѣдны, публика, опомнившись, начинаетъ подбирать и читать прокламаціи. Впослѣдствіи выяснилось, что нѣкоторые гласные, не будучи подготовлены къ инциденту, приняли вначалѣ демонстрантовъ за „черную сотню".

Черезъ полчаса являются жандармскій полковникъ и полиціймейстеръ. Начинаются розыски. На слѣдующій день, какъ говорятъ, всѣ демонстранты были арестованы.

8-го губернаторъ ставитъ земскому собранію ультиматумъ: продолжать засѣданія или при закрытыхъ дверяхъ или въ присутствіи наряда полиціи. Земцы не соглашаются ни на то, ни на другое, хотя въ этотъ день уже стоятъ на мѣстѣ вчерашнихъ „пѣвчихъ" приставъ, 2 околодочныхъ надзирателя, много переодѣтой полиціи и шпиковъ. Весь день прошелъ въ ожиданіи отвѣтной телеграммы отъ министра, которому было обжаловано распоряженіе губернатора. По рукамъ публики ходитъ проектъ предполагавшагося адреса, въ которомъ послѣ ряда „благодарностей" — за наслѣдника, за довѣріе, за указъ 12 декабря и пр. — высказываются конституціонныя пожеланія. При аплодисментахъ публики предсѣдатель предложилъ засѣданіе отмѣнить. 9 января на дверяхъ дворянскаго собранія появилась бумажка: земское собраніе, назначенное на сегодня, отмѣняется. Больше земцы уже не собирались.

Мелитополь. Въ субботу 15/1 состоялось здѣсь собраніе рабочихъ и интеллигентовъ, въ количествѣ приблизительно 90 человѣкъ. Собраніе было открыто рѣчью, длившейся около двухъ часовъ. Ораторъ говорилъ о политикѣ Святополка-Мирскаго, объ отношеніи къ ней различныхъ слоевъ общества, объ отношеніи Соц.-Дем. къ другимъ оппозиціоннымъ теченіямъ и указалъ на то, что пролетаріатъ долженъ выступить, какъ самостоятельная политическая сила. Бакинскія и Петербургскія событія показываютъ, что пролетаріатъ началъ уже борьбу за свободу. Въ заключеніе ораторъ призвалъ собравшихся къ энергичной борьбѣ рука объ руку съ пролетаріатомъ всей Россіи. Собраніе рѣшило послѣ перерыва обсудить способъ активной поддержки петербургскихъ рабочихъ. Но во время перерыва нагрянула полиція. Нѣкоторые изъ собравшихся пытались бѣжать, и 7 изъ нихъ были арестованы во дворѣ. Другіе товарищи стали призывать къ спокойствію. Собраніе рѣшило тогда прогнать полицію (послѣдняя не ожидала встрѣтить такое многолюдное собраніе и потому явилась въ незначительномъ количествѣ). Жандармскаго полковника вытолкали, при чемъ онъ упалъ съ лѣстницы — правда, не очень высокой. Стали бить городовыхъ. И справникъ удалилъ тогда полицію и предложилъ собранію выбрать депутатовъ для переговоровъ. Ему отвѣтили, что не желаютъ никакихъ переговоровъ съ полиціей и требуютъ, чтобы никто изъ собравшихся не былъ арестованъ. Исправникъ удалился, а толпа, выстроившись рядами, пошла къ полиц. участку, чтобы заставить освободить арестованныхъ. Полиціи было заявлено, что толпа не разойдется, пока не будутъ освобождены всѣ товарищи — или пусть арестуютъ всѣхъ, бывшихъ на собраніи. Тогда всѣхъ выпустили, только переписали фамиліи. Дѣло безъ жертвъ, однако, не обошлось. Во время паники при появленіи полиціи, одна дѣвица сломала себѣ ногу. Учащихся, записанныхъ полиціей, на другой день исключили изъ учебныхъ заведеній (между ними 5 гимназ., 4 реал.). Арестовали также 2 рабочихъ.

Кутаисъ. (Изъ частнаго письма). 9 января въ городскомъ театрѣ играли новую пьесу (на груз. языкѣ) „Кай Гракхъ". Зданіе театра было биткомъ набито зрителями. Возбужденіе послѣднихъ было доведено содержаніемъ пьесы до высшихъ предѣловъ, такъ сказать, до бѣлаго каленія. Съ верхнихъ ярусовъ — балкона и галлереи — то прерывая игру на сценѣ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, то во время антрактовъ, подавляющее большинство зрителей, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ мѣстныхъ рабочихъ и учащейся молодежи, гремѣло на все зданіе. „Долой патриціевъ, долой эксплуататоровъ", Да здравствуетъ демократическая республика" и т. п. А въ началѣ второго дѣйствія сверху посыпались на публику прокламаціи. „Поздравленіе съ новымъ годомъ" мѣстнаго комитета партіи. При этомъ неожиданномъ сюрпризѣ публика въ ложахъ и переднихъ рядахъ встрепенулась, однимъ глазомъ посматривая къ выходу, а другимъ на полицію. То садясь, то вставая, оглушенная революціонными криками сверху, эта съежившаяся, какъ жаба, расфранченная публика производила крайне комическое впечатлѣніе. Но, видя бездѣйствіе полиціи, которая на этотъ разъ предпочла политику „невмѣшательства", трусливая публика начала дрожащими руками брать листки и съ тупой улыбкой, безучастно читать ихъ. Народъ пьесою остался чрезвычайно доволенъ. Шумъ, революціонные возгласы были по окончаніи пьесы вынесены на улицы, гдѣ группа ж. д. рабочихъ, въ тотъ день выигравшая стачку, съ пѣснями пошла къ вокзалу...

Въ цѣлой губерніи народъ за короткое время совершенно перемѣнился, сознаніе его растетъ буквально по часамъ; даже захолустья, прежде не показывавшія признаковъ жизни, внимательно прислушиваются къ общественно-политической жизни и къ чему-то готовятся... Въ Имеретіи и Мингреліи въ деревняхъ идетъ усиленная пропаганда нашей партіи. Народъ здѣсь оказался такъ *единодушно* воспріимчивымъ къ нашей пропагандѣ, что прежде неблагонадежные люди теперь принимаютъ активное участіе въ движеніи, беря на себя зачастую роль кружковыхъ и другихъ представителей. Вся губернія готовится къ чему-то болѣе великому, торжественному... Въ Кутаисѣ начальство намѣревается на время прекратить учебныя занятія...

Кутаисъ (изъ частнаго письма). Вотъ резолюція банкета, состоявшагося здѣсь 31 декабря: 1) Свобода слова, 2) Неприкосновенность жилища и личности, 3) Свобода вѣроисповѣданія, 4) Свобода печати, 5) Участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ и въ распредѣленіи расходовъ и доходовъ (что возможно только при конституціонномъ правленіи), 6) Уничтоженіе сословныхъ привилегій.

Ставрополь Кавказскій. И наше болото заколыхалось, и оно показало, что можетъ волноваться: Зашумѣло и все, въ немъ находящееся. Дѣйствительно, присмотритесь къ нашему обывателю — вы замѣтите въ немъ большую перемѣну: вы увидите, что онъ внимательнѣе прислушивается къ разговорамъ окружающихъ, читаетъ съ видимымъ удовольствіемъ газеты и даже вставляетъ иногда въ разговоръ свой взглядъ, свое мнѣніе. Словомъ, даетъ о себѣ знать, что онъ, молъ, еще живъ, и что, слѣдовательно, нужно считаться съ тѣмъ, что онъ скажетъ. Правда, есть еще такіе, которые, боязливо осматриваясь назадъ, говорятъ покачивая головой: „И что только съ нашимъ Ставрополемъ? Завелись здѣсь какіе-то соціальдемократы и портятъ молодежь, заражая ее своимъ вліяніемъ". При этомъ слышны проклятія по адресу этихъ демократовъ. Но на эти голоса уже почти никто не обращаетъ никакого вниманія. Произошла стачка у Тимофѣева (типографія), рабочіе требуютъ уменьшенія рабочаго дня; недавно была забастовка на свѣчномъ заводѣ. Былъ банкетъ, на которомъ произнесены были рѣчи; въ общемъ банкетъ прошелъ довольно оживленно.

Ростовъ н/Д. Вчера, то есть 28 января, опричники разгулялись; съ самаго ранняго утра по городу шествовали жандармы, производя обыски; послѣдніе, какъ говорятъ, были вызваны демонстраціей въ театрѣ, если можно назвать демонстраціей разбрасываніе листковъ, произведенное во время представленія пьесы Горькаго „Дачники". Внутри театра никого не забрали, за исключеніемъ одного 12 лѣтняго гимназиста, котораго, впрочемъ, скоро выпустили. Набѣги Карлова на этотъ разъ не увѣнчались особеннымъ успѣхомъ. Арестована жена кандидата математическихъ наукъ Когана и два брата Сезенцевы, послѣдніе съ литературой. Обыски были у Р. Лернеръ, какой-то гимназистки и у рабочихъ. Мѣстная организаціонная работа кипитъ, почти что еженедѣльно выходятъ листки.

Балашевъ, Сарат. губ. (изъ частнаго письма). „Весеннюю эру" у насъ открылъ банкетъ. Онъ прорвалъ плотину и раскрылъ молчаливыя уста. Послѣ него производилось жандармское дознаніе, но результатовъ не дало. Искали доказательствъ для привлеченія виновныхъ за оскорбленіе „Величества" и произнесеніе противоправительственныхъ рѣчей. Послѣ этого либеральнаго банкета былъ банкетъ въ Тростянской школѣ, устроенный *по иниціативѣ крестьянъ*, въ присутствіи небольшой горсточки интеллигенціи. Инспекторъ производитъ дознаніе объ учителяхъ, будто-бы пѣвшихъ революціонныя пѣсни. Петербургская бойня вызвала бурю негодованія даже у насъ въ Балашевѣ. Городъ теперь полонъ нелегальщины.

Село Александровское, Иркутской губ. (Изъ частнаго письма): „Одна сердобольная дама, г-жа Х., додумалась до того, что отправилась къ графу Кутаисову просить его, не можетъ ли онъ ускорить разборъ дѣла Романовцевъ въ судѣ, такъ какъ, молъ, тюрьма вредно отзывается на ихъ здоровьи. Онъ сказалъ, что на ходъ процесса не можетъ имѣть никакого вліянія. „А вотъ, если бы они сдѣлали первый шагъ, такъ я готовъ бы сейчасъ же поѣхать къ государю и добиться полной амнистіи". Г-жа Х. отвѣтила, что „перваго" то шага они вѣроятно не сдѣлаютъ. „Вообще, еслибъ не эти адвокаты, не эти суды, такъ они теперь ѣхали бы домой, какъ Вы", прибавилъ Кутаисовъ. Далѣе онъ сталъ доказывать ей, что онъ собственно не повиненъ во всей этой исторіи: показывалъ ей циркуляръ о прекращеніи отправки на казенный счетъ, изданный будто бы еще раньше его назначенія въ ген.-губернаторы, показывалъ телеграммы фонъ-Плеве, требовавшія военнаго суда надъ Романовцами, и свой отвѣтъ, что это невозможно. Весь дальнѣйшій разговоръ носилъ характеръ самооправданія. Видимо, Кутаисовъ труситъ, ожидая награды по заслугамъ. „Знаетъ кошка, чье мясо съѣла". Недаромъ онъ плачется иркутянамъ: „Если бы не это дѣло, такъ княгиня чаще могла бы въ театрѣ бывать". Одинъ политическій ссыльный, Татаровъ ходилъ недавно по какому то дѣлу къ Кутаисову. Послѣдній показывалъ ему циркуляры Плеве и свой дневникъ, гдѣ будто бы видно его критическое отношеніе къ нимъ. Теперь онъ не ждетъ уже „перваго шага" Романовцевъ, а самъ подумываетъ сдѣлать его; по крайней мѣрѣ, онъ вездѣ трубитъ, что въ февралѣ будетъ въ Петербургѣ лично просить государя о полной ликвидаціи Романовскаго дѣла.

Въ Александровскѣ бываетъ много народу, пріѣзжающихъ на свиданія съ романовцами. Манифестъ примѣнили ко всѣмъ. Охранниковъ возвращали всѣхъ, независимо отъ срока. Обратникамъ якутянамъ даютъ теперь отъ Витима до Иркутска прогонныя, а до Витима—на обывательскихъ. Въ Якутскѣ, передаютъ, режимъ вольный, многіе улусники безпрепятственно живутъ въ городѣ, всѣ желанія ссыльныхъ удовлетворяются.

Краснянская бѣжала съ Нюрьбы (около Вилюйска), но ее поймали въ Киренскѣ; она снова удрала, и ее снова поймали въ Усть-Кутѣ, теперь, говорятъ, сидитъ въ Верхоленскѣ. О времени суда надъ Романовцами ни чего не слышно. Въ Иркутскѣ упорно болтали раньше, что до суда не хотятъ допустить и постараются замять дѣло экстраординарнымъ порядкомъ. Теперь уже ходятъ слухи, что будетъ не раньше февраля — марта...

Таганрогъ. Политическое дѣло. 19 января с. г. въ г. Таганрогѣ особымъ присутствіемъ Харьковской Судебной Палаты съ сословными представителями было заслушано политическое дѣло по обвиненію Ивана Семеновича Пономарева, рабочаго, по 1 ч. 130 ст. Угол. Улож. Сущность дѣла сводится къ тому, что 19 февраля 1904 г. въ Ростовѣ н/Д. онъ распространялъ воззванія, какъ гласитъ обвинительный актъ, преступнаго общества, присвоившаго себѣ наименованіе Донского Комитета Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, озаглавленныя „Къ рабочимъ и работницамъ г.г. Ростова и Нахичевани", возбуждающія къ бунтовщическому дѣянію и ниспроверженію существующаго въ государствѣ общественнаго строя. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ. Обвиняемый на дознаніи и на судѣ не признавалъ своей вины, а отъ послѣдняго слова отказался. На дознаніи противъ него свидѣтельствовали Левитскій, Мордашковъ и околодочный надзиратель Осиновскій. Мордашковъ зналъ раньше обвиняемаго, подговорилъ Левитскаго присутствовать, втянулъ обвиняемаго въ разговоръ политическаго характера и при этомъ получилъ отъ него одну изъ прокламацій, находившихся у него въ боковомъ карманѣ.

Послѣ этого одинъ изъ двухъ удалился, позвалъ околодочнаго надзирателя, который арестовалъ Пономарева и доставилъ его въ участокъ, гдѣ изъ бокового кармана и достали 29 прокламацій, свернутыхъ въ трубочки. На судъ ни Левитскій, ни Мордашковъ (послѣдній изъ рабочихъ) не явились. По оглашеннымъ справкамъ они значились не разысканными, хотя о Левитскомъ явившійся околодочный надзиратель показалъ, что онъ всегда съ дѣтства живетъ въ Ростовѣ н/Д. и теперь служитъ у нотаріуса Томашевскаго. Явившійся свидѣтель подтвердилъ свое показаніе, данное на дознаніи, а показанія не явившихся свидѣтелей были оглашены.

Обвинитель, товарищъ прокурора Харьковской Судебной Палаты Вишневскій, настаивалъ на примѣненіи высшей мѣры наказанія въ виду упорнаго запирательства обвиняемаго и измѣнилъ обвиненіе, замѣнивъ 130 ст. 129 ст. Угол. Улож.

Защитникъ, присяжный повѣренный изъ Ростова н/Д., Городискій, указалъ на то, что дѣла, на обложкахъ коихъ значится политическое", вызываютъ особую грусть, ибо тотъ, къ кому сегодня требуютъ примѣненія карательныхъ мѣръ, какъ тяжкому преступнику, завтра будетъ увѣнчанъ, какъ герой. Напр., въ той же прокламаціи, которую огласили, какъ распространенную обвиняемымъ, такъ краснорѣчиво и правдиво трактуется о бывшемъ устоѣ русскаго государственнаго строя, о крѣпостномъ правѣ. Еслибъ тогда существовали 129 и 130 ст. новаго Улож., то на основаніи ихъ былъ бы осужденъ строго тотъ, кто распространялъ бы листки съ требованіемъ уничтоженія этого устоя. А развѣ не всѣ здѣсь находящіеся судьи отдаютъ должную дань борцамъ, благодаря „тогдашнимъ преступленьямъ" коихъ этотъ позорный институтъ ушелъ въ область исторіи? Не то ли ждетъ и тѣхъ, кого мы теперь называемъ по этимъ дѣламъ преступниками? Поэтому, судьи должны найти всѣ пути для освобожденія обвиняемыхъ отъ всякаго наказанія. И не объ упорномъ запирательствѣ приходится говорить, а о томъ, что, разъ обвиняемый не сознается, такія показанія, какъ показанія неразысканныхъ слугъ жандармской полиціи, такихъ іудъ предателей, не могутъ служать обвинительнымъ матерьяломъ. Отчего не представили изъ посторонней публики ни одного лица, кому была обвиняемымъ вручена прокламація? Судьи съ легкимъ сердцемъ должны признать обвиненіе не доказаннымъ, а обвиняемаго свободнымъ отъ всякой кары. Палата совѣщалась болѣе часа и вынесла приговоръ, коимъ подвергла Пономарева заключенію въ крѣпости на одинъ годъ, съ зачетомъ въ этотъ срокъ времени содержанія обвиняемаго подъ стражей. А содержался онъ подъ стражей 11 мѣсяцевъ.

Тема для бесѣдъ съ нижними чинами. (Изъ Екатеринославскихъ казармъ).

Россія противъ своей воли вовлечена въ войну съ Японіей, которая напала, безъ объявленія войны, на Россію. Война не легкая, нужно перевозить за 10—12 тысячъ верстъ войска, боевые припасы, продовольствіе, орудія, оружіе, теплую одежду и тому подобное.

Моремъ владѣетъ Японія, а это даетъ ей большія преимущества. Для борьбы на морѣ посланъ флотъ, въ помощь которому нужно послать еще эскадру. Эскадра готовится. Конечно, съ прибытіемъ войска и флота дѣла японцевъ пошатнутся, они будутъ разбиты. Это сознаютъ японцы и боятся. Что-же имъ дѣлать, чтобы не допустить нашъ флотъ прибыть на Дальній Востокъ, задержать усиленіе нашей арміи, не допустить подвозить людей, лошадей, продовольственные и боевые припасы, не допустить вывозъ изъ арміи больныхъ и раненыхъ?

Они воспользовались тѣмъ, что въ каждой странѣ есть мерзавцы, бунгующіе бѣдное населеніе: это измѣнники вѣрѣ, царю и отечеству. Имъ Японія выслала 18 милліоновъ рублей, чтобы взбунтовать рабочихъ, чтобы рабочіе бросили работать, а, чтобы не голодали, когда не будутъ работать, то платить имъ по рубля за каждый нерабочій день. Бѣдные рабочіе, темные люди, не поняли того, что производя забастовки, да въ такое время (война) они совершали тяжкое преступленіе противъ своей родины. Главнымъ образомъ, произвели забастовку рабочіе тѣхъ заводовъ, которые работаютъ для флота, арміи, желѣзной дороги. Развѣ это не преступленіе? Къ счастію, на такихъ заводахъ забастовка прекратилась, рабочіе наконецъ-то поняли, что они играли на руку японцамъ, врагамъ Россіи. Намъ нужно всѣмъ много работать, многому учиться, чтобы выйти побѣдителями изъ этой борьбы.

Если же, вмѣсто помощи, у насъ будутъ не работать, пьянствовать и производить смуты, то арміи будетъ тяжело; она, бѣдная, будетъ тамъ страдать.

Вести войну будетъ тяжело. Если-же, не дай Богъ, войну проиграемъ, то черезъ 10—20 лѣтъ на насъ нахлынетъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ дикая орда китайцевъ и японцевъ, вооруженныхъ отличными пушками и ружьями. Орда жестокая, тяжкая, язычники, поклоняющіеся идоламъ. Они будутъ всѣхъ рѣзать, сжигать людей живыми, насиловать женщинъ, разрушать Божьи храмы. И мы не будемъ въ состояніи бороться съ ними, ибо у насъ такихъ силъ не будетъ. И наши дѣти тогда будутъ насъ проклинать и говорить, что негодяи были-же отцы, не разбившіе врага своевременно, ибо только заводили смуту, пьянствовали, безобразничали, а не помогали разбить врага. И запустѣютъ города, села будутъ разрушены. Съ ними и бѣдные христіане станутъ рабочимъ скотомъ для дикихъ, свирѣпыхъ язычниковъ.

Бѣдныя наши неповинныя дѣти будутъ страдать только изъ-за насъ.

Бросьте пьянствовать, нужно учиться, какъ разбить врага. Отъ пьянства — здоровье страдаетъ, а на что же арміи больной солдатъ — онъ тамъ тяжкая обуза.

Тотъ солдатъ, который не учится, а пьянствуетъ и бунтуетъ, есть тоже измѣнникъ вѣрѣ христіанской, царю и отечеству. Бросьте пить, будьте честными хорошими солдатами и побѣда будетъ за нами.

Подлинную подписалъ:
Командиръ полка, полковникъ Емельяновъ.

Съ подлиннымъ вѣрно:
Полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Малиновскій.

Кіевъ. 21 января появилось въ университетѣ приглашеніе на сходку на 22-ое, подписанное соц. демократ. студенческими организаціями комитета и украинской, группой студентовъ соц.-рев., польской корпораціей и землячествами. Бундисты выпустили особое приглашеніе.

Въ тоже время, а также днемъ раньше, состоялся рядъ курсовыхъ сходокъ, — настроеніе было великолѣпное, напр.: филологи единогласно рѣшили прекратить занятія и ждать рѣшенія общей сходки; такое же рѣшеніе прошло и у юристовъ четвертаго курса большинствомъ 68 противъ двухъ, причемъ большинство были преимущественно прошлогодніе націоналисты. А вѣдь эти филологи и юристы — столпы порядка.

21-го же университетскіе корридоры были переполнены студентами; нѣсколько приглашеній на сходку были расклеены въ корридорѣ.

Инспекція ун-ская не вмѣшивалась; когда же большая часть студентовъ удалилась, педеля стали шнырять около курилки; одинъ вошелъ въ курилку и намѣревался сорвать, по обыкновенію, прокламацію, но получилъ такой ударъ, что вся физіономія покрылась кровью. Вообще, настроеніе было возбужденное и говорили: „завтра ун-тетъ будетъ закрытъ; мы этого добьемся, несмотря ни на какія средства." При этомъ, въ числѣ средствъ, очень недвусмысленно указывали на инспекцію; ударъ же, полученный педелемъ, прозвали „авансомъ" и „задаткомъ."

22-го утромъ было объявлено о закрытіи ун-та на неопредѣленное время въ виду „подготовляемой въ зданіи ун-та политической демонстраціи". Такъ ун-тетъ до сего дня и закрытъ. Надо прибавить, что 22-го утромъ около ун-та собралась тьма народу: столько студентовъ не собиралось ни весной 1903 года, ни въ ноябрѣ 1903 го г.

Вообще же въ городѣ банкетовъ и иныхъ либеральныхъ демонстрацій не было; даже 12 января проворонили: за то публика показываетъ свое настроеніе, покупая усиленно „Наши Дни". Вчера (29 го) продано свыше 3000 экземпляровъ..

17 февраля ожидается первый процессъ с.-р.: въ числѣ „обвиняемыхъ" два предателя: Яковъ Машъ (онъ-же Алесандръ Кузначенко) и Василій Бѣляевъ. Обвиняется человѣкъ пять.

Варшава. Въ политехническомъ институтѣ была сходка, которая продолжалась 18 часовъ: съ 11 часовъ утра до 5 часовъ ночи. Директоръ не закрылъ Института и не призывалъ полиціи, такъ что мы безпрепятственно могли вести совѣщанія. Сходка продолжалась такъ долго, благодаря большому числу участниковъ (850) и антагонизму, существующему между различными студенческими партіями. Такъ называемые народово-демократы выставляли, главнымъ образомъ, требованія академическаго характера: польскія школы, университеты, польскихъ профессоровъ; лучшая же часть поляковъ, вмѣстѣ съ русскими и евреями, настаивала на болѣе широкой постановкѣ вопроса и выработала резолюцію обще-политическаго характера. Пока что, рѣшили прекратить занятія до окончанія рабочей забастовки. Въ университетѣ была тоже сходка, но съ меньшимъ числомъ участниковъ (450 человѣкъ), такъ какъ „народово-демократы" не пришли. Полиція окружила университетъ и по окончаніи сходки хотѣла всѣхъ арестовать, но студенты остались въ зданіи университета до 12 часовъ ночи, пока не пришелъ оберъ-полицеймейстеръ и не обѣщалъ всѣмъ полную неприкосновенность.

Среднія учебныя заведенія тоже забастовали и демонстративно разошлись по домамъ.

Николаевъ. Въ понедѣльникъ 24 весь городъ былъ лишенъ полицейскихъ. Всѣ они были у заводовъ. Повидимому, полиція ожидала забастовки и предполагала, что, бросивъ работу, рабочіе направятся въ городъ. Чтобъ имъ воспрепятствовать, были припрятаны, хотя и навиду у всѣхъ, у завода нѣсколько сотъ казаковъ. Говорятъ, что Черноморскій заводъ (около 10,000 рабочихъ) или часть его, не работалъ въ понедѣльникъ. Администрація „Французскаго завода" явилась за полчаса до начала работъ, и начальникъ модельной мастерской Коплевскій появился въ мастерской въ сопровожденіи 3 городовыхъ.

На нѣсколькихъ балахъ и лекціяхъ послѣдняго времени были раскинуты прокламаціи. Во время одной лекціи нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ публики крикнулъ: „надо почтить память товарищей, погибшихъ въ Петербургѣ". Публика такъ испугалась, что шарахнулась къ выходу, и только заявленіе лектора, что, если публика будетъ расходиться, то ему придется прекратить чтеніе, удержало нѣкоторыхъ. Вотъ и вся наша общественная жизнь.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Нижній. Подъ городомъ, въ Молитовкѣ есть льнопрядильная и ткацкая фабрика компаніи мѣстныхъ тузовъ: Башкирова, Бугрова и т. д. Условія труда и жизни рабочихъ прямо невозможныя, плата нищенская. Взрослый мужчина за одиннадцать съ половиною часовъ получаетъ самое большее 50 копѣекъ. Нѣсколько разъ со стороны рабочихъ уже дѣлались попытки добиться лучшихъ условій, но все кончалось ничѣмъ. На фабрикѣ преобладаютъ женщины, которыхъ трудно втянуть въ борьбу. За послѣднее время, подъ вліяніемъ отчасти Петербургскихъ событій, фабрика вновь заволновалась. Два или три раза то или другое отдѣленіе — прядильное, чесальное, прекращало работу, заявляя свои требованія, — повысить расцѣнки и поденную плату, передать хозяйскій лабазъ въ руки рабочихъ, отмѣнить плату за каморку, улучшить баню и т. д. Но до общей стачки дѣло не дошло: забастовавшихъ прядильщиковъ хозяева замѣнили подручными, чесалямъ набавили по пятаку. А дальше отобрали книжки, намѣреваясь грошовыми прибавками нѣкоторымъ успокоить волненіе и раздробить силы. Врядъ ли однако удастся!

Комитетъ выпустилъ уже листокъ съ призывомъ къ стачкѣ и, судя по настроенію рабочихъ, они откликнутся на призывъ, если не сейчасъ, то позже. А пока что, полиція пришла на помощь социальдемократамъ въ дѣлѣ политическаго воспитанія молитовскихъ рабочихъ: жандармы нахлынули на фабрику искать подстрекателей и будить въ головахъ рабочихъ вопросъ о связи политическаго безправія съ экономической борьбой. Въ добрый часъ!

Въ декабрѣ въ Сормовѣ въ судостроительномъ цехѣ была стачка, продолжавшаяся нѣсколько дней. Часть требованій была удовлетворена, —повышены, между прочимъ, расцѣнки. Но недовольство все еще существуетъ; вызывается оно, главнымъ образомъ, низкой заработной платой, благодаря тому, что весь процентъ сверхъ поденной платы вычитается на погашеніе прошлогодней проработки. Недавно мальчики—ученики въ одномъ изъ цеховъ прекратили работу, потребовали и добились прибавки по 5—10 копѣекъ къ поденной платѣ. Прибавка сдѣлана и взрослымъ, работающимъ въ этомъ же цеху.

Такая уступчивость администраціи объясняется очень просто: она боится стачки и старается предупредить ее. Съ этой цѣлью она прибѣгаетъ и къ другимъ мѣрамъ.

Одновременно съ массовками рабочихъ, обсуждавшими вопросъ о стачкѣ, происходили совѣщанія заводской администраціи. На нихъ рѣшили между прочимъ внушить мастерамъ вѣжливое обращеніе съ рабочими и затруднить доступъ изъ одного цеха въ другой, закрыть съ этой цѣлью всѣ двери, кромѣ одной, а около нея поставить стражу. Самъ директоръ Мещерскій лично ведетъ агитацію противъ стачки. На эту тему онъ произнесъ въ вальцовкѣ цѣлую рѣчь, приглашая рабочихъ гнать въ шею тѣхъ, кто будетъ смущать ихъ. Скоро, однако, заволновались вальцовщики. Они потребовали отмѣны поденнаго оклада, такъ какъ онъ невыгодно отзывается на выдачѣ платы за дни болѣзни (раньше выдавалась плата примѣнительно къ фактическому заработку). Требованіе удовлетворено. Вообще, противо-стачечная агитація въ полномъ разгарѣ: въ церквахъ читаются и раздаются посланія св. Синода, на заводѣ и въ городѣ развѣшали объявленія Трепова о томъ, что правительство приступаетъ къ работамъ по вопросу о сокращеніи рабочаго дня. Надо признаться, что объявленіе это производитъ впечатлѣніе на массу. Тѣмъ болѣе намъ необходимо теперь усилить политическую агитацію.

Екатеринославъ. Гвоздильный заводъ, бывш. Гантке. Работаетъ у насъ около 300 взрослыхъ рабочихъ и 30 дѣтей. Общая заработная плата не превышаетъ 1 руб., а штрафы ставятъ неустанно по 1 руб. за прогульный день, не считаясь съ причинами прогула. Вычитаютъ также изъ заработка на разныя нужды войны *безъ согласія* рабочихъ. Обращеніе до безконечности грубое, даже примѣняютъ площадную ругань и физическія расправы, въ особенности Саукума и Стефановскій. Марценковскій, присутствуя при очень неудобной работѣ, такъ подгонялъ рабочаго, что у того оторвало палецъ. Тогда тотъ же г. Марценковскій записался свидѣтелемъ, и, чтобы скрыть свое неумѣлое распоряженіе, налгалъ въ протоколѣ, что рабочій попалъ въ станокъ по своей винѣ. Вознагражденія за увѣчья рабочіе не получаютъ и имъ даже не выдаютъ больничныхъ до окончательнаго выздоровленія. Средства же лѣченія очень плохи и ограничены. Помѣщенія довольно низкія, темныя, холодныя, переполнены постоянно дымомъ, копотью, отсутствіе вентиляціи, отопленія, освѣщенія. Отхожее мѣсто открытое, на воздухѣ и наполняетъ всѣ помѣщенія зловоніемъ.

Былъ на заводѣ пожаръ. Рабочіе, видя угрожающую имъ опасность, больше чѣмъ фабриканту, остаться совсѣмъ безъ куска хлѣба, принялись усердно тушить. Начальникъ и его мастера стояли вдали, засунувъ глубоко руки въ карманы, и, по свойственной имъ привычкѣ, нахально понукали рабочихъ, и безъ того усердно старавшихся спасти свое ярмо, безъ котораго они обречены на голодную смерть. Пожаръ былъ потушенъ; рабочіе сгорѣвшаго цеха были отпущены, и многіе разсчитаны; нѣкоторые получили по 3 руб. за тушеніе пожара, а большинство ничего не получило. Начальникъ же получилъ за то, что онъ видѣлъ пожаръ, 400 руб., помощники мастера за то, что орали и понукали по 150 руб., а рабочіе получили свободу помирать съ голоду. Урокъ не дурной для будущаго. Гантке, навѣрно, разсердился, что рабочіе не дали ему получить полностью страховки.

Трубный заводъ. Рабочихъ около 3000, работаютъ по 10 ч. въ день и въ ночь. Начальство изъ разныхъ иностранныхъ отбросовъ, до безконечности грубое. Изъ всего русскаго языка они заучили одну только пошлую ругань. Напримѣръ, извѣстные деспоты Тери, Марцетъ поочередно практикуютъ, выкрикивая заученныя фразы брани надъ каждымъ рабочимъ, чтобъ тотъ не забывалъ, что они властелины и въ ихъ распоряженіи расчетъ и пріемъ. Сверхурочная работа считается у насъ не послѣ 10 час., а послѣ 14 часовъ, а до этого считаютъ часъ за часъ. Пожертвованія берутъ насильно на Красный Крестъ и военныя нужды. Рабочіе изъявляли согласіе помогать, но только семьямъ своихъ товарищей, которые ушли на Дальній Востокъ, и хотѣли выбрать своихъ членовъ для наблюденія и распоряженія, поступающими для этой цѣли суммами, но начальство поступило по своему усмотрѣнію. Оно всевозможными способами старается обмануть получившихъ увѣчье, не обращая вниманіе ни на какія, даже законныя, постановленія.

Рабочій.

Смоленскъ, 20 января. С-ры, горячо примкнувшіе къ либераламъ въ неодобреніи „скандала", устроеннаго соціальдемократами въ собраніи врачей 5 января, тѣмъ не менѣе, рѣшились подражать соціальдемократамъ и 9 января попробовали устроить „скандальчикъ" въ частномъ собраніи общества книгопечатниковъ, на которомъ, впрочемъ, не смотря на его частный характеръ, присутствовала и посторонняя публика. Присутствовало человѣкъ 25 „книгопечатниковъ", т. е. попросту типографскихъ рабочихъ, и человѣкъ 40 постороннихъ рабочихъ, изъ коихъ десятка полтора с.-д—овъ. Читался докладъ сотрудника мѣстной газеты Орлова о государственномъ страхованіи рабочихъ. Докладъ честь-честью, съ пожеланіями въ духѣ „Русскихъ Вѣдомостей", изъ коихъ самымъ радикальнымъ было — участіе представителей рабочихъ въ выработкѣ закона, намѣченнаго указомъ 12 декабря. Начались пренія. Послѣ рѣчи перваго, будемъ называть, оппонента, рабочіе (кромѣ „книгопечатниковъ": послѣдніе, видя, что собраніе принимаетъ опасный характеръ, мало по малу разбѣжались, исключая „правленіе", которое, по должности, вынуждено было оставаться) послѣ обычнаго возгласа, попробовали пѣть все ту же Варшавянку, но нескладно и, останавливаемые частью присутствующихъ, смолкли.

За его рѣчью послѣдовали возгласы: „Да здравствуетъ учредительное собраніе"! — „Да здравствуетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!" и была спѣта Варшавянка. Предсѣдатель закрылъ засѣданіе. Собраніе начало расходиться. Тутъ сказалъ небольшую рѣчь еще одинъ ораторъ. С-ры, выйдя изъ засѣданія, разбросали по саду „Блонье" и отчасти по прилегающимъ улицамъ какіе-то небольшіе гектографированные листки, которые они, очевидно, хотѣли было распространить въ самомъ засѣданіи среди публики, но публики то и не было. При этомъ были арестованы три дѣвицы работницы. Книгопечатники, хотя часть изъ нихъ и аплодировала ораторамъ, все-таки недовольны происшедшимъ и нѣкоторые изъ нихъ угрожаютъ даже довести все до свѣдѣнія жандармовъ.

Отмѣтимъ еще случайно происшедшую здѣсь манифестацію. На студенческомъ концертѣ, бывшемъ, кажется, того же 9 января, послѣ послѣдняго номера програмы: „Два гренадера", публика (главнымъ образомъ студенты), подхватила Марсельезу (конечно въ нашемъ видѣ) и трижды пропѣла ее.

Смоленскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Резолюція оргѣевскихъ рабочихъ. Присутствовало 60 человѣкъ). „Мы, оргѣевскіе пролетаріи, собравшись и выслушавъ докладъ о современномъ положеніи Россіи, присоединяемъ и нашъ, хотя и слабый, голосъ къ голосу всего протестующаго пролетаріата и всего населенія Россіи противъ лютаго самодержавнаго звѣря за устроенныя имъ кровавыя бойни въ Петербургѣ, Варшавѣ, Ригѣ и почти по всей Россіи. Мы, вмѣстѣ съ ними, требуемъ немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія народныхъ представителей, избранныхъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго избирательнаго права всего населенія, и мужчинъ и женщинъ. Только тамъ, на Собраніи, возможно будетъ упорядоченіе нашей политической жизни. И тамъ мы выставимъ наши пролетарскія требованія: Долой монархію! Да здравствуетъ демократическая республика!"

Казань. 1 января 1905 года была рабочая вечеринка, на ней присутствовало 27 человѣкъ. Тамъ была прочитана статья изъ №1 „Соціальдемократа" „Классъ противъ класса", потомъ эта статья обсуждалась и была принята резолюція, которую рѣшено было опубликовать въ соціальдемократическихъ органахъ. Резолюція, принятая на собраніи рабочихъ 1-го января, 1905 г.:

„Мы, сознательные рабочіе и работницы и солдаты г. Казани, собравшись на политическую сходку и тамъ обсудивъ вопросы нашей жизни, единогласно постановили слѣдующее: 1) капиталистическій строй, основанный на порабощеніи класса пролетаріевъ классомъ буржуазіи, мѣшаетъ физическому и умственному развитію пролетаріата, а потому мы, собравшіеся, считаемъ долгомъ каждаго *сознательнаго* пролетарія стремиться къ скорѣйшей замѣнѣ капиталистическаго строя соціалистическимъ.

2) Считая въ настоящее время *самодержавіе* сильнѣйшимъ оплотомъ русской *буржуазіи* въ ея борьбѣ съ пролетаріатомъ, мы требуемъ замѣны *самодержавія — демократической республикой*, которая бы вполнѣ обезпечивала пролетаріату благопріятныя условія для его борьбы съ буржуазіей.

3) Принимая во вниманіе, что самодержавіе въ борьбѣ за достиженіе своихъ цѣлей и за собственное существованіе вырываетъ изъ рядовъ пролетаріата лучшія силы, составляя изъ нихъ постоянныя арміи солдатъ-автоматовъ, выбивая изъ нихъ все человѣческое и уродуя ихъ умственно и нравственно, что оно натравливаетъ солдатъ на лицъ ихъ же класса, этимъ заставляя отречься отъ родственныхъ чувствъ и привязанностей, — что, наконецъ, оно оскорбляетъ въ солдатахъ чувство самоуваженія, дѣлая изъ нихъ жандармовъ и шпіоновъ, мы требуемъ уничтоженія постоянныхъ армій, какъ оплота капиталистическаго строя вообще и русскаго самодержавія въ частности, и замѣны ихъ *народной милиціей*.

4) Считая, что только мирныя отношенія даютъ народамъ возможность совершенствоваться умственно и развиваться культурно, и что война явленіе ненормальное, создаваемое происками буржуазіи — мы требуемъ прекращенія войны съ Японіей и высказываемъ пожеланіе, чтобы сознательный пролетаріатъ Россіи и Японіи организовалъ свои силы не для убійства другъ друга, а для общей борьбы съ буржуазіей.

5) При полнѣйшемъ угнетеніи въ Россіи личности, слова, печати, мы можемъ найти правильное освѣщеніе окружающей насъ жизни въ одной только нелегальной соціальдемократической литературѣ, и потому мы привѣтствуемъ новый соціалистическій органъ „Соціальдемократъ", признаемъ защищаемыя имъ идеи истинными и присоединяемся ко всѣмъ его требованіямъ, указаннымъ въ статьѣ „Классъ противъ класса".

6) Мы шлемъ привѣтъ всѣмъ сознательнымъ рабочимъ, работницамъ и солдатамъ, которымъ дороги и близки наши требованія, а также привѣтствуемъ Россійскую Соціальдемократическую Рабочую Партію.

6) Просимъ мѣстный соціальдемократическій Комитетъ познакомить всѣ слои самарскаго общества съ нашей резолюціей, а также помѣстить ее въ соц.-дем. органѣ „Соціальдемократъ".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЛАССОВАЯ ВОЙНА ВЪ РУРСКОМЪ БАССЕЙНѢ.

III.

Стачка кончилась. Несмотря на провокаціи предпринимателей, рабочіе поняли, что они умалили бы значеніе своей импозантной манифестаціи, если бы, вмѣсто солидарности, отличавшей ихъ во всѣ дни борьбы, теперь наступилъ всеобщій хаосъ. Да ничѣмъ другимъ, кромѣ манифестаціи, эта стачка 200 тысячъ рабочихъ и не могла быть. Она не могла добиться осязательныхъ уступокъ со стороны предпринимателей, такъ какъ послѣдніе, провоцировавъ стачку, очевидно были увѣрены, что смогутъ выдержать натискъ, тогда какъ 200 тысячъ рабочихъ, изъ которыхъ большинство было неорганизовано, едва ли могли разсчитывать продержаться долѣе 2 3 недѣль.

Какъ манифестація же, имѣющая цѣлью прежде всего развитіе классового сознанія самихъ рабочихъ, и затѣмъ давленіе на общественное мнѣніе и на законодательную машину, стачка несомнѣнно оказалось удачной. Мы уже говорили, что съ самаго начала стачки все общественное мнѣніе Германіи, за исключеніемъ небольшой группы, близко соприкасающейся съ горнопромышленниками, оказалось на сторонѣ рабочихъ. И по мѣрѣ того, какъ стачка развивалась и все болѣе и болѣе обнаруживалась крайняя неуступчивость предпринимателей, симпатіи общества къ стачечникамъ росли.

Само собою разумѣется, что и парламенты не могли остаться глухи къ такому событію, какъ всеобщая стачка рурскихъ углекоповъ. Было не трудно разрѣшить вопросъ и моментально положить конецъ стачкѣ, еслибы былъ внесенъ законъ, который шелъ бы на встрѣчу требованіямъ углекоповъ. Но буржуазныя партіи перестали бы быть буржуазными, еслибы стали прямо, безъ всякихъ околичностей защищать интересы рабочихъ. Среди стачечниковъ находились и многочисленные католическіе рабочіе, сторонники партіи центра, и либералы, и поляки-націоналисты. Ни одной партіи не хотѣлось терять сторонниковъ, но не хватало также рѣшимости цѣликомъ стать на сторону рабочихъ. Уже 17 января все засѣданіе прусской палаты было посвящено преніямъ о всеобщей стачкѣ, но ни прусское правительство, ни депутаты не нашли возможнымъ указать мѣры для выхода изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ очутились рабочіе. Спорили много о томъ, нарушили ли рабочіе договоръ или нѣтъ, но ни слова о законодательныхъ мѣрахъ къ облегченію положенія рабочихъ.

Сомнительно было, чтобы прусскій ландтагъ, который, благодаря прусской избирательной системѣ, является центромъ германской реакціи, могъ сдѣлать что нибудь путное. Соціальдемократическая партія съ самаго начала старалась перенести весь этотъ вопросъ въ рейхстагъ и агитировала за изданіе общеимперскаго закона для регулированія горныхъ работъ. 20-го января въ рейхстагѣ дебатировалась интерпелляція соціальдемократовъ по поводу стачки, но и тутъ ничего, кромѣ обѣщанія назначить коммиссію для изслѣдованія положенія углекоповъ и послѣ того внести соотвѣтствующій законопроектъ въ прусскій ландтагъ, нельзя было добиться.

Тѣмъ не менѣе, соц.-дем. фракція рѣшила внести въ рейхстагъ предложеніе о необходимости выработать проектъ закона, который содержалъ бы всѣ требованія, выставленныя углекопами, т. е. регулированіе рабочаго времени для отдѣльныхъ смѣнъ, регулированіе воскресной работы, а также сверхурочныхъ работъ, устраненіе бракованія вововъ, созданіе рабочихъ коммиссій и контроля рабочихъ надъ пріемкой вововъ и надъ работами въ шахтахъ.

Но именно этого не хотѣло правительство. Оно заявило, что законодательство по вопросамъ, относящимся къ горному дѣлу, подлежатъ вѣдѣнію парламентовъ отдѣльныхъ странъ, а не рейхстага. Оно стремилось, прежде всего, къ тому, чтобы, съ одной стороны, новый законъ не оказался слишкомъ уступчивымъ по отношенію къ горнорабочимъ, а съ другой, чтобы рабочіе признали себя предварительно побѣжденными и безъ всякихъ условій вернулись бы къ работѣ. Только при такомъ условіи правительство обѣщало внести въ прусскій ландтагъ новый законъ, регулирующій положеніе рабочихъ въ горномъ производствѣ, не оговариваясь, однако, ни однимъ словомъ, какія изъ требованій рабочихъ будутъ проведены въ законѣ. Главнымъ образомъ, правительство спекулировало на расколъ въ средѣ стачечниковъ, надѣясь, что неорганизованная и малосознательная часть ихъ удовлетворится этими обѣщаніями.

Надежды правительства оправдались не вполнѣ. Среди стачечниковъ розни никакой не возникло. Но тѣ политическія партіи, въ рядахъ которыхъ состояли многіе изъ рурскихъ рабочихъ, стали опасаться роста вліянія соціальдемократіи въ средѣ стачечниковъ и потому всячески содѣйствовать прекращенію стачки и принятію рабочими тѣхъ условій, которыя предлагались правительствомъ. Въ рейхстагѣ, правда, предложеніе соціальдемократовъ было принято огромнымъ большинствомъ, но заявленіе правительства, что оно не думаетъ объ изданіи имперскаго закона и что все дѣло будетъ перенесено въ прусскій ландтагъ, придало этому воту характеръ чисто платоническаго заявленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изъ прусскаго ландтага выйдетъ законъ, который мало удовлетворитъ рабочихъ. Но правительство уже связало себя опредѣленными обѣщаніями и, что еще важнѣе, принуждено было сдѣлать это подъ непосредственнымъ давленіемъ находящихся въ стачкѣ углекоповъ. Въ Германіи это едва ли не первый случай, когда народное возмущеніе прямо и непосредственно диктуетъ законодательной власти свои требованія.

Надо ли еще говорить, какое огромное значеніе имѣла стачка для развитія классового самосознанія пролетаріата? Столкновеніе двухъ сотъ тысячъ пролетаріевъ непосредственно съ предпринимателями, затѣмъ съ представителями государственной власти въ различныхъ коммиссіяхъ, дѣятельность политическихъ партій и ихъ поведеніе въ ландтагѣ и рейхстагѣ, зависимость правительства отъ предпринимателей и связь его съ буржуазными партіями, солидарность всѣхъ рабочихъ организацій, къ какому бы толку и направленію они не принадлежали — все это стачечники пережили, все это они испытали на собственныхъ спинахъ, все это стало частью ихъ собственнаго существа, обогатило ихъ соціально-политическій опытъ и сдѣлало для нихъ понятными самыя сложныя общественныя отношенія. И когда имъ придется вновь вступить въ борьбу, они будутъ вести ее обогащенные этимъ опытомъ и этимъ пониманіемъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ Совѣта Датской Соціальдемократической Партіи нами получено слѣдующее посланіе:

„Датская Соціальдемократія посылаетъ россійскому рабочему классу увѣренія въ своей братской симпатіи къ нему въ той тяжелой борьбѣ, которую ему приходится вести.

Мы удивляемся той отвагѣ и солидарности, которую вы обнаружили несмотря на то, что вы еще лишены свободы печати, союзовъ и собраній. Мы горячо желаемъ, чтобы тѣ огромныя жертвы которыя вы принесли во имя высокаго дѣла свободы, принесли вамъ освобожденіе отъ ярма самодержавія и полноту человѣческихъ правъ, чтобы, добившись права организаціи, вы могли довести до конца вашу освободительную борьбу въ согласіи съ вашими товарищами по страданіямъ — рабочимъ классомъ другихъ странъ цивилизованнаго міра.

Братскій привѣтъ!

Отъ имени Совѣта Датской Соціальдемократ. Партіи

П. Кнудсенъ".

На своемъ партійномъ праздникѣ въ Христіаніи Норвежская Соціальдемократическая Рабочая Партія приняла единогласно слѣдующую резолюцію:

„Увѣренные въ томъ, что побѣда русской революціи надъ абсолютизмомъ есть то же, что тріумфъ просвѣщенія и цивилизаціи надъ тьмой и варварствомъ, норвежскіе соціальдемократы, собравшись 5 февраля 1905 года, посылаютъ русскимъ рабочимъ и другимъ борцамъ за свободу свой сердечный привѣтъ и желаютъ имъ успѣха въ борьбѣ, которая не только освободитъ русскій народъ и всѣ угнетаемыя русскимъ правительствомъ народности, но и избавитъ всю Европу отъ постояннаго страха передъ абсолютистическимъ и авантюристическимъ правительствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, собраніе высказываетъ свое негодованіе по поводу той кровавой бойни, которую русское правительство устроило 22 января, убивая, рубя саблями, засѣкая до смерти и бросая въ тюрьмы тысячи рабочихъ, осмѣлившихся мирнымъ образомъ представить свои въ высшей степени справедливыя и исполнимыя требованія".

(Слѣдуютъ подписи).

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ № 58 „Р. Р." рядомъ со статьей, призывающей къ единенію революціонныхъ партій, помѣщена корреспонденція изъ Баку, авторъ которой усиленно старается дискредитировать нашу партію. Желая показать, напримѣръ, что и въ Баку существуютъ разногласія между такъ называемымъ „большинствомъ" и „меньшинствомъ" нашей партіи, онъ прибѣгаетъ къ такого рода хорошему пріему. Рѣчь идетъ объ открытыхъ переговорахъ, устроенныхъ по иниціативѣ „организаціи" въ Балаханахъ между капиталистами и депутатами отъ рабочихъ... „Во время ихъ (переговоровъ), пишетъ „Р. Р.", т. е. отъ 11 ч. утра до 4-хъ час. дня, постоянно происходилъ подъ открытымъ небомъ народный митингъ. Но, боже, что было содержаніемъ рѣчей! Ораторы комитета и ораторы исключеннаго изъ него меньшинства смѣнялись, ожесточенно нападая другъ на друга, нападки носили все болѣе и болѣе раздраженный личный озлобленный характеръ, пытались освистывать другъ друга, распространилась самая ужасная, зараженная, отравленная атмосфера". Не нужно быть свидѣтелемъ многотысячныхъ собраній, не нужно даже присутствовать въ Баку, достаточно лишь обладать хоть каплей логики, чтобы не сомнѣваться послѣ этихъ словъ корреспондента въ наличности злобной клеветы на партію. Вѣдь, не ясно ли, что десятитысячная масса темныхъ рабочихъ не удовлетворится переругивающимися ораторами и не будетъ ихъ слушать, по собственному заявленію корреспондента, отъ 11 ч. утра до 4-хъ часовъ вечера.

Нѣтъ, гг. соціалисты-революціонеры, если бы въ Баку вы не сидѣли за печкой, мечтая о демонстраціи „съ оружіемъ въ рукахъ", а вылѣзли на свѣтъ божій и хоть однимъ глазомъ и ухомъ примазались къ рабочимъ митингамъ въ Балаханахъ, то вы увидѣли бы, во первыхъ, что собранія происходили не „вокругъ зданія „электрической силы", въ которомъ засѣдали капиталисты, а въ полуверстѣ отъ него и во-вторыхъ, что соц.-дем. собрались сюда не освистывать другъ друга, а дѣло дѣлать, чему не мѣшало бы поучиться и вамъ гг. наблюдатели „съ луны".

Въ своемъ ослѣпленіи и враждѣ противъ соц.-дем., корреспонденты „Рев. Россіи" дошли до... прямой клеветы и на бакинскій пролетаріатъ.

По своей организованности въ декабрьскую стачки, по своей необычайной дисциплинированности и стойкости, бакинскіе рабочіе вызывали удивленіе даже у капиталистовъ, которые, въ концѣ концовъ, рѣшили силою казаковъ и полиціи подавить стачку. Но, какъ извѣстно, они ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Были убиты нѣсколько рабочихъ, но не была „убита" стачка.

Посмотрите же, однако, что пишутъ соц.-рев. Они приписали рабочимъ то, что фактически не можетъ приписать имъ самый пристрастный прокуроръ и заядлый жандармъ. ...„23-го утромъ раздались гудки, призывающіе къ работѣ, а такъ какъ многіе бастовали поневолѣ и голодали вслѣдствіе затянувшейся забастовки, не имѣя ни откуда поддержки, то пошли (заводъ Нобеля въ Балаханахъ и Ахундова на Биби-Эйбатѣ). Тотчасъ явились группы забастовщиковъ и разрушили всѣ машины. Были вызваны войска и на Балаханахъ дали залпъ, которымъ убили трехъ и ранили человѣкъ 15. На Балаханахъ было повреждено множество кочегарокъ На Биби-Эйбатѣ рабочіе успѣли разгромить всѣ квартиры не только управляющихъ, но и частныхъ лицъ; не оставили ни одного цѣлаго стекла; едва уцѣлѣла отъ погрома даже школа; все это характеризуетъ стихійный, вспышкообразный характеръ движенія".

И такъ рабочихъ избивали и убивали за то, что ... ломали машины, громили частныя квартиры (чуть не школы) и вообще буйствовали.

Корреспондентъ не говоритъ: „и по дѣломъ бунтарямъ", но это вытекаетъ изъ его весьма „умнаго" соображенія о „стихійности и вспышкообразности" стачки. Но да будетъ стыдно господину корреспонденту, да будетъ ему стыдно, такъ какъ разстрѣлъ рабочихъ въ Биби-Эйбатѣ и Балаханахъ производился въ то время, когда они шли дѣлать свое обычное дѣло — выпускать пары, которые воровскимъ путемъ разводились капиталистами „Разгромленныя же машины", „разнесенныя квартиры" и др. буйства рабочихъ сдѣлали бы честь жандармскому обвиненію. Въ дѣйствительности же ничего подобнаго не было до столкновенія съ казаками. Разбивались стекла и совершались аналогичныя, столь же „ужасныя" преступленія послѣ того, какъ смирная и безоружная толпа, по желанію капиталистовъ, была подвергнута разстрѣлу, только послѣ[1]) этого, между прочимъ, начались и грандіозные пожары. Ложно также и то утвержденіе соц.-рев., что рабочіе кончили забастовку 28 го декабря. Даже оффиціальныя телеграммы опровергаютъ эту ложь. Кромѣ того, это утвержденіе умаляетъ роль сознанія бакинскаго пролетаріата, сводя его къ нулю. По своему пониманію бакинскаго движенія, соціалистъ-революціонеръ оказался ниже капиталиста нефтепромышленника, который только потому и вступилъ въ нелегальные переговоры послѣ 28 декабря, только потому и пошелъ на дальнѣйшія уступки, что впервые увидѣлъ организованную силу рабочихъ, дружно, какъ одинъ человѣкъ, подъ руководствомъ „организаціи" отстаивающихъ свои требованія.

Въ заключеніе мы, въ качествѣ представителей „Балаханско-Биби-Эйбатскихъ рабочихъ", позволимъ себѣ устранить еще одно гадательное предположеніе соціалистовъ-революціонеровъ о томъ, что Балаханско-Биби-Эйбат. раб. были извѣщены о демонстраціи, назначенной комитетомъ на 19 декабря лишь за три часа, вѣроятно изъ боязни сопротивленія. Это утвержденіе является холостымъ выстрѣломъ.

Дѣло въ томъ, что „организація" прекрасно знала о назначенной въ городѣ демонстраціи, только она расходилась во взглядѣ на демонстрацію, какъ съ Бак. Ком., такъ и съ дрошакистами, гнчакистами и соціалистами революціонерами. „Организація", въ лицѣ двухсотъ сознательныхъ рабочихъ, считала, что тысячные митинги рабочихъ съ популярными политическими рѣчами, вопросами и отвѣтами собранію, революціонными пѣснями, научатъ рабочихъ гораздо большему и будутъ для правительства и капиталистовъ выразительнѣе, чѣмъ горсточка манифестантовъ, дефилирующая съ красными флагами безъ вооруженія мимо буржуазнаго населенія центра Баку.

И „организація", какъ показалъ опытъ, была права. Она за 10 дней многолюднѣйшихъ митинговъ сумѣла сагитировать самыя темныя массы рабочихъ, изъ которыхъ ни 23-го, ни 28 декабря (слышите гг. соц.-рев.!) никто не вышелъ на работы и, наоборотъ, никто не продолжалъ стачку, когда „организація" ее объявила прекращенной.

Такова довольно сложная и довольно, какъ видите, искусно сплетенная сѣть, которою окутывается безусловно крупный шагъ бакинскаго пролетаріата и затушевываются безусловно крупные результаты, которыхъ онъ добился за 22 дня стачки своей организованностью.

Колоссальныя собранія, митинги-демонстраціи, крупныя экономическія завоеванія — все это всколыхнетъ самыя широкія массы — составитъ огромный плюсъ въ дальнѣйшей борьбѣ бакинскихъ рабочихъ за ихъ соціалистическое освобожденіе.

А насъ хотятъ увѣрить, что „еще пара такъ веденныхъ стачекъ — и рабочіе перестанутъ идти за революціонными организаціями, а станутъ искать себѣ какихъ нибудь случайныхъ вождей!!".

Представители Балаханско-Биби-Эйбатской Организ. Р. С.-Д. Р. П.

---

[1]) 23 декабря были убиты рабочіе, а 24 вспыхнулъ первый пожаръ.

Кіевъ. Заявленіе студенческой организаціи. Въ 79 № „Искры" помѣщено сообщеніе о сходкѣ въ Кіевскомъ Политехническомъ Институтѣ за подписью: Группа студентовъ-революціонеровъ. Мы считаемъ необходимымъ заявить по поводу этой корреспонденціи слѣдующее:

1) Указанная подпись очевидно помѣщена по ошибкѣ, такъ какъ „группа студентовъ-революціонеровъ" ничего общаго съ соц.-дем. не имѣетъ. Студенческой организаціи К. К. Р. С.-Д. Р. П. приходилось давать рѣзкую отповѣдь авантюристскимъ выходкамъ этой „группы", и посылать корреспонденцію въ „Искру" группа студ.-рев. никоимъ образомъ не могла. (Ошибка объясняется, повидимому, тѣмъ, что къ корреспонденціи была приложена, — опубликованная только этой „группой" — принятая на сходкѣ резолюція). 2) Въ корреспонденціи говорится, что бундовцы голосовали противъ соц.-дем. резолюціи; это невѣрно.

Студенческая организація К. К. Р. С.-Д. Р. П.

Вышли изданія: „**Искры**": „Царь-Послѣдышъ" (оттискъ изъ №№ 2, 3 и 4 Соціальдемократа). **Кіевск. ком.**: перепечатка прокламаціи „Искры": „Пора кончать", „О посланіи Синода", „Письмо работницы къ рабочимъ", „Царь прощаетъ! царь жертвуетъ!" „Отчетъ за октябрь, ноябрь и декабрь 1904 г." **Одесской группы Ц. К.**: перепечатка „Пора кончать", „Царь и депутація отъ рабочихъ". **Харьковск. ком.**: „Къ солдатамъ". **Екатеринославскаго ком** „Къ рабочимъ и работницамъ г. Екатеринослава. **Астраханск. ком.**: Прокламація по поводу петербургскихъ событій. **Крымскаго союза**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ". **Украинской соціалъ-демократичной Спілки Р. С.-Д. Р. П.**: „Революція". **Сѣв.-Зап. Ком.**: „Новая мобилизація" 17.000), „Правда о войнѣ, (12-000), „Вы, рабочіе и всѣ русскіе граждане" (12.000), „Къ цивилизованнымъ народамъ" (3.000); (кромѣ листковъ по поводу стачекъ и злободневныхъ вопросовъ). **Батумск. группой** „Письмо Гапона", **Нижегор. Ком.** Петиція петб. раб. и письмо Гапона.

Отчетъ „Балаханско-Биби Эйбатской рабочей организаціи" въ Баку. За декабрь мѣсяцъ выпущены слѣдующія изданія: 1) „Ко всѣмъ сознательнымъ рабочимъ" съ разъясненіемъ неизбѣжной необходимости всеобщей забастовки въ Баку въ 25000 экз. отъ 8 декабря, 2) „Протестъ кружка сознательныхъ портныхъ-работницъ" противъ прокламаціи къ нимъ Бак. Ком. съ призывомъ бороться за 12-ти часовой рабочій день въ 5000 экз. отъ 6 декабря, 3) „Революціонныя пѣсни", въ 2000 экз. отъ 1 декабря, 4) „Извѣщеніе" Организаціи о началѣ стачки въ 5000 экз. отъ 13 дек., 5) „Памяти декабристовъ", въ связи съ всеобщей стачкой", 6) „Приглашеніе" рабочихъ итти въ городъ 5000 экз., 7) 15 разнообразныхъ билетиковъ съ соц.-дем. лозунгами и краткими ихъ разъясненіями въ 50.000, 8) „Наши требованія" — повтореніе ноябрскихъ экономическихъ требованій въ 5000 экз., 9) Прокламація съ разъясненіемъ убійства рабочихъ казаками въ 5000 экз., 25 дек., 10) Прокламація съ призывомъ продолжать забастовку, съ дополнительными требованіями и объявленіемъ „Организаціи" 28 дек., 11) Прокламація объ окончаніи стачки 31 дек. въ 10.000 экз.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Елизаветградъ. За декабрь мѣсяцъ прошлаго года были освобождены подъ надзоръ до суда томившіеся по 11 мѣсяцевъ подъ слѣдствіемъ З. Сливакъ и А. Заславскій, а также И. Чапкинъ, просидѣвшій въ Кременчугской и Ел-градской тюрьмахъ 8 мѣсяцевъ. Всѣ три привлекались къ дѣлу о прошлогодней сходкѣ. На дняхъ, кромѣ того, былъ освобожденъ подъ надзоръ В. Подольскій, просидѣвшій подъ слѣдствіемъ 14 мѣсяцевъ и обвин. въ распространеніи прокл. Кромѣ лицъ, недавно арестованныхъ въ мѣстной тюрьмѣ заключены слѣдующіе товарищи: Х. Сеснюкъ (по приговору за распространеніе — осталось еще сидѣть 9 мѣсяцевъ), Мотя Заславскій и Аронъ Кульчинскій — оба сидятъ уже по 14 мѣсяцевъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу прошлогодней типографіи, провалившейся на вокзалѣ; Алексѣй Поперечный — пекарь, за распростр. прокл., Ил. Лапесъ — прикащикъ, найдено нелегальное письмо; изъ уѣзда крестьяне Максимъ Добровольскій (изъ деревни Дыменой), Василій Нестеренко (изъ Гладосъ) и народные учителя: Максимъ Зифоновъ и Даніилъ Шулика: оба изъ Гладосъ. Условія содержанія въ нашей тюрьмѣ крайне скверныя. **Баку.** 24 января арестованы два брата учителя Левъ и Дмитрій Шапраковы. Всего съ прежде арестованными во время стачки, находится въ тюрьмѣ больше 50, преимущественно городскихъ рабочихъ-ремесленниковъ. Есть немного рабочихъ изъ Чернаго города и Балаханъ.

Поправка. Отмѣченный въ „Искрѣ" предатель-рабочій въ Ростовѣ на Дону называется не Ковалевъ, а *Костылевъ*.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Этотъ № былъ уже готовъ къ печати, когда мы узнали изъ телеграммъ, напечатанныхъ въ иностранныхъ газетахъ, что въ Баку народъ бьется на улицахъ съ опричниной. Телеграммы говорятъ о множествѣ убитыхъ. Другія газеты говорятъ, что возстаніемъ охваченъ весь Кавказъ. Какъ бы ни кончилось э возстаніе, оно знаменуетъ собою начало конца. За первыми ударами грома послѣдуютъ другіе, и ско скоро революціонная гроза разразится надъ всей Россіей.

Надѣемся, что наши товарищи пришлютъ подробныя извѣстія о кавказскихъ событіяхъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Газу Ваши письма получаются, адреса дѣйствуютъ.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонн „Соціальдемократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse)

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги")

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrénière 27.

Iskra

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 88. Четвергъ, 17-го февраля 1905 г. Годъ V.

КАПИТАЛЪ БУНТУЕТЪ.

Въ наши бурные, трагическіе дни, когда съ разныхъ концовъ огромной страны доносится гулъ гражданской войны, когда трескъ ружейнаго разряда и шумъ разорвавшейся бомбы являются обычнымъ аккомпаниментомъ въ героическую эпопею проснувшейся массы, въ эти дни сравнительно незамѣтно и блѣдно проходитъ событіе большой, исторической важности.

Капиталъ взбунтовался, капиталъ бунтуетъ. Бунтуетъ, конечно, съ оглядкой; конечно, въ предѣлахъ, какъ и подобаетъ солидной и важной персонѣ, сознающей свой вѣсъ въ государствѣ, но все же бунтуетъ. Балованное чадо россійскаго протекціонизма, предметъ естественной зависти для другихъ общественныхъ группъ, для котораго законъ былъ не писанъ и который, казалось, „все можетъ" подъ сѣнью двуглаваго орла царской власти, который представлялся инымъ развѣ только оранжерейнымъ цвѣткомъ самодержавной теплицы, этотъ самый капиталъ явственно и громко заявляетъ власти, что ей пора на покой, въ архивную кладовую исторіи.

Именемъ науки — говоритъ бывшій чумазый и нынѣшній московскій купецъ — „джентльменъ", „голосомъ сотенъ милліоновъ рублей" вторитъ ему желѣзозаводчикъ, и „неумолкаемыми аплодисментами" встрѣчается ихъ новѣйшее политическое credo собраніемъ болѣе двухсотъ петербургскихъ фабрикантовъ.

„Существующее законодательство и способъ его разработки не соотвѣтствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности русской промышленности" — изрекаютъ московскіе господа. „Послѣ того какъ русская желѣзная промышленность перестала быть, главнымъ образомъ, поставщицей по казеннымъ заказамъ... — поясняетъ совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, — неустроенность нашей народной жизни... стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ". Безъ коренныхъ реформъ не обойтись, подтверждаютъ петербуржцы, въ своей запискѣ отъ 31 января.

Что же значитъ сей сонъ? Отчего—говоря языкомъ корреспондента „Руси" — покраснѣли милліоны? Вѣдь, не потому же, что совѣсть зазрила или внезапно обуяло ихъ гражданское чувство?

Нѣтъ, произошло лишь измѣненіе въ сочетаніи общественныхъ силъ, случилось лишь то, что самодержавіе — фатальнымъ ходомъ вещей — приведено было къ конфликту съ милліонами. Въ безмятежное сожительство царизма съ капиталомъ клиномъ врѣзался рабочій вопросъ.

Казалось бы, пролетаріатъ, пробуждающійся къ жизни и борьбѣ и все болѣе входящій въ свою провиденціальную роль освободителя Россіи, долженъ былъ уже самымъ процессомъ своего пробужденія вгонять капиталъ въ реакцію и спаивать его съ наличнымъ режимомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше, чѣмъ этотъ режимъ могъ держать въ уздѣ строптивую массу, кто съ большей убѣдительностью могъ вбивать ей аргументы всей мощью военно полицейскаго аппарата?

Казалось бы, — и такъ оно и было на дѣлѣ — до поры до времени. Духъ свободомыслія никогда не считался въ числѣ добродѣтелей отечественнаго производства, и чтобы отыскать въ этой сферѣ хотя бы слабый налетъ либерализма, пришлось бы совершить довольно далекую экскурсію въ прошлое и произвести раскопки въ общественныхъ формаціяхъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Съ 80 годовъ, особенно съ того времени, когда морозовская стачка, какъ салютъ, по выраженію Каткова, возвѣстила urbi et orbi о нарожденіи у насъ революціоннаго рабочаго класса, промышленный капиталъ непрестанно развивался въ одинъ изъ главныхъ устоевъ современной русской политики. Онъ черпалъ свое вдохновеніе въ министерскихъ кабинетахъ и онъ же — не взирая на всѣхъ земскихъ начальниковъ — безконечно больше воспособляемой бѣлой помѣщичьей кости, и что дальше, то сильнѣй, налагалъ свою лапу на общій ходъ государственной машины. Осуществленная при содѣйствіи франко-русскаго союза, система Витте была его тріумфомъ. Онъ поглощалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, милліоны, онъ властно возвышалъ свой голосъ на съѣздахъ, онъ тайно и явно руководилъ чиновными комиссіями. И онъ былъ очень многимъ, если не всѣмъ, къ моменту кореннаго перелома, когда, наконецъ, развертывающееся рабочее движеніе заставило дрогнуть сокрушающій кулакъ самодержавія.

Однако, во второй половинѣ предшествующаго десятилѣтія, послѣ знаменательныхъ петербургскихъ событій 96 и 97 годовъ, въ правительственныхъ кругахъ сталъ ясно намѣчаться новый курсъ — рабочей политики. Этотъ курсъ уже даетъ себя знать въ рѣчахъ полицейскихъ делегатовъ на засѣданіяхъ коммиссіи по подготовкѣ закона 2 іюня 1897 года. Въ этой коммиссіи вицедиректоръ департамента полиціи Семякинъ и другой представитель министерства внутреннихъ дѣлъ развивали ни болѣе, ни менѣе, какъ утопію нормировки заработной платы правительственной властью — къ вящшему недоумѣнію среды фабрикантовъ. „Если рабочіе убѣдятся — говорило министерство устами г. Щегловитова, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ".

Этотъ же курсъ нашелъ свое дальнѣйшее развитіе въ пресловутомъ докладѣ московскаго оберъ-полиціймейстера Трепова, и свое увѣнчаніе — въ твореніяхъ Зубатова.

Лавина пролетарскаго движенія росла и, по мѣрѣ того, какъ росла, въ напуганныхъ головахъ начальственныхъ лицъ все сильнѣе работала мысль и все болѣе изощрялась фантазія надъ вопросомъ, какъ предотвратить грядущую опасность. Задача, какъ будто, не была головоломной, ларчикъ даже просто открывался, и отечество могло быть спасено безъ дальнѣйшихъ околичностей — за счетъ толстой мошны капитала: долой политику, и да процвѣтаютъ экономическія организаціи рабочихъ — надо только локализировать вниманіе пролетаріата на его непосредственномъ контрагентѣ — противникѣ. Дѣло по видимости начиналось съ полицейскихъ пустяковъ — съ общества взаимопомощи въ Москвѣ, съ противобундовской организаціи на западѣ, съ сомнительныхъ профессорскихъ бесѣдъ. Пустяки, однако, превратились весьма скоро въ серьезъ, и передъ агентурой правительства стала дилемма: или сразу потерять всѣ пріобрѣтенія, или пуститься во всѣ тяжкія антикапиталистической агитаціи. Стачка на мануфактурѣ Гужона въ Москвѣ, въ 1902 году, уже явилась сигналомъ предостереженія: многолѣтній союзъ капитала съ царизмомъ далъ первую замѣтную трещину, и московскіе промышленники, негодуя, отправили протестъ министру финансовъ. „Если въ предоставленной имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи, писали они, имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической"..., „тѣмъ болѣе — прибавляли они, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ".

Съ своей точки зрѣнія, промышленники, конечно, были правы, и событія послѣдующаго года, особенно экспериментъ Шаевича въ Одессѣ, какъ нельзя лучше показали всю тщету безсмысленныхъ попытокъ системой своего рода обводныхъ и отводныхъ каналовъ обезводить море народнаго волненія. Послѣ одесскаго краха, наступило было временное затишье: Зубатовъ исчезъ съ горизонта, Шаевичъ былъ удаленъ въ мѣста „не столь отдаленныя" — провѣтриться. Но было уже поздно: лавина катилась, и у правительства не было ни малѣйшей возможности остановиться въ своемъ курсѣ. Начавъ съ а, оно должно было досказать до конца весь алфавитъ демагогіи, чего бы ему это — въ конечномъ счетѣ — ни стоило, и какъ бы ни великъ былъ ропотъ капитала. Оно хваталось за все и исходило въ потугахъ законодательнаго творчества и въ результатѣ злополучной двухлѣтней работы получило итогъ — фабричные старосты, отвѣтственность предпринимателей, который только дразнилъ буржуазію и нимало не давалъ удовлетворенія рабочимъ.

А трещина, между тѣмъ, становилась все глубже, и червь недовольства все сильнѣе разъѣдалъ капиталъ. Нуженъ былъ, однако, могучій толчокъ, чтобы разъѣдающій червь могъ справиться съ толщей традицій; и этимъ толчкомъ оказалась война: она разрушила ореолъ военной силы царизма, она уничтожила вѣру въ его финансовую неуязвимость; она внесла разстройство — безъ надежды на возмѣщеніе въ счетъ будущихъ благъ, она осушила дождь казенныхъ заказовъ, она все поставила на карту.

Потому то подъ шумъ военныхъ неуспѣховъ и раздалось впервые ворчаніе „милліоновъ". Спервоначала еще глухое — нечленораздѣльное ворчаніе. Чувствовалось только, что капиталъ въ своей фрондѣ уже перешелъ отъ частнаго къ общему, отъ критики вѣдомствъ и лицъ къ разбору всего цѣлаго. Газетная молва говорила о московскихъ купцахъ, не желающихъ нести свою лепту „патріотизму", перо „услужающаго" публициста разъясняло и мотивы „купецкаго" воздержанія. Хозяину надъ милліонами рублей, господину надъ тысячами душъ не пристало сознавать себя чѣмъ то производнымъ отъ воли бюрократа. Хозяинъ и господинъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть хозяиномъ и господиномъ и въ дѣлѣ государственнаго строительства. Наступала пора — такъ думалъ капиталъ — когда крылатое морозовское слово — купецъ все можетъ — готовилась перейти изъ міра застольнаго краснорѣчія въ міръ реальной дѣйствительности. Уже въ минувшемъ декабрѣ московская городская дума — купеческая par excellence — поддержала резолюцію петербургскаго земскаго съѣзда и поддержавъ, нашла отголосокъ въ московскомъ биржевомъ комитетѣ. Въ это же время въ Петербургѣ инженеры всѣхъ вѣдомствъ, — другими словами распорядители и директора фабрично-заводскаго дѣла — вырабатывали за банкетной трапезой свои конституціонныя пожеланія.

Но нужно было вспыхнуть рабочему возстанію въ Петербургѣ, нужно было разлиться по всему пространству россійской земли революціоннымъ волнамъ стихійнаго движенія, чтобы всѣ эти элементы политическаго недовольства капитала откристаллизовались въ спеціальныя политическія формулы, приняли обликъ особой политической разновидности и чтобы капиталъ, какъ таковой — возвысилъ свой голосъ — наперекоръ заправиламъ царизма.

Со стихіей шутки были плохи — это хорошо сознавало правительство. И всего менѣе расположенъ былъ къ шуткамъ пролетаріатъ, принявшій 9 го января свое боевое крещеніе. Его уже нельзя было смазать по губамъ полицейскою трухою, бутафорскими законами. Ему необходимы были серьезныя уступки, ему нужна была свобода. И это же сознавалъ и капиталъ. Но въ то время какъ царизмъ искалъ еще спасенія въ экономическихъ уступкахъ, надѣясь, что чѣмъ больше онъ дастъ въ этой области, — за счетъ капитала, тѣмъ меньше уступитъ въ политикѣ, тѣмъ легче ему будетъ эскамотировать свободу; капиталъ, наоборотъ, энергично напиралъ на политику, видя въ ней „начало всѣхъ началъ", какъ источникъ золъ, такъ и палладіумъ возможнаго успокоенія.

Литературная дуэль между министромъ финансовъ Коковцевымъ и петербургскими фабрикантами — наилучшее тому подтвержденіе. Фабриканты и слышать не хотятъ объ уступкахъ — негодуетъ Коковцевъ, аппелируя къ общественному мнѣнію въ инспирированной имъ нововременской статьѣ.

Дѣло не въ уступкахъ, тѣмъ болѣе частичныхъ, реплицируютъ фабриканты, а „въ глубокихъ реформахъ общегосударственнаго характера". „Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ, прочнаго успокоенія все же ожидать нельзя — говоритъ ихъ записка, — такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды. Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками тоже нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи". А среда бродитъ, потому что „недовольство" „широко разлито во всѣхъ слояхъ русскаго общества", потому что „страдаетъ весь организмъ", потому что виной всему — существующій режимъ самодержавія.

„Нѣтъ спора—заявляютъ и съ своей стороны желѣзозаводчики —что жизненныя условія нашего рабочаго люда не удовлетворительны, но не отъ доброй или злой воли промышленниковъ зависитъ измѣнить или удержать эти печальныя явленія, такъ какъ жизненныя условія... представляютъ собой результатъ всего народнаго хозяйства и всего государственнаго строя даннаго народа". Москвичи же, — тѣ такъ даже договариваются до признанія — казалось бы, нѣсколько неожиданнаго въ устахъ фабрикантовъ и заводчиковъ, — что настоящее движеніе рабочихъ массъ, „хотя и построенное на экономической почвѣ", есть плодъ „самой жизни" и „естественной потребности, вложенной въ самую природу человѣка", которая — потребность — есть потребность свободы.

„Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою". Такъ врѣзавшійся клинъ пролетарскаго возстанія расщепилъ основы старой дружбы: и чѣмъ больше росло „народолюбіе" начальства, чѣмъ демонстративнѣе становилось его вниманіе къ профессіональнымъ запросамъ „ввѣреннаго" ему рабочаго населенія, тѣмъ быстрѣе толкался капиталъ къ вольнодумству, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе вырисовывались контуры новаго политическаго теченія. На знамени этого теченія стояли слова: законность, свобода.

Въ интересахъ „промышленнаго развитія" необходимъ такой строй, при которомъ столкновенія труда съ капиталомъ введены были бы въ „законныя формы", при которомъ рабочіе бы „знали, что они могутъ опираться только на законъ и должны оставаться въ предѣлахъ закона", при которомъ „грубыя демонстраціи" не служили бы пугаломъ для правительства, и къ нимъ бы не „прислушивались внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ", при которомъ администрація не металась бы „то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ" (см. записку инженеровъ), внося, такимъ образомъ, деморализацію въ среду „рабочихъ массъ" и „обостряя отношенія между ними и фабрикантами", при которомъ государственная жизнь регулировалась бы „участіемъ всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ" (неизвѣстно, впрочемъ, на основаніи какого избирательнаго права) и при которомъ царила бы полная свобода — въ томъ числѣ и нарочито поминаемая господами желѣзозаводчиками свобода штрейкбрехерства, т. е. была „бы законнымъ образомъ ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ" личность повиннаго капиталу и работѣ пролетарія, при которомъ, однимъ словомъ, подлиннымъ хозяиномъ страны — но уже на законномъ основаніи — былъ бы его современное величество, господинъ капиталъ.

Съ такой то „хартіей вольностей" въ рукахъ совершаетъ свое вступленіе въ среду конституціонной оппозиціи бывшій щедринскій Деруновъ, новоявленный „бунтарь" и будущій столпъ свободной Россіи.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ КОММИССІЕЮ СЕНАТОРА ШИДЛОВСКАГО?

Петербургскіе рабочіе требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное Собраніе, на разсмотрѣніе котораго они отдавали свои многочисленныя соціальныя требованія.

Разстрѣлявъ петербургскихъ рабочихъ 9 января, правительство учреждаетъ новую коммиссію, въ которую предлагаетъ петербургскимъ рабочимъ послать своихъ избранныхъ всеобщей и тайной подачей голосовъ представителей для разсмотрѣнія „причинъ недовольства" петербургскаго пролетаріата.

Намъ, соціальдемократамъ, неоднократно дѣлался упрекъ, что мы тенденціозно представляемъ, какъ „побѣды" русскаго пролетаріата, такіе правительственные акты, которые, по своей цѣли, являются новыми и новыми попытками самодержавія отуманить сознаніе пролетаріата (законъ 2 іюня 1897 года, законъ объ отвѣтственности etc.). Это „недоразумѣніе" между нами и нашими революціонными противниками легко объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что соціальдемократія иначе, чѣмъ другія партіи, понимаетъ самое слово „побѣда" въ примѣненіи къ освободительной борьбѣ нашего времени.

Для соціаль-реформиста дѣйствительной побѣдой является такое событіе, которое означаетъ непосредственно замѣтное улучшеніе въ матеріальномъ положеніи соотвѣтствующаго класса. И съ точки зрѣнія сколько нибудь послѣдовательнаго соціаль-реформизма, ни одна изъ многочисленныхъ за послѣднее десятилѣтіе „уступокъ" самодержавія не можетъ, поэтому, считаться сколько нибудь серьезной побѣдой, ибо царское самодержавіе не можетъ дать рабочему классу дѣйствительнаго улучшенія его жизни. Для „чистаго политика", для революціонера буржуазной демократіи дѣйствительной побѣдой является лишь такое завоеваніе, которое непосредственно означаетъ замѣтную брешь въ политической системѣ, съ которою онъ борется. Съ этой точки зрѣнія, опять таки, всѣ царскія „уступки" рабочему классу равны, по цѣнности, нулю, ибо нисколько не ослабляютъ гнетъ, тяготѣющій надъ русскимъ народомъ.

Съ точки зрѣнія революціоннаго соціальдемократа, связавшаго всѣ свои освободительныя стремленія съ процессомъ классоваго развитія пролетаріата, дѣйствительной побѣдой является всякое завоеваніе, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацію, свое классовое объединеніе, свою боевую готовность. И съ этой точки зрѣнія, всѣ добытыя трудной борьбой предыдущія уступки царизма представляютъ дѣйствительныя побѣды русскаго рабочаго класса, все значеніе которыхъ можетъ опредѣлить лишь тотъ, кто уяснилъ себѣ дѣйствіе каждой новой реформы на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія, на развитіе самосознанія пролетаріата и его организаціи.

Съ этой именно точки зрѣнія, декретъ, назначающій коммиссію сенатора Шидловскаго, представляетъ собой крупную пролетарскую побѣду — вопреки тѣмъ замысламъ, которые внушили его авторамъ эту „уступку". Но само собой разумѣется, что свое дѣйствительное содержаніе это новое завоеваніе можетъ развернуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ *сознательно* используетъ шансы, доставляемые новой „реформой" дѣлу его классоваго развитія.

Вопросъ о томъ, какъ реагировать на новую „уступку", вызоветъ, разумѣется, самое живое обсужденіе среди сознательныхъ рабочихъ. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетаріатъ усвоилъ себѣ въ этомъ вопросѣ одну и ту же тактику на всемъ протяженіи Россіи. Отъ этого въ значительной степени зависитъ, принесетъ ли новая правительственная мѣра, вообще, какую нибудь пользу.

Что коммиссія Шидловскаго и перипетіи ея „работъ" должны занять видное мѣсто въ нашей агитаціи — объ этомъ, разумѣется, не будетъ спора въ нашихъ рядахъ. Но, быть можетъ, меньшее единомысліе обнаружится между нами въ вопросѣ о томъ, въ какомъ направленіи должна вестись эта агитація?

„Рабочіе должны отказаться отъ участія въ этой коммиссіи, повторивъ, что они требуютъ всенароднаго учредительнаго собранія" — такъ склонны отвѣтить на заданный вопросъ иные товарищи. Но борьба за созывъ Учредительнаго собранія не только не противорѣчитъ прямому участію въ коммиссіи, но и должна получить сильный импульсъ отъ этого участія. Ибо борьба за учредительное собраніе будетъ тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ революціоннѣе со стороны рабочаго класса, чѣмъ прочнѣе въ его сознаніи укрѣпится программа тѣхъ его соціальныхъ требованій, которыя должны стать объектомъ борьбы въ учредительномъ собраніи и въ законодательномъ механизмѣ свободной Россіи. И если *борьба* въ коммиссіи Шидловскаго и *около* нея способна содѣйствовать дѣлу усвоенія широкими массами пролетаріата этихъ соціальныхъ требованій, если она способна дать толчокъ *организаціи* рабочихъ массъ во имя этихъ требованій, то тѣмъ самымъ мы имѣемъ серьезный доводъ противъ той отрицательной позиціи, которую въ данномъ вопросѣ рекомендуютъ упомянутые товарищи.

Не для того только, чтобы „наглядно" показать рабочимъ массамъ гнилость самодержавнаго реформаторства — онѣ достаточно видѣли примѣровъ тому и мы не устанемъ повторять пролетаріату, что въ смыслѣ дѣйствительныхъ улучшеній новыя

NEW YORK

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 88. Четвергъ, 17-го февраля 1905 г. Годъ V.

КАПИТАЛЪ БУНТУЕТЪ.

Въ наши бурные, трагическіе дни, когда съ разныхъ концовъ огромной страны доносится гулъ гражданской войны, когда трескъ ружейнаго разряда и шумъ разорвавшейся бомбы являются обычнымъ аккомпаниментомъ въ героическую эпопею проснувшейся массы, въ эти дни сравнительно незамѣтно и блѣдно проходитъ событіе большой, исторической важности.

Капиталъ взбунтовался, капиталъ бунтуетъ. Бунтуетъ, конечно, съ оглядкой; конечно, въ предѣлахъ, какъ и подобаетъ солидной и важной персонѣ, сознающей свой вѣсъ въ государствѣ, но все же бунтуетъ. Балованное чадо россійскаго протекціонизма, предметъ естественной зависти для другихъ общественныхъ группъ, для котораго законъ былъ не писанъ и который, казалось, „все можетъ“ подъ сѣнью двуглаваго орла царской власти, который представлялся инымъ развѣ только оранжерейнымъ цвѣткомъ самодержавной теплицы, этотъ самый капиталъ явственно и громко заявляетъ власти, что ей пора на покой, въ архивную кладовую исторіи.

Именемъ науки — говоритъ бывшій чумазый и нынѣшній московскій купецъ — „джентльменъ“, „голосомъ сотенъ милліоновъ рублей“ вторитъ ему желѣзозаводчикъ, и „неумолкаемыми аплодисментами“ встрѣчается ихъ новѣйшее политическое credo собраніемъ болѣе двухсотъ петербургскихъ фабрикантовъ.

„Существующее законодательство и способъ его разработки не соотвѣтствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности русской промышленности“ — изрекаютъ московскіе господа. „Послѣ того какъ русская желѣзная промышленность перестала быть, главнымъ образомъ, поставщицей по казеннымъ заказамъ... — поясняетъ совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, — неустроенность нашей народной жизни... стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ“. Безъ коренныхъ реформъ не обойтись, подтверждаютъ петербуржцы въ своей запискѣ отъ 31 января.

Что же значитъ сей сонъ? Отчего — говоря языкомъ корреспондента „Руси“ — покраснѣли милліоны? Вѣдь, не потому же, что совѣсть зазрила или внезапно обуяло ихъ гражданское чувство?

Нѣтъ, произошло лишь измѣненіе въ сочетаніи общественныхъ силъ, случилось лишь то, что самодержавіе — фатальнымъ ходомъ вещей — приведено было къ конфликту съ милліонами. Въ безмятежное сожительство царизма съ капиталомъ клиномъ врѣзался рабочій вопросъ.

Казалось бы, пролетаріатъ, пробуждающійся къ жизни и борьбѣ и все болѣе входящій въ свою провиденціальную роль освободителя Россіи, долженъ былъ уже самымъ процессомъ своего пробужденія вгонять капиталъ въ реакцію и спаивать его съ наличнымъ режимомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше, чѣмъ этотъ режимъ могъ держать въ уздѣ строптивую массу, кто съ большей убѣдительностью могъ вбивать ей аргументы всей мощью военно полицейскаго аппарата?

Казалось бы, — и такъ оно и было на дѣлѣ — до поры до времени. Духъ свободомыслія никогда не считался въ числѣ добродѣтелей отечественнаго производства, и чтобы отыскать въ этой сферѣ хотя бы слабый налетъ либерализма, пришлось бы совершить довольно далекую экскурсію въ прошлое и произвести раскопки въ общественныхъ формаціяхъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Съ 80 годовъ, особенно съ того времени, когда морозовская стачка, какъ салютъ, по выраженію Каткова, возвѣстила urbi et orbi о нарожденіи у насъ революціоннаго рабочаго класса, промышленный капиталъ непрестанно развивался въ одинъ изъ главныхъ устоевъ современной русской политики. Онъ черпалъ свое вдохновеніе въ министерскихъ кабинетахъ и онъ же — не взирая на всѣхъ земскихъ начальниковъ — безконечно больше воспособляемой бѣлой помѣщичьей кости, и что дальше, то сильнѣй, налагалъ свою лапу на общій ходъ государственной машины. Осуществленная при содѣйствіи франко-русскаго союза, система Витте была его тріумфомъ. Онъ поглощалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, милліоны, онъ властно возвышалъ свой голосъ на съѣздахъ, онъ тайно и явно руководилъ чиновными комиссіями. И онъ былъ очень многимъ, если не всѣмъ, къ моменту кореннаго перелома, когда, наконецъ, развертывающееся рабочее движеніе заставило дрогнуть сокрушающій кулакъ самодержавія.

Однако, во второй половинѣ предшествующаго десятилѣтія, послѣ знаменательныхъ петербургскихъ событій 96 и 97 годовъ, въ правительственныхъ кругахъ сталъ ясно намѣчаться новый курсъ — рабочей политики. Этотъ курсъ уже даетъ себя знать въ рѣчахъ полицейскихъ делегатовъ на засѣданіяхъ коммиссіи по подготовкѣ закона 2 іюня 1897 года. Въ этой коммиссіи вицедиректоръ департамента полиціи Семякинъ и другой представитель министерства внутреннихъ дѣлъ развивали ни болѣе, ни менѣе, какъ утопію нормировки заработной платы правительственной властью — къ вящшему недоумѣнію среды фабрикантовъ. „Если рабочіе убѣдятся — говорило министерство устами г. Щегловитова, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ“.

Этотъ же курсъ нашелъ свое дальнѣйшее развитіе въ пресловутомъ докладѣ московскаго оберъ-полиціймейстера Трепова, и свое увѣнчаніе — въ твореніяхъ Зубатова.

Лавина пролетарскаго движенія росла и, по мѣрѣ того, какъ росла, въ напуганныхъ головахъ начальственныхъ лицъ все сильнѣе работала мысль и все болѣе изощрялась фантазія надъ вопросомъ, какъ предотвратить грядущую опасность. Задача, какъ будто, не была головоломной, ларчикъ даже просто открывался, и отечество могло быть спасено безъ дальнѣйшихъ околичностей — за счетъ толстой мошны капитала: долой политику, и да процвѣтаютъ экономическія организаціи рабочихъ — надо только локализировать вниманіе пролетаріата на его непосредственномъ контрагентѣ — противникѣ. Дѣло по видимости начиналось съ полицейскихъ пустяковъ — съ общества взаимопомощи въ Москвѣ, съ противобундовской организаціи на западѣ, съ сомнительныхъ профессорскихъ бесѣдъ. Пустяки, однако, превратились весьма скоро въ серьезъ, и передъ агентурой правительства стала дилемма: или сразу потерять всѣ пріобрѣтенія, или пуститься во всѣ тяжкія антикапиталистической агитаціи. Стачка на мануфактурѣ Гужона въ Москвѣ, въ 1902 году, уже явилась сигналомъ предостереженія: многолѣтній союзъ капитала съ царизмомъ далъ первую замѣтную трещину, и московскіе промышленники, негодуя, отправили протестъ министру финансовъ. „Если въ предоставленной имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи, писали они, имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической“..., „тѣмъ болѣе — прибавляли они, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ“.

Съ своей точки зрѣнія, промышленники, конечно, были правы, и событія послѣдующаго года, особенно экспериментъ Шаевича въ Одессѣ, какъ нельзя лучше показали всю тщету безсмысленныхъ попытокъ системой своего рода обводныхъ и отводныхъ каналовъ обезводить море народнаго волненія. Послѣ одесскаго краха, наступило было временное затишье: Зубатовъ исчезъ съ горизонта, Шаевичъ былъ удаленъ въ мѣста „не столь отдаленныя“ — провѣтриться. Но было уже поздно: лавина катилась, и у правительства не было ни малѣйшей возможности остановиться въ своемъ курсѣ. Начавъ съ а, оно должно было досказать до конца весь алфавитъ демагогіи, чего бы ему это — въ конечномъ счетѣ — ни стоило, и какъ бы ни великъ былъ ропотъ капитала. Оно хваталось за все и исходило въ потугахъ законодательнаго творчества и въ результатѣ злополучной двухлѣтней работы получило итогъ — фабричные старосты, отвѣтственность предпринимателей, который только дразнилъ буржуазію и нимало не давалъ удовлетворенія рабочимъ.

А трещина, между тѣмъ, становилась все глубже, и червь недовольства все сильнѣе разъѣдалъ капиталъ. Нуженъ былъ, однако, могучій толчокъ, чтобы разъѣдающій червь могъ справиться съ толщей традицій; и этимъ толчкомъ оказалась война: она разрушила ореолъ военной силы царизма, она уничтожила вѣру въ его финансовую неуязвимость; она внесла разстройство — безъ надежды на возмѣщеніе въ счетъ будущихъ благъ, она осушила дождь казенныхъ заказовъ, она все поставила на карту.

Потому то подъ шумъ военныхъ неуспѣховъ и раздалось впервые ворчаніе „милліоновъ“. Спервоначала еще глухое — нечленораздѣльное ворчаніе. Чувствовалось только, что капиталъ въ своей фрондѣ уже перешелъ отъ частнаго къ общему, отъ критики вѣдомствъ и лицъ къ разбору всего цѣлаго. Газетная молва говорила о московскихъ купцахъ, не желающихъ нести свою лепту „патріотизму“, перо „услужающаго“ публициста разъясняло и мотивы „купецкаго“ воздержанія. Хозяину надъ милліонами рублей, господину надъ тысячами душъ не пристало сознавать себя чѣмъ то производнымъ отъ воли бюрократа. Хозяинъ и господинъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть хозяиномъ и господиномъ и въ дѣлѣ государственнаго строительства. Наступала пора — такъ думалъ капиталъ — когда крылатое морозовское слово — купецъ все можетъ — готовилась перейти изъ міра застольнаго краснорѣчія въ міръ реальной дѣйствительности. Уже въ минувшемъ декабрѣ московская городская дума — купеческая par excellence — поддержала резолюцію петербургскаго земскаго съѣзда и поддержавъ, нашла отголосокъ въ московскомъ биржевомъ комитетѣ. Въ это же время въ Петербургѣ инженеры всѣхъ вѣдомствъ, — другими словами распорядители и директора фабрично-заводскаго дѣла — вырабатывали за банкетной трапезой свои конституціонныя пожеланія.

Но нужно было вспыхнуть рабочему возстанію въ Петербургѣ, нужно было разлиться по всему пространству россійской земли революціоннымъ волнамъ стихійнаго движенія, чтобы всѣ эти элементы политическаго недовольства капитала откристаллизовались въ спеціальныя политическія формулы, приняли обликъ особой политической разновидности и чтобы капиталъ, какъ таковой — возвысилъ свой голосъ — наперекоръ заправиламъ царизма.

Со стихіей шутки были плохи — это хорошо сознавало правительство. И всего менѣе расположенъ былъ къ шуткамъ пролетаріатъ, принявшій 9-го января свое боевое крещеніе. Его уже нельзя было смазать по губамъ полицейскою трухою, бутафорскими законами. Ему необходимы были серьезныя уступки, ему нужна была свобода. И это же сознавалъ и капиталъ. Но въ то время какъ царизмъ искалъ еще спасенія въ экономическихъ уступкахъ, надѣясь, что чѣмъ больше онъ дастъ въ этой области, — за счетъ капитала, тѣмъ меньше уступитъ въ политикѣ, тѣмъ легче ему будетъ эскамотировать свободу; капиталъ, наоборотъ, энергично напиралъ на политику, видя въ ней „начало всѣхъ началъ“, какъ источникъ золъ, такъ и палладіумъ возможнаго успокоенія.

Литературная дуэль между министромъ финансовъ Коковцевымъ и петербургскими фабрикантами — наилучшее тому подтвержденіе. Фабриканты и слышать не хотятъ объ уступкахъ — негодуетъ Коковцевъ, аппелируя къ общественному мнѣнію въ инспирированной имъ нововременской статьѣ.

Дѣло не въ уступкахъ, тѣмъ болѣе частичныхъ, реплицируютъ фабриканты, а „въ глубокихъ реформахъ общегосударственнаго характера“. „Даже отъ полнаго удовлетворенія всѣхъ требованій рабочихъ, прочнаго успокоенія все же ожидать нельзя — говоритъ ихъ записка, — такъ какъ рабочее движеніе не возникло изъ общаго сознанія рабочихъ объ экономическихъ невзгодахъ, а возбуждено и поддерживается изъ окружающей среды. Изолировать рабочихъ нельзя и успокоить рабочихъ уступками тоже нельзя, пока окружающая среда находится въ броженіи“. А среда бродитъ, потому что „недовольство“ „широко разлито во всѣхъ слояхъ русскаго общества“, потому что „страдаетъ весь организмъ“, потому что виной всему существующій режимъ самодержавія.

„Нѣтъ спора — заявляютъ и съ своей стороны желѣзозаводчики что жизненныя условія нашего рабочаго люда не удовлетворительны, но не отъ доброй или злой воли промышленниковъ зависитъ измѣнить или удержать эти печальныя явленія, такъ какъ жизненныя условія... представляютъ собой результатъ всего народнаго хозяйства и всего государственнаго строя даннаго народа“. Москвичи же, — тѣ такъ даже договариваются до признанія — казалось бы, нѣсколько неожиданнаго въ устахъ фабрикантовъ и заводчиковъ, — что настоящее движеніе рабочихъ массъ, „хотя и построенное на экономической почвѣ“, есть плодъ „самой жизни“ и „естественной потребности, вложенной въ самую природу человѣка“, которая — потребность — есть потребность свободы.

„Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою“. Такъ врѣзавшійся клинъ пролетарскаго возстанія расщепилъ основы старой дружбы: и чѣмъ больше росло „народолюбіе“ начальства, чѣмъ демонстративнѣе становилось его вниманіе къ профессіональнымъ запросамъ „ввѣреннаго“ ему рабочаго населенія, тѣмъ быстрѣе толкался капиталъ къ вольнодумству, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе вырисовывались контуры новаго политическаго теченія. На знамени этого теченія стояли слова: законность, свобода.

Въ интересахъ „промышленнаго развитія“ необходимъ такой строй, при которомъ столкновенія труда съ капиталомъ введены были бы въ „законныя формы“, при которомъ рабочіе бы „знали, что они могутъ опираться только на законъ и должны оставаться въ предѣлахъ закона“, при которомъ „грубыя демонстраціи“ не служили бы пугаломъ для правительства, и къ нимъ бы не „прислушивались внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ“, при которомъ администрація не металась бы „то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ“ (см. записку инженеровъ), внося, такимъ образомъ, деморализацію въ среду „рабочихъ массъ“ и „обостряя отношенія между ними и фабрикантами“, при которомъ государственная жизнь регулировалась бы „участіемъ всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ“ (неизвѣстно, впрочемъ, на основаніи какого избирательнаго права) и при которомъ царила бы всякая свобода — въ томъ числѣ и нарочито поминаемая господами желѣзозаводчиками свобода штрейкбрехерства, т. е. была „бы законнымъ образомъ ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ“ личность повиннаго капиталу и работѣ пролетарія, при которомъ, однимъ словомъ, подлиннымъ хозяиномъ страны — но уже на законномъ основаніи — былъ бы его современное величество, господинъ капиталъ.

Съ такой то „хартіей вольностей“ въ рукахъ совершаетъ свое вступленіе въ среду конституціонной оппозиціи бывшій щедринскій Деруновъ, новоявленный „бунтарь“ и будущій столпъ свободной Россіи.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ КОММИССІЕЮ СЕНАТОРА ШИДЛОВСКАГО?

Петербургскіе рабочіе требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное Собраніе, на разсмотрѣніе котораго они отдавали свои многочисленныя соціальныя требованія.

Разстрѣлявъ петербургскихъ рабочихъ 9 января, правительство учреждаетъ новую коммиссію, въ которую предлагаетъ петербургскимъ рабочимъ послать своихъ избранныхъ всеобщей и тайной подачей голосовъ представителей для разсмотрѣнія „причинъ недовольства“ петербургскаго пролетаріата.

Намъ, соціальдемократамъ, неоднократно дѣлался упрекъ, что мы тенденціозно представляемъ, какъ „побѣды“ русскаго пролетаріата, такіе правительственные акты, которые, по своей цѣли, являются новыми и новыми попытками самодержавія отуманить сознаніе пролетаріата (законъ 2 іюня 1897 года, законъ объ отвѣтственности etc.). Это „недоразумѣніе“ между нами и нашими революціонными противниками легко объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что соціальдемократія иначе, чѣмъ другія партіи, понимаетъ самое слово „побѣда“ въ примѣненіи къ освободительной борьбѣ нашего времени.

Для соціаль-реформиста дѣйствительной побѣдой является такое событіе, которое означаетъ непосредственно замѣтное улучшеніе въ матеріальномъ положеніи соотвѣтствующаго класса. И съ точки зрѣнія сколько нибудь послѣдовательнаго соціаль-реформизма, ни одна изъ многочисленныхъ за послѣднее десятилѣтіе „уступокъ“ самодержавія не можетъ, поэтому, считаться сколько нибудь серьезной побѣдой, ибо царское самодержавіе не можетъ дать рабочему классу дѣйствительнаго улучшенія его жизни. Для „чистаго политика“, для революціонера буржуазной демократіи дѣйствительной побѣдой является лишь такое завоеваніе, которое непосредственно означаетъ замѣтную брешь въ политической системѣ, съ которою онъ борется. Съ этой точки зрѣнія, опять таки, всѣ царскія „уступки“ рабочему классу равны, по цѣнности, нулю, ибо нисколько не ослабляютъ гнетъ, тяготѣющій надъ русскимъ народомъ.

Съ точки зрѣнія революціоннаго соціальдемократа, связавшаго всѣ свои освободительныя стремленія съ процессомъ классового развитія пролетаріата, дѣйствительной побѣдой является всякое завоеваніе, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацію, свое классовое объединеніе, свою боевую готовность. И съ этой точки зрѣнія, всѣ добытыя трудной борьбой предыдущія уступки царизма представляютъ дѣйствительныя побѣды русскаго рабочаго класса, все значеніе которыхъ можетъ опредѣлить лишь тотъ, кто уяснилъ себѣ дѣйствіе каждой новой реформы на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія, на развитіе самосознанія пролетаріата и его организаціи.

Съ этой именно точки зрѣнія, декретъ, назначающій коммиссію сенатора Шидловскаго, представляетъ собой крупную пролетарскую побѣду — вопреки тѣмъ замысламъ, которые внушили его авторамъ эту „уступку“. Но само собой разумѣется, что свое дѣйствительное содержаніе это новое завоеваніе можетъ развернуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ *сознательно* использует шансы, доставляемые новой „реформой“ дѣлу его классоваго развитія.

Вопросъ о томъ, какъ реагировать на новую „уступку“, вызоветъ, разумѣется, самое живое обсужденіе среди сознательныхъ рабочихъ. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетаріатъ усвоилъ себѣ въ этомъ вопросѣ одну и ту же тактику на всемъ протяженіи Россіи. Отъ этого въ значительной степени зависитъ, принесетъ ли новая правительственная мѣра, вообще, какую нибудь пользу.

Что коммиссія Шидловскаго и перипетіи ея „работъ“ должны занять видное мѣсто въ нашей агитаціи — объ этомъ, разумѣется, не будетъ спора въ нашихъ рядахъ. Но, быть можетъ, меньшее единомысліе обнаружится между нами въ вопросѣ о томъ, въ какомъ направленіи должна вестись эта агитація?

„Рабочіе должны отказаться отъ участія въ этой коммиссіи, повторивъ, что они требуютъ всенароднаго учредительнаго собранія“ — такъ склонны отвѣтить на заданный вопросъ иные товарищи. Но борьба за созывъ Учредительнаго собранія не только не противорѣчитъ прямому участію въ коммиссіи, но и должна получить сильный импульсъ отъ этого участія. Ибо борьба за учредительное собраніе будетъ тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ революціоннѣе со стороны рабочаго класса, чѣмъ прочнѣе въ его сознаніи укрѣпится программа тѣхъ его соціальныхъ требованій, которыя должны стать объектомъ борьбы въ учредительномъ собраніи и въ законодательномъ механизмѣ свободной Россіи. И если *борьба* въ коммиссіи Шидловскаго и *около* нея способна содѣйствовать дѣлу усвоенія широкими массами пролетаріата этихъ соціальныхъ требованій, если она способна дать толчокъ *организаціи* рабочихъ массъ во имя этихъ требованій, то тѣмъ самымъ мы имѣемъ серьезный доводъ противъ той отрицательной позиціи, которую въ данномъ вопросѣ рекомендуютъ упомянутые товарищи.

Не для того только, чтобы „наглядно“ показать рабочимъ массамъ гнилость самодержавнаго реформаторства — онѣ достаточно видѣли примѣровъ тому и мы не устанемъ повторять пролетаріату, что въ смыслѣ дѣйствительныхъ улучшеній новая

Iskra

NEW YORK
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 88. Четвергъ, 17-го февраля 1905 г. Годъ V.

КАПИТАЛЪ БУНТУЕТЪ.

Въ наши бурные, трагическіе дни, когда съ разныхъ концовъ огромной страны доносится гулъ гражданской войны, когда трескъ ружейнаго разряда и шумъ разорвавшейся бомбы врываются обычнымъ аккомпаниментомъ въ героическую эпопею проснувшейся массы, въ эти дни сравнительно незамѣтно и блѣдно проходитъ событіе большой, исторической важности.

Капиталъ взбунтовался, капиталъ бунтуетъ. Бунтуетъ, конечно, съ оглядкой; конечно, въ предѣлахъ, какъ и подобаетъ солидной и важной персонѣ, сознающей свой вѣсъ въ государствѣ, но все же бунтуетъ. Балованное чадо россійскаго протекціонизма, предметъ естественной зависти для другихъ общественныхъ группъ, для котораго законъ былъ не писанъ и который, казалось, „все можетъ“ подъ сѣнью двуглаваго орла царской власти, который представлялся инымъ развѣ только оранжерейнымъ цвѣткомъ самодержавной теплицы, этотъ самый капиталъ явственно и громко заявляетъ власти, что ей пора на покой, въ архивную кладовую исторіи.

Именемъ науки — говоритъ бывшій чумазый и нынѣшній московскій купецъ — „джентльменъ“, „голосомъ сотенъ милліоновъ рублей“ вторитъ ему желѣзозаводчикъ, и „неумолкаемыми аплодисментами“ встрѣчается ихъ новѣйшее политическое credo собраніемъ болѣе двухсотъ петербургскихъ фабрикантовъ.

„Существующее законодательство и способъ его разработки не соотвѣтствуютъ указаніямъ современной науки государственнаго права и потребностямъ населенія, въ частности русской промышленности“ — изрекаютъ московскіе господа. „Послѣ того какъ русская желѣзная промышленность перестала быть, главнымъ образомъ, поставщицей по казеннымъ заказамъ... — поясняетъ совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, — неустроенность нашей народной жизни... стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ“. Безъ коренныхъ реформъ не обойтись, подтверждаютъ петербуржцы въ своей запискѣ отъ 31 января.

Что же значитъ сей сонъ? Отчего — говоря языкомъ корреспондента „Руси“ — покраснѣли милліоны? Вѣдь, не потому же, что совѣсть заговорила или внезапно обуяло ихъ гражданское чувство?

Нѣтъ, произошло лишь измѣненіе въ сочетаніи общественныхъ силъ, случилось лишь то, что самодержавіе — фатальнымъ ходомъ вещей — приведено было къ конфликту съ милліонами. Въ безмятежное сожительство царизма съ капиталомъ клиномъ врѣзался рабочій вопросъ.

Казалось бы, пролетаріатъ, пробуждающійся къ жизни и борьбѣ и все болѣе входящій въ свою провиденціальную роль освободителя Россіи, долженъ былъ уже самымъ процессомъ своего пробужденія вгонять капиталъ въ реакцію и спаивать его съ царскимъ режимомъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ, лучше, чѣмъ этотъ режимъ могъ держать въ уздѣ строптивую массу, кто съ большей убѣдительностью могъ вбивать ей аргументы всей мощью военно-полицейскаго аппарата?

Казалось бы, — и такъ оно и было на дѣлѣ — до поры до времени. Духъ свободомыслія никогда не считался въ числѣ добродѣтелей отечественнаго производства, и чтобы отыскать въ этой сферѣ хотя бы слабый налетъ либерализма, пришлось бы совершить довольно далекую экскурсію въ прошлое и произвести раскопки въ общественныхъ формаціяхъ такъ называемой эпохи великихъ реформъ. Съ 80 годовъ, особенно съ того времени, когда морозовская стачка, какъ салютъ, по выраженію Каткова, возвѣстила urbi et orbi о нарожденіи у насъ революціоннаго рабочаго класса, промышленный капиталъ непрестанно развивался въ одинъ изъ главныхъ устоевъ современной русской политики. Онъ черпалъ свое вдохновеніе въ министерскихъ кабинетахъ и [illegible] не взирая на всѣхъ земскихъ начальниковъ, безконечно болѣе [illegible] мѣщанской кости, и что дальше, то сильнѣе налагалъ свою лапу на общій ходъ государственной машины. [illegible] содѣйствіи франко-русскаго союза система Витте была его тріумфомъ. Онъ [illegible] какъ [illegible] не бывало [illegible] оны, онъ властно [illegible] свой [illegible] тайно и явно руководилъ чиновными комиссіями. И [illegible] очень многимъ, если не всѣмъ, къ моменту кореннаго перелома, когда, наконецъ, развертывающееся рабочее движеніе заставило дрогнуть сокрушающій кулакъ самодержавія.

Однако, во второй половинѣ предшествующаго десятилѣтія, послѣ знаменательныхъ петербургскихъ событій [illegible] въ правительственныхъ кругахъ [illegible] намѣчается новый курсъ — рабочей политики. Этотъ курсъ уже даетъ себя знать въ рѣчахъ [illegible] комиссіи по [illegible] закона 2 іюня 1897 года. Въ этой комиссіи вицедиректоръ департамента [illegible] и другой представитель министерства внутреннихъ дѣлъ [illegible] не болѣе, ни менѣе, какъ [illegible] правительственной власти [illegible] фабрикантовъ. „Если рабочіе убѣдятся [illegible] министерство устами г. [illegible] достигло благопріятныхъ результатовъ для рабочихъ, [illegible] будутъ смотрѣть на него какъ на защитника [illegible] а если такого [illegible] рабочіе будутъ [illegible] внушеніямъ“.

Этотъ же курсъ [illegible] пресловутомъ докладѣ московскаго [illegible] и свое увѣнчаніе — [illegible].

Лавина пролетарскаго движенія [illegible] росла, въ напуганныхъ [illegible] сильнѣе работала мысль и все [illegible] вопросомъ, какъ предотвратить [illegible] какъ будто, не была [illegible] вался, и отечество могло быть [illegible] личностей — за счетъ [illegible] тику, и да процвѣтаютъ экономическія организаціи рабочихъ — надо только локализировать вниманіе пролетаріата на его непосредственномъ контрагентѣ — предпринимателѣ. [illegible] мости начиналось съ полицейскихъ [illegible] взаимопомощи въ Москвѣ, съ противобунтовской организаціи на западѣ, съ сомнительныхъ профессорскихъ [illegible]. Пустяки, однако, превратились весьма скоро въ серьезъ, и передъ агентурой правительства стала дилемма: или сразу потерять всѣ пріобрѣтенія, или пуститься во всѣ тяжкія антикапиталистической агитаціи. Стачка на мануфактурѣ Гужона въ Москвѣ, въ 1902 году, уже явилась сигналомъ предостереженія: многолѣтній союзъ капитала съ царизмомъ далъ первую замѣтную трещину, и московскіе промышленники, негодуя, отправили протестъ министру финансовъ. „Если въ предоставленной имъ (рабочимъ) извѣстной организаціи, писали они, имѣется въ виду отвлеченіе ихъ отъ участія въ антиправительственной политической дѣятельности, то не менѣе опаснымъ оказывается допущеніе ихъ къ дѣятельности антикапиталистической“..., „тѣмъ болѣе — прибавляли они, что справиться съ массами, увлеченными какимъ либо успѣхомъ въ этомъ отношеніи, можетъ впослѣдствіи оказаться чрезвычайно труднымъ, если даже не совершенно невозможнымъ“.

Съ своей точки зрѣнія, промышленники, конечно, были правы, и событія послѣдующаго года, особенно экспериментъ Шаевича въ Одессѣ, какъ нельзя лучше показали всю тщету безсмысленныхъ попытокъ системой своего рода обводныхъ и отводныхъ каналовъ обезводить море народнаго волненія. Послѣ одесскаго краха, наступило было временное затишье: Зубатовъ исчезъ съ горизонта, Шаевичъ былъ удаленъ въ мѣста „не столь отдаленныя“ — провѣтриться. Но было уже поздно: лавина катилась, и у правительства не было ни малѣйшей возможности остановиться въ своемъ курсѣ. Начавъ съ а, оно должно было досказать до конца весь алфавитъ демагогіи, чего бы ему это — въ конечномъ счетѣ — ни стоило, и какъ бы ни великъ былъ ропотъ капитала. Оно хваталось за все и исходило въ потугахъ законодательнаго творчества и въ результатѣ злополучной двухлѣтней работы получило итогъ — фабричные старосты, отвѣтственность предпринимателей, который только дразнилъ буржуазію и нимало не давалъ удовлетворенія рабочимъ.

А трещина, между тѣмъ, становилась все глубже, и червь недовольства все сильнѣе разъѣдалъ капиталъ. Нуженъ былъ, однако, могучій толчокъ, чтобы разъѣдающій червь могъ справиться съ толщей традицій, и этимъ толчкомъ оказалась война: она разрушила ореолъ военной силы царизма, она уничтожила вѣру въ его финансовую неуязвимость; она внесла разстройство — безъ надежды на возмѣщеніе въ счетъ будущихъ благъ, она осушила дождь казенныхъ заказовъ, она все поставила на карту.

Потому то подъ шумъ военныхъ неуспѣховъ и раздалось впервые ворчаніе „милліоновъ“. Спервоначала еще глухое — нечленораздѣльное ворчаніе. Чувствовалось только, что капиталъ въ своей фрондѣ уже перешелъ отъ частнаго къ общему, отъ критики вѣдомствъ и лицъ къ разбору всего цѣлаго. Газетная молва говорила о московскихъ купцахъ, не желающихъ нести свою лепту „патріотизму“, перо „услужающаго“ публициста разъясняло и мотивы „купецкаго“ воздержанія. Хозяину надъ милліонами рублей, господину надъ тысячами душъ не пристало сознавать себя чѣмъ то производнымъ отъ воли бюрократа. Хозяинъ и господинъ въ своемъ дѣлѣ долженъ быть хозяиномъ и господиномъ и въ дѣлѣ государственнаго строительства. Наступала пора — такъ думалъ капиталъ — когда крылатое морозовское слово — купецъ все можетъ — готовилась перейти изъ міра застольнаго краснорѣчія въ міръ реальной дѣйствительности. Уже въ минувшемъ декабрѣ московская городская дума — купеческая par excellence — поддержала резолюцію петербургскаго земскаго съѣзда и, поддержавъ, нашла отголосокъ въ московскомъ биржевомъ комитетѣ. Въ это же время въ Петербургѣ инженеры всѣхъ вѣдомствъ, — другими словами распорядители и директора фабрично-заводскаго дѣла — вырабатывали за банкетной трапезой свои конституціонныя пожеланія.

Но нужно было вспыхнуть рабочему возстанію въ Петербургѣ, нужно было разлиться по всему пространству россійской земли революціоннымъ волнамъ стихійнаго движенія, чтобы всѣ эти элементы политическаго недовольства капитала откристаллизовались въ спеціальныя политическія формулы, приняли обликъ особой политической разновидности и чтобы капиталъ, какъ таковой, возвысилъ свой голосъ — наперекоръ запрещеніямъ царизма.

[illegible] стихіей шутки были плохи — это хорошо сознавало правительство. И всего менѣе расположенъ былъ къ шуткамъ пролетаріатъ, принявшій 9-го января свое боевое крещеніе. Его уже нельзя было смазать по губамъ полицейскою трухою бутафорскими законами. Ему необходимы были серьезныя уступки, ему нужна была свобода. И это же сознавалъ и капиталъ. Но въ то время какъ царизмъ искалъ еще спасенія въ экономическихъ уступкахъ, надѣясь, что чѣмъ больше онъ дастъ въ этой области — за счетъ капитала, тѣмъ меньше уступитъ въ политикѣ, тѣмъ легче ему будетъ [illegible] свободу, капиталъ, наоборотъ, энергично напиралъ на политику, видя въ ней „начало всѣхъ началъ“, какъ источникъ [illegible] и залогъ [illegible] возможнаго успокоенія.

Литературная дуэль между министромъ финансовъ Коковцевымъ и петербургскими фабрикантами — наилучшее тому подтвержденіе. Фабриканты и слышать не хотятъ объ уступкахъ [illegible] Коковцевъ, апеллируя къ общественному мнѣнію въ инспирированной имъ нововременской статьѣ.

[illegible] не въ уступкахъ, тѣмъ болѣе частичныхъ, [illegible] фабриканты, а „въ глубокихъ реформахъ [illegible] характера“. „Даже отъ [illegible] удовлетворенія [illegible] требованій рабочихъ прочнаго успокоенія [illegible] нельзя [illegible] ихъ записка [illegible] рабочее [illegible] не возникло изъ [illegible] сознанія рабочихъ [illegible] ихъ [illegible] и [illegible] Изолировать рабочихъ [illegible] уступками [illegible] въ [illegible]“. [illegible] „[illegible] всѣхъ [illegible] потому [illegible] существующій режимъ самодержавія.

„[illegible] своей [illegible] живыя [illegible] нашего рабочаго [illegible] или иной [illegible] или удержать эти [illegible] жизненныя условія [illegible] народнаго хозяйства и всего государственнаго [illegible] народа“. [illegible] — тѣ [illegible] нѣсколько [illegible] фабрикантовъ и заводчиковъ. [illegible] настоящее [illegible] рабочихъ массъ „[illegible] и [illegible]“, [illegible] „самой жизни“ и „естественной потребности, вложенной въ самую природу человѣка“, которая [illegible] потребность [illegible].

„Такъ кончился пиръ ихъ бѣдою“. Такъ [illegible] пролетарскаго возстанія расшатать основы старой дружбы и чѣмъ больше росло „народолюбіе“ начальства, чѣмъ демонстративнѣе становилось его вниманіе къ профессіональнымъ запросамъ „ввѣреннаго“ ему рабочаго населенія, тѣмъ быстрѣе толкался капиталъ къ вольнодумству, тѣмъ рѣзче и отчетливѣе вырисовывались контуры новаго политическаго теченія. На знамени этого теченія стояли слова: законность, свобода.

Въ интересахъ „промышленнаго развитія“ необходимъ такой строй, при которомъ столкновенія труда съ капиталомъ введены были бы въ „законныя формы“, при которомъ рабочіе бы „знали, что они могутъ опираться только на законъ и должны оставаться въ предѣлахъ закона“, при которомъ „грубыя демонстраціи“ не служили бы пугаломъ для правительства, и къ нимъ бы не „прислушивались внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ“, при которомъ администрація не металась бы „то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ“ (см. записку инженеровъ), внося, такимъ образомъ, деморализацію въ среду „рабочихъ массъ“ и „обостряя отношенія между ними и фабрикантами“, при которомъ государственная жизнь регулировалась бы „участіемъ всѣхъ классовъ населенія и въ томъ числѣ промышленниковъ и рабочихъ“ (неизвѣстно, впрочемъ, на основаніи какого избирательнаго права) и при которомъ царила бы всякая свобода — въ томъ числѣ и нарочито поминаемая господами желѣзозаводчиками свобода штрейкбрехерства, т. е. была „бы законнымъ образомъ ограждена отъ насилій рабочихъ стачечниковъ“ личность повиннаго капиталу и работѣ пролетарія, при которомъ, однимъ словомъ, подлиннымъ хозяиномъ страны — но уже на законномъ основаніи — былъ бы его современное величество, господинъ капиталъ.

Съ такой то „хартіей вольностей“ въ рукахъ совершалъ свое вступленіе въ среду конституціонной оппозиціи бывшій щедринскій Деруновъ, новоявленный „бунтарь“ и будущій столпъ свободной Россіи.

ЧТО НАМЪ ДѢЛАТЬ СЪ КОММИССІЕЮ СЕНАТОРА ШИДЛОВСКАГО?

Петербургскіе рабочіе требовали, чтобы было созвано всенародное Учредительное Собраніе, на разсмотрѣніе котораго они отдавали свои многочисленныя соціальныя требованія.

Разстрѣлявъ петербургскихъ рабочихъ 9 января, правительство учреждаетъ новую коммиссію, въ которую предлагаетъ петербургскимъ рабочимъ послать своихъ избранныхъ всеобщей и тайной подачей голосовъ представителей для разсмотрѣнія „причинъ недовольства“ петербургскаго пролетаріата.

Намъ, соціальдемократамъ, неоднократно дѣлался упрекъ, что мы тенденціозно представляемъ, какъ „побѣды“ русскаго пролетаріата, такіе правительственные акты, которые, по своей цѣли, являются новыми и новыми попытками самодержавія отуманить сознаніе пролетаріата (законъ 2 іюня 1897 года, законъ объ отвѣтственности etc.). Это „недоразумѣніе“ между нами и нашими революціонными противниками легко объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что соціальдемократія иначе, чѣмъ другія партіи, понимаетъ самое слово „побѣда“ въ примѣненіи къ освободительной борьбѣ нашего времени.

Для соціаль-реформиста дѣйствительной побѣдой является такое событіе, которое означаетъ непосредственно замѣтное улучшеніе въ матеріальномъ положеніи соотвѣтствующаго класса. И съ точки зрѣнія сколько нибудь послѣдовательнаго соціаль-реформизма, ни одна изъ многочисленныхъ за послѣднее десятилѣтіе „уступокъ“ самодержавія не можетъ, поэтому, считаться сколько нибудь серьезной побѣдой, ибо царское самодержавіе не можетъ дать рабочему классу дѣйствительнаго улучшенія его жизни. Для „чистаго политика“, для революціонера буржуазной демократіи дѣйствительной побѣдой является лишь такое завоеваніе, которое непосредственно означаетъ замѣтную брешь въ политической системѣ, съ которою онъ борется. Съ этой точки зрѣнія, опять таки, всѣ царскія „уступки“ рабочему классу равны, по цѣнности, нулю, ибо нисколько не ослабляютъ гнетъ, тяготѣющій надъ русскимъ народомъ.

Съ точки зрѣнія революціоннаго соціальдемократа, связавшаго всѣ свои освободительныя стремленія съ процессомъ классового развитія пролетаріата, дѣйствительной побѣдой является всякое завоеваніе, дающее возможность рабочему классу усилить свою организацію, свое классовое объединеніе, свою боевую готовность. И съ этой точки зрѣнія, всѣ добытыя трудной борьбой предыдущія уступки царизма представляютъ дѣйствительныя побѣды русскаго рабочаго класса, все значеніе которыхъ можетъ опредѣлить лишь тотъ, кто уяснилъ себѣ дѣйствіе каждой новой реформы на дальнѣйшее развитіе рабочаго движенія, на развитіе самосознанія пролетаріата и его организаціи.

Съ этой именно точки зрѣнія, декретъ, назначающій коммиссію сенатора Шидловскаго, представляетъ собой крупную пролетарскую побѣду вопреки тѣмъ замысламъ, которые внушили его авторамъ эту „уступку“. Но само собой разумѣется, что свое дѣйствительное содержаніе это новое завоеваніе можетъ развернуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой пролетаріатъ *сознательно* использует шансы, доставляемые новой „реформой“ для его классоваго развитія.

Вопросъ о томъ, какъ реагировать на новую „уступку“, вызоветъ, разумѣется, самое живое обсужденіе среди сознательныхъ рабочихъ. Нечего говорить, насколько желательно, чтобы сознательный пролетаріатъ усвоилъ себѣ въ этомъ вопросѣ одну и ту же тактику на всемъ протяженіи Россіи. Отъ этого въ значительной степени зависитъ, принесетъ ли новая правительственная мѣра, вообще, какую нибудь пользу.

Что коммиссія Шидловскаго и перипетіи ея „работъ“ должны занять видное мѣсто въ нашей агитаціи — объ этомъ, разумѣется, не будетъ спора въ нашихъ рядахъ. Но, быть можетъ, мнѣніе [illegible] обнаружится между нами въ вопросѣ о томъ, въ какомъ направленіи должна вестись эта агитація?

„Рабочіе должны отказаться отъ участія въ этой коммиссіи, [illegible] требуютъ всенароднаго учредительнаго собранія“. [illegible] отвѣтить на заданный вопросъ [illegible]. Но борьба за созывъ Учредительнаго собранія [illegible] противорѣчить прямому участію въ коммиссіи, но и [illegible] сильный импульсъ отъ этого участія. Ибо борьба за учредительное собраніе будетъ тѣмъ энергичнѣе, тѣмъ сознательнѣе, тѣмъ революціоннѣе со стороны рабочаго класса, чѣмъ прочнѣе въ его сознаніи укрѣпится программа тѣхъ соціальныхъ требованій, которыя должны стать объектомъ борьбы въ учредительномъ собраніи и въ законодательномъ механизмѣ свободной Россіи. И если *борьба* въ коммиссіи Шидловскаго и *около* нея способна содѣйствовать дѣлу усвоенія широкими массами пролетаріата этихъ соціальныхъ требованій, если она способна дать толчокъ *организаціи* рабочихъ массъ во имя этихъ требованій, то тѣмъ самымъ мы имѣемъ серьезный доводъ противъ той отрицательной позиціи, которую въ данномъ вопросѣ рекомендуютъ упомянутые товарищы.

[illegible] для того только, чтобы „наглядно“ показать рабочимъ массамъ гнилость самодержавнаго реформаторства — онѣ достаточно видѣли примѣровъ тому и мы не устанемъ повторять пролетаріату, что въ смыслѣ дѣйствительныхъ улучшеній новая коммиссія ему не дастъ ровно ничего, — но чтобы дать имъ поводъ и удобныя условія организаціи на почвѣ выработки и отстаиванія *всероссійской пролетарской программы соціальныхъ реформъ*, должны мы принять самое активное участіе въ „трудахъ“ новой коммиссіи.

Многочисленныя сообщенія петербургскихъ газетъ показываютъ намъ, какое плодотворное броженіе вызвано уже въ столичномъ пролетаріатѣ этой коммиссіей. Рабочіе требовали, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, обезпеченія неприкосновенности своихъ делегатовъ — имъ болѣе или менѣе двусмысленно даютъ соотвѣтственное обѣщаніе, которое, конечно, при первомъ же случаѣ будетъ нарушено. Они требуютъ — для организаціи выборной агитаціи — открытія закрытыхъ Треповымъ 11-ти отдѣловъ знаменитаго „общества“ — отказъ. Они требуютъ, чтобы имъ дано было право выбрать, въ числѣ своихъ делегатовъ, „интеллигентовъ“ — отказъ. Зато они получаютъ обязательство, что на выборахъ не будутъ присутствовать ни чины полиціи, ни заводская администрація. Они даютъ своимъ уполномоченнымъ императивный мандатъ требовать въ коммиссіи свободы печати, собраній, союзовъ и стачекъ. Они настаиваютъ, чтобы будущія засѣданія коммиссіи были публичны, чтобы ихъ протоколы печатались въ газетахъ.

Надо ли говорить, какая громадная агитаціонная работа могла и должна была быть совершена соціальдемократами при обсужденіи рабочими массами всѣхъ этихъ вопросовъ, какой громадный политическій опытъ дало имъ это обсужденіе, какъ сильно двинуло оно впередъ дѣло организаціи рабочаго класса?

Но передъ нами всего только первый актъ жизни новой „коммиссіи“. На очереди стоитъ привлеченіе къ ней вниманія рабочихъ провинціи. Коммиссія назначена для выясненія причинъ недовольства петербургскихъ рабочихъ. Но, вѣдь, то же недовольство проявляется и всѣми рабочими Россіи. И всѣ рабочіе Россіи, естественно, обнаруживаютъ значительный интересъ къ этой коммиссіи. Кое-гдѣ (Харьковъ, Одесса) рабочіе прямо требуютъ выборовъ делегата въ коммиссію сенатора Шидловскаго. Какое-же положеніе намъ занять въ этомъ случаѣ?

Мы должны повсюду повести самую энергичную агитацію за то, чтобы въ коммиссію были допущены выборные отъ *всѣхъ* рабочихъ Россіи, чтобы рабочее правительство въ коммиссіи Шидловскаго стало остовомъ широкой временной организаціи рабочихъ массъ Россіи.

Вотъ одно изъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ коммиссіи. Рядомъ съ тѣмъ, мы требуемъ, вмѣстѣ съ петербургскими рабочими: гласности засѣданій, неприкосновенности личности делегатовъ, свободы обсужденія. При этомъ мы постоянно подчеркиваемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ реформъ участіе въ коммиссіи не обѣщаетъ рабочимъ, что это участіе имѣетъ для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку его можно будетъ использовать въ интересахъ организаціи рабочихъ и въ интересахъ пропаганды рабочихъ требованій.

Къ тому моменту, когда будутъ напечатаны эти строки, петербургскіе рабочіе дадутъ уже свой окончательный отвѣтъ объ условіяхъ, при наличности которыхъ они согласны довести до конца свое участіе въ коммиссіи. Изъ доставленныхъ телеграммами свѣдѣній видно, что рабочіе намѣрены серьезно воевать изъ-за этихъ предварительныхъ гарантій. Тѣмъ лучше! Намъ остается только выяснить, какъ, съ нашей точки зрѣнія, должны дѣйствовать делегаты, если дѣло кончится тѣмъ, что таковые будутъ избраны.

И прежде всего мы не согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что рабочіе-делегаты должны, явившись въ коммиссію, *только* заявить о необходимости созыва учредительнаго собранія. Они обязаны заявить это требованіе, обязаны воспользоваться новой трибуной, чтобы провозгласить его, но, преслѣдуя цѣли популяризаціи въ массахъ пролетарскихъ требованій и организаціи массъ во имя этихъ требованій, они не могутъ ограничиться этой демонстраціей.

Выборные петербургскаго пролетаріата должны, съ самаго начала, явиться въ роли представителей всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, и весь россійскій пролетаріатъ долженъ сдѣлать изъ нихъ своихъ представителей, настойчиво требуя въ то же время допущенія въ коммиссію делегатовъ отъ другихъ городовъ.

Опираясь на коллективныя заявленія многихъ тысячъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи, разсылая во всѣ концы доклады о своей работѣ въ коммиссіи, о борьбѣ, которую имъ придется въ ней вести, делегація рабочихъ представитъ собой громадную силу, организующую массы и воздѣйствующую на ея сознаніе. Она станетъ тѣмъ народнымъ трибуналомъ, къ которому будутъ обращаться съ заявленіями о своихъ нуждахъ рабочіе всѣхъ отраслей производства и всѣхъ областей Россіи и въ то же время тѣмъ агитаціоннымъ центромъ, который сможетъ давать лозунги текущей борьбѣ пролетаріевъ всей страны. И если соціальдемократіи удастся оказать достаточно сильное вліяніе на работу делегаціи, партія сможетъ направить надлежащимъ образомъ профессіональную борьбу россійскаго пролетаріата.

Такова цѣль, которую сознательные рабочіе должны поставить себѣ, стоя передъ новой царской „уступкой“. Будетъ ли достигнута эта цѣль, удастся ли, черезъ посредство правительственной коммиссіи, завоевать себѣ организующій политическій центръ, зависитъ, конечно, отъ многихъ условій — не въ послѣдней степени отъ выдержки, энергіи и послѣдовательности сознательныхъ рабочихъ. Но будетъ ли она достигнута или нѣтъ, *движеніе* къ ней должно принести значительные результаты для дѣла организаціи и воспитанія рабочаго класса, а это значитъ, что соціальдемократія обязана со всей энергіей взяться за агитацію въ указанномъ здѣсь направленіи.

Надо повсюду приглашать рабочихъ требовать допущенія ихъ делегатовъ въ столичную коммиссію. Надо повсюду организовывать постоянныя сношенія уполномоченныхъ рабочихъ быть можетъ, (для этого можно приспособить „фабричныхъ старостъ“ и другихъ прежде узаконенныхъ депутатовъ, разумѣется, обновивъ ихъ составъ) съ оффиціальными петербургскими делегатами; надо въ самомъ Петербургѣ отстаивать постоянное организованное общеніе делегатовъ съ ихъ избирателями, постоянное открытое обсужденіе всей массой рабочихъ тѣхъ соціальныхъ реформъ и политическихъ требованій, которыя будутъ обсуждаться или ставиться въ коммиссіи. Надо сдѣлать такъ, чтобы рабочая масса внимательно слѣдила за всѣмъ, что совершается въ коммиссіи и около нея, и чтобы энергично протестовала противъ каждаго акта произвола, который разыграется въ ея нѣдрахъ.

Могучій разливъ стачечнаго движенія, охватившаго всю Россію, оставитъ послѣ себя новые громадные кадры пролетаріевъ, сдѣлавшихъ первые шаги по развитію своего классового самосознанія и готовыхъ къ упорной борьбѣ за рабочее дѣло. Организовать эти кадры, исходя изъ потребностей той самой профессіональной борьбы, которая ихъ пробудила къ активности — такова великая задача, которая стоитъ теперь передъ нашей партіей и внѣ разрѣшенія которой пустыми рѣчами являются всякіе толки объ организаціи революціоннаго возстанія подъ знаменемъ соціальдемократіи. Организовать ихъ такъ, чтобы борьба за повседневные интересы рабочихъ тѣсно сплелась въ ихъ дѣйствіи и въ ихъ сознаніи съ *политической* борьбой рабочаго *класса* въ цѣломъ — кто хочетъ этого, тотъ не можетъ пройти мимо такого крупнаго факта въ исторіи профессіональнаго рабочаго движенія въ Россіи, какимъ является учрежденіе коммиссіи Шидловскаго, тотъ не долженъ упрощать всю агитацію соціальдемократію по поводу этой коммиссіи, сводя ее цѣликомъ къ убѣжденію рабочихъ въ той истинѣ, что не въ такого рода коммиссіяхъ рабочій классъ будетъ реализовать свои экономическія завоеванія. Нѣтъ! необходимо показать рабочимъ, что *и такія* реформаторскія попытки самодержавія могутъ стать, въ рукахъ революціоннаго и сознательнаго пролетаріата, орудіемъ его классовой организаціи, средствомъ выработки и пропаганды его революціонной программы.

И пусть не боятся товарищи, что на этомъ пути ихъ ждетъ опасность забвенія политической борьбы съ самодержавіемъ, опасность впаденія въ „экономизмъ“. Годы, отдѣляющіе насъ отъ стадіи „экономическихъ“ увлеченій, многое измѣнили: измѣнили русскій пролетаріатъ и — что еще важнѣе — измѣнили радикально всѣ условія его существованія. Если въ эпоху промышленнаго подъема, при слабомъ пульсѣ политической жизни въ странѣ, легко было, увлекаясь профессіональной агитаціей среди неискушеннаго политическимъ опытомъ россійскаго пролетаріата, пойти по „линіи наименьшаго сопротивленія“ и растерять свою соціальдемократическую политику въ организаціи борьбы за частныя экономическія улучшенія, — то теперь, когда пролетаріатъ получаетъ политическіе импульсы со всѣхъ сторонъ, когда онъ самъ пропитанъ политическимъ недовольствомъ и борется въ условіяхъ полнаго экономическаго банкротства правящей Россіи, теперь эта опасность исчезла, и намъ слѣдуетъ потратить добрую долю своихъ силъ на то, чтобы организовать экономическую самооборону рабочаго класса, объединить его разрозненную профессіональную борьбу, сплотить на ней широкія пролетарскія массы, связывая эту борьбу съ основными политическими задачами пролетаріата въ данный моментъ. Если въ свое время профессіональное движеніе въ Россіи являлось исторически антиподомъ „политики“ вообще, то теперь каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ обществомъ въ водоворотѣ революціи, связываетъ крѣпче это движеніе со всенародной политической борьбой, и наша задача, задача соціалдемократіи, въ томъ и заключается, чтобы не дать ему стать опорой либеральнодемократической политики (не говоря уже о политикѣ реакціонно монархической). А этого мы можемъ достигнуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой используемъ политическія силы своей партіи для облегченія пролетарскимъ массамъ того дѣла профессіональной организаціи и непосредственнаго улучшенія своего положенія, которое такъ умѣло дѣлаютъ эти массы, пользуясь моментомъ разложенія самодержавія. И, съ другой стороны, мы не можемъ разсчитывать на быстрое и прочное объединеніе профессіональной борьбы пролетаріата съ его политической борьбой въ цѣльной, соціальдемократической классовой борьбѣ, если не воспользуемся всѣми представляющимися пролетаріату случаями на дѣлѣ взвѣсить и оцѣнить заботы его политическихъ враговъ и временныхъ союзниковъ о соціальныхъ реформахъ. Нечего и говорить, какой богатый опытъ въ этомъ отношеніи дадутъ пролетаріату работы правительственной коммиссіи, въ которыхъ найдутъ свое выраженіе отзвуки всѣхъ соціально-политическихъ программъ, созданныхъ общественной борьбой нашихъ дней. Но особенно слѣдуетъ подчеркнуть ту истину, что только веденная въ широкихъ размѣрахъ агитація, только серьезная организація массъ на почвѣ выдвинутой рабочимъ движеніемъ программы соціальныхъ реформъ можетъ обезпечить намъ усвоеніе *массами* этого соціально-политическаго опыта. И достигнуть этого результата обязана наша партія, если хочетъ идти по тому пути, который прочно укрѣпитъ такъ замѣтно ослабѣвшую за послѣдніе годы ея связь съ массами.

Уже второй съѣздъ нашей партіи подмѣтилъ то значеніе, которое должно будетъ выпасть вскорѣ на долю нашей „экономической“ агитаціи и рекомендовалъ партійнымъ работникамъ усилить дѣятельность въ этомъ направленіи. Надо признаться откровенно, что товарищи-практики не много сдѣлали для осуществленія этихъ пожеланій съѣзда. Пусть же такъ глубоко заинтересовавшая петербургскій пролетаріатъ правительственная „уступка“ послужитъ поводомъ наверстать то, что нами уже упущено!

ШИРЕ ДВЕРИ!

Волны революціонной стачки, бурнымъ потокомъ катящіяся по всей Россіи, далеко еще не улеглись. Со всѣхъ концовъ страны ежедневно приходятъ извѣстія о судорожныхъ движеніяхъ пролетаріата, потрясающихъ ветхое зданіе монархіи. Открытыя столкновенія народа съ войсками не прекращаются. Страна переживаетъ революцію.

Движеніе народныхъ массъ теперь уже не можетъ улечься. Оно будетъ то горѣть яркимъ пламенемъ, то тлѣть подземнымъ огнемъ, чтобы снова вспыхнуть при первомъ случаѣ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать скорое выступленіе на сцену и крестьянства. Мы вступили въ полосу массовыхъ, народныхъ движеній — вотъ основной фактъ современной политической обстановки, который постоянно должны имѣть въ виду всѣ партійные работники, и который долженъ мощно вліять на рѣшеніе всѣхъ, встающихъ передъ партіею, вопросовъ.

Въ ряду такихъ вопросовъ однимъ изъ важнѣйшихъ является вопросъ организаціонный. Недаромъ уже болѣе 1½ лѣтъ партія посвящаетъ ему столько вниманія. Разсматриваемый не съ узкой точки зрѣнія уставныхъ отношеній между крохотными ячейками конспиративной организаціи, а съ точки зрѣнія возможной и необходимой связи партійной организаціи съ рабочей массой, съ точки зрѣнія постепеннаго отожествленія рабочаго движенія съ соціальдемократіей, этотъ вопросъ касается жизненнаго нерва нашей партіи. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія и трактовался этотъ вопросъ въ нашемъ органѣ съ того времени, какъ формальное объединеніе нашей партійной организаціи выдвинуло его съ особой остротой.

Еще тогда, когда первые раскаты военной грозы и вызваннаго ею хозяйственнаго кризиса съ совершенной несомнѣнностью заставили ожидать близкаго наступленія стихійныхъ массовыхъ взрывовъ, рисовавшихся, какъ „постепенный переходъ отъ стачки (всеобщей) черезъ демонстраціи къ возстанію“,[1] еще тогда передъ партіей ясно вставала задача политическаго воспитанія того авангарда рабочаго класса, [illegible] уже охваченъ и съ каждымъ днемъ все болѣе [illegible] организаціонной и агитаціонной дѣятельностью нашей [illegible]. Этотъ авангардъ долженъ былъ послужить тѣмъ цементомъ, который неразрывно свяжетъ соціальдемократическую [illegible] съ аморфными пролетарскими массами и не дастъ ей превратиться въ машину, съ которой снятъ передаточный ремень“.

Въ этомъ направленіи и велась организаціонная работа всѣми прогрессивными элементами партіи за послѣдніе 1½ года. Нѣтъ никакого сомнѣнія — и петербургскія событія достаточно ясно показываютъ это — что работа не прошла даромъ. Число пролетаріевъ, мыслящихъ и чувствующихъ соціальдемократически, теперь достаточно велико, чтобы послужить основой для созданія крѣпкой соціальдемократической рабочей партіи и прочными узами связать ее съ широкой рабочей массой. Правда, проклятая обстановка конспиративности, заставляющая уходить въ

---

[1] „Искра“ № 63. Ст. „Грядущій кризисъ“.

О латышскомъ рабочемъ движеніи.

Идеи соціализма начали развиваться въ латышскомъ краѣ въ началѣ 90-хъ годовъ. Завезенныя главнымъ образомъ изъ университетскихъ городовъ, онѣ сначала распространялись въ передовой части латышской интеллигенціи, а потомъ стали проникать и въ рабочіе кружки. Но нелегальной латышской литературы не было, и интеллигенты и не старались ее создать, такъ какъ возлагали большія надежды на возможность легальной работы. Раздавались даже голоса, что не слѣдуетъ печатать нелегальныя изданія, чтобы не обратить на себя вниманія правительства и не лишиться возможности дѣйствовать на народъ черезъ подцензурныя газеты. А между тѣмъ, легальная работа дала довольно печальные результаты. Сначала, пока цензура еще не разобралась въ новомъ направленіи, можно было дѣлать намеки на политику и указывать на бѣдственное положеніе народа. Но если цензоръ не замѣчалъ намековъ и не обращалъ вниманія на новый тонъ, то народъ понималъ еще менѣе. Къ тову же латышская буржуазія многократными доносами скоро открыла глаза цензору, и тотъ своимъ краснымъ карандашемъ усердно искоренялъ изъ газеты всѣ мысли, которыя ему почему либо казались красными или даже красноватыми. Онъ запретилъ употреблять слово „рабочій“ и усердно зачеркивалъ все, что имѣло отношеніе къ рабочему вопросу, даже перепечатки изъ „Правительственнаго Вѣстника“. Одну-другую болѣе или менѣе приличную перепечатку изъ русскихъ подцензурныхъ изданій можно было помѣстить при нѣкоторомъ умѣніи лишь по субботамъ, когда цензоръ ходилъ въ баню и потому лишь бѣгло прочитывалъ оттиски.

Несмотря на такое плачевное состояніе легальной агитаціи, интеллигенція все еще не рѣшалась на издательство настоящей соціалистической литературы, хотя потребность въ ней стала все болѣе настоятельной. Естественно, что рабочіе, искреннѣе и глубже, чѣмъ большинство интеллигентовъ, увлекавшіеся новыми идеями, рѣшились дѣйствовать по собственной иниціативѣ, на свой рискъ и страхъ. Въ концѣ 1896 г. съѣхались представители рабочихъ Риги, Либавы и Митавы, и, обсудивъ положеніе дѣлъ, рѣшили издавать соціалистическую литературу на латышскомъ языкѣ. Но осуществить это рѣшеніе имъ не удалось, такъ какъ въ 1897 году молодое движеніе постигъ первый разгромъ, сопровождавшійся многочисленными арестами. Къ дѣлу было привлечено болѣе 150 лицъ, и хотя пострадала, главнымъ образомъ, интеллигенція, но и въ рабочей средѣ движеніе на время притихло. Но это продолжалось не долго. Искра была брошена и тлѣла въ глубинѣ.

Сначала движенію препятствовало существовавшее въ народѣ нѣкоторое доброжелательство къ русскому правительству, за то, что оно устранило нѣмецкій произволъ въ школахъ, въ судѣ и администраціи. Націоналисты, въ газетахъ и рѣчахъ, восхваляли царскій режимъ и раболѣпіемъ старались купить милость администраціи. Въ этомъ заключалась вся политическая мудрость латышскихъ націоналистовъ. Что русское правительство устранило нѣмцевъ только для того, чтобы наложить на культурное развитіе страны свою собственную, еще болѣе тяжелую и при томъ болѣе грязную лапу, это не всѣмъ было ясно, и въ латышской печати и въ народѣ часто можно было встрѣтить болѣе или менѣе искреннюю благодарность „къ отцу земли“, къ царю.

Но правительство само поспѣшило окончательно и основательно искоренить этотъ предразсудокъ. Лѣтомъ 1899 г. во время забастовки на одной рижской фабрикѣ вмѣшалась полиція и своими циничными насиліями довела дѣло до кровавыхъ безпорядковъ. Были вызваны войска, которыя стрѣляли въ народъ; были привезены казаки, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней буйствовали по городу, избивая и калѣча мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Уличная толпа реагировала на произволъ традиціоннымъ образомъ — она набросилась на публичныя дома, это наиболѣе противное проявленіе современнаго строя всеобщей продажности, поджигала и разрушала ихъ. Пока полиція въ одномъ мѣстѣ водворяла порядокъ, толпа начинала свою расправу въ другомъ концѣ города. Нападеніямъ подвергались и другіе дома, въ которыхъ жили чиновники или офицеры. На нѣкоторыхъ воротахъ появились вывѣски: „Здѣсь не живутъ военные“.

Безчеловѣчная кровавая расправа надъ толпой повела къ тому, что рижскіе рабочіе устроили всеобщую стачку; большинство фабрикъ и заводовъ прекратили работу. Выставлялись требованія о сокращеніи рабочаго дня, объ увеличеніи заработной платы и многія другія. Какъ только вѣсти о рижскихъ событіяхъ дошли до Либавы, тамъ тоже началась генеральная стачка. Рабочіе шли отъ одной фабрики къ другой, приглашая товарищей примкнуть къ забастовкѣ. Обошедши всѣ фабрики, стачечники расположились громадной толпой у гавани. Были вызваны солдаты. Пріѣхалъ и губернаторъ для того, чтобы увѣщевать стачечниковъ рабочихъ, но послѣдніе не обращали на него никакого вниманія, даже не вставали при его приближеніи. Сатрапъ губерніи такъ и уѣхалъ, ничего не добившись отъ рабочихъ.

Всеобщая стачка продолжалась только нѣсколько дней напуганная буржуазія пошла на уступки и многія требованія рабочихъ были удовлетворены. Но главное значеніе этой стачки заключалась въ томъ урокѣ, который рабочіе извлекли изъ нея. Здѣсь самодержавное правительство самымъ наглымъ образомъ обнаружило свою настоящую природу и воочію показало, что разсказы націоналистовъ о благоволеніи его къ латышскому народу — чистѣйшая басня. Оно нагляднымъ образомъ показало рабочимъ, что центръ тяжести политической жизни слѣдуетъ искать не въ націи, а въ классѣ. Правительство кровью окрестило латышское рабочее дѣло, и съ того времени оно непрерывно растетъ, на страхъ не только латышской трусливой буржуазіи, но и самому царскому самодержавію.

Латышскій пролетарій культурнѣе своего русскаго собрата. Въ большинствѣ случаевъ онъ читаетъ газету, которая стала для него уже культурною потребностью. Его не можетъ удовлетворить то рабски покорное освѣщеніе фактовъ, какое мы находимъ въ латышскихъ подцензурныхъ газетахъ, но за то онъ узнаетъ изъ прессы, по крайней мѣрѣ, тѣ факты и событія, о которыхъ цензура позволяетъ писать. Освѣщеніе этихъ фактовъ онъ черпаетъ изъ прокламацій и нелегальной литературы.

Латышскій сознательный пролетарій интересуется не только вопросами, непосредственно связанными съ соціализмомъ, но и всею общественной жизнью и латышской литературой, на сколько это возможно въ его положеніи.

Иллюстраціей такого отношенія можетъ служить бойкотъ, объявленный рижскими организованными рабочими одной латышской газетѣ. Такъ какъ этотъ бойкотъ является въ Россіи первымъ въ своемъ родѣ, и о немъ еще въ русской печати не было сообщено, то передамъ вкратцѣ эту исторію.

Редакторъ одного изъ латышскихъ ежедневныхъ листковъ, „Рижской Газеты“, присяжный повѣренный Вейнбергъ, который уже давно гордился своими близкими отношеніями къ мѣстнымъ жандармскимъ властямъ, иногда открыто печаталъ доносы то на отдѣльныхъ писателей, то на другія газеты. Особенно онъ усердствовалъ противъ своихъ конкуррентовъ, другихъ ежедневныхъ латышскихъ газетъ. Благодаря его доносамъ, была закрыта газета „Deenas Lapa“ за вредное направленіе. Такой успѣхъ доноса Вейнберга былъ совершенно неожиданнымъ, такъ какъ упомянутая благонамѣренная газета не имѣла ровно никакого направленія — и была только „чище“ Вейнберговскаго листка. Рабочіе были возмущены шпіонскимъ поступкомъ, и рижскій комитетъ выпустилъ прокламацію, приглашавшую къ бойкоту газеты Вейнберга. Прокламація разошлась въ 13,000 экз. Тогда Вейнбергъ въ цѣломъ рядѣ статей началъ глумиться надъ „злодѣями“ соціалистами и дошелъ до того, что открыто приглашалъ своихъ читателей доносить на всякого имъ извѣстнаго неблагонадежнаго человѣка. Въ виду этой наглости организованные рабочіе рѣшили принять противъ него болѣе строгія мѣры.

Съ разрѣшенія организаціи, одна группа товарищей взялась за дѣло. Въ условленный день, въ 7 часовъ вечера, когда въ лавкахъ и ресторанахъ получаются газеты для раздачи подписчикамъ и продажи, повсюду, гдѣ находилась и „Р. Г.“, являлся товарищъ и бросалъ въ кипу газетъ патронъ съ вонючимъ веществомъ и листокъ съ объясненіемъ, почему это дѣлается. Ни одинъ изъ исполнителей не былъ при этомъ арестованъ. Лавочники потомъ уже на отрѣзъ отказывались держать [illegible] коммиссія ему не дастъ ровно ничего, — но чтобы дать имъ поводъ и удобныя условія организаціи на почвѣ выработки и отстаиванія *всероссійской пролетарской программы соціальныхъ реформъ*, должны мы принять самое активное участіе въ „трудахъ“ новой коммиссіи.

Многочисленныя сообщенія петербургскихъ газетъ показываютъ намъ, какое плодотворное броженіе вызвано уже въ столичномъ пролетаріатѣ этой коммиссіей. Рабочіе требовали, прежде чѣмъ приступить къ выборамъ, обезпеченія неприкосновенности своихъ делегатовъ — имъ болѣе или менѣе двусмысленно даютъ соотвѣтственное обѣщаніе, которое, конечно, при первомъ же случаѣ будетъ нарушено. Они требуютъ — для организаціи выборной агитаціи — открытія закрытыхъ Треповымъ 11-ти отдѣловъ знаменитаго „общества“ — отказъ. Они требуютъ, чтобы имъ дано было право выбрать, въ числѣ своихъ делегатовъ, „интеллигентовъ“ — отказъ. Зато они получаютъ обязательство, что на выборахъ не будутъ присутствовать ни чины полиціи, ни заводская администрація. Они даютъ своимъ уполномоченнымъ императивный мандатъ требовать въ коммиссіи свободы печати, собраній, союзовъ и стачекъ. Они настаиваютъ, чтобы будущія засѣданія коммиссіи были публичны, чтобы ихъ протоколы печатались въ газетахъ.

Надо ли говорить, какая громадная агитаціонная работа могла и должна была быть совершена соціальдемократами при обсужденіи рабочими массами всѣхъ этихъ вопросовъ, какой громадный политическій опытъ дало имъ это обсужденіе, какъ сильно двинуло оно впередъ дѣло организаціи рабочаго класса?

Но передъ нами всего только первый актъ жизни новой „коммиссіи“. На очереди стоитъ привлеченіе къ ней вниманія рабочихъ провинціи. Коммиссія назначена для выясненія причинъ недовольства петербургскихъ рабочихъ. Но, вѣдь, то же недовольство проявляется и всѣми рабочими Россіи. И всѣ рабочіе Россіи, естественно, обнаруживаютъ значительный интересъ къ этой коммиссіи. Кое-гдѣ (Харьковъ, Одесса) рабочіе прямо требуютъ выборовъ делегата въ коммиссію сенатора Шидловскаго. Какое-же положеніе намъ занять въ этомъ случаѣ?

Мы должны повсюду повести самую энергичную агитацію за то, чтобы въ коммиссію были допущены выборные отъ *всѣхъ* рабочихъ Россіи, чтобы рабочее представительство въ коммиссіи Шидловскаго стало остовомъ широкой временной организаціи рабочихъ массъ Россіи.

Вотъ одно изъ требованій, которыя мы предъявляемъ къ коммиссіи. Рядомъ съ нимъ, мы требуемъ, вмѣстѣ съ петербургскими рабочими: гласности засѣданій, неприкосновенности личности делегатовъ, свободы обсужденія. При этомъ мы постоянно подчеркиваемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ реформъ участіе въ коммиссіи не обѣщаетъ рабочимъ, что это участіе имѣетъ для нихъ значеніе лишь постольку, поскольку его можно будетъ использовать въ интересахъ организаціи рабочихъ и въ интересахъ пропаганды рабочихъ требованій.

Къ тому моменту, когда будутъ напечатаны эти строки, петербургскіе рабочіе дадутъ уже свой окончательный отвѣтъ объ условіяхъ, при наличности которыхъ они согласны довести до конца свое участіе въ коммиссіи. Изъ доставленныхъ телеграммами свѣдѣній видно, что рабочіе намѣрены серьезно воевать изъ-за этихъ предварительныхъ гарантій. Тѣмъ лучше! Намъ остается только выяснить, какъ, съ нашей точки зрѣнія, должны дѣйствовать делегаты, если дѣло кончится тѣмъ, что таковые будутъ избраны.

И прежде всего мы не согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что рабочіе-делегаты должны, явившись въ коммиссію, *только* заявить о необходимости созыва учредительнаго собранія. Они обязаны заявить это требованіе, обязаны воспользоваться новой трибуной, чтобы провозгласить его, но, преслѣдуя цѣли популяризаціи въ массахъ пролетарскихъ требованій и организаціи массъ во имя этихъ требованій, они не могутъ ограничиться этой демонстраціей.

Выборные петербургскаго пролетаріата должны, съ самаго начала, явиться въ роли представителей всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, и весь россійскій пролетаріатъ долженъ сдѣлать изъ нихъ своихъ представителей, настойчиво требуя въ то же время допущенія въ коммиссію делегатовъ отъ другихъ городовъ.

Опираясь на коллективныя заявленія многихъ тысячъ рабочихъ въ разныхъ концахъ Россіи, разсылая во всѣ концы доклады о своей работѣ въ коммиссіи, о борьбѣ, которую имъ придется въ ней вести, делегація рабочихъ представитъ собой громадную силу, организующую массы и воздѣйствующую на ея сознаніе. Она станетъ тѣмъ народнымъ трибуналомъ, къ которому будутъ обращаться съ заявленіями о своихъ нуждахъ рабочіе всѣхъ отраслей производства и всѣхъ областей Россіи и въ то же время тѣмъ агитаціоннымъ центромъ, который сможетъ давать лозунги текущей борьбѣ пролетаріевъ всей страны. И если соціальдемократіи удастся оказать достаточно сильное вліяніе на работу делегаціи, партія сможетъ направить надлежащимъ образомъ профессіональную борьбу россійскаго пролетаріата.

Такова цѣль, которую сознательные рабочіе должны поставить себѣ, стоя передъ новой царской „уступкой“. Будетъ ли достигнута эта цѣль, удастся ли, черезъ посредство правительственной коммиссіи, завоевать себѣ организующій политическій центръ, зависитъ, конечно, отъ многихъ условій — не въ послѣдней степени отъ выдержки, энергіи и послѣдовательности сознательныхъ рабочихъ. Но будетъ ли она достигнута или нѣтъ, *движеніе* къ ней должно принести значительные результаты для дѣла организаціи и воспитанія рабочаго класса, а это значитъ, что соціальдемократія обязана со всей энергіей взяться за агитацію въ указанномъ здѣсь направленіи.

Надо повсюду приглашать рабочихъ требовать допущенія ихъ делегатовъ въ столичную коммиссію. Надо повсюду организовывать постоянныя сношенія уполномоченныхъ рабочихъ (быть можетъ, для этого можно приспособить „фабричныхъ старостъ“ и другихъ прежде узаконенныхъ депутатовъ, разумѣется, обновивъ ихъ составъ) съ оффиціальными петербургскими делегатами; надо въ самомъ Петербургѣ отстаивать постоянное организованное общеніе делегатовъ съ ихъ избирателями, постоянное открытое обсужденіе всей массой рабочихъ тѣхъ соціальныхъ реформъ и политическихъ требованій, которыя будутъ обсуждаться или ставиться въ коммиссіи. Надо сдѣлать такъ, чтобы рабочая масса внимательно слѣдила за всѣмъ, что совершается въ коммиссіи и около нея, и чтобы энергично протестовала противъ каждаго акта произвола, который разыгрывается въ ея нѣдрахъ.

Могучій разливъ стачечнаго движенія, охватившаго всю Россію, оставитъ послѣ себя новые громадные кадры пролетаріевъ, сдѣлавшихъ первые шаги по развитію своего классового самосознанія и готовыхъ къ упорной борьбѣ за рабочее дѣло. Организовать эти кадры, исходя изъ потребностей той самой профессіональной борьбы, которая ихъ пробудила къ активности — такова великая задача, которая стоитъ теперь передъ нашей партіей и внѣ разрѣшенія которой пустыми рѣчами являются всякіе толки объ организаціи революціоннаго возстанія подъ знаменемъ соціальдемократіи. Организовать ихъ такъ, чтобы борьба за повседневные интересы рабочихъ тѣсно сплелась въ ихъ дѣйствіи и въ ихъ сознаніи съ *политической* борьбой рабочаго *класса* въ цѣломъ — кто хочетъ этого, тотъ не можетъ пройти мимо такого крупнаго факта въ исторіи профессіональнаго рабочаго движенія въ Россіи, какимъ является учрежденіе коммиссіи Шидловскаго, тотъ не долженъ упрощать всю агитацію соціальдемократіи по поводу этой коммиссіи, сводя ее цѣликомъ къ убѣжденію рабочихъ въ той истинѣ, что не въ такого рода коммиссіяхъ рабочій классъ будетъ реализовать свои экономическія завоеванія. Нѣтъ! необходимо показать рабочимъ, что *и такія* реформаторскія попытки самодержавія могутъ стать, въ рукахъ революціоннаго и сознательнаго пролетаріата, орудіемъ его классовой организаціи, средствомъ выработки и пропаганды его революціонной программы.

И пусть не боятся товарищи, что на этомъ пути ихъ ждетъ опасность забвенія политической борьбы съ самодержавіемъ, опасность впаденія въ „экономизмъ“. Годы, отдѣляющіе насъ отъ стадіи „экономическихъ“ увлеченій, многое измѣнили: измѣнили русскій пролетаріатъ и — что еще важнѣе — измѣнили радикально всѣ условія его существованія. Если въ эпоху промышленнаго подъема, при слабомъ пульсѣ политической жизни въ странѣ, легко было, увлекаясь профессіональной агитаціей среди неискушеннаго политическимъ опытомъ россійскаго пролетаріата, пойти по „линіи наименьшаго сопротивленія“ и растерять свою соціальдемократическую политику въ организаціи борьбы за частныя экономическія улучшенія, — то теперь, когда пролетаріатъ получаетъ политическіе импульсы со всѣхъ сторонъ, когда онъ самъ пропитанъ политическимъ недовольствомъ и борется въ условіяхъ полнаго экономическаго банкротства правящей Россіи, теперь эта опасность исчезла, и намъ слѣдуетъ потратить добрую долю своихъ силъ на то, чтобы организовать экономическую самооборону рабочаго класса, объединить его разрозненную профессіональную борьбу, сплотить на ней широкія пролетарскія массы, связывая эту борьбу съ основными политическими задачами пролетаріата въ данный моментъ. Если въ свое время профессіональное движеніе въ Россіи являлось исторически антиподомъ „политики“ вообще, то теперь каждый новый шагъ, дѣлаемый русскимъ обществомъ въ водоворотѣ революціи, связываетъ крѣпче это движеніе со всенародной политической борьбой, и наша задача, задача соціальдемократіи, въ томъ и заключается, чтобы не дать ему стать опорой либеральнодемократической политики (не говоря уже о политикѣ реакціонно монархической). А этого мы можемъ достигнуть лишь въ той мѣрѣ, въ какой используемъ политическія силы своей партіи для облегченія пролетарскимъ массамъ того дѣла профессіональной организаціи и непосредственнаго улучшенія своего положенія, которое такъ умѣло дѣлаютъ эти массы, пользуясь моментомъ разложенія самодержавія. И, съ другой стороны, мы не можемъ разсчитывать на быстрое и прочное объединеніе профессіональной борьбы пролетаріата съ его политической борьбой въ цѣльной, соціальдемократической классовой борьбѣ, если не воспользуемся всѣми представляющимися пролетаріату случаями на дѣлѣ взвѣсить и оцѣнить заботы его политическихъ враговъ и временныхъ союзниковъ о соціальныхъ реформахъ. Нечего и говорить, какой богатый опытъ въ этомъ отношеніи дадутъ пролетаріату работы правительственной коммиссіи, въ которыхъ найдутъ свое выраженіе отзвуки всѣхъ соціально-политическихъ программъ, созданныхъ общественной борьбой нашихъ дней. Но особенно слѣдуетъ подчеркнуть ту истину, что только веденная въ широкихъ размѣрахъ агитація, только серьезная организація массъ на почвѣ выдвинутой рабочимъ движеніемъ программы соціальныхъ реформъ можетъ обезпечить намъ усвоеніе *массами* этого соціально-политическаго опыта. И достигнуть этого результата обязана наша партія, если хочетъ идти по тому пути, который прочно укрѣпитъ такъ замѣтно ослабѣвшую за послѣдніе годы ея связь съ массами.

Уже второй съѣздъ нашей партіи подмѣтилъ то значеніе, которое должно будетъ выпасть вскорѣ на долю нашей „экономической“ агитаціи и рекомендовалъ партійнымъ работникамъ усилить дѣятельность въ этомъ направленіи. Надо признаться откровенно, что товарищи-практики не много сдѣлали для осуществленія этихъ пожеланій съѣзда. Пусть же такъ глубоко заинтересовавшая петербургскій пролетаріатъ правительственная „уступка“ послужитъ поводомъ наверстать то, что нами уже упущено!

ШИРЕ ДВЕРИ!

Волны революціонной стачки, бурнымъ потокомъ катящіяся по всей Россіи, далеко еще не улеглись. Со всѣхъ концовъ страны ежедневно приходятъ извѣстія о судорожныхъ движеніяхъ пролетаріата, потрясающихъ ветхое зданіе монархіи. Открытыя столкновенія народа съ войсками не прекращаются. Страна переживаетъ революцію.

Движеніе народныхъ массъ теперь уже не можетъ улечься. Оно будетъ то горѣть яркимъ пламенемъ, то тлѣть подземнымъ огнемъ, чтобы снова вспыхнуть при первомъ случаѣ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать скорое выступленіе на сцену и крестьянства. Мы вступили въ полосу массовыхъ, народныхъ движеній — вотъ основной фактъ современной политической обстановки, который постоянно должны имѣть въ виду всѣ партійные работники, и который долженъ мощно вліять на рѣшеніе всѣхъ, встающихъ передъ партіею, вопросовъ.

Въ ряду такихъ вопросовъ однимъ изъ важнѣйшихъ является вопросъ организаціонный. Недаромъ уже болѣе 1½ лѣтъ партія посвящаетъ ему столько вниманія. Разсматриваемый не съ узкой точки зрѣнія уставныхъ отношеній между крохотными ячейками конспиративной организаціи, а съ точки зрѣнія возможной и необходимой связи партійной организаціи съ рабочей массой, съ точки зрѣнія постепеннаго отожествленія рабочаго движенія съ соціальдемократіей, — этотъ вопросъ касается жизненнаго нерва нашей партіи. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія и трактовался этотъ вопросъ въ нашемъ органѣ съ того времени, какъ формальное объединеніе нашей партійной организаціи выдвинуло его съ особой остротой.

Еще тогда, когда первые раскаты военной грозы и вызваннаго ею хозяйственнаго кризиса съ совершенной несомнѣнностью заставили ожидать близкаго наступленія стихійныхъ массовыхъ взрывовъ, рисовавшихся, какъ „постепенный переходъ отъ стачки (всеобщей) черезъ демонстраціи къ возстанію“,[1] еще тогда передъ партіей ясно вставала задача „политическаго воспитанія того авангарда рабочаго класса, который уже охваченъ и съ каждымъ днемъ все болѣе охватывается организаціонной и агитаціонной дѣятельностью нашей партіи“. Этотъ авангардъ долженъ былъ послужить „тѣмъ цементомъ, который неразрывно свяжетъ соціальдемократическую партію съ аморфными пролетарскими массами и не дастъ ей превратиться въ машину, съ которой снятъ передаточный ремень“.

Въ этомъ направленіи и велась организаціонная работа всѣми прогрессивными элементами партіи за послѣдніе 1½ года. Нѣтъ никакого сомнѣнія — и петербургскія событія достаточно ясно показываютъ это — что работа не прошла даромъ. Число пролетаріевъ, мыслящихъ и чувствующихъ соціальдемократически, теперь достаточно велико, чтобы послужить основой для созданія крѣпкой соціальдемократической рабочей партіи и прочными узами связать ее съ широкой рабочей массой. Правда, проклятая обстановка конспиративности, заставляющая уходить въ

---

[1] „Искра“ № 63. Ст. „Грядущій кризисъ“.

О латышскомъ рабочемъ движеніи.

Идеи соціализма начали развиваться въ латышскомъ краѣ въ началѣ 90-хъ годовъ. Завезенныя главнымъ образомъ изъ университетскихъ городовъ, онѣ сначала распространялись въ передовой части латышской интеллигенціи, а потомъ стали проникать и въ рабочіе кружки. Но нелегальной латышской литературы не было, и интеллигенты и не старались ее создать, такъ какъ возлагали большія надежды на возможность легальной работы. Раздавались даже голоса, что не слѣдуетъ печатать нелегальныя изданія, чтобы не обратить на себя вниманія правительства и не лишиться возможности дѣйствовать на народъ черезъ подцензурныя газеты. А между тѣмъ, легальная работа дала довольно печальные результаты. Сначала, пока цензура еще не разобралась въ новомъ направленіи, можно было дѣлать намеки на политику и указывать на бѣдственное положеніе народа. Но если цензоръ не замѣчалъ намековъ и не обращалъ вниманія на новый тонъ, то народъ понималъ еще менѣе. Къ тому же латышская буржуазія многократными доносами скоро открыла глаза цензору, и тотъ своимъ краснымъ карандашемъ усердно искоренялъ изъ газеты всѣ мысли, которыя ему почему либо казались красными или даже красноватыми. Онъ запретилъ употреблять слово „рабочій“ и усердно зачеркивалъ все, что имѣло отношеніе къ рабочему вопросу, даже перепечатки изъ „Правительственнаго Вѣстника“. Одну-другую болѣе или менѣе приличную перепечатку изъ русскихъ подцензурныхъ изданій можно было помѣстить при нѣкоторомъ умѣніи лишь по субботамъ, когда цензоръ ходилъ въ баню и потому лишь бѣгло прочитывалъ оттиски.

Несмотря на такое плачевное состояніе легальной агитаціи, интеллигенція все еще не рѣшалась на издательство настоящей соціалистической литературы, хотя потребность въ ней стала все болѣе настоятельной. Естественно, что рабочіе, искреннѣе и глубже, чѣмъ большинство интеллигентовъ, увлекавшіеся новыми идеями, рѣшились дѣйствовать по собственной иниціативѣ, на свой рискъ и страхъ. Въ концѣ 1896 г. съѣхались представители рабочихъ Риги, Либавы и Митавы, и, обсудивъ положеніе дѣлъ, рѣшили издавать соціалистическую литературу на латышскомъ языкѣ. Но осуществить это рѣшеніе имъ не удалось, такъ какъ въ 1897 году молодое движеніе постигъ первый разгромъ, сопровождавшійся многочисленными арестами. Къ дѣлу было привлечено болѣе 150 лицъ, и хотя пострадала, главнымъ образомъ, интеллигенція, но и въ рабочей средѣ движеніе на время притихло. Но это продолжалось не долго. Искра была брошена и тлѣла въ глубинѣ.

Сначала движенію препятствовало существовавшее въ народѣ нѣкоторое доброжелательство къ русскому правительству, за то, что оно устранило нѣмецкій произволъ въ школахъ, въ судѣ и администраціи. Націоналисты, въ газетахъ и рѣчахъ, восхваляли царскій режимъ и раболѣпіемъ старались купить милость администраціи. Въ этомъ заключалась вся политическая мудрость латышскихъ націоналистовъ. Что русское правительство устранило нѣмцевъ только для того, чтобы наложить на культурное развитіе страны свою собственную, еще болѣе тяжелую и при томъ болѣе грязную, лапу, это не всѣмъ было ясно, и въ латышской печати и въ народѣ часто можно было встрѣтить болѣе или менѣе искреннюю благодарность „къ отцу земли“, къ царю.

Но правительство само поспѣшило окончательно и основательно искоренить этотъ предразсудокъ. Лѣтомъ 1899 г. во время забастовки на одной рижской фабрикѣ вмѣшалась полиція и своими циничными насиліями довела дѣло до кровавыхъ безпорядковъ. Были вызваны войска, которыя стрѣляли въ народъ; были привезены казаки, которые въ теченіе нѣсколькихъ дней буйствовали по городу, избивая и калѣча мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Уличная толпа реагировала на произволъ традиціоннымъ образомъ — она набросилась на публичные дома, это наиболѣе противное проявленіе современнаго строя всеобщей продажности, поджигала и разрушала ихъ. Пока полиція въ одномъ мѣстѣ водворяла порядокъ, толпа начинала свою расправу въ другомъ концѣ города. Нападеніямъ подвергались и другіе дома, въ которыхъ жили чиновники или офицеры. На нѣкоторыхъ воротахъ появились вывѣски: „Здѣсь не живутъ военные“.

Безчеловѣчная кровавая расправа надъ толпой повела къ тому, что рижскіе рабочіе устроили всеобщую стачку; большинство фабрикъ и заводовъ прекратили работу. Выставлялись требованія о сокращеніи рабочаго дня, объ увеличеніи заработной платы и многія другія. Какъ только вѣсти о рижскихъ событіяхъ дошли до Либавы, тамъ тоже началась генеральная стачка. Рабочіе шли отъ одной фабрики къ другой, приглашая товарищей примкнуть къ забастовкѣ. Обошедши всѣ фабрики, стачечники расположились громадной толпой у гавани. Были вызваны солдаты. Пріѣхалъ и губернаторъ для того, чтобы увѣщевать стачечниковъ рабочихъ, но послѣдніе не обращали на него никакого вниманія, даже не вставали при его приближеніи. Сатрапъ губерніи такъ и уѣхалъ, ничего не добившись отъ рабочихъ.

Всеобщая стачка продолжалась только нѣсколько дней напуганная буржуазія пошла на уступки и многія требованія рабочихъ были удовлетворены. Но главное значеніе этой стачки заключалась въ томъ урокѣ, который рабочіе извлекли изъ нея. Здѣсь самодержавное правительство самымъ наглымъ образомъ обнаружило свою настоящую природу и воочію показало, что разсказы націоналистовъ о благоволеніи его къ латышскому народу — чистѣйшая басня. Оно нагляднымъ образомъ показало рабочимъ, что центръ тяжести политической жизни слѣдуетъ искать не въ націи, а въ классѣ. Правительство кровью окрестило латышское рабочее дѣло, и съ того времени оно непрерывно растетъ, на страхъ не только латышской трусливой буржуазіи, но и самому царскому самодержавію.

Латышскій пролетарій культурнѣе своего русскаго собрата. Въ большинствѣ случаевъ онъ читаетъ газету, которая стала для него уже культурною потребностью.. Его не можетъ удовлетворить то рабски-покорное освѣщеніе фактовъ, какое мы находимъ въ латышскихъ подцензурныхъ газетахъ, но за то онъ узнаетъ изъ прессы, по крайней мѣрѣ, тѣ факты и событія, о которыхъ цензура позволяетъ писать. Освѣщеніе этихъ фактовъ онъ черпаетъ изъ прокламацій и нелегальной литературы.

Латышскій сознательный пролетарій интересуется не только вопросами, непосредственно связанными съ соціализмомъ, но и всею общественной жизнью и латышской литературой, на сколько это возможно въ его положеніи.

Иллюстраціей такого отношенія можетъ служить бойкотъ, объявленный рижскими организованными рабочими одной латышской газетѣ. Такъ какъ этотъ бойкотъ является въ Россіи первымъ въ своемъ родѣ, и о немъ еще въ русской печати не было сообщено, то передамъ вкратцѣ эту исторію.

Редакторъ одного изъ латышскихъ ежедневныхъ листковъ, „Рижской Газеты“, присяжный повѣренный Вейнбергъ, который уже давно гордился своими близкими отношеніями къ мѣстнымъ жандармскимъ властямъ, иногда открыто печаталъ доносы то на отдѣльныхъ писателей, то на другія газеты. Особенно онъ усердствовалъ противъ своихъ конкуррентовъ, другихъ ежедневныхъ латышскихъ газетъ. Благодаря его доносамъ, была закрыта газета „Deenas Lapa“ за вредное направленіе. Такой успѣхъ доноса Вейнберга былъ совершенно неожиданнымъ, такъ какъ упомянутая благонамѣренная газета не имѣла ровно никакого направленія — и была только „чище“ Вейнберговскаго листка. Рабочіе были возмущены шпіонскимъ поступкомъ, и рижскій комитетъ выпустилъ прокламацію, приглашавшую къ бойкоту газеты Вейнберга. Прокламація разошлась въ 13,000 экз. Тогда Вейнбергъ въ цѣломъ рядѣ статей началъ глумиться надъ „злодѣями“ соціалистами и дошелъ до того, что открыто приглашалъ своихъ читателей доносить на всякого имъ извѣстнаго неблагонадежнаго человѣка. Въ виду этой наглости организованные рабочіе рѣшили принять противъ него болѣе строгія мѣры.

Съ разрѣшенія организаціи, одна группа товарищей взялась за дѣло. Въ условленный день, въ 7 часовъ вечера, когда въ лавкахъ и ресторанахъ получаются газеты для раздачи подписчикамъ и продажи, повсюду, гдѣ находилась и „Р. Г.“, являлся товарищъ и бросалъ въ кипу газетъ патронъ съ вонючимъ веществомъ и листокъ съ объясненіемъ, почему это дѣлается. Ни одинъ изъ исполнителей не былъ при этомъ арестованъ. Лавочники потомъ уже на отрѣзъ отказывались держать [illegible] подполье нелегальности ту партію, которая, по самому существу своему, должна быть постоянно съ массою и постоянно на виду у массы, эта обстановка фатально ограничивала размѣры той самодѣятельности, которая дала бы достаточное удовлетвореніе жаждѣ серьезнаго и отвѣтственнаго дѣла, обуревающей охваченныхъ соціальдемократическимъ сознаніемъ рабочихъ. Нерѣдко самые зрѣлые въ политическомъ отношеніи рабочіе не находили полнаго удовлетворенія въ рамкахъ конспиративной организаціи и, оставаясь убѣжденными соціальдемократами, идейно связанными съ партіею, порывали съ ней связь организаціонную. Они шли во всякія „легальныя" общества, гдѣ, хотя бы на узкомъ полѣ „разрѣшенной" дѣятельности, являлась возможность дать исходъ своей иниціативѣ, приложить къ дѣлу свои организаторскія способности; или-же они, недовольные и будирующіе противъ соціальдемократической партіи — будирующіе противъ нея именно потому, что они считали ее *своею* партіею, къ которой они вправѣ предъявлять требованія — отходили совершенно въ сторону отъ практической политики и, оттачивая постоянной критикой свое политическое пониманіе, ждали лучшаго будущаго, которое дастъ имъ возможность отдать всѣ свои силы на службу пролетарскому дѣлу. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, эти элементы, порожденные соціальдемократіею, являлись проводниками соціальдемократическихъ идей въ окружающіе ихъ слои рабочихъ. Все это привело къ такому положенію, что наличные въ рабочемъ классѣ соціальдемократическіе элементы далеко не покрываются тѣми силами, которыя состоятъ, такъ сказать, „на учетѣ" въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ. Всосать всѣ эти элементы въ партію, дать имъ въ рамкахъ партіи тотъ просторъ и то вліяніе, которое имъ по праву принадлежитъ, и значитъ окончательно превратить нашу партію въ партію дѣйствительно *рабочую* и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить и ту задачу созданія прочной связи съ самыми широкими пролетарскими массами, при выполненіи которой соціальдемократія только и сможетъ перевести находящуюся въ ея рукахъ огромную потенціальную энергію въ реальную политическую силу.

И это дѣло надо дѣлать возможно скорѣе и рѣшительнѣе. Начавшаяся революція необычайно ускоряетъ весь ходъ политической жизни. И въ революціонной войнѣ мѣсяцы идутъ за годы. Но революція сама создаетъ и условія для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя она передъ нами выдвигаетъ. Выступленіе на сцену рабочихъ массъ значительно видоизмѣняетъ условія нашей работы. Оно заставляетъ значительно понизить тотъ уровень конспиративности, который сковываетъ нашу дѣятельность въ обычное, „мирное" время;[1]) оно требуетъ для своего использованія огромной массы силъ; оно диктуетъ необходимость самымъ тѣснымъ образомъ и самыми разнообразными путями связаться съ широкими массами, чтобы не остаться въ сторонѣ отъ движенія, не быть захлестнутымъ волнами революціи. Каждый день выдвигаетъ новые вопросы: „реформы", производимыя комитетомъ министровъ; заявленія разнообразнѣйшихъ группъ общества; выступленіе крестьянства; и, прежде всего, выступленіе самого рабочаго класса. Политическое движеніе пролетаріата тѣсно сплетается съ экономическимъ движеніемъ его; политическая обстановка создаетъ возможность экономическихъ завоеваній; правительство изобрѣтаетъ всевозможныя средства — коммиссіи, сокращеніе рабочаго дня и повышеніе заработка въ казенныхъ предпріятіяхъ, государственное страхованіе — чтобы отклонить рабочихъ отъ предъявленія политическихъ требованій; рабочій классъ становится въ центрѣ вниманія всѣхъ — и прогрессивныхъ и реакціонныхъ — силъ современной Россіи; всѣ они строятъ свою тактику, свои планы, исходя изъ движенія пролетаріата. Какая колоссальная работа раскрывается передъ соціальдемократіей, если она захочетъ исполнить свой долгъ — быть руководителемъ и совѣтникомъ пролетаріата на всѣхъ шагахъ его классовой борьбы! И какихъ колоссальныхъ силъ требуетъ эта работа! Здѣсь ли не найти мѣста всѣмъ и каждому, кто хочетъ дѣйствительной работы въ интересахъ пролетаріата? Здѣсь ли не найдется мѣста, прежде всего, для тѣхъ, наиболѣе зрѣлыхъ, иниціативныхъ и самостоятельныхъ элементовъ самого рабочаго класса, которые до сихъ поръ не находили достаточнаго примѣненія своимъ способностямъ въ рамкахъ, поневолѣ узкихъ, партійной организаціи, осужденной на подпольную работу?

Пусть шире раскроются двери партіи! Пусть войдутъ въ нее, въ ея комитеты, въ ея периферійныя организаціи всѣ рабочіе-соціальдемократы! Съ ихъ приходомъ свѣжій воздухъ повѣетъ въ Партіи, силы ея мощно возрастутъ, и она начнетъ играть въ полномъ объемѣ подобающую ей роль въ ходѣ россійской революціи. Смѣшно и нелѣпо бояться ущерба для „чистоты" соціальдемократіи отъ этого потока „самозачисляющихся" въ нее рабочихъ! Если вожди соціальдемократіи не сумѣютъ сохранить за собою руководящую политическую роль въ *массовой* партіи, если, только отрѣзывая себя отъ пролетаріевъ, только въ предѣлахъ тѣсныхъ кружковъ, они могутъ обезпечить свою „ортодоксальность", — ну, значитъ, вожди эти никуда не годятся, и, какъ бы „чисты" они ни были, это будетъ „чистота" добродѣтели, желающей сохранять себя лишь за монастырскими стѣнами. Но, къ счастью, дѣло обстоитъ вовсе не такъ. Только связь съ массой и даетъ надежную опору соціальдемократической ортодоксальности. Соціальдемократы — не талмудисты, для которыхъ буква ученія дорога сама по себѣ. Ихъ революціонное ученіе дорого имъ только потому, что оно способно дѣйствительно революціонизировать массовое движеніе, и только постольку и дорого, поскольку оно способствуетъ выполненію этой исторической задачи. Или мы не вѣримъ въ революціонность своей программы и тактики? Или не вѣримъ въ то, что логика революціоннаго развитія оправдаетъ насъ? Или сомнѣваемся, что наша партія выражаетъ дѣйствительные интересы самаго доподлиннаго революціоннаго движенія пролетаріата? Или, наконецъ, полагаемъ, что у насъ не найдется ни достаточно политическаго смысла, ни достаточно убѣдительныхъ аргументовъ, ни достаточнаго краснорѣчія, чтобы политически овладѣть тѣмъ массовымъ движеніемъ, интересы котораго мы претендуемъ выражать и которое готово принципіально встать подъ наше знамя? Или, дѣйствительно, соціальдемократія хочетъ стать только тѣмъ „штабомъ спѣшившихся руководителей", который съ тѣмъ большею развязностью и самодовольствомъ издаетъ „приказы" по „ввѣреннымъ ему" массамъ, чѣмъ меньше въ дѣйствительности слушается ихъ масса?

Нѣтъ, мы вѣримъ и въ рабочій классъ и въ соціальдемократію и потому нисколько не боимся тѣхъ временныхъ „шатаній", которыя въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбѣжны съ наплывомъ новыхъ элементовъ и которыхъ такъ боится сомнительная монастырская добродѣтель. „Масса учится лишь въ процессѣ политическаго дѣйствія", повторимъ мы слова уже цитированной выше статьи, и, вслѣдъ за товарищемъ Р. Люксембургъ („Искра" № 69), скажемъ: „ошибки, совершаемыя дѣйствительнымъ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, исторически неизмѣримо плодотворнѣе и цѣннѣе непогрѣшимости наилучшаго центральнаго комитета". Соціальдемократія-же приложитъ всѣ усилія — и для этого у нея достаточно силъ — чтобы уменьшить размахъ „шатаній" и ускорить переходъ отъ „ошибокъ" къ правильной классовой позиціи. Въ сторонѣ отъ большой дороги, съ культомъ мнимо-ортодоксальнаго самообожанія и съ полнымъ политическимъ безсиліемъ, или въ самомъ водоворотѣ революціоннаго потока, съ возможностью практическихъ ошибокъ, шатаній, временныхъ уклоненій, но за то и съ огромной политической силой и вліяніемъ, съ возможностью сдѣлать всю свою, дѣйствительно, а не мнимо-ортодоксальную, сознательность и революціонность живымъ ферментомъ массоваго движенія — вотъ какъ ставитъ передъ нами вопросъ революція. Это не отказъ отъ той „догмы", знамя которой мы держимъ; это, наоборотъ, полная вѣра въ силу и революціонность „догмы", которая неизбѣжно побѣдитъ тотъ слой непониманія, политической узости, временныхъ настроеній массы, черезъ который ей придется пробиваться. Такъ можетъ-ли быть колебаніе въ отвѣтѣ?

Шире двери для пролетаріата! — вотъ организаціонный лозунгъ для настоящаго времени. Всѣ силы должны мы напречь, чтобы привлечь къ партійной работѣ всѣхъ соціальдемократически мыслящихъ рабочихъ. Мы должны пойти за ними и въ тѣ внѣпартійныя организаціи, гдѣ они сейчасъ работаютъ. Своимъ примѣромъ должны мы показать, что и на этомъ поприщѣ есть что дѣлать члену партіи — и ходя изъ частныхъ, ограниченныхъ задачъ, которыя ставятъ себѣ тѣ или другіе круги рабочихъ, толкать ихъ на путь классовой, революціонной борьбы. Шире двери, и пусть всякая иниціатива, всякая попытка къ самодѣятельности, всякій порывъ къ коллективному обсужденію политическихъ и партійныхъ вопросовъ, исходящій изъ среды рабочихъ, встрѣчаетъ во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ отзывчивость и готовность придти на помощь своимъ опытомъ, своими знаніями, своимъ техническимъ аппаратомъ, своими средствами. Пусть не будетъ, наконецъ, ни одного рабочаго-соціальдемократа, не чувствующаго нашу партію *своей* партіей, къ которой онъ можетъ предъявлять требованія, въ которой онъ находитъ удовлетвореніе всѣмъ запросамъ своей политической и экономической борьбы, на направленіе политики которой онъ можетъ вліять, въ которой онъ имѣетъ полноправный голосъ во всѣхъ политическихъ вопросахъ!

Элементовъ для созданія сильной, сплоченной, массовой соціальдемократической партіи имѣется въ наличности болѣе, чѣмъ достаточно. Время для ихъ использованія настало. Нужно рѣшительно вступить на путь такого преобразованія партіи. Симъ побѣдиши!

---

[1]) Само собою разумѣется, что *не всѣ* отрасли нашей работы допускаютъ такое пониженіе.

Въ окнахъ появилась вывѣска: „здѣсь не раздается „Р. Г." Потомъ даже полиціи не всегда удавалось заставить лавочниковъ принимать ее.

Рабочіе экспедиціи „Рижской Газеты" съ ужасомъ разсказывали, какъ въ 7 час. въ помѣщеніе вошелъ плечистый человѣкъ, потребовалъ одинъ номеръ газеты, потомъ крикнулъ: „Долой „Р. Г."! Долой сыщика и предателя Вейнберга!" и бросилъ о полъ стеклянную бутылку. Служащіе думали, что это динамитъ. Женщины, служащія въ экспедиціи, визжали, лѣзли подъ столы и падали въ обморокъ, мужчины бросались изъ одной комнаты въ другую, а „злодѣй" тѣмъ временемъ ушелъ себѣ преспокойно. Потомъ только догадались позвать полицію. Явились всякія власти, понюхали и — ушли.

Одинъ рестораторъ сжегъ даже всѣ старые номера „Р. Г." и потомъ говорилъ: „Теперь они могутъ меня даже обыскать, если желаютъ — ничего не найдутъ".

Благодаря агитаціи соціалдемократовъ, число читателей „Р. Г.", которое и раньше не было велико, сильно упало. Прекратить изданіе газеты всетаки не удалось. Очень вѣроятно, что она получаетъ пособіе отъ правительства.

Наши такъ называемые націоналисты ликовали, когда русское правительство облегчило гнетъ прибалтійскаго дворянства, подъ которымъ много вѣковъ изнывалъ латышскій народъ. Но они какъ будто не замѣчаютъ, что правительство въ своихъ руссификаторскихъ стремленіяхъ уже давно надѣло на народъ новое, русское иго. Вмѣсто кляузнаго нѣмецкаго правопорядка введены русскіе „скорые и милостивые" суды, неважныя нѣмецкія школы превращены въ русскія училища, которыя несравненно хуже первыхъ; а латышскій языкъ шагъ за шагомъ вытѣсняется не только изъ присутственныхъ мѣстъ, но и изъ народной школы, которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ. Положеніе, казалось бы, совершенно ясное. Тѣмъ не менѣе, наши націоналисты еще надѣются на правительство и хотятъ вынудить у него различныя поблажки — своей безграничной преданностью. Показаться во чтобы то ни стало лояльнымъ и назойливо кричать о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ латышскіе націоналисты считаютъ высшей политической мудростью. Не пропускается ни одинъ случай, гдѣ можно кричать „ура" и проявить свое раболѣпіе. Убитому Сипягину латышская националистическая буржуазія послала вѣ къ, а въ прошломъ году она собиралась даже устроить на нальный пѣвческій праздникъ по случаю 10 лѣтняго юбилея ствованія Николая II.

Латышскіе націоналисты не смущаются тѣмъ, что правитель о не обращаетъ на нихъ никакого вниманія; только Ника мя отъ времени „очень радъ" по поводу ихъ вѣрноподдан ескихъ адресовъ. Ихъ нельзя сравнить, напримѣръ, съ ляндскими, польскими, армянскими націоналистами, въ стрем іяхъ которыхъ всетаки заключается опредѣленное идейное ю. Латышскій націонализмъ превратился въ совершенно пустую фразу, которая повторяется, такъ сказать, по инерціи, безъ опредѣленнаго смысла. И когда правительство съ каждымъ годомъ сильнѣе стягиваетъ петлю руссификаціи, наши псевдонаціоналисты все громче хвалятъ царя и все отвратительнѣе пресмыкаются передъ его чиновниками.

Вмѣстѣ съ раболѣпіемъ латышскихъ націоналистовъ, растетъ и ихъ страхъ передъ свободнымъ словомъ. Дѣятельность нашей молодой, но быстро ростущей соціалдемократіи внушаетъ имъ прямо ужасъ. „Насъ притѣсняли, пока мы кланялись и виляли хвостомъ. Но что будетъ, когда правительство узнаетъ, что между латышами есть бунтовщики?!" Такъ вопіютъ націоналисты и предлагаютъ правительству свои услуги для подавленія движенія. Въ прошломъ году прессу облетѣло сообщеніе, что предсѣдатели различныхъ латышскихъ обществъ собрались для того, чтобы обсудить мѣры борьбы противъ соціализма. Пока, эти спасители, или вѣрнѣе — предатели народа, рѣшили издать брошюру противъ соціалистовъ.

Активное выступленіе латышской буржуазіи противъ соціализма навѣрное приведетъ только къ тому, къ чему всегда и повсюду приводила такая борьба — къ еще большему распространенію соціалистическихъ идей.

* * *

Какъ сильно соціалистическое движеніе въ латышскомъ пролетаріатѣ, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по количеству выпускаемой литературы. Изъ отчетовъ Рижскаго Комитета Лат. С. Д. Партіи видно, что за время съ августа до декабря 1903 года этой организаціей выпущено 45 различныхъ агитаціонныхъ листковъ, всего около 100.000 экземпляровъ; нѣкоторыя прокламаціи, какъ, напримѣръ, „Долой самодержавіе" разошлись въ 20.000 экз. Дальнѣйшихъ отчетовъ у меня нѣтъ подъ рукой, но надо полагать, что упомянутый комитетъ продолжаетъ свою дѣятельность, по крайней мѣрѣ, въ такихъ же размѣрахъ.

Латышское рабочее движеніе дѣлаетъ быстрые успѣхи. Организаціи отдѣльныхъ городовъ окончательно объединились въ одну партію. Въ практической дѣятельности стадія кустарничества уже окончательно пройдена. Остается сдѣлать необходимый дальнѣйшій шагъ и объединиться съ другими соціальдемократическими организаціями Россіи, для того, чтобы объединенный пролетаріатъ могъ съ успѣхомъ выполнить свою историческую миссію.

Но этотъ послѣдній шагъ затрудняется для латышской партіи ея теоретической отсталостью.

Объ этомъ въ другой разъ.

Латышъ.

ВЪ БОРЬБѢ ЗА ПАДАЮЩІЙ ПРЕСТИЖЪ

Когда 10 января въ крупные европейскіе центры пришло извѣстіе о петербургскихъ событіяхъ, курсъ русскаго рубля сразу же упалъ на одинъ процентъ. Случилось нѣчто неожиданное: у биржи оказались нервы. Она, хладнокровно переносившая побѣды Того и Куроки, гибель десятковъ тысячъ жизней на поляхъ Манджуріи, отступленіе и наступленіе Куропаткина, не выдержала, наконецъ, убійствъ, учиненныхъ царемъ на улицахъ столицы. Нервное настроеніе биржи продолжалось, однако, недолго: русскія оффиціальныя сферы быстро спохватились, и оффиціозное телеграфное агентство, а за нимъ и націоналистическая французская пресса, принялись успокаивать взволнованное общественное мнѣніе. Число убитыхъ было низведено до минимума, допускаемаго моралью современнаго европейскаго буржуазнаго общества, и все опять пошло по старому.

„Искрѣ" не разъ уже приходилось говорить объ отношеніи европейскихъ буржуазныхъ классовъ къ русскому царизму, о той реакціонной роли, которую играютъ реакціонные правящіе классы Западной Европы по отношенію къ россійскому status quo. Но если съ этой стороны дѣлается все возможное для того, чтобы поддержать разрушающійся царскій тронъ, то дружба къ самодержавію не идетъ, однако, такъ далеко, чтобы не воспользоваться трудностями его положенія и не поэксплоатировать этихъ трудностей въ свою пользу. Европейская буржуазія еще готова давать деньги русскому правительству, но она требуетъ за это хорошіе проценты. Европейскія правительства еще соблюдаютъ „дружественный" по отношенію къ Россіи нейтралитетъ, но подъ покровомъ этого нейтралитета кроется стремленіе сдѣлать Россію своимъ вассаломъ, своей данницей.

Лучше всего настоящимъ положеніемъ вещей воспользовались столь дружественно расположенные къ царизму германское правительство и германскіе представители финансоваго міра. Первое подарило намъ торговый договоръ, а вторые заняли царю деньги, столь необходимыя ему на веденіе войны. О торговомъ договорѣ г. Витте до войны говорилъ съ большой самоувѣренностью, что „мы ни въ какомъ случаѣ не подчинимся требованіямъ Германіи и не согласимся на возвышеніе пошлинъ на хлѣбъ." Теперь, однако, пришлось согласиться на договоръ, разоряющій наше сельское хозяйство, потому что отъ соглашенія на торговый договоръ зависѣла судьба займа. А самый заемъ? 4½%-ный по названію, онъ фактически, въ силу разныхъ оговорокъ въ условіяхъ его погашенія и различныхъ биржевыхъ махинацій, является 7·8%-нымъ. Это пока еще только первые шаги, за ними, несомнѣнно, послѣдуютъ другіе. До недавняго времени въ Европѣ былъ одинъ властелинъ, котораго всѣ презирали, но котораго въ то же время берегли изъ желанія обезпечить правильную уплату долговъ и процентовъ по нимъ. Это былъ турецкій султанъ. Теперь рядомъ съ нимъ занялъ подобающее ему мѣсто русскій царь. Недаромъ, купающійся въ крови своихъ подданныхъ султанъ почувствовалъ влеченіе къ петербургскому убійцѣ и, какъ разсказываютъ газеты, собирается послать русскому царю на помощь для усмиренія его подданныхъ четыре полка янычаровъ.

Болѣе цивилизованные европейцы такъ не поступаютъ: помогая царю, они въ то же время третируютъ его en canaille. Какъ прикрикнуло англійское посольство на русское правительство за распространявшіеся имъ ложные слухи объ англійскихъ и японскихъ милліонахъ на поддержаніе стачечниковъ! И русское правительство принуждено было извиниться. Въ итальянскомъ парламентѣ событіе девятаго января публично было названо позорнымъ, а предсѣдатель палаты не остановилъ оратора, не призывалъ его къ порядку. Русское правительство принуждено было проглотить и это. Оно сдѣлало было попытку накинуться на маленькую Швейцарію за ея симпатіи и открытую помощь русской революціи, но встрѣтило такой отпоръ со стороны швейцарской прессы и самого швейцарскаго правительства, что больше оно навѣрно не сунется. А во Франціи, несмотря на паденіе министерства Комба и на увѣреніе новаго министра о незыблемости франко-русской дружбы, ни для кого, однако, не тайна, что о какой-нибудь поддержкѣ Россіи со стороны Франціи не можетъ быть и рѣчи и что французское населеніе, особенно рабочій классъ, начинаетъ относиться все болѣе и болѣе отрицательно къ союзу съ русскимъ правительствомъ, которое въ глазахъ большинства французской націи перестало быть представителемъ русскаго народа.

Но даже оффиціальная французская дружба не была въ состояніи спасти отъ позора гулльскаго героя, контръ-адмирала Рождественскаго. Какъ извѣстно, балтійская эскадра съ Рождественскимъ во главѣ не сочла возможнымъ ожидать своего прихода въ японскія воды и рѣшила дать сраженіе англійскимъ рыболовамъ и своему собственному крейсеру (Аврорѣ). Весьма вѣроятно, что Рождественскій охотно скрылъ бы отъ міра свою ночную побѣду въ Сѣверномъ морѣ, еслибы англичане не подняли шума, находя, что образъ дѣйствій русскаго адмирала очень сильно напоминаетъ похожденія давно исчезнувшихъ изъ европейскихъ водъ морскихъ пиратовъ. Русскому правительству пришлось не только извиниться передъ англійскимъ правительствомъ, не только заплатить большую сумму за поврежденныя суда и убитыхъ людей, но и согласиться на назначеніе комиссіи для изслѣдованія степени вины Рождественскаго. Правительство, правда, дѣлало видъ, что комиссія должна доказать невинность адмирала. Съ большимъ нахальствомъ заявлялось urbi et orbi, что у правительства имѣются доказательства присутствія японскихъ крейсеровъ въ Сѣверномъ морѣ. Но состоявшійся на дняхъ приговоръ комиссіи лучше всего доказываетъ, что это было одно наглое хвастовство. Этотъ приговоръ гласитъ, что Рождественскій отвѣтственъ за стрѣльбу и ея послѣдствія. Правда, международная вѣжливость нашла нужнымъ сказать еще нѣсколько комплиментовъ по адресу Рождественскаго. Но это значитъ только: виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія..., потому ли, что, какъ разсказывалось въ газетахъ, офицера эскадры перепились въ эту ночь, или же потому, что адмиралы, участвовавшіе въ комиссіи, нашли страхъ русскихъ моряковъ передъ существующими только въ ихъ фантазіи японскими крейсерами явленіемъ естественнымъ.

Какъ бы то ни было, самодержавіе и его слуги очень много сдѣлали въ послѣднее время для уничтоженія своего престижа въ глазахъ всего европейскаго политическаго міра. Конецъ манджурской аферы окончательно уничтожитъ этотъ престижъ. Врагамъ самодержавія нечего, конечно, скорбѣть объ этомъ. Царскій престижъ падаетъ какъ извнѣ, такъ и изнутри, но при этомъ гибнущее самодержавіе въ борьбѣ за свое существованіе не останавливается ни передъ какими жертвами: и внѣшняя и внутренняя политика имѣетъ теперь только одну цѣль — спасти самодержавіе цѣною какого угодно числа человѣческихъ жизней, цѣною окончательнаго разоренія страны. Было бы противуестественно, еслибы европейская буржуазія не пользовалась тяжелымъ положеніемъ русскаго правительства, и, можно съ увѣренностью сказать, что самодержавіе уже не въ состояніи упорядочить наши внѣшнія торговыя отношенія, наши финансы и всѣ наши внутреннія дѣла. Каждый день его существованія будетъ требовать новыя жертвы, будетъ налагать новое непосильное бремя на весь русскій народъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Къ прежнимъ перечнямъ надо прибавить еще слѣдующіе пункты: Ярославль, Кострома, Владиміръ, Иваново Вознесенскъ, Кохма, Орѣхово-Зуево, Гусь-Мальцево, Тамбовъ, Симбирскъ, Алатырь, Астрахань, Чита, Новороссійскъ, Чіатуры, Тквибули, Дружковка, Голубовка, Луганскъ, Александровскъ, Славяносербскій уѣздъ (копи), Рѣжица (Витебской губ.), Староселицы, Шкловъ, Креславка, Брестъ-Литовскъ; желѣзныя дороги: Привислянскія, Рязанско-Уральская, Риго-Орловская, Муромская, Сызрано-Вяземск. и Владикавказская.

Петербургъ 7-го февраля. Писать о происходящемъ у насъ въ Питерѣ, дать нѣчто обобщенное и быть точнымъ становится все труднѣе. Борьба съ правительствомъ направляется рабочимъ движеніемъ. У либеральной оппозиціи отняты всѣ средства общенія (массового), да и самые способы воздѣйствія посредствомъ резолюцій, забастовки учебныхъ заведеній и прекращенія занятій вслѣдствіе „волненій", сами по себѣ плохо дѣйствуютъ и мало безпокоятъ нашихъ бюрократовъ. Даже записка инженеровъ, написанная, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ „отечественной" промышленности, была въ своей заключительной части, трактовавшей о необходимости представительнаго правленія, вышучена Витте, хотя онъ вполнѣ призналъ основательность остальной части записки и даже заявилъ готовность подписать ее; послѣдняго, конечно, не сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднее время болѣе правая либеральная оппозиція сосредоточилась въ собраніяхъ союза инженеровъ, благодаря близости этихъ послѣднихъ къ рабочимъ. На другой день послѣ знаменитаго воскресенья были закрыты всѣ отдѣленія „Союза С.-П-б. рабочихъ" и, такимъ образомъ, рабочіе были лишены возможности обсуждать сколько нибудь систематически свои дѣла. На работу они явились въ подавленномъ, часто даже приниженномъ настроеніи духа. Все это и дальнѣйшее относится къ нашему заводу. Черезъ нѣсколько дней дирекція объявила, что она для предупрежденія взрывовъ, вслѣдствіе накопленія недовольства рабочихъ, рѣшила вступить на путь реформъ. Но, будучи воспитана, вѣрнѣе, развращена постояннымъ воздѣйствіемъ и „руководствомъ" правительственной бюрократіи (заводъ существуетъ исключительно казенными заказами, да еще морского вѣдомства), она начала осуществлять реформы совсѣмъ такимъ же методомъ, какъ и всякая бюрократія. Прежде всего, они рѣшили усовершенствовать и расширить умывальники въ мастерскихъ, затѣмъ опредѣлила порядокъ принесенія жалобъ: первоначально инженеру, завѣдующему мастерской, и въ случаѣ недовольства его рѣшеніемъ, — на высочайшее имя, т. е. управляющаго заводомъ, два раза въ недѣлю. Отмѣнили еще обыски, нѣчто важное для рабочихъ и ничего не стоющее для завода. Подавленность, вызванная погромомъ, начала у рабочихъ проходить и они стали между собою поговаривать о болѣе крупныхъ реформахъ, сводящихся, главнымъ образомъ, къ увеличенію заработной платы. На возраженія дирекціи, что тогда будетъ убыточно для владѣльцевъ, что заводъ и теперь даетъ мало дохода, рабочіе вполнѣ резонно возражали, что причина малодоходности лежитъ въ организаціи работъ, излишкѣ несвѣдущей и дорогой администраціи; проще, всѣ эти порядки можно было бы назвать бюрократизмомъ въ производствѣ, который, даже и при усиленномъ таможенномъ покровительствѣ и казенныхъ заказахъ по высокимъ цѣнамъ, дѣлаетъ невыгоднымъ предпріятіе. Въ это время наши невѣжественные политики устроили пріемъ „рабочей депутаціи" царемъ. Объ отправкѣ этой депутаціи рабочіе ничего не знали, даже сами „депутаты" узнали послѣ того, какъ ихъ привели къ Трепову, въ зимній дворецъ, гдѣ имъ было Треповымъ преподаны наставленія, какъ нужно себя держать; особенно было воспрещено держать руки въ карманахъ (дабы не испугать) и что либо говорить. Выбраны депутаты были частью заводскими администраціями, частью полиціей съ жандармами — случаяхъ въ двухъ — самими рабочими по предложенію владѣльцевъ предпріятій. Когда нашъ депутатъ вернулся и сталъ читать рабочимъ грамоту съ „прощеніемъ", то ихъ больше всего возмутило это „прощеніе"; депутата же они спросили, кто его послалъ и какъ онъ смѣлъ безъ ихъ разрѣшенія быть ихъ представителемъ; заявили, что они ему этого не простятъ. Съ этого времени рабочіе начинаютъ предъявлять дирекціи опредѣленныя требованія: восьмичасовый рабочій день и повышеніе заработной платы на 50 процентовъ. Въ отвѣтъ на это дирекція дала льготныхъ для опозданія безъ штрафа утромъ и послѣ обѣда по 5 минутъ (!) и увеличеніе платы чернорабочимъ съ 70 коп. до 80 въ день на первый годъ службы, 85 коп. на второй годъ и 90 коп. прослужившимъ болѣе двухъ лѣтъ. Рабочіе рѣшили ввести сами 8-мичасовый рабочій день и стали уходить съ работы на два часа раньше. Дирекція вывѣсила объявленіе, что опаздывать разрѣшается безъ штрафа на 10 минутъ утромъ и послѣ обѣда. Рабочіе опять ушли на 2 часа раньше, при этомъ они заявили дирекціи, на угрозу послѣдней, что имъ (рабочимъ) будетъ уплочено только за 8 часовъ, что они ничего противъ этого не имѣютъ. Дирекція заявила, что она закроетъ заводъ, если рабочіе будутъ продолжать уходить раньше, и на четвертый день провели свое намѣреніе въ исполненіе. Всю послѣднюю недѣлю въ заводъ вводились войска не смотря на совершенно мирное настроеніе и корректное поведеніе рабочихъ. Во вторникъ 6-го февраля работы на заводѣ, за исключеніемъ технической конторы, были прекращены и въ субботу рабочимъ выдавали расчетъ. Депутаты говорили, что большинство рабочихъ рѣшило не начинать работы, пока не будутъ сдѣланы сколько нибудь существенныя уступки. Многіе готовы совсѣмъ покинуть заводъ. Надо замѣтить, что заработокъ на нашемъ заводѣ меньше, чѣмъ на другихъ такой же спеціальности. Депутаты были у Шидловскаго, но тотъ принялъ только путиловскихъ депутатовъ и просилъ послѣднихъ передать ихъ товарищамъ съ другихъ заводовъ, что онъ скоро имъ все устроитъ — [illegible] которыхъ просили рабочіе [illegible] массою рабочіе мало возлагаютъ [illegible] бюрократическихъ начинаній не обольщаются, и вообще по части политическаго чутья имъ могутъ позавидовать многіе либералы и демократы. [illegible] вслѣдствіе отсутствія возможности собраться въ большихъ собраніяхъ, въ которыхъ [illegible] выработаться. Теперь всякіе переговоры ведутся на улицахъ, на углахъ и въ трактирахъ за [illegible]. Депутаты разныхъ заводовъ имѣютъ между собою [illegible] общеніе. Были къ фабричнымъ инспекторамъ, [illegible] кормятъ обѣщаніями, но отказываются содѣйствовать [illegible] требованію — открыть собранія; это-де не отъ нихъ зависитъ, а отъ Трепова, къ которому ходить не совѣтуютъ, такъ какъ оттуда не всѣ возвращаются.

Сегодня забастовалъ еще Невскій механическій заводъ, за которымъ вѣроятно послѣдуетъ и Обуховскій, гдѣ точно также какъ и на Балтійскомъ, уже не разъ хотѣли забастовать, но посредствомъ воззванія къ патріотизму были удерживаемы начальниками этихъ заводовъ. Что будетъ дальше — [illegible] да и депутаты рабочихъ тоже не знаютъ. Говорятъ они, что правительство ведетъ народъ къ террору. Надо бы написать еще о „Союзѣ инженеровъ", онъ играетъ за послѣдній мѣсяцъ нѣкоторую роль. Но это въ другой разъ.

Петебургъ 4 февраля. Послѣ 9-го замѣчался сильный упадокъ духа въ рабочей средѣ и реакція. Сѣрая масса говорила, что Гапонъ обманулъ ее и правительственная клевета о 18-ти милліонахъ и о томъ, что Гапонъ переодѣтый студентъ и что студенты обманули народъ для своихъ выгодъ — нашли себѣ хорошую почву. Настроеніе было такое подавленное, что сознательные рабочіе отказывались разубѣждать и махали рукой: „все равно, не поймутъ". Я слышала предложеніе итти съ петиціей къ Іоанну Кронштадскому; хотя масса не поддержала этого предложенія, но и противорѣчила очень слабо и стояла, опустивъ руки. Говорили, что если бы не красные флаги, которые выкинули „студенты", то можетъ быть царь и принялъ бы депутацію и въ народъ не стрѣлялъ бы. Вообще, работать было трудно, но царь пришелъ намъ на помощь, какъ нельзя кстати, — устроивъ комедію съ депутатами 19-го января. Рабочіе были страшно возмущены. У нихъ, вѣдь, были, свои депутаты, выбранные, и вдругъ позвали какихъ то любимцевъ полиціи и хозяевъ, изъ которыхъ многіе, какъ *Филипповъ*, (за Невской заставой), завѣдомо провокаторы. Заводъ Рѣчкина, можно сказать, изъ за этого опять сталъ. Рабочіе собрались толпой у завода и потребовали царскаго депутата къ отвѣту. Онъ отказался итти, боясь, что его побьютъ; тогда толпа гарантировала ему личную безопасность и исполнила обѣщаніе, когда онъ пришелъ и оправдывался. Его не тронули, но словами допекли: „что ты ему (т. е. царю) сказалъ"? Тотъ оправдывался, что ему не было никакой возможности что нибудь сказать, какъ и никому изъ депутатовъ. Ему приказали явиться на Мойку. Онъ пришелъ, ничего не зналъ. Тамъ его одѣли и повезли въ Зимній Дворецъ, гдѣ объявили всѣмъ, что они депутаты. Оттуда повезли въ Царское Село, обыскали, раздѣли всѣхъ до гола, ввели въ залъ и окружили солдатами. Тогда открылся „занавѣсъ" (очевидно портьера) и они увидѣли царя, который по бумажкѣ имъ прочелъ знаменитыя слова. Эти слова были расклеены по улицамъ для всенародной критики. А тутъ они еще затѣяли эту коммиссію съ представителями отъ рабочихъ. Теперь всѣ главные заводы бастуютъ и всюду идетъ разговоръ о томъ, каковы должны быть выборы: возможны ли они безъ свободы собраній, слова и пр. и какой прокъ отъ этой коммиссіи безъ свободы? Вообще, пролетаріатъ отовсюду получаетъ толчки къ самосознанію и самые консервативные старики заговорили другимъ языкомъ. Еще во время первой стачки масса очень смутно понимала, что ей нужны политическія требованія и говорила, что это интеллигенція выставляетъ политическія требованія, такъ какъ ей это нужно, а намъ главное — экономическія требованія. На Гапоновскихъ собраніяхъ приходилось ораторамъ начинать съ экономическихъ требованій и осторожно переходить къ политическимъ, тогда толпа слушала снисходительно, а кто напр. начиналъ прямо съ войны, того не хотѣли слушать, принимали за „шпика", за „интеллигента" (всѣ ораторы замаскировывались рабочими, скрывали свое интеллигентное происхожденіе) и выгоняли вонъ. Организованные рабочіе очень настаивали на томъ, что бы въ листкахъ не писать: „Долой самодержавіе" и не подписывать „Центральный Комитетъ" и проч. такъ какъ это пугаетъ массу. Наша группа на это не согласилась. Событія идутъ такъ скоро и сознаніе массы растетъ такъ быстро, что этотъ страхъ страшныхъ словъ исчезаетъ скорѣе, чѣмъ мы успѣваемъ выпускать листки. Здѣсь теперь страшная нужда въ деньгахъ; у насъ денегъ слишкомъ недостаточно. Либералы собираютъ порядочно, но они желаютъ сами помогать и соціалдемократамъ не даютъ, а такъ какъ у нихъ связей нѣтъ, то раздаютъ хулиганамъ и нищимъ. напр., одна дама раздавала у нихъ просто съ крыльца. Нашла масса народу. Надувала ее страшно, подходили нѣкоторые по три раза. Было много не рабочихъ. Очевидно, либералы очень боятся популярности соціальдемократовъ въ массахъ и увѣряютъ всѣхъ, что соціальдемократы ничего не дѣлаютъ, а все они....

Петербургъ. (Изъ частнаго письма). Считаю нужнымъ сообщить вамъ одинъ фактъ, который заслуживаетъ быть занесеннымъ въ лѣтопись январскихъ дней, какъ одинъ изъ немногихъ случаевъ неповиновенія войскъ. 9 января студентъ горнаго института Х. находился въ толпѣ на Невскомъ проспектѣ. Залпы, направленные въ безоружный народъ, привели Х. въ такое состояніе, что онъ, почти не помня себя, бросился къ первому попавшемуся офицеру, начальствовавшему отрядомъ, и сталъ осыпать его всевозможными укорами и оскорбленіями. Офицеръ немедленно приказалъ 4 солдатамъ схватить и разстрѣлять студента. Но солдаты отказались и стали убѣждать своего начальника, что студентъ находится въ безпамятствѣ и поэтому его невозможно убивать. Пока шелъ споръ между офицеромъ и солдатами, въ дѣло вмѣшалась публика, и студента удалось спасти. Фактъ этотъ — провѣренъ.

Москва. 25 января. Стачка прошла довольно вяло въ сравненіи съ Питеромъ. На большинствѣ фабрикъ и заводовъ предъявлялись экономическія требованія, на нѣкоторыхъ фабрикахъ требованій совсѣмъ не предъявлялось. На многихъ фабрикахъ рабочіе не смогли формулировать требованій. Многіе районы просили прислать имъ людей, но таковыхъ не было. Одни районы были забросаны прокламаціями, въ другихъ они отсутствовали совсѣмъ.

Комитетъ выпустилъ прокламаціи: 1) „Къ рабочимъ", 2) „Къ солдатамъ". Вторая пользовалась успѣхомъ.

Замоскворѣцкій районъ, начиная съ крупныхъ фабрикъ и кон[illegible]ными, весь забастовалъ дружно, — понятно, что и администрація на него обратила самое серьезное вниманіе. Гдѣ только возможно было, разставили войска, пѣшихъ и конныхъ жандармовъ и полчища городовыхъ. Шпіоновъ на обычныхъ постахъ не было въ теченіе полуторы недѣли — надо полагать они посланы были вырывать наиболѣе выдѣляющихся рабочихъ. Городъ также не былъ забытъ. Большинство бастующихъ типографій помѣщается въ центрѣ. Возлѣ типографій Кузнецова, Левенсона и другихъ — вездѣ стояли войска. На Зубовскомъ бульварѣ въ д. Кунина были спеціально наняты пустующія квартиры для нихъ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ стачки начиналась, прекращались и снова начинались.

Относительно арестовъ среди рабочихъ сообщить ничего не могу. Что касается интеллигентовъ, то вотъ довольно неполный списокъ: Левъ Павл. Никифоровъ (переводчикъ), Павелъ Никифоровъ (статист.) Алекс. Никифоровъ. (контор.) Мандельштамъ (служ. въ земствѣ), Варвара Кабанова, Борисова (служ. въ зем. [illegible]), [illegible] (педагогичка), Красильникова курсистка, выпущена. Хрѣнкова съ дочерью 17 лѣтъ, Авилуевъ съ женой (жена выпущена), Блюменфельдъ, Евтихіевъ и мн. другіе. Арестованныхъ насчитываютъ до 60-70 ч.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ работы прекращала часть рабочихъ и часто происходили столкновенія неработающихъ съ работающими и не желающими присоединиться къ стачкѣ.

Такъ на табачной фабрикѣ Дукатъ мужчины забастовали, большая часть женщинъ работала. Во время обѣденнаго перерыва забастовавшіе подкарауливали работающихъ и избивали. Въ мастерскихъ Рязанской Ж. Д. очень малая часть рабочихъ работала. Администрація дѣлала все, что могла, дабы оградить работающихъ отъ нападенія. Сначала она поставила конвоемъ [illegible] время обѣденныхъ перерывовъ рабочихъ. Когда [illegible] она на свои средства выдавала каждому рабочему [illegible] колбасы и хлѣбъ. Не вездѣ требованія рабочихъ удовлетворены. Въ газетныхъ типографіяхъ плата увеличена на 20%. Въ городскихъ предпріятіяхъ удовлетворены требованія почти полностью. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ предложено было выбрать депутацію для переговоровъ, которая и [illegible] явилась. Въ типографіи Кушнарева приставъ предложилъ выбрать депутата. По избраніи депутатъ былъ отправленъ въ участокъ.

Рабочіе завода Бромлея снова забастовали. Требуютъ возвращенія арестованныхъ товарищей. Требованіе, говорятъ, удовлетворено и завтра (28) станутъ на работу.

Въ мастерскихъ Рязанской Ж. Д. во время стачки предъявлено было, между прочимъ, требованіе удаленія полиціи и жандармовъ, что и было исполнено. На требованіе восьми часовъ работы и увеличенія платы, — управляющимъ заявлено, что это не въ его власти и что онъ сообщитъ объ этомъ Мин. Вн. Дѣлъ. Четыре депутата отъ рабочихъ, говорившихъ съ управляющимъ — арестованы. Пока что не требуютъ ихъ освобожденія (хотя въ отдѣльности и поговариваютъ объ этомъ требованіи). Нѣкоторые вносятъ по 1 руб. для поддержанія и помощи семьямъ арестованныхъ. Ни одно изъ экономическихъ требованій не удовлетворено и настроеніе приподнятое. На стѣнахъ мастерскихъ расклеены прокламаціи. Когда оканчиваютъ починку паровоза то выпускаютъ его съ „паспортомъ", какъ они говорятъ т. е. наклеиваютъ прокламацію.

Рига. Знаменательныя событія совершаются у насъ. Вчера (8-го февраля) бросилъ работу фаянсовый заводъ Кузнецова ($2\frac{1}{2}$ тыс. рабочихъ). Эта стачка сама по себѣ является историческимъ событіемъ: на заводѣ имѣются рабочіе, прослужившіе 30 лѣтъ подъ рядъ и никогда не слыхавшіе еще объ открытомъ протестѣ. Подъ вліяніемъ соціальдемократической агитаціи за послѣдній годъ патріархальныя отношенія уничтожились и рабочіе рвались на открытый протестъ. Эксплуатація доходила до ужасныхъ размѣровъ: взрослый рабочій получалъ 13-15 руб. въ мѣсяцъ, женщина 6-8 руб, — при 14-ти часовомъ рабочемъ днѣ.

Наша группа [1]) взяла руководство стачкой въ свои руки, выставила требованія, послала людей и ведетъ сильную агитацію. Сегодня велись переговоры между депутатами рабочихъ и фабричнымъ инспекторомъ. Онъ на 8-ми часовый день не согласился и сторговался на 9-ти часахъ. Остальныя требованія были имъ приняты. Престижъ соціальдемократіи выросъ, старики намъ жали руки и говорили что теперь начинаютъ понимать чего хотятъ соціальдемократы.

Рабочій.

Рига. Звѣрства творились безобразныя. Раненыхъ не давали увезти, солдаты прикалывали потомъ лежащихъ штыками, такъ что у многихъ имѣются, кромѣ ранъ отъ пуль, и штыковыя раны. Пули попадали въ магазины, въ трамвай, который въ этотъ день еще функціонировалъ; убито много мирныхъ прохожихъ. Толпа была не вооружена; солдаты ранили и своихъ же, убитъ помощникъ пристава. Разгулъ солдатъ не знаетъ границъ. Прогуливается патруль и вдругъ ни съ того, ни съ сего пускаетъ зарядъ въ закрытыя ворота, за которыми укрывалось нѣсколько человѣкъ. Теперь казаки просто давятъ народъ. Соберется толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, а тутъ какъ тутъ, изъ засады выскочитъ казацкій патруль и давай давить лошадьми и нагайками.

Офицеры, не принимавшіе участіе въ бойнѣ, сами возмущены всей исторіей; по слухамъ, они совѣтовали семействамъ убитыхъ жаловаться въ военный судъ и указали, что солдатамъ розданы были какія-то особенныя пули (должно быть, думъ-думъ). Возбужденіе въ городѣ страшное, хотя „порядокъ" теперь полный. Самыя сильныя волненія и страданія утихаютъ — и въ результатѣ несмѣтныя жертвы остаются [illegible], оставляя въ насъ воспоминаніе о чемъ-то ужасномъ, но далекомъ, какъ будто бы прошли не дни, а годы. Многое пришлось пережить за послѣдніе дни, и особенно ужасное впечатлѣніе осталось отъ того потока крови, который лился на глазахъ у безоружной толпы. Я видѣлъ эти раны и, думаю, что видѣть ихъ можно еще на поляхъ Манчжуріи.

Кіевъ. Изъ газетъ уже извѣстно о стачкѣ служащихъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. По предложенію служащихъ соціальдемократовъ, партійный комитетъ напечаталъ отъ ихъ имени листокъ ко всѣмъ служащимъ. съ формулированными требованіями, послужившій сигналомъ къ началу забастовки. Разсчитываемъ, что къ стачкѣ служащихъ удастся привлечь и рабочихъ ж. д. мастерскихъ и депо; тогда, вѣроятно, станетъ и весь городъ. Бастуютъ фармацевты — комитетъ выпустилъ къ нимъ 2 листка.

На представленіи „Дачниковъ" Горькаго была устроена демонстрація. Одинъ студентъ арестованъ.

Екатеринославъ. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ на улицахъ Петербурга всколыхнулъ рабочія массы и Екатеринослава. Полные ужаса предъ развертывавшейся картиной петербургской бойни, екатеринославцы съ волненіемъ спрашивали другъ друга: „скоро ли у насъ будетъ забастовка?" Въ городѣ циркулировала масса слуховъ: говорили о пушкѣ, уподобившейся 6-го января библейской Валаамовой ослицѣ, которая въ тяжелую для нея минуту — заговорила человѣческимъ языкомъ. Получались частныя свѣдѣнія объ отцѣ Гапонѣ; назывались имена екатеринославцевъ, сложившихъ свои головы на баррикадахъ Питера. Редакціи газетъ изъ всѣхъ силъ старались усыпить бдительность „недреманнаго ока" авгура-цензора. Въ невычитанныхъ гранкахъ подносились ему выдержки изъ петиціи петербургскихъ рабочихъ, замаскированныя пустяшными перепечатками. Но „недреманное око" было на высотѣ своего призванія. И редакціи, вѣроятно, теряли не одну сотню номеровъ розницы. Въ настроеніи всюду замѣчалась повышенность и нервность. На улицахъ съ безпокойствомъ набрасывались на вы[illegible] телеграммы, которыя обыкновенно, несмотря на пріятныя для патріотической гордости россіянина выкрикиванія мальчишекъ о крупныхъ побѣдахъ Куропаткина, не покупались.

— „Забастовка въ Москвѣ!" — раздается рѣзкій дѣтскій крикъ на Проспектѣ. И мальчикъ лѣтъ восьми уже окруженъ толпой, расхватывающей телеграммы...

Но вотъ наступаетъ непривычная для Екатеринослава перемѣна въ поведеніи мальчишекъ — продавцовъ телеграммъ. Съ унылымъ видомъ они флегматично бурчатъ себѣ подъ носъ: „Телеграммы Губернскихъ Вѣдомостей". Нѣтъ въ нихъ прежней живости, воодушевленности, которыя онѣ вносили съ собой на улицы Екаторинослава. „Губернскія Вѣдомости" это органъ полиціймейстера и губернатора — и о существованіи ихъ знала только лишь городовые да шпіоны. „Почему телеграммы „Губ. Вѣдомостей"? и почему нѣтъ извѣстій изъ Питера? Неужели тамъ все спокойно?" — Такъ вопрошалъ себя взбудораженный обыватель, привыкшій видѣть на улицѣ телеграммы „Вѣстника Юга" и „Приднѣпровскаго Края". Но эта перемѣна въ поведеніи телеграмщиковъ есть ни что иное, какъ... забастовка и притомъ забастовка... издателей мѣстныхъ газетъ — „Вѣстника Юга" и „Приднѣпровскаго Края". Опишу этотъ любопытный курьезъ. Дѣло въ томъ, что мѣстная полиція, встревоженная питерскими баррикадами, начала готовиться къ штурму екатеринославскихъ баррикадъ. „Подтягиваніе" началось съ телеграмщиковъ — этихъ римскихъ герольдовъ, съ быстротой молніи разносившихъ по стогнамъ Екатеринослава послѣднія свѣжайшія вѣсти изъ новаго Портъ-Артура — изъ Питера. Имъ было воспрещено выкрикивать на улицахъ содержаніе телеграммъ, дабы тѣмъ самымъ не вселить въ сердца екатеринославцевъ „безсмысленныхъ мечтаній"... Запрещеніе это, энергично поддерживаемое разставленными въ большомъ количествѣ по Проспекту городовыми и шпіонами, вызвало большую „заминку" въ торговыхъ операціяхъ телеграмщиковъ. Успѣшность распродажи телеграммъ зависитъ отъ производимаго впечатлѣнія выкрикиваніемъ содержанія. Поэтому, они явились къ издателю „Вѣстника Юга" Цеткину (онъ теперь уже и оффиціальный редакторъ газеты) и заявили ему, что при тѣхъ стѣсненіяхъ свободы слова, которымъ они подвергались со стороны мѣстной полиціи, они не могутъ успѣшно продавать телеграммы, а потому предлагаютъ ему понизить плату за экз. телеграммы съ $1\frac{1}{2}$ коп. до 1 коп. за экземпляръ. Коммерческая сдѣлка не состоялась. Цеткинъ не уступилъ. А мальчики отказались брать телегр. по той же цѣнѣ. Въ виду того, что телеграмщики явились къ нему для переговоровъ in corpore, а слѣдовательно учинили дѣйствіе скопомъ, онъ позвалъ городового, который однимъ появленіемъ своимъ положилъ конецъ дерзкимъ домогательствамъ ихъ. Такіе же переговоры телеграмщиковъ съ издателемъ „Приднѣпровскаго Края" — Копыловымъ — не увѣнчались успѣхомъ. Зато тутъ обо

---

[1]) Группа организаторовъ при мѣстномъ комитетѣ, разошедшаяся съ его „твердокаменнымъ" курсомъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Къ прежнимъ перечнямъ надо прибавить еще слѣдующіе пункты: Ярославль, Кострома, Владиміръ, Иваново-Вознесенскъ, Кохма, Орѣхово-Зуево, Гусь-Мальцево, Тамбовъ, Симбирскъ, Алатырь, Астрахань, Чита, Новороссійскъ, Чіатуры, Тквибули, Дружковка, Голубовка, Луганскъ, Александровскъ, Славяносербскій уѣздъ (копи), Рѣжица (Витебской губ.), Староселицы, Шкловъ, Креславка, Брестъ-Литовскъ; желѣзныя дороги: Привислянскія, Рязанско-Уральская, Риго-Орловская, Муромская, Сызрано-Вяземск. и Владикавказская.

Петербургъ 7-го февраля. Писать о происходящемъ у насъ въ Питерѣ, дать нѣчто обобщенное и быть точнымъ становится все труднѣе. Борьба съ правительствомъ направляется рабочимъ движеніемъ. У либеральной оппозиціи отняты всѣ средства общенія (массового), да и самые способы воздѣйствія посредствомъ резолюцій, забастовки учебныхъ заведеній и прекращенія занятій вслѣдствіе „волненій“, сами по себѣ плохо дѣйствуютъ и мало безпокоятъ нашихъ бюрократовъ. Даже записка инженеровъ, написанная, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ „отечественной“ промышленности, была въ своей заключительной части, трактовавшей о необходимости представительнаго правленія, вышучена Витте, хотя онъ вполнѣ признавалъ основательность остальной части записки и даже заявилъ готовность подписать ее; послѣдняго, конечно, не сдѣлалъ. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднее время болѣе правая либеральная оппозиція сосредоточилась въ собраніяхъ союза инженеровъ, благодаря близости этихъ послѣднихъ къ рабочимъ. На другой день послѣ знаменитаго воскресенья были закрыты всѣ отдѣленія „Союза С.-П-б. рабочихъ“ и, такимъ образомъ, рабочіе были лишены возможности обсуждать сколько нибудь систематически свои дѣла. На работу они явились въ подавленномъ, часто даже приниженномъ настроеніи духа. Все это и дальнѣйшее относится къ нашему заводу. Черезъ нѣсколько дней дирекція объявила, что она для предупрежденія взрывовъ, вслѣдствіе накопленія недовольства рабочихъ, рѣшила вступить на путь реформъ. Но, будучи воспитана, вѣрнѣе, развращена постояннымъ воздѣйствіемъ и „руководствомъ“ правительственной бюрократіи (заводъ существуетъ исключительно казенными заказами, да еще морского вѣдомства), она начала осуществлять реформы совсѣмъ такимъ же методомъ, какъ и всякая бюрократія. Прежде всего, они рѣшили усовершенствовать и расширить умывальники въ мастерскихъ, затѣмъ опредѣлила порядокъ принесенія жалобъ: первоначально инженеру, завѣдующему мастерской, и въ случаѣ недовольства его рѣшеніями,— на высочайшее имя, т. е. управляющаго заводомъ, два раза въ недѣлю. Отмѣнили еще обыски, нѣчто важное для рабочихъ и ничего не стоющее для завода. Подавленность, вызванная погромомъ, начала у рабочихъ проходить и они стали между собою поговаривать о болѣе крупныхъ реформахъ, сводящихся, главнымъ образомъ, къ увеличенію заработной платы. На возраженія дирекціи, что тогда будетъ убыточно для владѣльцевъ, что заводъ и теперь даетъ мало дохода, рабочіе вполнѣ резонно возражали, что причина малодоходности лежитъ въ организаціи работъ, излишкѣ несвѣдущей и дорогой администраціи; проще, всѣ эти порядки можно было бы назвать бюрократизмомъ въ производствѣ, который, даже и при усиленномъ таможенномъ покровительствѣ и казенныхъ заказахъ по высокимъ цѣнамъ, дѣлаетъ невыгоднымъ предпріятіе. Въ это время наши невѣжественные политики устроили пріемъ „рабочей депутаціи“ царемъ. Объ отправкѣ этой депутаціи рабочіе ничего не знали, даже сами „депутаты“ узнали послѣ того, какъ ихъ привели къ Трепову, въ зимній дворецъ, гдѣ имъ было Треповымъ преподаны наставленія, какъ нужно себя держать; особенно было воспрещено держать руки въ карманахъ (дабы не испугать) и что либо говорить. Выбраны депутаты были частью заводскими администраціями, частью полиціей съ жандармами — случаяхъ въ двухъ — самими рабочими по предложенію владѣльцевъ предпріятій. Когда нашъ депутатъ вернулся и сталъ читать рабочимъ грамоту съ „прощеніемъ“, то ихъ больше всего возмутило это „прощеніе“; депутата же они спросили, кто его послалъ и какъ онъ смѣлъ безъ ихъ разрѣшенія быть ихъ представителемъ; заявили, что они ему этого не простятъ. Съ этого времени рабочіе начинаютъ предъявлять дирекціи опредѣленныя требованія: восьмичасовый рабочій день и повышеніе заработной платы на 50 процентовъ. Въ отвѣтъ на это дирекція дала льготныхъ для опозданія безъ штрафа утромъ и послѣ обѣда по 5 минутъ (!) и увеличеніе платы чернорабочимъ съ 70 коп. до 80 въ день на первый годъ службы, 85 коп. на второй годъ и 90 коп. прослужившимъ болѣе двухъ лѣтъ. Рабочіе рѣшили ввести сами 8-мичасовый рабочій день и стали уходить съ работы на два часа раньше. Дирекція вывѣсила объявленіе, что опаздывать разрѣшается безъ штрафа на 10 минутъ утромъ и послѣ обѣда. Рабочіе опять ушли на 2 часа раньше, при этомъ они заявили дирекціи, на угрозу послѣдней, что имъ (рабочимъ) будетъ уплочено только за 8 часовъ, что они ничего противъ этого не имѣютъ. Дирекція заявила, что она закроетъ заводъ, если рабочіе будутъ продолжать уходить раньше, и на четвертый день привели свое намѣреніе въ исполненіе. Всю послѣднюю недѣлю въ заводъ вводились войска не смотря на совершенно мирное настроеніе и корректное поведеніе рабочихъ. Во вторникъ 6-го февраля работы на заводѣ, за исключеніемъ технической конторы, были прекращены и въ субботу рабочимъ выдавали расчетъ. Депутаты говорили, что большинство рабочихъ рѣшило не начинать работы, пока не будутъ сдѣланы сколько нибудь существенныя уступки. Многіе готовы совсѣмъ покинуть заводъ. Надо замѣтить, что заработокъ на нашемъ заводѣ меньше, чѣмъ на другихъ такой же спеціальности. Депутаты были у Шидловскаго, но тотъ принялъ только путиловскихъ депутатовъ и просилъ послѣднихъ передать ихъ товарищамъ съ другихъ заводовъ, что онъ скоро имъ все устроитъ — и союзы лучше старыхъ, объ открытіи которыхъ просили рабочіе, и многое другое. Надежды на эту коммиссію рабочіе мало возлагаютъ и относительно бюрократическихъ начинаній не обольщаются, и вообще по части политическаго чутья имъ могутъ позавидовать многіе либералы и демократы. Что касается тактики, то выработать ее трудно, вслѣдствіе отсутствія возможности собраться въ большихъ собраніяхъ, въ которыхъ могли бы и настоящіе вожди выработаться. Теперь всякіе переговоры ведутся на улицахъ, на углахъ и въ трактирахъ за чаепитіемъ. Депутаты разныхъ заводовъ имѣютъ между собою дѣятельное общеніе. Ѣздятъ къ фабричнымъ инспекторамъ; послѣдніе кормятъ обѣщаніями, но отказываются содѣйствовать главному требованію — открыть собранія; это-де не отъ нихъ зависитъ, а отъ Трепова, къ которому ходить не совѣтуютъ, такъ какъ отъ него не всѣ возвращаются.

Сегодня забастовалъ еще Невскій механическій заводъ, за которымъ вѣроятно послѣдуетъ и Обуховскій, гдѣ, точно также какъ и на Балтійскомъ, уже не разъ хотѣли забастовать, но посредствомъ воззванія къ патріотизму были удерживаемы начальниками этихъ заводовъ. Что будетъ дальше — не знаю, да и депутаты рабочихъ тоже не знаютъ. Говорятъ они, что правительство ведетъ народъ къ террору. Надо бы написать еще о „Союзѣ инженеровъ“, онъ играетъ за послѣдній мѣсяцъ нѣкоторую роль. Но это въ другой разъ.

Петербургъ 4 февраля. Послѣ 9-го замѣчался сильный упадокъ духа въ рабочей средѣ и реакція. Сѣрая масса говорила, что Гапонъ обманулъ ее и правительственная клевета о 18-ти милліонахъ и о томъ, что Гапонъ переодѣтый студентъ и что студенты обманули народъ для своихъ выгодъ — нашли себѣ хорошую почву. Настроеніе было такое подавленное, что сознательные рабочіе отказывались разубѣждать и махали рукой: „[illegible] равно, не поймутъ“. Я слышала предложе[illegible] итти съ пе[illegible] къ Іоанну Кронштадскому; хотя масса н[illegible] поддержала этого предложенія, но и противорѣчила очень слабо и стояла, опустивъ руки. Говорили, что если бы не красные флаги, которые выкинули „студенты“, то можетъ быть царь и принялъ бы депутацію и въ народъ не стрѣлялъ бы. Вообще, работать было трудно, но царь пришелъ намъ на помощь, какъ нельзя кстати, — устроивъ комедію съ депутатами 19-го января. Рабочіе были страшно возмущены. У нихъ, вѣдь, были свои депутаты, выбранные, и вдругъ позвали какихъ то любимцевъ полиціи и хозяевъ, изъ которыхъ многіе, какъ *Филипповъ*, (за Невской заставой), завѣдомо провокаторы. Заводъ Рѣчкина, можно сказать, изъ за этого опять сталъ. Рабочіе собрались толпой у завода и потребовали царскаго депутата къ отвѣту. Онъ отказался итти, боясь, что его побьютъ; тогда толпа гарантировала ему личную безопасность и исполнила обѣщаніе, когда онъ пришелъ и оправдывался. Его не тронули, но словами допекли: „что ты ему (т. е. царю) сказалъ“? Тотъ оправдывался, что ему не было никакой возможности что нибудь сказать, какъ и никому изъ депутатовъ. Ему приказали явиться на Мойку. Онъ пришелъ, ничего не зналъ. Тамъ его одѣли и повезли въ Зимній Дворецъ, гдѣ объявили всѣмъ, что они депутаты. Оттуда повезли въ Царское Село, обыскали, раздѣли всѣхъ до гола, ввели въ залъ и окружили солдатами. Тогда открылся „занавѣсъ“ (очевидно портьера) и они увидѣли царя, который по бумажкѣ имъ прочелъ знаменитыя слова. Эти слова были расклеены по улицамъ для всенародной критики. А тутъ они еще затѣяли эту коммиссію съ представителями отъ рабочихъ. Теперь всѣ главные заводы бастуютъ и всюду идетъ разговоръ о томъ, каковы должны быть выборы: возможны ли они безъ свободы собраній, слова и пр. и какой прокъ отъ этой коммиссіи безъ свободы? Вообще, пролетаріатъ отовсюду получаетъ толчки къ самосознанію и самые консервативные старики заговорили другимъ языкомъ. Еще во время первой стачки масса очень смутно понимала, что ей нужны политическія требованія и говорила, что это интеллигенція выставляетъ политическія требованія, такъ какъ ей это нужно, а намъ главное — экономическія требованія. На Гапоновскихъ собраніяхъ приходилось ораторамъ начинать съ экономическихъ требованій и осторожно переходить къ политическимъ, тогда толпа слушала снисходительно, а кто напр. начиналъ прямо съ войны, того не хотѣли слушать, принимали за „шпика“, за „интеллигента“ (всѣ ораторы замаскировывались рабочими, скрывали свое интеллигентное происхожденіе) и выгоняли вонъ. Организованные рабочіе очень настаивали на томъ, что бы въ листкахъ не писать: „Долой самодержавіе“ и не подписывать „Центральный Комитетъ“ и проч. такъ какъ это пугаетъ массу. Наша група на это не согласилась. Событія идутъ такъ скоро и сознаніе массы растетъ такъ быстро, что этотъ страхъ страшныхъ словъ исчезаетъ скорѣе, чѣмъ мы успѣваемъ выпускать листки. Здѣсь теперь страшная нужда въ деньгахъ; у насъ денегъ слишкомъ недостаточно. Либералы собираютъ порядочно, но они желаютъ сами помогать и соціалдемократамъ не даютъ, а такъ какъ у нихъ связей нѣтъ, то раздаютъ хулиганамъ и нищимъ. напр., одна дама раздавала у нихъ просто съ крыльца. Нашла массу народу. Надувала ее страшно, подходили нѣкоторые по три раза. Было много не рабочихъ. Очевидно, либералы очень боятся популярности соціалдемократовъ въ массахъ и увѣряютъ всѣхъ, что соціалдемократы ничего не дѣлаютъ, а все они....

Петербургъ. (Изъ частнаго письма). Считаю нужнымъ сообщить вамъ одинъ фактъ, который заслуживаетъ быть занесеннымъ въ лѣтопись январскихъ дней, какъ одинъ изъ немногихъ случаевъ неповиновенія войскъ. 9 января студентъ горнаго института Х. находился въ толпѣ на Невскомъ проспектѣ. Залпы, направленные въ безоружный народъ, привели Х. въ такое состояніе, что онъ, почти не помня себя, бросился къ первому попавшемуся офицеру, начальствовавшему отрядомъ, и сталъ осыпать его всевозможными укорами и оскорбленіями. Офицеръ немедленно приказалъ 4 солдатамъ схватить и разстрѣлять студента. Но солдаты отказались и стали убѣждать своего начальника, что студентъ находится въ безпамятствѣ и поэтому его невозможно убивать. Пока шелъ споръ между офицеромъ и солдатами, въ дѣло вмѣшалась публика, и студента удалось спасти. Фактъ этотъ — провѣренъ.

Москва. 25 января. Стачка прошла довольно вяло въ сравненіи съ Питеромъ. На большинствѣ фабрикъ и заводовъ предъявлялись экономическія требованія, на нѣкоторыхъ фабрикахъ требованій совсѣмъ не предъявлялось. На многихъ фабрикахъ рабочіе не смогли формулировать требованій. Многіе районы просили прислать имъ людей, но таковыхъ не было. Одни районы были заброcаны прокламаціями, въ другихъ они отсутствовали совсѣмъ.

Комитетъ выпустилъ прокламаціи: 1) „Къ рабочимъ“, 2) „Къ солдатамъ“. Вторая пользовалась успѣхомъ.

Замоскворѣцкій районъ, начиная съ крупныхъ фабрикъ и кончая прачешными, весь забастовалъ дружно, — понятно, что и администрація на него обратила самое серьезное вниманіе. Гдѣ только возможно было, разставили войска, пѣшихъ и конныхъ жандармовъ и полчища городовыхъ. Шпіоновъ на обычныхъ постахъ не было въ теченіе полуторы недѣли — надо полагать они посланы были вырывать наиболѣе выдѣляющихся рабочихъ. Городъ также не былъ забытъ. Большинство бастующихъ типографій помѣщается въ центрѣ. Возлѣ типографій Кузнецова, Левенсона и другихъ — вездѣ стояли войска. На Зубовскомъ бульварѣ въ д. Кунина были спеціально наняты пустующія квартиры для нихъ.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ стачки начиналась, прекращались и снова начинались.

Относительно арестовъ среди рабочихъ сообщить ничего не могу. Что касается интеллигентовъ, то вотъ довольно неполный списокъ: Левъ Павл. Никифоровъ (переводчикъ). Павелъ Никифоровъ (ста ист.) Алекс. Никифоровъ. (контор.) Мандельштамъ (служ. въ земствѣ), Варвара Кабанова, Борисова (служ. въ зем.). Столярова (педагогичка), Красильникова (курсистка. выпущена), Хрѣнкова съ дочерью 17 лѣтъ, Аллилуевъ съ женой, (жена выпущена), Блюменфельдъ, Евтихіевъ и мн. другіе. Арестованныхъ насчитываютъ до 60 70 ч.

На нѣкоторыхъ фабрикахъ работы прекращала часть рабочихъ и часто происходили столкновенія неработающихъ съ работающими и не желающими присоединиться къ стачкѣ.

Такъ на табачной фабрикѣ Дукатъ мужчины забастовали, большая часть женщинъ работала. Во время обѣденнаго перерыва, забастовавшіе подкарауливали работающихъ и избивали. Въ мастерскихъ Рязанской Ж. Д. очень малая часть рабочихъ работала. Администрація дѣлала все, что могла, дабы оградить работающихъ отъ нападенія Сначала она подъ конвоемъ сопровождала, во время обѣденныхъ перерывовъ, рабочихъ. Когда это не помогло, она на свои средства выдавала каждому рабочему полъ колбасы и хлѣбъ. Не вездѣ требованія рабочихъ удовлетворены. Въ газетныхъ типографіяхъ плата увеличена на 20 %. Въ городскихъ предпріятіяхъ удовлетворены требованія почти полностью. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ предложено было выбрать депутацію для переговоровъ, которая и арестовывалась. Въ типографія Кушнарева приставъ предложилъ выбрать депутата. По избраніи депутатъ былъ отправленъ въ участокъ.

Рабочіе завода Бромлея снова забастовали. Требуютъ возвращенія арестованныхъ товарищей. Требованіе, говорятъ, удовлетворено и завтра (28) станутъ на работу.

Въ мастерскихъ Рязанской Ж. Д. во время стачки предъявлено было, между прочимъ, требованіе удаленія полиціи и жандармовъ, что и было исполнено. На требованіе восьми часовъ работы и увеличенія платы, — управляющимъ заявлено, что это не въ его власти и что онъ сообщитъ объ этомъ Мин. Вн. Дѣлъ. Четыре депутата отъ рабочихъ, говорившихъ съ управляющимъ — арестованы. Пока что не требуютъ ихъ освобожденія (хотя въ отдѣльности и поговариваютъ объ этомъ требованіи). Нѣкоторые вносятъ по 1 руб. для поддержанія и помощи семьямъ арестованныхъ. Ни одно изъ экономическихъ требованій не удовлетворено и настроеніе приподнятое. На стѣнахъ мастерскихъ расклеены прокламаціи. Когда оканчиваютъ починку паровоза то выпускаютъ его съ „паспортомъ“, какъ они говорятъ т. е. наклеиваютъ прокламацію.

Рига. Знаменательныя событія совершаются у насъ. Вчера (8-го февраля) бросилъ работу фаянсовый заводъ Кузнецова ($2^1/_2$ тыс. рабочихъ). Эта стачка сама по себѣ является историческимъ событіемъ: на заводѣ имѣются рабочіе, прослужившіе 30 лѣтъ подъ рядъ и никогда не слыхавшіе еще объ открытомъ протестѣ. Подъ вліяніемъ соціальдемократической агитаціи за послѣдній годъ патріархальныя отношенія уничтожились и рабочіе рвались на открытый протестъ. Эксплуатація доходила до ужасныхъ размѣровъ: взрослый рабочій получалъ 13-15 руб. въ мѣсяцъ, женщина 6-8 руб,—при 14-ти часовомъ рабочемъ днѣ.

Наша группа [1]) взяла руководство стачкой въ свои руки, выставила требованія, послала людей и ведетъ сильную агитацію. Сегодня велись переговоры между депутатами рабочихъ и фабричнымъ инспекторомъ. Онъ на 8-ми часовый день не согласился и сторговался на 9-ти часахъ. Остальныя требованія были имъ приняты. Престижъ соціальдемократіи выросъ, старики намъ жали руки и говорили что теперь начинаютъ понимать чего хотятъ соціальдемократы.

Рабочій.

Рига. Звѣрства творились безобразныя. Раненыхъ не давали увезти, солдаты прикалывали потомъ лежащихъ штыками, такъ что у многихъ имѣются, кромѣ ранъ отъ пуль, и штыковыя раны. Пули попадали въ магазины, въ трамвай, который въ этотъ день еще функціонировалъ; убито много мирныхъ прохожихъ. Толпа была не вооружена; солдаты ранили и своихъ же, убитъ помощникъ пристава. Разгулъ солдатъ не видѣлъ границъ. Прогуливается патруль и вдругъ ни съ того, ни съ сего пускаетъ зарядъ въ закрытыя ворота, за которыми укрывалось нѣсколько человѣкъ. Теперь казаки просто давятъ народъ. Соберется толпа въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, и тутъ какъ тутъ, изъ засады выскочитъ казацкій патруль, и давай давить лошадьми и нагайками.

Офицеры, не принимавшіе участіе въ бойнѣ, сами возмущены всей исторіей; по слухамъ, они совѣтовали семействамъ убитыхъ жаловаться въ военный судъ и указали, что солдатамъ розданы были какія-то особенныя пули (должно быть, думъ-думъ) Возбужденіе въ городѣ страшное, хотя „порядокъ“ теперь полный. Самыя сильныя волненія и страданія улегаются — и въ результатѣ несмѣтныя жертвы остаются [illegible], оставляя въ насъ воспоминаніе о чемъ-то ужасномъ, и столь далекомъ, какъ будто бы прошли не дни, а годы. Многое пришлось пережить за послѣдніе дни, и особенно ужасное впечатлѣніе осталось отъ того потока крови, который лился на глазахъ у безоружной толпы. Я видѣлъ эти раны и, думаю, что видѣть ихъ можно еще на поляхъ Манчжуріи.

Кіевъ. Изъ газетъ уже извѣстно о стачкѣ служащихъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. По предложенію служащихъ соціальдемократовъ, партійный комитетъ напечаталъ отъ ихъ имени листокъ ко всѣмъ служащимъ. съ формулированными требованіями, послужившій сигналомъ къ началу забастовки. Разсчитываемъ, что къ стачкѣ служащихъ удастся привлечь и рабочихъ ж. д. мастерскихъ и депо; тогда, вѣроятно, станетъ и весь городъ. Бастуютъ фармацевты — комитетъ выпустилъ къ нимъ 2 листка.

На представленіи „Дачниковъ“ Горькаго была устроена демонстрація. Одинъ студентъ арестованъ.

Екатеринославъ. Громъ пушечныхъ выстрѣловъ на улицахъ Петербурга всколыхнулъ рабочія массы и Екатеринослава. Полные ужаса предъ развертывавшейся картиной петербургской бойни, екатеринославцы съ волненіемъ спрашивали другъ друга: „скоро ли у насъ будетъ забастовка?“ Въ городѣ циркулировала масса слуховъ: говорили о пушкѣ, уподобившейся 6-го января библейской Валаамовой ослицѣ, которая въ тяжелую для нея минуту — заговорила человѣческимъ языкомъ. Получались частныя свѣдѣнія объ отцѣ Гапонѣ; назывались имена екатеринославцевъ, сложившихъ свои головы на баррикадахъ Питера. Редакціи газетъ изъ всѣхъ силъ старались усыпить бдительность „недреманнаго ока“ авгура-цензора. Въ цензурныхъ гранкахъ подносились ему выдержки изъ петиціи петербургскихъ рабочихъ, замаскированныя пустяшными перепечатками. Но „недреманное око“ было на высотѣ своего призванія. И редакціи, вѣроятно, теряли не одну сотню номеровъ розницы. Въ настроеніи всюду замѣчалась повышенность и нервность. На улицахъ съ безпокойствомъ набрасывались на выпускаемыя днемъ телеграммы, которыя обыкновенно, несмотря на [illegible] для патріотической гордости россіянина выкрикиванія мальчишекъ о крупныхъ побѣдахъ Куропаткина, не покупались.

— „Забастовка въ Москвѣ!“ — раздается рѣзкій дѣтскій крикъ на Проспектѣ. И мальчикъ лѣтъ восьми уже окруженъ толпой, расхватывающей телеграммы...

Но вотъ наступаетъ непривычная для Екатеринослава перемѣна въ поведеніи мальчишекъ — продавцовъ телеграммъ. Съ унылымъ видомъ они флегматично бурчатъ себѣ подъ носъ: „Телеграммы Губернскихъ Вѣдомостей“. Нѣтъ въ нихъ прежней живости, воодушевленности, которыя онѣ вносили съ собой на улицы Екатеринослава. „Губернскія Вѣдомости“ это органъ полиціймейстера и губернатора и о существованіи ихъ знали только лишь городовые да шпіоны. „Почему телеграммы „Губ. Вѣдомостей“? и почему нѣтъ извѣстій изъ Питера? Неужели тамъ все спокойно?“ — Такъ вопрошалъ себя взбудораженный обыватель, привыкшій видѣть на улицѣ телеграммы „Вѣстника Юга“ и „Приднѣпровскаго Края“. Но эта перемѣна въ поведеніи телеграмщиковъ есть ни что иное, какъ... забастовка и при томъ забастовка... издателей мѣстныхъ газетъ — „Вѣстника Юга“ и „Приднѣпровскаго Края“. Опишу этотъ любопытный курьезъ. Дѣло въ томъ, что мѣстная полиція, встревоженная питерскими баррикадами, начала готовиться къ штурму екатеринославскихъ баррикадъ. „Подтягиваніе“ началось съ телеграмщиковъ — этихъ римскихъ герольдовъ, съ быстротой молніи разносившихъ по стогнамъ Екатеринослава послѣднія свѣжайшія вѣсти изъ новаго Портъ-Артура — изъ Питера. Имъ было воспрещено выкрикивать на улицахъ содержаніе телеграммъ, дабы тѣмъ самымъ не вселить въ сердца екатеринославцевъ „безмысленныхъ мечтаній“... Запрещеніе это, энергично поддерживаемое разставленными въ большомъ количествѣ по Проспекту городовыми и шпіонами, вызвало большую „заминку“ въ торговыхъ операціяхъ телеграмщиковъ. Успѣшность распродажи телеграммъ зависитъ отъ производимаго впечатлѣнія выкрикиваніемъ содержанія. Поэтому, они явились къ издателю „Вѣстника Юга“ Цеткину (онъ теперь уже и оффиціальный редакторъ газеты) и заявили ему, что при тѣхъ стѣсненіяхъ свободы слова, которымъ они подвергались со стороны мѣстной полиціи, они не могутъ успѣшно продавать телеграммы, а потому предлагаютъ ему понизить плату за [illegible] телеграммы съ $1^1/_2$ коп. до 1 коп. за экземпляръ. Коммерческая сдѣлка не состоялась. Цеткинъ не уступилъ. А мальчики отказались брать телегр. по той же цѣнѣ. Въ виду того, что телеграмщики явились къ нему для переговоровъ in corpore, а слѣдовательно учинили дѣйствіе скопомъ, онъ позвалъ городового, который однимъ появленіемъ своимъ положилъ конецъ дерзкимъ домогательствамъ ихъ. Такіе же переговоры телеграмщиковъ съ издателемъ „Приднѣпровскаго Края“ — Копыловымъ — не увѣнчались успѣхомъ. Зато тутъ обо лось безъ участія „вооруженной силы". Вечеромъ того же состоялось торжественное объединеніе издателей указанхъ выше газетъ въ синдикатъ для борьбы съ мальчишками-ращиками. На общемъ собраніи членовъ синдиката было но не выпускать дневныхъ телеграммъ, чѣмъ они побѣютъ мальчишекъ, такъ какъ, лишенные обычнаго заработка, будутъ вынуждены согласиться брать телеграммы по прежй цѣнѣ. Когда началась всеобщая забастовка въ Екатеринославѣ, то мѣстная администрація во главѣ съ губернаторомъ рила, что стачку начали Цеткинъ и Копыловъ, и что они ли сигналъ къ стачкѣ.

---

[1]) Группа организаторовъ при мѣстномъ комитетѣ, разошедшаяся съ его „твердокаменнымъ“ курсомъ.

Но вотъ раздался призывный голосъ С.-Д. комитета къ борьбѣ, и къ вечеру 17-го января въ городѣ уже не работали всѣ типографіи, за исключеніемъ Губернской, Земской и Епархіальной. Я не стану здѣсь описывать самаго хода стачки, не ну учитывать тѣхъ положительныхъ и отрицательныхъ результатовъ, которые она дала. Я хочу остановиться на одномъ интересномъ и поучительномъ для рабочихъ моментѣ ея. Я хочу остановиться на отношенія нашихъ „литературныхъ" либераловъ къ этой стачкѣ и указать на удивительную и нетную совмѣстимость въ нашихъ либералахъ, съ одной стороны, литературнаго служенія идеаламъ гражданской свободы и неприкосновенности личности, а съ другой — заглядыванія въ полицейскій участокъ и нашептыванія на ухо городовому о мъ, что въ его кварталѣ „отечество въ опасности". Рѣчь етъ о редакціи мѣстной либеральной газеты „Вѣстника Юга". ю голое описаніе фактовъ. 17 января типографія „Вѣстника Юга", принадлежащая редактору и издателю Цеткину, забастола. На другой день наборщики представили Цеткину свои требованія. Нѣкоторыя изъ нихъ были тогда же удовлетворены Цеткинымъ, и онъ предложилъ наборщикамъ стать на слѣдующій день на работу. Послѣдніе согласились. оставивъ за собой право бросить работу по первому же требованію товарищей-забастовщиковъ другихъ типографій. Утромъ слѣдующаго я наборщики „Вѣстника Юга" и „Приднѣпровскаго Края" ли на работу. Часовъ въ девять утра въ типографію „Вѣстника Юга" явились забастовщики и потребовали прекращенія работы во имя солидарности съ другими рабочими, указывая то, что въ противномъ случаѣ забастовка въ Екатеринославѣ теряетъ главную свою силу, она утратитъ характеръ всеобщти. Въ это время въ типографіи находился извѣстный въ Екатеринославѣ писатель Гришневъ, онъ же и Новоюлинъ (авкн. „Въ сумеркахъ литературы"). На требованіе пришедшихъ прекратить работу одинъ изъ наборщиковъ „Вѣстника" отвѣтилъ имъ совѣтомъ — пойти и снять съ работы ала наборщиковъ „Приднѣпровскаго Края", а затѣмъ уже хъ, мотивируя это тѣмъ, что инниціатива забастовокъ должна дить отъ русскихъ рабочихъ (въ „Вѣстникѣ Юга" всѣ ра евреи), но не отъ евреевъ, потому что на послѣднихъ и такъ нистрація сваливаетъ всю вину, вообще, за всякія волненія кимъ путемъ получаетъ въ свои руки матеріалъ для аги въ пользу погромовъ. Заявленіе это было жалкой поой не дать сорвать работу; остальные рабочіе, конечно, раздѣляли этого мнѣнія. Но зато писатель Гришневъ, шавъ сказанную безсмыслицу, закричалъ, аплодируя: „браво, !" Это одинъ фактъ. Дальше. По уходѣ изъ типографіи овавшихъ прекращенія работы, является туда самъ Цеткинъ редакторъ либеральной газеты. Онъ обращается къ работъ и говоритъ: „Господа, работайте; не обращайте вни на другихъ. Надъ вами итакъ уже смѣются всѣ..." Рабочіе нервно вертятъ въ рукахъ верстатки и ожидаютъ сигнала сить работу. Но вотъ управляющій типографіею докладытъ Цеткину о томъ, что были забастовщики, требовавшіе кращенія работы. Въ этотъ моментъ они прошли мимо окна, управляющій указалъ на нихъ: „Вотъ они". Тогда Цеткинъ словами „я ихъ проучу..." бѣжитъ къ телефону, звонитъ и ритъ: „йте вторую часть". Получаетъ отвѣтъ съ телефонной станціи и въ аетъ трубку на мѣсто со словами: „жаль, что ять телефонъ въ части". Затѣмъ онъ выскакиваетъ на Проктъ и кричитъ во всю глотку: „Городовой, городовой!" Но явшій неподалеку на посту городовой не обратилъ на него манія, и тогда Цеткинъ самъ пошелъ къ нему и доложилъ, „отечество въ опасности". При этомъ видно было, какъ кинъ показывалъ городовому въ ту сторону, гдѣ были рабочіе, заставившіе его „спасать отечество..." Городовой, однако, оказалъ активнаго содѣйствія Цеткину, почему—неизвѣстно. Но этого мало — редакція газеты дружная семья, спѣвшаяся всѣхъ деталяхъ будничной и „весенней" жизни. Вышеупоутый Гришневъ, членъ редакціи и главный ея сотрудникъ, ждалъ рабочихъ не прекращать работу, и когда ему указали на то, что забастовщики могутъ болѣе настоятельно побовать прекращенія работы, онъ предложилъ вызвать немедленно казаковъ и городовыхъ къ типографіи для охраны щеннаго права на трудъ. Рабочіе послѣ этого бросили раву.

На другой день, съ разрѣшенія губернатора, состоялось въ мѣщеніи редакціи „Приднѣпровскаго Края" общее собраніе представителей всѣхъ типографій для выработки общихъ треній типографщиковъ г. Екатеринослава. Предсѣдательство ъ главный фабричный инспекторъ — Евтушевскій. Присутовали, по желанію рабочихъ, всѣ сотрудники „Вѣстника а" и „Приднѣпровскаго Края". Рабочихъ было душъ до ста. тушевскій формулировалъ и редактировалъ требованія рабоъ, причемъ старался придать имъ эластичность и растяжить. Многія же требованія рабочихъ, какъ, напримѣръ, праздваніе перваго мая, онъ своей властью совершенно устранилъ. на изъ цѣлей этого собранія сводилась къ тому, чтобы убѣть газетныхъ наборщиковъ стать на работу на слѣдующій нь. Эту почтенную роль взялъ на себя извѣстный писатель къ, по крайней мѣрѣ, онъ рекламируется на афишахъ: Леодъ Егоровичъ Оболенскій [1]).

Въ концѣ засѣданія онъ выступилъ съ рѣчью приблизино такого содержанія: „Я обращаюсь къ вамъ, газетные борщики, и указываю на то, что газета есть крупный общевенный факторъ; въ ней открывается вся текущая прези жизнь. Газеты говорятъ и о вашихъ нуждахъ, о нуждахъ бочаго класса. И теперь, когда рабочій вопросъ сталъ злободевнымъ вопросомъ, рабочіе сами должны позаботиться о томъ, обы газеты выходили, такъ какъ только при помощи ихъ жно обсудить всѣ нужды рабочаго класса, освѣтить и вынить его положеніе. Поэтому, всегда при забастовкахъ газеты жны выходить, а потому наборщики „Вѣстника Юга" и риднѣпровскаго Края" завтра же должны стать на работу..." къ говорилъ газетный поваръ. Нужно знать, что Цеткинъ сплуатируетъ рабочихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Онъ, примѣръ, платилъ по 16 копѣекъ за тысячу буквъ, въ то емя какъ у Копылова (Пр. Кр. наборщики получали 18 коп. тысячу). На эту лживую и лицемѣрную рѣчь Оболенскаго вѣтилъ рабочій пылкой, искренне негодующей и протестуюй рѣчью. Онъ говорилъ о тяжести россійскаго цензурнаго ета, о томъ, что цензура мертвой петлей сжала горло русской ессы и оттуда раздаются лишь хриплые, задушенные предительной цензурой звуки.

„Нѣтъ, не вѣрьте, товарищи, сказалъ онъ, увѣреніямъ, что ты эти скажутъ о васъ все то, что нужно сказать. Онѣ могутъ этого дѣлать". При этихъ словахъ раздается въ рѣзкій крикъ: „Это клевета, это ложь!" Его поддерживаютъ три голоса. Но тутъ крикъ всѣхъ рабочихъ: „Это правда, сущая правда!" заглушаетъ протестъ. Кто жъ это протевалъ противъ заявленія рабочаго оратора, что при данныхъ зурныхъ условіяхъ газеты не могутъ выражать истинныхъ къ и истинныхъ потребностей рабочаго класса? Да, это вазается все тотъ же знаменитый въ Екатеринославѣ пиель Гришневъ. Это въ немъ заговорила оскорбленная газетная невинность. На помощь Гришневу является человѣкъ въ мундирѣ. Фабричный инспекторъ прерываетъ оратора и заявляетъ, что онъ предоставленной ему властью лишаетъ его слова и запрещаетъ больше говорить по этому вопросу.

Таковы факты, говорящіе объ общественной порядочности нашихъ либераловъ. И вотъ эти господа, напримѣръ Гришневъ, теперь пишутъ сладкимъ убаюкивающимъ тономъ статьи по рабочему вопросу. Въ нихъ они мягко стелятъ рабочимъ, да жестко будетъ спать.

Екатеринославъ. Въ изданной Комитетомъ Партіи прокламаціи формулированы требованія мѣстныхъ фармацевтовъ, начавшихъ здѣсь стачку: 1) Двухсмѣнная работа для всѣхъ служащихъ въ аптекахъ. 2) Сокращеніе числа дежурствъ. 3) Ежегодный отпускъ (до мѣсяца), съ сохраненіемъ содержанія. 4) Отмѣна безплатнаго пріема учениковъ. 5) Выдача столовыхъ и квартирныхъ денегъ на руки. 6) Третейскій судъ изъ выборныхъ представителей отъ служащихъ и хозяевъ поровну. 7) Увольненіе фармацевтовъ зависитъ отъ третейскаго суда. 8) Въ случаѣ болѣзни, служащему выдается заработокъ въ половинномъ размѣрѣ, не удлиняя рабочаго времени прочихъ служащихъ, 9) Обязательная дежурная комната соотвѣтственно гигіеническимъ условіямъ.

Харьковъ Здѣшнія стачки продолжались очень недолго (день, $1/2$ часа, часъ) и всѣ требованія рабочихъ немедленно удовлетворялись. Такъ было у Бормана, Гельфериха-Саде и на Конатной. На паровозостроительномъ стачка продолжалась 3-4 дня. Выставлены были 22 требованія исключительно экономическія. Почти всѣ требованія удовлетворены. Стачкой руководило общество взаимопомощи ремесленнаго труда (носитъ трэдъюніонистическій характеръ). Истинными хозяевами являлись общественники. Пассивная роль соціальдемократіи и невозможность для нея взять на себя руководящую роль въ рабочемъ движеніи замѣтны не только въ Харьковѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Все это наводитъ на грустныя размышленія.

Харьковъ 1 февраля. (Изъ письма работницы)... У насъ забастовалъ сначала одинъ заводъ, на которомъ работаютъ 3 тысячи рабочихъ. Не сразу всѣ бросили работу. Сначала чернорабочіе. Требовали, чтобы имъ надбавили съ 60 до 75 к. въ день. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до остальныхъ рабочихъ, то кто то крикнулъ: стыдно работать, когда другіе бастуютъ. Этотъ крикъ подѣйствовалъ и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросили работу. Ну, тутъ, разумѣется, директоръ не замедлилъ сообщить кому слѣдуетъ. Сейчасъ же прибыли приставъ, нѣсколько надзирателей и маленькія собачонки, т. е. городовые. Какъ только рабочіе вышли во дворъ, они потребовали, чтобы полиція ушла, что она и исполнила. Рабочіе потребовали 8-часовый рабочій день. Выставили нѣкоторыя политическія требованія, потребовали освобожденія рабочихъ, которыхъ недавно арестовали съ даннаго завода. По этому поводу директоръ иронически замѣтилъ: у нихъ, молъ, и безъ арестованныхъ дѣла идутъ не дурно. — Прибылъ фабричный инспекторъ. Но рабочіе заявили ему, что они съ нимъ ни въ какія объясненія вступать не желаютъ, и онъ, бѣдненькій, вынужденъ былъ не солоно хлебавши поѣхать домой.

Кромѣ общихъ требованій, были выставлены мѣстныя требованія. (Между прочимъ, чернорабочіе требуютъ уже не 75 к, а 1 руб. въ день).

Дружковка, Екатеринославской губ. На здѣшнемъ металлическомъ заводѣ началась перваго февраля стачка. Приводимъ перечень требованій, выставленныхъ рабочими. въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ сообщаетъ одинъ мѣстный рабочій въ частномъ письмѣ.

1) Восьмичасовой рабочій день
2) Прибавка жалованья — 50 % на рубль
3) Чернорабочіе чтобы получали одинъ рубль
4) Немедленное увольненіе милосердной (сестры) за грубое обращеніе съ народомъ.
5) Бани безплатно.
6) Увольненіе завѣдующаго страхованіемъ Козубскаго.
7) Чтобы квартиры безплатно и уголь, а кто на частной, чтобы получалъ квартирныя деньги.
8) Чтобы не было подрядчиковъ.
9) Чтобы начальство обращалось вѣжливѣе.
10) Чтобы получали, когда человѣкъ болѣетъ отъ простуды, половину жалованья.
11) Чтобы въ квартирахъ были погреба.

„Рабочіе еще не успокоились, хотя нѣкоторыя требованія удовлетворены: бани безплатно, погреба будутъ, подрядчиковъ уволятъ, сестру уволили. *А остальное будутъ рѣшать въ Петербургѣ на войнѣ съ палачомъ и царизмомъ*",—такими характерными словами заканчиваетъ свое письмо дружковскій рабочій.

Батумъ. (Изъ бюллетеня № 9).

Батумскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П. объявилъ съ 25 января всеобщую забастовку съ требованіемъ: прекращенія войны, созыва учредительнаго собранія, сверженія самодержавія и установленія демократической республики. Еще наканунѣ, 24-го, распространились слухи о забастовкѣ, и часть магазиновъ была закрыта. 29-го, въ $9^1/_2$ часовъ утра тревожными гудками на заводахъ возвѣщается всему городу о начавшейся забастовкѣ. Во дворахъ заводовъ передъ громадными толпами рабочихъ произносятся горячія политическія рѣчи. Рабочіе расходятся по городу и наполняютъ улицы. Настроеніе ихъ съ момента забастовки боевое, и только убѣжденія комитета удерживаютъ ихъ въ предѣлахъ мирной манифестаціи, забастовки. Закрываются всѣ заводы, фабрики, мастерскія, магазины, впродолженіе 12 часовъ — аптеки. Бастуютъ извозчики, дрогали. На берегу сплошной лентой стоятъ вагоны, наполненные казаками, солдатами; дежурный паровозъ стоитъ подъ паромъ. По улицамъ разъѣзжаютъ казаки, въ нѣсколькихъ мѣстахъ города — сторожевые пикеты ихъ. Часть дворниковъ, вооруженныхъ винтовками, во главѣ съ полиціей, тоже охраняютъ улицы. Полиціймейстеръ, окруженный казаками, приказываетъ открывать магазины, и въ случаѣ сопротивленія взламываютъ двери. То же дѣлаютъ самостоятельно во многихъ мѣстахъ города казаки, причемъ избиваютъ хозяевъ магазиновъ и пользуются лавками, какъ своею собственностью. 26-го съ утра тѣ же картины: идетъ борьба полиціи съ населеніемъ. Массы обывателей высыпаютъ на улицы и съ напряженіемъ ждутъ событій. Крупные торговцы, вынужденные полиціей открыть магазины, не продаютъ ничего заходящимъ покупателямъ. Вечеромъ комитетъ выпускаетъ къ торговцамъ прокламацію, и большинство ихъ откликается на призывъ комитета. Передъ редакціей „Черноморскаго Вѣстника" устраивается кошачій концертъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ города 27 въ полдень на телеграфныхъ проволокахъ развѣвалось нѣсколько красныхъ флаговъ.

Въ мужской гимназіи 27 утромъ всѣ ученики оставили занятія и ушли изъ гимназіи. Нѣсколько учениковъ вынесли изъ зала портретъ царя и во дворѣ разорвали его. Швейцаромъ были извѣщены казаки, и нѣсколько солдатъ засѣли во дворѣ гимназіи. Шесть гимназистовъ арестовано и одинъ раненъ штыкомъ пограничнаго солдата. Отцы и матери! Неужели вы останетесь безмолвными свидѣтелями избіенія вашихъ дѣтей современными Иродами? — Утромъ же 27 закрыта женская гимназія, а наканунѣ прекращены занятія въ нѣкоторыхъ начальныхъ школахъ.

На улицахъ, въ квартирахъ, во дворахъ идутъ обыски, причемъ казаки и полиція избиваютъ и грабятъ обыскиваемыхъ. Изъ числа извѣстныхъ комитету фактовъ приводимъ нѣсколько: 25-го казаки привязываютъ молодого рабочаго къ сѣдлу и избиваютъ его; преслѣдуемые нагайками двое рабочихъ бросаются въ воду; 26-го въ 4-мъ участкѣ городовой и казаки врываются въ домъ рабочаго, обыскиваютъ и избиваютъ. На Тифлисской улицѣ мирно идущаго рабочаго бьютъ головой о стѣну до потери сознанія. Извѣстны три случая обысковъ съ присвоеніемъ казаками денегъ и часовъ обыскиваемыхъ.

Изъ бюллетеня № 10.

„Пятый день бастуетъ рабочій Батумъ. Пятый день на улицахъ города и въ жилищахъ рабочихъ безчинствуютъ казаки. Вотъ ужъ двѣ ночи эти псы самодержавія врываются въ квартиры рабочихъ, требуютъ денегъ и, если рабочій отказываетъ — учиняютъ грабежъ и разгромъ жилищъ. Эти факты имѣли мѣсто въ 4-мъ участкѣ. Прохожихъ по прежнему останавливаютъ на улицахъ, грубо обыскиваютъ и иногда грабятъ. Производятся аресты: отправлено въ тюрьму 18 рабочихъ; пять гимназистовъ выпущено, избитый Закарадзе лежитъ въ больницѣ. 27-го стражники на Артвинской ул. разстрѣливали красные флаги на телеграфныхъ проволокахъ; при этомъ раненъ одинъ старикъ въ палецъ. 27-го городъ вымеръ; улицы пустынны, всѣ магазины, несмотря на старанія полиціи, заперты. Видны только казаки и полиція. Въ учебныхъ заведеніяхъ занятій нѣтъ.

„**Въ Тифлисѣ** стачки разростаются. На Головинскомъ проспектѣ 23-го происходитъ демонстрація; войска стрѣляютъ, убитыхъ и раненыхъ около 60 (точно не установлено). Гнѣвъ противъ гнуснаго правительства распространяется во всѣхъ слояхъ населенія.

„**Въ Кутаисѣ** бастуютъ около 1500 - 2000 чел. Демонстрація около бульвара не сопровождается жертвами, и уже послѣ нея казаки безчинствуютъ надъ беззащитной толпой. Магазины, мастерскія, учебн. зав. закрыты Демонстрація рабочихъ и крестьянъ происходитъ въ Самтреди, гдѣ ранятъ старшину и заставляютъ шествовать впереди демонстрирующихъ съ краснымъ знаменемъ — пристава. Разгромъ въ Твкибули, по линіи жел. дор., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могутъ перевозиться казаки, въ виду снятія рельсъ и пріостановки работъ. Забастовка рабочихъ въ Поти. Бастуютъ железно-дор. рабочіе, заводы, береговые рабочіе, дрогали. Выставляютъ политическія и экономическія требованія."

Бюллютень заканчивается: Мы присоединяемся къ всероссійскому революціонному возстанію и бросаемъ въ лицо гнуснаго царскаго правительства свое грозное:

Долой царя! Долой войну! Да здравствуетъ всенародное Учредительное Собраніе и демократическая республика!

Тифлисъ. (частное сообщеніе) 30-го января. Здѣсь грандіозное движеніе. Рабочіе забастовали на всѣхъ заводахъ, фабрикахъ, типографіяхъ, конкахъ; бастуютъ также кондуктора жел. дороги. Всеобщая забастовка продолжается уже двѣ недѣли. Всѣхъ, направляющихся къ Нахаловкѣ и депо желѣзной дороги, избиваютъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки ростутъ. Въ особенности въ 3-ей гимназіи и Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Воспитанницы послѣдняго во время столкновенія съ начальницей сломали ей руку, выбивали окна, дѣло доходило даже до ножей. Экзархъ, пріѣзжавшій для успокоенія воспитанницъ, ничего не добился. Училище временно закрыто. Въ этотъ же день воспитанницы послали въ мужскую семинарію женское платье съ головнымъ уборомъ и предложили надѣть его, т. к. мужскую одежду они носить не достойны, не отозвавшись на общее движеніе до сихъ поръ. Это сильно подѣйствовало на семинаристовъ, но учитель Перадзе угрозою закрыть семинарію разубѣдилъ дѣлать безпорядки.

Требованіе рабочихъ объ увеличеніи заработной платы удовлетворено, что же касается 8-ми часового рабочаго дня, то удовлетвореніе его отложено до собранія, на которомъ будетъ обсуждаться этотъ вопросъ.

Красноярскъ. 26 января. 18 января около трехъ часовъ пополудни по Большой улицѣ толпа мастеровыхъ, челов. до 400, направилась къ дому губернатора. Толпа увеличивалась постоянно прибывавшей городской публикой; дойдя до Покровскаго переулка, она была остановлена сотней казаковъ, перегородившихъ дорогу; здѣсь изъ мастеровыхъ образовался кружокъ, въ центрѣ его стали говорить рѣчи; такимъ образомъ постояли съ часъ, послѣ чего всѣ двинулись обратно; шли съ пѣніемъ; правда не громкимъ, и обильно разбрасывали прокламаціи. Все это время жандармы неотлучно слѣдовали за толпой, но не вмѣшивались, только подбирали прокламаціи. Впереди ѣхалъ полиціймейстеръ, жандармскій офицеръ, все это такъ, спокойно; въ общемъ, шествіе напоминало собой какую-нибудь мирную церемонію. Дойдя до магазина Гадалова, увидали солдатъ, перегородившихъ Большую улицу и переулокъ налѣво, правая же сторона переулка осталась свободной, сюда то всѣ и пошли. Вдругъ спереди быстро перегородили улицу; толпа остановилась, теперь она почти вся состояла изъ мастеровыхъ; сзади во весь карьеръ показались казаки, ринулись на мастеровыхъ, смяли, затѣмъ выстроились цѣпью и окружили ихъ; нагаекъ въ дѣло не употребляли. Я стоялъ между этими двумя цѣпями, прислонившись къ стѣнѣ Гадаловскаго дома, со мной же стояли еще человѣкъ 15; изъ круга насъ не выпускали. Вдругъ сзади казаковъ появляется запыхавшійся вице-губернаторъ, громко требуетъ полиціймейстера и начинаетъ его пробирать за усердіе, потомъ отдаетъ приказъ казакамъ отъѣхать. Толпа стоитъ, плотно скучившись, напоминая собой загнаннаго звѣря. Пріѣхалъ губернаторъ и вызвалъ депутатовъ; депутаты выставили требованія чисто экономическія, которыя онъ обѣщалъ удовлетворить. Послѣ этого толпа разошлась. Само собой разумѣется, что требованія остались безъ всякаго удовлетворенія. Забастовка продолжалась 3 дня; между прочимъ, заморозили 15 паровозовъ, которые сейчасъ до зарѣзу нужны. Кромѣ этой неудавшейся демонстраціи наша жизнь нарушена крайне комичнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, печальнымъ инцидентомъ. Празднованіе 150 лѣтняго юбилея Московскаго Университета, послѣ долгихъ ходатайствъ и пр. было разрѣшено въ залѣ Общественнаго Собранія. Вечеромъ этого дня (12 января), когда было рѣшено устроить банкетъ, въ залу собранія пріѣхали губернаторъ и жандармскій полковникъ, но, къ ихъ крайнему удивленію, никого не было, просидѣли да такъ ни съ чѣмъ и уѣхали; банкетъ устроили у Е. П. Кузнецовой. Прошелъ онъ очень оживленно, былъ составленъ адресъ, говорили много рѣчей, между прочимъ, говорилъ соціальдемократъ. Разошлись часа въ два. Числа 19 одинъ изъ участниковъ приглашается къ жандармскому полковнику; его разспрашивали, о чемъ говорили, кто былъ, и особенно интересуются личностью соціальдемократа. Отвѣты, конечно, ровно ничего имъ не дали; призывается другой, третій и т. д., производятся обыски. Сухотинъ, начальникъ Сибирскаго военнаго округа, требуетъ, чтобы съ участниками обошлись какъ можно строже.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ростовъ н/Д. Петербургскія событія вызвали сильное броженіе среди рабочихъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ. Возбужденіе охватило также желѣзнодорожныя мастерскія, гдѣ послѣ значительной ростовской стачки рабочіе принимаются лишь съ аттестатомъ отъ жандармскаго ротмистра Карпова. Всѣ ждали забастовки. Жандармерія старалась выловить болѣе энергичныхъ товарищей и произвела цѣлый рядъ арестовъ на заводѣ Пастухова, фабрикахъ Асланиди, Асмолова.. У входа въ желѣзнодорожныя мастерскія 18-го было взято 12 человѣкъ. Ночью обходъ задержалъ на берегу Дона двухъ товарищей съ отпечатанными листками, призывавшими къ забастовкѣ; при нихъ же взята рамка съ наборомъ. Ликованіе Карпова все же оказалось преждевременнымъ. Черезъ два дня закончилось оборудованіе постоянной типографіи Д. К., и тотъ же призывной листокъ былъ распространенъ. Въ это время въ столицахъ движеніе уже успокаивалось, [illegible] ствіе свѣдѣній изъ другихъ городовъ подавило готовность къ рѣшительному протесту. Организація взяла на себя задачу ознакомленія массы съ движеніемъ, широко разлившимся по всѣмъ городамъ Россіи. Она отпечатала петицію петербургскихъ рабочихъ съ своимъ послѣсловіемъ, завѣщаніе Гапона, съ бюллетенемъ подъ нимъ, особый листокъ съ картиной петербургскихъ событій и свѣдѣніями изъ другихъ городовъ. Эти листки выходили почти черезъ день; не вполнѣ налаженная типографія выпускала 2500-3000 листк. Послѣ того былъ выпущенъ новый призывъ къ борьбѣ въ количествѣ 5000 листковъ и перепечатанъ искровскій листокъ „Пора кончать“ въ количествѣ 6000 экземпляровъ. Жандармерія опять встала на ноги. У входа на заводы стали задерживать подозрительныхъ рабочихъ и иногда не безъ успѣха. Такъ, у Мартына задержали двухъ товарищей съ 76 листками. Настроеніе вновь подымается. Въ организаціи чувствуется приливъ свѣжихъ революціонныхъ силъ.

---

[1]) Одинъ изъ дѣятелей стаи славной, подвизавшейся въ годахъ въ борьбѣ противъ марксизма. (Ред.).

Томскъ. О томской демонстраціи намъ пишетъ очевидецъ: 18 го состоялась демонстрація — главнымъ образомъ, студентовъ отчасти рабочихъ (остальные, говорятъ, не успѣли присоединиться). Раздался залпъ со стороны полиціи. Упала масса раненыхъ. Изъ толпы отвѣтили выстрѣлами. На толпу пустили сотню казаковъ съ обнаженными шашками. Ихъ встрѣтили выстрѣлами и обратили въ бѣгство. Но они оправились, и тутъ произошло нѣчто ужасное. Сотня врѣзалась въ толпу и рубила голыми шашками. Раненыхъ добивали, топтали лошадьми, рубили по головѣ. Казакамъ помогала полиція. Она стрѣляла и рубила шашками. Остервенѣніе дошло до того, что казаки разрубили голову дѣвочкѣ, которая возвращалась изъ гимназіи, и убили мальчика гимназиста (чуть ли не I класса). Пьяные казаки буйствовали цѣлый день и съ криками „бей студентовъ“ набрасывались на прохожихъ. Врывались даже въ квартиры и избивали студентовъ. О томъ, что дѣлалось въ участкѣ, идутъ такіе слухи, что морозъ по кожѣ подираетъ. Говорятъ, что изъ 38 арестованныхъ осталось очень не много въ живыхъ. По улицамъ тащили раненыхъ и били шашками плашмя. Масса арестованныхъ и большинство изъ нихъ ранено. Войска оцѣпляли мастерскія и не выпускали рабочихъ. Убито нѣсколько студентовъ и очень много тяжело ранено, не говоря уже о болѣе легкихъ, шашечныхъ пораненіяхъ. Очень много ранено и арестовано женщинъ. Даже казакъ-санитаръ (съ краснымъ крестомъ) усердно работалъ нагайкой. Это была ужасная варварская бойня. Залпы сыпались, какъ мелкая дробь.

Томскъ. Протестъ профессоровъ. Мы нижеподписавшіеся члены педагогическаго персонала Томскаго Технологическаго Института, собравшись 18-го сего января для обсужденія возмутительнаго происшествія, бывшаго сегодня, и, выслушавъ свидѣтелей происшедшаго, единогласно постановили просить Совѣтъ Института ходатайствовать черезъ г. Мин. Нар. Просв. передъ г. Министромъ Юстиціи о гласномъ всестороннемъ и безпристрастномъ разслѣдованіи недопустимаго ни при какомъ способѣ управленія страной звѣрскаго усмиренія демонстраціи полиціей и казаками. Уже послѣ окончанія активныхъ дѣйствій со стороны демонстрантовъ полиція и казаки производили избіеніе холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, нагайками, кулаками и сапогами арестуемыхъ демонстрантовъ и посторонней беззащитной публики во всей окрестной мѣстности, на улицахъ, дворахъ, не разбирая ни возраста, ни пола; безжалостно избиты и изранены даже женщины и дѣти. Нападали на спокойно стоявшихъ, на лежавшихъ и убѣгавшихъ. Все это въ такой степени идетъ въ разрѣзъ съ нравственнымъ чувствомъ современнаго общества, до такой степени далеко до хотя бы слабаго представленія о законности, что ни одинъ уважающій себя человѣкъ не можетъ оставить безъ протеста такого вопіющаго произвола. Помимо этихъ соображеній, мы не считаемъ возможнымъ остаться безучастнымъ къ этому прискорбному происшествію и еще ввиду того обстоятельства, что среди пострадавшихъ имѣются много нашихъ студентовъ, которые вправѣ ожидать, чтобы Институтъ выступилъ на защиту ихъ законныхъ интересовъ. (Слѣдуетъ 58 подписей).

Подписи тѣ же, что и подъ присоединеніемъ къ заявленію 342 ученыхъ. („Наши Дни“ № 38).

Мы, нижеподписавшіеся, педагогическій персоналъ Томскаго Технологическаго Института, собрались по поводу уличныхъ безпорядковъ, происшедшихъ сегодня въ Томскѣ и повлекшихъ за собой временное закрытіе Института. Соглашаясь съ тѣмъ, что закрытіе явилось неизбѣжнымъ, и выразивъ сожалѣніе, что учебныя занятія снова прерваны въ самомъ началѣ короткаго весенняго полугодія, и увѣренность въ томъ, что дальнѣйшее веденіе занятій въ ближайшемъ будущемъ является затруднительнымъ, мы сочли необходимымъ выяснить причины такихъ хроническихъ перерывовъ и невозможность устойчиваго и правильнаго веденія занятій. Факты показываютъ, что за послѣдніе годы волненія всякаго рода въ высш. учебныхъ заведеніяхъ стали обычнымъ явленіемъ академической жизни, а правильный ходъ занятій наоборотъ сдѣлался исключеніемъ, результатомъ чего является прогрессивное паденіе научнаго уровня. Не находя возможнымъ мириться дальше съ такой постановкой научнаго образованія, которое угрожаетъ полнымъ его вырожденіемъ, мы считаемъ долгомъ выразить свое истинное и глубокое убѣжденіе, что при существующемъ государственномъ строѣ возстановленіе нормальнаго хода занятій совершенно немыслимо. Жизнь учебныхъ заведеній находится въ непрерывной связи со всей государственной жизнью и дезорганизація первой является результатомъ общей дезорганизаціи всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Общій голосъ всѣхъ сознательныхъ и честныхъ гражданъ указалъ, что при современномъ состояніи гражданскаго самосознанія русскаго общества дальнѣйшее примѣненіе исключительныхъ административныхъ способовъ управленія страной сдѣлалось уже невозможнымъ. Необходимымъ и неизбѣжнымъ условіемъ мирнаго выхода изъ настоящаго безвременья является обезпеченіе правового порядка, состоящаго въ неприкосновенности личности и жилища, въ свободѣ совѣсти, слова, печати, собраній, союзовъ, уравненіи общегражданскихъ и политическихъ правъ всѣхъ лицъ безъ различія сословія, національности, вѣроисповѣданія и пола, независимости суда, участіи свободно избраннаго народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти и въ контролѣ надъ администраціей и бюджетомъ. При устраненіи коренной причины современнаго неустройства русской жизни, академическіе безпорядки исчезнутъ сами собой и изысканіе особыхъ средствъ для возстановленія нормальнаго теченія учебныхъ занятій сдѣлается излишнимъ. Все изложенное является не результатомъ возбужденія, вызваннаго прискорбнымъ событіемъ 12 января, а нашимъ искреннимъ мнѣніемъ, выработавшимся постепенно на основаніи наблюденія всѣхъ явленій русской жизни вообще и академической, въ частности, за послѣднее десятилѣтіе.

Рѣшеніе высказать его составляетъ нашу обязанность, какъ членовъ академической коллегіи и русскихъ гражданъ, отъ которой мы не можемъ уклониться. (Слѣдуютъ 58 подписей).

Намъ присланъ, съ просьбой напечатать, слѣдующій документъ:

Письмо къ Николаю Романову, бывшему царю и настоящему душегубцу Россійской Имперіи.

Съ наивной вѣрой въ тебя, какъ въ отца народа, я мирно шелъ къ тебѣ съ дѣтьми твоего же народа.

Ты долженъ былъ знать, ты зналъ это.

Неповинная кровь рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей - малолѣтокъ, навсегда легла между тобой, о душегубецъ, и русскимъ народомъ. Нравственной связи у тебя съ нимъ никогда уже быть не можетъ. Могучую же рѣку сковать во время ея разлива никакими полумѣрами, даже въ родѣ Земскаго Собора, ты уже не въ силахъ.

Бомбы и динамитъ, терроръ единичный и массовой надъ твоимъ отродьемъ и грабителями без[illegible]го люда, народное вооруженное возстаніе — все это [illegible] быть и будетъ непремѣнно. Море крови, как[illegible]

Изъ-за тебя, изъ-за твоего всего дома — Россія можетъ погибнуть. Разъ на всегда пойми все это и запомни. Отрекись же лучше поскорѣй со всѣмъ своимъ домомъ отъ русскаго престола и отдай себя на судъ русскому народу. Пожалѣй дѣтей своихъ и Россійскія страны, о ты, предлагатель мира для другихъ народовъ, а для своего — кровопійца.

Иначе, вся имѣющая пролиться кровь на тебя да падетъ, палачъ, и твоихъ присныхъ. Георгій Гапонъ.

P. S. Знай, что письмо это — оправдательный документъ грядущихъ революціонно-террористическихъ событій въ Россіи.

Георгій Гапонъ.

20/7 февраля 1905 г.

Письмо это въ подлинникѣ авторомъ отправлено царю.

Печатаемое здѣсь „письмо“ Г. Гапона цѣнно, какъ свидѣтельство того, какъ далеко ушелъ его авторъ отъ „наивной вѣры“, которою онъ былъ проникнутъ, по его собственнымъ словамъ, въ началѣ движенія, и какъ напряженно революціонно чувство, охватывающее его теперь. Въ качествѣ такого свидѣтельства оно является, до извѣстной степени, показателемъ того измѣненія въ настроеніи широкихъ массъ, которое несомнѣнно совершилось подъ вліяніемъ событій 9-го января, и потому конечно, заслуживаетъ вниманія читателей. Именно какъ такое свидѣтельство, мы и помѣщаемъ его въ своемъ изданіи.

Москва. На очередномъ собраніи присяжныхъ повѣренныхъ московскаго округа 20 января была, стоя, единогласно и безъ преній, подъ громъ апплодисментовъ принята слѣдующая резолюція:

„Обсудивъ событія 9—11 января с. г. и принимая во вниманіе, что петербургскіе рабочіе, желавшіе вручить государю, при гарантіи безопасности его личности, свои экономическія и политическія требованія, разстрѣливались безоружные во время мирнаго шествія ко дворцу; что аналогичныя требованія много разъ открыто и повсемѣстно заявлялись на публичныхъ общественныхъ собраніяхъ и раздѣляются настоящимъ собраніемъ; что учрежденное въ Петербургѣ генералъ-губернаторство и назначеніе на эту должность Трепова — руководителя избіенія 5—6 декабря въ Москвѣ, многочисленные аресты и массовыя убійства въ Варшавѣ, Баку, Ригѣ и многихъ другихъ городахъ являются полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ интересамъ и требованіямъ русскаго народа, — постановлено:

Выразить свое горячее сочувствіе рабочимъ и соболѣзнованіе жертвамъ и ихъ семьямъ; заявить о чувствѣ глубокаго ужаса, охватившаго всѣхъ при вѣсти о томъ, что сограждане наши, находящіеся въ рядахъ русскаго войска, обратили оружіе противъ своихъ братьевъ; выразить презрѣніе оффиціальнымъ и добровольнымъ клеветникамъ, измыслившимъ, будто русскій народъ способенъ продаваться за деньги чужестранцамъ; заявить свое негодованіе и возмущеніе дѣйствіями русскаго правительства, порвавшаго отнынѣ всѣ связи съ русскимъ народомъ, и полную готовность бороться за требованія народа, за немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избранія представителей“.

Могилевъ губернскій. Въ воскресенье 25 января могилевской организаціей Полѣсскаго комитета Р. С Д. Р. П. была устроена демонстрація по поводу убійствъ въ Петербургѣ, Ригѣ, Горкахъ и т. д. Участвовало въ демонстраціи человѣкъ 120—150. Съ глубокимъ удовлетвореніемъ отмѣчаемъ двѣ особенности, характерныя для нашей демонстраціи. Во первыхъ, значительное участіе русскихъ рабочихъ и притомъ городскихъ, а не изъ окрестностей (въ городѣ крупная промышленность почти отсутствуетъ, а въ окрестностяхъ болѣе развита и наша организація шире). Кто знаетъ отсталость и забитость мѣстнаго русскаго населенія, взглядъ населенія на движеніе, какъ на дѣло исключительно еврейское, кто знаетъ, какъ господствующій здѣсь антисемитизмъ тормозитъ движеніе, — тотъ пойметъ, какимъ отраднымъ фактомъ является участіе въ демонстраціи *пока* хотя бы только нѣсколькихъ десятковъ русскихъ рабочихъ. Вторая особенность нашей демонстраціи — участіе въ числѣ демонстрантовъ до 40 человѣкъ учащихся средне-учебныхъ заведеній: мужской гимназіи, реальнаго училища, семинаріи и фельдшерской школы. И опять таки это участіе является особенно цѣннымъ въ нашемъ несчастномъ краѣ, гдѣ гнетъ русской жизни чувствуется особенно тяжело и въ соотвѣтствіи съ этимъ нигдѣ личность учащихся такъ не подавлена, какъ у насъ. Самая демонстрація продолжалась не долго, такъ какъ въ организаціи ея были промахи и демонстранты собирались долго, такъ что полиція успѣла замѣтить. Была перестрѣлка съ полиціей. Демонстрація, благодаря участію русскихъ рабочихъ, произвела сильное впечатлѣніе въ городѣ, особенно на русское мѣщанство. Раненъ въ ступню во время демонстраціи рабочій Степанъ Солодкій. Лежитъ въ больницѣ, придется ампутировать ему ногу. Его *раненаго* били по ногѣ въ участкѣ и, вѣроятно, вслѣдствіе этого, хотя рана легкая, появилась гангрена. Со стороны полиціи легко ранены двое городовыхъ. Вообще, полиція звѣрски расправлялась съ демонстрантами, особенно въ участкѣ. Бросали по лѣстницѣ сверху внизъ, внизу топтали ногами, и такъ продѣлывали по нѣскольку разъ. Реалиста 7-го класса Окштейна избили въ участкѣ шашкой по головѣ. Жизнь его была въ опасности. Послѣ демонстраціи городовые хватали прохожихъ и или тутъ же избивали или отводили для еще большаго издѣвательства въ участокъ. Маленькая сценка съ натуры. Проходитъ молодой человѣкъ, не имѣющій никакого понятія о томъ, что была демонстрація. Городовые останавливаютъ его. Одинъ всматривается въ лицо и говоритъ: „демонстрантъ“, другой дѣлаетъ то же самое и говоритъ: „нѣтъ“. — „Ну, всетаки нужно побить“. Его нѣсколько разъ ударяютъ по спинѣ и отпускаютъ. Это типичная сценка въ легкомъ жанрѣ. Бывали и похуже. Такъ, избили хромого реалиста Когана, живущаго противъ участка и стоявшаго возлѣ своего дома. Были и курьезы. Городовые схватили съ пролетки случайно проѣзжавшаго гимназиста 8-го класса, большого патріота. На слѣдующій день товарищи спрашивали его, отчего онъ не пѣлъ во время избіенія „Боже царя храни“? Думаемъ впрочемъ, что его патріотизмъ сильно теперь упадетъ. Избіеніе послужило прекраснымъ урокомъ русскаго государственнаго права. Не даромъ одинъ семинаристъ, видя избіеніе, воскликнулъ: „Теперь я понялъ все“. Но не только во время демонстраціи полиція свирѣпствовала. Въ предшествовавшую недѣлю, когда мѣстная организація Бунда пыталась устроить всеобщую забастовку, хватали случайныхъ прохожихъ, отводили въ участокъ, тамъ избивали и, не объясняя причины ареста, черезъ нѣсколько часовъ отпускали.

Страшное озлобленіе, вызванное звѣрствами и произволомъ полиціи, выразилось въ покушеніи на жизнь полиціймейстера. Подробности извѣстны изъ легальныхъ газетъ. Замѣтимъ только, что, вопреки агентскимъ телеграммамъ, противъ задержаннаго Гителева вѣскихъ уликъ нѣтъ. Членъ организаціи.

Горы-Горки, Могилевской губерніи. Нижеслѣдующее письмо ученика одного изъ городскихъ училищъ передаетъ эпизодъ съ похоронами убитыхъ на демонстраціи 15 января (см. „Искра“ № 86) и рисуетъ настроеніе среди учащейся молодежи:

„Сначала ихъ не позволяли хоронить открыто, такъ какъ они политическіе преступники, но ученики всѣхъ нашихъ училищъ, въ числѣ около 500, отправились въ полицію отнимать тѣла, чтобы похоронить самимъ. Полиція, конечно, вся попряталась, а изъ полицейскаго дома вышелъ нашъ директоръ и сказалъ, что послана въ Могилевъ телеграмма о разрѣшеніи похоронить открыто. Ученики начали караулить поочередно, чтобы убитыхъ не похоронили какъ-нибудь ночью.

Разрѣшеніе отъ могилевскаго губернатора пришло, и сегодня тѣла убитыхъ отправлены на родину, при большомъ стеченіи народа. Была подписка среди учениковъ и интеллигенціи на расходы по перевозкѣ тѣлъ: въ земледѣльческомъ училищѣ собрали 100 рублей, таксаторскомъ 65 и горецкая публика пожертвовала 45 рублей. Теперь всѣ ученики въ глубокомъ тр урѣ, а полиція, штатъ которой увеличенъ до 30 человѣкъ, пр чется по закоулкамъ, открыто не показывается. Помощни исправника послано письмо съ извѣщеніемъ о скорой его смерт такъ какъ онъ убилъ Бруцера и товарищи убитыхъ поклялис жестоко отомстить. Теперь всѣ ученики — соціальдемократы“.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Международное соціалистическое бюро переслало намъ слѣдующія заявленія:

1) Бѣлградскіе рабочіе, собравшіеся 29 января 1905 г. н большой митингъ, привѣтствуютъ отъ имени всего сербскаго пролетаріата русскихъ рабочихъ въ эти дни, когда они, н щадя жертвъ, стремятся революціоннымъ путемъ уничтожит варварскій и отжившій режимъ царскаго самодержавія въ Россіи.

Сербскіе рабочіе привѣтствуютъ революцію, призванную положить конецъ кровопролитію на Дальнемъ Востокѣ, освободить русскій народъ отъ вѣкового угнетателя и насильника, имя которому — самодержавіе, создать болѣе благопріятныя общественно-политическія условія для революціонной борьбы россійскаго пролетаріата и освободить Европу отъ реакціи.

Побѣда россійскаго пролетаріата — это побѣда всего россійскаго народа, побѣда сербскаго народа, побѣда международная.

Да здравствуетъ революція!

Секретарь
В. М. Стояновичъ.

2) Въ воскресенье 5 с. м. въ Будапештѣ состоялось большое народное собраніе въ Таттерзалѣ, гдѣ, въ присутствіи около 20000 рабочихъ, товарищъ Вардошъ говорилъ на тему „События въ Россіи“. Онъ предложилъ собранію слѣдующую резолюцію, принятую единогласно:

„Будапештскіе рабочіе, собравшіеся на митингъ 5 февраля 1905 г., выражаютъ свое презрѣніе главной опорѣ международной реакціи, клеймятъ звѣрства царизма и, протестуя противъ нихъ, шлютъ горячія привѣтствія своимъ русскимъ революціоннымъ братьямъ, которые съ усиліями, почти сверхчеловѣческими, борятся за низверженіе самодержавія и, такимъ образомъ, косвенно — за освобожденіе всего человѣчества“.

Толпа вотировала эту резолюцію при громѣ рукоплесканій

Полицейскій комиссаръ, присутствующій въ Венгріи на всѣхъ народныхъ собраніяхъ, тщетно протестовалъ противъ резолюціи, заявивъ, что незаконно вотировать резолюцію съ выраженіемъ презрѣнія главѣ страны, съ которой мы находимся въ дружественныхъ отношеніяхъ.

Я. Вельтнеръ.

Вышли изданія „Искры“: „Памяти Августѣйшаго палача“ „Будьте готовы“ (листки); „Учредительное собраніе“ брошюр Ф. Дана, „Національная и внѣшняя политика при Николаѣ II брош. П. С. и К. Д и „Бакинская стачка декабря 1904 г. (брош.). **Петербургской группы Ц. К.:** „Къ рабочимъ и работницамъ“ (о Зем скомъ Соборѣ и Учред. Собр.). „Къ борьбѣ, товарищи“! и „Отвѣтъ царю“. О земскомъ соборѣ особый листокъ отъ Выборг ской районной организаціи этой группы и отъ рабочихъ Нарвскаго района — листокъ о борьбѣ за соціализмъ. **Нижегородскаго Ком** Правдивое сообщеніе о 9 января; **Московскаго Ком.** „Послан Гапона къ рабочимъ и солдатамъ“ и листокъ о связи эконо ческихъ требованій съ политическими; **Донскаго Ком.** 1) Призывъ къ борьбѣ (5000); 2) „Пора кончать!“ (перепеч. въ 6000 экз) и 3 бюллет. съ петерб. петиціей, письмомъ Гапона и разн. свѣдѣніями. **Юзовской группы Донецкаго Союза:** „Жить въ свободѣ, умереть въ борьбѣ (печ.); **Екатеринославскаго Ком.** „Къ фармацевтамъ“; **Бахмутской группой:** „Письмо Гапона“ (въ прошломъ №, по ошибк этотъ листокъ помѣченъ „Батумской“ груп.; **Харьковскаго Ком** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (призывъ къ забастовк и разсказъ о событіяхъ 9 го января; **Крымскаго Союза** „Ко всѣм рабочимъ и работницамъ“ (10 000); **Одесскаго Ком.** „Къ солдатамъ“ и гектограф. бюллетень о событіяхъ; **Астраханск. Ком.** о послан синода. и „Къ гласнымъ городской Думы“. **Вологодской груп** Отчетъ группы съ 15 окт. 1903 г. по 15 янв. 1904 г.; **Батумскаг Ком** бюллетени №№ 9 и 10 (по 600 экз. печатан.).

Агитаціонная дѣятельность Кіевскаго Комитета За январь на изданы слѣд. листки: 1) Царскій указъ 12 декабря (6000); 2) В Петербургѣ возстаніе! (призывъ къ забастовкѣ 10 000); 3) К солдатамъ (2000); 4) Ко всѣмъ рабочимъ (о Высочайшемъ пове леніи — 6000); 5) Рабочіе и работницы, на борьбу! (5000 6) Святѣйшій синодъ и рабочій классъ (6000); 7) „Пора кончат (10.000); 8) „Царь прощаетъ, царь жертвуетъ!“ (7000); — вс печатаныя, итого 52.000 экз.; сверхъ того, на мимеографѣ и г ктографѣ изданы отдѣльные листки съ требованіями: 1) раб чихъ Южно-Русскаго завода 2) завода Гретера; 3) къ рабочи жел. дорожн. мастерскихъ; 4) къ булочникамъ; 5) требованія т пографщиковъ; 6) письмо работницы (2000 экз.); 7) Къ цивил зованному міру (2000); 8) Плакаты съ требованіями (1000); 9) дополнительное изданіе „Пора кончать“ (700); и 10-18, бю летени №№ 1-9.

Въ февралѣ пока издано: 1) Революціонныя пѣсни; 2) На гробное слово Сергѣю (5000), Къ фармацевтамъ (400); 4) К нимъ же.

Агитаціонная дѣятельность Одесской группы Центральн. Комите За январь и начало февраля изданы листки: 1) Ко всѣ рабочимъ и работницамъ г. Одессы“; (14 тыс.). 2) Царь и деп тація отъ рабочихъ (6000 экз.); 3) „Пора кончать!“ (8000 экз 4) Какое страхованіе намъ нужно (10.000 экз.); 5) „Ко всѣ гражданамъ“ (перепечатка „Къ цивилиз. міру 4000 экз.); 6) К обществу (3000 экз.); 7) Къ солдатамъ (3000 экз.); 8) Письмо с юза синдикатовъ парижскихъ рабочихъ (3000); 9) Къ рабочи фабрики механич. обуви; „Дни революціи и голосъ фабрикантов (8000); 11) „Отвѣтъ Нейдгарту“ (8000); 12) „Ко всѣмъ желѣз дорожн. рабочимъ“; 13) Воззваніе Интернац. бюро (3000). Свер того, 6 бюллетеней о ходѣ событій въ Россіи, письма „Къ обществу и „къ офицерамъ“ (переиздано съ петерб. изд.), петиція петер раб. и письмо Гапона (всѣ по 500). Итого около 80.000 лист

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали въ концѣ января изъ Усть-Цыльмы Печер уѣзда благополучно прибыли заграницу — С. Л. Вайнштейнъ (д М. К. С. Д.) и Б. В. Бартольдъ (С.-Р.).

Блестящій побѣгъ. Только что нами получено извѣстіе о то что нѣсколькимъ товарищамъ — романовцамъ удалось бѣж изъ Александровской каторжной тюрьмы путемъ грандіозн подкопа, производившагося въ теченіе 3 мѣсяцевъ при самы трудныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, не всѣмъ прошедши 15 челов. удалось уйти: шестеро были арестованы уже пос побѣга. Остальные скрылись.

Перехвачены: 1. Журавель, 2. Трифоновъ, 3. Д. Ваке 4. Виноградовъ, 5. Рудавскій и 6. Камермахеръ.

Благополучно ушли: 1. Солодуха (Перазичъ), 2. Гельфа 3. Оржеровскій, 4. Рабиновичъ, 5. Фридъ, 6. Хацкелевичъ 7. П терадзе, 8. Соколинскій и еще одинъ товарищъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Ларрѣ. Ойтецъ швентый проситъ Ларру *немедленно* сооб свой адресъ. Послѣднее письмо не могло быть прочитано, т какъ было писано слабымъ растворомъ. Всѣ адреса го кромѣ № 17.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 89. Четвергъ, 24-го февраля 1905 г. Годъ V

НАРОЖДЕНІЕ НОВОЙ РОССІИ.

Ein neues Leben blüht aus den Ruinen...

Вотъ они передъ нами, мы переживаемъ ихъ, эти великіе дни всероссійскаго освобожденія, далекимъ и загадочнымъ сфинксомъ стоявшіе передъ взоромъ тѣхъ, кто въ страстныхъ поискахъ за свободой старался заглянуть въ туманную историческую даль. Въ 40-хъ годахъ проблема русской свободы встаетъ уже во всей своей сложности, и съ двухъ разныхъ концовъ старается разрѣшить ее пытливая мысль.

Самобытность—вотъ одно изъ рѣшеній замысловатой задачи. Въ глубинахъ народнаго „духа", въ его исконныхъ бытовыхъ особенностяхъ, въ „общинномъ" укладѣ крестьянской жизни, въ томъ, что отличало Россію отъ всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, искало славянофильство орудія того преобразованія, которое освободитъ народъ русскій отъ оковъ самовластья и избавитъ его въ то-же время отъ язвъ, разъѣдающихъ „гнилой западъ". Своимъ путемъ, отъ своихъ отсталыхъ формъ, къ своей самой совершенной свободѣ—такъ рисовались перспективы въ идеалистическихъ сферахъ славянофильства. Иначе рѣшали задачу западники. Въ той „общинѣ", которая была такъ основательно завалена наслоеніями крѣпостной эпохи, что лишь пріѣзжему нѣмцу—барону Гакстгаузену—удалось откопать эту народную „жемчужину" изъ груды наноснаго мусора, въ той самобытности и въ тѣхъ „тайникахъ духа", которые наполняли мистическимъ блаженствомъ сердца славянофиловъ, они справедливо усмотрѣли вѣрнѣйшую опору царскаго деспотизма, самодержавной азіатчины. И съ рѣшимостью борца за свободу, готоваго вонзить кинжалъ въ собственное сердце, когда это нужно, призывалъ Бѣлинскій „буржуазію", ту буржуазію, которая завоевала свободу Западу, которая завоюетъ ее и Россіи. Европейскимъ путемъ, отъ европейски преобразованныхъ, буржуазныхъ формъ, къ европейской, буржуазной свободѣ—вотъ другое, діаметрально противоположное рѣшеніе загадки историческаго сфинкса. И съ тѣхъ поръ эти два рѣшенія, то въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, то причудливо переплетаясь, проходятъ черезъ всю исторію русской политической мысли. Но славянофильскія идеи вначалѣ значительно преобладаютъ и въ народничествѣ 70-хъ годовъ достигаютъ своего наивысшаго, революціоннаго выраженія. Народничество—это революціонное славянофильство, страдающее однако тайнымъ, тщательно скрываемымъ отъ другихъ, а подчасъ и отъ самого себя, порокомъ западничества, порокомъ любви къ европейски-свободнымъ, буржуазнымъ формамъ общежитія. За то въ каррикатурномъ народничествѣ нашихъ дней этотъ порокъ едва-едва прикрывается негустымъ слоемъ славянофильскихъ румянъ, и сквозь дырявое „самобытное" рубище совершенно явственно проглядываетъ оголенный буржуазный человѣкъ.

И однако исторія россійскаго освобожденія пошла своими путями, далекими и отъ мистическихъ бредней славянофильства и отъ трезваго „обезьянничанья" западниковъ. Только марксизмъ, научный матеріалистическій анализъ дѣйствительности, могъ дать и далъ 20 лѣтъ тому назадъ разгадку заданной сфинксомъ задачи. Европейское, буржуазное преобразованіе русской жизни—это дѣйствительно исходная точка русскаго освобожденія; въ этомъ оказались правы западники. Но не правы были они, когда думали, что главнымъ застрѣльщикомъ борьбы за свободу будутъ тѣ „культурные" и имущіе слои буржуазнаго „общества", которые принесли свободу западно-европейскому міру. Какъ *рабочая* революція торжествуетъ свою побѣду русская *буржуазная* революція,—въ этомъ ея „самобытность", столь отличная отъ рисовавшейся славянофильскимъ мудрецамъ.

Буржуазная свобода, завоевываемая рабочею революціею,—таковъ былъ историческій прогнозъ, поставленный русскою соціальдемократіею, такова историческая дѣйствительность сегодняшнихъ революціонныхъ дней. И это своеобразіе историческаго положенія неизбѣжно накладываетъ своей отпечатокъ на весь ходъ россійской революціи.

Восьмичасовой рабочій день, повышеніе заработной платы, цѣлый рядъ экономическихъ улучшеній—вотъ непосредственная цѣль рабочаго возстанія наряду съ его широкими политическими требованіями. Восьмичасовой рабочій день—это не просто права человѣка, и даже не просто права трудящагося человѣка, а права человѣка, трудящагося *по найму*. Являясь двигателемъ и главнымъ дѣятелемъ буржуазной революціи, пролетаріатъ свои классовыя требованія дѣлаетъ осью, вокругъ которой вертится освободительная борьба. Онъ начинаетъ борьбу за буржуазную свободу съ такого конца, съ какого она никогда не начиналась, да и не могла начинаться, ибо ни одна предшествующая революція не видѣла такого крупнаго и концентрированнаго капиталистическаго производства, такихъ гигантскихъ фабрикъ и заводовъ, такого скученнаго въ городахъ многомилліоннаго пролетаріата, какъ революція русская. Буржуазное общество всюду успѣло сбросить съ себя оковы абсолютной монархіи раньше, чѣмъ буржуазное производство достигло такой степени концентраціи, пролетаріатъ—такой многочисленности и сплоченности.

Права наемнаго рабочаго — это фокусъ русскаго революціоннаго движенія. Изъ нихъ исходятъ, къ нимъ пріурочиваются требованія политической свободы. Вотъ почему безъ капли разочарованія и пессимизма можемъ мы смотрѣть на то, что охватившая чуть не всю Россію забастовка подчасъ ставитъ на очередь вопросъ объ улучшеніи *только* экономическаго положенія трудящихся. Нужно этимъ „правамъ наемнаго рабочаго" войти въ кровь и плоть каждаго пролетарія, нужно имъ стать азбукой соціальнаго мышленія всей рабочей массы, чтобы она могла въ полномъ объемѣ, увѣренной рукой произвести возложенную на нее исторіей гигантскую задачу радикальнаго очищенія авгіевыхъ конюшенъ самодержавія и кореннаго политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ и отличается буржуазная революція, производимая *сознательнымъ* пролетаріатомъ, что политическая свобода буржуазнаго общества рисуется рабочему классу и выразительницѣ его интересовъ — соціальдемократіи, не какъ самодовлѣющая цѣль, устраняющая всѣ соціальные вопросы, разрѣшающая всѣ соціальныя противорѣчія, а какъ могучее средство облегченія борьбы пролетаріата за его соціальное и экономическое освобожденіе. Политическая свобода для сознательнаго пролетаріата — всегда лишь средство; освобожденіе отъ экономическаго гнета и эксплуатаціи — цѣль. Политическая свобода поэтому не окружена для пролетаріата тѣмъ мистическимъ ореоломъ, которымъ такъ охотно окружали и окружаютъ ее буржуазные свободолюбцы, и который своимъ обманчивымъ блескомъ такъ часто заводилъ рабочія массы въ трясины буржуазнаго болота, такъ часто дарилъ безконечнымъ разочарованіемъ.

Политическая свобода съ самаго начала революціи встаетъ передъ главнымъ сознательнымъ дѣятелемъ этой революціи, какъ средство. И, однако, это обстоятельство отнюдь не наноситъ ущерба рѣшенію вопроса о свободѣ. Какъ разъ наоборотъ. Хотя политическая свобода для пролетаріата лишь средство, или — вѣрнѣе — именно потому, что она для него лишь средство къ несравненно болѣе высокой цѣли, онъ ставитъ вопросъ о свободѣ съ такою полнотою и опредѣленностью, съ какою онъ никогда не ставился въ начальные періоды революцій. Лишь только мысль пролетарія, работающая надъ поднятіемъ экономическаго, культурнаго и соціальнаго уровня рабочаго класса, наталкивается на вопросъ о политической свободѣ, она раздѣлывается съ этимъ деликатнымъ предметомъ съ дерзкою непочтительностью человѣка, видящаго лишь строительный матеріалъ для возведенія грандіознаго зданія въ той грудѣ навороченныхъ камней, которая другимъ, менѣе требовательнымъ людямъ, кажется вѣнцомъ творенія. Первые дни совмѣстнаго, массоваго обсужденія текущихъ нуждъ рабочей борьбы, — и самъ собою, шутя, рѣшается, какъ непреложный, вопросъ о необходимости свободы слова, союзовъ, собраній, стачекъ, неприкосновенности личности и жилища—всей той суммы „свободъ", которая годами пережевывалась и пережевывается въ замысловатыхъ передовицахъ легальныхъ газетъ и составляетъ чуть ли не конечный идеалъ столь многихъ „свободомыслящихъ" гражданъ. Еще рабочіе идутъ къ царю, еще они вѣрятъ въ его благожелательность, но уже насущныя потребности ихъ борьбы толкаютъ ихъ на внесеніе въ свою петицію „дерзкаго" требованія созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія. И при первыхъ выстрѣлахъ, показавшихъ, что царь становится помѣхою на пути пролетарской борьбы, грозное „смерть царю!" вылетаетъ изъ тысячи устъ, быть можетъ, за минуту передъ тѣмъ готовыхъ кричать „ура" самодержцу. Медленнымъ, спотыкающимся шагомъ шла политическая мысль пролетаріата черезъ всѣ этапы совѣщательныхъ учрежденій, цензовыхъ парламентовъ, конституціонной монархіи тамъ, гдѣ рабочая масса вступала въ революцію въ качествѣ стихійной физической силы, тянувшейся въ хвостѣ буржуазныхъ вожаковъ, не обособившей своихъ интересовъ. Почти мгновенно, не по днямъ, а по часамъ, растетъ политическое сознаніе рабочихъ у насъ, гдѣ борьба за политическую свободу тѣсно сплетена съ классовой борьбой пролетаріата. И въ сегодняшней, вѣками самодержавной Россіи, съ ея почти полнымъ отсутствіемъ политической жизни, уже возможна постановка вопроса о Россіи демократической и республиканской. Только классовое сплоченіе и классовая борьба пролетаріата, черезъ посредство соціальдемократіи получившаго въ сгущенномъ видѣ экстрактъ историческаго опыта его западно-европейскихъ братьевъ, дѣлаютъ возможной такую быструю и колоссальную метаморфозу политическаго мышленія широкихъ народныхъ массъ. Права гражданина, выдвигаемыя, какъ гарантія правъ рабочаго человѣка, тѣмъ самымъ подняты сразу на подобающую высоту. Классовая борьба пролетаріата съ самаго начала ставитъ вопросъ о политическомъ освобожденіи въ самой радикальной его формѣ, и самый процессъ этого освобожденія становится процессомъ отшлифовки классоваго сознанія и классоваго сплоченія рабочихъ массъ.

Но мало того. Во всѣхъ предшествующихъ революціяхъ пролетаріатъ проходилъ длинную и обильную жертвами политическую школу подъ руководствомъ буржуазіи. Въ россійской революціи рабочій классъ, въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, самъ втягиваетъ въ нее все болѣе и болѣе широкіе пласты населенія, самъ является политическимъ двигателемъ и политическимъ учителемъ буржуазныхъ классовъ. Его борьба отраженнымъ дѣйствіемъ толкнула въ открытую политическую оппозицію многомилліонный промышленный капиталъ. Она придаетъ смѣлость и энергію буржуазной демократіи и подчасъ диктуетъ ей политическіе лозунги. Но еще болѣе мощно и непосредственно сказалась руководящая роль пролетаріата на соприкасающихся съ нимъ слояхъ городской мелкой буржуазіи, и прежде всего — всякаго служилаго люда. Всѣхъ, кто служитъ по найму, заразилъ мощный порывъ борьбы рабочаго класса. Неслыханныя почти нигдѣ забастовки банковскихъ и конторскихъ служащихъ, почтальоновъ, телеграфистовъ и — даже! — полицейскихъ; стачки приказчиковъ, такъ трудно организуемыя даже при свободныхъ политическихъ условіяхъ западно-европейскихъ странъ; еще болѣе рѣдкія и трудныя стачки прислуги, — все это стало сразу обыденнымъ явленіемъ въ цѣломъ рядѣ городовъ. Стремясь поднять свой собственный экономическій, соціальный и культурный уровень, пролетаріатъ заражаетъ той же жаждой улучшенія, тѣмъ же страстнымъ стремленіемъ выпрямить согнутую спину, почувствовать себя человѣкомъ, оградить свое достоинство, добиться человѣческихъ условій существованія огромный слой тружениковъ, до сихъ поръ пассивно и индифферентно несшихъ тяжелое ярмо подневольнаго труда. Быть можетъ, нѣтъ болѣе разительнаго примѣра этого жаднаго стремленія къ „выпрямленію" человѣческой личности, чѣмъ виленская забастовка противъ „хозяевъ" самыхъ отверженныхъ паріевъ современнаго общества — несчастныхъ проститутокъ. Какъ мощно нужно было всколыхнуть все застоявшееся болото русской жизни, съ какою невѣдомою силою должна была ударить по сердцамъ милліоновъ людей великая борьба пролетаріата, чтобы отзвуки ея донеслись въ отрѣзанные отъ всего міра, пропитанные грязью и униженіемъ, притоны рабынь капиталистическаго веселья!

Огроменъ историческій прыжокъ отъ самодержавія къ демократической республикѣ, который готовится сдѣлать Россія. Въ спѣшной, лихорадочной скачкѣ забастовокъ, въ страстномъ подъемѣ борьбы за человѣческія права приспособляются милліоны народа къ грядущимъ новымъ условіямъ жизни. Почти съ головокружительной быстротой вчерашній россійскій обыватель, заспанный, нечесаный, неумытый, преображается въ будущаго гражданина свободной демократіи. Недалекъ день, когда этотъ процессъ преобразованія съ такою же быстротой охватитъ и крестьянство. Но нарожденіе будущихъ гражданъ влечетъ за собою огромный и быстрый переворотъ во всѣхъ соціально-экономическихъ и культурныхъ отношеніяхъ Россіи. Пролетарій, работающій 8 часовъ; приказчикъ, отказывающійся отъ той „патріархальной" простоты отношеній, которая на всю жизнь, почти безвыходно приковывала его къ прилавку и заставляла быть „на побѣгушкахъ" у хозяина; прислуга, требующая отдѣльной комнаты, ограниченія рабочаго времени, вѣжливаго обращенія, освобожденія отъ унизительныхъ „осмотровъ" или подчиненія той же процедурѣ на равныхъ правахъ и хозяевъ, — вѣдь всѣхъ этихъ, на первый взглядъ такихъ скромныхъ, „сѣрыхъ" перемѣнъ, достаточно для того, чтобы перевернуть весь наличный укладъ современной Россіи. Промышленное производство, торговля, домашняя жизнь — все это должно сразу европеизироваться, или вѣрнѣе — принимая во вниманіе быстроту переворота — американизироваться. Необычайное расширеніе производства, оборудованіе его самыми усовершенствованными машинами — вотъ первое неизбѣжное слѣдствіе удовлетворенія требованій рабочихъ; полный переворотъ въ торговлѣ, концентрація ея, возникновеніе колоссальныхъ торговыхъ базаровъ — непремѣнный спутникъ успѣшной борьбы приказчиковъ; преобразованіе всей домашней жизни, ростъ отелей, гостинницъ, ресторановъ, средствъ передвиженія, уличной жизни — безъ всего этого немыслимо „человѣческое" существованіе прислуги. А всѣ эти перемѣны въ свою очередь влекутъ за собою самыя грандіозныя измѣненія.

Всѣ соціальные и культурные устои самодержавной Россіи рушатся, какъ рушится ея политическое зданіе. Слышенъ уже трескъ подгнившихъ балокъ, грохотъ падающихъ стропилъ. Новая, свободная Россія, Россія демократическая и культурная уже ясно вырисовывается изъ груды обломокъ разрушающагося азіатскаго караванъ-сарая. Ничто уже не можетъ остановить революціоннаго потока, и какъ щепку смететъ онъ тѣ плотины, которыя пытается воздвигнуть на его пути издыхающая монархія. Послѣ кроваваго воскресенья въ Петербургѣ и разстрѣловъ въ Варшавѣ, Ригѣ, Лодзи и десяткѣ другихъ городовъ, послѣ рѣзни въ Баку, послѣ избіенія студентовъ въ Москвѣ и Казани и гимназистовъ въ Саратовѣ и Курскѣ, царское правительство стоитъ еще передъ болѣе грознымъ и рѣшительнымъ движеніемъ, чѣмъ прежде. Нарядившись въ доспѣхи рыцаря печальнаго образа, жалкій самодержецъ пытается въ своемъ манифестѣ кинуть угрозу всей странѣ и призвать на священную войну противъ „крамольниковъ" всѣ темныя и слѣпыя силы русскаго народа. Но еще не высохли чернила, которыми подписанъ этотъ манифестъ, повторяющій, хотя иными словами, знаменитую фразу о томъ, что „никогда листъ бумаги не встанетъ между мною и народомъ", какъ грозная рѣшимость петербургскаго пролетаріата внушаетъ коронованному трусу блудливую мысль написать рескриптъ, въ которомъ уже обѣщается этотъ „бѣлый листъ". Жалкій глупецъ, онъ думаетъ неловкимъ фокусомъ обмануть надвигающуюся на него историческую Немезиду, остановить весь тотъ грандіозный политическій, соціальный и культурный переворотъ, который совершается уже на его глазахъ!

Рабочій классъ зарегистрируетъ, что его борьба уже привела царя къ неслыханному для россійскихъ самодержцевъ обѣщанію созвать выборныхъ отъ народа, но, не возлагая никакихъ надеждъ на царскія обѣщанія и не ожидая ничего отъ царскихъ рескриптовъ, перейдетъ къ своему великому очередному дѣлу, которое смететъ безъ остатка и самодержца, и его тронъ, и манифесты, и рескрипты, и всѣ крѣпостныя самодержавныя путы...

САМОДЕРЖАВНЫЙ РЕФОРМИЗМЪ.

Послѣдними словами царскаго правительства являются манифестъ 18 февраля и рескриптъ того-же дня. Манифестъ вполнѣ „царскій" — вполнѣ реакціонный. Рескриптъ что-то обѣщаетъ, оставляя за правительствомъ полный произволъ реакціонныхъ дѣйствій. Манифестъ, какъ таковой, будетъ широко распространяться въ народѣ, будетъ читаться съ церковныхъ амвоновъ и разнесетъ по всей Руси вѣсть о „непоколебимой твердости" царя и его совѣтниковъ. Рескриптъ, обѣщающій призвать представителей отъ народа, изданъ въ формѣ канцелярской бумаги на имя министра внутреннихъ дѣлъ и можетъ быть даже не допущенъ въ провинціальныя газеты.

Подобныя обстоятельства едва ли позволили бы видѣть въ этихъ актахъ правительственной политики хоть какой-нибудь шагъ въ сторону широкихъ реформъ, если бы не связь ихъ съ попыткой призыва представителей отъ рабочихъ въ коммиссію Шидловскаго.

Несмотря на полную ея неудачу, эта послѣдняя затѣя была со стороны правительства попыткой дѣйствительнаго реформизма. Она была новымъ неудавшимся начинаніемъ рабочей политики правительства Николая II, которую можно назвать эволюціей отъ Зубатова къ Бисмарку, которая, не давая желательнаго властямъ успокоенія рабочихъ массъ, и привела въ концѣ концовъ къ новому эксперименту общегосударственнаго характера: къ обѣщанію созыва представителей, избранныхъ народомъ, съ цѣлью выработки проекта реформъ.

Весь этотъ путь „реформизма" не былъ политически продуманнымъ, не былъ широкимъ планомъ самозащиты правительства противъ притязаній его „внутреннихъ враговъ"; его нельзя даже назвать сознательно согласованнымъ съ требованіями политическихъ партій. Этотъ путь попемѣннаго реакціоннаго взнуздыванія и легкаго попустительства до поры до времени достигалъ цѣли и обусловилъ собой поразительную живучесть чудовищнаго режима, который, исчерпавъ всю свою прогрессивность 19 февраля 1861 года (съ его послѣдующими законодательными выводами), 19 февраля 1905 года стоитъ на той же точкѣ и, оказывается неспособнымъ отказаться даже отъ реакціонныхъ новеллъ къ „великимъ реформамъ".

Созывъ представителей отъ петербургскихъ рабочихъ и „соизволеніе" царя на созывъ представителей отъ народа въ законодательное собраніе являются двумя послѣдними этапами этой политики приспособленій, которая началась вмѣстѣ съ выступленіемъ массоваго рабочаго движенія на сцену русской исторіи. Новый курсъ, послѣдніе шаги, служатъ только метаморфозой младенческихъ формъ той же политики.

Но метаморфоза эта очень велика, а въ послѣднемъ актѣ политической растерянности правительства—въ обѣщаніи созвать народныхъ представителей, приводитъ къ совершенно другому содержанію той же попытки полууступокъ.

И дѣйствительно. Если попытки Зубатова и Шаевича выполнялись мелкими сошками, встрѣчали со стороны властей только покровительство и инспирацію, касались нуждъ только рабочаго класса, то оба послѣдніе акта проводятся уже центральнымъ правительствомъ, причемъ второй изъ нихъ, являясь попыткой утушить разгорающійся пожаръ революціи, идетъ на встрѣчу необходимости соціально-политическихъ и національно-государственныхъ реформъ. И если вульгарная первоначальная зубатовщина на дѣлѣ сводилась къ тому, что организація рабочихъ служила только подсобнымъ средствомъ спеціально для полицейски-шпіонскихъ цѣлей, для вылавливанія неблагонадежныхъ одиночекъ, то „зубатовщина" періода расцвѣта все больше и больше сближалась съ полицейскимъ „соціализмомъ", въ экспериментѣ же съ коммиссіей Шидловскаго главной цѣлью стало удовлетвореніе требованій рабочихъ, причемъ полицейскія мѣры въ видѣ „изъятія" наиболѣе сознательныхъ, были подчинены этой цѣли, какъ служебное, хотя, конечно, безусловно необходимое для правительства средство. И было бы излишней мнительностью искать спеціально провокаторскихъ намѣреній въ этой послѣдней коммиссіи. Удовлетвореніе нѣкоторыхъ нуждъ рабочихъ явилось гораздо болѣе дѣйствительнымъ способомъ взнузданія революціонной массы, чѣмъ исключительная борьба съ агитаторами. И можно было надѣяться, что коммиссіей Шидловскаго былъ бы рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о созданіи профессіональныхъ организацій рабочихъ. Это даже подтверждено словами Шидловскаго, который на ультиматумъ рабочихъ делегатовъ отвѣтилъ намекомъ, что возможно и возстановленіе ихъ легальной организаціи. Россіи предстояло увидѣть копію отечественнаго производства съ рабочей политики желѣзнаго канцлера. Но не сошлись „на пустякахъ“—на амнистіи и неприкосновенности личности, на свободѣ слова и печати, т. е. на условіяхъ, необходимыхъ для одной стороны, непріемлемыхъ для другой. Повторяется старая сказка: попытки переговоровъ между властями и рабочими заканчиваются со стороны агентовъ правительства отказомъ, ссылкой на отсутствіе полномочій, а со стороны рабочихъ депутатовъ—отказомъ отъ участія въ коммиссіи.

Потерпѣвъ неудачу, правительство спѣшитъ инсценировать новый актъ заботливости о нуждахъ населенія. Побудительныхъ причинъ достаточно. Уничтожающія пораженія въ Манджуріи, необходимость новаго займа въ 800 милліоновъ франковъ, анархія на Кавказѣ и въ Польшѣ, угрожающее, хотя и выжидательное, положеніе петербургскаго пролетаріата, неудовлетвореннаго пресловутой коммиссіей Шидловскаго, — причины достаточно крупныя для того, чтобы не только поколебать царя, но и дать перевѣсъ партіи уступокъ.

Рескриптъ изданъ. Онъ старается логически связаться съ реакціонными мотивами и въ то же время открываетъ болѣе или менѣе широкій просторъ оптимистическимъ толкованіямъ его текста.

Онъ оговариваетъ условіе сохраненія абсолютизма. Онъ оставляетъ за коммиссіей министра внутреннихъ дѣлъ возможность искажать, какъ угодно, порядокъ выборовъ въ законодательное собраніе, стало быть, и возможность получить наиболѣе реакціонный составъ представителей. Онъ оставляетъ за царемъ право окончательнаго утвержденія проекта реформъ.

„Либерализмъ“ рескрипта едва ли доказываетъ, что сломлена „непреклонность“ реакціи, а средствъ для самозащиты у нея достаточно. Возможна мобилизація черной сотни, новая рѣзня и разстрѣлы, натравливаніе полиціей христіанъ на евреевъ, татаръ на армянъ. — все это становится возможно все больше и больше до размѣровъ чудовищныхъ погромовъ. И царскій манифестъ, призывающій сплотиться всѣхъ „благомыслящихъ“ подданныхъ вокругъ трона, еще разъ напоминаетъ намъ, что эти темныя силы режима—въ распоряженіи царя.

Но для насъ манифестъ, въ связи съ совершающимися на Кавказѣ и въ Польшѣ кровавыми сценами, является только краснорѣчивымъ напоминаніемъ принципа: на войнѣ, какъ на войнѣ!

На войнѣ, какъ на войнѣ! Таковъ первый революціонный выводъ изъ манифеста и рескрипта. А исторія недавняго прошлаго учитъ насъ, чѣмъ заканчиваются царскія „уступки“. Боритесь безпощадно! — должны мы сказать рабочимъ массамъ; наступайте тогда, когда царь говоритъ съ вами о мирѣ! Наступайте рѣшительнѣе, потому что врагъ поколебался! Наступайте, чтобы вынудить его къ сдачѣ!

Внимательному учету съ нашей стороны подлежатъ и „прогрессивные“ выводы изъ рескрипта, которые, хотя и не навязываются царемъ, но такъ охотно дѣлаются элементами „либеральными“ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Возможность такихъ выводовъ, возможность ихъ воплощенія въ реальную историческую дѣйствительность существуетъ, вопреки волѣ царя и его опричнины, опять таки въ фактическомъ соотношеніи силъ, въ размахѣ революціи, въ успѣхахъ Ноги и Куроки подъ Мукденомъ. И тутъ великая опасность въ уступчивости, въ скромности политическихъ желаній господъ либераловъ. Опасность въ возможномъ вліяніи ихъ на отсталые, несознательные элементы рабочаго класса. Отъ реакціонной безсознательности народа, отъ дѣтской вѣры въ царя, — одинъ ближайшій шагъ къ либеральной умѣренности.

Изъ объятій Зубатова, градоначальниковъ въ роли „соціалистовъ“, эти отсталые элементы легко могли бы перейти въ объятія либераловъ. При этомъ они легко могли бы явиться точкой опоры для всѣхъ тѣхъ, кто успѣхъ демократіи принимаетъ съ десяткомъ консервативныхъ, цензовыхъ „но“. И въ томъ случаѣ, если бы недальновидная тактика умѣренныхъ привела къ желательному для нихъ ослабленію революціонности массъ, путемъ воздѣйствія на отсталые слои рабочаго класса, это могло бы повести къ краху самыхъ скромныхъ конституціонныхъ вожделѣній, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Могло бы. Но наша задача не допустить этого.

Несомнѣнно, что революціонная цѣль пролетаріата стоитъ не только неизмѣримо дальше обманнаго реформизма царскаго правительства. Она стоитъ много дальше идеаловъ дарственной цензовой конституціи, дальше демократизированной монархіи, она — въ демократической республикѣ. И его борьба должна неизмѣнно идти къ этой цѣли, не обольщаясь полууступками. Но путь къ этой цѣли не лежитъ черезъ дебри той якобы „революціонной непримиримости“, которая знаетъ лишь „бойкотъ“ всѣхъ реформаторскихъ полумѣръ правительства, только потому, что онѣ недостаточны. Не бойкотомъ, а революціоннымъ натискомъ на неудовлетворительныя стороны этихъ полу-уступокъ должны мы прежде всего отвѣчать правительству, подобно тому, какъ это сдѣлали петербургскіе пролетаріи съ коммиссіей Шидловскаго.

И какъ въ случаѣ съ этой коммиссіи, такъ и въ проектируемомъ созваніи представителей народа, условіемъ sine qua non должно быть выставлено: выборы въ законодательное собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права; полная свобода выборной агитаціи; немедленная амнистія всѣмъ, привлеченнымъ и осужденнымъ по политическимъ и религіознымъ дѣламъ.

Эти требованія или широко откроютъ народу двери законодательнаго собранія, превративъ его въ дальнѣйшемъ ходѣ революціонной борьбы въ Учредительное Собраніе, или захлопнутъ эти двери, какъ закрылись делегатскія собранія коммиссіи Шидловскаго, но за то приведутъ къ разоблаченію правительственнаго обмана.

Въ томъ и другомъ случаѣ, мы одинаково будемъ аппелировать къ революціи.

ВА-БАНКЪ!

Царское правительство создало войну, и все же война была для него неожиданностью. Оно подготовило себѣ противника, но не подготовило себя къ войнѣ. Слуги царя работали на пользу и славу микадо. Если бы они были имъ подкуплены, они не могли бы ему оказать большихъ услугъ. Японскія деньги на русской службѣ, надо думать, и въ самомъ дѣлѣ сыграли роль въ настоящей войнѣ. Быть можетъ, даже при паденіи Портъ-Артура. Но все же главная суть не въ этомъ и не въ личной винѣ того или другого. Противорѣчія, раскрытыя войной, созданы исторіей. Стоящее на пути историческаго развитія самодержавіе оказалось не въ состояніи выполнить тѣ государственныя задачи, которыя оно само себѣ поставило. Вся его политика, внутренняя и внѣшняя, работа его военнаго министерства, какъ и работа его министерства финансовъ, все это шло на пользу Японіи. Такъ было до войны и такъ оно продолжается во время войны. Самый ходъ военныхъ событій съ самаго начала опредѣляется не только стратегической необходимостью, но — во все возрастающей степени — потребностями внѣшней и внутренней политики самодержавія.

Война началась, и наличные факты показали, что Манджурская армія недостаточна, чтобы остановить наступательное движеніе японцевъ. Въ этомъ не могло быть сомнѣнія, да и не было его. Отсюда вытекала стратегическая необходимость прежде всего употребить всѣ усилія на то, чтобы собрать большую армію, а до тѣхъ поръ въ столкновеніяхъ съ врагомъ ограничиться тѣмъ, чтобы задерживать его движеніе впередъ, щадя по возможности свои силы. Но уже въ сраженіи при Ялу русская армія гораздо больше взяла на себя, чѣмъ могла въ разсчетѣ на свои силы. Въ результатѣ —поспѣшное отступленіе съ потерей орудій, вмѣсто правильной концентраціи назадъ. Отвѣтственность за Ялу приписываютъ отдѣльной личности. Однако же скоро стало очевиднымъ, что въ арміи вообще нѣтъ единства и что въ ней сказывается наступательная тенденція, идущая въ разрѣзъ со всѣми стратегическими соображеніями. Дѣло ясное: партія дипломатовъ и придворныхъ съ Алексѣевымъ во главѣ, требовала наступленія, ибо въ интересахъ *внѣшней политики* необходимы были побѣды во что бы то ни стало. Эта партія имѣла сильную поддержку при дворѣ и находилась подъ личной протекціей царя. Численный составъ арміи, артиллерійское превосходство противника, условія времени и мѣста, все нипочемъ — нужно разгромить врага, чтобы нагнать страху китайцамъ, чтобы задержать выполненіе плановъ англійской дипломатіи въ Тибетѣ, чтобы импонировать Вильгельму II, наконецъ потому что европейская биржа требуетъ скорыхъ побѣдъ.

Послѣ пораженія при Ялу авторитетные военные критики въ Западной Европѣ предлагали очистить Портъ-Артуръ или свести защиту его на минимумъ, чтобы не раздроблять силъ, очевидно, численно слабой русской арміи. Эта чрезвычайно рискованная тактика, конечно, привела бы къ цѣли только тогда, если бы, сконцентрировавъ такимъ образомъ силы и увеличивъ ихъ боевыми средствами Портъ Артура, удалось выиграть генеральное сраженіе и прекратить наступательное движеніе врага. Но и въ этомъ случаѣ пришлось бы еще принять во вниманіе значеніе Портъ-Артура, какъ операціонной базы для морской войны. Тѣмъ не менѣе, Портъ-Артуръ сыгралъ въ этой войнѣ роль, далеко превосходящую его стратегическое значеніе. Онъ сыгралъ ее подъ давленіемъ интересовъ внѣшней политики. Въ результатѣ Портъ-Артуръ все же палъ и съ нимъ вмѣстѣ погибло 50000 человѣкъ и погибъ флотъ.

Началось съ того, что Куропаткинъ послалъ двадцать тысячъ человѣкъ на усиленіе крѣпости. Онъ этимъ, разумѣется, ослабилъ противодѣйствіе своей боевой арміи. Въ то же время отъ него требуютъ генеральнаго сраженія, чтобы отбросить японцевъ и пойти на освобожденіе Портъ-Артура. Колеблясь между ясной стратегической задачей концентраціи арміи въ Мукденѣ, пока будетъ достигнуто численное превосходство, и требованіями наступленія, исходящими изъ соображеній политическихъ, Куропаткинъ ни того, ни другого не провелъ съ достаточной энергіей и послѣдовательностью. Между тѣмъ, къ соображеніямъ внѣшней политики, по мѣрѣ накопленія военныхъ неудачъ, присоединились интересы политики внутренней. Побѣды, скорыя, рѣшительныя побѣды становятся необходимыми не только, чтобы поддержать интернаціональныя козни царской дипломатіи, но чтобы упрочить самодержавіе въ Россіи. И вотъ военная тактика принимаетъ характеръ азартной игры.

Уже сраженіе при Ляоянѣ было продуктомъ отчаянія. Несоотвѣтствіе силъ послѣ продѣланныхъ экспериментовъ было очевидное. Сраженіе было потеряно и армія была отброшена въ Мукденъ. Она была бы въ лучшемъ положеніи, если бы не оставляла Мукдена. Въ результатѣ своихъ попытокъ, съ недостаточными средствами, не то чтобы задержать наступательное движеніе, а сломить военную силу врага, Куропаткинъ растерялъ болѣе полтораста тысячъ, а со включеніемъ гарнизона Портъ-Артура, чуть ли не двѣсти тысячъ войска и оказался въ Мукденѣ съ измученной и деморализованной арміей. А тутъ еще надвинулась зима. Оставаться въ Мукденѣ, ждать подкрѣпленій и дать арміи отдохнуть на хорошихъ зимнихъ квартирахъ являлось уже не просто требованіемъ стратегической мудрости, а стало необходимымъ въ интересахъ сохраненія арміи. Вмѣсто этого, неожиданно для всѣхъ, Куропаткинъ началъ свое пресловутое наступательное движеніе.

Освободить Портъ-Артуръ! Но еслибы Куропаткину даже удалось выиграть сраженіе, то все же объ освобожденіи Портъ Артура не могло уже быть рѣчи. Пришлось бы, даже въ случаѣ побѣды, оттѣснять японцевъ шагъ за шагомъ, по мѣстамъ, которыя ими были укрѣплены, брать у нихъ обратно занятые ими горные переходы, а тутъ еще зима и за ней весенніе разливы! Портъ-Артуръ, правда, могъ продержаться дольше, чѣмъ онъ держался на самомъ дѣлѣ, онъ палъ, не смотря на неослабное мужество гарнизона и не смотря на обиліе военныхъ запасовъ, благодаря измѣнѣ Стесселя и его кампаніи, но о томъ не могло быть и рѣчи, чтобы онъ продержался еще полгода. Надежды освободить Портъ-Артуръ не было; болѣе того, стратегически использовать побѣду, благодаря наступившимъ холодамъ, трудно было — во всѣхъ отношеніяхъ лучше было оставаться въ Мукденѣ до весны. Но правительству нужна была побѣда, не изъ стратегическихъ, а изъ политическихъ цѣлей, чтобы ослабить впечатлѣніе предстоящаго паденія Портъ-Артура.

Побѣда по заказу, разумѣется, не удалась. Русская армія была разбита и, вмѣстѣ съ тѣмъ, была рѣшена участь Мукдена. Новымъ концентраціоннымъ пунктомъ арміи могъ стать только еще *Харбинъ*. Отступленіе къ Харбину было бы страшнымъ политическимъ ударомъ для царской Россіи, но спасло бы армію. На это не хватило рѣшимости, и армія стала зарываться въ землянки на своихъ новыхъ позиціяхъ, потерявъ даже тѣ удобства, которыя представлялъ для зимовки Мукденъ. Невозможныя санитарныя условія зимованія въ землянкахъ при манджурскихъ холодахъ и мятеляхъ должны были ослабить и деморализовать армію. Одно утѣшеніе было, что японцамъ приходится переносить тѣ же трудности и что суровая манджурская зима, быть можетъ, остановитъ военныя дѣйствія. Послѣдняя надежда, однако, была очень неосновательна. Я уже писалъ объ этомъ въ № 79 Искры отъ 1-го декабря прошлаго года. „Нѣтъ никакого основанія предполагать, что японцы будутъ малодушно выжидать за своими окопами цѣлую зиму, пока Куропаткинъ сочтетъ для себя выгоднымъ повести на нихъ свои войска. Наоборотъ, весь опытъ настоящей войны говоритъ за то, что они даже въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ въ наступленіе. А если не сейчасъ, то навѣрное послѣ паденія Портъ-Артура“. Послѣ паденія Портъ-Артура, японцы усилили свою армію людьми, а еще болѣе тѣмъ, что перевезли на поле военныхъ дѣйствій тяжелыя осадныя орудія.

Таково было положеніе, когда царскому правительству опять понадобилась „побѣда“. На этотъ разъ нужда въ побѣдѣ сказалась больше, чѣмъ когда либо. Поколебались сами устои самодержавія. Нужна стала побѣда послѣ январьскихъ дней, чтобы отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ и увеличить престижъ правительства. Не трудно было предвидѣть, что если выйдетъ наоборотъ и, вмѣсто побѣды, получится пораженіе, то это повлечетъ за собой необозримыя послѣдствія, и военныя, и политическія. Но, какъ промотавшійся игрокъ, царское правительство не знаетъ уже отступленія. Va banque! Царь требовалъ побѣды, и Куропаткинъ телеграфировалъ наступленіе.

Куропаткинъ былъ отброшенъ. Онъ долженъ былъ поступиться нѣсколькими позиціями. А затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, японцы сами перешли къ наступленію, которое уже давно готовили.

Опять сотни тысячъ людей вступила въ бой и съ той и съ другой стороны, опять кровопролитіе длится дни и ночи — и опять становится очевиднымъ, что русская армія отступаетъ по всей линіи. На этотъ разъ японцамъ, повидимому, удалось обойти весь лѣвый флангъ, а затѣмъ и правый флангъ русской арміи и чуть ли не вполнѣ ее окружить — при этомъ имъ, конечно, пришлось сильно растянуть свои линіи и ослабить ихъ, открывая такимъ образомъ возможность „побѣдамъ“ отдѣльныхъ русскихъ частей надъ японскими. Окружить полумилліонную армію такъ, чтобы она не могла прорваться отдѣльными частями, невозможно. Но не въ этомъ суть. Если японцамъ удастся завладѣть Мукденомъ, а это значитъ желѣзной дорогой, и удержаться тамъ, то судьба арміи Куропаткина рѣшена: ей отрѣзанъ подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ — раньше или позже, она должна сдаться. Въ моментъ, когда пишутся эти строки, у Мукдена продолжается ожесточенная борьба.

Характерная черта современныхъ массовыхъ и многодневныхъ сраженій та, что къ концу ихъ физическая сила арміи на обѣихъ сторонахъ вполнѣ истощается. Это истощеніе въ сущности только и ставитъ конецъ борьбѣ. Вотъ почему побѣдившая армія оказывается не въ состояніи немедленно использовать свою побѣду. А пока она возобновляетъ свои силы, непріятельская армія успѣваетъ, съ своей стороны, ободриться и укрѣпиться въ новыхъ позиціяхъ. Побѣда сказывается меньше въ непосредственномъ результатѣ чѣмъ во вліяніи созданнаго ею новаго положенія и соотношенія силъ на дальнѣйшій ходъ военныхъ событій. Японцы только сейчасъ пожинаютъ плоды своей побѣды при Шахэ. Результатъ ихъ настоящей побѣды скажется впослѣдствіи. Если бы имъ пока что, вслѣдствіе истощенія физическихъ силъ, даже еще не удалось завладѣть Мукденомъ, то все же дальнѣйшій ходъ кампаніи предрѣшенъ. Русская армія выброшена изъ своихъ позицій. Ей приходится снова укрѣпляться, устраивать окопы, валы, блиндажи, землянки на промерзлой землѣ въ манджурскую стужу. Напомнимъ, какой вѣсъ въ свое время придавали оффиціальныя сообщенія генеральнаго штаба тому обстоятельству, что удалось до наступленія сильныхъ морозовъ окопаться и устроить землянки. А потомъ сообщали, что морозъ превратилъ эти землянки въ брони — тверже стали. Теперь всѣ эти сооруженія въ рукахъ врага, а нашимъ солдатамъ приходится вкапываться въ ледяную броню примерзлой земли. Между тѣмъ они обезсилены зимней стоянкой, устали и истощены отъ адскаго сраженія. Лишенія, которыя пришлось перенести наполеоновской арміи въ двѣнадцатомъ году ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ждетъ нашу армію на пути ея отступленія въ Манджуріи. Наилучшій исходъ — немедленное и поспѣшное отступленіе къ Харбину.

А дальше что?

Позволю себѣ и въ этомъ случаѣ сослаться на то, что мною было сказано уже въ упомянутой выше статьѣ — тѣмъ болѣе что по условіямъ распространенія нелегальной литературы не могу разсчитывать на то, чтобы эта статья была извѣстна всѣмъ читателямъ моего настоящаго очерка.

„Представимъ себѣ, что японцамъ удается выбить Куропаткина изъ его позиціи, какъ это имъ удавалось до сихъ поръ. Тогда судьба кампаніи рѣшена: русской арміи придется оставить Мукденъ и отступить къ Харбину. Собрать новую русскую армію, способную дать отпоръ японцамъ, можно будетъ только еще въ Харбинѣ. Отступающая же русская армія съумѣетъ, пожалуй, сраженіями по пути, при страшныхъ потеряхъ съ своей стороны, задержать на время наступательное движеніе японцевъ, но остановить его она, потерявъ ближайшее генеральное сраженіе, уже навѣрное не будетъ въ состояніи. Отбросивъ русскую армію за горные хребты Южной Манджуріи и овладѣвъ этой частью манджурской желѣзной дороги, японцы могутъ остановиться. Они, разумѣется, не думаютъ о томъ, чтобы завоевать Сибирь и пойти на Москву. Сомнительно, чтобы для нихъ имѣло смыслъ слѣдовать за русскимъ войскомъ дальше Харбина. Взятіе Харбина, который, благодаря исходящимъ отъ него развѣтвленіямъ манджурской желѣзной дороги, является стратегическимъ ключемъ къ Портъ-Артуру и къ Владивостоку, для нихъ имѣетъ большое, но отнюдь не рѣшающее значеніе. Они позаботятся о томъ, чтобы укрѣпить горные переходы: разъ это имъ удастся, они могутъ въ пройденной ими западной части южной Манджуріи ограничиться обороной, а наступательное движеніе перенести къ Владивостокской вѣтви манджурской желѣзной дороги. Вторая часть ихъ главной стратегической задачи, а именно: овладѣніе горной Манджуріей, которая будучи снабжена крѣпостями, дѣлаетъ Китай и Корею для Россіи недоступными, доставитъ имъ гораздо меньше трудностей, чѣмъ первая. Эта вторая часть должна завершиться паденіемъ Владивостока“.

Вопросъ, однако, насколько еще армія Куропаткина окажется въ состояніи совершить правильное отступленіе къ Харбину. Если Мукденъ будетъ взятъ и хотя бы отдѣльныя части русской арміи должны будутъ сдаться, то армія Куропаткина пропала и Харбинъ потерянъ. Тогда русская армія, дѣйствительно, будетъ отброшена за Амуръ, какъ о томъ мечтаютъ японцы. Тогда нужно будетъ искать новаго концентраціоннаго пункта, гораздо ближе къ западу, чтобы составить новую армію, уже не для завоеванія Манджуріи, а для защиты *Восточной Сибири*.

Царское правительство играетъ va banque — на войнѣ, какъ и во внутренней политикѣ. Оно потеряетъ игру и тутъ и тамъ.

Парвусъ.

КАКЪ СТРОИТЬ БАРРИКАДЫ?

> „Мы обязаны позаботиться о томъ, чтобы при такихъ столкновеніяхъ народъ былъ вооруженъ не церковными хоругвями и не крестами, а чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ и дѣйствительнымъ“.
>
> „Врозь идти, вмѣстѣ бить“. № 87 „Искры“.

„Вопросъ о вооруженномъ столкновеніи нашего пролетаріата съ царскимъ правительствомъ становится на очередь неотвратимой логикой исторіи. Мы, съ своей стороны, можемъ сдѣлать только одно: *постараться разрѣшить его въ пользу пролетаріата*“. („Искра“ № 87). Этотъ вопросъ съ полной очевидностью сталъ вопросомъ дня а вмѣстѣ съ тѣмъ становятся на очередь и тактическіе вопросы борьбы. Настало время, когда пролетаріату стали нужны и военныя свѣдѣнія, чтобы лучше организоваться въ новой для него обстановкѣ, чтобы успѣшнѣе провести свою кампанію.

Возможно, что первое время пролетаріатъ не сможетъ вооружиться такъ, чтобы по всей линіи занять положеніе наступающаго, которое неизбѣжно перейдетъ къ нему по мѣрѣ развитія событій, по мѣрѣ роста возстанія. Чѣмъ удачнѣе и упорнѣе будетъ оборона, тѣмъ скорѣе пролетаріатъ получитъ нужное вооруженіе и необходимое превосходство силъ для перехода въ открытое наступленіе. Хорошая оборона уменьшитъ неизбѣжное число жертвъ и ускоритъ развязку.

Чтобы создать сильную оборону, нужно хорошо знать противника, нужно прямо смотрѣть дѣйствительности въ глаза и брать противника такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не умаляя его силъ ни на іоту. Лучше переоцѣнить противника и преодолѣть его съ меньшей затратой энергіи, нежели, недооцѣнивъ, понести излишнія жертвы. Послѣднимъ недостаткомъ, къ сожалѣнію, страдаютъ „Военныя замѣтки“ Волонтера („И“. № 87). Не время и не мѣсто разбирать по частямъ всѣ дефекты статьи. Мы остановимся только на одномъ, наиболѣе яркомъ примѣрѣ, освѣтимъ его и тѣмъ сдѣлаемъ всѣмъ очевидной ошибочность поспѣшнаго вывода; не всякая аналогія и не всякій выводъ, являясь простыми по формѣ, вѣрны и по содержанію.

Согласимся напередъ, что заборъ не представляетъ защиты отъ огня противника и что онъ является только преградой на пути безостановочнаго наступленія пѣхоты. Такой же прегракой, но еще *менѣе уязвимой* является проволочное загражденіе. Значитъ мы вправѣ сдѣлать подстановку. Волонтеръ говоритъ: „Итакъ, наша полевая артиллерія оказывается безсильной *даже* (мы подчеркиваемъ „даже“) противъ заборовъ (скажемъ, проволочныхъ загражденій); что же она въ состояніи сдѣлать противъ хорошо (?) построенной баррикады соотвѣтственной высоты и глубины?“ Проволоку надо разорвать, а граната летитъ мимо; заборъ надо повалить, а граната только пробиваетъ его, дѣлаетъ изъ него рѣшето; заборъ стоитъ, а люди за нимъ ваютъ; въ насыпи же надо сдѣлать „воронку“, и граната дѣлаетъ воронку, разрушаетъ насыпь. Скажите сами: умѣстенъ ли выводъ „о малой дѣйствительности полевой артиллеріи“ противъ баррикады, даже хорошо построенной? Пусть лучше сегодня постигнетъ насъ разочарованіе на этотъ счетъ, тогда мы сможемъ обдумать средства борьбы.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на задачахъ артиллеріи во время войны и оцѣнкѣ того, насколько она оправдала возлагаемыя на нее надежды. Надо только одно помнить, что условія войны и условія уличной борьбы постольку отличаются другъ отъ друга, поскольку отличается стрѣльба съ четырехъ-пяти верстъ подъ мѣткимъ и, если не превосходящимъ, то равнымъ огнемъ противника, отъ стрѣльбы почти „вплотную“. Практику войны нельзя переносить въ обстановку уличной борьбы. И на этотъ разъ Энгельсъ болѣе правъ, нежели офицеръ М. Г. изъ „Рус. Вѣд“. или Мих. Павловичъ изъ Одессы.

Значитъ, борьба невозможна? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ. *Бороться можно, и сильно и упорно бороться.* Но нужно, чтобы техника обороняющагося слѣдовала за техникой аттакующаго. *Техника и при современныхъ условіяхъ можетъ сдѣлать изъ баррикады грозное и серьезное оружіе обороны и перехода въ наступленіе.* Нужно знать, кромѣ того, какъ каждаго изъ противниковъ встрѣчать: какъ должна относиться баррикада къ появленію пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Мы и постараемся разобрать всѣ эти вопросы.

Прежде всего отмѣтимъ, что новая пушка стрѣляетъ снарядами всѣхъ тѣхъ же родовъ [граната (бомба, ядро), шрапнель и картечь], какъ и старая пушка. Мы имѣемъ въ виду пушки не 48 года съ шаровыми бомбами, а пушки съ 77 года. Новая пушка мѣтче, дальнобойнѣе, скорострѣльнѣе всякой прежней пушки. Какое же изъ этихъ качествъ можетъ особенно вредно отозваться при уличномъ столкновеніи? Главнымъ образомъ, мѣткость и скорострѣльность. И самое раціональное средство борьбы противъ артиллеріи — это быстрый и рѣшительный огонь.

Нынѣшняя артиллерія не можетъ стрѣлять съ разстоянія ближе 200-300 саж., ибо картечь и шрапнель (съ заводской установкой дистанціонной трубки) только съ этого разстоянія даютъ нужный разлетъ пуль — широкій снопъ. Ни картечь, ни шрапнель нельзя направить поверхъ головы людей. Слѣдовательно, разъ артиллерія показалась, нечего терять времени, нужно съ перваго же момента встрѣчать ее огнемъ, пользоваться неудобствомъ тѣсныхъ улицъ для артиллеріи, ея громоздкостью и неповоротливостью, нужно успѣть дезорганизовать ее, пока будутъ накатывать, поворачивать и устанавливать орудія. Въ эти нѣсколько минутъ долженъ быть открытъ частый, массовый, но спокойный огонь съ баррикадъ. И артиллерія можетъ быть отбита. Пушки могутъ подаваться уже заряженными, а потому время болѣе дорого.

При этомъ баррикаду надо строить непремѣнно изъ земли или песку, но отнюдь *не изъ камней*, ибо снарядъ, попадая въ камни, разбиваетъ ихъ на массу осколковъ, причиняющихъ большой вредъ людямъ. Всѣ камни надо убрать подальше. Песокъ всегда будетъ подъ руками, ибо подъ камнями мостовой лежитъ песчаный балластъ въ пять-шесть вершковъ. Сперва желательно *углубиться для стрѣльбы* съ колѣна, а потомъ, по мѣрѣ возможности, сдѣлать прикрытіе во весь ростъ. Внутреннюю сторону валика надо дѣлать возможно прямой (вертикальной). Толщину его постараться довести до полутора-двухъ аршинъ по верху. Противъ кавалеріи надо впереди баррикады насыпать *полосу битаго стекла* (бутылочнаго) и протянуть проволоки поперекъ улицы. Битое стекло рѣжетъ ноги лошадей: у офицеровъ и казаковъ заговоритъ чувство собственниковъ, ибо тѣ и другіе ѣздятъ на своихъ лошадяхъ.

Конечно, каждый частный случай имѣетъ свои особенности, и мы далеки отъ мысли дать безусловное и окончательное рѣшеніе вопроса. Мы хотимъ только указать путь начальной обороны, намѣтить наиболѣе раціональные пріемы военной оборонительной техники. Слѣдуетъ знать, что нынѣшняя военная техника предъявляетъ къ оборонѣ болѣе строгія требованія, нежели то кажется по отзывамъ тѣхъ или иныхъ военныхъ рецензентовъ и обозрѣвателей. Къ дѣлу постройки баррикадъ нужно привлекать военныхъ техниковъ, какъ руководителей, или самимъ ознакомиться съ началами фортификаціи.

Послѣ этого небольшого отступленія мы скажемъ еще нѣсколько словъ о профилѣ и планѣ баррикады или баррикаднаго городка. Наиболѣе цѣлесообразнымъ намъ представляется выборъ для баррикады узкой и не длинной улицы. Узкую улицу легко забаррикадировать, — не широкая и короткая улица крайне стѣснитъ войска, лишитъ ихъ необходимой поворотливости: кавалеріи — нѣтъ разбѣга; артиллеріи — нѣтъ простора, да и пѣхота можетъ дѣйствовать только малыми отрядами.

Постройку баррикады мы рекомендовали бы въ такомъ порядкѣ. Выбравъ въ удобной улицѣ короткій кварталъ и загородивъ искуственными преградами ближайшіе переулки, нужно по серединѣ этого квартала начать рыть широкій ровикъ и по обѣ его стороны насыпать валики такого типа.

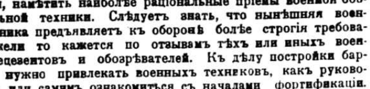

Тогда съ одной баррикады получается обстрѣлъ въ обѣ стороны улицы, и баррикада не имѣетъ тыла. Когда же эта баррикада закончена и доведена до соотвѣтственныхъ размѣровъ, тогда подъ ея прикрытіемъ можно начать строить баррикадный городокъ по обѣ стороны квартала. Такъ какъ улица даетъ возможность вести нападеніе сразу съ двухъ сторонъ, а пересѣченность улицъ способствуетъ хорошему прикрытію внезапныхъ нападеній войскъ, то надо соотвѣтственной постройкой баррикадъ помѣшать этому. Поэтому, если позволятъ силы и время, то уже построенную баррикаду можно расширить до баррикаднаго городка, добавивъ къ ней еще шесть баррикадъ такой профили:

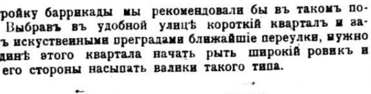

1, 2, 3, 4 баррикады въ переулкахъ — защита отъ фланговаго нападенія; а и в. — главныя баррикады. Ихъ надо выстроить такъ, чтобы отсыпь валика шла по линіи угла дома. Угловая форма баррикадѣ придана съ тѣмъ, чтобы дать возможность стрѣлять во всѣ стороны, т. е. и по длинѣ улицы и по длинѣ переулка, выбивая войска изъ баррикадъ 1, 2, 3 и 4, если бы защитники вынуждены были уступить ихъ войскамъ. *p* — поперечная первоначальная баррикада съ ровиками *n* для сообщенія внутри ея; *m* — искусственныя загражденія ближайшихъ переулковъ. Эти загражденія (натянутая въ нѣсколько рядовъ колючая проволока) надо проводить такъ, чтобы они были доступны огню съ баррикадъ, чтобы не дать возможности безнаказанно ихъ разрушать.

Рыть слѣдуетъ такъ. Снявъ камни и убравъ ихъ во дворы, надо наполнить землей мѣшокъ и, положивъ его передъ собой, бросать на него вырываемую землю. Насыпавъ небольшой валикъ, класть второй мѣшокъ на первый, третій на второй и т. д., пока валикъ не получится намѣченной высоты (прикрытіе для стрѣльбы съ колѣна и стоя). Толща валика должна быть по верху $1^1/_2$-2 арш., чтобы онъ былъ недосягаемъ для артиллеріи, т. е. чтобы граната за одинъ разъ не пробивала его. Такая баррикада дастъ вполнѣ надежный опорный пунктъ. Я сомнѣваюсь, чтобы войскамъ удалось ее взять, конечно, если защитники будутъ достаточно снабжены всѣми припасами. Пусть войска лучше обучены, зато они будутъ лишены всякаго прикрытія. Такая баррикада произведетъ на нихъ внушительное впечатлѣніе.

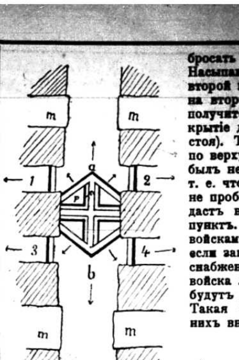

Быв. артиллеристъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Грандіозная стачка продолжается и все больше и больше мѣстностей захватывается ею. Въ рядѣ городовъ пережившихъ стачку въ январѣ или началѣ февраля, она возобновлена во второй половинѣ февраля; въ другихъ мѣстахъ она съ короткими паузами, то расширяясь, то сокращаясь, длится уже $1^1/_2$ мѣсяца. Возобновленіе уже прекращенной стачки можно отмѣтить въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Либавѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, отчасти въ Москвѣ; непрерывное ея продолженіе въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лодзи, Ростовѣ.

Къ уже перечисленнымъ прежде мѣстамъ надо прибавить: Одесса, Житоміръ, Николаевъ, Богородскъ, Царицынъ, Кулибаки (Атдаговск. у. Нижегород. губ.) Ташкентъ, Самаркандъ, (?) Елецъ, Слуцкъ, Слонимъ, ; въ Донецкомъ бассейнѣ рудники: Кадіевскій, Жиловскій, Каменскій, Брянскій, Орловскій, Орловско-Елецкій, французскаго общества ст. Алмазная. Въ польскомъ стачечномъ районѣ мы еще не отмѣтили слѣдующія мѣста: Жирардово, (Варш, губ.) Константиново, Александровъ, (Лодзинскій округъ), Каминскъ, Рудники, Кромоловъ, (Ченст. окр.) Цмелевъ, Стараховице, Бодзеховъ, Ченстоцице (Радомскій окр.), Ловичъ, Соколовъ, Морды.

Петербургъ. Поразительно, какъ теперь работа идетъ. Она совершенно вышла изъ организаціонныхъ рамокъ, а стала *фактически* массовой. Если сравнить ее съ прошлой, то надежда на побѣду пролетаріата переходитъ въ увѣренность; при чемъ сама побѣда кажется слишкомъ близкой. Изъ самой среды рабочихъ выдвинулись политическіе вожди; главное, ихъ насчитываешь уже не единицами, а десятками. На почвѣ коммиссіи Шидловскаго удалось развернуть самую интенсивную работу. Удалось собрать всѣхъ возможныхъ кандидатовъ въ депутаты и съ ними много бесѣдовать. Всѣ они совершенно присоединились къ соц.-дем. требованіямъ, такъ что въ самый день выборовъ 13 февраля, они уже выступали съ опредѣленной политической платформой. Во время выборовъ были рѣчи и очень ярко политическія. Лишь изрѣдка раздавались голоса, что намъ не надо политики, но эти голоса заглушались громомъ протеста.

Почти на всѣхъ заводахъ было рѣшено выставить черезъ депутатовъ требованіе Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія, немедленнаго прекращенія войны, немедленнаго освобожденія политическихъ преступниковъ, и т. п. и т. п., и такимъ образомъ, совершить политическую демонстрацію въ коммиссіи Шидловскаго. Въ день политическаго выступленія депутатовъ въ коммиссіи Шидловскаго, всѣ рабочіе поддерживаютъ ихъ всеобщей забастовкой. Изъ легальныхъ газетъ вы уже видѣли, какимъ боевымъ образомъ настроены депутаты, но увѣряю васъ, что въ газетахъ это настроеніе не преувеличено, а наоборотъ преуменьшено. Царскій манифестъ очень кстати вышелъ. Онъ еще больше всѣмъ рабочимъ раскрылъ глаза. Тѣмъ больше, что мы дремать не стали. Вначалѣ рабочихъ разбили на группы, но безъ общаго собранія всѣхъ группъ выборщики отказались выбирать депутатовъ. Имъ дали общее собраніе, но на другой день опять запретили. Все это на свою голову.

Революціонное самоуправленіе народа.

РЕЗОЛЮЦІЯ выработанная соединеннымъ собраніемъ въ количествѣ болѣе 500 человѣкъ изъ рабочихъ, представителей разнаго рода предпріятій и промышленниковъ всѣхъ мѣстныхъ національностей (русскихъ, татаръ, грузинъ арміянъ, евреевъ и др.).

Обсудивъ причины ужасной бойни, имѣвшей мѣсто въ г. Баку, Балаханахъ и Биби-Эйбатѣ съ 6-го по 10 февраля, собраніе единогласно пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Ни какой національной или другой какой либо массовой вражды между населеніемъ татарскимъ и армянскимъ не существовало и не было такихъ бытовыхъ причинъ, которыя вызывали бы эту вражду.

2) Единственной причиной ужасающихъ убійствъ погрома, грабежа и насилія является существующій самодержавный строй и политика царскаго правительства.

3) Царское правительство въ лицѣ своихъ мѣстныхъ представителей (полицейскихъ, приставовъ, полиціймейстеровъ и губернатора) несомнѣнно съ дозволенія верховной власти умышленно подготовило эту не первую въ Россіи бойню, натравляя одинъ народъ на другой, разжигая низменные инстинкты темнаго невѣжественнаго люда.

4) Помощь оружіемъ, оказанная мѣстной административной властью громиламъ, организованнымъ самой этой властью, явно намеренное бездѣйствіе военныхъ силъ, отказъ со стороны губернатора организовать мѣстнымъ гражданамъ добровольную милицію въ видахъ самообороны только утвердило собраніе въ той мысли — что событія послѣднихъ дней дѣло рукъ самаго царскаго правительства.

5) Послѣднія событія неопровержимо убѣдили каждаго гражданина, что его имущество и самый священный изъ даровъ человѣческой природы — жизнь ничѣмъ, не обезпечены.

6) Принимая во вниманіе послѣднія мѣстные событія, похожія на наши недавнія событія въ Кишеневѣ, Гомелѣ, кровавыя столкновенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ, нелѣпую войну на Дальнемъ Востокѣ, которая унесла уже милліоны народныхъ денегъ и сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ, и вести которую царское правительство оказалось совершенно не способнымъ — признано считать единственною вѣрною мѣрою къ умиротворенію всѣхъ сыновъ угнетенной, униженной и ограбленной несчастной родины это: а) сверженіе ненавистнаго всѣмъ классамъ россійскихъ гражданъ безчиннаго самовластнаго правительства; б) замѣна его правительствомъ, выбраннымъ отъ всего народа безъ различія вѣры націй и половъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и закрытаго избирательнаго права.

7) Къ умиротворенію же мѣстнаго населенія, взволнованнаго событіями послѣднихъ дней единственно возможной и важной мѣрой признана всеобщая забастовка рабочихъ всѣхъ промысловыхъ и заводскихъ районовъ г. Баку, уже объявленная мѣстными организаціями рабочихъ.

8) Задача всеобщей забастовки — широкое объединеніе всѣхъ классовъ общества въ видахъ выясненія причинъ только что пронесшейся надъ г. Баку кровавой драмы.

9) Въ виду же того, что мѣстное населеніе татаръ — мусульманъ, находившееся до сихъ поръ внѣ вліянія, какъ рабочихъ, такъ и капиталистическихъ организацій, и могущее по этому осуществленную теперь же идею всеобщей забастовки истолковать въ превратномъ смыслѣ, принято, временно пріостановить начавшееся уже забастовочное теченіе — ознакомить предварительно все населеніе съ задачами предстоящей забастовки.

10) Слѣдующія мѣропріятія считать цѣлесообразными и безусловно необходимыми для указаннаго ознакомленія:

а) Требовать самаго широкаго гласнаго суда надъ всѣми истинными виновниками преступной бойни.

б) Настоящее собраніе объявляется ежедневнымъ.

в) Собранія эти имѣютъ право посѣщать всѣ классы общества безъ различія націй и половъ.

Примѣчаніе. Всѣ рабочіе, желающіе посѣщать собранія, освобождаются въ часы собранія отъ повседневныхъ работъ безъ вычета заработной платы. Тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи объ увольненіяхъ или другого рода угрозахъ со стороны администрацій предпріятій. И то и другое гарантируется во 1-хъ общимъ собраніемъ во всемъ его составѣ и 2-хъ мѣстными рабочими организаціями.

г) Организуются нѣсколько группъ изъ представителей нѣсколькихъ національностей — задачей каковыхъ долженствуетъ быть широкое оповѣщеніе по существу настоящей резолюціи всего населенія г. Баку непосредственно въ пунктахъ или мѣстожительствахъ или на мѣстахъ работъ.

д) Всѣ администраціи всѣхъ предпріятій имѣютъ оказать самое широкое содѣйствіе названнымъ въ предшествовавшемъ пунктѣ группамъ, явившимся отъ имени общаго собранія.

е) Особо просить мѣстную интеллигенцію — отъ татаръ принять энергичное участіе, какъ въ группахъ, предназначенныхъ дѣйствовать среди рабочаго населенія, такъ главнымъ образомъ и въ группахъ, имѣющихъ цѣлью ознакомленіе сельчанъ.

11) Настоящую резолюцію въ тысячахъ экземпляровъ на всѣхъ языкахъ распространить среди мѣстнаго населенія, а такъ же разослать по возможности во всѣ концы Россіи.

11 февраля 1905 года.

Москва 16 февраля. Настроеніе среди широкой рабочей публики очень знаменательное. Конечно, я не скажу, чтобы оно было явно революціоннымъ, но, во всякомъ случаѣ, недалеко отъ того, и у тѣхъ группъ рабочихъ, которыя пока объ этомъ и не догадываются; они еще не уяснили себѣ значенія переживаемаго и пережитаго ими душевнаго переворота, они только выводятъ еще необходимыя логическія слѣдствія изъ накопившихся чувствъ и мыслей. На дняхъ администрація пригласила всѣхъ рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ Каз. дороги въ церковь. Пришли,—оказывается, будетъ панихида по Сергѣѣ. Были тамъ и организованные рабочіе, которые не успѣли еще опредѣлить своего отношенія къ этому, какъ вдругъ одинъ сѣрякъ заявляетъ священнику: „пусть будетъ панихида и по петербургскимъ убитымъ 9-го января“ — „Да, да“, начинаютъ кричать изъ толпы и соціальдемократы присоединяются. Священникъ волнуется, въ смущеніи объясняетъ, что есть секретный циркуляръ Синода, который запрещаетъ панихиды по убитымъ, т. к. они — мятежники. Раздаются крики негодованія и возгласы: „уйдемъ, коли такъ! Не хотите за рабочихъ панихиды, не будемъ и за Сергѣя молиться“ — и вся масса рабочихъ уходитъ, оставивъ въ церкви лишь администрацію и мастеровыхъ. Кажется, это достаточно характерно. На почвѣ такого настроенія у болѣе культурныхъ группъ рабочихъ чрезвычайный интересъ къ политическимъ вопросамъ, о нихъ толкуютъ даже тѣ рабочіе, которые стоятъ за невмѣшательство въ политику. „Стоитъ за невмѣшательство“, а самъ горячится: нуженъ ли подоходный налогъ, какъ должно быть устроено всеобщее обученіе и т. п. Мѣстомъ сходокъ и сборищъ подобныхъ рабочихъ служатъ легальныя собранія зубатовскихъ обществъ, часто устраиваемыя въ разныхъ мѣстахъ Москвы (на Грузинахъ, Нѣмецкой ул. и т. д.) и посѣщаемыя сотнями рабочихъ. Вотъ для характеристики настроенія точные отрывки изъ записей товарища — рабочаго (пренія ведутся въ присутствіи полиціи и шпиковъ) о нѣсколькихъ засѣданіяхъ той группы, которая собирается подъ руководствомъ Соколова (зубатовецъ). каждый разъ 200-300 чел.

„*22 января*. Предсѣдатель Соколовъ, открывъ собраніе, говоритъ, что здѣсь много переодѣтыхъ студентовъ. Поэтому, прошу ихъ оставить собраніе и удалиться.

Среди рабочихъ много обиженныхъ возгласовъ: тутъ нѣтъ студентовъ.

Одинъ *рабочій* встаетъ и обращается къ Соколову: послѣ сказанной вами рѣчи, какъ видите, изъ собранія никто не вышелъ, значитъ, тутъ нѣтъ переодѣтыхъ студентовъ.

Одинъ *столяръ* говоритъ: мы желаемъ студентовъ (голоса: мы и мы. Предсѣдатель: тише). Столяръ продолжаетъ: не только выгонять студентовъ, а наоборотъ, чтобъ они присутствовали у насъ на собраніяхъ.

Одинъ *слесарь*: желательно прямо приглашать ихъ на наши собранія, потому что желательно отъ нихъ подробно выслушать о политическихъ и экономическихъ вопросахъ.

Собраніе, чуть не хоромъ, кричитъ: да, да, и политику, и экономику, хотимъ слушать!

Предсѣдатель Соколовъ: „если собраніе желаетъ, чтобы на собраніи присутствовали студенты, тогда надо поручить коммиссіи“. (вѣроятно, раздавать билеты). Таковъ успѣхъ въ рабочей средѣ анти-интеллигентной и анти-студенческой пропаганды Хитровцы говорили графинѣ Бобринской, что полиція имъ обѣщаетъ по полтиннику и до рубля за день 19-го февраля, если будутъ бить студентовъ. Графиня сказала, что поѣдетъ передать это Волкову и попроситъ объясненій. Ходятъ слухи, что приготовленія къ студенческому погрому на 19-ое производятся помимо него. Отдѣльныя попытки избіеній, конечно, будутъ, но не думаю, чтобы начальству удалось сорганизовать здѣсь интеллигентный Кишиневъ или даже Казань. Возвращаюсь къ зубатовскимъ собраніямъ.

29 января, открывъ собраніе, Соколовъ прочелъ изъ „Русск. Вѣд.“ записку московскихъ фабрикантовъ. По прочтеніи ея собраніе постановило обсуждать по пунктамъ. 1-ый принятъ безъ разбирательства. 2-ой вызвалъ очень много преній и относительно обысковъ при выходѣ изъ завода, рабочіе пришли къ тому, чтобы отмѣнить, въ виду того, что обыскъ позоритъ личность человѣка; наряду съ этимъ, много доказывали о непремѣнной отмѣнѣ обысковъ вообще, въ жилищахъ и на улицѣ, полиціей. 3-ій и 4-ый приняты. 5-ый (чтобы народные представители рѣшали бюджетъ). Въ этотъ пунктѣ возникли существенныя разногласія относительно бюджетныхъ доходовъ. Только *зубатовцы* доказывали, что намъ нужно учавствовать только въ доходахъ фабрикантовъ и заводчиковъ, дѣлить прибыль между ними и нами, а вмѣшиваться въ правительственный бюджетъ — это не наше дѣло.

Встаетъ одинъ *рабочій*. Намъ непремѣнно самое главное участвовать и въ государственномъ доходѣ и расходѣ, потому что это связано съ государственнымъ благоустройствомъ страны А главное то, что неимущій классъ очень обремененъ косвенными налогами. Поэтому, непремѣнно нужно, чтобы былъ прямой подоходный налогъ на капиталы и наслѣдства.

Зубатовецъ (другой) говоритъ, чтобы для насъ строили школы на средства фабрикантовъ и заводчиковъ, потому что мы у нихъ работаемъ.

Говоритъ одинъ *столяръ*. Вы все время защищаете правительство, потому что вами долго руководилъ Зубатовъ во главѣ съ Треповымъ, и всѣ указанія получали изъ Охраннаго отдѣл. и министерства внутреннихъ дѣлъ. Я смотрю иначе на это и думаю, что большая часть товарищей со мной будетъ вполнѣ согласна. Нужно смотрѣть на зло не поверхностно и закрывать его охраннымъ отдѣленіемъ и циркулярами правительства, а нужно здраво искоренить его въ самомъ корнѣ. Такъ какъ наша правительственная машина стара, а въ послѣднее время совсѣмъ изломалась отъ труповъ и залита товарищеской кровью, то ее кой, но еще *менѣе уязвимой* является проволочное загражденіе. Значитъ мы вправѣ сдѣлать подстановку. Волонтеръ говоритъ: „Итакъ, наша полевая артиллерія оказывается безсильной *даже* (мы подчеркиваемъ „даже“) противъ заборовъ (скажемъ, проволочныхъ загражденій); что же она въ состояніи сдѣлать противъ хорошо (?) построенной баррикады соотвѣтственной высоты и глубины?“ Проволоку надо разорвать, а граната летитъ мимо; заборъ надо повалить, а граната только пробиваетъ его, дѣлаетъ изъ него рѣшето; заборъ стоитъ, а люди за нимъ падаютъ; въ насыпи же надо сдѣлать „воронку“, и граната дѣлаетъ воронку, разрушаетъ насыпь. Скажите сами: умѣстенъ ли выводъ „о малой дѣйствительности полевой артиллеріи“ противъ баррикады, даже хорошо построенной? Пусть лучше сегодня постигнетъ насъ разочарованіе на этотъ счетъ, тогда мы сможемъ обдумать средства борьбы.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на задачахъ артиллеріи во время войны и оцѣнкѣ того, насколько она оправдала возлагаемыя на нее надежды. Надо только одно помнить, что условія войны и условія уличной борьбы постольку отличаются другъ отъ друга, поскольку отличается стрѣльба съ четырехъ-пяти верстъ подъ мѣткимъ и, если не превосходящимъ, то равнымъ огнемъ противника, отъ стрѣльбы почти „вплотную“. Практику войны нельзя переносить въ обстановку уличной борьбы. И на этотъ разъ Энгельсъ болѣе правъ, нежели офицеръ М. Г. изъ „Рус. Вѣд“. или Мих. Павловичъ изъ Одессы.

Значитъ, борьба невозможна? Нѣтъ, отнюдь нѣтъ. *Бороться можно, и сильно и упорно бороться.* Но нужно, чтобы техника обороняющагося слѣдовала за техникой аттакующаго. *Техника и при современныхъ условіяхъ можетъ сдѣлать изъ баррикады грозное и серьезное оружіе обороны и перехода въ наступленіе.* Нужно знать, кромѣ того, какъ каждаго изъ противниковъ встрѣчать: какъ должна относиться баррикада къ появленію пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Мы и постараемся разобрать всѣ эти вопросы.

Прежде всего отмѣтимъ, что новая пушка стрѣляетъ снарядами всѣхъ тѣхъ же родовъ (граната (бомба, ядро), шрапнель и картечь), какъ и старая пушка. Мы имѣемъ въ виду пушки не 48 года съ шаровыми бомбами, а пушки съ 77 года. Новая пушка мѣтче, дальнобойнѣе, скорострѣльнѣе всякой прежней пушки. Какое же изъ этихъ качествъ можетъ особенно вредно отозваться при уличномъ столкновеніи? Главнымъ образомъ, мѣткость и скорострѣльность. И самое раціональное средство борьбы противъ артиллеріи — это быстрый и рѣшительный огонь.

Нынѣшняя артиллерія не можетъ стрѣлять съ разстоянія ближе 200-300 саж., ибо картечь и шрапнель (съ заводской установкой дистанціонной трубки) только съ этого разстоянія даютъ нужный разлетъ пуль — широкій снопъ. Ни картечь, ни шрапнель нельзя направить поверхъ головы людей. Слѣдовательно, разъ артиллерія показалась, нечего терять времени, нужно съ перваго же момента встрѣчать ее огнемъ, пользоваться неудобствомъ тѣсныхъ улицъ для артиллеріи, ея громоздкостью и неповоротливостью, нужно успѣть дезорганизовать ее, пока будутъ накатывать, поворачивать и устанавливать орудія. Въ эти нѣсколько минутъ долженъ быть открытъ частый, массовый, но спокойный огонь съ баррикадъ. И артиллерія можетъ быть отбита. Пушки могутъ подаваться уже заряженными, а потому время болѣе дорого.

При этомъ баррикаду надо строить непремѣнно изъ земли или песку, но отнюдь *не изъ камней*, ибо снарядъ, попадая въ камни, разбиваетъ ихъ на массу осколковъ, причиняющихъ большой вредъ людямъ. Всѣ камни надо убрать подальше. Песокъ всегда будетъ подъ руками, ибо подъ камнями мостовой лежитъ песчаный балластъ въ пять-шесть вершковъ. Сперва желательно *углубиться для стрѣльбы* съ колѣна, а потомъ, по мѣрѣ возможности, сдѣлать прикрытіе во весь ростъ. Внутреннюю сторону валика надо дѣлать возможно прямой (вертикальной). Толщину его постараться довести до полутора-двухъ аршинъ по верху. Противъ кавалеріи надо впереди баррикады насыпать *полосу битаго стекла* (бутылочнаго) и протянуть проволоки поперекъ улицы. Битое стекло рѣжетъ ноги лошадей: у офицеровъ и казаковъ заговоритъ чувство собственниковъ, ибо тѣ и другіе ѣздятъ на своихъ лошадяхъ.

Конечно, каждый частный случай имѣетъ свои особенности, и мы далеки отъ мысли дать безусловное и окончательное рѣшеніе вопроса. Мы хотимъ только указать путь начальной обороны, намѣтить наиболѣе раціональные пріемы военной оборонительной техники. Слѣдуетъ знать, что нынѣшняя военная техника предъявляетъ къ оборонѣ болѣе строгія требованія, нежели то кажется по отзывамъ тѣхъ или иныхъ военныхъ рецензентовъ и обозрѣвателей. Къ дѣлу постройки баррикадъ нужно привлекать военныхъ техниковъ, какъ руководителей, или самимъ ознакомиться съ началами фортификаціи.

Послѣ этого небольшого отступленія мы скажемъ еще нѣсколько словъ о профилѣ и планѣ баррикады или баррикаднаго городка. Наиболѣе цѣлесообразнымъ намъ представляется выборъ для баррикады узкой и не длинной улицы. Такую улицу легко забаррикадировать, не широкая и короткая улица крайне стѣснитъ войска, лишитъ ихъ необходимой поворотливости: кавалеріи — нѣтъ разбѣга; артиллеріи — нѣтъ простора, да и пѣхота можетъ дѣйствовать только малыми отрядами.

Постройку баррикады мы рекомендовали бы въ такомъ порядкѣ. Выбравъ въ удобной улицѣ короткій кварталъ и загородивъ искуственными преградами ближайшіе переулки, нужно по серединѣ этого квартала начать рыть широкій ровикъ и по обѣ его стороны насыпать валики такого типа.

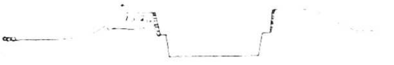

Тогда съ одной баррикады получается обстрѣлъ въ обѣ стороны улицы, и баррикада не имѣетъ тыла. Когда же эта баррикада закончена и доведена до соотвѣтственныхъ размѣровъ, тогда подъ ея прикрытіемъ можно начать строить баррикадный городокъ по обѣ стороны квартала. Такъ какъ улица даетъ возможность вести нападеніе сразу съ двухъ сторонъ, а пересѣченность улицъ способствуетъ хорошему прикрытію внезапныхъ нападеній войскъ, то надо соотвѣтственной постройкой баррикадъ помѣшать этому. Поэтому, если позволятъ силы и время, то уже построенную баррикаду можно расширить до баррикаднаго городка, добавивъ къ ней еще шесть баррикадъ такой профили:

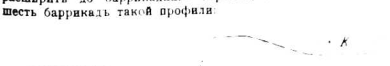

1, 2, 3, 4 баррикады въ переулкахъ — защита отъ фланговаго нападенія; а и в. главныя баррикады. Ихъ надо выстроить такъ, чтобы отсыпь валика шла по линіи угла дома. Угловая форма баррикадѣ придана съ тѣмъ, чтобы дать возможность стрѣлять во всѣ стороны, т. е. и по длинѣ улицы и по длинѣ переулка, выбивая войска изъ баррикадъ 1, 2, 3 и 4, если бы защитники вынуждены были уступить ихъ войскамъ. *p* — поперечная пероначальная баррикада съ ровиками *n* для сообщенія внутри ея; *m* — искусственныя загражденія ближайшихъ переулковъ. Эти загражденія (натянутая въ нѣсколько рядовъ колючая проволока) надо проводить такъ, чтобы они были доступны огню съ баррикадъ, чтобы не дать возможности безнаказанно ихъ разрушать.

Рыть слѣдуетъ такъ. Снявъ камни и убравъ ихъ во дворы, надо наполнить землей мѣшокъ и, положивъ его передъ собой, бросать на него вырываемую землю. Насыпавъ небольшой валикъ, класть второй мѣшокъ на первый, третій на второй и т. д., пока валикъ не получится намѣченной высоты (прикрытіе для стрѣльбы съ колѣна и стоя). Толща валика должна быть по верху 1½-2 арш., чтобы онъ былъ недосягаемъ для артиллеріи, т. е. чтобы граната за одинъ разъ не пробивала его. Такая баррикада дастъ вполнѣ надежный опорный пунктъ. Я сомнѣваюсь, чтобы войскамъ удалось ее взять, конечно, если защитники будутъ достаточно снабжены всѣми припасами. Пусть войска лучше обучены, зато они будутъ лишены всякаго прикрытія. Такая баррикада произведетъ на нихъ внушительное впечатлѣніе.

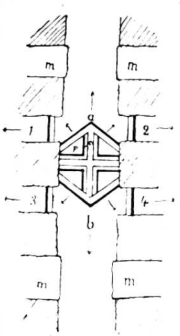

Быв. артиллеристъ.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Грандіозная стачка продолжается и все больше и больше мѣстностей захватывается ею. Въ рядѣ городовъ пережившихъ стачку въ январѣ или началѣ февраля, она возобновлена во второй половинѣ февраля; въ другихъ мѣстахъ она съ короткими паузами, то расширяясь, то сокращаясь, длится уже 1½ мѣсяца. Возобновленіе уже прекращенной стачки можно отмѣтить въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ, Саратовѣ, Либавѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Вильнѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, отчасти въ Москвѣ; непрерывное ея продолженіе въ Петербургѣ, Варшавѣ, Лодзи, Ростовѣ.

Къ уже перечисленнымъ прежде мѣстамъ надо прибавить: Одесса, Житоміръ, Николаевъ, Богородскъ, Царицынъ, Кулибаки (Атдаговск. у. Нижегород. губ.), Ташкентъ, Самаркандъ (?) Елецъ, Слуцкъ, Слонимъ; въ Донецкомъ бассейнѣ рудники: Кадіевскій, Жиловскій, Каменскій, Брянскій, Орловскій, Орлово-Елецкій, французскаго общества ст. Алмазная. Въ польскомъ стачечномъ районѣ мы еще не отмѣтили слѣдующія мѣста: Жирардово, Варш. губ.) Константиново, Александровъ, (Лодзинскій округъ), Каминскъ, Рудники, Кромоловъ, (Ченст. окр.) Цмелевъ, Стараховице, Болзеховъ, Ченстоцице (Радомскій окр.), Ловичъ, Соколовъ, Морды.

Петербургъ. Поразительно, какъ теперь работа идетъ. Она совершенно вышла изъ организаціонныхъ рамокъ, а стала *фактически* массовой. Если сравнить ее съ прошлой, то надежда на побѣду пролетаріата переходитъ въ увѣренность; при чемъ сама побѣда кажется слишкомъ близкой. Изъ самой среды рабочихъ выдвинулись политическіе вожди; главное, ихъ насчитываешь уже не единицами, а десятками. На почвѣ коммиссіи Шидловскаго удалось развернуть самую интенсивную работу. Удалось собрать всѣхъ возможныхъ кандидатовъ въ депутаты и съ ними много бесѣдовать. Всѣ они совершенно присоединились къ соц.-дем. требованіямъ, такъ что въ самый день выборовъ 13 февраля, они уже выступали съ опредѣленной политической платформой. Во время выборовъ были рѣчи и очень ярко политическія. Лишь изрѣдка раздавались голоса, что намъ не надо политики, но эти голоса заглушались громомъ протеста.

Почти на всѣхъ заводахъ было рѣшено выставить черезъ депутатовъ требованіе Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія, немедленнаго прекращенія войны, немедленнаго освобожденія политическихъ преступниковъ, и т. п. и т. п., и такимъ образомъ, совершить политическую демонстрацію въ коммиссіи Шидловскаго. Въ день политическаго выступленія депутатовъ въ коммиссіи Шидловскаго, всѣ рабочіе поддерживаютъ ихъ всеобщей забастовкой. Изъ легальныхъ газетъ вы уже видѣли, какимъ боевымъ образомъ настроены депутаты, но увѣряю васъ, что въ газетахъ это настроеніе не преувеличено, а наоборотъ преуменьшено. Царскій манифестъ очень кстати вышелъ. Онъ еще больше всѣмъ рабочимъ раскрылъ глаза. Тѣмъ больше, что мы дремать не стали. Вначалѣ рабочихъ разбили на группы, но безъ общаго собранія всѣхъ группъ выборщики отказались выбирать депутатовъ. Имъ дали общее собраніе, но на другой день опять запретили. Все это на свою голову.

Революціонное самоуправленіе народа.

РЕЗОЛЮЦІЯ выработанная соединеннымъ собраніемъ въ количествѣ болѣе 500 человѣкъ изъ рабочихъ, представителей разнаго рода предпріятій и промышленниковъ всѣхъ мѣстныхъ національностей (русскихъ, татаръ, грузинъ, армянъ, евреевъ и др.).

Обсудивъ причины ужасной бойни, имѣвшей мѣсто въ г. Баку, Балаханахъ и Биби-Эйбатѣ съ 6-го по 10 февраля, собраніе единогласно пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Ни какой національной или другой какой либо массовой вражды между населеніемъ татарскимъ и армянскимъ не существовало и не было такихъ бытовыхъ причинъ, которыя вызывали бы эту вражду.

2) Единственной причиной ужасающихъ убійствъ, погрома, грабежа и насилія является существующій самодержавный строй и политика царскаго правительства.

3) Царское правительство въ лицѣ своихъ мѣстныхъ представителей (полицейскихъ, приставовъ, полиціймейстеровъ и губернатора) несомнѣнно съ дозволенія верховной власти умышленно подготовило эту не первую въ Россіи бойню, натравляя одинъ народъ на другой, разжигая низменные инстинкты темнаго невѣжественнаго люда.

4) Помощь оружіемъ, оказанная мѣстной административной властью громиламъ, организованнымъ самой этой властью, явно намѣренное бездѣйствіе военныхъ силъ, отказъ со стороны губернатора организовать мѣстнымъ гражданамъ добровольную милицію въ видахъ самообороны только утвердило собраніе въ той мысли — что событія послѣднихъ дней дѣло рукъ самаго царскаго правительства.

5) Послѣднія событія неопровержимо убѣдили каждаго гражданина, что его имущество и самый священный изъ даровъ человѣческой природы — жизнь ничѣмъ не обезпечены.

6) Принимая во вниманіе послѣднія мѣстные событія, похожія на наши недавнія событія въ Кишеневѣ, Гомелѣ, кровавыя столкновенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ, нелѣпую войну на Дальнемъ Востокѣ, которая унесла уже миллионы народныхъ денегъ и сотни тысячъ человѣческихъ жертвъ, и вести которую царское правительство оказалось совершенно не способнымъ — признано считать единственно вѣрною мѣрою къ умиротворенію всѣхъ сыновъ угнетенной, униженной и ограбленной несчастной родины это: а) сверженіе ненавистнаго всѣмъ классамъ россійскихъ гражданъ безчиннаго самовластнаго правительства. б) замѣна его правительствомъ, выбраннымъ отъ всего народа безъ различія вѣры націй и половъ путемъ всеобщаго, прямого, равнаго и закрытаго избирательнаго права.

7) Къ умиротворенію же мѣстнаго населенія, взволнованнаго событіями послѣднихъ дней единственно возможной и важной мѣрой признана всеобщая забастовка рабочихъ всѣхъ промысловыхъ и заводскихъ районовъ г. Баку, уже объявленная мѣстными организаціями рабочихъ.

8) Задача всеобщей забастовки — широкое объединеніе всѣхъ классовъ общества въ видахъ выясненія причинъ только что пронесшейся надъ г. Баку кровавой драмы.

9) Въ виду же того, что мѣстное населеніе татаръ — мусульманъ, находившееся до сихъ поръ внѣ вліянія, какъ рабочихъ, такъ и капиталистическихъ организацій, и могущее по этому осуществленную теперь же идею всеобщей забастовки истолковать въ превратномъ смыслѣ, принято, временно пріостановить начавшееся уже забастовочное теченіе — ознакомить предварительно все населеніе съ задачами предстоящей забастовки.

10) Слѣдующія мѣропріятія считать цѣлесообразными и безусловно необходимыми для указаннаго ознакомленія:

а) Требовать самаго широкаго гласнаго суда надъ всѣми истинными виновниками преступной бойни.

б) Настоящее собраніе объявляется ежедневнымъ.

в) Собранія эти имѣютъ право посѣщать всѣ классы общества безъ различія націй и половъ.

Примѣчаніе. Всѣ рабочіе, желающіе посѣщать собранія, освобождаются въ часы собранія отъ повседневныхъ работъ безъ вычета заработной платы. Тѣмъ болѣе не можетъ быть и рѣчи объ увольненіяхъ или другого рода угрозахъ со стороны администрацій предпріятій. И то и другое гарантируется во 1-хъ общимъ собраніемъ во всемъ его составѣ и 2-хъ мѣстными рабочими организаціями.

г) Организуются нѣсколько группъ изъ представителей нѣсколькихъ національностей — задачей каковыхъ долженствуетъ быть широкое оповѣщеніе по существу настоящей резолюціи всего населенія г. Баку непосредственно въ пунктахъ или мѣстожительствахъ или на мѣстахъ работъ.

д) Всѣ администраціи всѣхъ предпріятій имѣютъ оказать самое широкое содѣйствіе названнымъ въ предшествовавшемъ пунктѣ группамъ, явившимся отъ имени общаго собранія.

е) Особо просить мѣстную интеллигенцію — отъ татаръ принять энергичное участіе, какъ въ группахъ, предназначенныхъ дѣйствовать среди рабочаго населенія, такъ главнымъ образомъ и въ группахъ, имѣющихъ цѣлью ознакомленіе сельчанъ.

11) Настоящую резолюцію въ тысячахъ экземпляровъ на всѣхъ языкахъ распространить среди мѣстнаго населенія, а также разослать по возможности во всѣ концы Россіи.

11 февраля 1905 года.

Москва 16 февраля. Настроеніе среди широкой рабочей публики очень знаменательное. Конечно, я не скажу, чтобы оно было явно революціоннымъ, но, во всякомъ случаѣ, недалеко отъ того, и у тѣхъ группъ рабочихъ, которыя пока объ этомъ и не догадываются; они еще не уяснили себѣ значенія переживаемаго и пережитаго ими душевнаго переворота, они только выводятъ еще необходимыя логическія слѣдствія изъ накопившихся чувствъ и мыслей. На дняхъ администрація пригласила всѣхъ рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ Каз. дороги въ церковь. Пришли, — оказывается, будетъ панихида по Сергѣѣ. Были тамъ и организованные рабочіе, которые не успѣли еще опредѣлить своего отношенія къ этому, какъ вдругъ одинъ сѣрякъ заявляетъ священнику: „пусть будетъ панихида и по петербургскимъ убитымъ 9-го января“. „Да, да“, начинаютъ кричать изъ толпы и соціальдемократы присоединяются. Священникъ волнуется, въ смущеніи объясняетъ, что есть секретный циркуляръ Синода, который запрещаетъ панихиды по убитымъ, т. к. они — мятежники. Раздаются крики негодованія и возгласы: „уйдемъ, коли такъ! Не хотите за рабочихъ панихиды, не будемъ и за Сергѣя молиться“ — и вся масса рабочихъ уходитъ, оставивъ въ церкви лишь администрацію и мастеровыхъ. Кажется, это достаточно характерно. На почвѣ такого настроенія у болѣе культурныхъ группъ рабочихъ чрезвычайный интересъ къ политическимъ вопросамъ, о нихъ толкуютъ даже тѣ рабочіе, которые стоятъ за невмѣшательство въ политику. „Стоитъ за невмѣшательство“, а самъ горячится: нуженъ ли подоходный налогъ, какъ должно быть устроено всеобщее обученіе и т. п. Мѣстомъ сходокъ и сборищъ подобныхъ рабочихъ служатъ легальныя собранія зубатовскихъ обществъ, часто устраиваемыя въ разныхъ мѣстахъ Москвы (на Грузинахъ, Нѣмецкой ул. и т. д.) и посѣщаемыя сотнями рабочихъ. Вотъ для характеристики настроенія точные отрывки изъ записей товарища — рабочаго (пренія ведутся въ присутствіи полиціи и шпиковъ) о нѣсколькихъ засѣданіяхъ той группы, которая собирается подъ руководствомъ Соколова (зубатовецъ). Каждый разъ 200-300 чел.

„22 января. Предсѣдатель Соколовъ, открывъ собраніе, говоритъ, что здѣсь много переодѣтыхъ студентовъ. Поэтому, прошу ихъ оставить собраніе и удалиться.

Среди рабочихъ много обиженныхъ возгласовъ: тутъ нѣтъ студентовъ.

Одинъ *рабочій* встаетъ и обращается къ Соколову: послѣ сказанной вами рѣчи, какъ видите, изъ собранія никто не вышелъ, значитъ, тутъ нѣтъ переодѣтыхъ студентовъ.

Одинъ *столяръ* говоритъ: мы желаемъ студентовъ (голоса: мы и мы. Предсѣдатель: тише). Столяръ продолжаетъ: не только выгонять студентовъ, а наоборотъ, чтобъ они присутствовали у насъ на собраніяхъ.

Одинъ *слесарь*: желательно прямо приглашать ихъ на наши собранія, потому что желательно отъ нихъ подробно выслушать о политическихъ и экономическихъ вопросахъ.

Собраніе, чуть не хоромъ, кричитъ: да, да, и политику, и экономику, хотимъ слушать!

Предсѣдатель Соколовъ: „если собраніе желаетъ, чтобы на собраніи присутствовали студенты, тогда надо поручить коммиссіи“. (вѣроятно, раздавать билеты). Таковъ успѣхъ въ рабочей средѣ анти интеллигентной и анти-студенческой пропаганды. Хитровцы говорили графинѣ Бобринской, что полиція имъ обѣщаетъ по полтиннику и до рубля за день 19-го февраля, если будутъ бить студентовъ. Графиня сказала, что поѣдетъ передать это Волкову и попроситъ объясненій. Ходятъ слухи, что приготовленія къ студенческому погрому на 19-ое производятся помимо него. Отдѣльныя попытки избіеній, конечно, будутъ, но не думаю, чтобы начальству удалось сорганизовать здѣсь интеллигентный Кишиневъ или даже Казань. Возвращаюсь къ зубатовскимъ собраніямъ.

29 января, открывъ собраніе, Соколовъ прочелъ изъ „Русск. Вѣд.“ записку московскихъ фабрикантовъ. По прочтеніи ея собраніе постановило обсуждать по пунктамъ. 1-ый принятъ безъ разбирательства. 2-ой вызвалъ очень много преній и относительно обысковъ при выходѣ изъ завода, рабочіе пришли къ тому, чтобы отмѣнить, въ силу того, что обыскъ позоритъ личность человѣка наряду съ этимъ, много доказывали о непремѣнной отмѣнѣ обысковъ вообще, въ жилищахъ и на улицѣ, полиціей. 3-ій и 4-ый приняты. 5-ый (чтобы народные представители рѣшали бюджетъ). Въ этотъ пунктѣ возникли существенныя разногласія относительно бюджетныхъ доходовъ. Только *зубатовцы* доказывали, что намъ нужно участвовать только въ доходахъ фабрикантовъ и заводчиковъ, дѣлить прибыль между ними и нами, а вмѣшиваться въ правительственный бюджетъ — это не наше дѣло.

Встаетъ одинъ *рабочій*. Намъ непремѣнно самое главное участвовать и въ государственномъ доходѣ и расходѣ, потому что это связано съ государственнымъ благоустройствомъ страны. А главное то, что неимущій классъ очень обремененъ косвенными налогами. Поэтому, непремѣнно нужно, чтобы былъ прямой подоходный налогъ на капиталы и наслѣдства.

Зубатовецъ другой) говоритъ, чтобы для насъ строили школы на средства фабрикантовъ и заводчиковъ, потому что мы у нихъ работаемъ.

Говоритъ одинъ *столяръ*. Вы все время защищаете правительство, потому что вами долго руководилъ Зубатовъ во главѣ съ Треповымъ, и всѣ указанія получали изъ Охраннаго отдѣл. и министерства внутреннихъ дѣлъ. Я смотрю иначе на это и думаю, что большая часть товарищей со мной будетъ вполнѣ согласна. Нужно смотрѣть на зло не поверхностно и закрывать его охраннымъ отдѣленіемъ и циркулярами правительства, а нужно здраво искоренить его въ самомъ корнѣ. Такъ какъ наша правительственная машина стара, а въ послѣднее время совсѣмъ наломалась отъ труповъ и залита товарищеской кровью, то ее нужно замѣнить новой, которая не была бы приспособлена для человѣческихъ жертвъ, а наоборотъ, для усовершенствованія жизни. Передъ нами прошла всероссійская кровавая картина и ее долгія поколѣнія будутъ помнить; во избѣжаніе такихъ повтореній, нужно поставить во главѣ народное представительство, избранное прямой и тайной подачей голосовъ. Только оно одно и можетъ вывести изъ ея хроническаго режима, созданнаго русскимъ правительствомъ въ защиту интересовъ своихъ и близкихъ ему обирателей

Слово взялъ *слесарь*: я могу только добавить нѣсколько словъ къ сказаннымъ предыдущимъ товарищемъ: когда будетъ такое у насъ правительство, т. е. народное избранное, тогда и образованіе будетъ на счетъ государства, и не частное, а обязательное. А отъ настоящаго правительства нельзя ждать таковаго, потому что оно сознательно тормозило народное развитіе: чѣмъ больше народъ некультуренъ, тѣмъ легче надъ нимъ издѣваться и повелѣвать. Какъ примѣръ привожу настоящую войну, что насъ бьютъ и вдоль и поперекъ, да этого мало, что бьютъ чужіе — мы себя бьемъ, какъ это было въ отрядѣ Орлова и Штакельберга. А почему? — Потому, что ничего не понимаютъ не знаютъ, какъ насъ учить? Только долбятъ все время учителя, а въ особенности сильно заботятся объ этомъ попы, что за царскій домъ надо душу отдать и даже убивать отца родного, если царь скажетъ. А еслибы были они всѣ хорошо образованные, если-бы существовала у насъ свобода печати и слова и равенство, то тогда бы знали, за что ведется эта война, и я говорю и твердо и убѣжденно, то мы сразу уничтожили бы всю японскую армію. А такъ какъ теперь война намъ не нужна, наши солдаты не знаютъ грамоты, не культурны, то насъ и бьютъ. поэтому я заключаю и говорю, что нужно не частичное переустройство внутри, какъ это говорятъ нѣкоторые, а коренное и радикальное.

Говоритъ зубатовецъ: теперь послѣ указа 12-го декабря засѣдаетъ комитетъ министровъ, значитъ, самъ царь знаетъ, что нужно перемѣнить немного, сдѣлать для народа, но не все сразу, а постепенно. — Такимъ образомъ, это легальное собраніе—настоящая политическая школа, гдѣ производится жесточайшая критика нашего „хроническаго режима“: факты показываютъ, что надо обратить вниманіе на легальные союзы. Замѣчательно, что и зубатовцы, повидимому, не возражаютъ принципіально противъ конституціи, а лишь находятъ ее несвоевременной. Въ концѣ собранія одинъ изъ видныхъ рабочихъ, затемненныхъ охраннымъ отдѣленіемъ, Афанасьевъ предложилъ новый уставъ о рабочихъ союзахъ, въ которомъ значится свыше 40 параграфовъ. Началъ читать: то зависитъ отъ градоначальника, то зависитъ отъ полиціймейстера, на что рабочіе кричали „свинья!“ Даже слышалось „замолчи, провокаторъ!“ и какъ онъ ни старался, чтобы уставъ его былъ принятъ и подписанъ рабочими, но его попытка понесла полное пораженіе, и онъ, красный, удалился изъ собранія. Собраніе постановило, что такіе уставы ему не нужны, ибо это преждевременно, разъ мы не имѣемъ права собираться. Какъ видите, эти голоса рабочихъ довольно опредѣленны. Въ Москвѣ легальныя общества имѣютъ 6 отдѣловъ, во всѣхъ собранія ежедневно; кромѣ выступленія рабочихъ на собраніяхъ при полиціи, устраиваются еще массовки для желающихъ зубатовцевъ.

Среди рабочихъ замѣтное оживленіе. То и дѣло вспыхиваютъ забастовки, напр. въ Рогожскомъ районѣ три дня назадъ забастовала совсѣмъ сѣрая фабрика въ 300 чел., позавчера заводъ въ 750-800 чел.; среди рабочихъ повсюду замѣчается тенденція къ выработкѣ своихъ требованій, къ избранію коммиссій изъ собственныхъ выборныхъ и т. д.

Кіевъ. Настроеніе во всѣхъ слояхъ общества хотя и не приподнятое, но бодрое и выжидательное; всюду, гдѣ только можно надѣяться на успѣхъ забастовки, народъ бастуетъ, и хотя онѣ происходятъ спорадически и носятъ чисто экономическій характеръ, тѣмъ не менѣе являются великолѣпными репетиціями грядущей общей забастовки.

Въ частности, у насъ бастуетъ уже больше недѣли управленіе Юго-Западн. каз. жел. дор. (интеллигенты — до 3000) и фармацевты. Тѣ и другіе добились значительныхъ успѣховъ, но къ соглашенію еще не пришли. Вчера съ управляющимъ переговоры прекращены и для нихъ введено особое положеніе о служащихъ на ж. д. въ военное время, карающее оставленіе службы тюрьмой. Взамѣнъ забастовавшихъ фармацевтовъ, командующій округомъ назначилъ въ аптеки на помощь владѣльцамъ, военныхъ фармацевтовъ. Положеніе обостряется. Вчера же начала бастовать домашняя прислуга.

Кременчугъ. Еще до ужаснаго девятаго января, когда получены были извѣстія о забастовкѣ въ Петербургѣ, рабочіе собрались для обсужденія созданнаго этой забастовкой положенія. Настроеніе организованныхъ рабочихъ ясно указывало на неизбѣжность забастовки и у насъ, на необходимость серьезно къ ней готовиться. Объ этомъ говорилось такъ настойчиво, въ особенности послѣ девятого января, что обыватели не на шутку струсили. Всюду заговорили о всероссійской забастовкѣ и о неизбѣжномъ всеобщемъ возстаніи, какъ естественномъ слѣдствіи всеобщей забастовки.

И комитетъ нашъ сталъ готовиться. Всякія спеціальныя занятія и очередные вопросы были отодвинуты на задній планъ, и на собраніяхъ вниманіе всѣхъ было занято начавшейся революціей.

Такъ продолжалось до первыхъ чиселъ февраля, когда на нѣкоторыхъ фабрикахъ началась забастовка. Первыми забастовали прачешники, которые на другой же день выиграли и приступили къ работамъ, заявивъ хозяевамъ, что въ случаѣ всеобщей забастовки они тоже прекратятъ работу. Четвертаго февраля утромъ прекращены были работы на конфектныхъ фабрикахъ, на механическихъ фабрикахъ обуви и т. д. Всѣ эти рабочіе часамъ къ 10 собрались на главную улицу, Екатерининскую. Тамъ ихъ встрѣтилъ полиціймейстеръ Ивановъ и жандармскій ротмистръ Якобсонъ, посовѣтовавшіе рабочимъ представить имъ на слѣдующій день на бумагѣ свои требованія. Послѣ этого рабочіе двинулись на Красную площадь, увлекая по пути и другихъ рабочихъ и глазѣющую съ любопытствомъ публику. Вслѣдъ за толпой шелъ отрядъ конныхъ городовыхъ во главѣ съ офицеромъ. Вся полиція, какъ и казаки, еще наканунѣ была приведена въ „боевую“ готовность, такъ какъ комитетами были выпущены прокламаціи, въ которыхъ вкратцѣ охарактеризованы были происходящія въ Россіи событія и указана была позиція, которую долженъ занять пролетаріатъ.

На площади отъ имени комитета было предложено рабочимъ собраться вмѣстѣ съ другими товарищами, къ 10 часамъ утра слѣдующаго дня на той же площади, гдѣ будутъ предложены на разсмотрѣніе требованія, выработанныя комитетомъ, и гдѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ выработаны новыя. Но рабочіе, по предложенію одного оратора, рѣшили идти по всѣмъ мастерскимъ, фабрикамъ и заводамъ и остановить въ этотъ день работы всюду, не дожидаясь завтрашняго дня. Такъ мы и сдѣлали.

На крупныхъ лѣсопильныхъ заводахъ Родкина, Сандомирскаго и др., рабочіе по данному сигналу (гудку) бросали работы и охотно присоединялись къ намъ. Такимъ образомъ, число забастовавшихъ рабочихъ все увеличивалось.

На одномъ изъ заводовъ рабочіе раздѣлились на двѣ довольно большія группы, изъ которыхъ одна пошла на остальные фабрики и заводы города Кременчуга, а другая, болѣе многочисленная, въ числѣ которой былъ и пишущій эти строки, рѣшила, по общему согласію, пойти по берегу Днѣпра съ цѣлью привлечь къ забастовкѣ и тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ на берегу. Послѣднихъ очень много. Все это не молодой, не одинъ десятокъ лѣтъ работающій людъ, получающій за свою поистинѣ каторжную работу 40 коп. въ день. И это люди — 40 — 50 и даже больше лѣтъ, у которыхъ, какъ многіе мнѣ говорили, по 5-6 собственныхъ дѣтей, да еще дѣти сына или зятя, ушедшаго на войну. Всѣ эти рабочіе встрѣчали насъ всюду съ распростертыми объятіями. Собравъ такимъ образомъ свыше тысячи рабочихъ, мы двинулись по льду въ Крюковъ, находящійся по правую сторону Днѣпра. На льду мы сдѣлали остановку, и одинъ изъ ораторовъ — рабочій произнесъ краткую, но горячую и энергичную рѣчь, встрѣченную съ восторгомъ. Весело и энергично двинулись мы въ Крюковъ съ цѣлью присоединить къ себѣ рабочихъ лѣсопильныхъ заводовъ Крюкова и рабочихъ (800 чел.) желѣзнодорожной мастерской. А рабочіе все прибывали и прибывали, такъ что, когда первые ряды рабочихъ входили въ Крюковъ, послѣдніе только приближались ко льду. По дорогѣ на ходу велась живая агитація. На лицѣ каждаго видно было серьезное сознаніе того, что онъ дѣлаетъ, и твердая увѣренность въ правотѣ своихъ требованій, и въ побѣдѣ.

Какъ только мы показались въ Крюковѣ, береговые рабочіе пошли къ намъ на встрѣчу, привѣтствуя насъ: „мы, дружки, давно ждемъ васъ“. Тамъ, гдѣ работало нѣсколько человѣкъ, одному изъ нихъ поручалось унести куда нибудь инструменты, а остальные уходили съ нами.

Еще прежде полиція отъ насъ отстала, и мы шли безъ „конвоя“. На одномъ заводѣ, въ Крюковѣ, насъ встрѣтилъ приставъ III части и пытался было уговорить рабочихъ разойтись. На это наивное предложеніе блюстителя порядка рабочіе отвѣтили громкимъ смѣхомъ, а одинъ изъ ораторовъ произнесъ соотвѣтствующую настроенію рабочихъ политическую рѣчь, послѣ чего мы еще дружнѣе двинулись впередъ, унося своимъ потокомъ высыпавшихъ на улицу рабочихъ другихъ заводовъ и мастерскихъ.

Вначалѣ сравнительно немногочисленная группа рабочихъ превратилась черезъ нѣсколько часовъ въ толпу, насчитывавшую свыше двухъ тысячъ человѣкъ. Тутъ были молодцы 15 лѣтніе и рабочіе за 50 лѣтъ. Рядомъ со мною шелъ рабочій 45 лѣтъ съ сыномъ своимъ 20 лѣтнимъ. Оба они были воодушевлены одной и той же мыслью, однимъ и тѣмъ же могучимъ желаніемъ добиться улучшенія своего экономическаго и политическаго положенія. (Я пишу это на основаніи разговора моего съ ними въ пути). Улицы, по которымъ двигалась „могучая армія труда“, были усѣяны „публикой“, смотрѣвшей съ удивленіемъ на невиданное у насъ дотолѣ торжественное шествіе пролетаріата. Шествіе было поистинѣ великолѣпное, торжественное, побѣдное: полиція не только не вмѣшивалась, но... даже защищала насъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Какъ то въ толпѣ очутился пьяный желѣзнодорожный чиновникъ. И задумалъ онъ остановить насъ. „Стой“, кричитъ онъ, а когда ближайшій къ нему рабочій, не обращая на него вниманія, продолжалъ идти, чиновникъ схватилъ его, желая ударить. Рабочіе двинулись на него, но приставъ самъ вызвался избавить насъ отъ такого попутчика, и его увели городовые, давъ предварительно пару подзатыльниковъ. Такъ „помогала“ намъ полиція.

Сдѣлавъ свое дѣло въ городѣ, мы направились къ желѣзнодорожнымъ мастерскимъ, находящимся за двѣ версты отъ города. Пока мы подошли къ этимъ мастерскимъ, представился еще случай поговорить съ рабочими, чѣмъ одинъ ораторъ и воспользовался.

Ворота желѣзнодорожныхъ мастерскихъ оказались запертыми, а на встрѣчу намъ вышли жандармы и нѣсколько чиновъ полиціи. На требованіе рабочихъ открыть ворота, намъ отвѣтили приглашеніемъ послать депутатовъ къ начальнику для переговоровъ съ нимъ. Было выбрано нѣсколько человѣкъ и въ ихъ числѣ вашъ покорный слуга. Въ переговоры, собственно говоря, мы не вступили, а потребовали открыть ворота, грозя, въ противномъ случаѣ, перелѣзть черезъ заборъ и пойти въ мастерскія. Начальникъ обѣщалъ передать наши желанія рабочимъ, для чего попросилъ у насъ 10 минутъ. Мы согласились на это.

Между прочимъ въ „аудіенціи“ у начальника, послѣдній сказалъ, что рабочимъ незачѣмъ безпокоиться и бунтовать, когда въ министерство внесенъ проектъ объ улучшеніи положенія рабочаго класса, съ разрѣшенія любвеобильнаго порфироноснаго убійцы. Это дало намъ возможность освѣтить дѣятельность всякихъ „коммиссій“ по рабочему вопросу и подробно остановиться на томъ, какъ должны относиться рабочіе къ различнымъ „улучшеніямъ“ и реформамъ сверху. Рѣчь, произнесенную по этому поводу, полиція и жандармы нѣсколько разъ пытались остановить, разрѣшая говорить о „рабочемъ вопросѣ“, но не допуская критики дѣйствій правительства.

Мѣсяцъ — два тому назадъ, кременчугскій полиціймейстеръ Ивановъ готовъ былъ собственными руками задушить всякаго, носившаго рубашку-косоворотку или длинные волосы.

Мы, конечно, не обращали никакого вниманія на „разрѣшенія“ или „неразрѣшенія“ полиціи и говорили то и такъ что и какъ считали нужнымъ, тѣмъ болѣе, что всякая попытка остановить оратора, встрѣчала такой отпоръ и такія внушительные „долой“, что полиція быстро пятилась назадъ, очищая мѣсто вокругъ оратора[1]). Окончивъ, при единодушномъ взрывѣ одобренія, рѣчь, ораторъ предложилъ перелѣзть черезъ заборъ, такъ какъ начальникъ не возвращался. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, двинулись къ забору, и черезъ минуту всѣ уже были во дворѣ и зашагали по направленію къ мастерскимъ. Оказалось, что работы въ мастерскихъ прекратили еще раньше, какъ только узнали, что мы идемъ къ заводу.

Всѣ рабочія завода стояли во дворѣ, и тутъ же рядомъ администрація мастерскихъ. Вначалѣ рабочіе, въ особенности мастера, не соглашались бастовать, считая забастовку несвоевременной, какъ выразился одинъ мастеръ.

Но намъ удалось убѣдить ихъ въ томъ, что о несвоевременности не можетъ быть и рѣчи, и прежде стоявшіе отдѣльно отъ насъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, смѣшались съ нами.

Къ этому времени прибылъ „самъ“ жандармскій ротмистръ Якобсонъ, думавшій, что своимъ грознымъ крикомъ заставитъ разбѣжаться всѣхъ. Но рабочіе отвѣтили ему такимъ громкимъ и грознымъ „долой“, что нашъ храбрый ротмистръ поспѣшилъ скрыться, бросивъ на ходу: „ждите, дождетесь“! Все это продолжалось до 6 часовъ вечера, и мы рѣшили распустить собраніе до слѣдующаго утра, назначивъ сборнымъ пунктомъ Красную площадь въ Кременчугѣ, куда должны были придти по предварительному соглашенію и кременчугскіе рабочіе. Послѣ этого рабочіе стали расходиться по домамъ, веселые и довольные успѣхомъ четвертаго февраля. Когда мы отошли на большое разстояніе отъ мастерскихъ, намъ навстрѣчу показалась сотня казаковъ, вначалѣ пропустившая насъ мимо. Но, по распоряженію ѣхавшаго за нами жандармскаго начальника, они затѣмъ кинулись на насъ, какъ разъяренные звѣри, нанося удары направо и налѣво. Пишущій эти строки тоже получилъ въ тотъ день „боевое крещеніе“. Но особенно блестящей побѣды нашим храбрые казаки не одержали, такъ какъ пріѣхали слишкомъ поздно. Такъ прошелъ день четвертаго февраля въ Крюковѣ.

Въ Кременчугѣ товарищи работали не менѣе успѣшно. Произносилось меньше рѣчей, но за то на виду у полиціи раздавались прокламаціи „Къ рабочимъ“ и „Къ солдатамъ“, приготовленныя комитетомъ заранѣе. Нѣкоторыми прокламаціи, тутъ же прочитывались вслухъ съ соотвѣтствующими комментаріями. Разсказываютъ, что передъ отрядомъ казаковъ одинъ изъ рабочихъ прочелъ прокламацію „Къ солдатамъ“, и полиція ему не могла помѣшать сдѣлать это. И здѣсь, какъ въ Крюковѣ, рабочіе рѣшили собраться на слѣдующій день. Арестовъ 4 февраля не было произведено никакихъ, по той простой причинѣ, что рабочіе не давали.

На слѣдующій день, въ субботу, 5 февраля, соединеннаго собранія Крюковскихъ и Кременчугскихъ рабочихъ не удалось устроить, такъ какъ мостъ и берегъ Днѣпра были заняты казаками, съ которыми Крюковскіе товарищи вступили въ драку, но безуспѣшно.

Такимъ образомъ, суббота прошла спокойнѣе. Но за то съ понедѣльника 7-го февраля забастовка стала дѣйствительно *всеобщей*: прекратили работы всѣ мастерскія, фабрики и заводы, служащіе на трамваѣ и приказчики. Но, такъ какъ въ этотъ день авторъ настоящей корреспонденціи долженъ былъ уѣхать изъ К., то отчетъ о послѣдующихъ событіяхъ будетъ представленъ другимъ товарищемъ.

Екатеринославъ. Настроеніе здѣсь въ послѣднее время поднялось, и вниманіе массы концентрируется на 8 и час. рабоч. днѣ. Это становится всеобщимъ лозунгомъ, который все болѣе и болѣе выдвигаетъ сама масса. Вѣроятно, скоро здѣсь будетъ всеобщая стачка. Идутъ толки что 19-го что-то будетъ, и полиція предполагаетъ устроить еврейскій погромъ. Надняхъ губернаторъ пригласилъ къ себѣ представителя еврейской общины и заявилъ; „въ послѣднее время на собраніяхъ попадаются лишь евреи; я пришелъ къ заключенію, что все устраиваютъ здѣсь евреи. Повліяйте на своихъ. Иначе 19-го будетъ плохо“. Въ городъ нагнали казаковъ.

Сегодня, 14-го состоялся около жел. дор. мастерскихъ митингъ. Дѣло въ томъ, что по распоряженію министерства жел. дор. рабочимъ дали 9 и часовой рабочій день. Они требуютъ 8-и час. и уже нѣсколько дней бросаютъ работу не въ 5, а въ 4 часа. Мы устроили митингъ, рабочихъ было 1000 человѣкъ. (это число не преувеличено, скорѣе уменьшено). Говорилъ ораторъ изъ партіи о 8-и часовомъ рабочемъ днѣ, объ Учредительномъ Собраніи, и когда сказалъ: „Товарищи, да здравствуетъ Учред. Собраніе!“ толпа закричала „ура!“. Потомъ онъ разъяснилъ задачи Учредительнаго Собранія. Рабочіе кричали: „да здравствуетъ революція!“. Недавно была сходка студентовъ-горняковъ (до 150 чел.), принята резолюція петербургскихъ технологовъ, всѣ подписывались. Выступалъ ораторъ отъ партіи.

Екатеринославъ Вчера, т. е. 16 произошло слѣдующее. Когда кончились работы на гвоздильномъ заводѣ, то остановили передъ заводомъ толпу. Было человѣкъ 150, говорилъ нашъ ораторъ, говорилъ о восьмичасовомъ днѣ, объ учредительномъ собраніи, о погромѣ. Публика очень сочувственно принимала, кричала ура: говорилъ минутъ 15. Потомъ толпа пошла отъ завода, причемъ кучка, шедшая во главѣ, запѣла марсельезу. За заводомъ опять остановились; было болѣе 200 человѣкъ, опять говорилъ ораторъ. Въ это время изъ толпы раздались голоса: подождемъ расходиться, трубные сейчасъ подойдутъ. Шедшимъ съ трубнаго завода толпа кричала: подходи сюда. Рабочихъ трубнаго завода подошло человѣкъ 200; тогда рабочіе, бывшіе при первыхъ двухъ рѣчахъ, заявили: теперь расходись, дай мѣсто трубнымъ. Ораторъ опять говорилъ о восьмичасовомъ днѣ, объ учредительномъ собраніи, о погромѣ, потомъ еще ораторъ (рабочій) о Земскомъ Соборѣ. Толпа кричала ура. Два полисмена созерцали картину. Разошлись, говоря: завтра опять соберемся. Сегодня 17 опять: здѣсь предполагается митингъ, а также долженъ быть митингъ завода Эзау. Аресты идутъ, но и собранія каждый день идутъ. Здѣсь въ послѣднее время готовится погромъ — запасные офицера говорятъ, что они теперь будутъ ихъ отыскать на цѣлые дни, и дѣлать они все могутъ; въ одномъ мѣстѣ уже побили окна въ еврейской квартирѣ.

Вчера у желѣзнодорожныхъ мастерскихъ поставили у входовъ казаковъ, чтобы не пустить рабочихъ въ четыре часа, а заставить ихъ работать до пяти. Рабочіе выбили окна и ушли въ нихъ. Они вмѣсто девяти часовъ работаютъ восемь; имъ теперь по росписанію нужно работать до пяти, но они уходятъ въ четыре.

БАХМУТЪ Волынцевскій-Петровскій заводъ.

Стачка длилась 15 дней, прошла въ образцовомъ порядкѣ. Убытки владѣльцевъ громадны; одна остановка доменныхъ печей вызвала убытку до милліона рублей.

Приводимъ первоначальныя требованія рабочихъ и рядомъ отвѣтъ на нихъ администраціи завода.

1) 8-ми час. раб. день.	1) Нормировка рабочаго дня вопросъ законодательства и не можетъ быть принята заводомъ. Министръ же финансовъ обѣщалъ разработать вопросъ о сокращ. раб. дня.
2) Увеличеніе жалованья на 50% безъ лишенія права участвовать въ преміи.	2) Въ виду переживаемаго страной тяжелаго времени и низкихъ цѣнъ — невозможно удовлетворить.
3) Учрежденіе выборн. коммиссіи, на обязанности которой лежитъ контроль надъ дѣйствіями администраціи при учетѣ и разсчетѣ рабочихъ. Безъ послѣдней никто не долженъ быть увольняемъ. Коммиссія разбираетъ всѣ недоразумѣнія между рабочими и администраціей.	3) Вопросъ общегосударствен. и безъ правительства не можетъ быть разрѣшенъ. Министръ ф-овъ объявилъ, что готовъ приступить къ разработкѣ мѣръ, дающихъ рабочимъ способы обсуждать свои нужды и заявлять о нихъ.
4) Во все время болѣзни, вызванной несчастнымъ случаемъ, заводъ долженъ платить полное жалованье.	4) Въ данномъ вопросѣ администрація будетъ придерживаться буквы закона 2 іюня 1903 г., измѣнять который не вправѣ ни рабочіе, ни заводоуправленіе.
5) Во время болѣзни, не вызванной несчастнымъ случаемъ, заводъ уплачиваетъ 1/2 жалованья.	5) тоже, что и § 4.
6) Выдача больничныхъ, хотя бы рабочій болѣлъ не болѣе 3-хъ недѣль.	6) тоже, что и § 4.
7 и 19) Свобода сходокъ, слова, стачекъ и пр.	7 и 19) Вопросы политическіе и, какъ стоящіе внѣ зависимости отъ общихъ требованій, — не разсматриваются.
8) Сверхуроч. работы, допускаемыя лишь въ исключительн. случаяхъ, оплачиваются вдвое.	8 и 9) Заводоуправленіе не находитъ основаній измѣнять „внутренній распорядокъ“ по данному вопросу.
9) Воскресн. и праздничный отдыхъ во всѣхъ цехахъ, кромѣ доменнаго и водокачки.	
10) Устройство каретъ скорой помощи.	10) Удовлетворено.
11) Отмѣна штрафовъ.	11) Возможна лишь въ законодательномъ порядкѣ и потому внѣ компетенціи завода.
12) Одинаковая оплата труда русск. и бельгійск. рабочихъ за однородную работу.	12) Иностранные рабочіе болѣе опытны, и такое уравненіе невозможно.
13) Устройство гигіеничной бани.	13) Удовлетворено.
14) Устройство библіотеки и расширеніе училища съ устройствомъ зала для рабочихъ собраній.	14) Библіотека устроена и зданіе расширено.

---

[1]) Не безынтересно отмѣтить слѣдующее: между ораторами были и евреи. Жандармы, видя, что громадное большинство рабочихъ — русскіе захотѣли были натравить ихъ на евреевъ. какъ виновниковъ смутнаго времени, переживаемаго Россіей. На это всѣ русскіе товарищи единодушно отвѣтили дословно слѣдующее: „здѣсь нѣтъ ни „евреевъ“, ни „русскихъ“ — есть только рабочіе“.

15) а) безплатн. обученіе въ завод. училищѣ дѣтей рабочихъ	15) а) удовлетворено.
и в) выдача платья и учебн. пособій дѣтямъ бѣднѣйшихъ рабочихъ.	в) Дѣло благотворительности и заводъ готовъ помочь.
16) Вѣжливое обращеніе съ рабочими.	16) Предметъ заботъ заводоуправленія.
17) Отмѣна обысковъ на заводѣ и на квартирахъ.	17) Будутъ производиться лишь въ исключительныхъ случаяхъ.
18) Улучшеніе санитарныхъ условій.	18) Предметъ заботъ заводск. управленія.
20) Безплатное пользованіе углемъ и водою.	20) Лишь для мѣстныхъ, но не окрестныхъ рабочихъ.

Въ виду того, что отвѣты администраціи не удовлетворили рабочихъ и стачка продолжалась, управленіе согласилось на слѣд. уступки:

1) Окружный инспекторъ пріѣзжаетъ для надзора каждое 1-ое и 15-е.

2) Заводъ даетъ ежегодно 5000 р. на пособія рабочимъ и семьямъ ихъ во время болѣзни, не считая увѣчій, предусмотрѣнныхъ закономъ 2 іюня 1903 г.

3) Семейные рабочіе получаютъ воду и уголь безплатно послѣ 3-хъ мѣс. работы на заводѣ.

4) Заводъ приглашаетъ русск. врача.

5) Устраивается гигіеническая баня.

6) Перевязочный пунктъ и карета скорой помощи.

7) Безплатное обученіе на счетъ завода.

8) Библіотека.

9) Производство обыска у проходныхъ воротъ — отмѣняется. Обыскъ квартиръ — вопросъ вѣдѣнія полиціи.

10) Вѣжливое обращеніе съ рабочими.

11) Устраивается санитарное попечительство изъ заводскихъ медиковъ и представителей рабочихъ.

12) Взрослые чернорабочіе, получавшіе менѣе 1 руб., получаютъ прибавку въ 10 коп., при чемъ плата чернорабочему не можетъ быть менѣе 90 коп.

13) За стачку никто не преслѣдуется.

14) Заводъ 2 раза въ мѣсяцъ выдаетъ безплатно рукавицы и ладошки рабочимъ доменнаго цеха.

15) Заработная плата увеличена на 10%.

Ростовъ на Дону, 11 февраля. У насъ въ Ростовѣ сейчасъ происходятъ стачки: во владикавказскихъ мастерскихъ жел. дор., въ мастерскихъ волго-донского пароходнаго общества и фармацевтовъ. Владикавказскіе желѣзнодорожные рабочіе на сходкѣ въ помѣщеніи мастерскихъ выработали рядъ требованій, послали управляющему дорогой и стали работать послѣ его обѣщанія; уже введенъ 9 часовый рабочій день (они просили 8 час.). Неизвѣстно, будутъ ли рабочіе долго работать. Ожидается забастовка учениковъ средне-техническаго училища. Въ реальномъ училищѣ и гимназіи предъявляются требованія начальству: 1) безпристрастное отношеніе къ ученикамъ, 2) необязательность посѣщенія церкви; 3) выписка петербургскихъ газетъ и журналовъ для ученическихъ библіотекъ; 4) устройство литературныхъ вечеровъ и концертовъ; 5) разрѣшеніе ученикамъ пользованія фундаментальными (учительскими) библіотеками и право хожденія въ публичныя библіотеки-читальни и т. д.

Одесса. 9-е января застало одесскій пролетаріатъ совершенно нерасположеннымъ къ массовому выступленію. Призывы комитета Партіи, бундовской организаціи и с.-р—овъ къ немедленной всеобщей стачкѣ не встрѣтили отклика. Дезорганизованность соціальдемократической работы втеченіе послѣдняго года ярко сказалась въ этой неудачѣ.

Группа Ц. К. рѣшила усиленной агитаціей подготовлять массы къ неминуемому подъему. Собранія, агитація по поводу комиссіи Шидловскаго, десятки тысячъ листковъ — все это заняло цѣлый мѣсяцъ. Въ настоящій моментъ положеніе нѣсколько измѣнилось.

„Наконецъ-то и у насъ въ Одессѣ“, пишутъ отъ 14-го февраля, подымается волна, много данныхъ, что завтра-послѣзавтра разгорится всеобщая стачка; настроеніе страшно возбужденное, всѣ ждутъ сигнала, чтобы стать; со всѣхъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ тѣ же извѣстія... Если завтра станутъ вокзальные рабочіе, дѣло выиграно... Заводъ Бродскаго, фабрика Вальтуха, всѣ крупныя типографіи станутъ моментально.. А у вокзальныхъ рабочихъ настроеніе не падаетъ, а растетъ... Намѣтили среду, потому что во вторникъ получка. Толчкомъ къ началу возбужденія послужило объявленіе о томъ, что вмѣсто 10-часоваго рабочаго дня вводится 9-часовый. Забастовка въ управленіи юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ уже подготовила почву. Тутъ же сразу настроеніе пошло въ гору. Какъ? Почему? Откуда взялся 9-часовый рабочій день? Мы не требовали еще, точно съ неба упалъ!“ А! это они боятся, чтобъ и мы не забастовали, чтобъ мы большаго не потребовали.. Это намъ петербургскіе товарищи своею кровью завоевали, это намъ тѣ завоевали, кто теперь подъ землей лежитъ.. Мы ничего не сдѣлали для этого. Такъ не хотимъ же такъ получать... Мы тоже должны начать борьбу. Надо присоединиться къ петербургскимъ товарищамъ...“ и т. д., и такъ дал. Объявили, что 9-часовый рабочій день вводится *временно*. Что значитъ временно? Нашлись такіе изъ разряда шпіоновъ и самыхъ несознательныхъ, которые заявили, что даютъ 9-часовый теперь, а потомъ дадутъ и 6-часовый, и даютъ въ награду, что не бунтовали. Но на нихъ тутъ же набросились: „Десятки лѣтъ терпѣли и ничего намъ не давали, почему же теперь“? „—а временно значитъ то, что, какъ только все успокоится и пройдетъ опасность, снова введутъ 10-часовый“. Однимъ словомъ, разговоры безъ конца и возбужденіе неописуемое. Съ вокзала возбужденіе моментально перенеслось и въ другія мѣста... Теперь спѣшно готовимся. Будетъ листокъ съ призывомъ. Послали въ комитетъ для переговоровъ, чтобы дѣйствовать единообразно“.

Одесса. 17/II. Такъ все спокойно.. ждутъ чего то, начала... Возбужденіе въ массѣ, но ждутъ, чтобы кто нибудь началъ. Массы ждутъ, повидимому, призыва.

Вчера въ обѣдъ рабочіе Вальтуха (350 чел.) всей толпой собрались на улицѣ, у воротъ фабрики, изъявляя согласіе бросить работу и справиться у организаторовъ Дальницкаго района, что имъ дѣлать... Одинъ гудокъ, другой гудокъ, третій.. только 4 малолѣтнихъ дѣвицы обратились и пошли на фабрику. Остальные волнуются и ждутъ рѣшенія организаторовъ. Короткое обсужденіе, и въ заключеніе имъ совѣтуютъ вернуться на фабрику и отложить забастовку до завтра, когда всѣ рабочіе будутъ призываться къ забастовкѣ. Рабочіе послушно идутъ на работу, заявляя, что, по первому сигналу, завтра они станутъ.

Отъ Редакціи. До сихъ поръ всеобщей стачки въ Одессѣ не удалось организовать.

Николаевъ. Во время стачки на французскомъ заводѣ рабочіе выставили, между прочимъ, требованія объ удаленіи полиціи съ завода, полной отмѣнѣ штрафовъ, отмѣнѣ обысковъ, повышеніи расцѣнокъ, выдачѣ полной платы за время забастовки. Далѣе, требовали участія *депутаціи* отъ рабочихъ при пріемѣ и расчетѣ мастеровыхъ, платы этимъ депутатамъ, свободы стачекъ, свободы союзовъ и собраній, свободы слова и печати, полной неприкосновенности личности забастовавшихъ. Администрація должна дать помѣщеніе мастеровымъ для обсужденія своихъ нуждъ.

Харьковъ. Здѣсь 9-го забастовали всѣ типографіи. Газеты не выходятъ. Стачка протекаетъ подъ руководствомъ комитета. Общаго собранія устроить не удалось по полицейскимъ условіямъ. Бастуютъ и табачныя, конфектныя и картонажныя фабрики. Недѣлю ужъ не работаютъ желѣзно-дорожныя мастерскія и механическій заводъ Гельферихъ-Саде. Но тутъ, вслѣдствіе арестовъ, связи слабы и руководить стачкой комитетъ должнымъ образомъ не въ состояніи. Снова думаетъ забастовать паровозостроительный заводъ. Думаемъ, что тамъ овладѣть движеніемъ удастся. Въ городѣ только и разговоровъ, что о стачкѣ. Страшно тормозитъ отсутствіе техники. Но все же дѣла налаживаются.

Кострома. 1 февраля забастовали рабочіе фабрики Чумакова, но ихъ требованія тутъ же удовлетворены: повысили плату на 2 рубля въ мѣсяцъ. Бастовали 300 человѣкъ фабрики Зотова, но черезъ нѣсколько дней принялись за работу, за исключеніемъ 50 человѣкъ.

Рига 13 января. (Письмо участника событій). Убитъ наповалъ Илья Эпштейнъ, интеллигентъ, работавшій нѣсколько лѣтъ въ мѣстной бундовской организаціи, студентъ политехникума Пичуркинъ; тяжело ранили еще трехъ студентовъ и рабочаго Михеля Абрамовича, — бундовца; всѣ они умерли.

Негодованіе и гнѣвъ массы, какъ я уже упомянулъ въ прошлой корреспонденціи, было неслыханное. Упорно и совершенно открыто говорили о мести царскимъ опричникамъ. На второй день, т. е. 14 января, было убито рабочими нѣсколько городовыхъ; совершили также покушенія на жизнь двухъ офицеровъ, но дали промахъ. Толпа горѣла желаніемъ вооружиться. „Гдѣ же наши студенты, инженеры? Почему они не дѣлаютъ динамита? Дайте намъ оружія!“ роптала она. Планъ вооруженія, по нѣкоторымъ причинамъ, не былъ выполненъ. Сочувствіе „общества“ было всецѣло на сторонѣ движенія. Это сказалось въ томъ, что огромная часть „общества“ принимала участіе во многихъ демонстраціяхъ, пожертвовала значительныя суммы въ пользу раненыхъ и бастующихъ; особенно выдѣлялись врачи и адвокаты. Одинъ извѣстный рижскій докторъ заявилъ пишущему эти строки, что состоялось соглашеніе между большинствомъ рижскихъ врачей, по которому они обязались оказать всякое содѣйствіе движенію[1].

14-го января, въ 10 час. утра, прибыли въ Ригу двѣ сотни казаковъ. Они расположились вокругъ полицейскаго управленія, время отъ времени объѣзжая центральныя улицы города. Въ тотъ же день прекратилось движеніе трамвая; еще наканунѣ этого дня прекратили занятія во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; вчера же, за нѣсколько часовъ до рѣзни, околодочный надзиратель разбилъ шашкою на смерть одного реалиста, вышедшаго изъ училища при прохожденіи толпы демонстрантовъ. 14-го закрыли театры; фактически они уже не играли третій день: въ предшествующіе два дня никто изъ публики не явился на спектакли.

Вечеромъ 15 января рабочіе ходили толпами по улицамъ, предлагая извозчикамъ присоединиться къ стачкѣ; многіе изъ нихъ — извозчиковъ — немедленно отправлялись домой; у нежелающихъ забастовать рабочіе разрѣзали ремни и возжи. Нѣсколько человѣкъ арестовано при этой операціи. Вечеромъ-же рабочіе срывали расклеенныя наканунѣ объявленія вице-губернатора объ „усмиреніи вооруженной силой“ въ случаѣ продолженія „скопищъ“ и извѣстныя объявленія Трепова и Коковцева. Особенно смѣшнымъ казалось рабочимъ послѣ почти всероссійской рѣзни слова объявленія диктатора Трепова, въ которомъ говорится, что „царскому сердцу близки“ интересы рабочихъ. Точно также не произвело на рабочихъ ожидаемаго эффекта объявленіе, вывѣшенное у насъ 14-го же о началѣ работы на *всѣхъ* петербургскихъ заводахъ и фабрикахъ. „Это обманъ, хотятъ насъ заманить въ ловушку“ заявляли по прочтеніи объявленія, рабочіе, совершенно непричастные къ организаціи. Очень хорошее впечатлѣніе у насъ произвело извѣстіе о забастовкѣ петербургскихъ адвокатовъ и фармацевтовъ, а также о расширеніи пожара возстанія на большинство крупныхъ русскихъ городовъ.

15-го, въ субботу, въ синагогахъ во время богослуженія, когда канторы хотѣли сказать „молитву за царя“, выступили ораторы-соціальдемократы и говорили о переживаемыхъ событіяхъ. Прежде всего ораторы просили не молиться за царя, по приказу котораго льется кровь во многихъ русскихъ городахъ. Затѣмъ объяснили необычайную важность совершающихся событій для русскаго народа, въ томъ числѣ для населяющихъ Россію евреевъ; особенно ударяли на безправіе послѣднихъ и доказывали необходимость ихъ активнаго участія въ великой борьбѣ. Призывая слушателей присоединиться къ революціонному движенію, ораторы заключили свои краткія рѣчи вторичной просьбой не молиться больше за домъ Романовыхъ. Вотъ послѣднія слова ораторовъ: „вмѣсто „молитвы за царя“, заявимъ громко: „Долой царя!“ „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ политическая свобода“. И въ ту субботу въ рижскихъ синагогахъ не молились за царскую шайку. Когда ораторы начали говорить, въ синагогахъ сдѣлался переполохъ, особенно въ хоральной синагогѣ. Часть присутствующихъ выбѣжала изъ „божьяго храма“, но большинство осталось на мѣстахъ и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушало ораторовъ. Очень хорошо провели дѣло въ синагогѣ на Столбовой улицѣ, гдѣ сплоченный кружокъ рабочихъ не выпустилъ никого изъ желавшихъ бѣжать. Въ той же синагогѣ одинъ изъ рабочихъ держалъ передъ слушателями во время рѣчи оратора, какъ знакъ царскаго преступленія, окровавленную рубаху убитаго товарища.

Черезъ нѣкоторое время послѣ описанной „исторіи“ въ хоральную синагогу явилась полиція и потребовала выдачи „мятежниковъ“. Когда староста синагоги заявилъ, что „ихъ“ уже нѣтъ“, то полиція грозно бросила: „Вы, евреи, всегда такіе; сперва напакостите, а потомъ отвиливаете“.

16-го января, въ воскресенье, не открыли мѣстныхъ церквей для богослуженія въ виду вчерашняго „происшествія“ въ синагогахъ. Опасаясь демонстраціи, полиція не разрѣшила устроить назначенныя на тотъ день похороны Михеля Абрамовича и Ильи Эпштейна[2]. Ихъ пришлось отложить на второй день. На похоронахъ перваго принимало участія больше 1000 человѣкъ, преимущественно изъ еврейскихъ рабочихъ и работницъ; было значительное число учащихся. Гробъ все время провожала полсотня казаковъ. Не смотря на это, удалось всетаки распространить прокламаціи. По дорогѣ, недалеко отъ кладбища, казаки „ни за что ни про что“ избили до потери сознанія одного студента.

При погребеніи Абрамовича, присутствовалъ приставъ Московской части съ цѣлымъ отрядомъ солдатъ. Во избѣжаніе новыхъ жертвъ, рѣшено было не произносить рѣчей и не пѣть. На кладбищѣ упомянутый приставъ просилъ еврейскихъ рабочихъ разойтись послѣ похоронъ по домамъ „не цѣлыми толпами“, а по одному или два человѣка, намекая, на возможность, въ противномъ случаѣ, повторенія у насъ кишиневской „исторіи“. Послѣ похоронъ Абрамовича рѣшили хоронить Эпштейна, но полиція предупредила — раньше назначеннаго времени она „похитила“ покойника и тайкомъ привезла его окольными улицами на кладбище. Случайная публика, начавшая идти за гробомъ, была звѣрски избита казаками. Остальныхъ умершихъ полиція уже не выдавала родственникамъ, а сама хоронила ихъ подъ охраной казаковъ. 16-го, 17-го и 18-го января у насъ были десятки похоронъ жертвъ 13-го января, въ послѣдующіе дни — больше недѣли подрядъ — мы хоронили ежедневно по нѣсколько человѣкъ.

Начиная съ 18-го января, нѣкоторые заводы и фабрики начали приступать къ работѣ; интересенъ слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто 17-го на Балтійскомъ заводѣ. Желая заманить рабочихъ, пришли, по просьбѣ дирекціи, солдаты и затопили печи; пошелъ дымъ изъ трубъ, раздался гудокъ... но никто изъ рабочихъ не явился. Большинство рабочихъ прекратило стачку 20-го января. На многихъ заводахъ и фабрикахъ добились значительныхъ улучшеній[1].

Что касается требованій, выставленныхъ рижскими рабочими, то, помимо спеціальныхъ, они были аналогичны требованіямъ, предъявленнымъ петербургскимъ пролетаріатомъ.

Значеніе, которое событія имѣли для нашего города, неоцѣнимо; упорная — устная и письменная — политическая агитація, которая велась во все время стачки среди всѣхъ слоевъ населенія, даетъ обильные плоды: сотни, тысячи человѣкъ примыкаютъ къ революціонному движенію; спросъ на нелегальную литературу громаденъ; нѣтъ никакой возможности удовлетворить всѣхъ. Настроеніе у рабочихъ очень воодушевленное.

Можно смѣло сказать, что рижскій пролетаріатъ всегда будетъ въ авангардѣ борцовъ за освобожденіе отъ гнета царизма и отъ власти капитала.

---

[1] Къ сожалѣнію, долженъ отмѣтить печальный фактъ: было нѣсколько случаевъ, когда врачи отказались оказывать помощь раненымъ; когда пришли ихъ звать, они спрятались.

[2] Полиція предполагала, что на второй день, въ понедѣльникъ, уже всѣ приступятъ къ работѣ.

[1] Въ скоромъ времени сообщу о нихъ подробно.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОБѢГЪ „РОМАНОВЦЕВЪ“.

I.

... Съ пріѣздомъ въ Александровскую пересыльную тюрьму, мысль о побѣгѣ ни на минуту не покидала насъ. Много было передумано, переговорено, и въ концѣ концовъ, остановились на мысли о подкопѣ. 5-го октября рѣшились взяться за работу. Полусломанный ножъ былъ превращенъ въ пилку, которой перепилили доску въ полу. На разстояніи 6 — 7 вершковъ подъ поломъ мы наткнулись на слой мелкаго камня, залитаго цементомъ. Два маленькихъ куска желѣза въ 5 — 6 вершковъ длиною и полдюйма толщиною были единственными орудіями въ нашей работѣ; правда, были еще инструменты — наши руки...

Когда цементъ удалось пробить, началась поистинѣ каторжная работа подъ землей, но не по приговору царскаго суда, а по велѣнію неудержимой сильной жажды свободы, жившей въ насъ. Прокопавъ подъ камерой, подъ слоемъ залитой цементомъ земли, 4 сажени, мы должны были пробить фундаментъ, а для того, чтобы часовые не могли услышать шума отъ работы, мы спустились на цѣлую сажень подъ землей и стали копать тотъ самый туннель, по которому впослѣдствіи вышли на свободу. Изъ разнаго тряпья мы заготовили до 200 мѣшковъ и надѣлали до 100 саженъ веревокъ. Мѣшки служили для насыпки выкопанной земли, а веревки для перетаскиванья мѣшковъ къ мѣсту назначенія. Чтобы проникнуть подъ полъ другой половины барака, пришлось пробить фундаментъ и чуть-ли не въ каждой подвальной балкѣ вырѣзать по 2 — 3 вершка, чтобы можно было протискаться къ другому концу барака.

За все время работы мы перетаскали около 3000 мѣшковъ, Буравъ, найденный мною на другой день по пріѣздѣ въ тюрьму сослужилъ намъ великую службу. У насъ была рулетка, и ходъ работы мы измѣряли сотками сажени и даже частями сотки. Въ особенно трудныхъ мѣстахъ, гдѣ попадался камень, удавалось пробиваться впередъ всего лишь на 2 — 3 сотыхъ сажени въ сутки. Работали мы по четыре часа въ двѣ смѣны, такъ что каждому приходилось по восьми часовъ, денно и нощно. Орудія портились, ломались, и главную часть работы мы продѣлали руками и чуть ли не зубами. Мы жили только числомъ прорытыхъ нами сотокъ и перетасканныхъ мѣшковъ, и я помню, какой праздникъ былъ въ нашей камерѣ, когда, по окончаніи работъ одной смѣны, было заявлено, что перетащили за эту смѣну 80 мѣшковъ. На пробивку каменнаго фундамента и подпиливаніе трехъ палъ ушло много времени, такъ какъ эти работы должны были производиться съ большой осторожностью и лишь послѣ пяти дней работы мы очутились внѣ тюремныхъ палъ.

Работа производилась въ темнотѣ, исключая товарища „забойщика“, который копалъ спереди; со свѣчами приходилось обращаться крайне бережно, чтобъ не бросилось въ глаза начальству. Въ двухъ мѣстахъ мы наткнулись на сплошную каменистую почву. Въ первый разъ мы пробились *черезъ камень на разстояніи одной сажени*, а второй разъ, промучились нѣсколько дней; пробуемъ пробиваться, изъ силъ выбиваемся, каждая смѣна возвращается съ работы измученная и чуть ли не въ отчаяніи, а края камня не видать; тогда мы начали искать выхода изъ нашего отчаяннаго положенія и послѣ недѣли работы, поливъ каждый камушекъ кровавымъ потомъ, рѣшили подняться на аршинъ и оставить это проклятое мѣсто. Чѣмъ дальше подвигался туннель, тѣмъ меньше становилось воздуха; свѣча гасла, нечѣмъ было дышать, мы задыхались. Лишь когда мы прорыли уже 15 саженъ, попалась небольшая трещина въ землѣ, черезъ которую проникалъ свѣжій воздухъ извнѣ. Невозможно передать ни всего того, что нами было пережито въ этомъ подземельѣ, ни всѣхъ трудностей, встрѣтившихся намъ, ни массы деталей работы, обстановки и предосторожностей. *Три мѣсяца* продолжалась эта хуже чѣмъ каторжная работа; было прорыто *сорокъ саженей*...

У всѣхъ руки превратились въ израненную, покрытую сплошными волдырями, окровавленную массу. Подъ конецъ мы сильно истощились, но духъ крѣпчалъ у насъ все больше и больше. 12-го января мы узнали о революціи, начатой петербургскими рабочими въ знаменитое воскресенье. Трудно изобразить нашу радость — скорѣй, скорѣй, въ ряды нашихъ борющихся братьевъ, близокъ день низверженія насильниковъ и освобожденія сотенъ и тысячъ, какъ мы, томящихся товарищей!...

Въ ночь съ 16-го на 17-ое января, два товарища, которые были посланы для открытія выхода и для ознакомленія съ мѣстоположеніемъ, къ 10 часамъ присылаютъ двуликую записку: съ одной стороны, намъ объявляется радость, что „выходъ открытъ“, съ другой стороны: „шумъ по снѣгу большой, видны часовые, и даже слышны ихъ шаги; рѣшите, какъ знаете“. Разумѣется, мы не долго думали, облекшись въ заранѣе сшитые саваны и забравъ съ собою пальто и шапки, спустились въ туннель. Читатель пойметъ, что чувствовалось, когда мы впервые вынырнули на свѣтъ изъ душнаго подземелья, увидѣли надъ собою звѣздное небо, а наши груди вдохнули въ себя бодрящій сибирскій воздухъ, воздухъ свободы. Хотѣлось крикнуть на весь міръ кличъ освобожденнаго узника! Но этотъ кличъ пришлось затаить въ себѣ; ползкомъ, низко припадая къ землѣ, въ бѣлыхъ саванахъ, сливавшихся съ снѣгомъ, добрались мы до опушки лѣса (30 саженей отъ выходнаго отверстія нашего туннеля).

А тамъ мы отдали себя подъ защиту родной, великой сибирской тайги. „Добрый товарищъ бѣжать пособилъ, ожилъ я, волю почуявъ“...

Скрипъ полозьевъ и трескъ сибирскаго мороза были для насъ сладчайшей музыкой на праздникѣ нашего освобожденія и возвращенія къ борьбѣ за святое дѣло соціализма....

Наумъ Гельфандъ.

II.

Александровская пересыльная тюрьма. (Изъ частнаго письма) Шестеро товарищей — Вакеръ, Камермахеръ, Виноградовъ, Трифоновъ, Журавель, Рудовскій, были задержаны обходомъ ночью въ первомъ часу, но въ тюрьму не дано было знать — не явилось даже мысли, что задержанные — бѣглецы изъ тюрьмы. Только утромъ, около девяти часовъ, когда надзиратели толкнулись въ „полицію“ (такъ называется у насъ камера, гдѣ сидѣли бѣжавшіе товарищи) съ повѣркой, она оказалась запертой изнутри. Отперли — пусто, ни одного человѣка. Прибѣжалъ начальникъ, спрашиваетъ, гдѣ староста. А его и слѣдъ простылъ. Экономъ — тоже. Въ тотъ же день прискакали жандармы, прокуроръ, помощникъ тюремнаго инспектора. Пойманныхъ товарищей держатъ въ амбарѣ, гдѣ надзирательская. Вечеромъ 16-го задержанъ еще какой то господинъ съ лошадью въ Александровскѣ, его подозрѣваютъ въ содѣйствіи побѣгу.. Лишь часовъ въ 10 утра, 17-го, узнали, что задержанные ночью и сидѣвшіе на съѣзжей — бѣжавшіе изъ пересыльной. Въ Иркутскъ вызваны два пересыльныхъ надзирателя — для розыска и опознанія забираемыхъ безъ церемоній обывателей и шпанцевъ. Неапелировавшимъ товарищамъ объявлено было, что не позже 5-го февраля они будутъ отправлены въ Нерчинскъ. Александровскую Центральную каторжную тюрьму очищаютъ подъ раненыхъ. Теперь на пересыльной идетъ ремонтъ — ободрали всѣ полы, засыпали тоннель, и только приходили въ изумленіе отъ ловкости подкопной работы. Начальство говоритъ, что послѣ допроса задержанные будутъ водворены на старое мѣсто. Теперь пошли строгости надзора, лишили всѣхъ свиданій, задерживаютъ газеты. Воображаю то истинное удовольствіе, ту неподдѣльную глубокую радость, которыя испытываетъ по поводу случившагося сіятельный графъ Кутайсовъ: онъ съ такой отеческой заботливостью укупорилъ „Романовцевъ“ въ пересыльную клѣтку, такъ нетерпѣливо ждалъ отъ нихъ „перваго шага“ и вотъ, наконецъ, дождался...

Къ позорному столбу! ... Имена офицеровъ, отличившихся при подавленіи волненія 9-го января въ Петербургѣ. Просятъ распространить какъ можно шире.

Иркутскаго 93 пѣхотнаго полка, квартирующаго въ Псковѣ. Вызваны были къ Нарвской заставѣ и тамъ проявили свою дѣятельность: 1) Фонъ-Гейне, командиръ 3 батальона, 2) Ризе 2-й, капитанъ 12-й роты, особенно отличался, стрѣлялъ по ползущимъ, 3) Затетинскій, капитанъ 9 роты, 4) Шимановскій штабсъ-капитанъ 9-й команды. 5) Кернъ, прапорщикъ запаса. На другой день пріѣзжалъ къ нимъ полковой командиръ Палибинъ и благодарилъ за дѣятельность... Свѣдѣнія эти сообщило лицо, служащее въ этомъ полку, бывшее также у Нарвской заставы и не стрѣлявшее. „Насъ было всего 134 человѣка, такъ что, если бы рабочіе были вооружены, отъ насъ бы ничего не осталось“.

Петербургъ. Возникъ „союзъ инженеровъ“ осенью, „въ періодъ банкетовъ“. 5 декабря состоялся банкетъ инженеровъ, причемъ „союзъ инженеровъ всѣхъ національностей“ являлся сначала скорѣе ширмой для устройства банкета. На банкетѣ ничего о задачахъ „союза“ и не говорилось. Доказывалось въ рѣчахъ разныхъ ораторовъ, необходимость конституціи для преуспѣянія отечественной промышленности, техническаго образованія и урегулированія рабочаго вопроса и полнѣйшая неспособность во всѣхъ отношеніяхъ самодержавія. Было выбрано сановное бюро для выработки и проведенія устава. Затѣмъ дѣятельность этого учрежденія замерла. Было одно собраніе, на которомъ обсуждали основныя положенія устава и до половины января больше ничего. Во всякомъ случаѣ, „союзъ“ предполагалъ съ самаго же начала преслѣдовать политическія цѣли (устраненіе „тормазовъ“ развитію отечественной промышленности). Январьскія забастовки сразу оживили союзъ и, благодаря прикосновенности инженеровъ къ заводской жизни, сдѣлали его центромъ либеральной оппозиціи. Еженедѣльно устраивались одно, два, а иногда и три собранія, для каковой цѣли пользовались помѣщеніями и очередными собраніями уже утвержденныхъ обществъ (горныхъ инженеровъ, технологовъ, гражданскихъ инженеровъ). Въ послѣднее время на тотъ-же „преступный путь укрывательства“ выступило и Императорское Технич. общество, гдѣ и происходятъ самыя многолюдныя собранія.

Для характеристики безсилія правительства служитъ то обстоятельство, что функціонируетъ сообщество (описываемый „союзъ“) безъ всякаго „устава“ (!), безъ всякаго разрѣшенія о засѣданіяхъ этого союза печатаются отчеты въ газетахъ, депутаціи его принимаются Витте и т. д. Это свидѣтельствуетъ въ то же время о трусости и политической незрѣлости всякихъ либераловъ (писателей, адвокатовъ, земцевъ, думцевъ и т. д.): при нѣкоторой смѣлости съ ихъ стороны они могли бы уже большой кусокъ „свободы“ захватить въ свои руки. Возвращаюсь къ „союзу“. Первоначально, послѣ событій 9-10 января, на собраніяхъ его выяснялась фактическая сторона дѣла. Выяснены были и условія возникновенія Гапоновщины (о чемъ *я* уже писалъ), и роль въ этомъ дѣлѣ правительства; затѣмъ, гг. инженеры, подгоняемые „политикой“ натравливанья „правительственнаго народа“ (дворники, сыщики и мясники) на интеллигенцію, выработали резолюцію, которая была потомъ напечатана въ видѣ записки 198 инженеровъ (Наши Дни № 28, Русь № 20). Записка эта была представлена черезъ депутацію Витте, послѣдній одобрилъ ее и посовѣтовалъ урѣзать конецъ, что „наше „политическое“ бюро послѣ нѣкотораго сопротивленія и сдѣлало. Къ этому времени угнетенное настроеніе среди рабочихъ начало проходить, кое гдѣ стали предъявляться требованія (сначала мелкія). Окончательный толчекъ къ дальнѣйшимъ волненіямъ среди рабочихъ дала комедія съ „депутаціей“ рабочихъ къ царю. Какъ сами „депутаты“ (о нихъ я уже тоже писалъ), такъ и поведеніе царя вызвало сильное негодованіе среди рабочихъ, и они стали заявлять уже болѣе радикальныя требованія и довольно безсистемно, но дружно забастовали. Эта стойкость настроенія (признакъ политической силы) сейчасъ же отразилась и на „союзовскихъ“ собраніяхъ. Послѣ выясненія фактической стороны исторіи депутаціи и резюмированія матеріаловъ по этому смѣхотворному вопросу, перешли къ выясненію отношеній къ рабочимъ. Оказалось, что инженеры въ настоящее время уже просто интеллигентные рабочіе, нѣкоторые высказались даже, что рабочіе наши „братья“, что интересы у нихъ общіе. Было рѣшено выяснить причины болѣе упорныхъ волненій на Путиловскомъ заводѣ. Разбиралось поведеніе директора этого завода Смирнова и другихъ инженеровъ и было высказано порицаніе таковому поведенію (объ этомъ тоже писалъ). Сразу-же послѣ „этихъ дней“ была организована денежная помощь семьямъ пострадавшихъ при „усмиреніи“, причемъ, въ общемъ, за мѣсяцъ было собрано среди инженеровъ болѣе 3000 руб. Затѣмъ послѣдовало высочайшее назначеніе комиссіи Шидловскаго, которой и было посвящено нѣсколько собраній, на которыхъ и были выяснены ея полнѣйшая несостоятельность, безсмысленность, истинные мотивы ея и отношеніе къ ней. Рѣшено было не принимать въ ней участія, еслибы вздумали пригласить представителей отъ „насъ“ (инженеровъ). Все это было суммировано соотвѣтствующей резолюціей, напечатать которую, при отсутствіи готовыхъ къ самопожертвованію газетъ, не пришлось. Для выясненія этого вопроса передъ широкой публикой было устроено собраніе императорскаго техническаго общества, куда пригласили „гостей“ нѣсколько сотъ человѣкъ (всего на собраніи было болѣе 1000 человѣкъ), преимущественно болѣе радикальная часть „союза“, рабочіе (преимущественно депутаты) порядочно студентовъ и курсистокъ и др. „либераловъ“. Предсѣдательствовалъ Вл. Ив. Ковалевскій. Прочитаны были 2 реферата о подобнаго рода комиссіяхъ заграницей (Чупровымъ и Деномъ). Содержаніе ихъ довольно вѣрно изложено въ газетахъ. Затѣмъ говорилъ рабочій, возражавшій по недоразумѣнію Чупрову и вертѣвшійся съ повтореніями около вопроса о „неприкосновенности“ депутатовъ, въ силу недостаточности которой полагалъ выборовъ не производить. Ему кратко возражалъ рабочій-же. Затѣмъ говорили либералы (прис повѣр. и литераторъ); одни предлагали выборовъ совсѣмъ не производить, другіе же предлагали выборы произвести, но депутатамъ выработать и предъявить Шидловскому условія, на которыхъ они согласны съ нимъ работать (настоящая, а не „дѣловая“ неприкосновенность, открытіе рабочихъ собраній, гласность въ комиссіи). Наконецъ выступилъ соціальдемократъ комитетчикъ и заявилъ, что комитетъ выработалъ резолюцію. Эта резолюція повторяла предложенія либераловъ и предлагала, несмотря на полную несостоятельность комиссіи, выборы производить. Послѣ этого говорилъ довольно кратко, просто и дѣловито рабочій соціальдемократъ. Затѣмъ выступилъ опять соціальдемократъ отъ комитета и заявилъ, что онъ прочтетъ резолюцію, выработанную и предложенную Петербургскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. Послѣ этого начался скандалъ. Прежде всего съ ревомъ бросился къ эстрадѣ нѣкій с. р. „Этотъ политически зрѣлый человѣкъ“ (въ началѣ собранія онъ упрекалъ публику, хотѣвшую силою ворваться въ залъ, въ которомъ уже не было мѣста, „въ политической незрѣлости“) завопилъ, что не надо политическихъ партій (наивный человѣкъ! полагаетъ, что политику можно дѣлать безъ партій). „Порядочная“ часть публики, ослѣпленная ненавистью къ соціальдемократической Партіи, тоже запротестовала, забывъ, что она можетъ просто не принять резолюціи. Предсѣдатель Ковалевскій заявилъ, что онъ по уставу не можетъ поставить резолюцію на вотъ, и „доказывалъ“ необходимость подчиниться уставу, хотя бы онъ никуда не годился. Тогда выступилъ одинъ „гражданинъ“ съ пылкой рѣчью къ „гражданамъ“ и „гражданкамъ“ и, доказывая, что „гражданинъ“ Ковалевскій не правъ, предлагалъ закрыть собраніе техническаго общества и затѣмъ продолжать народный митингъ. Ковалевскій согласился и предложилъ избрать предсѣдателя. „Вожди“ струсили и стали просить Ковалевскаго остаться предсѣдателемъ. Тогда взялъ слово рабочій с.-д. Либералъ и писатель Новиковъ пытался столкнуть его съ кафедры, но вслѣдствіе протеста публики долженъ былъ дать ему окончить, а потомъ уже началъ гремѣть по адресу этихъ людей, вносящихъ раздоръ между рабочими и интеллигенціей въ „такое время“. Большинствомъ публики былъ одобренъ. Затѣмъ начались разговоры въ разныхъ мѣстахъ; большинство рабочихъ негодовало. Наконецъ выступилъ проф. Лутугинъ. Онъ просилъ не голосовать резолюціи, такъ какъ иначе „бюро союза инженеровъ“ будетъ лишено возможности продолжать работу. Затѣмъ проф. Ковалевскій закрылъ собраніе. Въ это время онъ былъ окруженъ составомъ „бюро“ и др. либералами, которые предложили его благодарить, и мы были свидѣтелями трогательной картины, какъ эти господа ему хлопали, а онъ вертѣлся и кланялся публикѣ, очень сдержанно хлопавшей. Интересно было наблюдать с. р.-овъ; болѣе порядочные не понимали рабочаго, другіе называли его „провокаторомъ“ и негодовали. Часть рабочихъ ушла, неудовлетворенные тѣмъ, что не было установлено единой тактики. Собраніе это происходило въ пятницу, а въ воскресенье происходили выборы „выборщиковъ, которые 16-го соберутся на предварительное совѣщаніе и 18 въ пятницу выберутъ депутатовъ. Судя по настроенію среди рабочихъ и депутатовъ, выбранныхъ ими, можно надѣяться, что судьба русской революціи находится въ надежныхъ рукахъ. Правительство ошиблось, думая, что всѣ такъ же коснѣли въ невѣжествѣ и неподвижности, какъ и оно само

Одесса. 13 го февраля. Вчера должно было состояться засѣданіе Общества одесскихъ врачей. На очереди стояли рефераты д-ра Гиммельфарба „о міомахъ матки“ и д-ра Л. А. Тарасевича объ „Основахъ народнаго здравія въ Россіи“. Послѣ рефератовъ приняли бы, вѣроятно, „обычную резолюцію“ и разошлись бы съ сознаніемъ исполненнаго долга, дѣло приняло однако другой оборотъ: въ либеральную бочку меда попала ложка пролетарскаго дегтю. На собраніе явилось человѣкъ 30 рабочихъ, почти всѣ евреи. Было довольно много молодежи; небольшой залъ былъ полонъ народа.

Когда я входилъ, откуда-то дождемъ посыпались прокламаціи Публика живо разобрала всѣ „бумажки“; даже степенные врачи принялись читать листки. „Съ самаго начала портятъ дѣло“, жалуется старая женщина-врачъ. „А все-таки интересно!“ Прокламаціи — изданіе одесской группы при Ц. Ком. („Къ обществу“, „Революціонные дни и голосъ фабрикантовъ“). Составлены онѣ прекрасно, и пришлись кстати: въ прокламаціяхъ выясняется отношеніе соціальдемократіи къ либеральному движенію. А вчерашнее собраніе явилось какъ-бы живой иллюстраціей къ тому, что говорилось въ прокламаціяхъ. Правленіе Общества Врачей начало съ того, что попросило выйти изъ зала не членовъ, такъ какъ врачамъ-де сѣсть негдѣ. Вышло нѣсколько человѣкъ изъ постороннихъ. Большинство, понятно, осталось. Тогда выступилъ предсѣдатель общества д-ръ Бардахъ — человѣкъ очень популярный въ Одессѣ, имѣющій огромную практику среди еврейской бѣдноты. Д-ръ Бардахъ сказалъ: „Господа, я прошу васъ уйти. Это неделикатно — врываться въ чужой домъ и мѣшать занятіямъ частнаго общества. Я прошу отвѣтить мнѣ: уйдете вы, или нѣтъ. Если вы не уйдете, то я потушу электричество“. Эти слова вызвали страшное негодованіе. „Не уйдемъ“, кричитъ публика. „Долой бюрократію!“ Какой-то рабочій крикнулъ: „долой богатое общество!“

Тогда д-ръ Бардахъ закрылъ засѣданіе. Нѣсколько минутъ продолжалась сумятица. Врачи съ разстроенными лицами, то выходили изъ зала, то опять входили. Потушили электричество, затѣмъ опять зажгли. Точь въ точь политика русскаго правительства — то весна „довѣрія“, то опять морозы усиленной охраны.

Наконецъ заговорилъ ораторъ-интеллигентъ. Онъ говорилъ о событіяхъ 9-го января, призывалъ либераловъ къ поддержкѣ революціоннаго движенія пролетаріата. Послѣ него говорилъ рабочій о трусости либераловъ, другой говорилъ о войнѣ и о звѣрствахъ царскаго правительства. „Долой царя-убійцу, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П.!“ — такъ закончилъ рабочій. Всѣ ораторы, особенно рабочіе, говорили съ большимъ воодушевленіемъ. Нужно однако сознаться, что не было ни одного хорошаго оратора.

Говорилъ также молодой врачъ. Отъ имени части общества врачей онъ протестовалъ противъ поведенія предсѣдателя; заявилъ, что присоединяется къ требованіямъ, формулированнымъ предыдущимъ ораторомъ (соц.-демократомъ).

Во время этихъ рѣчей часть врачей оставалась въ залѣ. Остальные вышли въ сосѣднюю комнату, совѣщались тамъ и наконецъ рѣшили возобновить засѣданіе. Воцарилась тишина, и д-ръ Бардахъ сталъ читать протоколъ предыдущаго собранія. „Онъ ихъ возьметъ изморомъ“ ехидно замѣтилъ стоявшій возлѣ меня врачъ. Разсчеты, однако, не оправдались: „обструкція“ не удалась. „По нѣкоторымъ обстоятельствамъ“ докладъ о міомахъ матки былъ отложенъ; очередь была за рефератомъ д-ра Тарасевича. Это былъ очень дѣльный рефератъ. Д-ръ Тарасевичъ — хорошій ораторъ, излагаетъ толково и ясно. Цѣлымъ рядомъ цифръ онъ неопровержимо доказалъ, что Россіи принадлежитъ пальма первенства въ отношеніи смертности — особенно дѣтской смертности, заболѣваемости острыми и хроническими болѣзнями. Сравнивая Россію съ Западной Европой, референтъ не скрылъ, что и на Западѣ санитарныя условія далеко не однородны: и тамъ въ пролетарскихъ слояхъ смертность и заболѣваемость гораздо выше, чѣмъ въ средѣ буржуазіи, но такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ въ Россіи, онѣ тамъ не достигаютъ. Причины этого печальнаго преимущества Россіи тоже поддаются точному учету: это отвратительныя жилища, скудное питаніе массы, недостатокъ медицинской помощи (въ деревнѣ одинъ врачъ приходится на 70,000 населенія!), и наконецъ — невѣжество массы. Рефератъ заканчивался требованіемъ политической свободы. Это требованіе было почему-то формулировано въ двухъ пунктахъ, причемъ въ первомъ требовалось участіе народа въ управленіи страной на основѣ всеобщаго равнаго избирательнаго права, а въ слѣдующемъ — созывъ земскаго собора на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Когда референтъ прочелъ первый пунктъ, публика съ большимъ вниманіемъ слушавшая докладъ вдругъ зашумѣла: „равнаго и прямого избирательнаго права“, закричала со всѣхъ сторонъ. По окончаніи реферата апплодировали. Отношеніе врачей къ рабочимъ было самое жалкое. „Чего *они* еще хотятъ! Ну, сказали бы себѣ „долой самодержавіе!“ и ушли бы, не мѣшали бы намъ“. Всякая неудача рабочихъ,—обмолвка, заминка въ рѣчи оратора — вызывала злорадное хихиканіе „либераловъ“. Одесскимъ пролетаріямъ очень полезно было познакомиться поближе съ этой публикой.

Харьковъ. Нашъ университетъ, какъ и слѣдовало ожидать, не остался постороннимъ зрителемъ совершающихся событій. Какъ только съѣхались студенты, передъ вторымъ полугодіемъ учебнаго года, въ „сборной“ начали читать вѣсти, полученныя изъ Петербурга и другихъ городовъ и обсуждать ихъ. На 22 января организація студентовъ соціальдемократовъ прокламаціей приглашала студентовъ на сходку, чтобы выяснить свое отношеніе къ русской революціи, но утромъ 22 января студенты нашли двери Университета запертыми „впредь до особаго объявленія“. Для выясненія положенія дѣлъ, былъ выбранъ профессорами „совѣтъ“, составившійся, главнымъ образомъ, изъ либераловъ. Совѣтъ рѣшилъ закрыть университетъ до 5 февраля. Изъ своей среды совѣтъ выбралъ коммиссію для выработки „докладной записки“. Главная мысль „записки“ сводится къ тому, что причиною студенческихъ волненій является отсутствіе академической свободы, которая возможна только при политической свободѣ. На основаніи этого профессора считаютъ нужнымъ созывъ „Учредительнаго Собранія“ для выработки конституціи, затѣмъ свободу слова, печати, собраній, неприкосновенность личности, жилища и проч. Обращаясь къ настроенію харьковскаго студенчества, профессора заявляютъ, что читать лекціи они могутъ въ томъ случаѣ, если большинство студентовъ согласны ихъ слушать. Для того, чтобы студенты могли высказаться, профессора считаютъ необходимымъ разрѣшить студентамъ сходки отъ 7 по 13 февраля. Эта резолюція совѣта профессоровъ была послана въ министерство. Отвѣтъ пришелъ 9 февраля. Министръ отвѣчалъ, что студентамъ разрѣшены курсовыя сходки подъ предсѣдательствомъ профессоровъ. Тогда въ тотъ же день къ 11 часамъ студенты собрались передъ зданіемъ университета и выбрали депутатовъ къ ректору и попечителю требовать общеуниверситетской сходки. Ректоръ разрѣшилъ собраться въ актовомъ залѣ. Въ залъ, по подсчитаннымъ билетамъ, вошло 1088 студентовъ, 34 вольнослушателя. Прежде всего по предложенію студента, предсѣдателя почтили вставаніемъ память пролетаріевъ — первыхъ жертвъ революціи. Затѣмъ рѣшено было просить на сходку профессоровъ, которые вскорѣ и явились.

Большинство ораторовъ, нарисовавъ всѣ прелести самодержавно-бюрократическаго строя, приходили къ заключенію, что передовымъ бойцомъ революціи является пролетаріатъ, руководимый Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіей, и что всѣ остальныя партіи должны идти за ними, если не хотятъ остаться въ хвостѣ революціи. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ студентъ — очевидецъ кровавыхъ Петербургскихъ событій девятаго января. Онъ указалъ на статью Струве въ „Освобожденіи“ отъ 6 января, гдѣ авторъ (весьма прозрачно) говоритъ, что главнымъ дѣятелемъ революціи явится либеральное земство, но не пролетаріатъ. Девятое января доказало всему міру, что только онъ, и никто другой, свергнетъ самодержавіе и притомъ только подъ руководствомъ С.-Д Раб. Партіи. Священникъ Гапонъ, хотя самъ по себѣ и хорошій человѣкъ, могъ повести народъ только лишь на „всеподданнѣйшую просьбу“, и отвѣтомъ на нее былъ приказъ преступника разстрѣлять безоружныхъ рабочихъ. Теперь пролетаріатъ руководимый всецѣло Соц.-Дем. Рабочей Партіей, пойдетъ къ Зимнему дворцу уже вооруженный, и самодержавіе подъ его дружнымъ напоромъ разлетится какъ пухъ. Разслоившееся студенчество само по себѣ не можетъ сыграть крупной политической роли въ русской революціи, но за то оно можетъ и должно стать подъ знамя соц дем. и увеличить тѣмъ силы пролетаріата.

Почти всѣ ораторы приходили къ заключенію, что необходима забастовка „впредь до измѣненія существующаго режима“. Говорили также два оратора изъ числа „русскихъ“ (читай: свобододѣйствующихъ) студентовъ. Они указывали на огорченія, которыя должны будутъ понести родные студентовъ въ случаѣ забастовки, на тѣ „реформы“, которыя теперь проводятся въ бюрократическихъ канцеляріяхъ Петербурга, на толки о Земскомъ Соборѣ и проч , но ихъ малоубѣдительные доводы еще больше доказали колеблющимся товарищамъ необходимость забастовки.

Затѣмъ по предложенію предсѣдателя сходки высказались профессора. Профес. Гершманъ, предсѣдатель „совѣта“ профессоровъ, передалъ уже извѣстную резолюцію профессоровъ: онъ де подчиняется рѣшенію большинства студентовъ.

Затѣмъ извѣстный въ городѣ либералъ, проф. Гредескулъ, предсѣдатель юридическаго общества, заявилъ, что ему удалось быть на неофиціальномъ съѣздѣ 50-60 профессоровъ въ Москвѣ 12 января, гдѣ были представители почти отъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, и что тамъ было постановлено, чтобы профессора въ случаѣ студенческихъ волненій лекціи не читали. То же самое сказалъ отъ имени профессоровъ Харьковскаго университета другой либералъ проф. Стекловъ. Затѣмъ отъ имени приватъ-доцентовъ и лаборантовъ — приватъ-доцентъ Браунштейнъ заявилъ, что они, въ случаѣ забастовки, рѣшили лекцій не читать.

На другой день было засѣданіе совѣта профессоровъ. И каково же было удивленіе студентовъ, когда они узнали, что профессора послѣ такихъ заявленій рѣшили закрыть университетъ только до 15 марта, когда по ихъ мнѣнію студенты успокоятся. Такъ либералы активно участвуютъ въ революціи.

Резолюція, предложенная предсѣдателемъ сходки, была принята 1088 голос. при 27 воздержавшихся.

Рѣшили бастовать до сентября, также Ветеринарный институтъ (сходка 10 февраля) и Технологическій (сх. 9 февр).

Харьковъ. Наконецъ 17 января послѣ долгихъ разговоровъ мѣстная радикальная часть общества рѣшила устроить банкетъ по случаю 100-лѣтія Харьковскаго университета. Но когда публика явилась въ дворянское собраніе, двери оказались запертыми, а услужливая полиція предлагала разойтись. Оказалось, что предводитель дворянства въ 5 или 6 часовъ довелъ до свѣдѣнія устроителей банкета, что онъ залъ собранія не можетъ уступить.

Въ виду этого собравшаяся публика рѣшила хоть гдѣ-нибудь отпраздновать юбилей. Здѣсь же было рѣшено отправиться въ оперный театръ и въ одной изъ боковыхъ залъ устроить собраніе Но такъ какъ объ этомъ узнала только часть публики, то собраніе оказалось малочисленнымъ, въ 300—400 чел., между тѣмъ какъ предполагалось не меньше 700 — 800 человѣкъ. Послѣ избранія предсѣдателя начались рѣчи политическаго характера. Принята резолюція о прекращеніи войны и требованіе народнаго представительства.

Черниговъ. 26 января происходило засѣданіе городской думы. На очереди стоялъ вопросъ о пересмотрѣ городового положенія. Вопросъ этотъ предварительно разсматривался въ комиссіи. Голоса въ ней раздѣлились. Пріобрѣвшій широкую популярность, герой либеральной весны Мухановъ, въ трогательномъ единеніи съ представителями еврейскаго и русскаго капитала, стоялъ за цензовое избирательное право въ городскомъ самоуправленіи. Страхъ передъ безцензовымъ пришлецомъ уничтожилъ презрѣніе, которое искони питаютъ аристократическіе представители земли къ выдвинувшимся впередъ представителямъ денежной буржуазіи. Лѣвая же требовала представленія избирательныхъ правъ всѣмъ жителямъ города однако не безъ ограниченія: требуется двухлѣтнее пребываніе въ городѣ. По мнѣнію здѣшнихъ либераловъ, это условіе обезпечиваетъ заинтересованность избирателя въ правильномъ ходѣ мѣстнаго самоуправленія. На дѣлѣ же, оно конечно, приведетъ къ лишенію избирательныхъ правъ большинства рабочихъ, которые у насъ, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, вынуждены часто мѣнять мѣстожительство. Буржуазная подоплека обнаружилась и здѣсь. Въ комиссіи побѣдила лѣвая, и докладъ составленъ былъ въ ея духѣ. Докладъ заканчивается требованiемъ гарантiи и созыва народнаго представительства. Уже до начала засѣданiя ожидались горячiя пренiя: консервативная оппозицiя должна была возражать противъ доклада, лѣвая готовилась къ защитѣ своей позицiи. Были намѣчены ораторы, распредѣлены рѣчи (преимущественно—гласные юристы). Прочитавъ докладъ, городской голова заявляетъ, что послѣдней его части (о созывѣ народныхъ представителей) онъ обсуждать не допуститъ. Гласный Шрагъ протестуетъ и заявляетъ, что въ настоящее время нельзя молчать, а надо открыто и смѣло заявить о своихъ нуждахъ. Самъ онъ всетаки никакихъ „смѣлыхъ" заявленiй не дѣлаетъ и садится. Въ это время раздается изъ группы рабочихъ, бывшихъ въ залѣ: „Г. г.! всѣ ваши частичныя требованiя въ настоящiй моментъ совершенно безполезны. Если вы хотите чего либо достигнуть, вы должны присоединиться къ требованiю революцiоннаго пролетарiата. Долой самодержавiе, да здравствуетъ всенародное учредительное собранiе, да здравствуетъ демократическая республика!" Городской голова прервалъ было оратора заявленiемъ, что онъ не имѣетъ права голоса, но тотъ всетаки закончилъ свою рѣчь. Въ публику и въ гласныхъ въ это время брошены были прокламацiи. Публика, бывшая въ залѣ, къ своему стыду не поддержала клича рабочаго. Организованныхъ рабочихъ въ залѣ было немного, ибо засѣданiе было закрыто раньше 10 часовъ вечера, и многiе рабочiе, которые поздно освободились отъ работы, опоздали. Интересно поведенiе гласныхъ. Послѣ заявленiя рабочаго они какъ бы онѣмѣли Намѣченные ораторы, которые заранѣе составили свои рѣчи, что-то пробормотали о своемъ согласiи съ гласнымъ Шрагомъ. Многiе склонны приписывать это растерянности, наступившей послѣ заявленiя рабочаго; сами гласные мотивируюъ свое молчанiе опасенiемъ дальнѣйшихъ „выходокъ" со стороны рабочихъ.

Причина гораздо болѣе серьезная — послѣ заявленiя рабочаго, либеральной группѣ гласныхъ *нечего* было сказать. Ограничиваться туманными фразами на подобiе гласнаго Шрага послѣ категорическаго заявленiя рабочихъ, было совершенно невозможно, поддержать же его не хватило смѣлости

Со стороны „правой" тоже никто не выступалъ. Въ результатѣ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ прошелъ, согласно предложенiю коммиссiи, единогласно и безъ пренiй. На другой день, по указанiю шпiона Рябковскаго, были арестованы 4 рабочихъ случайныхъ. Вскорѣ ихъ выпустили. Оратора не нашли, и вообще организацiя не была задѣта.

Баку. (8 февраля). Осадное положенiе продолжается. Всѣ сидятъ взаперти, кромѣ чисто армянскихъ кварталовъ, гдѣ пытаются, и даже успѣшно, оказывать сопротивленiе; хуже въ татарскихъ кварталахъ — гдѣ также много армянъ. Послѣднiе живутъ благодаря „рыцарскимъ пережиткамъ" татаръ, которые обязуются защищать всякаго, переступившаго порогъ. По городу ходятъ евреи и русскiе — они же доставляютъ осажденному населенiю свѣдѣнiя. Передъ нашимъ домомъ стоянка [illegible], и они никого не пропускаютъ; въ дворника, высунувшаго голову, была пущена пуля.

Цинизмъ, наглое и гнусное издѣвательство войскъ и полицiи надъ армянами безпримѣрно. За деньги провожаютъ, потомъ бросаютъ и уходятъ. Русское общество, если такъ можно назвать всякiе подонки общества, ищущiе на Кавказѣ повышенiя и чиновъ, братается съ татарами; татары, напримѣръ, провожаютъ русскихъ женщинъ и весело болтаютъ, хотя всѣ тротуары залиты кровью, а мѣстами валяются неубранные трупы. Татары угощаютъ казаковъ, а тѣ въ порывѣ благодушiя къ новымъ союзникамъ говорятъ: „мы васъ трогать не будемъ, мы бьемъ обыкновенно евреевъ, поляковъ и армянъ. Солдаты, на вопросъ, почему они ничего не дѣлаютъ, — отвѣчаютъ: „не приказано стрѣлять". Татары говорятъ: „начальникъ разрѣшилъ", да и откуда у нихъ столько патроновъ и оружiя! Сегодня губернаторъ былъ въ мечети и держалъ приблизительно такую рѣчь: „посмотрю, какъ армяне будутъ себя вести; если не успокоятся, разрѣшу даже врываться въ дома и избивать". Единственная надежда — организованные рабочiе — но едва ли ихъ пустятъ въ городъ, да и оружiя у нихъ мало. Чѣмъ кончится? — Убитыхъ масса, трупы не убраны во многихъ мѣстахъ, есть студенты, гимназисты, многiя семьи не знаютъ, куда дѣлись ихъ кормильцы, которые вышли утромъ, ничего не подозрѣвая, и не могли вернуться домой.

[illegible]хмутъ. Изъ здѣшней гимназiи исключено пять учениковъ [illegible] класса и три седьмого. Инспекторъ распечатывалъ письма учениковъ и нашелъ кое у кого, какъ онъ выражается, „антиправительственную" переписку. Гимназисты составили письменный протестъ съ требованiемъ прекратить подобное шпiонство. Начальство немедленно исключило виновныхъ въ составленiи протеста. Остальныхъ же учениковъ заставили *признать* (!?) въ томъ, что они „не принимаютъ участiя въ политическомъ движенiи и являются благонамѣренными гражданами". Въ городѣ всѣ возмущены подобными дѣйствiями гимназическаго начальства. Особенно шумѣли земцы и настояли, чтобы всѣ исключенные (кромѣ одного, Степанова, у котораго обнаружена инспекторомъ „противоправительственная переписка") вновь были приняты въ гимназiю.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНIЕ.

Обструкцiя итальянскаго желѣзнодорожнаго персонала. — Конгрессъ шведской социальдемократической партiи.

Итальянское правительство внесло въ палату проектъ закона о выкупѣ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, но ввело въ этотъ проектъ рядъ статей, требующихъ наказанiя за всякую агитацiю, имѣющую цѣлью нарушить правильный ходъ движенiя. Это значило поставить желѣзнодорожный персоналъ внѣ закона, отнять у него право стачекъ и сдѣлать для него фиктивнымъ свободу союзовъ. Итальянскiе желѣзнодорожные служащiе и рабочiе рѣшили дать должный отвѣтъ на эту угрозу правительства, и ихъ союзъ, насчитывающiй 65,000 членовъ (всѣхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ имѣется 80,000), постановилъ прибѣгнуть къ новому, заслуживающему вниманiя способу борьбы — къ *обструкцiи*.

Обструкцiя эта должна была состоять въ точномъ, неукоснительномъ исполненiи желѣзнодорожнаго регламента, который, какъ и большинство такихъ уставовъ, написанъ такъ, что достаточно выполнять его въ точности, чтобы вызвать полнѣйшую путаницу во всемъ движенiи. Это и случилось. 14-го февраля курьерскiе поѣзда прибывали въ Римъ, Флоренцiю и Миланъ съ опозданiемъ, колебавшимся между 2 и 13 часами; перевозка товаровъ совершенно прекратилась, а число пассажирскихъ поѣздовъ пришлось значительно сократить.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ образъ дѣйствiй персонала. Уставъ требуетъ, чтобы касса открывалась за полчаса и запиралась за 5 минутъ до отхода поѣзда. Кассиры такъ и поступаютъ. У кассы огромная толпа. Но вотъ первый пассажиръ покупаетъ билетъ, стоящiй, положимъ, [illegible] франковъ и подаетъ кассиру монету въ 10 франковъ. Кассиръ превѣжливо читаетъ ему параграфъ устава, требующiй, чтобы путешественники являлись къ кассѣ съ размѣненной монетой и не затрудняли кассира выдачей сдачи, и отсылаетъ его размѣнять свои деньги. Также поступаетъ онъ и со слѣдующими пассажирами, и изъ нѣсколькихъ десятковъ толпящагося у кассы народу, билеты успѣваютъ получить только 5—6 человѣкъ. За 5 минутъ до отхода поѣзда касса закрывается.

Вотъ счастливецъ уже въ вагонѣ, но это еще не значитъ, что онъ уже ѣдетъ. Поѣздъ ждетъ прихода другихъ поѣздовъ, застрявшихъ въ какой-нибудь полуверстѣ отъ вокзала, гдѣ они согласно уставу, продѣлываютъ всѣ предписанные маневры. Наконецъ поѣздъ тронулся, но на первой станцiи опять безконечная остановка, такъ какъ нужно тщательно осмотрѣть — этого требуетъ уставъ — правильно ли дѣйствуетъ отопленье, хорошо ли закрыты всѣ окна и двери и т. п.

Въ Миланѣ, напримѣръ, на вокзалѣ составляется поѣздъ. Чтобы выполнить все въ точности, потребовалось полтора часа. Но приходитъ надсмотрщикъ и замѣчаетъ старый, престарый вагонъ. Онъ заявляетъ, что этотъ вагонъ не годится. Приходится выдѣлить вагонъ, снова составить поѣздъ, на что требуются новые часы.

Въ Римѣ машинистъ долженъ былъ отвести локомотивъ въ депо. Но онъ увидѣлъ, что позади тендера нѣтъ требуемыхъ правилами трехъ фонарей. Онъ отказывается тронуться съ мѣста. Отправляются за фонарями, но въ складѣ ихъ не выдаютъ: необходимо доставить записку отъ начальника станцiи.

Въ одномъ поѣздѣ оказался депутатъ палаты, который по закону имѣетъ право на даровой проѣздъ. Кондукторъ заставляетъ его показать себѣ депутатскiй билетъ, проситъ подписать на клочкѣ бумаги свое имя, чтобы сличить съ подписью, имѣющейся на депутатскомъ билетѣ, и такимъ образомъ удостовѣряется въ самоличности депутата. Но у кондуктора является сомнѣнiе въ сходствѣ подписей... и опять поѣздъ стоитъ.

Результаты, конечно, обнаруживались тотчасъ же. 15-го числа изъ Рима ушло и прибыло туда на 26 пассажирскихъ и 32 товарныхъ поѣзда меньше, чѣмъ полагается по росписанiю. На слѣдующiй день пришлось совершенно отказаться отъ мысли пустить въ ходъ всѣ поѣзда. Съ каждымъ днемъ затрудненiя увеличивались, а исходу не было никакого. Кромѣ мелкихъ придирокъ къ служащимъ, ничего нельзя было съ ними сдѣлать. Само собою разумѣется, что единственнымъ исходомъ было бы взятiе правительствомъ обратно своего проекта закона, но оно предпочло выйти въ отставку. Обструкцiя желѣзнодорожниковъ низвергла министерство Джiолити. Осмѣлится ли новое министерство защищать указанный законъ, еще неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что урокъ, данный обструкцiей, надолго останется въ памяти, но если бы этого не случилось, въ рукахъ желѣзнодорожниковъ остается еще одно могучее орудiе — всеобщая стачка, къ которой они давно уже готовятся. Пока они приняли выжидательное положенiе и прекратили обструкцiю.

* * *

13-го февраля закончилъ свои засѣданiя конгрессъ шведской социальдемократической партiи. На нихъ принята новая партiйная программа со специальной аграрной частью, отличающейся мелкобуржуазной окраской, пересмотрѣнъ организацiонный уставъ партiи, причемъ сохранена прежняя связь между политическими и профессiональными организацiями, вопреки требованiю части членовъ партiи, желавшихъ раздѣленiя этихъ двухъ организацiй; рѣшено добиваться всеобщаго избирательнаго права и для этого въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть ко всеобщей стачкѣ, и, наконецъ, по вопросу о шведско-норвежской унiи принята резолюцiя, подчеркивающая право норвежскаго народа на самоопредѣленiе и высказывающаяся противъ великошведскихъ и династическихъ тенденцiй, противъ стремленiя привести къ насильственному разрѣшенiю возникшiе между двумя странами спорные вопросы.

ИЗЪ ПАРТIИ.

Извѣщенiе с конференцiи соц.-демократическихъ организацiй Россiи.

Въ январѣ сего года состоялась конференцiя представителей Центральныхъ Комитетовъ Рос. Соц.-дем. Рабочей Партiи, Всеобщаго Евр. Рабоч. Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россiи (Бунда), Латышской С.-Д. Р. П. и Р. У. П. Были приглашены также С.-Д. Польши и Литвы, П. С. П. „Пролетарiатъ" и Арм. С.-Д. Рабоч. Орг., но эти организацiи не прислали своихъ представителей на совѣщанiе, хотя послѣднiя двѣ выразили свое согласiе на участiе въ конференцiи[1]. Конференцiя продолжалась два дня. На ней обсуждался цѣлый рядъ вопросовъ тактически-организацiоннаго характера, и было выработано обращенiе, въ которомъ намѣчены наши ближайшiя основныя политическiя требованiя. Ниже мы приводимъ текстъ этого обращенiя и тѣ резолюцiи, которыя могутъ быть уже въ настоящее время опубликованы.

I. Къ пролетарiату всей Россiи.

Развитiе общественныхъ отношенiй въ Россiи все рѣзче и рѣзче обострило коренное несоотвѣтствiе самодержавнаго режима съ интересами всѣхъ классовъ капиталистическаго общества, все болѣе рѣзко и ясно обнаруживая необходимость уничтоженiя абсолютизма.

Эта необходимость съ особенной силой встала передъ всѣми прогрессивными элементами страны въ послѣднiе годы, когда тяжкiй экономическiй кризисъ привелъ въ сотрясенiе весь общественный организмъ, когда бѣдствiя рабочаго класса достигли небывалыхъ размѣровъ, когда „нужды деревни" стали серьезной угрозой дальнѣйшему развитiю производительныхъ силъ Россiи, когда стало ясно до очевидности, что беззастѣнчивое хозяйничанье самодержавнаго правительства, его произволъ и всевластiе не только усугубляютъ всѣ обычныя бѣдствiя кризиса, но неуклонно ведутъ страну къ полному и неизбѣжному разоренiю.

Рабочiй классъ былъ единственной силой, которая смѣло и открыто вызвала на смертный бой самодержавiе, — это чудовищное наслѣдiе средневѣковья, казавшееся несокрушимымъ подъ броней штыковъ.

На требованiя свободы самодержавiе отвѣчало тюрьмой и ссылкой. Ростъ солидарности рабочаго класса оно пыталось парализовать нацiональной травлей, разжиганiемъ звѣрскихъ инстинктовъ невѣжественныхъ массъ. Погромы были оружiемъ противъ растущаго и крѣпнущаго рабочаго движенiя.

Русское правительство еще вѣрило, что послѣдовательная политика репрессiй способна упрочить его могущество.

Но оно не могло долго итти по этому пути. Грянула война, никому ненужная, всѣми ненавидимая война съ ея безсмысленными, ужасными жертвами. Она разбудила отъ политической спячки даже самаго робкаго обывателя; она обучила его политикѣ огненнымъ языкомъ пушекъ, рѣками пролитой крови, цѣлымъ океаномъ нищеты и скорби.

Блескъ самодержавiя померкъ на-вѣки. И когда подъ давленiемъ военныхъ неудачъ, ввиду грозящаго банкротства, оно обратилось къ обществу и объявило „весну", — это общество встрѣтило его единодушнымъ крикомъ: „Долой самодержавiе!".

„Весна" ознаменовалась мобилизацiей оппозицiонныхъ силъ русской буржуазiи. Близость ликвидацiи самодержавiя, стремленiе получить возможно большую долю его наслѣдства — толкали разрозненные дотолѣ революцiонные и оппозицiонные буржуазные элементы къ единенiю. Возникаютъ буржуазно-демократическiе союзы.

„Весеннее" общественное движенiе происходило *подъ флагомъ либерализма*. Вся поверхность политической жизни Россiи пестрѣла разнообразными цвѣтами буржуазнаго протеста, начиная программами чисто демократическими, и кончая всеподданнѣйшими прошенiями на имя царизма объ его добровольномъ самоупразднении...

Пролетарiатъ въ это время проявлялъ мало активности. Онъ какъ-будто ждалъ, пока выдохнется весь чадъ либеральнаго пустословiя. Близорукiе изъ либеральнаго лагеря были увѣрены, что онъ спитъ глубокимъ сномъ. И въ этой увѣренности они черпали вдохновенье, чтобы, закрывъ глаза на прошлое, провозгласить политическое освобожденiе Россiи дѣломъ своихъ собственныхъ рукъ. Изъ либеральнаго лагеря стали исходить призывы *ко всему народу*, стала усиленно проповѣдываться необходимость забыть классовый антагонизмъ.

Туманъ либеральной фразеологiи сталъ серьезно угрожать ясности классоваго самосознанiя пролетарiата.

А организацiи пролетарiата дѣйствовали обособленно одна отъ другой. Выступленiя социальдемократiи носили характеръ разрозненный. Дружному концентрированiю буржуазно-либеральныхъ силъ, натиску буржуазной идеологiи, социальдемократiя Россiи могла противопоставить лишь рядъ отдѣльныхъ организацiй, дѣйствующихъ самостоятельно, безъ общаго плана кампанiи, безъ единаго руководящаго центра.

Тѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость единенiя между организацiями, необходимость выработать хотя-бы временное соглашенiе для дружнаго натиска на близкое къ гибели самодержавiе, для защиты интересовъ пролетарiата противъ вожделѣнiй буржуазiи.

А въ нѣдрахъ рабочаго класса въ это время совершалась великая работа. Зарождался протестъ широкiй, чреватый великими послѣдствiями.

Волны сплоченныхъ общей нуждой и общей надеждой пролетарiевъ залили предмѣстья и улицы Петербурга.

„8 часовъ труда", „больше простора силамъ народа", „долой опричнину, чиновниковъ-угнетателей".—этотъ кличъ вырывался изъ сердца обездоленныхъ и угнетенныхъ широкихъ массъ петербургскаго пролетарiата, пробуждающихся къ новой жизни, и еще не выпрямившихся во весь ростъ, еще не проникшихся яснымъ и гордымъ самосознанiемъ великой мощи и великаго призванiя своего класса.

Десятками залповъ отвѣтило царское правительство народу. Сотнями человѣческихъ жизней расплатились народныя массы за свою наивную вѣру, за свои историческiе предразсудки,

Молнiя мысли и пламя гнѣва озарили умы и сердца пролетарскихъ массъ. Съ силой стихiи покатились волны пролетарскаго возмущенiя, грозя сокрушить царскiй тронъ, снести съ лица земли ненавистныхъ тирановъ, вселяя суевѣрный страхъ „свободолюбивой" буржуазiи.

Дыханiе бури пронеслось по всему лицу родной земли, зажигая пламя возстанiя, вызвавшее подъ знаменемъ социальдемократiи на улицу десятки и сотни тысячъ рабочихъ, готовыхъ завоевать свободу или умереть

И эти грандiозныя событiя властнымъ голосомъ, неотразимымъ призывомъ требуютъ объединенiя всѣхъ силъ социальдемократiи для истиннаго руководительства пролетарскимъ движенiемъ, для направленiя его подъ знаменемъ социализма къ истинно-пролетарской цѣли.

При кровавомъ заревѣ январскихъ дней сдѣланъ былъ, наконецъ, первый шагъ къ объединенiю всей социальдемократiи Россiи. Только что состоявшееся совѣщанiе представителей Центральныхъ Комитетовъ Р. С.-Д. Р. П., Бунда, Лат. С.-Д. Р. П. и Рев. Укр. П. — это первый камень великаго, прекраснаго зданiя будущаго — единой, сплоченной и сильной партiи пролетарiата всей Россiи.

При яркомъ свѣтѣ рабочаго возстанiя мы подаемъ руки другъ другу. Передъ нами великая задача — направить всѣ необъятныя силы пролетарiата Россiи по одному широкому руслу, навстрѣчу его политическому и социальному освобожденiю, направить по единому плану, при дружной совмѣстной работѣ, въ полномъ и ясномъ сознанiи нашихъ ближайшихъ и отдаленныхъ задачъ.

Мы обращаемся съ нашимъ призывомъ ко всѣмъ рабочимъ Россiи. Настало время рѣшительныхъ дѣйствiй противъ самодержавнаго режима. Мы должны завоевать политическую свободу, чтобы на почвѣ этой свободы вести еще болѣе широкую борьбу противъ капиталистической эксплуатацiи во имя великаго идеала социализма.

Наши дни — дни громадной исторической важности. Они надолго опредѣлятъ нашу роль въ политической жизни нашей родины.

Пусть же всѣ рабочiе Россiи, безъ различiя нацiональности, проникнутся сознанiемъ своихъ интересовъ, пусть звучатъ повсюду наши пролетарскiя требованiя. Мы требуемъ:

1. Созыва Учредительнаго Собранiя народныхъ представителей, избранныхъ всѣми гражданами безъ различiя пола, религiи и нацiональности на основанiи прямого, равнаго и всеобщаго избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ;
2. Немедленнаго прекращенiя войны съ Японiей;
3. Немедленнаго освобожденiя всѣхъ арестованныхъ и сосланныхъ по политическимъ и религiознымъ дѣламъ и прекращенiя всѣхъ подобныхъ дѣлъ;
4. Немедленнаго введенiя восьмичасоваго рабочаго дня для всѣхъ наемныхъ рабочихъ во всѣхъ промышленныхъ, торговыхъ и сельскихъ предпрiятiяхъ.

Мы не сложимъ оружiя, пока не осуществятся всѣ наши требованiя, но мы не перестанемъ бороться и въ Учредительномъ Собранiи, — которое должно дать Россiи свободныя государственныя учрежденiя, — за созданiе такихъ политическихъ формъ, которыя обезпечатъ свободу и безпрепятственное развитiе нашей классовой борьбы за всю полноту ближайшихъ пролетарскихъ требованiй, за нашу конечную цѣль — социализмъ.

Въ Учредительномъ Собранiи мы будемъ требовать:

1. Отмѣны всего самодержавнаго режима и замѣны его демократической республикой на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ;
2. Широкаго мѣстнаго самоуправленiя на основѣ такого же избирательнаго права, и областного самоуправленiя для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условiями и составомъ населенiя;
3. Неприкосновенности личности и жилища; неограниченной свободы совѣсти, слова, печати, собранiй, стачекъ и союзовъ;
4. Уничтоженiя сословiй; полной равноправности всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола, религiи, расы и нацiональности;
5. Отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ, направленныхъ противъ отдѣльныхъ нацiональностей; гарантированной закономъ свободы культурнаго развитiя для каждой нацiональности; права получать образованiе и объясняться во всѣхъ мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденiяхъ и на собранiяхъ на родномъ языкѣ;
6. Выборности судей народомъ; права каждаго лица преслѣдовать въ обычномъ порядкѣ передъ судомъ присяжныхъ всякаго чиновника;
7. Замѣны постояннаго войска всеобщимъ вооруженiемъ народа;
8. Отдѣленiя церкви отъ государства и школы отъ церкви.

Участники конференцiи, представители Центральныхъ Комитетовъ: *Рос. Соц.-дем. Рабоч. Партiи, Бунда, Лат. С.-Д. Р. П. и Рев. Укр. П.*

II. Резолюцiя о соглашенiяхъ съ либеральными и демократическими партiями.

Принимая во вниманiе: 1. Что широко разлившееся освободительное движенiе буржуазныхъ слоевъ общества привело и приводитъ къ возникновенiю различныхъ организацiй съ болѣе или менѣе демократическими программами или стремленiями, что въ этихъ теченiяхъ и организацiяхъ возникаетъ желанiе сплотить всѣ враждебныя самодержавiю силы, независимо отъ ихъ программы, при условiи общности ихъ основной задачи — низверженiя самодержавiя, и въ интересахъ скорѣйшаго осуществленiя этой задачи; 2. что такое стремленiе къ сплоченiю всѣхъ силъ побуждаетъ нѣкоторыя буржуазныя организацiи искать соглашенiя съ организацiями пролетарскими; 3. что социальдемократiя, стремясь къ уничтоженiю классоваго характера современнаго общества путемъ завоеванiя политической власти рабочимъ классомъ, ставитъ своей главной задачей развитiе классоваго самосознанiя рабочихъ и объединенiе ихъ въ особую соціальдемократическую партію; 4. Что задача эта можетъ быть осуществлена лишь при условіи, если соціальдемократія будетъ принимать активное и самостоятельное участіе въ всей политической жизни страны, противопоставляя себя партіямъ буржуазнымъ, и выдвигая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требованія своей программы и свою революціонную тактику, — мы считаемъ невозможнымъ вступать съ буржуазными партіями въ союзы, имѣющіе цѣлью использовать всѣ силы пролетаріата въ интересахъ буржуазнаго переустройства Россіи, такъ какъ такое использованіе означало бы раствореніе соціальдемократическаго движенія въ движеніи демократическомъ и обращеніе пролетаріата изъ самостоятельной политической силы въ орудіе борьбы демократической буржуазіи съ самодержавіемъ.

---

[1] Уже по окончанiи конференцiи, при личномъ свиданiи съ представителемъ С. Д. П. и Л. и „Пролет.", выяснилось, что делегаты С. Д. П. и Л. не явились во время вслѣдствiе вспыхнувшей въ Варшавѣ всеобщей стачки, а делегаты „Пролетарiата" запоздали по случайнымъ обстоятельствамъ.

Но, не прекращая ни на минуту всесторонняго разоблаченія классоваго характера буржуазныхъ партій, не отступая отъ своей программы и революціонной тактики, и ни мало не жертвуя своей организаціонной самостоятельностью, соціальдемократія, въ интересахъ освободительной борьбы рабочаго класса, не отказываясь въ отдѣльныхъ актахъ борьбы отъ согласованныхъ дѣйствій съ буржуазными партіями, при томъ условіи, если эти партіи добиваются наряду съ нами созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ.

Резолюція о „блокѣ“ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій и организацій Россіи.

Принимая во вниманіе: 1. Что дѣйствительное демократическое переустройство Россіи мыслимо лишь, какъ замѣна самодержавія демократической республикой, основанной на всеобщемъ, равномъ, прямомъ избирательномъ правѣ съ тайной подачей голосовъ, и что такое переустройство, въ свою очередь, предполагаетъ созывъ Учредительнаго Собранія на основахъ такого же избирательнаго права; 2. Что въ програмныхъ требованіяхъ либерально-демократическаго „блока“ требованіе демократической республики замѣнено неопредѣленнымъ требованіемъ „демократическаго режима“, и что этотъ „блокъ“ не опредѣлилъ своего отношенія къ требованію созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ, — мы полагаемъ, что сосредоточеніе всѣхъ освободительныхъ силъ Россіи подъ руководствомъ этого „блока“ явилось бы угрозой дѣлу послѣдовательнаго демократическаго преобразованія Россіи, и что, поэтому, присоединеніе какихъ-либо соціальдемократическихъ организацій къ этому „блоку“ несовмѣстимо съ соціальдемократической программой и тактикой.

Участники конференціи, представители Центральныхъ Комитетовъ:

Р. С.-Д. Р. П.
Бунда
Латышской С.-Д. Р. П.
Рев. Укр. Партіи.

Изъ отсутствовавшихъ на конференціи организацій Польская Соціалистическая Партія „Пролетаріатъ“ извѣстила, что всецѣло присоединяется къ вышеприведеннымъ постановленіямъ конференціи.

„Соціальдемократія Царства Польскаго и Литвы“ выразила согласіе присоединить свою подпись къ подписямъ участниковъ конференціи только на прокламаціи „Къ пролетаріату всей Россіи“.

Отъ редакціи. Мы, съ своей стороны, горячо привѣтствуемъ достигнутое товарищами въ Россіи соглашеніе между соціальдемократическими партіями. Въ декларацiяхъ конференціи, составленныхъ нѣсколько на спѣхъ, въ водоворотѣ революціонныхъ событій, можно было бы, на нашъ взглядъ, улучшить нѣкоторыя мѣста, которыя, въ настоящей своей редакціи, недостаточно отчетливо формулируютъ взгляды, общіе объединившимся партіямъ. Но, разумѣется, не въ частностяхъ тѣхъ или другихъ програмныхъ заявленій все значеніе состоявшагося соглашенія. Оно — въ томъ соединеніи силъ на работѣ, которое сдѣлало возможнымъ конференція.

Постановленіе Совѣта Р. С.-Д. Р. Партіи отъ 8 марта 1905 года.

Въ виду того, что отъ имени „Бюро комитетовъ большинства“ партійнымъ организаціямъ разсылается приглашеніе на третій экстренный съѣздъ партіи, Совѣтъ доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ членовъ партіи:

1) Согласно партійному уставу, партійный съѣздъ можетъ быть созванъ только Совѣтомъ Партіи, и послѣдній обязанъ его созвать, когда за него выскажется больше половины правоспособныхъ организацій, причемъ, въ силу устава и единогласно принятаго Совѣтомъ (въ составѣ Плеханова, Аксельрода, Ленина, Мартова, Глѣбова) постановленія, къ 1 января 1905 года правоспособными въ этомъ вопросѣ являются 33 партійныхъ организаціи (кромѣ центральныхъ учрежденій[1]);

2) „Бюро комитетовъ большинства“ ссылается на полномочіе нѣсколькихъ партійныхъ организацій[2]), изъ которыхъ, однако, одна — Кавказскій Союзный Комитетъ — вовсе не правоспособна для дачи такого полномочія, а изъ числа остальныхъ пять (Петерб., Рижск., Одесск. и Нижегородск. Комитеты и Воронеж. „касса“) имѣютъ за собой лишь ничтожную долю организованныхъ членовъ партіи на мѣстѣ, въ то время, какъ большинство членовъ партіи въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ — и особенно рабочихъ — никакихъ полномочій „бюро“ не давало и категорически выразило свою несолидарность съ точкой зрѣнія, легшей въ основу его дѣятельности;

3) Изъ сказаннаго видно, что „бюро комитетовъ большинства“, объявляя о созывѣ съѣзда, фактически дѣйствуетъ по порученію небольшого меньшинства организацій партіи (четверть всѣхъ полноправныхъ организацій) и ничтожной доли всѣхъ членовъ партіи, причемъ спеціально воля организованныхъ рабочихъ — членовъ партіи — совершенно попирается бюро, говорящимъ отъ имени большинства партіи. Поэтому, Совѣтъ Партіи не видитъ ни формальныхъ, ни моральныхъ основаній признавать созываемый при такихъ условіяхъ съѣздъ съѣздомъ партійнымъ;

4) Совѣтъ выражаетъ свое удивленіе по поводу того обстоятельства, что „бюро“, съ одной стороны, приглашаетъ центральныя учрежденія партіи на свой съѣздъ и, слѣдовательно, считается съ ними, какъ съ партійными учрежденіями, а съ другой стороны, созывая съѣздъ по собственному почину, тѣмъ самымъ обнаруживаетъ полное игнорированіе правъ и полномочій этихъ учрежденій.

5) Оставляя въ сторонѣ всѣ формальныя соображенія и разсматривая проектируемый съѣздъ съ точки зрѣнія возможнаго умиротворенія партіи, Совѣтъ долженъ констатировать, что созываемый при такихъ условіяхъ съѣздъ, по необходимости, лишенъ всякаго моральнаго авторитета, и Центральныя Учрежденія не могутъ дать товарищамъ прочныхъ гарантій ни правильности представительства на этомъ съѣздѣ, ни огражденія имъ достоинства и интересовъ партіи, ни конспиративной безопасности;

6) Совѣтъ обращаетъ вниманіе товарищей на то обстоятельство, что иниціаторы съѣзда недавно отвергли, сообщенное Бебелемъ отъ имени Vorstand'а германской соціальдемократической партіи, предложеніе передать третейскому суду подъ предсѣдательствомъ Бебеля конфликтъ между Центральными Учрежденіями партіи и такъ называемымъ „большинствомъ“. Принятіе этого предложенія позволило бы предварительно—до съѣзда—товарищескимъ образомъ разрѣшить самый вопросъ объ обязанности Центральныхъ. Учрежденій партіи созвать III съѣздъ или о правѣ „бюро“ взять на себя дѣло его созыва и тѣмъ самымъ устранить неразрѣшимые инымъ путемъ споры о правильности съѣзда. Отклоненіе предложенія германскихъ товарищей явно доказываетъ, что упомянутое „бюро“ стремится путемъ созыва съѣзда ускорить и закрѣпить партійный расколъ, сдѣлавъ невозможнымъ мирное разрѣшеніе партійнаго кризиса.

7) Въ согласіи съ большинствомъ партійныхъ работниковъ, Совѣтъ признаетъ нецѣлесообразнымъ созывать партійный съѣздъ въ такой моментъ, когда дѣйствительные революціонеры не могутъ и не считаютъ себя вправѣ отрываться отъ активной работы, и считаетъ непроизводительной затратой партійныхъ силъ и средствъ содѣйствіе организаціи такого съѣзда, на которомъ судьбы партіи фактически рѣшались бы дѣятелями, менѣе всего связанными съ революціонной работой и менѣе всего могущими представлять мнѣніе организованнаго пролетаріата.

Въ виду всего этого, Совѣтъ Партіи постановляетъ:

1) Съѣздъ, созываемый „бюро комитетовъ большинства“, долженъ быть признанъ противорѣчащимъ уставу партіи и потому *не партійнымъ*.

2) Всѣ партійные работники, организаціи и группы обязаны не подчиняться принудительному проведенію въ партійную жизнь постановленій съѣзда, участники котораго своимъ образомъ дѣйствій сами ставятъ себя внѣ партіи.

3) Всѣ партійные комитеты, организаціи, кружки и группы приглашаются въ возможно болѣе короткій срокъ сообщить Совѣту, сохраняютъ ли они довѣріе къ центральнымъ учрежденіямъ партіи.

4) Въ виду насущныхъ потребностей переживаемаго революціоннаго времени, Совѣтъ указываетъ всѣмъ товарищамъ на настоятельную необходимость возможно болѣе частаго и широкаго устройства конференцій, совѣщаній и другихъ формъ коллегіальнаго обсужденія политическихъ и партійныхъ вопросовъ. При этомъ Совѣтъ указываетъ, что такого рода конференціи даютъ возможность привлечь къ обсужденію насущныхъ вопросовъ движенія самый широкій кругъ партійныхъ работниковъ, и этой возможностью слѣдуетъ воспользоваться въ полной мѣрѣ для приданія партійной организаціи большей устойчивости и для достиженія большей успѣшности руководства рабочимъ движеніемъ.

Совѣтъ Р. С.-Д. Р. П.

Революціонные „упразднители“ и тифлисскій пролетаріатъ.

ВСѢМЪ ТИФЛИССКИМЪ РАБОЧИМЪ!

Ко всѣмъ рабочимъ города Тифлиса. Рабочіе, товарищи! Давно ужъ мы боремся съ самоотверженіемъ противъ самодержавія, противъ его насилія и гнета; въ этой борьбѣ много товарищей пало, много энергичныхъ борцовъ вырвано изъ нашихъ рядовъ. И вотъ, когда врагъ смертельно раненый, доживаетъ послѣдніе дни, когда это облитое народной кровью чудовище-правительство шатается, необходимъ только послѣдній натискъ, чтобы стереть его съ лица земли. Въ это время въ нашихъ рядахъ появляются люди, которые своими дѣйствіями подрываютъ нашу работу, разрываютъ партію на части и тѣмъ самымъ ослабляютъ наши революціонныя силы. Союзный Комитетъ произвольно устраняетъ мѣстный комитетъ, тотъ комитетъ, который такъ долго боролся рука объ руку съ тифлисскими рабочими, и учреждаетъ новый комитетъ, не считая нужнымъ даже узнать мнѣніе организованныхъ рабочихъ. И это на другой день послѣ послѣдняго могучаго выступленія тифлисскаго пролетаріата! Кто далъ Союзному Комитету право такъ оскорблять, такъ унижать борющійся пролетаріатъ и относиться такъ безцеремонно къ его комитету?

Союзный Комитетъ заявляетъ, что устраняетъ тифлисскій комитетъ за его выходъ изъ Союза. Да, мы вышли изъ Кавказскаго Союза, но знаете почему, товарищи? Потому что Кавказскій Союзъ вышелъ изъ Р. С.-Д. Р. П. подъ давленіемъ С. К. Кавказскіе комитеты порвали связь и съ Центральнымъ Органомъ, и съ Центральнымъ Комитетомъ, и съ Совѣтомъ Партіи и думаютъ создать новую партію, считая, что только подъ ихъ руководствомъ возможна правильная работа. И вотъ, вмѣсто того чтобы объединяться вокругъ уже существующихъ партійныхъ центровъ и готовиться къ послѣднему штурму на самодержавіе, они говорятъ: „подождите, когда нибудь мы создадимъ хорошую партію и тогда будемъ бороться“.

Неужели, товарищи, мы согласимся на это? Развѣ это не будетъ самоубійствомъ? Неужели мы послѣдуемъ за этими сѣятелями смутъ? Нѣтъ, товарищи, мы этого не сдѣлали, мы замѣтили пропасть, въ которую стремится С. К., мы остановились и закричали ему: „стой!“, но С. К. не остановился. Вмѣсто того онъ прислалъ длиннѣйшій указъ, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Мы принуждены заявить, что данный составъ тифлисскаго комитета, допустившій такое грубое нарушеніе принциповъ II съѣзда партіи (хотя ничего подобнаго не было) и утвержденаго устава К. С., не можетъ, по мнѣнію С. К., являться истиннымъ (!) представителемъ партіи въ Тифлисѣ, этому составу, если имъ даже будетъ сознана и исправлена допущенная ошибка, не можетъ быть довѣрена дальнѣйшая партійная соціальдемократическая работа въ Тифлисѣ.

Мы доводимъ до свѣдѣнія тифлисскаго комитета слѣдующее постановленіе С. К. 1) С. К. отмѣняетъ рѣшеніе тифлисскаго комитета о выходѣ послѣдняго изъ Кавказскаго Союза; 2) изъ тифлисскаго комитета должны быть устранены члены, указанные С. К. и 3) для ликвидаціи послѣдствій ошибки тифлисскаго комитета и возможно скорѣйшаго согласованія его дѣятельности съ дѣятельностью другихъ комитетовъ Кавказскаго Союза вообще, въ тифлисскій комитетъ должны быть введены указанные С. К. работники... С. К. проситъ товарищей отвѣтить письменно на это заявленіе черезъ уполномоченнаго С. К. впродолженіе 24 часовъ“.

Вотъ какъ безпредѣленъ произволъ С. К. Онъ неумолимъ, не прощаетъ даже раскаявшихся, онъ даже не даетъ времени комитету подумать, поговорить съ рабочими и издаетъ боевой кличъ: „отвѣтъ въ 24 часа“! Вотъ до чего доходитъ его бюрократизмъ! Но все же мы рѣшили дать ему отвѣтъ въ 24 часа. Въ тотъ же день мы собрали 25 представителей районныхъ рабочихъ организацій и этотъ конфликтъ мы вынесли на ихъ судъ. Собраніе рабочихъ выслушало это письмо С. К. и объясненіе мѣстнаго комитета и единогласно постановило:

„Въ виду того, что большинство кавказскихъ комитетовъ въ послѣдней конференціи Кавказскаго Союза приняло рядъ резолюцій, клонящихся къ полному разрыву съ Ц. Учр. Партіи и тѣмъ самымъ внесло дезорганизацію въ партію, тифлиск. ком., стоя на точкѣ зрѣнія единства партіи, счелъ своимъ партійнымъ долгомъ протестовать противъ такой дѣятельности Кавказскаго Союза своимъ выходомъ изъ него. Правильность такой точки зрѣнія на дѣятельность Кавказскаго Союза подтверждается дальнѣйшими событіями, резолюціями бакинскаго и кутаисскаго комитетовъ, провозгласившими разрывъ съ Ц. Учр. и тѣмъ объявившими себя внѣ партіи. Слѣдовательно, изъ партіи вышелъ не тифлисскій комитетъ, а Кавказскій Союзъ въ лицѣ бакинскаго и кутаисскаго комитетовъ и призывъ къ единенію и сплоченію партійныхъ силъ долженъ быть направленъ не къ намъ, а къ вышеупомянутымъ комитетамъ.

Къ нашему великому прискорбію С. К., который по его же словамъ, является „представителемъ Р. С.-Д. Р. П. на Кавказѣ“, не принялъ никакихъ мѣръ для сохраненія единства партіи; С. К. своимъ пассивнымъ отношеніемъ къ дезорганизаторско дѣятельности вышеупомянутыхъ комитетовъ, какъ бы санкціонируетъ расколъ въ партіи. А между тѣмъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ С. К. предлагаетъ тифлисскому комитету взять обратно свое заявленіе о выходѣ изъ Союза во имя единства партіи.

Съ удовольствіемъ отмѣчая, что С. К., наконецъ, сталъ на точку зрѣнія охраненія интересовъ партійнаго единства, мы заявляемъ, что можемъ взять свою резолюцію о выходѣ изъ Кавказскаго Союза обратно только въ томъ случаѣ, если 1) С. К. объявитъ, что онъ противъ раскола въ партіи и разрыва съ Ц. Учр., 2) Соотвѣтственно этому, приметъ мѣры противъ дезорганизаторской дѣятельности нѣкоторыхъ комитетовъ Союза и 3) въ виду надвигающейся революціи, выскажется противъ агитаціи за III съѣздъ въ данное время.

Что касается права С. К. раскассировать мѣстные комитеты, напомнимъ, что на основаніи § 8 партійнаго устава (объ автономіи комитетовъ) и толкованія этого пункта Совѣтомъ партіи, вначалѣ принципіальнаго, а впослѣдствіи примѣнительно къ § 6 устава С. К. (постановленіе совѣта: пункты устава Кавказскаго Союза, противорѣчащіе пунктамъ партійнаго устава, не имѣютъ законной силы), мы такого права за С. К. признать не можемъ“.

Нужно было ожидать, что С. К. внемлетъ голосу пролетаріата и на его письмо отвѣтитъ письмомъ же. Но нѣтъ, онъ не удостоилъ отвѣта, не постарался уладить споръ, издалъ прокламацію объ учрежденіи нов. комитета, даже въ этой прокламаціи невѣрно изложилъ факты: онъ насъ обвиняетъ въ дезорганизаціи, по поговоркѣ—съ больной головы на здоровую.

Эта прокламація взбудоражила всѣхъ рабочихъ, и въ тотъ же день собрались 40 представителей организованныхъ рабочихъ, пригласили С. К. и мѣстный комитетъ и послѣ долгихъ преній единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

„Мы, собравшіеся здѣсь организованные рабочіе, высказываемся за резолюцію, принятую соединеннымъ собраніемъ районныхъ организацій и тифлисскаго комитета, и заявляемъ, что мы можемъ войти въ Кавказскій Союзъ только въ томъ случаѣ, если во 1) С. К. будетъ бороться противъ раскола въ партіи и разрыва съ Ц. Учр. 2) приметъ мѣры противъ дезорганизаторской дѣятельности бакинскаго и кутаисскаго комитетовъ 3) выскажется противъ немедленнаго созыва III съѣзда. Образованіе С. К. новаго комитета въ Тифлисѣ мы считаемъ новымъ актомъ дезорганизаторской дѣятельности С. К. и протестуемъ противъ такихъ его дѣйствій. Мы считаемъ вреднымъ и прямо пагубнымъ существованіе двухъ соціальдемократическихъ организацій въ одномъ городѣ и будемъ бороться со всѣми тѣми, кто вызываетъ расколъ въ партіи“.

Вотъ, товарищи, воля тифлисскаго передового пролетаріата. И какъ отнеслись къ ней представители С. К.? Они на собраніи заявили, что несогласны съ резолюціей рабочихъ и противъ ихъ желанія образуютъ „законный“ комитетъ.

Товарищи, какъ видите, С. К. сперва устроилъ походъ противъ Центральныхъ Учрежденій, а когда тифлисскій пролетаріатъ выступилъ въ защиту Партійныхъ Учрежденій, С. К. вооружился противъ самого пролетаріата.

Тифлисскіе рабочіе, вы первые провозвѣстники кавказскаго рабочаго движенія, вы первые сѣятели соціальдемократическихъ идей на Кавказѣ, вы же будьте иниціаторами и теперь въ дѣлѣ освобожденія нашихъ партійныхъ организацій отъ внутреннихъ раздоровъ. Вы первые поднимите голосъ противъ бюрократизма С. К., который въ прошломъ году изъ бакинскаго комитета удалилъ энергичныхъ работниковъ и вызвалъ расколъ (рабочіе отдѣлились отъ комитета), а въ этомъ году заставилъ кутаисскій комитетъ порвать связь съ Центральнымъ Комитетомъ и производитъ полную дезорганизацію на Кавказѣ.

Итакъ, товарищи, объединитесь вокругъ вашихъ же передовыхъ рабочихъ и вокругъ вашего комитета и дружно пойдемъ впередъ подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П.!

Да здравствуетъ единая Р. С.-Д. Р. П.!
Да здравствуетъ Кавказскій пролетаріатъ!

7 февраля 1905 г. Тифлисскій комитетъ.

Въ началѣ нынѣшняго года въ „Революціонной Украинской Партіи (Р. У. П.) произошелъ расколъ: изъ нея выдѣлилась значительная часть, вошедшая вслѣдъ за тѣмъ въ нашу партію, въ качествѣ автономнаго союза („Украинской С. Д. Союзъ“). Въ своемъ заявленіи — „Расколъ въ Р. У. П.“ группа бывшихъ членовъ Р. У. П. (въ томъ числѣ нѣкоторые члены загранич комитета Р. У. П.), изложивъ эволюцію украинской интелли генціи, характеризуетъ Р. У. П. какъ партію мелкобуржуазную пропитанную націоналистическими тенденціями и лишь въ свое фразеологіи являющуюся соціалистической.

Пролетарскіе элементы Р. У. П., видя всю тщетность своихъ ус лій придать партіи и ея дѣятельности ясно выраженный классово пролетарскій характеръ сочли своимъ долгомъ выйти изъ парті чтобы не дать буржуазной демократіи повести за собою украи скій пролетаріатъ. Въ согласіи съ Рос. С.-Д. Р. П. они убѣж дены, что, предстоящую буржуазную революцію пролетаріат долженъ совершить, не упуская изъ виду ни на минуту сво ихъ классовыхъ задачъ, долженъ совершать ее какъ класс сознающій свои классовые интересы. Не дать буржуазной д мократіи повести за собою рабочій классъ, соединить всѣ со знательные силы пролетаріата Россіи для самостоятельнаго вы ступленія на политической сценѣ въ качествѣ сплоченной и м гучей пролетарской партіи — вотъ задача, стоящая перед каждымъ сторонникомъ пролетарскаго идеала“.

Въ январѣ вышелъ № 1 газеты для „сельскаго рабоча люда“—„Правда“, издаваемой вновь образовавшимся союзом Газета составлена живо и популярно, касается самыхъ злобо дневныхъ темъ. Ограничимся по недостатку мѣста перечисле ніемъ вошедшихъ въ № 1 статей: Борьба за свободу въ Росс (1) Царская неволя. 2) Чего хотятъ либералы отъ правительст 3) Что царь отвѣтилъ либераламъ. 4 Рабочіе выходятъ бороть 5) Какъ царь встрѣтилъ рабочихъ. 6) Революція). — Портъ-Ар туръ — Какъ царь и помѣщики торговались изъ за мужико — По городамъ и селамъ. — Фельетонъ: Петербургская Нед (Ночь съ 8-го на 9-ое января. — У Зимняго Дворца. У Нарв заставы. Баррикада. Въ Царскомъ Селѣ).

Въ январѣ же издана этимъ союзомъ прокламація „Револ ція“, разсказывающая крестьянамъ о начавшейся революці зовущая ихъ присоединиться къ ней, поддерживая городск рабочихъ

Въ виду недостатка мѣста, уставъ новаго Союза мы по щаемъ въ „Листкѣ Искры“—приложеніи, котор. выйдетъ надня

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Владиміру. 3 письма получены, пришлите скорѣе адр

Очевидцу (черезъ Влад.) Получено. **Турову.** Пойдетъ, посылайте

Донъ-Жуанъ спрашиваетъ, что съ женихомъ? Откликн

Б. А. Р. Письмо ваше получено, просимъ продолжать.

Изъ **Рима** для С. Д. спілки получено 200 фр. Полу черезъ Бакинца для Ц. К. (для расширенія политич. агита отъ О. 500 р., отъ А—250 р. Получено отъ предсѣдателя 1

Въ виду чрезвычайнаго обилія матерьяловъ, приходя изъ Россіи, мы выпускаемъ черезъ нѣсколько дней отдѣ приложеніе, куда войдетъ рядъ корреспонденцій.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комит съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Револю Соціальдемократіи“:
Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Su
(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиг

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève

---

[1] Именно: Комитеты Петербургскій, Московскій, Тверской, Сѣверный, Тульскій, Нижегородскій, Саратовскій, Уральскій, (быв. Уфимскій), Сибирскій, Донской, Харьковскій, Кіевскій, Одесскій, Екатеринославскій, Сѣверо-Западный, Рижскій, Полѣсскій, Орловско-Брянскій, Смоленскій, Казанскій, Самарскій, Воронежскій, Кубанскій, Бакинскій, Батумскій, Тифлисскій, Мингрельско Имеретинскій, Курскій, Астраханскій, Николаевскій, союзы Крымскій и Донецкій и Заграничная Лига.

[2] *Прим. Ред.* Согласно № 9 „Впередъ“ — десять: Петербургскій, Московскій, Нижегородскій, Рижскій, Тверской, Сѣверный, Тульскій, Одесскій комитеты, Кавказскій союзъ и Воронежская касса борьбы.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 90. Четвергъ, 3-го марта 1905 г. Годъ V

NEW YORK
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

Русская армія больше не существуетъ... Она истерта въ порошокъ тяжелыми жерновами разлагающагося царизма и японской стратегіи. Кровь леденѣетъ и воображеніе отказывается служить при попыткѣ хоть сколько нибудь наглядно представить себѣ колоссальные размѣры постигшаго русскихъ солдатъ несчастія. Сухія, просѣянныя сквозь цензурное сито, телеграммы потрясаютъ своею трагическою простотою, больше, чѣмъ знаменитый „Красный смѣхъ" Андреева. Сотни тысячъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ... Потеря сотенъ пушекъ, огромнаго количества боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, топлива... Дезорганизація всей врачебной части, утрата всѣхъ медикаментовъ... Горы неубранныхъ труповъ... Валяющіеся на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ раненые, кровь которыхъ замерзаетъ, лишь только выльется изъ ранъ... Толпы не выдержавшихъ всѣхъ ужасовъ этого ада, помѣшанныхъ солдатъ, то въ дикомъ изступленіи бросающихся другъ на друга, то въ нѣмомъ порывѣ отчаянія колѣнопреклоненно простирающихъ свои руки къ небу, къ тому небу, именемъ котораго сытые, богатые, довольные освящаютъ свои злодѣянія... Жалкіе остатки четырехсотъ-тысячной арміи, затерявшіеся въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ Манджуріи, безъ патроновъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды; — въ добычу лютому морозу и хищному звѣрю...

Если-бы жалость, если-бы состраданіе, если-бы простое чувство ужаса передъ тѣмъ неизмѣримымъ несчастьемъ, которое обрушилось на сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, во имя лѣсныхъ концессій царя и окружающей его шайки грабителей, оторванныхъ отъ родныхъ домовъ и брошенныхъ въ жертву всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ придумать изобрѣтательный человѣческій умъ, если-бы человѣческія чувства могли играть хоть какую-нибудь роль въ рѣшеніяхъ тѣхъ узурпаторовъ, которыя распоряжаются судьбой 130-миллионнаго народа, то, конечно, на слѣдующій день послѣ мукденскаго разгрома, „съ высоты престола" раздалось бы столь долго жданное слово — миръ! Но нѣтъ! Еще не перестаютъ приходить все новыя и новыя вѣсти объ ужасахъ послѣдняго боя, еще съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ цифра потерь, а ужъ русскому народу возвѣщаютъ о „твердой рѣшимости" продолжать проклятую войну. Съ перекосившимся отъ страха лицомъ — отъ страха за свою шкуру, — съ „печалью" въ сердцѣ — съ печалью не за сотни тысячъ погибшихъ людей, а за неудачу кровожадныхъ плановъ, — трясущейся рукой царь подписываетъ уже приказъ о мобилизаціи новой четырехсотъ-тысячной арміи! А жалкіе писаки, „патріоты своего отечества", пламенѣющіе воинственнымъ азартомъ въ своихъ теплыхъ и уютныхъ редакторскихъ кабинетахъ, благословляютъ на холодъ, голодъ, лишенія, смерть, новыя и новыя тысячи сыновъ народа! Они сыты — война только повышаетъ розничную продажу. Пусть-же поголодаетъ столь облюбованный ими „солдатикъ" [illegible] тѣло — пусть степная вьюга холоднымъ и мягкимъ покровомъ заноситъ „доблестныя войска"! Имъ уютно — а въ уютѣ такъ сладостны мечты о герояхъ, въ студеную и темную ночь, на завывающемъ вѣтру стоящихъ на стражѣ патріотической „чести"! Пусть льется ручьями народная кровь! Потоками блудливыхъ словъ и крокодиловыхъ слезъ смоютъ ее газетные патріоты.

Но мало того. Готовая къ новой бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ, самодержавная шайка готовитъ новый кровавый пиръ и у себя дома. Разстрѣлъ 9-го января былъ дополненъ гекатомбами при Сандепу, стоившими 10000 выбитыхъ изъ строя. Страшные дни Мукдена готовятся теперь дополнить новой бойней въ Петербургѣ. Комиссія Шидловскаго закрыта; повѣрившіе царскимъ обѣщаніямъ рабочіе еще и еще разъ нагло обмануты; ихъ выборные и уполномоченные арестованы, высланы; казенные заводы, одинъ за другимъ, закрываютъ свои двери подъ предлогомъ „чрезмѣрности" требованій рабочихъ и выгоняютъ на улицу безработную, голодающую толпу; уже заработали перья нововременскихъ шакаловъ, осыпающихъ клеветами рабочихъ; попы, полиція и продажные писаки неустанно сѣютъ наглую ложь объ иностранномъ золотѣ, льющемся, якобы, въ карманъ рабочихъ; правительство явно толкаетъ рабочихъ къ взрыву отчаянія и новой кровавой баней готовится задавить народное движеніе. Кровь на Востокѣ, кровь на Кавказѣ, кровь въ Польшѣ, кровь въ Петербургѣ, кровь по всему лицу земли русской! Никогда еще ни одинъ режимъ не стоилъ ни одной странѣ такого безконечнаго количества крови!

Вотъ она, дорогая цѣна злодѣяній царизма, хищничества стоящей вокругъ трона жадной толпы „презрѣнныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ", дурмана, которымъ не перестаютъ заражать атмосферу бѣшеные вопли лакейской „патріотической" прессы, преступнаго попустительства либеральнаго „общества", рокового молчанія подавленнаго вѣковымъ гнетомъ народа!

Но теперь народъ заговорилъ, и пришла пора положить конецъ длинному ряду преступленій самодержавія. Пришла пора властно и рѣшительно вмѣшаться въ его кровавыя авантюры и притушить хищнаго звѣря. Нельзя позволить, чтобы могла состояться новая мобилизація. Отказъ идти на войну — долженъ стать общимъ лозунгомъ всего народа, всѣхъ, не желающихъ брать на себя отвѣтственности за всѣ тѣ ужасы, которые готовитъ народу преступная война, затѣянная самодержавіемъ, война, въ которой самодержавіе не можетъ побѣдить, но въ которой оно можетъ истощить всѣ жизненные соки народа.

Насиліе правительства должно встрѣтить вооруженный отпоръ. Пламя возстанія должно охватить всю страну. И въ эти ужасные дни, когда обливаются кровью всѣ сердца, способныя болѣть страданіями народа, въ эту великую историческую минуту, когда страна стоитъ на распутьи между полнымъ разложеніемъ и гибелью или возрожденіемъ къ новой, свободной жизни, пусть каждый исполнитъ свой долгъ гражданина! Мы обращаемся къ пролетаріату, ко всему народу и зовемъ его съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою свободу, болѣе того — свое существованіе, потому что самому существованію его грозитъ дальнѣйшее сохраненіе самодержавія. Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ личные помыслы не задавили окончательно мысли о судьбахъ страны, и зовемъ ихъ на помощь возставшему народу. Пусть помогутъ они ему своими силами, своими знаніями, своими средствами, своими связями! Пусть помогутъ они вооруженію народа, пусть дезорганизуютъ они всю работу правительственнаго механизма! Мы обращаемся къ офицерамъ и солдатамъ, этимъ жертвамъ, обреченнымъ на закланіе во славу всепожирающаго царизма, и говоримъ имъ: помните, если-бы хоть десятая часть тѣхъ храбрецовъ, которые безтрепетно полегли на поляхъ Манчжуріи, если бы хоть десятая часть ихъ съ тою же смѣлостью и отвагою встала на защиту попранныхъ правъ народа, безъ остатка исчезла бы развратная и преступная монархія, прекратился бы потокъ несказанныхъ несчастій, непрерывно обрушивающихся — вотъ уже больше года — на русскій народъ! Или вы хотите еще ждать? Или вы хотите, чтобы послѣ Ялу, Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена, Телина, былъ Харбинъ и Владивостокъ? Или вы хотите, чтобы сотнями тысячъ вашихъ труповъ японскія войска навязали Россіи ту свободу, которую вы не рѣшаетесь взять сами, хотя вамъ нужно протянуть только руку, чтобы взять ее?

Нѣтъ, дольше ждать нельзя. Мукденскій разгромъ, окончательно разоблачившій всѣ язвы, всю негодность, всю неспособность и пагубность самодержавнаго режима, долженъ послужить сигналомъ къ всеобщему возстанію противъ царизма. Нельзя требовать *только* мира, потому что миръ при сохраненіи самодержавія будетъ означать гибель страны. Только вмѣстѣ съ низверженіемъ самодержавія, миръ послужитъ началомъ мощнаго подъема и расцвѣта народныхъ силъ, сковываемыхъ тисками царизма. И потому, кто хочетъ мира, тотъ долженъ поддержать кличъ пролетаріата: — долой самодержавіе, да здравствуетъ народная революція!

РАБОТА ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВРЕМЯ.

> Почему не „узкая" организація „профессіональныхъ революціонеровъ" дала толчекъ движенію этой лавины, а „Собраніе рабочихъ?" — Потому, что „Собраніе" это было дѣйствительно широкою организаціей, основанной на самодѣятельности рабочихъ массъ....
>
> Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ „нелегальностью" нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массой, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетаріата, но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы. („Искра", № 84 — „Начало революціи")

Передъ всякимъ соціальдемократомъ стоитъ въ настоящее время жгучій вопросъ: что дѣлать? Принципіально, „Искра" рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что необходимо устраивать широкія организаціи, основанныя на самодѣятельности пролетаріата и приспособленныя къ цѣлямъ классовой борьбы. И это, какъ я понимаю, предлагается не только какъ общее соціальдемократическое средство, нужное всегда и вездѣ, но и какъ спеціальное условіе дѣятельности именно теперь, въ начавшійся революціонный періодъ, чтобы привести въ движеніе „лавину" и направлять ее по соціалдемократическому руслу. Это, конечно, не единственное средство — „Искра" говоритъ и о „технической" подготовкѣ къ возстанію[1]), — но главное, безъ чего немыслима *пролетарская* побѣда надъ самодержавіемъ и установленіе широкаго демократическаго строя. Вполнѣ раздѣляя эту точку зрѣнія, я хотѣлъ бы поднять здѣсь слѣдующій практическій вопросъ: съ чего слѣдуетъ начать работу по устройству такихъ широкихъ организацій, и какое содержаніе придать агитаціи въ этомъ направленіи, имѣя въ виду именно настоящій революціонный моментъ, когда рабочія массы уже выступили въ стачечномъ движеніи, когда все находится въ броженіи, и когда особенно остро чувствуется нужда въ поднятіи революціоннаго настроенія рабочихъ массъ и объединенія ихъ, съ цѣлью наиболѣе успѣшной борьбы на два фронта: и противъ самодержавія, и противъ капиталистовъ.

Извѣстно, что революціонные моменты, подобные тому, какой переживаемъ сейчасъ мы, характеризуются прежде всего тѣмъ, что въ это время многія правительственныя функціи какъ бы отмираютъ; законы и порядки, хотя еще не отмѣнены пока, но, благодаря выступленію на сцену революціонныхъ массъ, не примѣняются. Сопротивленіе капиталистовъ-промышленниковъ напору пролетарскихъ требованій тоже ослабѣваетъ, — по стольку, по скольку первые теряютъ поддержку въ правительствѣ. Происходитъ фактическій захватъ на это время различныхъ свободъ и нѣкоторыя завоеванія въ экономической области. Это необходимо живо помнить именно теперь, чтобы наилучшимъ образомъ воспользоваться даннымъ моментомъ въ интересахъ пролетаріата.

Дѣйствительно, — что происходитъ сейчасъ въ Россіи? Съ начала января возникаютъ огромныя массовыя стачки, постепенно перекатываясь по всей странѣ. Мы уже успѣли забыть, что стачки по закону все-же у насъ запрещены, настолько онѣ устраиваются свободно. Со стачечниками ведутъ переговоры, ихъ признаютъ, тогда какъ еще недавно практиковался шаблонный пріемъ правительства запрещать предпринимателямъ вступать съ рабочими въ переговоры объ ихъ требованіяхъ, пока они находятся въ стачкѣ. Свобода стачекъ фактически завоевана на это время. То же и съ собраніями рабочихъ. Съ самаго начала движенія гапоновскія общества въ Петербургѣ выскочили изъ своего казеннаго устава, сбросивъ его, какъ негодную скорлупу, и на собраніяхъ рабочихъ стали заниматься тѣмъ, чѣмъ хотѣли, а не тѣмъ, что позволено. Составъ собранія не ограничивался только членами общества, а заключалъ въ себѣ всю огромную массу поднявшихся рабочихъ. Безнаказанно происходили также митинги на улицахъ. Свобода слова на собраніяхъ и митингахъ была полная. Могутъ сказать, что въ Петербургѣ правительство допустило эту свободу собраній исключительно лишь съ тою цѣлью, чтобы осуществить свой дьявольскій планъ — вызвать безоружныя массы на общую манифестацію на площади и тамъ ошеломить ихъ бойней, но, вѣдь, послѣ 9 января во многихъ городахъ, гдѣ возникали стачки, происходилъ цѣлый рядъ такихъ свободныхъ собраній и правительство должно было ихъ терпѣть, пытаясь только мѣшать открытымъ массовымъ демонстраціямъ и случаямъ насилія со стороны стачечниковъ. Конечно, правительство еще можетъ расправляться жестоко, когда ему приходится имѣть дѣло съ одиночками или съ небольшими группами, но тамъ, гдѣ оно встрѣчается со сплоченными массами въ ихъ стремленіи къ захвату различныхъ свободъ, лапы его перестаютъ дѣйствовать.

И такое стремленіе къ захвату свободъ на три-четверти, если не всецѣло, совершенно стихійно, не обязано никакому партійному плану, а существуетъ только потому, что массы находятся въ революціонномъ кипѣніи, — только потому, что онѣ выступили. Это ихъ естественное и неизбѣжное выраженіе. Въ результатѣ является частичная дезорганизація правительства и открывается, и притомъ не только для рабочихъ, а для всѣхъ слоевъ населенія, расчищенное революціоннымъ движеніемъ, свободное поле для политической работы.

Благодаря бездѣйствію во многихъ случаяхъ правительственныхъ лапъ, стачечники получаютъ сравнительно легко и нѣкоторыя уступки со стороны предпринимателей. Конечно, эти уступки не прочны, и капиталисты, какъ всегда, будутъ стремиться при первой возможности ихъ взять обратно но ужъ отъ организованной части пролетаріата, отъ соціальдемократической партіи будетъ зависѣть не давать капиталистамъ такой возможности, а напротивъ, закрѣпить полученныя уступки и работать надъ дальнѣйшимъ ихъ расширеніемъ. Однако, наиболѣе характернымъ явленіемъ для настоящаго времени слѣдуетъ признать не то, что хозяева подаются на требованія стачечниковъ, а то, что революціонно настроенные рабочіе стремятся сами, не дожидаясь отвѣта хозяевъ или вопреки ихъ отвѣту, установить лучшія условія труда; они, такъ сказать, сами забираютъ себѣ то, что имъ нужно. Такъ, на нѣкоторыхъ заводахъ въ Петербургѣ рабочіе по окончаніи стачки являются на работу, но работаютъ только восемь часовъ, пытаясь такимъ образомъ самостоятельно установить восьмичасовой рабочій день.

Итакъ, есть свободное поле и есть стремленіе рабочихъ сейчасъ же, не дожидаясь окончательныхъ результатовъ борьбы съ правительствомъ, воспользоваться имъ для улучшенія своего положенія. Рабочіе *сейчасъ же* хотятъ на расчищенномъ мѣстѣ устраиваться по новому. И это лучшій способъ борьбы, такъ какъ при немъ закрѣпляется каждый послѣдовательный шагъ. Но рабочія массы, при той малой степени организованности, какую онѣ теперь имѣютъ, сами по себѣ, едва ли могутъ достигнуть многаго въ этомъ направленіи. — Организовывать соотвѣтственнымъ образомъ массы для дѣла самоустроенія, вести вмѣстѣ съ ними одновременно и разрушительную, и созидательную работу, такъ чтобы созидательная часть служила рычагомъ для дальнѣйшихъ, болѣе успѣшныхъ, разрушеній и ускоряла этимъ общій процессъ ликвидаціи стараго строя — и является по моему мнѣнію, ближайшей неотложной задачей соціальдемократической партіи.

„У насъ нѣтъ сейчасъ правительства, есть только враждебная вооруженная банда, которая бьется съ населеніемъ за свое существованіе". — Приблизительно такія восклицанія часто приходится читать и слышать послѣ петербургскихъ событій 9-го января. Необходимо, чтобы это восклицаніе не висѣло въ воздухѣ простой революціонной фразой, а послужило лозунгомъ, отправнымъ пунктомъ, отъ котораго слѣдуетъ начать работу. Нужно уничтожить за собою мосты къ отступленію и безъ оглядки дѣйствовать, не принимая въ разсчетъ номинальнаго существованія правительства и считаясь только съ враждебною вооруженною силою. И это будетъ очень близко къ дѣйствительности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ правительства, какъ устроенной силы, у насъ почти не осталось. Мысль объ отсутствіи правительства и о возможности устраиваться самимъ необходимо постоянно внушать рабочимъ. Нужно сейчасъ же начинать жить свободнымъ демократическимъ строемъ, нужно теперь же организовывать рабочія массы для возможнаго проведенія въ жизнь соціалдемократической программы minimum. Нужно самостоятельно, ни у кого не спрашивая, открыто устраивать массовыя собранія рабочихъ. Если вооруженная сила помѣшаетъ устройству ихъ гдѣ нибудь въ центральномъ мѣстѣ, перенести ихъ на фабричные дворы, воспользоваться сосѣднимъ трактиромъ, куда экспромтомъ собраться подъ видомъ чаепитія, прервать на время, по данному сигналу, работу на фабрикѣ и тутъ же, въ самомъ фабричномъ помѣщеніи, устроить собраніе. Нужно всячески практиковать революціонную свободу собраній и на этомъ организовывать массы. Нужно открыто, а не по прежнему — конспиративно, устраивать среди широкихъ массъ рабочихъ всякіе профессіональные союзы, общества взаимопомощи, кассы, причемъ придется, можетъ быть, только законспирировать храненіе денегъ, чтобы ихъ не удалось отнять. Нужно организовывать открытые кружки рабочихъ для чтенія — безразлично — легальной и нелегальной литературы. Вообще нужно стремиться превратить за это время большую часть нелегальнаго, если не въ легальное, то въ совершенно открытое и широкое, дѣйствующее въ силу революціоннаго выступленія массъ.

На хозяевъ, ослабленныхъ бездѣйствіемъ правительства, необходимо давить самовольнымъ сокращеніемъ рабочаго времени, организаціей различныхъ формъ представительства отъ рабочихъ для вмѣшательства въ столкновенія хозяевъ съ отдѣльными рабочими, для наблюденія за благоустройствомъ фабрикъ, за всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ и прочее. Нужно насильственно и окончательно уничтожить унизительную систему обысковъ при выходѣ изъ фабрики. Нужно теперь же начать прямо гнать всякую внутреннюю полицію на фабрикѣ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея жизнь нестерпимою.

Мнѣ хотѣлось здѣсь только показать направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести работу, отдѣльные примѣры могутъ быть неудачны, но товарищи, работающіе на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, найдутъ десятки другихъ способовъ, чтобы организовывать пролетаріатъ для фактическаго захвата свободъ. Одно важно: по возможности сдѣлать такъ, чтобы ближайшему будущему строю оставалось только закрѣпить то, что самостоятельно пріобрѣтено пролетаріатомъ въ революціонный періодъ.

Разумѣется, правительство будетъ стремиться всячески мѣшать этой самостоятельной созидательной работѣ, но, во первыхъ, по теперешнему времени оно далеко не сможетъ захватить всѣхъ случаевъ, а во вторыхъ, тамъ, гдѣ и могло бы, оно непремѣнно будетъ запаздывать, такъ что во всякій данный моментъ столкновеніе будетъ происходить при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для рабочихъ, т. е. когда они будутъ усилены всей предшествовавшей работой по организаціи. Сейчасъ правительство, ради собственнаго спасенія, старается направить остріе рабочаго движенія въ экономическую область, противъ предпринимателей; послѣдніе, видя, что правительство не только не облегчаетъ ихъ положенія, но еще затрудняетъ его, начинаютъ открыто переходить въ оппозицію и стараются, въ свою очередь, повернуть остріе противъ правительства. Та и другая сторона готовы, поэтому, на нѣкоторыя попустительства и поблажки. Нужно пользоваться этимъ обстоятельствомъ и расширить свои захваты настолько, чтобы всякая положительная мѣра правительства какъ бы таяла въ своемъ ничтожествѣ передъ тѣмъ, что самостоятельно добыто пролетаріатомъ.

Мнѣ кажется, было бы ошибкой откладывать созидательную часть работы на конецъ революціоннаго періода: сначала, молъ, разрушительныя дѣйствія, а потомъ созиданіе. Это, можетъ быть, было бы выгоднѣе, если бы вся выступившая масса или большинство ея состояло изъ сознательныхъ рабочихъ, для которыхъ ясна вся дальнѣйшая перспектива, но, вѣдь, такихъ рабочихъ незначительное меньшинство. Возможно, что, подъ вліяніемъ одного лишь стихійнаго взрыва, рабочія массы завтра же совершатъ окончательное нападеніе на самодержавіе, но этого можетъ и не быть и пройдутъ еще долгіе мѣсяцы, прежде чѣмъ будетъ

---

[1]) Этой стороны я здѣсь не касаюсь вовсе.

NEW YORK
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 90. Четвергъ, 3-го марта 1905 г. Годъ V

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

Русская армія больше не существуетъ... Она истерта въ порошокъ тяжелыми жерновами разлагающагося царизма и японской стратегіи. Кровь леденѣетъ и воображеніе отказывается служить при попыткѣ хоть сколько нибудь наглядно представить себѣ колоссальные размѣры постигшаго русскихъ солдатъ несчастія. Сухія, просѣянныя сквозь цензурное сито, телеграммы потрясаютъ своею трагическою простотою, больше, чѣмъ знаменитый „Красный смѣхъ“ Андреева. Сотни тысячъ убитыхъ, раненыхъ, взятыхъ въ плѣнъ... Потеря сотень пушекъ, огромнаго количества боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, топлива... Дезорганизація всей врачебной части, утрата всѣхъ медикаментовъ... Горы неубранныхъ труповъ... Валяющіеся на покрытыхъ снѣгомъ поляхъ раненые, кровь которыхъ замерзаетъ, лишь только выльется изъ ранъ... Толпы не выдержавшихъ всѣхъ ужасовъ этого ада, помѣшанныхъ солдатъ, то въ дикомъ наступленіи бросающихся другъ на друга, то въ нѣмомъ порывѣ отчаянія колѣнопреклоненно простирающихъ свои руки къ небу, къ тому небу, именемъ котораго сытые, богатые, довольные освящаютъ свои злодѣянія... Жалкіе остатки четырехсотъ-тысячной арміи, затерявшіеся въ непроходимыхъ горныхъ дебряхъ Манджуріи, безъ патроновъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды; — въ добычу лютому морозу и хищному звѣрю...

Если-бы жалость, если-бы состраданіе, если-бы простое чувство ужаса передъ тѣмъ неизмѣримымъ несчастьемъ, которое обрушилось на сотни тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, во имя лѣсныхъ концессій царя и окружающей его шайки грабителей, оторванныхъ отъ родныхъ домовъ и брошенныхъ въ жертву всѣмъ бѣдствіямъ, какія только можетъ придумать изобрѣтательный человѣческій умъ, если-бы человѣческія чувства могли играть хоть какую-нибудь роль въ рѣшеніяхъ тѣхъ изувѣрей, которыя распоряжаются судьбой 130-миллионнаго народа, то, конечно, на слѣдующій день послѣ мукденскаго разгрома, „съ высоты престола“ раздалось бы столь долго жданное слово — миръ! Но нѣтъ! Еще не перестаютъ приходить все новыя и новыя вѣсти объ ужасахъ послѣдняго боя, еще съ каждымъ днемъ все растетъ и растетъ цифра потерь, а ужъ русскому народу возвѣщаютъ о „твердой рѣшимости“ продолжать проклятую войну. Съ перекосившимся отъ страха лицомъ — отъ страха за свою шкуру, — съ „печалью“ въ сердцѣ—съ печалью не за сотни тысячъ погибшихъ людей, а за неудачу кровожадныхъ плановъ, — трясущейся рукой царь подписываетъ уже приказъ о мобилизаціи новой четырехсотъ-тысячной арміи! А жалкіе писаки, „патріоты своего отечества“, пламенѣющіе воинственнымъ азартомъ въ своихъ теплыхъ и уютныхъ редакторскихъ кабинетахъ, благословляютъ на холодъ, голодъ, лишенія, смерть, новыя и новыя тысячи сыновъ народа! Они сыты — война только повышаетъ розничную продажу. Пусть-же поголодаетъ столь облюбованный ими „солдатикъ“, [illegible] тѣло — пусть степная вьюга холоднымъ и мягкимъ покровомъ заноситъ „доблестныя войска“! Имъ уютно — а въ уютѣ такъ сладостны мечты о герояхъ, въ студеную и темную ночь, на завывающемъ вѣтру стоящихъ на стражѣ патріотической „чести“! Пусть льется ручьями народная кровь! Потоками блудливыхъ словъ и крокодиловыхъ слезъ смоютъ ее газетные патріоты.

Но мало того. Готовая къ новой бойнѣ на Дальнемъ Востокѣ, самодержавная шайка готовитъ новый кровавый пиръ и у себя дома. Разстрѣлъ 9-го января былъ дополненъ гекатомбами при Сандепу, стоившими 10000 выбитыхъ изъ строя. Страшные дни Мукдена готовятся теперь дополнить новой бойней въ Петербургѣ. Комиссія Шадловскаго закрыта; повѣрившіе царскимъ обѣщаніямъ рабочіе еще и еще разъ нагло обмануты; ихъ выборные и уполномоченные арестованы, высланы; казенные заводы, одинъ за другимъ, закрываютъ свои двери подъ предлогомъ „чрезмѣрности“ требованій рабочихъ и выгоняютъ на улицу безработную, голодающую толпу; уже заработали перья нововременскихъ шакаловъ, осыпающихъ клеветами рабочихъ; попы, полиція и продажные писаки неустанно сѣютъ наглую ложь объ иностранномъ золотѣ, льющемся, якобы, въ карманъ рабочихъ; правительство явно толкаетъ рабочихъ къ взрыву отчаянія и новой кровавой баней готовится задавить народное движеніе. Кровь на Востокѣ, кровь на Кавказѣ, кровь въ Польшѣ, кровь въ Петербургѣ, кровь по всему лицу земли русской! Никогда еще ни одинъ режимъ не стоилъ ни одной странѣ такого безконечнаго количества крови!

Вотъ она, дорогая цѣна злодѣяній царизма, хищничества стоящей вокругъ трона жадной толпы „презрѣнныхъ потомковъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“, дурмана, которымъ не перестаютъ заражать атмосферу бѣшеные вопли лакейской „патріотической“ прессы, преступнаго попустительства либеральнаго „общества“, рокового молчанія подавленнаго вѣковымъ гнетомъ народа!

Но теперь народъ заговорилъ, и пришла пора положить конецъ длинному ряду преступленій самодержавія. Пришла пора властно и рѣшительно вмѣшаться въ его кровавыя авантюры и придушить хищнаго звѣря. Нельзя позволить, чтобы могла состояться новая мобилизація. Отказъ идти на войну — долженъ стать общимъ лозунгомъ всего народа, всѣхъ, не желающихъ брать на себя отвѣтственности за всѣ тѣ ужасы, которые готовитъ народу преступная война, затѣянная самодержавіемъ, война, въ которой самодержавіе не можетъ побѣдить, но въ которой оно можетъ истощить всѣ жизненные соки народа.

Насиліе правительства должно встрѣтить вооруженный отпоръ. Пламя возстанія должно охватить всю страну. И въ эти ужасные дни, когда обливаются кровью всѣ сердца, способныя болѣть страданіями народа, въ эту великую историческую минуту, когда страна стоитъ на распутьи между полнымъ разложеніемъ и гибелью и возрожденіемъ къ новой, свободной жизни, пусть каждый исполнитъ свой долгъ гражданина! Мы обращаемся къ пролетаріату, ко всему народу и зовемъ его съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою свободу, болѣе того — свое существованіе, потому что самому существованію его грозитъ дальнѣйшее сохраненіе самодержавія. Мы обращаемся ко всѣмъ, въ комъ личные помыслы не задавили окончательно мысли о судьбахъ страны, и зовемъ ихъ на помощь возставшему народу. Пусть помогутъ они ему своими силами, своими знаніями, своими средствами, своими связями! Пусть помогутъ они вооруженію народа, пусть дезорганизуютъ они всю работу правительственнаго механизма! Мы обращаемся къ офицерамъ и солдатамъ, этимъ жертвамъ, обреченнымъ на закланіе во славу всепожирающаго царизма, и говоримъ имъ: помните, если-бы хоть десятая часть тѣхъ храбрецовъ, которые безтрепетно полегли на поляхъ Манчжуріи, если бы хоть десятая часть ихъ съ такою же смѣлостью и отвагою встала на защиту попранныхъ правъ народа, безъ остатка исчезла бы развратная и преступная монархія, прекратился бы потокъ несказанныхъ несчастій, непрерывно обрушивающихся — вотъ уже больше года — на русскій народъ! Или вы хотите еще ждать? Или вы хотите, чтобы послѣ Ялу, Портъ-Артура, Ляояна, Мукдена, Телина, былъ Харбинъ и Владивостокъ? Или вы хотите, чтобы сотнями тысячъ вашихъ труповъ японскія войска навязали Россіи ту свободу, которую вы не рѣшаетесь взять сами, хотя вамъ нужно протянуть только руку, чтобы взять ее?

Нѣтъ, дольше ждать нельзя. Мукденскій разгромъ, окончательно разоблачившій всѣ язвы, всю негодность, всю неспособность и пагубность самодержавнаго режима, долженъ послужить сигналомъ къ всеобщему возстанію противъ царизма. Нельзя требовать *только* мира, потому что миръ при сохраненіи самодержавія будетъ означать гибель страны. Только вмѣстѣ съ низверженіемъ самодержавія, миръ послужитъ началомъ мощнаго подъема и расцвѣта народныхъ силъ, сковываемыхъ тисками царизма. И потому, кто хочетъ мира, тотъ долженъ поддержать кличъ пролетаріата: — долой самодержавіе, да здравствуетъ народная революція!

РАБОТА ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОЕ ВРЕМЯ.

> Почему не „узкая“ организація „профессіональныхъ революціонеровъ“ дала толчекъ движенію этой лавины, а „Собраніе рабочихъ?“ — Потому, что „Собраніе“ это было дѣйствительно широкою организаціей, основанной на самодѣятельности рабочихъ массъ....
>
> Въ другихъ формахъ, сдавленныхъ „нелегальностью“ нашего движенія, намъ необходимы тоже широкія организаціи, которыя связали бы насъ съ массой, намъ тоже необходима самодѣятельность пролетаріата, но въ основу этихъ организацій и этой самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы. („Искра“, № 84 — „Начало революціи“)

Передъ всякимъ соціальдемократомъ стоитъ въ настоящее время жгучій вопросъ: что дѣлать? Принципіально, „Искра“ рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что необходимо устраивать широкія организаціи, основанныя на самодѣятельности пролетаріата и приспособленныя къ цѣлямъ классовой борьбы. И это, какъ я понимаю, предлагается не только какъ общее соціальдемократическое средство, нужное вездѣ и всегда, но и какъ спеціальное условіе дѣятельности именно теперь, въ начавшійся революціонный періодъ, чтобы приводить въ движеніе „лавину“ и направлять ее по соціальдемократическому руслу. Это, конечно, не единственное средство — „Искра“ говоритъ и о „технической“ подготовкѣ къ возстанію[1]), — но главное, безъ чего немыслима *пролетарская* побѣда надъ самодержавіемъ и установленіе широкаго демократическаго строя. Вполнѣ раздѣляя эту точку зрѣнія, я хотѣлъ бы поднять здѣсь слѣдующій практическій вопросъ: съ чего слѣдуетъ начать работу по устройству такихъ широкихъ организацій, и какое содержаніе придать агитаціи въ этомъ направленіи, имѣя въ виду именно настоящій революціонный моментъ, когда рабочія массы уже выступили въ стачечномъ движеніи, когда все находится въ броженіи, и когда особенно остро чувствуется нужда въ поднятіи революціоннаго настроенія рабочихъ массъ и объединенія ихъ, съ цѣлью наиболѣе успѣшной борьбы на два фронта: и противъ самодержавія, и противъ капиталистовъ.

Извѣстно, что революціонные моменты, подобные тому, какой переживаемъ сейчасъ мы, характеризуются прежде всего тѣмъ, что въ это время многія правительственныя функціи какъ бы отмираютъ; законы и порядки, хотя еще не отмѣнены пока, но, благодаря выступленію на сцену революціонныхъ массъ, не примѣняются. Сопротивленіе капиталистовъ-промышленниковъ напору пролетарскихъ требованій тоже ослабѣваетъ,—по стольку, по скольку первые теряютъ поддержку въ правительствѣ. Происходитъ фактическій захватъ на это время различныхъ свободъ и нѣкоторыя завоеванія въ экономической области. Это необходимо живо помнить именно теперь, чтобы наилучшимъ образомъ воспользоваться даннымъ моментомъ въ интересахъ пролетаріата.

Дѣйствительно, — что происходитъ сейчасъ въ Россіи? Съ начала января возникаютъ огромныя массовыя стачки, постепенно перекатываясь по всей странѣ. Мы уже успѣли забыть, что стачки по закону все-же у насъ запрещены, настолько онѣ устраиваются свободно. Со стачечниками ведутъ переговоры, ихъ признаютъ, тогда какъ еще недавно практиковался шаблонный пріемъ правительства запрещать предпринимателямъ вступать съ рабочими въ переговоры объ ихъ требованіяхъ, пока они находятся въ стачкѣ. Свобода стачекъ фактически завоевана на это время. То же и съ собраніями рабочихъ. Съ самаго начала движенія гапоновскія общества въ Петербургѣ выскочили изъ своего казеннаго устава, сбросивъ его, какъ негодную скорлупу, и на собраніяхъ рабочихъ стали заниматься тѣмъ, чѣмъ хотѣли, а не тѣмъ, что позволено. Составъ собраній не ограничивался только членами общества, а заключалъ въ себѣ всю огромную массу поднявшихся рабочихъ. Безнаказанно происходили также митинги на улицахъ. Свобода слова на собраніяхъ и митингахъ была полная. Могутъ сказать, что въ Петербургѣ правительство допустило эту свободу собраній исключительно лишь съ тою цѣлью, чтобы осуществить свой дьявольскій планъ — вызвать безоружныя массы на общую манифестацію на площади и тамъ ошеломить ихъ бойней, но, вѣдь, послѣ 9 января во многихъ городахъ, гдѣ возникали стачки, происходилъ цѣлый рядъ такихъ свободныхъ собраній и правительство должно было ихъ терпѣть, пытаясь только мѣшать открытымъ массовымъ демонстраціямъ и случаямъ насилія со стороны стачечниковъ. Конечно, правительство еще можетъ расправляться жестоко, когда ему приходится имѣть дѣло съ одиночками или съ небольшими группами, но тамъ, гдѣ оно встрѣчается со сплоченными массами въ ихъ стремленіи къ захвату различныхъ свободъ, лапы его перестаютъ дѣйствовать.

И такое стремленіе къ захвату свободъ на три-четверти, если не всецѣло, совершенно стихійно, не обязано никакому партійному плану, а существуетъ только потому, что массы находятся въ революціонномъ кипѣніи, — только потому, что онѣ выступили. Это ихъ естественное и неизбѣжное выраженіе. Въ результатѣ является частичная дезорганизація правительства и открывается, и притомъ не только для рабочихъ, а для всѣхъ слоевъ населенія, расчищенное революціоннымъ движеніемъ, свободное поле для политической работы.

Благодаря бездѣйствію во многихъ случаяхъ правительственныхъ лапъ, стачечники получаютъ сравнительно легко и нѣкоторыя уступки со стороны предпринимателей. Конечно, эти уступки не прочны, и капиталисты, какъ всегда, будутъ стремиться при первой возможности ихъ взять обратно но ужъ отъ организованной части пролетаріата, отъ соціальдемократической партіи будетъ зависѣть не давать капиталистамъ такой возможности, а напротивъ, закрѣпить полученныя уступки и работать надъ дальнѣйшимъ ихъ расширеніемъ. Однако, наиболѣе характернымъ явленіемъ для настоящаго времени слѣдуетъ признать не то, что хозяева подаются на требованія стачечниковъ, а то, что революціонно настроенные рабочіе стремятся сами, не дожидаясь отвѣта хозяевъ или вопреки ихъ отвѣту, установить лучшія условія труда; они, такъ сказать, сами забираютъ себѣ то, что имъ нужно. Такъ, на нѣкоторыхъ заводахъ въ Петербургѣ рабочіе по окончаніи стачки являются на работу, но работаютъ только восемь часовъ, пытаясь такимъ образомъ самостоятельно установить восьмичасовой рабочій день.

Итакъ, есть свободное поле и есть стремленіе рабочихъ сейчасъ же, не дожидаясь окончательныхъ результатовъ борьбы съ правительствомъ, воспользоваться имъ для улучшенія своего положенія. Рабочіе *сейчасъ же* хотятъ на расчищенномъ мѣстѣ устраиваться по новому. И это лучшій способъ борьбы, такъ какъ при немъ закрѣпляется каждый послѣдовательный шагъ. Но рабочія массы, при той малой степени организованности, какую онѣ теперь имѣютъ, сами по себѣ, едва ли могутъ достигнуть многаго въ этомъ направленіи. — Организовывать соотвѣтственнымъ образомъ массы для дѣла самоустроенія, вести вмѣстѣ съ ними одновременно и разрушительную, и созидательную работу, такъ чтобы созидательная часть служила рычагомъ для дальнѣйшихъ, болѣе успѣшныхъ, разрушеній и ускоряла этимъ общій процессъ ликвидаціи стараго строя — и является по моему мнѣнію, ближайшей неотложной задачей соціальдемократической партіи.

„У насъ нѣтъ сейчасъ правительства, есть только враждебная вооруженная банда, которая бьется съ населеніемъ за свое существованіе“. — Приблизительно такія восклицанія часто приходится читать и слышать послѣ петербургскихъ событій 9-го января. Необходимо, чтобы это восклицаніе не висѣло въ воздухѣ простой революціонной фразой, а послужило лозунгомъ, отправнымъ пунктомъ, отъ котораго слѣдуетъ начать работу. Нужно уничтожить за собою мосты къ отступленію и безъ оглядки дѣйствовать, не принимая въ расчетъ номинальнаго существованія правительства и считаясь только съ враждебною вооруженною силою. И это будетъ очень близко къ дѣйствительности, такъ какъ на самомъ дѣлѣ правительства, какъ устрояющей силы, у насъ почти не осталось. Мысль объ отсутствіи правительства и о возможности устраиваться самимъ необходимо постоянно внушать рабочимъ. Нужно сейчасъ же начинать жить свободнымъ демократическимъ строемъ, нужно теперь же организовывать рабочія массы для возможнаго проведенія въ жизнь соціальдемократической программы minimum. Нужно самостоятельно, никого не спрашиваясь, открыто устраивать массовыя собранія рабочихъ. Если вооруженная сила помѣшаетъ устройству ихъ гдѣ нибудь въ центральномъ мѣстѣ, перенести ихъ на фабричные дворы, воспользоваться сосѣднимъ трактиромъ, куда экспромтомъ собраться подъ видомъ чаепитія, прервать на время, по данному сигналу, работу на фабрикѣ и тутъ же, въ самомъ фабричномъ помѣщеніи, устроить собраніе. Нужно всячески практиковать революціонную свободу собраній и на этомъ организовывать массы. Нужно открыто, а не по прежнему—конспиративно, устраивать среди широкихъ массъ рабочихъ всякіе профессіональные союзы, общества взаимопомощи, кассы, причемъ придется, можетъ быть, только законспирировать храненіе денегъ, чтобы ихъ не удалось отнять. Нужно организовывать открытые кружки рабочихъ для чтенія — безразлично — легальной и нелегальной литературы. Вообще нужно стремиться превратить за это время большую часть нелегальнаго, если не въ легальное, то въ совершенно открытое и широкое, дѣйствующее въ силу революціоннаго выступленія массъ.

На хозяевъ, ослабленныхъ бездѣйствіемъ правительства, необходимо давить самовольнымъ сокращеніемъ рабочаго времени, организаціей различныхъ формъ представительства отъ рабочихъ для вмѣшательства въ столкновенія хозяевъ съ отдѣльными рабочими, для наблюденія за благоустройствомъ фабрикъ, за всѣмъ внутреннимъ распорядкомъ и прочее. Нужно насильственно и окончательно уничтожить унизительную систему обысковъ при выходѣ изъ фабрики. Нужно теперь же начать прямо гнать всякую внутреннюю полицію на фабрикѣ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ея жизнь нестерпимою.

Мнѣ хотѣлось здѣсь только показать направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести работу, отдѣльные примѣры могутъ быть неудачны, но товарищи, работающіе на мѣстахъ, безъ сомнѣнія, найдутъ десятки другихъ способовъ, чтобы организовывать пролетаріатъ для фактическаго захвата свободъ. Одно важно: по возможности сдѣлать такъ, чтобы ближайшему будущему строю оставалось только закрѣпить то, что самостоятельно пріобрѣтено пролетаріатомъ въ революціонный періодъ.

Разумѣется, правительство будетъ стремиться всячески мѣшать этой самостоятельной созидательной работѣ, но, во первыхъ, по теперешнему времени оно далеко не сможетъ захватить всѣхъ случаевъ, а во вторыхъ, тамъ, гдѣ и могло бы, оно непремѣнно будетъ запаздывать, такъ что во всякій данный моментъ столкновеніе будетъ происходить при болѣе благопріятныхъ условіяхъ для рабочихъ, т. е. когда они будутъ усилены всей предшествовавшей работой по организаціи. Сейчасъ правительство, ради собственнаго спасенія, старается направить остріе рабочаго движенія въ экономическую область, противъ предпринимателей; послѣдніе, видя, что правительство не только не облегчаетъ ихъ положенія, но еще затрудняетъ его, начинаютъ открыто переходить въ оппозицію и стараются, въ свою очередь, повернуть остріе противъ правительства. Та и другая сторона готовы, поэтому, на нѣкоторыя попустительства и поблажки. Нужно пользоваться этимъ обстоятельствомъ и расширить свои захваты настолько, чтобы всякая положительная мѣра правительства какъ бы таяла въ своемъ ничтожествѣ передъ тѣмъ, что самостоятельно добыто пролетаріатомъ.

Мнѣ кажется, было бы ошибкой откладывать созидательную часть работы на конецъ революціоннаго періода: сначала, молъ, разрушительныя дѣйствія, а потомъ созиданіе. Это, можетъ быть, было бы выгоднѣе, если бы вся выступившая масса или большинство ея состояло изъ сознательныхъ рабочихъ, для которыхъ ясна вся дальнѣйшая перспектива, но, вѣдь, такихъ рабочихъ незначительное меньшинство. Возможно, что, подъ вліяніемъ одного лишь стихійнаго взрыва, рабочія массы завтра же совершатъ окончательное нападеніе на самодержавіе, но этого можетъ и не быть и пройдутъ еще долгіе мѣсяцы, прежде чѣмъ будетъ завоеванъ демократическій строй. Между тѣмъ, отъ одного голаго призыва къ нападенію еще трудно ждать большихъ результатовъ. Нужно дать почувствовать массамъ перемѣну къ лучшему въ ихъ положеніи, нужно развернуть передъ ними положительную, обаятельную сторону пролетарскаго движенія, нужно показать имъ, что онѣ сами и сейчасъ же могутъ начать „творить жизнь", а не только бороться, нужно вызвать на этой работѣ ихъ самодѣятельность и иниціативу и убѣдить такимъ образомъ на фактѣ, что соціальдемократическая партія становится *рабочей* партіей.

---

[1]) Этой стороны я здѣсь не касаюсь вовсе.

И тогда всякое покушеніе на добытое пролетаріатомъ встрѣтитъ съ его стороны удесятеренный отпоръ и удесятеренное стремленіе покончить съ покушающимися. Всѣ промежуточные моменты революціоннаго періода, вродѣ уродливаго земскаго собора, фальшиваго представительства съ совѣщательнымъ голосомъ и прочее, будутъ тогда менѣе опасны: требованія рабочихъ будутъ стоять выше этихъ промежуточныхъ ублюдковъ, ибо они уже будутъ понимать цѣну настоящей свободы. При такомъ образѣ дѣйствій, политическое освобожденіе рабочаго класса можетъ произойти скорѣе, полнѣе и съ большимъ запасомъ для дальнѣйшей борьбы.

Москаль.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

I.

На далекомъ Востокѣ закончилось общее сраженіе, — первое послѣ паденія Портъ-Артура и безспорно, послѣднее въ длинномъ ряду самодержавнаго военнаго позора.

Разгромъ арміи Куропаткина окончательно рѣшаетъ судьбу всей войны, съ которой самодержавіе такъ тѣсно сплело свою собственную свободу.

Рѣшительная минута гибели царизма все ближе и ближе. Царизмъ чувствуетъ это, но онъ хочетъ жить. За его спиной вѣка, и эти вѣка выработали въ немъ могучую привычку руководить, властвовать, рѣшать, терзать, давить, словомъ, жить. Весь его грандіозный многочленный вѣтвистый организмъ сверху донизу пропитанъ однимъ инстинктомъ жизни. Этотъ жадный инстинктъ его покинетъ лишь вмѣстѣ съ самой жизнью, а жизни онъ дешево не отдастъ. Онъ показалъ это — и какъ показалъ! — въ Петербургѣ, въ Варшавѣ, Лодзи, Ригѣ, онъ показалъ это, пославъ — безъ всякой надежды на успѣхъ — новый военный флотъ къ печилійскимъ водамъ, и затѣявъ, — послѣ паденія Портъ Артура — новое сраженіе, еще невиданныхъ, вѣроятно, въ исторіи размѣровъ, на кровавой манчжурской рѣкѣ Шахэ. Онъ доказываетъ это погромами въ Баку и Ѳеодосіи.

Царизмъ дезорганизованъ. Отдѣльные члены его дѣйствуютъ несогласованно, противорѣчатъ другъ другу и борются другъ съ другомъ: обѣщаютъ законность и устраиваютъ погромы, заигрываютъ съ идеей Земскаго Собора и усугубляютъ практику осаднаго положенія, готовятся уничтожить цензуру и давятъ газеты, ласкаютъ либераловъ и разстрѣливаютъ рабочихъ, давятъ либераловъ, которые сочувствуютъ рабочимъ, и ласкаютъ рабочихъ, чтобъ отвоевать ихъ у революціонеровъ и либераловъ. Тутъ тысяча противорѣчій, но все это лишь потому, что врагъ самъ выступаетъ въ тысячѣ противорѣчивыхъ видовъ — какъ земецъ, журналистъ, студентъ, террористъ, рабочій — и не даетъ накинуть на себя одну общую петлю. Инстинктъ самосохраненія объединяетъ разрозненные акты правительственной политики и заставляетъ царизмъ, чуть вопросъ ставится остро, неизмѣнно пускать въ дѣло послѣдніе рѣшающіе факторы: пулю и штыкъ. Калейдоскопическая смѣна правящихъ персонажей ничего уже неспособна измѣнить въ этой суровой игрѣ, гдѣ ставкой является жизнь. Царизмъ потерялъ всякую возможность справиться съ общенароднымъ движеніемъ путемъ сдѣлки, и ему остается лишь борьба, безпощадная, до конца, доколѣ не сломается окровавленный штыкъ послѣдняго вѣрнаго солдата.

Несмотря на упорныя усилія полицейскаго государства удержать общественныя силы въ равновѣсіи покоя, капитализмъ дѣлалъ свое дѣло: онъ заставилъ порожденные имъ классы бороться путемъ революціи за свое политическое самоопредѣленіе. Нынѣ царизмъ стоитъ предъ революціей, какъ уже готовымъ фактомъ. Соціальныя силы въ движеніи. Онѣ сталкиваются и въ ихъ столкновеніи высѣкаютъ пламя. Мѣры „мирной" полицейской нормировки теряютъ, поэтому, всеопредѣляющее значеніе въ глазахъ самаго абсолютизма. Его вниманіе переносится отъ полицейской и цензурной рутины къ мѣрамъ широкаго размаха, которыя отвѣчали бы запросамъ и затрудненіямъ, поставленнымъ революціонной эпохой. На верху, вокругъ правящаго центра, различныя комиссіи и совѣщанія готовятъ всевозможныя облегченія, послабленія и упорядоченія, — а внизу тотъ же аппаратъ, гонимый инстинктомъ самосохраненія, совершаетъ ужасающіе эксперименты съ цѣлью заставить служить себѣ силы и явленія, созданныя самой революціей. Царизмъ снова и снова пытается наиболѣе отсталыя массы, пробужденныя революціей къ жизни, двинуть противъ революціонно сознательныхъ слоевъ. Столкнуть въ жестокомъ бою стихійные кадры революціи съ ея сознательнымъ авангардомъ, создать общую панику, вызвать въ обществѣ страхъ предъ идущей снизу анархіей, обезкровить революцію и на ея трупахъ и обломкахъ, цементированныхъ кровью, возстановить полицейское равновѣсіе, — такова грозная задача, которую теперь на практикѣ разрѣшаетъ царизмъ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ Тамбовѣ, Москвѣ, Курскѣ, Псковѣ, Казани полиція открыто организуетъ готовые на все городскіе отбросы для избіенія земцевъ, студентовъ и даже гимназистовъ. Въ Ѳеодосіи и Баку, гдѣ пришлось имѣть дѣло не съ земцами и гимназистами, а съ мятежными рабочими массами, азартная игра царизма привела къ неудержимымъ вулканическимъ взрывамъ народной ярости. Въ Ѳеодосіи полиція на почвѣ возбужденія, вызваннаго всеобщей стачкой, организуетъ еврейскій погромъ. Въ Баку она при тѣхъ же условіяхъ завершаетъ неслыханнымъ избіеніемъ, давшимъ до 500 жертвъ, свою долгую работу натравливанія наиболѣе темныхъ элементовъ населенія, персовъ, татаръ и турокъ, противъ сплошь оппозиціоннаго и революціоннаго армянскаго населенія. И это, разумѣется, не послѣдніе опыты. Путь, на который абсолютизмъ сдвинутъ открывшейся революціей, не знаетъ ни остановки, ни возврата. Этотъ путь упирается въ столкновеніе всѣхъ силъ царизма со всѣми силами революціи. Не реформаторскія комиссіи Кобеко и Шидловскаго указуютъ политическую орбиту абсолютизма, а леденящія кровь событія въ Ѳеодосіи и Баку. Это должно стать ясно всякому, эту мысль нужно нести въ народныя массы. Ничто не можетъ быть въ настоящее время утопичнѣе и безпочвеннѣе, чѣмъ тактика, разсчитанная на соглашеніе и аппелирующая къ такъ называемому „государственному смыслу" правительствующихъ сферъ. Живущія этой тактикой политическія группы будутъ безжалостно размолоты жерновами революціи.

Жестокая борьба между народомъ и царемъ, не знающая другихъ соображеній, кромѣ соображеній побѣды; всенародное возстаніе, какъ высшій моментъ этой борьбы; Временное Правительство, какъ революціонное увѣнчаніе побѣды народа надъ вѣковымъ врагомъ; разоруженіе царистской реакціи и вооруженіе народа Временнымъ Правительствомъ, созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, — таковы объективно намѣчающіеся этапы революціи.

Что можетъ отклонить развитіе отъ революціоннаго пути?

Созывъ Земскаго Собора на такихъ началахъ, какіе могъ бы принять абсолютизмъ, такъ же мало способенъ измѣнить отношенія между царизмомъ и націей, какъ и одно счастливое сраженіе. Дарованіе каррикатуры парламентаризма, можетъ быть, отбросило бы въ лагерь правительственнаго „порядка" наиболѣе косную группу земской оппозиціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣтило бы болѣе рѣшительно дальнѣйшіе этапы революціи. Царско-земскій Соборъ не многимъ болѣе способенъ нынѣ стать формой примиренія и единенія царя съ народомъ, чѣмъ военная диктатура Трепова: народъ сосредоточитъ свою революціонную ненависть на соборѣ и пойдетъ противъ коалиціи царя и земскихъ предателей. Созывъ Земскаго Собора лишается, такимъ образомъ, для абсолютизма всякаго серьезнаго значенія. Царскому правительству остается лишь борьба до конца. Такъ говоритъ историческая логика.

И въ то время, какъ по рѣкѣ Шахэ разрозненныя авангардныя стычки превращаются въ колоссальную общую бойню по всему стоверстному фронту, — внутри страны совершается могучая напряженная работа, которая подготовляетъ кульминаціонный моментъ [illegible], открытое сраженіе съ силами царизма по всему фронту.

Послѣ 9-го января революція уже не знаетъ остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глазъ работой возбужденія все новыхъ народныхъ массъ, — она перешла къ открытой и спѣшной перекличкѣ своихъ боевыхъ ротъ, полковъ, батальоновъ и корпусовъ. Главную силу ея арміи составляетъ *пролетаріатъ*, поэтому средствомъ своей переклички революція дѣлаетъ *стачку*.

Профессія за профессіей, фабрика за фабрикой, городъ за городомъ бросаютъ работу. Желѣзнодорожный персоналъ выступаетъ застрѣльщикомъ стачки, желѣзнодорожныя линіи являются путемъ стачечной эпидеміи. Предъявляются экономическія требованія, которыя почти сейчасъ же удовлетворяются, вполнѣ или отчасти. Но ни начало стачки, ни конецъ ея не обусловливаются въ полной мѣрѣ характеромъ предъявленныхъ требованій и формой ихъ удовлетворенія. Каждая отдѣльная стачка возникаетъ не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась въ опредѣленныя требованія, — наоборотъ: требованія подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самимъ себѣ, пролетаріату другихъ мѣстъ, наконецъ, всему народу, свои накопленныя силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность, — нужна всеобщая революціонная ревизія. И сами стачечники и тѣ, которые ихъ поддерживаютъ, и тѣ, которые имъ сочувствуютъ, и тѣ, которые ихъ боятся, и тѣ, которые ихъ ненавидятъ, — всѣ понимаютъ, или смутно чувствуютъ, что эта бѣшеная стачка, которая мечется съ мѣста на мѣсто, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое мѣсто, потомъ срывается и вихремъ мчится впередъ, — всѣ понимаютъ или чувствуютъ, что она не отъ себя, что она творитъ лишь волю пославшей ее революціи. Надъ операціоннымъ полемъ стачки — а это вся страна — нависаетъ что-то грозное, зловѣщее, напоенное дерзостью. Это пороховая атмосфера надвигающагося возстанія.

Послѣ 9-го января революція уже не знаетъ остановки. Не заботясь о военной тайнѣ, открыто и шумно, издѣваясь надъ рутиной жизни, разгоняя ея гипнозъ, она ведетъ насъ къ своему кульминаціонному пункту: она готовитъ всероссійское народное возстаніе.

Т.

ЕЩЕ О БАРРИКАДНОЙ БОРЬБѢ.

Указавъ на типъ баррикады, наиболѣе отвѣчающій требованіямъ современной военной техники („Искра" № 89), мы руководились желаніемъ дать дѣйствительно наиболѣе твердую и увѣренную защиту на тотъ случай, если бы по тѣмъ или инымъ условіямъ была избрана оборонительная война. На этотъ же разъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію наступательныхъ дѣйствій, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу баррикадной борьбы. Это будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что за это время намъ приходилось сталкиваться съ такими мнѣніями и представленіями объ уличной борьбѣ, по которымъ баррикадѣ придается слишкомъ преувеличенное, почти исключительное значеніе. Такая односторонность отчасти вызывается той важной ролью, какую баррикады сыграли въ прошлыхъ революціяхъ; а кромѣ того, и главнымъ образомъ, это объясняется тѣмъ, что въ широкихъ революціонныхъ кругахъ до сихъ поръ мало обращали вниманіе на близкое знакомство съ военной техникой. А потому не лишнее будетъ сдѣлать нѣкоторыя указанія на условія, при которыхъ слѣдуетъ строить, а слѣдовательно, и отстаивать баррикады. Таковы, напримѣръ, особенно благопріятная топографія города, дающая много опорныхъ и удобныхъ для защиты пунктовъ; возможность ждать быстраго вооруженія большихъ народныхъ массъ, почему къ осажденнымъ должны будутъ скоро подойти подкрѣпленія, которыя неожиданно бросятся на войска со всѣхъ сторонъ; необходимость, ради осуществленія того или иного плана отвлечь вниманіе войска или задержать тотъ или другой отрядъ и т. д. Вообще говоря, баррикаду надо строить не ради ея самой, а въ томъ случаѣ, если это можетъ доставить какія либо удобства и выгоды для борьбы, или ведетъ къ осуществленію цѣли, входящей въ общій планъ борьбы. Ибо сами по себѣ выгоды и удобства, доставляемыя баррикадой, часто могутъ быть обращены къ прямому вреду для осажденнаго.

Слѣдуетъ рѣзко разграничивать баррикаду, обезпечивающую оборону отъ искусственнаго загражденія, мѣшающаго свободному и стройному движенію войска. Къ числу предметовъ, годныхъ только для послѣдней цѣли, можно отнести также экипажи, мебель, матерьялы изъ стѣнъ и вообще все, что попадается подъ руку. Но это будетъ искусственное загражденіе, а не баррикада, могущая дать защиту, ибо нѣтъ сомнѣнія, что такая „мебель" въ отношеніи самозащиты противъ пули трехлинейной винтовки даетъ столь же мало надежное средство, какъ картонный листъ противъ пули прежняго гладкоствольнаго ружья.

Гораздо большихъ результатовъ можно достигнуть, употребляя для искусственныхъ преградъ мало замѣтные предметы; битыя бутылки, натянутая въ нѣсколько рядовъ простая или колючая проволока, разложенныя рядами (широкими, чтобъ нельзя было перешагнуть или перескочить на лошади) доски съ набитыми гвоздями, подвижные круглые, легко катящіеся столбы, проволочныя петли, капканы и т. д. Болѣе подробныя свѣдѣнія могутъ быть получены изъ учебника полевой и крѣпостной фортификаціи, изъ саперной учебной книжки или примѣненіемъ личной изобрѣтательности. Все преимущество, конечно, на сторонѣ плохо замѣтныхъ преградъ, ибо *неожиданное* ихъ дѣйствіе способно внести замѣшательство и нарушить

Революціонныя перспективы.

„Движеніе всемірнаго духа принимаетъ въ разныя времена разныя формы. ...Иногда онъ покидаетъ поверхность исторической почвы и устремляется въ глубину, скрывающую отъ нашихъ глазъ его работу... Иногда онъ идетъ семимильными шагами, совершая множество самыхъ блестящихъ завоеваній, и, ничѣмъ не довольный, онъ уже нынѣ отрицаетъ тѣ результаты, къ которымъ пришелъ вчера. Таковы эпохи великихъ историческихъ событій, умственныхъ и общественныхъ переворотовъ."[1] Такова эпоха, наступившая у насъ въ Россіи — эпоха революціи.

Русская соціальдемократія съ самаго начала предвидѣла неизбѣжность ея наступленія; она съ самаго начала предсказала ея соціальный характеръ — это будетъ революція буржуазная; она предсказала, кто будетъ ея главнымъ дѣйствующимъ лицомъ — ее совершатъ рабочіе, или она вовсе не совершится; она намѣтила, наконецъ, роль, которую въ ней сыграетъ пролетаріатъ — вмѣсто слѣпого орудія, которымъ онъ служилъ въ прежнихъ революціяхъ, онъ въ русской революціи явится ея сознательнымъ двигателемъ; видя въ политической свободѣ не самодовлѣющую цѣль, а средство для своего соціальнаго освобожденія, онъ не допуститъ подмѣны демократіи демократической фразой, онъ самое побѣду буржуазнаго общества надъ царизмомъ превратитъ въ прологъ къ своей побѣдѣ надъ буржуазнымъ обществомъ.

Такова была настоящая революція въ обычномъ представленіи русской соціальдемократіи. Но именно тогда, когда она изъ абстракціи превратилась въ осязательный фактъ, нѣкоторые изъ нашихъ товарищей какъ будто перестали ее понимать и очутились въ положеніи евангельскихъ дѣвъ въ моментъ пришествія жениха. И это насъ особенно не удивляетъ. Нашъ прошлый политическій опытъ слишкомъ скуденъ по сравненію съ нашей соц.-демократической доктриной и, какъ бы ни были широки горизонты, которые она намъ открывала, привычки и навыки мысли, пріобрѣтенные въ атмосферѣ революціоннаго подполья, должны были сказаться въ минуту историческаго испытанія. Раньше можно было ожидать, что *однихъ* яркія событія революціонной эпохи ослѣпятъ, *другихъ* не вразумятъ, потому что они слишкомъ уже пропитались духомъ заговорщичества и кружковщины: ограниченные доктринеры, имѣющіе въ запасѣ на всѣ случаи жизни двѣ-три маленькія организаціонныя идейки, они твердили и твердятъ съ докучливой монотонностью маятника — надо прежде всего создать „штабъ спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей". Прежде это было единоспасающее средство для политической агитаціи, теперь это единоспасающее средство для подготовки возстанія. И прежде и теперь, для достиженія этой цѣли, слѣдовало бы начать съ расщепленія партіи на пожирающіе другъ друга кружки.

Насъ не удивляютъ подобныя рѣчи, но онѣ насъ убѣждаютъ, что намъ необходимо еще и еще разъ оцѣнивать и переоцѣнивать текущія событія съ точки зрѣнія нашихъ общихъ взглядовъ. Иначе мы рискуемъ, что нѣкоторые элементы нашей партіи, вмѣсто того, чтобы овладѣть революціонной стихіей, потонутъ и растворятся въ ней безслѣдно.

⁂

9-е января было началомъ русской революціи, говорили мы. „Въ этотъ день" говорило партійное воззваніе, „гигантскія руки пролетаріата схватили за горло самодержавнаго звѣря."

Въ январскіе дни никому не приходило въ голову спорить противъ этого. Но когда петербургское возстаніе было *физически* раздавлено, организаціонные утописты опомнились и обрушились на Искру за цитированныя слова. За ними, говорили они, „скрывается какая то искуственно подогрѣтая фальшь... Вовсе пролетаріатъ не схватилъ за горло самодержавія... теперь надо готовиться къ первому настоящему натиску пролетаріата, который еще предстоитъ..." Планъ „перваго настоящаго натиска" они давно изготовили въ своемъ подпольѣ; теперь они излагаютъ его „по пунктамъ". Спорить противъ этого „плана" по существу невозможно, потому что онъ совершенно невинный, настолько невинный, что его можно было бы съ одинаковымъ удобствомъ придумать и для Россіи и для Испаніи, и для 20-го и для 18-го вѣковъ. Но именно потому, что эти люди съ серьезнымъ видомъ занимаются изготовленіемъ *бумажныхъ* стратегическихъ плановъ, по примѣру блаженной памяти австрійскаго эрцгерцога Карла, ихъ „агенты", во время начала фактическаго возстанія блистали своимъ отсутствіемъ, а сами они не только не представляютъ себѣ реально, какъ дѣлается возстаніе, но не представляютъ себѣ даже реально, что такое революція. Поэтому то имъ кажется филистерскимъ утвержденіе, что 9-е января знаменовало переломъ въ нашей исторіи, не смотря на то, что петербургское возстаніе еще не было достаточно сознательнымъ, еще не было вооруженнымъ и еще не побѣдило царскихъ войскъ.

По ихъ мнѣнію, ломка нашей политической надстройки и всенародное вооруженное возстаніе у насъ очень и очень могутъ совершиться „отъ одного удара", по ихъ мнѣнію, они могутъ быть заранѣе „назначены", какъ назначается заранѣе стачка. Когда имъ напоминаютъ, какъ Энгельсъ издѣвался надъ подобными разсужденіями, какъ онъ издѣвался надъ тѣмъ, „что революцію можно сдѣлать на заказъ, какъ кусокъ узорчатаго ситца или чайникъ", они начинаютъ эквилибрировать понятіемъ „революція". „Народная революція", т. е. „переворотъ въ общественныхъ отношеніяхъ", говорятъ они, дѣйствительно, не можетъ быть назначена заранѣе; но не объ этомъ, дескать, рѣчь; „народная революція" началась у насъ съ паденія крѣпостного права. Пустословье. Когда Энгельсъ издѣвался надъ бакунистски-ткачевскимъ планомъ „изготовленія" революціи, онъ совершенно опредѣленно говорилъ о революціи въ смыслѣ „ломки политической надстройки", а не въ смыслѣ того органическаго процесса *измѣненія* экономическихъ условій производства, который у насъ тянулся 40 лѣтъ, а въ другихъ странахъ вѣка.

Когда происходитъ дѣйствительно коренная ломка въ политической надстройкѣ, а не перетасовка въ правящей кликѣ, она проявляется всегда въ видѣ болѣе или менѣе продолжительной *гражданской войны*. Всѣ народныя революціи, которыя знаетъ исторія, характеризовались, какъ эпохи дезорганизаціи общественнаго порядка, какъ эпохи „анархіи", сопровождавшейся и обусловливавшейся рядомъ насильственныхъ столкновеній между властью и повстанцами, столкновеній, которыя въ свою очередь вызывали и вызывались пертурбаціями въ политическихъ учрежденіяхъ, ихъ ломкой и перестройкой, переходомъ политической власти изъ рукъ въ руки, отъ однихъ общественныхъ классовъ и группъ къ другимъ и т. д. Это трюизмъ, и именно потому что это трюизмъ, это можно было бы узнать хотя бы изъ гимназическихъ учебниковъ исторіи. Въ любомъ изъ нихъ имѣются полезныя свѣдѣнія, что, напр., Нидерландская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тянулся 7 лѣтъ отъ первой побѣды „морскихъ гезовъ" до утрехтской уніи, положившей основаніе Нидерландской республики; что Англійская революція означаетъ періодъ гражданской войны, который тоже тянулся 7 лѣтъ отъ „великаго мятежа" до [illegible] Карла I и провозглашенія республики; что Великая Французская Революція означаетъ періодъ гражд. войны, который тянулся 5 лѣтъ, отъ созыва „генеральныхъ штатовъ" до 9 Термидора и т. д.

Для спасенія ткачевской теоріи революціи намъ указываютъ еще на то, что „одному удару", который снесетъ нашу политическую надстройку, уже предшествовали сотни ударовъ. Это мы хорошо знали, но мы знаемъ также, что „количество переходитъ въ качество". Пониманіе этой истины подсказало Марксу необходимость рѣзкаго поворота въ тактикѣ, февралѣ 48 г., когда наступила эпоха революціи; оно же, оборотъ, предостерегло его отъ революціонныхъ авантюръ 50 г., когда для него ясно стало, что „критическая эпоха исторіи смѣняется на время „органической". Количество переходитъ въ качество, и тотъ, кто знаетъ исторію, понимаетъ, что десятилѣтія борьбы въ „органическія эпохи" исторіи способны такъ политически просвѣтить народъ, какъ его просвѣщаютъ мѣсяцы борьбы въ „критическія эпохи" гражданской войны, потому что въ послѣднемъ случаѣ въ политическую борьбу физически и духовно вовлекаются дотолѣ инертныя стотысячныя народныя массы. Народъ, который, не взирая на поверхностныя политическія движенія и на глубокіе молекулярные процессы, въ огромной своей массѣ жилъ и приспособлялся къ рабскому режиму, не можетъ въ одинъ день стать свободнымъ; чтобъ стать свободнымъ, онъ долженъ вариться и перевариться въ революціонномъ котлѣ. Поэтому, революція и ность рядовъ. *Этотъ моментъ легко можетъ быть использованъ для нападенія на отрядъ съ цѣлью захвата ружей, револьверовъ и патронныхъ сумокъ.* Но нужно ставить ихъ въ такія условія, чтобы, случайно ли, подъ преслѣдованіемъ ли войскъ, или при иныхъ условіяхъ, жертвой этихъ пр[illegible] не становились союзники. Преграда должна быть между войскомъ и народомъ, на пути движенія войска.

---

[1] См. Г. Плехановъ. О задач. соціал. въ борьбѣ съ голод. въ Россіи. 1892 г.

Партизанская борьба — наиболѣе удобный способъ борьбы народа съ войскомъ. Какъ потому, что войско многочисленно, сильно и хорошо вооружено; что народу необходимо доставать оружіе и при всякой возможности обезоруживать солдатъ; что онѣ очень удобны для выслѣживанія и внезапнаго нападенія на небольшіе отряды; что солдаты лишены всякой иниціативы и не пріучены къ проявленію ни самостоятельности, ни дѣятельности; такъ равно и потому, что компактную массу войскъ необходимо разбить на мелкіе отряды, необходимо нарушить изолированность солдатъ отъ народа, — и, наконецъ, потому, что партизанской борьбой легче дезорганизовать войско, легче найти способъ примѣненія оружія, отличнаго отъ принятаго въ арміи. Партизанская война разольется широкимъ моремъ и охватитъ весь народъ. А для этого нужно вызывать одновременную посылку войскъ въ самые отдаленные пункты города и въ то же время держать его и въ центрѣ города. Нужно разметать его по всему городу, чтобы отдѣльныя части потеряли общую связь; чтобы части, лишенныя [illegible]ера, утрачивали бы общее руководство, становились нерѣшительными и неувѣренными, т. е., чтобы поворачивались къ народу стороной, очищенной отъ обезличивающей ихъ дисциплины. Обезоруживая солдатъ, нужно использовать возможность получить отъ нихъ всѣ необходимыя и важныя свѣдѣнія: мѣста карауловъ, число постовъ; мѣста казенныхъ складовъ оружія и военныхъ припасовъ; какъ они въ этотъ [illegible] охраняются; настроеніе части, отношеніе офицеровъ къ солдатамъ и солдатъ къ каждому изъ офицеровъ. О добровольно перешедшихъ и внушающихъ довѣріе отрядахъ не приходится говорить. Мелкіе въ началѣ отряды вооруженнаго народа слѣдуетъ стремиться постепенно объединять въ болѣе крупные.

Быв. Артиллеристъ.

ЗАМѢТКА О ВООРУЖЕНІИ.

Среди товарищей приходится въ послѣднее время слышать, что въ числѣ ближайшихъ задачъ соціалдемократіи одною изъ весьма настоятельныхъ является организація вооруженія, образованіе для этого при комитетахъ особыхъ группъ и т. п. По этому поводу я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ. Я ничего не имѣлъ бы противъ такой задачи, если бъ она не представляла для насъ, партіи пролетаріата, нѣкоторой опасности. Всякому активному работнику въ Россіи хорошо извѣстно, насколько организаціи страдаютъ недостаткомъ активныхъ дѣятелей. Со дня на день спросъ со стороны рабочихъ на способныя организовать ихъ силы, становится все больше и больше. Я сужу, по крайней мѣрѣ, по Ригѣ, мы теперь буквально завалены работой въ массѣ, агитаціей и пропагандой. Мы всѣ силы напрягаемъ, чтобы использовать стихійный подъемъ массъ, чтобы внести побольше классового сознанія въ рабочія массы. Рабочіе фабрикъ и заводовъ прилегающихъ мѣстностей присылаютъ своихъ депутатовъ для отысканія соціалистовъ, ибо вездѣ кругомъ рабочіе узнали, что соціальдемократическая партія является защитницей ихъ интересовъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы повести пошире агитацію и пропаганду соціальдемократическихъ идей среди пролетар[illegible] организовать пролетаріатъ въ само[illegible] [illegible] классовыхъ интересовъ интересамъ буржуазіи и [illegible] сознательный [illegible] самодержавія [illegible] предл[illegible] лучшія силы на отысканіе [illegible] храненія его. Да, лучшія силы, [illegible] условіяхъ эту работу придется передать лучшимъ [illegible] которые, такимъ образомъ, мы оторв[illegible] [illegible]рить, что, если массы политически воспитаны, ихъ не трудно будетъ повести на вооруженное возстаніе, но мнѣ кажется, что систематическое вооруженіе исключаетъ усиленную пропаганду и агитацію. Кромѣ того, я не знаю, насколько возможно открытое выступленіе рабочихъ съ револьверами и карабинами противъ войска. Послѣднія событія меня убѣдили, что не столько вооруженіе играетъ главную роль, сколько сознаніе необходимости политическаго переворота. Рабочіе могли у насъ 13-го января броситься на солдатъ и обезоружить ихъ, ибо стояли лицомъ къ лицу съ ними, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, они этого не сдѣлали не потому, что были безоружны (многіе имѣли револьверы), но потому, что они еще не прониклись такимъ настроеніемъ, чтобы, во что бы то ни стало, хотя бы до послѣдней капли крови, отстаивать свои требованія. Поэтому, они и бросились въ разсыпную при первомъ залпѣ.

Конечно, я теперь не берусь рѣшать вопросъ, почему потерпѣли неудачу при первомъ столкновеніи съ войсками, мнѣ хотѣлось лишь подѣлиться съ товарищами моими впечатлѣніями. Мнѣ кажется, что партія слѣдуетъ задуматься надъ рѣшеніемъ вопроса о *партизанской войнѣ*. Остановка всего производства въ городѣ, оставленіе его въ темнотѣ, безъ газа и электричества, нападеніе на военные патрули, арсеналы, оружейные магазины и правительственныя учрежденія — вотъ тѣ пріемы борьбы, которые мы должны въ настоящее время детально разрабатывать. Я самъ видѣлъ случай, когда патрули отдавали ружья рабочимъ, хотя послѣдніе не были вооружены. Конечно, изъ моихъ словъ не слѣдуетъ вывести, что я высказываюсь противъ вооруженія, нѣтъ, вооружаться намъ надо, хотя бы для нападенія на газовый заводъ, электрическую станцію и т. п., но я думаю, что для насъ, соціальдемократовъ, созданіе особыхъ группъ при *бѣдности въ активныхъ силахъ* можетъ имѣть печальныя послѣдствія, отвлекая работниковъ отъ непосредственной агитаціи и пропаганды и перенося центръ тяжести работы на закупку оружія и его храненіе.

Я убѣжденъ, что сознательный пролетаріатъ, въ концѣ концовъ, вооружится, захватитъ склады оружія и пр., но сдѣлаетъ это онъ тогда, когда будетъ проникнутъ сознаніемъ необходимости немедленно совершить революцію, а для этого по прежнему нужны прежде всего *агитація* и *пропаганда*.

Рижскій Рабочій.

ВСЕОРССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Некрологъ. (Еще одна жертва 9 января).

9 января въ Петербургѣ былъ убитъ Константинъ Васильевичъ Архангельскій, принадлежавшій къ организаціи Кубанскаго комитета.

По профессіи столяръ, Архангельскій за свою недолгую жизнь, — ему было всего 23 года — прошелъ суровую школу интеллигентнаго рабочаго. Ему пришлось пережить все то, что выпадаетъ на долю нашего рабочаго, когда онъ настолько развитъ и дѣятеленъ, что живо чувствуетъ рабское положеніе въ Россіи и борется за лучшее будущее. Дѣятельная натура Архангельскаго бросала его изъ Кубанской глуши то въ Баку, то въ Одессу, то въ Петербургъ. Послѣдній разъ онъ былъ высланъ изъ Петербурга на родину въ февралѣ прошлаго года, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ рабочихъ, за демонстрацію, устроенную рабочими Путиловскаго завода въ отвѣтъ на полицейско-патріотическія манифестаціи студентовъ, патріотовъ и шпіоновъ.

Только за два мѣсяца до смерти онъ примкнулъ къ организаціи Кубанскаго комитета, и, обладая недюжинными способностями, энергіей и иниціативой сейчасъ же внесъ замѣтное оживленіе въ дѣятельность комитета.

Уѣзжая всего на нѣсколько дней въ концѣ декабря въ Петербургъ, онъ говорилъ, что останется тамъ, если дѣла партіи этого потребуютъ.

Ему не суждено было вернуться къ намъ назадъ. Въ память убитаго рабочіе прозвали одинъ изъ кружковъ „кружкомъ Вацлава“ (кличка покойнаго).

Кубан. Ком.

Петербургъ, 24 февраля. Вліяніе соц.-дем. на массу рабочихъ очень велико. Многіе, которые недавно даже враждебно и со страхомъ относились къ членамъ соц.-дем. партіи, поддаются вліянію соціальдемократическихъ идей и такъ какъ вожаками являются [illegible] соц.-дем. во всѣхъ дѣйствіяхъ рабочихъ, то масса идетъ [illegible] и сейчасъ [illegible] (самъ [illegible] иностранныхъ [illegible] ярко революціонныя рѣчи, которыхъ мы ожидали только отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вообще, можно сказать, что когда пролетаріатъ выступаетъ, онъ всегда превосходитъ наши ожиданія. Это мы испытали уже нѣсколько разъ. Такъ было и съ комиссіей. У насъ въ Ц.-нтр. Гр.[1]) составили нѣчто въ родѣ манифеста отъ пролетаріата, который долженъ былъ быть прочитанъ депутатами въ комиссіи Шидловскаго. Многіе очень сомнѣвались, что удастся провести это между выборщиками. Но когда стали проводить, то оказалось, что выборщики встрѣчаютъ это предложеніе съ восторгомъ и каждый хочетъ самъ прочесть его въ комиссіи. Но, къ сожалѣнію, до комиссіи не дошло, ее поспѣшили закрыть. Теперь полиція разыскиваетъ и арестовываетъ депутатовъ. На Путиловскомъ взяли 2-хъ, на заводѣ Рѣчкина взяли 3-хъ изъ 5 — остальные два скрываются и т. д. Послѣднимъ манифестамъ уже никто не вѣритъ. Удивительно чутко относятся рабочіе ко всѣмъ собраніямъ. Невозможно сказать, сколько у насъ кружковъ, сколько массовокъ собирается — это вещь подвижная, какъ самые неустойчивые вѣсы. Наприм., передъ комиссіей была на улицахъ предвыборная агитація. Всѣ были завалены работой. Агитаторовъ былъ страшный недостатокъ, находились и квартиры для собраній и люди для массовокъ. Теперь же сразу какое то затишье, сразу почему то исчезаютъ квартиры и слушателей не соберешь. Агитаторы по нѣсколько дней сидятъ безъ дѣла. Хорошіе агитаторы очень нужны. Сейчасъ большихъ массовокъ на дворѣ устраивать нельзя, работа идетъ въ квартирахъ. Передъ и сейчасъ послѣ комиссіи было нѣсколько собраній на валу за московской заставой по полторы и три тысячи человѣкъ. Послѣдній разъ налетѣли казаки и избили нагайками. 60 человѣкъ рабочихъ арестовали. Въ другихъ концахъ были тоже избіенія. Стачки теперь прекращаются — очень изголодался народъ. Помощь денежная очень скудная. Помощь приходилось иногда раздавать двугривенными и то только маленькой части. Либералы собираютъ деньги, но соц.-дем. не хотятъ давать, а раздаютъ сами и, не имѣя связей, массу отдаютъ нищимъ и хулиганамъ.

Насчетъ Гапона у насъ ходятъ разные слухи. Каждая партія присваиваетъ его себѣ. Гапоновцы всѣ лучшіе перешли къ намъ. Есть слухъ, что на дняхъ въ Преображенскомъ полку былъ бунтъ — 8 чел. арестовано.

Вчера, 23-го, рабочіе Рѣчкина завода снова бросили работу, собрались около завода и потребовали освобожденія депутатовъ. Выбрали двоихъ и отправили къ градоначальнику. Съ ними къ градоначальнику пошелъ и хозяинъ завода хлопотать объ освобожденіи депутатовъ. Правительство распространило среди рабочихъ прокламаціи, печатанныя на миміографѣ за подписью „группа рабочихъ“, призывающія работать и не слушать агитаторовъ, по милости которыхъ рабочіе такъ долго голодали и впали въ нищету. Оканчивается воззваніе „Долой агитаторовъ!“ Подобнаго же сорта посланіе синода расклеено было по заборамъ.

Вы знаете вѣроятно, что въ Москвѣ собираются полулегально московскіе земцы; они рѣшили созвать общій земскій съѣздъ отъ всѣхъ россійскихъ земствъ по 4 отъ каждой губерніи. У либераловъ идутъ разговоры о способахъ избранія въ обѣщанную въ рескриптѣ комиссію. Недавно общество присяжныхъ повѣренныхъ рѣшило, что прямое избирательное право не годится для Россіи, такъ какъ Россія слишкомъ велика и нужно ее раздѣлить на штаты. Либералы (я называю такъ всѣхъ не соц.-дем.; фактически они здѣсь всѣ сливаются) выпускаютъ тоже листки, но очень рѣдко; о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ забываютъ упомянуть, хотя на словахъ, конечно, за это. Соц.-рев. листковъ почти не видно.

Петербургъ, 19 февраля. Путиловскій заводъ вчера, 18-го, работалъ весь день. Днемъ 18-го у нихъ была панихида по убитымъ 9-го января (40-й день). Присутствовалъ директоръ Смирновъ. Когда попъ говорилъ рѣчь, въ которой оплакивалъ невинно погибшихъ рабочихъ, и обвиняя во всемъ лжеучителей — крамольниковъ, приглашалъ ихъ выдавать, одинъ рабочій крикнулъ: „Врешь, негодяй, виновникъ стоитъ передъ тобой“ (стоялъ противъ попа Смирновъ).

Петербургъ, 18 февраля. Характерный эпизодъ. Сегодня въ народномъ домѣ Паниной было собраніе выборщиковъ рабочихъ. Оказалось, что изъ числа 370 человѣкъ — 50 принадлежатъ къ „зубатовцамъ“. Эти послѣдніе собрались отдѣльно, выбрали предсѣдателя и рѣшили просить у остальныхъ суда чести и прощенія, прося принять ихъ въ число организованныхъ рабочихъ. Въ виду чистосердечнаго раскаянія, они получили прощеніе и были при[illegible] собранія.

Петербургъ. Группа рабочихъ Обуховскаго завода, не примыкающихъ къ нашей организаціи и не считающихъ себя соціальдемократами, пригласили придти къ нимъ кого нибудь изъ соціальдемократовъ побесѣдовать о коммиссіи Шидловскаго. Бесѣдовали очень долго. Публика культурная, воспріимчивая и предпріимчивая. Выработали резолюцію въ духѣ перваго листка по этому поводу нашей „Группы при Ц. К.“ Въ концѣ собранія однимъ изъ рабочихъ было сдѣлано предложеніе примкнуть къ соціальдемократической партіи. Но нѣкоторые изъ нихъ говорили, что это еще рано, что надо сперва познакомиться съ

---

[1]) Центр. Гр. — руководящее ядро организаціи, извѣстной подъ именемъ „Петерб. Гр. при Ц. К.“

когда *не начиналась* сразу съ возстанія *всего* народа, никогда не начиналась съ учрежденія *законченныхъ* и *устойчивыхъ* политическихъ формъ и никогда не кончалась послѣ „перваго удара“.

Изъ этого исходила „Искра“, утверждая, что 9-е января — начало русской революціи. Это начало народной, гражданской войны. Съ одной стороны, 9-е января было началомъ русской революціи, хотя петербургское возстаніе *еще* не было побѣдоноснымъ; съ другой стороны, даже созывъ Учредительнаго Собранія не будетъ концомъ русской революціи, хотя этотъ созывъ совершится, можетъ быть, *уже* послѣ одного или нѣсколькихъ побѣдоносныхъ возстаній въ Петербургѣ или въ провинціи. Онъ не будетъ концомъ русской революціи, какъ не былъ концомъ Велик. Фр. Революціи созывъ Конвента, какъ не было концомъ Февр. Революціи учрежденіе Временнаго Правительства.

Нѣкоторые проницательные читатели въ нашей критикѣ „*назначенія* всенароднаго вооруженнаго возстанія“ усматривали пренебреженіе къ вопросу о возстаніи вообще. Къ ихъ свѣдѣнію, мы должны сказать, что мы исходимъ изъ діаметрально противоположныхъ мотивовъ: мы критикуемъ подобныя теоріи именно потому, что ихъ измышленіемъ отвлекается вниманіе отъ условій дѣйствительной подготовки возстанія, а объ этомъ въ *настоящее время* долженъ думать всякій серьезный революціонеръ.

Если вѣрно, что въ эпоху революціи параллельно и въ тѣсномъ *взаимодѣйствіи* съ ломкой старыхъ политическихъ и юридическихъ формъ и созиданіемъ новыхъ, быстро растетъ политическая сознательность общественныхъ классовъ и разливается вширь народное возстаніе, то очевидно, что подготовка къ вооруженному возстанію не можетъ совершиться по самодовлѣющему *стратегическому* плану, очевидно, что она должна идти въ самой тѣсной связи со сложной и всесторонней *политической* работой въ массахъ, не говоря уже о томъ, что при отсутствіи этого условія размахъ народнаго возстанія нисколько не гарантировалъ бы соотвѣтственнаго размаха политическаго переворота. Эпоха революціи не только выдвигаетъ передъ нами новый вопросъ, новый, какъ практическій, — о подготовкѣ вооруженнаго народнаго возстанія; она выдвигаетъ также вопросъ о новыхъ методахъ политическаго воздѣйствія на широкія народныя массы и первый вопросъ неразрѣшимъ внѣ связи со вторымъ. Кардинальное отличіе гражданскихъ войнъ отъ обыкновенныхъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ почти все комплектованіе арміи и ея вооруженіе предшествуетъ войнѣ, въ первомъ же случаѣ они совершаются преимущественно въ самый періодъ войны. Поэтому, въ обычныхъ войнахъ главная забота должна быть направлена на военную тактику, на стратегію, въ гражданскихъ же войнахъ на политическую тактику, вербующую революціонной партіи ея армію — народныя массы. Не можетъ сколько-нибудь успѣшно подготовлять вооруженное возстаніе та партія, которая не сумѣетъ тѣсно связать со своими планомѣрными политическими шагами полустихійныя движенія народныхъ массъ, не сможетъ подготовлять возстаніе та партія, мышленіе которой полно кружковыхъ предразсудковъ, методы дѣйствія которой скованы тѣсными заговорщическими рамками.

* *

Съ 9 января мы вступили въ эпоху гражданской войны, въ эпоху революціи. Каково соціальное содержаніе этой революціи? Эта революція будетъ буржуазная, говорили мы всегда, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, никто изъ соціалдемократовъ прямо и категорически этого положенія не оспариваетъ. Никто еще прямо не оспариваетъ, но нѣкоторые уже теперь высказываютъ такіе взгляды, которые, будучи развиты до логическаго конца, никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской революціи, какъ о революціи буржуазной. Взгляды эти, правда, пока высказываются единицами, но мы ихъ не можемъ и не должны игнорировать, потому что они теперь больше, чѣмъ когда либо могутъ найти себѣ резонансъ, потому что сама дѣйствительность *какъ будто* за нихъ говоритъ.

Въ самомъ дѣлѣ, выплывшія на историческую поверхность грандіозныя событія послѣдняго времени какъ будто плохо согласуются съ тѣмъ, что мы переживаемъ теперь буржуазную революцію. Развѣ огромный взрывъ пролетарскаго движенія не заглушилъ слабые голоса нашей фрондирующей либеральной демократіи? Развѣ въ виду могучаго движенія возставшаго россійскаго пролетаріата не кажутся жалкими робкія и нерѣшительныя движенія нашей буржуазіи? Развѣ передъ грозными и бурными январьскими событіями не блѣднѣютъ либерально-демократическіе банкеты недавно минувшей политической „весны“? Все это несомнѣнно вѣрно, и все таки, это нисколько не противорѣчитъ тому, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, и все таки это нисколько не оправдываетъ тѣхъ скачковъ мысли, которые [illegible] продѣлываютъ нѣкоторые наши товарищи.

Русскій пролетаріатъ обнаружилъ огромную боевую революціонную силу и несомнѣнно, что она служитъ главнымъ залогомъ торжества революціи: критика оружія не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, и, въ концѣ концовъ, всякій глубокій политическій конфликтъ рѣшается физической силой. Но въ какихъ же буржуазныхъ революціяхъ пролетаріатъ не зарекомендовалъ себя, какъ главная боевая сила? Однако, это нисколько не опредѣляло соціальнаго характера революціи, не опредѣляло даже само по себѣ политической роли пролетаріата въ революціи.

Когда редакція „Искры“ въ своемъ „письмѣ къ организаціямъ“, указывала, что въ періодъ „весны“ „политическая сцена была заполнена борьбой между организованной буржуазіей и бюрократіей“, когда она указывала, что въ такой моментъ всякое революціонное движеніе „въ низахъ“[1], т. е. всякое [illegible]тельное революціонное движеніе объективно свелось бы къ поддержкѣ той изъ двухъ силъ, которая заинтересована въ ломкѣ даннаго режима, эти слова „Искры“ привели нѣкоторыхъ изъ нашихъ „критиковъ“ въ веселое настроеніе: „Искра“ говоритъ о нашей организованной буржуазіи, какъ о силѣ! Развѣ январьскія событія не посрамили „Искру“, развѣ эти событія не показали, что главная наша боевая сила — пролетаріатъ? Послѣднее дѣйствительно доказали событія, но они доказали, кромѣ того, что наши „критики“, сознательно или безсознательно, путаютъ понятія, что они, подобно соц.-революціонерамъ, сознательно или безсознательно, отождествляютъ понятіе „боевая сила“ съ понятіемъ „политическая сила“, отождествляютъ политику съ „механикой“. Такое отождествленіе понятій можетъ иногда льстить самолюбію массъ, но ничто не можетъ принести столько вреда пролетаріату, особенно въ моментъ революціи, какъ соблазнительные напѣвы „революціонныхъ сиренъ“; поэтому мы постараемся прежде всего распутать узелъ, заплетенный нашими критиками.

Исторія знаетъ огромныя крестьянскія движенія, какъ напр., „жакерія“ во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи въ эпоху реформаціи, крестьянское движеніе во время Великой Революціи и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне обнаружили огромную боевую, разрушительную силу, но эта боевая сила была въ то же время самостоятельной политической силой только въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія возставшихъ крестьянъ шли по пути историческаго развитія общества, какъ напр., во время Великой Революціи. Въ другихъ же случаяхъ, крестьянское движеніе либо проходило безслѣдно, какъ „жакерія“, либо же дезорганизація, внесенная ими въ общественную жизнь, учитывалась другими общественными классами въ своихъ интересахъ. Массовыя движенія пролетаріата, въ отличіе отъ крестьянскихъ движеній, всегда бывали революціонны, по крайней мѣрѣ, потенціально. Но и въ нихъ самостоятельная политическая сила пролетаріата обнаруживалась ровно постольку, поскольку революціонная энергія пролетаріата сочеталась съ политической сознательностью. Возстаніе 18 марта въ Берлинѣ, возстаніе вѣнскаго пролетаріата, дрезденское и т. д., конечно, не только двинули впередъ, но прямо создали революцію 48 г.; но поскольку германскій пролетаріатъ того времени былъ мало сознателенъ, его боевая сила оказалась политической силой другого класса — умѣренно-либеральной буржуазіи, которая учла въ своихъ политическихъ интересахъ самоотверженную борьбу германскихъ пролетаріевъ. Точно такъ же соціально-политическій характеръ февральской революціи далеко не соотвѣтствовалъ ни той боевой роли, которую въ ней игралъ пролетаріатъ, ни его соціальнымъ мечтамъ. И обратно: средніе и высшіе буржуазные классы никогда не представляли изъ себя сколько-нибудь замѣтной боевой силы, и, тѣмъ не менѣе, они играли крупную политическую, а иногда и революціонно-политическую роль, поскольку они умѣли утилизировать боевую силу пролетаріата въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ. Все это — азбука, тѣмъ не менѣе, ее не слѣдуетъ забывать.

---

[1] Очевидно, что къ послѣдовавшему за либеральной „весной“ петербургскому возстанію такое опредѣленіе „въ низахъ“ ни въ какомъ смыслѣ не примѣнимо, потому что эти событія совершились не на задворкахъ исторіи, а на ея политической авансценѣ.

вость рядовъ. *Этимъ моментомъ легко можетъ быть ис- ованъ для нападенія на отрядъ съ цѣлью захвата ру-* , *револьверовъ и патронныхъ сумокъ.* Но нужно ставить въ такія условія, чтобы, случайно ли, подъ преслѣдова- ли войскъ, или при иныхъ условіяхъ, жертвой этихъ пр- не становились союзники. Преграда должна быть между омъ и народомъ, на пути движенія войска.

артизанская борьба — наиболѣе удобный способъ борьбы а съ войскомъ. Какъ потому, что войско многочисленно, о и хорошо вооружено; что народу необходимо достать е и при всякой возможности обезоруживать солдатъ; что ы очень удобны для выслѣживанія и внезапнаго нападе- небольшіе отряды; что солдаты лишены всякой иници- и не пріучены къ проявленію ни самостоятельности, ни ательности; такъ равно и потому, что компактную массу въ необходимо разбить на мелкіе отряды, необходимо ушить изолированность солдатъ отъ народа, — и, нако- , потому, что партизанской борьбой легче дезорганизо- войско, легче найти способъ примѣненія оружія, отлич- отъ принятаго въ арміи. Партизанская война разольется кимъ моремъ и охватитъ весь народъ. А для этого нужно ать одновременную посылку войскъ въ самые отдален пункты города и въ то же время держать его и въ цен- города. Нужно разметать его по всему городу, чтобы от ныя части потеряли общую связь; чтобы части, лишенныя ра, утрачивали бы общее руководство, становились не- тельными и неувѣренными, т. е., чтобы поворачивались народу стороной, очищенной отъ обезличивающей ихъ дис- ны. Обезоруживая солдатъ, нужно использовать воз- сть получить отъ нихъ всѣ необходимыя и важныя свѣ : мѣста карауловъ, число постовъ; мѣста казенныхъ скла- оружія и военныхъ припасовъ; какъ они въ этотъ охраняются; настроеніе части, отношеніе офицеровъ солдатамъ и солдатъ къ каждому изъ офицеровъ. О доб льно перешедшихъ и внушающихъ довѣріе отрядахъ приходится говорить. Мелкіе въ началѣ отряды воору аго народа слѣдуетъ стремиться постепенно объединять болѣе крупные.

Быв. Артиллеристъ.

ЗАМѢТКА О ВООРУЖЕНІИ.

Среди товарищей приходится въ послѣднее время слышать, о въ числѣ ближайшихъ задачъ соціальдемократіи одною изъ ьма настоятельныхъ является организація вооруженія, обра- ваніе для этого при комитетахъ особыхъ группъ и т. п. По у поводу я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ. Я ничего имѣлъ бы противъ такой задачи, еслибъ она не представляла насъ, партіи пролетаріата, нѣкоторой опасности. Всякому ивному работнику въ Россіи хорошо извѣстно, насколько ганизаціи страдаютъ недостаткомъ активныхъ дѣятелей. Со на день спросъ со стороны рабочихъ на способныя орга- овать ихъ силы, становится все больше и больше. Я сужу, крайней мѣрѣ, по Ригѣ, мы теперь буквально завалены ра- отой въ массѣ, агитаціей и пропагандой. Мы всѣ силы напря- емъ, чтобы использовать стихійный подъемъ массъ, чтобы ести побольше классового сознанія въ рабочія массы. Рабочіе фабрикъ и заводовъ прилегающихъ мѣстностей присылаютъ своихъ депутатовъ для отысканія соціалистовъ, ибо вездѣ кру- гомъ рабочіе узнали, что соціальдемократическая партія явля ется защитницей ихъ интересовъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы вести пошире агитацію и пропаганду соціальдемократическихъ ей среди пролетаріата, вмѣсто того, чтобы организовать про- летаріатъ въ самостоятельную партію для противопоставленія классовыхъ интересовъ интересамъ буржуазіи и повести его сознательный штурмъ самодержавія, намъ предлагаютъ вы- лить наши лучшія силы на организацію закупки оружія и раненія его. Да, лучшія силы, ибо при нашихъ полицейскихъ ловіяхъ эту работу придется передать лучшимъ работникамъ, которыхъ, такимъ образомъ, мы оторвемъ отъ ихъ дѣла. Гово- рятъ, что, если массы политически воспитаны, ихъ не трудно будетъ повести на вооруженное возстаніе, но мнѣ кажется, что систематическое вооруженіе исключаетъ усиленную пропаганду агитацію. Кромѣ того, я не знаю, насколько возможно откры- тое выступленіе рабочихъ съ револьверами и карабинами про- тивъ войска. Послѣднія событія меня убѣдили, что не столько вооруженіе играетъ главную роль, сколько сознаніе необходи- мости политическаго переворота. Рабочіе могли у насъ 13-го января броситься на солдатъ и обезоружить ихъ, ибо стояли лицомъ къ лицу съ ними, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ; они этого не сдѣлали не потому, что были безоружны (многіе имѣли революверы), но потому, что они еще не прониклись такимъ настроеніемъ, чтобы, во что бы то ни стало, хотя бы до послѣдней капли крови, отстаивать свои требованія. Поэтому, они и бросились въ разсыпную при первомъ залпѣ.

Конечно, я теперь не берусь рѣшать вопросъ, почему потерпѣли неудачу при первомъ столкновеніи съ войсками, мнѣ хотѣлось лишь подѣлиться съ товарищами моими впечатлѣніями. Мнѣ кажется, что партія слѣдуетъ задумываться надъ рѣшеніемъ вопроса о *партизанской войнѣ*. Остановка всего производства въ городѣ, оставленіе его въ темнотѣ, безъ газа и электричества, нападеніе на военные патрули, арсеналы, оружейные магазины и правительственныя учрежденія — вотъ тѣ пріемы борьбы, которые мы должны въ настоящее время детально разрабатывать. Я самъ видѣлъ случай, когда патрули отдавали ружья рабочимъ, хотя послѣдніе не были вооружены. Конечно, изъ моихъ словъ не слѣдуетъ вывести, что я высказываюсь противъ вооруженія, нѣтъ, вооружаться намъ надо, хотя бы для нападенія на газовый заводъ, электрическую станцію и т. п., но я думаю, что для насъ, соціальдемократовъ, созданіе особыхъ группъ при *бѣдности въ активныхъ силахъ* можетъ имѣть печальныя послѣдствія, отвлекая работниковъ отъ непосредственной агитаціи и пропаганды и перенося центръ тяжести работы на закупку оружія и его храненіе.

Я убѣжденъ, что сознательный пролетаріатъ, въ концѣ концовъ, вооружится, захватитъ склады оружія и пр., но сдѣлаетъ это онъ тогда, когда будетъ проникнутъ сознаніемъ необходимости немедленно совершить революцію, а для этого по прежнему нужны прежде всего *агитація* и *пропаганда*.

Рижскій Рабочій.

ВСЕОРССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Некрологъ. (Еще одна жертва 9 января).

9 января въ Петербургѣ былъ убитъ Константинъ Васильевичъ Архангельскій, принадлежавшій къ организаціи Кубанскаго комитета.

По профессіи столяръ, Архангельскій за свою недолгую жизнь, — ему было всего 23 года — прошелъ суровую школу интеллигентнаго рабочаго. Ему пришлось пережить все то, что выпадаетъ на долю нашего рабочаго, когда онъ настолько развитъ и дѣятеленъ, что живо чувствуетъ рабское положеніе въ Россіи и борется за лучшее будущее. Дѣятельная натура Архангельскаго бросала его изъ Кубанской глуши то въ Баку, то въ Одессу, то въ Петербургъ. Послѣдній разъ онъ былъ высланъ изъ Петербурга на родину въ февралѣ прошлаго года, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ рабочихъ, за демонстрацію, устроенную рабочими Путиловскаго завода въ отвѣтъ на полицейско-патріотическія манифестаціи студентовъ, патріотовъ и шпіоновъ.

Только за два мѣсяца до смерти онъ примкнулъ къ организаціи Кубанскаго комитета, и, обладая недюжинными способностями, энергіей и иниціативой, сейчасъ же внесъ замѣтное оживленіе въ дѣятельность комитета.

Уѣзжая всего на нѣсколько дней въ концѣ декабря въ Петербургъ, онъ говорилъ, что останется тамъ, если дѣла партіи этого потребуютъ.

Ему не суждено было вернуться къ намъ назадъ. Въ память убитаго рабочіе прозвали одинъ изъ кружковъ „кружкомъ Вацлава“ (кличка покойнаго).

Кубан. Ком.

Петербургъ, 24 февраля. Вліяніе соц. дем. на массу рабочихъ очень велико. Многіе, которые недавно даже враждебно и со страхомъ относились къ членамъ соц.-дем. партіи, поддаются вліянію соціальдемократическихъ идей и такъ какъ вожаками являются всегда соц. дем. во всѣхъ дѣйствіяхъ рабочихъ, то масса идетъ за ними. При выборахъ въ комиссію Шидловскаго прошло много нашихъ; остальные выборщики сейчасъ же приняли всѣ предложенія соц.-дем. Послѣ выборовъ мы сейчасъ же собрали выборщиковъ и обсуждали съ ними требованія, которыя депутаты должны представить въ комиссію. Но результатъ далеко превзошелъ наши ожиданія. Вы уже знаете, какъ прошло общее собраніе выборщиковъ (тамъ была масса иностранныхъ корреспондентовъ). Выборщики наперерывъ произносили такія ярко революціонныя рѣчи, которыхъ мы ожидали только отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вообще, можно сказать, что когда пролетаріатъ выступаетъ, онъ всегда превосходитъ наши ожиданія. Это мы испытали уже нѣсколько разъ. Такъ было и съ комиссіей. У насъ въ Центр. Гр. [1]) составили нѣчто въ родѣ манифеста отъ пролетаріата, который долженъ былъ быть прочитанъ депутатами въ комиссіи Шидловскаго. Многіе очень сомнѣвались, что удастся провести это между выборщиками. Но когда стали проводить, то оказалось, что выборщики встрѣтили это предложеніе съ восторгомъ и каждый хочетъ самъ прочесть его въ комиссіи. Но, къ сожалѣнію, до комиссіи не дошло, ее поспѣшили закрыть. Теперь полиція разыскиваетъ и арестовываетъ депутатовъ. На Путиловскомъ взяли 2 хъ, на заводѣ Рѣчкина взяли 3-хъ изъ 5 — остальные два скрываются и т. д. Послѣднимъ манифестамъ уже никто не вѣритъ. Удивительно чутко относятся рабочіе ко всѣмъ собраніямъ. Невозможно сказать, сколько у насъ кружковъ, сколько массовокъ собирается — это вещь подвижная, какъ самые неустойчивые вѣсы. Наприм., передъ комиссіей была на улицахъ предвыборная агитація. Всѣ были завалены работой. Агататоровъ былъ страшный недостатокъ, находились и квартиры для собраній и люди для массовокъ. Теперь же сразу какое то затишье, сразу почему то исчезаютъ квартиры и слушателей не соберешь. Агитаторы по нѣсколько дней сидятъ безъ дѣла. Хорошіе агитаторы очень нужны. Сейчасъ большихъ массовокъ на дворѣ устраивать нельзя, работа идетъ въ квартирахъ. Передъ и сейчасъ послѣ комиссіи было нѣсколько собраній на валу за московской заставой по полторы и три тысячи человѣкъ. Послѣдній разъ налетѣли казаки и избили нагайками. 60 человѣкъ рабочихъ арестовали. Въ другихъ концахъ были тоже избіенія. Стачки теперь прекращаются — очень изголодался народъ. Помощь денежная очень скудная. Помощь приходилось иногда раздавать двугривенными и то только маленькой части. Либералы собираютъ деньги, но соц.-дем. не хотятъ давать, а раздаютъ сами и, не имѣя связей, массу отдаютъ нищимъ и хулиганамъ.

Насчетъ Гапона у насъ ходятъ разные слухи. Каждая партія присваиваетъ его себѣ. Гапоновцы всѣ лучшіе перешли къ намъ. Есть слухъ, что на дняхъ въ Преображенскомъ полку былъ бунтъ — 8 чел. арестовано.

Вчера, 23-го, рабочіе Рѣчкина завода снова бросили работу, собрались около завода и потребовали освобожденія депутатовъ. Выбрали двоихъ и отправили къ градоначальнику. Съ ними къ градоначальнику пошелъ и хозяинъ завода хлопотать объ освобожденіи депутатовъ. Правительство распространило среди рабочихъ прокламаціи, печатанныя на миміографѣ за подписью „группа рабочихъ“, призывающія работать и не слушать агитаторовъ, по милости которыхъ рабочіе такъ долго голодали и впали въ нищету. Оканчивается воззваніе „Долой агитаторовъ!“ Подобнаго же сорта посланіе синода расклеено было по заборамъ.

Вы знаете вѣроятно, что въ Москвѣ собираются полулегально московскіе земцы; они рѣшили созвать общій земскій съѣздъ отъ всѣхъ россійскихъ земствъ по 4 отъ каждой губерніи. У либераловъ идутъ разговоры о способахъ избранія въ обѣщанную въ рескриптѣ комиссію. Недавно общество присяжныхъ повѣренныхъ рѣшило, что прямое избирательное право не годится для Россіи, такъ какъ Россія слишкомъ велика и нужно ее раздѣлить на штаты. Либералы (я называю такъ всѣхъ не соц.-дем.; фактически они здѣсь всѣ сливаются) выпускаютъ тоже листки, но очень рѣдко; о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ забываютъ упомянуть, хотя на словахъ, конечно, за это. Соц.-рев. листковъ почти не видно.

Петербургъ, 19 февраля. Путиловскій заводъ вчера, 18 го, работалъ весь день. Днемъ 18-го у нихъ была панихида по убитымъ 9-го января (40 й день). Присутствовалъ директоръ Смирновъ. Когда попъ говорилъ рѣчь, въ которой оплакивалъ невинно погибшихъ рабочихъ, и обвиняя во всемъ лжеучителей — крамольниковъ, приглашалъ ихъ выдавать, одинъ рабочій крикнулъ: „Врешь, негодяй, виновникъ стоитъ передъ тобой“ (стоялъ противъ попа Смирновъ).

Петербургъ 18 февраля. Характерный эпизодъ. Сегодня въ народномъ домѣ Паниной было собраніе выборщиковъ рабочихъ. Оказалось, что въ числѣ 370 человѣкъ — 50 принадлежатъ къ „зубатовцамъ“. Эти послѣдніе собрались отдѣльно, выбрали предсѣдателя и рѣшили просить у остальныхъ суда чести и прощенія, прося принять ихъ въ число организованныхъ рабочихъ. Въ виду чистосердечнаго раскаянія, они получили прощеніе и были приняты въ среду общаго собранія.

Петербургъ. Группа рабочихъ Обуховскаго завода, не примыкающихъ къ нашей организаціи и не считающихъ себя соціальдемократами, пригласили прійти къ нимъ кого нибудь изъ соціальдемократовъ побесѣдовать о коммиссіи Шидловскаго. Бесѣдовали очень долго. Публика культурная, воспріимчивая и предпріимчивая. Выработали резолюцію въ духѣ перваго листка по этому поводу нашей „Группы при Ц. К.“ Въ концѣ собранія однимъ изъ рабочихъ было сдѣлано предложеніе примкнуть къ соціальдемократической партіи. Но нѣкоторые изъ нихъ говорили, что это еще рано, что надо сперва познакомиться съ

---

[1]) Центр. Гр. — руководящее ядро организаціи, извѣстной подъ именемъ „Петерб. Гр. при Ц. К.“

когда *не начиналась* сразу съ возстанія *всего* народа, никогда не начиналась съ учрежденія *законченныхъ* и *устойчивыхъ* политическихъ формъ и никогда не кончалась послѣ „перваго удара“.

Изъ этого исходила „Искра“, утверждая, что 9-е января — начало русской революціи. Это начало народной, гражданской войны. Съ одной стороны, 9-е января было началомъ русской революціи, хотя петербургское возстаніе *еще* не было побѣдоноснымъ; съ другой стороны, даже созывъ Учредительнаго Собранія не будетъ концомъ русской революціи, хотя этотъ созывъ совершится, можетъ быть, *уже* послѣ одного или нѣсколькихъ побѣдоносныхъ возстаній въ Петербургѣ или въ провинціи. Онъ не будетъ концомъ русской революціи, какъ не былъ концомъ Велик. Фр. Революціи созывъ Конвента, какъ не было концомъ Февр. Революціи учрежденіе Временнаго Правительства.

Нѣкоторые проницательные читатели въ нашей критикѣ „*назначенія* всенароднаго вооруженнаго возстанія“ усматривали пренебреженіе къ вопросу о возстаніи вообще. Къ ихъ свѣдѣнію, мы должны сказать, что мы исходимъ изъ діаметрально противоположныхъ мотивовъ: мы критикуемъ подобныя теоріи именно потому, что ихъ измышленіемъ отвлекается вниманіе отъ условій дѣйствительной подготовки возстанія, а объ этомъ въ *настоящее время* долженъ думать всякій серьезный революціонеръ.

Если вѣрно, что въ эпоху революціи параллельно и въ тѣсномъ *взаимодѣйствіи* съ ломкой старыхъ политическихъ и юридическихъ формъ и созиданіемъ новыхъ, быстро растетъ политическая сознательность общественныхъ классовъ и разливается вширь народное возстаніе, то очевидно, что подготовка къ вооруженному возстанію не можетъ совершиться по самодовлѣющему *стратегическому* плану, очевидно, что она должна дѣлаться въ самой тѣсной связи со сложной и всесторонней *политической* работой въ массахъ, не говоря уже о томъ, что при отсутствіи этого условія размахъ народнаго возстанія нисколько не гарантировалъ бы соотвѣтственнаго размаха политическаго переворота. Эпоха революціи не только выдвигаетъ передъ нами новый вопросъ, новый, какъ практическій — о подготовкѣ вооруженнаго народнаго возстанія; она выдвигаетъ также вопросъ о новыхъ методахъ политическаго воздѣйствія на широкія народныя массы и первый вопросъ не разрѣшимъ внѣ связи со вторымъ. Кардинальное отличіе гражданскихъ войнъ отъ обычныхъ заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ почти все комплектованіе арміи и ея вооруженіе предшествуетъ войнѣ, въ первомъ же случаѣ они совершаются преимущественно въ самый періодъ войны. Поэтому, въ обычныхъ войнахъ главная забота должна быть направлена на военную тактику, на стратегію, въ гражданскихъ же войнахъ на политическую тактику, вербующую революціонной партіи ея армію — народныя массы. Не можетъ сколько-нибудь успѣшно подготовлять вооруженное возстаніе та партія, которая не сумѣетъ тѣсно связать со своими планомѣрными политическими шагами полустихійныя движенія народныхъ массъ, не сможетъ подготовлять возстаніе та партія, мышленіе которой полно кружковыхъ предразсудковъ, методы дѣйствія которой скованы тѣсными заговорщическими рамками.

⁂

Съ 9 января мы вступили въ эпоху гражданской войны, въ эпоху революціи. Каково соціальное содержаніе этой революціи? Эта революція будетъ буржуазная, говорили мы всегда, и до сихъ поръ, насколько намъ извѣстно, никто изъ соціальдемократовъ прямо и категорически этого положенія не оспариваетъ. Никто еще прямо не оспариваетъ, но нѣкоторые уже теперь высказываютъ такіе взгляды, которые, будучи развиты до логическаго конца, никоимъ образомъ не могутъ быть примирены съ нашими обычными представленіями о русской революціи, какъ о революціи буржуазной. Взгляды эти, правда, пока высказываются единицами, но мы ихъ не можемъ и не должны игнорировать, потому что они теперь больше, чѣмъ когда либо могутъ найти себѣ резонансъ, потому что сама дѣйствительность *какъ будто* за нихъ говоритъ.

Въ самомъ дѣлѣ, выплывшія на историческую поверхность грандіозныя событія послѣдняго времени какъ будто плохо согласуются съ тѣмъ, что мы переживаемъ теперь буржуазную революцію. Развѣ огромный взрывъ пролетарскаго движенія не заглушилъ слабые голоса нашей фрондирующей либеральной демократіи? Развѣ въ виду могучаго движенія возставшаго россійскаго пролетаріата не кажутся жалкими робкія и нерѣшительныя движенія нашей буржуазіи? Развѣ передъ яркими и бурными январьскими событіями не блѣднѣютъ либерально-демократическіе банкеты недавно минувшей политической „весны“? Все это несомнѣнно вѣрно, и все-таки, это нисколько не противорѣчитъ тому, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, и все-таки это нисколько не оправдываетъ тѣхъ скачковъ мысли, которые съ такой легкостью продѣлываютъ нѣкоторые наши товарищи.

Русскій пролетаріатъ обнаружилъ огромную боевую революціонную силу и несомнѣнно, что она служитъ главнымъ залогомъ торжества революціи: критика оружія не можетъ быть замѣнена оружіемъ критики, и, въ концѣ концовъ, всякій глубокій политическій конфликтъ рѣшается физической силой. Но въ какихъ же буржуазныхъ революціяхъ пролетаріатъ не зарекомендовалъ себя, какъ главная боевая сила? Однако, это еще не опредѣляло соціальнаго характера революціи, не опредѣляло даже *само по себѣ* политической роли пролетаріата въ революціи.

Когда редакція „Искры“ въ своемъ „письмѣ къ организаціямъ“, указывала, что въ періодъ „весны“ „политическая сцена была заполнена тяжбой между организованной буржуазіей и бюрократіей“, когда она указывала, что въ такой моментъ всякое революціонное движеніе „въ низахъ“ [1]), т. е. всякое малосознательное революціонное движеніе объективно свелось бы къ поддержкѣ той изъ двухъ силъ, которая заинтересована въ концѣ даннаго режима, эти слова „Искры“ привели нѣкоторыхъ изъ нашихъ „критиковъ“ въ веселое настроеніе: „Искра“ говоритъ о нашей организованной буржуазіи, какъ о силѣ! Развѣ январьскія событія не посрамили „Искру“, развѣ эти событія не показали, что главная наша боевая сила — пролетаріатъ? Послѣднее дѣйствительно доказали событія, но они доказали, кромѣ того, что наши „критики“, сознательно или безсознательно, путаютъ понятія, что они, подобно соц.-революціонерамъ, сознательно или безсознательно, отождествляютъ понятіе „боевая сила“ съ понятіемъ „политическая сила“, отождествляютъ политику съ „механикой“. Такое отождествленіе понятій можетъ иногда льстить самолюбію массъ, но ничто не можетъ принести столько вреда пролетаріату, особенно въ моментъ революціи, какъ соблазнительные напѣвы „революціонныхъ сиренъ“; поэтому мы, постараемся прежде всего распутать узелъ, заплетенный нашими критиками.

Исторія знаетъ огромныя крестьянскія движенія, какъ напр., „жакеріи“ во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи въ эпоху реформаціи, крестьянское движеніе во время Великой Революціи и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне обнаружили огромную боевую, разрушительную силу; но эта боевая сила была въ то же время самостоятельной политической силой только въ тѣхъ случаяхъ, когда требованія возставшихъ крестьянъ шли по пути историческаго развитія общества, какъ напр., во время Великой Революціи. Въ другихъ же случаяхъ, крестьянское движеніе либо проходило безслѣдно, какъ „жакеріи“, либо же дезорганизація, внесенная ими въ общественную жизнь, учитывалась другими общественными классами въ своихъ интересахъ. Массовыя движенія пролетаріата, въ отличіе отъ крестьянскихъ движеній, всегда бывали революціонны, по крайней мѣрѣ, потенціально. Но и въ нихъ самостоятельная политическая сила пролетаріата обнаруживалась ровно постольку, поскольку революціонная энергія пролетаріата сочеталась съ политической сознательностью. Возстаніе 18 марта въ Берлинѣ, возстаніе вѣнскаго пролетаріата, дрезденское и т. д., конечно, не только двинули впередъ, но прямо создали революцію 48 г.; но поскольку германскій пролетаріатъ того времени былъ мало сознателенъ, *его боевая* сила, оказалась политической силой *другого* класса — умѣренно-либеральной буржуазіи, которая учла въ своихъ политическихъ интересахъ самоотверженную борьбу германскихъ пролетаріевъ. Точно такъ же соціально-политическій характеръ Февральской революціи далеко не соотвѣтствовалъ ни той боевой роли, которую въ ней игралъ пролетаріатъ, ни его соціальнымъ мечтамъ. И обратно: средніе и высшіе буржуазные классы никогда не представляли изъ себя сколько-нибудь замѣтной боевой силы, и, тѣмъ не менѣе, они играли крупную политическую, а иногда и революціонно, политическую роль, поскольку они умѣли утилизировать боевую силу пролетаріата въ своихъ революціонныхъ цѣляхъ. Все это — азбука, тѣмъ не менѣе, ее не слѣдуетъ забывать.

---

[1]) Очевидно, что къ послѣдовавшему за либеральной „весной“ петербургскому возстанію такое опредѣленіе „въ низахъ“ ни въ какомъ смыслѣ не примѣнимо, потому что эти событія совершились не на задворкахъ исторіи, а на ея политической авансценѣ.

програмой и дѣятельностью партіи. Представитель группы, разумѣется, согласился съ мнѣніемъ послѣднихъ и предложилъ читать нашу литературу и еще нѣсколько разъ собраться, чтобы выяснить себѣ програму и дѣятельность партіи.

Эти же рабочіе по собственной инициативѣ написали обращеніе „ко всѣмъ рабочимъ Франціи, Германіи и другихъ свободныхъ государствъ“. Рабочіе хотѣли послать его „самому Жоресу“, но по моему предложенію, рѣшили послать для напечанія и сообщенія газетамъ заграничныхъ соціальдемократическихъ партій. Вотъ текстъ этого обращенія:

Товарищи, рабочіе Франціи, Германіи и другихъ свободныхъ странъ!

„Мы, рабочіе Россіи, постановили начать борьбу съ нашими злѣйшими врагами: съ *монархіей* и *капитализмомъ*, съ которыми и Вы принуждены были бороться, съ которыми еще и теперь боретесь, принося многочисленныя жертвы за лучшее будущее.

Физическій голодъ можно перенести; но *духовный и нравственный голодъ — нестерпимы и мы поэтому рѣшили самой дорогой цѣной добиться тѣхъ правъ, которыми Вы уже давно пользуетесь*. Съ этой цѣлью мы устроили всеобщую стачку, во время которой мы обратились къ царю съ мирной петиціей. Въ ней мы излагали наши неотложныя требованія. Но царь не хотѣлъ насъ выслушать. Онъ приказалъ стрѣлять въ мирно настроенную, безоружную трехсоттысячную толпу рабочихъ, которая просила у него защиты и правосудія.

Правительство противится волѣ народа. Оно рѣшило, во что бы то ни стало, продолжать войну. Но такъ какъ оружіе и амуниція у насъ теперь изъ-за стачки не производятся, то *оно заказало ихъ у Васъ*.

Товарищи! Возможно ли, что Вы не поддержите насъ? Вы лишаете насъ возможности продолжать стачку, лишаете насъ единственнаго оружія, имѣющагося у насъ въ рукахъ для продолженія борьбы съ ярмомъ капитализма и самодержавія.

Товарищи! Теперь наступилъ въ жизни народовъ великій моментъ, когда слова Маркса: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ должны стать лозунгомъ всѣхъ трудящихся массъ! Теперь наступилъ моментъ, когда пролетаріи всего міра, должны помочь другъ другу защитить свои святыя права на жизнь!“

Рига, 18 февраля. Мы уже сообщали вамъ о Кузнецовской стачкѣ, въ которой приняло участіе свыше 3000рабочихъ; стачкой руководили мы, выработали требованія, выставили депутатовъ для переговоровъ, засыпали стачечниковъ листками, посылали своихъ ораторовъ, устраивали, кромѣ того, по 2 тайныхъ собранія въ день (по 50 и больше участниковъ), массовыя собранія на площади (1000 и болѣе человѣкъ). Мы успѣли за 10 дней стачки въ смыслѣ агитаціи, какъ въ обыкновенное время за годъ. Ораторы говорили на политическія и экономическія темы, говорили по нѣсколько часовъ подрядъ. Мы пользовались настоящей свободой слова, рабочіе съ утра съ нетерпѣніемъ ждали листковъ. Они совершенно свободно читались на улицахъ и площадяхъ, многіе, бывало, дерутся изъ-за нихъ. Соціальдемократы пользовались особеннымъ уваженіемъ среди сѣрой массы, за ними ухаживали, стараясь всячески прислушиваться къ ихъ мнѣнію и совѣтамъ. Стачка была вызвана стихійнымъ броженіемъ, но съ перваго же дня до окончанія сознательно руководилась нами. Кузнецовцы завоевали себѣ всеобщія симпатіи своимъ выдержаннымъ и умѣлымъ поведеніемъ. Съ самаго начала они послѣдовали нашему совѣту — не пьянствовать, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было дракъ, буйства, насилія надъ личностями.

Солдаты, казаки и полиція выбивались изъ силъ, чтобы вызвать рабочихъ на бойню, но имъ это не удалось. Сегодня мы рѣшили прекратить стачку, ибо настроеніе начало падать, кромѣ того часть требованій уже удовлетворена. Рабочіе добились уменьшенія рабочаго дня на 2½ часа, теперь 10 часовъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ — 8 часовъ. Кромѣ того, плата увеличена всѣмъ безъ исключенія. Разсчетъ 2 раза въ мѣсяцъ, вмѣсто одного раза; устраивается вентиляція, помѣщеніе для отдыха рабочимъ у машинъ и горновъ; затѣмъ рядъ другихъ мелкихъ требованій. Рабочіе сильно настаивали на 8-часовомъ рабочемъ днѣ, но имъ наотрѣзъ отказали съ самаго начала. „Послѣ Пасхи забастуемъ еще разъ“,—говорятъ рабочіе.

Потерпѣвъ неудачу въ провокаціи „безпорядковъ“, полиція стала арестовывать направо и налѣво; изъ арестованныхъ депутатовъ всѣ, за исключеніемъ *Василія Флерова*, освобождены; кромѣ того, былъ задержанъ рабочій *Егоръ Наумовъ*, у котораго нашли извѣщеніе о второмъ съѣздѣ; его обвиняютъ въ чтеніи вслухъ на площади прокламаціи.

Кузнецовская стачка привлекла къ себѣ вниманіе всего города, не смотря на то, что стачка охватила всѣ фабрики и заводы. Это объясняется тѣмъ, что ужасная эксплуатація на заводѣ, темнота рабочихъ, патріархальность отношеній заставляли всѣхъ смотрѣть на кузнецовцовъ, какъ на какихъ то дикарей, но намъ удалось пробить брешь въ этой ужасной обстановкѣ и пробудить въ темныхъ рабочихъ желаніе бороться.

Возгласы „долой эксплуататоровъ“, „долой самодержавіе“ раздавались со всѣхъ сторонъ на митингахъ кузнецовцевъ.

Кромѣ Кузнецовской, мы руководили стачкой на Балтійскомъ холщевомъ заводѣ (400 рабочихъ) и на табачныхъ фабрикахъ Мюнделя и Рутенберга (1200 работницъ). Благодаря малосознательности рабочихъ, стачки почти проиграны. Теперь мы руководимъ стачкой 400 рабочихъ „Русскаго общества производства стальныхъ перьевъ“; требованія формулированы нами.

На всѣхъ фабрикахъ, гдѣ были стачки, мы устраивали по два массовыхъ собранія ежедневно.

Благодаря такой работѣ, престижъ Партіи въ глазахъ общества и рабочихъ сильно поднялся.

Стачкой желѣзнодорожниковъ пробовалъ руководить комитетъ, но крайне неумѣло, не будучи, по его собственнымъ словамъ, „экономистомъ“. Рабочіе неоднократно обращались къ намъ, но мы не могли ни кого отрядить къ нимъ за неимѣніемъ силъ, всѣ наши работали день и ночь.

Комитетъ, кромѣ того, хотѣлъ организовать стачку городовыхъ (очевидно, считая это „политикой“), но мы стали осмѣивать его и ему пришлось, въ виду недовольства рабочихъ, говорившихъ, что улучшеніе положенія нужно городовымъ для болѣе успѣшнаго избіенія рабочихъ, отказаться отъ этой затѣи.

Рижская группа.

Нижній-Новгородъ. Контръ-стачечная агитація въ Сормовѣ дала уже плоды. 26 января бросили работу въ вагонной кузницѣ и человѣкъ 50 пошли останавливать механическій цехъ. Но едва 4—5 изъ нихъ вошли въ цехъ, двери за ними захлопнулись, и организованная директоромъ Мещерскимъ шайка съ Куликовымъ во главѣ, съ кольями набросилась на нихъ и начала бить. Избіеніе было жестокое. Двоихъ отправили въ больницу. Положеніе одного изъ нихъ опасное. Черезъ два дня механическій цехъ потребовалъ отъ Мещерскаго увольненія трехъ главныхъ виновниковъ избіенія. Тотъ теперь отпирается отъ всякаго участія въ подстрекательствѣ, открещивается отъ соучастія съ этими мерзавцами, но расчитывать ихъ не хочетъ, передавая все дѣло въ руки полиціи. Чѣмъ кончится этотъ эпизодъ — неизвѣстно.

Вообще, броженіе въ Сормовѣ продолжается. Чуть ли не каждый день, то здѣсь, то тамъ предъявляются требованія дирекціи, и она всѣми способами пытается умаслить рабочихъ, то обѣщая имъ разныя блага въ будущемъ, то удовлетворяя отчасти желанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Характерна рѣчь, которую держалъ передъ рабочими электрическаго цеха, заявившими требованія о прибавкѣ, завѣдующій цехомъ: „Вы сердце завода, вы понимаете, что вы приводите весь заводъ въ движеніе, и, конечно, не поставите насъ въ затруднительное положеніе. Вопросъ же о прибавкѣ будетъ разрѣшенъ своевременно“. Выльется ли это броженіе въ общую стачку — сказать трудно.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Сормовской организаціи нужно отмѣтить состоявшееся на дняхъ формальное объединеніе двухъ мѣстныхъ организацій — комитетской и оппозиціи. Упрочится это объединеніе, конечно, въ процессѣ дальнѣйшей совмѣстной работы.

Интересную рѣчь держалъ на смотру передъ запасными дивизіонный генералъ: „Теперь вездѣ бунты и безпорядки. Такъ хоть вы, братцы, не огорчайте царя-батюшку — не обижайте начальство, не бунтуйтесь. А если услышите гдѣ нибудь на дворѣ или на улицѣ разговоры о петербургскомъ бунтѣ, сейчасъ же хватайте и тащите въ участокъ. Я вамъ это разрѣшаю и приказываю“.

Нижній-Новгородъ, 18 го февраля. Третьяго дня вспыхнули забастовки въ Молитовкѣ. Бросили работу на мануфактурѣ и на Яковлевскомъ судостроительномъ, бросили дружно, всѣ до одного. Примкнули рабочіе молитовскаго затона, служащіе на баржахъ и пароходахъ. Двинулись въ Канавино. Тамъ остановили рядъ маленькихъ механическихъ и другихъ заводовъ и грузчиковъ на желѣзной дорогѣ; къ вечеру переметнулись въ городъ. Пришли рабочіе Добровскаго-Канавинскаго завода и остановили Добровскій городской. Затѣмъ остановили Курбатовскій.

Вчера всѣ заводы Канавина и Нижняго базара бастовали цѣлый день. Вездѣ предъявлены выработанныя заранѣе требованія. Вчера пожаръ началъ прокладывать дорогу и на верхній базаръ. Пламя лизнуло Большую Покровку (гдѣ забастовали маленькія папиросныя фабрики Тришканъ и Аппакъ) и Ильинку, гдѣ встала какая-то большая ремесленная мастерская.

Рядъ большихъ сходокъ: наборщиковъ, служащихъ элекрической станціи и приказчиковъ магазиновъ.

Стачка фармацевтовъ продолжается.

Кохма. 17-го января. Здѣсь забастовали рабочіе ткацкихъ фабрикъ Ясюнинскихъ и Щербаковыхъ, предъявивъ требованія аналогичныя требованіямъ Московскихъ и Питерскихъ товарищей. Кромѣ того, они требовали удаленія директора Быкова и нѣкоторыхъ мастеровъ, улучшенія жилищныхъ условій и т. Стачка продолжалась 9 дней и прошла въ образцовомъ порядк не смотря на присутствіе многочисленной полиціи и вызваныхъ по телефону войскъ. На площади ежедневно собиралась многотысячная толпа народу, гдѣ открыто читались прокламаціи и произносились рѣчи соціальдемократами изъ мѣстныхъ рабочихъ. Увѣщанія вице-губернатора и попа не имѣли успѣха. Попу кричали, что онъ защищаетъ богатыхъ, и ставили въ примѣръ Гапона. Правительственные листки о пріемѣ царемъ депутатовъ отъ рабочихъ въ Петербургѣ выхватывались у раздававшихъ и разрывались въ клочки. Арестованныхъ полиціей агитаторовъ толпа освободила, угрожая въ случаѣ отказа разгромомъ фабрикъ.

Изъ руководителей стачки выдѣлилось нѣсколько энергичныхъ молодыхъ дѣвушекъ, проявившихъ въ этомъ случаѣ недюжинныя способности въ политической дѣятельности. Винныя лавки были закрыты по распоряженію рабочихъ. Никакихъ нарушеній спокойствія не было; такъ какъ хозяева угрожали закрыть фабрику и объявили разсчетъ, а рабочіе въ Кохмѣ большею частью изъ сосѣднихъ деревень, связанные съ землей, то стачка кончилась неудачей. Ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено. Съ 26 числа рабочіе стали на работу на прежнихъ условіяхъ. По окончаніи стачки около 20 человѣкъ было арестовано и увезено въ Иваново. Фамилія одного изъ нихъ Алапыхинъ, остальныя неизвѣстны.

Были аресты и въ сосѣднихъ деревняхъ.

Рыбинскъ 14. Есть здѣсь желѣзно-дорожныя мастерскія. Работаетъ въ нихъ около 1000 человѣкъ. Народъ все сѣрый, малосознательный. Много здѣшнихъ уроженцевъ, работающихъ по многу лѣтъ, имѣющихъ свои дома и т. д. Настроены они очень мирно, враждебны ко всякой политикѣ.

Недѣли двѣ съ половиной тому назадъ явился въ мастерскія здѣшній жандармскій и держалъ такого рода рѣчь: ребятушки, можетъ быть, вы чѣмъ недовольны? Такъ изложите мнѣ свои нужды, и я постараюсь, чтобы ихъ удовлетворили“. Рабочіе, конечно, возрадовались такому заступнику, потолковали между собой и написали ему и начальнику дороги прошеніе (прилагаю его при семъ). Жандармскій, получивъ сіе прошеніе, вскипѣлъ. — „Подать мнѣ того мерзавца, кто писалъ это прошеніе живымъ, или мертвымъ“. Рабочіе, видя, что толку будетъ мало, рѣшили забастовать. Забастовали сегодня утромъ довольно дружно. До обѣда же выбрали депутатовъ, которые и выработали требованія.

Сегодня въ ночь были распространены листки здѣшней группы. Петиція принята очень хорошо, письмо же Гапона плохо: „это не о. Гапонъ писалъ, а чертъ какой-то!“.

Вотъ поданное рабочими прошеніе, о которомъ говорится выше:

Его Высокородію г-ну Жандармскому Начальнику.

От мастеровыхъ и рабочихъ всѣхъ цеховъ
желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ.

Прошеніе.

В. В.! Въ виду трудности условій жизни просимъ Васъ войти съ ходатайствомъ къ Управл. дороги и гг. Представителямъ Правленія объ удовлетвореніи слѣдующихъ условій (слѣдуютъ требованія, воспроизведенныя въ нашей прокламаціи). В. В., наши требованія болѣе чѣмъ справедливы, они необходимы для мало мальски сноснаго житья. Для выясненія возьмемъ средній заработокъ мастерового получавшаго 1 рубль въ день 20 лѣтъ тому назадъ; и что же? Въ настоящее время заработокъ такого мастерового понизился болѣе чѣмъ на половину[1].

Примѣръ по цехамъ: котельный—поставить рѣшетку было 105 р., теперь 25 руб. — дымогар. трубы 25—10. Токарный: выточить анкерный болтъ, съ 25 к. на 10 к. поршневый штокъ 7 р., теперь 3 р. 50. Сборный: поднять паровозъ 16 р., теперь 8 р. и т. д. И всѣ цѣны на работу упали въ такомъ размѣрѣ. Машинъ, облегчающихъ трудъ мастерового, со времени основанія мастерскихъ ни одной — значитъ, что же? рабочіе совершенствуются, убиваютъ силы и здоровье чтобы заработать на одинъ кусокъ чернаго хлѣба и за это же они платятся! Культурность рабочихъ повышается, слѣдовательно, потребности ростутъ, а заработокъ понижается. Жгучій вопросъ для всѣхъ воспитаніе и образованіе дѣтей; въ пользу этого вопроса былъ сдѣланъ шагъ — открыта школа, и что же? — назначена плата, да такая, что не всякому служащему подъ силу. До этого

---

[1] Т. е. цеховая плата осталась прежняя, но понизился заработокъ.

Если бъ наши „критики“ были послѣдовательны, то при ихъ смѣшеніи политики съ „механикой“, они бы изъ современныхъ событій сдѣлали выводъ, что наша настоящая революція не буржуазная, а пролетарская, соціалистическая; однако, они этого вывода не рѣшаются сдѣлать: очевидно что прямолинейность не достаточная гарантія послѣдовательности.

* * *

Черезъ призму „механика“ наша революція неизбѣжно должна представляться въ извращенномъ видѣ. Какова же будетъ ея перспектива, если посмотрѣть на нее черезъ марксистскую призму?

Рабочіе Петербурга, какъ и другихъ городовъ, въ своихъ требованіяхъ исходили и исходятъ прежде всего отъ своихъ соціально-экономическихъ интересовъ: экономическія требованія были выставлены рабочими повсемѣстно. Это—черта общая для всѣхъ массовыхъ пролетарскихъ движеній, извѣстныхъ въ исторіи. Нынѣшнее рабочее движеніе въ Россіи отличается отъ соотвѣтственныхъ движеній въ эпохи западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій только болѣе ясно выраженнымъ специфическимъ характеромъ классовой борьбы промышленнаго пролетаріата: это сказывается и въ формѣ движенія — всеобщія стачки, и въ опредѣленности и однородности экономическихъ требованій. Но, несмотря на свой рѣзкій пролетарскій характеръ, настоящая волна рабочаго движенія есть несомнѣнно феноменъ буржуазной революціи, ликвидирующей самодержавно-крѣпостной строй. Во 1-хъ, толчкомъ для этого грандіознаго движенія послужило ставшее для всѣхъ явнымъ и осязательнымъ банкротство системы бюрократической опеки. Отстаивая свои специальныя пролетарскія нужды, рабочіе сознаютъ и говорятъ, что онѣ въ значительной степени являются *частнымъ случаемъ* общихъ нуждъ русскаго гражданина: „Государь“, говорятъ петербургскіе рабочіе, „насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, *равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ*, не признаютъ ни одного человѣческаго права...“ Во 2-хъ, самый фактъ быстраго распространенія стачечнаго движенія на слои, смежные съ пролетаріатомъ (прикащики, конторщики, служащіе, фармацевты) и даже на либеральныя профессіи, свидѣтельствуетъ, на сколько въ этомъ движеніи силенъ общегражданскій мотивъ эмансипаціи личности. Въ 3-хъ, тенденція движенія превратиться въ систематическую дезорганизацію общественнаго порядка, показываютъ, что мы теперь имѣемъ дѣло не съ обычнымъ профессіональнымъ пролетарскимъ движеніемъ. Наконецъ, политическій языкъ, на который пролетаріатъ перевелъ свои соціальныя нужды и откликъ, который этотъ языкъ нашелъ въ общественномъ мнѣніи буржазныхъ классовъ, явно показываютъ, что движеніе пролетаріата знаменуетъ собой буржуазн. революцію.

О политическомъ языкѣ, которымъ заговорилъ пролетаріатъ, свидѣтельствуетъ петиція петербургскихъ рабочихъ: она является до извѣстной степени лозунгомъ всего настоящаго рабочаго движенія. Я говорю, до извѣстной степени, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ рабочіе при всеобщей стачкѣ выставили только экономическія требованія; политическій характеръ движенія въ этихъ случаяхъ проявился только въ томъ, что стачки возникали по солидарности съ петербургскимъ возстаніемъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочіе даже протестовали противъ политическихъ требованій. Но, поскольку петербургскія событія наложили свой отпечатокъ на движеніе въ цѣломъ, мы можемъ сказать, что въ Петербургѣ рабочіе дали политическій лозунгъ всему настоящему движенію. Въ чемъ же заключается этотъ лозунгъ? „Повели немедленно сейчасъ же, — говорятъ петербургскіе рабочіе, — призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель... чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все...“

Лозунгъ этотъ показываетъ, что значительные и вліятельные слои нашего пролетаріата въ настоящій моментъ въ своихъ политическихъ притязаніяхъ идутъ дальше большинства оппозиціонныхъ элементовъ буржуазнаго общества, но они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами развитія буржуазнаго общества; напротивъ того, они намѣчали бы только историческую задачу буржуазной революціи, если бъ они еще отвергли монархическій принципъ, и несомнѣнно, что послѣ разстрѣла рабочихъ, огромныя массы ихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, сдѣлали въ своемъ сознаніи и этотъ шагъ.

Конечно, нашъ пролетаріатъ, выставляя свои политическія требованія, тѣмъ самымъ стремится болѣе или менѣе сознательно къ завоеванію простора для борьбы съ буржуазіей. Но завоеваніе этого простора составляетъ одну изъ задачъ именно буржуазной революціи, которая по существу своему антагонистична: обезпечивая политическое господство буржуазіи, она, въ тоже время, въ большей или меньшей степени „легализируетъ“ классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Безъ большей или меньшей легализаціи этой борьбы буржуазное общество не можетъ развиваться; безъ нея буржуазное общество представляло бы арену сплошной острой гражданской войны. Вотъ почему болѣе дальновидная буржуазія не только мирится со многими политическими и экономическими требованіями пролетаріата, но даже вводитъ ихъ въ свою собственную програму, конечно, изъ соображеній противоположныхъ соображеніямъ сознательнаго пролетаріата. Англійская „великая либеральная партія“ буржуазіи именно тѣмъ и покорила надолго своему вліянію англійскій пролетаріатъ, что она стала „душеприказчицей“ пролетарскаго чартистскаго движенія. Послѣ того, какъ оно было раздавлено, сама буржуазія стала покровительствовать стачкамъ и трэдъюніонамъ, сама буржуазія стала проводить въ жизнь демократическія политическія требованія хартіи чартистовъ (парламентскія реформы 67 и 84 годовъ).

Въ буржуазныхъ революціяхъ общіе политическіе и даже экономическіе лозунги сплошь и рядомъ диктуются противоположными классовыми интересами. Поэтому специфическіе классовые мотивы политическаго движенія нашего пролетаріата ничего не говорятъ *противъ* того, что наша революція буржуазная. Съ другой стороны, позиція, которую даже наша промышленная буржуазія заняла теперь по отношенію къ борьбѣ пролетаріата, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ *за* то, что эта борьба есть объективно — борьба за буржуазную революцію.

Такъ какъ наша оппозиціонная буржуазія видитъ теперь, что удовлетвореніе демократическихъ требованій пролетаріата можетъ быть, будетъ неизбѣжной цѣной ея собственнаго освобожденія отъ гнета самодержавія, такъ какъ она видитъ, что требованія пролетаріата, не смотря на ихъ экономическую подкладку, непосредственно меньше угрожаютъ классовому господству буржуазіи, чѣмъ тѣ разрушительныя формы, въ которыхъ самодержавіе втискиваетъ пролетарскую борьбу (петербургскіе промышленники это весьма прозрачно высказали въ своемъ обращеніи къ министру финансовъ), то она въ настоящій моментъ сравнительно рѣдко проявляетъ враждебное отношеніе къ движенію пролетаріата. Если, кромѣ единичныхъ случаевъ, еще не замѣтно, чтобы вліятельные буржуазно-демократическіе слои *открыто* стали на сторону возстанія, если не замѣтно даже еще, опять таки кромѣ единичныхъ случаевъ, открытаго присоединенія лѣваго крыла буржуазной оппозиціи къ политическимъ требованіямъ пролетаріата *въ цѣломъ*, то съ другой стороны, вся буржуазная оппозиція обнаружила съ самаго начала дружественный нейтралитетъ къ борющемуся пролетаріату (горные инженеры), обнаружила съ самаго начала возмущеніе противъ бѣлаго террора правительства, а въ очень многихъ случаяхъ она, подъ вліяніемъ рабочаго возстанія, заняла гораздо болѣе рѣшительную позицію противъ самодержавія, чѣмъ при Святополкѣ-Мірскомъ, вплоть до отказа при настоящихъ условіяхъ участвовать въ общественныхъ учрежденіяхъ, вплоть до отказа даже аппелировать къ правительству, вплоть до аппеляціи къ крестьянству (московское сельско-хозяйственное общество).

Сопоставляя все это, мы могли бы сказать: русскій пролетаріатъ съ самаго начала революціи выступилъ не только какъ первая боевая сила, но, благодаря работѣ соціальдемократовъ, также какъ наиболѣе передовая политическая сила, по крайней мѣрѣ въ Петерб. и окраинахъ (Польша, Кавказъ). Онъ уже теперь является не только орудіемъ, но и сознательнымъ двигателемъ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества въ цѣломъ. Именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать, что наиболѣе демократическая часть общества, должна будетъ выйти, наконецъ, изъ состоянія благожелательнаго нейтралитета и явиться на помощь возставшему пролетаріату; именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать на революціонизированіе буржуазной демократіи. До сихъ поръ она связывала свою судьбу съ либерализмомъ; до сихъ поръ только отдѣльные ея элементы, тѣ самые, которые примыкаютъ къ партіи с.-р., временно покидали свои культурническіе муравейники и метались между революціей и реформой. Но прошлое будущему не указъ и, какъ я уже говорилъ, въ смыслѣ революціонизированія общества, эпоха гражданской войны радикально отличается отъ историческихъ бу программой и дѣятельностью партіи. Представитель группы, разумѣется, согласился съ мнѣніемъ послѣднихъ и предложилъ читать нашу литературу и еще нѣсколько разъ собраться, чтобы выяснить себѣ програму и дѣятельность партіи.

Эти же рабочіе по собственной иниціативѣ написали обращеніе „ко всѣмъ рабочимъ Франціи, Германіи и другихъ свободныхъ государствъ“. Рабочіе хотѣли послать его „самому Жоресу“, но по моему предложенію, рѣшили послать для напечанія и сообщенія газетамъ заграничныхъ соціальдемократическихъ партій. Вотъ текстъ этого обращенія:

Товарищи, рабочіе Франціи, Германіи и другихъ свободныхъ странъ!

„Мы, рабочіе Россіи, постановили начать борьбу съ нашими злѣйшими врагами: съ *монархіей* и *капитализмомъ*, съ которыми и Вы принуждены были бороться, съ которыми еще и теперь боретесь, принося многочисленныя жертвы за лучшее будущее.

Физическій голодъ можно перенести; но *духовный и нравственный голодъ — нестерпимы и мы поэтому рѣшили самой дорогой цѣной добиться тѣхъ правъ, которыми Вы уже давно пользуетесь*. Съ этой цѣлью мы устроили всеобщую стачку, во время которой мы обратились къ царю съ мирной петиціей. Въ ней мы излагали наши неотложныя требованія. Но царь не хотѣлъ насъ выслушать. Онъ приказалъ стрѣлять въ мирно настроенную, безоружную трехсоттысячную толпу рабочихъ, которая просила у него защиты и правосудія.

Правительство противится волѣ народа. Оно рѣшило, во что бы то ни стало, продолжать войну. Но такъ какъ оружіе и амуниція у насъ теперь изъ-за стачки не производятся, то *оно заказало ихъ у Васъ*.

Товарищи! Возможно ли, что Вы не поддержите насъ? Вы лишаете насъ возможности продолжать стачку, лишаете насъ единственнаго оружія, имѣющагося у насъ въ рукахъ для продолженія борьбы съ ярмомъ капитализма и самодержавія.

Товарищи! Теперь наступилъ въ жизни народовъ великій моментъ, когда слова Маркса: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ должны статъ лозунгомъ всѣхъ трудящихся массъ! Теперь наступилъ моментъ, когда пролетаріи всего міра, должны помочь другъ другу защитить свои святыя права на жизнь!“

Рига, 18 февраля. Мы уже сообщали вамъ о Кузнецовской стачкѣ, въ которой приняло участіе свыше 3000 рабочихъ; стачкой руководили мы, выработали требованія, выставили депутатовъ для переговоровъ, засыпали стачечниковъ листками, посылали своихъ ораторовъ, устраивали, кромѣ того, по 2 тайныхъ собранія въ день (по 50 и больше участниковъ), массовыя собранія на площади (1000 и болѣе человѣкъ). Мы успѣли за 10 дней стачки въ смыслѣ агитаціи, какъ въ обыкновенное время за годъ. Ораторы говорили на политическія и экономическія темы, говорили по нѣсколько часовъ подрядъ. Мы пользовались настоящей свободой слова, рабочіе съ утра съ нетерпѣніемъ ждали листковъ. Они совершенно свободно читались на улицахъ и площадяхъ, многіе, бывало, дерутся изъ-за нихъ. Соціальдемократы пользовались особеннымъ уваженіемъ среди сѣрой массы, за ними ухаживали, стараясь всячески прислушиваться къ ихъ мнѣнію и совѣтамъ. Стачка была вызвана стихійнымъ броженіемъ, но съ перваго же дня до окончанія сознательно руководилась нами. Кузнецовцы завоевали себѣ всеобщія симпатіи своимъ выдержаннымъ и умѣлымъ поведеніемъ. Съ самаго начала они послѣдовали нашему совѣту — не пьянствовать, слѣдить за тѣмъ, чтобы не было дракъ, буйства, насилія надъ личностями.

Солдаты, казаки и полиція выбивались изъ силъ, чтобы вызвать рабочихъ на бойню, но имъ это не удалось. Сегодня мы рѣшили прекратить стачку, ибо настроеніе начало падать, кромѣ того часть требованій уже удовлетворена. Рабочіе добились уменьшенія рабочаго дня на 2½ часа, теперь 10 часовъ, а по субботамъ и наканунѣ праздниковъ — 8 часовъ. Кромѣ того, плата увеличена всѣмъ безъ исключенія. Разсчетъ 2 раза въ мѣсяцъ, вмѣсто одного раза; устраивается вентиляція, помѣщеніе для отдыха рабочимъ у машинъ и горновъ; затѣмъ рядъ другихъ мелкихъ требованій. Рабочіе сильно настаивали на 8-часовомъ рабочемъ днѣ, но имъ наотрѣзъ отказали съ самаго начала. „Послѣ Пасхи забастуемъ еще разъ“, — говорятъ рабочіе.

Потерпѣвъ неудачу въ провокаціи „безпорядковъ“, полиція стала арестовывать направо и налѣво; изъ арестованныхъ депутатовъ всѣ, за исключеніемъ *Василія Флерова*, освобождены; кромѣ того, былъ задержанъ рабочій *Егоръ Наумовъ*, у котораго нашли извѣщеніе о второмъ съѣздѣ; его обвиняютъ въ чтеніи вслухъ на площади прокламацій.

Кузнецовская стачка привлекла къ себѣ вниманіе всего города, не смотря на то, что стачка охватила всѣ фабрики и заводы. Это объясняется тѣмъ, что ужасная эксплуатація на заводѣ, темнота рабочихъ, патріархальность отношеній заставляли всѣхъ смотрѣть на кузнецовцовъ, какъ на какихъ то дикарей, но намъ удалось пробить брешь въ этой ужасной обстановкѣ и пробудить въ темныхъ рабочихъ желаніе бороться.

Возгласы „долой эксплуататоровъ“, „долой самодержавіе“ раздавались со всѣхъ сторонъ на митингахъ кузнецовцевъ.

Кромѣ Кузнецовской, мы руководили стачкой на Балтійскомъ холщевомъ заводѣ (400 рабочихъ) и на табачныхъ фабрикахъ Мюнделя и Рутенберга (1200 работницъ). Благодаря малосознательности рабочихъ, стачки почти проиграны. Теперь мы руководимъ стачкой 400 рабочихъ „Русскаго общества производства стальныхъ перьевъ“; требованія формулированы нами.

На всѣхъ фабрикахъ, гдѣ были стачки, мы устраивали по два массовыхъ собранія ежедневно.

Благодаря такой работѣ, престижъ Партіи въ глазахъ общества и рабочихъ сильно поднялся.

Стачкой желѣзнодорожниковъ пробовалъ руководить комитетъ, но крайне неумѣло, не будучи, по его собственнымъ словамъ, „экономистомъ“. Рабочіе неоднократно обращались къ намъ, но мы не могли ни кого отрядить къ нимъ за неимѣніемъ силъ, всѣ наши работали день и ночь.

Комитетъ, кромѣ того, хотѣлъ организовать стачку городовыхъ (очевидно, считая это „политикой“), но мы стали осмѣивать его и ему пришлось, въ виду недовольства рабочихъ, говорившихъ, что улучшеніе положенія нужно городовымъ для болѣе успѣшнаго избіенія рабочихъ, отказаться отъ этой затѣи.

Рижская группа.

Нижній-Новгородъ. Контръ-стачечная агитація въ Сормовѣ дала уже плоды. 26 января бросили работу въ вагонной кузницѣ и человѣкъ 50 пошли останавливать механическій цехъ. Но едва 4—5 изъ нихъ вошли въ цехъ, двери за ними захлопнулись, и организованная директоромъ Мещерскимъ шайка съ Куликовымъ во главѣ, съ кольями набросилась на нихъ и начала бить. Избіеніе было жестокое. Двоихъ отправили въ больницу. Положеніе одного изъ нихъ опасное. Черезъ два дня механическій цехъ потребовалъ отъ Мещерскаго увольненія трехъ главныхъ виновниковъ избіенія. Тотъ теперь отпирается отъ всякаго участія въ подстрекательствѣ, открещивается отъ соучастія съ этими мерзавцами, но расчитывать ихъ не хочетъ, передавая все дѣло въ руки полиціи. Чѣмъ кончится этотъ эпизодъ — неизвѣстно.

Вообще, броженіе въ Сормовѣ продолжается. Чуть ли не каждый день, то здѣсь, то тамъ предъявляются требованія дирекціи, и она всѣми способами пытается умаслить рабочихъ, то обѣщая имъ разныя блага въ будущемъ, то удовлетворяя отчасти желанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Характерна рѣчь, которую держалъ передъ рабочими электрическаго цеха, заявившими требованія о прибавкѣ, завѣдующій цехомъ: „Вы сердце завода, вы понимаете, что вы приводите весь заводъ въ движеніе, и, конечно, не поставите насъ въ затруднительное положеніе. Вопросъ же о прибавкѣ будетъ разрѣшенъ своевременно“. Выльется ли это броженіе въ общую стачку — сказать трудно.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Сормовской организаціи нужно отмѣтить состоявшееся на дняхъ формальное объединеніе двухъ мѣстныхъ организацій — комитетской и оппозиціи. Упрочится это объединеніе, конечно, въ процессѣ дальнѣйшей совмѣстной работы.

Интересную рѣчь держалъ на смотру передъ запасными дивизіонный генералъ: „Теперь вездѣ бунты и безпорядки. Такъ хоть вы, братцы, не огорчайте царя-батюшку — не обижайте начальство, не бунтуйтесь. А если услышите гдѣ нибудь на дворѣ или на улицѣ разговоры о петербургскомъ бунтѣ, сейчасъ же хватайте и тащите въ участокъ. Я вамъ это разрѣшаю и приказываю“.

Нижній-Новгородъ, 18-го февраля. Третьяго дня вспыхнули забастовки въ Молитовкѣ. Бросили работу на мануфактурѣ и на Яковлевскомъ судостроительномъ бросили дружно, всѣ до одного. Примкнули рабочіе молитовскаго затона, служащіе на баржахъ и пароходахъ. Двинулись въ Канавино. Тамъ остановили рядъ маленькихъ механическихъ и другихъ заводовъ и грузчиковъ на желѣзной дорогѣ; къ вечеру переметнулись въ городъ. Пришли рабочіе Добровскаго-Канавинскаго завода и остановили Добровскій городской. Затѣмъ остановили Курбатовскій.

Вчера всѣ заводы Канавина и Нижняго базара бастовали цѣлый день. Вездѣ предъявлены выработанныя заранѣе требованія. Вчера пожаръ началъ прокладывать дорогу и на верхній базаръ. Пламя лизнуло Большую Покровку, гдѣ забастовали маленькія папиросныя фабрики Тришканъ и Аппакъ и Ильинку, гдѣ встала какая-то большая ремесленная мастерская.

Рядъ большихъ сходокъ: наборщиковъ, служащихъ электрической станціи и приказчиковъ магазиновъ.

Стачка фармацевтовъ продолжается.

Кохма. 17-го января. Здѣсь забастовали рабочіе ткацкихъ фабрикъ Ясюнинскихъ и Щербаковыхъ, предъявивъ требованія аналогичныя требованіямъ Московскихъ и Питерскихъ товарищей. Кромѣ того, они требовали удаленія директора Быкова нѣкоторыхъ мастеровъ, улучшенія жилищныхъ условій и т. Стачка продолжалась 9 дней и прошла въ образцовомъ порядк не смотря на присутствіе многочисленной полиціи и вызванныхъ по телефону войскъ. На площади ежедневно собиралась многотысячная толпа народу, гдѣ открыто читались прокламаціи и произносились рѣчи соціальдемократами изъ мѣстныхъ рабочихъ. Увѣщанія вице-губернатора и попа не имѣли успѣха. Попу кричали, что онъ защищаетъ богатыхъ, и ставили въ примѣръ Гапона. Правительственные листки о пріемѣ царемъ депутатовъ отъ рабочихъ въ Петербургѣ выхватывались у раздававшихъ и разрывались въ клочки. Арестованныхъ полиціей агитаторовъ толпа освободила, угрожая въ случаѣ отказа разгромомъ фабрикъ.

Изъ руководителей стачки выдѣлялось нѣсколько энергичныхъ молодыхъ дѣвушекъ, проявившихъ въ этомъ случаѣ недюжинныя способности въ политической дѣятельности. Винныя лавки были закрыты по распоряженію рабочихъ. Никакихъ нарушеній спокойствія не было; такъ какъ хозяева угрожали закрыть фабрику и объявили разсчетъ, а рабочіе въ Кохмѣ большею частью изъ сосѣднихъ деревень, связанные съ землей, то стачка кончилась неудачей. Ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено. Съ 26 числа рабочіе стали на работу на прежнихъ условіяхъ. По окончаніи стачки около 20 человѣкъ было арестовано и увезено въ Иваново. Фамилія одного изъ нихъ Алапыхинъ, остальныя неизвѣстны.

Были аресты и въ сосѣднихъ деревняхъ.

Рыбинскъ 14. Есть здѣсь желѣзно-дорожныя мастерскія. Работаетъ въ нихъ около 1000 человѣкъ. Народъ все сѣрый, малосознательный. Много здѣшнихъ уроженцевъ, работающихъ по многу лѣтъ, имѣющихъ свои дома и т. д. Настроены они очень мирно, враждебны ко всякой политикѣ.

Недѣли двѣ съ половиной тому назадъ явился въ мастерскія здѣшній жандармскій и держалъ такого рода рѣчь: ребятушки, можетъ быть, вы чѣмъ недовольны? Такъ изложите мнѣ свои нужды, и я постараюсь, чтобы ихъ удовлетворили“. Рабочіе, конечно, возрадовались такому заступнику, потолковали между собой и написали ему и начальнику дороги прошеніе (прилагаю его при семъ). Жандармскій, получивъ сіе прошеніе, вскипѣлъ. — „Подать мнѣ того мерзавца, кто писалъ это прошеніе живымъ, или мертвымъ“. Рабочіе, видя, что толку будетъ мало, рѣшили забастовать. Забастовали сегодня утромъ довольно дружно. До обѣда же выбрали депутатовъ, которые и выработали требованія.

Сегодня въ ночь были распространены листки здѣшней группы. Петиція принята очень хорошо, письмо же Гапона плохо: „это не о. Гапонъ писалъ, а чертъ какой-то!“.

Вотъ поданное рабочими прошеніе, о которомъ говорится выше:

Его Высокородію г-ну Жандармскому Начальнику.

От мастеровыхъ и рабочихъ всѣхъ цеховъ
желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ.

Прошеніе.

В. В.! Въ виду трудности условій жизни просимъ Васъ войти съ ходатайствомъ къ Управл. дороги и гг. Представителямъ Правленія объ удовлетвореніи слѣдующихъ условій (слѣдуютъ требованія, воспроизведенныя въ нашей прокламаціи). В. В., наши требованія болѣе чѣмъ справедливы, они необходимы для мало мальски сноснаго житья. Для выясненія возьмемъ средній заработокъ мастерового получавшаго 1 р [illegible] тому назадъ; и что же? Въ настоящее в [illegible] мастерового понизился болѣе чѣмъ на [illegible]

Примѣръ по цехамъ: котельный — [illegible] 105 р., теперь 25 руб. — дымогар. трубы [illegible] точить анкерный болтъ съ 25 к. на 10 к. поршневый [illegible] 7 р., теперь 3 р. 50. Сборный: поднять паровозъ [illegible] теперь 8 р. и т. д. И всѣ цѣны на работу упали [illegible] Машинъ, облегчающихъ трудъ мастерового, со времени основанія мастерскихъ ни одной — значитъ, что же? рабочіе совершенствуются, убиваютъ силы и здоровье чтобы заработать на одинъ кусокъ чернаго хлѣба и за это же они платятся! Культурность рабочихъ повышается, слѣдовательно, потребности ростутъ, а заработокъ понижается. Жгучій вопросъ для всѣхъ воспитаніе и образованіе дѣтей; въ пользу этого вопроса былъ сдѣланъ шагъ — открыта школа, и что же? — назначена плата, да такая, что не всякому служащему подъ силу. До этого

Еслибъ наши „критики“ были послѣдовательны, то при ихъ смѣшеніи политики съ „механикой“, они бы изъ современныхъ событій сдѣлали выводъ, что наша настоящая революція не буржуазная, а пролетарская, соціалистическая; однако, они этого вывода не рѣшаются сдѣлать: очевидно что прямолинейность не достаточная гарантія послѣдовательности.

* * *

Черезъ призму „механика“ наша революція неизбѣжно должна представляться въ извращенномъ видѣ. Какова же будетъ ея перспектива, если посмотрѣть на нее черезъ марксистскую призму?

Рабочіе Петербурга, какъ и другихъ городовъ, въ своихъ требованіяхъ исходили и исходятъ прежде всего отъ своихъ соціально-экономическихъ интересовъ: экономическія требованія были выставлены рабочими повсемѣстно. Это — черта общая для всѣхъ массовыхъ пролетарскихъ движеній, извѣстныхъ въ исторіи. Нынѣшнее рабочее движеніе въ Россіи отличается отъ соотвѣтственныхъ движеній въ эпохи западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій только болѣе ясно выраженнымъ специфическимъ характеромъ классовой борьбы промышленнаго пролетаріата: это сказывается и въ формѣ движенія — всеобщія стачки, и въ опредѣленности и однородности экономическихъ требованій. Но, несмотря на свой рѣзкій пролетарскій характеръ, настоящая волна рабочаго движенія есть несомнѣнно феноменъ буржуазной революціи, ликвидирующей самодержавно-крѣпостной строй. Во 1-хъ, толчкомъ для этого грандіознаго движенія послужило ставшее для всѣхъ явнымъ и осязательнымъ банкротство системы бюрократической опеки. Отстаивая свои специальныя пролетарскія нужды, рабочіе сознаютъ и говорятъ, что онѣ въ значительной степени являются *частнымъ случаемъ* общихъ нуждъ русскаго гражданина: „Государь“, говорятъ петербургскіе рабочіе, „насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же за нами, *равно какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ*, не признаютъ ни одного человѣческаго права...“ Во 2-хъ, самый фактъ быстраго распространенія стачечнаго движенія на слои, смежные съ пролетаріатомъ (приказчики, конторщики, служащіе, фармацевты) и даже на либеральныя профессіи, свидѣтельствуетъ, на сколько въ этомъ движеніи силенъ общегражданскій мотивъ эмансипаціи личности. Въ 3-хъ, тенденція движенія превратиться въ систематическую дезорганизацію общественнаго порядка показываютъ, что мы теперь имѣемъ дѣло не съ обычнымъ профессіональнымъ пролетарскимъ движеніемъ. Наконецъ, политическій языкъ, на который пролетаріатъ перевелъ свои соціальныя нужды и откликъ, который этотъ языкъ нашелъ въ общественномъ мнѣніи буржазныхъ классовъ, явно показываютъ, что движеніе пролетаріата знаменуетъ собой буржуазн. революцію.

О политическомъ языкѣ, которымъ заговорилъ пролетаріатъ, свидѣтельствуетъ петиція петербургскихъ рабочихъ: она является до извѣстной степени лозунгомъ всего настоящаго рабочаго движенія. Я говорю, до извѣстной степени, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ рабочіе при всеобщей стачкѣ выставили только экономическія требованія; политическій характеръ движенія въ этихъ случаяхъ проявился только въ томъ, что стачки возникали по солидарности съ петербургскимъ возстаніемъ. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ рабочіе даже протестовали противъ политическихъ требованій. Но, поскольку петербургскія событія наложили свой отпечатокъ на движеніе въ цѣломъ, мы можемъ сказать, что въ Петербургѣ рабочіе дали политическій лозунгъ всему настоящему движенію. Въ чемъ же заключается этотъ лозунгъ?

„Повели немедленно сейчасъ же, — говорятъ петербургскіе рабочіе, — призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ, пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель... чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все...“

Лозунгъ этотъ показываетъ, что значительные и вліятельные слои нашего пролетаріата въ настоящій моментъ въ своихъ политическихъ притязаніяхъ идутъ дальше большинства оппозиціонныхъ элементовъ буржуазнаго общества, но они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами развитія буржуазнаго общества; напротивъ того, они намѣчали бы только историческую задачу буржуазной революціи, если бъ они еще отвергли монархическій принципъ, и несомнѣнно, что послѣ разстрѣла рабочихъ, огромныя массы ихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, сдѣлали въ своемъ сознаніи и этотъ шагъ.

Конечно, нашъ пролетаріатъ, выставляя свои политическія требованія, тѣмъ самымъ стремится болѣе или менѣе сознательно къ завоеванію простора для борьбы съ буржуазіей. Но завоеваніе этого простора составляетъ одну изъ задачъ именно буржуазной революціи, которая по существу своему антагонистична: обезпечивая политическое господство буржуазіи, она, въ тоже время, въ большей или меньшей степени „легализируетъ“ классовую борьбу пролетаріата съ буржуазіей. Безъ большей или меньшей легализаціи этой борьбы буржуазное общество не можетъ развиваться; безъ нея буржуазное общество представляло бы арену сплошной острой гражданской войны. Вотъ почему болѣе дальновидная буржуазія не только мирится со многими политическими и экономическими требованіями пролетаріата, но даже вводитъ ихъ въ свою собственную программу, конечно, изъ соображеній противоположныхъ соображеніямъ сознательнаго пролетаріата. Англійская „великая либеральная партія“ буржуазіи именно тѣмъ и покорила надолго своему вліянію англійскій пролетаріатъ, что она стала „душеприказчицей“ пролетарскаго чартистскаго движенія. Послѣ того, какъ оно было раздавлено, сама буржуазія стала покровительствовать стачкамъ и тредъюніонамъ, сама буржуазія стала проводить въ жизнь демократическія политическія требованія хартіи чартистовъ (парламентскія реформы 67 и 84 годовъ).

Въ буржуазныхъ революціяхъ общіе политическіе и даже экономическіе лозунги сплошь и рядомъ диктуются противоположными классовыми интересами. Поэтому специфическіе классовые мотивы политическаго движенія нашего пролетаріата ничего не говорятъ *противъ* того, что наша революція буржуазная. Съ другой стороны, позиція, которую даже наша промышленная буржуазія заняла теперь по отношенію къ борьбѣ пролетаріата, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ *за* то, что эта борьба есть объективно — борьба за буржуазную революцію.

Такъ какъ наша оппозиціонная буржуазія видитъ теперь, что удовлетвореніе демократическихъ требованій пролетаріата можетъ быть, будетъ неизбѣжной цѣной ея собственнаго освобожденія отъ гнета самодержавія, такъ какъ она видитъ, что требованія пролетаріата, не смотря на ихъ экономическую подкладку, непосредственно меньше угрожаютъ классовому господству буржуазіи, чѣмъ тѣ разрушительныя формы, въ которыхъ самодержавіе втискиваетъ пролетарскую борьбу (петербургскіе промышленники это весьма прозрачно высказали въ своемъ обращеніи къ министру финансовъ), то она въ настоящій моментъ сравнительно рѣдко проявляетъ враждебное отношеніе къ движенію пролетаріата. Если, кромѣ единичныхъ случаевъ, еще не замѣтно, чтобы вліятельные буржуазно-демократическіе слои *открыто* стали на сторону возстанія, если не замѣтно даже еще, опять таки кромѣ единичныхъ случаевъ, открытаго присоединенія лѣваго крыла буржуазной оппозиціи къ политическимъ требованіямъ пролетаріата *въ цѣломъ*, то съ другой стороны, вся буржуазная оппозиція обнаружила съ самаго начала дружественный нейтралитетъ къ борющемуся пролетаріату (горные инженеры), обнаружила съ самаго начала возмущеніе противъ бѣлаго террора правительства, а въ очень многихъ случаяхъ она, подъ вліяніемъ рабочаго возстанія, заняла гораздо болѣе рѣшительную позицію противъ самодержавія, чѣмъ при Святополкѣ-Мірскомъ, вплоть до отказа при настоящихъ условіяхъ участвовать въ общественныхъ учрежденіяхъ, вплоть до отказа даже аппелировать къ правительству, вплоть до аппеляціи къ крестьянству (московское сельско-хозяйственное общество).

Сопоставляя все это, мы могли бы сказать: русскій пролетаріатъ съ самаго начала революціи выступилъ не только какъ первая боевая сила, но, благодаря работѣ соціальдемократовъ, также какъ наиболѣе передовая политическая сила, по крайней мѣрѣ въ Петерб. и окраинахъ (Польша, Кавказъ). Онъ уже теперь является не только орудіемъ, но и сознательнымъ двигателемъ политическаго самоосвобожденія буржуазнаго общества въ цѣломъ. Именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать, что наиболѣе демократическая часть общества, должна будетъ выйти, наконецъ, изъ состоянія благожелательнаго нейтралитета и явиться на помощь возставшему пролетаріату; именно поэтому, мы вправѣ разсчитывать на революціонизированіе буржуазной демократіи. До сихъ поръ она связывала свою судьбу съ либерализмомъ; до сихъ поръ только отдѣльные ея элементы, тѣ самые, которые примыкаютъ къ партіи с.-р., временно покидали свои культурническіе муравейники и метались между революціей и реформой. Но прошлое будущему не указъ и, какъ я уже говорилъ, въ смыслѣ революціонизированія общества, эпоха гражданской войны радикально отличается отъ историческихъ бу

---

[1] Т. е. цеховая плата осталась прежняя, но понизился заработокъ.

времени дѣти служащихъ обучалось безплатно въ городскихъ училищахъ, а теперь же городъ можетъ и отказать — своя де теперь есть. И приходится платить. А изъ какихъ средствъ платить рабочему, получающему 40 коп. въ день или 12 рублей въ мѣсяцъ? На 12 рублей прожить съ семьей, гдѣ 4—5 дѣтей, развѣ это не ужасъ! До какой незаконной формы можетъ доходить оцѣнка работы! Получаетъ мастеровой заказъ по цѣнѣ низкой, при всемъ стараніи зарабатываетъ. Приходитъ время получки и рабочій глазамъ не вѣритъ — та же работа переписана на новый заказъ, но цѣна то проставлена уже иная. Выдача заработка производилась раньше въ рабочее время, а теперь послѣ работы. Благодаря этому, многіе получаютъ уже послѣ 6 часовъ; значитъ, многіе лишены возможности сходить даже въ церковь. Почему раньше было можно, теперь нѣтъ? Во всемъ полный произволъ начальника мастерскихъ. Дѣлай, что приказываю, плачу, что хочу; не согласенъ — увольняйся или штрафъ. Дерутъ ли съ вола три шкуры? Въ рыбинскихъ мастерскихъ такихъ воловъ нашли. Получаетъ мастеровой 1 р. 40 въ день. Вышелъ на работу не въ трезвомъ видѣ, попался на глаза мастеру — штрафъ и съ работы прогнали домой. Кажется довольно бы и того, что не получилъ жалованья? Оказывается, кромѣ этого еще получается штрафъ 3 рубля съ коп. Мастеръ штрафуетъ 1 р. За прогулъ штрафуетъ начальникъ мастерскихъ тоже 1 р. и за убытокъ обществу, что не работалъ, остальной суммой контора штрафуетъ. И все это дѣлается по приказанію и съ вѣдома начальника мастерскихъ, какъ законное. Эти случаи не единичны, повторяются довольно часто. Ихъ всегда можно провѣрить по документамъ счетоводства. Больница. Если хвораетъ рабочій, получающій 40 коп. въ день, при условіи, что захворалъ на работѣ (т. е. искалѣчился, оторвало руку, ногу) получаетъ полныя 40 коп. въ день. Если же захворалъ якобы не на работѣ (т. е. болѣзнь не замѣтна, какъ оторванная рука или нога, а напримѣръ, продуло на сквознякѣ, простудился, вообще, имѣетъ возможность дойти до квартиры, а завтра ему придется лечь въ больницу, то ему платятъ только четверть, 10 коп. въ день. На 10 к. жить семьѣ 1—5 человѣкъ дѣтей?! Обращеніе же начальства съ подчиненными таково, что каждый изъ насъ не гарантированъ отъ самой отборной площадной брани.

В. В., обращаемся къ Вамъ съ настоящимъ прошеніемъ, какъ къ человѣку, всегда сочувственно относившемуся къ нашимъ нуждамъ и надѣемся при Вашемъ содѣйствіи, что эти насущныя наши требованія будутъ удовлетворены въ скорѣйшемъ времени.

Рабочіе.

Воронежъ. 5 февраля забастовали конторщики и столоначальники желѣзно-дорожнаго управленія и телеграфисты, предъявивъ слѣдующія требованія: повышеніе платы минимумъ до 35 р., отмѣна вечернихъ безплатныхъ занятій, 5 час. рабочій день, назначеніе на освобождающіяся мѣста кандидатовъ изъ уже служащихъ; новыхъ приглашать не по протекціи, а съ согласія сослуживцевъ. Волненіе конторщиковъ заразило мастерскія и уже 4-го въ вагонной мастерской гудѣли. Начальство заперло ходы изъ вагонной мастерской въ паровозную, чтобы не дать волненію распространиться. Однако, вагонные вышли изъ мастерской и, пройдя до паровозной, соединились съ ея рабочими. Едва начались общіе разговоры, появился жандармскій полковникъ, спрашивая: „чего вы, ребята?“ Подошелъ и начальникъ мастерскихъ Безобразовъ. Рабочіе кричали: „дайте намъ собранія, мы хотимъ поговорить о своихъ дѣлахъ“. Взявъ съ рабочихъ слово, что они „не будутъ безобразначать“, жандармъ разрѣшилъ собраніе и убралъ, по требованію рабочихъ, мастеровъ. Между тѣмъ, стали и другіе цехи. Большинство пошло по домамъ, а человѣкъ 200 собрались, выбрали послѣ долгаго галдѣнія предсѣдателя и стали обсуждать положеніе рабочихъ въ мастерскихъ юго-восточныхъ ж. д. Рѣшили предъявить слѣдующія требованія: 1) 8-ми час. раб. день, 2) свобода собраній, союзовъ, стачекъ. 3) Улучшеніе санитарныхъ условій въ мастерскихъ, 4) Открыть родовспомогательное отдѣленіе при желѣзнодорожной больницѣ. 5) Открыть 2-хъ классное училище для дѣтей обоего пола, 6) Увеличить заработную плату штатнымъ рабочимъ до 1 руб., а получающимъ 1 р. и больше —на 10 [illegible] рабочимъ, помощникамъ котельщиковъ и молотобойцамъ повысить плату до 70 коп. 8) Ученикамъ при поступленіи давать не менѣе 25 к., а при окончаніи 75 коп. 9) Не затруднять ученикамъ представлять работу на рабочаго, при чемъ экспертами должны быть рабочіе. 10) Прогнать трехъ мастеровъ. 11) Для устраненія недоразумѣній между рабочими и администраціей, должны быть выборные изъ рабочихъ. 12) Личность депутатовъ неприкосновенна. 13) Вѣжливое обращеніе со всѣми рабочими. 14) Ежегодныя награды штатнымъ и нештатнымъ. 15) Праздничныя и сверхурочныя работы не обязательны.

Вотъ и все.—Предъявивъ требованія, рабочіе забастовали до 10-го, когда обѣщанъ имъ отвѣтъ. 5-го началось волненіе на заводѣ Веретенникова и Иванова. Сейчасъ послѣ работъ было собраніе наиболѣе сознательныхъ, человѣкъ 14, былъ приглашенъ интелигентъ. При его появленіи шла рѣчь о томъ, удастся или неудастся забастовка, требованія были набросаны еще на заводѣ при участіи и малосознательныхъ, вотъ они: 1) Улучшеніе мастерскихъ, въ которыхъ производятся работы, 2) Свобода собраній, союзовъ, стачекъ. 3) Печатаніе заводскихъ отчетовъ, каковое является необходимымъ для выясненія и опредѣленія прибыли и участія въ ней рабочихъ. 4) Всероссійскій съѣздъ выборныхъ отъ рабочихъ, для выясненія своихъ нуждъ. 5) Обязательное государственное страхованіе рабочихъ на счетъ правительства и заводчиковъ отъ увѣчія и старости. 6) 8-ми часовой рабочій день. 7) Увеличеніе сдѣльной платы всѣмъ рабочимъ на 25%. 8) Въ вопросѣ о принятіи новаго рабочаго должны участвовать рабочіе. 9) Опредѣлить заработную поденную плату. 10) Неприкосновенность личности выборныхъ рабочихъ. 11) По требованію рабочихъ, увольнять вредныхъ рабочихъ. 12) Въ случаѣ безработицы на заводѣ, работу распредѣлять съ согласія рабочихъ, никого не увольняя. 13) Получки должны выдаваться въ рабочіе часы. 14) Отмѣна обысковъ. 15) Вѣжливое обращеніе со всѣми. 16) Уменьшеніе заводской администраціи и техническаго надзора. 18) При каждомъ заводѣ должны быть больничныя кассы подъ управленіемъ рабочихъ.

Съ участіемъ интелигента, всѣ эти требованія были обсуждены, но иниціатива ихъ шла отъ рабочихъ. Интелигентъ обратилъ вниманіе, что въ данный моментъ выставленіе требованій еще важнѣе самой забастовки, что важно свои требованія связать съ петербургскими, бакинскими и др. Рабочіе, 14 человѣкъ, т. е. болѣе или менѣе сознательные соціальдемократы, не только согласились съ этимъ, но сами шли дальше. Но они всѣ единогласно заявили, что масса не только не поддержитъ, но разобьется, если будутъ вынесены политическія требованія А потому единодушно была принята слѣдующая формулировка, которая по желанію рабочихъ, въ количествѣ 100 экз. и была отмиміографирована. Я видѣла этотъ листокъ—у него такой видъ:

Россійская Соціальдемократическая Рабочая партія.

Воронежскій комитетъ 6 февр. 1905 г.

По желанію рабочихъ съ завода Веретенникова и Иванова, а также съ завода Гаусмана издаемъ ихъ заявленія фабричному инспектору:

...Прежде всего, г. Инспекторъ, заявляемъ Вамъ, что мы всѣ оскорблены, что допущено въ газетахъ заявленіе, что петербургскіе рабочіе шли къ государю, подкупленные японскими деньгами. Русскій народъ нельзя подкупить, мы тоже заявляемъ, что жизнь рабочихъ въ Россіи невыносима и петербургскіе рабочіе шли, побуждаемые своей нуждой, и мы тоже присоединяемся къ тѣмъ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ, которыя изложены въ петиціи, поданной петербургскими рабочими.

Мы настаиваемъ на 8-ми час. днѣ.

Мы требуемъ: 1 свободы собраній, союзовъ, стачекъ, слова, печати. Затѣмъ помѣщены всѣ вышеизложенныя требованія лишь въ болѣе стройномъ видѣ. Утромъ 6-го, прежде чѣмъ идти на площадь у народнаго дома, гдѣ рѣшено было собраться —сознательные рабочіе, въ томъ-же количествѣ и тѣ же, что наканунѣ, собрались вмѣстѣ. У нихъ уже были въ рукахъ миміографированныя требованія, изданныя старымъ комитетомъ. Къ нимъ явились 4 интелигента, извѣстные среди организованныхъ рабочихъ, какъ лица, примыкающія къ „кассѣ Борьбы“. Они высмѣяли „экономическій“ духъ требованій и принесли съ собою напечатанные типографскимъ способомъ листки, заключающіе въ себѣ, послѣ короткаго воззванія примкнуть къ общероссійскому движенію, 14 параграфовъ программы минимумъ Р. С.-Д. Р. П.—пункты, касающіеся общегосударственнаго переустройства, программу, которую надо продиктовать Учредительному Собранію, затѣмъ внизу помѣщены 3 пункта „для обезпеченія интересовъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ“ 1) 8-ми часовый день, 2) государственное страхованіе, 3) учрежденіе промысловыхъ судовъ.—Слѣдующіе за этимъ строки листка, какъ своеобразныя привожу цѣликомъ: „Для обезпеченія насущнѣйшихъ нуждъ крестьянства мы требуемъ:

1 Отмѣны выкупныхъ платежей.

2) Учрежденія выбранныхъ крестьянами комитетовъ для прирѣзки земли отъ помѣщиковъ.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика!

Январь 1905 г.

Ворон. Комит Р. С. Д. Р. П.“

Интелигенты изъ Кассы Борьбы предлагали вынести этотъ листокъ въ видѣ требованій и говорили, что придутъ въ толпу говорить по поводу листка. Рабочіе рѣшительно воспротивились, доказывая, что такой листокъ запугаетъ толпу, ~~будетъ~~ ей не по плечу, что масса рабочихъ противъ вмѣшательства интелигентовъ, что они—организаторы стачки—просятъ прійти одного только интеллигента на всякій случай, если инспекторъ слишкомъ припретъ къ стѣнѣ или если организаторы будутъ арестованы. „Рисковать многими не надо и будетъ даже помѣхой“—точныя слова организованнаго рабочаго.

Старый комитетъ такъ и сдѣлалъ, послалъ одного интелигента и ему было поручено воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства безъ крайней надобности, что онъ и исполнилъ, оставаясь въ толпѣ и розговаривая лишь съ сосѣдями. Собраніе состоялось въ мастерскихъ завода Гаусмана, съ разрѣшенія инспектора; туда же пришли Веретениковскіе и Столевскіе рабочіе. Первые двинулись Веретениковскіе и толпой явились къ Столю, заставили Столевскихъ бросить работу и увлекли ихъ на площадь предъ народнымъ домомъ, откуда уже перешли къ Гаусману. На собраніе явилось по однимъ даннымъ 5, по другимъ 7 товарищей изъ Кассы Борьбы. Они сейчасъ же были замѣчены рабочими и изъ среды Столевскихъ рабочихъ раздались требованія удалить постороннихъ, удалить интелигентовъ. Столевскіе и кое-кто изъ другихъ укоряли организованныхъ рабочихъ, что это они провели интелигентовъ и допустили листки. Листки съ программою минимумъ Р. С.-Д. Р. П. были распространены въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и до тысячи—было много еще въ толпѣ у Народнаго Дома. Къ листкамъ всѣ относились отрицательно: „Это намъ не надо, это все интелигенты, насъ обманули, мы шли обсудить свои дѣла, мы не бунтовать шли, а свое спросить—этакъ конечно ничего не выйдетъ“ Многіе пачками рвали листки. Настроеніе было испорчено. Вмѣсто обсужденія требованій для инспектора, толпа раздѣлилась на требующихъ удаленія интелигентовъ и другихъ, говорящихъ, что есть только доброжелатели, что Столевскіе рабочіе темны и плохіе товарищи, пустъ они уйдутъ и не протягивать имъ руки. Другой умѣрилъ настроеніе, напомнивъ, что Столевскіе дѣйствительно наиболѣе подавленные, что, надо ихъ просвѣтить и тогда обняться „какъ братьямъ“—однако, страсти ужъ разгорѣлись и 15 человѣкъ Столевскихъ ушли, крича, чтобы и всѣ Столевскіе уходили. По ихъ уходѣ, говорило нѣсколько интелигентовъ, причемъ сначала одинъ прочелъ миміографированный листокъ и онъ вызвалъ одобреніе и сочувствіе, но слѣдующій ораторъ опять перешелъ на общія политическія требованія и вызвалъ протесты толпы и неудовольствіе. Выступленіе интелигентовъ сбило планы передовыхъ рабочихъ, организаторовъ стачки; на нихъ сыпались упреки толпы за насильственное искаженіе характера сходки; при такомъ настроеніи немыслимо было вести дальше собраніе и провести общія требованія.—И хотя одинъ изъ ораторовъ интелигентовъ и закончилъ приглашеніемъ собраться на другой день на кадетскомъ плацу, но среди рабочихъ выяснилось рѣшеніе, что общее собраніе не состоится и что каждый заводъ будетъ дѣйствовать особо—такое рѣшеніе крайне угнетающе подѣйствовало на рабочихъ сознательныхъ—организованныхъ и они настойчиво утверждаютъ, что интелигенты изъ кассы Борьбы сорвали движеніе. Интелигенты почему то поторопились выйти и за воротами Гаусмановскаго завода попали во враждебно настроенную, благодаря перебранкѣ, толпу Столевскихъ рабочихъ. Раздались недоброжелательные возгласы. Интелигенты, въ томъ числѣ и не бывшіе на сходкѣ, а бывшіе среди толпы, какъ любопытные, бросились бѣжать черезъ порѣдѣвшую толпу. Это еще больше возбудило некультурные элементы, а на ихъ крики раздались по удалявшимся выстрѣлы. Говорятъ, стрѣлялъ урядникъ и переодѣтый городовой. Часть рабочихъ Столевцевъ бросились бить неизвѣстныхъ имъ людей, но въ это время подоспѣли кое-кто изъ культурныхъ рабочихъ и отбили троихъ, въ томъ числѣ одного, оказавшагося раненымъ въ бокъ и руку. Его усадили на извозчика и проводили въ больницу. Теперь онъ внѣ опасности; пулю вынули. Кромѣ двухъ ранъ, страдаетъ и отъ побоевъ... Говорятъ, кто-то арестованъ. Передовые сознательные рабочіе въ угнетенномъ состояніи. 8-го уже всѣ заводы работали. Инспекторъ кое-что пообѣщалъ. У Столя съ инспекторомъ очень смѣло и находчиво рѣзался, какъ выражаются рабочіе, одинъ изъ рабочихъ. Старый комитетъ присоединяется къ мнѣнію рабочихъ, что листки кассы Борьбы за подписью Воронежскаго комитета были несвоевременны; что выступленіе интелигентовъ преждевременно и не тактично и что именно это повредило движенію. Касса Борьбы упрекаетъ старый комитетъ въ невѣрной, якобы, постановкѣ работы, пропаганды и агитаціи, якобы вызвавшей протестъ противъ политическихъ рѣчей. Старый комитетъ напоминаетъ, что его первый листокъ былъ съ изложеніемъ программы партіи и что всѣ 16 листковъ, выпущенные комитетомъ, были политическаго характера, но что въ данный моментъ надо было считаться съ уровнемъ вновь выступившей массы и съ ея психологіей.

Одновременно съ этимъ, идетъ волненіе среди земскихъ служащихъ въ фельдшерской школѣ и среди учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Служащіе земской управы (около 200 человѣкъ) составили 7-го собраніе и предложили потребовать улучшенія ихъ положенія управою: увеличить жалованіе, приглашать и увольнять съ согласія сослуживцевъ и т. под. мелочи. Часть служащихъ, среди которыхъ оказались и врачи и вообще большинство получающихъ свыше 1000 руб. (были конечно и съ маленькимъ жалованьемъ), протестовали противъ давленія на земство въ данный историческій моментъ и настаивали на принятіи резолюціи съ радикальными политическими требованіями въ интересахъ всей страны. Однако, большинство протестовало противъ устраненія экономическихъ требованій. Страсти разгорѣлись: всѣ управцы раздѣлились теперь на „политиковъ“ и „экономистовъ“ и послѣдніе освистываютъ первыхъ. Вообще, отношенія ярко враждебныя и картина грустная. Въ фельдшерской школѣ сначала взялъ верхъ прогрессивный элементъ, но жена доктора Холодковскаго повела контръ агитацію, не брезгая провокаторскими пріемами и запугиваніемъ доносомъ, и взяла верхъ.

10 февраля забастовка вездѣ въ мастерскихъ и на заводахъ кончилась. На желѣзной дорогѣ объявленъ 9-ти часовой рабочій день. На частныхъ заводахъ сдѣланы посулы. Стачка на желѣзной дорогѣ была сломлена заявленіемъ, что если работы не возобновятся, запасные чины немедленно будутъ забраны и посланы въ дѣйствующую армію.

Орелъ. Среда, въ которой приходится работать организаціи, за отсутствіемъ значительныхъ фабрикъ и заводовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, приказчиковъ, учащихся и въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ январѣ на чугунно-литейномъ заводѣ Хрущова (125 человѣкъ) литейщики (40 человѣкъ) прекратили работу, предъявивъ цѣлый рядъ чисто экономическихъ требованій: сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ, увеличеніе расцѣнокъ на 25%, увольненіе мастера, улучшеніе условій труда; на другой день требованія были удовлетворены и полицейскому наряду къ глубокому сожалѣнію пристава Бойковскаго, усиленно добивавшагося испробовать остроту отточенныхъ шашекъ, пришлось ограничиться лишь постоемъ въ заводскомъ зданіи. Петербургскія событія, рядъ стачекъ въ фабричныхъ районахъ и послѣдняя забастовка на желѣзныхъ дорогахъ вызвали движеніе на Брянскихъ заводахъ, въ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ дело и въ Ельцѣ. На Брянскихъ заводахъ, насчитывающихъ около 30.000 рабочихъ, движеніе началось еще въ декабрѣ прошлаго года. Въ январѣ забастовалъ хрустально-зеркальный заводъ въ Дядьково, 60 верстъ отъ Бѣжицы; стачка прошла неорганизованной, сношенія съ заводомъ были невозможны въ виду его оторванности отъ фабричнаго центра и массы войскъ, плотнымъ кольцомъ охватившихъ заводской районъ. На Брянскомъ арсеналѣ, Мальцовскомъ рельсопрокатномъ и вагоностроительномъ, на Радицахъ паровозостроительномъ и стеклянномъ и цѣломъ рядѣ небольшихъ стеклянныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ, разбросанныхъ въ нашемъ районѣ, настроеніе массъ выжидательное. Организовать стачку въ срединѣ января не удалось, такъ какъ прибывшими изъ Орла 2½ батальонами были оцѣплены всѣ цехи и мастерскія. Рабочіе четырехъ цеховъ съ Мальцевскаго завода, прекративъ работу, не могли прорвать военный кордонъ и черезъ часъ снова стали на работу. За время движенія въ Брянскомъ районѣ здѣшнимъ соціальдемократическимъ комитетомъ изданъ и распространенъ листокъ, призывавшій рабочихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и за демократическую республику съ выборнымъ народнымъ представительствомъ. Группа соціалистовъ-революціонеровъ выпустила одновременно три листка; одинъ общаго содержанія и два, направленныхъ къ организаціи стачечнаго движенія. И тѣ и другіе листки попали въ солдатскіе карманы и читались по возвращеніи въ казармы съ большимъ интересомъ. Нѣкоторымъ изъ солдатъ пришлось даже побывать на рабочихъ собраніяхъ. „Походъ на внутреннихъ враговъ“ на Брянскъ породилъ среди солдатъ массу разговоровъ; многіе, возвратившись въ казарму, обвиняли начальство въ преднамѣренномъ желаніи провоцировать столкновеніе войска съ рабочими; другимъ казалось совершенно непонятнымъ, чего это ихъ погнали усмирять мирныхъ и занятыхъ дѣломъ рабочихъ. Такимъ образомъ, военная прогулка на Брянскъ оставила по себѣ явственный слѣдъ въ будничной жизни казарменныхъ узниковъ. Изъ достовѣрнаго источника передаютъ, что полковой командиръ, напуганный появленіемъ революціонной литературы въ гарнизонѣ, обратился по телефону въ министерство внутреннихъ дѣлъ, обвиняя мѣстную жандармскую власть въ бездѣйствіи. Въ Ельцѣ стачка началась 11—12 февраля. Забастовали рабочіе мукомоленъ, виннаго склада и типографскихъ заведеній. Пока не выяснилось, съ какими требованіями выступили стачечники и какъ проходитъ стачка.

Въ самомъ Орлѣ ждали забастовки на Риго-Орловской и Московско-Курской дорогахъ. На первой линіи забастовка шла отъ Риги, но, видимо, не успѣла охватить собою всего персонала служащихъ, такъ какъ министерство предупредительно пошло на уступки.

Со второй половины января городъ и Брянскій заводскій районъ объявлены на положеніи усиленной охраны. Обыватель съ любопытствомъ наблюдаетъ, какъ вечерами по пустымъ улицамъ прогуливаются солдатскіе патрули.

Убійство Сергѣя внесло извѣстное возбужденіе въ обывательскую среду. На улицахъ слышались открытыя поздравленія, хотя нѣкоторые изъ поздравителей, и въ томъ числѣ одинъ извозчикъ, попали въ участокъ за неумѣренное проявленіе обуревавшихъ ихъ чувствъ.

Одесса, 19 февраля. Слухи о погромѣ въ Николаевѣ, вызвавшіе нерѣшительность и опасеніе начать стачку, оказа[illegible] ложными. Организованные рабочіе стали требовать призывныхъ листковъ. Фабрика Вальтуха въ полдень снова сдѣлала попытку стать, послѣ гудка, одна работница произнесла рѣчь, но рабочіе не успѣли даже выйти, какъ нагрянула полиція и заперла мастерскія, раздѣливъ такимъ образомъ рабочихъ

ней. Въ началѣ Великой Французской Революціи изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей развѣ только одинъ Камиль де Муленъ былъ республиканцемъ; послѣ 10 августа 1792 года вся Франція была республиканская. Первоначальнымъ лозунгомъ февральской революціи было расширеніе избирательнаго права (уничтоженіе pays légal) и борьба съ финансовымъ развратомъ; рабочіе, одержавши побѣду на баррикадахъ, выдвинули новый лозунгъ — республика, и буржуазія присоединилась къ новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло въ большинствѣ (Ламартинъ, Марра, Гарнье Пажесъ) изъ бывшихъ монархистовъ-конституціоналистовъ, и даже послѣ іюньскаго пораженія пролетаріата Конституанта была еще республиканская. У насъ прокатилась только первая волна пролетарскаго возстанія и притомъ *физически* она была раздавлена, за нею послѣдуютъ другія волны, болѣе грозныя; въ гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянскія массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенція при такихъ условіяхъ продолжала съ надеждой и упованіемъ обращать свои взоры на либераловъ? Мыслимо ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ на политическую сцену не выдвинулись новые, опирающіеся на мѣщанство, крестьянство и на мало сознательные но революціонно настроенные слои пролетаріата, элементы революціонной буржуазной демократіи? Если уже теперь появился Гапонъ, то въ будущемъ появятся гапоны.

Революціонная демократія прійдетъ, и на это указываютъ уже теперь многіе симптомы. Правительство, мобилизируя всѣ темныя силы народа противъ революціи, организуя націоналистическіе погромы, организуя войну „черныхъ сотенъ“ противъ всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ мобилизаціи революціонныхъ силъ. Раньше только партія пролетаріата призывала народъ къ оружію. Теперь открыто пропагандируютъ самовооруженіе и бакинскіе капиталисты и московская, и петербургская буржуазная интеллигенція

Если съ самаго начала пролетаріатъ велъ борьбу въ національной атмосферѣ отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскорѣ вокругъ него сплотятся активные революціонные союзники.

Но этотъ „союзъ“ сознательнаго пролетаріата съ революціонной буржуазной демократіей не только не ослабитъ классоваго антагонизма между ними, но, можетъ быть, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ будетъ содѣйствовать его развитію, и это уже теперь отчасти наблюдается: чѣмъ болѣе активно будетъ участіе буржуазной демократіи въ общей революціонной борьбѣ, тѣмъ больше она будетъ стремиться, въ награду за свое революціонное сотрудничество, эмансипировать пролетаріатъ отъ вліянія соціальдемократіи, т. е. отъ вліянія его собственной классовой идеологіи.

Этими двумя моментами — неизбѣжнымъ революціоннымъ сотрудничествомъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, и неизбѣжной борьбой съ ней за свою политическую самостоятельность — должна опредѣляться постановка нашихъ ближайшихъ тактическихъ задачъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

времени дѣти служащихъ обучалось безплатно въ городскихъ училищахъ, а теперь же городъ можетъ и отказать — своя де теперь есть. И приходится платить. А изъ какихъ средствъ платить рабочему, получающему 40 коп. въ день или 12 рублей въ мѣсяцъ? На 12 рублей прожить съ семьей, гдѣ 4—5 дѣтей, развѣ это не ужасъ! До какой незаконной формы можетъ доходить оцѣнка работы! Получаетъ мастеровой заказъ по цѣнѣ низкой, при всемъ стараніи зарабатываетъ. Приходитъ время получки и рабочій глазамъ не вѣритъ — та же работа переписана на новый заказъ, но цѣна то проставлена уже иная. Выдача заработка производилась раньше въ рабочее время, а теперь послѣ работы. Благодаря этому, многіе получаютъ уже послѣ 6 часовъ; значитъ, многіе лишены возможности сходить даже въ церковь. Почему раньше было можно, теперь нѣтъ? Во всемъ полный произволъ начальника мастерскихъ. Дѣлай, что приказываю, плачу, что хочу; не согласенъ — увольняйся или штрафъ. Дерутъ ли съ вола три шкуры? Въ рыбинскихъ мастерскихъ такихъ воловъ нашли. Получаетъ мастеровой 1 р. 40 въ день. Вышелъ на работу не въ трезвомъ видѣ, попался на глаза мастеру — штрафъ и съ работы прогнали домой. Кажется довольно бы и того, что не получилъ жалованья? Оказывается, кромѣ этого еще получается штрафъ 3 рубля съ коп. Мастеръ штрафуетъ 1 р. За прогулъ штрафуетъ начальникъ мастерскихъ тоже 1 р. и за убытокъ обществу, что не работалъ, остальной суммой контора штрафуетъ. И все это дѣлается по приказанію и съ вѣдома начальника мастерскихъ, какъ законное. Эти случаи не единичны, повторяются довольно часто. Ихъ всегда можно провѣрить по документамъ счетоводства. Больница. Если хвораетъ рабочій, получающій 40 коп. въ день, при условіи, что захворалъ на работѣ (т. е. искалѣчился, оторвало руку, ногу) получаетъ полныя 40 коп. въ день. Если же захворалъ якобы не на работѣ (т. е. болѣзнь не замѣтна, какъ оторванная рука или нога, а напримѣръ, продуло на сквознякѣ, простудился, вообще, имѣетъ возможность дойти до квартиры, а завтра ему придется лечь въ больницу, то ему платятъ только четверть, 10 коп. въ день. На 10 к. жить семьѣ 1—5 человѣкъ дѣтей?! Обращеніе же начальства съ подчиненными таково, что каждый изъ насъ не гарантированъ отъ самой отборной площадной брани.

В. В., обращаемся къ Вамъ съ настоящимъ прошеніемъ, какъ къ человѣку, всегда сочувственно относившемуся къ нашимъ нуждамъ и надѣемся при Вашемъ содѣйствіи, что эти насущныя наши требованія будутъ удовлетворены въ скорѣйшемъ времени.

Рабочіе.

Воронежъ. 5 февраля забастовали конторщики и столоначальники желѣзно-дорожнаго управленія и телеграфисты, предъявивъ слѣдующія требованія: повышеніе платы минимумъ до 35 р., отмѣна вечернихъ безплатныхъ занятій, 8 час. рабочій день, назначеніе на освобождающіяся мѣста кандидатовъ изъ уже служащихъ; новыхъ приглашать не по протекціи, а съ согласія сослуживцевъ. Волненіе конторщиковъ заразило мастерскія и уже 4-го въ вагонной мастерской гудѣли. Начальство заперло ходы изъ вагонной мастерской въ паровозную, чтобы не дать волненію распространиться. Однако, вагонные вышли изъ мастерской и пройдя до паровозной соединились съ ея рабочими. Едва начались общіе разговоры, появился жандармскій полковникъ, спрашивая „чего вы, ребята?“ Подошелъ и начальникъ мастерскихъ Безобразовъ. Рабочіе кричали „дайте намъ собранія, мы хотимъ поговорить о своихъ дѣлахъ“. Взявъ съ рабочихъ слово, что они „не будутъ безобразничать“, жандармъ разрѣшилъ собраніе и убралъ, по требованію рабочихъ, мастеровъ. Между тѣмъ стали и другіе цехи. Большинство пошло по домамъ, а человѣкъ 200 собрались, выбрали послѣ долгаго галдѣнія предсѣдателя и стали обсуждать положеніе рабочихъ въ мастерскихъ юго-восточныхъ ж. д. Рѣшили предъявить слѣдующія требованія: 1) 8-ми час. раб. день, 2) свобода собраній, союзовъ, стачекъ, 3) Улучшеніе санитарныхъ условій въ мастерскихъ, 4) Открыть родовспомогательное отдѣленіе при [illegible] больницѣ, 5) Открыть 2-хъ классное училище для дѣтей [illegible] го пола, 6) Увеличить заработную плату штатнымъ [illegible] до 1 руб., а получающимъ 1 р. и больше [illegible] рабочимъ, помощникамъ котельщиковъ и молотобойцамъ повысить плату до 70 коп. 8) Ученикамъ при поступленіи давать не менѣе 25 к., а при окончаніи 75 коп. 9) Не затруднять ученикамъ представлять работу на рабочаго, при чемъ экспертами должны быть рабочіе. 10) Прогнать трехъ мастеровъ. 11) Для устраненія недоразумѣній между рабочими и администраціей, должны быть выборные изъ рабочихъ. 12) Личность депутатовъ неприкосновенна. 13) Вѣжливое обращеніе со всѣми рабочими. 14) Ежегодныя награды штатнымъ и нештатнымъ. 15) Праздничныя и сверхурочныя работы не обязательны.

Вотъ и все.—Предъявивъ требованія, рабочіе забастовали до 10-го, когда обѣщанъ имъ отвѣтъ. 5-го началось волненіе на заводѣ Веретенникова и Иванова. Сейчасъ послѣ работъ было собраніе наиболѣе сознательныхъ, человѣкъ 14, былъ приглашенъ интелигентъ. При его появленіи шла рѣчь о томъ, удастся или неудастся забастовка, требованія были набросаны еще на заводѣ при участіи и малосознательныхъ, вотъ они: 1) Улучшеніе мастерскихъ, въ которыхъ производятся работы, 2) Свобода собраній, союзовъ, стачекъ. 3) Печатаніе заводскихъ отчетовъ, каковое является необходимымъ для выясненія и опредѣленія прибыли и участія въ ней рабочихъ. 4) Всероссійскій съѣздъ выборныхъ отъ рабочихъ, для выясненія своихъ нуждъ. 5) Обязательное государственное страхованіе рабочихъ на счетъ правительства и заводчиковъ отъ увѣчія и старости. 6) 8-ми часовой рабочій день. 7) Увеличеніе сдѣльной платы всѣмъ рабочимъ на 25%. 8) Въ вопросѣ о принятіи новаго рабочаго должны участвовать рабочіе. 9) Опредѣлить заработную поденную плату. 10) Неприкосновенность личности выборныхъ рабочихъ. 11) По требованію рабочихъ, увольнять вредныхъ рабочихъ. 12) Въ случаѣ безработицы на заводѣ, работу распредѣлять съ согласія рабочихъ, никого не увольняя. 13) Получки должны выдаваться въ рабочіе часы. 14) Отмѣна обысковъ. 15) Вѣжливое обращеніе со всѣми. 16) Уменьшеніе заводской администраціи и техническаго надзора. 18) При каждомъ заводѣ должны быть больничныя кассы подъ управленіемъ рабочихъ.

Съ участіемъ интелигента, всѣ эти требованія были обсуждены, но инціатива ихъ шла отъ рабочихъ. Интелигентъ обратилъ вниманіе, что въ данный моментъ выставленіе требованій еще важнѣе самой забастовки, что важно свои требованія связать съ петербургскими, бакинскими и др. Рабочіе, 14 человѣкъ, т. е. болѣе или менѣе сознательные соціальдемократы, не только согласились съ этимъ, но сами шли дальше. Но они всѣ единогласно заявили, что масса не только не поддержитъ, но разобьется, если будутъ вынесены политическія требованія. А потому единодушно была принята слѣдующая формулировка, которая по желанію рабочихъ, въ количествѣ 100 экз. и была отмимiографирована. Я видѣла этотъ листокъ—у него такой видъ:

Россійская Соціальдемократическая Рабочая партія.
Воронежскій комитетъ 6 февр. 1905 г.

По желанію рабочихъ съ завода Веретенникова и Иванова, а также съ завода Гаусмана издаемъ ихъ заявленія фабричному инспектору:

„Прежде всего, г. Инспекторъ, заявляемъ Вамъ, что мы всѣ оскорблены, что допущено въ газетахъ заявленіе, что петербургскіе рабочіе шли къ государю, подкупленные японскими деньгами. Русскій народъ нельзя подкупить, мы тоже заявляемъ, что жизнь рабочихъ въ Россіи невыносима и петербургскіе рабочіе шли, побуждаемые своей нуждой, и мы тоже присоединяемся къ тѣмъ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ, которыя изложены въ петиціи, поданной петербургскими рабочими.

Мы настаиваемъ на 8-ми час. днѣ.

Мы требуемъ: 1) свободы собраній, союзовъ, стачекъ, слова, печати.“ Затѣмъ помѣщены всѣ вышеизложенныя требованія лишь въ болѣе стройномъ видѣ. Утромъ 6-го, прежде чѣмъ идти на площадь у народнаго дома, гдѣ рѣшено было собраться — сознательные рабочіе въ томъ же количествѣ и тѣ же, что наканунѣ, собрались вмѣстѣ. У нихъ уже были въ рукахъ мимiографированныя требованія, изданныя старымъ комитетомъ. Къ нимъ явились 4 интелигента, извѣстные среди организованныхъ рабочихъ, какъ лица, примыкающія къ „кассѣ Борьбы“. Они высмѣяли „экономическій“ духъ требованій и принесли съ собою напечатанные типографскимъ способомъ листки, заключающіе въ себѣ, послѣ короткаго воззванія примкнуть къ общероссійскому движенію, 14 параграфовъ программы минимумъ Р. С. Д. Р. П. — пункты, касающіеся общегосударственнаго переустройства, программу, которую надо продиктовать Учредительному Собранію, затѣмъ внизу помѣщены 3 пункта „для обезпеченія интересовъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ“: 1) 8-ми часовый день, 2) государственное страхованіе, 3) учрежденіе промысловыхъ судовъ.—Слѣдующіе за этимъ строки листка, какъ своеобразныя привожу цѣликомъ: „Для обезпеченія насущнѣйшихъ нуждъ крестьянства мы требуемъ:

1) Отмѣны выкупныхъ платежей.

2) Учрежденія выбранныхъ крестьянами комитетовъ для прирѣзки земли отъ помѣщиковъ.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика!

Январь 1905 г.

Ворон. Комит. Р. С. Д. Р. П.“

Интелигенты изъ Кассы Борьбы предлагали вынести этотъ листокъ въ видѣ требованій и говорили, что придутъ въ толпу говорить по поводу листка. Рабочіе рѣшительно воспротивились, доказывая, что такой листокъ запугаетъ толпу, ~~будетъ~~ ей не по плечу, что масса рабочихъ противъ вмѣшательства интелигентовъ, что они — организаторы стачки — просятъ прійти одного только интеллигента на всякій случай, если инспекторъ слишкомъ припретъ къ стѣнѣ или если организаторы будутъ арестованы. „Рисковать многими не надо и будетъ даже помѣхой“ — точныя слова организованнаго рабочаго.

Старый комитетъ такъ и сдѣлалъ, послалъ одного интелигента и ему было поручено воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства безъ крайней надобности, что онъ и исполнилъ, оставаясь въ толпѣ и разговаривая лишь съ сосѣдями. Собраніе состоялось въ мастерскихъ завода Гаусмана, съ разрѣшенія инспектора, туда же пришли Веретенниковскіе и Столевскіе рабочіе. Первые двинулись Веретенниковскіе и толпой явились къ Столю, заставили Столевскихъ бросить работу и увлекли ихъ на площадь предъ народнымъ домомъ, откуда уже перешли къ Гаусману. На собраніе явилось по однимъ даннымъ 5, по другимъ 7 товарищей изъ Кассы Борьбы. Они сейчасъ же были замѣчены рабочими и изъ среды Столевскихъ рабочихъ раздались требованія удалить постороннихъ, удалить интелигентовъ. Столевскіе и кое-кто изъ другихъ укоряли организованныхъ рабочихъ, что это они провели интелигентовъ и допустили листки. Листки съ программою минимумъ Р. С. Д. Р. П. были распространены въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и до тысячи—было много еще въ толпѣ у Народнаго Дома. Къ листкамъ всѣ относились отрицательно: „Это намъ не надо, это все интелигенты, насъ обманули, мы шли обсудить свои дѣла, мы не бунтовать шли, а свое спросить, а такъ конечно ничего не выйдетъ“. Многіе пачками рвали листки. Настроеніе было испорчено. Вмѣсто обсужденія требованій для инспектора, толпа раздѣлилась на требующихъ удаленія интелигентовъ и другихъ, говорящихъ, что есть только доброжелатели, что Столевскіе рабочіе темны и плохо говорили: пусть они уйдутъ и не протягивать имъ руки. Другой умѣрилъ настроеніе [illegible] мнѣніемъ, что Столевскіе дѣйствительно наиболѣе задавленные, что надо ихъ просвѣтить и тогда обняться „какъ братьями“. Однако, страсти ужъ разгорѣлись и [illegible] человѣкъ Столевскихъ ушли крича, чтобы и всѣ Столевскіе уходили. По ихъ уходѣ говорило нѣсколько интелигентовъ, причемъ сначала одинъ прочелъ мимiографированный листокъ, и онъ вызвалъ одобреніе и сочувствіе, но слѣдующій ораторъ сразу перешелъ на общеполитическія требованія и вызвалъ протесты толпы и неудовольствіе. Выступленіе интелигентовъ сбило планы передовыхъ рабочихъ, организаторовъ стачки, на нихъ сыпались упреки толпы за насильственное навязываніе характера, и при такомъ настроеніи немыслимо было вести дальше собраніе и провести общія требованія.—Хотя одинъ изъ ораторовъ интелигентовъ и закончилъ приглашеніемъ собраться на другой день на кадетскомъ плацу, но среди рабочихъ выяснилось рѣшеніе, что общее собраніе не состоится и что каждый заводъ будетъ дѣйствовать особо. Такое рѣшеніе крайне угнетающе подѣйствовало на рабочихъ сознательныхъ, организованныхъ и они настойчиво утверждаютъ, что интелигенты изъ кассы Борьбы сорвали движеніе. Интелигенты почему то поторопились выйти и за воротами Гаусмановскаго завода попали во враждебно настроенную, благодаря перебранкѣ, толпу Столевскихъ рабочихъ. Раздались недоброжелательные возгласы. Интелигенты, въ томъ числѣ и не бывшіе на сходкѣ, а бывшіе среди толпы, какъ любопытные, бросились бѣжать черезъ порѣдѣвшую толпу. Это еще больше возбудило некультурные элементы, а на ихъ крики раздались по удалявшимся выстрѣлы. Говорятъ, стрѣлялъ урядникъ и переодѣтый городовой. Часть рабочихъ Столевцевъ бросились бить неизвѣстныхъ имъ людей, но въ это время подоспѣли кое-кто изъ культурныхъ рабочихъ и отбили троихъ, въ томъ числѣ одного, оказавшагося раненымъ въ бокъ и руку. Его усадили на извозчика и проводили въ больницу. Теперь онъ внѣ опасности; пулю вынули. Кромѣ двухъ ранъ, страдаетъ и отъ побоевъ... Говорятъ, кто-то арестованъ. Передовые сознательные рабочіе въ угнетенномъ состояніи. 8-го уже всѣ заводы работали. Инспекторъ кое-что пообѣщалъ. У Столя съ инспекторомъ очень смѣло и находчиво рѣзался, какъ выражаются рабочіе, одинъ изъ рабочихъ. Старый комитетъ присоединяется къ мнѣнію рабочихъ, что листки кассы Борьбы за подписью Воронежскаго комитета были несвоевременны; что выступленіе интелигентовъ преждевременно и не тактично и что именно это повредило движенію. Касса Борьбы упрекаетъ старый комитетъ въ невѣрной, якобы, постановкѣ работы, пропаганды и агитаціи, якобы вызвавшей протестъ противъ политическихъ рѣчей. Старый комитетъ напоминаетъ, что его первый листокъ былъ съ изложеніемъ программы партіи и что всѣ 16 листковъ, выпущенные комитетомъ, были политическаго характера, но что въ данный моментъ надо было считаться съ уровнемъ вновь выступившей массы и съ ея психологіей.

Одновременно съ этимъ, идетъ волненіе среди земскихъ служащихъ въ фельдшерской школѣ и среди учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Служащіе земской управы (около 200 человѣкъ) составили 7-го собраніе и предложили потребовать улучшенія ихъ положенія управою: увеличить жалованіе, приглашать и увольнять съ согласія сослуживцевъ и т. под. мелочи. Часть служащихъ, среди которыхъ оказались и врачи и вообще большинство получающихъ свыше 1000 руб. (были конечно и съ маленькимъ жалованьемъ), протестовали противъ давленія на земство въ данный историческій моментъ и настаивали на принятіи резолюціи съ радикальными политическими требованіями въ интересахъ всей страны. Однако, большинство протестовало противъ устраненія экономическихъ требованій. Страсти разгорѣлись: всѣ управцы раздѣлились теперь на „политиковъ“ и „экономистовъ“ и послѣдніе освистываютъ первыхъ. Вообще отношенія ярко враждебныя и картина грустная. Въ фельдшерской школѣ сначала взялъ верхъ прогрессивный элементъ, но жена доктора Холодковскаго повела контръ-агитацію, не брезгая провокаторскими пріемами и запугиваніемъ, доносомъ, и взяла верхъ.

10 февраля забастовка вездѣ въ мастерскихъ и на заводахъ кончилась. На желѣзной дорогѣ объявленъ 9-ти часовой рабочій день. На частныхъ заводахъ сдѣланы посулы. Стачка на желѣзной дорогѣ была сломлена заявленіемъ, что если работы не возобновятся, запасные чины немедленно будутъ забраны и посланы въ дѣйствующую армію.

Орелъ. Среда, въ которой приходится работать организаціи, за отсутствіемъ значительныхъ фабрикъ и заводовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, приказчиковъ, учащихся и въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ январѣ на чугунно-литейномъ заводѣ Хрущова (125 человѣкъ) литейщики (40 человѣкъ) прекратили работу, предъявивъ цѣлый рядъ чисто экономическихъ требованій: сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ, увеличеніе расцѣнокъ на 25%, увольненіе мастера, улучшеніе условій труда, на другой день требованія были удовлетворены и полицейскому наряду къ глубокому сожалѣнію пристава Бойковскаго, усиленно добивавшагося испробовать остроту отточенныхъ шашекъ, пришлось ограничиться лишь постоемъ въ заводскомъ зданіи. Петербургскія событія, рядъ стачекъ въ фабричныхъ районахъ и послѣдняя забастовка на желѣзныхъ дорогахъ вызвали движеніе на Брянскихъ заводахъ, въ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ депо и въ Ельцѣ. На Брянскихъ заводахъ, насчитывающихъ около 30.000 рабочихъ, движеніе началось еще въ декабрѣ прошлаго года. Въ январѣ забастовалъ хрустально-зеркальный заводъ въ Дядьково, 60 верстъ отъ Бѣжицы; стачка прошла неорганизованной, сношенія съ заводомъ были невозможны въ виду его оторванности отъ фабричнаго центра и массы войскъ, плотнымъ кольцомъ охватившихъ заводской районъ. На Брянскомъ арсеналѣ, Мальцовскомъ рельсопрокатномъ и машиностроительномъ, на Радицахъ паровозостроительномъ и стекольномъ и цѣломъ рядѣ небольшихъ стеклянныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ, разбросанныхъ въ нашемъ районѣ, настроеніе массъ выжидательное. Организовать стачку въ срединѣ января не удалось, такъ какъ прибывшими изъ Орла 2½ баталіонами были оцѣплены всѣ цехи и мастерскія. Рабочіе четырехъ цеховъ съ Мальцевскаго завода, прекративъ работу, не могли прорвать военный кордонъ и черезъ часъ снова стали на работу. За время движенія въ Брянскомъ районѣ здѣшнимъ соціальдемократическимъ комитетомъ изданъ и распространенъ листокъ, призывавшій рабочихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и за демократическую республику съ выборнымъ народнымъ представительствомъ. Группа соціалистовъ революціонеровъ выпустила одновременно три листка, одинъ общаго содержанія и два, направленныхъ къ организаціи стачечнаго движенія. И тѣ и другіе листки попали въ солдатскіе карманы и читались по возвращеніи въ казармы съ большимъ интересомъ. Нѣкоторымъ изъ солдатъ пришлось даже побывать на рабочихъ собраніяхъ. „Походъ на внутреннихъ враговъ“ на Брянскъ породилъ среди солдатъ массу разговоровъ: многіе, возвратившись въ казарму, обвиняли начальство въ преднамѣренномъ желаніи провоцировать столкновеніе войска съ рабочими, другимъ казалось совершенно непонятнымъ, чего это ихъ погнали усмирять мирныхъ и занятыхъ дѣломъ рабочихъ. Такимъ образомъ, военная прогулка на Брянскъ оставила по себѣ дѣйственный слѣдъ въ будничной жизни казарменныхъ узниковъ. Изъ достовѣрнаго источника передаютъ, что полковой командиръ, напуганный появленіемъ революціонной литературы въ гарнизонѣ, обратился по телефону въ министерство внутреннихъ дѣлъ, обвиняя мѣстную жандармскую власть въ бездѣйствіи. Въ Ельцѣ стачка началась 11—12 февраля. Забастовали рабочіе мукомоленъ, виннаго склада и типографскихъ заведеній. Пока не выяснилось, съ какими требованіями выступили стачечники и какъ проходитъ стачка.

Въ самомъ Орлѣ ожидали забастовки на Риго-Орловской и Московско-Курской дорогахъ. На первой линіи забастовка шла [illegible], не успѣла охватить собою всего персонала служащихъ, такъ какъ министерство предупредительно пошло на уступки.

Со второй половины января городъ и Брянскій заводскій районъ объявлены на положеніи усиленной охраны. Обыватель [illegible] наблюдаетъ, какъ вечерами по пустымъ улицамъ [illegible] патрули.

[illegible] Сергѣя [illegible] возбужденіе въ обывательскую среду. На улицахъ [illegible] открытыя поздравленія, [illegible] нѣкоторые изъ [illegible], и въ томъ числѣ одинъ [illegible] за неумѣренное проявленіе обуревавшихъ [illegible] чувствъ.

Одесса. [illegible] слухи о погромѣ въ Николаевѣ, вызвав[illegible] и [illegible] начать стачку, оказа[illegible] ложными. [illegible] рабочіе стали требовать [illegible] Фабрика [illegible] въ полдень снова сдѣлала попытку [illegible] одна работница произнесла рѣчь, но рабочіе не успѣли даже выйти, какъ нагрянула полиція и заперла мастерскія, раздѣливъ такимъ образомъ рабочихъ

ней. Въ началѣ Великой Французской Революціи изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей развѣ только одинъ Камиль де Муленъ былъ республиканцемъ, послѣ 10 августа 1792 года вся Франція была республиканская. Первоначальнымъ лозунгомъ февральской революціи было расширеніе избирательнаго права (уничтоженіе pays legal) и борьба съ финансовымъ развратомъ; рабочіе, одержавши побѣду на баррикадахъ, выдвинули новый лозунгъ — республика, и буржуазія присоединилась къ новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло въ большинствѣ: Ламартинъ, Марра, Гарнье Пажесъ изъ бывшихъ монархистовъ-конституціоналистовъ, и даже послѣ іюньскаго пораженія пролетаріата Конституанта была еще республиканская. У насъ прокатилась только первая волна пролетарскаго возстанія и притомъ *физически* она была раздавлена, за нею послѣдуютъ другія волны, болѣе грозныя, въ гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянскія массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенція при такихъ условіяхъ продолжала съ надеждой и упованіемъ обращать свои взоры на либераловъ? Мыслимо ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ на политическую сцену не выдвинулись новые, опирающіеся на мѣщанство, крестьянство и на малосознательные, но революціонно настроенные слои пролетаріата, элементы революціонной буржуазной демократіи. Если уже теперь появился Гапонъ, то въ будущемъ появятся гапоны.

Революціонная демократія придетъ, и на это указываютъ уже теперь многіе симптомы. Правительство, мобилизируя всѣ темныя силы народа противъ революціи, организуя націоналистическіе погромы, организуя войну „черныхъ сотенъ“ противъ всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ мобилизаціи революціонныхъ силъ. Раньше только партія пролетаріата призывала народъ къ оружію. Теперь открыто пропагандируютъ самовооруженіе и бакинскіе капиталисты, и московская, и петербургская буржуазная интеллигенція.

Если съ самаго начала пролетаріатъ велъ борьбу въ [illegible] атмосферѣ, отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскорѣ вокругъ него сплотятся активные революціонные союзники.

Но этотъ „союзъ“ сознательнаго пролетаріата съ революціонной буржуазной демократіей не только не ослабитъ классоваго антагонизма между ними, но, можетъ быть, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ будетъ содѣйствовать его развитію, и это уже теперь отчасти наблюдается: чѣмъ болѣе активно будетъ участіе буржуазной демократіи въ общей революціонной борьбѣ, тѣмъ больше она будетъ стремиться, въ награду за свое революціонное сотрудничество, эмансипировать пролетаріатъ отъ вліянія соціалъ-демократіи, т. е. отъ вліянія его собственной классовой идеологіи.

Этими двумя моментами — неизбѣжнымъ революціоннымъ сотрудничествомъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, и неизбѣжной борьбой съ ней за свою политическую самостоятельность — должна опредѣляться постановка нашихъ ближайшихъ тактическихъ задачъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

время дѣти служащихъ обучалось безплатно въ городскихъ училищахъ, а теперь же городъ можетъ и отказать — своя де теперь есть. И приходится платить. А изъ какихъ средствъ платить рабочему, получающему 40 коп. въ день или 12 рублей въ мѣсяцъ? На 12 рублей прожить съ семьей, гдѣ 4—5 дѣтей, развѣ это не ужасъ! До какой незаконной формы можетъ доходить оцѣнка работы! Получаетъ мастеровой заказъ по цѣнѣ низкой, при всемъ стараніи зарабатываетъ. Приходитъ время получки и рабочій глазамъ не вѣритъ — та же работа переписана на новый заказъ, но цѣна то проставлена уже иная. Выдача заработка производилась раньше въ рабочее время, а теперь послѣ работы. Благодаря этому, многіе получаютъ уже послѣ 6 часовъ; значитъ, многіе лишены возможности сходить даже въ церковь. Почему раньше было можно, теперь нѣтъ? Во всемъ полный произволъ начальника мастерскихъ. Дѣлай, что приказываю, плачу, что хочу; не согласенъ — увольняйся или штрафъ. Дерутъ ли съ вола три шкуры? Въ рыбинскихъ мастерскихъ такихъ воловъ нашли. Получаетъ мастеровой 1 р. 40 въ день. Вышелъ на работу не въ трезвомъ видѣ, попался на глаза мастеру — штрафъ и съ работы прогнали домой. Кажется довольно бы и того, что не получилъ жалованья? Оказывается, кромѣ этого еще получается штрафъ 3 рубля съ коп. Мастеръ штрафуетъ 1 р. За прогулъ штрафуетъ начальникъ мастерскихъ тоже 1 р. и за убытокъ обществу, что не работалъ, остальной суммой контора штрафуетъ. И все это дѣлается по приказанію и съ вѣдома начальника мастерскихъ, какъ законное. Эти случаи не единичны, повторяются довольно часто. Ихъ всегда можно провѣрить по документамъ счетоводства. Больница. Если хвораетъ рабочій, получающій 40 коп. въ день, при условіи, что захворалъ на работѣ (т. е. искалѣчился, оторвало руку, ногу) получаетъ полныя 40 коп. въ день. Если же захворалъ якобы не на работѣ (т. е. болѣзнь не замѣтна, какъ оторванная рука или нога, а напримѣръ, продуло на сквознякѣ, простудился, вообще, имѣетъ возможность дойти до квартиры, а завтра ему придется лечь въ больницу, то ему платятъ только четверть, 10 коп. въ день. На 10 к. жить семьѣ 1—5 человѣкъ дѣтей?! Обращеніе же начальства съ подчиненными таково, что каждый изъ насъ не гарантированъ отъ самой отборной площадной брани.

В. В., обращаемся къ Вамъ съ настоящимъ прошеніемъ, какъ къ человѣку, всегда сочувственно относившемуся къ нашимъ нуждамъ и надѣемся при Вашемъ содѣйствіи, что эти насущныя наши требованія будутъ удовлетворены въ скорѣйшемъ времени.

Рабочіе.

Воронежъ. 5 февраля забастовали конторщики и столоначальники желѣзно-дорожнаго управленія и телеграфисты, предъявивъ слѣдующія требованія: повышеніе платы минимумъ до 35 р., отмѣна вечернихъ безплатныхъ занятій, 5 час. рабочій день. назначеніе на освобождающіяся мѣста кандидатовъ изъ уже служащихъ; новыхъ приглашать не по протекціи, а съ согласія сослуживцевъ. Волненіе конторщиковъ заразило мастерскія и уже 4-го въ вагонной мастерской гудѣли. Начальство заперло ходы изъ вагонной мастерской въ паровозную, чтобы не дать волненію распространиться. Однако, вагонные вышли изъ мастерской и, пройдя до паровозной, соединились съ ея рабочими. Едва начались общіе разговоры, появился жандарискій полковникъ, спрашивая: „чего вы, ребята?“ Подошелъ и начальникъ мастерскихъ Безобразовъ. Рабочіе кричали: „дайте намъ собранія, мы хотимъ поговорить о своихъ дѣлахъ“. Взявъ съ рабочихъ слово, что они „не будутъ безобразначать“, жандармъ разрѣшилъ собраніе и убралъ, по требованію рабочихъ, мастеровъ. Между тѣмъ, стали и другіе цехи. Большинство пошло по домамъ, а человѣкъ 200 собрались, выбрали послѣ долгаго галдѣнія предсѣдателя и стали обсуждать положеніе рабочихъ въ мастерскихъ юго-восточныхъ ж. д. Рѣшили предъявить слѣдующія требованія: 1) 8-ми час. раб. день, 2) свобода собраній, союзовъ, стачекъ. 3) Улучшеніе санитарныхъ условій въ мастерскихъ, 4) Открыть родовспомогательное отдѣленіе при жел.-дор. больницѣ. 5) Открыть 2-хъ классное училище для дѣтей обоего пола, 6) Увеличить заработную плату штатнымъ рабочимъ до 1 руб., а получающимъ 1 р. и больше—на 10%. 7) Чернорабочимъ, помощникамъ котельщиковъ и молотобойцамъ повысить плату до 70 коп. 8) Ученикамъ при поступленіи давать не менѣе 25 к., а при окончаніи 75 коп. 9) Не затруднять ученикамъ представлять работу на рабочаго, при чемъ экспертами должны быть рабочіе. 10) Прогнать трехъ мастеровъ. 11) Для устраненія недоразумѣній между рабочими и администраціей, должны быть выборные изъ рабочихъ. 12) Личность депутатовъ неприкосновенна. 13) Вѣжливое обращеніе со всѣми рабочими. 14) Ежегодныя награды штатнымъ и нештатнымъ. 15) Праздничныя и сверхурочныя работы не обязательны.

Вотъ и все.—Предъявивъ требованія, рабочіе забастовали до 10-го, когда обѣщанъ имъ отвѣтъ. 5-го началось волненіе на заводѣ Веретенникова и Иванова. Сейчасъ послѣ работъ было собраніе наиболѣе сознательныхъ, человѣкъ 14, былъ приглашенъ интелигентъ. При его [illegible] шла рѣчь о томъ, удастся или неудастся забастовка, требованія были набросаны еще на заводѣ при участіи и малосознательныхъ, вотъ они: 1) Улучшеніе мастерскихъ, въ которыхъ производятся работы, 2) Свобода собраній, союзовъ, стачекъ. 3) Печатаніе заводскихъ отчетовъ, каковое является необходимымъ для выясненія и опредѣленія прибыли и участія въ ней рабочихъ. 4) Всероссійскій съѣздъ выборныхъ отъ рабочихъ, для выясненія своихъ нуждъ. 5) Обязательное государственное страхованіе рабочихъ на счетъ правительства и заводчиковъ отъ увѣчія и старости. 6) 8-ми часовой рабочій день. 7) Увеличеніе сдѣльной платы всѣмъ рабочимъ на 25%. 8) Въ вопросѣ о принятіи новаго рабочаго должны участвовать рабочіе. 9) Опредѣлить заработную поденную плату. 10) Неприкосновенность личности выборныхъ рабочихъ. 11) По требованію рабочихъ, увольнять вредныхъ рабочихъ. 12) Въ случаѣ безработицы на заводѣ, работу распредѣлять съ согласія рабочихъ, никого не увольняя. 13) Получки должны выдаваться въ рабочіе часы. 14) Отмѣна обысковъ. 15) Вѣжливое обращеніе со всѣми. 16) Уменьшеніе заводской администраціи и техническаго надзора. 18) При каждомъ заводѣ должны быть больничныя кассы подъ управленіемъ рабочихъ.

Съ участіемъ интелигента, всѣ эти требованія были обсуждены, но иниціатива ихъ шла отъ рабочихъ. Интелигентъ обратилъ вниманіе, что въ данный моментъ выставленіе требованій еще важнѣе самой забастовки, что важно свои требованія связать съ петербургскими, бакинскими и др. Рабочіе, 14 человѣкъ, т. е. болѣе или менѣе сознательные соціальдемократы, не только согласились съ этимъ, но сами шли дальше. Но они всѣ единогласно заявили, что масса не только не поддержитъ, но разобьется, если будутъ вынесены политическія требованія. А потому единодушно была принята слѣдующая формулировка, которая по желанію рабочихъ, въ количествѣ 100 экз. и была отмиміографирована. Я видѣла этотъ листокъ—у него такой видъ:

Россійская Соціальдемократическая Рабочая партія.
Воронежскій комитетъ 6 февр. 1905 г.

По желанію рабочихъ съ завода Веретенникова и Иванова, а также съ завода Гаусмана издаемъ ихъ заявленія фабричному инспектору:

...Прежде всего, г. Инспекторъ, заявляемъ Вамъ, что мы всѣ оскорблены, что допущено въ газетахъ заявленіе, что петербургскіе рабочіе шли къ государю, подкупленные японскими деньгами. Русскій народъ нельзя подкупить, мы тоже заявляемъ, что жизнь рабочихъ въ Россіи невыносима и петербургскіе рабочіе шли, побуждаемые своей нуждой, и мы тоже присоединяемся къ тѣмъ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ, которыя изложены въ петиціи, поданной петербургскими рабочими.

Мы настаиваемъ на 8-ми час. днѣ.

Мы требуемъ: 1) свободы собраній, союзовъ, стачекъ, слова, печати. Затѣмъ помѣщены всѣ вышеизложенныя требованія лишь въ болѣе стройномъ видѣ. Утромъ 6-го, прежде чѣмъ идти на площадь у народнаго дома, гдѣ рѣшено было собраться—сознательные рабочіе, въ томъ-же количествѣ и тѣ же, что наканунѣ, собрались вмѣстѣ. У нихъ уже были въ рукахъ миміографированныя требованія, изданныя старымъ комитетомъ. Къ нимъ явились 4 интелигента, извѣстные среди организованныхъ рабочихъ, какъ лица, примыкающія къ „кассѣ Борьбы“. Они высмѣяли „экономическій“ духъ требованій и принесли съ собою напечатанные типографскимъ способомъ листки, заключающіе въ себѣ, послѣ короткаго возванія примкнуть къ общероссійскому движенію, 14 параграфовъ программы минимумъ Р. С.-Д Р. П.—пункты, касающіеся общегосударственнаго переустройства, программу, которую надо продиктовать Учредительному Собранію, затѣмъ внизу помѣщены 3 пункта „для обезпеченія интересовъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ“ 1) 8-ми часовый день, 2) государственное страхованіе, 3) учрежденіе промысловыхъ судовъ.—Слѣдующіе за этимъ строки листка, какъ своеобразныя привожу цѣликомъ: „Для обезпеченія насущнѣйшихъ нуждъ крестьянства мы требуемъ:

1) Отмѣны выкупныхъ платежей.

2) Учрежденія выбранныхъ крестьянами комитетовъ для прирѣзки земли отъ помѣщиковъ.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ демократическая республика!

Январь 1905 г.

Ворон. Комит. Р. С. Д. Р. П.“

Интелигенты изъ Кассы Борьбы предлагали вынести этотъ листокъ въ видѣ требованій и говорили, что придутъ въ толпу говорить по поводу листка. Рабочіе рѣшительно воспротивились, доказывая, что такой листокъ запугаетъ толпу, будетъ ей не по плечу, что масса рабочихъ противъ вмѣшательства интелигентовъ, что они—организаторы стачки—просятъ прійти одного только интеллигента на всякій случай, если инспекторъ слишкомъ припретъ къ стѣнѣ или если организаторы будутъ арестованы. „Рисковать многими не надо и будетъ даже помѣхой“—точныя слова организованнаго рабочаго.

Старый комитетъ такъ и сдѣлалъ, послалъ одного интелигента и ему было поручено воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства безъ крайней надобности, что онъ и исполнилъ, оставаясь въ толпѣ и разговаривая лишь съ сосѣдями. Собраніе состоялось въ мастерскихъ завода Гаусмана, съ разрѣшенія инспектора; туда же пришли Веретенниковскіе и Столевскіе рабочіе. Первые двинулись Веретенниковскіе и толпой явились къ Столю, заставили Столевскихъ бросить работу и увлекли ихъ на площадь предъ народнымъ домомъ, откуда уже перешли къ Гаусману. На собраніе явилось по однимъ даннымъ 5, по другимъ 7 товарищей изъ Кассы Борьбы. Они сейчасъ-же были замѣчены рабочими и изъ среды Столевскихъ рабочихъ раздались требованія удалить постороннихъ, удалить интелигентовъ. Столевскіе и кое-кто изъ другихъ укоряли организованныхъ рабочихъ, что это они провели интелигентовъ и допустили листки. Листки съ программою минимумъ Р. С.-Д. Р. П. были распространены въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ, а можетъ быть и до тысячи—было много еще въ толпѣ у Народнаго Дома. Къ листкамъ всѣ относились отрицательно: „Это намъ не надо, это все интелигенты, насъ обманули, мы шли обсудить свои дѣла, мы не бунтовать шли, а свое спросить—этакъ конечно ничего не выйдетъ“ Многіе пачками рвали листки. Настроеніе было испорчено. Вмѣсто обсужденія требованій для инспектора, толпа раздѣлилась на требующихъ удаленія интелигентовъ и другихъ, говорящихъ, что есть только доброжелатели, что Столевскіе рабочіе темны и плохіе товарищи, пусть они уйдутъ и не протягивать имъ руки. Другой умѣрилъ настроеніе, напомнивъ, что Столевскіе дѣйствительно наиболѣе подавленные, что, надо ихъ просвѣтить и тогда обняться „какъ братьямъ“—однако, страсти ужъ разгорѣлись и 15 человѣкъ Столевскихъ ушли, крича, чтобы и всѣ Столевскіе уходили. По ихъ уходѣ, говорило нѣсколько интелигентовъ, причемъ сначала одинъ прочелъ миміографированный листокъ и онъ вызвалъ одобреніе и сочувствіе, но слѣдующій ораторъ опять перешелъ на общія политическія требованія и вызвалъ протесты толпы и неудовольствіе. Выступленіе интелигентовъ сбило планы передовыхъ рабочихъ, организаторовъ стачки; на нихъ сыпались упреки толпы за насильственное искаженіе характера сходки; при такомъ настроеніи немыслимо было вести дальше собраніе и провести общія требованія.—И хотя одинъ изъ ораторовъ интелигентовъ и закончилъ приглашеніемъ собраться на другой день на кадетскомъ плацу, но среди рабочихъ выяснилось рѣшеніе, что общее собраніе не состоится и что каждый заводъ будетъ дѣйствовать особо—такое рѣшеніе крайне угнетающе подѣйствовало на рабочихъ сознательныхъ—организованныхъ и они настойчиво утверждаютъ, что интелигенты изъ кассы Борьбы сорвали движеніе. [illegible] почему то [illegible] выйти и на [illegible] Гаусмановскаго завода, вошли во враждебно настроенную, благодаря [illegible], толпу Столевскихъ рабочихъ. Раздались [illegible] возгласы. Интелигенты, въ томъ числѣ и не бывшіе на сходкѣ, а бывшіе среди толпы, какъ любопытные, бросились бѣжать черезъ порѣдѣвшую толпу. Это еще больше возбудило некультурные элементы, а на ихъ крики раздались по удалявшимся выстрѣлы. Говорятъ, стрѣлялъ урядникъ и переодѣтый городовой. Часть рабочихъ Столевцевъ бросились бить [illegible] имъ людей, но въ это время подоспѣли кое-кто изъ культурныхъ рабочихъ и отбили троихъ, въ томъ числѣ одного, оказавшагося раненымъ въ бокъ и руку. Его усадили на извозчика и проводили въ больницу. Теперь онъ внѣ опасности; пулю вынули. Кромѣ двухъ ранъ, страдаетъ и отъ побоевъ... Говорятъ, кто-то арестованъ. Передовые сознательные рабочіе въ угнетенномъ состояніи. 8-го уже всѣ заводы работали. Инспекторъ кое-что пообѣщалъ. У Столя съ инспекторомъ очень смѣло и находчиво рѣзался, какъ выражаются рабочіе, одинъ изъ рабочихъ. Старый комитетъ присоединяется къ мнѣнію рабочихъ, что листки кассы Борьбы за подписью Воронежскаго комитета были несвоевременны; что выступленіе интелигентовъ преждевременно и не тактично и что именно это повредило движенію. Касса Борьбы упрекаетъ старый комитетъ въ невѣрной, якобы, постановкѣ работы, пропаганды и агитаціи, якобы вызвавшей протестъ противъ политическихъ рѣчей. Старый комитетъ напоминаетъ, что его первый листокъ былъ съ изложеніемъ программы партіи и что всѣ 16 листковъ, выпущенные комитетомъ, были политическаго характера, но что въ данный моментъ надо было считаться съ уровнемъ вновь выступившей массы и съ ея психологіей.

Одновременно съ этимъ, идетъ волненіе среди земскихъ служащихъ въ фельдшерской школѣ и среди учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Служащіе земской управы (около 200 человѣкъ) составили 7-го собраніе и предложили потребовать улучшенія ихъ положенія управою: увеличить жалованіе, приглашать и увольнять съ согласія сослуживцевъ и т. под. мелочи. Часть служащихъ, среди которыхъ оказались и врачи и вообще большинство получающихъ свыше 1000 руб. (были конечно и съ маленькимъ жалованьемъ), протестовали противъ давленія на земство въ данный историческій моментъ и настаивали на принятіи резолюціи съ радикальными политическими требованіями въ интересахъ всей страны. Однако, большинство протестовало противъ устраненія экономическихъ требованій. Страсти разгорѣлись: всѣ управцы раздѣлились теперь на „политиковъ“ и „экономистовъ“ и послѣдніе освистываютъ первыхъ. Вообще, отношенія ярко враждебныя и картина грустная. Въ фельдшерской школѣ сначала взялъ верхъ прогрессивный элементъ, но жена доктора Холодковскаго повела контръ агитацію, не брезгая провокаторскими пріемами и запугиваніемъ доносомъ, и взяла верхъ.

10 февраля забастовка вездѣ въ мастерскихъ и на заводахъ кончилась. На желѣзной дорогѣ объявленъ 9-ти часовой рабочій день. На частныхъ заводахъ сдѣланы посулы. Стачка на желѣзной дорогѣ была сломлена заявленіемъ, что если работы не возобновятся, запасные чины немедленно будутъ забраны и посланы въ дѣйствующую армію.

Орелъ. Среда, въ которой приходится работать организаціи, за отсутствіемъ значительныхъ фабрикъ и заводовъ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, мастеровыхъ, приказчиковъ, учащихся и въ мѣстномъ гарнизонѣ. Въ январѣ на чугунно-литейномъ заводѣ Хрущова (125 человѣкъ) литейщики (40 человѣкъ) прекратили работу, предъявивъ цѣлый рядъ чисто экономическихъ требованій: сокращеніе рабочаго дня до 10 часовъ, увеличеніе расцѣнокъ на 25%, увольненіе мастера, улучшеніе условій труда; на другой день требованія были удовлетворены и полицейскому наряду къ глубокому сожалѣнію пристава Бойковскаго, усиленно добивавшагося испробовать остроту отточенныхъ шашекъ, пришлось ограничиться лишь постоемъ въ заводскомъ зданіи. Петербургскія событія, рядъ стачекъ въ фабричныхъ районахъ и послѣдняя забастовка на желѣзныхъ дорогахъ вызвали движеніе на Брянскихъ заводахъ, въ здѣшнихъ желѣзнодорожныхъ дело и въ Ельцѣ. На Брянскихъ заводахъ, насчитывающихъ около 30.000 рабочихъ, движеніе началось еще въ декабрѣ прошлаго года. Въ январѣ забастовалъ хрустально-зеркальный заводъ въ Дядьково, 60 верстъ отъ Бѣжицы; стачка прошла неорганизованной, сношенія съ заводомъ были невозможны въ виду его оторванности отъ фабричнаго центра и массы войскъ, плотнымъ кольцомъ охватившихъ заводской районъ. На Брянскомъ арсеналѣ, Мальцовскомъ рельсопрокатномъ и вагоностроительномъ, на Радицахъ паровозостроительномъ и стеклянномъ и цѣломъ рядѣ небольшихъ стеклянныхъ и чугунно-литейныхъ заводовъ, разбросанныхъ въ нашемъ районѣ, настроеніе массъ выжидательное. Организовать стачку въ срединѣ января не удалось, такъ какъ прибывшими изъ Орла 2½ баталліонами были оцѣплены всѣ цехи и мастерскія. Рабочіе четырехъ цеховъ съ Мальцевскаго завода, прекративъ работу, не могли прорвать военный кордонъ и черезъ часъ снова стали на работу. За время движенія въ Брянскомъ районѣ здѣшнимъ соціальдемократическимъ комитетомъ изданъ и распространенъ листокъ, призывавшій рабочихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и за демократическую республику съ выборнымъ народнымъ представительствомъ. Группа соціалистовъ-революціонеровъ выпустила одновременно три листка; одинъ общаго содержанія и два, направленныхъ къ организаціи стачечнаго движенія. И тѣ и другіе листки попали въ солдатскіе карманы и читались по возвращеніи въ казармы съ большимъ интересомъ. Нѣкоторымъ изъ солдатъ пришлось даже побывать на рабочихъ собраніяхъ. „Походъ на внутреннихъ враговъ“ на Брянскъ породилъ среди солдатъ массу разговоровъ; многіе, возвратившись въ казарму, обвиняли начальство въ преднамѣренномъ желаніи провоцировать столкновеніе войска съ рабочими; другимъ казалось совершенно непонятнымъ, чего это ихъ погнали усмирять мирныхъ и занятыхъ дѣломъ рабочихъ. Такимъ образомъ, военная прогулка на Брянскъ оставила по себѣ явственный слѣдъ въ будничной жизни казарменныхъ узниковъ. Изъ достовѣрнаго источника передаютъ, что полковой командиръ, напуганный появленіемъ революціонной литературы въ гарнизонѣ, обратился по телефону въ министерство внутреннихъ дѣлъ, обвиняя мѣстную жандарискую власть въ бездѣйствіи. Въ Ельцѣ стачка началась 11—12 февраля. Забастовали рабочіе мукомоленъ, виннаго склада и типографскихъ заведеній. Пока не выяснилось, съ какими требованіями выступили стачечники и какъ проходитъ стачка.

Въ самомъ Орлѣ ждали забастовки на Риго-Орловской и Московско-Курской дорогахъ. На первой линіи забастовка шла отъ Риги, но, видимо, не успѣла охватить собою всего персонала служащихъ, такъ какъ министерство предупредительно пошло на уступки.

Со второй половины января городъ и Брянскій заводскій районъ объявлены на положеніи усиленной охраны. Обыватель съ любопытствомъ наблюдаетъ, какъ вечерами по пустымъ улицамъ прогуливаются солдатскіе патрули.

Убійство Сергѣя внесло извѣстное возбужденіе въ обывательскую среду. На улицахъ слышались открытыя поздравленія, хотя нѣкоторые изъ поздравителей, и въ томъ числѣ одинъ извозчикъ, попали въ участокъ за неумѣренное проявленіе обуревавшихъ ихъ чувствъ.

Одесса, 19 февраля. Слухи о погромѣ въ Николаевѣ, вызвавшіе нерѣшительность и опасеніе начать стачку, оказались ложными. Организованные рабочіе стали требовать призывныхъ листковъ. Фабрика Вальтуха въ полдень снова сдѣлала попытку стать; послѣ гудка, одна работница произнесла рѣчь, но рабочіе не успѣли даже выйти, какъ нагрянула полиція и заперла мастерскія, раздѣливъ такимъ образомъ рабочихъ

ней. Въ началѣ Великой Французской Революціи изъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей развѣ только одинъ Камиль де Муленъ былъ республиканцемъ; послѣ 10 августа 1792 года вся Франція была республиканская. Первоначальнымъ лозунгомъ февральской революціи было расширеніе избирательнаго права (уничтоженіе pays légal) и борьба съ финансовымъ развратомъ; рабочіе, одержавши побѣду на баррикадахъ, выдвинули новый лозунгъ — республика, и буржуазія присоединилась къ новому лозунгу: республиканское временное правительство состояло въ большинствѣ (Ламартинъ, Марра, Гарнье Пажесъ) изъ бывшихъ монархистовъ-конституціоналистовъ, и даже послѣ іюньскаго пораженія пролетаріата Конституанта была еще республиканская. У насъ прокатилась только первая волна пролетарскаго возстанія и притомъ *физически* она была раздавлена, за нею послѣдуютъ другія волны, болѣе грозныя; въ гражданскую войну вовлекутся и уже вовлекаются крестьянскія массы. Мыслимо ли ожидать, чтобы демократическая интеллигенція при такихъ условіяхъ продолжала съ надеждой и упованіемъ обращать свои взоры на либераловъ? Мыслимо ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ на политическую сцену не выдвинулись новые, опирающіеся на мѣщанство, крестьянство и на мало сознательные но революціонно настроенные слои пролетаріата, элементы революціонной буржуазной демократіи? Если уже теперь появился Гапонъ, то въ будущемъ появятся гапоны.

Революціонная демократія прійдетъ, и на это указываютъ уже теперь многіе симптомы. Правительство, мобилизируя всѣ темныя силы народа противъ революціи, организуя національстическіе погромы, организуя войну „черныхъ сотенъ“ противъ всѣхъ культурныхъ элементовъ націи, тѣмъ самымъ содѣйствуетъ мобилизаціи революціонныхъ силъ. Раньше только партія пролетаріата призывала народъ къ оружію. Теперь открыто пропагандируютъ самовооруженіе и бакинскіе капиталисты и московская, и петербургская буржуазная интеллигенція.

Если съ самаго начала пролетаріатъ велъ борьбу въ національной атмосферѣ отчасти сочувственной, отчасти нейтральной, то вскорѣ вокругъ него сплотятся активные революціонные союзники.

Но этотъ „союзъ“ сознательнаго пролетаріата съ революціонной буржуазной демократіей не только не ослабитъ классоваго антагонизма между ними, но, можетъ быть, даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ будетъ содѣйствовать его развитію, и это уже теперь отчасти наблюдается: чѣмъ болѣе активно будетъ участіе буржуазной демократіи въ общей революціонной борьбѣ, тѣмъ больше она будетъ стремиться, въ награду за свое революціонное сотрудничество, эмансипировать пролетаріатъ отъ вліянія соціальдемократіи, т. е. отъ вліянія его собственной классовой идеологіи.

Этими двумя моментами — неизбѣжнымъ революціоннымъ сотрудничествомъ пролетаріата съ буржуазной демократіей, и неизбѣжной борьбой съ ней за свою политическую самостоятельность — должна опредѣляться постановка нашихъ ближайшихъ тактическихъ задачъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Между тѣмъ, по плану, рабочіе Вальтуха должны были пойти останавливать другія фабрики, жел. дор. мастерскія и пр. Къ запертымъ рабочимъ пришелъ инспекторъ, умолялъ ихъ одуматься, подумать о томъ, какъ пострадали рабочіе въ Петербургѣ и Москвѣ, умоляя не идти по той же дорогѣ; обѣщалъ по возможности удовлетворить ихъ требованія и заклиналъ завтра же стать на работу, что рабочіе и сдѣлали. Слухъ о томъ, что Вальтухъ сталъ, все же распространился и на другой день еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ были попытки прекратить работу. Изъ типографіи Левенсона прислали сказать, что они рѣшили послѣ обѣда стать и просили придти на подмогу. Въ назначенное время рабочіе высыпали на дворъ, туда же проникло извнѣ человѣкъ десять сознательныхъ рабочихъ, посыпались листки, было произнесено нѣсколько краткихъ рѣчей; рабочихъ стали приглашать на улицу, опасаясь, что будутъ заперты полиціей, какъ и у Вальтуха... Но толпа рабочихъ нерѣшительно топталась на мѣстѣ. Выручилъ ее управляющій, пригласившій рабочихъ вернуться въ мастерскія. Толпа точно обрадовалась и хлынула за нимъ. У Высоцкаго произошло нѣчто подобное.

На сегодня, 19-е, весь городъ ждалъ событій: ждали стачки, ждали погрома, запасались хлѣбомъ, водой, но сейчасъ уже 3 часа и пока все тихо.

Одесса, 20 февраля. Стачка не выгорѣла. Причины этого страннаго (страннаго потому, что на всѣхъ почти заводахъ были уже выработаны требованія подъ руководствомъ соц.-демократической группы и настроеніе массы было очень хорошее) явленія до сихъ поръ еще не выяснены, хотя до нѣкоторой степени можно приписать это усиленной погромной агитаціи. У насъ велась усиленная агитація въ трактирахъ, цѣлый день шпіоны натравливали толпу противъ евреевъ, грузинъ, армянъ и др. инородцевъ. По городу въ громадномъ количествѣ были разбросаны листки отъ „національнаго комитета" съ призывомъ бить жидовъ; по городу ходили страшные слухи о погромѣ въ Николаевѣ; масса семействъ пріѣхала изъ Елисаветграда, гдѣ тоже готовился на 19-е погромъ, по городу разъѣзжали солдаты (вызваны были изъ Бендеръ и Тирасполя); войска были такъ умѣло расположены, что будь стачка, мы не могли бы соединиться съ загородными рабочими, а въ случаѣ погрома не могли бы дѣйствовать противъ громилъ. Это происходило въ реакціонномъ лагерѣ; у насъ работа тоже велась напряженно; готовилась стачка: листки (Гр. Ц. К.) выходили ежедневно, массовки проходили одна за другой. Въ то же время публика вооружилась. Настроеніе росло... 16-го забастовалъ Вальтухъ; рабочіе хотѣли идти останавливать повсюду работу. Но въ это время стали распространяться слухи, что въ Николаевѣ уже второй день идетъ погромъ. Организація, въ виду этого, не рѣшилась взять на себя отвѣтственность и послала просить рабочихъ Вальтуха снова стать на работу, что тѣ сейчасъ-же сдѣлали. Это была крупная ошибка. Рабочіе, правда, назавтра снова забастовали, но полиція уже приняла свои мѣры. Рабочіе другихъ заводовъ готовы были присоединиться къ забастовкѣ, если за ними придутъ. Но Вальтуховцевъ разбили на двѣ части, однихъ заперли во дворѣ, другихъ разогнали, и потому не удалось выполнить намѣченный планъ дѣйствій. Неудача стачки тѣмъ болѣе странна, что настроеніе всюду боевое. 19-го, напр., забастовало 10 заводовъ, но только на одинъ день.

Въ то же время готовилась самооборона. Достали массу оружія... Городъ съ напряженіемъ ждалъ, чѣмъ кончится день. Но ни та, ни другая сторона не рѣшилась первая сдѣлать нападеніе; обѣ были на готовѣ, но не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать. На улицахъ пусто. Только группы участниковъ „самообороны" ходили тамъ и здѣсь, перебраниваясь съ казаками. День прошелъ тихо... Теперь мы уже оправились, но что будетъ дальше? Миновалъ-ли насъ погромъ — это еще вопросъ.

19-го забастовало художественное училище; требованіе — созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, ~~равнаго~~ и тайнаго избирательнаго права. Забастовали также ученики электротехническаго училища.

Харьковъ. 31 января рабочіе всего паровозостроительнаго завода собрались въ одномъ изъ цеховъ. Громадное зданіе изъ желѣза и стекла, посреди нѣсколько неоконченныхъ громадныхъ паровозовъ. Паровозы, пространство между ними, тендеры — все усѣяно тысячами рабочихъ. Посрединѣ, вмѣсто трибуны, какая то высокая желѣзная плита. Собраніе началось чтеніемъ 27 пунктовъ требованій, выработанныхъ коммисіей. Читаетъ предсѣдатель коммиссіи, (онъ же предсѣдатель сходки) Чаевскій, сопровождая чтеніе подробнымъ объясненіемъ. Толпа ежеминутно выражаетъ одобреніе и кричитъ: „постоимъ"! „требуемъ"! и т. п. Пункты очень мизерны — нѣтъ даже требованія сокращенія рабочаго времени. Главные изъ нихъ: повышеніе заработной платы въ разныхъ комбинаціяхъ, учрежденіе постоянной коммиссіи изъ представителей администраціи завода и рабочихъ во всѣхъ цехахъ для разбора недоразумѣній, вѣжливое обращеніе, увольненіе помощника директора Гладкова и нѣкоторыхъ мастеровъ и шпіоновъ, гигіеническое помѣщеніе для какой-то части рабочихъ, улучшеніе медицинской помощи, устройство школы для дѣтей рабочихъ. Одинъ пунктъ выдѣляется своимъ особымъ значеніемъ — замѣщеніе открывающихся вакансій не чернорабочими, а обученными рабочими. Указывается, что первые сбиваютъ плату послѣднимъ. Проглядываетъ несомнѣнное желаніе болѣе интеллигентныхъ обученныхъ рабочихъ не давать ходу сѣрымъ чернорабочимъ. Раздаются слабые протесты, но сѣрая масса чернорабочихъ молчитъ — и пунктъ принимается „par acclamation". Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько рѣчей съ призывомъ „постоять", „не уступать" и т. п. Затѣмъ выступаетъ одинъ изъ депутатовъ Егоренко и читаетъ изъ газеты телеграмму объ образованіи комиссіи для разсмотрѣнія положенія рабочихъ съ участіемъ представителей отъ нихъ. Онъ видитъ въ этомъ побѣду рабочихъ и надѣется, что черезъ эту коммиссію голоса рабочихъ раздадутся громко и добьются улучшеній. Нѣкоторые заявляютъ о необходимости выбрать въ петербургскую коммиссію 3-хъ депутатовъ по одному съ тысячи. Ораторъ с.-д. при одобреніи толпы заявляетъ, что порядокъ избранія будетъ опредѣляться предсѣдателемъ собранія (согласно Высочайшему указу), но что *необходимо самимъ рабочимъ опредѣлить* этотъ порядокъ, во избѣжаніе произвола. Не смотря на энергичныя требованія оратора с.-д., ему не даютъ слова. Наконецъ, предсѣдатель спрашиваетъ у собранія, угодно ли ему, чтобы говорили рабочіе не паровозостроительнаго завода? Толпа отвѣчаетъ нестройнымъ крикомъ, изъ котораго ясно лишь то, что часть толпы хочетъ, а вторая не хочетъ. Предсѣдатель объявляетъ, что собраніе не разрѣшаетъ и окончательно лишаетъ слова оратора с.-д. Въ этотъ моментъ приглашаютъ депутатовъ въ контору для переговоровъ (пріѣхалъ Ивановъ—предсѣдатель правленія). Депутаты уходятъ, причемъ предсѣдатель передаетъ свои обязанности старому рабочему (фамилія его забыта ораторомъ), который не участвуетъ въ депутаціи, но клонитъ въ сторону общественниковъ-депутатовъ. Чаевскій завѣщаетъ ему строгое соблюденіе постановленія собранія о недопущеніи рѣчей постороннихъ рабочихъ. Продолжаются пренія о петербургской коммиссіи. Звѣревъ (депутатъ) передъ уходомъ предлагаетъ выбрать депутатомъ какого-нибудь защищающаго рабочихъ адвоката, напримѣръ Раппа. Мотивируетъ тѣмъ, что рабочіе-депутаты могутъ смѣшаться передъ эполетами и звѣздами. Это предложеніе встрѣчаетъ единодушный протестъ. Рядъ рабочихъ указываетъ на то, что рабочіе должны поддер [illegible], свою честь, что нужно показать министрамъ и чиновни [illegible], что рабочіе не хуже, а лучше ихъ понимаютъ нужды рабочихъ. Рѣшено выбрать коммиссію для выработки инструкціи депутатамъ изъ 10 человѣкъ. Выбраны Чаевскій, новый предсѣдатель, Соловьевъ, Цвѣтаевъ, Егоренко и 5 другихъ. Стараются, чтобы попали рабочіе всѣхъ цеховъ. Послѣ этого собраніе прерывается до возвращенія депутаціи, но не расходится. За все время оратору с.-д. не удается сказать ни одного слова, кромѣ изложеннаго выше замѣчанія о коммиссіи. Предсѣдатель, общественники и вообще ядро просятъ и убѣждаютъ оратора не выступать съ политическими требованіями, ибо этимъ онъ нарушаетъ слово, данное полиціймейстеру. Споръ ни къ чему не приводитъ. Тогда с.-д. старается убѣдить группы рабочихъ, что ему должны дать слово, что въ такой моментъ молчать и думать только о гривенникѣ позорно. Переходя отъ кучки къ кучкѣ, онъ, въ концѣ концовъ, добивается того, что многіе обѣщаютъ поддержать его требованіе слова. Въ это время является изъ конторы депутатъ Егоренко и объявляетъ, что переговоры идутъ успѣшно, прочитано больше половины пунктовъ и Ивановъ на все согласенъ, кромѣ увольненія Гладкова и др. Къ вечеру надѣются прійти къ окончательному соглашенію. Егоренко приглашаетъ рабочихъ прійти на слѣдующій день къ 10 часамъ утра, чтобы узнать результаты и, пока не удовлетворятъ всего, не становиться на работу. Собраніе единодушно соглашается. Ораторъ с.-д. требуетъ слова. Егоренко сначала не хочетъ, но оратора поддерживаетъ группа рабочихъ. Тогда Егоренко проситъ оратора не говорить рѣзко, такъ какъ часть рабочихъ настроена противъ постороннихъ и „можетъ растерзать васъ" (буквально). Послѣднее заявленіе сказано громогласно. Ораторъ вскакиваетъ на трибуну, энергично протестуетъ противъ такого образа дѣйствій Егоренко, который возстановляетъ противъ него толпу. Ораторъ требуетъ свободы слова, предлагая тѣмъ, кто не хочетъ слышать рѣчи съ политическими требованіями, не слушать его. Собраніе громкими криками требуетъ, чтобы ораторъ говорилъ. Воцаряется тишина. 3 тысячи человѣкъ слушаютъ съ напряженіемъ. Ораторъ начинаетъ съ того, что указываетъ на мизерность требованій: „Если вы выиграете, положеніе ваше мало измѣнится. Вы торжествуете, празднуете побѣду и надъ администраціей и надъ правительствомъ... Вы ждете многаго отъ петербургской коммиссіи!!..." Ораторъ обращаетъ вниманіе на то, что предсѣдатель коммиссіи имѣетъ возможность набрать туда плохихъ рабочихъ и подавить ихъ большинствомъ хозяевъ. Но если даже рабочимъ удастся заявить о своихъ нуждахъ, чѣмъ обезпечено ихъ удовлетвореніе? Необходимы постоянныя представительныя учрежденія и не только для разсмотрѣнія нуждъ рабочихъ, но и для ихъ удовлетворенія. Нуженъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, который установитъ этотъ порядокъ и обезпечитъ рабочимъ необходимыя права. Слѣдуетъ подробное объясненіе, что такое всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ основнымъ правамъ рабочихъ — къ свободѣ собраній, союзовъ, стачекъ, слова и печати, равенству всѣхъ передъ закономъ и неприкосновенности личности. Далѣе, онъ выясняетъ требованіе амнистіи всѣмъ, пострадавшимъ за защиту этихъ правъ. Послѣ каждаго пункта ораторъ спрашиваетъ собраніе: вѣрно ли это? Толпа отвѣчаетъ громовыми возгласами: „вѣрно"! „требуемъ"! Наконецъ, ораторъ переходитъ къ послѣднему пункту—войнѣ. Тутъ раздаются слабые протесты, покрытые вновь негодующими криками толпы. Егоренко и др. общественники просятъ кончать скорѣе. Небольшая группа, съ нѣкимъ Поярковымъ (котораго многіе называютъ шпіономъ) во главѣ, требуетъ окончанія. Конецъ рѣчи скомканъ, не удается развить мысль о необходимости заявить объ этихъ требованіяхъ... Рѣчь кончается возгласомъ „долой войну!", поддержаннымъ громовымъ крикомъ толпы. Ораторъ соскакиваетъ съ трибуны, его окружаютъ рабочіе, многіе жмутъ руки, просятъ приходить завтра, благодарятъ и громко кричатъ въ сторону Пояркова: „не выдадимъ". Одинъ изъ рабочихъ беретъ оратора подъ руку, но въ немъ узнаютъ шпика и съ позоромъ изгоняютъ. Всѣ двигаются къ выходу. По Петербургской улицѣ идетъ вся толпа, мало по малу рѣдѣющая. При первой возможности ораторъ ускользаетъ.

Вотъ факты. Теперь впечатлѣнія. Стачечное настроеніе твердое. Масса, въ общемъ, безгласна. „Общественники" во что бы то ни стало хотятъ изгнать политическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть оратору, что они „сознательные" и „не хотятъ кровопролитія". Ихъ тактика возмутительна, въ особенности, заявленіе „о растерзаніи". Нѣтъ въ толпѣ рабочихъ, которые достаточно понимали бы необходимость политическихъ требованій.

Соціальдемократы, къ сожалѣнію, юноши, безъ престижа и энергіи. „Общественники" пользуются большимъ вліяніемъ; они хорошіе ораторы, одѣты лучше другихъ, лучше и зарабатываютъ. Въ общемъ, масса несознательна, и политическія требованія врядъ ли удастся провести. Хотя многіе рабочіе и говорили оратору: „ваша рѣчь многимъ открыла глаза"—но это не такъ: „открыть глаза" могъ бы рядъ рѣчей, сопровождаемый вмѣшательствомъ въ ходъ забастовки; но за отсутствіемъ достаточныхъ связей — это пока невозможно. Надо работать..., работать вовсю... Стачка продолжалась одинъ день. Требованія частью удовлетворены. Стачечное движеніе охватило уже и другія производства. Бастуютъ рабочіе завода Трепке, Гельферихъ-Саде, заводы Игнатьева, Бельке. 7 февраля бросили работу рабочіе казеннаго виннаго склада и нѣкоторыя табачныя фабрики. Ожидается стачка типографщиковъ. Началось броженіе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ.

Отъ редакціи. И въ прежнихъ корреспонденціяхъ подчеркивалось уже, какую роль играетъ въ нынѣшнихъ событіяхъ харьковское „общество рабочихъ"—эти „гапоновцы", не испытавшіе еще революціоннаго перерожденія. Грѣхи нашего прошлаго — узкая и поверхностная постановка работы, — привели къ тому, что эти характерные „трэдъ-юніонисты" стали во главѣ заводской массы, но — въ отличіе отъ Петербурга — смогли не безъ успѣха оказать сопротивленіе соц.-дем. вліянію. Работа въ Харьковѣ, въ общемъ и цѣломъ, велась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ центрахъ. И достаточно было такого сравнительно случайнаго обстоятельства, какъ рядъ массовыхъ проваловъ, затруднявшихъ въ теченіе цѣлаго года правильное развитіе комитетской агитаціи, чтобы получились подобные результаты. Надъ этимъ слѣдуетъ задуматься).

Харьковъ. При первыхъ отголоскахъ петербургской революціонной бури комитетъ озаботился выпускомъ листка, воспроизводящаго письмо очевидца петербургскихъ событій, и другого, резюмирующаго ихъ смыслъ и призывающаго къ выставленію экономическихъ и политическихъ требованій и къ забастовкѣ, какъ акту солидарности; но разгромъ техники и плохая постановка организаціи помѣшали сколько-нибудь широкому ихъ распространенію. Непосредственно за ними никакихъ забастовокъ не послѣдовало, если не считать стачки на шоколадной фабрикѣ Ж. Бормана. Забастовка эта дала работницамъ полчаса прибавки на обѣдъ, а либеральному хозяину — случай проявить свой либерализмъ. Управляющій, безъ его вѣдома, пригласилъ для улаженія недоразумѣнія полицію, и по уходѣ ея хозяинъ излилъ свое гражданское негодованіе на управляющаго. Длилась эта забастовка три дня. Задаетъ тонъ въ нашей заводской жизни нашъ паровозостроительный заводъ. Начало забастовки послѣдняго относится уже къ послѣднимъ числамъ января. На фонѣ этого событія вырисовывается прежде всего фигура „общественника", какъ называютъ у насъ членовъ общества взаимнаго вспомоществованія ремесленниковъ. Что „общественники" отнюдь не враги политики вообще, вы можете видѣть хотя бы изъ корреспонденціи въ № 45 „Рус. Вѣдомостей", — эти „экономисты" нашли возможнымъ въ своемъ собраніи 30 января почтить вставаніемъ память убитыхъ въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, а также ассигновать 500 рублей на поддержку ихъ семействъ; но заражены они съ одной стороны такъ называемымъ „Иваново-Вознесенскимъ" духомъ, ихъ основателей и учредителей, духомъ отрицанія интеллигенціи, и съ другой стороны, чрезвычайнымъ практицизмомъ. Организуя стачку на паровозостроительномъ заводѣ, чтобы не попасть случайно въ тонъ соціальдемократіи, „общественники" воздержались отъ политики и, чтобы не попасть въ просакъ и не проиграть стачки, выставили самыя минимальныя требованія. Посредствомъ такого метода исключенія получилась хартія вольностей, растянутая на 28 пунктовъ, о характерѣ которыхъ можно судить по тому, напримѣръ, что сокращеніе рабочаго времени требовалось всего только на полчаса. Само собою, что петербургскіе акціонеры завода, приславшіе при первой вѣсти о забастовкѣ одного изъ своей среды, не мало удивлялись скромности выставленныхъ требованій. „Если бы они потребовали часъ сбавки, мы бы, не торгуясь, дали", говорилъ одинъ изъ администраторовъ завода моему знакомому. Само собой, что, согласившись на всѣ уступки теперь, акціонеры другой разъ не будутъ уже такъ уступчивы съ такими непритязательными людьми. Не менѣе предупредителенъ съ рабочими былъ и полиціймейстеръ Безсоновъ, отправившій съ завода обратно всѣхъ раньше присланныхъ казаковъ, послѣ того какъ онъ убѣдился въ мирномъ характерѣ стачки, и заявившій, что онъ ничего не можетъ имѣть противъ забастовки, поскольку она не выйдетъ за предѣлы экономики. Онъ же вмѣстѣ съ администраціей завода разрѣшилъ собранія рабочихъ въ мастерскихъ. Вопреки изрѣченію: „минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ, и барская любовь", на этотъ разъ „барская любовь" оказалась не безвыгодной. Съ благосклоннаго (хотя и невольнаго) содѣйствія господъ, комитету удалось провести двухъ своихъ ораторовъ, говорившихъ передъ тысячной аудиторіей. Появленіе перваго оратора вызвало протесты со стороны весьма незначительной группы благонамѣренныхъ, но протестантовъ оказалась такая незначительная горсточка, что ихъ безъ всякаго труда сейчасъ же выставили за дверь; потомъ появилась помѣха со стороны опасающихся, какъ бы не пострадалъ за свои вольности ораторъ. Но успокоивъ публику на счетъ того, что ему это безразлично, ораторъ овладѣлъ вниманіемъ аудиторіи, и развилъ передъ ней лозунги нашей партіи. Вопросъ объ учредительномъ собраніи и всеобщемъ избирательномъ правѣ вызвалъ одобрительные возгласы, требованіе прекращенія войны протесты, въ общемъ же, оба оратора возбудили къ себѣ чисто платоническій интересъ и рѣчи ихъ не дали никакихъ осязательныхъ практическихъ результатовъ. Однако справедливость по отношенію къ руководителямъ союза требуетъ сказать, что въ числѣ выставленныхъ на заводѣ требованій было требованіе освобожденія 26 товарищей, арестованныхъ передъ забастовкой по подозрѣнію въ принадлежности къ разнымъ революціоннымъ партіямъ. На этотъ счетъ ходятъ два варіанта: по одному, рабочіе предъявили это требованіе въ категорической формѣ полиціймейстеру и сказали, что они ни въ коемъ случаѣ не станутъ на работу, пока товарищи не будутъ съ ними. По другому варіанту, полиціймейстера только спросили: что бы онъ сказалъ, если бы такое требованіе было предъявлено, — онъ отвѣтилъ: тогда пойдетъ ужъ музыка не та, и это требованіе было обращено тогда въ видѣ просьбы къ акціонерамъ завода, а полиціймейстеръ обѣщалъ лишь „приложить всѣ старанія". Въ результатѣ мы знаемъ о трехъ выпущенныхъ; въ какомъ положеніи дѣло другихъ, выпущены ли, пишущій эти строки свѣдѣній не имѣетъ.

Эта забастовка длилась недѣлю. На дняхъ заводъ забастовалъ опять, по иниціативѣ товарищей изъ завода Гельферихъ-Саде (земледѣльческія орудія), этого „благодѣтеля" рабочихъ, по мнѣнію мѣстной буржуазіи. Владѣлецъ послѣдняго завода не пожелалъ пойти ни на какія бы то ни было уступки и угрожалъ закрыть заводъ на нѣкоторое время, что, къ слову сказать, при современномъ, вызванномъ войною, кризисѣ никакого убытка не принесетъ. Черезъ недѣлю послѣ паровозостроительной первой стачки стали желѣзнодорожныя мастерскія и черепичный и кафельный заводъ барона Бергенгейма. На послѣднемъ комитетъ не имѣлъ и раньше представителей: забастовку на немъ начали чернорабочія-женщины. Требованіе: увеличеніе поденной платы съ 30 до 60 копеекъ, чего сейчасъ же добились; затѣмъ къ нимъ присоединился остальной персоналъ. Добились увеличенія обѣденнаго отдыха на полчаса, прибавки праздника и обѣщанія увеличить плату послѣ пасхи. Пробовала администрація завода уволить зачинщиковъ, но рабочіе пригрозили новой забастовкой и администрація не посмѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе. Что касается мастерскихъ, то комитетъ утерялъ послѣднія, довольно, впрочемъ, слабыя, связи передъ самой забастовкой. Здѣсь сформировался такъ называемый желѣзнодорожный союзъ, по своимъ размѣрамъ и силѣ вліянія не отвѣчающій своему названію. По количеству требованій (31) и по характеру ихъ ж. д. мастерскія не отстали отъ паровозостроительнаго: вопросъ объ устройствѣ при мастерскихъ бани — не изъ самыхъ малыхъ требованій, а скорѣе долженъ быть отнесенъ въ разрядъ среднихъ. Изъ требованій принципіальнаго характера могу указать только на восьмичасовой день — это, какъ говорили рабочіе по этому поводу, на всякій случай. Большинство требованій рабочихъ удовлетворено послѣ недѣльной забастовки. Толчкомъ къ прекращенію послужила извѣстная телегр. Хилкова. Обѣщаніемъ своего начальства рабочіе не удовлетворились и требовали немедленнаго занесенія всѣхъ новыхъ правилъ въ табели и въ разсчетныя книжки. Предупреждали также рабочіе администрацію, что всякое преслѣдованіе зачинщиковъ будетъ отомщено. По окончаніи служили молебенъ при участіи хора и попа изъ Русскаго Собранія. Чему послѣднее радуется — не знаю. Тоже было и у паровозниковъ. Въ промежуткѣ между двумя большими стачками была стачка фармацевтовъ и парикмахеровъ. Первые требовали, и въ большинствѣ аптекъ добились, двухсмѣнныхъ дежурствъ. Былъ маленькій инцидентъ: кто-то изъ забастовщиковъ, подошедшихъ къ одной изъ аптекъ, крикнулъ: „да здравствуетъ свобода". Хозяинъ послалъ сейчасъ же за полиціей, которая разогнала забастовщиковъ. Не удалась стачка булочниковъ; подмастерья немногихъ забастовавшихъ булочныхъ могли излить свое чувство протеста только тѣмъ, что разбили окна и выбросили хлѣбъ на улицу въ нѣсколькихъ, не примкнувшихъ къ забастовкѣ булочныхъ. Не безъ участія комитета прошла одной изъ послѣднихъ стачка типографщиковъ; стачки протеста противъ петербургскихъ событій не получилось, хотя добились они довольно крупныхъ уступокъ: сокращеніе рабочаго времени до девяти часовъ; отмѣна сверхурочныхъ работъ, установленіе платы для учениковъ, отмѣна обысковъ, повышеніе заработной платы. Длилась стачка три дня. Хозяева уступили послѣ 12 часовъ совѣщанія съ 4 часовъ дня до 4 часовъ утра съ уполномоченными рабочихъ. Восемь зачинщиковъ арестованы за это время, позднѣе ихъ выпустили.

P. S. У насъ стачка тоже вызвала какъ и въ Вильнѣ броженіе среди рабынь домовъ терпимости, которыя предъявили своимъ хозяйкамъ требованія о выдачѣ трехъ платьевъ въ годъ, ограниченіи числа визитовъ и выдачи 50% платы за визитъ.

Ростовъ н Д. Броженіе въ городѣ замѣтно уже недѣля полторы. Рабочіе Владикавказской жел. дороги подали петицію, въ которой требовали 8-ми часового рабочаго дня, участія выборныхъ отъ рабочихъ при установленіи разцѣнковъ и др. Им отвѣтили, что требованія ихъ будутъ разсмотрѣны и по возможности удовлетворены. На слѣдующій день среди нихъ был распространены прокламаціи Дон. Ком., въ которыхъ указы лось на желаніе начальства ихъ обмануть, оттянуть время прекращенія стачекъ въ другихъ городахъ, и тогда, когда о будутъ одни, отклонить ихъ требованія. Въ тотъ же день н чальство вывѣсило объявленіе объ устанавленіи 9-ти часовог рабочаго дня „временно" (у нихъ былъ 10-ти час. раб. день Рабочіе стали на работу. 16-го снова Дон. Ком., выпустилъ къ нимъ листокъ. Служащіе контроля сборовъ жел. дор. собр лись съ разрѣшенія начальства (300 чел.) и выработали пети цію, изложивъ въ ней свои требованія.

15-го забастовали съ утра заводы Пастухова (600 чел. Витнера (130 чел.), Мартына (200 чел.) по приглашенію Дон. Ком. Летучій отрядъ, съорганизованный комитетомъ, ворвался на фабрику Рысса (170 чел.) остановилъ работы, порвалъ телефонныя сообщенія. Оттуда отправились по другимъ фабрикамъ и мастер-

Между тѣмъ, по плану, рабочіе Вальтуха должны были пойти останавливать другія фабрики, жел. дор. мастерскія и пр. Къ запертымъ рабочимъ пришелъ инспекторъ, умолялъ ихъ одуматься, подумать о томъ, какъ пострадали рабочіе въ Петербургѣ и Москвѣ, умоляя не идти по той же дорогѣ; обѣщалъ по возможности удовлетворить ихъ требованія и заклиналъ завтра же стать на работу, что рабочіе и сдѣлали. Слухъ о томъ, что Вальтухъ сталъ, все же распространился и на другой день еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ были попытки прекратить работу. Изъ типографіи Левенсона прислали сказать, что они рѣшили послѣ обѣда стать и просили придти на подмогу. Въ назначенное время рабочіе высыпали на дворъ, туда же проникло извнѣ человѣкъ десять сознательныхъ рабочихъ, посыпались листки, было произнесено нѣсколько краткихъ рѣчей; рабочихъ стали приглашать на улицу, опасаясь, что будутъ заперты полиціей, какъ и у Вальтуха... Но толпа рабочихъ нерѣшительно топталась на мѣстѣ. Выручилъ ее управляющій, пригласившій рабочихъ вернуться въ мастерскія. Толпа точно обрадовалась и хлынула за нимъ. У Высоцкаго произошло нѣчто подобное.

На сегодня, 19-е, весь городъ ждалъ событій: ждали стачки, ждали погрома, запасались хлѣбомъ, водой, но сейчасъ уже 3 часа и пока все тихо.

Одесса, 20 февраля. Стачка не выгорѣла. Причины этого страннаго (страннаго потому, что на всѣхъ почти заводахъ были уже выработаны требованія подъ руководствомъ соц.-демократической группы и настроеніе массы было очень хорошее) явленія до сихъ поръ еще не выяснены, хотя до нѣкоторой степени можно приписать это усиленной погромной агитаціи. У насъ велась усиленная агитація въ трактирахъ, цѣлый день шпіоны натравливали толпу противъ евреевъ, грузинъ, армянъ и др. инородцевъ. По городу въ громадномъ количествѣ были разбросаны листки отъ „національнаго комитета" съ призывомъ бить жидовъ; по городу ходили страшные слухи о погромѣ въ Николаевѣ; масса семействъ пріѣхала изъ Елисаветграда, гдѣ тоже готовился на 19-е погромъ, по городу разъѣзжали солдаты (вызваны были изъ Бендеръ и Тирасполя); войска были такъ умѣло расположены, что будь стачка, мы не могли бы соединиться съ загородными рабочими, а въ случаѣ погрома не могли бы дѣйствовать противъ громилъ. Это происходило въ реакціонномъ лагерѣ; у насъ работа тоже велась напряженно; готовилась стачка: листки (Гр. Ц. К.) выходили ежедневно, массовки проходили одна за другой. Въ то же время публика вооружилась. Настроеніе росло... 16-го забастовалъ Вальтухъ; рабочіе хотѣли идти останавливать повсюду работу. Но въ это время стали распространяться слухи, что въ Николаевѣ уже второй день идетъ погромъ. Организація, въ виду этого, не рѣшилась взять на себя отвѣтственность и послала просить рабочихъ Вальтуха снова стать на работу, что тѣ сейчасъ же сдѣлали. Это была крупная ошибка. Рабочіе, правда, назавтра снова забастовали, но полиція уже приняла свои мѣры. Рабочіе другихъ заводовъ готовы были присоединиться къ забастовкѣ, если за ними придутъ. Но Вальтуховцевъ разбили на двѣ части, однихъ заперли во дворѣ, другихъ разогнали, и потому не удалось выполнить намѣченный планъ дѣйствій. Неудача стачки тѣмъ болѣе странна, что настроеніе всюду боевое. 19-го, напр., забастовало 10 заводовъ, но только на одинъ день.

Въ то же время готовилась самооборона. Достали массу оружія... Городъ съ напряженіемъ ждалъ, чѣмъ кончится день. Но ни та, ни другая сторона не рѣшилась первая сдѣлать нападеніе; обѣ были на готовѣ, но не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы начать. На улицахъ пусто. Только группы участниковъ „самообороны" ходили тамъ и здѣсь, перебраниваясь съ казаками. День прошелъ тихо... Теперь мы уже оправились, но что будетъ дальше? Миновалъ-ли насъ погромъ — это еще вопросъ.

19-го забастовало художественное училище; требованіе — созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, ~~равнаго~~ и тайнаго избирательнаго права. Забастовали также ученики электротехническаго училища.

Харьковъ. 31 января рабочіе всего паровозостроительнаго завода собрались въ одномъ изъ цеховъ. Громадное зданіе изъ желѣза и стекла, посреди нѣсколько неоконченныхъ громадныхъ паровозовъ. Паровозы, пространство между ними, тендеры — все усѣяно тысячами рабочихъ. Посрединѣ, вмѣсто трибуны, какая то высокая желѣзная плита. Собраніе началось чтеніемъ 27 пунктовъ требованій, выработанныхъ коммисіей. Читаетъ предсѣдатель коммиссіи (онъ же предсѣдатель сходки) Чаевскій, сопровождая чтеніе подробнымъ объясненіемъ. Толпа ежеминутно выражаетъ одобреніе и кричитъ: „постоимъ"! „требуемъ"! и т. п. Пункты очень мизерны — нѣтъ даже требованія сокращенія рабочаго времени. Главные изъ нихъ: повышеніе заработной платы въ разныхъ комбинаціяхъ, учрежденіе постоянной коммиссіи изъ представителей администраціи завода и рабочихъ во всѣхъ цехахъ для разбора недоразумѣній, вѣжливое обращеніе, увольненіе помощника директора Гладкова и нѣкоторыхъ мастеровъ и шпіоновъ, гигіеническое помѣщеніе для какой-то части рабочихъ, улучшеніе медицинской помощи, устройство школы для дѣтей рабочихъ. Одинъ пунктъ выдѣляется своимъ особымъ значеніемъ — замѣщеніе открывающихся вакансій не чернорабочими, а обученными рабочими. Указывается, что первые сбиваютъ плату послѣднимъ. Проглядываетъ несомнѣнное желаніе болѣе интеллигентныхъ обученныхъ рабочихъ не давать ходу сѣрымъ чернорабочимъ. Раздаются слабые протесты, но сѣрая масса чернорабочихъ молчитъ — и пунктъ принимается „par acclamation". Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько рѣчей съ призывомъ „постоять", „не уступать" и т. п. Затѣмъ выступаетъ одинъ изъ депутатовъ Егоренко и читаетъ изъ газеты телеграмму объ образованіи комиссіи для разсмотрѣнія положенія рабочихъ съ участіемъ представителей отъ нихъ. Онъ видитъ въ этомъ побѣду рабочихъ и надѣется, что черезъ эту коммиссію голоса рабочихъ раздадутся громко и добьются улучшеній. Нѣкоторые заявляютъ о необходимости выбрать въ петербургскую коммиссію 3-хъ депутатовъ по одному съ тысячи. Ораторъ с.-д. при одобреніи толпы заявляетъ, что порядокъ избранія будетъ опредѣляться предсѣдателемъ собранія согласно Высочайшему указу, но что *необходимо самимъ рабочимъ опредѣлить* этотъ порядокъ, во избѣжаніе произвола. Не смотря на энергичныя требованія оратора с.-д. ему не даютъ слова. Наконецъ, предсѣдатель спрашиваетъ у собранія, угодно ли ему, чтобы говорили рабочіе не паровозостроительнаго завода? Толпа отвѣчаетъ нестройными криками, изъ которыхъ видно лишь то, что часть толпы хочетъ, а вторая не хочетъ. Предсѣдатель объявляетъ, что собраніе не разрѣшаетъ и окончательно лишаетъ слова оратора с.-д. Въ этотъ моментъ приглашаютъ депутатовъ въ контору для переговоровъ: пріѣхалъ Ивановъ—предсѣдатель правленія. Депутаты уходятъ, причемъ предсѣдатель передаетъ свои обязанности старому рабочему, фамилія его [illegible], быта ораторомъ, который не участвуетъ въ депутаціи, но клонитъ въ сторону общественниковъ-зубатовцевъ. Чаевскій завѣщаетъ ему строгое соблюденіе постановленія собранія о недопущеніи рѣчей постороннихъ рабочимъ. Въ [illegible] время о петербургской коммиссіи. [illegible] депутатомъ [illegible] предлагаетъ выбрать депутатомъ какого-нибудь [illegible] рабочихъ адвоката, напримѣръ Раппа. Многіе [illegible], что рабочіе депутаты могутъ смѣшаться передъ [illegible]дами. Это предложеніе встрѣчаетъ единодушный [illegible]. Рядъ рабочихъ указываетъ на то, что рабочіе [illegible] свою честь, что нужно показать министрамъ и [illegible], что рабочіе не хуже, а лучше ихъ понимаютъ нужды рабочихъ. Рѣшено выбрать коммиссію для выработки инструкцій депутатамъ изъ 10 человѣкъ. Выбраны Чаевскій, новый предсѣдатель, Соловьевъ, Цвѣтаевъ, Егоренко и 5 другихъ. Стараются, чтобы попали рабочіе всѣхъ цеховъ. Послѣ этого собраніе прерывается до возвращенія депутаціи, но не расходится. За все время оратору с.-д. не удается сказать ни одного слова, кромѣ изложеннаго выше замѣчанія о коммиссіи. Предсѣдатель, общественники и вообще ядро просятъ и убѣждаютъ оратора не выступать съ политическими требованіями, ибо этимъ онъ нарушаетъ слово, данное полиціймейстеру. Споръ ни къ чему не приводитъ. Тогда с.-д. старается убѣдить группы рабочихъ, что ему должны дать слово, что въ такой моментъ молчать и думать только о гривенникѣ позорно. Переходя отъ кучки къ кучкѣ, онъ, въ концѣ концовъ, добивается того, что многіе обѣщаютъ поддержать его требованіе слова. Въ это время является изъ конторы депутатъ Егоренко и объявляетъ, что переговоры идутъ успѣшно, прочитано больше половины пунктовъ и Ивановъ на все согласенъ, кромѣ увольненія Гладкова и др. Къ вечеру надѣются прійти къ окончательному соглашенію. Егоренко приглашаетъ рабочихъ прійти на слѣдующій день къ 10 часомъ утра, чтобы узнать результаты и, пока не удовлетворятъ всего, не становиться на работу. Собраніе единодушно соглашается. Ораторъ с.-д. требуетъ слова. Егоренко сначала не хочетъ, но оратора поддерживаетъ группа рабочихъ. Тогда Егоренко проситъ оратора не говорить рѣзко, такъ какъ часть рабочихъ настроена противъ постороннихъ и „можетъ растерзать васъ" (буквально). Послѣднее заявленіе сказано громогласно. Ораторъ вскакиваетъ на трибуну, энергично протестуетъ противъ такого образа дѣйствій Егоренко, который возстановляетъ противъ него толпу. Ораторъ требуетъ свободы слова, предлагая тѣмъ, кто не хочетъ слышать рѣчи съ политическими требованіями, не слушать его. Собраніе громкими криками требуетъ, чтобы ораторъ говорилъ. Воцаряется тишина. 3 тысячи человѣкъ слушаютъ съ напряженіемъ. Ораторъ начинаетъ съ того, что указываетъ на мизерность требованій: „Если вы выиграете, положеніе ваше мало измѣнится. Вы торжествуете, празднуете побѣду и надъ администраціей и надъ правительствомъ... Вы ждете многаго отъ петербургской коммиссіи!!.." Ораторъ обращаетъ вниманіе на то, что предсѣдатель коммиссіи имѣетъ возможность набрать туда плохихъ рабочихъ и подавить ихъ большинствомъ хозяевъ. Но если даже рабочимъ удастся заявить о своихъ нуждахъ, чѣмъ обезпечено ихъ удовлетвореніе? Необходимы постоянныя представительныя учрежденія и не только для разсмотрѣнія нуждъ рабочихъ, но и для ихъ удовлетворенія. Нуженъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, который установитъ этотъ порядокъ и обезпечитъ рабочимъ необходимыя права. Слѣдуетъ подробное объясненіе, что такое всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ основнымъ правамъ рабочихъ — къ свободѣ собраній, союзовъ, стачекъ, слова и печати, равенству всѣхъ передъ закономъ и неприкосновенности личности. Далѣе, онъ выясняетъ требованіе амнистіи всѣмъ, пострадавшимъ за защиту этихъ правъ. Послѣ каждаго пункта ораторъ спрашиваетъ собраніе: вѣрно ли это? Толпа отвѣчаетъ громовыми возгласами: „вѣрно"! „требуемъ"! Наконецъ, ораторъ переходитъ къ послѣднему пункту—войнѣ. Тутъ раздаются слабые протесты, покрытые вновь негодующими криками толпы. Егоренко и др. общественники просятъ кончать скорѣе. Небольшая группа, съ нѣкіимъ Поярковымъ (котораго многіе называютъ шпіономъ) во главѣ, требуетъ окончанія. Конецъ рѣчи скомканъ, не удается развить мысль о необходимости заявить объ этихъ требованіяхъ... Рѣчь кончается возгласомъ „долой войну!", поддержаннымъ громовымъ крикомъ толпы. Ораторъ соскакиваетъ съ трибуны, его окружаютъ рабочіе, многіе жмутъ руки, просятъ приходить завтра, благодарятъ и громко кричатъ въ сторону Пояркова: „не выдадимъ". Одинъ изъ рабочихъ беретъ оратора подъ руку, но въ немъ узнаютъ шпика и съ позоромъ изгоняютъ. Всѣ двигаются къ выходу. По Петербургской улицѣ идетъ вся толпа, мало по малу рѣдѣющая. При первой возможности ораторъ ускользаетъ.

Вотъ факты. Теперь впечатлѣнія. Стачечное настроеніе твердое. Масса, въ общемъ, безгласна. „Общественники" во что бы то ни стало хотятъ изгнать политическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть оратору, что они „сознательные" и „не хотятъ кровопролитія". Ихъ тактика возмутительна, въ особенности, заявленіе „о растерзаніи". Нѣтъ въ толпѣ рабочихъ, которые достаточно понимали бы необходимость политическихъ требованій.

Социальдемократы, къ сожалѣнію, юноши, безъ престижа и энергіи. „Общественники" пользуются большимъ вліяніемъ; они хорошіе ораторы, одѣты лучше другихъ, лучше и зарабатываютъ. Въ общемъ, масса несознательна, и политическія требованія врядъ ли удастся провести. Хотя многіе рабочіе и говорили оратору: „ваша рѣчь многимъ открыла глаза" — но это не такъ: „открыть глаза" могъ бы рядъ рѣчей, сопровождаемый вмѣшательствомъ въ ходъ забастовки; но за отсутствіемъ достаточныхъ связей — это пока невозможно. Надо работать..., работать вовсю... Стачка продолжалась одинъ день. Требованія частью удовлетворены. Стачечное движеніе охватило уже и другія производства. Бастуютъ рабочіе завода Трепке, Гельферихъ-Саде, заводы Игнатьева, Бейке. 7 февраля бросили работу рабочіе казеннаго виннаго склада и нѣкоторыя табачныя фабрики. Ожидается стачка типографщиковъ. Началось броженіе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ.

Отъ редакціи. И въ прежнихъ корреспонденціяхъ подчеркивалось уже, какую роль играетъ въ нынѣшнихъ событіяхъ харьковское „общество рабочихъ"—эти „гапоновцы", не испытавшіе еще революціоннаго перерожденія. Грѣхи нашего прошлаго — узкая и поверхностная постановка работы, — привели къ тому, что эти характерные „тредъ-юніонисты" стали во главѣ заводской массы, но — въ отличіе отъ Петербурга — смогли не безъ успѣха оказать сопротивленіе соц.-дем. вліянію. Работа въ Харьковѣ, въ общемъ и цѣломъ, велась на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ центрахъ. И достаточно было такого сравнительно случайнаго обстоятельства, какъ рядъ массовыхъ проваловъ, затруднявшихъ въ теченіе цѣлаго года правильное развитіе комитетской агитаціи, чтобы получились подобные результаты. Надъ этимъ слѣдуетъ задуматься.

Харьковъ. При первыхъ отголоскахъ петербургской революціонной бури комитетъ озаботился выпускомъ листка, воспроизводящаго письмо очевидца петербургскихъ событій, и другого, резюмирующаго ихъ смыслъ и призывающаго къ выставленію экономическихъ и политическихъ требованій и къ забастовкѣ, какъ акту солидарности; но разгромъ техники и плохая постановка организаціи помѣшали сколько-нибудь широкому ихъ распространенію. Непосредственно за ними никакихъ забастовокъ не послѣдовало, если не считать стачки на шоколадной фабрикѣ [illegible]. Забастовка эта дала работницамъ полчаса прибавки на обѣдъ, а либеральному хозяину — случай проявить свой либерализмъ. Управляющій, безъ его вѣдома, пригласилъ для улаженія недоразумѣнія полицію, и по уходѣ ея хозяинъ излилъ свое гражданское негодованіе на управляющаго. Длилась эта забастовка три дня. Задаетъ тонъ въ нашей заводской жизни нашъ паровозостроительный заводъ. Начало забастовки послѣдняго относится уже къ послѣднимъ числамъ января. На фонѣ этого событія вырисовывается прежде всего фигура „общественника", какъ называютъ у насъ членовъ общества взаимнаго вспомоществованія ремесленниковъ. „Общественники" отнюдь не враги политики вообще вы можете видѣть хотя бы изъ корреспонденціи въ № [illegible] „Русскихъ Вѣдомостей", — эти „экономисты" нашли возможнымъ въ своемъ собраніи 30 января почтить вставаніемъ память убитыхъ въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, а также ассигновать 300 рублей на поддержку ихъ семействъ; но заражены они съ одной стороны такъ называемымъ „Иваново-Вознесенскимъ" духомъ ихъ основателей и учредителей, духомъ отрицанія интеллигенціи, и съ другой стороны, чрезвычайнымъ практицизмомъ. Организуя стачку на паровозостроительномъ заводѣ, чтобы не попасть случайно въ тонъ соціальдемократіи, „общественники" воздержались отъ политики и, чтобы не попасть въ просакъ и не проиграть стачки, выставили самыя минимальныя требованія. Посредствомъ такого метода исключенія получилась хартія вольностей, растянутая на 28 пунктовъ, о характерѣ которыхъ можно судить по тому, напримѣръ, что сокращеніе рабочаго времени требовалось всего только на полчаса. Само собою, что петербургскіе акціонеры завода, приславшіе при первой вѣсти о забастовкѣ одного изъ своей среды, не мало удивлялись скромности выставленныхъ требованій. „Если бы они потребовали часъ сбавки, мы бы, не торгуясь, дали", говорилъ одинъ изъ администраторовъ завода моему знакомому. Само собой, что, согласившись на всѣ уступки теперь, акціонеры другой разъ не будутъ уже такъ уступчивы съ такими непритязательными людьми. Не менѣе предупредителенъ съ рабочими былъ и полиціймейстеръ Бессоновъ, отправившій съ завода обратно всѣхъ раньше присланныхъ казаковъ, послѣ того какъ онъ убѣдился въ мирномъ характерѣ стачки, и заявившій, что онъ ничего не можетъ имѣть противъ забастовки, поскольку она не выйдетъ за предѣлы экономики. Онъ же вмѣстѣ съ администраціей завода разрѣшилъ собранія рабочихъ въ мастерскихъ. Вопреки изрѣченію: „минуй насъ пуще всѣхъ печалей и барскій гнѣвъ, и барская любовь", на этотъ разъ „барская любовь" оказалась не безвыгодной. Съ благосклоннаго (хотя и невольнаго) содѣйствія господъ, комитету удалось провести двухъ своихъ ораторовъ, говорившихъ передъ тысячной аудиторіей. Появленіе перваго оратора вызвало протесты со стороны весьма незначительной группы благонамѣренныхъ, но протестантовъ оказалась такая незначительная горсточка, что ихъ безъ всякаго труда сейчасъ же выставили за дверь; потомъ появилась помѣха со стороны опасающихся, какъ бы не пострадалъ за свои вольности ораторъ. Но успокоивъ публику на счетъ того, что ему это безразлично, ораторъ овладѣлъ вниманіемъ аудиторіи, и развилъ передъ ней лозунги нашей партіи. Вопросъ объ учредительномъ собраніи и всеобщемъ избирательномъ правѣ вызвалъ одобрительные возгласы, требованіе прекращенія войны протесты, въ общемъ же, оба оратора возбудили къ себѣ чисто платоническій интересъ и рѣчи ихъ не дали никакихъ осязательныхъ практическихъ результатовъ. Однако справедливость по отношенію къ руководителямъ союза требуетъ сказать, что въ числѣ выставленныхъ на заводѣ требованій было требованіе освобожденія 26 товарищей, арестованныхъ передъ забастовкой по подозрѣнію въ принадлежности къ разнымъ революціоннымъ партіямъ. На этотъ счетъ ходятъ два варіанта: по одному, рабочіе предъявили это требованіе въ категорической формѣ полиціймейстеру и сказали, что они ни въ коемъ случаѣ не станутъ на работу, пока товарищи не будутъ съ ними. По другому варіанту, полиціймейстера только спросили: что бы онъ сказалъ, если бы такое требованіе было предъявлено, — онъ отвѣтилъ: тогда пойдетъ ужъ музыка не та, и это требованіе было обращено тогда въ видѣ просьбы къ акціонерамъ завода, а полиціймейстеръ обѣщалъ лишь „приложить всѣ старанія". Въ результатѣ мы знаемъ о трехъ выпущенныхъ; въ какомъ положеніи дѣло другихъ, выпущены ли, пишущій эти строки свѣдѣній не имѣетъ.

Эта забастовка длилась недѣлю. На дняхъ заводъ забастовалъ опять, по иниціативѣ товарищей изъ завода Гельферихъ-Саде (земледѣльческія орудія), этого „благодѣтеля" рабочихъ, по мнѣнію мѣстной буржуазіи. Владѣлецъ послѣдняго завода не пожелалъ пойти на какія бы то не было уступки и угрожалъ закрыть заводъ на нѣкоторое время, что, къ слову сказать, при современномъ, вызванномъ войною, кризисѣ никакого убытка не принесетъ. Черезъ недѣлю послѣ паровозостроительной первой стачки стали желѣзнодорожныя мастерскія и черепичный и кафельный заводъ барона Бергенгейма. На послѣднемъ комитетъ не имѣлъ и раньше представителей: забастовку на немъ начали чернорабочія-женщины. Требованіе: увеличеніе поденной платы съ 30 до 60 копеекъ, чего сейчасъ же добились; затѣмъ къ нимъ присоединился остальной персоналъ. Добились увеличенія обѣденнаго отдыха на полчаса, прибавки праздника и обѣщанія увеличить плату послѣ пасхи. Пробовала администрація завода уволить зачинщиковъ, но рабочіе пригрозили новой забастовкой и администрація не посмѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе. Что касается мастерскихъ, то комитетъ утерялъ послѣднія, довольно, впрочемъ, слабыя, связи передъ самой забастовкой. Здѣсь сформировался такъ называемый желѣзнодорожный союзъ, по своимъ размѣрамъ и силѣ вліянія не отвѣчающій своему названію. По количеству требованій (34) и по характеру ихъ ж. д. мастерскія не отстали отъ паровозостроительнаго: вопросъ объ устройствѣ при мастерскихъ бани — не изъ самыхъ малыхъ требованій, а скорѣе долженъ быть отнесенъ въ разрядъ среднихъ. Изъ требованій принципіальнаго характера могу указать только на восьмичасовой день — это, какъ говорили рабочіе по этому поводу, на всякій случай. Большинство требованій рабочихъ удовлетворено послѣ недѣльной забастовки. Толчкомъ къ прекращенію послужила извѣстная телегр. Хилкова. Обѣщаніемъ своего начальства рабочіе не удовлетворились и требовали немедленнаго занесенія всѣхъ новыхъ правилъ въ табели и въ разсчетныя книжки. Предупреждали также рабочіе администрацію, что всякое преслѣдованіе зачинщиковъ будетъ отомщено. По окончаніи служили молебенъ при участіи хора и попа изъ Русскаго Собранія. Чему послѣднее радуется — не знаю. Тоже было и у паровозниковъ. Въ промежуткѣ между двумя большими стачками была стачка фармацевтовъ и парикмахеровъ. Первые требовали, и въ большинствѣ аптекъ добились, двухсмѣнныхъ дежурствъ. Былъ маленькій инцидентъ: кто-то изъ забастовщиковъ, подошедшихъ къ одной изъ аптекъ, крикнулъ: „да здравствуетъ свобода". Хозяинъ послалъ сейчасъ же за полиціей, которая разогнала забастовщиковъ. Не удалась стачка булочниковъ: подмастерья немногихъ забастовавшихъ булочныхъ могли излить свое чувство протеста только тѣмъ, что разбили окна и выбросили хлѣбъ на улицу въ нѣсколькихъ, не примкнувшихъ къ забастовкѣ булочныхъ. Не безъ участія комитета прошла одной изъ послѣднихъ стачка типографщиковъ; стачки протеста противъ петербургскихъ событій не получилось, хотя добились они довольно крупныхъ уступокъ: сокращеніе рабочаго времени до девяти часовъ; отмѣна сверхурочныхъ работъ, установленіе платы для учениковъ, отмѣна обысковъ, повышеніе заработной платы. Длилась стачка три дня. Хозяева уступили послѣ 12 часовъ совѣщанія (съ 4 часовъ дня до 4 часовъ утра) съ уполномоченными рабочихъ. Восемь зачинщиковъ арестованы за это время, позднѣе ихъ выпустили.

P. S. У насъ стачка тоже вызвала, какъ и въ Вильнѣ, броженіе среди рабынь домовъ терпимости, которыя предъявили своимъ хозяйкамъ требованія о выдачѣ трехъ платьевъ въ годъ, ограниченіи числа визитовъ и выдачи 50% платы за визитъ.

Ростовъ н/Д. Броженіе въ городѣ замѣтно уже недѣли полторы. Рабочіе Владикавказской жел. дороги подали петицію, въ которой требовали 8-ми часового рабочаго дня, участія выборныхъ отъ рабочихъ при установленіи разцѣнковъ и др. Им отвѣтили, что требованія ихъ будутъ разсмотрѣны и по возможности удовлетворены. На слѣдующій день среди нихъ был распространены прокламаціи Дон. Ком., въ которыхъ указывалось на желаніе начальства ихъ обмануть, оттянуть время до прекращенія стачекъ въ другихъ городахъ, и тогда, когда о будутъ одни, отклонить ихъ требованія. Въ тотъ же день начальство вывѣсило объявленіе объ установленіи 9-ти часового рабочаго дня „временно" (у нихъ былъ 10-ти час. раб. день). Рабочіе стали на работу. 16-го снова Дон. Ком. выпустилъ къ нимъ листокъ. Служащіе контроля сборовъ жел. дор. собр лись (съ разрѣшенія начальства 300 чел.) и выработали петицію, изложивъ въ ней свои требованія.

15-го забастовали съ утра заводы Пастухова (600 чел.), Нитнера (130 чел.), Мартына (200 чел.) по приглашенію Дон. Ком. Летучій отрядъ, сорганизованный комитетомъ, ворвался на фабрику Рысса (170 чел.) остановилъ работы, порвалъ телефонныя сообщенія. Оттуда отправились по другимъ фабрикамъ и мастерскимъ: Картожиначкаго (25 чел.), Монасевича (130 чел.) Шуляцкаго (25 чел.) а также по нѣкоторымъ аптекамъ, призывая стачкой выразить солидарность петербургскимъ товарищамъ — вездѣ работы прекратились.

16-го сталъ Волгодонскій заводъ (700 чел.). Требованіе: 8-ми час. раб. день. Наканунѣ рабочіе большой массой направились въ городъ, чтобы потребовать освободить товарища Ивана Лисицына, арестованнаго 14-го февраля. На углу Покровской и Садовой ихъ встрѣтили казаки и полиціймейстеръ, который просилъ рабочихъ выбрать депутатовъ. Толпа отказалась, говоря: „арестуете“. Полиціймейстеръ уѣхалъ. Рабочіе остались ждать тутъ же отвѣта. Возвратившись, полиціймейстеръ передалъ, что, если за Лисицынымъ нѣтъ другихъ преступленій, кромѣ стачки, то онъ завтра будетъ выпущенъ [1]. Затѣмъ объявилъ отъ имени градоначальника позволеніе собраться завтра въ 10 часовъ на Темерницкой балкѣ.

Стачка распространялась дальше; захватила заводъ Зекштейна (60 чел.), Кирѣева (70 чел.) и мастерскія многихъ модныхъ мастерскихъ.

Положеніе дѣлъ въ городѣ осложняется еще тѣмъ, что уже нѣсколько дней упорно говорятъ о погромѣ. Полиція работаетъ во всю, чтобы отвести движеніе въ реакціонное русло. Какъ и въ другихъ городахъ, былъ случай избіенія студента Ананьева за „политику“, уже циркулируютъ листки съ призывомъ къ избіенію „армянъ, жидовъ и поляковъ“; 17-го въ гостинницѣ Бѣлова бывшій помощникъ пристава Милославскій на глазахъ у полиціи собираетъ народъ и произноситъ изступленныя рѣчи на тему, что жиды, армяне и студенты — главные виновники всѣхъ бѣдъ, военныхъ неудачъ и внутреннихъ смутъ и потому ихъ слѣдуетъ рѣзать. Армяне сегодня отправили депутацію къ градоначальнику въ составѣ 8 человѣкъ, изъ которыхъ 2 священника. Отвѣтъ градоначальника, генерала-маіора барона фонъ-Пельхау, графа Коцебу очень характеренъ. Депутація указала ему на овладѣвшее мѣстнымъ армянскимъ населеніемъ безпокойствомъ въ виду событій въ Баку, ряда фактовъ изъ мѣстной жизни и тревожныхъ слуховъ и обратилась къ нему съ вопросомъ, какія мѣры онъ думаетъ принять въ предупрежденіе возможнаго погрома. На это сіятельный графъ отвѣтилъ, что, конечно, нѣкоторыя мѣры необходимы, но... въ предѣлахъ возможности вообще же „противъ рабочаго движенія мы безсильны“. Представитель депутаціи, присяжно-повѣренный Чалхушьянъ, съ своей стороны, замѣтилъ тогда графу, что депутація проситъ защиты не противъ рабочаго движенія, которое само по себѣ никогда не принимаетъ отвратительной формы погрома, а противъ хулигановъ и черни, пользующихся повидимому покровительствомъ полиціи, при чемъ указалъ на сообщенные уже выше факты безнаказанной агитаціи Милославскаго и избіенія хулиганами студента Ананьева, при полномъ бездѣйствіи полицейскихъ чиновъ. По поводу перваго графъ обѣщалъ нарядить слѣдствіе, что же касается избіенія студента Ананьева, то графъ высказалъ, что народу, наконецъ, надоѣло это назойливое вмѣшательство студентовъ въ рабочее движеніе, это навязываніе ими народу чуждыхъ ему политическихъ началъ и потому подобная расправа, хотя и недопустима, но вполнѣ понятна и т. д. Въ такомъ тонѣ продолжалось дальше, пока депутація не заявила ему, что изъ его словъ она заключила, что на защиту власти разсчитывать нечего, что приходится разсчитывать на самопомощь и потому все армянское населеніе должно будетъ поголовно вооружиться, чтобы организовать надлежащій отпоръ. Тогда только зарвавшійся помпадуръ спохватился и началъ успокаивать, что онъ де съ своей стороны все сдѣлаетъ, что онъ вызоветъ войска и т. д. Въ общемъ, послѣ такого разговора депутація вынесла самое неутѣшительное впечатлѣніе и населеніе еще болѣе встревожено. Сегодня же появились казачьи разъѣзды, но будутъ ли они защищать избиваемыхъ отъ погромщиковъ или наоборотъ, какъ это было въ Кишиневѣ и Баку, еще вопросъ.

Къ забастовщикамъ полиція относится благосклонно, увѣщевая только оставаться на чисто экономической почвѣ.

Ростовъ на Дону. Въ большинствѣ забастовавшихъ въ нашемъ городѣ фабрикъ требованія слѣдующія: восьми часовой рабочій день, повышеніе заработной платы, отмѣна обысковъ и штрафовъ, замѣна сдѣльной платы поденной, отмѣна сверхурочныхъ работъ, участіе выборныхъ отъ рабочихъ въ установленіи расцѣнковъ, минимальная заработная плата, вѣжливое обращеніе и т. д. Пока въ массѣ замѣтно настроеніе экономическое, которое поддерживается усердно зубатовской политикой полиціи. Такъ, когда полиція явилась на заводъ Пастухова, она выслушала требованія рабочихъ, пожелала имъ успѣха и удалилась. Далѣе полицеймейстеръ взялъ на себя посредничество между прикащиками и хозяевами. Къ этой политикѣ полиція прибавляетъ еще провокацію. На нѣкоторыхъ заводахъ полиція распространяетъ листки, гдѣ говорятъ о подстрекательствѣ армянъ и жидовъ и приглашаетъ ихъ бить. Поощряемые полиціей, городскіе хулиганы начинаютъ избивать отдѣльныхъ студентовъ, армянъ и евреевъ. Организаціи приходится считаться съ этимъ и заняться подготовкой обороны. Теперь организація входитъ въ соглашеніе съ еврейской и армянской самообороной. Послѣдняя предлагаетъ оружіе. Я думаю, все таки, что полиціи не удастся сейчасъ вызвать погрома. Во всякомъ случаѣ, рабочіе не примутъ участія. Это можно сказать навѣрняка. Къ стачечному движенію теперь пристали почти всѣ заводы, кромѣ табачныхъ мастерскихъ и владикавказскихъ мастерскихъ. Хозяева пока не соглашаются ни на какія уступки.

17-го февраля состоялось собраніе на Темерникѣ. Къ 11½ ч. туда начали собираться группы рабочихъ и вскорѣ число ихъ достигло тысячи. Вскорѣ появилась значительная группа дѣвушекъ-работницъ модныхъ мастерскихъ. Казаки окружили ее и полицеймейстеръ потребовалъ ихъ удаленія. „Вы обѣщали мнѣ, сказалъ онъ, что вы соберетесь безъ женщинъ и мальчишекъ“. Какъ одинъ человѣкъ, загудѣла толпа „Онѣ тоже честныя труженицы! Дорогу имъ!“ А работницы также протестовали противъ этого насилія. Полицеймейстеру пришлось уступить. Криками „ура“ привѣтствовала ихъ сходка. Затѣмъ полицеймейстеръ открылъ собраніе рѣчью, въ которой, указывая на доброжелательность правительства по отношенію къ рабочимъ, приглашалъ ихъ стать на работу. А правительство спустя нѣкоторое время заставитъ фабрикантовъ уступить рабочимъ. Послѣ этой рѣчи полиція вслѣдствіе требованія рабочихъ удалилась за пригорокъ и на виду собранія не присутствовала. Собраніе открылось рѣчью товарища, приглашавшаго рабочихъ почтить память павшихъ борцовъ 9-го января въ Петербургѣ. Всѣ обнажили головы и товарищи ихъ было человѣкъ шесть заговорили о борьбѣ рабочихъ еще наканунѣ. Рабочіе заявили, что будутъ слушать лишь ораторовъ, присланныхъ Комитетомъ. Исходя изъ экономическихъ ихъ требованій, доводили ихъ до логическаго ихъ конца, до требованія свободы стачекъ, собраній, печати, слова, неприкосновенности личности, жилища, Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго, тайнаго избирательнаго права. Товарищи говорили о безправіи русскаго народа, о произволѣ полиціи, о правительственномъ гнетѣ, о созывѣ Учредительнаго Собранія. Развивая какую нибудь мысль, они спрашивали собраніе, согласны ли они, напр., съ тѣмъ, что намъ необходима свобода собраній, толпа отвѣчала — да. Когда, во время рѣчи одного товарища объ Учредительномъ Собраніи, явился приставъ и обратился къ собранію: „вѣдь, говоритъ недозволенныя вещи“, собраніе на вопросъ оратора, желаютъ ли они слушать его, отвѣтило: „да, да, долой полицію“. Приставъ долженъ былъ удалиться. Нѣсколько товарищей говорили о провокаціи правительства въ Баку и Ростовѣ, о возможности погрома здѣсь, и приглашали рабочихъ взять, на случай погрома, защиту жизни и имущества гражданъ въ свои руки. Собраніе отвѣтило, что окажетъ отпоръ погромщикамъ и криками негодованія заклеймило провокаторскую политику правительства. Это постановленіе собранія внесло немного успокоенія въ настроеніе армянъ и евреевъ. Во время сходки произошелъ одинъ характерный инцидентъ. Кто то пригласилъ одного господина удалиться, въ виду того, что онъ вызвалъ подозрѣніе у нѣкоторыхъ рабочихъ. Тогда онъ взволнованнымъ полнымъ потрясающаго негодованія голосомъ обратился къ присутствующимъ: „Товарищи! я честный труженикъ, вотъ мои мозолистые руки!“ Собраніе просило прощенія у оскорбленнаго рабочаго. Говорили рѣчи тамъ же и двѣ работницы. Въ два часа дня собраніе было объявлено закрытымъ и всѣ рабочіе приглашались на 10-ое къ 10 часамъ на народное собраніе, къ площади передъ красныхъ крестомъ. На Николаевской улицѣ казаки набросились на толпу возвращавшихся съ собранія рабочихъ. Стачка расширяется. Сегодня забастовали типографщики. Газеты не вышли. Три цеха Владикавказскихъ мастерскихъ стали. Градоначальникъ сегодня разрѣшилъ собраться въ думѣ типографщикамъ.

18 февраля паника въ городѣ къ вечеру усилилась. Особенно удручающую картину представляютъ еврейскія квартиры. Многіе отсылаютъ своихъ дѣтей въ сосѣдніе города. Въ женскихъ гимназіяхъ велѣли всѣмъ еврейкамъ явиться 19 февраля въ гимназію, которая возьметъ ихъ подъ свою защиту. Въ реальномъ училищѣ ученики потребовали сегодня прекращенія занятій, т. к., въ виду современнаго положенія дѣлъ въ Ростовѣ, небезопасно будетъ ходить по улицамъ. Ихъ распустили на три дня. На Большой Садовой окна магазиновъ заколачивались досками. Наши товарищи организовали оборону на случай погрома и вошли въ соглашеніе съ самообороной еврейской и армянской. Эта оборона отнимаетъ у нашей организаціи много силъ, особенно нужныхъ въ моментъ стачки.

Сегодня, согласно приглашенію нашего товарища, рабочіе къ 10 часамъ стали скопляться къ балкѣ передъ Георгіевской церковью. Когда собралась толпа около 300 человѣкъ, изъ за ограды выскочили казаки и началось ужасное избіеніе. Какъ остервенѣлые, гнались они за убѣгавшими и ударами нагаекъ валили съ ногъ. Вслѣдствіе неожиданности нападенія рабочіе растерялись и не оказали никакого сопротивленія. Въ городѣ страшное возмущеніе этимъ новымъ жертвоприношеніемъ на алтарь самодержавія. Хулиганы „черной сотни“ по прежнему подвизаются. Вчера сильно побили трехъ учениковъ среднетехниковъ — будущихъ соціалистовъ. Прокламаціи, приглашавшія „бить жидовъ“, подписаны были какимъ то „союзомъ русскихъ рабочихъ“.

Ростовъ. Вчера 14 февраля было общее собраніе приказчиковъ (общее число ихъ здѣсь 4000), на которомъ были приняты требованія, очень умѣренныя: 12 час. раб. день, съ перерывомъ 2 часа на обѣдъ, предупрежденіе за мѣсяцъ объ увольненіи съ выдачею вознагражденія впередъ, третейскій судъ изъ представителей приказчиковъ и хозяевъ, и т. п. На этомъ собраніи все время присутствовали, не вызывая протеста со стороны приказчиковъ, полиціймейстеръ, приставъ, масса городовыхъ и конечно, шпиковъ. Въ заключеніе собраніе при громкихъ одушевленныхъ рукоплесканіяхъ выразило благодарность полиціймейстеру за разрѣшеніе собранія и постановило сдѣлать сборъ въ пользу краснаго креста, который, впрочемъ, далъ всего 1 р. 50 к. Собраніе рѣшило передать предпринимателямъ свои требованія черезъ полиціймейстера, который предупредительно предложилъ передать ихъ градоначальнику. Это и неудивительно. Въ массѣ приказчики едва-ли не самый отсталый элементъ, нерѣдко эксплуатируемый хуже рабочихъ, но неизмѣнно старающійся походить на „господъ“. Такъ, напримѣръ, на собраніи нѣкоторые запротестовали, когда кто-то пытался провести параллель между ними и пролетаріатомъ, прося не смѣшивать ихъ съ рабочими. На собраніи же намѣтились и другіе элементы, изъ которыхъ, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ удастся сорганизовать соціальдемократическое ядро. Привожу полностью заявленіе приказчиковъ, переданное полиціймейстеру:

„Его высокоблагородію
Г-ну Полиціймейстеру Ростова и Нахичевани на Д.

Представленныя при семъ выработанныя, согласно разрѣшенія Вашего Высокоблагородія, требованія служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ г. Ростова и Нахичевани на Д., мы, выборные, имѣемъ честь просить Ваше Высокородіе огласить эти требованія передъ г. г. предпринимателями или же дать намъ возможность легальнымъ путемъ — путемъ печати — оповѣстить ихъ. Въ противномъ случаѣ всеобщее массовое движеніе можетъ охватить и нашу среду, которая дабы найти исходъ изъ теперешняго положенія можетъ воспользоваться печатью нелегальною.

Доводя вышеозначенное до вашего свѣдѣнія, мы, выборные, и покорнѣйше просимъ принять вышеизложенное во вниманіе и при неудовлетвореніи нашей просьбы, слагаемъ съ себя всякія обязанности, такъ какъ мы отказываемся въ такомъ случаѣ отъ данныхъ намъ полномочій“.

Приказчики рѣшили ждать отвѣта отъ предпринимателей до 21—22 февраля, и такъ какъ утвердительный отвѣтъ сомнителенъ — то стачка неминуема.

Сухумъ. . Нашъ захолустный городокъ тоже пріобщился къ революціи. Это выразилось прежде всего въ устройствѣ банкета, на который собралось около 100 человѣкъ, — почти все русскіе, немного туземцевъ: грековъ, грузинъ и др. Лились рѣчи довольно радикальныя для обывателя, пѣли „дубинушку“, марсельезу, музыку заставили исполнить марсельезу.

Серьезное движеніе началось недѣли полторы послѣ банкета. За городомъ собралась сходка изъ приказчиковъ и мелкихъ ремесленниковъ; всѣхъ собравшихся было около 300 человѣкъ. Пріѣхавшимъ агитаторомъ с.-д. была произнесена рѣчь на грузинскомъ языкѣ. Приказчики выставили послѣ этого требованіе воскреснаго отдыха и торговли въ будни отъ 7 час. утра до 9 час. вечера. Перетрусившая полиція сначала поддерживала требованія приказчиковъ и убѣждала купцовъ уступить, но потомъ нѣкоторые купцы стали исподволь вводить прежнія условія работы для приказчиковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе отвѣчали битьемъ стеколъ въ магазинахъ. Прошлое воскресенье вечеромъ дѣло дошло до открытаго столкновенія съ полиціей и стражниками. Ударомъ шашки убитъ одинъ грузинъ, 10 человѣкъ получили огнестрѣльныя раны, тяжело раненъ городовой. До 20 человѣкъ арестовано. На слѣдующій день къ приказчикамъ присоединились сами хозяева и объявили забастовку. Лавки, мастерскія, базаръ — были закрыты, торговля совершенно прекратилась, негдѣ было достать даже хлѣба. Выставлены были требованія: освобожденіе арестованныхъ, удаленіе со службы помощника пристава, убійцы грузина, и выдача трупа для похоронъ. Черезъ два дня арестованные были выпущены; тогда у зданія тюрьмы собралась толпа въ 1500 человѣкъ, чтобы присутствовать на разрѣшенныхъ похоронахъ убитаго полиціей грузина.

Народъ, неся пустой гробъ, двинулся на кладбище, гдѣ полиція зарыла трупъ покойника, заставилъ отрыть его и освидѣтельствовать въ присутствіи врача. Послѣ этого была произнесена рѣчь на грузинскомъ языкѣ и трупъ былъ опущенъ въ могилу. Теперь на время все успокоилось, хотя настроеніе тревожное и всѣ ждутъ возобновленія волненій. Многіе изъ русскихъ обывателей опасаются, что безпорядки перейдутъ на почву національныхъ распрей, такъ какъ полиція все время занята науськиваніемъ неорганизованныхъ рабочихъ на грузинъ. Установлены случаи подкупа полиціей нѣкоторыхъ изъ рабочихъ; говорятъ, что на тѣ же цѣли выдаетъ субсидіи городской голова изъ суммъ, принадлежащихъ „городу“.

Кіевъ. 17-го февраля Управленцы Юго-Восточн. жел. дорогъ еще твердо стоятъ на своихъ требованіяхъ; двое изъ нихъ арестованы, фамилій не знаю. Фармацевты не хотятъ итти ни на какія уступки и аптеки не исполняютъ заказовъ. Въ требованіяхъ фармацевтовъ есть, между прочимъ, требованіе отмѣны пенсіоната. Недавно въ одномъ изъ помѣщеній пенсіоната одному фармацевту крыса просто откусила губу. Характерный фактъ, неправда ли?

У насъ литературно артистическое общество закрыто по приказанію генералъ-губернатора. Въ послѣдній разъ тамъ былъ рефератъ о націонализмѣ. Читалъ какой-то сіонистъ, рефератъ былъ плохъ. Возражали ему сначала одинъ бундовецъ; блестящая рѣчь; а потомъ нѣсколько соціальдемократовъ говорили блестящія рѣчи, окончившіяся словами: Да здравствуетъ россійская, да здравствуетъ международная соціальдемократическая рабочая партія. Настроеніе было приличное, можно сказать; никакихъ открытыхъ проявленій сочувствія однако же не было.

На дняхъ арестовали сходку изъ 120 чел. бундовцевъ раб. и двухъ интеллигентовъ съ ними; всѣхъ били...

21-го февраля. У насъ все спокойно. Забастовка управленцевъ окончилась блестящимъ успѣхомъ, забастовка фармацевтовъ близится къ концу; происходитъ частичная забастовка приказчиковъ; ихъ разрозненность не позволяетъ имъ одновременно и однообразно вести свою линію.

Сарепта (Саратовской губ.). 16 февраля желѣзныя дороги одна за другой забастовываютъ. У насъ въ Саратовѣ теперь 9 и час. рабочій день, только на дѣлѣ выходитъ по старому, такъ какъ раньше давалось полчаса на завтракъ, которые обычно растягивались на цѣлый часъ.

На электрической станціи предъявили нѣкоторыя требованія, въ случаѣ неудовлетворенія рѣшали бастовать. Въ отвѣтъ получилась телеграмма, въ которой говорится, что требованія пошли на разсмотрѣніе въ Петербургъ, а пока всѣ желѣзныя дороги объявлены на военномъ положеніи, въ силу котораго всякій, кто оставитъ работу безъ уважительныхъ причинъ и вообще безъ разрѣшенія начальства, тотъ попадетъ въ тюрьму отъ 4 до 8 мѣсяцевъ.

Астрахань. 11 февраля началась стачка. Забастовали всѣ ремонтныя мастерскія на Балдѣ. 15-го присоединились рабочіе Заячьяго острова и часть бондарей. Стачка распространяется, ждемъ всеобщей забастовки. Выставлены общепролетарскія требованія. Капиталисты и управляющіе настроены примирительно. Администрація же жаждетъ проявить свою распорядительность. Она убѣждаетъ хозяевъ не дѣлать уступокъ и провоцировать рабочихъ на насилія. Въ Петербургъ дана телеграмма съ просьбой прислать войско.

Полиція распускаетъ слухи, что стачечники будутъ грабить армянъ и евреевъ. Фабрикантамъ и управляющимъ было предложено разъяснять рабочимъ, что все зло происходитъ отъ товарищей другихъ національностей. Организованные рабочіе отвѣтили на это заявленіемъ, разъясняющимъ обществу, за что они борятся и кто ихъ врагъ.

Александровскъ (Екатеринославск. губ.), 20 февраля. (изъ частнаго письма). На дняхъ мнѣ привелось пережить пріятные моменты. Я былъ очевидцемъ слѣдующаго. На главной площади нашего города собрались желѣзнодорожные рабочіе около 1000 чел. Изъ толпы выступилъ ораторъ, то же рабочій, и говорилъ о пользѣ 8 часоваго рабочаго дня, о борьбѣ пролетаріата съ капиталистами, о значеніи стачекъ и т. п. Кругомъ раздавались громкіе возгласы „ура“, „да здравствуетъ свобода“. Къ толпѣ присоединились приказчики, хотя требованія приказчиковъ сводятся къ самымъ незначительнымъ улучшеніямъ ихъ экономическаго положенія (они стали тотчасъ же на работу, лишь только получили удовлетвореніе). Послѣ рѣчей, рабочіе двинулись на главную улицу. Толпа любопытныхъ шла по тротуарамъ, слѣдуя шагъ за шагомъ, за демонстрантами. На встрѣчу послѣднимъ появилась полиція, но ее съ тріумфомъ выпроводили, а сами слѣдовали дальше. Послышался барабанный бой и звуки трубъ. Рота солдатъ преградила имъ путь, но начальство, предупрежденное печальными петербургскими, рижскими и др. событіями, приказало открыть дорогу, и на глазахъ всей полиціи и солдатъ рабочіе продолжали шествіе. Стачка продолжается. Сегодня присоединились извозчики и прислуга.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ СОБЫТІЯ ВЪ ПОЛЬШѢ.

(Сообщено С.-Д. Ц. П. и Л.)

Варшава, мартъ. Возстаніе рабочаго класса какъ гроза разлилось надъ всей Польшей. Извѣстія о кровавомъ 9-омъ января пали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Варшавѣ и Лодзи, на хорошо подготовленную почву, въ другихъ то же самое дѣйствіе было достигнуто, благодаря революціонному духу рабочаго класса. Въ Варшавѣ — еще за 2-3 недѣли до петербургскихъ событій — господствовало довольно сильное возбужденіе, въ виду ожидавшейся къ 16 (29) января демонстраціи. (Она была пріурочена къ годовщинѣ казни „Пролетаріатцевъ“, но цѣлью ея должно было быть дать исходъ накопившейся въ польскомъ пролетаріатѣ революціонной энергіи и протестовать противъ войны и самодержавія).

Втеченіе предшествовавшихъ трехъ недѣль нашей организаціей велась оживленная устная агитація для подготовки этой демонстраціи на многочисленныхъ собраніяхъ, а на послѣдней недѣлѣ были распространены въ значительномъ количествѣ (8 тысячъ) прокламаціи Правленія и призывные листки мѣстнаго комитета. При такомъ настроеніи рабочихъ распространенія прокламацій по поводу петербургской революціонной стачки (въ 6 тыс. экземпл.) было достаточно, чтобы вызвать сильнѣйшее броженіе среди рабочихъ. Уже въ среду и четвергъ всѣ организованные товарищи заявили, что фабрики и заводы остановятся въ самомъ непродолжительномъ времени. Но желая придать стачкѣ болѣе планомѣрный и организованный характеръ, мы рѣшили не призывать еще въ этотъ день ко всеобщей стачкѣ, а остановить лишь тѣ фабрики и заводы, на которыхъ броженіе особенно сильно такъ, чтобы къ воскресенью-понедѣльнику стачка стала всеобщей. И въ самомъ дѣлѣ, въ пятницу утромъ нѣсколько фабрикъ въ предмѣстьѣ Волѣ, гдѣ наше вліяніе особенно сильно, остановились, и забастовавшіе рабочіе вслѣдъ затѣмъ остановили всѣ фабрики, заводы и мелкія ремесленныя заведенія во всемъ примыкающемъ районѣ. Рабочіе нижней привислинской части города, по призыву рабочихъ изъ верхней части города, тоже примкнули къ всеобщей забастовкѣ. Уже въ первый день забастовки въ Вольскомъ районѣ стали собираться рабочіе огромными толпами; тутъ раздавались и читались на расхватъ прокламаціи нашей партіи. Но рѣчи говорились только на слѣдующій день и слушались съ страшнымъ возбужденіемъ. Однако же, уже въ первый день, т. е. 27 (14) января, произошла серьезная схватка рабочихъ съ войскомъ (на улицѣ Холодной); толпа была тутъ разсѣяна жандармами и драгунами лишь послѣ того, какъ пало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ (убито 2 чел.). Рабочіе отражали нападеніе кирпичами и убили также двухъ жандармовъ и нѣсколькихъ городовыхъ. Съ субботы забастовка въ Варшавѣ и Прагѣ стала всеобщей: остановились всѣ фабрики и заводы, прекратили работу ремесленныя заведенія, было пріостановлено движеніе конки и извозчиковъ, прервано телефонное сообщеніе, была закрыта масса лавокъ. Газеты не издавались, ощущался недостатокъ хлѣба, вечеромъ въ субботу весь городъ погрузился въ мракъ, такъ какъ хотя и не удалось прекратить дѣятельности газовыхъ заводовъ въ виду сильной охраны войсками, но повсюду были разбиты фонари. Такимъ же образомъ была доказана лживость утвержденія оберполиціймейстера, писавшаго въ своемъ обращеніи къ рабочимъ Варшавы уже въ самый день стачки, что „рабочіе г. Варшавы не нарушатъ спокойствія несмотря на происшествія въ Россіи“.

---

[1] Другой корреспондентъ раскавываетъ, что полиціймейстеръ носясь по телефону съ начальникомъ охраны Апличеевымъ ровалъ свое предложеніе освободить Лисицына тѣмъ, что ъ нельзя раздражать рабочихъ.“

„Если мы не будемъ арестовывать вожаковъ, завтра же рабочіе пойдутъ со знаменами по Садовой“, отвѣчалъ Апличеевъ.

Въ такой же мѣрѣ оказались невѣрны утвержденія П. П. С. будто-бы у польскихъ рабочихъ имѣются какіе то „спеціальные интересы", не позволяющіе имъ идти рука объ руку съ русскими рабочими. Напрасно увѣряетъ П. П. С., будто бы стачка была ею подготовляема заранѣе по поводу ожидавшейся въ Варшавѣ мобилизаціи. Политическое возстаніе польскихъ рабочихъ произошло не во имя возстановленія Польши, а во имя низверженія самодержавія.

Требованія рабочихъ были формулированы нашей партіей въ прокламаціи „Къ всеобщей стачкѣ", распространенной въ огромномъ количествѣ (14 съ половиною тысячъ); болѣе подробнымъ образомъ они были формулированы въ прокламаціи мѣстнаго комитета. Кромѣ того, нами была выпущена прокламація къ пекарямъ.

Съ субботы началась кровавая расправа. Для этого царскимъ властямъ прежде всего потребовалось придать движенію характеръ „нападенія на частную собственность". Конечно, для этого недостаточно было того факта, что рабочіе (болѣе пылкіе и менѣе сознательные) начали разрушать монопольныя лавки (всего разорено 22 лавки изъ числа сорока слишкомъ); нѣкоторыя лавки поджигались; нигдѣ при этомъ рабочіе не позволяли пользоваться виномъ, но приказывали его выливать. Для всѣхъ было ясно, что нападеніе на притоны, посредствомъ которыхъ царское правительство развращаетъ народъ, является ничѣмъ другимъ, какъ только протестомъ противъ этого правительства. Царскіе слуги прибѣгли тогда къ другому средству: къ религіозной травлѣ. Но попытки организовать еврейскій погромъ не удались, и полиція напрасно натравила толпу на еврейскія лавки; въ одномъ мѣстѣ, на Желѣзной улицѣ нашимъ товарищамъ удалось не только удержать толпу отъ погрома, но также превратить нападеніе на лавки въ демонстрацію противъ правительства. Тогда полиція выпустила изъ тюремъ толпу профессіональныхъ воровъ и мошенниковъ и позволила имъ свободно грабить лавки, отчасти руководя даже этимъ грабежемъ или принимая въ немъ участіе (фактъ „прибытія" въ городъ массы хулигановъ съ цѣлью грабить лавки былъ отмѣченъ самимъ оффиціознымъ „Варшавскимъ Дневникомъ"). Но вотъ, въ то время, какъ на Маршалковской, Краковскомъ Предмѣстьѣ, Новомъ Свѣтѣ, т. е. въ центрѣ города, позволяли безнаказанно грабить, на окраинахъ, въ рабочихъ кварталахъ стали раздаваться, якобы для охраны собственности, залпъ за залпомъ по мирно собирающимся кучкамъ народа и по мирно демонстрирующимъ рабочимъ.

Несмотря, однакожъ, на это безпощадное, прямо таки звѣрское разстрѣливаніе (въ субботу нѣкоторые солдаты стрѣляли вверхъ; оберъ-полиціймейстеръ пришелъ къ заключенію, что убитыхъ мало и строжайше приказалъ получше цѣлиться), нашимъ товарищамъ удалось, какъ мы упомянули уже выше, организовать демонстрацію. Ходили по улицамъ съ пѣніемъ и революціонными возгласами: „долой войну! долой самодержавіе! да здравствуетъ революція! да здравствуетъ демократическая республика! да здравствуетъ соціальдемократія!" впродолженіе *нѣсколькихъ часовъ*. Встрѣчали нѣсколько разъ отряды войска, послѣдніе стрѣляли въ толпу, падали трупы, многіе отставали, но демонстранты шли дальше по всѣмъ рабочимъ кварталамъ въ окрестностяхъ Холодной ул. Къ шествію присоединялись все новые рабочіе и, такимъ образомъ, къ 9 часамъ вечера, когда демонстрирующіе достигли площади Витковскаго, толпа насчитывала уже, по меньшей мѣрѣ, около 5 тысячъ челов. Къ демонстрантамъ присоединились члены П. П. С. Но жертвъ на этой демонстраціи было много, и полиція увезла ночью съ площади Витковскаго *на двухъ платформахъ массу труповъ*. Въ воскресенье ожидалась демонстрація, уже раньше назначенная нами на этотъ день; къ ней въ послѣдній моментъ обѣщалъ присоединиться и Бундъ. Звала на демонстрацію (передъ памятникомъ Мицкевича) и П. П. С. Эта демон[illegible] соціальдемократическая демонстрація правл[illegible] сторонѣ отъ всѣхъ назначенныхъ напередъ пунктовъ [illegible] стрировать тамъ не было никакой возможности въ виду [illegible] наго скопленія войскъ). Небольшая группа нашихъ [illegible] сопровождавшихъ знаменоносца, выбросила знам[illegible] Долгой и Фрета и устроила демонст[illegible] пѣсни, раздавались революціонные в[illegible] публикѣ прокламаціи) по Московской ул., причемъ въ шествіи приняла участіе масса посторонней публики.

Послѣдовавшіе дни стачки изобиловали столкновеніями съ полиціей и отдѣльными небольшими отрядами „охранителей порядка": гдѣ только предоставлялась малѣйшая возможность, тамъ рабочіе вездѣ вступали въ борьбу съ царскими слугами. Еще въ первые два дня стачки были разграблены двѣ оружейныя лавки и одна съ холоднымъ оружіемъ; значительно позже нашими товарищами было организовано нападеніе еще на одну лавку, изъ которой взято было штукъ 40 револьверовъ. Имѣя въ своихъ рукахъ хоть сколько нибудь оружія, рабочіе начали вести партизанскую борьбу съ полиціей: множество полицейскихъ были тяжело ранены еще въ первые дни забастовки, были также раненые, а можетъ быть и убитые, среди солдатъ и офицеровъ; были также отдѣльные случаи, что казаки изгонялись изъ фабрики, и рабочіе отнимали у нихъ оружіе (напримѣръ, на Лешнѣ); нападали также на патрули и отнимали у солдатъ винтовки (напримѣръ, на Прагѣ). Настроеніе было страшно возбужденное; прокламаціи читались нарасхватъ, объявленія оберъ-полиціймейстера въ рабочихъ кварталахъ моментально срывались; несмотря на исключительныя мѣры, принятыя властями, стачкой мы не перестали руководить, и агитаторы постоянно собирались. Происходили даже и болѣе многочисленныя собранія рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ.

По истеченіи недѣли, 2-го февраля мы рѣшили призвать рабочихъ къ прекращенію стачки, какъ политической демонстраціи; были выработаны требованія, которыя слѣдовало выставить въ отдѣльныхъ фабрикахъ, и таковыя предложены предпринимателямъ. Напрасно требовалъ полиціймейстеръ положиться на заботы правительства, властей и фабрикантовъ о рабочихъ; не смотря на страшную нужду, рабочіе упорно настаивали на исполненіи своихъ требованій. Лозунгомъ стачки, съ того момента, какъ она приняла экономическій характеръ, сталъ „восьмичасовый рабочій день", и, благодаря этому, забастовка еще и въ данный моментъ имѣетъ ярко соціальдемократическій характеръ. Добиваясь этого, рабочіе проявляютъ столько настойчивости, что стачка, несмотря на то, что длится уже четвертую недѣлю, не утратила характера всеобщей; все еще бастуютъ десятки тысячъ рабочихъ, а на мѣсто тѣхъ, которые возвращаются къ занятіямъ, начинаютъ бастовать все новыя и новыя отрасли труда (приказчики, аптекари, желѣзнодорожные рабочіе и служащіе, служащіе банковъ и конторъ и т. д.). Изъ Варшавы стачка распространилась по окрестностямъ: забастовали всѣ фабрики въ Прушковѣ, пріостановлена была работа въ Жирардовѣ, стачка охватила массу маленькихъ городковъ, поселковъ, мѣстечекъ въ Варшавской, Плоцкой и Сѣдлецкой губ. (Кутно, Влоцлавскъ, Плоцкъ, Пултускъ, Сѣдлецъ, Соколовъ и т. д.).

Обращаясь отъ Варшавы къ Лодзи, мы увидимъ, что и тамъ почва для движенія была подготовлена соціальдемократіей. Этому особенно способствовала стачка, которая уже раньше велась нашей организаціей на фабрикѣ Штейнерта. Появились наши прокламаціи подъ заглавіемъ „Всеобщая стачка и революція въ Петербургѣ", затѣмъ прокламаціи съ призывомъ „Къ всеобщей стачкѣ". Стачка въ самомъ дѣлѣ охватила въ теченіи короткаго времени всю Лодзь: 150 тысячъ рабочихъ бросило работу, и тутъ такъ же, какъ и въ другихъ городахъ, бастовали наборщики, пекари, было прекращено движеніе въ городѣ и прервано телефонное сообщеніе. Характерной чертой лодзинской стачки является то обстоятельство, что здѣсь за все время забастовки не было ни одного случая грабежа: это тѣмъ болѣе поразительно, если вспомнить лодзинскую стачку 1892 года или же сопоставить Лодзь съ Варшавой. Рабочіе вели себя удивительно выдержанно; происходили массовыя собранія, и наши товарищи во многихъ частяхъ города говорили рѣчи, читались вслухъ передъ толпой прокламаціи, но всякихъ поводовъ къ столкновенію съ войсками избѣгали. Были лишь столкновенія съ казаками въ Видзевѣ, предмѣстьѣ Лодзи, гдѣ рабочіе прогнали казаковъ, помявъ имъ хорошенько бока. Былъ призванъ отрядъ пѣхоты, давшій нѣсколько залповъ, отъ которыхъ пало человѣкъ 9 убитыхъ, 20 раненыхъ. Однакожъ „побѣда" чего нибудь да стоила христолюбивому царскому воинству, ибо были убиты также 3 казака и нѣсколько ранено. Вслѣдъ за Лодзью стачка охватила и весь Лодзинскій промышленный районъ: Пабьяницы, Томашевъ, Згержъ, Здунскую Волю. Бастовали рабочіе также и въ Калишѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сосѣдней Калишской губ.

Обратимся еще къ третьему большому промышленному району: Сосновицы-Домброво и Честнохово. Особенно интересныя проявленія революціонной стачки слѣдуетъ отмѣтить въ Сосновицко-Домбровскомъ угольномъ бассейнѣ. Стачка началась тамъ съ 1-го февраля; вызвана она была извѣстіями о петербургскихъ, а затѣмъ и Варшавскихъ событіяхъ. Интересно, впрочемъ, еще отмѣтить, въ виду того, что стачка, по разсказамъ П. П. С., вызвана этой партіей (въ то время какъ организація этой партіи „основана" только послѣ начала стачки), то обстоятельство, что и здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, была распространена прокламація нашей партіи, призывающая къ демонстраціи, и, по свидѣтельству нашихъ товарищей, она вызвала среди рабочихъ сильное волненіе, такъ что начали уже поговаривать о стачкѣ. И здѣсь стачка стала скоро всеобщей; но что характерно для этого движенія, почти совершенно не организованнаго, это необыкновенно революціонное настроеніе рабочихъ: устроено было нѣсколько демонстративныхъ шествій съ нашими знаменами и подъ нашими лозунгами, шествій, прямо таки поражавшихъ своими громадными размѣрами и приводившихъ полицію въ такой ужасъ, что она совершенно стушевывалась передъ демонстрантами. Были также громадныя народныя собранія; на одномъ изъ нихъ, въ Сѣльцѣ около реальнаго училища, было тысячъ 20 участниковъ. На собраніи говорили два нашихъ оратора, и призывъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ, къ борьбѣ за Учредительное Собраніе, за демократическую республику былъ принятъ съ огромнымъ воодушевленіемъ. Говорившіе тутъ П. П. С-овцы (говорили даже и буржуазные „народовые демократы") оскандалились предложеніемъ отсрочить стачку до 1-го мая, пока же идти на уступки предпринимателямъ.

Но скоро въ Домброво были присланы въ значительномъ количествѣ войска и — началась расправа. Стрѣляли въ рабочихъ, желавшихъ остановить заводъ Екатерину, и — убили 40, ранивъ нѣсколько десятковъ другихъ; стрѣляли въ демонстрирующихъ рабочихъ передъ вокзаломъ въ Сосновицѣ — убили 60 человѣкъ, многихъ ранили. Насколько сильно было революціонное настроеніе рабочихъ, видно изъ того, что упомянутая демонстрація, на которой пали десятки убитыхъ, происходила уже послѣ кровавой расправы возлѣ завода Екатерины. Но войска наводнили Домбровскій районъ — и бурное революціонное движеніе должно было уложиться въ мирное русло экономической стачки, не теряя однакожъ отъ этого нисколько своего революціоннаго значенія.

Не менѣе широкіе размѣры приняла и стачка въ Ченстоховѣ, хотя здѣсь она выразилась въ совершенно спокойной формѣ. Рабочіе забастовали, начиная съ 1-го февраля, выработали подъ руководствомъ нашихъ товарищей требованія и упорно отстаиваютъ таковыя.

Революціонная стачка охватила, однакожъ, не только названные до сихъ поръ промышленные центры. Она охватила также Завержье, послѣ распространенія прокламаціи, изданной нашей Ченстоховской организаціей; [illegible] ли и рабочіе въ Новорадомскѣ; бросили также работу во всѣхъ промышленныхъ центрахъ [illegible] губерніи Радомъ, Стараховице [illegible] столкновеніе произошло въ Скаржискѣ, гдѣ [illegible] устроили демонстрацію, а войска, стрѣляя въ толпу [illegible] нѣсколько десятковъ человѣкъ. Прибавимъ [illegible] и мы придемъ къ заключенію что въ Царствѣ Польскомъ не [illegible] мѣстечка, которое, насчитывая нѣсколько сотенъ рабочихъ, не отозвалось бы на голосъ петербургскихъ рабочихъ, призвавшихъ 9-го января всю Россію къ первому генеральному сраженію съ самодержавіемъ.

Какъ бы ни стихійно, какъ бы ни мало сознательно было движеніе въ этихъ мѣстностяхъ, оно все-таки является актомъ первостепенной важности въ нашей борьбѣ за демократическую республику, оно доказываетъ, что польскій пролетаріатъ дѣйствуетъ и можетъ дѣйствовать исключительно лишь въ духѣ соціальдемократіи.

Что касается „П. П. С.", то для нея январьскія событія были, очевидно, громомъ съ яснаго неба. Легко понять, въ какое положеніе поставлена была этими событіями партія, упорно утверждавшая въ теченіе 12 лѣтъ, что въ Россіи рабочій народъ „не дозрѣлъ" до революціоннаго движенія. На удивленіе міру, еще *въ январьскомъ номерѣ* органа этой партіи „Пржедсвитъ" можно читать, въ обширной полемикѣ противъ русской соціальдемократіи, утвержденіе, что „русскій пролетаріатъ, къ сожалѣнію, еще не проснулся". Ясно, что пролетарская революція въ Россіи застигла соціальпатріотовъ врасплохъ и разрушила сразу всю ихъ позицію націоналистическаго утопизма, основанную на мнимой безнадежности революціонной массовой борьбы въ Россіи. Грандіозное выступленіе польскаго пролетаріата, вполнѣ солидарнаго съ пролетаріатомъ Россіи, за общія цѣли сверженія самодержавія, выказало однимъ ударомъ все пустословіе громогласныхъ утвержденій П. П. С. объ ея „могущественномъ вліяніи". Въ рѣшительный моментъ, залитая волной мощнаго классоваго движенія русскихъ и польскихъ рабочихъ, П. П. С. не посмѣла не только позвать „народъ къ возстанію" для возстановленія Польши, но вообще припрятала всю свою націоналистическую программу. Послѣднюю она сохранила лишь постольку, по скольку, выставляя какъ свое политическое требованіе какую то неопредѣленно-нелѣпую фразу о „законодательномъ сеймѣ въ Польшѣ", замолчала совершенно вопросъ, къ какому собственно политическому строю Россіи сей „сеймъ" долженъ быть прицѣпленъ: къ самодержавію ли, къ конституціонному ли строю или къ республикѣ. Этотъ трусливый поворотъ спиной къ русскому революціонному пролетаріату въ самый разгаръ его борьбы, есть все, что осталось отъ націоналистическаго сепаратизма, проповѣдуемаго этой партіей столь долгіе годы.

Тотъ фактъ, что все нынѣшнее революціонное возстаніе польскаго рабочаго класса есть блестящее оправданіе соціальдемократической программы, что столь благопріятный для всякаго мало-мальски здороваго національнаго движенія моментъ не вызвалъ въ Польшѣ даже въ мелкобуржуазныхъ, интеллигентскихъ кругахъ ни малѣйшаго проявленія національныхъ стремленій въ смыслѣ независимости, обозначаетъ самое рѣшительное банкротство соціаль-націоналистическаго направленія. Революціонный періодъ развѣялъ у насъ въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, разныя иллюзіи, выдвигая въ то же время, какъ реальную силу то, что разные „друзья рабочаго класса" упорно объявляли тщетной иллюзіей.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Вышли изданія: **Петербургской** группы: Призывъ къ всеобщей стачкѣ въ день открытія комиссіи Шидловскаго; (отъ имени Василье-островскаго района) — о выборахъ въ комиссію Шидловскаго; (Нарвской организаціи) — о 19 февраля; (Путиловской организаціи): „Къ дѣлу!"; (отъ к-та типогр. рабочихъ) „Ко всѣмъ типографамъ" — требованія и призывъ къ стачкѣ. **Нижегородскаго комитета**: „Къ солдатамъ" (печ.), „Къ офицерамъ" и „Письмо Гапона" (гектогр.), „Къ рабочимъ фабрики Молитова" (печ.); **Нижегородской группы** „Къ нижегородскому пролетаріату" (призывъ къ всеобщей забастовкѣ). **Орлово-Брянскаго комитета** — листокъ о петербургской стачкѣ съ призывомъ къ борьбѣ. **Смоленскаго комитета**: „Пора кончать" (печ.) и „Отвѣтъ царю" (печ. — 2000 экз.); **Крымскаго союза** — 19-ое февраля (15.000 экземпл., печ.) и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (объ Учр. Собр. — печ. въ 13000 экз.). **Мелитопольской организаціи** Крымскаго союза: „Ко всѣмъ ремесленникамъ и приказчикамъ г. Мелитополя" (200 экз., призывъ къ забастовкѣ). **Ѳеодосійской** организаціи крымскаго союза: „Къ борьбѣ!" (призывъ къ всеобщей стачкѣ); „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ табачн. фабрикъ" (печ. — 600 экземпляровъ), „Ко всѣмъ рабочимъ табачныхъ фабрикъ „Артель", „Самсонъ" и „Стамболи" (750 экземпляровъ) и „Ко всѣмъ ремесленникамъ г. Ѳеодосіи" (250 экземпляровъ). **Одесской** группы. — Призывъ къ вокзальнымъ рабочимъ; Призывъ къ рабочимъ Вальтуха, „Къ забастовкѣ!", „Царскія комиссіи по рабочему вопросу", „Ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ". **Одесскаго комитета**: „19-е февраля (10000 экз.) **Балаханскихъ** рабочихъ „Ко всѣмъ рабочимъ" (отъ 18 января — печ.) и резолюція народнаго собранія. **Тифлисскаго** комитета „Ко всѣмъ рабочимъ (противъ Кавказ. С. К.). **Томскаго** комитета „О борьбѣ съ монархіей", „Въ вѣнокъ убитому товарищу" и „Резолюція собранія въ 700 человѣкъ". **Сибирскаго** союза „Ко всѣмъ рабочимъ по Сибирской и Забайкальской дорогѣ" (№ 92). **Екатеринославскаго комитета** „Чего мы требуемъ?" (8000 экземпл.), „Чему учитъ насъ стачка" и „Ко всѣмъ" (10000 экз.). **Минской** группы „Царь, попы и рабочіе" (3000 экземпляровъ). **Кіевскаго** ком: „Къ служащимъ управленія Ю-З. и К-П. жел. дорогъ" (2000 экз.), „Къ рабочимъ Кіев. жел. дор. мастерскихъ", „Воззваніе междунар. соц. бюро" (7000 экз.), „Отступленіе Николая II" (о ком. Шидловскаго — 7000 экз.). **Харьковскаго** комитета „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (о дем. респ.—4000, печ.) и „Къ рабочимъ табачныхъ фабрикъ" (гект.). **Донского ком.**: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (объ Учр. Собр., печ.), „Ко всѣмъ рабочимъ" (призывъ къ всеоб. стачкѣ, печ.), „Какое страхованіе намъ нужно?" (перепеч. въ 5000 экз.), „Къ рабочимъ маст. Влад. ж. д." и „Къ заготовщикамъ" (гект.). **Астраханскаго** комитета: „Ко всѣмъ рабочимъ" (призывъ къ стачкѣ, печ.); объ убійствѣ Сергѣя (мимеогр.). **Кременчугскаго ком.**: „Къ жел. дор. маст. (1000), „Къ депо" (200), „Къ казакамъ и солдатамъ" (6000), „Ко всѣмъ рабочимъ" (объ избіеніи 5 февр., 5000). **Воронежскаго** комитета („Касса борьбы")—„Къ учащимся". **Рыбинской группы**: „Къ жел. дор. рабочимъ". **Бакинскаго ком**.: „Резолюція собранія 13 февраля", „Бакинскія преступленія царск. правительства", „Бюллетень" ком. и „Праздникъ дружбы". **Мингрельско-Имеретинскаго** ком. — Призывъ къ всеобщ. стачкѣ въ Кутаисѣ. **Терско-Дагестанскаго** ком. — „Общія требованія рабочихъ г. Грознаго". **С.-д. жел. дор. Союза** — „Ко всѣмъ жел. дор. рабоч. (гектогр.).

Центральнымъ ком. перепечатаны: въ 40000 экз. прокламація „Пора кончать" и брош. „Первый шагъ".

Вышла отд. оттискомъ изъ № 4 „Соц. дем." „Они заговорили!" (о рѣчи царя и т. д.). Запоздалый № „С.-Д." выходитъ на дняхъ.

Тов. **Троцкимъ** выпущена брошюра „До 9 го янв." съ предисл. **Парвуса**: тов. Л. **Надеждинымъ** — „На родной сторонѣ" № 1 (сборникъ статей) и „Церковныя рѣчи о рабочихъ невзгодахъ и волненіяхъ".

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Пермь. Арестована Плюснина. **Кострома** Въ началѣ [illegible] арестованы: Предсѣдатель Костромскаго отдѣла Москов[illegible]ператорскаго Сельскохозяйственнаго общества Ю. Спас[illegible]ловъ, В. Голубковъ, учитель словесности въ жен[illegible]назіи. (Теперь выпущены). **Нижній-Новгородъ**. Съ 1 [illegible] арестованы приказчики Поповъ и Бѣлозеровъ, внт[illegible] си[illegible]ева, солдатъ Красильниковъ, быв. студ. [illegible] студ. Павловъ, двѣ сестры Михайловы, двѣ сестры [illegible] Евг. Волошина, Анна Романова. **Воронежъ**. [illegible]вана типографія „Кассы борьбы", арест. нѣсколько [illegible] **Екатеринодаръ**. Арест. Базикинъ, Се[illegible]товъ [illegible] [illegible] Щербинина, Пѣшковъ [illegible] Гхиладзе, [illegible] Поповъ. **Армавиръ**. арест. [illegible] во время распространенія прокламацій рабочій Яковен[illegible] **минскъ**. Въ концѣ декабря мѣстнымъ политикамъ объяви[illegible] всѣмъ примѣненъ маниф. 11 авг. Согласно сокращені[illegible]нутся въ Россію въ январѣ 1905 г: Васильевскій (д. „Раб. Зн[illegible] въ февралѣ Шипулинскій (Ек. дем.; у послѣдняго еще нѣтъ при[illegible]говора по дѣлу Пет. Ком.), Берконъ (Новог. дем. въ Вильнѣ [illegible] тоже); лѣтомъ того-же года — Савинковъ (д. „Раб. Зн."), [illegible] (Кав. соц. дем. дѣло), Нейманъ (д. „Б"), Венгроверъ [illegible] осенью того-же года — Кислицинъ (Вят. д. с-р.). Въ 1906 Полушкинъ — (Ек. д., Р. Шипулинская (Ек. д.), Шерь[illegible] с. д. ком.), Бабинскій Од. южн. рев. группы); въ 1907 [illegible]доровичъ Иванъ (Моск. ком.), Теодоровичъ Гл. (Моск [illegible] ком.), Альфеевъ (Вил. дем.), Певанеръ (Вил. дем.), Попо[illegible] дѣло), Л. Канцель (Моск.; по другому дѣлу ей пригов[illegible] не объявленъ), Урицкій (Кіев. соц.-дем. ком.). Въ 1908 [illegible] Олекминскѣ ни одного политическаго ссыльнаго не будетъ, если не будетъ новаго прилива. **Смоленскъ**. Освобождены [illegible]логъ: въ 5000 руб. Голубковъ и Сонинъ, подъ залогъ въ [illegible] Когутъ и Любимовъ. **Ростовъ**. Были обыски у А. Сѣ[illegible] другихъ. **Кіевъ**. 13 янв. арест. политехн. Райхеръ, Шнейдеръ, Рахмановъ, Трофименко, Реганъ, кромѣ Трофименко и Ра[illegible] всѣ выпущены. **Иваново-Вознесенскъ**. Въ янв. арест. [illegible] типографія; взято 50 рабочихъ.

Товарищи Хацкелевичъ, Гельфандъ, Солодуха (Пера[illegible]), Фридъ и Рабиновичъ, бѣжавшіе-романовцы прибыли [illegible]лучно заграницу. Оржеровскій, Погосовъ, Цохадзе (а не [illegible]радзе, какъ сказано въ № 88) взяты около Иркутска.

Бѣжалъ и прибылъ заграницу изъ Кеми, Арханг. губ. Семенъ Кирѣевскій (по дѣлу 1903 г. въ Москвѣ).

Въ Томскѣ во время демонстраціи убитъ членъ органи[illegible] **Іосифъ Егоровичъ Кононовъ**.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Дикому, **Твердынину**. **Щукѣ**. Откликнитесь, гдѣ вы — живы ли еще? **Очевидцу**. (черезъ Влад.) О собраніи инженеровъ уже была помѣщена корресп. Продолжайте. **Владиміру**. Два письма Вамъ уже посланы. Сегодня пишемъ еще. **Натану**. Большое письмо и приложеніе получили. Спасибо!

Отчетъ Берлин. Эмигрантской Партійной Кассы. (За янв. и февр.)

ПРИХОДЪ (въ марк.): отъ нѣмцевъ 494.35, для романовцевъ 212.00, собр. на вечер. подъ Новый годъ 54.47, Пожертв. изъ Брауншвейга 58.00, пожертв. 178.50, пожертв. чрезъ Днѣпрова для Х 300.00. Итого 1297.22.

Отчетъ Берлин. Группы Сод. Партіи. (За февраль).

Въ марк.: Остатокъ въ кассѣ съ янв. 924 65, черезъ Соню изъ Берл. 42.80, отъ N. N. изъ Берл. 20.00, членск. взносовъ 11 60, за откр. 1.40, по маркамъ собр. 8.00, собр. на рев. 10[illegible] отъ нѣмцевъ 526.00, за литерат. 320.65, пожерт. 152.25. Итого 2018.15.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Ком[illegible]томъ, съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Револ[illegible]ной Соціальдемократіи":

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse).

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги").

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 91. Воскресенье 6-го марта 1905 г. Годъ V.

ПОСЛѢ ДВУХЪ МѢСЯЦЕВЪ.

Безпримѣрная въ исторіи русскаго рабочаго движенія петербургская стачка, видимо, близится къ концу. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, ожидать, чтобы петербургскимъ рабочимъ удалось простоять еще и третій мѣсяцъ. И безъ того нельзя не удивляться тому, что пролетаріи столицы держались такъ долго почти безъ всякой денежной помощи извнѣ, среди зимнихъ холодовъ, подъ постоянными ударами треповской диктатуры. Стачка, вѣроятно, еще продлится недѣлю-другую и закончится, оставивъ по себѣ тысячи безработныхъ съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ хозяева особенно свирѣпы, а рабочіе менѣе стойки. Для другихъ промышленныхъ заведеній ближайшій итогъ исторической забастовки выразится въ рядѣ частныхъ реформъ, а главнымъ результатомъ будетъ — прочное и глубокое революціонизированіе сознанія сотенъ тысячъ пролетаріевъ, пережившихъ незабываемые уроки въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ.

Стачка идетъ на убыль, потому что она должна когда-нибудь кончиться. Казалось-бы, главный врагъ, съ которымъ боролся пролетаріатъ въ эти дни,—царизмъ долженъ былъ бы спокойно ждать этого уже недалекаго финала — полнаго возобновленія работъ. Но петербургскіе рабочіе прекращаютъ стачку не съ видомъ побѣжденныхъ, а съ явнымъ и нескрываемымъ намѣреніемъ продолжать неустанную борьбу противъ самодержавія. Блестяще проведенная ими революціонная кампанія противъ шарлатанскаго эксперимента съ комиссіей Шидловскаго, увѣнчавшаяся самоубійственнымъ закрытіемъ этой коммиссіи, наглядно показала самодержавію, что на удочку „сердечнаго попеченія" — послѣ 9 января — петербургскій пролетаріатъ не пойдетъ.[1] Эта пощечина самодержавному реформаторству вызвала въ шайкѣ, населяющей Зимній дворецъ, жгучую жажду мести. Послѣ такого моральнаго пораженія ее уже не могла утѣшить такая *внѣшняя* побѣда, какъ вынужденное голодомъ возвращеніе рабочихъ къ своимъ станкамъ. Надо было попытаться, во что бы то ни стало, *сломить* рабочихъ, заставить ихъ вновь почувствовать утраченный страхъ передъ грубой „мощью" Зимняго дворца. И правительство, опираясь на ожидавшійся эффектъ „либеральнаго" рескрипта 18 февраля, вслѣдъ за закрытіемъ комиссіи Шидловскаго, приступаетъ къ провокаціи рабочихъ на рѣзкія дѣйствія. Закрываются казенные заводы, объявляется о зачисленіи стачечниковъ запасныхъ въ дѣйствующую армію, примѣняются новыя мѣры полицейскаго насилія, арестуются бывшіе выборщики, которыхъ только что старались увѣрить, что благью являются ихъ заботы о формальномъ обезпеченіи своей неприкосновенности.

Правительство надѣется совершить этотъ славный походъ подъ прикрытіемъ своей „либеральной" диверсіи въ сторону „зрѣлыхъ общественныхъ силъ". Косная обывательская масса должна — такова идея самодержцевъ — отблагодарить ихъ за данныя ей 18 февраля обѣщанія поддержкой военно-полицейскаго набѣга на революціонный пролетаріатъ. Самодержавіе, прижатое къ стѣнѣ, не можетъ уже ждать, чтобы „созрѣлъ" гнилой плодъ его реформаторскихъ потугъ — оно должно требовать отъ „зрѣлыхъ общественныхъ силъ" немедленной выдачи росписки на всю номинальную стоимость обѣщанныхъ въ рескриптѣ подачекъ. Но такъ какъ политическій кредитъ самодержавія упалъ слишкомъ низко, чтобы буржуа, не успѣвшій еще окончательно утомиться отъ царящей „анархіи", призналъ себя, безъ оговорокъ, удовлетвореннымъ этой сомнительнаго качества монетой, то для безпрепятственнаго вовлеченія его въ невыгодную сдѣлку пущенъ въ ходъ испытанный аппаратъ рептильной прессы. Мобилизованы нововременскіе борзописцы.

Только что (въ № отъ 19 февраля) успѣвъ, устами всѣхъ своихъ корифеевъ — самого Суворина, Л. Л. Толстого и Розанова — выразить свое умиленіе передъ рескриптомъ 18 февраля и обѣщать, въ числѣ прочихъ сулимыхъ имъ благъ, всеобщее „умиротвореніе", только что призвавъ „русскія партіи" „помириться", чтобы не было „шума свары, ссоры", — „Новое Время", на слѣдующій же день, скорбитъ о неудачѣ комиссіи Шидловскаго и пытается натравить противъ 400 выборщиковъ 150-тысячную массу рабочихъ, якобы несолидарную съ проявленной ими непримиримостью. Масса, видите ли, стремилась принять участіе въ выборахъ, — слѣдовательно, она ждала положительныхъ результатовъ отъ комиссіи; стало быть, выборщики обманули ея довѣріе, предпославъ выборамъ делегатовъ свои условія. Безстыдная газета инсинуируетъ, что „толпа поддается гипнозу", *этимъ* объясняя солидарность, проявленную общимъ собраніемъ выборщиковъ 17 февраля. И, однако, „Новое Время" хорошо знаетъ, по личному опыту, что данная „толпа" оказалась способной не дѣйствовать подъ первымъ впечатлѣніемъ возмущеннаго чувства. Когда на этомъ же собраніи 17 февраля „поддающаяся гипнозу толпа" увидѣла передъ собой, въ числѣ прочихъ представителей печати, „молодцовъ" изъ „Нов. Вр." и „Свѣта", она потребовала ихъ удаленія съ собранія. Но стоило только тѣмъ самымъ „вожакамъ", которые служатъ теперь мишенью реакціонныхъ нападокъ и полицейскихъ преслѣдованій, указать товарищамъ, что рабочій классъ выше всего ставитъ полную гласность,—чтобы нововременцы были оставлены въ залѣ, причемъ, однако, собраніе приняло резолюцію выражающую презрѣніе обоимъ почтеннымъ органамъ. „Нов. Вр." не сочло нужнымъ сообщить своимъ читателямъ объ этомъ эпизодѣ, дабы съ тѣмъ большей развязностью повести аттаку на цвѣтъ петербургскаго пролетаріата, на россійскій пролетаріатъ вообще.

День ото дня эта аттака принимаетъ все болѣе наглый характеръ. Подъ аккомпаниментъ подпольной агитаціи въ пользу еврейскихъ погромовъ, нововременскіе корреспонденты обличаютъ „бундовцевъ", сообщаютъ о козняхъ полтавскихъ соціальдемократовъ, по ихъ разсчетамъ, сплошь евреевъ. Когда же Петербургъ въ мрачномъ отчаяніи воспринималъ извѣстія о мукденскомъ разгромѣ, газета въ своей передовой статьѣ отъ 26 февраля, характерно озаглавленной „Прощеный день", пишетъ:

„Зная истиннаго русскаго человѣка (!!), его душу, его здравый смыслъ, мы рѣшаемся утверждать, что забастовка вообще и, въ частности, въ области труда, необходимаго для военныхъ надобностей, является дѣломъ не русскихъ людей". Что нужды, что за 6 дней до того, г. Меньшиковъ писалъ въ той же газетѣ: „Всѣ эти демонстраціи, стачки, забастовки — чистѣйшая нелѣпость, будто онѣ на англійскія и японскія деньги"... Calomniez, il en restera toujours! Въ наши дни погромной агитаціи пресловутые „18 милліоновъ" могутъ еще пригодиться! И передовикъ продолжаетъ: „Накипь смутныхъ дней, наступившихъ на Руси, изобилуетъ не столько русскими людьми, сколько всякой международной сволочью, отъ которой *пора освободить смиренныхъ русскихъ тружениковъ*" (курсивъ нашъ).

Провокаторская попытка натравить рабочую массу на ея революціонный авангардъ преслѣдуетъ, прежде всего, цѣль собрать подъ знамя, выкинутое 18 февраля, либеральную буржуазію и противопоставить ее народнымъ массамъ. Къ несчастію для существующаго режима, либеральная буржуазія *не можетъ*, если бы и захотѣла, продать дѣло свободы по предлагаемой цѣнѣ. Ибо судьба россійской „реформы" слишкомъ тѣсно связана съ революціоннымъ рабочимъ движеніемъ, чтобы *до реализаціи конституціи* буржуазія могла, заключая миръ съ монархіей, обратиться противъ пролетаріата. Въ то время, какъ „Новое Время" съ сладкой миной призываетъ „прогрессивные элементы" на борьбу съ „международной сволочью", правительственный аррьергардъ „Московск. Вѣдомостей" призываетъ „истиннаго русскаго человѣка" прежде всего къ погрому этихъ самыхъ „прогрессивныхъ элементовъ". И „Новое Время" съ злостью афериста, которому не удается набросить, наконецъ, петлю на свою жертву, проявляетъ неудовольствіе тѣмъ, что реакціонная демагогія, рядомъ съ „соціалистами, армянами, евреями и поляками", направляетъ черную сотню противъ „студентовъ" и „земцевъ". Бѣдная газета пытается даже увѣрить, что прокламаціи съ призывомъ: „бей студентовъ" исходитъ отъ „революціонной соціальдемократической партіи". Но ей никто не вѣритъ, ибо русская исторія привязала либеральное и демократическое движеніе къ рабочему и сдѣлала рабочій классъ оплотомъ *всего* прогрессивнаго развитія. Попытка *теперь же* „гипнозомъ" пресловутаго рескрипта оторвать отъ оппозиціоннаго движенія болѣе вліятельные элементы буржуазіи не приведетъ ни къ чему, кромѣ новаго посрамленія того „истинно-русскаго" направленія, въ которомъ нашла столь явное выраженіе политическая развращенность, сѣявшаяся самодержавіемъ въ теченіе 40 лѣтъ его медленнаго разложенія. Своей анти-соціальдемократической и анти-еврейской кампаніей нововременцы могутъ сыграть только роль второй скрипки, аккомпанирующей воинствующимъ и знающимъ хорошо, чего хотятъ, катковцамъ „Моск. Вѣдомостей", подобно тому, какъ всѣ хитроумные спасители самодержавія изъ высшей бюрократіи — всѣ эти Святополки, Витте, Ермоловы — всей своей „хитрой механикой" только содѣйствуютъ бьющимся съ энергіей отчаянія ультра-реакціонерамъ.

У этихъ, по крайней мѣрѣ, руки не связаны. Имъ не дано понимать безнадежности ихъ позиціи и, преслѣдуя цѣли разнуздать, подъ флагомъ борьбы за „исконныя русскія начала", гражданскую войну, они не ослабляютъ энергіи лелѣемаго ими Аттилова похода дѣленіемъ всего „гражданскаго общества" на правыхъ и виноватыхъ. Предъ ихъ лицомъ всѣ одинаково заслуживаетъ истребленія — отъ террористовъ до Шиповыхъ, отъ гимназистовъ до либеральствующихъ поповъ. Поэтому, они могутъ не праздно мечтать о крестовомъ походѣ руководимой околоточными „черной сотни" противъ „либераловъ и революціонеровъ". Пользуясь готовымъ аппаратомъ выдрессированной полицейской организаціи, они начали уже свою работу въ неслыханныхъ еще размѣрахъ. Надъ буржуазнымъ обществомъ еще болѣе, чѣмъ надъ пролетаріатомъ, нависаетъ опасность цѣлой серіи Варѳоломеевскихъ ночей. Бакинская драма показала, чего слѣдуетъ ожидать.

Противъ реакціонныхъ крестоносцевъ организованный пролетаріатъ вооружается, насколько позволяютъ ему его скромныя средства. Среди демократической буржуазіи поднимаются разговоры объ организаціи городской милиціи. Въ добрый часъ! Пролетаріатъ энергично поддержитъ всякій шагъ буржуазіи въ дѣлѣ организаціи самообороны населенія, лишь бы только это дѣло велось внѣ всякихъ реакціонныхъ уловокъ, направленныхъ противъ него самого.

Во всякомъ случаѣ, впечатлѣніе Бакинскихъ, Ѳеодосійскихъ, Ярославскихъ, Курскихъ и т. п. событій не таково, чтобы облегчить лакеямъ самодержавія задуманную ими попытку *теперь уже* перевести на сторону падающей монархіи часть враждебныхъ ей силъ. Послѣ Мукдена еще больше *дѣйствительныхъ* уступокъ должно быть дано хотя бы и самымъ умѣреннымъ элементамъ, чтобы остановить ростъ ихъ недовольства. Всякій шагъ промедленія со стороны самодержавія запутываетъ его положеніе. При такихъ условіяхъ, шансы *революціоннаго* движенія все растутъ, и среди борющихся общественныхъ силъ пролетаріатъ можетъ занять — въ интересахъ *народной* революціи — самыя выигрышныя позиціи. Надо только неуклонно усиливать энергію натиска, надо только неустанно расширять операціонную базу.

Начавшіеся во многихъ мѣстахъ крестьянскіе безпорядки и возвѣщаемая газетами новая мобилизація могутъ сыграть роль второго дѣйствія великой русской революціи. Наша партія обязана сыграть въ немъ подобающую роль.

КЪ ВОЗСТАНІЮ ВЪ ГУРІИ[1].

Вліяніе на населеніе Батумскаго и Гурійскаго комитетовъ носитъ прямо легендарно-анекдотическій характеръ. Здѣсь я коснусь только Гуріи. Это Озургетскій уѣздъ Кутаисской губерніи. Соціальдемократическая пропаганда тамъ только-только началась и пустила такіе глубокіе корни, что Комитетъ тамъ играетъ роль оффиціальнаго учрежденія, къ которому апеллируетъ все населеніе. Главную причину надо искать въ самомъ населеніи; рослые, сильные, отважные, почти сплошь грамотные (по грузински), до чрезвычайности свободолюбивые и не выносящіе насилія—эти люди тотчасъ же сомкнулись вокругъ соціальдемократическаго знамени и объявили войну самодержавію. Два года тому назадъ, крестьяне, владѣющіе какой нибудь 10-ой частью земель, а то и меньше, объявили забастовку; два года земли помѣщиковъ оставались необработанными, если только самъ помѣщикъ не брался за плугъ. Многіе изъ нихъ разорились до тла, многіе перешли въ ряды соціальдемократической партіи. Такая забастовка объявлена была и по отношенію къ чиновникамъ и духовенству. Нѣкоторые болѣе рьяные изъ помѣщиковъ были убиты и этими террористическими актами помѣщики были такъ напуганы, что подъ конецъ готовы были согласиться на какія угодно условія. Какъ уже было сказано, крестьянская масса почти не обладаетъ землей и принуждена была арендовать или у помѣщика или у казны. Условія аренды слѣдующія: обработка полей „исполу", при чемъ помѣщику удѣляется $^1/_3$—$^1/_5$ части урожая (кукуруза). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились еще крѣпостное состояніе и временно обязанныя отношенія, и въ большинствѣ мѣстъ уцѣлѣло нѣсколько обычаевъ изъ временъ крѣпостнаго права, а именно: при арендѣ земли съ каждой кцевы (отъ 900 квадратныхъ саженъ) помѣщику уплачивается по 1 рублю, дарятъ подарки и, наконецъ, часть урожая, принадлежащая помѣщику, свозится арендаторомъ по указанію помѣщика. Унизительность всѣхъ этихъ обычаевъ мѣстные жители прекрасно чувствуютъ и во главу угла своихъ требованій ставятъ полное уничтоженіе ихъ. Кромѣ того, всюду почти находятъ долю помѣщика слишкомъ значительной и предлагаютъ замѣнить ее лишь частью. Впрочемъ, большинство за полную замѣну натуральной аренды денежной, (по качеству земли, отъ 3 до 5 руб. за кцеву).

Такъ какъ большинство крестьянъ совершенно не имѣетъ пастбищъ и лѣсовъ, то и въ этихъ отрасляхъ они поставлены въ экономическую зависимость отъ помѣщиковъ. За пастьбу лошади или пары воловъ и 5 паръ мелкаго скота взималось отъ 50 до 70 коп. въ годъ; теперь крестьяне предлагаютъ 20—25 коп. Аппетиты помѣщиковъ на лѣсной матеріалъ тоже сокращаются крестьянами въ 3—4 раза. Большинство помѣщиковъ согласно, повидимому, на удовлетвореніе всѣхъ этихъ требованій и на этомъ предлагалось покончить 2-хъ годичную забастовку въ февралѣ мѣсяцѣ. Кромѣ воздѣлыванія кукурузы, мѣстные жители занимаются коконоводствомъ (шелковичнымъ деревомъ) и табаководствомъ. Дѣло это все въ рукахъ кулаковъ, которые, дѣйствительно, безсовѣстно эксплоатировали крестьянъ. — Теперь послѣдніе нормировали цѣны, повысили ихъ значительно, единодушіе крестьянъ порукой тому, что эти условія будутъ соблюдены. Большинство населенія въ долгу у ростовщиковъ, послѣдніе взимаютъ 20%; крестьяне предлагаютъ теперь 10%. Ростовщичествомъ занимаются обыкновенно пріѣзжіе люди—мѣщане, какъ ихъ называютъ. Отношеніе къ духовенству въ высшей степени любопытно. Попамъ, кромѣ платы за требы, уплачивались еще, такъ называемые храмовыя деньги. 2 года эти деньги (нѣчто въ родѣ десятины, десятой части) не уплачивались и за требы предлагается брать въ уменьшенномъ размѣрѣ. Большинство священниковъ встало на сторону населенія въ вопросахъ взаимныхъ отношеній съ помѣщиками и чиновниками и [illegible] ([illegible] искренне — неизвѣстно) согласилось на уничтоженіе этого нелѣпаго побора. Недавно былъ съѣздъ священнослужителей, который рѣшилъ присоединиться къ соціальдемократіи, но до этого времени населенію пришлось выдерживать продолжительную борьбу съ попами. Послѣдніе часто отказывали въ совершеніи обрядовъ, но жители этимъ не смущались и совершали ихъ сами обществомъ или черезъ спеціальное учрежденіе (общественный судъ), о которомъ ниже. Бракъ во всеуслышаніе объявляли заключеннымъ, похороны совершали всѣмъ обществомъ съ торжественностью, достойной удивленія. Одного протоіерея, настаивавшаго на своихъ правахъ и занимающагося усиленными поборами прямо вздули, а съ другими поступали такъ: когда мѣшокъ попа наполнялся приношеніями мірянъ, являются представители общественнаго суда и отбираютъ собранное въ пользу бѣдныхъ. Отношеніе къ чиновничеству и полиціи иллюстрируются слѣдующими фактами: вотъ уже два года въ мировыхъ учрежденіяхъ не разбирается ни одного дѣла, полиціи совершенно нечего дѣлать; агенты того и другого учрежденія жалуются по начальству на безполезность своего существованія. Вообще, правительственная дѣятельность въ Гуріи почти устранена, кромѣ собиранія податей и налоговъ, противъ чего населеніе пока еще не возстаетъ открыто, такъ какъ не хочетъ прежде времени вступать въ настоящую войну съ правительствомъ. Единственно, гдѣ оно не признаетъ права собирать налоговъ,—это въ винодѣліи, вино-де нужно старикамъ, они-де выдѣлываютъ для себя, безъ вина жить не могутъ, по старой привычкѣ! А промежъ себя говорятъ: если старикъ и попадется, такъ не очень жалко—жить-то одинаково плохо, что дома, что въ тюрьмѣ. Всѣ внутреннія дѣла вершаются выборнымъ учрежденіемъ, съ представительствомъ комитета—общественнымъ судомъ: приговоры этого суда святы для каждаго. И надо отдать честь ему, приговоры эти удивительно справедливы: напримѣръ, за воровство въ первый разъ заставляютъ извиниться и возвращать украденное, во второй разъ оно влечетъ уже болѣе существенное наказаніе, до общественнаго порицанія, затѣмъ виновнаго подвергаютъ „общественному поруганію" (обычная форма слѣдующая: виновнаго кладутъ въ гробъ (черный) несутъ въ церковь, отпѣваютъ и потомъ отпускаютъ); за многократное преступленіе наказываютъ смертною казнью. Вѣра въ комитетъ безгранична. По одному слову представителя, они готовы въ огонь и воду. Маркса, Энгельса, Лассаля чтутъ, какъ святыхъ. Въ одномъ только вопросѣ получается нѣкоторое расхожденіе съ нимъ, это въ вопросѣ о пользованіи терроромъ, здѣсь комитету приходится пассовать предъ установившимся обычаемъ преданія смертной казни всякаго врага народа и лишь, елико возможно, сокращать случаи пользованія имъ. И надо сознаться—не безуспѣшно: случаи эти съ каждымъ годомъ становятся рѣже, замѣняясь простымъ изгнаніемъ. Такъ, недавно въ январѣ мѣсяцѣ убили одного полицейскаго пристава (въ Чахатаурахъ), только послѣ того, какъ онъ отказался подать въ отставку; приставъ другого участка въ Озургетахъ—нѣкто Кавторадзе—предпочелъ уйти со службы. Вмѣстѣ съ перевоспитаніемъ населенія, растетъ и вліяніе соціальдемократіи, сплошь и рядомъ обращаются къ Комитету за разными совѣтами. Комитету приходится нести самыя разнообразныя функціи, выпадающія обыкновенно на разныя правительственныя и общественныя учрежденія: споры, ссоры, тяжбы, техническіе вопросы, семейныя дѣла—бракоразводные процессы всѣ, буквально всѣ стороны жизни входятъ въ сферу дѣятельности комитета. Сплошь и рядомъ родители брачущихся спрашиваютъ, состоятъ-ли женихъ или невѣста въ партіи и только въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта даютъ свое согласіе (вѣрнѣе, благословеніе, такъ какъ съ 17-ти лѣтняго возраста каждый считается правоспособнымъ гражданиномъ) на бракъ. Пропаганда въ Гуріи, страдая бѣдностью интелигентныхъ силъ, тѣмъ не менѣе, поставлена въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ, вѣроятно, не была ни въ одномъ уголкѣ Россіи, и тѣмъ болѣе въ деревнѣ. Въ деревнѣ изъ 90 дымовъ (семья, дворъ) дѣйствуетъ не менѣе 10 кружковъ изъ 10 человѣкъ каждый и готово къ дѣйствію минимумъ 8—10 кружковъ. Населеніе преимущественно гурійскаго племени, но есть нѣсколько деревень татарскаго племени, сохранившаго, правда, только исламъ. Среди нихъ пропаганда шла хуже — но теперь тамъ возникла нужда въ кружкахъ, и образованіе не менѣе 300 кружковъ изъ татаръ (турокъ)—вопросъ ближайшаго будущаго. Занятія въ кружкахъ не обставлены особой конспиративностью. Непосвященная въ нихъ публика имѣетъ возможность черпать изъ чаши соціальдемократическаго ученія путемъ митинговъ, которые устраиваются очень часто, открыто и при участіи иногда до 5000 человѣкъ. На митингахъ и, вообще, на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ присутствуютъ и женщины съ правомъ рѣшающаго голоса, и дѣти всѣхъ возрастовъ. Пускай пріучаются, говорятъ отцы. Въ литературѣ чувствуется большой недостатокъ, такъ какъ населеніе знаетъ исключительно одинъ грузинскій языкъ. Недостатокъ въ интелигентныхъ силахъ. Средства есть: они составляются изъ обязательныхъ взносовъ населенія — хотя бѣдные, понятно, освобождаются, но пользуются этой льготой весьма немногіе. Каждый считаетъ своей обязанностью внести лепту на общественное дѣло. Въ административномъ отношеніи вся Гурія раздѣляется на семь загоновъ, состоящихъ, въ свою очередь, изъ обществъ по 3—7 деревень. Любопытный фактъ: въ декабрѣ—январѣ, по собственной инціативѣ, Комитетъ произвелъ статистическое изслѣдованіе Гуріи. Отсутствіе правильной постановки дѣла, отсутствіе строго выработанной программы изслѣдованія, конечно, сказалось на собранномъ матеріалѣ, но важно отмѣтить, именно, новую функцію комитета, функцію, которую въ другихъ мѣстахъ выполняютъ земства, думы и пр.

---

[1] Мы — въ № 88 „Искры" — предложили товарищамъ другой планъ кампаніи въ связи съ пресловутой коммиссіей. Онъ былъ разсчитанъ на болѣе продолжительный періодъ, чтобы позволить пролетаріату *всей Россіи* испытать ея революціонизирующее дѣйствіе. Мы полагали, что предлагавшаяся нами товарищамъ тактика могла бы отодвинуть неизбѣжный — при самодержавіи — моментъ остраго разрыва рабочихъ съ этой реформаторской попыткой и тѣмъ собрать вокругъ руководимыхъ соціальдемократіей „выборщиковъ" весь россійскій пролетаріатъ. Если бы это удалось, мы бы ускорили образованіе такой *массовой всероссійской организаціи*, какая намъ необходима для планомѣрной, повсемѣстной и рѣшительной атаки и начало которой теперь заложено въ Петербургѣ.

[1] Газеты сообщили объ объявленіи на военномъ положеніи всей Гуріи, оффиціально признанной находящейся въ возстаніи. Читателямъ будетъ интересно, поэтому, ознакомиться съ характеромъ гурійскаго революціоннаго движенія, въ которомъ признанное населеніемъ политическое руководство нашей партіи сплетается съ типичными чертами чисто-крестьянской революціи.

Гурійскій Комитетъ — собственно отдѣленіе Батумскаго Комитета, но къ нему тѣсно примыкаетъ другой Комитетъ—Имеретинско-Мингрельскій, съ самостоятельной дѣятельностью. Имеретія, въ общемъ, сильно напоминаетъ Гурію—населеніе не такое боевое, хотя участвовало въ знаменатой стачкѣ противъ помѣщиковъ, не выдержавъ, однако, до конца. Мингрелія—эта уже значительно уступаетъ первымъ двумъ: здѣсь пропаганда идетъ туго, и населеніе не очень поддается организаціи Тѣмъ не менѣе, Комитетъ разсчитываетъ распространить „заразу" на все Закавказье и даже на весь Кавказъ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рига. Интересно отмѣтить отношеніе нашей печати къ послѣднимъ событіямъ. „Düna Zeitung" умоляетъ своихъ читателей не принимать участія въ „скопищахъ", устраивамыхъ „злонамѣренными" людьми для достиженія „своихъ" цѣлей. „Рижскій Вѣстникъ" повторяетъ вслѣдъ за нашей полиціей сказку о томъ, что виноваты во всемъ движеніи студенты да евреи. „Прибалтійскій край" то же самое говоритъ, хотя не въ такой наглой формѣ. Лифляндскій губернаторъ, бесѣдуя съ однимъ мѣстнымъ милліонеромъ, проливалъ крокодиловы слезы по поводу звѣрской расправы, совершенной надъ демонстрантами 13-го января. „Если бы я былъ въ Ригѣ, заявилъ помпадуръ, не стрѣляли бы". „Доброе" сердце не помѣшало ему, однако, распорядиться немедленно по пріѣздѣ о совершеніи облавъ на жителей города; онѣ — облавы — стали послѣ стачки массовыми; не имѣющихъ „права жительства" или почему-либо не понравившихся полиціи арестовываютъ и отправляютъ на родину. Одна изъ такихъ облавъ у насъ имѣла мѣсто 20-го января въ еврейской народной кухнѣ; взяли 30 человѣкъ. Часть изъ нихъ освобождена; остальныхъ выслали изъ Риги.

Москва (Изъ частнаго письма). Здѣсь полицейская агитація начинаетъ приносить плоды. Гласъ народа—мутятъ студенты, подкупленные японцами, и потому ихъ надо бить. Объ этомъ говорятъ повсюду—на улицахъ, на конкахъ, въ трактирахъ и т. д. Недавно я наблюдалъ случайно такую сцену. Въ чайной, полной народу, ораторствуетъ одинъ субъектъ на тему о студентахъ и вообще объ интеллигенціи, подкупленныхъ японцами, о томъ, что ихъ надо бить смертнымъ боемъ, что студенты часто ходятъ въ штатскомъ, что не надо вѣрить паспортамъ, которые тоже могутъ быть фальшивые. Закончилъ онъ приглашеніемъ разбить участки и тюрьмы и перебить политиковъ. Правда, слушатели состояли изъ всякаго сброда, хулигановъ и т. д. Возражалъ оратору молодой съ интеллигентымъ, симпатичнымъ лицомъ солдатикъ, говорилъ довольно умно, но, будучи обруганъ „студентомъ", скоро замолчалъ.

Результаты агитаціи на лицо: каждый день слышишь, то тамъ, то здѣсь избили студентовъ. Въ день убійства Сергѣя избили нѣсколько студентовъ, причемъ участвовали и дворники съ городовыми. Одинъ изъ нихъ лежитъ въ клиникѣ, и его жизнь въ опасности. Что всего печальнѣе, агитація начинаетъ затрагивать сѣрыхъ рабочихъ; бывали случаи нападенія ихъ на студентовъ.

Воронежъ. (Изъ частнаго письма). Агенты правительства возбуждаютъ крестьянъ черезъ старостъ противъ земцевъ помѣщиковъ, а въ городѣ организуютъ „черную сотню", натравливая ее на интеллигенцію. Молва уже назначаетъ первое марта, какъ день погрома интеллигенціи. Тѣмъ, кто слыветъ въ городѣ за либераловъ и соціалистовъ, подброшены письма, гдѣ сказано, что, если не перестанутъ подстрекать народъ къ бунту, то всѣ будутъ перебиты.

Одесса. Въ 89-омъ номерѣ уже сообщалось о демонстраціи, произведенной рабочими на рефератѣ доктора Тарасевича. Приводимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой демонстраціи:

Въ 12 часовъ ночи рабочіе покинули залу. На улицѣ образовалась внушительная, компактная масса, которая съ пѣніемъ „Варшавянки" и „Марсельезы" двинулась по всей Херсонской и Преображенской. Плавно неслись въ ночномъ воздухѣ могучіе звуки рабочаго гимна, стройная толпа медленно двигалась впередъ, и въ эту торжественную минуту мы всѣ чувствовали, что на насъ снизошелъ святой духъ самаго Маркса. Спустя ½ часа, когда толпа окончательно уже разсѣялась, нагрянули казаки. Итакъ, скромное засѣданіе мирныхъ врачей неожиданно, безъ всякаго вмѣшательства мѣстной организаціи превратилось въ грандіозный митингъ рабочихъ. Нашъ рабочій уже сдѣлался настолько политически и граждански совершеннолѣтнимъ, что выраженіе своей коллективной воли и стремленій способенъ организовать самъ. Событія 12-го февраля служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

13-го февраля въ залѣ „Union" присяжный-повѣренный Пергаментъ прочелъ лекцію „Общественныя задачи адвокатуры". Лекція его, тщательно отдѣланная съ внѣшней стороны, съ внутренней представляла одну сплошную идейную пустыню. Старыя, затасканныя, буржуазно либеральныя идейки онъ облекъ въ пышный костюмъ своего краснорѣчія, вдохновенно гремѣлъ и потрясалъ ими, и часто прибѣгалъ къ ловкому пріему „великихъ" ученыхъ, которые, по выраженію Гейне, отлично умѣютъ выковыривать изюминки изъ булокъ и цитаты изъ Универ. записокъ. Вся его рѣчь оставила по себѣ пустое мѣсто, которое обильно и съ процентами было заполнено въ скоромъ времени. Когда г. Пергаментъ сошелъ съ трибуны, публика (количествомъ до 2000 — большинство интеллигенціи) осталась на своихъ мѣстахъ. Взоры ея искали кого-то, и ожиданіе „чего-то" приковало ее къ мѣсту. Дѣло въ томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней до лекціи въ городѣ циркулировали слухи, что „комитетъ" выставитъ послѣ г. Пергамента своихъ ораторовъ, и этимъ желаніемъ послушать „комитетскихъ" ораторовъ можно объяснить, почему огромныя толпы всякаго народа, вплоть до шпіоновъ, хлынули на лекцію г. Пергамента. Дѣйствительно на трибунѣ появился одинъ ораторъ (правда, не комитетскій, комитетъ и не думалъ никого выставлять) и произноситъ соц.-дем. рѣчь. Крики „долой самодержавіе", „да здравствуетъ Учредительное Собраніе" были отвѣтомъ на его рѣчь. Вслѣдъ за нимъ выступаетъ второй и третій. Но едва началъ говорить третій ораторъ, какъ въ залъ ворвалась полиція, появленіе которой было встрѣчено оглушительными свистками и криками „долой полицію, жандармовъ". Мигъ весь залъ обратился въ поле брани. Чистая фешенебельная публика и титулованныя особы устремились къ выходу, другая, болѣе значительная, начала вооружаться стульями, столами и другими попадавшимися предметами. Истерическія рыданія женщинъ огласили залу, такъ какъ полиція обнажила шашки и, какъ разъяренный звѣрь, готова была по первому знаку растерзать толпу. Черезъ нѣсколько минутъ въ зданіе было введено войско, которое ударами прикладовъ и буйнымъ натискомъ разсѣяло всю публику. Серіозныхъ жертвъ не было, хотя нѣкоторыхъ избили порядочно. Затѣмъ прибыла еще сотня казаковъ, зданіе „Union" было оцѣплено кругомъ, и ни одинъ „крамольникъ" не могъ больше туда проникнуть. Такъ закончилась блестящая рѣчь г. Пергамента демонстраціей казацкихъ нагаекъ.

Членъ мѣстной группы Ц. К.

Баку. 17 февраля. Въ Балаханахъ кровавыя событія, имѣвшія мѣсто 6 — 9 февраля, использованы соціальдемократіей въ интересахъ агитаціи въ наибольшей степени. Все это время въ Балаханахъ происходили большіе митинги, на которыхъ выступали соціальдемократическіе ораторы совмѣстно съ предпринимателями, управляющими промысловъ и проч. Первые дни они организовывались болѣе или менѣе случайно. Сзывали ихъ и наши товарищи и сами управляющіе. Затѣмъ составилось, какъ говорятъ у насъ въ городѣ, „Балаханское временное правительство" изъ 24 человѣкъ — 12 представителей, выбранныхъ революціонными организаціями, (3 дрошакиста, 3 генчакиста, 3 изъ „группы Балаханскихъ и Биби-Эйбатскихъ рабочихъ" и 3 комитетскихъ) и 12 представителей капитала, преимущественно балаханскіе управляющіе. Настроеніе въ этой группѣ единодушное, преній пока не происходитъ. Представители капитала держатся очень хорошо и принимаютъ всѣ предложенія представителей труда. Эта комиссія и организовала митинги, которыхъ бывало обыкновенно два въ день; принимало участіе отъ 500 до 3000, 4000 человѣкъ, въ помѣщеніи Балаханскаго народнаго театра, бывали и на открытомъ воздухѣ. Большое впечатлѣніе производили рѣчи товарища татарина. Эта комиссія разработала дальнѣйшій планъ дѣйствія. Рѣшено (по предложенію нашихъ товарищей) устроить въ ближайшемъ будущемъ всеобщую политическую забастовку — сейчасъ работы идутъ очень плохо, рабочіе посѣщаютъ митинги. Устройство этой забастовки не сейчасъ, а немного погодя, мотивируется необходимостью подготовить рабочихъ, необходима широкая агитація. Представители капитала заявили, что при митингахъ нѣтъ возможности продолжать работы, нужны другіе способы агитаціи. Рабочіе сжалились, и комиссія приняла слѣдующій планъ дѣйствій. Рабочіе промысловъ и промысловыхъ мастерскихъ выбираютъ представителя отъ каждыхъ 500—1,000 чел. Эти представители собираются и выслушиваютъ ораторовъ, обсуждаютъ, а затѣмъ, возвратившись, разсказываютъ остальнымъ рабочимъ. Кромѣ такой агитаціи, рѣшено образовать особую группу агитаторовъ въ 50—100 человѣкъ, которая должна по 2—3 чел. обходить всѣ промыслы и устраивать небольшіе митинги на дворахъ промысловъ. Администрація должна содержать въ теченіе мѣсяца этихъ летучихъ агитаторовъ. Въ виду того, что управляющіе выступали никѣмъ не уполномоченные, они рѣшили обратиться къ предпринимателямъ съ просьбой санкціонировать этотъ планъ комиссіи. Вчера состоялось засѣданіе совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ вмѣстѣ со всѣми Балаханскими управляющими. Отъ имени комиссіи говорилъ ея предсѣдатель, одинъ изъ управляющихъ, пользующійся довѣріемъ рабочихъ. Настроеніе собранія было довольно благожелательное къ дѣйствіямъ комиссіи. Правда, было нѣсколько рѣчей, въ которыхъ указывалось, напримѣръ, на то, что, санкціонируя планъ, выработанный комиссіей, нефтепромышленники берутъ на себя такія, напримѣръ, вещи, какъ одержаніе профессіональныхъ политическихъ агитаторовъ, которые къ тому же не обязательно даже должны быть рабочими. Но были произнесены рѣчи и въ защиту этого плана. Въ концѣ концовъ, нефтепромышленники отложили рѣшеніе вопроса на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы подробнѣе обсудить этотъ планъ и выяснить техническую сторону его. Вообще говоря, возражали не противъ плана, а противъ техническихъ частностей. Находили число летучихъ агитаторовъ слишкомъ большимъ и т. д. Въ Балаханахъ у партіи лучшія агитаторскія силы; жаль, что комитетъ очень небогатъ ими. Объ соц.-рев. ничего не слышно. Съ „группой" комитетъ работаетъ теперь дружно. На Биби-Эйбатѣ долгое время агитація почти отсутствовала. Теперь и Биби-Эйбатскіе управляющіе начали содѣйствовать организаціи митинговъ. Можно надѣяться, что и здѣсь событія удастся использовать; жаль, что нѣтъ хорошихъ агитаторовъ. Въ заводскихъ районахъ, Бѣломъ и Черномъ городѣ тоже стали склонять администрацію къ содѣйствію нашей агитаціи. Происходящая агитація несомнѣнно будетъ имѣть огромное воспитательное значеніе для рабочихъ.

P.S. Въ Балаханахъ и полиція и казаки совершенно стушевались пока.

Екатеринодаръ. 23 января въ Дмитріевской церкви группой рабочихъ была отслужена панихида по „убіенномъ Константинѣ" (товарищъ Архангельскій, убитый въ Петербургѣ 9-го января); послѣ панихиды на паперти церкви, среди выходившаго народа, были разбросаны прокламаціи, посвященныя петербургскимъ событіямъ и смерти Архангельскаго. Ихъ усердно подбирала публика. На поднявшуюся возню выскочилъ изъ церкви попъ, горестно вскрикнулъ, увидѣвъ прокламаціи, и со всѣхъ ногъ бросился помогать городовому поднимать ихъ и вырывать изъ рукъ, не успѣвшихъ спрятать прокламаціи въ карманъ.

По поводу панихиды довольно далеко отъ церкви, на улицѣ были арестованы: Базикинъ, Секретевъ (казаки), Кравченко (рабочій), Приваловъ и Салоцкій (реалистъ). Послѣднихъ двухъ выпустили на поруки черезъ пять дней.

Исключеніе арестованныхъ реалистовъ изъ училища вызвало среди нашихъ мягкотѣлыхъ либераловъ упреки на адресу комитета: онъ, дескать, не щадитъ даже учащуюся молодежь, — т. е. обычныя нареканія, которыя намъ приходится такъ часто слышать отъ жандармовъ и полиціи. Кстати сказать, екатеринодарскіе либералы, ухитрившіеся въ теченіе всей всероссійской весны упорно промолчать и проявившіе въ данномъ случаѣ такую чувствительность, ничего повидимому не имѣютъ, когда арестуютъ и изгоняютъ съ фабрикъ молодыхъ рабочихъ.

На собраніи екатеринодарскихъ рабочихъ была принята слѣдующая резолюція: „Война съ Японіей окончательно подорвала военное и политическое значеніе самодержавія въ міровой политикѣ. Эта же война потребовала отъ народа такихъ жетрвъ, что въ результатѣ получились: 1) страшный денежный крахъ самодержавія, по уши влѣзшаго въ долги западно-европейскимъ капиталистамъ и 2) экономическое разореніе всего народа. Январьскія событія въ Петербургѣ, Ригѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ показали, насколько революціонизированы рабочіе, и какую громадную силу, энергію и солидарность способенъ проявить россійскій пролетаріатъ въ борьбѣ за свободу. Принимая все это во вниманіе и черпая мужество и силу въ геройствѣ петербургскихъ и другихъ рабочихъ, мы выражаемъ глубокую увѣренность въ неминуемомъ и близкомъ крушеніи самодержавія. Мы зовемъ всѣхъ трудящихся подъ знамя Р. С.-Д. Р. П., чтобы въ рѣшительный часъ выйти съ оружіемъ въ рукахъ на штурмъ подгнившихъ твердынь царизма".

Резолюціи на нашихъ массовкахъ были предложены впервые. Они были встрѣчены хорошо, только рабочіе просили разъяснить, къ чему онѣ обязываютъ.

Въ Новороссійскѣ, по предложенію оратора, рабочіе дали свои подписи (въ видѣ крестовъ) и обѣщали собирать таковыя среди товарищей.

Ѳеодосія (изъ част. письма) 8-го февраля у насъ были безпорядки. Началось, какъ будто, какъ и вездѣ, т. е. забастовкой рабочихъ, а кончилось еврейскимъ погромомъ. Вы не думайте, что этотъ ужасный финалъ былъ случайный. Онъ былъ, какъ оказалось, подготовленъ и организованъ полиціей. Нашъ полиціймейстеръ нашелъ, что слѣдовало-бы, по примѣру другихъ ревностныхъ подданныхъ, „избить жидовъ", и обѣщалъ шайкѣ босяковъ вознаградить ее. Эта шайка подзадорила рабочихъ на табачной фабрикѣ Стамболи, гдѣ работаютъ преимущественно евреи и еврейки, сказала имъ, что, когда они придутъ на площадь, гдѣ памятникъ Александра III, къ нимъ присоединятся всѣ рабочіе и запасные солдаты. Они повѣрили и всѣмъ составомъ пошли; конечно, нашлись такіе, которыхъ все это воодушевило: одна еврейка и еврей стали произносить различныя революціонныя слова, но недолго, п. ч. полиціймейстеръ крикнулъ на нихъ: „чѣмъ его (очевидно—царя) долой, то лучше васъ! Ребята!", и пошла потасовка. Это было часовъ въ 11 утра. Хотя это не приняло очень большихъ размѣровъ, но успѣли многихъ потрепать, а паника распространилась большая. Всѣ попрятались, поуѣзжали, и къ вечеру въ городѣ было тихо и пусто. Теперь все спокойно. А другое безпокойство было въ гимназіи. Гимназисты тоже забастовали, преимущественно 7-ой и 8-ой классы, предъявили свои требованія и два дня не были въ гимназіи; это тоже произвело довольно сильное волненіе. Но были приглашены родители, и на третій день всѣ явились въ гимназію, а ихъ требованія отосланы (очевидно, къ попечителю) и обѣщано многое удовлетворить.

Херсонъ. Послѣ прошлогодней встряски[1]). городокъ нашъ ужъ не успокаивается. А теперь, въ пору общаго подъема, все сильнѣе проявляются результаты подпольной дѣятельности, съ одной стороны, и самостоятельнаго пробужденія подъ вліяніемъ всероссійскихъ событій, съ другой.

Послѣ разброса прокламацій въ театрѣ зимою и двухдневнаго распространенія ихъ среди новобранцевъ и по городу вообще, дѣятельность организаціи проявлялась въ постоянныхъ разбросахъ. 15 февраля обыватели были изумлены непонятнымъ шумомъ на улицѣ приблизительно въ 9 часовъ вечера, когда городокъ нашъ отходилъ уже ко сну. Обыватели бросились къ окнамъ. По главной улицѣ — Суворовской по направленію къ Воронцовской двигалась компактная группа отъ 60 до 100 человѣкъ, слышались возгласы „долой самодержавіе!", покрываемые криками „ура". Изрѣдка раздавалось — „тѣснѣе, товарищи", и небольшая группа мѣрно двигалась, впервые оглашая революціонными возгласами улицы нашего мирнаго города...

Прошло всего два дня, и у насъ новыя событія. Сегодня хоронятъ одну гимназистку 5 класса, еврейку. Драма этой молодой жизни очень несложна и обычна при нашихъ школьныхъ и общественныхъ порядкахъ. Начальница второй женской гимназіи давно уже избрала своею спеціальностью травлю евреекъ. Въ этомъ почтенномъ дѣлѣ начальницѣ, г-жѣ Шиповой, энергично помогала M-lle Вуколова, учительница той-же гимназіи. На этотъ разъ жертвой оказалась далеко не приниженная и смирная, а наоборотъ, гордая, свободолюбивая дѣвушка. Терпѣть такую въ гимназіи, конечно, не представлялось возможнымъ. И скоро M-lle Вуколова имѣла удовольствіе сообщить непокорной жертвѣ — „а ваше пребываніе, милая, въ гимназіи виситъ на волоскѣ". На слѣдующій день г-жа Шипова пригласила къ себѣ дѣвушку въ свой кабинетъ и сообщила ей, что она исключена. Та бросилась домой оскорбленная и взволнованнная, и выпила карболку. Когда мать прибѣжала [illegible] въ ужасѣ, она успѣла сказать: „пусть мама пойдетъ завтра въ гимназію, тамъ она узнаетъ, почему я отравилась". Мать [illegible] за врачемъ, и когда вернулась, дѣвушка уже скончалась.

Сегодня при громадномъ [illegible] народа, [illegible] учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній, хоронили ее. [illegible]чимъ, въ 1 женской гимназіи одна ученица обратилась къ классной дамѣ, кажется, Бурачковой, достойной дочери подлаго отца, начальника мѣстнаго жандармскаго управленія, за разрѣшеніемъ пойти на похороны. „Зачѣмъ-же Вамъ, вѣдь покойная, кажется, не была вашей подругой?" отвѣтила классная дама и въ качествѣ дочери жандармскаго полковника распорядилась закрыть всѣ выходы изъ гимназіи. Вѣсть объ отвѣтѣ и распоряженіи мигомъ облетѣла гимназію, и всѣ ученицы, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ дверямъ. Начальство опомнилось, двери открыли, и гимназистки поспѣшили на похороны.

Въ мужской гимназіи предупредительно разрѣшилъ гимназистамъ пойти на похороны директоръ Орловъ, тотъ самый, который въ началѣ войны инсценировалъ патріотическія манифестаціи учащихся и водилъ свою гимназію подъ звуки военнаго марша къ домамъ губернатора и вице-губернатора, тамъ благовѣйно выслушивалъ идіотскія рѣчи и давалъ знакъ кричать „ура".

Итакъ на похоронахъ были сотни учащихся. Гробъ въ синагогу и на кладбище несли учащіеся — христіане, по своему отвѣчая на начальственную травлю „жидовъ". Впереди процессіи несли вѣнокъ съ надписью „жертвѣ школьнаго режима". На кладбищѣ пытались говорить рѣчи, но полиція, собравшаяся въ громадномъ количествѣ, остановила эту попытку. Присутствующіе постояли и разошлись, прокричавъ „да здравствуетъ свободная школа" и... „долой самодержавіе!".

Какъ бы въ отвѣтъ, власти рѣшили устроить демонстрацію военныхъ силъ, и черезъ нѣсколько часовъ по нашимъ мирнымъ улицамъ раздались звуки марша и потянулась пѣхота, а за нею... артиллерія съ пушками. Не доставало повозокъ краснаго креста и двухъ сотенъ казаковъ, недавно на всякій случай присланныхъ къ намъ.

И несомнѣнно въ отвѣтъ власти даютъ полную свободу пропагандѣ погрома. Зажиточные евреи уже получаютъ угрожающія письма съ предложеніемъ приготовить деньги. Евреи пошли къ губернатору Левашову и передали ему содержаніе писемъ. Помпадуръ выслушалъ и изрекъ: „ну и приготовьте".

И въ самомъ дѣлѣ, у него есть дѣла поважнѣе — въ городѣ усиленно ходятъ слухи о готовящихся рабочихъ „безпорядкахъ", и распространяются массы прокламацій. Тутъ и за погромъ бога возблагодаришь.

Пока во всѣ дворы назначены отряды войскъ, какъ и ко всѣмъ учрежденіямъ. Будемъ ожидать событій.

Полиціймейстеръ совѣтуетъ обывателямъ запасаться съѣстными припасами.

Астрахань. 7-го февраля въ реальномъ училищѣ начальство устроило поминки дядѣ царя, Сергѣю. Неожиданно для самыхъ устроителей, изъ панихиды вышла демонстрація. Во время пѣнія вѣчной памяти, раздался изъ среды учениковъ старшихъ классовъ свистъ. Когда же ученики спускались изъ актовой залы, раздался крикъ „долой самодержавіе", дружно поддержанный другими и перешедшій въ пѣніе марсельезы; пѣніе продолжалось и на улицѣ.

На слѣдующій день была панихида въ гимназіи, послѣ нея по всѣмъ старшимъ классамъ шелъ свистъ и битье стеколъ. Начальство сначала хотѣло уволить изъ обоихъ заведеній, но учащіеся гимназіи и реальнаго училища стали готовиться къ забастовкѣ, и начальство пока уступило. 9-го числа по главной улицѣ прошлись гимназисты (до 40 чел.). Полиція не успѣла помѣшать. Среди рабочихъ броженіе ростетъ, такъ что со дня на день можно ждать стачки.

Полиція обходитъ хозяевъ, убѣждая уступать, если требованія рабочихъ не будутъ чрезмѣрны.

---

[1]) За зиму 1903-1904 г. г. въ Херсонской тюрьмѣ сидѣло около 60 человѣкъ; объ этомъ своевременно сообщалось въ Искрѣ.

не была ни въ одномъ уголкѣ Россіи, и тѣмъ болѣе въ деревнѣ. Въ деревнѣ изъ 90 дымовъ (семья, дворъ) дѣйствуетъ не менѣе 10 кружковъ изъ 10 человѣкъ каждый и готово къ дѣйствію минимумъ 8—10 кружковъ. Населеніе преимущественно гурійскаго племени, но есть нѣсколько деревень татарскаго племени, сохранившаго, правда, только исламъ. Среди нихъ пропаганда шла хуже — но теперь тамъ возникла нужда въ кружкахъ, и образованіе не менѣе 300 кружковъ изъ татаръ (турокъ)—вопросъ ближайшаго будущаго. Занятія въ кружкахъ не обставлены особой конспиративностью. Непосвященная въ нихъ публика имѣетъ возможность черпать изъ чаши соціальдемократическаго ученія путемъ митинговъ, которые устраиваются очень часто, открыто и при участіи иногда до 5000 человѣкъ. На митингахъ и, вообще, на всѣхъ общественныхъ собраніяхъ присутствуютъ и женщины съ правомъ рѣшающаго голоса, и дѣти всѣхъ возрастовъ. Пускай пріучаются, говорятъ отцы. Въ литературѣ чувствуется большой недостатокъ, такъ какъ населеніе знаетъ исключительно одинъ грузинскій языкъ. Недостатокъ въ интелигентныхъ силахъ. Средства есть: они составляются изъ обязательныхъ взносовъ населенія — хотя бѣдные, понятно, освобождаются, но пользуются этой льготой весьма немноіе. Каждый считаетъ своей обязанностью внести лепту на общественное дѣло. Въ административномъ отношеніи вся Гурія раздѣляется на семь загоновъ, состоящихъ, въ свою очередь, изъ обществъ по 3—7 деревень. Любопытный фактъ: въ декабрѣ—январѣ, по собственной инициативѣ, Комитетъ произвелъ статистическое изслѣдованіе Гуріи. Отсутствіе правильной постановки дѣла, отсутствіе строго выработанной программы изслѣдованія, конечно, сказалось на собранномъ матеріалѣ, но важно отмѣтить, именно, новую функцію комитета, функцію, которую въ другихъ мѣстахъ выполняютъ земства, думы и пр.

Гурійскій Комитетъ — собственно отдѣленіе Батумскаго Комитета, но къ нему тѣсно примыкаетъ другой Комитетъ—Имеретинско-Мингрельскій, съ самостоятельной дѣятельностью. Имеретія, въ общемъ, сильно напоминаетъ Гурію—населеніе не такое боевое, хотя участвовало въ знаменитой стачкѣ противъ помѣщиковъ, не выдержавъ, однако, до конца. Мингрелія—эта уже значительно уступаетъ первымъ двумъ: здѣсь пропаганда идетъ туго, и населеніе не очень поддается организаціи Тѣмъ не менѣе, Комитетъ разсчитываетъ распространить „заразу“ на все Закавказье и даже на весь Кавказъ.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рига. Интересно отмѣтить отношеніе нашей печати къ послѣднимъ событіямъ. „Düna Zeitung“ умоляетъ своихъ читателей не принимать участія въ „скопищахъ“, устраиваемыхъ „злонамѣренными“ людьми для достиженія „своихъ“ цѣлей. „Рижскій Вѣстникъ“ повторяетъ вслѣдъ за нашей полиціей сказку о томъ, что виноваты во всемъ движеніи студенты да евреи. „Прибалтійскій край“ то же самое говоритъ, хотя не въ такой наглой формѣ. Лифляндскій губернаторъ, бесѣдуя съ однимъ мѣстнымъ милліонеромъ, проливалъ крокодиловы слезы по поводу звѣрской расправы, совершенной надъ демонстрантами 13-го января. „Если бы я былъ въ Ригѣ, заявилъ помпадуръ, не стрѣляли бы“. „Доброе“ сердце не помѣшало ему, однако, распорядиться немедленно по пріѣздѣ о совершеніи облавъ на жителей города; онѣ — облавы — стали послѣ стачки массовыми; не имѣющихъ „права жительства“ или почему-либо не понравившихся полиціи арестовываютъ и отправляютъ на родину. Одна изъ такихъ облавъ у насъ имѣла мѣсто 20-го января въ еврейской народной кухнѣ; взяли 30 человѣкъ. Часть изъ нихъ освобождена; остальныхъ выслали изъ Риги.

Москва (Изъ частнаго письма). Здѣсь полицейская агитація начинаетъ приносить плоды. Гласъ народа—мутятъ студенты, подкупленные японцами, [illegible] ихъ надо бить. Объ этомъ говорятъ повсюду—на улицахъ, на конкахъ, въ трактирахъ и т. д. Недавно я наблюдалъ случайно такую сцену. Въ чайной, полной народу, ораторствуетъ одинъ субъектъ на тему о студентахъ и вообще объ интеллигенціи, подкупленныхъ японцами, о томъ, что ихъ надо бить смертнымъ боемъ, что студенты часто ходятъ въ штатскомъ, что не надо вѣрить паспортамъ, которые тоже могутъ быть фальшивые. Закончилъ онъ приглашеніемъ разбить участки и тюрьмы и перебить политиковъ. Правда, слушатели состояли изъ всякаго сброда, хулигановъ и т. д. Возражалъ оратору молодой съ интеллигентымъ, симпатичнымъ лицомъ солдатикъ, говорилъ довольно умно, но, будучи обруганъ „студентомъ“, скоро замолчалъ.

Результаты агитаціи на лицо: каждый день слышишь, то тамъ, то здѣсь избили студентовъ. Въ день убійства Сергѣя избили нѣсколько студентовъ, причемъ участвовали и дворники съ городовыми. Одинъ изъ нихъ лежитъ въ клиникѣ, и его жизнь въ опасности. Что всего печальнѣе, агитація начинаетъ затрагивать сѣрыхъ рабочихъ; бывали случаи нападенія ихъ на студентовъ.

Воронежъ. (Изъ частнаго письма). Агенты правительства возбуждаютъ крестьянъ черезъ старостъ противъ земцевъ-помѣщиковъ, а въ городѣ организуютъ „черную сотню“, натравливая ее на интеллигенцію. Молва уже назначаетъ первое марта, какъ день погрома интеллигенціи. Тѣмъ, кто слыветъ въ городѣ за либераловъ и соціалистовъ, подброшены письма, гдѣ сказано, что, если не перестанутъ подстрекать народъ къ бунту, то всѣ будутъ перебиты.

Одесса. Въ 89-омъ номерѣ уже сообщалось о демонстраціи, произведенной рабочими на рефератѣ доктора Тарасевича. Приводимъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой демонстраціи:

Въ 12 часовъ ночи рабочіе покинули залу. На улицѣ образовалась внушительная, компактная масса, которая съ пѣніемъ „Варшавянки“ и „Марсельезы“ двинулась по всей Херсонской и Преображенской. Плавно неслись въ ночномъ воздухѣ могучіе звуки рабочаго гимна, стройная толпа медленно двигалась впередъ, и въ эту торжественную минуту мы всѣ чувствовали, что на насъ снизошелъ святой духъ самаго Маркса. Спустя $1/2$ часа, когда толпа окончательно уже разсѣялась, нагрянули казаки. Итакъ, скромное засѣданіе мирныхъ врачей неожиданно, безъ всякаго вмѣшательства мѣстной организаціи превратилось въ грандіозный митингъ рабочихъ. Нашъ рабочій уже сдѣлался настолько политически и граждански совершеннолѣтнимъ, что выраженіе своей коллективной воли и стремленій способенъ организовать самъ. Событія 12-го февраля служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

13-го февраля въ залѣ „Union“ присяжный-повѣренный Пергаментъ прочелъ лекцію „Общественныя задачи адвокатуры“. Лекція его, тщательно отдѣланная съ внѣшней стороны, съ внутренней представляла одну сплошную идейную пустыню. Старыя, затасканныя, буржуазно-либеральныя идейки онъ облекъ въ пышный костюмъ своего краснорѣчія, вдохновенно гремѣлъ и потрясалъ ими, и часто прибѣгалъ къ ловкому пріему „великихъ“ ученыхъ, которые, по выраженію Гейне, отлично умѣютъ выковыривать изюминки изъ булокъ и цитаты изъ Универ. записокъ. Вся его рѣчь оставила по себѣ пустое мѣсто, которое обильно и съ процентами было заполнено въ скоромъ времени. Когда г. Пергаментъ сошелъ съ трибуны, публика (количествомъ до 2000 — большинство интеллигенціи) осталась на своихъ мѣстахъ. Взоры ея искали кого-то, и ожиданіе „чего-то“ приковало ее къ мѣсту. Дѣло въ томъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней до лекціи въ городѣ циркулировали слухи, что „комитетъ“ выставитъ послѣ г. Пергамента своихъ ораторовъ, и этимъ желаніемъ послушать „комитетскихъ“ ораторовъ можно объяснить, почему огромныя толпы всякаго народа, вплоть до шпіоновъ, хлынули на лекцію г. Пергамента. Дѣйствительно на трибунѣ появился одинъ ораторъ (правда, не комитетскій, комитетъ и не думалъ никого выставлять) и произноситъ соц.-дем. рѣчь. Крики „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ Учредительное Собраніе“ были отвѣтомъ на его рѣчь. Вслѣдъ за нимъ выступаетъ второй и третій. Но едва началъ говорить третій ораторъ, какъ въ залъ ворвалась полиція, появленіе которой было встрѣчено оглушительными свистками и криками „долой полицію, жандармовъ“. Вмигъ весь залъ обратился въ поле брани. Чистая фешенебельная публика и титулованныя особы устремились къ выходу, другая, болѣе значительная, начала вооружаться стульями, столами и другими попадавшимися предметами. Истерическія рыданія женщинъ огласили залу, такъ какъ полиція обнажила шашки и, какъ разъяренный звѣрь, готова была по первому знаку растерзать толпу. Черезъ нѣсколько минутъ въ зданіе было введено войско, которое ударами прикладовъ и буйнымъ натискомъ разсѣяло всю публику. Серіозныхъ жертвъ не было, хотя нѣкоторыхъ избили порядочно. Затѣмъ прибыла еще сотня казаковъ, зданіе „Union“ было оцѣплено кругомъ, и ни одинъ „крамольникъ“ не могъ больше туда проникнуть. Такъ закончилась блестящая рѣчь г. Пергамента демонстраціей казацкихъ нагаекъ.

Членъ мѣстной группы Ц. К.

Баку. 17 февраля. Въ Балаханахъ кровавыя событія, имѣвшія мѣсто 6 — 9 февраля, использованы соціальдемократіей въ интересахъ агитаціи въ наибольшей степени. Все это время въ Балаханахъ происходили большіе митинги, на которыхъ выступали соціальдемократическіе ораторы совмѣстно съ предпринимателями, управляющими промысловъ и проч. Первые дни они организовывались болѣе или менѣе случайно. Сзывали ихъ и наши товарищи и сами управляющіе. Затѣмъ составилось, какъ говорятъ у насъ въ городѣ, „Балаханское временное правительство“ изъ 24 человѣкъ — 12 представителей, выбранныхъ революціонными организаціями, (3 дрошакиста, 3 генчакиста, 3 изъ „группы Балаханскихъ и Биби-Эйбатскихъ рабочихъ“ и 3 комитетскихъ) и 12 представителей капитала, преимущественно балаханскіе управляющіе. Настроеніе въ этой группѣ единодушное, преній пока не происходитъ. Представители капитала держатся очень хорошо и принимаютъ всѣ предложенія представителей труда. Эта комиссія и организовала митинги, которыхъ бывало обыкновенно два въ день; принимали участіе отъ 500 до 3000, 4000 человѣкъ, въ помѣщеніи Балаханскаго народнаго театра, бывали и на открытомъ воздухѣ. Большое впечатлѣніе производили рѣчи товарища татарина. Эта комиссія разработала дальнѣйшій планъ дѣйствія. Рѣшено (по предложенію нашихъ товарищей) устроить въ ближайшемъ будущемъ всеобщую политическую забастовку — сейчасъ работы идутъ очень плохо, рабочіе посѣщаютъ митинги. Устройство этой забастовки не сейчасъ, а немного погодя, мотивируется необходимостью подготовить рабочихъ, необходима широкая агитація. Представители капитала заявили, что при митингахъ нѣтъ возможности продолжать работы, нужны другіе способы агитаціи. Рабочіе сжалились, и комиссія приняла слѣдующій планъ дѣйствій. Рабочіе промысловъ и промысловыхъ мастерскихъ выбираютъ представителя отъ каждыхъ 500—1,000 чел. Эти представители собираются и выслушиваютъ ораторовъ, обсуждаютъ, а затѣмъ, возвратившись, разсказываютъ остальнымъ рабочимъ. Кромѣ такой агитаціи, рѣшено образовать особую группу агитаторовъ въ 50-100 человѣкъ, которая должна по 2-3 чел. обходить всѣ промыслы и устраивать небольшіе митинги на дворахъ промысловъ. Администрація должна содержать въ теченіе мѣсяца этихъ летучихъ агитаторовъ. Въ виду того, что управляющіе выступали никѣмъ не уполномоченные, они рѣшили обратиться къ предпринимателямъ съ просьбой санкціонировать этотъ планъ комиссіи. Вчера состоялось засѣданіе совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ вмѣстѣ со всѣми Балаханскими управляющими. Отъ имени комиссіи говорилъ ея предсѣдатель, одинъ изъ управляющихъ, пользующійся довѣріемъ рабочихъ. Настроеніе собранія было довольно благожелательное къ дѣйствіямъ комиссіи. Правда, было нѣсколько рѣчей, въ которыхъ указывалось, напримѣръ, на то, что, санкціонируя планъ, выработанный комиссіей, нефтепромышленники берутъ на себя такія, напримѣръ, вещи, какъ одержаніе профессіональныхъ политическихъ агитаторовъ, которые къ тому же не обязательно даже должны быть рабочими. Но были произнесены рѣчи и въ защиту этого плана. Въ концѣ концовъ, нефтепромышленники отложили рѣшеніе вопроса на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы подробнѣе обсудить этотъ планъ и выяснить техническую сторону его. Вообще говоря, возражали не противъ плана, а противъ техническихъ частностей. Находили число летучихъ агитаторовъ слишкомъ большимъ и т. д. Въ Балаханахъ у партіи лучшія агитаторскія силы; жаль, что комитетъ очень небогатъ ими. Объ соц.-рев. ничего не слышно. Съ „группой“ комитетъ работаетъ теперь дружно. На Биби-Эйбатѣ долгое время агитація почти отсутствовала. Теперь и Биби-Эйбатскіе управляющіе начали содѣйствовать организаціи митинговъ. Можно надѣяться, что и здѣсь событія удастся использовать; жаль, что нѣтъ хорошихъ агитаторовъ. Въ заводскихъ районахъ, Бѣломъ и Черномъ городѣ тоже стали склонять администрацію къ содѣйствію нашей агитаціи. Происходящая агитація несомнѣнно будетъ имѣть огромное воспитательное значеніе для рабочихъ.

P.S. Въ Балаханахъ и полиція и казаки совершенно стушевались пока.

Екатеринодаръ. 23 января въ Дмитріевской церкви группой рабочихъ была отслужена панихида по „убіенномъ Константинѣ“ (товарищъ Архангельскій, убитый въ Петербургѣ 9-го января); послѣ панихиды на паперти церкви, среди выходившаго народа, были разбросаны прокламаціи, посвященныя петербургскимъ событіямъ и смерти Архангельскаго. Ихъ усердно подбирала публика. На поднявшуюся возню выскочилъ изъ церкви попъ, горестно вскрикнулъ, увидѣвъ прокламаціи, и со всѣхъ ногъ бросился помогать городовому поднимать ихъ и вырывать изъ рукъ, не успѣвшихъ спрятать прокламаціи въ карманъ.

По поводу панихиды довольно далеко отъ церкви, на улицѣ были арестованы: Базикинъ, Секретевъ (казаки), Кравченко (рабочій), Приваловъ и Салоцкій (реалистъ). Послѣднихъ двухъ выпустили на поруки черезъ пять дней.

Исключеніе арестованныхъ реалистовъ изъ училища вызвало среди нашихъ мягкотѣлыхъ либераловъ упреки на адресу комитета: онъ, дескать, не щадитъ даже учащуюся молодежь, — т. е. обычныя нареканія, которыя намъ приходится такъ часто слышать отъ жандармовъ и полиціи. Кстати сказать, екатеринодарскіе либералы, ухитрившіеся въ теченіе всей всероссійской весны упорно промолчать и проявившіе въ данномъ случаѣ такую чувствительность, ничего повидимому не имѣютъ, когда арестуютъ и изгоняютъ съ фабрикъ молодыхъ рабочихъ.

На собраніи екатеринодарскихъ рабочихъ была принята слѣдующая резолюція: „Война съ Японіей окончательно подорвала военное и политическое значеніе самодержавія въ міровой политикѣ. Эта же война потребовала отъ народа такихъ жертвъ, что въ результатѣ получились: 1) страшный денежный крахъ самодержавія, по уши влѣзшаго въ долги западно-европейскимъ капиталистамъ и 2) экономическое разореніе всего народа. Январьскія событія въ Петербургѣ, Ригѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ показали, насколько революціонизированы рабочіе, и какую громадную силу, энергію и солидарность способенъ проявить россійскій пролетаріатъ въ борьбѣ за свободу. Принимая все это во вниманіе и черпая мужество и силу въ геройствѣ петербургскихъ и другихъ рабочихъ, мы выражаемъ глубокую увѣренность въ неминуемомъ и близкомъ крушеніи самодержавія. Мы зовемъ всѣхъ трудящихся подъ знамя Р. С.-Д. Р. П., чтобы въ рѣшительный часъ выйти съ оружіемъ въ рукахъ на штурмъ подгнившихъ твердынь царизма“.

Резолюціи на нашихъ массовкахъ были предложены впервые. Они были встрѣчены хорошо, только рабочіе просили разъяснить, къ чему онѣ обязываютъ.

Въ Новороссійскѣ, по предложенію оратора, рабочіе дали свои подписи (въ видѣ крестовъ) и обѣщали собирать таковыя среди товарищей.

Ѳеодосія (изъ част. письма) 8-го февраля у насъ были безпорядки. Началось, какъ будто, какъ и вездѣ, т. е. забастовкой рабочихъ, а кончилось еврейскимъ погромомъ. Вы не думайте, что этотъ ужасный финалъ былъ случайный. Онъ былъ, какъ оказалось, подготовленъ и организованъ полиціей. Нашъ полиціймейстеръ нашелъ, что слѣдовало-бы, по примѣру другихъ ревностныхъ подданныхъ, „избить жидовъ“, и обѣщалъ шайкѣ босяковъ вознаградить ее. Эта шайка подзадорила рабочихъ на табачной фабрикѣ Стамболи, гдѣ работаютъ преимущественно евреи и еврейки, сказала имъ, что, когда они придутъ на площадь, гдѣ памятникъ Александра III, къ нимъ присоединятся всѣ рабочіе и запасные солдаты. Они повѣрили и всѣмъ составомъ пошли; конечно, нашлись такіе, которыхъ все это воодушевило: одна еврейка и еврей стали произносить различныя революціонныя слова, но недолго, п. ч. полиціймейстеръ крикнулъ на нихъ: „чѣмъ его (очевидно—царя) долой, то лучше васъ! Ребята!“, и пошла потасовка. Это было часовъ въ 11 утра. Хотя это не приняло очень большихъ размѣровъ, но успѣли многихъ потрепать, а паника распространилась большая. Всѣ попрятались, поуѣзжали, и къ вечеру въ городѣ было тихо и пусто. Теперь все спокойно. А другое безпокойство было въ гимназіи. Гимназисты тоже забастовали, преимущественно 7-ой и 8-ой классы, предъявили свои требованія и два дня не были въ гимназіи; это тоже произвело довольно сильное волненіе. Но были приглашены родители, и на третій день всѣ явились въ гимназію, а ихъ требованія отосланы (очевидно, къ попечителю) и обѣщано многое удовлетворить.

Херсонъ. Послѣ прошлогодней встряски [1]. городокъ нашъ ужъ не успокаивается. А теперь, въ пору общаго подъема, все сильнѣе проявляются результаты подпольной дѣятельности, съ одной стороны, и самостоятельнаго пробужденія подъ вліяніемъ всероссійскихъ событій, съ другой.

Послѣ разброса прокламацій въ театрѣ зимою и двухдневнаго распространенія ихъ среди новобранцевъ и по городу вообще, дѣятельность организаціи проявлялась въ постоянныхъ разбросахъ. 15 февраля обыватели были изумлены непонятнымъ шумомъ на улицѣ приблизительно въ 9 часовъ вечера, когда городокъ нашъ отходилъ уже ко сну. Обыватели бросились къ окнамъ. По главной улицѣ — Суворовской по направленію къ Воронцовской двигалась компактная группа отъ 60 до 100 человѣкъ, слышались возгласы „долой самодержавіе!“, покрываемые криками „ура“. Изрѣдка раздавалось — „тѣснѣе, товарищи“, и небольшая группа мѣрно двигалась, впервые оглашая революціонными возгласами улицы нашего мирнаго города...

Прошло всего два дня, и у насъ новыя событія. Сегодня хоронятъ одну гимназистку 5 класса, еврейку. Драма этой молодой жизни очень несложна и обычна при нашихъ школьныхъ и общественныхъ порядкахъ. Начальница второй женской гимназіи давно уже избрала своею спеціальностью травлю евреекъ. Въ этомъ почтенномъ дѣлѣ начальницѣ, г-жѣ Шиповой, энергично помогала М-lle Вуколова, учительница той-же гимназіи. На этотъ разъ жертвой оказалась далеко не приниженная и смирная, а наоборотъ, гордая, свободолюбивая дѣвушка. Терпѣть такую въ гимназіи, конечно, не представлялось возможнымъ. И скоро М-lle Вуколова имѣла удовольствіе сообщить непокорной жертвѣ — „а ваше пребываніе, милая, въ гимназіи виситъ на волоскѣ“. На слѣдующій день г-жа Шипова пригласила къ себѣ дѣвушку въ свой кабинетъ и сообщила ей, что она исключена. Та бросилась домой, оскорбленная и взволнованнная, и выпила карболку. Когда мать подбѣжала къ ней въ ужасѣ, она успѣла сказать: „пусть мама пойдетъ завтра въ гимназію: тамъ она узнаетъ, почему я отравилась“. Мать помчалась за врачемъ, и когда вернулась, дѣвушка уже скончалась.

Сегодня при громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи учащихся всѣхъ учебныхъ заведеній, хоронили ее. Между прочимъ, въ 1 женской гимназіи одна ученица обратилась къ классной дамѣ, кажется, Бурачковой, достойной дочери подлаго отца, начальника мѣстнаго жандармскаго управленія, за разрѣшеніемъ пойти на похороны. „Зачѣмъ-же Вамъ, вѣдь покойная, кажется, не была вашей подругой?“ отвѣтила классная дама и въ качествѣ дочери жандармскаго полковника распорядилась закрыть всѣ выходы изъ гимназіи. Вѣсть объ отвѣтѣ и распоряженіи мигомъ облетѣла гимназію, и всѣ ученицы, какъ одинъ человѣкъ, бросились къ дверямъ. Начальство опомнилось, двери открыли, и гимназистки поспѣшили на похороны.

Въ мужской гимназіи предупредительно разрѣшилъ гимназистамъ пойти на похороны директоръ Орловъ, тотъ самый, который въ началѣ войны инсценировалъ патріотическія манифестаціи учащихся и водилъ свою гимназію подъ звуки военнаго марша къ домамъ губернатора и вице-губернатора, тамъ благоговѣйно выслушивалъ идіотскія рѣчи и давалъ знакъ кричать „ура“.

Итакъ на похоронахъ были сотни учащихся. Гробъ въ синагогу и на кладбище несли учащіеся — христіане, по своему отвѣчая на начальственную травлю „жидовъ“. Впереди процессіи несли вѣнокъ съ надписью „жертвѣ школьнаго режима“. На кладбищѣ пытались говорить рѣчи, но полиція, собравшаяся въ громадномъ количествѣ, остановила эту попытку. Присутствующіе постояли и разошлись, прокричавъ „да здравствуетъ свободная школа“ и... „долой самодержавіе!“.

Какъ бы въ отвѣтъ, власти рѣшили устроить демонстрацію военныхъ силъ, и черезъ нѣсколько часовъ по нашимъ мирнымъ улицамъ раздались звуки марша и потянулась пѣхота, а за нею... артиллерія съ пушками. Не доставало повозокъ краснаго креста и двухъ сотенъ казаковъ, недавно на всякій случай присланныхъ къ намъ.

И несомнѣнно въ отвѣтъ власти даютъ полную свободу пропагандѣ погрома. Зажиточные евреи уже получаютъ угрожающія письма съ предложеніемъ приготовить деньги. Евреи пошли къ губернатору Левашову и передали ему содержаніе писемъ. Помпадуръ выслушалъ и изрекъ: „ну и приготовьте“.

И въ самомъ дѣлѣ, у него есть дѣла поважнѣе — въ городѣ усиленно ходятъ слухи о готовящихся рабочихъ „безпорядкахъ“, и распространяются массы прокламацій. Тутъ и за погромъ бога возблагодаришь.

Пока во всѣ дворы назначены отряды войскъ, какъ и ко всѣмъ учрежденіямъ. Будемъ ожидать событій.

Полиціймейстеръ совѣтуетъ обывателямъ запасаться съѣстными припасами.

Астрахань. 7-го февраля въ реальномъ училищѣ начальство устроило поминки дядѣ царя, Сергѣю. Неожиданно для самыхъ устроителей, изъ панихиды вышла демонстрація. Во время пѣнія вѣчной памяти, раздался изъ среды учениковъ старшихъ классовъ свистъ. Когда же ученики спускались изъ актовой залы, раздался крикъ „долой самодержавіе“, дружно поддержанный другими и перешедшій въ пѣніе марсельезы; пѣніе продолжалось и на улицѣ.

На слѣдующій день была панихида въ гимназіи, послѣ нея по всѣмъ старшимъ классамъ шелъ свистъ и битье стеколъ. Начальство сначала хотѣло уволить изъ обоихъ заведеній, но учащіеся гимназіи и реальнаго училища стали готовиться къ забастовкѣ, и начальство пока уступило. 9-го числа по главной улицѣ прошлись гимназисты (до 40 чел.). Полиція не успѣла помѣшать. Среди рабочихъ броженіе ростетъ, такъ что со дня на день можно ждать стачки.

Полиція обходитъ хозяевъ, убѣждая уступать, если требованія рабочихъ не будутъ чрезмѣрны.

---

[1] За зиму 1903-1904 г. г. въ Херсонской тюрьмѣ сидѣло около 60 человѣкъ; объ этомъ своевременно сообщалось въ Искрѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новороссійскъ. Въ концѣ января здѣсь на собраніи рабочихъ выступалъ агитаторъ отъ Кубанскаго комитета. Послѣ рѣчи, посвященной петербургскимъ событіямъ, была предложена и принята слѣдующая резолюція:

„Кровавыя январьскія событія въ Петербургѣ, Ригѣ, Лодзи, Варшавѣ и другихъ городахъ, лишній и лишній разъ показали, какимъ препятствіемъ на пути къ свободному развитію рабочаго класса и всего русскаго народа является самодержавіе. Пролитая рабочими святая кровь не допускаетъ и мысли о какой нибудь сдѣлкѣ съ царемъ. Только Учредительное Собраніе, выбранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, можетъ дать необходимую намъ политическую свободу. Отъ всей души пославъ наше проклятіе подлымъ убійцамъ, мы подтверждаемъ нашу готовность въ братскомъ союзѣ со всѣмъ пролетаріатомъ Россіи, съ оружіемъ въ рукахъ, до конца бороться съ гнуснымъ самодержавіемъ“.

Ковровъ. Петербургскія событія лишь слабо отозвались въ нашемъ городѣ. Да и то первый толчокъ далъ самъ начальникъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Шубертъ. Вернувшись изъ Москвы, онъ пригласилъ къ себѣ депутацію отъ рабочихъ. Пошли было, какъ у насъ водится, старики, но молодежь этому воспротивилась и послала своихъ представителей. Шубертъ разсказалъ имъ о стачкѣ въ Москвѣ, просилъ не бастовать, а если у нихъ есть требованія, то прямо передать ему. Депутація заявила, что она вполнѣ присоединяется къ требованіямъ московско-курскихъ мастерскихъ. (8 час. день, увеличеніе платы, уравненіе штатныхъ и нештатныхъ служащихъ, распредѣленіе % въ бригадахъ не по жалованью, а по числу дней). Шубертъ отвѣтилъ, что введеніе 8 час. дня зависитъ отъ министра, что касается остальныхъ требованій, онъ снесется съ кѣмъ нужно, и по возможности удовлетворитъ. На слѣдующій день рабочіе въ слесарномъ цеху обратились къ мастеру Шишкину съ просьбой смѣнить бригадира Кузьмина. Тотъ грубо отказалъ. Тогда рабочіе—человѣкъ 100—отправились къ Шуберту требовать увольненія Шишкина, давно уже возстановившаго противъ себя всѣхъ рабочихъ грубостью и притѣсненіями. Въ требованіи Шубертъ отказалъ, найдя его необоснованнымъ. Рабочіе подали коллективную жалобу въ высшую инстанцію. Это возымѣло такое дѣйствіе: Шишкинъ, пока что, ведетъ себя лучше, чѣмъ прежде. Когда прибыло извѣстіе объ исходѣ стачки въ курскихъ мастерскихъ, состоялась сходка въ сборномъ цеху. Помощникъ начальника Калининъ упрекалъ рабочихъ, что они слушаютъ газетныхъ брехуновъ, а Шубертъ плакался, что, если рабочіе ему не довѣряютъ, онъ долженъ будетъ уйти со службы. Сходка ни къ какимъ результатамъ не пришла. Съ февраля начинаются прибавки къ поденной платѣ.

На мѣстной бумаготкацкой фабрикѣ Треумова дѣла изъ за войны идутъ плохо. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ работаютъ только 5 дней въ недѣлю. Незамѣтно сокращаютъ штатъ рабочихъ (въ трепальномъ). Въ ткацкомъ за всякую провинность переводятъ на одинъ станокъ. Благодаря всему, заработокъ, и безъ того низкій, уменьшился почти на 25%—у ткачей съ 14—15 рублей до 10—12. Попытка понизить еще расцѣнки не удалась. На фабрикѣ большинство работающихъ женщины. Обращеніе съ ними невозможное. Особенно отличается табельщикъ Жаворонцевъ.

Попы тоже втягиваются въ политическую жизнь. Въ соборѣ въ одно изъ воскресеній попъ говорилъ проповѣдь о петербургскихъ дѣлахъ, громилъ бунтовщиковъ, не забылъ помянуть и объ англо-японскихъ милліонахъ—словомъ все, какъ и надлежало быть.

Гомель. Здѣсь бастовали только еврейскіе рабочіе. Что касается русскихъ, и въ особенности рабочихъ изъ желѣзнодорожнаго депо, то они остались равнодушны къ происходящимъ событіямъ. А они, между тѣмъ, представляютъ здѣсь главную силу. Все таки, насколько возможно было, еврейская масса протестовала: устраивались митинги, собранія. На одномъ изъ нихъ убиты дѣвушка и молодой человѣкъ. На кладбище убитыхъ провожали тысячи рабочихъ, на могилахъ говорились рѣчи. На Румянцевской улицѣ, по которой направлялась похоронная процессія, магазины были закрыты.

Въ мѣстечкахъ кругомъ Гомеля тоже не прошло тихо. Въ Вѣткѣ, напримѣръ, была удачная демонстрація; изъ демонстрантовъ арестовано 17 человѣкъ (10 русскихъ, 7 евреевъ). Убитъ одинъ казакъ.

Уралъ. Режевской заводъ екатеринбургскаго уѣзда. (Изъ частнаго письма). Не скажу, что мы теперь здѣсь застыли. Масса дѣла и не хватаетъ времени. Читать приходится мало, да и то больше все о правахъ, да законахъ рабочихъ. Рабочіе все время разспрашиваютъ какъ да что надо дѣлать и что о нихъ въ законѣ сказано. Желающихъ читать масса, не хватаетъ книгъ, а газеты такъ прямо на расхватъ! Лѣтомъ подумываютъ о забастовкѣ на Уралѣ. Въ Екатеринбургѣ арестовано 26 человѣкъ, въ числѣ ихъ прибывшіе изъ Питера, участники 9-го января.

На Уралѣ толкуютъ о земельномъ надѣлѣ, о пенсіяхъ, объ образованіи союзовъ, о выборномъ началѣ и контролѣ надъ работодателями въ той или иной формѣ. Разсчитываютъ предъявить требованія, какъ только къ тому представится возможность. Готовятся усиленно. Настроеніе рабочихъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: недавно въ заводъ пришло письмо солдата, въ которомъ онъ пишетъ что самъ убилъ въ Питерѣ 9-го января человѣкъ. Рабочіе, прочитавъ письмо, сказали: „пусть лучше и домой не показывается, а иначе карачунъ будетъ“. Затѣмъ рабочіе обратились съ просьбой къ управителю завода, о сборѣ денегъ въ пользу семей убитыхъ 9-го.

Одинъ рабочій, несочувствующій революціонному движенію, пишетъ: „соціальдемократовъ у насъ нынче развелось просто страсть, и такъ всѣхъ и зазызаютъ, говорятъ, книги даютъ читать“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Реформистскій и революціонный трэдъюніонизмъ во Франціи.—Шестой конгрессъ бельгійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Вопросъ объ отношеніи профессіональнаго движенія къ политическому всего больше осложняется тамъ, гдѣ идейное единство рабочаго класса отсутствуетъ и гдѣ имѣется нѣсколько соціалистическихъ партій, заявляющихъ притязаніе на политическое представительство рабочаго класса. Всего больше это относится къ Франціи, гдѣ каждая революція, каждая соціалистическая школа, иногда даже чисто буржуазныя философскія системы наложили свою печать на мышленіе различныхъ слоевъ пролетаріата и опредѣлили не только ихъ идеологію, но и ихъ практическое поведеніе. Профессіональное движеніе французскаго пролетаріата остается, поэтому, столь же разрозненнымъ, какъ и его политическая организація. Только часть французскихъ профессіональныхъ синдикатовъ находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ отдѣльными политическими партіями; другая, повидимому, болѣе многочисленная часть стоитъ въ сторонѣ отъ политическаго движенія и въ лицѣ своихъ синдикатовъ высказывается или противъ самостоятельной рабочей партіи или противъ необходимости политической борьбы вообще. Первые, трэдъюніонисты англійскаго типа, являются представителями той небольшой группы рабочаго класса, которая, благодаря специфическимъ условіямъ данной индустріи, создала себѣ довольно сносное существованіе въ предѣлахъ современнаго строя. Типичными ихъ представителями являются рабочіе, занятые въ печатномъ дѣлѣ. Машина, конечно, и здѣсь грозитъ перевернуть все вверхъ дномъ, но машина пока проникаетъ медленно и извѣстное равновѣсіе удается сохранить. Рабочіе этого типа представляются людьми положительными, чуждыми всякихъ увлеченій. Соціализмъ есть „идеалъ“, о которомъ филистеръ готовъ помечтать послѣ сытаго обѣда, и такъ какъ соціалистическихъ школъ много, то это освобождаетъ его отъ необходимости выбирать одну изъ нихъ. Бѣдные были всегда и всегда они стремились къ улучшенію своего положенія. Наибольшимъ врагомъ для нихъ является машина и женскій трудъ. Когда-то они старались не допускать женщинъ въ свою профессію, но теперь убѣдились въ безплодности этихъ стремленій и хлопочутъ лишь объ ограниченіи числа женщинъ. Ограничить они хотѣли бы также число учениковъ для того, чтобы уменьшить конкурренцію въ своей профессіи. Съ хозяевами стараются жить въ мирѣ и всякое столкновеніе прежде всего рѣшать путемъ переговоровъ. Стачка есть зло и для рабочихъ и для хозяевъ, и рискнуть на нее можно, только имѣя въ своемъ распоряженіи полную кассу. Какъ добропорядочные граждане, они принимаютъ участіе въ выборахъ, но руководятся при этомъ не интересами своего класса, а какими-нибудь случайными, временными или мѣстными соображеніями. Таковы трэдъюніонисты-реформисты.

Теперь посмотримъ на „революціонное“ крыло трэдъюніонизма, сконцентрировавшее свои главныя силы во Всеобщей Конфедераціи Труда—организаціи, цѣлью которой является объединеніе всѣхъ французскихъ профессіональныхъ синдикатовъ и насчитывающей въ настоящее время около 180000 членовъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, къ мелкимъ синдикатамъ. Здѣсь преобладаетъ самое отрицательное отношеніе къ политикѣ и политиканамъ. Мы живемъ въ обществѣ, — такъ аргументируютъ свою точку зрѣнія представители этого теченія, — въ которомъ работающіе оказываются не въ состояніи удовлетворять свои потребности. Происходитъ это отъ того, что одна часть общества — капиталисты — обладаютъ привиллегіей заставлять другихъ работать на себя. Надо, слѣдовательно, стремиться уничтожить эту привиллегію предпринимателей. Это будетъ сдѣлано путемъ всеобщей стачки, которая и есть соціальная революція. Но уже въ настоящее время профессіональная борьба должна стремиться къ уменьшенію этихъ привиллегій, пока путемъ цѣлаго ряда столкновеній не удастся уничтожить самой причины борьбы, т. е. привиллегій. Единственный революціонный способъ борьбы есть стачка, воспитывающая рабочихъ для борьбы и имѣющая въ большинствѣ случаевъ результатомъ ограниченіе привиллегій хозяевъ; для побѣды не столько нужны полныя кассы, сколько духъ борьбы. Изъ потребностей стачечной борьбы и возможности столкновеній съ войсками выростаетъ сознаніе необходимости антимилитаристской пропаганды. Государство ничего не можетъ сдѣлать для рабочихъ: его реформы или покупаются на счетъ потребителя, т. е. того же рабочаго, или имѣютъ цѣлью установленіе соціальнаго мира, т. е. искорененіе революціоннаго духа рабочаго класса. Участіе въ выборахъ безсмысленно, потому что рабочій классъ можетъ освободиться только „непосредственной борьбой“, и не долженъ никому перепоручать хлопоты о своемъ освобожденіи.

Не трудно видѣть, гдѣ слабый пунктъ этого воззрѣнія. Исходя изъ противоположности классовыхъ интересовъ, сторонники этого ученія въ то же самое время боятся, что реформы могутъ установить „соціальный миръ“. Причина борьбы рабочаго класса, по ихъ мнѣнію, лежитъ въ привиллегіи класса капиталистовъ, которая можетъ быть уничтожена частями (откуда ихъ абсолютное непониманіе значенія политической борьбы) а, реформы, имѣющія цѣлью установленіе соціальнаго мира, содѣйствуютъ упадку революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ. Но революціонный духъ, о которомъ такъ много говорятъ въ этомъ лагерѣ, пріобрѣтается въ процессѣ политической и экономической борьбы рабочаго класса. Отказываясь отъ участія въ политической борьбѣ и организаціи самостоятельной рабочей партіи, нерѣдко сторонники этой тенденціи обращаются къ заступничеству буржуазныхъ депутатовъ или даже посылаютъ депутаціи къ министрамъ. Что касается борьбы экономической, то здѣсь фраза о всеобщей стачкѣ, которая должна сразу дать все, чаще всего является препятствіемъ для болѣе или менѣе прочной организаціи своихъ силъ. Сдѣлавши цѣлью своихъ профессіональныхъ союзовъ лелѣяніе „революціоннаго духа“, они на практикѣ идутъ на самые жалкіе, самые унизительные компромиссы съ предпринимателями, на какіе никогда не пошелъ бы сильный, хорошо организованный синдикатъ. На практикѣ, словомъ, они очень мало отличаются отъ вышеописанныхъ реформистовъ. Трэдъюніонизмъ оказывается одинаково безсильнымъ, выступаетъ ли онъ подъ флагомъ революціи или подъ флагомъ реформы.

• • •

Если французское профессіональное движеніе страдаетъ отъ указанныхъ односторонностей, то на VI конгрессѣ весьма еще слабыхъ бельгійскихъ профессіональныхъ союзовъ обнаружилась тенденція, которая убила бы въ корнѣ это движеніе, еслибъ оно восторжествовало. Мы говоримъ о стремленіи довести до минимума число стачекъ, запретить стачки одного рода и допустить только такія, которыя имѣютъ цѣлью помѣшать уменьшенію рабочей платы или протестовать противъ покушенія на свободу союзовъ. Такая нормировка экономической борьбы рабочихъ повела бы непремѣнно къ угашенію всякаго духа активнаго протеста въ рабочихъ массахъ. и, въ концѣ концовъ, еслибъ такая попытка могла удасться, стали бы рѣдкостью и стачки дозволенныя. Большинство делегатовъ съѣзда не только отвергло подобную регламентацію, но и во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ стремилось подчеркнуть революціонную сторону союзовъ, ихъ боевой характеръ по отношенію къ капиталистамъ, и соціалистически — воспитательный по отношенію ко всѣмъ представителямъ рабочаго класса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ виду объявленія о созывѣ съѣзда большинства, Совѣтъ постановилъ опубликовать слѣдующее обращеніе къ товарищамъ, имѣющимъ намѣреніе принять участіе на съѣздѣ.

Къ членамъ съѣзда, созываемаго „бюро Комитетовъ большинства.“

Товарищи! Неправильно называя Вашъ съѣздъ III-имъ *партійнымъ* съѣздомъ, вы пытаетесь навязать дѣйствительному большинству партіи рѣшенія незначительной групы ея членовъ.

Въ переживаемое россійскимъ пролетаріатомъ время такія дѣйствія членовъ партіи грозятъ самымъ пагубнымъ образомъ отозваться на интересахъ всѣмъ намъ одинаково близкаго дѣла.

Мы считаемъ, поэтому, своимъ долгомъ, отбросивъ всякія формальныя соображенія о соотвѣтствіи Вашего поведенія основамъ партійной организаціи, обратиться къ Вамъ съ новымъ призывомъ сдѣлать серьезный шагъ къ прекращенію партійнаго кризиса.

На вашемъ съѣздѣ вы сплотитесь еще болѣе крѣпко въ солидарный союзъ единомышленниковъ. Вамъ противостоитъ вся остальная часть партіи, объединенная вокругъ ея центральныхъ учрежденій.

Обѣ стороны неоднократно выражали свое убѣжденіе въ томъ, что существующія тактическія и организаціонныя разногласія не такого характера, чтобы дѣлать невозможной работу въ предѣлахъ единой партійной организаціи.

Вамъ предстоитъ доказать, что это убѣжденіе не только раздѣляется Вами, но и опредѣляетъ собой Ваше отношеніе къ партіи.

Передъ Вами приглашеніе Правленія Германской Соціальдемократіи, предлагавшей свои услуги для содѣйствія умиротворенію нашей партіи.

Предложенный Правленіемъ въ предсѣдателя третейской коммиссіи тов. Бебель является, безъ сомнѣнія, и для васъ наиболѣе призваннымъ выполнить эту миссію. Нѣтъ сознательнаго русскаго рабочаго, который не отдалъ бы съ полнымъ довѣріемъ въ его руки трудное дѣло разрѣшенія нашего организаціоннаго конфликта.

Недавно увѣнчавшаяся успѣхомъ работа германскихъ товарищей по содѣйствію объединенію французской соціальдемократіи даетъ намъ право вѣрить, что и въ этомъ случаѣ усилія ихъ не окажутся тщетными. Вы можете избрать на своемъ съѣздѣ своихъ уполномоченныхъ и поручить имъ принять отъ имени представленныхъ на немъ организацій предложенное Германскими товарищами третейское разбирательство съ Цен. Учр. партіи и всѣми солидарными съ ними членами партіи, — разбирательство, задачей котораго является найти организаціонныя средства для прекращенія партійнаго междуусобія.

Если вы это сдѣлаете, Вашъ съѣздъ — съѣздъ одной части партіи — будетъ послѣднимъ актомъ партійной распри и, быть можетъ, станетъ прологомъ къ возстановленію партійнаго мира.

Мы просимъ Васъ внимательно обсудить наше предложеніе и принять по его поводу опредѣленное рѣшеніе. Мы не сомнѣваемся, что партійный долгъ и соціалистическая совѣсть подскажутъ Вамъ единственно достойный отвѣтъ, вытекающій изъ рѣшенія Амстердамскаго конгресса.

Съ товарищескимъ привѣтомъ Совѣтъ Партіи.

Совѣтъ Партіи проситъ бюро съѣзда сообщить послѣднему объ этомъ предложеніи и поставить его на обсужденіе съѣзда.

Совѣтъ Партіи

10 марта 1905 года.

P. S. Если съѣздъ приметъ предложеніе Совѣта и пожелаетъ вступить въ непосредственные переговоры объ осуществленіи идеи, третейскаго разбирательства, Совѣтъ готовъ, съ этой специальной цѣлью, отправить на съѣздъ 2 своихъ представителей.

Ко всѣмъ рабочимъ

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

(Отъ рабочаго, члена партіи соц.-рев. [1])

„Въ единеніи наша сила!“

Товарищи!

Событія послѣдняго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезная опасность, грозящая рабочему классу, быть обманутымъ, заставляютъ меня обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ и напомнить вамъ недавнія слова „Революціонной Россіи“, органа Партіи соціалистовъ-революціонеровъ... „Намъ нужно выставлять каждое изъ такихъ частичныхъ требованій *во всей его широтѣ* (курсивъ „Рев. Р.“), чтобы оно могло давать намъ вѣрное направленіе, въ которомъ мы добиваемся наивозможно большихъ уступокъ. Требованія нашей программы минимумъ суть прежде всего такія принципіальныя директивы“ („Рев. Р.“ № 42, стр. 4). Стоило бы кому нибудь сказать, что это—трескучія фразы, и гнѣву „Рев. Россіи“ не было бы границъ.

И вспоминаются мнѣ времена, когда мы, читая „Искру“, встрѣчали слова, вродѣ того, что революціонному авантюристу ничего не стоитъ пообѣщать, и лица наши сейчасъ вытягивались, дѣлались угрюмыми, и мы всѣ приходили къ одному заключенію, что отвѣчать на такія недостойныя и несоціалистическія нападки „Рев. Рос.“ не должна, что будущее неизбѣжно покажетъ послѣдовательность и вѣрность Партіи соц.-рев. дѣлу освобожденія „трудящагося народа“ отъ всѣхъ формъ эксплуатаціи, и воздастъ должное „Искрѣ“.

Но судьба неумолима!

И какъ мнѣ ни тяжело, невыразимо тяжело, но долгъ соціалиста заставляетъ меня говорить.

Зашаталось зданіе произвола и насилія! Тронъ самодержавія далъ значительную трещину! И мы, оторванные отъ воли и живой жизни, съ лихорадочной нервностью прислушиваемся ко всему, что происходитъ за тюремными стѣнами.

Слышимъ ропотъ общества: „дальше такъ жить нельзя!“

Слышимъ грозный и смѣлый голосъ революціоннаго пролетаріата, борющагося подъ знаменемъ соціальдемократіи: „мы требуемъ прекращенія затѣянной царскимъ правительствомъ авантюры на Дальнемъ Востокѣ! Мы требуемъ немедленнаго созыва *Учредительнаго Собранія* на основѣ *всеобщаго, равнаго, прямого* и *тайнаго* избирательнаго права безъ различія пола, національности или религіи! Мы требуемъ *демократической республики!*“

И у насъ, заключенныхъ, сердца радостно бьются отъ этихъ смѣлыхъ и справедливыхъ требованій революціоннаго пролетаріата.

Но насъ, членовъ партіи соц.-рев. одна мысль угнетаетъ — намъ страстно хочется узнать, что дѣлаетъ партія соц.-рев., какія требованія выставляетъ она?

И вотъ, наконецъ-то, мы услышали желанный голосъ, голосъ партіи с.-р.—въ.

Но, о Боже! Какое разочарованіе!

Какая пестрая компанія, изъ среды которой, вертя хвостомъ и кокетничая, „Рев. Россія“ торжественно-ликующимъ голоскомъ намъ объявила, что наконецъ то „своя своихъ познаша“, что она попала въ родныя воды, что нѣтъ уже необходимости рядиться въ революціонно-соціалистическій нарядъ, что можно начать игру въ открытую... Словомъ, что „партія соц.-рев., польская соц. партія, грузинская партія соц.-федерал.-револ., армянск. революц. федерація, польская націон. лига, финляндская партія активнаго сопротивленія и союзъ освобожденія... *соединяясь* для согласованныхъ дѣйствій,... констатируютъ, что слѣдующіе *основные принципы и требованія одинаково признаются всѣми ими*: 1) уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи. 2) Замѣна самодержавнаго строя *демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ*. 3) Право національнаго самоопредѣленія; гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ“. (курсивъ вездѣ мой).

Итакъ, Партія соц. рев., *соединяясь* со всей этой теплой компаніей во главѣ со Струве, готова звать васъ, товарищи рабочіе, проливать свою кровь во имя этихъ „основныхъ“ принциповъ и требованій!

Я уже не буду упоминать о тѣхъ трескучихъ фразахъ, которыя раздавались — напримѣръ, въ листкѣ „Къ учащимся“, изданномъ одесскимъ комитетомъ партіи с.-р. мѣсяца три тому назадъ, — что мы де не будемъ звать рабочихъ на буржуазную революцію! Рабочая кровь слишкомъ дорогая для насъ цѣна и мы требуемъ большаго... Мы требуемъ соціализма! (цитирую на память, но за смыслъ ручаюсь).

То же самое говоритъ и екатеринославскій комитетъ партіи соц.-рев. въ своемъ „Рабочемъ Листкѣ“ (№ 4 отъ 26 декабря 1904 г., т. е. уже послѣ резолюцій конференціи, въ которыхъ результаты даже буржуазной революціи низведены до минимума!..)

---

[1] Авторъ этого, присланнаго намъ съ просьбой напечатать, письма съ 1897 г. принимаетъ участіе въ революціонномъ движеніи. Въ 1901 году онъ былъ арестованъ по дѣлу „партіи политическаго Освобожденія Россіи“ и послѣ 16 мѣсяцевъ заключенія сосланъ въ Сибирь, откуда немедленно бѣжалъ. 8 мая 1903 г. онъ вновь арестованъ въ Одессѣ, какъ хозяинъ типографіи одесскаго комитета партіи с.-р., и въ настоящее время находится въ Екатеринославской тюрьмѣ въ ожиданіи суда по другому дѣлу, будучи обвиняемъ въ содержаніи типографіи екатеринославскаго комитета партіи с.-р—въ.

Сокративъ нѣсколько письмо, мы не сочли себя вправѣ измѣнять въ чемъ либо его выраженія, если не считать нѣкоторыхъ рѣзкихъ мѣстъ, вполнѣ извиняемыхъ, разумѣется, тою тяжелой внутренней борьбой, которую пришлось пережить автору.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Новороссійскъ. Въ концѣ января здѣсь на собраніи рабочихъ выступалъ агитаторъ отъ Кубанскаго комитета. Послѣ рѣчи, посвященной петербургскимъ событіямъ, была предложена и принята слѣдующая резолюція:

„Кровавыя январьскія событія въ Петербургѣ, Ригѣ, Лодзи, Варшавѣ и другихъ городахъ, лишній и лишній разъ показали, какимъ препятствіемъ на пути къ свободному развитію рабочаго класса и всего русскаго народа является самодержавіе. Пролитая рабочими святая кровь не допускаетъ и мысли о какой нибудь сдѣлкѣ съ царемъ. Только Учредительное Собраніе, выбранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, можетъ дать необходимую намъ политическую свободу. Отъ всей души пославъ наше проклятіе подлымъ убійцамъ, мы подтверждаемъ нашу готовность въ братскомъ союзѣ со всѣмъ пролетаріатомъ Россіи, съ оружіемъ въ рукахъ, до конца бороться съ гнуснымъ самодержавіемъ“,

Ковровъ. Петербургскія событія лишь слабо отозвались въ нашемъ городѣ. Да и то первый толчокъ далъ самъ начальникъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Шубертъ. Вернувшись изъ Москвы, онъ пригласилъ къ себѣ депутацію отъ рабочихъ. Пошли было, какъ у насъ водится, старики, но молодежь этому воспротивилась и послала своихъ представителей. Шубертъ разсказалъ имъ о стачкѣ въ Москвѣ, просилъ не бастовать, а если у нихъ есть требованія, то прямо передать ему. Депутація заявила, что она вполнѣ присоединяется къ требованіямъ московско-курскихъ мастерскихъ. (8 час. день, увеличеніе платы, уравненіе штатныхъ и нештатныхъ служащихъ, распредѣленіе % въ бригадахъ не по жалованью, а по числу дней). Шубертъ отвѣтилъ, что введеніе 8 час. дня зависитъ отъ министра, что касается остальныхъ требованій, онъ снесется съ кѣмъ нужно, и по возможности удовлетворитъ. На слѣдующій день рабочіе въ слесарномъ цеху обратились къ мастеру Шишкину съ просьбой смѣнить бригадира Кузьмина. Тотъ грубо отказалъ. Тогда рабочіе—человѣкъ 100—отправились къ Шуберту требовать увольненія Шишкина, давно уже возстановившаго противъ себя всѣхъ рабочихъ грубостью и притѣсненіями. Въ требованіи Шубертъ отказалъ, найдя его необоснованнымъ. Рабочіе подали коллективную жалобу въ высшую инстанцію. Это возымѣло нѣкое дѣйствіе: Шишкинъ, пока что, ведетъ себя лучше, чѣмъ прежде. Когда прибыло извѣстіе объ исходѣ стачки въ курскихъ мастерскихъ, состоялась сходка въ сборномъ цеху. Помощникъ начальника Калининъ упрекалъ рабочихъ, что они слушаютъ газетныхъ брехуновъ, а Шубертъ плакался, что, если рабочіе ему не довѣряютъ, онъ долженъ будетъ уйти со службы. Сходка ни къ какимъ результатамъ не пришла. Съ февраля начинаются прибавки къ поденной платѣ.

На мѣстной бумаготкацкой фабрикѣ Треумова дѣла изъ за войны идутъ плохо. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ работаютъ только 5 дней въ недѣлю. Незамѣтно сокращаютъ штатъ рабочихъ (въ трепальномъ). Въ ткацкомъ за всякую провинность переводятъ на одинъ станокъ. Благодаря всему, заработокъ, и безъ того низкій, уменьшился почти на 25%—у ткачей съ 14—15 рублей до 10—12. Попытка понизить еще расцѣнки не удалась. На фабрикѣ большинство работающихъ женщины. Обращеніе съ ними невозможное. Особенно отличается табельщикъ Жаворонцевъ.

Попы тоже втягиваются въ политическую жизнь. Въ соборѣ въ одно изъ воскресеній попъ говорилъ проповѣдь о петербургскихъ дѣлахъ, громилъ бунтовщиковъ, не забылъ помянуть и объ англо-японскихъ милліонахъ—словомъ все, какъ и надлежало быть.

Гомель. Здѣсь бастовали только еврейскіе рабочіе. Что касается русскихъ, и въ особенности рабочихъ изъ желѣзнодорожнаго депо, то они остались равнодушны къ происходящимъ событіямъ. А они, между тѣмъ, представляютъ здѣсь главную силу. Все таки, насколько возможно было, еврейская масса протестовала: устраивались митинги, собранія. На одномъ изъ нихъ убиты дѣвушка и молодой человѣкъ. На кладбище убитыхъ провожали тысячи рабочихъ, на могилахъ говорились рѣчи. На Румянцевской улицѣ, по которой направлялась похоронная процессія, магазины были закрыты.

Въ мѣстечкахъ кругомъ Гомеля тоже не прошло тихо. Въ Вѣткѣ, напримѣръ, была удачная демонстрація; изъ демонстрантовъ арестовано 17 человѣкъ (10 русскихъ, 7 евреевъ). Убитъ одинъ казакъ.

Уралъ. Режевской заводъ екатеринбургскаго уѣзда. (Изъ частнаго письма). Не скажу, что мы теперь здѣсь застыли. Масса дѣла и не хватаетъ времени. Читать приходится мало, да и то больше все о правахъ, да законахъ рабочихъ. Рабочіе все время разспрашиваютъ какъ да что надо дѣлать и что о нихъ въ законѣ сказано. Желающихъ читать масса, не хватаетъ книгъ, а газеты такъ прямо на расхватъ! Лѣтомъ подумываютъ о забастовкѣ на Уралѣ. Въ Екатеринбургѣ арестовано 26 человѣкъ, въ числѣ ихъ прибывшіе изъ Питера, участники 9-го января.

На Уралѣ толкуютъ о земельномъ надѣлѣ, о пенсіяхъ, объ образованіи союзовъ, о выборномъ началѣ и контролѣ надъ работодателями въ той или иной формѣ. Разсчитываютъ предъявить требованія, какъ только къ тому представится возможность. Готовятся усиленно. Настроеніе рабочихъ можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: недавно въ заводъ пришло письмо солдата, въ которомъ онъ пишетъ что самъ убилъ въ Питерѣ 9-го января человѣкъ. Рабочіе, прочитавъ письмо, сказали: „пусть лучше и домой не показывается, а иначе карачунъ будетъ“. Затѣмъ рабочіе обратились съ просьбой къ управителю завода, о сборѣ денегъ въ пользу семей убитыхъ 9-го.

Одинъ рабочій, несочувствующій революціонному движенію, пишетъ: „соціальдемократовъ у насъ нынче развелось просто страсть, и такъ всѣхъ и зазызаютъ, говорятъ, книги даютъ читать“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Реформистскій и революціонный трэдъюніонизмъ во Франціи.—Шестой конгрессъ бельгійскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Вопросъ объ отношеніи профессіональнаго движенія къ политическому всего больше осложняется тамъ, гдѣ идейное единство рабочаго класса отсутствуетъ и гдѣ имѣется нѣсколько соціалистическихъ партій, заявляющихъ притязаніе на политическое представительство рабочаго класса. Всего больше это относится къ Франціи, гдѣ каждая революція, каждая соціалистическая школа, иногда даже чисто буржуазныя философскія системы наложили свою печать на мышленіе различныхъ слоевъ пролетаріата и опредѣлили не только ихъ идеологію, но и ихъ практическое поведеніе. Профессіональное движеніе французскаго пролетаріата остается, поэтому, столь же разрозненнымъ, какъ и его политическая организація. Только часть французскихъ профессіональныхъ синдикатовъ находится въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ отдѣльными политическими партіями; другая, повидимому, болѣе многочисленная часть стоитъ въ сторонѣ отъ политическаго движенія и въ лицѣ своихъ вожаковъ высказывается или противъ самостоятельной рабочей партіи или противъ необходимости политической борьбы вообще. Первые, трэдъюніонисты англійскаго типа, являются представителями той небольшой группы рабочаго класса, которая, благодаря специфическимъ условіямъ данной индустріи, отвоевала себѣ довольно сносное существованіе въ предѣлахъ современнаго строя. Типичными ихъ представителями являются рабочіе, занятые въ печатномъ дѣлѣ. Машина, конечно, и здѣсь грозитъ перевернуть все вверхъ дномъ, но машина пока проникаетъ медленно и извѣстное равновѣсіе удается сохранить. Рабочіе этого типа представляются людьми положительными, чуждыми всякихъ увлеченій. Соціализмъ есть „идеалъ“, о которомъ филистеръ готовъ помечтать послѣ сытаго обѣда, и такъ какъ соціалистическихъ школъ много, то это освобождаетъ его отъ необходимости выбирать одну изъ нихъ. Бѣдные были всегда и всегда они стремились къ улучшенію своего положенія. Наибольшимъ врагомъ для нихъ является машина и женскій трудъ. Когда-то они старались не допускать женщинъ въ свою профессію, но теперь убѣдились въ безплодности этихъ стремленій и хлопочутъ лишь объ ограниченіи числа женщинъ. Ограничить они хотѣли бы также число учениковъ для того, чтобы уменьшить конкурренцію въ своей профессіи. Съ хозяевами стараются жить въ мирѣ и всякое столкновеніе прежде всего рѣшать путемъ переговоровъ. Стачка есть зло и для рабочихъ и для хозяевъ, и рискнуть на нее можно, только имѣя въ своемъ распоряженіи полную кассу. Какъ добропорядочные граждане, они принимаютъ участіе въ выборахъ, но руководятся при этомъ не интересами своего класса, а какими-нибудь случайными, временными или мѣстными соображеніями. Таковы трэдъюніонисты-реформисты.

Теперь посмотримъ на „революціонное“ крыло трэдъюніонизма, сконцентрировавшее свои главныя силы во Всеобщей Конфедераціи Труда—организаціи, цѣлью которой является объединеніе всѣхъ французскихъ профессіональныхъ синдикатовъ и насчитывающей въ настоящее время около 180000 членовъ, принадлежащихъ, въ большинствѣ случаевъ, къ мелкимъ синдикатамъ. Здѣсь преобладаетъ самое отрицательное отношеніе къ политикѣ и политиканамъ. Мы живемъ въ обществѣ, — такъ аргументируютъ свою точку зрѣнія представители этого теченія, — въ которомъ работающіе оказываются не въ состояніи удовлетворять свои потребности. Происходитъ это отъ того, что одна часть общества — капиталисты — обладаютъ привиллегіей заставлять другихъ работать на себя. Надо, слѣдовательно, стремиться уничтожить эту привилегію предпринимателей. Это будетъ сдѣлано путемъ всеобщей стачки, которая и есть соціальная революція. Но уже въ настоящее время профессіональная борьба должна стремиться къ уменьшенію этихъ привиллегій, пока путемъ цѣлаго ряда столкновеній не удастся уничтожить самой причины борьбы, т. е. привиллегій. Единственный революціонный способъ борьбы есть стачка, воспитывающая рабочихъ для борьбы и имѣющая въ большинствѣ случаевъ результатомъ ограниченіе привиллегій хозяевъ; для побѣды не столько нужны полныя кассы, сколько духъ борьбы. Изъ потребностей стачечной борьбы и возможности столкновеній съ войсками выростаетъ сознаніе необходимости антимилитаристской пропаганды. Государство ничего не можетъ сдѣлать для рабочихъ: его реформы или покупаются на счетъ потребителя, т. е. того же рабочаго, или имѣютъ цѣлью установленіе соціальнаго мира, т. е. искорененіе революціоннаго духа рабочаго класса. Участіе въ выборахъ безсмысленно, потому что рабочій классъ можетъ освободиться только „непосредственной борьбой“, и не долженъ никому перепоручать хлопоты о своемъ освобожденіи.

Не трудно видѣть, гдѣ слабый пунктъ этого воззрѣнія. Исходя изъ противоположности классовыхъ интересовъ, сторонники этого ученія въ то же самое время боятся, что реформы могутъ установить „соціальный миръ“. Причина борьбы рабочаго класса, по ихъ мнѣнію, лежитъ въ привиллегіи класса капиталистовъ, которая можетъ быть уничтожена частями (откуда ихъ абсолютное непониманіе значенія политической борьбы) а, реформы, имѣющія цѣлью установленіе соціальнаго мира, содѣйствуютъ упадку революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ. Но революціонный духъ, о которомъ такъ много говорятъ въ этомъ лагерѣ, пріобрѣтается въ процессѣ политической и экономической борьбы рабочаго класса. Отказываясь отъ участія въ политической борьбѣ и организаціи самостоятельной рабочей партіи, нерѣдко сторонники этой тенденціи обращаются къ заступничеству буржуазныхъ депутатовъ или даже посылаютъ депутаціи къ министрамъ. Что касается борьбы экономической, то здѣсь фраза о всеобщей стачкѣ, которая должна сразу дать все, чаще всего является препятствіемъ для болѣе или менѣе прочной организаціи своихъ силъ. Сдѣлавши цѣлью своихъ профессіональныхъ союзовъ лелѣяніе „революціоннаго духа“, они на практикѣ идутъ на самые жалкіе, самые унизительные компромиссы съ предпринимателями, на какіе никогда не пошелъ бы сильный, хорошо организованный синдикатъ. На практикѣ, словомъ, они очень мало отличаются отъ вышеописанныхъ реформистовъ. Трэдъюніонизмъ оказывается одинаково безсильнымъ, выступаетъ ли онъ подъ флагомъ революціи или подъ флагомъ реформы.

* * *

Если французское профессіональное движеніе страдаетъ отъ указанныхъ односторонностей, то на VI конгрессѣ весьма еще слабыхъ бельгійскихъ профессіональныхъ союзовъ обнаружилась тенденція, которая убила бы въ корнѣ это движеніе, еслибъ оно восторжествовало. Мы говоримъ о стремленіи довести до минимума число стачекъ, запретить стачки одного рода и допустить только такія, которыя имѣютъ цѣлью помѣшать уменьшенію рабочей платы или протестовать противъ покушенія на свободу союзовъ. Такая нормировка экономической борьбы рабочихъ повела бы непремѣнно къ угашенію всякаго духа активнаго протеста въ рабочихъ массахъ. и, въ концѣ концовъ, еслибъ такая попытка могла удасться, стали бы рѣдкостью и стачки дозволенныя. Большинство делегатовъ съѣзда не только отвергло подобную регламентацію, но и во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ стремилось подчеркнуть революціонную сторону союзовъ, ихъ боевой характеръ по отношенію къ капиталистамъ, и соціалистически — воспитательный по отношенію ко всѣмъ представителямъ рабочаго класса.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ виду объявленія о созывѣ съѣзда большинства, Совѣтъ постановилъ опубликовать слѣдующее обращеніе къ товарищамъ, имѣющимъ намѣреніе принять участіе на съѣздѣ.

Къ членамъ съѣзда, созываемаго „бюро Комитетовъ большинства.“

Товарищи! Неправильно называя Вашъ съѣздъ III-имъ *партійнымъ* съѣздомъ, вы пытаетесь навязать дѣйствительному большинству партіи рѣшенія незначительной групы ея членовъ.

Въ переживаемое россійскимъ пролетаріатомъ время такія дѣйствія членовъ партіи грозятъ самымъ пагубнымъ образомъ отозваться на интересахъ всѣмъ намъ одинаково близкаго дѣла.

Мы считаемъ, поэтому, своимъ долгомъ, отбросивъ всякія формальныя соображенія о соотвѣтствіи Вашего поведенія основамъ партійной организаціи, обратиться къ Вамъ съ новымъ призывомъ сдѣлать серьезный шагъ къ прекращенію партійнаго кризиса.

На вашемъ съѣздѣ вы сплотитесь еще болѣе крѣпко въ солидарный союзъ единомышленниковъ. Вамъ противостоитъ вся остальная часть партіи, объединенная вокругъ ея центральныхъ учрежденій.

Обѣ стороны неоднократно выражали свое убѣжденіе въ томъ, что существующія тактическія и организаціонныя разногласія не такого характера, чтобы дѣлать невозможной работу въ предѣлахъ единой партійной организаціи.

Вамъ предстоитъ доказать, что это убѣжденіе не только раздѣляется Вами, но и опредѣляетъ собой Ваше отношеніе къ партіи.

Передъ Вами приглашеніе Правленія Германской Соціальдемократіи, предлагавшей свои услуги для содѣйствія умиротворенію нашей партіи.

Предложенный Правленіемъ въ предсѣдатели третейской коммиссіи тов. Бебель является, безъ сомнѣнія, и для васъ наиболѣе призваннымъ выполнить эту миссію. Нѣтъ сознательнаго русскаго рабочаго, который не отдалъ бы съ полнымъ довѣріемъ въ его руки трудное дѣло разрѣшенія нашего организаціоннаго конфликта.

Недавно увѣнчавшаяся успѣхомъ работа германскихъ товарищей по содѣйствію объединенію французской соціальдемократіи даетъ намъ право вѣрить, что и въ этомъ случаѣ усилія ихъ не окажутся тщетными. Вы можете избрать на своемъ съѣздѣ своихъ уполномоченныхъ и поручить имъ принять отъ имени представленныхъ на немъ организацій предложенное Германскими товарищами третейское разбирательство съ Цен. Учр. партіи и всѣми солидарными съ ними членами партіи, — разбирательство, задачей котораго является найти организаціонныя средства для прекращенія партійнаго междуусобія.

Если вы это сдѣлаете, Вашъ съѣздъ — съѣздъ одной части партіи — будетъ послѣднимъ актомъ партійной распри и, быть можетъ, станетъ прологомъ къ возстановленію партійнаго мира.

Мы просимъ Васъ внимательно обсудить наше предложеніе и принять по его поводу опредѣленное рѣшеніе. Мы не сомнѣваемся, что партійный долгъ и соціалистическая совѣсть подскажутъ Вамъ единственно достойный отвѣтъ, вытекающій изъ рѣшенія Амстердамскаго конгресса.

С товарищескимъ привѣтомъ Совѣтъ Партіи.

Совѣтъ Партіи проситъ бюро съѣзда сообщить послѣднему объ этомъ предложеніи и поставить его на обсужденіе съѣзда.

Совѣтъ Партіи

10 марта 1905 года.

P. S. Если съѣздъ приметъ предложеніе Совѣта и пожелаетъ вступить въ непосредственные переговоры объ осуществленіи идеи, третейскаго разбирательства, Совѣтъ готовъ, съ этой спеціальной цѣлью, отправить на съѣздъ 2 своихъ представителей.

Ко всѣмъ рабочимъ

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

(Отъ рабочаго, члена партіи соц.-рев. [1])

„Въ единеніи наша сила!“

Товарищи!

Событія послѣдняго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезная опасность, грозящая рабочему классу, быть обманутымъ, заставляютъ меня обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ и напомнить вамъ недавнія слова „Революціонной Россіи“, органа Партіи соціалистовъ-революціонеровъ... „Намъ нужно выставлять каждое изъ такихъ частичныхъ требованій *во всей его широтѣ* (курсивъ „Рев. Р.“), чтобы оно могло давать намъ вѣрное направленіе, въ которомъ мы добиваемся наивозможно большихъ уступокъ. Требованія нашей программы минимумъ суть прежде всего такія принципіальныя директивы“ („Рев. Р.“ № 42, стр. 4). Стоило бы кому нибудь сказать, что это—трескучія фразы, и гнѣву „Рев. Россіи“ не было бы границъ.

И вспоминаются мнѣ времена, когда мы, читая „Искру“, встрѣчали слова, вродѣ того, что революціонному авантюристу ничего не стоитъ пообѣщать, и лица наши сейчасъ вытягивались, дѣлались угрюмыми, и мы всѣ приходили къ одному заключенію, что отвѣчать на такія недостойныя и несоціалистическія нападки „Рев. Рос.“ не должна, что будущее неизбѣжно покажетъ послѣдовательность и вѣрность Партіи соц.-рев. дѣлу освобожденія „трудящагося народа“ отъ всѣхъ формъ эксплуатаціи, и воздастъ должное „Искрѣ“.

Но судьба неумолима!

И какъ мнѣ ни тяжело, невыразимо тяжело, но долгъ соціалиста заставляетъ меня говорить.

Зашаталось зданіе произвола и насилія! Тронъ самодержавія далъ значительную трещину! И мы, оторванные отъ воли и живой жизни, съ лихорадочной нервностью прислушиваемся ко всему, что происходитъ за тюремными стѣнами.

Слышимъ ропотъ общества: „дальше такъ жить нельзя!“

Слышимъ грозный и смѣлый голосъ революціоннаго пролетаріата, борющагося подъ знаменемъ соціальдемократіи: „мы требуемъ прекращенія затѣянной царскимъ правительствомъ авантюры на Дальнемъ Востокѣ! Мы требуемъ немедленнаго созыва *Учредительнаго Собранія* на основѣ *всеобщаго, равнаго, прямого* и *тайнаго* избирательнаго права безъ различія пола, національности или религіи! Мы требуемъ *демократической республики!*“

И у насъ, заключенныхъ, сердца радостно бьются отъ этихъ смѣлыхъ и справедливыхъ требованій революціоннаго пролетаріата.

Но насъ, членовъ партіи соц.-рев. одна мысль угнетаетъ — намъ страстно хочется узнать, что дѣлаетъ партія соц.-рев., какія требованія выставляетъ она?

И вотъ, наконецъ-то, мы услышали желанный голосъ, голосъ партіи с.-р.—въ.

Но, о Боже! Какое разочарованіе!

Какая пестрая компанія, изъ среды которой, вертя хвостомъ и кокетничая, „Рев. Россія“ торжественно-ликующимъ голоскомъ намъ объявила, что наконецъ то „своя своихъ познаша“, что она попала въ родныя воды, что нѣтъ уже необходимости рядиться въ революціонно-соціалистическій нарядъ, что можно начать игру въ открытую... Словомъ, что „партія соц.-рев., польская соц. партія, грузинская партія соц.-федерал.-революц., армянск. революц. федерація, польская націон. лига, финляндская партія активнаго сопротивленія и союзъ освобожденія... *соединяясь* для согласованныхъ дѣйствій,... констатируютъ, что слѣдующіе *основные принципы и требованія одинаково признаются всѣми ими*: 1) уничтоженіе самодержавія; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституціонныя права Финляндіи. 2) Замѣна самодержавнаго строя *демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ.* 3) Право національнаго самоопредѣленія; гарантированная законами свобода національнаго развитія для всѣхъ народностей; устраненіе насилія со стороны русскаго правительства по отношенію къ отдѣльнымъ націямъ“. (курсивъ вездѣ мой).

Итакъ, Партія соц.-рев., *соединяясь* со всей этой теплой компаніей во главѣ со Струве, готова звать васъ, товарищи рабочіе, проливать свою кровь во имя этихъ „основныхъ“ принциповъ и требованій!

Я уже не буду упоминать о тѣхъ трескучихъ фразахъ, которыя раздавались — напримѣръ, въ листкѣ „Къ учащимся“, изданномъ одесскимъ комитетомъ партіи с.-р. мѣсяца три тому назадъ, — что мы де не будемъ звать рабочихъ на буржуазную революцію! Рабочая кровь слишкомъ дорогая для насъ цѣна и мы требуемъ большаго... Мы требуемъ соціализма! (цитирую на память, но за смыслъ ручаюсь).

То же самое говоритъ и екатеринославскій комитетъ партіи соц.-рев. въ своемъ „Рабочемъ Листкѣ“ (№ 4 отъ 26 декабря 1904 г., т. е. уже послѣ резолюцій конференціи, въ которыхъ результаты даже буржуазной революціи низведены до минимума!..)

---

[1] Авторъ этого, присланнаго намъ съ просьбой напечатать, письма съ 1897 г. принимаетъ участіе въ революціонномъ движеніи. Въ 1901 году онъ былъ арестованъ по дѣлу „партіи политическаго Освобожденія Россіи“ и послѣ 16 мѣсяцевъ заключенія сосланъ въ Сибирь, откуда немедленно бѣжалъ. 8 мая 1903 г. онъ вновь арестованъ въ Одессѣ, какъ хозяинъ типографіи одесскаго комитета партіи с.-р., и въ настоящее время находится въ Екатеринославской тюрьмѣ въ ожиданіи суда по другому дѣлу, будучи обвиняемъ въ содержаніи типографіи екатеринославскаго комитета партіи с.-р—въ.

Сокративъ нѣсколько письмо, мы не сочли себя вправѣ измѣнять въ чемъ либо его выраженія, если не считать нѣкоторыхъ рѣзкихъ мѣстъ, вполнѣ извиняемыхъ, разумѣется, тою тяжелой внутренней борьбой, которую пришлось пережить автору.

Не буду также напоминать, что „основнымъ“ требованіемъ была еще такъ недавно соціализація земли. Забудемъ на время обо всемъ этомъ, о всѣхъ видахъ „соціализма“, о крови рабочихъ, которая была имъ такъ дорога...

Но гдѣ, гдѣ тѣ дѣйствительно демократическія требованія, которыя не оставляли бы рабочаго класса политически *неравноправнымъ*? Куда дѣлось учредительное собраніе?! Куда дѣлось всеобщее, *равное*, *прямое* и *тайное* избирательное право?! Вѣдь *эти* требованія фигурируютъ въ резолюціяхъ, принятыхъ даже такими господами изъ революціонной и радикальной буржуазіи, какъ калужскіе народные учителя, съѣздъ криминалистовъ, московскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ, московскія курсистки и т. д.

А отъ партіи соц.-рев., выставляющей себя столь „революціонной“ и „непримиримой“ (см. передовицу № 48 „Рев. Рос.“) мы, кажется, были вправѣ ожидать, что у нея будетъ подчеркнута и демократическая республика?... Но вмѣсто этого, появилось на свѣтъ божій „*основное требованіе*“, выработанное всякими буржуазными и шовинистическими партіями во главѣ съ партіей с.-р., — „замѣна самодержавнаго строя демократическимъ режимомъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ“. Ясно для всѣхъ, что эта строчка заключаетъ въ себѣ измѣну, обманъ и стремленіе оставить рабочій классъ, какъ и весь „трудовой народъ“, безправнымъ...

Да, товарищи, я знаю, я слишкомъ хорошо знаю ихъ отвѣтъ!

Они вамъ скажутъ: демократическій режимъ само собой подразумѣваетъ демократическую республику.

Почему же въ такомъ случаѣ они не писали демократической республики? Вѣдь послѣдняя безусловно „подразумѣвала бы“ республику? Ограниченная монархія, покоющаяся на цензовомъ избирательномъ правѣ, также можетъ быть названа „демократическимъ режимомъ“.

Но такой ли порядокъ наиболѣе отвѣчаетъ интересамъ рабочаго класса?

Они вамъ скажутъ: „всеобщее“ избирательное право „подразумѣваетъ“ равное, прямое и тайное и даже безъ различія пола...

Почему же опять таки они не написали послѣднее?

Вѣдь это безусловно „подразумѣвало бы“ а не исключало всеобщаго избирательнаго права. Всеобщая подача голосовъ существуетъ, напримѣръ, и въ Бельгіи; но тамъ нѣтъ *равнаго* избирательнаго права.

И на какомъ основаніи соціалисты-революціонеры требуютъ отъ рабочаго класса, чтобы онъ имъ довѣрилъ, что они „подразумѣваютъ“? Кто имъ далъ на это нравственное право?

Исторія? — Но она учитъ насъ совершенно другому. Она показала намъ, что во всѣ времена находились такіе же самоотверженные люди, съ такими же громкими обѣщаніями — что не помѣшало имъ потомъ *обмануть рабочій классъ!*

Соціалисты-революціонеры скажутъ вамъ, товарищи, что у нихъ въ программѣ „имѣются“ требованія и всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и даже демократическая республика.

Спросите у нихъ тогда, считаютъ ли они и эти требованія однимъ изъ *основныхъ* требованій своей программы минимумъ? Или для нихъ *равное* избирательное право только такъ себѣ, маловажная и побочная вещь, а все дѣло въ томъ, чтобы было *всеобщее*, хотя бы и *неравное* право? Нѣтъ, тотъ отказывается отъ своихъ требованій, кто позабываетъ ихъ упомянуть, перечисляя свои „основныя“ требованія! Политическія программы пишутся не для того, чтобы въ моментъ выставленія *практическихъ* требованій спокойнѣйшимъ образомъ прятать въ карманъ эти основныя демократическія требованія! Тотъ политическій дѣятель обманщикъ, кто ведетъ двойную бухгалтерію по отношенію къ рабочему классу![1]

Еще не высохли улицы отъ пролитой во время всеобщихъ забастовокъ 1903 г. рабочей крови, впереди еще тысячи смертей во время петербургскаго январьскаго возстанія и въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи! Еще раздаются стоны и вопли замученныхъ и избиваемыхъ въ казематахъ, рудникахъ и тундрахъ рабочихъ и лучшей части интеллигенціи! Но чуть-чуть запахло „весной“, какъ теперешній союзникъ партіи с.-р., штудгартскій герой Струве уже кричитъ: „караулъ“! Рабочіе де мѣшаютъ либераламъ (союзникамъ партіи с.-р.) собираться обсуждать „неотложныя нужды“ Россіи; рабочіе должны знать, что ихъ видъ и присутствіе на собраніяхъ „благоразумныхъ“ либераловъ пугаетъ ихъ и мѣшаетъ имъ высказаться...

Вѣдь, должны же они обдумать и сговориться, какъ вѣрнѣе обмануть рабочій классъ...

Не слѣдуетъ также забывать, что еще такъ недавно одинъ изъ компаніи с.-р.—овъ (да, изъ ихъ компаніи! они этого не могутъ теперь отрицать) кричалъ: „да здравствуетъ армія!“ (онъ при этомъ тоже что то „подразумѣвалъ“?) Другой же пѣлъ: „Да здравствуетъ Витте, если онъ откажется отъ своей политики“! „Да здравствуетъ Николай II, если онъ дастъ конституцію“!

Даже теперь, послѣ цѣлыхъ рѣкъ пролитой царскимъ правительствомъ рабочей крови, то самое „Освобожденіе“, которое раньше писало: „да здравствуетъ армія!“, отказывается „говорить“ лишь съ этимъ царемъ, но не *отказывается отъ монархіи вообще...*

И партія с.-р., ставъ въ ряды этой лицемѣрной компаніи, готова звать васъ, товарищи, на баррикады во имя *этой* компаніи и *ея* основныхъ „принциповъ и требованій!“ Она хочетъ, чтобы вы, проливая свою кровь за свою свободу, слѣпо и незадумываясь, вѣрили этой либеральной кликѣ. Вѣрили, вѣрили лишь потому, что она — партія с.-р. — со своимъ революціоннымъ именемъ и трескучими фразами плаваетъ на поверхности этого мутнаго болота...

Эта компанія не сочла даже нужнымъ упомянуть объ Учредительномъ Собраніи, свободно выбраннымъ *всеобщею*, *равною*, *прямою* и *тайною* подачей голосовъ. Самодержавіе призоветъ гласныхъ отъ земствъ и думъ, да еще Струве изъ „Освобожденія“ и нѣсколько Рубановичей изъ Партіи с.-р. А ужъ эти господа постараются установить „демократическій режимъ на основѣ всеобщей подачи голосовъ“, какъ они понимаютъ и „подразумѣваютъ“!

Товарищи, они вамъ скажутъ, что все это клевета, что они никого не обманываютъ, что, соединяясь съ либералами, націоналистами и т. п. господами, они ясно объявили, что „ни одна изъ представленныхъ на конференціи партій ни на минуту не думаетъ тѣмъ самымъ отказаться отъ какихъ бы то ни было пунктовъ своей программы“.

Но въ этомъ именно все дѣло, весь обманъ и вся ложь! Соединяясь съ національ-либералами и выставляя такіе туманные („основные“) „принципы и требованія“, они изъ боязни остаться безъ рабочихъ (безъ которыхъ теперь невозможно обойтись), оставили убогое и жалкое мѣстечко для своей „широкой“ и крикливой программы. Авось, она спасетъ отъ полной неудачи. Вѣдь, держала же партія соц.-рев. своей фразеологіей до сихъ поръ въ своихъ рукахъ насъ, нѣсколько сотъ рабочихъ. Тѣмъ болѣе, что программу можно еще обновить, дополнить: напримѣръ, къ соціализаціи земли для крестьянъ почему не прибавить соціализацію небесъ (вѣдь ихъ цѣлыхъ семь!) для рабочихъ, конечно, въ предѣлахъ буржуазнаго строя...

Товарищи, они вамъ скажутъ, что это одни слова, что они ничуть не отступаютъ отъ своей программы и не думаютъ отступать, напомните имъ тогда, что они еще такъ недавно говорили: „соціалисты—вездѣ пойдутъ смѣло во главѣ всякаго истинно прогрессивнаго движенія, придавая ему должную широту размаха, логическую послѣдовательность и безстрашіе идти въ своихъ требованіяхъ до конца“ (№ 42 „Рев. Р.“).

Допустимъ, что Партія С.-Р. стала во „главѣ“ „истинно-прогрессивнаго движенія“, но гдѣ жъ тутъ „должная широта размаха, логическая послѣдовательность и безстрашіе идти въ своихъ требованіяхъ до конца?“

Товарищи, они вамъ скажутъ, что они съ удовольствіемъ сдѣлали бы широчайшій размахъ, но въ настоящее время большаго отъ буржуазнаго общества требовать невозможно, что либералы на болѣе широкомъ размахѣ соединиться не хотѣли; зато они сдѣлали шагъ маленькій, но вѣрный, а большее надо отложить на болѣе удобное время...

Спросите тогда у нихъ, не они ли такъ недавно кричали во всю: „*Развѣ мы урѣзаемъ нашу минимальную программу сообразно тому, на что соблаговолятъ согласиться буржуазные элементы общества?*“ („Р. Р.“ № 42, курс. мой).

Когда соціальдемократія говорила имъ, что ихъ программа минимумъ не осуществима въ предѣлахъ буржуазнаго строя—съ одной стороны, а съ другой—и не соціалистична, и что поэтому соціалисты-революціонеры—авантюристы, фразеры и вносятъ только хаосъ и путанницу въ головы рабочихъ—они въ защиту своей позиціи восклицали: Неосуществима?! „Предположимъ, что это и такъ. Но отъ кое какого автора (Ленина) мы однажды слыхали, что соціалисты все таки „во имя своихъ революціонныхъ принциповъ и своего революціоннаго дѣла должны бороться всѣми силами всегда и непремѣнно за максимумъ[1] нашихъ требованій“. Остановить же себя *до окончанія исхода борьбы* (курс. мой) тѣмъ соображеніемъ, что *всего* (кур. „Р. Р.“) максимума мы, пожалуй, и не добьемся—значитъ впадать въ чистѣйшее филистерство. Соображенія подобнаго рода *всегда* ведутъ къ оппортюнизму, хотя бы даже этого и не желали виновники такихъ соображеній“... „Глупо было бы пытаться *учесть* эту часть раньше, чѣмъ мы дали врагу почувствовать *всю силу* нашихъ ударовъ и не испытали на себѣ *всей силы* его ударовъ“ (тамъ-же, курс. мой).

Спрашивается, развѣ согласились буржуазные элементы на минимумъ требованій нашей программы, что соц. р.-ы поспѣшили съ ними соединиться?

Нѣтъ и нѣтъ!

Дали-ли они уже „врагу почувствовать всю силу своихъ ударовъ и испытали ли на себѣ всю силу его ударовъ?“

Нѣтъ и нѣтъ!

Только запахло *началомъ* революціи, и вожаки партіи с.-р. поспѣшили продаться буржуазному обществу!

Разрушается варварскій средневѣковый самодержавно-полицейскій строй. И каждый классъ, каждая партія предъявляетъ издыхающему самодержавію свой собственный счетъ, старается выдвинуть на первый планъ, представить наиболѣе важными свои собственные классовые интересы. Эта самая „конференція“ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ элементовъ *ясно* показываетъ это. Партія либеральныхъ помѣщиковъ-земцевъ, дворянъ—„Освобожденіе“—выставила свой основный принципъ—ограниченіе монархіи. Финляндская буржуазная партія выставила требованіе возстановленія въ Финляндіи прежней конституціи (со всѣмъ ея средневѣковымъ хламомъ). Польскіе, армянскіе, грузинскіе націоналисты на первый планъ поставили національный вопросъ.

А партія соціалистовъ-революціонеровъ?

Она только и сдѣлала, что изволила собственноручно начертать подъ этими требованіями „согласна“, но при этомъ совершенно „забыла“ прибавить что-нибудь отъ себя, отъ имени „трудового народа“, который она будто бы представляетъ. Но гдѣ, гдѣ тѣ требованія, которыя отвѣчаютъ интересамъ милліоновъ городскихъ и сельскихъ рабочихъ, пролетаризированныхъ и полупролетаризированныхъ крестьянъ? Резолюція конференціи—это цѣлая программа, но гдѣ въ этой программѣ, предъявляемой при ликвидаціи самодержавія, требованія политическаго *равноправія* пролетаріата, гдѣ требованіе охраны труда, гдѣ требованія радикальнаго и революціоннаго разрушенія крѣпостническихъ отношеній? Вѣдь, Партія С.-Р. кичится своей „революціонностью“, доходящей до того, что о „чисто“ буржуазной, т. е. не „трудовой“ революціи она и слышать не хотѣла.

Партія С.-Р. краснорѣчиво замолчала всѣ эти требованія въ резолюціи конференціи!

Она *приняла* и подписала резолюціи конференціи, въ которыхъ на первомъ планѣ выступаютъ *требованія не рабочаго класса, а крупной и мелкой буржуазіи.*

Интересы же какого класса представляла на конференціи партія С.-Р.? Классъ этотъ — русская *мелкая буржуазія.* Вѣдь, еслибы пролетаріатъ былъ лишенъ избирательныхъ правъ при помощи *имущественнаго ценза*, такъ развѣ мелкая буржуазія теряетъ отъ этого? Она собственность имѣетъ а слѣдовательно, получаетъ и избирательное право.

Мелкая буржуазія и во Франціи въ 1848 г. сначала выставляла себя солидарной съ рабочимъ классомъ, а потомъ, добившись при помощи рабочихъ свободы, разстрѣливала рабочихъ, когда они потребовали правъ и для себя. Всегда и вездѣ мелкая буржуазія, точно такъ же, какъ теперь у насъ партія С.-Р., обманывала пролетаріатъ пышными словами и туманными „подразумѣвающимися“ требованіями..

Товарищи, я пишу все это вовсе не для того, чтобы полемизировать съ „Рев. Россіей“, ибо я теперь хорошо вижу, что люди, стоящіе на *междуклассовой* точкѣ зрѣнія, неизбѣжно должны впадать въ оппортюнизмъ и мелкобуржуазность.

Только стоящіе на единственной дѣйствительно революціонной—классовой точкѣ зрѣнія пролетаріата могутъ идти до конца въ своихъ требованіяхъ.

Я обращаюсь къ вамъ, товарищи рабочіе, своей кровью добывающіе себѣ свободу. Многіе изъ васъ будутъ похоронены подъ развалинами самодержавія; вашими костьми и кровью еще не разъ будетъ усѣяна и обагрена русская земля, прежде чѣмъ Россія увидитъ свободу... Но помните, что для насъ свобода не есть конечная цѣль, что она—только первый шагъ по пути къ окончательному освобожденію; помните, что намъ предстоитъ борьба, борьба жестокая, борьба не на жизнь а на смерть со всѣмъ буржуазнымъ капиталистическимъ строемъ! Поэтому, мы *не можемъ* стать на междуклассовую точку зрѣнія, *не можемъ* заключать союзовъ съ буржуазными партіями, съ которыми мы боремся и съ которыми намъ и дальше придется бороться.

Соціалисты—революціонеры скажутъ вамъ, что они заключили не союзъ, а соглашеніе. Это будетъ новый обманъ. Соглашеніе заключается для одного какого-нибудь опредѣленнаго дѣйствія, союзъ же заключаютъ для осуществленія общихъ задачъ. А развѣ Партія С.-Р. знаетъ напередъ, какія именно дѣйствія потребуются въ дальнѣйшемъ для низверженія самодержавія? Развѣ условія каждаго „согласованнаго“ дѣйствія Партія С.-Р. знаетъ напередъ? При соглашеніи лишь соглашаются, но *не* соединяются—а въ резолюціи конференціи прямо такъ и сказано: „*соединяясь* для согласованныхъ дѣйствій“.

Ясно, что Партія С.-Р. вступила въ союзъ съ буржуазными партіями...

Позоръ же тѣмъ, кто зоветъ пролетаріатъ на баррикады для буржуазіи, которая закрываетъ передъ нимъ двери свободы и остается глухой къ его крикамъ и стонамъ!

Позоръ тѣмъ, кто, называя себя соціалистомъ, заключаетъ союзы съ буржуазіей!

Мы же, товарищи, соединимся съ своими братьями-пролетаріями, борющимися подъ знаменемъ Рос. С.-Д. Р. П., отъ которыхъ мы, силой обстоятельствъ, почти откололись.

Левенсонъ.

---

[1] По этому поводу интересно отмѣтить, что соц.-рев. отличаются наибольшою „забывчивостью“ по отношенію къ *равному* и *прямому* избирательному праву. Такъ прокламація Ц. К. партіи с.-р. „Пора“ говоритъ: „если либеральная демократія выставитъ на своемъ знамени требованіе гражданскаго равноправія и народнаго суверенитета, если будетъ бороться за созывъ учредительнаго собранія, избраннаго всеобщей и тайной подачей голосовъ, — она, дѣйствительно, пойдетъ рука объ руку съ рабочимъ народомъ“. Прокламація Ц. К. партіи с.-р.: „Ко всѣмъ трудящимся“: „необходимо силой добиться созыва учредительнаго собранія, которое было бы избрано всѣмъ взрослымъ населеніемъ безъ различія національности, тайной подачей голосовъ“. Въ воззваніи къ рабочимъ отъ имени соединившихся четырехъ „соціалистическихъ“ партій, на другой день послѣ заключенія пресловутаго „блока“, о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ тоже нѣтъ ни слова. Какъ видимъ, о *равной* и *прямой* подачѣ голосовъ довольно последовательно умалчивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ является возможность подводить подъ даваемыя с.-р—ами формулы и пожеланія земскаго съѣзда, которыя явно сводились къ слѣдующему: избраніе земствъ „по возможности“ всеобщимъ голосованіемъ и учредительное собраніе, выбранное этими земствами. Правда с.-р—ы любятъ говорить, что всѣ „необходимыя гарантіи“ у нихъ „подразумѣваются“, но, если вспомнить, что они такъ же усердно пытались „втолковать“ эти „гарантіи“ и въ совершенно недвусмысленныя резолюціи земскаго съѣзда („Р. Р.“ № 55), то поневолѣ приходится сказать: „блокъ“ обязываетъ! *Ред.*

[1] „Рѣчь идетъ о максимумѣ требованій въ предѣлахъ буржуазнаго общества“ (Примѣч. „Рев. Рос.“)

РЕЗОЛЮЦІЯ

Товарищи!

Наступилъ историческій моментъ въ государственной и общественной жизни многострадальной Россіи! Настало время революціи! Поднялся и заколыхался намученный, согнутый отъ тяжелаго труда и царскаго произвола—но грозный—рабочій классъ. Выступилъ онъ на открытую борьбу со своимъ злѣйшимъ врагомъ—самодержавіемъ. Проливается на улицахъ городовъ и селъ пролетарская кровь и валятся рабочіе трупы.

Зашевелились и другіе классы, созывая всѣхъ въ одинъ общій союзъ для борьбы съ общимъ врагомъ—самодержавіемъ. Но въ то же время каждый изъ этихъ классовъ, въ лицѣ своихъ представителей—партіи, выставляетъ свои особыя классовыя требованія.

На этотъ призывъ о союзѣ откликнулась и „Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ“, „забывъ“ при этомъ, что соціалистическая партія ни въ коемъ случаѣ и никогда не можетъ соединяться въ союзы съ буржуазными партіями, какъ бы эти партіи не называли себя, и чѣмъ бы такое соединеніе ни мотивировалось. Соединеніе въ союзъ съ буржуазными партіями не можетъ не пройти безъ большихъ жертвъ для партіи пролетаріата. Положеніе обязываетъ! Сегодня потребуется затушевать, смягчить классовую рознь соединившихся частей,—придется сдѣлать замаскированныя уступки въ своихъ основныхъ требованіяхъ. Завтра... станетъ уже необходимымъ, въ угоду минутѣ, урезонивать „разшумѣвшійся“ пролетаріатъ понизить свои требованіяхъ до нормы буржуазныхъ вожделѣній, придется призывать пролетаріатъ проливать свою кровь во имя чуждыхъ и враждебныхъ ему интересовъ.

При выработкѣ „основныхъ принциповъ и требованій“, легшихъ въ основу союза и его дальнѣйшей политики, Партія Соц.-Революціонеровъ, объявлявшая себя борцомъ за весь „трудящійся народъ“ и выразительницей его интересовъ, „забыла“ всѣ свои „*основные*“ принципы и требованія; она „забыла“, что у „трудящагося народа“ имѣются свои *собственные* интересы и требованія.

Мы не будемъ здѣсь особенно распостраняться по этому поводу, отсылая къ письму „Къ рабочимъ „П. С.-Р.“ тов. Левенсона, взгляды котораго мы вполнѣ раздѣляемъ, а скажемъ лишь слѣдующее:

Мы—рабочіе, шедшіе до сихъ поръ въ рядахъ Партіи Соціалистовъ-революціон., борясь за интересы своего класса не можемъ не протестовать противъ этого измѣнническаго—по отношенію къ интересамъ рабочаго класса—политическаго акта этой партіи. Мы открыто заявляемъ, что мы, какъ рабочіе, стоящіе на точкѣ зрѣнія *своего* класса, не можемъ дальше находиться въ рядахъ той партіи, которая—какъ оказывается—не защищаетъ интересовъ рабочаго класса. Мы хорошо помнимъ, цѣной какихъ жертвъ были куплены и покупаются всѣ улучшенія въ положеніи рабочаго класса. Мы не можемъ беззаботно переступать черезъ трупы нашихъ братьевъ, какъ дѣти черезъ могилу умершихъ. Нѣтъ, только за интересы рабочаго класса должны мы бороться, лишь рука объ руку со своимъ же братомъ рабочимъ! Мы не можемъ поддерживать партію, которая въ своей политической дѣятельности, т. е. тамъ, гдѣ всѣ обѣщанія и слова принимаютъ практическую, осязательную для всѣхъ форму,—ограничивается туманными, двусмысленными актами, требуя отъ насъ—рабочихъ, чтобы мы довѣряли ей на слово, что тутъ-то, за этой туманностью *само собой подразумѣваются* наши политическія требованія.

Принимая все это во вниманіе, мы заявляемъ:

1) о своемъ выходѣ изъ „Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ“.

и 2) о своей рѣшимости стать въ ряды борцовъ подъ красное знамя „Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи“, которая—какъ мы въ этомъ теперь въ особенности убѣдились—одна лишь дѣйствительно защищаетъ истинные интересы пролетаріата и ведетъ энергичную, дѣйствительно демократическую пролетарскую политику.

Только эта партія пролетаріата выставляетъ на первый планъ наши коренныя классовыя требованія!

Только Росс. Соц.-Дем. Рабочая Партія слѣдуетъ девизу нашего учителя, что „освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Только соединившись въ единную, самостоятельную рабочую партію, мы сумѣемъ добиться своихъ правъ и повести дальнѣйшую побѣдоносную борьбу за соціализмъ.

И мы вступаемъ подъ красное знамя международнаго пролетаріата, на которомъ начертаны слова — „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ въ борьбѣ за соціализмъ!

(Подписи) Ефимъ Берковскій
Давидъ Зингеръ (нел. Петръ Зайдманъ)

Екатеринославская тюрьма (арестованы въ Екатеринославѣ 1-го іюля 1904 года, въ типографіи Екат. Ком. П. С.-Р.)

7/II 1905 г.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: отъ Б. на агитацію въ Россіи 750 фр., отъ № 1 на партi 100 руб.

Алексѣю. Повторите адреса и ключъ для переписки съ Ва через южное бюро Ц. К.

Отчетъ Эмигрантской кассы имени Чернышевскаго

(отъ 1 іюня до 31 декабря 1904 года):

ПРИХОДЪ: (въ кронахъ) Ежемѣсячные взносы отъ членовъ — 422,00; возвращенъ долгъ отъ 1 эмигрантки — 20,00 собрано по книжкамъ и изъ кружки—14,40 — по 4 подписнымъ листамъ — 20,60 — Ш-мъ 10,00. Единовременныя пожертвованія: отъ двухъ освобожденцевъ А. Э. Ив. Р-а (100 р.) — 254,0 (изъ этой суммы отсчитать 75 кр долгъ въ кассѣ въ пользу якутянъ-Романовцевъ отъ 27 мая 1904 г.) — Эра Б. П. — 10,00 — К-каго — 10,00 — Толстовца (M Leciler) — 20,00 — Ш-а 1,00 — Т-аго — 1,00 — Москвича — (10 р.) 25,30. Итого приходъ—808,30. Дефицитъ къ 1 янв. 1905 г.—70,00 Всего—878,30

РАСХОДЪ: Заимообразно эмигранткѣ (Бундъ) для поѣздки въ Россію — 60,00; выдано 20 эмигрантамъ для проѣзда въ Швейцарію, Англію и пр. (14 с.-д., 3 бунд., 2 с.-р., 1 (?)—582,00 выдано 21 эмигрантамъ для прожитія (9 с.-д., 4 бунд., 5 с.-р. 1 P. P. S., 2 (?) — 145,40; Уплочено нѣмецкой соц. дем. Partei Zeitung за мелкія суммы, выданныя въ разное время русскимъ эмигрантамъ—27; мелкіе расходы 2,80. Итого расходъ—817,2 Дефицитъ съ 1 іюля 1904 — г. 61,10. Всего — 878,30. Дефицитъ къ 1 янв. 1905 г. — 70,00.

Кассиръ С. Я.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrénière 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 92. Четвергъ 10-го марта 1905 г. Годъ V

ДВОЙНАЯ ИГРА.

Событія не ждутъ! Всего нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляютъ насъ отъ „весны“ Святополка, отъ банкетнаго времени, но эти мѣсяцы наполнены—паденіемъ Портъ-Артура, петербургскою бойней, всероссійскою стачкой, бакинской рѣзнею, мукденскимъ разгромомъ; мѣсяцы, равноцѣнныя эпохамъ, когда каждый наступающій день несетъ въ себѣ исторію, и каждый часъ затягиваетъ туже и крѣпче петлю на отжившемъ режимѣ.

Событія не ждутъ и форсированнымъ темпомъ толкаютъ режимъ къ его гибели. Царизмъ умираетъ—въ процессѣ многообразномъ и сложномъ, похожій на гигантскую машину, у которой сломанъ передаточный механизмъ и которая еще стучитъ и гремитъ безчисленными своими частями, безсильная однако произвесть необходимую работу.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: въ то время какъ дѣловая, промышленная жизнь цѣпенѣетъ на всемъ пространствѣ Россіи, въ то время какъ наука бастуетъ и даже малыши перестали учиться, только всероссійская канцелярія работаетъ во всю, то и дѣло извергая продукты своего торопливаго творчества, наводняя страну циркулярами, насыщая воздухъ шумомъ своей суетни. Указъ погоняется указомъ, комиссія смѣняетъ комиссію. Чиновничій міръ и ходитъ въ напрасныхъ усиліяхъ остаться господиномъ положенія. Какая-то бездѣльная дѣловитость! Распоряженія, отмѣны распоряженій и въ результатѣ хаосъ, въ которомъ лишь инстинктъ самосохраненія поддерживаетъ извѣстный порядокъ—планомѣрность въ рефлекторныхъ движеніяхъ, цѣлесообразность въ безцѣльномъ, казалось бы, топтаньѣ на мѣстѣ; единоспасающій инстинктъ регуляторъ, который и изъ хаоса умудряется вырабатывать что то вродѣ тактики, и среди „мерзости запустѣнія“ создавать стратегическіе планы. Какъ это ни покажется страннымъ, разлагающаяся, идущая на смарку система имѣетъ свой „планъ“ и свою доморощенную тактику.

Ей предстоитъ, подъ угрозой исчезнуть, возстановить равновѣсіе прошлаго или—буде нельзя—создать заново комбинацію силъ, которая, покоясь на взаимности нуждъ и услугъ, сохранила бы систему въ возможно менѣе измѣненномъ видѣ.

Что дѣлать? Какъ быть?—Если съ одной стороны, неудачи войны сокрушили традиціонный престижъ и съ нимъ вмѣстѣ свели почти на нѣтъ международный кредитъ самодержавія, то съ другой—пробуждающіяся народныя массы до основанія измѣнили взаимное отношеніе режима и вліятельныхъ группъ дворянско-буржуазнаго общества.

Для самодержавія съ пробужденіемъ массъ исчезла возможность поддерживать долѣе нерегулированную законодательными нормами, патріархально-бытовую, исконную методу свою—пріобщенія отдѣльныхъ имущихъ слоевъ къ пользованію фактической властью враздробь, или къ непосредственнымъ выгодамъ финансово-экономической политики. Патріархально-бытовая метода возможна и умѣстна только тамъ, гдѣ у власти абсолютно свободныя руки, гдѣ ей нѣтъ основанія оперировать, оглядываясь, гдѣ она не рискуетъ въ каждый данный моментъ столкнуться съ тѣмъ, что называется „народомъ“, какъ съ субъектомъ творящимъ свою волю, а не просто какъ съ объектомъ различныхъ стороннихъ усмотрѣній. Пока „народъ безмолвствуетъ“, первенствующія сословныя и имущія группы не подымаютъ претензій о „гарантіяхъ“, столько же потому, что и безъ всякихъ гарантій на нихъ изливается властью максимальная сумма возможныхъ государственныхъ благъ, сколько и потому, что онѣ безсильны передъ властью подкрѣпить аргументацію вразумительнымъ обращеніемъ къ „народу“.

Но картина мѣняется, лишь только „народъ“ становится или готовится стать участникомъ историческаго дѣйствія. Собирающаяся дѣйствовать масса рѣзкимъ диссонансомъ врывается въ закрѣпленное годами сожительство: для обѣихъ сторонъ она превращается въ разлагающій ферментъ и одновременно — въ общую апелляціонную инстанцію. Такъ, стоило власти въ борьбѣ съ революціей начать производить свои диверсіи въ сторону находящихся въ движеніи фабрично заводскихъ рабочихъ, чтобы промышленный капиталъ сталъ валить всю вину за революцію на власть и переходить въ либералы. И стоило съ другой стороны либеральнымъ помѣщикамъ достаточно громко заговорить о перемѣнѣ режима, чтобы власть устами своихъ публицистовъ стала грозиться Вандеей и не на шутку готовить что то вродѣ варѳоломеевской ночи. Если власть не прочь, когда нужно, разыграть „народъ“ противъ „общества“ то „общество“ неизмѣнно и всегда готово приводить въ движеніе „народъ“ противъ власти, и только въ разсчетѣ на него развертываетъ свое откровенно-оппозиціонное знамя.

Этой новой коньюнктурой, этимъ прежде небывалымъ уравненіемъ—съ иксомъ въ видѣ приходящихъ въ сознаніе массъ—и опредѣляется современное поведеніе власти. Ей надлежитъ разрѣшить своего рода квадратуру круга, ту головоломную, двойную задачу, которая гласитъ:

Въ процессѣ ломки старыхъ общественныхъ отношеній и нарожденія новыхъ, нащупать, собрать и спаять въ одинъ блокъ тѣ общественные элементы, которые располагали бы достаточными силами и при этомъ выражали бы готовность поддерживать реставрированную, „исправленную и дополненную“ власть противъ всякаго давленія снизу, и въ тоже время самой использовать какъ можно полнѣе это давленіе снизу, какъ для того чтобы ускорить сформированіе блока, и загнать въ него максимальное количество колеблющихся силъ, такъ и для того, чтобы выговорить себѣ въ немъ наилучшія условія, наиболѣе подходящія нормы.

Вотъ почему мы и присутствуемъ за послѣднее время при странномъ, казалось бы, зрѣлищѣ: власть, одною рукою заводящая толки о земскомъ соборѣ, лансирующая — при посредствѣ расторопныхъ газетчиковъ — всевозможные „проекты“ и „соборные“ интервью государственныхъ мужей, другою рукою организуетъ свои черныя банды, дабы „внутреннимъ врагамъ“, включая въ ихъ число и почтенныхъ вольнодумныхъ помѣщиковъ, было впредь не повадно, и спасительный страхъ могъ оказать достодолжное дѣйствіе. Вотъ почему пресловутый рескриптъ 18 февраля сопровождается аккомпаниментомъ крестьянскихъ волненій, въ которыхъ подчасъ не послѣднюю, хотя и далеко еще неразъясненную роль играютъ то „патріотическая“ рѣчь священника (какъ то было въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи), то неизвѣстно откуда появившіеся на базарахъ прасолы, говорящіе, что „нужно бить студентовъ и баръ“ — какъ о томъ сообщаетъ изъ Курской губ. Дмитріевскаго уѣзда, г. Шебуевъ въ „Руси“.

Вотъ почему широко дебатируется вопросъ, какъ „подстроить“ выборы въ земскій соборъ (крылатое словечко сановника изъ „Нов. Вр.“), кого къ нему припустить и кого оставить за бортомъ, и гдѣ провести демаркаціонную линію, которая бы расщепила Россію на Россію съ правами и на Россію безъ правъ,—и одновременно страна наводняется—отъ края и до края—зловѣщими опасеніями и слухами, повѣствуется о новоиспеченномъ самарскомъ губернаторѣ Засядко, организующемъ будто бы особыя крестьянскія дружины, говорится о лигѣ патріотовъ, разсылающей на югѣ подметныя письма, какъ по знаку дирижера откуда то берутся и въ Псковѣ, и въ Казани, и въ Москвѣ, и во многихъ другихъ городахъ прокламаціи въ заборно-угрожающемъ стилѣ, избитыя дѣти (въ Курскѣ и прочихъ мѣстахъ) документируютъ реальность угрозъ, а бакинскія событія кровавымъ пятномъ стоятъ въ глазахъ потрясеннаго зрителя.

Что и говорить: азартно-хитроумная игра, но, надо признать, и безнадежная игра, игра не въ попадъ, игра безъ малѣйшей перспективы успѣха!

Что могло еще казаться исполнимымъ, возможнымъ въ сравнительно спокойныя времена обывательскихъ будней — „органической эпохи“, было напередъ обречено на постыдное фіаско въ наши дни революціоннаго перелома, коренной передѣлки.

Не то чтобы власть, приступая къ своей подлежащей рѣшенію проблемѣ, такъ таки совсѣмъ не считалась съ дѣйствительными величинами и не знала своего „уравненія“. Самодержавная власть, не лишенный разумѣнія эмпирикъ, недурной наблюдатель. Но она безсильна понимать явленія въ ихъ непрестанной эволюціи — смѣнѣ, она теряется въ водоворотѣ событій. она органически неспособна разбираться въ процессахъ исторіи. Она только помнитъ—ясно и твердо, что было вчера, и совершенно упускаетъ изъ виду, что это бывшее вчера преобразуется сегодня съ тѣмъ, чтобы измѣниться еще болѣе на завтра — въ пестромъ ходѣ вещей, подъ перекрестнымъ огнемъ разнообразныхъ воздѣйствій.

Воплощенный анахронизмъ, она и мыслитъ посредствомъ отжившихъ анахронизмовъ: такова ея концепція „народа“, таковы ея представленія о характерѣ и объемѣ движенія разнородныхъ круговъ дворянско-буржуазнаго „общества“. Она знаетъ, напримѣръ, она не сомнѣвается въ томъ, что она знаетъ—досконально-хорошо своего „либерала“, того либерала, который въ тягчайшія минуты самодержавныхъ репрессій не переставалъ коситься, озираться съ опаской на сермяжную Россію, а потому, не колеблясь, собирается это свое „знаніе“ пустить въ оборотъ и построить на немъ спекуляцію. Достаточно, полагаетъ онъ, малой порціи кровопролитія, довольно хотя бы издалека, невзначай махнуть тѣнью пугачевщины, чтобы проявляющія наклонность къ свободѣ „помѣстья“ опять пришли въ разумъ и дались въ руки правительству.

И прошлое какъ будто цѣликомъ подтверждаетъ это мнѣніе. Даже культурные, даже передовые представители помѣстнаго землевладѣнія, при всемъ завѣдомомъ своемъ „народолюбіи“, болѣли искони недугомъ народобоязни — естественнымъ выраженіемъ ихъ классовой подоплеки, и только старались прикрыть свой недугъ — даже въ собственномъ сознаніи — благовидными разсужденіями на тему о крестьянской темнотѣ, крестьянскомъ невѣжествѣ. Эти разсужденія проходили красною нитью черезъ кампанію, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ вели земцы по вопросу о мелкой земской единицѣ, совмѣщая въ себѣ прихотливую смѣсь изъ стремленій приблизиться къ народу (чтобы на него политически опереться) и столь же сильныхъ опасеній, какъ бы ихъ не захлестнула народная волна. И развѣ не звучали въ томъ же смыслѣ либеральные голоса въ засѣданіяхъ иныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, развѣ не слыхали мы въ позапрошломъ году краснорѣчивыхъ выраженій недовѣрія къ народу — по поводу министерскаго запроса о пониженіи избирательнаго ценза, развѣ не видали мы еще недавно, какъ петербургскій ноябрьскій съѣздъ осторожно обходилъ щекотливую тему всенароднаго избирательнаго права? И развѣ, наконецъ, совсѣмъ еще на дняхъ не приходилось намъ читать записку о земскомъ соборѣ, поданную въ Нижегородское губернское земское собраніе народникомъ Штанге, въ которой этотъ извѣстный устроитель артели, хорошо освѣдомленный по части „помѣстныхъ“ кривотолковъ, не безъ наивности увѣщалъ „владѣльческіе классы“ не бояться и пойти на „разумныя, неизбѣжныя уступки“?

Все это — съ подлиннымъ вѣрно, все это — такъ, и однако: не успѣли еще просохнуть чернила, которыми г. Штанге писалъ свое обращеніе къ земцамъ, какъ пахнуло новымъ духомъ. Такъ, земское совѣщаніе въ Москвѣ — въ концѣ февраля — уже en toutes lettres — заявляетъ о необходимости народнаго представительства „на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права“, и въ противоположность недавно еще популярной идеѣ о чисто политической, конституціонной платформѣ (за нее ратовалъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, между прочимъ, радикальный „Сынъ Отечества“), намѣчаетъ аграрную реформу. Такъ, въ думахъ — невиданный случай — вносятся предложенія объ организаціи милиціи, о передачѣ полицейскаго аппарата изъ правительственныхъ рукъ въ вѣдѣніе представительныхъ учрежденій; такъ, извѣстныя своею академичностью умѣренно-либеральныя и неумѣренно скучныя „Русскія Вѣдомости“ начинаютъ говорить человѣческимъ голосомъ о необходимости вооруженнаго сопротивленія — въ отвѣтъ на курскій погромъ гимназистовъ, а бакинскіе капиталисты образуютъ особый комитетъ самообороны заодно съ представителями рабочихъ организацій.

Это не значитъ, конечно, что все перевернулось вверхъ дномъ — въ подлунномъ нашемъ мірѣ, что капиталистъ сталъ кротокъ какъ ягненокъ, и либералъ пріобрѣлъ себѣ львиное сердце, но это значитъ, что революція уже перешагнула черезъ игрушечныя махинаціи современныхъ Маккіавелли. Игроки самодержавнаго режима думали играть навѣрнякъ, но подсчитывая карты, надѣясь либераловъ побить кулаками народной толпы и народную толпу скрутить трудами либераловъ, они не учли одного: что въ огромномъ процессѣ, въ которомъ тонетъ ихъ собственный корабль, все органически слито въ одно цѣлое, все связано въ одну цѣпь взаимодѣйствій.

И либеральное общество является не болѣе, какъ частью этого цѣлаго — великой буржуазной, соціальной революціи. Оно воспринимаетъ отъ него директивы, оно получаетъ все новые импульсы, оно несется — и съ каждымъ днемъ все сильнѣй — на гребнѣ пролетарской волны. И въ сознаніи этой своей органической связанности, оно, волей не волей, должно повышать демократизмъ своей программы, революціонность своихъ дѣйствій. Оно въ собственныхъ кровныхъ интересахъ вынуждено спѣшить — пока не поздно — связаться съ народомъ, и прежде всего съ крестьянствомъ, пойти на встрѣчу его требованіямъ.

Вотъ объ эту то центростремительную силу революціи, вотъ объ эту то спайку живыхъ ея силъ и разбиваются и будутъ разбиваться и впредь всѣ усилія и хитрости безнадежно больного режима.

ПЕРЕДЪ БАНКРОТСТВОМЪ.

Французскіе финансовые тузы отказали русскому правительству въ новомъ займѣ, а переговоры Японіи о заключеніи займа въ Германіи увѣнчались успѣхомъ. Эти два факта являются весьма характерными показателями поворота въ настроеніи правящихъ сферъ обоихъ крупнѣйшихъ государствъ европейскаго континента. Россійская реакція до сихъ поръ имѣла могучаго союзника въ лицѣ правителей и банкировъ Германіи и Франціи, и ни манджурскія пораженія, ни внутреннія волненія, казалось, не въ силахъ были пошатнуть кредитъ самодержавія. Но девятое января и Мукденъ оказались слишкомъ сильнодѣйствующими средствами и, повидимому, буржуазные и полуфеодальные слои западноевропейскихъ правящихъ классовъ начинаютъ приходить къ убѣжденію, что дальнѣйшая поддержка самодержавія совершенно безполезна.

Мы сказали: „повидимому“, потому что та крѣпкая политическая и соціальная связь, которая до недавняго времени существовала между вершителями судебъ упомянутыхъ двухъ странъ и русскимъ правительствомъ, имѣла настолько глубокіе корни, что требуется коренная разрушительная работа, для того чтобы лелѣявшіяся въ теченіе многихъ десятилѣтій отношенія, могли быть, наконецъ, оборваны.

Извѣстна традиціонная политика Германіи, спеціально Пруссіи, по отношенію къ Россіи, въ которой всегда видѣли оплотъ противъ всякихъ превратныхъ ученій, противъ революціонныхъ стремленій. Устойчивость самодержавія въ Россіи обезпечиваетъ устойчивость современнаго соціальнополитическаго режима Германіи, таковъ символъ вѣры и прусскихъ юнкеровъ, и гогенцоллернскихъ министровъ, и ново-германскихъ банкировъ. Поэтому, не грѣхъ было помочь столь нужному сосѣду въ тѣ дни, когда онъ оказывался въ стѣсненномъ положеніи. Помощь оказывалась и вещественная, и невещественная, и устройствомъ займа, и слѣжкой за „нигилистомъ“ или даже высылкой его на русскую границу, когда это могло доставить особое удовольствіе русскому правительству, отъ котораго въ благодарность требовалось только одно — сохраненіе реакціи у себя дома и у сосѣдей. Характерно, что единственный случай удаленія Бисмаркомъ русскихъ цѣнностей съ берлинской биржи относится къ восьмидесятымъ годамъ, т. е. ко времени царствованія Александра III, когда реакціонный характеръ внутренней и внѣшней политики Россіи былъ обезпеченъ всѣмъ тогдашнимъ положеніемъ вещей.

Неудивительно, что, при столь сильныхъ симпатіяхъ къ россійской реакціи германское правительство съ самаго начала русско-японской войны оказалось на стражѣ русскихъ интересовъ. Тысяча крупныхъ и мелкихъ услугъ оказывались сосѣду, лишь бы помѣшать развитію революціи, росту революціонныхъ силъ, все болѣе и болѣе подымавшихъ свою голову по мѣрѣ того, какъ пораженія въ Манджуріи обнаруживали воочію всю гнилость самодержавно бюрократическаго режима. Гоненія на русскихъ студентовъ въ Берлинѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ, выдача русскимъ властямъ дезертировъ и запасныхъ, продажа нѣмецкихъ пароходовъ и всяческая помощь балтійской эскадрѣ полицейская слѣжка за контрабандной перевозкой революціонной литературы и знаменитый кенигсбергскій процессъ — развѣ одного этого не было достаточно, чтобы преисполнить вѣчной благодарностью сердца россійскихъ баши бузуковъ.

А затѣмъ послѣдовали и другія еще болѣе вѣскія доказательства преданности и дружбы — устройство крупнаго займа и поддержка во время стачки въ домбровскомъ и сосновицкомъ районѣ.

Однако, то, что германское правительство находило нормальнымъ, не могло нравиться германскому народу, который, въ огромномъ большинствѣ, не находилъ нужнымъ нарушать обѣщанный нейтралитетъ въ угоду одной изъ воюющихъ державъ и не понималъ, почему стачка въ русской Польшѣ вызвала концентрацію прусскихъ войскъ въ пограничныхъ мѣстахъ и почему власти этихъ мѣстъ стали брать на себя обязанности русскихъ полицейскихъ приставовъ. Притянутое къ отвѣтственности за подобное поведеніе, германское правительство не отрицало обыкновенно этихъ фактовъ,—это было бы невозможно — и изъ обвиняемаго превращалось въ обвинителя, принимаясь доказывать, что его поведеніе диктуется ему велѣніями цивилизаціи, гуманности и т. д.

Все это измѣнилось послѣ мукденскаго пораженія. Въ рейхстагѣ, конечно, канцлеръ еще увѣряетъ, что съ Россіей Германія связана старинной дружбой, но тутъ же прибавляетъ, что столь же дружественныя отношенія она питаетъ и къ Японіи, въ доказательство чего даже прочитывается оффиціальная телеграмма изъ Токіо, въ которой говорится, что японское правительство никогда не вѣрило во враждебныя отношенія Германіи къ Японіи. Хороши ли русскіе порядки, нужно ли желать ихъ развитія въ ту или другую сторону, это его — канцлера — не касается, но германское правительство отнюдь *не помышляетъ о томъ, чтобы какъ нибудь придти на помощь русскому правительству.* Что касается займа, то это дѣло частное, и если *японцы пожелаютъ обратиться къ намъ за займомъ, то мы и имъ не сдѣлаемъ никакихъ затрудненій.*

Эта рѣчь, конечно, находилась въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что правительство германское дѣлало и предпринимало въ послѣднія недѣли. А японскій заемъ въ Германіи? Кому могло бы придти въ голову, что о немъ первый заговоритъ министръ Вильгельма II, еще недавно проповѣдывавшаго крестовый походъ для борьбы съ желтой опасностью? Но времена мѣняются. До пораженія при Мукденѣ еще существовала возможность русской побѣды. Было извѣстно, что у Куропаткина въ началѣ войны почти не было войска. Это, правда, достаточно характеризовало халатность русскаго правительства, но въ Европѣ къ этому привыкли. При Ляоянѣ Куропаткинъ отступилъ передъ гораздо болѣе многочисленнымъ врагомъ и при трудныхъ условіяхъ спасъ часть своей арміи. Съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ продолжалъ получать подкрѣпленія и подъ Мукденомъ онъ долженъ былъ побѣдить, долженъ былъ побѣдить хотя бы потому, что въ портфеляхъ берлинскихъ банкировъ еще лежатъ непроданными на 176 милліоновъ марокъ бумаги послѣдняго займа.

Чтобы послать новую армію въ Манджурію, русское правительство нуждается въ новыхъ деньгахъ, и оно надѣялось на этотъ разъ достать ихъ во Франціи. Но 9 января оттолкнуло французскій народъ отъ русскаго правительства, а мукденское пораженіе произвело на французскую биржу не менѣе ошеломляющее впечатлѣніе, чѣмъ на берлинскую. Если курсъ русскихъ бумагъ не претерпѣлъ той ужасной катастрофы, которую многіе предсказывали въ началѣ войны, то объясняется это отчасти спекуляціями русскаго министерства финансовъ, а еще въ большей степени тѣмъ огромнымъ давленіемъ, которое крупные банки оказываютъ на мелко-буржуазныхъ владѣльцевъ русскихъ бумагъ, удерживая ихъ всяческими способами отъ продажъ. Это, конечно, не обходится безъ значительныхъ жертвъ, и неудивительно, что французскія финансовыя сферы нисколько не расположены продолжать игру въ этомъ направленіи. Еще мѣсяца два тому назадъ французскія газеты сообщили, что русское правительство ведетъ переговоры съ Ліонскимъ Кредитомъ о займѣ въ одинъ милліардъ рублей. Когда вѣсть о разгромѣ Куропаткинской арміи распространилась по Европѣ, газеты одновременно сообщили, что Рувье написалъ русскому министру финансовъ письмо, въ которомъ указывалъ на безнадежность займа во Франціи. Черезъ нѣсколько дней газеты, правда, опровергли это извѣстіе, но, судя по тому, какъ вся французская пресса, со включеніемъ націоналистической, наиболѣе симпатизирующей современному русскому правительству, отнеслась къ извѣстію о мукденскомъ пораженіи, можно думать, что въ этомъ извѣстіи, была доля правды. Во всякомъ случаѣ, газета „Temps“ — оффиціозный органъ — французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, въ униссонъ почти со всей французской прессой, совѣтовала русскому правительству немедленно заключить миръ, такъ какъ событія доказали, что оно къ войнѣ не подготовлено и на побѣду разсчитывать никоимъ образомъ не можетъ. А черезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что переговоры о займѣ кончились отказомъ французскихъ банкировъ взять на себя его реализацію.

Мало вѣроятія, чтобы въ ближкомъ будущемъ настроеніе представителей европейскаго финансоваго измѣнилось. Теперь правительство замышляетъ внутренній заемъ, но тѣ гроши, которые оно можетъ отъ него получить—если еще найдутся столь довѣрчивые люди, которые станутъ на этотъ заемъ подписываться, — едва ли сколько-нибудь улучшатъ его положеніе. Самодержавіе довело страну до банкротства, но это не его первое и не его послѣднее преступленіе

НѢЧТО О КВАЛИФИЦИРОВАННЫХЪ ДЕМОКРАТАХЪ.

(Письмо изъ Россіи).

Нужно сказать правду: самый вредный типъ демократовъ, это — изъ бывшихъ марксистовъ. Главныя ихъ черты: непрерывная точащая и ноющая, какъ зубная боль, ненависть къ соціальдемократіи. На нашей партіи они мстятъ за свое прошлое или, можетъ быть, за... настоящее.

Марксизмъ безъ остатка выскоблилъ въ нихъ то естественное „нутро“, безъ котораго, какъ ни ухищряйся, какими философскими медикаментами себя ни пользуй, все равно не станешь дѣльнымъ политическимъ радикаломъ. Они слишкомъ скептики, чтобы броситься въ революціонный авантюризмъ. Они слишкомъ мало связаны съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и слишкомъ „интеллигентны“, чтобъ раствориться въ земскомъ либерализмѣ. Они никогда, въ сущности, не знаютъ, что съ собой дѣлать. Они могутъ немножко *такъ*, но могутъ немножко и *этакъ*. Даже самые дѣловитые и суетливые изъ нихъ являются, если приглядѣться, какими то, лишенными опредѣленныхъ вкусовъ, политическими фланерами. До недавняго времени они шатались въ небесахъ философіи со скучающимъ видомъ (среди самыхъ бурныхъ энтузіазмовъ г. Бердяева слышались зѣвки), переходя отъ системы къ системѣ совершенно также, какъ переѣзжаютъ съ курорта на курортъ... Марксизмъ ихъ повредилъ — нѣкоторыхъ на всю жизнь. Нравственная связь съ пролетаріатомъ и его партіей, если и была когда, то порвалось совершенно, но полученная отъ марксизма способность подмѣчать въ политикѣ игру классовыхъ интересовъ сохранилась. И эта способность ихъ преслѣдуетъ, она лишаетъ ихъ не только „энтузіазма“, но и необходимаго минимума самоуваженія.

Освободивъ ихъ отъ демократическаго нутра и лишивъ возможности быть откровенными либералами, марксизмъ позволилъ имъ на все, и на свою собственную политическую позицію въ томъ числѣ, *смотрѣть со стороны*. Возьмите объективную роль освобожденской „демократіи“: состоитъ въ ординарцахъ при земскомъ либерализмѣ. А самооцѣнка: „Мы рождены для высшаго, но временно исполняемъ черную работу исторіи; когда все сіе совершится, мы обернемся еще другой, невѣдомой всѣмъ, стороной. А пока — не взыщите“. И „пока“ они разрѣшаютъ себѣ быть плохими либералами на томъ основаніи, что они не просто демократы, а демократы высшаго квалифицированнаго типа.

Позиція со стороны позволяетъ имъ свысока третировать „Освобожденіе“, и ихъ нисколько не стѣсняетъ при этомъ то, что они носятъ имя „освобожденцевъ“.

Идея Струве — „довести правду до царя“? Конечно, мы согласны, что это плоское неприличіе!.. Выкрики, что русская армія въ войнѣ съ Японіей „исполнитъ свой долгъ“, разумѣется, это недостойная и неумная спекуляція на повышеніе шовинизма“. — Но какъ же вы молчите, господа? Вѣдь, это же *вашъ* органъ! Представьте себѣ, что наша „Искра“ что нибудь въ этомъ же родѣ — въ одну сотую долю... вѣдь Партія ее немедленно разнесла бы въ клочья!— О, они себѣ это отлично представляютъ, но, вѣдь, именно потому то они насъ и не любятъ...

Ихъ политическая позиція — прикомандированныхъ къ земскому либерализму — не позволяетъ имъ „высказывать, то что есть“, хотя они и видятъ и знаютъ, *что* есть. Они, можетъ быть, подавили бы въ себѣ, пока, голосъ марксистскаго анализа (все же не богъ вѣсть, какъ силенъ у нихъ этотъ голосъ!), еслибъ—не мы. Мы слѣдимъ все время за ихъ эволюціями, разъясняемъ имъ, какимъ путемъ они идутъ, предсказывали, куда придутъ. Мы безтактны, мы все вскрывали, мы разворачиваемъ гладко причесанныя резолюціи, ко всему придираемся, требуемъ прямыхъ отвѣтовъ. Непріятностей не оберешься...

„Настоящіе“ либералы, т. е. болѣе или менѣе черноземнаго или мануфактурнаго происхожденія, тѣ насъ искренно и глубоко не понимаютъ, — и, разумѣется, нимало не ломаютъ себѣ надъ этимъ головы. Мы для нихъ внѣшнее препятствіе, лучше было бы, еслибъ насъ не было, — но психологическихъ затрудненій мы для нихъ не создаемъ. Либеральные „дикіе помѣщики“, вродѣ покойнаго Евреинова, считаютъ насъ выродками, „анархистами“ и башибузуками и, безъ сомнѣнія, вѣрятъ Суворину, что мы ведемъ свою родословную отъ Болотникова, который бунтовалъ въ смутное время, и что мы разбрасываемъ прокламаціи съ призывомъ „бить жидовъ и студентовъ“, лишь бы произвести по своему дѣлу шумъ. Болѣе просвѣщенные знаютъ, что соціальдемократія — политическая партія, очень безпокойная, стремящаяся къ коммунизму, но всетаки партія, противъ которой, къ тому же, парламентарная Европа выработала цѣлый арсеналъ оборонительныхъ средствъ.

Другое дѣло — освобожденскіе либералы („демократы“) съ марксистскимъ прошлымъ, эти насъ понимаютъ, — понимаютъ, во всякомъ случаѣ, что мы ихъ понимаемъ, это вызываетъ въ нихъ крайне непріятныя внутреннія „переживанія“ и — ненависть къ намъ.

Они всѣ очень воспитанные люди, вращаются въ лучшихъ мѣстахъ, утратили всякіе остатки радикальной угловатости, — и имъ кажется или, по крайней мѣрѣ, они такъ говорятъ, что будь мы воспитаннѣе, сдержаннѣе въ формѣ—все было бы еще ничего. Но это, въ лучшемъ случаѣ, наивная иллюзія. Правда, нечего грѣха таить, мы далеко не всегда блещемъ благовоспитанностью и отъ тѣхъ или иныхъ дѣяній намъ, можетъ быть, безъ вреда для дѣла можно было бы и отказаться. Хорошій тонъ — хорошая вешь. Но суть не въ немъ. Не крикливый тонъ ненавидятъ они въ соціальдемократахъ, а ихъ опредѣленность, „прямолинейность“, упорство, самоувѣренность и — больше всего — *политическую неподкупность*. Смотрите, чего-чего только не совершили за послѣднее время либералы: кажется, слѣдовало бы хоть сколько нибудь „восчувствовать“. Но нѣтъ, соціальдемократы нисколько не растаяли. И это раздражаетъ и озлобляетъ. Ибо, восчувствуй мы, какъ слѣдуетъ быть, — выходило бы, какъ будто позиція „Освобожденія“ оправдана.

Глухая ноющая обида на соціальдемократію прорывается у нихъ на каждомъ шагу. „Освобожденіе“, какъ ни старалось не полемизировать, но и у него сорвалось въ статьѣ противъ „Искры“ почти злорадное заявленіе, что „революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ, что политически сознательный пролетаріатъ, это—выдумка соціальдемократіи. Освобожденцы изъ „бывшихъ“ всегда и неизмѣнно констатируютъ съ злорадньмъ чувствомъ наши промахи и недочеты, отсутствіе пролетаріата „въ самый нужный моментъ“, и этимъ какъ бы оправдываютъ себя въ собственныхъ глазахъ: революціоннаго народа нѣтъ, какъ нѣтъ, а либералы всетаки... Именно *всетаки*

Но революціонный пролетаріатъ явился — и притомъ въ самую нужную минуту. Освобожденцы это попробовали безпристрастно констатировать. Кіевскій комитетъ ихъ, напримѣръ, возвѣстилъ въ гектографированномъ листкѣ, написанномъ тѣмъ специфическимъ слогомъ, какимъ „Рус. Вѣд.“ пишутъ о преимуществахъ выборнаго начала предъ бюрократическимъ, что нынѣ къ требованіямъ всей земской и интеллигентной Россіи присоединился и пролетаріатъ, заслуги коего предъ освободительнымъ движеніемъ, впрочемъ, и въ прошломъ громадны. Что то въ этомъ родѣ. О соціальдемократіи ни слова. Зато въ докладахъ и всякихъ публичныхъ и приватныхъ заявленіяхъ именно бывшіе марксисты, игнорируя и факты и политическую логику, утверждаютъ, что соціальдемократія къ петербургскимъ событіямъ никакого отношенія не имѣла,—тамъ были: „Гапонъ и... мы“, Гапонъ велъ, „мы“ — поддерживали. C'est simple comme bonjour!

Помощь, которую рабочая партія получаетъ отъ либеральнаго „общества“, ничтожна, — и главная доля вины за это падаетъ несомнѣнно на „освобожденцевъ“. Именно они составляютъ ту прослойку, которая соединяетъ насъ съ „настоящими“ либералами или, вѣрнѣе, отдѣляетъ насъ отъ нихъ. Освобожденцы, повидимому, старательно прививаютъ своимъ кліентамъ ту мысль, что рабочій классъ, это — одно („какая прелесть эти рабочіе! пишетъ г-ну Струве его петербургскій корреспондентъ послѣ 9-го января), а рабочая партія, это — совсѣмъ, совсѣмъ другое. Но самостоятельныхъ связей съ пролетаріатомъ въ его повседневной организаціонной работѣ у нихъ нѣтъ, соприкосновеніе создается только въ моменты крайняго подъема, какъ во время петербургскихъ событій, когда либералы черезъ освобожденцевъ давали деньги на стачечниковъ, а освобожденцы, вслѣдствіе этого, воображали, что они, вмѣстѣ съ Гапономъ, руководятъ рабочимъ движеніемъ.

Конечно, не всѣ освобожденцы проходили черезъ марксизмъ, но приходится признать, что „марксисты“ среди нихъ самые вліятельные, они задаютъ тонъ. И это тонъ политической разслабленности, какого-то вымученнаго оппортунизма, на видъ ужасно реалистичнаго, а на самомъ дѣлѣ, совершенно доктринерскаго. Все, отъ надуманнаго Струве лозунга: „Да здравствуетъ армія!“ и до имъ же надуманныхъ политическихъ яслей для пролетаріата (читай № отъ 6 января), — какъ все это жизненно, умно, не правда ли? Замѣчательное дѣло! Если гдѣ нибудь интеллигенція, съ вѣсомъ и съ положеніемъ, какъ петербургскіе инженеры, шевелится рѣзко, съ настроеніемъ, знайте, —тамъ у руля не квалифицированные демократы, а совершенно простые смертные...

Можно встрѣтить не мало народу, который, благодаря освобожденскимъ истолкователямъ, вѣритъ, что земцы выдвинули вполнѣ демократическую программу. Если вы заикнетесь, вамъ отвѣтятъ: а седьмой пунктъ: политическія права всѣхъ гражданъ должны быть равны, — вѣдь, это и означаетъ ваше всеобщее, прямое, равное и тайное... Чего же вамъ еще? Многіе такъ таки искренно воображаютъ, что этотъ сакраментальный седьмой пунктъ (о которомъ, къ слову сказать, вся послѣдующая политическая практика земцевъ ничего не хочетъ знать) разъ на всегда долженъ зажать ротъ соціальдемократіи. „Седьмой пунктъ“ — высшее торжество освобожденцевъ; это индульгенція, которою они думаютъ отдѣлаться отъ отвѣта за прошлые и будущіе грѣхи. И когда стало ясно, что мы эту индульгенцію считаемъ просто фальшивымъ политическимъ документомъ, они озлились тѣмъ болѣе, что отлично знаютъ нашу правоту: не даромъ же они были на той кухнѣ, въ которой готовились знаменитыя земскія резолюціи.

Нельзя отрицать того, что освобожденцы оказали нѣкоторое вліяніе на либераловъ и легонько подтолкнули ихъ впередъ. Но успѣхи ихъ на этомъ поприщѣ имѣютъ скорѣе дипломатическій, чѣмъ политическій характеръ. Такіе успѣхи получаются отъ переговоровъ, увѣщаній, удачныхъ личныхъ комбинацій, благовременныхъ умолчаній, ловко просунутыхъ резолюцій, которыя означаютъ все и ничего. Конечно, и личныя комбинаціи и увѣщаніе, и переговоры совершенно неизбѣжны въ политикѣ, но это часть служебная. У освобожденцевъ же это все, а частью служебной являются политическія деклараціи, программныя статьи, пункты седьмые и иные. Результаты такой политики прочны лишь до перваго испытанія. „Индивиды позволяютъ себя обманывать, классы — никогда“.

Рескриптъ 18 февраля готовитъ квалифицированнымъ демократамъ тяжелый искусъ. „Освобожденіе“ еще совсѣмъ недавно (въ ту эпоху, когда въ Россіи еще „не было“ революціоннаго народа) видѣло даже въ манифестѣ 12 декабря указаніе пути, по которому пойдетъ обновленіе Россіи: уступочка за уступочкой подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, освобожденское воспитаніе рабочихъ въ политической обстановкѣ, созданной уступочками, просвѣтительные комитетчики, — словомъ, программа „освободительной“ канители, разсчитанная лѣтъ на 50. Съ этой поистинѣ орлиной точки зрѣнія, рескриптъ 18 февраля открываетъ духъ захватывающіе горизонты. Оставалось бы только радоваться. Но дѣло въ томъ, что этотъ рескриптъ скоро, и притомъ въ очень ясной, конкретной формѣ, поставитъ передъ земцами вопросъ о сдѣлкѣ съ правительствомъ за счетъ самыхъ элементарныхъ и очевидныхъ интересовъ народа. На предложеніе правительства нужно будетъ отвѣтить либо да, либо нѣтъ. Мы здѣсь еще не знаемъ, какъ отнеслось къ рескрипту „Освобожденіе“. Но освобожденцы боятся. Они очень знаютъ, что „пунктъ седьмой“ ноябрскихъ резолюцій никого ни къ чему не обяжетъ. И отъ самихъ освобожденцевъ потребуется нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ софистическіе комментаріи къ рѣшеніямъ земскаго съѣзда. А орудій давленія у освобожденцевъ нѣтъ, — они заботились не о сплоченіи силъ (хотя бы одной интеллигентной демократіи!) для давленія на земцевъ, а объ развращеніи (другого слова не подыщешь) политической совѣсти этой интеллигенціи безоговорочнымъ слѣдованіемъ за земцами.

Испытаніе близко, уклониться отъ него отпиской въ „Освобожденіи“ не удастся. Господамъ квалифицированнымъ демократамъ придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не исторію.

Неофитъ.

Зигзаги твердаго курса.

Передъ нами лежатъ 10 номеровъ газеты „Впередъ“.

Альфой и омегой всѣхъ писаній „Впередъ“ является „полемика“ противъ „Искры“. Мы не [illegible] щать теперь много мѣста этой „полемикѣ“, и во всякомъ случаѣ рѣшили проходить мимо того — просимъ извиненія за выраженіе—организаціоннаго лая, который неумолчно раздается со страницъ „твердокаменнаго“ органа. Но намъ кажется все же необходимымъ хоть разъ показать истинную цѣну тѣхъ „принциповъ“, во имя которыхъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, культивируется особый видъ „полемики“, толкающей партію къ расколу.

Въ настоящей статьѣ мы ограничимъ свою задачу лишь рядомъ сопоставленій, которыя покажутъ намъ, насколько послѣдовательно развиваетъ „Впередъ“ тѣ воззрѣнія, которыя послужили базисомъ для выдѣленія его сторонниковъ въ особую группу. Мы возьмемъ, главнымъ образомъ, на этотъ разъ, вопросы организаціонные.

Организаціонные вопросы — вѣдь это, такъ сказать, спеціальность Ленина и его сателлитовъ. Вѣдь, это — исходная точка разногласій между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“, тотъ центральный пунктъ, расхожденіе по которому и заставило Ленина „зарядить ружья двойными зарядами“ и „крѣпче связать“ партійную „посудину“, такъ крѣпко, что она, того и гляди, грозила расколоться.

Возьмемъ вопросъ объ „автономіи мѣстныхъ комитетовъ и группъ“. Прежде всего справка. Въ ленинскомъ „Шагъ впередъ и пр.“ на стр. 151 читаемъ: „Мнѣ важно отмѣтить несомнѣнную тенденцію *защищать автономизмъ противъ централизма*, какъ принципіальную черту, свойственную оппортунизму въ организаціонныхъ вопросахъ“. И дальше: „Бюрократизмъ versus демократизмъ, это и есть централизмъ versus автономизмъ, это и есть организаціонный принципъ революціонной соціальдемократіи по отношенію къ организаціонному принципу оппортунистовъ соціальдемократіи“. Кажется ясно? Автономизмъ — не просто неумѣстенъ, неудобенъ, непригоденъ для данныхъ обстоятельствъ, — нѣтъ; это „принципъ“, слышите—принципъ „оппортунистовъ соціальдемократіи“, и даже, по увѣренію Ленина (тамъ-же стр. 157), „этотъ выводъ подкрѣпляется примѣромъ *всѣхъ* европейскихъ соціальдемократическихъ партій“. И однако, смотримъ въ составленное „Бюро комитетовъ большинства“ „извѣщеніе о созывѣ третьяго партійнаго съѣзда“ (Впередъ № 8) и, съ изумленіемъ протирая глаза, читаемъ: „Мы будемъ стоять за возможно широкую автономію мѣстныхъ комитетовъ и группъ, къ нимъ примыкающихъ“. Вотъ такъ исторія! Правда, авторы „извѣщенія“ тутъ-же прибавляютъ: „но противъ выдвигаемаго меньшинствомъ, якобы „демократическаго пониманія этой автономіи“. Что собственно значитъ „якобы демократическое пониманіе“, и гдѣ „выдвигало его меньшинство“, остается неизвѣстнымъ; но что совершенно очевидно, такъ это то, что зловредное „пониманіе“ есть ничто иное, какъ фиговый листикъ, долженствующій прикрывать непріятный фактъ крушенія одной изъ опоръ твердаго курса.

[illegible] Мы будемъ бороться за строгую централизацію (это опять фиговый листикъ), но противъ бюрократическаго ея пониманія, выдвигаемаго теперь центрами, которые требуютъ слѣпого повиновенія при своей очевидной негодности; надо помнить, что основу организаціи составляютъ сознательно-товарищескія отношенія“. Допустимъ, что центры „очевидно негодны“. Но какъ же быть все-таки, съ „бюрократизмомъ versus демократизмъ“? Какъ быть съ „невинными патетическими декламаціями о самодержавіи и бюрократизмѣ, о слѣпомъ повиновеніи, винтикахъ и колесикахъ“ (стр. 159)? Какъ быть съ утвержденіемъ Ленина, что „попытки анализа и точнаго опредѣленія „бюрократизма“ неизбѣжно ведутъ къ автономизму, попытки „углубленія“ и обоснованія неминуемо приводятъ къ оправданію отсталости, къ хвостизму, къ жирондистскимъ фразамъ“ (стр. 159)? Или члены „бюро“ откажутся отъ опаснаго „обоснованія“ своей позиціи, а будутъ „искусно увертываться отъ всякой опредѣленной формулировки своихъ принциповъ“ (стр. 159)? Но и тогда неумолимый Ленинъ скажетъ имъ: „Высмѣиваніе дисциплины - автономизмъ - анархизмъ, вотъ та лѣсенка, по которой то спускается, то поднимается нашъ организаціонный оппортунизмъ (стр. 159)“. Очевидно, отъ Ленина несчастному „бюро“ спасенія нѣтъ. Но, и раздѣлавшись съ Ленинымъ, „бюро“ еще далеко не внѣ опасности, ибо существуетъ еще редакціонная статья „Соловья баснями не кормятъ“ („Впередъ“ № 2), авторъ которой, по поводу изданной „Искрой“ брошюры „Рабочаго“, напрямикъ заявляетъ: „рабочій *тысячу разъ правъ* (курсивъ „Впередъ“), когда заявляетъ, что безъ гарантій, безъ равныхъ правъ, т. е. безъ выборнаго начала, красивыя слова о небюрократическомъ централизмѣ остаются однимъ фразерствомъ“ Какъ же быть то? Оказывается, „якобы демократическое пониманіе“ „небюрократическаго централизма“ „выдвигаетъ“ писатель вполнѣ твердокаменный. Это разъ. А. во вторыхъ, онъ недвусмысленно говоритъ членамъ „бюро“, что безъ такого „пониманія“ ихъ отрицаніе „бюрократическаго централизма“ остается „однимъ фразерствомъ“. Онъ даже нарочито указываетъ: „Крайне характерно для психологіи рабочаго, что онъ не удовлетворяется фразами объ „автономіи“ и пр., а „съ трезвымъ пролетарскимъ инстинктомъ“ требуетъ „гарантій“. Получается нераспутываемый клубокъ. Членамъ „бюро“ надо съ „Соловьемъ“ какъ нибудь дотолковаться: или имъ надо обличить его въ „якобы демократическомъ пониманіи“, или самимъ покаяться во „фразерствѣ“. Положеніе не изъ пріятныхъ. Но мы по дружески укажемъ имъ очень простой способъ разрубить гордіевъ узелъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Авторъ „Соловья“ говоритъ: „нельзя достаточно рекомендовать замѣчательной брошюры „Рабочаго“ для ознакомленія со всей фальшью организаціонной позиціи „новоискровцевъ“; „особенно настоятельно рекомендуемъ мы эту брошюру рабочимъ“, и не устаетъ восхвалять обнаруженное тов. „Рабочимъ“ „глубокое недовѣріе истиннаго пролетарія и истиннаго демократа къ фразерству“. Съ тѣхъ поръ тов. „Рабочій“ („Вопросы партійной жизни“, приложеніе къ № 8[illegible] „Искры“) показалъ шустрому писателю, что соловья, дѣйствительно, баснями не кормятъ и что виноградъ бываетъ зеленъ. И въ передовицѣ № 9 „Впередъ“ мы уже встрѣчаемъ мимоходомъ брошенное презрительное замѣчаніе о „демагогической брошюрѣ „Рабочаго“. Очевидно, что этимъ самымъ труды „Соловья“ упраздняются, а статья его объявляется погашенной и аки-бы не бывшей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „бюро“ избавляется отъ необходимости сводить концы съ концами по части „твердыхъ“ организаціонныхъ принциповъ.

Послѣ такой эмансипаціи членовъ „бюро“ въ вопросахъ автономіи и бюрократизма, конечно, уже не удивительно и ихъ смѣлое заявленіе: „Мы полагаемъ, что центръ долженъ быть *одинъ* и притомъ *русскій*“. Но все-же нельзя не подивиться: куда-же дѣлось то „закрѣпленіе вліянія организаціоннымъ путемъ“, которое Ленинъ „ставилъ себѣ въ заслугу“ (Протоколъ II съѣзда, стр. 333)? Что сталось съ категорическимъ заявленіемъ Ленина: „Изъ тѣхъ организаціонныхъ идей, которыя всегда развивала *старая* „Искра“, планъ двухъ центровъ вытекалъ самъ собою“ („Шагъ и пр.“ стр. 36)? Не вспомнитъ ли „бюро“, что „Южный Рабочій“, стоявшій за одинъ центръ, подвергался за это со стороны непреклоннаго Ленина сугубому обвиненію въ „оппортунизмѣ“, что тотъ же Ленинъ, любящій ставить вопросы съ „прямолинейностью извѣстной птицы“, категорически констатировалъ, что „за одинъ центръ, т. е. за *большій якобы централизмъ*, стояли всѣ анти-искровцы и болото“? Чудеса, да и только! Превратилось ли „бюро комитетовъ большинства“ въ „болото“? Разорвало-ли оно съ традиціями „старой Искры“? Тутъ надо отвѣтить прямо: если нѣтъ, то какъ же совмѣстить съ этимъ его организаціонную позицію? Если да, то почему-же „старая Искра“ служитъ для всѣхъ статей „Впередъ“ единственною мѣрою вещей, почему иные—прочіе люди подвергаются ожесточеннымъ преслѣдованіямъ за малѣйшее расхожденіе съ „старой Искрой“, и почему, наконецъ, товарищи изъ „бюро“ не заявляютъ прямо и открыто, какъ подобаетъ честнымъ политическимъ дѣятелямъ, объ измѣненіи своихъ взглядовъ?

Ну, а какъ обстоитъ дѣло съ „соблюденіемъ устава“—этимъ знаменемъ „пролетарской дисциплины“, противопоставляемой „интеллигентской хлюпкости“, неспособной выносить стоически „ежевыхъ рукавицъ“? На первый взглядъ, какъ будто недурно. По крайней мѣрѣ, еще въ № 8 „Впередъ“ („Разновидность опортунизма“) напрямикъ говорится: „Уставы организаціи

ОБЪ АГИТАЦІИ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

На очереди вопросъ: какъ разрушить или расшатать страшную дисциплину въ арміи, какъ вывести солдатъ изъ безпрекословнаго подчиненія офицерамъ, какъ вырвать это слѣпое орудіе изъ рукъ властей? Вопросъ неотложный и важный. Единственный путь къ рѣшенію этого вопроса можетъ дать широкая агитація въ войскахъ. Повседневныя нужды солдатъ даютъ богатый къ тому матеріалъ.

Въ казармахъ господствуютъ варварскіе, дикіе порядки, — порядки, возмущающіе солдатъ. Только рознь, разобщенность и отсутствіе способовъ для выраженія единичнаго возмущенія убиваютъ критическую мысль и заставляютъ безропотно, тупо, въ одиночку нести свой тяжелый жребій. Если же оживить въ памяти пережитое, если показать возможность сбросить гнетъ, объединившись для протеста и борьбы, если наглядно показать, что освободительное рабочее движеніе несетъ съ собою освобожденіе всѣмъ, а, слѣдовательно, и солдатамъ, то пробудится забитая солдатская мысль, и могутъ начаться крупныя движенія въ казармахъ.

Солдатъ несетъ на себѣ и экономическій, и правовой гнетъ. При ничтожныхъ отпускахъ отъ казны на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ солдата, его положеніе значительно ухудшается тѣмъ, что только малая доля этого отпуска доходитъ до солдата. Большая же доля липнетъ къ рукамъ командира полка, завѣдующаго хозяйствомъ, ротнаго командира, фельдфебеля, артельщика и т. д.

Командиръ полка по своему усмотрѣнію уменьшаетъ пищевую раскладку полка; завѣдующій хозяйствомъ вмѣстѣ съ командиромъ полка отдаетъ съ подряда поставку продуктовъ (обычно подрядчикъ даетъ взятку и заключаетъ контрактъ на поставку продуктовъ по такимъ цѣнамъ, по какимъ можно получать только плохіе продукты или отбросы); ротный или баталіонный командиръ также ищетъ дохода, а потому, принимая продукты, не считается ни съ мѣрой, ни съ качествомъ ихъ. Такъ „довольствуется“ русскій солдатъ. Но этого мало. Солдатское жалованье частью и полностью остается въ рукахъ ротнаго командира; деньги, получаемыя солдатомъ изъ дому, постигаетъ та же участь. У фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ на откупѣ всѣ наряды (въ караулы, въ посыльные, въ сторожа, на дневальство). Начальство это знаетъ, но покрываетъ, ибо „всѣмъ надо жить“. Рука руку моетъ — обѣ чистыя. Только въ рѣдкихъ случаяхъ солдату выдаютъ полностью 3 фунта хлѣба. Постоянно урѣзываютъ его мясныя порціи. Все составляетъ предметъ начальническаго вожделѣнія: дрова, керосинъ, сукно, холстъ, мука, мясо, „зарабочія“ солдатскія деньги, жалованье, личный солдатскій трудъ — все, что имѣетъ хоть какую нибудь цѣну, — все идетъ на потребу въ чистомъ ли видѣ, въ натурѣ, или обратной переуступкой поставщику за полцѣны. Солдаты безплатно обрабатываютъ сады, огороды и вообще несутъ всякую работу и службу у своего начальства. Извѣстны случаи, когда солдаты строили дома, устраивали виноградники и т. д. и все безплатно и въ служебное время. Вспомните колоссальное воровство генерала Иловайскаго[1]) въ Атаманскомъ полку за то время, когда въ этомъ полку служилъ нашъ „царь-батюшка“ Николай II. Десятки лѣтъ продолжалось воровство, украдено было на сумму свыше 400,000 руб. Три года вели слѣдствіе, чтобы замять дѣло. И въ концѣ концовъ—восемь лѣтъ поселенія въ Иркутской губ. А какъ Иловайскій держалъ себя на судѣ? Судъ *боялся*, что Иловайскій разоблачитъ всѣхъ своихъ соучастниковъ—великихъ казнокрадовъ-князей. Какъ же не красть другимъ, когда кругомъ такая атмосфера? Въ полкахъ цѣлые роты и баталіоны болѣютъ цынгой, куриной слѣпотой, малокровіемъ, — сотни уходятъ домой раньше конца службы, какъ слабосильные.

Все это процвѣтаетъ на фонѣ полнаго произвола и беззащитности. Солдата бьетъ офицеръ, фельдфебель, унтеръ-офицеръ. Бьетъ „для пользы службы“, „для вразумленія“, „для поддержанія дисциплины“ и т. д. А что такое военный судъ? Первая, неписанная статья военнаго судопроизводства гласитъ, что ради поддержанія дисциплины и престижа власти дѣло между офицеромъ и солдатомъ должно всегда быть рѣшено въ пользу офицера. Военный судъ существуетъ не для осужденія виновныхъ, а для усиленія налагаемыхъ на солдатъ взысканій. — Дальше. „Дисциплинарный Уставъ“ предоставляетъ право солдату подавать „по начальству“ жалобу на несправедливое обращеніе и по другимъ поводамъ. Но мы не знаемъ ни одного случая, чтобы много, много, если мѣсяцъ спустя, жалобщикъ не былъ преданъ суду. А сдѣлать это такъ просто и легко, нужно только три-четыре раза наложить на солдата дисциплинарное взысканіе и можно предавать его суду „за неисправимо дурное поведеніе“. Дисциплинарное-же взысканіе не подлежитъ обжалованію по существу, а только, въ томъ случаѣ, если при этомъ было допущено превышеніе власти. Пояснимъ, какова практика, принятая на этотъ случай. Дисциплинарная власть ротнаго командира ограничена семью сутками ареста, безъотносительно къ проступку, но оторванный крючекъ или пуговица у мундира или непочищенные сапоги солдата до того возбуждаютъ справедливое негодованіе ротнаго командира, что онъ налагаетъ на солдата не семь, а восемь сутокъ ареста. Солдатъ жалуется на превышеніе власти. Начальство (баталіонный и полковой) разсматриваетъ наказаніе не со стороны соотвѣтствія наказанія проступку, а только съ точки зрѣнія мѣры власти, почему семь сутокъ признаются законными, а восьмыя — однѣ сутки — отмѣняются. Но обыкновенно и этого не дѣлается, а просто при поступившей жалобѣ взысканіе переводится на власть слѣдующаго старшаго начальника. „Если солдата не бить и не наказывать, то съ этой *скотиной* ничего не подѣлаешь!“, такъ жалуютъ нашего солдата. Между турецкой и русской арміей поэтому, можно провести полную аналогію. Наивенъ тотъ, кто ждалъ и ждетъ побѣдъ въ поляхъ Манджуріи, — для иныхъ побѣдъ болѣе подготовленъ русскій солдатъ. Онъ побѣдитъ свое молчаніе, онъ побѣдитъ свое безропотное терпѣніе и перейдетъ на сторону возставшаго народа!

Агитаціонныя требованія:

Увеличеніе жалованья нижнимъ чинамъ.

Улучшеніе пищевого и вещевого довольства за счетъ казны.

Выдача на руки всѣхъ „зарабочихъ“ денегъ, безъ всякаго удержанія въ пользу казны или перечисленія въ артельныя (тоже казенныя) суммы.

Отмѣна обысковъ въ казармахъ.

Отмѣна обязанности офицеровъ вскрывать и прочитывать всѣ солдатскія письма. Выдача всѣхъ писемъ (простыхъ и денежныхъ) закрытыми.

Открытіе читаленъ и библіотекъ, съ предоставленіемъ самимъ нижнимъ чинамъ завѣдывать выборомъ газетъ и книгъ для нихъ, и отмѣна правилъ, запрещающихъ пользоваться городскими и общественными читальнями и библіотеками.

Сокращеніе срока службы и отбываніе службы въ ближайшихъ по мѣсту жительства городахъ.

Запрещеніе употребленія войсковыхъ частей для полицейскихъ службъ.

Запрещеніе всякихъ казарменныхъ занятій послѣ пяти часовъ вечера[1])

Обязательный двухъ-часовый обѣденный отдыхъ.

Полный дневной отдыхъ послѣ всѣхъ ночныхъ дежурствъ (послѣ смѣны съ караула, дневальства, сторожевой, посыльной службы и т. д.).

Отмѣна темныхъ карцеровъ.

Предоставленіе права жаловаться и *на строгость* дисциплинарнаго взысканія.

Замѣна полковыхъ и всѣхъ другихъ военныхъ судовъ общими судами.

Всѣ злоупотребленія властію и всѣ дѣла по жалобамъ нижнихъ чиновъ на начальство должны разсматриваться судомъ, почему и жалобы подаются не „по начальству“, а непосредственно въ судъ.

Офицеръ.

---

[1]) Генералъ Иловайскій тогда былъ командиромъ лейб. гв. Атаманскаго казачьяго полка, а „цесаревичъ-наслѣдникъ“ Николай Александровичъ, командовавшій сотней или даже болѣе крупной единицей этого полка „изволили“ допускать и покрывать это воровство.

[1]) Нерѣдко занятія съ новобранцами, по частному распоряженію ротныхъ командировъ, продолжаются до 10—11 часовъ ночи.

ВСЕРОССІЙСКАЯ РЕВОЛЮЦІОННАЯ СТАЧКА.

Петербургъ. Коммиссія Шидловскаго и соціальдемократія. (Отъ мѣстной группы Ц. К.). Кампанія по поводу коммиссіи Шидловскаго удалась намъ вполнѣ, я сказалъ бы, что она прошла блистательно, если принять во вниманіе новизну дѣла, исключительность историческаго момента и мѣстныя полицейскія условія. Конечный политическій результатъ этой компаніи — отказъ выборщиковъ выбирать депутатовъ — мы можемъ съ законной гордостью всецѣло приписать своей работѣ. Первый вопросъ, ставшій передъ нами, былъ вопросъ о лозунгѣ. Что сказать массамъ — выбирать или не выбирать? Создавая себѣ платформу для агитаціи, мы отвѣтили — выбирать, но выбирать при извѣстныхъ условіяхъ.

Дать лозунгъ — не выбирать, значило бы не бойкотировать коммиссію Шидловскаго, а отрѣзать себя отъ массы, которая, при слабости нашего вліянія, за нами не пошла бы. Помимо этого соображенія, *такихъ* лозунговъ намъ никогда давать не приходится даже при увѣренности, что масса ихъ восприметъ. Основная задача въ подобнаго рода политическихъ комбинаціяхъ, какъ коммиссія Шидловскаго, это — созданіе платформы для агитаціи. Этимъ мы и руководились, давъ лозунгъ выбирать, но требовать для этого свободу предвыборной агитаціи, неприкосновенности личности и жилища, всеобщихъ, равныхъ прямыхъ, тайныхъ выборовъ. Дальнѣйшій ходъ компаніи намъ представлялся такъ: правительство требованій, выставленныхъ рабочами, не удовлетворитъ. Тогда мы, пользуясь этимъ для агитаціи, совѣтуемъ не выбирать депутатовъ. Если же масса насъ не послушается и все таки депутатовъ выберутъ, тогда повести агитацію, чтобы депутаты, явившись въ коммиссію, сдѣлали опредѣленное заявленіе, потребовали бы созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого голосованія и удалились изъ коммиссіи.

Исходная точка кампаніи выражена въ первомъ нашемъ листкѣ о коммиссіи Шидловскаго. Началась работа чрезвычайно интенсивная. Происходило множество собраній изъ десятковъ, сотенъ, а *иногда и тысячъ* рабочихъ. Эти тысячныя собранія устраивались такимъ образомъ На заводъ проникали наши ораторы и организаторы. Попавши на дворъ завода, они начинали кричать: „выходите во дворъ“. Организованные или просто политически настроенные рабочіе дѣлали свое дѣло въ мастерскихъ. Въ короткое время дворъ наполнялся многотысячной толпой и митингъ открывался. — На всѣхъ этихъ собраніяхъ развивались предварительныя требованія, формулированныя въ листкахъ „Группы“ и отдѣльныхъ районовъ. Разъясненія повсюду принимались прекрасно.

Недѣли $1^{1}/_{2}$-2 прошло прежде, чѣмъ Шидловскій объявилъ свой порядокъ выборовъ. Съ этимъ объявленіемъ кампанія наша вступила во вторую фазу своего развитія. Передъ нами стоялъ вопросъ: что и какъ дальше? Логически и правильно было бы выбрать лозунгъ— *отказывайтесь отъ выборовъ*. Но такъ дѣло обстояло бы только съ внѣшней стороны. На самомъ дѣлѣ, факты сложились иначе, не такъ просто и однородно, какъ мы могли разсчитывать. Фактически была *нѣкоторая* свобода предвыборной агитаціи, фактически происходило много собраній, фактически депутаты были выбраны еще до публикаціи Шидловскаго и были выбраны прямыми, а не двухстепенными выборами. Затѣмъ у насъ было все тоже опасеніе — какъ бы не отрѣзать себя отъ массы, какъ бы не остаться въ одной только роли несовершеннаго —въ виду несовершенства техническихъ средствъ и прочее *разъяснителя*,—и не быть лишенными роли политическаго *руководителя въ* массовомъ дѣйствіи. Одно, конечно, связано съ другимъ, но только въ томъ случаѣ, если масса дѣйствуетъ въ согласіи съ нами.

Второй листокъ по поводу коммиссіи открываетъ вторую стадію нашей кампаніи. Разъясняя значеніе и характеръ публикаціи Шидловскаго, мы совѣтуемъ отказываться отъ двухстепенныхъ выборовъ и настаивать на выбранныхъ до публикаціи депутатахъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ депутатами, собраться и вмѣстѣ съ ними вырабатывать требованія, которыя будутъ предъявлены въ коммиссію. Требованія эти сведены къ требованію созыва Учредительного Собранія. — Все это массой принималось превосходно, причемъ рабочіе сами находили способы обойти „порядокъ“ Шидловскаго. Такъ, выборщиками выбирались прежніе депутаты, выбранные до публикаціи, и часто имъ вмѣнялось въ обязанность выбирать такого-то депутата въ коммиссію. Бывали курьезы: на нѣкоторыхъ громадныхъ собраніяхъ — на патронномъ и на нѣкоторыхъ другихъ заводахъ — толпа выбрала нашихъ нелегальныхъ ораторовъ. Вообразите себѣ ихъ смущеніе!... Во второй стадіи кампаніи вниманіе наше въ значительной мѣрѣ сосредоточивается на самыхъ выборщикахъ. Въ общемъ, масса выборщиковъ изъ 400 приблизительно человѣкъ составлялась примѣрно: изъ 20% организованныхъ соціальдемократовъ, 40% политически радикализированныхъ рабочихъ, изъ 30 или 35% „экономистскихъ“ рабочихъ и незначительной доли темныхъ элементовъ. Но доля послѣднихъ была совершенно ничтожна и вовсе не давала себя знать. Итакъ, рядомъ съ массовой агитаціей, началась усиленная агитація среди выборщиковъ. Объ ея интенсивности вы можете судить по тому, что въ среднемъ можно считать на каждаго выборщика 4-5 собраній за имѣвшійся короткій промежутокъ времени. А захвачено агитаціей громадное большинство выборщиковъ.

Рядомъ съ вопросомъ о нашей политикѣ по отношенію къ коммиссіи Шидловскаго у насъ каждый разъ возникалъ вопросъ о нашемъ отношеніи къ забастовкѣ. Вы знаете, что рабочіе все время волнуются. То бастуетъ одинъ заводъ, то другой. Бастуетъ заводъ день, два, иногда больше, потомъ начинаетъ работать. А черезъ нѣсколько дней опять бастуетъ. Намъ необходимо было объединить это волненіе, направить его въ одно русло, дать этой энергіи нормальный исходъ. Мы, поэтому, дали лозунгъ, чтобы въ день открытія коммиссіи всѣ рабочіе бросили работу въ знакъ своей солидарности съ депутатами, которые въ первый же день должны были бы произвести въ коммиссіи политическую манифестацію. — Этотъ призывъ къ забастовкѣ съ указанной мотивировкой имѣется во второмъ листкѣ.

могутъ измѣняться по согласію членовъ, но, пока уставъ существуетъ, нужно исполнять его, иначе невозможна будетъ организація“. Очень недурно сказано. Мы готовы были-бы порадоваться, что хоть въ этой области твердый курсъ не дѣлаетъ [illegible], если бы [illegible] въ томъ-же № „Впередъ“ въ заявленіи „отъ редакціи“ не было сказано, что „организаціонный Комитетъ *перенимаетъ* (курсивъ нашъ) всѣ права Ц. К. по созыву съѣзда“. Можно быть разнаго мнѣнія о такомъ „перениманіи“, но врядъ ли даже редакція „Впередъ“ скажетъ, что оно имѣетъ что либо общее съ „пролетарской дисциплиной“, охраняющей „уставъ“. Тѣмъ болѣе не скажетъ она этого, что помѣщенное въ томъ же № „Извѣщеніе о созывѣ третьяго съѣзда“ и принципіально оправдываетъ нарушеніе „устава“: „Революціонныя событія вызываютъ къ дѣйствію революціонное право“. Очень жаль, что авторы „Извѣщенія“ не столковались съ редакціей „Впередъ“, какъ слѣдуетъ, ибо для редакціи *всякое* нарушеніе „уставовъ“ есть признакъ „разновидности оппортунизма“, и для „революціонныхъ событій“ въ статьѣ никакихъ послабленій не дѣлается. Это во-первыхъ. А во вторыхъ, какія-же теперь „революціонныя событія“? Не „Впередъ“-ли (№ 5, „Твердый курсъ“) увѣрялъ насъ, что „за этимъ словомъ... скрывается какая то искусственно подогрѣтая фальшь... Вовсе пролетаріатъ не хваталъ за горло самодержавіе, а пролетарскія массы пошли просить реформъ“. Да и къ „первому настоящему натиску“ теперь надо еще только „готовиться“. Стало быть, авторамъ „извѣщенія“ придется свою формулу весьма существенно видоизмѣнить: „революціонное право“, оказывается, оправдывается не только „революціонными событіями“, но и „подготовкою“ къ „натиску“. А такъ какъ „готовиться“ нужно всегда, то слѣдовательно... Впрочемъ, оставимъ эту матерію. Ибо, разсердившись, „бюро“ намъ можетъ справедливо замѣтить: да, вѣдь, это только въ № 5 „Впередъ“ слышится „искусственно подогрѣтая фальшь“, а мы писали свое извѣщеніе по № 4, гдѣ совершенно ясно говорилось, что „пролетаріатъ возсталъ противъ царизма“, а вовсе не шелъ, какъ вздумалось увѣрять № 5, „просить реформъ“. Мы не знаемъ, что возразить на это. Думается только, что напрасно все-же „бюро“ ищетъ такъ далеко „философски-соціологическихъ“ обоснованій своего „революціоннаго права“. Умная редакція „Впередъ“, высоко несущая знамя „рѣшеній II съѣзда“, въ той же статьѣ „Разновидность оппортунизма“ догадливо и весьма „просто“ открываетъ ларчикъ „революціоннаго права“: она обвиняетъ „новоискровцевъ“ въ томъ, что, „когда *рѣшенія II съѣзда выгодны для нихъ* (курсивъ нашъ), они цѣпляются за эти рѣшенія обѣими руками, напримѣръ, теперь за рѣшенія о Ц. О., Ц. К. и Совѣтѣ“. Признаніе очень драгоцѣнное, но для тѣхъ, кто, „стоя на почвѣ рѣшеній II съѣзда“, и т. д., нѣсколько неожиданное. Оказывается, судьба „рѣшеній II съѣзда“ очень походитъ на судьбу королей: „und der König absolut, wenn er unsren Willen thut“. Ну, а когда „король“ не хочетъ „творить нашей воли“, естественно, является на сцену „революціонное право“. Не проще ли это именно и отвѣтить „такому товарищу“, у котораго „все еще остались сомнѣнія, законенъ-ли созывъ съѣзда“?

Но вотъ наконецъ, мы подходимъ по кремнистому пути твердаго курса къ священному и неприкосновенному „параграфу первому“. Да, онъ священъ и неприкосновененъ и, какъ единственный уцѣлѣвшій лоскутъ разодраннаго въ схваткахъ стараго знамени, красуется и въ „Извѣщеніи о созывѣ третьяго съѣзда“. Но что сталось съ бѣднымъ лоскутомъ? Куда дѣлись яркія краски, которыми онъ сверкалъ? Очевидно, къ лоскуту надо присмотрѣться внимательно. Спросимъ прежде всего: что есть „параграфъ первый“? Ленинъ отвѣчаетъ: моя формулировка *съуживаетъ* (курсивъ нашъ) это понятіе (членъ партіи)“. „Наша задача законспирировать болѣе или менѣе *узкій кругъ* (курсивъ нашъ) руководителей и привлечь къ движенію возможно болѣе широкую массу“ (Протоколы II съѣзда, стр. 250—251). „Намъ необходимо было *съузить* (курсивъ нашъ) понятіе Партіи“ (Протоколы съѣзда Лиги, стр. 48). Точно, опредѣленно, „прямолинейно“! И вдругъ: „надо сильно расширить составъ всевозможныхъ партійныхъ и примыкающихъ къ партіи организацій“; „расширяйте обычныя рамки всѣхъ партійныхъ организацій!“ („Впередъ“ № 9. „Новыя задачи и новыя силы“). Какой, съ божьей помощью, поворотъ! „Параграфъ первый“ долженъ былъ крѣпко захлопнуть двери „для всѣхъ элементовъ разброда, шатанія и оппортунизма“, а Ленинъ доподлинно знаетъ что „такихъ элементовъ не мало, что есть они и въ рабочемъ классѣ“ и что „число ихъ будетъ рости по мѣрѣ роста Партіи“ (Протоколъ II съѣзда стр. 250). Отъ нихъ-то онъ и хотѣлъ отгородиться „параграфомъ первымъ“. Ради нихъ-то онъ и протестовалъ противъ „самозачисленія“ въ Партію и требовалъ, чтобы партія состояла только изъ „выдержанныхъ“ соціалдемократовъ. Въ самомъ дѣлѣ, „смѣшно было бы говорить о *партіи*, какъ цѣломъ, какъ политической величинѣ, если бы она не могла „декретомъ“ запретить—кружку „считать себя частью“ цѣлаго!“ („Шагъ впередъ и пр.“ стр. 51). Дѣйствительно, „смѣшно“! Но что-же сказать тогда о слѣдующемъ изреченіи. „Пусть всѣ такіе кружки („тысячи кружковъ“, возникающихъ „помимо насъ“), кромѣ сознательно несоціальдемократическихъ, либо прямо входятъ въ партію, либо примыкаютъ къ партіи“ („Впередъ“ № 9 „Новыя задачи и новыя силы“). Замѣтьте: раньше Ленинъ указывалъ „примѣрно и то, *какія* (курсивъ нашъ) группы и организаціи и по какимъ соображеніямъ должны (или не должны) быть *вводимы* (курсивъ нашъ) въ партію“ („Шагъ впередъ“ стр. 46), теперь уже вмѣсто „какія“—„*всѣ*“ и вмѣсто „вводимы“—„*входятъ*“. Раньше требовались только „выдержанные“ соціальдемократы, которые должны были быть „признаны“, (Шагъ впередъ стр. 40) какъ таковые, теперь—въ святая святыхъ допускаются всѣ „элементы“, „кромѣ *сознательно* несоціальдемократическихъ“, т. е. такихъ, которые, именно, въ силу своей *сознательной* несоціальдемократичности, разумѣется, въ партію „самозачисляться“ и не захотятъ. Какъ-же сіе совмѣстимо? „Революціонная эпоха“, конфузливо бормочетъ передовица № 9. Но развѣ вы, вообще, думали строить организацію не для революціонной эпохи? спросимъ мы? А наша старая знакомая, передовица № 5 укоризненно качаетъ головой: „революціонная эпоха“... за „этимъ слогомъ скрывается какая то искусственно подогрѣтая фальшь“. Разумѣется, права будетъ передовица № 9, и мы можемъ поздравить „Впередъ“, что онъ, наконецъ, додумался до той истины, которую такъ долго растолковывала „новая Искра“. Но, во-первыхъ, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ лягать эту самую „Искру“, а во вторыхъ, какъ-же быть все-таки съ „параграфомъ первымъ“? И, наконецъ, зачѣмъ-же, въ сущности, и въ „революціонную эпоху“ вмѣсто „съуженія“ вдругъ „расширять“ рамки партіи? Какъ идетъ революціонное движеніе пролетаріата? Въ томъ же 9 № „Впередъ“ „бюро комитетовъ большинства“ („Насущный вопросъ“) говоритъ, что „для нынѣшняго періода политической жизни русскаго пролетаріата спеціальной ему свойственной формой прямой политической борьбы является соединеніе стачки съ демонстраціей“. Стало быть, рекомендуя „расширять обычныя рамки партійныхъ организацій“, „Впередъ“ можетъ разсчитывать заполучить цѣлую уйму „стачечниковъ и демонстрантовъ“. А вотъ отъ Ленина-ли слыхали мы, что, „если-бы сотни и тысячи арестуемыхъ за стачки и демонстраціи рабочихъ оказывались не членами партійныхъ организацій, это доказало-бы только, что наши организаціи хороши, что мы выполняемъ свою задачу—законспирировать“ и т. д. (Протоколы II съѣзда стр. 251). Вдно, „Впередъ“ рѣшительно задался цѣлью помѣшать партіи выполнить свою задачу“! И чего это только Ленинъ смотритъ!

Но злодѣйства „Впередъ“ не имѣютъ предѣла. Онъ не только не боится „открыть настежь двери всякимъ оппортюнистамъ и расширить предѣлы партіи до полной расплывчатости“ (Прот. съѣзда Лиги, стр. 48, рѣчь Ленина), но требуетъ даже „больше простора“ для „самыхъ различныхъ группъ“, увѣряя, что „вѣрность ихъ пути кромѣ нашихъ совѣтовъ и помимо нашихъ совѣтовъ обезпечивается неумолимыми требованіями самаго хода революціонныхъ событій. Но, вѣдь, это — „хвостистское пониманіе жизни“, вопитъ, наконецъ, Ленинъ (Ш. вп. стр. 47)! А „подсиживатели“ въ свою очередь непремѣнно скажутъ: да, вѣдь, это и есть та самая „самодѣятельность“, за которую вы такъ сурово пинаете „новую Искру“. Но „Впередъ“ знаетъ, что возразить на это: у „новой Искры“ — „пустыя и безсодержательныя резонерскія словечки о самодѣятельности“, а у „Впередъ“ „*соціальдемократическая* самодѣятельность“. Но тутъ ужъ извините-съ! Не говоря обо всемъ, что писала „Искра“ вообще, мы укажемъ хоть бы на статью „Начало революціи“ въ № 84 „Искры“ (вышедшемъ за полтора мѣсяца до № 9 „Впередъ“), гдѣ, напримѣръ, Мы рѣшили, не призывая ихъ къ отказу отъ выборовъ, быть все таки къ этому готовыми и, если выборщики сами откажутся, то поддержать ихъ. На всякій же случай, мы наготовили манифестъ или заявленіе, которое мы должны были предложить депутатамъ для предъявленія отъ имени рабочаго класса Петербурга въ самой коммиссіи. — Такимъ образомъ, отказъ выборщиковъ отъ выбора депутатовъ явился для насъ *нѣкоторой* неожиданностью. Но этотъ отказъ мы, разумѣется, использовали въ должной мѣрѣ.

Кромѣ этого заявленія, мы написали еще листокъ о коммиссіи Шидловскаго. Въ этомъ листкѣ разбирается отвѣтъ Шидловскаго на требованія, выставленныя выборщиками, выясняется урокъ, полученный отъ опыта съ коммиссіей Шидловскаго. Въ концѣ листка—призывъ поддержать выборщиковъ забастовкой.

Забастовка, какъ вамъ извѣстно, уже началась на всѣхъ крупнѣйшихъ заводахъ.

Какъ видите, результатъ агитаціонной компаніи блестящій. Если девятое января на одну треть или на одну половину *нашъ*, то послѣ компаніи Шидловскаго масса, ея движеніе вошло совершенно въ русло соціальдемократической политики. Если отъ движенія 9-го января „вѣетъ духомъ Маркса“, то отъ всей этой компаніи, отъ массы пролетарской и ея представителей вѣетъ *политикой* соціальдемократіи.

Бѣлостокъ[1]. Частное письмо (переводъ съ еврейскаго) Стачечное броженіе здѣсь продолжаетъ усиливаться, несмотря на всѣ бойни, которыя пришлось пережить бѣлостокскимъ рабочимъ. Первые забастовали рабочіе мелкихъ мастерскихъ, между ними пекаря и домашняя прислуга. Но и пекаря и прислуга, по недостаточной организованности, должны были, послѣ трехъ дней, возвратиться на свои мѣста, не добившись желательныхъ результатовъ. Вообще, чувствовалось безсиліе. Фабричные рабочіе плохо отзывались на призывъ къ всеобщей забастовкѣ. Ремесленные рабочіе страшно избивались полиціей и казаками, такъ какъ это были, большей частью, евреи. Послѣ цѣлаго ряда сходокъ и собраній, однако, удалось поднять и фабричныхъ рабочихъ. Теперь господствуетъ полная солидарность между тѣми и другими. Забастовка почти всеобщая. Всѣ фабрики и заводы стоятъ. Бастуютъ приказчики и всякіе другіе служащіе, бастуютъ дровосѣки, носильщики. Стоятъ конки. Телефонныя сообщенія разорваны. Рабочіе страшно возбуждены. Полиція, повидимому избѣгаетъ столкновеній. Полиціймейстеръ приглашаетъ къ себѣ русскихъ рабочихъ, уговариваетъ ихъ отстать отъ евреевъ, сваливая вину на послѣднихъ за всѣ безпорядки. Вообще, полиціей ведется самая усиленная агитація противъ еврейскаго населенія. Но рабочіе не поддаются никакимъ увѣщаніямъ и продолжаютъ выступать на уличныя демонстраціи рука объ руку съ евреями, поляками и друг. На дняхъ за городомъ состоялось собраніе изъ 6.000 человѣкъ. Было много учащихся изъ комерческаго училища и женской гимназіи. Вскорѣ собраніе было оцѣплено солдатами и казаками. Въ толпѣ появился исправникъ и велѣлъ отдѣлиться христіанамъ отъ евреевъ, расчитывая по своему расправиться съ этими послѣдними. Но на это тысячная толпа отвѣтила: „долой тирана! долой мерзавца! мы тебя слушаться не станемъ“! За это масса подверглась самому звѣрскому избіенію. Били шашками, топтали лошадьми. Много оказалось убитыхъ рабочихъ. Арестованныхъ масса. У нѣкоторыхъ найдено оружіе. Въ лагерѣ врага оказалось тоже не безъ потерь. Убито двое городовыхъ, раненъ офицеръ и нѣсколько солдатъ. Исправникъ убитъ.

Копысь, Могил. губ. Въ пятницу всѣ рабочіе городка объявили забастовку и на слѣдующій день предъявили своимъ хозяевамъ требованія (16 пунктовъ): повышеніе заработной платы на 40 проц., а на нѣкоторые виды труда вдвое; выдача годовыхъ [illegible] и полное жалованье за все время болѣзни. Съ нѣкоторыхъ мелкихъ заводовъ и одной паровой мельницы рабочіе были сняты бастующими. Къ забастовкѣ были привлечены (угрозами) всѣ ломовые извозчики. Портные и сапожники поддержали эту стачку одинъ день. Изъ губернскаго города пріѣзжалъ губернаторъ, извѣстный юдофобъ и убійца Клингенбергъ. Теперь въ городѣ гастролируютъ Горецкій исправникъ (убившій въ Гори Горкахъ на послѣдней демонстраціи 2-хъ учениковъ и ранившій 4-хъ) и 80 солдатъ, кромѣ полиціи. Въ нашемъ городкѣ имѣется около 12 заводовъ, на которыхъ вырабатываются печные изразцы. Всего рабочихъ наберется здѣсь 1000—1300. Власти лѣзутъ изо всѣхъ силъ, чтобы придать забастовкѣ исключительно экономическій характеръ. Такъ, фабричный инспекторъ, зная даже, что вслѣдствіе строительнаго кризиса и войны, весь товаръ стоитъ нераспроданнымъ и что требованія рабочихъ minimum на $^2/_3$ не будутъ удовлетворены, все-таки рекомендуетъ рабочимъ держаться до конца. Ни на вокзалъ, ни съ вокзала нельзя получать и отправлять товаровъ. Арестованные въ прошломъ году рабочіе всѣ освобождены. Жандармскій полковникъ въ Могилевѣ Поляковъ извинялся передъ рабочими, что напрасно продержалъ ихъ 8 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, такъ какъ на нихъ, молъ, донесъ фабрикантъ Шапиро, онъ въ этомъ нисколько не виноватъ. Извозчики и рабочіе паровой мельницы Пѣсельникова хотѣли было уже стать на работу, но другіе не допустили этого. Забастовка продолжается.

Романовъ-Борисоглѣбскъ. (Ярославской губ.) Общее стачечное движеніе не миновало и нашего маленькаго городка. 16-го февраля на льнопрядильной фабрикѣ, гдѣ занято около тысячи человѣкъ, рабочіе предъявили фабричной администраціи рядъ требованій и объявили забастовку. Требованія эти таковы: 1) Увеличеніе заработной платы на 20 процентовъ; 2) выдача квартирныхъ денегъ 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ; 3) плата половиннаго заработка женщинамъ за все время родового и послѣродового періода; 4) уплата заболѣвшему рабочему половины заработка за все время болѣзни; 5) сокращеніе рабочихъ часовъ для денныхъ съ $11^1/_2$ на 10 час.; 6) сокращеніе рабочихъ час. въ предпраздничные дни — кончать работу въ семь часовъ, вмѣсто девяти; 7) улучшеніе и удешевленіе продуктовъ въ фабричной лавкѣ; 8) чтобы никто изъ забастовавшихъ рабочихъ не былъ разсчитанъ. Забастовала почти вся фабрика, не присоединились только чесальщики льна (чел. 150). Кромѣ фабрики, въ городѣ имѣется еще нѣсколько мелкихъ заводовъ, занимающихъ по нѣскольку десятковъ человѣкъ. Рабочіе ни одного изъ этихъ заводовъ не присоединялась къ забастовкѣ фабричныхъ рабочихъ. Всѣ старанія послѣднихъ въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ. Забастовавшіе рабочіе ходили на эти заводы, чтобы пригласить товарищей къ забастовкѣ, но двери одного изъ заводовъ оказались запертыми, на другихъ же заводахъ сами рабочіе отказались вступить въ стачку. Стачка прошла замѣчательно стройно. Продолжалась она два дня. 17 февраля рабочимъ было объявлено, что требованія ихъ, за исключеніемъ 1-го, будутъ выполнены и 18-го утромъ работа снова началась.

Забастовки на этихъ фабрикахъ были уже не разъ, но то были все частичныя стачки — бастовали рабочіе одного какого-нибудь отдѣленія. Такая же большая забастовка, въ которой принимали участіе и женщины, и дѣти, была первый разъ. Успѣхъ стачки сильно подбодрилъ рабочихъ, очень многіе только теперь поняли громадное значеніе солидарности.

Брянскъ. Въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ ст. Брянскъ послѣ забастовки попъ служилъ молебенъ. Во время службы онъ обратился со словами къ рабочимъ, укоряя ихъ за смуту, забастовки и проч... Послѣ нѣсколькихъ первыхъ минутъ въ церкви началось усиленное кашлянье, сморканіе и шарканье ногами. Но попъ продолжалъ; тогда начали раздаваться крики „уходи, уходи, батюшка, замолчи“! Шумъ становился все сильнѣе, и попъ продолжалъ уже среди шума, окончательно заглушавшаго его слова. Когда насталъ моментъ затишья, онъ началъ вновь отчитывать рабочихъ за неумѣренныя требованія повышенія расцѣнокъ. Тогда одинъ рабочій напомнилъ всѣмъ присутствующимъ про расцѣнки попа за похороны, крестины и т. п. Крики „уходи“ стали еще сильнѣе, и попъ съ позоромъ ушелъ.

Калуга. Здѣсь была двух-дневная забастовка на желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ (около 2000 рабочихъ); требованія чисто экономическія — уменьшили рабочій день съ 10 на 9 часовъ. Рабочіе отслужили молебенъ за окончаніе стачки и за великую льготу уменьшенія рабочаго дня. Остальныя требованія начальство обѣщало обсудить — да вѣрно, обманетъ. Работаютъ сдѣльно, вѣдь, а потому съ уменьшеніемъ рабочаго дня уменьшится и заработокъ. Организованности и сознательности никакой въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, лишь одна группа пыталась было съ ними связаться, начала выпускать листки, завела связи, но ее быстро прихлопнули.

Рабочій.

Кіевъ. Здѣсь въ рабочей средѣ несомнѣнно идетъ сильное броженіе. Выражается оно въ самыхъ различныхъ формахъ. Бастовали служащіе управленія Ю. З. ж. д. и К.—Пол. ж. д., фармацевты, небольшія фабрики Лева и Фильворта, прислуга, типографіи, рабочіе (300) монополіи, южно-русскій заводъ. Волненіе передалось и на пароходныя мастерскія, и на желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Среди послѣднихъ развито шпіонство, провокатура и предательство, что страшно затрудняетъ нашу работу и всякое движеніе. Однако, и у нихъ была выбрана депутація (правда, подъ давленіемъ администраціи) для выработки требованій. Администрація помогаетъ полиціи: такъ, недавно, по ея указанію, былъ арестованъ рабочій, котораго только *подозрѣвали* во „вредномъ вліяніи“.

Типографщики бастовали не дружно и не всѣ. Требованія были чисто экономическія. На южно-русскомъ заводѣ и у Гретера возбужденіе вылилось въ оригинальную форму: на первомъ вывезли на тачкѣ одного негодяя мастера, у второго тоже продѣлали съ начальникомъ мастерскихъ Коллатомъ, причемъ послѣдняго сильно побили. Рабочіе были недовольны Коллатомъ за запрещеніе читать газеты въ мастерскихъ. Поводомъ къ стачкѣ на южно-русскомъ заводѣ послужила „царская милость желѣзно дорожнымъ рабочимъ“ (ограничивающая рабочій день 9 часами), которую рабочіе этого завода приняли и на свой счетъ. И вотъ день за днемъ они стали бросать работу часомъ раньше обыкновеннаго. Въ субботу же не пошли обѣдать а пошабашили въ 3 часа, какъ и желѣзно-дорожники. Увѣщанія фабричнаго инспектора ни къ чему не привели — рабочіе продолжали свое. Въ день получки (суббота) имъ уплатили не за 10 часовъ, а за 9. Въ понедѣльникъ рабочіе побросали работу, вышли во дворъ, выработали требованія и выбрали депутацію. Мѣстная соціальдемократическая организація энергично вмѣшалась въ эту стачку и руководила ею.

Рабочіе арсенала (700-1000) подали петицію выработанную на разрѣшенномъ общемъ собраніи рабочихъ. Въ числѣ требованій выставлено „право посылки делегаціи въ коммиссію Шидловскаго для участія въ разсмотрѣніи обще-русскихъ рабочихъ вопросовъ“. Еще не было получено отвѣта на петицію, какъ администрація сама выбрала 50 „депутатовъ“ для переговоровъ — все изъ стариковъ — блюдолизовъ. Послѣдніе, какъ можно было ожидать, оправдали довѣріе и оказались всѣмъ довольны. „Только домовъ терпимости по близости не достаетъ“ выразился одинъ изъ этихъ „стариковъ“. Рабочіе страшно возмущены такимъ гнуснымъ отвѣтомъ, отреклись отъ всей этой навязанной имъ „депутаціи“, и сильно волнуются, но дѣло до стачки не доходитъ потому что рабочихъ, за недостаткомъ работы, здѣсь расчитываютъ сотнями.

Кременчугъ.[1] Еще 4 февраля къ стачкѣ присоединились рабочіе махорочныхъ фабрикъ, табачной фабрики Дурунчи (свыше 300 человѣкъ), нѣкоторыхъ типографій, мастерской чехловъ къ фляжкамъ для дѣйствующей арміи (100 чел.) и ремесленныхъ заведеній. Рабочіе предъявили слѣдующія требованія:

1) 8 часовой рабочій день;
2) увеличеніе жалованья на 30 проц.;
3) уплата полностью за время болѣзни и
4) полная плата за прогульные дни во время забастовки.

Въ тотъ же день владѣльцы махорочныхъ фабрикъ собрались вмѣстѣ съ чинами фабричной инспекціи для того, чтобы обсудить выставленныя рабочими требованія.

Рѣшено было:

1) уменьшить число рабочихъ часовъ на $^1/_2$ часа (вмѣсто $10^1/_2$—10 ч. въ день);
2) повысить заработную плату на 10 проц.;
3) уплачивать за время болѣзни $^1/_2$ заработной платы въ теченіи недѣли, а при заразныхъ болѣзняхъ—1 мѣсяца.

На четвертое требованіе отвѣта не было дано. Рабочіе не удовлетворились этими уступками и продолжали бастовать.

Тогда хозяева собрались во второй разъ и рѣшили сократить рабочій день до $9^1/_2$ часовъ; увеличить заработную плату на 30 проц.; за время забастовки уплатить сполна, а относительно заболѣвающихъ — то же, что и въ первый разъ. 8-го февраля рабочіе рѣшили приступить къ работѣ. Но тутъ, въ самомъ началѣ, нѣкоторые владѣльцы фабрикъ отказались уплатить за время забастовки. Когда же рабочіе заявили, что они въ такомъ случаѣ, бросятъ работу, хозяева должны были подчиниться, и „порядокъ“ на фабрикахъ былъ „возстановленъ“.

Того же 8 февраля забастовали рабочіе у ломовыхъ подрядчиковъ, приказчики всѣхъ крупныхъ торговыхъ заведеній, рабочіе чугунно-литейнаго завода Андера, Гебгольда и кожевеннаго завода Оренштейна. Ломовые извозчики получаютъ по 60 коп. день. Теперь они требуютъ: или 1 руб. 20 коп. въ день, или по 30 руб. въ мѣсяцъ. Требованіе ихъ не удовлетворено, и они продолжаютъ бастовать. Приказчики, принужденные до сихъ поръ работать съ 6 часовъ утра до 11 часовъ ночи, въ виду нежеланія хозяевъ открывать торговыя заведенія позже и закрывать ихъ раньше, сами стали приходить въ 8 час. утра и уходить въ 8 час. вечера. Рабочіе литейнаго завода Гебгольда приступили на другой день къ работѣ не выигравъ ничего.

Рабочіе завода Андера, въ числѣ другихъ требованій, потребовали удаленія литейнаго мастера Бѣликова, систематически вымогающаго у нихъ деньги. Здѣсь стачка продолжалась два дня и Андеръ, при „содѣйствіи“ губернской (!) власти принужденъ былъ согласиться на удаленіе покровительствуемаго имъ мастера. Между прочимъ, выяснилось, что на этомъ заводѣ существуетъ опредѣленная такса, по которой рабочіе, при

---

[1] Болѣе подробная корреспонденція о Бѣлостокской стачкѣ пойдетъ въ слѣдующемъ №.

[1] См. № 89.

чернымъ по бѣлому написано, что „въ основу организаціи и самодѣятельности мы должны положить всеобъемлющія цѣли классовой борьбы“. Редакція „Впередъ“ не могла не знать этой статьи, ибо цитировала ее въ №6 („Двѣ тактики“). Очевидно, между самодѣятельностью, въ основѣ которой лежатъ „всеобъемлющія цѣли классовой борьбы“ и „соціалдемократической“ есть какая-то разница. Какая-же? Отвѣтъ возможенъ двоякій. Или никакой, а весь политическій выпадъ противъ „Искры“ предназначенъ просто „пуръ ле жансъ“, чтобы скрыть отъ нескромныхъ взоровъ грѣхопаденіе „Впередъ“ по параграфу первому“. И этотъ отвѣтъ, какъ ни мало почетенъ онъ для „Впередъ“, все-же является наилучшимъ. Потому что другой возможный отвѣтъ куда хуже! А другой отвѣтъ подсказывается первой половиной все той-же статьи 9-го № „Впередъ“. А именно: редакція „Впередъ“ констатируетъ, что „въ началѣ движенія соц.-дем. приходилось исполнять массу культурнической работы, или занимать свои силы почти одной *экономической* (курсивъ нашъ) агитаціей. И вотъ, одна *такая* (курс. нашъ) функція за другой все болѣе переходитъ въ руки новыхъ силъ“, и редакція выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что „теперь *либералы* (курс. нашъ) и легальная печать дѣлаютъ массу той „подготовительной“ работы, которая до сихъ поръ слишкомъ занимала наши силы“. Таковъ второй возможный отвѣтъ на вопросъ о „соціальдемократической“ самодѣятельности редакціи „Впередъ“: она даритъ „*либераламъ*“, въ числѣ другихъ „такихъ функцій“, „*экономическую* агитацію“! Очень недурно! Особенно недурно въ сопоставленіи съ высказаннымъ въ томъ же номерѣ и цитированнымъ уже нами взглядомъ „бюро комитетовъ большинства“ на „соединеніе *стачки* съ демонстраціей“, какъ „спеціально свойственную русскому пролетаріату форму прямой политической борьбы“!

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сколько нибудь исчерпывающимъ образомъ писать всѣ зигзаги твердаго курса даже въ спеціально избранной нами организаціонной области. Вотъ хоть вопросъ объ организаціи революціи“. Въ № 5 („Твердый курсъ“) требуется все тотъ-же „штабъ спѣвшихся и подготовленныхъ руководителей“, въ № 7 („Должны-ли мы организовать революцію?“) —„организація руководителей“, а въ № 9, какъ мы видѣли, вдругъ выскакиваетъ „расширеніе партіи“, а „бюро комитетовъ большинства“ въ томъ-же номерѣ прямо поучаетъ читателей Впередъ“, что „революціи... только подготовляются партіями и „организуются“ въ смыслѣ приданія борьбѣ планомѣрности и опредѣленныхъ формъ“. Тутъ дѣло, очевидно, не совсѣмъ ладно. Но надѣемся, по крайней мѣрѣ, по части „назначенія проведенія“ возстанія твердый курсъ непоколебимъ? Увы, и тутъ не устояла твердость! „Способность *выбрать подходящій моментъ* (курс. нашъ) для возстанія“ — вотъ что нужно, говоритъ № 6, цитируя твердокаменный алкоранъ — „Что дѣлать“. „Слѣдуетъ думать, что ближайшая волна всеобщихъ забастовокъ и *возстаній* (к. н.) начнется такъ же *стихійно* (к. н.), какъ предыдущія“, отвѣчаетъ „бюро комитетовъ большинства“ въ № 9. Необходимо „коллективно обсудить планъ возстанія“, настаиваетъ № 6. „Вооруженное возстаніе обыкновенно происходитъ не по плану“, съ грустью констатируетъ „бюро“ въ № 9, „сожалѣя“, что „революціонеры — не полководцы“, и только въ видѣ компромисса соглашается на „быструю организацію военно-полевого суда надъ непріятельскими шпіонами *въ самомъ началѣ* вооруженнаго возстанія“. Очевидно, что, если „спѣвшіеся руководители“ въ „полководцы“ не годятся, то на пригодность ихъ въ качествѣ „военно полевыхъ“ судей „бюро“ твердо разсчитываетъ. Но въ такомъ случаѣ надо, по крайней мѣрѣ, „штабу руководителей возстанія“ озаботиться составленіемъ надлежащаго „военно-полевого“ уставчика. А то какъ „судить“? Совѣтуемъ „бюро“ поручить эту важную работу Ленину. Она тѣмъ болѣе удовлетворитъ его, что, вѣдь, по его мнѣнію „организовать значитъ прежде всего составить уставъ“ (Прот. съѣзда Лиги, стр. 95. Стало-быть, онъ будетъ чувствовать себя занятымъ „организаціей“ революціи

Но какъ-же думаютъ все-таки сторонники „Впередъ“ руководить возстаніемъ? Технически или политически?

„Отдѣленіе „технической“ стороны революціи отъ политической есть величайшій вздоръ“, сердито обрываетъ насъ № 7 („Должны-ли мы организовать революцію?“) Но страшенъ сонъ, да милостивъ богъ! Къ нашему великому удовлетворенію № 9 („Новыя задачи и новыя силы“) разъясняетъ номеру седьмому, что „дѣло настоящаго *политическаго* руководства“ состоитъ въ „указаніи *соціальдемократическихъ* выводовъ изъ проявленій рабочаго протеста и народнаго недовольства“, а многоопытное „бюро“ (№ 10 „Отношеніе Р. С.-Д. Р. П. къ либераламъ“) приводитъ даже „примѣрчикъ“ (конечно, ничего общаго не имѣющій съ тѣмъ, что говоритъ „новая Искра“... боже, упаси!): оно обличаетъ „либераловъ“ въ томъ, что тѣ „съ величайшимъ злорадствомъ подчеркивали тотъ фактъ, что въ январьскіе дни соціальдемократія *не явилась руководительницею* (курс. нашъ) массоваго пролетарскаго движенія“, и „тщательно замалчивали“, „что *идейнымъ знаменемъ* (к. н.) „гапоновскаго“ движенія оказалась въ сущности программа-минимумъ соціальдемократіи“. Это различеніе организаціоннаго „руководства“ и „идейнаго знамени“, „техники“ и „политики“ очень хорошо. Но ужъ будто только одни злорадные „либералы“ повинны въ неразличеніи ихъ?

А какъ обстоитъ дѣло съ „организаціей вооруженія“?. „Жгучимъ чувствомъ стыда за соціальдемократію“ наполняется сердце редакціи „Впередъ“ въ № 7 („Должны ли мы и пр.“) при чтеніи ужасной мысли „Искры“, что „всѣ старанія подпольныхъ организацій не будутъ имѣть никакого значенія, если онѣ не сумѣютъ вооружить народъ однимъ незамѣнимымъ оружіемъ — *жгучей потребностью напасть на самодержавіе и вооружиться для этого*“, и не менѣе ужасной мысли, что „мы должны направить свои усилія *на пропаганду въ массахъ самовооруженія для цѣлей возстанія*“. Мысль, дѣйствительно ужасная! Но какимъ „жгучимъ чувствомъ стыда“ должно было преисполниться сердце злополучной редакціи, когда она въ № 9 печатала слова „бюро“: „тутъ важна *пропаганда дѣломъ* идеи вооруженія среди массъ, и *ихъ самодѣятельность въ этомъ направленіи дастъ гораздо больше, чѣмъ наша непосредственная работа* (послѣд. курс. нашъ)“. Каково? Оставимъ въ сторонѣ какую то, совершенно непонятную, „пропаганду *дѣломъ*“. Если это выраженіе имѣетъ хоть какой нибудь смыслъ, то только, если подъ „дѣломъ“ подразумѣвать „примѣръ“. Но въ такомъ случаѣ, признаемся, при всемъ стараніи мы не можемъ усмотрѣть, чѣмъ собственно отличается мысль, высказанная „бюро“, отъ высказанной $1^1/_2$ мѣсяца раньше и возбудившей столь справедливое негодованіе редакціи „Впередъ“ мысли „Искры“?

Но вотъ, наконецъ, одинъ неуязвимый пунктъ мы нашли! Ужъ конечно, „подготовляя“ возстаніе, твердый курсъ не станетъ останавливаться передъ смущающимъ „оппортунистовъ“ знаменитымъ вопросомъ о „непроизведеніи паники“. Твердо, рѣшительно, не оглядываясь по сторонамъ, гдѣ сидятъ „половинчатые“ либералы, пойдетъ онъ прямо къ своей цѣли. И дѣйствительно, до № 9 все шло честь-честью. Но № 9 оказался настоящей Капуей для твердокаменности. Уже передовица заговорила о томъ, что „революціонный пролетаріатъ какъ бы окружаетъ себя извѣстной атмосферой сочувствія и поддержки какъ въ рабочемъ классѣ, такъ и *въ другихъ классахъ* (курс. нашъ)“. Минуемъ удивительное сопоставленіе „сочувствія“ „революціонному *пролетаріату*“ въ „*рабочемъ классѣ*“ съ сочувствіемъ „въ другихъ классахъ“ и остановимся на послѣднихъ. Очевидно, что, если нужна „атмосфера сочувствія“, и если вѣрно мнѣніе „бюро“ (№ 9 „Насущ. вопросы“), а оно несомнѣнно вѣрно, что „силы революціи по преимуществу моральныя, а не матеріальныя“, то отсюда слѣдуетъ два вывода: во первыхъ, что опять таки была права ненавистная „новая Искра“, когда утверждала, что „не въ техническихъ задачахъ лежитъ *центръ тяжести* нашей работы по подготовкѣ массъ къ возстанію“, и № 9 долженъ былъ бы разъяснить номеру седьмому еще разъ, что отъ такой вѣрной мысли испытывать „жгучаго чувства стыда“ не полагается. А во-вторыхъ, разъ сила революціи „моральная“ и основывается на „атмосферѣ сочувствія“ то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ избѣгать „произведенія паники“ въ рядахъ этихъ „сочувствующихъ“. И „бюро“ дѣлаетъ выводъ: „Даже среди самой отчаянной борьбы не слѣдуетъ окончательно забывать объ интересахъ и психологіи этихъ классовъ („всѣхъ классовъ общества, кромѣ горсти реакціонеровъ“) и *остерегаться всего, что можетъ подорвать ихъ сочувствіе* (курсивъ нашъ)“, а потому „должны предприниматься лишь съ *величайшею осторожностью* (курс. нашъ)“ такія „дѣйствія“, „которыя могутъ *запугать* (курс. нашъ) ее (мелкую буржуазію)“. „*Какъ общее правило, такія дѣйствія должны избѣгаться*“. Теперь спрашивается: какая же разница между этими мудрыми полученія мѣста, должны вносить „кому слѣдуетъ“ извѣстную сумму. „Такъ ужъ изстари ведется“!

Рабочіе кожевеннаго завода Оренштейна добились уменьшенія рабочаго дня на 1 часъ и нѣкоторой прибавки жалованья.

Во всѣхъ типографіяхъ теперь работаютъ 9 час. въ день. На мельницахъ прибавили по 20 к. въ день.

Наконецъ, 9 февраля объявили стачку и рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Крюкова, потребовавъ 8-час. рабочій день и удаленіе двухъ лицъ администраціи.

Когда начальникъ указалъ имъ на свою некомпетентность въ данномъ случаѣ, рабочіе заставили его поѣхать въ главное бюро, въ Харьковъ, пригрозивъ въ противномъ случаѣ отправить его багажемъ. Такъ нѣкоторые изъ рабочихъ и шутили. Съ чѣмъ пріѣхалъ сей некомпетентный начальникъ пока неизвѣстно.

Такимъ образомъ, стачка въ Кременчугѣ проведена съ большимъ успѣхомъ. Хотя всѣ требованія рабочихъ носили исключительно экономическій характеръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ классовое самосознаніе за это время широко развилось, и ихъ товарищи, рабочіе соціальдемократы, пріобрѣли въ ихъ глазахъ то уваженіе и то довѣріе, которое поможетъ еще болѣе упрочить связь, возникшую между тѣми и другими въ эту стачечную недѣлю.

Полтава. 17 февраля у насъ бросили работу всѣ типографіи, 2 фабрики — одна махорочная, другая табачная, всѣ переплетныя заведенія — всего 500 человѣкъ (съ лишнимъ). Забастовка велась соціальдемократами. Требованія: „Мы, рабочіе, будучи вполнѣ солидарны со всѣмъ борющимся въ Россіи пролетаріатомъ за свои права и свободу, предъявляемъ своимъ хозяевамъ слѣдующія требованія:

1) 8-часовый рабочій день.

2) Наканунѣ праздниковъ бросать работу въ 2 часа пополудни.

3) Увеличеніе заработной платы на 40 проц.

4) Выборная изъ самихъ рабочихъ коммиссія для переговоровъ съ хозяевами.

5) Увольненіе рабочихъ должно быть мотивировано коммиссіи хозяевами.

6) Сверхурочная работа — по соглашенію съ рабочими (двойная плата).[1]

7) (гигіеническія, медицинскія требованія).

8) Не увольнять и не преслѣдовать никого изъ стачечниковъ.

9) Уплатить за время стачки“.

1-й пунктъ, конечно, проигранъ: на фабрикахъ вмѣсто 11½ часовъ ввели 10-часовый; въ типографіяхъ остался 9-час. рабочій день.

Заработная плата увеличена на 20 проц. (и нѣсколько меньше).

Всѣ остальныя требованія удовлетворены.

Фабрики держались 4 дня, а типографіи 5 дней. Переплетчики еще до сихъ поръ бастуютъ.

Во все время забастовки въ городѣ царила необыкновенная тишина. Упорно циркулировалъ слухъ, что въ случаѣ демонстраціи будетъ еврейскій погромъ. Но было бы, конечно, безполезно изъ какихъ нибудь 500 человѣкъ (да и то не всѣ бы пошли) устраивать уличную демонстрацію. — Среди учащихся было волненіе, но тоже ничего нельзя было сдѣлать.

Главное, что дала эта стачка — это то воспитательное значеніе, которое она имѣла для массы. Я видѣлъ эту массу до стачки, во время стачки, и, признаться, поражался, какъ она революціонизировалась, чувствуя и себя значущей величиной. Очень многихъ удалось расположить въ нашу сторону. Я увѣренъ, что теперь и здѣсь работа иначе пойдетъ.

Елисаветградъ 24-го февраля. Во всемъ городѣ здѣсь отъ 4½ до 5 тысячъ рабочихъ; болѣе крупные заводы: Эльворти (900 — 1000), Яскульскаго (200 ч.), Шкловскаго (400 ч.), остальное — мелкія мастерскія. Самый крупный заводъ Эльворти остроумно здѣсь прозвали Портъ-Артуромъ мѣстной реакціи. Рабочіе преимущественно старики, служатъ давно, многіе и собственники, прирученные хозяиномъ при помощи театра, столовой, сносной платой и особенно, необычайно усовершенствованной системой раздѣленія труда, такъ что многихъ рабочихъ, ушедшихъ отъ Эльворти, никуда не принимаютъ за ихъ неспособность работать при другихъ условіяхъ. Если добавить, что рабочіе еженедѣльно слушаютъ лекціи заводскаго попа, что они посылаютъ разные адреса по поводу убійства Сергѣя, и проч., то ясно станетъ, какъ трудно работать среди нихъ. Связи тутъ все же легко наладить, если вести регулярную работу, которая до сихъ поръ не велась.

Общероссійское возбужденіе перекинулось и сюда и бывали дни, когда настроеніе на заводахъ было тревожное, рабочіе помышляли о стачкѣ. Рабочіе интересуются не только чисто экономическими вопросами, но и политическими, хотя довольно курьезно. Читаетъ рабочій прокламацію, одобряетъ свободу слова, союзовъ, собраній и проч. Даже присоединяется къ требованію Учредительнаго Собранія. Вся цѣликомъ прокламація нравится, но дошло до „долой самодержавіе“ — отворачивается — это не нравится.

Недавно рабочіе завода Эльворти давали любительскій спектакль въ городскомъ театрѣ въ пользу, кажется, Краснаго Креста. Пользуясь скопленіемъ рабочихъ, комитетъ рѣшилъ разбросить листки (Ц. К. разные) и карточки, что и было отлично исполнено. Публика все подобрала. Полиція почти не являлась.

На дняхъ намъ сообщили рабочіе этого же завода, что у нихъ черезъ два дня выборы, куда, они сами не знаютъ, но имъ сказали, что здѣшній присяжный повѣренный Ивановъ (извѣстный юдофобъ) въ думѣ дастъ инструкціи и ихъ отвезутъ въ Петербургъ. Выбирать будутъ и другіе заводы, имѣющіе не менѣе 500 рабочихъ. За день же до выборовъ проектируется лекція попа на тему: „необходимость самодержавія“. На лекцію пошелъ ораторъ, но такъ какъ было мало рабочихъ, при томъ все больше старики и бабы, то онъ и не выступалъ. Мы постарались задержать выборы, чтобы выиграть время для оріентировки и для агитаціи. Оказалось, что выборы предназначаются въ коммиссію для пересмотра городового и земскаго положенія. Удалось даже послать нашего оратора на заводъ. Въ виду неизвѣстности относительно системы выборовъ агитировали въ такомъ направленіи: отъ выборовъ не отказаться, но выборные, съѣхавшись въ Петербургѣ, никакого другого участія не должны принимать, кромѣ безпощадной критики существующаго строя, и также должны выставить требованія прекращенія войны и Учредительнаго Собранія.

Уже четыре дня бастуютъ типографіи. Газета все же выходитъ. Стачка чисто экономическая, народъ косный и съ трудомъ поддается политической агитаціи. Готовится стачка пекарей и портныхъ.

Недѣли полторы тому назадъ было собраніе въ обществѣ взаимопомощи приказчиковъ и ихъ хозяевъ „Олора“. На очереди стоялъ вопросъ о сокращеніи рабочаго дня приказчиковъ. Въ самомъ началѣ засѣданія попросилъ слова сотрудникъ газеты. Предсѣдатель отказалъ, какъ не члену общества. На собраніи были и заводскіе рабочіе. Они хотѣли требовать слова всякому желающему говорить. Предсѣдатель закрылъ собраніе. Поднялся шумъ, свистъ. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ вышла на улицу (въ 9 час. вечера) и рабочіе стали пѣть революціонныя пѣсни. Прошли немного и разошлись. Въ городѣ было много шуму послѣ этого.

На 19-ое въ городѣ ожидали погрома. Еврейскіе тузы и либералы, тѣ самые, что въ прошломъ году давали полиціи взятки, на этотъ разъ рѣшили въ общемъ собраніи организовать самооборону, выбрали комитетъ, достали немного оружія, образовали отряды, патрули и проч., обратились къ намъ за помощью.

Либералы относятся къ организаціи сочувственно, помогаютъ деньгами. Такъ, давали на выписку 40 экз. „Нашихъ Дней“ спеціально для освѣдомленія рабочихъ; теперь же обѣщали выписать „Сынъ Отечества“.

Николаевъ. 1 14 марта. На Судостроительномъ заводѣ стачка. Рабочіе выставили нѣсколько экономическихъ требованій, а также политическія (свобода слова, печати и пр.). Директоръ завода, принялъ начальственный тонъ, страсти разгорѣлись, и теперь всѣ рабочіе объявлены къ разсчету. Населеніе сочувственно относится къ рабочимъ. Гласные думы собрались на тайное экстренное засѣданіе, гдѣ рѣшили послать депутацію къ директору съ просьбой сдѣлать рабочимъ уступки. Директоръ понизилъ тонъ и сегодня объявилъ, что всѣ желающіе будутъ приняты на заводъ, причемъ сдѣлалъ нѣкоторыя незначительныя уступки, но пока изъ 2500 человѣкъ записалось только 50 и то потомъ списокъ уничтожили.

Петровскій заводъ, станція Енокіево, Екатеринославской губерніи. 22-го января въ заводѣ и на улицахъ были распространены прокламаціи мѣстной соціальдемократической группой, призывающія къ забастовкѣ; рабочіе дружно, въ числѣ четырехъ тысячъ, прекратили работу, вышли на улицу и предъявили администраціи 20 пунктовъ требованій; первымъ былъ 8-мичасовой рабочій день; затѣмъ шли: повышеніе заработной платы на 50%, увольненіе завѣдующаго электрическимъ отдѣленіемъ, увольненіе врача за грубое обращеніе.

Какъ только вышелъ изъ воротъ завода завѣдующій электрическимъ отдѣленіемъ, онъ былъ дружно освистанъ рабочими, которые кричали: долой его, долой! Врачъ извинился передъ всѣми рабочими, сказавъ: „напередъ я буду аккуратенъ, и надѣюсь заслужить расположеніе рабочихъ“. Толпа отвѣтила: ну, ладно, оставайся, только не посылай насъ больными на работу; далѣе нѣкоторыя требованія были тутъ-же удовлетворены и въ томъ числѣ увольненіе завѣдующаго; послѣ этого рабочіе спокойно разошлись по квартирамъ. Депутаты, выбранные отъ рабочихъ, потомъ вели переговоры съ администраціей завода, но она не шла на уступки. Былъ выпущенъ листокъ мѣстными властями съ призывомъ на работу, но рабочіе говорили: пускай прибавятъ жалованья и удовлетворятъ другія требованія, тогда пойдемъ, и спокойно рвали ихъ. Далѣе попросили у исправника помѣщенія для обсужденія своихъ нуждъ; а для этого имѣлась громадная школа. Онъ разрѣшилъ и сказалъ, что полиціи тамъ я не допущу. На состоявшемся собраніи прочитаны были всѣ требованія и разъяснено значеніе каждаго пункта. Потомъ говорились рѣчи, но чисто экономическаго характера. Масса здѣсь довольно темная, состоящая въ большинствѣ изъ пришлыхъ только лишь вчера оторвавшихся отъ сохи. По окончаніи собранія, масса кричала: покачать-бы надо ораторовъ да водкой напоить! И вотъ рабочіе стоятъ уже всю недѣлю, уступокъ больше нѣтъ, спокойно сидятъ по квартирамъ, выходитъ хлѣбъ, выходитъ уголь, топить печи нечѣмъ, въ квартирѣ холодно, заводъ не отпускаетъ угля; но лавочники согласились давать въ кредитъ и говорили: „держитесь, ребята, за свое, не уступайте, мы будемъ давать хлѣбъ все время“. Отъ этого рабочіе опять ожили, идетъ уже и-тъ вторая недѣля, но рабочіе сидятъ себѣ спокойно; разсказываютъ, что директоръ въ это время бѣсился и кричалъ: лучше бы они у меня заводъ разбили, я бы тогда не отвѣчалъ, а то сидятъ, чертъ ихъ возьми, спокойно по квартирамъ! Но вотъ пріѣхалъ вице-губернаторъ, собрались рабочіе, администрація и начались переговоры, онъ сказалъ, что требованіе восьмичасоваго рабочаго дня въ скоромъ времени будетъ разрѣшено министерствомъ финансовъ, и заводъ не вправѣ разрѣшить; также и учрежденіе выборной коммиссіи отъ рабочихъ для обсужденія нуждъ, касающихся рабочихъ, тоже будетъ разрѣшаться; повышеніе же платы было дано только чернорабочимъ, а остальные 7 пунктовъ были удовлетворены; далѣе стачку продолжать было невозможно. Начали голодать, и такъ рабочіе продержались ровно двѣ недѣли. Теперь настроеніе у нихъ довольно хорошее, достаточно выпустить листокъ и они готовы опять бастовать; многіе изъ нихъ, безграмотные, когда увидятъ листокъ, то говорятъ: Ванька, смотри-ка, опять вышелъ листокъ, надо бастовать, прочти-ка, что тамъ написано; ну, тотъ читаетъ и говоритъ: нѣтъ, это пишется о нашей нуждѣ. А такъ, такъ, значитъ, еще не бастовать, а я думалъ ужъ бастовать! И опять начинаетъ возить свою телѣжку съ чугуномъ, бьетъ молотомъ, грохочутъ машины, сопитъ доменная печь.

С братскимъ привѣтомъ *Рабочій*.

1905 г. 20-го февраля.

Ростовъ на Дону. 25 февр. Стачка идетъ на убыль. На нѣкоторыхъ фабрикахъ („Работникъ“, комитетъ Донскихъ гирлъ и еще кой-какихъ) рабочіе добились значительныхъ уступокъ, въ нѣкоторыхъ же (напримѣръ заводъ Нитнера и Рысса) началась работа, хотя уступокъ никакихъ рабочимъ не сдѣлали. Типографщики со вчерашняго дня стали на работу, добившись лишь ничтожныхъ уступокъ. Приказчики до сихъ поръ грозятъ стачкой, но врядъ ли что нибудь изъ этого выйдетъ. Стоятъ заводы Панченко (около 1000 человѣкъ), Асланиди (600 человѣкъ), Пастухова (500 чел.), Волго-донской (700 чел.), Токарева (70 чел.). Броженіе начинается теперь среди булочниковъ.

Ужасно мѣшаетъ рабочимъ выбиться изъ чисто профессіональной борьбы на путь широкой классовой борьбы отсутствіе прочнаго революціоннаго воспитанія массы. Стачка 1902 г. съ ея грандіозными народными митингами задѣла, главнымъ образомъ, рабочихъ владикавказскихъ мастерскихъ. Остальные заводы и фабрики болѣе слабо были затронуты движеніемъ. И когда организація зондировала почву въ рабочихъ кружкахъ, чтобы узнать, можно ли вызвать всеобщую стачку, всѣ въ одинъ голосъ говорили: пока рабочіе владикавказскихъ мастерскихъ не станутъ, ни одна фабрика не станетъ. Организаціи пришлось на время отказаться отъ мысли вызвать всеобщую стачку и заняться письменной агитаціей и укрѣпленіемъ связей съ массой. Стачка на фабрикѣ Пастухова, вспыхнувшая неожиданно, послужила сигналомъ. Въ цѣломъ рядѣ фабрикъ начинаются забастовки, и организація на время должна была оставить планомѣрную организаціонную работу и всѣ силы отдать стачкѣ. Овладѣть стачкой, стать ея руководителемъ комитетъ могъ только при одномъ условіи: если удастся снова начать серію народныхъ митинговъ. Черезчуръ мало было связей со всей массой, черезчуръ слабо было наше вліяніе на нее, чтобы мы могли разсчитывать на то, что намъ удастся овладѣть движеніемъ подпольнымъ путемъ. Намъ нужно было вывести массы рабочихъ на улицу, вывести ихъ изъ подполья на свѣтъ божій. И мы, кромѣ формулировки требованій рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ, кромѣ организаціи помощи стачечникамъ, съ перваго же дня пытаемся провести въ рабочую массу сознаніе необходимости частныхъ и общихъ собраній. Идея собранія рабочихъ всѣхъ фабрикъ становится очень популярной, и волгодонскіе рабочіе первые заявили полиціймейстеру требованіе разрѣшенія общаго собранія. Результатомъ этого требованія былъ разрѣшенный митингъ (1000 чел.) на Темерникѣ, о которомъ я вамъ уже писалъ. Но полиція, получивъ подкрѣпленіе изъ Новочеркасска и спохватившись послѣ этого митинга, заявила, что никакія собранія впредь не будутъ разрѣшены.

Трудно было надѣяться, чтобы рабочіе силой добились права собираться. Черезчуръ неокрѣпшее было ихъ настроеніе. Поэтому, попытка организаціи организовать митинги оказалась неудачной. Она 3 раза назначала собранія, сотни рабочихъ приходили на ея зовъ, но, встрѣчая казацкія орды, должны были расходиться. Такъ, казаки устроили избіеніе возлѣ газоваго завода и Краснаго Креста. Послѣднее средство овладѣть массой ускользнуло изъ рукъ организаціи и стачка пошла въ разбродъ.

Мы старались выставить общіе лозунги, рядомъ съ частными требованіями. И почти всюду въ требованіяхъ отдѣльныхъ фабрикъ фигурировали 8 часовый рабочій день, повышеніе заработной платы, неприкосновенность личности и жилища, свобода стачекъ, собраній, слова. И я не ошибусь, если скажу, что ростовская стачка прошла подъ тѣми же экономически-политическими лозунгами, какъ и петербургская и другія. Намъ только не удалось развить ихъ до логическаго конца.

Итоги этой стачки, если только можно уже подводить итоги, будутъ очень велики. Ростъ солидарности, возбужденное состояніе, возмущеніе противъ наполовину зубатовской, наполовину безсмысленно жестокой политики полиціи и пріобрѣтенные навыки самостоятельнаго выступленія рабочихъ Ростова, внѣ связи съ рабочими владикавказскихъ мастерскихъ, представляющими нынѣ консервативный элементъ, — вотъ ея результаты, и намъ надо всѣ силы отдать, чтобы использовать благопріятную атмосферу.

Очень интересно было отношеніе либераловъ-фабрикантовъ къ стачкѣ. Въ то время, какъ правительство пытается натравить рабочихъ на фабрикантовъ, охранять исключительно профессіональный характеръ стачки, фабриканты стараются обратить каждую стачку въ политическую. Такъ, директоръ Волгодонскаго завода обратился къ рабочимъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что съ интересомъ слѣдитъ за событіями въ Петербургѣ, Варшавѣ и др. городахъ и желаетъ русскимъ рабочимъ успѣха въ борьбѣ. Другой фабрикантъ, прочитавъ требованія рабочихъ, сказалъ: самое важное — это требованіе неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, собраній, стачекъ, и просилъ ихъ добыть эти гарантіи и для него. Директоръ комитета Донскихъ гирлъ, владѣлецъ мельницы Парамоновъ и другіе удаляли полицію со своихъ фабрикъ, заявляя, что у себя на фабрикѣ они хозяева. Наконецъ, фабриканты на общемъ собраніи рѣшили хлопотать у градоначальника о разрѣшеніи собраній рабочихъ по заводамъ и общихъ для обсужденія нуждъ. Либералы наши тоже встрепенулись. Кромѣ дѣятельной денежной поддержки, они не лишали насъ и своей благосклонной критики. „Теперь надо готовить возстаніе, вооружать рабочихъ, а не выставлять исключительно экономическія требованія“, говорятъ они. Вообще, утопія подпольнаго вооруженія народа и назначенія заранѣе возстанія имѣетъ много сторонниковъ среди нашихъ либераловъ.

Теперь нѣсколько фактовъ изъ общественной жизни. Въ виду ожидаемаго погрома, наша организація организовала оборону. Около 50 товарищей, вооруженныхъ револьверами, расположились въ четырехъ кварталахъ, готовые по первому знаку исполнить свой соціальдемократическій долгъ — явиться на защиту жертвъ полицейской провокаціи. Въ цѣляхъ согласованности нашихъ дѣйствій, мы технически связались съ самооборонами сіонистской и армянской, оставивъ за собой право свободнаго выступленія. Организація самообороны и нашей обороны произвела успокаивающее впечатлѣніе. Въ теченіе 2-хъ дней наши развѣдчики ходили по базарамъ и трактирамъ, и свѣдѣнія доставлялись намъ ежечасно. 19 и 20 февраля прошли спокойно, и 21 мы распустили оборону, обезпечивъ себя возможностью мобилизовать снова наши силы въ нѣсколько часовъ. Полиція дѣятельно провоцировала погромъ. Достовѣрный фактъ: приставъ 4 участка въ одномъ изъ трактировъ говорилъ босякамъ, что „жиды и армяне“ организуютъ безпорядки, что ихъ надо проучить, какъ возставать противъ царя-батюшки. 2-й фактъ: Возлѣ фабрики Рысса, одинъ городовой подошелъ къ толпѣ рабочихъ, стоявшей у воротъ, и началъ имъ что-то читать. Заинтересовавшійся фабрикантъ подозвалъ одного рабочаго и спросилъ его, о чемъ читалъ городовой. Оказалось, что городовой читалъ прокламацію, приглашавшую бить армянъ, жидовъ и поляковъ, и выдавалъ ее за царскій манифестъ. Прокламація была подписана „союзомъ русскихъ рабочихъ“.

Въ Нахичеванской женской гимназіи было дано сочиненіе на тему: „Какія чувства вызвало въ васъ злодѣйское убіеніе В. К. Сергія Александровича?“ Провокаторская цѣль этой выходки ясна сама по себѣ,

Севастополь. Послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перерыва въ работѣ, революціонная дѣятельность въ нашемъ городѣ съ середины декабря пошла усиленнымъ темпомъ. Первая массовка была устроена по поводу указа 12 декабря. Затѣмъ подоспѣли стачки на Кавказѣ, а потомъ и январьскіе дни. За одинъ январь мѣсяцъ было устроено 7 массовокъ въ 80, 100 и 150 человѣкъ, 2 — по 200 человѣкъ, одна въ 300 и одна въ 2000 человѣкъ. Послѣднее собраніе происходило на баржѣ. На этихъ массовкахъ говорились рѣчи, въ которыхъ разъяснялись и комментировались петербургскія стачки; говорилось о политической свободѣ, о борьбѣ за соціализмъ, объ отношеніяхъ соціальдемократіи къ либераламъ, о классовой борьбѣ пролетаріата и т. д. и т. д. Собранія всегда заканчивались пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, возгласами и пр.

---

[1] Ни за что не хотѣли согласиться требовать полной отмѣны сверхурочной работы.

совѣтами „бюро“ и рекомендованнымъ „Искрой“ въ „Письмѣ къ партійнымъ организаціямъ“ „непроизведеніемъ паники“ по отношенію къ земцамъ? Разница есть: „Искра“ рекомендовала избѣгать „производить панику“ *ненужными* дѣйствіями, а „бюро“ добавляетъ: о „непроизведеніи паники“ нужно заботиться и при *нужныхъ* дѣйствіяхъ. Добавленіе [illegible], а къ чему же тогда столько кричать объ „оппортунизмѣ“ „новой Искры“?

* * *

Мы надѣемся, нашъ бѣглый обзоръ достаточно показалъ, что съ такимъ багажемъ „выдержаннаго“ курса, редакціи „Впередъ“ только и остается, что кивать на „такъ называемую редакцію Ц. О.“, которая-де „надѣлала столько поворотовъ, курбетовъ и зигзаговъ за короткое время“ (№ 5 „Твердый курсъ“). Но все же является вопросъ: какимъ-же образомъ умудряется „Впередъ“ совмѣщать несовмѣстимое и обнимать необъятное? Тов. Мартыновъ[1] предсказывалъ, что аргонавтамъ „Впередъ“ только и остается, что либо „путаться въ ногахъ у партіи, перепѣвая ея мотивы“, либо „поднять старое знамя „ортодоксальнаго якобинства“. Въ настоящей статьѣ мы коснулись той области, гдѣ совершается преимущественно „перепѣваніе“; въ другой разъ мы разберемъ другую область, въ которой „ортодоксальное якобинство“ укрѣпляется все болѣе и болѣе и толкаетъ нашихъ „выдержанныхъ соціальдемократовъ“ въ объятія с.-р.-овъ. „Перепѣваніе“ „Искры“ въ организаціонныхъ вопросахъ крайне характерно. Рискуя подвергнуться новому обвиненію въ „хвостистскомъ пониманіи жизни“, мы все-же скажемъ, что жизнь учитъ *дѣйствительно работающихъ* товарищей изъ большинства. Она сближаетъ ихъ воззрѣнія съ воззрѣніями всей прочей партіи, ибо и они, какъ и вся партія, работаютъ въ одной и той же области, предъявляющей одни и тѣ-же вопросы, диктующей одни и тѣ-же отвѣты. И несомнѣнно, что, по существу дѣла, теперь является большая возможность сплоченія всѣхъ дѣйствительныхъ работниковъ партіи, чѣмъ до сихъ поръ. А между тѣмъ, въ тѣхъ самыхъ статьяхъ „Впередъ“, которыя, подъ вліяніемъ натиска товарищей изъ „большинства“, все болѣе и болѣе переходятъ на почву взглядовъ, раздѣляемыхъ остальной частью партіи, эти взгляды высказываются не иначе, какъ въ видѣ „полемики“ противъ „новой Искры“. Вотъ что называется: нашимъ добромъ, да намъ-же челомъ! Въ этомъ полемическомъ задорѣ сказывается ничто иное, какъ желаніе опредѣленнаго кружка довести партію непремѣнно до раскола. Расколъ *партіи* нуженъ *кружку*, потому что объединеніе партіи подрываетъ весь смыслъ существованія кружка — вотъ простой и совершенно ясный смыслъ того разжиганія внутри-партійной борьбы, которое съ такимъ упорствомъ практикуетъ „Впередъ“.

---

[1] Двѣ диктатуры. стр. 69.

Былъ устроенъ также цѣлый рядъ кружковыхъ собраній съ рабочими (35 собраній) и интеллигентами (5 собраній). На этихъ собраніяхъ излагались программа ближайшихъ и конечныхъ цѣлей Р. С.-Д. Р. П., подробно и детально разбирались отдѣльные пункты этой программы, пространно коментировались современныя событія. Было также три летучихъ собранія въ 30, 40 и 50 человѣкъ.

Листковъ за январь было распространено въ количествѣ 16410 экземпляровъ; „Искра" и „Соціальдемократъ" — 180 экз., брошюрной литературы около 25 экземпляровъ.

По поводу событій въ Петербургѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ, рѣшено было отозваться какимъ нибудь активнымъ дѣйствіемъ. И такъ какъ почва для конкретнаго выраженія негодованія рабочихъ была на лицо: и сверхурочныя работы, и пониженіе заработной платы, и другія многочисленныя стѣсненія со стороны администраціи и мастеровъ — рѣшено было устроить всеобщую стачку.

Предварительно были выпущены листки ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ, затѣмъ спеціальный листокъ къ портовымъ рабочимъ, а въ день стачки маленькій листокъ съ призывомъ къ стачкѣ и съ перечисленіемъ требованій экономическаго и политическаго характера. За нѣсколько дней до стачки было открытое собраніе на Набережной, куда пристаетъ баржа съ рабочими изъ порта. Было около 2000 рабочихъ и когда ораторъ послѣ рѣчи, въ которой охарактеризовалъ современныя событія и положеніе здѣшнихъ рабочихъ, — спросилъ, готовы ли они всѣ поддержать стачкой товарищей, проливающихъ кровь за улучшеніе положенія рабочаго класса, — громовое „ура" было отвѣтомъ.

Повидимому, настроеніе было подходящее и всѣ были увѣрены вполнѣ, что стачка удастся.

Но когда наступилъ день стачки и въ портовыхъ мастерскихъ былъ данъ гудокъ — только ничтожное количество сознательныхъ рабочихъ бросили работу, всѣ же остальные рабочіе и работницы тщетно ждали портовыхъ рабочихъ, которые, по заранѣе выработанному плану, должны были прійти въ городъ, чтобы остановить работу въ остальныхъ мѣстахъ. И вотъ послѣ усиленной агитаціи, письменной и устной, послѣ того, какъ ясно было, что у массы рабочихъ настроеніе сочувственное — стачка все-таки не удалась.

Причина этому та, что у насъ еще мало вполнѣ сознательныхъ, активныхъ, иниціативныхъ и самодѣятельныхъ рабочихъ. Сами рабочіе говорили, что у всѣхъ была готовность бастовать, не было только вожаковъ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эту неудачу, пропаганда и массовая агитація пошла еще дальше вширь. Была даже импровизированная демонстрація. Послѣ массовки матросовъ на Корабельной, рѣшили отправиться въ городъ, гдѣ въ этотъ день гуляла масса рабочихъ и публики. 75 матросовъ и многіе рабочіе окружили оратора, который произнесъ рѣчь по поводу отправки матросовъ на войну, затѣмъ запѣли Варшавянку и стали расходиться, такъ какъ освѣдомленная жандармерія и усиленный флотскій патруль, не найдя собранія, быстро направились къ мѣсту дѣйствія, но никого уже не застали.

Севастополь. Послѣ неудавшейся стачки въ порту, наша организація принялась за усиленную агитаціонную работу. Распространялись листки, устраивались кружковыя и массовыя собранія. Тѣмъ временемъ, администрація порта усиливала прижимки. Наша агитація стала пользоваться все большимъ успѣхомъ, что отразилось какъ на увеличеніи числа рабочихъ, посѣщающихъ наши массовыя собранія, такъ и на слѣдующихъ событіяхъ.

Въ среду 16 февраля Чухнинъ (начальникъ портовъ Чернаго моря) вздумалъ опять порисоваться въ тогѣ народнаго трибуна и произнесъ рѣчь къ портовымъ рабочимъ по поводу все усиливающагося крамольнаго настроенія въ Севастополѣ. Организованные рабочіе, человѣкъ 70, собравшись вмѣстѣ, дали ему говорить только 10 минутъ, каждый разъ прерывали его рѣчь криками: „Долой Чухнина, долой два орла" (на его эполетахъ). Затѣмъ рабочіе выставили требованіе немедленнаго введенія 8-часоваго рабочаго дня, отмѣны сверхурочныхъ работъ, увеличенія платы, удаленія нѣкоторыхъ мастеровъ и т. д. На эти требованія Чухнинъ отвѣтилъ отказомъ. Тогда рабочіе потребовали немедленной выдачи заработка (вмѣсто 15, здѣсь выдаютъ въ слѣдующую субботу) и пригрозили стачкой. Чухнинъ струсилъ и пообѣщалъ выдать на завтра. Возбужденіе рабочихъ росло, съ Чухнинымъ стали спорить, даже переругиваться. Наконецъ, его сбили со скамейки, съ которой онъ говорилъ, сломали ее, а его самого прогнали. На другой день вся масса стала замѣтно волноваться и потребовала разрѣшенія выбрать депутацію для предъявленія начальнику требованій — въ рабочее время. Начальство предложило выбрать во время обѣда. Рабочіе собрались и выбрали депутацію, въ которую вошло много нашихъ. Рабочіе сильно заинтересовались депутаціей, которая чуть ли не ежедневно собираетъ частныя собранія, наши передовые рабочіе предъявляютъ нашъ списокъ требованій: 8 часовый рабочій день, уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, повышеніе заработной платы, выдача жалованья въ законные сроки и въ рабочее время, отмѣна обысковъ, возвращеніе на работу товарищей, уволенныхъ по шпіонскимъ данным, публикованіе въ газетахъ о ходѣ переговоровъ депутаціи съ администраціей. Предъявленный нами списокъ требованій прошелъ.

Къ субботѣ уже выбрана почти вся депутація, которая затѣмъ выберетъ делегатовъ для предъявленія требованій. По требованію рабочихъ, въ выборахъ не принимаютъ участія ни мастера, ни указатели. Они потребовали также неприкосновенности личности и неувольненія депутатовъ, а сами дали подписку, что, въ случаѣ ея нарушенія — они всѣ забастуютъ.

Въ пятницу 18 неожиданно вспыхнула стачка типографщиковъ. Забастовали у Бруна, Бронштейна, Харченко и Ковалева. Работала только типографія Спиро. На другой день нѣкоторыя требованія (у Харченко даже 9-часовый рабочій день) были удовлетворены, и стачка, не будучи подготовленной, прекратилась. Рабочими были выставлены тѣ же требованія, что и московскими и петербургскими, а также и политическія требованія. Стачечное настроеніе растетъ. И портовые, и типографскіе рабочіе требуютъ отъ администраціи разрѣшенія открытой сходки. Въ нашей агитаціи намъ много помогаютъ Чухнинъ и полиція. Первый болтаетъ глупыя рѣчи о войнѣ, объ отечествѣ, государствѣ и развитіи человѣчества. Аргументація у него очень оригинальная: мы, подданные, глупы, необразованы, ничего не понимаемъ, а потому намъ нуженъ царь, который умнѣе и образованнѣе насъ, за насъ думаетъ и о насъ заботится. Недавно онъ издалъ приказъ къ матросамъ, въ которомъ излагаетъ свои философскія, соціологическія и экономическія воззрѣнія (напечатанъ въ „Севастопольскомъ Вѣстникѣ"). Матросы читаютъ и иронически разбираютъ его по косточкамъ. Полиція же, во главѣ съ полиціймейстеромъ Поповымъ и градоначальникомъ Спицкимъ, хватаетъ чуть ли не перваго встрѣчнаго, обыскиваетъ его, спрашиваетъ, кто онъ и откуда идетъ — и всѣмъ этимъ еще больше озлобляетъ рабочихъ. Ободренная Ѳеодоссійскимъ погромомъ, она стала разбрасывать прокламаціи съ неприличными ругательствами и призывомъ бить „студентовъ и жидовъ". Распространялись эти листки совершенно открыто: стоятъ патрули—солдаты съ офицеромъ, подходитъ шпіонъ съ листками, офицеръ отворачивается, шпикъ раздаетъ листки и уходитъ.

Мы быстро организовали самооборону, въ которую вошло до 500 *рабочихъ, матросовъ* (*ихъ 150 организованныхъ* во всѣхъ экипажахъ и судахъ) и *запасныхъ*. Наканунѣ предполагавшагося погрома, нами были распространены листки къ рабочимъ и матросамъ, выясняющіе характеръ и цѣль погромовъ, устраиваемыхъ полиціей. Въ результатѣ, полиція и громилы испугались, такъ какъ всякая, съ ихъ стороны, попытка была бы пресѣчена. Вечеромъ, когда все улеглось, толпы запасныхъ ходили по улицамъ, читали листки и открыто говорили: „знаемъ мы, зачѣмъ полиція хочетъ погрома — это, чтобы рабочихъ задушить и насъ на убой послать".

Во всякомъ случаѣ, 19 февраля не прошло для насъ даромъ. Наканунѣ было распространено до 4000 печатныхъ листковъ по поводу годовщины „освобожденія крестьянъ" (изд. Крымскаго союза). Матросамъ было передано 800 экз., запаснымъ 500, остальные распространены среди портовыхъ и городскихъ рабочихъ. Въ этотъ же день было устроено 15 летучихъ собраній, по 15—30 человѣкъ изъ „обороны". Говорили о 19 февраля, о погромахъ. Была еще большая массовка, на которой принята резолюція по поводу событій въ Ѳеодосіи, выражающая проклятіе правительству, виновнику погромовъ. Въ ней высказывается также горячее пожеланіе, чтобы, сплотившись въ тѣсную и дружную семью соціальдемократіи, русскіе и еврейскіе рабочіе смогли и въ Ѳеодосіи дать отпоръ попыткамъ правительства натравить рабочихъ на рабочихъ и тѣмъ ослабить ихъ борьбу. По этому же поводу былъ выпущенъ листокъ.

Грозный, Терской Области. „Въ Грозномъ начались забастовки 27 января на промыслѣ Ахверова (900 рабочихъ). 28 января присоединились къ забастовкѣ рабочіе англорусской Компаніи. Въ этотъ день туда пріѣхалъ товарищъ X, а въ воскресенье четверо товарищей изъ Владикавказа. 29-го распространили письмо Гапона (1000 штукъ) въ изданіи Терско-Дагестанскаго Комитета. Промыслы находятся въ 14 верстахъ отъ города; рабочіе русскіе и чеченцы почти совершенно не затронуты пропагандой. Общее число рабочихъ на промыслахъ около 9000. Устная агитація ведется въ казармахъ; такъ, 30-го мы говорили въ присутствіи 300 рабочихъ; 31 — въ присутствіи 500 рабочихъ, 31 послѣ полудня пошли останавливать желѣзно-дорожное депо и мастерскія, что и удалось. Затѣмъ остановили три керосиновыхъ завода, мельницу, котельный заводъ и проч. Въ этотъ день стали всѣ рѣшительно промыслы. Отъ имени Терско-Дагестанскаго Комитета выпущены были гектографированные требованія, однородныя съ петербургскими. На собраніяхъ говорилось на профессіональныя темы, но говорилось и о событіяхъ девятаго января, дѣлался переходъ къ политикѣ. Вывѣшено объявленіе, въ которомъ даруются: три смѣны для буровыхъ партій, ничтожное увеличеніе заработной платы, требованіе начать работы, въ противномъ случаѣ, всѣ рабочіе будутъ уволены и должны въ трехдневный срокъ очистить квартиры. Рабочіе неудовлетворены и стачка продолжается. Все идетъ мирно. По промысламъ разставлены казачьи патрули. Городскіе ремесленники еще не присоединились. Выпущено новое воззваніе къ рабочимъ владикавказской линіи о присоединеніи къ забастовкѣ. Думаемъ, что забастуютъ Минеральныя Воды до Кавказской. Въ Шурѣ надѣлали переполохъ распространенныя кѣмъ то прокламаціи Соціаль-демократовъ. Въ Петровскѣ среди солдатъ сильное недовольство притѣсненіями. Кончившіе срокъ службы и задержанные по случаю войны солдаты къ первому марту собираются заявить протестъ.

Кутаисъ. Петербургскія событія, а равно всеобщія стачки въ Батумѣ и Тифлисѣ, замѣтно приподняли боевое настроеніе рабочихъ во всѣхъ торгово-промышленныхъ пунктахъ Кутаисской губерніи. Имеретино-мингрельскій комитетъ, съ своей стороны, повелъ энергичную агитацію среди рабочихъ, а 23-го и 24 января распространилъ воззваніе къ рабочимъ о прекращеніи работъ. Согласно рѣшенію комитета, 24 января въ 11 ч. рабочіе города Кутаиса прекратили работу и направились къ бульвару, къ тому-же времени были закрыты магазины и лавки и было прекращено движеніе извозчиковъ. Не смотря на дурную погоду, около бульвара собралась многочисленная толпа рабочихъ и посторонней публики и въ 11 часовъ сплотилось боевое ядро демонстрантовъ, вооруженныхъ революверами, рабочіе и часть публики, съ крикомъ „долой самодержавіе" и устремились къ знамени; полиція разбѣжалась, демонстранты съ пѣніемъ марсельезы прошли по главной улицѣ и послѣ получасоваго шествія разошлись, предварительно огласивъ воздухъ револьверными выстрѣлами. Принимало участіе 1.500 рабочихъ и публика. Несмотря на то, что полиція знала о готовящейся демонстраціи, она не показывалась; видно, что струсила. Казаки и стражники прискакали черезъ $^1/_2$ часа послѣ демонстраціи и держали себя сравнительно мирно въ присутствіи публики. Вообще за все время всеобщей стачки полиція держала себя предупредительно, хотя и бывали случаи избіенія единичныхъ рабочихъ и учащихся въ переулкахъ вдали отъ публики. Всеобщая стачка продолжалась до 31-го января. За все время стачки магазины не открывались, извозчики на улицы не показывались. Бастовали рабочіе всѣхъ профессій, даже лакеи и повара. 25 января учащіеся прекратили занятія во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; продемонстрировавъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, вышли на улицы съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, прошли всѣ главныя улицы города. Въ городскомъ и духовномъ училищахъ учащіеся, между прочимъ, разбили окна и разорвали портретъ царя, а также избили ненавистныхъ учителей. Въ духовномъ учи[illegible], высланнаго для усмиренія учениковъ, почему и училище закрыто по распоряженію администраціи и по настоящее время. Въ другихъ же учебныхъ заведеніяхъ стачка прекратилась 31-го января съ прекращеніемъ всеобщей стачки. Стачка тѣхъ и другихъ прекращена, по распоряженію И.-М. Комитета. Рабочіе нѣкоторыхъ профессій никакихъ требованій не предъявляли, большинство же предъявило нѣкоторыя требованія, которыя отчасти были удовлетворены. 26 января въ Чіатурахъ рабочіе марганцовыхъ рудниковъ прекратили работу и больше 4.000 рабочихъ устроили демонстрацію и митингъ, продолжавшіеся 5—6 часовъ. Рабочіе вели себя мирно, ничего не ломая. Полиція скрывалась. На другой день послѣ демонстраціи въ Чіатуры перевезена рота солдатъ. Стачка продолжалась, жертвъ нѣтъ. 21-го января забастовало ж. д. депо въ Самтреди, принимало участіе свыше 1500 человѣкъ крестьянъ, пришедшихъ изъ деревень. Смертельно ранили мѣстнаго старшину. Со стороны демонстрантовъ жертвъ не было. Вечеромъ разставили роту солдатъ. Этого же числа произошло столкновеніе молодыхъ крестьянъ съ казаками въ деревнѣ Дидиджихаиши (Самтр. участка); убитъ крестьянинъ Вашакидзе и ранено двое стражниковъ, другіе стражники спаслись бѣгствомъ, крестьяне взволнованы. Вообще, въ деревняхъ цѣлой Кутаисской губерніи крайне революціонное настроеніе. Стоитъ разъ появиться въ какую нибудь деревню нашему человѣку, чтобы съорганизовать всѣхъ безъ различія пола и возраста и вызвать въ нихъ готовность на всякую жертву. 25 января забастовали рабочіе ж. д. депо въ Квирили, а 28 января, съ участіемъ учениковъ городского училища, устроили демонстрацію, жертвъ не было. 25 января забастовали рабочіе камено-угольныхъ копей въ Ткибуляхъ (800). Стачка прекратилась черезъ нѣсколько дней. Уволено 100. рабочихъ. Вслѣдствіе наводненія мѣстечка солдатами, демонстрація не удалась. Вообще, какъ въ г. Кутаисѣ, такъ и въ цѣлой губерніи, полиція запугана, многіе чины подали въ отставку.

Красноярскъ. Сообщаемъ подробности объ организованной комитетомъ январьской стачкѣ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Рабочіе, бросивъ работу, направились въ депо, но во внутреннемъ дворѣ стояла полъ роты солдатъ, безъ офицера, подъ командой жандарма, и ружья держали на готовѣ. Рабочіе остановились. Изъ среды ихъ выступилъ ораторъ и, обращаясь къ солдатамъ, произнесъ рѣчь. Впечатлѣніе получилось неожиданное. Солдаты опустили ружья и пропустили рабочихъ въ депо. Возлѣ депо, однако, имъ снова преградили дорогу роты полторы солдатъ подъ командой офицера. Снова ораторъ хотѣлъ произнести рѣчь, но въ это время изъ депо высыпала сознательная часть рабочихъ и соединилась съ рабочими изъ мастерскихъ. Всей массой до 4000 человѣкъ рабочіе отправились на Большую улицу; хотя не дружно, но пѣлись революціонныя пѣсни и разбрасывались прокламаціи. Раза три дѣлали остановку и произносили рѣчи. Въ концѣ улицы казаки преградили дорогу. Чтобы избѣжать столкновенія, рабочіе повернули обратно и преспокойно разошлись.

Стачка длилась три дня. Не было предъявлено ни одного экономическаго требованія.

Между губернаторомъ и желѣзнодорожнымъ начальствомъ вышелъ по этому поводу характерный споръ: послѣднее указывало на то, что рабочіе не выставили никакихъ экономическихъ требованій, объявляли стачку чисто политической, губернаторъ же протестовалъ, доказывая, что не можетъ же быть стачка безъ экономическихъ требованій. Въ городѣ большое оживленіе. Во время стачки были выпущены слѣдующіе листки (печ.): „Въ Россіи революція", „Къ рабочимъ мастерскихъ и депо г. Красноярска", „Къ губернатору", „Стачка окончилась, да здравствуетъ стачка". Арестовано 15 рабочихъ; дѣло передано военному слѣдователю. Теперь двое освобождены, остальные приговорены къ одному мѣсяцу тюремнаго заключенія.

Чита. На собраніи рабочихъ г. Читы принята слѣдующая резолюція: „Мы, читинскіе рабочіе, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета Рос. С.-Д. Р. П. на сходку въ количествѣ 60 человѣкъ, единогласно постановляемъ: 1) протестовать всѣми силами противъ нелѣпой и преступной русско-японской войны, затѣянной царскимъ самодержавіемъ исключительно въ интересахъ своего самосохраненія, 2) засвидѣтельствовать, что во все время этой войны единственнымъ истиннымъ выразителемъ народныхъ интересовъ являлась россійская соціальдемократія 3) заклеймить преступный союзъ, который старается заключить наша либеральствующая буржуазія, въ лицѣ съѣзда земскихъ дѣятелей, съ „трономъ" для совмѣстнаго угнетенія рабочаго народа; 4) энергично агитировать среди еще недостаточно политически созрѣвшей народной массы въ пользу сверженія царскаго самодержавія и замѣны его самодержавіемъ народа, путемъ созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго для всѣхъ и тайнаго избирательнаго права.

Какъ извѣстно изъ газетъ, скоро вслѣдъ за тѣмъ, 12 февраля, въ Читѣ началась *политическая* стачка: главное требованіе—немедленное прекращеніе войны.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Къ позорному столбу! Дополненіе къ списку особенно отличившихся въ Петербургѣ 9 января офицеровъ, (см. №89):1) *Мансуровъ*, капитанъ Преображенскаго полка (у Александровскаго сада) 2) *Остенъ Дризенъ* (у Полицейскаго моста). 3) *Риманъ I*, полковникъ Семеновскаго полка (тамъ-же), 4) *Троцкій* — генералъ, командиръ 2 гренадерской пѣхотной дивизіи (тамъ-же), 5) *Гурьевъ* — корнетъ Уланскаго полка (на Васильевскомъ островѣ), 6) *Жерве*, Финляндскаго полка, взявшій на себя обязанность пристава при обыскахъ и арестахъ.

Курскъ. Купецъ милліонеръ *Лоскутовъ* натравливалъ на учащихся своихъ прикащиковъ (во время бывшаго тамъ „интеллигентскаго" погрома). Отличались также полиціймейстеръ *Зоринъ* и приставъ *Пузановъ*, приказывавшіе бить дѣтей обнаженными шашками и нагайками.

Москва. Съѣздъ земскихъ конституціоналистовъ. 23, 24 и 25 февраля здѣсь засѣдалъ полулегальный съѣздъ земскихъ конституціоналистовъ. Собралось человѣкъ 70 изъ всѣхъ земскихъ губерній. Въ обществѣ какъ-то мало объ этомъ знаютъ, отчасти вслѣдствіе быстроты, съ которой съѣхались земцы, вызванные телеграммой послѣ рескрипта Булыгину. Земцы не думаютъ требовать созыва учредительнаго собранія *вмѣсто* возвѣщеннаго совѣщательнаго, такъ какъ полагаютъ, что разъ соберется совѣщательное, оно объявитъ себя учредительнымъ и правительство должно будетъ этому подчиниться, разъ собраніе будетъ достаточно авторитетно, разъ общественное мнѣніе не будетъ фальсифицировано. Поэтому, главное, говорятъ они, теперь не подымать спора изъ-за названія и предѣловъ компетенціи будущаго собранія, но озаботиться, чтобы не было подтасовки, опредѣлить, кто и какъ долженъ пользоваться правомъ голоса при выборахъ. Въ этомъ духѣ и принята резолюція. Они пошлютъ депутацію въ Петербургъ съ заявленіемъ, что коммиссія Булыгина, кромѣ оффиціальныхъ ея участниковъ, должна состоять изъ выборныхъ отъ земствъ и думъ и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій. Что дѣлать, если правительство не призоветъ *выборныхъ* отъ земства въ эту коммиссію, а само пригласитъ нѣкоторыхъ земцевъ — голоса раздѣлились. Вопросъ еще окончательно не рѣшенъ, но преобладаетъ мнѣніе, что слѣдуетъ „внѣдряться" въ комиссію обязательно, чтобы отстаивать тамъ выработанный ими проэктъ объ избирательномъ правѣ въ грядущее совѣщательное (въ надеждѣ — учредительное) собраніе. Проэктъ этотъ принятъ почти единогласно. Согласно ему, выборы должны происходить путемъ всеобщаго, равнаго и тайнаго голосованія, но не прямого[1]). Жители каждой волости, каждаго города избираютъ выборщиковъ, они съѣзжаются въ губенскій городъ и назначаютъ депутатовъ (сообразно численности населенія губерніи). Было предложено ввести въ составъ будущаго центральнаго представительства — кромѣ этихъ депутатовъ — еще выборныхъ отъ теперешнихъ земствъ и думъ, но это отвергнуто. Въ первый день съѣзда думали подать заявленіе въ совѣтъ министровъ, но на другой день часть заявила, что предсѣдатель совѣта — самъ Николай и потому надо не заявленіе, а петицію съ изложеніемъ своихъ пожеланій и съ подписью „вѣрноподанные". Нѣкоторые протестовали, указывали, что, вѣдь, это съѣздъ не просто земцевъ, не шиповцевъ, а *конституціоналистовъ* — что же тутъ за „вѣрноподанные", но большинствомъ двухъ третей голосовъ рѣшено подписать „вѣрноподанные", почему часть и не подпишетъ, если еще въ дальнѣйшемъ не столкуются. Учредительное (по рескрипту — совѣщательное) собраніе должно, по мнѣнію г.г. земскихъ конституціоналистовъ наградить Россію *двухпалатной* системой; это также принято почти единодушно. Низшая Палата должна избираться народомъ, а верхняя—земствами и думами, которыя, впрочемъ, сами должны быть безсословными и основываться на всеобщемъ равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи. Затѣмъ съѣздъ приступилъ къ обсужденію земельныхъ отношеній. Было указано, что можно ждать серьезнаго движенія въ деревнѣ; съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ участники съѣзда привели каждый какой-нибудь разсказъ о броженіи среди крестьянъ, и все это складывалось въ достаточно грозную картину. Въ Воронежской губерніи одинъ волостной сходъ послалъ царю прошеніе: большое де испытываемъ утѣсненіе въ землѣ, не вѣрь министрамъ, они надуваютъ, а созови выборныхъ отъ крестьянъ, пусть разсудятъ насчетъ земли. Отъ Булыгина прилетѣла телеграмма губернатору: какъ допустили, что смотрѣли земскіе начальники?... Въ Саратовской губ., въ числѣ другихъ, „пострадалъ" между прочимъ земецъ Львовъ: сожгли и вырубили полтораста десятинъ лѣса. Тамъ, по словамъ одного помѣщика (не знаю, вѣрить ли), объявился какой то самозванецъ Николай II, лицомъ, дѣйствительно, похожій на него, которому, будто-бы, присягнули четыре волости. Наобѣщалъ онъ крестьянамъ восемь милліоновъ десятинъ удѣльной земли и „разрѣшилъ" взять безъ выкупа отъ помѣщиковъ земли, отрѣзанныя у ихъ отцовъ.

---

[1]) Согласно „Русск. Вѣд.", наоборотъ, большинство высказалось за *прямое* избирательное право. (Прим. Ред.).

Наслушавшись такихъ рѣчей, нѣкоторые изъ съѣхавшихся земцевъ высказались за обязательный выкупъ части помѣщичьихъ земель *по существующимъ цѣнамъ*, другіе говорятъ, что всякій обязательный выкупъ—грабежъ. Почему не отбирать тогда фабрики у купца, вопрошаютъ они, почему надѣлять землей только крестьянина, можетъ и рабочій кусочекъ хочетъ? Столкуются ли по этому вопросу, пока не выяснилось. Зато заявленіе Петрункевича, въ первый день съѣзда, что необходимо бороться съ соціальдемократами, не встрѣтило возраженій.

Оказывается, такимъ образомъ, что господа конституціоналисты не желаютъ поставить вопросъ прямо, не протестуютъ противъ суррогата, предлагаемаго рескриптомъ, но возлагаютъ свои надежды на стихійный ростъ событій, не желая, съ своей стороны, способствовать этому росту рѣшительнымъ отказомъ отъ всякихъ компромиссовъ. Они отстали отъ настроенія широкихъ слоевъ интеллигенціи (буржуазной), требующей (въ разговорахъ), первымъ дѣломъ, въ видѣ гарантіи, — смѣны реакціонной администраціи, прекращенія гоненій на политическихъ и на печать, а также созданія милиціи.

Воззваніе къ Смолянамъ.

„Нашъ городъ Смоленскъ изстари переживалъ тяжелыя времена. Въ настоящее время надвигается на него гроза т. е. евреи хотятъ въ нашемъ городѣ устроить погромъ надъ православными христіанами. Сборъ у нихъ назначенъ въ Солдатской слободѣ въ оврагѣ 19 февраля. Граждане! кому дорога вѣра православная отечество и своя жизнь прошу соединяться въ одно и не дать нехристямъ жидамъ надругаться надъ нами! дайте почувствовать себя, что у насъ русскихъ есть вѣра и отечество не такъ какъ у изгнанныхъ этихъ людей презираемыхъ всѣми народами и даже Богомъ. Граждане, если замѣтите волненіе между жидами соберитесь всѣ и будемъ бить ихъ, бить безпощадно не жалѣя ихъ самихъ, женъ и дѣтей такъ какъ отъ нихъ происходитъ вся смуты, всѣ убійства и послѣднее въ особенности злодѣяніе — убійство Великаго князя все это — работа жидовъ и прихвостней жидовскихъ всякой — сволочи правильно называющими себя пролетаріями. Граждане, не убійствами наши предки спасали честь и достоинство родины, а сами жалѣя жизни имущества своего и шли грудью за царя и отечество. Такъ бейте-же жидовъ этихъ крамольниковъ и ихъ всѣхъ пролетаріевъ. „Да здравствуетъ Россія!"

Это воззваніе распространено здѣсь въ ночь на 18 февраля. Распространено полиціей; по крайней мѣрѣ, одинъ городовой пойманъ на руку въ то время, какъ подсовывалъ воззваніе подъ дверь. Опѣшивъ сразу, онъ впрочемъ быстро оправился и хотѣлъ уже тащить въ участокъ того, кто его поймалъ; тому въ свою очередь пришлось отпрашиваться у городового. Въ результатѣ они кое-какъ между собой поладили. Воззваніе произвело большую панику среди мѣстнаго еврейскаго населенія. Кто могъ, уѣзжалъ изъ Смоленска; переселялись изъ нижнихъ этажей въ верхніе; заколачивали кое-гдѣ окна въ нижнихъ этажахъ. Готовилась и самооборона. Никогда оружейные магазины Смоленска не торговали такъ бойко, какъ 18 февраля: всѣ запасались оружіемъ. Кромѣ еврейскаго погрома, ходили еще слухи о погромѣ студенческомъ и гимназическомъ; затѣмъ въ сосѣднемъ Рославлѣ также были распространены подобнаго рода воззванія, и тамъ также ожидали погрома. Полиція отдала по магазинамъ приказъ не продавать оружія въ одни руки въ большомъ количествѣ и наблюдать вообще за покупателями. Въ результатѣ приказа былъ арестованъ по выходѣ изъ магазина Кувшинникова, по указу одного изъ приказчиковъ, статистикъ М. Б. Жакъ, съ четырьмя револьверами въ карманѣ — сидитъ до сихъ поръ. Еврейская буржуазія отправила депутацію къ губернатору съ просьбой принять мѣры противъ погрома. Губернаторъ (Звегинцевъ) завѣрилъ депутацію, что все будетъ спокойно, если не будетъ демонстраціи, но заявилъ, что онъ не въ состояніи будетъ удержать патріотическихъ чувствъ населенія, если демонстрація произойдетъ. Евреи бросились разыскивать тогда предполагаемыхъ соціальдемократовъ и упрашивать ихъ не производить демонстраціи, которой, впрочемъ, въ этотъ день никто и не думалъ производить. День 19-го прошелъ тихо, только около шести часовъ вечера кучка гимназистовъ, человѣкъ въ 30, пропѣла въ саду Блонье „Вихри" и Марсельезу и затѣмъ разошлась, прокричавъ: „Завтра въ шесть часовъ!"

20-го, въ 12 часовъ дня, учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній обратились къ соц.-дем. съ запросомъ, примутъ ли они участіе въ назначенной ими случайно и неожиданно на сегодня демонстраціи, прибавляя, что соц. рев. и Бундъ обѣщали имъ свое участіе. Соц.-дем. отвѣтили, что это невозможно и по принципіальнымъ, и по техническимъ соображеніямъ, и съ своей стороны рекомендовали учащимся соц.-дем. не участвовать лично и сдѣлать все возможное, чтобы предотвратить демонстрацію, такъ какъ, при малочисленности участниковъ, она грозила превратиться въ избіеніе. Учащіеся соц.-дем. (они отдѣльно не организованы) подчинились совѣту организаціи. Тѣмъ не менѣе и не смотря на то, что соц. дем. среди учащихся значительное большинство, демонстрація отмѣнена не была. Въ 6 часовъ вечера толпы любопытныхъ запрудили троттуары Кирочной улицы и аллеи сада Блонье. Въ 7 часовъ изъ толпы выдѣлились на средину улицу человѣкъ 30 рабочихъ и съ пѣніемъ и криками: „Да здравствуетъ боевая организація!" попробовали развернуть знамя, но были тотчасъ же смяты и разсѣяны солдатами-артиллеристами, которые въ изобиліи были спрятаны во дворахъ. Знаменосецъ былъ арестованъ брандмейстромъ Гофманомъ, который принималъ особенно дѣятельное участіе въ усмиреніи, о чемъ, между прочимъ, въ думѣ предполагается запросъ. Разогнавъ демонстрацію, солдаты устремились затѣмъ на публику. Били шашками плашмя, но есть колотыя и сѣченыя раны. Серьезно раненъ ст. Станкевичъ. Когда его повезли къ врачу, то д-ръ Певанеръ лично отвѣтилъ, что его нѣтъ дома, а Кайрукштисъ также не принялъ. Человѣкъ 15 изъ публики были захвачены, отвезены въ первую часть и тамъ избиты. Публика разсѣялась, но долго еще толпилась по улицамъ. Солдаты, по многочисленнымъ утвержденіямъ, были пьяны.

25-го, на спектаклѣ въ театрѣ народнаго дома, въ началѣ 3-го дѣйствія, съ балкона раздался голосъ, призывающій присутствующихъ „гражданъ" прекратить зрѣлище и заняться обсужденіемъ волнующихъ всѣхъ событій. При попыткѣ этого-же оратора начать рѣчь заиграла, по приказанію полиціи, музыка. Рабочіе, составлявшіе большинство публики, запѣли „Вихри", состязаясь съ музыкой. Посыпались листки. Въ то же время въ фойэ театра появилась рота солдатъ. Раздались крики: „Долой солдатъ!" Когда музыка утихла, толпа, сосредоточившаяся теперь въ партерѣ, послѣ разнаго рода возгласовъ, до „Да здравствуетъ революція!" включительно, снова запѣла. Музыка въ отвѣтъ снова заиграла. При всѣхъ попыткахъ заговорить или запѣть, музыка неизмѣнно начинала играть. Такъ продолжалось около часу. Полиція уговаривала усѣсться по мѣстамъ и продолжать спектакль, публика требовала удаленія солдатъ. Солдаты были выведены. Занавѣсъ былъ поднятъ. Но тутъ снова раздались крики: „Оратора!", занавѣсъ опустился, снова заиграла музыка. Въ концѣ концовъ публика всей массой, человѣкъ 400, вышла на улицу. Рота оказалась тамъ. Толпа двинулась черезъ Днѣпръ и затѣмъ въ верхней части города мало по малу разошлась. При попыткѣ со стороны какого то запасного арестовать работницу, крикнувшую „долой самодержавіе!", толпа отбила ее, несмотря на быстро подоспѣвшихъ на помощь запасному городовыхъ. Сегодня, 26-го февраля, были аресты: р-ца Геня Бродова, ст. Шевелевъ и еще нѣсколько.

Съ 21-го забастовали учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній: мужской и женскихъ (2) гимназій, реальнаго училища, духовной семинаріи. Занятія прекращены вездѣ до 1 марта.

Одесса, погромная агитація. Втеченіе послѣднихъ дней здѣсь ожидались событія... Въ городѣ только и разговору, что о всеобщей стачкѣ, о демонстраціи и.. о еврейскомъ погромѣ. „Бунтъ" рабочихъ ожидался 19 февраля; къ этому дню полиція пріурочивала и погромъ.

Агитація противъ „жидовъ" велась очень энергичная. Помимо прокламацій, которыми былъ усѣянъ весь городъ, устраивались собранія босяковъ, гдѣ ораторами выступали полицейскіе. Вотъ текстъ этой прокламаціи:

„Общество націоналистовъ городовъ: Кіева, Николаева, Одессы, Кишинева, Бендеръ, Аккермана и др.

Смуты и неурядицы въ Россіи произошли и происходятъ отъ той халатности и сонной жизни, которую мы вели въ продолженіи многихъ десятилѣтій. не обращая вниманія на окружающихъ насъ иновѣрцевъ. Крики: „долой самодержавіе... долой правительство... долой нашего царя-батюшку", все это есть крики тѣхъ кровопійцевъ, которые называются жидами, армянами, поляками, грузинами и пр., желающими взять все въ свои хищныя руки и править тѣми людьми, которые десятки лѣтъ проливали свою лишь русскую кровь за вѣру, за Царя-Батюшку. Наше общество, достигшее теперь 297,865 членовъ, въ данную минуту слѣдитъ за жидами и другими націями, которыя, не жалѣя денегъ, стремятся подкупить рабочихъ и этимъ создать общую смуту и завоевать себѣ всѣ права и царствовать надъ нами. Благодаря жидамъ, Франція и Польша пали и этого они хотятъ и всѣми силами желаютъ продѣлать съ Россіей.

Берегитесь, друзья, жидовъ...

Скоро, скоро настанетъ чудное время друзья, когда жидовъ въ Россіи не будетъ. Все зло, все горе нашей жизни—жиды. Долой намѣстниковъ... Долой конституцію... Да здравствуетъ нашъ Царь-Батюшка...

27 января 1905 г. 83 тысячи.

Прочитавъ передайте друзьямъ...

Въ церквахъ и на улицахъ раздавалась другая прокламація; вотъ ея текстъ:

„Россія перетерпѣваетъ великія муки! Возлюбленные и дорогіе патріоты! Будемъ вѣрны нашему царю Императору Николаю Самодержцу Всероссійскому. Поможемъ его Величеству! А для этого нуженъ миръ. Много зла приносятъ жиды, студенты и, вообще говоря, злые люди нашему отечеству. Будемъ такихъ людей презирать и удалять отъ себя. Бей ихъ!

Група Патріотовъ."

Одесса. Разговоръ въ конкѣ 20-го февраля. Въ конкѣ сидитъ баталіонный командиръ. Входитъ прапорщикъ запаса. *Батал Командиръ*: А, здравствуйте, знаете, вы меня поставили въ очень, очень непріятное положеніе. Полковникъ приказалъ мнѣ лично провѣрить, дѣйствительно ли вы были больны, потому что согласитесь сами, слишкомъ ужъ это подозрительно: девять прапорщиковъ вдругъ сразу заболѣли и отъ 18 до 21 не явились на службу „по болѣзни". *Прапорщикъ* (смущенно): я въ самомъ дѣлѣ былъ боленъ, могу это доказать. *Баталіонный командиръ*. Ну, можетъ быть вы и дѣйствительно были больны, но чтобы всѣ девять захворали какъ разъ въ эти дни, въ этомъ уже я сомнѣваюсь. И почти всѣ университетскіе... Полковикъ приказалъ ставить теперь въ нарядъ какъ разъ университетскихъ. *Прапорщикъ*: А вы думаете, что вся эта исторія въ самомъ дѣлѣ очень пріятна? *Баталіонный командиръ* Да, помилуйте, за кого вы меня принимаете.. Я, вѣдь, тоже воспитывался и кое-что читаю, какъ и вы, вижу и понимаю, что дѣлается кругомъ; есть и у меня тутъ кое что (похлопываетъ себя по груди), но что же дѣлать? нужно же кому нибудь... Вы думаете, мнѣ пріятно было сидѣть въ участкѣ цѣлыя сутки, дежурить... а вѣдь я баталіонный командиръ... приходится... *Прапорщикъ* (задумчиво). Да, не особенно пріятна вся эта исторія вообще. А скажите, въ самомъ дѣлѣ готовилось что-нибудь серьезное? *Баталіонный командиръ* Какъ же, какъ же, мы были готовы ко всему, всѣ мѣры были приняты.. Осматриваетъ публику въ вагонѣ, старается замять разговоръ и переходитъ къ другому — Что вы скажете на рескриптъ? *Прапорщикъ* — Э, ерунда одна, ничего серьезнаго не будетъ. *Баталіонный командиръ*. Ну, подождемъ, увидимъ, можетъ быть что-нибудь и выйдетъ...

Баку. Трудно сказать, что творилось здѣсь за послѣдніе дни. Кровь стынетъ при одномъ воспоминаніи вчерашнихъ событій. Точно злой кошмаръ! хочется вѣрить, что все это ужасный сонъ, до того все такъ неожиданно началось и *почти* кончилось; но жертвы — эти убитые и раненые, которые еще не подобраны, но сожженые дома, разграбленыя имущества, разоренныя семьи, видъ этихъ въ паническомъ ужасѣ бѣгущихъ людей—слишкомъ ясно говоритъ, что все это было грозной дѣйствительностью!

Какъ начать?!... Не знаю!...

Кишиневъ и Гомель блекнутъ передъ тѣмъ, что было въ Баку... Мирно живущіе сосѣди напали другъ на друга, какъ дикіе звѣри, перерѣзали и уничтожили въ три дня 1000 человѣкъ.

За что, не знаю! Когда въ Турціи рѣзали сотни тысячъ несчастныхъ братьевъ-армянъ, они возмущались равнодушіемъ цивилизованной Европы... Теперь же, что сказать? Гдѣ мы живемъ?

Мы приглашали христіанскую Россію замѣнить—въ отношеніи къ намъ—турецкое правит. Мы бросились изъ огня въ полымя!! Турецкое правительство рѣжетъ насъ открыто, недавно наше, теперь чуждое всѣмъ намъ, русское правительство, рѣжетъ насъ изъ за угла... То войско, которое мы встрѣчали въ „дикомъ Кавказѣ" съ распростертыми объятіями, по крайней мѣрѣ, *вынуждено* было равнодушно смотрѣть, какъ на его глазахъ рѣзали, насиловали женщинъ, похищали и убивали беззащитныхъ дѣтей.. Передъ глазами мелькали только черные демоны съ берданками, гудѣлъ воздухъ отъ залповъ, стоны, крики..

А казаки стоятъ и ухмыляются...

Ужасная, братоубійственная война, руководимая издыхающимъ правительствомъ! Волосы становятся дыбомъ, при воспоминаніи отдѣльныхъ эпизодовъ.

Вотъ одинъ изъ нихъ: напали на домъ нѣкоего Алек. Ив. Адамова, который находился въ татарской части города. Свыше 200 человѣкъ, вооруженныхъ казенными „бердачками" и револьверами, окружили его. Самъ Ал. Адамовъ отличный стрѣлокъ, а также и его 15 лѣтній сынъ — реалистъ. Они стрѣляли въ толпу такъ мѣтко, что татары были изумлены. Увидѣвъ, что нельзя проникнуть внутрь, остервенѣлые, не смѣя близко подходить, они взобрались на крышу сосѣдняго дома, подкатили нѣсколько бочекъ керосину и подожгли домъ. Сгорѣлъ домъ со всѣми жильцами, со всѣми героями — мужемъ, женой и ребенкомъ... Ужасно!!

Но гдѣ причина всему этому, вотъ тотъ вопросъ, который вертится на устахъ у всѣхъ. Раздались выстрѣлы, три дня городъ представлялъ вооруженный лагерь, три дня на улицахъ были видны вооруженые татары, казаки, которые улыбались имъ, да русскіе, безопасно проходящіе.

Бывало, пройдетъ русская женщина и возмутится бездѣйствіемъ войскъ, обратится къ казакамъ: „отчего вы позволяете, вѣдь все это наши братья"?...

— Намъ не приказано, — слышится обычный отвѣтъ.

На вокзалѣ у пріѣхавшихъ изъ Сабунчи на помощь единовѣрцевъ армянъ войсками было отнято все оружіе; пріѣхавшіе же черезъ часъ татары безъ сопротивленія проникли въ городъ.

Кто виноватъ? Одинъ молодой офицеръ, видя рѣзню, умолялъ полиціймейстера разрѣшить вмѣшаться въ убійства и остановить съ помощью его солдатъ убійства, но получилъ отказъ...

Прошли въ ужасѣ трое сутокъ... И вдругъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, татары подошли къ армянамъ и началось братаніе...

Въ часъ дня пришелъ изъ Тифлиса приказъ: „начинать", въ два часа собрались свои и, подъ охраной войска, начали свою работу и все было готово. Черезъ три дня новый приказъ изъ Тифлиса: „довольно", и все остановилось...

А „волшебникъ" съ жезломъ сидитъ въ Царскомъ селѣ. ухмыляется...

Отлегло отъ души, вздохнули всѣ отъ нелѣпой рѣзни... Кому нужно было это? Теперь здѣсь паника, многіе уѣзжаютъ... Настроеніе тревожное... Каждую минуту все можетъ вспыхнуть вновь, хотя теперь отпоръ будетъ сильнѣе. Среди русскихъ рабочихъ образовался боевой комитетъ для подавленія новыхъ безпорядковъ и убійствъ.

Мѣстные революціонные комитеты дѣйствуютъ энергично, вліяя на рабочихъ, и Рос. Соц.-Дем. Рабоч. П. было выпущено много листковъ съ приглашеніемъ рабочихъ татаръ, армянъ и русскихъ всѣми силами воспрепятствовать возникновенію снова рѣзни.

Пока что нужны деньги, деньги и деньги. Сборъ здѣсь производится, денегъ собирается много, но нужда громадная. Свыше пяти тысячъ человѣкъ оставлено безъ крова, а сколько до тла разворенныхъ!

Мы — армяне — ждемъ. Что скажетъ русскій рабочій, что скажетъ русская пресса, что скажетъ русская интеллигенція? Найдетъ ли стонъ сотенъ убитыхъ и раненыхъ отголосокъ въ ихъ сердцахъ? Мы вѣрили въ русскій народъ, мы вѣрили въ его свѣтлое будущее, теперь мы сознали, что все зло таится внѣ русскаго народа. У насъ съ нимъ общій врагъ. Какой угодно цѣною мы заплатимъ за его и свою свободу...

Армянинъ.

Баку. 20 фев. (изъ письма гимназистки) Всѣ чего-то ждутъ, всѣ увѣрены, что что-то будетъ. Дѣла заброшены, магазины наполовину закрыты; населеніе охвачено какой-то нервной лихорадкой. Всѣ улицы запружены народомъ, только послѣ 8-ми часовъ воцаряется какая-то страшная могильная тишина. Стоитъ кому нибудь произнести слово „бунтъ", какъ въ городѣ начинается паника. Ежеминутно возникаютъ новые слухи и производятъ все большую и большую суматоху. Говорятъ объ избіеніи армянами русскихъ, которое будто бы гдѣ то, кѣмъ то подготовляется, говорятъ о нападеніи русскихъ на евреевъ; по рукамъ ходятъ прокламаціи „бей жидовъ". Всякимъ слухамъ, какъ бы они ни были чудовищны, мы склонны вѣрить послѣ всего того, что пережили и переживаемъ. Начиная съ 13-го февраля, въ городѣ ежедневно устраивались митинги: въ клубѣ, въ циркѣ, гдѣ только представлялась возможность. Тутъ ораторы—армяне, татары, русскіе въ страстныхъ рѣчахъ указывали истинныхъ виновниковъ погрома, призывали народъ къ единенію и къ совмѣстной борьбѣ за свободу. Все это настолько ново, настолько необычно для русскаго обывателя, что, когда раздался впервые этотъ открытый, громкій, страстный призывъ, публика растерялась.. Она какъ-то инстинктивно обернулась къ двери—нѣтъ ли казацкихъ нагаекъ — и только потомъ дружно подхватила призывъ. Зала всегда бываетъ переполнена; тысячи остаются за неимѣніемъ мѣста на улицѣ. Первые дни полиція не являлась, и дѣло обходилось безъ всякихъ инцидентовъ. 16-го клубъ былъ оцѣпленъ солдатами. Раздались крики: „жандармы", поднялся страшный шумъ. Нѣкоторые изъ публики требовали перерыва засѣданія, большинство же требовало удаленія полиціи. Кончилось тѣмъ, что засѣданіе продолжалось своимъ порядкомъ, никакихъ жандармовъ не оказалось, и все обошлось благополучно. На слѣдующій день явился полиціймейстеръ и просилъ разойтись. Онъ былъ встрѣченъ криками: „смерть кровопійцѣ", и блѣдный, дрожащій вышелъ изъ залы. Засѣданіе опять продолжалось и вопреки ожиданіямъ и на этотъ разъ кончились безъ приключеній... Это былъ послѣдній митингъ: на другой день собраться не удалось, а потомъ городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, и собранія прекратились.

Погромъ послужилъ каплей, переполнившей чашу для насъ, учащихся... Послѣ погрома мы явились впервые въ гимназію 15-го и занялись обсужденіемъ вопроса, какъ быть съ экзаменами: заниматься нормальнымъ порядкомъ мы не въ силахъ и хотѣли попытаться просить выдачи аттестатовъ безъ выпускныхъ экзаменовъ. Во время этихъ разговоровъ разнеслись слухи, что пришли реалисты. Мы бросились внизъ и видимъ — стоитъ огромная толпа реалистовъ и зоветъ насъ. Начальница растерялась (реалисты грозили выломать дверь.) и начала плакать. Между тѣмъ нашъ классъ вышелъ — реалисты устроили намъ шумную овацію. Остальные классы тоже были отпущены но съ просьбой — разойтись по домамъ. Мы пошли въ другія учебныя заведенія и заставили всѣхъ учащихся прекратить занятія. Нѣкоторые присоединялись къ намъ, нѣкоторые расходились; занятія были прекращены вездѣ. Только въ классической гимназіи пришлось употребить насиліе — выколотить окна и двери, въ остальныхъ дѣло обошлось мирно. Былъ вызванъ отрядъ казаковъ съ полиціймейстеромъ, но нагаекъ отвѣдать намъ не пришлось; по первой просьбѣ учениковъ казаки были отосланы, и мы безпрепятственно разгуливали по улицамъ, собрались на площади, потомъ всей толпой (насъ было около 3-хъ тысячъ) ввалились въ клубъ, гдѣ было произнесено нѣсколько рѣчей. Сигналомъ для такой импровизированной стачки послужилъ демонстративный уходъ двухъ благородныхъ личностей — учителей изъ реальнаго училища. За ними ушли всѣ ученики, а за реалистами двинулись и прочіе. Теперь выясняется, что часть не знаетъ, въ чемъ дѣло, зачѣмъ стачка, протестъ и все такое; часть, преимущественно православные, сознательно не желаетъ примкнуть и всячески старается вредить остальнымъ; словомъ, безпорядокъ полный. Чѣмъ кончится, теперь еще нельзя сказать. На сходкахъ реалисты высказывались за продолженіе стачки до 1-го сентября, гимназисты до 1-го марта, нѣкоторые до 5-го марта. Кто возьметъ верхъ, не знаю

Батумъ, 20 февраля. Часъ назадъ произошла здѣсь демонстрація. На сегодняшній день назначена была панихида въ армянской церкви по погибшимъ въ Баку армянамъ. Наканунѣ епископъ армянскій просилъ губернатора не посылать казаковъ во избѣжаніе столкновеній. Губернаторъ обѣщалъ.

Послѣ панихиды на улицѣ, при стеченіи около восьми тысячъ человѣкъ состоялся митингъ. Ораторовъ было пять. Сначала говорилъ епископъ, дама произнесла очень взволнованнымъ голосомъ рѣчь, затѣмъ турокъ, армянинъ, грузинъ и, наконецъ, рабочій-соціальдемократъ. Темой служила бакинская рѣзня, подготовленная правительствомъ, въ которой погибло около 1500 человѣкъ. Вдругъ кто-то крикнулъ „долой полицію" (утверждаютъ, что это была провокація). Этотъ возгласъ былъ понятъ въ томъ смыслѣ, что полиція и казаки тутъ, и началась давка; было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ, паника увеличилась, толпа думала, что это выстрѣлы казаковъ, стрѣляли же сами демонстранты. Много было смятыхъ, опрокинутыхъ, особенно женщинъ и дѣтей. Обыватели были сильно испуганы начавшейся орудійной стрѣльбой съ горныхъ и береговыхъ батарей. Это наше храброе воинство давало тревожный сигналъ, предполагая, что началась рѣзня. Обыватели были въ напряженномъ состояніи все послѣднее время, боясь повторенія бакинской рѣзни. Ихъ опасенія какъ бы подтверждались тѣмъ, что армянскіе дома были отмѣчены красными знаками. Впослѣдствіи оказалось, что это была продѣлка хулигановъ. Казаковъ на мѣстѣ митинга не было, но, спустя полчаса послѣ окончанія собранія, казаки начали совершать жестокости, но въ другомъ мѣстѣ. Врывались въ дома рабочихъ, били, убивали, обстрѣливали дома; на одной стѣнѣ нашли позже слѣды 40 выпущенныхъ пуль. Убитыхъ четверо: одинъ армянинъ, двое русскихъ рабочихъ и одна полька-старуха, бывшая во дворѣ своей квартиры; лица убитыхъ обезображены холоднымъ оружіемъ. Въ больницу было привезено 15 чел. раненыхъ, изъ нихъ 3-е безнадежны. Они страшно страдаютъ. Привезены въ больницу далеко не всѣ: многіе свезены въ участки. Пока подсчитать всѣхъ раненыхъ нельзя.

Сегодня арестованъ врачъ-армянинъ, выразившій протестъ противъ правительства третьяго дня на собраніи врачей.

Херсонъ. 15-го февраля должно было состояться засѣданіе городской думы. Еще за нѣсколько дней до засѣданія по городу распространился слухъ, что тамъ отъ имени либераловъ будетъ прочтена резолюція противъ войны и о необходимости созыва учредительнаго собранія. Наша организація рѣшила противопоставить заявленіямъ либераловъ свою собственную резолюцію. Многочисленная публика заполнила хоры и залъ. Повсюду шныряли переодѣтые городовые и шпіоны. Городской голова прочелъ петицію и послѣ незначительныхъ дебатовъ она была принята при громкихъ рукоплесканіяхъ нашихъ обывателей. Гласные приступили къ обсужденію очередныхъ, далеко не интересныхъ вопросовъ, а публика все не расходилась, какъ бы ожидая чего-то. Въ это время заговорилъ нашъ ораторъ; указавъ на негодность подобнаго протеста, онъ предложилъ выразить протестъ противъ войны, затѣянной въ угоду самодержавной кликѣ, противъ страшнаго преступленія, совершеннаго царизмомъ на улицахъ Петербурга 9-го января. Возгласъ его: „долой самодержавіе! да здравствуетъ демократическая республика! да здравствуетъ соціальдемократія!“ былъ съ большимъ энтузіазмомъ подхваченъ многими изъ публики. Тотчасъ послѣ рѣчи были разбросаны листки „Ко всѣмъ“, въ которыя граждане призывались выразить свой протестъ не петиціями къ царю, а съ оружіемъ въ рукахъ, подъ предводительствомъ революціоннаго пролетаріата бороться за созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Прокламаціи кончались призывомъ на улицу. Всѣ тотчасъ же бросились къ выходу. Когда у дверей собралась толпа человѣкъ въ 200-250, всѣ двинулись съ возгласами „Долой политическій и экономическій гнетъ!“ по улицамъ Соборной, Ришельевской и Суворовской.

Демонстрація эта, какъ первое проявленіе открытаго протеста въ Херсонѣ, произвела сильное впечатлѣніе. Полиція рветъ и мечетъ и рѣшила не сплоховать къ 19-му. Городъ принялъ воинственный видъ; солдатамъ роздали боевые патроны. Вызваны изъ Николаева казаки; по улицамъ проѣзжала артиллерія. Населеніе, въ особенности еврейское, страшно перепугано, такъ какъ полиція хвалится, что при малѣйшей попыткѣ устроить демонстрацію будетъ погромъ.

Симферополь. 9 января была устроена массовка въ 120 чел. Собраніе было посвящено разбору вопроса о событіяхъ въ Петербургѣ и значеніи всеобщихъ забастовокъ. Собраніе прошло очень оживленно. Послѣ этого было созвано еще два массовыхъ собранія, но оба провалились. Организовано четыре пропагандистскихъ кружка, въ которые входитъ до 40 чел. Кромѣ того, еженедѣльно устраиваются маленькія массовки и два-три летучихъ собранія и т. д. Пропаганда и широкая агитація идетъ не совсѣмъ успѣшно, какъ вслѣдствіе недостатка силъ, такъ и вслѣдствіе того, что много времени приходится удѣлять разбору организаціонныхъ дрязгъ и мелочей. За послѣднее время было распространено до 17.000 листковъ, изданныхъ Крымскимъ Союзомъ (Рѣчь Громозовой, „Что такое политическая свобода“, Къ обществу!, Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о петербургск. событ.), о 19 февраля 1861 г., Земскій соборъ или Учредит. Собраніе, Памятка солдата и Царское слово русскимъ рабочимъ). Листки распространялись также по всѣмъ улицамъ Симферополя и всегда хорошо сходили. Полиція металась изъ стороны въ сторону, но ни на какіе слѣды напасть не можетъ.

Подъ вліяніемъ событій во всей Россіи и забастовки въ Θеодосіи, среди рабочихъ мѣстныхъ табачныхъ фабрикъ стало замѣчаться сильное стачечное настроеніе. Безобразныя условія труда, возмутительное обращеніе съ работницами, нищенскій заработокъ создали крупное недовольство и озлобленіе. Заговорили о забастовкѣ раньше всего на фабрикѣ Ашкинази. 16 февраля состоялось собраніе, на которомъ присутствовало около ста рабочихъ и работницъ изъ этой фабрики. Одному товарищу изъ мѣстной организаціи удалось попасть на это собраніе и произвести рѣчь о положеніи рабочихъ на табачныхъ фабрикахъ въ связи съ положеніемъ всего рабочаго класса. Онъ подробно развивалъ эту мысль и указалъ на борьбу, какъ на единственное средство избавленія отъ гнета капитализма. Рабочіе были очень враждебно настроены противъ „политики“, и потому были выработаны требованія, исключительно экономическаго характера и объявлена стачка. Собравшись на другой день на работу, всѣ съ криками: „мы объявляемъ забастовку“ бросили работу и ушли. Къ вечеру того же дня было устроено еще одно собраніе. Тотъ же ораторъ коснулся необходимости борьбы съ хозяевами и слегка указалъ на связь этой борьбы съ необходимостью бороться за свободу союзовъ, собраній, стачекъ, слова и печати. Многіе выражали недовольство по поводу разговоровъ политическаго характера, и потому много распространяться на эту тему пока было невозможно. Въ слѣдующій вечеръ уже удалось довольно подробно поговорить о необходимости политической свободы и созыва Учредительнаго собранія. На вопросъ оратора: нужна ли намъ свобода союзовъ, слова etc., *всѣ* дружно отвѣтили: „да, нужна-нужна!“ На остальныхъ четырехъ собраніяхъ говорилось о петербургскихъ событіяхъ и проч. Одно изъ слѣдующихъ собраній, на которомъ было до 120 чел., провалилось: пришла полиція, но всѣхъ распустила, не переписавъ даже фамилій. Желая положить конецъ забастовкамъ, полиціймейстеръ Кузьменко предложилъ рабочимъ собраться въ ремесленной управѣ, въ присутствіи инспектора, хозяевъ и полиціи. Предварительно организаціей было созвано 60 чел. рабочихъ, которымъ подробно объяснили смыслъ такихъ собраній, и всѣ единогласно рѣшили не поддаваться и бастовать до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены всѣ требованія. На собраніи въ управѣ рабочіе держались хорошо. Одна изъ дѣвушекъ довольно толково изложила требованія забастовавшихъ. Инспекторъ сталъ защищать хозяина, оправдывать его поведеніе. Тогда всѣ крикнули: „вы намъ не нужны, вы за хозяевъ“. Онъ пригрозилъ арестомъ, но всѣ крикнули: „арестуйте всѣхъ, если можете“. На слѣдующій день были даны нѣкоторыя уступки: десяти-часовой рабочій день, плата за тысячу папиросъ 45 и 40 коп., увеличеніе платы мужчинамъ до пяти и женщинамъ до двухъ рублей, устройство столовой, безплатная медицинская помощь, принятіе всѣхъ на работу. Тогда рабочіе табачныхъ фабрикъ рѣшили приступить къ работѣ. Забастовка продолжалась семь дней и поддерживалась матеріально организаціей. Къ фабрикѣ Ашкинази примкнула фабрика Фокермана и Розолина. Въ общемъ забастовка подняла престижъ организаціи и упрочила связи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раньше вслѣдствіе слабости организаціи, связи были ничтожны. Бастовали еще гладильщики, красильщики и портные. У нихъ ежедневно происходили собранія, и наша агитація идетъ успѣшно.

Томскъ. 24 янв. Подъ резолюціей профессоровъ технологическаго института о протестѣ противъ избіенія не подписались только Ефимовъ и Зубатовъ. Зубатовъ не могъ, какъ оффиціальное лицо, а Ефимовъ, говорятъ, хочетъ даже поднести адресъ государю. Вчера была сходка въ университетѣ; на сходкѣ было свыше 300 человѣкъ. Арестованные на демонстраціи, въ числѣ свыше 120 чел., сидятъ. Изъ нихъ 45 чел. раненыхъ, изъ которыхъ нѣсколько умретъ. На свободѣ раненыхъ насчитываютъ около ста. Убито, говорятъ около 15 чел. Полиція хоронила всѣхъ ночью (только гимназиста Елизарова — въ 7 съ половиной утра). Теперь въ Томскѣ вообще не безопасно жить. Предполагаютъ арестовать еще 90 челов., такъ какъ, кого нужно, арестовать на демонстраціи не удалось. Сейчасъ же полиція вездѣ примѣняетъ слово и дѣло. Приведу нѣсколько провѣренныхъ фактовъ. 22-го числа на Офицерской улицѣ въ частномъ домѣ собралось 8 человѣкъ, чтобъ выпить и повеселиться (были студенты и частные). Явилась полиція и попросила всѣхъ въ участокъ, какъ незаконно собравшихся(?!) Тѣ не пошли. Тогда потребовали хозяина въ полицію; гости, видя, что дѣло плохо, стали собираться домой. Вышедши, они встрѣтили на крыльцѣ полицейскаго, который толкнулъ одного студента. Другой студентъ ударилъ за это городового. Явилось нѣсколько фараоновъ и избили этихъ 8 человѣкъ; одинъ кое какъ прополз въ другой дворъ и спасся. Объ участи остальныхъ не знаю. Затѣмъ однажды днемъ забрали 3-хъ студентовъ, какъ составившихъ скопище (?). Вчера вечеромъ около магазина Гольдберга шелъ какой то господинъ въ 7 часовъ вечера. Вдругъ подъѣзжаютъ на саняхъ городовой и еще кто-то, должно быть шпикъ, схватываютъ господина и кладутъ въ сани, причемъ начали сильно бить. Публика не успѣла сообразить, какъ они исчезли уже по Краковскому переулку. Было еще много, много возмутительныхъ фактовъ — всѣхъ не пересчитаешь.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Рабочіе къ рабочимъ о партійныхъ разногласіяхъ.

Товарищи! Партійныя разногласія, терзающія, рвущія по кускамъ нашу партію вотъ уже въ теченіи полутора годовъ; разногласія, тормозящія дорогое для насъ рабочее движеніе, являющіяся одною изъ главныхъ, а можетъ быть, и единственною причиною нашей неподготовленности въ такой важный моментъ, нашей неспособности использовать его, грозятъ намъ расколомъ, грозятъ, раздробивъ на куски партію, надолго отодвинуть рѣшительное выступленіе Россійскаго пролетаріата Часть нашей интеллигенціи со времени II съѣзда такъ отличалась своей нетерпимостью по отношенію къ чужимъ мнѣніямъ, не товарищескимъ отношеніемъ другъ къ другу, различными „раскассированіями“ и „вышибаніями“ изъ комитетовъ, столько внесла грязи въ партію, столько сдѣлала зла, что мы не знаемъ, удастся ли ей когда нибудь загладить его.

Вдумайтесь, товарищи, во все то, что дѣлалось за послѣднее время въ партіи, вдумайтесь хорошенько въ эти „вышибанія“, „раскассированія“, о которыхъ мы говорили выше, въ недопущеніе „Искры“ нѣкоторыми комитетами большинства въ организаціи, въ антагонизмъ среди интеллигенціи, въ расколы почти вездѣ, гдѣ меньшинству приходилось сталкиваться съ большинствомъ, въ разрывъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ комитетовъ (Петербургскій) съ центральнымъ, (Бак. ком., напр., порвалъ связь не только отъ своего имени, но отъ имени всѣхъ рабочихъ безъ согласія и даже безъ вѣдома самихъ рабочихъ). Вдумайтесь и вы увидите, что эта часть интеллигенціи, несмотря на всѣ свои хорошія слова, тянетъ движеніе не впередъ, а назадъ, что партія въ опасности и что всему сознательному пролетаріату необходимо высказаться по этому вопросу. Въ виду всего сказаннаго, мы, часть тифлисскаго пролетаріата, обращаемся къ вамъ съ требованіемъ во имя партійнаго единства, во имя дальнѣйшаго развитія рабочаго движенія и освобожденія рабочаго класса, вмѣшаться въ партійную жизнь и положить конецъ дезорганизаціи, разброду и прочимъ прелестямъ. Довольно молчанія и пассивнаго отношенія къ дѣламъ партіи, товарищи! Мы слишкомъ долго молчали! Наступилъ моментъ, когда пролетаріатъ немедленно-же долженъ выступить и сказать свое властное слово. Судьбы рабочей партіи не могутъ-же рѣшаться одною интеллигенціей, значитъ, частью партіи, и намъ необходимо принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Будемъ-же, товарищи, всѣми силами стараться, чтобы не допустить того антагонизма, разброда и раскола, который царитъ среди интеллигенціи, въ рабочую среду. Пойдемъ же, товарищи, всѣ вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ, по пролетарскому пути — къ соціализму, если интеллигенція не можетъ этого сдѣлать, и сдѣлаемъ все возможное, чтобы предохранить нашу партію отъ дробленія на куски и кусочки, чтобы сохранить ее во всемъ ея цѣломъ.

Итакъ, товарищи, на нашу долю выпала сложная задача сохранить единство партіи и мы должны ее во чтобы то ни стало выполнить. Будемъ же слѣдить за тѣмъ, чтобы не было „вышибаній“ и „раскассированій“, будемъ всѣми силами бороться съ дезорганизаторскими попытками, отъ кого бы онѣ ни исходили, и знакомиться, поскольку это не мѣшаетъ революціонной работѣ, съ партійными разногласіями. Но до тѣхъ поръ, пока мы не уяснимъ себѣ принциповъ той и другой стороны, мы не пойдемъ ни за большинствомъ, ни за меньшинствомъ, мы не будемъ опредѣлять своего отношенія ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Только не разъединяясь, только являясь нераздѣльнымъ цѣлымъ, мы съумѣемъ объединить вокругъ себя всѣхъ желающихъ работать, будь то большевикъ или меньшевикъ все равно, и предохранить партію отъ раскола. И потому, если у насъ будетъ свое „большинство“ и „меньшинство“, что очень сомнительно, мы постараемся сохранить товарищескія отношенія до III съѣзда, дѣйствительно, всей партіи, которому и предоставимъ разрѣшить надѣлавшіе столько смуты и зла вопросы. За дѣло же, товарищи, не медля ни минуты!

Намъ нужно, какъ можно скорѣе, покончить съ партійными разногласіями, иначе покончатъ съ партіей.

Еще разъ позволимъ себѣ напомнить, что въ партіи во всемъ ея цѣломъ нѣтъ разногласій, въ партіи во всемъ ея цѣломъ нѣтъ раскола — расколъ имѣется только среди части партіи и отъ насъ зависитъ существованіе его въ нашей средѣ.

Впередъ же, товарищи, на борьбу съ дезорганизаціей во имя партійнаго единства! Да здравствуетъ единая и нераздѣльная Рос. Соц.-дем. Раб. Партія!

Съ товарищескимъ привѣтомъ всему Россійскому пролетаріату

Тифлисская районная организація.

Вышелъ № 4 „Соціальдемократа“ (январь-февраль). Содержаніе: Девятое января (стих.). — Смерть тиранамъ, свобода народу! — Петиція петербургскихъ рабочихъ. — Они заговорили! — Царь напряженно работаетъ! — Кровавая ложь фарисеевъ синода. — Письмо къ екатеринославскимъ товарищамъ. — Политическое обозрѣніе: Всероссійская революціонная стачка. — Стачки углекоповъ. — „Машинушка“ (стих.). — Фельетонъ: Царь-послѣдышъ (окончаніе).

Вышли листки: **„Искры“** 1) Къ желѣзнодорожн. рабочимъ и служащимъ. 2) Ни копѣйки самодержавію! 3) Довольно крови, довольно убійствъ! 4) Солдатская памятка (2-е дополненное изданіе). **Петербургской** группы Ц. К.: 1) Царскій созывъ излюбленныхъ людей; 2) О рескриптѣ 18-го февраля; 3) Объ арестахъ выборщиковъ; 4) Отчетъ группы. Городского района той-же группы: 1) Къ рабочимъ Франко-русскаго завода; 2) О рескриптѣ царя. **Сѣвернаго** Комитета: Отчетъ съ августа 1904 года по январь 1905 г. **Смоленскаго Ком.** 1) Резолюція собранія рабочихъ (1000 экз.) и 2) „Къ гражданамъ“ (500 экз.) **Харьковскаго** Ком.: 1) Ко всѣмъ рабочимъ Гельфериха-Саде (200 экз.); 2) Ко всѣмъ портнымъ; 3) Ко всѣмъ рабочимъ столярнаго производства (300 экз.); 4) Заявленіе по поводу выпущенной кѣмъ то отъ имени Комитета прокламаціи (100 экз.); 5) Ко всѣмъ рабочимъ г. Харькова (по поводу предателей на паровозостр. зав. — 500 экз.) **Кіевскаго** Ком.: „Царямъ наканунѣ всенароднаго возстанія“: **Одесскаго** Комит. Политика насилія и обмана (6000 экземпляровъ). **Екатеринославскаго** Ком. 1) „Ко всѣмъ гражданамъ Россіи“ (листокъ „Искры“ — 5000 экз.); 2) 19-е февраля (4000), 3) Къ солдатамъ (800 экз.); 4) „Пора кончать!“ (лист. „Искры“ — 5000) **Донского** Ком.: 1) Ко всѣмъ рабочимъ; 2) Бойня въ Баку; 3) Приглашеніе на митингъ; 4) Требованія приказчиковъ. 5) „Въ бой за свободу!“ (лист. „Искры“) **Херсонской** орган.: „Ко всѣмъ!“ **Вольнцевск.** группы: Призывъ къ стачкѣ. **Николаевск.** Ком.: Призывъ ко всѣмъ рабочимъ (540). **Одесской** группы Ц. К.: 1) Солдатская памятка („Искры“ — 20000); 2) Ко всѣмъ гражданамъ Россіи („Искры“ — 6000); **Крымскаго Союза**: 1) Солдатская памятка („Искры“ — 20000); 2) Царское слово русскимъ рабочимъ. (20000) **Севастопольской** организаціи Крымскаго Союза: 1) Къ матросамъ (о судѣ надъ товарищами — 2800); 2) Къ рабочимъ порта и ремесленныхъ мастерскихъ (3350). **Мелитопольск.** организ. Крым. Союза: „Ко всѣмъ крестьянамъ и рабочимъ“ (по поводу полицейской агитаціи). **Ялтинской** орг.: Заявленіе организ. рабочихъ (по поводу слуховъ о погромѣ). **Сѣверо-Западнаго** Ком.: Царь и крамола (10000). **Астраханскаго** Ком. Къ обществу. **Московскаго** Ком.: О манифестѣ 18 февраля и „Къ приказчикамъ и приказчицамъ въ торговлѣ съѣст. припасами“. **Казанскаго** Ком.: 1) Къ рабочимъ Алафузова (объ уволенныхъ — 800 экз.); 2) Цивилизованному міру (1000 экз.); 3) Описаніе стачки Алафузова (600); 4) Ко всѣмъ рабочимъ Казани (о рѣчи царя — 940 экз.); 5) Требованіе рабочихъ Алафузова (600); 6) Требованіе приказчиковъ (500). 7) Письмо къ офицерамъ (640); 8) Русскіе банкеты (1050 печ. экз.); 9) Къ рабочимъ объ японскихъ деньгахъ (940); 10) Къ булочникамъ (470 экз.) **Красноярскаго** Ком.: 1) Красн. губернатору; 2) „Стачка окончилась...“, 3) „Въ Россіи революція!“. **Читинскаго** Ком.: Резолюція рабочихъ. **Сибирскаго** Союза: „Ко всѣмъ рабочимъ“ (письмо Гапона съ комент.). **Иркутскаго** Ком. „Къ рабочимъ стекольнаго завода“. **Батумскаго** Ком. Бюллетень № 11 (1000 экз.).

Отчетъ Петербургской группы Ц. К. за время съ 1 января по 15 февраля 1905 г. Приходъ 5006 р. 50 к. Расходъ 4096 р. 58 к. Въ стачечный фондъ собрано 11337 р. 72 к., израсходовано на поддержку стачечниковъ 8831 р. 25 к. (изъ нихъ: Выборгскій районъ 1840 р., Невскій 1551 р., Городской 1473 р., Василеостровскій 1496 р., Петербургскій 892 р. 50 к., Нарвскій 1300 р., ремесленникамъ 14 р., больница 30 р., на выѣздъ 30 р., бакинцамъ 64 р. 75 к., по мелочамъ 10 р.); остается 2506 р. 47 к.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Редакція проситъ *всѣ партійныя организаціи* озаботиться доставкой надежныхъ въ конспиративномъ отношеніи адресовъ для *непосредственныхъ* и быстрыхъ сношеній, столь важныхъ въ такое время, какъ теперешнее. Только при томъ условіи, что партійныя организаціи установятъ регулярное сообщеніе съ заграничнымъ центромъ, товарищи могутъ ожидать отъ редакціи своевременной и быстрой помощи тактическими указаніями, освѣдомленіемъ о ходѣ партійной работы въ другихъ мѣстахъ, а равно и литературнымъ матеріаломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правильная постановка этихъ сношеній позволитъ Ц. К. удовлетворять тѣ многочисленные запросы на литературу, которые повторяются въ рядѣ писемъ въ Ц. О. Рекомендуемъ озаботиться объ установленіи прямыхъ сношеній съ редакціей не только руководящимъ организаціямъ, но и всѣмъ группамъ и кружкамъ, входящимъ въ составъ Партіи.

Просимъ о болѣе регулярной высылкѣ всѣхъ мѣстныхъ изданій, съ обозначеніемъ непремѣнно даты изданія и количества его.

Заграничн. представ. Ц. К. получены съ 20 дек. по 20 марта: Собр. на банк. въ Спб. 80 р.; отъ женев. гр. за янв 439 фр. 90 с., отъ К. за „И“ 30 фр. и Ц. К. 20 фр.; Лиды 10 фр., Софійск. ком. болг. С. Д. П. 30 фр.; Як. 100 фр., Nemo „С. Д.“ 50 фр. 20 с., Антверп. 30 фр. Эти черезъ Л.—Ц. К. 10 фр.; въ Женевѣ: съ вечера 80 фр., отъ супр. X. У. на отъѣзж. 800 фр., отъ M-me N. 5 фр., съ веч. груп. рев. мол. 153 фр., съ митинга 500 фр.; чер. Л. Д.: отъ проф. 2500 фр. и отъ D-ra Gor. 1700 фр.; изъ Монтрэ Ц. К. 10 фр.; изъ Кёттена: на лит. 30 фр., по лист. №№ 7, 8, 9 — 28 фр. 50 с. и изъ Рос. отъ типогр. для Ц. К. 132 фр. 50 с.; изъ Парижа: отъ француж. 50 фр., отъ гр. рус. студ. мед. на партію 302 фр. 25 с., для борьбы за свободу 20 фр. въ пользу сем. стач. 35 фр. 50 с. и на стачечн. 46 фр. 50 с. отъ Lacombe 5 ф., отъ Baur. 25 фр.; изъ Фрейб. (Сакс.). 370 фр. + 130 фр. для Ц. К.; отъ D-ra Meery 10 фр.; изъ Лозанны: отъ груп. сод. за янв. 95 фр. и 15 р.; 22 фр. 50 с.; 11 фр. на нужды пар.; со спект. въ пользу стачечн. 153 фр.; съ бала 254 фр. 15 с.; черезъ Ш. 280 ф., maison du Peuple 50 фр., Admin. Grütli 44 фр. 65 с., X для Ц. К. 25 фр.; Монтрэ — отъ Г. Л. 20 фр. + 10 фр.; для Ц. К. 10 фр.; Базель: по лист. № 12 для сем. убит. 59 фр., № 21 въ пользу парт. (собр. среди раб. 46 фр.) 90 с., по л. № 5 за янв. 16 фр. 50 с., за Postkart. 6 фр.; оттуда же за грав. 54 фр. 25 с.; 35 фр. 70 с. и 28 фр. 40 с.; Фрайбергъ (Гес.) 146 фр., 153 фр. и чер. Г. С. П. 61 фр. 25 с.; Lugano: D-r Mario Ferri 50 фр.; Вѣна: отъ Адлера 1000 фр., отъ С. Л. за окт., нояб. и дек. 60 кр.; отъ Fr. Mühlmann 30 фр. 78 с.; Vevey par Rinsoz 89 фр. 50 с. для стач.; Iena von Ikw. для Ц. К. 61 фр. 55 с.; Гейдельб. по л. № 11 для стач. 250 фр.; Штутг.: чер. Н. 60 фр., 41 фр. 50 с.; Davos-Dorf: отъ ст. с. д. для отъѣзж. 500 фр., 150 фр., 175 фр., 80 фр. Брюнсв.: отъ гр. сод. 184 фр. 72 с. и въ пользу перв. муч. рус. рев. 246 фр. 30 с.; Изъ Льежа. 200 фр. 300 фр., 109 фр., 667 фр. 95 с.; изъ Гейдельб: отъ NN. 25 фр.; изъ Берлина 500 м.; изъ С.-Ремо для Ц. К. 385 фр., 120 фр. Съ русск. митинг. 335 фр., отъ финск. студ. 240 фр. по листу 866 фр. 45 с., изъ Фрейб. 107 фр. 35 с., изъ нѣмец. Gewerk. 48 фр., изъ Aposi 65 фр., въ февр. 392 фр. 5 с. Изъ Дармшт.: въ пользу стач. 340 м.; Изъ Цюрих. для жертвъ рев. 30 р.; изъ Карлсруэ по №№ 21 и 22 съ нѣм. собр. и мѣстн. изд. гр. 113 фр.; Дрезд.: 76 фр. 34 с. (изъ нихъ 40 фр. изъ нѣм. др.), 82 фр. 62 с. на револ. и 223 фр. 90 с. для стач., отъ груп. сод. 123 фр., 68 фр. 95 с.; Mannheim: Dr. L. Frank. 328 фр. 37 с.; Монпелье: по лист. № 5 53 фр. 55 с.; Bienne: sect. social. ital. 7 фр., Amrisvil 4 фр. 50 с., Vinterthur Arbeit Un. f. Freiheitskämpfer 21 фр.; Eis Siegrift 10 фр. для бор. за своб. 20 фр., отъ З. 50 фр.; Нанси; на стач. 64 фр. 30 с. 76 фр., эмигр. 30 с.; съ веч. 69 фр., съ реф. 101 фр., членск. взн. 4 фр., изд. Бельт. 13 фр., литер. 13 фр. 80 с.; Изъ Берна: за дек. и янв. 1085 фр. 65 с., на изд. Бельт. 350 фр.; Мюнхен. груп. сод. для Ц. К. 600 мар. и 440 м.; Budapest: Unterst. d. russisch. Arbeit. 139 фр. 25; St. Gallen. N. R. 5 фр.; M-me Nef-Kern 10 фр., Brighton 40 фр. 30 фр.; Bern sect. soc. ital. 29 фр.; Брюссель черезъ О. пол. № 25 — 42 фр. 50 с., № 38 — 19 фр. 50 с. и по др. 165 фр. 40 с.; Neuschatel. sect. soc. ital. 20 фр.; Hamburg M-r G. 34 фр. 35 с.; Leipzig: Buchand. Ans. Gesellsch. 50 фр. и 24 фр.; Volkszeit. 100 фр. и 44 фр., отъ Ма. 59 мар. (изъ нихъ 30 мар. для Э. К. и въ Лигу отъ игрок. 23 м.); отъ N. съ Alexandstr. для нуждъ рев. 20 м., чер. Балабан. изъ Венеціи 30 фр., 20 фр. и 25 фр.; Wiesbaden: für die Opfer 123 м. 15 пф.; Frankfurt a/M. von R. Haurand f. d. rus. soc. dem. 50 м., Митвайде на нужды рев. 92 фр. и 411 фр. 35 с.; Colorado. Soc. Part. 349 фр.; Kristianie: Red. soc. dem. 500 фр.; London: Free Russian 80 ф. ст., 50 ф., 10 ф., 50 ф.; Ind. Lab. Par. 80 ф. ст. и 90, отъ гр. сод. 151 фр. 20 с. и 100 фр. 80 с.; New-Iork: Henri Kuhn, soc. lab. Par. 191 фр. 45 с., чер. D-ra Ingermann съ нов. г. 1250 дол., чер. Сол. 515 фр. Отъ Герм. Соц.-Дем. парт. 6800 м.; изъ собр. во Франц. 4404 фр. 30 с.; Arbeit. Union Zürich 1000 фр., D-r Kantschew изъ Констанціи 224 фр.; отъ Л. чер. Ал. Ник. 200 фр.; отъ друзей на „С. Д.“ 25 р. и отъ нихъ же 27 р.; изъ Женевы: отъ хим. шк. на стач. 63 фр. 55 с.; Peuple de Genève 394 фр.; собр. съ реф. Мартын. 95 фр. 75 с. **Всего** 54.433 фр. 79 с.

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ, къ сожалѣнію, отложить до другого № статью: „Священникъ Гапонъ“, написанную по поводу прокламаціи комитетовъ восточнаго района: „Рабочій классъ и попъ Гапонъ“.

Фридриху. Шифръ переданъ и разобранъ.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ, съ редакціей „Искры“ и „Зари“ и „Лигой Русской Революціонной Соціальдемократіи“:

Mr. P. Axelrod, 4, Bd. Pont d'Arve. Genève (Suisse)

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.“, „для редакціи“, „для Лиги“)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 93. Четвергъ 17-го марта 1905 г. Годъ V

ТРАГЕДІЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДУШИ.

Въ февральской книжкѣ „Образованія“ извѣстный земецъ, г. Николай Шишковъ, очень яро, но и очень неудачно, полемизируетъ противъ помѣщенной въ декабрьской книжкѣ того же журнала статьи Н. Іорданскаго о „земскомъ либерализмѣ“. Играя словомъ „народъ“, подмѣняя этимъ словомъ два гораздо болѣе опредѣленныя слова— „*весь* народъ“, напирая на то, что земцы хлопотали будто-бы только *для* народа, и замалчивая, что они всегда боялись дѣйствовать *черезъ* народъ, г. Шишковъ тщетно старается опровергнуть весьма непріятный, но и совершенно несомнѣнный фактъ: каждый разъ, когда до сихъ поръ передъ земцами вставалъ вопросъ — съ народомъ или безъ народа, они рѣшали его въ пользу второй половины дилеммы, а при наличныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ, это значитъ не только, „безъ народа“, но и *противъ* него. Субъективное „народолюбіе“ земцевъ, на которое ссылается г. Шишковъ, ничего не мѣняетъ въ объективномъ положеніи дѣлъ. „Все *для* народа, ничего *черезъ* народъ“ — этотъ девизъ принимали и такія общественныя силы, которыя врядъ-ли даже г. Шишковъ заподозритъ въ способности выражать дѣйствительные интересы всего народа...

Стихійное народное движеніе, проявлявшееся рядомъ вспышекъ, въ связи съ колоссальными потрясеніями, вызванными войной и дезорганизовавшими весь правительственный механизмъ, внушило земцамъ въ ноябрьскіе дни идею „народнаго“ представительства. Январьское выступленіе организованнаго и политически сознательнаго народа, въ лицѣ пролетарскихъ массъ, заставило ихъ выдвинуть идею представительства „всенароднаго“. Всеобщее, равное, прямое избирательное право и тайное голосованіе стало тѣмъ лозунгомъ, безъ котораго почти немыслимо въ настоящее время выступать передъ лицомъ страны съ „освободительными“ программами. Но если идея „народнаго“ представительства, несмотря на пресловутый пунктъ 7-й о равенствѣ правъ всѣхъ гражданъ, пунктъ, въ который такъ много старались „втолковать“ и подъ которымъ такъ много хотѣли „подразумѣвать“ не по разуму усердные сторонники „объединенія“ всѣхъ „революціонныхъ“ силъ, если, несмотря на этотъ пунктъ, идея „народнаго“ представительства могла облечься въ плоть и кровь въ видѣ пожеланій губернскихъ земскихъ собраній, требовавшихъ лишь представительства земствъ, то, разумѣется, еще меньше гарантій, чтобы земцы и идущія въ дружескомъ единеніи съ ними силы не постарались уклониться отъ навязанной имъ революціей идеи представительства *всенароднаго*.

Если выступленіе народа городовъ, пролетаріата, политическому воспитанію котораго была посвящена неустанная двадцатилѣтняя работа соціальдемократіи, нѣсколько ослабило на время исконную боязнь народа въ кругахъ земскаго либерализма, не причастнаго непосредственно къ эксплуатаціи промышленныхъ рабочихъ, то послѣдующія событія заставили снова сильнѣе зазвучать струну этой боязни. „Черныя сотни“ организованныя правительствомъ, какъ ни мал численно, въ су[illegible] ихъ составъ, напоминали о тѣхъ [illegible] ныхъ низахъ народа, гдѣ гнѣздятся порабощенныя и невѣжественныя массы, не знающія, куда направить порожденный крайней степенью нищеты и угнетенія протестъ, и потому способныя, хотя-бы временно, служить орудіемъ реакціи. А выступленіе на сцену крестьянства, въ своемъ неоформившемся еще движеніи одинаково равнодушно вырубающаго лѣса и дикаго реакціонера и либеральнаго „друга народа“, снова обострило кое въ комъ то безпокойное чувство страха передъ народомъ, которое основывается на прорывающихся сквозь самый толстый слой сантиментальнаго „народолюбія“ классовыхъ противорѣчіяхъ между крупнымъ помѣщичьимъ землевладѣніемъ и мелкой, сопряженной съ кабалой, крестьянскою собственностью.

Необходимость выкинуть знамя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права съ одной стороны, и тайная, по необходимости-же тщательно скрываемая, боязнь этой системы избирательнаго права, съ другой — вотъ разыгрывающаяся на этой почвѣ современная трагедія либеральной души. Эта трагедія тщательно скрывается отъ нескромныхъ чужихъ взоровъ, сами герои ея всѣми силами пытаются увѣрить другихъ, а, быть можетъ, и самихъ себя, въ наличности у нихъ твердаго убѣжденія, что всеобщее избирательное право — это „единственно справедливое выборное начало“,[1]) основанное на „выводахъ государственной науки“[2]) и пр. и пр. Но „сомнѣнія и опасенія“, терзающія душу либерала при мысли о томъ, что Ахеронтъ ворвется въ область „государственнаго строительства“, почти инстинктивно заставляютъ его искать обходныхъ путей, чтобы какъ нибудь отсрочить наступленіе этого часа испытаній. Удовольствовавшись въ ноябрѣ „идеей“ *народнаго* представительства, онъ хотѣлъ-бы теперь сдѣлать „идеей“, и только „идеей“, представительство *всенародное*. Онъ хотѣлъ бы, чтобы „единственно справедливое“ и пр. всеобщее избирательное право было „той формой, къ которой нужно стремиться“ Четвериковъ), чтобы оно было чѣмъ-то вродѣ прекраснаго идеала, свидѣтельства на искренность „народолюбія“, но только не задачей сегодняшняго дня. И не рѣшаясь высказать этого прямо, либеральная мысль старается отвлечь вниманіе на подготовку „условій“ для „разумнаго осуществленія всеобщей тайной подачи голосовъ“, Четвериковъ) на необходимость „перевоспитать“ народъ, на всевозможныя „неудобства“ отъ немедленнаго введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права, словомъ, на неизбѣжность „погодить“, а „пока что“ довольствоваться менѣе „справедливыми“ и менѣе „научными“ выборными системами. Къ сожалѣнію, надо признать, что иронія „Гражданина“ (№ 20), разсказывающаго объ „интеллигентахъ“, „изъ страха передъ народомъ“ „сочинившихъ планъ конституціи съ тремя палатами“, далеко не лишена основанія. Запутавшіеся въ задачахъ „подготовленія“ и „воспитанія“ либеральные прожектеры, понимающіе необходимость такъ или иначе дать хоть иллюзію сытости народнымъ „волкамъ“ и въ то-же время желающіе во что бы то ни стало сохранить въ полной цѣлости и неприкосновенности либеральныхъ „овецъ“, додумываются до такихъ чудовищныхъ системъ, которыя вполнѣ стоятъ „трехъ палатъ“. Образчикомъ этихъ трусливо-нелѣпыхъ проектовъ могутъ служить уже цитированныя нами двѣ статьи. А если у кого нибудь осталось-бы еще сомнѣніе насчетъ истинныхъ причинъ, заставляющихъ г.г. Четверикова, Кузьмина-Караваева и прочихъ народолюбцевъ утруждать себя столь тяжеловѣсными измышленіями, то тому г-нъ Четвериковъ говоритъ вполнѣ ясно: „достаточно напомнить, что въ Россіи значится 88 губ. и областей, что выборы хотя бы одного крестьянина отъ губерніи дали бы крестьянскій элементъ въ народное собраніе въ числѣ 88-и человѣкъ, т. е. группу людей, по своей численности могущихъ склонить вѣсы въ ту или другую сторону при разрѣшеніи цѣлой массы вопросовъ, имъ чуждыхъ и по ихъ развитію даже мало доступныхъ“. Sapienti sat! И мы, конечно, можемъ спокойно предоставить г.г. Шишковымъ писать панегирики трогательной любви къ „мужичку“ г.г. Четвериковыхъ.

Г. Четвериковъ хочетъ санкціи „народнаго совѣта“, какъ „необходимаго условія для проведенія въ жизнь каждаго правительственнаго проекта и новаго законоположенія“, но въ то же время настаиваетъ на необходимости „не нарушать прерогативъ верховной власти“. Озабоченный надлежащимъ „воспитаніемъ“ народа для такой колоссальной задачи, онъ придумываетъ какіе-то „совѣщательные и избирательные комитеты“, въ которыхъ „представители отъ крестьянскихъ обществъ, выбираемые по одному отъ пяти волостей“ (какова пропорція?!) и „представители отъ рабочихъ союзовъ“ потонутъ въ сонмѣ всякихъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства, предсѣдателей земскихъ управъ, городскихъ головъ, представителей духовенства, гласныхъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, думъ, представителей университетовъ, биржевыхъ обществъ, комитетовъ мануфактуръ и торговли и пр. и пр. — всего до 150 человѣкъ, которые и будутъ „воспитывать“ мужиковъ и пролетаріевъ и выбирать депутатовъ въ „народный совѣтъ“. Почтенный изобрѣтатель этихъ „воспитательныхъ“ комитетовъ самъ вынужденъ признаться, что „постановка дѣла“ у него очень „сложна“. Но за то какія выгоды! Во-первыхъ, къ избранію привлечены „всѣ“ — и крестьяне (по одному отъ пяти волостей!) и рабочіе (отъ „союзовъ“!), а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крестьяне и рабочіе лишены, впредь до прохожденія полнаго курса выучки подъ руководствомъ г. г. Четвериковыхъ, возможности выбирать собственныхъ представителей для рѣшенія „чуждыхъ“ имъ дѣлъ. За то народолюбивый авторъ предоставляетъ имъ полную возможность: 1) „приглядѣться“, какъ рѣшаютъ „государственные вопросы“ господа, и 2) „подавать свой вѣскій, по численности (!), голосъ въ пользу того кандидата, который въ совѣщательныхъ засѣданіяхъ комитета высказалъ бы полное пониманіе крестьянскихъ или рабочихъ нуждъ“. Ну, а если такого „кандидата“ съ „полнымъ пониманіемъ“ не найдется, то „черному народу“ предоставляется полное право на своихъ бокахъ испытывать, что корень ученія и въ „воспитательныхъ комитетахъ“ либераловъ бываетъ горекъ.

Какъ видимъ, г. Четвериковъ очень ужъ „простъ“, и патентованный либералъ, земецъ, гласный думы, профессоръ и генералъ Кузьминъ-Караваевъ его безъ труда заткнетъ за поясъ. Но и его „подготовительные“ проекты шиты бѣлыми нитками, и основная мысль ихъ — лишить полноты представительства рабочихъ и крестьянъ — совершенно ясна. Забавна уже самая формулировка тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ г. К.-К. „поступаться „отвлеченной [illegible] олицетворяемою всеобщимъ, равнымъ, прям[illegible] избирательнымъ правомъ. [illegible] выборовъ“ предполагаетъ [illegible] предвыборную борьбу“ [illegible] выборная борьба“ не д[illegible] го предполагаетъ г. Куз[illegible] агитація“ ведется уже и теперь, и „парт[illegible] и именно въ процессѣ „предвыборной агитаціи“, а не внѣ ея, онѣ будутъ крѣпнуть и окончательно оформливаться. Если г. Кузьминъ-Караваевъ хочетъ сказать, какъ это вполнѣ основательно можно предположить по разсѣяннымъ въ его статьѣ замѣчаніямъ, что „крайнія“ партіи организованы лучше, чѣмъ „умѣренныя“, то такъ и надо было прямо говорить. Тогда было бы уже совершенно ясно, къ чему клонитъ почтенный профессоръ, умудряющійся на протяженіи 20 строкъ говорить, что „полицейскіе окрики и мѣры всегда приводятъ къ торжеству того, кому мѣшаютъ и не позволяютъ говорить“, и въ то-же время жаловаться, что именно благодаря „окрикамъ“, „мѣшавшимъ говорить“ г. Кузьмину-Караваеву, „восторжествовали“ почему то не его мнѣнія, а „крайнія сужденія“.

Не болѣе въ серьезъ можно принять и мнѣніе г. К.-К., что, благодаря отсутствію у насъ извѣстныхъ широкимъ слоямъ, политическихъ дѣятелей“, голоса разобьются, Иванъ будетъ выбирать Петра, а Петръ Ивана и пр. Политическая извѣстность очень быстро создается при политической агитаціи и предвыборной борьбѣ, и если „опасенія“ единомышленниковъ г.-К. К. серьезны, то имъ лучше всего не изыскивать способы устроить „хорошіе“ выборы при ея отсутствіи, а *требовать*, и настойчиво требовать, *немедленнаго* созданія условій, обезпечивающихъ полную свободу агитаціи. Тогда не придется терзаться и тѣмъ, что изъ-за раздробленія голосовъ, „представительство“, посланное фактически „десятой, двадцатой, сотой частью избирателей будетъ дискредитировано въ глазахъ всѣхъ и вся“. Но намъ, признаться, это терзаніе либеральнаго генерала не кажется слишкомъ серьезнымъ. Насколько намъ извѣстно, г. Кузьминъ-Караваевъ такъ мало не чувствовалъ себя „дискредитированнымъ“ въ качествѣ гласнаго тверского земства и петербургской думы, что свободно выступалъ отъ имени народа и даже заявлялъ, будто „теорія всеобщаго избирательнаго права совершенно непримѣнима къ земскому самоуправленію“ [1]). А любопытно было бы знать; какая именно „часть“ населенія Тверской губерніи или города Петербурга „послала“ г. Кузьмина-Караваева въ гласные?

Истинная основа проектовъ либеральнаго земца вовсе не въ этихъ мнимыхъ затрудненіяхъ, а совсѣмъ въ другомъ. „Идея государственнаго всеединства затуманена въ сознаніи *идеей единства классоваго и группового* (курсивъ нашъ), — вотъ гдѣ лежитъ причина сомнѣній и опасеній“, говоритъ онъ, съ тѣмъ чтобы черезъ столбецъ сказать, что „рабочіе — *единственный* (курс. нашъ) рѣзко обособленный классъ въ современной русской группировкѣ“, и такимъ образомъ признаться, что именно „идея классоваго единства“ пролетаріата внушаетъ ему „сомнѣнія и опасенія“.

Г. К.-К. знаетъ, что „рабочіе — сила“, и потому, конечно, и не думаетъ уже о томъ, чтобы вовсе лишить ихъ представительства. Пріурочивая выборы депутатовъ къ земствамъ и городскимъ думамъ, соотвѣтственно „пополненнымъ“ крестьянами и квартиронанимателями, онъ создаетъ для рабочихъ „спеціальную групповую избирательную единицу“, предоставляя имъ „въ большихъ городахъ и въ негородскихъ фабрично-заводскихъ центрахъ“ выбирать „одного или нѣсколькихъ представителей“. Дѣло сводится, такимъ образомъ, для К.-К., какъ и для Четверикова, къ ограниченію представительства рабочихъ, къ ихъ „изоляціи“, не позволяющей имъ стать центромъ притяженія для всѣхъ слоевъ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ и привлечь себѣ на службу интеллигентные элементы нерабочей среды. Словомъ, именно противъ соціальдемократіи направлены всѣ измышленія г. К.-К.: понимая невозможность лишить рабочихъ всякаго представительства, онъ старается поставить его въ такія рамки, чтобы оно было представительствомъ интересовъ отдѣльныхъ группъ рабочихъ, а не рабочаго *класса*. Ради этой-же цѣли г. К.-К. предоставляетъ рабочимъ выбирать „каждое лицо, пользующееся правомъ голоса *въ данномъ территоріальномъ районѣ*“ (курс. нашъ). Такое ограниченіе было бы прямо направлено противъ того интеллигентнаго пролетаріата, изъ рядовъ котораго вербуется часть соціальдемократической интеллигенціи, и который, гнѣздясь по „комнатамъ“, не попадетъ, конечно, въ тѣ квартиронанимательскія „общенія“, черезъ которыя, по проекту К.-К., интеллигенція только и можетъ стать „пользующейся правомъ голоса“.

Можно было бы „по человѣчеству“ простить г. К.-К. это, столь естественное для него, стремленіе урѣзать права классоваго рабочаго движенія. Но отвратительно то лицемѣріе, съ которымъ эти антипролетарскіе и антидемократическіе проекты обосновываются мнимымъ опасеніемъ за самихъ рабочихъ, которые будто бы при всеобщемъ и пр. избирательномъ правѣ потонутъ въ рядахъ другихъ избирателей и потому не будутъ въ состояніи послать своихъ представителей. Либеральный профессоръ не останавливается даже передъ явно нелѣпымъ утвержденіемъ, будто „рабочіе на Западѣ не замыкаются такъ глухо отъ другихъ слоевъ населенія, какъ у насъ“. А если принять во вниманіе, что невозможность немедленнаго введенія всеобщаго и пр. голосованія К.-К. объясняетъ, какъ мы видѣли, прежде всего отсутствіемъ политической организованности, вслѣдствіе чего-де „разобьются“ голоса, и что, съ другой стороны, по его же словамъ, „у рабочихъ имѣется чрезвычайная сплоченность и крѣпкая внутренняя организація“, то совершенно очевидно, что не отсутствія представительства рабочихъ, а *чрезмѣрнаго* представительства ихъ опасается народолюбивый земецъ [1]).

Но страхъ либеральной души передъ народомъ распространяется не на однихъ только рабочихъ. Крестьяне находятъ не больше благоволенія въ очахъ ея. А такъ какъ у крестьянъ нѣтъ той „чрезвычайной сплоченности“ и „организаціи“, какъ у пролетаріата, то съ ними, естественно, можно церемониться гораздо меньше. И К.-К. попросту засовываетъ крестьянъ избирателей въ земства, гдѣ они тоже могутъ преимущественно „приглядываться“. Правда, сохраняя *сословное* обособленіе крестьянъ (и это надо замѣтить!) онъ предлагаетъ „нынѣшнихъ крестьянъ-гласныхъ“ въ земствѣ замѣнить „выборными отъ волостей“. Но не самъ ли г. К.-К. мотивировалъ въ свое время „непримѣнимость“ всеобщаго избирательнаго права въ земствахъ зависимостью крестьянъ отъ земскихъ начальниковъ и другихъ властей? Такимъ образомъ, и „выборные отъ волостей“ будутъ выбраны несвободно, да, вдобавокъ, еще совершенно потонутъ въ массѣ другихъ гласныхъ. А на исчезновеніе „земскихъ начальниковъ“ и прочихъ представителей „твердой власти“ либеральный земецъ даже и не разсчитываетъ. Однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ всеобщаго избирательнаго права у него и сейчасъ служитъ „немыслимость перевоспитать въ короткое время губернаторовъ и особенно земскихъ начальниковъ“.

Отложить всеобщее избирательное право до тѣхъ поръ, пока г. г. Кузьминымъ-Караваевымъ удастся „перевоспитать“ и народъ, и „губернаторовъ“, значитъ [illegible] довольствоваться чистой *идеей* „всенароднаго“ представительства. Но, спрашивается: зачѣмъ же „перевоспитывать“ бурбоновъ самодержавія? Не проще ли [illegible] ихъ? [illegible] либеральной души, что „смѣстить“ ихъ можетъ только революція, а господинъ Кузьминъ-Караваевъ, подобно г. Четверикову, „всю надежду“ возлагаетъ на „сліяніе Царя (и даже съ прописной буквы!) съ народомъ“. Въ этой боязни революціи — другое выраженіе все той-же трагедіи либеральной души, боящейся народа. И оно показываетъ, какъ боязнь народа толкаетъ часть земскаго либерализма прямо въ объятія реакціи. Г.г. Кузьмины-Караваевы и имъ подобные нападаютъ въ тылъ освободительному движенію и облегчаютъ демагогическія затѣи царизма. И если-бы судьба свободы зависѣла только отъ нихъ, то можно поручиться, что и конституція осталась-бы однимъ „мечтаніемъ“. Но къ счастью, дѣло революціи находится въ надежныхъ рукахъ пролетаріата, и въ своемъ наступательномъ движеніи она заставитъ все болѣе и болѣе широкіе круги либерализма и демократіи идти съ народомъ, такъ какъ идти противъ него будетъ равносильно обреченію себя на погибель вмѣстѣ съ отмирающимъ самодержавіемъ. До полнаго крушенія царизма трагедія либеральной души должна будетъ все чаще и чаще, хотя-бы и нехотя, разрѣшаться въ прямое пособничество революціи.

СВЯЩЕННИКЪ Г. ГАПОНЪ.

Передъ нами лежитъ воззваніе „ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“, подписанное комитетами восточнаго района нашей партіи и напечатанное въ типографіи Центральнаго Комитета. Воззваніе это порождаетъ въ насъ нѣкоторое недоумѣніе, и мы считаемъ необходимымъ сказать открыто что именно заставляетъ насъ недоумѣвать. Мы увѣрены, что наши товарищи восточнаго района не посѣтуютъ на насъ за нашу откровенность: мы *нравственно обязаны* быть откровенными.

Воззваніе, — озаглавленное: „*Рабочій классъ и попъ Гапонъ*“, — посвящено оцѣнкѣ петербургскихъ событій 9-го января и той роли, которую игралъ въ этихъ событіяхъ священникъ Гапонъ. Къ этому послѣднему авторы воззванія относятся крайне строго. Подъ ихъ перомъ онъ выходитъ лживымъ, „онаглѣвшимъ попомъ“, комичной фигурой“ и т. д. За что же такъ величаютъ они его? Чѣмъ вызвано ихъ неудовольствіе?

Во-первыхъ, тѣмъ, что „россійскій рабочій классъ, какъ ребенокъ, еще не научившійся самостоятельно ходить, еще не совсѣмъ свободный отъ темноты, въ которой усердно держитъ его царское правительство, сдѣлалъ первый шагъ по пути революціи не подъ краснымъ знаменемъ пролетаріевъ всѣхъ странъ, а подъ крестомъ и хоругвью — этими царско-поповскими орудіями затемненія сознанія народныхъ массъ“.

Мы сами далеко не сторонники креста и хоругви. Мы сами твердо убѣждены въ томъ, что очень ошибочно поступаютъ люди, — въ рясѣ или безъ рясы, это все равно, — по тому или другому, иногда даже очень хорошему, побужденію, поддерживающіе религіозное суевѣріе въ рабочемъ классѣ. Кто-то — если не ошибаемся, Шопенгауэръ, — сказалъ о „Богѣ“, что всюду, куда ни замѣшается этотъ старый еврей, онъ ничего, кромѣ вреда не приноситъ. Это очень вѣрно, и мы никогда не думали, что наша партія можетъ примириться со „старымъ евреемъ“ на томъ якобы основаніи, что „религія—частное дѣло“. Но если религіозныя вѣрованія вредятъ развитію самосознанія рабочаго класса, если они служатъ опіемъ, усыпляющимъ пролетаріатъ, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что мы имѣемъ право *оскорблять* тѣхъ, которые имѣютъ такія вѣрованія. Вѣдь даже въ пролетарской средѣ до сихъ поръ встрѣчается не мало вѣрующихъ; ихъ надо *не бранить, а просвѣщать*.

---

[1]) Сергѣй Четвериковъ. Народные избранники. Русскія Вѣдомости № 65.

[2]) В. Кузьминъ-Кароваевъ. Основы всенароднаго представительства въ Россіи. Русь № 59.

[1]) Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня. стр. 254.

[1]) Слѣдующія слова Витте („Новости“, № 55) показываютъ степень и характеръ организованности рабочихъ: „Коммиссія (Шидловскаго) была сорвана, главнымъ образомъ, благодаря политическимъ вождямъ соціальдемократіи... Одобрять дѣйствія „крайнихъ“ партій въ рабочихъ неурядицахъ положительно никто не можетъ, хотя нельзя не признать, что партіи эти дѣйствуютъ вполнѣ организованно“.

Кажется, это неоспоримо? А если это такъ, то можно-ли *сердиться* на Г. Гапона за то, что онъ вѣровалъ въ „Бога“, былъ священникомъ, носилъ рясу и т. д.? Это была *бѣда его, а не вина его*. И если этотъ вѣровавшій въ бога и носившій рясу человѣкъ сочувствовалъ рабочему классу и *старался помочь ему, какъ могъ и какъ умѣлъ*, то за это надо не обижать его, а благодарить. Много-ли у насъ „священноцерковнослужителей“, сочувствующихъ пролетаріату, какъ сочувствовалъ ему священникъ Гапонъ? Пусть назовутъ ихъ авторы воззванія.

Само собою разумѣется, что несравненно пріятнѣе для насъ и полезнѣе для дѣла революціи было бы, если бы 9-го января во главѣ рабочаго шествія развивалось красное знамя соціальной демократіи. Но вышло не такъ, и авторы воззванія сами хорошо объясняютъ, почему не такъ вышло: сознаніе пролетаріата еще не достигло желательной для насъ степени зрѣлости. Это очень жаль, но виноватъ-ли въ этомъ священникъ Гапонъ? Нѣтъ, въ этомъ виноваты тѣ общественныя условія, противъ которыхъ онъ, *по своему*, боролся съ полнымъ самоотверженіемъ.

Кромѣ того, воззваніе упрекаетъ священника Гапона въ томъ, что онъ хотѣлъ получить „куцую свободу“ не для народной массы, а для именитыхъ, обезпеченныхъ людей. Прямыхъ доводовъ которые подкрѣпляли бы это обвиненіе не приводится. Подкрѣпляется оно только тѣмъ косвеннымъ доводомъ, что Г. Гапонъ сталъ „на такую дорогу, на которой кромѣ куцой свободы ничего не найдешь“. Нѣсколько выше въ воззваніи сказано, что Г. Гапонъ училъ рабочихъ покорности вмѣсто смѣлаго нападенія. Покорность, въ самомъ дѣлѣ, не приведетъ рабочихъ ни къ чему хорошему. Но Г. Гапонъ указывалъ на нее рабочимъ не потому, что хотѣлъ *обмануть* ихъ, а потому что *обманывался самъ*: въ своемъ недавно опубликованномъ открытомъ письмѣ къ Николаю II онъ прямо признаетъ, что 9-го января онъ еще „наивно вѣрилъ“ въ нашего малоумнаго самодержца. Что и говорить! Было бы несравненно лучше, если бы 9-го января вожакомъ рабочихъ выступилъ не священникъ, наивно вѣровавшій въ бога и царя, а соціаль-демократъ, совершенно чуждый такой вѣры. Но Гапонъ не виноватъ въ томъ, что соціальдемократія, по упомянутой выше причинѣ, *не могла* выставить подобнаго вожака, какъ не виноватъ онъ и въ томъ, что самъ онъ, искренно сочувствуя пролетаріату, плохо понималъ условія его освобожденія: это опять была *только бѣда его*. Можно ли упрекать его,—какъ это дѣлаютъ авторы воззванія,—въ томъ, что онъ занялъ мѣсто соціаль-демократа? Развѣ соціаль-демократія барышня, которой благовоспитанные кавалеры должны уступать мѣсто? Зачѣмъ же она позволила мнѣ оттѣснить ее? возразитъ ей, обижаемый нѣкоторыми изъ ея представителей, Гапонъ. Мы опять скажемъ ему, что мы поступили такъ по независѣвшимъ отъ насъ причинамъ, что при нашихъ *полицейскихъ условіяхъ* соціаль-демократіи,—именно потому что она революціонная партія,—труднѣе было пріобрѣсти широкое вліяніе на широкую массу, чѣмъ *священнику, дѣйствовавшему первоначально съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ*.[1] Это будетъ совершенно справедливо, и это оправдываетъ нашу партію отъ упрека въ томъ, что не ей принадлежало преобладающее вліяніе въ памятный день 9-го января. Но неужели Гапонъ долженъ былъ сидѣть, сложа руки, до тѣхъ поръ, пока обстоятельства позволили бы намъ собрать подъ свое знамя все рабочее населеніе Петербурга? Неужели можно винить его за то, что онъ не сталъ дожидаться этого и повелъ рабочихъ,—рискуя собственною жизнью,—туда, гдѣ ему видѣлась нѣкоторая надежда на улучшеніе ихъ быта?

Теперь Г. Гапонъ выступаетъ, какъ революціонеръ, *и теперь онъ заслуживалъ бы строгаго осужденія если-бы вздумалъ копировать самого себя*. Но обвинять его за девятое января значитъ обвинять его за то, что онъ, имѣвшій наивную вѣру въ царя, поступалъ такъ, какъ не поступилъ бы человѣкъ, такой вѣры не имѣвшій.

Авторы воззванія говорятъ, что „полусознательное рабочее возстаніе въ Петербургѣ окончательно убило вѣру въ царя даже въ самой сѣрой массѣ рабочаго люда“. Развѣ же это мало? И развѣ справедливо бранить человѣка, принявшаго такое видное дѣятельное участіе въ движеніи, которое привело къ этому? Авторы прибавляютъ, что 9-е января убило не только вѣру въ царя, но, въ самаго священника Гапона. Это надо понимать. конечно въ томъ смыслѣ, что теперь петербургская рабочая масса уже переросла тѣ пріемы агитаціи, которые употреблялъ священникъ Гапонъ. Мы думаемъ, что это вѣрно. Мало того, мы думаемъ, что и 9-го января очень значительная,—а при томъ лучшая, наиболѣе развитая,—часть петербургскаго рабочаго населенія стояла несравненно выше тѣхъ пріемовъ, которые практиковалъ Г. Гапонъ, и терпѣла ихъ только потому, что не считала остальную массу,—и не считала, можетъ быть, по недоразумѣнію, объясняющемуся тѣми же полицейскими условіями,—достаточно подготовленной для истинно революціоннаго воздѣйствія на нее. Если теперь и эта масса разсталась со многими изъ своихъ старыхъ предразсудковъ, то священникъ Гапонъ, навѣрное, самъ порадуется этому: вѣдь за время, протекшее съ 9-го января, онъ тоже не стоялъ на одномъ мѣстѣ.

И такъ, товарищи,—говорятъ въ заключеніе авторы воззванія,—первый шагъ всенароднаго возстанія совершенъ. Второй шагъ, который неизбѣжно разнесетъ въ прахъ царскую монархію, россійскій рабочій классъ сдѣлаетъ не съ иконами въ рукахъ, не съ царскимъ портретомъ, не съ хоругвью, не съ смиреннымъ прошеніемъ на устахъ, а съ оружіемъ въ рукахъ, съ ненавистью въ сердцѣ къ царскому самодержавію и подъ краснымъ знаменемъ пролетаріевъ всѣхъ странъ“.

Мы всецѣло присоединяемся къ этому пожеланію и приглашаемъ всѣхъ нашихъ товарищей энергично содѣйствовать скорѣйшему его осуществленію. Но если это пожеланіе очень естественно въ насъ, какъ въ соціальдемократахъ, то оно все таки не должно заглушать въ насъ столь же естественнаго чувства справедливости, а авторы воззванія отнеслись къ священнику Гапону несправедливо.

Въ характерѣ того движенія, которое произошло въ петербургѣ 9-го января, преобладаетъ черта „*стихійности*“. Священникъ Гапонъ явился „стихійнымъ“ вожакомъ этого стихійнаго движенія. Его дѣйствительно наивная политическая и религіозная вѣра мѣшала ему правильно понять значеніе *сознанія* въ современномъ рабочемъ движеніи. Въ этомъ разгадка того, что съ нашей точки зрѣнія представляется и не можетъ не представляться его ошибкой. Но „стихійное“ движеніе 9-го января очень сильно содѣйствовало развитію самосознанія рабочаго класса. Поблагодаримъ же за это самаго виднаго изъ его „стихійныхъ“ вожаковъ. Христіанская церковь поетъ, что Іисусъ *смертью смерть попралъ*. Священникъ Гапонъ попралъ вѣрой въ царя вѣру въ царя, стихійностью стихійность. Похвалимъ его за это и пожелаемъ ему удачи на совершенно новомъ для него пути *сознательнаго революціонера*. На этомъ пути его ждетъ много опасностей. Не тѣхъ опасностей, которыя воплощаются въ жандармѣ, а тѣхъ, которыя заключаются *въ возможныхъ промахахъ его собственной мысли*. Ему надо теперь усердно и много учиться. Скажемъ откровенно: по нашему мнѣнію, нѣкоторыя воззванія, написанныя имъ послѣ 9-го января, многаго оставляютъ желать въ идейномъ отношеніи. Таково, напримѣръ, его воззваніе къ пролетаріату. По своему содержанію воззваніе это грѣшитъ противъ той истины, *которую обязанъ усвоить всякій сознательный революціонеръ нашихъ дней* и которая выражается словами перваго параграфа знаменитаго устава знаменитаго интернаціонала: *Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*. Г. Гапонъ совсѣмъ еще новичекъ въ вопросахъ этого рода, и поэтому мы не думаемъ упрекать его за эту его погрѣшность. Но мы не желаемъ и скрывать ее, потому что она можетъ завлечь его въ практическія ошибки. Впрочемъ, объ этомъ мы подробнѣе поговоримъ въ другой разъ, когда совершенно опредѣлится характеръ *новой* дѣятельности Г. Гапона. Цѣль настоящей статьи заключалась не въ томъ, чтобы *критиковать новаго революціонера*, а въ томъ, чтобы *защитить отъ несправедливыхъ упрековъ бывшаго священника*.

---

[1] Это послѣднее обстоятельство *не могло не вызывать* недовѣрія къ Г. Гапону со стороны соціаль-демократовъ, этимъ недовѣріемъ—объясняются рѣзкіе отзывы о немъ, въ нѣкоторой части соціальдемократической печати. Г. Гапонъ долженъ понять, что тутъ не злая воля, а совершенно естественное недоразумѣніе.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПЕРСПЕКТИВЫ.

(Продолженіе[1]).

Буржуазныя революціи прошлаго вѣка, совершавшіяся подъ гегемоніей буржуазной демократіи, были революціями красивыхъ порывовъ, широковѣщательныхъ фразъ и эффектныхъ декорацій. Русская революція, совершающаяся подъ гегемоніей пролетаріата, — первая буржуазная революція, которая выдаетъ себя за то, что она есть. Но именно поэтому въ ней по существу болѣе глубокое революціонное содержаніе, чѣмъ въ революціяхъ прошлаго вѣка. Партія пролетаріата предъявляетъ старому режиму очень детальный и очень точный счетъ и требуетъ расплаты sans phrases; но въ этой дѣловитости меньше всего трезвеннаго самоограниченія: партія пролетаріата ни на минуту не забываетъ, что и свободное буржуазное общество, которому она помогаетъ народиться, съ самаго начала несетъ въ себѣ зародыши своей будущей смерти, и этимъ опредѣляется ея тактика.

„Коммунисты, — говоритъ Коммунистическій Манифестъ, — на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ цѣломъ“. Это значитъ, во первыхъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, коммунисты приступятъ къ осуществленію своей главной, конечной цѣли; это значитъ, во вторыхъ, что при первичныхъ стадіяхъ борьбы пролетаріата съ буржуазіей, они, выдвигая и отстаивая минимальныя программы, ни на минуту не перестаютъ критиковать буржуазное общество съ точки зрѣнія своей конечной цѣли.

Мы враги революціонной фразы, и потому мы говоримъ, что настоящая русская революція есть революція буржуазная, несмотря на огромную роль, которую въ ней играетъ пролетаріатъ, несмотря на специфическій отпечатокъ, который пролетаріатъ *уже* успѣлъ наложить на ея программу; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ враги „трезвеннаго“ реализма, и потому мы не перестанемъ разоблачать ограниченность нашей революціи, каковъ бы ни былъ ея размахъ.

Противъ этихъ принциповъ не станетъ спорить ни одинъ соціальдемократъ. Но недостаточно теоретически соглашаться съ принципами, надо еще согласовать съ ними свою практическую политику, а чтобы умѣть ихъ согласовать, нужно всегда помнить правило, что положеніе обязываетъ, что наши дѣла сплошь и рядомъ опредѣляются не тѣмъ, чѣмъ мы желаемъ быть, а тѣмъ, къ чему насъ вынуждаетъ логика занятаго нами положенія.

Положеніе обязываетъ. „То, что *долженъ* дѣлать“ вождь крайней партіи, очутившійся у власти, — говоритъ Энгельсъ,— „то, чего требуетъ отъ него собственная партія, зависитъ не отъ него, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связанъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ *данный моментъ*, не отъ *временныхъ*, болѣе или менѣе случайныхъ, отношеній производства и обмѣна, но обусловливается способностью этого вождя къ пониманію *общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія*“. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что партія пролетаріата, очутившись у власти, вынуждена приступить къ коренному соціалистическому преобразованію общества, хотя бы условія для этого не назрѣли; она вынуждена это дѣлать, если не желаетъ съ первыхъ же шаговъ стать въ противорѣчіе съ представляемымъ ею классомъ. Якобинцы 93-го года сопротивлялись соціальнымъ притязаніямъ санкюлотовъ, но логика санкюлотской диктатуры вынудила ихъ осуществить въ самое короткое время всю соціальную программу санкюлотовъ — максимумъ, націонализацію торговли, кредита и проч. Въ 48 году уже одна иллюзія соціальной республики, уже одна иллюзія завоеванной пролетаріатомъ власти навязала буржуазному Временному Правительству соціальную программу, отъ которой оно всѣми средствами пыталось отвертѣться. „Довольно фразъ,“ сказалъ рабочій делегатъ Маршъ Ламартину, „парижскій пролетаріатъ приноситъ республикѣ въ жертву три мѣсяца голода; онъ даетъ вамъ три мѣсяца сроку“. Въ теченіе этого срока парижскій пролетаріатъ ждалъ отъ Временнаго Правительства практическаго рѣшенія вопроса объ „организаціи труда“, объ обезпеченіи „права на трудъ“. Диктатура парижскаго пролетаріата въ эпоху Коммуны 71-го года сравнительно мало успѣла развить свою скрытую соціально-революціонную энергію. Но это объясняется совершенно исключительной обстановкой, въ которой находилась революціонная Коммуна, это объясняется тѣмъ, что почти все вниманіе пролетаріата было въ то время поглощено обороной Парижа, о чемъ красно-

---

[1] См. Искра № 90.

На очереди.

Рабочая партія и „захватъ власти“, какъ наша ближайшая задача.

Еще 2 года назадъ сопоставленныя въ заголовкѣ настоящей статьи понятія показались бы каждому изъ нашихъ товарищей несоединимыми. Когда еще сравнительно недавно тов. Мартыновъ написалъ свою брошюру „Двѣ диктатуры“, никто въ рядахъ нашей партіи не подумалъ возразить противъ *принципіальной* постановки, данной въ ней вопросу о политической позиціи, занимаемой партіей рабочаго класса по отношенію къ слагающейся въ борьбѣ съ абсолютизмомъ новой Россіи. Эта позиція могла быть кратко опредѣлена формулой: *партія классовой борьбы пролетаріата, россійская соціальдемократія остается партіей революціонной оппозиціи по отношенію ко всѣмъ политическимъ режимамъ, выражающимъ собою организацію классового господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ*“.

Но такъ было только „до девятаго января“. Девятое января для многихъ измѣнило мѣру вещей. „Освобожденцы“ послѣ 9 января узнали, „какой чудный народъ эти рабочіе!“ и сочли возможнымъ говорить о революціи въ первомъ лицѣ. Г. Струве счелъ отнынѣ неумѣстнымъ „говорить съ царемъ“. Петербургскій Комитетъ партіи соц.-рев. открылъ послѣ 9 января, что „рабочій народъ идетъ дальше *подъ знаменемъ партіи с.-р.* (курсивъ нашъ).“[1] А откуда появилась сія пріятная увѣренность — о томъ зри въ томъ же № почтеннаго органа, гдѣ нѣкій „участникъ событій“ 9-го января, занимавшій, по словамъ редакціи, въ этотъ историческій день „междупартійное положеніе“, но „по своему прошлому и связямъ“ стоявшій „ближе къ соціальдемократамъ“, открываетъ партіи с.-р., къ которой онъ нынѣ примкнулъ, слѣдующую истину: „Ясно, что рабочая масса, по нутру своему (!), по кровнымъ нуждамъ своимъ пролетарская (?!), имѣетъ въ своихъ рядахъ очень мало сознательныхъ соціальдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ и т. п... Знаю рабочую массу и считаю себя вправѣ утверждать это. (!) Утвержденіе „Искры“, „Впередъ“, что соц.-дем. *партія* опирается на *массы* — миѳъ“. Пришпоренным этимъ открытіемъ соціалистамъ-революціонерамъ — отчего не помечтать о томъ, что рабочій народъ пойдетъ „подъ знаменемъ партіи с.-р.“? Если 9 января заговорившій революціоннымъ языкомъ священникъ стоялъ во главѣ сотенъ тысячъ пролетаріевъ, то почему бы послѣ 9 января не занять его освободившееся мѣсто „соціалистамъ“, всегда говорившимъ елейнымъ языкомъ священника? „Девятое января“ показало многимъ впервые, что русскій пролетаріатъ „созрѣлъ“ для революціи и что, стало быть, стоитъ попытаться „внезапно“ оказаться „во главѣ его“. Немудренс, что неожиданно объявившійся „комитетъ мести и обороны“ сообщилъ черезъ довѣрившагося ему Г. Гапона россійскому пролетаріату властный приказъ: никого не слушаться, кромѣ этого „комитета“: онъ подготовитъ вооруженіе, онъ назначитъ возстаніе, онъ все устроитъ.

Девятое января измѣнило для революціонной и радикальной демократіи мѣру всѣхъ вещей. Это неудивительно, ибо 9-е января не только показало ей въ дѣйствіи революціонный пролетаріатъ, но и убѣдило ее въ томъ, что этотъ „сфинксъ“ готовъ отдать послѣднюю каплю крови на дѣло завоеванія политической и гражданской свободы. Другое дѣло — соціальдемократія. Въ принципіальную постановку ея революціонной задачи что новаго внесло, что новаго должно было внести 9-ое января?[1] Девятое января семимильными шагами приблизило насъ къ побѣдѣ. Но измѣнило ли оно *историческій* характеръ революціи? Очевидно, нѣтъ. А, между тѣмъ, именно этотъ историческій характеръ начавшейся революціи опредѣлялъ собой, какъ основной факторъ, принципы нашей тактики и сущность общихъ задачъ, которыя мы себѣ ставили для даннаго періода. Революція, которую начало собой 9-е января, остается тою же, какою мы ее считали до 9-го января: соціальной революціей буржуазіи. А наши тактическія задачи, по прежнему, всѣ опредѣляются, поэтому, задачей — использовать эту буржуазную революцію въ интересахъ *будущей* соціальной революціи, революціи пролетаріата, то есть, прежде всего, въ интересахъ классоваго сплоченія пролетаріата, въ интересахъ образованія и укрѣпленія его классовой партіи.

Это такъ безспорно, что противъ этого никто ничего не возразитъ. Это такъ безспорно, что даже „умныя марксистскія статьи“ на эту тему начинаютъ казаться малоинтересными и безплодными. И все же объ этомъ постоянно приходится говорить, рискуя вызвать столь знакомыя намъ издавна заявленія о тщетѣ всѣхъ умныхъ и марксистскихъ статей „въ наше время, когда“.. Что подѣлаешь? Мы давно уже говорили: „Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ даже „Революціон. Рос.“ полюбитъ“. А чернота наша въ томъ, какъ извѣстно, и заключается, что умныя марксистскія положенія не являются для насъ парадной фразой, а претендуютъ опредѣлять собой *каждый* нашъ политическій шагъ — и притомъ не взирая на обозначенную въ календарѣ погоду...

Какъ бы то ни было, а послѣ 9 января въ нашихъ собственныхъ рядахъ заговорили о коренномъ пересмотрѣ нашихъ тактическихъ задачъ. Мы услышали—отъ газеты „Впередъ“ — о необходимости стремиться въ ближайшемъ будущемъ къ „диктатурѣ пролетаріата и крестьянства“. Тов. Парвусъ провозгласилъ лозунгомъ борьбы: „безъ царя, а правительство рабочее!“ и даже „соціальдемократическое временное правительство“, а теперь тов. Т. объявляетъ: „да здравствуетъ временное правительство!“

Какъ видно изъ собственныхъ словъ тов. Т., *для него* измѣнилось наше отношеніе къ ближайшему нашему требованію созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Тов. Т. находитъ, что послѣ 9-го января уже нельзя просто требовать Учредительнаго Собранія, а нужно готовиться къ вооруженному возстанію, замѣнѣ нынѣшняго правительства временнымъ революціоннымъ правительствомъ и созыву Учредительнаго Собранія этимъ послѣднимъ. Какъ будто бы мы, соціальдемократы, до 9 января намѣревались или склонны были *хоть на минуту довѣрить правительству Николая II* созывъ того Учредительнаго Собранія, которому мы ставимъ задачу провозглашенія республики? Какъ будто мы *до* 9 января допускали, какъ будто бы мы имѣли право хоть на минуту допустить, что рѣшительный моментъ въ революціонномъ преобразованіи современнаго режима не потребуетъ *насильственнаго* устраненія господствующей правительственной клики. Но, хорошо это зная, мы въ то же время сознавали, что моментъ для нанесенія этого рѣшающаго „физическаго“ удара не можетъ быть произвольно выбранъ той или другой политической партіей, что этотъ благопріятный моментъ будетъ данъ революціонной массѣ всѣми условіями наибольшей дезорганизаціи механизма реакціи и наибольшаго революціоннаго сплоченія ея самой. Идти „во главѣ“ революціонныхъ событій — это значитъ, подмѣтить наступленіе *такого* момента и *подготовиться* къ руководящей роли въ немъ. Только такая точка зрѣнія, діаметрально противоположная авантюристскому „дѣланію революціи“, допустима для соціальдемократа. И съ этой точки зрѣнія, 9-е января не внесло принципіальной перемѣны въ наше положеніе. Какъ и прежде, мы знаемъ, что, не побѣдивъ реакціи „на улицѣ“, мы не обезпечимъ успѣха революціи. Но, какъ и прежде, мы знаемъ, что заранѣе фиксировать моментъ этой побѣды *между* первой большой схваткой военныхъ силъ царизма съ массами и созывомъ перваго представительнаго собранія представляется совершенно произвольнымъ. А, между тѣмъ, тов. Т. какъ бы пытается именно фиксировать заранѣе моментъ рѣшающаго возстанія. Онъ говоритъ, что послѣ 9-го января рабочее движеніе „уперлось въ возстаніе“. Это — какъ посмотрѣть. Если тов. Т. имѣетъ въ виду только то, что логическимъ развитіемъ 9-го января долженъ быть штурмъ Зимняго дворца, онъ, конечно, правъ, и это такъ ясно даже для человѣка, никогда не писавшаго „умныхъ марксистскихъ статей“, что это поняли иные наши буржуазные радикалы. Но если онъ хочетъ сказать, что послѣ 9 января массовое самодѣятельное выступленіе пролетаріата мыслимо только, какъ прямое вооруженное нападеніе на бастиліи царизма, то онъ не правъ и его неправота доказывается всѣми событіями послѣднихъ 2-хъ мѣсяцевъ. Послѣ 9 января россійскій пролетаріатъ, не отступая ни на шагъ отъ того пункта, который былъ завоеванъ движеніемъ въ этотъ день, смогъ развить громадное стачечное и столь же громадное политически-демонстраціонное движеніе, внесшее колоссальное разложеніе въ станъ его враговъ и сильно укрѣпившее всѣ его позиціи. Послѣ 9 января петербургскій пролетаріатъ, не теряя бодрости и не ослабляя своей революціонности, провелъ политическую кампанію противъ „комедіи Шидловскаго“. Нельзя, стало быть, такъ просто утверждать: движеніе уперлось въ возстаніе. Когда оно въ этомъ смыслѣ „упрется“ въ моментъ возстанія, тогда, вѣроятно, ечно свидѣтельствуетъ содержаніе бланкистскихъ прокламацій, содержаніе и даже названіе бланкистской газеты—„Patrie en danger“ („Отечество въ опасности“), издававшихся еще въ декабрѣ. Парижскій пролетаріатъ въ 71 году обнаружилъ до извѣстной степени классовое „воздержаніе“. Но если мы вспомнимъ измѣнническое поведеніе буржуазіи по отношенію къ Парижу, находившемуся во власти пролетаріата, если мы вспомнимъ неслыханную кровавую месть буржуазіи за два мѣсяца пролетарской диктатуры, то мы поймемъ, какъ самый фактъ диктатуры форсировалъ бы развитіе классоваго антагонизма, какъ сильно онъ развилъ бы естественную соціальную притягательность пролетаріата, еслибы пролетаріатъ не былъ скованъ желѣзнымъ кольцомъ прусской арміи, еслибы его диктатура продолжилась, еслибы она распространилась на всю страну.

---

[1] Цитируемъ по № 60 „Рев. Р.“

[1] Разумѣется, 9-е января, именно потому, что сильно приблизило моментъ нашей побѣды, должно внести извѣстныя измѣненія въ постановку нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ нашей практической работы; но, какъ ни важны эти измѣненія сами по себѣ, они не ведутъ къ принципіальному пересмотру цѣлей нашей партійной работы.

Диктатура пролетаріата не можетъ не поставить на очередь всѣ коренныя соціальныя проблемы буржуазнаго общества, вопросъ объ уничтоженіи безработицы, объ уничтоженіи эксплоатаціи труда и т. п., и партія пролетаріата, очутившись у власти, не можетъ отдѣлываться отъ этихъ вопросовъ добрыми пожеланіями и умными разсужденіями.

Положеніе обязываетъ. Изъ этого вытекаетъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, мы должны приступить къ осуществленію главныхъ пунктовъ нашей программы максимумъ. Изъ этого же вытекаетъ, что выдвигая вслѣдствіе недостаточнаго развитія классовыхъ противорѣчій, вслѣдствіе преобладанія въ націи элементовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи, *только* минимальную программу, мы должны обезпечить за собою свободу критики той самой буржуазной демократіи, которой революція очистила путь къ власти и на которую падаетъ отвѣтственность за ограниченность выставленныхъ нами требованій. Но чтобы имѣть свободу критики, мы должны поставить себя въ такое положеніе, которое сняло бы съ *насъ* всякую отвѣтственность за *чужую*, за мелко-буржуазную ограниченность, которое бы дало намъ возможность не только теоретически, но и практически разоблачать эту ограниченность. Другими словами, пока мы выдвигаемъ программу минимумъ, мы должны стремиться сохранять положеніе партіи крайней оппозиціи.

Роль партіи крайней оппозиціи наиболѣе революціонная, и эта роль досталась соціальдемократіи въ наслѣдство отъ предшествовавшихъ крайнихъ буржуазно-демократическихъ партій, которыя бывали истинно революціонны пока онѣ не были связаны съ властью. Исторія Конвента не можетъ повториться въ буржуазной революціи, но и революціонность Конвента измѣрялась, главнымъ образомъ, давленіемъ на него извнѣ дѣйствовавшей полулегальной Коммуны и ужъ ничѣмъ несвязанныхъ съ законной властью санкюлотскихъ обществъ, облегавшихъ Коммуну. Робеспьеръ слишкомъ хорошо сознавалъ выгодность, въ интересахъ революціи, сохраненія положенія оппозиціи, и потому онъ до послѣдней возможности уклонялся отъ участія въ министерствѣ; болѣе того, онъ возставалъ противъ такого упрощеннаго метода революціи, какъ насильственное удаленіе жирондистовъ изъ Конвента. Намъ выгоднѣе, — говорилъ онъ, — всегда держать ихъ подъ революціоннымъ контролемъ „добрыхъ гражданъ“.

Въ 48 году наиболѣе послѣдовательнымъ революціонеромъ во Франціи былъ Бланки. „Этотъ человѣкъ стоитъ цѣлаго армейскаго непріятельскаго корпуса,“ говорилъ про него Тьеръ. Бланки принадлежала идея революціонной диктатуры пролетаріата, и буржуазія видѣла въ немъ воплощеніе краснаго призрака. Но именно потому, что онъ стремился къ настоящей диктатурѣ пролетаріата, онъ не хотѣлъ компрометировать дѣло легкомысленными авантюрами. Когда онъ, въ началѣ февральской революціи, по выходѣ изъ тюрьмы S. Michel, явился въ Парижъ, его товарищи, озлобленные тѣмъ, что люди изъ National предали революцію, готовились къ походу на ратушу, чтобы насильственно завладѣть временнымъ правительствомъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ Бланки въ залѣ Прадо, въ полномъ убѣжденіи, что Бланки одобритъ ихъ планъ и станетъ во главѣ движенія. Но они ошиблись. Явившись на бурное собраніе, Бланки доказывалъ имъ, что ихъ затѣя только сыграетъ на руку контръ-революціи. Вмѣсто захвата временнаго правительства, онъ рекомендовалъ имъ организацію народа въ революціонные клубы. Походъ на правительство всетаки состоялся 15-го мая вопреки предостереженіямъ Бланки, подъ вліяніемъ революціоннаго соперника Бланки — Барбесса, а еще болѣе, подъ вліяніемъ Губера, оказавшагося послѣ наполеоновскимъ провокаторомъ. И Бланки участвовалъ въ манифестаціи: но онъ это сдѣлалъ, по собственному признанію, только потому, что революціонный вождь долженъ повиноваться толпѣ, которую онъ ведетъ. Но исторія оправдала не толпу, а ея вождя. Такую же тактику революціонной оппозиціи, которую въ 48 г. рекомендовалъ Бланки парижскому пролетаріату, Марксъ рекомендовалъ въ 50 г. германскому пролетаріату, предполагая повтореніе революціи. Такую же тактику Энгельсъ рекомендовалъ итальянскому пролетаріату въ 94 г. Обычное обвиненіе, которое заговорщики выставляли противъ этой тактики, заключается въ томъ, что она связываетъ энергію народа, охлаждаетъ его революціонный энтузіазмъ. Истинное ея значеніе, однако, противоположное. Мы не говоримъ пролетаріату: удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ нибудь не очутиться преждевременно у власти. Мы говоримъ ему: толкай впередъ всѣ революціонные и революціонизирующіеся элементы націи, чтобъ и при максимальномъ развитіи революціи, сохранить за собою свободу революціонной критики.

* * *

Тактика революціонной оппозиціи завѣщана намъ исторіей 48-го года. Несомнѣнно, что условія, въ которыхъ находится теперь партія пролетаріата, значительно отличаются отъ условій, въ которыхъ находился пролетаріатъ въ 48 году. Въ то время главная активная политическая роль выпадала на долю буржуазной демократіи, она вчиняла и вела тяжбу со старымъ режимомъ. Пролетаріатъ вмѣшивался въ борьбу только въ рѣшительные моменты, „чтобы не позволить ни одному классу, поднявшемуся на его плечахъ, упрочить свое классовое правительство, не давая рабочимъ простора для борьбы“. У насъ пролетаріатъ и буржуазная демократія обмѣнялись ролями. У насъ тяжба со старымъ режимомъ ведется подъ знаменемъ пролетаріата; у насъ либеральная демократія всегда пассивно выжидала благопріятнаго момента, чтобы использовать замѣшательство правительства въ своихъ интересахъ. И это особенно ярко проявляется въ рѣшительные, критическіе моменты борьбы, какъ, напримѣръ, въ январьскіе дни. Но это нисколько не колеблетъ нашего традиціоннаго взгляда на принципы пролетарской тактики въ буржуазной революціи. Теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, объективный смыслъ революціи есть радикальное раскрѣпощеніе и демократизація общества; теперь, какъ и въ срединѣ прошлаго вѣка, революція расчищаетъ путь къ непосредственному политическому господству буржуазной демократіи. Теперь, какъ и прежде, старый режимъ является колоссальнымъ препятствіемъ для развитія буржуазнаго строя.

Поэтому, мы вправѣ ожидать, что трезвый политическій разсчетъ въ настоящее время подскажетъ нашей буржуазной демократіи то, что западно-европейской буржуазной демократіи въ прошломъ вѣкѣ подсказывала революціонная романтика. Мы вправѣ этого ожидать именно потому, что это зависитъ отъ насъ, отъ степени развитія сознательности пролетаріата: революціонная романтика буржуазной демократіи разсѣивалась какъ дымъ, какъ только пролетаріатъ, участвовавшій съ нею въ борьбѣ, заявлялъ свои притязанія на долю въ добычѣ. Напротивъ того, шансы на участіе буржуазной демократіи изъ разсчета въ нашей борьбѣ должны неизбѣжно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ будетъ обнаруживать ясное пониманіе своихъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ для буржуазной демократіи будетъ становиться очевидной дилемма — либо впередъ съ пролетаріатомъ, котораго нельзя обмануть, либо въ пропасть, въ которую толкаетъ весь народъ самодержавное правительство, которой безъ пролетаріата нельзя обойти. Если русскому пролетаріату не приходится ждать пассивно иниціативы отъ буржуазной демократіи, если ему не приходится поддерживать ее въ политической компаніи, которая ведется по ея плану и подъ ея руководствомъ, то все-таки у него есть возможность воздѣйствовать на буржуазную демократію, привлекая ее, до извѣстной степени, къ своей политической борьбѣ, подчиняя ея борьбу, до извѣстной степени, своимъ политическимъ планамъ. Но этимъ самымъ для партіи пролетаріата создается возможность сохранить на всемъ протяженіи революціи положеніе партіи крайней оппозиціи: толкая буржуазную демократію на борьбу съ общимъ врагомъ, партія пролетаріата подготовляетъ моментъ, когда самые крайніе элементы буржуазнаго общества, сдѣлавши все, на что они способны, исчерпаютъ себя, наглядно показавши на своемъ примѣрѣ всю ограниченность революціонныхъ средствъ буржуазнаго общества.

Мы не можемъ предрѣшить, въ какихъ политическихъ учрежденіяхъ и въ какихъ политическихъ дѣйствіяхъ русская буржуазная демократія исчерпаетъ свои революціонныя средства. Возможно, что развитіе революціи ослабитъ твердый курсъ самодержавія и поведетъ насъ черезъ эфемерный Земскій Соборъ къ Учредительному Собранію и Республикѣ. Возможно, что самодержавіе будетъ сопротивляться до послѣдней крайности, и тогда мы пойдемъ къ той же цѣли черезъ революціонное временное правительство и Учредительное Собраніе. Но и въ томъ и другомъ случаѣ наши основныя задачи тѣ же: мы подготовляемъ и расширяемъ возстаніе, отвоевывая силой свои требованія послѣдовательно у всѣхъ политическихъ элементовъ, которые революція вынесетъ наверхъ къ кормилу правленія. Мы послѣдовательно превращаемъ различные общественные элементы изъ политически безформенной массы въ революціонный молотъ, изъ революціоннаго молота въ наковальню для революціи..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

II.

Итакъ, задачей нашей является не только „развязать“ революцію, но и *подготовить условія ея побѣды*. Такъ ставитъ, и вполнѣ правильно ставитъ, вопросъ передовая статья № 87 „Искры“. Можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: „развязывать“ революцію не приходится, ибо она уже „развязана“, — вся задача сводится къ тому, чтобы подготовить ея побѣду. Какъ? Внесеніемъ въ „развязавшуюся“ революціонную стихію элементовъ политической и технической организованности. Говоря кратко, это значитъ *организовать революцію*. Такъ именно ставила вопросъ статья тов. Парвуса „Итоги и перспективы“, — и несогласіе съ ней редакціи оказалось чистымъ недоразумѣніемъ, устраненнымъ нынѣ цитированной выше передовой статьей.

Нѣтъ спора, можно написать очень интересную марксистскую статью на тему о томъ, что революцію нельзя *сдѣлать*, какъ чайникъ или кусокъ ситцу, но когда революція уже дѣлается, когда революціонерамъ нужно заботиться не о *развязываніи*, а о *развязкѣ* ея, тогда практически-плодотворны будутъ только писанія, посвященныя вопросу: какъ подготовить благопріятную развязку, т. е. какъ *организовать революцію*. Да, какъ организовать революцію?

Революція не одно и то же, что возстаніе. На эту тему тоже можно написать одну, а то и двѣ безукоризненныя статьи. Революція есть сложный, иногда очень длительный историческій процессъ, въ результатѣ котораго политическая власть переходитъ къ новой соціальной силѣ. Вооруженное возстаніе — только „техническій“ моментъ, который можетъ входить, но можетъ и не входить въ революцію. Это безспорно. Но столь же безспорно, что мы никуда не годились бы, еслибъ не отдали себѣ отчета въ томъ, что *наша* революція, та, которая теперь совершается, уперлась въ этотъ „техническій моментъ“, и безъ возстанія не пойдетъ дальше. Итакъ, мы должны организовать революцію; очереднымъ этапомъ революціи является народное возстаніе — мы должны организовать возстаніе.

Разумѣется, народное возстаніе не одно и то же, что заговоръ. Разумѣется, только для революціоннаго романтика имѣть планъ заговора значитъ имѣть въ зашифрованномъ видѣ возстаніе. Разумѣется, французскіе революціонеры 40-хъ годовъ были фантасты и алхимики. Но значитъ ли это, что теперь, въ мартѣ 1905 года, у насъ, въ Россіи, подготовка возстанія — алхимія и фантастика? Ну, конечно, же нѣтъ. Порукой тому — передовая статья и „Военныя замѣтки“ № 87 „Искры“. Еще лучшей порукой служитъ россійскій пролетаріатъ, который проявилъ пропасть революціонной энергіи и революціоннаго упорства, двумя-тремя семимильными шагами пробѣжалъ прологъ Великой Русской Революціи — и теперь стоитъ предъ возстаніемъ.

Всенародное возстаніе — вокругъ этого предпріятія должна теперь сосредоточиться наша политическая и наша техническая дѣятельность. Каждое частное, самопроизвольно возникающее выступленіе массы нужно пропитать мыслью о необходимости одновременнаго всероссійскаго выступленія. Все должно бить въ одну точку: прокламаціи, рѣчи, кружковыя занятія. Между городами должна быть живая, непрестанная связь, построенная на той мысли, что близокъ моментъ, когда всѣмъ придется одновременно подняться. Каждый комитетъ долженъ сейчасъ же выдвинуть новый органъ: „военный“. Этотъ органъ будетъ быстро рости, и въ дни возстанія совершенно подчинитъ себѣ всѣ остальные.

Конечно, несмотря на нашу „нетерпимость“, мы отнюдь не стремимся монополизировать въ своихъ рукахъ подготовку и проведеніе возстанія. Для такихъ претензій нуженъ былъ бы громадный избытокъ силъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ. Всякому революціонеру, всякому революціонному отряду, который захочетъ взять на себя любую часть военной работы, мы скажемъ: „честь и мѣсто!“ Передовая статья № 85 на этотъ счетъ безусловно права. Къ сожалѣнію, она забываетъ только

тов. Т. придется уже не опредѣлять эту психологическую границу „перваго дня революціи“, а развѣ что заносить въ свой календарь ее, какъ — дату уже *начавшагося побѣдоноснаго возстанія*.

И еще разъ вѣрно одно: 9-е января и послѣдующія событія такъ приблизили насъ политически и психологически къ моменту активнаго возстанія, что партія должна усиленно готовиться встрѣтить этотъ моментъ во всеоружіи. Мы были бы очень рады теперь же подробно побесѣдовать съ тов. Т. о томъ, какъ именно готовиться, если бы, въ связи съ вышеуказаннымъ, не должны были предварительно устранить другія „недоразумѣнія“, собранныя въ разбираемой статьѣ.

Если проблематична высказанная въ столь общей формѣ истина, что рабочее движеніе послѣ 9 января уперлось въ возстаніе, такъ что и податься ему некуда, пока мы не „организуемъ условія побѣды“ и не призовемъ къ возстанію, — то уже совершенно непонятно, почему это мы послѣ 9 января должны кричать: „да здравствуетъ временное правительство“?

У тов. Т., въ пользу выдвигаемаго имъ революціоннаго лозунга, имѣется два соображенія: первое — то, что временное правительство необходимо для обезпеченія свободы созыва учредительнаго собранія, очистки правительственной администраціи, „реорганизаціи войска“ и т. д. Второе — то, что во временномъ правительствѣ можемъ и должны оказаться мы, социальдемократы. (Впрочемъ тов. Т. согласился бы говорить „да здравствуетъ“, если бы даже и думалъ, что „насъ“ въ правительствѣ не будетъ).

Что касается перваго соображенія, то опять же неизвѣстно, почему до 9-го января мы не должны были заботиться объ обезпеченіи условій свободнаго созыва Учредительнаго Собранія, свободы агитаціи etc., равно какъ объ основательной очисткѣ авгіевыхъ конюшенъ бюрократіи, полиціи и войска? И я думаю, что каждый смотрящій впередъ соціальдемократъ „заботился“ объ этихъ важныхъ вещахъ. Но почему же *до* 9 января мы могли разсчитывать, въ роли наиболѣе революціонной народной партіи, достигнуть этого, давя на *всякое* правительство, формально созывающее Учредительное Собраніе, давленіемъ революціонной „улицы“, а послѣ 9 января мы должны „подымать выше“ и стремиться изъ партіи оппозиціонной стать возможно скорѣе партіей правящей? Или только потому, что до 9 января наша тактическая мудрость гласила „не якобинецъ-соціальдемократъ, а якобинецъ *или* соціальдемократъ“, послѣ же 9-го января мы нашли, что на нашъ вѣкъ хватитъ уже обнаруженнаго нами анти-якобинскаго пуританизма?

Если то или другое правительство въ тотъ или другой моментъ революціи станетъ поперекъ пути ея развитію — мы должны стремиться свалить его. Это — азбука революціи. Какое бы правительство ни стояло во главѣ революціонно трансформирующагося государства, мы должны держать его подъ своимъ давленіемъ, въ качествѣ независимой классовой партіи — этого безусловно требуютъ и интересы революціи и специфическіе классовые интересы пролетаріата. Но такъ какъ *всякое* правительство, с[illegible] главѣ страны во время *данной* революціи, рядомъ [illegible]ей разрушенія самодержавно-сословнаго строя, *должно* будетъ выполнять задачу постепенной консолидаціи свободнаго *буржуазнаго* режима, такъ какъ всякое такое правительство должно будетъ заботиться о поддержаніи „общественнаго порядка“, кредита, „внѣшней безопасности“ и т. д., то, очевидно, что наша партія, принявъ непосредственное участіе во временномъ правительствѣ, связавъ себя съ нимъ хотя бы только принципіальнымъ лозунгомъ „да здравствуетъ временное правительство“ — должна будетъ связать себя въ своей принципіальной оппозиціи этимъ сторонамъ дѣятельности даннаго правительства, по необходимости носящимъ на себѣ печать классового характера слагающагося общественнаго строя. А это значитъ — для соціальдемократіи — на время отказаться отъ всесторонней борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ“ — очень хорошее и очень нужное дѣло. Но *до* 9 января мы всѣ полагали, что сіе дѣло можетъ производиться не только помощью якобинскихъ декретовъ сверху, но и при помощи народнаго давленія снизу. Разница, между прочимъ, та, что при пользованіи первымъ методомъ — noblesse oblige! — вы обязуетесь не только вытѣснить „кровожадныхъ негодяевъ“, скажемъ, изъ полицейскихъ участковъ, но и наложить на ихъ замѣстителей печать своего благоволенія, выдать имъ „сертификатъ цивизма“, а, можетъ быть, и титулъ „друзей народа“. Вѣдь, говоритъ же тов. Парвусъ (въ листкѣ „Безъ царя, а правительство рабочее“): „Никакіе писанные законы не могутъ обезпечить свободу, покуда всѣ мѣста въ судахъ, въ канцеляріяхъ, въ полиціи, заняты врагами народа и войско находится подъ командой офицеровъ изъ враждебнаго рабочему народу класса“.

Что и говорить, пріятно чувствовать, что въ судахъ и даже въ полиціи сидятъ не враги, а друзья народа! Только... только не получается ли это пріятное ощущеніе [illegible] маленькой перестановки понятій о томъ, кто другъ и кто врагъ рабочаго класса?

Недурно мечтать о томъ, чтобы войско (постоянное войско!) „реорганизованное“, конечно, находилось „подъ командой офицеровъ“—изъ „невраждебнаго“ рабочему народу класса! Только... не значитъ ли это подмѣнить борьбу за вооруженіе народа жоресовской борьбой за „демократизацію арміи“ и не значитъ ли между рабочимъ классомъ и „враждебными ему классами“ по-жоресовски же „создать“ „не враждебный“ ему классъ... мелкой буржуазіи?

Товарищъ Т. теперь, быть можетъ, согласится, что воздержаніе отъ возгласа „да здравствуетъ временное правительство“ находитъ себѣ объясненіе въ чемъ то другомъ, кромѣ „анти-революціоннаго предразсудка“.

Извѣстный революціонеръ Распайль, пять разъ осуждавшійся на смерть и много лѣтъ пробывшій въ тюрьмахъ, былъ въ 70-хъ годахъ избранъ въ французскую палату. При открытіи сессіи онъ, въ качествѣ старѣйшаго по возрасту депутата, оказался временнымъ предсѣдателемъ, и, въ качествѣ такового, ему, при входѣ въ залъ, жандармы отдавали полагающуюся по ритуалу честь. Старый заговорщикъ иронически воскликнулъ: „первый разъ въ жизни мнѣ приходится шествовать между двумя жандармами, причемъ они не держатъ меня за шиворотъ“! Но и тутъ проученный житейскимъ опытомъ бывшій „карбонарій“ не поспѣшилъ провозгласить: „да здравствуетъ республиканская жандармерія!“ — и оказался правъ: довольно скоро жандармы опять отводили его въ долголѣтнее тюремное заключеніе, если не ошибаюсь, за оскорбленіе президента республики.

Представляется не невозможнымъ, что революціонная стихія вознесетъ русскую соціальдемократическую партію такъ „высоко“, что ея представителямъ случится временно состоять съ полиціей (республиканской!) въ такихъ же любезныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился Распайль въ упомянутую выше единственную минуту его жизни. Но, слѣдуя примѣру испытаннаго въ заговорахъ старца, не поспѣшимъ на любезную улыбку „реорганизованной“ полиціи отвѣтствовать „да здравствуетъ!“, не поспѣшимъ отказаться отъ нашего традиціоннаго „предразсудка“. Тѣмъ болѣе не будемъ спѣшить теперь, когда при проходѣ между жандармами насъ съ товарищемъ Т. ждетъ все-таки скорѣе движеніе ихъ рукъ въ сторону нашего „шиворота“, чѣмъ въ сторону собственныхъ козырьковъ!

Или мы, какъ классовая партія, *стремимся* къ политической власти *только* для непосредственнаго осуществленія революціонной диктатуры пролетаріата — и тогда мы остаемся принципіально непримиримой оппозиціей ко *всякому* правительству и не отказываемся отъ „предразсудка“, запрещающаго намъ сквернить уста сочетаніемъ словъ „да здравствуетъ“ и „правительство“. Или же мы, заинтересованные въ скорѣйшемъ, всестороннемъ и успѣшномъ развитіи наступающей буржуазной революціи, не видимъ другого средства содѣйствовать ей, какъ принявъ участіе въ правительствѣ, реорганизующемъ современную Россію, въ качествѣ одной изъ „правящихъ партій“ — и тогда мы прекращаемъ свою классовую оппозицію *всѣмъ* силамъ современнаго общества, стоящимъ внѣ пролетаріата, беремъ на себя прямую отвѣтственность за всѣ плоды исторической ограниченности буржуазной революціи, боремся не только *противъ* присутствія въ администраціи обновленной Россіи элементовъ реакціонныхъ, но и *за* замѣну ихъ опредѣленными элементами прогрессивными, освящаемъ цѣлый рядъ „реорганизованныхъ“ институтовъ политическаго господства буржуазіи — армію и офицерство, полицію и тюремщиковъ, бюрократію и магистратуру — и.. оказываемся въ извѣстный моментъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ съ той массой пролетаріата, по отношенію къ которой, несмотря на наше соучастіе въ управленіи страной, остаются въ силѣ всѣ „имманентные“ законы буржуазнаго строя — имя же имъ нищета, безработица, неравенство, несвобода... Или—или!

Конечно, еслибы вѣрно было, что для торжества демократической республики, для торжества революціи *необходимо*, чтобы соціалисты взяли въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“, то революціонная партія пролетаріата должна была бы отказаться отъ своей политической независимости и воскликнуть за Горой: périsse notre nom pourvu que la liberté soit sauvée (пропадай наша репутація, лишь бы спасти свободу!). Но такой коллизіи въ дѣйствительности не можетъ быть мѣста: въ качествѣ революціонной оппозиціи, пролетарская партія, рѣчиво свидѣтельствуетъ содержаніе бланкистскихъ прокламацій, содержаніе и даже названіе бланкистской газеты—„Patrie en danger“ („Отечество въ опасности“), издававшихся еще въ сентябрѣ. Парижскій пролетаріатъ въ 71 году обнаружилъ до извѣстной степени классовое „воздержаніе“. Но если мы вспомнимъ измѣнническое поведеніе буржуазіи по отношенію къ Парижу, находившемуся во власти пролетаріата, если мы вспомнимъ неслыханную кровавую месть буржуазіи за два мѣсяца пролетарской диктатуры, то мы поймемъ, какъ самый фактъ диктатуры форсировалъ бы развитіе классоваго антагонизма, какъ сильно онъ развилъ бы естественную соціальную притягательность пролетаріата, еслибы пролетаріатъ не былъ скованъ желѣзнымъ кольцомъ прусской арміи, еслибы его диктатура продолжилась, еслибы она распространилась на всю страну.

Диктатура пролетаріата не можетъ не поставить на очередь дня коренныя соціальныя проблемы буржуазнаго общества, вопросъ объ уничтоженіи безработицы, объ уничтоженіи эксплоатаціи труда и т. п., и партія пролетаріата, очутившись у власти, не можетъ отдѣлываться отъ этихъ вопросовъ добрыми пожеланіями и умными разсужденіями.

Положеніе обязываетъ. Изъ этого вытекаетъ, что, при диктатурѣ пролетаріата, мы должны приступить къ осуществленію главныхъ пунктовъ нашей программы максимумъ. Изъ этого же вытекаетъ, что выдвигая вслѣдствіе недостаточнаго развитія классовыхъ противорѣчій, вслѣдствіе преобладанія въ націи элементовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи, *только* минимальную программу, мы должны обезпечить за собою свободу критики той самой буржуазной демократіи, которой революція очистила путь къ власти и на которую падаетъ отвѣтственность за ограниченность выставленныхъ нами требованій. Но чтобы имѣть свободу критики, мы должны поставить себя въ такое положеніе, которое сняло бы съ *насъ* всякую отвѣтственность за *чужую*, за мелко-буржуазную ограниченность, которое бы дало намъ возможность не только теоретически, но и практически разоблачать эту ограниченность. Другими словами, пока мы выдвигаемъ программу минимумъ, мы должны стремиться сохранять положеніе партіи крайней оппозиціи.

Роль партіи крайней оппозиціи наиболѣе революціонная, и эта роль досталась соціальдемократіи въ наслѣдство отъ предшествовавшихъ крайнихъ буржуазно-демократическихъ партій, которыя бывали истинно революціонны пока онѣ не были связаны съ властью. Исторія Конвента не можетъ повториться въ буржуазной революціи, но и революціонность Конвента измѣрялась, главнымъ образомъ, давленіемъ на него извнѣ дѣйствовавшей полулегальной Коммуны и ужъ ничѣмъ несвязанныхъ съ законной властью санкюлотскихъ обществъ, облегавшихъ Коммуну. Робеспьеръ слишкомъ хорошо сознавалъ выгодность, въ интересахъ революціи, сохраненія положенія оппозиціи, и потому онъ до послѣдней возможности уклонялся отъ участія въ министерствѣ; болѣе того, онъ возставалъ противъ такого упрощеннаго метода революціи, какъ насильственное удаленіе жирондистовъ изъ Конвента. Намъ выгоднѣе, — говорилъ онъ, — всегда держать ихъ подъ революціоннымъ контролемъ „добрыхъ гражданъ“.

Въ 48 году наиболѣе послѣдовательнымъ революціонеромъ во Франціи былъ Бланки. „Этотъ человѣкъ стоитъ цѣлаго армейскаго непріятельскаго корпуса,“ говорилъ про него Тьеръ. Бланки принадлежала идея революціонной диктатуры пролетаріата, и буржуазія видѣла въ немъ воплощеніе краснаго призрака. Но именно потому, что онъ стремился къ настоящей диктатурѣ пролетаріата, онъ не хотѣлъ компрометировать дѣло легкомысленными авантюрами. Когда онъ, въ началѣ февральской революціи, по выходѣ изъ тюрьмы S. Michel, явился въ Парижъ, его товарищи, ободренные тѣмъ, что люди изъ National предали революцію, готовились къ походу на ратушу, чтобы насильственно завладѣть временнымъ правительствомъ. Они ждали съ нетерпѣніемъ Бланки въ залѣ Прадо, въ полномъ убѣжденіи, что Бланки одобритъ ихъ планъ и станетъ во главѣ движенія. Но они ошиблись. Явившись на бурное собраніе, Бланки доказывалъ имъ, что ихъ затѣя только сыграетъ на руку контръ-революціи. Вмѣсто захвата временнаго правительства, онъ рекомендовалъ имъ организацію народа въ революціонные клубы. Походъ на правительство всетаки состоялся 15-го мая вопреки предостереженіямъ Бланки, подъ вліяніемъ революціоннаго соперника Бланки — Барбеса, а еще болѣе, подъ вліяніемъ Губера, оказавшагося послѣ наполеоновскимъ провокаторомъ. И Бланки участвовалъ въ манифестаціи, но онъ это сдѣлалъ, по собственному признанію, только потому, что революціонный вождь долженъ повиноваться толпѣ, которую онъ ведетъ. Но исторія оправдала не толпу, а ея вождя. Такую же тактику революціонной оппозиціи, которую въ 48 г. рекомендовалъ Бланки парижскому пролетаріату, Марксъ рекомендовалъ въ 50 г. германскому пролетаріату, предлагая повтореніе револю-

Такую же тактику Энгельсъ рекомендовалъ итальянскому пролетаріату въ 94 г. Обычное обвиненіе, которое заговорщики выставляли противъ этой тактики, заключается въ томъ, что она связываетъ энергію народа, охлаждаетъ его революціонный энтузіазмъ. Истинное ея значеніе, однако, противоположное. Мы не говоримъ пролетаріату: удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ нибудь не очутиться преждевременно у власти. Мы говоримъ ему: толкай впередъ всѣ революціонные и революціонизирующіеся элементы націи, чтобъ и при максимальномъ развитіи революціи, сохранить за собою свободу революціонной критики.

⁂

Тактика революціонной оппозиціи завѣщана намъ исторіей 48-го года. Несомнѣнно, что условія, въ которыхъ находится теперь партія пролетаріата, значительно отличаются отъ условій, въ которыхъ находился пролетаріатъ въ 48 году. Въ то время главная активная политическая роль выпадала на долю буржуазной демократіи, она вчиняла и вела тяжбу со старымъ режимомъ. Пролетаріатъ вмѣшивался въ борьбу только въ рѣшительные моменты, „чтобы не позволить ни одному классу, поднявшемуся на его плечахъ, упрочить свое классовое правительство, не давая рабочимъ простора для борьбы“. У насъ пролетаріатъ и буржуазная демократія обмѣнялись ролями. У насъ тяжба со старымъ режимомъ ведется подъ знаменемъ пролетаріата; у насъ либеральная демократія всегда пассивно выжидала благопріятнаго момента, чтобы использовать замѣшательство правительства въ своихъ интересахъ. И это особенно ярко проявляется въ рѣшительные, критическіе моменты борьбы, какъ, напримѣръ, въ январьскіе дни. Но это нисколько не колеблетъ нашего традиціоннаго взгляда на принципы пролетарской тактики въ буржуазной революціи. Теперь, какъ и въ серединѣ прошлаго вѣка, объективный смыслъ революціи есть радикальное раскрѣпощеніе и демократизація общества; теперь, какъ и въ серединѣ прошлаго вѣка, революція расчищаетъ путь къ непосредственному политическому господству буржуазной демократіи. Теперь, какъ и прежде, старый режимъ является колоссальнымъ препятствіемъ для развитія буржуазнаго строя.

Поэтому, мы вправѣ ожидать, что трезвый политическій разсчетъ въ настоящее время подскажетъ нашей буржуазной демократіи то, что западно европейской буржуазной демократіи въ прошломъ вѣкѣ подсказывала революціонная романтика. Мы вправѣ этого ожидать именно потому, что это зависитъ отъ насъ, отъ степени развитія сознательности пролетаріата: революціонная романтика буржуазной демократіи разсѣивалась какъ дымъ, какъ только пролетаріатъ, участвовавшій съ нею въ борьбѣ, заявлялъ свои притязанія на долю въ добычѣ. Напротивъ того, шансы на участіе буржуазной демократіи изъ разсчета въ нашей борьбѣ должны неизбѣжно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ будетъ обнаруживать ясное пониманіе своихъ интересовъ, по мѣрѣ того, какъ для буржуазной демократіи будетъ становиться очевидной диллема — либо впередъ съ пролетаріатомъ, котораго нельзя обмануть, либо въ пропасть, въ которую толкаетъ весь народъ самодержавное правительство, которой безъ пролетаріата нельзя обойти. Если русскому пролетаріату не приходится ждать пассивно инціативы отъ буржуазной демократіи, если ему не приходется поддерживать ее въ политической компаніи, которая ведется по ея плану и подъ ея руководствомъ, то все-таки у него есть возможность воздѣйствовать на буржуазную демократію, привлекая ее, до извѣстной степени, къ своей политической борьбѣ, подчиняя ея борьбу, до извѣстной степени, своимъ политическимъ планамъ. Но этимъ самымъ для партіи пролетаріата создается возможность сохранить на всемъ протяженіи революціи положеніе партіи крайней оппозиціи: толкая буржуазную демократію на борьбу съ общимъ врагомъ, партія пролетаріата подготовляетъ моментъ, когда самые крайніе элементы буржуазнаго общества, сдѣлавши все, на что они способны, исчерпаютъ себя, наглядно показавши на своемъ примѣрѣ всю ограниченность революціонныхъ средствъ буржуазнаго общества.

Мы не можемъ предрѣшить, въ какихъ политическихъ учрежденіяхъ и въ какихъ политическихъ дѣйствіяхъ русская буржуазная демократія исчерпаетъ свои революціонныя средства. Возможно, что развитіе революціи ослабитъ твердый курсъ самодержавія и поведетъ насъ черезъ эфемерный Земскій Соборъ къ Учредительному Собранію и Республикѣ. Возможно, что самодержавіе будетъ сопротивляться до послѣдней крайности, и тогда мы пойдемъ къ той же цѣли черезъ революціонное временное правительство и Учредительное Собраніе. Но и въ томъ и другомъ случаѣ наши основныя задачи тѣ же: мы подготовляемъ и расширяемъ возстаніе, отвоевывая силой свои требованія послѣдовательно у всѣхъ политическихъ элементовъ, которые революція вынесетъ наверхъ къ кормилу правленія. Мы послѣдовательно превращаемъ различные общественные элементы изъ политически безформенной массы въ революціонный молотъ, изъ революціоннаго молота въ наковальню для революціи..

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

II.

Итакъ, задачей нашей является не только „развязать“ революцію, но и *подготовить условія ея побѣды*. Такъ ставитъ, и вполнѣ правильно ставитъ, вопросъ передовая статья № 87 „Искры“. Можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: „развязывать“ революцію не приходится, ибо она уже „развязана“, — вся задача сводится къ тому, чтобы подготовить ея побѣду. Какъ? Внесеніемъ въ „развязавшуюся“ революціонную стихію элементовъ политической и технической организованности. Говоря кратко, это значитъ *организовать революцію*. Такъ именно ставила вопросъ статья тов. Парвуса „Итоги и перспективы“, — и несогласіе съ ней редакціи оказалось чистымъ недоразумѣніемъ, устраненнымъ нынѣ цитированной выше передовой статьей.

Нѣтъ спора, можно написать очень интересную марксистскую статью на тему о томъ, что революцію нельзя *сдѣлать*, какъ чайникъ или кусокъ ситцу, но когда революція уже дѣлается, когда революціонерамъ нужно заботиться не о *развязываніи*, а о *развязкѣ* ея, тогда практически-плодотворны будутъ только писанія, посвященныя вопросу: какъ подготовить благопріятную развязку, т. е. какъ *организовать революцію*. Да, какъ организовать революцію?

Революція не одно и то же, что возстаніе. На эту тему тоже можно написать одну, а то и двѣ безукоризненныя статьи. Революція есть сложный, иногда очень длительный историческій процессъ, въ результатѣ котораго политическая власть переходитъ къ новой соціальной силѣ. Вооруженное возстаніе — только „техническій“ моментъ, который можетъ входить, но можетъ и не входить въ революцію. Это безспорно. Но столь же безспорно, что мы никуда не годились бы, еслибъ не отдали себѣ отчета въ томъ, что *наша* революція, та, которая теперь совершается, уперлась въ этотъ „техническій моментъ“, и безъ возстанія не пойдетъ дальше. Итакъ, мы должны организовать революцію; очереднымъ этапомъ революціи является народное возстаніе — мы должны организовать возстаніе.

Разумѣется, народное возстаніе не одно и то же, что заговоръ. Разумѣется, только для революціоннаго романтика имѣть планъ заговора значитъ имѣть въ зашифрованномъ видѣ возстаніе. Разумѣется, французскіе революціонеры 40-хъ годовъ были фантасты и алхимики. Но значитъ ли это, что теперь, въ мартѣ 1905 года, у насъ, въ Россіи, подготовка возстанія — алхимія и фантастика? Ну, конечно, же нѣтъ. Порукой тому — передовая статья и „Военныя замѣтки“ № 87 „Искры“. Еще лучшей порукой служитъ россійскій пролетаріатъ, который проявилъ пропасть революціонной энергіи и революціоннаго упорства, двумя-тремя семимильными шагами пробѣжалъ прологъ Великой Русской Революціи — и теперь стоитъ предъ возстаніемъ.

Всенародное возстаніе — вокругъ этого предпріятія должна теперь сосредоточиться наша политическая и наша техническая дѣятельность. Каждое частное, самопроизвольно возникающее выступленіе массы нужно пропитать мыслью о необходимости одновременнаго всероссійскаго выступленія. Все должно бить въ одну точку: прокламаціи, рѣчи, кружковыя занятія. Между городами должна быть живая, непрестанная связь, построенная на той мысли, что близокъ моментъ, когда всѣмъ придется одновременно подняться. Каждый комитетъ долженъ сейчасъ же выдвинуть новый органъ: „военный“. Этотъ органъ будетъ быстро рости, и въ дни возстанія совершенно подчинитъ себѣ всѣ остальные.

Конечно, несмотря на нашу „нетерпимость“, мы отнюдь не стремимся монополизировать въ своихъ рукахъ подготовку и проведеніе возстанія. Для такихъ претензій нуженъ былъ бы громадный избытокъ силъ, котораго у насъ вовсе нѣтъ. Всякому революціонеру, всякому революціонному отряду, который захочетъ взять на себя любую часть военной работы, мы скажемъ: „честь и мѣсто!“ Передовая статья № 85 на этотъ счетъ безусловно права. Къ сожалѣнію, она забываетъ только

тов. Т. придется уже не опредѣлять эту психологическую границу „перваго дня революціи“, а развѣ что занести въ свой календарь ее, какъ — дату уже *начавшагося побѣдоноснаго возстанія*.

И еще разъ вѣрно однако, что январь и послѣдующія событія такъ приблизили насъ политически и психологически къ моменту активнаго возстанія, что партія должна усиленно готовиться встрѣтить этотъ моментъ во всеоружіи. Мы были бы очень рады теперь же подробно побесѣдовать съ тов. Т. о томъ, какъ именно готовиться, если бы, въ связи съ вышеуказаннымъ, не должны были предварительно устранить другія „недоразумѣнія“, созданныя въ разбираемой статьѣ.

Если проблематична высказанная въ столь общей формѣ истина, что рабочее движеніе послѣ 9 января уперлось въ возстаніе, такъ что и податься ему некуда, пока мы не „организуемъ условія побѣды“ и не призовемъ къ возстанію, — то уже совершенно непонятно, почему это мы послѣ 9 января должны кричать: „да здравствуетъ временное правительство“?

У тов. Т., въ пользу выдвигаемаго имъ революціоннаго лозунга, имѣется два соображенія: первое — то, что временное правительство необходимо для обезпеченія свободы созыва Учредительнаго собранія, очистки правительственной администраціи, „реорганизаціи войска“ и т. д. Второе — то, что во временномъ правительствѣ можемъ и должны оказаться мы, соціалдемократы. (Впрочемъ тов. Т. согласился бы воскликнуть „да здравствуетъ“, если бы даже и думалъ, что „насъ“ въ правительствѣ не будетъ).

Что касается перваго соображенія, то опять же непонятно, почему до 9-го января мы не должны были заботиться объ обезпеченіи условій свободнаго созыва Учредительнаго Собранія, свободы агитаціи etc., равно какъ объ основательной чисткѣ авгіевыхъ конюшенъ бюрократіи, полиціи и войска? Я думаю, что каждый смотрящій впередъ [illegible] „заботился“ объ этихъ важныхъ вещахъ. Но почему же до 9 января мы могли разсчитывать, въ роли наиболѣе революціонной народной партіи, достигнуть этого, давя на *всякое* правительство, формально созывающее Учредительное Собраніе, давленіемъ революціонной „улицы“, а послѣ 9 января мы должны „подниматься выше“ и стремиться изъ партіи оппозиціонной стать возможно скорѣе партіей правящей? Или только потому, что [illegible] января наша тактическая мудрость гласила [illegible] соціальдемократъ, а якобинецъ [illegible], послѣ же 9-го января мы нашли, что на нашъ вѣкъ хватитъ уже обнаруженнаго нами анти-якобинскаго пуританизма?

Если то или другое правительство въ томъ или другомъ моментѣ революціи станетъ поперекъ пути ея развитію — мы должны стремиться свалить его. Это — азбука революціи. Какое бы правительство ни стояло во главѣ революціонно трансформирующагося государства, мы должны держать его подъ своимъ давленіемъ, въ качествѣ независимой классовой партіи — этого безусловно требуютъ и интересы революціи и специфическіе классовые интересы пролетаріата. Но такъ какъ *всякое* правительство, ст[illegible] во главѣ страны во время *данной* революціи, рядомъ [illegible] ей разрушенія самодержавно-сословнаго строя, *должно* будетъ выполнять задачу постепенной консолидаціи свободнаго *буржуазнаго* режима, такъ какъ всякое такое правительство должно будетъ заботиться о поддержаніи „общественнаго порядка“, кредита, „внѣшней безопасности“ и т. д., то, очевидно, что наша партія, принявъ непосредственное участіе въ временномъ правительствѣ, связавъ себя съ нимъ хотя бы только принципіальнымъ лозунгомъ „да здравствуетъ временное правительство!“ — должна будетъ связать себя въ своей принципіальной оппозиціи этимъ сторонамъ дѣятельности даннаго правительства, по необходимости носящимъ на себѣ печать классового характера слагающагося общественнаго строя. А это значитъ — для соціалдемократіи — на время отказаться отъ всесторонней борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ во всѣхъ его проявленіяхъ.

„Изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ“ — очень хорошее и очень нужное дѣло. Но до 9 января мы не полагали, что сіе дѣло можетъ производиться не только помощью якобинскихъ декретовъ сверху, но и при помощи народнаго давленія снизу. Разница, между прочимъ, та, что при пользованіи первымъ методомъ [illegible] — вы обязуетесь не только вытѣснить „кровожадныхъ негодяевъ“, скажемъ, изъ полицейскихъ участковъ, но и наложить на ихъ замѣстителей печать [illegible] благоволенія, выдать имъ „сертификатъ [illegible]“, можетъ быть, и титулъ „другъ народа“. [illegible] „Новые [illegible] не могутъ обезпечить [illegible] рабочему народу [illegible]“

[illegible] маленькой [illegible]?

Незачѣмъ мечтать о томъ, чтобы войско [illegible] „реорганизованное“, [illegible] находилось [illegible] рабочему народу [illegible] борьбу за вооруженіе народа [illegible] арміи“ [illegible] между рабочимъ классомъ и „враждебными ему [illegible]“ [illegible] „не враждебной“ ему [illegible] буржуазіи?

Товарищъ Т. теперь, быть можетъ, согласится, что [illegible] „да здравствуетъ временное правительство“ находитъ себѣ объясненіе въ чемъ то другомъ, кромѣ „анти-[illegible] предразсудка“.

Извѣстный революціонеръ Распайль, пять разъ осуждавшійся на смерть и много лѣтъ пробывшій въ тюрьмахъ, былъ въ 70-хъ годахъ избранъ во французскую палату. При открытіи сессіи онъ, въ качествѣ старѣйшаго по возрасту депутата, оказался временнымъ предсѣдателемъ, и, въ качествѣ такового, ему, при входѣ въ залъ, жандармы отдавали полагающуюся по ритуалу честь. Старый заговорщикъ иронически воскликнулъ: „первый разъ въ жизни мнѣ приходится шествовать между двумя жандармами, причемъ они не держатъ меня за шиворотъ“! Но и тутъ проученный житейскимъ опытомъ бывшій „карбонарій“ не поспѣшилъ провозгласить: „да здравствуетъ республиканская жандармерія!“ — и оказался правъ: довольно скоро жандармы опять отводили его въ долголѣтнее тюремное заключеніе, если не ошибаюсь, за оскорбленіе президента республики.

Представляется не невозможнымъ, что революціонная стихія вознесетъ русскую соціальдемократическую партію такъ „высоко“, что ея представителямъ случится временно состоять съ полиціей (республиканской) въ такихъ же любезныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находился Распайль въ упомянутую выше единственную минуту его жизни. Но, слѣдуя примѣру испытаннаго въ заговорахъ старца, не поспѣшимъ на любезную улыбку „реорганизованной“ полиціи отвѣтствовать „да здравствуетъ!“, не поспѣшимъ отказаться отъ нашего традиціоннаго „предразсудка“. Тѣмъ болѣе не будемъ спѣшить теперь, когда при проходѣ между жандармами насъ съ товарищемъ Т. ждетъ все таки скорѣе движеніе ихъ рукъ въ сторону нашего „шиворота“, чѣмъ въ сторону собственныхъ козырьковъ!

Или мы, какъ классовая партія, *стремимся* къ политической власти *только* для непосредственнаго осуществленія революціонной диктатуры пролетаріата — и тогда мы остаемся принципіально непримиримой оппозиціей ко *всякому* правительству и не отказываемся отъ „предразсудка“, запрещающаго намъ сквернить уста сочетаніемъ словъ „да здравствуетъ“ и „правительство“. Или же мы, заинтересованные въ скорѣйшемъ, всестороннемъ и успѣшномъ развитіи наступающей буржуазной революціи, не видимъ другого средства содѣйствовать ей, какъ принявъ участіе въ правительствѣ, реорганизующемъ современную Россію въ качествѣ одной изъ „правящихъ партій“ — и тогда мы прекращаемъ свою классовую оппозицію *всѣмъ* силамъ современнаго общества, стоящимъ внѣ пролетаріата, беремъ на себя прямую отвѣтственность за всѣ плоды исторической ограниченности буржуазной революціи, боремся не только *противъ* присутствія въ администраціи обновленной Россіи элементовъ реакціонныхъ, но и за замѣну ихъ опредѣленными элементами прогрессивными, освящаемъ цѣлый рядъ „реорганизованныхъ“ институтовъ политическаго господства буржуазіи — армію и чиновничество, полицію и тюремное вѣдомство, бюрократію и магистратуру — и оказываемся въ извѣстный моментъ въ рѣзкомъ столкновеніи съ той массой пролетаріата, по отношенію къ которой, несмотря на наше участіе въ управленіи страной, останутся въ силѣ всѣ „имманентные“ законы буржуазнаго строя [illegible] ими же имъ [illegible], безработица, неравенство, несвобода. Или — или!

Конечно, еслибы вѣрно было, что для торжества демократической республики, и торжества революціи *необходимо*, чтобы соціалисты взяли въ свои руки направленіе „государственнаго корабля“, то революціонная партія пролетаріата должна была бы отказаться отъ своей политической независимости и воскликнуть за [illegible] périsse notre nom pourvu que la liberté soit sauvée пропадай наша репутація, лишь бы спасти свободу!). Но такой коллизіи въ дѣйствительности не можетъ быть мѣста: въ качествѣ революціонной оппозиціи, пролетарская партія, добавить, что, кромѣ насъ, на революціонномъ полѣ *никого нѣтъ*. И именно этотъ печальный фактъ совершенно лишаетъ насъ возможности проявить въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ качество революціоннаго гостепріимства. Ждать, что революціонные радикалы посыпятся на насъ изъ какого-нибудь рѣшета, совершенно не приходится. Революція надвинулась, возстаніе стоитъ на очереди, а мы одни. Гдѣ мы сильны, тамъ организаціонно сильна революція, гдѣ мы слабы, тамъ организаціонно слаба она, гдѣ насъ нѣтъ, тамъ революція лишена организаціи и руководящихъ элементовъ. У революціи много неожиданностей, но и эти неожиданности подчинены общимъ законамъ, — у насъ нѣтъ соціальной почвы для самостоятельной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша побѣдоносная борьба съ народовольцами, народниками, „с.-р-ами“ и.. наше почти полное революціонное одиночество Г. Гапонъ явился одной изъ блестящихъ внезапностей революціи, но и на него, оказывается, есть управа. Если взять его *самостоятельную* идею, она оказалась въ буквальномъ смыслѣ поденкомъ; теперь ему остается лишь примкнуть къ „одной изъ соціалистическихъ партій“, которыя существовали до него и которыя въ извѣстномъ смыслѣ подготовили его появленіе. Выборъ Георгія Гапона не труденъ, ибо этихъ партій только одна.

Можетъ быть съ какой нибудь абстрактной (въ другомъ смыслѣ) точки зрѣнія можно утверждать, что было бы очень хорошо, еслибъ у насъ теперь была руководящая якобинская партія съ перспективой диктатуры въ будущемъ, съ обязательствомъ выполнять черную работу революціи въ настоящемъ, — а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетаріатомъ. Но этого нѣтъ, черная работа должна быть выполнена, и намъ необходимо, — потому что мы честные революціонеры — взять ее на себя, а это значитъ „монополизировать“ ее. Выполненіе этой *черной работы* революціи, организація возстанія, становится въ данный моментъ нашей высшей *политической* обязанностью.

Центральнымъ лозунгомъ нашей агитаціи является Всенародное Учредительное Собраніе. Это требованіе, противопоставленное требованію Земскаго Собора, уже сыграло громадную роль. Либеральнымъ умникамъ и скептикамъ требованіе Учредительнаго Собранія могло казаться годъ тому назадъ наивной революціонной утопіей, — теперь, ставъ лозунгомъ народныхъ массъ, оно даже въ глазахъ „освобожденцевъ“ облеклось плотью. Въ результатѣ: вчера еще оппозиціонное требованіе Земскаго Собора становится сегодня лозунгомъ реакціи. Пролетаріатъ немедленно возстанетъ не только противъ царизма, но и противъ тѣхъ господствующихъ группъ, которыя вступятъ съ царизмомъ въ сдѣлку на почвѣ манифеста и рескрипта 18 февраля: совѣщаться съ царемъ о томъ, какъ давить революцію. Послѣ 9-го января мирная конституціонная сдѣлка стала реакціонной утопіей, революція — фактомъ. Исторія поставила на очереди, притомъ въ порядкѣ неотложности, не вопросъ о мирномъ компромиссѣ земцевъ съ правительствомъ, а вопросъ народнаго возстанія, которое раздавитъ, сотретъ съ лица земли царское правительство. Въ то время, какъ бюрократія создаетъ коммиссіи для рѣшенія поставленной ей рескриптомъ 18 февраля задачи: *когда и какъ созвать анонимный Земскій Соборъ?* наша задача — разъяснить народу, которому манифестъ 18 февраля объявилъ безпощадную войну, — *кто и какъ созоветъ Учредительное Собраніе?*

Когда наша Партія со всей энергіей популяризировала идею Учредительнаго Собранія, мы — на вопросъ: къ кому адресуется это требованіе? — отвѣчали: фактически — къ народу, формально: къ царскому правительству или, черезъ его голову, къ Временному Правительству. Сегодня такой отвѣтъ недостаточенъ. Сегодня уже революціонный „народъ“, принявшій наше требованіе, долженъ знать, къ кому *онъ* адресуетъ его или, точнѣе, гдѣ исполнительный органъ народной воли — для созыва Учредительнаго Собранія? Теперь, послѣ 9-го января, наканунѣ возстанія, къ которому мы сознательно идемъ, ужъ нельзя отвѣчать: *или — или*. Учредительное Собраніе будетъ завоевано путемъ возстанія, созвано — Временнымъ Правительствомъ. Таковъ нашъ отвѣтъ.

Намъ необходимо популяризировать въ народныхъ массахъ мысль о Временномъ Правительствѣ, ужъ хотя бы для того, чтобъ вооружить народныя массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. Реорганизація бюрократическаго, полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа, вооруженіе народа на государственный счетъ — вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены Временнымъ Правительствомъ и которыя создадутъ возможность безпрепятственной работы для представителей народа. Кратко говоря, созыву Учредительнаго Собранія должно предшествовать *разоруженіе реакціи и вооруженіе революціи*. Въ Учредительномъ Собраніи будетъ представлена и реакція. Временное Правительство есть правительство революціоннаго народа, стоящаго лицомъ къ лицу съ воинствующей реакціей.

Еще разъ: если мы вѣримъ въ неизбѣжность *революціоннаго* обновленія Россіи, если мы вѣримъ въ надвигающееся возстаніе и сознательно идемъ ему на встрѣчу, если мы хотимъ побѣды этого возстанія, — то мы *хотимъ* созданія революціоннаго Временнаго Правительства. Наша прямая и неотложная обязанность: провести въ сознаніе массъ то, что несетъ намъ „безсознательный“ историческій процессъ. Наша прямая и неотложная обязанность: поднять лозунгъ — да здравствуетъ Временное Правительство!

Кто образуетъ Временное Правительство? Тотъ, кого „вознесетъ“ масса, т. е. тотъ, кто будетъ руководить ею въ рѣшительные дни революціи. Кто вѣритъ въ чудеса, кто думаетъ, что революція способна не сегодня — завтра вытряхнуть изъ рукава якобинскую демократію, тотъ имѣетъ право думать, что Временное Правительство будетъ достояніемъ этой послѣдней. Но и тотъ можетъ противиться лозунгу: Да здравствуетъ Временное Правительство! только изъ *анти-революціонныхъ предразсудковъ*. Мы говоримъ: да здравствуетъ демократическая республика, хотя знаемъ, что она будетъ *буржуазной*. Мы говоримъ: да здравствуетъ суверенитетъ народа! хотя знаемъ, что силою исторической логики суверенитетъ народа будетъ лишь полумистическимъ, полуюридическимъ прикрытіемъ для политическаго господства буржуазіи. Но подобно тому, какъ демократическая республика и суверенитетъ народа являются крайне революціонными лозунгами при наличности абсолютизма и суверенитета Романовыхъ, точно также идея временнаго революціоннаго правительства, хотя бы и буржуазнаго, въ противовѣсъ царскому правительству означаетъ гигантскій размахъ революціи, безпощадный разрывъ съ монархической традиціей, — и потому должна быть выдвинута нами въ настоящій рѣшительный моментъ. Разумѣется, когда предъ нами будетъ ужъ не царское правительство, а буржуазное революціонное правительство мы будемъ безъ всякой пощады разоблачать предъ народомъ его ограниченность, а пролетаріатъ будетъ подъ конвоемъ вести его впередъ, будетъ защищать его отъ ударовъ реакціи и будетъ вынуждать его, въ случаѣ колебаній, къ выполненію его обязанностей.

Но оглянемся и спросимъ себя: гдѣ тѣ внѣ пролетаріата стоящіе сознательные революціонные элементы, которые могли бы оказаться на гребнѣ революціи? Ихъ нѣтъ и — не будемъ себя обманывать! — ихъ не будетъ. Правда, каждый новый шагъ пролетаріата отдается приливомъ вѣры и бодрости въ сердцахъ нашихъ либераловъ и такъ называемыхъ демократовъ Какъ никакъ они подрастаютъ. Но они только *подрастаютъ*, а пролетаріатъ *растетъ*. Въ немъ развиваются самоувѣренность, настойчивость, упорство, недовѣріе къ претендентамъ въ вожди — прекрасныя политическія свойства! Земскія и банкетныя „сессіи“, во время которыхъ рабочій имѣлъ собесѣдованіе (не всегда дружеское) съ земцемъ и съ „освобожденцемъ“, дали рабочимъ незамѣнимые политическіе уроки и привили имъ добрую долю недовѣрія къ вождямъ съ этой стороны. Конечно, политически самоопредѣлились десятки тысячъ пролетаріевъ, революціонно возбуждены — милліоны. Но путь къ этимъ милліонамъ лежитъ только черезъ эти десятки тысячъ, потому что они — цвѣтъ своего класса, и вліяніе ихъ въ революціонную эпоху растетъ по часамъ.

Вліяніе пролетаріата въ цѣломъ на событія растетъ не менѣе быстро. Еслибъ обновленіе Россіи шло по пути компромиссовъ, сдѣлокъ, — нашъ рабочій классъ не могъ бы и мечтать о той роли, которая достается ему нынѣ. Революція выдвигаетъ пролетаріатъ на первое мѣсто и передаетъ ему гегемонію. Смотрите, какое мѣсто занимаетъ въ нынѣшнихъ событіяхъ *стачка*! Оно приблизительно отвѣчаетъ тому мѣсту, какое пролетаріатъ занимаетъ въ революціи.

Побѣду возстанія, какъ и торжество всей революціи можетъ обезпечить только пролетаріатъ. Другія группы городского населенія и крестьянство сыграютъ въ революціи свою роль, поскольку будутъ идти за пролетаріатомъ, поддерживать его, облегчать ему работу. *Самостоятельной* революціонной роли, сколько нибудь равносильной роли пролетаріата, не сыграютъ ни крестьянство, ни мѣщанство, ни интеллигенція!

Для насъ, соціальдемократовъ, это, надѣюсь, не фразы. Слѣдовательно, составъ Временнаго Правительства будетъ главнымъ образомъ зависѣть отъ пролетаріата. Точнѣе сказать, при рѣшительной побѣдѣ возстанія власть получатъ тѣ, которые руководили пролетаріатомъ.

Это значитъ не что иное, какъ то, что революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ — нашу партію, къ временному политическому господству.

Если мы рѣшимъ отказаться отъ него, то намъ необходимо предварительно отказаться отъ тактики, разсчитанной на:

а) революціонное развитіе событій,
б) руководящую роль въ нихъ пролетаріата,
в) руководящую роль нашей Партіи въ пролетаріатѣ.

Разумѣется, мы не откажемся ни отъ того, ни отъ другого, ни третьяго. А такъ какъ мы вообще самая послѣдовательная изъ политическихъ партій, то мы не откажемся и отъ вывода, который слѣдуетъ изъ посылокъ.

Возьму примѣръ. Столь печально для правительства закончившіеся выборы въ коммиссію Шидловскаго дали около 400 человѣкъ, представляющихъ пролетаріатъ Петербурга. Среди этихъ 400 есть десятокъ—два самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ рабочихъ Петербурга. Выборы привели къ стачкѣ, которая можетъ стать всеобщей. Стачка можетъ перейти въ возстаніе. Возстаніе можетъ привести къ побѣдѣ. Побѣда — къ образованію Временнаго Правительства. Рабочіе-соціальдемократы, предназначавшіеся въ коммиссію Шидловскаго, могутъ попасть во Временное Правительство. Какія требованія предъявитъ къ нимъ Партія, какъ къ своимъ членамъ? Чтобъ они отказались отъ вступленія во Временное правительство? Или, вступивъ, прикинулись бы буржуазными радикалами? Нѣтъ, она потребуетъ: 1) Чтобъ они себя обезпечили большинствомъ, 2) чтобъ они работали подъ ея контролемъ.

А для того, чтобъ Партія могла обезпечить за собой фактическій „контроль“, она во всякомъ случаѣ должна заранѣе вооружить массы опредѣленными требованіями къ Временному Правительству. А для этого необходимо популяризировать въ массахъ самую идею Временнаго Правительства.

Кончаю свое „Письмо“ тѣми лозунгами, которые, какъ вытекаетъ изъ изложенныхъ выше соображеній, должны стать фокусами нашей революціонной работы:

Да здравствуетъ Всероссійское Возстаніе!

Да здравствуетъ Революціонное Временное Правительство!

Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе!

Да здравствуетъ Великая Россійская Революція!

Т.

Отъ редакціи. Какъ видитъ читатель изъ предыдущей статьи („Революціонныя перспективы“) и изъ помѣщаемой въ фельетонѣ статьи „На очереди“, мы не раздѣляемъ взглядовъ изложенныхъ въ этомъ письмѣ нашего постояннаго сотрудника товарища Т.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Новая опора трона. Намъ пишутъ: Изъ Брауншвейга на прошлой недѣлѣ отосланы въ Петербургъ для охраны царя двѣ выдрессированныя мѣстнымъ инспекторомъ полиціи Буссеніусомъ собаки — Schottische Schäferhunde. Отправлены они съ спеціальнымъ служащимъ — кажется, въ пятницу. Объ этомъ, между прочимъ, было и въ „Magdeburger Zeitung“.

Къ позорному столбу! Рига. Въ бойнѣ 14 января отличились штабъ-капитанъ Гусевъ и поручикъ Сципура, онъ же учитель гимнастики въ Александровской гимназіи, ученики которой его освистали.

Резолюція смоленскихъ рабочихъ. Въ изданной Смоленскимъ Комитетомъ Партіи прокламаціи сообщается:

Рабочіе и работницы и всѣ граждане! На собраніи рабочихъ, устроенномъ на дняхъ мѣстной соціальдемократической организаціей, съ неописуемымъ энтузіазмомъ была [illegible] дующая резолюція:

„Собраніе рабочихъ города Смоленска, обсудивъ [illegible]ное положеніе народа и отношеніе правительства къ освободительному движенію рабочихъ, высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что главнѣйшія экономическія и политическія требованія рабочаго класса должны быть поддержаны вооруженнымъ движеніемъ пролетаріата.

Присутствующіе на собраніи рабочіе заявляютъ, что по призыву соціаль-демократической партіи они явятся въ ряды возставшаго во имя свободы пролетаріата“.

На собраніи, о которомъ здѣсь говорится, было болѣе 100 человѣкъ и произнесено много рѣчей на современные темы, изъ которыхъ двѣ отличались по своей силѣ. Многіе плакали.

слѣдуя революціонной, т. е. „умной марксисткой“ тактикѣ, можетъ и должна явиться рычагомъ развитія буржуазной революціи, тогда какъ, наоборотъ, ставши партіей правящей, она, неизбѣжно связывая себѣ руки въ организаціи классовой борьбы пролетаріата, тѣмъ самымъ уменьшитъ силу своего вліянія на ходъ революціи.

Товарищъ Т., также какъ и товарищъ Парвусъ, полагаетъ, что захватъ власти въ моментъ паденія самодержавія диктуется намъ тѣмъ, что—кромѣ насъ некому. На лицо или идеалистическія группы, не опирающіяся на соціальныя силы, или же соціальныя силы, хотя и способныя къ политической организаціи, но не заинтересованныя въ полной побѣдѣ революціи. А потому—или мы должны взять въ свои руки временное правительство, или же должны отказаться отъ демократической республики, чуть ли не даже отъ свободныхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе и отъ очищенія полиціи отъ Мымрецовыхъ. Не изъ рукава же намъ „вытряхивать“ революціонную демократію!

Невозможно здѣсь разбирать детально этотъ несомнѣнно новый взглядъ на соціально-политическія отношенія въ современной Россіи. Вся политика нашей партіи до сихъ поръ опредѣлялась радикально-противоположной оцѣнкой дѣйствительности. Сложная—для многихъ головоломная—постановка нашихъ тактическихъ задачъ опредѣлялась нашимъ представленіемъ о томъ, что пролетаріатъ своимъ собственнымъ движеніемъ вызываетъ къ политической жизни и къ революціонной роли рядъ слоевъ общества, доселѣ казавшихся политически-аморфными;—что, по мѣрѣ того, какъ съ разложеніемъ „стараго режима“ эти соціальные слои политически самоопредѣляются, они реализуютъ въ свою пользу всѣ тѣ преимущества надъ пролетаріатомъ, которыя потенціально заключаются въ ихъ болѣе „привиллегированномъ“ положеніи въ классовомъ обществѣ; что, поэтому, заключать отъ видимаго „небытія“ другихъ крупныхъ организованныхъ общественныхъ силъ, кромѣ пролетаріата, къ тому, что въ моментъ ликвидаціи царизма „мы все сможемъ“—являться плодомъ чистѣйшаго раціонализма и утопизма.

Это такъ просто сказать: гдѣ она, эта демократія? Интеллигенція—безпочвенна и безсильна—разъ; промышленный капиталъ—не связанъ съ народомъ и антидемократиченъ—два; крестьяне—неорганизованы, политически некультурны и къ самостоятельной роли не пріучены—три; ремесленники—не имѣютъ политическихъ традицій—четыре; а посему откуда возьмется революціонная демократія?

Какъ все это напоминаетъ старыя торжествующія перечисленія народниковъ, которые „искали и не находили“ основныхъ элементовъ для капиталистическаго развитія въ Россіи! И, однако, жизнь насмѣялась и нашла.

„Подрастаютъ“, соглашается товарищъ Т. относительно разныхъ элементовъ буржуазной демократіи, но, успокоительно прибавляетъ онъ, пока они подрастаютъ, пролетаріатъ растетъ. А такъ какъ идеологическій оптимизмъ нашихъ революціонеровъ растетъ подчасъ еще быстрѣе, чѣмъ грузное тѣло пролетарской борьбы, то, не успѣемъ мы еще замѣтить сколько нибудь выросшаго изъ пеленокъ дѣтища буржуазной демократіи, а передъ нами уже несомнѣнно будетъ куча проэктовъ „совпаденія политической и соціалистической революціи“ по тому случаю, что „мы“ уже переросли (въ собственномъ воображеніи!) всѣ рамки революціи буржуазной и изящнымъ движеніемъ ноги отбросили всѣ тактическія трудности, вытекающія изъ своеобразнаго положенія русскаго пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи.

Вернемся все же къ нашей россійской демократіи. Изъ рукава, конечно, намъ ее никто не вытряхнетъ—что и говорить! Но и въ рукавъ ее, какъ ни медленно она подрастаетъ, тоже не спрячешь. И, прежде всего, ее нельзя отрицать на томъ простомъ основаніи, что *въ данный моментъ* ея роль въ качествѣ революціоннаго двигателя *еще* очень незначительна по сравненію съ ролью пролетаріата. Для марксиста роль, которую въ опредѣленный историческій періодъ долженъ сыграть данный соціальный слой, опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, не столько его политическимъ прошлымъ, не столько его идеологіей и традиціями, сколько объективнымъ значеніемъ историческаго момента въ развитіи общества. И если не фраза наши слова, что мы идемъ къ буржуазной революціи, то намъ не придется долго смотрѣть въ увеличительное стекло, чтобы найти субъективные факторы этой буржуазной революціи. Сто милліоновъ крестьянъ, добрый десятокъ милліоновъ мелкихъ производителей въ промышленности — достаточно широкая *народная* база для русскаго „якобинства“ и достаточно горючій матеріалъ для революціи. Каждый шагъ въ разложеніи царизма приближаетъ моментъ ихъ тѣснаго сближенія съ столь слабыми еще идеологическими представителями демократіи.

Крупная роль, которую играетъ и будетъ играть въ россійской революціи пролетаріатъ, дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ такое положеніе, когда борьба пролетаріата за дальнѣйшее упроченіе и развитіе революціи отождествится съ борьбой за непосредственное обладаніе политической властью. Наступленіе такого момента будетъ, разумѣется, ускорено, если всѣ сильныя буржуазно-революціонныя партіи отцвѣтутъ не успѣвши разцвѣсть. И въ этомъ случаѣ пролетаріатъ не сможетъ отвернуться отъ политической власти. Но разумѣется также, что получивъ ее въ ходѣ соціальной борьбы, онъ не сможетъ ограничить себя въ ея пользованіи рамками буржуазной революціи. *Если онъ получитъ власть, какъ классъ* (а мы съ товарищемъ Т. только о такомъ овладѣніи властью и говоримъ), онъ не сможетъ не повести революцію дальше, не сможетъ не стремиться къ Revolution in Permanenz, — къ прямой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. Конкретно это значитъ— либо новое повтореніе парижской коммуны, либо начало соціалистической революціи „на Западѣ“ и ея переходъ въ Россію. И мы *обязаны* будемъ стремиться ко второму.

Къ такой перспективѣ мы, во всякомъ случаѣ, должны готовиться. Но готовиться къ ней можно только однимъ путемъ —только организуя пролетаріатъ въ партію, оппозиціонную буржуазно-демократическому государству. И лучшій путь для такой организаціи—путь развитія буржуазной революціи *снизу*, давленіемъ пролетаріата на стоящую у власти демократію.

Классъ, подготовленный къ роли оппозиціоннаго двигателя революціи, будетъ готовъ и къ роли ея политическаго хозяина, если историческое развитіе приведетъ его, вопреки его стремленіямъ, вплотную къ государственной власти. Но не обратно.

Ибо въ малорасчлененной политической средѣ *объективный* смыслъ „игры на захватъ власти“ можетъ оказаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ думаютъ сами игроки.

Въ то время, какъ товарищъ Троцкій говоритъ: кромѣ насъ некому, а товарищъ Парвусъ провозглашаетъ „временное соціальдемократическое правительство“—газета „Впередъ“ объявляетъ: „диктатура пролетаріата и крестьянства“.

„Впередъ“ не пробуетъ, подобно товарищу Т., обойти тѣ препятствія по пути прямолинейной тактики, которыя ставятся существованіемъ разныхъ „промежуточныхъ“ классовъ. Онъ не пробуетъ, подобно товарищу Т. изолировать мысленно пролетаріатъ, какъ дѣйствительнаго носителя революціоннаго развитія *съ первыхъ же дней революціи*. Но онъ тоже хочетъ, чтобы давленіе пролетаріата на революцію шло не „*снизу*“ только, не только съ улицы, но и сверху, изъ чертоговъ временнаго правительства. И онъ даетъ формулу: диктатура пролетаріата и крестьянства. Иначе говоря: то, что товарищу Парвусу представляется, какъ „временное соціаль-демократическое правительство“, подъ перомъ редакціи „Впередъ“ превращается въ подлинный правительственный „блокъ“ пролетаріата и мелкой буржуазіи.

Для блага революціи чего не сдѣлаешь! Почему бы и не составить правительственный блокъ изъ соціалистовъ и демократовъ для очищенія бюрократіи отъ „кровожадныхъ негодяевъ“, для реорганизаціи арміи, для укрѣпленія демократіи? Только, вѣдь, и Жоресъ *для этихъ самыхъ цѣлей* организовалъ свой союзъ демократіи и пролетаріата!

Или—или! Задача „завоеванія власти“ мыслима только въ двухъ формахъ: или пролетаріатъ овладѣваетъ государствомъ, какъ классъ („рабочее правительство“), но тогда онъ это дѣлаетъ въ результатѣ борьбы со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ и проводитъ свою суверенную волю *противъ* этого общества въ непосредственныхъ цѣляхъ своей эмансипаціи. Но тогда онъ уже фактически подошелъ къ предѣламъ „буржуазной революціи“. Въ этомъ случаѣ весь нашъ—русскихъ социальдемократовъ—анализъ историческаго положенія русскаго пролетаріата и его задачъ былъ невѣренъ и намъ надо, не откладывая дѣла, радикально пересмотрѣть нашу программу.

Или-же рѣчь идетъ объ участіи—для блага революціи, конечно—соціальдемократіи въ революціонно-демократическомъ правительствѣ и тогда намъ не мѣшаетъ теперь же вступить въ политическій „блокъ“ съ представителями той соціальной силы, съ которой вмѣстѣ мы будемъ осуществлять „диктатуру“. Въ этомъ случаѣ намъ надо сейчасъ же пересмотрѣть принципы нашей тактики. Въ ожиданіи, утѣшимся мыслью, что, подобно извѣстному щедринскому прокурору, у нѣкоторыхъ „непримиримыхъ революціонеровъ“ соціальдемо [illegible] чье недреманное о

Воронежъ, 25 февраля. На дняхъ съѣхались учителя и учительницы земскихъ школъ Воронежской губ. на очередное собраніе кассы взаимопомощи и очень единодушно провели заявленіе Министру Внутреннихъ Дѣлъ; оно начинается такъ: „Мы, учителя и учительницы находимъ, что вознагражденіе учителей народныхъ школъ такъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое состояніе крестьянства, а это можетъ случиться лишь съ измѣненіемъ всего современнаго государственнаго строя путемъ созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямаго, тайнаго и равнаго избирательнаго права". Затѣмъ идутъ указанія на необходимость всеобщаго обученія, не вмѣшательства въ него духовенства, участія учителей въ мелкой земской единицѣ, а также народныхъ университетовъ и библіотекъ безъ особой цензуры. Приняли тоже протестъ противъ войны и порицаніе правительству за бойню въ Петербургѣ и Варшавѣ. Затѣмъ было предложено послать министру внутреннихъ дѣлъ такое заявленіе: „Привѣтствуя рескриптъ отъ высочайшаго имени министру Внутреннихъ Дѣлъ, обѣщающій созывъ представителей народа, собраніе полагаетъ, что необходимо сдѣлать немедленно возможными и разрѣшенными политическія собранія повсюду и право учителей отвѣчать на разспросы крестьянъ, подготовлять населеніе къ избирательному праву, т. е. разрѣшить предвыборную агитацію безъ риска быть арестованнымъ". Это предложеніе было принято апплодисментами, но редакціонная коммиссія изложила его еще радикальнѣе, т. е. отбросила „привѣтствія" и написала „принимая во вниманіе высочайшій рескриптъ....“

На слѣдующій день былъ съѣздъ фельдшеровъ, провели все тоже, примѣнительно къ своей профессіи, но менѣе стройно, чѣмъ учителя — такія слова, какъ „пожеланія будущему правительству", уже не рѣжутъ уха и слушаются безъ особеннаго волненія и оглядыванія.

Передъ открытіемъ экстренной сессіи земства, кое кто изъ горожанъ и земцевъ получили письма такого приблизительно содержанія: „Господа дворяне, когда вы соберетесь на свое дворянское собраніе о земствѣ, то мы придемъ и выпоремъ васъ, такъ какъ вы просто пролетаріи, только не всегда открываетесь, а только всѣхъ мутите." Повидимому слово „полетаріи" означаетъ „соціалисты".

Кіевъ, 2-го марта. Вчера въ Литературно-Артистическомъ обществѣ пріѣзжимъ изъ Тифлиса читался рефератъ о бакинской бойнѣ. Референтъ держался въ предѣлахъ легальности и умѣренности; комкалъ бывшіе у него въ рукахъ матеріалы; выводы на счетъ „темной силы, организовавшей бойню" предоставилъ сдѣлать каждому изъ слушателей. Все шло „чинно и благопристойно", но вдругъ референтъ заявляетъ, что, по требованію полиціи, онъ долженъ прекратить чтеніе. Публика протестуетъ: требуетъ продолженія прерваннаго реферата. Референтъ готовъ подчиниться, но проситъ публику примириться, такъ какъ совсѣмъ нежелательно, чтобы его миссія прекратилась въ Кіевѣ. Ему почему-то хлопаютъ. Свистки заглушаются апплодисментами. Полицейскій крюкъ, съ усищами и бакенбардами въ стилѣ Александра II-го, заявляетъ, что собраніе прекращается. Публика, однако, не расходится. На стулъ взбирается Водовозовъ. Говоритъ онъ приблизительно такъ: „полиція противозаконно закрыла наше собраніе. Мы должны протестовать. Еще не всѣ легальные способы протеста исчерпаны (голосъ: „довольно легальщины!"). Литературно-Артистическое общество будетъ протестовать въ прессѣ (голоса: „не надо", „надоѣло", „насъ оскорбили, намъ нѣтъ дѣла до Литературно-Артистическаго общества!"). Водовозовъ удаляется, но черезъ нѣсколько времени снова появляется на стулѣ. На этотъ разъ онъ предлагаетъ уже нелегальный протестъ, въ видѣ резолюціи. Говоритъ такъ: „съ одной стороны, появляется высочайшій указъ (при словѣ высочайшій — легкій свистъ) 18 февраля, — съ другой, совершаются такія насилія, какъ сегодня надъ нашимъ собраніемъ. Такіе контрасты показываютъ, что режимъ гнилъ... Бакинская трагедія — это одно изъ проявленій общей политики, на ряду съ Кишиневомъ и Гомелемъ. Это политика науськиванія одной національности на другую, для того, чтобы ихъ, ослабѣвшихъ во взаимной борьбѣ, легче могла удерживать рука высшей власти... Мы своей разобщенностью и неорганизованностью способствуемъ тому, что гнилой, отжившій строй просуществуетъ еще нѣкоторое время. Я призываю всѣхъ, несмотря на различіе общественныхъ идеаловъ, несмотря на то, какими буквами алфавита они именуются — С.-Д., С.-Р., О. и т. д. — объединиться... (возгласы: „знакомо", „старая пѣсня") и добиваться мира съ Японіей и конституціи... — Товарищъ С.-Д. запальчиво кричитъ ему: „Намъ не нужно вашей конституціи,— мы требуемъ демократической республики! Мы требуемъ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайного голосованія"... Слова товарища заглушаются трескомъ рукоплесканій. Водовозовъ, какъ эхо, повторяетъ: Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого и т. д. Ему тоже хлопаютъ. Характерная черточка: когда либерала толкнешь влѣво, онъ готовъ подвинуться, но по собственной иниціативѣ не склоненъ совершать подобныя передвиженія. Послѣ водовозовскаго призыва къ объединенію, другой товарищъ прочиталъ извѣщеніе о конференціи соціальдемократическихъ организацій. Это извѣщеніе было встрѣчено съ восторгомъ. Подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ (ихъ пѣли довольно-таки нестройно), при крикахъ: „да здравствуетъ Соц.-дем., да здравствуетъ революція" и, разумѣется, „долой самодержавіе!" — публика оставила залъ. Пѣли еще нѣкоторое время на лѣстницѣ; кричали чуть-ли не въ ухо Цихоцкому: „долой самодержавіе!", когда онъ пробирался черезъ толпу. Цихоцкій шелъ сосредоточенно серьезный, дѣлая видъ глухо-нѣмого, ему вѣжливо уступали дорогу. Кто-то предлагалъ пройтись демонстративно по улицѣ, но ему заявили, что это не имѣетъ никакого смысла, насъ мало... и передъ кѣмъ ночью манифестировать? Разошлись шумно. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Евпаторія. Есть на свѣтѣ много еще такихъ уголковъ, гдѣ „ни одно желаніе, ни одинъ помыселъ не переступаетъ частокола сосѣдняго дома". Такимъ уголкомъ была до послѣдняго времени и Евпаторія. Но мощный потокъ революціоннаго движенія подхватилъ и ее. Евпаторія проснулась и заговорила. Сильно удивленъ былъ мирный обыватель, когда утромъ 19 февраля нашелъ у воротъ своего дома „прокламацію", и еще больше поразился, когда, послѣ чтенія въ Пушкинской аудиторіи, на голову его посыпались съ хоровъ прокламаціи Крымскаго Союза „Ко всѣмъ гражданамъ". Впечатлѣніе это произвело громадное. Въ городѣ всѣ взбудоражены; только и разговоровъ, что объ этомъ фактѣ. Прокламаціи ходили по всему городу, и врядъ ли найдется какой-нибудь евпаторійскій гражданинъ, который бы не читалъ ихъ. Замѣчается сильное броженіе въ обществѣ и среди рабочихъ. Это первое боевое крещеніе было дѣломъ возникшей здѣсь въ срединѣ января рабочей организаціи. Раньше были отдѣльныя единицы сознательныхъ рабочихъ, но связи между ними не было никакой, организація возникла лишь благодаря содѣйствію Симферопольской Организаціи Крымскаго Союза. Теперь вліяніе организаціи значительно расширяется.

Николаевъ. 24 февраля. (Писано еще до стачки).

Въ театрѣ, недѣли двѣ тому назадъ, на пьесѣ „Дачники" одинъ изъ присутствовавшихъ рабочихъ крикнулъ: „Долой самодержавіе!" По данному сигналу посыпались листки. Полиція арестовала одного рабочаго. Не смотря на всѣ его просьбы о помощи, публика ограничилась однимъ лишь пассивнымъ возмущеніемъ, и рабочаго не отстояли.

Спустя недѣлю, въ залѣ городского собранія состоялась лекція Минскаго о „Нравственныхъ проблемахъ нашихъ дней". Публика собралась въ довольно большомъ количествѣ. Предполагался разбросъ, но по нѣкоторымъ причинамъ онъ не удался. По выходѣ изъ залы, раздались возгласы: „Долой войну!", „Долой самодержавіе!" „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!" Поднялась кутерьма. Полиція шныряла по всей Соборной улицѣ, ловила со всѣхъ сторонъ. Въ результатѣ три рабочихъ арестовано. При этомъ избитъ сильно околодочный надзиратель и добровольцъ-шпіонъ, прикащикъ магазина Потапова. Послѣдній спасся, скрывшись въ Парижской молочной, гдѣ толпой выбиты стекла.

По винѣ струсившей публики, демонстрація не удалась. Но все-же Соборная въ этотъ вечеръ представляла живописную картину. Полиція скакала въ карьеръ, стараясь поймать демонстрантовъ; то тутъ, то тамъ, подъ самымъ носомъ полиціи раздавались возгласы. Давка, шумъ, плачъ дѣвицъ, избіеніе полиціи... Говорятъ, что арестованныхъ на дняхъ выпустятъ.

Въ воскресенье 20 февраля вечеромъ, во время гулянья, была снова попытка устроить демонстрацію, но скорое вмѣшательство полиціи и отсутствіе организованности и единодушія въ публикѣ помѣшали. У кондитерской Зиберта запѣли, довольно стройно, марсельезу, прошли кварталъ и разсѣялись. Градоначальникъ далъ холостой выстрѣлъ и вся полиція была на ногахъ. Многіе изъ рабочихъ были вооружены. Попытались повторить на углу Потемкинской и Соборной, но опять неудачно. Арестовано четыре рабочихъ. По всему, однако, видно, что эти попытки превратятся въ грандіозную демонстрацію.

Бастовали у насъ нѣсколько дней Повивальные курсы. Требованія — узко-профессіональныя — почти всѣ удовлетворены.

Забастовало и Средне-техническое Училище. За исключеніемъ восьми человѣкъ, всѣ приняли резолюцію съ требованіями: 1) улучшенія условій занятій въ училищѣ, 2) прекращенія войны, 3) созыва Учредительнаго Собранія и т. п. Отпечатанныя резолюціи послали директору для препровожденія министру. Рѣшили бастовать до сентября. Вели себя средне-техники образцово и подняли этимъ настроеніе всей здѣшней учащейся молодежи.

Витебскъ. 3 марта. По иниціативѣ мѣстной адвокатуры 20 февраля у насъ состоялся многолюдный „банкетъ", третій по счету за короткое время. Не въ примѣръ предыдущимъ двумъ банкетамъ, дана была возможность проникнуть на банкетъ самымъ подлиннымъ представителямъ пролетаріата.

Собраніе открылось довольно водянистою рѣчью виднаго либерала присяжнаго повѣреннаго Теодоровича, не смогшаго въ такой моментъ выжать изъ себя ничего, кромѣ какихъ-то банальностей о дѣятеляхъ „великой" реформы 61-го года. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчи становились содержательнѣе и смѣлѣе. Дальше всѣхъ пошелъ присяжный повѣренный NN, давшій довольно сильную характеристику переживаемаго Россіей момента и предложившій резолюцію, почти удовлетворившую соціальдемократовъ. Вслѣдъ за либералами говорили представители соціалистовъ революціонеровъ, бунда, поалe-сіонистовъ и сіонистовъ.

Рѣчи соціалистовъ-революціонеровъ были на столько общаго характера, что трудно было по нимъ опредѣлить ихъ политическую физіономію. Ораторъ бундовецъ, выступившій отъ имени мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій (представитель группы Партіи, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не смогъ явиться на банкетъ), указалъ на доминирующую роль пролетаріата въ начавшейся революціи и ознакомилъ собраніе съ резолюціей январской конференціи соціальдемократическихъ организацій въ Россіи, къ которой и предложилъ присоединиться. Эту-же резолюцію, но мотивированную, предложилъ вслѣдъ за нимъ и другой товарищъ и она была встрѣчена сочувственно апплодисментами громаднѣйшаго большинства собранія. До сихъ поръ все шло гладко. Въ перерывахъ „лѣвая" невозбранно распѣвала свои пѣсни и ничего не нарушало гармоніи настроенія. Но „двумъ разнымъ деревамъ въ едино не сростись"... Не успѣли еще замолкнуть апплодисменты по поводу предложенной товарищами резолюціи, какъ тотъ-же „видный либералъ" Теодоровичъ выступилъ съ критикой этой резолюціи. Его „слабый умъ", оказывается, не въ состояніи понять, какимъ образомъ можно говорить о деталяхъ программы, прежде чѣмъ не осуществленъ главный пунктъ — введеніе представительнаго образа правленія, — дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Пришлось одному товарищу выступить съ объясненіями, что русскій парламентъ будетъ представлять не одну, а нѣсколько партій, которыя и должны являться туда съ готовыми программами. Итакъ, доброе согласіе было нарушено — и „расколъ" сталъ обозначаться все явственнѣе и шумнѣе. Когда рѣчь зашла о голосованіи резолюціи, либералы высказались не только противъ резолюціи соціальдемократовъ, но и противъ своей собственной, предложенной К. Они нашли, что въ такой формѣ ее нельзя будетъ огласить въ легальной печати и предложили смягчить ее. Предсѣдатель, юристъ и законникъ, напомнилъ собранію о грозной 169 статьѣ и взывалъ къ благоразумію. Наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ на голосованіе поставлены были два вопроса: первый, — желательно ли смягченіе резолюціи въ интересахъ возможности оглашенія ея, и, второй — какая резолюція принимается большинствомъ. Большинство высказалось противъ смягченія и за резолюцію соціальдемократовъ (119 голосовъ изъ 221 при неизвѣстномъ числѣ воздержавшихся). Это не помѣшало либераламъ предложить желающимъ подписаться подъ ихъ „не смягченною" резолюціей.

Набралось около 100 подписей.

На той недѣлѣ бастовали здѣшніе фармацевты. Ихъ требованія чисто экономическія, были удовлетворены во всѣхъ аптекахъ, кромѣ одной, гдѣ вмѣсто двойной смѣны хозяинъ согласился на установленіе выходныхъ на 3-ій день. По поводу этого мѣстная группа выпустила листокъ „къ обществу". Ею же выпущенъ листокъ къ обществу по поводу паденія Мукдена.

Баку. Въ первый день армянской бойни произведено было жестокое избіеніе политическихъ заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ. Поводомъ къ почти поголовному избіенію политическихъ послужила ихъ попытка устроить побѣгъ извѣстнаго здѣсь соціальдемократа Хунтадзе, который недавно былъ приговоренъ окружнымъ судомъ къ безсрочной ссылкѣ въ Сибирь. Его положили въ корзину и понесли въ качествѣ багажа одного изъ освобожденныхъ. Смотритель пропустилъ корзину, но надзиратель, стоявшій у воротъ, при выходѣ потребовалъ ее вскрыть. Здѣсь несшіе корзину смѣшались, потащили корзину обратно и тѣмъ выдали себя. Солдаты, стоявшіе у выхода вмѣстѣ съ надзирателями, накинулися на политическихъ и подвергли ихъ жестокому избіенію. Били ихъ даже въ безсознательномъ состояніи. Хунтадзе, извлеченный изъ корзины, бросился къ смотрителю и нѣсколькими ударами по лицу свалилъ его съ ногъ. „Стража" успѣлъ прокричать смотритель, и стража избила Хунтадзе до полусмерти. Придя въ себя, избитые потребовали прокурора, при чемъ Хунтадзе произнесъ громовую рѣчь, въ которой говорилъ о томъ, что всѣ они отъ смотрителя до прокурора и царя достойны самой позорной смерти. Блѣдные, растерянные, чиновники просили политическихъ успокоиться. Вскорѣ Хунтадзе куда-то скрыли. Говорятъ, его увезли въ Петровскъ. Сейчасъ въ тюрьмѣ находится политическихъ 60 человѣкъ мущинъ и 10 женщинъ.

Томскъ (Изъ отчета о дѣятельности комитета за октябрь—январь). Съ октября начинается значительное оживленіе работы. Число рабочихъ кружковъ доходитъ до 15 и студенческихъ — до 30. Рѣшивъ перейти къ широкой агитаціи (не забрасывая, однако, пропаганды), комитетъ началъ устраивать широкія собранія, какъ чисто рабочія, такъ и смѣшаннаго характера (рабочіе, студенты и иные элементы общества). Устраивались такія собранія по два и даже по три раза въ недѣлю. Собранія эти бываютъ трехъ родовъ: 1) съ дебатами и съ обсужденіемъ прочитаннаго, затягивающіяся на два, на три вечера и 2) рѣчи на опредѣленную тему. Собранія перваго рода посѣщаются постояннымъ контингентомъ лицъ, второго же рода — текучимъ, постоянно обновляемымъ. Главнѣйшей темой бесѣдъ и рѣчей служила война и „новый курсъ". Къ декабрю темы эти конкретизируются, говорятъ о политикѣ соц.-дем. въ настоящій моментъ, о либералахъ и соц.-рев., объ уничтоженіи монархіи, о всенародномъ учредительномъ собраніи и путяхъ, которыми долженъ идти пролетаріатъ для осуществленія своихъ требованій

На собранія приглашались соц.-рев., но они пришли только одинъ разъ. Въ началѣ декабря происходили волненія между студентами. На общей сходкѣ студентовъ соц.-рев. вмѣстѣ съ „Кассой технологовъ" предложили резолюцію о войнѣ, которая и прошла; соціальдемократическая же получила всего нѣсколько голосовъ. Соц.-революціонеры въ изданной брошюркѣ измѣнили нѣсколько текстъ принятой резолюціи въ духѣ своей партіи. Это оттолкнуло студентовъ отъ нихъ, и на собраніи универсантовъ соц.-дем. резолюція уже получила на пять голосовъ меньше безпартійной резолюціи. Безпартійное большинство въ концѣ этого собранія не дало соціальдемократамъ прочесть заявленіе, въ которомъ говорилось о томъ, что сегодняшнее наше меньшинство, нѣтъ сомнѣнія, въ скоромъ будущемъ обратится въ значительное большинство.

На одномъ изъ собраній рабочихъ была вынесена такая резолюція: „Мы, рабочіе гор. Томска, собравшись (такого-то) числа и обсудивъ вопросъ о войнѣ, выражаемъ свое негодованіе царскому правительству, втянувшему Россію въ это позорное дѣло, бросающему на смерть тысячи подневольныхъ людей, безцеремонно разграбляющему народныя силы и средства, и лживо выставляющему свою затѣю, какъ войну „за отечество", будто бы полезную народу. Раззореніе, безработица, голодъ и тысячи свѣжихъ могилъ, — вотъ, что несетъ нашему отечеству затѣянная царскимъ правительствомъ война".

„Выражая наше презрѣніе и негодованіе залитому народной кровью царскому правительству, мы призываемъ всѣхъ товарищей-рабочихъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться за прекращеніе войны и противъ царскаго самодержавія, какъ единственнаго виновника теперешней бойни.

„Терпя пораженіе за пораженіемъ отъ японской арміи, русское правительство, чувствуя, какъ изъ подъ ногъ его исчезаетъ почва — слѣпое довѣріе народа, безъ сомнѣнія начнетъ въ скоромъ времени „заигрывать" съ народомъ, издали помахивая свободой передъ его глазами.

„Мы, русскіе рабочіе, не должны вѣрить ни единому слову правительства. Въ эти важныя минуты — шатанія русскаго самодержавія, мы твердо должны помнить, что только *уничтоженіе монархіи* принесетъ намъ *народную свободу*, необходимую рабочему классу для борьбы за соціализмъ.

„Миръ! Долой монархію, да здравствуетъ республика! Таковъ долженъ быть боевой кличъ русскихъ рабочихъ.

„Братскій привѣтъ нашъ японскимъ пролетаріямъ, энергично борющимся за прекращеніе войны!"

12 января здѣсь состоялся либеральный банкетъ, на которомъ была проведена соц.-дем. резолюція (700 голосовъ), несмотря на то, что либералы не хотѣли пропускать соц.-дем. и потому конспирировали.

Въ январѣ 18-го) была устроена демонстрація (о ней уже было въ „И".). Нѣтъ сомнѣнія, что комитетъ сдѣлалъ непоправимую ошибку: онъ слишкомъ конспирировалъ день и часъ демонстраціи. Поэтому, на нее явилось только ядро человѣкъ въ 300-400, которые, не дождавшись прихода рабочихъ, подняли знамена и пошли по главной улицѣ. Продержаться демонстрантамъ удалось довольно долго, но когда они стали расходиться, на нихъ напали казаки и полиція. Произошло буквально сраженіе, было до ста раненыхъ и нѣсколько убитыхъ. Временный упадокъ энергіи послѣ неудачной демонстраціи смѣнился очень скоро оживленіемъ, и работа вновь закипѣла. Было распространено много листковъ. Комитету стало легче работать въ очень сочувствующей средѣ.

Томскимъ Комитетомъ распространены прокламаціи: въ октябрѣ: „Царское самодержавіе и ... свобода" (1000 экз.); въ ноябрѣ: „Царскій слуга или воръ — (1.000), „Тайная телеграмма Стесселя (500); въ декабрѣ: „Къ революціонному студенчеству" (2.000), „Къ рабочимъ" (1.500), „Наконецъ-то — (1.000), „Портъ-Артуръ" (1.000); въ январѣ: „Царь и богъ" (5.000), „О борьбѣ противъ монархіи" (3.000), „Начало конца" (2.000), „Ко всѣмъ", „На улицу", „Резолюція, принятая на банкетѣ", „Къ завтрашнимъ гражданамъ".

ревностно изыскиваетъ разные виды оппортунистическаго злодѣйства, подлинный оппортунизмъ свиваетъ себѣ гнѣздо какъ разъ подъ другимъ глазамъ...

Или—или! Или самый вульгарный жоресизмъ, или-же отрицаніе буржуазнаго характера данной революціи.

Но, какъ ни исключаютъ логически другъ друга обѣ перспективы, *психологически* онѣ, пожалуй, могутъ быть между собой сближены. Забудемъ только на минуту, что для насъ овладѣніе государственной машиной, со стороны нашей партіи, мыслимо лишь im Auftrage (по порученію) рабочаго класса, какъ политическое выраженіе его классовой побѣды надъ буржуазнымъ обществомъ. Представимъ себѣ, что партія овладѣваетъ политической властью не потому, что пролетаріатъ реально и идеально „отмежевался" уже отъ всего буржуазнаго общества и объявилъ ему войну, а потому только, что эта партія оказалась бойчѣе, ловчѣе, конспиративно-подготовленнѣе въ данный моментъ, популярнѣе и т. д. всѣхъ другихъ партій. Тогда передъ нами будетъ политическій фактъ, который допускаетъ, съ одинаковымъ правомъ, различное наименованіе: я могу назвать его „рабочимъ правительствомъ" и даже „соціальдемократическимъ правительствомъ" — и я буду правъ, ибо правительство это будетъ вознесено рабочими массами и будетъ состоять изъ людей, сознающихъ себя соціальдемократами. Но я смогу назвать его также и „диктатурой пролетаріата и крестьянства", ибо несомнѣнно, что реальная сила, которую будетъ выражать данное правительство при этихъ условіяхъ, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ мелкой буржуазіи и пролетаріата, въ силу достаточныхъ историческихъ основаній осуществившимся подъ флагомъ соціальдемократіи, а не подъ ярлыкомъ какой нибудь „якобинской" партіи.

Но ничто не можетъ помѣшать мнѣ посмотрѣть на то же явленіе съ третьей точки зрѣнія и, принявъ во вниманіе дальнѣйшія судьбы классоваго движенія пролетаріата, сказать, что я имѣю передъ собою: раствореніе классовой борьбы пролетаріата въ безформенномъ движеніи „демократіи".

Остается поставить только одинъ вопросъ: исторія „бѣдной русской мысли", столько уже шутокъ продѣлавшая надъ нами, не собирается ли „вытряхнуть изъ своего рукава" подлинную революціонно-демократическую партію въ видѣ той самой „соціальдемократіи", которая возьметъ въ свои руки власть въ моментъ паденія самодержавія?

На этомъ можно и покончить съ вопросомъ о цѣли возстанія. Другой, затронутый въ письмѣ тов. Т. вопросъ — о томъ, какъ „организовать" и какъ „развязывать" революцію, потребуетъ особой статьи. Въ ней мы покажемъ, какъ неправильное освѣщеніе вопроса о непосредственной цѣли борьбы ведетъ къ неправильной постановкѣ вопроса о революціонной тактикѣ.

Л. М.

Воронежъ, 25 февраля. На дняхъ съѣхались учителя и учительницы земскихъ школъ Воронежской губ. на очередное собраніе кассы взаимопомощи и очень единодушно провели заявленіе Министру Внутреннихъ Дѣлъ; оно начинается такъ: „Мы, учителя и учительницы находимъ, что вознагражденіе учителей народныхъ школъ такъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое состояніе крестьянства, а это можетъ случиться лишь съ измѣненіемъ всего современнаго государственнаго строя путемъ созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, прямаго, тайнаго и равнаго избирательнаго права“. Затѣмъ идутъ указанія на необходимость всеобщаго обученія, не вмѣшательства въ него духовенства, участія учителей въ мелкой земской единицѣ, а также народныхъ университетовъ и библіотекъ безъ особой цензуры. Приняли тоже протестъ противъ войны и порицаніе правительству за бойню въ Петербургѣ и Варшавѣ. Затѣмъ было предложено послать министру внутреннихъ дѣлъ такое заявленіе: „Привѣтствуя рескриптъ отъ высочайшаго имени министру Внутреннихъ Дѣлъ, обѣщающій созывъ представителей народа, собраніе полагаетъ, что необходимо сдѣлать немедленно возможными и разрѣшенными политическія собранія повсюду и право учителей отвѣчать на разспросы крестьянъ, подготовлять населеніе къ избирательному праву, т. е. разрѣшить предвыборную агитацію безъ риска быть арестованнымъ“. Это предложеніе было принято аплодисментами, но редакціонная коммиссія изложила его еще радикальнѣе, т. е. отбросила „привѣтствія“ и написала „принимая во вниманіе высочайшій рескриптъ....“

На слѣдующій день былъ съѣздъ фельдшеровъ, провели все тоже, примѣнительно къ своей профессіи, но менѣе стройно, чѣмъ учителя — такія слова, какъ „пожеланія будущему правительству“, уже не рѣжутъ уха и слушаются безъ особеннаго волненія и оглядыванія.

Передъ открытіемъ экстренной сессіи земства, кое кто изъ горожанъ и земцевъ получили письма такого приблизительно содержанія: „Господа дворяне, когда вы соберетесь на свое дворянское собраніе о земствѣ, то мы придемъ и выпоремъ васъ, такъ какъ вы просто пролетаріи, только не всегда открываетесь, а только всѣхъ мутите.“ Повидимому слово „полетаріи“ означаетъ „соціалисты“.

Кіевъ, 2-го марта. Вчера въ Литературно-Артистическомъ обществѣ пріѣзжимъ изъ Тифлиса читался рефератъ о бакинской бойнѣ. Референтъ держался въ предѣлахъ легальности и умѣренности; комкалъ бывшіе у него въ рукахъ матеріалы выводы на счетъ „темной силы, организовавшей бойню“ предоставилъ сдѣлать каждому изъ слушателей. Все шло „чинно и благопристойно“, но вдругъ референтъ заявляетъ, что, по требованію полиціи, онъ долженъ прекратить чтеніе. Публика протестуетъ: требуетъ продолженія прерваннаго реферата. Референтъ готовъ подчиниться, но проситъ публику примириться, такъ какъ совсѣмъ нежелательно, чтобы его миссія прекратилась въ Кіевѣ. Ему почему-то хлопаютъ. Свистки заглушаются аплодисментами. Полицейскій крюкъ, съ усищами и бакенбардами въ стилѣ Александра II-го, заявляетъ, что собраніе прекращается. Публика, однако, не расходится. На стулъ взбирается Водовозовъ. Говоритъ онъ приблизительно такъ: „полиція противозаконно закрыла наше собраніе. Мы должны протестовать. Еще не всѣ легальные способы протеста исчерпаны (голосъ: „довольно легальщины!“). Литературно-Артистическое общество будетъ протестовать въ прессѣ (голоса: „не надо“, „надоѣло“, „насъ оскорбили, намъ нѣтъ дѣла до Литературно-Артистическаго [illegible]“). Водовозовъ удаляется, но черезъ нѣсколько времени снова появляется на стулѣ. На этотъ разъ онъ предлагаетъ уже нелегальный протестъ, въ видѣ резолюціи. Говоритъ такъ: „съ одной стороны, появляется высочайшій указъ (при словѣ высочайшій — легкій свистъ) 18 февраля, — съ [illegible] такая [illegible], какъ сегодня надъ нашимъ собраніемъ. [illegible] оказываютъ, что режимъ гнилъ. Бакинская трагедія [illegible]ю изъ проявленій общей политики, на ряду съ Кишиневомъ и Гомелемъ. Это политика натравливанія одной національности на другую, для того, чтобы ихъ, ослабѣвшихъ во взаимной борьбѣ, легче могла удерживать рука высшей власти... Мы своей разобщенностью и неорганизованностью способствуемъ тому, что гнилой, отжившій строй просуществуетъ еще нѣкоторое время. Я призываю всѣхъ, несмотря на различіе общественныхъ идеаловъ, несмотря на то, какими буквами алфавита они именуются — С.-Д., С.-Р., О. и т. д. — объединиться... (возгласы: „знакомо“, „старая пѣсня“) и добиваться мира съ Японіей и конституціи... — Товарищъ С.-Д. запальчиво кричитъ ему: „Намъ не нужно вашей конституціи, — мы требуемъ демократической республики! Мы требуемъ Учредительнаго Собранія, избраннаго на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія“... Слова товарища заглушаются трескомъ рукоплесканій. Водовозовъ, какъ эхо, повторяетъ: Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого и т. д. Ему тоже хлопаютъ. Характерная черточка: когда либерала толкнешь влѣво, онъ готовъ подвинуться, но по собственной иниціативѣ не склоненъ совершать подобныя передвиженія. Послѣ водовозовскаго призыва къ объединенію, другой товарищъ прочиталъ извѣщеніе о конференціи соціальдемократическихъ организацій. Это извѣщеніе было встрѣчено съ восторгомъ. Подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ (ихъ пѣли довольно-таки нестройно), при крикахъ: „да здравствуетъ Соц.-дем., да здравствуетъ революція“ и, разумѣется, „долой самодержавіе!“ — публика оставила залъ. Пѣли еще нѣкоторое время на лѣстницѣ; кричали чуть-ли не въ ухо Цихоцкому: „долой самодержавіе!“, когда онъ пробирался черезъ толпу. Цихоцкій шелъ сосредоточенно серьезный, дѣлая видъ глухо-нѣмого, ему вѣжливо уступали дорогу. Кто-то предлагалъ пройтись демонстративно по улицѣ, но ему заявили, что это не имѣетъ никакого смысла, насъ мало... и передъ кѣмъ ночью манифестировать? Разошлись шумно. Арестовано нѣсколько человѣкъ.

Евпаторія. Есть на свѣтѣ много еще такихъ уголковъ, гдѣ „ни одно желаніе, ни одинъ помыселъ не переступаетъ частокола сосѣдняго дома“. Такимъ уголкомъ была до послѣдняго времени и Евпаторія. Но мощный потокъ революціоннаго движенія подхватилъ и ее. Евпаторія проснулась и заговорила. Сильно удивленъ былъ мирный обыватель, когда утромъ 19 февраля нашелъ у воротъ своего дома „прокламацію“, и еще больше поразился, когда, послѣ чтенія въ Пушкинской аудиторіи, на голову его посыпались съ хоровъ прокламаціи Крымскаго Союза „Ко всѣмъ гражданамъ“. Впечатлѣніе это произвело громадное. Въ городѣ всѣ взбудоражены; только и разговоровъ, что объ этомъ фактѣ. Прокламаціи ходили по всему городу, и врядъ ли найдется какой-нибудь евпаторійскій гражданинъ, который бы не читалъ ихъ. Замѣчается сильное броженіе въ обществѣ и среди рабочихъ. Это первое боевое крещеніе было дѣломъ возникшей здѣсь въ срединѣ января рабочей организаціи. Раньше были отдѣльныя единицы сознательныхъ рабочихъ, но связи между ними не было никакой, организація возникла лишь благодаря содѣйствію Симферопольской Организаціи Крымскаго Союза. Теперь вліяніе организаціи значительно расширяется.

Николаевъ. 24 февраля. (Писано еще до стачки).

Въ театрѣ, недѣли двѣ тому назадъ, на пьесѣ „Дачники“ одинъ изъ присутствовавшихъ рабочихъ крикнулъ: „Долой самодержавіе!“ По данному сигналу посыпались листки. Полиція арестовала одного рабочаго. Не смотря на всѣ его просьбы о помощи, публика ограничилась однимъ лишь пассивнымъ возмущеніемъ, и рабочаго не отстояли.

Спустя недѣлю, въ залѣ городского собранія состоялась лекція Минскаго о „Нравственныхъ проблемахъ нашихъ дней“. Публика собралась въ довольно большомъ количествѣ. Предполагался разбросъ, но по нѣкоторымъ причинамъ онъ не удался. По выходѣ изъ залы, раздались возгласы: „Долой войну!“, „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“ Поднялась кутерьма. Полиція шныряла по всей Соборной улицѣ, ловила со всѣхъ сторонъ. Въ результатѣ три рабочихъ арестовано. При этомъ избитъ сильно околодочный надзиратель и доброволецъ-шпіонъ, прикащикъ магазина Потапова. Послѣдній спасся, скрывшись въ Парижской молочной, гдѣ толпой выбиты стекла.

По винѣ струсившей публики, демонстрація не удалась. Но все-же Соборная въ этотъ вечеръ представляла живописную картину. Полиція скакала въ карьеръ, стараясь поймать демонстрантовъ; то тутъ, то тамъ, подъ самымъ носомъ полиціи раздавались возгласы. Давка, шумъ, плачъ дѣвицъ, избіеніе полиціи... Говорятъ, что арестованныхъ на дняхъ выпустятъ.

Въ воскресенье 20 февраля вечеромъ, во время гулянья, была снова попытка устроить демонстрацію, но скорое вмѣшательство полиціи и отсутствіе организованности и единодушія въ публикѣ помѣшали. У кондитерской Зиберта запѣли, довольно стройно, марсельезу, прошли кварталъ и разсѣялись. Градоначальникъ далъ холостой выстрѣлъ и вся полиція была на ногахъ. Многіе изъ рабочихъ были вооружены. Попытались повторить на углу Потемкинской и Соборной, но опять неудачно. Арестовано четыре рабочихъ. По всему, однако, видно, что эти попытки превратятся въ грандіозную демонстрацію.

Бастовали у насъ нѣсколько дней Повивальные курсы. Требованія — узко-профессіональныя — почти всѣ удовлетворены.

Забастовало и Средне-техническое Училище. За исключеніемъ восьми человѣкъ, всѣ приняли резолюцію съ требованіями: 1) улучшенія условій занятій въ училищѣ, 2) прекращенія войны, 3) созыва Учредительнаго Собранія и т. п. Отпечатанныя резолюціи послали директору для препровожденія министру. Рѣшили бастовать до сентября. Вели себя средне-техники образцово и подняли этимъ настроеніе всей здѣшней учащейся молодежи.

Витебскъ. 3 марта. По иниціативѣ мѣстной адвокатуры 20 февраля у насъ состоялся многолюдный „банкетъ“, третій по счету за короткое время. Не въ примѣръ предыдущимъ двумъ банкетамъ, дана была возможность проникнуть на банкетъ самымъ подлиннымъ представителямъ пролетаріата.

Собраніе открылось довольно водянистою рѣчью виднаго либерала присяжнаго повѣреннаго Теодоровича, не смогшаго въ такой моментъ выжать изъ себя ничего, кромѣ какихъ-то банальностей о дѣятеляхъ „великой“ реформы 61-го года. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣчи становились содержательнѣе и смѣлѣе. Дальше всѣхъ пошелъ присяжный повѣренный NN, давшій довольно сильную характеристику переживаемаго Россіей момента и предложившій резолюцію, почти удовлетворившую соціальдемократовъ. Вслѣдъ за либералами говорили представители соціалистовъ-революціонеровъ, бунда, поале-сіонистовъ и сіонистовъ.

Рѣчи соціалистовъ-революціонеровъ были на столько общаго характера, что трудно было по нимъ опредѣлить ихъ политическую физіономію. Ораторъ бундовецъ, выступившій отъ имени мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій (представитель группы Партіи, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не смогъ явиться на банкетъ), указалъ на доминирующую роль пролетаріата въ начавшейся революціи и ознакомилъ собраніе съ резолюціей январской конференціи соціальдемократическихъ организацій въ Россіи, къ которой и предложилъ присоединиться. Эту-же резолюцію, но мотивированную, предложилъ вслѣдъ за нимъ и другой товарищъ и она была встрѣчена сочувственно аплодисментами громаднѣйшаго большинства собранія. До сихъ поръ все шло гладко. Въ перерывахъ „лѣвая“ невозбранно распѣвала свои пѣсни и ничего не нарушало гармоніи настроенія. Но „двумъ разнымъ деревамъ въ едино не сростись“... Не успѣли еще замолкнуть аплодисменты по поводу предложенной товарищами резолюціи, какъ тотъ-же „видный либералъ“ Теодоровичъ выступилъ съ критикой этой резолюціи. Его „слабый умъ“, оказывается, не въ состояніи понять, какимъ образомъ можно говорить о деталяхъ программы, прежде чѣмъ не осуществленъ главный пунктъ — введеніе представительнаго образа правленія, — дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Пришлось одному товарищу выступить съ объясненіями, что русскій парламентъ будетъ представлять не одну, а нѣсколько партій, которыя и должны являться туда съ готовыми программами. Итакъ, доброе согласіе было нарушено — и „расколъ“ сталъ обозначаться все явственнѣе и шумнѣе. Когда рѣчь зашла о голосованіи резолюціи, либералы высказались не только противъ резолюціи соціальдемократовъ, но и противъ своей собственной, предложенной К. Они нашли, что въ такой формѣ ее нельзя будетъ огласить въ легальной печати и предложили смягчить ее. Предсѣдатель, юристъ и законникъ, напомнилъ собранію о грозной 169 статьѣ и взывалъ къ благоразумію. Наконецъ, послѣ долгихъ препирательствъ на голосованіе поставлены были два вопроса: первый, — желательно ли смягченіе резолюціи въ интересахъ возможности оглашенія ея, и, второй — какая резолюція принимается большинствомъ. Большинство высказалось противъ смягченія и за резолюцію соціальдемократовъ (119 голосовъ изъ 221 при неизвѣстномъ числѣ воздержавшихся). Это не помѣшало либераламъ предложить желающимъ подписаться подъ ихъ „не смягченною“ резолюціей.

Набралось около 100 подписей.

На той недѣлѣ бастовали здѣшніе фармацевты. Ихъ требованія чисто экономическія, были удовлетворены во всѣхъ аптекахъ, кромѣ одной, гдѣ вмѣсто двойной смѣны хозяинъ согласился на установленіе выходныхъ на 3-ій день. По поводу этого мѣстная группа выпустила листокъ „къ обществу“. Ею же выпущенъ листокъ къ обществу по поводу паденія Мукдена.

Баку. Въ первый день армянской бойни произведено было жестокое избіеніе политическихъ заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ. Поводомъ къ почти поголовному избіенію политическихъ послужила ихъ попытка устроить побѣгъ извѣстнаго здѣсь соціальдемократа Хунтадзе, который недавно былъ приговоренъ окружнымъ судомъ къ безсрочной ссылкѣ въ Сибирь. Его положили въ корзину и понесли въ качествѣ багажа одного изъ освобожденныхъ. Смотритель пропустилъ корзину, но надзиратель, стоявшій у воротъ, при выходѣ потребовалъ ее вскрыть. Здѣсь несшіе корзину смѣшались, потащили корзину обратно и тѣмъ выдали себя. Солдаты, стоявшіе у выхода вмѣстѣ съ надзирателями, накинулися на политическихъ и подвергли ихъ жестокому избіенію. Били ихъ даже въ безсознательномъ состояніи. Хунтадзе, извлеченный изъ корзины, бросился къ смотрителю и нѣсколькими ударами по лицу свалилъ его съ ногъ. „Стража“ успѣлъ прокричать смотритель, и стража избила Хунтадзе до полусмерти. Придя въ себя, избитые потребовали прокурора, при чемъ Хунтадзе произнесъ громовую рѣчь, въ которой говорилъ о томъ, что всѣ они отъ смотрителя до прокурора и царя достойны самой позорной смерти. Блѣдные, растерянные, чиновники просили политическихъ успокоиться. Вскорѣ Хунтадзе куда-то скрыли. Говорятъ, его увезли въ Петровскъ. Сейчасъ въ тюрьмѣ находится политическихъ 60 человѣкъ мущинъ и 10 женщинъ.

Томскъ (Изъ отчета о дѣятельности комитета за октябрь—январь). Съ октября начинается значительное оживленіе работы. Число рабочихъ кружковъ доходитъ до 15 и студенческихъ — до 30. Рѣшивъ перейти къ широкой агитаціи (не забрасывая, однако, пропаганды), комитетъ началъ устраивать широкія собранія, какъ чисто рабочія, такъ и смѣшаннаго характера (рабочіе, студенты и иные элементы общества). Устраивались такія собранія по два и даже по три раза въ недѣлю. Собранія эти бываютъ трехъ родовъ: 1) съ дебатами и съ обсужденіемъ прочитаннаго, затягивающіяся на два, на три вечера и 2) рѣчи на опредѣленную тему. Собранія перваго рода посѣщаются постояннымъ контигентомъ лицъ, второго же рода — текучимъ, постоянно обновляемымъ. Главнѣйшей темой бесѣдъ и рѣчей служила война и „новый курсъ“. Къ декабрю темы эти конкретизируются, говорятъ о политикѣ соц.-дем. въ настоящій моментъ, о либералахъ и соц.-рев., объ уничтоженіи монархіи, о всенародномъ учредительномъ собраніи и путяхъ, которыми долженъ идти пролетаріатъ для осуществленія своихъ требованій

На собранія приглашались соц.-рев., но они пришли только одинъ разъ. Въ началѣ декабря происходили волненія между студентами. На общей сходкѣ студентовъ соц.-рев. вмѣстѣ съ „Кассой технологовъ“ предложили резолюцію о войнѣ, которая и прошла; соціальдемократическая же получила всего нѣсколько голосовъ. Соц.-революціонеры въ изданной брошюркѣ измѣнили нѣсколько текстъ принятой резолюціи въ духѣ своей партіи. Это оттолкнуло студентовъ отъ нихъ, и на собраніи универсантовъ соц.-дем. резолюція уже получила на пять голосовъ меньше безпартійной резолюціи. Безпартійное большинство въ концѣ этого собранія не дало соціальдемократамъ прочесть заявленіе, въ которомъ говорилось о томъ, что сегодняшнее наше меньшинство, нѣтъ сомнѣнія, въ скоромъ будущемъ обратится въ значительное большинство.

На одномъ изъ собраній рабочихъ была вынесена такая резолюція: „Мы, рабочіе гор. Томска, собравшись (такого-то) числа и обсудивъ вопросъ о войнѣ, выражаемъ свое негодованіе царскому правительству, втянувшему Россію въ это позорное дѣло, бросающему на смерть тысячи подневольныхъ людей, безцеремонно разграбляющему народныя силы и средства, и лживо выставляющему свою затѣю, какъ войну „за отечество“, будто бы полезную народу. Разореніе, безработица, голодъ и тысячи свѣжихъ могилъ, — вотъ, что несетъ нашему отечеству затѣянная царскимъ правительствомъ война“.

„Выражая наше презрѣніе и негодованіе залитому народной кровью царскому правительству, мы призываемъ всѣхъ товарищей-рабочихъ самымъ энергичнымъ образомъ бороться за прекращеніе войны и противъ царскаго самодержавія, какъ единственнаго виновника теперешней бойни.

„Терпя пораженіе за пораженіемъ отъ японской арміи, русское правительство, чувствуя, какъ изъ подъ ногъ его исчезаетъ почва — слѣпое довѣріе народа, безъ сомнѣнія начнетъ въ скоромъ времени „заигрывать“ съ народомъ, издали помахивая свободой передъ его глазами.

„Мы, русскіе рабочіе, не должны вѣрить ни единому слову правительства. Въ эти важныя минуты — шатанія русскаго самодержавія, мы твердо должны помнить, что только *уничтоженіе монархіи* принесетъ намъ *народную свободу*, необходимую рабочему классу для борьбы за соціализмъ.

„Миръ! Долой монархію, да здравствуетъ республика! Таковъ долженъ быть боевой кличъ русскихъ рабочихъ.

„Братскій привѣтъ нашъ японскимъ пролетаріямъ, энергично борющимся за прекращеніе войны!“

12 января здѣсь состоялся либеральный банкетъ, на которомъ была проведена соц.-дем. резолюція (700 голосовъ), несмотря на то, что либералы не хотѣли пропускать соц.-дем. и потому конспирировали.

Въ январѣ 1905 была устроена демонстрація (о ней уже было въ „[illegible]“). Нѣтъ сомнѣнія, что комитетъ сдѣлалъ непоправимую ошибку: онъ слишкомъ конспирировалъ день и часъ демонстраціи. Поэтому, на нее явилось только ядро человѣкъ въ 300-400, которые, не дождавшись прихода рабочихъ, подняли знамена и пошли по главной улицѣ. Продержаться демонстрантамъ удалось довольно долго, но когда они стали расходиться, на нихъ напали казаки и полиція. Произошло буквально сраженіе, было до ста раненыхъ и нѣсколько убитыхъ. Временный упадокъ энергіи послѣ неудачной демонстраціи смѣнился очень скоро оживленіемъ, и работа вновь закипѣла. Было распространено много листковъ. Комитету стало легче работать въ очень сочувствующей средѣ.

Томскимъ Комитетомъ распространены прокламаціи: въ октябрѣ: „Царское самодержавіе и [illegible] свобода“ (1000 экз.); въ ноябрѣ „Царскій слуга или воръ“ — 1.000), „Тайная телеграмма (Стесселя [illegible]), въ декабрѣ: „Къ революціонному студенчеству“ (2.000), „Къ рабочимъ“ (1.500), „Наконецъ-то“ — 1.000), „Портъ-Артуръ“ (1.000), въ январѣ: „Царь и богъ“ (5.000), „О борьбѣ противъ монархіи“ (3.000), „Начало конца“ (2.000), „Ко всѣмъ“, „На улицу“, „Резолюція, принятая на банкетѣ“, „Къ завтрашнимъ гражданамъ“.

ревностно изыскиваетъ разные виды оппортунистическаго злодѣйства, подлинный оппортунизмъ свиваетъ себѣ гнѣздо какъ разъ подъ другимъ глазамъ...

Или—или! Или самый вульгарный жоресизмъ, или-же отрицаніе буржуазнаго характера данной революціи.

Но, какъ ни исключаютъ логически другъ друга обѣ перспективы, *психологически* онѣ, пожалуй, могутъ быть между собой сближены. Забудемъ только на минуту, что для насъ овладѣніе государственной машиной, со стороны нашей партіи, мыслимо лишь im Auftrage (по порученію) рабочаго класса, какъ политическое выраженіе его классовой побѣды надъ буржуазнымъ обществомъ. Представимъ себѣ, что партія овладѣваетъ политической властью не потому, что пролетаріатъ реально и идеально „отмежевался“ уже отъ всего буржуазнаго общества и объявилъ ему войну, а потому только, что эта партія оказалась бойчѣе, ловчѣе, конспиративно-подготовленнѣе въ данный моментъ, популярнѣе и т. д. всѣхъ другихъ партій. Тогда передъ нами будетъ политическій фактъ, который допускаетъ, съ одинаковымъ правомъ, различное наименованіе: я могу назвать его „рабочимъ правительствомъ“ и даже „соціальдемократическимъ правительствомъ“ и я буду правъ, ибо правительство это будетъ вознесено рабочими массами и будетъ состоять изъ людей, сознающихъ себя соціальдемократами. Но я смогу назвать его также и „диктатурой пролетаріата и крестьянства“, ибо несомнѣнно, что реальная сила, которую будетъ выражать данное правительство при этихъ условіяхъ, будетъ ничѣмъ инымъ, какъ союзомъ мелкой буржуазіи и пролетаріата, въ силу достаточныхъ историческихъ основаній осуществившимся подъ флагомъ соціальдемократіи, а не подъ ярлыкомъ какой нибудь „якобинской“ партіи.

Но ничто не можетъ помѣшать мнѣ посмотрѣть на то же явленіе съ третьей точки зрѣнія и, принявъ во вниманіе дальнѣйшія судьбы классоваго движенія пролетаріата, сказать, что я имѣю передъ собою: раствореніе классовой борьбы пролетаріата въ безформенномъ движеніи „демократіи“.

Остается поставить только одинъ вопросъ: исторія „бѣдной русской мысли“, столько уже шутокъ продѣлавшая надъ нами, не собирается ли „вытряхнуть изъ своего рукава“ подлинную революціонно-демократическую партію въ видѣ той самой „соціальдемократіи“, которая возьметъ въ свои руки власть въ моментъ паденія самодержавія?

На этомъ можно и покончить съ вопросомъ о цѣли возстанія. Другой, затронутый въ письмѣ тов. Т. вопросъ — о томъ, какъ „организовать“ и какъ „развязывать“ революцію, потребуетъ особой статьи. Въ ней мы покажемъ, какъ неправильное освѣщеніе вопроса о непосредственной цѣли борьбы ведетъ къ неправильной постановкѣ вопроса о революціонной тактикѣ.

Л. М.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Письма рядовыхъ. (Изъ матеріаловъ „Czerwony Sztandar“). Вспыхнувшее революціонное движеніе въ Россіи всколыхнуло народныя массы, и каждый день несетъ новыя волнующія вѣсти. Самодержавіе теперь имѣетъ только одну опору — войско. Но и сѣрая шинель, казарменная муштровка, не могутъ заставить замереть сердце, убить человѣческое чувство, возмущенное гнетомъ. И вотъ ужасныя вѣсти о звѣрствахъ солдатъ, вызывающія проклятья войскамъ, теперь начинаютъ уступать мѣсто вѣстямъ о проснувшемся сознаніи солдатъ. Въ Томашевѣ (Петроковской губ.), вызванныя для усмиренія войска были поставлены на работы, за плату одинъ рубль въ день. Солдаты, проработавъ день, рѣшили, что плата мала и потребовали два рубля. Требованія ихъ удовлетворены. На слѣдующій день они, въ виду ихъ утомленія, потребовали уже три рубля. Но къ вечеру солдаты, не смотря на такую плату, рѣшительно заявили, что отказываются отъ всякихъ работъ. Командиръ, выстроивъ батальоны въ полной амуниціи, разразился руганью, что они, молъ, пришли усмирять бунтовщиковъ, а вмѣсто того сами бунтуютъ и т. д. и т. д., а потомъ скомандовалъ: бѣгомъ маршъ! Батальонъ двинулся, но по командѣ: кругомъ!, сдѣланной нѣсколько разъ, не повиновался... А затѣмъ безъ команды повернулъ къ казармамъ и вбѣжалъ въ казармы съ крикомъ: „ура“, гдѣ, сбросивъ съ себя амуницію, солдаты кричали по адресу офицеровъ: мы не дадимъ вамъ издѣваться надъ нами.

Въ Радомѣ батальоны третьяго дня отказывались идти въ караулъ и патруль, пока не удовлетворены ихъ требованія улучшить пищу.

Отрадныя вѣсти! Братья солдаты, изгладьте изъ памяти вашихъ сыновъ и братьевъ ужасныя избіенія возставшаго народа. Помогайте изнемогающему отъ гнета народу сбросить царя-кровопійцу. И проклятія, сыплющіяся на ваши головы, смѣнятся благословеніями.

Солдаты изъ 71 и 72 Тульскаго и Бѣлевскаго полковъ.

О настроеніи въ войскѣ. Изъ матеріаловъ газеты „Czerwony Sztandar“.

Коснусь настроенія офицеровъ. Событія послѣднихъ дней заставили офицерство наскоро пересмотрѣть свое міровоззрѣніе, такъ рѣзко поставили они передъ нимъ вопросъ: „Съ народомъ или противъ народа“? И можно уже съ увѣренностью сказать, что большинство офицерства на сторонѣ народа — заодно съ либеральнымъ обществомъ и оно жаждетъ реформъ, мечтаетъ о конституціи, но положеніе его таково, что защита этихъ преступныхъ вожделѣній требуетъ извѣстнаго героизма.

Въ январьскіе дни въ Варшавѣ это большинство проявило себя все же: такъ, 18 офицеровъ одного полка подали рапорты о болѣзни, чѣмъ избавились отъ участія въ подавленіи движенія. Въ Бѣлостокѣ два офицера были арестованы полковымъ командиромъ за вольныя рѣчи въ собраніи. Были частичные случаи отказа повиноваться распоряженіямъ полиціи. Одинъ капитанъ получилъ строжайшій выговоръ отъ начальства за непринятыя мѣры къ разсѣянію толпы и т. д. Противъ этого большинства стоитъ сильное меньшинство консервативное, распадающееся, въ свою очередь, на консерваторовъ по сознанію и консерваторовъ по наивности. Къ первымъ относится преимущественно привиллегированная гвардейская молодежь, ко вторымъ старые полуобразованные служаки. Эти послѣдніе гнушаются новой для нихъ роли прислужниковъ полиціи и жандармеріи и нерѣдко даютъ рѣзкій отпоръ этимъ рыцарямъ кулака и нагайки: отказываются помогать при обыскахъ и арестахъ (извѣстно нѣсколько подобныхъ случаевъ въ Варшавѣ, Домброво, Ченстоховѣ). Они вѣрятъ въ силу русскаго оружія, въ доброту монарха; въ народномъ движеніи видятъ происки враговъ. Факты ихъ не убѣждаютъ.

Въ Варшавѣ скоро будутъ судиться преданные военному суду по законамъ военнаго времени 56 человѣкъ. Шесть изъ нихъ обвиняются въ вооруженномъ сопротивленіи начальству и въ отказѣ идти на войну.[1] Инцидентъ имѣлъ мѣсто въ Волковыскѣ. Въ концѣ декабря запасные 2-го артиллерійскаго полка, въ числѣ 12 человѣкъ, ночью въ казармахъ кричали, что на войну не пойдутъ. Ихъ пытались арестовать, они отбивались камнями. По нимъ дали залпъ. Тогда сдались. Другой случай имѣлъ мѣсто въ Сѣдльцѣ, въ серединѣ января. 6 человѣкъ 8-й артиллерійской бригады пришли изъ отпуска ночью пьяными. Дежурный офицеръ велѣлъ арестовать ихъ старшаго. Они его не выдали. На ихъ крикъ поднялась вся казарма, 150 человѣкъ. Пришедшій конвой ничего не могъ сдѣлать. Увѣщевать явились фельдфебель, дежурный офицеръ, командиръ батареи. Внезапно потушили лампы и вытолкали начальство. Послѣ угрозы, что всѣхъ разстрѣляютъ, послѣ упадка возбужденія, сдались. 50 человѣкъ преданы военному суду.

Отдѣльныя вспышки солдатъ, отказы ихъ дѣйствовать противъ народа, ходить патрулями и т. д. были еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ; пока сообщить подробнѣе, по нѣкоторымъ соображеніямъ, нельзя.

О какъ нужны люди и, главное, *литература!*

24 февраля полученъ секретный приказъ — экстренно сдать въ артиллерійскіе склады изъ неприкосновенныхъ запасовъ полковъ новые боевые патроны, производства 1897 г. и позднѣе. Этотъ приказъ объясняется недостаточностью боевыхъ запасовъ, не пополняемыхъ производствомъ патронныхъ, теперь бастующихъ заводовъ. Сданные боевые патроны предназначаются въ дѣйствующую армію. О количествѣ ихъ можно судить по тому, что каждая дивизія сдаетъ 4—5 милліоновъ.

Вообще, неподготовленность нашихъ интендантскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ полная. Обозъ и обмундированіе для запасныхъ въ послѣднюю мобилизацію были взяты не изъ складовъ вѣдомствъ, а изъ запасовъ оставшихся въ Россіи полковъ. Въ случаѣ новой мобилизаціи, эти полки не будутъ въ состояніи мобилизоваться. Все къ одному... Въ Новой Александріи (Пулавахъ) арестовано въ январѣ 2-е солдатъ; у одного нашли 16 прокламацій, другой арестованъ по доносу лавочника Новикова. Послѣдній солдатъ отвѣчалъ на вопросъ провокатора, будутъ ли они бить студентовъ — „зачѣмъ ихъ бить, они народъ хорошій!“ Оба уже выпущены.

Самые отсталые слои арміи волнуются. Даже среди гвардіи приходится слышать: „А что ежели мы тоже откажемся, вѣдь насъ то бить некому... Вотъ побросаемъ оружіе и пойдемъ домой“.

Кто-нибудь нерѣшительно возражаетъ: „Грѣхъ, вѣдь японцы тогда и до Россіи доберутся“. А эта среда почти совершенно не задѣта революціонной работой. И какую могучую силу поднялъ бы изъ нѣдръ этой богатѣйшей почвы революціонный посѣвъ!

Нужны только люди, только средства. Идите въ армію, товарищи, старайтесь заводить сношенія въ ней, организуйте въ ней хоть небольшія группы рѣшительныхъ, самоотверженныхъ людей.

Нуженъ только починъ, чтобъ всколыхнулась вся солдатская масса. Тамъ, гдѣ люди скованы уставомъ и дисциплиной, тамъ особенную доминирующую важность имѣетъ личный починъ. Но надо имѣть живую органическую связь со средой, чтобъ имѣть на нее вліяніе. Военно-революціонныя организаціи должны быть военными по составу. Солдатскій бытъ даетъ самый богатый матеріалъ для агитаціи, используйте его, входите въ сферу солдатскихъ интересовъ, станьте другомъ солдата, его довѣреннымъ. Работа упорная, неуклонная должна стать на мѣсто лихихъ налетовъ (весьма рѣдкихъ притомъ) революціонеровъ, снабженныхъ прокламаціями, не понятными солдату. За работу же, товарищи! Просто больно и грустно становится при видѣ самаго важнаго дѣла такъ запущеннымъ. Нѣтъ ни людей, ни средствъ, нѣтъ клочка литературы...

А какое громадное агитаціонное дѣйствіе именно здѣсь, въ Польшѣ, имѣло бы солдатское революціонное движеніе! Послѣдній оплотъ царизма — войско — перешло бы на сторону народа! За работу же, товарищи! На помощь жизненному, глубоко важному дѣлу!

Изъ приказа по полку. (Доставлено „Czerw. Szt.“)

Ефрейторъ 6-ой роты, Алексѣй Третьяковъ, будучи въ составѣ патруля, въ отвѣтъ на произведенный въ патруль выстрѣлъ, по командѣ старшаго унтеръ-офицера той же роты, Архипкина, произвелъ выстрѣлъ вверхъ, а той же роты рядовой Павелъ Бочкаревъ совсѣмъ не произвелъ выстрѣла; изъ личнаго опроса выяснилось, что ефрейторъ Третьяковъ стрѣлялъ вверхъ потому, что думалъ, что для острастки, Бочкаревъ же по глупости. Въ виду того, что унтеръ-офицеръ Архипкинъ пропустилъ скомандовать „по толпѣ“, ефрейтора не предаю суду, а лишаю ефрейторскаго званія и обоихъ арестовываю на 10 сутокъ. Унтеръ-офицеръ Архипкинъ дѣйствовалъ находчиво. Молодчина. Рубль въ награду.

Подлинный подписалъ: командиръ полка
полковникъ Бончъ-Богдановскій.

Вѣрно: полковый адъютантъ
поручикъ (подпись неразборчива.)

Дежурный по полку
поручикъ (подпись не разборчива.)

Усть-Двинскъ (крѣпость). По разсказу одного артиллерійскаго офицера, здѣсь каждый день разбрасываются прокламаціи. Вечеромъ дежурному офицеру старшіе приносятъ пачки снятыхъ прокламацій: значитъ, читали. Разбрасывателей не могутъ найти. Было нѣсколько случаевъ, что подвыпившіе солдаты кричали ночью: „долой самодержавіе!“, но суду ихъ не предали: „немыслимо, теперь всѣ въ одинъ голосъ кричатъ то же“, сказалъ мнѣ одинъ офицеръ.

Ново-Александрія. Мѣстная соціальдемократическая группа въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вела дѣятельную пропаганду въ стоящихъ здѣсь двухъ полкахъ. Командиръ одного изъ нихъ передъ отправкой на Дальній Востокъ рѣшилъ произнести патріотическую рѣчь, которую закончилъ словами: „итакъ, не правда ли братцы, умремъ за царя, за церковь и отечество“: Солдаты дружно отвѣтили: „мы на войну не пойдемъ“.

О жизни русскихъ матросовъ. Газеты очень много говорятъ и пишутъ всего, но о сѣрой жизни матросовъ на службѣ я до сего времени еще ничего не встрѣчалъ, а очень бы хотѣлось, чтобы печать по этому поводу что нибудь написала, для улучшенія быта нижнихъ чиновъ. Въ примѣръ Францію ставить не могу и строй жизни французскихъ матросовъ для насъ еще далекъ, благодаря народной и войсковой сѣрости — но почему бы намъ не подражать англійскому или хоть германскому образу жизни матросовъ?... такъ это и остается неразрѣшеннымъ... Войдите въ положеніе матроса и безпристрастно разсмотрите его жизнь и положеніе на службѣ... Матроса на службѣ считаютъ почти всѣ, а главное, начальство, просто на просто вьючнымъ животнымъ, — которое заставляютъ служить, работать почти ежечасно; но за то не скупятся на кулачныя расправы и за всякій маловажный поступокъ экзекуція. Вотъ вамъ привожу одинъ случай гуманности со стороны „интеллигенціи“ дворянско-офицерскаго круга: 1902 г. зимой на Малой Екатерининской улицѣ (въ Кронштадѣ) повстрѣчался съ матросомъ шт. капитанъ по адмиралтейству, переведенный на флотскую службу. Матросъ отдалъ по долгу службы честь: несмотря на это, офицеръ привязался къ матросу (офицеръ былъ сильно выпившій) со слѣдующими словами: „Ты знаешь, кто я такой?“ Малороссъ, былъ, вѣрно, новобранецъ и отвѣтилъ: „Вы честь имѣете быть ваше благородіе, Штабсъ-Капитанъ“... „А фамилію мою развѣ не знаешь?“ закричалъ звѣрь въ образѣ офицера. „Никакъ нѣтъ“. — отвѣтилъ новобранецъ. „Такъ вотъ тебѣ моя рекомендація“, сказалъ офицеръ и ударилъ два раза по носу.

Матросъ лишенъ человѣческихъ правъ: забитъ, загнанъ и связанъ военнымъ закономъ. Большею частью, матросъ притупляется умственно и не можетъ здраво мыслить и вести самостоятельный образъ жизни, и вырабатываетъ изъ него служба что то такое въ родѣ механическаго автомата. По праздникамъ казенныя чарки водки отмѣнены и сахаръ тоже отмѣненъ подъ предлогомъ улучшенія пищи для команды, а пища, напротивъ, стала еще хуже. Я увѣренъ, что не рѣдко вамъ навѣрное, приходилось встрѣчать объявленіе администраціи по публичнымъ садамъ такого содержанія: „Здѣсь строго воспрещается собакъ водить и нижнимъ чинамъ ходить“. Ну какъ вамъ нравится? Входъ запрещенъ только двумъ негоднымъ низкимъ существамъ. Первое мѣсто изъ нихъ занимаютъ собаки, а второе, которое стоитъ еще ниже, выпало на долю нижнихъ чиновъ, т. е. „защитниковъ царя и отечества“. Эхъ, много могъ бы я написать по этому поводу... но и такъ, когда пишу эти строки, то товарищи стоятъ на караулѣ, чтобы не зашелъ и не накрылъ меня дежурный офицеръ. Хочу привести еще одинъ случай, котораго я былъ очевидцемъ. Случилось это 14-го января 1905 г. вечеромъ на кухнѣ №.. экипажа. Въ № экипажѣ была сформирована дежурная рота для предохраненія электрической станціи. Взводъ матросовъ въ 30 человѣкъ, пообѣдавъ въ 12 ч., заступилъ на посты къ вышеупомянутой станціи и находился у послѣдней до 8 часовъ вечера безъ всякой пищи. Замерзшіе и голодные, пришли на кухню и попросили ужинъ. Дежурный по кухнѣ отвѣтилъ, что ему канцелярія не передавала, чтобы оставить ужинъ для команды. Конечно, между голодными матросами поднялся ропотъ, а затѣмъ послышались крики, чтобы идти къ дежурному офицеру и просить ужинъ. Дежурный по экипажу шкиперъ Поповъ въ это время находился въ другомъ отдѣленіи кухни, — вышелъ къ матросамъ и сказалъ имъ: „берите хлѣба, а я распоряжусь, чтобы для васъ заварили чай“. Очень мило съ его стороны предлагать голоднымъ людямъ пустой чай съ николаевскимъ хлѣбомъ, котораго и топоромъ не разрубишь. Это не удовлетворило матросовъ, и, продолжали требовать ужинъ. Болѣе всѣхъ настаивалъ на этомъ минеръ Панковъ. Дежурный шкиперъ вышелъ изъ терпѣнія и пошелъ жаловаться дежурному офицеру, штабсъ-капитану Маеву, на Панкова. Жалоба шкипера была слѣдующая: „я по разсѣянности моей, было забылъ оставить кашицу на 30 человѣкъ команды. Я приказывалъ матросамъ идти и ложиться спать, но они не хочутъ голодомъ уходить съ кухни, и больше всѣхъ ихъ подстрекалъ минеръ Д. Панковъ, заставляя требовать то, что имъ полагается...“ Дежурный офицеръ Маевъ возмутился такимъ неповиновеніемъ команды, явился на кухню и закричалъ, какъ извощикъ: „Хамы! Сволочь!“ „Не хотите повиноваться приказанію офицера и не желаете голодомъ сутокъ просидѣть, я до васъ доберусь и Данила Панкова отдамъ подъ военно-морской судъ“ „Пошли вонъ“! — И команда, тая до времени злобу въ душѣ, разошлась. Дежурный офицеръ написалъ рапортъ, и командиръ распорядился, чтобы дѣло передали въ военно-морской судъ. Слѣдователь нашелъ это дѣло по показанію свидѣтелей не подлежащимъ военно-морскому суду и возвратилъ обратно на распоряженіе экипажнаго командира. Минеръ Д. Панковъ за свои воззрѣнія на право ужина и за произведенный безпорядокъ, недопускаемый военной дисциплиной, подвергается по распоряженію командира дисциплинарному взысканію, т. е. заключенію въ темное одиночное заключеніе карцера, на хлѣбъ и воду, срокомъ на восемь сутокъ.

Вотъ вамъ и справедливость начальства! Если захотите ѣсть, то тебя подъ судъ сейчасъ же отдадутъ, значитъ, приходится во избѣжанія непріятностей лучше голодомъ сидѣть... а отъ насъ на дальнемъ Востокѣ ждутъ побѣдъ... Чтожъ пусть ждутъ себѣ... Портъ-Артура уже дождались... такъ можетъ, еще чего-нибудь дождутся получше... и волку когда-нибудь отольются овечьи слезы.

Матросъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Саратовская губернія. Въ двухъ селахъ, Романовкѣ и Мордовскомъ краѣ (Балашовскій уѣздъ), произошли безпорядки. Крестьяне судились 15 лѣтъ назадъ изъ-за спорной земли. Въ Романовкѣ просили провести межу между владѣніями князя Волконскаго и крестьянскими, причемъ указывали, что земля, которой пользуется Волконскій, частью принадлежитъ имъ. Но Волконскій, пользуясь ихъ невѣжествомъ, своимъ вліяніемъ среди начальства и, наконецъ, отсутствіемъ точныхъ плановъ,— захватилъ землю. Въ Мордовскомъ Краѣ владѣнія крестьянъ и помѣщика Н. Н. Львова, извѣстнаго земскаго дѣятеля, раздѣляются рѣкой, которая со временемъ проложила себѣ другое русло и отрѣзала у крестьянъ нѣсколько десятинъ лѣса. Судились крестьяне, судъ ихъ въ Романовкѣ и Мордовскомъ Краѣ ни къ чему не привелъ. Поэтому, Романовцы нѣсколько разъ и раньше вырубали лѣсъ и травили луга, тоже было и въ Мордовскомъ Краѣ. Передъ масляницей въ томъ и другомъ селѣ крестьяне сообща поѣхали въ лѣсъ. Собралась толпа человѣкъ въ 80 съ топорами и по очереди безпрерывно рубили строевой, столѣтній лѣсъ въ 300 десятинъ — имѣніе князя Волконскаго — громадная площадь опустѣла въ саратовской губерніи. Были забраны стога сѣна. Добрались и до амбаровъ съ зерномъ. Были призваны солдаты и казаки. Они пробовали оттѣснить толпу, но потерпѣли уронъ: 15-ти казакамъ проломили головы.

Пріѣхалъ губернаторъ Столыпинъ въ Мордовскій Край съ солдатами и казаками; ударили въ набатъ. Народъ, вооруженный вилами, кольями, топорами, выбѣжалъ и окружилъ начальство. Бабы имѣли вилы, камни въ рукахъ, пробрались поближе къ губернатору и чуть камнями не убили. Приставу коломъ проломили голову. Одинъ мужикъ кинулъ топоръ въ губернатора, топоръ воткнулся въ сани, въ которыхъ сидѣлъ Столыпинъ. Солдатамъ тоже нанесли уронъ. Казаки же стали давить лошадьми и бить крестьянъ. Есть отбитые уши, носы, выбитые глаза. Въ Романовкѣ же было такъ. Губернаторъ, явившись къ толпѣ, которая его мирно приняла, повелъ такую рѣчь: „Если вы хотите убивать, разбойничать, то убейте меня—я начальникъ губерніи, и всѣ распоряженія отъ меня. А солдаты чѣмъ виноваты? Бейте меня!“ Эти слова подѣйствовали. Первые ряды крестьянъ стали на колѣни, но изъ слѣдующихъ послышалось дружное: „А земля все же будетъ наша!“ Тогда Столыпинъ сталъ говорить о значеніи собственности, объ ея святости, законности, что безъ нея не можетъ быть государственности. Въ отвѣтъ раздалось: „А Манджурія собственность китайская, а ее нашей кровью отбиваютъ, лучше ближе себѣ землю возьмемъ“. Губернаторъ повернулся и медленно удалился. Вдогонку полетѣли камни, и нѣсколько изъ нихъ попало ему въ спину.

Теперь въ этихъ селахъ тихо. Губернаторъ увезъ съ собою изъ Мордовск. Края 57 мужиковъ и 3 бабъ. Изъ Романовки — 20 человѣкъ.

Лѣсъ, который былъ вырубленъ, еще не раздѣленъ. Его приказали отвезти къ помѣщику. Отвезли. Населеніе страшно возмущено всѣмъ происходившимъ, говорятъ: „Пріѣхали и только одно твердятъ: мы имѣемъ власть, мы васъ накажемъ. — Знаемъ, что имѣетъ власть, да правда то гдѣ? Что о дѣлѣ то ничего не говоритъ? Выплатимъ, сколько возьмутъ, да жаль, что даромъ увезли. Мучать будутъ понапрасну. Только расправа наврядъ ли устрашитъ насъ и т. д.“ Въ другомъ селѣ крестьяне, собравшись въ церкви, постановили: „Содержаніе церкви и духовенства для насъ тяжело, поэтому мы запечатаемъ церковь и увольняемъ духовенство“. Церковь закрыта, духовенство уѣхало.

Въ другомъ углу того же Балашевскаго уѣзда, крестьяне не снимаютъ землю въ аренду. Къ этому мѣсяцу обыкновенно всѣ земли бываютъ сняты. Теперь же не заарендована ни одна десятина.

Въ этомъ же уѣздѣ ведется агитація противъ интеллигенціи. Такъ, носятся слухи, что въ Самойловкѣ, какой-то священникъ собираетъ стариковъ и возбуждаетъ противъ доктора. Говорилъ имъ, что этотъ послѣдній хочетъ взорвать церковь. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ попы называютъ учителей студентами (дѣлая это слово браннымъ) и не совѣтуютъ водить дѣтей въ земскія школы. Въ результатѣ этой агитаціи Еланскіе крестьяне ворвались въ школу съ намѣреніемъ избить учителя повторительныхъ классовъ. Но его не нашли, онъ скрылся, тогда избили учениковъ, выбили окна и изрубили столы въ школѣ.

Возбужденіе большое во всемъ округѣ.

Изъ Орловской губерніи. (Брянскій и Трубчевскій уѣзды) 4-го марта. Крестьянское волненіе перекинулось въ Трубчевскій и Брянскій уѣзды. Возлѣ Брянска у помѣщика Пономарева цѣлымъ селомъ началась вырубка лѣса; находчивый аграрій отмежевалъ селу нѣсколько десятинъ лѣса въ пользованіе и тѣмъ самымъ предохранилъ отъ вырубки весь лѣсъ. Въ с. Плѣсковѣ (Трубч. у.) у мѣстнаго помѣщика взята изъ амбаровъ мука и рожь. Въ Красномъ Рогу (имѣніе Жемчужникова — брата поэта) и въ помѣстьяхъ великаго князя рубка лѣса производится цѣлыми селеньями. На-дняхъ, носится слухъ, разграбятъ хуторъ Халаева (Кокино, Брянскій уѣздъ). Войскъ еще нѣтъ. Возбужденіе массовое, перекидывающееся, какъ эпидемія, изъ одного села въ другое, изъ деревни въ деревню. Арендаторы крестьяне во многихъ хуторахъ отказываются отъ заключенія контрактовъ на землю: „почемъ знать, можетъ, держимъ землю послѣдній годъ, потомъ вся будетъ наша и всю раздѣлимъ“.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Требованія, выработанныя рабочими завода „Сименсъ и Гальске“ на общемъ собраніи 13 февраля 1905 г.

Равноправіе всѣхъ передъ закономъ, не смотря ни на какія сословныя преимущества.

2) Отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ закономъ.

3) Неприкосновенность личности и жилищъ.

4) Свобода собраній, союзовъ, стачекъ, печати и слова.

5) Немедленное освобожденіе всѣхъ пострадавшихъ за рабочее дѣло.

6) Всеобщее народное обученіе за счетъ казны.

7) Сокращеніе рабочаго времени 8-ми часовый рабочій день).

8) Увеличеніе заработной платы.

9) Улучшеніе въ санитарномъ отношеніи мастерскихъ и жилищъ рабочихъ.

10) Отмѣна сверхурочныхъ работъ.

11) Устройство рабочихъ кассъ.

12) Государственное страхованіе рабочихъ на случай инвалидности и старости.

13) Независимость фабричной инспекціи.

14) Такъ какъ, при существующемъ у насъ государственномъ строѣ, жизнь не можетъ идти по спокойному руслу — собраніе рабочихъ рѣшило требовать созыва *Учредительнаго Собранія* изъ представителей всѣхъ классовъ населенія избранныхъ *всеобщей, равной, прямой и тайной* подачей голосовъ.

Москва. Подъ руководствомъ 9 отдѣловъ (производствъ) з батовскихъ обществъ было собрано 15 тысячъ подписей рабочихъ Москвы подъ требованіями правительству о равноправ неприкосновенности личности и жилищъ, свободѣ союзовъ собраній и пр., напечатанными въ „Русскомъ Листкѣ“ 8 февра Эти требованія выставлены, между прочимъ, подъ вліяніемъ р чей и агитаціи группы сознательныхъ рабочихъ соціальдемок товъ, дѣйствующихъ среди легальныхъ обществъ, хотя и о что, въ виду, якобы, полнаго „отсутствія какого либо ія взаимныхъ отношеній между предпринимателями и и, они готовы идти на встрѣчу *всѣмъ интересамъ* рабо- т. е., какъ говорится далѣе, принять мѣры къ устране- *рушеній фабрикантами устава о промышленности*", а акія мѣры, исполненіе коихъ, хотя и не возложено за- на нихъ, но которыя могутъ принести „пользу рабо-

---

[1] Теперь уже пятеро разстрѣляны. (Ред.).

эти весьма проблематичны въ смыслѣ улучшенія быта „Утѣшительно, однако, то обстоятельство, что гг. ртели рѣшили просить губернатора объ освобожде- ванныхъ вслѣдствіе стачекъ"... „въ цѣляхъ успо- массы рабочихъ".

к ается требованій типографскихъ рабочихъ, то они къ восьми-часовому рабочему дню, повышенію платы , отмѣнѣ сверхурочныхъ работъ, улучшенію санитар- условій въ мастерскихъ. Какъ выяснилось на совѣщаніи авителей рабочихъ съ владѣльцами типографій, санитар- остояніе многихъ типографій ужасно: грязь, сырость, от- віе свѣта, тѣснота, вонь, „такъ что задыхаешься", пи- ъ одинъ рабочій, „а вентиляцій нѣтъ"; въ одномъ помѣще- душно, жарко, угарно, въ другихъ холодъ; часто штрафу- произвольно (съ мальчика, напримѣръ, берутъ 20 коп. , а всего зарабатываетъ въ недѣлю 50 коп.); штрафные талы оказались несуществующими и якобы розданными ра- ъ „на пособіе" безъ записи. Рабочее время на нѣкоторыхъ рафіяхъ (мелкихъ) доходило до $12\frac{1}{2}$ часовъ, сверхъ того аются еще сверхурочныя работы—трехъ-четырехъ часовыя, ъ отъ нихъ ведетъ къ увольненію рабочаго; опозданіе на тыре минуты — къ штрафу въ 15-20 коп.

дъ вліяніемъ администраціи, владѣльцы типографій по- а уступки: рабочее время сокращено до девяти часовъ, анье увеличено отъ 3 до 12%, обыски и штрафы отмѣ- Но категорически отвергнуты требованія рабочихъ о чтобы назначеніе и увольненіе рабочаго совершалось съ енія представителей рабочихъ.

овѣтъ съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи озабо- теперь созывомъ экстреннаго съѣзда, въ виду тревож- симптомовъ начинающагося рабочаго движенія на руд- и заводахъ. Какія будутъ приняты мѣры „для успо- массъ", напишу послѣ, пока же они хлопочутъ только енной силѣ для борьбы со стачечниками.

, концѣ января происходило не лишенное интереса засѣ- членовъ Общества взаимопомощи занимающихся ремес- ымъ трудомъ, посвященное обсужденію вопроса о государ- нномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. мотря на оппортюнистическій характеръ представителей го общества, засѣданіе подъ вліяніемъ, вѣроятно, волну- ихъ событій дня, прошло болѣе оживленно, чѣмъ всегда.

Прежде всего почтили вставаніемъ память убитыхъ въ Петербургѣ товарищей, ассигновавъ 500 рублей въ пользу ихъ ей. По предложенію собранія, изъ залы засѣданія былъ аленъ полицейскій приставъ, несмотря на его протестъ.

Когда собранію было доложено, что губернаторъ возвра- лъ представленное ему обществомъ ходатайство, рѣшили на душее время всѣ ходатайства направлять непосредственно министерство, минуя губернатора. Затѣмъ было постанов- но, чтобы при обсужденіи вопроса о государственномъ стра- ваніи рабочихъ участвовали выборные представители рабо- къ съ правомъ рѣшающаго голоса, по одному представителю каждаго завода; по мнѣнію собранія, государственное стра- ваніе рабочихъ должно быть не только на случай инвалид- ти, но и отъ старости и на случай безработицы.

Мелитополь. Революціонная волна, котороя послѣ 9 января окатилась по всей Россіи, дошла и до нашего города... Въ одской массѣ (главнымъ образомъ, ремесленники) началось льное броженіе... Изъ крупныхъ же заводовъ недовольство ачалось только на чугуно-литейномъ заводѣ Либермана чел.), гдѣ 6 февраля и вспыхнула стачка... Рабочая масса сь еще совершенно невѣжественная; организованныхъ же очихъ было всего нѣсколько человѣкъ... Заводъ сталъ. очіе удалились въ степь, которая начинается тутъ же за водомъ, и выработали рядъ требованій (18 пунктовъ): всѣ сто экономическаго и мѣстнаго характера... Такъ какъ эта ачка началось помимо организаціи, стихійно, то организаціи шлось стараться использовать продолжающіяся собранія въ таціонныхъ цѣляхъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ, организованными рабочими было съ восторгомъ встрѣчено предложеніе организаціи ъявить всеобщую стачку въ городѣ.. Для поддержанія же настроенія у рабочихъ завода и съ цѣлью подчеркнуть солидарность всѣхъ пролетаріевъ завода безъ различія національности, на заводъ было рѣшено отправить делегатовъ отъ различныхъ цеховъ...

7-го была выпущена прокламація, въ которой, между прочимъ, были, наряду съ общими демократическими требованіями Партіи, формулированы и экономическія требованія отдѣльныхъ категорій рабочихъ, какъ они были выработаны на общемъ собраніи передовыхъ рабочихъ. Но едва мы начали распростра- ь призывъ къ стачкѣ, какъ изъ депо получилось извѣстіе ачавшейся тамъ „забастовкѣ" (700 чел.). Связей въ депо у анизаціи не было никакихъ, равно и на крупномъ заводѣ Классена (300 чел.)... Многіе товарищи предлагали организаціи мѣшаться со всей энергіей въ забастовку „деповцевъ" и уговорить ихъ пойти въ городъ „снимать" остальныхъ рабочихъ этимъ путемъ сразу вызвать всеобщую стачку... Однако, анизація не только не приняла этотъ планъ, но вскорѣ приложила всѣ старанія, чтобы не вызвать стачку городскихъ ремесленниковъ и рабочихъ... Это рѣшеніе объяснялось вотъ чѣмъ: абочая масса завода Классена и 40 процентовъ рабочихъ депо - мелкіе собственники съ психологіей мѣщанства захудалаго ородишки. Инстинктивно понявъ это, мѣстный исправникъ мѣлковъ въ теченіе трехъ недѣль велъ тайно и явно среди бочихъ Классена и пригородныхъ крестьянъ агитацію за погромъ... „Если жиды что нибудь устроятъ. прикажу бить въ абатъ и имъ плохо придется. Я безпорядковъ не боюсь, лассенцы на моей сторонѣ", — таковы заявленія этого маенькаго Плеве. А что и на деповцевъ (на часть ихъ) онъ сможетъ „при нуждѣ" опереться, показываетъ эволюція стачки въ депо... Послѣ „милостивой" рѣчи начальника и обѣщанія телеграфировать начальнику дороги. масса стала кричать „ура" и „качать" начальника... А къ вечеру была прочитана депеша инистра объ установленіи 9-и часов. рабочаго дня и пр., которая вызвала полный восторгъ! Снова качали, снова кричали -а". Когда же былъ прочитанъ манифестъ объ образованіи инистерской коммиссіи по рабочему вопросу и начальникъ оставилъ угощеніе", то въ стѣнахъ потребительной лавки здались звуки „народнаго" гимна, а затѣмъ въ церкви слуили благодарственный молебенъ... Но возвращусь въ городъ... ганизація, конечно должна была считаться съ возможностью евращенія стачки въ погромъ и, поэтому, предпочла воспользоваться всеобщимъ броженіемъ для установленія прочной язи... И вотъ, стараясь не вызывать стачки, товарищи отдались организаціонной работѣ, которая велась успѣшно.. Изъ рабочихъ депо удалось выдѣлить группу передовыхъ (отчасти сознательныхъ) рабочихъ и прочно „связаться" съ ними.

На третій день прекратилась стачка на заводѣ Либермана, кончившаяся по полнымъ пораженіемъ рабочихъ, что, конечно, приготовило у для дальнѣйшей работы на заводѣ... та стачка стоила намъ, однако, 4-хъ работниковъ, которымъ ришлось покинуть городъ, если они не желали быть взятыми... недѣлю 6—12 вспыхнули еще 2 стачки: у конфектницъ чел.) и кузнецовъ (30 чел.) Обѣ стачки были использованы а агитаціонныхъ цѣляхъ и поддерживались матеріально...

Какъ на отрадный фактъ, укажу на недовольство части „деповцевъ" „патріотически" настроенными товарищами... Эти стинные пролетаріи съ какой-то злобой и досадой разсказывали о „патріотической" вакханаліи ихъ „товарищей"!.. Это хорошее настроеніе меньшинства деповцевъ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что они съ радостью приняли (они раздали по рукамъ около 800 экз.) листокъ „Крымскаго Союза": „Что такое политическая свобода?".. Этотъ листокъ — популярно написанный — разошелся здѣсь въ количествѣ свыше 1500 экз. и всѣми встрѣчался съ восторгомъ.

Астрахань. Стачечное движеніе не прекращается, переносится изъ одной отрасли труда въ другую.

Низкій культурный уровень рабочихъ, малая сплоченность ихъ не позволяли придать стачкѣ характеръ всеобщей. Это едва ли не первое выступленіе на открытую борьбу для большинства.

14-го февраля началась стачка въ ремонтныхъ мастерскихъ на Балдѣ, на третій день рабочимъ были обѣщаны уступки по всѣмъ пунктамъ, но потомъ отъ большинства этихъ уступокъ хозяева отказались и стачка грозитъ повториться. Общее число забастовавшихъ ремонтныхъ — 200 чел. Одновременно съ ними, прекратили работу до 500 чел. бондарей.

18 февраля остановились всѣ типографіи и часть пекаренъ. послѣ трехдневной забастовки, типографщики добились уменьшенія рабочаго дня до 9 час. и повышенія заработной платы на 5%. При большей солидарности могли бы добиться и большаго. Стачка булочниковъ сломлена при помощи полиціи, которая вооружила штрейкбрехеровъ револьверами и разрѣшила стрѣлять во всякого, кто будетъ приглашать ихъ бросить работу.

Затѣмъ сталъ трамвай. На третій день стачечникамъ удалось добиться выставленныхъ требованій: сокращенія рабочаго дня до 9 час. вмѣсто 12—14 час., платы за свободные дни, урегулированія штрафовъ, принятія уволенныхъ за агитацію, увольненія старшаго контролера, повышенія зарботной платы и проч. Во время стачки и до нея былъ устроенъ рядъ массовокъ съ агитаціонными политическими рѣчами, на первой массовкѣ было — 80 рабочихъ, на второй — 150, на третьей до — 300 и на четвертой до 500 человѣкъ. Кромѣ того, происходили собранія отдѣльныхъ группъ рабочихъ: печатниковъ, трамвайныхъ, булочниковъ и ремонтныхъ. Движеніе еще не кончилось и успѣхъ травайныхъ, вызванный ихъ солидарностью, послужитъ хорошимъ примѣромъ.

Насколько низокъ уровень массы, можно судить по слѣдующему: въ числѣ экономическихъ требованій, намѣчать которыя предоставлялось самой рабочей массѣ, указывали, напримѣръ, на то, чтобы хозяева давали на обѣдъ „щи" и на второе „кашу" или „жареную картошку". Стачка булочниковъ не могла быть единодушной отъ того, что значительная группа пекарей, „крендельщики", до того экономически угнетены, что не имѣютъ средствъ пріобрѣсти штановъ и всю зиму ходятъ въ „исподнихъ". Обыкновенно на всю мастерскую у нихъ есть 1-2 пары выходныхъ, которыми они и пользуются сообща. А такъ какъ при стачкѣ хозяева могли ихъ выгнать на улицу безъ „оныхъ", то они и не могли примкнуть къ стачкѣ. Подобныхъ курьезовъ у насъ не мало.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

Милостивый государь,
Господинъ редакторъ!

Въ редактируемой вами „Искрѣ" (№ 88) была напечатана корреспонденція изъ Екатеринослава, гдѣ мое поведеніе во время стачки выставляется въ позорномъ видѣ. Корреспондентъ, къ сожалѣнію, не отнесся съ приличествующею въ данныхъ случаяхъ осторожностью. Онъ приписалъ мнѣ слова и дѣйствія, которыя или *совсѣмъ* не имѣли мѣста, или переданы имъ неточно. Я отвергаю приписанные мнѣ аплодисменты и восклицанья: „браво", „браво". Во время переговоровъ рабочихъ съ наборщиками типографіи „Вѣст. Юга" я былъ только нѣмымъ свидѣтелемъ и не вмѣшивался въ разговоръ. Я съ негодованіемъ отвергаю приписанную мнѣ фразу о казакахъ и городовыхъ. Это не только клевета. Нелѣпо мнѣ человѣку, четвертый годъ уже стонущему подъ игомъ полицейскаго надзора и пригвожденному полиціей къ одному мѣсту, рекомендовать ее для подавленія стачки! Отмѣчу, прежде чѣмъ перейду къ слѣдующему обвиненію, крупную несообразность, которую проглядѣлъ корреспондентъ. Онъ пишетъ, что мои слова вызвали такое негодованіе со стороны наборщиковъ, что они бросили верстатки. И на *завтра* эти же рабочіе, которымъ я будто рекомендовалъ пригласить казаковъ, приглашаютъ меня на рабочее собраніе для *обсужденія ихъ нуждъ!* Убѣждалъ ли я рабочихъ приступить къ работѣ? Это не совсѣмъ точно. Но, *по удовлетвореніи* Цеткинымъ требованія рабочихъ, я при обсужденіи съ ними вопроса, приступить или не приступить къ работѣ, примкнулъ къ тѣмъ, которые, исходя изъ того, что не только всеобщей, но и общей типографской забастовки нѣтъ, находили возможнымъ возобновить занятія.

Что касается вопроса о моемъ поведеніи на собраніи рабочихъ, то я оборвалъ оратора въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, указывая на насъ (представителей мѣстныхъ газетъ), высказался въ томъ смыслѣ, что мы де никогда о рабочихъ не писали и писать не будемъ. Это мѣсто его рѣчи было клеветой и личнымъ оскорбленіемъ, и я запротестовалъ. Протестъ мой, правда, былъ облеченъ въ некорректную форму, за что я извинился передъ ораторомъ, но зачѣмъ извращать *смыслъ* моего протеста? Десять лѣтъ находясь подъ гнетомъ провинціальной цензуры, я ее хорошо знаю и могъ только поддержать оратора, но когда онъ началъ говорить, что мы буржуа — это была неправда.

Съ почтеніемъ
Г. Гришневъ (Новополинъ).

Прилагаю при семъ заявленіе рабочихъ. Я прошу помѣстить мое письмо въ ближайшемъ № „Искры". Затѣмъ прошу редакцію предложить ея екатеринославскому корреспонденту передать обсужденіе вопроса о достоинствѣ сообщенныхъ имъ фактовъ и ихъ достовѣрности на судъ чести.

Въ редакцію „Искры".
Милостивый Государь г. редакторъ!

Мы, нижеподписавшіеся рабочіе, присутствовавшіе при прекращеніи работы въ типографіи „Вѣстника Юга", свидѣтельствуемъ: 1) Г. Гришневъ (онъ-же Новополинъ) послѣ словъ одного изъ рабочихъ, что инціатива не должна исходить отъ евреевъ, не кричалъ „браво" и не аплодировалъ и, вообще, былъ нѣмымъ свидѣтелемъ сцены, не вмѣшиваясь въ наши разговоры съ товарищами; 2) что онъ убѣждалъ насъ стать за работу только послѣ того, какъ наши требованія были удовлетворены и послѣ того, какъ онъ убѣдился, что не только всеобщей забастовки рабочихъ нѣтъ, но даже общей забастовки типографовъ и что она лишена была и тѣни политическаго характера; 3) что, работая нѣсколько лѣтъ бокъ о бокъ съ Гришневымъ, мы нисколько не сомнѣвались, что, убѣждая насъ по удовлетвореніи нашихъ требованій взяться за работу, онъ, ошибочно или не ошибочно, но искренне имѣлъ въ виду не интересы издателя, а печатнаго слова; 4) что онъ никому и никода не говорилъ о приглашеніи казаковъ и городовыхъ и 5) что, хорошо зная Гришнева, мы считаемъ даже такое предположеніе о немъ невозможнымъ и возмутительнымъ.

Слѣдуетъ 13 подписей рабочихъ типографіи. (Копію ихъ сообщаемъ Екатеринославскому Комитету, которому принадлежитъ и послѣднее слово въ этомъ спорѣ). *Ред.*

II.

Поправка. По поводу помѣщенной въ № 90 „Искры" харьковской корреспонденціи о всеобщей стачкѣ, лицо, близкое покойному фабриканту Максимиліану Гельфериху сообщаетъ намъ: „Относительно забастовки рабочихъ на заводѣ Гельфериха въ Садѣ въ корреспонденціи сказано: „владѣлецъ [illegible] пожелалъ пойти на какія либо уступки" и т. д. На [illegible] дѣлѣ, бывшаго владѣльца завода Макс. Христ. Гельфериха нѣтъ въ живыхъ, заводъ же находится въ рукахъ акціонернаго общества. Отсюда и отвѣтственность за отношеніе къ рабочимъ падаетъ на всѣхъ акціонеровъ въ общемъ и на директоровъ завода въ частности".

ИЗЪ ПАРТІИ.

По поводу недавняго постановленія Совѣта (см. № 89 „Искры").

Комитетъ и литературная Коммисія Украинскаго Соціальдемократическаго Союза Р. С.-Д. Р. П., находя директивы, даваемыя дѣятельности партіи ея центральными учрежденіями, вполнѣ правильными и соотвѣтствующими настоящему положенію вещей въ Россіи, высказываютъ центральнымъ учрежденіямъ свое полное довѣріе.

Комитетъ и литературная коммиссія Украинскаго С.-Д. Союза выражаютъ горячее пожеланіе, чтобы съѣздъ части партіи, созываемый бюро комитетовъ большинства, не привелъ къ расколу партіи и чтобы съѣздъ принялъ предложеніе совѣта партіи относительно третейскаго суда.

Комитетъ и литературная Коммисія
Укр. С.-Д. Союза Р. С.-Д. Р. П.

Въ прошломъ № случайно оказался выпущеннымъ цѣлый абзацъ изъ воззванія Тифлисской районной организаціи. Возстановляемъ этотъ абзацъ:

Для сохраненія единства Партіи, мы, Тифл. орган. рабочіе, считаемъ необходимымъ: 1) въ виду того, что на съѣздѣ должна быть выражена воля организованнаго пролетаріата, а между тѣмъ пролетаріатъ еще не достаточно выяснилъ себѣ сущность разногласій, съѣздъ немедленно не можетъ быть созванъ, не говоря уже о томъ, что онъ требуетъ массы средствъ и силъ, отпустить которыя пролетаріатъ въ настоящее революціонное время не можетъ согласиться; 2) допущеніе въ комитеты обоихъ направленій всѣхъ товарищей надежныхъ, работоспособныхъ, независимо отъ того принадлежатъ ли они къ „большинству" или „меньшинству"; 3) допущеніе „Искры", какъ Ц. О., во всѣ организаціи безъ исключенія и объединеніе всѣхъ силъ вокругъ уже существующаго Ц. К.

Только въ томъ случаѣ, когда не будетъ „вышибанія" и „расассированія", когда въ организацію будутъ допускаться такъ называемое „большинство" и „меньшинство", возможна будетъ совмѣстная работа представителей обоихъ направленій, только тогда не будетъ дробленія и розни, только тогда будетъ возможно не одностороннее, а широкое ознакомленіе съ принципами обѣихъ фракцій и улаженіе проклятыхъ разногласій.

Манифестація сочувствія. Румынскіе и болгарскіе товарищи привѣтствовали начавшуюся русскую революцію большими собраніями въ Софіи и Бухарестѣ. Резолюція этихъ собраній привѣтствуютъ русскій пролетаріатъ за его героическую борьбу. Въ Софіи такая же резолюція принята еще на митингѣ, созванномъ соціалистическимъ и демократическимъ студенчествомъ.

Вышли листки: **„Искры"**: „Идти ли на войну?". **Ц. К.** „Послѣ Мукденскаго пораженія". **Петербургской группы**: 1) Къ солдатамъ, 2) „Въ бой за свободу" (перепеч. листокъ „Искры"). **Выборгскаго района той-же группы**: О крахѣ коммиссіи Шидловскаго; Путиловской орган. **той-же группы**: „Къ стачкѣ!". **Витебск. группы** 1) „Къ обществу" (о стачкѣ фармацевтовъ); 2) „Къ обществу" (о паденіи Мукдена). **Харьков. Ком.**: „Ко всѣмъ гражданамъ" (4000), Денежн. отчетъ за февраль. **Одесской группы**: „Царскій рескриптъ и Учред. Собраніе" (6000 экз.). Ею же выпущено два листка къ рабочимъ жел.-дор. мастерскихъ. **Николаевскаго Ком.**: 1) О политической борьбѣ (1100 экз.), 2) О погромѣ (1500 экз.), 3) Объ Учред. Собраніи (2000 экз.). **Комитетовъ Восточнаго района** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ". **Донского Ком.** насъ учитъ стачка? **Астраханск.** Ком. Ко всѣмъ рабочимъ рескриптѣ 18 фев.) **Сѣверозапади.** Ком. Ко всѣмъ граж (6000), **Кременч.** Ком. Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Ко всѣмъ приказчикамъ (1000) и 19-ое февраля (3000). **ской гр. Донецкаго Союза**: 1) Ко всѣмъ рабочимъ и работн (о рескриптѣ 18 фев.), 2) 19-ое февраля, 3) Къ рабочимъ скаго района, 4) Къ юзовскимъ и вѣтковскимъ рабочимъ печатн.). **Самарск.** Ком. Правда для солдатъ (печ.). **Укра Соц.-Дем. Спілки** № 2 газеты „Правда" (6000 экз.) и ли „Про державний лад" Ивана Гилька (10000 экз).

Агитаціонная дѣятельность Кіевскаго Комитета за февраль: даны листки: 1) Къ рабочимъ всѣхъ странъ (7000), 2) Над ное слово Сергѣю Александровичу (5000). 3) Отступленіе Н лая II (7000), 4) 19-ое февраля, 5) Судъ идетъ (о судѣ участниками всеобщей стачки 1903 г.), 6) Царизмъ накан всенароднаго возстанія (о бакинскихъ событіяхъ и др.), 7) прощаетъ (изъ „Искры"), 8) Къ желѣзнодорожнымъ рабоч 9) Царская милость; — всѣ печатныя. Затѣмъ мимеогр.: 1 11) Къ фармацевтамъ, 12) Къ обществу по поводу стачки ф мацевтовъ, 13) Къ рабочимъ фабрики Лева, 14) Къ типогр скимъ рабочимъ, 15) Къ рабочимъ арсенала, 16) Къ рабочи пароходныхъ обществъ, 17), 18), и 19) Къ рабочимъ южнорусс го завода.

Агитаціонная дѣятельность Рижской группы: 1—9) Ко всѣмъ р бочимъ и работницамъ кузнецовскаго района, 10) Къ рабочим и работницамъ фабрики Мюнделя, 11 и 12) Ко всѣмъ рабочим и работницамъ фабрики Рутенберга, 13) Ко всѣмъ рабочимъ работницамъ русск. общества стальныхъ перьевъ, 14) Рабочим Балтійской холщевой мануфактуры.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Дворцовой: Какимъ ключемъ написали? Пишите условленнымъ. Товарищъ, о которомъ вы спрашиваете, въ **Москвѣ**. **Фаддѣю** Постоянно путаете шифръ, трудно разобрать. Повторите свой адресъ для писемъ; остальное разобрано. **Гориновичу**: почему не пишите и не оснуетесь на мѣстѣ? **Каблукову, Па** — можно бы писать, нечего полагаться, что другіе напишутъ. Обязательно пришлите адреса для переписки. Нужно многое сообщить. **Сѣверо-Западному Комитету**: пришлите адресъ для непосредственной переписки — весьма нужно. **Роману**: пришлите явку, васъ никакъ не могутъ найти въ вашемъ городѣ. Получаете-ли наши письма? **Варварѣ**: Гдѣ вы пропали? Отзовитесь. **Химерѣ**. Получили всѣ письма, отвѣтили. **Генераламъ**. Благодаримъ, просимъ писать и впредь. **Еремѣю**. Если хотите, чтобы понимали, что пишете — шифруйте правильно. Ни одинъ адресъ не разобрали.

Собрано въ пользу Романовцевъ съ рефератовъ К. Лозанна — 126 фр. 50 с. Цюрихъ — 231 фр. Бернъ — 101 фр. Женева — 268 фр. 50 с. Парижъ съ реферата — 298 фр., отъ Сибирской кассы черезъ Рубановича — 265 фр. Нанси — 114 фр. Льежъ — 175 фр. Брюссель — 101 фр. 75 с. Антверпенъ — 31 фр. 25 с. Отъ Землячки — 10 фр. Изъ частнаго источника — 160 фр. Всего 1882 фр Изъ собранныхъ денегъ отослано для Романовцевъ 637р — 1688 фр. На поѣздки и пр. расходы 194 фр. Всего — 1882 фр. Почтовыя росписки на сумму — 637 руб. редакціи доставлены.

За недостаткомъ мѣста, откладываемъ до слѣдующаго вторую статью „Военныя замѣтки".

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

входящихъ въ мѣстную организацію. Передъ 1 марта они обратились къ намъ, соціальдемократамъ-меньшевикамъ, случайно завязавъ съ нами связи, съ предложеніемъ явиться на рядъ легальныхъ собраній и поддержать тамъ требованье Учредительнаго Собранія, которое не было введено въ текстъ резолюціи (подписи собирались въ кредитъ до извѣстной степени, содержаніе требованій должно было быть окончательно установлено въ 9 собраніяхъ по производствамъ, начиная съ 5 марта, а 12 марта должно состояться общее собраніе всѣхъ производствъ, изъ 50 членовъ всѣхъ совѣтовъ (зубатовцы-руководители) и 400 представителей, болѣе видныхъ членовъ обществъ (не зубатовцы). Группа бралась провести насъ на собранія, организовать нѣсколько массовокъ изъ зубатовцевъ за это же время. Просили листокъ и агитаторовъ, хотѣли требованіе Учредительнаго Собранія послать правительству въ видѣ ультиматума на подобіе обращенія петербургскихъ выборщиковъ въ коммиссію Шидловскаго. По настроенію рабочихъ зубатовскаго общества вполнѣ можно было расчитывать на успѣхъ (недавно они смѣстили Афанасьева съ предсѣдательскаго мѣста, заставили другого предводителя публично признаться въ полученіи ежемѣсячно отъ министерства внутреннихъ дѣлъ 40 рублей и т. п. Собраніе на Ново-Спасской въ 500 человѣкъ закрылось при одушевленныхъ крикахъ „долой самодержавіе" и т. п.). Громадныя связи и крупное вліяніе группировавшихся вокругъ легальныхъ обществъ рабочихъ (и соціальдемократы посѣщаютъ ихъ, хотя не настолько, сколько слѣдовало бы), давали возможность поддержать ультиматумъ почти всеобщей политической забастовкой. Тутъ мы и разошлись во взглядахъ съ московскимъ комитетомъ (большинства). У насъ нашлось достаточно опытныхъ агитаторовъ соціальдемократовъ, (почти сплошь меньшевики). но не было техники. Одними листками, говорили мы комитету, одними призывами достичь того, чтобы пролетаріатъ взялся за оружіе, можно только при очень высокомъ уровнѣ его сознательности, чего у насъ пока нѣтъ. Поднять пролетаріатъ на возстаніе — эта задача не можетъ быть достигнута и организаціоннымъ путемъ, такъ какъ вовлеченіе въ наши нелегальныя организаціи не только сотенъ, но даже и десятка тысячъ — вещь невозможная. Наконецъ, и принятіе резолюціи объ Учредительномъ Собраніи и вооруженномъ возстаніи на собраніи 400 человѣкъ (они предлагали этимъ ограничиться: „принять резолюцію и пойти домой" по выраженію одного комитетчика) слѣдуетъ, конечно, привѣтствовать, но этого недостаточно, чтобы поднять огромную массу, стоящую за стѣнами собраній. Забастовка, въ связи съ предъявленіемъ ультимативныхъ требованій, говорили мы: 1) вовлечетъ въ политическую борьбу подъ руководствомъ соціальдемократіи (которая пріобрѣла бы руководящую роль во всѣхъ отдѣлахъ легальныхъ обществъ) десятки тысячъ стоящихъ еще позади даже легальныхъ организацій рабочихъ, 2) повыситъ чрезвычайно самосознаніе московскаго пролетаріата, который на дѣлѣ объединится и сплотится вокругъ одного политическаго лозунга и на опытѣ придетъ къ убѣжденію, что ему ничего не остается, кромѣ вооруженнаго возстанія. Но комитетъ постановилъ отвергнуть это предложеніе. Вотъ мотивы: Общая или почти общая политическая забастовка, по его мнѣнію, можетъ повредить дѣлу вооруженнаго возстанія, 1) ослабленіемъ организаціи, такъ какъ будутъ аресты, 2) пониженіемъ настроенія рабочихъ вслѣдствіе отсутствія уступокъ и понесенныхъ жертвъ. Сверхъ того, предъявленіе правительству ультиматума, по его мнѣнію, понизило бы революціонность массы, вызвавъ у нея надежды на возможность удовлетворенія требованій правительствомъ, да и вообще это будетъ вхожденіемъ съ правительствомъ въ переговоры, недостойные соціальдемократовъ. Поэтому, комитетъ рѣшилъ ограничиться проведеніемъ резолюціи о необходимости вооруженнаго возстанія безъ всякихъ забастовокъ и безъ ультиматума на засѣданіяхъ обществъ. Комитетъ спросилъ, подчиняемся ли мы имъ и дадимъ ли ему билеты, если рабочіе достанутъ ихъ. 3 марта состоялось собраніе 11 человѣкъ, желавшихъ выступать на собраніяхъ 9 производствъ и на заключительномъ общемъ собраніи ораторами (въ томъ числѣ, два близко стоящихъ къ комитету); по обсужденіи, рѣшили большинствомъ 9 противъ 2: 1) просить комитетъ [illegible] рѣть въ указанномъ смыслѣ (т. е. признавъ забастовку [illegible], а не вредной и т. д.) свое рѣшеніе о тактикѣ соці[illegible]кратовъ въ Москвѣ въ связи съ использованьемъ легаль[illegible]абочихъ обществъ, 2) подчиниться въ случаѣ отказа, не [illegible]ать съ защитой ультиматума и забастовки на собраніяхъ [illegible]скаго общества для сохраненія единства, но просить ко[illegible] чтобъ вопросъ о тактикѣ былъ перенесенъ на рѣшеніе [illegible]ыхъ собраній передовыхъ рабочихъ членовъ организацій [illegible]ъ, чтобы обѣимъ сторонамъ представлено было на равныхъ [illegible]ъ обосновать передъ ними предлагаемую тактику. Но [illegible] заявлено тутъ же, что комитетъ этого вѣроятно не [illegible]етъ, (и не сдѣлалъ таки) но мы, подчеркнувъ свою лой[illegible]сть, тутъ же постановили съ своей стороны не затыкать [illegible]та и, разъ получимъ билеты, передать ихъ имъ.

Орѣхово-Зуево. (Письмо рабочаго, выступавшаго агитаторе на тысячныхъ собраніяхъ, посланнаго туда московскимъ Послтетомъ).

Работа соціальдемократовъ въ Орѣхово-Зуевскомъ районѣ [illegible]ѣе или менѣе серьезно началась прошлымъ лѣтомъ. Но [illegible] рабочихъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, нашелся провока[illegible]ъ Скворцовъ, выдавшій руководителей и рабочихъ, затрону[illegible]ъ пропагандой. Послѣдовали аресты, дѣло остановилось [illegible]ъ какъ у работавшихъ слабы были связи съ московскимъ [illegible]итетомъ, и пока онѣ возстановились, прошло нѣсколько мѣсяцевъ въ бездѣйствіи. Начавшаяся работа носила скорѣе случайный, чѣмъ постоянный характеръ. Кружковъ не было, литературы было мало, листковъ, затрагивающихъ специально мѣстныя темы, вовсе не было. Имѣющаяся литература бралась на расхватъ, зачитывалась до дыръ, рабочіе интересовались [illegible]ичными коммиссіями и рабочимъ движеніемъ въ Россіи. Послѣднее относится только къ рабочимъ мануфактуры Саввы Морозова, такъ какъ послѣ провала работа на фабрикѣ Викулы Морозова не возобновлялась. Между тѣмъ, подъемъ чувствовался и у Викуловскихъ рабочихъ, и они, не находя соціальдемократовъ, стали завязывать связи съ легальными рабочими обществами („Зубатовскими").

Въ самихъ широкихъ массахъ рабочихъ чувствовалась неудовлетворенность своимъ положеніемъ, рабочіе возмущались безсердечнымъ, грубымъ поведеніемъ врача, и навязчивымъ отношеніемъ къ женщинамъ одного изъ мастеровъ — Медвѣдева, и невыдачей даровыхъ лекарствъ изъ больницы, и отсутствіемъ мѣстъ въ нашей школѣ, и неисполненіемъ обѣщанія Саввой Морозовымъ объ открытіи средней ремесленной школы, и невозможностью собираться вмѣстѣ безъ полиціи. Морозовъ, чувствуя поднимающееся глубокое броженіе, думалъ успокоить его разрѣшеніемъ рабочимъ собраться въ школѣ для выбора старостъ. Но это было на руку рабочимъ. За время выборовъ старостъ они сплотились, сговорились. Въ старосты были выбраны частью болѣе сознательные — тамъ, гдѣ, благодаря кружкамъ сознательныхъ рабочихъ администраціи не удалось произвести давленія, частью совсѣмъ неразвитые, когда администраціи удавалось проводить своихъ ставленниковъ. Лишь только закончились выборы, всѣ рабочіе почувствовали необходимость предъявить управленію наиболѣе насущныя требованія, они стали говорить о необходимости общаго собранія и т. д.

Въ это время появилось объявленіе администраціи о томъ, что пунктъ устава, по которому рабочіе получали наградные въ февралѣ, отмѣняется, и что расцѣнки измѣнены.

Это было внѣшнимъ поводомъ къ предъявленію требованій. На собраніяхъ старостъ 8, 9 и 10 февраля происходила выработка и формулировка требованій; было выставлено 25 чисто экономическихъ пунктовъ и переданы администраціи. То же [illegible] происходило и у Викулы Морозова; только тамъ требованія (также чисто-экономическія; 24 пункта) были выработаны депутатами, избранными для этого рабочими, такъ какъ старосты еще не были введены. Требованія были ясно сознаны всѣми, безъ воздѣйствія соціальдемократовъ, за нихъ дружно и крѣпко стояли всѣ рабочіе, они были приняты единогласно.

Администрація дала отвѣтъ на эти требованія 14 февраля: кромѣ одного или двухъ пунктовъ, всѣ объявлялись неподлежащими удовлетворенію. Это озлобило рабочихъ. Они въ огромномъ количествѣ собрались у казармъ и рѣшили идти къ конторѣ требовать Савву Морозова для переговоровъ. Послѣ горячихъ споровъ и выбора предсѣдателя, который пользовался большимъ довѣріемъ рабочихъ, лучше другихъ понималъ дѣло, пошли рабочіе къ Саввѣ и стали вызывать его.

Двери дома оказались запертыми, слуга заявилъ, что хозяинъ пріѣхалъ поздно вечеромъ изъ Москвы и усталъ, а потому не можетъ выйти къ нимъ. Въ эту минуту появился исправникъ съ казаками и спросилъ мирно стоящую толпу, что ей нужно. Выступилъ одинъ изъ рабочихъ и объяснилъ исправнику, что они пришли переговорить съ хозяиномъ о своемъ положеніи, такъ какъ завтра днемъ не хотятъ прекращать работъ. Въ концѣ его объясненія на него налетѣлъ съ нагайкой конный казакъ съ крикомъ: „вамъ надбавки, сволочи"! Еслибъ рабочій не спрятался за исправника, казакъ разбилъ бы ему голову. Толпа забушевала, раздались крики негодованія, и потянулись руки, чтобъ отомстить. Козаковъ было мало, исправникъ испугался и велѣлъ казакамъ уѣхать, а самъ сталъ успокаивать толпу, приглашая мирно разойтись, мотивируя это позднимъ временемъ. Рабочіе послѣ совѣщанія рѣшили идти въ казармы. Уже по дорогѣ большая часть рабочихъ рѣшила остановить завтра фабрику послѣ второй смѣны въ 9 съ $1/2$ ч. и идти къ хозяину снова. Такъ и сдѣлали. Викуловскіе рабочіе остановили у себя работу еще раньше. Толпа въ десять тысячъ высыпала на фабричный дворъ и стала требовать къ себѣ Морозова. Онъ потребовалъ къ себѣ старостъ для переговоровъ. Тѣ отправились въ количествѣ болѣе 30 человѣкъ. Савва Морозовъ принялъ ихъ въ кабинетѣ. Разбирали требованія пунктъ за пунктомъ, и Савва о каждомъ обѣщалъ еще разъ подумать и отвѣтить. Прошло часа 1 $1/2$. Вдругъ изъ боковыхъ дверей выскакиваетъ здѣшній вице-губернаторъ съ крикомъ:

„Встать! Измѣнники, въ такую трудную годину бунтовать, вы бога и царя забыли! Да я васъ въ Сибирь упеку, арестую, я вамъ, измѣнники!" Но тутъ онъ понялъ, что сказалъ ужъ слишкомъ много, сталъ вилять и отпустилъ старостъ ни съ чѣмъ. Когда старосты вернулись къ толпѣ, тутъ ужъ были казаки и солдаты, пока въ отдаленіи. Пріѣхалъ фабричный инспекторъ, сталъ успокаивать, говорилъ, что лично будетъ хлопотать о рабочихъ у Морозова, звали стать на работу. Но рабочіе отвѣтили „не станемъ". Тогда инспекторъ обѣщалъ, что если рабочіе не будутъ нарушать спокойствія, то войска не будутъ пущены въ ходъ (это только милость не стрѣлять, если всѣ спокойны!) и никто изъ участниковъ забастовки не будетъ арестованъ. Послѣ этого рабочіе рѣшили разойтись и не идти на работу, пока не будутъ удовлетворены требованія. Были собранія въ банѣ, въ школѣ, настроеніе боевое, всѣ рѣшили бороться до послѣдняго, собрали немного денегъ. Такъ прошло восемь дней, о соціальдемократіи даже не было слышно. Рабочіе старосты искали ихъ, звали ихъ повліять на забастовку, помочь средствами и прочее. Но, увы! этотъ зовъ былъ гласъ вопіющій въ пустынѣ! Восемь дней легальныя газеты писали о стачкѣ десятковъ тысячъ рабочихъ въ Орѣхово-Зуевѣ. (Пропускаемъ полемическую часть о московскомъ комитетѣ, который, наконецъ, послалъ туда агитаторовъ меньшевиковъ, а потомъ и большевиковъ). Агитаторы придали стачкѣ рѣзко-политическій характеръ; на многотысячныхъ собраніяхъ приняты резолюціи объ Учредительномъ Собраніи (были убитые и раненые); толпа кричала: „будемъ биться! пойдемъ за вами! принимаемъ всѣ требованія!" и т. п. Особенно отличались женщины, доходившія до вырыванія винтовокъ у солдатъ и т. п.

Московскій комитетъ вообще полагаетъ, что отъ забастовокъ слѣдуетъ теперь рабочихъ удерживать, такъ какъ онѣ де вредятъ будущему вооруженному возстанію. И агитаторы большевики сочли возможнымъ для себя — соціальдемократовъ, высказываться передъ массой за прекращеніе забастовки, такъ какъ де все равно уступокъ не будетъ. Рабочіе въ массѣ встрѣтили такое приглашеніе съ негодованіемъ. Ставшіе передъ тѣмъ на работу, тысячи полторы, были избиты остальными, не ставшими на работу.

Отъ редакціи. Обращаемъ вниманіе Партіи на крайне вредную тактику Московскаго „большинства". Съ нею необходимо бороться.

Бѣжица, Орловск. губ. **4 марта. Стачка на рельсопрокатномъ заводѣ проходитъ подъ руководствомъ Орловско-Брянскаго комитета; на рабочихъ собраніяхъ нѣсколько разъ выступали соціальдемократическіе агитаторы. Настроеніе рабочихъ пока спокойное.**

Бѣлостокъ. 23 февраля. Всеобщая забастовка у насъ началась 17-го февраля. Она была организована коммиссіей, въ которую вошли организаціи партій Польской Соц.-дем., P. P. S., С.-Р. и Бунда. Первымъ забастовалъ литейный заводъ Вечорека, (около 500 чел.). Наканунѣ, 16 февраля, послѣ обѣда рабочіе отъ имени коммиссіи ходили по заводамъ и приглашали къ стачкѣ. 17-го съ 9 часовъ утра работа прекратилась во всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ; къ забастовкѣ примкнули приказчики, фармацевты, извозщики и носильщики, къ вечеру стала конная желѣзная дорога. Улицы наполнились народомъ празднично одѣтымъ, но измученныя лица говорили что это не обычная уличная толпа. Появились и войска въ полной боевой аммуниціи. Всѣ казенныя учрежденія охранялись ими, всѣ полицейскіе посты усилены. однимъ словомъ, городъ на военномъ положеніи.

Въ тотъ же день возлѣ деревни Скоруны было созвано стачечной коммиссіей собраніе, на которомъ участвовали исключительно христіане (до 2000). Ораторъ говорилъ только объ экономическихъ нуждахъ и ни однимъ словомъ ни упомянулъ о необходимости для рабочихъ политической свободы. Во время собранія пріѣхалъ присатвъ и другіе полицейскіе чины: узнавъ, о чемъ идетъ рѣчь, приставъ уговаривалъ христіанъ не присоединяться къ еврейскимъ рабочимъ, а отдѣльно отъ нихъ требовать у фабрикантовъ нѣкоторыхъ улучшеній своего положенія. Вечеромъ организація Бунда созвала другое собраніе на базарной площади (до 3000 чел.), куда пришли и христіане и евреи. Говорили 2 оратора—по русски и еврейски. Когда рѣчи кончились возгласами „долой самодержавіе! да здравствуетъ революція! да здравствуетъ соціализмъ!", толпа дружно подхватила ихъ, и нѣсколько минутъ раздавались мощные крики. Затѣмъ изъ массы былъ данъ залпъ изъ нѣсколькихъ десятковъ револьверовъ, и толпа разошлась.

18-го на громадномъ собраніи (15-18 тыс.) были рѣчи 8-ми ораторовъ. Рѣчи длились около 3-хъ часовъ. Одинъ изъ ораторовъ (членъ Р. С.-Д. Р. П.) взобрался на дерево и оттуда говорилъ. Рабочіе обратились къ нему съ вопросомъ почему нѣтъ знамени? (къ сожалѣнію, ни одна организація не принесла его) Товарищъ нашелся: онъ тотчасъ обратился къ окружающимъ и спросилъ, нѣтъ ли у кого краснаго платка. Платокъ нашелся, его привязали къ саблѣ и подали оратору. Изъ толпы при видѣ знамени раздалось: „снять шапки!" и загремѣло несмолкаемое ура!. Товарищъ же поднялъ высоко знамя и, какъ только стихло, сказалъ: „Товарищи! за отсутствіемъ знамени я поднялъ красный платокъ, привязанный къ саблѣ. Пусть этотъ платокъ и сабля напомнятъ вамъ проливаемую самодержавіемъ кровь нашихъ братьевъ. Отнынѣ мы, бѣлостокскіе рабочіе, сознавъ свою силу, не допустимъ, чтобы самодержавный тиранъ осмѣлился наложить свою злодѣйскую ы на б нашихъ товарищей!" „Долой самодержавіе! Долой тира отвѣтомъ. Когда снова смолкло, ораторъ продолжалъ. краткихъ словахъ обрисовалъ положеніе рабочаго класса в развитіе его сознанія и его борьбу. Бурные крики конецъ рѣчи. Затѣмъ ораторъ предложилъ идти в выразить протестъ противъ самодержавія и бюрократіи.

„Въ городъ, въ городъ", и масса двинулась подъ зву люціонныхъ пѣсенъ въ городъ. Около арки „Царскія ори входѣ въ городъ стоявшій на посту офицеръ съ 5 тами преградилъ дорогу, и на рабочихъ были направлень Масса въ нерѣшительности остановилась, но шедшіе въ рядахъ два, изъ только что говорившихъ, оратора стал ривать толпу идти впередъ. Офицеръ, видя свое безсиліе, залъ уступить дорогу, и войска очистили путь. Демон отправились къ тюрьмѣ. На углу Николаевской ул снова остановили солдаты (около 300 человѣкъ). Офиц силъ разойтись, представители всѣхъ партій пригласил рищей разойтись по домамъ, такъ какъ по дорогѣ многіе и демонстрантовъ было сравнительно немного. Одинъ изъ варищей крикнулъ: „товарищи! мы показали, что мы го умереть въ борьбѣ за свободу, но мы не хотимъ напрасно ливать крови. Мы сегодня идемъ по домамъ, чтобы с выми силами продолжать борьбу". Демонстранты разошли пѣніемъ „Краснаго знамени".

Собраніе 19-го февраля уже не довелось окончить, ег гналъ исправникъ съ двумя эскадронами 11-го полка.

Ночью въ этотъ день произошло столкновеніе межд чими и полиціей, причемъ съ обѣихъ сторонъ стрѣляли, не было.

На четвертый день всеобщей забастовки, 20-го, внов ялось собраніе, но на немъ было мало евреевъ потому ч довская организація не совѣтовала рабочимъ ходить. С кончилось демонстраціей; рабочіе какъ и 18-го февраля, вились въ городъ. Снова около „Царскихъ воротъ" им градили путь. На этотъ разъ не удалось пробиться, разошлись. На слѣдующій день, 21-го, собраніе (около кончилось уже не такъ благополучно, какъ всѣ предыду Уже начаты были рѣчи, какъ кто то сообщилъ, что мѣсто о жено войсками, толпа быстро стала расходиться несмотря уговоры товарищей остаться. Пришлось и не желавшимъ Часть направилась толпой черезъ лѣсъ; на опушкѣ офиц командовавшій эскадрономъ солдатъ, въ присутствіи исправ пристава и нѣсколькихъ кавалеристовъ, обратился къ нимъ словами: „я получилъ отъ исправника власть всѣми мѣрами р гнать собраніе. Заявляю, что послѣ трехъ сигналовъ, есл разойдетесь, я прикажу стрѣлять. Согласны-ли разойтис Всѣ стоявшіе вблизи единодушно отказались исполнить тре ваніе и при крикахъ „Долой самодержавіе!" продолжали с путь. Исправникъ и приставъ въ коляскѣ, а за ними урядни верхомъ попытались прорваться черезъ ряды демонстранто Изъ среды послѣднихъ раздался выстрѣлъ, и исправникъ бы убитъ. Приставъ, ѣхавшій съ нимъ, выхватилъ револьверъ и н чалъ стрѣлять въ воздухъ. Нѣкоторые башибузуки тоже стала стрѣлять изъ револьверовъ. Офицеръ отдалъ приказъ: „Шашк вонъ! бей направо и налѣво!" И солдаты, съ шашками в рукахъ, галопомъ пустились на рабочихъ, которые разсыпалис по обѣимъ сторонамъ дороги. Кровавая бойня началась, руби женщинъ, стариковъ и молодыхъ. Между ранеными есть 14-лѣтній мальчикъ, которому отрубили носъ. Всѣхъ ранены до 35, нѣкоторые — тяжело.

Въ то время, когда шла эта дикая расправа, полиціймейст и шпіоны, переодѣтые рабочими, устроили собраніе въ гор скомъ саду исключительно изъ христіанъ; евреевъ не допуска Было около 5000 человѣкъ. Говорилъ переодѣтый полиціймеі мейстеръ о томъ, что евреи виноваты во всѣхъ бѣдствіяхъ, п этому, ихъ слѣдуетъ бить. Кончилъ свою рѣчь словами: Доло жидовъ! Сначала мертвая тишина была отвѣтомъ, а затѣ когда изъ рядовъ раздались возгласы: „Да здравствуютъ жидк Долой полицію! если бы не жидки, еще хуже бы жилось!", п неслось громкое ура! Полиціймейстеръ долженъ былъ убратс

22-го февраля пріѣхалъ губернаторъ и отдалъ приказъ произвести массовые аресты. Начали забирать всѣхъ встрѣчных молодыхъ людей на улицахъ и обыскивали подозрительных Большинство арестованыхъ — евреи.

Полиціймейстеръ, однако, несмотря на неудачу въ агитаціи з погромъ, 22-го вновь устроилъ попытку. Приставъ 4-го участка переодѣтые жандармы и шпіоны выступали на этомъ собраніи передъ рабочими. Снова слышны были старыя пѣсни о ви новности во всемъ евреевъ. Эти жандармскія рѣчи были прер ваны крикомъ: „Товарищи, сюда!", и товарищъ сталъ говорить о всѣхъ продѣлкахъ полиціи и кончилъ словами: Долой полицію! Да здравствуетъ революція! Толпа дружно подхватила. Вторично полиціймейстеръ потерпѣлъ неудачу.

24-го забастовка продолжается, никто не работаетъ, газета „Западная окраина" не выходитъ. Нѣкоторыя фабрики идутъ на уступки — предлагаютъ 10 час. рабочій день и повышеніе заработной платы на 10%. Рабочіе не соглашаются—требуютъ 8-ми час. раб. дня и повышенія заработной платы на 20%.

27-го содержатели аптекъ получили письма за подписью „революціоннаго комитета", въ которыхъ имъ грозятъ терроромъ если они не удовлетворятъ требованій фармацевтовъ По этому поводу Бундовская организація издала прокламацію, въ которой указываетъ на несовмѣстимость такихъ угрозъ съ соц.-дем. тактикой и находитъ, что такія пріемы только вредны.

Аресты продолжаются. Прибыли двѣ сотни казаковъ, которые разъѣзжаютъ по улицамъ.

Членъ организаціи.

Двинскъ. (17 февраля). Сегодня рабочіе всѣхъ фабрикъ заводовъ забастовали и устроили демонстрацію, въ которой приняли участіе и ученики реальнаго училища начиная съ пятаг класса. Всего участниковъ было до 3000 человѣкъ. Среди д монстрантовъ, а также среди публики были распростране прокламаціи, которыя открыто читались и передавались рукъ въ руки. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ бульваръ. Въ моментъ, когда собравшіеся хотѣли двинуться на Петербургскую улицу, бульваръ окружили казаки. Рабочіе имъ пригрозили и прошли. Выйдя на улицу они развернули красное знамя раздались возгласы „Долой самодержавіе! Долой войну!" и крике ура! Изъ рядовъ казаковъ раздались выстрѣлы. Демонстранты отвѣчали имъ тѣмъ же. Много раненыхъ. Есть арестованные. Ожидаются безпорядки и на завтра, а также и въ субботу 19-го.

Въ пятницу 18-го и въ субботу снова были демонстраціи. Въ пятницу опять на бульваръ собралось до 3000 человѣкъ оттуда направились къ тюрьмѣ. Вновь крики „Долой самодер жавіе!" огласили улицы. Демонстранты, послѣ того какъ был у тюрьмы, направились обратно къ бульвару. По дорогѣ полиція напала на нихъ, они же разбѣжавшись отъ нея, вновь собрались въ другомъ мѣстѣ, на той же улицѣ и продолжали крики „Долой самодержавіе!". Въ субботу демонстрація вышл грандіознѣе предыдущихъ. Было три знамени. Войско стрѣляло въ демонстрантовъ. Одного рабочаго убили, тогда товарищи подняли его окровавленную рубашку наравнѣ съ двумя знаменами, краснымъ и чернымъ съ надписью: „Слава борцамъ павшимъ въ бою!" Тѣло несли впереди, толпа же шла за нимъ. Такимъ образомъ обошли весь городъ и направились на кладбище. Одинъ изъ товарищей произнесъ очень прочувствованную хорошую рѣчь.

Сегодня, въ воскресенье стачка продолжается, всѣ лавк закрыты.

Харьковъ, 17 февраля. Нѣкоторые итоги забастовки. Владѣльц здѣшнихъ механическихъ заводовъ оказались очень ту на уступки по существеннымъ пунктамъ. Прежде всего н совѣщаніи они заявили, что „причина настоящихъ ст чекъ лежитъ внѣ заводовъ", т. е. въ политическихъ условіях

Русское Соціалъ-Демократическое Общество.
NEW YORK.
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 94. Четвергъ 25-го марта 1905 г. Годъ V

ЗАЯВЛЕНІЕ,

предложенное С.-Петербургской группой Р. С.-Д. Р. П. и принятое большинствомъ выборщиковъ въ коммиссію Шидловскаго.

Неслыханныя бѣдствія терзаютъ нашу родину. Второй годъ длится кровопролитнѣйшая, невиданная міромъ, война. Изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ истребляются сотни тысячъ жизней, погибающихъ во цвѣтѣ силъ и лѣтъ. Сотни тысячъ семействъ, лишенныхъ кормильцевъ, обрекаются на голодную смерть. Каждый выбитый изъ строя солдатъ — это пущенная по міру семья.

Хозяйственная жизнь страны пріостанавливается. Сокращается работа на фабрикахъ и заводахъ. Тысячи, десятки тысячъ рабочихъ выбрасываются на улицу. Земля, отъ которой отрывается работникъ-крестьянинъ, остается невоздѣланной. Насъ ждетъ еще такой голодъ, такой неурожай, какого даже наша многонавѣдавшая Русь не видала. Или смерть на войнѣ отъ непріятельской руки, или смерть здѣсь дома отъ голода и безработицы — вотъ участь милліоновъ нашего народа.

Кто вызвалъ эту ужасную войну? Кому она нужна была?

Единственнымъ ея виновникомъ мы считаемъ правительство. Оно вызвало войну, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ неурядицъ. Война ему понадобилась, чтобы блескомъ военной славы ослѣпить волнующуюся народную массу, чтобы громкими побѣдами заставить ее забыть о своихъ невзгодахъ и страданіяхъ.

Но правительство ошиблось въ разсчетѣ.

Какъ это случалось уже не разъ съ другими государствами, какъ это уже случилось съ Россіей въ Крымскую кампанію, война только обнаружила внутреннюю гниль, полную неспособность самодержавной бюрократіи управлять государствомъ. Милліарды денегъ она затрачивала на устройство и вооруженіе флота, на содержаніе безчисленнаго войска. По количеству солдатъ ни одна страна въ мірѣ не можетъ съ нами сравниться. И, тѣмъ не менѣе, съ самаго начала войны до настоящаго дня мы терпимъ пораженіе за пораженіемъ, одно крупнѣе другого. Маленькая Японія, населеніе которой въ три раза, а занимаемая площадь въ 50 разъ меньше Россіи, оказалась во много разъ сильнѣе первой, по военному могуществу, міровой державы..

И еще въ одномъ отношеніи ошиблось правительство. Народъ не забылъ своихъ страданій. Напротивъ. Война, увеличивая эти страданія, явилась могучимъ рычагомъ, развивающимъ его сознаніе. То, чего такъ не хотѣло правительство, наступило противъ его воли. Съ каждымъ днемъ умножается число тѣхъ, которые начинаютъ понимать, гдѣ корень нашихъ несчастій, кто виновникъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. И скоро не останется ни одного человѣка на Руси, который не зналъ бы имени этого виновника.... имя его — *самодержавіе*!

Сначала робко и одиноко, потомъ смѣлѣе, шире и требовательнѣе стали раздаваться голоса недовольства. Заговорила либеральная печать. Зашумѣли либеральные банкеты. Посыпались резолюціи отъ разнаго рода обществъ. Потребовали реформъ конституціи... „Всеподданѣйше припадая къ стопамъ его величества“, часть земскихъ учрежденій высказалась за реформы политической жизни, за земскій соборъ. О необходимости политической свободы заявили московское купечество и петербургскіе фабриканты. Всеобщей забастовкой поддерживаетъ свое требованіе коренного политическаго переустройства все русское студенчество.

Рѣшительнѣе и грознѣе всѣхъ высказался рабочій классъ. Первымъ поднялся петербургскій пролетаріатъ. А за нимъ съ поразительнымъ единодушіемъ выступили рабочія массы всей Россіи. Противъ всероссійскаго самодержца сталъ лицомъ къ лицу всероссійскій пролетаріатъ...

Злодѣйская бойня, устроенная правительствомъ въ отвѣтъ на мирное выступленіе рабочаго класса, превзошла всѣ его прежнія преступленія. Улицы почти всѣхъ городовъ Россіи снова, и на этотъ разъ обильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, оросились пролетарскою кровью. Тысячи убитыхъ, тысячи раненыхъ — вотъ чѣмъ заплатилъ рабочій классъ за попытку выразить свое недовольство.

Общее положеніе нашей родины таково: полное разстройство всей народно-хозяйственной и государственной жизни. Всѣ силы народныя истребляются двоякаго рода войной — войной внѣшней и внутренней; войной съ Японіей на далекихъ поляхъ Манчжуріи и войной съ русскимъ народомъ на нашихъ родныхъ нивахъ. На одной сторонѣ — самодержавное правительство, темная шайка грабителей, безжалостно расхищающихъ народное тѣло, на другой — весь русскій народъ и, какъ передовая его часть революціонный рабочій классъ Россіи.

Гдѣ выходъ изъ этого положенія? Какъ разрѣшить этотъ всеобщій государственный кризисъ?

Самодержавіе ищетъ этотъ выходъ въ разнаго рода коммиссіяхъ съ привлеченіемъ „свѣдущихъ лицъ изъ общества“. Сегодня оно устроило коммиссію „для составленія новаго устава о печати“, коммиссію „для разработки правилъ о полномочіяхъ правительственныхъ органовъ“. Завтра оно „учредитъ“ еще подобныя совѣщательныя коммиссіи. Такую же коммиссію, „для выясненія причинъ нашего недовольства“ послѣ кровавыхъ январьскихъ дней, правительство даровало рабочимъ. Страна жаждетъ безотлагательнаго и коренного политическаго переустройства, а правительство подобными полумѣрами хочетъ *примирить* съ собой негодующую народную совѣсть. Неспособность самодержавія сдѣлать что бы то ни было для блага родины стала ясна для всѣхъ, а оно все еще пытается удержать власть въ своихъ рукахъ. Самодержавіе научило насъ недовѣрчиво относиться къ его начинаніямъ. Если бы у насъ еще оставалась капля вѣры въ искренность правительства, то отвѣтъ его на требованія, выставленныя нами по поводу выборовъ депутатовъ въ коммиссію, открылъ глаза самому довѣрчивому изъ насъ. Мы требовали свободы предвыборной агитаціи, мы хотѣли столковаться о нашихъ нуждахъ. Намъ этого не дали. Мы требовали освобожденія нашихъ депутатовъ, — этого требованія не удовлетворили. Мы хотѣли прямыхъ и честныхъ выборовъ — ихъ намъ не дали. Еще и еще разъ самодержавіе показало, что, покуда оно существуетъ невозможны свобода мысли и слова, невозможна свобода отстаивать и защищать свои интересы.

Петербургскіе рабочіе рѣшили воспользоваться представившимся случаемъ, приглашеніемъ въ эту коммиссію, чтобы заявить черезъ насъ передъ лицомъ всей Россіи свои требованія. Мы боремся за восьмичасовой рабочій день, мы желаемъ фабричной инспекціи, составленной изъ представителей рабочаго класса, намъ нужно такое государственное страхованіе рабочихъ, при которомъ будутъ соблюдены ихъ интересы.

Далѣе мы требуемъ: немедленнаго прекращенія войны, свободы собраній, свободы устнаго и печатнаго слова, свободы союзовъ и стачекъ, свободы совѣсти и неприкосновенности личности и жилища, дарового всеобщаго народнаго образованія, мы требуемъ широкаго народнаго управленія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы, представители петербургскаго пролетаріата, непоколебимо убѣждены въ томъ, что единственный способъ удовлетворить всѣ эти требованія, какъ и единственный выходъ изъ современнаго политическаго положенія — немедленная передача государственной власти въ руки народа. Мы твердо увѣрены въ томъ, что единственнымъ спасителемъ нашей родины можетъ быть самъ народъ. Онъ самъ можетъ быть кузнецомъ своего счастья. Онъ долженъ взять свою судьбу въ собственныя руки.

Отъ имени насъ избравшихъ мы требуемъ немедленнаго созыва учредительнаго собранія, свободно избраннаго на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ. Только такое собраніе выработаетъ новый государственный порядокъ, въ которомъ рабочій классъ, вооруженный всѣми политическими правами, сумѣетъ повести дальнѣйшую борьбу за свое полное освобожденіе отъ всякаго рода гнета и эксплуатаціи, за освобожденіе всего человѣчества!

Долой самодержавіе!

Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе!

Да здравствуетъ демократическая республика!

Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія!

⁂

Политическое значеніе этого документа не нуждается въ объясненіяхъ. Большинство выбранныхъ петербургскимъ пролетаріатомъ представителей, съ которыми пролетаріатъ выразилъ свою полную солидарность, отвѣтивъ новыми массовыми стачками на отклоненіе правительствомъ ихъ ультиматума, — это большинство открыто и рѣшительно заявило о своемъ присоединеніи къ политической программѣ соціальдемократіи.

Этотъ актъ выбранныхъ представителей петербургскаго пролетаріата долженъ положить конецъ сомнѣніямъ въ томъ, сильно ли вліяніе соціальдемократіи на рабочія массы столицы? Чѣмъ менѣе способна партія *организаціонно* руководить всѣми проявленіями массоваго движенія при условіяхъ работы въ „подпольѣ“, тѣмъ знаменательнѣе тотъ фактъ, что *политическое* руководство массами нераздѣльно принадлежитъ ей.

Нельзя не подчеркнуть и того обстоятельства, что пріобрѣсти такое вліяніе на пролетарскія массы мѣстная партійная организація (Петерб. Группа) могла лишь постольку, поскольку она, не ограничиваясь критикой элементарныхъ формъ проявленія массоваго протеста въ январскіе дни, не устранялась отъ участія въ руководимомъ другими элементами („гапоновцами“) движеніи, стремясь подчинить его вліянію своихъ идей; поскольку, не увлекаясь соблазнительной перспективой „подготовленія и назначенія возстанія“, не призывала массы остановить разлившееся движеніе впредь до того момента, когда „у насъ все будетъ готово“, — старалась каждое стихійно возникающее активное движеніе массъ развить и расширить до политическаго протеста во имя выставленныхъ партіей лозунговъ борьбы; поскольку, наконецъ, воспользовалась „комедіей Шидловскаго“, не боясь того, что такая работа растратитъ силы партійной организаціи и тѣмъ, якобы, задержитъ подготовку партіи къ „послѣднему бою“.

Новую побѣду петербургскихъ товарищей — побѣду надъ правительственной реакціей, надъ зубатовскимъ „экономизмомъ“, надъ либеральнымъ „рабочелюбіемъ“ — партія должна использовать самымъ широкимъ образомъ въ цѣляхъ агитаціи. Манифестъ петербургскихъ выборщиковъ долженъ быть широко популяризованъ въ народѣ, и партія должна стремиться къ тому, чтобы къ этому документу присоединились сотни тысячъ пролетаріевъ провинціи.

ЦАРСКАЯ ВОЙНА И ЦАРСКІЙ МИРЪ.

Война или миръ? Этотъ вопросъ не сходитъ теперь со столбцовъ газетъ, онъ переворачивается на всѣ лады въ разговорахъ, служитъ предметомъ интервью съ „высокопоставленными“ лицами, и каждый день телеграфная проволока разноситъ во всѣ концы міра самыя противорѣчивыя, но всегда почерпнутыя изъ „вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ“, свѣдѣнія насчетъ намѣреній царскаго правительства. Это значитъ, что вопросъ о заключеніи мира сталъ очереднымъ вопросомъ, что отъ мира мы, быть можетъ, не такъ далеки, какъ это подчасъ кажется при чтеніи фанфаронадъ газетныхъ рептилій и интервьюируемыхъ „особъ“.

Дыму безъ огня не бываетъ, и самодержавіе отлично знаетъ, гдѣ тотъ огонь, на которомъ оно обожгло свои пальцы. Знаетъ это и вся Россія, ибо, къ несчастью, эти горящіе пальцы — живое тѣло народа, истекающаго кровью въ дикой бойнѣ, затѣянной во славу лѣсныхъ концессій царя, великихъ князей и ихъ фаворитовъ. Если вѣрить офиціальнымъ цифрамъ, опубликованнымъ въ Русскомъ Инвалидѣ, то уже болѣе 400000 выбитыхъ изъ строя стоили народу эти концессіи. Но, конечно, не размѣры этихъ потерь человѣческими жизнями заставляютъ царское правительство думать о мирѣ. Человѣческія жизни въ глазахъ царя и окружающей его клики такой дешевый матеріалъ, что правительству, конечно, никогда не пришло-бы въ голову экономить имъ, разъ дѣло идетъ о такихъ „священныхъ“ предметахъ, какъ царское лѣсопромышленное заведеніе на рѣкѣ Ялу.

Но есть цѣлый рядъ неустранимыхъ причинъ, которыя заставляютъ царизмъ серьезно подумать о томъ, какъ бы поскорѣе выпутаться изъ затѣянной имъ кровавой авантюры. Весь тихоокеанскій флотъ уничтоженъ, а составъ и качество вооруженной армады адмирала Рожественскаго заставляютъ опасаться, что одержанная уже ею первая побѣда при Гуллѣ, столь лестно оцѣненная международной коммиссіей, будетъ и послѣдней. А между тѣмъ безъ флота, болѣе того — безъ побѣды на морѣ, нельзя и думать о побѣдѣ на сушѣ.

Но и на сушѣ дѣла обстоятъ не лучше. Послѣ Ялу, Кинчжоу, Ляояна, Янтая, Портъ-Артура, Шахэ, Мукдена, Телина — отъ русской арміи остались лишь жалкіе обломки, усталые, иззябшіе, голодные, деморализованные. Всѣ военныя репутаціи — Стессель, Скрыдловъ, Куропаткинъ, Гриппенбергъ — подорваны, забрызганы грязью во взаимныхъ попрекахъ и разоблаченіяхъ. Не осталось ни одного имени, которое могло-бы внушить довѣріе арміи, и съ которымъ не связывалось-бы представленія о неспособности, тупости, казнокрадствѣ, трусости. Царскіе генералы слишкомъ хорошо чувствуютъ безнадежность положенія и потому, обливая другъ друга помоями, тщательно уклоняются отъ „чести“ главнокомандованія, навязывая ее сибирскому бурбону, который всей военной наукѣ японскаго главнаго штаба можетъ противопоставить одну только россійскую „лихость“. А между тѣмъ японская армія гонится за русской по пятамъ, обходитъ ее.

И съ какими мыслями, съ какимъ настроеніемъ идутъ царскія войска въ бой? Можно поручиться, что по крайней мѣрѣ половина солдатъ и офицеровъ совершенно отчетливо сознаютъ истинную цѣну тѣхъ лѣсныхъ „священныхъ благъ“, во имя которыхъ гонятъ людскія стада на убой. Съ такими мыслями, во имя такого знамени не одерживаютъ побѣдъ!

О сколько-нибудь значительномъ усиленіи арміи и думать нельзя. Провозная способность сибирской дороги мала, а благодаря потерѣ огромнаго количества съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, пушекъ, аммуниціи и пр. въ Мукденѣ, ее приходится загромождать грузами. Но мало того. Вопреки тѣмъ милліонамъ солдатъ, которые находятся въ „распоряженіи“ царя на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ онъ не можетъ отправлять теперь много новыхъ войскъ на Востокъ. Возстаніе городское и сельское, охватившее почти всю Россію, вспыхивающее то тутъ то тамъ, требуетъ огромнаго количества войскъ для войны внутренней и заставляетъ отодвигать на задній планъ войну внѣшнюю. Впрочемъ, обѣ войны имѣютъ въ виду одну цѣль — сохраненіе и укрѣпленіе самодержавія, и потому весьма естественно, что царю незачѣмъ посылать свое воинство за тридевять земель, когда въ исконныхъ россійскихъ Горѣловкахъ и Нелѣловкахъ такъ много простора для подвиговъ во славу престолъ-отечества. Почти ежедневно пестрятъ газеты извѣстіями, что та или другая часть войска, предназначенная къ отправкѣ на Дальній Востокъ, была задержана для усмиренія „любезныхъ вѣрноподанныхъ“. Говорятъ о новой мобилизаціи. Еще вопросъ, будетъ-ли она дѣйствительно объявлена, и не есть ли это — одинъ изъ тѣхъ „грозныхъ“ слуховъ, распуская которые, царское правительство, съ той наивной вѣрой въ чужую глупость, которая иногда встрѣчается у испытанныхъ мошенниковъ, силится придать себѣ страшный видъ, думая такимъ образомъ ввести въ обманъ добрыхъ людей и выторговать лучшія условія мира. Не говоримъ уже о томъ, что вновь мобилизуемыя войска могли-бы прибыть на театръ войны въ лучшемъ случаѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Но если мобилизація и будетъ объявлена, то можно уже теперь сказать, что она далеко не дастъ царскому правительству тѣхъ силъ, о которыхъ оно разглагольствуетъ. Изо дня въ день приходятъ вѣсти объ отказѣ регулярныхъ войскъ идти на войну. Можно предвидѣть, что огромное число запасныхъ вовсе не явится къ призыву, а явившись, откажется идти на войну. Новой мобилизаціей самодержавіе навяжетъ себѣ на шею столько хлопотъ съ призванными подъ знамена запасными, что, пожалуй, эти хлопоты потребуютъ большей затраты силъ, чѣмъ дастъ сама мобилизація. Но болѣе того. Мобилизація теперь, когда вся страна превратилась въ пороховой погребъ, готовый вспыхнуть отъ малѣйшей искры, можетъ вызвать страшный взрывъ народнаго гнѣва и послужить исходной точкой революціоннаго подъема, который въ щепки разнесетъ тронъ самодержца.

Наконецъ, и денежныя средства царизма иссякаютъ. Иностранные кредиторы наотрѣзъ отказались ссужать новые милліоны сомнительному самодержавному должнику, и черствое сердце французскихъ денежныхъ мѣшковъ съ полнымъ равнодушіемъ относится къ горькимъ попрекамъ въ „измѣнѣ“ былой „дружбѣ“. На 8 милліардовъ франковъ продало русскаго народа самодержавіе французскимъ „друзьямъ“; но теперь и „друзья“ увидѣли, что дальше распродавать Россію въ сколько-нибудь солидныхъ размѣрахъ — уже не во власти царизма, ибо Россія явно выходитъ изъ рабства. Двери заграничныхъ банковъ захлопнулись передъ русскимъ царемъ, чтобы съ тѣмъ большею предупредительностью настежь раскрыться передъ побѣдоносным японскимъ Микадо. Царскому правительству осталось только обратиться къ внутреннему займу, дѣйствительныя условія котораго, особенно размѣры „вознагражденія“, получаемаго банками, столь чудовищны, что тщательно скрываются отъ нескромныхъ взоровъ. Но дѣлать внутренній заемъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, значитъ чинить кафтанъ по образцу знаменитаго Тришки. Если даже г. г. купцы, требовавшіе „участія народныхъ представителей въ контролѣ за государственнымъ бюджетомъ“, не устоятъ передъ соблазномъ тѣхъ милліоновъ, которые даруются имъ на счетъ народа „по случаю“ займа, и продадутъ за эту золотую синицу тощаго журавля своего либерализма, то можно во всякомъ случаѣ предвидѣть, что въ карманъ правительства попадетъ въ дѣйствительности лишь ничтожная доля тѣхъ 200 милліоновъ, которые придется уплатить народу, если только онъ захочетъ платить всѣ тѣ долги, которые оставитъ ему въ наслѣдство промотавшееся самодержавіе..

И такъ вотъ положеніе: ни флота, ни арміи, ни денегъ; рабочее возстаніе, крестьянское возстаніе, возстаніе на окраинахъ; полная дезорганизація въ правительственной верхушкѣ, дезорганизація въ земствѣ, въ городскомъ самоуправленіи, во всемъ обществѣ. Съ такимъ капиталомъ войнъ вести нельзя. И какъ ни парадируетъ самодержавіе своею „твердою“ рѣшимостью продолжать войну „во что-бы то ни стало“, никто не можетъ уже обманываться насчетъ того, что въ дѣйствительности оно очень и очень серьезно подумываетъ о мирѣ. Разные сенсаціонные слухи, пускаемые чуть не каждый день о посредничествѣ то Германіи, то Англіи, то Франціи, то Соединенныхъ Штатовъ — это пробные шары. Подозрительная свобода, которую самодержавные держиморды предоставляютъ россійской прессѣ въ обсужденіи вопроса о мирѣ и его условіяхъ, — это средство нащупать почву. Самодержавіе предало народъ, когда затѣяло въ *своихъ* интересахъ войну. Теперь оно собирается снова предать его, заключивъ въ *своихъ* интересахъ миръ.

Съ самаго начала войны соціальдемократія требовала мира. Она не перестаетъ требовать его теперь, и не перестанетъ, доколѣ длится преступная война. Но миръ, котораго требовала и требуетъ соціальдемократія, это — не тотъ миръ, который хочетъ и можетъ заключить самодержавіе. При заключеніи мира самодержавіе будетъ заботиться объ одномъ: о своемъ собственномъ сохраненіи и укрѣпленіи, о томъ же, о чемъ оно заботилось, вовлекая страну въ ужасную войну. Оно не остановилось передъ колоссальными жертвами народною кровью и достояніемъ при объявленіи войны; не остановится оно и передъ пожертвованіемъ всѣми интересами народа при заключеніи мира: разореніе всей страны, огромное бремя долговъ, остановка всего хозяйственнаго развитія страны, увѣковѣченіе крестьянскихъ голодовокъ, — все это въ глазахъ самодержавія ничто, если жертвы эти приносятся на его алтарь. Соціальдемократія требуетъ другого мира. Странѣ приходится расплачиваться за преступленія царизма, ей приходится нести жертвы за грѣхи его. Соціальдемократія требуетъ, чтобы эти жертвы были сведены до возможнаго минимума. Единственная цѣль, которой самодержавіе все подчинитъ при заключеніи мира —

это самосохраненіе. Соціальдемократія же требуетъ, наоборотъ, чтобы самодержавіе прежде всего пало жертвой войны, потому что паденіе его облегчитъ странѣ бремя тѣхъ жертвъ, которыя неизбѣжно падутъ на нее въ результатѣ преступной и позорной войны, затѣянной царизмомъ.

Война не знаетъ сантиментальности. Не знаетъ ее и побѣдитель. Онъ беретъ отъ побѣжденнаго все, что можетъ. Чѣмъ сильнѣе побѣжденный, тѣмъ меньше жертвы, требуемыя отъ него побѣдителемъ. Но самодержавіе — это полный маразмъ Россіи, и при сохраненіи его нѣтъ мѣры тому вознагражденію, которое потребуетъ побѣдоносная Японія. Мнимо конституціонная монархія — это слабость Россіи, и потому при сохраненіи монархіи, странѣ придется расплачиваться въ усиленномъ размѣрѣ за пораженіе самодержавныхъ авантюристовъ. Демократическая республика — это сила Россіи, это — свобода для несвязаннаго никакими путами развитія классовой борьбы, а слѣдовательно, для максимальнаго, при условіяхъ капиталистическаго хозяйства, развитія производительныхъ силъ страны, для максимальнаго, въ обстановкѣ классового государства, развитія всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ рессурсовъ ея; и потому демократическая республика обезпечиваетъ наиболѣе выгодныя для страны, наиболѣе „почетныя“ условія мира. Можно поручиться, что воинствующая японская буржуазія съ безконечно большимъ удовольствіемъ встрѣтила бы миръ, заключенный самодержавіемъ, чѣмъ миръ, заключенный россійской демократической республикой, и въ этомъ отношеніи чувство горячей симпатіи объединяетъ японскаго царя съ россійскимъ микадо. Какъ русскій царь поддерживаетъ господство турецкаго султана, потому что ему выгодна слабость Турціи, такъ японскій микадо будетъ готовъ поддерживать господство русскаго самодержца, потому что ему выгодна слабость Россіи.

Но тѣ колоссальныя жертвы, которыя народъ уже понесъ въ затѣянной царизмомъ войнѣ, и тѣ огромныя усилія, которыя онъ уже сдѣлалъ въ борьбѣ за миръ, не должны повести къ усиленію царизма и къ ослабленію всѣхъ силъ страны. „Да здравствуетъ миръ! и — долой самодержавіе! — эти два лозунга должны отнынѣ неразрывно сплестись въ нашей агитаціи“, писали мы при полученіи извѣстія объ объявленіи войны (Искра № 58) и то же самое можемъ повторить и теперь. Соціальдемократія требуетъ мира во что бы то ни стало! Это значитъ прежде всего: она требуетъ сверженія самодержавія во что бы то ни стало! Долой самодержавіе! — это первое условіе того мира, котораго соціальдемократія всѣми силами добивается и будетъ добиваться.

Итакъ, соціальдемократія всѣ усилія должна употребить, чтобы заставить прекратить войну; но точно такъ же должна она употребить всѣ усилія, чтобы не самодержавіе заключало миръ. Скорѣйшее сверженіе самодержавія — вотъ единственное разрѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ, которое приведетъ къ наиболѣе благопріятнымъ результатамъ для развитія всей страны вообще и для интересовъ пролетаріата въ особенности. Тяжесть войнъ, которыя ведетъ буржуазія, тяжесть того „почетнаго“ мира, который она можетъ заключить при пораженіи, тоже падаетъ почти цѣликомъ на плечи рабочаго класса; но еще въ большей мѣрѣ падаетъ на его плечи тяжесть войны и мира самодержавія, ибо двойной грузъ — и самодержавія и имущихъ классовъ — ложится на него. Самодержавіе можетъ укрѣпить свою позицію при заключеніи мира лишь на счетъ трудящихся классовъ, и на ихъ же счетъ покроетъ буржуазія тѣ убытки, которыми грозитъ ей миръ, заключенный царизмомъ. Нести двойную тяжесть значитъ для пролетаріата совершенно напрасно расплачиваться слишкомъ дорогой цѣной за ту войну, которая кромѣ жертвъ ничего ему не дала и не могла дать. Если ему суждено еще нести тяжелыя цѣпи капиталистической эксплуатаціи, то его собственные интересы настоятельно требуютъ, чтобы онъ поспѣшилъ мощнымъ революціоннымъ порывомъ сбросить съ себя ржавыя оковы самодержавія.

Быть можетъ, царское правительство все же успѣетъ заключить миръ до своего паденія. Но тогда самыя условія заключеннаго имъ мира, который не можетъ не быть разорительнымъ для всей страны, дадутъ огромный толчокъ революціи. Быть можетъ, и многіе признаки говорятъ за это, царское правительство попытается прикрыть свой постыдный миръ авторитетомъ подтасованнаго „народнаго представительства“ — Земскаго Собора, составленнаго изъ креатуръ царизма, назначенныхъ министрами, или выбранныхъ имущими классами. Въ такомъ случаѣ соціальдемократія заранѣе объявитъ измѣнникомъ народу и предателемъ всякаго, кто посмѣетъ отъ имени народа вступать въ позорную сдѣлку съ самодержавіемъ. Рабочій классъ возложитъ всю моральную и матеріальную отвѣтственность за условія мира на членовъ этого Земскаго Собора, и революція потребуетъ и ихъ вмѣстѣ съ самодержавіемъ къ отвѣту.

Немедленный созывъ Учредительнаго Собранія, свободно выбраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, для заключенія мира — вотъ чего добивается соціальдемократія. И отъ Учредительнаго Собранія же потребуетъ революціонный пролетаріатъ такого рѣшенія вопросовъ о государственныхъ долгахъ, о распредѣленіи налоговъ, о конфискаціи имѣній и капиталовъ, принадлежащихъ царской фамиліи, удѣламъ, церквамъ, монастырямъ и всѣмъ лицамъ, виновнымъ въ затѣянной войнѣ, которое облегчитъ бремя жертвъ, возложенныхъ царской войной, царскимъ пораженіемъ и попустительствомъ имущихъ классовъ на все трудящееся населеніе Россіи.

ГАПОНЪ И ОБЪЕДИНЕНІЕ РУССКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ.

Въ № 73 Leipziger Volkszeitung помѣщена слѣдующая замѣтка:

Въ послѣднемъ № Vorwärts'а помѣщено воззваніе священника Гапона, опубликованное Международнымъ Секретаріатомъ въ Брюсселѣ, воззваніе, въ которомъ Гапонъ приглашаетъ различныя соціалистическія организаціи Россіи объединиться. Нужна вся та наивность, которую Гапонъ уже успѣлъ проявить до настоящаго времени, чтобы взяться за объединительныя дѣйствія человѣку, который самъ узналъ кое-что о соціализмѣ лишь нѣсколько недѣль тому назадъ. Но я думаю, что Международный Секретаріатъ, страннымъ образомъ присваивающій себѣ теперь званіе Исполнительнаго Комитета Международнаго Соціалистическаго Бюро, рѣшительно выходитъ изъ предѣловъ своихъ полномочій, когда дѣлаетъ себя глашатаемъ Гапона.

Нѣтъ ничего легче, какъ высказывать пожеланія объединенія. Это можно дѣлать безъ малѣйшаго намека на знаніе положенія дѣлъ. Но для того, чтобы попытка объединенія достигала своей цѣли, ея первой предпосылкой должно быть созданіе той основы, на которой объединеніе могло бы состояться, а это въ свою очередь предполагаетъ самое точное знаніе разногласій, ихъ причинъ, равно какъ и той политики, которая дѣйствительно необходима. Международный Секретаріатъ указываетъ на объединеніе французовъ, но оно было бы невозможно, если бы Амстердамскій конгресъ ограничился только пожеланіями объединенія, а не положилъ бы своею резолюціей дѣйствительныхъ основъ для него. Предложить такія основы для объединенія русскихъ организацій Гапонъ точно такъ же совершенно не въ силахъ, какъ и Международный Секретаріатъ.

Ихъ воззванія (Enunziationen) могутъ имѣть лишь одно только дѣйствіе — ввести въ заблужденіе товарищей, стоящихъ далеко отъ русскихъ отношеній, насчетъ сущности разногласій между различными русскими соціалистическими партіями, разногласій, которыя частью уже преодолѣны, частью, поскольку они болѣе глубокаго характера, тѣмъ не менѣе не мѣшали и не мѣшаютъ имъ идти рядомъ въ общей борьбѣ.

Vorwärts перепечатываетъ сообщеніе Международнаго Секретаріата, не высказывая своего собственнаго мнѣнія, но приводитъ при этомъ цитату изъ Органа Соціалистовъ-Революціонеровъ, изъ которой явствуетъ, что послѣдніе всегда готовы соединиться.

Такая ссылка можетъ имѣть лишь одну цѣль — представить *другія* соціалистическія организаціи,—соціальдемократическія— препятствующими этому объединенію. Vorwärts остается здѣсь вѣренъ своимъ старымъ воззрѣніямъ — или, чтобы не быть ни къ кому несправедливымъ, воззрѣніямъ нѣкоторыхъ своихъ редакторовъ, съ точки зрѣнія которыхъ при разногласіяхъ между соціалистами марксисты всегда являются нарушителями мира.

К. Каутскій.

Къ этой замѣткѣ Каутскій присоединяетъ слѣдующее примѣчаніе:

Эта замѣтка была мною сначала послана въ Vorwärts, но редакція отказалась помѣстить ее. Я упоминаю объ этомъ не за тѣмъ, чтобы жаловаться на редакцію Vorwärts'а, въ лояльности которой я не имѣю причинъ сомнѣваться, но лишь съ цѣлью предупредить вопросъ, почему свое возраженіе я не помѣщаю въ самомъ Vorwärts'ѣ. Я не могу однако понять основаній ея отказа. Редакція полагаетъ, что: — „было бы несправедливостью по отношенію къ Международному Бюро, членомъ котораго Вы состоите, помѣщать Вашу жалобу въ Vorwärts'ѣ, не сдѣлавъ предварительной попытки представить ее непосредственно въ Комитетъ“. Не говоря уже о томъ, что я только секретарь нѣмецкихъ членовъ бюро, но не членъ самого Бюро, я направляю свою замѣтку не противъ Международнаго Бюро, но противъ Международнаго Секретаріата, опубликовавшаго воззваніе Гапона, не предувѣдомивъ Бюро. Члены Бюро обязаны по отношенію къ Секретаріату не большимъ уваженіемъ, чѣмъ Секретаріатъ по отношенію къ членамъ Бюро. Тѣмъ не менѣе, я дождался бы ближайшаго съѣзда Международнаго Бюро (вѣроятно въ апрѣлѣ 1906 г.), чтобы внести въ него мою жалобу, если бы дѣло шло только о формальномъ вопросѣ компетенціи. Но въ мое намѣреніе прежде всего входитъ вовсе не оспариваніе компетенціи Международнаго Секретаріата, а лишь желаніе помѣшать тому, чтобы воззванія Гапона съ прибавленіемъ Vorwärts'а были использованы во вредъ русской соціальдемократіи, создавая противъ нея настроеніе. А такая вещь не терпитъ отлагательства и должна быть обсуждена публично. Воззваніе Гапона, опубликованное Международнымъ Секретаріатомъ, я читалъ еще раньше, но не считалъ себя вынужденнымъ протестовать противъ него. Благодаря однако, добавленію Vorwärts'а оно пріобрѣло характеръ чего то направленнаго противъ русской соціальдемократіи, и можно было опасаться, что, оставленное безъ *возраженія, оно могло бы быть использовано противниками нашихъ русскихъ товарищей,* подобно прежнимъ замѣчаніямъ Vorwärts'а, какъ мнѣніе нѣмецкой соціальдемократіи. Поэтому, *въ интересахъ русской соціальдемократіи*, я взялся за перо и полагаю существеннымъ, чтобы мое краткое возраженіе появилось *возможно скорѣе*, прежде чѣмъ замѣтка Vorwärts *нашла бы* себѣ путь въ русскую заграничную прессу. Поэтому же, я отказываюсь входить въ дальнѣйшіе переговоры съ Vorwärts'омъ или приводить въ движеніе аппаратъ его Presskommission. Я слишкомъ занятъ, чтобы быть въ состояніи безъ нужды посвящать много времени подобнымъ переговорамъ, тѣмъ болѣе, что опубликованіемъ своей замѣтки въ Leipziger Volkszeitung я могу безпрепятственно достигнуть своей цѣли: защитить русскую соціальдемократію отъ несправедливаго упрека, будто бы она въ настоящій важный моментъ легкомысленно раскалываетъ фаланги русскихъ бойцовъ за свободу и не исполняетъ своей обязанности въ той великой борьбѣ, которая теперь ведется за новую Россію.

К. К.

Отъ редакціи. Пользуемся случаемъ, чтобы повторить, что заявленіе въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ соц.-дем. газетахъ о присоединеніи Гапона къ соціальдемократіи было нами сдѣлано по лично выраженному желанію самого Гапона. „Рев. Россія“ сопоставила это наше сообщеніе съ упомянутымъ въ статьѣ Каутскаго письмомъ Гапона въ международное бюро, въ которомъ бывшій священникъ заявляетъ, что не присоединяется ни къ какой опредѣленной фракціи. „Рев. Россія“ ни въ какія разсужденія по этому поводу не вдалась. Не такъ поступилъ органъ великолѣпнаго Бонча-Бруевича: ему показалось умѣстнымъ сдѣлать поучительный выводъ о томъ, что сообщеніе „Искры“ оказалось „чистѣйшимъ вымысломъ“. Насъ не удивляетъ удовольствіе безпринципнаго органа по тому поводу, что новый русскій революціонеръ не пожелалъ, въ концѣ концовъ, связать себя принципами соціальдемократіи. Относительно же „вымысла“ дѣло обстоитъ такъ: въ распоряженіи редакціи есть неоспоримыя данныя въ пользу того, что Г. Гапонъ, уже послѣ сообщенія въ нѣмецкихъ газетахъ, признавалъ себя „исповѣдующимъ принципы соціальдемократіи“.

ПАРТІЙНЫЙ СЪѢЗДЪ ИЛИ СЪѢЗДЪ КРУЖКОВЪ?

Какъ ни странно въ такой моментъ, какъ переживаемый нынѣ, снова поднимать „внутри-партійные“ вопросы, но дѣлать нечего: на очередь опять становится вопросъ о созывѣ партійнаго съѣзда.

Не стану повторять здѣсь тѣхъ аргументовъ, которые изложены въ резолюціи совѣта и которые, по моему мнѣнію, остаются непоколебимыми. Какъ ни плохо наше внутреннее положеніе, какъ ни плохо мы организованы (особенно въ сферѣ центральной организаціи практической дѣятельности) и какъ ни много, поэтому, теряемъ мы въ дѣлѣ положительной работы тамъ, на мѣстахъ, — все же русскій пролетаріатъ не можетъ сказать, чтобы партія вовсе отсутствовала въ моменты, когда онъ вступаетъ въ активную революціонную борьбу. Но что случится, когда во время, подобное нынѣшнему, лучшіе мѣстные работники на мѣсяцъ-другой отойдутъ отъ работы, чтобы участвовать въ трудахъ съѣзда — это представить себѣ можетъ только тотъ, кто знаетъ, въ какомъ безпомощномъ положеніи очутилась партія во время лѣтнихъ стачекъ 1903 г. И товарищи, идущіе (часто въ разсчетѣ, что это „послѣднее средство“) на такой рискъ, должны сдѣлать все возможное, чтобы обезпечить максимумъ шансовъ на плодотворность работъ съѣзда.

И, прежде всего, должны быть приняты всѣ мѣры, чтобы съѣздъ не былъ заполненъ пустяками организаціонной распри. Потрясти всю партійную организацію громадной затратой времени, средствъ и энергіи, чтобы погрязть затѣмъ въ дебряхъ „впередовскихъ“ вопросовъ — было бы чистымъ сумасшествіемъ. Къ несчастью, для небольшой, но шустрой группы самыхъ отсталыхъ членовъ нашей партіи весь интересъ съѣзда къ этому погруженію и сводится. Если бы это было не такъ, она не преминула бы воспользоваться извѣстнымъ предложеніемъ А. Бебеля, чтобы *подготовить къ съѣзду* схему возможнаго соглашенія между рѣзко расколовшимися партійными фракціями. Французскіе жоресисты, сказавшіеся болѣе европейцами, чѣмъ такъ похожіе на нихъ во многомъ наши „ленинцы“, иначе, однако, отнеслись къ предложенію тѣхъ же нѣмецкихъ товарищей. Они не отвергли предложенной гедистами, черезъ посредство германскихъ товарищей, конференціи и, при помощи Бебеля и другихъ вождей германскаго пролетаріата, заключили проектъ соглашенія съ гедистами, который „объединительному“ съѣзду, имѣющему быть черезъ мѣсяцъ, останется только санкціонировать. Такъ поступаютъ европейцы.

Отказавшись отъ услугъ Бебеля, фракція Галерки и Бонча Бруевича непремѣнно хочетъ расхитить и непроизводительно затратить громадное количество времени у III съѣзда. Это тѣмъ болѣе досадно, что, если уже состоится III съѣздъ, ему придется непремѣнно самымъ внимательнымъ образомъ обсудить рядъ весьма важныхъ *политическихъ* вопросовъ, въ разрѣшеніи которыхъ, дѣйствительно, заинтересованъ весь организованный пролетаріатъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, та-же фракція усиленно подготовлялась къ тому, чтобы обезпечить для съѣзда такой составъ, который бы былъ пригоденъ для указанной игры въ организаціонно-кружковыя бирюльки. Ни для кого не тайна, что въ цѣломъ рядѣ комитетовъ вотъ уже цѣлый годъ только почти и занимаются, что „раскассированіемъ“ организованнаго пролетаріата ради одной спеціальной цѣли — сохранить мандатъ для съѣзда за опредѣленной группкой. Работа эта, какъ извѣстно, увѣнчалась столь блестящимъ успѣхомъ, что во всѣхъ почти главныхъ центрахъ, рядомъ съ „твердокаменными“ комитетами, образовались разныя „группы“, составившіяся изъ разнаго рода „изгоевъ“, причемъ эти группы *всегда* гораздо сильнѣе, многочисленнѣе и вліятельнѣе комитетовъ и несутъ на себѣ всю тяжесть дѣйствительнаго руководства движеніемъ массъ. Чтобы не быть голословнымъ, достаточно напомнить, что въ памятные январьскіе дни всѣ успѣхи соціальдемократической агитаціи во время массового стихійнаго подъема петербургскаго пролетаріата явились результатомъ энергичной работы „группы“, и эта же группа въ послѣднее время съумѣла закончить кампанію по поводу коммиссіи Шидловскаго блестящимъ успѣхомъ — принятіемъ со стороны большинства выборщиковъ печатаемаго въ этомъ № „Манифеста“, которое означаетъ принципіальное присоединеніе большинства этихъ свободно-выбранныхъ представителей 100 тысячъ рабочихъ къ нашей партіи. Неудивительно, что петербургская „группа“ объединяетъ въ своей организаціи вдвое большее количество рабочихъ (около 500), чѣмъ оффиціальный комитетъ; превосходство ея организаторскихъ, пропагандистскихъ и агитаторскихъ силъ еще болѣе значительно. То, что наблюдается въ Петербургѣ, мы встрѣчаемъ и въ другихъ городахъ. Въ Ригѣ вынужденная отойти отъ комитета группа въ короткое время организуетъ до 300 рабочихъ (у комитета ихъ гораздо меньше) и сейчасъ же по своемъ возникновеніи оказывается во главѣ стачки русскихъ рабочихъ, среди которыхъ за годъ своего существованія комитетъ не пріобрѣлъ прочныхъ связей. Въ Баку декабрьская всеобщая стачка не только подготовлена „Балаханской и Биби-Эйбатской организаціей“, составившейся изъ товарищей, „раскассированныхъ“ комитетомъ, но и проведена ею же, вопреки активному противодѣйствію комитета, который „увлекся“ до того, что заключилъ, за спиной организаціи, съ капиталистами-нефтепромышленниками договоръ о прекращеніи стачки на самыхъ жалкихъ условіяхъ и „предписалъ“ стачечникамъ принять эти условія. Десятки тысячъ стачечниковъ отказались и *черезъ три дня* черезъ посредство *своей* организаціи получили отъ Совѣта нефтепромышленниковъ гораздо болѣе выгодныя условія соглашенія (см. брошюру „Бакинская стачка“, а также „Послѣднія извѣстія“ и органъ Р. У. П. „Праця“). Послѣ этого подвига комитетъ еще разъ объявилъ пролетарскую организацію „незаконной“, но отъ гнѣва комитетчиковъ ее спасла... бакинская бойня, организованная правительствомъ: владѣвшая массами организація, потерявшая при сопротивленіи убійцамъ нѣсколькихъ товарищей, не замедлила отвѣтить на бойню призывомъ къ всеобщей стачкѣ и увлекла за собой всѣ революціонные и оппозиціонные элементы города приступивъ къ политическимъ митингамъ. Комитетъ понялъ, что необходимо идти рядомъ съ организаціей и вошелъ съ ней въ соглашеніе. — Въ Екатеринославѣ, какъ всѣ знаютъ, „твердокаменный“ комитетъ просто сошелъ со сцены, когда пришло извѣстіе о 9-мъ января: ему нечего было дѣлать съ массой, съ которой онъ, благодаря убійственному методу „раскассировки“, успѣлъ порвать всѣ связи. Комитетская „печать“, благодаря этому честному поступку, перешла въ руки работавшихъ въ массѣ „меньшевиковъ“, использовавшихъ стачечные дни, какъ слѣдуетъ соціальдемократамъ. Въ Николаевѣ, давней „твердынѣ“ впередовцевъ, точно также съ началомъ массовой стачки комитетъ оказывается въ рукахъ „меньшевиковъ“. Въ Одессѣ изгнанные изъ комитетской организаціи „меньшевики“ и „примиренцы“, образовавъ группу въ январѣ, уже черезъ два мѣсяца стали во много разъ сильнѣе комитета и распространили въ массахъ за это время въ нѣсколько разъ больше прокламацій, чѣмъ комитетъ. Въ Москвѣ „меньшевисты“ и „примиренцы“, оживившіе всю работу въ январѣ, теперь подвергаются турецкимъ, виноватъ! одесско-бакинскимъ „звѣрствамъ“ со стороны твердаго комитета, который считаетъ (см. № 93) долгомъ тратить свою драгоцѣнную энергію на то, чтобы препятствовать развитію стачечнаго и политическаго движенія массъ, такъ какъ... стачки и манифестаціи мѣшаютъ „готовить возстаніе“ (за чашкой чая!). Можно привести 2—3 мѣста, гдѣ „твердокаменные“ товарищи далеки отъ столь преступнаго отношенія къ интересамъ движенія и работаютъ очень хорошо (Тверь, Батумъ, Кутаисъ). Но исключенія только подтверждаютъ правило. При лучшихъ намѣреніяхъ руководить пролетаріатомъ, наши „впередовцы“ съумѣли только дезорганизовать мѣстную работу, оттолкнуть не малую часть пролетаріевъ отъ соціальдемократіи и свести свою дѣятельность къ самому жалкому „кустарничеству“. Они сами отлично понимаютъ это и, выискивая виноватыхъ въ своихъ работающихъ противникахъ, апеллируютъ къ съѣзду, который уладитъ какъ-нибудь споръ и реорганизуетъ и партію, и ея работу. И, дѣйствительно, съѣздъ могъ бы сдѣлать и то, и другое, но онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать ни того, ни другого, если въ немъ не будутъ представлены тѣ, которые, при равныхъ условіяхъ, все же сумѣли — несмотря на страданія, коимъ подвергался въ теченіе года Н. Ленинъ — и руководить стачками, и расширять сферу вліянія соціальдемократіи, и организовывать пролетаріатъ.

Обязательное участіе, рядомъ съ оффиціальными комитетами, энергично работающихъ въ тѣхъ же мѣстахъ „группъ“ и „организацій“ является однимъ изъ основныхъ условій, обезпечивающихъ самую возможность плодотворныхъ работъ 3-го съѣзда.

Но этого мало. Рядомъ съ „правоспособными“ комитетами (33) и параллельными имъ группами, въ партіи есть до 20 организацій въ мѣстахъ, не имѣющихъ „правоспособныхъ“ комитетовъ. При нормальныхъ условіяхъ партійной жизни, отсутствіе голоса этихъ организацій не отразилось бы особенно вредно: съ одной стороны, онѣ могли бы положиться на то, что коллективное обсужденіе представителей 30 организацій вынесетъ рѣшенія, болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительной волѣ дѣйствительнаго большинства, съ другой стороны, ихъ собственное мнѣніе до извѣстной степени было бы представлено Ц. К—омъ, какъ учрежденіемъ, реально связывающимъ каждую такую организацію съ партіей въ цѣломъ. Но при условіяхъ ненормальныхъ (а таковы нынѣшнія условія партійной работы), къ несчастью, партія не можетъ довѣрять безусловно тому, что представители *большинства* организацій дадутъ въ суммѣ то же среднее, что и представители *всѣхъ* организацій: слишкомъ ужъ успѣли „принципіальные“ сторонники раскола „закрѣпить“ каждаго отдѣльнаго члена партіи, каждую отдѣльную группу за той или другой абсолютной позиціей. И въ то же время — нечего скрывать это — нашъ русскій центръ слишкомъ мало связалъ съ собой всѣ эти организаціи, чтобы онѣ чувствовали себя реально представленными въ его лицѣ. Фактъ грустный, но фактъ. А, между тѣмъ, въ числѣ указанныхъ организацій есть такія, которыя объединяютъ и реально объединяютъ очень солидное количество пролетаріевъ-соціальдемократовъ и ведутъ очень интенсивную работу. Организаціи въ Елисаветградѣ, Херсонѣ, Кременчугѣ, Бердичевѣ, Умани, Черниговѣ, Сумахъ (не говоря уже объ организаціи гурійскихъ крестьянъ), а также недавно вступившая въ партію украинская организація (Спілка) не могутъ быть просто обойдены при опредѣленіи партійнаго мнѣнія. По реальной своей силѣ, по интенсивности работы, нѣкоторыя изъ этихъ организацій неизмѣримо сильнѣе такихъ „законныхъ" комитетовъ, какъ Уральскій, Сѣверный, Рижскій, а, пожалуй, какъ и Одесскій.

Я здѣсь подхожу къ основному вопросу, который надо радикально рѣшить, прежде чѣмъ возлагать какія нибудь надежды на 3-й съѣздъ. Совершенно очевидно — и не много найдется такихъ слѣпыхъ, которые *теперь* рѣшились бы оспорить противъ этого, — совершенно очевидно, что между *дѣйствительной* партіей и той партійной организаціей, которая опредѣлена рамками *устава*, образовалось колоссальное несоотвѣтствіе. Двѣсти (примѣрно) „комитетчиковъ" — членовъ „правоспособныхъ" организацій — менѣе, чѣмъ когда либо, могутъ теперь выразить коллективную волю партіи, объединяющей нѣсколько тысячъ революціонныхъ работниковъ — всей этой массы агитаторовъ, организаторовъ, пропагандистовъ, техниковъ, выполняющихъ дѣйствительную работу Партіи. И всего менѣе эти комитетчики могутъ „отвѣчать" за организованный пролетаріатъ, составляющій большинство членовъ партіи. Среди организованныхъ пролетаріевъ сложилось уже достаточно опредѣленное отношеніе къ тому вершенію судебъ партіи кучкой интеллигентовъ, менѣе всего связанныхъ съ массой, которое представляетъ собой отличительную черту разныхъ „твердыхъ курсовъ". И члены партіи, дорожащіе ея судьбами, должны не забывать такихъ заявленій, какъ недавнее заявленіе тифлисскихъ рабочихъ (см. №№ 92 и 93): мы признаемъ только такой съѣздъ, на которомъ будетъ слышенъ голосъ рабочихъ. Было бы безуміемъ опять созывать съѣздъ такъ, чтобы не только среди *выбранныхъ*, но и среди *выборщиковъ*, пролетаріи составляли 5—10 проц. (какъ это было по отношенію ко 2-му съѣзду).

Если говорить серьезно о съѣздѣ, то надо прежде всего сговориться: кто будетъ представленъ? Могутъ ли комитеты, опираясь на формальное право и *скрываясь* за конспирацію, делегировать, безъ вѣдома периферіи, безъ вѣдома районныхъ центровъ и организаторскихъ группъ, кого имъ, комитетамъ, будетъ угодно? Формальное право даетъ имъ возможность сдѣлать это. Но пора, наконецъ, перестать прятаться за это формальное право. Пора понять, что никакіе окрики, никакое юридическое крючкотворство не могутъ положить предѣлъ вѣчному *дробленію* мѣстныхъ организацій, если стоящія во главѣ ихъ группы не станутъ подчинять каждый свой шагъ, *принципіально* связывающій всю организацію, контролю всей же организаціи. Одной изъ задачъ будущаго, дѣйствительно партійнаго съѣзда, будетъ сдѣлать обязательнымъ для комитетовъ такое самоподчиненіе контролю „периферіи". Но для того, чтобы съѣздъ былъ способенъ къ выполненію подобной задачи, его собственная организація должна руководиться тѣмъ же правиломъ. Было бы совершенно нормально, если бы делегатъ отъ организаціи избирался на съѣздъ не комитетомъ, а специальной конференціей, въ которой, сообразуясь лишь съ необходимыми условіями конспираціи, участвовало бы возможно большее число членовъ мѣстной организаціи. Какъ *минимумъ* въ этомъ направленіи, можно допустить коллегію изъ комитетчиковъ, организаторовъ и ихъ помощниковъ, представителей всѣхъ агитаторскихъ, пропагандистскихъ, заводскихъ и специальныхъ группъ. Инструкціи делегатамъ, въ видѣ рѣшеній по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію съѣзда, должны пройти черезъ еще болѣе широкій кругъ членовъ партіи. При серьезномъ отношеніи къ дѣлу, никакія практическія трудности не могутъ помѣшать такой организаціи съѣзда, которая одна лишь обезпечитъ авторитетность его рѣшеніямъ. И партійные центры могутъ содѣйствовать этому, если положатъ, какъ неизмѣнное правило, что всякое значительное меньшинство въ организаціи можетъ послать на съѣздъ *своего* делегата, если комитетъ лишилъ его участія въ выборахъ оффиціальнаго делегата организаціи. Но это правило не должно оставаться на бумагѣ.

Здѣсь я подхожу къ весьма важному вопросу: кто долженъ организовать созывъ съѣзда? По уставу, *руководитъ* этимъ дѣломъ Совѣтъ. Но остается практическая организація, включающая всю техническую и финансовую сторону дѣла равно и контроль надъ выборами на мѣстахъ, провѣрку и разборъ на мѣстѣ-же протестовъ, жалобъ, требованій о допускѣ на съѣздъ и т. д. Ясно, что при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Партіи, когда первой задачей съѣзда должно быть улаженіе внутреннихъ конфликтовъ, — коллегія, вѣдающая эту сторону дѣла, должна быть организована такъ, чтобы самымъ своимъ составомъ дать гарантію всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ въ безпристрастіи и добросовѣстности ея работы. При распаденіи партіи на очень обособленныя группы, выходъ одинъ — составленіе этой организаціонной коммиссіи изъ представителей разныхъ группъ.

Такая „смѣшанная" коммиссія сэкономитъ время у съѣзда, не только тѣмъ, что предварительно рѣшитъ или намѣтитъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ о мандатахъ, но и тѣмъ, что, быть можетъ, намѣтитъ схему того организаціоннаго соглашенія, которое съѣздъ долженъ провести, чтобы мирно закончить нынѣшнюю партійную распрю.

Читатель знаетъ, что мы всецѣло противъ съѣзда въ данный моментъ, мы считаемъ его очень рискованнымъ организаціоннымъ экспериментомъ, могущимъ принести много вреда партіи. Мы убѣждены, что, имѣя за собой полтора года организаціоннаго хаоса, партія можетъ разсчитывать на плодотворность только такого съѣзда, которому предшествовалъ бы рядъ областныхъ, профессіональныхъ etc. конференцій, подготовившихъ обсужденіе и рѣшеніе главнѣйшихъ очередныхъ вопросовъ. Мы дѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы убѣдить партію приступить къ этой подготовительной работѣ, но, къ сожалѣнію, не встрѣтили повсюду необходимой поддержки и сейчасъ по цѣлому ряду тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ съѣздъ не будетъ имѣть никакого другого матеріала, кромѣ литературныхъ статей. Это очень печально, и этой бѣдѣ будетъ поз но помочь, если большинство полноправныхъ организацій выскажется за съѣздъ. Но, какъ ни плохо будетъ дѣло въ этомъ отношеніи, не слѣдуетъ складывать рукъ. Слѣдуетъ направить всѣ силы на то, чтобы уменьшить вѣроятность полной безплодности съѣзда. И первое условіе этого — возможно большая полнота представительства и возможно большая правильность организаціи и подготовки съѣзда.

Выполненіе того и другого условій потребуетъ лишнихъ матеріальныхъ средствъ отъ организацій, потребуетъ лишняго мѣсяца подготовительныхъ работъ. Но партія не должна передъ этимъ останавливаться. Можно было — какъ мы и дѣлали — протестовать противъ затраты 10—15000 рублей и отвлеченія опредѣленнаго числа работниковъ отъ мѣстной работы въ нынѣшній моментъ. Но, если съѣздъ въ принципѣ будетъ рѣшенъ, если партія пойдетъ на жертвы и рискъ, она не можетъ остановиться передъ удвоеніемъ расходовъ и затрачиваемыхъ силъ, разъ эти дополнительныя усилія могутъ ее оградить отъ повторенія горькаго урока 1903 года. Или не надо съѣзда вовсе, или пусть онъ будетъ съѣздомъ *всей организованной русской соціальдемократіи*, пусть онъ будетъ близокъ революціонному авангарду борющагося пролетаріата.

Созывая съѣздъ, надо дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, какіе насущные вопросы онъ долженъ разрѣшить. Только для самыхъ узкихъ фетишистовъ кружковой политики задача съѣзда можетъ чуть ли не исчерпываться вопросомъ о реформѣ устава и выборѣ должностныхъ лицъ. Большинство членовъ партіи ждетъ отъ съѣзда, когда бы онъ ни былъ созванъ, опредѣленныхъ указаній въ рядѣ вопросовъ партійной политики. За эти полтора года такихъ вопросовъ накопилось очень много. Выработка порядка дня, предварительное обсужденіе намѣченныхъ вопросовъ во всѣхъ организаціяхъ, подготовка докладовъ и т. д — на все это должно быть потрачено не мало силъ. Всѣ организаціи должны будутъ принять участіе въ этой подготовительной работѣ — присылкой докладовъ, резолюцій, предложеній.

Указанія на сложность предстоящаго дѣла не имѣютъ въ виду обезкуражить желающихъ съѣзда. Я говорю только: если партія рѣшится на этотъ шагъ, она должна будетъ найти въ себѣ энергію продумать и продѣлать всю предварительную работу. И она это сдѣлаетъ, если *вся*, до того „послѣдняго рабочаго", котораго Ленинъ и Кº хотятъ оставить за порогомъ партійнаго святилища, считая его „годнымъ только для массовокъ", приметъ участіе въ предстоящей работѣ.

Повторяю еще разъ: или съѣзда не должно быть вовсе, или онъ долженъ быть съѣздомъ, достойнымъ россійскаго пролетаріата. Иначе говоря: только такой съѣздъ сможетъ диктовать свою волю всѣмъ соціальдемократамъ.

Л. М.

ВОЕННЫЯ ЗАМѢТКИ [1]).

II.

Баррикадная война въ прошломъ и настоящемъ.

„... Сент-антуанская баррикада представляла собой что то чудовищное. Она была вышиной въ три этажа и шириной въ 700 футовъ. Она загораживала отъ одного конца до другого широкій проходъ въ предмѣстье, запирая собой входъ въ три улицы, сходившіяся въ данномъ пунктѣ; вся въ рытвинахъ, изрѣзанная, какъ бы изрубленная, подпертая грудами камней и другихъ обломковъ, представлявшихъ сами по себѣ настоящіе бастіоны, она подымалась, какъ циклопическая постройка въ центрѣ грознаго лагеря. 19 другихъ баррикадъ громоздились одна за другой въ глубинѣ улицъ позади этой „баррикады-матери".. Изъ чего была сооружена эта баррикада? Изъ трехъ шестиэтажныхъ домовъ, спеціально разрушенныхъ для этой цѣли... Тутъ были и дверная рама, и рѣшетка, и навѣсъ, и разбитая жаровня и лопнувшій котелъ, обломки мостовой, камни, бревна, желѣзныя брусья, всякое тряпье, оконная рама, разбитые стулья, шкафы, столы, капустная кочерыжка и такъ далѣе, и все это объединялось въ одно проклятіе врагу: это было грозное братство всѣхъ обломковъ... Опрокинутыя тележки затрудняли доступъ къ баррикадѣ; здѣсь были гигантскія дроги и огромный омнибусъ... Все, что гражданская война могла бросить въ голову старому обществу — все это нашло себѣ мѣсто среди элементовъ, изъ которыхъ составилась баррикада Сент-Антуанскаго предмѣстья... Карабины, которые защищали эту баррикаду, выбрасывали куски фаянсу, обломки костей, пуговицы, колеса отъ столовъ... Это была Карманьола, возставшая противъ Марсельезы. Эта широкая баррикада поднималась какъ утесъ, о который разбивалась стратегія африканскихъ генераловъ. Картечь и гранаты исчезали въ этой безформенной массѣ; ядра пробивали въ ней лишь отверстія. И полки, привыкшіе къ самымъ грознымъ видѣніямъ войны, съ безпокойствомъ и тревогой вглядывались въ этотъ грозный редутъ.

На разстояніи четверти мили отъ этого пункта, на углу rue du Temple за каналомъ подымалась странная стѣна, достигавшая второго этажа и запиравшая входъ въ улицу. Эта стѣна была построена исключительно изъ камня, взятаго изъ разбитой мостовой. Она была пряма, перпендикулярна, выравнена съ помощью наугольника. Она была построена безъ помощи цемента. По ея высотѣ можно было составить себѣ представленіе объ ея глубинѣ. Верхняя часть стѣны была математически паралельна нижней. Тамъ и сямъ были пробиты почти незамѣтныя бойницы, которыя похожи были на черныя точки. Эти бойницы были отдѣлены одна отъ другой равными промежутками. Это была баррикада предмѣстья du Temple".

Такъ Викторъ Гюго изображаетъ намъ своей мастерской кистью два классическихъ типа французской баррикады того времени въ своей знаменитой эпопеѣ: „Les miserables" (Несчастные) въ главѣ: La guerre entre quatre murs (Война въ четырехъ стѣнахъ).

Баррикада предмѣстья du Temple, защищаемая 80 челов., аттакованная 10 тысячами солдатъ, держалась три дня. *На четвертый день войска проломами сосѣдніе дома, пробрались по крышамъ*, баррикада была взята: ни одинъ изъ ея 80 защитниковъ не думалъ бѣжать, всѣ были убиты, за исключеніемъ начальника баррикады Бартелеми. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, уже въ 1848 году офицеры примѣняли „новые" тактическіе пріемы уличной борьбы, о которыхъ говоритъ Энгельсъ; войска не шли всегда прямо и безъ прикрытія противъ импровизированнаго бруствера, а обходили баррикады черезъ сады, дворы и дома. Правда, они не сдѣлали это сразу, но, въ концѣ концовъ, всегда прибѣгали къ окольнымъ движеніямъ.

Только что обрисованные нами типы баррикадъ соотвѣтствовали Парижу той эпохи, когда улицы были очень узки и нѣсколькихъ баррикадъ было достаточно, чтобы запереть войскамъ входъ въ громадную часть города, иногда въ цѣлое предмѣстье. Послѣ подавленія іюньскаго возстанія настала скоро эпоха Наполеона III. Въ теченіе двадцати лѣтъ главная задача правительства coup d'etat была направлена на то, чтобы сдѣлать невозможной уличную революцію и вырвать изъ рукъ пролетаріата главное оружіе борьбы, послѣдній аргументъ классовой логики — баррикадную войну. Осуществленіе этой „великой" государственной задачи вырвать зубы и когти у израненнаго и спящаго до поры до времени глубокимъ летаргическимъ сномъ народнаго льва было возложено на знаменитаго сенскаго префекта и казнокрада Гаусмана, который совершенно преобразовалъ старый Парижъ, разрушилъ узкіе кварталы, включилъ рабочія предмѣстья въ городскую черту, провелъ повсюду широкіе бульвары, по которымъ, какъ по лучшей военной дорогѣ, пѣхота, кавалерія и артиллерія быстро могли бы подойти ко всякому угрожаемому пункту, провелъ на мѣстѣ старыхъ улицъ новыя широкія и сдѣлалъ, казалось, такимъ образомъ баррикадную войну совершенно немыслимой.

Вотъ почему, когда въ 18 году версальская армія, послѣ двухмѣсячной осады и аттаки взяла, отчасти благодаря косвенному содѣйствію пруссаковъ внѣшнія укрѣпленія Парижа и ворвалась въ Монмартрское предмѣстье, Тьеръ, увѣренный въ невозможности уличной борьбы, телеграфировалъ префектамъ, что сопротивленіе бунтовщиковъ сломлено и возстаніе окончательно подавлено. Но онъ поспѣшилъ съ своей телеграммой [2])

Основное и самое грозное оружіе возставшаго пролетаріата не было еще вырвано изъ его мощныхъ рукъ. Грозный кличъ: къ баррикадамъ! пронесся по рабочимъ кварталамъ. „Мужчины, женщины, дѣти принялись за работу и *черезъ нѣсколько часовъ* измѣнически преданный городъ покрылся тысячью баррикадъ". (Ралли, Парижская коммуна р. 216). И благодаря этимъ наскоро построеннымъ баррикадамъ, нѣсколько тысячъ храбрыхъ защитниковъ Парижа, предательски разстрѣливаемые съ тылу версальскими агентами и поднявшими голову буржуа, 8 дней держались противъ 130.000 ихъ бандитовъ, буквально отстаивая своей кровью каждую пядь земли и неоднократно обращая въ бѣгство цѣлые отряды. Крайне интересно для насъ, что *нѣкоторыя баррикады, построенныя всего въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, представляли собой неприступныя твердыни, настоящіе бастіоны, съ которыми ничего не могли сдѣлать многочисленныя войска.* „Баррикада на перекресткѣ улицъ Riwoli и Saint Denis, построенная 50 рабочими-каменщиками, имѣла въ глубину нѣсколько метровъ, а въ вышину шесть; въ ней были пробиты бойницы, а впереди ея былъ вырытъ глубокій ровъ. Эта баррикада была такъ же грозна, какъ С.-Флорентинскій редутъ, постройка котораго отняла цѣлыя недѣли — ясное доказательство того, что можетъ сдѣлать трудъ интеллигентныхъ рабочихъ даже за короткое время". (La commune. 327. Lissagaray).

Здѣсь мы должны подчеркнуть то обстоятельство, что большей частью *баррикады, импровизированныя въ майскіе дни 71 г., не были похожи на традиціонные редуты, вышиной въ два или три этажа*; онѣ едва превышали своей вышиной человѣческій ростъ. Однако, стоя за этими баррикадами, рабочіе, въ числѣ 20–30 человѣкъ задерживали иногда цѣлые полки.

Чтобы взять такую баррикаду, версальскія войска прибѣгали къ слѣдующимъ пріемамъ. На углу улицы, противъ баррикады, ставились пушки или митральезы; послѣ залпа орудія откатывались за уголъ, снова заряжались и снова выдвигались на улицу. Въ то же время солдаты вторгались въ дома, и, пока одни стрѣляли изъ оконъ въ защитниковъ баррикадъ, другіе, проламывая стѣны, переходили вплоть до аттакуемой улицы. Тогда открывался внезапный огонь изъ всѣхъ оконъ ближайшихъ къ баррикадѣ домовъ. Иногда версальцы выбирали какую нибудь вполнѣ защищенную позицію и стрѣляли оттуда до той поры, пока умолкнувшій огонь непріятеля не доказывалъ, что у защитниковъ баррикады нѣтъ болѣе зарядовъ. Тогда солдаты кидались на баррикаду десять противъ одного, и, послѣ недолгаго рукопашнаго боя, дѣло кончалось. (Ралли).

Тѣмъ не менѣе то обстоятельство, что почти 150 тысячной арміи пришлось восемь сутокъ вести день и ночь отчаянную войну, чтобы взять эти баррикады, доказываетъ, что послѣднія, не смотря на широкія улицы, многочисленные бульвары, проведенные Наполеономъ III, оставались все таки грознымъ оружіемъ пролетарской войны. И можетъ быть, глубоко справедливо слѣдующее замѣчаніе Лиссагарэ: „Если бы малѣйшій общій планъ руководилъ могучими средствами обороны, если бы Монмартръ и Пантеонъ встрѣтили непріятеля перекрестнымъ огнемъ, если бы въ какомъ нибудь мѣстѣ войска были взорваны на воздухъ какимъ нибудь ловкимъ образомъ, версальская армія была бы отброшена отъ Парижа. Но рабочіе, безъ руководства, не имѣя военныхъ знаній, не видѣли дальше своего квартала или даже дальше улицы. *Вмѣсто двухсотъ баррикадъ стратегически расположенныхъ, солидныхъ, которыя могли бы защищать 7 или 8 тысячъ человѣкъ, были воздвигнуты цѣлыя сотни, для которыхъ не хватило людей.* (Lissagaray Histoire de la Commune). Общая ошибка заключалась въ убѣжденіи, что войска будутъ аттаковывать баррикады съ фронта въ то время, какъ они почти всегда прибѣгали къ обходнымъ движеніямъ.

Баррикада типа 48 г., о которой мы говорили выше, устарѣла для нашего времени. Эта баррикада имѣла свои неоцѣнимыя преимущества. Она давала инсургентамъ возможность обстрѣливать въ случаѣ нужды даже крыши сосѣднихъ домовъ и не позволяла солдатамъ стрѣлять изъ оконъ впереди лежащихъ домовъ въ защитниковъ баррикады. Такія баррикады можно строить въ настоящее время лишь въ очень узкихъ улицахъ, но понятно, что, въ виду значительнаго увеличенія силы артиллерійскаго огня со времени 48 г., такія баррикады не слѣдуетъ строить. Хотя артиллерійскій огонь тѣхъ пушекъ и разныхъ снарядовъ, которые можно примѣнять въ уличной борьбѣ, не такъ страшенъ, какъ думалъ Энгельсъ, и не въ состояніи съ одного удара „разрушить въ дребезги" построенную по всѣмъ правиламъ искусства баррикаду, всетаки осколками камней, разбрасываемыхъ въ разныя стороны, можетъ быть поранено много защитниковъ баррикады. По нашему мнѣнію, *баррикада должна быть какъ можно ниже, возвышаясь лишь настолько, чтобы человѣкъ, лежа или съ колѣна, могъ стрѣлять изъ за нея.* Понятно, что баррикада должна быть какъ можно толще; мѣшки, набитые землей, должны служить основнымъ матеріаломъ баррикаднаго вала. Такая баррикада, защищаемая нѣсколькими десятками энергичныхъ и умѣлыхъ людей, имѣющихъ достаточное количество патроновъ, является неприступной съ фронта. Въ случаѣ, если солдаты отваживаются аттаковать баррикаду съ фронта и идутъ на приступъ въ штыки, революціонеры, подпустивъ солдатъ близко и сдѣлавъ нѣсколько залповъ, должны сами бросаться въ наступленіе. Эта тактика, неоднократно примѣнявшаяся Врублевскимъ въ кровавые дни коммуны, почти всегда давала самые лучшіе результаты. Въ день 24 мая Врублевскій, защищая XIII округъ, четыре раза бросался въ аттаку противъ шедшихъ на приступъ или совершавшихъ обходныя движенія версальцевъ и четыре раза многочисленная непріятельская армія обращалась въ бѣгство, оставивъ инсургентамъ въ добычу нѣсколько пушекъ. Неожиданные переходы баррикадныхъ бойцовъ въ наступленіе производили всегда сильное впечатлѣніе на версальскія войска, но, къ сожалѣнію, тактика отряда Врублевскаго, особенно его легендарнаго 101 батальона, рѣдко примѣнялась другими отрядами [1]). Замѣтимъ, что въ отрядѣ Врублевскаго находилось особенно много подростковъ, чуть ли не дѣтей, которые съ поразительной храбростью шли въ аттаку противъ версальцевъ и предпочитали наступательный образъ дѣйствій оборонительному (Lissagaray 358). Несомнѣнно, что въ нашей революціонной арміи тактика Врублевскаго найдетъ особенно много сторонниковъ, тѣмъ болѣе, что въ современной уличной войнѣ, когда революціонерамъ не трудно запастись бомбами, такая тактика имѣетъ несравненно больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ прежде, когда революціонерамъ ударами въ штыки приходилось аттаковать непріятельскія войска.

Но главная трудность будетъ заключаться не въ оборонѣ самой баррикады съ фронта, сколько въ защитѣ подступовъ къ ней съ тыла и фланговъ. Хотя несомнѣнно, — и за это говоритъ весь опытъ нынѣшней русско-японской войны, — что и наши офицеры будутъ неоднократно пытаться взять баррикады въ штыки, всетаки столь же очевидно, что они будутъ посылать войско въ обходъ, будутъ врываться въ дома, пробираться по крышамъ и стрѣлять оттуда въ баррикадныхъ бойцовъ. И вотъ главная задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы не дать войскамъ такъ легко осуществлять эти обходы. Необходимо будетъ расположить нѣсколько десятковъ особенно ловкихъ и хладнокровныхъ людей по одному или два въ засадѣ у оконъ прилегающихъ домовъ, у воротъ, въ садахъ и т. д. На этихъ людей, вооруженныхъ разрывными бомбами, выпадетъ очень трудная и сложная задача не допустить или во всякомъ случаѣ затруднить доступъ войскамъ къ баррикадѣ съ тылу и фланговъ. И здѣсь мы должны замѣтить, что становясь на чисто техническую точку зрѣнія мы рѣшительно не согласны со взглядами Гапона относительно цѣлесообразности совмѣщенія въ моментъ народнаго возстанія массоваго и единичнаго террора, понимая подъ послѣднимъ актъ, направленный противъ единичной личности, какъ ни было велико ея значеніе во враждебномъ лагерѣ. Тратить во время народнаго возстанія лучшія наши силы, наиболѣе ловкихъ и хладнокровныхъ бойцовъ, на покушенія въ родѣ убійства Плеве или Сергѣя, мы считаемъ нецѣлесообразнымъ. Если партія соціалистовъ-революціонеровъ во время мира тратила по полгода на организацію и устройство одного такого покушенія, въ моментъ гражданской войны, когда „начальствующія" лица окружаютъ себя цѣлымъ рядомъ особыхъ предосторожностей, покушенія противъ главныхъ представителей и вождей реакціонной арміи становятся особенно трудными. Во всякомъ случаѣ, задача соціальдемократическихъ бойцовъ не можетъ сводиться къ такимъ дѣйствіямъ. Мѣсто наше на баррикадѣ, позади ея, впереди ея. Люди, обладающіе такой поразительной физической ловкостью, хладнокровіемъ и находчивостью, которыя только и даютъ возможность совершать поразительные акты, въ родѣ убійства Плеве или Сергѣя, будутъ гораздо полезнѣе гдѣ нибудь въ засадѣ, когда имъ удастся ловко брошенной бомбой обратить въ бѣгство цѣлый отрядъ императорской арміи, взорвать квартиру, въ которую ворвались войска, идущія въ обходъ баррикадѣ, и т. д. Въ моментъ народнаго возстанія такимъ людямъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было мѣсто на главной квартирѣ, у центра революціонной борьбы, на флангахъ, въ авангардѣ или арьергардѣ воюющей рабочей арміи, а не за тридевять земель отъ нея, и было бы безуміемъ толкать такихъ исключительныхъ по своей физической ловкости людей на акты и подвиги, являющіеся въ концѣ концовъ только результатомъ психики отчаянія, недовѣрія къ побѣдоносной всесокрушающей силы возставшаго народа.

---

[1]) Статья была получена редакціей еще до статьи *Бывшаго артиллериста*, помѣщенной в 89.

[2]) Въ то время, какъ „Метца, Седана, Портъ-Артура сдавались на капитуляціи, к только внѣшнія укрѣпленія города были взяты, одинъ возст. пролетаріатъ сумѣлъ послѣ 8-ми мѣсячной осады дать герое 8-ми дневное сраженіе на улицахъ разрушеннаго города

[1]) Крайне характерно, что эта тактика выбѣгать навстрѣчу наступающей колоннѣ, когда она подошла близко къ укрѣпленію, была впервые возведена въ *систему* въ полевой войнѣ японцами въ китайской и русской кампаніяхъ. Очевидно, что, проводя эту тактику японскіе офицеры руководились тѣми же психологическими соображеніями, какими несомнѣнно еще задолго до нихъ руководился Врублевскій.

Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ вопросъ о совмѣстимости единичнаго и массоваго террора настолько важнымъ, что обращаемъ на него особое вниманіе нашихъ товарищей и предлагаемъ тщательно обсудить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія технической цѣлесообразности прежде, чѣмъ принять то или другое рѣшеніе въ данномъ отношеніи. Съ своей стороны, въ слѣдующей главѣ посвященной изложенію правилъ защиты баррикадъ, домовъ, квартиръ, оконъ и т. д. мы постараемся болѣе обстоятельно освѣтить вопросъ объ единичномъ террорѣ

Волонтеръ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рига, 5 марта. На дняхъ здѣсь состоялось собраніе литературнаго кружка, созванное по поводу курскихъ избіеній. Было до 500 человѣкъ, среди нихъ много рабочихъ. Предсѣдатель, выяснивъ характеръ движенія среди учащихся среднихъ школъ, перешелъ къ главнымъ требованіямъ учениковъ. Были прочитаны прокламаціи мѣстной соціальдемократической группы учащихся. Затѣмъ началось либеральное самобичеваніе. Мы-де родители, забыли о своихъ дѣтяхъ, надъ ними глумятся, ихъ избиваютъ, а между тѣмъ, посмотрите, сколько у нихъ зрѣлаго гражданскаго мужества: они требуютъ „свободной школы въ свободномъ государствѣ", развѣ это несправедливое требованіе и т. д. Говорились рѣчи людьми самыхъ различныхъ положеній и профессій до попа включительно. Кто взывалъ къ родительскимъ чувствамъ, кто возмущался наглостью полиціи, а кто просто предлагалъ, какъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ, полюбить въ дѣтяхъ людей (подумаешь, какое открытіе!), а не распоряжаться ими, какъ пѣшками. Когда либеральныя ламентаціи, повидимому, приближались къ концу, выступили соціальдемократы. Рабочій въ горячей рѣчи призывалъ — быть гражданами, за реформой школы не забывать русской жизни, увидѣть истинную причину общенароднаго бѣдствія, а не винить одного Курскаго губернатора, говорилъ объ избіеніяхъ рабочихъ въ Петербургѣ и Ригѣ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ мерзкія выходки полиціи въ Курскѣ, закончилъ требованіемъ сверженія самодержавія и немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія. Затѣмъ говорилъ интеллигентъ. Онъ удивляется, что либералы молчали, когда сѣкли крестьянъ въ Полтавѣ и Харьковѣ, когда избивали въ Петербургѣ рабочихъ, а заговорили, когда высѣкли ихъ дѣтей. Неужели революціоннымъ народомъ можно только восхищаться, когда онъ идетъ на баррикады, и тотчасъ забывать о тѣхъ ранахъ, которыя онъ получилъ, и тѣхъ требованіяхъ, за которыя онъ умиралъ, неужели можно толковать о „народномъ прогрессѣ" на страницахъ „Русск. Вѣд." и не слышать голоса настоящаго революціоннаго народа. Призывалъ къ чувству гражданина, приглашалъ забыть о родительскихъ чувствахъ и вспомнить о положеніи родины, которая, какъ выразился ораторъ, намъ, соціальдемократамъ, ближе, чѣмъ Вамъ. Призывалъ давать оружіе революціонному народу, который съ голыми руками идетъ на послѣдній штурмъ. Въ заключеніе прочелъ требованія, которыя революціонный народъ готовъ поддержать силой. Либералы, видя, что одними ламентаціями ограничиваться позорно, рѣшили приступить къ „практическому дѣлу": ходатайствовать передъ городской думой объ организаціи городской милиціи. Не успѣлъ одинъ изъ товарищей разоблачить практическую несостоятельность этого предложенія, такъ какъ, по его мнѣнію, всякое постановленіе думы можетъ быть опротестовано губернаторомъ, тѣмъ самымъ губернаторомъ, съ провокаторскими попытками котораго либералы хотятъ бороться, не успѣлъ онъ еще заговорить о полной недостаточности этого предложенія, какъ предсѣдатель закрылъ собраніе.

Ялта. Въ первой половинѣ февраля здѣсь произошла стачка во всѣхъ 3-хъ аптекахъ. Держались дружно, немедленно были удовлетворены *всѣ* требованія. Передъ 19 февраля организованные рабочіе выпустили „заявленіе", въ которомъ они, изобличая исправника Гвоздевича и всю полицію въ подготовленіи погрома въ Ялтѣ, грозили, въ случаѣ осуществленія полицейскихъ намѣреній, направить погромъ противъ полиціи и разгромить участки. Гвоздевичъ былъ очень недоволенъ и возмущался, что соціальдемократы „задѣваютъ" его „личность". Мѣстные соціалисты революціонеры, — время отъ времени выпускающіе листки съ девизомъ „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!" — совершенно прониклись въ данномъ случаѣ точкой зрѣнія Гвоздевича и называютъ поведеніе соціальдемократовъ „нетактичнымъ"... Произошла стачка приказчиковъ, продолжавшаяся 3 дня; по поводу нея были удачно распространены листки. Требованія — рабочій день отъ 8 ми до 8 ми, изъ нихъ 2 часа на обѣдъ — были удовлетворены. Раньше, особенно въ сезонъ, рабочій день достигалъ невѣроятныхъ размѣровъ (отъ 5 часовъ до 11 часовъ вечера) Среди учащихся волненіе вылилось въ форму протеста, заявленнаго начальству по поводу постановки школьнаго дѣла. По поводу протеста было совѣщаніе родителей съ педагогами. Рѣшили выбрать коммиссію по 6 человѣкъ отъ учащихъ и родителей. Къ учащейся молодежи уже была выпущена прокламація и тоже удачно. 7 марта было засѣданіе „родительскаго кружка". Народу было около 1000 человѣкъ. Настроеніе было хорошее. Сейчасъ же послѣ открытія собранія раздались крики: „вонъ полицію!", которая и поспѣшила удалиться. Интересно отмѣтить рѣчь одного оратора — Малышевскаго (тоже изъ „квалифицированныхъ демократовъ" съ выскобленнымъ „нутромъ" — о нихъ см. № 92 „И".) Съ присущей этому типу „умственностью" (основа которому лишь „негляже съ отвагою!") г. Малышевскій произнесъ рѣчь, въ которой прямо заискивалъ у публики ея расположенія. А неблагодарная публика только посмѣивалась. Собраніе вынесло резолюцію съ требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ, съ предварительнымъ объявленіемъ свободы печати, слова, собраній, неприкосновенности личности и жилищъ и т. д. и амнистіи всѣмъ политическимъ преступникамъ. Было также требованіе заключенія мира съ Японіей.

(Изъ частнаго письма). Ялта только что пережила ужасы погрома, и страшнаго погрома. Началось съ того, что казакъ изъ Портъ Артура не отдалъ чести приставу 1-го участка, а тотъ къ этому придрался. Артурецъ заявилъ: „по уставу я не обязанъ отдавать честь (полиціи), да къ тому же я и раненый". Приставъ, однако, позвалъ двухъ городовыхъ, чтобы они арестовали „защитника отечества". Однако, тотъ не дался и здорово помялъ обоихъ городовыхъ. На помощь подоспѣло еще 2 городовыхъ; казака усадили на извозчика, заложили ему руки назадъ и повезли, несмотря на протесты его и публики. Около 2-го участка, куда привезли казака, собралась толпа. Далѣе разсказываютъ, что черезъ нѣкоторое время портъ артурецъ вырвался изъ участка въ одной рубашкѣ и съ крикомъ, что его тамъ бьютъ, выхватилъ у кого то палку и началъ бить стекла въ участкѣ. Тутъ, будто бы, городовой или еще кто то изъ полицейскихъ бросилъ въ окно булочной Заруднева камень со словами: „коли бить — такъ ужъ всѣхъ". Въ результатѣ по всей набережной не осталось ни одного цѣлаго стекла. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ все растащили. Такъ какъ все это происходило въ воскресенье, — народу набралось много.

Съ набережной направились къ арестному дому. Разбили его, выпустили арестованныхъ (нѣкоторыхъ — скованныхъ), подожгли и пошли громить III участокъ, а затѣмъ полицейское управленіе. Тутъ къ толпѣ подошли солдаты. Начались переговоры, но окончились тѣмъ, что разгромъ былъ доведенъ до конца. Далѣе пошли на Виноградную улицу, разнесли казенку и стали угощать солдатъ. Но тѣ отказались. Послѣ этого разбили 1-й участокъ. А потомъ уже пошли бить магазины: Захорато, Кукулевича, Несфита, Ваксмана, двѣ еврейскихъ лавки; разбили и разграбили магазины Умерова (съ желѣзными ставнями, подожгли (такъ какъ не могли разбить), магазинъ Бекирова, аптеку Леви и — уже опустошенный — магазинъ Несфита. Наступила ночь. На улицахъ — пожаръ, крики пьяныхъ. Полиція попряталась *на чердакахъ*. На другой день граждане толковали между собой и „за отсутствіемъ полиціи" образовали милицію.

Николаевъ. 13 марта. Забастовки у насъ еще продолжаются. Теперь сюда нагнали запасныхъ, довольно таки сильно дебоширятъ. Они всего здѣсь 3-4 дня, и уже успѣли разбить одну монопольку и нѣсколько трактировъ. Сегодня я былъ очевидцемъ такого буйства. На Соборной и Херсонской при огромной толпѣ въ 5-6 тысячъ солдатъ разбили вдребезги трактиръ. Ничего подобнаго не приходилось мнѣ видѣть. Продолжалось это всего минутъ 10, и за это время изъ трактира черезъ окна и двери была выброшена вся мебель и посуда на мостовую, гдѣ ее подхватывали, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ все превращалось въ щепы. Возлѣ трактира помѣщается домъ, гдѣ живетъ еврей. Въ окна этого дома были пущены осколки разбитыхъ стульевъ. Но толпа удержала буяновъ. Скоро прилетѣли казаки и разсѣяли толпу. На улицахъ нѣтъ возможности пройти, не будучи остановленнымъ просящими на хлѣбъ, и иногда и на водку, солдатами. Здѣсь къ нимъ былъ выпущенъ листокъ „солдатская памятка" комитетомъ, 800 экземпляровъ, затѣмъ въ томъ же количествѣ былъ выпущенъ листокъ „Въ бой за свободу" и, кромѣ того, нѣсколько гектографированныхъ листковъ.

Екатеринославъ. 2 марта. Городъ теперь находится въ періодѣ безконечныхъ стачекъ; прямо эпидемія, не успѣетъ затихнуть въ одномъ мѣстѣ, какъ загорится въ другомъ. Главное движеніе раскинулось по окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ, заставляя власти постоянно направлять роты солдатъ то туда, то сюда. Хотя эти стачки въ большинствѣ носятъ чисто экономическій характеръ, такъ какъ онѣ вспыхиваютъ стихійно, тѣмъ не менѣе, онѣ вносятъ въ жизнь такую струю, которая выбиваетъ изъ обычной колеи почти все населеніе, заставляя самыхъ инертныхъ обывателей втянуться въ сферу политическихъ интересовъ. Это бросается въ глаза мало мальски внимательному наблюдателю. Въ трактирѣ, въ вагонѣ конки, или просто на улицѣ — повсюду только и слышно, что о забастовкахъ и связанныхъ съ ними обще-политическихъ вопросахъ, причемъ довольно часто можно услышать довольно недвусмысленно выражаемыя рѣзкія мнѣнія. Словомъ — замѣчается сильный поворотъ въ коллективной психологіи городскихъ обитателей, взятыхъ въ цѣломъ. Можно съ увѣренностью сказать, что политика перестала быть дѣломъ законспирированныхъ организацій, болѣе или менѣе значительныхъ — она теперь стала достояніемъ улицы, толпы и отъ этого начинаетъ какъ бы легализироваться. Уже нѣтъ того боязливаго оглядыванія кругомъ при разговорахъ общественнаго характера. И въ этомъ заключается главное отличіе нынѣшней Россіи отъ той, которую я покинулъ всего 7 мѣсяцевъ тому назадъ. Затѣмъ, хотя стачки возникаютъ стихійно, тѣмъ не менѣе, участіе сознательныхъ элементовъ въ нихъ болѣе значительно, чѣмъ я ожидалъ. Несознательные рабочіе ищутъ комитетскихъ людей въ качествѣ ораторовъ. Въ одной деревнѣ забастовавшіе рабочіе собрали нѣсколько рублей и послали въ городъ знакомаго еврея, чтобы онъ какъ нибудь добылъ оратора изъ комитета; такихъ фактовъ масса.

Ейскъ, Кубанской области (2 марта). И наше захолустье просыпается. Девятое января заставило внимательнѣе оглянуться вокругъ, послышались вопросы, недоумѣнія, а кой-гдѣ и негодующіе возгласы. Недовольство войной, усиливаемое пораженіями и особенно послѣдней Мукденской бойней, растетъ со дня на день и выражается теперь уже вслухъ въ купеческомъ и общественомъ клубахъ, куда обыватели наши сходятся „попить чайку". „Простой народъ" теряетъ надежду на побѣду русскихъ, и престижъ правительства падаетъ съ каждой телеграммой съ Востока. Нѣсколько разъ въ городѣ и среди общества распространялись прокламаціи Кубанскаго и Кіевскаго комитетовъ нашей партіи. На дняхъ во время засѣданія старшинъ общественнаго клуба въ швейцарскую клуба является субъектъ съ лицомъ, закрытымъ башлыкомъ, и вручаетъ швейцару нѣсколько пакетовъ, съ просьбой пойти и раздать адресатамъ. Швейцаръ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ порученіе. Засѣдавшіе старшины, вскрыли пакеты принялись за чтеніе извлеченныхъ оттуда листовъ. Частный приставъ Статкевичъ, находившійся въ клубѣ и узнавшій о „казусѣ", прибѣжалъ и сталъ вырывать листки изъ рукъ читающихъ. Нѣкоторые старшины отказались вручить „чину" листки. На слѣдующій день Статкевичъ пустился, ничего умнѣе не придумавъ, въ путешествіе по городу и, заѣзжая на квартиры „упрямыхъ" старшинъ, отбиралъ у нихъ „преступные" листки. Поступокъ Статкевича возмутилъ старшинъ клуба и, вѣроятно, не пройдетъ для него безнаказанно, такъ какъ рѣшено на первомъ же собраніи обсудить его, и Статкевичъ навѣрное будетъ лишенъ права входа въ общественный клубъ.

Второй случай распространенія также заслуживаетъ вниманія. — Въ праздничный день, когда нашъ „Невскій" (Часть главной Черноморской улицы — сюда по праздникамъ собирается погулять весь городъ, запруживается гуляющими не только проспектъ, но и вся дорога, бываетъ тысячъ 15-20 народу) былъ запруженъ гуляющими, появляется уличный мальчикъ съ кипой листковъ и раздаетъ ихъ гуляющимъ. Полиція схватилась, когда было уже поздно. Одно время распространился по нашему граду пущенный кѣмъ то слухъ, будто въ такой-то день будетъ „бунтъ", что прі[illegible] 150 человѣкъ, которые будутъ громить магазины и квартиры обывателей. Слухъ, очевидно, исходилъ отъ полиціи, такъ какъ она была сильно встревожена (городовыхъ здѣсь около [illegible] человѣкъ на весь городъ и около 200 человѣкъ мѣстной команды) и въ назначенный день была вся на ногахъ. Но никакого бунта не было. Нашъ курятникъ — полиціймейстръ[1]) смѣшно трусить (онъ мнитъ себя великимъ государственнымъ мужемъ вродѣ Плеве, а посему боится бомбы), цѣлый день сидитъ дома, а вечеромъ ѣдетъ съ женой ночевать въ казармы. Какъ ни смѣшно, но это фактъ. Капитанъ мѣстной команды заявилъ ученикамъ старшихъ классовъ реальнаго училища, что, въ случаѣ возникновенія какихъ бы то ни было безпорядковъ, онъ будетъ стрѣлять. Заведенъ штатъ шпиковъ (раньше ничего подобнаго не было), на этомъ поприщѣ подвизается прапорщикъ русской арміи Вс. Вас. Чайкинъ. Стали раздаваться угрозы мѣстныхъ хулигановъ по адресу реалистовъ и студентовъ. Письма, адресованные студентамъ, просматриваются.

Балашевъ, Саратовской губ. (Изъ частн. письма). Собраніе наше (общества взаимопомощи учителей) было шумное. Началось рѣчью либерала-предсѣдателя о текущихъ событіяхъ. Тотчасъ чиновникъ отъ министерства (его присутствіе обязательно на всѣхъ собраніяхъ общества учителей) запротестовалъ, указавъ, что обсуждать безпорядки не входитъ въ программу настоящаго собранія; а когда всѣ пожелали выслушать, несмотря на это, рѣчь предсѣдателя, то онъ заявилъ, что оставляетъ собраніе и, сопровождаемый свистками, вышелъ. Собраніе продолжалось. Много говорилось о томъ, какъ инспекторъ деморализуетъ учителей своимъ вліяніемъ, о томъ, что онъ на основаніи пустыхъ доносовъ поповъ, уволилъ многихъ учителей, даже не разслѣдовавъ дѣла. Накопился большой матеріалъ изъ показаній учителей о преслѣдованіяхъ земской школы попами, отъ которыхъ терпятъ всѣ интеллигенты въ деревнѣ, напримѣръ врачи; попы науськиваютъ „черныя сотни" къ избіенію всѣхъ интеллигентовъ-крамольниковъ. Въ деревнѣ Ялани напр., „черная сотня" ворвалась въ школу, чтобъ избить учителя — тотъ удралъ. Крестьяне кой гдѣ требовали прекратить чтенія въ школѣ, грозя разбить стекла. Собраніе пришло къ заключенію, что при такихъ обстоятельствахъ, особенно ввиду надвигающейся холеры, невозможно служить въ деревнѣ. Написали резолюцію въ комитетъ министровъ, прося защиты отъ поповъ и полиціи. Земская Управа доложитъ обо всемъ этомъ въ экстренномъ земскомъ собраніи. Рѣшили также просить директора назначить въ общество другого чиновника отъ министерства. Попы съ церковной кафедры увѣщеваютъ крестьянъ не ходить въ земскія школы, ибо ничему-де хорошему тамъ не научатъ, а только плохому.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Москва. Вчера я былъ на одномъ зубатовскомъ собраніи и хочу подѣлиться съ вами впечатлѣніями, вынесенными оттуда. Оно должно было состояться въ самомъ большомъ здѣшнемъ народномъ домѣ, въ которомъ помѣщается нѣсколько тысячъ человѣкъ. Этого собранія всѣ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ предполагалось, что тамъ выступитъ человѣкъ 6-7 соціальдемократовъ. Но за 2-3 часа до открытія его было объявлено, что собраніе тамъ по „независящимъ обстоятельствамъ" состояться не можетъ и переносится въ гораздо меньшую чайную въ другомъ народномъ домѣ, и число билетовъ соотвѣтственно уменьшено. Впустили всего 300, а около 1000 осталось у входа, ихъ не пропускали въ виду тѣсноты. Нужно вамъ сказать, что причина отмѣны этого собранія — боязнь большого скопленія въ виду теперешняго тревожнаго настроенія рабочихъ. Такъ объясняли сами рабочіе. И вотъ, когда мы всѣ собрались во второй чайной, начался протестъ рабочихъ, отчего не пускаютъ остальныхъ товарищей. Секретарь всѣми силами старался распустить собраніе, но рабочіе кричали: хоть до завтра будемъ сидѣть, но не уйдемъ, забрали у насъ деньги за билеты, заставили, богъ знаетъ, откуда тащиться, а теперь говорятъ — по домамъ — не уйдемъ! Говорили, говорили между собой, потомъ рѣшили вынести всѣ стулья и столы и такимъ образомъ расчистить мѣсто для другихъ рабочихъ. Сдѣлали это; и остальные вошли. Помолились (эта комедія продѣлывается передъ каждымъ собраніемъ), и слово взялъ директоръ народнаго дома — капитанъ какой то. Онъ говорилъ, что помѣщеніе рабочимъ онъ даетъ для обсужденія только насущнѣйшихъ рабочихъ требованій, а не политическихъ. Нѣсколько рабочихъ выкрикнули: политическія требованія тоже насущнѣйшія. Тогда онъ пояснилъ, что онъ подъ насущнѣйшими понимаетъ экономическія, и если собраніе это будетъ носить такой бурный характеръ, какъ предыдущія, то онъ помѣщенія давать больше не будетъ. То-же заявилъ секретарь. На это рабочіе отвѣтили: „такъ не надо, а иначе вести собраніе не будемъ". Потомъ одинъ зубатовецъ прочелъ петицію и просилъ подписываться всѣхъ подъ ней. Собраніе просило прочесть петицію петербургскихъ рабочихъ, и по прочтеніи почти всѣ поддерживали ее такъ какъ въ первой не было ни свободы слова, ни печати, ни 8-ми часоваго рабочаго дня, ни учредительнаго собранія. Въ петербургской все это было сказано. Да, передъ тѣмъ какъ приступить къ чтенію петиціи, многіе голоса кричали: мы знаемъ, чѣмъ кончилась петиція: пулями и кровью товарищей, кому же и кто теперь будетъ, подавать мы не пошлемъ депутатовъ подъ разстрѣлъ или въ тюрьму. Это буквальныя слова. Петиціи все же были прочитаны. Послѣ взялъ слово соціальдемократъ интеллигентъ и очень горячо началъ говорить о положеніи рабочаго класса, объ отношеніи къ нему фабрикантовъ, губернатора и царя. Окончилъ онъ словами: „мы не можемъ ползать и цѣловать обагренныя кровью рабочихъ руки палачей, мы сами не съ перомъ въ рукахъ черезъ петицію, а съ оружіемъ добьемся свободы и народнаго правленія". Рѣчь его прерывалась громкими аплодисментами, и какъ только онъ закончилъ, такіе оглушительные крики одобренія посыпались, что четверть часа никому нельзя было говорить. Потомъ взялъ слово одинъ рабочій; онъ вкратцѣ сказалъ, что всѣмъ должно быть понятно, какое униженіе съ чѣмъ—либо обращаться къ царю, мы должны всѣ заготовлять оружіе, и кончилъ словами: смерть или свобода! Это было дружно подхвачено всѣми. Потомъ еще одинъ интеллигентъ соціальдемократъ говорилъ о зубатовскихъ собраніяхъ, о томъ, что они теперь работаютъ подъ охраной полиціи — ихъ враговъ, которые не могутъ имъ желать добра, и потому они имъ и предлагаютъ петицію, чтобы заставить еще ждать и надѣяться рабочихъ. Съ такими руководителями они далеко не пойдутъ, а для побѣды своего дѣла они должны себѣ избрать руководителей друзей — соціальдемократовъ и вступить въ эту партію! Всеобщее одобреніе, и крикомъ „да здравствуетъ соціализмъ" было закончено собраніе. Зубатовцы не говорили, да они и не могли говорить, ибо ихъ рѣчи были бы заглушены. Собственно, вѣдь, рабочіе были массовые, а между тѣмъ люди съ большимъ сознаніемъ, что было уже видно потому, что они предпочли петербургскую петицію съ учредительнымъ собраніемъ и всѣми политическими требованіями. При выходѣ изъ собранія всѣми повторялось: да здравствуетъ соціализмъ, въ бой за свободу, и т. д. Сыпались угрозы на зубатовцевъ.

Орѣхово-Зуево. Стачка здѣсь продолжается (см. № 93 „И"). и рабочіе все болѣе революціонизируются. Нѣсколько разъ были созваны собранія, прошедшія открыто, хотя участниковъ было 1000 человѣкъ и болѣе. Наши говорили нѣсколько разъ, при чемъ въ первый при крикахъ „долой самодержавіе", публика немного разбѣжалась, но затѣмъ на всѣхъ послѣднихъ собраніяхъ принимались политическія резолюціи, и народное возбужденіе было очень велико. Полиція присутствовала въ качествѣ зрителя и не рѣшалась что либо дѣлать.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ было арестовано нѣсколько человѣкъ наиболѣе дѣльныхъ рабочихъ. Женщины съ кольями и палками ходили въ участокъ и требовали освобожденія товарищей. Ихъ выпустили, и женщины праздновали побѣду. Чѣмъ кончится забастовка, пока не знаемъ.

Одесса 16 марта. У насъ теперь броженіе среди портныхъ. Забастовала мастерская Воробейчика, гдѣ работаетъ человѣкъ 18. Бастуютъ уже двѣ недѣли. Другія портняжныя мастерскія дѣлаютъ для нихъ сборы и поддерживаютъ ихъ деньгами. Теперь поднятъ вопросъ о томъ, чтобы поддерживать ихъ всеобщей забастовкой дамскихъ портныхъ. Начался сезонъ (передъ пасхой), и время для забастовки благопріятное. Идетъ усиленная агитація въ ея пользу. Происходятъ ежедневныя собранія по 40 - 50 человѣкъ. Портными выбрана коммиссія изъ представителей отъ разныхъ мастерскихъ. Въ нее приглашены два членовъ группы Ц. К. Портные мастерскихъ Воробейчика уже третьяго дня (понедѣльникъ) хотѣли прекратить забастовку, но на собраніи изъ портныхъ было рѣшено, чтобы они когда имъ удастся ловко брошенной бомбой обратить въ бѣгство цѣлый отрядъ императорской арміи, взорвать квартиру, въ которую ворвались войска, идущія въ обходъ баррикадѣ, и т. д. Въ моментъ народнаго возстанія такимъ людямъ болѣе чѣмъ когда бы то ни было мѣсто на главной квартирѣ, у центра революціонной борьбы, на флангахъ, въ авангардѣ или арьергардѣ воюющей рабочей арміи, а не за тридевять земель отъ нея, и было бы безуміемъ толкать такихъ исключительныхъ по своей физической ловкости людей на акты и подвиги, являющіеся въ концѣ концовъ только результатомъ психики отчаянія, недовѣрія къ побѣдоносной, всесокрушающей силы возставшаго народа.

---

[1]) Вся его дѣятельность ограничивалась до сихъ поръ сборами денегъ съ обывателей, да разведеніемъ всевозможныхъ породъ куръ.

Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ вопросъ о совмѣстимости единичнаго и массоваго террора настолько важнымъ, что обращаемъ на него особое вниманіе нашихъ товарищей и предлагаемъ тщательно обсудить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія технической цѣлесообразности прежде, чѣмъ принять то или другое рѣшеніе въ данномъ отношеніи. Съ своей стороны, въ слѣдующей главѣ, посвященной изложенію правилъ защиты баррикадъ, домовъ, квартиръ, оконъ и т. д. мы постараемся болѣе обстоятельно освѣтить вопросъ объ единичномъ террорѣ.

Волонтеръ.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рига, 5 марта. На дняхъ здѣсь состоялось собраніе литературнаго кружка, созванное по поводу курскихъ избіеній. Было до 500 человѣкъ, среди нихъ много рабочихъ. Предсѣдатель, выяснивъ характеръ движенія среди учащихся среднихъ школъ, перешелъ къ главнымъ требованіямъ учениковъ. Были прочитаны прокламаціи мѣстной соціальдемократической группы учащихся. Затѣмъ началось либеральное самобичеваніе. Мы-де родители, забыли о своихъ дѣтяхъ, надъ ними глумятся, ихъ избиваютъ, а между тѣмъ, посмотрите, сколько у нихъ зрѣлаго гражданскаго мужества: они требуютъ „свободной школы въ свободномъ государствѣ“; развѣ это несправедливое требованіе и т. д. Говорились рѣчи людьми самыхъ различныхъ положеній и профессій до попа включительно. Кто взывалъ къ родительскимъ чувствамъ, кто возмущался наглостью полиціи, а кто просто предлагалъ, какъ панацею отъ всѣхъ бѣдъ, полюбить въ дѣтяхъ людей (подумаешь, какое открытіе!), а не распоряжаться ими, какъ пѣшками. Когда либеральныя ламентаціи, повидимому, приблизились къ концу, выступили соціальдемократы. Рабочій въ горячей рѣчи призывалъ — быть гражданами, за реформой школы не забывать русской жизни, увидѣть истинную причину общенароднаго бѣдствія, а не винить одного Курскаго губернатора, говорилъ объ избіеніяхъ рабочихъ въ Петербургѣ и Ригѣ, болѣе ужасныхъ, чѣмъ мерзкія выходки полиціи въ Курскѣ, закончилъ требованіемъ сверженія самодержавія и немедленнаго созыва Учредительнаго Собранія. Затѣмъ говорилъ интеллигентъ. Онъ удивляется, что либералы молчали, когда сѣкли крестьянъ въ Полтавѣ и Харьковѣ, когда избивали въ Петербургѣ рабочихъ, а заговорили, когда высѣкли ихъ дѣтей. Неужели революціоннымъ народомъ можно только восхищаться, когда онъ идетъ на баррикады, и тотчасъ забывать о тѣхъ ранахъ, которыя онъ получилъ, и тѣхъ требованіяхъ, за которыя онъ умиралъ, неужели можно толковать о „народномъ прогрессѣ“ на страницахъ „Русск. Вѣд.“ и не слышать голоса настоящаго революціоннаго народа. Призывалъ къ чувству гражданина, приглашалъ забыть о родительскихъ чувствахъ и вспомнить о положеніи родины, которая, какъ выразился ораторъ, намъ, соціальдемократамъ, ближе, чѣмъ Вамъ. Призывалъ давать оружіе революціонному народу, который съ голыми руками идетъ на послѣдній штурмъ. Въ заключеніе прочелъ требованія, которыя революціонный народъ готовъ поддержать силой. Либералы, видя, что одними ламентаціями ограничиваться позорно, рѣшили приступить къ „практическому дѣлу“: ходатайствовать передъ городской думой объ организаціи городской милиціи. Не успѣлъ одинъ изъ товарищей разоблачить практическую несостоятельность этого предложенія, такъ какъ, по его мнѣнію, всякое постановленіе думы можетъ быть опротестовано губернаторомъ, тѣмъ самымъ губернаторомъ, съ провокаторскими попытками котораго либералы хотятъ бороться, не успѣлъ онъ еще заговорить о полной недостаточности этого предложенія, какъ предсѣдатель закрылъ собраніе.

Ялта. Въ первой половинѣ февраля здѣсь произошла стачка во всѣхъ 3-хъ аптекахъ. Держались дружно, немедленно были удовлетворены *всѣ* требованія. Передъ 19 февраля организованные рабочіе выпустили „заявленіе“, въ которомъ они, изобличая исправника Гвоздевича и всю полицію въ подготовленіи погрома въ Ялтѣ, грозили, въ случаѣ осуществленія полицейскихъ намѣреній, направить погромъ противъ полиціи и разгромить участки. Гвоздевичъ былъ очень недоволенъ и возмущался, что соціальдемократы „задѣваютъ“ его „личность“. Мѣстные соціалисты-революціонеры, — время отъ времени выпускающіе листки съ девизомъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“ — совершенно прониклись въ данномъ случаѣ точкой зрѣнія Гвоздевича и называютъ поведеніе соціальдемократовъ „нетактичнымъ“... Произошла стачка приказчиковъ, продолжавшаяся 3 дня; по поводу нея были удачно распространены листки. Требованія — рабочій день отъ 8 ми до 8 ми, изъ нихъ 2 часа на обѣдъ — были удовлетворены. Раньше, особенно въ сезонъ, рабочій день достигалъ невѣроятныхъ размѣровъ (отъ 5 часовъ до 11 часовъ вечера). Среди учащихся волненіе вылилось въ форму протеста, заявленнаго начальству по поводу постановки школьнаго дѣла. По поводу протеста было совѣщаніе родителей съ педагогами. Рѣшили выбрать коммиссію по 6 человѣкъ отъ учащихъ и родителей. Къ учащейся молодежи уже была выпущена прокламація и тоже удачно. 7 марта было засѣданіе „родительскаго кружка“. Народу было около 1000 человѣкъ. Настроеніе было хорошее. Сейчасъ же послѣ открытія собранія раздались крики: „вонъ полицію;“, которая и поспѣшила удалиться. Интересно отмѣтить рѣчь одного оратора — Малышевскаго (тоже изъ „квалифицированныхъ демократовъ“ съ выскобленнымъ „нутромъ“ — о нихъ см. № 92 „И“). Съ присущей этому типу „умственностью“ (основа которому лишь „негляже съ отвагою!“) г. Малышевскій произнесъ рѣчь, въ которой прямо заискивалъ у публики ея расположенія. А неблагодарная публика только посмѣивалась.. Собраніе вынесло резолюцію съ требованіемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого избирательнаго права, съ тайной подачей голосовъ, съ предварительнымъ объявленіемъ свободы печати, слова, собраній, неприкосновенности личности и жилищъ и т. д. и амнистіи всѣмъ политическимъ преступникамъ. Было также требованіе заключенія мира съ Японіей.

(Изъ частнаго письма). Ялта только что пережила ужасы погрома, и страшнаго погрома. Началось съ того, что казакъ изъ Портъ-Артура не отдалъ чести приставу 1-го участка, а тотъ къ этому придрался. Артурецъ заявилъ: „по уставу я не обязанъ отдавать честь (полиціи), да къ тому же я и раненый“. Приставъ, однако, позвалъ двухъ городовыхъ, чтобы они арестовали „защитника отечества“. Однако, тотъ не дался и здорово помялъ обоихъ городовыхъ. На помощь подоспѣло еще 2 городовыхъ; казака усадили на извозчика, заложили ему руки назадъ и повезли, несмотря на протесты его и публики. Около 2-го участка, куда привезли казака, собралась толпа. Далѣе разсказываютъ, что черезъ нѣкоторое время портъ-артурецъ вырвался изъ участка въ одной рубашкѣ и съ крикомъ, что его тамъ бьютъ, выхватилъ у кого то палку и началъ бить стекла въ участкѣ. Тутъ, будто бы, городовой или еще кто-то изъ полицейскихъ бросилъ въ окно булочной Заруднева камень со словами: „коли бить — такъ ужъ всѣхъ“. Въ результатѣ по всей набережной не осталось ни одного цѣлаго стекла. Въ нѣкоторыхъ магазинахъ все растащили. Такъ какъ все это происходило въ воскресенье, — народу набралось много.

Съ набережной направились къ арестному дому. Разбили его, выпустили арестованныхъ (нѣкоторыхъ — скованныхъ), подожгли и пошли громить III участокъ, а затѣмъ полицейское управленіе. Тутъ къ толпѣ подошли солдаты. Начались переговоры, но окончилась тѣмъ, что разгромъ былъ доведенъ до конца. Далѣе пошли на Виноградную улицу, разнесли казенку и стали угощать солдатъ. Но тѣ отказались. Послѣ этого разбили I-й участокъ. А потомъ уже пошли бить магазины: Захорато, Кукулевича, Несфита, Ваксмана, двѣ еврейскихъ лавки; разбили и разграбили магазины Умерова (съ желѣзными ставнями), подожгли (такъ какъ не могли разбить), магазинъ Бекирова, аптеку Леви и — уже опустошенный — магазинъ Несфита. Наступила ночь. На улицахъ — пожаръ, крики пьяныхъ. Полиція попряталась *на чердакахъ*. На другой день граждане толковали между собой и „за отсутствіемъ полиціи“ образовали милицію.

Николаевъ. 13 марта. Забастовки у насъ еще продолжаются. Теперь сюда нагнали запасныхъ, довольно таки сильно дебоширятъ. Они всего здѣсь 3-4 дня, и уже успѣли разбить одну монопольку и нѣсколько трактировъ. Сегодня я былъ очевидцемъ такого буйства. На Соборной и Херсонской при огромной толпѣ въ 5-6 тысячъ солдатъ, разбили вдребезги трактиръ. Ничего подобнаго не приходилось мнѣ видѣть. Продолжалось это всего минутъ 10, и за это время изъ трактира черезъ окна и двери была выброшена вся мебель и посуда на мостовую, гдѣ ее подхватывали, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ все превращалось въ щепы. Возлѣ трактира помѣщается домъ, гдѣ живетъ еврей. Въ окна этого дома были пущены осколки разбитыхъ стульевъ. Но толпа удержала буяновъ. Скоро прилетѣли казаки и разсѣяли толпу. На улицахъ нѣтъ возможности пройти, не будучи остановленнымъ просящими на хлѣбъ, и иногда и на водку, солдатами. Здѣсь къ нимъ былъ выпущенъ листокъ „солдатская памятка“ комитетомъ, 800 экземпляровъ, затѣмъ въ томъ же количествѣ былъ выпущенъ листокъ „Въ бой за свободу“ и, кромѣ того, нѣсколько гектографированныхъ листковъ.

Екатеринославъ. 2 марта. Городъ теперь находится въ періодѣ безконечныхъ стачекъ; прямо эпидемія, не успѣетъ затихнуть въ одномъ мѣстѣ, какъ загорится въ другомъ. Главное движеніе раскинулось по окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ, заставляя власти постоянно направлять роты солдатъ то туда, то сюда. Хотя эти стачки въ большинствѣ носятъ чисто экономическій характеръ, такъ какъ онѣ вспыхиваютъ стихійно, тѣмъ не менѣе, онѣ вносятъ въ жизнь такую струю, которая выбиваетъ изъ обычной колеи почти все населеніе, заставляя самыхъ инертныхъ обывателей втянуться въ сферу политическихъ интересовъ. Это бросается въ глаза мало мальски внимательному наблюдателю. Въ трактирѣ, въ вагонѣ конки, или просто на улицѣ — повсюду только и слышно, что о забастовкахъ и связанныхъ съ ними обще-политическихъ вопросахъ, при чемъ довольно часто можно услышать довольно не двусмысленно выражаемыя рѣзкія мнѣнія. Словомъ — замѣчается сильный поворотъ въ коллективной психологіи городскихъ обитателей, взятыхъ въ цѣломъ. Можно съ увѣренностью сказать, что политика перестала быть дѣломъ законспирированныхъ организацій, болѣе или менѣе значительныхъ — она теперь стала достояніемъ улицы, толпы и отъ этого начинаетъ какъ бы легализироваться. Уже нѣтъ того боязливаго оглядыванія кругомъ при разговорахъ общественнаго характера. И въ этомъ заключается главное отличіе нынѣшней Россіи отъ той, которую я покинулъ всего 7 мѣсяцевъ тому назадъ. Затѣмъ, хотя стачки возникаютъ стихійно, тѣмъ не менѣе, участіе сознательныхъ элементовъ въ нихъ болѣе значительно, чѣмъ я ожидалъ. Несознательные рабочіе ищутъ комитетскихъ людей въ качествѣ ораторовъ. Въ одной деревнѣ забастовавшіе рабочіе собрали нѣсколько рублей и послали въ городъ знакомаго еврея, чтобы онъ какъ нибудь добылъ оратора изъ комитета; такихъ фактовъ масса.

Ейскъ, Кубанской области (2 марта). И наше захолустье просыпается. Девятое января заставило внимательнѣе оглянуться вокругъ, послышались вопросы, недоумѣнія, а кой-гдѣ и негодующіе возгласы. Недовольство войной, усиливаемое пораженіями и особенно послѣдней Мукденской бойней, растетъ со дня на день и выражается теперь уже вслухъ въ купеческомъ и общественномъ клубахъ, куда обыватели наши сходятся „попить чайку“. „Простой народъ“ теряетъ надежду на побѣду русскихъ, и престижъ правительства падаетъ съ каждой телеграммой съ Востока. Нѣсколько разъ въ городѣ и среди общества рапространялись прокламаціи Кубанскаго и Кіевскаго комитетовъ нашей партіи. На дняхъ во время засѣданія старшинъ общественнаго клуба въ швейцарскую клуба является субъектъ съ лицомъ, закрытымъ башлыкомъ, и вручаетъ швейцару нѣсколько пакетовъ, съ просьбой пойти и раздать адресатамъ. Швейцаръ, ничего не подозрѣвая, исполнилъ порученіе. Засѣдавшіе старшины, вскрыли пакеты принялись за чтеніе извлеченныхъ оттуда листовъ. Частный приставъ Статкевичъ, находившійся въ клубѣ и узнавшій о „казусѣ“, прибѣжалъ и сталъ вырывать листки изъ рукъ читающихъ. Нѣкоторые старшины отказались вручить „чину“ листки. На слѣдующій день Статкевичъ пустился, ничего умнѣе не придумавъ, въ путешествіе по городу и, заѣзжая на квартиры „упрямыхъ“ старшинъ, отбиралъ у нихъ „преступные“ листки. Поступокъ Статкевича возмутилъ старшинъ клуба и, вѣроятно, не пройдетъ для него безнаказанно, такъ какъ рѣшено на первомъ же собраніи обсудить его, и Статкевичъ навѣрное будетъ лишенъ права входа въ общественный клубъ.

Второй случай распространенія также заслуживаетъ вниманія. — Въ праздничный день, когда нашъ „Невскій“ (Часть главной Черноморской улицы — сюда по праздникамъ собирается погулять весь городъ, запруживается гуляющими не только проспектъ, но и вся дорога, бываетъ тысячъ 15-20 народу) былъ запруженъ гуляющими, появляется уличный мальчикъ съ кипой листковъ и раздаетъ ихъ гуляющимъ. Полиція схватилась, когда было уже поздно. Одно время распространился по нашему граду пущенный кѣмъ-то слухъ, будто въ такой-то день будетъ „бунтъ“, что прі[illegible]о 150 человѣкъ, которые будутъ громить магазины и квартиры обывателей. Слухъ, очевидно, исходилъ отъ полиціи, такъ какъ она была сильно встревожена (городовыхъ здѣсь около [illegible] человѣкъ на весь городъ и около 200 человѣкъ мѣстной команды) и въ назначенный день была вся на ногахъ. Но никакого бунта не было. Нашъ курятникъ — полиціймейстръ[1]) страшно труситъ (онъ мнитъ себя великимъ государственнымъ мужемъ вродѣ Плеве, а посему боится бомбы), цѣлый день сидитъ дома, а вечеромъ ѣдетъ съ женой ночевать въ казармы. Какъ ни смѣшно, но это фактъ. Капитанъ мѣстной команды заявилъ ученикамъ старшихъ классовъ реальнаго училища, что, въ случаѣ возникновенія какихъ бы то ни было безпорядковъ, онъ будетъ стрѣлять. Заведенъ штатъ шпиковъ (раньше ничего подобнаго не было), на этомъ поприщѣ подвизается прапорщикъ русской арміи Вс. Вас. Чайкинъ. Стали раздаваться угрозы мѣстныхъ хулигановъ по адресу реалистовъ и студентовъ. Письма, адресованныя студентамъ, просматриваются.

Балашевъ, Саратовской губ. (изъ частн. письма). Собраніе наше (общества взаимопомощи учителей) было шумное. Началось рѣчью либерала-предсѣдателя о текущихъ событіяхъ. Тотчасъ чиновникъ отъ министерства (его присутствіе обязательно на всѣхъ собраніяхъ общества учителей) запротестовалъ, указавъ, что обсуждать безпорядки не входитъ въ программу настоящаго собранія; а когда всѣ пожелали выслушать несмотря на это, рѣчь предсѣдателя, то онъ заявилъ, что оставляетъ собраніе и, сопровождаемый свистками, вышелъ. Собраніе продолжалось. Много говорилось о томъ, какъ инспекторъ деморализуетъ учителей своимъ вліяніемъ, о томъ, что онъ на основаніи пустыхъ доносовъ поповъ, уволилъ многихъ учителей, даже не разслѣдовавъ дѣла. Накопился большой матеріалъ изъ показаній учителей о преслѣдованіяхъ земской школы попами, отъ которыхъ терпятъ всѣ интеллигенты въ деревнѣ, напримѣръ врачи; попы науськиваютъ „черныя сотни“ къ избіенію всѣхъ интеллигентовъ-крамольниковъ. Въ деревнѣ Ялани напр., „черная сотня“ ворвалась въ школу, чтобъ избить учителя — тотъ удралъ. Крестьяне кой гдѣ требовали прекратить чтенія въ школѣ, грозя разбить стекла. Собраніе пришло къ заключенію, что при такихъ обстоятельствахъ, особенно въ виду надвигающейся холеры, невозможно служить въ деревнѣ. Написали резолюцію въ комитетъ министровъ, прося защиты отъ поповъ и полиціи. Земская Управа доложитъ обо всемъ этомъ въ экстренномъ земскомъ собраніи. Рѣшили также просить директора назначить въ общество другого чиновника отъ министерства. Попы съ церковной кафедры увѣщеваютъ крестьянъ не ходить въ земскія школы, ибо ничему-де хорошему тамъ не научатъ, а только плохому.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ И ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Москва. Вчера я былъ на одномъ зубатовскомъ собраніи и хочу подѣлиться съ вами впечатлѣніями, вынесенными оттуда. Оно должно было состояться въ самомъ большомъ здѣшнемъ народномъ домѣ, въ которомъ помѣщается нѣсколько тысячъ человѣкъ. Этого собранія всѣ ждали съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ предполагалось, что тамъ выступитъ человѣкъ 6-7 соціальдемократовъ. Но за 2-3 часа до открытія его было объявлено, что собраніе тамъ по „независящимъ обстоятельствамъ“ состояться не можетъ и переносится въ гораздо меньшую чайную въ другомъ народномъ домѣ, и число билетовъ соотвѣтственно уменьшено. Впустили всего 300, а около 1000 осталось у входа, ихъ не пропускали въ виду тѣсноты. Нужно вамъ сказать, что причина отмѣны этого собранія — боязнь большого скопленія въ виду теперешняго тревожнаго настроенія рабочихъ. Такъ объясняли сами рабочіе. И вотъ, когда мы всѣ собрались во второй чайной, начался протестъ рабочихъ, отчего не пускаютъ остальныхъ товарищей. Секретарь всѣми силами старался распустить собраніе, но рабочіе кричали: хоть до завтра будемъ сидѣть, но не уйдемъ, забрали у насъ деньги за билеты, заставили, богъ знаетъ, откуда тащиться, а теперь говорятъ — по домамъ — не уйдемъ! Говорили, говорили между собой, потомъ рѣшили вынести всѣ стулья и столы и такимъ образомъ расчистить мѣсто для другихъ рабочихъ. Сдѣлали это; и остальные вошли. Помолились (эта комедія продѣлывается передъ каждымъ собраніемъ), и слово взялъ директоръ народнаго дома — капитанъ какой то. Онъ говорилъ, что помѣщеніе рабочимъ онъ даетъ для обсужденія только насущнѣйшихъ рабочихъ требованій, а не политическихъ. Нѣсколько рабочихъ выкрикнули: политическія требованія тоже насущнѣйшія. Тогда онъ пояснилъ, что онъ подъ насущнѣйшими понимаетъ экономическія, и если собраніе это будетъ носить такой бурный характеръ, какъ предыдущія, то онъ помѣщенія давать больше не будетъ. То-же заявилъ секретарь. На это рабочіе отвѣтили: „такъ не надо, а иначе вести собраніе не будемъ“. Потомъ одинъ зубатовецъ прочелъ петицію и просилъ подписываться всѣхъ подъ ней. Собраніе просило прочесть петицію петербургскихъ рабочихъ, и по прочтеніи почти всѣ поддерживали ее такъ какъ въ первой не было ни свободы слова, ни печати, ни 8-ми часоваго рабочаго дня, ни учредительнаго собранія Въ петербургской все это было сказано. Да, передъ тѣмъ какъ приступить къ чтенію петиціи, многіе голоса кричали: мы знаемъ, чѣмъ кончилась петиція: пулями и кровью товарищей, кому же и кто теперь будетъ, подавать мы не пошлемъ депутатовъ подъ разстрѣлъ или въ тюрьму. Это буквальныя слова. Петиціи все же были прочитаны. Послѣ взялъ слово соціальдемократъ интеллигентъ и очень горячо началъ говорить о положеніи рабочаго класса, объ отношеніи къ нему фабрикантовъ, губернатора и царя. Окончилъ онъ словами: „мы не можемъ ползать и цѣловать обагренныя кровью рабочихъ руки палачей, мы сами не съ перомъ въ рукахъ черезъ петицію, а съ оружіемъ добьемся свободы и народнаго правленія“. Рѣчь его прерывалась громкими апплодисментами, и какъ только онъ закончилъ, такіе оглушительные крики одобренія посыпались, что четверть часа никому нельзя было говорить. Потомъ взялъ слово одинъ рабочій; онъ вкратцѣ сказалъ, что всѣмъ должно быть понятно, какое униженіе съ чѣмъ-либо обращаться къ царю, мы должны всѣ заготовлять оружіе, и кончилъ словами: смерть или свобода! Это было дружно подхвачено всѣми. Потомъ еще одинъ интеллигентъ соціальдемократъ говорилъ о зубатовскихъ собраніяхъ, о томъ, что они теперь работаютъ подъ охраной полиціи — ихъ враговъ, которые не могутъ имъ желать добра, и потому они имъ и предлагаютъ петицію, чтобы заставить еще ждать и надѣяться рабочихъ. Съ такими руководителями они далеко не пойдутъ, а для побѣды своего дѣла они должны себѣ избрать руководителей друзей — соціальдемократовъ и вступить въ эту партію! Всеобщее одобреніе, и крикомъ „да здравствуетъ соціализмъ“ было закончено собраніе. Зубатовцы не говорили, да они и не могли говорить, ибо ихъ рѣчи были бы заглушены. Собственно, вѣдь, рабочіе были массовые, а между тѣмъ люди съ большимъ сознаніемъ, что было уже видно потому, что они предпочли петербургскую петицію съ учредительнымъ собраніемъ и всѣми политическими требованіями. При выходѣ изъ собранія всѣми повторялось: да здравствуетъ соціализмъ, въ бой за свободу, и т. д. Сыпались угрозы на зубатовцевъ.

Орѣхово-Зуево. Стачка здѣсь продолжается (см. № 93 „И“). и рабочіе все болѣе революціонизируются. Нѣсколько разъ были созваны собранія, прошедшія открыто, хотя участниковъ было 1000 человѣкъ и болѣе. Наши говорили нѣсколько разъ, при чемъ въ первый при крикахъ „долой самодержавіе“, публика немного разбѣжалась, но затѣмъ на всѣхъ послѣднихъ собраніяхъ принимались политическія резолюціи, и народное возбужденіе было очень велико. Полиція присутствовала въ качествѣ зрителя и не рѣшалась что либо дѣлать.

Въ Орѣховѣ-Зуевѣ было арестовано нѣсколько человѣкъ наиболѣе дѣльныхъ рабочихъ. Женщины съ кольями и палками ходили въ участокъ и требовали освобожденія товарищей. Ихъ выпустили, и женщины праздновали побѣду. Чѣмъ кончится забастовка, пока не знаемъ.

Одесса 16 марта. У насъ теперь броженіе среди портныхъ. Забастовала мастерская Воробейчика, гдѣ работаетъ человѣкъ 18. Бастуютъ уже двѣ недѣли. Другія портняжныя мастерскія дѣлаютъ для нихъ сборы и поддерживаютъ ихъ деньгами. Теперь поднятъ вопросъ о томъ, чтобы поддерживать ихъ всеобщей забастовкой дамскихъ портныхъ. Начался сезонъ (передъ пасхой), и время для забастовки благопріятное. Идетъ усиленная агитація въ ея пользу. Происходятъ ежедневныя собранія по 40-50 человѣкъ. Портными выбрана коммиссія изъ представителей отъ разныхъ мастерскихъ. Въ нее приглашены два членовъ группы Ц. К. Портные мастерскихъ Воробейчика уже третьяго дня (понедѣльникъ) хотѣли прекратить забастовку, но на собраніи изъ портныхъ было рѣшено, чтобы они продолжали свою забастовку до воскресенья. Въ воскресенье же предполагается окончательно рѣшить вопросъ о всеобщей забастовкѣ портныхъ. Время же до воскресенья рѣшено использовать на усиленную агитацію, собирая ежедневно по два по три собранія. Безъ такой предварительной агитаціи забастовка станетъ невозможной, такъ какъ портные плохо организованы. Въ воскресенье или ближайшіе дни можно будетъ подвести итогъ агитаціи и опредѣлить, стоитъ-ли начинать забастовку или нѣтъ. Портные мастерской Воробейчика подчинились этому рѣшенію и продолжаютъ забастовку. Стачка носитъ исключительно экономическій характеръ. Состоится ли всеобщая стачка портныхъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, это дастъ сильный толчокъ для дальнѣйшей организаціи портныхъ, это они и сами хорошо понимаютъ. Желѣзнодорожные рабочіе бастовали всего три дня. Получивъ удовлетвореніе (имъ повысили заработную плату, кажется, на 15%), они взялись за работу. Да ихъ настроеніе съ самаго начала не могло дать надежды, чтобы они вышли на улицу и потянули за собой другихъ..

---

[1]) Вся его дѣятельность ограничивалась до сихъ поръ сборами денегъ съ обывателей, да разведеніемъ всевозможныхъ породъ куръ.

Ростовъ, 9 марта. (Изъ письма члена организаціи).

Стачка уже закончилась совершенно. И подводя итоги, слѣдуетъ сказать, что ее не удалось вполнѣ вылить въ нѣчто сплоченное. Возникали стачки безсистемно, стихійно. Рабочіе на нѣкоторыхъ фабрикахъ не успѣли даже выставить требованій, такъ какъ не вездѣ комитетъ успѣлъ выработать ихъ, несмотря на просьбы рабочихъ. За исключеніемъ отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ, правда, самыхъ крупныхъ (Мартына, Пастухова, Волго-донского общества), комитетъ стачкою не овладѣлъ, но ему въ значительной степени удалось объединить движеніе общими лозунгами. Почти всюду были выставлены одинаковыя требованія: 8-часовый рабочій день, отмѣна сдѣльной работы, повышеніе заработной платы, неприкосновенность депутатовъ и стачечниковъ и общерабочія собранія. Необходимость послѣднихъ ощущалась особенно остро. По призыву комитета, рабочіе приходили и къ Красному Кресту, и къ газовому заводу, но всюду наталкивались на казаковъ и должны были расходиться. Только одну массовку (человѣкъ около 70) и нѣсколько летучекъ удалось устроить за время стачекъ (кромѣ одного большого митинга). Отсутствіе квартиръ, невылазная грязь сильно мѣшали ихъ устройству. Главной причиной малаго размаха стачечнаго движенія является слабость связей съ массой. Только недавно, послѣ ряда безпрерывныхъ разгромовъ и провокацій, организація начала вновь прочно складываться и ей пришлось напречь всѣ силы, чтобы при первомъ испытаніи не разсыпаться въ прахъ.

Организація вышла изъ стачки безусловно окрѣпшей. Много рабочихъ желаетъ теперь войти въ нее и, мнѣ кажется, что ростъ ея и упроченіе теперь обезпечены. Въ результатѣ стачки добились немаловажныхъ уступокъ: на мельницѣ Парамонова — 8-часоваго рабочаго дня, помощи при похоронахъ и рожденіяхъ; на фабрикѣ „Работникъ" уменьшенія на $1^1/_2$ часа рабочаго дня и незначительной надбавки заработной платы, на фабрикѣ Рысса — рабочее время уменьшено на 1 часъ, въ комитетѣ Донскихъ Гирлъ удовлетворены всѣ требованія, заготовщики и типографщики выиграли $^1/_2$ часа и т. д. На фабрикѣ Пастухова хозяиномъ была организована „черная сотня", вооруженная дубинками, состоявшая изъ согласившихся работать чернорабочихъ и имѣвшая своей цѣлью избивать приглашавшихъ ихъ къ стачкѣ рабочихъ. Ими было избито нѣсколько ораторовъ.

Ростовъ, 10-го марта. Вчера въ помѣщеніи Городской Думы съ разрѣшенія градоначальника состоялось второе собраніе приказчиковъ. Послѣ перваго собранія, броженіе среди нихъ не прекращается. На первомъ собраніи они выработали рядъ требованій и постановили, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ хозяевами до 21-го февраля, забастовать. Забастовка не удалась. Единодушія, на которое разсчитывали, не оказалось, приказчики обнаружили свою неподготовленность къ солидарному выступленію противъ хозяевъ. Второе собраніе было значительно интереснѣе перваго по своимъ результатамъ. Градоначальникъ, разрѣшая это собраніе, очевидно, руководствовался опытомъ перваго, на которомъ не было и намека на „политику". Но та даже сравнительно незначительная агитація, которая велась среди приказчиковъ въ промежутокъ между двумя собраніями, дала неожиданные результаты. Благодаря отчасти умѣлому веденію собранія предсѣдателемъ, вопросъ былъ сразу поставленъ на правильный путь. Почему опытъ съ забастовкой кончился фіаско? Потому, что приказчики вступили въ борьбу совершенно неорганизованными, потому что они не имѣютъ возможности свободно, безъ вмѣшательства полиціи, обсуждать свои нужды, потому, что законъ не допускаетъ свободныхъ организацій, потому, что въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ законъ всегда на сторонѣ послѣдняго, что забастовка для отстаиванія своихъ естественныхъ интересовъ закономъ запрещена. Отсюда выводъ: необходимо измѣненіе нашего законодательства въ интересахъ защиты труда отъ эксплоатаціи хозяевъ-капиталистовъ. Но какъ воздѣйствовать на законодательство? Въ законѣ не указано такихъ путей. Многократныя ходатайства приказчиковъ черезъ Городскія Думы о сокращеніи рабочаго времени, о праздничномъ отдыхѣ и т. д., ни къ чему не привели и не могутъ привести, тѣмъ болѣе, что въ думахъ сидятъ тѣ же хозяева. Только непосредственное участіе трудящихся на ряду съ другими слоями населенія, черезъ своихъ представителей, въ выработкѣ законовъ и въ контролѣ за ихъ исполненіемъ можетъ радикально измѣнить ихъ положеніе. Собраніе успѣло проголосовать соотвѣтствующую резолюцію, требующую созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. Эту резолюцію отправятъ въ коммиссію Булыгина. Затѣмъ, отвергнувъ нѣкоторыя другія предложенія (напримѣръ, предложеніе устроить съ разрѣшенія градоначальника кассу на случай забастовки, передать свое представительство на имѣющемъ состоятся съѣздѣ обществъ приказчиковъ мѣстному обществу приказчиковъ, крайне реакціонному и антисемитскому, въ которое могутъ входить также хозяева), собраніе хотѣло перейти къ вопросу о забастовкѣ. Но тутъ произошелъ инцидентъ. Еще раньше приставъ (тутъ же была масса городовыхъ и шпіоновъ) пытался сорвать собраніе, но, благодаря энергіи и умѣлому поведенію предсѣдателя, ему приходилось ретироваться; послѣ принятія указанной резолюціи, явился полиціймейстеръ и потребовалъ, чтобы о забастовкѣ не говорили. Въ отвѣтъ на отказъ предсѣдателя, онъ приказалъ потушить электричество и, во избѣжаніе полицейской расправы, собранію пришлось разойтись.

Николаевъ. 6 марта. Въ тихой доселѣ жизни нашего города сразу наступили событія: забастовали поочередно рабочіе Французскаго завода, затѣмъ Черноморскаго (Брянскаго), также другихъ заводовъ, болѣе незначительныхъ, стала одна типографія, и настроеніе поднялось необычайно. Начались событія еще въ срединѣ февраля, когда забастовали рабочіе Французскаго завода (4000 человѣкъ). Требованія были чисто экономическія, но настроеніе было настолько революціонное, что его легко можно было использовать. 18-го произошла даже небольшая демонстрація учащихся, къ которой присоединилось и немного рабочихъ. Вслѣдъ за Французскимъ заводомъ, сталъ и Черноморскій. Были выбраны депутаты, которые шли къ губернатору для переговоровъ. Рабочіе получили печатные отвѣты на свои требованія, въ которыхъ, конечно, почти сплошь отказано. Черноморцы, не видя никакой поддержки, взялись за работу, „Французы" же продолжали стоять. Собрали деньги между собой, отрядили собирать въ обществѣ и стойко держатся по сей день. Литературы никакой, листковъ нѣтъ. Къ счастью, новый комитетъ энергично принялся за работу. Были выпущены 4 листка, послѣдній изъ нихъ печатный. Кромѣ того, 2000 экземпляровъ „Пора кончать", 1000 экземпляровъ „Онъ прощаетъ" (изд. Од. гр. Ц. К.) и другіе листки Од. гр., а также бюллетени Од. гр. Къ сожалѣнію, хроническій недостатокъ въ литературѣ не позволилъ еще болѣе широко воспользоваться моментомъ. Нѣсколько №№ 1, 2, 3, „Соціальдемократъ" и „Искры" 81-87 — вотъ все, что комитетъ могъ предложить жаждавшей массѣ. Были завязаны новыя связи съ рабочими. Рабочіе съ большой охотой встрѣчаютъ листки, которые, къ сожалѣнію, по техническимъ условіямъ, можно выпускать въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Заводы работали вчера, въ субботу 5-го, кромѣ французскаго, вокругъ котораго ежедневно происходятъ отъ 10 до 1 ч. дня многолюдные митинги, привлекающіе и постороннюю публику. Выступаютъ ораторы — рабочіе, изъ нихъ 2 соціальдемократа. Къ сожалѣнію, намъ не удалось пробраться на эти собранія, ввиду ограниченнаго количества людей и невыносимыхъ полицейскихъ условій. Тутъ же масса шпиковъ, вначалѣ пріѣзжалъ полиціймейстеръ съ конными городовыми, приглашалъ всѣхъ разойтись, но кончилось тѣмъ, что разогнали лишь публику, а рабочіе продолжали говорить. Среди 39 депутатовъ отъ завода — 5 соціальдемократовъ. Рѣчи почти исключительно на экономическія темы. Рабочіе намѣрены держаться елико возможно и, по возможности, снова привлечь Черноморскій заводъ. Вчера рабочіе изъ порта заявили о своей готовности примкнуть къ стачкѣ при извѣстномъ руководствѣ. Въ городѣ пока спокойно; приказчики заявляютъ о своей готовности бастовать. Была забастовка въ средне-техническомъ училищѣ. Волнуется молодежь. Требуетъ листковъ и литературу. Словомъ, работы масса.

Мелитополь. Работа здѣсь сейчасъ ведется очень интенсивно. Движеніе съ каждымъ днемъ захватываетъ все новые слои рабочихъ. Установлены, наконецъ, прочныя связи съ рабочими въ депо... Организаціи удалось связаться также со многими селами нашего огромнаго уѣзда... Къ сожалѣнію работа среди крестьянъ и молоканъ сильно тормозится отсутствіемъ спеціальной литературы (брошюръ, листковъ, *бюллетеней*). Особенно болѣзненно чувствуется необходимость въ бюллетеняхъ. Въ настоящее время мы устраиваемъ еженедѣльно 2-3 массовки по 35-50 человѣкъ; еженедѣльно же занимаются 3 пропагандистскихъ кружка (по 8 человѣкъ) и агитаторская группа (рабочихъ 6 челов. и интел. 5 челов.) Кромѣ того, еженедѣльно собирается „интеллигентская массовка 35-40 человѣкъ.

За послѣднее время на собраніяхъ организованныхъ рабочихъ говорили: о современныхъ событіяхъ и задачахъ соціальдемократіи, о „большинствѣ" и „меньшинствѣ", о погромной агитаціи правительства (выпущенъ о ней листокъ, отпечатанный нами въ количествѣ 1500 шт.; 730 распространенны въ городѣ), объ отношеніяхъ соціальдемократіи къ либераламъ. — Особенно хорошее впечатлѣніе на массу произвели листокъ „Пора кончать" (ред. „И". изд. Ц. К. распр. 600 штукъ) и нашъ листокъ противъ погрома.

Рига, 10 марта. Настроеніе рабочей массы повышенное. Продолжаются частичныя забастовки. Бастуетъ кораблестроительный заводъ Ланге. Закончилась забастовка на заводѣ Фениксъ; требуютъ освобожденія арестованныхъ депутатовъ. Происходятъ частичныя столкновенія съ казаками. У завода Ланге за Двиной, передъ мчавшимися казаками была протянута проволока, къ сожалѣнію, замѣченная во время. Казаки ворвались въ сосѣдній трактиръ, куда спряталась группа рабочихъ, протянувшая проволоку. Произошла свалка. Въ окрестностяхъ происходятъ тысячныя собранія крестьянъ и рабочихъ сосѣднихъ фабрикъ, созываются они латышской соціальдемократической организаціей, причемъ въ прокламаціяхъ заранѣе назначается время и мѣсто. Собранія разгоняются казаками. На послѣднемъ собраніи арестовано до 100 человѣкъ. Третьяго дня забастовала пробочная фабрика *прямо изъ за одного сочувствія* къ избитымъ на послѣднемъ собраніи товарищамъ. Вспыхнула забастовка стихійно. Въ Курляндской губерніи крестьянскіе бунты и стачки сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Посланы туда драгуны. Подробности въ слѣдующемъ письмѣ.

Витебскъ. 13 марта. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ здѣсь бастуютъ приказчики. Забастовка началась 9 го. Первые два дня прошли совершенно спокойно. Былъ выработанъ цѣлый рядъ требованій (всего 21), которыя были представлены владѣльцамъ магазиновъ. Въ числѣ требованій, между прочимъ, имѣются слѣдующія: уменьшеніе рабочаго дня, ежегодный двухнедѣльный отпускъ безъ вычета жалованья, вѣжливое обращеніе. Забастовавшіе ходили отъ лавки къ лавкѣ и заставляли приказчиковъ и приказчицъ покидать прилавки, такъ что въ первый же день забастовка приказчиковъ была почти всеобщей. Исключеніе составляли немногочисленные христіанскіе приказчики. Въ тотъ же день всѣ крупные магазины были закрыты. Мелкіе же, не пользующіеся наемнымъ трудомъ, были открыты. Такъ, въ мануфактурной лавкѣ Трайнина шла бойкая торговля благодаря тому, что мѣсто стачечниковъ заступила дочь Трайнина, молодая дѣвица, считающая себя „революціонеркой", недалекій сынъ студентъ, окончившій уже естественный факультетъ и нынѣ числящійся въ другомъ факультетѣ, да товарищъ послѣдняго, армянинъ (фамиліи не знаю), уволенный студентъ Московскаго университета. Эти просвѣщенные streikbrecher'ы остались пока безнаказанными; не такъ было съ нѣкоей m-lle Русиной, аптекарской ученицей. Въ аптекарскій магазинъ ея отца вошло нѣсколько стачечниковъ и потребовали, чтобы приказчики, а также и дочь хозяина, остановили работу. Въ отвѣтъ на это, г. Русинъ выбѣжалъ на улицу и сталъ звать полицію. Тогда одинъ изъ стачечниковъ ударилъ m-lle Русинъ. Приказчики оставили работу.

Сегодня забастовали всѣ еврейскіе ремесленники и рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ (табачная фабрика Ковбановскаго и др.). Сегодня приказчики потребовали, чтобы всѣ лавки были закрыты. Съ утра на улицахъ города замѣтно было сильное волненіе. Конные и пѣшіе патрули такъ и рыскали по городу. Стачечники ходили по лавкамъ и требовали закрытія ихъ. Большинство торговцевъ уже при одномъ приближеніи ихъ поспѣшно запирали двери; малѣйшій протестъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ разбитыя стекла. Заслышавъ звонъ разбиваемыхъ стеколъ, полиція и патрули устремлялись туда, но „злоумышленниковъ" уже и слѣдъ простылъ. Гоняясь за стеклобойцами, одинъ конный жандармъ наскочилъ на стараго еврея и сломалъ ему руку. Человѣкъ 10 было арестовано. Мѣстная организація рѣшила было устроить демонстрацію, но потомъ отмѣнила свое рѣшеніе, такъ какъ оно могло бы привести только къ напрасному кровопусканію. Рабочихъ здѣсь мало, христіанское населеніе настроено враждебно, а у полиціи силъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы расправиться съ демонстрантами. Но все же вечеромъ толпы рабочихъ разгуливали по главнымъ улицамъ (Вокзальной, Замковой, Смоленской) Замѣтивъ, что патруль находится не особенно близко, рабочіе смыкались въ тѣсную группу и крикъ „долой самодержавіе" оглашалъ улицу. Стоящіе по близости полицейскіе схватываютъ полы своихъ шинелей и неуклюже бѣгутъ ловить демонстрантовъ, а тѣ уже успѣли раздѣлиться на парочки и одиночки и чинно шествуютъ по тротуару. Конный патруль мчится съ Замковой на Смоленскую, а группы рабочихъ на Замковой пользуются этимъ моментомъ и крики „долой самодержавіе" оглашаютъ улицу. Полиція и солдаты падали отъ усталости. Арестовать же имъ почти никого не удалось. Говорятъ, что утромъ одинъ рабочій былъ раненъ штыкомъ. Въ помощника пристава 1-й части стрѣлялъ изъ револьвера одинъ рабочій, но не попалъ.

Политическое сознаніе мѣстныхъ обывателей сильно развилось. Только и разговоровъ, что о политикѣ, о конституціи, а о рабочихъ отзываются, какъ о главнѣйшей общественной силѣ. Помѣщиками, вслѣдствіе послѣднихъ крестьянскихъ волненій, овладѣла паника. Многіе продаютъ по очень низкимъ цѣнамъ свои имѣнія и уѣзжаютъ. Всѣ станціи Риго-Орловской желѣз. дороги заняты патрулями. Когда мнѣ пришлось проѣзжать мимо станціи Малиновки (около Двинска), оттуда подъ сильнымъ конвоемъ отправляли человѣкъ 15 „бунтовщиковъ". — здѣсь были и молодые и старые крестьяне, на видъ очень измученные. У всѣхъ ихъ лица были окровавлены со страшными кровоподтеками подъ глазами, очевидно, вслѣдствіе побоевъ.

14 го. Только что я узналъ, что вчера вечеромъ въ 9 часовъ въ 3-й части города на базарѣ были проколоты штыками 2 приказчика, пытавшіеся заставить закрыть одинъ магазинъ; тяжело раненые, они отправлены въ еврейскую больницу.

Умань, Кіевской губ. (Изъ отчета Уманьской группы) 10 февр. Лишь въ 1902 году здѣсь началась дѣятельность соціальдемократовъ. Постепенно развиваясь, работа ихъ по организаціи рабочихъ все болѣе расширялась и приносила большіе результаты. До осени 1904 г. мѣстной соц.-дем. группѣ приходилось довольствоваться мѣстными агитаціонными средствами, извнѣ она не получала листковъ. Между тѣмъ, число организованныхъ рабочихъ достигло 150 человѣкъ, какъ ремесленниковъ, такъ и заводскихъ рабочихъ. Въ ноябрѣ группой были распространены полученные изъ Одессы листки „Къ новобранцамъ" и „Новый министръ" (всего 600 экз.), въ декабрѣ до 1500 различныхъ листковъ, которые были распространены по всему городу. Подъ новый годъ была организована массовка изъ 100 рабочихъ, на которой говорили два оратора. Въ концѣ января въ 2000 экземп. была распространена прокламація о петербургскихъ событіяхъ (200 штукъ въ театрѣ). По поводу этихъ событій была устроена также и массовка.

Единственное препятствіе для распространенія работы — почти полное отсутствіе литературы, очень часто нечего давать рабочимъ. Необходимы прочныя связи съ какимъ-нибудь комитетомъ крупнаго центра, который могъ-бы обслуживать Умань листками и литературой.

ИНОСТРАННОЕ ОБОРѢНІЕ.

Съѣздъ французской соціалистической партіи въ Руанѣ.

Еслибъ объединеніе пролетарскихъ силъ въ одну соціалистическую партію зависѣло отъ добрыхъ совѣтовъ благорасположенныхъ друзей, фракціонная борьба между французскими соціалистами должна была бы прекратиться тотчасъ же послѣ парижскаго международнаго конгресса 1900 года, на которомъ въ такихъ благожелательныхъ совѣтахъ недостатка не было. Но, къ величайшему изумленію всѣхъ совѣтниковъ, именно послѣ этого конгресса среди французскихъ соціалистовъ произошелъ новый расколъ, который, казалось, надолго разбилъ силы французскаго соціалистическаго міра на нѣсколько враждующихъ между собою фракцій. Оказалось, однако, что именно это послѣднее расхожденіе подготовило почву для новаго объединенія, повидимому, болѣе глубокаго и болѣе основательнаго, чѣмъ всѣ предыдущія. Оказалось именно, что та партія, которая являлась для всѣхъ революціонныхъ соціальдемократовъ синонимомъ оппортюнизма, сохранила въ своихъ рядахъ многочисленные революціонно настроенные пролетарскіе элементы, число которыхъ постоянно увеличивалось, а классовое сознаніе быстро росло, между прочимъ, подъ вліяніемъ непрекращавшихся измѣнъ въ собственной партіи. Нѣкоторые факты, какъ исключеніе Мильерана и Девиля, какъ порицаніе нѣкоторымъ депутатамъ за ихъ антипролетарскіе воты, показали и другимъ соціалистамъ, что контроль объединенныхъ сознательныхъ пролетарскихъ силъ является единственной гарантіей противъ оппортюнистическихъ скачковъ нѣкоторыхъ вождей.

Принятіе амстердамскимъ конгрессомъ такъ называемой дрезденской резолюціи, всеобщее осужденіе представителями международнаго соціализма жоресовской тактики еще болѣе укрѣпили въ рядахъ французской соціалистической партіи (жоресистовъ) оппозиціонные элементы и побудили другую фракцію (Геда и Вайяна) сдѣлать первые практическіе шаги къ осуществленію полнаго объединенія. Самъ Жоресъ сначала противился этой объединительной тенденціи и въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Humanité" и писанныхъ тотчасъ послѣ амстердамскаго конгресса, онъ продолжаетъ защищать свою тактику и переходитъ даже въ наступленіе напавъ на тактику той партіи, которая, по его мнѣнію, явилась главной виновницей его амстердамскаго пораженія, т. е. на тактику германской соціальдемократіи.

Въ свое время въ „Искрѣ" было разсказано о первыхъ переговорахъ между обѣими крупнѣйшими фракціями. Соціалистическая партія Франціи (фракція Геда и Вайяна) взяла на себя иниціативу въ переговорахъ объ объединеніи, выработавъ и условія этого объединенія, которыя явились перефразировкой амстердамско-дрезденской резолюціи. Справедливость требуетъ сказать, что и Жоресу, когда воспоминанія объ амстердамскомъ боѣ и пораженіи начали сглаживаться, стало ясно, что объединеніе, во первыхъ, стало неотложной необходимостью и, во вторыхъ, возможно только на основѣ принятой въ Амстердамѣ резолюціи. Между прочимъ, такому обращенію Жореса содѣйствовали также и событія, совершавшіяся одновременно въ парламентской жизни. Стихійное разложеніе „блока" подъ вліяніемъ закулисныхъ интригъ, измѣна Мильерана и его сторонниковъ, не сумѣвшихъ скрыть своего нетерпѣнія въ погонѣ за министерскими креслами, выборъ Думера въ президенты палаты, — все это ясно показало, что такъ называемыя демократическія фракціи, входившія въ блокъ, не въ состояніи подчинить своихъ сторонниковъ той необходимой дисциплинѣ, которая давала бы ручательство въ томъ, что обѣщанныя въ ихъ программахъ демократическія реформы, дѣйствительно, будутъ проведены.

Вмѣстѣ съ Жоресомъ сторонникомъ объединенія становится весь центръ французской соціалистической партіи. Лѣвая давно стояла за объединеніе. Оставалась только правая, но, потерявши Жореса и его сторонниковъ, она не обнаруживала никакого сопротивленія общему теченію. Началась подготовка окончательнаго объединенія соціалистическихъ силъ. Всѣ ясно понимали, что такая вещь не совершается въ пару дней, ни даже въ пару недѣль или мѣсяцевъ. Была составлена коммиссія изъ представителей рѣшительно всѣхъ теченій французскаго соціалистическаго міра; въ коммиссію вошли не только представители обѣихъ большихъ партій, но и представители небольшой фракціи алеманистовъ и такъ называемыхъ автономныхъ федерацій, не вошедшихъ ни въ одну изъ существующихъ партій. Коммиссія долго обсуждала тѣ принципіальныя основы, на которыхъ должна быть построена будущая объединенная партія, и выработала наконецъ формулу, которая была принята въ коммиссіи единогласно.

Оставалось лишь выработать новыя формы организаціи и созвать общій конгрессъ, который санкціонировалъ бы принятыя въ коммиссіи рѣшенія, какъ вдругъ одно обстоятельство чуть было не погубило все дѣло: заговорили тѣ элементы, которые были злѣйшими противниками объединенія, но въ коммиссіи не осмѣлились поднять голоса противъ него. Заговорили они по своему, не выступая съ открытой борьбой противъ непріятныхъ имъ рѣшеній, а просто обходя ихъ. Дезорганизаторскую роль эту сыграла парламентская фракція, члены которой и по своей природѣ (мелкобуржуазные демократы съ легкимъ соціалистическимъ душкомъ), и по своему отношенію къ организованному пролетаріату (полная независимость отъ организованной партіи и связь исключительно съ избирательнымъ комитетомъ, состоящимъ, большею частью, изъ тѣхъ же мелкобуржуазныхъ элементовъ) больше всего склонны играть роль диктаторовъ въ своихъ избирательныхъ округахъ, но не равноправныхъ членовъ партіи. Въ первыхъ числахъ февраля 1905 г. этой соціалистической парламентской фракціи было предложено нѣкоторыми радикалами возстановить парламентскій „союзъ лѣвыхъ", который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ прекратилъ свое существованіе и возстановленіе котораго входило въ принятыя коммиссіей условія партійнаго объединенія. Несмотря на это, фракція 19 голосами противъ 4 (Жореса, Прессансэ, Селля и Кордэ) рѣшила послать своихъ делегатовъ на собраніе лѣвыхъ фракцій. Возмущеніе въ партіи было огромное. Національный Совѣтъ партіи, составленный изъ представителей всѣхъ федерацій, принялъ 33 голосами противъ 13 (среди послѣднихъ 11 депутатовъ) резолюцію, высказывавшуюся противъ возстановленія демократическаго блока. Парламентская фракція, однако, не пожелала отказаться отъ своего рѣшенія, а это обстоятельство сдѣлало необходимымъ созывъ отдѣльнаго конгресса французской соціалистической партіи раньше, чѣмъ будетъ созванъ общій объединительный конгрессъ. Такимъ образомъ задачей руанскаго конгресса являлось санкціонированіе одною изъ договаривающихся сторонъ рѣшеній коммиссіи, а слѣдовательно, и косвенное одобреніе или неодобреніе членовъ парламентской фракціи и заявленіе имъ, что они должны или подчиниться или уйти.

Партія или парламентская группа? — таковъ былъ вопросъ, поставленный передъ руанскимъ конгрессомъ предшествующими событіями. Является ли партія органическимъ цѣлымъ, части котораго, хотя и ведутъ самостоятельную жизнь, но подчиняютъ свои дѣйствія интересамъ цѣлаго, — или же эти части имѣютъ лишь въ виду выполненіе своихъ самостоятельныхъ функцій и соединеніе всѣхъ этихъ (ведущихъ отдѣльное существованіе) элементовъ представляетъ партію? Правая французской соціалистической партіи, т. е. большинство парламентскихъ депутатовъ рѣшаетъ этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ. По мнѣнію всѣхъ этихъ Оганьеровъ, Руанэ, Жеро-Ришаровъ и пр., каждая федерація ведетъ отдѣльное, само себѣ довлѣющее существованіе, каждая газета или журналъ пишетъ, что взбредетъ въ голову ея редактору и не подлежитъ никакому партійному контролю, а что касается парламентской фракціи, то она, — какъ писалъ Оганьеръ въ „Petite République“, — „будучи составлена изъ людей, несущихъ отвѣтственность за свои поступки передъ лицомъ всеобщаго избирательнаго права, не можетъ раздѣлять этой отвѣтственности съ товарищами, которымъ чужды и ея заботы и ея отвѣтственность“. Само собою разумѣется, что на ровно противоположную точку зрѣнія стала лѣвая, которая, къ сожалѣнію, въ рѣчи Ренодела ограничила себя, поставивши вопросъ на чисто организаціонную почву, что помѣшало ей рѣзко отграничить себя отъ правой. „Въ корнѣ нашихъ споровъ, — говорилъ Ренодель, — лежатъ двѣ тенденціи: одна хочетъ сдѣлать политическую дѣятельность преобладающей стороной въ дѣятельности нашей партіи, другая, не пренебрегая политической дѣятельностью, думаетъ, что насущной задачей соціализма является организація самаго пролетаріата, особенно въ экономической области“. Въ этой несовсѣмъ ясно выраженной мысли заключается несомнѣнная истина, но для большей точности и опредѣленности слѣдовало показать, что въ основѣ этихъ двухъ взглядовъ лежитъ глубокое принципіальное расхожденіе во взглядѣ на роль и значеніе классовой борьбы пролетаріата.

Рѣшающимъ въ спорѣ двухъ сторонъ явился центръ съ Жоресомъ и Прессансе во главѣ. Центру предстояла не легкая задача — оправдать всю предыдущую тактику французкой соціалистической партіи и въ то же время рекомендовать принятіе резолюціи объединительной коммиссіи, т. е. принятіе новой тактики. Сгладить это противорѣчіе не удалось даже такому ловкому оратору, какъ Жоресъ. Но во взглядѣ на роль партіи по отношенію къ ея частямъ Жоресъ рѣшительно сталъ на сторону лѣвой, и мысль о томъ, что партія есть опредѣленный коллективъ, живущій своей самостоятельной жизнью, отвѣтственный самъ передъ собою за свои дѣйствія и комбинирующій и контролирующій дѣйствія своихъ частей, проходитъ красною нитью черезъ всю его рѣчь. Кажется, что изъ всѣхъ своихъ блужданій Жоресъ вынесъ убѣжденіе въ необходимости опереться на сознательную волю борющагося и въ процессѣ борьбы организующагося пролетаріата.

Въ результатѣ почти трехдневныхъ преній резолюція объединительной коммиссіи была принята почти единогласно. Единогласіе разномыслящихъ всегда подозрительно: оно оставляетъ мѣсто догадкамъ, что каждый изъ вотирующихъ придавалъ свое толкованіе резолюціи и оставлялъ за собою право въ свое время выступить съ этимъ своимъ толкованіемъ. Но опасность отъ этого будетъ не велика, если послѣднее слово дѣйствительно будетъ принадлежать организованному, сознательному пролетаріату.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ВНИМАНІЮ ПАРТІИ.

„Итакъ, мы можемъ торжествовать полную моральную побѣду! Россія взяла верхъ надъ заграничниками. Партійность побѣдила кружковщину. Въ послѣднюю минуту Ц. К. увидѣлъ, что созываемый Бюро комитетовъ большинства съѣздъ есть, дѣйствительно, партійный съѣздъ и примкнулъ къ нему.“

Эта торжествующая пѣснь украшаетъ собою только-что изданный газетой „Впередъ“ листокъ подъ заглавіемъ „Второй шагъ“. Изъ листка мы узнаемъ, что причиной, вызвавшей радость, являются 3 документа, изъ которыхъ первый представляетъ обращеніе Ц. К. „къ партіи“ отъ 4 марта, второй — письмо того-же Ц. К. къ „Бюро Комитетовъ Большинства“ отъ 6 марта и третій — обращеніе къ Партіи отъ Ц. К. и Б. К. Б., объявляющихъ о созывѣ съѣзда „Организаціоннымъ комитетомъ“, составленнымъ изъ слiянія этихъ двухъ группъ.

Изъ этихъ 3-хъ документовъ мы имѣли только послѣдній. Обращеніе Ц. К. къ партіи отъ 4 марта намъ не было до сихъ извѣстно: повидимому, Ц. К. исключилъ „Искру“ изъ числа тѣхъ организацій, которыя онъ признаетъ входящими въ партію. Намъ только было извѣстно изъ письма къ намъ за той-же датой, что Ц. К. считаетъ нужнымъ высказаться за съѣздъ, хотя большинства въ пользу съѣзда въ партіи, по его убѣжденію, нѣтъ. Черезъ недѣлю послѣ этого письма, вмѣстѣ съ напечатаннымъ газетой „Впередъ“ третьимъ документомъ, мы получили сообщеніе отъ Ц. К., что уже 18 комитетовъ, не считая его самого, требуютъ съѣзда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ц. К. сообщилъ, что даетъ всѣмъ комитетамъ и другимъ организаціямъ 10-ти дневный (*со дня отправки-посланія*) срокъ для выбора делегата и заявленія о томъ „Орг. К—ту“.

Въ спискѣ приглашаемыхъ организацій мы не нашли нѣкоторыхъ, которыя, по смыслу опубликованнаго теперь обращенія отъ 4-го марта, должны были быть приглашены. Изъ обращенія отъ 12 марта мы узнали, что Ц. К. и „бюро комитетовъ большинства“ лишили рѣшающаго голоса *шесть комитетовъ* ¹), которые, по единогласному рѣшенію Совѣта (при участіи Н. Ленина), были въ прошломъ году признаны правоспособными.

Все это насъ повергло въ немалое изумленіе. Какимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней получились голоса за съѣздъ отъ тѣхъ комитетовъ, о которыхъ упоминаетъ Ц. К (не перечисляя ихъ)? Почему ихъ резолюціи не были сообщены Совѣту? Почему Ц. К., придя къ заключенію, что съѣздъ необходимъ, не поступилъ такъ, какъ онъ обѣщалъ партіи въ обращеніи отъ 4 марта, нынѣ напечатанномъ: „такъ какъ, по уставу, общепартійный съѣздъ созывается Совѣтомъ Партіи, то Ц. К., приглашая мѣстные комитеты высказываться за созывъ 3-го съѣзда, какъ единственнаго теперь средства обезпечить единство партіи, съ своей стороны, *будетъ черезъ своихъ представителей въ Совѣтѣ поддерживать свое рѣшеніе о немедленномъ созывѣ съѣзда?*“ Почему, на самомъ дѣлѣ, Ц. К. не подождалъ рѣшенія Совѣта и, прежде чѣмъ его первое обращеніе могло дойти до Женевы, уже вступилъ въ соглашеніе съ „Б. К. Б.“ о созывѣ съѣзда *помимо Совѣта*? Почему Ц. К., объявляя о созывѣ съѣзда, счелъ возможнымъ заявить, что принятая до его рѣшенія резолюція Совѣта (№ 89 „Искры“) не признается, съ его стороны, „основаніемъ для пріостановки работы по организаціи съѣзда“? Почему онъ, рѣшившись высказаться за созывъ съѣзда *для объединенія* партіи, счелъ возможнымъ признать ту „подготовительную“ работу, которая имѣла въ виду съѣздъ для раскола?

Мы не имѣемъ никакой охоты вдаваться въ догадки относительно мотивовъ неожиданнаго поведенія Ц. К. Предоставляемъ Совѣту партіи дать ему юридическую квалификацію, а всѣмъ членамъ партіи оцѣнить по достоинству весь его политическій смыслъ. Для насъ очевидно, что, если всѣ эти документы не новая мистификація какого нибудь „твердокаменнаго“, Ц. К-тъ, подписавъ ихъ, потерялъ всякое право претендовать на серьезное отношеніе къ нему, какъ къ политическому дѣятелю.

Если за съѣздъ теперь большинство комитетовъ, то Совѣтъ обязанъ былъ бы его созвать, и *только Совѣтъ можетъ его созвать*. Кто желаетъ съѣзда, соотвѣтствующаго уставу партіи и слѣд., такого съѣзда, рѣшенія котораго для нея обязательны, тотъ долженъ требовать, чтобъ Ц. К. и „Б. К. Б.“ немедленно выпустили изъ рукъ неподлежащее имъ дѣло. Кто желаетъ съѣзда, кто согласенъ участвовать на *партійномъ* съѣздѣ, зная, что рискъ этого организаціоннаго предпріятія сводится къ минимуму тѣмъ, что организація дѣла находится подъ контролемъ всѣмъ извѣстнаго не со вчерашняго дня учрежденія (какъ Совѣтъ), тотъ долженъ настаивать, чтобы это конспиративное дѣло было изъято изъ рукъ учрежденія („Б. К. Б.“), не давшаго еще никакихъ гарантій своей солидности. Кто хочетъ, чтобы съѣздъ не былъ подтасованъ, не былъ *сфабрикованъ*, тотъ долженъ требовать, чтобы были оставлены всѣ *продѣлки*, вродѣ произвольнаго и немотивированнаго удаленія однѣхъ организацій, приглашенія другихъ несуществующихъ ¹), вродѣ внезапнаго назначенія краткаго срока, въ родѣ *навязыванія*, безъ предварительнаго обсужденія, порядка дня, въ родѣ *прятанія въ карманъ* тѣхъ комитетовъ, которые, якобы, въ достаточномъ числѣ высказались за съѣздъ, и т. д., и т. д.

Съ своей стороны, мы категорически требуемъ:

Чтобы Ц. К. немедленно пріостановилъ такъ называемыя „подготовительныя работы“ по содѣйствію „бюро комитетовъ большинства“ въ фабрикаціи съѣзда, чтобы онъ немедленно сообщилъ Совѣту всѣ законныя основанія для созыва съѣзда и предоставилъ ему организовать и подготовить съѣздъ.

Въ другой статьѣ мы указываемъ, какимъ условіямъ долженъ удовлетворять партійный съѣздъ со стороны его организаціи. Здѣсь же мы укажемъ, что неудачное начало, положенное Ц. К., грозитъ, если партія не спохватится во время, привести ее къ вѣрному расколу, каковы бы ни были благія пожеланія самого Ц. К.

Вотъ почему мы понимаемъ торжество „побѣдителей“ изъ „Впереда“.

Имъ предвидится уже, въ результатѣ неожиданнаго шага Ц. К., новый партійный скандалъ „въ большомъ стилѣ“. Имъ кажется, что часть ихъ вчерашнихъ противниковъ готова помочь имъ сфабриковать *нужный имъ* съѣздъ — съѣздъ для раскола. Это ли не „моральная побѣда“? Еще бы! „Россія“ — въ лицѣ Галерокъ, Орловскихъ, Войновыхъ и Бончъ-Бруевичей — этихъ пришельцевъ, подъ крыломъ Ленина дѣлающихъ свою политическую карьеру на несчастьяхъ пролетарской партіи, — чувствуетъ себя уже побѣдительницей надъ „заграничниками“ — балаханскими, тифлисскими, воронежскими, одесскими, сормовскими, екатеринославскими, петербургскими и рижскими пролетаріями-соціальдемократами, уже готовится „на законномъ основаніи“ разрушать и отлучать рабочія организаціи! „Партійность побѣдила кружковщину“! „Партійность“ не имѣющихъ ничего общаго съ пролетаріатомъ комитетскихъ „засѣдателей“? „Кружковщину“ тѣхъ сотенъ и тысячъ партійныхъ работниковъ, ради устраненія которыхъ отъ участія въ съѣздѣ дается минимальный срокъ для всякихъ заявленій, чтобы они не успѣли еще даже прочесть къ этому сроку во „Впередъ“ того обращенія Ц. К., которое позволяетъ имъ добиваться представительства и которое „засѣдатели“ *не покажутъ* своей „периферіи“, хотя оно и обращено „къ партіи“?

„Полная моральная побѣда!“ Да, если бы бонапартистская попытка „сфабриковать“ партійную волю могла удаться, это была бы побѣда *вашей* морали! Но — увы! — вы сами вынуждены были заявить:

„По уставу нашей партіи, съѣздъ созывается Совѣтомъ, а не Ц. К. Слѣдовательно, говоря юридически, *никакія заявленія и соглашенія Ц. К. по этому вопросу никакой силы не имѣютъ*“ ²) (курс. нашъ).

Святая истина! Пока партія не разорвана, каждый членъ ея считаетъ своимъ долгомъ подчиниться волѣ партіи, выраженной въ рѣшеніяхъ съѣзда, созваннаго согласно требованіямъ устава или согласно особому договору между всѣми частями партіи. Ц. К. и Б. К. Б., неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, предпочли обойти уставъ и созвать съѣздъ по созданнымъ *ими* нормамъ, устранивъ подлинное большинство партіи отъ контроля надъ организаціей съѣзда. Отсюда явствуетъ, какъ дважды два:

Или этотъ съѣздъ не состоится, или — при условіи, что на него попадутъ представители достаточнаго числа организацій — *онъ будетъ простой конференціей между различными обособившимися теченіями*. Но такая конференція всегда признавалась нами желательной, и трудно понять, какую „моральную побѣду“ представляетъ для „Впередъ“ созывъ такой конференціи, на которой, по самому ея характеру, невозможно ни „раскассировать“, ни „упразднить“ ни одной организаціи, которая не можетъ принимать рѣшеній большинствомъ голосовъ, и рѣшенія которой обязательны лишь при принятіи ихъ единогласно и послѣ утвержденія ихъ всѣми организаціями.

Намъ сдается, что „торжество“ впередовцевъ, по меньшей мѣрѣ, преждевременно. Rira bien, qui rira le dernier ³), могли бы мы имъ сказать. Но мы слишкомъ хорошо знаемъ, каково положеніе практиковъ, „оглушенныхъ“ странными поступками Ц. К., чтобы быть расположенными къ смѣху. Мы предлагаемъ товарищамъ настаивать на немедленномъ прекращеніи этой некрасивой комедіи и занять недвусмысленное положеніе по отношенію къ конференціи, которую Ц. К. безусловно имѣетъ право созвать, но, созывая которую, Ц. К. не имѣетъ никакого основанія вносить новую путаницу въ партійную жизнь.

Вышли изданія: Смоленск. Ком. „О царскомъ манифестѣ 18 февраля“ (перепечатка листка Моск. Ком.) 3000 экз. и „Три указа“ 1000 экз. **Петербургской** группы: Манифестъ выборщиковъ. **Николаевскаго** Ком.: „Въ бой за свободу“ 800 экз., „Солдатская памятка“ 800 экз. и „Ко всѣмъ рабочимъ г. Николаева“ (о всеобщемъ голосованіи). **Кіевскаго** Ком. „Мукденскій разгромъ“ 7000 экз. **Донскаго** Ком.: Листокъ Южнаго Бюро Ц. К. „Царизмъ на канунѣ всенароднаго возстанія“ и „Ко всѣмъ фармацевтамъ Ростова и Нахичевани.“ **Балаханскихъ и Биби-Эйбатск.** рабочихъ (за время отъ 25 января по 9-ое марта): 1) Петиція Петерб. рабочихъ, 2) Посланіе свящ. Гапона, 3) Отчетъ засѣданія организаціи 14 января, 4) „Не довольно ли вѣчнаго горя?“, 5) Извѣщеніе о политической стачкѣ, какъ протестѣ противъ правительств. бойни, 6) „Ко всѣмъ рабочимъ“ (по поводу бойни 6—7 февр.), „Ко всѣмъ гражданамъ“ (призывъ къ вооруженію народа и отказу платить налоги), 8) „Россія поднимается“, 9) „Въ Баку и Гуріи военное положеніе...“, 10) По поводу забастовки въ заводѣ Вотанъ и 11) Денежный отчетъ организаціи за время съ 1 янв. по 15 февр. **Рижской** гр. переиздана въ 800 экз. статья изъ № 91 „Искры“: „Послѣ двухъ мѣсяцевъ“.

Выпущенъ тов. Плехановымъ № 1 „Дневника Соціальдемократа“ (содерж.: Мукденъ. — Мужики бунтуютъ. — О нѣкоторыхъ нашихъ нехваткахъ).

За февраль Астраханскимъ комитетомъ издано: „Петербургскія событія“ — 1500 экз., „Рабочій листокъ“ — 2000 экз. „Къ рабочимъ завода Поляка“ — 200 экз., „Къ ремонтнымъ и судовымъ рабочимъ“ — 500 экз. „Къ бондарямъ“ — 500, „Къ портнымъ“ — 300; „Къ пекарямъ“ — 400; „Ко всѣмъ рабочимъ г. Астрахани“ — (призывъ къ забастовкѣ) — 1500; „Забастовка началась“ — 1000 экз. „Ко всѣмъ рабочимъ“ — 350; Листокъ о забастовкѣ типографій и пекаренъ“ — 2000; „Къ рабочимъ трамвая“ — 100; „письмо Гапона“ — 500; „объ убійствѣ в. к. Сергѣя“ — 500; „Къ офицерамъ — “600; „Царскія рѣчи къ рабочимъ“ — 300; „Къ обществу“ отъ Комитета — 400; „Къ обществу“ отъ организованныхъ рабочихъ — 800; „Къ обществу о реалистахъ“ — 400; „Требованія реалистовъ“ (изд. К.) — 200; „О Сунодѣ“ — 200; „О полицейскомъ банкетѣ“ — 200; „Къ гласнымъ Думы“ — 400. А всего 15150 экз.

Распространено изданій Цент. Ком. за февраль:

Хроника № 1 — 300 экз. „Попъ Гапонъ и рабочій классъ“ — 3150. „Цивилизованному міру“ — 500; „Къ солдатамъ“ — 150; Всего — 4000; всего распространено за февраль — 19250 экз.

Въ февралѣ Аст. Ком. было организовано 5 массовокъ, въ которыхъ участвовало: на 1-ой — 80 ч.; на 2-ой — 150 ч.; на 3-й 250 ч; на 4-ой — свыше 400 ч.; на 5-ой — свыше 250 ч. Кромѣ нихъ, происходили собранія отдѣльныхъ профес. группъ рабочихъ. Въ стачкѣ, организованной Комитетомъ, принимало участіе свыше 1200 рабочихъ.

Астр. Комит. Рос. Соц.-Дем. Р. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Мелитополь. Въ январѣ арестованы: 1) Сегалъ, переплетчикъ (высланъ на родину). 2) Плоткинъ, сапожникъ (выпущенъ). 3) Бѣленко, фельдшеръ (выпущенъ). 4-5) Братья Виленковы, (жестяникъ и прикащикъ). 6) Виткинъ (рабочій). 7) Вайнштокъ (фельдшеръ). 8) Шустерманъ (реалистъ, избитъ при арестѣ крестьянами по подозрѣнію въ разбросѣ листковъ. Выпущенъ). Привезенъ въ городъ изъ уѣзда арестованный за распространеніе прокламацій товарищъ. **Якобштадтъ.** 17 марта арестов. латышская типографія, взяты въ ней отецъ, мать и сынъ. **Ростовъ.** Освоб. Сватиковъ и всѣ арестованные до стачки на основ. 21 ст. Освоб. подъ залогъ въ 3000 р. Любовь Радченко. Арест. 3 рабоч., найдено 60 №№ „Искры“. Арестов. типографія и при ней 6 чел. **Кіевъ.** Въ ночь съ 8 на 9 марта арест.: Борисъ Никол. Леонтьевъ, его сестра Елена Никол. и братъ-гимназистъ Константинъ Никол. (первые двое служатъ въ управленіи Кіево-Полтавской жел. дор.) и оказавшаяся въ ихъ квартирѣ швея-еврейка, у которой не оказалось съ собой паспорта. Во время обыска въ общемъ (совмѣстно съ другими квартирами) корридорѣ было найдено около 4 пудовъ соц.-дем. литературы, а въ квартирѣ больше сотни прокламацій соц.-дем. среднеучебной организаціи. Обыскъ продолжался съ 9 час. вечера до 8 час. утра. Арестованный 1 марта въ литературно-артистическомъ обществѣ литераторъ за чтеніе реферата о бакинской рѣзнѣ Лункевичъ выпущенъ на свободу.

Бѣжала изъ Олекминска и прибыла заграницу Лидія Канцель (по дѣлу Моск. Ком. Партіи 1902 г.):

Жертвы борьбы съ милитаризмомъ. Въ Сѣдлецѣ только что (19 марта) закончился военный судъ надъ солдатами 4 артил. летучаго парка, обвинявшимися въ сопротивленіи воен. власти (см. № 93 „Искры“). Изъ 56 обвиняемыхъ, 4 приговорены къ смертной казни, 13 оправданы, остальные въ арестантскія роты, дисциплинарные батальоны и тюрьму отъ 1½ до 3 лѣтъ. Это уже четвертый случай смертныхъ приговоровъ противъ солдатъ, нежелающихъ идти на манджурскую бойню (Волковыскъ, Екатеринославъ, Дагестанъ и Сѣдлецъ).

Майской сессіей одесской судебной палаты будетъ разбираться дѣло „о принадлежности къ Ѳеодоссійской Рабочей Партіи“. Привлекаются: 1) Николай Чембаровъ, 2) Акимъ Рогальскій, 3) И. Тверской, 4) Ф. Фейгина, 5) И. Андрускеръ, 6) Л. Горѣликъ, 7) Л. Колчинскій (выдавалъ). 8) А. Хенвенъ, 9) С. Афремовъ, 10) А. Винокуровъ (выдавалъ), 11) С. Лещинскій, 12) Я. Эрлихъ, 13) Д. Гавриловичъ, 14) Б. Старосельскій 15) М. Гольдштейнъ (выдавалъ), 16) Иванъ Веретельниковъ, 17) Я. Гольденбергъ, 18) Василій Шмакинъ (выдавалъ). 19) А. Яхинсонъ, 20) Л. Лившицъ. 21) И. Кузнецовъ (выдавалъ), 22) Р. Досикъ (выдавалъ), 23) Маріанна Скрицкая (выдавала), 24) Иванъ Ковтуновъ (выдавалъ), 25) Антонина Вѣшицкая (выдавала).

Некрологъ. 7 февраля во время послѣднихъ волненій въ Ѳеодосіи звѣрски убитъ товарищъ Маркъ Анатоліевичъ Аксенфельдъ, извѣстный на югѣ подъ именемъ Маркуса. Погибшій товарищъ отличался большимъ запасомъ революціонной энергіи и иниціативы и безпредѣльной преданностью дѣлу пролетаріата. Эта потеря тяжело отзовется на сердцѣ каждаго, лично знавшаго покойнаго. Онъ палъ одной изъ жертвъ предсмертной попытки агонизирующаго самодержавія задушить могучее революціонное движеніе рабочихъ разжиганіемъ національныхъ инстинктовъ. Эта смерть еще болѣе укрѣпитъ нашу рѣшимость бороться до конца съ этимъ, насквозь пропитаннымъ народной кровью, правительствомъ. Пусть же мирно спятъ павшіе товарищи — мы будемъ продолжать ихъ дѣло. И скоро, очень скоро на ихъ могилахъ будетъ воздвигнутъ единственно достойный этихъ героевъ памятникъ — народная свобода. Вѣчная память тебѣ, дорогой товарищъ!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Якову. Ѳомѣ Невѣрующему. Фридриху — письма получены. **Кошелеву** — уже выслано; всѣ 3 письма получены. **Корсакъ** — гдѣ вы? почему ни слова? **Пани** — письмо получено, отвѣтили. **Гутману** — получили, пришлите адресъ. **Штернбергу** — пришлите адресъ. **Уралкѣ** — получили-ли письма? Почему не отвѣчаете? **Екатеринодаръ** — годенъ ли вашъ адресъ? Не имѣемъ отвѣта на посланныя письма.

Поправка. Въ отчетѣ представителя Ц. К., помѣщенномъ въ № 93 „Искры“, по ошибкѣ, вмѣсто „Labour Representation Committee“ написано „Indep. Lab. Par.“.

Отчетъ **Астраханскаго комитета** Р. С.-Д. Р. П. за февраль 1905 г. Приходъ 554 р. 95 к. Расходъ 308 р. 45 к. Осталось въ кассѣ 186 р. 5 коп.

Отчетъ о суммахъ, поступившихъ черезъ Одесскую группу въ пользу Партіи.

Гал. 12 руб., Р. 4 р. 40 к., Г. 7 р., Л. 2 р. VII. 3 р. 21 к. Итого 28 руб. 61 коп.

Отчетъ Берлинск. Группы Сод. Партіи. (Мартъ).

ПРИХОДЪ (въ марк.): за литературу 286.55, изъ Россіи съ спец. цѣлью 215.75, собрано у нѣмц. 100.00, отъ Vorstand'а 98.40, по листамъ 87.25, пожертв. 28.00, возвращ. долгу 215.00, за открытки 11.15, остат. въ кассѣ съ февраля 364.45. Итого 1406 м. 55 пф.

РАСХОДЪ (въ марк.): Отправка Искры 114.70, за доставку лит. 6.80, почт. расходы 23.88, разъѣзды 3.50, проѣзж. въ Россію 354.00, конспир. расх. 141.84, въ Женеву высл. 517.55, долгъ стар. нѣмц. 200.00. Итого 1362 м. 27 пф.

Остается въ кассѣ 44 мар. 18 пф.

Отчетъ Берл. Парт. Эмигр. Кассы. (За мартъ).

Остатокъ въ кассѣ за февр. 82 мар. 72 пф. Отъ Vorstand'а съ спец. цѣлью 472.00, изъ Брауншвейга отъ нѣм. с.-д. органа 100.00, отъ нѣмцевъ 95.00, пожертв. 114.00, собр. на балу съ спец. цѣлью 21.00. Итого 884 м. 72 пф.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

---

¹) Казанскій, Кубанскій, Рижскій, Курскій, Орловскій, Смоленскій.

¹) Вродѣ кіевской группы „Впередъ“.

²) Осторожность „впередовцевъ“ достойна всякой похвалы: хотя они и считаютъ себя „морально-побѣдившими“, они, оставляя себѣ лазейку, не спѣшатъ признать *законнымъ* плодъ своей „побѣды“. Знаменательно!

³) Хорошо посмѣется тотъ, кто будетъ смѣяться послѣднимъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 95. Четвергъ 31-го марта 1905 г. Годъ V

МИЛИЦІЯ ИЛИ ПОЛИЦІЯ?

Какъ предсказала „Искра" въ свое время, организованный реакціей походъ „черныхъ сотенъ" противъ „общества" оказалъ благодѣтельное воздѣйствіе на сознаніе его либеральной части. Если и до сихъ поръ еще эта часть „общества", въ громадномъ своемъ большинствѣ, далека отъ мысли о неизбѣжности примѣненія силы *въ борьбѣ за свободу*, то въ борьбѣ за свою жизнь, собственность и неприкосновенность личности, которымъ угрожаютъ черныя банды защитниковъ царизма, либеральная оппозиція готова *подумать* объ организаціи боевой силы. Вопросъ о *городской милиціи* поднятъ въ разныхъ концахъ Россіи, нѣкоторыя общества и отдѣльные гласные уже вошли съ соотвѣтственными представленіями въ городскія думы. Въ Ялтѣ, во время недавнихъ безпорядковъ, горожане даже уже организовали подобную милицію.

Можно было бы привѣтствовать этотъ шагъ, дѣлаемый либеральной буржуазіей, если-бы новая идея слишкомъ уже долго не оставалась въ области однихъ „мечтаній". Въ то время, какъ реакціонная партія съ наглымъ цинизмомъ продѣлываетъ первые опыты, избивая интеллигенцію оптомъ и въ розницу, а ея пресса открыто и фанатично ведетъ пропаганду дальнѣйшихъ погромовъ, — либеральный обыватель проявляетъ въ дѣлѣ подготовки самообороны медлительность и „постепенность", способныя заставить усомниться въ серьезности его намѣренія бороться хотя бы за спасеніе своихъ дѣтей — гимназистовъ, противъ которыхъ организована безпощадная травля, прикрываемая не только полиціей, но и судьями (Псковъ).

Далѣе „разговоровъ" о милиціи въ городскихъ думахъ дѣло не пошло нигдѣ, кромѣ Пензы, Мелитополя и Симферополя, гдѣ думы постановили организовать небольшія городскія стражи.

О причинѣ этой нерѣшительности говорятъ знаменательныя слова одесскаго городского головы, извѣстнаго либерала г на Зеленаго, сказанныя имъ недавно одному журналисту. По словамъ г. Зеленаго, положеніе обывателей весьма трагично: реакціонная пропаганда ведется во всю, грозя со дня на день новымъ повтореніемъ кишиневскихъ и бакинскихъ ужасовъ. Съ другой стороны, рабочіе (въ Одессѣ), по словамъ гор. головы, заявили, что будутъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать „интеллигенцію" противъ поднятой реакціонными демагогами „черной сотни". Можете себѣ представить, спрашиваетъ Зеленый, что произойдетъ, если 15000 рабочихъ вступятъ въ бой съ 20000 громилъ?

Слѣдовало бы организовать милицію на службѣ города, но . . намъ ее не разрѣшать ни въ какомъ случаѣ". И гор. голова констатируетъ безвыходное, трагическое положеніе обывателя. …кимъ образомъ, съ перваго взгляда все дѣло въ томъ, …ральная буржуазія не разсчитываетъ получить благо… самодержавія на организацію охраны населенія... …державія. И, дѣйствительно, было бы болѣе, чѣмъ …тывать на готовность самодержавія *разрѣшить* …чкамъ вооружаться. Но не пора ли, вообще, уже дѣло дошло до необходимости для „обще… …тановлять противъ полицейскихъ янычаръ, продолжать недостойную *игру въ легальность?* …ть о разрѣшеніи вооружаться приходится въ … вооружаться „самовольно". Такъ поставленъ …просъ не нами, революціонерами, такъ поставленъ …акціей, аргументирующей бакинскими, тамбовскими, звѣрствами.

…семѣстное, подготовленное заранѣе, по взаимному соглашенію, постановленіе городскихъ думъ объ отказѣ въ отпускѣ средствъ на содержаніе царской полиціи, объ организаціи милиціи и о призывѣ всѣхъ горожанъ къ самовооруженію, въ виду отсутствія безопасности личности и жилища — вотъ чего требуетъ отъ правящей въ городахъ буржуазіи нынѣшнее положеніе, вотъ что она должна сдѣлать, если хочетъ серьезно оградить себя отъ опасности Варѳоломеевской ночи.

Пусть приведеніе въ исполненіе такихъ постановленій натолкнется на полицейскія рогатки и *сразу* не сломитъ ихъ; пусть правительственная власть окажется еще достаточно сильной, чтобы на всемъ протяженіи страны подавить это движеніе. Энергичныя дѣйствія въ указанномъ направленіи, во всякомъ случаѣ, революціонизируютъ городское населеніе и позволятъ при первомъ же новомъ подъемѣ народной массы осуществить *противъ правительства* принятое раньше рѣшеніе. Могла же въ Ялтѣ въ то время, когда полицейскія власти прятались по чердакамъ, организоваться милиція, въ составѣ 000 человѣкъ?! Понятно, что, разъ организованная, эта милиція уже не такъ то легко будетъ разсѣяна и разоружена дезорганизованнымъ правительствомъ.

Очевидно, однако, что вступить на этотъ революціонный путь, перейдя Рубиконъ либеральной благонамѣренности, не возможно для тѣхъ, кто не способенъ сдѣлать шагу противъ царизма, не оглядываясь боязливо назадъ на растущую силу городского пролетаріата. А это именно и дѣлаетъ, напримѣръ, г. Зеленый, когда рисуетъ картину предстоящихъ ужасовъ сраженія между рабочими и „черной сотней". Повидимому, для этого либерала пролетаріи, обѣщавшіе съ оружіемъ въ рукахъ „защищать интеллигенцію", немногимъ менѣе страшны, чѣмъ поднятые Крушеваномъ хулиганы. Но при такомъ отношеніи къ революціонной „толпѣ", разумѣется, нельзя рѣшить вопросъ о милиціи иначе, какъ въ рамкахъ „разрѣшенія" начальства, то есть, въ сущности, рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. И событія, происшедшія въ Ялтѣ, наглядно показали, чего слѣдуетъ ожидать при такой постановкѣ вопроса.

Ялтинскій погромъ производили босяки. Городъ защищала отъ нихъ самообразовавшаяся „милиція", и когда безпорядки прекратились, сошедшіеся на первое засѣданіе думы немногіе гласные постановили выразить благодарность „ремесленникамъ и рабочимъ", защищавшимъ обывателей. Въ думу были внесены предложенія: организовать постоянную милицію и передать въ вѣдѣніе города полицію. А затѣмъ... затѣмъ произошло собесѣдованіе гласныхъ съ губернаторомъ и на этомъ собесѣдованіи со стороны гласныхъ раздавались рѣчи о винѣ „агитаторовъ", пріучившихъ рабочихъ къ забастовкамъ, объ обиліи „неблагонадежныхъ" элементовъ и о необходимости болѣе неукоснительнаго ихъ преслѣдованія и т. п. О благодарности, которой былъ обязанъ городъ рабочимъ, всѣ позабыли... Зато, когда сталъ обсуждаться вопросъ о милиціи, то губернаторъ устранилъ его указаніемъ на то, что, состоя изъ людей „недисциплинированныхъ", милиція сама можетъ устраивать „безпорядки", и, полюбовнымъ соглашеніемъ, вмѣсто „ходатайства" о милиціи, отцы города сдѣлали постыдное постановленіе о необходимости расквартированія военнаго отряда въ Ялтѣ. Поздравляемъ заранѣе ялтинскихъ обывателей съ тѣмъ днемъ, когда, подъ охраною этого отряда, ихъ будутъ грабить и убивать, какъ это дѣлали въ Баку!

Можно *мечтать* о томъ, чтобы, рядомъ съ преторіанцами царизма, создать своихъ собственныхъ преторіанцевъ на службѣ у домовладѣльческой олигархіи, готовыхъ одинаково защищать сегодня жизнь и собственность буржуазіи противъ „черной сотни", а завтра — „порядокъ" противъ революціоннаго пролетаріата. Но этимъ мечтамъ суждено оставаться мечтами. Дѣло защиты „порядка" *противъ пролетаріата* правительству не зачѣмъ уступать буржуазіи—это та единственная его функція, которая можетъ дѣлать его по временамъ *нужнымъ* для буржуазіи. А вооружить буржуазію противъ самаго себя — никакъ не можетъ входить въ разсчеты царизма. Слуги реакціи, какъ говорилъ еще Лассаль, не краснобаи, а люди дѣла, и въ этомъ отношеніи не мѣшаетъ поучиться у нихъ и сторонникамъ прогресса.

Исторически создавшееся положеніе таково, что буржуазія не можетъ вооружаться противъ реакціонной клики иначе, какъ вооружая въ то же время пролетаріатъ. Только апелляціей къ пролетаріату, который готовъ всегда вступить въ борьбу съ самодержавіемъ, можетъ она свести на нѣтъ рогатки полицейской „легальности", санкціонирующей ея нынѣшнюю беззащитность противъ подвиговъ полицейскихъ громилъ.

Выяснить это положеніе буржуазному „обществу" должно быть задачей дѣйствительно демократическихъ его элементовъ. Сдѣлавъ это, они окажутъ серьезную услугу дѣлу свободы.

Пролетаріатъ, конечно, не будетъ дожидаться, пока эта задача будетъ выполнена буржуазной демократіей. Вѣрный своему прошлому, онъ, по прежнему, будетъ брать на себя, хотя бы и безъ поддержки со стороны, — дѣло вооруженнаго отпора царскимъ „вандейцамъ". Поступая такъ, онъ всего вѣрнѣе будетъ „толкать" буржуазію на единственно правильный путь вооруженія населенія. И, поскольку вопросъ объ организаціи милиціи будетъ становиться реальностью, онъ предъявитъ буржуазіи свои условія для совмѣстной съ ней борьбы противъ реакціонныхъ бандъ.

Эти условія должны заключаться въ требованіи, чтобы городская милиція состояла не изъ постоянныхъ наемныхъ „стражниковъ", а изъ всѣхъ желающихъ носить оружіе гражданъ, вознаграждаемыхъ изъ городскихъ средствъ за потраченное на службу въ милиціи время и вооружаемыхъ на счетъ этихъ средствъ.

Милиція должна быть организована совершенно демократически и къ дѣлу ея организаціи должны быть привлечены неучаствующіе въ нынѣшнемъ городскомъ самоуправленіи выборные представители рабочихъ. Отряды рабочихъ, вооруженныхъ городомъ, и явятся главной боевой силой противъ „черной сотни".

Рабочій классъ долженъ настойчиво добиваться осуществленія *такой* городской милиціи. Его должно энергично поддерживать въ этомъ требованіи революціонное студенчество, не знающее куда приложить свою энергію въ періодъ хронической „забастовки" и заговаривающее уже кое-гдѣ о созданіи академическихъ легіоновъ". Правительственная реакція, оказавшая уже своей неловкой игрой столько услугъ революціонному дѣлу, не замедлитъ создать условія, благопріятныя для реализаціи такихъ требованій, которыя не одному близорукому либералу покажутся *теперь* „утопіей".

БЮРОКРАТІЯ ЗА РАБОТОЙ.

Пока вспыхивающія то здѣсь, то тамъ крестьянскія волненія не приняли еще столь широкихъ размѣровъ, чтобы всецѣло приковать къ себѣ общественное вниманіе, пока другіе революціонные и оппозиціонные элементы собираются съ силами для новаго натиска на самодержавіе, это послѣднее пользуется моментами видимаго затишья для мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ и для подсчета своихъ возможныхъ союзниковъ.

Разъ, два... и обчелся: союзниковъ оказывается немного. Всѣ группы и классы, появившіеся въ послѣднее время на общественной аренѣ, высказали въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ свое недовѣріе самодержавію. Самодержавіе принуждено было пойти на уступки, но втайнѣ продолжаетъ старую игру, продолжаетъ какъ старый шулеръ, который не въ состояніи оставить привычныя манипуляціи, но въ то же время принужденъ постоянно озираться, какъ бы не быть пойманнымъ.

Бакинская рѣзня, организація „черныхъ сотенъ", пропаганда антиеврейскихъ погромовъ — таковы новѣйшія проявленія наступательной тактики царскихъ слугъ. А тѣмъ временемъ намѣчаются и линіи возможнаго отступленія, но сама бюрократія не рѣшила еще, куда именно она будетъ отступать къ рескрипту ли 18-го февраля, къ указу ли 12-го декабря или же еще дальше куда нибудь „по стопамъ незабвеннаго родителя" нынѣ царствующаго недоросля. Рескриптъ 18 февраля вызвалъ рядъ заявленій различныхъ общественныхъ группъ, рядъ дискуссій въ прессѣ и на собраніяхъ о наилучшей формѣ предполагаемаго народнаго представительства. Наиболѣе близкіе къ самодержавію слои высказываются за представительство сословное, причемъ „Новое Время", выражающее взгляды этой части русскаго общества, считаетъ такое представительство единственно способнымъ выразить интересы всѣхъ группъ и классовъ населенія. Тотъ же органъ, очевидно, вспомнивъ, что для полноты сословнаго представительства необходима сословная организація нашего deuxième état (второго сословія, т. е. духовенства), нынѣ почти отсутствующая, повелъ дѣятельную агитацію въ пользу созыва собора духовенства и выбора всероссійскаго патріарха. Этимъ путемъ надѣются создать крѣпкую опору реакціи въ будущемъ россійскомъ земскомъ соборѣ и обуздать поднимающіе въ послѣднее время свой голосъ демократическіе элементы среди нашего сельскаго и городского духовенства, а можетъ быть и получить отъ него денегъ для дальнѣйшаго веденія войны. Правительство, поторопившееся изъявить согласіе на созывъ подобнаго собора, въ то время, какъ созывъ народныхъ представителей имъ откладывается въ долгій ящикъ, ясно показало, что и оно считается съ возможностью сословнаго представительства и готово заняться подготовкой соотвѣтствующаго аппарата.

Такова одна изъ линій предполагаемаго отступленія самодержавія.

Но есть другія. Рескриптъ 18 февраля, мерцающій вдали призракъ народнаго представительства долженъ былъ успокоить, и въ другую, не столь бурную эпоху, навѣрное успокоилъ бы общественное мнѣніе, а продолжающіяся „реформаторскія" работы въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, начиная съ коммиссіи по дѣламъ печати и кончая пресловутой коммиссіей по дѣламъ Дальняго Востока, должны были окончательно усыпить общественную бдительность.

Бюрократія, для которой все же реформы на основѣ указа 12-го декабря меньшее зло, чѣмъ реформы на основѣ рескрипта 18-го февраля, думала укрѣпиться въ коммиссіяхъ, созванныхъ на основаніи указа. Главный исполнитель рескрипта 18 февраля, министръ внутреннихъ дѣлъ, весьма недвусмысленно далъ понять обществу, что не только дѣло созыва народныхъ представителей откладывается въ долгій, долгій ящикъ, но что и дѣлать то этимъ представителямъ собственно будетъ нечего, такъ что, пожалуй, и созывать будетъ незачѣмъ. Созыву представителей должно предшествовать совѣщаніе, а, какъ видно изъ бесѣды Булыгина съ представителями московской думы, онъ даже еще ничего не знаетъ ни о характерѣ, ни о времени этого совѣщанія, такъ какъ „въ настоящее время происходятъ подготовительныя работы, участіе въ которыхъ принимаютъ не только лица высшей администраціи, но и ученые". Объ этихъ ученыхъ спеціально объяснялъ корреспонденту „Matin" правитель канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Любимовъ. По словамъ этого послѣдняго, „министръ считаетъ совѣщаніе безполезнымъ, пока у него не будетъ проектовъ для разработки. Министръ обратился къ тремъ профессорамъ, которымъ поручено представить записку о дѣйствіи законодательныхъ учрежденій за-границей и о средствахъ для учрежденія представительства въ Россіи". Словомъ, бюрократія работаетъ, работаетъ усердно и не покладая рукъ надъ труднымъ и весьма сложнымъ дѣломъ искорененія собственной крамолы. Обструкція самодержавія своимъ собственнымъ начинаніямъ, — вотъ до чего додумалась всероссійская бюрократія, до чего до сихъ поръ не могла додуматься ни одна парламентская оппозиція.

Но съ коммиссіями дѣло не выгорѣло. Отдѣльныя коммиссіи потеряли всякій интересъ, какъ только онѣ замкнулись и обнаружили вполнѣ ясную тенденцію тянуть канитель ad calendas graecas, т. е. до того момента, когда онѣ станутъ безполезны той или другой изъ воюющихъ нынѣ сторонъ. Такъ случилось съ коммиссіей Коковцева по рабочему вопросу и съ коммиссіей Кобеко по вопросу о печати. Нужна вся наивность либеральнаго профессора, чтобы, подобно князю С. Н. Трубецкому, обращаться къ коммиссіи Кобеко съ просьбой: „господа! сдѣлайте что-нибудь сейчасъ, пока еще не поздно! Можно согласиться съ предложеніемъ кн. Трубецкаго о примѣненіи „къ цензурному уставу, циркулярамъ и правиламъ цензурныхъ ножницъ и цензурной икры", но смѣшно обращаться съ такимъ предложеніемъ къ коммиссіи, всѣ либеральныя рѣшенія которой принимались противъ голоса ея предсѣдателя (представителя мин. вн. дѣлъ), т. е. безъ хозяина, и которая, въ концѣ концовъ, такъ деморализовалась, благодаря своей келейности, что даже въ своемъ якобы либеральномъ большинствѣ высказалась за сохраненіе статьи о предварительной конфискаціи газетъ и журналовъ.

Что касается другихъ коммиссій, то не найдется, вѣроятно, другого кн. Трубецкого, который рѣшился бы нарушить ихъ покой[1]. Пускай въ коммиссіи Коковцева рѣшаютъ, что рабочимъ должна быть дана свобода стачекъ, — каковой свободой они уже давно пользовались хотя бы и противъ желанія закона, —и совершенно замалчиваютъ вопросъ о свободѣ союзовъ, безъ которыхъ стачки почти совершенно немыслимы, — можно быть увѣреннымъ, что не въ коммиссію Коковцева понесутъ свой протестъ сознательные рабочіе. Не придадутъ, вѣроятно, большого значенія и состоявшемуся на-дняхъ рѣшенію объ обязательномъ открытіи университетовъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и объ увольненіи всѣхъ тѣхъ студентовъ, которые къ тому времени откажутся посѣщать лекціи. Кто знаетъ, гдѣ въ сентябрѣ будетъ самъ г. Глазовъ и иже съ нимъ?

Трудность для бюрократіи остановиться на какой нибудь средней линіи и на ней укрѣпиться заключается въ томъ, что она оказывается совершенно неспособной считаться съ измѣнившимися обстоятельствами, что она полагаетъ, что стоитъ на твердой почвѣ, тогда какъ подъ ней вулканъ, что она для новыхъ временъ пользуется старыми, сданными уже въ архивъ исторіи пріемами. Скорый созывъ совѣщанія вернулъ бы ей многія симпатіи, и мы видѣли, какъ къ Булыгину потянулись уже съ предложеніемъ быть допущенными на совѣщаніе земцы, городскіе дѣятели, адвокаты. Уступи Булыгинъ, мы увидѣли бы вскорѣ, что за этими первыми потянулись бы другіе, и бюрократіи удалось бы увлечь за собою добрую часть умѣренныхъ либераловъ. Но Юпитеръ лишаетъ разума тѣхъ, кого хочетъ погубить: Булыгинъ остался твердъ и даже не обѣщалъ, что въ совѣщаніе можно будетъ посылать выборныхъ; правительство, по его словамъ, прибѣгнетъ въ свое время къ совѣту земскихъ и городскихъ дѣятелей но въ какой формѣ произойдетъ это приглашеніе, министръ внутреннихъ дѣлъ сказать сейчасъ не можетъ.

На этомъ переговоры прекратились. Весьма вѣроятно, что въ этой формѣ они и не возобновятся: поскольку вопросъ о приглашеніи въ совѣщаніе министръ ставитъ въ зависимость отъ рѣшеній самого правительства, представителямъ соотвѣтствующихъ общественныхъ учрежденій остается или подчиниться этому рѣшенію или махнуть на него рукой.

Тѣмъ менѣе это совѣщаніе можетъ представлять интересъ для соціальдемократіи. Соціальдемократія никогда не питала никакихъ иллюзій на счетъ бюрократическаго реформаторства. Это не мѣшало ей дѣлать подобное реформаторство исходнымъ пунктомъ своей критики, при томъ, конечно, условіи, чтобы эта критика производилась не въ абстракціи, не въ области отвлеченныхъ идей, а здѣсь, въ нашемъ дѣйствительномъ мірѣ, путемъ столкновенія пролетарскихъ массъ со всѣми проявленіями бюрократически-реформаторскаго аппарата и организаціи ихъ въ процессѣ этого столкновенія. Такую роль сыграла въ свое время коммиссія Шидловскаго, которая могла стать центромъ широкой революціонной агитаціи только потому, что предметъ ея занятій глубоко задѣвалъ интересы широкой волнующейся массы, а соблюденіе нѣкоторыхъ демократическихъ формъ, которыя могли расшириться въ процессѣ самой борьбы — оставляло мѣсто для постояннаго широкаго контроля этихъ массъ надъ своими уполномоченными. Коммиссія Шидловскаго была мастерской, гдѣ могла развиваться и крѣпнуть революціонная энергія пролетаріата, и въ концѣ концовъ было безразлично, откуда эта накопившаяся энергія взорветъ самую мастерскую, извнѣ или изнутри. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Булыгинскимъ совѣщаніемъ: уже обрисовывающійся сейчасъ келейный характеръ его сразу лишилъ бы делегата или делегатовъ рабочихъ, еслибъ таковые туда попали, связи съ пославшей ихъ массой, сразу скрылъ бы ихъ дѣйствія отъ контроля этой массы и въ атмосферѣ лжи и гнета скомпрометировалъ бы вождей и деморализовалъ бы массы. Совѣщаніе, подобно всѣмъ новѣйшимъ коммиссіямъ, будетъ носить специфически полицейскій отпечатокъ оно будетъ походить на застѣнокъ, гдѣ будетъ душиться всякая иниціатива и всякое свободное проявленіе въ дѣлѣ защиты общественныхъ интересовъ, а не на арену свободнаго состязанія прогрессивныхъ общественныхъ группъ. Въ застѣнкѣ не борются, а медленно умираютъ. Глупо также лѣзть въ застѣнокъ, чтобы раздвинуть его стѣны: его надо снести. Точно также и Булыгинское совѣщаніе можно взорвать только извнѣ, исключительно путемъ агитаціи въ пользу созыва Учредительнаго Собранія.

---

[1] Когда писались эти строки, мы не знали еще о возвращеніи въ Одессу извѣстнаго зубатовца г. Шаевича, который, повидимому, намѣренъ продолжать столь внезапно прерванную въ 1903 г. карьеру „рабочаго агитатора", рекомендуя рабочимъ требовать участья въ коммиссіи Коковцева. Для какой собственно надобности?

За этой линіей бюрократіи некуда будетъ отступать.

ОБЪ АГИТАЦІИ ВЪ ВОЙСКАХЪ[1].

Въ виду надвигающейся Великой Русской Революціи, вопросъ объ агитаціи въ войскахъ долженъ быть практически поставленъ на очередь. Но не одинъ лишь этотъ моментъ выдвигаетъ передъ россійской соціальдемократіей эту задачу. Для соціальдемократіи важно не только расшатать воинскую дисциплину въ арміи и воспользоваться ея дезорганизаціей и отчасти помощью въ моментъ революціи, но и внести въ эти, по своему организованныя, массы, главнымъ образомъ, крестьянъ и рабочихъ классовое самосознаніе. Солдаты должны не только освободиться отъ дисциплины, но необходимо, чтобы подъ вліяніемъ соціальдемократической пропаганды и агитаціи они пришли къ сознанію, что армія, выдѣленная буржуазнымъ государствомъ изъ рабочаго класса, состоящая въ массѣ своей изъ пролетаріевъ, является врагомъ пролетаріата и его классовыхъ стремленій. Необходимо въ интересахъ всего пролетарскаго движенія, его настоящаго и его будущаго, чтобы солдатъ пришелъ къ полному сознанію того, что онъ, рабочій или крестьянинъ въ мундирѣ, идетъ убивать такого же рабочаго или крестьянина, не одѣтаго въ мундиръ[2]). Но и этого еще мало. Необходимо, чтобы пролетаріатъ въ широкомъ смыслѣ этого слова понялъ, что посредствомъ арміи онъ самъ себя истребляетъ, что онъ самъ снабжаетъ буржуазію не только орудіями убійства, но изъ своей среды выдвигаетъ также кадры безсознательныхъ братоубійцъ.

Конечно, эти мысли не новы, какъ не новы и вообще принципы соціальдемократіи. Но сейчасъ ихъ необходимо подчеркнуть, чтобы практическое осуществленіе широкой агитаціи въ войскахъ не оторвалось отъ основного базиса соціальдемократической проповѣди. И по моему мнѣнію, это можетъ быть достигнуто не изолированной только агитаціей въ войскахъ, но и тѣсно связанной съ ней *антимилитаристической* агитаціей и пропагандой въ пролетарской массѣ и крестьянствѣ. Лишь такая одновременная работа можетъ дать желательные и необходимые для соціальдемократіи результаты.

Въ послѣднее время мнѣ приходилось слышать отъ товарищей, что теперь необходимо устроить спеціальное издательство для солдатъ, издать цѣлый рядъ брошюръ, листовокъ, прокламацій. Я раздѣляю такое мнѣніе, ибо это важное дѣло требуетъ, чтобы на немъ сконцентрировалась извѣстная часть Партіи, не теряя, конечно, связи съ ея общей работой. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, есть свои специфическія условія и особенности, которыя требуютъ спеціальнаго изученія и разработки, какъ въ смыслѣ литературной работы, такъ и техники. И дѣло это необходимо теперь, какъ можно скорѣе, поставить самымъ серьезнымъ образомъ.

Литературы по этому вопросу почти нѣтъ. Два-три беллетристическихъ разсказика, нѣсколько листковъ, двѣ-три агитаціонныхъ брошюрки — и только. Можно прямо сказать, что нѣтъ популярной литературы. Брошюрки с-р-овъ, безпристрастно говоря, слабоваты, не нравятся онѣ солдатамъ, какъ мнѣ приходилось наблюдать лично. „Пролетаріатъ и армія" Лагарделя (издан. „Жизнь" въ 1902 г.) — брошюрка не популярная, хотя и полезная. Наконецъ, за послѣднее время накопилась громадная масса свѣжаго матеріала для агитаціи — война и возстаніе русскаго народа. Необходимо создать русскую соціальдемократическую литературу противъ милитаризма.

Агитація на почвѣ повседневныхъ нуждъ солдатъ можетъ вестись планомѣрно. Солдатъ, — какъ это вѣрно указалъ „Офицеръ" въ № 92 „Искры" — несетъ на себѣ экономическій и правовой гнетъ. Онъ несетъ его даже вдвойнѣ: до службы и послѣ службы — какъ представитель угнетеннаго класса, во время службы — какъ солдатъ. Это необходимо рѣзко подчеркнуть для солдатъ, чтобы связь со своимъ классомъ, заглушаемая воинской дисциплиной, вновь затрепетала живымъ нервомъ, чтобы это сознаніе не давало солдату покоя, не позволяло человѣку превращаться въ воинскаго автомата. Эта задача при современной постановкѣ военнаго дѣла очень трудная, но условія для ея выполненія въ Россіи въ данное время очень благопріятны, ибо интересъ солдатъ къ общественной жизни разбуженъ войной и другими событіями.

Основныя требованія солдатъ во всѣхъ частяхъ регулярныхъ войскъ въ общемъ могутъ быть однѣ и тѣ же. Но такъ какъ главная сила арміи, главная масса арміи — пѣхота (и самъ я пѣхотинецъ, и знакомъ главнымъ образомъ съ ея бытомъ), то, дѣлая попытку сгруппировать требованія для солдатъ, я имѣю въ виду главнымъ образомъ ее. По другимъ родамъ оружія, конечно, не трудно будетъ знающимъ ихъ быть добавить или видоизмѣнить нѣкоторыя требованія въ зависимости отъ условій ихъ службы. Кромѣ того, я имѣю въ виду, что заявленіе солдатами такихъ требованій важно въ данное время, чтобы внести дезорганизацію въ современную систему русской арміи.

Требованія для солдатъ могутъ быть распредѣлены примѣрно на слѣдующія группы: требованія *экономическія*, съ которыхъ вообще легче начинать агитацію въ незатронутой еще массѣ, связанныя съ ними *служебныя*, каковыя солдатамъ весьма понятны и близки къ сердцу, затѣмъ *внѣ-служебныя*, касающіяся внутренней жизни казармы и имѣющія основаніемъ предыдущія, и наконецъ *гражданско-политическія*, которыя неминуемо должны возникнуть, такъ сказать, вырасти изъ трехъ первыхъ. Я не предлагаю, конечно, такой обязательной послѣдовательности, ибо это дѣло мѣстныхъ условій, и требованія всѣхъ разрядовъ могутъ разнообразно комбинироваться и должны освѣщаться однѣ другими. Раздѣлялъ я ихъ такимъ образомъ лишь для нѣкотораго порядка, для ясности. Думаю, что внесенная мною детализація явится нелишнимъ добавленіемъ къ предыдущимъ статьямъ и указаніямъ о военной агитаціи, помѣщеннымъ въ „Искрѣ".

Требованія могутъ выставляться слѣдующія:

I. *Экономическія:*

8 часовый рабочій день. Въ это время должны входить всѣ обязательныя занятія солдатъ: гимнастика, уборка казармъ, учебныя занятія, учебная прогулка, домашнія и кухонныя работы; разборка и сборка винтовокъ и револьверовъ, чистка и осмотръ оружія, чистка аммуниціи и т. п. 8-часовой рабочій день въ военныхъ мастерскихъ, музыкантскихъ командахъ, канцеляріяхъ, хлѣбопекарняхъ и т. п.

Увеличеніе жалованья нижнимъ чинамъ. Норма должна быть выработана самими солдатами по частямъ войскъ, принимая въ соображеніе казенное содержаніе и солдатскія нужды внѣ его.

Увеличеніе раскладокъ на довольствіе пищей. Солдаты должны вести артельное хозяйство, безъ участія офицеровъ, своими выборными. Долженъ быть введенъ въ раскладку казенный чай и сахаръ по 2 раза въ день и ежедневная мясная пища. Горячая пища въ караулахъ.

Улучшеніе одежды и обуви. Выдача ежегодно одного комплекта въ собственность. Выдача трехъ паръ сапогъ (или товаромъ), пріемъ сапогъ (или товара) выборными отъ солдатъ. Отмѣна обязательной формы сапогъ. Пріемъ полотна (дачекъ) выборными отъ солдатъ. Дачки на 6 паръ бѣлья и 6 гимнастическихъ рубахъ въ годъ. Увеличеніе аммуничныхъ денегъ (на шитье сапогъ и бѣлья) по дѣйствительной необходимости и мѣстнымъ цѣнамъ.

Улучшеніе казармъ. Просторное помѣщеніе по гигіеническимъ нормамъ для житья. Особый залъ для гимнастики и занятій. Топка печей не по казеннымъ „сезонамъ", а по состоянію погоды. Температура не ниже извѣстнаго градуса. Обязательно койки вмѣсто наръ. Казенныя одѣяла, подушки, наволочки и простыни чистыя не рѣже 2 разъ въ мѣсяцъ. Казенная баня и мыло каждую недѣлю. Казенная стирка бѣлья.

Полный воскресный отдыхъ (кромѣ карауловъ). Полный отдыхъ послѣ всякой суточной службы (карауловъ, дежурствъ, дневальствъ и т. п.) до слѣдующаго дня.

Уничтоженіе вольныхъ работъ (которыя вызываются лишь нищенскимъ жалованьемъ солдатъ „45 коп. въ 2 мѣсяца" и заставляютъ солдатъ наниматься на каторжный трудъ по крайне низкимъ цѣнамъ, сбивая плату у вольныхъ рабочихъ) и введеніе лѣтнихъ отпусковъ на побывку (что при 4-годичной служб имѣетъ большое значеніе), хотя бы на мѣсяцъ. Безплатны проѣздъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Для остающихся лѣтнія каникулы не менѣе мѣсяца въ самое жарко время лѣта.

Полное уничтоженіе офицерскаго пользованія солдатами, какъ мастеровыми, рабочими и личными слугами.

II. *Служебныя:*

Сокращеніе срока службы. Одинаковый срокъ службы для всѣхъ, безъ льготъ по образованію. Отбываніе службы въ своей мѣстности.

Неупотребленіе войскъ для полицейской службы и для „усмиренія" рабочихъ стачечниковъ и крестьянъ.

Право каждаго солдата поступать въ офицерскую школу (военныя училища, юнкерскія и т. п.) по окончаніи срока службы. Всѣ, желающіе быть офицерами, обязательно должны отбыть срокъ дѣйствительной солдатской службы.

Офицеры — только учителя военнаго дѣла.

Офицеры — начальники только во время карауловъ, маневровъ, войны.

Начальствующіе нижніе чины (фельдфебель, унтеръ-офицеръ, ефрейторъ и т. п.), независимо отъ ихъ производства въ чинъ по ихъ знаніямъ *назначаются* въ роты по выбору солдатъ и *смѣщаются* по требованію большинства.

По рѣшенію большинства нижнихъ чиновъ части войскъ (взвода, полуроты, роты, батальона, полка и т. п.), командиръ этой части долженъ быть смѣщенъ.

Хозяйственныя должности какъ не офицерскія, такъ и офицерскія (артельщикъ, инструкторъ, каптенармусъ, завѣдующій хозяйствомъ и т. п.), замѣщаются по выбору солдатъ.

Уничтоженіе нелѣпыхъ и тяжелыхъ воинскихъ *пережитковъ:*

Уничтоженіе „цирмулярныхъ" (церемоніальныхъ) маршей и „учебной" маршировки съ вытягиваніемъ ногъ и стуканьемъ подошвой объ землю.

Уничтоженіе держанія „на выпадѣ" и „прицѣлѣ" долѣе существенно необходимаго времени.

Новобранцы (молодые солдаты) пользуются всѣми правами наравнѣ съ другими относительно занятій и работъ, т. е. такимъ же 8 часовымъ рабочимъ днемъ.

Отмѣна „дядекъ" для новобранцевъ. Обучать первичнымъ пріемамъ должны унтеръ офицеры подъ обязательнымъ наблюденіемъ офицеровъ. Обученіе примѣромъ, безъ всякаго прикосновенія руками.

Обязательное обученіе неграмотныхъ. Школы полковыя и другія съ гражданскими учителями; обученіе не должно поручаться офицерамъ и другимъ военнымъ.

Полное уничтоженіе дисциплинарныхъ (властью отдѣльныхъ начальниковъ) *наказаній*, карцеровъ, ареста. Всѣ наказанія за дисциплинарные поступки — по суду, съ участіемъ присяжныхъ (изъ солдатъ, по выбору), гласно.

Преступленія противъ общихъ законовъ и злоупотребленія начальства разсматриваются гласно въ общихъ судахъ государства съ участіемъ присяжныхъ.

Уничтоженіе: дисциплинарныхъ батальоновъ, увеличенія срока службы, разряда штрафованныхъ, военныхъ тюремъ, заключенія въ темныхъ карцерахъ и „на хлѣбѣ и на водѣ".

Уничтоженіе постановки „подъ ранецъ".

Улучшеніе караульныхъ помѣщеній.

„Приказы" по полкамъ должны выдаваться по 1 экземпляру каждому солдату.

Общій пересмотръ и выработка новыхъ воинскихъ устав
внутренней службы, гарнизоннаго, строевого, дисципл
и т. д. при равномъ участіи выборныхъ отъ солдатъ
выработаннымъ солдатами требованіямъ.

Уничтоженіе всякихъ ограниченій въ прав
„инородцевъ".

III. *Внѣ-служебныя:*

Обращеніе на „вы" каждаго начальника съ к
Невмѣшательство начальствующихъ въ ли
Офицеры не имѣютъ права дѣлать обыски,
солдатъ и т. п. Письма должны получаться
а не чер въ полковые штабы.

Свобода солдатскихъ собраній въ неслуже
обсужденія своихъ нуждъ, дѣлъ и т. д. безъ вѣ
нія и присутствія офицеровъ, кромѣ какъ по пригл
датъ. Полная свобода слова на собраніяхъ,

Казарменныя библіотеки, просвѣтительныя предпріятія
влеченія (театръ, музыка, хоръ и т. п.) устраиваются сами солдатами, безъ всякаго разрѣшенія и вмѣшательства офицеровъ, кромѣ какъ по приглашенію солдатъ. Свободный выборъ солдатами книгъ, газетъ, журналовъ и т. п.

Свободный доступъ въ казармы родныхъ и знакомыхъ солдатъ въ неслужебное время.

---

[1]) **Печатая настоящую статью, мы — во избѣжаніе недоразумѣній — считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что выдвигаемый авторомъ рядъ требованій не только не упраздняетъ нашего основного требованія — замѣны постоянной арміи милиціей, народнымъ ополченіемъ, но, напротивъ, долженъ служить базисомъ, исходной точкой нашей антимилитаристской агитаціи. Такъ это должно быть и по мысли самого автора. И въ этомъ отношеніи статья его даетъ, на нашъ взглядъ, рядъ цѣнныхъ указаній относительно того, какъ вести успѣшно нашу антимилитаристскую пропаганду въ войскахъ, исходя изъ повседневныхъ нуждъ солдата.** Редакція.

[2]) **Какъ дворянство и крупная буржуазія служатъ офицерами, такъ мелкая буржуазія занимаетъ въ войскахъ привилегированное положеніе относительно остальной массы, занимая мѣста фельдфебелей, разныхъ унтеровъ и ефрейторовъ, писарей и т. п. Я имѣю въ виду простыхъ рядовыхъ.**

Революціонныя перспективы.

(Продолженіе[1]).

> — Сколько верстъ до Гогулина?
> — Коли три версты обходомъ,
> прямиками будетъ шесть.
>
> *Некрасовъ.*

Русская буржуазная революція въ извѣстныхъ отношеніяхъ отличается отъ всѣхъ прошлыхъ революцій. Но это для насъ не ново. Еще въ 85 г. Плехановъ писалъ: „Для насъ не должно быть потеряннымъ то въ высшей степени важное обстоятельство, что соціалистическое движеніе началось у насъ въ то время, когда капитализмъ былъ еще въ зародышѣ. Эта особенность русскаго историческаго развитія... составляетъ безспорный... фактъ, который принесетъ огромную пользу дѣлу нашего рабочаго класса, если только русскіе соціалисты не растратятъ свою умственую и нравственную энергію на постройку воздушныхъ замковъ"…. Несмотря на то, что Плехановъ еще 20 лѣтъ тому назадъ указывалъ на исключительную роль, которую сыграетъ въ русской революціи соціалистическая партія, партія пролетаріата, онъ тогда же въ „Нашихъ разногласіяхъ", и позже въ „Задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ" предсказывалъ, что классовые интересы раньше или позже толкнутъ разные элементы буржуазнаго общества въ оппозицію абсолютизму, и что наше буржуазное общество „осмѣлится" на борьбу съ нимъ, когда оно убѣдится, что ему обезпечена поддержка въ рабочемъ движеніи. Предсказанія Плеханова, которыя раздѣлялись всѣми болѣе развитыми элементами нашей соціальдемократіи, теперь съ каждымъ днемъ все больше подтверждаются. Именно на этомъ прогнозѣ построена наша партійная программа, предполагающая неизбѣжность у насъ буржуазной соціальной революціи. Только въ расчетѣ на участіе въ революціи буржуазныхъ классовъ, наша программа могла разсматривать предстоящее паденіе самодержавія, какъ явленіе, связанное именно съ ликвидаціей всего стараго сословно-крѣпостническаго режима. Только въ расчетѣ на революціонную борьбу деревенской мелкой буржуазіи съ помѣстнымъ дворянствомъ, какъ на извѣстномъ проявленіи общей борьбы буржуазнаго общества со „старымъ режимомъ" могла быть построена аграрная часть нашей программы.

Русская соціальдемократія ясно представляла себѣ соціальное содержаніе нашей ближайшей революціи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы уже говорили въ первомъ фельетонѣ[2]), когда революція превратилась изъ абстракціи въ осязательный фактъ, нѣкоторые наши товарищи, какъ будто, перестали ее понимать. Соціальдемократы, которые въ очень многомъ рѣзко расходятся между собой, какъ публицисты изъ „Впередъ", съ одной стороны, какъ товарищи Парвусъ, Троцкій, съ другой, сошлись или почти сошлись, на одномъ. Внѣ насъ въ Россіи некому увѣнчать зданіе буржуазной республики, а посему намъ ближе идти обходомъ, чѣмъ прямиками: намъ необходимо будетъ на время покинуть свой оппозиціонный постъ, замѣстить въ революціонномъ правительствѣ вполнѣ или отчасти буржуазную демократію и, упорядочивши государственное строительство, послѣ первой побѣды буржуазной революціи, подобно Цинциннату, вернуться опять къ своему плугу. Раньше наша соціальдемократическая интеллигенція стремилась къ замѣстительству пролетаріата въ рабочей партіи. Теперь намъ рекомендуютъ болѣе мудреную задачу — замѣстить буржуазныхъ революціонеровъ въ правительствѣ. Наши товарищи собираются разыграть русскую революцію въ видѣ феерии въ трехъ актахъ. Какъ люди безъ принциповъ, публицисты изъ „Впередъ" и не задумываются надъ тѣмъ, какъ согласовать свой новый „спектакль" со своей прежней марксистской совѣстью. Они не разсуждаютъ, они шумятъ, они рекламируютъ его въ „толпѣ" посредствомъ сильныхъ выраженій и выразительной жестикуляціи. Напротивъ пылкому воображенію т.т. Парвуса и Троцкаго, конечно, представляется, что именно марксистскій анализъ русской дѣйствительности продиктовалъ имъ ихъ феерію. Анализъ этотъ составляетъ ихъ прелюдію къ піесѣ.

Прелюдія. И тов. Парвусу, и т.-у Т. нужно доказать, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ *никого нѣтъ*"[1]. Доказываютъ это т. Т и т. Парвусъ разными, отчасти даже противоположными аргументами. Но это ихъ доброму согласію не вредитъ, ибо суть дѣла, конечно, не въ томъ, чтобы „написать умную марксистскую статью", а въ томъ, чтобы... оправдать извѣстную тактику.

Тов. Парвусъ увѣряетъ насъ[2], что „немедленно за кровавымъ воскресеньемъ общественная мысль раздѣлалась съ идеей конституціонной монархіи", что „революція гонитъ идеологію либерализма до ея послѣднихъ политическихъ крайностей", что „либеральныя партіи... обѣщаютъ больше и даже ставятъ себѣ большія задачи, чѣмъ могутъ исполнить при помощи тѣхъ общественныхъ слоевъ, на которые они опираются". Но именно потому, что „въ Россіи политическія направленія до сихъ поръ — за исключеніемъ классовой борьбы пролетаріата и соціальдемократіи... — развивались въ эфирныхъ областяхъ идеологіи", именно потому, что имъ не соотвѣтствуетъ классовые интересы какихъ нибудь общественныхъ слоевъ, политическій радикализмъ нашей интеллигенціи разсѣется, какъ дымъ, въ первый же моментъ сверженія самодержавія, который будетъ не концомъ, а исходнымъ пунктомъ революціонной эпохи.

Товарищъ Троцкій для того, чтобы прійти къ тому же в
воду, какъ будто-бы опрокидываетъ теорію Парвуса на голо
мы говоримъ „какъ будто бы" потому, что онъ то и дѣло себѣ пр
тиворѣчитъ. „Мы имѣемъ въ виду, говоритъ т. Троцкій, не нар
ныя массы, не крестьянство и мѣщанство, которыя — особен
первыя, представляютъ громадный резервуаръ потенціальной р
волюціонной энергіи, но пока еще слишкомъ мало принимаю
сознательное участіе въ политической жизни страны".[1]) Огр
ція существованіе и условія для развитія у насъ буржуазн
демократіи, товарищъ Троцкій, имѣетъ въ виду лишь идео
говъ, — демократическую интеллигенцію. „У насъ нѣтъ, говор
онъ, соціальной почвы (а резервуаръ потенціально революці
ной энергіи въ крестьянствѣ и мѣщанствѣ?) для самостояте
ной якобинской демократіи, мы это понимали всегда, сами
являемся продуктомъ этого факта, имъ объясняется наша по
донская борьба съ народовольцами, народниками, с-рами в
наше почти полное революціонное одиночество"[2]).

Итакъ, съ точки зрѣнія тов. Парвуса „революція гон
идеологію либерализма до его послѣднихъ политическихъ кр
ностей". Но это прекратится въ первый же день послѣ побѣ
носнаго возстанія, потому-что у этого политическаго движе
нѣтъ классовой основы. Товарищъ Троцкій находитъ, напрот
того, что классовая основа для появленія демократіи есть,
наша мелкая буржуазія представляетъ громадный резерву
потенціальной революціонной энергіи; но на этомъ базисѣ
не выросло и не можетъ вырасти соотвѣтственной идеолог
ской надстройки. Обѣ теоріи одинаково зиждутся на пескѣ.

На чемъ основывается увѣренность тов. Парвуса, что
полукрѣпостной Россіи съ ея 130-и мил. населеніемъ при
мил. пролетаріевъ въ революціонную пору не можетъ разви
мелко-буржуазное демократическое движеніе? Единственно
томъ, что Россія не пережила фазы ремесла и мануфакт
въ ея классической формѣ. Ну, а куда дѣлся огромный
всякаго рода служащихъ, которые революціонизируются на
шихъ глазахъ, куда дѣлись милліоны кустарей, идейное пр
жденіе которыхъ еще отмѣчалось въ 80-хъ годахъ (Корол
Павловскіе очерки), куда дѣлись десятки милліоновъ крестья
—, опутанныхъ по рукамъ и ногамъ государственной и помѣс
кабалой? А представители либеральныхъ профессій, а ра
чинцы? Они, говоритъ товарищъ Парвусъ, „стоятъ внѣ пр
водственныхъ отношеній" и потому „не могутъ имѣть с
классовой программы". Удивительное разсужденіе! Они ст
внѣ производственныхъ отношеній. Слѣдуетъ-ли отсюда,
они не солидаризируются по необходимости съ тѣми или д
гими классами? Развѣ зависимость отъ той или другой соц
ной кліентеллы, развѣ размѣры и степень устойчивости за
ботка и многое другое не связываютъ соціальными узами
стные слои профессіональной интеллигенціи съ извѣстными

---

[1]) См. „Искра" №№ 90, 92.

[2]) См. „Искра" № 90.

[1]) См. „Искру" № 93.

[2]) См. предисл. къ брош. Троцкаго „До девятого января".

[1]) См. Троцкій. До девят. января. Стр. 18

[2]) См. „Искру" № 93.

Отмѣна „отданія чести" офицерамъ въ общественныхъ мѣстахъ, отмѣна запрещеній посѣщать театры, библіотеки, собранія и т. п.

Полное уничтоженіе личной „службы" деньщиками у офицеровъ и ихъ семействъ, „камчадалами" у подпрапорщиковъ, фельдфебелей, унтеровъ, каптенармусовъ и т. д.

Отмѣна обязательнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ и разныхъ принужденій — не „гонять" въ церковь, къ исповѣди, къ причастію, на „бесѣды" священника и т. п.

Агитація на почвѣ всѣхъ перечисленныхъ выше частныхъ требованій должна вести къ главной цѣли—къ формулированію нашихъ требованій.

IV. *Гражданско-политическихъ*:

Солдатъ долженъ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами наравнѣ со всѣми гражданами. Въ случаѣ избранія на общественную должность, служба отсрочивается, недослуженный срокъ оканчивается послѣ.

Войско служитъ не правительству, а народу (странѣ, отечеству). Какія бы то ни было военныя дѣйствія и война должны рѣшаться голосованіемъ всего народа, слѣдовательно, и самихъ солдатъ.

⁂

Вотъ рядъ требованій, которыя должны выставляться солдатами въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Важно, чтобы солдатами былъ сдѣланъ первый шагъ, сдѣлано первое завоеваніе — оно повлечетъ за собою другія. Несомнѣнно, что организація современной арміи не только въ самодержавной, но и въ „свободной" буржуазной Россіи не сможетъ выдержать осуществленія даже половины этихъ требованій. Ихъ осуществленіе, даже только постановка, неминуемо разрушитъ всю организацію нынѣшней арміи и приведетъ къ минимальному сокращенію войска въ „свободной" Россіи. Несомнѣнно, что противъ многихъ изъ этихъ требованій возстанетъ буржуазія, которая пуститъ въ ходъ всѣ жупелы разныхъ внѣшнихъ „опасностей", чтобы сохранить въ войскахъ духъ классовой несознательности и воинскихъ „чести" и „почета" для мелко-буржуазнаго элемента арміи. Но всѣ противодѣйствія должны разбиться о соціальдемократическую агитацію.

Я лично придаю очень большое значеніе требованію *8-часового рабочаго дня*. Оно одно дастъ обширнѣйшій матеріалъ для агитаціи, ибо въ настоящее время солдату, что называется, „дыхнуть некогда". Съ 5—6 часовъ утра на ногахъ, солдатъ съ 7 уже „становится на занятія", обѣденный перерывъ не продолжается болѣе часа, и затѣмъ съ 1½ до 5 - 6 час. вечера опять занятія. Перерывы для обѣда и ужина заняты уборкой казармъ, ноской хлѣба, воды и т. п., иногда „прогулкой"; вечеромъ, послѣ ужина „гонятъ" на пѣсни, бесѣды со священникомъ и т. п., а молодые солдаты занимаются съ „дядьками" или „лепертятъ"[1] со взводными разную воинскую премудрость и послѣ повѣрки, зачастую до полночи. Затѣмъ надо время „почиститься", „подшиться", — каковое всецѣло отрывается отъ сна. Въ общемъ на сонъ и отдыхъ рѣдко приходится 6 часовъ въ среднемъ даже зимой, послѣ 18 часовъ занятій, работы и суетни. Это требованіе легко сдѣлается въ войскахъ популярнымъ и найдетъ поддержку у всѣхъ. Осуществленіе его перевернетъ вверхъ ногами всю организацію арміи. Прочія экономическія требованія, хотя и не заключаютъ въ себѣ такого революціоннаго содержанія, но являются для солдатъ насущ ми и крайне понятными.

ъ остальныхъ требованій подчеркну еще *сокращеніе службы* ъ *по образованію*. Это требованіе явится очень понят тамъ. Любой старый солдатъ скажетъ, что онъ слу а лишнихъ", ибо въ 1 годъ и 7 мѣсяцевъ вся во ость „достаточно выучена" (фактически служба года 7 мѣсяцевъ). Точно также многіе солдаты, абричныхъ, но даже изъ крестьянъ, разсуждаютъ ода короче служатъ не по правилу: мы не ви аукѣ не обучены" и т. п. Здѣсь проявляется віе *классового характера* военной службы, въ ко азія, владѣя всѣми средствами просвѣщенія, поль сѣми его плодами, включая и сокращеніе для себя оенной каторги, необходимой по ея мнѣнію для „пре и отечества". Войско необходимо буржуазіи, чтобы бо оться съ рабочимъ классомъ, но она предпочитаетъ устроить такъ, чтобы рабочій классъ самъ съ собой боролся, а для себя измышляетъ льготы по образованію и разные фокусы для освобожденія отъ всѣхъ тягостей этой ужасной жизни. Буржуа конечно закричатъ: „помилуйте! неужели равнять образованнаго студента и даже гимназиста съ какимъ нибудь мужикомъ или чувашиномъ?!.. Тогда наши дѣти и учиться не станутъ!"...[2]

Буквально такъ разсуждаютъ буржуа всѣхъ странъ, лицемѣрно сваливая вину за народную темноту на народъ же, — какъ это, напримѣръ, указываетъ и Лагардель въ своей брошюркѣ.

Не понравится такое требованіе и буржуазнымъ радикаламъ, которые скажутъ, что такъ-то такъ, однако необходимо „чтобы наука не теряла своей привлекательности для народа", почему и необходимы пока подобныя привилегіи для образованныхъ. Но и это вѣдь одно лицемѣріе. Ну, а о „патріотахъ" нечего и говорить, они возмутятся. Однако они на то и „патріоты", чтобы возмущаться эмансипаціей мужика и чувашина. Нынѣшняя война дала много примѣровъ того, какъ „патріоты" откупались отъ нея деньгами, изворачивались разными способами и поступали въ урядники и городовые, лишь бы не идти на войну, въ то время когда „мужикъ и чувашинъ" пошли безропотно умирать сотнями тысячъ.

Какъ я уже сказалъ выше, по моему мнѣнію важно агитировать одновременно и въ средѣ солдатъ и среди крестьянъ и рабочихъ. Всѣ эти требованія должны популяризироваться въ массахъ, изъ которыхъ вербуются солдаты, для того, чтобы элементы, не имѣющіе рѣшимости прямо отказаться отъ службы, знали, что ихъ ожидаетъ въ казармѣ, и какъ это можно измѣнить. Прокламаціи, предназначенныя для солдатъ, слѣдуетъ распространять и разбрасывать вездѣ, гдѣ можно, также и въ виду того, что теперь почти въ каждой семьѣ есть солдатъ или состоящій на очереди.

Кромѣ такой спеціально „солдатской" и общей соціальдемократической агитаціи и пропаганды, въ данное время было бы очень важно распространять среди солдатъ свѣдѣнія о войнѣ и положеніи арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій съ начала войны. Хорошо было бы, если бъ это сорганизовалось въ видѣ газетки, пока хотя бы непеперіодической, если не ежемѣсячной. „Своя" газета, „наша" газета — это очень много значитъ для рабочихъ, но не меньше значило бы для солдатъ.

Нижній чинъ
107-го пѣхотн. Троицкаго полка.

---

[1] Репетируютъ.

[2] Лично слышалъ эти слова отъ „сочувствующаго" земца.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Вчера за Невской заставой хоронили рабочаго. Его застрѣлилъ изъ револьвера мастеръ. Дѣло было такъ: мастеръ побилъ работницу на фабрикѣ Паля (онъ и, вообще, былъ негодяй). Рабочіе потребовали его удаленія. Администрація отказала. Тогда рабочіе рѣшили его вывезти въ тачкѣ и когда приблизились, чтобы его взять, онъ сталъ стрѣлять. Одного убилъ на повалъ, другого смертельно ранилъ (вчера умеръ) и 2 ранилъ еще. Вчера хоронили убитаго. Было много народу; несли вѣнокъ съ красной лентой и надписью „Товарищу Соціалъ-демократу". На могилѣ 4 оратора говорили рѣчи (3 отъ группы и одинъ отъ комитета). Потомъ пѣли революціонныя пѣсни и разошлись. Былъ организованъ отрядъ вооруженныхъ для защиты отъ полиціи и вооруженнаго сопротивленія, но полиція не пришла, хотя во дворѣ у Паля были спрятаны казаки.

Харьковъ (частное письмо). Въ субботу веч. 19 марта состоялось засѣданіе юридическаго общества. Публики было очень много, среди нея видное по численности мѣсто занимали рабочіе. Засѣданіе открылось рѣчью Гредескула, который, коснувшись событій девятаго января, перешелъ затѣмъ къ краткому разбору манифеста и рескрипта отъ 18 февраля. На нихъ онъ посмотрѣлъ, какъ на документы, ясно показывающіе, что правительство не хочетъ реформъ, что оно только въ крайнемъ случаѣ говоритъ о нихъ и лишь говоритъ. Въ общемъ рѣчь была довольно радикальная, что же касается самого Гредескула, то его, если вспомнить поведеніе его на ноябрьскомъ засѣданіи, теперь не узнать. Послѣ Гредескула присяжный повѣренный Орловъ прочелъ докладъ на тему „представительныя учрежденія съ законодательнымъ правомъ". Докладъ этотъ, прочитанный горячо, оказался очень дѣльнымъ. Докладъ былъ встрѣченъ бурными аплодисментами. Всѣ слѣдующія рѣчи были радикальнаго характера, во всѣхъ высказывалось отрицательное отношеніе къ рескрипту на имя Булыгина и къ коммиссіи послѣдняго. Гредескулъ прямо заявилъ: „намъ булыгинская коммиссія не нужна".

Послѣ рѣчей пяти или шести ораторовъ, была принята резолюція съ требованіемъ всѣхъ свободъ и учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Резолюція принята единогласно. Затѣмъ были разбросаны прокламаціи Харьковскаго Комитета Россійской С. — Д. Р. П и публика съ пѣніемъ „Варшавянки" двинулась на улицу, дошла безпрепятственно до Николаевской площади, гдѣ раздѣлилась на двѣ группы, изъ которыхъ одна двинулась по Сумской, другая по Московской. Полиція не вмѣшивалась и никого не трогала.

Наканунѣ „конституціи" Булыгина.

М. В. Д.
Витебскій губернаторъ.
По канцеляріи.
Февраля 7 дня.
№ 169.
г. Витебскъ.

Начальнику Двинско-Витебскаго отдѣленія Московско-Рижскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ.

Ротмистру Мортаничу.

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Двинскій желѣзнодорожный театръ, возникшій по ходатайству желѣзнодорожной администраціи съ цѣлью доставлять развлеченія для служащихъ и рабочихъ мастерскихъ, въ дѣйствительности, не оправдывалъ этой цѣли, служа послѣднее время для развлеченія исключительно городской публики. Вслѣдствіе пониженныхъ цѣнъ и доступа въ театръ по контрамаркамъ, онъ постоянно бываетъ переполненъ публикой, преимущественно еврейской молодежью; въ виду совершенной недостачи надзора, за отсутствіемъ наружной полиціи, театръ, такимъ образомъ, служитъ для всякихъ неблагонадежныхъ элементовъ мѣстомъ собраній, которые безнаказанно устраиваютъ тамъ шумныя демонстраціи для выраженія тѣхъ или иныхъ протестовъ. 9 января антрепренеръ театра Трофимовъ передалъ спектакль за 250 руб. (шла пьеса „Безъ солнца") еврейкѣ Фридмандъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деньги, вырученныя со спектакля, пошли на организацію „Искры". 25 января въ театрѣ была устроена демонстрація въ честь Горькаго, шла пьеса „Дачники". Евреи кричали: „Да здравствуетъ Максимъ Горькій, долой полицію!" Представленіе по случаю безпорядка было какъ будто бы сокращено. 29 января былъ также безпорядокъ. Евреи кричали: „да здравствуетъ еврейская національная свобода, долой сіонизмъ, ура!" Въ театрѣ на представленіяхъ въ послѣднее время находится будто бы военная команда, такъ что спектакли идутъ подъ охраной солдатъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи фактическихъ данныхъ, которыя бы въ достаточной мѣрѣ подтверждали справедливость дошедшихъ до меня слуховъ, прошу Ваше Высокоблагородіе въ возможно непродолжительномъ времени сообщить мнѣ, какъ подробныя свѣдѣнія объ указанныхъ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка въ театрѣ, характеръ этихъ нарушеній, о принятыхъ противъ виновныхъ мѣрахъ, такъ и данныя объ управленіи театромъ, объ условіяхъ существующаго съ антрепренеромъ Трофимовымъ договора, и числѣ платныхъ мѣстъ, о цѣнахъ на нихъ, а равно заключеніе Ваше, признаете ли вы возможнымъ въ виду ненормальности положенія театра, дальнѣйшее его существованіе. Независимо отъ сего, въ виду недостаточности чиновъ жандармской желѣзнодорожной полиціи, обремененной къ тому же исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, я признаю весьма желательнымъ привлеченіе къ надзору во время спектаклей чиновъ полиціи, о нарядѣ коихъ, по вашему требованію, мною вмѣстѣ съ симъ предписано Двинскому полиціймейстеру.

Губернаторъ Гершау-Флотовъ.
Правитель канцеляріи Кержецкій.

Правда - ли? Намъ пишутъ: Директоръ Департамента полиціи Лопухинъ уволенъ отъ этой должности (съ переводомъ въ Эстляндскіе губернаторы) по жалобѣ великой княгини Елизаветы Федоровны за то, что послѣ усиленныхъ ея просьбъ дать свиданіе съ лицомъ, бросившимъ бомбу въ ея мужа, устроилъ ей свиданіе съ подставнымъ лицомъ—*агентомъ тайной полиціи*, котораго она благословляла образомъ, который плакалъ передъ ней, заявлялъ себя вѣрующимъ и. т. д.

Съ Кавказа. Нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой напряженной революціонной атмосферы, какъ въ Гуріи и Батумѣ. Можно, пожалуй, безъ преувеличенія сказать, что въ этихъ мѣстахъ вопросъ о возстаніи — есть вопросъ почти только техническій. Безпрерывныя стачки, террористическія покушенія, стремленіе проявить въ открытыхъ массовыхъ дѣйствіяхъ революціонное настроеніе —въ Батумѣ и непризнаніе самодержавныхъ властей и организація до нѣкоторой степени своихъ соц.-демократическихъ органовъ власти — въ Гуріи, — вотъ въ крупныхъ чертахъ положеніе дѣлъ въ этомъ районѣ. И правительство оцѣнило всю серьезность движенія: въ Батумѣ оно установило военное положеніе, а съ Гуріей намѣревается вести формальную войну, какъ Турція въ Македоніи. Одновременно оно посылаетъ туда пушки, казаковъ, солдатъ — и самодержавную сирену Крымъ Гирея, долженствующаго попытаться умиротворить Гурію безъ скандала, обѣщаніемъ ничтожныхъ уступокъ. Крымъ-Гирея сопровождаютъ корреспонденты — представители буржуазной грузинской интеллигенціи. Эти господа хотятъ, подъ флагомъ самодержавія, пробраться въ Гурію и выбить съ занятыхъ позицій соціальдемократію. Трогательная картина: „гуманный" бюрократъ и „образованные" господа шествуютъ по деревнямъ,

---

щественными классами? У нихъ нѣтъ *своей* классовой программы; значитъ-ли это, что они не становятся на точку зрѣнія общественныхъ классовъ? На недавно состоявшемся съѣздѣ учителей и учительницъ Воронежской губерніи была принята слѣдующая резолюція: „мы, учителя и учительницы находимъ, что вознагражденіе учителей въ народныхъ школахъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое положеніе крестьянства, а это можетъ случиться съ измѣненіемъ всего государственнаго строя путемъ созыва Учр. Соб. на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго, и равнаго избирательнаго права". Воронежскіе народные учителя поставили точку надъ і; ну, а тѣ, которые не ставятъ точку надъ і, тѣ которые не сознаютъ, что они „говорятъ прозой", тѣ дѣйствительно прозой не говорятъ? Для т. Парвуса огромный слой русской интеллигенціи виситъ какъ будто въ воздухѣ, лишенъ какъ будто классовыхъ корней и нитей. Говоря о нашемъ народничествѣ, онъ правильно отмѣчаетъ, что правое крыло его упирается въ земство, которое въ настоящій моментъ составляетъ опору либерализма, а въ будущей парламентарной Россіи составитъ опору аграрной партіи съ консервативными тенденціями. Но, характеризуя лѣвое крыло нашего народничества, онъ не видитъ, онъ по крайней мѣрѣ умалчиваетъ объ его классовой подкладкѣ. Онъ видитъ тамъ „смѣсь беллетристики съ политикой", „смѣсь художественнаго рефлекса жизни съ иллюзіями визіонеровъ". Это всегда признавала наша обычная марксистская критика революціоннаго народничества, но кромѣ того она отмѣчала, и въ этомъ суть дѣла, что въ народническихъ утопіяхъ отражается опредѣленная классовая идеологія—идеологія мелкой буржуазіи.

Товарищъ Т. признаетъ потенціальную революціонную энергію нашей мелкой буржуазіи, но отрицаетъ возможность появленія у насъ революціонной интеллигентной демократіи, ссылаясь на то, что мы сами—соціальдемократы—являемся продуктомъ этого факта.

Послѣднее вѣрно и невѣрно. Вѣрно то, что развитіе нашей революціонной интеллигенціи въ свое время уперлось въ стѣну, и что марксизмъ открылъ ей путь къ дальнѣйшему развитію; вѣрно то, что въ 90 годахъ почти вся русская интеллигентная демократія шла подъ знаменемъ марксизма; но вѣрно и то, что дальнѣйшее развитіе соціальдемократическаго движенія, процессъ самоопредѣленія рабочаго класса, послужилъ самъ факторомъ для пробужденія буржуазной демократіи: революціонная самокритика нашей марксистской интеллигенціи, въ связи съ ростомъ рабочаго движенія, не мало содѣйствовали возникновенію партіи „Освобожденія", партіи с—ровъ и продолжаетъ содѣйствовать радикализаціи буржуазнаго общества.

Вопреки новой теоріи товар. Парвуса и Троцкаго мы остаемся и останемся непоколебимо при своемъ старомъ убѣжденіи: въ атмосферѣ буржуазной революціи буржуазно-демократическія движенія должны усиливаться именно благодаря развитію соціальдемократіи, должны тѣмъ болѣе усиливаться, чѣмъ революціоннѣе движеніе рабочаго класса, чѣмъ оно сознательнѣе, чѣмъ оно самостоятельнѣе. Изъ всей новой теоріи вѣрно только то, что наша мелкая буржуазія не можетъ служить базой для прочныхъ *консолидированныхъ* политическихъ партій. Но это-то какъ разъ не ново, и въ этомъ отношеніи политическія судьбы русской мелкой буржуазіи мало чѣмъ отличается отъ судебъ западно-европейской. Такова уже противорѣчивая сущность всякой мелкой буржуазіи. Это, однако, не помѣшало ей въ извѣстные періоды играть революціонную роль.

Итакъ, прелюдія товарищей Парвуса и Т., увы, нисколько не предрасположила насъ въ пользу той оригинальной революціонной пьесы, которую они намъ рекомендуютъ разыграть. Она намъ не объяснила, почему мы очутимся въ революціи въ полномъ одиночествѣ.

Посмотримъ, можетъ сама пьеса насъ вразумитъ.

1-й актъ. „Подготовленіе единовременнаго выступленія пролетаріата всей Россіи", или, другими словами, „приготовленіе перваго настоящаго натиска", или, еще другими словами, „назначеніе всенароднаго вооруженнаго возстанія".

Товарищи Парвусъ и Троцкій исходятъ изъ фантастическаго предположенія, что рѣшительное сраженіе самодержавію дастъ *одинъ* пролетаріатъ, что рабочія массы во всей Россіи уже теперь прислушивается *только* къ нашимъ боевымъ лозунгамъ. Публицисты изъ „Впередъ" исходятъ изъ другого начала, изъ „самобытной" теоріи „темнаго царства":—Про насъ законы не писаны! Шапками закидаемъ!

При такихъ предположеніяхъ разсчетъ крайне упрощается. Ничто не мѣшаетъ имъ поэтому вообразить себѣ, что сраженіе будетъ дано непремѣнно при назначенныхъ ими условіяхъ: кто станетъ спорить, что было бы выгодно, еслибъ пролетаріатъ возсталъ единовременно во всей Россіи, что было бы выгодно, еслибъ мы могли заранѣе назначить это единовременное возстаніе? что было бы выгодно, еслибъ мы могли „заказать" возстаніе передъ созывомъ Учредительнаго Собранія, чтобъ обезпечить своей побѣдой свободу выборовъ? Но наши утописты и наши „самобытники", ничѣмъ не связанные въ полетѣ своей фантазіи, уже заранѣе принимаютъ желательную имъ диспозицію за непреложный фактъ. Они не видятъ реальной соціально-политической обстановки, въ которой намъ приходится подготовлять возстаніе пролетаріата, они не думаютъ о томъ тернистомъ пути, который насъ долженъ повести къ цѣли—побѣдоносному возстанію: вмѣсто того, чтобы проходить этотъ путь, преодолѣвая всѣ препятствія на немъ, они просто закрываютъ глаза на препятствія и переносятся къ цѣли на крыльяхъ фантазіи, на скатерти—самолетѣ.

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.

Чтобы отдѣльные революціонные ручьи слились въ одинъ потокъ народнаго возстанія, чтобы это возстаніе было побѣдоносное, мы ставимъ себѣ двойную задачу: 1) Не закрывая глаза на то, что пролетаріатъ далеко не вездѣ еще находится въ состояніи революціоннаго кипѣнія и что рабочія массы далеко не вездѣ еще усвоили себѣ политическій смыслъ настоящей революціи, мы продолжаемъ утилизировать всѣ текущія событія, все что совершается въ соціально политической обстановкѣ, окружающей пролетаріатъ, равно какъ и стихійныя броженія въ его собственной средѣ, для развитія его революціонной активности и сознательности. На этой почвѣ мы политически объединяемъ и технически организуемъ его движеніе. 2) Мы стараемся самое революціонную дѣятельность пролетаріата использовать для привлеченія ему союзниковъ въ самыхъ различныхъ элементахъ націи.

Какъ рѣшаютъ эти задачи приверженцы новаго слова? Товарищъ Троцкій декретируетъ: „Никакія мѣстныя демонстраціи не могутъ уже теперь имѣть серьезнаго политическаго значенія. Послѣ петербургскаго возстанія *должно* имѣть мѣсто *только* всероссійское возстаніе". Тов. Троцкій преодолѣваетъ всѣ препятствія тѣмъ, что зажмуриваетъ глаза. Онъ ждетъ момента всенароднаго возстанія; онъ ждетъ, а пока что?... пока онъ рисуетъ намъ художественныя картины будущихъ столкновеній народа съ войсками, распредѣляетъ роли въ этихъ будущихъ революціонныхъ эпизодахъ...[1] Тов. Троцкій, впрочемъ, разрѣшаетъ жизни отступленіе отъ своихъ „чертежей". Онъ соглашается, что по скольку революціонныя вспышки будутъ самопроизвольно возникать еще до всеобщаго натиска, мы должны энергично ихъ использовать. Приверженцы газеты „Впередъ"—московскіе комитетчики гораздо болѣе строги и неукоснительны: они стараются воспрепятствовать, остановить самопроизвольно возникшее стачечное движеніе, чтобы не сжигать преждевременно энергію пролетаріата въ ожиданіи единовременнаго нападенія. Ихъ не смущаютъ „недоразумѣнія" которыя на этой почвѣ возникаютъ между соціальдемократіей и рабочей массой, ихъ не смущаютъ протесты рабочей массы противъ комитета, потому-что они заранѣе уже „приписали" эту рабочую массу къ вѣдомству своего „комитета", а этого достаточно, чтобы она обязана была повиноваться. И эта тактика примѣняется въ Москвѣ, въ одномъ изъ сравнительно отсталыхъ районовъ движенія!

Также легко рѣшается приверженцами новаго слова вопросъ о привлеченіи союзниковъ пролетаріатомъ. Они рѣшаютъ его легко, потому что они предрѣшили, что на революціонномъ полѣ мы будемъ одни. Мы, слѣдуя завѣту Коммунистическаго Манифеста, всегда *одновременно* ставимъ себѣ двойную задачу: 1) мы поддерживаемъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе въ буржуазныхъ классахъ, 2) мы ни на минуту не перестаемъ вырабатывать въ умѣ рабочихъ сознаніе противоположности интересовъ пролетаріата и интересовъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ. Наши новаторы ставятъ себѣ либо только вторую задачу, либо (въ извѣстныхъ случаяхъ) только первую. Тов. Троцкій въ упомянутой брошюрѣ кри-

---

[1] См. Троцкій До дев. января, стр. 58—59.

Отмѣна „отданія чести“ офицерамъ въ общественныхъ мѣстахъ, отмѣна запрещеній посѣщать театры, библіотеки, собранія и т. п.

Полное уничтоженіе личной „службы“ деньщиками у офицеровъ и ихъ семействъ, „камчадалами“ у подпрапорщиковъ, фельдфебелей, унтеровъ, каптенармусовъ и т. д.

Отмѣна обязательнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ и разныхъ принужденій — не „гонять“ въ церковь, къ исповѣди, къ причастію, на „бесѣды“ священника и т. п.

Агитація на почвѣ всѣхъ перечисленныхъ выше частныхъ требованій должна вести къ главной цѣли—къ формулированію нашихъ требованій.

IV. *Гражданско-политическихъ*:

Солдатъ долженъ пользоваться всѣми гражданскими и политическими правами наравнѣ со всѣми гражданами. Въ случаѣ избранія на общественную должность, служба отсрочивается, недослуженный срокъ оканчивается послѣ.

Войско служитъ не правительству, а народу (странѣ, отечеству). Какія бы то ни было военныя дѣйствія и война должны рѣшаться голосованіемъ всего народа, слѣдовательно, и самихъ солдатъ.

⁂

Вотъ рядъ требованій, которыя должны выставляться солдатами въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Важно, чтобы солдатами былъ сдѣланъ первый шагъ, сдѣлано первое завоеваніе — оно повлечетъ за собою другія. Несомнѣнно, что организація современной арміи не только въ самодержавной, но и въ „свободной“ буржуазной Россіи не сможетъ выдержать осуществленія даже половины этихъ требованій. Ихъ осуществленіе, даже только постановка, неминуемо разрушитъ всю организацію нынѣшней арміи и приведетъ къ минимальному сокращенію войска въ „свободной“ Россіи. Несомнѣнно, что противъ многихъ изъ этихъ требованій возстанетъ буржуазія, которая пуститъ въ ходъ всѣ жупелы разныхъ внѣшнихъ „опасностей“, чтобы сохранить въ войскахъ духъ классовой несознательности и воинскихъ „чести“ и „почета“ для мелко-буржуазнаго элемента арміи. Но всѣ противодѣйствія должны разбиться о соціальдемократическую агитацію.

Я лично придаю очень большое значеніе требованію *8-часового рабочаго дня*. Оно одно дастъ обширнѣйшій матеріалъ для агитаціи, ибо въ настоящее время солдату, что называется, „дыхнуть некогда“. Съ 5—6 часовъ утра на ногахъ, солдатъ съ 7 уже „становится на занятія“, обѣденный перерывъ не продолжается болѣе часа, и затѣмъ съ 1½ до 5—6 час. вечера опять занятія. Перерывы для обѣда и ужина заняты уборкой казармъ, ноской хлѣба, воды и т. п., иногда „прогулкой“; вечеромъ, послѣ ужина „гонятъ“ на пѣсни, бесѣды со священникомъ и т. п., а молодые солдаты занимаются съ „дядьками“ или „лепертятъ“ [1] со взводными разную воинскую премудрость и послѣ повѣрки, зачастую до полночи. Затѣмъ надо время „почиститься“, „подшиться“, — каковое всецѣло отрывается отъ сна. Въ общемъ на сонъ и отдыхъ рѣдко приходится 6 часовъ въ среднемъ даже зимой, послѣ 18 часовъ занятій, работы и суетни. Это требованіе легко сдѣлается въ войскахъ популярнымъ и найдетъ поддержку у всѣхъ. Осуществленіе его перевернетъ вверхъ ногами всю организацію арміи. Прочія экономическія требованія, хотя и не заключаютъ въ себѣ такого революціоннаго содержанія, но являются для солдатъ насущ-
ми и крайне понятными.

ъ остальныхъ требованій подчеркну еще *сокращеніе службы*
ъ *по образованію*. Это требованіе явится очень понят-
тамъ. Любой старый солдатъ скажетъ, что онъ слу-
а лишнихъ“, ибо въ 1 годъ и 7 мѣсяцевъ вся во-
ость „достаточно выучена“ (фактически служба
года 7 мѣсяцевъ). Точно также многіе солдаты,
абричныхъ, но даже изъ крестьянъ, разсуждаютъ
ода короче служатъ не по правилу: мы не ви-
аукѣ не обучены“ и т. п. Здѣсь проявляется
віе *классоваго характера* военной службы, въ ко-
азія, владѣя всѣми средствами просвѣщенія, поль-
сѣми его плодами, включая и сокращеніе для себя
оенной каторги, необходимой по ея мнѣнію для „пре-
и отечества“. Войско необходимо буржуазіи, чтобы бо-
отся съ рабочимъ классомъ, но она предпочитаетъ устроить
такъ, чтобы рабочій классъ самъ съ собой боролся, а для себя измышляетъ льготы по образованію и разные фокусы для освобожденія отъ всѣхъ тягостей этой ужасной жизни. Буржуа конечно закричатъ: „помилуйте! неужели равнять образованнаго студента и даже гимназиста съ какимъ нибудь мужикомъ или чувашиномъ?!. Тогда наши дѣти и учиться не станутъ!“…[2]

Буквально такъ разсуждаютъ буржуа всѣхъ странъ, лицемѣрно сваливая вину за народную темноту на народъ же, — какъ это, напримѣръ, указываетъ и Лагардель въ своей брошюркѣ.

Не понравится такое требованіе и буржуазнымъ радикаламъ, которые скажутъ, что такъ-то такъ, однако необходимо „чтобы наука не теряла своей привлекательности для народа“, почему и необходимы пока подобныя привилегіи для образованныхъ. Но и это вѣдь одно лицемѣріе. Ну, а о „патріотахъ“ нечего и говорить, они возмутятся. Однако они на то и „патріоты“, чтобы возмущаться эмансипаціей мужика и чувашина. Нынѣшняя война дала много примѣровъ того, какъ „патріоты“ откупались отъ нея деньгами, изворачивались разными способами и поступали въ урядники и городовые, лишь бы не идти на войну, въ то время когда „мужикъ и чувашинъ“ пошли безропотно умирать сотнями тысячъ.

Какъ я уже сказалъ выше, по моему мнѣнію важно агитировать одновременно и въ средѣ солдатъ и среди крестьянъ и рабочихъ. Всѣ эти требованія должны популяризироваться въ массахъ, изъ которыхъ вербуются солдаты, для того, чтобы элементы, не имѣющіе рѣшимости прямо отказаться отъ службы, знали, что ихъ ожидаетъ въ казармѣ, и какъ это можно измѣнить. Прокламаціи, предназначенныя для солдатъ, слѣдуетъ распространять и разбрасывать вездѣ, гдѣ можно, также и въ виду того, что теперь почти въ каждой семьѣ есть солдатъ или состоящій на очереди.

Кромѣ такой спеціально „солдатской“ и общей соціальдемократической агитаціи и пропаганды, въ данное время было бы очень важно распространять среди солдатъ свѣдѣнія о войнѣ и положеніи арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій съ начала войны. Хорошо было бы, если бъ это сорганизовалось въ видѣ газетки, пока хотя бы неперіодической, если не ежемѣсячной. „Своя“ газета, „наша“ газета — это очень много значитъ для рабочихъ, но не меньше значило бы для солдатъ.

Нижній чинъ
107-го пѣхотн. Троицкаго полка.

---

[1] Репетируютъ.

[2] Лично слышалъ эти слова отъ „сочувствующаго“ земца.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. Вчера за Невской заставой хоронили рабочаго. Его застрѣлилъ изъ револьвера мастеръ. Дѣло было такъ: мастеръ побилъ работницу на фабрикѣ Паля (онъ и, вообще, былъ негодяй). Рабочіе потребовали его удаленія. Администрація отказала. Тогда рабочіе рѣшили его вывезти въ тачкѣ и когда приблизились, чтобы его взять, онъ сталъ стрѣлять. Одного убилъ на повалъ, другого смертельно ранилъ (вчера умеръ) и 2 ранилъ еще. Вчера хоронили убитаго. Было много народу; несли вѣнокъ съ красной лентой и надписью „Товарищу Соціалъдемократу“. На могилѣ 4 оратора говорили рѣчи (3 отъ группы и одинъ отъ комитета). Потомъ пѣли революціонныя пѣсни и разошлись. Былъ организованъ отрядъ вооруженныхъ для защиты отъ полиціи и вооруженнаго сопротивленія, но полиція не пришла, хотя во дворѣ у Паля были спрятаны казаки.

Харьковъ (частное письмо). Въ субботу веч. 19 марта состоялось засѣданіе юридическаго общества. Публики было очень много, среди нея видное по численности мѣсто занимали рабочіе. Засѣданіе открылось рѣчью Гредескула, который, коснувшись событій девятаго января, перешелъ затѣмъ къ краткому разбору манифеста и рескрипта отъ 18 февраля. На нихъ онъ посмотрѣлъ, какъ на документы, ясно показывающіе, что правительство не хочетъ реформъ, что оно только въ крайнемъ случаѣ говоритъ о нихъ и лишь говоритъ. Въ общемъ рѣчь была довольно радикальная, что же касается самого Гредескула, то его, если вспомнить поведеніе его на ноябрьскомъ засѣданіи, теперь не узнать. Послѣ Гредескула присяжный повѣренный Орловъ прочелъ докладъ на тему „представительныя учрежденія съ законодательнымъ правомъ“. Докладъ этотъ, прочитанный горячо, оказался очень дѣльнымъ. Докладъ былъ встрѣченъ бурными аплодисментами. Всѣ слѣдующія рѣчи были радикальнаго характера, во всѣхъ высказывалось отрицательное отношеніе къ рескрипту на имя Булыгина и къ коммиссіи послѣдняго. Гредескулъ прямо заявилъ: „намъ булыгинская коммиссія не нужна“.

Послѣ рѣчей пяти или шести ораторовъ, была принята резолюція съ требованіемъ всѣхъ свободъ и учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Резолюція принята единогласно. Затѣмъ были разбросаны прокламаціи Харьковскаго Комитета Россійской С. — Д. Р. П и публика съ пѣніемъ „Варшавянки“ двинулась на улицу, дошла безпрепятственно до Николаевской площади, гдѣ раздѣлилась на двѣ группы, изъ которыхъ одна двинулась по Сумской, другая по Московской. Полиція не вмѣшивалась и никого не трогала.

Наканунѣ „конституціи“ Булыгина.

М. В. Д.
Витебскій губернаторъ.
По канцеляріи.
Февраля 7 дня.
№ 169.
г. Витебскъ.

Начальнику Двинско-Витебскаго отдѣленія Московско-Рижскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ.

Ротмистру Мортиничу.

По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Двинскій желѣзнодорожный театръ, возникшій по ходатайству желѣзнодорожной администраціи съ цѣлью доставлять развлеченія для служащихъ и рабочихъ мастерскихъ, въ дѣйствительности, не оправдывалъ этой цѣли, служа послѣднее время для развлеченія исключительно городской публики. Вслѣдствіе пониженныхъ цѣнъ и доступа въ театръ по контрамаркамъ, онъ постоянно бываетъ переполненъ публикой, преимущественно еврейской молодежью; въ виду совершенной недостачи надзора, за отсутствіемъ наружной полиціи, театръ, такимъ образомъ, служитъ для всякихъ неблагонадежныхъ элементовъ мѣстомъ собраній, которые безнаказанно устраиваютъ тамъ шумныя демонстраціи для выраженія тѣхъ или иныхъ протестовъ. 9 января антрепренеръ театра Трофимовъ передалъ спектакль за 250 руб. (шла пьеса „Безъ солнца“) еврейкѣ Фридмандъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деньги, вырученныя со спектакля, пошли на организацію „Искры“. 25 января въ театрѣ была устроена демонстрація въ честь Горькаго, шла пьеса „Дачники“. Евреи кричали: „Да здравствуетъ Максимъ Горькій, долой полицію!“ Представленіе по случаю безпорядка было какъ будто бы сокращено. 29 января былъ также безпорядокъ. Евреи кричали: „да здравствуетъ еврейская національная свобода, долой сіонизмъ, ура!“ Въ театрѣ на представленіяхъ въ послѣднее время находится будто бы военная команда, такъ что спектакли идутъ подъ охраной солдатъ. Не имѣя въ своемъ распоряженіи фактическихъ данныхъ, которыя бы въ достаточной мѣрѣ подтверждали справедливость дошедшихъ до меня слуховъ, прошу Ваше Высокоблагородіе въ возможно непродолжительномъ времени сообщить мнѣ, какъ подробныя свѣдѣнія объ указанныхъ случаяхъ нарушенія общественнаго порядка въ театрѣ, характеръ этихъ нарушеній, о принятыхъ противъ виновныхъ мѣрахъ, такъ и данныя объ управленіи театромъ, объ условіяхъ существующаго съ антрепренеромъ Трофимовымъ договора, и числѣ платныхъ мѣстъ, о цѣнахъ на нихъ, а равно заключеніе Ваше, признаете ли вы возможнымъ въ виду ненормальности положенія театра, дальнѣйшее его существованіе. Независимо отъ сего, въ виду недостаточности чиновъ жандармской желѣзнодорожной полиціи, обремененной къ тому же исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, я признаю весьма желательнымъ привлеченіе къ надзору во время спектаклей чиновъ полиціи, о нарядѣ коихъ, по вашему требованію, мною вмѣстѣ съ симъ предписано Двинскому полиційместеру.

Губернаторъ Гершау-Флотовъ.
Правитель канцеляріи Кержецкій.

Правда-ли? Намъ пишутъ: Директоръ Департамента полиціи Лопухинъ уволенъ отъ этой должности (съ переводомъ въ Эстляндскіе губернаторы) по жалобѣ великой княгини Елизаветы Федоровны за то, что послѣ усиленныхъ ея просьбъ дать свиданіе съ лицомъ, бросившимъ бомбу въ ея мужа, устроилъ ей свиданіе съ подставнымъ лицомъ—*агентомъ тайной полиціи*, котораго она благословляла образомъ, который плакалъ передъ ней, заявлялъ себя вѣрующимъ и. т. д.

Съ Кавказа. Нигдѣ въ Россіи нѣтъ такой напряженной революціонной атмосферы, какъ въ Гуріи и Батумѣ. Можно, пожалуй, безъ преувеличенія сказать, что въ этихъ мѣстахъ вопросъ о возстаніи — есть вопросъ почти только техническій. Безпрерывныя стачки, террористическія покушенія, стремленіе проявить въ открытыхъ массовыхъ дѣйствіяхъ революціонное настроеніе —въ Батумѣ и непризнаніе самодержавныхъ властей и оганизація до нѣкоторой степени своихъ соц.-демократическихъ органовъ власти — въ Гуріи, — вотъ въ крупныхъ чертахъ положеніе дѣлъ въ этомъ районѣ. И правительство оцѣнило всю серьезность движенія: въ Батумѣ оно установило военное положеніе, а съ Гуріей намѣревается вести формальную войну, какъ Турція въ Македоніи. Одновременно оно посылаетъ туда пушки, казаковъ, солдатъ — и самодержавную сирену Крымъ Гирея, долженствующаго попытаться умиротворить Гурію безъ скандала, обѣщаніемъ ничтожныхъ уступокъ. Крымъ-Гирея сопровождаютъ корреспонденты — представители буржуазной грузинской интеллигенціи. Эти господа хотятъ, подъ флагомъ самодержавія, пробраться въ Гурію и выбить съ занятыхъ позицій соціальдемократію. Трогательная картина: „гуманный“ бюрократъ и „образованные“ господа шествуютъ по деревнямъ,

---

щественными классами? У нихъ нѣтъ *своей* классовой программы; значитъ-ли это, что они не становятся на точку зрѣнія общественныхъ классовъ? На недавно состоявшемся съѣздѣ учителей и учительницъ Воронежской губерніи была принята слѣдующая резолюція: „мы, учителя и учительницы находимъ, что вознагражденіе учителей въ народныхъ школахъ незначительно, что положеніе ихъ крайне тяжело; его можно улучшить лишь въ томъ случаѣ, если улучшится экономическое положеніе крестьянства, а это можетъ случиться съ измѣненіемъ всего государственнаго строя путемъ созыва Учр. Соб. на основѣ всеобщаго, прямого, тайнаго, и равнаго избирательнаго права“. Воронежскіе народные учителя поставили точку надъ i; ну, а тѣ, которые не ставятъ точку надъ i, тѣ которые не сознаютъ, что они „говорятъ прозой“, тѣ дѣйствительно прозой не говорятъ? Для т. Парвуса огромный слой русской интеллигенціи виситъ какъ будто въ воздухѣ, лишенъ какъ будто классовыхъ корней и нитей. Говоря о нашемъ народничествѣ, онъ правильно отмѣчаетъ, что правое крыло его упирается въ земство, которое въ настоящій моментъ составляетъ опору либерализма, а въ будущей парламентарной Россіи составитъ опору аграрной партіи съ консервативными тенденціями. Но, характеризуя лѣвое крыло нашего народничества, онъ не видитъ, онъ по крайней мѣрѣ умалчиваетъ объ его классовой подкладкѣ. Онъ видитъ тамъ „смѣсь беллетристики съ политикой“, „смѣсь художественнаго рефлекса жизни съ иллюзіями визіонеровъ“. Это всегда признавала наша обычная марксистская критика революціоннаго народничества, но кромѣ того она отмѣчала, и въ этомъ суть дѣла, что въ народническихъ утопіяхъ отражается опредѣленная классовая идеологія—идеологія мелкой буржуазіи.

Товарищъ Т. признаетъ потенціальную революціонную энергію нашей мелкой буржуазіи, но отрицаетъ возможность появленія у насъ революціонной интеллигентной демократіи, ссылаясь на то, что мы сами—соціальдемократы—являемся продуктомъ этого факта.

Послѣднее вѣрно и невѣрно. Вѣрно то, что развитіе нашей революціоноой интеллигенціи въ свое время уперлось въ стѣну, и что марксизмъ открылъ ей путь къ дальнѣйшему развитію; вѣрно то, что въ 90 годахъ почти вся русская интеллигентная демократія шла подъ знаменемъ марксизма; но вѣрно и то, что дальнѣйшее развитіе соціальдемократическаго движенія, процессъ самоопредѣленіи рабочаго класса, послужилъ самъ факторомъ для пробужденія буржуазной демократіи: революціонная самокритика нашей марсистской интеллигенціи, въ связи съ ростомъ рабочаго движенія, не мало содѣйствовали возникновенію партіи „Освобожденія“, партіи с—ровъ и продолжаетъ содѣйствовать радикализаціи буржуазнаго общества

Вопреки новой теоріи товар. Парвуса и Троцкаго мы остаемся и останемся непоколебимо при своемъ старомъ убѣжденіи: въ атмосферѣ буржуазной революціи буржуазно-демократическія движенія должны усиливаться именно благодаря развитію соціальдемократіи, должны тѣмъ болѣе усиливаться, чѣмъ революціоннѣе движеніе рабочаго класса, чѣмъ оно сознательнѣе, чѣмъ оно самостоятельнѣе. Изъ всей новой теоріи вѣрно только то, что наша мелкая буржуазія не можетъ служить базой для прочныхъ *консолидированныхъ* политическихъ партій. Но это-то какъ разъ не ново, и въ этомъ отношеніи политическія судьбы русской мелкой буржуазіи мало чѣмъ отличается отъ судебъ западно европейской. Такова уже противорѣчивая сущность всякой мелкой буржуазіи. Это, однако, не помѣшало ей въ извѣстные періоды играть революціонную роль.

Итакъ, прелюдія товарищей Парвуса и Т., увы, нисколько не предрасположила насъ въ пользу той оригинальной революціонной пьесы, которую они намъ рекомендуютъ разыграть. Она намъ не объяснила, почему мы очутимся въ революціи въ полномъ одиночествѣ.

Посмотримъ, можетъ сама пьеса насъ вразумитъ.

1-й актъ. „Подготовленіе единовременнаго выступленія пролетаріата всей Россіи“, или, другими словами, „приготовленіе перваго настоящаго натиска“, или, еще другими словами, „назначеніе всенароднаго вооруженнаго возстанія“.

Товарищи Парвусъ и Троцкій исходятъ изъ фантастическаго предположенія, что рѣшительное сраженіе самодержавію дастъ *одинъ* пролетаріатъ, что рабочія массы во всей Россіи уже теперь прислушивается *только* къ нашимъ боевымъ лозунгамъ. Публицисты изъ „Впередъ“ исходятъ изъ другого начала, изъ „самобытной“ теоріи „темнаго царства“:—Про насъ законы не писаны! Шапками закидаемъ!

При такихъ предположеніяхъ разсчетъ крайне упрощается. Ничто не мѣшаетъ имъ поэтому воображать себѣ, что сраженіе будетъ дано непремѣнно при назначенныхъ ими условіяхъ: кто станетъ спорить, что было бы выгодно, еслибъ пролетаріатъ возсталъ единовременно во всей Россіи, что было бы выгодно, еслибъ мы могли заранѣе назначить это единовременное возстаніе? что было бы выгодно, еслибъ мы могли „заказать“ возстаніе передъ созывомъ Учредительнаго Собранія, чтобъ обезпечить своей побѣдой свободу выборовъ? Но наши утописты и наши „самобытники“, ничѣмъ не связанные въ полетѣ своей фантазіи, уже заранѣе принимаютъ желательную имъ диспозицію за непреложный фактъ. Они не видятъ реальной соціально политической обстановки, въ которой намъ приходится подготовлять возстаніе пролетаріата, они не думаютъ о томъ тернистомъ пути, который насъ долженъ повести къ цѣли—побѣдоносному возстанію: вмѣсто того, чтобы проходить этотъ путь, преодолѣвая всѣ препятствія на немъ, они просто закрываютъ глаза на препятствія и переносятся къ цѣли на крыльяхъ фантазіи, на скатерти—самолетѣ.

Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.

Чтобы отдѣльные революціонные ручьи слились въ одинъ потокъ народнаго возстанія, чтобы это возстаніе было побѣдоносное, мы ставимъ себѣ двойную задачу: 1) Не закрывая глаза на то, что пролетаріатъ далеко не вездѣ еще находится въ состояніи революціоннаго кипѣнія и что рабочія массы далеко не вездѣ еще усвоили себѣ политическій смыслъ настоящей революціи, мы продолжаемъ утилизировать всѣ текущія событія, все что совершается въ соціально политической обстановкѣ, окружающей пролетаріатъ, равно какъ и стихійныя броженія въ его собственной средѣ, для развитія его революціонной активности и сознательности. На этой почвѣ мы политически объединяемъ и технически организуемъ его движеніе. 2) Мы стараемся самое революціонную дѣятельность пролетаріата использовать для привлеченія ему союзниковъ въ самыхъ различныхъ элементахъ націи.

Какъ рѣшаютъ эти задачи приверженцы новаго слова? Товарищъ Троцкій декретируетъ: „Никакія мѣстныя демонстраціи не могутъ уже теперь имѣть серьезнаго политическаго значенія. Послѣ петербургскаго возстанія *должно* имѣть мѣсто *только* всероссійское возстаніе“. Тов. Троцкій преодолѣваетъ всѣ препятствія тѣмъ, что зажмуриваетъ глаза. Онъ ждетъ момента всенароднаго возстанія; онъ ждетъ, а пока что?... пока онъ рисуетъ намъ художественныя картины будущихъ столкновеній народа съ войсками, распредѣляетъ роли въ этихъ будущихъ революціонныхъ эпизодахъ...[1] Тов. Троцкій, впрочемъ, разрѣшаетъ жизни отступленіе отъ своихъ „чертежей“. Онъ соглашается, что по стольку революціонныя вспышки будутъ самопроизвольно возникать еще до всеобщаго натиска, мы должны энергично ихъ использовать. Приверженцы газеты „Впередъ“—московскіе комитетчики гораздо болѣе строги и неукоснительны: они стараются воспрепятствовать, остановить самопроизвольно возникшее стачечное движеніе, чтобы не сжигать преждевременно энергію пролетаріата въ ожиданіи единовременнаго нападенія. Ихъ не смущаютъ „недоразумѣнія“ которыя на этой почвѣ возникаютъ между соціальдемократіей и рабочей массой, ихъ не смущаютъ протесты рабочей массы противъ комитета, потому-что они заранѣе уже „приписали“ эту рабочую массу къ вѣдомству своего „комитета“, а этого достаточно, чтобы она обязана была повиноваться. И эта тактика примѣняется въ Москвѣ, въ одномъ изъ сравнительно отсталыхъ районовъ движенія!

Также легко рѣшается приверженцами новаго слова вопросъ о привлеченіи союзниковъ пролетаріатомъ. Они рѣшаютъ его легко, потому что они предрѣшили, что на революціонномъ полѣ мы будемъ одни. Мы, слѣдуя завѣту Коммунистическаго Манифеста, всегда *одновременно* ставимъ себѣ двойную задачу: 1) мы поддерживаемъ всякое оппозиціонное и революціонное движеніе въ буржуазныхъ классахъ, 2) мы ни на минуту не перестаемъ вырабатывать въ умѣ рабочихъ сознаніе противоположности интересовъ пролетаріата и интересовъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ. Наши новаторы ставятъ себѣ либо только вторую задачу, либо (въ извѣстныхъ случаяхъ) только первую. Тов. Троцкій въ упомянутой брошюрѣ крирасточая окрестъ благоволеніе, а въ нѣкоторомъ отдаленіи — въ Нотанеби и Озургетахъ — стыдливо прячутся войска всѣхъ родовъ оружія подъ предводительствомъ звѣря Алиханова. Однако, намѣренія правительства терпятъ крушеніе — поголовно всѣ общества предъявляютъ Крымъ-Гирею соціальдемократическую программу минимумъ, добавляя, что отъ самодержавія они не ожидаютъ никакихъ благъ. Крымъ-Гирей началъ объѣздъ Гуріи, предшествуемый нашими агитаторами, выяснявшими значеніе кампаніи и предлагавшими единообразную тактику.

---

[1] См. Троцкій До дев. января, стр. 58—59.

Въ Батумѣ идетъ, пожалуй, не меньшая „смута“. Отзываясь на петербургскія событія, Батумскій Комитетъ объявилъ политическую забастовку. Съ 25 по 31 января бастовали всѣ заводы, торговыя заведенія, извозчики, береговые рабочіе; жизнь города замерла. Казаки безчинствовали, населеніе волновалось, ждало острыхъ столкновеній. Комитетъ рѣшилъ не устраивать демонстрацій въ виду того, что мѣстныя условія обратили бы ее въ бойню. Какъ ни осмотрительно держится комитетъ, стараясь не тратить даромъ революціонной энергіи, кровавыя жертвы, однако, неизбѣжно приносятся. Такъ, 20 февраля, послѣ панихиды, обращенной комитетомъ въ митингъ протеста, — казаки убили трехъ рабочихъ, нѣсколько тяжело ранили (трое изъ нихъ умерли черезъ день) и десятки легко. И все это безъ всякаго повода со стороны рабочихъ...

Вообще, батумская администрація такъ напугана, что держитъ наготовѣ пушки и солдатъ на готовѣ. Солдаты жалуются, что имъ „нѣтъ покоя“. Денно и нощно охраняются часовыми казенныя зданія, правительственныя учрежденія, казачьи патрули разъѣзжаютъ также и днемъ и ночью; сверхъ того, вооружили казенными берданками дворниковъ, отряды которыхъ по ночамъ обходятъ улицы подъ предводительствомъ полицейскихъ. Обстановка почти мукденская...

При такихъ условіяхъ, очень отвѣтственной является роль комитетовъ Батумскаго и Гурійскаго. Та или иная тактика ихъ можетъ имѣть крупное обще-россійское значеніе. Между тѣмъ, названныя организаціи страдаютъ отъ недостатка опытныхъ и политически развитыхъ работниковъ, способныхъ овладѣть широкимъ движеніемъ, организовать его и твердо руководить. Мѣстные руководители до нельзя завалены работой.

Тифлисъ, 15 марта. Революціонное настроеніе чувствуется у насъ на каждомъ шагу. Правительство потеряло въ глазахъ общества все. Никто ничего не ждетъ и ни на что не надѣется отъ этого правительства. Всѣ увѣрены, что что то будетъ страшное, но никто этого не боится и даже ждутъ этого съ нетерпѣніемъ. Весь правительственный механизмъ разстроился: дѣти перестали бояться своихъ учителей въ школахъ, взрослые перестали бояться чиновниковъ, солдаты и тѣ забыли строгіе законы дисциплины. Среди правительственныхъ властей замѣтно страшное замѣшательство. На глазахъ полиціи устраиваются разныя собранія, а она отъ злости закрываетъ глаза, чтобы не видѣть свое безсиліе. Офицера, видя „бодрое настроеніе солдатъ“, не въ пользу дисциплины говорящее, не рѣшаются принимать строгія мѣры и лучше сами идутъ на собранія послушать рѣчи противъ самодержавія. Приведу нѣсколько примѣровъ. 19-го февраля спрятали роту солдатъ въ одномъ дворѣ въ старомъ тѣсномъ зданіи. Солдаты стали требовать, чтобы ихъ выпустили во дворъ. Они такъ безпокойно требовали, что выбили всѣ стекла и выломали рамы. Прибѣжалъ ротный, велѣлъ всѣхъ выпустить во дворъ, а двухъ отправилъ въ карцеръ на сутки. Солдаты вышли во дворъ и стали требовать немедленнаго освобожденія товарищей. Прибѣжалъ командиръ полка. Онъ началъ строгимъ начальническимъ тономъ говорить, что они провинились, и онъ ихъ не освободитъ. Солдаты начали тюкать. Онъ выбѣжалъ изъ воротъ, сѣлъ въ фаэтонъ и поѣхалъ на гауптвахту. Черезъ нѣсколько минутъ арестованные явились во дворъ. Солдаты встрѣтили ихъ громкимъ ура. Принесли имъ обѣдъ. Они отказались принимать обѣдъ и заявили, что обѣдъ холодный и къ чорту не годится. Пріѣзжалъ ротный, убѣждалъ, просилъ, но ничего не помогло — солдаты обѣда не приняли. Черезъ полчаса ротный пріѣхалъ опять и велѣлъ солдатамъ уйти въ казарму. Вызывали потомъ солдатъ по одиночкѣ и просили, чтобы они сказали, кто ихъ подстрекалъ, но солдаты ни на кого не указали. Оказывается, что солдаты все это продѣлали для того, чтобы ихъ обратно отослали въ казарму, такъ какъ они не хотѣли быть усмирителями. Никто изъ этой роты не пострадалъ за этотъ инцидентъ.

26-го февраля была вечеринка. Программы для вечеринки не было, но всѣ были увѣрены, что что-то интересное будетъ и никто программы не спрашивалъ. Тутъ были доктора, юристы, кандидаты на судебныя должности, конторщики и купцы. Еще годъ тому назадъ, многихъ изъ этихъ гостей на такихъ вечеринкахъ вы не встрѣчали. Артистъ оперный запѣлъ, но публика не только не слушала его, но прямо демонстративно мѣшала. „Не для этого пришли“ чувствовалось. Кто то крикнулъ — „будутъ читать“. Всѣ столпились и воцарилась тишина. Одинъ переводилъ съ грузинскаго разговоръ Султанъ Крымъ-Гирея съ гурійскими крестьянами. Когда онъ кончилъ, публика долго апплодировала. Затѣмъ рабочій прочелъ стихотвореніе „На баррикады“. Когда онъ кончилъ, раздались оглушительные апплодисменты и крикъ „повторите!“ Затѣмъ одинъ предложилъ желающимъ говорить политическія рѣчи взять слово. Ораторовъ не оказалось. Публика стала задавать вопросы о террорѣ, о вооруженной демонстраціи, почему партіи не объединяются и т. д. Стали разбирать вопросъ, говорить объ этомъ или нѣтъ. Эти пренія затянулись до 2 часовъ. Публика рѣшила еще разъ собраться и чтобы кто нибудь прочелъ рефератъ, въ которомъ отвѣтилъ бы на заданные вопросы. Вечеринка была возлѣ одной изъ главныхъ улицъ. Возлѣ дома стоялъ городовой и сторожъ, но ничего не предприняли.

1-го марта была сходка гимназистовъ. Сходка была на одной изъ очень высокихъ горъ возлѣ города. Еще съ утра на всѣхъ улицахъ, ведущихъ къ этой горѣ, стояли городовые и старшіе чины полиціи и никого не пропускали. Публика окольными путями пробиралась къ горѣ. Приходилось на самую гору карабкаться на четверенкахъ, но это не останавливало публику. Приставъ, стоявшій недалеко, при видѣ какъ карабкались на гору, съ самодовольнымъ и дьявольскимъ смѣхомъ говорилъ: „ничего, мы всѣ соки изъ васъ выжмемъ, пока доберетесь до сходки!“ Да! полиція отлично понимаетъ весь смыслъ нашего строя: „выжимать всѣ соки народа“. На горѣ было все-таки около 3000 человѣкъ. Были рабочіе, сочувствующая публика и меньше всего гимназистовъ.

Разбирали по пунктамъ требованія. Когда дошли до пункта, чтобы никто за забастовку не пострадалъ, одинъ гимназистъ запротестовалъ. Онъ говорилъ, что отъ правительства, которое создало такой гнусный строй русской школы, мы ничего не ждемъ. Наши требованія будутъ удовлетворены, когда этотъ гнетущій строй падетъ, а тогда за эту забастовку насъ все равно не накажутъ. Этотъ же строй мы презираемъ и наказанія его не страшимся. Этотъ пунктъ былъ единогласно отвергнутъ и вычеркнутъ. Рѣшено было забастовать черезъ нѣсколько дней, а оставшееся время употребить на агитацію, чтобы убѣдить остальныхъ. Рѣшено было сходки устраивать въ самихъ гимназіяхъ. Пока у насъ уже забастовали: 2-я гимназія, реальное училище, желѣзнодорожное училище и фельдшерская школа. Надѣются, что на-дняхъ примкнутъ остальныя учебныя заведенія.

Массовыя собранія рабочихъ у насъ еженедѣльно. На собраніяхъ всегда нѣсколько сотъ человѣкъ. Ежедневно организуются кружки. Организація наша не въ силахъ удовлетворить всѣхъ желающихъ имѣть пропагандистовъ. Организуются не только рабочіе но и конторскіе служащіе. Всѣ чувствуютъ, что теперь нельзя оставаться разрозненными, а нужно организоваться. Большой спросъ на литературу, которой, къ великому сожалѣнію, у насъ мало. Особенно нужны теперь свѣдѣнія изъ другихъ городовъ. Когда приходишь въ кружокъ, такъ и чувствуешь, что вмѣсто разныхъ теорій съ удовольствіемъ послушали бы, что дѣлается въ томъ или другомъ городѣ. Къ величайшему сожалѣнію мы лишены этихъ свѣдѣній.

Рабочій.

Екатеринодаръ. Недавно были похороны учителя мѣстной учительской семинаріи — Ротаря. Покойный принадлежалъ къ Р. У. П. и пользовался большими симпатіями украинской молодежи. На похоронахъ собралось много народу — почти исключительно интеллигенціи — человѣкъ 400. Были вѣнки съ красными лентами, пѣлись революціонныя пѣсни. Къ сожалѣнію, „дѣло“ мирно не кончилось: послѣ похоронъ арестовано четверо — Швидко, Приваловъ, Солодкій и Третьяковъ. На другой день былъ обыскъ у вдовы Ротаря; жандармы искали будто бы типографію; хотя медленно, но вѣрно мѣстный пролетаріатъ пріобщается къ соціальдемократическому движенію. Чувствуется недостатокъ въ агитаторахъ и организаторахъ рабочихъ, тѣсно связанныхъ съ массой. На недостатокъ литературы пожаловаться не можемъ; своя техника тоже не бездѣйствуетъ.

Ст. Брюховецкая Куб. Об. Арестованъ хуторской учитель (60 л.), при обыскѣ нашли до 100 прокламацій. Въ началѣ марта были распространены прокламаціи, изданіе Кубанскаго Комитета, результатъ — болѣе критическое отношеніе къ правительственнымъ дѣйствіямъ, большой спросъ на газету.

Въ декабрѣ были удачно распространены брошюры перепечатанныя Куб. ком. „Во что обойдется русскому народу война“, „Кто долженъ побѣдить“ и проч., читала вся станица. Полиціи удалось извлечь изъ обращенія до 9 брошюръ.

Въ сосѣдней станицѣ жандармерія обыскивала одного почтоваго чиновника, „вещественныхъ доказательствъ“ никакихъ. Нерѣдко въ базарный день видишь шпіона. Въ февралѣ была жандармерія, пріѣхала ночью, обысковъ не было, несмотря на подозрѣнія, сняла допросъ съ г. Е——о по поводу думской демонстраціи 10 ноября въ гор. Екатеринодарѣ.

Ейскъ. (Кубан. области). Здѣсь началось волненіе среди учениковъ мѣстнаго реальнаго училища; почва къ этому была уже немного подготовлена, а поводомъ послужило курское избіеніе учащихся; въ училищѣ не разъ разбрасывались прокламаціи съ воззваніемъ не слушать проповѣдей учителя — юдофоба Лощинскаго, совѣтовавшаго ученикамъ старшихъ классовъ не знаться съ „жидами — соціалистами“ и читавшаго имъ извѣстные юдофобскіе фельетоны Меньшикова въ „Новомъ Времени“, протестовать противъ безцеремонныхъ обысковъ ученическихъ квартиръ, требовать вѣжливаго обращенія со стороны педагоговъ и т. п. Тогдаже разбрасывались прокламаціи „Къ учащимся“ Московскаго Союза Учащихся.

Вскорѣ послѣ курскаго избіенія, ученики старшихъ классовъ попросили одного изъ порядочныхъ педагоговъ М. В. Орлова прочесть письмо о событіяхъ въ Курскѣ, помѣщенное въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Г. Орловъ, послѣ долгихъ совѣщаній, прочелъ его; какъ только онъ кончилъ, поднялся сильный шумъ, всѣ были возмущены, полицію ругали „на чемъ свѣтъ стоитъ“. Орловъ, несмотря на свою порядочность, старался все же оправдать дѣйствія курской полиціи, но это ему не удалось; съ курской полиціи перешли на полицію вобще и стали приводить одинъ за другимъ различные факты, достойно характеризующихъ нашу полицію; цѣлый урокъ ученики говорили по этому поводу.

Черезъ нѣсколько дней въ училище зашелъ помощникъ полиціймейстера Статкевичъ; ученики, при видѣ его, подняли такой крикъ и свистъ, что ему, навѣрное, пришлось бы плохо, если бы онъ не поспѣшилъ скрыться въ канцеляріи; вышелъ оттуда онъ только тогда, когда ученики разошлись по классамъ.

Незадолго до масляницы, въ Ейскѣ распространился слухъ, что учениковъ хотятъ бить городскіе парни, извѣстные подъ названіемъ „фараоновъ“, „скобловъ“ и т. п. Ученики VI и VII классовъ обратились къ инспектору, чтобы онъ разрѣшилъ имъ носить револьверы; инспекторъ, какъ и слѣдовало ожидать, этого не разрѣшилъ, пообѣщалъ поговорить съ полиціймейстеромъ о мѣрахъ противъ избіенія учащихся; но, къ счастію, слухи не подтвердились и случаевъ избіенія не было.

Послѣ этого ученики двухъ старшихъ классовъ потребовали разрѣшенія держать нѣкоторые экзамены до пасхи, не ограничивать времени гулянія, расходиться на время большой перемѣны по домамъ и т. п. Всѣ требованія удовлетворены.

Еноківо, Екатеринослав. губ. Стачка, которая была у насъ 22-го февраля и которую вызвала агитація группы Р. С.-Д. Р. П. заставила мѣстную полицію начать энергичные поиски крамолы. Мѣстный надзиратель Коненко призывалъ многихъ рабочихъ и просилъ ихъ, чобы они показали ему, гдѣ собираются кружки. И тому, кто покажетъ, онъ обѣщалъ мѣсто урядника; однако, къ его сожалѣнію, со стороны рабочихъ онъ не встрѣтилъ никакаго содѣйствія своимъ поискамъ. Зато городовые лѣзутъ изъ кожи, чтобы получить урядника, поймавъ соціалистовъ. И труды ихъ увѣнчались успѣхомъ.

Мѣстная группа распространила среди солдатъ листки „Къ солдатамъ“ (изд. Ц. К.). Солдаты уже цѣлый мѣсяцъ жили въ зданіи училища. Товарищи пробрались въ зданіе и удачно разбросали листки по всему училищу. Утромъ, когда солдаты встали и увидѣли листки, они бросились ихъ поднимать и чти всѣ читали ихъ (здѣсь 2 роты). Прокламація п очень хорошее впечатлѣніе: солдаты стали ее пр Узнавъ объ этомъ, начальство приняло за обыс каждаго находило листокъ. Офицеръ постарал датамъ, гр зя имъ наказаніемъ, чтобы они не которые распространяютъ враги отечества, и они увидятъ, кто это разбрасываетъ, достави

Въ этотъ день вечеромъ 14-тилѣтній м мѣстнаго училища) Черкасовъ шелъ въ учи поиграть въ шашки. Около зданія онъ наш кламацій и увидѣвъ, что на нихъ написано „ не понявъ, что это такое, пошелъ къ нимъ и вать; его сейчасъ же схватили и доставили въ чика стали допрашивать, мучили разспросами ка него сыпались пощечины, ему угрожали каторгой Но ничего не помогло: мальчику нечего было раз его принуждены были выпустить. Но полиція дѣ оставила. Она созвала „педогогическій“ совѣтъ, чтобы что съ нимъ сдѣлать. Собрались всѣ учителя и учитель подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго училищемъ, извѣстнаго здѣсь негодяя и добровольнаго шпіона Башмакова, который слѣдитъ какъ за рабочими, такъ и за служащими, и доноситъ полиціи.

На совѣтѣ имъ былъ предложенъ вопросъ, терпимъ ли такой ученикъ, который можетъ распространять вредныя идеи среди учениковъ. Поднялась одна учительница (къ сожалѣнію, не уа-

---

тикуетъ оппозиціонныя движенія нашей буржуазіи до 9-го янв. только съ точки зрѣнія сравнительно неподвижнаго идеала послѣдовательнаго демократизма. Но вполнѣ послѣдовательными демократами при настоящихъ историческихъ условіяхъ могутъ быть только соціальдемократы. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ доказать только противоположность между нами и всѣми безъ исключенія буржуазными партіями, а это значитъ выполнить только вторую изъ задачъ, обязательныхъ для соціальдемократа. Но это недостаточно; подъ такой критикой могъ бы подписаться еще, пожалуй, и анархистъ. Для того, чтобы выполнить первую задачу — поддержать оппозиціонное движеніе буржуазіи, — мы должны ввести въ свою критику еще одинъ моментъ. Мы должны указывать не только на то, какою *была*, какова *есть* буржуазная оппозиція, но также на то, какой она *становилась* какой она *становится*, вопреки своей неустойчивости, подъ вліяніемъ событій, подъ вліяніемъ революціонныхъ выступленій пролетаріата. Съ послѣдней точки зрѣнія, намъ открывается возможность въ извѣстныхъ предѣлахъ оказывать революціонное давленіе на тѣ или другіе элементы буржуазной оппозиціи. Съ первой же точки зрѣнія, всѣ элементы буржуазной оппозиціи сливаются въ „одну сплошную реакціонную массу“, въ каждый данный моментъ годную *только* на сломъ. Учитывая *только* предательства буржуазной демократіи, предательства, которыя, конечно, никогда не прекратятся и не могутъ прекратиться, мы говоримъ истину, но истину въ духѣ „истинныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ“, такъ основательно осмѣянныхъ Марксомъ. При такомъ методѣ критики совершенно упраздняется задача, которую мы всегда себѣ ставили — расколоть оппозицію и увлечь лѣвое крыло за собою. При такомъ методѣ критики, она вопреки нашимъ добрымъ революціоннымъ намѣреніямъ, можетъ быть массой истолкована въ смыслѣ того реакціоннаго хора, который тоже во имя „народа“ обрушивается на своекорыстную буржуазную интеллигенцію. Увѣренъ-ли тов. Троцкій, что отсталыя массы не истолкуютъ на свой ладъ упрощенную формулу — долой либеральную демократію? Находитъ-ли тов. Троцкій, что нѣмецкіе марксисты въ 60-хъ годахъ были неправы, когда они упрекали лассальянцевъ, что они играютъ на руку Бисмарковой демагогіи? А вѣдь у тов. Троцкаго нѣтъ и того оправданія, которое имѣли въ свое время лассальянцы: въ то время пролетаріатъ не стоялъ наканунѣ буржуазной революціи, въ то время платформа прогрессистовъ была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе демократична, чѣмъ платформа Бисмарка [1]).

Такъ же метафизически разсуждаетъ по этому вопросу и „Бюро комитетовъ большинства“.[2]) Въ революціонную эпоху, когда событія смѣняются съ головокружительной быстротой, когда сегодняшній день не похожъ на вчерашній, когда программа и рамки буржуазныхъ „партій“ то и дѣло мѣняются и перестраиваются, „Бюро“ находитъ возможнымъ классифицировать буржуазныя оппозиціонныя партіи по системѣ Линнея. Оно фиксируетъ двѣ неподвижныя категоріи: 1) земскіе конституціоналисты, 2) союзъ освобожденія или „демократы“. Эти обѣ категоріи буржуазной интеллигенціи *абсолютно* не надежны, „по существу не демократы“. Имъ „Бюро“ принципіально противопоставляетъ „сознательныхъ представителей ремесленниковъ, крестьянъ, пролетарски живущую интеллигенцію“, которую оно не называетъ буржуазной интеллигенціей, которую оно считаетъ „по существу“ демократичной, повидимому, абсолютно надежною. „Лучшіе изъ (этихъ) настоящихъ демократовъ — прибавляетъ Бюро, — скрываются въ оболочкѣ партіи соц. рев.“. Такимъ образомъ мы пришли къ давно знакомой намъ классификаціи „общества“ на буржуазную и трудовую интеллигенцію. И какъ это мы до сихъ поръ не обличили Коммунистическій Манифестъ за его нелѣпую декларацію: „Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной, въ борьбѣ своей противъ... мелкаго мѣщанства“! Правда, мы не должны смѣшивать положеніе мѣщанства въ Россіи въ настоящій моментъ и нѣмецкаго мѣщанства въ 40-хъ годахъ. Германское мѣщанство было пропитано средневѣковыми цеховыми традиціями; наше мѣщанство теперь прежде всего заинтересовано въ раскрѣпощеніи Россіи. Но все же, если Марксъ былъ правъ, а мы смѣемъ думать, что онъ былъ правъ, мы не можемъ говорить о „сознательныхъ представителяхъ“ нашихъ ремесленниковъ и крестьянъ, какъ о „настоящихъ демократахъ“, „демократахъ по существу“. Ихъ двойственная соціальная природа въ наше время можетъ обнаружиться и въ области политической идеологіи. Къ какимъ же практическимъ выводамъ приходитъ „бюро“ на основаніи своей линнеевской классификаціи? Оно, повидимому, предполагаетъ, что въ вопросахъ *чисто политическихъ* мы по отношенію къ „настоящимъ демократамъ“ (изъ трудовой интеллигенціи) можемъ пренебречь второй изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ Манифестомъ. Оно, *очевидно*, по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи“ считаетъ возможнымъ пренебречь первой изъ задачъ, завѣщанныхъ намъ тѣмъ же Манифестомъ. Любопытно было бы знать, какъ „Бюро“ отнеслось бы къ бакинскимъ капиталистамъ, организовавшимъ вооруженную охрану совмѣстно съ пролетаріатомъ противъ мелкобуржуазнаго татарскаго „народа“ какъ оно отнеслось бы къ рѣшенію, принятому тремя московскими обществами представителей либеральныхъ профессій на счетъ самовооруженія народа за счетъ городскихъ думъ?

Оно вѣроятно, вначалѣ совершенно игнорировало бы ихъ, какъ категорію „буржуазной интеллигенціи“. Когда же ему стало бы извѣстно, что они стоятъ за вооруженіе народа, онъ перевело бы ихъ въ категорію „трудовой интеллигенціи“, „демократовъ по существу“. Вѣдь говорилъ же Войновъ на публичномъ собраніи, что *всякій*, кто согласенъ дать ружье народу, нашъ союзникъ.

Бюро, правда, и по отношенію къ „буржуазной интеллигенціи“ вспомнило про нашу обязанность „поддерживать всякое оппозиціонное движеніе“. Но изображаетъ онъ эту поддержку въ прямо каррикатурной формѣ: мы будемъ протестовать противъ насилія надъ либераломъ(!), если оно случится, мы укроемъ бѣгущаго „демократа“, мы не выбросимъ номера Освобожденія, а по миновеніи въ немъ надобности, предадимъ его либералу или обывателю! Но вѣдь это не правила политической *тактики*, скажетъ иной скептикъ, вѣдь это правило *тактичности* или даже просто элементарной порядочности!

Но „Бюро большинства“ и не задумывается надъ нашими политическими задачами по отношенію къ оппозиціоннымъ движеніямъ либеральной демократіи: „Нашимъ лозунгамъ“, говоритъ оно, „должна быть охрана классовой чистоты рабочаго движенія“. И почему спрашивается, нѣкіе „ортодоксальные марксисты“ въ свое время такъ обрушились на „экономистовъ“ за то что они „изолируютъ“ пролетаріатъ въ интересахъ „чисто рабочаго движенія“?!

Резюмируя содержаніе перваго акта предлагаемой намъ революціонной пьесы, мы можемъ сказать: Авторы ея поставили себѣ опредѣленную цѣль, которую всѣ они могли бы формулировать словами: „выполненіе этой *черной работы* революціи, организація возстанія, становится въ данный моментъ, нашей высшей *политической* обязанностью“. И вотъ, ради достиженія этой цѣли, намъ рекомендуютъ такую упрощенную, неподвижную тактику, которая, во 1-хъ, не привлечетъ къ нашему дѣлу широкихъ слоевъ пролетаріата, которая, во 2-хъ, оттолкнетъ отъ него многихъ возможныхъ союзниковъ, которая, словомъ, приведетъ возстаніе къ фіаско, къ пораженію. Еслибъ это случилось, мы бы до второго акта вовсе не дошли. Но вѣдь изъ того что пролетаріату рекомендуютъ „новую методу“ еще не слѣдуетъ, что онъ ее одобритъ. А потому мы приглашаемъ читателя познакомиться и со вторымъ актомъ революціонной пьесы.

2-ой актъ. Побѣдоносное возстаніе кончено; наступаетъ второй актъ буржуазной революціи, когда соціальдемократія „возносится“ къ власти, когда она выступаетъ на сцену въ новой роли — государственнаго строителя освобожденнаго буржуазнаго общества. Намъ предлагаются двѣ версіи этого второго акта.

Товарищъ Т. пишетъ: „Революціонное развитіе влечетъ пролетаріатъ, а съ нимъ — нашу партію къ временному политическому господству“; эквилибристы изъ „Впередъ“ провозглашаютъ смѣло „демократическую диктатуру пролетаріата и крестьянства“.

Авторы нашей пьесы считаютъ участіе соціальдемократіи во временномъ правительствѣ *неизбѣжнымъ*, поскольку она не захочетъ угашать свой революціонный духъ. Это должна была доказать „прелюдія“ въ пьесѣ; но она, какъ мы видѣли, ничего не доказала. Посмотримъ, не находитъ ли оправналъ ея фамилія) и въ своей рѣчи выразила негодованіе этой Р. С.-Д. Р. П., которая осмѣлилась перенести свою преступную пропаганду въ храмъ науки (она, навѣрно, забыла, что въ храмѣ были солдаты) и развращаетъ дѣтей, затѣмъ потребовала для примѣра остальнымъ ученикамъ немедленно исключить преступнаго мальчика. Предложеніе это было немедленно принято, въ защиту бѣднаго мальчика не послышалось ни одного голоса.

---

[1]) Мы отмѣчаемъ „однобокость“ брошюры тов. Троцкаго, потому что она, обставленная соотвѣтственнымъ предисловіемъ и послѣсловіемъ, является не просто критическимъ памфлетомъ, а пытается дать политическую директиву.

[2]) См. Впередъ № 10 Отн. Р. С.-Д. Р. П. къ либераламъ.

Рабочій.

Двинскъ 18 марта. Въ субботу 12-го была устроена демонстрація дѣтьми въ возрастѣ 10—12 лѣтъ въ количествѣ 300 человѣкъ. Они шествовали безпрепятственно по улицамъ города съ краснымъ знаменемъ, съ возгласами „долой самодержавіе! долой тирановъ!“ На углу Зеленой и Постоянной ул. они встрѣтили пристава Курляндскаго (извѣстный шпіонъ), котораго окружили и стали кричать: „долой Курляндскаго!“ Во время шествія дѣти разбрасывали прокламаціи слѣдующаго содержанія: „не думайте, что мы устроили дѣтскую игру въ демонстрацію. Нѣтъ! Мы вышли на улицу, чтобы протестовать противъ тираніи и звѣрства нашего правительства, понимая, какъ звѣрски поступало оно съ нашими братьями въ Двинскѣ и другихъ городахъ Россіи. Главное, мы не можемъ забыть пролитую кровь нашихъ братьевъ въ Петербургѣ 9 января. Мы призываемъ всѣхъ протестовать противъ варварскаго правительства, мы призываемъ мстить за кровь нашихъ братьевъ и всѣхъ тѣхъ, кто погибъ въ борьбѣ. Да здравствуетъ свобода!“

Вызванные нѣсколько десятковъ казаковъ быстро разсѣяли демонстрантовъ.

Вологда. Съ начала учебнаго года среди учащихся гимназій и реальнаго училища началось броженіе: стала проникать въ среду учениковъ нелегальная литература; стали образовываться кружки для самообразованія и знакомства съ революціоннымъ движеніемъ; въ январьскіе дни ученики устроили денежный сборъ и отослали деньги на помощь борющемуся пролетаріату. Курское избіеніе дало лишній толчокъ развитію движенія между молодежью — всѣ заговорили, заволновались. Послѣ извѣстія о курскомъ избіеніи было собрано предварительное совѣщаніе учащихся мужской и женской гимназій, реальнаго училища и 4-хъ старшихъ классовъ духовной семинаріи и выработана общая резолюція. Резолюція не носила открыто-политическаго характера — выставлены были требованія только свободы личности учащихся, реформы школы и т. п. Резолюцію пустили на обсужденіе всѣхъ учащихся. Полиція, пронюхавъ о готовившемся совѣщаніи учениковъ, рыскала по городу, но безрезультатно. Губернаторъ разъѣзжалъ по свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ, держалъ рѣчи, призывалъ учащихся къ тишинѣ и спокойствію, единенію съ нимъ и рядомъ съ этимъ косвенно обѣщалъ не охранять учащихся отъ „черной сотни“.

Сходокъ учащіеся добились во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ порознь. На нихъ разсматривалась резолюція предварительнаго собранія; были расширены требованія и выставлено требованіе общей сходки для выработки дальнѣйшаго плана дѣйствій. Общая сходка не была разрѣшена и учащіеся рѣшили провести общую сходку депутатовъ, что и было разрѣшено. Но... на собраніи депутатовъ въ залѣ женской гимназіи присутствовали „педагоги“ и пришлось сорвать собраніе, чтобы не быть съѣденными живьемъ, хотя начальство и обѣщало полную безо-
...сть и свободу слова. Этимъ собраніемъ окончилось масс-
...еніе учащихся, такъ какъ выпущенные послѣ этого
... маціи къ учащимся только освѣщали происшедшіе

...евраля. 15 февраля былъ обыскъ у Мирона
...аевскій Ком Р. С. Д. Р. П. 1900 г.), кончив-
...кабрѣ минувшаго года. Найдены мѣстныя из-
... литература, гектографскія чернила. Обыскъ
... посылки съ революціонными изданіями на
... въ Иркутскѣ. Бродскому предъявлено об-
...ѣ. Онъ арестованъ. Отъ дачи показаній
...чаи съ этимъ обыскомъ былъ обыскъ у Ст.
...чѣ, найденъ какой-то листокъ къ якутамъ.
...олдаты Шенкманъ, административно-ссыль-
... демонстраціи втораго марта 1903 года, отка-
...еньги, а затѣмъ и отъ военной службы. Онъ аре-
... и сидитъ на гауптвахтѣ

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Глуховъ Черниг. губ. Стихійное крестьянское движеніе принимаетъ грозные размѣры. Какъ обыкновенно, наслали солдатъ, только для нашего уѣзда: 2 полка пѣхоты, 5 сотенъ казаковъ 6 эскадроновъ драгунъ, которыхъ обыватели прозвали „дрины“), — и „подавили“ движеніе, при чемъ выпороли нѣсколькихъ мужиковъ. Эта порка повела къ новому, гораздо болѣе серьезному возстанію: теперь всѣ безъ исключенія села нашихъ мѣстъ встали на защиту чести поруганныхъ. „Суди насъ, саджай у тюрьмы, а бо засылай хочь у Питропавловку, а сикты не смій, теперь вже не тэ врімя“ кричатъ мужики и требуютъ прежде всего смѣщенія 3-хъ губернаторовъ: Черниговскаго, Курскаго и Орловскаго, виновныхъ въ поркѣ. Къ этому крестьяне присоединяютъ требованіе: „Долой войну“, „Нащо намъ Китайщына, колы мы не грамотны?“ твердятъ мужики“...

Изъ Калужской губерніи.

Калужскій губернаторъ.
—·—
По губ. присут.
—·—
Марта 7 дня 1905 г.
№ 1730

Срочное.
Конфиденціально

Всѣмъ земскимъ начальникамъ.

Земскому начальнику ..,...
участка, Медынскаго уѣзда.

Вслѣдствіе распоряженія Господина Министра Внутреннихъ дѣлъ, поручаю Вамъ въ теченіе марта мѣсяца сего года объѣхать всѣ волости ввѣреннаго Вамъ участка; объѣздъ этотъ долженъ быть съ цѣлью выясненія на мѣстахъ настроенія населенія и для предупрежденія броженія и ложныхъ извнѣ внушеній, почему я увѣренъ, что въ данномъ случаѣ Вы отнесетесь къ дѣлу не только формально, но приложите все умѣніе, чтобы лучше исполнить возлагаемую на Васъ эту отвѣтственную задачу. При этомъ Вы должны ознакомиться и съ нуждами мѣстнаго населенія. Если же что либо Вами будетъ замѣчено при объѣздѣ волости, относящееся къ вѣдомству полиціи, то обо всемъ этомъ Вамъ надлежитъ сообщать подлежащимъ уѣзднымъ исправникамъ и доносить мнѣ. О времени своихъ посѣщеній волостей, о мѣропріятіяхъ, принятыхъ Вами, и о результатахъ объѣзда предлагаю увѣдомить меня не позднѣе 5 апрѣля.

Губернаторъ
Шталмейстеръ А. Офросимовъ
Секретарь В. Озерскій.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь. Фабрика Залогина (Сообщено Тверскимъ комитетомъ) Эксплуатація рабочаго человѣка на фабрикѣ Залогина пріобрѣла чудовищный характеръ. Благодаря соединенію современныхъ техническихъ средствъ съ пріемами крѣпостного времени, съ одной стороны, администрація стремится давать рабочему вмѣсто двухъ станковъ—три, съ другой, продолжаютъ существовать уставы, мѣшающіе рабочему сдѣлаться способнымъ къ болѣе интенсивному труду. Всѣмъ понятно, что къ интенсивному труду способенъ сознательный развитой рабочій, обладающій достаточнымъ запасомъ силъ. Всѣмъ понятно, что эти качества могутъ выработаться только у рабочаго, за которымъ признается человѣческое достоинство, у котораго есть время для своего развитія, который не приниженъ нищетой до положенія животнаго. Полуголодная кляча, подъ градомъ ударовъ, дотащила свой возъ до мѣста и, попавъ въ свой грязный хлѣвъ, способна думать только о пищѣ, да о покоѣ! Но наши рабочій и работница могли бы позавидовать и этой клячѣ. Освободившаяся отъ упряжки кляча предоставлена самой себѣ хозяинъ позаботится о кормѣ, для нея; а фабричные рабочіе днемъ и ночью чувствуютъ на себѣ недремаиное око мастеровъ, подмастерьевъ, смотрителей, „хожалыхъ“ шпіоновъ и вездѣсущей полиціи Хозяинъ предоставляетъ имъ гибнуть отъ плохого питанія, отъ скученности въ фабричныхъ казармахъ, отъ грязи, пыли, отъ неправильности въ разстановкѣ станковъ, позволяетъ, ибо знаетъ, что на мѣсто каждаго погибшаго найдется новый, готовый еще дешевле продать свой трудъ, здоровье и жизнь. Объ этомъ позаботятся помѣщики да правительство, разоряя крестьянъ кабалой и податями, вытѣсняя ихъ изъ деревни на фабрику. Посмотримъ же—, въ какихъ условіяхъ работаютъ и живутъ рабочіе на фабрикѣ Залогина? Нищенскій заработокъ, равный 10, 12, 14 рублямъ въ мѣсяцъ, всѣми силами стремятся сократить. Безконечные и произвольные штрафы за малѣйшій бракъ (10—25 коп.) при выдачѣ скверныхъ матеріаловъ, основъ и утокъ, за обмотку на ходу машины, которая останавливается, между тѣмъ, всего на 10 мин. за неисправность станковъ, въ которой рабочій и не виноватъ; мастеръ Владимировъ за то, что рабочій стоитъ или идетъ, когда это ему кажется неумѣстнымъ. Принудительные вычеты на войну (1 коп. съ рубля), на молебны, на больницу (25 коп. съ человѣка въ мѣсяцъ), въ которой гонятся только за дешевизной лѣкарствъ. Недавно, уменьшивъ расцѣнки, понизили заработокъ на 2 рубля; чтобы уменьшить расцѣнки незамѣтно для рабочаго, перемѣняютъ названіе товара, или перекидку, или счетъ берда, или длину кусковъ. Притомъ же мастера переставляютъ колесики: вмѣсто рѣдкихъ—частыя, а это замедляетъ работу. Ни передъ насиліемъ, ни передъ мошенничествомъ не останавливаются фабрикантъ и его вѣрные помощники, послѣдніе не забываютъ и себя, обирая рабочихъ, беря съ нихъ взятки. Паровая машина пускается всегда раньше срока минутъ на 15—20, останавливается позже. Управляющій Правдиковъ, вопреки закону, заставляетъ рабочихъ все покупать въ фабричной лавкѣ, а непокорныхъ гонитъ вонъ. Платить приходится въ три дорога за гнилье и дрянь, причемъ служащимъ отпускается лучшее, а рабочимъ худшее, за одну и ту же цѣну. Держатъ въ лавкѣ часами, обращаются грубо. Положеніе работницъ ужасно. Всякая мелкая сошка пользуется своею властью, чтобы побудить дѣвушку къ разврату. Искусная и трудолюбивая никогда не заработаетъ столько, сколько хорошенькая и покладистая. Ей и матеріалъ дадутъ хуже и оштрафуютъ и забракуютъ работу, а то и совсѣмъ прогонятъ. Со всѣми рабочими и работницами обращаются крайне грубо, осыпаютъ площадной бранью, нерѣдки и оплеухи. Мужской трудъ быстро вытѣсняется женскимъ. Берутъ только тѣхъ, кто согласится нести и обязанности сыщика. Большинство работающихъ—женщины. Благодаря тому, что промежутки между станками то слишкомъ широки, то слишкомъ малы, рабочій ежеминутно рискуетъ искалѣчиться. Воздухъ на фабрикѣ отвратительный, вентиляція в . температура колеблется слишкомъ рѣзко—отсюда постоянныя простуды. Кипятокъ для чая невозможный, кубы никогда не чистятся. Помѣщенія рабочихъ ужасныя. За комнату въ одно окно берутъ 2—3 рубля, а напоминаетъ она скорѣе всего клоповникъ. Скученность въ казармахъ невѣроятная: въ комнатѣ 3 аршина ширины и 9 длины живутъ 12 человѣкъ. Грязь и воздухъ невыносимы. Развратная администація считаетъ своимъ долгомъ заботиться о „нравственности“ работницъ. Мужчинѣ не позволяется ни подъ какимъ видомъ проникнуть въ женское отдѣленіе, нельзя мужчинамъ и женщинамъ собраться вмѣстѣ, чтобы ихъ не разогнали. Режимъ въ казармахъ вообще тюремный: пирушки, пѣсня—преступленіе. Управляющій Правдиковъ заботится и о насажденіи трезвости. Дѣлается это очень просто: или запишись во Власьевское общество трезвости, или получай разсчетъ. Не меньше администрація заботится о рабочихъ и полиція. Она—вездѣ: на улицѣ, во дворѣ, въ зданіи фабрики, въ казармахъ. Запѣлъ-ли рабочій, сгрубилъ начальству, выпилъ немного—его ужъ ждетъ городовой, тащитъ въ кутузку, обыскиваетъ, обворовываетъ, (вѣдь, все равно пропьетъ!), да вздобьетъ еще на придачу. Бьютъ до полусмерти. Есть и библіотека, да только книгъ въ ней порядочныхъ нѣтъ, и плохія то выдаются только зимой. Вотъ условія—, въ которыхъ приходится жить Залогинскому рабочему. Понятно, что сознательныхъ людей среди нихъ мало. Шпіонамъ же нѣтъ числа, а нѣкоторые мастера прямо состоятъ на службѣ въ жандармскомъ управленіи.

Екатеринбургъ, 12 марта. Толкуютъ здѣсь о „бунтѣ“. 19-го февраля весь городъ ждалъ безпорядковъ. Сказокъ многое множество По городу расхаживаютъ солдаты, но обывателей это успокаиваетъ мало. „Да, солдатъ четыре тысячи, а бунтовщиковъ 8000“. — „Да какъ же вы ихъ сосчитали?“—„Да уже извѣстно“. О войнѣ спокойно говорить не могутъ. Козломъ отпущенія для обывателей во внѣшнихъ неудачахъ служитъ Куропаткинъ, а во внутреннихъ безпорядкахъ — бюрократія. Обрадовавшись найденнымъ объясненіямъ, обывательская мысль застыла на нихъ и не идетъ вглубь, а на шумливые разспросы молодежи и рабочихъ отвѣчаютъ готовыми формулами. Работы много ..

На Режевскомъ заводѣ (110 вер.) рабочіе обратились къ заводоуправленію съ слѣдующей просьбой: „Ставя себѣ въ примѣръ нашего Державнаго Вождя сочувственно откликнувшагося на нужды семействъ рабочихъ, пострадавшихъ 9 января въ Петербургѣ, мы, рабочіе Режевскаго завода, прекрасно разумѣя и горькимъ опытомъ зная, какъ тяжело семьѣ труженника остаться безъ кормильца, желали бы также пожертвовать часть своего заработка въ пользу упомянутыхъ выше семействъ нашихъ собратьевъ по труду. Поэтому, просимъ покорнѣйше заводоуправленіе разрѣшить произвести подписку по заводу и согласно подписному листу, удержать съ насъ по разсчетнымъ книгамъ завода, затѣмъ переслать деньги въ одну изъ редакцій петербургскихъ газетъ для раздачи по принадлежности, и квитанцію въ отсылкѣ денегъ передать нашимъ довѣрителямъ“.

Броженіе сильное, но организаціи, способной использовать его, нѣтъ. Мало создавать небольшіе разрозненные кружки на каждомъ заводѣ, а надо создать общеуральскую, не номинальную только, организацію, съ центральной кассой и отрядомъ лету-

---

...ніе пропаганда идеи соціальдемократическаго временнаго правленія въ *соблазнительности* этой перспективы.

Для какой цѣли намъ рекомендуютъ временное участіе въ правительствѣ? „Реорганизація бюрократическаго полицейскаго и военнаго аппарата, изгнаніе всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ, замѣна ихъ друзьями народа (!), вооруженіе народа на государственный счетъ — вотъ мѣры, которыя прежде всего должны быть проведены временнымъ правительствомъ“, пишетъ тов. Т., а его единомышленникъ, въ частномъ письмѣ, къ этимъ мѣрамъ еще прибавляетъ введеніе восьмичасоваго рабочаго дня. Газета „Впередъ“ выражается менѣе опредѣленно, но болѣе торжественно: „Сторонитесь вы, генералы и сановники, профессора и капиталисты: пролетаріатъ выступаетъ, чтобы построить *вамъ вашу буржуазную* республику (какая любезность!) и онъ построитъ ее такъ, чтобы наилегче было перестроить ее на соціалистическихъ началахъ, когда придетъ *желанный* часъ“.

Товарищъ Т., конечно, не такъ любезенъ по отношенію къ буржуазіи, какъ газета „Впередъ“; онъ не ставитъ себѣ цѣлью строить *для нея ея* республику. Онъ обязуется провести во временномъ правительствѣ только нѣкоторыя революціонныя мѣры въ интересахъ пролетаріата и всей демократіи. Рекомендуемыя имъ мѣры хороши; онѣ необходимы для торжества революціи. Но *въ условіяхъ буржуазной революціи* намъ легче ихъ провести, именно не связывая себѣ рукъ правительственной властью, не связывая себя офиціальной отвѣтственностью передъ буржуазнымъ обществомъ въ цѣломъ, намъ легче ихъ провести, именно оставаясь въ оппозиціи оказывая революціонное давленіе извнѣ на правительство. Послѣ возстанія 10-го Августа 1792 года парижская коммуна по своему почину устроила „комитетъ общественнаго спасенія“, по своему почину вооружала народъ и очищала администрацію отъ „подозрительныхъ“ элементовъ, „отъ враговъ народа“. Она принимала эти революціонныя мѣры не потому, что получила на то законныя полномочія, не потому, что была облечена соотвѣтственной властью (у власти была Жиронда), а потому, что она была фактическая сила, потому, что она участвовала въ побѣдоносномъ возстаніи. Это право — право побѣдоносной революціи — сохранитъ за собою и нашъ пролетаріатъ послѣ удачнаго возстанія, но только въ томъ случаѣ, если онъ останется фактической силой, если не дезорганизуется его самостоятельная классовая партія, если она не растворится въ революціонной демократіи.

Наше участіе во временномъ правительствѣ не облегчило бы проведеніе революціонныхъ мѣръ; за то оно навязало бы намъ проведеніе такихъ мѣръ, которыя ничего общаго не имѣютъ съ революціей. Вотъ этого-то не видитъ тов. Т., это-то игнорируютъ публицисты „Впередъ“. Когда они говорятъ о Временномъ Правительствѣ, имъ угодно видѣть только его революціонныя задачи по отношенію къ ликвидируемому „старому режиму“, имъ не угодно видѣть его консервативныхъ задачъ въ дѣлѣ охраненія буржуазнаго общества отъ „опасныхъ“ послѣдствій его классовыхъ противорѣчій. Они закрываютъ глаза на антагонистическій характеръ буржуазной революціи. Они этого антагонизма „временно“ не мыслятъ и отсюда заключаютъ, что онъ „временно“ перестанетъ существовать, чтобъ облегчить имъ ихъ задачу. Міръ есть моя воля и мое представленіе!

„Соціальдемократическое временное правительство не можетъ совершить въ Россіи соціалистическій переворотъ“, говоритъ тов. Парвусъ, „но уже самый процессъ ликвидаціи самодержавія и установленіе демократической республики даетъ ему благодарную почву политической работы“.

Работы несомнѣнно будетъ много, но вся ли она будетъ благодарная? Станутъ ли утверждать товарищи Парвусъ и Троцкій, что въ періодъ временной диктатуры исчезнетъ классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ, въ частности, между пролетаріатомъ и революціонной мелкой буржуазіей? Станутъ ли они отрицать, что чувствительность пролетаріата ко всякаго рода эксплуатаціи, ко всякаго рода униженіямъ удвоится, удесятерится, когда пролетаріатъ будетъ чувствовать себя побѣдителемъ?

Какъ же соціальдемократическое временное правительство будетъ реагировать на это неизбѣжное въ революціонную эпоху обостреніе антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазнымъ обществомъ? Какъ же оно примиритъ свой старый партійный долгъ — стоять во главѣ всякаго классоваго движенія пролетаріата — со своимъ новымъ обязательствомъ — „строить для буржуазіи ея республику“, а стало быть и „охранять“ эту буржуазную республику отъ грозныхъ волненій рабочей массы?

Мы изгонимъ изъ администраціи всѣхъ кровожадныхъ негодяевъ и замѣнимъ ихъ друзьями народа, говорите вы.

Будутъ ли эти „друзья народа“, которыми вы замѣните старыхъ чиновниковъ, охранять интересы крупныхъ или хотя бы мелкобуржуазныхъ кредиторовъ противъ должниковъ пролетаріевъ, будутъ ли „друзья народа“, которыми вы замѣните старую полицію, арестовывать и предавать „правосудію“ пролетаріевъ, посягнувшихъ въ той или другой формѣ на „священную собственность“ буржуазіи, будутъ ли „друзья народа“ засѣдающіе въ „новыхъ судахъ“ судить этихъ „преступниковъ“ на основаніи буржуазно гражданскаго и уголовнаго права, будутъ ли „друзья народа“ изъ рядовъ вашей реорганизованной арміи усмирять толпы безработныхъ, учиняющихъ „безпорядки“, будутъ ли „друзья народа“, которыми вы замѣните прежнихъ тюремщиковъ, лѣсныхъ стражниковъ, городовыхъ и проч. выполнять свои „охранительныя“ функціи? Возьметъ ли на себя революціонное Временное Правительство отвѣтственность за дѣянія этихъ „друзей народа“, надъ которыми оно будетъ имѣть верховный контроль даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда они выбраны народомъ? Конечно да, иначе Временное Правительство не исполнитъ своихъ обязательствъ по отношенію къ буржуазной республикѣ, которую оно строитъ, иначе оно съ перваго же дня будетъ объявлено врагомъ буржуазной республики.

Я полагаю, что еслибъ тов. Т. опустился изъ „эмпирей, въ которыхъ витаютъ чистые духи“, въ реальную обстановку буржуазнаго правительства, хотя бы временнаго, революціоннаго, оно потеряло бы для него соблазнительность.

Мы не скажемъ того же о публицистахъ газ. „Впередъ“: они представляютъ себѣ положеніе временнаго правительства *сравнительно* болѣе реально, но это положеніе ихъ не смущаетъ, потому что они *несравненны* въ своей развязности оппортюнистовъ. Вр. правит., говорятъ они, будетъ осуществленіемъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства“. Что это значитъ? Диктатура предполагаетъ абсолютное единство—единую волю. Въ разсматриваемой комбинаціи единство можетъ быть достигнуто, либо если крестьянство станетъ на точку зрѣнія пролетаріата, т. е на точку зрѣнія соціализма, либо если пролетаріатъ станетъ на точку зрѣнія крестьянства, т. е. мелкой буржуазіи. Публицисты „Впередъ“ категорически исключаютъ первую возможность.

Но если такъ, то, по ихъ мнѣнію, мы въ интересахъ революціи должны временно стать на точку зрѣнія мелкой буржуазіи. Почему же они путаются и путаютъ другихъ, почему же они говорятъ, „что и *во время борьбы за ея (программы минимума) осуществленіе* и по окончаніи ея мы должны организовать свои силы для дальнѣйшей борьбы подъ флагомъ минимума нашей программы“ („Впередъ“ № 12)? Потому что въ ихъ устахъ эти слова не имѣютъ реальной цѣны, потому что для нихъ „организовать значитъ написать уставъ“. Эти „вожди“ пролетаріата не смущаются перспективой республиканскаго блока, потому что они „отгородили себя и программой и тактикой и организаціей отъ революціонной демократіи“ (см. „Впередъ“, № 13). Но въ періодъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства“, въ періодъ „блока“ перегородка въ тактикѣ и организаціи между революціонной буржуазной демократіей и соціаль-демократіей разрушится, потому что у нихъ тогда будетъ одна единая воля.

Что же у нихъ останется для „охраны классовой самостоятельности пролетаріата“? Останется „программа“, останется „писанная конституція“, находящаяся въ полномъ противорѣчіи съ „дѣйствительной конституціей“, останется, словомъ, листъ печатной бумаги, хранящійся въ архивѣ департамента внутреннихъ дѣлъ Временнаго Правительства.

И мы, и газ. „Впередъ“ одинаково признаемъ, что теперь у насъ возможна только буржуазно-демократическая революція. И мы, и газ. „Впередъ“ одинаково признаемъ, что *непосредственной* причиной ограниченности нашей революціи служитъ тотъ фактъ, что масса націи стоитъ у насъ на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи. Но изъ этой посылки мы дѣлаемъ для себя прямо противоположные выводы. Мы стремимся остаться въ положеніи революціонной оппозиціи, чтобы сохранить практическую возможность *критиковать ограниченность мелкой буржуазіи*, очутившейся у власти. Публицисты „Впередъ“ стремятся раздѣлить власть съ мелкой буржуазіей, сохраняя возможность *критико-*

чихъ организаторовъ и тогда завести связи на каждомъ изъ заводовъ.

Очень распространенное здѣсь явленіе — работа въ одиночку. Работаютъ многія отдѣльныя лица, но каждый вразбродъ, на свой страхъ и рискъ.

Копысь, Могилевской губерніи. 11 марта. 19 февраля с. г. рабочіе начали готовиться послѣ обѣда праздновать день 19-го февраля и вмѣстѣ съ тѣмъ начать общую забастовку на всѣхъ заводахъ. Этимъ они хотѣли отчасти откликнуться на общее движеніе пролетаріата въ Россіи, а сверхъ того улучшить свое экономическое положеніе. На заводѣ Долгина (раб. чел. 35) стачка уже было началась. Предполагавшаяся на воскресенье демонстрація не состоялась, такъ какъ подавляющее большинство рабочихъ состояло изъ нежелающихъ „путаться въ политику", пейелей-сіонъ и сіонистовъ. Главари этихъ трехъ группъ поставили себѣ главной цѣлью использовать повышенное настроеніе толпы для проведенія исключительно экономической стачки, а для этого всячески подавляли политическое настроеніе въ массѣ. Пріѣхавшій фабричный инспекторъ, чиновникъ съ зубатовскими замашками и на очень хорошемъ счету у своего начальства, вполнѣ одобрилъ программу „экономистовъ", убѣждалъ ихъ отстранять и искоренять для пользы дѣла все „политическое" и благословилъ „умныхъ людей" на борьбу съ фабрикантами. Чтобы порисоваться и выиграть въ глазахъ рабочихъ, этотъ господинъ не пожалѣлъ красокъ: очернить своего предшественника фабричнаго инспектора Циммермана; намекнулъ на какую то бывшую между Циммерманомъ и фабрикантами дружбу и рѣзко оттѣнилъ контрастъ между собою — радѣтелемъ рабочихъ интересовъ — и своимъ предшественникомъ.

И вотъ большинство руководителей рабочихъ — экономисты, ободренные поощреніемъ фабричнаго инспектора, окончательно восторжествовало надъ соц. дем. и послѣдніе были оттѣснены еще больше прежняго. Дошло до того, что распространенную на слѣдующій день прокламацію (2-е письмо Гапона) чуть ли не приписали дѣлу рукъ самихъ фабрикантовъ, которые для своей же выгоды якобы хотятъ придать забастовкѣ исключительно политическій характеръ. О томъ, что этотъ взглядъ нашелъ поддержку въ глазахъ властей, говорить, конечно, лишнее. Отъ разговоровъ скоро перешли къ дѣлу. Съ заводовъ и мельницъ сняли работавшихъ еще рабочихъ, закрыли конторы, ссаживали пассажировъ съ извозчиковъ, принудили прекратить пріемку всякихъ матеріаловъ, какъ мергель и дрова. Только въ конторахъ была разрѣшена работа постолько, насколько это требовалось для расплаты. Были случаи, когда рабочіе по трусости просили товарищей снять ихъ съ работы. Отъ фабрикъ рабочіе перешли къ имѣніямъ; такъ сняли рабочихъ у помѣщика крѣпостника Чачкова. Стачка ведется образцово. Случаевъ насилія надъ личностью со стороны рабочихъ совсѣмъ не наблюдается. Для характеристики поведенія рабочихъ вполнѣ достаточна атестація самихъ фабрикантовъ, которые говорятъ: „мы за себя вполнѣ спокойны". Когда губернаторъ Клингенбергъ, взбѣшенный такимъ организованнымъ поведеніемъ рабочихъ, предложилъ фабрикантамъ отправлять грузы и, вообще, дать возможность штрейкбрехерамъ работать подъ охраной солдатъ, то фабриканты нашли, что имъ выгоднѣе и гораздо безопаснѣе довѣриться рабочимъ, чѣмъ палачу Клингенбергу и выбраннымъ имъ на подборъ спеціалистамъ солдатамъ. Вотъ почему фабриканты просили, чтобы солдаты не вмѣшивались и чтобы ихъ убрали обратно въ казарму, что и было скоро сдѣлано властями. Причиной появленія Клингенберга со своей ротой „японцевъ", какъ ихъ въ насмѣшку прозвали рабочіе, былъ нашъ сосѣдъ помѣщикъ Левъ Николаевичъ Чачковъ, въ имѣніи котораго фабричными были сняты съ работы рабочіе. Объ этомъ почтенномъ крѣпостникѣ и его страсти „пороть шкурки рабочихъ" я разскажу послѣ.

Стачка рабочихъ и извозчиковъ еще продолжается. За это время состоялось много собраній. Было также совмѣстное собраніе депутатовъ отъ рабочихъ съ фабрикантами, которое ни къ чему не привело. Нѣкоторые пункты съ своей петиціи рабочіе сняли. Пока что фабриканты рѣшили сдѣлать слѣдующія уступки: 1) уравнить расцѣнки на всѣхъ заводахъ, принимая, конечно, за мѣрило самый высокій изъ нихъ, 2) придерживаться принципа уравненія заработка (до сихъ поръ горновщики, напримѣръ, на однихъ заводахъ получали 20—22 рубля въ мѣсяцъ, а на другихъ 15—18 рублей), 3) кромѣ того, двое изъ крупныхъ фабрикантовъ рѣшили прибавить формовщикамъ 10%, но остальные фабриканты пока что этому препятствуютъ; нужно полагать, что послѣдніе скоро сдадутся. Мѣстные фабриканты рѣшили устроить синдикатъ и на главныхъ пунктахъ уже сошлись. Нынѣшняя война со своими спутниками, кризисами и застоемъ въ промышленности не обошла своимъ вниманіемъ и фабрикантовъ нашего городка, указавъ и имъ на главнаго виновника всѣхъ теперешнихъ бѣдствій. Когда инспекторъ собралъ фабрикантовъ и всячески старался повліять на нихъ, требуя, чтобы они помирились съ рабочими и этимъ заставили послѣднихъ прекратить забастовку, фабриканты совсѣмъ неожиданно, какъ для него, такъ и для себя, вынесли ему чисто политическую резолюцію, къ сожалѣнію, безъ всякихъ требованій. — Перейду теперь къ помѣщику Чачкову, о которомъ говорилъ выше. Этому господину не даетъ покоя то обстоятельство, что его крестьяне „портятся", работая на заводахъ (его имѣнія находятся одно въ полутора, другое въ восьми верстахъ отъ города). Этотъ помѣщикъ имѣетъ и свой собственный заводъ, который имъ сдается въ аренду. Лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, арендаторомъ не принимаются на заводъ крестьяне имѣній Чачкова, несмотря на то, что на заводѣ тогда самая горячая пора. Это явленіе объясняется очень просто. Рабочимъ на заводѣ платятъ въ это время копѣекъ на 10—15 дороже, чѣмъ въ имѣніи, а потому арендатору помѣщикъ не позволяетъ брать на работу въ это время крестьянъ его деревень, это, молъ, его рента. Понятное дѣло, что крестьяне изъ-за лишнихъ десяти копѣекъ не пойдутъ работать за восемь верстъ, а такъ какъ на сосѣдній заводъ ихъ не принимаютъ, то они поневолѣ должны идти къ помѣщику въ кабалу. Полтора года тому назадъ, когда крестьяне забастовали у помѣщика, требуя прибавки въ нѣсколько копѣекъ на четверть за копну картофеля, Чачковъ полетѣлъ и въ губернскій городъ и въ Петербургъ и, благодаря своему богатству, связямъ и вліянію, ему удалось вытребовать къ себѣ губернатора и казаковъ. По указанію полиціи были выбраны самые вредные изъ „бунтовщиковъ", главнымъ образомъ, изъ фабричныхъ рабочихъ. Человѣкъ восемь изъ нихъ подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ пригнали въ имѣніе Чачкова для экзекуціи въ присутствіи всей деревни. Кромѣ этого, тогдашній разбойничій набѣгъ губернатора обошелся рабочимъ десятка въ полтора товарищей, которыхъ законопатили тогда въ тюрьму: теперь они уже всѣ освобождены. Удовлетворенный тогда живодерствомъ, Чачковъ еще долго при встрѣчахъ со знакомыми поговаривалъ, потирая себѣ отъ удовольствія руки: „когда имъ шкурки полупили, то они небось — успокоились". Когда теперь фабричные опять учинили у него „бунтъ", снявъ рабочихъ съ работы, сей почтенный мужъ съ высшимъ образованіемъ бредя еще крѣпостничествомъ, опять ухватился за свой старый рецептъ „полупить шкурки". Съ пыломъ, достойнымъ болѣе благороднаго дѣла, нашъ спаситель отечества полетѣлъ въ Петербургъ къ своему другу, пріятелю Ватаци[1] и вскорѣ нашъ сатрапъ Клингенбергъ получилъ приказъ забрать своихъ „японцевъ", пойти на Копысь и водворить тамъ порядокъ. Какъ я упоминалъ выше, Клингенбергу, къ величайшему его прискорбію, такъ таки и не пришлось учинить въ Копыси кровопусканія, а насчетъ порядка, ему осталось только поучиться у рабочихъ.

Оргѣевъ, Бессарабской губ. На дняхъ у насъ состоялось здѣсь собраніе, на которомъ присутствовало человѣкъ 90—100. Оно происходило на открытомъ воздухѣ, и не смотря на весенній ливень, разразившійся надъ нами, прошло замѣчательно интересно и оживленно. Надо было видѣть этихъ слушателей, насквозь смоченныхъ водой, которые ежась отъ холода въ своихъ, по большей части лѣтнихъ костюмахъ, съ рѣдкимъ вниманіемъ слушали рѣчь одного товарища объ отношеніи с.-д. къ рескрипту 18 февраля. Одушевленіе охватило всѣхъ, когда ораторъ произносилъ гордыя слова, что только пролетаріату достанется главенствующая роль какъ въ нынѣшнихъ событіяхъ, такъ и въ дальнѣйшей исторіи человѣчества.

Почва для организаціи богатая.

Николаевъ. Въ среду (9 марта) городъ нашъ имѣлъ особенно оживленный видъ. На Соборной улицѣ (главная въ городѣ) гарцовали сотни казаковъ, на перекресткахъ молодцовато бродили въ полной формѣ околодочные, городовые... всюду встрѣчались патрули, казна охранялась вооруженными матросами. Всѣ магазины на запорѣ. Всюду толпы любопытныхъ, энергично разгоняемыя казаками подъ градъ площадной ругани. Чего-то ждали! Боялись демонстраціи. За городомъ, на площади передъ судостроительнымъ заводомъ собралась толпа рабочихъ, бастующихъ болѣе мѣсяца, въ числѣ 3-4 тысячъ. Были посланы выборные для переговоровъ съ директоромъ. Переговоры ведутся, уже давно, но безрезультатно. Рабочіе заявляютъ твердо свои требованія, директоръ, робко диктуетъ свои уступки, боясь перейти границы дозволеннаго. Въ толпѣ же рабочихъ въ это время идутъ оживленные толки о своихъ нуждахъ, слышатся разсказы о петербургскихъ событіяхъ, читаютъ радикальныя легальныя газеты. Подошли рабочіе и Черноморскаго завода. Нѣкоторые изъ депутатовъ обращаются къ собравшимся, убѣждаютъ ихъ не выкидывать краснаго знамени, не устраивать уличныхъ демонстрацій, держаться только экономическихъ требованій, не вмѣшиваясь въ политику.

По городу бродили толпы запасныхъ съ нахмуренными, измученными лицами, съ отпечаткомъ глухой злобы. Громили трактиры и нѣкоторые магазины. Полиція смотрѣла сквозь пальцы на всѣ безобразія запасныхъ. Все ея вниманіе сосредоточилось на рабочихъ. Городскіе заправилы были озабочены тѣмъ, чтобы электрическая станція немедленно убрала камни (приготовленные для установки столбовъ для электрическаго освѣщенія). Боялись, чтобы ими не воспользовались для баррикадъ.

Въ ночь съ 9 на 10 марта полиція арестовала рабочихъ-депутатовъ. По требованію собравшихся около тюрьмы рабочихъ съ женами и дѣтьми, они были немедленно освобождены.

14 марта вечеромъ было вновь возбужденіе. Запасные нападали на трактиры, затрагивали обывателей, выбивали стекла въ частныхъ домахъ. На этотъ разъ полиція попыталась водворить порядокъ, для угрозы были сдѣланы холостые выстрѣлы. Но трудно успокоить солдатъ, лишенныхъ квартиръ (ихъ сотнями запираютъ въ очень малыхъ помѣщеніяхъ) недоѣдающихъ, не имѣющихъ самаго необходимаго. Можно ожидать крупныхъ столкновеній, хотя планъ полиціи, устроить анти-еврейскій погромъ врядъ-ли удастся. Сознательность рабочихъ этого не допуститъ. 16 съ утра полиція хотѣла отрѣзать рабочимъ доступъ къ заводамъ. Сомкнутые ряды казаковъ и полицейскихъ дружно и довольно энергично тѣснили рабочихъ. Вышло столкновеніе. Пьяный казачій офицеръ сцѣпился съ рабочимъ и далъ выстрѣлъ. Казаки тотчасъ-же пустили въ ходъ нагайки и многіе рабочіе были избиты. Были и раненые. Это самоуправство казачьяго офицера, который приказалъ „лупить", было во время остановлено, иначе произошло бы еще худшее. Директоръ, боясь за послѣдствія этой дикой расправы, впустилъ рабочихъ въ заводъ для совѣщанія.

Въ „обществѣ" были устроены сборы въ пользу стачечниковъ, но, хотя они шли и очень успѣшно—помощь была незначительная. Близость полной голодовки, приближеніе праздниковъ, а, главное, неорганизованность заставили рабочихъ согласиться 17-го стать на работу. Требованія ихъ не удовлетворены, сдѣланы самыя незначительныя уступки: чернорабочимъ надбавили 30%, расцѣнки по цехамъ будутъ производиться подъ наблюденіемъ депутатовъ; да еще кое какое санитарное улучшеніе условій работы, вотъ и все. Заводоуправленіе же оставляетъ за собою право нанимать рабочихъ по своему усмотрѣнію, такъ что болѣе дѣятельные стачечники не будутъ приняты.

Не смотря на всѣ неудачи, нельзя расчитывать, что бы рабочіе на долго успокоились. Можно ожидать, что спустя мѣсяцъ, полтора, вновь вспыхнетъ волненіе.

Одесса 19 марта. Общая стачка портныхъ, какъ и слѣдовало ожидать, не состоялась. Но настроеніе среди нихъ отличное, рѣшили готовиться къ борьбѣ съ хозяевами въ ближайшемъ будущемъ и положили начало стачечной кассѣ. Но дальше экономической борьбы ихъ кругозоръ пока еще не идетъ. Бывали случаи, что при первомъ упоминаніи о петербургскихъ событіяхъ нѣкоторые тотчасъ же уходили, — боятся, говорятъ другіе. Всего было за восемь дней больше 10 собраній, перебывало на нихъ въ общей сложности до 300 посѣтителей, охватили они собой человѣкъ 150.

На одномъ изъ собраній, происходившихъ безъ участія и
теллигентовъ, рабочіе выбрали стачечную коммиссію для
ска бюллетеней о ходѣ стачки въ мастерской Вороб
о сборѣ денегъ и распредѣленіи ихъ между стачечн

---

[1] Ватаци — теперь одинъ изъ представителей Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ коммиссіи по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ Коковцева.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗ

Двадцатилѣтіе бельгійской рабочей

Пятаго апрѣля по новому стилю минуло 20
нія бельгійской рабочей партіи, съ которой связ
бельгійскій рабочій классъ, подъ знаменемъ котор
жалъ немало побѣдъ въ борьбѣ съ гнетомъ, тьмой
ціей. Намъ приходилось не разъ на столбцахъ „Искры
о дѣятельности этой партіи и чаще — ужъ такова наша с
ская „узость" — критиковать, чѣмъ хвалить. Не давая никаки
обѣщаній на счетъ будущаго, мы думаемъ, что, такъ какъ высшую похвалу пролетарская партія должна искать въ собственной революціонной дѣятельности, то намъ удастся загладить и свои прошлые и свои будущіе грѣхи безпристрастнымъ, хотя бы и краткимъ, разсказомъ о прошлыхъ судьбахъ бельгійской рабочей партіи.

Бельгія уже въ началѣ прошлаго вѣка была страной промышленной, съ довольно многочисленнымъ и сильно бѣдствующимъ пролетаріатомъ въ большихъ городахъ. Темная, невѣже-

---

вать пролетаріатъ, буде онъ увлечется иллюзіями. „Мы, говорятъ они, отвергнемъ, какъ утопію, какъ безсознательную провокацію, всякую попытку навязать пролетаріату невыполнимую при настоящихъ соціально-экономическихъ условіяхъ задачу немедленнаго осуществленія максимальной программы, т. е. немедленнаго созданія соціалистическаго строя". Мы позволимъ себѣ нѣсколько болѣе развить эту перспективу. Какъ мы неоднократно указывали, условія революціонной диктатуры чрезвычайно благопріятны для возникновенія всевозможныхъ соціальныхъ утопій. У нашихъ „диктаторовъ" не будетъ никакой физической возможности опредѣлять, гдѣ тутъ кончается наивная иллюзія, гдѣ начинается „безсознательная провокація" или даже сознательная. Вотъ, напр., Эд. Бернштейнъ склоненъ былъ почти во всей революціонной агитаціи, предшествовавшей іюньскимъ днямъ въ Парижѣ, усматривать „безсознательную провокацію" (см. прим. Бернштейна къ исторіи Héritier). Наши „диктаторы" хотя во многомъ съ Бернштейномъ не сходятся, но въ мнительности они навѣрно его перещеголяютъ. Какъ же они поступятъ, если ихъ словесные аргументы не въ силахъ будутъ остановить распространенія „безсознательной провокаціи", угрожающей республикѣ? Не прибѣгнутъ ли они къ тѣмъ „убѣдительнымъ" аргументамъ власти, къ которымъ прибѣгло министерство „соціалиста" Мильерана при усмиреніи рабочихъ Шалона и Мартиники?.. Вѣдь Мильеранъ тоже хотѣлъ только „спасти республику", вѣдь онъ тоже „отгородился" отъ своихъ буржуазныхъ коллегъ соціалистической „программой"?..

„Самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является вынужденная необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса... онъ вынужденъ будетъ (N. B.! онъ будетъ *вынужденъ* противъ своей воли) отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ (N.B.! *долженъ* будетъ независимо отъ его воли) въ интересахъ именно этого движенія (N.B. у насъ, въ интересахъ буржуазной республики) отстаивать интересъ чуждаго ему класса (N.B. у насъ—мелкой буржуазіи) и отдѣлываться отъ своего класса фразами (N.B. фельетонами Впередъ), обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными. Кто разъ попалъ въ это ложное положеніе, тотъ погибъ безвозвратно". Такъ писалъ Энгельсъ, и когда мы на эти слова указываемъ публицистамъ газ. Впередъ, эти будущіе „диктаторы" уже теперь, заблаговременно, изъ одного только Wille zur Macht, начинаютъ какъ бы въ подтвержденіе предсказаній Энгельса лгать и путать[1]).

Они насъ обвиняютъ въ томъ, что мы „боимся" власти. Нѣтъ, мы не боимся „власти", мы только *имѣемъ мужество* называть вещи своимъ именемъ. Мы говоримъ, если бъ вы очутились у власти при данныхъ условіяхъ, вы бы *окончательно* превратились изъ соціальдемократовъ въ буржуазныхъ якобинцевъ и тогда, въ отвѣтъ на вопросы тов. Т., гдѣ у насъ якобинская буржуазная демократія, намъ было бы достаточно указать на васъ пальцемъ.

3-й актъ. Созывъ Учредительнаго Собранія. Какъ представляютъ себѣ впередовцы финалъ пьесы, мы не знаемъ. Они намъ не говорятъ, какъ они по распущеніи Временнаго Правительства станутъ выпутываться изъ того мелкобуржуазнаго блока, въ которомъ они запутались, какъ они начнутъ размежевываться съ тѣми, съ которыми они только что вмѣстѣ княжили, судили и рядили; они намъ не говорятъ, чѣмъ они будутъ руководиться при этомъ размежеваніи, какъ они будутъ рвать новыя связи, скрѣпленныя „кровью и желѣзомъ" эпохи диктатуры, какъ они будутъ возстанавливать старыя растерянныя соціальдемократическія связи на основаніи поблекшихъ воспоминаній о томъ времени, когда они вмѣстѣ съ другими товарищами въ революціонномъ подпольѣ критиковали и „обличали" идеологовъ мелкой буржуазіи; они намъ не говорятъ, какъ они возстановятъ добрую дружбу съ пролетаріатомъ, съ которымъ у нихъ накопилось за время мелко-буржуазной диктатуры не мало „недоразумѣній", которыхъ они, навѣрно, не разъ судили за „безсознательную провокацію", который ихъ, навѣрно, не разъ упрекалъ за измѣну соціалистическимъ принципамъ, за неисполненныя обѣщанія, за преступные компромиссы и пр. и пр. Они объ этомъ не говорятъ и совершенно основательно: этимъ то вѣроятнѣе всего и непридется выпутываться изъ блока — вкусивъ сладкаго, не захочешь горькаго...

Но какъ представляетъ себѣ финалъ пьесы тов. Т.? Онъ само собой разумѣется, не предлагаетъ намъ „демократической диктатуры пролетаріата и крестьянства", онъ, само собой разумѣется, не допускаетъ возможности блока между соціальдемократіей и революціонной буржуазной демократіей — тѣмъ болѣе, что онъ отрицаетъ существованіе послѣдней. Дѣйствительность, конечно, не мѣняется оттого, что тов. Т. составилъ себѣ объ ней фантастическое представленіе и Временное Правительство въ буржуазной революціи, конечно, не перестаетъ быть буржуазнымъ оттого, что по предложенію тов. Т., въ немъ засѣдаютъ только добрые соціальдемократы, закрывшіе глаза на непріятные для него пункты правительственной программы. Эту программу придется Временному Правительству все-таки осуществить полностью. Но во всякомъ случаѣ субъективныя представленія тов. Т. и впередовцевъ о финалѣ пьесы должны сильно отличаться другъ отъ друга. Впередовцы признаютъ огромную революціонную роль въ ближайшемъ будущемъ нашей мелкой буржуазіи. Тов. Т. утверждаетъ, что „кромѣ насъ на революціонномъ полѣ никого нѣтъ". Если такъ, если подъ нашей революціей нѣтъ широкой національной базы, то естественно ожидать, что Учредительное Собраніе, выражающее волю націи, сдѣлаетъ значительный шагъ назадъ по сравненію съ Временнымъ Правительствомъ, выдвинутымъ однимъ пролетаріатомъ. Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятнымъ то, что намъ пишетъ въ письмѣ единомышленникъ тов. Т. насчетъ финала революціонной пьесы. Послѣ этого, пишетъ онъ, мы „падаемъ съ честью", созвавши Учредительное Собраніе и предоставивши этому „легальному" Собранію отмѣнять норму восьми-часового рабочаго дня, которую мы ввели революціоннымъ способомъ.

Tant de bruit pour une omelette! Столько шуму изъ-за пустяковъ! Насъ заставили продѣлать цѣлую одиссею, полную авантюръ и приключеній, и когда мы, наконецъ, достигли власти, какъ партія пролетаріата, благодаря возстанію, сдѣланному пролетаріатомъ, намъ предлагаютъ, выполнивши „черную работу" революціи, благородно отретироваться, добровольно уступивши власть завѣдомо менѣе прогрессивнымъ общественнымъ силамъ. Признаемся, что мы на такое великодушіе и на такую скромность совершенно не способны.

Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы", мы не стремимся къ власти, не способной обезпечить господства представляемаго нами класса — пролетаріата. Въ отличіе отъ сочинителей „новой методы" мы не только идемъ съ пролетаріатомъ впереди революціи, но стремимся толкнуть на этотъ путь самые разнообразные элементы націи, для того, чтобы пролетаріатъ не остался одинокимъ въ тяжелой борьбѣ, для того чтобы соціальдемократіи, послѣ перваго побѣдоноснаго возстанія, не пришлось взвалить на себя отвѣтственность за ограниченность буржуазной революціи, въ которой повинна буржуазность огромнаго большинства націи. Но еслибъ, независимо отъ нашей воли, внутренняя діалектика революціи, въ концѣ концовъ все-таки вынесла бы насъ къ власти, когда національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли, мы бы не стали пятиться назадъ. Мы бы поставили себѣ цѣлью разбить тѣсныя національныя рамки революціи и толкнуть на путь революціи Западъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція толкнула на этотъ путь Востокъ.

Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права соблазняться мишурой власти, которая сулитъ лишь порвать ея связь съ пролетаріатомъ и не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ они очутились у власти. Либо мильеранизмъ, либо марксизмъ!

---

[1] О достопримѣчательномъ фельетонѣ въ № 13 „Впередъ" у насъ будетъ съ этими публицистами особый разговоръ.

сченная масса влачила жалкое существованіе и только часть рабочихъ, находившаяся въ привилегированномъ положеніи, осмѣливалась протестовать противъ особенно вопіющихъ несправедливостей предпринимателей. Романтическій соціализмъ 1848 года проникъ и въ Бельгію, заразилъ здѣсь нѣкоторыхъ вожаковъ буржуазной демократіи, которые, въ свою очередь, сумѣли повліять на рабочую аристократію. Благодаря этому, Интернаціоналъ встрѣтилъ здѣсь плодотворную почву, а съ его исчезновеніемъ въ 1873—74 г. небольшой группой энергичныхъ и стойкихъ рабочихъ основана „Бельгійская соціалистическая партія", число сторонниковъ которой, однако, все время оставалось крайне незначительнымъ.

Законъ 1832 года, уменьшавшій до минимума цензъ для муниципальныхъ выборовъ, содѣйствовалъ оживленію рабочихъ массъ и вызвалъ къ жизни въ различныхъ городахъ рабочіе союзы, цѣлью которыхъ была агитація при коммунальныхъ выборахъ и подготовленіе рабочаго представительства въ коммунахъ. Рядомъ съ ними существовали еще другія рабочія общества, — синдикаты, кооперативныя товарищества, кружки самообразованія, общества взаимопомощи и другія, — которыя оставались внѣ „Бельгійской Соціалистической Партіи". Естественно было зародиться мечтѣ о соединеніи всѣхъ этихъ разрозненныхъ группъ въ одну организацію, и это удалось сдѣлать брюссельскому рабочему союзу, по почину котораго на 5 апрѣля 1885 г. былъ созванъ въ Брюсселѣ конгрессъ, на который были приглашены всѣ рабочія общества, безъ исключенія. Отозвалось 59 обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежали къ соціалистической партіи, другія составляли самостоятельныя, иногда довольно значительныя организаціи. Единственный пунктъ, подлежавшій обсужденію конгресса, гласилъ: необходимость объединенія всѣхъ рабочихъ организацій всей страны въ одну партію. Нѣкоторые делегаты отвѣчали, что такая партія уже существуетъ, что это есть „Бельгійская соціалистическая партія", къ которой могутъ примкнуть всѣ желающіе. Но противъ этого предложенія возстали другіе делегаты подъ тѣмъ предлогомъ, что слово „соціалистическій" пугаетъ рабочихъ и что, поэтому, лучше принять какое-нибудь болѣе безцвѣтное имя. „Бельгійская соціалистическая партія", въ виду этого, устроила особое собраніе, на которомъ было рѣшено сдѣлать требуемую уступку, т. е. отказаться отъ названія „соціалистическая", и новая партія получила названіе „бельгійской рабочей партіи", каковое названіе она сохраняетъ и по сю пору.

Образованіе новой партіи произошло какъ разъ наканунѣ крупныхъ революціонныхъ событій въ жизни бельгійскихъ рабочихъ. Уже въ 1885 году начинается сильное броженіе среди рабочихъ всѣхъ бельгійскихъ каменноугольныхъ бассейновъ. Въ мартѣ 1886 г. она принимаетъ характеръ форменнаго возстанія: рабочіе жгутъ заводы, уничтожаютъ имущество фабрикантовъ и ихъ служащихъ. Въ результатѣ—кровавое подавленіе и не менѣе жестокіе судебные приговоры, въ которыхъ классовая юстиція обнаруживается во всей своей наготѣ. Съ конца 1886 года начинается сильное движеніе въ пользу амнистіи осужденныхъ. Агитація выдвигаетъ уже требованіе всеобщаго избирательнаго права, и опять страна находится въ лихорадочномъ возбужденіи, заканчивающемся всеобщей стачкой углекоповъ въ 1889 г. Съ этими событіями совпалъ расколъ въ партіи вслѣдствіе различія во взглядахъ на тактику. Оказалось, однако, что сторонники болѣе радикальной тактики попали въ руки провокаторовъ, которые потомъ помогли правительству создать огромный процессъ, кончившійся опять жестокими приговорами. Благодаря этому, расколовшіяся части партіи
соединились и отнынѣ посвятили всѣ свои силы борьбѣ
бщее избирательное право.
густа 1890 года въ одномъ изъ парковъ Брюсселя 75
рабочихъ, собравшихся сюда со всей страны, покля-
спокоиться раньше, чѣмъ будетъ завоевано всеоб
тельное право". За этимъ послѣдовала небывалая
агитація въ собраніяхъ, митингахъ, въ прессѣ и
нифестаціяхъ агитація, въ которой рабочая пар
омную энергію. Это былъ ея героическій пері
ча всеобщей стачки, начатой 100 тысячами
я 1891 года и поддержанной затѣмъ остальной
, удалось вырвать у палаты пересмотръ ст. 47
становившей избирательный цензъ. Затѣмъ но
новая всеобщая стачка, начавшаяся 12-апрѣля
хватившая всю страну, заставили учредительное со-
нировать всеобщее, хотя и не равное избирательное
Послѣ этого, бельгійская рабочая партія получаетъ
можность имѣть своихъ представителей въ палатѣ, посвящаетъ свои силы на развитіе своихъ организацій, на привлеченіе къ партіи новыхъ сторонниковъ. Попытка, сдѣланная въ 1902 г., путемъ всеобщей стачки добиться прямого голосованія, кончилась неудачно. Но объ этомъ эпизодѣ было уже въ свое время подробно разсказано въ „Искрѣ".

Мы видѣли, что бельгійская рабочая партія при самомъ своемъ созданіи отказалась отъ названія соціалистической и тѣмъ самымъ обнаружила желаніе быть, пока что, не больше, какъ партіей крайней демократіи. Собственно таковой партія продолжаетъ оставаться и по сю пору, хотя нельзя, конечно, отрицать, что число сознательныхъ соціалистовъ въ ея рядахъ растетъ съ каждымъ годомъ. Какъ въ свое время партія составилась изъ весьма разнообразныхъ элементовъ — потребительныхъ товариществъ, кружковъ саморазвитія, профессіональныхъ союзовъ, обществъ взаимопомощи, избирательныхъ союзовъ, — такъ и теперь она сохраняетъ тотъ же составъ, лишь увеличившійся количественно. Всѣ эти элементы вносятъ въ партію свои специфическіе взгляды, свои спеціальные интересы. До сихъ поръ сохраненіе единства всего этого конгломерата осуществлялось на счетъ соціализма. Будетъ ли такъ и впредь?

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ Совѣта Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Съ того времени, какъ раздирающій нашу партію кризисъ сталъ угрожать ея правильному развитію, Совѣтъ поставилъ своей обязанностью заботиться о томъ, чтобы внутренняя борьба не подорвала ея единства.

Такъ какъ эта внутренняя борьба сосредоточилась на агитаціи по вопросу о созывѣ новаго съѣзда, то Совѣтъ счелъ нужнымъ дважды обратить вниманіе партіи на всю опасность этого созыва въ обстановкѣ ожесточенныхъ распрей, когда, ставши орудіемъ фракціонныхъ интересовъ одной какой либо группы, дѣло организаціи съѣзда должно было бы неминуемо быть скомпрометировано заранѣе въ глазахъ другой, а при такихъ условіяхъ самый съѣздъ могъ бы только привести къ формальному расколу партіи.

Поэтому, Совѣтъ все время рекомендовалъ прежде созыва съѣзда добровольное соглашеніе спорящихъ сторонъ, соглашеніе, которое, обезпечивъ мирное ихъ сотрудничество на нѣкоторое время, вмѣстѣ съ тѣмъ позволило бы поставить самую организацію съѣзда, слѣдовательно, и самый съѣздъ, внѣ всякихъ подозрѣній для кого бы то ни было.

Къ сожалѣнію, указанія Совѣта не были приняты во вниманіе и на собравшуюся осенью 1904 г. конференцію шести сѣверныхъ комитетовъ, поставившую себѣ цѣлью обсужденіе ряда спорныхъ вопросовъ, не былъ даже допущенъ просившій о томъ представитель Ц. К., причемъ отказъ сопровождался грубой и оскорбительной мотивировкой. Путь, на который, такимъ образомъ, становились товарищи, позднѣе сгруппировавшіеся около такъ называемаго „Бюро комитетовъ большинства", могъ, очевидно, привести только къ такому обостренію взаимныхъ отношеній внутри партіи, которое сдѣлало бы неминуемымъ расколъ между ними. И въ то время, какъ литературный органъ этой группы открыто пропагандировалъ необходимость раскола, нѣкоторые комитеты стали изгонять изъ организаціи десятки дѣятельныхъ товарищей, а иностраннымъ соціалъ-демократич. партіямъ были сдѣланы группой заявленія, въ которыхъ партійный расколъ былъ объявленъ уже совершившимся фактомъ, а центральныя учрежденія партіи и особенно Ц. К. были объявлены узурпировавшими не принадлежащія имъ полномочія. Предложеніе Vorstand'а Германской С.-Д. Партіи, который, въ лицѣ тов. А. Бебеля, бралъ на себя починъ улаженія нашихъ партійныхъ раздоровъ, путемъ третейскаго разбирательства, было отклонено группой т. н. „большинства". Излишне говорить, насколько такой отказъ противорѣчилъ резолюціи Амстердамскаго конгресса и основнымъ требованіямъ пролетарскаго интернаціонализма; это очевидно для всѣхъ сознательныхъ товарищей.

Когда, при такихъ условіяхъ, упомянутое выше „бюро" объявило о томъ, что оно созываетъ съѣздъ въ близкомъ будущемъ, Совѣтъ счелъ себя обязаннымъ констатировать полное противорѣчіе между уставомъ партіи и дѣйствіями „бюро", объявить созываемый этотъ съѣздъ непартійнымъ, подвести итогъ числу высказавшихся за съѣздъ организацій и просить всѣ партійныя организаціи въ скорѣйшемъ времени отвѣтить, сохраняютъ ли они довѣріе къ партійнымъ центрамъ. (См. № 89 „Искры").

Рѣшеніе Совѣта, принятое и на этотъ разъ единогласно, диктовалось ему, кромѣ высказанныхъ выше соображеній, сознаніемъ того вреда, который можетъ принести всему движенію отвлеченіе лучшихъ силъ партіи отъ практической работы на мѣстахъ, благодаря съѣзду, въ такое время, когда напряженіе всѣхъ партійныхъ силъ на этой работѣ является высшимъ долгомъ партіи передъ пролетаріатомъ, переживающимъ въ высшей степени важный и богатый послѣдствіями періодъ своего политическаго развитія.

Опубликовавъ свое мнѣніе, Совѣтъ пригласилъ Партію высказаться, считая своей обязанностью, если его мнѣніе не будетъ одобрено, исполнить свой долгъ, организовавъ съѣздъ, согласно требованіямъ устава и интересамъ партіи.

Но едва прошло нѣсколько дней послѣ этого, какъ Совѣтъ неожиданно получилъ опубликованное Ц. К. соглашеніе съ такъ называемымъ „Бюро Комитетовъ Большинства".

Въ силу этого соглашенія, Ц. К., санкціонируя работу этого „бюро" по созыву съѣзда, по своей иниціативѣ организуетъ III съѣздъ и назначаетъ для него порядокъ дня, способъ выбора делегатовъ и всѣ условія представительства. Совѣтъ Партіи считаетъ своимъ долгомъ громко и рѣшительно протестовать противъ этихъ дѣйствій Ц. К., не только противорѣчащихъ его же собственной іюльской деклараціи, но фактически отмѣняющихъ партійный уставъ.

По уставу партіи[1], съѣздъ созывается Совѣтомъ и никакое другое учрежденіе не можетъ, не совершая coup d'état, присвоить себѣ эту функцію. Мотивируя свой шагъ желаніемъ спасти единство партіи, Ц. К. начинаетъ съ санкціи тѣхъ дѣйствій Б. К. Б. по созыву анти-партійнаго съѣзда, которыя прямо вели къ расколу и направлены были противъ примирительной политики того же Ц. К. Вмѣсто того, чтобы предоставить образованіе Орг. Комит. для созыва съѣзда представителямъ всѣхъ крупныхъ теченій партіи, Ц. К. исключилъ изъ него какъ разъ тѣ партійные элементы, которые боролись за единство партіи и ввелъ въ Орг. Ком., рядомъ съ собой, однихъ только открытыхъ сторонниковъ раскола. Въ довершеніе ко всему этому Ц. К. установилъ всего лишь десятидневный срокъ для созыва съѣзда, чѣмъ поставилъ Партію въ полную невозможность сколько-нибудь серьезно къ нему подготовиться.

Совѣтъ не исполнилъ бы своего долга, если бы въ виду такихъ необъяснимыхъ и безпримѣрныхъ въ исторіи международнаго соціализма поступковъ одного изъ центральныхъ учрежденій нашей Партіи онъ не поставилъ бы ей на видъ, что эти поступки Ц. К. грозятъ уничтожить всякое взаимное довѣріе между ея собственными учрежденіями, внести деморализацію и разстройство въ ея ряды и лишить ее уваженія со стороны соціальдемократическихъ партій другихъ странъ.

Совѣтъ считаетъ необходимымъ немедленно принять самыя энергичныя мѣры для устраненія вредныхъ послѣдствій указаннаго шага Ц. К. и единогласно постановляетъ:

1) Ц. К-тъ обязанъ пріостановить всѣ начатыя имъ дѣйствія по созыву съѣзда и представить Совѣту имѣющіяся у него данныя о голосованіи комитетовъ за съѣздъ. Если требуемое уставомъ число комитетовъ желаетъ созыва съѣзда, то Совѣтъ тотчасъ же приступитъ къ этому созыву.

2) Самое дѣло созыва, въ виду современнаго ненормальнаго положенія дѣлъ въ Партіи, Совѣтъ, поручитъ, оставляя за собою право контроля, Орг. Коммиссіи, въ которую войдутъ представители всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

3) Считая себя обязаннымъ, при наличности всѣхъ указанныхъ условій, созывать какъ можно скорѣе съѣздъ, Совѣтъ находитъ, однако, необходимымъ назначить для его созыва такой срокъ, который не лишалъ бы партійныя организаціи возможности высказаться по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію съѣзда и быть представленными на немъ со всей возможной полнотой.

4) Совѣтъ считаетъ обязательнымъ, чтобы право на участіе въ съѣздѣ дано было всѣмъ организованнымъ группамъ въ Партіи и всякому значительному оппозиціонному меньшинству организацій.

5) Совѣтъ пригласитъ Орг. Ком. употребить всѣ средства, какія только окажутся въ его распоряженіи, для созыва, до съѣзда, конференціи изъ представителей борющихся между собой сторонъ, которая намѣтила бы условія соглашенія между ними, и тѣмъ облегчила бы работы съѣзда по объединенію партіи.

Совѣтъ, объявляя недѣйствительными какъ противорѣчащія уставу всѣ постановленія Ц. К. о созывѣ съѣзда, требуетъ отъ Ц. К., во имя его долга передъ партіей, немедленнаго отказа отъ всѣхъ его произвольныхъ дѣйствій. Только по исполненіи Ц. К-томъ этого требованія, Совѣтъ сможетъ приступить къ указаннымъ выше дѣйствіямъ.

Отказъ Ц. К-та слѣдовать постановленію Совѣта *сдѣлаетъ созываемый „О. К-томъ" съѣздъ непартійнымъ* и его рѣшенія ни для кого необязательными и Совѣтъ, еслибъ встрѣтился съ прямымъ противодѣйствіемъ Ц. К., былъ бы вынужденъ констатировать фактъ *сверженія* высшаго партійнаго учрежденія Ц. К-томъ, а, слѣдовательно, и уничтоженія всѣхъ обязательныхъ нормъ, регулирующихъ партійныя отношенія. Въ этомъ случаѣ Совѣту останется пригласить всѣ партійныя организаціи самимъ заботиться объ огражденіи интересовъ партіи.

Совѣтъ выражаетъ твердую увѣренность въ томъ, что всѣ сознательные элементы Партіи, дорожащіе ея великими революціонными интересами, безъ колебаній одобрятъ вышеприведенное его постановленіе и энергично выступятъ на защиту единства и чести Россійской Соціальдемократіи.

Совѣтъ Р. С.-Д. Р. П.

Женева, 7 апр. 1905 г.

Договоръ между Бюро К. Б. и Ц. К.

1. Орг. Ком., составленный изъ представителей Ц. К. и Б. К. Б., немедленно организуетъ третій партійный съѣздъ, независимо отъ той или иной резолюціи по созыву съѣзда со стороны Совѣта Партіи[2].

2) Комитеты, сдѣлавшіе постановленія объ участіи въ третьемъ партійномъ съѣздѣ, извѣщаются о состоявшемся между Б. К. Б. и Ц. К. соглашеніи относительно совмѣстной организаціи съѣзда. Возможныя по этому поводу постановленія Комитеты сообщаютъ О. К. не позже 22 марта.

3) Правоспособные комитеты извѣщаются о созывѣ третьяго партійнаго съѣзда съ представленіемъ имъ всѣхъ имѣющихся у О. К. документовъ и съ приглашеніемъ послать делегата съ рѣшающимъ голосомъ. Комитеты, относительно правоспособности которыхъ возникаютъ сомнѣнія (см. списокъ этихъ комитетовъ, декларація п. 2), получаютъ тоже извѣщеніе, при чемъ на агентовъ О. К. возлагаетъ обязанность выяснить срокъ утвержденія комитета, опредѣляющій его право имѣть рѣшающій голосъ на съѣздѣ, и, при отсутствіи сомнѣній, агентъ О. К. предоставляетъ делегату право рѣшающаго голоса.

4) Съ правомъ совѣщательнаго голоса приглашаются группы Одесская, Петербургская, Харьковская, Ростовская и Тверская периферія.

Въ Ригу и въ Н.-Новгородъ посылаются всѣ документы, причемъ въ случаѣ, если Рижск. и Сормовская периферія заявятъ о желаніи послать на съѣздъ делегата съ совѣщательнымъ голосомъ, мѣстные комитеты выясняютъ ихъ право на это, руководствуясь условіемъ, положеннымъ въ деклараціи Ц. К. отъ 4 марта с. г.

5) Въ составъ О. К. входитъ весь составъ Б. К. Б. и Ц. К. Агенты посылаются съ согласія О. К.

6) Для оповѣщенія комитетовъ, не вынесшихъ положительной резолюціи относительно участія въ съѣздѣ, и для выбора и посылки ими делегатовъ назначается для агента О. К. максимальный срокъ—четыре дня на дорогу и семь дней для комитета съ момента передачи ему извѣщенія О. К.

Такимъ образомъ, объѣздъ и оповѣщеніе комитетовъ и выборы делегатовъ при нормальныхъ условіяхъ должны быть закончены къ 22 марта.

7) Съѣздъ открывается при наличности делегатовъ отъ $^{2}/_{3}$ полноправныхъ комитетовъ партіи (считая въ томъ числѣ и Лигу).

8) Въ комитеты Елисаветградскій, Кременчугскій, Кіевскій, Полѣсскій, Сѣверо-Западный, Смоленскій и Петербургскую Группу посылается представитель Ц. К.; въ комитеты Курск., Орл.-Брянскій, Харьковск., Екатеринославск., Донской, Кубанскій, Донецкій Союзъ посылаются представители Б. К. Б., а въ Крымскій Союзъ и Одесскую группу — представитель Б. К. Б. совмѣстно съ представителемъ Ц. К. 12 марта 1905 г.

Напечатанный выше документъ составляетъ часть присланной намъ агентомъ Ц. К. гектографированной рукописи, состоящей, кромѣ этого договора, изъ заявленій, опубликованныхъ въ № 13 „Впередъ" (въ этихъ заявленіяхъ встрѣчаются ссылки на договоръ и его пункты). На нашемъ экземплярѣ значится надпись, что всѣ эти документы не подлежатъ опубликованію. И, однако, большая ихъ часть уже опубликована во „Впередъ". Такъ какъ Ц. К. не имѣетъ никакого основанія ставить Ц. О. партіи въ болѣе зависимое отъ него положеніе, чѣмъ то, въ которое поставлена газ. „Впередъ", то мы не видимъ причины не сообщить всей партіи содержанія упомянутаго договора, сокрытіе котораго можетъ имѣть одну только цѣль: содѣйствіе искусственной „фабрикаціи" съѣзда.

По существу самого договора, мы должны выразить свое... удивленіе по поводу § 1. Посылая Совѣту предложеніе высказаться за съѣздъ, Ц. К. одновременно договаривается съ бюро о томъ, что, независимо отъ отвѣта Совѣта, съѣздъ будетъ созванъ. Къ чему же играть комедію съ посылкой предложенія въ Совѣтъ? И что означаетъ оговорка о томъ, что этотъ пунктъ публикуется лишь въ случаѣ протеста Совѣта? Слѣдовательно, еслибъ Совѣтъ санкціонировалъ антипартійныя и нарушающія уставъ дѣйствія Ц. К., то послѣдній имѣлъ бы мужество *скрыть* отъ партіи фактъ своего уговора съ „Б. К. Б." о созывѣ съѣзда *противъ* Совѣта и *свалить* отвѣтственность за организацію съѣзда на тотъ самый Совѣтъ, отъ котораго пытались добится согласія *угрозой* „Coup d'état?" Намъ трудно допустить, чтобы члены Ц. К. могли сознательно подписывать это свидѣтельство своей собственной... хитрости, и намъ остается лишь принять, что они писали эти строки подъ диктовку Б. К. Б.—въ совершенно невмѣняемомъ состояніи.

Въ дальнѣйшемъ надо остановиться на слѣдующихъ пунктахъ договора:

1) Какъ и слѣдовало ожидать, санкція „подготовительныхъ" операцій Б. К. Б. Ц. К-омъ заключается въ томъ, что послѣдній *безъ всякой провѣрки* утвердилъ назначеніе делегатовъ комитетами, присоединившимися въ свое время къ „бюро". Благодаря этому, напримѣръ, при перечисленіи периферій, которымъ — въ виду ихъ несогласія съ комитетомъ — предполагается дать совѣщательный голосъ, отсутствуетъ периферія Московскаго Комитета, по отношенію къ которому, какъ и всѣмъ признавшимъ „бюро", новый О. К. ограничиваетъ свои дѣйствія присылкой настоящаго договора. Стало быть, всѣ фабрикаціи „мандатовъ", имѣвшія мѣсто *до* соглашенія Ц. К. съ „бюро", санкціонируются безъ всякой попытки провѣрки. Это называется служить партіи!

2) Комитеты, считавшіе несовмѣстимымъ съ своимъ партійнымъ долгомъ по отношенію къ Ц. К. имѣть какія либо дѣла съ подозрительнымъ „бюро", теперь, когда самъ Ц. К. вошелъ съ этимъ бюро въ сдѣлку, награждаются за свою „лояльность" „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія". *Для этихъ комитетовъ* назначенъ 11 дневный срокъ (со дня новаго бракосочетанія Ц. К. съ Ленинымъ), включая и время переѣзда агента; эти именно комитеты теряютъ самую возможность обсудить внутри организаціи *предписанный* съѣзду порядокъ дня. До какой степени поусердствовали господа изъ Орг. К., видно изъ письма къ намъ Харьк. Ком. (см. „Вопросы парт. жизни"): не то потому, что агентъ, посланный въ этотъ Комитетъ, ѣздилъ „съ прохладцей", не то въ виду извѣстной злокозненности харьковскихъ товарищей, —но послѣднимъ данъ, съ момента объявленія рѣшенія Ц. К., *однодневный срокъ* для заявленія о выборѣ делегата!

3) Игнорируя всѣ прежнія постановленія Совѣта, въ которыхъ участвовали его собственные делегаты, Ц. К. поручаетъ агентамъ О. К. устанавливать „правоспособность" тѣхъ комитетовъ, которые господамъ изъ „бюро" угодно признать „сомнительными". Болѣе развязнаго самооплеванія, болѣе циничнаго дезавуированія своихъ прежнихъ дѣйствій, нельзя и предположить.

4) При чтеніи списка комитетовъ, признанныхъ „правоспособными", надо имѣть въ виду, что, слѣдуя слѣпо за „Б. К. Б." и поручивъ ему хозяйничать въ партіи подъ фирмой „Орг. К.", Ц. К-тъ умышленно подмѣняетъ въ иныхъ случаяхъ дѣйствительные комитеты *фиктивными*. Такъ, мы получили сообщеніе, что „выбрать" делегата отъ *Николаевскаго комитета* поручено „дѣятелю", въ свое время „управлявшему" рабочимъ движеніемъ въ этомъ городѣ изъ другой резиденціи, тогда какъ составленный съ мѣсяцъ назадъ дѣйствительный комитетъ, руководившій всеобщей стачкой, „не замѣченъ" Орг. Комитетомъ, несмотря на то, что въ городѣ никакого другого комитета не знаютъ. Мы спрашиваемъ партію: не преступленіе ли это „представительство" одного изъ центровъ южно-русскаго рабочаго движенія однимъ господиномъ, хотя бы и одареннымъ весьма почтенными качествами? Не преступленіе ли это сознательное введеніе въ заблужденіе комитетовъ, думающихъ, что самое званіе членовъ Ц. К. ограждаетъ партію отъ возможности подобныхъ „подмѣновъ"?

Ясно, что то, что продѣлано съ Николаевомъ, будетъ сдѣлано и съ Тифлисомъ и съ Воронежомъ, гдѣ, рядомъ съ дѣйствительными и вполнѣ „законными" комитетами, числятся фиктивные, созданные высшими „каменными" властями (Ц. К. „1-го призыва" для Воронежа и союзн. Кавк. Ком.—для Тифлиса), послѣ „раскассировки" дѣйствительныхъ комитетовъ.

5) Проявляя *на словахъ* чрезвычайный либерализмъ по вопросу о допущеніи къ участію въ съѣздѣ отколовшихся группъ,

---

[1] 2. Верховнымъ органомъ Партіи является партійный съѣздъ. Онъ созывается (по возможности, не рѣже одного раза въ два года) Совѣтомъ Партіи.

Совѣтъ Партіи обязанъ созвать съѣздъ, если этого требуютъ партійные организаціи, имѣющія вмѣстѣ право болѣе, чѣмъ на половину рѣшающихъ голосовъ.

[2] Этотъ пунктъ договора подлежитъ опубликованію лишь въ томъ случаѣ, если Совѣтъ Партіи приметъ постановленіе, направленное противъ созыва III партійнаго съѣзда.

ственная масса влачила жалкое существованіе и только часть рабочихъ, находившаяся въ привилегированномъ положеніи, осмѣливалась протестовать противъ особенно вопіющихъ несправедливостей предпринимателей. Романтическій соціализмъ 1848 года проникъ и въ Бельгію, заразилъ здѣсь нѣкоторыхъ вожаковъ буржуазной демократіи, которые, въ свою очередь, сумѣли повліять на рабочую аристократію. Благодаря этому, Интернаціоналъ встрѣтилъ здѣсь плодотворную почву, а съ его исчезновеніемъ въ 1873—74 г. небольшой группой энергичныхъ и стойкихъ рабочихъ основана „Бельгійская соціалистическая партія“, число сторонниковъ которой, однако, все время оставалось крайне незначительнымъ.

Законъ 1832 года, уменьшавшій до минимума цензъ для муниципальныхъ выборовъ, содѣйствовалъ оживленію рабочихъ массъ и вызвалъ къ жизни въ различныхъ городахъ рабочіе союзы, цѣлью которыхъ была агитація при коммунальныхъ выборахъ и подготовленіе рабочаго представительства въ коммунахъ. Рядомъ съ ними существовали еще другія рабочія общества, синдикаты, кооперативныя товарищества, кружки самообразованія, общества взаимопомощи и другія, — которыя оставались внѣ „Бельгійской Соціалистической Партіи“. Естественно было зародиться мечтѣ о соединеніи всѣхъ этихъ разрозненныхъ группъ въ одну организацію, и это удалось сдѣлать брюссельскому рабочему союзу, по почину котораго на 5 апрѣля 1885 г. былъ созванъ въ Брюсселѣ конгрессъ, на который были приглашены всѣ рабочія общества, безъ исключенія. Отозвалось 59 обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежали къ соціалистической партіи, другія составляли самостоятельныя, иногда довольно значительныя организаціи. Единственный пунктъ, подлежавшій обсужденію конгресса, гласилъ: необходимость объединенія всѣхъ рабочихъ организацій всей страны въ одну партію. Нѣкоторые делегаты отвѣчали, что такая партія уже существуетъ, что это есть „Бельгійская соціалистическая партія“, къ которой могутъ примкнуть всѣ желающіе. Но противъ этого предложенія возстали другіе делегаты подъ тѣмъ предлогомъ, что слово „соціалистическій“ пугаетъ рабочихъ и что, поэтому, лучше принять какое-нибудь болѣе безцвѣтное имя. „Бельгійская соціалистическая партія“, въ виду этого, устроила особое собраніе, на которомъ было рѣшено сдѣлать требуемую уступку, т. е. отказаться отъ названія „соціалистическая“, и новая партія получила названіе „бельгійской рабочей партіи“, каковое названіе она сохраняетъ и по сю пору.

Образованіе новой партіи произошло какъ разъ наканунѣ крупныхъ революціонныхъ событій въ жизни бельгійскихъ рабочихъ. Уже въ 1885 году начинается сильное броженіе среди рабочихъ всѣхъ бельгійскихъ каменноугольныхъ бассейновъ. Въ мартѣ 1886 г. оно принимаетъ характеръ формальнаго возстанія: рабочіе жгутъ заводы, уничтожаютъ имущество фабрикантовъ и ихъ служащихъ. Въ результатѣ — кровавое подавленіе и не менѣе жестокіе судебные приговоры, въ которыхъ классовая юстиція обнаруживается во всей своей наготѣ. Съ конца 1886 года начинается сильное движеніе въ пользу амнистіи осужденныхъ. Агитація выдвигаетъ уже требованіе всеобщаго избирательнаго права, и опять страна находится въ лихорадочномъ возбужденіи, оканчивающемся всеобщей стачкой углекоповъ въ 1887 г. Съ этими событіями совпалъ расколъ въ партіи вслѣдствіе разногласій во взглядахъ на тактику. Оказалось, однако, что сторонники болѣе радикальной тактики попали въ руки провокаторовъ, которые потомъ помогли правительству создать огромный процессъ, кончившійся опять жестокими приговорами. Благодаря этому, расколовшіяся части партіи соединились и отнынѣ посвятили всѣ свои силы борьбѣ [illegible] бщее избирательное право.

[illegible] густа 1890 года [illegible] въ Брюсселѣ 75 [illegible] рабочихъ [illegible] всей страны [illegible] будетъ [illegible] избирательное право [illegible] агитація въ собраніяхъ, митингахъ, въ прессѣ и манифестаціяхъ, агитація, въ которой рабочая партія [illegible] огромную энергію. Это былъ ея героическій періодъ [illegible] всеобщей стачки, начатой 100 тысячами [illegible] 1891 года и поддержанной затѣмъ остальной [illegible] удалось вырвать у палаты пересмотръ ст. 47 [illegible] установившей избирательный цензъ. Затѣмъ [illegible] новая всеобщая стачка, начавшаяся 12 апрѣля [illegible] хватившая всю страну, заставили [illegible] всеобщее, хотя и неравное избирательное [illegible] Послѣ этого бельгійская рабочая партія [illegible] можность имѣть своихъ представителей въ палатѣ [illegible] етъ свои силы на развитіе своихъ организацій [illegible] къ партіи новыхъ сторонниковъ [illegible] г., путемъ всеобщей стачки [illegible] чилась неудачно. [illegible] время подробно разсказано въ [illegible]

Мы видѣли, что [illegible] емъ созданіи отказалась [illegible] самымъ обнаружила желаніе быть [illegible] партіей крайней демократіи. [illegible] должаетъ оставаться [illegible] рицать, что число [illegible] растетъ съ каждымъ [illegible] въ свое время партія со ставилась изъ весьма разнообразныхъ элементовъ [illegible] тельныхъ товариществъ, кружковъ самообразованія, [illegible] нальныхъ союзовъ, обществъ взаимопомощи, избирательныхъ союзовъ, — такъ и теперь она [illegible] лишь увеличившійся количественно. Всѣ эти элементы вносятъ въ партію свои специфическіе взгляды, свои спеціальные интересы. До сихъ поръ сохраненіе единства [illegible] конгломерата [illegible] такъ и впредь.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Отъ Совѣта Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Съ того времени, [illegible] сталъ угрожать [illegible] своей обязанностью [illegible] борьба не подорвала [illegible]

Такъ какъ эта внутренняя борьба [illegible] агитаціи [illegible] счелъ нужнымъ [illegible] ность этого [illegible] когда, ставши [illegible] кой либо группы [illegible] неминуемо быть [illegible] гой, а при такихъ условіяхъ [illegible] привести къ формальному расколу [illegible]

Поэтому, Совѣтъ [illegible] съѣзда добровольное [illegible] шеніе, которое, [illegible] которое время, имѣетъ [illegible] мую организацію съѣзда [illegible] всякихъ подозрѣній [illegible]

Къ сожалѣнію, [illegible] и на собравшуюся осенью 1904 г. [illegible] комитетовъ, постановившую [illegible] ныхъ вопросовъ, не были [illegible] представитель Ц. К., причемъ [illegible] оскорбительной мотивировкой. [illegible] разомъ, становились товарищи, [illegible] около такъ называемаго „Бюро Комитетовъ Большинства“ [illegible] очевидно, привести только къ такому обостренію взаимныхъ отношеній внутри партіи, которое сдѣлало бы неминуемымъ расколъ между ними. И въ то время, какъ литературный органъ этой группы открыто пропагандировалъ необходимость раскола, нѣкоторые комитеты стали изгонять изъ организаціи десятки дѣятельныхъ товарищей, а иностраннымъ соціалъ-демократич. партіямъ были сдѣланы группой заявленія, въ которыхъ партійный расколъ былъ объявленъ уже совершившимся фактомъ, а центральныя учрежденія партіи и особенно Ц. К. были объявлены узурпировавшими не принадлежащія имъ полномочія. Предложеніе Vorstand'а Германской С.-Д. Партіи, который, въ лицѣ тов. А. Бебеля, бралъ на себя почин улаженія нашихъ партійныхъ раздоровъ, путемъ третейскаго разбирательства, было отклонено группой т. н. „большинства“. Излишне говорить, насколько такой отказъ противорѣчилъ резолюціи Амстердамскаго конгресса и основнымъ требованіямъ пролетарскаго интернаціонализма: это очевидно для всѣхъ сознательныхъ товарищей.

Когда, при такихъ условіяхъ, упомянутое выше „бюро“ объявило о томъ, что оно созываетъ съѣздъ въ близкомъ будущемъ, Совѣтъ счелъ себя обязаннымъ констатировать полное противорѣчіе между уставомъ партіи и дѣйствіями „бюро“, объявить созываемый этотъ съѣздъ непартійнымъ, подвести итогъ числу высказавшихся за съѣздъ организацій и просить всѣ партійныя организаціи въ скорѣйшемъ времени отвѣтить, сохраняютъ ли они довѣріе къ партійнымъ центрамъ. См. № 89 „Искры“.

Рѣшеніе Совѣта, принятое и на этотъ разъ единогласно, диктовалось ему, кромѣ высказанныхъ выше соображеній, сознаніемъ того вреда, который можетъ причести всему движенію отвлеченіе лучшихъ силъ партіи отъ практической работы на мѣстахъ, благодаря съѣзду, въ такое время, когда напряженіе всѣхъ партійныхъ силъ на этой работѣ является высшимъ долгомъ партіи передъ пролетаріатомъ, переживающимъ въ высшей степени важный и богатый послѣдствіями періодъ своего политическаго развитія.

Опубликовавъ свое мнѣніе, Совѣтъ пригласилъ Партію высказаться, считая своей обязанностью, если его мнѣніе не будетъ одобрено, исполнить свой долгъ, организовавъ съѣздъ, согласно требованіямъ устава и интересамъ партіи.

Но едва прошло нѣсколько дней послѣ этого, какъ Совѣтъ неожиданно получилъ опубликованное Ц. К. соглашеніе съ такъ называемымъ „Бюро Комитетовъ Большинства“.

Въ силу этого соглашенія, Ц. К., санкціонируя работу этого „бюро“ по созыву съѣзда, по своей иниціативѣ организуетъ III съѣздъ и назначаетъ для него порядокъ дня, способъ выбора делегатовъ и всѣ условія представительства. Совѣтъ Партіи считаетъ своимъ долгомъ громко и рѣшительно протестовать противъ этихъ дѣйствій Ц. К., не только противорѣчащихъ его же собственной іюльской деклараціи, но фактически отмѣняющихъ партійный уставъ.

По уставу партіи съѣздъ созывается Совѣтомъ и никакое другое учрежденіе не можетъ, не совершая coup d'état, присвоить себѣ эту функцію. Мотивируя свой шагъ желаніемъ спасти единство партіи, Ц. К. начинаетъ съ санкціи тѣхъ дѣйствій Б. К. Б. по созыву антипартійнаго съѣзда, которыя прямо вели къ расколу и направлены были противъ примирительной политики того же Ц. К. Вмѣсто того, чтобы представить образованіе Орг. Комит. для созыва съѣзда представителямъ всѣхъ крупныхъ теченій партіи, Ц. К. исключилъ изъ него какъ разъ тѣ партійные элементы, которые боролись за единство партіи и ввелъ въ Орг. Ком. рядомъ съ собой, однихъ только открытыхъ сторонниковъ раскола. Въ завершеніе ко всему этому Ц. К. установилъ [illegible] десятидневный срокъ для созыва съѣзда, чѣмъ поставилъ Партію въ полную невозможность сколько-нибудь серьезно къ нему подготовиться.

Совѣтъ не исполнилъ бы своего долга, если бы въ виду такихъ необычайныхъ и беззаконныхъ [illegible] центральныхъ учрежденій [illegible] Партіи [illegible] демократическихъ партій другихъ странъ.

Совѣтъ считаетъ необходимымъ немедленно принять самыя энергичныя мѣры для устраненія вредныхъ послѣдствій указаннаго шага Ц. К. и единогласно постановляетъ:

1. Ц. К. обязанъ остановить всѣ начатыя имъ дѣйствія по созыву съѣзда и представить Совѣту имѣющіяся у него данныя [illegible] комитетовъ за съѣздъ. [illegible] требуемое [illegible] желаетъ созыва съѣзда [illegible] къ нему созыву.

2. [illegible] Совѣтъ поручаетъ [illegible] Коммиссіи [illegible]

3. [illegible] при наличности всѣхъ указанныхъ [illegible] Совѣтъ находитъ [illegible] такой срокъ, [illegible] и было [illegible] возможной полнотой.

4. Совѣтъ считаетъ обязательнымъ, чтобы право на участіе въ съѣздѣ дано было всѣмъ организованнымъ группамъ въ Партіи и всякому значительному [illegible] меньшинству организацій.

5. Совѣтъ приглашаетъ Орг. Ком. употребить всѣ [illegible] распоряженіи для созыва [illegible] конференціи изъ представителей борющихся между собой [illegible] соглашенія между ними и [illegible] объединенію партіи.

[illegible] недѣйствительными какъ противорѣчащія уставу [illegible] требуетъ [illegible] партіей немедленнаго [illegible] дѣйствій [illegible] требованіи Совѣта [illegible] дѣйствіемъ.

[illegible]

[illegible] Р. С. Д. Р. П.

Договоръ между Бюро К. Б. и Ц. К.

[illegible] К. Б., немедленно [illegible]

---

1. Вернувшимъ [illegible] возможности [illegible]

[illegible] партійныя организаціи [illegible] имѣетъ [illegible] на половину рѣшающихъ голосовъ.

2. Этотъ пунктъ договора подлежитъ опубликованію лишь въ томъ случаѣ, если Совѣтъ Партіи приметъ постановленіе, направленное противъ созыва III партійнаго съѣзда.

2) Комитеты, сдѣлавшіе постановленія объ участіи въ третьемъ партійномъ съѣздѣ, извѣщаются о состоявшемся между Б. К. Б. и Ц. К. соглашеніи относительно совмѣстной организаціи съѣзда. Возможныя по этому поводу постановленія Комитеты сообщаютъ О. К. не позже 22 марта.

3) Правоспособные комитеты извѣщаются о созывѣ третьяго партійнаго съѣзда съ представленіемъ имъ всѣхъ имѣющихся у О. К. документовъ и съ приглашеніемъ послать делегата съ рѣшающимъ голосомъ. Комитеты, относительно правоспособности которыхъ возникаютъ сомнѣнія (см. списокъ этихъ комитетовъ, декларація п. 2), получаютъ тоже извѣщеніе, при чемъ на агентовъ О. К. возлагается обязанность выяснить срокъ утвержденія комитета, опредѣляющій его право имѣть рѣшающій голосъ на съѣздѣ, и при отсутствіи сомнѣній, агентъ О. К. предоставляетъ делегату право рѣшающаго голоса.

4. Съ правомъ совѣщательнаго голоса приглашаются группы Одесская, Петербургская, Харьковская, Ростовская и Тверская периферіи.

Въ Ригу и въ Н. Новгородъ посылаются всѣ документы, причемъ въ случаѣ, если Рижск. и Сормовская периферія заявятъ о желаніи послать на съѣздъ делегата съ совѣщательнымъ голосомъ, мѣстные комитеты выясняютъ ихъ право на это, руководствуясь условіемъ, положеннымъ въ декларація Ц. К. отъ 4 марта с. г.

5. Въ составъ О. К. входитъ весь составъ Б. К. Б. и Ц. К. Агенты посылаются съ согласія О. К.

6. Для оповѣщенія комитетовъ, не вынесшихъ положительной резолюціи относительно участія въ съѣздѣ, и для выбора и посылки ими делегатовъ назначается для агента О. К. максимальный срокъ — четыре дня на поѣздку и семь дней для комитета съ момента передачи ему извѣщенія О. К.

Такимъ образомъ, объѣздъ и оповѣщеніе комитетовъ и выборы делегатовъ при нормальныхъ условіяхъ должны быть закончены къ 22 марта.

7. Съѣздъ открывается при наличности делегатовъ отъ $^3/_4$ полноправныхъ комитетовъ партіи (считая въ томъ числѣ и Лигу).

8. Въ комитеты Елисаветградскій, Кременчугскій, Кіевскій, Полтавскій, Сѣверо-Западный, Смоленскій и Петербургскую Группу посылается представитель Ц. К., въ комитеты Курск., Орловско-Брянскій, Харьковск., Екатеринославск., Донской, Кубанскій, Донецкій Союзъ посылаются представители Б. К. Б., а въ Крымскій Союзъ и Одесскую группу — представитель Б. К. Б. совмѣстно съ представителемъ Ц. К. 12 марта 1905 г.

Напечатанный выше документъ составляетъ часть присланной намъ агентомъ Ц. К. гектографированной рукописи, состоящей, кромѣ этого договора, изъ заявленій, опубликованныхъ въ № 13 „Впередъ“. Въ этихъ заявленіяхъ встрѣчаются ссылки на договоръ и его пункты. На нашемъ экземплярѣ значится надпись, что всѣ эти документы не подлежатъ опубликованію. И, однако, большая ихъ часть уже опубликована во „Впередъ“. Такъ какъ Ц. К. не имѣетъ никакого основанія ставить Ц. О. партіи въ болѣе зависимое отъ него положеніе, чѣмъ то, въ которое поставлена газ. „Впередъ“, то мы не видимъ причины не сообщить всей партіи содержанія упомянутаго договора, сокрытіе котораго можетъ имѣть одну только цѣль: содѣйствіе искусственной „фабрикаціи“ съѣзда.

По существу самого договора, мы должны выразить свое... удивленіе по поводу § 1. Посылая Совѣту предложеніе высказаться за съѣздъ, Ц. К. одновременно договаривается съ бюро о томъ, что независимо отъ отвѣта Совѣта съѣздъ будетъ созванъ. Къ чему же играть комедію съ посылкой предложенія въ Совѣтъ? И что означаетъ оговорка о томъ, что этотъ пунктъ публикуется лишь въ случаѣ протеста Совѣта? Слѣдовательно, если бы Совѣтъ санкціонировалъ антипартійныя и нарушающія уставъ дѣйствія Ц. К., то послѣдній имѣлъ бы мужество *скрыть* отъ партіи фактъ своего уговора съ „Б. К. Б.“ о созывѣ съѣзда *противъ* Совѣта и *свалить* отвѣтственность за организацію съѣзда на тотъ самый Совѣтъ, отъ котораго пытался добиться согласія *угрозой* „Coup d'etat“? Намъ трудно допустить, чтобы члены Ц. К. могли сознательно подписывать свидѣтельство своей собственной... хитрости, и намъ остается лишь принять, что они писали эти строки подъ диктовку Б. К. Б., въ совершенно невмѣняемомъ состояніи.

Въ дальнѣйшемъ надо остановиться на слѣдующихъ пунктахъ договора.

1. Какъ и слѣдовало ожидать, санкція „подготовительныхъ“ операцій Б. К. Б. Ц. К-омъ заключается въ томъ, что послѣдній *безъ всякой провѣрки* утвердилъ назначеніе делегатовъ комитетами, присоединившимися въ свое время къ „бюро“. Благодаря этому, напримѣръ, при перечисленіи периферій, которымъ [illegible] въ виду ихъ несогласія съ комитетомъ, предполагается дать совѣщательный голосъ, отсутствуетъ периферія Московскаго Комитета, [illegible] по которому, какъ и всѣмъ признавшимъ „бюро“, новый О. К. ограничиваетъ свои дѣйствія присылкой настоящаго договора. Стало быть, вся фабрикація „мандатовъ“, имѣвшая мѣсто *до* соглашенія Ц. К. съ „бюро“, санкціонируется безъ всякой попытки провѣрки. Это называется служить партіи!

2. Комитеты, считавшіе несовмѣстимымъ съ своимъ партійнымъ долгомъ по отношенію къ Ц. К. имѣть какія либо дѣла съ подозрительнымъ „бюро“, теперь, когда самъ Ц. К. вошелъ съ этимъ бюро въ сдѣлку, наказываются за свою „лояльность“ „лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія“. *Для этихъ комитетовъ* назначенъ 11-дневный срокъ [illegible] бракосочетанія Ц. К. [illegible] переѣзда агента; эти именно комитеты [illegible] возможность обсудить внутри организаціи *предлагаемое* съѣзду [illegible] Въ какой степени по[illegible] Орг. К., видно изъ письма къ намъ Харьк. Ком. [illegible] не потому, что [illegible] Комитетъ [illegible] „съ прохладцей“, [illegible] харьковскихъ товарищей [illegible] съ момента объявленія рѣшенія [illegible] делегата!

3. [illegible] постановленіе Совѣта, въ которыхъ [illegible] делегаты Ц. К. поручаетъ агентамъ [illegible] „правоспособности“ тѣхъ комитетовъ, [illegible] „бюро“ [illegible] признать „сомнительными“ [illegible] дезавуированія [illegible] дѣйствій, нельзя и предположить. [illegible] комитетовъ, признанныхъ „правоспособными“ [illegible] за „Б. К. Б.“ [illegible] партіи подъ фирмой „Орг. К.“, [illegible] въ иныхъ случаяхъ дѣйстви[illegible] комитета *[illegible]* Такъ мы получили сообщеніе, [illegible] *Николаевскаго комитета* поручено [illegible] „управляющимъ“ рабочимъ движеніемъ [illegible] тогда какъ со[illegible] дѣйствительный комитетъ, руко[illegible] „не замѣченъ“ Орг. Комитетомъ, [illegible] никакого другого комитета не [illegible] „пред[illegible]“ [illegible] южно-русскаго рабочаго [illegible] весьма [illegible] сознательное [illegible] что самое [illegible] возможности по[illegible] „сомнѣнія“.

[illegible] съ Николаевомъ, будетъ [illegible] Воронежемъ, [illegible] рядомъ съ дѣйствительными [illegible] комитетами, частью фиктивными [illegible] „законными“ [illegible] Ц. К. „1-го [illegible]“ для Воронежа и соедин. Кавк. Ком. для Тифлиса), [illegible] дѣйствительныхъ комитетовъ.

[illegible] Ц. К. [illegible] чрезвычайный либерализмъ по вопросу [illegible] къ участію въ съѣздѣ отколовшихся группъ, Ц. К. на дѣлѣ изъ ихъ числа признаетъ только Одесскую и Петербургскую. Рядомъ съ ними, фигурируютъ „Ростовская и Тверская периферія“. Ни о какой организованной или работающей внѣ комитета периферіи въ Ростовѣ никто до сихъ поръ не слышалъ и Ц. К.-тъ не имѣлъ никакого права санкціонировать эту фиктивную группу, съ которой самъ онъ не имѣлъ никакого прикосновенія. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Ростовѣ имѣется ровнымъ счетомъ *одинъ* твердокаменный—корреспондентъ газ. „Впередъ“. Никакихъ *объективныхъ* доказательствъ существованія своей группы въ Ростовѣ (вродѣ, напримѣръ, изданія листковъ) не приводилъ и самъ „Впередъ“. Этого одного достаточно, чтобы исключить самую возможность сопоставленія Ростовской „периферіи“ съ Петербургской, Рижской, Одесской или Балаханской группой, проявившихъ свою работу даже для посторонняго человѣка множествомъ изданій. Такимъ же мракомъ подернуто для насъ существованіе тверской периферіи. Въ лагерѣ „меньшинства“ она никогда не числилась. Самъ Тверской Комитетъ всегда перечислялся въ спискѣ комитетовъ, входящихъ въ организацію пресловутаго „бюро“. Откуда же, спрашивается, такая забота о доставленіи особаго голоса периферіи этого комитета, не въ примѣръ всѣмъ другимъ. Мы не знаемъ, но, чтобы прекратить всякую игру въ прятки, просимъ Ц. К. отвѣтить прямо на слѣдующій вопросъ:

Правда ли, что Тверской Комитетъ, не смотря на то, что призналъ въ свое время „бюро“, отказался назначить своимъ делегатомъ на съѣздъ *одного изъ вождей „бюро“* и что это именно обстоятельство послужило поводомъ дать периферіи особый голосъ? Мы ждемъ отвѣта.

Мы, конечно, настаиваемъ на томъ, чтобъ каждая периферія, не удовлетворенная выборомъ своего комитета, могла послать на съѣздъ особаго делегата. Но мы не допускаемъ и мысли, чтобы организаторы съѣзда, кто бы они ни были, произвольно опредѣляли, какая периферія „достойна“ представительства и какая нѣтъ. И у насъ есть всѣ основанія не допускать подобнаго произвола. Какъ выше упомянуто, Московская периферія несогласна съ комитетомъ во всей его политикѣ, вовсе игнорируется въ договорѣ. Рижская и сормовская рабочія организаціи признаются достойными имѣть (совѣщательный!!) голосъ *въ томъ случаѣ если это признаютъ нужнымъ мѣстные комитеты,* т. е. тѣ самые комитеты, протестомъ противъ которыхъ является образованіе этихъ организацій. Это неслыханно, но это такъ! И мы уже получили сообщеніе отъ Рижскихъ товарищей, что мѣстный комитетъ призналъ ихъ „недостойными“. Балаханская же организація, съ мнѣніемъ которой партія познакомится изъ опубликованной въ этомъ же № резолюціи, съ ея сотнями рабочихъ, не признана уже и самимъ „Орг. Ком.“.

Но еще болѣе пикантно слѣдующее обстоятельство: во всей Россіи имѣется только одна рабочая организація, высказавшаяся за „твердокаменныхъ“ Это—желѣзнодорожный соц.-дем. союзъ въ Харьковѣ. И этой организаціи тоже нѣтъ въ спискѣ имѣющихъ право хотя бы на совѣщательный голосъ или только могущихъ претендовать на него. А, между тѣмъ, въ томъ же Харьковѣ есть пара интелигентовъ—впередовцевъ, пишущихъ въ газ. Бонча-Бруевича. *Вся ихъ реальная работа выражалась только въ связяхъ съ жел.-дор. союзомъ,* на который они имѣли вліяніе (быстро падающее, впрочемъ). Ни одного листка Харьк. группа „Впередъ“ не издавала, напротивъ „Союзъ“ издалъ уже 2 листка. Въ группѣ Впередъ 2-3 члена, въ Союзѣ—*около ста.* И вотъ о рабочемъ союзѣ въ договорѣ забыто, а интеллигентная группа получаетъ голосъ, безъ всякаго опроса мѣстнаго комитета. Поучительно, не правда-ли?

Выводъ ясенъ: въ Одессѣ и Петербургѣ, гдѣ въ „группахъ“ имѣется много „интеллигентовъ“, приходится дать имъ голосъ; въ Ригѣ, Сормовѣ, Харьковѣ, Балаханахъ можно „наплевать“, ибо дѣло идетъ о сотняхъ рабочихъ, голосъ которыхъ „не принято“ имѣть въ виду. И по той же причинѣ, о Курскомъ, о Сѣверномъ, объ Орловскомъ комитетахъ такъ или иначе вспомнили при перечисленіи организацій, а о пролетарскихъ по составу организаціяхъ въ Кишиневѣ, Сумахъ, Умани, Черниговѣ. Борисоглѣбскѣ, Черкассахъ, о крестьянскихъ организаціяхъ въ Гуріи и на Украйнѣ не вспомнилъ ни одинъ изъ достойныхъ „контрагентовъ“—ни Ц. К., ни „Б. К. Б.“

Тѣ соціальдемократы, для которыхъ не пропалъ даромъ опытъ послѣднихъ 2-хъ лѣтъ, такъ много стоившій партіи, не могутъ пассивно относиться къ преступнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ расколу партіи во что бы то ни стало, посредствомъ циничной фальсификаціи партійнаго мнѣнія. Нельзя позволить сотнѣ членовъ партіи, позволяющихъ себя вести за носъ кучкѣ политикановъ, вершать ея судьбы отъ имени нѣсколькихъ тысячъ членовъ!

РЕЗОЛЮЦІЯ

принятая на 2-хъ собраніяхъ ядра Балаханской и Биби-Эйбатской организаціи въ 150 чел.

Сознательные рабочіе Балаханско-Биби-Эйбатской Организаціи Р. С. Д. Р. П., представители всего нефтепромышленнаго пролетаріата г. Баку, по поводу созываемаго якобы III съѣзда партіи, единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

Третій съѣздъ, созванный даже на принципіально правильныхъ началахъ и представленный всѣми комитетами и организаціями партіи, въ настоящее время нанесъ бы непоправимый вредъ партіи, отвлекая отъ нея дорогія средства и лучшія силы, столь необходимыя въ переживаемое революціонное время здѣсь, на мѣстахъ. Даже такой законный съѣздъ, безусловно не давши ничего новаго и цѣннаго въ программномъ смыслѣ, оказался бы совершенно безсильнымъ привести партію къ желательному единству.

Что же касается съѣзда, организуемаго особой кликой, именующей себя русскимъ (такъ!) бюро и выступающей подъ флагомъ бранчливаго и по существу радикально—буржуазнаго органа „Впередъ“, занявшаго, во главѣ съ г. Ленинымъ, неприличную позицію, какъ въ отношеніи Центральнаго Органа (Искры), такъ и ко всей дѣятельности партіи, — такой съѣздъ, представленный при этомъ, какъ напримѣръ отъ Баку, ничтожной группой интеллигентовъ подъ фирмою Б. К., изолированной отъ рабочихъ массъ и революціоннаго дѣла — мы, сознательные рабочіе, ядро организаціи, считаемъ одной кукольной комедіей, интересной и важной только для политическихъ недорослей, думающихъ „спасать“ нашу партію не положительной работой, не борьбой съ царскимъ самодержавіемъ въ интересахъ пролетаріата, а одной игрой въ новые уставы и новыя рѣшенія.

Наряду съ этимъ, всѣ мы высказываемся за раіонные рабочіе съѣзды въ Россіи съ практическими цѣлями тѣснаго сближенія изолированныхъ нынѣ организацій и комитетовъ путемъ взаимнаго уясненія общаго положенія и выработки общаго плана работы.

Въ заключеніе мы единодушно выражаемъ свое полное довѣріе какъ Совѣту партіи, такъ и Центральному Органу Р. С. Д. Р. П. „Искрѣ“, честно и стойко продолжающей свою глубоко плодотворную работу въ направленіи истиннаго объединенія и усиленія нашей дорогой Р. С. Д. Р. П.

Орг. Балаханск. и Биби-Эйбатскихъ Рабочихъ.

Баку 10 марта 1905 г.

Резолюція Кіевскаго Комитета.

„Кіевскій Комитетъ, обсудивъ декларацію Ц. К. о немедленномъ созывѣ III-го партійнаго съѣзда, рѣшительнѣйшимъ образомъ высказывается въ данный моментъ противъ немедленности такого съѣзда по слѣдующимъ мотивамъ:

1) Въ виду положенія дѣлъ внутри партіи въ настоящее время съѣздъ не можетъ внушать особеннаго довѣрія ни въ смыслѣ прекращенія внутреннихъ неурядицъ, ни въ смыслѣ правильнаго разрѣшенія многихъ тактическихъ задачъ, выдвинутыхъ предъ партіей за послѣднее время. Дѣло въ томъ, что ни для кого не тайна, что мы имѣемъ въ настоящее время не мало „правоспособныхъ комитетовъ“, не столько ведущихъ соціальдемократическую работу въ своихъ районахъ, сколько „засѣдающихъ“ для сохраненія позицій, въ то время, какъ партійная работа большею частью, а иногда всецѣло, ведется периферіями, явно выражающими свое недовѣріе къ комитету, или группами, совсѣмъ порвавшими всякія сношенія съ комитетами. Чтобы не быть голословными, мы можемъ указать, напримѣръ, хотя бы на Екатеринославскій Комитетъ, который долго засѣдалъ, оторванный отъ работы и рабочихъ, пользовавшихся каждымъ случаемъ, чтобы выражать этому комитету свое недовѣріе, — и лишь въ концѣ концовъ Екатеринославскій комитетъ догадался подать въ отставку. Всѣмъ извѣстно, что положеніе Екатеринославскаго комитета вовсе не являлось и не является единственнымъ въ своемъ родѣ. И когда подобнаго рода „правоспособные“, но оторванные отъ работы комитеты посылаютъ своихъ делегатовъ съ правомъ рѣшающаго голоса, а не „правоспособныя“, но дѣйствительно работающія группы и периферіи посылаютъ делегатовъ лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса мы не можемъ быть увѣрены, что рѣшенія съѣзда будутъ дѣйствительно рѣшеніями партіи.

2) Немедленный созывъ съѣзда не дастъ возможности периферійнымъ работникамъ обсудить подробно всѣ новые тактическіе вопросы, намѣченные въ программѣ съѣзда, что, конечно, не будетъ способствовать правильному, полному и жизненному разрѣшенію ихъ. Наконецъ, 3) мы не считаемъ современный политическій моментъ, переживаемый Россіей, удобнымъ для отвлеченія хотя бы части лучшихъ партійныхъ силъ отъ непосредственной положительной работы.

Высказываясь противъ немедленнаго созыва съѣзда, Кіевскій комитетъ тѣмъ не менѣе считаетъ своей обязанностью указать на тѣ предварительныя мѣры, которыя могли бы въ значительной степени устранить часть тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются въ данный моментъ многими товарищами. Для того, чтобы съѣздъ могъ явиться дѣйствительнымъ выразителемъ партіи, необходимо предварительно созвать конференцію изъ представителей враждующихъ фракцій съ тѣмъ, чтобы они, во-1-хъ, уничтожили „усиленную охрану“ многихъ комитетовъ съ цѣлью сохраненія позицій; дали возможность составляться комитетамъ при свободѣ соревнованія партійныхъ работниковъ; во-2-хъ, уничтожили двойственность организацій, существующую въ настоящее время во многихъ городахъ. Затѣмъ необходимо представить нѣкоторый срокъ периферійнымъ работникамъ, въ теченіе котораго они могли бы высказать свое отношеніе къ вопросамъ, выдвигаемымъ на съѣздѣ. Тогда съѣздъ, будучи освѣдомленъ о мнѣніи болѣе широкаго круга работниковъ, могъ бы болѣе плодотворно вести свои работы. Оканчивая свой отвѣтъ на „декларацію“ Ц. К., мы считаемъ нужнымъ прибавить слѣдующее: въ томъ случаѣ, если мнѣніе Кіевскаго комитета относительно созыва III-го съѣзда не будетъ раздѣляться большинствомъ партійныхъ организацій, мы, конечно, считаемъ долгомъ подчиниться рѣшенію большинства. И по первому призыву на съѣздъ отъ Совѣта Партіи посылаемъ своего делегата.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить своего протеста противъ неожиданнаго для всѣхъ образованія новаго Центральнаго Учрежденія, такъ называемаго Организаціоннаго Комитета, составленнаго изъ членовъ Ц. К. и извѣстнаго „бюро комитетовъ большинства“, которому Ц. К., расписавшись въ своей бѣдности, счелъ нужнымъ передать дѣло созыва III-го съѣзда. Несмотря на всѣ оговорки о технической роли этого учрежденія, договоръ между Ц. К. и „бюро“ убѣждаетъ насъ въ противномъ. Мы рѣшительно протестуемъ противъ дѣйствій Ц. К., такъ какъ съѣздъ, созываемый учрежденіемъ, вродѣ организаціоннаго комитета, не можетъ внушать особеннаго довѣрія и много теряетъ въ смыслѣ моральнаго вліянія для многихъ партійныхъ работниковъ.

25 марта. Кіевскій Комитетъ

Резолюція Донского Комитета.

Принимая во вниманіе:

1) что по Уставу Партіи, съѣздъ можетъ быть созванъ лишь Совѣтомъ Партіи по требованію больше чѣмъ половины правоспособныхъ организацій;

2) что „бюро комитетовъ б-ва“ по уставу партіи, такимъ образомъ, не является учрежденіемъ, имѣющимъ право созывать партійный съѣздъ;

3) что „Бюро“ получило полномочія на созывъ съѣзда лишь отъ 10 правоспособныхъ организацій изъ 33.

4) что нѣкоторыя изъ организацій, давшихъ вышеупомянутому „Бюро“ полномочія, не представляютъ вамъ большинства партійныхъ работниковъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности, ясно выразившихъ свое недовѣріе и несогласіе съ тактикой, проводимой „Бюро“;

5) что, такимъ образомъ, „Бюро“ имѣетъ полномочія отъ незначительной группы членовъ партіи, въ добавокъ, своей тактикой систематически разрывающихъ связи съ пролетарской массой;

6) что съѣздъ проектируется съ единственной цѣлью расколоть партію;

мы считаемъ съѣздъ, созываемый „бюро“, непартійнымъ и какъ таковому высказываемъ ему полное недовѣріе.

Что же касается созыва III-го съѣзда, то, принимая во вниманіе:

1) что съѣздъ отвлекъ бы массу силъ въ моментъ, когда концентрація партійныхъ силъ для предстоящей рѣшительной битвы съ самодержавіемъ необходима больше, чѣмъ когда бы то ни было;

2) что единство партіи, т. е. всѣхъ ея дѣйствительныхъ работниковъ, отчасти создалось уже и создается въ процессѣ положительной работы въ силу тѣхъ великихъ задачъ, которыя выпали на долю Рос. С.-Д. Р. П. и передъ которыми блѣднѣютъ незначительныя разногласія членовъ ея;

Мы считаемъ созывъ III-го съѣзда въ данный моментъ нежелательнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ полезнымъ созывъ въ процессѣ положительной работы частныхъ и общихъ конференцій по вопросамъ партійной тактики (вооруженное возстаніе, отношеніе къ либераламъ и демократамъ, выработка общаго плана дѣйствій и т. д.)

Мы высказываемъ полное довѣріе Цент. Учр. партіи и приглашаемъ всѣхъ товарищей сплотиться вокругъ нихъ во имя положительной работы.

Да здравствуетъ единая Рос. С.-Д. Р. П.

P. S. Предъ принятіемъ этой резолюціи всѣ товарищи (весь составъ Комитета и всѣ собранія районныхъ организаторовъ, общее число—22 чел.) ознакомились, между прочимъ, и съ тѣмъ письмомъ Ц. К., въ которомъ онъ высказываетъ соображенія за созывъ III-го съѣзда. Не соглашаясь съ этими соображеніями и вотируя затѣмъ довѣріе Ц. У., товарищи имѣли въ виду, что Ц. К. разовьетъ еще въ будущемъ свою положительную работу, и полагали, что именно для этого необходимо сплоченіе вокругъ него всѣхъ дѣйствительныхъ работниковъ партіи.

Однако, занятая теперь Ц. К. позиція въ вопросѣ о созывѣ съѣзда), по глубокому убѣжденію Дон. К-та, можетъ лишь ослабить довѣріе на мѣстахъ къ тому практическому центру, который — въ силу временныхъ и несомнѣнно преходящихъ условій—можетъ столь поспѣшно мѣнять позицію въ вопросѣ столь большой важности.

20 марта 1905 г. Донской Комитетъ.

Резолюція 26-ти членовъ партіи въ Москвѣ. Мы, члены партіи, находящіеся въ настоящее время въ Москвѣ, въ количествѣ 26 человѣкъ, изъ которыхъ 13 работаютъ въ организаціи московскаго комитета, а остальные обращались за работой въ комитетъ, *но, какъ „меньшевики“, работы не получили,* констатируемъ, что московскій комитетъ все время проводилъ политику осаднаго положенія по отношенію къ „меньшинству“, подавляя формальнымъ, чисто бюрократическимъ путемъ, всякое проникновеніе въ организацію идей „меньшинства“, и что московскій комитетъ возбудилъ большое недовольство среди рабочей и интеллигентской периферіи (Бутырскій районъ выразилъ недовѣріе московскому комитету). Принимая это во вниманіе, мы утверждаемъ, что представительство отъ московскаго комитета на 3 съѣздѣ не можетъ быть признано представительствомъ *всей* организаціи, а только ея части. Исходя изъ того, что мы все время не могли соглашаться съ такой политикой московскаго комитета и въ виду необходимости, чтобы на съѣздъ были представлены соображенія и мнѣнія по важнымъ тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ *всей* организаціи, мы вынуждены добиваться, чтобы на этомъ съѣздѣ былъ представленъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, избранный нами делегатъ.

За съѣздъ и противъ съѣзда.

Казанскій и Полѣсскій комитеты и Черниговская организація пришли къ заключенію о желательности созыва Совѣтомъ Партіи съѣзда, при чемъ Казанскій комитетъ спеціально оговариваетъ, что не приметъ участія въ съѣздѣ до тѣхъ поръ, пока приглашеніе на съѣздъ не послѣдуетъ отъ Совѣта. Полученныя въ этомъ смыслѣ резолюціи будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №. Астраханскій комитетъ вынесъ резолюцію, отвергающую съѣздъ и клеймящую поведеніе „Впередъ“ (резолюція принята до поворота Ц. К., въ отвѣтъ на воззваніе „бюро комитетовъ большинства“). Рижская группа, въ отвѣтъ на декларацію Ц. К., протестуетъ противъ съѣзда. Иркутскій комитетъ отвергъ приглашеніе редакціи „Впередъ“ и „Бюро Комит. Б-ва“ присоединиться къ организаціи „твердокаменныхъ“ и высказаться за съѣздъ.

Резолюція Бернской рабочей организаціи Р. С.-Д. Р. П.

Обсудивъ настоящее положеніе нашей партіи, а также принимая во вниманіе, что Россія въ настоящее время переживаетъ очень важный историческій моментъ, требующій отъ насъ сплоченія всѣхъ нашихъ силъ, чтобы сильнѣй и рѣшительнѣй ударить на нашего врага — царское самодержавіе и этимъ самымъ очистить себѣ путь къ дальнѣйшей борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ для полнаго торжества соціализма.

Мы, бернскіе рабочіе соціальдемократической организаціи, находимъ, что третій съѣздъ въ данное время созываться не можетъ: во 1) потому, что съѣздъ отниметъ у насъ много силъ и средствъ, благодаря чему въ моментъ новой схватки съ нашимъ врагомъ, а быть можетъ и послѣдней, мы можемъ оказаться не на своихъ постахъ и этимъ самымъ мы рискуемъ измѣнить тому дѣлу, во имя котораго и созывается третій съѣздъ; во 2) потому, что если мы хотимъ, чтобы третій съѣздъ излѣчилъ разъѣдающую нашу партію болѣзнь, то мы должны предварительно дать возможность всѣмъ работникамъ нашей партіи заранѣе обсудить всѣ тѣ вопросы, которые должны быть разбираемы на третьемъ съѣздѣ, дабы ихъ представители могли выразить на съѣздѣ не личные взгляды, а желанія всей нашей партіи.

Но въ виду того, что Ц. К. высказался за третій съѣздъ вопреки вышеизложеннымъ соображеніямъ и съѣздъ, такимъ образомъ, можетъ состояться, то мы *требуемъ,* чтобы: всѣ представители соціальдемократическихъ организацій и группъ, каковыя существуютъ въ партіи, независимо отъ того, откололись ли онѣ отъ комитетовъ или сложились самостоятельно, *должны быть призваны* на третій съѣздъ *съ правомъ рѣшающаго голоса,* ибо только ихъ голосъ можетъ дать намъ гарантію, что наша партія не очутится въ такомъ положеніи, какъ на второмъ съѣздѣ.

Мы *протестуемъ* противъ *заявленія* Ц. К., въ которо лишаетъ всѣхъ представителей отъ рабочихъ орга группъ права рѣшающаго голоса, а также и прот количественнаго ограниченія.[1])

Резолюція принята большинствомъ 14 против воздержавшихся. (Копія резолюціи послана во

Вышли изданія: „Искры“ брошюры: „Царская к карманъ“, „Годъ войны“ и сборникъ стихотво „Передъ разсвѣтомъ“. **Петерб. группы:** 1) Заявл ковъ — 2-ое изданіе (въ 15.000 экз., 1-ое было ь „Солдатская памятка“ (перепеч. лист. „Искры“; 3) ская Программа Р. С.-Д. Р. П.“ 4) „Экономическая Р. С.-Д. Р. П.“ 5) Разгромъ при Мукденѣ (печ.). **Нарвским** ономъ группы изданъ листокъ объ арестѣ 60-ти товарищей **Московск. Комитета:** газета „Голосъ труда“ № 2 (органъ комитета); **Одесскаго Комитета** „Чего надо требовать?“ (6.000 экз.); **Екатериносл. Ком.** 1) Ко всѣмъ приказчикамъ“ (гектографиров.); 2) Ко всѣмъ рабочимъ Днѣпровскаго завода (объ окончаніи стачки—печ.). **Одесской группы:** 1) „Разгромъ царскихъ войскъ подъ Мукденомъ“ 2) „Въ бой за свободу“ (10000) и 3) „Царскій рескриптъ и Учредительное Собраніе, (6000). **Донскаго Ком.** „Новый правительственный обманъ“ (комми:. Шидловскаго). **Самарскаго Ком.** 1) „Правда для солдатъ“ 2) „Почему царь не хочетъ мира?“ и 3) „Къ приказчикамъ“ (всѣ печат.). Организаціи **Балахан. и Биби-Эйбатск. район** 1) „Къ рабочимъ завода Ротшильда“ (2.500 экз.), 2) „резолюція рабочихъ по поводу съѣзда“ (300 экз.) и 3) „Онъ прощаетъ“ (изъ № 86 „Искры“ (2500). **Крымскаго Союза** 1) „Царское слово русскимъ рабочимъ“, 2) „Манифестъ 18 февр.“ (листокъ Ц. К.—3.000); 3) „О коммиссіи Булыгина“ (лист. Ц. К.) 4) Манифестъ 18 февраля (лист. Моск. Ком.) Листокъ „Солдатская памятка“ изданъ въ 40.000 экз., а не въ 20.000, какъ было показано прежде. **Евпаторійской организаціи** Кр союза: 1) Къ приказчикамъ, 2) Къ рабочимъ Казеннаго склада, 3) Къ гимназистамъ, 4) Къ рабочимъ: „почему бастуютъ гимназисты?“ 5) „Довольно“ (къ учащимся). **Сѣверо-Западнаго Ком.** „Солдатская памятка“. **Рижской группы:** 1) „Что же теперь?“ перепеч. изъ № 90 „Искры (1500); 2) Перепеч. листка Ц. К. „Къ Партіи“ (100 экз.); 3) „Ни копейки самодержавію“ изд. „Искры“ (800 экз.); 4) Постановленіе Совѣта Р. С.-Д. Р. П. 8 марта. (150 экз.). **Рижской группы** учащихся, примыкающей къ Р. С.-Д. Р. П. „Царскій манифестъ 18 февраля“. **Украинской Спілкой** изданы на малорос. языкѣ брошюра т. Дана „Учредительное собраніе“ и листокъ „Солдатская памятка“.

Вышла книга тов. **Л. Дейча „16 лѣтъ въ Сибири“.** Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Г. Дейчъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній по исторіи нашего революціоннаго движенія и впервые знакомитъ публику съ драматической исторіей Карійской каторги.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Натану № 12 получено, но ничего не разобрано. № 10 и 11 не получили. Повторите, пишите чаще и разборчивѣе. **Кременчугъ.** Письмо получили, пришлемъ Обязательно пришлите явку и адресъ для писемъ. **Лапину.** Получено письмо; очевидно, другое, служащее ему началомъ, не дошло. Перемѣните химію, не проявляется совсѣмъ: ни одинъ адресъ не разобранъ. Повторите. **Пульхеріи Ивановнѣ** получили, согласны съ вами. **Ермолаевой II.** Получили письмо, но шифръ не разобрали. Увѣдомьте, какимъ пишете. **Истэндъ,** Получено. **Химерѣ.** Все получено. Вамъ писали нѣсколько разъ. Понимаемъ ваше недоумѣніе по поводу необращенія къ рабочимъ. **Всѣмъ корреспонд.:** Необходимо подписывать письма. Часто нельзя догадаться, отъ кого письмо.

---

[1]) Если Ц. К. руководствуется тѣмъ, что на основаніи Устава партіи не можетъ дать права рѣшающаго голоса организаціямъ и группамъ, существующимъ меньше года, то въ виду того, что уставъ партіи нарушается на каждомъ шагу, это для насъ оправданіемъ служить не можетъ.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Ц. К. на дѣлѣ изъ ихъ числа признаетъ только Одесскую и Петербургскую. Рядомъ съ ними, фигурируютъ „Ростовская и Тверская периферія“. Ни о какой организованной или работающей внѣ комитета периферіи въ Ростовѣ никто до сихъ поръ не слышалъ и Ц. К.-тъ не имѣлъ никакого права санкціонировать эту фиктивную группу, съ которой самъ онъ не имѣлъ никакого прикосновенія. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Ростовѣ имѣется ровнымъ счетомъ *одинъ* твердокаменный—корреспондентъ газ. „Впередъ“. Никакихъ *объективныхъ* доказательствъ существованія своей группы въ Ростовѣ (вродѣ, напримѣръ, изданія листковъ) не приводилъ и самъ „Впередъ“. Этого одного достаточно, чтобы исключить самую возможность сопоставленія Ростовской „периферіи“ съ Петербургской, Рижской, Одесской или Балаханской группой, проявившихъ свою работу даже для посторонняго человѣка множествомъ изданій. Такимъ же мракомъ подернуто для насъ существованіе тверской периферіи. Въ лагерѣ „меньшинства“ она никогда не числилась. Самъ Тверской Комитетъ всегда перечислялся въ спискѣ комитетовъ, входящихъ въ организацію пресловутаго „бюро“. Откуда же, спрашивается, такая забота о доставленіи особаго голоса периферіи этого комитета, не въ примѣръ всѣмъ другимъ. Мы не знаемъ, но, чтобы прекратить всякую игру въ прятки, просимъ Ц. К. отвѣтить прямо на слѣдующій вопросъ:

Правда ли, что Тверской Комитетъ, не смотря на то, что призналъ въ свое время „бюро“, отказался назначить своимъ делегатомъ на съѣздъ *одного изъ вождей „бюро“* и что это именно обстоятельство послужило поводомъ дать периферіи особый голосъ? Мы ждемъ отвѣта.

Мы, конечно, настаиваемъ на томъ, чтобъ каждая периферія, не удовлетворенная выборомъ своего комитета, могла послать на съѣздъ особаго делегата. Но мы не допускаемъ и мысли, чтобы организаторы съѣзда, кто бы они ни были, произвольно опредѣляли, какая периферія „достойна“ представительства и какая нѣтъ. И у насъ есть всѣ основанія не допускать подобнаго произвола. Какъ выше упомянуто, Московская периферія несогласна съ комитетомъ во всей его политикѣ, вовсе игнорируется въ договорѣ. Рижская и сормовская рабочія организаціи признаются достойными имѣть (совѣщательный!!) голосъ *въ томъ случаѣ если это признаютъ нужнымъ мѣстные комитеты*, т. е. тѣ самые комитеты, протестомъ противъ которыхъ является образованіе этихъ организацій. Это неслыханно, но это такъ! И мы уже получили сообщеніе отъ Рижскихъ товарищей, что мѣстный комитетъ призналъ ихъ „недостойными“. Балаханская же организація, съ мнѣніемъ которой партія познакомится изъ опубликованной въ этомъ же № резолюціи, съ ея сотнями рабочихъ, не признана уже и самимъ „Орг. Ком.“.

Но еще болѣе пикантно слѣдующее обстоятельство: во всей Россіи имѣется только одна рабочая организація, высказавшаяся за „твердокаменныхъ“. Это—желѣзнодорожный соц.-дем. союзъ въ Харьковѣ. И этой организаціи тоже нѣтъ въ спискѣ имѣющихъ право хотя бы на совѣщательный голосъ или только могущихъ претендовать на него. А, между тѣмъ, въ томъ же Харьковѣ есть пара интелигентовъ—впередовцевъ, пишущихъ въ газ. Бонча-Бруевича. *Вся ихъ реальная работа выражалась только въ связяхъ съ жел. дор. союзомъ*, на который они имѣли вліяніе (быстро падающее, впрочемъ). Ни одного листка Харьк. группа „Впередъ“ не издавала, напротивъ „Союзъ“ издалъ уже 2 листка. Въ группѣ Впередъ 2-3 члена, въ Союзѣ—*около ста*. И вотъ о рабочемъ союзѣ въ договорѣ забыто, а интеллигентная группа получаетъ голосъ, безъ всякаго опроса мѣстнаго комитета. Поучительно, не правда-ли?

Выводъ ясенъ: въ Одессѣ и Петербургѣ, гдѣ въ „группахъ“ имѣется много „интеллигентовъ“, приходится дать имъ голосъ; въ Ригѣ, Сормовѣ, Харьковѣ, Балаханахъ можно „наплевать“, ибо дѣло идетъ о сотняхъ рабочихъ, голосъ которыхъ „не принято“ имѣть въ виду. И по той же причинѣ, о Курскомъ, о Сѣверномъ, объ Орловскомъ комитетахъ такъ и иначе вспомнили при перечисленіи организацій, а о пролетарскихъ по составу организаціяхъ въ Кишиневѣ, Сумахъ, Умани, Черниговѣ, Борисоглѣбскѣ, Черкассахъ, о крестьянскихъ организаціяхъ въ Гуріи и на Украйнѣ не вспомнилъ ни одинъ изъ достойныхъ „контрагентовъ“—ни Ц. К., ни „Б. К. Б.“

Тѣ соціальдемократы, для которыхъ не пропалъ даромъ опытъ послѣднихъ 2-хъ лѣтъ, такъ много стоившій партіи, не могутъ пассивно относиться къ преступнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ расколу партіи во что бы то ни стало, посредствомъ циничной фальсификаціи партійнаго мнѣнія. Нельзя позволить сотнѣ членовъ партіи, позволяющихъ себя вести за носъ кучкѣ политикановъ, вершать ея судьбы отъ имени нѣсколькихъ тысячъ членовъ!

РЕЗОЛЮЦІЯ

принятая на 2-хъ собраніяхъ ядра Балаханской и Биби-Эйбатской организаціи въ 150 чел.

Сознательные рабочіе Балаханско-Биби-Эйбатской Организаціи Р. С. Д. Р. П., представители всего нефтепромышленнаго пролетаріата г. Баку, по поводу созываемаго якобы III съѣзда партіи, единогласно приняли слѣдующую резолюцію.

Третій съѣздъ, созванный даже на принципіально правильныхъ началахъ и представленный всѣми комитетами и организаціями партіи, въ настоящее время нанесъ бы непоправимый вредъ партіи, отвлекая отъ нея дорогія средства и лучшія силы, столь необходимыя въ переживаемое революціонное время здѣсь, на мѣстахъ. Даже такой законный съѣздъ, безусловно не давши ничего новаго и цѣннаго въ программномъ смыслѣ, оказался бы совершенно безсильнымъ привести партію къ желательному единству.

Что же касается съѣзда, организуемаго особой кликой, именующей себя русскимъ (такъ!) бюро и выступающей подъ флагомъ бранчливаго и по существу радикально—буржуазнаго органа „Впередъ“, занявшаго, во главѣ съ г. Ленинымъ, неприличную позицію, какъ въ отношеніи Центральнаго Органа „Искры“, такъ и ко всей дѣятельности партіи, — такой съѣздъ, представленный при этомъ, какъ на примѣръ отъ Баку, ничтожной группой интеллигентовъ подъ фирмою Б. К., изолированной отъ рабочихъ массъ и революціоннаго дѣла — мы, сознательные рабочіе, ядро организаціи, считаемъ одной кукольной комедіей, интересной и важной только для политическихъ недорослей, думающихъ „спасать“ нашу партію не положительной работой, не борьбой съ царскимъ самодержавіемъ въ интересахъ пролетаріата, а одной игрой въ новые уставы и новыя рѣчи.

Наряду съ этимъ, всѣ мы высказываемся за районные рабочіе съѣзды въ Россіи съ практическими цѣлями тѣснаго сближенія изолированныхъ нынѣ организацій и комитетовъ путемъ взаимнаго уясненія общаго положенія и выработки общаго плана работы.

Въ заключеніе мы единодушно выражаемъ свое полное довѣріе какъ Совѣту партіи, такъ и Центральному Органу Р. С. Д. Р. П. „Искрѣ“, честно и стойко продолжающей свою глубоко плодотворную работу въ направленіи истиннаго объединенія и усиленія нашей дорогой Р. С. Д. Р. П.

Орг. Балаханск. и Биби-Эйбатскихъ Рабочихъ.

Баку 10 марта 1905 г.

Резолюція Кіевскаго Комитета.

„Кіевскій Комитетъ, обсудивъ декларацію Ц. К. о немедленномъ созывѣ III-го партійнаго съѣзда, рѣшительнымъ образомъ высказывается въ данный моментъ противъ немедленности такого съѣзда по слѣдующимъ мотивамъ:

1) Въ виду положенія дѣлъ внутри партіи въ настоящее время съѣздъ не можетъ внушать особеннаго довѣрія ни въ смыслѣ прекращенія внутреннихъ неурядицъ, ни въ смыслѣ правильнаго разрѣшенія многихъ тактическихъ задачъ, выдвинутыхъ предъ партіей за послѣднее время. Дѣло въ томъ, что ни для кого не тайна, что мы имѣемъ въ настоящее время не мало „правоспособныхъ комитетовъ“, не столько ведущихъ соціальдемократическую работу въ своихъ районахъ, сколько „засѣдающихъ“ для сохраненія позиціи, въ то время, какъ партійная работа большею частью, а иногда всецѣло, ведется периферіями, явно выражающими свое недовѣріе къ комитету, или группами, совсѣмъ порвавшими всякія сношенія съ комитетами. Чтобы не быть голословными, мы можемъ указать, напримѣръ, хотя бы на Екатеринославскій Комитетъ, который долго засѣдалъ, оторванный отъ работы и рабочихъ, пользовавшихся каждымъ случаемъ, чтобы выражать этому комитету свое недовѣріе, — и лишь въ концѣ концовъ Екатеринославскій комитетъ догадался подать въ отставку. Всѣмъ извѣстно, что положеніе Екатеринославскаго комитета вовсе не являлось и не является единственнымъ въ своемъ родѣ. И когда подобнаго рода „правоспособные“, но оторванные отъ работы комитеты посылаютъ своихъ делегатовъ съ правомъ рѣшающаго голоса, а не „правоспособныя“, но дѣйствительно работающія группы и периферіи посылаютъ делегатовъ лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса, мы не можемъ быть увѣрены, что рѣшенія съѣзда будутъ дѣйствительно рѣшеніями партіи.

2. Немедленный созывъ съѣзда не дастъ возможности периферійнымъ работникамъ обсудить подробно всѣ новые тактическіе вопросы, намѣченные въ программѣ съѣзда, что, конечно, не будетъ способствовать правильному, полному и жизненному разрѣшенію ихъ. Наконецъ, 3) мы не считаемъ современный политическій моментъ, переживаемый Россіей, удобнымъ для отвлеченія хотя бы части лучшихъ партійныхъ силъ отъ непосредственной положительной работы.

Высказываясь противъ немедленнаго созыва съѣзда, Кіевскій комитетъ тѣмъ не менѣе считаетъ своей обязанностью указать на тѣ предварительныя мѣры, которыя могли бы въ значительной степени устранить часть тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются въ данный моментъ многими товарищами. Для того, чтобы съѣздъ могъ явиться дѣйствительнымъ выразителемъ партіи, необходимо предварительно созвать конференцію изъ представителей враждующихъ фракцій съ тѣмъ, чтобы они, во-1-хъ, уничтожили „усиленную охрану“ многихъ комитетовъ съ цѣлью сохраненія позиціи, дали возможность составляться комитетамъ при свободѣ соревнованія партійныхъ работниковъ; во-2-хъ, уничтожили двойственность организацій, существующую въ настоящее время во многихъ городахъ. Затѣмъ необходимо представить нѣкоторый срокъ периферійнымъ работникамъ, въ теченіе котораго они могли бы высказать свое отношеніе къ вопросамъ, выдвигаемымъ на съѣздѣ. Тогда съѣздъ, будучи освѣдомленъ о мнѣніи болѣе широкаго круга работниковъ, могъ бы болѣе плодотворно вести свои работы. Оканчивая свой отвѣтъ на „декларацію“ Ц. К., мы считаемъ нужнымъ прибавить слѣдующее: въ томъ случаѣ, если мнѣніе Кіевскаго комитета относительно созыва III-го съѣзда не будетъ раздѣляться большинствомъ партійныхъ организацій, мы, конечно, считаемъ долгомъ подчиниться рѣшенію большинства. И по первому призыву на съѣздъ отъ Совѣта Партіи посылаемъ своего делегата.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить своего протеста противъ неожиданнаго для всѣхъ образованія новаго Центральнаго Учрежденія, такъ называемаго Организаціоннаго Комитета, составленнаго изъ членовъ Ц. К. и извѣстнаго „бюро комитетовъ большинства“, которому Ц. К., расписавшись въ своей бѣдности, счелъ нужнымъ передать дѣло созыва III-го съѣзда. Несмотря на всѣ оговорки о технической роли этого учрежденія, договоръ между Ц. К. и „бюро“ убѣждаетъ насъ въ противномъ. Мы рѣшительно протестуемъ противъ дѣйствій Ц. К., такъ какъ съѣздъ, созываемый учрежденіемъ, вродѣ организаціоннаго комитета, не можетъ внушать особеннаго довѣрія и много теряетъ въ смыслѣ моральнаго вліянія для многихъ партійныхъ работниковъ.

25 марта. Кіевскій Комитетъ.

Резолюція Донского Комитета.

Принимая во вниманіе:

1) что по Уставу Партіи, съѣздъ можетъ быть созванъ лишь Совѣтомъ Партіи по требованію больше чѣмъ половины правоспособныхъ организацій;

2) что „бюро комитетовъ б-ва“ по уставу партіи, такимъ образомъ, не является учрежденіемъ, имѣющимъ право созывать партійный съѣздъ;

3) что „Бюро“ получило полномочія на созывъ съѣзда лишь отъ 10 правоспособныхъ организацій изъ 33;

4) что нѣкоторыя изъ организацій, давшихъ вышеупомянутому „Бюро“ полномочія, не представляютъ вовсе большинства партійныхъ работниковъ на мѣстахъ ихъ дѣятельности, ясно выразившихъ свое недовѣріе и несогласіе съ тактикой, проводимой „Бюро“;

5) что, такимъ образомъ, „Бюро“ имѣетъ полномочія отъ незначительной группы членовъ партіи, къ бавокъ, своей тактикой систематически разрывающихъ связи съ пролетарской массой;

6) что съѣздъ проектируется съ единственной цѣлью расколоть партію:

мы считаемъ съѣздъ, созываемый „бюро“, непартійнымъ и какъ таковому высказываемъ ему полное недовѣріе.

Что же касается созыва III-го съѣзда, то, принимая во вниманіе:

1) что съѣздъ отвлекъ бы массу силъ въ моментъ, когда концентрація партійныхъ силъ для предстоящей рѣшительной битвы съ самодержавіемъ необходима больше, чѣмъ когда бы то ни было;

2) что единство партіи, т. е. всѣхъ ея дѣйствительныхъ работниковъ, отчасти создалось уже и создается въ процессѣ положительной работы въ силу тѣхъ великихъ задачъ, которыя выпали на долю Рос. С.-Д. Р. П. и передъ которыми блѣднѣютъ незначительныя разногласія членовъ ея:

Мы считаемъ созывъ III-го съѣзда въ данный моментъ нежелательнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ полезнымъ созывъ въ процессѣ положительной работы частныхъ и общихъ конференцій по вопросамъ партійной тактики (вооруженное возстаніе, отношеніе къ либераламъ и демократамъ, выработка общаго плана дѣйствій и т. д.).

Мы высказываемъ полное довѣріе Цент. Учр. партіи и приглашаемъ всѣхъ товарищей сплотиться вокругъ нихъ во имя положительной работы.

Да здравствуетъ единая Рос. С.-Д. Р. П.

P. S. Предъ принятіемъ этой резолюціи всѣ товарищи (весь составъ Комитета и всѣ собранія районныхъ организаторовъ, общее число—22 чел.) ознакомились, между прочимъ, и съ тѣмъ письмомъ Ц. К., въ которомъ онъ высказываетъ соображенія за созывъ III-го съѣзда. Не соглашаясь съ этими соображеніями и вотируя затѣмъ довѣріе Ц. К., товарищи имѣли въ виду, что Ц. К. развернетъ еще въ будущемъ свою положительную работу, и полагали, что именно для этого необходимо сплоченіе вокругъ него всѣхъ дѣйствительныхъ работниковъ партіи.

Однако, занятая теперь Ц. К. позиція въ вопросѣ о созывѣ съѣзда, по глубокому убѣжденію Дон. К-та, можетъ лишь ослабить довѣріе на мѣстахъ къ тому практическому центру, который — въ силу временныхъ и несомнѣнно преходящихъ условій—можетъ столь поспѣшно мѣнять позицію въ вопросѣ столь большой важности.

20 марта 1905 г. Донской Комитетъ.

Резолюція 26-ти членовъ партіи въ Москвѣ. Мы, члены партіи, находящіеся въ настоящее время въ Москвѣ, въ количествѣ 26 человѣкъ, изъ которыхъ 15 работаютъ въ организаціи московскаго комитета, а остальные обращались за работой въ комитетъ, *но какъ „меньшевики“, работы не получили*, констатируемъ, что московскій комитетъ все время проводилъ политику осаднаго положенія по отношенію къ „меньшинству“, подавляя формальнымъ, чисто бюрократическимъ путемъ, всякое проникновеніе въ организацію идей „меньшинства“, и что московскій комитетъ возбудилъ большое недовольство среди рабочей и интеллигентской периферіи (Бутырскій районъ выразилъ недовѣріе московскому комитету). Принимая это во вниманіе, мы утверждаемъ, что представительство отъ московскаго комитета на 3 съѣздѣ не можетъ быть признано представительствомъ *всей* организаціи, а только ея части. Исходя изъ того, что мы все время не могли соглашаться съ такой политикой московскаго комитета и въ виду необходимости, чтобы на съѣздъ были представлены соображенія и мнѣнія по важнымъ тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ *всей* организаціи, мы вынуждены добиваться, чтобы на этомъ съѣздѣ былъ представленъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, избранный нами делегатъ.

За съѣздъ и противъ съѣзда.

Казанскій и Полѣсскій комитеты и Черниговская организація пришли къ заключенію о желательности созыва Совѣтомъ Партіи съѣзда, при чемъ Казанскій комитетъ спеціально оговариваетъ, что не приметъ участія въ съѣздѣ до тѣхъ поръ, пока приглашеніе на съѣздъ не послѣдуетъ отъ Совѣта. Полученныя въ этомъ смыслѣ резолюціи будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №. Астраханскій комитетъ вынесъ резолюцію, отвергающую съѣздъ и клеймящую поведеніе „Впередъ“ (резолюція принята до поворота Ц. К., въ отвѣтъ на воззваніе „бюро комитетовъ большинства“). Рижская группа, въ отвѣтъ на декларацію Ц. К., протестуетъ противъ съѣзда. Иркутскій комитетъ отвергъ приглашеніе редакціи „Впередъ“ и „Бюро Комит. Б-ва“ присоединиться къ организаціи „твердокаменныхъ“ и высказаться за съѣздъ.

Резолюція Бернской рабочей организаціи Р. С.-Д. Р. П.

Обсудивъ настоящее положеніе нашей партіи, а также принимая во вниманіе, что Россія въ настоящее время переживаетъ очень важный историческій моментъ, требующій отъ насъ сплоченія всѣхъ нашихъ силъ, чтобы сильнѣй и рѣшительнѣй ударить на нашего врага — царское самодержавіе и этимъ самымъ очистить себѣ путь къ дальнѣйшей борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ для полнаго торжества соціализма.

Мы, бернскіе рабочіе соціальдемократической организаціи, находимъ, что третій съѣздъ въ данное время созываться не можетъ: во 1) потому, что съѣздъ отниметъ у насъ много силъ и средствъ, благодаря чему въ моментъ новой схватки съ нашимъ врагомъ, а быть можетъ и послѣдней, мы можемъ оказаться не на своихъ постахъ и этимъ самымъ мы рискуемъ измѣнить тому дѣлу, во имя котораго и созывается третій съѣздъ; во 2) потому, что если мы хотимъ, чтобы третій съѣздъ излѣчилъ разъѣдающую нашу партію болѣзнь, то мы должны предварительно дать возможность всѣмъ работникамъ нашей партіи заранѣе обсудить всѣ тѣ вопросы, которые должны быть разбираемы на третьемъ съѣздѣ, дабы ихъ представители могли выразить на съѣздѣ не личные взгляды, а желанія всей нашей партіи.

Но въ виду того, что Ц. К. высказался за третій съѣздъ вопреки вышеизложеннымъ соображеніямъ и съѣздъ, такимъ образомъ, можетъ состояться, то мы *требуемъ*, чтобы: всѣ представители соціальдемократическихъ организацій и группъ, каковыя существуютъ въ партіи, независимо отъ того, откололись ли онѣ отъ комитетовъ или сложились самостоятельно, *должны быть призваны* на третій съѣздъ съ *правомъ рѣшающаго голоса*, ибо только ихъ голосъ можетъ дать намъ гарантію, что наша партія не очутится въ такомъ положеніи, какъ на второмъ съѣздѣ.

Мы *протестуемъ* противъ *заявленія* Ц. К., въ которо

лишаетъ всѣхъ представителей отъ рабочихъ орга

группъ права рѣшающаго голоса, а также и прот

количественнаго ограниченія.[1]

Резолюція принята большинствомъ 14 противъ

воздержавшихся. (Копія резолюціи послана во

Вышли изданія „Искры“ брошюры: „Царская к

карманъ“, „Годъ войны“ и сборникъ стихотво

„Передъ разсвѣтомъ“. **Петерб. группы** 1) Заявл

ковъ — 2-ое изданіе въ 15.000 экз., 1-ое было

„Солдатская памятка“ (перепеч. лист. „Искры“); 3

ская Программа Р. С.-Д. Р. П.“ 4) „Экономическая

Р. С.-Д. Р. П.“ 5) Разгромъ при Мукденѣ (печ.). **Нарвским.**

оному группы изданъ листокъ объ арестѣ 60-ти товарищей. **Московск. Комитета** газета „Голосъ труда“ № 2 (органъ комитета). **Одесскаго Комитета** „Чего надо требовать?“ (6.000 экз.); **Екатериносл. Ком.** 1) Ко всѣмъ приказчикамъ“ (гектографиров.); 2) „Ко всѣмъ рабочимъ Днѣпровскаго завода объ окончаніи стачки“ (печ.). **Одесской группы** 1) „Разгромъ царскихъ войскъ подъ Мукденомъ“ 2) „Въ бой за свободу“ 10.000 и 3) „Царскій рескриптъ и Учредительное Собраніе“ (5000). **Донскаго Ком.** „Новый правительственный обманъ“ (коммиссія Шидловскаго). **Самарскаго Ком.** 1) „Правда для солдатъ“ 2) „Почему царь не хочетъ мира?“ и 3) „Къ приказчикамъ“ (въ печати). Организаціи **Балахан. и Биби-Эйбатск. район.** 1) „Къ рабочимъ завода Ротшильда“ (2.500 экз.); 2) „резолюція рабочихъ по поводу съѣзда“ (300 экз.) и 3) „Онъ пропадетъ“ (изъ № 86 „Искры“ 2500). **Крымскаго Союза** 1) „Царское слово русскимъ рабочимъ“, 2) „Манифестъ 18 февр.“ (лист. къ Ц. К.—3000), 3) „О коммиссіи Булыгина“ (лист. Ц. К.) 4) Манифестъ 18 февраля (лист. Моск. Ком.). Листокъ „Солдатская памятка“ изданъ въ 40.000 экз., а не въ 20.000, какъ было показано прежде. **Евпаторійской организаціи** Кр. союза: 1) Къ приказчикамъ, 2) Къ рабочимъ Казеннаго склада, 3) Къ гимназистамъ, 4) Къ рабочимъ: „почему бастуютъ гимназисты?“ 5) „Довольно“ (къ учащимся). **Сѣверо-Западнаго Ком.** „Солдатская памятка“. **Рижской группы** 1) „Что же теперь?“ перепеч. изъ № 90 „Искры“ 1500; 2) Перепеч. листка Ц. К. „Къ Партіи“ (100 экз.); 3) „Ни копейки самодержавію“ изъ „Искры“ (800 экз.), 4) Постановленіе Совѣта Р. С.-Д. Р. П. 8 марта. 150 экз.). **Рижской группы** учащихся, примыкающей къ Р. С.-Д. Р. П. „Царскій манифестъ 18 февраля“. **Украинской Спілкой** изданы на малорос. языкѣ брошюра г. Дана „Учредительное собраніе“ и листокъ „Солдатская памятка“.

Вышла книга тов. Л. **Дейча „16 лѣтъ въ Сибири“**. Въ своихъ воспоминаніяхъ Л. Г. Дейчъ сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній по исторіи нашего революціоннаго движенія и впервые знакомитъ публику съ драматической исторіей Карійской каторги.

---

[1] Если Ц. К. руководствуется тѣмъ, что на основаніи Устава партіи не можетъ дать права рѣшающаго голоса организаціямъ и группамъ, существующимъ меньше года, то въ виду того, что Уставъ партіи нарушается на каждомъ шагу, это для насъ оправданіемъ служить не можетъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Натану. № 12 получено, но ничего не разобрано. № 10 и 11 не получили. Повторите, пишите чаще и разборчивѣе. **Кременчугъ.** Письмо получили, пришлемъ. Обязательно пришлите явку и адресъ для писемъ. **Лапину.** Получено письмо; очевидно, другое, служащее ему началомъ, не дошло. Перемѣните химію, не проявляется совсѣмъ; ни одинъ адресъ не разобранъ. Повторите. **Пульхеріи Ивановнѣ** получили, согласны съ вами. **Ермолаевой II.** Получили письмо, но шифръ не разобрали. Увѣдомьте, какимъ пишете. **Истэндъ.** Получено. **Химерѣ.** Все получено. Вамъ писали нѣсколько разъ. Понимаемъ ваше недоумѣніе по поводу необращенія къ рабочимъ. **Всѣмъ корреспонд.:** Необходимо подписывать письма. Часто нельзя догадаться, отъ кого письмо.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Ц. К. на дѣлѣ изъ ихъ числа признаетъ только Одесскую и Петербургскую. Рядомъ съ ними, фигурируютъ „Ростовская и Тверская периферіи". Ни о какой организованной или работающей внѣ комитета периферіи въ Ростовѣ никто до сихъ поръ не слышалъ и Ц. К.-тъ не имѣлъ никакого права санкціонировать эту фиктивную группу, съ которой самъ онъ не имѣлъ никакого прикосновенія. По нашимъ свѣдѣніямъ, въ Ростовѣ имѣется ровнымъ счетомъ *одинъ* твердокаменный — корреспондентъ газ. „Впередъ". Никакихъ *объективныхъ* доказательствъ существованія своей группы въ Ростовѣ (вродѣ, напримѣръ, изданія листковъ) не приводилъ и самъ „Впередъ". Этого одного достаточно, чтобы исключить самую возможность сопоставленія Ростовской „периферіи" съ Петербургской, Рижской, Одесской или Балаханской группой, проявившихъ свою работу даже для посторонняго человѣка множествомъ изданій. Такимъ же мракомъ покрыто для насъ существованіе тверской периферіи. Въ лагерѣ „меньшинства" она никогда не числилась. Самъ Тверской Комитетъ всегда перечислялся въ спискѣ комитетовъ, входящихъ въ организацію пресловутаго „бюро". Откуда же, спрашивается, такая забота о доставленіи особаго голоса периферіи этого комитета, не въ примѣръ всѣмъ другимъ. Мы не знаемъ, но, чтобы прекратить всякую игру въ прятки, просимъ Ц. К. отвѣтить прямо на слѣдующій вопросъ.

Правда ли, что Тверской Комитетъ, не смотря на то, что призналъ въ свое время „бюро", отказался назначить своимъ делегатомъ на съѣздъ *одного изъ вождей „бюро"* и что это именно обстоятельство послужило поводомъ дать периферіи особый голосъ? Мы ждемъ отвѣта.

Мы, конечно, настаиваемъ на томъ, чтобы каждая периферія, не удовлетворенная выборомъ своего комитета, могла послать на съѣздъ особаго делегата. Но мы не допускаемъ и мысли, чтобы организаторы съѣзда, кто бы они ни были, произвольно опредѣляли, какая периферія „достойна" представительства и какая нѣтъ. И у насъ есть всѣ основанія не допускать подобнаго произвола. Какъ выше упомянуто, Московская периферія несогласна съ комитетомъ во всей его политикѣ, вовсе игнорируется въ договорѣ. Рижская и сормовская рабочія организаціи признаются достойными имѣть (совѣщательный!!) голосъ *въ томъ случаѣ, если это признаютъ нужнымъ мѣстные комитеты*, т. е. тѣ самые комитеты, протестомъ противъ которыхъ является образованіе этихъ организацій. Это неслыханно, но это такъ! И мы уже получили сообщеніе отъ Рижскихъ товарищей, что мѣстный комитетъ призналъ ихъ „недостойными". Балаханская же организація, съ мнѣніемъ которой партія познакомится изъ опубликованной въ этомъ же № резолюціи, съ ея сотнями рабочихъ, не признана уже и самимъ „Орг. Ком.".

Но еще болѣе пикантно слѣдующее обстоятельство: во всей Россіи имѣется только одна рабочая организація, высказавшаяся за „твердокаменныхъ". Это — желѣзнодорожный соц. дем. союзъ въ Харьковѣ. И этой организаціи тоже нѣтъ въ спискѣ имѣющихъ право хотя бы на совѣщательный голосъ или только могущихъ претендовать на него. А, между тѣмъ, въ томъ же Харьковѣ есть пара интеллигентовъ — впередовцевъ, пишущихъ въ газ. Бонча Бруевича. *Вся ихъ реальная работа выражалась только въ связяхъ съ жел. дор. союзомъ*, на который они имѣли вліяніе (быстро падающее, впрочемъ). Ни одного листка Харьк. группа „Впередъ" не издавала, напротивъ „Союзъ" издалъ уже 2 листка. Въ группѣ Впередъ 2-3 члена, въ Союзѣ — *около ста*. И вотъ о рабочемъ союзѣ въ договорѣ забыто, а интеллигентная группа получаетъ голосъ, безъ всякаго опроса мѣстнаго комитета. Поучительно, не правда-ли?

Выводъ ясенъ: въ Одессѣ и Петербургѣ, гдѣ въ „группахъ" имѣется много „интеллигентовъ", приходится дать имъ голосъ. Въ Ригѣ, Сормовѣ, Харьковѣ, Балаханахъ можно „наплевать", ибо дѣло идетъ о сотняхъ рабочихъ, голосъ которыхъ „не принято" имѣть въ виду. И по той же причинѣ, о Курскомъ, о Сѣверномъ, объ Орловскомъ комитетахъ такъ и и иначе вспомнили при перечисленіи организацій, а о пролетарскихъ по составу организаціяхъ въ Кишиневѣ, Сумахъ, Умани, Черниговѣ, Борисоглѣбскѣ, Черкассахъ, о крестьянскихъ организаціяхъ въ Гуріи и на Украйнѣ не вспомнилъ ни одинъ изъ достойныхъ „контрагентовъ" — ни Ц. К., ни „Б. К. Б."

Тѣ соціальдемократы, для которыхъ не пропалъ даромъ опытъ послѣднихъ 2-хъ лѣтъ, такъ много стоившій партіи, не могутъ пассивно относиться къ преступнымъ дѣйствіямъ, направленнымъ къ расколу партіи во что бы то ни стало, посредствомъ циничной фальсификаціи партійнаго мнѣнія. Нельзя позволить сотнѣ членовъ партіи, позволяющихъ себя вести за носъ кучкѣ политикановъ, вершать ея судьбы отъ имени нѣсколькихъ тысячъ членовъ".

РЕЗОЛЮЦІЯ

принятая на 2-хъ собраніяхъ [illegible] Балаханской и Биби-Эйбатской организаціи въ 100 чел.

Сознательные рабочіе Балаханско-Биби-Эйбатской Организаціи Р. С. Д. Р. П., представители всего нефтепромышленнаго пролетаріата г. Баку, по поводу созываемаго якобы III съѣзда партіи, единогласно приняли слѣдующую резолюцію.

Третій съѣздъ, созванный даже на принципахъ [illegible] правильныхъ началахъ и представленный всѣми комитетами и организаціями партіи, въ настоящее время нанесъ бы непоправимый вредъ партіи, отвлекая отъ нея дорогія средства и лучшія силы, столь необходимыя въ переживаемое революціонное время здѣсь на мѣстахъ. Даже такой законный съѣздъ, безусловно не далъ бы ничего новаго и цѣннаго въ программномъ смыслѣ, оказался бы совершенно безсильнымъ привести партію къ желательному единству.

Что же касается съѣзда, организуемаго особой кликой, именующей себя русскимъ (такъ!) бюро и выступающей подъ флагомъ бранчливаго и по существу радикально-буржуазнаго органа „Впередъ", занявшаго во главѣ съ т. Ленинымъ неприличную позицію, какъ въ отношеніи Центральнаго Органа Искры, такъ и ко всей дѣятельности партіи, — такой съѣздъ, представленный при томъ, какъ въ примѣръ отъ Баку, ничтожной группой интеллигентовъ подъ фирмой Б. К., изолированной отъ рабочихъ массъ и революціоннаго дѣла, — мы, сознательные рабочіе, ядро организаціи, считаемъ одной изъ [illegible] комедій, интересной и важной только для политическихъ недорослей, думающихъ „спасать" нашу партію не положительной работой, не борьбой съ царскимъ самодержавіемъ въ интересахъ пролетаріата, а одной игрой въ новые уставы и новыя рѣшенія.

Наряду съ этимъ, и [illegible] мы называемъ [illegible] рабочіе съѣзды въ Россіи [illegible] объединенія изолированныхъ [illegible] организацій и [illegible] взаимнаго [illegible] работы.

Въ заключеніе мы [illegible] довѣріе какъ Совѣту партіи [illegible] Центральному Органу Р. С. Д. Р. П. „Искрѣ" [illegible] глубоко плодотворную работу [illegible] нія и усиленія нашей партіи Р. С. Д. Р. П.

Орг. Балаханскихъ и Биби-Эйбатскихъ рабочихъ.

Баку 10 марта 1905 г.

Резолюція Кіевскаго Комитета

„Кіевскій Комитетъ, обсудивъ [illegible] о немедленномъ созывѣ III-го партійнаго съѣзда, [illegible] вомъ высказывается въ данный моментъ [illegible] сти такого съѣзда по слѣдующимъ мотивамъ.

1) Въ виду положенія дѣлъ внутри партіи [illegible] время съѣздъ не можетъ внушать особеннаго [illegible] въ смыслѣ прекращенія внутреннихъ неурядицъ [illegible] правильнаго разрѣшенія многихъ тактическихъ задачъ, выдвинутыхъ предъ партіей за послѣднее время. Ни для кого не тайна, что мы имѣемъ въ настоящее время не мало „правоспособныхъ комитетовъ", не столько ведущихъ соціальдемократическую работу въ своихъ районахъ, сколько „засѣдающихъ" для сохраненія позиціи, въ то время, какъ партійная работа большею частью, а иногда всецѣло, ведется периферіями, явно выражающими свое недовѣріе къ комитету, или группами, совсѣмъ порвавшими всякія сношенія съ комитетами. Чтобы не быть голословными, мы можемъ указать, напримѣръ, хотя бы на Екатеринославскій Комитетъ, который долго засѣдалъ, оторванный отъ работы и рабочихъ, пользовавшихся каждымъ случаемъ, чтобы выражать этому комитету свое недовѣріе, — и лишь въ концѣ концовъ Екатеринославскій комитетъ догадался подать въ отставку. Всѣмъ извѣстно, что положеніе Екатеринославскаго комитета вовсе не являлось и не является единственнымъ въ своемъ родѣ. И когда подобнаго рода „правоспособные", но оторванные отъ работъ комитеты посылаютъ своихъ делегатовъ съ правомъ рѣшающаго голоса, а не „правоспособныя", но дѣйствительно работающія группы и периферіи посылаютъ делегатовъ лишь съ правомъ совѣщательнаго голоса, мы не можемъ быть увѣрены, что рѣшенія съѣзда будутъ дѣйствительно рѣшеніями партіи.

2) Немедленный созывъ съѣзда не дастъ возможности периферійнымъ работникамъ обсудить подробно всѣ новые тактическіе вопросы, намѣченные въ программѣ съѣзда, что, конечно, не будетъ способствовать правильному, полному и живленному разрѣшенію ихъ. Наконецъ, 3) мы не считаемъ современный политическій моментъ, переживаемый Россіей, удобнымъ для отвлеченія хотя бы части лучшихъ партійныхъ силъ отъ непосредственной положительной работы.

Высказываясь противъ немедленнаго созыва съѣзда, Кіевскій комитетъ тѣмъ не менѣе считаетъ своей обязанностью указать на тѣ предварительныя мѣры, которыя могли бы въ значительной степени устранить часть тѣхъ возраженій, которыя дѣлаются въ данный моментъ многими товарищами. Для того, чтобы съѣздъ могъ явиться дѣйствительнымъ выразителемъ партіи, необходимо предварительно созвать конференцію изъ представителей враждующихъ фракцій съ тѣмъ, чтобы они, во-1-хъ, уничтожили „усиленную охрану" многихъ комитетовъ съ цѣлью сохраненія позиціи и дали возможность составляться комитетамъ при свободѣ соревнованія партійныхъ работниковъ, во-2-хъ, уничтожили двойственность организацій, существующую въ настоящее время во многихъ городахъ. Затѣмъ необходимо предоставить нѣкоторый срокъ периферійнымъ работникамъ, въ теченіе котораго они могли бы высказать свое отношеніе къ вопросамъ, выдвигаемымъ на съѣздѣ. Тогда съѣздъ, будучи освѣдомленъ о мнѣніи болѣе широкаго круга работниковъ, могъ бы болѣе плодотворно вести свои работы. Оканчивая свой отвѣтъ на „декларацію" Ц. К., мы считаемъ нужнымъ прибавить слѣдующее: въ томъ случаѣ, если мнѣніе Кіевскаго комитета относительно созыва III-го съѣзда не будетъ раздѣляться большинствомъ партійныхъ организацій, мы, конечно, считаемъ долгомъ подчиниться рѣшенію большинства и по первому призыву Совѣта Партіи посылаемъ своего делегата.

Въ заключеніе мы не можемъ не выразить своего протеста противъ неожиданнаго для всѣхъ образованія новаго Центральнаго Учрежденія, такъ называемаго Организаціоннаго Комитета, составленнаго изъ членовъ Ц. К. и извѣстнаго „бюро комитетовъ большинства", которому Ц. К., расписавшись въ своей бѣдности, счелъ нужнымъ передать дѣло созыва III-го съѣзда. Несмотря на всѣ увѣренія о технической роли этого учрежденія, договоръ между Ц. К. и „бюро" убѣждаетъ насъ въ противномъ. Мы рѣшительно протестуемъ противъ дѣйствій Ц. К., такъ какъ съѣздъ, созываемый учрежденіемъ вродѣ организаціоннаго комитета, не можетъ внушать особеннаго довѣрія и много теряетъ въ смыслѣ моральнаго значенія для многихъ партійныхъ работниковъ".

2[illegible] марта. Кіевскій Комитетъ.

Резолюція Донского Комитета

Принимая во вниманіе

1) что по Уставу Партіи съѣздъ можетъ быть созванъ лишь Совѣтомъ Партіи по требованію больше чѣмъ половины правоспособныхъ организацій,

2) что „бюро комитетовъ б-ва" по уставу партіи, такимъ образомъ, не является учрежденіемъ, имѣющимъ право созывать партійный съѣздъ,

3) что „Бюро" получило полномочія на созывъ съѣзда лишь отъ 10 правоспособныхъ организацій изъ [illegible]

4) что нѣкоторыя изъ организацій, давшихъ вышеупомянутому „Бюро" полномочія, не представляютъ собою большинства партійныхъ работниковъ на мѣстахъ, [illegible] выражающихъ свое недовѣріе и несогласіе съ тактикой, проводимой „Бюро",

5) что, такимъ образомъ, „Бюро" имѣетъ полномочія отъ незначительной группы членовъ партіи, [illegible] тикой и систематически [illegible] пролетарской массой,

6) что [illegible] проектируется [illegible] единственной [illegible] партіи,

мы считаемъ съѣздъ, созываемый „бюро", непартійнымъ и какъ таковому [illegible] ему полное недовѣріе.

Что же касается созыва III-го съѣзда [illegible], принимая во вниманіе

1) что [illegible] моментъ, когда концентрація партійныхъ [illegible] рѣшительной битвы съ самодержавіемъ необходима больше, чѣмъ когда бы то ни было,

2) что единство партіи [illegible] рабочихъ [illegible] положительной работы [illegible] Р. С. Д. Р. П. [illegible]

Мы считаемъ созывъ III-го съѣзда въ данный моментъ нежелательнымъ.

[illegible] положительной работы [illegible] конференцій [illegible]

Мы [illegible] Центральный [illegible]

[illegible]

[illegible] марта. Донской Комитетъ.

Резолюція 26-ти членовъ партіи въ Москвѣ. Мы, члены партіи, находящіеся въ настоящее время въ Москвѣ, въ количествѣ 26 человѣкъ, изъ которыхъ [illegible] работаетъ въ организаціи московскаго комитета, [illegible] работой въ комитетѣ [illegible] не получили [illegible], констатируемъ, что московскій комитетъ все время проводилъ политику [illegible] по отношенію къ „меньшинству", подавляя формальнымъ, чисто бюрократическимъ путемъ, всякое проникновеніе въ организацію идей „меньшинства", и что московскій комитетъ возбудилъ большое недовольство среди рабочей и интеллигентской периферіи (Бутырскій районъ выразилъ недовѣріе московскому комитету). Принимая это во вниманіе, мы утверждаемъ, что представительство отъ московскаго комитета на 3 съѣздѣ не можетъ быть признано представительствомъ *всей* организаціи, а только ея части. Исходя изъ того, что мы все время не могли соглашаться съ такой политикой московскаго комитета и въ виду необходимости, чтобы на съѣздѣ были представлены соображенія и мнѣнія по важнымъ тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ *всей* организаціи, мы вынуждены добиваться, чтобы на этомъ съѣздѣ былъ представленъ, хотя бы съ совѣщательнымъ голосомъ, избранный нами делегатъ.

За съѣздъ и противъ съѣзда.

Казанскій и Полѣсскій комитеты и Черниговская организація пришли къ заключенію о желательности созыва Совѣтомъ Партіи съѣзда, при чемъ Казанскій комитетъ спеціально оговариваетъ, что не приметъ участія въ съѣздѣ до тѣхъ поръ, пока приглашеніе на съѣздъ не послѣдуетъ отъ Совѣта. Полученныя въ этомъ смыслѣ резолюціи будутъ напечатаны въ слѣдующемъ №. Астраханскій комитетъ вынесъ резолюцію, отвергающую съѣздъ и клеймящую поведеніе „Впередъ" (резолюція принята до поворота Ц. К., въ отвѣтъ на воззваніе „бюро комитетовъ большинства". Рижская группа, въ отвѣтъ на декларацію Ц. К., протестуетъ противъ съѣзда. Иркутскій комитетъ отвергъ приглашеніе редакціи „Впередъ" и „Бюро Комит. Б-ва" присоединиться къ организаціи „твердокаменныхъ" и высказаться за съѣздъ.

Резолюція Бернской рабочей организаціи Р. С.-Д. Р. П.

Обсудивъ настоящее положеніе нашей партіи, а также принимая во вниманіе, что Россія въ настоящее время переживаетъ очень важный историческій моментъ, требующій отъ насъ сплоченія всѣхъ нашихъ силъ, чтобы сильнѣй и рѣшительнѣй ударить на нашего врага — царское самодержавіе и этимъ самымъ очистить себѣ путь къ дальнѣйшей борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ строемъ для полнаго торжества соціализма.

Мы, бернскіе рабочіе соціалдемократической организаціи, находимъ, что третій съѣздъ въ данное время созываться не можетъ во 1) потому, что съѣздъ отниметъ у насъ много силъ и средствъ, благодаря чему въ моментъ новой схватки съ нашимъ врагомъ, а быть можетъ и послѣдней, мы можемъ оказаться не на своихъ постахъ и этимъ самымъ мы рискуемъ измѣнить тому дѣлу, во имя котораго и созывается третій съѣздъ; во 2) потому, что если мы хотимъ, чтобы третій съѣздъ излѣчилъ раздѣляющую нашу партію болѣзнь, то мы должны предварительно дать возможность всѣмъ работникамъ нашей партіи заранѣе обсудить всѣ тѣ вопросы, которые должны быть разбираемы на третьемъ съѣздѣ, чтобы ихъ представители могли высказать не только личные взгляды, а желанія всей нашей партіи.

Но въ виду того, что Ц. К. высказался за третій съѣздъ вопреки вышеизложеннымъ соображеніямъ и съѣздъ, такимъ образомъ, можетъ состояться, то мы *требуемъ*, чтобы всѣ представители соціалдемократическихъ организацій и группъ, каковыя существуютъ въ партіи независимо отъ того, откололись ли онѣ отъ Комитетовъ или существуютъ самостоятельно, *должны быть признаны на третій съѣздъ съ правомъ рѣшающаго голоса*, ибо только этотъ съѣздъ можетъ дать намъ гарантію, что наша партія не очутится въ томъ же положеніи, какъ на второмъ съѣздѣ.

Мы *протестуемъ* противъ заявленія Ц. К., въ которомъ лишаетъ всѣхъ представителей отъ рабочихъ организацій и группъ права рѣшающаго голоса, а также и противъ количественнаго ограниченія[1].

Резолюція принята большинствомъ 14 противъ [illegible] воздержавшихся. (Копія резолюціи послана во [illegible]

Вышли изданія „Искры" брошюры „Царская и германъ" „Годъ войны" и сборникъ стихотв. „Передъ разсвѣтомъ". **Петерб. группы** 1) Заявленіе [illegible] 2-е изданіе въ 15000 экз. 1-ое было [illegible] „Солдатская памятка" перепеч. лист. „Искры" 3) [illegible] Программа Р. С. Д. Р. П." 4) „Экономическая [illegible] Р. С. Д. Р. П." 5) Разгромъ при Мукденѣ. лет. **Нарвскимъ** [illegible] группы изданъ листокъ объ аресте 60-ти товарищей. **Московск. Комитета** [illegible] газета [illegible] № 2 (органъ комитета). **Одесскаго Комитета** [illegible] „Требовать!" [illegible] 000 экз. **Екатеринослав. Ком.** 1) [illegible] „Приказ [illegible]" гектографиров. 2) Къ всѣмъ рабочимъ [illegible] по окончаніи [illegible] **Одесской группы** 1) „Разгромъ царскихъ войскъ подъ Мукденомъ" 2) „[illegible]" 1000 и 3) „Царскій рескриптъ и Учредительное Собраніе" [illegible] **Донскаго Ком.** „Новый правительственный обманъ" комиссія Шидловскаго. **Самарскаго Ком.** 1) „Правда [illegible]" 2) „Почему царь не хочетъ мира?" [illegible] „Къ [illegible]" **Организаціи Балахан. и Биби-Эйбатск. район.** 1) „Къ рабочимъ завода Ротшильда" (2500 экз.) 2) [illegible] рабочихъ [illegible] съѣзда" 300 экз.) и 3) „[illegible]" [illegible] № [illegible] 2500). **Крымскаго Союза** 1) „[illegible] рабочимъ" 2) „Манифестъ 18 февр." (листокъ Ц. К.) [illegible] „О коммиссіи Булыгина" (лист. Ц. К.) 4) Манифестъ 18 февраля [illegible] Моск. Ком. Листокъ „Солдатская памятка" изданъ въ 4000 [illegible] а не въ 20000, какъ было показано прежде. **Евпаторійской организаціи Кр. союза** 1) Къ призывникамъ 2) Къ рабочимъ [illegible] 3) Къ гимназистамъ 4) Къ рабочимъ [illegible] чему бастуютъ гимназисты?" 5) „[illegible]" **Сѣверо Западнаго Ком.** „Солдатская памятка". **Рижской группы** 1) „[illegible]" перепеч. изъ № 90 „Искры" 1000 2) Перепеч. [illegible] Ц. К. „Къ Партіи" 1000 экз. 3) [illegible] 500 экз. 4) Постановленіе Совѣта Р. С. Д. Р. П. 8 марта 1500 экз. **Рижской группы** [illegible] Р. С. Д. Р. П. „Царскій манифестъ 18 февраля". **Украинской Спiлкой** изданы на малорос. языкѣ брошюры [illegible] и листокъ „Солдатская памятка".

[illegible] Л. Дейча „16 лѣтъ въ Сибири". Въ [illegible] много интересныхъ свѣдѣній [illegible] революціоннаго движенія и впервые [illegible] Карійской каторги.

---

[1] [illegible] на основаніи [illegible] рѣшающаго голоса [illegible] меньше того, то въ виду [illegible] на каждомъ [illegible], что [illegible]

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Натану № 1. Получено [illegible] не разобрано. № 10 и 11 [illegible] Пишите [illegible] и разборчивѣе. **Кременчугъ.** [illegible] Обязательно пришлите [illegible] **Лапину.** Получено письмо, очевидно, [illegible] не [illegible] Перемѣните химію, [illegible] ни одинъ адресъ не разобранъ. Повторите. **Пульхеріи Ивановнѣ** получили, согласны съ вами. **Ермолаевой** [illegible] Получили письмо, но шифръ не разобрали. Увѣдомите, какимъ [illegible] **Истэндъ.** Получено. **Химерѣ.** Все получено. Вамъ писали нѣсколько разъ. Понимаемъ ваше недоумѣніе по поводу необращенія къ рабочимъ. **Всѣмъ корреспонд.** Необходимо подписывать письма. Часто нельзя догадаться, отъ кого письмо.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"…
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 96. Четвергъ 5-го апрѣля 1905 г. Годъ V.

КЪ ВОПРОСУ О ЗАХВАТѢ ВЛАСТИ.

(Небольшая историческая справка)

Товарищъ С. обратился ко мнѣ съ письмомъ, въ которомъ онъ спрашиваетъ, что я думаю о захватѣ власти пролетаріатомъ. Я собирался было отвѣтить ему тоже письмомъ, но послѣ нѣкотораго колебанія рѣшилъ, что изъ моего отвѣта можно сдѣлать статью, не лишенную общаго интереса, такъ какъ вопросъ, затронутый товарищемъ С., все еще не исчерпанъ въ нашей партійной литературѣ.

Политическая власть представляетъ собою ничѣмъ незамѣнимое орудіе кореннаго переустройства производственныхъ отношеній. Поэтому всякій данный классъ, стремящійся къ *соціальной революціи*, естественно старается овладѣть *политической властью*. Пролетаріатъ не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Чтобы устранить *капиталистическія отношенія производства*, осуждающія его на тяжелую зависимость по отношенію къ классу предпринимателей, ему безусловно необходимо добиться политической власти. Другими словами: *диктатура пролетаріата должна быть первымъ актомъ соціалистической революціи*. Это оспариваютъ, — и, конечно, не могутъ не оспаривать, — г.г. Берштейны. Но это совершенно неоспоримо съ точки зрѣнія соціальдемократа, вѣрнаго революціонному духу своей программы. Слѣдовательно, объ этомъ распространяться излишне.

Но совсѣмъ въ другомъ и въ гораздо менѣе ясномъ свѣтѣ представляется дѣло, когда рѣчь заходитъ не о торжествѣ *соціализма* надъ *капитализмомъ*, а о той *буржуазной* революціи, которую, кажется, намъ предстоитъ пережить въ самомъ ближайшемъ будущемъ, и которая впервые создастъ въ Россіи совокупность условій, необходимыхъ *для соціалистической* революціи. Въ этой буржуазной революціи пролетаріату тоже суждено сыграть рѣшающую роль, и вслѣдствіе этого могутъ показаться странными взгляды тѣхъ людей, которые, всѣми силами поддерживая революціонныя стремленія пролетаріата, вмѣстѣ съ тѣмъ не одобряютъ тактики, направляемой къ захвату имъ политической власти. Противники такихъ людей могутъ, повидимому, не безъ основанія обвинять ихъ въ непослѣдовательности, въ оппортюнизмѣ и прочихъ грѣхахъ, не менѣе тяжкихъ. И не только *могутъ* обвинять, но уже *обвиняютъ*: достаточно напомнить статьи, печатающіяся во „Впередъ" и направленныя противъ „Искры".

Кто же правъ? Давайте разбираться.

Наша партія стоитъ на точкѣ зрѣнія *марксизма*. Посмотримъ же, не приходилось-ли самому Марксу высказаться о той тактикѣ, которой долженъ держаться революціонный пролетаріатъ въ историческіе моменты, подобные переживаемому нами.

Въ началѣ 1850 года, несмотря на повсемѣстное и почти полное торжество „партіи порядка" въ Западной Европѣ, Марксъ и его послѣдователи не только не считали дѣла революціи окончательно проиграннымъ, но, напротивъ, ждали новаго революціоннаго взрыва въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Въ ожиданіи этого взрыва Центральный Совѣтъ знаменитаго Союза Коммунистовъ разослалъ своимъ германскимъ членамъ „обращеніе" (Ansprache), въ которомъ онъ излагалъ имъ свой взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ и на опредѣляемыя этимъ положеніемъ политическія задачи пролетаріата. „Обращеніе" было написано Марксомъ, состоявшимъ тогда въ Центральномъ Совѣтѣ Союза, и даетъ очень цѣнный матеріалъ для задуманной нами исторической справки. Полезно будетъ, поэтому, изложить здѣсь его содержаніе".

И прежде всего надо отмѣтить слѣдующее любопытное обстоятельство.

Авторъ передовой статьи № 14 „Впередъ" рѣшительно заявляетъ: „нужно — поистинѣ школьническое понятіе объ исторіи, чтобы представлять себѣ дѣло безъ „скачковъ" въ видѣ какой-то медленно и равномѣрно восходящей прямой линіи: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазіей съ уступочки самодержавія, — потомъ за революціонной мелкой буржуазіей — демократическая республика, наконецъ, за пролетаріатомъ — соціалистическій переворотъ. Эта картина вѣрна въ общемъ и цѣломъ, вѣрна на „долгомъ", какъ говорятъ французы, на какомъ нибудь протяженіи столѣтія (напр., для Франціи съ 1879 по 1905 годъ), но составлять себѣ по этой картинѣ планъ собственной дѣятельности въ революціонную эпоху, — для этого надо быть виртуозомъ филистерства.

Марксъ былъ именно такимъ „виртуозомъ филистерства" и имѣлъ именно такое „школьническое понятіе объ исторіи". Написанное имъ „обращеніе"[1] указываетъ на то, что движеніе 1848—49 гг. поставило у власти *либеральную крупную буржуазію*, которая, воспользовавшись революціонной энергіей рабочихъ для низверженія стараго порядка вещей, обратилась противъ пролетаріата тотчасъ же послѣ того, какъ получила нѣкоторыя уступки („уступочки", по терминологіи публициста газеты „Впередъ"), и теперь готова соединиться съ феодальной партіей для борьбы съ новыми революціонными попытками. Но дальнѣйшее развитіе будетъ лишено того мирнаго характера, который хотѣла бы сообщить ему крупная буржуазія: теперь быстро приближается новая революція, во время которой *демократическая мелкая буржуазія* выступитъ въ той же роли по отношенію къ народу, какую играли либералы въ 1848 г.

Эта мелкая буржуазія называетъ теперь себя *республиканской или крайней* и представляетъ собою значительную общественно-политическую силу. Къ ней принадлежитъ не только большинство буржуазныхъ обитателей большихъ городовъ, — т. е. не только большинство мелкихъ предпринимателей, купцовъ и ремесленниковъ, — но также крестьяне и сельскіе пролетаріи, поскольку эти послѣдніе еще не примкнули къ выступающему самостоятельно городскому пролетаріату. Далекіе отъ всякихъ стремленій къ коренному переустройству общества въ интересахъ революціоннаго пролетаріата, мелкіе буржуа хотѣли бы лишь такъ перестроить существующее общество, чтобы имъ жилось въ немъ сносно и удобно. Прежде всего они требуютъ сокращенія государственныхъ расходовъ путемъ уменьшенія бюрократіи и переложенія главной тяжести налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и буржуа. Они требуютъ, далѣе, устраненія того гнета, который испытываетъ мелкій капиталъ со стороны крупнаго, и хотятъ достичь этого посредствомъ законовъ, направленныхъ противъ ростовщичества, и посредствомъ общественныхъ кредитныхъ учрежденій, которыя дали бы возможность мелкимъ буржуа и крестьянамъ получать отъ государства ссуды на необременительныхъ условіяхъ. Кромѣ того, имъ хочется утвердить въ деревнѣ господство буржуазныхъ имущественныхъ отношеній и совершенно устранить оттуда всѣ остатки феодализма. Для того, чтобы ослабить господство капитала и задержать его накопленіе, они предлагаютъ ограничить право наслѣдства, а для улучшенія быта рабочихъ, — которые должны, какъ и теперь, работать по найму, — они рекомендуютъ передачу возможно большей части работъ въ вѣдѣніе государства и лучшую организацію общественной благотворительности. Для проведенія всѣхъ этихъ мѣропріятій имъ нужно демократическое государственное устройство, — съ ограниченной монархіей или республикой, — и демократическая организація общиннаго самоуправленія.

Марксъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что мелкобуржуазная демократія въ дальнѣйшемъ развитіи германской революціи пріобрѣтетъ на время преобладающее вліяніе, смѣнивъ собою уже добившуюся господства крупную буржуазію. И это нисколько не удивляетъ насъ послѣ того, какъ мы узнали, что онъ былъ виртуозомъ филистерства и имѣлъ школьническое понятіе объ исторіи. Но какъ же должна была, — по мнѣнію этого виртуоза филистерства, — относиться партія революціоннаго пролетаріата къ мелко-буржуазной *демократической партіи?*

Въ „обращеніи" этомъ вопросъ подраздѣляется на три слѣдующихъ вопроса:

1) Какъ надо относиться къ ней при существующемъ порядкѣ вещей, который угнетаетъ также и мелкую буржуазію?

2) Какъ надо относиться къ ней *во время* предстоящей революціи, которая доставитъ ей преобладаніе?

3) Какъ надо относиться къ ней *послѣ* этой революціи?

На первый изъ этихъ вопросовъ Марксъ отвѣчаетъ, что въ настоящее время, когда мелко-буржуазная демократія повсюду чувствуетъ себя угнетенной, она проповѣдуетъ пролетаріату примиреніе и объединеніе, приглашая его создать вмѣстѣ съ нею одну большую оппозиціонную партію, въ которой сольются всѣ отдѣльные оттѣнки. По замѣчанію нашего „филистера", это означаетъ, что мелкіе буржуа стремятся завлечь пролетаріатъ въ такую политическую организацію, въ которой его отдѣльныя классовыя требованія будутъ, въ интересахъ мира, преданы забвенію. Такое объединеніе, — говоритъ онъ, — принесло бы пользу однимъ демократамъ и очень сильно повредило бы пролетаріату. Пролетаріатъ утратилъ бы свое самостоятельное положеніе, пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ, и снова превратился бы въ простой придатокъ къ оффиціальной буржуазной демократіи. Вотъ почему коммунисты должны рѣшительно воспротивиться такому объединенію. Временное сочетаніе усилій для непосредственной борьбы съ общимъ врагомъ, конечно, необходимо, но ради него нѣтъ надобности *объединяться* съ демократами.

Словомъ, тутъ у Маркса выходитъ, что хотя надо *бить вмѣстѣ*, но тѣмъ не менѣе необходимо *идти врозь*.

Отвѣтъ на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что правительства, въ предстоящихъ кровавыхъ столкновеніяхъ, будутъ побѣждены, какъ и прежде, главнымъ образомъ благодаря мужеству, рѣшительности и самоотверженности рабочихъ, и, по прежнему, демократы, въ своемъ большинствѣ, будутъ долго оставаться нерѣшительными и недѣятельными, чтобы затѣмъ, когда побѣда будетъ уже вырвана изъ рукъ непріятеля, обратить ее въ свою пользу. Помѣшать этому рабочіе еще не въ состояніи; но они могутъ продиктовать мелкой буржуазіи такія условія, благодаря которымъ значительно облегчится будущая замѣна господства буржуазной демократіи господствомъ пролетаріата. Рабочіе, — т. е. сознательные пролетаріи, — должны позаботиться о томъ, чтобы революціонное возстаніе массъ не улеглось тотчасъ же послѣ побѣды; рядомъ съ требованіями буржуазной демократіи рабочіе должны также при каждомъ удобномъ случаѣ выставлять свои собственныя классовыя требованія и добиваться, — если это будетъ нужно, даже силой, чтобы новое правительство гарантировало имъ исполненіе этихъ требованій. Короче, они должны, — какъ выразилась бы „новая" „Искра" — *возможно больше развязать революцію*. Но эта задача развязанія революціи нисколько не исключаетъ, въ глазахъ нашего автора, задачи *организаціи силъ* ея главнаго фактора — пролетаріата. Пролетаріатъ долженъ быть организованъ и вооруженъ, иначе онъ не въ состояніи будетъ противиться буржуазной демократіи, которая измѣнитъ ему немедленно послѣ низверженія существующаго порядка.

Переходя къ отвѣту, даваемому Марксомъ на третій и послѣдній изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, т. е. на вопросъ объ отношеніи пролетаріата къ мелко-буржуазной демократіи *послѣ побѣды*, мы прежде всего укажемъ на тотъ фактъ, что основатель научнаго соціализма, какъ видно, не допускалъ даже и мысли о томъ, что политическіе представители революціоннаго пролетаріата могутъ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи трудиться надъ созданіемъ новаго общественнаго строя. Совершенно наоборотъ: послѣ побѣды надъ крупной буржуазіей и захвата власти мелко-буржуазными демократами, рабочіе должны были, по плану Маркса, *сложиться въ сильную оппозиціонную партію*, которая своей критикой и своей агитаціей толкала бы впередъ мелко-буржуазное правительство, а главное — все болѣе и болѣе развивала бы революціонное самосознаніе представляемаго ею класса. Конечно, говоритъ Марксъ, рабочіе сначала не въ состояніи будутъ выставлять чисто коммунистическія требованія. Но уже съ самаго начала они будутъ имѣть возможность:

1) Принудить демократовъ къ революціонному вмѣшательству въ существующія общественныя отношенія;

2) Толкать впередъ демократовъ, склоняющихся только къ соціальной реформѣ, а не къ соціальной революціи, и вкладывать болѣе крайнее содержаніе въ предлагаемыя ими мѣропріятія. Такъ, напримѣръ, если демократы предлагаютъ *выкупить* желѣзныя дороги и фабрики, то пролетаріатъ долженъ требовать, чтобы эти фабрики и дороги были *конфискованы* въ качествѣ имущества реакціонеровъ; если демократы потребуютъ введенія *подоходнаго* налога, то пролетаріатъ долженъ требовать введенія *прогрессивнаго подоходнаго* налога и т. п.

Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Марксъ въ заключеніе, не могутъ непосредственно достигнуть господства; но они могутъ и должны стараться приблизить свою окончательную побѣду, выясняя себѣ свои классовые интересы, не позволяя сбить себя съ толку фразеологіей мелкобуржуазной демократіи и выступая въ качествѣ отдѣльной, независимой партіи. Ихъ лозунгомъ должна быть *непрерывная революція*.

Такъ говорилъ Марксъ въ ожиданіи мелко-буржуазнаго переворота. Его „обращеніе" еще недавно удостоилось самаго рѣзкаго отзыва со стороны г. Бернштейна (см. пресловутую книжонку этого послѣдняго). И, дѣйствительно, оно до такой степени пропитано непримиримымъ революціоннымъ духомъ, что одно чтеніе его должно бросать въ лихорадку всякаго благомыслящаго мелкаго буржуа. Но намъ нѣтъ дѣла до мелкобуржуазныхъ политиковъ. Намъ важно здѣсь то, что это архиреволюціонное „обращеніе" предлагаетъ какъ разъ ту тактику, которую рекомендуетъ теперь русскимъ товарищамъ „Искра" и которую „Впередъ" осуждаетъ, какъ жалкое измышленіе жалкихъ филистеровъ. Согласитесь, читатель, что мы съ вами сдѣлали очень интересное открытіе, и что ради одного этого открытія стоило и давно слѣдовало сдѣлать предпринятую нами историческую справку.

И замѣтьте при этомъ, что вы очень ошибетесь, если хоть на минуту предположите, будто мы считаемъ, что наша справка окончательно исчерпываетъ вопросъ. Отнюдь нѣтъ! Мы никогда не думали, что мы во всемъ должны слѣпо слѣдовать примѣру Маркса. Марксъ могъ ошибаться, и тотъ изъ насъ, кто замѣтитъ его ошибку, обязанъ обнаружить ее передъ товарищами. Только недобросовѣстные или глупые люди рѣшались утверждать, что „ортодоксальные" марксисты не допускаютъ никакой критики своего учителя. Нѣтъ, „ортодоксы" возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая, — подобно критикѣ, практикуемой г. Бэрнштейномъ и неокантіанцами и сторонникамиМаха и Авенаріуса, — представляетъ собою лишь *совершенно некритическое* повтореніе буржуазныхъ нападокъ на основу современнаго научнаго соціализма. *Такая* „критика" въ самомъ дѣлѣ глубоко возмущаетъ насъ. А кто сдѣлаетъ серьезное возраженіе противъ Маркса, тотъ можетъ быть увѣренъ, что мы выслушаемъ его съ самымъ серьезнымъ и самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Но кто критикуетъ Маркса, тотъ такъ и говорить долженъ: „съ *Марксомъ* я тамъ-то и тамъ-то не согласенъ". Кто критикуетъ Маркса, тотъ и выступать долженъ во имя *критики*, не во имя „*ортодоксіи*".

Если наши противники находятъ, что тактика, отстаивавшая „*Искрой*", неправильна, то имъ такъ и говорить надо: „хотя эта тактика вполнѣ согласна съ той, которую защищалъ въ свое время Марксъ, но она все таки ошибочна". Далѣе, разумѣется, должны слѣдовать доказательства. Но наши противники поступаютъ какъ разъ наоборотъ: они самихъ себя выдаютъ за вѣрныхъ послѣдователей Маркса, а „Искру" объявляютъ органомъ оппортюнистовъ и филистеровъ, неспособныхъ усвоить истинный смыслъ марксова ученія. При этомъ доказательства ихъ ограничиваются (см. многочисленныя статьи во „*Впередъ*") нѣсколькими безпрестанно повторяемыми словечками, которыя, по мнѣнію лицъ, пускающихъ ихъ въ ходъ, очень хлестки, но въ дѣйствительности производятъ впечатлѣніе сердитаго безсилія именно потому, что безпрестанно повторяются вмѣсто серьезныхъ доводовъ.

Прибавлю кстати, что критика взглядовъ, заключающихся въ изложенномъ здѣсь *обращеніи*", была сдѣлана двумя очень компетентными въ марксизмѣ лицами, именно — самимъ Марксомъ и Энгельсомъ.

„Обращеніе" написано было, — какъ сказано выше, — въ ожиданіи новаго революціоннаго взрыва въ передовыхъ странахъ Европы. Но очень скоро, — въ томъ же 1850 году, — Марксъ увидѣлъ, что такое ожиданіе было „неосновательно, и тогда онъ немедленно заявилъ объ этомъ въ своемъ журналѣ, выходившемъ въ Гамбургѣ въ 1850 г. и называвшемся, также какъ и знаменитая газета 1848—49 гг., „Neue Rheinische Zeitung".

Но въ 1850 году Марксъ призналъ ошибочнымъ только свое ожиданіе новаго взрыва, а тѣ задачи, которыя онъ ставилъ передъ рабочимъ классомъ Германіи, онъ не переставалъ тогда считать вполнѣ правильно формулированными, и если бы у него въ скоромъ времени опять возникла увѣренность въ томъ, что въ Европѣ близка мелко-буржуазная революція, то онъ опять поставилъ бы эти задачи въ прежней ихъ формулировкѣ. Лишь долго спустя онъ убѣдился, что въ ту эпоху, къ которой относится его „обращеніе", капитализмъ представлялся ему значительно болѣе отжившимъ и одряхлѣвшимъ способомъ производства, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эта перемѣна взгляда отмѣчена въ знаменитомъ предисловіи Энгельса къ Марксовой книгѣ: „Die Klassenkämpfe in Frankreich". И въ виду этой перемѣны могутъ предположить, пожалуй, что впослѣдствіи сами Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы той тактики, которую они предлагали германскимъ коммунистамъ. И намъ скажутъ, можетъ быть: зачѣмъ же вы хотите поступать, какъ Марксъ и Энгельсъ, въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ поступали бы иначе?

На это мы отвѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ не одобрили бы своей тактики 1850 г. только съ той ея стороны, которая обусловливалась ихъ тогдашнимъ убѣжденіемъ въ дряхлости капитализма, а слѣдовательно и въ совершенной близости соціалистической революціи, *для* которой мелко-буржуазный переворотъ долженъ былъ послужить только прологомъ. Именно это убѣжденіе и продиктовало имъ выставленный ими лозунгъ: *непрерывная революція*. Впослѣдствіи, когда соціалистическая революція перестала казаться имъ совсѣмъ близкой, они, даже въ ожиданіи мелкобуржуазной революціи, уже не сказали бы: „*нашъ лозунгъ* — Revolution in Permanenz, такъ какъ они видѣли бы, что отсутствуютъ объективныя (а слѣдовательно, и субъективныя, т. е. психологическія) условія „непрерывной революціи". Политическія задачи пролетаріата были бы опредѣлены ими уже въ томъ предположеніи, что демократическій строй останется господствующимъ въ теченіе довольно продолжительнаго періода. Но именно потому они еще рѣшительнѣе осудили бы участіе соціалистовъ въ мелко-буржуазномъ правительствѣ. Иначе сказать, они тѣмъ яснѣе показали бы себя ненавистными газетѣ „Впередъ" виртуозами филистерства.

— Толкуйте! — воскликнетъ иной читатель, — это одни ваши предположенія, и вы ничѣмъ не докажете, что они правильны.

Нѣтъ, вы ошибаетесь, возразимъ мы: у насъ есть неотразимое доказательство, заключающееся въ письмѣ Энгельса къ Турати, написанномъ не далѣе, какъ въ 1894 году.

Въ этомъ году на всемъ итальянскомъ полуостровѣ было чрезвычайно сильно неудовольствіе противъ реакціонной политики правительства, и революція становилась довольно вѣроятной. Въ виду этого революціоннаго положенія дѣлъ и написано было только что упомянутое наше письмо.

Въ немъ старый теоретикъ международнаго соціализма обращаетъ вниманіе Турати на то обстоятельство, что на нынѣшней ступени экономическаго развитія Италіи ожидаемая революція не можетъ быть *соціалистической* и будетъ *мелкобуржуазной*.[1] *До побѣды* пролетаріатъ долженъ выступать противъ существующаго порядка *рядомъ* съ мелкой буржуазіей, но непремѣнно въ видѣ отдѣльной партіи („врозь идти, вмѣстѣ бить", говоримъ мы теперь). *А послѣ побѣды* было бы чрезвычайно опасно („questo è il pericolo più grande", говоритъ Энгельсъ), *если бы соціалисты вошли въ новое правительство*. Этимъ они повторили бы ошибку, сдѣланную въ 1848 году Луи Бланомъ и другими французскими соціалистами. Участвуя въ новомъ, — *демократическомъ*, — правительствѣ, итальянскіе *соціалисты* приняли бы на себя отвѣтственность за всѣ ошибки и за всѣ измѣны этого правительства по отношенію къ рабочему классу, а въ то же самое время революціонная энергія этого класса парализовалась бы тѣмъ же самымъ фактомъ участія соціалистовъ въ правительствѣ.

---

[1] Напоминаемъ, что оно было написано именно въ „революціонную эпоху".

[1] Энгельсъ, какъ видно, до глубокой старости остался „виртуозомъ филистерства" и сохранилъ свой „школьническій" взглядъ на исторію.

Этотъ совѣтъ итальянскимъ товарищамъ подкрѣпляется въ письмѣ *общими тактическими соображеніями*, правильность которыхъ доказана была, по словамъ Энгельса, *опытомъ всей его жизни*. „Они еще ни разу (non una volta) не ввели меня въ ошибку“, говоритъ авторъ письма.

Итакъ, участвовать въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ представителями мелкой буржуазіи значитъ измѣнять пролетаріату. Вотъ что говоритъ намъ наша справка. А изъ этого слѣдуетъ, что съ точки зрѣнія марксизма не „Искра“, а „Впередъ“ проповѣдуетъ оппортунизмъ — и притомъ самый худшій, самый вредный оппортунизмъ.

Нѣтъ, господа, вы можете рисовать какія вамъ угодно карикатуры и сколько вамъ угодно повторять ваши будто бы хлесткія, а на самомъ дѣлѣ избитыя словечки. Но правда остается правдой: *Марксъ и Энгельсъ осудили бы тактику „Впередъ“ и одобрили бы тактику „Искры“*. И если вамъ хочется доказать несостоятельность этой послѣдней, то вамъ не миновать *критики Маркса*. Приступайте же, гг. „впередовцы“, къ вашимъ критическимъ упражненіямъ. Мы выслушаемъ васъ со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, какого заслуживаетъ интересующій насъ важный спорный вопросъ. Начинайте, „благословясь“, и да помогутъ вамъ всѣ возможные Махи и Авенаріусы! Не забывайте, что труденъ только первый шагъ, а вашъ первый шагъ, по своей огромности, былъ достоенъ Вольтэровскаго Макромегаса: вы доказали, что основатели матеріалистическаго объясненія исторіи были школьниками и виртуозами филистерства въ своихъ историческихъ взглядахъ. Идите дальше: смѣлымъ богъ владѣетъ!

Заканчивая эту справку, я опять позволю себѣ обратиться къ товарищу С. и выразить ему ту надежду, что теперь ему уже ясно, какъ смотрю я на вопросъ о захватѣ власти: *я рѣшительно не ощущаю потребности критиковать въ этомъ отношеніи Маркса.*

Г. Плехановъ.

БОРЬБА ЦЕРКВИ И БОРЬБА СЪ ЦЕРКОВЬЮ.

Реакціонеры изъ „Гражданина“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ отнеслись отрицательно къ идеѣ о созывѣ Помѣстнаго Собора, предложенной Витте и поддержанной „смиренными“ отцами изъ Синода. „Чѣмъ желательнѣе эта реформа, писали „Мос. В.“, тѣмъ нежелательнѣе поспѣшное, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее, именно, столь смутное время“. А это значитъ, что по мнѣнію „Моск. Вѣд.“ осуществленіе реформы въ той формѣ, какую она можетъ принять сейчасъ, нежелательно ни въ настоящее, ни въ будущее время.

И по понятнымъ причинамъ. „Моск. Вѣдом.“, наравнѣ съ г. Витте, хотѣли бы сдѣлать духовенство опорой самодержавія, но въ то время какъ Витте торопится организовать духовенство сейчасъ, считаясь съ возможностью созыва Земскаго собора, въ которомъ онъ надѣется заставить представителей духовенства плясать подъ дудку бюрократіи, „Моск. Вѣдом.“ и „Гражданинъ“ самую мысль о созывѣ Земскаго Собора считаютъ совершенно недопустимой... конечно, „въ настоящее, столь смутное время“.

Не можетъ также реакціонная пресса не видѣть, что придуманный г. Витте способъ спасанія самодержавія ведетъ изъ огня въ полымя. Вѣдь въ Помѣстный Соборъ тоже надо будетъ *выбирать*, надо будетъ пережить предвыборную агитацію, а въ „настоящее, столь смутное время“ это куда какъ не безопасно. Не могла реакціонная пресса не прислушаться къ тѣмъ голосамъ, которыя шли изъ среды самого духовенства и изъ среды мірянъ и которыя давали очень недвусмысленную оцѣнку дѣйствительному положенію вещей. Мечта или дѣйствительность — это стремленіе Витте объединить все православное духовенство около всероссійскаго митрополита? Мечта, утопія — отвѣчали многочисленные голоса, раздавшіеся изъ разныхъ концовъ Россіи. Они говорили, эти голоса, что въ современномъ православномъ духовенствѣ нѣтъ такого крупнаго интереса, который соединилъ бы его въ одинъ цѣльный организмъ, а, наоборотъ, есть причины для разъединенія, для внутренней борьбы. И прежде всего — это противоположность между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ, между высшей и низшей іерархіей, между аристократами и плебеями. И стоило лишь газетамъ заговорить о возможности собора, какъ отовсюду посыпались жалобы на привилегированное положеніе чернаго духовенства, повсюду и вездѣ оттѣснявшаго на задній планъ многочисленную рать священниковъ нашихъ селъ и городовъ. Эти голоса говорили далѣе, что церковная реформа невозможна безъ привлеченія на церковный соборъ мірянъ, которые „въ настоящее, столь смутное время“ не замедлятъ потребовать для себя опредѣленныхъ гарантій. Выборъ духовныхъ лицъ приходомъ — вотъ къ чему могло придти церковное движеніе.

Но опасность лежала еще глубже. Можно ли было при настоящихъ условіяхъ, т. е. при условіяхъ всеобщаго революціоннаго броженія, разсчитывать на то, что церковное движеніе останется въ намѣченныхъ предѣлахъ? Не естественно ли было ожидать, — и опять многочисленные голоса подтверждали справедливость такой мысли — что передовые элементы общества перешагнутъ и за эту грань и потребуютъ гарантій противъ возможной эксплуатаціи церкви вообще, потребуютъ избавленія отъ ея гнета и мракобѣсія, т. е. логически придутъ къ требованію отдѣленія церкви отъ государства?

Все это было въ перспективѣ: на соборѣ — борьба чернаго духовенства съ бѣлымъ и борьба мірянъ съ духовенствомъ, а внѣ собора — борьба радикальныхъ партій противъ господства церкви. И реакціонная пресса принялась быстро тушить начинавшій разгораться пожаръ, встрѣтивъ, какъ и слѣдовало ожидать, поддержку въ оберъ-прокурорѣ Синода, а черезъ него и въ возсѣдающемъ на царскомъ престолѣ манекенѣ.

Ясно, что эта семейная драка между различными представителями міра реакціи, между защитниками старыхъ отживающихъ идей, только разстраиваетъ ряды нашихъ враговъ, подкапываетъ силы гнуснаго самодержавнаго режима. Церковь чувствуетъ, что и она устремляется въ ту же пропасть, въ которой суждено погибнуть самодержавію, и пытается на склонѣ дней своихъ отдѣлить свои судьбы отъ судебъ самодержавія. Но тщетно! Ни церковь вообще, ни русско-православная церковь въ частности не создали и не могли создать элементовъ для борьбы съ современнымъ самодержавіемъ, борьбы, ведущейся подъ вліяніемъ совершенно другихъ лозунговъ, ничего общаго съ интересами и ученіями церкви не имѣющими. Попытка придать этой борьбѣ сколько-нибудь религіозный характеръ не можетъ уже привлечь въ революціонную армію ни одного новаго бойца и должна кончиться полнѣйшимъ фіаско.

Вспомнимъ, какъ позорно вели себя представители церкви послѣ 9-го января и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, когда кулакъ и нагайка занимались успокаиваніемъ волнующихся обывателей. Вспомнимъ, что главнымъ импульсомъ къ нынѣшнему движенію духовенства послужило то обстоятельство, что совѣтъ министровъ рѣшилъ дать нѣкоторыя права старообрядцамъ. Церковь, жившая до сихъ поръ угнетеніемъ иновѣрцевъ, вдругъ увидѣла передъ собой опасность „появленія свободнаго конкуррента. Многіе добрые люди любили повторять до очень недавняго времени, что наша промышленность тепличный цвѣтокъ, поддерживаемый только попеченіями правительства. Событія послѣднихъ мѣсяцевъ показали, какъ глубоко ошибались эти „добрые“ люди. Какъ только наши промышленники замѣтили, что правительство начинаетъ заигрывать съ рабочими на ихъ счетъ, они очень ясно дали понять этому правительству, что они сумѣютъ воздать око за око и зубъ за зубъ, что они будутъ указывать рабочимъ на „политику“ всякій разъ, когда правительство будетъ стараться толкать рабочихъ на путь узкой „экономики“. Въ этомъ сказалось несомнѣнное сознаніе своей силы. А какъ поступила оффиціальная церковь? Она не посмѣла сказать, что будетъ вмѣстѣ съ представителями другихъ гонимыхъ религій завоевывать права, а стала ходатайствовать объ особой новой спеціальной привилегіи для себя.

Но, скажутъ намъ, не всѣ служители церкви стоятъ на этой точкѣ зрѣнія. Намъ навѣрное укажутъ на новую партію, именующуюся „христіанскимъ братствомъ борьбы“ и ставящую себѣ слѣдующія цѣли: 1) „борьбу съ безбожными проявленіями свѣтской власти“, 2) „борьбу съ пассивнымъ состояніемъ церкви въ отношеніи къ государственной власти, вслѣдствіе чего церковь идетъ на служеніе самымъ низменнымъ цѣлямъ и предаетъ дѣло божіе“, и 3) „утвержденіе въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ принципа христіанской любви“.

Значитъ мы ошибались: въ церкви не все обстоитъ такъ гнило, какъ мы предполагали. Она способна создать партію борьбы. А средства этой борьбы?.. „Принципы христіанской любви“! Какъ будто маловато! „Соціальные принципы христіанства оправдывали древнее рабство, прославляли средневѣковое крѣпостничество и, въ случаѣ надобности, готовы взять подъ свою защиту и угнетеніе пролетаріата, правда, сдѣлавъ при этомъ печальную мину. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ необходимость существованія господствующаго и угнетеннаго класса, причемъ, въ заботахъ о послѣднемъ, они высказываютъ благочестивое пожеланіе, чтобы первый отличался благотворительностью. Соціальные принципы христіанства переносятъ прекращеніе всѣхъ мерзостей на небо и этимъ самымъ оправдываютъ продолженіе этихъ мерзостей на землѣ. Соціальные принципы христіанства признаютъ всѣ подлости угнетателей по отношенію къ угнетеннымъ или справедливымъ наказаніемъ за первородный грѣхъ и другіе подобные грѣхи, или испытаніями, которыя Господь въ своей безконечной благости ниспосылаетъ на своихъ избранниковъ. Соціальные принципы христіанства проповѣдуютъ трусость, презрѣніе къ самому себѣ, униженіе, покорность, смиреніе, словомъ всѣ качества канальи, а пролетаріатъ, который не хочетъ позволить, чтобы съ нимъ обращались какъ съ канальей, нуждается въ своемъ мужествѣ, въ своемъ сознаніи собственнаго достоинства, своей гордости и въ своей независимости гораздо больше, чѣмъ въ своемъ хлѣбѣ. Соціальные принципы христіанства отличаются лукавствомъ, а пролетаріатъ — революціонностью“. Такъ писалъ Марксъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, прибавивъ при этомъ, что, сверхъ этого, „соціальные принципы христіанства“ за свое восемнадцативѣковое развитіе не совершили ничего путнаго. Наврядъ-ли кто-нибудь станетъ утверждать, что за послѣдніе 60 лѣтъ что нибудь въ этомъ отношеніи измѣнилось. А еще менѣе найдется охотниковъ искать этотъ прогрессъ у представителей нашей оффиціальной церкви.

ДВОРЯНСКАЯ ПАРТІЯ.

Періодъ революціонныхъ демонстрацій и всеобщихъ стачекъ начавшійся 9-го января, закончился къ тому моменту, когда пресловутый рескриптъ къ Булыгину засвидѣтельствовалъ міру, что самодержавіе готово, при случаѣ, вступить въ переговоры о капитуляціи. Съ этого момента начинается періодъ спѣшной организаціи общественныхъ силъ, готовящихся принять то или другое участіе въ выработкѣ условій созыва народныхъ представителей и самой избирательной коммиссіи. Московскій съѣздъ земцевъ сплачиваетъ земскую лѣвую. Съѣздъ адвокатовъ, врачей, профессоровъ, цѣлый рядъ всероссійскихъ и областныхъ союзовъ представителей свободныхъ профессій закладываютъ основаніе для политическаго объединенія всѣхъ элементовъ радикальной демократіи. Рядомъ съ этими партіями, игравшими до сихъ поръ въ жизни „общества“ доминирующую роль, идетъ образованіе новыхъ политическихъ соединеній. Изъ стана оппозиціи и изъ стана консерваторовъ отлагаются различныя группы, освобождающіяся изъ подъ опеки того или другого „блока“ для того, чтобы болѣе самостоятельно выступить на политической аренѣ съ своимъ собственнымъ программнымъ оттѣнкомъ. Земско-дворянская правая выдѣляетъ прежде всего пресловутыхъ предводителей, разразившихся своимъ знаменитымъ политическимъ манифестомъ, который, надо признать, встрѣтилъ гораздо болѣе суровое осужденіе со стороны реакціи, *навстрѣчу* которой повернули предводители, чѣмъ со стороны либераловъ и демократовъ, противъ которыхъ они выступили прямо. Манифестъ дворянскихъ предводителей, этотъ характерный отвѣтъ дворянства на начавшееся аграрное движеніе, является первой попыткой вчера еще оппозиціонной группы остановить революціонное развитіе въ самомъ началѣ и приступить къ новой концентраціи соціально-охранительныхъ силъ, такъ безжалостно разсѣянныхъ въ разныя стороны бурнымъ процессомъ революціонной логики и быстрымъ ходомъ внутренняго разложенія существующаго порядка. Увы! реакціонныя иллюзіи такъ же мало способны остановить ходъ общественнаго развитія, какъ иллюзіи революціонныя — ускорить его. Безсильные оживить абсолютную монархію, вожди дворянства только вносятъ своей легкой критикой существующаго лишнюю „смуту“ въ атмосферу всеобщаго недовольства и вызываютъ противъ себя острое возмущеніе въ монархическомъ лагерѣ.

На встрѣчу предводителямъ идетъ „партія земскихъ предателей“, группа „шиповцевъ“, подчинившаяся 6—7 ноября прошлаго года большинству земскаго съѣзда, но теперь находящая моментъ благопріятнымъ для выполненія своей исторической миссіи — стать центромъ тяготѣнія для тѣхъ землевладѣльческихъ элементовъ, которымъ „твердая“ монархическая власть столь же необходима для охраны ихъ привилегій и ихъ классовыхъ интересовъ, сколько неудобна и стѣснительна для нихъ громоздкая бюрократическая машина, внѣ которой — увы! — немыслима эта твердая власть. Съ другой стороны, навстрѣчу предводительской „партіи“ идетъ та высшая столичная аристократія, которая имѣла во главѣ достаточно опозоренныхъ рыцарей ордена Плеве — вродѣ Стишинскаго и Штюрмера — восчувствовала необходимость готовиться къ организованной *общественной* борьбѣ на новой аренѣ и начала складываться, какъ сообщаютъ газеты, въ „конституціонную правую“. Для всѣхъ нихъ, по существу, консервативныхъ элементовъ рескриптъ 18-го февраля представляетъ болѣе или менѣе полную программу, исчерпывающую ихъ стремленія въ области „реформъ“. И если у самодержавія хватитъ еще настолько ловкости, чтобы состряпать какой нибудь „булыгинскій парламентъ“, оно пріобрѣтетъ болѣе надежную и солидную опору, чѣмъ та, которую ему могутъ предоставить нелѣпые „ташкентцы“ и дикіе помѣщики „Московскихъ Вѣдомостей“.

Не безъ разсчета на эту новую опору, правительство увеличило безконечный рядъ „совѣщаній“ и „коммиссій“, разрабатывающихъ „назрѣвшія реформы“, новымъ „особымъ совѣщаніемъ“, объ образованіи котораго сообщаетъ рескриптъ отъ 30 марта на имя тайнаго совѣтника Горемыкина. Исходя изъ того, что „въ нѣкоторыхъ (!) внутреннихъ губерніяхъ Имперіи хозяйственное положеніе крестьянскаго сословія въ значительной степени поколеблено“, царь признаетъ необходимымъ „незамедлительно приступить къ изысканію средствъ для устраненія этого прискорбнаго явленія“. При этомъ рекомендуется, какъ „непремѣнное условіе“, „*охраненіе частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ*“. Въ программѣ „Совѣщанія“ намѣчается „облегченіе возможности переселенія“ и „завершеніе отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ *вящимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности*“.

Какъ видите, новое Совѣщаніе едва ли не будетъ занято гораздо больше вопросомъ объ охранѣ помѣщичьяго землевладѣнія противъ „всякихъ на него посягательствъ“, чѣмъ нуждами „крестьянскаго сословія“. Совѣщаніе Горемыкина, смѣняющее собой слишкомъ „либеральное“ совѣщаніе Витте о сельско-хозяйственной промышленности, упраздненное въ тотъ же день 30-го марта, должно потребовать „отписаться“ отъ крестьянскаго движенія мелкими „улучшеніями“. Нечего и говорить, что вліяніе его „трудовъ“ на дѣйствительную жизнь будетъ не большимъ, чѣмъ вліяніе работъ коммиссіи Коковцева по рабочему вопросу. Являясь новымъ свидѣтельствомъ неутомимости бюрократіи по части изобрѣтенія новыхъ рецептовъ для излеченія общественныхъ недуговъ, рескриптъ 30 марта сыграетъ одну только роль — возбудить новые толки въ крестьянской средѣ и, слѣдовательно, усилить волненіе въ ней.

Задача — осуществить крестьянскую „реформу“ „при непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ“ является, по существу своему, задачей противорѣчивой. Реформа, въ которой нуждается крестьянство, *какъ сословіе*, есть прежде всего *освобожденіе крестьянской земельной собственности*, до сихъ поръ полу-крѣпостной. Внѣ созданія свободнаго крестьянства, немыслимо укрѣпить его „поколебленное хозяйственное положеніе“. А *освободить* крестьянскую собственность и крестьянское хозяйство немыслимо безъ „посягательствъ“ на священное право собственности помѣщичьей. Вотъ почему крестьянство, въ своемъ стремленіи къ устраненію пережитковъ крѣпостного права и къ улучшенію своего матеріальнаго положенія, является въ настоящее время потенціально-революціоннымъ. Вотъ почему, вопреки всѣмъ реакціоннымъ предразсудкамъ и иллюзіямъ, налипшимъ на крестьянскомъ движеніи, оно не можетъ не кончить рѣзкимъ столкновеніемъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, слишкомъ тѣсно связаннымъ съ „частнымъ землевладѣніемъ“, чтобы отказаться хоть на время отъ охраны его противъ „посягательствъ“.

КАКЪ ОБЪЕДИНЯТЬ ПАРТІЮ?

I.

Съѣздъ или конференція? Спросить это — значитъ, при наличныхъ обстоятельствахъ, спросить: завершеніе раскола или начало умиротворенія? Это отлично знаютъ тѣ твердокаменные фокусники, которые съ одинаковымъ усердіемъ объясняютъ необходимость одного и того же съѣзда сначала тѣмъ, что съѣздъ есть единственный „честный, партійный выходъ“, потомъ тѣмъ, что расколъ сталъ уже „совершившимся фактомъ“, потомъ снова необходимостью „объединенія“ и т. д. и т. д. Это должны будутъ скоро понять и тѣ, измученные партійными неурядицами, товарищи, которые, не находя, по тѣмъ или инымъ причинамъ дѣйствительнаго выхода изъ кризиса, готовы, зажмуривъ глаза, броситься въ чреватую горькими разочарованіями авантюру.

Конференція — это договоръ, соглашеніе; съѣздъ, при ожесточенной враждебности фракцій и отсутствія всякихъ мостовъ между ними, — это майоризація, подавленіе. *Только этимъ* они отличаются другъ отъ друга. Столковаться можно одинаково и на съѣздѣ и на конференціи по всѣмъ рѣшительно вопросамъ политической и партійной жизни. Кто защищаетъ съѣздъ противъ конференціи, тотъ пусть не трудится, поэтому, приводить доводы вродѣ того, что настоящее время, когда и пр. и пр. выдвинуло массу новыхъ вопросовъ и т. д. Все это вѣрно. Вѣрно и то, что всѣ эти вопросы ждутъ разрѣшенія. Вѣрно, что слѣдуетъ стремиться выработать по этимъ вопросамъ коллективное партійное мнѣніе. Но все это не имѣетъ отношенія къ вопросу: съѣздъ или конференція? Чтобы рѣшить *этотъ* вопросъ, надо прямо, открыто и честно отвѣтить, желаемъ-ли мы подавленія или соглашенія. И только тотъ, кто будетъ имѣть мужество сказать, что *объединеніе* различныхъ теченій совершается успѣшнѣе всего путемъ *подавленія* одного или нѣсколькихъ теченій, только тотъ можетъ *теперь* стоять за съѣздъ противъ конференціи и считать съѣздъ лучшимъ средствомъ умиротворенія партіи. Но кто будетъ имѣть мужество сказать это, тотъ долженъ вспомнить поучительные уроки II съѣзда. Тотъ долженъ вспомнить, прежде всего, знаменитыя Ленинскія діаграммы („Шагъ впередъ и пр.“), несмотря на всю свою смѣхотворность съ статистической точки зрѣнія, наглядно изображающія одинъ, болѣе чѣмъ грустный, фактъ: процессъ „объединенія“ партіи методами подавленія иллюстрируется въ видѣ опрокинутой пирамиды. Широкое основаніе пирамиды — это тѣ многочисленныя организаціи и теченія, которыя были созваны на съѣздъ ради объединенія *всѣхъ ихъ*; почти остроконечная верхушка пирамиды — это *одна* часть *одной* организаціи и *одного* теченія, долженствовавшая представлять собою „объединенную партію“! И, принимая во вниманіе, что условія созыва такъ усердно пропагандируемаго нынѣ „съѣзда“, если и измѣнились, въ смыслѣ представительства дѣйствительной воли *партіи*, по сравненію съ тѣми условіями, въ которыхъ былъ созванъ II съѣздъ, то измѣнились *къ худшему*, всякій искренній и вдумчивый сторонникъ объединенія долженъ будетъ сказать: нѣтъ, не пирамидальные чертежи, такъ любовно размалевываемые Ленинымъ, выражаютъ процессъ объединенія партіи; не подавленіе положитъ начало умиротворенію ея, а соглашеніе, договоръ, опредѣляющій *условія совмѣстной работы и совмѣстнаго соперничества идейныхъ теченій въ рамкахъ одной партійной программы*. Но сказать это, — значитъ, при данныхъ условіяхъ, сказать твердо и рѣшительно: конференція, а не съѣздъ!

У насъ нѣтъ, разумѣется, ни малѣйшихъ иллюзій насчетъ истинной цѣны „объединительныхъ“ стремленій Ленина и группирующихся вокругъ него своеобразныхъ „публицистовъ“; было бы непростительною наивностью хоть на минуту усумниться въ томъ, что — поскольку это отъ нея зависитъ — „галерочная“ фракція дѣлаетъ и будетъ дѣлать все возможное чтобы довести партію до раскола.

Но намъ скажутъ: зачѣмъ же для раскола съѣздъ? Не проще ли, не экономнѣе ли произвести расколъ безъ съѣзда? И затѣмъ: неужели можно думать, чтобы „ленинизмъ“, это олицетвореніе полнаго политическаго безплодія, партійной дезорганизаціи и свары, могъ выйти побѣдителемъ со съѣзда? Вѣдь на съѣздѣ, какъ бы искусно онъ ни фабриковался, будутъ все-же въ большинствѣ товарищи, пріѣхавшіе изъ Россіи, такъ или иначе прикосновенные къ работѣ, убѣдившіеся на собственномъ опытѣ, что ни одной политической идеи, ни одного тактическаго указанія, ни одного слова честной критики чужихъ идей, ни одного политическаго листка, ни одной политической брошюры не далъ имъ прославленный „вождь“ за тѣ два года, которые для всей Россіи были полны самыми бурными, самыми революціонными событіями, и которые для него были заняты цѣликомъ мучительными и напряженнѣйшими думами надъ съѣздовскими діаграммами, составомъ центровъ, третьимъ съѣздомъ и пр. и пр. На это мы скажемъ: да, расколъ Ленинъ и иже съ нимъ могли устроить по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ; да, „побѣдителемъ“, по существу дѣла, этотъ куликъ, великій на своемъ болотѣ, выйти со съѣзда не можетъ, ибо у него нѣтъ знамени, во имя котораго онъ могъ бы одержать „побѣду“. Тѣ „принципы“ кулачнаго права, во имя которыхъ онъ „боролся“ на II съѣздѣ, и которые заставляли его, въ самый разгаръ свалки, съ упоеніемъ восклицать: „какая прекрасная вещь нашъ съѣздъ!“ — эти убогіе принципы потерпѣли самое рѣшительное фіаско, и онъ ихъ *уже* не смѣетъ громко выговорить. Тѣ-же новые, якобинскіе принципы, которые быстро созрѣваютъ на страницахъ „Впередъ", — онъ ихъ *еще* не смѣетъ провозгласить во всей полнотѣ. Но если Ленинская клика все-же желаетъ произвести расколъ непремѣнно *на съѣздѣ*, то причина такого желанія вполнѣ ясна. Этимъ господамъ нужно произвести расколъ въ такой формѣ, чтобы истинныя причины и цѣли его были по возможности затемнены. Они отлично оцѣнили выгоды той удушающей атмосферы дрязгъ, сплетенъ, мелочей и пустяковъ, которой имъ удалось окружить совершенно ясное по существу своему расхожденіе во взглядахъ, проявившееся на второмъ съѣздѣ; они отлично помнятъ, какую жирную рыбу ловили они почти цѣлыхъ 2 года въ разведенной ими мути. И вотъ, для своего новаго подвига по части раздиранія партіи Ленинъ и Кº. готовятъ новую подходящую „обстановочку", новую кучу сора, сплетенъ и дрязгъ, черезъ которую товарищамъ, не присутствовавшимъ на съѣздѣ, опять придется пробираться съ невѣроятнымъ трудомъ, чтобы добиться выясненія дѣйствительныхъ причинъ расхожденія. Товарищи не забыли, надѣемся, какой огромной затраты силъ и времени потребовала расчистка тѣхъ авгіевыхъ конюшенъ, которыя Ленинъ сумѣлъ завести въ партіи послѣ II съѣзда. Съ новаго „съѣзда" разногласія опять выйдутъ въ формѣ вопросовъ о „составѣ центровъ" и т. п., и опять отецъ всей этой лжи будетъ кутаться въ тогу непорочной „партійной" добродѣтели. Но мы говоримъ рѣшительно: такого удовольствія сторонникамъ раскола не имѣетъ права доставлять ни одинъ товарищъ, сознающій свои обязанности передъ партіей и не забывающій, что въ число этихъ обязанностей входитъ объясненіе причинъ расхожденія пролетаріату, тому пролетаріату, которому трудно, почти невозможно разобраться въ клубкѣ кружковыхъ сплетенъ. И потому мы говоримъ: если эти господа желаютъ раскола во что бы то ни стало, если они не желаютъ соглашенія, договора, если для нихъ расколъ уже рѣшенное дѣло, то мы не дадимъ имъ произвести этотъ расколъ въ туманѣ кружковыхъ дрязгъ, а заставимъ отколоться такъ, чтобы причины раскола, линія, по которой онъ произошелъ, были ясны и очевидны всякому. Тѣ принципіальныя расхожденія, которыя въ настоящее время раздѣляютъ большинство товарищей и которыя мы считаемъ возможнымъ вмѣстить въ предѣлахъ одной партіи, которыя для Ленинцевъ служатъ достаточнымъ предлогомъ для раскола, эти расхожденія должны быть представлены въ кристальной чистотѣ, ихъ долженъ видѣть и нащупать каждый партійный работникъ. И вотъ почему опять и опять: не съѣздъ, а конференція!

Но что можетъ сдѣлать конференція? Мы уже говорили, что она можетъ и должна установить условія совмѣстной работы и свободнаго соперничества всѣхъ теченій, существующихъ въ партіи. И достаточно взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго желанія сохранить единство партіи, чтобы увидѣть, какъ просто и легко рѣшаются задачи, кажущіяся такими головоломными тому, кто все еще тѣшитъ себя иллюзіей водворить миръ путемъ подавленія, запрещенія, недозволенія, раскассированія, или — что, пожалуй, еще хуже — путемъ искусныхъ личныхъ комбинацій. Послѣдняго сорта иллюзіи еще хуже потому, что онѣ основываются на полной слѣпотѣ къ серьезнымъ вопросамъ и сводятъ все дѣло къ тѣмъ или инымъ качествамъ „вождей", а потому и рѣшеніе ищется въ сущности только въ томъ, чтобы наладить оркестръ, иначе „разсадивъ" музыкантовъ. Разумѣется, ничего кромѣ разочарованія и огромной путаницы въ результатѣ такого упрощеннаго способа рѣшенія сложныхъ вопросовъ получиться не можетъ. Дѣйствительное начало умиротворенію можетъ быть положено не закрываніемъ глазъ на существующія разногласія, а, наоборотъ, лишь открытымъ и послѣдовательнымъ выясненіемъ сущности и размѣровъ ихъ. Для того, чтобы „объединить", надо прежде всего прямо сказать себѣ: я признаю наличность такихъ то и такихъ то теченій въ партіи, которымъ, какихъ бы взглядовъ я самъ ни держался, признаю возможнымъ дать свободно *высказываться*; побѣду своихъ воззрѣній я основываю не на томъ, что тѣмъ или инымъ способомъ закрою ротъ своему оппоненту, а единственно и исключительно на томъ, что, опираясь на правильность своихъ взглядовъ, возьму верхъ въ открытомъ, равноправномъ и свободномъ состязаніи съ представителями другихъ взглядовъ. Только исходя изъ такихъ посылокъ и рѣшившись послѣдовательно держаться ихъ, можно рѣшить задачу установленія мира въ партіи. Разумѣется также, что нужно безпощадно гнать отъ себя маниловскія мечтанія, будто всѣ разногласія, споры, тренія и пр. могутъ быть уничтожены однимъ мановеніемъ руки. Не во гнѣвъ будь сказано почтенной редакціи „Впередъ", какъ организація массъ и массовой партіи есть трудный и длительный процессъ, точно такъ же и умиротвореніе и объединеніе партіи есть продолжительный процессъ, и все, что можетъ сдѣлать, при наилучшихъ условіяхъ, конференція, — это положить хорошее и прочное *начало* этому процессу.

Прежде всего, весь прошлый опытъ и все настоящее положеніе дѣлъ должно, на нашъ взглядъ, заставить конференцію признать совершенно опредѣленно: *процессъ объединенія партіи можетъ и долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ процессомъ созданія и роста дѣйствительно массовой партіи.* Все, что насъ тянетъ къ закостенѣнію въ видѣ тѣснаго, подпольнаго кружка, въ своей узкой сферѣ ставящаго и рѣшающаго всѣ вопросы, — все это способствуетъ раздробленію, расколу, все это препятствуетъ объединенію. Соціальдемократія, съ ея сложной постановкой политическихъ задачъ, не можетъ органически не можетъ развиваться въ видѣ оторваннаго отъ массъ „сообщества". Только растущее сліяніе съ массой можетъ дать соціальдемократіи устойчивое единство, только оно можетъ противодѣйствовать тому, чтобы различное рѣшеніе возникающихъ передъ нами вопросовъ, неизбѣжное именно въ виду сложности нашей тактики, влекло за собою непрерывное кружковое дробленіе. Только дѣйствительное превращеніе соціальдемократіи въ массовую партію, сверху до низу живущую одною и тою же партійною жизнью, создастъ увѣренность, что, несмотря на возможныя временныя отклоненія, въ общемъ и цѣломъ партія будетъ идти по вѣрному пути, а, слѣдовательно, явится тѣмъ дѣйствительно компетентнымъ судьею, къ которому можно апеллировать, которому можно подчиниться сегодня, даже считая себя правымъ, въ увѣренности, что завтра правильныя воззрѣнія все-же восторжествуютъ. Вѣдь вся наша теорія говоритъ намъ, что коллективный организмъ, состоящій изъ тысячъ *сознавшихъ свое классовое положеніе* пролетаріевъ, *въ общемъ и цѣломъ* не можетъ не идти по пути классовой борьбы, который и является для соціальдемократіи вѣрнымъ путемъ; и, наоборотъ, эта же теорія говоритъ намъ, что оторванный отъ пролетарской массы интеллигентскій кружокъ, каковы бы ни были его субъективныя намѣренія и настроенія, *не можетъ не терять* вѣрной дороги. И потому, безконечно отлична для соціальдемократа та дисциплина, во имя которой требуетъ отъ него подчиненія кружокъ, отъ дисциплины, которой онъ добровольно подчиняется въ массовой пролетарской партіи. Вотъ почему *массовая* партія даетъ лучшія гарантіи партійнаго единства, чѣмъ самыя хитроумныя комбинаціи, придуманныя на съѣздѣ тѣсныхъ кружковъ.

Но, если признать это положеніе вѣрнымъ, то отсюда неизбѣжно слѣдуетъ выводъ: *не на съѣздѣ можетъ быть положенъ прочный фундаментъ объединенію, а на мѣстахъ; не съ верхушки должно оно осуществляться, а снизу.* „Сверху" можно создать только благопріятныя *условія* для объединенія снизу. И только въ результатѣ *такого* процесса объединенія съѣздъ дѣйствительно можетъ „увѣнчать зданіе". Болѣе того. Только такой процессъ объединенія создастъ самую возможность съѣздовъ, рѣшенія которыхъ, *съ пользою для дѣла*, смогутъ претендовать на такую непре[illegible]ость и обязательность, какъ, напримѣръ, рѣшенія гер[illegible]йтаговъ.

Вотъ какъ мы представляемъ себѣ это объединеніе: вездѣ, гдѣ существуютъ на мѣстахъ двойныя организаціи, онѣ должны слиться во всѣхъ своихъ этажахъ. Мы не закрываемъ глазъ на то, что въ верхнихъ этажахъ такому сліянію будутъ, пожалуй, кое-гдѣ противостоять почти непреодолимыя, традиціонно создавшіяся препятствія. Въ такомъ случаѣ, не форсируя этого процесса объединенія, мы скажемъ: сліяніе должно начаться съ самаго низу, съ тѣхъ заводскихъ кружковъ, гдѣ находятся пролетаріи, признающіе себя соціальдемократами, раздѣляющіе нашу программу, но, невѣдомо для нихъ самихъ почему, „причисленные" къ „большинству" и „меньшинству". Мы обращаемъ вниманіе товарищей на письмо рабочихъ Спб. металлургическаго завода, помѣщенное въ № 14 „Впередъ". Изъ этого письма ясно видно, что партія не сумѣла еще такъ втянуть въ свою жизнь этихъ рабочихъ-соціальдемократовъ, чтобы имъ стала ясна, болѣе или менѣе ясная для членовъ верхушки партіи, разница между „большинствомъ" и „меньшинствомъ". Партія еще не успѣла сдѣлать этихъ рабочихъ активными участниками тѣхъ своихъ политическихъ шаговъ, полное пониманіе которыхъ требуетъ, между прочимъ, и представленія о различныхъ теченіяхъ партійной мысли. При такихъ условіяхъ не правы-ли авторы письма, когда на своемъ энергичномъ языкѣ выражаются, что „подло и позорно" раздѣлять рабочихъ-соціальдемократовъ только потому, что ихъ „приписала" къ себѣ та или другая фракція, и тѣмъ ослаблять ихъ дружную борьбу?

Имѣемъ-ли мы право, да имѣетъ ли и какой-нибудь смыслъ для насъ удерживать отъ объединенія этихъ пролетаріевъ, раздѣленныхъ только тѣмъ, что, къ ихъ несчастію, явились „2 интеллигентныя группы"? Очевидно, ни права у насъ на это нѣтъ, ни смысла въ такомъ раздѣленіи нѣтъ, а препятствій для объединенія, полнаго и немедленнаго, никакихъ не имѣется. И потому мы должны взять на себя иниціативу сближенія и объединенія этихъ слоевъ нашей партіи въ процессѣ совмѣстной экономической и политической борьбы. Чѣмъ выше будемъ мы подниматься по партійной лѣстницѣ, тѣмъ больше будетъ встрѣчаться препятствій. И это отнюдь не будетъ капризомъ; ибо чѣмъ выше, тѣмъ яснѣе и отчетливѣе формулируются разногласія, и тѣмъ труднѣе каждому подчинить свою волю чужой, когда, по существу, отсутствуетъ еще возможность провѣрки, что чужая воля дѣйствительно чѣмъ нибудь лучше; придумываніемъ чисто формальныхъ критеріевъ вопросъ, разумѣется, не рѣшается.

Но, какъ бы то ни было, мы увѣрены, что и сейчасъ кромѣ самыхъ центральныхъ группъ — комитетовъ и подкомитетовъ — серьезныхъ препятствій къ сліянію въ ихъ остальныхъ этажахъ организація не встрѣтится. Въ такомъ случаѣ нужно только создать на время какую-нибудь нейтральную коммиссію между обѣими верхними организаціями для согласованія ихъ дѣйствій. На примѣрѣ Петербурга мы видѣли, что, и при самыхъ обостренныхъ отношеніяхъ, такія коммиссіи возможны.

Теперь является вопросъ: какъ будетъ при такихъ условіяхъ идти работа? Намъ кажется, что вопросъ этотъ рѣшается очень просто. Когда оказывается, что въ партіи есть двѣ или болѣе точки зрѣнія на какой-либо политическій вопросъ, не только допустимо, но прямо таки необходимо, чтобы *каждое* районное собраніе, *каждый* рабочій кружокъ получили возможность выслушать всѣ мнѣнія, разобраться въ нихъ и вынести свое сужденіе. Это просто необходимо, если мы хотимъ, чтобы весь коллективъ партіи жилъ дѣйствительно коллективною партійною жизнью, и чтобы дѣйствительно складывалась партія. То и дѣло приходится слышать, что въ то время, какъ политическая жизнь кипитъ и страна переживаетъ революцію, въ нашихъ рабочихъ кружкахъ господствуетъ скука, вялость, мертвечина. Мудрено ли, когда этимъ кружкамъ никогда не приходится серьезно и за своею отвѣтственностью рѣшать политическіе вопросы, когда — въ цѣляхъ „единомыслія" — всякіе споры передъ рабочими систематически устраняются, когда комитетъ сверху даетъ всѣмъ своимъ работникамъ одну директиву и — въ лучшемъ случаѣ — поручаетъ ее „провести", т. е. формально протащить черезъ периферію? Пора понять, что политическій опытъ не можетъ идти только сверху, что его необходимо высасывать снизу. Только *взаимодѣйствіе* верха и низа партійной организаціи можетъ дать полезные результаты. И потому мы настаиваемъ: всякій разъ, когда по какому нибудь вопросу текущей политики встрѣчаются разныя мнѣнія, наша обязанность довести *всѣ* мнѣнія до свѣдѣнія *всѣхъ* организованныхъ рабочихъ, дать возможность каждому рабочему участвовать въ рѣшеніи спорнаго вопроса, рѣшеніи, которое, только ставъ такимъ образомъ мнѣніемъ всей мѣстной организаціи, становится для всѣхъ обязательнымъ. Пора перестать парадировать передъ „низами" *только* въ видѣ „спѣвшихся" коллегій руководителей — ибо въ такомъ, исключительно закулисномъ „спѣваніи" — смерть нашей партіи. Пора положить конецъ этому, дѣйствительно позорному положенію, при которомъ про серьезнѣйшія разногласія въ нашей партіи рабочій можетъ говорить: „паны дерутся, а у хлоповъ чубы болятъ" („Впередъ" № 14, письмо изъ Одессы), и въ то-же время, очевидно — въ традиціонно воспитанной увѣренности, что „не нами заведено, не нами и кончится", ждать избавленія своего „чуба" все отъ тѣхъ-же „пановъ", которые гдѣ-то соберутся на „третій съѣздъ" и „промежъ себя" все устроятъ, какъ нельзя лучше, къ его, хлопскому, благополучію.

Только тогда, когда всѣ наши споры, всѣ разногласія по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ, всѣ недоумѣнія будутъ открыто выноситься на обсужденіе *всѣхъ* организованныхъ работниковъ, только тогда жизнь закипитъ ключемъ въ нашей партіи; только тогда политическія директивы, которыя явятся результатомъ такого коллективнаго обсужденія, будутъ дѣйствительно проводиться въ жизнь; только тогда мы, посредствомъ всего партійнаго коллектива, сможемъ двигать всей многомилліонной массой пролетаріата; словомъ, только тогда мы развернемъ во всей полнотѣ всю скрытую въ нашей партіи мощную силу. И только тогда-же будетъ прочно закрѣплено партійное единство, только тогда каждое кружковое или индивидуальное мнѣніе будетъ неизбѣжно подчинено дѣйствительно *партійному* мнѣнію и — болѣе того — будетъ все чаще и чаще добровольно подчиняться ему, ибо будетъ ясно, кому и во имя чего приходится подчиняться. Разумѣется, подчиняться не значитъ лишаться права продолжать *убѣждать* товарищей по партіи въ своей правотѣ; это значитъ лишь — не успѣвъ еще убѣдить, подчинять свои *дѣйствія* коллективному мнѣнію.

Вотъ почему мы не только не боимся идейнаго соперничества „меньшинства" и „большинства" передъ такой, все болѣе объединяющейся снизу пролетарской массой членовъ партіи, но, наоборотъ, всѣми силами призываемъ его. Намъ, разумѣется, незачѣмъ говорить здѣсь о разныхъ техническихъ подробностяхъ такого объединенія и такого согласованія дѣятельности. При добромъ желаніи, товарищи, работающіе на мѣстахъ, лучше насъ сдѣлаютъ это. Но одно для насъ несомнѣнно: этотъ процессъ объединенія массъ, при условіи свободнаго соперничества идей, только и дастъ возможность говорить безъ напыщеннаго фанфаронства объ единствѣ „безъ вождей или противъ вождей", если „вожди" окажутся „упорствующими". Обращаться-же съ этимъ лозунгомъ къ средѣ, которая, въ сущности, по отношенію ко всей массѣ членовъ партіи, только и состоитъ изъ „вождей" („пановъ" — по выраженію одесскаго рабочаго, „интеллигентныхъ группъ" — по выраженію рабочихъ СПБ. металлическаго завода), значитъ блескомъ громко звучащей фразы заглушать голосъ партійной совѣсти, которая должна, дѣйствительно, искать и найти выходъ изъ пагубной диктатуры „вождей" надъ партіей.

Объединеніе снизу не только положитъ прочное основаніе партійному единству; оно сдѣлаетъ гораздо болѣе: создастъ самое партію. А вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ растущей мѣрѣ, оно будетъ создавать и условія для созыва такихъ съѣздовъ, рѣшенія которыхъ, не только формально, но и по существу, будутъ обязательны для каждаго члена партіи, потому что за ними будетъ стоять дѣйствительно сознательная политическая воля партіи, а не болѣе или менѣе искусная дипломатія партійныхъ „генераловъ".

Уже цитированное нами письмо рабочихъ СПБ. металлическаго завода показываетъ, что этотъ процессъ „объединительнаго" давленія снизу начинается. И мы не только не можемъ раздѣлять того безпокойства, которое испытываетъ „Впередъ" при мысли о томъ, что „настроеніе это можетъ охватить значительную часть борющагося пролетаріата", но, наоборотъ, съ величайшею радостью привѣтствуемъ его. Оно показываетъ намъ, что ростущіе слои пролетаріата начинаютъ чувствовать нашу партію *своею* партіею и требовать „гражданскаго равноправія" въ ней. Они требуютъ, чтобы въ партіи не было расколовъ, непонятныхъ имъ, чтобы вся жизнь партіи, ея разногласія, ея вопросы были извѣстны имъ, рѣшались съ ихъ вѣдома. И мы очень совѣтуемъ всѣмъ товарищамъ подумать объ истинномъ смыслѣ словъ рабочихъ, что, если ихъ требованія не будутъ выполнены, то „тогда у насъ нѣтъ интеллигентнаго пролетаріата." Это значитъ просто слѣдующее: если то, что вы дѣлаете, изъ за чего спорите и расходитесь, остается для насъ книгою за семью печатями и отражается только въ томъ, что „мы не находимъ фактически возможности работать въ организаціи", то знайте, что мы обойдемся безъ васъ. И это надо запомнить: пролетаріатъ и безъ насъ останется огромной исторической силой, мы же безъ пролетаріата сразу превращаемся въ ничто — въ смѣшную кучку чудаковатыхъ утопистовъ.

Но, къ счастью, мы можемъ увѣрить петербургскихъ товарищей-рабочихъ, что въ нашей партіи найдется достаточно „интеллигентнаго пролетаріата", который захочетъ быть вмѣстѣ съ „рабочимъ пролетаріатомъ", который твердо и рѣшительно встанетъ на тотъ путь объединенія, который указанъ въ письмѣ рабочихъ и который намъ представляется единственно возможнымъ и ведущимъ къ цѣли.

Обсудить и установить возможныя формы такого объединенія — вотъ первое и самое главное дѣло, которое должна сдѣлать конференція товарищей, искренно и серьезно желающихъ партійнаго единства. Только на почвѣ этого основнаго вопроса могутъ получить удовлетворительное разрѣшеніе и всѣ другіе вопросы партійной организаціи.

Но наша статья слишкомъ растянулась, и потому обсужденіе этихъ другихъ вопросовъ — постановки литературнаго дѣла, центральныхъ учрежденій партіи, технической части и пр. пр. — мы вынуждены отложить до другого раза. Скажемъ только сейчасъ же, что дѣло — не въ той или иной неподвижной схемѣ, а въ приспособленіи всего строя „верхушки" партіи къ потребностямъ объединительнаго стремленія снизу и свободнаго высказыванія всѣхъ вмѣщающихся въ рамки нашей программы теченій.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Осадное положеніе въ Польшѣ. „Познанскій Дневникъ" отъ 6/IV пишетъ, что послѣдняя стрѣльба въ Варшавѣ была произведена по толпѣ, собравшейся почтить похороннымъ шествіемъ замученнаго въ тюрьмѣ „Павякъ" студ. политехн. Гурцмана, взятаго, какъ извѣстно, въ тайной типографіи с. д. вмѣстѣ съ Каспржакомъ и судившагося военнымъ *судомъ*. Вѣнскія газеты помѣстили письмо тов. Олатовскаго, члена вѣнскаго рабочаго союза „Сила", который, уѣхавъ въ Варшаву по личнымъ дѣламъ, былъ тамъ арестованъ во время январскихъ дней. Письмо получено 2/IV: „Обращаюсь къ вамъ, товарищи, съ горячей, быть можетъ послѣдней, просьбой. Во время революціонныхъ дней въ Варшавѣ я былъ арестованъ 29/I и теперь меня, вмѣстѣ съ другими, обвиняютъ въ вооруженномъ нападеніи на полицію и войско. Насъ предаютъ военному суду по § 279 тома 22 военныхъ уставовъ 1899 года, который не предвидитъ другихъ наказаній, кромѣ смертной казни. Со среды намъ начали вручать обвинительные акты, причемъ представитель военнаго суда ген. Стрѣльниковъ обратился къ намъ съ слѣдующей рѣчью: „Вы намъ устроили новое польское возстаніе, ну такъ и мы поступимъ съ вами такъ, какъ поступили съ мятежниками 1863 г. — однихъ перевѣшаемъ, другихъ сошлемъ въ каторгу". Намъ дали 24 часа времени на приглашеніе защитниковъ и указаніе свидѣтелей, на что гражданскій судъ даетъ по меньшей мѣрѣ недѣлю. Лично мнѣ извѣстно, что преданы военному суду: Владиславъ Домбровскій изъ Вѣны, Антонъ Пиляшекъ, Заремба, Янъ Шевчикъ, Станиславъ Зелинскій, всего около двѣнадцати молодыхъ людей. Военный судъ вызоветъ здѣсь уличныя демонстраціи; слѣдовало-бы независимо отъ этого возбудить общественное мнѣніе у насъ, а также заграницей. Товарищескій привѣтъ изъ тюрьмы. Олатовскій (онъ же Домбровскій)".

Петербургъ. Общее недовольство и волна протеста захватили и мальчишекъ-разносчиковъ газетъ. Недавно они выкрикивали „Грозное царское слово къ русскому народу" за пять коп., а нынче продаютъ это же самое (новое изданіе) за три коп. На вопросъ о причинахъ такой дешевки, отвѣчаютъ: „теперь царскія слова съ каждымъ днемъ дешевле".

Въ „обществѣ" въ связи съ толками о мирѣ разсказываютъ, будто въ высшихъ сферахъ предполагаютъ по окончаніи войны устроить изъ Манчжурской арміи нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній. Говорятъ, будто пошлютъ туда женъ и дѣтей солдатъ, нарѣжутъ земли и т. д. Все это для того, чтобъ не возвращать въ Россію всю озлобленную солдатскую массу. Проектъ этотъ, конечно, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ и характеренъ только для настроенія „высшихъ сферъ". Ихъ растерянность не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, недурно устраивать пока что свои дѣлишки; такъ, изъ вполнѣ достовѣрнаго источника сообщаютъ, какъ коммиссія (подъ предсѣдательствомъ великаго князя Алексѣя Александровича) по пріобрѣтенію судовъ прицѣнивалась къ французскому транспорту „Маргарита". Французы просили $1^1/_2$ милліона франк., но не предлагали „на чай", и покупка не состоялась, такъ какъ транспортъ былъ признанъ не подходящимъ. Черезъ два мѣсяца этотъ же транспортъ подъ тѣмъ же названіемъ, даже не перекрашенный, былъ предложенъ коммиссіи какой то американской компаніей за ... $3^1/_2$ милліона, изъ которыхъ $1^1/_2$ предлагалось коммиссіи. Покупка, конечно, состоялась. Изъ наиболѣе ворующихъ членовъ называютъ Абазу и Гейдена.

Ярославль. У насъ на дняхъ застрѣлился гимназистъ 5-го класса Пановъ, бывшій первымъ ученикомъ въ классѣ и первымъ коноводомъ въ борьбѣ съ начальствомъ. Недавно у него произошелъ крупный скандалъ съ учителемъ Климко, поставившимъ ему двойку. Это переполнило чашу терпѣнія бѣднаго Панова, и онъ во время уроковъ пустилъ себѣ пулю въ сердце въ гимназическомъ коридорѣ. Самоубійство это сильно взволновало всю учащуюся молодежь. Рѣшено было такъ или иначе выразить протестъ. Были устроены демонстративныя похороны. На гробъ были возложены вѣнки съ вполнѣ опредѣленными надписями: „Жертвѣ сердечнаго попеченія", „Проклятіе ярославскому обществу, хладнокровно относящемуся къ убійству его дѣтей звѣрями бюрократіи" и т. д.; на гробу лежала также красная лента съ надписью: „Жертвѣ самодержавія". Сейчасъ же послѣ отпѣванія всѣ вѣнки и гробъ были окружены охраной изъ организованной учащейся молодежи. Отецъ самоубійцы, д-ръ Пановъ, протестовалъ противъ красной ленты, но ему отвѣтили, что у демонстрантовъ могутъ быть свои соображенія насчетъ смерти его сына. Когда гробъ проносили мимо гимназіи, къ толпѣ, окружавшей гробъ, направился полиціймейстеръ Пузыревъ и пробормоталъ нѣсколько жалкихъ словъ, вродѣ: „Я предупреждаю", „желаю вамъ добра" и т. д., въ отвѣтъ на что получилъ: „Долой полицію", и принужденъ былъ ретироваться. Похоронная процессія шла по главнымъ улицамъ: Стрѣлецкой и Власьевской; „Вѣчная память" перемѣшивалась съ „Вы жертвою пали въ неравномъ бою". На кладбищѣ къ демонстрантамъ присоединились, въ числѣ 250 челов., семинаристы;

на могилѣ были произнесены рѣчи, причемъ послѣдній изъ ораторовъ закончилъ свою рѣчь словами: „Долой самодержавіе“, дружно подхваченными публикой и быстро разнесшимися по кладбищу. Послѣ этого публика демонстративно прошлась по Власьевской съ пѣніемъ: „Марсельезы“, „Дубинушка“, „Дружно, товарищи“, „Смѣло, друзья“. Пѣніе прерывалось возгласами: „Долой самодержавіе!“, „Долой царя убійцу!“, „Долой войну!“, „Да здравствуетъ свобода!“, „Да здравствуетъ революція!“ Послѣ этого, пожавъ другъ другу руки, со словами „до слѣдующей демонстраціи“, публика разошлась. Одинъ изъ курьезовъ: когда проходили мимо одного городового и крикнули ему: „Развѣ не видишь ленту?“, онъ преспокойно отдалъ честь лентѣ, а на лентѣ было написано: „Жертва самодержавія“. Демонстрантовъ было около 650 или 700 человѣкъ; 250 гимназистовъ, 250 семинаристовъ, 100 техниковъ, остальные—гимназистки и сочувствующая публика.

Томскъ. 4-го февраля умеръ отъ чахотки студентъ 4-го курса Томскаго университета О. В. Смирновъ въ ноябрѣ 1904 года вернувшійся изъ Архангельской губ. куда онъ былъ сосланъ за демонстрацію 1904 года. Изъ ссылки онъ пріѣхалъ уже вполнѣ сознательнымъ соціальдемократомъ и хотѣлъ работать въ Томской организаціи, но нажитая въ тюрьмѣ чахотка приковала его къ постели и быстро свела въ могилу. 6-го февраля товарищи провожали его трупъ на кладбище. Около 400 человѣкъ шло за гробомъ. Съ крышки его развѣвались широкія красныя ленты вѣнка. Процессія обращала на себя общее вниманіе и многіе изъ публики присоединились къ ней. Около дома Второва, на мѣстѣ побоища 18-го января, процессія остановилась и священникъ отслужилъ литію „по убитымъ“. Вторая литія была отслужена около полиціи, на мѣстѣ другого избіенія во время демонстраціи 1903 года, за участіе въ которой и замучили Смирнова. Встрѣчавшихся на пути казаковъ и полицейскихъ заставляли снимать шапки. Передъ кладбищемъ и на могилѣ произнесены были рѣчи, въ которыхъ выяснялось міросозерцаніе умершаго товарища и дѣлался призывъ стать „подъ знамена тѣхъ же идей“, бороться во имя которыхъ такъ хотѣлось ему. Затѣмъ, пропѣвъ революціонныя пѣсни, публика стала расходиться. Арестовъ не было, хотя полиція и казаки стояли на готовѣ около кладбища.

Съ 16-го февраля началось „броженіе“ среди служащихъ Управленія Сиб. жел. дор. Въ этотъ день изъ службы бухгалтеріи были вызваны къ жандармскому ротмистру 12 человѣкъ. Имъ было объявлено, что, по распоряженію завѣдующаго передвиженіемъ войскъ (Сухотинъ) имъ воспрещается появляться на линіи отчужд. Сиб. жел. дор., а затѣмъ 18-го февраля — всѣхъ ихъ уволили. Все это происходило совершенно по „патріархальному“, безъ всякаго объясненія причинъ. Только частнымъ путемъ удалось узнать, что потерпѣвшіе заподозрѣны въ участіи въ „безпорядкахъ“ 18 января. Такая безцеремонная расправа по одному подозрѣнію или доносу взволновала товарищей уволенныхъ, среди нихъ началось „броженіе“. Томскій комитетъ поспѣшилъ выпустить листокъ, въ которомъ указывалъ, что взволновавшій ихъ случай — только частное проявленіе современнаго политическаго режима и призывалъ ихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ вообще и — въ частности — къ защитѣ уволенныхъ товарищей. Листокъ этотъ былъ встрѣченъ служащими очень сочувственно, но объявить стачку съ требованіемъ возвращенія товарищей они все таки не рѣшились. Между тѣмъ, въ Управленіи дороги образовался свой „Комитетъ“, который выпустилъ нѣсколько гектографированныхъ листковъ съ призывомъ къ экономической борьбѣ. Томскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П. отвѣтилъ на нихъ новой прокламаціей, выясняющей, что теперь не время тратить силы на отстаиваніе интересовъ отдѣльныхъ группъ пролетаріевъ и снова приглашалъ служащихъ выступить на путь политической борьбы, борьбы за великую ближайшую цѣль всего русскаго пролетаріата — за демократическую Республику. Листокъ этотъ, также какъ и другой распространенный наканунѣ (о царскихъ „милостяхъ“), произвелъ большое впечатлѣніе на служащихъ Управленія. Многіе соглашаются уже съ тѣмъ, что все „дарованное свыше“ — непрочно и что только съ уничтоженіемъ самодержавія можетъ хоть сколько нибудь улучшиться ихъ положеніе. Но, чѣмъ кончится это броженіе, еще трудно сказать.

Харьковъ. 21-го марта состоялось собраніе харьковскаго сельскохозяйственнаго общества. Во время второй половины собранія было предложено прочесть воззваніе московскаго сельскохозяйственнаго общества, разосланное по всѣмъ городамъ. Предложеніе это было принято 29 голосами противъ 15, и оно было прочитано. Во время перерыва, членъ общества г. Минаевъ произнесъ съ патріотическимъ паѳосомъ рѣчь, что прочтеніе воззванія есть преступленіе, что его не имѣли права читать, если бы даже только одинъ человѣкъ не пожелалъ его выслушать и т. д. Кто то изъ членовъ крикнулъ ему: „отсталый тупица“. Его мало смутила эта реплика, но сынъ его, офицеришка лѣтъ 20, принялъ героическую позу и съ обнаженной саблей и словами: „Какъ вы смѣете оскорблять моего отца“ бросился искоренять крамолу. Его схватили и при единодушныхъ крикахъ „вонъ“ и свисткахъ начали выталкивать его и отца, защищавшаго своего юнца. И здѣсь наступилъ трагическій моментъ, въ нѣкоторомъ родѣ: апоѳеозъ самодержавія. Глупый офицеришка крикнулъ: „если я услышу еще одинъ свистъ, я за себя не отвѣчаю. Я вижу въ этомъ оскорбленіе его величества“. Можете себѣ представить, какой дружный хохотъ раздался, когда офицеръ спрятался за порфиру Ники-послѣдыша. Послѣ этого предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ и семейство Минаевыхъ тогда удалилось. Предсѣдатель объявилъ, что открывается частное совѣщаніе по поводу этого инцидента. На этомъ собраніи рѣшено было потребовать исключенія Минаева. Предложеніе привлечь къ отвѣтственности его юнца было провалено, такъ какъ нѣкоторые возражали что такая жалоба только можетъ послужить къ возвышенію этого смѣхотворнаго рыцаря.

Въ юридическомъ обществѣ 19-го марта къ резолюціи о созывѣ учредительнаго собранія и разныхъ свободахъ были внесены двѣ поправки: одна — требующая свободы стачекъ (почему то забытой), вторая, гласящая, что въ случаѣ если требованія не будутъ въ наискорѣйшемъ времени удовлетворены подписавшіеся выступятъ на путь открытой борьбы. На собраніи было больше 2000 человѣкъ.

Воронежъ, 18 марта. Вчера было большое собраніе Общества Народнаго Здравія. Было 200 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 рабочихъ. Докладчикъ Вороновъ, говорившій о страшномъ физическомъ и нравственномъ состояніи крестьянства и рабочихъ и о тяжкомъ безправіи всѣхъ русскихъ гражданъ, закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что оздоровленіе страны можетъ быть достигнуто только созывомъ народныхъ представителей на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права. Онъ разъяснилъ значеніе этихъ принциповъ народнаго представительства и предложилъ собранію заняться обсужденіемъ вопроса, какъ ихъ провести въ жизнь. Предсѣдатель докторъ Вырубовъ трижды приглашалъ желающихъ высказываться, но долго никто не бралъ слова. Наконецъ, одна изъ присутствующихъ произнесла рѣчь, содержаніе которой приблизительно слѣдующее: Общество не должно надѣяться на Булыгинскую коммиссію. Эта коммиссія создана спеціально для того, чтобы затормозить дѣло. Общество должно проявить самодѣятельность во всѣхъ классахъ и слояхъ, между тѣмъ, только одинъ рабочій классъ выступаетъ рѣшительно и дружно, подъ руководствомъ своей классовой политической партіи Р. С.-Д. Р. П., заявляя, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Исходя изъ этого, она призываетъ всѣхъ рабочихъ объединиться вокругъ мѣстныхъ комитетовъ. У насъ въ Воронежѣ также существуетъ комитетъ партіи, состоящій изъ рабочихъ и возникшій въ 1902 году. Уже давно русское общество выдѣляло политическихъ борцовъ, память о которыхъ несомнѣнно будетъ всегда чтима, но въ настоящее время нужны иные дѣятели, которыхъ выдвинетъ изъ своей среды самъ рабочій классъ. Тогда только онъ представитъ изъ себя историческую силу и добьется преобразованія существующаго строя въ интересахъ всего народа, поэтому, стремленіе отдѣльныхъ лицъ вести рабочій классъ, хотя и во имя его блага, но силами отдѣльныхъ организацій, выродилось въ революціонно-мѣщанскія тенденціи.

Дальше говорившая перешла къ тому, что можетъ сдѣлать общество народнаго здравія при теперешнихъ обстоятельствахъ и указала на то, 1) что общество должно требовать отъ министра внутреннихъ дѣлъ заявленія того, что онъ привлекаетъ къ отвѣтственности курскаго губернатора и не будетъ препятствовать свободѣ слова, собраній, печати, стачекъ, политической агитаціи, потому что безъ этихъ условій и безъ неприкосновенности личности невозможна выборная компанія. 2) Общество должно прійти на помощь рабочей организаціи: пусть каждая интеллигентная семья обратится въ школу, даетъ средства, квартиры для занятій съ кружками, средства для выписки въ массѣ книгъ, брошюръ и легальныхъ прогрессивныхъ газетъ для рабочей массы. Средства должны поступать въ рабочій соціальдемократическій комитетъ, чтобы дать ему орудіе для развитія самодѣятельности рабочихъ. 3) Необходимо, чтобы общество народнаго здравія взяло на поруки раненнаго и нервно потрясеннаго Антонова[1], дабы ни коимъ образомъ онъ до суда не поступалъ въ тюрьму. Рѣчь эта была покрыта долгими и дружными аплодисментами. Послѣ говорило много ораторовъ изъ земскихъ врачей и земцевъ. Всѣ о необходимости „свободъ“ и объ аграрномъ движеніи.

Въ концѣ собранія получилось удручающее извѣстіе, что губернаторъ выѣхалъ съ экстреннымъ спеціальнымъ поѣздомъ въ Барюченскій уѣздъ съ 200 солдатами и запасомъ патроновъ. Собраніе постановило немедленно послать заявленіе въ совѣтъ министровъ о необходимости гарантіи личности, свободы слова, печати, собраній, агитаціи и создать въ Воронежѣ коммиссію при о-вѣ народнаго здравія, куда могли бы войти всѣ желающіе для выработки мѣропріятій для проведенія въ жизнь реформъ необходимыхъ для всесторонняго народнаго оздоровленія и предупрежденія кровавыхъ ужасовъ.

Полтава, 28 марта. Подъ предсѣдательствомъ губернаторши, княгини Урусовой, здѣсь былъ устроенъ 27 марта концертъ въ пользу семей раненыхъ и убитыхъ (въ его программу входилъ рядъ патріотическихъ пѣсенъ), на которомъ хоръ состоялъ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ мѣстныхъ среднеучебныхъ заведеній, въ числѣ 300 человѣкъ. 25-го марта была назначена генеральная репетиція, на каковую билеты продавались спеціально для учащихся по уменьшеннымъ цѣнамъ. Свыше 1500 человѣкъ учащихся посѣтило эту репетицію. Воспитанники и воспитанницы, входящіе въ организацію учащихся, подъ руководствомъ мѣстной соціальдемократической группы, рѣшили выразить свой протестъ противъ гнусной правительственной провокаціи. Наскоро были написаны разноцвѣтные, въ видѣ ленты, листки, съ надписью: „Долой царское самодержавіе! Долой войну! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе, выбранное на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія!“ Было закуплено нѣсколько свистковъ; условились, какъ расположиться иниціаторамъ, когда подать сигнальный знакъ. Какъ только хоръ запѣлъ: „Великъ и Славенъ нашъ Богъ“ (патріотическая пѣснь), со всѣхъ сторонъ театра раздался оглушительный свистъ, крикъ: „Довольно! Довольно! Довольно злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ! Не надо! Теперь не время пѣть патріотическіе гимны! Долой самодержавіе! Геть царя! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право!“ и т. д.

Полиція, совершенно не подготовленная къ такому сюрпризу, бывшая въ театрѣ въ незначительномъ количествѣ, совершенно растерялась. Хоръ 3 раза начиналъ, но... хвалебный гимнъ русскому палачу на этотъ разъ не удался. Между тѣмъ, публика начала расходиться. Былъ задержанъ одинъ гимназистъ 7-го класса, котораго „милостивый“ полиціймейстеръ продержалъ въ стѣнахъ театра около 20 минутъ. Между прочимъ, гимназическое начальство такъ перепугалось, что на слѣдующій день былъ созванъ экстренный педагогическій совѣтъ. Въ результатѣ гимназистъ (Викторъ Зеленскій) освобожденъ отъ занятій въ гимназіи. Настроеніе послѣ 25 марта было необыкновенно приподнятое. Теперь уже къ прежней кучкѣ смѣлыхъ юношей присоединились десятки голосовъ. Всѣ они хотѣли во что бы то ни стало „довести дѣло до конца“. Совмѣстно съ группой соціальдемократовъ, было рѣшено, что въ виду происшедшаго 25 марта полиція будетъ „во всемъ своемъ блескѣ“ „охранять“ правительственную манифестацію, а потому надо выработать планъ дѣйствія. Въ воскресенье 27 марта, днемъ, снова были приготовлены (на гектографѣ) листки, снова было все организовано, но въ театрѣ ничего нельзя было сдѣлать. Дѣло въ томъ, что билеты на этотъ вечеръ были необыкновенно дороги; весь же верхній ярусъ (наиболѣе дешевыя мѣста) былъ отданъ кадетамъ; вечеромъ продавались билеты для учащихся и вообще для публики лишь по одному каждому лицу, причемъ записывали его имя, фамилію и пр. Въ виду всего этого многіе совершенно лишены были возможности проникнуть въ театръ. Но и проникшимъ внутрь не было никакой возможности рѣшиться на что либо: всѣ ходы, ярусы были наводнены казаками, полиціей, шпіонами. Надобно еще замѣтить, что этимъ царскимъ тѣлохранителямъ усердно помогала учебная администрація. Во дворѣ театра стояла конная и пѣшая полиція; она же размѣстилась „симметрично“ и на площадкѣ передъ театромъ. Словомъ „войско“ было готово немедленно вступить въ борьбу... съ внутреннимъ врагомъ. И нашимъ товарищамъ пришлось отказаться отъ своего плана.

29-го былъ выпущенъ листокъ мѣстной соціальдемократической группы къ рабочимъ, гражданамъ, учащимся, съ разъясненіемъ всего происшедшаго. Также выпущенъ листокъ къ учащимся (общаго характера).

Тифлисъ, 27 марта. Каждый праздничный день у насъ на окраинахъ города бываютъ митинги изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Такъ, 25-го была сходка до 6 тысячъ человѣкъ, говорило до 20 ораторовъ на злобу дня и политическія темы. Пролетаріатъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ симпатіями населенія. Къ нему и его представителю, комитету, какъ къ центру, стекаются всѣ обиженные и обездоленные даже изъ буржуазнаго міра. Помимо того, что комитету пришлось спеціально заняться и, такъ сказать, овладѣть движеніемъ въ деревнѣ, къ нему стали обращаться съ разными просьбами и жалобами духанщики, фаэтонщики, конторщики, бурщики и т. д.; буквально всѣ и все идутъ къ рабочимъ, просятъ написать имъ требованія, принять къ себѣ ихъ представителя. Пришлось выдѣлить спеціальную „мелкобуржуазную“ коммиссію, которая бы вѣдалась съ подобными слоями населенія. Недавно комитету пришлось играть роль полиціи: по городу неизвѣстные люди стали подметывать письма къ разнымъ лицамъ съ требованіемъ 100 и болѣе рублей и съ угрозой убить въ случаѣ отказа; при этомъ они дѣйствуютъ отъ имени комитета. Послѣдній рѣшилъ изловить разбойниковъ и трое ужъ арестованы нами, изъ нихъ одинъ оказался агентомъ охраннаго отдѣленія, о чемъ свидѣтельствуютъ найденные при немъ документы.

Тифлисъ. О томъ, что происходило здѣсь, вы знаете отчасти изъ газетъ. Теперь самое главное, это крестьянское движеніе. Во всѣ уѣзды отправились наши агитаторы, стремятся направить стихійное движеніе въ русло нормальнаго политическаго протеста и ставятъ вездѣ организацію крестьянъ на подобіе гурійской. Вообще же, слѣдуетъ отмѣтить громадную роль, которую приходится играть соціальдемократіи. Въ сознаніи широкихъ слоевъ населенія это уже временное правительство, а не простая организація! Поэтому въ комитетъ постоянно поступаютъ прошенія отъ самыхъ разнообразныхъ группъ: мясниковъ, пивоваровъ, булочниковъ, лакеевъ, лавочниковъ, прошенія формулировать ихъ требованія прислать къ нимъ людей, — даже разсудить ихъ несогласія. Такъ писали лавочники: одинъ другому не заплатилъ долга и вотъ они обращаются въ комитетъ разсудить ихъ несогласія. Съ своей стороны, они, какъ полагается, предлагаютъ деньги и разныя услуги.

Вслѣдствіе такого разнообразія дѣлъ мѣстный комитетъ выбралъ три коммиссіи: крестьянскую, „мелко-буржуазную“ и военную. Ежедневно происходитъ масса собраній. Какъ только публика услышитъ, что тамъ-то собирается кружокъ рабочихъ, сейчасъ же идутъ всѣ: и домовладѣльцы и лавочники, и надо говорить исключительно на современныя политическія темы. Въ праздничные дни повсюду въ городахъ и деревняхъ — громаднѣйшіе митинги.

Военное правосудіе. Краковскій „Впередъ“ сообщаетъ интересныя данныя относительно военнаго суда въ Сѣдлецахъ, окончившагося, какъ извѣстно, разстрѣломъ 4 солдатъ.

...Голодъ, систематическое третированіе запасныхъ, а главнымъ образомъ, избіеніе одного изъ нихъ офицеромъ, вызвали бурный протестъ солдатъ, выразившійся криками, шумомъ, избіеніемъ двухъ офицеровъ. Пріѣхала спеціальная коммиссія, чтобъ разслѣдовать дѣло, но виновныхъ не нашла, потому что офицера пострадали въ потьмахъ и, кто именно билъ, не знали. Тогда „хитроумная“ коммиссія придумала слѣдующій пріемъ: старшій чиномъ офицеръ выстроилъ солдатъ въ ряды; спросилъ, хорошо ли имъ живется, нѣтъ-ли жалобъ по начальству и велѣлъ тѣмъ, у кого таковыя имѣются, выступить три шага впередъ. Выступило 56 человѣкъ, которыхъ и предали военному суду — кого вздумалось, разстрѣляли, а остальныхъ законопатили въ арестантскія роты и дисциплинарные баталіоны...

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Погорничены, Бессараб. губ. Крестьяне, совершенно темный и невѣжественный здѣсь людъ, предъявили къ помѣщику Назарову требованіе отдать имъ 300 десятинъ земли, будто бы незаконно имъ пріобрѣтенной; получивъ отказъ, пошли пахать эту землю. Они держались спокойно, но рѣшительно отказались слушать предводителя дворянства, исправника и жандармскаго полковника. Но кончилось, какъ обыкновенно: пріѣхалъ вице-губернаторъ съ солдатами, арестовали 19 крестьянъ, и все успокоилось пока.

Орелъ. Въ настоящее время здѣсь въ тюрьмахъ сидитъ до 200 человѣкъ, арестованныхъ за участіе въ крестьянскихъ безпорядкахъ; въ уѣздныхъ городахъ сидитъ еще нѣсколько сотъ, а вообще привлеченныхъ по этимъ дѣламъ насчитываютъ до 2000 человѣкъ. Слѣдственныя власти удивляются упорству арестованныхъ, которые, не проявляя никакого „раскаянія“ въ содѣянныхъ „преступленіяхъ“, заявляютъ, что, все равно, не они, такъ ихъ односельчане, будутъ лѣтомъ самовольно запахивать помѣщичью землю: „каждый годъ пашемъ тую самую землицу, потомъ кровавымъ поливаючи, а теперь будемъ пахать вольно...“ Среди крестьянъ широко распространено убѣжденіе, что *въ этомъ году*—конецъ прежнимъ порядкамъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. 25 марта палевскіе рабочіе въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ хоронили [illegible] ихъ товарищей, убитыхъ какимъ то мастеромъ. Еще раньше на кладбище были посланы войска. Рабочіе, возбужденные [illegible] дѣйствомъ, узнавъ объ этомъ, на всякій случай сорганизовали вооруженную самооборону, которой, впрочемъ, дѣйствовать не пришлось, такъ какъ и полиція и войска держались въ сторонѣ. На кладбищѣ ораторы-соціальдемократы произносили рѣчи, толпа отвѣчала дружнымъ крикомъ „долой самодержавіе“. Было много красныхъ вѣнковъ. На пути съ кладбища былъ арестованъ одинъ рабочій.

Хорошей характеристикой настроенія рабочихъ и отношенія къ нимъ заводской администраціи можетъ служить слѣдующее происшествіе на Путиловскомъ заводѣ: инженеръ Галкинъ (металическая мастерская) въ мастерской сорвалъ, не читая, со стѣны прокламацію и положилъ ее въ карманъ, а на ней въ концѣ было приписано: „кто сорветъ, тому обѣ руки отрѣжутъ“. И вотъ, не прошло и часу, какъ онъ является въ мастерскую и собственноручно водворяетъ ее на прежнее мѣсто.

Тамъ же рабочіе заявили, что они недовольны мастеромъ Малесомъ и инженерами Галкинымъ и Оболесовичемъ и потому (такъ какъ ихъ не увольняютъ) они ихъ завернутъ въ рогожку, положатъ на тачку и вывезутъ, какъ ненужный хламъ, на мусорную кучу. Въ виду отсутствія директора Смирнова, явился его помощникъ и упросилъ рабочихъ отложить эту операцію до пріѣзда Смирнова. Рабочіе согласились, но пообѣщали, вслучаѣ отказа уволить названныхъ лицъ, непремѣнно выполнить свой планъ.

Казань. Стачечное движеніе. (январь и февраль 1905 г.) Немедленно по полученіи извѣстій о петербургскихъ событіяхъ 9—11 января, Казанскимъ Комитетомъ были выпущены къ рабочимъ бюллетени и корреспонденціи съ изложеніемъ событій и съ объясненіемъ ихъ значенія. Тѣ и другія читались на расхватъ; требовались переизданія. Толки среди рабочихъ росли и не прошло недѣли, какъ на Алафузовскомъ заводѣ (около 4000 человѣкъ—производство всевозможной аммуниціи для войска) заговорили о стачкѣ. Особенно безобразны условія работы на этомъ заводѣ у работницъ обмундировочныхъ мастерскихъ (400 чел.), и онѣ зашевелились первыя. 18-го января въ обѣденный перерывъ онѣ бросили было работу, но администраціи удалось кое какъ уговорить ихъ продолжать. Въ этотъ и слѣдующій день настроеніе рабочихъ на столько повысилось, что комитетъ былъ вынужденъ выпустить спеціальную прокламацію съ призывомъ къ стачкѣ. Требованія были выставлены исключительно экономическія, вслѣдствіе малосознательности рабочихъ и недостатка связей у комитета. Требовали: восьмичасоваго рабочаго дня, повышенія расцѣнокъ на 25 процентовъ, сохраненія заработной платы больнымъ, освобожденія беременныхъ женщинъ отъ работъ въ теченіе шести недѣль и др. 20-го января рабочіе Алафузова откликнулись на призывъ и дружно забастовали. Большой толпой они прошли по Адмиралтейской слободѣ и остановили работы на бочарной фабрикѣ Ланке и на механическомъ заводѣ Свѣтникова; затѣмъ они двинулись къ городу, чтобы остановить работы у Крестовникова, [illegible] Гейста и т. д., но здѣсь ихъ встрѣтила и разогнала полиція. Стачка продолжалась 4 дня. Рабочіе вели себя [illegible] полиціи только одинъ разъ удалось вызвать [illegible] Во время большого собранія, происходившаго, какъ и другія большія собранія, на улицѣ, отрядъ конной полиціи бросился съ нагайками на толпу. Эта наглость озлобила рабочихъ и, прогнавъ полицію (нѣкоторые полицейскіе были сильно избиты) они двинулись къ конторѣ и квартирамъ администраціи завода, гдѣ и повыбили окна. Къ счастью, на этомъ [illegible] такъ какъ перепуганная админ [illegible] Во второй день стачки рабочіе

---

[1] Ораторъ на сходкѣ во время стачки.

На могилѣ были произнесены рѣчи, причемъ послѣдній изъ ораторовъ закончилъ свою рѣчь словами: „Долой самодержавіе“, дружно подхваченными публикой и быстро разнесшимися по кладбищу. Послѣ этого публика демонстративно прошлась по Власьевской съ пѣніемъ: „Марсельезы“, „Дубинушка“, „Дружно, товарищи“, „Смѣло, друзья“. Пѣніе прерывалось возгласами: „Долой самодержавіе!“, „Долой царя убійцу!“, „Долой войну!“, „Да здравствуетъ свобода!“, „Да здравствуетъ революція!“. Послѣ этого, пожавъ другъ другу руки, со словами „до слѣдующей демонстраціи“, публика разошлась. Одинъ изъ курьезовъ: когда проходили мимо одного городового и крикнули ему: „Развѣ не видишь ленту?“, онъ преспокойно отдалъ честь лентѣ, а на лентѣ было написано: „Жертва самодержавія“. Демонстрантовъ было около 650 или 700 человѣкъ; 250 гимназистовъ, 250 семинаристовъ, 100 техниковъ, остальные—гимназистки и сочувствующая публика.

Томскъ. 4-го февраля умеръ отъ чахотки студентъ 4-го курса Томскаго университета Ѳ. В. Смирновъ въ ноябрѣ 1904 года вернувшійся изъ Архангельской губ. куда онъ былъ сосланъ за демонстрацію 1904 года. Изъ ссылки онъ пріѣхалъ уже вполнѣ сознательнымъ соціальдемократомъ и хотѣлъ работать въ Томской организаціи, но нажитая въ тюрьмѣ чахотка приковала его къ постели и быстро свела въ могилу. 6-го февраля товарищи провожали его трупъ на кладбище. Около 400 человѣкъ шло за гробомъ. Съ крышки его развѣвались широкія красныя ленты вѣнка. Процессія обращала на себя общее вниманіе и многіе изъ публики присоединились къ ней. Около дома Второва, на мѣстѣ побоища 18-го января, процессія остановилась и священникъ отслужилъ литію „по убитымъ“. Вторая литія была отслужена около полиціи, на мѣстѣ другого избіенія во время демонстраціи 1903 года, за участіе въ которой и замучили Смирнова. Встрѣчавшихся на пути казаковъ и полицейскихъ заставляли снимать шапки. Передъ кладбищемъ и на могилѣ произнесены были рѣчи, въ которыхъ выяснялось міросозерцаніе умершаго товарища и дѣлался призывъ стать „подъ знамена тѣхъ же идей“, бороться во имя которыхъ такъ хотѣлось ему. Затѣмъ, пропѣвъ революціонныя пѣсни, публика стала расходиться. Арестовъ не было, хотя полиція и казаки стояли на готовѣ около кладбища.

Съ 16-го февраля началось „броженіе“ среди служащихъ Управленія Сиб. жел. дор. Въ этотъ день изъ службы бухгалтеріи были вызваны къ жандармскому ротмистру 12 человѣкъ. Имъ было объявлено, что, по распоряженію завѣдующаго передвиженіемъ войскъ (Сухотинъ) имъ воспрещается появляться на линіи отчужд. Сиб. жел. дор., а затѣмъ 18-го февраля — всѣхъ ихъ уволили. Все это происходило совершенно по „патріархальному“, безъ всякаго объясненія причинъ. Только частнымъ путемъ удалось узнать, что потерпѣвшіе заподозрѣны въ участіи въ „безпорядкахъ“ 18 января. Такая безцеремонная расправа по одному подозрѣнію или доносу взволновала товарищей уволенныхъ, среди нихъ началось „броженіе“. Томскій комитетъ поспѣшилъ выпустить листокъ, въ которомъ указывалъ, что взволновавшій ихъ случай — только частное проявленіе современнаго политическаго режима и призывалъ ихъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ вообще и — въ частности — къ защитѣ уволенныхъ товарищей. Листокъ этотъ былъ встрѣченъ служащими очень сочувственно, но объявить стачку съ требованіемъ возвращенія товарищей они все таки не рѣшились. Между тѣмъ, въ Управленіи дороги образовался свой „Комитетъ“, который выпустилъ нѣсколько гектографированныхъ листковъ съ призывомъ къ экономической борьбѣ. Томскій комитетъ Р. С.-Д. Р. П. отвѣтилъ на нихъ новой прокламаціей, выясняющей, что теперь не время тратить силы на отстаиваніе интересовъ отдѣльныхъ группъ пролетаріевъ и снова приглашалъ служащихъ выступить на путь политической борьбы, борьбы за великую ближайшую цѣль всего русскаго пролетаріата — за демократическую Республику. Листокъ этотъ, также какъ и другой распространенный наканунѣ (о царскихъ „милостяхъ“), произвелъ большое впечатлѣніе на служащихъ Управленія. Многіе соглашаются уже съ тѣмъ, что все „дарованное свыше“ — непрочно и что только съ уничтоженіемъ самодержавія можетъ хоть сколько нибудь улучшиться ихъ положеніе. Но, чѣмъ кончится это броженіе, еще трудно сказать.

Харьковъ. 21-го марта состоялось собраніе харьковскаго сельскохозяйственнаго общества. Во время второй половины собранія было предложено прочесть воззваніе московскаго сельскохозяйственнаго общества, разосланное по всѣмъ городамъ. Предложеніе это было принято 29 голосами противъ 15, и оно было прочитано. Во время перерыва, членъ общества г. Минаевъ произнесъ съ патріотическимъ паѳосомъ рѣчь, что прочтеніе воззванія есть преступленіе, что его не имѣли права читать, если бы даже только одинъ человѣкъ не пожелалъ его выслушать и т. д. Кто то изъ членовъ крикнулъ ему: „отсталый тупица“. Его мало смутила эта реплика, но сынъ его, офицеришка лѣтъ 20, принялъ героическую позу и съ обнаженной саблей и словами: „Какъ вы смѣете оскорблять моего отца“, бросился искоренять крамолу. Его схватили и при единодушныхъ крикахъ „вонъ“ и свисткахъ начали выталкивать его и отца, защищавшаго своего юнца. И здѣсь наступилъ трагическій моментъ, въ нѣкоторомъ родѣ: апоѳеозъ самодержавія. Глупый офицеришка крикнулъ: „если я услышу еще одинъ свистъ, я за себя не отвѣчаю. Я увижу въ этомъ оскорбленіе его величества“. Можете себѣ представить, какой дружный хохотъ раздался, когда офицеръ спрятался за порфиру Ники-послѣдыша. Послѣ этого предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ и семейство Минаевыхъ тогда удалилось. Предсѣдатель объявилъ, что открываетъ частное совѣщаніе по поводу этого инцидента. На этомъ собраніи рѣшено было потребовать исключенія Минаева. Предложеніе привлечь къ отвѣтственности его юнца было провалено, такъ какъ нѣкоторые возражали, что такая жалоба только можетъ послужить къ возвышенію этого смѣхотворнаго рыцаря.

Въ юридическомъ обществѣ 19-го марта къ резолюціи о созывѣ учредительнаго собранія и разныхъ свободахъ были внесены двѣ поправки: одна — требующая свободы стачекъ (почему то забытой), вторая, гласящая, что въ случаѣ если требованія не будутъ въ наикорѣйшемъ времени удовлетворены подписавшіеся выступятъ на путь открытой борьбы. На собраніи было больше 2000 человѣкъ.

Воронежъ, 18 марта. Вчера было большое собраніе Общества Народнаго Здравія. Было 200 человѣкъ, въ томъ числѣ 20 рабочихъ. Докладчикъ Вороновъ, говорившій о страшномъ физическомъ и нравственномъ состояніи крестьянства и рабочихъ и о тяжкомъ безправіи всѣхъ русскихъ гражданъ, закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что оздоровленіе страны можетъ быть достигнуто только созывомъ народныхъ представителей на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго избирательнаго права. Онъ разъяснилъ значеніе этихъ принциповъ народнаго представительства и предложилъ собранію заняться обсужденіемъ вопроса, какъ ихъ провести въ жизнь. Предсѣдатель докторъ Вырубовъ трижды приглашалъ желающихъ высказываться, но долго никто не бралъ слова. Наконецъ, одна изъ присутствующихъ произнесла рѣчь, содержаніе которой приблизительно слѣдующее: Общество не должно надѣяться на Булыгинскую коммиссію. Эта коммиссія создана спеціально для того, чтобы затормозить дѣло. Общество должно проявить самодѣятельность во всѣхъ классахъ и слояхъ, между тѣмъ, только одинъ рабочій классъ выступаетъ рѣшительно и дружно, подъ руководствомъ своей классовой политической партіи Р. С.-Д. Р. П., заявляя, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. Исходя изъ этого, она призываетъ всѣхъ рабочихъ объединиться вокругъ мѣстныхъ комитетовъ. У насъ въ Воронежѣ также существуетъ комитетъ партіи, состоящій изъ рабочихъ и возникшій въ 1902 году. Уже давно русское общество выдѣляло политическихъ борцовъ, память о которыхъ несомнѣнно будетъ всегда чтима, но въ настоящее время нужны иные дѣятели, которыхъ выдвинетъ изъ своей среды самъ рабочій классъ. Тогда только онъ представитъ изъ себя историческую силу и добьется преобразованія существующаго строя въ интересахъ всего народа, поэтому, стремленіе отдѣльныхъ лицъ вести рабочій классъ, хотя и во имя его блага, но силами отдѣльныхъ организацій, выродилось въ революціонно-мѣщанскія тенденціи.

Дальше говорившая перешла къ тому, что можетъ сдѣлать общество народнаго здравія при теперешнихъ обстоятельствахъ и указала на то, 1) что общество должно требовать отъ министра внутреннихъ дѣлъ заявленія того, что онъ привлекаетъ къ отвѣтственности курскаго губернатора и не будетъ препятствовать свободѣ слова, собраній, печати, стачекъ, политической агитаціи, потому что безъ этихъ условій и безъ неприкосновенности личности невозможна выборная компанія. 2) Общество должно прійти на помощь рабочей организаціи: пусть каждая интеллигентная семья обратится въ школу, даетъ средства, квартиры для занятій съ кружками, средства для выписки въ массѣ книгъ, брошюръ и легальныхъ прогрессивныхъ газетъ для рабочей массы. Средства должны поступать въ рабочій соціальдемократическій комитетъ, чтобы дать ему орудіе для развитія самодѣятельности рабочихъ. 3) Необходимо, чтобы общество народнаго здравія взяло на поруки раненнаго и нервно потрясеннаго Антонова [1], дабы ни коимъ образомъ онъ до суда не поступалъ въ тюрьму. Рѣчь эта была покрыта долгими и дружными апплодисментами. Послѣ говорило много ораторовъ изъ земскихъ врачей и земцевъ. Всѣ о необходимости „свободъ“ и объ аграрномъ движеніи.

Въ концѣ собранія получилось удручающее извѣстіе, что губернаторъ выѣхалъ съ экстреннымъ спеціальнымъ поѣздомъ въ Бирюченскій уѣздъ съ 200 солдатами и запасомъ патроновъ. Собраніе постановило немедленно послать заявленіе въ совѣтъ министровъ о необходимости гарантіи личности, свободы слова, печати, собраній, агитаціи и создать въ Воронежѣ коммиссію при о-вѣ народнаго здравія, куда могли бы войти всѣ желающіе для выработки мѣропріятій для проведенія въ жизнь реформъ необходимыхъ для всесторонняго народнаго оздоровленія и предупрежденія кровавыхъ ужасовъ.

Полтава, 28 марта. Подъ предсѣдательствомъ губернаторши, княгини Урусовой, здѣсь былъ устроенъ 27 марта концертъ въ пользу семей раненыхъ и убитыхъ (въ его программу входилъ рядъ патріотическихъ пѣсенъ), на которомъ хоръ состоялъ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ всѣхъ мѣстныхъ среднеучебныхъ заведеній, въ числѣ 300 человѣкъ. 25-го марта была назначена генеральная репетиція, на каковую билеты продавались спеціально для учащихся по уменьшеннымъ цѣнамъ. Свыше 1500 человѣкъ учащихся посѣтило эту репетицію. Воспитанники и воспитанницы, входящіе въ организацію учащихся, подъ руководствомъ мѣстной соціальдемократической группы, рѣшили выразить свой протестъ противъ гнусной правительственной провокаціи. Наскоро были написаны разноцвѣтные, въ видѣ ленты, листки, съ надписью: „Долой царское самодержавіе! Долой войну! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе, выбранное на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія!“ Было закуплено нѣсколько свистковъ; условились, какъ расположиться иниціаторамъ, когда подать сигнальный знакъ. Какъ только хоръ запѣлъ: „Великъ и Славенъ нашъ Богъ“ (патріотическая пѣснь), со всѣхъ сторонъ театра раздался оглушительный свистъ. крикъ: „Довольно! Довольно! Довольно злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ! Не надо! Теперь не время пѣть патріотическіе гимны! Долой самодержавіе! Геть царя! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право!“ и т. д.

Полиція, совершенно не подготовленная къ такому сюрпризу, бывшая въ театрѣ въ незначительномъ количествѣ, совершенно растерялась. Хоръ 3 раза начиналъ, но... хвалебный гимнъ русскому палачу на этотъ разъ не удался. Между тѣмъ, публика начала расходиться. Былъ задержанъ одинъ гимназистъ 7-го класса, котораго „милостивый“ полиціймейстеръ продержалъ въ стѣнахъ театра около 20 минутъ. Между прочимъ, гимназическое начальство такъ перепугалось, что на слѣдующій день былъ созванъ экстренный педагогическій совѣтъ. Въ результатѣ гимназистъ (Викторъ Зеленскій) освобожденъ отъ занятій въ гимназіи. Настроеніе послѣ 25 марта было необыкновенно приподнятое. Теперь уже къ прежней кучкѣ смѣлыхъ юношей присоединились десятки голосовъ. Всѣ они хотѣли во что бы то ни стало „довести дѣло до конца“. Совмѣстно съ группой соціальдемократовъ, было рѣшено, что въ виду происшедшаго 25 марта полиція будетъ „во всемъ своемъ блескѣ“ „охранять“ правительственную манифестацію, а потому надо выработать планъ дѣйствія. Въ воскресенье 27 марта, днемъ, снова были приготовлены (на гектографѣ) листки, снова было все организовано, но въ театрѣ ничего нельзя было сдѣлать. Дѣло въ томъ, что билеты на этотъ вечеръ были необыкновенно дороги; весь же верхній ярусъ (наиболѣе дешевыя мѣста) былъ отданъ кадетамъ; вечеромъ продавались билеты для учащихся и вообще для публики лишь по одному каждому лицу, причемъ записывали его имя, фамилію и пр. Въ виду всего этого многіе совершенно лишены были возможности проникнуть въ театръ. Но и проникшимъ внутрь не было никакой возможности рѣшиться на что либо: всѣ ходы, ярусы были наводнены казаками, полиціей, шпіонами. Надобно еще замѣтить, что этимъ царскимъ тѣлохранителямъ усердно помогала учебная администрація. Во дворѣ театра стояла конная и пѣшая полиція; она же размѣстилась „симметрично“ и на площадкѣ передъ театромъ. Словомъ „войско“ было готово немедленно вступить въ борьбу... съ внутреннимъ врагомъ. И нашимъ товарищамъ пришлось отказаться отъ своего плана.

29-го былъ выпущенъ листокъ мѣстной соціальдемократической группы къ рабочимъ, гражданамъ, учащимся, съ разъясненіемъ всего происшедшаго. Также выпущенъ листокъ къ учащимся (общаго характера).

Тифлисъ, **27 марта.** Каждый праздничный день у насъ на окраинахъ города бываютъ митинги изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Такъ, 25-го была сходка до 6 тысячъ человѣкъ, говорило до 20 ораторовъ на злобу дня и политическія темы. Пролетаріатъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ симпатіями населенія. Къ нему и его представителю, комитету, какъ къ центру, стекаются всѣ обиженные и обездоленные даже изъ буржуазнаго міра. Помимо того, что комитету пришлось спеціально заняться и, такъ сказать, овладѣть движеніемъ въ деревнѣ, къ нему стали обращаться съ разными просьбами и жалобами духанщики, фаэтонщики, конторщики, пурщики и т. д.; буквально всѣ и все идутъ къ рабочимъ, просятъ написать имъ требованія, принять къ себѣ ихъ представителя. Пришлось выдѣлить спеціальную „мелкобуржуазную“ коммиссію, которая бы вѣдалась съ подобными слоями населенія. Недавно комитету пришлось играть роль полиціи: по городу неизвѣстные люди стали подметывать письма къ разнымъ лицамъ съ требованіемъ 100 и болѣе рублей и съ угрозой убить въ случаѣ отказа; при этомъ они дѣйствуютъ отъ имени комитета. Послѣдній рѣшилъ изловить разбойниковъ и трое ужъ арестованы нами, изъ нихъ одинъ оказался агентомъ охраннаго отдѣленія, о чемъ свидѣтельствуютъ найденные при немъ документы.

Тифлисъ. О томъ, что происходило здѣсь, вы знаете отчасти изъ газетъ. Теперь самое главное, это крестьянское движеніе. Во всѣ уѣзды отправились наши агитаторы, стремятся направить стихійное движеніе въ русло нормальнаго политическаго протеста и ставить вездѣ организацію крестьянъ на подобіе гурійской. Вообще же, слѣдуетъ отмѣтить громадную роль, которую приходится играть соціальдемократіи. Въ сознаніи широкихъ слоевъ населенія это уже временное правительство, а не простая организація! Поэтому въ комитетъ постоянно поступаютъ прошенія отъ самыхъ разнообразныхъ группъ: мясниковъ, пивоваровъ, булочниковъ, лакеевъ, лавочниковъ, прошенія формулировать ихъ требованія прислать къ нимъ людей, — даже разсудить ихъ несогласія. Такъ писали лавочники: одинъ другому не заплатилъ долга и вотъ они обращаются въ комитетъ разсудить ихъ несогласія. Съ своей стороны, они, какъ полагается, предлагаютъ деньги и разныя услуги.

Вслѣдствіе такого разнообразія дѣлъ мѣстный комитетъ выбралъ три коммиссіи: крестьянскую, „мелко-буржуазную“ и военную. Ежедневно происходитъ масса собраній. Какъ только публика услышитъ, что тамъ-то собирается кружокъ рабочихъ, сейчасъ же идутъ всѣ: и домовладѣльцы и лавочники, и надо говорить исключительно на современныя политическія темы. Въ праздничные дни повсюду въ городахъ и деревняхъ — громаднѣйшіе митинги.

Военное правосудіе. Краковскій „Впередъ“ сообщаетъ интересныя данныя относительно военнаго суда въ Сѣдлецахъ, окончившагося, какъ извѣстно, разстрѣломъ 4 солдатъ.

...Голодъ, систематическое третированіе запасныхъ, а главнымъ образомъ, избіеніе одного изъ нихъ офицеромъ, вызвали бурный протестъ солдатъ, выразившійся криками, шумомъ, избіеніемъ двухъ офицеровъ. Пріѣхала спеціальная коммиссія, чтобъ разслѣдовать дѣло, но виновныхъ не нашла, потому что офицера пострадали въ потьмахъ и, кто именно билъ, не знали. Тогда „хитроумная“ коммиссія придумала слѣдующій пріемъ: старшій чиномъ офицеръ выстроилъ солдатъ въ ряды; спросилъ, хорошо ли имъ живется, нѣтъ-ли жалобъ по начальству и велѣлъ тѣмъ, у кого таковыя имѣются, выступить три шага впередъ. Выступило 56 человѣкъ, которыхъ и предали военному суду — кого вздумалось, разстрѣляли, а остальныхъ законопатили въ арестантскія роты и дисциплинарные баталіоны...

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Погоричены, Бессараб. губ. Крестьяне, совершенно темный и невѣжественный здѣсь людъ, предъявили къ помѣщику Назарову требованіе отдать имъ 300 десятинъ земли, будто бы незаконно имъ пріобрѣтенной; получивъ отказъ, пошли пахать эту землю. Они держались спокойно, но рѣшительно отказались слушать предводителя дворянства, исправника и жандармскаго полковника. Но кончилось, какъ обыкновенно: пріѣхалъ вице-губернаторъ съ солдатами, арестовали 19 крестьянъ, и все успокоилось пока.

Орелъ. Въ настоящее время здѣсь въ тюрьмахъ сидитъ до 200 человѣкъ, арестованныхъ за участіе въ крестьянскихъ безпорядкахъ; въ уѣздныхъ городахъ сидитъ еще нѣсколько сотъ, а вообще привлеченныхъ по этимъ дѣламъ насчитываютъ до 2000 человѣкъ. Слѣдственныя власти удивляются упорству арестованныхъ, которые, не проявляя никакого „раскаянія“ въ содѣянныхъ „преступленіяхъ“, заявляютъ, что, все равно, не они, такъ ихъ односельчане, будутъ лѣтомъ самовольно запахивать помѣщичью землю: „каждый годъ пашемъ тую самую землицу, потомъ кровавымъ поливаючи, а теперь будемъ пахать вольно...“ Среди крестьянъ широко распространено убѣжденіе, что *въ этомъ году*—конецъ прежнимъ порядкамъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. 25 марта палевскіе рабочіе въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ хоронили своихъ товарищей, убитыхъ какимъ то мастеромъ. Еще раньше на кладбище были посланы войска. Рабочіе, возбужденные убійствомъ, узнавъ объ этомъ, на всякій случай сорганизовали вооруженную самооборону, которой, впрочемъ, дѣйствовать не пришлось, такъ какъ и полиція и войска держались въ сторонѣ. На кладбищѣ ораторы-соціальдемократы произносили рѣчи, толпа отвѣчала дружнымъ крикомъ „долой самодержавіе“. Было много красныхъ вѣнковъ. На пути съ кладбища былъ арестованъ одинъ рабочій.

Хорошей характеристикой настроенія рабочихъ и отношенія къ нимъ заводской администраціи можетъ служить слѣдующее происшествіе на Путиловскомъ заводѣ: инженеръ Галкинъ (металическая мастерская) въ мастерской сорвалъ, не читая, со стѣны прокламацію и положилъ ее въ карманъ, а на ней въ концѣ было приписано: „кто сорветъ, тому обѣ руки отрѣжутъ“. И вотъ, не прошло и часу, какъ онъ является въ мастерскую и собственноручно водворяетъ ее на прежнее мѣсто.

Тамъ же рабочіе заявили, что они недовольны мастеромъ Малесомъ и инженерами Галкинымъ и Оболесовичемъ и потому (такъ какъ ихъ не увольняютъ) они ихъ завернутъ въ рогожку, положатъ на тачку и вывезутъ, какъ ненужный хламъ, на мусорную кучу. Въ виду отсутствія директора Смирнова, явился его помощникъ и упросилъ рабочихъ отложить эту операцію до пріѣзда Смирнова. Рабочіе согласились, но пообѣщали, вслучаѣ отказа уволить названныхъ лицъ, непремѣнно выполнить свой планъ.

Казань. Стачечное движеніе. (январь и февраль 1905 г.) Немедленно по полученіи извѣстій о петербургскихъ событіяхъ 9—11 января, Казанскимъ Комитетомъ были выпущены къ рабочимъ бюллетени и корреспонденція съ изложеніемъ событій и съ объясненіемъ ихъ значенія. Тѣ и другія читались на расхватъ; требовались переизданія. Толки среди рабочихъ росли и не прошло недѣли, какъ на Алафузовскомъ заводѣ (около 4000 человѣкъ—производство всевозможной аммуниціи для войска) заговорили о стачкѣ. Особенно безобразны условія работы на этомъ заводѣ у работницъ обмундировочныхъ мастерскихъ (400 чел.), и онѣ зашевелились первыя. 18-го января въ обѣденный перерывъ онѣ бросили было работу, но администрація удалось кое какъ уговорить ихъ продолжать. Въ этотъ и слѣдующій день настроеніе рабочихъ на столько повысилось, что комитетъ былъ вынужденъ выпустить спеціальную прокламацію съ призывомъ къ стачкѣ. Требованія были выставлены исключительно экономическія, вслѣдствіе малосознательности рабочихъ и недостатка связей у комитета. Требовали: восьмичасоваго рабочаго дня, повышенія расцѣнокъ на 25 процентовъ, сохраненія заработной платы больнымъ, освобожденія беременныхъ женщинъ отъ работъ въ теченіе шести недѣль и др. 20-го января рабочіе Алафузова откликнулись на призывъ и дружно забастовали. Большой толпой они прошли по Адмиралтейской слободѣ и остановили работы на бочарной фабрикѣ Ланке и на механическомъ заводѣ Свѣтникова; затѣмъ они двинулись къ городу, чтобы остановить работы у Крестовникова, [illegible] Гейста и т. д., но здѣсь ихъ встрѣтила и разогнала полиція. Стачка продолжалась 4 дня. Рабочіе вели себя образцово и полиціи только одинъ разъ удалось вызвать ихъ на безпорядки. Во время большого собранія, происходившаго, какъ и другія большія собранія, на улицѣ, отрядъ конной полиціи бросился съ нагайками на толпу. Эта наглость озлобила рабочихъ и, прогнавъ полицію (нѣкоторые полицейскіе были сильно избиты) они двинулись къ конторѣ и квартирамъ администраціи завода гдѣ и повыбили окна. Къ счастью, на этомъ [illegible]

такъ какъ перепуганная админ[illegible]

Во второй день стачки рабочіе

---

[1] Ораторъ на сходкѣ во время стачки.

братьевъ Утковыхъ, стоящій въ сторонѣ отъ Адмиралтейской слободы съ цѣлью остановить въ немъ работы, но тутъ на полѣ встрѣтили ихъ запасные (человѣкъ 300, безъ оружія) и произошла драка; рабочимъ сильно досталось. Вообще, за все время стачки Казань и ея окрестности охранялись военной силой. И. д. губернатора издалъ 2 объявленія о „рѣшительныхъ мѣрахъ“. Воинственное настроеніе „христолюбиваго воинства“ подогрѣвалось денежными наградами: за доставку „революціонера“ было обѣщано 5 рублей. Въ третій день губернаторомъ была принята депутація отъ стачечниковъ, предъявившая вышеуказанныя требованія. Были сдѣланы обѣщанія разсмотрѣть и удовлетворить (по возможности!) требованія рабочихъ. Черезъ день стачка кончилась. Работу начали на старыхъ условіяхъ, но черезъ нѣсколько дней администрація завода отмѣнила нѣкоторыя незаконныя стѣсненія (чистка машинъ послѣ свистка, обыскъ), а еще черезъ нѣсколько дней было предложено рабочимъ механической и мотальной мастерскихъ выработать требованія, „помягче“ предъявленныхъ губернатору. Вскорѣ пріѣхалъ владѣлецъ завода и введены были новыя условія: 11 съ половиною час. рабочій день (вмѣсто 13), отъ 5 до 10 процентовъ прибавки платы и т. п. Рабочіе недовольны и грозятъ весной начать снова. У Ланке и Свѣтникова стачка сказалась уменьшеніемъ рабочаго времени (12 час. съ 2-хъ часовымъ перерывомъ). У Свѣтникова рабочіе заявляли, что они, главнымъ образомъ, поддерживаютъ товарищей, ибо условія труда сравнительно сносныя. Пороховой заводъ, хотя не бастовалъ (былъ усиленно охраняемъ солдатами), но администрація сама пріостановила работы на два дня. Заводъ Крестовникова также не бастовалъ. Здѣсь рабочіе двухъ отдѣловъ уже послѣ стачки Алафузова предъявили небольшія требованія, которыя были удовлетворены (въ самомъ нищенскомъ размѣрѣ: напримѣръ, одинъ руб. въ мѣсяцъ прибавки къ заработной платѣ). Вообще, повтореніе стачекъ на заводахъ очень возможно. Съ 1-го февраля забастовали типографщики 11-ти типографій. Ихъ стачка продолжалась въ среднемъ 5 дней, но дала очень мало — незначительныя надбавки расцѣнокъ (былъ одинъ случай увеличенія рабочаго дня съ 9 на 10 часовъ!). Неуспѣхъ стачки типографщиковъ объясняется полной неорганизованностью ихъ. Не бастовали типографіи: военнаго штаба, губернская (7-ми час. раб. день) и университетская; въ двухъ послѣднихъ печатались телеграммы. Вслѣдъ за наборщиками, поднялись прикащики и 2 воскресенья огромной толпой ходили по улицамъ, настаивая на закрытіи лавокъ и магазиновъ. — (Во второе воскресенье толпа доходила съ другой публикой до 6—7 тысячъ). Наиболѣе крупные магазины уступили сразу и прекратили праздничную торговлю, затѣмъ вопросъ былъ перенесенъ въ думу и рѣшенъ тамъ въ смыслѣ полнаго праздничнаго отдыха. Приказчичье движеніе захватило и приказчиковъ мусульманъ; среди нихъ возникаютъ кружки. Слѣдомъ за приказчиками, поднялись фармацевты; ихъ стачка длилась нѣсколько часовъ, требованія были небольшія и хозяева быстро уступили. На городскомъ трамваѣ анонимнаго бельгійскаго общества до стачки дѣло не дошло: рабочіе подали дирекціи коллективное заявленіе, на которое (черезъ мѣсяцъ) отвѣтили, введя 2 смѣны, правда съ пониженіемъ платы на 10 коп. За исключеніемъ трамвайщиковъ, ко всѣмъ остальнымъ комитетъ выпустилъ по нѣскольку прокламацій, посылалъ представителей вырабатывалъ требованія, организовалъ стачечный фондъ (свыше 1300 р.). Были увольненія, особенно много у типографщиковъ (до 20 человѣкъ). По поводу увольненій были прокламаціи ко всѣмъ рабочимъ. Были аресты (12 чел.); теперь почти всѣ освобождены. Въ общемъ, подводя итоги казанскому стачечному движенію, можно сказать, что оно, помимо нѣкоторыхъ вырванныхъ у хозяевъ уступокъ, главнымъ образомъ, важно тѣмъ, что въ сильной степени способствовало пробужденію и развитію сознанія у нашихъ забитыхъ и малосознательныхъ рабочихъ. Сильно увеличилось требованіе на литературу, прокламаціи тщательно подбираются и прочитываются, связи комитета расширялись и число организованныхъ рабочихъ быстро растетъ. Работы по горло, силъ мало, литературы нѣтъ. Издательская дѣятельность сильно развилась (въ январѣ 10, въ февралѣ 17 тыс. листковъ), а всего за 2 мѣсяца распространено, вмѣстѣ съ присланными отъ районнаго бюро, свыше 40000. Неоднократно комитетъ обращался къ солдатамъ и запаснымъ (по поводу войны и передъ стачкой); среди солдатъ имѣются кружки. Значительно расширяется работа среди татаръ: на татарскій яз. переводятся почти всѣ листки. Комитетъ устраивалъ рабочія собранія (50—70 чел.). На собраніи 19 февраля была произнесена большая рѣчь о значеніи реформъ 60-хъ годовъ и объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ; затѣмъ говорили цѣлый рядъ ораторовъ: рабочіе не отставали отъ интеллигентовъ; между прочимъ, говорили и татары.

Александровскъ Екат. Губ. Десятаго февраля началась почти всеобщая стачка, вызванная всецѣло событіями въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Забастовали: сапожники—требовали уничтоженія посредниковъ-перекупщиковъ, приказчики, типографщики, извощики — получили, увеличеніе таксы и уменьшеніе городского налога; жел.-дорожн. мастерскія (1300 чел.), послѣ начала стачки вывѣшено объявленіе о введеніи 9 часоваго рабочаго дня. Всѣ вышеуказанные держались 3-4 дня, добились мелкихъ улучшеній. Заводы: Кациль 200 человѣкъ, Циглера 200 человѣкъ, Коппъ 500 человѣкъ, Леппъ 500 человѣкъ, Гильдебрантъ и этихъ же владѣльцевъ, въ окрестностяхъ, держались цѣлый мѣсяцъ. Получили 9½ часовый рабочій день, въ предпраздничные дни работаютъ по 2½ часовъ, уничтоженіе сверхурочныхъ работъ, коммиссію для разбора недоразумѣній изъ каждаго цеха по 3 человѣка, чернорабочимъ и молотобойцамъ плата минимумъ 1 рубль, кассу взаимопомощи, свободу собраній въ заводахъ; увеличена плата у Кациля на 25 процентовъ въ столярномъ и малярномъ цехахъ, въ остальныхъ 15 процентовъ, у Циглера въ кузнечномъ на 100 процентовъ и у другихъ на 10 процентовъ, у Гильдебрантъ и Леппъ на 13 процентовъ. На заводѣ Меньеса (300 человѣкъ) послѣ начала работы за нежеланіе уволить двухъ рабочихъ шпіоновъ забастовали опять. У Бодовскаго (300 человѣкъ) бастуютъ до сихъ поръ. Настоящей стачкой мѣстная организація за неимѣніемъ силъ не руководила. Жандармскій ротмистръ проводилъ среди нихъ „зубатовщину“, обѣщая имъ все, если они не будутъ вмѣшиваться въ политику; не даромъ же онъ сказалъ: „стачка и вообще соціальдемократы помогутъ мнѣ получить повышеніе“. Послѣ запрещенія сходокъ, рабочіе все таки собрались и говорили, что, если и приступимъ къ работѣ, то раньше устроимъ демонстрацію; появились прибывшіе на время стачки 150 казаковъ и началась было перебранка но пріѣхалъ жандармскій ротмистръ сталъ на нихъ кричать, что я, молъ, „хозяинъ“ города и они разъѣхались. Своей тактикой онъ вводитъ въ заблужденіе рабочихъ и у части ихъ онъ пользовался одобреніемъ на столько, что они предложили ему напечатать свой листокъ (организація отказалась), но онъ послалъ ихъ къ исправнику, но и тотъ, конечно, не согласился, а сталъ на нихъ кричать. съ тѣмъ они и ушли. Циглеръ предлагалъ избить депутатовъ и „жидовъ“: они, молъ, устроили стачку, но его, говорятъ, привлекаютъ за это къ отвѣтственности. За время стачки было выпущено около 3000 листковъ Екатеринославскаго комитета на общія темы, въ томъ числѣ „Пора кончать“ „Чего мы требуемъ“ „Ко всѣмъ“ и др... Въ агитаціонной литературѣ недостатокъ, нужны агитаторы, а ихъ нѣтъ. Въ тюрьмѣ была голодовка, продолжалась 4 дня, требовали, чтобъ начальникъ Черторыжскій не смѣлъ наказывать безъ прокурора; онъ только что пріѣхалъ и, не смотря на „весну“, избиваетъ. Характерно, что и часть уголовныхъ голодала вмѣстѣ съ политическими. Пріѣзжалъ прокуроръ, — кого перевели въ Луганскъ, кого освободили.

Енакіево. Екатеринославской губ. Наше Енакіевское болото послѣ минувшей благополучно стачки (съ 22 Января по 5 Февраля) всколыхнулось... Жизнь абсолютно измѣнилась. Всѣ чѣмъ то интересуются, о чемъ то говорятъ, возмущаются, критикуютъ, словомъ, окончательно отвергнули рутину и воспитали въ себѣ нѣкоторую логику къ разсужденію и критикѣ. Ко всему этому среди конторскихъ служащихъ Петровскаго завода царитъ паника, вызванная массовыми увольненіями служащихъ за „политическую неблагонадежность“. Уволили недавно троихъ „безъ объясненія причинъ“ и теперь, слышно, среди конторщиковъ, наконецъ, выросло общее возмущеніе подобнымъ произволомъ, присущимъ русскому обычаю, и безъ различія убѣжденій у всѣхъ явилась необходимость протестовать тѣмъ или инымъ путемъ.

Поговариваютъ о выстрѣлахъ, мордобитіяхъ иниціаторовъ „Тайнаго Отдѣленія“ въ лицѣ здѣшняго охранителя, статскаго совѣтника и тайнаго шептуна. С. А. Башмакова и его присныхъ со всею издыхающей полиціей.

Петровская группа Р. С.-Д. Р. П. въ данное время ведетъ энергичную пропаганду среди мѣстныхъ рабочихъ о готовящейся всероссійской революціи и съ своей стороны всѣми силами готовитъ рабочихъ къ майской демонстраціи. Рабочіе здѣшніе — наѣзжіе, большею частью, сѣрые ребята, но довольно легко поддающіеся соціальдемократическому ученію. Только въ литературѣ ощущается недостатокъ. Хотя послѣднее обстоятельство должно въ недалекомъ будущемъ урегулироваться благодаря установленію болѣе тѣсныхъ сношеній между всѣми группами Донецкаго Бассейна (по оффиціальнымъ даннымъ Донецкій Бассейнъ имѣетъ до 300.000 пришлыхъ раб.). До сихъ поръ литература прибывала не нормально и совершенно случайно, почему вотъ уже около года литературную пропаганду приходится вести для довольно широкаго района (къ Петров. заводу принадлежатъ еще два рудника — Вѣровскій и Софіевскій съ общимъ количествомъ рабочихъ до 8,000 человѣкъ) самымъ примитивнымъ способомъ — гектографированіемъ листковъ. Однако, съ этимъ еще мирились, но въ моментъ поднятія стачки не оказывалось конспиративной квартиры и листки пришлось выпустить дѣйствительно какого то „угольнаго сорта“, да въ добавокъ съ ошибками и пропусками... Но что же дѣлать? Пословица говоритъ: „Первый блинъ комомъ“, мы же этотъ блинъ использовали въ полной окружности. Стачка шла въ строго экономическомъ характерѣ, да и по психологическому настроенію нашихъ рабочихъ нужно было на первый разъ держаться осторожно, лишь бы дать почувствовать массѣ, что сплоченность представляетъ изъ себя непобѣдимую силу, и этого достигнули. Здѣшніе рабочіе выговорили у Петровско-заводской администраціи больше, чѣмъ рабочіе близъ лежащихъ заводовъ. Но важно слѣдующее: съ какой охотой и сознаніемъ теперь идутъ рабочіе на сходки и читаютъ нелегальную литературу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какимъ довѣріемъ начали вносить въ рабочую кассу.

Заканчивая настоящую корреспонденцію, опять считаю нужнымъ оговориться о неотлогательной надобности въ литературѣ. Послѣдней нужно также для мѣстныхъ либераловъ, да и кромѣ того, сейчасъ среди конторскихъ служащихъ сквозитъ такой духъ, что можно было бы съ успѣхомъ распространять раб. литературу среди нихъ

25 марта 1905 г.

Мелитополь. Отъ кружковыхъ занятій только съ организованными рабочими мы перешли къ массовкамъ. Собираются частыя массовки (25—40 чел.); на этихъ собраніяхъ говорили о погромѣ, о тактикѣ правительства въ отношеніи къ „внутреннимъ врагамъ“, объ отношеніи соціальдемократовъ къ либераламъ, о соціализмѣ, о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи и т. д. Говорили хорошо, съ чувствомъ и на рабочихъ это произвело прекрасное впечатлѣніе.

Были еще собранія организованныхъ рабочихъ въ 50 и 40 человѣкъ „самообороны“. Среди послѣднихъ много русскихъ.

Всѣхъ организованныхъ рабочихъ у насъ теперь больше 80 человѣкъ. Былъ устроенъ подметъ листковъ изъ 400 „Пора кончать“ и 800 собственнаго изданія (отвѣтъ на прокламаціи полиціи). Въ отвѣтъ на этотъ листокъ, были вновь распространены воззванія объ избіеніи не только „жидовъ“, но и всѣхъ студентовъ и соціальдемократовъ. Прокламація подписана „Московскій комитетъ — Русскій кулакъ“. Наши листки разбрасывались и по деревнямъ. Мужики не понимали: „то листки противъ полиціи, то противъ евреевъ, — не знаешь кто правъ“ — говорили они.

Листовка „Первый шагъ“ читается на расхватъ. „Пора кончать“ возбудилъ среди массы большой энтузіазмъ и самые лестные отзывы со стороны безсознательныхъ рабочихъ. Въ одной мастерской неграмотные дали прочесть какому-то грамотному мальчику прокламацію „Пора кончать“, чтеніе этого листка произвело на нихъ большое впечатлѣніе, многіе даже плакали. Недавно какой то русскій паренекъ доставъ какъ то листовку, — изданную „Крымскимъ союзомъ“ „Что такое политическая свобода?“ — и еще нѣсколько нелегальныхъ листковъ, — отправился въ свою деревню Кильчикъ, собралъ мужиковъ, читалъ имъ листки и говорилъ о войнѣ, о безправности положенія крестьянъ и т. д. Все это онъ сдѣлалъ по своей иниціативѣ. Многіе слушали съ большимъ вниманіемъ. Кто то изъ крестьянъ хотѣлъ его побить, но молодежь отстояла. Все таки нашлись доносчики, доложили полиціи и парень былъ арестованъ. На слѣдствіи ведетъ себя хорошо, не говоритъ, съ кѣмъ знакомъ и у кого получилъ. Его арестъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на крестьянъ деревни Акимовки, гдѣ ими же былъ избитъ и арестованъ еврей, разбрасывавшій листки. „Мы думали — говорили они — что это евреи дѣлаютъ, оказывается, среди нихъ есть и русскіе — значитъ, что нибудь да есть“. На Песчаной мужики говорили: „пусть онъ“ воюетъ себѣ, а мы контрибуціи платить не будемъ“. На Квяіркѣ, по прочтеніи разбросанныхъ листковъ, крестьяне вынесли такое мнѣніе: „все это правда, хотя видно (!!), что это писали евреи“. Для руководства славнымъ дѣломъ искорененія крамолы, пріѣхалъ къ намъ новый жандармскій ротмистръ.

Ѳеодосія. 19 марта. Послѣ неудавшейся стачки съ демонстраціей, въ которой участвовали рабочіе и работницы всѣхъ табачныхъ фабрикъ и ремесленныхъ мастерскихъ — революціонная работа временно притихла. Теперь же вновь оживляется. Укрѣпляются и расширяются связи. Онѣ сильны среди солдатъ и запасныхъ. Громадное впечатлѣніе произвели на нихъ листки „Пора кончать“, Памятка солдата“ и „Правда о войнѣ“. Листокъ „Къ гражданамъ“ былъ распространенъ среди солдатъ въ количествѣ 300 экз. и начальство даже не узнало объ этомъ.

Масса запасныхъ разбѣгается изъ казармы домой. Организованы патрули дѣйствительныхъ солдатъ, которые подъ командой офицера разъѣзжаютъ по станціямъ желѣзной дороги, захватываютъ „самодралокъ“ (такъ называютъ себя убѣгающіе запасные) и силой возвращаютъ ихъ обратно въ казармы. Кормятъ ихъ ужасно, обстановка въ казармахъ отвратительна. Все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ сильное недовольство и отъ самихъ солдатъ приходится слышать рѣзкую критику существующаго произвола начальства.

Подвинулась работа и среди рабочихъ.

По поводу ходившихъ слуховъ о возможности погрома, организаціей былъ выпущенъ листокъ въ 1,000 экземпляровъ.

Для увеличенія денежныхъ поступленій, организована „финансовая коммисія“, которая значительно подняла фонды организаціи. Послѣ стачки были устроены массовыя собранія въ 15—20—80—110—200 и 300 человѣкъ. Говорили о текущихъ вопросахъ: войнѣ, созывѣ Учредительнаго Собранія, необходимости политической свободы и проч. Листковъ было распространено больше 8,000; изданныхъ мѣстной организаціей (2,100) и Крымскимъ Союзомъ. Брошюрной литературы было около 40 фунтовъ и около 50 экземпл. „Искры“.

Одесса. 24 марта. Пересыпскіе рабочіе Гена, Фандрика, общества пароходства, послали министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой разрѣшить имъ собранія представителей всѣхъ фабрикъ и заводовъ, для обсужденія своихъ нуждъ и для представленія ихъ Коковцеву и въ думѣ, въ ожиданіи отвѣта, хлопочутъ у головы (Зеленаго) о помѣщеніи для собраній. Все это не безъ участія Шаевича... Геновскіе рабочіе, якобы, послали въ Кишиневъ Шаевичу для его пріѣзда 30 руб. Но у Гена есть и соц. демократы, связанные съ группой.

Одесса, 28 марта. Всеобщая стачка, охватившая пожаромъ всю Россію, заставила встрепенуться даже наименѣе воспріимчивый элементъ — служащихъ въ крупныхъ торговопромышленныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ началѣ прошлаго мѣсяца, въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что въ Кіевѣ забастовало южно-русское общество торговли аптекарскими товарами.

Между служащими одесскаго отдѣленія торговли аптекарскими товарами Б. Сегаль, наряду. съ реакціонными элементами, имѣются также прогрессивные, благодаря чему это извѣстіе послужило сигналомъ къ разговорамъ о необходимости улучшенія и ихъ положенія. Разговоръ вскорѣ перешелъ въ дѣло и нѣкоторые служащіе рѣшили созвать общее собраніе, что и было вскорѣ исполнено.

Приготовленные уже къ этому, всѣ на общемъ собраніи сошлись на одномъ — на необходимости улучшенія ихъ положенія. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и разговоровъ избрали коммиссію изъ семи человѣкъ, которые должны были составить петицію и по, утвержденіи общаго собранія, представить ее директорамъ. Черезъ нѣсколько дней петиція была готова. Написанная въ довольно корректной формѣ, она нарисовала картину жизни служащихъ, которая превращается для нихъ въ прозябанье, благодаря слишкомъ длинному рабочему дню (отъ 8 час. утра до 8 ч. вечера; 2 часа на обѣдъ) и работѣ въ помѣщеніяхъ, не соотвѣтствующихъ элементарнымъ требованіямъ гигіены и чистоты и въ замѣнъ большинство получаетъ мизерное вознагражденіе, еле достаточное для удовлетворенія насущныхъ потребностей. Принимая во вниманіе все это, петиція проситъ директоровъ: 1) уменьшить рабочій день на два часа, съ такимъ разсчетомъ, чтобы онъ кончался въ 6 час. вечера; 2) утвердить товарищескій судъ, который будетъ избранъ для разбора инцидентовъ, возникнувшихъ между служащимъ и служащимъ и между хозяиномъ и служащимъ; 3) внести 2°/o съ чистой годовой прибыли въ пользу служащихъ и улучшить матеріальное ихъ положеніе.

Настроеніе же у многихъ служащихъ въ это время было неважное: многіе, большей частью, старшіе, говорили, что не подпишутъ петицію, что это только ухудшитъ ихъ положеніе и что имъ, наконецъ, важнѣе всего надбавку получить (такъ разсуждали, понятно, болѣе отсталые). Казалось, что петиція, написанная хотя въ видѣ просьбы, будетъ провалена и затѣянное дѣло окончится ничѣмъ. Но это пессимистическое настроеніе должно было вскорѣ превратиться въ глубоко оптимистическое вотъ по какому поводу.

Общее собраніе назначено было на субботу 12 марта, вечеромъ. Днемъ было получено изъ Вильны (главный складъ) письмо, что тамошніе служащіе устроили стачку и выставили слѣдующія требованія: 1) 8-часовый рабочій день; 2) общая надбавка жалованья; 3) отпускъ каждые 2 года на 1 мѣсяцъ; 4) платить заболѣвшимъ жалованье: прослужившимъ отъ 1—5 лѣтъ за 3 мѣсяца, отъ 5—10 лѣтъ за 6 мѣс., дольше—за годъ. Всего выставили 5 требованій. Стачка продолжалась 4 дня и всѣ требованія выиграны.

Невозможно описать ту радость, съ которой было встрѣчено это извѣстіе всѣми, даже наиболѣе реакціонными, которые говорили, что не хотятъ отстать, что теперь такая „мода“ и многіе даже предлагали послать сочувственную телеграмму своимъ виленскимъ товарищамъ. Вечеромъ состоялось общее собраніе и рѣшено было почти единогласно измѣнить редакцію петиціи, причемъ, вмѣсто прежнихъ пунктовъ, выставить слѣдующіе: 1) 8-часовый рабочій день (раньше боялись этого страшнаго слова); 2) Прибавка всѣмъ жалованья; 3) товарищескій судъ; 4) 2°/o въ кассу служащихъ; 5) въ случаѣ болѣзни, платить до 5 лѣтъ за 3 мѣсяца, больше — за 6 мѣс.; 5) никто не долженъ за это пострадать. Избрали делегацію и рѣшили подать во вторникъ (въ воскресенье закрыто, въ понедѣльникъ коммиссія должна была собраться). Но обо всемъ этомъ въ воскресенье провѣдалъ директоръ (г. Мушкатъ), который рѣшилъ предупредить ихъ и потому просилъ 10 старшихъ служащихъ остаться послѣ 8 часовъ для переговоровъ. Въ составъ 10 человѣкъ вошла также делегація (4 чел.), которая рѣшила подать ему петицію. Но Мушкатъ заявилъ имъ, что ему уже все извѣстно и что приходится только удивляться ихъ недовольству въ то время, когда имъ, въ сравненіи съ другими, совсѣмъ не скверно живется. Въ результатѣ онъ петицію отказался принять, если ему не будетъ дана гарантія, что это *только* просьба, которая будетъ дана на его усмотрѣніе безъ оставленія служащими за собой права дѣйствій, въ случаѣ неполнаго удовлетворенія. Гарантировать никто не могъ, петиція не была подана и служащіе ушли, страшно озлобленные. На слѣдующій день, во вторникъ, было опять собраніе и рѣшено было уничтожить петицію и взамѣнъ выставить всѣ прежнія требованія и прибавленіе: 1) обязательность отпуска и 2) стачка не можетъ служить мотивомъ отказа. Рѣшили, въ случаѣ неудовлетворенія, бастовать. Тутъ же была избрана коммиссія изъ 9 человѣкъ, изъ которыхъ 3 (делегата) будутъ вести переговоры, а рѣшать будутъ всѣ 9 человѣкъ. Въ среду вечеромъ требованія были поданы. На слѣдующій день утромъ Мушкатъ, прійдя въ контору, первымъ дѣломъ велѣлъ пріостановить отправку, затѣмъ, отобравъ у всѣхъ документы, позвалъ делегацію, которой заявилъ, что ни на какія уступки не пойдетъ; совѣтовалъ подать, вмѣсто требованій, просьбу на его усмотрѣніе, въ противномъ случаѣ, грозилъ, что пойдетъ на всѣ убытки, до закрытія дѣла включительно. Все это понятно были пріемы съ цѣлью напугать ихъ. Для обсужденія онъ далъ не больше часу. Делегація состояла изъ старшихъ служащихъ и тутъ то сказалась ихъ вся природа. Боясь, что ихъ замѣнятъ другими и будучи увѣрены, что въ лучшемъ случаѣ ихъ престижъ, по окончаніи этой исторіи, упадетъ въ глазахъ директора, они поспѣшили собрать остальныхъ 6 человѣкъ, и заявили, что теперь только 2 исхода: либо сейчасъ же объявить забастовку, что можетъ повлечь за собой закрытіе дѣла, взятіе новаго штата служащихъ, отчего многіе изъ нуждающихся пострадаютъ, либо прекратить совершенно всю эту исторію; нѣкоторые указывали, что не имѣютъ никакого права этого сдѣлать, что уполномочены только на уступки пойти и т. д.

Послѣ долгихъ споровъ вопросъ этотъ былъ поставленъ на баллотировку; въ результатѣ большинствомъ 6 противъ 3 рѣшили отобрать требованія у директора, что и было сдѣлано. Это было 17 марта. Такъ прекратилась эта исторія, но... не окончилась. Когда служащіе (всего у Сегаля 70 чел. служ.) узнали объ этомъ, то возмущеніе противъ коммиссіи было всеобщее и волненіе продолжалось и въ слѣдующіе послѣ этого дни. Г. Мушкатъ понялъ, что если организація и солидарность у служащихъ имѣются, то это можетъ повториться и съ худшими послѣдствіями, что не особенно выгодно для дѣла.

Въ настоящее время установленъ рабочій день для всего дѣла 8½ час. (отъ 8 до 6½, 2 часа на обѣдъ) и для конторы 8 час. (отъ 8½ ч. до 7½ и 2 часа — обѣдъ.) Признанъ также товарищескій судъ.

Харьковъ. На собраніи 300 рабочихъ паровозо-строительнаго завода принята, по предложенію представителя Комитета, резолюція, въ которой содержатся всѣ требованія политической и фабричной программы-минимумъ. Партіи, заявляется о необходимости созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и, какъ конечной цѣли, перехода средствъ производства въ собственность общества.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ко всѣмъ членамъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Товарищи!

Я нахожу необходимымъ объясниться съ вами по вопросу, который хотя и касается одного меня, но имѣетъ въ то же время важное практическое значеніе для всѣхъ насъ.

Дѣло вотъ въ чемъ. Нѣкоторые товарищи пишутъ мнѣ, что въ нашихъ заграничныхъ организаціяхъ кѣмъ то настойчиво распространяется слухъ о томъ, что постановленіе Совѣта нашей Партіи, относящееся къ съѣзду, созываемому извѣстнымъ Бюро такъ называемыхъ „большевиковъ“ при извѣстномъ благосклонномъ содѣйствіи нынѣшняго Ц. К., было принято не единогласно, и будто именно я разошелся здѣсь во мнѣніи съ остальными своими коллегами.

Это неправда, которую легко опровергнуть указаніемъ на текстъ постановленія: въ немъ говорится объ *единогласномъ* его принятіи Совѣтомъ. Или это фальсификація? Но. — оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько достойно нашей партіи подобное предположеніе, — я спрошу: кто же могъ бы помѣшать мнѣ печатно разоблачить подобную фальсификацію? Я еще не разучился держать въ рукѣ перо и не боюсь отстаивать свои взгляды.

На самомъ дѣлѣ я не только одобряю постановленіе Совѣта, но и принималъ дѣятельное участіе въ его редактированіи. Да и могъ ли я не одобрить его? Вѣдь даже органъ „большевиковъ“ признаетъ, что съ точки зрѣнія нашего устава желательный для него съѣздъ *незаконенъ*. Съ какой же стати я призналъ бы законнымъ этотъ съѣздъ? Когда нашъ второй (*законный*) партійный съѣздъ назначилъ меня пятымъ — единственнымъ *выборнымъ*, — членомъ Совѣта, то онъ сдѣлалъ это, конечно, не для того, чтобы я насмѣхался надъ имъ же одобреннымъ партійныхъ уставомъ и нарушалъ тѣ статьи этого устава, которыя относятся къ созыву партійныхъ съѣздовъ.

Я не исполнилъ бы принятой на себя обязанности члена Совѣта и обманулъ бы довѣріе партійнаго съѣзда, если бы не возсталъ противъ съѣзда, незаконно собирающагося по почину людей, *находящихъ свою выгоду* въ томъ, чтобы идти къ своей цѣли не той прямой дорогой, которая ясно и недвусмысленно намѣчена *для всѣхъ насъ* партійнымъ уставомъ.

Еслибы въ Совѣтѣ дѣйствительно возникло разногласіе по этому вопросу и еслибы, — я намѣренно беру крайній случай, — всѣ остальные мои коллеги рѣшили пойти на незаконный съѣздъ, то и это обстоятельство, какъ ни печально было бы оно для меня, ни на волосъ не измѣнило бы моего поведенія: я все таки протестовалъ бы противъ того, противъ чего я обязанъ протестовать по долгу своей партійной службы и своей личной совѣсти.

Я знаю, „большевики“ говорятъ, что не слѣдуетъ останавливаться передъ *формальностями*, когда этого требуетъ *интересъ партіи*. Но, во-первыхъ, мы до тѣхъ поръ не выйдемъ изъ жалкаго состоянія полупартіи, пока не научимся уважать *свои собственные* законы и видѣть въ нихъ нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ „*пустая формальность*“; во вторыхъ, интересъ партіи можетъ быть удовлетворенъ *законнымъ* путемъ; въ третьихъ, самый важный интересъ партіи, тотъ интересъ, отъ удовлетворенія котораго зависитъ все ея будущее, настоятельно требуетъ отъ насъ *положительной работы въ средѣ пролетаріата*, а не тѣхъ мелкихъ, смѣшныхъ, жалкихъ, но тѣмъ не менѣе вредныхъ кружковыхъ *интригъ, которыя достигнутъ высшаго своего расцвѣта именно на съѣздѣ*, созываемомъ вышеназваннымъ Бюро.

Уже одно то обстоятельство, что попытка этого своеобразнаго учрежденія могла найти хоть нѣкоторое сочувствіе между членами нашей партіи, показываетъ, что мы далеко не стоимъ на высотѣ своего великаго и святого историческаго дѣла.

Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ, товарищи.

Я знаю, что меня можно выругать за это на разные лады и съ большею или меньшею грубостью. Но... правда преждевсего.

Локарно, 15 апр. 1905. Вашъ Г. Плехановъ.

Резолюція Полѣсскаго Комитета.

Настоящій политическій моментъ, переживаемый Россіей, ставитъ передъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіей серьезную и трудную задачу, осуществленіе которой возможно лишь при сплоченіи всѣхъ ея силъ, и выдвигаетъ цѣлый рядъ тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ, настойчиво требующихъ немедленнаго ихъ разрѣшенія. Принимая во вниманіе 1) что объединеніе фактически расколовшейся на двѣ части Партіи можетъ быть осуществлено только путемъ общепартійнаго съѣзда, который долженъ во что бы то ни стало положить конецъ глубоко прискорбному расколу въ нашей Партіи; 2) что третій очередной съѣздъ представляетъ самый лучшій способъ для разрѣшенія тѣхъ тактическихъ задачъ и вопросовъ, которые разворачивающіяся событія выставляютъ передъ нашей партіей;

Полѣсскій Комитетъ на собраніи ... марта призналъ, что созывъ третьяго очереднаго съѣзда является насущно необходимымъ и постановляетъ обратиться къ центральнымъ учрежденіямъ партіи съ предложеніемъ о немедленномъ созывѣ третьяго съѣзда.

(Пунктъ первый мотивировки принятъ всѣми противъ одного, пунктъ второй — единогласно. Голосовавшій противъ перваго пункта находитъ, что при наличности обостренныхъ отношеній между двумя частями партіи съѣздъ не достигнетъ цѣли примиренія, каковая цѣль можетъ быть достигнута гораздо легче путемъ конференціи партійныхъ организацій, которая должна предшествовать съѣзду).

Полѣсскій Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Отъ редакціи. Эта резолюція принята до рѣшенія Ц. К. въ пользу съѣзда.

Резолюція Казанскаго Комитета.

Въ своемъ засѣданіи 20/III 1905 года Казанскій Комитетъ принялъ слѣдующую резолюцію.

Имѣя въ виду:

1) Что Р. С.-Д. способна разрѣшить тѣ громадныя задачи, которыя поставила передъ нею современная революціонная эпоха, только въ томъ случаѣ, если она тѣсно сплотится въ единую, планомѣрную и прочно организованную партію;

2) Что существующіе въ партіи фракціонные раздоры не давали возможности осуществить такую степень партійной организованности и сплоченности;

3) Что жизнь выдвинула необходимость партійнаго разрѣшенія цѣлаго ряда тактическихъ вопросовъ;

Казанскій Комитетъ единогласно постановилъ обратиться къ Совѣту Партіи съ предложеніемъ приступить къ немедленному созыву третьяго очереднаго съѣзда такъ, чтобы уже съѣхавшіеся по предложенію Орг. Бюро К-овъ Б. делегаты комитетовъ получили возможность явиться съ полученными уже ими мандатами на третій общепартійный съѣздъ. Казанскій комитетъ ожидаетъ извѣщенія Совѣта о созывѣ третьяго съѣзда и приступаетъ къ выбору своего делегата.

Казанскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Отъ редакціи. Эта резолюція принята до извѣстія о соглашеніи Ц. К. съ Б. К. Б.

Резолюція Тифлисскаго Комитета.

Отвѣчая на призывъ Совѣта Партіи въ № 89 „Искры“ и на письмо Ц. К. отъ 4 марта къ партіи о созывѣ 3-го съѣзда, Тифлисскій Комитетъ считаетъ своимъ долгомъ заявить слѣдующее: Колоссальный ростъ классоваго самосознанія Россійскаго пролетаріата, выразившійся за послѣднее время въ цѣломъ рядѣ соціально-политическихъ проявленій, и самостоятельное (помимо и часто вопреки комитетамъ) выступленіе пролетарской массы на арену политической борьбы, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ новымъ курсомъ послѣ—съѣздовской „Искры“, признавшей политическую зрѣлость за русскими рабочими и необходимость послѣдовательнаго проведенія въ жизнь партійныхъ организацій демократическаго принципа.

Въ полномъ противорѣчіи съ новыми запросами движенія, необходимо вытекающими изъ исторической миссіи пролетаріата, находится дѣятельность „Организац. Бюро“ т. н. „большинства“ и всѣхъ примыкающихъ къ нему организацій, въ томъ числѣ и Кавказскаго С. К. Такъ называемое большинство, руководимое тов. Ленинымъ и орг. „Впередъ“, не съумѣло во время и вѣрно учесть указанный выше ростъ пролетаріата, вслѣдствіе переоцѣнки значенія интеллигентскаго руководительства партіей, и своей настойчивой не-партійной агитаціей противъ установленныхъ 2-мъ съѣздомъ центральныхъ учрежденій партіи внесло въ послѣднюю сильную дезорганизацію, которая и привела къ крайне печальному отпаденію отъ партіи нѣсколькихъ комитетовъ и дѣятельныхъ работниковъ.

Выражая свое довѣріе Ц. У. Партіи и согласуя свою дѣятельность съ планомъ Ц. О. и С. П., Тифлисскій Комитетъ надѣется, что расколъ, отвѣтственность за который падаетъ исключительно на т. н. большевиковъ, не будетъ длительнымъ и закончится полнымъ торжествомъ единственно-вѣрной тактике, которая находитъ себѣ горячую защиту на страницахъ Искры и которая одна только и можетъ привести къ желательному и даже необходимому въ настоящій моментъ единству партіи.

Что касается призыва Ц. К. въ письмѣ „Къ партіи“—готовиться къ съѣзду въ ближайшемъ будущемъ, то Тифлисскій Комитетъ находитъ, что: 1) призывъ этотъ является значительно запоздалой попыткой склеить два разнородныхъ теченія въ партіи. Задача эта—не по плечу съѣзду; она рѣшается жизнью и жизнь уже показала несостоятельность тактики т. н. большевиковъ, не выходящей за узкія рамки тѣсныхъ организацій профессіональныхъ революціонеровъ и въ силу этого умирающей своею естественною смертью. 2) съѣздъ, роль котораго сводится къ тому, чтобы запротоколировать и санкціонировать на нѣкоторое время выработанное самою жизнью направленіе движенія, ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить средствомъ объединенія партіи. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ въ ней, въ этомъ нѣтъ и надобности: отпаденіе небольшой кучки профессіональныхъ революціонеровъ изъ т. н. большинства не явится сколько-нибудь замѣтной потерей для партіи, такъ какъ отпадутъ лишь не жизнеспособные элементы, все равно обреченные на бездѣйствіе. 3) Намѣченные программой Ц. К. вопросы одни уже рѣшены самою жизнью, другіе на пути къ рѣшенію и третьи, наконецъ, не достаточно еще выяснились и въ литературѣ и въ жизни, чтобы теперь же ставить ихъ на съѣздѣ. 4) Поэтому, забѣгать впередъ и созывать чрезвычайный съѣздъ, не дожидаясь очередного, было бы въ высшей степени не цѣлесообразнымъ: въ данный моментъ, когда амплитуда пролетарскаго движенія достигла небывалой высоты, онъ отвлекъ бы отъ дѣла солидныя силы. 5) Такъ какъ т. н. большинство, подъ руководствомъ своего Орг. Бюро уже собравшее съѣздъ, фактически давно подготилось къ 3-му съѣзду, въ то время какъ т. н. меньшинство менѣе всего думало о немъ, то всѣ вопросы, поставленые на съѣздѣ, получили бы одностороннее освѣщеніе. 6) Не допуская мысли, чтобы Ц. К. не принялъ всего этого во вниманіе, надо думать, что призывъ къ съѣзду со стороны Ц. К. является несомнѣнной уступкой т. н. большинству, вызванной или наивной вѣрой въ съѣздъ, какъ панацею отъ всѣхъ золъ, проистекающихъ отъ внутри-партійныхъ несогласій, или явной склонностью къ т. н. большинству. На основаніи всего вышеизложеннаго, Тифлисскій Комитетъ высказывается противъ съѣзда въ томъ видѣ, какъ онъ предлагается письмомъ Ц. К. Но если С. П. рѣшитъ, что очередной съѣздъ необходимъ сейчасъ, то, Тифлисскій Комитетъ, подчиняясь этому рѣшенію, пришлетъ своихъ делегатовъ.

27 марта 1905. Тифлисскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Настоящая резолюція прошла единогласно въ комитетѣ, въ собраніи пропагандистовъ и агитаторовъ и въ районныхъ собраніяхъ. (4 района).

Резолюція Кубанскаго Комитета.

1) По полученіи 20 марта извѣстнаго циркулярнаго письма Ц. К. отъ 4 марта, въ которомъ онъ приглашаетъ всю партію готовиться къ третьему съѣзду, Кубанскій Комитетъ на совмѣстномъ засѣданіи (23 марта) съ пропагандистами и агитаторами вынесъ резолюцію, въ которой самымъ энергичнымъ образомъ протестовалъ противъ немедленнаго созыва третьяго съѣзда, исходя изъ мотивовъ, аналогичныхъ мотивамъ резолюціи Совѣта

2) Въ виду того, что Ц. К. вошелъ въ соглашеніе съ „Организаціон. Бюро Б-ва“ и общими усиліями этимъ двумъ организаціямъ удалось убѣдить въ необходимости *немедленнаго* третьяго партійнаго съѣзда большинство комитетовъ, и близкій, немедленный съѣздъ представителей комитетовъ, такимъ образомъ, является фактомъ рѣшеннымъ—Кубанскій Комитетъ, оставаясь при своемъ предъидущемъ рѣшеніи отъ 20 марта, но не считая возможнымъ изолироваться отъ всей партіи, рѣшаетъ послать *делегата* на съѣздъ [1]).

3) Ц. К. вмѣстѣ съ организаціей бюро б-ва, считая, что „невозможна никакая положительная работа безъ немедленнаго созыва третьяго съѣзда“, такъ спѣшилъ съ его созывомъ, что не нашелъ времени посѣтить нашу организацію. 30 марта пріѣхалъ къ намъ товарищъ отъ Донского ком., разсказавшій подробно о положеніи дѣлъ съ III съѣздомъ, и извѣстившій насъ что нужно спѣшить съ посылкой делегата, чтобы не остаться совсѣмъ безъ голоса на съѣздѣ.

Но не только наша организація — *вся Партія* не имѣла возможности подготовиться къ съѣзду, чтобы делегатъ, посылаемый на съѣздъ комитетомъ, являлся дѣйствительнымъ выразителемъ мнѣнія *всей* организаціи.

Партія не имѣла возможности обсудить даже самый порядокъ дня съѣзда. Можетъ ли при такихъ условіяхъ работа съѣзда быть особенно плодотворной? Кубанскій Комитетъ протестуетъ самымъ *рѣшительнымъ* образомъ противъ такихъ методовъ созыва съѣзда.

Считая редакцію „Искры“ такой организаціей, которая является не только идейнымъ руководителемъ нашей партіи, въ полномъ смыслѣ этого слова но и благодаря своему умѣнію выдвигать очередныя задачи, отстаиванію единства партіи, неустанному стремленію сплотить разрозненную партію вокругъ великихъ задачъ, стоящихъ передъ нами, — является и практическимъ нашимъ руководителемъ, Кубанскій Ком., не имѣя возможности, въ виду условій созыва съѣзда, оторвать въ настоящее время активныхъ работниковъ отъ работы, — довѣряетъ редакціи „Искры“ передачу мандата Кубанскаго Ком. товарищу, въ идейномъ отношеніи стоящему на позиціи редакціи.

Екатеринодаръ. 30 марта 1905 г.

Слѣдуютъ подписи семи членовъ Кубанскаго Комитета:

Резолюція Союзнаго Комитета У. С. Д. С. и Редакціи „Правды“.

Полагая, что созывъ 3-го съѣзда можетъ содѣйствовать умиротворенію партіи, Украинскій Соціальдемократическій Союзъ находитъ, что, несмотря на желательность созыва съѣзда въ возможно близкомъ будущемъ, центральныя учрежденія партіи должны при опредѣленіи срока созыва считаться съ переживаемымъ теперь въ Россіи политическимъ моментомъ и особенно съ необходимостью развить въ этомъ году самую широкую первомайскую агитацію.

У. С. Д. С. убѣжденъ, что работы съѣзда могутъ повести къ желательнымъ результатамъ лишь при условіи предварительнаго созыва конференціи изъ представителей борющихся въ партіи теченій. конференціи, которая еще до съѣзда намѣтила бы возможныя условія соглашенія.

Намѣреніе же Ц. К. обратиться для созыва съѣзда къ помощи „Бюро комитетовъ большинства“, У. С. Д. С. находитъ несоотвѣтствующимъ тѣмъ задачамъ умиротворенія партіи, служить которымъ долженъ созывъ 3-го съѣзда.

19 марта 1905 года.

Къ вопросу о съѣздѣ.

Екатеринославскій комитетъ объявляетъ, что съѣздъ, созываемый Ц. К. и Б. К. Б., онъ не считаетъ съѣздомъ партійнымъ и рѣшенія его не признаетъ для себя обязательными. Не отказываясь послать на этотъ съѣздъ делегата, комитетъ предлагаетъ ему добиваться объявленія съѣзда конференціей, въ виду фактической невозможности предварительнаго обсужденія намѣченныхъ вопросовъ въ организаціи, и не считаетъ возможнымъ предоставить своему делегату пользованія рѣшающимъ голосомъ. **Кременчугскій** комитетъ отказался отъ участія въ съѣздѣ. **Полтавская** группа высказалась противъ съѣзда.

Вышли изданія: Ц. К-та: 1) „Онъ прощаетъ!“ (изъ „Искры“) 2) „О послѣднихъ событіяхъ“ (по „Искрѣ“) 3) „Въ бой за свободу!“ (лист. „Искры“); **Москов. Ком.:** 1) Къ обществу (печ.); 2) О бакинской бойнѣ (мимеогр.). **Одес.** группы: 1) „Будьте готовы!“ (лист. „Искры“—10000 экз.); 2) „Булыгинское совѣщаніе“ (10000). **Екатеринослав.** комитета — Призывъ къ приказчикамъ. **Кишиневской** организаціи: 1) „Къ рабочимъ и работницамъ“ (печ. 1500 экз.) 2) Вторая жертва (гект.) 3) Пролетаріатъ и либералы (печ.-2000 экз.) **Бахмутской** группы **Донецкаго** союза Отчетъ за январь и февраль (печ.); **Полтавской** громады украинскаго союза (Спілкі) „Селяне хліборобы!“ (печ. 20 000 экз.); организаціи молодежи при **Донскомъ** комитетѣ: „Къ молодежи!“ (гект.). **Астраханскаго** комитета „Къ казакамъ“; **Петерб.** груп.: „Какое госуд. страхов. намъ нужно?“ (переп. „Искры“) и денежный отчетъ группы; **Организаціи** Балах. и Биби Эйбатск. раб. 1) „Ко всѣмъ рабочимъ“ (2500 экз.) и 2) Рабочій листокъ № 1 (1000 экз.). Его же изданъ листокъ „Союза солдатъ русск. арміи на Кавказѣ“: „Ко всѣмъ солдатамъ“ (2500 экз.)

Вышелъ № 5 „Соціальдемократа“.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Къ свѣдѣнію товарищей. Товарищи! Мы просимъ васъ довести до свѣдѣнія партіи слѣд.: Въ Кривомъ Рогѣ 25 апрѣля 1904 года были арестованы Л. М. Браиловскій (студ.), Ю. Л. Левинъ (наборщикъ), М. Н. Цинъ (служащій въ банкѣ), Оржеховскій (сапожникъ), М. Н. Жуковскій (машинистъ) 27 апрѣля были арестованы Т. Я. Махаленко (конторщикъ), О. Т. Дяковъ (сл. на рудникѣ), Л. О. Комаровъ (тоже). 5 октября — Ф. И. Уринскій (конторщикъ); въ первыхъ числахъ мая освобождены Жуковскій, Комаровъ, Оржеховскій. Остальныхъ отправили въ Херсонскую тюрьму. 17 декабря освобождены подъ надзоръ въ Кривомъ Рогѣ Махаленко и Дяковъ. 15 февраля, по предписанію прокурора Одесской Судебной Палаты, дѣло перешло къ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ. Всѣхъ обвиняютъ по 126 стат. (II ч.) и по 132 (II ч.) ст. 3-го марта слѣдователь на второмъ допросѣ заявилъ, что всѣ показанія противъ нихъ даны двумя провокаторами, а именно: 1) Вульфомъ (онъ же Волька) Сатановскимъ и 2) Павломъ Николаевичемъ Опанащенко. *В. Сатановскій*, 23-хъ лѣтъ, житель Кривого Рога, служитъ на рудникѣ Н. Д. Браиловскаго, еврей, роста выше средняго, лицо смуглое (типичный цыганъ), волосы курчавые, усы черные, безбородый, глаза черные, бѣгающіе по сторонамъ и не смотря на собесѣдника, — слесарь, машинистъ, столяръ, литейщикъ, переплетчикъ.

П. Опанащенко — 19 л., крестьянинъ м. Кривой Рогъ, бывшій учитель Ямщицкой сельско-хозяйственной школы, русскій, высокій, худощавый, носъ маленькій, волосы черные, безъ усовъ и бороды, глаза черные. *Криворожцы.*

Ростовъ. Въ ночь на 15-ое марта было произведено много обысковъ и арестовъ. Взята типографія и въ ней 7 500 экземп. „Перваго Шага“. Изъ арестованныхъ извѣстны пока фамиліи: Шульгинъ (взято при немъ 22 № „Искры“), Татарченко (студ.), Краморова и Синайская. **Петербургъ.** Въ ночь на 11 марта арестованъ сотрудникъ „Новостей“ Матюшенскій и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Причина ареста — рѣчь на концертѣ 10-го марта въ пользу пострадавшихъ въ Баку. **Симферополь.** Освобождена по болѣзни Вѣра Бильзакъ 6-го марта на **Керченскомъ** вокзалѣ захвачены 6.000 лист. „Памятка солдата“; человѣкъ, везшій литературу, удачно скрылся.

Въ **Казани** за январь и февраль арестованы: студенты ун-та: Брау, Норскій, Поповъ и Голубицкій; студ. ветерин.: Гавриловъ и Соколовъ; рабочіе: Андреевъ, Викторъ, Желябовъ* (Сокольскій), Петръ, Григорьевъ, Персонъ, Любовь, курсистка; Мовшовичъ,* Шварцъ,* Вайнштейнъ* — солдаты, Берта Перельманъ—работн., Як. Поповъ*—семинаристъ. (Отмѣч. звѣздочкой—не освобожд.). Съ начала мая будетъ рядъ политич. процессовъ. Въ **Сулинѣ** арест.: Александръ Сорокинъ и Ѳед. Ѳед. Худневъ и отвезены въ Новочеркасскъ. Въ **Томскѣ** 2 февр. арест. на Никитинской ул. собраніе въ 37 чел. (26 рабоч. и 11 интел.)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Изъ Организаціоннаго отчета С.-Петербургской группы. съ 15 февраля по 15 марта 1905 г.

ПРИХОДЪ. Отъ Москвина черезъ Соню на вооруженіе — 2000 руб.; отъ сочувств. изъ Самары — 200 р.; Сибирячка на революцію — 1350 р.; на организацію — 125 р.; отъ М. М. — 105 р.; на оружіе — 112 р.; отъ техн. на технику — 100 руб.; на технику — 20 р.; отъ Р. на технику — 12 р. 30 к.; отъ Н. — 8 р.; сборъ 7 руб. Итого — 4039 р. 30 к.

РАСХОДЪ. На вооруженіе — 1250 р. — техника — 629 р. 62 к. — организац. расходы — 447 р. — организац. расходы Невск. района — 131 р. — Василеостровскаго — 105 р. — городского — 203 р. — Нарвскаго — 121 р. — Петербургскаго — 74 р. — Выборгскаго — 45 р. — доставка литературы — 60 р. — на „Искру“ — 25 р. — конспиративн. расходы — 25 р. Итого — 3115 руб. 62 коп.

Стачечный фондъ.

ПРИХОДЪ. Отъ Н. Н. — 200 р.; отъ лѣсниковъ — 47 р. Итого — 247 руб. Остатокъ къ 15. февр. — 2506 р. 47 к. Итого — 2753 р. 47 к.

РАСХОДЪ. Василеостров. р. — 450 р. Невскій — 500 руб. Нарвскій — 361 р. Петербургскій — 150 р. Городской — 100 р. Типографамъ — 300 р. Мелкіе расходы — 25 р. Итого — 1886 р. Остатокъ на 15 марта 867 р. 47 к.

Денежный отчетъ Казанскаго Комитета.

Приходъ за январь — 308 р. 84 к. Расходъ — 308 р. 1 к.
„ „ февраль — 341 р — „ 333 р. —
Въ стач. фондъ поступило по 9 мар. 1303 р. расходъ 1013 р.

Малинѣ. Адресъ не разобранъ, плохо шифруете, гдѣ Вы? **Органону.** Гдѣ Вы? Почему не пишете? Алеша Васъ ищетъ, но мы ему не можемъ помочь. **Amicus'у.** Получили оба письма. Отвѣчаемъ подробно: не разобраны адреса №№ 9 и 10. По остальнымъ вышлемъ. **Ермолаевъ I.** Получили. Почему не употребляете условленный шифръ? Адреса не разобрали. **Игнатову.** Все получено. **Екатеринославъ. Заключеннымъ.** Придуманное вами средство борьбы не осуществимо. Товарищъ В. правъ.

За недостаткомъ мѣста, отложена статья тов. В. „О работѣ въ войскахъ.

---

[1]) Въ виду дошедшихъ до насъ слуховъ, что намъ собираются дать только совѣщательный голосъ, заявляемъ, что Комитетъ нашъ существуетъ съ января 1904 г.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Общество NEW YORK

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 97. Понедѣльникъ 18-го апрѣля 1905 г. Годъ V

ВЪ ОЖИДАНІИ ПЕРВАГО МАЯ.

Западно-европейскія газеты переполнены тревожными слухами изъ Россіи, вызванными приближеніемъ праздника пролетаріевъ всѣхъ странъ. На югѣ будто бы ждутъ жестокихъ еврейскихъ погромовъ; на сѣверѣ будто бы трепещутъ въ ожиданіи разбойничьихъ подвиговъ знаменитыхъ отнынѣ „хулигановъ“. Кто распространяетъ эти тревожные слухи?

По всей вѣроятности, то самое правительство, которое, утративъ всякое уваженіе со стороны честныхъ людей всѣхъ партій, заключило нынѣ братскій союзъ съ пролетаріатомъ оборванцевъ, „этимъ пассивнымъ протестомъ разложенія нынѣшняго порядка вещей“. Оно подстрекаетъ его къ нападеніямъ на враговъ самодержавія. Но всегда готовые измѣнить всякому союзу, хулиганы, окружающіе царскій тронъ, очень не прочь были бы продать своихъ нынѣшнихъ союзниковъ, хулигановъ, ютящихся въ разныхъ вертепахъ, и выступить въ прибыльной роли спасителей общества отъ ихъ разбоевъ. Нѣкоторые простодушные люди, можетъ быть, и кинутся въ его объятія, испугавшись страшныхъ слуховъ, имъ же распускаемыхъ въ ожиданіи перваго мая, но такіе люди явятся исключеніемъ изъ общаго правила. Разбойники, украшенные золотымъ шитьемъ, внушаютъ „обществу“ еще больше недовѣрія, чѣмъ разбойники, одѣтые въ лохмотья, и какъ бы ни были сильны опасенія, вызываемыя въ немъ тревожными слухами, но надо думать, что въ большинствѣ случаевъ оно предпочтетъ обойтись безъ дружескихъ услугъ со стороны царскаго правительства.

Нравственная связь между обществомъ и „бюрократіей“ совершенно разрушена; всѣ мало-мальски толковые люди понимаютъ теперь, что Россія не дождется ни одной капли добра отъ разбойничьей шайки, присвоившей себѣ право распоряжаться ея судьбами. Это очевидно; но, къ сожалѣнію, не менѣе очевидно и то, что въ борьбѣ съ ненавистной ему „бюрократіей“ наше общество ограничивается пока одними словами. У насъ говорятъ теперь чрезвычайно много, — говорятъ на банкетахъ, говорятъ на съѣздахъ, говорятъ на всякаго рода собраніяхъ. И это, разумѣется, очень хорошо, особенно въ виду того, что Россія страшно долго молчала и что рѣчи, раздающіяся теперь въ такомъ изобиліи, отличаются по большей части весьма возвышеннымъ содержаніемъ. Но этого совсѣмъ недостаточно. Если когда то стѣны іерихонскія пали, по увѣренію Библіи, отъ звука „трубъ юбилейныхъ“, то въ наше прозаическое время чудесъ не бываетъ, и твердыня самодержавія едва ли падетъ вслѣдствіе многочисленныхъ ораторскихъ упражненій нашихъ многочисленныхъ любителей свободы. Чтобы повалить царизмъ, необходима сила, сила же пріобрѣтается не словами, а дѣйствіями. Конечно, въ политикѣ *слово* имѣетъ очень часто значеніе *дѣла*, но это бываетъ тогда — *и только тогда*, — когда говорящій несетъ новую мысль въ новую общественную среду, прежде этой мысли недоступную, и тѣмъ пробуждаетъ политическое сознаніе этой среды. Вотъ если бы наши либеральные и радикальные ораторы „*пошли въ народъ*“, какъ это дѣлали революціонеры семидесятыхъ годовъ и какъ это дѣлаютъ теперь соціаль-демократы; если бы ихъ рѣчи содѣйствовали развитію политическаго сознанія *въ народной массѣ*, тогда ихъ *слово* пріобрѣло бы значеніе важнаго историческаго *дѣла*. Но они предпочитаютъ агитировать „промежъ себя“, обращаться къ той интеллигенціи, которая и безъ того уже настроена крайне враждебно по отношенію къ царизму. Поэтому ихъ краснорѣчивыя разсужденія все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ простой забавы. И это чрезвычайно жаль, такъ какъ съ нашимъ правительствомъ шутки очень плохи. Оно уже много разъ и какъ нельзя болѣе убѣдительно показало, что оно не остановится рѣшительно ни передъ чѣмъ въ борьбѣ со своими врагами. Если оно пока еще дѣлаетъ кое-какія обѣщанія, то единственно потому, что хочетъ съ ихъ помощью выиграть время и приготовиться *къ отпору*. Вѣдь оно еще не потеряло надежды на то, что Рождественскій разобьетъ адмирала Того и тѣмъ придастъ новый оборотъ всему ходу нашей войны съ Японіей. И надо говорить прямо: если бы счастье улыбнулось, наконецъ, нашимъ морякамъ на водахъ Тихаго океана, то наши петербургскіе правители тотчасъ же подняли бы голову, и шансы ихъ торжества надъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи немедленно же увеличились бы въ значительной степени. Въ томъ-то заключается глубокій трагизмъ нынѣшняго положенія всѣхъ россіянъ, одѣтыхъ въ военные мундиры, что теперь для нихъ *побѣдить „непріятеля“* значитъ *нанести пораженіе своему собственному отечеству*. Изъ этого глубоко трагическаго положенія для нихъ есть только одинъ выходъ: поднять противъ царскаго правительства то оружіе, которое куплено трудомъ и потомъ народа. И, конечно, нынѣшняя война откроетъ глаза большому числу ея участниковъ: можно съ увѣренностью сказать, что изъ ихъ среды выйдетъ не мало революціонеровъ. Но какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ никакому сомнѣнію то обстоятельство, что физическая сила до сихъ поръ на сторонѣ царскаго правительства и что это правительство въ подходящій моментъ не побоится прибѣгнуть къ физической силѣ. Говорятъ, что физическая сила не уничтожитъ идеи: „идея на штыки не уловляется“. Это весьма старая истина. Но практическое значеніе этой убѣленной сѣдинами истины сводится къ нулю той, не менѣе старой, хотя можетъ быть и менѣе почтенной истиной, что на штыки съ большимъ удобствомъ уловляются люди, увлеченные идеей, а это все, что нужно нашимъ правительствующимъ хулиганамъ. Великія историческія идеи побѣждали только тогда, когда на защиту ихъ сторонниковъ противъ физической силы „охранителей“ поднималась *физическая сила народной массы*. Въ виду этого весьма естественно спросить себя: что же сдѣлали наши либералы и наши демократы для того, чтобы воодушевить народную массу идеей политической свободы? На этотъ вопросъ всякій безпристрастный человѣкъ, не колеблясь, отвѣтитъ: *крайне мало*. И только потому, что наши либералы и демократы сдѣлали въ этомъ отношеніи крайне мало, наше „общество“ могло быть встревожено слухами о томъ, что и хулиганы готовятся по своему отпраздновать день перваго мая. Какъ бы ни были многочисленны эти несчастные, они — полнѣйшее ничто въ сравненіи съ трудящимся населеніемъ Россіи, и этому населенію достаточно пошевелиться, достаточно нахмуриться, чтобы положить конецъ ихъ безчинствамъ. Ясно, стало быть, что къ нему и надо апеллировать противъ этихъ безчинствъ. Но наши либералы и демократы не только не апеллируютъ къ нему въ подобныхъ случаяхъ, а боятся подчасъ нѣкоторыхъ его классовъ не меньше, чѣмъ самихъ хулигановъ. Еще совсѣмъ недавно либеральныя „Новости“ выражали страхъ передъ „черными сотнями“, къ которымъ, по ихъ словамъ, принадлежитъ *классъ городскихъ ремесленниковъ*. Но что же такое городскіе ремесленники, если не *составная часть нашей мелкой буржуазіи*, т. е. того самаго класса, идеологами котораго служатъ, въ огромномъ своемъ большинствѣ, наши краснорѣчивые *демократы*? Почему же демократы до сихъ поръ не обратили вниманія на ремесленниковъ? Почему они не позаботились о томъ, чтобы повліять на ихъ образъ мыслей? Почему они не дали себѣ труда показать имъ, какъ много выиграютъ они отъ паденія царизма? Почему они предоставили правительству вербовать ремесленниковъ въ *„черныя сотни“* и не постарались завербовать ихъ въ *армію политической свободы*? Скажутъ, пожалуй, что трудно сдѣлать это. Мы спорить и прекословить не станемъ. Пусть будетъ очень трудно! Дѣло революціонной борьбы, дѣло завоеванія политической свободы вообще очень трудное дѣло, а сдѣлать его все таки надо, и потому оно *должно быть сдѣлано*.

А крестьянство? Теперь, съ началомъ холерной эпидеміи, въ нашей печати все чаще и чаще раздаются голоса, грозящіе намъ повтореніемъ печальной памяти холерныхъ бунтовъ, разразившихся въ началѣ девяностыхъ годовъ въ Поволжьи. И надо замѣтить, что теперь такое движеніе было бы гораздо опаснѣе, чѣмъ когда нибудь прежде, потому что агенты царскаго правительства постарались бы осложнить его травлей на оппозиціонную интеллигенцію. Но и здѣсь самъ собою возникаетъ все тотъ же неизбѣжный вопросъ: что сдѣлано нашими либералами и демократами для того, чтобы обезпечить себѣ политическое довѣріе крестьянства? И опять приходится давать на него грустно звучащій отвѣтъ: *крайне мало*. Между тѣмъ, сдѣлать надо много, очень много. Надо показать крестьянству, что злѣйшіе враги его находятся именно въ рядахъ охранителей и что оно очень много выиграетъ отъ паденія царизма. Надо убѣдить его въ томъ, что сочувствіе къ нему существуетъ только въ рядахъ противниковъ нынѣшняго порядка. А для этого надо умѣть поддержать его въ его собственномъ движеніи, направляющемся прежде всего противъ источниковъ хронической нищеты, свившей себѣ также прочное гнѣздо въ деревнѣ. Пусть только оппозиціонная „интеллигенція“ поддержитъ начинающееся движеніе крестьянства, и тогда ему нечего будетъ опасаться никакихъ „холерныхъ бунтовъ“.

Повторяемъ, намъ очень хорошо извѣстно, что сдѣлать все это несравненно труднѣе, чѣмъ произнести на какомъ нибудь съѣздѣ или банкетѣ рѣчь на тему о правахъ человѣка и гражданина. Но другого выхода нѣтъ и не будетъ. Серьезная борьба всегда требуетъ серьезныхъ усилій, а серьезными усиліями преодолѣваются даже очень серьезныя трудности. Посмотрите на насъ, соціаль-демократовъ, которыхъ такъ часто обвиняли въ „квіетизмѣ“. Когда мы рѣшили повторить на свой ладъ практиковавшееся революціонерами семидесятыхъ годовъ „хожденіе въ народъ“, когда мы принимались за пропаганду и агитацію *въ средѣ пролетаріата*, насъ со всѣхъ сторонъ окружали, повидимому, самыя непреодолимыя трудности. И эти трудности ставила на нашемъ пути не одна только полиція. Нѣтъ, наше дѣло страшно затруднялось также народолюбивымъ усердіемъ тогдашней интеллигенціи, которая съ пѣною у рта и съ „цифрами“ въ рукахъ доказывала намъ, что, благодаря выгодамъ своего самобытнаго экономическаго развитія, Россія избавлена отъ *„язвы пролетаріата“* и что, вслѣдствіе этого, возлагать свои надежды на пролетаріевъ могутъ лишь жалкіе педанты, совершенно сбитые съ толку нѣмецкими книжками и позабывшіе о томъ, что мы — не нѣмцы. Но жалкіе педанты упорно шли своей новой дорогой, не смущаясь ни постоянными преслѣдованіями со стороны правительства, ни непрерывными насмѣшками со стороны — „интеллигенціи“, и теперь мы можемъ похвалиться уже не малымъ успѣхомъ: классъ, появленія котораго народническая интеллигенція боялась, какъ *„язвы“*, оказался самымъ передовымъ и самымъ надежнымъ носителемъ революціонной идеи въ Россіи. Лассаль сказалъ на своемъ сильномъ и образномъ языкѣ, что пролетаріатъ есть тотъ камень, на которомъ будетъ воздвигнута церковь будущаго. Подъ церковью будущаго онъ понималъ соціализмъ. Въ Россіи можно сказать, что зданіе политической свободы также будетъ основано главнымъ образомъ на томъ камнѣ, который называется пролетаріатомъ. Но пролетаріату нужна поддержка со стороны другихъ классовъ трудящагося населенія, и съ этой стороны не малую пользу могли бы принести ему наши демократы и даже наши либералы, которые такъ любятъ свободу и такъ далеки еще отъ народной массы.

Господа, *краснымъ батальонамъ не страшны черныя сотни!* Поддержите же эти батальоны, помогите ихъ мобилизаціи. Они освободятъ отъ позорнаго ига царизма и свой собственный классъ, и всю Россію...

Царское правительство хорошо понимаетъ, какъ опасно для него рабочее движеніе, и потому, въ ожиданіи перваго мая, оно съ одной стороны пугаетъ „общество“ *хулиганами*, а съ другой дѣятельно готовится къ подавленію *рабочихъ демонстрацій*. Что то будетъ? Отложитъ-ли нашъ пролетаріатъ свои демонстраціи до перваго мая стараго стиля, или теперь же выйдетъ на улицу? И ограничится ли онъ однѣми демонстраціями или, доведенный до крайности безчисленными и нестерпимыми мученіями только что пережитой зимы, онъ вступитъ съ царскимъ правительствомъ въ тотъ рѣшительный бой, котораго ему не миновать въ борьбѣ за политическую свободу, но къ которой онъ, къ сожалѣнію, еще не достаточно подготовленъ. Вотъ вопросы, которыхъ нельзя не признать теперь важнѣйшими вопросами нашей внутренней жизни.

И не однихъ насъ они волнуютъ. Жгучій интересъ къ нимъ раздѣляетъ съ нами вся международная соціаль-демократія.

Всѣ члены нашей рабочей арміи должны стоять теперь на своихъ мѣстахъ, и горе тѣмъ, которые добровольно покинутъ ихъ въ эту критическую минуту!

ОТЪ ХВОСТИЗМА КЪ АВАНТЮРИЗМУ.[1]

Пролетаріатъ въ его цѣломъ, — широкая рабочая масса — безсознательно и стихійно ищетъ тѣ пути, которые должны будутъ привести его къ окончательному торжеству его классовыхъ интересовъ.

И онъ придетъ къ нему, — законы соціальнаго развитія тому намъ порукой.

Но, на первыхъ ступеняхъ своей исторической жизни, еще далекій отъ полнаго сознанія своихъ интересовъ и подверженный вліянію чуждой ему идеологіи господствующихъ классовъ, пролетаріатъ неизбѣжно уклоняется отъ наиболѣе вѣрныхъ и кратчайшихъ путей, бродитъ ощупью, дѣлаетъ ложные шаги.

Найти вѣрный путь для даннаго момента, и указать его пролетаріату, — вотъ главная практическая задача его сознательной части, сплоченной въ рядахъ соціальдемократіи.

Но какія средства для этого были въ ея рукахъ въ Россіи? — Сознаніе классовыхъ интересовъ пролетаріата, знаніе законовъ историческаго развитія, вытекающая отсюда опредѣленная политическая программа, — и только.

У нея не было ни непосредственнаго опыта, ни фактической силы, необходимой для дѣйствительнаго руководства движеніемъ массы.

Чтобы знать, какимъ путемъ пролетаріатъ долженъ идти въ данный моментъ, надо хорошо знать, какимъ путемъ онъ *можетъ*, и — еще важнѣе — какимъ путемъ онъ *хочетъ* идти.

Чтобы знать это, россійская соціальдемократія была слишкомъ оторвана отъ рабочей среды, слишкомъ чужда ей по своей психологіи, слишкомъ замкнута отъ нея въ тѣсныхъ рамкахъ конспиративныхъ кружковъ и заграничныхъ коллегій.

Чтобы соціальдемократія могла направлять массовое движеніе, чтобы сдѣлать соціальдемократическое движеніе массовымъ, она должна была охватывать своимъ вліяніемъ значительный контингентъ представителей рабочаго класса

До сихъ поръ ея вліяніе ограничивалось ничтожнымъ меньшинствомъ.

При такихъ условіяхъ для россійской соціальдемократіи было только два выхода: или, окончательно изолировавъ себя отъ широкой массы пролетаріата, стараться собственными силами осуществлять свою программу во всей ея неприкосновенной чистотѣ, увлекая по возможности за собой массы внѣшнимъ воздѣйствіемъ, — или, войдя въ рабочую массу, стараться, чтобы она сама взяла въ концѣ концовъ на себя — сознательно, а не увлеченная вожаками — осуществленіе соціальдемократической программы, а до тѣхъ поръ рисковать постоянно быть увлеченной стихійнымъ движеніемъ массъ на невѣрные пути.

Чтобы быть партіей — и *рабочей* партіей, соціальдемократія вынуждена была выбрать второе.

Стачечное движеніе 95—96 годовъ уклонило ее въ сторону экономизма, движеніе 901 года увлекло ее въ другую сторону: на путь чисто политическихъ демонстрацій. 9-ое января 905-го года заставило обратить вниманіе на технику вооруженія.

Россійская соціальдемократія шла *въ хвостѣ* рабочаго движенія, чтобы не оказаться *внѣ* его.

И этотъ путь фактическаго „хвостизма“ былъ единственно доступнымъ, а потому единственно вѣрнымъ путемъ для партіи, которая, будучи количественно слабой, хотѣла быть классовой.

Онъ, съ одной стороны, все болѣе и болѣе связывалъ партію съ рабочей средою, все болѣе и болѣе очищалъ ее отъ заговорщицкихъ пережитковъ предыдущей эпохи и, съ другой стороны, все болѣе и болѣе увеличивалъ размѣры ея вліянія на рабочую массу и тѣмъ самымъ приближалъ массовое движеніе къ пути, намѣченному соціальдемократіей.

Каждый отдѣльный моментъ стихійной борьбы оказывался соціальдемократической побѣдой: событія съ неопровержимой силой доказывали рабочимъ вѣрность именно ея программы, заставляли ихъ идти въ ея ряды или, по крайней мѣрѣ, внимательнѣй прислушиваться впредь къ ея голосу.

Ростъ стихійнаго рабочаго движенія приводилъ неизмѣнно къ росту силы и вліянія соціальдемократической партіи.

Ея ряды удвоились послѣ ростовскихъ событій, учетверились въ іюльскіе дни за счетъ зубатовской арміи, удесятерились послѣ 9-го января, привлекши къ себѣ широкія легальныя организаціи рабочихъ.

Теперь значеніе соціальдемократической партіи признано оффиціально, и тамбовскій губернаторъ не ошибался, сказавъ, что теперь предъ Россіей стоитъ дилемма: или оставаться въ цѣпяхъ самодержавія (онъ выразился какъ-то иначе, но смыслъ былъ этотъ — Ѳ. Л.), или „идти подъ красное знамя соціальдемократіи“.

Мы видѣли въ послѣднее время, какъ лозунги, брошенные нашей партіей, принимались всею массой. Коммиссія Шидловскаго окончилась трагедіей для царскаго правительства, потому что мы оказались болѣе вліятельнымъ и сильнымъ режиссеромъ.

Но, кому больше дано, съ того больше и взыщется. Теперь соціальдемократическая партія отвѣтственна за каждый свой шагъ предъ тѣмъ классомъ, интересы котораго она представляетъ и которымъ уже фактически руководитъ.

Теперь каждая ея ошибка можетъ оказаться преступленіемъ, всякое уклоненіе отъ своей программы будетъ предательствомъ.

Поэтому, теперь болѣе, чѣмъ когда либо, соціальдемократическая партія должна остерегаться искушеній, въ которыя увлекаютъ ее крайніе элементы другихъ общественныхъ классовъ, стремящіеся — сознательно или безсознательно — использовать силу и движеніе рабочаго класса для своихъ классовыхъ интересовъ и для этого даже проникаютъ въ его среду, а прежде всего въ его авангардъ.

А соблазнъ великъ. Никогда еще у пролетаріата не было столько друзей, какъ теперь: ихъ слишкомъ много, подозрительно много. Всевозможные „республиканско-демократическіе союзы“ (Кіевъ), „организаціи вооруженнаго возстанія“ (С.-П-б) и проч. ростутъ, какъ грибы, и всѣ они выставляютъ такія требованія, которыя могутъ быть интересны пролетаріату: напр. требованіе свободы стачекъ. Тѣ самые общественные слои, которые могутъ помириться и помирятся на болѣе или менѣе либеральной конституціи, теперь поддерживаютъ требованія всеобщаго, тайнаго, прямаго и *равнаго* избирательнаго права, органически необходимаго только одному пролетаріату.

Что же они требуютъ въ замѣнъ за такое неожиданное рабочелюбіе? — Пустяковъ: чтобы онъ отказался на время отъ борьбы за свои классовые интересы, отъ борьбы *съ ними*.

Легальная газета „Сынъ Отечества“ прямо писала, что теперь, молъ, не время вести свои классовые счеты, а надо тѣсно объединиться во имя *общихъ* интерессовъ, противъ общаго врага.

Кіевскій „республиканскій демократическій союзъ“, чтобы стяжать себѣ болѣе довѣрія, въ первомъ же воззваніи заявляетъ, что „интеллигенція“, отъ имени которой онъ выступаетъ, „не связана ни съ однимъ изъ классовъ или сословій.

Другіе идутъ еще дальше и говорятъ уже о томъ, чтобы поддержать пролетаріатъ (какое безкорыстіе!), даже примкнуть къ нему.

Но эта услужливость передъ пролетаріатомъ доходитъ порой до наивности, выдающей заднюю мысль.

„Только одинъ пролетаріатъ“ — пишетъ „организація вооруженнаго возстанія“ — при поддержкѣ радикальной интеллигенціи можетъ взять на себя великую, предстоящую ему историческую задачу сверженія самодержавія! Мы всѣхъ призываемъ облегчить пролетаріату *эту* задачу“. И тутъ же прибавляетъ: „Ко всѣмъ остальнымъ мы обращаемся съ просьбой помогать деньгами, и вообще, способствовать вооруженію пролетаріата“.

---

[1] Помѣщаемъ статью тов. Лушича, какъ интересный отзывъ объ интересующихъ теперь партію вопросахъ тактики, исходящій отъ товарища, стоящаго внѣ т. н. „меньшинства“ (см. подписанное имъ „письмо къ членамъ съѣзда“, вышедшее недавно въ Женевѣ).

Поневолѣ вспоминаются слова Каткова о разницѣ между революціонерами и либералами: „Первые говорятъ: дай намъ реформы, а то мы будемъ стрѣлять; вторые: дай намъ реформы, а то *они* будутъ стрѣлять“.

Теперь эти послѣдніе не только грозятъ, что пролетаріатъ будетъ стрѣлять, а даже предупредительно снабжаютъ его для этого револьверомъ.

Но, пролетаріатъ! — бойся буржуазныхъ данайцевъ даже, когда они приносятъ тебѣ дары!

Нѣтъ ничего легче теперь, какъ получить этотъ револьверъ, какъ заручиться этой поддержкой—цѣною отреченія отъ своей самостоятельной классовой политики. Но горе соціальдемократической партіи, если она поддастся этому соблазну и пойдетъ на „боевое соглашеніе“, взявъ на себя и, тѣмъ самымъ, на пролетаріатъ, всѣ трудности и жертвы борьбы, плоды которой, въ силу историческихъ условій, пожнетъ не онъ, а другіе.

Только борьбой противъ всего буржуазнаго строя въ его цѣломъ, постояннымъ давленіемъ, постоянной угрозой пролетаріатъ можетъ воздѣйствовать на измѣненія внутри этого строя въ желательномъ для него направленіи, заставить одну часть буржуазіи — революціонную демократію, бороться энергично и не отступить до побѣды.

Можно бить одновременно съ нею и въ одну точку, но нельзя давать ей въ руки свою палку, которая завтра-же обратится противъ тебя самого.

„Идти врозь...“ — эта фраза уже стала избитой, но еще рано ее перестать повторять.

Въ моментъ революціи опасность не устоять предъ искушеніемъ будетъ особенно велика. Всякому „временному правительству“ будетъ интересно обезпечить себѣ полную поддержку со стороны пролетаріата, хотя временно обезвредить его, и оно, конечно, не откажется принять для этого въ свое число представителей той партіи, которая пользуется наибольшимъ вліяніемъ на пролетаріатъ.

Соціальдемократамъ легко будетъ получить портфель. Для этого надо будетъ только забыть, что республика, по отношенію къ самодержавію, является лишь болѣе современной формой все того же классоваго строя, и что слѣдовательно „временное правительство“, какъ переходная ступень между ними, не можетъ лежать въ другой плоскости, не можетъ не быть буржуазнымъ.

Если же мы не забудемъ этого, то мы не захотимъ войти въ такое правительство, не согласимся отдать себя и интересы пролетаріата въ его руки, а будемъ бороться противъ него, какъ представителя того класса, противъ котораго пролетаріатъ еще не намѣренъ прекратить борьбу.

Намъ грозятъ въ отвѣтъ на это, что рабочія массы въ своемъ революціонномъ стремленіи, помимо нашей воли, приведутъ насъ къ „временному правительству“ и заставятъ войти въ него или оказаться внѣ самого пролетаріата.

Трудно быть пророкомъ. Но если это случится, то это покажетъ только, что мы теперь слишкомъ переоцѣнили свои силы, преувеличили свое вліяніе на движеніе пролетаріата, что мы еще не способны выйти изъ той стадіи невольнаго „хвостизма“, на которой были обречены благодаря своей слабости прежде.

Отказываться же изъ-за этого отъ своей классовой точки зрѣнія, значило бы возводить „хвостизмъ“ въ обязательный принципъ, а идти туда добровольно, по собственному почину, и увлекать за собой пролетаріатъ, значило бы сознательно злоупотреблять его довѣріемъ, умышленно продавать его интересы.

Ни на то, ни на другое честный соціальдемократъ не можетъ пойти.

На насъ могутъ нарисовать много смѣшныхъ каррикатуръ: могутъ изобразить насъ въ видѣ старой дѣвы, жеманно боящейся называть вещи своими именами, — вызвать къ жизни временное правительство и бояться провозглашать его; могутъ изобразить въ видѣ фарисея, который въ то время, какъ революціонная толпа празднуетъ учрежденіе временнаго правительства стоитъ въ сторонѣ, и бія себя въ сердце, благодаритъ бога, что онъ не похожъ на этихъ грѣшниковъ.

Но, вѣдь, на худой конецъ не лучше ли остаться старой дѣвой, чѣмъ изъ-за временныхъ выгодъ власти продавать себя презирающему тебя въ душѣ буржуа? Хорошо ли сознательно входить въ сдѣлку съ мытарями — откупщиками?

Къ счастью, дѣло до этого еще не дошло, и каррикатура еще не портретъ. Намъ не придется жеманно молчать, чтобы не называть временное правительство по имени: намъ надо будетъ, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, бороться противъ него, кричать ему въ лицо наши требованія. Намъ не придется бить себя въ грудь, радуясь своей святости: мы будемъ бить въ грудь нашихъ враговъ, раскаиваясь, что мы не позаботились еще болѣе увеличить силу „мощнаго кулака рабочаго“.

Да и не кажется ли вамъ, читатель, что то самое, что теперь называютъ жеманностью и фарисействомъ, не такъ давно еще называлось „ортодоксальностью“..?

Ѳ. Лушинъ.

ВООРУЖЕННОЕ ВОЗСТАНІЕ И РАБОТА ВЪ ВОЙСКАХЪ.

I.

> „... По плану, выработанному Исполнительнымъ Комитетомъ „Народной Воли“, военнымъ отводилась большая роль во всемъ, что касалось организаціи технической стороны возстанія. Мы считаемъ теперь полезнымъ напомнить объ этомъ нашимъ читателямъ“.
>
> „Врозь идти, вмѣстѣ бить“ („Искра“ № 87).
>
> „... Техническая сторона вооруженнаго возстанія должна быть предоставлена намъ“. (Изъ письма офицера соціальдемократа).

Событія 9 января, т. е. начало открытой революціонной войны между пролетаріатомъ и царизмомъ поставили передъ нашей Партіей *конкретно* вопросъ о вооруженномъ возстаніи. Народное возстаніе заключаетъ въ себѣ два момента: 1) его техническая подготовка, обусловливающая первую фазу болѣе или менѣе продолжительнаго уличнаго *сопротивленія* и удачнаго *нападенія* на склады оружія и арсеналы, и 2) переходъ на сторону народа морально побѣжденныхъ войскъ, обусловливающій *побѣду* инсургентовъ. — Мы постараемся показать, что не только во второй фазѣ вооруженнаго возстанія громадная роль выпадаетъ на долю войска, но и въ первой, т. е. въ *подготовкѣ* возстанія военные должны и могутъ сыграть крупную, если не первую роль. Начнемъ съ технической подготовки. По этому поводу уже писалось на страницахъ нашихъ изданій, но этотъ вопросъ затрагивался вскользь или разсматривался совершенно не съ той стороны, съ которой хотимъ разсмотрѣть его мы.

Что значитъ подготовить возстаніе въ техническомъ смыслѣ? Значитъ ли это, что „спѣвшійся“, „тщательно законспирированный“ „штабъ революціонеровъ“, распредѣлившихъ между собою роли, долженъ найти складъ для оружія, пріобрѣсти послѣднее, намѣтить изъ „подвѣдомственной“ ему организаціи соотвѣтствующихъ людей, годныхъ „носить оружіе“ и т. д. и т. д? Тутъ поневолѣ предъ нами раньше всего встаетъ слѣдующій вопросъ: есть ли у насъ достаточно *силъ* для того, чтобы въ теперешній моментъ, на такія, чисто техническія функціи (Примѣчаніе для мнительныхъ „ортодоксовъ“: очень и очень нужныя функціи) отвлечь силы изъ соціальдемократическихъ организацій, необходимыя прежде всего и главнымъ образомъ для „вооруженія массы потребностью“ выступить съ оружіемъ въ рукахъ, какъ правильно поставила этотъ вопросъ „Искра“? Мы беремъ на себя смѣлость сказать, что такихъ силъ у насъ нѣтъ, или онѣ черезъ чуръ мизерны. Какъ ужъ отмѣтилъ товарищъ рабочій изъ Риги въ № 90 „Искры“, на это должны бы были пойти въ городахъ лучшія силы, самые активные работники, наиболѣе выдержанные въ конспиративномъ отношеніи. Утопично было бы, конечно, представить себѣ, что спеціальные „агенты“, разсылаемые Ц. К. по городамъ и весямъ Россійской Имперіи, устраиваютъ коммисіи технического вооруженія.

Затѣмъ мы ни на минуту не должны обольщаться иллюзіей насчетъ простоты такого предпріятія. Слишкомъ наивно было бы думать, что полиція будетъ спокойно наблюдать закупку оружія; въ легальныхъ газетахъ уже неоднократно появлялись извѣстія, что полиція то здѣсь, то тамъ[1]), сажала у кассъ оружейныхъ магазиновъ *своихъ* „агентовъ“. Далѣе. Сможемъ ли мы пріобрѣтенное оружіе законспирировать должнымъ образомъ? На этотъ вопросъ нельзя, конечно, отвѣтить совершенно отрицательно. Если мы можемъ законспирировать наши станки, то, до извѣстной степени, мы сумѣемъ сдѣлать это и съ оружіемъ; но создать склады для оружія въ *большомъ* количествѣ, необходимомъ для того, чтобы на улицѣ были не демонстранты, пострѣливающіе для пуганія полиціи изъ револьверовъ, а сильные и хорошо вооруженные отряды, противъ которыхъ полиція оказалась бы безсильной, которые могли бы выдержать первый натискъ войскъ, въ то время, когда народъ будетъ громить арсеналы и оружейные магазины, — для такихъ цѣлей думать создать склады оружія — это значитъ не вникать въ практическую сущность дѣла и морочить наивныхъ людей громкими фразами. При нашей подпольной работѣ, при нашихъ примитивныхъ техническихъ пріемахъ перевозки и т. д провалы будутъ неизбѣжны, поскольку этимъ дѣломъ будутъ заниматься наши организаціи.

Какъ видитъ читатель, мы относимся очень скептически къ технической подготовкѣ вооруженнаго возстанія нашими организаціями. Но тѣмъ не менѣе мы просимъ, особенно товарищей изъ числа „законспирированныхъ“, не заключать отсюда, что мы вообще противъ такой технической подготовки. Нѣтъ и ни въ какомъ случаѣ... „Кто лучше насъ знаетъ всѣ способы пріобрѣтенія оружія, расположеніе цейхгаусовъ и т. д.? Техническая сторона возстанія должна быть предоставлена намъ“, пишетъ намъ товарищъ-офицеръ. Такимъ образомъ, разрѣшеніе поставленнаго вопроса намѣчается въ томъ направленіи, чтобы предоставить техническую подготовку вооруженнаго возстанія революціонерамъ изъ военной среды [1]).

Уничтожаются ли, однако, въ этомъ случаѣ препятствія, стоящія на пути нашихъ, если можно такъ выразиться, „штатскихъ“ революціонныхъ организацій? Мы можемъ безъ обиняковъ сказать, что крупнѣйшая доля ихъ падаетъ. Къ сожалѣнію, конспиративныя условія не позволяютъ намъ привести массу доводовъ въ пользу нашего утвержденія. Укажемъ лишь на то, что, кому извѣстна безалаберность и безконтрольность хозяйства нашихъ полковъ, цейхгаусовъ и арсеналовъ и та относительная свобода дѣйствій, которая предоставлена нашимъ офицерамъ, тотъ согласится, что наше утвержденіе имѣетъ подъ собою почву. Какъ иллюстрацію, приведу примѣръ одного города, гдѣ, въ ожиданіи погрома, была устроена самооборона изъ 200 человѣкъ, почти вся вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ значительной мѣрѣ благодаря мѣстной военно-революціонной группѣ. Многіе товарищи знаютъ, какую роль могли бы сыграть въ данномъ случаѣ военные, и это прекрасно понимала въ свое время „Народная Воля“.

Высказываясь по вопросу о техникѣ возстанія, „Искра“ отнеслась довольно скептически къ топографическимъ, стратегическимъ и другимъ задачамъ военнаго свойства, словомъ, къ военнымъ „планамъ“, рекомендуемымъ для разработки нашимъ комитетамъ. „Искра“ имѣла на это полное право. Не потому только, что въ нашихъ комитетахъ мало стратеговъ, — мы не предложимъ вырабатывать „плановъ“ и военно-революціонной организаціи, гдѣ находятся стратеги par excellence. Надъ мечтаніями о революціи по „плану“ можно снисходительно посмѣяться, потому что всякій стратегическій планъ раньше всего опредѣляется наличностью сконцентрированныхъ и вооруженныхъ силъ. У насъ таковыхъ нѣтъ [2]); болѣе того — нашъ первый шагъ на улицѣ — это борьба за оружіе; слѣдовательно, съ чисто стратегической мѣркой мы не можемъ подходить къ условіямъ нашей борьбы. Планъ опредѣляется также и территоріей, т. е тѣми природными выгодами и препятствіями, которыя представляетъ поле военныхъ дѣйствій. И опять таки, тутъ крайне легкомысленно смѣшивать войну и уличную битву инсургентовъ. Въ первой непріятельскій фронтъ разворачивается на десятки верстъ, иногда обходное движеніе дастъ возможность противной сторонѣ перейти въ наступленіе и т. п. Время же, употребляемое для обхода въ городѣ, такъ незначительно, что благо, если мы успѣемъ за этотъ промежутокъ хотя бы исправить испорченную войсками баррикаду [3]) Нашъ заранѣе заготовленный „планъ“, такимъ образомъ, сведется къ нулю. Онъ долженъ легко измѣняться, и вся его сущность должна свестись къ отысканію наиболѣе удобнаго мѣста для долгаго сопротивленія. Возставшая народная масса должна возможно упорнѣе держаться на улицѣ: это необходимо ей не для физической побѣды, *а для моральной*. Вѣроятность послѣдней усиливается физическимъ сопротивленіемъ. Войска, измученныя и усталыя, колеблющіяся въ обстановкѣ всеобщей ненависти, легче перейдутъ туда, гдѣ есть сила, сила, которую они, правда могли бы *въ концѣ концовъ* физически сломить, но которая, благодаря своей упорной борьбѣ за свободу, заражаетъ жаждой ея и самое войско. И если „плану“ уличной борьбы необходима гибкость, доходящая до отрицанія *опредѣленнаго* плана, если *здѣсь* нужны чисто стратегическія способности, то эту роль съ наибольшимъ успѣхомъ сумѣютъ выполнить опять-таки офицера и унтеръ-офицера.

Кромѣ того, изъ народа вооружиться могутъ скорѣе всѣхъ рабочіе оружейныхъ заводовъ, которые тутъ же могутъ составить сильныя кадры для нападенія на арсеналы, и надо ли доказывать, что, имѣя связи среди солдатъ и офицеровъ этихъ учрежденій, мы можемъ не только воспользоваться ими, но и внести страшную дезорганизацію въ военный аппаратъ правительственной власти?

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что первая фаза вооруженнаго возстанія, т. е. его техническая подготовка во

---

[1]) Нижній-Новгородъ, Варшава, Смоленскъ, Москва и многіе другіе города.

[1]) Не характерно ли, между прочимъ, что по вопросу о техникѣ возстанія откликнулись на страницахъ „Искры“ первыми товарищи, имѣющіе близкое отношеніе къ военной средѣ?

[2]) Мы знаемъ, что нѣкоторые товарищи указываютъ на фабрики и заводы, гдѣ сконцентрированъ пролатаріатъ. Это мы прекрасно знаемъ, но его то именно и нужно вооружить подъ непріятельскимъ огнемъ.

[3]) Все это относится къ уличной борьбѣ, а не къ гражданской войнѣ вообще.

Разногласія между русскими соціалистами.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

Гапонъ, какъ извѣстно, обратился недавно черезъ посредство международнаго Секретаріата съ воззваніемъ къ русскимъ соціалистамъ, требуя ихъ объединенія, а „Vorwärts“, съ своей стороны, сдѣлалъ къ этому добавленіе, въ которомъ говорится о „хаосѣ споровъ и раздоровъ, раздирающихъ соціалистическій лагерь“, и объ „объединительной ноткѣ“, внесенной въ этотъ хаосъ соціалистами-революціонерами. Нѣсколько замѣчаній, которыми въ „Leipziger Volkszeitung“ я возразилъ на это, вызвали съ различныхъ сторонъ обращенныя ко мнѣ требованія сообщить нѣмецкимъ товарищамъ свѣдѣнія объ русскомъ хаосѣ, что я и дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что и самъ вижу необходимость для нѣмецкихъ товарищей оріентироваться въ русскихъ разногласіяхъ.

Чѣмъ меньше понимаютъ они въ этихъ спорахъ, имѣя лишь смутное представленіе о какомъ то хаосѣ, въ которомъ друзья соціалистическаго единства тщетно пытаются внести порядокъ, тѣмъ больше опасности для нихъ составить себѣ ложное сужденіе о нашихъ русскихъ товарищахъ и ослабить свою поддержку, что было бы большимъ несчастьемъ не для русскаго только, а для всемірнаго соціализма.

Охотно предоставилъ бы я изложеніе русскихъ споровъ болѣе компетентному перу того или другаго товарища ближе стоящаго къ русскимъ дѣламъ; но каждый изъ такихъ товарищей самъ участвуетъ въ той борьбѣ, которую предстоитъ изобразить, поэтому, какъ бы ни былъ онъ безпристрастенъ, его изложеніе будетъ все таки заподозрѣно въ пристрастіи.

Стараясь разобраться въ „хаосѣ“ русскихъ раздоровъ, замѣчаешь прежде всего, что эти раздоры далеко не однородны и легко распредѣляются по различнымъ группамъ, причемъ то, что поверхностному наблюденію представлялось невообразимой путаницей, тотчасъ же уясняется и становится понятнымъ.

Русскіе раздоры распредѣляются на три группы.

Къ первой относятся *національныя* тренія. Россія охватываетъ еще больше націй, чѣмъ даже Австрія. Нѣкоторыя, какъ польская, составляли до своего присоединенія къ Россіи, самостоятельныя государства. Другія, какъ Арменія, уже ранѣе утратили эту самостоятельность или никогда не составляли государства, представляя собою въ моментъ подпаденія подъ власть царя лишь осколки народовъ, въ значительной части еще кочевые. Изъ этой то смѣси племенъ и народовъ рекрутируется русскій пролетаріатъ, и смѣсь становится все пестрѣе по мѣрѣ распространенія капитализма на новые округа. Естественно, что соціалистическая пропаганда ведется среди каждой націи на ея родномъ языкѣ, а это вмѣстѣ съ усиленіемъ партіи легко ведетъ къ извѣстной организаціонной самостоятельности національныхъ группъ даже и тогда, когда у нихъ нѣтъ ни малѣйшихъ программныхъ или тактическихъ разногласій со всей партіей. Отсталость средствъ сообщенія и невозможность легальной организаціи содѣйствуютъ обособленности отдѣльныхъ группъ.

При обособленности же, всякое различіе мнѣній, существующее всегда и всюду, слишкомъ легко вызываетъ тренія и ведетъ ко всевозможнымъ конфликтамъ. Кромѣ величайшаго теоретическаго и тактическаго единодушія нужно еще личное самоотверженіе, много ума и тонкаго чувства такта, чтобы при такихъ условіяхъ уберечь солидарность отъ всякого ущерба.

Въ виду всего этого надо удивляться не тому, что такого рода тренія существуютъ, а скорѣе тому, что русскіе соціалисты съумѣли справиться съ ними въ такой значительной степени. Соціальдемократическія организаціи кавказскихъ народовъ (Армянъ, Грузинъ и проч.) составляютъ нераздѣльную часть россійской соціальдемократіи. Съ другой стороны, эта послѣдняя вступила недавно съ еврейскимъ „Бундомъ“, соціальдемократіей Польши и Литвы и съ Латышской соціальдемократіей въ соціалистическій „блокъ“, дозволяющій разсчитывать на единодушное сотрудничество этихъ организацій.

Съ этими національными различіями не имѣютъ ничего общаго тѣ разногласія, которыя существуютъ внутри самой Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Здѣсь дѣло идетъ о существенныхъ разногласіяхъ, приведшихъ къ образованію внутри партіи двухъ фракцій, имѣющихъ каждая свой органъ: одна „Искру“, изъ сотрудниковъ которой нѣмецкимъ товарищамъ наиболѣе извѣстны: Аксельродъ, Дейчъ, Плехановъ, Засуличъ, — другая фракція издаетъ „Впередъ“, выдающимся представителемъ котораго является Ленинъ.

Относительно, какъ программы, такъ и основныхъ принциповъ тактики между обѣими фракціями существуетъ полное единство, гораздо больше чѣмъ, напримѣръ, въ нѣмецкой соціальдемократіи. Ревизіонистовъ въ русской Партіи совсѣмъ не имѣется. Исходнымъ пунктомъ спора между ними, солидарными до того во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ, были разногласія относительно лучшей формы партійной организаціи, возникшія на съѣздѣ 1903 года. Эти разногласія можно сравнить съ тѣми, которыя существовали между Лассальянцами и Эйзенахцами, и критики Ленина часто ставятъ его на одну доску съ Швейцеромъ. Онъ защищаетъ строгій централизмъ и диктаторскія права Центральнаго Комитета, тогда какъ Аксельродъ и его друзья хотятъ предоставить больше простора для дѣятельности мѣстныхъ комитетовъ.

Чѣмъ дольше тянулась борьба, тѣмъ больше росло личное раздраженіе, появляющееся при каждомъ спорѣ, какъ бы безлично ни было его начало. Потомъ въ ходѣ борьбы развились и другія фактическія разногласія. Организаціонный споръ былъ оттѣсненъ на задній планъ тактическими разногласіями относительно способовъ борьбы за низверженіе абсолютизма.

Все это безъ сомнѣнія чрезвычайно важные вопросы, обсужденіе которыхъ въ высшей степени необходимо, но также несомнѣнно и то, что борьба этихъ двухъ органовъ именно въ настоящее время вредно отзывается на русскомъ революціонномъ движеніи, и это тѣмъ печальнѣе, что дѣйствительное различіе взглядовъ не такъ велико, чтобы не допускать возможности совмѣстной работы спорящихъ сторонъ. Этихъ разногласій нельзя ставить на одну линію съ тѣми, которые раскалывали французовъ съ Парижскаго конгресса до Амстердамскаго...

Во Франціи дѣло шло о различныхъ *тактическихъ принципахъ*, налагающихъ опредѣленную печать на постоянную работу партіи.

Въ русской соціальдемократіи относительно тактическихъ принциповъ господствуетъ полное единомысліе, споръ же идетъ лишь о наиболѣе цѣлесообразномъ практическомъ примѣненіи этихъ принциповъ, требуемымъ *положеніемъ* текущаго *момента*.

Эти разногласія должны исчезнуть вмѣстѣ съ породившимъ ихъ положеніемъ. Такое разногласіе вызываетъ пренія, но не требуетъ раскола.

И потому именно, что разногласія между „Искрой“ и „Впередомъ“ совершенно иныя, чѣмъ между Жоресистами и Гедистами, заграничнымъ товарищамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ эти отношенія и пытаться разрѣшить ихъ, напримѣръ, на интернаціональномъ конгрессѣ. Изъ нашей программы вытекаютъ, конечно, тактическіе принципы, которые должны быть одинаковы у всѣхъ соціалистическихъ партій; здѣсь интернаціональный конгрессъ можетъ постановить рѣшеніе, въ тѣхъ случаяхъ въ особенности, когда къ нему аппеллируютъ сами спорящіе, какъ это сдѣлали обѣ партіи французскихъ соціалистовъ на парижскомъ конгрессѣ и по крайней мѣрѣ одна — на амстердамскомъ. Но какъ могъ бы международный конгрессъ рѣшить, какова наилучшая форма организаціи для Россіи, или при какихъ обстоятельствахъ вооруженное сопротивленіе, стачки, крестьянское возстаніе окажутъ наибольшее дѣйствіе и чего можемъ мы ожидать отъ русскихъ либераловъ?

Какъ бы сильно ни было наше желаніе добиться соглашенія обѣихъ сторонъ, заграница очень мало можетъ тутъ помочь. Самое большее, что было бы возможно: это уменьшить мѣшающее всякому сближенію личное недовѣріе, личное раздраженіе, что могъ бы сдѣлать безпристрастный третейскій судъ, который разсмотрѣлъ бы личныя обвиненія. Но этого суда навязывать нельзя, онъ возможенъ лишь при желаніи всѣхъ участниковъ.

всѣхъ ея видахъ, можетъ быть произведена съ наибольшимъ успѣхомъ военно-революціонными группами, которыя возьмутъ на себя указанныя функціи.

II.

Мы переходимъ ко второй фазѣ вооруженнаго возстанія: къ переходу войска на сторону народа. Что можетъ, кромѣ той моральной побѣды, о которой мы говорили выше, способствовать такому переходу? Отвѣтъ ясенъ. Пониманіе войскомъ цѣли возстанія и отношеніе къ революціи, какъ къ своему дѣлу. Логическій выводъ отсюда *для насъ* — работа въ войскахъ. Желая вооружить пролетаріатъ „жгучей потребностью *вооруженія*", мы можемъ въ то же время постараться вооружить войска жгучей потребностью *разоруженія* въ пользу народа, сознаніемъ необходимости перейти на его сторону, бороться за общее дѣло народа въ мундирахъ и безъ мундировъ. Но, подходя конкретно къ вопросу объ агитаціи и пропагандѣ въ войскахъ, мы наталкиваемся на одно обстоятельство, издавна тормозившее революціонную работу въ военной средѣ. Чтобы выяснить его, намъ необходимо бросить ретроспективный взглядъ на исторію военно-революціонной организаціи. Отмѣтимъ, что въ данномъ случаѣ мы будемъ говорить о прошломъ одной такой группы, фактически бывшей, однако, центральной и имѣвшей наибольшее вліяніе. Дѣло въ томъ, что въ самомъ началѣ возникаетъ вопросъ: должна ли военная организація быть соціальдемократической или просто революціонной? Мы не хотимъ останавливаться на перипетіяхъ борьбы этихъ двухъ мнѣній, борьбы, приведшей въ концѣ концовъ къ уничтоженію упомянутой группы; укажемъ только, что главные мотивы сторонниковъ соціальдемократическаго направленія группы состояли въ томъ, что, не принимая соціальдемократической программы, эта организація, стремясь охватить возможно большее число участниковъ и примѣняясь къ ихъ требованіямъ, можетъ въ концѣ концовъ объединиться на почвѣ цензовой конституціонной монархіи. Съ другой стороны нѣкоторые ея члены, въ сущности демократы-республиканцы, вполнѣ правильно указывали на основаніи опыта, что „узкая" организація соц.-дем. не сумѣетъ расширить сферы своего вліянія. Опытъ этой группы научилъ многому въ области практической и принципіальной постановки военно-революціонной дѣятельности. Онъ, между прочимъ, указалъ и на слѣдующее важное обстоятельство. Прежде всего, при работѣ въ военной средѣ необходимо раздѣлить работу среди офицеровъ и работу среди солдатъ.

На солдатъ „надо вліять не черезъ посредство общества, а черезъ посредство *народа*"[1]), на офицеровъ — наоборотъ. Къ сожалѣнію, эта глубокая истина упускалась изъ виду и упомянутой группой. Несомнѣнно ошибочно — то дѣленіе работы, которое существуетъ въ нашихъ комитетахъ, на работу среди интеллигенціи и среди рабочихъ, переносить шаблоннымъ образомъ также въ военную среду, при дѣленіи на офицеровъ и солдатъ, хотя бы ужъ потому, что офицеры не представляютъ собой интеллигентовъ-разночинцевъ въ томъ смыслѣ какъ мы употребляемъ это слово на нашемъ жаргонѣ, а солдаты не представляютъ собою рабочихъ. А во-вторыхъ, въ то время, какъ экономическія и соціально-политическія условія даютъ намъ возможность перебросить между разночинной интеллигенціей и рабочими мостъ соціализма, пропасть, существующую между офицерами и солдатами, правительство расширяетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ мы можемъ строить нашъ мостъ, расширяетъ систематическимъ приниженіемъ личности солдата, культивированіемъ гипноза военной дисциплины, кастоваго духа офицерства, фетишизма мундирной чести.

Необходимо также принять во вниманіе, что въ то время, какъ наша работа въ средѣ разночинной интеллигенціи направлена къ тому, чтобы вербовать изъ ея среды активныхъ работниковъ партіи — пропагандистовъ, агитаторовъ, организаторовъ и т. д., военная организація офицеровъ, даже чисто соціальдемократическая, такой цѣли ставить себѣ, при наличныхъ условіяхъ, не можетъ. Какъ члены партіи, военные могутъ оказывать услуги лишь въ области техники. Даже среди солдатъ офицера, за небольшими лишь исключеніями, работать не могутъ; они могутъ работать лишь въ средѣ офицеровъ же. Среди солдатъ наиболѣе успѣшно могутъ работать только солдаты. Отмѣтимъ тутъ же, что, своей работой среди солдатъ въ мирное время, мы, прежде всего, накопляемъ въ казармѣ ту потенціальную энергію, плоды которой наша партія надѣется пожать въ моментъ революціи или отдѣльныхъ столкновеній съ народомъ, напримѣръ, во время стачекъ. Строго говоря, наша работа въ казармѣ, если можно такъ выразиться, не соціальдемократична съ точки зрѣнія классовой самодѣятельности. Соціальдемократическая работа вся основана на этой самодѣятельности, вытекающей изъ всего соціальнаго положенія рабочаго класса и изъ всего духа его идеологіи — соціализма. О самодѣятельности казармы, въ этомъ смыслѣ, говорить, конечно, не приходится. Но и такая потенціальная, если можно такъ выразиться, работа имѣетъ крупнѣйшую цѣнность, такъ какъ не надо забывать, что и въ казармѣ мы все-же обращаемся преимущественно къ городской и деревенской бѣднотѣ. Мы воздѣйствуемъ на солдатъ черезъ „народъ". Естественно, что не черезъ народъ „черной сотни", а черезъ его передовую часть — сознательный пролетаріатъ, несущій въ казарму свою пролетарскую идею — соціализмъ.

Офицеры составляютъ особую соціальную группу; группа эта даетъ одиночекъ-соціальдемократовъ, но, какъ таковая, при современной соціальной обстановкѣ Россіи, не можетъ въ массѣ своей перейти на точку зрѣнія соціальдемократіи. Офицерство въ цѣломъ можетъ стать лишь демократическимъ, но не соціальдемократическимъ. Въ зависимости отъ своего политическаго сознанія, оно можетъ пойти въ борьбу съ самодержавіемъ и во имя демократической республики, но во всякомъ случаѣ не дальше.

Между тѣмъ, поддержка войскомъ требованія демократической республики является громаднымъ плюсомъ въ борьбѣ пролетаріата съ абсолютизмомъ и потому, совершенно не измѣняя себѣ, соц.-дем. можетъ и должна, наряду съ соціалистической пропагандой въ казармѣ, помочь организаціи демократическаго офицерства, ставя передъ послѣднимъ опредѣленную задачу: техническая подготовка возстанія, переходъ на сторону народа и поддержка требованія демократической республики и народной милиціи. Ведя соціалистическую пропаганду въ казармѣ, мы *теперь* ставимъ въ этой агитаціи опредѣленную задачу—возстаніе. Помогая организаціи офицеровъ, мы толкаемъ ихъ къ наибольшему демократизму. Конечно, мы не будемъ и въ этой средѣ скрывать нашихъ крамольныхъ замысловъ по отношенію къ капиталистическому строю, мы и здѣсь будемъ соціалистами; но мы ни на минуту не будемъ забывать, что офицерство — это часть „общества", это группа, которая, какъ таковая, не можетъ стать на пролэтарскую точку зрѣнія; и мы идемъ къ этой части общества лишь потому, что намъ нужна, въ цѣляхъ наиболѣе демократической ликвидаціи царизма, и ея поддержка.

Наша организаціонная задача раздѣляется двоякимъ образомъ. Въ казармѣ ведутъ агитацію и пропаганду соціальдемократы изъ солдатъ; въ средѣ офицерства — тѣ его элементы, которые являются демократами-республиканцами. Въ казармѣ мы *работаемъ*, офицерской средѣ мы *помогаемъ* и подталкиваемъ ее.

Офицерство можетъ сыграть и сыграетъ крупную роль въ возстаніи. Число офицеровъ-революціонеровъ ростетъ и будетъ теперь рости еще больше. Стоитъ только вспомнить, въ какой революціонной атмосферѣ живетъ теперь войско въ Россіи, и въ какомъ состояніи вернется огромная манчжурская армія, которая явится горючимъ матеріаломъ для революціонныхъ вскрытій. „Новое Время" это прекрасно понимаетъ, прямо указывая на то, что теперь было бы опасно „для Россіи" (читай—для самодержавія) прекращеніе войны и возвращеніе арміи. Безъ всякаго сомнѣнія, та часть войска, которая не въ состояніи связать манчжурскій погромъ съ соціально политической структурой Россіи, *по своему* не проститъ самодержавію этотъ военный позоръ и униженіе „русскаго мундира" и скорѣе, чѣмъ кто бы то ни было, явится врагомъ династіи. Романовы вмѣстѣ съ пушками теряютъ на поляхъ Манчжуріи и свою популярность въ русскихъ войскахъ. А вмѣстѣ съ шапкой Мономаха, въ пропасть историческаго небытія легко могутъ полетѣть и всѣ монархическія побрякушки: скипетръ и держава.

Наша замѣтка затянулась. Мы хотѣли лишь указать, что какъ практика, такъ и теорія приводятъ къ той несомнѣнной истинѣ, что 1) намъ необходима работа въ войскахъ, 2) что работа должна вестись параллельно среди солдатъ и офицеровъ. Среди первыхъ должны работать наши комитеты, среди офицеровъ — спеціальная военно-революціонная организація, объединяющая офицеровъ, демократовъ-республиканцевъ, которой мы должны придти на помощь нашимъ революціоннымъ опытомъ.

В.

---

[1]) „Искра" № 87 „Врозь идти, вмѣстѣ бить". Курсивъ „Искры".

ИЗЪ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ, 29 марта. Петербургское общество заводчиковъ и фабрикантовъ, существующее съ 1896 г., за послѣдніе 2-3 мѣсяца сильно выросло, въ него входятъ 140 крупнѣйшихъ промышленныхъ фирмъ Петербурга — почти всѣ. Вотъ извлеченіе изъ журнала его совѣщанія 15 марта которое легальныя газеты не помѣщаютъ, признавая „несвоевременнымъ" „поселять недовѣріе между разными частями населенія, стремящимися къ свободѣ". И потому они скрываютъ отъ рабочихъ истинную физіономію буржуазнаго либерализма. Конечно, это будетъ использовано (т. е. отношеніе буржуазно-демократическихъ газ.). Вотъ самый текстъ, въ печатномъ видѣ разсылаемый обществомъ только фабрикантамъ и заводчикамъ.

„Ознакомившись съ предположеніемъ состоящей при Московскомъ Биржевомъ Комитетѣ коммиссіи по рабочему вопросу *о заключеніи общей конвенціи*[1]) между фабрикантами и заводчиками по нѣкоторымъ возбужденнымъ въ связи съ забастовками рабочихъ вопросамъ, собраніе признало такое общее соглашеніе въ принципѣ безусловно желательнымъ и осуществимымъ и постановило пригласить всѣхъ петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ на первое время установить соглашеніе въ отношеніи нижеслѣдующихъ *шести положеній*[2]).

1) Не дѣлать никакого сокращенія въ продолжительности рабочаго времени ни прямо, ни косвенно, впредь до рѣшенія этого вопроса въ законодательномъ порядкѣ. По установленіи же нормъ закономъ — не дѣлать отступленія отъ этихъ нормъ безъ общаго согласія соотвѣтствующей группы петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

2) Не допускать оплаты прогульнаго, вслѣдствіе участія въ стачкахъ, времени, такъ какъ право рабочихъ на полученіе вознагражденія за дни забастовки дѣйствующими законами не оправдывается. Въ сомнительныхъ случаяхъ слѣдуетъ предоставить рабочимъ доказывать свое право судомъ.

3) Участіе рабочихъ въ опредѣленіи заработной платы и въ вопросахъ внутренняго фабрично-заводскаго распорядка безусловно недопустимо; всякую попытку со стороны рабочихъ входить въ обсужденіе этого предмета должно рѣшительно отклонять.

4) Право увольненія рабочихъ принадлежитъ заводоуправленію, и никакое вмѣшательство рабочихъ или ихъ представителей въ это дѣло не должно быть допускаемо.

5) Требованіе рабочихъ объ отмѣнѣ штрафовъ отклонять по силѣ дѣйствующаго закона. Такое постановленіе не исключаетъ права заводчиковъ и фабрикантовъ той или иной спеціальной группы устанавливать, по взаимному соглашенію, нормы штрафныхъ взысканій, въ цѣляхъ упорядоченія этого дѣла.

6) Установленіе, по требованію рабочихъ, гарантированной заработной платы для работающихъ по сдѣльнымъ расцѣнкамъ, равно какъ установленіе минимальной платы для поденныхъ, не допустимо. Заработная плата должна подчиняться закону спроса и предложенія, и отстраненіе отъ этого, даже кажущееся чисто формальнымъ, опасно, какъ вредный прецедентъ вмѣшательства рабочихъ.

Собраніе заводчиковъ и фабрикантовъ постановило вышеозначенныя шесть положеній принять въ руководство и придерживаться ихъ неуклонно, впредь до измѣненія, которое можетъ быть установлено такимъ же общимъ соглашеніемъ. Къ изложенному соглашенію присоединяемся (слѣд. подписи).

На слѣдующемъ собраніи Петербургскаго общества фабрикантовъ, 26 марта, сосчитано было, что за 5 дней 66 фирмъ уже подписало конвенцію. Собраніе почти единогласно выразило свое глубокое сочувствіе возникающему объединенію фабрикантовъ. Противъ *такой* конвенціи говорили лишь 3—4 человѣка, предлагавшіе заключить конвенцію по отраслямъ производства (г. Нератовъ—предсѣд. Путиловскаго завода, г. Веге-Ультрамариновъ завода, директоръ Ф Лафермъ и адвокатъ Винтергальтеръ—предсѣд. нѣмецкихъ фирмъ). Ихъ рѣчи встрѣчались молча. Всѣ же рѣчи въ пользу конвенціи встрѣчались шумными апплодисментами и одобреніями. Представитель Балт. завода г. Чиколевъ сообщилъ, что, не имѣя по закону права оффиціально присоединиться къ подписавшимъ конвенцію, онъ (*съ согласія г. управл. морскимъ министерствомъ*) обѣщаетъ фактически идти рука объ руку съ подписавшими конвенцію. Н. Н. Глѣбовъ (элект. зав.) усомнился въ законности такой стачки предпринимателей, назвавъ ее демонстраціей противъ рабочихъ, и показалъ, что объединеніе фабрикантовъ возстановитъ противъ нихъ рабочихъ. Но собраніе твердо стояло на томъ, что неудобнымъ закономъ стѣсняться нечего, и что всегда легко обойти его. Представитель Путиловскаго завода, не подписывая соглашенія, находилъ, что оно должно быть гарантировано залогами и взаимными векселями, а такъ оно имѣетъ только нравственное значеніе для подписавшихъ, что недостаточно. И. Гольдбергъ (мех. зав.) возражалъ на рѣчь Глѣбова: „организація рабочихъ уже существуетъ и если мы не подготовимся противъ нея заранѣе, то мы сыграемъ роль русскихъ противъ японцевъ, готовившихся 10 лѣтъ къ войнѣ". Особеннымъ сочувствіемъ встрѣчена была рѣчь Ф. К. Сангалли — „Безъ конвенціи у насъ хаосъ. Сегодня мы еще хозяева своихъ предпріятія, а завтра — неизвѣстно будемъ ли еще ими — конвенція дастъ намъ личное спокойствіе, будемъ знать, что конкурренція не вынудитъ тебя къ уступкамъ, самъ не уступишь рабочимъ, а предварительно посовѣтуешься съ другими. Залоги хороши, но можно заключить конвенцію и безъ нихъ — вѣдь, въ нашемъ же интересѣ исполнять соглашеніе" (рукоплесканія).

---

[1]) Курсивъ подлинника,

[2]) Тѣ же шесть положеній приняты и въ Москвѣ, плюсъ еще многое интересное, и все это не публикуется газетами.

Дѣйствительныя же разногласія могутъ быть разрѣшены лишь самими русскими соціальдемократами, что однако не легко сдѣлать, такъ какъ повидимому сила обѣихъ сторонъ одинакова, а при такихъ обстоятельствахъ всякое большинство, на той или другой сторонѣ, по самой природѣ тайныхъ организацій представлялось бы противной сторонѣ случайнымъ большинствомъ.

Мы можемъ однако надѣяться, что борьба противъ общаго врага и быстрая смѣна политическихъ положеній уничтожитъ самый объектъ спора и возстановитъ единство партіи.

Обратимся теперь къ третьей группѣ русскихъ разногласій, въ которой на одной сторонѣ стоятъ соціальдемократы различныхъ организацій и направленій („Искра", „Впередъ", еврейскій Бундъ, Латышская С. Д. и С. Д. Польши и Литвы), а на другой сторонѣ Соц.-Рев. „террористы", являющіеся для „Vorwärts"'а носителями единенія въ русскомъ движеніи.

Тотчасъ послѣ гапоновскаго воззванія „Vorwärts" помѣстилъ (30 марта) помѣченное апрѣлемъ 1881 года, письмо Карла Маркса къ дочери, въ которомъ говорится о русскихъ террористахъ того времени. „Vorwärts" заимствуетъ это письмо изъ „Vie socialiste" и снабжаетъ его комментаріями въ своей исторической части, почерпнутыми изъ того же журнала.

Отъ себя же онъ прибавляетъ къ этому слѣдующую фразу:

„Въ немногихъ строкахъ Карлъ Марксъ *исчерпалъ* здѣсь *все*, что вообще можетъ быть сказано по вопросу о русскомъ терроризмѣ".

Всѣхъ болѣе былъ бы изумленъ этимъ сужденіемъ самъ Карлъ Марксъ, если бы могъ прочитать его. Что говорится въ письмѣ?

Во первыхъ констатируется фактъ, что люди, совершившіе въ Петербургѣ покушеніе на Александра II „настоящіе герои безъ мелодраматической позы" и т. д.

Совершенно вѣрно. И это вѣрно въ настоящее время не по отношенію къ террористамъ только, а ко всей массѣ русскихъ революціонеровъ, къ какому бы направленію они ни принадлежали. Но поэтому самому здѣсь не говорится еще ровно ничего по вопросу о русскомъ терроризмѣ. Также несомнѣнно вѣрно и второе констатированіе Маркса, что тактика террористовъ „специфически русская тактика", бывшая „исторически неизбѣжной". Этого, насколько мнѣ извѣстно, никто и не отрицалъ. Но вмѣсто того, чтобъ „исчерпать *все*, что вообще *можетъ* быть сказано по вопросу о русскомъ терроризмѣ" въ этомъ констатированіи лишь впервые формулированъ, наоборотъ, самый вопросъ, и нѣтъ ни словечка отвѣта. А такъ какъ кромѣ этого въ письмѣ нѣтъ ровно ничего о русскомъ терроризмѣ, то вышеприведенную оцѣнку „немногихъ строкъ" можно понять лишь въ качествѣ выраженія такого отчаяннаго „марксизма", до каковаго никогда не поднимался ни одинъ „наиортодоксальнѣйшій" изъ марксистовъ. Но изъ оцѣнки Vorwärts'а видно также и то, что для него сегодняшній вопросъ о русскомъ терроризмѣ остался точь въ точь тѣмъ, чѣмъ былъ четверть вѣка тому назадъ. Иначе вѣдь никакое самое полное, многотомное научное изслѣдованіе — не говоря уже о „немногихъ строкахъ" — не могло въ 1881 году дать исчерпывающій отвѣтъ на вопросъ о русскомъ терроризмѣ 1905 года.

Попробуемъ же сами поискать,—не исчерпывающаго, конечно, а хоть краткаго отвѣта на вопросъ о спеціально русскихъ причинахъ русскаго терроризма.

Является ли такой причиной абсолютизмъ самъ по себѣ? Нѣтъ конечно. Весь европейскій континентъ былъ подъ властью абсолютизма въ теченіе XVII вѣка, а Австрія и Пруссія также и въ первой половинѣ XIX, но террористической тактики поднимавшихся политически классовъ, изъ этого положенія не развилось. Отъ абсолютизма, господствовавшаго въ Западной Европѣ, русскій абсолютизмъ отличается кореннымъ образомъ: это абсолютизмъ восточный. Первый основывался на равновѣсіи между сильной, стремившейся вверхъ буржуазіей и феодальнымъ дворянствомъ, соперничество которыхъ дѣлало королевскую власть третейскимъ судьей и господиномъ надъ обоими. Второй—восточный абсолютизмъ—опирается на отсутствіе буржуазіи, преобладаніе земледѣлія раздробленность народа на безчисленныя деревенскія общины, ничѣмъ между собою не связанныя и потому совершенно безсильныя предъ центральной государственной властью, безконтрольно распоряжающейся всѣми огромными средствами, доставляемыми государствомъ и увеличивающимися вмѣстѣ съ расширеніемъ его предѣловъ.

Въ XVIII вѣкѣ этотъ абсолютизмъ пришелъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ западноевропейскимъ и тотчасъ же усвоилъ его орудія господства: бюрократію, армію, флотъ и соотвѣтствующую всему этому технику. Но для этого ему пришлось создать также классъ образованныхъ людей, который, выросши изъ азіатской среды, немедленно усвоилъ себѣ всѣ взгляды и потребности европейской интеллигенціи. Эти взгляды и потребности вліяли до извѣстной степени и на правящія сферы, видѣвшія въ нихъ до поры до времени лишь пользу.

Но когда интеллигенція, становившаяся все многочисленнѣе, начала все болѣе и болѣе превращаться въ классъ, стоящій внѣ правительственныхъ сферъ и проявляющій антогонизмъ къ этимъ послѣднимъ, между правительствомъ и интеллигенціей началась борьба, которая, чѣмъ дольше она тянулась, тѣмъ становилась все острѣе, дѣлая интеллигенцію все революціоннѣе и революціоннѣе, а правительство все болѣе реакціоннымъ.

Но до восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія интеллигенція была одинока въ этой борьбѣ, она не находила никакого другого класса, на который могла бы опереться; рядомъ съ ней не было сильной самостоятельно буржуазіи, не было бунтующаго мелкаго бюргерства. Въ Западной же Европѣ, со временъ англійской и французской революціи до средины прошлаго вѣка, именно этотъ классъ составлялъ ядро революціонныхъ слоевъ народа. Въ Россіи низшій слой горожанъ представлялъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ лишь оторванныхъ отъ своей среды крестьянъ, потерявшихъ ту опору, которую въ деревнѣ они имѣли въ своемъ деревенскомъ мірѣ и общинномъ землевладѣніи. Крестьянинъ стоялъ выше мелкаго буржуа, но его демократическія и коммунистическія учрежденія и инстинкты не выходили за предѣлы деревенской общины. Политическая демократія была русскому крестьянину совершенно непонятна и неинтересна.

Послѣ многихъ неудавшихся попытокъ демократической пропаганды русская интеллигенція поняла свое положеніе и убѣдилась, что не можетъ противопоставить абсолютизму никакой силы, кромѣ своей собственной. Но съ ней одной побѣда надъ могуществомъ современной государственной власти была невозможна. Такимъ образомъ, для интеллигенціи единственной формой борьбы сталъ терроръ, *устрашеніе*, борьба единичныхъ героевъ, ставившихъ на карту собственную жизнь, чтобы грозить смертью носителямъ государственной власти. Таковъ былъ корень, изъ котораго выросла „исторически-неизбѣжная, специфически русская" тактика террористовъ.

Въ связи съ этой тактикой находились также и особенности ихъ соціалистическихъ воззрѣній. Въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ и потребностяхъ русская интеллигенція находилась, какъ мы видѣли, въ полнѣйшей зависимости отъ Запада. Къ тому времени, когда назрѣвало террористическое движеніе, либерализмъ въ Западной Европѣ уже утратилъ свою революціонность и превратился въ консервативную силу. Здѣсь оставалась только одна революціонная сила — соціальдемократія. Это отозвалось на русскихъ революціонерахъ, которые сразу же становились тоже соціалистами. Но гдѣ искать въ странѣ, такъ сильно отставшей въ своемъ экономическомъ развитіи, точку опоры для переустройства общества въ духѣ соціализма? Развитой крупной промышленности, которая могла бы представить такую точку опоры, не существовало, но русскіе революціонеры полагали, что въ общинномъ землевладѣніи — этомъ въ современной Европѣ „специфически русскомъ" учрежденіи — они открыли равноцѣнную замѣну крупной промышленности. Такъ учили народники, теорія которыхъ легла въ основу террористической агитаціи „Народной Воли".

Крестьянскій соціализмъ русскихъ революціонеровъ былъ также „исторически неизбѣженъ", какъ ихъ террористическая борьба противъ правительства. Но неизбѣжность ничуть не обезпечиваетъ успѣшности. Всѣ политическія направленія и стремленія каждой данной эпохи „исторически неизбѣжны", но побѣда предназначена лишь части этихъ стремленій. Другая часть должна исчезнуть, не добившись успѣха, также неизбѣжно, какъ неизбѣжно она возникла.

24 года тому назадъ еще нельзя было, однако, съ увѣренностью утверждать, что русская община не можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для современнаго соціализма особаго рода. Общество, какъ цѣлое, не можетъ перескочить ни одной

Винтергальтеръ воспѣвалъ мысль объ организаціи и убѣждалъ промышленниковъ „держаться всѣмъ за одного и одному за всѣхъ“ (аплодисм.). Онъ же предложилъ выработать одинъ общій для всѣхъ заводовъ типъ удостовѣреній при увольненіи рабочихъ, какъ „гарантію безпристрастности“. Въ заключеніе собраніе рѣшило не отвѣчать на вопросные бланки, разосланные фабр. инсп. по поводу послѣднихъ стачекъ.

Такимъ образомъ, отнынѣ рабочіе Петербурга имѣютъ дѣло не съ отдѣльными предпринимателями, а съ буржуазіей, какъ классомъ, сознательнымъ и организованнымъ. Понятно, какъ это обстоятельство должно содѣйствовать проясненію сознанія, поэтому желательно было опубликовать конвенцію какъ можно шире. Въ „Сынъ Отеч.“ доставили ее еще 26 марта, но онъ не публикуетъ (сегодня 4 апр.!), а „Русь“ и „Новости“ прямо находятъ „несвоевременнымъ“. Эта конвенція тождественна по содержанію съ программой дѣйствій, выработанной коммиссіей и при московскомъ биржевомъ комитетѣ, обсужденной на всероссійскомъ съѣздѣ фабрикантовъ и заводчиковъ въ Москвѣ (8 марта) и принятой имъ единодушно. Текстъ ея напечатанъ съ разрѣшенія цензуры въ скоропечатнѣ Яблонскаго, разсылается только фабрикантамъ и заводчикамъ, попалъ нечаянно въ наши руки, газеты легальныя не печатаютъ (тамъ промышленники признаютъ, что рабочій день не долженъ быть сокращенъ болѣе 11 часовъ въ сутки, ибо дальнѣйшее сокращеніе ляжетъ налогомъ на потребителей; что стачки должны быть разрѣшены, но нужно карать уголовно за предъявленіе требованій скопомъ, хотя бы и мирное; что рабочіе должны отвѣчать имущественно за убытки отъ внезапной остановки работъ — порчи машинъ и пр. и пр. Предсѣдателемъ былъ Савва Морозовъ. Текстъ этотъ былъ изданъ въ нашей типографіи отъ имени Цент. Ком. (всего 600 экз.).

Изъ Донецкаго района (эта корреспонденція была послана въ „Русскія Вѣдомости“, но послѣдніе не напечатали ее).

Какъ показатель того состоянія, въ которомъ находится наша крупная промышленная буржуазія, весьма характерною является бумага, исходящая отъ одного изъ директоровъ французскихъ угольныхъ обществъ и усиленно подписываемая не въ мѣру испугавшимися буржуа. Всѣмъ, конечно, извѣстны тѣ античеловѣческія условія, въ которыхъ владѣльцы рудниковъ держатъ своихъ горнорабочихъ и потому нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ, если въ настоящее время среди нихъ, подъ вліяніемъ событій во всей Россіи, начинаетъ пробуждаться человѣческое достоинство и если они предъявляютъ вполнѣ законныя требованія къ своимъ хозяевамъ. А эти послѣдніе настолько низко ставятъ русскаго рабочаго, что даже тѣ требованія рабочаго класса, которыя на Западѣ они считали-бы своимъ долгомъ удовлетворить, здѣсь въ Россіи, даже и эти скромныя требованія они находятъ слишкомъ дерзкими и вмѣсто просимыхъ порядочныхъ квартиръ, больницъ, школъ, бань, безплатной воды и т. д., надѣются удовлетворить своихъ рабочихъ казачьей нагайкой. Не даромъ же одинъ директоръ воскликнулъ съ паѳосомъ въ минуту откровенности: „Больница — это темное пятно на свѣтломъ фонѣ дивиденда“. Но гдѣ-бы на шахтахъ ни происходили какія бы то ни было движенія, они носили мирный характеръ, и только прибывавшіе казаки и полицейскіе умѣли озвѣрять толпу, а затѣмъ, пользуясь этимъ озвѣреніемъ, бросались на нее съ нагайками и ружьями.

Намъ однако, извѣстно, что даже среди углепромышленниковъ нашлось нѣсколько человѣкъ, которымъ циркуляръ ихъ слишкомъ ретивыхъ собратьевъ показался черезчуръ наглымъ и они отказались подписать его.

Вотъ та бумага, о которой мы говоримъ (переводимъ съ французскаго подлинника):

„Въ виду все болѣе и болѣе возрастающаго стачечнаго движенія въ Донецкомъ бассейнѣ, мы полагали бы, что коллективное ходатайство наше передъ правительствомъ могло бы повести къ увеличенію той вооруженной силы, которая охраняла бы частную собственность и личную безопасность въ случаѣ безпорядковъ. Какъ Вамъ извѣстно, число казаковъ, находящихся въ Юзовкѣ и Макѣевкѣ, будетъ совершенно недостаточно въ томъ случаѣ, если, какъ это можно предвидѣть, одновременно вспыхнутъ безпорядки въ нѣсколькихъ пунктахъ.

Г. Авдаковъ, предсѣдатель съѣзда горнопромышленниковъ, который находится нынѣ въ Петерб., обѣщаетъ возбудить соотвѣтственное ходатайство, а для того, чтобы это ходатайство имѣло большій успѣхъ, было-бы желательно, чтобы директора заводовъ нашего района до 14 февраля доставили ему сообщеніе о своемъ присоединеніи къ прилагаемому прошенію“.

Слѣдуютъ подписи.

Ходатайство г. Авдакова и братіи увѣнчалось успѣхомъ и новыя казачьи силы размѣщены по рудникамъ. Г. Авдаковъ недавно подписывалъ ходатайство заводчиковъ о либеральныхъ реформахъ.

ШТАБЪ
Тыла Маньчжурскихъ
АРМІЙ.
Отдѣленіе судное
31-го Января 1905 года.
№ 2
г. Харбинъ.

Не подлежитъ оглашенію.
Циркулярно.
Командирамъ отдѣльныхъ частей, Начальникамъ заведеній и учрежденій Тыла Маньчжурскихъ Армій.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ войсковыхъ заведеніяхъ города Харбина были обнаружены подкинутые туда листки преступнаго содержанія, которые были представлены по командѣ лицамъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся эти заведенія, вслѣдствіе чего Жандармское Полицейское Управленіе было поставлено въ извѣстность о появленіи этихъ листковъ черезъ продолжительный промежутокъ времени, когда виновныхъ обнаружить очень трудно или даже невозможно.

Въ виду сего, по приказанію Главнаго Начальника, Штабъ Тыла объявляетъ для руководства, что Командиры частей и Начальники учрежденій и заведеній должны препровождать немедленно листки преступнаго содержанія, въ случаѣ обнаруженія ихъ во ввѣренныхъ имъ частяхъ, — прямо во временное Жандармское полицейское Управленіе Китайской восточной желѣзной дороги, донося одновременно съ тѣмъ по командѣ.

Подписалъ:
И. д. Начальника Штаба Тыла
Армій. Генеральнаго Штаба
Генералъ Маіоръ *Глинскій*.
Скрѣпилъ:
И. д. Старшаго Адъютанта,
Капитанъ *Шоринъ*.

Одесса 6-го апр. Вчера на засѣданіи Одесскаго медицинскаго общества приватъ доцентъ Тарасевичъ читалъ докладъ о Пироговскомъ съѣздѣ врачей. Публики собралось видимо — невидимо. Въ залъ, вмѣщавшій около 800 человѣкъ, навалило свыше 1000 человѣкъ. Докладъ ничего особеннаго не представлялъ собою, хотя докладчикъ и подчеркивалъ наиболѣе интересныя мѣста резолюцій, принятыхъ на съѣздѣ, какъ напримѣръ: мы требуемъ замѣны самодержавно-бюрократическаго строя демократической республикой и созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и т. д. Гораздо интереснѣе были подробности, касавшіяся настроенія съѣзда (оно было революціоннымъ, благодаря участію въ немъ, кромѣ врачей, и учащейся молодежи), конфликтовъ съ администраціей, закрытія съѣзда и проч. По окончаніи чтенія доклада, предсѣдатель закрылъ засѣданіе, а одинъ изъ товарищей открылъ второе. Былъ избранъ предсѣдатель и одному изъ соц.-дем.-овъ было дано слово. Онъ сдѣлалъ маленькую историческую справку въ области земскаго либерализма, показалъ всю антинародность ихъ резолюцій, подробно выяснилъ, какъ подъ вліяніемъ пролетарскаго движенія либеральные лозунги земствъ смѣнялись демократическими, и закончилъ призывомъ ко всѣмъ честно мыслящимъ привѣтствовать соц.-дем.-тію, какъ единственную выразительницу интересовъ пролетаріата. Другой ораторъ говорилъ на тему: „Врозь идти, вмѣстѣ бить“. Всего было около 10-ти ораторовъ. Перечисленіе содержанія рѣчей всѣхъ ораторовъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Общій смыслъ всѣхъ рѣчей былъ таковъ: „Долой царя“, „извѣстная русская пословица“, стономъ стояла по всей залѣ. Настроеніе было приподнятое въ высшей степени; одного „статскаго“, замѣченнаго въ черезчуръ усердномъ раздаваніи листковъ и заглядываніи въ чужія физіономіи, заставили съ крикомъ: „долой шпіона“ съ позоромъ удалиться изъ залы. Къ концу какой то соц.-дем.-тъ прочелъ свое собственное стихотвореніе прекраснаго содержанія. По единодушному желанію публики, онъ его повторилъ Поздно ночью публика съ пѣніемъ марсельезы начала расходиться. На улицѣ, разумѣется, была въ довольно внушительномъ количествѣ пѣшая и конная полиція; но публики она не трогала, такъ какъ товарищи рѣшили не демонстрировать на улицѣ. Не имѣло смысла устраивать демонстрацію въ первомъ часу ночи. Арестовъ, кажется, совсѣмъ не было. Въ общемъ, побѣда соц.-дем.-тіи полная: на собраніи хотя и были с.-ры, но гласъ ихъ былъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“; было собрано порядочно денегъ въ пользу соц.-дем.-іи.

Одесса. Въ концѣ марта отсюда были назначены къ отправкѣ на театръ военныхъ дѣйствій два полка, сформированные изъ запасныхъ. Солдаты *отказались идти*. Они разнесли казармы, послѣ чего у нихъ было отнято оружіе и ихъ подъ конвоемъ казаковъ и полиціи погнали на вокзалъ. По дорогѣ одинъ изъ запасныхъ крикнулъ: „братцы, мы не пойдемъ на войну!“ и всѣ сразу остановились. Офицеры стали „увѣщевать“ ихъ, но тщетно. Тогда солдатамъ пригрозили, что если они не пойдутъ, въ нихъ будутъ стрѣлять. „Лучше умирать здѣсь, на родинѣ, чѣмъ въ Манджуріи“—раздались голоса изъ толпы. Подъ напоромъ казаковъ солдаты двинулись впередъ, но изъ толпы все время раздавались возгласы: „все равно не пойдемъ на войну“. На вокзалѣ человѣкъ до 200 наотрѣзъ отказались идти и были оставлены здѣсь. Послѣ этого отправка другихъ полковъ пріостановлена.

Картинка съ натуры (сообщено петербургскимъ рабочимъ).

Приходская школа. Ученики собрались на дворѣ возлѣ полуразрушеннаго сарая и толкуютъ, какъ и съ чего начать распрашивать у священника, за что стрѣляли на Невскомъ 9-го января? Изъ толпы выдѣляется стройный красивый мальчуганъ и предлагаетъ:

— Товарищи! Митя спроситъ, за что его отца убили, когда онъ сидѣлъ въ скверѣ возлѣ Невскаго, а мы всѣ поддержимъ... Пришедшіе къ заключенію своего собранія третье-группники направились въ классный залъ. Заходитъ священникъ. Встать! дѣти... Молчаніе, ни одного движенія. Священникъ пораженъ нахальствомъ учениковъ, подходитъ и подымаетъ одного, который протестуетъ, указывая, что весь классъ сидитъ. Священникъ сѣлъ за кафедру. Воцарилась тишина. — Что вамъ нужно? сверкая глазами, спросилъ священникъ.

— Поговорить... тихо раздается среди учениковъ.

— Говори.

На третьей партѣ подымается худенькій Митя и начинаетъ дрожащимъ голосомъ говорить.

— Отецъ батюшка! Зачѣмъ убили моего отца? Кому нужна его жизнь и наше страданіе? Вѣдь мы голодаемъ, корки хлѣба дома нѣтъ. Разскажите, за что?

Попъ было совсѣмъ опѣшилъ, но, оправившись, рѣшилъ предпринять радикальныя мѣры.

— Я тамъ не былъ и не знаю, заговорилъ онъ грубо, а если убили, то онъ шелъ противъ воли царя и бога. А ты убир... но послѣднія слова заглушили свистъ, гиканье и стукъ ногами о полъ.

Поповскій сыскъ.

В. П. И.
Малоярославецкаго
Уѣзднаго Отдѣленія
Калужск Епархіальнаго
Училищнаго Совѣта.
17 февраля 1905 года.

Его благословенію О. Завѣдующ.
—— ской школой.

На журналѣ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, по поводу заподозрѣнія одного изъ учителей церковной приходской школы въ антиправительственной пропагандѣ, послѣдовала слѣдующая резолюція Его Преосвященства: „Предложить всѣмъ уѣзднымъ отдѣленіямъ, чтобы они, съ своей стороны, сдѣлали надлежащее распоряженіе по адресу всѣхъ ОО. завѣдующихъ, чтобы они имѣли тщательное, *но, однако, не гласное* наблюденіе за лицами, учащими въ школахъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что, какъ мнѣ словесно донесено нѣкоторыми сельскими священниками, учащіе въ земскихъ школахъ довольно безцеремонно распространяютъ между поселянами и ихъ дѣтьми прокламаціи противоправительственнаго содержанія; чтобы ОО. Завѣдующіе осторожно, путемъ дружескихъ бесѣдъ, разъясняли учащимъ въ нашихъ школахъ гибельность отрицательныхъ дѣйствій учителей земскихъ школъ“.

Вышеизложенное сообщается къ свѣдѣнію и исполненію.

Прилагаемую бумагу имѣете передать учителю своей школы.

Предсѣдатель Отдѣленія Прот. М. Никольскій.
Членъ-дѣлопроизводитель Св. Н. Кременскій.

А вотъ эта бумага:

В. П. И.
Малоярославецкаго
Уѣзднаго Отдѣленія
Калужск. Епархіальнаго
Училищнаго Совѣта
17 февраля 1905 года

Учителю —— школы
Г. ———

Одинъ изъ учителей церковно-приходской школы былъ заподозрѣнъ полиціей въ антиправительственной пропагандѣ. По сему поводу, состоялось слѣдующее постановленіе Еп. Училищ. Совѣта, утвержденное Его Преосвященствомъ: „Поставить чрезъ Отдѣленія въ извѣстность всѣхъ учащихъ лицъ церковныхъ школъ, чтобы они избѣгали всякихъ подозрительныхъ, по своему направленію, сообществъ и знакомствъ и своимъ поведеніемъ отнюдь не давали повода къ какимъ либо нареканіямъ и подозрѣніямъ“.

Вышеизложенное объявляется Отдѣленіемъ къ свѣдѣнію и исполненію.

Предсѣдатель Отдѣленія Прот. М. Никольскій,
Членъ-дѣлопроизводитель Св. Н. Кременскій

изъ стадій своего развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ отсталыхъ частей; онѣ могутъ перескочить эти стадіи, чтобы приспособиться къ другимъ опередившимъ ихъ частямъ Такъ, было возможно для русскаго общества перескочить капиталистическую стадію, чтобы отъ стараго коммунизма перейти непосредственно къ новому. Но для того, чтобы эта возможность могла осуществиться, необходимо было, чтобы въ остальной Европѣ соціализмъ достигъ побѣды въ ту эпоху, когда русская деревенская община еще была живой силой. Въ началѣ 80-хъ годовъ это могло еще казаться возможнымъ. Но уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи полная невозможность такого перехода выяснилась вполнѣ. Западноевропейская революція подвигалась медленнѣе, а русская община разлагалась скорѣе, чѣмъ это казалось вѣроятнымъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Этимъ рѣшался вопросъ о специфическихъ особенностяхъ Россіи, которыми обосновывался терроризмъ и соціализмъ „Народной Воли“. Чтобы достигнуть соціализма, Россія, оказывалось, должна пройти тотъ же путь капиталистическаго развитія, какимъ идетъ западная Европа. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, соціализмъ долженъ вырости изъ крупной промышленности, а пролетаріатъ является революціоннымъ классомъ, который только одинъ и въ состояніи вести сознательную и продолжительную борьбу противъ абсолютизма.

Что террористическая тактика „Народной Воли“ не въ состояніи сама по себѣ свергнуть абсолютизмъ, выяснилось вскорѣ послѣ того (апр. 1881 г.), какъ было написано письмо Маркса. Убійство Александра II въ мартѣ 1881 г. было высшимъ пунктомъ террористическихъ успѣховъ того времени. Чего большаго могли они достигнуть послѣ устраненія царя? Но и послѣ этого безпримѣрнаго успѣха общество осталось неподвижнымъ, ни одинъ классъ не сталъ на защиту безстрашныхъ борцовъ, которымъ пришлось, поэтому, изойти кровью въ неравной борьбѣ.

Марксъ не дожилъ до этого, онъ умеръ какъ разъ въ то время, когда такой исходъ сдѣлался очевиднымъ. Въ томъ же 1883 году въ Россіи зародилось новое направленіе, которое старалось дать новое основаніе русскому революціонному движенію. Промышленный капитализмъ и промышленный пролетаріатъ существовали въ Россіи съ шестидесятыхъ годовъ, но вначалѣ, этотъ пролетаріатъ никакимъ особымъ классовымъ самосознаніемъ не обладалъ и подобно мелкой городской буржуазіи представлялъ изъ себя тѣхъ же оторванныхъ отъ земли крестьянъ, съ крестьянской ограниченностью, но безъ той силы, которую даетъ крестьянину соприкосновеніе съ родной землей. Но въ 80-хъ годахъ какъ капитализмъ, такъ и пролетаріатъ начали быстро развиваться въ Россіи. Отдѣльныхъ борцовъ пролетаріатъ поставлялъ уже въ 70-хъ г.г., но теперь становилось очевиднымъ, что въ его лицѣ въ Россіи встаетъ цѣлый новый революціонный классъ. Первыми сознали это марксисты Аксельродъ, Дейчъ, Плехановъ, Вѣра Засуличъ, основавшіе въ 1883 году „Группу Освобожденія Труда“, стоявшую въ теоріи на той же самой почвѣ, какъ и нѣмецкая С.-Д. и вписавшую въ свою программу не только борьбу съ абсолютизмомъ, но также пропаганду и организацію рабочихъ для веденія самостоятельной классовой борьбы. Условія для образованія рабочей партіи были еще тогда неблагопріятны въ высшей степени. Но вышеназванные товарищи не теряли отъ этого бодрости. Неустанно продолжали они работать, пока наконецъ въ 1898 году основалась русская соціальдемократія.

Они достигли этого при непрерывной энергичной борьбѣ противъ народниковъ, къ которымъ во время высшаго расцвѣта терроризма еще и сами принадлежали. Какъ ихъ конечная цѣль, такъ и тактика ставили ихъ въ противорѣчіе также и съ „соціалистами-революціонерами“, которые, послѣ исчезновенія стараго террористическаго направленія и усиленія рабочаго движенія, пытались оживить традицію „Народной Воли“ и соединились, наконецъ, въ 1901 году въ партію „соц.-рев.“.

Соціальдемократія видитъ въ промышленномъ пролетаріатѣ носителя революціоннаго и соціалистическаго движенія. Но сильный промышленный пролетаріатъ предполагаетъ существованіе развитаго капитализма. Соціальдемократія разсчитываетъ, слѣдовательно, на капиталистическое развитіе Россіи, считаетъ быстроту этого развитія необходимымъ условіемъ революціи.

Террористы хотѣли основать соціализмъ на пережиткахъ деревенскаго коммунизма. А это заранѣе предполагало сохраненіе этого коммунизма, поддержку его старыхъ традицій и тѣсно связаннаго съ ними мелкаго крестьянскаго хозяйства. Пристрастіе къ мелкому производству, отвращеніе къ экономическому развитію, разлагающему деревенскій коммунизмъ, желаніе задержать это развитіе, порождали, среди террористовъ, экономически реакціонныя тенденціи, ставили предъ ними экономическія цѣли, противоположныя цѣлямъ соц.-дем.

Съ другой стороны, терроризмъ вытекалъ, въ сущности, изъ совершенно основательнаго — въ моментъ, его возникновенія — недовѣрія къ политической самостоятельности и революціонности народныхъ массъ — изъ убѣжденія, что не дѣйствіемъ этихъ массъ, а лишь геройской рѣшимостью немногихъ индивидуумовъ можетъ быть свергнутъ абсолютизмъ. Именно это-то недовѣріе и хотѣли разрушить соц.-дем. Стремясь вызвать движеніе массъ, они хотѣли показать имъ что ничто, кромѣ самихъ массъ, не можетъ освободить ихъ, что онѣ не должны расчитывать ни на какого Мессію, что самый сильный, самый самоотверженный героизмъ немногихъ личностей не въ состояніи сдѣлать того, что доступно лишь возставшей пролетарской массѣ.

Отсюда ожесточенная двадцатилѣтняя борьба русскихъ соціальдемократовъ, сперва съ народниками, а затѣмъ съ соц.-рев; борьба, являющаяся столь же „специфически русской“ и „исторически неизбѣжной“, какъ и самый терроризмъ;— неизбѣжной и необходимой для того, чтобы русское революціонное движеніе, отбросивъ устарѣвшія формы, поднялось на высшую ступень.

И если теперь этотъ подъемъ совершился и соціалисты побиваютъ абсолютизмъ съ совершенно иною силой и иной увѣренностью въ побѣдѣ, чѣмъ при „Народной Волѣ“, то этимъ —оставляя въ сторонѣ могучій факторъ экономическаго развитія — мы обязаны русской соціальдемократіи и той неустанной критикѣ, которой она подвергала народниковъ и примыкающихъ къ нимъ соц.-рев.

Сами соц.-рев. не могли избѣжать могучаго воздѣйствія, какъ самаго экономическаго развитія, такъ и пропаганды соц.-дем., которые, благодаря своему теоретическому оружію, раньше другихъ революціонныхъ группъ, поняли и предсказали направленіе этого развитія. Точка зрѣнія стараго „народовольства“ теперь уже всѣми оставлена, современный терроризмъ не похожъ на прежній, ему пришлось приспособиться къ новымъ фактамъ и новымъ ученіямъ и все болѣе и болѣе принимать въ разсчетъ классовую борьбу промышленнаго пролетаріата. Съ другой стороны, само собой понятно, что соц.-дем. подчеркивая свои разногласія съ соц.-рев., не разъ преувеличивали ихъ въ жару полемики. Такъ, напримѣръ, когда они противопоставляли дѣйствіе массъ бросанію бомбъ, то не разъ могло казаться, будто они принципіально отвергаютъ всякій террористическій актъ, чего на дѣлѣ вовсе не было. Когда они настаивали на преобладающемъ значеніи привлеченія и организаціи городского пролетаріата и подчеркивали реакціонность экономической тенденціи крестьянской общины, то иной разъ могло казаться, будто они не дооцѣниваютъ значеніе ударовъ, которые въ революціонное время можетъ нанести абсолютизму крестьянское возстаніе, — но и это тоже не соотвѣтствуетъ ихъ взглядамъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣйствительныя разногласія между с.-д. и террористами теперь не такъ велики, какъ это было лѣтъ 10 или 20 тому назадъ. Но тѣмъ не менѣе, они достаточно велики, чтобы не допустить объединеніе организацій соц.-дем. съ соц.-рев.

Послѣдніе „терпимѣе“, но это потому, что они до сихъ поръ еще не вышли изъ стадіи постояннаго броженія и еще не выставили никакой опредѣленной программы.

Ихъ ряды открыты самымъ различнымъ направленіямъ, какъ это было когда-то съ нѣмецкими націоналъ-соціалистами — съ которыми, впрочемъ, я не хочу сравнивать соц.-рев. ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ. Между ними мы встрѣчаемъ людей очень близко стоящихъ къ с.-д. и рядомъ — элементы сродные анархистамъ, а также мелкобуржуазныхъ демократовъ и соціаль-либераловъ. Такими же неопредѣленными какъ ихъ границы остаются и ихъ цѣли и ихъ средства борьбы, но сквозь всю эту неопредѣленность снова и снова прорывается ихъ противоположность соціальдемократическимъ воззрѣніямъ; и не въ теоріи только, а также и въ политической практикѣ.

Уфа. 20 марта. Звѣрскій призракъ черной сотни встаетъ надъ нашимъ болотомъ: ходятъ слухи, что организуется какая-то дружина для избіенія „соціалистовъ", говорятъ, будто она предназначена дѣйствовать въ видѣ двухъ отдѣльныхъ отрядовъ: одинъ „для города", и другой для рабочей слободы. Указываютъ на нѣкоторыхъ лицъ изъ купечества: Ужалова, Степанова, Платинова — младшаго, Калмацкаго — извѣстнаго сыщика и друга охраннаго отдѣленія, какъ на участниковъ этой славной дружины. Начальство желѣзнодорожныхъ мастерскихъ въ изобиліи принимало на работу какихъ-то темныхъ личностей, разсчитывая въ то же время кой-кого изъ прежнихъ рабочихъ. Вновь принятые обнаруживаютъ сразу же какую то особенную склонность къ сыску и доносамъ. Ими пропитанъ теперь самый воздухъ мастерскихъ; очевидно, это именно то, чего желаетъ начальство. Такіе же субъекты объявились и на паровой мельницѣ Черникова. Черная сотня приступила уже къ дѣлу: было нѣсколько случаевъ избіенія рабочихъ шайками черной сотни, нападавшими на одиночныхъ людей, преимущественно хорошо одѣтыхъ, причемъ обнаружилось, что черная сотня вооружена револьверами, которые готова была пускать въ ходъ при первой попыткѣ къ оборонѣ со стороны избиваемаго. Черная сотня подготовлялась давно: одинъ рабочій въ декабрѣ былъ раненъ въ спину ножемъ при внезапномъ нападеніи на него шайки „патріотовъ"; послѣ неудавшагося банкета 21 января нѣкоторые служащіе Земской Управы подверглись избіенію какихъ то негодяевъ, наносившихъ земцамъ побои со словами „вотъ вамъ за политику". Шайка скрылась подъ охрану полиціи, явно сочувствовавшей избіенію. Черная сотня готовилась долго; не хватало только организацій и „широкаго почина" — то и другое явилось послѣ манифеста 18 февраля. „Уфимскія Губернскія Вѣдомости" — слово въ слово повторяющія грязныхъ людоѣдовъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" — начали цѣлый походъ противъ „соціалистовъ" и „интеллигенціи" съ призывомъ къ избіенію. „Вѣдомости" неустанно распространяются въ мастерскихъ желѣзной дороги и, вообще, среди „низовъ" городского населенія. Но сами издатели и редакторы подобной кровожадной газеты, дѣйствуя насиліемъ и клеветой, прекрасно понимали, что безнаказанно такія вещи не дѣлаются и что рано или поздно имъ придется расплатится за то, что, пользуясь темнотой и озлобленностью народной массы, — они зовутъ ее къ насилію надъ тѣми, кто раскрываетъ народу глаза на его положеніе. Такія вещи не прощаются: прозрѣвшій и проснувшійся, возставшій народъ воздастъ этимъ дѣятелямъ по дѣламъ ихъ. Чуютъ это редакторы, губернаторъ Соколовскій вице-губернаторъ Богдановичъ и пр. и запасаются „охраной". Редакторъ — членъ губернскаго правленія потребовалъ себѣ „охрану"; ему дали городового и онъ такъ съ городовымъ и путешествовалъ по городу. Вице-губернаторъ Богдановичъ недавно получилъ по почтѣ нѣкій пакетецъ и въ немъ оказался — о, ужасъ!— ни болѣе ни менѣе какъ смертный приговоръ вице-губернатору Богдановичу отъ имени боевой организаціи П. С. Р. Мѣстные либералы, съ своей стороны, послали въ комитетъ Министровъ патріотическій „протестъ" противъ хулиганскаго направленія Уфимскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Протестъ этотъ появился въ столичныхъ газетахъ. За такую продерзость губернаторъ Соколовскій арестовалъ доктора Шефтеля, котораго онъ считалъ иниціаторомъ въ дѣлѣ сбора подписей подъ протестомъ. Въ числѣ подписей красуется имя городского головы Маллѣева. Арестовавъ доктора Шефтеля, губернаторъ обратился къ прокурору съ предложеніемъ подыскать подходящую для обвиненія статью. Но, къ изумленію губернатора прокуроръ не только не обнаружилъ склонности къ такой примитивной юстиціи и отвѣтилъ отказомъ, признавъ арестъ незаконнымъ, но и послалъ „выше" какую то бумагу съ обжалованіемъ дѣйствій губернатора. Не довольствуясь этимъ, ретивый прокуроръ „вспомнилъ" и о прошлыхъ арестахъ и отправился въ тюрьму провѣрять законность ареста прочихъ политическихъ заключенныхъ. Въ результатѣ этихъ изысканій, изъ девяти человѣкъ, арестованныхъ за январь и февраль, только два ареста прокуроръ призналъ законными, но это не мѣшаетъ тому, что тѣ, кто арестованъ „неправильно", сидятъ по мѣсяцамъ въ скверныхъ условіяхъ, принужденные голодовками добиваться удовлетворенія своихъ требованій. Голодовка, продолжавшаяся для нѣкоторыхъ 8 дней, очень истощила заключенныхъ. Виктора Полякова водили подъ конецъ подъ руки. Взятыхъ за послѣднее время всего 12 человѣкъ: одинъ рабочій, арестованный около Уфы въ ноябрѣ 1904 года и обвиняющійся въ распространеніи прокламацій, затѣмъ рабочій Воронинъ, взятый въ Уфѣ въ концѣ января на базарной площади, обвиняющійся въ распространеніи прокламацій; Викторъ Поляковъ, взятый 14 января 1905 года во время стачки на мельницѣ. Рабочій, Николай Агѣевъ (рецидивистъ), рабочіе Алексѣй Бакѣевъ, Яковъ Феодоровъ и еще одинъ, взятый вмѣстѣ съ Агѣевымъ и Поляковымъ; гимназисты Чайкинъ и Прокофьевъ, обвиняющіеся въ организаціи гимназической забастовки, Третьяковъ (бывшій семинаристъ) арестованъ съ литаратурой; рабочій изъ числа стачечниковъ на мельницѣ (у него найдена нелегальная книжка). Докторъ Шефтель теперь уже выпущенъ. Но губрнаторъ все таки послѣ отказа прокурора арестовалъ его своей властью на 7 сутокъ. Послѣ освобожденія доктора Шефтеля, мѣстные врачи собрались на обычное засѣданіе общества врачей и тамъ думали обсудить весь этотъ инцидентъ. Вдругъ въ самомъ началѣ засѣданія туда является полиціймейстеръ и требуетъ, чтобы врачи разошлись. Врачи нашли возможнымъ подчиниться такому требованію и послушно разошлись.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Петербургъ. Группа перешла къ агитаціи путемъ открытыхъ народныхъ митинговъ. Рабочіе охотно ихъ посѣщаютъ и слушаютъ ораторовъ. Первый былъ на кладбищѣ 25 марта, когда хоронили тов. Алексѣева, убитаго мастеромъ фабрики Паля (онъ былъ членомъ нашей организаціи). 27 марта свыше 6.000 рабочихъ устроили демонстративное шествіе на могилу Алексѣева; снова былъ устроенъ митингъ, на которомъ говорили нѣсколько ораторовъ Группы (кажется, и отъ комитета былъ ораторъ). 28 марта былъ митингъ у Балтійскаго завода. Выборщики въ коммиссію Шидловскаго, которыхъ не приняли на заводъ по его открытіи, остановили при выходѣ рабочихъ (нѣсколько тысячъ) и говорили (на другой день были арестованы Кондратьевъ, Усаченко и др.). Того же 28 марта былъ, по рѣшенію организаціи, митингъ у завода Рѣчкина (три тысячи рабочихъ). Наконецъ, рабочіе отправили своихъ выборщиковъ (они все еще считаютъ ихъ своими депутатами) къ градоначальнику съ просьбой предоставить имъ свободу собраній для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ коммиссіей Коковцова. Градоначальникъ отвѣтилъ, что не можетъ разрѣшить, ибо постороннія лица могутъ воспользоваться для произнесенія „нецензурныхъ рѣчей". Одинъ изъ депутатовъ отвѣтилъ, что, можетъ быть, и самъ онъ будетъ говорить то, что градоначальникъ называетъ „нецензурными рѣчами". Митингъ, однако, сошелъ неудачно: по случайнымъ причинамъ, не явился назначенный ораторъ, а замѣнившаго его оратора было плохо слышно. Къ тому же, кто-то (какъ видно, шпики) затѣялъ драку, чтобъ отвлечь вниманіе рабочихъ. Въ тотъ же день, по рѣшенію Группы, очень удачно былъ устроенъ митингъ при выходѣ рабочихъ (пять-шесть тысячъ) съ Путиловскаго завода. Ораторъ говорилъ минутъ 15. Когда явилась полиція, ее, по предложенію оратора, прогнали и побили. Тутъ же были распространены листки Ц. К. о Мукденѣ. Рядъ импровизированныхъ массовокъ — человѣкъ по 500 — произошелъ въ Обуховской и Семянниковской школахъ: занятія прерывались и начинались рѣчи. 30 марта на Путиловскомъ заводѣ упавшимъ краномъ убило нѣсколько человѣкъ. Дали знать въ городъ и, по рѣшенію Группы, устроили митингъ, на которомъ участвовало тысячъ десять человѣкъ (смѣны соединились). Послѣ панихиды говорились рѣчи. Священникъ сказалъ проповѣдь на ту тему, что вотъ злоумышленники пользуются даже такими поводами для „подстрекательства". Отвѣтомъ ему былъ подхваченный всѣми крикъ: „долой самодержавіе!" Нѣсколько сотъ человѣкъ со знаменемъ прошли по улицѣ съ пѣніемъ Марсельезы (ее теперь рабочіе хорошо знаютъ, и она становится народной пѣсней). На этомъ митингѣ впервые говорилось о празднованіи нынѣшней маевки, призывали къ демонстраціи. Слѣдующій митингъ на томъ же заводѣ былъ назначенъ на первое апрѣля, въ день похоронъ, но полиція ночью увезла трупы. По предложенію товарищей изъ нашей организаціи, прошли опять по улицѣ съ пѣніемъ; говорились рѣчи. Оставшіеся на кладбищѣ были сильно избиты. 2 апрѣля директоръ Смирновъ объявилъ разсчетъ. 2 апрѣля былъ нами организованъ небольшой митингъ (300 человѣкъ) на заводѣ Лесснера. 3 апр. съ 11 часовъ собирались на Шлиссельбургскомъ трактѣ и Смоленской церкви (тысячъ пять чел.). Въ 12 часовъ пошли на кладбище: была панихида по товарищѣ, умершемъ послѣ выхода изъ тюрьмы. Говорили рабочій и интеллигентъ. При возвращеніи, человѣкъ 300 съ пѣніемъ Марсельезы прошли по шоссе. Сзади скакали казаки, жандармы и полиція. Когда они пытались разогнать толпу, съ тротуаровъ и изъ домовъ полетѣли камни. Толпа увеличилась и въ количествѣ до 600 человѣкъ пошли дальше, на нихъ налетѣла 50 пѣшихъ казаковъ съ нагайками, выскочившихъ изъ двора одной фабрики. На 4 же апрѣля группой былъ объявленъ митингъ на Маломъ Проспектѣ (Васильевскій островъ) въ 5 час. дня, прямо на улицѣ. Сошлось много тысячъ народу, такъ что прекратилось движеніе конокъ, вся улица была запружена. Но митингъ не состоялся, такъ какъ назначенные ораторы не попали на мѣсто. Толпа ждала до семи часовъ и разошлась.

Арестовъ очень много: послѣ собраній хватаютъ отдѣльныхъ лицъ. Въ одномъ Путиловскомъ районѣ за послѣдніе дни взято свыше 30 человѣкъ.

Съ вооруженіемъ дѣло пока обстоитъ очень недостаточно, по сравненію съ тѣмъ, что нужно.

Въ „Искрѣ" ошибочно было сказано, что количество организованныхъ „Группой" рабочихъ — 500. Уже тогда было значительно больше, теперь же его слѣдуетъ считать въ 1.200-1.300.

Петербургъ. Обуховскій заводъ. (Изъ письма рабочаго). Возмутительный случай, который произошелъ на фабрикѣ Паля, поразилъ и до глубины души возмутилъ всѣхъ мастеровыхъ нашего завода. Всюду теперь идутъ толки относительно того, какъ избавиться отъ добровольныхъ царскихъ башибузуковъ и шпіоновъ, провокаторовъ, которыхъ съ такимъ удовольствіемъ принимаетъ заводская администрація съ дипломами отъ Трепова. Та игра въ либерализмъ, которую такъ артистически разыгрываютъ господа заводчики, нисколько имъ также не мѣшаетъ требовать отъ поступающихъ рабочихъ треповскаго диплома благонадежности. Рабочіе уволенные за стачку и за то, что откровенно высказывали свои нужды, теперь скитаются по заводамъ и отыскиваютъ работу съ надписью на паспортѣ, о томъ, что такой то уволенъ за прекращеніе работы, насильственно, скопомъ. Удивительно, что либеральствующіе заводчики, которые неоднократно говорили, что они жаждутъ возстановить миръ и гармонію труда съ капиталомъ, не принимаютъ рабочихъ, дѣти которыхъ больны голоднымъ тифомъ. Вся либеральная демократія, которая нагло и цинично говоритъ на собраніяхъ и банкетахъ о народномъ здравіи и благополучіи, а также о внутреннемъ мірѣ, не стѣсняется теперь играть въ политику „нашимъ и вашимъ". Она боится совершенно отхлынуть отъ запятнаннаго кровью самодержавія, ибо красный призракъ мощи и единства пролетаріата внушаетъ ей ужасъ и лихорадочный трепетъ за свою собственность. И наши либералы стараются щеголять, съ разрѣшенія начальства, модными формами и беллетристической рѣчью съ крикливыми пафосами (!). Да мало ли чего они продѣлываютъ, они готовы все отдать, лишь бы за ихъ спиной стояла реальная послушная политическая сила.

Но всѣ эти выкрикиванія либеральной буржуазіи, только возбуждаютъ въ пролетаріатѣ презрѣніе. Сознательные рабочіе говорятъ: хотите вы народу помочь, — присоединяйтесь къ нему на тѣхъ условіяхъ, которые вамъ поставили, фразами вы не поможете, а затемните классовое сознаніе рабочихъ. Намъ нужна осязательная поддержка, если вы порядочные, свободолюбивые граждане. Нельзя играть такъ, какъ вы играете, ибо игра въ кота и мышку очень опасная игра.

Мы вамъ ставимъ такую дилемму: съ самодержавіемъ или съ народомъ? А если съ народомъ, то позоръ и стыдъ господамъ земцамъ давать деньги на разныя военныя предпріятія; и позоръ и стыдъ либеральнымъ фабрикантамъ руководствоваться надписью на паспортѣ, что „прекратилъ работу скопомъ"

Рабочій

Москва. 9-го апрѣля утромъ булочники всѣхъ большихъ булочныхъ и кондитерскихъ бросили работу и въ теченіе цѣлаго дня группами ходили по городу, требуя прекращенія работы въ маленькихъ пекарняхъ. Къ 12 часамъ ночи всѣ пекарни были безъ хлѣба и рѣшительно всѣ рабочіе присоединились къ забастовщикамъ. Въ 2 часа дня громадная толпа булочниковъ въ своихъ рабочихъ костюмахъ направилась по Тверскому бульвару. Были вызваны 2 роты казаковъ, но, увидѣвъ мирное шествіе толпы, они пустились въ обратный путь. 10-го нигдѣ нѣтъ хлѣба, забастовщики въ отличномъ настроеніи. Крупные пекарновладѣльцы готовы уже уступить.

— **Кіевъ.** Стачка дамскихъ портныхъ. Чрезмѣрно длинный рабочій день и чрезмѣрно низкая заработная плата — вотъ тѣ условія, при которыхъ приходилось работать до послѣдняго времени кіевскимъ портнымъ. Не разъ поднималось среди нихъ стачечное движеніе, но не руководимое, благодаря отсутствію связей, мѣстной соціальдемократической организаціей, оно не проявляло ни должной стойкости, ни необходимой организованности. Когда въ настоящемъ году, въ началѣ марта, среди дамскихъ портныхъ стали замѣчаться недовольство и готовность вступить въ борьбу съ хозяевами, кіевскій соціальдемократическій комитетъ рѣшилъ взять на себя руководство движеніемъ, разсчитавая уже и теперь придать стачкѣ отчасти политическую окраску и надѣясь завоевать прочное вліяніе въ довольно многочисленныхъ кругахъ рабочихъ портныхъ. Воспользовавшись наличностью небольшого кружка болѣе сознательныхъ рабочихъ портныхъ, представитель комитета вступилъ въ связь съ рабочими. Вмѣстѣ съ этимъ кружкомъ, онъ выработалъ и формулировалъ требованія портныхъ; стачка была назначена на 13-ое марта. Выставлены были слѣдующія требованія:

Это сказалось, напримѣръ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда въ Парижѣ, *въ противоположность русскимъ с.-д. организаціямъ*, с.-д. заключили союзъ съ либералами. Разрывъ съ с.-д. значительно увеличился, благодаря этому странному способу выраженія потребности въ объединеніи съ с.-д. За то с.-р. пріобрѣли открытую поддержку Vorwärts'a. Его симпатіями они уже давно пользовались, но послѣ этого онъ началъ полемику противъ с.-д. организацій за ихъ отрицательное отношеніе къ либерально-соціалистическому союзу. Vorwärts указываетъ на настоятельную необходимость объединенія всѣхъ противниковъ самодержавія. Разумѣется, нѣтъ ничего желательнѣе такого объединенія, такъ какъ въ единеніи сила. Но неужели русскіе с.-д. не знаютъ этого общаго мѣста? На практикѣ всегда возникаетъ вопросъ: *для чего* объединяться? Нужно ли всѣмъ оппозиціоннымъ теченіямъ объединяться для одного только общаго возгласа: „долой самодержавіе"? Дни Іерихона, къ сожалѣнію, давно прошли.

Съ одними возгласами далеко не уйдешь. Нужно бороться Но для общей *борьбы* нужна общая *тактика*. Созданіе такой тактики является предварительнымъ условіемъ всякаго боевого союза. Если тактика остается различной, объединеніе превращается въ пустую позу. Такой позой оказался и либерально-соціалистическій „блокъ", не смотря на всѣ восторги Vorwärts'a. Его первымъ и послѣднимъ актомъ было обнародованіе прокламаціи, подписанной различными организаціями. Дальше этого онъ не пошелъ. Вся его дѣятельность ограничилась, слѣдовательно нѣсколькими фразами.

Да и какъ могли бы, напримѣръ, либералы бороться вмѣстѣ съ с.-р-ми?

Первые опираются въ значительной части на крупныхъ землевладѣльцевъ, с. р-ы отчасти на крестьянъ. Либералы стремятся къ конституціи, обезпечивающей ихъ землевладѣніе, с. р. хотятъ эти земли захватить. Борьба противъ абсолютизма есть въ то же время борьба классовъ, въ которой каждый классъ борется особымъ способомъ и съ другими цѣлями.[1]

Различные классы могутъ при надобности соединяться для *опредѣленныхъ дѣйствій*; но длительный — и вдобавокъ заграничный — *союзъ* между ними, заключенный на цѣлый революціонный періодъ съ его быстро мѣняющимися положеніями, вещь — можно сказать заранѣе — совершенно безсмысленная.

Кромѣ ненависти къ самодержавію, только одно и объединяетъ организаціи, заключившія союзъ въ Парижѣ, это недовѣріе къ *боевой способности русскаго пролетаріата*.

Оно воодушевляло либераловъ. Ихъ парижскій представитель, редакторъ „Освобожденія", Петръ Струве, былъ прежде соціальдемократомъ. Онъ заявляетъ, что и теперь, перейдя къ либераламъ, онъ остался вѣренъ своимъ соціальдемократическимъ взглядамъ, что либераломъ онъ сталъ только для Россіи, и только потому, что русскій пролетаріатъ не можетъ образовать самостоятельной и способной къ борьбѣ политической партіи.

Соціалистамъ-революціонерамъ недовѣріе къ боевой способности русскаго промышленнаго пролетаріата издавна присуще и, сколько бы ни мѣняли они кожу, оно останется у нихъ въ крови. Наконецъ, присоединившаяся къ союзу П. П. С., хотя и стоитъ на почвѣ классовой борьбы, но только для Польши. Свое отстраненіе отъ русской с.-д. эта партія мотивируетъ именно тѣмъ, что созрѣвшій для революціи польскій пролетаріатъ не долженъ соединяться съ незрѣлымъ русскимъ, который своей отсталостью лишь тормозилъ бы его освободительную борьбу. Въ этомъ и заключается одно изъ разногласій между П. П. С. и соціальдемократіей Польши и Литвы, которая борется какъ часть всего россійскаго пролетаріата.

Но вскорѣ послѣ того, какъ три вышеназванныя организаціи, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими менѣе значительными и въ союзѣ съ Vorwärts'омъ, объявили тактику русской соц.-демократіи ошибочной, эта тактика получила блистательное оправданіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за 22 (9) января и доказавшихъ, что русскій пролетаріатъ представляетъ изъ себя перворазрядную революціонную силу, величайшую изъ всѣхъ, имѣющихся въ русскомъ царствѣ. Это не препятствуетъ Vorwärts'у продолжать выхвалять соціалистовъ-революціонеровъ насчетъ соціальдемократовъ, какъ онъ снова дѣлаетъ это въ своей замѣткѣ о Гапонѣ и въ комментаріяхъ къ письму Маркса, такъ какъ выраженное въ нихъ сужденіе Vorwärts'а было бы совершенно безсмысленно, если бы не стремилось внушить намъ, будто Марксъ исчерпывающимъ образомъ доказалъ, что тактика соціалистовъ революціонеровъ является единственной правильной тактикой при русскихъ условіяхъ.

Нѣмецкіе товарищи не замѣчаютъ тѣхъ булавочныхъ уколовъ, которые Vorwärts безпрерывно расточаетъ русскимъ товарищамъ, такъ какъ дѣлаетъ онъ это обыкновенно косвеннымъ образомъ. Но тѣмъ яснѣе видятъ ихъ тѣ, противъ кого они направлены.

Среди русскаго пролетаріата распространено самое высокое мнѣніе, величайшее уваженіе къ нѣмецкой соціальдемократіи, которую онъ считаетъ передовымъ бойцомъ и руководительницей всего международнаго соціализма. Онъ придаетъ большое значеніе каждому ея слову. Тѣмъ съ большей горечью отмѣчаютъ русскіе товарищи то отрицательное положеніе, которое давно уже занялъ по отношенію къ нимъ центральный органъ нашей партіи, выражающій неодобреніе всему тому, что создали они съ такимъ трудомъ своей двадцатилѣтней пропагандой. Нѣмецкіе товарищи не знакомы съ русскими отношеніями, поэтому въ своемъ громадномъ большинствѣ они даже не подозрѣваютъ объ этомъ неодобреніи и его послѣдствіяхъ. Необходимо, наконецъ, обратить на это ихъ вниманіе.

Мы не требуемъ, конечно, чтобы „Vorwärts" занялъ положеніе противоположное теперешнему и началъ враждебно выступать противъ соц.-рев. Не смотря на всю сомнительность ихъ теорій, мы должны относиться съ горячей симпатіей къ этимъ борцамъ, представляющимъ значительный слой русскаго пролетаріата и принимающимъ геройское участіе въ совершающейся предъ нашими глазами и создающей новую Россію, борьбѣ противъ абсолютизма. Эта историческая задача такъ громадна, а поле борьбы такъ обширно, что на немъ всякая сила дорога и для всякой найдется достаточно мѣста. Гдѣ мы можемъ помочь с.-р. въ борьбѣ противъ абсолютизма, мы должны это сдѣлать. Но мы не имѣемъ ни малѣйшей причины становиться на ихъ сторону въ ихъ конфликтахъ съ соц. дем. организаціями. Эти послѣднія не сдѣлали ничего, что могло бы оправдать такую партійность.

Соціалистическому объединенію такія выходки тоже ничуть не содѣйствуютъ, сколько бы разъ „Vorwärts" ни повторялъ слово „единство".

Къ счастью, именно въ настоящее время надъ объединеніемъ русскихъ соціалистовъ, поскольку оно возможно, работаютъ силы неизмѣримо болѣе могучія, чѣмъ мудрыя наставленія заграничныхъ товарищей. Это силы самой революціи, превращающія все болѣе и болѣе работу русскихъ соціалистовъ въ открытыя *дѣйствія массъ*, при которыхъ разногласія между отдѣльными группами все болѣе стираются и вырабатывается единая тактика, а слѣдовательно и возможность объединенной организаціи.

Чѣмъ незамѣтнѣе развивается движеніе, тѣмъ сильнѣе стремленіе помочь ему новыми тактическими пріемами, тѣмъ больше разногласій относительно этихъ пріемовъ. Чѣмъ меньше размѣры движенія и чѣмъ больше вынуждено оно скрываться, тѣмъ шире развиваются въ немъ несогласія между отдѣльными личностями и тѣмъ сильнѣе могутъ они вліять на дѣятельность самой партіи и приводить ее къ разногласіямъ и расколамъ. Узость партіи, медленность ея роста и раздоры въ ея рядахъ идутъ обыкновенно рука объ руку. Но послѣднее явленіе бываетъ обыкновенно не причиной, а слѣдствіемъ первыхъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что партія потому то и раскалывается, что она мала и слаба, чѣмъ видѣть въ расколѣ причину ея слабости. Но когда партійное движеніе превращается въ открытое движеніе массъ и празднуетъ одну побѣду за другой, разногласія сами собою теряютъ силу и значеніе, и партія въ ходѣ борьбы становится все сплоченнѣе и объединеннѣе поскольку она — какъ с.-д. — опирается на одинаковые классовые интересы. Съ партіей, охватывающей различные и часто антагонистичные классы, — какъ большинство буржуазныхъ

---

[1] Когда эти строки уже набирались, мнѣ сообщили изъ Петербурга, что тамъ либеральныя газеты пользуются той тѣнью свободы, которую имѣютъ, для полемики противъ с. д.

1. Замѣна поштучной платы — помѣсячной, а для рабочихъ, къ которымъ это непримѣнимо, повышеніе поштучной платы на 2 рубля. 2. 10-ти часовой рабочій день (отъ 8 до 8 часовъ съ ½ часомъ на завтракъ и 1½ часа на обѣдъ). 3. Двухнедѣльный расчетъ. 4. Уничтоженіе сверхурочныхъ работъ. 5. Улучшеніе санитарныхъ и гигіеническихъ условій труда. 6. Не разсчитывать никого изъ участниковъ стачки. 7. Прекращ. работъ въ канунъ праздниковъ на 2 часа раньше обычнаго. 8. Вѣжливое обращеніе. 9. Увольненіе рабочаго допускается только съ согласія всей мастерской. 10. Увольняемый рабочій долженъ быть предупрежденъ за двѣ недѣли, въ противномъ случаѣ онъ имѣетъ право на получение мѣсячнаго заработка, и другія болѣе незначительныя условія.

Къ этимъ часто экономическимъ требованіямъ забастовавшіе присоединили еще слѣдующее: „Всецѣло присоединяясь къ нашимъ петербургскимъ, варшавскимъ, кавказскимъ, рижскимъ и финляндскимъ товарищамъ рабочимъ, мы требуемъ свободы стачекъ, собраній союзовъ, слова, печати, вѣры и совѣсти, мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ“. Въ стачкѣ приняли участіе всѣ почти дамскіе портные — рабочіе, около 500 человѣкъ. Особенностью ея было участіе въ ней и такъ называемыхъ посредниковъ (сдающихъ отъ себя работу), присоединившихся отчасти по принужденію, отчасти добровольно. Появленіе среди стачечниковъ лицъ съ непролетарскими интересами поставило комитетъ предъ вопросомъ, брать ли на себя руководство стачкой. Вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно: громадное большинство стачечниковъ были рабочіе, требованія выставлялись исключительно въ интересахъ рабочихъ и не приходилось, поэтому, терять возможности вліять въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ на значительное количество кіевскихъ рабочихъ, такъ какъ къ стачкѣ дамскихъ портныхъ съ интересомъ присматривались и мужскіе портные, да и рабочіе другихъ профессій. Вначалѣ требованія стачечниковъ были встрѣчены отказомъ, однако, по прошествіи 3-хъ — 4-хъ дней болѣе мелкія мастерскія пошли на уступки. Но рабочіе, подъ вліяніемъ комитета, устроившаго нѣсколько массовыхъ собраній, стояли на своемъ. По указанію хозяевъ, былъ арестованъ одинъ рабочій; но это дѣло хозяевамъ не помогло: къ перечисленнымъ пунктамъ требованій присоединился новый—освобожденіе товарища, что было исполнено черезъ короткое время. Руководительство стачкой было поручено выборнымъ—около 25-ти человѣкъ. 21 го марта всѣ мастерскія, кромѣ Ходоровскаго Людмера и Мандля, согласились удовлетворить требованія. Стачечники рѣшили приступить къ работамъ, поддерживая товарищей изъ упомянутыхъ мастерскихъ. На слѣдующій день упорствовалъ лишь Людмеръ. Рабочіе рѣшили: если Людмеръ черезъ два дня не удовлетворитъ всѣхъ требованій, настоять на томъ, чтобы его рабочіе приняты были въ другія мастерскія, и подвергнуть, такимъ образомъ, Людмера нѣкоторому бойкоту. Но 23-го марта вечеромъ сдался и онъ. Такъ протекла стачка, кончившаяся полной побѣдой рабочихъ. Арестованные было полиціей „за безпорядки, произведенные во время забастовки“, 19 человѣкъ рабочихъ Людмера — были, по настоянію хозяина, освобождены черезъ нѣсколько часовъ. По окончаніи стачки комитетъ убѣдился въ полной разумности принятаго имъ рѣшенія не отказываться отъ руководства движеніемъ. Въ настоящее время онъ съ увѣренностью можетъ говорить о пріобрѣтенномъ имъ вліяніи не только на дамскихъ портныхъ. Внесеніе стачечниками пункта съ общеполитическими требованіями, принятаго ими вполнѣ сознательно, показываетъ, что уже и теперь центръ тяжести отъ борьбы экономической перенесенъ на борьбу социальдемократическую. Первый шагъ сдѣланъ и онъ, конечно, не будетъ послѣднимъ!

На стачку собрано: Отъ кіевскаго комитета 50 рублей; отъ общества черезъ комитетъ 100 рублей; отъ г-жи Р. 5 рублей; отъ г-жи NN 3 рубля; — X 7 рублей 90 коп ; — У 3 руб. 15 коп.; между студентами 1 руб. 66 коп. Всего 170 руб 71 коп Остатокъ — 9 рублей 71 коп. поступилъ въ рабочую кассу.

Екатеринбургъ 29 марта. На *Алапаевскомъ* заводѣ (3½ тысячъ рабочихъ, 14000 населенія) уже около двухъ недѣль длится забастовка. Выставлено 19 требованій—все экономическія. Вызваны войска. Рабочіе держатся спокойно. На *Надеждинскомъ* рудникѣ (1500 раб., 18 тыс. населенія) готовятся къ стачкѣ. На *Тагильскомъ* рудникѣ (7—8 тыс. рабоч., 45 тыс. населенія) сильное броженіе. На *Кыштымскомъ* были аграрные безпорядки—пока довольно спокойно. По всему Уралу, не смотря на сокращеніе производства, разсчитывать рабочихъ не рѣшаются. Изъ Петербурга сыплются циркуляры, чтобы заводчики употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы не раздражать рабочаго населенія. На нѣкоторыхъ заводахъ рабочіе ходятъ и бьютъ окна, не зная, куда направить накопившуюся годами злобу на невозможную эксплуатацію.

Иркутскъ. Работа кипитъ во всю. Собранія — рабочія и интеллигентскія, рефераты, листки — то и дѣло; были собранія по 100—150 человѣкъ.

Недѣли двѣ назадъ происходила стачка всѣхъ типографщиковъ, добились самыхъ незначительныхъ уступокъ. Только что окончилась стачка приказчиковъ; длилась 5 дней; всѣ магазины были закрыты. Приказчики, въ количествѣ 600—800 ч., собирались въ своемъ клубѣ. Были тутъ соціальдемократы. Сначала въ массѣ преобладало настроеніе противъ политическихъ рѣчей и ораторовъ обрывали, но подъ конецъ отношеніе измѣнилось въ пользу соціальдемократовъ.

Идея всеобщей стачки всюду прививается. Есть основанія ожидать успѣха ея.

Уфа. После жестоко подавленной полиціей стачки на паровой мельницѣ Т-ва (100 рабочихъ), стачки сопровождавшейся политической рѣчью, провозглашеніемъ „долой самодержавіе“ со стороны сознательныхъ рабочихъ и разброской прокламацій о политической свободѣ (все это было очень сочувственно встрѣчено рабочими), послѣ арестовъ, расчетовъ и т. п. „мѣръ“, при усиленномъ сыскѣ, рабочимъ приходилось держаться осторожнѣе и нужно было пройти нѣкоторому времени, чтобы улеглось впечатлѣніе отъ этого нашествія. Части рабочихъ фабрики Гутмана, пожелавшей тоже устроить забастовку, пришлось сразу же испытать удовольствіе полицейскаго усмиренія. Теперь снова кое гдѣ начинаются протесты и требованія. Такъ, на конфектно-мыловаренной фабрикѣ Бернштейна (100 челов.) недавно одинъ изъ рабочихъ отъ лица всѣхъ предъявилъ хозяину требованія: сбавить часъ и повысить плату, говоря: „другимъ всѣмъ сбавляютъ, надо же и намъ что нибудь получить“. Хозяинъ сначала испугался, потомъ, оправившись, сталъ добиваться, чтобы и остальные подтвердили эти требованія сами, но въ поддержку смѣльчака раздался только одинъ голосъ: „чего тамъ всѣхъ спрашивать, съ однимъ удобнѣе говорить“. Остальные молчали. Такъ забиты, напуганы здѣсь рабочіе. Хозяинъ разсчиталъ рабочаго, предъявившаго требованія, но полчаса все таки сбавилъ и плату повысилъ на 10%. Въ одной небольшой портняжной мастерской мастера тоже предъявили требованія объ увеличеніи платы, угрожая „недѣльнымъ запоемъ“. Такъ иносказательно они намекнули на стачку. Хозяинъ набавилъ по 50 коп. на сюртукъ. На желѣзной дорогѣ идетъ глухое броженіе: подаютъ разныя петиціи, просьбы и т. п., начиная съ машинистовъ на паровозѣ и кончая рабочими въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ. Рабочіе очень обижены тѣмъ, что ихъ желаніе имѣть депутатовъ для установленія расцѣнокъ въ грошъ не ставится начальствомъ; особенно это возмущаетъ старыхъ пожилыхъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что, когда предвидѣлась забастовка въ мастерскихъ, начальство поспѣшило пообѣщать рабочимъ кучу разныхъ милостей, а теперь идетъ на попятный. Еще сильно занимаетъ рабочихъ вопросъ о такъ называемыхъ мобилизаціонныхъ деньгахъ (увеличеніе платы на время войны). Этихъ денегъ рабочимъ до сихъ поръ не выдали, хотя скоро уже годъ, какъ дороги на военномъ положеніи. По рукамъ рабочихъ ходитъ какое то „письмо“ кѣмъ то подброшенное, гдѣ говорится, что мобилизаціонныя деньги (два милліона рублей) въ управленіи дороги получены, но рабочіе ихъ не увидятъ, потому что онѣ всѣ расхищены. Это письмо жадно читаютъ и переписываютъ. Хотя, получивъ царскую благодарность, рабочіе собираются ждать конца войны и тогда уже получить разныя „милости“, но раздраженіе все таки накопляется. Не проходятъ даромъ и современныя крупныя политическія событія. Хотя въ головахъ сѣрой массы и господствуетъ полная каша, но все же западаютъ въ эти головы и новыя мысли. Недавно, когда начальникъ мастерскихъ обратился съ рѣчью къ рабочимъ, вызвавъ къ себѣ часть ихъ, одинъ изъ стариковъ, желая польстить начальству, сталъ распространяться объ „Его Величествѣ“ и „милостяхъ“; но, къ удивленію начальника и, вѣроятно, и своему собственному, закончилъ рѣчь такъ: „позвольте намъ, господинъ начальникъ, собрать денегъ на семьи убитыхъ петербургскихъ рабочихъ; вѣдь въ концѣ-то концовъ, благодаря имъ, и дали намъ девяти часовый день“. Деньги собирать имъ было разрѣшено и собрано 100 рублей [illegible], а отнюдь не крамольникамъ-стачечникамъ — такъ толкуютъ старики. Теперь вопросъ у нихъ идетъ о томъ, черезъ какую газету послать деньги.

15 марта по городу было распространено болѣе 3000 экзем. различныхъ прокламацій Р. С. Д. Р. П. Впечатлѣніе сильное и много разговоровъ. На одной улицѣ, въ районѣ казармъ, обыватели натыкались на цѣпь солдатъ, которые не пускали никого въ оцѣпленную улицу, говоря, что тамъ „листки собираютъ“; это было уже на другой день. Были распространены листки: „Къ уральскимъ рабочимъ“, Екатеринб. гр. уральск. ком. (850), „Канунъ революціи“ и „9-го января“ ком. вост. района (500 экз.), „Канунъ революціи“ на татарскомъ языкѣ (перев. гектогр. уфим. групп. уральск. ком., 125), „Слово и дѣло русск. самодержавія“ (1500), „Какая политическая свобода нужна русскому народу“ (150) изд. Ц. К., „Русскіе рабочіе и всѣ русскіе граждане“ (220) Ц. К., „Купля-Продажа (200) изд. Ц. К., „Хроника восточныхъ комитетовъ“ № 1 (100) и № 2 (120), „Цивилизованному міру“ (200).

Въ заключеніе остается еще сообщить краткія свѣдѣнія о разбиравшемся въ Уфѣ 16 марта политическомъ дѣлѣ „о принадлежности къ соціальдемократической партіи и убійствѣ агента охраннаго отдѣленія Москательникова. Организаторомъ убійства былъ *агентъ петер. тайной полиціи* Грибоѣдовъ (онъ же Павловъ), подбившій на убійство своего коллеги нѣсколькихъ молодыхъ рабочихъ.

Приговоры: Фроловъ (учен. Земск. уч.) 5½ лѣтъ каторги, Извѣковъ, раб., 17 лѣтъ, на 8 лѣтъ каторги, Мочаловъ, рабоч., 17 лѣтъ — 8 лѣтъ каторги, Павловъ (онъ же Грабоѣдовъ) — 12 лѣтъ каторги, Спиридоновъ, телеграфистъ (взятъ съ нелегальной литературой) — 1 годъ крѣпости, Лебедевъ, (конторщикъ) — тоже. 5 человѣкъ оправданы.

партій, — произойдетъ обратное. Великія революціонныя битвы скорѣе расколютъ, чѣмъ объединятъ ее, какъ это показываетъ развитіе партій во время великой французской революціи.

„Блокъ“ различныхъ классовъ всего труднѣе сохранить въ цѣлости именно во время революція.

Мертворожденнымъ былъ и либерально-соціалистическій блокъ, именно потому, что въ двери уже стучалась революція.

Образованіе же соціал.-демократ. блока революція наоборотъ подвинула впередъ. Какъ изъ Польши, такъ и изъ различныхъ мѣстъ Россіи сообщаютъ, что послѣднія выступленія с.-д. совершались совмѣстно различными организаціями, раньше враждовавшими между собою.

Это еще ничего не говоритъ о томъ, какъ сложатся отношенія между партіями с.-д. и с.-р. Революціи крѣпко спаиваютъ классовыя партіи и раздробляютъ состоящія изъ различныхъ классовъ. С.-р. не представляютъ собою чисто пролетарской партіи; они хотятъ представлять интересы всего „трудящагося народа“, подъ которымъ понимаютъ крестьянъ и мелкую буржуазію, также какъ и пролетаріевъ. Въ этой партіи революція произведетъ глубокія измѣненія; отъ направленія этихъ измѣненій будетъ зависѣть, приблизится ли она къ с.-д. настолько, чтобы и теперь уже встрѣчающееся въ отдѣльныхъ случаяхъ сотрудничество привело въ концѣ концовъ къ слiянію, или наоборотъ, антагонизмъ между этими партіями только сильнѣе обострится.

Все, что можемъ мы сдѣлать изъ заграницы будетъ каплей въ морѣ по сравненію съ тѣми вырвавшимися на просторъ колоссальными силами, отъ которыхъ теперь въ Россіи зависитъ все, въ томъ числѣ и отношенія между отдѣльными партійными организаціями.

Но эти силы дѣйствуютъ съ такой всесокрушающей энергіей въ интересахъ пролетаріата, что мы не имѣемъ ни малѣйшей причины пессимистически смотрѣть на русскія дѣла и толковать о „хаосѣ“ въ русской с. д. Отношенія русскихъ товарищей совершенно ясны тому, кто слѣдитъ за ними съ самаго начала, а революція сама позаботится о томъ, чтобы ихъ еще болѣе выяснить. Хаосъ въ Россіи господствуетъ не въ рядахъ соціалистовъ, а среди господствующихъ классовъ. Тамъ растетъ теперь анархія и борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Къ этому хаосу присоединятся еще хаосъ среди народныхъ пластовъ, только что поднимающихся къ политической жизни, къ особенности среди крестьянъ. И тотъ хаосъ будетъ все расти, но по мѣрѣ его роста будетъ возрастать также сила и вліяніе объединеннаго ученіемъ о классовой борьбѣ промышленнаго пролетріата. И русскій пролетаріатъ будетъ все болѣе и болѣе накладывать свою печать на ту новую Россію, которая возстанетъ изъ хаоса.

К. Каутскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Лиможъ. — 20 съѣздъ Бельгійской Рабочей Партіи.

Въ одной изъ телеграммъ, посланныхъ лиможскимъ префектомъ министру внутреннихъ дѣлъ и прочитанныхъ послѣднимъ въ палатѣ, говорится: „3 апрѣля, заводчики устроили собраніе и, полагая, что въ частичныхъ стачкахъ, слѣдовавшихъ безпрерывно одна за другой въ теченіе цѣлаго года, кроется серіозная опасность для ихъ производства, рѣшили противопоставить солидарности рабочихъ свою предпринимательскую солидарность и закрыть свои заводы 10-го числа, если конфликтъ къ тому времени не будетъ регулированъ.“

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ передъ нами почти всѣ элементы лиможской трагедіи. Тутъ на лицо и рабочіе, положеніе которыхъ, очевидно, до того невыносимо, что они принуждены въ цѣломъ рядѣ стачекъ завоевывать себѣ болѣе сносное существованіе. Тутъ и предприниматели, не знающіе удержу въ своей погонѣ за прибылью своимъ узкимъ классовымъ эгоизмомъ доводящіе рабочихъ до отчаянія. Тутъ, наконецъ, и самъ г. префектъ, который съ что эпическимъ спокойствіемъ сообщаетъ о состоявшемся постановленіи о закрытіи заводовъ и, слѣдовательно, о лишеніи куска хлѣба многихъ тысячъ рабочихъ, но который, навѣрное, потеряетъ добрую долю этого спокойствія, какъ только солидарность рабочихъ приметъ форму болѣе активнаго протеста противъ предпринимательскаго произвола. Недостаетъ только доблестной арміи съ ея пропитанными насквозь буржуазнымъ чванствомъ совершенно озвѣрѣвшими офицерами и вымуштрованными казарменной дисциплиной и потерявшими человѣческій обликъ солдатами.

На одномъ изъ лиможскихъ фарфоровыхъ заводовъ завѣдующимъ одного отдѣла былъ нѣкто г. Пено, человѣкъ чрезвычайно грубый и наглый. Особенно страдали отъ него работницы, къ которымъ онъ постоянно приставалъ съ самыми нахальными предложеніями и въ случаѣ отказа, переводилъ на болѣе трудную и менѣе выгодную работу. Рабочіе были сильно ожесточены противъ этого господина и, когда чаша ихъ терпѣнія переполнилась, они потребовали удаленія этого соврасa. Но за него вступился весь цвѣтъ лиможскаго предпринимательскаго міра и, вмѣсто одного мастера, на улицу были выброшены 12 тысячъ рабочихъ фарфоровыхъ заводовъ. А чтобы эта провокація не осталась безъ послѣдствій, чтобы имѣть возможность отвѣтить на частичныя стачки рабочихъ частичнымъ кровопролитіемъ, мѣстный префектъ явился на помощь фабрикантамъ: онъ лишилъ мэра (соціалиста) принадлежащей ему полицейской власти, онъ произвелъ нѣсколько произвольныхъ арестовъ, онъ запретилъ собранія на площадяхъ и демонстраціи, и этимъ, конечно, еще усилилъ негодованіе рабочихъ. Не смотря на всѣ просьбы мэра и городскихъ совѣтниковъ отмѣнить свои постановленія и освободить арестованныхъ, префектъ упорствовалъ. А когда толпа, возмущенная этой вопіющей несправедливостью, отправилась къ тюрьмѣ выручать арестованныхъ, на нее была направлена кавалерія и инфантерія, которая и занялась усердно защитой „священнаго права“ собственности, которому было принесено въ жертву нѣсколько человѣческихъ жизней. Рабочіе мужественно защищались, въ разныхъ концахъ города было устроено до 30 баррикадъ, въ городскомъ саду, расположенномъ террасами, часть рабочихъ продержалась цѣлую ночь, но, наконецъ, принуждена была отступить передъ натискомъ солдатъ. „Непріятель“ былъ побѣжденъ и принужденъ былъ очистить поле битвы, оставивъ нѣсколько человѣкъ убитыхъ и довольно много раненыхъ.

Черезъ нѣсколько дней между заводчиками и рабочими заключенъ былъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: заводчики согласились убрать изъ города г. Пено, но рабочіе должны были заявить, что эта уступка не послужитъ прецедентомъ къ дальнѣйшему вмѣшательству рабочихъ во внутреннія распорядки промышленныхъ заведеній. Право собственности не должно терпѣть никакихъ ограниченій, даже если оно грозитъ опасностью здоровью, благосостоянію и чести многотысячнаго населенія — таковъ принципъ, который не въ первый разъ провозглашаютъ капиталистическіе предприниматели и на защиту котораго съ одинаковымъ усердіемъ готовы встать и буржуазныя правительства и подчиненная имъ армія. Въ этомъ отношеніи французская буржуазная республика церемонилась еще менѣе, чѣмъ какая либо другая изъ европейскихъ конституціонныхъ державъ, и полицейская практика мало измѣнялась отъ того засѣдалъ ли въ министерствѣ соціалистъ — Мильеранъ или же судьбами страны распоряжались такіе реакціонеры, какъ Констанъ или Рувье.

• • •

Въ пасхальные дни въ Брюсселѣ засѣдалъ 20-ый конгрессъ бельгійской рабочей партіи. Ни одного новаго въ жизни партіи вопроса въ порядкѣ дня не значилось. Всеобщіе выборы, пропаганда въ деревнѣ, отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ — все это вопросы, фигурировавшіе на всѣхъ рѣшительно конгрессахъ послѣднихъ годовъ. Ничего новаго также ни въ дебатахъ, ни въ принятыхъ резолюціяхъ. Одно только обстоятельство побудило насъ заговорить здѣсь объ этомъ конгрессѣ. Конгрессы бельгійской партіи издавна отличались своей „практичностью“: о принципахъ тамъ, правда, говорятъ, но связывать себя ими не любятъ. Обыкновенно, въ случаѣ желанія части партіи выдвинуть общепринципіальное рѣшеніе, оппортюнистически настроенные элементы выставляютъ противъ этого свой принципъ — автономію федерацій. Такая автономія была предоставлена отдѣльнымъ федераціямъ въ вопросѣ о союзахъ при выборахъ. Въ результатѣ такой автономіи получилось слѣдующее: маленькія, слабыя федераціи заключаютъ союзы съ либеральной партіей, тогда какъ болѣе сильныя выступаютъ въ этихъ случаяхъ самостоятельно. Но тѣмъ же элементамъ, которые всегда отстаивали такую автономію, теперь не терпится: все ихъ вниманіе сейчасъ направлено на низверженіе клерикальнаго министерства, а этому, по ихъ мнѣнію, мѣшаетъ независимое поведеніе нѣкоторыхъ федерацій. Они желали бы, поэтому, чтобы партія приняла общее рѣшеніе, конечно, въ желательномъ имъ смыслѣ. Бывшіе ярые „автономисты“ готовы сдать въ архивъ старое понятіе автономіи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ТВЕРСКОМУ КОМИТЕТУ.

Товарищи!

Вы предлагаете мнѣ мандатъ къ ближайшему съѣзду Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Этотъ съѣздъ партіи въ періодъ революціи можетъ получить историческое значеніе.

Переходъ Россіи отъ абсолютизма къ парламентаризму совершается при условіяхъ, которыя въ сравненіи съ тѣмъ же историческимъ моментомъ, пережитымъ народами Западной Европы, ослабляютъ политическую энергію класса капиталистовъ и повышаютъ политическую силу пролетаріата. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ переворотъ совершается при другомъ міровомъ положеніи. Капиталистическая собственность давно уже стоитъ на пути развитія самого капиталистическаго производства. Производительныя силы остаются неиспользованными, циркуляція мірового капитала задерживается, прибавочная стоимость залеживается въ своей денежной формѣ въ банкахъ, а концентрированный капиталъ, игнорируя разростающіяся общественныя потребности, ищетъ авантюристическихъ формъ приложенія общественнаго труда, создаетъ колоніи, арміи, флоты, чтобы сбыть перепроизводство и перенакопленіе. Государственная власть въ рукахъ капиталистовъ изъ революціоннаго фактора стала факторомъ реакціоннымъ. Она разрушаетъ міровыя связи индустріи въ интересахъ „національнаго“ капитала, т. е. капиталистовъ отдѣльныхъ странъ, задерживаетъ развитіе агрикультуры, стремясь насильственно сохранить „національный“ уровень поземельной ренты. Политическія задачи буржуазіи раздробились, измельчали, она потеряла вѣру въ самую себя, заодно съ этимъ она истрепала политическую энергію своихъ парламентовъ, дискредитировала ихъ передъ націей и сдѣлала ихъ безпомощнымъ орудіемъ въ рукахъ правительствъ. Буржуазія потеряла свои культурные идеалы. Ея литература вянетъ, такъ какъ не находитъ больше въ своей средѣ соціальныхъ стимуловъ поэтическаго творчества. Потерявъ идейную связь съ обществомъ, поэзія тщетно старается созданную обществомъ литературу возсоздать изъ самой себя — напрягая фантазію, она создаетъ только призрачный міръ тѣней и блѣдныхъ образовъ, безжизненный, безцвѣтный и безплодный. Буржуазная интеллигенція гибнетъ, предаваясь утробному матеріализму или называя въ гиперсенсуализмѣ. Межъ тѣмъ, пролетаріатъ, разросшись численно до подавляющаго большинства населенія, съ неистощимой, несокрушимой энергіей формируетъ свои организаціи и тяжелыми массами подступаетъ къ самому центру политической власти, занимая по пути всѣ открывающіеся передъ нимъ политическіе посты. Рабочій классъ въ Западной Европѣ создалъ политическую партію, по своему объему и по своей внутренней связи далеко превосходящую буржуазный образецъ парламентарныхъ партій даже въ періодъ политическаго расцвѣта буржуазіи. Онъ поставилъ рядомъ съ политической организаціей экономическую организацію, которая по объединеннымъ ею массамъ, по разнообразію своихъ функцій и по строгой систематичности многосложныхъ частей не находитъ себѣ подобія внѣ государственной системы и организаціи современныхъ военныхъ армій. Онъ проникъ во всѣ политическія корпораціи отъ парламента до городскихъ и сельскихъ общинъ и вездѣ ведетъ свою собственную политику, враждебную политикѣ господствующихъ классовъ. Онъ смялъ и обезсилилъ и почти что свелъ на нѣтъ либеральныя и демократическія партіи буржуазіи и занялъ широкое мѣсто въ парламентахъ, тормозя своей принципіальной оппозиціей ходъ государственной машины. Отношенія между соціальдемократіей и правительственной властью обострились до крайности. Дальнѣйшій ростъ соціальдемократіи долженъ вполнѣ парализовать дѣятельность буржуазныхъ партій и политику капиталистическихъ правительствъ, разъ соціальдемократія останется вѣрна своей принципіальной оппозиціи. Либо соціальдемократія поступится своими политическими задачами, т. е. перестанетъ быть соціалистической партіей, растворится въ парламентарной оппозиціи, дискредитировавъ себя передъ народомъ и усиливъ чрезвычайно власть правительствъ; либо она будетъ ниспровергнута силой, либо она побѣдитъ. Ретроградное развитіе, переходъ отъ парламентаризма обратно къ просвѣщенному абсолютизму подъ парламентарной оболочкой, или же — революція и соціализмъ. Въ Россіи абсолютизмъ, стоя на пути экономическаго и культурнаго развитія страны, обезсиливаетъ государство, — въ Западной Европѣ капитализмъ мѣшаетъ развитію производства, ведетъ къ политической реакціи, къ экономическому застою, къ культурной стагнаціи и въ результатѣ къ паденію государственной силы. Россія стоитъ передъ демократической, Западная Европа передъ соціальной революціей.

Пролетаріатъ Россіи, борясь за демократическую революцію, выдвинутъ исторіей на аванпосты соціальной революціи.

Передъ съѣздомъ партіи великія политическія задачи. Онъ долженъ поставить партію во главѣ революціи и раскрыть передъ ней міровую связь ея борьбы. Онъ долженъ снова опредѣлить тактику партіи, примѣняясь къ созданному революціонными событіями новому политическому положенію. Нѣтъ области партійной жизни, которая не была бы затронута этими измѣнившимися условіями. Еще болѣе того революція выдвинула новые политическіе вопросы. Вниманіе партіи до сихъ поръ концентрировалось, главнымъ образомъ, на способахъ борьбы съ самодержавіемъ. Открытое возстаніе массъ, паденіе авторитета правительства и политическая анархія, созданная войной, открыли здѣсь новыя возможности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выступилъ на очередь вопросъ политическаго положенія *послѣ паденія самодержавія*. Тактическіе вопросы, связанные съ этимъ, требуютъ заблаговременнаго разрѣшенія. Приходится считаться съ такими возможностями, какъ образованіе *временнаго революціоннаго правительства*. Наше отношеніе къ нему: чего намъ отъ него требовать? какія оно должно будетъ принять административныя мѣры? представительство въ немъ рабочихъ и соціальдемократіи? Революція всю многосложную путаницу экономической, политической и культурной жизни страны превращаетъ въ политическіе вопросы, требующіе немедленнаго разрѣшенія. Сообразно съ этимъ, партіи приходится свою политическую программу перечеканить въ конкретныя законодательныя требованія. Революція вливаетъ общественное содержаніе въ пустые мѣха русскаго либерализма, который еще недавно съ нищенской сумой шелъ побираться у революціонныхъ соціалистическихъ партій, а соціальдемократіи уже приходится считаться съ нимъ и какъ съ классовымъ противникомъ и какъ съ политическимъ конкуррентомъ. Агитація среди массъ уже сейчасъ принимаетъ новыя формы, революція требуетъ организаціи — и, наконецъ, на очереди стоитъ вопросъ организаціонной связи самой партіи.

Съѣздъ необходимъ. Это въ настоящій моментъ вопросъ существованія партіи. Либо соціальдемократія въ Россіи въ состояніи развить единообразную, централизованную политическую дѣятельность, а это можетъ показать только съѣздъ, либо же — партіи нѣтъ, а есть только литературныя группы, отдѣльные агитаторы и разрозненныя организаціи. Кто сейчасъ противъ съѣзда, тотъ, по существу говоря, считаетъ расколъ уже совершившимся, для него партія уже не существуетъ, а есть только ея идейная схема, которой онъ готовится дать со временемъ политическое содержаніе. Такъ ли оно, товарищи? дѣйствительно ли партія отошла въ царство тѣней? Не берусь судить. Но вы согласитесь со мной, что при такихъ условіяхъ я, прежде чѣмъ принять участіе въ работахъ съѣзда, долженъ убѣдиться, дѣйствительно ли это общій съѣздъ партіи или же только съѣздъ представителей той или другой оппозиціонной части

Еслибы даже это былъ съѣздъ дѣйствительнаго большинства партіи, то я все же долженъ былъ бы отказаться отъ мандата, разъ внѣ его и въ оппозиціи къ нему остались бы значительныя дѣйствующія организаціи или литературныя группы.

Непростительная ошибка второго съѣзда была, что онъ хотѣлъ нивелировать партію, вмѣсто того чтобы объединить ее Опираясь на случайное большинство нѣсколькихъ голосовъ, имѣя противъ себя выдающіяся организаціи и почти весь составъ редакціи центральнаго органа, онъ хотѣлъ командовать партіей. Это противорѣчитъ всѣмъ законамъ развитія политическихъ партій, всей исторіи соціальдемократіи, всей практикѣ рабочихъ организацій.

Но какъ же быть? Вѣдь рѣшенія принимаются большинствомъ голосовъ, а рѣшенія должны исполняться? Именно потому не надо принимать рѣшеній, которыя въ состояніи создать серьезную оппозицію въ партіи. Въ особенности при первыхъ шагахъ организаціи партіи. Когда партія разростается, когда политическая борьба, агитація и организація среди рабочихъ массъ свяжутъ ее тысячами нитей солидарной повседневной работы, когда въ партію войдутъ значительныя массы пролетаріата, которыя, связанныя своими классовыми интересами, образуютъ въ ней тяжелый организаціонный регулятивъ, тогда скорѣе можно будетъ рискнуть принять рѣшенія, имѣющія противъ себя значительное меньшинство съѣзда. Но даже наиболѣе сильная, сплоченная и дисциплинированная нѣмецкая соціальдемократія всегда еще на своихъ конгрессахъ ищетъ средней линіи.

Нужна тактика и нуженъ *тактъ*.

Соціальдемократія имѣетъ принципіальную основу своей организаціи. Это — классовая борьба пролетаріата и непримиримая революціонная оппозиція классовому государству и правительству. Разъ организація переходитъ за предѣлы этой базы, она попадаетъ на другую политическую плоскость и создаетъ политическую двойственность и шаткость, вмѣсто того, чтобы объединить и концентрировать дѣятельность партіи. Но въ рамкахъ революціонной соціальдемократіи главное организаціонное начало — организаціонная аксіома — сохранить *во что бы то ни стало* связь партіи. Такъ неужели компромиссъ? Да, компромиссъ, если иначе нельзя, въ предѣлахъ тактики. Это значитъ: какъ бы мы ни расходились во взглядахъ на способы борьбы, мы въ борьбѣ противъ господствующихъ классовъ остаемся солидарными. Обыкновенно въ тактическихъ спорахъ рѣчь идетъ о болѣе или менѣе пригодныхъ средствахъ, но если бы даже тактика оказалась безусловно вредной, то партія, сохранивъ свою связь, ее скорѣе и съ меньшими потерями переживетъ, чѣмъ если она расколется и, такимъ образомъ, не только сознательно раздробитъ свою политическую энергію, но еще истратитъ массу силъ на междуусобную борьбу. Въ конечномъ результатѣ, тактика всегда опредѣляется жизнью, а не разсужденіями.

Объединеніе нѣмецкой соціальдемократіи произошло не потому, что та или другая сторона побѣдила, и не потому, что была найдена формула, которая объединила спорные пункты — ничего подобнаго. Наши нѣмецкіе товарищи просто бросили въ одну кучу всѣ тактическіе и организаціонные спорные вопросы и остановились на томъ, что революціонному пролетаріату необходимо составить одну единую партію. Объединеніе произошло не благодаря соглашенію, а соглашеніе произошло во имя объединенія. Каждый изъ спорящихъ остался при своемъ, а жизнь, совмѣстная политическая дѣятельность съ теченіемъ времени разрѣшила споръ. И нѣмецкая соціальдемократія при эклектичной, заранѣе Марксомъ раскритикованной въ пухъ и прахъ, программѣ и при организаціи, созданной компромиссомъ, прошла наиболѣе революціонный періодъ своего развитія.

Отсюда отнюдь не вытекаетъ, что необходимо въ партійныхъ спорахъ держаться средней линіи. Наоборотъ, вѣроятность компромисса дѣлаетъ тѣмъ болѣе необходимымъ защищать свою точку зрѣнія до послѣднихъ крайностей. Не нужно только интересы той или другой тактической или организаціонной идеи ставить выше общихъ интересовъ партіи. А это именно случилось на второмъ съѣздѣ.

Бундъ ушелъ со съѣзда забывая при этомъ не только то, что онъ не просто организація еврейскихъ рабочихъ, а *соціалистическая* организація, и, слѣдовательно, долженъ имѣть въ виду также интересы русскихъ рабочихъ, общія задачи соціализма и міровую связь соціальдемократіи, забывая, главное, что сами особые интересы еврейскаго пролетаріата въ Россіи могутъ быть защищены только въ связи съ общей классовой борьбой пролетаріата въ Россіи, которая прежде всего требуетъ общей партійной организаціи. Съѣздъ разрывая съ Бундомъ, забывая, что, создавая расколъ, онъ только работаетъ на пользу націоналистическимъ тенденціямъ.

Еще большій тактъ необходимъ при выборѣ состава центральныхъ учрежденій. У соціальдемократіи нѣтъ ни полиціи, ни тюремъ, чтобы заставить повиноваться ей. Единственная ея сила — ея авторитетъ. Чтобы пользоваться авторитетомъ, центральныя учрежденія въ совокупности своего состава должны пользоваться довѣріемъ всѣхъ организацій въ странѣ. Слѣдовательно, центральныя учрежденія должны по своему составу дать равномѣрное представительство всѣхъ организацій партіи и нѣтъ ничего гибельнѣе, какъ искусственный подборъ этого состава съ цѣлью провести давленіе на оппозицію. Такого рода тактика не укрѣпляетъ, а разлагаетъ партію.

Въ партіи работаетъ коллективная мысль. Она имѣетъ свои особые законы. Она логическое расчлененіе мыслительнаго процесса превращаетъ въ живое раздѣленіе личностей, а аргументацію — въ борьбу взглядовъ и конфликтъ темпераментовъ. Умы аналитическіе углубляются въ принципіальную критику, синтетики съ особенной любовью культивируютъ проблемы общей политической связи, пылкія натуры требуютъ непосредственнаго „дѣла", фантазеры, увлекаются картинами будущаго, люди „здраваго смысла" углубляются въ детали повседневной работы, систематики отдаются организаціоннымъ задачамъ, и тому подобное. Но это только отдѣльныя части мыслительнаго и волевого процесса, нужно и то и другое и третье, но въ партіи это — раздѣленіе личностей. Нужно умѣть согласовать свою индивидуальную логику съ коллективной мыслью партіи. Тогда во многихъ случаяхъ убѣждаешься, что борьба мнѣній въ партіи происходитъ не отъ разности политическихъ взглядовъ, а отъ односторонняго выдѣленія той или другой функціи коллективной мысли партіи, благодаря психическимъ особенностямъ личности или особенно сложившимся условіямъ ея дѣятельности. Практикъ не всегда сойдется съ теоретикомъ, организаторъ съ критикомъ и т. д. Въ такихъ случаяхъ не противопоставлять нужно одно другому, а соподчинить ихъ общей идеѣ соціальнореволюціонной борьбы.

Въ настоящее время я вижу въ партіи, помимо распаденія на національныя организаціи, двѣ литературныя группы, изъ которыхъ каждая стремится *заранѣе* обезпечить за собой большинство на съѣздѣ. Это въ порядкѣ вещей. Но отнюдь не въ порядкѣ вещей то, что ихъ отношеніе къ съѣзду — допустимъ, что безсознательно для себя самихъ — опредѣляется тѣмъ, насколько съѣздъ будетъ соотвѣтствовать этимъ ихъ ожиданіямъ.

Впередовцы, памятуя большинство второго съѣзда, хотѣли бы по возможности сдѣлать съѣздъ представительствомъ старыхъ организацій. Они, въ сущности, хотятъ не новаго съѣзда, а повторенія втораго съѣзда. За нихъ до нѣкоторой степени юридическая формула, противъ нихъ жизнь и развитіе партіи. Организаціонный статутъ былъ разсчитанъ на нормальное развитіе партіи и на то, что, по крайней мѣрѣ, еще лѣтъ десять придется вести мелкую подпольную работу. Но жизнь партіи приняла ненормальное теченіе, уже съ первыхъ же дней послѣ съѣзда, вслѣдствіе партійныхъ раздоровъ. Въ силу этого процессъ возстановленія организацій и образованія новыхъ былъ задержанъ. Центральныя учрежденія не могли функціонировать такъ, какъ того требовалъ уставъ. Зато возникли на отдѣльныхъ мѣстахъ конкуррирующія организаціи. Среди общаго партійнаго разложенія настали январскія событія, создавшія неожиданную по своей интенсивности работу партіи въ массахъ. Въ результатѣ партія, какой она фигурируетъ по схемѣ устава, и партія въ дѣйствительности стали несравнимыми величинами.

Впередовцы сами это признаютъ, считая необходимымъ представительство на съѣздѣ и внѣуставныхъ организацій. Но они тотчасъ же впадаютъ въ противорѣчіе, допуская за этими организаціями только совѣщательный голосъ. Они, значитъ, признаютъ, что безъ этихъ организацій съѣздъ будетъ носить частичный характеръ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они хотятъ, чтобы часть диктовала законы цѣлому. На второмъ съѣздѣ, по крайней мѣрѣ, было абсолютное большинство — на третьемъ съѣздѣ при такихъ условіяхъ большинство голосовъ можетъ оказаться меньшинствомъ самого съѣзда, а тѣмъ болѣе партіи! Ну какъ же послѣ опыта второго съѣзда, разсчитывать такимъ образомъ объединить партію? Это очевидный путь къ расколу.

Искровцы въ менѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ ихъ силы не такъ легко поддаются учету. Поэтому, они преисполнены неувѣренности и хотѣли бы, вообще, избѣжать съѣзда.

Аргументы, выдвинутые ими противъ созыва съѣзда, не выдерживаютъ критики.

Первый аргументъ — что придется оторвать людей отъ работы. Объ этомъ можно было бы разсуждать, если бы организація партіи функціонировала прекрасно. Но этого нѣтъ, а есть общее разложеніе, а именно въ виду жгучаго политическаго момента необходимъ съѣздъ, чтобы, наконецъ, создать общую и планомѣрную партійную дѣятельность. Или редакція Искры полагаетъ, что Центральный органъ въ состояніи замѣнить организацію партіи? Это значитъ нести ленинизмъ куда дальше самого Ленина.

Второй аргументъ — тактическія и организаціонныя разногласія еще не уяснены. Но эти разногласія, вообще, не должны стоять на пути съѣзду. Есть разница взглядовъ, но она лежитъ въ предѣлахъ партіи — она не должна была вести къ расколу и нельзя ставить въ зависимость отъ улаженія этихъ разногласій объединеніе партіи. Та или другая *форма* организаціи, одна сторона должна подчиниться и партія должна быть организована.

Искра сама опрокидываетъ свою аргументацію. Она предлагаетъ заняться подготовкой съѣзда и выставляетъ такую сложную программу подготовительной работы, которая, внѣ всякаго сомнѣнія, болѣе, чѣмъ самый съѣздъ и на болѣе продолжительное время, отвлечетъ отъ политической борьбы силы партіи и къ тому же внесетъ въ организаціи раздоръ и пререканія. Вся жизнь партіи будетъ парализована, денегъ на спорную и — увы! — очень часто заборную литературу уйдетъ больше, чѣмъ на съѣздъ, а все это ни къ чему. Ибо если вороха бумаги, исписанные Искрой, внѣ Искры и во Впередѣ, еще до сихъ поръ не уяснили партійныхъ разногласій, то ясности не добиться никогда.

Не уяснять еще больше разногласія нужно, а нужно *стать выше ихъ*.

Это можетъ сдѣлать съѣздъ. И онъ это сдѣлаетъ только тогда и только тогда будетъ имѣть политическое значеніе если онъ будетъ представительствомъ всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи организацій, если онъ будетъ независимъ и всѣ его члены будутъ имѣть равныя права.

Второй съѣздъ имѣлъ своей задачей *централизовать* партію. Онъ создалъ схему, но не оказался въ состояніи провести ее въ жизнь. Третій съѣздъ имѣетъ своей задачей *объединить* партію и повести ее на борьбу въ великій историческій моментъ. Такому объединительному съѣзду партіи я охотно готовъ посвятить свои силы.

Съ товарищескимъ привѣтомъ Парвусъ.

Отъ редакціи Печатая интересное письмо тов. Парвуса, мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу его попытки отграничить свою позицію въ вопросѣ о съѣздѣ отъ позиціи „Искры". Тов. Парвусъ противъ такого съѣзда, цѣлью котораго является *подавленіе* одного теченія другимъ. Онъ думаетъ, что въ этомъ отношеніи онъ также далекъ отъ „впередовцевъ", какъ и отъ „искровцевъ". По этому поводу достаточно будетъ указать, что гораздо раньше, чѣмъ тов. Парвусъ пожелалъ высказаться по вопросу о съѣздѣ, много мѣсяцевъ назадъ „Искра" помѣстила статью Каутскаго, очень убѣдительно доказывавшую теперешнюю мысль тов. П. и съ тѣхъ поръ „Искра" неоднократно подчеркивала свою солидарность въ этомъ вопросѣ съ Каутскимъ. Тов. Парвусъ имѣетъ, конечно, полное право воображать, что его позиція въ данномъ вопросѣ является „надъ-партійной"; но и этимъ правомъ, какъ и всякимъ другимъ, не слѣдуетъ злоупотреблять.

Тов. Парвусъ, далѣе, говоритъ, что „меньшинство" „боится съѣзда". Но если принять во вниманіе, что „меньшинство" „боится", т. е. не желаетъ такого съѣзда, на которомъ, по условіямъ его созыва, будетъ неизбѣжно „подавленіе", то окажется, что „боязнь" меньшинства не такъ уже далека, какъ это можетъ показаться тов. Парвусу, отъ той „безбоязненности", которая побудила его *не принять* предложеннаго ему мандата на съѣздъ, созванный Ленинымъ, и которая послужила ближайшимъ поводомъ къ составленію имъ весьма интереснаго во многихъ отношеніяхъ „открытаго письма".

Резолюція Черниговской группы Партіи.

Начало великой рабочей революціи въ Россіи застало Россійскую Соціальдемократическую Рабочую Партію въ состояніи организаціоннаго кризиса. Въ послѣдніе мѣсяцы разногласія двухъ фракцій Партіи, имѣющія формальной основой различное пониманіе организаціонныхъ нормъ, привели къ крайнимъ послѣдствіямъ: взаимному недовѣрію и фактическому разрыву. Разрѣшеніе конфликта между центральными учрежденіями Партіи и фракціей „твердыхъ" централистовъ путемъ третейскаго суда было отвергнуто послѣдними. Третейскій судъ, предложенный авторитетнымъ учрежденіемъ германской Соціальдемократіи и принятый Совѣтомъ Партіи, своимъ рѣшеніемъ *сверху* могъ или умиротворить Партію, или лишить одну изъ сторонъ моральнаго авторитета. Но фракція „твердыхъ" централистовъ, опираясь на авторитетъ II съѣзда Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, рѣшилась обратиться къ представительному учрежденію Партіи, экстренному съѣзду, избранному *снизу* — дѣйствующими Россійскими Соціальдемократическими организаціями. Съѣздъ долженъ дать общія руководящія указанія по основнымъ тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью. Въ свою очередь, Совѣтъ Партіи, въ своемъ постановленіи отъ 8-го марта 1905-го года (Искра № 89), отвергаетъ экстренный съѣздъ, созываемый отъ имени „Бюро комитетовъ большинства", признавая проектируемый съѣздъ несостоятельнымъ въ формальномъ и моральномъ отношеніи, неспособнымъ привести къ умиротворенію Партіи, и въ данный моментъ нецѣлесообразнымъ въ виду отвлеченія активныхъ силъ отъ партійной работы на мѣстахъ. Своимъ постановленіемъ Совѣтъ Партіи, признавая созываемый съѣздъ непартійнымъ, оффиціально закрѣпляетъ партійный расколъ. Разъ Совѣтъ Партіи объявилъ экстренный съѣздъ непартійнымъ, несомнѣнно, что, въ отвѣтъ на это, центральныя учрежденія Партіи будутъ объявлены экстреннымъ съѣздомъ стоящими внѣ Партіи. Иное положеніе по отношенію къ предстоящему съѣзду принялъ Ц. К. Въ обращеніи къ мѣстнымъ партійнымъ организаціямъ онъ заявляетъ: „Единственнымъ выходомъ изъ современнаго партійнаго кризиса является теперь, по нашему мнѣнію, созывъ III съѣзда, притомъ созывъ его въ самомъ непродолжительномъ времени". Съѣздъ неизбѣженъ, онъ уже созывается, число комитетовъ, вотирующихъ за него, быстро возрастаетъ, въ виду новыхъ задачъ, поставленныхъ событіями послѣдняго времени, и скоро достигнетъ законнаго большинства. Съѣздъ необходимъ: онъ представляетъ послѣднее средство создать единство Партіи. Онъ требуется современнымъ положеніемъ вещей, развертывающейся въ Россіи революціей, новыми условіями и задачами дѣятельности. Этотъ съѣздъ не можетъ ослабить революціонную работу въ Россіи отвлеченіемъ силъ, потому что Ц. К. не можетъ теперь и въ ближайшемъ будущемъ развивать положительную работу. Поэтому Совѣтъ Партіи долженъ немедленно созвать III очередной съѣздъ. Если за предстоящій съѣздъ выскажется большинство комитетовъ, онъ будетъ законнымъ, и Совѣтъ Партіи, противясь ему, поставитъ себя внѣ Партіи". — Въ томъ же смыслѣ высказывается и „Организаціонное Бюро большинства": „Если у кого либо еще остались сомнѣнія, законенъ ли созывъ съѣзда не черезъ центры, мы отвѣтимъ такому товарищу одно: революціонныя событія вызываютъ въ дѣйствіе революціонное право, а оно отрицаетъ практически негодныя учрежденія".

Отвергая предстоящій съѣздъ, Совѣтъ Партіи приглашаетъ всѣ партійные комитеты, организаціи, кружки и группы сообщить Совѣту, сохраняютъ ли они довѣріе къ центральнымъ учрежденіямъ Партіи? Выражая полное довѣріе къ общему направленію дѣятельности центральныхъ учрежденій Партіи, Черниговская группа большинствомъ голосовъ, основываясь (согласно Уставу) на своемъ правѣ доводить до ихъ свѣдѣнія свои мнѣнія по всѣмъ партійнымъ дѣламъ, — должна заявить, что по вопросу о предстоящемъ съѣздѣ она раздѣляетъ мнѣніе Ц. К., а не Совѣта Партіи.

Нѣтъ основаній думать, что предстоящій съѣздъ неизбѣжно приведетъ къ партійному расколу. И Ц. К. и Организаціонное Бюро большинства одинаково указываютъ на отсутствіе программныхъ разногласій въ Партіи и несущественный характеръ разногласій въ пониманіи тактическихъ задачъ и организаціонныхъ нормъ партіи; Организаціонное Бюро, какъ и Ц. К., заявляетъ о своемъ стремленіи къ партійному единству; задачу съѣзда оно видитъ не въ судебномъ разборѣ партійныхъ конфликтовъ, а въ выработкѣ методовъ политической борьбы и въ организаціонномъ объединеніи Партіи на почвѣ новыхъ тактическихъ задачъ, выдвинутыхъ жизнью. Организаціонныя разногласія двухъ фракцій Партіи, поскольку ихъ можно опредѣлить, сводятся къ различному пониманію нормальнаго типа партійной организаціи. Формально обѣ фракціи стоятъ за централистическую организацію, но одна изъ нихъ, съ Ц. О. во главѣ, признаетъ нормальной организацію снизу, централизацію правовую, оставляющую широкій просторъ самодѣятельности массъ и автономіи мѣстныхъ партійныхъ учрежденій; а вторая — фракція „твердыхъ" централистовъ — стоитъ за сильную власть центровъ, за управленіе Партіей сверху, за централизацію бюрократическую. Не вдаваясь въ критическій разборъ формулировокъ, какъ онѣ противопоставлялись обѣими фракціями въ ихъ взаимной полемикѣ, мы должны только сказать, что не признаемъ ни въ соціальномъ развитіи вообще, ни въ жизни борющейся Партіи абсолютныхъ, неизмѣнныхъ, безусловно противорѣчивыхъ нормъ. Противоположность организаціонныхъ принциповъ соотвѣтствуетъ различнымъ моментамъ развитія и различнымъ задачамъ партійной жизни. Никакая организація не можетъ дѣйствіемъ сверху вызвать революцію. Задача Партіи — выражать стремленіе массъ съ наибольшей ясностью и опредѣленностью, развивать ихъ классовое сознаніе и самодѣятельность, политически воспитывать ихъ и организовывать развивающееся движеніе — на почвѣ самостоятельной группировки людей. Принципъ организаціи, наиболѣе соотвѣтствующій растущему общественному движенію, это — демократическое представительство, образованіе автономныхъ организацій и объединеніе ихъ въ законченное цѣлое. Такой характеръ имѣетъ процессъ организаціи пролетаріата; такимъ путемъ онъ вырастаетъ въ самостоятельную политическую силу. Соціальное развитіе рабочаго класса, по самой сущности своей, революціонно; оно стремится къ коренному государственному и общественному перевороту. Путемъ автономной демократической организаціи рабочій классъ вырастаетъ въ самостоятельную политическую силу и подготовляется къ активной борьбѣ, къ возстанію противъ существующаго строя, противъ деспотизма и капитализма, гнета и эксплоатаціи. Но въ періодъ возстанія рабочая масса должна быть цѣлесообразно организована для непосредственной революціонной борьбы. Новая задача требуетъ новыхъ тактическихъ пріемовъ и организаціонныхъ формъ. Чтобы одержать побѣду въ моментъ рѣшительной борьбы, рабочій классъ долженъ организоваться въ рабочую армію, въ боевую силу. Принципы организаціи, соотвѣтствующіе этой стадіи борьбы, имѣютъ уже иной характеръ; въ рабочей арміи въ періодъ возстанія демократическое представительство должно уступить мѣсто управленію сверху, централизація правовая — централизаціи боевой. Задача Партіи не въ томъ, чтобы вызвать революцію, — это невозможное дѣло, — но въ томъ, чтобы организовать возстаніе и руководить боевой силой. Выполненіе этой задачи должно быть поручено Исполнительному Комитету Партіи.

Для успѣха возстанія необходима подготовка его съ организаціонной, финансовой и технической стороны: такая подготовка возможна лишь на почвѣ существующаго движенія массъ. Эти массы, революціонизированныя ходомъ историческихъ событій, могутъ дать силы и средства для воруженнаго возстанія. Нужно идти на встрѣчу ихъ революціоннымъ стремленіямъ, привлечь милліоны рабочихъ (хотя бы небольшими взносами) къ участію въ боевыхъ кассахъ и быстро собрать тѣ сотни тысячъ рублей, которые дадутъ возможность десяткамъ тысячъ рабочихъ технически подготовиться къ великой борьбѣ. Нельзя вооружить массы, но можно имъ помочь вооружиться, сдѣлать доступнымъ оружіе, дать указанія и средства... Нужно имъ дать увѣренность, что техническая подготовка возстанія идетъ въ широкомъ размѣрѣ, что рабочая армія растетъ и организуется, что у нея есть штабъ, вожди и планъ кампаніи.. Правовая организація, какъ постоянная норма общественнаго развитія, составляетъ необходимую основу боевой организаціи рабочей арміи Но, по условіямъ русской жизни, политическое развитіе пролетаріата совершается въ слишкомъ тѣсныхъ предѣлахъ; онъ долженъ разбить преграды свободному развитію и вывести его на широкій просторъ, а для этого организоваться въ боевую силу.

Задача III съѣзда — установить тактическіе пріемы, организаціонныя формы и техническіе способы предстоящей революціонной борьбы русскаго рабочаго класса. Ликвидировать партійныя разногласія, возникшія на почвѣ иной исторической обстановки, можно, лишь исходя изъ новыхъ задачъ движенія. Не на судебномъ разборѣ партійныхъ конфликтовъ, а лишь на согласіи въ пониманіи общихъ задачъ движенія и тактическихъ пріемовъ революціонной борьбы должно быть основано партійное единство. Высказавшись за съѣздъ, Черниговская группа, большинствомъ голосовъ выражаетъ желаніе, чтобы къ обсужденію тактическихъ вопросовъ на немъ были приглашены представители соціальдемократическихъ организацій, дѣйствующихъ въ Россіи (Бунда, Польской соціальдемократической Партіи, Латышской соціальдемократической Партіи), и на почвѣ тактическихъ соглашеній было достигнуто, если возможно, организаціонное единство. Черниговская Соц.-дем.-ая группа.

Мартъ, 1905 года.

Отъ ред. Резолюція принята до соглашенія Ц. К. съ Б. К. Б.

Резолюція Полтавской группы Р. С. Д. Р. П.

Получивъ извѣщеніе о созывѣ Ц. К. партійнаго съѣзда и обсудивъ подробности, въ немъ изложенныя, въ центрѣ и во всѣхъ частяхъ организаціи, въ которыя входятъ сознательные рабочіе, мы единогласно приняли слѣдующую резолюцію:

Если дѣйствительно Ц. К. созываетъ съѣздъ помимо Совѣта Партіи, то мы считаемъ подобный его поступокъ какъ противорѣчащій партійному уставу, явнымъ превышеніемъ власти и заслуживающимъ самаго строгаго осужденія и противодѣйствія со стороны всѣхъ членовъ партіи.

Вступленіемъ въ соглашеніе только съ Бюро Ком. Большинства, т. е. съ представителями одного только теченія въ партіи и игнорированіемъ, другой не менѣе значительной ея части, Ц. К. доказалъ свою односторонность, онъ доказалъ, что изъ желанія провести на съѣздѣ любезныя ему идеи, онъ не останавливается передъ явной подтасовкой состава съѣзда, онъ тѣмъ самымъ доказалъ, что не доросъ до той роли, которую призванъ своимъ положеніемъ выполнять, а потому, если поступки его соотвѣтствуютъ присланному намъ извѣщенію Совѣта, мы выражаемъ ему недовѣріе при настоящемъ его составѣ.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Совѣта, что авторитетъ такого съѣзда ни для одной стороны не можетъ быть непререкаемымъ. Относительно же скоропалительнаго назначенія этого съѣзда, безъ предварительнаго обсужденія политической его программы всѣми комитетами, организаціями и сознательными работниками партіи, безъ предварительной подготовки по всѣмъ вопросамъ, которые тамъ будутъ обсуждаться, мы единогласно пришли къ заключенію, что такой съѣздъ, являясь бонапартистской комедіей, отвлекая понапрасну массу партійныхъ силъ и средствъ, будетъ представлять не мнѣніе и опытъ всей партіи, а небольшой группки, быть можетъ, очень умныхъ и дѣльныхъ, засѣдателей.

Мы высказываемъ единодушное пожеланіе о допущеніи на съѣздъ представителей *всѣхъ* организацій и всякаго значительнаго меньшинства въ каждой партійной организаціи, въ видахъ наибольшей полноты представительства всѣхъ мнѣній и теченій. Исходя изъ положеній, высказанныхъ выше, мы требуемъ предоставленія достаточнаго срока для обсужденія порядка дня съѣзда. Предоставленіе контроля надъ дѣйствіями О. К. всей партіи является безусловно желательнымъ, хотя мы лично не видимъ возможности въ проведеніи этого благого пожеланія въ жизнь.

VII Высказываясь вообще противъ съѣзда, назначеннаго безъ предварительнаго обсужденія порядка дня, мы, въ частности, высказываемся и противъ съѣзда и противъ конференціи, (въ данный моментъ? *Ред.*) не считая ихъ постановленія при подобныхъ условіяхъ обязательными для партіи.

Примѣчаніе: Считаясь съ важнымъ историческимъ моментомъ, который Россія переживаетъ въ настоящее время, мы находимъ созывъ съѣзда для обсужденія вопросовъ тактики преимущественно, а также попутно и организаціонныхъ вопросовъ, необходимымъ.

Резолюція Крымскаго Союза.

Обсудивъ вопросъ о созывѣ III очередного съѣзда, предложенный намъ Ц. К. въ первой половинѣ марта, мы — комитетъ Крымскаго Союза Р. С. Д. Р. П.—пришли къ слѣдующему заключенію: принимая во вниманіе: 1) что выступленіе Россіи въ послѣднее время на путь революціонной борьбы создало необходимость для нашей партіи совершить переоцѣнку всѣхъ нашихъ тактическихъ и организаціонныхъ пріемовъ борьбы съ отживающимъ царизмомъ: 2) что прекращеніе той междоусобицы, которая въ теченіе $1^{1}/_{2}$ лѣтъ раздираетъ нашу партію, можетъ произойти только путемъ экстреннаго созыва III съѣзда — мы, большинствомъ всѣхъ противъ одного, рѣшили присоединиться къ деклараціи. Но исходя изъ того положенія, что задача съѣзда, въ виду важности историческаго момента, переживаемаго всей Россіей, въ виду необходимости всесторонняго обсужденія всѣхъ политическихъ, тактическихъ и организаціонныхъ задачъ, которыя стоятъ передъ нашей партіей — требуютъ предварительнаго, полнаго и всесторонняго обсужденія широкой массой переферійныхъ работниковъ всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на III съѣздѣ, мы горячо протестуемъ противъ такого созыва партійнаго съѣзда, который не далъ возможности столковаться даже комитетамъ руководящихъ организацій и этимъ самымъ лишилъ насъ возможности надлежащимъ образомъ подготовиться къ такому сложному и отвѣтственному дѣлу, какъ созывъ партійнаго съѣзда въ настоящее время. Считая же, что партійный съѣздъ долженъ созываться только Совѣтомъ Партіи при наличности представительства всѣхъ партійныхъ организацій и принимая во вниманіе, что: 1) Ц. К., не извѣстивъ Совѣтъ о созываемомъ съѣздѣ, образовалъ съ Бюро К. Б. Орг. К. и этимъ самымъ совершенно игнорируетъ мнѣніе и участіе другихъ центральныхъ учрежденій въ общепартійныхъ дѣлахъ; 2) что Ц. К., образовавъ съ Б. К. Б. Орг. К., считаетъ возможнымъ санкціонировать ту самую „подготовительную" работу, которою, по заявленію самого Ц. К., имѣли въ виду добиться раскола въ Партіи; 3) что Ц. К., совмѣстно съ Б. К. Б., совершенно произвольно лишетъ рѣшающаго голоса цѣлый рядъ полноправныхъ комитетовъ и представительства цѣлый рядъ партійныхъ организацій — мы, протестуя противъ такихъ его дѣйствій, все же посылаемъ своего делегата и уполномачиваемъ его требовать превращенія такого подтасованнаго съѣзда въ предварительную конференцію партійныхъ организацій съ Центральными Учрежденіями Партіи.

Крымскій Союзъ Р. С. Д. Р. П.

Резолюція Парижской группы содѣйствія Партіи.

(Принята единогласно).

Принимая во вниманіе

что рѣшенія созываемаго III съѣзда будутъ обязательны для всѣхъ членовъ Партіи лишь въ томъ случаѣ, если съѣздъ явится истиннымъ выразителемъ воли Партіи;

что оторванные отъ периферійныхъ организацій, такъ называемые правоспособные комитеты ни въ какомъ случаѣ выразителями этой воли не могутъ считаться;

что стоящіе на очереди тактическіе и организаціонные вопросы требуютъ для своего рѣшенія предварительнаго обсужденія ихъ всѣми активными организаціями Партіи;

что составленный противно требованіямъ партійнаго устава, Орган. Комитетъ, въ которомъ такъ называемое „меньшинство" не представлено, лишилъ безъ всякихъ основаній права представительства на съѣздѣ рядъ комитетовъ и тѣсно связанныхъ съ рабочими массами группъ;

что этотъ Орган. Комитетъ, выступающій, якобы, подъ знаменемъ объединенія Партіи, началъ свою дѣятельность санкціонированіемъ дѣйствій „Бюро комитетовъ большинства" по созыву съѣзда явно клонившихся къ осуществленію раскола, который оффиціальные делегаты „Впередъ". явившіеся вмѣстѣ съ тѣмъ уполномоченными названнаго Бюро, представляли, между прочимъ, въ Парижѣ, въ Комитетѣ россійскихъ организацій по сбору пожертвованій и предъ французскими соціалистическими партіями, еще въ январѣ этого года, какъ уже совершившійся фактъ;

что созванный при такихъ условіяхъ съѣздъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться выразителемъ воли Партіи, —

Парижская Группа Содѣйствія Р. С.-Д. Р. П. высказывается противъ немедленнаго созыва третьяго съѣзда Партіи.

Чтобы съѣздъ могъ явиться дѣйствительнымъ выразителемъ воли Партіи, необходима предварительная конференція для выработки соглашенія между спорящими сторонами, конференція, которая обезпечитъ правильную организацію партійнаго съѣзда и положитъ конецъ тѣмъ ожесточеннымъ распрямъ, которыя дѣлаютъ всякую совмѣстную работу невозможной.

Группа высказываетъ свое глубокое убѣжденіе, что только такое предварительное соглашеніе можетъ предохранить Партію отъ раскола. Для обезпеченія успѣха такого соглашенія, Группа предлагаетъ пригласить на конференцію нѣсколькихъ авторитетныхъ представителей международнаго соціализма и, въ томъ числѣ, тов. Бебеля.

6/19 апрѣля 1905 г.

Къ свѣдѣнію Партіи. Изъ № 62 „Рев. Рос." мы узнали, что Кавказскій Союзн. Комитетъ нашей партіи вступилъ въ какое-то соглашеніе съ партіей соц.-рев., которое наполняетъ сердца редакторовъ „Р. Р". столь обычнымъ у этихъ елейныхъ людей злорадствомъ. „Р. Р". полагаетъ, что имѣетъ основаніе противопоставить политическое поведеніе Союзн. Ком. поведенію „разныхъ Центральныхъ Комитетовъ. Совѣтовъ и т. п. учрежденій, обсуждающихъ большинство вопросовъ не столько съ точки зрѣнія потребностей текущей борьбы, сколько съ точки зрѣнія интересовъ дальнѣйшей фракціонной политики". Почтенная газета, далѣе, ставитъ вопросъ: „Возобладаетъ ли, наконецъ, голосъ этихъ мѣстныхъ работниковъ, стоящихъ въ самой сердцевинѣ настоящаго жизненнаго дѣла или же, вопреки ему, возьметъ верхъ заскорузлая традиція упрямаго мѣстничества и фракціонной нетерпимости? *Вотъ вопросъ, на который пора дать ясный и опредѣленный отвѣтъ, ибо жизнь не ждетъ*" (курс. нашъ).

Мы не имѣемъ чести знать, каковы основанія заключеннаго на Кавказѣ соглашенія, а потому не можемъ судить, насколько правы соц.-рев., противопоставляя политику Кавказскаго Союз. Комитета политикѣ центральныхъ учрежденій партіи. Мы знаемъ только, что эта послѣдняя политика всецѣло опредѣляется *обязательными для всей партіи рѣшеніями второго съѣзда*, и что, слѣдовательно, ей можетъ быть противопоставлена только такая политика, которая *идетъ въ разрѣзъ* съ этими рѣшеніями. Согласно послѣднимъ, между прочимъ, всякія соглашенія отдѣльныхъ частей Партіи съ „соц.-рев." подлежатъ особому контролю Центральныхъ Учрежденій. Соглашеніе, заключенное, если вѣрить „Р. Р"., Кавказскимъ Союзн. Комитетомъ, повидимому, такому контролю не было подчинено (по крайней мѣрѣ, Совѣтъ Партіи о немъ ничего не знаетъ, а Ц. К., въ свою очередь, никакихъ о томъ сообщеній Совѣту не сдѣлалъ). Слѣдовательно, если это соглашеніе имѣло мѣсто и если его условія *даютъ основанія* „Р. Р." для ея торжества, то *партія, какъ цѣлое, за него не отвѣтственна*.

Поставленный въ концѣ тирады „Р. Р", вопросъ заставляетъ насъ обратить вниманіе партіи на этотъ эпизодъ. Мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ *требованіе* партіи соц.-рев. о „возобладаніи" въ нашей партіи тактическихъ взглядовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ работниковъ повліяло на желаніе „бюро комитетовъ большинства" пересмотрѣть на созываемомъ имъ якобы партійномъ съѣздѣ вопросъ объ отношеніи соціальдемократіи къ партіи соц.-рев? Мы не знаемъ, равнымъ образомъ, въ какой связи стоитъ требованіе соц.-рев. поспѣшить въ этомъ дѣлѣ, съ той *поспѣшностью*, какую проявили нѣкоторые „вожди" партіи при созывѣ этого якобы партійнаго съѣзда? Мы знаемъ только, что въ партіи уже циркулируютъ слухи объ имѣвшихъ мѣсто — внѣ отвѣтственныхъ Центр. Учрежд. и за ихъ спиной — какихъ-то переговорахъ отдѣльныхъ группъ партіи съ ея политическими противниками. Надѣясь, что съ этихъ переговоровъ въ близкомъ будущемъ будетъ снято покрывало тайны, мы считаемъ нужнымъ теперь же воспользоваться замѣткой „Рев. Рос"., чтобы указать партіи, что о существѣ всѣхъ этихъ переговоровъ и соглашеній мы ничего не знаемъ и, слѣдовательно, за нихъ не отвѣтственны.

Союзъ Московскихъ типо-литогр. рабочихъ отказался отъ участія на съѣздѣ, созванномъ „Бюро К. Больш.". Подробная мотивировка причинъ отказа приводится въ письмѣ Союза въ ред. Искры, которое будетъ помѣщено въ ближайшемъ №.

Вышли изданія Ред. Искры 1) Майскій праздникъ (прокл.); 2) Майскія требованія (прокл; 3) Простыя рѣчи о внутреннихъ врагахъ (Брошюра Л. Мартова); 4) Самодержавіе царя и самодержавіе народа (брошюра изъ серіи „Наши требованія"); **На грузинскомъ яз.** Ф. Данъ „Всенародное Учредительное Собраніе". **Ц. К-та** Н. Рязановъ. Освобожденіе крестьянъ 19 февраля (брош.). **Петербургской группы**: 1) О комиссіи Коковцева; 2) Призывъ къ демонстраціи на могилѣ убитыхъ на Путиловск. заводѣ рабочихъ; 3) Листокъ объ этой демонстраціи въ связи съ 1-мъ мая. 4) Къ раб. Балт. завода по поводу бывшаго около завода митинга (отъ Василеостр. района 5) Самодержавіе, буржуазія и раб. классъ" (6000 экз.); 6) Крестьянство въ Гуріи (изъ № 91 Иск.); 7) Майскія требованія (листИскры) и 8) Листокъ къ 1-му мая. **Московскаго Ком.**: 1) „О присягѣ" (солдатамъ, мимеогр.); 2) Старая погудка на новый ладъ (о ком. Коковцева, печ.); 3) Ко всѣмъ Моск. рабочимъ (о послѣд. пораженіяхъ, печ.); 4) „Новое пораженіе царск. войскъ" (п., 10.000 экз.). **Сѣверо-Западн. Ком.** 1) Царь и крамола (12.000 экз.); 2) Отвѣтъ Трепову и Коковцеву (12.000 экз.); 3) „Солдатская памятка" перепеч. 12.000 экз); 4) 1-ое мая (12.000 экз.). **Двинской группы этого ком.** 1) Въ бой за свободу! (перепеч. лист. „Искры"); „На улицу" (совмѣстно съ Ком. Бунда). **Сморгонской** организаціи того же Комитета: 1) „Ко всѣмъ рабочимъ" (на жаргонѣ); 2) „Къ борьбѣ" (на жар.). **Крымскаго Союза**: 1) „Манифестъ петербургскихъ выборщиковъ" (20.000 экземп.), 2) „Смерть тиранамъ, свобода народу!"(изъ № 4 „Соц.-Дем. 10.000 экз.); **Севастопольскаго Ком. этого союза**: „Къ портовымъ рабочимъ". **Юзовской** группы Донецкаго Союза (съ средины февраля по конецъ марта:) 1) „Къ юзовскимъ рабочимъ и работницамъ"; 2) „Къ рабочимъ юзовскаго района"; 3) „Къ вѣтковскимъ и юзовскимъ рабочимъ"; 4) „Ко всѣмъ рабочимъ" (каждый по 2000-3000 экз.); 5) „Требованія рабочихъ Рыковскаго и Щербиновскаго рудниковъ"; 6) „Война дворцамъ, миръ хижинамъ" (изъ № 1 „Соц.-Дем.); 7) „Жить въ свободѣ, умереть въ борьбѣ"; 8) Въ бой за свободу; 9) Петиція петерб. раб.; 10) Письмо Гапона (послѣдніе 5 по 5000-8000 каждый) и 11) „Чтожъ дальше?". **Комитетовъ Восточнаго** района: „Канунъ революціи"; **Екатеринбург.** группы **Уральск.** Ком.: „Къ уральскимъ рабочимъ"; **Уфимской** группы этого ком.: „Канунъ революціи" (на татарскомъ языкѣ.). **Самарск.** Ком. 1) Пауки и мухи, Либкнехта 3000 экз. и 2) Солдатская памятка. **Донского** Ком. 1) Къ приказщикамъ 1500 экз., 2) Къ типографщикамъ 500 экз. и 3) О крестьянскихъ волненіяхъ 5000 экз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Загору. Письмо получено. Листки почти не доходятъ. Посылайте по другимъ адресамъ. **Гериновичу** Получено. Пишите подробно о положеніи дѣлъ. **Самара**. Повторите улицу въ адресѣ для писемъ. Все будетъ сдѣлано. **Камышу и Драгомирову** Ждемъ подробныхъ извѣстій о ходѣ работы. Имѣемъ самыя противорѣчивыя свѣденія. **34** получили, писали вамъ черезъ комитетъ. Сообщите, какимъ шифромъ пользуетесь. Если не улыбается наше предложеніе, немедленно извѣстите — имѣемъ другое. **Контролеру**. Все нужное получите на мѣстѣ у указаннаго лица. **Пани**: пришлите немедленно резолюцію. Сильвестръ забылъ. **Фердинанду**. Почему не даете о себѣ знать? Гдѣ основались? **М. Ш**. На эту тему уже было написано. **Органону**. Адресъ расшифровать не могли. Если забыли, то напишите тѣмъ ключемъ, который былъ установленъ для редакціи.

Получено: изъ Köln am Rhein: Für die russischen Freiheitskämpfer, Sammellisten №№ 10g und 20g – 63 m 40 p

Черезъ Экспедицію поступило съ 20-го марта по 1-ое мая: изъ Констанцы отъ D-r. K. 200 фр.; въ Женевѣ среди болгар. соц.-дем. 26 фр. 50 с.; изъ Davos: zu gunsten der Familien der in Russland getöteten Freiheitskämpfer 640 фр. 90 с.; Arbeit. Union von der Märzfeier. 36 фр.; Temperenzhalle 18 фр. и по листамъ Лиги 187 фр.; отъ Г. 500 руб. Изъ Штутгарта 9 фр. 84 с.; чер. Балабанову 20 фр., 50 фр.; изъ Ascona 10 фр.; отъ итал. соц. для русск. пролет. 22 фр.; изъ Appenzel отъ итал. синд. 10 фр. 60 с.; Leipz. Buchdruck. Actiengesell. 6 фр и Volkszeit. 11 фр. 56 с. Изъ Цюриха: отъ Arbeit. Un. 852 фр. 70 с., 394 фр., 250 фр. и изъ Iohanesberg (Africa) 750 фр. Изъ Софіи отъ болг. Ц. К. въ пользу рус. рев. 765 фр. 80 с. и въ пользу рус. стачечник. 294 фр. 20 с.; черезъ тамошн. рус. эмигрант. для стач. 50 руб. Изъ Würzburg'a 40 фр.; изъ Нью-Iорка: для борьбы съ абсолют. 54 фр. 10 с. и отъ Social. labor. arti 320 фр. 5 с.; изъ Reutlingen отъ W. 112 фр.; изъ Страсбурга 22 фр.; отъ Union societ. popul. de Fabiano 30 фр.; изъ Штеттина: для жертв. рус. револ. 37 фр.; изъ Manheim'a отъ D-ra Frank 321 фр. 66 с.; черезъ Доброжана: по листу № 31 — 35 фр., № 32 — 80 фр., № 33 — 85 фр., № 35 — 70 фр. и № 95 — 130 фр., всего 400 фр.; отъ Американца 25 фр.; изъ Парижа: собр. по подп., откр. въ въ l'Umanité и др. газет., сверхъ обозн. въ № 92 „И.", 1437 фр. 85 с.; изъ Milano, Unione Femminile 301 фр. 20 с.; London-Labour Representation Committee £ 25 (изъ нихъ £ 5 въ пользу жертвъ); кромѣ того, въ № 92 „И." было помѣщено о полученіи нами £ 80 и £ 90 Изъ Нью-Iорка чер. д-ра Ингермана 750 дол. Von Genossen in Cöthen Sammelliste № 44 – 10 м. 45 пф. Отъ финляндцевъ изъ Америки 267 ф. 80 с.

Отчеты группъ содѣйствія партіи: **Лейпцигской** — въ сент. 1904 г. съ бала 189 м.; отъ нѣм. соц.-дем. 89 м.; собр. 48 м.; за литер. 105 м. 10 пф.; черезъ тов. Матвѣевскую 42 м.; на спец цѣль 75 м.; **Дрезденской** — за мартъ: литер. 77 м. 15 пф., для кассъ борьбы 66 м.; эм. кас. 18 м. 80 пф.; разн. 31 м. 75 пф. **Лондонской** — съ дек. 1904 г. по 18 марта 1905 г.: литер. £ 4, 14 шил., $2^{1}/_{2}$ п., съ рефер. 11 шил. $9^{1}/_{4}$ п., отъ Strikers help. Commit. £ 10; член. взн. £ 2, 11 шил., 1 п., съ вечер. £ 1, 10 п. и разные $2^{1}/_{2}$ п.; всего £ 19, 2 шил., $2^{1}/_{4}$ п., изъ нихъ отослано въ Лигу £ 14, 15 ш. 6 п.; **Бернской** — за февр. за литерат. 40 фр. 60 с., лот. бил. 40 фр., карточки 32 фр. 50 с., реф. Мартынова 36 фр. 20 с.; на нужды рев. 2 фр. 50 с., на стач. 3 фр., член. взн, 3 фр. всего 157 фр.; кромѣ того для отъѣзжающ. 233 фр.; **Бильской** — съ 29 янв. по 27 марта за лит. 25 фр. 50 с.; изъ нихъ отослано въ Лигу 10 фр. 15 с. **Базельской** — за мартъ: литер. 55 фр., подписн. л. 60 фр. 20 с., разн. 2 фр. 15 с.; всего 117 фр. 35 с.; изъ нихъ отосл. въ Лигу 103 фр. 40 с. **Нанси** — литер. 25 фр. 75 с., реф. 5 фр., на стачечн. 5 фр. 30 с., член. взн. 4 фр., всего 40 фр. 5, изъ нихъ въ Лигу 38 фр. 80 с. **Женева**. груп. „Единеніе": литер. 141 фр. 75 с. **Парижск.** груп. 275 фр. **Цюрихской** груп. 220 фр. 15 с., изъ нихъ на первомайск. лит. 60 фр. 65 с. **Антверпенской** груп. 50 фр. **Лозаннской** груп. 70 фр., **Брауншвейгской** груп. за литер. 247 м. 95 пф., въ пользу мучен. рус. рев. 225 м. Собр. въ пользу петерб. тов., пострад. 9-го янв. на посл. зас. 1-го съѣзда группъ сод. парт. 49 фр.; изъ **Фридберга** (Гес.) по подписн. лист. № 46 — 11 м. 95 пф. и № 47 — 32 м. 60 пф. Отъ **Кетенской** гр. сод. за янв. за литер. 45 м. 05 пф и разн. 21 м. 60 пф.; отъ **Вѣнской** — за мартъ: литер. 47. 70. спект. 56. изъ нихъ отослано въ Лигу 93. 77.; отъ **Мюнхенской**: — за литер. 30 м. 90 пф. съ рефер 23 м., подп. листъ 12 м. 35 пф., член. взносъ 6 м., конц. 98 м. 21 пф.; отослано въ Лигу 100 м., и разн. расх. 167 м. 57 пф

Изъ помѣщенныхъ въ № 92 и настоящемъ № „И" отчетовъ видно, что во всемъ почти цивилизованномъ мірѣ нашлось не мало отдѣльныхъ лицъ, группъ, обществъ и партій, которыя живо отозвались на воззванія о матеріальной помощи борцамъ за свободу Россіи, а также и жертвамъ русскаго деспотизма. Мы приносимъ, поэтому, отъ имени русскаго пролетаріата, глубокую благодарность за проявленное участіе къ русскому революціонному движенію всѣмъ жертвователямъ, въ особенности рабочимъ Англіи, Франціи, Германіи, Австріи, Швейцаріи и италіанскимъ рабочимъ, живущимъ въ послѣдней странѣ.

Но свобода не добыта еще въ Россіи, борьба не прекратилась, число жертвъ не только не уменьшилось, но наоборотъ, съ каждымъ днемъ все увеличивается; матеріальная же помощь перестаетъ прибывать.

Вотъ что пишутъ намъ изъ Россіи: „получили присланныя Вами деньги и отдали ихъ по назначенію, но это капля въ морѣ нужды: многіе страшно нуждаются, живутъ буквально на гроши; зарабатывать негдѣ, посторонней помощи нѣтъ никакой. Наши либералы намъ ничего не даютъ. Если есть возможность, продолжайте устраивать сборы".

Поправки: 1) Въ помѣщ. въ № 92 „И." отчетѣ вкрались слѣд. пропуски и ошибки: въ отчетѣ изъ Цюриха пропущено названіе этого города и не помѣщ. нѣкотор. суммы; поэтому вновь повторяемъ весь отчетъ: изъ **Цюриха**: съ митинг. 355 фр., отъ финлянд. студ. 240 фр., по лист. 866 фр. 45 с., изъ Фрейб. 107 фр. 35 с., изъ нѣм. Gewerk. 48 фр. изъ Арозы 65 фр., отъ раб. орг. 110 фр., за янв. 500 фр., отъ Hülfskom. 223 фр.; 2) Изъ Парижа отъ груп. рус. студ. мед. 302 фр. 25 с., напеч.: „на партію", нужно: „на стачечниковъ", 3) изъ Кеттена, напеч.: 28 фр., слѣд. 98 фр.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 98. Суббота 23-го апрѣля 1905 г. Годъ V

ПЕРВАЯ КРОВЬ ВЪ МАЙСКІЕ ДНИ.

Снова потоками льется кровь польскихъ пролетаріевъ... Въ „пасхальную“ недѣлю русская армія, день за днемъ, стрѣляетъ въ рабочихъ на улицахъ Ченстохова, Варшавы, Лодзи, Калиша, покрывая неизгладимымъ позоромъ свои военные мундиры. Новая эра царскаго „благоволенія“ къ буржуазной Польшѣ *должна* была ознаменоваться новыми убійствами революціонныхъ польскихъ пролетаріевъ.

Убитыхъ уже теперь около 100 человѣкъ. Новыми всеобщими стачками отвѣчаетъ пролетаріатъ Польши на эти звѣрства, снова показывая міру, какая неистощимая отвага, какая неизсякаемая энергія таится въ немъ. Двухъ мѣсяцевъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ стала заканчиваться полумилліонная стачка, начатая польскими рабочими въ январѣ и стоившая ему кромѣ массы лишеній, никѣмъ неподсчитаннаго въ точности количества убитыхъ. Еще не зажили недавнія раны, еще не сказано послѣднее слово безстыднаго звѣрства царскихъ военныхъ судовъ надъ участниками январьской борьбы — и стоило только наступить великому майскому дню, чтобы улицы польскихъ городовъ украсились красными знаменами, наполнились тысячными толпами демонстрантовъ. И стоило только раздаться первымъ выстрѣламъ царскихъ солдатъ, чтобы могучій левъ — польскій пролетаріатъ — снова воспрянулъ, готовый снова сразиться съ врагомъ, готовый снова проливать свою кровь.

Кровь пролилась, она будетъ еще литься въ эти дни. Такъ хочетъ проклятая судьба, поставившая революціоннѣйшую часть пролетаріата Россіи въ условія господства постояннаго военнаго положенія въ ея родинѣ. Болѣе, чѣмъ какая либо другая часть народовъ Россіи, польскіе рабочіе могутъ о себѣ сказать, что они заслужили право на достойную великаго народа политическую свободу.

Застрѣльщики „майской кампаніи“, польскіе товарищи имѣютъ право разсчитывать на то, что вся пролетарская Россія, отзовется на примѣръ, данный ими, повсюду организовавъ въ майскіе дни ту или иную революціонную манифестацію. Стрѣляя въ мирно шествовавшихъ варшавскихъ рабочихъ, царизмъ бросилъ наглый вызовъ всему россійскому пролетаріату, которому онъ оффиціально грозилъ заранѣе самымъ жестокимъ подавленіемъ всякой попытки къ борьбѣ подъ майскимъ знаменемъ. Пусть же въ отвѣтъ всей рабочей Россіи на свой вызовъ царизмъ услышитъ новое подтвержденіе готовности пролетаріата смести съ лица земли всѣ препятствія къ свободной борьбѣ.

ВЪ ПОГОНѢ ЗА СОЮЗАМИ.

Соціальдемократія имѣетъ, какъ извѣстно, привилегію возбуждать великую нелюбовь и даже ненависть со стороны всѣхъ другихъ политическихъ партій, всегда единодушныхъ, когда дѣло идетъ о нападкахъ на соціалдемократію. Партія пролетаріата, впервые нашедшая ключъ къ сердцу широкихъ *народныхъ* массъ, впервые сумѣвшая пробудить и воспитать ихъ политическую мысль, организовать и мобилизовать ихъ, на почвѣ отстаиванія ихъ *классовыхъ* интересовъ, для борьбы противъ царизма и тѣмъ дать реальную опору борьбѣ всѣхъ слоевъ образованнаго „общества“, эта партія не перестаетъ подвергаться самымъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны свободолюбивыхъ элементовъ этого самаго „общества“. Еще въ послѣднемъ номерѣ „Р. Р.“ (№ 64) г. Бывшій Соціальдемократъ нашелъ въ себѣ достаточно вкуса, чтобы использовать въ этомъ направленіи противъ соціальдемократіи отрывки изъ „недоконченной рукописи“ И. П. Каляева, приговореннаго теперь къ смертной казни за убійство великаго князя Сергѣя. О, конечно, г. Б. С. сдѣлалъ это „не для полемики съ соціальдемократами!“ Но намъ кажется все же весьма характерной эта ненависть къ соціальдемократіи, заставляющая даже дань заслуженнаго удивленія передъ героическимъ актомъ облекать въ форму полемики противъ „Искры“. Вѣдь не пришло же въ голову г-ну Б. С. противоставлять революціонность настроенія Каляева, ну, скажемъ, хоть „постепеновщинѣ“ того „Освобожденія“, съ которымъ „Революціонная Россія“, послѣ парижскаго брака, и до сихъ поръ — оффиціально, по крайней мѣрѣ — не развелась! Очевидно, очень ужъ досадила всѣмъ ужасная грѣшница — соціальдемократія! И самымъ ходячимъ упрекомъ противъ нея, несомнѣнно, является обвиненіе въ помѣхѣ всевозможнымъ „координированнымъ“ дѣйствіямъ, во внесеніи раскола и раздробленія въ среду оппозиціи, въ ослабленіи дружнаго „натиска“ на царизмъ и пр. и пр.

Было счастливое время, когда трогательное согласіе и единеніе господствовали почти на всемъ полѣ оппозиціонной журналистики. Отъ отца нынѣшнихъ с.-р—овъ — „Русскаго Богатства“ — до праматери нынѣшнихъ „умѣренныхъ“ купеческой и земской линіи — „Вѣстника Европы“ — царилъ одинъ и тотъ же неопредѣленный сѣро-розовый цвѣтъ, въ которомъ тонули всѣ оттѣнки политической мысли и всѣ разногласія.

Но было ли это единеніе признакомъ силы оппозиціи? Нѣтъ; оно служило неопровержимымъ свидѣтельствомъ ея слабости; оно подчеркивало чисто оборонительную позицію, которую — и то съ сомнительнымъ успѣхомъ — приходилось занимать всѣмъ „прогрессивнымъ“ элементамъ. Отсутствіе политическаго дробленія оппозиціи и мирное сожительство всего оппозиціоннаго лагеря означали ничто иное, какъ малую *практическую* цѣнность политическихъ программъ. „Идеалъ“—политическая свобода — былъ такъ далекъ, что было совершенно излишне опредѣлять конкретнѣе свое отношеніе къ нему. Можно было довольствоваться самыми туманными формулами, благодаря туманности своей объединявшими всѣхъ.

Выступленіе пролетаріата въ серединѣ 90-хъ годовъ показало правильность разсчетовъ соціальдемократіи. Оно же впервые предъявило оппозиціонному „обществу“ оппозиціонный „народъ“ и тѣмъ самымъ повысило шансы оппозиціи вообще. Политическая свобода начала выступать изъ окутывавшаго ее тумана и пріобрѣтать болѣе опредѣленныя очертанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ всѣми оппозиціонными группами предстала необходимость соотвѣтственно усилить и опредѣленность своей политической позиціи. Эта большая опредѣленность означала повышеніе силы оппозиціи. Но она же означала и начинающееся дробленіе ея. Изъ подъ покрова общаго сходства всѣхъ оппозиціонныхъ группъ, основывавшагося на отрицательномъ отношеніи ихъ къ существующему режиму, начали выглядывать, хотя вначалѣ и весьма слабо, индивидуальныя физіономіи, индивидуальность которыхъ обусловливалась взглядами на методы и цѣли положительной политической борьбы.

Внимательный анализъ показалъ бы, что уже въ эту эпоху, подъ вліяніемъ первой волны пролетарскаго движенія, намѣтились общими штрихами почти всѣ тѣ направленія, которыя теперь, на нашихъ глазахъ, консолидируются въ политическія партіи. Первый же натискъ рабочаго класса на существующій государственный порядокъ, натискъ, въ значительной степени стихійный, воздѣйствовалъ на оппозиціонное „общество“ такимъ образомъ, что „раскалывалъ“ его, одновременно повышая совокупность его силъ и оппозиціонности. Роль соціальдемократіи, истолковывавшей историческій смыслъ стихійнаго движенія рабочихъ массъ, показывавшей его соціальные корни и вѣроятное будущее, сводилась въ этомъ отношеніи лишь къ ускоренію и интенсификаціи этого процесса одновременнаго и неразрывно связаннаго другъ съ другомъ нарастанія силы оппозиціи и ея разслоенія.

Въ томъ же самомъ направленіи шло воздѣйствіе рабочаго движенія и его авангарда—соціальдемократіи — на либерализмъ и демократію и втеченіе всего остального періода, отдѣляющаго насъ отъ середины 90-хъ годовъ. Съ ростомъ рабочаго движенія и усиленіемъ его классового характера, выражающимъ ростущую опредѣленность тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставитъ, растутъ и надежды на возможность политическаго переворота въ Россіи; изъ области „мечтаній“ конституція переходитъ въ область совершенно очевидной возможности. А вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ опредѣленность политической физіономіи оппозиціонныхъ группъ, растетъ ихъ сила и ихъ „дробленіе“.

Разумѣется, литературная критика соціальдемократіи, являвшаяся лишь отраженіемъ фактической критики рабочаго движенія, казалась, какъ кажется и до сихъ поръ, либерально-демократическимъ группамъ, черпавшимъ изъ этого самаго движенія свои силы, досаднымъ нарушеніемъ гармоніи и единства въ борьбѣ съ царизмомъ. Не понимая того процесса, который толкалъ ихъ впередъ, онѣ или отрицали свою эволюцію, или считали ее плодомъ самопроизвольнаго развитія и роста своей политической мысли. И въ каждый данный моментъ своего развитія, онѣ требовали „единенія“ на основѣ достигнутаго ими уровня. Отсюда — любовь къ туманнымъ и неопредѣленнымъ формуламъ, которыя, поскольку онѣ относились къ будущимъ формамъ политической свободы и соціальныхъ преобразованій, могли выражать все, что угодно, или ничего; и отсюда же — великая нелюбовь къ соціальдемократіи, которую сама классовая позиція ея заставляла ставить политическіе вопросы все въ болѣе и болѣе острой и опредѣленной формѣ и создавать такимъ образомъ реактивъ для опредѣленія классовой природы всѣхъ другихъ оппозиціонныхъ группъ.

Въ высшей степени характерно, что соціальдемократія первая выработала себѣ программу, опредѣленно и ясно формулировавшую не только конечныя, но и ближайшія цѣли ея. Въ томъ вопросѣ объ уничтоженіи самодержавія и политической свободѣ, по отношенію къ которому и раздается болѣе всего сѣтованій насчетъ дробленія силъ, соціальдемократія первая сказала въ точныхъ и конкретныхъ терминахъ, чего именно она хочетъ. И до самаго послѣдняго времени (мы оставляемъ въ сторонѣ окраины и націоналистическія партіи) соціальдемократія одна только и имѣла программу, такъ что, въ сущности, она только соціальдемократія и была *политической партіей*; всѣ прочія оппозиціонныя и революціонныя группы были и оставались лишь *направленіями*, формулировавшими только общіе штрихи своей дѣятельности и своихъ цѣлей.

Это отсутствіе программъ и дало возможность чуть не наканунѣ переживаемаго нами революціоннаго періода, уже успѣвшаго такъ безпощадно обнажить классовую подоплеку многихъ „народолюбивыхъ“ направленій, поставить на очередь вопросъ объ „объединеніи“ силъ. „Освобожденіе“ объявляло въ это время, что русское освободительное движеніе „не носитъ на себѣ печати классовой ограниченности“, а „соціалисты“ „Рев. Россіи“ (№ 54, стр. 6) увѣряли, будто „крайняя лѣвая конституціоналистовъ“ „уже теперь“ выражаетъ „гласно нѣкоторыя симпатіи даже къ соціализму“!

Попытка „объединенія“ удалась. Парижскій „блокъ“ и ноябрьскій земскій съѣздъ — это, въ сущности, одна непрерывная цѣпь, такъ какъ освобожденцы, принимавшіе участіе и здѣсь и тамъ, служили соединительнымъ звеномъ. Правда, с.-р—ы хвалились, будто своимъ „блокомъ“ имъ удалось отдѣлить „такіе элементы, которые чужды специфическимъ классовымъ интересамъ аграрно-буржуазнаго ядра и тяготѣютъ ко многимъ тенденціямъ соціалистической демократіи“ (это г. Струве то!), элементы, которые якобы не желаютъ вести никакихъ „переговоровъ съ правительствомъ о „взаимодѣйствіи“ съ нимъ для „умиротворенія“ страны“ („Р. Р.“ № 56, стр. 6) и т. п. Но, во 1-хъ, г. Струве теперь уже печатно заявилъ, что „разговаривать“ съ Николаемъ II онъ пересталъ не въ эпоху „блока“, а лишь послѣ 9-го января; а во 2-хъ, „Р. Р.“ (№ 55, стр. 2—3) сумѣла втолковать массу прекрасныхъ вещей (въ томъ числѣ и всеобщее и пр. избирательное право) и въ резолюціи земскаго съѣзда, удивляясь лишь въ своей неизрѣченной наивности, почему это у земцевъ явилась „странная мысль — говорить лишь далекими намеками въ вопросѣ, который для рабочихъ массъ имѣетъ самое жгучее значеніе“! Такимъ образомъ, очевидно, что, по признанію самихъ с.-р—овъ, политическая платформа „блока“ и земскаго съѣзда была, въ сущности, одна и та же. Желанное „единеніе“ было достигнуто, и можно было позволить себѣ двойной залпъ ругательствъ по адресу „узости“, „доктринерства“, „сектантской нетерпимости“ соціальдемократіи, которая одна оставалась теперь за порогомъ святилища объединенной оппозиціи.

Торжество „единенія“ продолжалось, однако, недолго. Не успѣлъ еще блокъ совершить ни единаго дѣйствія, какъ грянула январьская буря и почти однимъ ударомъ разрушила такъ старательно возведенное зданіе. Если до январьскихъ событій рабочій классъ, поскольку движеніе его было стихійнымъ и не обращалось *непосредственно* противъ самодержавія, игралъ въ значительной степени лишь роль разрушительной и дезорганизующей правительственный механизмъ силы, то теперь положеніе измѣнилось. Начиная съ 9-го января все большая и большая часть рабочаго класса ставитъ себѣ сознательною цѣлью борьбу не только за политическую свободу вообще, но и за опредѣленныя, конкретныя формы ея, именно тѣ, которыя намѣчены въ программѣ соціальдемократіи. Такое открытое выступленіе широкихъ массъ на непосредственную борьбу съ царизмомъ и знаменуетъ собою начало революціи. Политическая свобода и связанныя съ нею соціально-экономическія преобразованія становятся, такъ сказать, осязательными. Выдвигается рядъ соціально-политическихъ проблемъ, которыя можно почти нащупать руками и отъ которыхъ нельзя отговориться туманными фразами. Дѣло идетъ „въ серьезъ“ и классовые интересы заставляютъ отнестись къ нему „въ серьезъ“.

Послѣ 9-го января на нашихъ глазахъ совершается процессъ не только распаденія объединенной оппозиціи, но и образованія политическихъ партій съ опредѣленной политической и соціально-экономической программой. Классовый характеръ рабочаго движенія заставляетъ выдѣлиться въ особую группу промышленный либерализмъ. Вовлеченіе въ движеніе крестьянства даетъ толчокъ образованію „правой“ и „лѣвой“ партіи земскаго либерализма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, соціальдемократія перестала пользоваться привилегіей вести одновременно борьбу на два фронта, хотя и различными методами: противъ царизма и противъ всѣхъ другихъ, хотя-бы и „прогрессивныхъ“ партій, поскольку ихъ дѣятельность противорѣчитъ классовымъ интересамъ пролетаріата. Всякая новообразующаяся партія сейчасъ-же начинаетъ такую же войну противъ всѣхъ во имя представляемыхъ ею классовыхъ интересовъ. Купеческая партія прямо заключаетъ „конвенцію“ противъ требованій рабочихъ; Шиповская партія, открывая войну противъ самой идеи ограниченія монархіи, тѣмъ самымъ направляетъ свою программу не только противъ рабочей и крестьянской демократіи, но и противъ купечества и противъ своихъ-же болѣе либеральныхъ собратьевъ-земцевъ, которые думаютъ спасаться отъ аграрной революціи аграрной реформой или полуреформой, вмѣсто того, чтобы бросаться, по Шиповскому рецепту, въ объятія самодержавія. Только что родившись наши „національ-прогрессисты“ не только требуютъ цензовыхъ выборовъ, но считаютъ нужнымъ сейчасъ-же нарочито подчеркнуть свое твердое намѣреніе *бороться противъ* всеобщаго избирательнаго права. Вотъ онъ, истинный смыслъ знаменитаго пункта 7 земской резолюціи о „равенствѣ политическихъ правъ“ всѣхъ гражданъ!

Такъ постепенно съ ходомъ революціи и съ усиленіемъ революціоннаго натиска на царизмъ спадаютъ идеалистическіе покровы, обнажаются классовые интересы и растетъ „дробленіе“. Та либеральная буржуазія, которую видѣла раньше одна „доктринерская“ соціальдемократія, встаетъ теперь передъ всѣми во всей своей силѣ и организованности. И, быть можетъ, теперь даже „соціалисты“ изъ „Рев. Россіи“ поймутъ, почему соціальдемократія не могла связывать себя съ почтенной кампаніей парижской конференціи и петербургскаго съѣзда.

Они, впрочемъ, и сами чувствуютъ теперь — и уже съ точки зрѣнія не только „соціалистичности“, но и „революціонности“ — нѣкоторый конфузъ отъ своихъ похожденій въ поискахъ за „союзомъ“. Мы еще разсчитываемъ вернуться къ этому вопросу, а пока посовѣтуемъ читателю хоть бѣгло пробѣжать и сравнить №№ 55, 56, 61 и 64 „Революціонной Россіи“, чтобы увидѣть куда приводитъ „безпокойная ласковость взгляда“, ищущаго „единенія“ и „союза“ во что бы то ни стало.

И теперь, когда намъ указываютъ на вставшіе на революціонный путь элементы демократіи и совѣтуютъ заключить блокъ съ ними, мы скажемъ: мы знаемъ, знаемъ такъ-же хорошо, какъ знали это раньше относительно гг. Шиповыхъ, Трубецкихъ, Струве и пр. и пр., что эволюція этихъ элементовъ далеко еще не кончилась, что настанетъ моментъ, когда „печать классовой ограниченности“, лежащая на нихъ и видимая нами, станетъ видна и всѣмъ такъ же ясно, какъ она видна теперь соц.-рев. относительно г. Струве. Мы знаемъ, что главная сила нашей партіи — въ ея *классовомъ* характерѣ, который только и даетъ намъ возможность политически сплачивать, организовывать и мобилизовать все большія и большія массы пролетаріата. А только процессъ такой политической мобилизаціи дѣйствительно подготовляетъ народъ къ возстанію, и только на его основѣ можетъ получить не игрушечные размѣры и техническая подготовка возстанія. Вступить въ блокъ съ буржуазно-демократическими, хотя бы и революціонными элементами, значитъ сглаживать острыя грани классоваго характера нашей партіи, ибо только при этомъ условіи соглашеніе для достиженія опредѣленной цѣли пріобрѣтаетъ хоть какой нибудь смыслъ. Но сдѣлать это значитъ уменьшить размахъ нашей работы, революціонизирующей рабочее движеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшитъ и питающуюся этимъ движеніемъ революціонность буржуазной демократіи...

ЦАРСКОЕ ПОПЕЧЕНІЕ О КРЕСТЬЯНАХЪ.

Русское правительство недовольно недостаточно быстрымъ и недостаточно бурнымъ развитіемъ русской революціи. Этотъ выводъ напрашивается самъ собой при сопоставленіи различныхъ проявленій его государственной мудрости.

Въ отвѣтъ на волненія рабочаго класса и городской буржуазіи, требующихъ политической свободы, указъ 12 декабря провозвѣщаетъ реформу, имѣющую цѣлью поднять положеніе крестьянства. Самодержавіе надѣется противопоставить непримиримо-враждебному отношенію къ нему городского пролетаріата и буржуазіи благожелательно—выжидающее отношеніе крестьянства. Не безъ содѣйствія земскихъ начальниковъ, изъ крестьянства выбиваются десятки „всеподданнѣйшихъ“ благодарственныхъ адресовъ. Но наступаютъ январьскіе дни. Городская революція подняла свои волны на недосягаемую еще высоту. Теперь мало уже „нейтрализовать“ деревню, ее надо мобилизовать противъ города. Аппаратъ полицейской провокаціи пущенъ въ ходъ. Средства ея ограничены, методы воздѣйствія — первобытны. Поднять мужика въ защиту голаго принципа православія и самодержавія—выше ея скудныхъ силъ. Убогой идеями, ей приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія, то есть, въ концѣ концовъ, по той линіи, на которой реакціонные предразсудки мужика соприкасаются съ его примитивно-революціонными инстинктами. Свой лозунгъ: „бей интеллигента, соціалиста, земца, либерала,“, она вынуждена перевести на понятный наиболѣе отсталымъ слоямъ крестьянства языкъ: „бей барина!“ Задаваясь цѣлью натравливать деревенскую сермягу на городской пиджакъ, она вынуждена въ свою демагогическую агитацію внести мотивы соціальной борьбы между мелкимъ и крупнымъ землевладѣніемъ. Спекулируя на политическую темноту и реакціонность крестьянства, она разжигаетъ его соціальное недовольство — вѣчный источникъ политическаго просвѣщенія и революціонизированія. Начавъ съ попытки помѣшать революціонной заразѣ проникнуть въ деревню, самодержавіе само заноситъ ее туда. Зловѣщее: „слишкомъ поздно!“ раздается по обыкновенію, въ отвѣтъ на новыя политическія авантюры разлагающагося режима.

Слишкомъ поздно! Прежде, чѣмъ полицейскіе демагоги успѣли сорганизовать „безпорядки“ въ полдюжинѣ уѣздовъ, *самостоятельно* начались „безпорядки“ въ десяткахъ мѣстностей. Одно уже это обстоятельство разрушаетъ дьявольскій умыселъ самодержавія. Кишиневъ и Баку въ видѣ „примѣрныхъ сраженій“ могутъ, по его замыслу, пригодиться въ его „внутренней политикѣ“; но „всероссійскій Кишиневъ“, но повсемѣстная гражданская война, даже подъ реакціоннымъ знаменемъ, прежде всего дезорганизуетъ его собственныя силы, уничтожаетъ кредитъ, разливаетъ панику въ окружающихъ его общественныхъ слояхъ, деморализуетъ его собственный бюрократическій механизмъ и, въ концѣ концовъ, лишаетъ всякой возможности направлять имъ же разнузданную стихію. Централизованный бюрократическій аппаратъ самодержавія еще можетъ, по указанію свыше, разлить по странѣ анархію, онъ уже давно неспособенъ служить цѣли организаціи какого бы то ни было общественнаго движенія. И если локализованные крестьянскіе „бунты“ могли пригодиться самодержавію для цѣли устрашенія буржуазной оппозиціи, то всеобщее крестьянское возстаніе, каждый часъ грозящее освободиться отъ налипшей на немъ реакціонной политической программы „единенія съ царемъ“, имѣетъ ближайшимъ послѣдствіемъ такое напряженіе репрессивной энергіи, которое одно можетъ обезсилить царизмъ до полнаго истощенія.

Слишкомъ поздно! Въ атмосферѣ *начала* революціи „вандейское“ движеніе быстро идетъ къ превращенію въ движеніе противъ всѣхъ бастилій. Тѣмъ болѣе ясна эта опасность, чѣмъ рѣшительнѣе на окраинахъ, облекающихъ громадное тѣло черноземной Руси, формируется *организованное и сознательное* революціонное движеніе крестьянской бѣдноты. Разгорается руководимое соціальдемократами крестьянское возстаніе въ Гуріи и распространяется на весь Кавказъ. Организованная и политически сознательная борьба польскихъ и латышскихъ батраковъ и арендаторовъ указываетъ сельскому населенію сосѣднихъ областей тотъ путь, на которомъ оно рѣшительно разойдется съ царизмомъ. Уже въ юго-западныхъ губерніяхъ начинаются массовыя стачки и бойкоты. Если русскій черноземъ *пока* еще не идетъ дальше разгромовъ усадебъ, передѣла полей и сожженія сахарныхъ заводовъ—этихъ символовъ капитализаціи аграрныхъ отношеній,—то кто можетъ поручиться реакціонерамъ за завтрашній день? Кто можетъ дать имъ какую-нибудь гарантію, когда они видятъ, что въ крестьянствѣ зрѣетъ *политическое* недовольство, когда они чувствуютъ, что революціонныя и оппозиціонныя вліянія города пробиваютъ бреши въ толщѣ крестьянскаго индиферентизма, когда они замѣчаютъ, что и съ буржуазнаго, и съ пролетарскаго конца городского движенія въ деревню идутъ какія-то нити, по которымъ хоть отчасти переливается въ нее пониманіе „городскихъ“ программъ, сочувствіе городскимъ лозунгамъ? Правда, въ данный моментъ крестьянское стихійное возстаніе идетъ еще, повидимому, въ сторонѣ отъ этихъ слабо пробивающихся струй демократическаго и соціалистическаго броженія деревни, но долго ли еще продлится такое положеніе?

Подъ напоромъ крестьянскихъ „бунтовъ“, подстегиваемые полицейской провокаціей, крайніе элементы буржуазной оппозиціи спѣшатъ формулировать аграрную программу, которая могла бы сдѣлать ихъ борьбу популярной въ глазахъ подымающагося крестьянства. Хотя и очень плохо и очень нерѣшительно, демократическая оппозиція пытается, такимъ образомъ, повернуть противъ самодержавія приставленное имъ къ ея груди оружіе. Въ то же время наиболѣе умѣренные изъ оппозиціонныхъ элементовъ, связанные съ землевладѣніемъ, спѣшатъ построить самодержавію золотой мостъ для отступленія. За прекращеніе полицейской демагогіи они сулятъ царизму отказъ отъ конституціоналистскихъ требованій. Покинутая было всѣмъ міромъ, монархія вновь пріобрѣтаетъ, хотя и не безкорыстныхъ, союзниковъ. Повернувшееся къ нему въ дни недавней „весны“ своей либеральной стороной, всероссійское дворянство начинаетъ оборачиваться къ нему теперь стороной реакціонной. Надо ловить моментъ и спѣшить закрѣпить начинающееся сближеніе. Надо бить отбой и, посуливъ крестьянину праздничнаго „мужицкаго царя“, надѣляющаго его барской землей, вновь показать ему исконнаго царя сѣрыхъ будней, охраняющаго „неприкосновенность частной собственности“.

Указъ, учреждающій мѣстныя коммиссіи для опредѣленія убытковъ, понесенныхъ помѣщиками отъ крестьянскихъ безпорядковъ и взысканія этихъ убытковъ съ крестьянъ, заканчиваетъ короткій періодъ новомодной игры въ „народную политику“. Еще разъ самодержавіе подписало себѣ свидѣтельство безнадежнаго банкротства. Выступая рѣшительно противъ поощрявшагося имъ же подъ сурдинку крестьянскаго движенія, оно одновременно разрушаетъ иллюзію „мужицкаго царя“ въ головахъ крестьянъ и—иллюзію „правового самодержавія“ въ головахъ тѣхъ самыхъ „національ-прогрессистовъ“, ради которыхъ оно разрываетъ съ крестьянствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ: нужна ли еще лучшая иллюстрація реакціонности *всякихъ* фантазій о совмѣстимости европейской политической свободы съ сохраненіемъ азіатской монархіи Романовыхъ, чѣмъ этотъ новый актъ царскаго „правосудія“?

Внѣ всякаго суда, крестьянство цѣлыхъ мѣстностей подвергается взысканію военной контрибуціи въ пользу „благороднаго сословія“. Убытки опредѣляются коммиссіей изъ чиновниковъ и мѣстныхъ помѣщиковъ. Упраздненная круговая порука возстановляется. Обѣщаніе объ уравненіи крестьянскаго сословія въ гражданскихъ правахъ грубо нарушается отдачей крестьянскаго имущества въ зависимость отъ рѣшенія чиновно-помѣщичьихъ коммиссій. Провозвѣщенное „охраненіе полной силы закона“ звучитъ насмѣшкой. Только что—въ рескриптѣ Горемыкину — сказанныя слова о необходимости помочь пошатнувшемуся крестьянскому хозяйству реализуются въ указѣ, предписывающемъ добивать это убогое хозяйство. И „зрѣлыя общественныя силы“, взывающія къ монархіи о союзѣ съ ними для охраны „порядка“, должны (даже устами „Новаго Времени“) констатировать, что все, что можетъ имъ предложить самодержавіе, исчерпывается грубымъ насиліемъ и беззаконнымъ произволомъ.

Въ тотъ самый моментъ, когда на монархію явился общественный спросъ, какъ на *регулятора* разнуздавшейся гражданской войны, она оказалась способной выступить только въ роли башибузука, открыто отдающаго свою грубую силу на служеніе одной сторонѣ и тѣмъ самымъ еще пуще разжигающаго эту войну. Для другой роли у монархіи нѣтъ уже никакихъ средствъ. И обернувшійся лицомъ къ бюрократическому идолу дворянинъ-помѣщикъ видитъ въ его полированной поверхности свои собственныя черты, искаженныя бѣшенствомъ ущемленнаго собственника, столь далекія отъ того европейскаго облика „перваго сословія“ въ облагороженномъ „реформами“ государствѣ, который рисовался при созданіи либерально-монархическихъ программъ...

Захочетъ ли помѣстное дворянство признать себя въ этомъ портретѣ? Приметъ ли оно участіе въ „коммиссіяхъ по дѣламъ крестьянскаго разоренія“, куда самодержавіе, не безъ хитраго разсчета, приглашаетъ мѣстныхъ земскихъ дѣятелей? *Промолчитъ* ли оно на своихъ съѣздахъ о новомъ вопіющемъ насиліи царизма надъ крестьянской массой, о новой гнусной насмѣшкѣ надъ элементарными понятіями права и законности? Станетъ ли оно соучастникомъ правительства въ его походѣ на крестьянство?

Какъ бы ни отвѣтила дѣйствительность на этотъ вопросъ, теперь уже ясно, что время двусмысленныхъ политическихъ позицій миновало для умѣренно-либеральныхъ элементовъ оппозиціи. Стихійное крестьянское движеніе продолжаетъ то, что начало сознательное движеніе пролетаріата — вырываетъ все болѣе глубокую пропасть между консервативными и „разрушительными“ силами русской дѣйствительности. Или самодержавіе во всей его азіатской красѣ, или революція, — другого выхода нѣтъ. Но революція, низвергающая старый политическій порядокъ, немыслима при сохраненіи соціальнаго statu quo

Незыблемость аграрныхъ отношеній, завѣщанныхъ крѣпостнымъ правомъ, является чистой утопіей для того, кто не желаетъ укрѣплять падающее самодержавіе. Близорукіе фанатики кастовыхъ интересовъ могутъ не замѣчать этого. Буржуазное общество въ цѣломъ должно понять это, если не хочетъ проиграть свое собственное дѣло.

Чѣмъ рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе поведетъ рабочая партія свою революціонную работу въ деревнѣ, тѣмъ скорѣе буржуазное общество пойметъ положеніе дѣлъ, тѣмъ радикальнѣе будетъ та аграрная революція, которую оно должно будетъ поддержать.

ЗАХВАТНОЕ ПРАВО

Послѣ девятаго января кануны дней, имѣющихъ особое историческое значеніе въ глазахъ широкихъ массъ народа, становятся днями высочайшихъ „реформъ“, или, вѣрнѣе, обѣщаній реформъ. Наканунѣ годовщины освобожденія крестьянъ, 18-го февраля, было обѣщано рескриптомъ народное представительство и дано указомъ такъ называемое право „петицій“ или открытаго заявленія пожеланій по части организаціи этого представительства. Наканунѣ 18-го Апрѣля (1-го мая), дня всемірнаго праздника рабочихъ, возвѣщены реформы въ вѣроисповѣдной области и кое какія льготы крестьянамъ по части сложенія недоимокъ. На всѣхъ этихъ „обѣщаніяхъ“, уже при самомъ рожденіи ихъ, лежитъ печать іудушкинаго двоедушія, изыскивающаго одновременно съ обѣщаніемъ и „наиудобнѣйшіе пути“ къ его нарушенію. И само собою разумѣется что, лишь только проходитъ опасный день, какъ „обѣщаніе“ откладывается въ дальній ящикъ. „Народное представительство“ и по сей день еще находится въ стадіи „собиранія матеріаловъ“, а что касается пресловутаго права „петицій“, то указъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 апрѣля ставитъ тѣ точки надъ і, которыхъ благодушные люди могли не замѣтить въ указѣ царя отъ 18-го февраля. Великій визирь разъясняетъ волю падишаха: не допускается „разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ“. Это разъ. А во-вторыхъ, обсужденіе „видовъ и предположеній“ въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, „если не будетъ *усмотрѣна* опасность возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія“. Словомъ, министръ объясняетъ, что, „не препятствуя“ и пр., слѣдуетъ все-же принять къ „непремѣнному руководству“ старинное и мудрое правило отечественной конституціи, что, „ежели ты ничего не сдѣлаешь, то тебѣ ничего за это и не будетъ“, но въ случаѣ чего... царское правительство намѣрено „распорядиться“.

Если-бы у самодержавія сохранялась прежняя возможность „распорядительства“, то, конечно, всѣ тѣ резолюціи, постановленія, ходатайства, заявленія и пр. и пр., которыя теперь сыплятся какъ изъ рога изобилія, должны были-бы отойти въ область преданій о прекрасной, но мимолетной веснѣ. Но силы царизма слишкомъ поглощены расправой съ заявляющими свои требованія народными массами, чтобы оно могло услѣдить и во время принять необходимыя мѣры „пресѣченія“ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обсужденіе „видовъ и предположеній“ исходитъ изъ „привилегированныхъ“ слоевъ общества. Водворяется своего рода „захватное право“ собраній, слова, союзовъ, печати. Мы, конечно, можемъ только радоваться тому, что „общество“, хотя и съ недостаточной на нашъ взглядъ энергіей, пользуется этимъ „правомъ“ и вырываетъ у самодержавнаго хищника его добычу. Но не мѣшаетъ помнить о томъ, что только потоки крови, проливаемые въ открытой борьбѣ народомъ, составляютъ основу этой своеобразной неписанной „конституціи“. А въ такомъ случаѣ, пожалуй, не слѣдовало-бы, подобно г. Струве (О. №68), презрительнымъ движеніемъ руки отметать „жуткія предчувствія катастрофъ“ и „рѣшать отрицательно“ вопросъ о „пригодности или цѣлесообразности вооруженнаго возстанія *въ данный моментъ*“. Если то, что происходило послѣ 9 января чуть не по всѣмъ пунктамъ скопленія рабочихъ, то, что происходитъ на Кавказѣ, и то, что произошло и происходитъ въ Польшѣ, а также событія въ деревняхъ — не есть *уже начинающееся* возстаніе, то было-бы любопытно послушать, въ какомъ-же видѣ представляетъ себѣ ходъ возстанія г. Струве, съ изумительной смѣлостью утверждающій, будто партіей соціаль-демократовъ „*всецѣло* (курс. нашъ) владѣетъ идея вооруженнаго сопротивленія и *матеріальной* (курс. Осв.) его подготовки“. Нѣтъ, г. Струве, пора понять, что только наличность уже начинающагося возстанія въ „данный моментъ“ и даетъ вамъ и вашимъ единомышленникамъ возможность переходить изъ „созерцательнаго“ настроенія въ „дѣйственное“....

ДАЧНИКИ.

Россійская разночинная интеллигенція первая вступила въ революціонную борьбу со всѣмъ самодержавнымъ гнетомъ въ цѣломъ во имя широкихъ демократическихъ идеаловъ.

Но она была слишкомъ малочисленна, слишкомъ слаба, а классъ, интересы котораго она выражала, слишкомъ инертенъ и подавленъ ужасомъ предъ надвигавшимся капитализмомъ.

Глаза ея невольно обратились къ тѣмъ широкимъ слоямъ, которые наиболѣе испытывали тяжесть гнета и потому были наиболѣе предрасположены когда-нибудь возстать противъ него.

Надежды собственными силами запугать правительство, добиться реформъ, свергнуть самодержавіе, могли жить только рядомъ съ надеждой на поддержку, по меньшей мѣрѣ, на сочувствіе со стороны народа.

Чтобы подготовить это сочувствіе, революціонная интеллигенція пошла въ народъ: къ крестьянамъ, къ рабочимъ.

Чтобы подготовить это сочувствіе, надо было написать на своемъ знамени идеалы, которые выражали бы дѣйствительные и существенные интересы тѣхъ, кого надо было привлечь на свою сторону.

Борьба за интересы рабочаго народа стала условіемъ борьбы за обще-демократическіе идеалы, — болѣе того, — слилась съ нею въ одно неразрывное цѣлое.

Жизнь повела ее дальше.

Разгромъ „Народной Воли“ и послѣдовавшая затѣмъ дикая реакція 80-хъ годовъ почти совпали съ нарожденіемъ у насъ капитализма и выступленіемъ на историческую арену новой общественной силы: промышленнаго пролетаріата.

Ученіе Маркса, извѣстное нашей революціонной интеллигенціи уже давно, но какъ будто забытое ею, теперь снова вспомнилось ей, открыло передъ ней новыя перспективы, указало новые пути.

Революціонная интеллигенція, уже раньше проникнутая идеалами соціализма, теперь подняла знамя соціальдемократіи и понесла его въ рабочія массы.

Она явилась по отношенію къ пролетаріату тѣмъ твердымъ тѣломъ, которое, будучи опущено въ насыщенный растворъ, вызываетъ въ немъ процессъ кристализаціи.

Рабочее движеніе началось.

Рабочее движеніе росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ, росла и политическая сила пролетаріата.

Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, росло и классовое самосознаніе средней и мелкой буржуазіи.

Изъ ея среды началъ выдѣляться все большій и большій слой радикальной демократической интеллигенціи, которая уже сознавала или, по крайней мѣрѣ, чувствовала, что интересы пролетаріата не *ея* интересы, чужды и даже враждебны имъ. Но она понимала также, что безъ пролетаріата она безсильна, что „только пролетаріатъ, сознающій свои классовые интересы,

Наши злоключенія*).

II.

О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціальдемократіи

Что русскую соціальдемократію разъѣдаетъ какой то недугъ, это знаетъ—по нашимъ временамъ затяжного партійнаго кризиса—разумѣется, всякій, кому не лѣнь только знать. Это знаютъ даже тѣ мономаны, которые всѣ свои душевныя и умственныя силы ухлопали на процессъ искорененія партійной крамолы; для нихъ „внутренній врагъ“ и есть тотъ болѣзнетворный микробъ, котораго надо убить; для нихъ и болѣзнь соціальдемократіи поддается леченію только патентованныхъ средствъ старинной медицины — purgare et clistirizzare.

Мономаны смѣшны, но не одни мономаны видятъ корень недуга въ сторонней *внѣшней* причинѣ, не они одни полагаютъ, что организмъ россійской соціальдемократіи былъ бы здоровъ, если бы только не наличность *инороднаго* тѣла. Приблизительно такъ говорили всѣ мы пять лѣтъ тому назадъ, такъ въ частности писалъ и я когда то, призывая соціальдемократа „стряхнуть съ себя иго демократическаго плѣненія“. Правда, это было въ моментъ, непосредственно слѣдовавшій за наибольшимъ расцвѣтомъ экономизма, это было тогда, когда звѣзда Тугана-Барановскаго и Струве еще сіяла полнымъ свѣтомъ на небосклонѣ журнальнаго марксизма. Однако, съ тѣхъ поръ великое множество перемѣнъ произошло въ общественныхъ конъюнктурахъ. Экс-властители думъ, на спѣхъ продѣлавъ эволюцію „отъ марксизма къ идеализму“, порвали свои послѣднія соціальдемократическія связи и не позже 1902 г. уже оказались передовыми застрѣльщиками „умѣренныхъ отцовъ“ либерализма. Подъ впечатлѣніемъ весеннихъ событій 1901 года съ необыкновенной быстротой совершался процесъ высвобожденія демократической интеллигенціи изъ подъ чаръ пролетарскаго ученія. Ушли „умѣренные“, уходили и революціонные демократы: соц.-рев. съ шумомъ подымали свое знамя, приглашая подъ него всѣхъ и вся. Становилось довольно таки просторно,—чтобы не сказать пустынно,—въ рядахъ марксистской, соц.-демократической интеллигенціи. А, между тѣмъ, соціальдемократія — очищенная, исправленная — тянула все туже надоѣдливо-запоздалую ноту, голосомъ автора брошюры „Что дѣлать?“ заявляя о существованіи „коренной противоположности двухъ направленій въ русской соціальдемократіи“ и о необходимости борьбы — „рѣшительной борьбы“ — „съ этимъ расплывчатымъ и мало опредѣленнымъ, но за то тѣмъ болѣе устойчивымъ и способнымъ возрождаться въ разнообразныхъ формахъ направленіемъ. Ecrasez l'infâme! И это тогда, когда l'infâme, нечестивецъ, котораго надлежало изничтожить, было наполовину уже увядшее „Рабочее Дѣло“. Вскорѣ оно увяло окончательно и, ко времени партійнаго съѣзда 1903 г., оставило по себѣ лишь одни воспоминанія, да пару „обломковъ разбитаго корабля“. Казалось бы: наконецъ то наступила желанная, давно жданная минута успокоенія: „посторонніе“ удалены, въ худшемъ случаѣ—не у дѣлъ, поле брани свободно, оставалось бы только констатировать, что періодъ размежовокъ законченъ и перейти къ очереднымъ дѣламъ. Но какъ бы ни такъ: „сказка о бѣломъ бычкѣ“ начиналась сначала: „курилка“ оппортунизма, оказывается, былъ пуще прежняго живъ и распространялъ свою заразу на добрую половину всей партіи. Мало того. Онъ захватилъ въ свои цѣпкія лапы родоначальницу русской соціальдемократіи — „Группу Освобожденія Труда“. Въ результатѣ: „исключительные законы“, „осадное положеніе“, проскрипціонные списки и желѣзное кольцо уставныхъ нормъ и гарантій, предназначенное служить непроницаемой броней для столь подверженнаго зараженію организма нашей партіи. И въ концѣ концовъ, послѣ полуторагодичнаго „уставнаго“ существованія надвигающійся расколъ по всей линіи.

Своеобразный „итогъ“! Когда „Искра“ еще только зачиналась, была брошена въ оборотъ сакраментальная формула: необходимо размежеваться, прежде чѣмъ соединиться. И съ того дня и до настоящаго времени соціальдемократія занимается — въ потѣ лица своего — размежеваніемъ. Пять цѣлыхъ лѣтъ! И до сихъ поръ не видно конца краю этому ея упражненію. Она готова размежевываться до пульверизаціи и все не можетъ подойти къ обѣщанному формулой вожделѣнному моменту соединенія. Она размежевывается! — такъ больной, который бредитъ, готовъ сбросить съ себя все, и остаться въ чемъ мать родила, и разбить себѣ голову о стѣну, потому что внутренняя боль его тѣла, порожденія его больной головы, проектируются имъ на экранѣ сознанія, какъ вещи въ себѣ, какъ самостоятельныя причины его бѣдъ.

2.

Словъ нѣтъ, марксистообразная демократія стояла въ свое время надъ душой россійскаго соціальдемократическаго движенія, награждая его антиреволюціонной „трезвенной“ умѣренностью“, тѣмъ особымъ видомъ поссибилистской приспособляемости, который на ленинскомъ жаргонѣ назывался „хвостизмомъ“ и иными, столь же мало похвальными свойствами, но во первыхъ, *этотъ* типъ буржуазно-демократическаго вліянія, какъ я уже сказалъ, сошелъ почти на нѣтъ къ началу 900-хъ годовъ, съ наступленіемъ эры демонстрацій, террористическихъ настроеній и общаго революціонизированія демократической интеллигенціи, а во вторыхъ, — и это главное — даже единичный примѣръ этого буржуазно-демократическаго повѣтрія долженъ былъ бы, казалось, вплотную подвести насъ къ проклятому вопросу: почему же россійская соціальдемократія столь чувствительна къ повѣтріямъ, отчего нѣтъ въ ней устойчивости, отчего гнется она, точно стебель, колеблемый вѣтромъ, изъ стороны въ сторону. А подойти къ вопросу значило себѣ уяснить, что представляетъ собою соціальдемократія, какова та среда, тотъ общественный комплексъ, который у насъ, въ Россіи, впитываетъ въ себя, преломляетъ въ призмѣ своей психологіи, интерпретируетъ, комментируетъ, перерабатываетъ сообразно своему „естеству“ въ политическіе лозунги, въ тактическія директивы, въ организаціонные „планы“ — великое ученіе международнаго пролетаріата. Или, иначе говоря: что включаетъ въ себя тотъ революціонный, соціальдемократическій остатокъ, который получается за вычетомъ всего чужероднаго послѣ самаго что ни на есть скрупулезнаго отцѣживанія зараженныхъ или хотя бы только сомнительныхъ элементовъ.

Немногія исключенія не въ счетъ, въ этомъ революціонномъ соціальдемократическомъ остаткѣ оказывается все та же интеллигенція.

Но въ томъ то и дѣло, что эта кардинальная и въ своемъ родѣ роковая особенность россійской соціальдемократіи долгіе годы принадлежала къ числу тѣхъ истинъ, о которыхъ не принято говорить, которыя въ лучшемъ случаѣ пользуются полупризнаніемъ и изъ которыхъ во всякомъ случаѣ не дѣлается какихъ либо практическихъ выводовъ. Если одни отъ нея просто отмахивались, то другіе готовы были даже отрицать самый фактъ, казалось бы, неоспоримый. Неудивительно, конечно, что въ настоящіе дни литература Галерки оспариваетъ эту очевидность — на то она и литература Галерки, — но гораздо болѣе удивительно и достойно вниманія, что еще въ 1900 году признаніе интеллигентскаго par excellence состава соціальдемократіи принималось за что то почти еретическое, и это въ то время, когда сознательный пролетарій въ еще большей степени, чѣмъ даже теперь, представлялъ собою rara avis, рѣдкую диковину партійнаго міра. Такъ, я помню хорошо, съ какимъ неудовольствіемъ былъ встрѣченъ иными тотъ тезисъ статьи „Что случилось“, который гласилъ: „марксизмъ въ Россіи до сихъ поръ былъ общественнымъ теченіемъ въ опредѣленной части русской интеллигенціи, такимъ же кровнымъ ея дѣтищемъ, какъ и знаменитое движеніе 70-хъ годовъ“.

Тезисъ былъ непріятенъ: онъ мѣшалъ упрощенному пониманію задачъ нашей партіи, онъ вводилъ въ уравненіе лишнее слагаемое и ставилъ въ упоръ проблему о томъ, какъ согласить преобладающе-интеллигентскій составъ движенія съ его марксистскимъ, а слѣдовательно и соціальдемократическимъ характеромъ; онъ подымалъ тревожную мысль, не преобразуетъ ли может совершить свою историческую миссію сверженія самодержавія". И она пошла къ пролетаріату.

---

*) См. „Искра“, № 78.

Часть ея оставалась внѣ его: въ красныхъ крестахъ, въ легально-марксистскихъ журналахъ, въ сочувствующихъ и содѣйствующихъ группахъ. Другая часть стала проникать въ ряды самого пролетаріата, въ его авангардъ — соціальдемократію, примыкать къ ея интеллигенціи.

Но эти новые пришельцы уже не походили на старыхъ интеллигентовъ-революціонеровъ.

Тѣ сначала идеализировали рабочій народъ вообще, потомъ пролетаріатъ, проникались его интересами, стали на его классовую точку зрѣнія.

Эти были проникнуты исключительно *своими* классовыми идеалами, а въ пролетаріатѣ видѣли только необходимое орудіе для ихъ осуществленія.

Тѣ были соціалистами, соціальдемократами. Эти — якобинцы, связанные съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы.

Естественно, что притокъ къ организованному пролетаріату этихъ новыхъ, по существу чуждыхъ ему элементовъ, отразился на дальнѣйшемъ ходѣ соціальдемократической работы и увлекъ въ сторону наименѣе устойчивую, наименѣе сознательную часть соціальдемократической интеллигенціи и даже рабочихъ.

И это уклоненіе носитъ на себѣ явный отпечатокъ той особой, непролетарской психологіи, которую внесли въ соціальдемократію новые пришельцы.

Обще-демократическіе интересы, борьба за демократическую республику противъ самодержавія стали выдвигаться на первое мѣсто, какъ *главнѣйшая*, чуть ли не единственная задача соціальдемократіи, а чисто пролетарскіе интересы, интересы пролетаріата, какъ *класса*, и борьба за нихъ отодвигались на задній планъ, играя роль чего-то подчиненнаго, подсобнаго. Болѣе того, — находили возможнымъ и нужнымъ тормозить отдѣльныя проявленія этой борьбы, если казалось, что онѣ не совпадаютъ съ общедемократической задачей даннаго момента. Такъ, нѣкоторыя видныя организаціи, называвшія себя соціальдемократическими, вступили даже въ открытую борьбу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, стараясь остановить стачечное движеніе его, направленное противъ *его* враговъ.

Наряду съ этимъ, въ литературѣ, носящей заголовокъ С.-Д. Р. Партіи съ девизомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" — дѣлались усиленныя попытки набросить вуаль на антагонизмъ классовыхъ интересовъ, на законность и безпрерывную необходимость классовой борьбы. Это не было откровеннымъ бернштейніанскимъ отрицаніемъ обостренія классовыхъ противорѣчій. Нѣтъ, о классовомъ самосознаніи пролетаріата упоминалось постоянно и въ выноскахъ и въ скобкахъ. Но тутъ же пролетаріатъ регулярно ставился на одну доску съ крестьянствомъ въ широкомъ смыслѣ слова, говорилось о цѣлесообразности и своевременности „боевого соглашенія" съ буржуазно-демократическими революціонными партіями, — „ибо въ ближайшей цѣли борьбы нѣтъ ничего соціалистическаго" („Впередъ" № 7).

Но особенно духъ новыхъ пришельцевъ сказался въ отношеніи къ пролетаріату, какъ къ слѣпому орудію въ рукахъ „руководителей", какъ къ пушечному мясу въ грядущей буржуазной революціи.

Пока учителя еще прикрывали свои грѣшныя тѣла чужимъ платьицемъ соціальдемократической терминологіи, ученики съ увлеченіемъ неофитовъ не стѣсняются выставлять ихъ на показъ и прямо говорятъ о политическомъ переворотѣ, произведенномъ, „опираясь на *готовую къ повиновенію*... рабочую массу". Руководители намекаютъ на „толпу, лишенную самостоятельныхъ тенденцій къ историческому развитію" и восхваляютъ пролетарскую склонность къ „дисциплинѣ". Ученики намъ объясняютъ, что это за „дисциплина" и на какой предметъ: караси любятъ, чтобъ ихъ жарили въ сметанѣ.

Одинъ изъ героевъ Горькаго говоритъ о россійскихъ буржуазныхъ интеллигентахъ — „дачникахъ" жизни:

— Сору-то сколько... Черти! Въ родѣ гулящихъ эти дачники... появятся, насорятъ, — и нѣтъ ихъ... а ты послѣ ихняго житья разбирай, подметай!

Господа буржуазные интеллигенты-якобинцы чувствуютъ себя, очевидно, въ нашей партіи, словно на дачѣ. Вчера еще они ограничивались писательствомъ въ легальныхъ журналахъ, чтеніемъ рефератовъ на литературныя темы, раздѣляли свои платоническія симпатіи между с.-д. и с. р.

Сегодня они появились въ „рабочей" партіи, появились и насорили: раскололи партію на части, раскассировали и раскостили хозяина партіи — пролетаріатъ, предложили ему пойти къ нимъ на выучку.

Пребываніе ихъ, конечно, не можетъ быть здѣсь продолжительнымъ: они съѣдутъ съ дачи. Они уже теперь намѣтили день и способъ отъѣзда.

Надо прежде всего организовать революцію такъ, чтобы пролетаріатъ могъ вынести ее на своихъ плечахъ, а ихъ — дачниковъ къ „хотя бы временному" захвату власти. Тогда имъ легко будетъ принять мѣры, чтобы пролетаріатъ не „опозорилъ себя", не оказался „революціоннѣе всѣхъ" — революціоннѣе, чѣмъ это требуется для упроченія власти буржуазіи. Тогда имъ легко будетъ открыто бороться противъ „провокаціи", толкающей пролетаріатъ на дальнѣйшую борьбу за свои интересы, на борьбу съ буржуазнымъ обществомъ въ его новой стадіи, съ его новымъ политическимъ представителемъ — „временнымъ правительствомъ".

Вслушиваешься въ эти вожделѣнія и эти опасенія, и начинаешь понимать, что скрывается за возгласомъ: „да здравствуетъ демократическая республика!", которымъ упорно и принципіально ограничиваются дачники-якобинцы въ своихъ новыхъ воззваніяхъ.

Вспоминается демократическая республика Франція. Мильеранъ у власти. Фурми, Шалонъ, Мартиника... Крезо. Недавній Лиможъ...

Но, чтобы свободнѣй имъ было распоряжаться пролетаріатомъ и его силами, имъ надо теперь уже удобно и прочно расположиться въ его „рабочей" партіи, какъ у себя дома.

И вотъ они устраиваютъ съѣздъ, который хотятъ назвать партійнымъ, но который, на самомъ дѣлѣ, будетъ только *ихъ* съѣздомъ, набраннымъ *ими*, составленнымъ на половину изъ нихъ. На этомъ съѣздѣ не будетъ представлена большая половина партіи. Будутъ подставныя лица, делегаты гнилыхъ организацій — организацій, существующихъ только на бумагѣ, делегаты, ничѣмъ не связанные съ тѣми организаціями, отъ имени которыхъ они выступаютъ. Крупнѣйшіе центры окажутся въ такомъ положеніи.

Можно заранѣе видѣть, что пролетаріатъ будетъ играть въ этомъ съѣздѣ такую же роль, какую ему готовило правительство въ комедіи Шидловскаго: роль безсловеснаго лица, поставленнаго для фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Ну, что-жъ! Тѣмъ лучше для нихъ: они окажутся хозяевами. Тѣмъ легче будетъ имъ вычеркнуть изъ партійной программы все то, что еще связано съ ея классовымъ пролетарскимъ характеромъ.

Этотъ съѣздъ могъ бы быть „законнымъ" и „партійнымъ" при одномъ только условіи: быть *учредительнымъ* съѣздомъ новой партіи, которая не будетъ имѣть уже нравственнаго права называть себя ни соціальдемократической, ни рабочей.

Но они на это не пойдутъ. Имъ нѣтъ никакого разсчета покидать такъ рано мѣсто, на которомъ они только что собрались усѣсться поудобнѣй.

Они постараются устроить этотъ съѣздъ — пикникъ въ свое удовольствіе.

А ты, пролетаріатъ, „послѣ ихняго житья разбирай! Подметай! .."

Къ счастью, опасность только въ этомъ: ничего худшаго они не могутъ сдѣлать.

Какъ ни увѣрены они въ своихъ силахъ руководителей, какъ ни разсчитываютъ они на „дисциплину" пролетаріата, имъ не удастся уже ни затемнить его классоваго самосознанія, ни повернуть его движеніе лѣвымъ плечомъ впередъ.

Вчера еще они гордо называли себя „большинствомъ". Сегодня это названіе звучитъ злою насмѣшкой надъ ними.

Развратить двухъ-трехъ интеллигентовъ, принципіально не выдержанныхъ и еще не сжившихся съ классовой точкой зрѣнія пролетаріата, обмануть десятокъ-другой пролетаріевъ, увлекшихся чистой политикой — вотъ все, что сулитъ имъ завтрашній день.

И тогда, — когда они увидятъ, что партія пролетаріата не даетъ имъ желанныхъ тріумфовъ, что, напротивъ того, они сами, „неразрывно связавъ себя съ организаціей пролетаріата", вынуждены порой итти противъ своего собственнаго класса, — тогда они поднимутъ забрало и явятся предъ нами въ своемъ природномъ видѣ якобинцевъ tout court, безъ всякихъ стѣснительныхъ для нихъ оговорокъ.

О. Лушинъ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПАРТІИ.

Въ „Vorwärts"'ѣ помѣщены свѣдѣнія о новой конференціи различныхъ революціонныхъ партій, имѣвшей мѣсто недавно. Конференція была созвана „отцомъ" Гапономъ, который, повидимому, начинаетъ серьезно смотрѣть на себя, какъ на призваннаго „объединителя" революціонныхъ силъ. Приглашеніе отъ Г. Гапона, который, кстати сказать, снова облекся въ священническую рясу (см. только что изданную Партіей С.-Р. листовку „Священника Г. Гапона ко всему крестьянскому люду воззваніе"), было прислано и намъ. Совѣтъ партіи, не входя въ обсужденіе поставленныхъ конференціи задачъ и ея состава, ограничился въ своемъ отвѣтѣ Гапону указаніемъ на безнадежность такихъ попытокъ соглашенія различныхъ политическихъ партій, которыя исходятъ отъ отдѣльной личности, стоящей „надъ партіями". Отъ участія въ конференціи, созываемой отдѣльнымъ лицомъ, притомъ, вообще, слишкомъ недавно примкнувшимъ къ борьбѣ съ царизмомъ, Совѣтъ отказался. Это, конечно, не могло помѣшать конференціи состояться.

О своемъ отвѣтѣ Совѣтъ оповѣстилъ всѣ остальныя, приглашенныя Г. Гапономъ, организаціи. Къ сожалѣнію, не всѣ соц.-дем. организаціи поступили такъ же; къ сожалѣнію, ни одна изъ тѣхъ, которыя пожелали дѣйствовать въ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ дѣйствовали соціальдемократы по отношенію къ такой же конференціи прошлаго лѣта, не пожелала предложить остальнымъ (по крайней мѣрѣ, Р. С.-Д. Р. П.) установить общую тактику. Съ непріятнымъ изумленіемъ мы прочли въ „Vorwärts"'ѣ, что представители *Латышской* соц.-дем. партіи и „Бунда" явились на конференцію, созванную Гапономъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что не задолго передъ тѣмъ обѣ эти организаціи на конференціи, установившей соглашеніе между различными соц.-дем. партіями, подписались подъ слѣдующими строками:

„... Мы считаемъ невозможнымъ вступать съ буржуазными партіями въ союзы, имѣющіе цѣлью использовать всѣ силы пролетаріата въ интересахъ буржуазнаго переустройства, такъ какъ такое использованіе означало бы раствореніе соціальдемократическаго движенія въ движеніи демократическомъ и обращеніе пролетаріата изъ самостоятельной политической силы въ орудіе борьбы демократической буржуазіи съ самодержавіемъ". „...Но соціальдемократія, въ интересахъ освободительной борьбы рабочаго класса, не отказывается *въ отдѣльныхъ актахъ борьбы* (курсивъ нашъ) отъ согласованныхъ дѣйствій съ буржуазными партіями"... (Резолюція о соглашеніяхъ съ либеральными и демократическими партіями, см. № 89 „Искры").

Между тѣмъ, программа той конференціи, на которую приглашалъ Г. Гапонъ, шла гораздо дальше согласованныхъ дѣйствій „въ отдѣльныхъ актахъ борьбы" и имѣла въ виду *политическій союзъ* на почвѣ ряда программныхъ рѣшеній.

Замѣтимъ тутъ же, что Латышская соц.-дем. партія уже не въ первый разъ поступаетъ столь... страннымъ образомъ. Подписавъ сообща съ другими соц.-дем. партіями общій текстъ отказа отъ участія въ парижской конференціи прошлаго лѣта, она вслѣдъ затѣмъ.... отрядила на эту конференцію своего делегата. Думаютъ ли латышскіе товарищи, что подобный образъ дѣйствій можетъ способствовать прочному сближенію соц.-дем. партій разныхъ національностей Россіи?

Вмѣстѣ съ „Бундомъ" и Латышской партіей, на Гапоновскую конференцію явилась и „армянская соц.-дем. рабочая организація", которая незадолго до того присоединилась къ резолюціямъ, принятымъ на конференціи соціальдемократическихъ партій и организацій.

Наконецъ, на зовъ Гапона откликнулись и „впередовцы", которые также прислали своего делегата. Въ какой роли выступали они, спроситъ читатель, наканунѣ того „партійнаго съѣзда", на которомъ они собирались формулировать волю нашей партіи? Были ли они уполномочены этой партіей замѣстить на конференціи ея оффиціальный центръ—Совѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Въ приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, имѣлось перечисленіе приглашаемыхъ на конференцію партій, и Р. С.-Д. Р. П. фигурировала въ этомъ перечнѣ дважды: одинъ разъ съ отмѣткой въ скобкахъ: „фракція Искры", другой разъ со словами: „фракція Впередъ". Совѣтъ, не зная, что „Впередъ" признаетъ себя особой и самостоятельной фракціей, отнесъ эти термины на счетъ неосвѣдомленности „отца" Гапона въ партійныхъ отношеніяхъ и отвѣчалъ ему въ качествѣ представителя всей партіи. „Впередовцы" откликнулись въ качествѣ отдѣльной *фракціи*, и въ этой же роли явились на конференцію. Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о характерномъ для новой фракціи стремленіи начать свою политическую карьеру съ угодливаго визита къ гг. Гарденинымъ и tutti quanti, мы должны заклеймить презрѣніемъ лицемѣрную политику группы, которая одновременно выступаетъ передъ стоящими внѣ пролетаріата партіями въ роли фракціи, ничѣмъ не связанной по отношенію къ Р. С.-Д. Р. П. въ цѣломъ, а передъ самой Р. С.-Д. Р. П. фигурируетъ въ роли представительницы ея „большинства". Двусмысленность дѣйствій этой группы достаточно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ о всѣхъ шагахъ Совѣта, связанныхъ съ Гапоновской конференціей, редакція Ц. О., по порученію Совѣта, немедленно освѣдомила партійныя организаціи (въ печатномъ бюллетенѣ), о принятіи группой „Впередъ" приглашенія на конференцію до сихъ поръ партійныя организаціи не были увѣдомлены (по крайней мѣрѣ, то ихъ громадное большинство, которое не имѣетъ чести принадлежать къ организаціи „бюро большинства").

Итакъ, четыре „фракціи" соц.-демократовъ явились на странную конференцію, задачей которой было дать возможность бывшему председателю „общества русскихъ рабочихъ" осчастливить революціонныя партіи объединеніемъ ихъ борьбы.

А затѣмъ... затѣмъ начался водевиль самаго веселаго свойства.

Явившись на конференцію, представители четырехъ указанныхъ соціальдемократическихъ организацій увидали, въ числѣ

общественый слой, извѣстный подъ именемъ интеллигенціи, пролетарскаго ученія на свой ладъ, подъ цвѣтъ своей общественной физіономіи. Гдѣ гарантіи того, что всѣ его интеллигентски-партійныя постройки служатъ не только запросамъ и цѣлямъ интеллигенціи, но и дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ рабочаго движенія въ его цѣломъ. Неужели только въ томъ, что представители этого общественнаго слоя субъективно вѣрны революціонному ученію Маркса. Эти сомнѣнія стояли предо мной во всей своей грозной реальности, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки найти для себя удовлетворительный отвѣтъ въ анализѣ того общественнаго содержанія, той групповой психологіи, съ которыми революціонно-настроенная русская разночинная интеллигенція выступаетъ на сценѣ исторіи. Одно изъ двухъ: или это содержаніе въ своихъ рѣшающихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ пролетарскаго движенія и тогда есть *оправданіе* россійской соціальдемократіи, тогда можно не бояться ея „интеллигентности", или оно съ нимъ не совпадаетъ и въ такомъ случаѣ—годны на смарку всѣ наши усилія: „интеллигентская стихія", не введенная въ границы сознательнымъ пролетаріатомъ, рано или поздно проложитъ свое собственное русло и дастъ себя знать во всей своей групповой особности. Или — или! tertium non datur! „Что случилось" рѣшало вопросъ въ пользу русской интеллигенціи, оно намѣчало элементы въ ея психологіи, сближающіе ее съ пролетаріатомъ, и ставило оптимистическій прогнозъ для дальнѣйшей ея дѣятельности. Именно за это какой то борзописецъ изъ „Впередъ" и обругалъ меня недавно, заявивъ, что лишь я, молъ, одинъ и переоцѣниваю такъ интеллигенцію. Неблагодарный, онъ не понималъ, что только эта моя будто бы переоцѣнка и придавала извѣстный еще смыслъ его собственному существованію.

Разумѣется, я ничего не переоцѣнивалъ, но я, если угодно, не дооцѣнилъ въ свое время — вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками — тѣхъ особенностей въ общественномъ складѣ революціонной интеллигенціи, которыя должны были неизбѣжно идти на перекоръ нормальному развитію соціальдемократіи. Эта недоцѣнка, однако, была не простою случайностью, тѣмъ менѣе индивидуальной ошибкой. Въ то время, пять лѣтъ тому назадъ, революціонно-интеллигентскій типъ начиналъ только вновь формироваться, послѣ многолѣтняго перерыва реакціи, и отдѣльныя черты его, разсѣянныя по разрозненнымъ кружкамъ, были въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и сами кружки, лишь чисто номинально объединенныя незадолго до того въ единую соціальдемократическую партію. Да и кружки того времени — эта колыбель интеллигентскаго революціонизма—представляли собою точки скрещенія противоположныхъ вліяній: въ нихъ подполье сочеталось причудливымъ образомъ съ тѣмъ фальсификатомъ марксизма, которымъ надѣлали имъ тогдашніе легальные писатели, въ соотвѣтствіи моменту предреволюціоннаго затишья. Если уже тогда что бросалось въ глаза, такъ это развѣ та примитивность въ методахъ мышленія, та специфическая куцость пониманія и особенно примѣненію Маркова ученія къ явленіямъ дѣйствительности, которыя курсировали въ подпольныхъ кружкахъ, но которыя невозможно было поставить еще въ связь съ какой либо опредѣленной политической доктриной. Легко, конечно, въ настоящее время, давая ретроспективный обзоръ нашего прошлаго устанавливать близость, родство и преемство между легальнымъ бутономъ и нелегальнымъ цвѣткомъ, между извѣстнымъ оттѣнкомъ подцензурнаго русскаго марксизма и нѣкоторыми послѣдующими явленіями соціальдемократической исторіи; и трудно — немыслимо было тогда, когда и вся то россійская соціальдемократія, едва выйдя изъ рамокъ борьбы съ идеями народничества и вопросовъ о наилучшихъ пріемахъ агитаціи, еще только вступала на путь организаціоннаго строительства и широкой партійной политики. Какъ бы то ни было, но мы уже не можемъ теперь игнорировать это преемство и для того, чтобы понять интеллигентскій революціонизмъ въ его quasi — соціальдемократическомъ обличьѣ, должны вернуться къ начальнымъ его, эмбріональнымъ, стадіямъ, къ той фазѣ его развитія, когда кружковая подпольная жизнь, накладывая первые штрихи свои на ученіе Маркса, залагала основы его идеологіи.

3.

Когда у насъ говорятъ о легальномъ русскомъ марксизмѣ — я разумѣю, конечно, марксизмъ 90-хъ годовъ, а не современный „реалистическій" марксизмъ эпигоновъ,—то имѣютъ, обычно, ввиду марксизмъ двоякаго рода: съ одной стороны, марксизмъ русской буржуазной демократіи, марксизмъ г. Струве и его присныхъ, и съ другой, тотъ революціонный, подлинный марксизмъ, взрощенный въ атмосферѣ международнаго идейнаго общенія и пролетарской борьбы, который, какъ бомба ворвался вмѣстѣ съ знаменитымъ памфлетомъ Плеханова-Бельтова въ литературную обстановку того времени. Но при этомъ непремѣнно забываютъ, что отечественный марсизмъ включалъ въ себя и третью еще разновидность: марксизмъ кружковаго подполья. Это былъ, на первый взглядъ, малозамѣтный, тусклый, уродливый порою образчикъ марксизма, скромно ютившійся подъ крыломъ ортодоксіи, но за этой непригладною внѣшностью, таилась связь съ революціонно-интеллигентской средой въ существѣ своемъ болѣе глубокая, чѣмъ какой когда либо достигалъ неподдѣльный международный марксизмъ. Не авторъ „Монистическаго взгляда на исторію", во всемъ блескѣ своемъ дарованія, а гг. Тулинъ и Влад. Ильинъ съ ихъ схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже въ самыя неподатливыя головы, безконечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть опредѣленной части россійской интеллигенціи. Они были кость отъ кости ея и плоть отъ ея плоти. Они говорили ея языкомъ и пользовались ея аргументами. Они служили наглядными показателемъ того, что могло быть усвоено и что должно было быть сдѣлано изъ Маркова ученія революціонно-интеллигентской кружковщиной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ болѣе разительное противорѣчіе, болѣе вопіющее несоотвѣтствіе, чѣмъ то, которое было между революціоннымъ марксизмомъ и средой, въ наличныхъ русскихъ условіяхъ собиравшейся его воспринимать и дальше пускать въ оборотъ. Достаточно вспомнить для этого основную традиціонную ячейку радикальной и революціонно настроенной интеллигенціи, лабораторію ея мысли — дискусіонный кружокъ, изъ элементовъ котораго и выростаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, активно-революціонная коллективность. Это цѣльный въ своемъ родѣ организмъ, довлѣющій себѣ, живущій въ особомъ міркѣ усвоенныхъ идей и собственныхъ доморощенныхъ построеній, состоящій изъ людей, либо въ жизнь еще не вошедшихъ (если это кружокъ совсѣмъ юной молодежи), либо уже отгороженныхъ, отщепленныхъ отъ жизни условіями полицейскаго государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически-аморфнаго общества, въ которомъ даже самыя значительныя измѣненія совершаются гдѣ-то въ глубинѣ, подъ спудомъ наружнаго безразличія. Естественно поэтому, что это общество, надѣляя своихъ интеллигентныхъ отщепенцевъ жгучей ненавистью къ себѣ, щедро надѣляло ихъ въ то же время своей собственной соціально-политической неразвитостью и соотвѣтственной безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его процессовъ. Интеллигентски-кружковая среда, относительно сильная въ талмудистскомъ толкованіи какой угодно доктрины, среда, мысль которой свободно себя чувствуетъ въ ограниченномъ догмою кругѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ положеній, обязательно пасуетъ всякій разъ, когда ей надлежитъ за собственный страхъ разобраться въ категоріяхъ общественности, когда ей дается не готовый рецептъ на всѣ случаи жизни, а лишь методъ, при посредствѣ котораго она должна на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и своего собственнаго опыта, по личному разумѣнію, направлять остріе своего анализа. Слишкомъ скуденъ ея опытъ и слишкомъ ничтожны наблюденія! Неудивительно, если ея жизненная выучка оказалась въ конецъ несостоятельной передъ тѣмъ испытаніемъ, которое поставило передъ ней матеріалистическое пониманіе исторіи. Интеллигентски-кружковой средѣ были впору соціологія Миртова, формула прогресса Михайловскаго, но отнюдь не то ученіе, которое родилось и окрѣпло въ привольѣ широкой борьбы, на просторѣ, гдѣ движутся массы и сплетаможетъ совершить свою историческую миссію сверженія самодержавія". И она пошла къ пролетаріату.

Часть ея оставалась внѣ его: въ красныхъ крестахъ, въ легально-марксистскихъ журналахъ, въ сочувствующихъ и содѣйствующихъ группахъ. Другая часть стала проникать въ ряды самого пролетаріата, въ его авангардъ — соціальдемократію, примыкать къ ея интеллигенціи.

Но эти новые пришельцы уже не походили на старыхъ интеллигентовъ-революціонеровъ.

Тѣ сначала идеализировали рабочій народъ вообще, потомъ пролетаріатъ, проникались его интересами, стали на его классовую точку зрѣнія.

Эти были проникнуты исключительно *своими* классовыми идеалами, а въ пролетаріатѣ видѣли только необходимое орудіе для ихъ осуществленія.

Тѣ были соціалистами, соціальдемократами. Эти — якобинцы, связанные съ организаціей пролетаріата, сознавшаго свои классовые интересы.

Естественно, что притокъ къ организованному пролетаріату этихъ новыхъ, по существу чуждыхъ ему элементовъ, отразился на дальнѣйшемъ ходѣ соціальдемократической работы и увлекъ въ сторону наименѣе устойчивую, наименѣе сознательную часть соціальдемократической интеллигенціи и даже рабочихъ.

И это уклоненіе носитъ на себѣ явный отпечатокъ той особой, непролетарской психологіи, которую внесли въ соціальдемократію новые пришельцы.

Обще-демократическіе интересы, борьба за демократическую республику противъ самодержавія стали выдвигаться на первое мѣсто, какъ *главнѣйшая*, чуть ли не единственная задача соціальдемократіи, а чисто пролетарскіе интересы, интересы пролетаріата, какъ *класса*, и борьба за нихъ отодвигались на задній планъ, играя роль чего-то подчиненнаго, подсобнаго. Болѣе того, — находили возможнымъ и нужнымъ тормозить отдѣльныя проявленія этой борьбы, если казалось, что они не совпадаютъ съ общедемократической задачей даннаго момента. Такъ, нѣкоторыя видныя организаціи, называвшія себя соціальдемократическими, вступили даже въ открытую борьбу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ, стараясь остановить стачечное движеніе его, направленное противъ *его* враговъ.

Наряду съ этимъ, въ литературѣ, носящей заголовокъ С.-Д. Р. Партіи съ девизомъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" — дѣлались усиленныя попытки набросить вуаль на антагонизмъ классовыхъ интересовъ, на законность и безпрерывную необходимость классовой борьбы. Это не было откровеннымъ бернштейніанскимъ отрицаніемъ обостренія классовыхъ противорѣчій. Нѣтъ, о классовомъ самосознаніи пролетаріата упоминалось постоянно и въ выноскахъ и въ скобкахъ. Но тутъ же пролетаріатъ регулярно ставился на одну доску съ крестьянствомъ въ широкомъ смыслѣ слова, говорилось о цѣлесообразности и своевременности „боевого соглашенія" съ буржуазно-демократическими революціонными партіями, — „ибо въ ближайшей цѣли борьбы нѣтъ ничего соціалистическаго" („Впередъ" № 7).

Но особенно духъ новыхъ пришельцевъ сказался въ отношеніи къ пролетаріату, какъ къ слѣпому орудію въ рукахъ „руководителей", какъ къ пушечному мясу въ грядущей буржуазной революціи.

Пока учителя еще прикрывали свои грѣшныя тѣла чужимъ платьицемъ соціальдемократической терминологіи, ученики съ увлеченіемъ неофитовъ не стѣсняются выставлять ихъ на показъ и прямо говорятъ о политическомъ переворотѣ, произведенномъ, „опираясь на *готовую къ повиновенію*... рабочую массу". Руководители намекаютъ на „толпу, лишенную самостоятельныхъ тенденцій къ историческому развитію" и восхваляютъ пролетарскую склонность къ „дисциплинѣ". Ученики намъ объясняютъ, что это за „дисциплина" и на какой предметъ: караси любятъ, чтобъ ихъ жарили въ сметанѣ.

Одинъ изъ героевъ Горькаго говоритъ о россійскихъ буржуазныхъ интеллигентахъ — „дачникахъ" жизни:

— Сору-то сколько... Черти! Въ родѣ гулящихъ эти дачники... появятся, насорятъ, — и нѣтъ ихъ... а ты послѣ ихняго житья разбирай, подметай!

Господа буржуазные интеллигенты-якобинцы чувствуютъ себя, очевидно, въ нашей партіи, словно на дачѣ. Вчера еще они ограничивались писательствомъ въ легальныхъ журналахъ, чтеніемъ рефератовъ на литературныя темы, раздѣляли свои платоническія симпатіи между с.-д. и с.-р.

Сегодня они появились въ „рабочей" партіи, появились и насорили: раскололи партію на части, раскассировали и раскостили хозяина партіи — пролетаріатъ, предложили ему пойти къ нимъ на выучку.

Пребываніе ихъ, конечно, не можетъ быть здѣсь продолжительнымъ: они съѣдутъ съ дачи. Они уже теперь намѣтили день и способъ отъѣзда.

Надо прежде всего организовать революцію такъ, чтобы пролетаріатъ могъ вынести ее на своихъ плечахъ, а ихъ — дачниковъ къ „хотя бы временному" захвату власти. Тогда имъ легко будетъ принять мѣры, чтобы пролетаріатъ не „опозорилъ себя", не оказался „революціоннѣе всѣхъ" — революціоннѣе, чѣмъ это требуется для упроченія власти буржуазіи. Тогда имъ легко будетъ открыто бороться противъ „провокаціи", толкающей пролетаріатъ на дальнѣйшую борьбу за свои интересы, на борьбу съ буржуазнымъ обществомъ въ его новой стадіи, съ его новымъ политическимъ представителемъ — „временнымъ правительствомъ".

Вслушиваешься въ эти вожделѣнія и эти опасенія, и начинаешь понимать, что скрывается за возгласомъ: „да здравствуетъ демократическая республика!", которымъ упорно и принципіально ограничиваются дачники-якобинцы въ своихъ новыхъ воззваніяхъ.

Вспоминается демократическая республика Франція. Мильеранъ у власти. Фурми, Шалонъ, Мартиника... Крезо. Недавній Лиможъ...

Но, чтобы свободнѣй имъ было распоряжаться пролетаріатомъ и его силами, имъ надо теперь уже удобно и прочно расположиться въ его „рабочей" партіи, какъ у себя дома.

И вотъ они устраиваютъ съѣздъ, который хотятъ назвать партійнымъ, но который, на самомъ дѣлѣ, будетъ только *ихъ* съѣздомъ, набраннымъ *ими*, составленнымъ на половину изъ нихъ. На этомъ съѣздѣ не будетъ представлена большая половина партіи. Будутъ подставныя лица, делегаты гнилыхъ организацій — организацій, существующихъ только на бумагѣ, делегаты, ничѣмъ не связанные съ тѣми организаціями, отъ имени которыхъ они выступаютъ. Крупнѣйшіе центры окажутся въ такомъ положеніи.

Можно заранѣе видѣть, что пролетаріатъ будетъ играть въ этомъ съѣздѣ такую же роль, какую ему готовило правительство въ комедіи Шидловскаго: роль безсловеснаго лица, поставленнаго для фальсификаціи общественнаго мнѣнія.

Ну, что-жъ! Тѣмъ лучше для нихъ: они окажутся хозяевами. Тѣмъ легче будетъ имъ вычеркнуть изъ партійной программы все то, что еще связано съ ея классовымъ пролетарскимъ характеромъ.

Этотъ съѣздъ могъ бы быть „законнымъ" и „партійнымъ" при одномъ только условіи: быть *учредительнымъ* съѣздомъ новой партіи, которая не будетъ имѣть уже нравственнаго права называть себя ни соціальдемократической, ни рабочей.

Но они на это не пойдутъ. Имъ нѣтъ никакого разсчета покидать такъ рано мѣсто, на которомъ они только что собрались усѣсться поудобнѣй.

Они постараются устроить этотъ съѣздъ — пикникъ въ свое удовольствіе.

А ты, пролетаріатъ, „послѣ ихняго житья разбирай! Подметай!.."

Къ счастью, опасность только въ этомъ: ничего худшаго они не могутъ сдѣлать.

Какъ ни увѣрены они въ своихъ силахъ руководителей, какъ ни разсчитываютъ они на „дисциплину" пролетаріата, имъ не удастся уже ни затемнить его классоваго самосознанія, ни повернуть его движеніе лѣвымъ плечомъ впередъ.

Вчера еще они гордо называли себя „большинствомъ". Сегодня это названіе звучитъ злою насмѣшкой надъ ними.

Развратить двухъ-трехъ интеллигентовъ, принципіально не выдержанныхъ и еще не сжившихся съ классовой точкой зрѣнія пролетаріата, обмануть десятокъ-другой пролетаріевъ, увлекшихся частой политикой — вотъ все, что сулитъ имъ завтрашній день.

И тогда, — когда они увидятъ, что партія пролетаріата не даетъ имъ желанныхъ тріумфовъ, что, напротивъ того, они сами, „неразрывно связавъ себя съ организаціей пролетаріата", вынуждены порой итти противъ своего собственнаго класса, — тогда они поднимутъ забрало и явятся предъ нами въ своемъ природномъ видѣ якобинцевъ tout court, безъ всякихъ стѣснительныхъ для нихъ оговорокъ.

О. Лушинъ.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И БУРЖУАЗНО-РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ПАРТІИ.

Въ „Vorwärts"'ѣ помѣщены свѣдѣнія о новой конференціи различныхъ революціонныхъ партій, имѣвшей мѣсто недавно. Конференція была созвана „отцомъ" Гапономъ, который, повидимому, начинаетъ серьезно смотрѣть на себя, какъ на призваннаго „объединителя" революціонныхъ силъ. Приглашеніе отъ Г. Гапона, который, кстати сказать, снова облекся въ священническую рясу (см. только что изданную Партіей С.-Р. листовку „Священника Г. Гапона ко всему крестьянскому люду воззваніе"), было прислано и намъ. Совѣтъ партіи, не входя въ обсужденіе поставленныхъ конференціи задачъ и ея состава, ограничился въ своемъ отвѣтѣ Гапону указаніемъ на безнадежность такихъ попытокъ соглашенія различныхъ политическихъ партій, которыя исходятъ отъ отдѣльной личности, стоящей „надъ партіями". Отъ участія въ конференціи, созываемой отдѣльнымъ лицомъ, притомъ, вообще, слишкомъ недавно примкнувшимъ къ борьбѣ съ царизмомъ, Совѣтъ отказался. Это, конечно, не могло помѣшать конференціи состояться.

О своемъ отвѣтѣ Совѣтъ оповѣстилъ всѣ остальныя, приглашенныя Г. Гапономъ, организаціи. Къ сожалѣнію, не всѣ соц.-дем. организаціи поступили такъ же; къ сожалѣнію, ни одна изъ тѣхъ, которыя пожелали дѣйствовать въ данномъ случаѣ иначе, чѣмъ дѣйствовали социальдемократы по отношенію къ такой же конференціи прошлаго лѣта, не пожелала предложить остальнымъ (по крайней мѣрѣ, Р. С.-Д. Р. П.) установить общую тактику. Съ непріятнымъ изумленіемъ мы прочли въ „Vorwärts"'ѣ, что представители *Латышской* соц.-дем. партіи и „Бунда" явились на конференцію, созванную Гапономъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе странно, что не задолго передъ тѣмъ обѣ эти организаціи на конференціи установившей соглашеніе между различными соц.-дем. партіями, подписались подъ слѣдующими строками:

„... Мы считаемъ невозможнымъ вступать съ буржуазными партіями въ союзы, имѣющіе цѣлью использовать всѣ силы пролетаріата въ интересахъ буржуазнаго переустройства, такъ какъ такое использованіе означало бы раствореніе соціальдемократическаго движенія въ движеніи демократическомъ и обращеніе пролетаріата изъ самостоятельной политической силы въ орудіе борьбы демократической буржуазіи съ самодержавіемъ". „...Но соціальдемократія, въ интересахъ освободительной борьбы рабочаго класса, не отказывается *въ отдѣльныхъ актахъ борьбы* (курсивъ нашъ) отъ согласованныхъ дѣйствій съ буржуазными партіями"... (Резолюція о соглашеніяхъ съ либеральными и демократическими партіями, см. № 89 „Искры").

Между тѣмъ, программа той конференціи, на которую приглашалъ Г. Гапонъ, шла гораздо дальше согласованныхъ дѣйствій „въ отдѣльныхъ актахъ борьбы" и имѣла въ виду *политическій союзъ* на почвѣ ряда програмныхъ рѣшеній.

Замѣтимъ тутъ же, что Латышская соц.-дем. партія уже не въ первый разъ поступаетъ столь... страннымъ образомъ. Подписавъ сообща съ другими соц.-дем. партіями общій текстъ отказа отъ участія въ парижской конференціи прошлаго лѣта, она вслѣдъ затѣмъ... отрядила на эту конференцію своего делегата. Думаютъ ли латышскіе товарищи, что подобный образъ дѣйствій можетъ способствовать прочному сближенію соц.-дем. партій разныхъ національностей Россіи?

Вмѣстѣ съ „Бундомъ" и Латышской партіей, на Гапоновскую конференцію явилась и „армянская соц.-дем. рабочая организація", которая незадолго до того присоединилась къ резолюціямъ, принятымъ на конференціи соціальдемократическихъ партій и организацій.

Наконецъ, на зовъ Гапона откликнулись и „впередовцы", которые также прислали своего делегата. Въ какой роли выступали они, спроситъ читатель, наканунѣ того „партійнаго съѣзда", на которомъ они собирались формулировать волю нашей партіи? Были ли они уполномочены этой партіей замѣстить на конференціи ея оффиціальный центръ — Совѣтъ? Очевидно, нѣтъ. Въ приглашеніи, разосланномъ Гапономъ, имѣлось перечисленіе приглашаемыхъ на конференцію партій, и Р. С.-Д. Р. П. фигурировала въ этомъ перечнѣ дважды: одинъ разъ съ отмѣткой въ скобкахъ: „фракція Искры", другой разъ со словами: „фракція Впередъ". Совѣтъ, не зная, что „Впередъ" признаетъ себя особой и самостоятельной фракціей, отнесъ эти термины на счетъ неосвѣдомленности „отца" Гапона въ партійныхъ отношеніяхъ и отвѣчалъ ему въ качествѣ представителя всей партіи. „Впередовцы" откликнулись въ качествѣ отдѣльной *фракціи*, и въ этой же роли явились на конференцію. Оставляя здѣсь въ сторонѣ вопросъ о характерномъ для новой фракціи стремленіи начать свою политическую карьеру съ угодливаго визита къ гг. Гардениным и tutti quanti, мы должны заклеймить презрѣніемъ лицемѣрную политику группы, которая одновременно выступаетъ передъ стоящими внѣ пролетаріата партіями въ роли фракціи, ничѣмъ не связанной по отношенію къ Р. С.-Д. Р. П. въ цѣломъ, а передъ самой Р. С.-Д. Р. П. фигурируетъ въ роли представительницы ея „большинства". Двусмысленность дѣйствій этой группы достаточно обрисовывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время, какъ о всѣхъ шагахъ Совѣта, связанныхъ съ Гапоновской конференціей, редакція Ц. О., по порученію Совѣта, немедленно освѣдомила партійныя организаціи (въ печатномъ бюллетенѣ), о принятіи группой „Впередъ" приглашенія на конференцію до сихъ поръ партійныя организаціи не были увѣдомлены (по крайней мѣрѣ, то ихъ громадное большинство, которое не имѣетъ чести принадлежать къ организаціи „бюро большинства").

Итакъ, четыре „фракціи" соц.-демократовъ явились на странную конференцію, задачей которой было дать возможность бывшему предсѣдателю „общества русскихъ рабочихъ" осчастливить революціонныя партіи объединеніемъ ихъ борьбы.

А затѣмъ... затѣмъ начался водевиль самаго веселаго свойства.

Явившись на конференцію, представители четырехъ указанныхъ соціальдемократическихъ организацій увидали, въ числѣ

общественый слой, извѣстный подъ именемъ интеллигенціи пролетарскаго ученія на свой ладъ, подъ цвѣтъ своей общественной физіономіи. Гдѣ гарантіи того, что всѣ его интеллигентски-партійныя постройки служатъ не только запросамъ и цѣлямъ интеллигенціи, но и дѣйствительно отвѣчаетъ интересамъ рабочаго движенія въ его цѣломъ. Неужели только въ томъ, что представители этого общественнаго слоя субъективно вѣрны революціонному ученію Маркса. Эти сомнѣнія стояли предо мной во всей своей грозной реальности, и я не могъ отдѣлаться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки найти для себя удовлетворительный отвѣтъ въ анализѣ того общественнаго содержанія, той групповой психологіи, съ которыми революціонно настроенная русская разночинная интеллигенція выступаетъ на сценѣ исторіи. Одно изъ двухъ: или это содержаніе въ своихъ рѣшающихъ главныхъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ пролетарскаго движенія и тогда есть *оправданіе* россійской соціальдемократіи, тогда можно не бояться ея „интеллигентности", или оно съ нимъ не совпадаетъ и въ такомъ случаѣ — годны на смарку всѣ наши усилія: „интеллигентская стихія", не введенная въ границы сознательнымъ пролетаріатомъ, рано или поздно проложитъ свое собственное русло и дастъ себя знать во всей своей групповой особенности. Или — или! tertium non datur! „Что случилось" рѣшало вопросъ въ пользу русской интеллигенціи, оно намѣчало элементы въ ея психологіи, сближающіе ее съ пролетаріатомъ, и ставило оптимистическій прогнозъ для дальнѣйшей ея дѣятельности. Именно за это какой то борзописецъ изъ „Впередъ" и обругалъ меня недавно, заявивъ, что лишь я, молъ, одинъ и переоцѣниваю такъ интеллигенцію. Неблагодарный, онъ не понималъ, что только эта моя будто бы переоцѣнка и придавала извѣстный еще смыслъ его собственному существованію.

Разумѣется, я ничего не переоцѣнивалъ, но я, если угодно, не дооцѣнилъ въ свое время — вмѣстѣ со всѣми своими единомышленниками — тѣхъ особенностей въ общественномъ складѣ революціонной интеллигенціи, которыя должны были неизбѣжно идти на перекоръ нормальному развитію соціальдемократіи. Эта недооцѣнка, однако, была не простою случайностью, тѣмъ менѣе индивидуальной ошибкой. Въ то время, пять лѣтъ тому назадъ, революціонно-интеллигентскій типъ начиналъ только вновь формироваться, послѣ многолѣтняго перерыва реакціи, и отдѣльныя черты его, разсѣянныя по разрозненнымъ кружкамъ, были въ такомъ же неразвитомъ состояніи, какъ и сами кружки, лишь чисто номинально объединенные незадолго до того въ единую соціальдемократическую партію. Да и кружки того времени — эта колыбель интеллигентскаго революціонизма — представляли собою точки скрещенія противоположныхъ вліяній: въ нихъ подполье сочеталось причудливымъ образомъ съ тѣмъ фальсификатомъ марксизма, которымъ надѣлали имъ тогдашніе легальные писатели, въ соотвѣтствіи моменту предреволюціоннаго затишья. Если уже тогда что бросалось въ глаза, такъ это развѣ та примитивность въ методахъ мышленія, та специфическая куцость пониманія и особенно примѣненію Марксова ученія къ явленіямъ дѣйствительности, которыя курсировали въ подпольныхъ кружкахъ, но которыя невозможно было поставить еще въ связь съ какой либо опредѣленной политической доктриной. Легко, конечно, въ настоящее время, давая ретроспективный обзоръ нашего прошлаго устанавливать близость, родство и преемство между легальнымъ бутономъ и нелегальнымъ цвѣткомъ, между извѣстнымъ оттѣнкомъ подцензурнаго русскаго марксизма и нѣкоторыми послѣдующими явленіями соціальдемократической исторіи; и трудно — немыслимо было тогда, когда и вся то россійская соціальдемократія, едва выйдя изъ рамокъ борьбы съ идеями народничества и вопросовъ о наилучшихъ пріемахъ агитаціи, еще только вступала на путь организаціоннаго строительства и широкой партійной политики. Какъ бы то ни было, но мы уже не можемъ теперь игнорировать это преемство и для того, чтобы понять интеллигентскій революціонизмъ въ его quasi — соціальдемократическомъ обличьѣ, должны вернуться къ начальнымъ его, эмбріональнымъ, стадіямъ къ той фазѣ его развитія, когда кружковая подпольная жизнь, накладывая первые штрихи свои на ученіе Маркса, залагала основы его идеологіи.

3

Когда у насъ говорятъ о легальномъ русскомъ марксизмѣ — я разумѣю, конечно, марксизмъ 90-хъ годовъ, а не современный „реалистическій" марксизмъ эпигоновъ, — то имѣютъ, обычно, въ виду марксизмъ двоякаго рода: съ одной стороны, марксизмъ русской буржуазной демократіи, марксизмъ г. Струве и его присныхъ, и съ другой, тотъ революціонный, подлинный марксизмъ, взрощенный въ атмосферѣ международнаго идейнаго общенія и пролетарской борьбы, который, какъ бомба ворвался вмѣстѣ съ знаменитымъ памфлетомъ Плеханова-Бельтова въ литературную обстановку того времени. Но при этомъ непремѣнно забываютъ, что отечественный марксизмъ включалъ въ себя и третью еще разновидность: марксизмъ кружковаго подполья. Это былъ, на первый взглядъ, малозамѣтный, тусклый, уродливый порою образчикъ марксизма, скромно ютившійся подъ крыломъ ортодоксіи, но за этой непригладною внѣшностью, таилась связь съ революціонно-интеллигентской средой въ существѣ своемъ болѣе глубокая, чѣмъ какой когда либо достигалъ неподдѣльный международный марксизмъ. Не авторъ „Монистическаго взгляда на исторію", во всемъ блескѣ своемъ дарованія, а гг. Тулинъ и Влад. Ильинъ съ ихъ схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами, настойчиво впивавшимися даже въ самыя неподатливыя головы, безконечно повторяясь и переворачиваясь на разные лады, выражали сокровенную суть опредѣленной части россійской интеллигенціи. Они были кость отъ кости ея и плоть отъ ея плоти. Они говорили ея языкомъ и пользовались ея аргументами. Они служили нагляднымъ показателемъ того, что могло быть усвоено и что должно было быть сдѣлано изъ Марксова ученія революціонно-интеллигентской кружковщиной. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, вообразить себѣ болѣе разительное противорѣчіе, болѣе вопіющее несоотвѣтствіе, чѣмъ то, которое было между революціоннымъ марксизмомъ и средой, въ наличныхъ русскихъ условіяхъ собиравшейся его воспринимать и дальше пускать въ оборотъ. Достаточно вспомнить для этого основную традиціонную ячейку радикальной и революціонно настроенной интеллигенціи, лабораторію ея мысли — дискусіонный кружокъ, изъ элементовъ котораго и вырастаетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, активно-революціонная коллективность. Это цѣльный въ своемъ родѣ организмъ, довлѣющій себѣ, живущій въ особомъ міркѣ усвоенныхъ идей и собственныхъ доморощенныхъ построеній, состоящій изъ людей, либо въ жизнь еще не вошедшихъ (если это кружокъ совсѣмъ юной молодежи), либо уже отгороженныхъ, отщепленныхъ отъ жизни условіями полицейскаго государства. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ это одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически аморфнаго общества, въ которомъ даже самыя значительныя измѣненія совершаются гдѣ-то въ глубинѣ подъ спудомъ наружнаго безразличія. Естественно поэтому, что это общество, надѣляя своихъ интеллигентныхъ отщепенцевъ жгучей ненавистью къ себѣ, щедро надѣляло ихъ въ то же время своей собственной соціально политической неразвитостью и соотвѣтственной безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его процессовъ. Интеллигентски-кружковая среда, относительно сильная въ талмудистскомъ толкованіи какой угодно доктрины, среда, мысль которой свободно себя чувствуетъ въ ограниченномъ догмою кругѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ положеній, обязательно пасуетъ всякій разъ, когда ей надлежитъ за собственный страхъ разобраться въ категоріяхъ общественности, когда ей дается не готовый рецептъ на всѣ случаи жизни, а лишь методъ, при посредствѣ котораго она должна на основаніи своихъ собственныхъ наблюденій и своего собственнаго опыта, по личному разумѣнію, направлять остріе своего анализа. Слишкомъ скуденъ ея опытъ и слишкомъ ничтожны наблюденія! Неудивительно, если ея жизненная выучка оказалась въ конецъ несостоятельной передъ тѣмъ испытаніемъ, которое поставило передъ ней матеріалистическое пониманіе исторіи. Интеллигентска-кружковой средѣ были впору соціологія Миртова, формула прогресса Михайловскаго, но отнюдь не то ученіе, которое родилось и окрѣпло въ привольѣ широкой борьбы, на просторѣ, гдѣ движутся массы и сплетаприсутствующихъ еще одного „соціальдемократа" — представителя „Латышскаго соц.-дем. союза". Они заявили протестъ противъ участія его на конференціи, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что этотъ „союзъ" не ведетъ революціонной работы въ Россіи. Не безъ основанія отвѣтили имъ прочіе участники конференціи, что они лишены возможности провѣрить такое показаніе. Не безъ ехидства прибавили они, что въ числѣ протестующихъ имѣется представитель организаціи, о которой столь же позволительно сомнѣваться, ведетъ ли она работу на мѣстѣ (Арм. соц.-дем. раб. организація). Въ виду отказа большинства убрать представителя „союза", четыре соц.-дем. организаціи удалились.

Что „Латышскій соц.-дем. союзъ" организація фиктивная, это несомнѣнно. Можно пойти дальше и прибавить, что онъ представляетъ собой филіальное отдѣленіе П. С. Р.- ея агентуру „in partibus infidelium" и что называется онъ „соціальдемократическимъ" съ спеціальной цѣлью досадить латышской соціальдемократіи и оторвать отъ нея десятокъ-другой рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, мы не думаемъ, чтобы кому-нибудь показалась убѣдительной такая мотивировка отказа товарищей продолжать уже начатое ими дѣло „сотрудничества" съ участниками конференціи. Мы не думаемъ также, чтобы они хотѣли сказать своей мотивировкой, что признаютъ всѣ прочія — кромѣ латышскаго союза — организаціи, собранныя Гапономъ, болѣе *реальными*, чѣмъ этотъ Союзъ. И участники конференціи, которые могли бы по этому поводу разсказать намъ не мало интереснаго, должны были искренно изумиться тому, что присутствіе совершенно невиннаго Союза могло нарушить уже налаженное, казалось бы, дѣло. А бѣдный „отецъ", невскушенный въ политикѣ, совсѣмъ таки, надо думать, запутался въ этихъ „высшихъ соображеніяхъ".

Вѣроятно, это общее изумленіе заставило конференцію не замѣтить маленькаго противорѣчія въ дѣйствіяхъ тѣхъ четырехъ организацій, которыя „пришли, понюхали и пошли прочь": иначе она, навѣрное указали бы на него протестантамъ. Какъ мы уже указывали, въ приглашеніи, разосланномъ Г. Гапономъ, имѣлся *перечень* всѣхъ приглашаемыхъ на конференцію организацій. И въ этомъ перечнѣ гордо красуется тотъ самый „латышскій союзъ" присутствіе котораго повергло въ смятеніе нашихъ рѣшительныхъ бундовскихъ товарищей и неустрашимыхъ якобинцевъ „Впередъ". Стало быть, принимая приглашеніе, они знали, съ какими „филистимлянами" придется имъ вести трапезу? И, безъ сомнѣнія, они знали, что негдѣ не принято, явившись на съѣздъ *опредѣленныхъ* организацій, требовать удаленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Почему же они поставили себя въ такое странное противорѣчивое положеніе? Почему участіе свое въ работахъ по созданію новаго „блока" они поставили въ зависимость отъ столь ничтожнаго факта? Почему?

Мы не можемъ дать читателю другого отвѣта, кромѣ того, который просится на уста: *потому что передъ нашими товарищами во время промелькнула тѣнь россійскаго организованнаго пролетаріата.*

Этому можно только радоваться. Все хорошо, что хорошо кончается. И ради хорошаго конца, можно пройти мимо такихъ странныхъ предлоговъ, какъ присутствіе маленькаго представителя очень маленькой группы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ 3 апрѣля былъ митингъ на Выборгской сторонѣ, на Богословск. кладбищѣ: хоронили рабочаго, бывшаго выборщика въ коммиссію Шидловскаго, умершаго по освобожденіи изъ тюрьмы. Говорило 5 ораторовъ — всѣ отъ Группы. 10 апрѣля былъ митингъ женщинъ-работницъ, въ закрытомъ помѣщеніи. Либералы пытались основать здѣсь „женскій союзъ", но работницы отвергли, отвѣтивъ, что признаютъ одинъ лишь союзъ — Рос. С.-Д. Раб. Партіи

На 1-ое мая (русск. стиля) группа рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и — если возможно — демонстраціи. Рабочіе призываются выходить вооруженными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было обратиться къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ и союзамъ съ предложеніемъ показать свое отношеніе къ пролетаріату на дѣлѣ. Мы предлагаемъ „обществу" поддержать пролетаріатъ въ его демократическихъ требованіяхъ, предоставить рабочимъ свои помѣщенія для собраній, создать сочувственную атмосферу выступленію пролетаріата.

Резолюція въ этомъ смыслѣ обсуждалась на всѣхъ районныхъ собраніяхъ и мысль о такомъ экзаменѣ буржуазной оппозиціи встрѣтила общее сочувствіе. По принятіи резолюціи предстоитъ внесеніе ея товарищами-рабочими на обсужденіе разныхъ обществъ. Только для журналистовъ пришлось сдѣлать исключеніе — предложить имъ (отъ Группы) резолюцію до принятія ея рабочими: иначе мы бы пропустили случай. Наше предложеніе о предоставленіи рабочимъ помѣщеній для собраній и т. д. обсуждалось въ междуредакціонномъ собраніи петербургскихъ оппозиціонныхъ изданій. Короленко, Анненскій и другіе выступили противъ насъ. „Не понимаю, почему именно пролетаріатъ — передовой борецъ за революцію, говорилъ Короленко, я не хочу идти въ хвостѣ соціальдемократіи: это „меньшинство" хочетъ, вызвавъ движеніе въ обществѣ по поводу 1-го мая, подѣйствовать на рабочихъ этимъ путемъ (!) и повести за собой и „большинство". Намъ обѣщаютъ демонстративные митинги, а хотятъ увлечь въ революцію, хотятъ заручиться для нея поддержкой на 1-ое мая". Ему отвѣтили, что пролетаріатъ рѣшитъ вопросъ о выходѣ или невыходѣ на улицы безразлично къ тому что скажутъ гг. журналисты, что „назначать" революцію на 1-ое мая „меньшинство" не думаетъ, оно ставитъ себѣ лишь цѣлью сплотить пролетаріатъ вокругъ партіи; если же событія примутъ болѣе серьезный оборотъ, то, конечно, соціальдемократія поведетъ и пойдетъ и на баррикады. Собраніе отказалось не только принять, но и голосовать резолюцію (противъ 16 голосовъ; нѣкоторые освобожденцы голосовали за). То же самое повторилось на съѣздѣ журналистовъ, гдѣ было 140 чел. Група писателей — марксистовъ (21 чел.), *констатировавъ предательское отношеніе съѣзда къ пролетаріату*, ушла, отказалась присоединиться къ Союзу журналистовъ и основала свой союзъ съ цѣлью „содѣйствія проведенію въ жизнь выводовъ изъ марксистскаго міровоззрѣнія". Если это — попытка положить начало легализаціи с. д. партіи, то, признаюсь, способъ, принятый петербургскими рабочими — открытые митинги — подаетъ мнѣ больше надежды въ этомъ направленіи. Интересно, что бывшіе на съѣздѣ марксисты, склоняющіеся къ „большинству", ознакомившись съ резолюціей Группы, всецѣло присоединились къ ней, признавъ такимъ образомъ, нашу тактику относительно либераловъ правильной и, очевидно, одобривъ нашъ планъ майскаго выступленія. Объ этомъ объединеніи „большевиковъ" и „меньшевиковъ" тутъ же было заявлено почтенному собранію, и они уже не могли тыкать разногласіями между самими с.-д.-ами, что на между-редакціонномъ собраніи Короленко также выставлялъ въ качествѣ довода за отрицательное отношеніе къ нашему предложенію. Въ „союзъ марксистовъ" вошли также одинаково сторонники обоихъ теченій.

Наша резолюція была предложена также и представителю „гапоновцевъ", которые, по его словамъ, отчасти снова сорганизовались. Онъ сначала предлагалъ вставить слова „мирныя" передъ словомъ „манифестація", но, не добившись, присоединился къ данному тексту, такъ что гапоновцы теперь будутъ пропагандировать нашу резолюцію. Съ с.-р.-ами ведемъ переговоры о технической поддержкѣ; быть можетъ, кое-что и выйдетъ.

Съ Комитетомъ „большинства" дѣло стоитъ такъ. Сначала какъ и подобаетъ правовѣрному большинству, онъ, считая себя не готовымъ къ вооруженному возстанію, былъ противъ всякаго выступленія на улицахъ, допуская, какъ максимумъ, тайныя сходки въ лѣсу за городомъ. Но настроеніе рабочихъ, въ связи съ агитаціей нашихъ ораторовъ на митингахъ, видимо оказали серьезное вліяніе на Комитетъ, и не смотря на то, что „Бюро Ком. Большинства" выпустило листокъ съ призывомъ не устраивать демонстраціи 1-го мая, онъ кончилъ тѣмъ, что на оффиціальномъ собраніи съ представителями группы примкнулъ къ нашему плану, хотя и не далъ формальнаго обязательства. (Изъ письма члена Пет. Гр.)

Одесса, 10 апрѣля Когда послѣ удачной демонстраціи на засѣданіи медицинскаго общества былъ назначенъ въ обществѣ врачей рефератъ о пироговскомъ съѣздѣ, всѣ, даже отдаленно прикосновенные къ „политикѣ" рѣшили не пропустить интереснаго зрѣлища политической демонстраціи съ свободными рѣчами. Въ томъ, что демонстрація будетъ, всѣ были увѣрены.

Начало засѣданія въ восемь часовъ. Къ семи часамъ передъ зданіемъ общества врачей собралась плотная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ — все рабочая молодежь и демократическая интеллигенція. Толпа шумитъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ двухъ шагахъ за угломъ — полицейскій участокъ но на улицѣ ни одного городового.

Прошло болѣе получаса, дверь открылась, и живой человѣческій потокъ ринулся впередъ, затѣмъ вверхъ на второй этажъ. Залъ мигомъ наполнился; заняты были всѣ проходы, углы, ниши и углубленія оконъ. Далеко не всѣ могли помѣститься, лѣстница и улица передъ входомъ были черны отъ столпившагося народа.

Толпа гудѣла. Начать засѣданія не было никакой возможности. Раздались требованія перейти въ другое, болѣе обширное помѣщеніе. Предсѣдатель заявилъ, что такового не имѣется: что университетъ категорически отказалъ предоставить для собранія свою большую аудиторію; далѣе онъ предложилъ публикѣ рѣшать вопросъ, быть или не быть засѣданію; проектировалъ устроить докладъ въ двѣ смѣны за сегодняшній вечеръ. Но это было отвергнуто, ибо нельзя было оставаться на улицѣ тѣмъ, кто не помѣстился въ залѣ: ожидались казаки съ нагайками. Вдругъ потухло электричество. Шумъ усилился — и на голову какъ снѣгъ посыпались листки („Будьте готовы" и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ", изд. Группы Ц. К., листки с.-ровъ: Письмо Гапона и „Письмо солдата къ солдатамъ", Комитета: „Чего мы требуемъ" и еще листокъ Пойале-Ціонъ) Публика жадно ловила ихъ въ воздухѣ, и было не мало комичныхъ фигуръ, дико размахивавшихъ руками въ погонѣ за бѣлой бумажкой. Въ теченіи бурнаго и безпорядочнаго часа, что мы провели въ залѣ, обсуждая, какъ быть, что предпринять, электричество тухло разъ пять, и каждый разъ сверху летѣли бумажки. Предлагалось устроить демонстрацію на улицѣ, но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Казаки уже прискакали и выстроились предъ зданіемъ. Съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы, дружнымъ и громкимъ, публика стала выходить изъ зала. На мостовой стояла сотня казаковъ въ полномъ вооруженіи, вплоть до винтовки за спиной. Публика медленно расходилась. Все шло чинно и мирно

Другая сотня сопровождала по Херсонской ул. уходившую публику. Прошли квартала два. Совершенно неожиданно явился десятокъ городовыхъ и, отрѣзавъ отъ толпы человѣкъ шесть-семь отставшихъ, стали бить шашками плашмя. Сзади наступали казаки, пустивъ рысью лошадей. По мостовой несся галопомъ другой отрядъ казаковъ. Отрѣзанные спасались отъ ударовъ бѣгствомъ — кто куда могъ — съ рискомъ быть раздавленными лошадиными копытами. Одинъ товарищъ получилъ шашкой по спинѣ. Дѣвицѣ одной разсѣкли нагайкой носъ и губу. Ее доставили въ аптеку, и случайно проходившій врачъ оказалъ ей помощь. Говорятъ, еще есть избитые. Изъ толпы раза два-три стрѣляли въ городовыхъ.

Самара. 31 марта. Здѣсь состоялось публичное засѣданіе Общества Охраненія Народнаго Здравія. Публика собралось человѣкъ до 800. Былъ прочитанъ докладъ „о 35 лѣтнемъ юбилеѣ средней школы". Докладчикъ говорилъ о „ненормальномъ" положеніи средней школы, говорилъ, что „такъ больше жить нельзя", что надо бороться. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе собранія на тотъ „тоже ненормальный фактъ", что борьба эта ведется не отцами, а дѣтьми, и что „мы, отцы, должны ее взять на себя". Заключалъ онъ тѣмъ, „что реформа возможна", и возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Первымъ оппонентомъ былъ какой-то либералъ, рѣчь котораго была столь безцвѣтна, что приводить ее не стоитъ.

Вторымъ говорилъ соціальдемократъ. Онъ говорилъ, что положеніе средней школы не связано лишь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и что оно тѣсно связано со всѣмъ самодержавнымъ строемъ и, чтобы перестроена была средняя школа, нужно, чтобъ перестроенъ былъ весь государственный порядокъ; что переустройство произойдетъ путемъ низверженія самодержавія, что главную роль въ надвигающейся революціи сыграетъ соціальдемократія. Потомъ говорилъ еще одинъ либералъ, онъ прочелъ рѣчи или прокламаціи къ народу „отцовъ православной церкви", Антонія и еще какого-то. Тамъ эти христолюбивые попы призываютъ народъ бить всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ они де и есть истинные враги народа. Закончилъ онъ тѣмъ, что бороться съ самодержавіемъ необходимо.

Затѣмъ говорилъ еще одинъ соціальдемократъ. Когда онъ кончилъ, поднялся одинъ изъ представителей печати и выразилъ свое удивленіе, „почему это здѣсь восхваляютъ соціальдемократовъ, а о соціалистахъ-революціонерахъ не говорятъ ничего"? Онъ не понималъ, почему это въ надвигающейся революціи будутъ бороться соціальдемократы, а соціалисты революціонеры нѣтъ. (Этого никто не говорилъ). Послѣ него говорилъ еще одинъ соціальдемократъ, который отвѣтилъ ему. Онъ выяснялъ позицію соціальдемократ. и по отношенію къ настоящему моменту. Говорили еще двое либераловъ. Одинъ, возражая соціальдемократу, ссылался на исторію; по его понятію, исторія идетъ „медленно": вотъ, напримѣръ, во Франціи революція совершалась 100 лѣтъ, а потому „совершать революцію" намъ слѣдуетъ подождать, если не сотни, то, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ, а пока учитывать все полезное, вродѣ коммиссіи Булыгина. Наконецъ, поднялся еще одинъ либералъ, имѣющій обыкновеніе говорить глупости и соболѣзновательно пропѣлъ, „что, конечно, демократическая республика хорошо но только всѣ эти рѣчи напоминаютъ ему голубковъ, воркующихъ о свободѣ." Онъ просилъ указать имъ, либераламъ, какой либо практическій шагъ. Отвѣтить ему не пришлось, такъ какъ въ публикѣ заговорили, что собирается черная сотня бить говорившихъ соціальдемократовъ, и имъ пришлось уйти. Однако, это былъ только слухъ, полиція также не присутствовала и засѣданіе прошло совершенно спокойно.

Говорятъ, мѣстная прокуратура возбуждаетъ дѣло по поводу собранія.

За послѣднее время комитетомъ устраивались массовки человѣкъ по 70, 130, гдѣ говорилось о Земскомъ Соборѣ, Учред. Собраніи и др.

На дняхъ были обыски; троихъ забрали, у двоихъ нашли по 1000 прокламацій.

Ростовъ н.Д. 12 апрѣля. Вчера должна была быть лекція о холерѣ доктора С. Абрамова. Ровно въ 8 часовъ вечера гро-

---

ются пути мірового развитія. На основѣ кружковой психологіи расцвѣталъ раціонализмъ всѣхъ ученій, за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихъ другъ друга въ обиходѣ россійской интеллигенціи, и на этой же основѣ интеллигентская оторванность находила свое идеологическое выраженіе въ постоянной тенденціи въ свою очередь отрывать идеи отъ почвы, на которой онѣ выросли, отъ среды, въ которой онѣ обращаются, и разбирать ихъ лишь въ порядкѣ обстрактной логичности или соотвѣтствія ранѣе принятымъ тезисамъ, безъ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было исторической перспективы. Можно было уже a priori сказать, что изъ столкновенія интеллигентски-кружкового начала съ марксизмомъ получится своеобразная комбинація, въ которой кружковое начало, такъ сказать, раціонализируя Маркса, постарается занять возможно болѣе пространное мѣсто. Теперь post factum съ насъ довольно двухъ примѣровъ, возстановляющихъ въ нашей памяти забытыя или совершенно неизвѣстныя новому читателю публицистическія произведенія гг. Тулина и Влад. Ильина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.

4.

Среди тѣхъ положеній марксизма, которыя въ 90-хъ годахъ были у всѣхъ на устахъ, какъ кличъ въ борьбѣ противъ народничества, какъ необходимый идейный инвентарь, изъ котораго черпалъ обѣими руками каждый юный марксистъ того времени, однимъ изъ самыхъ громкихъ и видныхъ было положеніе о такъ называемыхъ „надстройкѣ" и „базисѣ", о зависимости „идеологіи" отъ того, что именуется „экономикой". Дѣйствительно: вскрыть классовую подоплеку, экономическую подкладку идейнаго теченія значило сдѣлать добрую половину работы, значило нанести самый чувствительный ударъ своему „идеологическому" противнику. Естественно, что этимъ орудіемъ борьбы усердно пользовалась тогдашняя интеллигенція; понятно, что она должна была пытаться подвести соотвѣтственный „базисъ" подъ народничество. И она его подводила, аргументируя насчетъ мелкобуржуазности народничества. Это было не ново. О мелкобуржуазныхъ элементахъ въ народническихъ взглядахъ говорила и прежняя литература соціальдемократіи; новъ былъ, однако, тотъ видъ, который принимала эта старая истина подъ перомъ кружковой публицистики, новъ былъ тотъ псевдо-реализмъ, съ которымъ она доходила — будто бы по Марксу — до экономическаго „корня" явленія.

„Гуманность" и „народолюбивость (народнической) теоріи — говорилъ г. Тулинъ[1]) была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя... Отношеніе народничества къ Западу и его вліянію на Россію опредѣлялось, конечно,... условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ... и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи... Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства, — и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго") производства" (стр. 88).

Въ этихъ отрывкахъ, мысль которыхъ варьируетъ на протяженіи всей огромной брошюры-статьи, по внѣшности какъ будто бы все ортодоксально — до послѣдней точки надъ i. Устанавливается именно та связь между идеей и средой, которая такъ плохо давалась вообще кружковой интеллигенціи. Стоитъ, однако, припомнить, о чемъ идетъ рѣчь, чтобы тотчасъ же разсѣялся обманчивый миражъ, и выступило наружу то простое штемпелеваніе дѣйствительности взятымъ изъ книжки, на прокатъ, трафаретомъ, которое какъ нельзя болѣе характерно для аргументаціи кружковыхъ писателей. Иностранный читатель, который имѣлъ бы несчастье ознакомляться съ Россіей по Тулину, былъ бы, конечно, вправѣ сказать: очевидно, то русское общественное теченіе, которое извѣстно подъ именемъ народничества и о плеядѣ идеологовъ котораго я издавна такъ много наслышанъ, есть теченіе въ средѣ русскаго крестьянства, кустарей или ремесленниковъ, и было бы крайне важно узнать отъ г. Тулина что нибудь болѣе опредѣленное, болѣе конкретное объ этомъ интересномъ явленіи изъ жизни „мелкаго производителя" Россіи.

Но мы то, россійскіе люди, мы знаемъ хорошо, что народническія теченіе и движеніе было характернѣйшимъ продуктомъ той „національной" категоріи дореволюціонной Россіи, которая называется интеллигенціей и которая представляетъ изъ себя пестрый конгломератъ буржуазныхъ и отщепенски деклассированныхъ элементовъ. Непріятный „пассажъ", приключившійся съ Тулинымъ, приключился съ нимъ потому, что онъ обошелъ какъ разъ эту категорію и вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ проанализировать среду, которая была несомнѣнной носительницей настроеній и взглядовъ народничества, вмѣсто того чтобы на ней показать, почему она должна была — при данной общественной конъюктурѣ — проявить народническую мелкобуржуазность, онъ выбросилъ ее просто за бортъ своего разсмотрѣнія, чтобы обратиться — якобы по Марксу — къ тому „мелкому производителю", который въ этомъ случаѣ былъ лишь тѣмъ общимъ, мелкобуржуазнымъ, жизненнымъ *фономъ*, на которомъ и разыгрывалась эволюція народнической интеллигенціи.

Но этотъ же „пассажъ" былъ въ то же время и провиденціальнымъ. Онъ наглядно показалъ, какъ шуточно легко — почеркомъ пера — совершается подмѣнъ одного общественнаго слоя другимъ. И если въ свое время было нетрудно проглотить интеллигенцію, чтобы на ея мѣсто посадить кустаря или крестьянина, то еще съ меньшими трудностями оказалось впослѣдствіи возможнымъ метаморфизировать тѣмъ же путемъ соціальдемократически-настроенную интеллигенцію въ соціальдемократическую *пролетарскую* партію.

Другой нелишенный интереса вопросъ, вокругъ котораго въ 90-хъ годахъ происходила полемика между марксистами и народниками, былъ пресловутый вопросъ о „наслѣдствѣ": Отказываются ли русскіе марксисты отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, какъ утверждалъ Михайловскій, или наоборотъ, они болѣе вѣрны ихъ завѣтамъ, чѣмъ современные будто бы „хранители"? Прежде чѣмъ спорить, надлежало, разумѣется, договориться о томъ, что понимать подъ наслѣдствомъ; ту ли смѣсь изъ либерализма и народничества, о которой обыкновенно шла рѣчь въ литературѣ прогрессивнаго лагеря, или же общественное содержаніе взглядовъ Добролюбова и Чернышевскаго, жизнеспособное до сихъ поръ, несмотря на устарѣлость своей идейной оболочки. Если первое, — честь и мѣсто въ наслѣдствѣ народникамъ эпохи упадка, если второе, — то, конечно, марксисты могли больше на него претендовать, чѣмъ вся народолюбивая братія.

Революціонное отщепенство по отношенію ко всему современному строю во имя идеи соціалистическаго переустройства общества — вотъ что связывало и должно было связывать молодое поколѣніе революціонныхъ марксистовъ съ великими тѣнями прошлаго. Но что же говорилъ по сему случаю марксизмъ интеллигентской кружковщины? Онъ растерялся передъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое казалось ему неразрѣшимымъ. Не умѣя оперировать съ идеями въ общественно-исторической перспективѣ, а лишь только раціоналистически-абстрактно, онъ не могъ переварить, напримѣръ, что Чернышевскій былъ сторонникомъ общины, что въ этомъ отношеніи онъ какъ будто походилъ на В. В. съ компаніей. И чтобы спасти положеніе, онъ въ лицѣ г. Ильина[1]), не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ открыть и оборудовать свое собственное „наслѣдство" — отъ буржуазнаго просвѣтительства.

Что это такое? Ужъ не призываются ли по этому поводу мыслители 18-го вѣка? Но причемъ тутъ 60-ые годы? Или ненарокомъ, быть можетъ, поминается Писаревъ? — Успокойтесь, читатель, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, — какъ только о... нѣкоемъ Скалдинѣ!

Скалдинъ! Какъ то Энгельсъ говорилъ: мы германскіе соц.-дем. можемъ гордиться тѣмъ, что происходимъ не только отъ С. Симона, Оуэна и Фурье, но и отъ Канта и Гегеля. Слѣдуя марксисту г. Ильину, рос. соц.-дем. могла бы поздравить себя съ неожиданнымъ предкомъ, съ достословнымъ родствомъ, съ „либерально-консерприсутствующихъ еще одного „соціальдемократа“ — представителя „Латышскаго соц.-дем. союза“. Они заявили протестъ противъ участія его на конференціи, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что этотъ „союзъ“ не ведетъ революціонной работы въ Россіи. Не безъ основанія отвѣтили имъ прочіе участники конференціи, что они лишены возможности провѣрять такое показаніе. Не безъ ехидства прибавили они, что въ числѣ протестующихъ имѣется представитель организаціи, о которой столь же позволительно сомнѣваться, ведетъ ли она работу на мѣстѣ (Арм. соц.-дем. раб. организація). Въ виду отказа большинства убрать представителя „союза“, четыре соц.-дем. организаціи удалились.

---

[1]) См. Тулинъ „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве", въ сборникѣ „Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія" 1895 г.

[1]) См. „Экономическіе этюды и статьи" СПБ. 1899 г. „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся".

Что „Латышск. соц.-дем. союзъ“ организація фиктивная, это несомнѣнно. Можно пойти дальше и прибавить, что онъ представляетъ собой филіальное отдѣленіе П. С. Р. — ея агентуру „in partibus infidelium“ и что называется онъ „соціальдемократическимъ“ съ спеціальной цѣлью досадить латышской соціальдемократіи и оторвать отъ нея десятокъ-другой рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, мы не думаемъ, чтобы кому-нибудь показалась убѣдительной *такая* мотивировка отказа товарищей продолжать уже начатое ими дѣло „сотрудничества“ съ участниками конференціи. Мы не думаемъ также, чтобы они хотѣли сказать своей мотивировкой, что признаютъ всѣ прочія — кромѣ латышскаго союза — организаціи, собранныя Гапономъ, болѣе *реальными*, чѣмъ этотъ Союзъ. И участники конференціи, которые могли бы по этому поводу разсказать намъ не мало интереснаго, должны были искренно изумиться тому, что присутствіе совершенно невиннаго Союза могло нарушить уже налаженное, казалось бы, дѣло. А бѣдный „отецъ“, неискушенный въ политикѣ, совсѣмъ таки, надо думать, запутался въ этихъ „высшихъ соображеніяхъ“.

Вѣроятно, это общее изумленіе заставило конференцію не замѣтить маленькаго противорѣчія въ дѣйствіяхъ тѣхъ четырехъ организацій, которыя „пришли, понюхали и пошли прочь“: иначе она, навѣрное указала бы на него протестантамъ. Какъ мы уже указывали, въ приглашеніи, разосланномъ Г. Гапономъ, имѣлся *перечень* всѣхъ приглашаемыхъ на конференцію организацій. И въ этомъ перечнѣ гордо красуется тотъ самый „латышскій союзъ“ присутствіе котораго повергло въ смятеніе нашихъ рѣшительныхъ бундовскихъ товарищей и неустрашимыхъ якобинцевъ „Впередъ“. Стало быть, принимая приглашеніе, они знали, съ какими „филистимлянами“ придется имъ вести трапезу? И, безъ сомнѣнія, они знали, что нигдѣ не принято, явившись на съѣздъ *опредѣленныхъ* организацій, требовать удаленія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Почему же они поставили себя въ такое странное противорѣчивое положеніе? Почему участіе свое въ работахъ по созданію новаго „блока“ они поставили въ зависимость отъ столь ничтожнаго факта? Почему?

Мы не можемъ дать читателю другого отвѣта, кромѣ того, который просится на уста: *потому что передъ нашими товарищами во время промелькнула тѣнь россійскаго организованнаго пролетаріата.*

Этому можно только радоваться. Все хорошо, что хорошо кончается. И ради хорошаго конца, можно пройти мимо такихъ странныхъ предлоговъ, какъ присутствіе маленькаго представителя очень маленькой группы.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Петербургъ. 3 апрѣля былъ митингъ на Выборгской сторонѣ, на Богословск. кладбищѣ: хоронили рабочаго, бывшаго выборщика въ коммиссію Шидловскаго, умершаго по освобожденіи изъ тюрьмы. Говорило 5 ораторовъ — всѣ отъ Группы. 10 апрѣля былъ митингъ женщинъ-работницъ, въ закрытомъ помѣщеніи. Либералы пытались основать здѣсь „женскій союзъ“, но работницы отвергли, отвѣтивъ, что признаютъ одинъ лишь союзъ — Рос. С.-Д. Раб. Партія.

На 1-ое мая (русск. стиля) группа рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и — если возможно — демонстрацій. Рабочіе призываются выходить вооруженными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было обратиться къ различнымъ общественнымъ учрежденіямъ и союзамъ съ предложеніемъ показать свое отношеніе къ пролетаріату на дѣлѣ. Мы предлагаемъ „обществу“ поддержать пролетаріатъ въ его демократическихъ требованіяхъ, предоставить рабочимъ свои помѣщенія для собраній, создать сочувственную атмосферу выступленію пролетаріата.

Резолюція въ этомъ смыслѣ обсуждалась на всѣхъ районныхъ собраніяхъ и мысль о такомъ экзаменѣ буржуазной оппозиціи встрѣтила общее сочувствіе. По принятіи резолюція предстоитъ внесеніе ея товарищами-рабочими на обсужденіе разныхъ обществъ. Только для журналистовъ пришлось сдѣлать исключеніе — предложить имъ (отъ Группы) резолюцію до принятія ея рабочими: иначе мы бы пропустили случай. Наше предложеніе о предоставленіи рабочимъ помѣщеній для собраній и т. д. обсуждалось въ междуредакціонномъ собраніи петербургскихъ оппозиціонныхъ изданій. Короленко, Анненскій и другіе выступали противъ насъ. „Не понимаю, почему именно пролетаріатъ — передовой борецъ за революцію, говорилъ Короленко, я не хочу идти въ хвостѣ соціальдемократіи: это „меньшинство“ хочетъ, вызвавъ движеніе въ обществѣ по поводу 1-го мая, подѣйствовать на рабочихъ этимъ путемъ (!) и повести за собой и „большинство“. Намъ обѣщаютъ демонстративные митинги, а хотятъ увлечь въ революцію, хотятъ заручиться для нея поддержкой на 1-ое мая“. Ему отвѣтили, что пролетаріатъ рѣшитъ вопросъ о выходѣ или невыходѣ на улицы безразлично къ тому, что скажутъ гг. журналисты, что „назначать“ революцію на 1-ое мая „меньшинство“ не думаетъ, оно ставитъ себѣ лишь цѣлью сплотить пролетаріатъ вокругъ партіи; если же событія примутъ болѣе серьезный оборотъ, то, конечно, соціальдемократія поведетъ и пойдетъ и на баррикады. Собраніе отказалось не только принять, но и голосовать резолюцію (противъ 16 голосовъ; нѣкоторые освобожденцы голосовали за). То же самое повторилось на съѣздѣ журналистовъ, гдѣ было 140 чел. Группа писателей — марксистовъ (21 чел.), *констатировавъ предательское отношеніе съѣзда къ пролетаріату*, ушла, отказалась присоединиться къ Союзу журналистовъ и основала свой союзъ съ цѣлью „содѣйствія проведенію въ жизнь выводовъ изъ марксистскаго міровоззрѣнія“. Если это — попытка положить начало легализаціи с. д. партіи, то, признаюсь, способъ, принятый петербургскими рабочими — открытые митинги — подаетъ мнѣ больше надежды въ этомъ направленіи. Интересно, что бывшіе на съѣздѣ марксисты, склоняющіеся къ „большинству“, ознакомившись съ резолюціей Группы, всецѣло присоединились къ ней, признавъ такимъ образомъ, нашу тактику относительно либераловъ правильной и, очевидно, одобривъ нашъ планъ майскаго выступленія. Объ этомъ объединеніи „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“ тутъ же было заявлено почтенному собранію, и они уже не могли тыкать разногласіями между самими с.-д.-ами, что на междуредакціонномъ собраніи Короленко также выставлялъ въ качествѣ довода за отрицательное отношеніе къ нашему предложенію. Въ „союзъ марксистовъ“ вошли также одинаково сторонники обоихъ теченій.

Наша резолюція была предложена также и представителю „гапоновцевъ“, которые, по его словамъ, отчасти снова сорганизовались. Онъ сначала предлагалъ вставить слова „мирныя“ передъ словомъ „манифестація“, но, не добившись, присоединился къ данному тексту, такъ что гапоновцы теперь будутъ пропагандировать нашу резолюцію. Съ с.-р.-ами ведемъ переговоры о технической поддержкѣ; быть можетъ, кое-что и выйдетъ.

Съ Комитетомъ „большинства“ дѣло стоитъ такъ. Сначала, какъ и подобаетъ правовѣрному большинству, онъ, считая себя не готовымъ къ вооруженному возстанію, былъ противъ всякаго выступленія на улицахъ, допуская, какъ максимумъ, тайныя сходки въ лѣсу за городомъ. Но настроеніе рабочихъ, въ связи съ агитаціей нашихъ ораторовъ на митингахъ, видимо оказали серьезное вліяніе на Комитетъ, и не смотря на то, что „Бюро Ком. Большинства“ выпустило листокъ съ призывомъ не устраивать демонстрацій 1-го мая, онъ кончилъ тѣмъ, что на оффиціальномъ собраніи съ представителями группы примкнулъ къ нашему плану, хотя и не далъ формальнаго обязательства. (Изъ письма члена Пет. Гр.).

Одесса, 10 апрѣля. Когда послѣ удачной демонстраціи на засѣданіи медицинскаго общества былъ назначенъ въ обществѣ врачей рефератъ о пироговскомъ съѣздѣ, всѣ, даже отдаленно прикосновенные къ „политикѣ“ рѣшили не пропустить интереснаго зрѣлища политической демонстраціи съ свободными рѣчами. Въ томъ, что демонстрація будетъ, всѣ были увѣрены.

Начало засѣданія въ восемь часовъ. Къ семи часамъ передъ зданіемъ общества врачей собралась плотная масса въ нѣсколько сотъ человѣкъ — все рабочая молодежь и демократическая интеллигенція. Толпа шумитъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Въ двухъ шагахъ за угломъ — полицейскій участокъ но на улицѣ ни одного городового.

Прошло болѣе получаса, дверь открылась, и живой человѣческій потокъ ринулся впередъ, затѣмъ вверхъ на второй этажъ. Залъ мигомъ наполнился; заняты были всѣ проходы, углы, ниши и углубленія оконъ. Далеко не всѣ могли помѣститься, лѣстница и улица передъ входомъ были черны отъ столпившагося народа.

Толпа гудѣла. Начать засѣданія не было никакой возможности. Раздались требованія перейти въ другое, болѣе обширное помѣщеніе. Предсѣдатель заявилъ, что такового не имѣется: что университетъ категорически отказалъ предоставить для собранія свою большую аудиторію; далѣе онъ предложилъ публикѣ рѣшать вопросъ, быть или не быть засѣданію; проектировалъ устроить докладъ въ двѣ смѣны за сегодняшній вечеръ. Но это было отвергнуто, ибо нельзя было оставаться на улицѣ тѣмъ, кто не помѣстился въ залѣ: ожидались казаки съ нагайками. Вдругъ потухло электричество. Шумъ усилился — и на голову какъ снѣгъ посыпались листки („Будьте готовы“ и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“, изд. Группы Ц. К., листки с.-ровъ: Письмо Гапона и „Письмо солдата къ солдатамъ“, Комитета: „Чего мы требуемъ“ и еще листокъ Поале-Ціонъ). Публика жадно ловила ихъ въ воздухѣ, и было не мало комичныхъ фигуръ, дико размахивавшихъ руками въ погонѣ за бѣлой бумажкой. Въ теченіи бурнаго и безпорядочнаго часа, что мы провели въ залѣ, обсуждая, какъ быть, что предпринять, электричество тухло разъ пять, и каждый разъ сверху летѣли бумажки. Предлагалось устроить демонстрацію на улицѣ, но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ. Казаки уже прискакали и выстроились предъ зданіемъ. Съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы, дружнымъ и громкимъ, публика стала выходить изъ зала. На мостовой стояла сотня казаковъ въ полномъ вооруженіи, вплоть до винтовки за спиной. Публика медленно расходилась. Все шло чинно и мирно.

Другая сотня сопровождала по Херсонской ул. уходившую публику. Прошли квартала два. Совершенно неожиданно явился десятокъ городовыхъ и, отрѣзавъ отъ толпы человѣкъ шесть-семь отставшихъ, стали бить шашками плашмя. Сзади наступали казаки, пустивъ рысью лошадей. По мостовой несся галопомъ другой отрядъ казаковъ. Отрѣзанные спасались отъ ударовъ бѣгствомъ — кто куда могъ — съ рискомъ быть раздавленными лошадиными копытами. Одинъ товарищъ получилъ шашкой по спинѣ. Дѣвицѣ одной разсѣкли нагайкой носъ и губу. Ее доставили въ аптеку, и случайно проходившій врачъ оказалъ ей помощь. Говорятъ, еще есть избитые. Изъ толпы раза два-три стрѣляли въ городовыхъ.

Самара. 31 марта. Здѣсь состоялось публичное засѣданіе Общества Охраненія Народнаго Здравія. Публика собралось человѣкъ до 800. Былъ прочитанъ докладъ „о 35 лѣтнемъ юбилеѣ средней школы“. Докладчикъ говоритъ о „ненормальномъ“ положеніи средней школы, говорилъ, что „такъ больше жить нельзя“, что надо бороться. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе собранія на тотъ „тоже ненормальный фактъ“, что борьба эта ведется не отцами, а дѣтьми, и что „мы, отцы, должны ее взять на себя“. Заключилъ онъ тѣмъ, „что реформа возможна“, и возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Первымъ оппонентомъ былъ какой то либералъ, рѣчь котораго была столь безцвѣтна, что приводить ее не стоитъ.

Вторымъ говорилъ соціальдемократъ. Онъ говорилъ, что положеніе средней школы не связано лишь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и что оно тѣсно связано со всѣмъ самодержавнымъ строемъ и, чтобы перестроена была средняя школа, нужно, чтобъ перестроенъ былъ весь государственный порядокъ; что переустройство произойдетъ путемъ низверженія самодержавія, что главную роль въ надвигающейся революціи сыграетъ соціальдемократія. Потомъ говорилъ еще одинъ либералъ, онъ прочелъ рѣчи или прокламаціи къ народу „отцовъ православной церкви“, Антонія и еще какого то. Тамъ эти христолюбивые попы призываютъ народъ бить всѣхъ образованныхъ людей, такъ какъ они де и есть истинные враги народа. Закончилъ онъ тѣмъ, что бороться съ самодержавіемъ необходимо.

Затѣмъ говорилъ еще одинъ соціальдемократъ. Когда онъ кончилъ, поднялся одинъ изъ представителей печати и выразилъ свое удивленіе „почему это здѣсь восхваляютъ соціальдемократовъ, а о соціалистахъ-революціонерахъ не говорятъ ничего“? Онъ не понималъ, почему это въ надвигающейся революціи будутъ бороться соціальдемократы, а соціалисты революціонеры нѣтъ. (Этого никто не говорилъ). Послѣ него говорилъ еще одинъ соціальдемократъ, который отвѣтилъ ему. Онъ выяснялъ позицію соціальдемократіи по отношенію къ настоящему моменту. Говорили еще двое либераловъ. Одинъ, возражая соціальдемократу, ссылался на исторію; по его понятію, исторія идетъ „медленно“: вотъ, напримѣръ, во Франціи революція совершалась 100 лѣтъ, а потому „совершать революцію“ намъ слѣдуетъ подождать, если не сотни, то, по крайней мѣрѣ, десятки лѣтъ, а пока учитывать все полезное, вродѣ коммиссіи Булыгина. Наконецъ, поднялся еще одинъ либералъ, имѣющій обыкновеніе говорить глупости и соболѣзновательно пропѣлъ, „что, конечно, демократическая республика хорошо, но только всѣ эти рѣчи напоминаютъ ему голубковъ, воркующихъ о свободѣ.“ Онъ просилъ указать имъ, либераламъ, какой либо практическій шагъ. Отвѣтить ему не пришлось, такъ какъ въ публикѣ заговорили, что собирается черная сотня бить говорившихъ соціальдемократовъ, и имъ пришлось уйти. Однако, это былъ только слухъ, полиція также не присутствовала и засѣданіе прошло совершенно спокойно.

Говорятъ, мѣстная прокуратура поднимаетъ дѣло по поводу собранія.

За послѣднее время комитетомъ устраивались массовки человѣкъ по 70, 130, гдѣ говорилось о Земскомъ Соборѣ, Учред. Собраніи и др.

На дняхъ были обыски; троихъ забрали, у двоихъ нашли по 1000 прокламацій.

Ростовъ н/Д. 12 апрѣля. Вчера должна была быть лекція о холерѣ доктора С. Абрамова. Ровно въ 8 часовъ вечера гро-

---

ются пути мірового развитія. На основѣ кружковой психологіи расцвѣталъ раціонализмъ всѣхъ ученій, за послѣднія сорокъ лѣтъ смѣнявшихъ другъ друга въ обиходѣ россійской интеллигенціи, и на этой же основѣ интеллигентская оторванность находила свое идеологическое выраженіе въ постоянной тенденціи въ свою очередь отрывать идеи отъ почвы, на которой онѣ выросли, отъ среды, въ которой онѣ обращаются, и разбирать ихъ лишь въ порядкѣ обстрактной логичности или соотвѣтствія ранѣе принятымъ тезисамъ, безъ малѣйшаго слѣда какой бы то ни было исторической перспективы. Можно было уже a priori сказать, что изъ столкновенія интеллигентски-кружкового начала съ марксизмомъ получится своеобразная комбинація, въ которой кружковое начало, такъ сказать, раціонализируя Маркса, постарается занять возможно болѣе пространное мѣсто. Теперь post factum съ насъ довольно двухъ примѣровъ, возстановляющихъ въ нашей памяти забытыя или совершенно неизвѣстныя новому читателю публицистическія произведенія гг. Тулина и Влад. Ильина, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ.

4.

Среди тѣхъ положеній марксизма, которыя въ 90-хъ годахъ были у всѣхъ на устахъ, какъ кличъ въ борьбѣ противъ народничества, какъ необходимый идейный инвентарь, изъ котораго черпалъ обѣими руками каждый юный марксистъ того времени, однимъ изъ самыхъ громкихъ и видныхъ было положеніе о такъ называемыхъ „надстройкѣ“ и „базисѣ“, о зависимости „идеологій“ отъ того, что именуется „экономикой“. Дѣйствительно: вскрыть классовую подоплеку, экономическую подкладку идейнаго теченія значило сдѣлать добрую половину работы, значило нанести самый чувствительный ударъ своему „идеологическому“ противнику. Естественно, что этимъ орудіемъ борьбы усердно пользовалась тогдашняя интеллигенція; понятно, что она должна была пытаться подвести соотвѣтственный „базисъ“ подъ народничество. И она его подводила, аргументируя насчетъ мелкобуржуазности народничества. Это было не ново. О мелкобуржуазныхъ элементахъ въ народническихъ взглядахъ говорила и прежняя литература соціальдемократіи; новъ былъ, однако, тотъ видъ, который принимала эта старая истина подъ перомъ кружковой публицистики, новъ былъ тотъ псевдо-реализмъ, съ которымъ она доходила — будто бы по Марксу — до экономическаго „корня“ явленія.

„Гуманность“ и „народолюбивость (народнической) теоріи — говорилъ г. Тулинъ[1] была слѣдствіемъ придавленнаго положенія нашего мелкаго производителя... Отношеніе народничества къ Западу и его вліянію на Россію опредѣлялось, конечно,... условіями жизни мелкаго производителя: онъ видѣлъ противъ себя крупный капитализмъ... и, будучи угнетаемъ имъ, строилъ наивныя теоріи... Прикрѣпленіе къ своему отдѣльному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характеръ государства, — и онъ обращался къ нему съ просьбой о поддержкѣ и развитіи мелкаго („народнаго“) производства“ (стр. 88).

Въ этихъ отрывкахъ, мысль которыхъ варьируетъ на протяженіи всей огромной брошюры-статьи, по внѣшности какъ будто бы все ортодоксально — до послѣдней точки надъ і. Устанавливается именно та связь между идеей и средой, которая такъ плохо давалась вообще кружковой интеллигенціи. Стоитъ, однако, припомнить, о чемъ идетъ рѣчь, чтобы тотчасъ же разсѣялся обманчивый миражъ, и выступило наружу то простое штемпелеваніе дѣйствительности взятымъ изъ книжки, на прокатъ, трафаретомъ, которое какъ нельзя болѣе характерно для аргументаціи кружковыхъ писателей. Иностранный читатель, который имѣлъ бы несчастье ознакомляться съ Россіей по Тулину, былъ бы, конечно, вправѣ сказать: очевидно, то русское общественное теченіе, которое извѣстно подъ именемъ народничества и о плеядѣ идеологовъ котораго я издавна такъ много наслышанъ, есть теченіе въ средѣ русскаго крестьянства, кустарей или ремесленниковъ, и было бы крайне важно узнать отъ г. Тулина что нибудь болѣе опредѣленное, болѣе конкретное объ этомъ интересномъ явленіи изъ жизни „мелкаго производителя“ Россіи.

Но мы то, россійскіе люди, мы знаемъ хорошо, что народническія теченіе и движеніе было характернѣйшимъ продуктомъ той „національной“ категоріи дореволюціонной Россіи, которая называется интеллигенціей и которая представляетъ изъ себя пестрый конгломератъ буржуазныхъ и отщепенски деклассированныхъ элементовъ. Непріятный „пассажъ“, приключившійся съ Тулинымъ, приключился съ нимъ потому, что онъ обошелъ какъ разъ эту категорію и вмѣсто того, чтобы дать себѣ трудъ проанализировать среду, которая была несомнѣнной носительницей настроеній и взглядовъ народничества, вмѣсто того чтобы на ней показать, почему она должна была — при данной общественной конъюктурѣ — проявить народническую мелкобуржуазность, онъ выбросилъ ее просто за бортъ своего разсмотрѣнія, чтобы обратиться — якобы по Марксу — къ тому „мелкому производителю“, который въ этомъ случаѣ былъ лишь тѣмъ общимъ, мелкобуржуазнымъ, жизненнымъ *фономъ*, на которомъ и разыгрывалась эволюція народнической интеллигенціи.

Но этотъ же „пассажъ“ былъ въ то же время и провиденціальнымъ. Онъ наглядно показалъ, какъ шуточно легко — почеркомъ пера — совершается подмѣнъ одного общественнаго слоя другимъ. И если въ свое время было нетрудно проглотить интеллигенцію, чтобы на ея мѣсто посадить кустаря или крестьянина, то еще съ меньшими трудностями оказалось впослѣдствіи возможнымъ метаморфизировать тѣмъ же путемъ соціальдемократически-настроенную интеллигенцію въ соціальдемократическую *пролетарскую* партію.

Другой нелишенный интереса вопросъ, вокругъ котораго въ 90-хъ годахъ происходила полемика между марксистами и народниками, былъ пресловутый вопросъ о „наслѣдствѣ“: Отказываются ли русскіе марксисты отъ наслѣдства 60-хъ годовъ, какъ утверждалъ Михайловскій, или наоборотъ, они болѣе вѣрны ихъ завѣтамъ, чѣмъ современные будто бы „хранители“? Прежде чѣмъ спорить, надлежало, разумѣется, договориться о томъ, что понимать подъ наслѣдствомъ; ту ли смѣсь изъ либерализма и народничества, о которой обыкновенно шла рѣчь въ литературѣ прогрессивнаго лагеря, или же общественное содержаніе взглядовъ Добролюбова и Чернышевскаго, жизнеспособное до сихъ поръ, несмотря на устарѣлость своей идейной оболочки. Если первое, — честь и мѣсто въ наслѣдствѣ народникамъ эпохи упадка, если второе, — то, конечно, марксисты могли больше на него претендовать, чѣмъ вся народолюбивая братія.

Революціонное отщепенство по отношенію ко всему современному строю во имя идеи соціалистическаго переустройства общества — вотъ что связывало и должно было связывать молодое поколѣніе революціонныхъ марксистовъ съ великими тѣнями прошлаго. Но что же говорилъ по сему случаю марксизмъ интеллигентской кружковщины? Онъ растерялся передъ тѣмъ противорѣчіемъ, которое казалось ему неразрѣшимымъ. Не умѣя оперировать съ идеями въ общественно-исторической перспективѣ, а лишь только раціоналистически-абстрактно, онъ не могъ переварить, напримѣръ, что Чернышевскій былъ сторонникомъ общины, что въ этомъ отношеніи онъ какъ будто походилъ на В. В. съ компаніей. И чтобы спасти положеніе, онъ въ лицѣ г. Ильина[1], не придумалъ ничего болѣе разумнаго, какъ открыть и оборудовать свое собственное „наслѣдство“ — отъ буржуазнаго просвѣтительства.

Что это такое? Ужъ не призываются ли по этому поводу мыслители 18-го вѣка? Но причемъ тутъ 60-ые годы? Или ненарокомъ, быть можетъ, поминается Писаревъ? — Успокойтесь, читатель, рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, — какъ только о... нѣкоемъ Скалдинѣ!

Скалдинъ! Какъ то Энгельсъ говорилъ: мы германскіе соц.-дем. можемъ гордиться тѣмъ, что происходимъ не только отъ С. Симона, Оуэна и Фурье, но и отъ Канта и Гегеля. Слѣдуя марксисту г. Ильину, рос. соц.-дем. могла бы поздравить себя съ неожиданнымъ предкомъ, съ достословнымъ родствомъ, съ „либерально-консерная толпа рабочихъ, интеллигентовъ и т. д. заполняли залу и хоры Ростовскаго клуба, было человѣкъ отъ 1500 до 2000 Довольно отчетливо, но не совсѣмъ ужъ популярно лекторъ излагалъ свою лекцію, тѣмъ не менѣе, его слушали. Свою бесѣду онъ иллюстрировалъ тутъ же висѣвшими картами со снимками различнаго рода и флакончиками съ бацилами, разносившимися въ публикѣ. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ и о резолюціи Пироговскаго съѣзда. Онъ кончилъ слѣдующими словами: „Благодарю Васъ, мм. гг., что вы мою сухую лекцію выслушали до конца, не перебивая, и теперь предлагаю плохо понявшимъ мнѣ или желающимъ добавить что нибудь, пусть высказываются“. Дружные аплодисменты. Встаетъ предсѣдатель, докторъ Парійскій и говоритъ, что такъ какъ клубъ предназначенъ на сегодня для лекціи о холерѣ, а не для дебатовъ — то онъ закрываетъ собраніе. Послышались протестующіе крики и „долой предсѣдателя“. Выбрали новаго — редактора-издателя „Донской Рѣчи“ М. Берберова. Слово взялъ рабочій, — представитель Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Въ своей рѣчи онъ развилъ ту мысль, что холера только частный видъ всѣхъ бѣдствій, что бороться съ холерой, какъ съ отдѣльнымъ зломъ жизни, не узнавши причины всѣхъ бѣдствій — разоренія народа — а причина разоренія народа — самодержавіе. Онъ указалъ на растущее съ поразительной быстротой революціонизированіе народныхъ массъ и сказалъ, что только революція смететъ всѣ бѣдствія. Онъ указалъ на губительность войны и ея роль, какъ очага заразныхъ болѣзней. Въ концѣ онъ прочелъ резолюцію Донского Комитета по поводу Пироговскаго съѣзда. Резолюція [1] была голосована поднятіемъ руки. Почти весь залъ былъ съ поднятыми руками. Ораторъ указалъ также на то, что докторовъ интеллигентовъ почти нѣтъ, что большинство является прислужниками хозяевъ-капиталистовъ. Онъ указывалъ на примѣрѣ въ полъ часа докторъ принимаетъ 50—60 человѣкъ — и ограничивается прописной касторки и порошковъ. Послѣ него хотѣлъ взять слово докторъ Блаиловскій, не его не хотѣли слушать. Тогда взялъ слово Коганъ. Онъ заговорилъ о черныхъ сотняхъ, о невѣжествѣ крестьянъ — и о томъ, что нельзя натравливать на интеллигенцію, на докторовъ эту массу. Заговорилъ о Пироговскомъ съѣздѣ и о резолюціи его, при чемъ довольно толково и прямо сказалъ, что только сверженіемъ самодержавія можно достигнуть улучшенія благосостоянія народа, что теперь рабочій классъ не долженъ отвергать союзниковъ, каковыми являются интеллигенты. Затѣмъ говорилъ снова ораторъ рабочій отъ Комитета. Онъ пояснилъ прежнюю мысль свою и сказалъ: „наше пролетарское дѣло должно быть чистымъ, безъ всякихъ примѣсей“ и что пока интеллигенція будетъ бороться съ самодержавіемъ, рабочіе ее не оттолкнутъ. Послышались голоса рабочихъ: „вмѣстѣ бить — врозь итти!“ Затѣмъ слово взялъ адвокатъ, пріѣхавшій со съѣзда адвокатовъ. Интеллигенція, по его словамъ, только начала жить политической жизнью и „требовать отъ нея, чтобы она сразу приняла Вашу программу нельзя. Она начинаетъ бороться! Союзы, учреждаемые одинъ за однимъ — вотъ признаки начинающагося сплоченія ея. Знайте, что она вся на вашей сторонѣ — и что не мало жертвъ уже было съ ея стороны и она не остановится“. Затѣмъ все время, мѣняясь, говорили рабочіе социальдемократы — и полнѣе развивали свое отношеніе къ либераламъ. Еще во время рѣчи 2-го оратора появилась въ залѣ полиція. Крики долой полицію, долой шпиковъ! Масса переодѣтыхъ. Дѣло въ томъ, что послѣ оставленія предсѣдательскаго мѣста Парійскимъ, было дано знать полиціи, что „инцидентъ“ начался. Полиція не замедлила явиться. Всѣ ораторы социальдемократы дружно были поддержаны аплодисментами публики. Стали расходиться съ пѣніемъ Марсельезы и Варшавянки. Очень выдержанно, стройно пѣти. Возбужденіе росло. У выхода клуба стояла высшая полиція — а въ цѣлый рядъ выстроившись конные казаки съ плетьми. Первые выходившіе по парѣ или больше стали группироваться по угламъ. Но вотъ одинъ рабочій сѣлъ на скамейку вблизи клуба. Къ нему подходитъ полиція и велитъ уйти. Онъ говоритъ: „ну чтожъ можно“. Не знаю почему — но его рѣшили арестовать. Но въ эту минуту послышались голоса — „товарищей арестовываютъ“ и бросились къ извозчику отбивать. Не знаю, отбили его или нѣтъ, но моментально на всю публику, выходившую изъ дверей уже густой массой, налетѣли конные казаки съ гикомъ и стали бить нагайками. Били всѣхъ. Не щадили никого. Полиція била шашками, сапогами. Лошади давили всѣхъ. Лежащихъ добивали. Одну дѣвицу казакъ ударилъ, она упала; пыталась подняться, ее другой казакъ еще разъ ударитъ. Теперь, израненная, лежитъ. Масса вся была беззащитна и дорогой попадала всюду, въ погреба винные, кондитерскую и дворы. Возмутительно велъ себя Файвушовичъ, извѣстный богачъ. Къ его парадному крыльцу подбѣжали раненная женщина и 2 мужчинъ. — Просили впустить, онъ отказался. Слышны были душу раздирающіе крики. Что было дѣлать, когда всѣ пришли безъ оружія — не думая, слѣдовательно устроить демонстрацію. Били ужъ послѣ того, когда всѣхъ почти разогнали. Раненныхъ много, не берусь даже сказать и приблизительнаго числа! Словомъ, второе Нижегородское избіеніе полиціей.

---

[1] См. Тулинъ „Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве,“ въ сборникѣ „Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія“ 1895 г.

[1] См. „Экономическіе этюды и статьи“ СПБ. 1899 г. „Отъ какого наслѣдства мы отказываемся“.

Ростовъ н/Д 9-го января. И здѣсь зашевелились либералы, устраиваютъ собранія, выносятъ резолюціи; такъ, напримѣръ, было на дняхъ собраніе въ реальномъ училищѣ, гдѣ сошлись педагоги и родители учащихся. Послѣдніе произносили довольно смѣлыя рѣчи и вынесли соотвѣтствующую резолюцію.

Было также и спеціально женское собраніе, вынесшее резолюцію съ общими революціонными требованіями. Въ театрѣ публика устроила сочувственную манифестацію артисткѣ Куза, протестовавшей 9 января противъ бойни и удаленной за то съ петербургской казенной сцены. При ея появленіи на сцену, посыпалась маленькія красныя прокламаціи; затѣмъ ей поднесли букетъ изъ красныхъ розъ съ красными лентами и надписью, „Отъ женщинъ Ростова и Нахичевани — женщинѣ гражданкѣ“. Растерявшаяся полиція никакихъ мѣръ не принимала.

Сормово. 1-го апрѣля въ зданіи чайной читалась однимъ врачемъ лекція о холерѣ. Публики, почти исключительно рабочей, собралось очень много; интересно отмѣтить, что почти всѣ рабочіе явились вооруженные, кто чѣмъ могъ — желѣзными палками, гирями, гайками, а кто и револьверомъ.

По окончаніи лекціи одинъ изъ рабочихъ спросилъ лектора, почему это надо ожидать, что холера появится прежде всего въ рабочихъ кварталахъ, а не среди богачей? Докторъ отвѣтилъ, что это ужъ отъ Бога. Тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Рабочій* — На богѣ далеко не уѣдешь. *Докторъ*: Конечно богъ то богъ, да и самъ не будь плохъ!

Другой рабочій замѣтилъ, что холера не единственная бѣда, надвигающаяся на рабочихъ, что она, какъ и всѣ остальныя ихъ бѣды, происходитъ отъ одной общей причины — общихъ условій ихъ жизни (рабочихъ) вообще и политическихъ условій жизни въ Россіи въ частности. Говорилъ и о войнѣ, о событіяхъ внутри Россіи. Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: „наши товарищи — петербургскіе рабочіе — геройски погибли 9-го января отъ руки убійственнаго самодержавія. Всѣ ужасы 9-го января заставляютъ напрягать нашъ умъ и всѣ наши силы на то, чтобы скорѣе найти выходъ“. Въ концѣ его рѣчи съ улицы раздался выстрѣлъ; рабочіе приняли его за нападеніе полиціи и всѣ бросились къ выходу. Тогда раздались выстрѣлы и въ самомомъ залѣ: то рабочіе разстрѣливали портретъ Николая II.

Вышедшіе изъ залы, при крикахъ „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. Партія“ съ пѣніемъ марсельезы двинулись по улицѣ. Было до 2000 человѣкъ. Другая толпа демонстрантовъ навела на полицію такую панику, что она вся разбѣжалась и попряталась, кто куда, а на другой день около 40 городовыхъ подали въ отставку, т. к. они не хотятъ болѣе служить въ Сормовѣ и вообще въ полиціи: имъ еще охота пожить, „а на этой службѣ легко могутъ убить“.

Нѣкоторое время спустя послѣ ухода демонстрантовъ хулиганы, по наущенію полиціи, выбили стекла въ двухъ домахъ, думая такимъ образомъ возбудить населеніе противъ демонстрантовъ, но напрасно: всѣ знаютъ, чего хотятъ демонстранты и чего надо ждать отъ черной сотни.

Теперь сюда прислали 2 сотни казаковъ — одна стоитъ здѣсь другая въ городѣ, власти готовятся къ 1-ому мая.

Камышинъ, (Саратовской губерніи). До сихъ поръ нельзя было услышать изъ Камышина о массовомъ протестѣ противъ существующаго государственнаго режима. Не было протеста не потому, что нѣтъ сознательныхъ и протестующихъ элементовъ, — они есть, но они не организованы и разобщены между собой. Вскорѣ послѣ Курскихъ избіеній здѣшняя учащаяся молодежь, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ, заволновалась и рѣшила собраться на сходку въ реальномъ училищѣ 23 февраля послѣ спектакля, но до начала танцевъ. На сходкѣ огласили фактъ организованнаго полиціей избіенія учащихся въ Курскѣ и другихъ городахъ и приняли резолюцію, въ которой учащіеся обращаются къ мыслящему обществу, чтобы оно протестовало противъ такихъ подлыхъ средствъ усмиренія учащихся и указываютъ, что успокоеніе умовъ будетъ лишь тогда, когда произойдетъ полное обновленіе всего государственнаго и общественнаго строя. Послѣ сходки учащіеся, съ пѣніемъ марсельезы, направились въ залъ и, объявивъ собравшейся на вечеръ публикѣ свою резолюцію, предлагали прекратить танцы. Присутствовавшая публика, за исключеніемъ немногихъ, разошлась. На сходкѣ было 155 человѣкъ. Полиція не вмѣшивалась. Учебное начальство было обезкуражено неожиданной для нихъ демонстраціей. На другой день учащіеся выступили въ роли демонстрантовъ уже въ клубѣ, гдѣ былъ концертъ. Во время самаго концерта публика на галереѣ замѣтила одного шпіона. Послышались крики: „долой шпіона!“ И шпіонъ былъ вытолкнутъ съ галереи чуть ли не всей стоявшей тамъ публикой, главнымъ образомъ, учащимися. При самомъ окончаніи концерта опять съ галереи просили пѣвца Хохлова спѣть „на бисъ“ послѣднюю пьесу „Два гренадера“. И вотъ, когда онъ запѣлъ знакомый мотивъ Марсельезы — на публику, сидящую въ рядахъ, посыпались прокламаціи — послышались крики: „долой самодержавіе!“ и съ галереи грянула настоящая Марсельеза: „Отречемся отъ стараго міра“. Сидящая на мѣстахъ публика, какъ только на нее посыпались прокламаціи (отъ группы социальдемократовъ) о призывѣ къ протесту противъ избіенія, организованнаго самодержавіемъ для искорененія крамолы, — поспѣшно стала удаляться изъ залы. Исправникъ, услышавъ массовое пѣніе, отдалъ музыкѣ приказаніе играть маршъ и самъ явился въ залъ для увѣщеванія. Большая часть брошенныхъ прокламацій попала въ руки полиціи. Участвовавшихъ на демонстраціи въ клубѣ было свыше 100 человѣкъ. Говорятъ, что будетъ производиться по этому дѣлу жандармское слѣдствіе. Предсѣдатель совѣта старшинъ, мѣстный членъ окружного суда Остроумовъ добровольно принялъ на себя жандармскія обязанности. Впереди исправника онъ старался „усовѣстить“ поющую публику и принялъ мѣры, чтобъ на будущее время не было большого скопленія людей на галереѣ, а исправникъ постарался на слѣдующій день приставить къ дверямъ клуба, вѣроятно, для устрашенія, человѣкъ 10 здоровенныхъ городовыхъ. Надо замѣтить, что всѣ эти ихъ мѣры усиліями мѣстнаго интеллигентнаго общества, на концертѣ 26 февраля, были уничтожены... По городу ходитъ слухъ, что будутъ бить учащихся. Поэтому, среди нихъ организовалась самооборона, состоящая изъ расхаживающихъ по наиболѣе многолюднымъ улицамъ вооруженныхъ револьверами патрулей.

Челябинскъ. 31 марта. Здѣсь были разбросаны прокламаціи слѣдующаго содержанія: „Воззваніе. Просимъ васъ, братья, сегодня въ 9 часовъ соединиться съ нами. Помогите намъ стереть съ лица земли это злое сѣмя, конечно, вы знаете, вреднѣе нѣтъ этихъ жидовъ, уничтожимъ мы ихъ всѣхъ самихъ и все ихнее производство. Пока до свиданья, надѣемся увидѣться сегодня вечеромъ въ 9 ч. 29 марта 1905 г. Присоединяется тысяча голосовъ“.

Настроеніе въ массѣ возбужденное. Отовсюду требуютъ литературу.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 40 человѣкъ въ г. Иркутскѣ.

Мы, Иркутскіе работники и работницы, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи въ количествѣ 40 человѣкъ и обсудивъ вопросъ о современномъ положеніи рабочаго класса, пришли къ заключенію, что

1) вообще тяжелое положеніе рабочаго класса стало невыносимымъ въ послѣднее время, благодаря войнѣ;

2) виновникомъ войны и безправнаго положенія рабочаго класса является самодержавіе;

3) единственный выходъ при настоящемъ положеніи, какъ для насъ, такъ и для всего рабочаго класса одинъ — уничтоженіе царской монархіи путемъ народнаго возстанія для созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ;

4) Это Учредительное Собраніе прекратитъ войну и только оно одно обезпечитъ народу политическую свободу въ демократической республикѣ, а рабочему классу — возможность организовываться и бороться за социализмъ.

5) Поэтому, мы привѣтствуемъ призывъ Сибирскаго Социаль-Демократическаго Союза къ политической забастовкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзной дороги противъ царской монархіи и войны и обѣщаемъ поддержать эту стачку, а во время народнаго возстанія мы примкнемъ къ нему подъ знаменемъ Россійской Социаль Демократической Рабочей Партіи.

Мартъ 1905 г.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ въ г. Нижнеудинскѣ.

Мы, рабочіе Нижнеудинскаго желѣзнодорожнаго депо, обсудивъ въ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ вопросъ о необходимости прекращенія войны, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что только активное вмѣшательство рабочихъ можетъ положить конецъ нелѣпой кровопролитной войнѣ съ Японіей.

Запутавшемуся въ сѣтяхъ собственной политики русскому правительству остается теперь одно изъ двухъ: побѣдить Японію или самому погибнуть; оно это прекрасно понимаетъ, оно знаетъ, что война затѣяна и ведется имъ въ цѣляхъ самосохраненія, и что она, поэтому, должна быть доведена до конца.

Русское самодержавіе надѣялось побѣдить Японію — и такимъ образомъ возвысить свой военный авторитетъ въ глазахъ другихъ державъ, чтобы имѣть возможность вновь пользоваться займами, безъ которыхъ оно жить не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно надѣялось, прокричавъ о новой побѣдѣ, подогрѣть ложный патріотизмъ темныхъ невѣжественныхъ массъ и отвлечь хотя на нѣкоторое время отъ себя ихъ революціонное вниманіе.

Но и самодержавіе знаетъ также, что ждетъ его въ случаѣ неудачъ: Оно лишается прежде всего иностраннаго кредита (ему, какъ обанкротившемуся коммерсанту, никто не будетъ вѣрить) и, кромѣ того, истощивъ въ неудачной войнѣ до послѣдней степени страну и, доказавъ свою полную неспособность управленія ею, оно еще сильнѣе возбудитъ революціонное настроеніе противъ себя.

Самодержавіе должно побѣдить, чтобы самому не погибнуть. И только крайняя необходимость заставитъ его подписать миръ; пока же есть хоть какая-нибудь возможность продолжать войну — правительство само не кончитъ ее.

Ежедневно оно перевозитъ на поля Манджуріи сотни и тысячи одѣтыхъ въ мундиры, одураченныхъ, вымуштрованныхъ братьевъ; шлетъ туда тысячи и милліоны рублей, нашимъ потомъ и кровью добытыхъ денегъ и жизненныхъ припасовъ, оставляя насъ здѣсь безъ продуктовъ первой необходимости, бросая на насъ вдовъ-женъ, сиротъ-дѣтей и безпомощныхъ стариковъ-родителей. Каждый день требуетъ новыхъ и новыхъ кровавыхъ жертвъ.

Ужасная, разорительная война тянется уже больше года, высасывая изъ рабочаго класса всѣ послѣдніе соки, и будетъ тянуться еще неопредѣленно долго — пока мы, рабочіе, сами не положимъ ей конецъ. И мы должны его положить!

На насъ, рабочихъ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, лежитъ священная обязанность явиться застрѣльщиками въ этомъ благородномъ дѣлѣ, такъ какъ мы поставлены въ особо благопріятныя къ тому условія: въ нашихъ рукахъ находится вся линія Сибирскихъ и Забайкальскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы, Нижнеудинскіе рабочіе, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что лучшимъ и единственно подходящимъ въ данный моментъ средствомъ къ прекращенію войны является всеобщая *политическая* стачка по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Эта всеобщая политическая стачка положитъ конецъ нелѣпой войнѣ, нанесетъ смертельный ударъ одряхлѣвшему царизму и дастъ могучій толчекъ всенародному возстанію противъ царской монархіи, которую такъ тщетно бомбардируетъ наша буржуазія всѣхъ оттѣнковъ разными петиціями и банкетными резолюціями.

На мѣсто царскаго правительства возставшій русскій народъ установитъ свое временное правительство. Оно заключитъ миръ съ Японіей и, помощью всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго голосованія, созоветъ *Всенародное Учредительное Собраніе*, которое должно учредить въ Россіи новый государственный строй на началахъ самодержавія народа, т. е. учредитъ Россійскую Демократическую Республику. Тогда то народу будетъ свобода, значитъ, свобода будетъ и для насъ, рабочихъ. Тогда рабочій классъ побѣдитъ буржуазію, и настанетъ царство социализма, царство счастія, равенства и братства людей.

Теперь же, во имя социализма, подъ знаменемъ нашей Рабочей Партіи, Социальдемократической, мы должны вступить въ безпощадный бой противъ царской монархіи, противъ царской войны и мы вступимъ въ этотъ бой.

Марта 1905. г.

Съ театра войны. (Письмо офицера). 21 фев. ст. Нингута. Вотъ уже 4-й мѣсяцъ, какъ мы изъ В-ка; немного кажется, а сколько разныхъ приключеній: отъ В. до Манчжуріи бойко мы ѣхали, право, молодцы! Грабили по дорогѣ, колотили всѣхъ, кто попадется; бывало, когда поѣздъ подходитъ къ какому-нибудь городу, всѣ жители убѣгали, да ставни запирали; а водки-то, водки сколько вылакали! однимъ словомъ, храбрецы — молодцы! Японца въ щепки разобьемъ! — кричали, колотя стекла въ лавкахъ! Въ результатѣ отъ такой храбрости: 5 молодцевъ пьяненькихъ поѣздъ перерѣзалъ пополамъ. 3 молодцамъ руки или ноги поотрывало, 2 повѣсили за разбой, а 4 сослали въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Отличились! — Раньше я не вѣрилъ въ чудеса, но теперь вѣрю: развѣ это не чудо, что такіе храбрые, какъ только въѣхали въ Манчжурію и услыхали, какъ подъ Мукденомъ японцы: бумъ! бумъ! — такъ сейчасъ же всѣ стали смирные и перестали кричать „разобьемъ японца.“ — Но, какъ быть, начальство говоритъ что непремѣнно надо разбить японца, ну ужъ если не разбить, то хоть одну побѣду давай! Хоть роди, а давай побѣду! Э-э! у насъ и на это есть средство! вотъ оно: какъ только мы пришли подъ Мукденъ, пріѣхалъ къ намъ попъ главный съ образомъ, не съ простымъ образомъ, а съ такимъ, говорятъ попы, что кто имѣетъ этотъ образъ, тотъ побѣдитъ; даже японцы не имѣютъ такого хорошаго образа! Вотъ и давай пѣть, кадить да кланяться, а въ концѣ попъ поднялъ образъ и закричалъ грозно: „да погибнутъ всѣ японцы“! Ну, думаемъ мы, теперь уже конецъ япошкамъ! Но, видно, они лукавѣе насъ, мы то съ попами кадили и молились, а япошки въ это время подъ Сандепу укрѣпленія дѣлали. Наши, помолившись, пошли брать приступомъ эту самую деревню Сандепу: сунулись — 12.000 нашихъ легло на мѣстѣ съ 15-го по 17-ое января и отступили назадъ. Ну, и времена! и образа даже не помогаютъ! Бѣда еще въ томъ, что въ Сандепу япошекъ было только 6 баталіоновъ и 6 орудій, а нашихъ 16 баталіоновъ и 102 орудія. Ну, да у насъ и на это есть средство: насъ вотъ поколотятъ, а мы за это панихиду отслужимъ, да еще не одну, а нѣсколько; поколотятъ еще — мы опять панихиду, да еще молебенъ, вотъ и тягайся съ нами! Ну, погодите, проклятые, пріѣдутъ къ намъ къ осени подкрѣпленія, зададимъ вамъ тогда! а теперь такъ намъ даже выгодно, что насъ бьютъ, это въ планъ войны у насъ вошло!.., Но что-же это такое? Да они, проклятые нехристи, уже въ тылъ намъ забрались: въ Цицикарѣ, въ Харбинѣ, въ Гунжулинѣ даже мостъ и желѣзную дорогу взорвали 3-го

---

[1] Къ сожалѣнію нѣтъ сейчасъ подъ рукой.

ативной“ ископаемой рѣдкостью, называемой Скалдинымъ. Кромѣ записныхъ библіографовъ, мало кому что либо говоритъ названіе этого писателя, незамѣтно и нетипично промелькнувшаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ переходный періодъ „Отечественныхъ Записокъ“; но бѣдный кружковой марксистъ облюбовалъ эту рѣдкость за нѣсколько буржуазно-либеральныхъ идеекъ, пріятно пѣвшихъ въ униссонъ его антинародническому сердцу, не подозрѣвая, конечно, что безвѣстный Скалдинъ былъ не кто другой, какъ въ позднѣйшіе годы извѣстный хорошо на всю Россію авторъ проектовъ обузданія печати, реакціонный публицистъ по финляндскому вопросу, скверной памяти покойный Елеевъ.

Я не остановился бы на этомъ скандальномъ эпизодѣ изъ исторіи легальнаго марксизма, еслибы онъ не характеризовалъ такъ поразительно отчетливо и ярко особенностей мышленія кружковой интеллигенціи. Г. Ильину, какъ истому представителю кружка, свободному отъ элементарнаго историческаго чутья-пониманія, не стоило сомнѣній и труда выхватить изъ статей случайнаго и чуждаго писателя группу идей, формально сходныхъ съ положеніями современныхъ марксистовъ, и на основѣ этого сходства приняться за конструированіе того невѣроподобнаго преемства, которымъ онъ такъ горделиво щеголялъ на посрамленіе своимъ народническимъ оппонентамъ. Какъ и подобаетъ кружковому публицисту, онъ бралъ идеи внѣ среды, ихъ создавшей, внѣ той связи, которая только и сообщаетъ плоть и кровь безъ того безплотнымъ абстракціямъ. Онъ аргументировалъ отмахнувшись отъ исторіи, какъ и та первичная интеллигентская ячейка, изъ которой онъ пришелъ, и которая въ сущности живетъ — при всемъ радикализмѣ своихъ взглядовъ и несмотря на всю нелегальность своей практики — внѣ пространства и времени, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ понятій.

И что примѣчательно: въ результатѣ — о иронія судьбы!. — кружковой раціонализмъ омертвилъ обезплодилъ кружковую отщепенскую нетерпимость: прочитайте, въ самомъ дѣлѣ, статью г. Ильина о „наслѣдствѣ“, если вамъ до сихъ поръ ее прочесть не удосужилось, и вы поймете, что нетерпимость кружка есть самое ненадежное предохранительное средство отъ возможныхъ соблазновъ политики, вы поймете, почему эта статья при своемъ появленіи на свѣтъ была встрѣчена сочувственно въ кругу русскихъ бернштейніанцевъ того времени, и почему впослѣдствіи непримиримый Ленинъ — о чемъ еще разговоръ впереди — могъ дѣлать свои благожелательные курбеты передъ фрондой предводителей россійскаго дворянства.

Старовѣръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ная толпа рабочихъ, интеллигентовъ и т. д. заполняли залу и хоры Ростовскаго клуба, было человѣкъ отъ 1500 до 2000. Довольно отчетливо, но не совсѣмъ ужъ популярно лекторъ излагалъ свою лекцію, тѣмъ не менѣе, его слушали. Свою бесѣду онъ иллюстрировалъ тутъ же висѣвшими картами со снимками различнаго рода и флакончиками съ бациллами, разносившимися въ публикѣ. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ и о резолюціи Пироговскаго съѣзда. Онъ кончилъ слѣдующими словами: „Благодарю Васъ, мм. гг., что вы мою сухую лекцію выслушали до конца, не перебивая, и теперь предлагаю плохо понявшимъ меня или желающимъ добавить что нибудь, пусть высказываются“. Дружные аплодисменты. Встаетъ председатель, докторъ Парійскій и говоритъ, что такъ какъ клубъ предназначенъ на сегодня для лекціи о холерѣ, а не для дебатовъ — то онъ закрываетъ собраніе. Послышались протестующіе крики и „долой председателя“. Выбрали новаго—редактора-издателя „Донской Рѣчи“ М. Берберова. Слово взялъ рабочій, — представитель Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. Въ своей рѣчи онъ развилъ ту мысль, что холера только частный видъ всѣхъ бѣдствій, что бороться съ холерой, какъ съ отдѣльнымъ зломъ нельзя, не узнавши причины всѣхъ бѣдствій — разоренія народа — а причина разоренія народа — самодержавіе. Онъ указалъ на растущее съ поразительной быстротой революціонизированіе народныхъ массъ и сказалъ, что только революція смететъ всѣ бѣдствія. Онъ указалъ на губительность войны и ея роль, какъ очага заразныхъ болѣзней. Въ концѣ онъ прочелъ резолюцію Донского Комитета по поводу Пироговскаго съѣзда. Резолюція [1] была голосована поднятіемъ руки. Почти весь залъ былъ съ поднятыми руками. Ораторъ указалъ также на то, что докторовъ интеллигентовъ почти нѣтъ, что большинство является прислужниками хозяевъ-капиталистовъ. Онъ указывалъ на примѣрѣ въ полъ часа докторъ принимаетъ 50—60 человѣкъ — и ограничивается прописной касторки и порошковъ. Послѣ него хотѣлъ взять слово докторъ Браиловскій, но его не хотѣли слушать. Тогда взялъ слово Коганъ. Онъ заговорилъ о черныхъ сотняхъ, о невѣжествѣ крестьянъ — и о томъ, что нельзя натравливать на интеллигенцію, на докторовъ эту массу. Заговорилъ о Пироговскомъ съѣздѣ и о резолюціи его, при чемъ довольно толково и прямо сказалъ, что только сверженіемъ самодержавія можно достигнуть улучшенія благосостоянія народа, что теперь рабочій классъ не долженъ отвергать союзниковъ, каковыми являются интеллигенты. Затѣмъ говорилъ снова ораторъ рабочій отъ Комитета. Онъ пояснилъ прежнюю мысль свою и сказалъ: „наше пролетарское дѣло должно быть чистымъ, безъ всякихъ примѣсей“ и что пока интеллигенція будетъ бороться съ самодержавіемъ, рабочіе ее не оттолкнутъ. Послышались голоса рабочихъ: „вмѣстѣ бить — врозь итти!“ Затѣмъ слово взялъ адвокатъ, пріѣхавшій со съѣзда адвокатовъ. Интеллигенція, по его словамъ, только начала жить политической жизнью и „требовать отъ нея, чтобы она сразу приняла Вашу программу нельзя. Она начинаетъ бороться! Союзы, учреждаемые одинъ за однимъ — вотъ признаки начинающагося сплоченія ея. Знайте, что она вся на вашей сторонѣ — и что не мало жертвъ уже было съ ея стороны и она не остановится“. Затѣмъ все время, мѣняясь, говорили рабочіе социальдемократы — и полнѣе развивали свое отношеніе къ либераламъ. Еще во время рѣчи 2-го оратора появилась въ залѣ полиція. Крики долой полицію, долой шпиковъ! Масса переодѣтыхъ. Дѣло въ томъ, что послѣ оставленія предсѣдательскаго мѣста Парійскимъ, было дано знать полиціи, что „инцидентъ“ начался. Полиція не замедлила явиться. Всѣ ораторы социальдемократы дружно были поддержаны аплодисментами публики. Стали расходиться съ пѣніемъ Марсельезы и Варшавянки. Очень выдержанно, стройно пѣли. Возбужденіе росло. У выхода клуба стояла высшая полиція — а въ цѣлый рядъ выстроившись конные казаки съ плетьми. Первые выходившіе по парѣ или больше стали группироваться по угламъ. Но вотъ одинъ рабочій сѣлъ на скамейку вблизи клуба. Къ нему подходитъ полиція и велитъ уйти. Онъ говоритъ: „ну чтожъ можно“. Не знаю почему—но его рѣшили арестовать. Но въ эту минуту послышались голоса — „товарищей арестовываютъ“ и бросились къ извощику отбивать. Не знаю, отбили или нѣтъ, но моментально на всю публику, выходившую изъ дверей уже густой массой, налетѣли конные казаки съ гикомъ и стали бить нагайками. Били всѣхъ. Не щадили никого. Полиція била шашками, сапогами. Лошади давили всѣхъ. Лежащихъ добивали. Одну дѣвицу казакъ ударилъ, она упала; пыталась подняться, ее другой казакъ еще разъ ударилъ. Теперь, израненная, лежитъ. Масса вся была беззащитна и дорогой попадала всюду, въ погреба винные, кондитерскую и дворы. Возмутительно велъ себя Файвушовичъ, извѣстный богачъ. Къ его парадному крыльцу подбѣжали раненая женщина и 2 мужчинъ. — Просили впустить, онъ отказался. Слышны были душу раздирающіе крики. Что было дѣлать, когда всѣ пришли безъ оружія — не думая, слѣдовательно устроить демонстрацію. Били ужъ послѣ того, когда всѣхъ почти разогнали. Раненныхъ много, не берусь даже сказать и приблизительнаго числа! Словомъ, второе Нижегородское избіеніе полиціей.

Ростовъ н/Д 9-го января. И здѣсь зашевелились либералы, устраиваютъ собранія, выносятъ резолюціи; такъ, напримѣръ, было на дняхъ собраніе въ реальномъ училищѣ, гдѣ сошлись педагоги и родители учащихся. Послѣдніе произносили довольно смѣлыя рѣчи и вынесли соотвѣтствующую резолюцію.

Было также и специально женское собраніе, вынесшее резолюцію съ общими революціонными требованіями. Въ театрѣ публика устроила сочувственную манифестацію артисткѣ Кузя, протестовавшей 9 января противъ бойни и удаленной за то съ петербургской казенной сцены. При ея появленіи на сцену, посыпалась маленькія красныя прокламаціи; затѣмъ ей поднесли букетъ изъ красныхъ розъ съ красными лентами и надписью, „Отъ женщинъ Ростова и Нахичевани — женщинѣ гражданкѣ“. Растерявшаяся полиція никакихъ мѣръ не принимала.

Сормово. 1-го апрѣля въ зданіи чайной читалась однимъ врачемъ лекція о холерѣ. Публики, почти исключительно рабочей, собралось очень много; интересно отмѣтить, что почти всѣ рабочіе явились вооруженные, кто чѣмъ могъ — желѣзными палками, гирями, гайками, а кто и револьверомъ.

По окончаніи лекціи одинъ изъ рабочихъ спросилъ лектора, почему это надо ожидать, что холера появится прежде всего въ рабочихъ кварталахъ, а не среди богачей? Докторъ отвѣчалъ, что это ужъ отъ Бога. Тогда между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Рабочій* — Ни богѣ далеко не уѣдешь. *Докторъ*: Конечно богъ то богъ, да и самъ не будь плохъ!

Другой рабочій замѣтилъ, что холера не единственная бѣда, надвигающаяся на рабочихъ, что она, какъ и всѣ остальныя ихъ бѣды, происходитъ отъ одной общей причины — общихъ условій ихъ жизни (рабочихъ) вообще и политическихъ условій жизни въ Россіи въ частности. Говоритъ и о войнѣ, о событіяхъ внутри Россіи. Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: „наши товарищи — петербургскіе рабочіе—геройски погибли 9-го января отъ руки убійственнаго самодержавія. Всѣ ужасы 9-го января заставляютъ напрягать нашъ умъ и всѣ наши силы на то, чтобы скорѣе найти выходъ“. Въ концѣ его рѣчи съ улицы раздался выстрѣлъ; рабочіе приняли его за нападеніе полиціи и всѣ бросились къ выходу. Тогда раздались выстрѣлы и въ самомъ залѣ: то рабочіе разстрѣливали портретъ Николая II.

Вышедшіе изъ залы, при крикахъ „да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. Партія“ съ пѣніемъ марсельезы двинулись по улицѣ. Было до 2000 человѣкъ. Другая толпа демонстрантовъ навела на полицію такую панику, что она вся разбѣжалась и попряталась, кто куда, а на другой день около 40 городовыхъ подали въ отставку, т. к. они не хотятъ болѣе служить въ Сормовѣ и вообще въ полиціи: имъ еще охота и жить, „а на этой службѣ легко могутъ убить“.

Нѣкоторое время спустя послѣ ухода демонстрантовъ хулиганы, по наущенію полиціи, выбили стекла въ двухъ домахъ, думая такимъ образомъ возбудить населеніе противъ демонстрантовъ, но напрасно: всѣ знаютъ, чего хотятъ демонстранты и чего надо ждать отъ черной сотни.

Теперь сюда прислали 2 сотни казаковъ — одна стоитъ здѣсь другая въ городѣ, власти готовятся къ 1-ому мая.

Камышинъ. (Саратовской губерніи). До сихъ поръ нельзя было услышать изъ Камышина о массовомъ протестѣ противъ существующаго государственнаго режима. Не было протеста не потому, что нѣтъ сознательныхъ и протестующихъ элементовъ, — они есть, но они не организованы и разобщены между собой. Вскорѣ послѣ Курскихъ избіеній здѣшняя учащаяся молодежь, реалисты и гимназистки старшихъ классовъ, заволновалась и рѣшила собраться на сходку въ реальномъ училищѣ 23 февраля послѣ спектакля, но до начала танцевъ. На сходкѣ огласили фактъ организованнаго полиціей избіенія учащихся въ Курскѣ и другихъ городахъ и приняли резолюцію, въ которой учащіеся обращаются къ мыслящему обществу, чтобы оно протестовало противъ такихъ подлыхъ средствъ усмиренія учащихся и указываютъ, что успокоеніе умовъ будетъ лишь тогда, когда произойдетъ полное обновленіе всего государственнаго и общественнаго строя. Послѣ сходки учащіеся, съ пѣніемъ марсельезы, направились въ залъ и, объявивъ собравшейся на вечеръ публикѣ свою резолюцію, предлагали прекратить танцы. Присутствовавшая публика, за исключеніемъ немногихъ, разошлась. На сходкѣ было 155 человѣкъ. Полиція не вмѣшивалась. Учебное начальство было обезкуражено неожиданной для нихъ демонстраціей. На другой день учащіеся выступили въ роли демонстрантовъ уже въ клубѣ, гдѣ былъ концертъ. Во время самаго концерта публика на галереѣ замѣтила одного шпіона. Послышались крики: „долой шпіона!“ И шпіонъ былъ вытолкнутъ съ галереи чуть ли не всей стоявшей тамъ публикой, главнымъ образомъ, учащимися. При самомъ окончаніи концерта опять съ галереи просили пѣвца Хохлова спѣть „на бисъ“ послѣднюю пьесу „Два гренадера“. И вотъ, когда онъ запѣлъ знакомый мотивъ Марсельезы — на публику, сидящую въ рядахъ, посыпались прокламаціи — послышались крики: „долой самодержавіе!“ и съ галереи грянула настоящая Марсельеза: „Отречемся отъ стараго міра“. Сидящая на мѣстахъ публика, какъ только на нее посыпались прокламаціи отъ группы социальдемократовъ о призывѣ къ протесту противъ избіенія, организованнаго самодержавіемъ для искорененія крамолы, — поспѣшно стала удаляться изъ залы. Исправникъ, услышавъ массовое пѣніе, отдалъ музыкѣ приказаніе играть маршъ и самъ явился въ залъ для увѣщеванія. Большая часть брошенныхъ прокламацій попала въ руки полиціи. Участвовавшихъ на демонстраціи въ клубѣ было свыше 100 человѣкъ. Говорятъ, что будетъ производиться по этому дѣлу жандармское слѣдствіе. Предсѣдатель совѣта старшинъ, мѣстный членъ окружного суда Остроумовъ добровольно принялъ на себя жандармскія обязанности. Впереди исправника онъ старался „усовѣстить“ поющую публику и принялъ мѣры, чтобъ на будущее время не было большого скопленія людей на галереѣ, а исправникъ постарался на слѣдующій день приставить къ дверямъ клуба, вѣроятно для устрашенія, человѣкъ 10 здоровенныхъ городовыхъ. Надо замѣтить, что всѣ эти ихъ мѣры усиліями мѣстнаго интеллигентнаго общества, на концертѣ 26 февраля, были уничтожены... По городу ходитъ слухъ, что будутъ бить учащихся. Поэтому, среди нихъ организовалась самооборона, состоящая изъ расхаживающихъ по наиболѣе многолюднымъ улицамъ вооруженныхъ револьверами патрулей.

Челябинскъ. 31 марта. Здѣсь были разбросаны прокламаціи слѣдующаго содержанія: „Воззваніе. Просимъ васъ, братья, сегодня въ 9 часовъ соединиться съ нами. Помогите намъ стереть съ лица земли это злое сѣмя, конечно, вы знаете, вреднѣе нѣтъ этихъ жидовъ, уничтожимъ мы ихъ всѣхъ самихъ и все ихнее производство. Пока до свиданья, надѣемся увидѣться сегодня вечеромъ въ 9 ч. 29 марта 1905 г. Присоединяйся тысяча голосовъ“.

Настроеніе въ массѣ возбужденное. Отовсюду требуютъ литературу.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 40 человѣкъ въ г. Иркутскѣ.

Мы, Иркутскіе работники и работницы, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи въ количествѣ 40 человѣкъ и обсудивъ вопросъ о современномъ положеніи рабочаго класса, пришли къ заключенію, что

1) вообще тяжелое положеніе рабочаго класса стало невыносимымъ въ послѣднее время, благодаря войнѣ;

2) виновникомъ войны и безправнаго положенія рабочаго класса является самодержавіе;

3) единственный выходъ при настоящемъ положеніи, какъ для насъ, такъ и для всего рабочаго класса одинъ — уничтоженіе царской монархіи путемъ народнаго возстанія для созыва Учредительнаго Собранія, избраннаго всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ;

4) Это Учредительное Собраніе прекратитъ войну и только оно одно обезпечитъ народу политическую свободу въ демократической республикѣ, а рабочему классу — возможность организовываться и бороться за социализмъ.

5) Поэтому, мы привѣтствуемъ призывъ Сибирскаго Социаль-Демократическаго Союза къ политической забастовкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзной дороги противъ царской монархіи и войны и обѣщаемъ поддержать эту стачку, а во время народнаго возстанія мы примкнемъ къ нему подъ знаменемъ Россійской Социаль Демократической Рабочей Партіи.

Мартъ 1905 г.

Резолюція, принятая на рабочемъ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ въ г. Нижнеудинскѣ.

Мы, рабочіе Нижнеудинскаго желѣзнодорожнаго депо, обсудивъ въ собраніи въ количествѣ 25 человѣкъ вопросъ о необходимости прекращенія войны, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что только активное вмѣшательство рабочихъ можетъ положить конецъ нелѣпой кровопролитной войнѣ съ Японіей.

Запутавшемуся въ сѣтяхъ собственной политики русскому правительству остается теперь одно изъ двухъ: побѣдить Японію или самому погибнуть; оно это прекрасно понимаетъ, оно знаетъ, что война затѣяна и ведется имъ въ цѣляхъ самосохраненія, и что она, поэтому, должна быть доведена до конца.

Русское самодержавіе надѣялось побѣдить Японію — и такимъ образомъ возвысить свой военный авторитетъ въ глазахъ другихъ державъ, чтобы имѣть возможность вновь пользоваться займами, безъ которыхъ оно жить не можетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно надѣялось, прокричавъ о новой побѣдѣ, подогрѣть ложный патріотизмъ темныхъ невѣжественныхъ массъ и отвлечь хотя на нѣкоторое время отъ себя ихъ революціонное вниманіе.

Но и самодержавіе знаетъ также, что ждетъ его въ случаѣ неудачъ: Оно лишится прежде всего иностраннаго кредита (ему, какъ обанкротившемуся коммерсанту, никто не будетъ вѣрить) и, кромѣ того, истощивъ въ неудачной войнѣ до послѣдней степени страну и, доказавъ свою полную неспособность управленія ею, оно еще сильнѣе возбудитъ революціонное настроеніе противъ себя.

Самодержавіе должно побѣдить, чтобы самому не погибнуть. И только крайняя необходимость заставитъ его подписать миръ; пока же есть хоть какая-нибудь возможность продолжать войну — правительство само не кончитъ ее.

Ежедневно оно перевозитъ на поля Манджуріи сотни и тысячи одѣтыхъ въ мундиры, одураченныхъ, вымуштрованныхъ братьевъ; шлетъ туда тысячи и милліоны рублей, нашимъ потомъ и кровью добытыхъ денегъ и жизненныхъ припасовъ, оставляя насъ здѣсь безъ продуктовъ первой необходимости, бросая на насъ вдовъ-женъ, сиротъ-дѣтей и безпомощныхъ стариковъ родителей. Каждый день требуетъ новыхъ и новыхъ кровавыхъ жертвъ.

Ужасная, разорительная война тянется уже больше года, высасывая изъ рабочаго класса всѣ послѣдніе соки, и будетъ тянуться еще неопредѣленно долго — пока мы, рабочіе, сами не положимъ ей конецъ. И мы должны его положить!

На насъ, рабочихъ по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ, лежитъ священная обязанность явиться застрѣльщиками въ этомъ благородномъ дѣлѣ, такъ какъ мы поставлены въ особо благопріятныя къ тому условія: въ нашихъ рукахъ находится вся линія Сибирскихъ и Забайкальскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Мы, Нижнеудинскіе рабочіе, выражаемъ свое глубокое убѣжденіе, что лучшимъ и единственно подходящимъ въ данный моментъ средствомъ къ прекращенію войны является всеобщая *политическая* стачка по линіи Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ. Эта всеобщая политическая стачка положитъ конецъ нелѣпой войнѣ, нанесетъ смертельный ударъ одряхлѣвшему царизму и дастъ могучій толчекъ всенародному возстанію противъ царской монархіи, которую такъ тщетно бомбардируетъ наша буржуазія всѣхъ оттѣнковъ разными петиціями и банкетными революціями.

На мѣсто царскаго правительства возставшій русскій народъ установитъ свое временное правительство. Оно заключитъ миръ съ Японіей и, помощью всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго голосованія, созоветъ *Всенародное Учредительное Собраніе*, которое должно учредить въ Россіи новый государственный строй на началахъ самодержавія народа, т. е. учредитъ Россійскую Демократическую Республику. Тогда то народу будетъ свобода, значитъ, свобода будетъ и для насъ, рабочихъ. Тогда рабочій классъ побѣдитъ буржуазію, и настанетъ царство социализма, царство счастія, равенства и братства людей.

Теперь же, во имя социализма, подъ знаменемъ нашей Рабочей Партіи, Социальдемократической, мы должны вступить въ безпощадный бой противъ царской монархіи, противъ царской войны и мы вступимъ въ этотъ бой.

Марта 1905. г.

Съ театра войны. (Письмо офицера). 21 фев. ст. Нингута. Вотъ уже 4-й мѣсяцъ, какъ мы изъ В-ка, немного кажется, а сколько разныхъ приключеній: отъ В. до Манчжуріи бойко мы ѣхали, право, молодцы! Грабили по дорогѣ, колотили всѣхъ, кто попадется; бывало, когда поѣздъ подходитъ къ какому нибудь городу, всѣ жители убѣгали, да ставни запирали; а водки-то, водки сколько вылакали! однимъ словомъ, храбрецы — молодцы! Японца въ щепки разобьемъ! — кричали, колотя стекла въ лавкахъ! Въ результатѣ отъ такой храбрости: 5 молодцевъ пьяненькихъ поѣздъ перерѣзалъ пополамъ, 3 молодцамъ руки или ноги пооторвало, 2 повѣсили за разбой, а 4 сослали въ каторжную работу на 20 лѣтъ. Отличились! — Раньше я не вѣрилъ въ чудеса, но теперь вѣрю: развѣ это не чудо, что такіе храбрые, какъ только въѣхали въ Манчжурію и услыхали, какъ подъ Мукденомъ японцы: бумъ! бумъ! — такъ сейчасъ же всѣ стали смирные и перестали кричать „разобьемъ японца.“ — Но, какъ быть, начальство говоритъ что непремѣнно надо разбить японца, ну ужъ если не разбить, то хоть одну побѣду давай! Хоть роди, а давай побѣду! Э-э! у насъ и на это есть средство! вотъ оно: какъ только мы пришли подъ Мукденъ, пріѣхалъ къ намъ попъ главный съ образомъ, не съ простымъ образомъ, а съ такимъ, говорятъ попы, что кто имѣетъ этотъ образъ, тотъ побѣдитъ; даже японцы не имѣютъ такого хорошаго образа! Вотъ и давай пѣть, кадить да кланяться, а въ концѣ попъ поднялъ образъ и закричалъ грозно: „да погибнутъ всѣ японцы“! Ну, думаемъ мы, теперь уже конецъ япошкамъ! Но, видно, они лукавѣе насъ, мы то съ попами кадили и молились, а япошки въ это время подъ Сандепу укрѣпленія дѣлали. Наши, помолившись, пошли брать приступомъ эту самую деревню Сандепу: сунулись—12.000 нашихъ легло на мѣстѣ съ 15-го по 17-ое января и отступили назадъ. Ну, и времена! и образа даже не помогаютъ! Бѣда еще въ томъ, что въ Сандепу япошекъ было только 6 батальоновъ и 6 орудій, а нашихъ 16 батальоновъ и 102 орудія. Ну, да у насъ и на это есть средство: насъ вотъ поколотили, а мы за это панихиду отслужили, да еще не одну, а нѣсколько; поколотятъ еще — мы опять панихиду, да еще молебенъ, вотъ и тягайся съ нами! Ну, погодите, проклятые, пріѣдутъ къ намъ къ осени подкрѣпленія, зададимъ вамъ тогда! а теперь такъ намъ даже выгодно, что насъ бьютъ, это въ планъ войны у насъ вошло!.., Но что-же это такое? Да они, проклятые нехристи, уже въ тылъ намъ забрались: въ Цицикарѣ, въ Харбинѣ, въ Гунжуланѣ даже мостъ и желѣзную дорогу взорвали 3-го

---

[1] Къ сожалѣнію нѣтъ сейчасъ подъ рукой.

тивной“ ископаемой рѣдкостью, называемой Скалдинымъ. Кромѣ записныхъ библіографовъ, мало кому что либо говоритъ названіе этого писателя, незамѣтно и нетипично промелькнувшаго въ концѣ 60-хъ годовъ, въ переходный періодъ „Отечественныхъ Записокъ“; но бѣдный кружковой марксистъ облюбовалъ эту рѣдкость за нѣсколько буржуазно-либеральныхъ идеекъ, пріятно пѣвшихъ въ униссонъ его антинародническому сердцу, не подозрѣвая, конечно, что безвѣстный Скалдинъ былъ не кто другой, какъ въ позднѣйшіе годы извѣстный хорошо на всю Россію авторъ проектовъ обузданія печати, реакціонный публицистъ по финляндскому вопросу, скверной памяти покойный Еленевъ.

Я не остановился бы на этомъ скандальномъ эпизодѣ изъ исторіи легальнаго марксизма, еслибы онъ не характеризовалъ такъ поразительно отчетливо и ярко особенностей мышленія кружковой интеллигенціи. Г. Ильину, какъ истому представителю кружка, свободному отъ элементарнаго историческаго чутья-пониманія, не стоило сомнѣній и труда выхватить изъ статей случайнаго и чуждаго писателя группу идей, формально сходныхъ съ положеніями современныхъ марксистовъ, и на основѣ этого сходства приняться за конструированіе того невѣроподобнаго преемства, которымъ онъ такъ горделиво щеголялъ на посрамленіе своимъ народническимъ оппонентамъ. Какъ и подобаетъ кружковому публицисту, онъ бралъ идеи внѣ среды, ихъ создавшей, внѣ той связи, которая только и сообщаетъ плоть и кровь безъ того безплотнымъ абстракціямъ. Онъ аргументировалъ отмахнувшись отъ исторіи, какъ и та первичная интеллигентская ячейка, изъ которой онъ пришелъ, и которая въ сущности живетъ — при всемъ радикализмѣ своихъ взглядовъ и несмотря на всю нелегальность своей практики — внѣ пространства и времени, въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ понятій.

И что примѣчательно: въ результатѣ — о иронія судьбы! — кружковой раціонализмъ омертвилъ обезплодилъ кружковую отщепенскую нетерпимость: прочитайте, въ самомъ дѣлѣ, статью г. Ильина о „наслѣдствѣ“, если вамъ до сихъ поръ ее прочесть не удосужилось, и вы поймете, что нетерпимость кружка есть самое ненадежное предохранительное средство отъ возможныхъ соблазновъ политики, вы поймете, почему эта статья при своемъ появленіи на свѣтъ была встрѣчена сочувственно въ кругу русскихъ бернштейніанцевъ того времени, и почему впослѣдствіи непримиримый Ленинъ — о чемъ еще разговоръ впереди — могъ дѣлать свои благожелательные курбеты передъ фрондой предводителей россійскаго дворянства.

Старовѣръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

и 5-го февраля, всюду, лѣшіе, успѣютъ! Скорѣй, Ленкоранцы и Закатальцы, съ артиллеріей садитесь на поѣздъ изъ Мукдена (4-го февраля) да скорѣе назадъ въ Харбинъ, а оттуда по разнымъ городкамъ караулъ, чтобы япошки не отрѣзали желѣзную дорогу отъ Россіи. Немного пришлось оттянуть войска назадъ — ну, тысячъ 30 Вотъ мы и сидимъ теперь на задахъ и ждемъ япошекъ уже не только спереди, а съ боку, съ неба и изъ подъ земли, а что будетъ дальше, не знаемъ, а мы пока жалованье беремъ и пьемъ, а пьемъ на пропалую, хоть этимъ возьмемъ; а какія славныя пѣсни въ ресторанчикахъ поютъ здѣсь при выпивкахъ:

Орловъ удралъ уже въ гаольянъ,
Сдается храбро Лаоянъ.
Не удираемъ — однако, отступаемъ,
Хотѣли взять мы Сандепу
Но япошки изъ пулеметовъ — пу!
Хотя 12000 оставляемъ,
Зато въ порядкѣ отступаемъ.
Нашъ Генеральный штабъ,
Въ познаньяхъ, охъ, какъ слабъ!
Давно замѣчаемъ, — но не исправляемъ.
Зато Ояма и Куроки,
Даетъ русскимъ генераламъ уроки,
По тактикѣ на практикѣ, и т. д.

Видите какъ все благополучно! вотъ только одно плохо, что нашъ бумажный рубль здѣсь бунтуетъ за $^1/_2$ цѣны и то не охотно, идетъ; китайцы говорятъ: давай золото, а золота то и нѣтъ, какъ на бѣду, надѣлали столько бумажекъ, все новенькія, думали, понравятся китайцамъ. Вотъ потому то жизнь здѣсь такъ дорога: фунтъ мяса 35-40 коп., фунтъ хлѣба чернаго до 12-15 к. сахаръ 40-50 коп., бутылка пива 1 руб., фунтъ масла 1 р. 50 к. соломы пудъ 1 руб. 50 коп., ячмень 3-4 руб. пуд. Вообще, подъ Мукденомъ мы страшно терпимъ: землянки безъ оконъ и дверей, ледъ и снѣгъ подъ бокомъ, обогрѣться негдѣ, потому что дрова до 120 руб. за сажень сырыхъ, а морозы болѣе 20°. Кругомъ площадь верстъ на 500 квадратныхъ, вся разорена, однѣ лишь развалины и руины, все разбито, разграблено, изломано, хуже, чѣмъ послѣ пожара, жители разбѣжались, однѣ собаки стаями бродятъ и съѣдаютъ убитыхъ и раненыхъ; только въ большихъ городахъ дома и жители еще цѣлы. Поэтому, мы всюду терпимъ отъ холода и голода и если пишутъ въ газетахъ, что войска рвутся въ бой, то это правда: всѣ говорятъ, что лучше идти на японца, чѣмъ такъ, безъ дѣла, мерзнуть на мѣстѣ Да, всѣ тутъ, и большіе и малые, повѣсили носы и спрашиваютъ: а что дальше будетъ? про то никто не знаетъ.

Насъ просятъ напечатать:

МАНИФЕСТЪ

социальдемократическихъ делегатовъ и членовъ, участвовавшихъ на 6 омъ конгрессѣ „Союза студентовъ армянъ въ Зап. Европы", обращенной ко всѣмъ европейскимъ армянскимъ студентамъ соціальдемократамъ.

Товарищи!

Принимая во вниманіе,

что неоспоримая дифференціація классовыхъ интересовъ въ армянской жизни и обусловленные ею разные общественные идеалы нашли откликъ и въ армянской учащейся молодежи и вызвали различныя общественно-политическія стремленія;

что невозможно и противоестественно группировать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ и для одной и той же цѣли такіе разнородные элементы, изъ которыхъ состоитъ учащееся въ Европѣ армянское студенчество;

что никакое коллективное цѣлое или общество не можетъ стать выше партіи, въ особенности на общественно политической почвѣ, и что въ противномъ случаѣ оно обрекло бы себя на полную бездѣятельность, каковая доказывается безплоднымъ существованіемъ „Союза студентовъ-армянъ въ Европѣ" въ послѣдніе годы;

что, наконецъ, учащееся въ Европѣ армянское соціальдемократическое студенчество съ присущимъ ему міровоззрѣніемъ, съ своими руководящими принципами и изъ опредѣленныхъ партійныхъ интересовъ не можетъ ни принципіально, ни практически принимать дѣйствительное и продолжительное участіе въ какомъ нибудь одномъ дѣлѣ съ націоналистическимъ студенчествомъ (Дрошакистами и Генчакистами).

Принимая все это во вниманіе, участвовавшіе на названномъ конгрессѣ соціальдемократы, 17 голосами противъ 34, рѣшили считать „Союзъ студентовъ-армянъ въ Зап. Европѣ", какъ таковой, фактически распавшимся и ушли съ вечерняго засѣданія 6-го конгресса

Отнынѣ названный „Союзъ" не можетъ считаться однимъ коллективнымъ цѣлымъ, обнимающимъ все армянское студенчество, такъ какъ отъ него отдѣляется довольно значительная часть студентовъ.

Само собою разумѣется, что какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, армянская соціальдемократическая учащаяся молодежь, съ ея точки зрѣнія пролетарски-классовыхъ интересовъ, не можетъ слиться въ одно цѣлое и работать совмѣстно съ тѣми элементами изъ студенчества, которые, по своимъ общественнымъ взглядамъ и практическимъ стремленіямъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія націонализма.

Участвовавшіе на конгрессѣ соціальдемократическіе
делегаты и члены.

Бернъ. 1905 года, 8 апрѣля.

Адресъ Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ отъ Онежскихъ политическихъ ссыльныхъ.

Вѣра Николаевна! Четверть вѣка прошло съ тѣхъ героическихъ дней, когда группа объединенныхъ въ партію „Народная Воля", преданныхъ дѣлу народнаго освобожденія революціонеровъ потрясла своей борьбой зданіе насильническаго произвола, но, истощенная невѣроятными преслѣдованіями, не поддержанная въ своей борьбѣ силою широкихъ народныхъ массъ, борьбою революціоннаго класса, была разбита въ этомъ сраженіи. Висѣлицы и цѣпи бросило тогда правительство боровшимся за свободу и народное благо. Четверть вѣка томились десятки борцовъ „Народной Воли" въ каторжныхъ тюрьмахъ Шлиссельбурга, — съ неудержимой злобой мстилъ царизмъ своимъ плѣннымъ противникамъ. — А за стѣнами Шлиссельбургской тюрьмы во всей Россіи, превращенной въ одну обширную тюрьму, царилъ произволъ также неудержимо, также беззастѣнчиво.

Но въ эти тяжелые годы въ нѣдрахъ народной жизни развился и выросъ къ самостоятельному сознанію и къ самостоятельной политической дѣятельности новый общественный классъ. Революціонный по самому своему положенію, пролетаріатъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ лучшему будущему наталкивается на преграды, представляемыя подгнившими пережитками крѣпостническаго строя, — и передъ россійскимъ рабочимъ неизбѣжно встала великая задача пробить свободную дорогу къ своему полному освобожденію, къ соціальной революціи, къ уничтоженію всего этого порядка насилія и произвола. — И теперь, когда отъ шума повсемѣстной борьбы рабочихъ пробудились къ сознательной политической жизни всѣ общественные классы и близко время паденія зарвавшагося въ военныхъ авантюрахъ царизма, — въ этотъ моментъ, когда мы брошенные въ ссылку, участники современнаго движенія, вспоминаемъ о днѣ 1-го марта, какъ о прошломъ Русской революціи, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ Вамъ съ радостной вѣстью:

Задача, которую Вы ставили себѣ, за которую боролись и величіе которой долгіе десятки лѣтъ поддерживало Васъ въ плѣну заточенія, — теперь она близка къ осуществленію. Могучимъ титаномъ встаетъ по всей Россіи рабочій классъ на борьбу, — и первый штурмъ народныхъ массъ направляется на стѣны царскихъ бастилій, гдѣ еще томятся плѣнные товарищи.

Мы привѣтствуемъ Васъ съ освобожденіемъ изъ тюремныхъ стѣнъ на вольный воздухъ разгорающейся общественной борьбы.

Первое марта неразрывно связано съ партіей „Народная Воля", а Ваше имя съ именемъ этой партіи. И вотъ почему мы въ день 1-го марта, привѣтствуемъ Васъ, Вѣра Николаевна, и въ Вашемъ лицѣ партію „Народная Воля", являющуюся славной предшественницей современнаго освободительнаго пролетарскаго движенія.

Онежскіе политическіе ссыльные:

Яковъ Вольфъ Виэелькаръ, Борисъ Дорошевскій, Григорій Финкельштейнъ, Н. Скрынникъ, Ной Чхеидзе, Ваплавъ Карбовскій, Б. О. Овчарскій, Мордухъ Любовскій, Алексѣй Шумовъ, Давидъ Брагинскій, Павелъ Баланчевадзе, Абрамъ Зильбергъ, И. Сараевъ, Семенъ Малый, Константинъ Айрумовъ, Юлія Демицына, Мовша Бенціоновичъ Галдовскій, Фрида Галдовская, Владиміръ Демицынъ и Локтовъ.

Онега. 1-го марта 1905 года.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Севастополь. Черноморскій флотъ (изъ письма матроса). За послѣднее время работа во флотѣ стала замѣтно прогрессировать. Особенно стало расширяться движеніе съ назначеніемъ Чухнина. Этотъ помпадуръ, типичный представитель вырождающейся бюрократіи, своими жесткими распоряженіями, нелѣпыми приказами и идіотскими рѣчами, сильно озлобилъ матросовъ и создалъ подходящую почву для агитаціи Его спичи предъ рабочими и матросами имѣютъ большое отрицательное значеніе. Глупо и избито критикуя задачи соц.-дем., онъ этимъ самимъ толкаетъ мысль своихъ слушателей въ опредѣленную сторону. Для большей внушительности, онъ отдаетъ такіе нелѣпые приказы, что само начальство подсмѣивается надъ нимъ.

По глубокому убѣжденію Чухнина, матросамъ, въ свободное отъ работы время, незачѣмъ ходить въ городъ. Поэтому онъ приказалъ закрывать ворота на замокъ, когда матросы пожелаютъ уходить въ городъ. Это сильно разозлило матросовъ. 3 ноября, они, утомленные и голодные идя съ работы, разбили ворота, но были встрѣчены залпами пѣхотинцевъ. Возвратившись съ пѣснями обратно, они были встрѣчены залпами матросовъ новобранцевъ, которые стрѣляли только въ окна и двери казармъ. Тогда матросы рѣшили всѣмъ пойти къ штабу и потребовать Чухнина для объясненій. Вмѣсто него явился старшій флагманъ Кригеръ, который на глазахъ матросовъ разорвалъ приказъ Чухнина и обѣщалъ удовлетворить всѣ требованія. Недовольство противъ Чухнина сильно возросло и матросы ему даже не отвѣчаютъ, когда онъ здоровается съ экипажемъ. Послѣ этого случая было рѣшено повести усиленную агитацію Былъ выпущенъ листокъ въ 1800 экз., въ которомъ указывалось на необходимость солидарности въ борьбѣ противъ начальства. Прокламація сильно подняла настроеніе матросовъ. Съ 10 ноября по 25 марта было устроено 11 массовокъ. На первомъ собраніи было 30 матросовъ, на послѣднемъ 300. На первыхъ пяти массовкахъ ораторами выступали сами матросы.

По поводу предстоящаго погрома, была организована самооборона, въ которую вошли многіе сознательные вооруженные матросы. Полиція, узнавъ объ этомъ, повела обратную агитацію и уже увѣщевала босяковъ никого и ничего не трогать По поводу суда надъ бунтовавшими въ ноябрѣ матросами былъ выпущенъ листокъ въ 1500 экз. Матросы призывались протестовать противъ Шемякинаго суда надъ ихъ товарищами. Наканунѣ суда былъ выпущенъ второй листокъ тоже въ 1500 экз. Тогда главный командиръ распорядился, чтобѣ всѣ матросы въ день суда были назначены на работы и ученія. У зданія, выходящаго на набережную, были поставлены пулеметы и двѣ роты при полномъ боевомъ вооруженіи. Сознательные матросы сами старались занять отвѣтственные посты, попасть въ караулы, въ боевыя роты и при пулеметахъ. Было рѣшено, чтобы портовые и городскіе рабочіе забастовали и соединились съ матросами для устройства демонстраціи Оказалось что портовые рабочіе забастовки не устроили и напрасно матросы ждали ихъ цѣлый день. Рѣшивъ протестовать самимъ, матросы вдругъ узнали, что судъ отложенъ на неопредѣленное время. Въ виду предстоящаго отъѣзда матросовъ на войну, былъ выпущенъ листокъ въ 800 экз. Назначенная на войну команда все время торчала въ казармахъ и только на дняхъ ее отправили въ Либаву. На вокзалѣ ихъ провожала масса портовыхъ, городскихъ рабочихъ и матросовъ. Прямо въ вагонахъ разбрасывали „Солдатскую Памятку", пѣли Варшавянку. Но настроеніе матросовъ было до того убитое, что они помирились даже съ тѣмъ, что ихъ отправили въ товарныхъ вагонахъ.

Послѣ листка „объ отправкѣ матросовъ" была выпущена прокламація „Къ патрульнымъ и часовымъ матросамъ", въ 900 экз., въ которыхъ указывалось на капризы Чухнина, который ставилъ патрули даже тамъ, гдѣ некого и нечего охранять. Послѣ появленія прокламаціи Чухнинъ издалъ приказъ, въ которомъ говоритъ, что сами матросы крамольнымъ поведеніемъ заставляютъ его назначать лишніе патрули. Мы слышали, что предполагается замѣнить патрули матросовъ—армейскими, такъ какъ на матросовъ расчитывать трудно.

Съ ноября по апрѣль среди матросовъ было распространено: „Пора" 1200; Что такое политическая свобода 500; О петербургскихъ событіяхъ 1200; Пора кончать 1800; Солд. памятка 2800; Кто долженъ побѣд. 200; Двѣ Европы 300; Рѣчь Громозовой 100; О царскомъ манифестѣ 1000; Смерть тиранамъ 1000; Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 1000 — въ общей сложности больше 12.000 экз. Листки разбрасывались по всѣмъ экипажамъ и раздавались по рукамъ (до 800). Часто устраиваются летучки въ 30 человѣкъ и массовки. На летучкахъ и массовыхъ собраніяхъ каждый разъ бываетъ новая публика.

Севастополь. На 20-ое марта была назначена массовка матросовъ черноморскаго флота. Съ утра лилъ довольно сильный дождь, но къ полудню небо прояснилось и изъ за тучъ показалось южное солнце. Массовка была назначена на два часа дня. Такъ какъ квартирныя условія здѣсь тяжелыя, приходится собираться на открытомъ воздухѣ. Мы поднялись далеко въ гору и скоро пришли въ назначенное мѣсто. Это небольшая площадь, кругомъ окруженная мелкими деревцами, еще не покрытыми листьями. По дорогѣ мы встрѣтили патрули; мы имъ говорили условленный пароль и намъ указывали путь дальше. Организацію массовки матросы-организаторы всегда берутъ на себя и устраиваютъ въ высшей степени практично и конспиративно На полянѣ уже собрался народъ. Было уже болѣе 100 человѣкъ. Подождавъ нѣсколько минутъ, ораторъ взялъ слово и сталъ говорить о томъ, какъ самодержавіе хочетъ усыпить рабочихъ. Говорилъ онъ о коммиссіи Шидловскаго, указалъ матросамъ, что они тоже рабочіе и крестьяне и потому не могутъ быть безучастными зрителями всего происходящаго. Ораторъ указывалъ путь къ тому, чтобы избавиться отъ самодержавія царя и возстановить самодержавіе народа. Онъ подчеркнулъ необходимость Учредительнаго Собранія на основѣ прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія.

„Учредительнымъ Собраніемъ мы возстановимъ самодержавіе народа, мы провозгласимъ Демократическую Республику. Мы добьемся полной политической свободы и при ней будемъ бороться противъ пауковъ эксплуататоровъ, мы будемъ бороться за лучшую жизнь народа, мы будемъ бороться за права пролетаріата, за возстановленіе общественной собственности на средства производства, мы будемъ бороться за соціализмъ".

Послѣ перваго оратора говорила другой — дѣвушка. Она коснулась мѣстныхъ обстоятельствъ. Подчеркнула, что мѣстный царекъ Чухнинъ является только частью того цѣлаго, что зовется самодержавіемъ. Она призывала всѣхъ на борьбу за народное освобожденіе подъ знамя соціальдемократіи. Послѣ рѣчи 1-й ораторъ предложилъ принять резолюцію. Резолюція была принята всѣми присутствующими въ количествѣ 194 человѣкъ. Вотъ ея текстъ:

„Мы, матросы Черноморскаго флота, собравшіеся въ количествѣ 194 человѣкъ, присоединяемся къ голосу всей порабощенной Россіи и вмѣстѣ съ передовою выразительницею интересовъ рабочаго класса — Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіею требуемъ сверженія ненавистнаго самодержавія и замѣны его Демократической Республикой. Мы увѣрены, что только Учредительнымъ Собраніемъ, созваннымъ на основѣ прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія мы возстановимъ самодержавіе народа.

Мы знаемъ, что лично въ своихъ интересахъ, затѣялъ царь гнусную войну и потому требуемъ немедленнаго ея прекращенія.

Пусть нашъ голосъ присоединится къ голосу всей пробудившейся гражданской Россіи. Пусть за протестомъ Черноморскихъ моряковъ послѣдуютъ протесты всей арміи и флота. Пусть пойметъ наконецъ царь, что послѣдній его оплотъ рушится. Близко наше освобожденіе и потому мы зовемъ въ свои ряды, въ ряды Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи всѣхъ, кого гнететъ и давитъ самодержавіе. Мы не оставимъ до тѣхъ поръ борьбы, пока не добьемся полнаго освобожденія человѣчества изъ подъ ига капиталистовъ-пауковъ. Мы боремся за соціализмъ.

Долой самодержавіе съ царемъ во главѣ! Долой войну!

Да здравствуетъ Учредительное Собраніе; Да здравствуетъ Демократическая Республика; Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія; Да здравствуетъ Соціализмъ!"

Къ этой резолюціи присоединились еще 150 человѣкъ, которые не были на собраніи.

Здѣсь во флотѣ 50 судовъ, на каждомъ изъ нихъ имѣются связи. Листки расходятся въ большомъ количествѣ. По рукамъ наши организованные матросы раздаютъ около 800 штукъ. Вся организація состоитъ изъ небольшого количества человѣкъ. Имѣются сходки и подсходки — замѣстители. Теперь съ этими двумя сходками ведутъ регулярныя занятія, проводится пропаганда. Въ скоромъ времени намъ, вѣроятно, удастся устроить цѣлый рядъ летучекъ, гдѣ нужно повести углубленную агитацію и сдѣлать популярными наши демократическіе и соціалистическіе лозунги борьбы.

Послѣ первой массовки черезъ три дня назначена была другая; присутствовало до 300 человѣкъ.

Ораторъ говорилъ объ Учредительномъ Собраніи и демократической республикѣ, указывая на необходимость политической свободы для борьбы за соціализмъ. Собраніе выразило желаніе знать, какъ соціальдемократы будутъ бороться при политической свободѣ и что такое соціализмъ въ полномъ своемъ объясненіи. Рѣшено посвятить слѣдующую массовку разбору этого вопроса.

Все время продолженія массовки шелъ довольно сильный дождь, но это ничуть не отражалось за настроеніи окружающихъ. Массовка длилась 2 часа, въ заключеніе ораторъ предложилъ резолюцію, принятую на первомъ собраніи. Она съ восторгомъ была принята и мы присоединили еще 97 голосовъ. Хотѣли пѣть, но пришлось расходиться. Мы спустились на полотно желѣзной дороги и стали направляться въ городъ, но оказалось, что за скалою была устроена полицейская и солдатская засада. Первые ряды успѣли предупредить остальныхъ и мы снова ушли въ горы, пробравшись затѣмъ окольными путями въ городъ. Чухнинъ послѣ того собралъ судовыхъ начальниковъ и приказалъ имъ строже слѣдить за матросами

Вѣроятно къ 1-му мая мы сможемъ устроить еще массовку.

Севастополь. Письма матросовъ.

I. (Пропагандисткѣ, члену мѣстной организаціи). Многоуважаемая сотрудница наша нашей соціальдемократіи, я,—слушатель Вашихъ рѣчей и внимаю ученію Вашему; тому ученію, которое не одну тысячу лѣтъ скрывали отъ насъ и за которое не одинъ учитель сложилъ свои кости въ заточеніи у нашихъ угнетателей, которые всѣми силами стараются насъ искоренять съ лица земли. Но чтобы этого не случилось намъ, по моему мнѣнію, слѣдуетъ себя оградить по возможности; но у насъ нѣтъ средствъ; т. е., виноватъ, я говорю Вамъ не за всѣхъ товарищей города Севастополя, а за товарищей матросовъ Черноморскаго флота, за посѣтителей нашего кружка, которые сочувствуютъ нашему дѣлу и у которыхъ, не смотря на ихъ львиное (!) образованіе, оживаетъ теперь мягкосердечность и любовь къ своимъ ближнимъ. И вотъ я хочу Вамъ сказать, что надо себя оградить во время лекцій огнестрѣльнымъ оружіемъ, хотя бы двумя или тремя револьверами, для охраны себя а также и для уничтоженія шпіоновъ, такъ какъ они враги нашему развитію.

Но гдѣ же достать оружіе? Купить — нашъ кружокъ не имѣетъ средствъ, казенныхъ мы не можемъ добыть и я хочу Вамъ предложить, любезная сотрудница наша, походатайствовать за насъ всѣхъ, такъ какъ Вы членъ нашего комитета города Севастополя, прошу Васъ предложить вольнымъ (не военнымъ) представителямъ и интеллигентамъ, чтобы они помогли намъ и одолжили нѣсколько штукъ револьверовъ, только на то собственно время, когда у насъ собраніе, а по окончаніи рѣчи можно имъ воротать.

Только прошу, чтобы револьверы были трехлинейнаго солдатскаго образца или офицерскаго; это для того, чтобы мы могли сами достать патроны.

Прошу Васъ, не задержите отвѣтомъ и напишите, можно ли надѣяться на помощь соціалистовъ города Севастополя. Извините меня, что я плохо пишу, то виновато мое скудное образованіе.

Крымскій Союзъ Р. С.-Д. Р. П. Вашъ слушатель X.

II. Въ редакцію „Искры". Господинъ редакторъ заграничной газеты „Искра", прошу помѣстить мое письмо, если по Вашему усмотрѣнію, оно годится.

Севастополь. Учебный отрядъ Черноморскаго флота. Что могъ видѣть я и слышать, какъ наблюдатель, о томъ извѣщаю товарищей Крымскаго Союза Р. С. Д. Р. П.

Такъ какъ во всѣхъ экипажахъ Черноморскаго флота часто происходятъ, можно сказать, даже очень часто, подметы прокламацій севастопольскаго комитета, а также и другихъ комитетовъ, то разскажу, какія мѣры противъ этого принимаются въ учебномъ отрядѣ. Проходилъ я по камерѣ, вдругъ слышу крикъ: „Тишевскій!" Я остановился, такъ какъ Тишевскій — это фельдфебель I-ой роты, по первому взгляду, на котораго можно замѣтить въ немъ Іезуита и врага соціальдемократической рабочей партіи; ему было обѣщано, что если онъ еще одного можетъ выдать (онъ предалъ уже одного матроса Яхновскаго, который, однако, благодаря тому, что онъ соціалистъ, бѣжалъ со службы), если кто будетъ говорить противъ правительства или читать безцензурную книгу, то ему разрѣшатъ держать экзаменъ на старшаго кондуктора. Смотрю, кто же это зоветъ Тишевскаго. Это оказывается ротный командиръ, капитанъ Шперлингъ приказываетъ Тишевскому: „смотри, ты сейчасъ назначь двухъ человѣкъ у чернаго входа, чтобы, какъ шесть часовъ вечера они такъ и смотрѣли, чтобы никто не бросалъ никакихъ бумагъ; а если замѣтятъ, такъ бросальщика цапъ-царапъ и ко мнѣ, а я его подъ судъ."

Но ни судъ, ни осужденіе насъ не страшатъ, а страшитъ насъ то, что медленно теряетъ силу ихъ дисциплина; и все же она пропадаетъ, а что касается соціальдемократіи, то быстрыми шагами она идетъ впередъ...

Да здравствуетъ свобода! Да погибнетъ самодержавіе!...

XXX.

III. Севастополь, учеб. отрядъ Черноморскаго флота, 5 марта. Сегодня былъ обыскъ въ учебномъ отрядѣ, искали прокламацій у учениковъ машинной школы и смотрѣли, нѣтъ ли у нихъ безцензурныхъ книгъ — но тщетно.

У нихъ были книги и газеты, да переписанныя пѣсни, но хранили ихъ такъ хорошо, что никто не могъ найти.

Правду сказать, матросы такъ ловко передаютъ тайно прокламаціи другъ другу, что самый опытный офицеръ не заподозритъ матроса, когда тотъ на его глазахъ передаетъ книги своему товарищу. Были и такіе критическіе случаи, что сидятъ человѣкъ 5, читаютъ листокъ, и вдругъ проходитъ какое-либо подозрительное лицо или дежурный офицеръ, такъ что никакъ нельзя спрятать; тогда приходится рвать на куски и скорѣе проглатывать; отобрать — никому не дадутъ, развѣ найдетъ человѣкъ малосознательный на улицѣ или во дворѣ прокламацію — тогда принесетъ дежурному офицеру.

Когда кончился обыскъ, ученики сдѣлали слѣдующее: взяли нѣсколько листковъ священнаго писанія, сложили въ треугольники (какъ складываютъ прокламаціи) и разбросали на парадномъ ходѣ; матросы, проходившіе мимо, стали подбирать и показывать другимъ. Но что же оказалось? — священное писаніе. Стали тогда говорить наши товарищи: сбываются теперь слова священнаго писанія, какъ сказано въ книгѣ „потерянный и возвращенный рай", что на небесахъ бьются чистые съ нечистыми духами; вотъ и сейчасъ тоже происходитъ — спорятъ соціалисты съ евангелистами: соціалисты просвѣщаютъ, а евангелисты затмеваютъ, не знаемъ, кому больше вѣрить. — Нѣтъ, перебиваетъ другой, вѣрьте соціалистамъ, потому что они не спятъ, не гуляютъ, а все стараются добыть то, что намъ необходимо, сидятъ въ тюрьмѣ, идутъ въ Сибирь, живутъ вмѣстѣ съ нами, не обѣщаютъ благъ въ будущемъ мірѣ, а все стараются сдѣлать въ настоящемъ, а евангелисты пообѣщали намъ садъ, называемый раемъ, а въ немъ только одни яблоки, да и тѣ кислыя, да и не сейчасъ, а когда помремъ.

X.

Одесса. 11 Апрѣля. Въ первыхъ числахъ апрѣля изъ Одессы отправлялся на Дальній Востокъ 21 Восточно-сибарскій батальонъ (запасные). Ко дню отправленія изъ 600 человѣкъ оказалась приблизительно половина; остальные разбѣжались. Передъ уходомъ солдаты буйствовали, два раза дѣлали попытку поджечь казармы, били окна. Для усмиренія была вызвана полиція. Ходитъ слухъ, что солдаты убили одого околодочнаго или пристава. Но этотъ слухъ не провѣренъ.

Не стѣсняясь присутствіемъ начальства, солдаты открыто заявляли, что они послѣдуютъ примѣру товарищей и убѣгутъ съ дороги. Вообще, бѣгущихъ солдатъ такъ много, что попадающихся не подвергаютъ даже особеннымъ репрессіямъ, а просто приписываютъ въ другіе полки и отправляютъ снова. Начальство въ страхѣ. Нелюбимый солдатами полковникъ послѣдніе дни совсѣмъ не показывался въ казармѣ и отправился отдѣльно отъ батальона, потому что солдаты грозили приколоть его въ дорогѣ. Для современнаго положенія дѣлъ въ казармѣ характеренъ упорно циркулирующій разсказъ о какомъ-то офицерѣ, который доѣхалъ до театра военныхъ дѣйствій одинъ — всѣ солдаты разбѣжались.

Въ Одессѣ усиленно поговариваютъ о погромѣ къ 18 апрѣля, и всѣ организаціи готовятся къ самообoронѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Одесса. Во время бывшей здѣсь стачки въ порту, начатой грузчиками, одесская группа партіи выставила слѣдующія, общія для всѣхъ портовыхъ рабочихъ требованія: 1) 8 часовой рабочій день, 2) упраздненіе подрядчиковъ и передача работы въ руки самихъ рабочихъ, 3) отмѣна ночныхъ работъ, 4) двойная плата за сверхурочную работу, 5) воспрещеніе работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники, 6) прекращеніе работъ въ субботніе и предпраздничные дни въ 2 часа пополудни, 7) увеличеніе поденной платы до 2 р. 50 к. въ день, 8) разрѣшеніе общаго собранія всѣхъ рабочихъ г. Одессы для обсужденія своихъ нуждъ.

Харьковъ. Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ фактически присоединился къ мѣстному комитету, причемъ въ союзъ вошелъ представитель комитета, а представитель союза, въ свою очередь, вошелъ въ желѣзно-дорожный районъ комитетской организаціи. Дѣло союза стоитъ на хорошемъ пути. Связи съ желѣзно-дорожными рабочими установлены и продолжаютъ расширяться. Союзъ намѣренъ организовать исключительно пролетарскіе элементы: стрѣлочниковъ, составителей, сцѣпщиковъ, ремонтныхъ рабочихъ, кондукторовъ (главнымъ образомъ, товарныхъ поѣздовъ), смазчиковъ, телеграфистовъ, помощниковъ машинистовъ, кочегаровъ и конторщиковъ.

Служащіе остальныхъ категорій привлекаются въ роли сочувствующихъ, съ выдѣленіемъ изъ нихъ болѣе сознательныхъ и способныхъ къ активному участію въ работѣ союза. Рабочіе мастерскихъ и депо входятъ въ организацію мѣстныхъ комитетовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ (узловыя станціи внѣ крупныхъ городовъ), входятъ въ союзъ.

Союзомъ выпущенъ листокъ къ служащимъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ съ призывомъ къ объединенію. Въ немъ освѣщаются всѣ событія послѣдняго времени, и, на фонѣ этихъ событій, унизительная и позорная роль служащихъ, помогающихъ правительству въ его преступленіяхъ.

Александровскъ Екат. губ. Кончилась стачка рабочихъ Менаеза. Всѣ рабочіе были разсчитаны, и приняты только желательные для Менаеса. У Бодовскаго работа тоже началась. Повышенъ расцѣнокъ на 15-20 процентовъ. Желая подольше удержать здѣшнихъ рабочихъ въ предѣлахъ одной экономической борьбы, власти, при благосклонномъ участіи довольно темной личности, нѣкоего Мороховскаго (учителя), учредили „трудовую артель" въ зубатовскомъ духѣ. На собраніи этотъ учитель просилъ возражать всѣхъ несогласныхъ, но при всякой попыткѣ возраженія онъ грозилъ закрыть засѣданіе, а въ иномъ случаѣ и позвать полицію, благо казаки размѣщены въ смежной комнатѣ. Въ члены артели записалось нѣсколько бывшихъ соціальдемократовъ — трусящихъ продолжать работу въ партіи. Характерно, что нѣкоторые изъ нихъ просили организацію не выступать противъ предпріятія, говоря: „мы всегда успѣемъ его разгромить". Кромѣ того, записался одинъ шпіонъ изъ г. Екатеринослава, узнанный товарищемъ. Охотниковъ вначалѣ было довольно много, но потомъ остыли. Въ кружкахъ рабочихъ говорится на тему объ артели и ея цѣляхъ и т. д. Второго апрѣля въ мѣстномъ театрѣ ставили „Дачниковъ" Горькаго, на послѣднемъ актѣ были раскиданы листки „Въ бой за свободу!" По выходѣ изъ театра, толпа человѣкъ въ 60 прошла по Большой улицѣ съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы; полиція всполошилась, но было уже поздно — всѣ успѣли разойтись. Говорятъ, три человѣка арестовано. Кромѣ того, за недѣлю передъ этимъ, во время распространенія было арестовано три человѣка, двухъ освободили, а одного — Янкеля Мечника — обвиняютъ въ раскидываніи прокламацій.

Нижній Новгородъ. Здѣсь намъ пришлось пережить одну за одной нѣсколько стачекъ. Не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не окончилась удовлетвореніемъ всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, все же онѣ сыграли большую роль въ мѣстной жизни. Рабочіе увидѣли, какъ тяжело имъ бороться, благодаря ихъ неорганизованности, и замѣтно мѣняютъ свое прежнее, нѣсколько недовѣрчивое отношеніе къ соціальдемократіи.

Первыми забастовали столяры.

Условія ихъ труда, его оплаты были такъ плохи, что не потребовалось никакой особенной агитаціи, чтобъ поднять стачку. Рабочій день продолжается, въ лучшихъ случаяхъ, 12 часовъ, гораздо чаще 16-17, заработная плата колеблется отъ 3-4 рублей до 16-18, работать приходится въ грязныхъ подвалахъ подъ вѣчнымъ наблюденіемъ хозяина-мастера; обращеніе съ рабочими самое грубое; обсчитываніе при разсчетѣ — самое обыкновенное явленіе.

Изъ 500 нижегородскихъ столяровъ забастовало 300. Комитетъ немедленно вмѣшался въ стачку. Забастовщики выбрали 16 человѣкъ для переговоровъ съ хозяевами, которые упорно не хотѣли идти на уступки. Стачка, благодаря неорганизованности рабочихъ и отсутствію средствъ, длилась всего одну недѣлю, и работа возобновилась во всѣхъ мастерскихъ послѣ того, какъ хозяева согласились на 10 часовой рабочій день, выдачу квартирныхъ денегъ (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) и обѣщали вѣжливо обращаться съ рабочими.

Собранія, происходившія во время стачки, рѣчи, произносившіяся на нихъ, указанія на „связь политики и экономики", объясненія, что такое политическая свобода и парламентъ, ихъ значеніе для рабочаго класса, все это, взятое вмѣстѣ, оказало на рабочихъ большое вліяніе, и теперь они охотно входятъ въ различные кружки и все больше и больше заинтересовываются „политикой".

Въ связи со столярами забастовали приказчики, на которыхъ до сихъ поръ не возлагалось, въ смыслѣ общественномъ, никакихъ надеждъ; но общее освободительное движеніе рабочаго класса захватило, очевидно, и ихъ.

27 марта приказчики одного магазина прекратили торговлю, за ними сдѣлали тоже ихъ сосѣди и т. д., по порядку. Закрывши магазинъ, приказчики выходили на улицу; скоро собралась толпа больше, чѣмъ въ 3000 человѣкъ, которая двинулась къ нижнему базару. У Похвалинскаго элеватора, на площади выступилъ ораторъ и началъ съ поздравленія товарищей съ началомъ стачки и выступленіемъ на борьбу за свои человѣческія права; подошедшая полиція не дала окончить рѣчи и попробовала арестовать оратора, но толпа не допустила, и ораторъ, не окончившій рѣчи, успѣлъ скрыться. Затѣмъ разошлась и толпа. На слѣдующій день всѣ стали на работу, получивъ крохотныя уступки. Настроеніе приказчиковъ послѣ стачки приподнятое, работа среди нихъ замѣтно облегчилась. Интересно сочувствіе нижегородскаго общества къ стачечникамъ: нѣкоторые торговцы стали разсчитывать своихъ бастовавшихъ приказчиковъ, и вотъ противъ этихъ торговцевъ предпринятъ довольно широкій по своимъ размѣрамъ бойкотъ со стороны нижегородскаго общества.

На другой день послѣ приказчиковъ забастовали пекаря, хлѣбники-булочники. Полиція уговаривала всѣхъ стать на работу, обѣщая „довести до свѣдѣнія правительства объ ихъ тяжеломъ положеніи" и т. д. Забастовщики этимъ не удовлетворились, и хозяевамъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Рига. Среди рабочихъ настроеніе боевое; въ большомъ количествѣ прибываютъ казаки. Ночью они разъѣзжаютъ по улицамъ, разыскивая крамолу. Городовые дрожатъ за свою шкуру и при первомъ появленіи кучки людей улетучиваются. На фабрикѣ Кузнецова, послѣ того какъ рабочіе вывезли на тачкѣ управляющаго, начались репрессіи. Управляющій выхлопоталъ присылку для постоянной стоянки на фабрикѣ полсотни казаковъ. Сотни рабочихъ выбрасываетъ онъ на улицу. Требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ остаться на работѣ, чтобы они сказали, кто его вывезъ на тачкѣ, и подписали эти свои показанія. Но рабочіе не хотѣли быть Іудами-предателями своихъ товарищей, предпочитаютъ остаться безъ хлѣба, чѣмъ выдать своихъ. Управляющій теперь боится выходить изъ дому одинъ, ѣдетъ въ городъ въ сопровожденіи полиціи и казаковъ, почему рабочіе прозвали его арестантомъ. При всемъ томъ настроеніе рабочихъ повышенное, престижъ соціалъ-демократовъ растетъ. „Соціалисты наши друзья, и мы не должны бояться ихъ", такъ говорятъ самые сѣрые рабочіе. Многіе изъ разсчитанныхъ уѣзжаютъ въ деревню, и каждый беретъ съ собою что нибудь: прокламаціи, брошюрки, легальныя и нелегальныя. И выходитъ, что самодержавіе способствуетъ нашей агитаціи въ самыхъ широкихъ массахъ. Мнѣ хотѣлось бы сообщить еще о нашей дѣятельности въ Кузнецовскомъ районѣ. Каждую недѣлю мы устраиваемъ въ немъ 3—4 массовки, на которыхъ перебываютъ 150-200 человѣкъ, а иногда и больше. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается центръ, одинъ разъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ, другой — для теоретическихъ занятій. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается сходка. Одно время мы устраивали собранія въ районѣ, почти ежедневно, теперь рѣже изъ-за полицейскихъ условій. Кузнецовскій районный центръ состоитъ изъ шести рабочихъ и двухъ интеллигентовъ.

Рабочій (членъ Кузнецовскаго районнаго центра).

Сморгонь, 27 марта. Въ первыхъ числахъ марта наша организація съорганизовала стачку у мужскихъ портныхъ, въ которой принимали участіе 35 человѣкъ, и у портнихъ, работающихъ исключительно дамскія платья, въ которой участвовало 85 человѣкъ. Нашей организаціей были выставлены и отпечатаны слѣдующія требованія: 1) 8-ми часовой рабочій день, 2) уничтоженіе поштучной работы, 3) полная заработная плата за все время стачки, 4) бойкотированіе тѣхъ хозяевъ, которые выдадутъ рабочихъ, 5) лучшее обращеніе. Всѣ требованія были удовлетворены, только у портнихъ, вмѣсто выставленнаго 8-ми часового рабочаго дня, установили 9-ти часовой рабочій день. У мужскихъ портныхъ стачка продолжалась одинъ день, а у портнихъ нѣкоторые хозяева сразу сдались, у остальныхъ стачка продолжалась нѣсколько дней, а у одного, гдѣ работаютъ шесть человѣкъ, стачка продолжается и до сихъ поръ. За послѣднее время наша организація распространила слѣдующія прокламаціи: 1) „Отвѣтъ на объявленіе Коковцева" 2) „Ко всѣмъ гражданамъ" 3) „Царь и крамола". Кромѣ того, наша организація перепечатала и распространила прокламацію Сѣверо-западнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. на еврейскомъ жаргонѣ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" и также во время стачки издала и распространила прокламацію на еврейскомъ жаргонѣ „Къ борьбѣ" отъ имени сморгонской организаціи Р. С.-Д. Р. П., въ которой разъяснялось, что, кромѣ экономической борьбы, у насъ есть политическая борьба, борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за освобожденіе рабочаго класса и всей Россіи отъ самодержавнаго ига и полицейскаго произвола. На дняхъ нашей организаціей было созвано собраніе исключительно отъ организованныхъ христіанскихъ рабочихъ, на которое пришло 60 человѣкъ. Ораторъ говорилъ о соціализмѣ вообще и о волнѣ возмущенія, охватившей рабочій классъ всей Россіи послѣ январьскихъ дней, во время которыхъ самодержавное правительство вызвало противъ себя презрѣніе и негодованіе всего цивилизованнаго міра, и призывалъ товарищей бороться за лучшее будущее, за соціализмъ. Послѣ окончанія рѣчи изъ всѣхъ грудей вырвались проклятія самодержавному правительству и пожеланіе о скорѣйшемъ низверженіи его. На нашихъ сходкахъ и кружкахъ, въ которыхъ участвовало 140 человѣкъ исключительно еврейскихъ рабочихъ, единогласно высказались и приняли резолюцію о необходимости изданія литературы на еврейскомъ жаргонѣ; такія же заявленія доходятъ до насъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ наша партія начала развивать свою дѣятельность и среди еврейскаго пролетаріата.

Сморгонская организація надѣется, что партія не оставитъ нашего заявленія безъ вниманія и приметъ мѣры, чтобы хотя часть литературы, [illegible]ваемой партіей на русскомъ языкѣ, переводилась на жаргонъ. Пос[illegible]ого какъ наша организація съорганизовала и руководила стачкой, [illegible]моргонская бундовская организація заявила намъ, что она единств[illegible] представительница еврейскаго пролетаріата, что монопольное ра[illegible]ніе соціалистическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата принадлежитъ одной ей. Когда во время вышеупомянутой забастовки у портнихъ она вмѣшалась и заявила о своемъ правѣ, наша организація во избѣжаніе конфликта, уступила и соединилась съ ней для дальнѣйшаго руководства забастовкой. Нашей организаціи желательно было бы выяснить, гдѣ и отъ кого „Бундъ" пріобрѣлъ для своихъ организацій такія монопольныя права.

Евпаторія Мы уже сообщали о томъ, что у насъ образовалась организація „Крымскаго Союза". Появленіе въ городѣ организаціи, заявившей себя цѣлымъ рядомъ листковъ, вмѣшавшейся въ забастовку учащихся, въ стачку рабочихъ на водочномъ складѣ и начавшей проникать во всѣ слои рабочаго люда, вызвало переполохъ въ жандармскихъ и полицейскихъ сферахъ. Послѣ мартовскихъ подметовъ было произведено нѣсколько обысковъ, арестовано трое рабочихъ (одинъ изъ нихъ выдавалъ), у которыхъ нашли нѣсколько прокламацій, нѣсколько номеровъ Искры и брошюры. Арестовали также и одного интеллигента Воеводу, у котораго ничего не было найдено, но котораго все-таки взяли черезъ нѣсколько дней послѣ обыска. Послѣ бывшихъ въ городѣ подметовъ ежедневно въ четыре часа утра на заводѣ Кацена появляется городовой, тщательно обшариваетъ всѣ углы двора и подбираетъ всѣ бумажечки, надѣясь найти прокламаціи.

За послѣднее время было распространено: 1) Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 300 экз. 2) Майскій листокъ 800 экз. изд. Крымскаго Союза.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Резолюція Тифлисскаго Комитета.

Предсѣдателю „III-го партійнаго съѣзда".

28 марта с. г. мы получили отъ Ц. К. извѣщеніе о немедленномъ созывѣ 3 партійнаго съѣзда съ предложеніемъ немедленно прислать своего делегата. Т. К. Р. С. Д. Р. П., обсудивъ это предложеніе въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ партіи, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія съѣзда партійныхъ работниковъ свои соображенія по этому поводу и посему проситъ предсѣдателя прочесть на съѣздѣ нижеслѣдующее заявленіе, со внесеніемъ его въ протоколы съѣзда.

Товарищи! По нашему партійному уставу, съѣздъ созывается только Совѣтомъ Партіи и при томъ въ двухъ случаяхъ:

Экстренный — по требованію организацій, имѣющихъ на съѣздѣ въ совокупности не менѣе половины рѣшающихъ голосовъ, и очередной, по усмотрѣнію самаго С. П., по возможности, не рѣже одного раза въ два года. Между тѣмъ, настоящій съѣздъ созывается съ явнымъ нарушеніемъ обоихъ условій. Съѣзда не требовало законное количество организацій (см. постан. С. П. въ 89 № Искры). Болѣе этого — два Кавказскихъ комитета, причисленные къ организаціямъ, добивающимся съѣзда. — нашъ и Батумскій — давно отказались отъ этой мысли, особенно послѣ такого небывалаго подъема революціонныхъ волнъ. Значитъ, съѣздъ незаконенъ, какъ экстренный, съѣздъ незаконенъ и какъ очередной, т. к. созванъ раньше срока и самое главное — помимо С. П. Слѣдовательно, этотъ съѣздъ не что иное, какъ частный съѣздъ партійныхъ работниковъ, конференція, а не законный общій партійный съѣздъ. Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ созыва теперешняго съѣзда по существу, мы отмѣтимъ слѣдующее: 1) Ц. К., все время стоящій противъ созыва съѣзда, вдругъ, въ продолженіи всего нѣсколькихъ дней, перемѣнилъ фронтъ и изъ рѣшительнаго противника съѣзда сдѣлавшись не менѣе рѣшительнымъ его защитникомъ, потребовалъ немедленной высылки делегатовъ и то до 22 марта, такъ что многія партійныя организаціи, даже при всемъ желаніи, не могли бы имѣть представителя на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ этотъ съѣздъ является импровизаціей частнаго характера и созывается безъ всякой хоть сколько нибудь серьезной подготовки къ нему со стороны большинства партійныхъ организацій [1]). 2) Главная цѣль съѣзда, по сообщенію Ц. К., предотвратить расколъ. Удастся ли это съѣзду? Главная задача съѣзда, по нашему мнѣнію, санкціонировать то партійное теченіе, которое взяло верхъ во внутри партійной жизни. При настоящихъ же условіяхъ, хотя тенденція т. н. „меньшинства" и стала господствующими въ партіи, но въ виду своеобразнаго строительства Партіи, вообще, и комитетовъ въ частности, господствующее теченіе не можетъ быть представлено на съѣздѣ соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ силамъ и вліянію въ партіи. Цѣлый рядъ комитетовъ съ рѣшающими голосами не выражаютъ мнѣнія большинства членовъ партіи въ данной мѣстности. И, обратно, цѣлый рядъ вліятельныхъ организацій въ рабочей средѣ будутъ лишены рѣшающаго голоса на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ постановленіе съѣзда по спорнымъ вопросамъ не можетъ соотвѣтствовать господствующему партійному мнѣнію. Съ другой стороны, организаціонно-тактическіе принципы „большинства" настолько выходятъ изъ предѣловъ соціальдемократическаго воззрѣнія, а его взгляды на рабочій классъ, на строеніе партіи, на роль соціальдемократіи въ предстоящей буржуазной революціи — все это такъ рѣзко отличается отъ мнѣнія „меньшинства", придерживающагося строго марксистскаго міропониманія, что думать о дѣйствительномъ объединеніи обоихъ теченій крайне наивно. Съѣздъ въ лучшемъ случаѣ дастъ бумажное объединеніе, а партійная жизнь пойдетъ своимъ путемъ, окончательно разбивая нежизнеспособное, въ данномъ случаѣ „большенствистское" теченіе и предоставляя широкое поле дѣятельности жизнеспособному „меньшинству". Въ третьихъ, въ настоящее время, когда общественно-политическая жизнь бьетъ ключемъ и не сегодня завтра разразится во всей силѣ народное возстаніе, когда во многихъ мѣстахъ Россіи, то тамъ, то сямъ происходятъ вооруженныя стычки, грозящія перейти въ вооруженное возстаніе, въ такое время отвлекать силы и средства партіи отъ революціонно практической работы граничитъ съ самоубійствомъ.

Въ частности у насъ на Кавказѣ обостреніе общественно-политическихъ отношеній дошло до такой кульминаціонной точки, мы живемъ въ атмосферѣ, такъ насыщенной революціонной энергіей, что отстраненіе отъ мѣстной работы хотя бы одного работника считаемъ для себя великимъ позоромъ.

Товарищи! Вотъ наше глубокое убѣжденіе. Но, предполагая возможность составленія партійнаго съѣзда помимо нашего желанія и зная изъ горькаго опыта 2 го съѣзда, что нѣсколько шаровъ будутъ имѣть серьезное вліяніе на исходъ рѣшенія тѣхъ или иныхъ крайне важныхъ для П. вопросовъ, мы предоставляемъ свои голоса въ полное распоряжоніе, съ правомъ передовѣрять, нынѣшней редакціи Искры, съ которой въ основныхъ тактически-организаціонныхъ вопросахъ вполнѣ солидарны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы предлагаемъ ред. Искры нашими голосами воспользоваться, между прочимъ, противъ такого теченія, которое подъ видомъ созданія единаго „русскаго центра", желаетъ разгромить единственный при настоящихъ условіяхъ устойчивый центръ — редакцію „Искры" съ рискомъ поставить ее въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія Департамента полиціи.

7 апрѣля 1905 г. Т. К. Р. С. Д. Р. П.

---

[1]) Какъ въ началѣ заявлено, мы получили извѣщеніе 28 марта, а Батумъ, кажется, совсѣмъ и не получалъ его.

III. Севастополь, учеб. отрядъ Черноморскаго флота, 5 марта. Сегодня былъ обыскъ въ учебномъ отрядѣ, искали прокламацій у учениковъ машинной школы и смотрѣли, нѣтъ ли у нихъ безцензурныхъ книгъ — но тщетно.

У нихъ были книги и газеты, да переписанныя пѣсни, но хранили ихъ такъ хорошо, что никто не могъ найти.

Правду сказать, матросы такъ ловко передаютъ тайно прокламаціи другъ другу, что самый опытный офицеръ не заподозритъ матроса, когда тотъ на его глазахъ передаетъ книги своему товарищу. Были и такіе критическіе случаи, что сидятъ человѣкъ 5, читаютъ листокъ, и вдругъ проходитъ какое-либо подозрительное лицо или дежурный офицеръ, такъ что никакъ нельзя спрятать; тогда приходится рвать на куски и скорѣе проглатывать; отобрать — никому не дадутъ, развѣ найдетъ человѣкъ малосознательный на улицѣ или во дворѣ прокламацію — тогда принесетъ дежурному офицеру.

Когда кончился обыскъ, ученики сдѣлали слѣдующее: взяли нѣсколько листковъ священнаго писанія, сложили въ треугольники (какъ складываютъ прокламаціи) и разбросали на парадномъ ходѣ; матросы, проходившіе мимо, стали подбирать и показывать другимъ. Но что же оказалось? — священное писаніе. Стали тогда говорить наши товарищи: сбываются теперь слова священнаго писанія, какъ сказано въ книгѣ „потерянный и возвращенный рай“, что на небесахъ бьются чистые съ нечистыми духами; вотъ и сейчасъ тоже происходитъ — спорятъ соціалисты съ евангелистами: соціалисты просвѣщаютъ, а евангелисты затмеваютъ, не знаемъ, кому больше вѣрить. — Нѣтъ, перебиваетъ другой, вѣрьте соціалистамъ, потому что они не спятъ, не гуляютъ, а все стараются добыть то, что намъ необходимо, сидятъ въ тюрьмѣ, идутъ въ Сибирь, живутъ вмѣстѣ съ нами, не обѣщаютъ благъ въ будущемъ мірѣ, а все стараются сдѣлать въ настоящемъ, а евангелисты пообѣщали намъ садъ, называемый раемъ, а въ немъ только одни яблоки, да и тѣ кислыя, да и не сейчасъ, а когда помремъ.

Х.

Одесса. 11 Апрѣля. Въ первыхъ числахъ апрѣля изъ Одессы отправлялся на Дальній Востокъ 21 Восточно-сибирскій батальонъ (запасные). Ко дню отправленія изъ 600 человѣкъ оказалась приблизительно половина; остальные разбѣжались. Передъ уходомъ солдаты буйствовали, два раза дѣлали попытку поджечь казармы, били окна. Для усмиренія была вызвана полиція. Ходитъ слухъ, что солдаты убили одного околоточнаго или пристава. Но этотъ слухъ не провѣренъ.

Не стѣсняясь присутствіемъ начальства, солдаты открыто заявляли, что они послѣдуютъ примѣру товарищей и убѣгутъ съ дороги. Вообще, бѣгущихъ солдатъ такъ много, что попадающихся не подвергаютъ даже особеннымъ репрессіямъ, а просто приписываютъ въ другіе полки и отправляютъ снова. Начальство въ страхѣ. Нелюбимый солдатами полковникъ послѣдніе дни совсѣмъ не показывался въ казармѣ и отправился отдѣльно отъ батальона, потому что солдаты грозили приколоть его въ дорогѣ. Для современнаго положенія дѣлъ въ казармѣ характеренъ упорно циркулирующій разсказъ о какомъ-то офицерѣ, который доѣхалъ до театра военныхъ дѣйствій одинъ — всѣ солдаты разбѣжались.

Въ Одессѣ усиленно поговариваютъ о погромѣ къ 18 апрѣля, и всѣ организаціи готовятся къ самооборонѣ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ и ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Одесса. Во время бывшей здѣсь стачки въ порту, начатой грузчиками, одесская группа партіи выставила слѣдующія, общія для всѣхъ портовыхъ рабочихъ требованія: 1) 8 часовой рабочій день, 2) упраздненіе подрядчиковъ и передача работы въ руки самихъ рабочихъ, 3) отмѣна ночныхъ работъ, 4) двойная плата за сверхурочную работу, 5) воспрещеніе работы въ воскресные дни и двунадесятые праздники, 6) прекращеніе работъ въ субботніе и предпраздничные дни въ 2 часа пополудни, 7) увеличеніе поденной платы до 2 р. 50 к. въ день, 8) разрѣшеніе общаго собранія всѣхъ рабочихъ г. Одессы для обсужденія своихъ нуждъ.

Харьковъ. Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ фактически присоединился къ мѣстному комитету, причемъ въ союзъ вошелъ представитель комитета, а представитель союза, въ свою очередь, вошелъ въ желѣзно-дорожный районъ комитетской организаціи. Дѣло союза стоитъ на хорошемъ пути. Связи съ желѣзно-дорожными рабочими установлены и продолжаютъ расширяться. Союзъ намѣренъ организовать исключительно пролетарскіе элементы: стрѣлочниковъ, составителей, сцѣпщиковъ, ремонтныхъ рабочихъ, кондукторовъ главнымъ образомъ, товарныхъ поѣздовъ, смазчиковъ, телеграфистовъ, помощниковъ машинистовъ, кочегаровъ и конторщиковъ.

Служащіе остальныхъ категорій привлекаются въ роли сочувствующихъ, съ выдѣленіемъ изъ нихъ болѣе сознательныхъ и способныхъ къ активному участію въ работѣ союза. Рабочіе мастерскихъ и депо входятъ въ организацію мѣстныхъ комитетовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ (узловыя станціи внѣ крупныхъ городовъ), входятъ въ союзъ.

Союзомъ выпущенъ листокъ къ служащимъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ съ призывомъ къ объединенію. Въ немъ освѣщаются всѣ событія послѣдняго времени, и, на фонѣ этихъ событій, унизительная и позорная роль служащихъ, помогающихъ правительству въ его преступленіяхъ.

Александровскъ Екат. губ. Кончилась стачка рабочихъ Менаеса. Всѣ рабочіе были разсчитаны, и приняты только желательные для Менаеса. У Бодовскаго работа тоже началась. Повышенъ расцѣнокъ на 15-20 процентовъ. Желая подольше удержать здѣшнихъ рабочихъ въ предѣлахъ одной экономической борьбы, власти, при благосклонномъ участіи довольно темной личности, нѣкоего Мороховскаго (учителя), учредили „трудовую артель“ въ зубатовскомъ духѣ. На собраніи этотъ учитель просилъ возражать всѣхъ несогласныхъ, но при всякой попыткѣ возраженія онъ грозилъ закрыть засѣданіе, а въ иномъ случаѣ и позвать полицію, благо казаки размѣщены въ смежной комнатѣ. Въ члены артели записалось нѣсколько бывшихъ соціальдемократовъ — трусившихъ продолжать работу въ партіи. Характерно, что нѣкоторые изъ нихъ просили организацію не выступать противъ предпріятія, говоря: „мы всегда успѣемъ его разгромить“. Кромѣ того, записался одинъ шпіонъ изъ г. Екатеринослава, узнанный товарищемъ. Охотниковъ вначалѣ было довольно много, но потомъ остыли. Въ кружкахъ рабочихъ говорится на тему объ артели и ея цѣляхъ и т. д. Второго апрѣля въ мѣстномъ театрѣ ставили „Дачниковъ“ Горькаго, на послѣднемъ актѣ были раскиданы листки „Въ бой за свободу!“ По выходѣ изъ театра, толпа человѣкъ въ 60 прошла по Большой улицѣ съ пѣніемъ Варшавянки и Марсельезы; полиція всполошилась, но было уже поздно — всѣ успѣли разойтись. Говорятъ, три человѣка арестовано. Кромѣ того, за недѣлю передъ этимъ, во время распространенія было арестовано три человѣка, двухъ освободили, а одного — Янкеля Мечника — обвиняютъ въ раскидываніи прокламацій.

Нижній Новгородъ. Здѣсь намъ пришлось пережить одну за одной нѣсколько стачекъ. Не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не окончилась удовлетвореніемъ всѣхъ выставленныхъ рабочими требованій, все же онѣ сыграли большую роль въ мѣстной жизни. Рабочіе увидѣли, какъ тяжело имъ бороться, благодаря ихъ неорганизованности, и замѣтно мѣняютъ свое прежнее, нѣсколько недовѣрчивое отношеніе къ соціальдемократіи.

Первыми забастовали столяры.

Условія ихъ труда, его оплаты были такъ плохи, что не потребовалось никакой особенной агитаціи, чтобъ поднять стачку. Рабочій день продолжается, въ лучшихъ случаяхъ, 12 часовъ, гораздо чаще 16-17, заработная плата колеблется отъ 3-4 рублей до 16-18, работать приходится въ грязныхъ подвалахъ подъ вѣчнымъ наблюденіемъ хозяина-мастера; обращеніе съ рабочими самое грубое; обсчитываніе при разсчетѣ — самое обыкновенное явленіе.

Изъ 500 нижегородскихъ столяровъ забастовало 300. Комитетъ немедленно вмѣшался въ стачку. Забастовщики выбрали 16 человѣкъ для переговоровъ съ хозяевами, которые упорно не хотѣли идти на уступки. Стачка, благодаря неорганизованности рабочихъ и отсутствію средствъ, длилась всего одну недѣлю, и работа возобновилась во всѣхъ мастерскихъ послѣ того, какъ хозяева согласились на 10 часовой рабочій день, выдачу квартирныхъ денегъ (1 р. 50 к. въ мѣсяцъ) и обѣщали вѣжливо обращаться съ рабочими.

Собранія, происходившія во время стачки, рѣчи, произносившіяся на нихъ, указанія на „связь политики и экономики“, объясненія, что такое политическая свобода и парламентъ, ихъ значеніе для рабочаго класса, все это, взятое вмѣстѣ, оказало на рабочихъ большое вліяніе, и теперь они охотно входятъ въ различные кружки и все больше и больше заинтересовываются „политикой“.

Въ связи со столярами забастовали приказчики, на которыхъ до сихъ поръ не возлагалось, въ смыслѣ общественномъ, никакихъ надеждъ; но общее освободительное движеніе рабочаго класса захватило, очевидно, и ихъ.

27 марта приказчики одного магазина прекратили торговлю, за ними сдѣлали тоже ихъ сосѣди и т. д., по порядку. Закрывши магазинъ, приказчики выходили на улицу; скоро собралась толпа больше, чѣмъ въ 3000 человѣкъ, которая двинулась къ нижнему базару. У Похвалинскаго элеватора, на площади выступилъ ораторъ и началъ съ поздравленія товарищей съ началомъ стачки и выступленіемъ на борьбу за свои человѣческія права; подошедшая полиція не дала окончить рѣчи и попробовала арестовать оратора, но толпа не допустила, и ораторъ, не окончившій рѣчи, успѣлъ скрыться. Затѣмъ разошлась и толпа. На слѣдующій день всѣ стали на работу, получивъ крохотныя уступки. Настроеніе приказчиковъ послѣ стачки приподнятое, работа среди нихъ замѣтно облегчилась. Интересно сочувствіе нижегородскаго общества къ стачечникамъ: нѣкоторые торговцы стали разсчитывать своихъ бастовавшихъ приказчиковъ, и вотъ противъ этихъ торговцевъ предпринятъ довольно широкій по своимъ размѣрамъ бойкотъ со стороны нижегородскаго общества.

На другой день послѣ приказчиковъ забастовали пекаря, хлѣбники-булочники. Полиція уговаривала всѣхъ стать на работу, обѣщая „довести до свѣдѣнія правительства объ ихъ тяжеломъ положеніи“ и т. д. Забастовщики этимъ не удовлетворились, и хозяевамъ пришлось сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Рига. Среди рабочихъ настроеніе боевое; въ большомъ количествѣ прибываютъ казаки. Ночью они разъѣзжаютъ по улицамъ, разыскивая крамолу. Городовые дрожатъ за свою шкуру и при первомъ появленіи кучки людей улетучиваются. На фабрикѣ Кузнецова, послѣ того какъ рабочіе вывезли на тачкѣ управляющаго, начались репрессіи. Управляющій выхлопоталъ присылку для постоянной стоянки на фабрикѣ полсотни казаковъ. Сотни рабочихъ выбрасываетъ онъ на улицу. Требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ остаться на работѣ, чтобы они сказали, кто его вывезъ на тачкѣ, и подписали эти свои показанія. Но рабочіе не хотѣли быть Іудами-предателями своихъ товарищей, предпочитаютъ остаться безъ хлѣба, чѣмъ выдать своихъ. Управляющій теперь боится выходить изъ дому одинъ, ѣдетъ въ городъ въ сопровожденіи полиціи и казаковъ, почему рабочіе прозвали его арестантомъ. При всемъ томъ настроеніе рабочихъ повышенное, престижъ соціалъ-демократовъ растетъ. „Соціалисты наши друзья, и мы не должны бояться ихъ“, такъ говорятъ самые сѣрые рабочіе. Многіе изъ разсчитанныхъ уѣзжаютъ въ деревню, и каждый беретъ съ собою что нибудь: прокламаціи, брошюрки, легальныя и нелегальныя. И выходитъ, что самодержавіе способствуетъ нашей агитаціи въ самыхъ широкихъ массахъ. Мнѣ хотѣлось бы сообщить еще о нашей дѣятельности въ Кузнецовскомъ районѣ. Каждую недѣлю мы устраиваемъ въ немъ 3–4 массовки, на которыхъ перебываютъ 150-200 человѣкъ, а иногда и больше. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается центръ, одинъ разъ для рѣшенія практическихъ вопросовъ, другой — для теоретическихъ занятій. Кромѣ того, два раза въ недѣлю собирается сходка. Одно время мы устраивали собранія въ районѣ, почти ежедневно, теперь рѣже изъ за полицейскихъ условій. Кузнецовскій районный центръ состоитъ изъ шести рабочихъ и двухъ интеллигентовъ.

Рабочій членъ Кузнецовскаго районнаго центра).

Сморгонь. 27 марта. Въ первыхъ числахъ марта наша организація сорганизовала стачку у мужскихъ портныхъ, въ которой принимали участіе 35 человѣкъ, и у портнихъ, работающихъ исключительно дамскія платья, въ которой участвовало 85 человѣкъ. Нашей организаціей были выставлены и отпечатаны слѣдующія требованія: 1) 8-ми часовой рабочій день, 2) уничтоженіе поштучной работы, 3) полная заработная плата за все время стачки, 4) бойкотированіе тѣхъ хозяевъ, которые выдадутъ рабочихъ, 5) лучшее обращеніе. Всѣ требованія были удовлетворены, только у портнихъ, вмѣсто выставленнаго 8-ми часового рабочаго дня, установили 9-ти часовой рабочій день. У мужскихъ портныхъ стачка продолжалась одинъ день, а у портнихъ нѣкоторые хозяева сразу сдались, у остальныхъ стачка продолжалась нѣсколько дней, а у одного, гдѣ работаютъ шесть человѣкъ, стачка продолжается и до сихъ поръ. За послѣднее время наша организація распространила слѣдующія прокламаціи: 1) „Отвѣтъ на объявленіе Коковцева“ 2) „Ко всѣмъ гражданамъ“ 3) „Царь и крамола“. Кромѣ того, наша организація перепечатала и распространила прокламацію Сѣверо-западнаго комитета Р. С.-Д. Р. П. на еврейскомъ жаргонѣ „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ и также во время стачки издала и распространила прокламацію на еврейскомъ жаргонѣ „Къ борьбѣ“ отъ имени сморгонской организаціи Р. С.-Д. Р. П., въ которой разъяснялось, что, кромѣ экономической борьбы, у насъ есть политическая борьба, борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за освобожденіе рабочаго класса и всей Россіи отъ самодержавнаго ига и полицейскаго произвола. На дняхъ нашей организаціей было созвано собраніе исключительно отъ организованныхъ христіанскихъ рабочихъ, на которое пришло 60 человѣкъ. Ораторъ говорилъ о соціализмѣ вообще и о волнѣ возмущенія, охватившей рабочій классъ всей Россіи послѣ январьскихъ дней, во время которыхъ самодержавное правительство вызвало противъ себя презрѣніе и негодованіе всего цивилизованнаго міра, и призывалъ товарищей бороться за лучшее будущее, за соціализмъ. Послѣ окончанія рѣчи изъ всѣхъ грудей вырвались проклятія самодержавному правительству и пожеланіе о скорѣйшемъ низверженіи его. На нашихъ сходкахъ и кружкахъ, въ которыхъ участвовало 140 человѣкъ исключительно еврейскихъ рабочихъ, единогласно высказались и приняли резолюцію о необходимости изданія литературы на еврейскомъ жаргонѣ; такія же заявленія доходятъ до насъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ наша партія начала развивать свою дѣятельность и среди еврейскаго пролетаріата.

Сморгонская организація надѣется, что партія не оставитъ нашего заявленія безъ вниманія и приметъ мѣры, чтобы хоть часть литературы, издаваемой партіей на русскомъ языкѣ, переводилась на жаргонъ. Послѣ того какъ наша организація сорганизовала и руководила стачкой, сморгонская бундовская организація заявила намъ, что она единственная представительница еврейскаго пролетаріата, что монопольное распространеніе соціалистическихъ идей среди еврейскаго пролетаріата принадлежитъ одной ей. Когда во время вышеупомянутой забастовки у портнихъ она вмѣшалась и заявила о своемъ правѣ, наша организація во избѣжаніе конфликта, уступила и соединилась съ ней для дальнѣйшаго руководства забастовкой. Нашей организаціи желательно было бы выяснить, гдѣ и отъ кого „Бундъ“ пріобрѣлъ для своихъ организацій такія монопольныя права.

Евпаторія Мы уже сообщали о томъ, что у насъ образовалась организація „Крымскаго Союза“. Появленіе въ городѣ организаціи, заявившей себя цѣлымъ рядомъ листковъ, вмѣшавшейся въ забастовку учащихся, въ стачку рабочихъ на водочномъ складѣ и начавшей проникать во всѣ слои рабочаго люда, вызвало переполохъ въ жандармскихъ и полицейскихъ сферахъ. Послѣ мартовскихъ подметовъ было произведено нѣсколько обысковъ, арестовано трое рабочихъ (одинъ изъ нихъ выдавалъ), у которыхъ нашли нѣсколько прокламацій, нѣсколько номеровъ Искры и брошюры. Арестовали также и одного интеллигента Воеводу, у котораго ничего не было найдено, но котораго все-таки взяли черезъ нѣсколько дней послѣ обыска. Послѣ бывшихъ въ городѣ подметовъ ежедневно въ четыре часа утра на заводѣ Кацена появляется городовой, тщательно обшариваетъ всѣ углы двора и подбираетъ всѣ бумажечки, надѣясь найти прокламаціи.

За послѣднее время было распространено: 1) Манифестъ Петербургскихъ рабочихъ 300 экз. 2) Майскій листокъ 800 экз. изд. Крымскаго Союза.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Резолюція Тифлисскаго Комитета.

Предсѣдателю „III-го партійнаго съѣзда“.

28 марта с. г. мы получили отъ Ц. К. извѣщеніе о немедленномъ созывѣ 3 партійнаго съѣзда съ предложеніемъ немедленно прислать своего делегата. Т. К. Р. С. Д. Р. П., обсудивъ это предложеніе въ связи съ положеніемъ дѣлъ въ партіи, счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія съѣзда партійныхъ работниковъ свои соображенія по этому поводу и посему проситъ предсѣдателя прочесть на съѣздѣ нижеслѣдующее заявленіе, со внесеніемъ его въ протоколы съѣзда.

Товарищи! По нашему партійному уставу, съѣздъ созывается только Совѣтомъ Партіи и при томъ въ двухъ случаяхъ:

Экстренный — по требованію организацій, имѣющихъ на съѣздѣ въ совокупности не менѣе половины рѣшающихъ голосовъ, и очередной, по усмотрѣнію самаго С. П., по возможности, не рѣже одного раза въ два года. Между тѣмъ, настоящій съѣздъ созывается съ явнымъ нарушеніемъ обоихъ условій. Съѣзда не требовало законное количество организацій (см. постан. С. П. въ 89 № Искры). Болѣе этого — два Кавказскихъ комитета, причисленные къ организаціямъ, добивающимся съѣзда. — нашъ и Батумскій — давно отказались отъ этой мысли, особенно послѣ такого небывалаго подъема революціонныхъ волнъ. Значитъ, съѣздъ незаконенъ, какъ экстренный, съѣздъ незаконенъ и какъ очередной, т. к. созванъ раньше срока и самое главное — помимо С. П. Слѣдовательно, этотъ съѣздъ не что иное, какъ частный съѣздъ партійныхъ работниковъ, конференція, а не законный общій партійный съѣздъ. Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ созыва теперешняго съѣзда по существу, мы отмѣтимъ слѣдующее: 1) Ц. К., все время стоящій противъ созыва съѣзда, вдругъ, въ продолженіи всего нѣсколькихъ дней, перемѣнилъ фронтъ и изъ рѣшительнаго противника съѣзда сдѣлавшись не менѣе рѣшительнымъ его защитникомъ, потребовалъ немедленной высылки делегатовъ и то до 22 марта, такъ что многія партійныя организаціи, даже при всемъ желаніи, не могли бы имѣть представителя на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ этотъ съѣздъ является импровизаціей частнаго характера и созывается безъ всякой хоть сколько нибудь серьезной подготовки къ нему со стороны большинства партійныхъ организацій[1]. 2) Главная цѣль съѣзда, по сообщенію Ц. К., предотвратить расколъ. Удастся ли это съѣзду? Главная задача съѣзда, по нашему мнѣнію, санкціонировать то партійное теченіе, которое взяло верхъ во внутри партійной жизни. При настоящихъ же условіяхъ, хотя тенденція т. н. „меньшинства“ и стали господствующими въ партіи, но въ виду своеобразнаго строительства Партіи, вообще, и комитетовъ въ частности, господствующее теченіе не можетъ быть представлено на съѣздѣ соотвѣтственно своимъ дѣйствительнымъ силамъ и вліянію въ партіи. Цѣлый рядъ комитетовъ съ рѣшающими голосами не выражаютъ мнѣнія большинства членовъ партіи въ данной мѣстности. И, обратно, цѣлый рядъ вліятельныхъ организацій въ рабочей средѣ будутъ лишены рѣшающаго голоса на съѣздѣ. При такихъ условіяхъ постановленіе съѣзда по спорнымъ вопросамъ не можетъ соотвѣтствовать господствующему партійному мнѣнію. Съ другой стороны, организаціонно-тактическіе принципы „большинства“ настолько выходятъ изъ предѣловъ соціальдемократическаго воззрѣнія, а его взгляды на рабочій классъ, на строеніе партіи, на роль соціальдемократіи въ предстоящей буржуазной революціи — все это такъ рѣзко отличается отъ мнѣнія „меньшинства“, придерживающагося строго марксистскаго міропониманія, что думать о дѣйствительномъ объединеніи обоихъ теченій крайне наивно. Съѣздъ въ лучшемъ случаѣ дастъ бумажное объединеніе, а партійная жизнь пойдетъ своимъ путемъ, окончательно разбивая нежизнеспособное, въ данномъ случаѣ „большенствистское“ теченіе и предоставляя широкое поле дѣятельности жизнеспособному „меньшинству“. Въ третьихъ, въ настоящее время, когда общественно-политическая жизнь бьетъ ключемъ и не сегодня завтра разразится во всей силѣ народное возстаніе, когда во многихъ мѣстахъ Россіи, то тамъ, то сямъ происходятъ вооруженныя стычки, грозящія перейти въ вооруженное возстаніе, въ такое время отвлекать силы и средства партіи отъ революціонно-практической работы граничитъ съ самоубійствомъ.

Въ частности у насъ на Кавказѣ обостреніе общественно-политическихъ отношеній дошло до такой кульминаціонной точки, мы живемъ въ атмосферѣ, такъ насыщенной революціонной энергіей, что отстраненіе отъ мѣстной работы хотя бы одного работника считаемъ для себя великимъ позоромъ.

Товарищи! Вотъ наше глубокое убѣжденіе. Но, предполагая возможность составленія партійнаго съѣзда помимо нашего желанія и зная изъ горькаго опыта 2-го съѣзда, что нѣсколько шаровъ будутъ имѣть серьезное вліяніе на исходъ рѣшенія тѣхъ или иныхъ крайне важныхъ для П. вопросовъ, мы предоставляемъ свои голоса въ полное распоряженіе, съ правомъ передовѣрять, нынѣшней редакціи Искры, съ которой въ основныхъ тактически организаціонныхъ вопросахъ вполнѣ солидарны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы предлагаемъ ред. Искры нашими голосами воспользоваться, между прочимъ, противъ такого теченія, которое подъ видомъ созданія единаго „русскаго центра“, желаетъ разгромить единственный при настоящихъ условіяхъ устойчивый центръ — редакцію „Искры“ съ рискомъ поставить ее въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія Департамента полиціи.

7 апрѣля 1905 г. Т. К. Р. С. Д. Р. П.

---

[1] Какъ въ началѣ заявлено, мы получили извѣщеніе 28 марта, а Батумъ, кажется, совсѣмъ и не получалъ его.

Письмо въ редакцію „Искры".

Обращаясь съ на[illegible]имъ письмомъ въ редакцію „Искры", центральнаго [illegible] Р. С.-Д. Р. П., мы имѣемъ цѣлью огласить [illegible], которые заставили нашу Организацію отказаться отъ предложенія Бюро Ком. Большинства принять участіе въ 3-мъ съѣздѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы постараемся выяснить наши отношенія къ Партіи, программу которой мы осуществляемъ въ нашей мѣстной работѣ, оставаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ самостоятельной, неподчиненной Партіи организаціей.

Оффиціальный представитель Б. К. Б. передалъ намъ предложеніе Бюро послать нашего представителя на съѣздъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) избранный нашей организаціей представитель долженъ быть утвержденъ Московскимъ Комитетомъ; 2) нашъ представитель имѣетъ на съѣздѣ право совѣщательнаго голоса; 3) участвуя въ работахъ съѣзда, мы, тѣмъ самымъ, входимъ въ Партію, а потому постановленія съѣзда для насъ обязательны. Эти условія, независимо отъ общаго характера 3-го съѣзда, были признаны нашей организаціей непріемлемыми, а потому нашъ представитель сообщилъ М. К., что Союзъ Моск. Тип. Рабоч. отказывается прислать своего уполномоченнаго. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ считать кого либо изъ членовъ М. К. компетентнымъ утверждать нашего представителя; внутренняя жизнь Союза остается неизвѣстной для М. К., а потому право послѣдняго утверждать избраніе того человѣка, который могъ бы явиться на съѣздъ выразителемъ нашихъ взглядовъ, является или насиліемъ, или ненужной формальностью. Далѣе, для насъ представляется нѣсколько непонятнымъ, почему наша организація, стоящая внѣ Партіи, должна подчиняться постановленіямъ партійнаго съѣзда. Если Бюро пригласило насъ участвовать въ работахъ съѣзда, несмотря на то, что мы до сихъ поръ не присоединились къ Партіи, то болѣе послѣдовательнымъ было бы, на нашъ взглядъ, дать намъ возможность принять уже окончательныя постановленія съѣзда и тѣмъ самымъ присоединиться къ Партіи. Въ такомъ случаѣ, намъ было бы понятно право совѣщательнаго голоса, которое намъ дано (согласно 2-му примѣч. 3-го пункта Устава). Подчиняться же постановленіямъ съѣзда, на которомъ нашъ представитель пользуется правомъ совѣщательнаго голоса, намъ представляется невозможнымъ.

Нѣкоторая непослѣдовательность Бюро объясняется, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что его предложеніе участвовать въ съѣздѣ заключаетъ собственно 2 предложенія: 1) примкнуть къ Партіи, 2) послать представителя на съѣздъ. Занявъ подчиненное положеніе по отношенію къ М. К., мы, тѣмъ самымъ, дали бы право контролировать и утверждать нашего представителя; вступая въ Партію, мы должны были бы подчиниться постановленіямъ партійнаго съѣзда.

Отклонивъ предложеніе Бюро, мы считаемъ, поэтому, нужнымъ отвѣтить по слѣдующимъ двумъ вопросамъ: 1) Почему мы не присоединяемся къ Партіи? 2) Какъ мы относимся къ третьему съѣзду?

Въ № 5 нашего Вѣстника С. М. Т. Р. призналъ программу Р. С.-Д. Р. П. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Союзъ призналъ присоединеніе къ Партіи преждевременнымъ и въ № 7 снова подтвердилъ, что до сихъ поръ остается вполнѣ самостоятельной организаціей.

Чѣмъ больше мы останавливаемся на вопросѣ о присоединеніи нашего Союза къ Р. С.-Д. Р. П., тѣмъ больше мы убѣждаемся, что на пути къ этому лежатъ помѣхой не частные интересы нашей организаціи, а общее состояніе Р. С.-Д. Р. П.

Присоединиться къ Партіи — это значитъ жить общепартійными интересами, входить во всѣ внутреннія партійныя дѣла, въ случаѣ партійной распри ясно представлять себѣ разногласіе и становиться на сторону той или другой изъ враждующихъ фракцій. Вступить въ Партію въ настоящее время — это значитъ принять участіе во внутренней распрѣ „большинства" и „меньшинства", ясно представить себѣ предметъ спора и превратиться въ „большевиковъ" или „меньшевиковъ", встать подъ знамя „Искры" или „Впередъ". Разногласія зашли такъ далеко, что всякая С.-Д. организація, вступающая въ настоящее время въ Партію, обязана дать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ причина разногласій, кто правъ, кто неправъ. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что, поскольку мы понимаемъ, разногласіе переходитъ на программную почву: со страницъ „Впередъ" раздаются уже обвиненія новоискровцевъ въ оппортюнизмѣ и въ сближеніи съ „Освобожденіемъ".

Между тѣмъ, подробное ознакомленіе со всей сложной эволюціей отношеній между „большинствомъ" и „меньшинствомъ" въ ея послѣдовательномъ развитіи представляется намъ вдвойнѣ трудной задачей. Съ одной стороны, мы не встрѣчаемъ большого интереса къ партійнымъ разногласіямъ, къ „высшимъ дрязгамъ" у многихъ изъ нашихъ товарищей, и потому подробное ознакомленіе нашей периферіи съ разногласіями „большинства" и „меньшинства", при существованіи напряженной внутренней работы, представляетъ не мало затрудненій. Съ другой стороны, слѣдя, по мѣрѣ полученія литературы, за партійной полемикой, мы не представляемъ себѣ достаточно ясно, во всей сложности, эволюціи „большинства" и „меньшинства". Намъ не понятно, почему „большинство" отказывается отъ посредничества нѣмецкой соціальдемократіи, почему новоискровцы обвиняются въ оппортюнизмѣ, на какомъ основаніи Ц. К. высказывается за созывъ Съѣзда, въ то время какъ Совѣтъ Партіи опредѣленно высказался противъ Съѣзда.

Установить твердое, сознательное отношеніе къ „большинству" и „меньшинству" мы считаемъ необходимымъ прежде, чѣмъ присоединяться къ Партіи; вносить партійныя разногласія въ нашу организацію мы считаемъ чрезвычайно трудно-выполнимой и неблагодарной задачей, такъ какъ, съ одной стороны, встрѣчаемъ мало интереса къ этимъ вопросамъ у нашей периферіи, а съ другой — позиція „меньшинства" и особенно „большинства" не представляется намъ достаточно выясненной и твердо установленной. Мы находимъ, что, продолжая свою самостоятельную работу, оставаясь въ товарищескихъ отношеніяхъ къ М. К., мы больше сдѣлаемъ на пути созданія сильной, единой Партіи, чѣмъ примкнувъ къ Р. С.-Д. Р. П., единство которой является задачей, требующей наискорѣйшаго разрѣшенія.

Выясняя свое отношеніе къ 3-му съѣзду, мы находились и находимся передъ большимъ затрудненіемъ. Съ одной стороны, мы читали (№ 89 „Искры") заявленіе Совѣта Партіи, признающее съѣздъ непартійнымъ и объявляющее всѣхъ членовъ съѣзда внѣ Партіи; до сихъ поръ мы не видѣли оффиціальнаго опроверженія этого заявленія, между тѣмъ, Ц. К. выступилъ въ настоящее время за съѣздъ. Съ другой стороны, на страницахъ „Впередъ" мы читаемъ доказательства, что Бюро располагаетъ голосами большинства правоспособныхъ организацій, въ „Искрѣ" Совѣтъ Партіи категорически заявляетъ противное. Такой, казалось бы, простой вопросъ, высказалось ли большинство организацій за съѣздъ, не находитъ себѣ единаго рѣшенія.

Въ настоящее время мы не въ состояніи выяснить, является ли 3-й съѣздъ партійнымъ или это съѣздъ „большинства". Мы, съ своей стороны, не могли бы участвовать въ конференціи „большинства" и не послали бы своего представителя на съѣздъ, не имѣя доказательствъ, что мы примемъ участіе въ съѣздѣ всей Р. С.-Д. Р. П.

Передавъ М. К. свой отказъ принять участіе въ работахъ съѣзда, мы руководились двумя соображеніями: 1) намъ казались непріемлемыми тѣ условія, о которыхъ было сказано выше, 2) мы не имѣемъ до сихъ поръ основаній считать 3-й съѣздъ партійнымъ.

Мы кончаемъ пожеланіемъ товарищамъ Р. С.-Д. Р. П. объединиться между собою. Мы полагаемъ, что Партія должна положить конецъ тѣмъ внутреннимъ распрямъ, которыя въ настоящее время такъ радуютъ нашихъ враговъ и такъ тяжело отзываются на дѣлѣ всего рабочаго класса Россіи.

Мы думаемъ, что объединенная и примиренная Партія дастъ и намъ возможность не только фактически, но и формально составить единое цѣлое съ пролетаріатомъ Россіи, органическую часть котораго мы составляемъ.

Центръ Союза Московскихъ Типо-литогр. Рабочихъ.

Резолюція Харьковскаго желѣзнодорожнаго Союза: Желѣзнодорожный союзъ выработалъ слѣдующую резолюцію по поводу созыва третьяго очередного съѣзда:

„Союзъ желѣзно-дорожныхъ служащихъ, признавая желательнымъ созывъ третьяго очередного съѣзда, считаетъ, однако, необходимымъ настаивать: во-первыхъ, чтобы всѣ вопросы, которые подлежатъ рѣшенію съѣзда, были подвергнуты предварительному обсужденію возможно болѣе широкихъ круговъ партійныхъ работниковъ (пропагандистовъ, агитаторовъ, организаторовъ, техниковъ и всѣхъ сознательныхъ рабочихъ вообще); во-вторыхъ, чтобы до открытія съѣзда было дано достаточно времени для обсужденія этихъ вопросовъ, и, въ-третьихъ, чтобы различныя партійныя теченія были представлены на съѣздѣ пропорціонально ихъ силѣ и вліянію на пролетаріатъ, а не пропорціонально имѣющемуся за тѣмъ или инымъ изъ нихъ числу комитетскихъ мѣстъ".

Резолюція Воронежскаго Комитета.

Въ виду постановленія Совѣта Р. С.-Д. Р. П. отъ 8 марта, опубликованнаго въ 89 № „Искры", Воронежскій комитетъ, сорганизовавшійся въ 1902 году, заявляетъ единогласно (6 голосовъ), что считаетъ несвоевременнымъ созывъ третьяго партійнаго съѣзда, но на случай, если Совѣтъ Партіи рѣшитъ, на основаніи поступившихъ къ нему заявленій, что долженъ созвать съѣздъ, то, подчиняясь волѣ большинства организацій, Воронежскій Комитетъ заявляетъ, что онъ не уклоняется отъ партійной работы и назначаетъ своимъ делегатомъ на третій партійный съѣздъ уважаемаго товарища Акимова и проситъ Совѣтъ Партіи увѣдомлять его о всемъ, касающемся созыва третьяго съѣзда.

Резолюція, принятая на съѣздѣ 22-хъ заграничныхъ группъ содѣйствія Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи:

Съѣздъ группъ содѣйствія Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, считая своимъ долгомъ выразить свое отношеніе къ созываемому Ц. К. и Б. К. Б. съѣзду, заявляетъ, что онъ можетъ признать законнымъ съѣздомъ Р. С.-Д. Р. П лишь тотъ, при созывѣ котораго выполнены слѣдующія условія:

Съѣздъ будетъ подготовляться въ продолженіи достаточнаго срока, будетъ составленъ изъ представителей всѣхъ фактически существующихъ организацій и явится представителемъ сознательной воли всѣхъ партійныхъ работниковъ.

Только такой съѣздъ могъ бы умиротворить партію и создать фактическое единство, уже нарушенное всѣмъ ходомъ развитія нашей партіи со времени II-го партійнаго съѣзда.

При отсутствіи этихъ условій, съѣздъ поведетъ лишь къ обостренію отношеній между обѣими частями партіи и къ неизбѣжному расколу при условіяхъ, дѣлающихъ этотъ расколъ крайне пагубнымъ для интересовъ россійскаго пролетаріата и соціальдемократическаго движенія.

Констатируя отсутствіе указанныхъ гарантій въ настоящій моментъ, съѣздъ группъ содѣйствія отказывается признать съѣздъ, устраиваемый Ц. К. и Б. К. Б., съѣздомъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Съѣздъ призываетъ всѣхъ истинныхъ представителей россійскаго пролетаріата, всѣхъ сознательныхъ соціальдемократовъ сдѣлать все, отъ нихъ зависящее для превращенія предполагаемаго съѣзда въ конференцію, на которой могли бы быть выработаны условія, могущія подготовить объединеніе соціальдемократической работы въ ближайшемъ будущемъ и формальное объединеніе партіи на законномъ III съѣздѣ, когда это станетъ дѣйствительно возможнымъ.

Если усилія эти не увѣнчаются успѣхомъ, пусть всѣ сознательные соціальдемократы, правильно понимающіе истинные интересы россійскаго пролетаріата, крѣпче сплотятся вокругъ знамени Р. С.-Д. Р. П.

Пусть они, оставаясь вполнѣ солидарными съ политической позиціей Центральнаго Органа и Совѣта, работаютъ надъ созданіемъ единства въ политическомъ движеніи россійскаго пролетаріата, подготовляя, такимъ образомъ, въ будущемъ и организаціонное его единство.

Отвѣтъ Центральному Комитету.

10/23 апрѣля сего года, Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. обратился съ письмомъ къ намъ, работающимъ въ партійныхъ предпріятіяхъ заграницей. Въ этомъ письмѣ Ц. К. сообщаетъ, что тов. Дейчъ отказался передать завѣдываніе техническими предпріятіями партіи заграницей уполномоченному имъ тов. Валеріану и предлагаетъ намъ, партійнымъ работникамъ, оказать „противодѣйствіе узурпаторскимъ намѣреніямъ тов. Дейча".

Обсудивъ предложеніе „Ц. К.", мы, работающіе въ партійной типографіи и брошюровочной, вынесли слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе,

что, вступивъ въ соглашеніе съ извѣстнымъ Б. К. Б. для созыва третьяго съѣзда и созвавъ этотъ „съѣздъ" помимо Совѣта и вопреки волѣ большей части Партіи, Ц. К. самымъ грубымъ образомъ нарушилъ партійный уставъ и партійную дисциплину, и тѣмъ самымъ уничтожилъ всѣ обязательства, нормирующія партійныя отношенія;

что, отказавшись подчиниться постановленію Совѣта, какъ высшаго учрежденія партіи, Ц. К. поставилъ себя этимъ самымъ внѣ партіи и создалъ крайне ненормальное положеніе въ партійной жизни;

что, созывая съѣздъ въ разгарѣ переживаемаго нами революціоннаго времени, Ц. К. нанесъ непоправимый вредъ партіи, лишивъ ее лучшихъ силъ, столь необходимыхъ теперь на мѣстахъ революціонной работы;

что при самомъ созывѣ „съѣзда", руководствуясь не интересами партіи, а чисто фракціонными соображеніями, Ц. К. произвольно лишилъ права голоса рядъ дѣйствительно рабочихъ организацій и представилъ его ничѣмъ не проявившимся и даже не существующимъ организаціямъ, —

мы, работающіе въ партійной типографіи и брошюровочной, обязанные, какъ члены партіи, нести на себѣ защиту чести, достоинства и интересовъ партіи, заявляемъ предъ лицомъ всей партіи, что требованія Ц. К. считаемъ незаконными и для себя необязательными.

Мы заявляемъ, что партійное имущество, впредь до возстановленія партійнаго единства, должно находиться въ рукахъ той части партіи, которая дѣйствительно является выразительницей интересовъ пролетаріата, а не той, которая ставитъ свои узко-кружковые интересы выше коллективной воли всей партіи. Мы приглашаемъ всѣхъ работниковъ, которымъ дороги интересы партіи, дать рѣшительный отпоръ всѣмъ, кто вздумаетъ посягнуть на нихъ.

(Слѣдуютъ подписи).

Оригиналъ этой резолюціи находится въ архивѣ редакціи Центр. Органа.

Агитаціонная дѣятельность **Виленской Группы** Р. С.-Д. Р. П. съ начала января 1905 года: 1) Ко всѣмъ рабочимъ. (Призывъ къ политической забастовкѣ) (800); 2) Письмо Г. Гапона отъ 9-го января (1000); 3) Къ обществу (по поводу 9 янв.) (300); 4) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ („Забастовка кончена") (1000); 5) Ко всѣмъ рабочимъ (По поводу второй забастовки) (500); 6) Къ несоргани́з. рабочимъ (на польскомъ языкѣ) (200); 7) Объявленіе о днѣ забастовки (карточки на русск., польскомъ яз. и на жаргонѣ) (1000); 8) Къ рабочимъ всѣхъ кожевенныхъ заводовъ (200); 9) Объ арестахъ (200); 10) Къ рабочимъ завода Менке (100); 11) Къ рабочимъ фабрикъ Шифеля и Гилеса (100).

Кромѣ того, Виленской Группой распространены слѣдующі листки Сѣверо-Западн. Комитета: 1) Отвѣтъ Коковцеву и Трепову (1500); 2) Царь и крамола (1500); 3) Ко всѣмъ гражданамъ (1000); 4) „Солдатск. памятка" (изд. „Искры", перепеч. С. З. К.) (2000).

Херсонской организаціей распространены съ конца января по апрѣль сего года: „Купля и продажа" изд. Ц. К. (400) и „Слово и дѣло" изд. Ц. К. (400); „Правда о войнѣ" (200); „Царь и народъ" (печ., 400); „Письмо Гапона" (печ., 400); Ко всѣмъ" (распростр. въ клубѣ, гект., 200); Ко всѣмъ гражданамъ" (переп. лист. „Иск.", 400); „Къ солдатамъ" (по поводу слуха о бунтѣ къ 19 февр., 100); „Солдатская памятка", „Въ бой за свободу", „О комисс. Шидловскаго" и „Булыгинскій Совѣтъ" изд. Одесск. гр. 600). Всего — 3200 экз.

Отчетъ **Казанскаго Ком.** за янв. и февраль. Издано и распространено К-мъ за январь: Бюллетень № 1 (перевид.), 500; Бюллетень № 2 (перевид.) 400; Посланіе Гапона, 635; Къ рабочимъ и работницамъ (о Петерб.) 600; Ко всѣмъ (о стачкѣ), 800; Къ солдатамъ (передъ стачкой), 1050; Ко всѣмъ (по татарски), 400; Къ рабочимъ Алаф. о стачкѣ, 600; Тоже по татарски 350; Требованія рабочихъ Алаф., 600; Тоже по татарски, 850; Требованія работницъ Алафузова, 270; Къ татарамъ обще-полит. (по тат.), 800; Резолюція вечеринки 26 дек., 300; Требов. рабочихъ Крестовникова, 165; Воззваніе о стачечномъ фондѣ, 900; Отчетъ фонда № 1, 200; Цивилизованному міру (Ц. К. перевид.), 1050. Всего — 10470 экз. За февраль: Къ рабочимъ Алаф. (объ уволенныхъ), 1000; Требованія типографщиковъ, 400; Типогр. объ уволенныхъ, 600; Къ обществу объ увол. типогр., 1000; Требованія приказчиковъ, 500; Къ булочникамъ, 600; Требованія приказчиковъ (по тат.) 400; Резолюція банкета 21-го янв., 1050; Объ японскихъ милліонахъ, 910; О рѣчи царя къ депутатамъ раб., 910; Послѣдняя ставка (о черной сотнѣ) 1050; Къ рабоч. о черной сотнѣ, 1000; Къ обществу о черной сотнѣ, 1000; Крестьянской бѣднотѣ, 1580; Товарищамъ татарамъ о Баку, 1015; Тоже на татарскомъ, 225; О рѣчи царя (на тат.), 150; Письмо в.-эк. общ. къ офицерамъ (перевид.) 800; Ко всѣмъ о 19 февр., 310; Солдатская памятка (перевид.), 2140; Прогр. для занятій, 490; Проп. прогр. для занятій съ рабочими, 210. Всего — 17340 экз. Распространено присл. отъ Ц. К. Канунъ революціи, 4000; Русск. рабоч. и русск. гражданамъ, 4500; Какая политич. свобода нужна русскому народу, 4700. Всего — 31140 экз. Брошюры — Пѣсни революціи, 130; Послѣдняя исповѣдь, 195.

Отчетъ Комитета **Крымскаго Союза** Р. С.-Д. Р. П. за январь, февраль и мартъ сего года. ПРИХОДЪ: (въ рубляхъ) Симфер. организація — 562,00; Мелитоп. — 165,00; Керченск. — 140,00; Ялтинск. — 85,00; Θеодос. 55,00. Всего 1007,00. РАСХОДЪ: Техника — 522,20; помощь тов. — 195,80; складъ — 44,30; разъѣзды и развозка литературы — 196,30; почт. и мелкіе расходы — 14,40; скрывш. тов. — 30,00; штемпеля — 7,00; помощь Севастоп. орган. — 185,90; помощь Θеодосіи и Евпат. — 21,40. Всего 1217,30. По 1-е апрѣля дефицитъ въ 210,30. За эти три мѣсяца Союзомъ издано 15 листковъ въ 163,000 экз. Распространены: листки изд. Одесской группы и Ц. К. (15,000 экз.) — брошюры популяризир. общ. изд. соц.-дем. (500) — о войнѣ (ред. „Искры", 2000) — №№ 1-2-3 „Соц.-дем." (500) — №№ 79—91 „Искры" (1000).

Отчетъ **Симферопольской** Организаціи Крым. Союза съ 15-го марта 1904 по 1-е апрѣля 1905 г. ПРИХОДЪ: Черезъ АВ — 284 — АК. — 240 — РК. — 45 — разныхъ — 408 — Аа — 60 — ВИ. — 30 — прис. пов. — 70 — ЕГ. — 85 — ВИ. — 15; вечеринка — 125; изъ Москвы — 30. Всего 1472 руб. РАСХОДЪ: Конспират. кварт. — 123,50; почт. и мелк. расх. — 19,42; помощь тов. — 136,10; печат. на гектогр. — 15,46; покупка и доставка литературы — 25,50; заключ. въ тюрьмѣ — 145,00; поѣздки — 17,05; помощь Симф. стачечник. — 150,48; — Крымск. Союзу — 889,65. Всего — 1532,16. По 1-е апр. дефиц. — 60,16.

Вышли изданія: Ц. К. „Первое мая" и „Всероссійская стачка промышленниковъ". **Петерб. Группы** листокъ къ обществу о первомъ мая. **Петербургск. Комитета:** „Рабочая недѣля" (газ.) № 1. **Самарскаго Ком.:** 1) „Къ приказчикамъ" (1.300 экз.), 2) „Правда для солдатъ" (7.000), 3) „Почему царь не хочетъ мира?" (5000), 4) „Ко всѣмъ рабочимъ" (о коммиссіи Шидловскаго, 5200 экз.), 5) „Въ бой за свободу" (лист. „Искры", 6500 экз.). **Варшавск. Ком. Военно-рев. организація:** „Къ солдатамъ". **Одесск. Группы:** „Ко всѣмъ портовымъ рабочимъ" и „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (800). **Полтавской гр.:** „Добровольныя пожертвованія". **Тверскаго Ком.:** 1) „Опять мобилизація" (6000); 2) Коммиссія Булыгина (перепеч. съ лист. Пет. гр., 6000); 3) „Милостью пушекъ" (перепеч. съ лист. Моск. Ком., 2000); 4) Рабочимъ и работницамъ Залогинской фаб. (450); 5) „Русскій рабочій и зимній дворецъ" (памяти Халтурина изъ „Искры", (1400); 6) „Пора кончать!" (6000); 7) „Онъ прощаетъ!" (изъ „Искры", 2350); 8) „Рабочимъ вагоностр. завода" (450); 9) „Къ крестьянамъ" (6000); 10) Майскій листокъ (Ц. К. 10000).

За послѣднее время Украинск. Союзомъ (Спілкой) выпущены слѣдующія изданія: 1) Листокъ „Правды" (апрѣль); 2) Майская листовка; 3) Воззваніе къ семинаристамъ; 4) „Что дѣлать батракамъ?"; 5) „Мужицкій приговоръ".

Въ изданіи „Искры" выходитъ серія брошюръ **„Наши требованія"**, посвященная популяризаціи отдѣльныхъ пунктовъ программы-минимумъ.

Вышли: № 11 „Царская казна и народный карманъ" (Долой косв. налоги!). № 2 „Самодержавіе царя или самодержавіе народа? (Долой царское самодержавіе!)".

Печатается: № 9 „Что такое милитаризмъ и кому онъ нуженъ?".

Готовятся къ печати: № 1 „Наши ближайшія требованія и конечная цѣль. № 3 „Неприкосновенность личности и жилища", № 4 „Свобода слова, печати и собраній", № 5 „Свобода стачекъ и союзовъ", № 10 „Отдѣленіе церкви отъ государства", № 13 „Государственное страхованіе рабочихъ".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено отъ русскаго художника для больного эмигранта 100 лиръ.

Бакинцу. Почему не пишете изъ новаго мѣста? Пришлите адресъ. Обязательно высылайте все выходящее. **Буржуа.** Гдѣ вы? **Андрею.** Пришлите адресъ для переписки. **Дьяконову.** Слышали, что вы застряли по дорогѣ. Думаете ли осѣсть или поѣхать по назначенію? **Японцу.** Почему не пишете о мѣстныхъ дѣлахъ? Интересно знать ваше отношеніе. **Хотимскому.** Почему перестали писать. Мы слышали о провалѣ — сообщите. Доходитъ ли литература? **Ивановичъ.** Почему не сообщаете о своей работѣ? **Сержу.** Ваши письма получены. **Райкину 2.** Письмо получено. Пишемъ. **Θомѣ.** Письмо получено. Постараемся исполнить просьбу. Не сумѣете ли помочь средствами? **Стенькѣ.** Получили. Пишите подробнѣе о дѣлахъ. **Колдуну.** Получено, ладно. Адресъ не оставленъ.

Просимъ всѣ организаціи и группы прислать спеціальные адреса для высылки по нимъ конспиративныхъ (печатныхъ или гектогр.) сообщеній.

Всѣмъ подписчикамъ на „Искру" и „Соціальдемократъ". Убѣдительно просимъ возобновлять адреса къ первому ч. каждаго мѣсяца. Адресаты, имѣющіе №, при возобновленіи, для краткости, могутъ сообщать этотъ послѣдній.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ Центр. Комитетомъ съ редакціей „Искры" и „Зари" и „Лигой Русской Революціонн. Соціальдемократіи":

(Просятъ обозначать: „для Ц. К.", „для редакціи", „для Лиги")

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

NEW YORK

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 99. Воскресенье 1-го мая 1905 г. Годъ V

ОБЪЕДИНЕНІЕ ФРАНЦУЗСКИХЪ СОЦІАЛИСТОВЪ.

Объединеніе французскихъ соціалистовъ — совершившійся фактъ. Теперь во Франціи, гдѣ до сихъ поръ существовало нѣсколько отдѣльныхъ соціалистическихъ организацій и гдѣ взаимная борьба этихъ организацій приносила такъ много вреда дѣлу пролетаріата, есть только одна соціалистическая партія, подъ знаменемъ которой пойдутъ, — по крайней мѣрѣ рѣшили идти, — вмѣстѣ всѣ оттѣнки французскаго соціализма. Соціалистическій пролетаріатъ всего міра громко и радостно привѣтствовалъ это событіе. И ему въ самомъ дѣлѣ нельзя не радоваться.

Мы не страдаемъ излишнимъ оптимизмомъ съ этой стороны. Если бы насъ спросили, увѣрены ли мы въ прочности только что состоявшагося объединенія, то мы, не колеблясь, отвѣтили бы отрицательно. Такой увѣренности у насъ, къ сожалѣнію, пока еще нѣтъ. Мы сказали бы даже больше. Уже теперь, когда только еще начался медовый мѣсяцъ объединенія, мы видимъ во французской соціалистической печати признаки, которые показываютъ, что разногласія, вызывавшія такіе жестокіе раздоры между французскими соціалистами, далеко не устранены. Вотъ знаменательный примѣръ. По случаю предстоящаго пріѣзда испанскаго короля въ Парижъ возникъ вопросъ, будетъ ли встрѣчать его предсѣдатель парижскаго муниципальнаго совѣта докторъ Поль Бруссъ, — котораго можно по всей справедливости назвать отцомъ французскаго соціалистическаго оппортюнизма, — или постарается уклониться отъ этой чести подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Бруссъ поспѣшилъ категорически заявить, что уклоняться отъ встрѣчи Альфонса XIII онъ совсѣмъ не намѣренъ, а въ органѣ Жорэса „L'Humanité“ появилась замѣтка, авторъ которой видитъ въ заявленіи Брусса отрадное доказательство того, что французскому соціализму чуждъ духъ *демагогіи*. Совершенно такъ разсуждали жорэсисты во время пріѣзда во Францію русскаго царя и итальянскаго короля. Это даетъ основаніе опасаться, что они послѣ объединенія остались такими же, какими были до него. А такъ какъ мы уже знаемъ, до чего доводило этихъ людей ихъ своеобразное пониманіе „демагогіи“, то мы поневолѣ начинаемъ считать возможнымъ новый разрывъ ихъ съ революціонными соціалдемократами. Но несмотря на это, мы рѣшительно присоединяемся къ тѣмъ, которые радуются дѣлу, начатому еще въ августѣ прошлаго года въ Амстердамѣ и законченному въ Парижѣ 23-24 апрѣля. Оно представляетъ собою большую побѣду революціоннаго соціализма, — иначе называемаго *ортодоксальнымъ марксизмомъ*, — *надъ оппортюнизмомъ*.

Амстердамскій международный соціалистическій съѣздъ, какъ извѣстно, высказался противъ той тактики, которой держались французскіе оппортюнисты во главѣ съ Жорэсомъ и которой всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ сочувствовали соціалистическіе оппортюнисты всѣхъ другихъ странъ. Въ Амстердамѣ *было жарко*, какъ говорятъ французы. Жорэсъ защищался съ энергіей отчаянія, и былъ моментъ, когда, благодаря ловкому маневру соціалистическаго „центра“, руководимаго В. Адлеромъ и Вандервельдомъ, казалось возможнымъ, что оппортюнистамъ удастся и на этотъ разъ, — какъ удалось имъ это на парижскомъ международномъ съѣздѣ 1900 года, — помѣшать представителямъ международнаго пролетаріата высказать ясно и рѣшительно свою политическую мысль. Это опасеніе, къ счастью, не оправдалось. Непріятная оппортюнистамъ „дрезденская резолюція“ была принята съ маленькой и правкой совершенно несущественнаго свойства, и французскимъ оппортюнистамъ оставалось одно изъ двухъ: выйти изъ рядовъ всемірнаго пролетаріата, или подчиниться рѣшенію международнаго съѣзда. Сознаніе этой, весьма непріятной для нихъ, необходимости привело ихъ въ сильное раздраженіе. Осыпая упреками „узкихъ догматиковъ“ марксизма, будто бы неспособныхъ понять самыхъ важныхъ политическихъ задачъ современнаго рабочаго движенія, они упорно твердили, что резолюція амстердамскаго съѣзда не заслуживаетъ вниманія, такъ какъ принявшее его большинство состояло изъ делегатовъ преимущественно такихъ странъ, въ которыхъ пролетаріатъ еще не пріобрѣлъ серьезнаго политическаго вліянія. Это было не вѣрно; но этому придавали внѣшній видъ серьезнаго довода противъ ненавистной оппортюнистамъ резолюціи. И это еще не все. Немедленно по возвращеніи изъ Амстердама Жорэсъ и наиболѣе видные изъ его единомышленниковъ предприняли агитаціонную поѣздку на сѣверъ Франціи съ цѣлью защитить свою „отвергнутую“ международнымъ съѣздомъ тактику передъ лицомъ французскаго пролетаріата. Эта агитаціонная поѣздка увѣнчалась, повидимому, блестящимъ успѣхомъ. Рѣчи адвокатовъ оппортюнизма вызывали шумныя, долго несмолкаемыя рукоплесканія, а резолюціи, предлагавшіяся этими адвокатами, принимались почти безъ оппозиціи на многолюдныхъ народныхъ собраніяхъ. Но весь этотъ громкій успѣхъ остался совершенно безплоднымъ: онъ не отмѣнялъ строгаго приговора, произнесеннаго надъ оппортюнизмомъ въ Амстердамѣ. Конечно, если бы французскіе пролетаріи, рукоплескавшіе красивымъ рѣчамъ и трубному гласу Жорэса, обнаружили рѣшительное желаніе не подчиняться амстердамскому приговору, то положеніе, испорченное этимъ приговоромъ, было бы до извѣстной степени поправимо. Жорэсисты продолжали бы держаться своей прежней тактики, а международная соціальдемократія продолжала бы щадить ихъ, не желая отталкивать отъ себя значительную часть французскаго рабочаго класса. На слѣдующемъ международномъ съѣздѣ можно было бы, пожалуй, добиться какого-нибудь компромисса, на дѣлѣ равносильнаго отмѣнѣ амстердамскаго рѣшенія, и, такимъ образомъ, пресловутая „новая метода“ была бы спасена. Но, увы! пролетаріи, шедшіе за Жорэсомъ, поступили какъ разъ наоборотъ. Они не только не обнаружили желанія возстать противъ амстердамскаго рѣшенія, но дали ясно понять своимъ вождямъ, что это рѣшеніе должно быть исполнено безъ проволочекъ. Уже въ то самое время, когда Жорэсъ совершалъ свою агитаціонную поѣздку по сѣверу Франціи и, повидимому, такъ успѣшно защищалъ свою тактику, рабочія собранія, происходившія въ самыхъ различныхъ мѣстахъ французской территоріи, одно за другимъ и одно рѣшительнѣе другого принимали резолюціи, приглашавшія вожаковъ оппортюнизма преклониться передъ волей международнаго съѣзда. Это настроеніе крѣпло съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше очевиднымъ, что Жорэсъ и его ближайшіе единомышленники будутъ оставлены почти всей своей арміей, если пойдутъ въ разрѣзъ съ ними. Убѣдившись въ этомъ, главный штабъ французскаго оппортюнизма увидѣлъ себя вынужденнымъ идти на уступки и заявить, что готовъ вступить въ переговоры для объединенія... на основѣ амстердамской резолюціи.

Въ концѣ декабря уполномоченные отъ различныхъ соціалистическихъ организацій[1]) пришли къ окончательному соглашенію относительно тѣхъ принциповъ, которыми должны будутъ руководствоваться объединенные французскіе соціалисты въ своей политической дѣятельности. И достаточно бросить самый бѣглый взглядъ на „объединительную декларацію“, заключающую въ себѣ изложеніе этихъ руководящихъ принциповъ, чтобы увидѣть, какъ далеко идутъ уступки, сдѣланные революціонной „ортодоксіи“ французскимъ соціалистическимъ оппортюнизмомъ.

Впрочемъ нѣтъ, мы выражаемся не точно. Оппортюнизмъ не *уступилъ*, а просто-на-просто *сдался* своему противнику, очиствъ передъ нимъ всѣ свои позиціи. Чрезвычайно интересно то мѣсто деклараціи, гдѣ говорится, что „по своей цѣли, по своему идеалу, по средствамъ, употребляемымъ ею, соціалистическая партія является партіей классовой борьбы и революціи, а не реформъ, хотя и добивается въ то же время непосредственныхъ реформъ, требуемыхъ рабочимъ классомъ“. Правда, оппортюнисты могутъ утверждать, — и утверждали, — что отъ классовой борьбы они собственно не отказывались и что хотя ихъ бывшій товарищъ Милльранъ предпочиталъ ей „сотрудничество классовъ“, за то Жорэсъ всегда говорилъ о ней въ самыхъ прочувствованныхъ и возвышенныхъ выраженіяхъ. Но на дѣлѣ классовая борьба принимала у нихъ самый безобидный для буржуазіи видъ и утрачивала всякій революціонный характеръ. Если бы французскій пролетаріатъ усвоилъ себѣ тактику оппортюнистовъ, то французскій соціализмъ очень скоро совершенно превратился бы въ мирную партію буржуазной соціальной реформы. Въ области теоріи такой переходъ чрезвычайно облегчился бы для него тѣми разсужденіями о соціальномъ развитіи, которымъ съ особенной охотой предавались нѣмецкіе оппортюнисты и въ результатѣ которыхъ получался успокоительный выводъ, гласившій, — „разсудку вопреки“, наперекоръ исторіи, — что самое понятіе о соціальной революціи есть чистѣйшая безсмыслица. Теперь французскіе оппортюнисты торжественно признали несостоятельность этого вывода; теперь они открыто стали подъ знамя соціальной революціи. Это — огромный шагъ впередъ, и мы очень довольны имъ. Но что скажетъ по его поводу г. Бернштейнъ? Что скажутъ „соціальдемократы“, группирующіеся вокругъ редакціи журнала „Socialistische Monatshefte“?

Не менѣе интересно, — а съ практической точки зрѣнія особенно важно, — и заключающееся въ деклараціи указаніе на то, что представители соціалистической партіи составятъ во французскомъ парламентѣ *отдѣльную группу, противостоящую всѣмъ буржуазнымъ партіямъ*, что эта группа обязана голосовать *противъ бюджета* и, наконецъ, что даже при исключительныхъ обстоятельствахъ она не имѣетъ права входить въ договоры съ другими парламентскими группами, если не получитъ предварительно разрѣшенія на такой шагъ отъ представляемой ею партіи. Прощай, „республиканскій блокъ“! Прощай, независимость соціалистическихъ депутатовъ! Отнынѣ всѣ они будутъ подчинены контролю организованнаго соціалистическаго пролетаріата, который, надѣемся, сумѣетъ предохранить ихъ отъ повторенія политическихъ ошибокъ, доставившихъ большинству изъ нихъ не совсѣмъ лестную извѣстность въ теченіи послѣднихъ лѣтъ.

Мы пишемъ все это вовсе не затѣмъ, чтобы попрекать недавнимъ прошлымъ нашихъ товарищей, принадлежащихъ къ правому крылу французской соціалистической партіи. Къ чему безполезные упреки? Прошлаго не воротишь. Но именно потому, что мы не увѣрены въ прочности мира, только что заключеннаго между двумя фракціями французскаго соціализма; именно потому, что уже теперь, когда только что прекратилась междоусобная война, нѣкоторые оппортюнисты исподтишка затягиваютъ свою старую пѣсенку, мы считаемъ необходимымъ напомнить нашему читателю важнѣйшія изъ обстоятельствъ, подготовлявшихъ и сопровождавшихъ интересующее насъ событіе. Только принявъ въ соображеніе эти обстоятельства, можно выяснить себѣ его истинный смыслъ.

Международная соціалистическая „ортодоксія“ побѣдила въ Амстердамѣ международный соціалистическій оппортюнизмъ. Парижскій миръ между соціалистами былъ первымъ крупнымъ плодомъ этой побѣды. И этотъ крупный плодъ могъ созрѣть только въ здоровой атмосферѣ современнаго массоваго движенія пролетаріата. Если бы дѣло объединенія зависѣло въ послѣднемъ счетѣ отъ принадлежащихъ къ французской интеллигенціи сторонниковъ „новой методы“, то оно не только не увѣнчалось бы успѣхомъ, но все болѣе и болѣе становилось бы безнадежнымъ. Мы никогда не были врагами интеллигенціи, — по крайней мѣрѣ той интеллигенціи, которая была достаточно *интеллигентна* для усвоенія великой революціонной идеи нашего времени, — но мы не смотримъ на нее черезъ призму идеализаціи, мы видимъ ея недостатки. „Интеллигентъ“ всегда хоть немножечко принадлежитъ къ породѣ „сверхъ-человѣковъ“, а „сверхъ-человѣки“, страстно любящіе повелѣвать, не выносятъ даже и легкаго прикосновенія дисциплины. Было бы совсѣмъ неумѣстно разбирать здѣсь, какими *соціальными* причинами вызываются эти *психологическія* черты. Мы ограничимся тѣмъ, что констатируемъ ихъ существованіе и попросимъ читателя представить себѣ, что должно происходить внутри партій, состоящихъ главнымъ образомъ изъ такихъ „сверхъ-человѣковъ“. Мы думаемъ, что въ такихъ партіяхъ перевороты, расколы, coups d'états и всяческія междоусобія будутъ по необходимости происходить такъ же часто, какъ революціи въ латинскихъ государствахъ Америки. Замѣчательно, что соціалистическая интеллигенція, пока она не растворялась въ рабочемъ классѣ, нигдѣ не могла сложиться въ единую, прочную партію. Это объясняетъ намъ, почему расколы между соціалистами составляютъ обычное явленіе въ тѣхъ странахъ восточной Европы, гдѣ соціалистическія партіи до сихъ поръ состоятъ главнымъ образомъ изъ „интеллигентовъ“. И единственнымъ, — *не паллативнымъ*, — лѣкарствомъ отъ такихъ „сверхъ-человѣческихъ“ болѣзней можетъ служить лишь приданіе соціалистическимъ партіямъ *истинно пролетарскаго характера*. Когда „*рабочія партіи*“ этихъ странъ сдѣлаются *партіями рабочихъ*, тогда и расколы станутъ тамъ не правиломъ, а исключеніемъ, и распри *интеллигентовъ* перестанутъ вредить дѣлу *пролетаріевъ*...

Возвращаясь къ нашей темѣ, мы повторимъ, что мы не очень вѣримъ въ прочность только что создавшагося объединенія соціалистическихъ силъ Франціи. Общественная жизнь современнаго „демократическаго“ государства слишкомъ богата соблазнами, способными вовлечь въ политическіе грѣхи соціалистовъ, склонныхъ къ оппортюнизму. Возможно, что прежнія разногласія, повидимому, совершенно устраненныя теперь „объединительной деклараціей“, скоро возобновятся во французской соціалистической средѣ съ новой силой. Но въ чемъ мы увѣрены совершенно твердо, такъ это въ томъ, что въ случаѣ новаго раскола огромная часть тѣхъ рабочихъ, которые шли когда-то за оппортюнистами, останется въ рядахъ *революціонной* соціалистической арміи. И эта твердая увѣренность заставляетъ насъ сильно радоваться выгодному и почетному для революціонеровъ миру, заключенному въ Парижѣ 23—25 апрѣля.

Если бы мы захотѣли, въ заключеніе, оглянуться на тотъ „кризисъ французскаго соціализма“, который теперь закончился, по крайней мѣрѣ, на время, то мы должны были бы сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ *кризисомъ роста*, какъ его назвалъ, кажется, Поль Лафаргъ.

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ въ ряды французскихъ соціалистовъ стало притекать чрезвычайно много новыхъ пришельцевъ. Число голосовъ, подаваемыхъ за соціалистическихъ кандидатовъ, удваивалось чуть не при каждыхъ новыхъ выборахъ. Рядомъ съ этимъ замѣчалось ослабленіе силъ лѣваго крыла буржуазіи — *радикальной* партіи. Избиратели, голосовавшіе прежде за *радикаловъ*, отдавали свои голоса *соціалистамъ*. Это отразилось, конечно, и на французской интеллигенціи. Прежде совершенно глухая къ голосу соціализма, она стала выдвигать изъ своей среды довольно значительное число соціалистовъ. Но эти *новые* соціалисты принесли съ собою изъ своего прежняго лагеря порядочный запасъ *старыхъ мелко-буржуазныхъ* предразсудковъ. И когда они сравнивали свои взгляды со взглядами французскихъ марксистовъ, они неизбѣжно открывали большую разницу между ними. Эта разница, *обусловленная ихъ отсталостью*, объяснялась ими, какъ *отсталость марксизма отъ новыхъ требованій жизни*. И вотъ они заговорили о необходимости „критики Маркса“ и придумали „*новую методу*“. Борьба, вызванная этой методой, продолжалась нѣсколько лѣтъ и закончилась, какъ мы видимъ, побѣдой марксизма. Парижскій объединительный съѣздъ похоронилъ „новую методу“. Многіе и многіе изъ ея бывшихъ сторонниковъ, открывъ истинный источникъ своего заблужденія и ставъ соціалистами *въ полномъ смыслѣ этого слова*, уже никогда къ ней не вернутся. Но у нея могутъ явиться новые сторонники между тѣми людьми, которые впредь станутъ переходить къ соціалистамъ изъ буржуазнаго лагеря. Такіе люди будутъ, конечно, появляться вплоть до самой революціи. И чѣмъ больше будетъ такихъ людей, т. е. чѣмъ больше станетъ притягательная сила соціализма, тѣмъ больше будетъ рости возможность появленія *новыхъ кризисовъ въ соціализмѣ* и новыхъ „критиковъ Маркса“. А такъ какъ ростъ притягательной силы соціализма показываетъ намъ, что правы были теоретики, обнаружившіе объективную необходимость этого роста, то мы рѣшаемся выставить слѣдующее, на первый взглядъ парадоксальное, положеніе:

„*Кризисы*“ *въ современномъ соціализмѣ будутъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше правильность* его теоріи, — т. е. *марксизма*, — *будетъ подтверждаться ходомъ развитія современнаго общества.*

Но именно по той причинѣ, что эти кризисы будутъ возникать не оттого, что марксизмъ *ошибоченъ*, а оттого, что онъ *вѣренъ*, всякій новый кризисъ будетъ вести къ новому торжеству „ортодоксіи“ и ко все болѣе и болѣе сильному сплоченію рядовъ *революціоннаго пролетаріата*

НАКАНУНѢ.

Быстро летятъ навстрѣчу другъ друга эскадры Рожественскаго и Того; началось уже снова побоище въ Манчжуріи; быть можетъ, недалекъ день, когда совершится окончательный приговоръ надъ военными авантюрами царизма. А въ то же время глаза всего міра прикованы къ русскимъ городамъ и, прежде всего, къ Петербургу, гдѣ сознательный пролетаріатъ готовится въ день 1-го мая открыто выступить, съ оружіемъ въ рукахъ, подъ краснымъ знаменемъ соціальдемократіи... Силы исторической стихіи и силы пролетарскаго сознанія соединились, чтобы яркими чертами отмѣтить начало мая въ исторіи русской революціи...

Геройскій пролетаріатъ Польши первый вышелъ на поле брани, и съ 18 апрѣля не прекращается его кровавая борьба, то разсыпающаяся рядомъ мелкихъ партизанскихъ стычекъ, то снова вспыхивающая яркимъ пламенемъ массоваго протеста. Грандіозной манифестаціей почтили Варшавскіе рабочіе своихъ павшихъ братьевъ. „Проводимъ ихъ въ могилу такъ, какъ не провожали ни одного изъ царей“, писалъ въ своей прокламаціи Варшавскій К-тъ С. Д. П. и Л. Рабочіе откликнулись на его призывъ, и замерла въ день похоронъ вся жизнь огромнаго города. Стали фабрики и заводы, закрылись магазины, прекратилось движеніе трамваевъ и извощиковъ. Грознымъ крикомъ протеста звучало это траурное молчаніе городской жизни надъ гробомъ женщинъ и дѣтей, павшихъ жертвою послѣднихъ дней издыхающаго царизма. Какъ бы нарочно для того, чтобы усилить чувство омерзѣнія къ самодержавному вампиру, на женщинъ и дѣтей направились, прежде всего, пули и штыки его озвѣрѣлыхъ слугъ: всего 11 мужчинъ старше 20 лѣтъ оказалось въ числѣ тѣхъ 54 жертвъ, о которыхъ само правительство дало оффиціальныя свѣдѣнія...

Приближаются дни, когда пролетаріатъ всей Россіи выступитъ на тотъ-же путь, по которому уже 13 тяжелыхъ дней идутъ его польскіе братья. Но царизмъ не могъ дождаться этихъ страшныхъ для него дней и самъ перешелъ въ наступленіе. Уже давно организовались и мобилизовались его силы. Въ статьяхъ правительственныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“ и подкупленныхъ газетъ, въ сотняхъ тысячъ прокламацій, въ „патріотическихъ“ обществахъ, съ церковной каѳедры велась неустанная агитація, будились всѣ темные инстинкты и всѣ слѣпыя силы, мобилизовалась черная рать восточной деспотіи противъ грядущей свободной демократіи.

И вотъ снова начались еврейскіе погромы. Незачѣмъ тратить двухъ словъ для доказательства, что эти погромы ничто иное, какъ наступленіе царизма на революцію. Реакція сама позаботилась о томъ, чтобы разъяснить всѣмъ и каждому, что, „бей жидовъ“ значитъ ничто иное, какъ „да здравствуетъ самодержавіе“. Царизмъ ускорилъ наступленіе, чтобы застать революцію неподготовленной. Онъ забылъ, что революція „готовится“ въ самомъ ходѣ своемъ. Ему скоро придется убѣдиться, что другого „наступленія“, кромѣ Куропаткинскаго, для него быть уже не можетъ. Да и первые эпизоды этой „наступательной“ войны достаточно ясно доказываютъ это.

Самодержавіе оказалось уже слишкомъ слабымъ, чтобы начать свое наступленіе, даже въ наиболѣе выгодной для него, замаскированной формѣ еврейскихъ погромовъ, въ пунктахъ, наиболѣе занятыхъ революціею. Ему пришлось начать съ Мелитополя и идти въ Житоміръ. Оно не осмѣливается напасть на революцію съ фронта и думаетъ побѣдить ее отраженнымъ вліяніемъ своихъ обходныхъ движеній. Но и тамъ, гдѣ „божьею милостью“ удалось подвинуть темную рать на доблестные подвиги во славу престола, и тамъ не совсѣмъ благополучно сошли для самодержавія его походы. Еще неизвѣстно, чѣмъ кончилась ужасная Житомірская драма. Но уже извѣстно, что не безоружную, охваченную паническимъ страхомъ толпу евреевъ встрѣтили передъ собою царскіе башибузуки. Они встрѣтили вооруженнаго врага, готоваго на насиліе отвѣчать силой. Погромъ превратился въ „бой“ двухъ сторонъ, и именно о „боѣ“ говорятъ лаконическія телеграммы изъ Житоміра. А въ Мелитополѣ, о которомъ теперь имѣются уже полныя свѣдѣнія, хулиганы, натравленные полиціей, встрѣтивъ вооруженный отпоръ, стали, въ концѣ концовъ, бить самое полицію. Теперь пришло извѣстіе о новомъ подвигѣ царской полиціи: она подожгла фабричное село Смоленское подъ самымъ Петербургомъ, ея агенты испортили пожарныя машины и имѣли дерзость и наглость звать рабочихъ воспользоваться суматохой и начать погромъ фабрикъ и частныхъ домовъ. Если это была „пробная мобилизація“ для Петербурга, то царскому правительству пришлось убѣдиться, что тутъ оценка его спѣта...

---

[1]) Кромѣ французской соціалистической партіи (жорэсистовъ) и соціалистической партіи Франціи (гедисты и бланкисты) въ переговорахъ участвовали еще: соціально-революціонная рабочая партія (аллеманисты) и независимыя федераціи устьевъ Роны, Эро, Бретани, Соммы-и-Іоны.

Таково положеніе силъ реакціи... А въ это время снова бурно вздымается волна забастовокъ, въ которыхъ организуются и сплачиваются рабочіе всей Россіи. Револьверныя пули свистятъ, и каждый день нѣсколько слугъ самодержца падаютъ подъ ударами мстителей. Бомба, брошенная въ ряды солдатъ въ Варшавѣ, показала, что польскіе организованные рабочіе готовы пустить въ ходъ новое грозное оружіе противъ царскаго насилія; и правительство знаетъ, что организованные рабочіе русскихъ городовъ не отстанутъ въ этомъ отношеніи отъ польскихъ товарищей. Крестьянское движеніе все разростается, Гурія охвачена возстаніемъ, которое готово перекинуться на весь Кавказъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, все чаще и чаще приходятъ вѣсти о колебаніяхъ солдатъ, о готовности ихъ встать на сторону возставшаго народа... Рѣшеніе союза инженеровъ поддержать рабочихъ въ день 1-го мая показываетъ, насколько близокъ часъ побѣды народа, насколько великъ охватившій рабочую среду и перелившійся въ соприкасающіеся съ нею слои общества подъемъ революціоннаго чувства и энергіи...

Въ такой обстановкѣ придется россійскому пролетаріату встрѣчать день 1-го мая. Правительство начало погромы и открыло гражданскую войну. Теперь наступленіе переходитъ въ руки революціи. День классового праздника рабочихъ станетъ, быть можетъ, исходнымъ пунктомъ послѣдняго натиска на царизмъ, какъ все классовое движеніе пролетаріата стало исходнымъ пунктомъ русской революціи. Во всякомъ случаѣ мы канунѣ крупныхъ событій...

ДЕМОКРАТЫ ПО НЕВОЛѢ.

Земскій съѣздъ призналъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ требованіе всеобщаго избирательнаго права. Большинствомъ въ 3 десятка голосовъ онъ призналъ *прямое* избирательное право. Значеніе этого рѣшенія онъ „смягчилъ“ принятіемъ двухпалатнаго представительства. Но и при этомъ смягченіи вотумъ земскаго съѣзда представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ побѣду демократіи. Приводимыя въ этомъ № подробности совѣщанія земцевъ показываютъ размѣры этой побѣды. Не далеки отъ насъ тѣ „ноябрьскіе“ дни, когда земцы приняли формулу „народное представительство“, умолчавъ о представительствѣ „*всенароднаго*“. Читателямъ памятно, какъ всѣ оттѣнки буржуазной демократіи ополчились на защиту этой формулы земской лѣвой, оспаривая то толкованіе, которое наша партія съ самаго начала дала такому умолчанію. Читатель помнитъ всѣ эти увѣренія о томъ, что всеобщее избирательное право „само собой подразумѣвается“ въ земскихъ резолюціяхъ, что никакого анти-демократическаго умысла въ умолчаніи не было. Читатель помнитъ, что къ этому адвокатскому истолкованію присоединился въ то время и органъ „соціалистовъ-революціонеровъ“, только что передъ тѣмъ вступившихъ въ „блокъ“ съ этими самыми лѣвыми земцами — освобожденцами тожъ. Читатель помнитъ, что полемика по этому вопросу навлекла на голову нашей партіи много новыхъ громовъ, и что лишній разъ было доказано въ тѣ поры міру, что соціальдемократія „нетерпима“, что она изъ-за „фракціонныхъ разсчетовъ“ мѣшаетъ объединенію всѣхъ оппозиціонныхъ силъ, что она изобрѣтаетъ разногласія и т. д. и т. д.

Но какъ ни возмутила „всѣхъ“ соціальдемократическая критика, она нашла таки откликъ въ средѣ пролетаріевъ и дѣйствительно-революціонныхъ элементовъ интеллигенціи. Въ десяткахъ и сотняхъ заявленій рабочіе и студенчество выразили политическое недовѣріе ноябрьской земской программѣ. За этими манифестаціями послѣдовало могучее январьское движеніе пролетаріата, и на знамени этого движенія было написано ярко и отчетливо: „всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право“. Земской лѣвой нельзя было уже прятаться за туманныя ноябрьскія формулы, если она не хотѣла остаться за бортомъ движенія. Въ недавно изданной г. Струве книжкѣ „Земство и политическая свобода“ (журналы коммиссіи — собранія Саратов. губ. земства) мы находимъ въ высшей степени поучительное свидѣтельство эволюціи земской политики. Въ преніяхъ саратовскихъ земцевъ по поводу доклада участниковъ ноябрьскаго съѣзда характерно отразилось быстрое движеніе впередъ, къ которому были вынуждены событіями представители земскаго либерализма. И еслибы у насъ не было другихъ данныхъ для сужденія о вліявшихъ на эту эволюцію факторахъ, то съ насъ было бы достаточно того, что въ подписанной 10 января резолюціи содержатся слова, взятыя изъ знаменитой петиціи петербургскихъ рабочихъ: „мы ничего не хотимъ для себя, а все для Россіи“.

Но у насъ есть и другія данныя. Видные участники ноябрьскаго съѣзда—гг. Юматовъ и Масленниковъ выступаютъ на январьскомъ собраніи съ предложеніемъ дополнить ноябрьскія резолюціи, вставивъ требованіе *всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права*. И посмотрите, какъ аргументируетъ въ январѣ тотъ же самый Масленниковъ, который въ ноябрѣ подписалъ „11 пунктовъ“. На вопросъ гл. Обухова: „стоите ли вы за права народа или нѣтъ?“, онъ отвѣчаетъ: „Можетъ быть, кровь народа, которая течетъ въ моихъ жилахъ, говоритъ мнѣ все это—но я —за народъ, я хочу на него работать! И когда вы предлагаете мнѣ эту неясную формулу (NB: всеоб. изб. право безъ дальнѣйшихъ поясненій), *я считаю своею обязанностью выставить ея неясность*... За что мы все время воевали? За привилегіи кучки людей, за тѣхъ, кто владѣетъ большимъ капиталомъ? Почему эти ясныя слова (NB. „равное и тайное“), *которыя созданы страданіемъ народа*, вызываютъ возраженія?“

Такъ говорилъ земецъ Масленниковъ черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ того, какъ „демократы“ Водовозовы и „соціалисты“ Гарденины старались убѣдить насъ, что „выставлять неясность“ нѣкоторыхъ словъ не только не является нашей обязанностью, но и свидѣтельствуетъ о нашей „узости“. Любопытно, какъ возражалъ Масленникову передовой земецъ Н. Н. Львовъ:

„Меня удивляетъ патетическій тонъ Алексѣя Михайловича (Масленникова). Онъ хочетъ выставить себя борцомъ за народныя права; надѣюсь, онъ не хочетъ этимъ сказать, что другіе не стоятъ за эти права. Меня удивляетъ еще одно. Отчего онъ, если взялся защищать народные интересы, не заявлялъ и не настаивалъ на необходимости ввести слова „тайная“ подача — тамъ, на совѣщаніи? *Тамъ это было обойдено. Тамъ мы говорили о всеобщемъ избирательномъ правѣ и думали, что если-бы это постановленіе вошло въ жизнь, это было бы огромнымъ пріобрѣтеніемъ* (кур. нашъ)... я не понимаю, отчего настаиваютъ на „тайной“ подачѣ голосовъ, какъ на единственномъ способѣ защиты народныхъ правъ: въ вопросѣ о тайной подачѣ голосовъ могутъ быть сомнѣнія. Напримѣръ, какъ вы проведете тайную подачу голосовъ при огромномъ процентѣ безграмотныхъ въ нашемъ населеніи?“

Далѣе ораторъ заявилъ по поводу той же тайной подачи голосовъ: „Если мы это скажемъ, это не будетъ, дѣйствительно, *наша* мысль (подчеркнуто въ подлинникѣ). Мы можемъ намѣтать только линію, по которой мы можемъ и должны идти“. Гласный К. Б. Веселовскій поспѣшилъ защитить гл. Масленникова отъ упрека въ перемѣнѣ взглядовъ. „Упрекъ Масленникову, отчего онъ на съѣздѣ не поднималъ и не отстаивалъ этого вопроса, можетъ быть обращенъ съ такимъ же правомъ и ко мнѣ. *Я долженъ сказать на это, что событія идутъ съ такой быстротой, что мы не можемъ знать даже того, что будетъ завтра*. Теперь мы видимъ, что *уже самъ народъ властно требуетъ участія въ законодательствѣ* (курс. нашъ). И мнѣ кажется, странно закрывать ему дорогу къ этому участію. А системой открытой подачи, не прямого, не равнаго избирательнаго права — эта дорога закроется“.

Къ этому гл. Масленниковъ добавилъ:

„Что касается до того, почему въ Петербургѣ я не стоялъ за это добавленіе, такъ это потому, что я думалъ, что этотъ порядокъ настолько сознанъ, что подразумѣвается самъ собой“. Въ этомъ и увѣряли насъ, прибавимъ мы отъ себя, гг. Водовозовы, Гарденины и прочіе прислужники либеральныхъ помѣщиковъ. Но, продолжаетъ одинъ изъ этихъ помѣщиковъ, г-нъ Масленниковъ: „Но я началъ настаивать на немъ тогда, *когда стали возражать, что это не нужно, что это утопія*“. „И люди поддерживаютъ необходимость оговорить, что подача голосовъ должна быть тайной потому, что они желаютъ, чтобы *народное право было бы дѣйствительно, народнымъ правомъ* и, значитъ, *вы не хотите этого*, если не хотите сдѣлать такую оговорку“.

Гг. Гарденины и Водовозовы! Это не соціальдемократы, это не „развращенные“ ими рабочіе говорятъ; это говоритъ либералъ-помѣщикъ: если кто не хочетъ сказать „равное, прямое, тайное“, это значитъ, что онъ не желаетъ, чтобы „народное право стало дѣйствительно народнымъ правомъ!“

„Народъ не пойметъ вашихъ мотивовъ“, продолжалъ Масленниковъ, „и будетъ думать, что мы стараемся устранить его. *Наводить его на такія мысли будетъ съ нашей стороны нетактично. Умолчаніе* о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ резолюціи совѣщанія породило массу сомнѣній“.

Итакъ, гг. Львовъ, Масленниковъ, Веселовскій свидѣтельствуютъ о томъ, какъ права была соціальдемократія, когда утверждала, что 6—9 ноября было „обойдено“ требованіе всенароднаго представительства, и что земцамъ это требованіе было „не нужно“. Предоставляемъ послѣ этого вамъ судить о томъ, какую роль играли революціонеры à la Гарденинъ и демократы à la Водовозовъ въ то время, какъ земцы начинали соображать, что, какъ выразился гласный Иконниковъ, „умолчать объ этомъ, дѣйствительно, нельзя“, хотя, по мѣткому свидѣтельству гл. Львова, „это *не наша* мысль“.

Дѣйствительно, „не наша“. И самъ гласный Львовъ подтвердилъ это своимъ примѣромъ, когда *на апрѣльскомъ съѣздѣ* выступилъ уже энергичнымъ защитникомъ тѣхъ самыхъ требованій, которыя въ январѣ *противъ него* защищалъ Масленниковъ и которыя въ ноябрѣ онъ „обходилъ“ вмѣстѣ съ Масленниковымъ. Движеніе либеральной „земской мысли“ есть не что иное, какъ отраженіе движенія русской революціи.

Земская лѣвая развивается въ сторону демократической программы. Но она дѣлаетъ это не потому, чтобы такова была ея воля, а потому, что ее къ тому толкаетъ сила событій. „Это не наша мысль“ — эта печать лежитъ на всѣхъ прогрессивныхъ дѣйствіяхъ земскихъ конституціоналистовъ. Въ наивной до цинизма формѣ это выражаетъ крайній органъ петербургскихъ „демократовъ“—„Сынъ Отечества“. Въ передовой статьѣ № 55 мы читаемъ:

„Успокоится ли весь этотъ многомилліонный народъ, если будетъ введенъ избирательный цензъ и соберутся представители, въ избраніи которыхъ онъ не участвуетъ? Повѣритъ ли онъ, что эти представители средняго и высшаго классовъ защитятъ и *его* интересы, не принесутъ ихъ въ жертву интересамъ *своихъ* избирателей? Вѣдь, нашъ рабочій очень ужъ наслышанъ о „буржуазіи“, „классовыхъ интересахъ“ и „классовой борьбѣ“. Мужикъ такихъ словъ, правда, еще не знаетъ, но это не мѣшаетъ ему относиться къ „барамъ“ съ неменьшей подозрительностью и враждебностью.

„... Представители среднихъ классовъ довѣрія народу не внушаютъ. Остается только всеобщее избирательное право, какія бы практическія неудобства въ данное время оно ни представляло. Что дѣлать? Вѣдь, Россія находится въ положеніи человѣка, захваченнаго пожаромъ во второмъ этажѣ. *Выпрыгнешь въ окно* — рискуешь сломить ноги, останешься — непремѣнно сгоришь“.

„Сынъ Отечества“ — органъ демократовъ. Считается даже, что на немъ почіетъ благодать такъ называемой „русской субъективной школы“, состоящей, какъ извѣстно, въ духовномъ родствѣ съ „русской соціалистической школой“ соціалистовъ-революціонеровъ. И вотъ, этотъ то органъ демократовъ открыто признается, что для него вопросъ о *демократіи* есть вопросъ о рискованномъ прыжкѣ изъ второго этажа горящаго дома! Представители традиціи „долга народу“ смотрятъ на предоставленіе народу полноты политическихъ правъ, какъ на вынужденный авантюристскій экспериментъ. Они прямо говорятъ, что были бы рады *не требовать* правъ для народа, еслибы *соціальдемократія* не ознакомила рабочаго класса съ идеей „классовыхъ интересовъ“ и „классовой борьбы“, еслибъ реакція не пустилась въ демагогическую агитацію среди крестьянъ. Они, требующіе похода „объединенія въ борьбѣ противъ общаго врага“, признаются, что только подъ давленіемъ пролетаріата начинаютъ „довѣрять“ ему настолько, чтобы не добиваться ограниченія его политическихъ правъ. Говоря словами г. Львова, они, заявляя о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ, выражаютъ не свою мысль, не свое желаніе.

Пролетаріатъ не долженъ создавать себѣ никакихъ иллюзій относительно *такого* демократизма. Онъ долженъ брать факты, каковы они въ дѣйствительности, и помнить, что только его революціонное давленіе только его самостоятельная классовая борьба превращаетъ *либераловъ по природѣ въ демократовъ по неволѣ*.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АГИТАЦІИ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Въ статьѣ „объ агитаціи въ войскахъ“ („Искра“ № 92) авторъ ея — „офицеръ“ — намѣчаетъ путь, по которому мы должны пойти, чтобы *революціонизировать* армію.

Путь этотъ — широкая агитація въ войскахъ, тѣсно связанная съ повседневными нуждами солдатъ. Въ № 95 „И“ товарищъ „нижній чинъ 107 Троицкаго полка“ сдѣлалъ слѣдующій необходимый шагъ и указалъ на необходимость тѣсно связать съ агитаціей въ войскахъ „*антимилитаристическую* агитацію и пропаганду въ пролетарской массѣ и крестьянствѣ“. Къ сожалѣнію, и онъ оставилъ невыясненной ту связь, которая существуетъ между подобной агитаціей *внѣ казармы* и *классовымъ характеромъ* нашей революціонной работы *внутри* ея.

Дѣло въ томъ, что устная и письменная агитація въ войскахъ, тѣсно связанная съ повседневными нуждами солдатъ, организація въ ихъ средѣ протестовъ, ознакомленіе всего населенія съ тѣми ужасами, которые порождаетъ казарменный „порядокъ“ и, связанная съ этимъ, яркая и интенсивная агитація въ средѣ народныхъ массъ противъ *милитаризма* — все это еще не исчерпываетъ дѣятельности нашей партіи въ этомъ направленіи. Напротивъ, само собой понятно, что, когда населеніе близко узнаетъ эти ужасы, когда въ немъ вспыхнетъ ненависть къ такому „порядку“ и сочувствіе къ жертвѣ его — русскому солдату, — оно должно будетъ проявить свои чувства въ какихъ либо *актахъ*. Нечего и говорить, что это будетъ только справедливо. Вѣдь и отъ солдатъ по отношенію къ общественной жизни страны требуется не только пониманіе и сочувствіе, но и извѣстное „оказательство“... Съ другой стороны, нельзя ограничиться только тѣмъ, что „организація“ болѣе или менѣе удачно *растолкуетъ* солдатамъ общность интересовъ народа и войска. Народъ долженъ самъ показать на дѣлѣ эту общность! Призвать его къ этому, взять на себя организацію народныхъ протестовъ противъ миллитаризма въ цѣломъ и противъ отдѣльныхъ его проявленій — является весьма важной задачей партіи.

Такую задачу, между прочимъ, уже пыталась взять на себя соціальдемократическая организація въ Севастополѣ. Когда въ ноябрѣ 1904 года тамъ вспыхнуло возмущеніе во флотскихъ казармахъ, мѣстная организація партіи сейчасъ же выпустила прокламацію къ рабочимъ военнаго порта съ призывомъ забастовкой поддержать требованія флотскихъ товарищей. Помимо благопріятнаго — для такого призыва — настроенія рабочихъ, организація воспользовалась еще ихъ недовольствомъ условіями своего труда и связала ихъ экономическія требованія съ требованіями общими (созывъ Учредительнаго Собранія, прекращеніе войны и уничтоженіе постояннаго войска). Кромѣ того, даже массѣ не могла не броситься въ глаза *общность врага*: администраціей порта являлось то же военно-морское начальство, которое измывалось и надъ матросами.

Стачка не удалась, такъ какъ организація была еще слишкомъ слабосильна для проведенія такого начинанія. Но тактически шагъ былъ разсчитанъ вѣрно. Весь городъ говорилъ о предстоящей демонстраціи рабочихъ и матросовъ. Среди послѣднихъ царило напряженное волненіе въ ожиданіи стачки въ порту. Власти растерялись окончательно и только, когда критическій моментъ прошелъ, опомнились и начали арестовывать праваго и виноватаго, хватая людей прямо на улицѣ. Повторяю, стачка не удалась, и результаты агитаціи были сравнительно невелики. Но эта незначительность результатовъ показала лишь, какъ важно, чтобы на событія, происходящія въ жизни солдатъ, откликались не только соціальдемократическія „организаціи“ — при помощи печатнаго и устнаго слова, но и широкіе слои населенія, особенно *рабочаго* и крестьянскаго населенія, — путемъ протестовъ, стачекъ, демонстрацій и т. д.

А случаевъ для такихъ протестовъ болѣе, чѣмъ достаточно! Въ томъ же городѣ, вскорѣ послѣ описанной неудачной забастовки—какъ отраженіе всего пережитаго, произошелъ слѣдующій интересный эпизодъ. На улицѣ мичманъ остановилъ матроса и потребовалъ у него безъ всякой причины билетъ (что дѣлается, когда офицеръ намѣренъ попросить командира о наказаніи такого то рядового). Получивъ требуемое, офицеръ преспокойно повернулся, чтобы уйти. Однако матросъ, въ свою очередь, остановилъ его и потребовалъ, чтобы „его благородіе“ назвалъ свою фамилію, — (такъ какъ этакъ первый встрѣчный можетъ переодѣться и отнять билетъ). Офицеръ не пожелалъ, конечно, этого сдѣлать. Между тѣмъ, на споръ собралась толпа, — *преимущественно рабочіе*. Обступивъ струсившаго франтика-мичмана, они весьма недвусмысленно начали выражать ему свое презрѣніе и требовать, чтобы онъ вернулъ билетъ матросу. Мичманъ юркнулъ въ дверь какого то магазина, разсчитывая тамъ выдержать „осаду“. Явился полиціймейстеръ съ полиціей. Однако толпа не расходилась, пока мичманъ, осыпаемый градомъ насмѣшекъ, не отдалъ матросу билетъ.

Подъ вліяніемъ нашей агитаціи, населеніе сможетъ вмѣшиваться такимъ образомъ въ различнѣйшіе случаи издѣвательства надъ солдатами. Пусть же эти случаи являются самымъ обычнымъ явленіемъ въ казармѣ. Тѣмъ болѣе досаждаютъ они солдатамъ и тѣмъ тѣснѣе свяжутся народъ и войско въ единодушномъ протестѣ противъ нихъ. Извѣстно, напримѣръ, что приходится ежедневно перетерпѣвать русскому солдату отъ того сорта офицеровъ, которые числятся у начальства подъ именемъ „преданныхъ дѣлу“, а у своихъ жертвъ — подъ названіемъ „звѣрей“. Наши военныя организаціи могли бы опубликовывать имена этихъ негодяевъ, и населеніе ужъ нашло бы возможность проучить ихъ (особенно, если въ прокламаціи будетъ упомянуто, что именно эти палачи солдатъ охотнѣе другихъ становятся и палачами народа, всегда отличаясь своимъ звѣрствомъ при усмиреніи „толпы“).

Короче говоря, пріемовъ и формъ для выраженія протестовъ внѣ-казарменнаго міра противъ жестокостей, творящихся въ стѣнахъ казармы, — масса. Въ большинствѣ случаевъ намъ даже не придется организовывать такіе протесты. Мелкіе по размѣрамъ, но значительные по своему количеству и безусловно важные по своему моральному значенію, они — съ теченіемъ времени — будутъ организовываться помимо насъ, часто даже возникать неорганизованно, случайно.

Изложенный тактическій пріемъ подсказывается самой жизнью. Къ тому же, сущность его вообще не нова: *вести политику* сближенія народа съ войскомъ *долженъ самъ народъ*!

Призывая пролетаріатъ къ подобной политикѣ, мы создадимъ среди солдатъ гораздо скорѣе и гораздо больше сознательныхъ сторонниковъ рабочаго движенія, соц.-демократовъ, чѣмъ при помощи кружковъ пропаганды. Если наши рабочіе кружки пропаганды съ грѣхомъ пополамъ вырабатывали изъ своихъ слушателей соціальдемократовъ, то еще меньшихъ результатовъ *мы дождемся* отъ такихъ кружковъ среди военныхъ 1).

Не лучше обстоитъ дѣло и съ *агитаціей*. Если даже внѣ казармы русская жизнь дѣлала очень трудной выработку въ массахъ яснаго *пролетарскаго* сознанія, то еще значительно болѣе внутри казармы. Для *военной* соц.-дем. организаціи особенно чувствительна опасность объективно превратиться просто въ демократическую или революціонную организацію. И то, что ея прокламаціи будутъ наполнены *писаніями* о соціализмѣ, только сдѣлаетъ ихъ болѣе длинными и менѣе удобопонятными для солдатъ, — бѣдѣ же поможетъ мало. Выраженіе самимъ пролетаріатомъ своего протеста противъ мерзостей казарменнаго режима избавило бы авторовъ прокламацій къ солдатамъ отъ невѣроятнаго труда — въ каждой прокламаціи (на протяженіи какого нибудь печатнаго столбца!) проходить всѣ логическіе этапы отъ какого-либо вопроса военной жизни до соціализма.... И потомъ, не смотря на такую „несоціалистичность“... прокламацій, въ самыхъ широкихъ слояхъ солдатъ была бы создана прочная симпатія къ *пролетарскому* движенію, къ *пролетарской* партіи.

А это особенно важно. Герценъ говорилъ, что буржуазія имѣетъ привычку всегда уступать врагамъ сверху, не уступая никогда врагамъ снизу 2). Быть можетъ, не такъ ужъ далекъ тотъ день, когда — опираясь на родственные ей элементы арміи и „вооруженнаго народа“ — наша буржуазія продемонстрируетъ передъ нами эту свою привычку. Въ настоящее время слой опредѣленно сочувствующихъ *пролетарскому* движенію въ войскѣ не такъ ужъ великъ, и тѣмъ важнѣе для насъ привязать къ нашей партіи элементы, способные проникнуться интересами пролетаріата.

---

1) Достаточно вспомнить тѣ трудности, съ которыми сопряжены кружковыя занятія съ военными для пропагандистовъ не-солдатъ. Болѣе того: даже тогда, когда эти занятія состоятся, солдату рѣдко удается какъ слѣдуетъ самому разобраться въ томъ, что говорилось въ кружкѣ; — „едва вернешься въ казарму“, жаловался одинъ матросъ своему пропагандисту: „только начнешь припоминать, что говорили, какъ уже слышишь: „эй, по-слать по дежу-у-рству!...“ такъ все изъ головы и вылетитъ!“ Въ результатѣ, на слѣдующемъ занятіи опять надо начинать почти все сначала.

2) „Былое и думы“, т. II.

Наконецъ, не малымъ достоинствомъ указаннаго метода „работы въ войскахъ" я считаю и то, что при немъ даже „военныя" соц.-дем. организаціи будутъ прежде всего служить воспитанію пролетаріата и не могутъ быть оторваны отъ этой задачи.

Имѣя въ виду все ту же привычку буржуазіи ни въ чемъ не уступать врагамъ „снизу", мы должны также *немедленно* повести усиленную агитацію противъ постояннаго войска. Наиболѣе горячую поддержку при этомъ мы встрѣтимъ, безъ сомнѣнія, *въ самомъ войскѣ*...

Возвращаясь, такимъ образомъ, къ вопросу объ агитаціи собственно въ войскахъ, слѣдуетъ, прежде всего, указать на то, что *внутри* казармы огромное, быть можетъ, даже преобладающее значеніе еще долго сохранится за *устной* агитаціей самихъ же сознательныхъ солдатъ. Съ другой стороны, я уже упомянулъ выше объ условіяхъ, сводящихъ почти на нѣтъ результаты устной пропаганды въ средѣ такихъ передовыхъ элементовъ войска. Отсюда ясно, какое вниманіе необходимо обратить на составленіе подходящей литературы, изъ которой агитаторы — солдаты могли бы черпать знанія и матеріалъ для агитаціи [1]).

Успѣшность нашей агитаціи въ войскахъ будетъ зависѣть *прежде всего* отъ умѣнья использовать силы этого передового слоя сознательныхъ солдатъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ, быть можетъ, внесетъ и не много, но которые *въ суммѣ* представляютъ громадную агитаторскую силу.

Важную роль, въ качествѣ агитаціоннаго матеріала, могутъ сыграть сообщенія о „бунтахъ" крестьянъ и рабочихъ и случаяхъ усмиренія ихъ войскомъ, происходящихъ въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, откуда родомъ сами агитируемые солдаты.

Кромѣ того, иногда солдаты посылаются усмирять *пришлыхъ* (напр. сельскохозяйственныхъ) рабочихъ, среди которыхъ нерѣдко оказывается масса ихъ земляковъ. И тѣ, и другіе могутъ и не узнать этого. Организація должна во время навести необходимыя справки и повести соотвѣтствующую агитацію, которая при такихъ условіяхъ можетъ дать *громадные* результаты. Наконецъ, укажу, какъ на удобный моментъ для агитаціи, на время *маневровъ*. Въ послѣднемъ случаѣ одно появленіе прокламацій можетъ заставить военное начальство сократить время маневровъ, а это — въ глазахъ солдатъ — явилось бы громадной заслугой организаціи.

Матеріалъ для листковъ и для корреспонденцій и брошюръ можно собирать, введя обычай корреспондированія солдатъ въ мѣстный комитетъ. Мнѣ приходилось наблюдать на опытѣ пользу такого обычая. Вначалѣ его трудно привить (стѣсняются писать изъ-за малограмотности и проч.). Но потомъ самые малограмотные передаютъ въ комитетъ письма, всѣ до одного проникнутые обличительнымъ духомъ. Завязывается даже соревнованіе, и выдѣляются недурныя литературныя силы. Всѣ помыслы и чувства массы при этомъ обрисовываются яснѣйшимъ образомъ.

Мнѣ остается сказать еще кое что о самой *организаціи* работы среди войскъ. Укажу прежде всего на то, что, поскольку „работа въ арміи" должна выйти далеко за предѣлы этой арміи, существованіе совершенно самостоятельныхъ „военныхъ организацій", стоящихъ внѣ мѣстныхъ партійныхъ комитетовъ, лишается всякаго оправданія.

Обсуждать подробно техническую сторону работы въ арміи я не нахожу возможнымъ. Въ различныхъ частяхъ войска, въ разныхъ мѣстахъ обстановка работы различна. Скороспѣлыя общія правила и „планы" организаціи рискуютъ только ввести въ заблужденіе. Такъ напримѣръ, авторъ статьи „о работѣ среди солдатъ" („Впередъ № 9") думаетъ, что „массовая агитація съ разбрасываніемъ прокламацій въ казармахъ" не должна имѣть мѣста — по крайней мѣрѣ долгое время. Въ дѣйствительности-же, въ пѣхотѣ подметы часто даютъ сомнительные результаты, не столько изъ-за строгости надзора, сколько изъ-за того, что тамъ больше крестьянъ и малограмотныхъ. Во флотѣ же, гдѣ больше рабочихъ и вообще грамотныхъ, подметы даютъ совершенно обратные результаты.

Только *широкій опытъ* можетъ указать наиболѣе раціональныя формы организацій. Но такого опыта у партіи очень мало.

Зная, что многіе товарищи склоняются къ тому взгляду, будто въ войскѣ необходимо вести только *демократическую* агитацію, не помышляя о *соціалистической* [2]) я нахожу полезнымъ подѣлиться съ товарищами настоящими замѣтками,— замѣтками *практика*. Не войско и *народъ*, а войско и *пролетаріатъ*—вотъ задача, которая должна стоять передъ соціальдемократіей въ области работы въ арміи.

Ѳ.

ЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ.

Считаемъ не лишнимъ воспроизвести изъ лондонской „Daily Telegraph" описаніе московскаго съѣзда (5-7 мая н. ст.) земцевъ, принадлежащее перу извѣстнаго корреспондента этой газеты Диллона.

Конгрессъ происходилъ въ частныхъ квартирахъ, о мѣстѣ засѣданій не знали не только посторонніе, но даже самые близкіе депутатамъ люди. Были допущены только два иностранныхъ корреспондента: Диллонъ и Вилльямсъ. Кромѣ представителей отъ земствъ, на собраніяхъ присутствовалъ, по приглашенію, Шиповъ, которому дано было право рѣшающаго голоса. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей время ораторовъ было ограничено 5 минутами. Предсѣдательствовалъ Гейденъ. Рѣчи касались вопроса объ избирательномъ правѣ. Нѣкоторые защищали всеобщее, равное и прямое избирательное право, нѣкоторые были противъ. (Дальше переводъ изъ длинной корреспонденціи Диллона въ „Daily Telegraph", за 8 мая).

Главныя рѣчи по этому вопросу произнесены самыми замѣчательными современными русскими парламентаріями, чьи имена теперь хорошо извѣстны всей Россіи, а впослѣдствіи будутъ извѣстны всему міру. Щепкинъ въ остроумной рѣчи защищалъ крестьянъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій. Родзянко жаловался, что крестьяне невѣжественны и, вѣроятно, наполнятъ законодательную палату чиновниками, которые теперь насильничаютъ надъ ними, и что въ Россіи, какъ и на Западѣ, подкупы вытѣснятъ дѣйствительное избирательное право. Онъ утверждалъ также, что крестьяне на югѣ строятъ свою аграрную программу на насиліяхъ и грабежахъ. Они нуждаются въ землѣ во что бы то ни стало, и агитаторы для своего успѣха должны играть на этой стрункѣ.

Затѣмъ сказалъ блестящую рѣчь Иванъ Петрункевичъ. „Если мы осмѣливаемся обращаться къ правительству отъ имени народа, то это потому, что мы представители народа. А если такъ, то какое же право мы имѣемъ говорить своимъ избирателямъ, что они бѣдны, невѣжественны, нравственно испорчены, и, слѣдовательно, недостойны или неспособны дѣлать то, что мы готовы предпринять? Насъ будутъ слушать лишь до тѣхъ поръ, пока мы защищаемъ правосудіе и справедливость, а по справедливости народъ имѣетъ такое же право вотировать и высказываться, какъ и мы. Если народъ выберетъ индифферентныхъ представителей, предоставьте ему это дѣлать. Опытъ сможетъ лучше всего научить его. Я *за* прямое, всеобщее и тайное избирательное право".

Было очень любопытно слышать на этомъ тайномъ конгрессѣ имя барона Стюарта, вѣроятно шотландца по происхожденію, и видѣть, какъ этотъ старый джентельменъ подымался и, словно оракулъ, медленно высказывалъ свои мнѣнія такимъ тономъ, какъ будто они были непререкаемой истиной. Онъ былъ противъ всеобщаго избирательнаго права, какъ вреднаго для государства и для народа. Князь Голицынъ (харьк. делегатъ) называлъ всеобщее избирательное право химерой, потому что доведенное до логическаго конца, оно не должно исключать и женщинъ, составляющихъ половину населенія, и потому что крестьяне неграмотны, безпомощны и подвержены какимъ угодно дурнымъ вліяніямъ. Слѣдующій ораторъ — Савельевъ, утверждалъ, что крестьяне не больше поддаются подкупамъ, чѣмъ тѣ классы населенія, которые заранѣе готовы осуждать ихъ.

Послѣ безцвѣтной рѣчи Новикова (изъ Херсона) Львовъ произнесъ блестящую рѣчь. Это—человѣкъ, моложавый на видъ, съ блѣднымъ лицомъ и острымъ носомъ, съ нервными манерами. Онъ заявилъ, что палата должна отражать мнѣнія всего народа и такъ какъ земство не выполняетъ этого, то оно не можетъ дѣйствовать, какъ законодательная палата. Напримѣръ, интересы 13.000,000 сектантовъ, которые способствовали подъему либеральнаго движенія, никогда не обсуждались земствами. Даже волна политическаго движенія, разлившаяся по странѣ, не обязана земству своимъ происхожденіемъ. Какъ разъ наоборотъ. Сами земства были подняты въ ноябрѣ этой самой волной до своего высокаго положенія въ государствѣ. Все, что мы можемъ сдѣлать, это собрать огромныя силы націи и направить ихъ къ центральному пункту народной борьбы. Политическая гомеопатія безполезна безъ вѣры, а между тѣмъ, никто не вѣритъ въ ея цѣлебныя свойства. Намъ нуженъ свѣтъ на столько сильный, чтобы онъ могъ освѣтить и Зимній дворецъ и крестьянскія хижины; а это есть свѣтъ народнаго самосознанія. Не забывайте, мы уже перешли Рубиконъ. Въ ноябрѣ мы требовали свободы въ недвусмысленныхъ выраженіяхъ, и теперь мы не можемъ идти назадъ. Рѣчь сопровождалась дружными рукоплесканіями.

Слѣдующимъ ораторомъ былъ Стаховичъ (предводитель орловскаго дворянства). Онъ сказалъ: правительство весьма легко можетъ вмѣсто будущаго законодательнаго собранія найти себѣ главную опору въ какомъ нибудь другомъ учрежденіи своего собственнаго производства. Мы перешли Рубиконъ? Да, но вотъ вопросъ, не перешли ли его и правительственныя войска въ погонѣ за нами?

Затѣмъ говорилъ Кокошкинъ, очень талантливый ораторъ. Если отъ членовъ палаты представителей требуется умъ, образованіе и матеріальный достатокъ, то почему бы намъ не удовлетвориться современной бюрократіей, которая обладаетъ всѣми этими тремя качествами? Многіе изъ нашихъ лучшихъ людей, лучшихъ и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, принадлежатъ къ классу пролетаріевъ. Если мы исключимъ ихъ отъ участія въ представительствѣ, они будутъ агитировать противъ нашего конституціоннаго правительства, какъ они теперь агитируютъ противъ самодержавія. И неужели мы будемъ примѣнять къ нимъ тѣ же средства, что и самодержавіе, т. е. тюрьмы, ссылку и даже смертную казнь? Мы не имѣемъ права критиковать свойства людей, которыхъ народъ можетъ избрать въ качествѣ своихъ представителей, и тѣ лица получили бы право презирать насъ, насъ, которые сами тоже преступники въ глазахъ нашего правительства. Мы должны помнить, что парламентская жизнь воспитываетъ не только самъ народъ, но и его представителей.

Слѣдующая рѣчь была произнесена бывшимъ лидеромъ либераловъ — Шиповымъ, который все время скромно сидѣлъ въ заднихъ рядахъ. Недалеко отъ него сидѣлъ его сторонникъ Хомяковъ, который не принималъ никакого участія ни въ преніяхъ, ни въ вотировкѣ. Шиповъ всталъ и, вертя въ рукахъ свободный стулъ, яснымъ, громкимъ голосомъ произнесъ рѣчь, которая была выслушана въ глубокомъ молчаніи. На видъ онъ пожилой, просто одѣтый господинъ, и производитъ впечатлѣніе совершенно обезкураженнаго человѣка. Нѣкоторая сухость и черствость, кажется, характерны для этого политическаго дѣятеля, который годъ тому назадъ имѣлъ за собой всю Россію, но теперь потерялъ свое вліяніе и даже двѣ недѣли тому назадъ былъ скомпрометированъ слухомъ, что царь почти готовъ назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ. Его движенія были нервны, въ его рѣчи, длившейся много дольше 5 минутъ, отражались его личныя чувства.

Кромѣ чисто личнаго интереса, который возбуждалъ Шиповъ, съ нимъ тѣсно связано было извѣстное направленіе политики. Почти всѣ члены конгресса, несмотря на различныя мнѣнія по поводу тѣхъ принциповъ, которые должны быть положены въ основу законодательнаго собранія, были единодушны въ томъ мнѣніи, что самодержавіе дошло до банкротства, и что будущая палата, какъ бы она ни была избрана, должна взять на себя большую часть той законодательной власти, которая теперь принадлежитъ царю. Однимъ словомъ, они были сторонниками конституціоннаго правленія и врагами единоличной власти. Шиповъ и его друзья составляютъ исключеніе. Онъ искренне вѣритъ, что самодержавіе хочетъ и можетъ обезпечить нужды народа; а потому онъ стоитъ за то, чтобы представительная палата имѣла бы только совѣщательный голосъ, а не право законодательствовать. Въ ноябрѣ, на конгрессѣ, составленномъ изъ предсѣдателей земствъ, онъ имѣлъ 22 сторонниковъ своихъ взглядовъ; а теперь, на конгрессѣ въ Москвѣ, гдѣ всѣ члены были спеціально выбраны, у него не нашлось даже 5 послѣдователей.

Шиповъ прежде всего поблагодарилъ собраніе за данное ему право говорить и вотировать и выразилъ чувство смущенія, вызванное его исключительнымъ положеніемъ. Онъ убѣжденный противникъ всеобщаго избирательнаго права, потому что хорошее управленіе въ Россіи можетъ быть обезпечено только существующими учрежденіями. Его противники, говорившіе рѣчи, не убѣдили его нисколько, потому что ихъ рѣчи, несмотря на краснорѣчіе, были недостаточно обоснованы. Всеобщее избирательное право не обезпечитъ того, чтобы были избраны дѣйствительно истинные представители народа. Многіе ораторы боялись, что палата будетъ переполнена крестьянами. Шиповъ привѣтствовалъ бы съ восторгомъ этотъ результатъ, но онъ увѣренъ, что случится какъ разъ обратное. Подкупы, съ одной стороны, и невѣжество, бѣдность, съ другой, соединенные вмѣстѣ, произведутъ то, что палата будетъ состоять изъ очень нежелательныхъ элементовъ. Народъ не имѣетъ никакого понятія о политическихъ задачахъ и совершенно равнодушенъ къ высокимъ политическимъ идеаламъ, такъ что агитаторы для достиженія своего успѣха будутъ пускать въ ходъ аграрные безпорядки: кого и что будетъ представлять наша законодательная палата? Единственная настоящая и безопасная система — это организовать выборы на тѣхъ же началахъ, какъ выборы въ реорганизованное земство. А для этого земства должны быть немедленно же реорганизованы.

Въ рѣчи Шипова были замѣчательны двѣ вещи: во-первыхъ, онъ ни разу не упомянулъ слово конгрессъ, и называлъ собраніе просто совѣщаніемъ; во-вторыхъ, онъ произнесъ фразу, которая никогда не забудется, пока онъ живъ: „Въ ноябрѣ мы по недоразумѣнію играли роль представителей народа". Шиповъ кончилъ свою рѣчь и сѣлъ среди гробового молчанія. Вслѣдъ за тѣмъ собраніе было отложено.

Воскресное собраніе происходило въ великолѣпномъ домѣ одного хорошо извѣстнаго московскаго жителя. Оно началось въ 1 ч. и длилось до 7, а потомъ снова началось въ 9 ч. Въ качествѣ зрителей были допущены 2 дамы, принадлежащія къ семейству дома, гдѣ происходило собраніе. Въ этотъ же день происходила вотировка по капитальному пункту объ избирательномъ правѣ.

... Многіе очень боялись, что по этому вопросу при вотировкѣ произойдетъ сильное раздѣленіе голосовъ, и тѣмъ будетъ нанесенъ ударъ собранію въ этотъ критическій моментъ. Однако опасенія, для которыхъ было очень много основаній, не оправдались. Люди, которые пришли на собраніе въ нерѣшительности или даже были настроены противъ всеобщаго избирательнаго права, постепенно перемѣнили свои мнѣнія во время дебатовъ, и наконецъ, когда дошло дѣло до вотировки, и каждый долженъ былъ произнести—да или нѣтъ, то оказалось 127 *да*, 8 нѣтъ, нѣсколько воздержаній...

Нѣкоторыхъ членовъ втеченіе вечера обвиняли въ томъ, что они слишкомъ спѣшатъ дѣлить шкуру медвѣдя, когда онъ еще не убитъ и даже не словленъ. Но они отвѣчали, что они собрались сюда, имѣя въ виду 3 цѣли: 1) авторитетнымъ голосомъ заявить правительству требованія народа; 2) быть указателемъ и нормой для правительства, если оно когда либо будетъ приводить въ исполненіе требованія народа; и 3) дать непреложное правило для всѣхъ членовъ земства, которыхъ царь призоветъ къ участію въ Булыгинскую коммиссію, для выработки конституціоннаго закона.

Было рѣшено издавать еженедѣльный земскій органъ, который появится черезъ 2 недѣли.

ИЗЪ
НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„Сынъ Отечества" и соціальдемократія.

„Петербургская газета „Сынъ Отечества" отождествила, на основаніи совершенно неизвѣстныхъ намъ данныхъ, взглядъ соціальдемократіи на вопросъ о прекращеніи войны, со взглядомъ газеты „Слово", которая считаетъ, что царизмъ нравственно обязанъ тянуть войну до созыва народныхъ представителей и имъ предоставить рѣшить: миръ или война. По поводу этого чудовищнаго сближенія мы внесли въ ред. „Сынъ Отеч." слѣдующее заявленіе:

Гражданинъ редакторъ!

Въ № 49 вашей газеты въ отдѣлѣ „Печать" по поводу взгляда газеты „Слово" на вопросъ о заключеніи мира сказано буквально слѣдующее:

„Любопытно, что на этомъ пунктѣ газета сходится съ нашими соціальдемократическими группами, которыя точно также отнимаютъ у правительства право заключить немедленно миръ. Упускается при этомъ изъ виду одно „неважное" обстоятельство: сколько человѣческихъ жизней уноситъ эта война и какимъ тяжелымъ бременемъ ложится каждый новый день ея на разоренный народъ!"

Во имя истины и во имя политическаго достоинства вашей газеты, мы требуемъ напечатанія нижеслѣдующаго.

Еще до 28 января, когда война стояла предъ Россіей только какъ угроза, наша партія въ лицѣ своего центральнаго органа „Искры" объявила „войну войнѣ", призывая населеніе сдѣлать все для предотвращенія надвигавшихся событій. Миръ и свобода! — таковъ лозунгъ нашей партіи съ самаго начала войны. Немедленное прекращеніе войны и созывъ Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права! — такимъ требованіемъ встрѣчала наша партія, вся, цѣликомъ отъ своихъ центральныхъ учрежденій до самой захолустной группы, каждое новое событіе кровавой эпопеи. Редакція „Сына Отечества" не найдетъ ни одного листка, вышедшаго подъ фирмой партіи, который утверждалъ бы, вмѣстѣ съ „Словомъ", что выборы въ Учредительное Собраніе должны совершаться подъ звуки манджурской канонады. Мы выражаемъ твердую увѣренность, что редакція „Сына Отечества", нашедшая возможность бросить нашей партіи, по совершенно непонятнымъ намъ причинамъ, столь тяжкій упрекъ, найдетъ также возможность напечатать настоящее заявленіе и тѣмъ докажетъ, что ею руководила не злая политическая воля, но лишь политическая неосвѣдомленность".

Наше заявленіе не было, разумѣется, напечатано. Результатомъ его явилась лишь замѣтка такого содержанія:

„По поводу помѣщенной у насъ въ отдѣлѣ „Печать" замѣтки о томъ, что въ вопросѣ о прекращеніи войны газета „Слово" сходится съ нашими соціальдемократическими группами, заинтересованная сторона проситъ насъ заявить, что въ дѣйствительности взгляды глубоко различны, ибо названныя группы всегда неуклонно стояли за *немедленное* прекращеніе войны, полагая, однако, что прочный миръ можетъ быть заключенъ только собраніемъ народныхъ представителей, а не бюрократіей, неразрывно связавшей свою судьбу съ этой войной". (№ 51).

„Сынъ Отечества" устанавливаетъ, такимъ образомъ, различіе между нашей точкой зрѣнія и точкой зрѣнія „Слова" не отъ своего имени, но отъ имени *„заинтересованной стороны"*. Газета подчеркиваетъ этимъ, что сама она *не* признаетъ ошибочности сдѣланнаго ею сближенія. Этимъ она вынуждаетъ насъ къ отвѣту.

„Слово" ведетъ свой разговоръ съ царизмомъ и рекомендуетъ ему тянуть войну до созыва народныхъ представителей. Мы ведемъ свою рѣчь съ народомъ и призываемъ его къ немедленной революціонной ликвидаціи царистской авантюры. „Слово" ведетъ свой разговоръ съ военнымъ министромъ и рекомендуетъ ему мѣры улучшенія боевой готовности, съ морскимъ министромъ — и призываетъ его къ развитію русскаго флота, съ царемъ — и внушаетъ ему мысль о неотложности призыва „достойнѣйшихъ". Мы ведемъ разговоръ съ царской арміей и призываемъ ее повернуть штыки противъ царизма, мы обращаемся къ резервистамъ и говоримъ: *откажитесь идти на войну!* мы призываемъ рабочихъ и крестьянъ: *не выдавайте резервистовъ;* Мы призываемъ рабочихъ адмиралтействъ, арсеналовъ, оружейныхъ заводовъ и желѣзныхъ дорогъ: *бастуйте!* Мы обращаемся къ народу и говоримъ: *возстань!* „Слово" отказываетъ царизму въ *нравственномъ правѣ* прекратить войну. — мы хотимъ вынудить царизмъ къ прекращенію войны *вооруженной силой*. И вотъ находится радикальная газета, которой кажется, что въ вопросѣ о прекращенія войны революціонная рѣчь соціальдемократіи сливается съ „оппозиціонными" представленіями газеты „Слово". Намъ, соціальдемократамъ, послѣ нашей полутора-годовой напряженной антивоенной кампаніи, бросаютъ упрекъ въ томъ, что мы игнорируемъ кровавыя бѣдствія, какія несетъ народу война. И когда мы, изъ нашего подполья, пытаемся призвать зарвавшуюся газету къ порядку, она отказывается насъ понять и заявляетъ, что разница между позиціей „Слова" и нашей и послѣ нашего обращенія ясна намъ, но не ей самой. Было бы слишкомъ мелкимъ, если бы мы увидѣли въ этомъ сознательное игнорированіе и извращеніе фактовъ, ясныхъ какъ солнце полдня. Нѣтъ, ошибка слишкомъ груба, чтобъ ее можно было сдѣлать сознательно. Дѣло обстоитъ значительно лучше въ смыслѣ политической морали, но безконечно хуже съ точки зрѣнія политическаго смысла. „Сынъ Отечества" насъ *дѣйствительно* не понимаетъ. Во имя интересовъ народа мы требуемъ немедленнаго прекращенія войны. Но мы не знаемъ другого средства добиться этой цѣли, кромѣ революціоннаго давленія массы. Въ каждой нашей статьѣ, въ каждомъ листкѣ и въ каждой рѣчи мы указываемъ на это. Но революціонная борьба это то же средство, которое ведетъ насъ къ Учредительному Собранію. Значитъ, заключаетъ „Сынъ Отечества", мы откладываемъ окончаніе войны до „окончанія" царизма, до созыва представителей народа. Мы „откладываемъ" окончаніе войны, — но что это значитъ, если перевести его съ языка словъ на языкъ понятій? Это должно означать, очевидно, что мы не принимаемъ всѣхъ мѣръ для прекращенія войны. Только такое обвиненіе имѣетъ смыслъ по адресу политической партіи. Какія это мѣры? Назовите ихъ, если знаете. Мы вамъ говоримъ: революціонная борьба и только она.

Знаете ли вы еще что нибудь сверхъ этого? О да, вы, конечно, знаете одно старое, какъ либерализмъ, средство: это прикрытая радикальной фразой *надежда*, робкая и стыдливая надежда на самопроизвольную благожелательную иниціативу царизма. Когда мы говоримъ: только побѣдный напоръ массы покончитъ съ войной, вы мечтаете: а можетъ быть, царизмъ самъ подъ вліяніемъ доводовъ нашего разума и воплей нашего чувства заключитъ миръ. Вы все еще видите въ царизмѣ—и это составляетъ душу худшей половины вашей работы—противника, котораго нужно убѣдить, а не врага, котораго нужно раздавить. Когда мы говоримъ: царизмъ сдастъ свои позиціи извнѣ, какъ и внутри, только тогда, когда народъ наступитъ ему колѣномъ на грудь, вы робко глядите на эту казацкую грудь, и она кажется вамъ такой неприступной, а желанный мигъ такимъ далекимъ. Когда мы выступаемъ противъ вашихъ затаенныхъ „безсмысленныхъ мечтаній“ о мирной иниціативѣ самого царизма, вамъ начинаетъ казаться, что однимъ этимъ мы затягиваемъ войну. Мы хотимъ разбить ваши послѣднія иллюзіи, — вамъ кажется, что мы лишаемъ васъ реальнаго средства борьбы за прекращеніе кровавой драмы. Вы искренно и глубоко не понимаете насъ, — и не что иное, какъ ваше недовѣріе къ революціоннымъ методамъ рѣшенія политическихъ вопросовъ, является для васъ скрытой отъ васъ самихъ психологической причиной вашего искренняго и глубокаго непониманія. Нѣтъ, если вы хотите рѣшительно и честно бороться противъ войны, вы должны обрушиться не на насъ, а на тѣхъ безчисленныхъ „рабовъ лѣнивыхъ“ и „лукавыхъ“, которые гораздо ближе къ вамъ чѣмъ къ намъ. Должны ли мы напоминать вамъ о земствахъ и думахъ, которыя помогали и помогаютъ до сего дня самодержавію затягивать войну своимъ прямымъ и косвеннымъ пособничествомъ? Напоминать ли о позорищѣ патріотическаго лицемѣрія всей безъ изъятія либеральной прессы? Напоминать ли о статьѣ г. Ив. Петрункевича, заявлявшаго въ близкомъ вамъ „Правѣ“, что до возстановленія національной „чести“ Россіи о мирѣ не можетъ быть и рѣчи? Забыли ли вы о томъ, что ноябрьскій земскій съѣздъ ни единымъ словомъ не помянулъ о необходимости прекращенія войны? А также и о томъ, что вы сами, всячески одобряя рѣшенія этого съѣзда, не нашли на столбцахъ своихъ мѣста, чтобъ бросить ему грозное обвиненіе въ томъ, что, дипломатически спекулируя на соглашеніе съ правительствомъ „весны“, онъ торговалъ народной кровью и народнымъ достояніемъ? Довольно, господа! Еслибъ мы захотѣли развернуть свитокъ прошлаго, вчерашняго прошлаго, онъ оказался бы безпощаднымъ обвинительнымъ актомъ противъ васъ и вашихъ ближайшихъ друзей. Но мы не станемъ дѣлать этого. Мы закончимъ наше объясненіе съ вами искреннимъ пожеланіемъ, котораго вы намъ не сможете вернуть: пусть ваше будущее не будетъ похоже на ваше прошлое“.

---

[1]) Такой матеріалъ могутъ дать корреспонденціи въ газетѣ и брошюры вродѣ „O welche Lust Soldat zu sein!" изданной германской соц.-дем. партіей.

[2]) При этомъ опираются обыкновенно на *практическую* безрезультатность послѣдней.

Центральный Комитетъ Россійской
Соціальдемократической Рабочей Партіи.

(Распространялось въ Петербургѣ въ видѣ гектографир. листка)

Съ Кавказа. 31 марта забастовали жел. дорожные рабочіе въ Елисаветполѣ. Теперь эта забастовка распространяется на всѣ линіи закавказскихъ жел.-дорогъ. Забастовали машинисты и всѣ паровозные кочегары, кондуктора, стрѣлочники. Движеніе поѣздовъ прекратилось, экспрессъ же дошелъ до Тифлиса; машинистъ слѣзъ съ паровоза и собрался уйти, подлетѣли казаки и подъ угрозой убить машиниста заставили итти дальше. До сихъ поръ бастуетъ до 100 человѣкъ машинистовъ. Одного машиниста, ведшаго поѣздъ, убили на *станціи Каспій*. Новое крушеніе устроили близъ Тифлиса, паровозъ свалился на бокъ. До станціи довелъ поѣздъ самъ начальникъ тяги, пріѣхавшій на другомъ паровозѣ за машиниста. Нѣкоторое время онъ маневрировалъ возлѣ вокзала подъ охраной казаковъ, жандармовъ и солдатъ, пока какой-то рабочій, дюжій парень, не поднялъ руку кверху съ револьверомъ и не заявилъ во всеуслышаніе: „Кто будетъ ѣздить на паровозѣ, тотъ познакомится съ этой штукой! Начальникъ тяги моментально испарился. Крайне характерно что въ сторону Тифлиса поѣзда пропускаютъ, а оттуда не идетъ ни одного поѣзда. Машинисты предъявили въ числѣ главныхъ требованій требованіе неприкосновенности личности (это вызвано случаемъ на станціи Самтреди). Казаки набросились на машиниста и побили его до полусмерти. Этой исторіей одинъ саперный офицеръ такъ возмутился, что потребовалъ прекращенія побоевъ, но казаки крикнули ему: „Вы не нашъ начальникъ и не можете распоряжаться!“ Офицеръ вызвалъ двѣ роты, освободилъ машиниста, окружилъ казаковъ кольцомъ, приказалъ стрѣлять, если кто изъ нихъ попытается сопротивляться, и телеграфировалъ начальнику немедленно произвести слѣдствіе по этому дѣлу. Начальникъ принимаетъ крутыя мѣры.

31 марта и 2 апрѣля были собранія дворянъ и князей Тифлисской губерніи. На первомъ собраніи консервативная публика, повидимому, одерживала верхъ. Представителей печати буквально вытурили, соціальдемократамъ изъ помѣщиковъ, даже такимъ, которые требовали только автономіи, яростные крѣпостники угрожали кинжалами. Постановили допускать на свои собранія лишь людей съ несомнѣннымъ дворянскимъ именемъ и цензомъ. Но, увы, собраніе второго апрѣля было уже многолюднѣе, настроеніе совершенно измѣнилось: дворяне высказались за автономію, хотя въ опредѣленіи этого понятія опять таки была страшная путаница. Характерно то, что дворяне постановили отказаться отъ званія дворянства и княжества, а именоваться гражданами.

Боевое настроеніе проникло даже въ сферы правительственныхъ служащихъ. Газета „Кавказъ“, всегда державшая высоко знамя правительства, и та забастовала: она не выходила 3, 4, 5 апрѣля — забастовали наборщики.

Всѣ и всюду требуютъ восьми-часового рабочаго дня. Даже эриванская дума, въ числѣ своихъ требованій выставившая созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, свободы собраній и пр. даже націонализаціи земли, не забыла про восьми-часовой рабочій день (см. Тифл. листокъ № 68). Соціалистическая струя красной нитью проходитъ черезъ всѣ проявленія жизни. Пролетаріатъ сталъ осью, вокругъ которой вертится вся жизнь, какъ это указывалось въ вашей статьѣ „Нарожденіе новой Россіи“. Серьезнымъ, почти роковымъ вопросомъ сталъ у насъ вопросъ о Гуріи и, вообще о крестьянскомъ движеніи. Въ Гуріи и другихъ мѣстахъ начались экзекуціи. Алихановъ (генералъ-губернаторъ Гуріи) требуетъ контрибуціи за убитыхъ, на содержаніе ихъ семей. Убитыхъ шпіоновъ много. Гдѣ отказывались платить эту контрибуцію, собирали насильно натурой: казаки вламывались въ деревню и силой отбирали все, что попадалось подъ руку, при чемъ грабили безъ зазрѣнія совѣсти. Контрибуція, такимъ образомъ, покрывалась десять разъ. Такъ, въ одной деревнѣ въ Батумскомъ округѣ военный объѣздъ собралъ натурой 1.500 рублей, но такъ какъ собирали натурой и объѣздчики, то эта контрибуція лишила деревню всякой возможности существованія. Алихановъ, говорятъ, получилъ 20.000 рублей на развитіе шпіонства и провокаторства въ Гуріи. Имъ намѣчены къ аресту 700 человѣкъ передовыхъ крестьянъ, разговаривавшихъ съ Султанъ Крымъ-Гиреемъ во время объѣзда послѣднимъ Гуріи по распоряженію правительства. Несмотря на обѣщаніе Крымъ-Гирея говорившимъ съ нимъ депутатамъ неприкосновенности ихъ личности, до 400 человѣкъ изъ нихъ, будто бы, арестовано, въ томъ числѣ нѣсколько націоналистовъ. Казаки хвалятся, что будутъ насиловать женъ и дочерей Гурійцевъ. Послѣдніе не вынесутъ этого: возстаніе у нихъ неизбѣжно, и въ самомъ близкомъ будущемъ. Они говорятъ, что Алихановъ всѣми средствами хочетъ вызвать возстаніе и вспышки въ отдѣльныхъ мѣстахъ, чтобы смять гурійское движеніе по частямъ. Гурійцы рѣшили начинать сами и просили поддержать оружіемъ. Тифлисцы рѣшили ихъ поддержать въ расчетѣ, что гурійское возстаніе приведетъ къ всеобщему. На солдатъ имѣются основательныя надежды: значительная часть ихъ примкнетъ къ возстанію.

Эпилогъ Портъ-Артура. Коломбо — Портъ Саидъ, 10 апрѣля 1905 г. Вотъ уже восемь недѣль, какъ мы изъ Артура, но цѣлыхъ три изъ нихъ провели въ Шанхаѣ, ожидая окончанія работъ по приспособленію англійскаго парохода Swanley, перевозившаго ранѣе китайскихъ кули въ Трансвааль, для транспорта нашихъ трехъ госпиталей прямо въ Одессу.

Отъ Артура до Дальняго по ж. д. и дальше на пароходѣ до Чафу насъ везли японцы. Изъ Чафу-же въ Шанхай мы ѣхали на только что купленномъ съ тою-же цѣлью за $^1/_2$ мил. руб. пароходѣ München. До самаго Шанхая безплатно, а дальше по 200 руб. съ пассажира 1 кл., 160—2-го и 120—3-го. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ Шанхаѣ консульство уплатило штабъ и оберъ-офицерамъ полуторную стоимость билета за проѣздъ въ 1 кл. до Одессы и сверхъ того первымъ 300 подъемныхъ и 200 суточныхъ, а вторымъ 250 подъемныхъ и 120 суточныхъ. Даже сестрамъ за ихъ милосердіе, ставшее, какъ и все въ буржуазномъ обществѣ, товаромъ, уплатили ровно столько, сколько оберъ-офицерамъ за ихъ ремесло. Зато нижнимъ чинамъ было выдано лишь по 25 руб., изъ коихъ, конечно, ничего не было взято за проѣздъ. Казна сама уплачиваетъ за каждаго по 1$^1/_2$ руб. въ сутки за полный пансіонъ. Говорятъ, будто Swanley зафрахтованъ за 120 т. р. Такимъ образомъ, на погашеніе расхода по фрахту казна получитъ съ офицеровъ и сестеръ едва не одну треть уплоченныхъ имъ впередъ за этотъ самый проѣздъ денегъ. По отношенію къ врачамъ и сестрамъ, такая „льгота“ еще объяснима тѣмъ, что они въ дорогѣ должны лечить и перевязывать. Но офицеры и такой благовидности лишены. Однако, и это еще не все. Въ томъ же Шанхаѣ консульство платило еще по 5 р. въ сутки, штабъ и по 3 оберъ-офицерамъ съ сестрами въ теченіе всѣхъ 3-хъ недѣль, да нижнимъ чинамъ, по заказу военнаго агента Десино, энергично скупавшаго русскую литературу въ виду нашего проѣзда черезъ Шанхай, было изготовлено по костюму Хаки. Какъ на нашихъ инвалидовъ и команды госпиталей, такъ и на ожидаемыхъ имъ впредь, всего же на 40 тыс. человѣкъ, по 10 р. за костюмъ. Теперь прошу посчитать, во что обойдется эвакуація однихъ инвалидовъ и санитаровъ изъ Артура, гдѣ еще остается 9 (изъ нихъ 2 кр. креста) госпиталей. Въ этихъ напримѣръ трехъ госпиталяхъ слѣдуетъ около 600 первыхъ и 400 вторыхъ. Одна стоимость фрахта за 4 транспорта 12 госпиталей отъ Шанхая до Одессы обойдется около $^1/_2$ мил. руб. Да содержаніе въ пути, да всѣ эти подъемныя полуторныя и суточныя, начиная отъ высшаго чина и кончая нижнимъ, да, наконецъ, надо же что нибудь положить и въ фондъ такъ называемыхъ безгрѣшныхъ доходовъ также сверху до низу. Въ Шанхаѣ, напримѣръ, для размѣщенія проходящихъ госпиталей нанято огромное зданіе будто бы по 5 тыс. р. въ мѣсяцъ. Продовольствіе отъ подрядчика и кухня отвратительныя; а между тѣмъ, консульство платитъ за нижняго чина по одному, а старшіе сами по 3 дол. въ сутки, спеціально же за санитаріей надзоръ возложенъ на цѣлыхъ двухъ врачей, одинъ изъ коихъ, впрочемъ, больше занятъ поставкою съ подряда вышеупомянутыхъ костюмовъ для солдатъ, и сверхъ того на особаго, правда, плутоватаго смотрителя—эконома.

Итакъ, сдѣлаемъ приблизительный разсчетъ:

За фрахтъ одного транспорта изъ 3-хъ госпиталей.	120т.р.
$^1/_2$ стоимость билетовъ 1 класса, подъемныя и суточныя штабъ и оберъ-офицерамъ съ сестрами.	60 —
Инвалидамъ и командамъ, всего около 1000 чел. по 25 р.	25 —
Суточныя деньги за 3 недѣли въ Шанхаѣ офицерамъ съ сестрами	3 —
Продовольствіе нижнихъ чиновъ въ Шанхаѣ за то же время	20 —
Тоже въ пути.	45 —
За 1000 костюмовъ для нижнихъ чиновъ по 10 руб.	10 —

А всего за транспортъ только отъ Шанхая до Одессы 3 госпиталей 273 т. р., за всѣ же 4 транспорта 12 госпиталей 1$^1/_5$ мил. руб.

Мы столько разъ говорили о консульствахъ, но ни разу о консулахъ. Въ Шанхаѣ напримѣръ, цѣлыхъ три, причемъ одинъ зовется консуломъ другой министромъ (пресловутый Павловъ изъ Сеула) и третій—военнымъ агентомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у всѣхъ троихъ дѣла такъ много, что безъ остатка бы хватило одному, о чемъ, вѣроятно, и не преминутъ позаботиться въ ближайшемъ будущемъ, гдѣ слѣдуетъ. Но не въ этомъ теперь дѣло, а въ томъ, что какъ въ Чифу еще, такъ и въ Шанхаѣ и въ Коломбо, гдѣ только мы имѣли случай видѣть этихъ господъ, всѣ они произвели на насъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе или—ясно выраженныхъ дегенерантовъ, или какихъ-то недоносковъ, и это какъ по внѣшности, такъ равно и по интеллекту. Было-бы впрочемъ явнымъ противорѣчіемъ имѣть за рубежемъ представителей власти болѣе достойныхъ, нежели въ самомъ Пошехоньѣ.

Покончивъ съ цыфирью, скажемъ, какъ насъ везутъ. Людей держатъ чуть не на привязи, не выдавая имъ денегъ и не пуская гулять въ городахъ, ибо напр., незадолго до нашего пріѣзда въ Шанхай, проходящіе матросы и рабочіе показали себя, заводя въ пьяномъ видѣ дебоши и даже убивъ одного китайца. Въ Сингапурѣ насъ не пускали въ городъ совсѣмъ, подъ предлогомъ натуральной оспы въ Шанхаѣ. Въ Коломбо же выходили только офицера, а нижніе чины украдкой и тоже со скандаломъ. Звѣрь—человѣкъ—это одинъ изъ натуральныхъ фруктовъ издыхающаго царизма—проявляетъ свои инстинкты съ неизмѣннымъ постоянствомъ, будетъ это Кишеневъ Артуръ или Шанхай. Но такъ какъ всякій народъ имѣетъ такихъ правителей, какихъ заслужилъ, то и начальники госпиталей, или т. н. главные врачи тоже къ стыду своему, стоятъ тѣхъ, кѣмъ управляютъ. Трехъэтажныя слова и оплеухи какъ характеризовали наши отношенія и нравы въ Портъ-Артурѣ, такъ еще и громче, и принужденнѣй стали раздаваться послѣ того, какъ въ Шанхаѣ мы всѣ одѣли на себя штатскіе костюмъ. Извѣстно, что по крайней мѣрѣ половина фетишизма отпадаетъ вмѣстѣ съ перемѣной свѣтлыхъ пуговицъ на кокосовыя, особенно когда, какъ въ данномъ случаѣ, одна сторона отличается отъ другой только по мундиру, и если бѣдные фетиши для возстановленія престижа власти громче бранятся и крѣпче бьютъ, то и объекты ихъ воздѣйствій отнынѣ тогда не молчатъ и даже угрожаютъ. Такъ напримѣръ, однажды, послѣ чрезмѣрнаго увлеченія своимъ престижемъ одного дантиста, ему пригрозили выбросить его за бортъ. Съ другой стороны, провинившихся буяновъ и ослушниковъ сажаютъ въ угольную яму. Наконецъ, остается также китайская прислуга, которую начальство [illegible] бьетъ буквально въ кровь за то, что, предвидя спросъ, она запаслась для тайной продажи ящиками съ бутылками, отдѣльной къ тому же, Смирновки. Вообще, антагонизмъ растъ, и вотъ было бы кстати слово правды, но къ сожалѣнію, кромѣ Толстовщины да старыхъ №№ Освобожденія и Искры, изъ Шанхая не удалось взять ничего. Даже „Новое Время“ со своимъ новымъ курсомъ, будитъ мысль, что то запретное оглашаетъ, что то сулитъ...

— Да, перемѣны должны быть, по старому не будетъ, прочитавъ или послушавъ, вызывается „нижній чинъ“, а кто постарше, одни съ оглядкой бранятся, другіе вспоминаютъ про себя: caveant consules...

Какъ водится, не лишены мы также и духовной власти, притомъ въ лицѣ не одного, а цѣлыхъ двухъ поповъ, присутствіе которыхъ, однакожъ съ своей стороны способствуетъ наискорѣйшей эволюціи отношеній. Вотъ напримѣръ, духовныхъ пастырей дѣло огорчаетъ не весьма ревностное отношеніе овецъ къ тому что они зовутъ вѣрой, и одинъ даже не выдержалъ при исполненіи служебныхъ обязанностей и крикнулъ на мимопроходящихъ праздноглаголящихъ.

— Да что вы, нехристіане православные, что-ли? Но и не христи тоже—вѣдь русподанные, а вы хуже жидовъ!

— Хуже татаръ, насмѣшливо отвѣчали ему тѣ, продолжая ходить и глаголить.

Другой разъ другой пастырь вздумалъ согнать инвалида съ чужого мѣста, чтобы сѣсть самому.

— Ты хошь, а я нѣтъ? отвѣтилъ ему тотъ, продолжая сидѣть.

Попъ пожаловался начальству и послѣ того, согнавъ таки инвалида съ кресла, сѣлъ въ него самъ.

— Ну, ладно, проворчалъ тотъ вставая. Получишь ты отъ меня пятакъ на тарелку!

По случаю Вел. Поста, разумѣется, исповѣдуютъ и пріобщаютъ. Но, не говоря уже о томъ, что это носитъ принудительный характеръ и только сестры да офицеры идутъ добровольно, большинство всетаки находитъ возможнымъ уклониться, предпочитая дарамъ духа святого погулять и побесѣдовать или въ карты поиграть, объиграть другъ друга на чистоту или таща кошельки изъ подъ носовъ у полупьяныхъ игроковъ изъ офицеровъ и поповъ.

— Вотъ, поживемъ еще на коробкѣ дня три, отецъ, а тамъ насъ и высадятъ на берегъ въ Портъ Саидѣ, шутилъ одинъ попъ съ другимъ послѣ внушенія начальства.

— Нѣтъ, батя, не высадятъ, а въ угольную яму посадятъ, возражаетъ другой.

Въ тоже время всѣ дѣятельно готовятся къ празднику, — рѣжутъ, жарятъ, мѣсятъ, пекутъ, варятъ и красятъ,—цѣлый клубокъ изъ оффиціальной лжи, фарисейскаго лицедѣйства, нарушенія общепринятой или узаконенной морали, преступленій противъ собственности..

Вообще, Артурцы внесутъ свою долю въ процессѣ броженія, охватившаго въ настоящую пору православный русскій народъ, хотя бы какъ непосредственные участники и свидѣтели пережитой эпохи славнаго срама русской политики и русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ, куда историческая необходимость толкнула самодержавіе, чтобы сдѣлать его собственнымъ могильщикомъ.

Военный.

Опроверженіе. Въ № 92 „Искры“ въ замѣткѣ „Къ позорному столбу“, въ числѣ офицеровъ, подвизавшихся 9 января, упомянутъ офицеръ Финляндскаго полка *Жерве*, „взявшій на себя обязанность пристава при обыскахъ и арестахъ“.

Лицо, подписавшееся „студентъ-соціальдемократъ“, прислало намъ письмо, въ которомъ категорически настаиваетъ на томъ, что г. Жерве не только не игралъ приписываемой ему роли, но, напротивъ того, проявилъ совершенно иное отношеніе къ навязанной ему, какъ офицеру, обязанности палача. Не имѣя возможности достаточно скоро установить дѣйствительную роль г. Жерве, мы считаемъ долгомъ сообщить въ „Искрѣ“ о поступившемъ опроверженіи.

Екатеринославъ 20 апрѣля. Время передъ праздниками и самые праздники у насъ, какъ и вездѣ, прошли спокойно, хотя и чувствовалось какое то напряженное ожиданіе и ощущалось смутное безпокойство. Ждали не то погрома, не то боевыхъ дѣйствій „черной сотни“ (отдѣльныя нападки со стороны ея уже имѣлись). Передъ самыми праздниками многихъ смутилъ, напримѣръ, такой фактъ: въ извѣстномъ всему городу магазинѣ купца Заморуева раздавалась безплатно во многихъ экземплярахъ извѣстная рѣчь Шмакова съ предисловіемъ Шарапова. Трудно себѣ представить что либо глупѣе этого печатнаго произведенія (какъ нибудь перешлю его вамъ): большаго извращенія фактовъ, большей инсинуаціи и лицемѣрія даже отъ этого негодяя нельзя было ожидать. Были еще отдѣльные, мимолетные признаки чего то недобраго, но все прошло спокойно. Полиція, повидимому, не имѣла прямыхъ указаній свыше и была сама настроена антипогромно. Напримѣръ, во второй день Пасхи (русской) два пьяныхъ хлопца начали бросать камнями въ одну еврейскую мастерскую на Александровской улицѣ, разбили въ ней стекла и стали ломать дверь. Поднялась суматоха. Собравшаяся публика была совершенно индифферентна. Были ли у этихъ хлопцевъ какіе либо счеты съ хозяиномъ, или это была провокація на погромъ, не знаю, но черезъ 2—3 минуты прибѣжали городовые, прискакали казаки, пристава, и „безпорядокъ“ былъ прекращенъ немедленно. По городу патрули — и солдатскіе, и казаки. 18-го ждали, очевидно, демонстраціи. Весь Потемкинскій садъ, напримѣръ, былъ усѣянъ солдатскими пикетами (говорятъ, 2 батальона было мобилизовано), тайной и явной полиціей. Но и въ этомъ отношеніи надежды всѣхъ были обмануты: все обошлось спокойно и безъ инцидентовъ. Въ „обществѣ“ въ достаточной мѣрѣ тихо и вяло.

Изъ Перекопскаго уѣзда (Таврич. губ.) Въ Перекопскомъ уѣздѣ въ послѣднее время, по мнѣнію властей, завелась крамола. Мужички, говорятъ, начали что-то про „свободу“ болтать, жаловаться на „утѣсненіе“ землей, стали на земскихъ начальниковъ козыремъ смотрѣть и даже о войнѣ неодобрительно отзываться. Тутъ-то пошла писать губернія. Начались разъѣзды по деревнямъ полицейской своры. На тройкахъ съ бубенцами мчались по цѣлымъ днямъ изъ села въ село исправникъ и пристава. Искали, искали крамолу и нашли ее въ лицѣ учителя, который читалъ крестьянамъ не то „Сынъ Отеч.“, не то письмо Гапона. Донесъ на него одинъ крестьянинъ. Учитель былъ арестованъ, посаженъ въ кутузку при волостномъ правленіи, просидѣлъ больше двухъ недѣль и только послѣ усиленныхъ хлопотъ предсѣдателя Уѣздной Управы Толстова жандармы обѣщали его выпустить. Тѣмъ временемъ, нѣкоторые помѣщики стали получать анонимныя письма угрожающаго характера, въ которыхъ какіе-то мстители обѣщали вскорѣ забрать всю помѣщичью землю.

Опять тройки по всему уѣзду скачутъ, полиція сличаетъ почерки всѣхъ грамотныхъ людей съ анонимами. Наконецъ, по доносу одного священника, набрели на одну учительницу, больную дѣвушку, которая также причастна къ русской революціи, какъ китайская императрица. Ее арестовали и посадили въ кутузку. Тамъ она еще больше заболѣла, пыталась отравиться и чуть ли не съума сошла.

А крамола растетъ съ каждымъ днемъ. Крестьяне (хотя очень медленно и туго) начинаютъ все сознательнѣе и сознательнѣе относиться къ совершающимся событіямъ. Подъ вліяніемъ пропаганды нѣкоторыхъ лицъ и получаемыхъ по почтѣ прокламацій, крестьяне мало по малу начинаютъ понимать, что имъ нужно.

Кременчугъ. 9 апрѣля 1905 г. въ 10 часовъ вечера я ходилъ съ товарищами по Екатерининской улицѣ. Вдругъ ко мнѣ подходитъ одинъ товарищъ и говоритъ, что на Петровской улицѣ провалился литературный вечеръ, состоящій изъ либераловъ и рабочихъ (числомъ около 70 человѣкъ). Такъ какъ Кременчугская полиція съ арестованными обращается очень грубо и избиваетъ при самомъ малѣйшемъ арестѣ, то я, какъ былъ очевидцемъ нѣсколькихъ арестовъ и видѣлъ произволъ полиціи, царящій въ гор. Кременчугѣ, то я приступилъ къ дѣлу и сорганизовалъ кружокъ въ 60 человѣкъ, состоящій изъ соціальдемократовъ, соціалистовъ революціонеровъ и [illegible], и двинулся съ отрядомъ добровольцевъ на выручку къ товарищамъ по направленію къ Херсонской улицѣ. Идя во главѣ, я повстрѣчался съ приставомъ 2 части Пышковымъ, и видя, что я иду во главѣ этой группы, онъ, какъ видно, хотѣлъ арестовать меня, но такъ какъ я шелъ съ толпой, то онъ сталъ свистать на помощь. Со стороны товарищей сыпались на него проклятія, такъ какъ они были всѣ возбуждены. Я сейчасъ свой планъ наступленія измѣнилъ и повернулъ въ рыбный рядъ, гдѣ приготовилъ свой отрядъ въ наступленіе, самъ же сдѣлалъ рекогносцировку и вмѣстѣ съ товарищами, мы аттаковали тотъ домъ, гдѣ была полиція, арестовавшая литературный вечеръ. Когда все мое вниманіе было обращено на окна, гдѣ были арестованные товарищи, мимо насъ прошелъ шпикъ, присматривавшійся въ наши лица, тогда одинъ доброволецъ бросилъ ему въ лицо камень. Въ это время проходилъ еще одинъ шпикъ, тогда товарищи набросились на шпиковъ и на городовыхъ и избили ихъ камнями, при чемъ они разбѣжались, какъ побитыя собаки. Тогда полиція выступила противъ насъ, но такъ какъ отражать нечѣмъ было, мы принуждены были отступить въ рыбный рядъ. Но такъ какъ полиція все же продолжала наступать, а отпора нечѣмъ было дать съ нашей стороны, то мы принуждены были обмануть полицію. Такъ какъ я съорганизовалъ, я долженъ былъ довести до конца и началъ кричать: товарищи, какъ только покажется сюда полиція, мы должны наступить и дать залпъ изъ револьверовъ. Тогда полиція струсила и отступила обратно. Но вскорѣ опять показалась въ большомъ количествѣ въ нѣкоторыхъ концахъ рыбнаго ряда. Тогда я собралъ всѣхъ товарищей-добровольцевъ изъ рыбнаго ряда въ другую сторону, сказавъ, между прочимъ, товарищамъ, чтобы въ случаѣ нападенія со стороны полиціи,—дать отпоръ камнями. Но такъ какъ полиція все прибывала, наши же силы были слишкомъ слабы противъ нихъ, то мы условились разойтись и сойтись на Екатерининской ул. чтобы устроить демонстрацію. Но, выйдя на Екатерининскую, я услышалъ возгласы: смерть шпіонамъ! И, обернувшись назадъ, я увидѣлъ ѣхавшихъ на извозчикѣ избитыхъ шпіоновъ и бѣгущую за ними толпу съ криками: долой самодержавіе! Смерть шпіонамъ! Бей шпіоновъ! и долой самодержавіе! Одинъ арестованъ, но былъ тогда выпущенъ. Я тоже съ товарищами присоединился къ нимъ и уже сталъ настигать ихъ. Тогда, видя, что имъ грозитъ смерть, они забѣжали во дворъ казенной мукомольни. Толпа повернула обратно вся возбужденная. Когда мы возвратились, гулянье разошлось, никого уже не было; мы возвратились на мѣсто ареста литературнаго вечера. Здѣсь были постороннія личности, но когда сказали казакамъ разогнать толпу, то посторонніе разбѣжались, а товарищи встрѣтили криками: „долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Казаки погнались за нѣсколькими товарищами, а стоявшіе кричали громогласно: долой самодержавіе! Одинъ былъ арестованъ, и тогда же выпущенъ.

Рабочій.

Ростовъ н/Д. Приводимъ резолюцію, принятую по предложенію Комитета на собраніи 11 апрѣля въ залѣ ростовскаго клуба (сл. № 98 „Искры“). Въ собраніи было свыше 1500 чел., изъ нихъ человѣкъ 800 — рабочіе. Принята резолюція единогласно.

„Мы, граждане Ростова и Нахичевани, заявляемъ, что бороться съ холерой, какъ и вообще съ эпидеміями и ужасной смертностью и заболѣваемостью народа невозможно, пока народъ постоянно, все больше и больше разоряется, пока не приняты самыя широкія мѣры для улучшенія матеріальнаго положенія народа. Мы знаемъ, что царское правительство не хочетъ заключать миръ съ Японіей и что оно не сможетъ заключить его безъ повышенія налоговъ; мы знаемъ, что при самодержавіи невозможны не только свободная работа, но и самое существованіе общественныхъ организацій. Мы знаемъ, что только для обмана политически неразвитыхъ подданныхъ засѣдаютъ теперь всѣ министерскія коммиссіи, что этими коммиссіями царское правительство разсчитываетъ разъединить силы либерально-демократическаго и революціоннаго движенія, чтобы затѣмъ подавить послѣднее „черными сотнями“, погромами, казаками, нагайками, штыками и пулями солдатъ. Мы не довѣряемъ царскому правительству, мы считаемъ его существованіе главнымъ и основнымъ препятствіемъ для улучшенія жизни милліоновъ гражданъ Россіи, мы считаемъ благо народа и самодержавіе несовмѣстимыми. Мы убѣждены, что только Учредительное Собраніе, выбранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ способно окончить войну по волѣ народа безъ повышенія налоговъ и вообще прекратить народное разореніе. Мы ясно сознаемъ, что только Учредительное Собраніе способно провозгласить демократическую республику, дѣйствительно обезпечивающую свободное развитіе народныхъ силъ, а всѣмъ угнетаемымъ капиталомъ — гарантирующую свободу классовой борьбы за освобожденіе всего человѣчества отъ ига капитализма. Наши требованія революціонны. Путь осуществленія ихъ единственно — революція. Всѣ другія мѣры — предательство народныхъ интересовъ. Мы привѣтствуемъ резолюцію Пироговскаго съѣзда, ярко выразившую оппозиціонное настроеніе врачей. Мы привѣтствуемъ ихъ рѣшимость собраться, засѣдать и вынести резолюцію вопреки волѣ Мин. Вн. дѣлъ, ихъ постановленіе не участвовать во врачебныхъ организаціяхъ, устраиваемыхъ бюрократіей. Но мы заявляемъ, что всѣ истинные демократы, дѣйствительно рѣшившіе добиваться свободы и равноправія всѣхъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ всѣхъ классовъ, вѣроисповѣданій и національностей, могутъ разсчитывать на осуществленіе своихъ гражданскихъ идеаловъ, только безусловно присоединившись къ революціонной борьбѣ пролетаріата, объединеннаго въ Рос. С.-Д. Р. П. И мы рѣшительно протестуемъ, какъ противъ обмана, противъ всѣхъ резолюцій, умалчивающихъ о необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе. Пусть друзья народа будутъ съ народомъ 1-го мая!“

Копія.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

О ростовскомъ на Дону мѣщанинѣ Георгіи Ивановичѣ Яковенко, 19 лѣтъ отъ роду.

27 декабря 1904 года, въ селѣ Армавирѣ, Кубанск. области, во время представленія въ циркѣ, съ правой стороны, съ галлереи, были брошены въ публику воззванія, сложенныя въ видѣ салфетокъ. Черезъ нѣсколько минутъ такія же воззванія были брошены съ лѣвой стороны галлереи. Всего, какъ потомъ оказалось, было разбросано 140 экземпляровъ. Содержатель цирка Филиппъ Вяльшинъ, а также бывшій въ циркѣ городовой Ананьевъ отправились къ этому мѣсту лѣвой стороны галлереи, откуда были брошены воззванія, и тамъ обратили вниманіе на молодого человѣка, „который, нагибаясь, какъ бы старался спрятаться“. Городовой Ананьевъ тутъ же его обыскалъ и въ карманѣ его пиджака нашелъ около 50 воззваній того же содержанія и такъ же сложенныхъ, какъ и только что брошенныя въ публику; при этомъ городовой Балабановъ удостовѣрилъ, что онъ видѣлъ, какъ именно этотъ молодой человѣкъ бросалъ въ публику воззванія. Задержанный оказался мѣщаниномъ гор. Ростова на Дону Георгіемъ Ивановымъ Яковенко. При осмотрѣ, на произведенномъ по сему дѣлу дознаніи, отобранныхъ у Яковенко и разбросанныхъ въ публикѣ воззваній, онѣ оказались изданными Кубанскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. и значатся отпечатанными въ типографіи Кубанскаго Комитета. На каждомъ экземплярѣ имѣется красная мастичная печать Кубанскаго Комитета. Воззваніе это, обсуждая предстоящія преобразованія, говоритъ, что два года назадъ были обѣщаны такія же реформы, но вмѣсто обѣщаннаго начались такія гоненія, какихъ русскій народъ не переживалъ со времени опричнины Іоанна Грознаго. Что самодержавіе уже захлебывается въ крови рабочихъ и „нужно окончательно и на вѣки похоронить его“. Рабочіе и иногородніе Кубанской области и Черноморской губерніи призываются требовать созванія выборныхъ отъ всего народа и уничтоженія царскаго гнета, всѣ должны соединиться и раздавить „подлое самодержавіе — царя“. Воззваніе кончается словами: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ Учредительное собраніе, выбранное всѣмъ народомъ“. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Георгій Яковенко не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что, находясь въ циркѣ на галлереѣ, онъ увидѣлъ упавшія вблизи его воззванія; часть ихъ, около 15 штукъ, онъ подобралъ и положилъ ихъ въ карманъ, чтобы потомъ прочесть. Содержаніе было ему неизвѣстно, но онъ догадался, что это прокламаціи потому, что въ 1903 году онъ присутствовалъ въ Ростовскомъ на Дону театрѣ при разброскѣ прокламацій и былъ задержанъ по подозрѣнію въ томъ, что ихъ разбрасывалъ, но подозрѣніе это впослѣдствіи не подтвердилось. На основаніи изложеннаго, мѣщанинъ гор. Ростова на Дону Георгій Яковенко, 19 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 27 дек. 1904 года въ селѣ Армавирѣ, Кубанск. области, во время представленія въ циркѣ посредствомъ разбрасыванія въ публикѣ распространялъ воззванія, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ Россійской имперіи самодержавнаго образа правленія. Тяжкое преступленіе это предусмотрѣно § 2 ч. 1 129 ст. уг. улож., почему и, на основаніи 1232 ст. и 1280 ст. уст. угол. судопроизводства, Яковенко подлежитъ суду Новочеркасской Судебной палаты. Составленъ марта 23 дня 1905 года въ гор. Новочеркаскѣ.

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію по настоящему дѣлу:

Обвиняемый: 1) мѣщ. Георгій Ивановъ Яковенко, 19 лѣтъ. Свидѣтели: 1) городовой Прокофій Леонтьевъ Ананьевъ; 2) крестьянинъ Филиппъ Маркеловъ Вельшинъ; 3) городовой Петръ Алексѣевъ Балабановъ; 4) крестьянинъ Максимъ Лукьян. Захаровъ (предатель), 5) крестьянинъ Митрофанъ Ѳедоровъ Лангошанъ.

Иркутскъ. Дни 8 и 9 апрѣля надолго, вѣроятно, останутся памятны Иркутску. Царскіе судьи еще разъ показали русскому народу, какъ умѣютъ они охранять самодержавіе и всю связанную съ нимъ полицейскую систему, какъ смѣло попираютъ они при этомъ всякую справедливость, всякое право. Въ эти дни вторично разбиралось въ Иркутской Судебной Палатѣ дѣло 33 политическихъ ссыльныхъ, устроившихъ болѣе года тому назадъ вмѣстѣ съ другими 20 товарищами въ Якутскѣ вооруженный протестъ противъ незаконныхъ циркуляровъ сибирскаго генералъ-губернатора Кутайсова, противъ всей невозможно гнетущей обстановки, которую создавало для всѣхъ политическихъ ссыльныхъ въ лицѣ Плеве русское правительство. Осенью прошлаго года коронный судъ осудилъ за это нашихъ товарищей, каждаго къ 12 годамъ каторги. Теперь, по апелляціонной жалобѣ 33-хъ товарищей, дѣло разбиралось вновь и судьи вновь вынесли революціонерамъ тотъ же приговоръ, хотя имъ и пришлось признать, что циркуляры Кутайсова, вызвавшіе протестъ, незаконны, что протестъ ссыльныхъ былъ въ сущности, законенъ!.... Такова уже русская справедливость при самодержавіи... Но даже самимъ судьямъ такая „справедливость“ показалась не слишкомъ удобной, и они постановили ходатайствовать о смягченіи участи осужденныхъ — о замѣнѣ 12 лѣтъ каторги 2-мя годами крѣпости. Такъ какъ желаніе смягчить свою участь не играло никакой роли у апеллянтовъ, то они всѣ рѣзко протестовали противъ такого рѣшенія суда; свое право произнести „послѣднее слово“ товарищи использовали для того, чтобы заранѣе рѣзко протестовать противъ могущей послѣдовать „царской милости“. Объявленіе приговора сопровождалось рѣзкимъ протестомъ противъ постановленія суда и самихъ судей; большого скандала не произошло только потому, вѣроятно, что судьи поторопились удалиться изъ залы. На этотъ разъ дѣло разбиралось „публично“, т. е. однихъ приглашенныхъ подсудимыми было человѣкъ 40; допущенныхъ же администраціей гораздо больше. И на нихъ и на весь городъ дѣло произвело громаднѣйшее впечатлѣніе, сочувствіе къ осужденнымъ всеобщее и самое безусловное. Это сочувствіе вылилось, между прочимъ, въ слѣдующей формѣ: еще 8-го апрѣля вечеромъ, во время перерыва, подъ раскрытымъ окномъ залы суда была устроена мѣстнымъ комитетомъ демонстрація, въ которой приняло участіе до 200 человѣкъ учащихся. Во время демонстраціи разбрасывались прокламаціи и была произнесена ораторомъ рѣчь, послѣ чего демонстранты съ пѣніемъ „Варшавянки“ двинулись къ театру, гдѣ ихъ стали разгонять. Тутъ кое кого избили и арестовали, но скоро выпустили. Послѣ демонстраціи власти стали всего бояться и во избѣжаніе того, „какъ-бы чего не вышло“ отправили 28 подсудимыхъ (5 апеллянтовъ не присутствовало на судѣ, т. к. имъ удалось раньше бѣжать изъ тюрьмы) подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ, солдатъ, полиціи и такъ далѣе; чтобы окончательно обезопасить 28 невооруженныхъ людей, окруженныхъ чуть ли не 300 конвоирами, администрація распорядилась еще никого не подпускать близко къ процессіи. Та же комедія повторилась и на другой день, когда ихъ вновь вели въ судъ и обратно въ тюрьму по объявленіи приговора. Послѣднее шествіе не обошлось безъ исторіи: выйдя изъ суда, запѣли революціонную пѣсню, имъ попробовали помѣшать, хотѣли раздѣлить на маленькія группы, но они не послушались. „Настоящей исторіи“ не вышло, кажется, только потому, что офицеръ, сочувственно къ политикамъ настроенный, удерживалъ тюремнаго начальника отъ крутыхъ мѣръ. По окончаніи суда иркутское общество собралось въ Благородномъ Собраніи чествовать защитниковъ протестантовъ: Бернштама и Заруднаго; публики собралось много, болѣе 500 человѣкъ, было довольно много рабочихъ и учащихся. Собраніе прошло довольно удачно; были произнесены политическія рѣчи, читался адресъ протестантовъ защитникамъ, тутъ вмѣшалась полиція, желавшая разогнать публику, но кто то крикнулъ „долой полицію!“ и собраніе продолжалось. Вызванные солдаты не имѣли большого успѣха, тогда растерявшееся начальство велѣло солдатамъ кричать, чтобъ заглушить голоса говорившихъ, но и это не имѣло никакого другого результата, кромѣ того, что одинъ изъ публики обратился къ солдатамъ съ агитаціонной рѣчью. Это окончательно взорвало полиціймейстера, и онъ сталъ грозиться, что прикажетъ „обнажить оружіе“, но былъ вѣжливо остановленъ предсѣдателемъ, указавшимъ ему, что сейчасъ у него нѣтъ слова, но что онъ его запишетъ и т. д. Когда ему дали, наконецъ, слово, онъ заявилъ, что принужденъ будетъ, если собраніе не разойдется, пустить оружіе въ ходъ. Предсѣдатель отвѣчалъ, что собраніе разойдется не раньше, чѣмъ обсудитъ этотъ вопросъ. Затѣмъ предсѣдатель произнесъ очень горячую, рѣзкую рѣчь, и собраніе разошлось.

Оставшаяся часть публики человѣкъ, 80-100, открыла банкетъ, на которомъ говорились тосты, рѣчи, обращенныя къ защитникамъ протестантовъ, наконецъ, былъ составленъ адресъ самимъ протестантамъ и рѣзкая телеграмма Мин. Вн. Дѣлъ, въ которой выражался протестъ противъ вмѣшательства полиціи въ ходъ собранія и т. д. И на адресѣ и на телеграммѣ было собрано много подписей.

Челябинскъ. 29 - марта 1905 г. (Письмо тов. очевидца). Вотъ уже третій день, какъ въ нашемъ городѣ страшная паника. Идетъ разгромъ домовъ терпимости, разгромъ полный не только имущества, но и жилищъ; грабятъ все, что ни попадаетъ, остальное ломаютъ; разбиты рояли, печки, разворочены дома. Грабители — солдаты мѣстной команды и хулиганы. Утверждаютъ, что все это происходитъ съ вѣдома начальства.

Я былъ на погромѣ и видѣлъ, что полиція отгоняла *жителей*, но погромщикамъ не мѣшала. Посланный патруль изъ солдатъ мѣстной команды присоединился къ грабителямъ. Изъ окрестныхъ деревень вызвано 200 казаковъ, которые, какъ я думаю, не помогутъ возстановить порядокъ, а тоже будутъ грабить.

Какъ слышно, погромъ—это только репетиція черной сотни, лозунгъ который „бей жидовъ и студентовъ“. 17 и 18 марта была забастовка портныхъ (подмастерьевъ): первые забастовали въ мастерской Памфилова (лучшая въ городѣ), затѣмъ Леонтьева и др. Требованіе — увеличеніе заработной платы. Требованіе удовлетворено. Сильное броженіе въ желѣзно - дорожныхъ мастерскихъ.

Ташкентъ. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было думать, что Туркестанскій край въ силу своей оторванности отъ промышленныхъ центровъ спитъ безпробуднымъ сномъ, то теперь всякому ясно, что положеніе вещей здѣсь кореннымъ образомъ измѣнилось.

Я постараюсь изобразить зарожденіе здѣсь революціонной работы и ея постепенное развитіе:

Въ 1903 году въ Ташкентѣ существовала группа соц.-рев., которая называла себя мѣстнымъ „комитетомъ“. По составу своему она вначалѣ была чисто интеллигентской, и лишь впослѣдствіи туда было введено нѣсколько рабочихъ.

Помимо того, что пропаганда была поставлена въ высшей степени неконспиративно, она велась самымъ безпорядочнымъ и безпринципнымъ образомъ.

По существу вся дѣятельность исчерпывалась веденіемъ нѣсколькихъ кружковъ, выпускомъ изрѣдка гектографированныхъ листковъ къ рабочимъ, солдатамъ, крестьянамъ и перепечаткой нѣкоторыхъ брошюръ.

Что касается вопросовъ программы, тактики и организаціи, то въ головѣ „вожаковъ“ этой группы не только не было хоть сколько нибудь полнаго и яснаго представленія о существующихъ въ Россіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партіяхъ, но они плохо разбирались даже въ основныхъ положеніяхъ той партіи, къ которой себя причисляли. Поэтому, вполнѣ естественно, что дѣло доходило до колоссальныхъ нелѣпостей: непосредственно въ „комитетъ“ привлекались не только случайно попадавшіе въ Ташкентъ соц.-дем., но даже были попытки привлечь и сіонистовъ; чувствовалось полное отсутствіе сколько нибудь серьезнаго отношенія къ своимъ задачамъ, и въ концѣ концовъ это „активное вмѣшательство въ борьбу трудящихся массъ“ сводилось къ дѣтской забавѣ, къ кукольной комедіи. А между тѣмъ въ средѣ рабочихъ назрѣвала все увеличивавшаяся потребность въ руководителяхъ, въ агитаторахъ и пропагандистахъ; почти ежедневно являлись депутаты съ требованіемъ людей и литературы. Группа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ распалась, отчасти потому, что нѣкоторые изъ ея членовъ уѣхали, отчасти же потому, что остальные откровенно стали на сторону либераловъ и этимъ самымъ недвусмысленно обнаружили свою истинную природу. На время всякая работа остановилась, все стихло и, казалось, опять заснуло. Послѣ бывшихъ на югѣ Россіи и на Кавказѣ волненій, контингентъ рабочихъ пополнился свѣжимъ притокомъ людей, высланныхъ изъ Баку, Тифлиса, Батума и другихъ городовъ; среди нихъ были уже сознательные соціальдемократы. Но въ силу того, что у нихъ не было прочныхъ связей съ россійскими организаціями, въ силу того, что отсутствовала литература, и техническая сторона дѣла находилась въ жалкомъ положеніи, они лишены были возможности вести сколько нибудь систематическую и планомѣрную работу. И вотъ на мѣстѣ прежняго „комитета“ возникаетъ „незаконное сожительство“ (какъ выражались рабочіе) — возникаетъ „союзная группа соц.-дем. и соц.-рев“. Однимъ изъ условій такого соглашенія былъ отказъ отъ полемики, отъ идейной борьбы съ той и другой стороны. Но, разумѣется, такого рода организація въ самой себѣ носила зародыши своего собственнаго разложенія. Выпускались прокламаціи то за подписью соц.-дем., то за подписью соц.-рев., то за подписью тѣхъ и другихъ и, въ концѣ концовъ, рабочіе стали относится съ недовѣріемъ, какъ къ первымъ, вторымъ, такъ и къ третьимъ. Война съ Японіей создала сильнѣйшее недовольство и ненависть къ самодержавному режиму, а январьскія событія, широкой волной разлившіяся по всей странѣ, повернули это глухое недовольство въ сторону рѣшительныхъ дѣйствій. Въ февралѣ удалось поставить стачку въ мастерскихъ Сред. Азіат. и Ор. Ташк. жел. дороги. Но, во первыхъ, потому, что число сознательныхъ рабочихъ еще не велико, значительный процентъ состоитъ еще изъ сѣрой массы, такъ какъ предшествующая работа соц.-революціонеровъ въ умахъ рабочихъ поселила сумбуръ, отъ котораго ихъ теперь приходится „раскрѣпощать“; а во вторыхъ, потому, что у самыхъ членовъ группы не было достаточнаго опыта и, главное, единства дѣйствій — стачка носила чисто экономическій характеръ. Изъ Ташкента она перекинулась въ мастерскія Кизылъ-Арвата, Чарджуя, Самарканда и другихъ городовъ Туркестанскаго края, гдѣ рабочіе уже по собственной иниціативѣ поддержали своихъ ташкентскихъ товарищей. Большинство предъявленныхъ требованій было удовлетворено. Эти событія съ полной очевидностью показали, что и здѣсь, въ этой отдаленной и забытой окраинѣ, имѣется благодарная почва для *широкой* работы. „Союзная группа“ продолжала существовать: она выпускала очень мало своего оригинальнаго, и, главнымъ образомъ, сосредоточила свое вниманіе на перепечаткѣ изданій Сибирскаго Союза — Ком. Р. С.-Д. Р. П., кавказскихъ соц.-дем. комитетовъ, нѣкоторыхъ прокламацій „Искры“ и, наконецъ, документовъ, имѣющихъ общественный интересъ (Петиція Гапона, его обращенія, постановленія земцевъ и пр.), велось три, четыре кружка. Теперь, когда въ вопросѣ о низверженіи самодержавія, соц.-рев. заняли вполнѣ опредѣленную позицію, когда, послѣ „блока“ соц.-рев. съ „освобожденцами“ и нѣкоторыми націоналистическими партіями, стало ясно (даже тѣмъ, кто раньше не хотѣлъ или не могъ видѣть ихъ мелкобуржуазной подоплеки и ихъ реакціонныхъ стремленій), что они не только не соціалисты не только не революціонеры, *но даже не демократы*, теперь сами рабочіе и „наиболѣе мягкіе“ соціальдемократы — члены группы — пришли къ твердой мысли, что необходимъ полный разрывъ, что дальнѣйшая совмѣстная работа и невозможна и вредна. Мѣсяца два тому назадъ состоялось нѣсколько собраній, выяснено было отношеніе союзниковъ другъ къ другу, и въ настоящій моментъ „Ташкентская соціальдемократическая группа“ существуетъ самостоятельно. Разумѣется, такой образъ дѣйствій гг. „соціалисты-революціонеры“ объяснили обычной нетерпимостью, узостью и догматизмомъ соціальдемократовъ. Не будемъ особенно спорить съ этими благодушными людьми. Надо надѣяться, что въ скоромъ времени удастся оборудовать въ Туркестанскомъ краѣ типографію, и прокламаціи, впервые напечатанныя типографскимъ способомъ, по всѣмъ городамъ „Средней Азіи“ разнесутъ боевой кличъ пролетаріата. Передъ мѣстными работниками соціальдемократами стоитъ тяжелая и отвѣтственная задача: создать въ различныхъ городахъ цѣлый рядъ группъ или комитетовъ, объединить ихъ въ одинъ союзъ, установить прочныя связи съ центрами, развить пропаганду и агитацію какъ въ средѣ рабочихъ, такъ и въ средѣ солдатъ, связаться съ широкими массами, нести въ массы черезъ посредство наиболѣе сознательныхъ рабочихъ политическое воспитаніе, поднять самодѣятельность массъ и приспособить ее къ цѣлямъ классовой борьбы, однимъ словомъ, дать такое направленіе своей работѣ, чтобы въ рѣшительный моментъ народнаго возстанія и пролетаріатъ Туркестанскаго края активно поддержалъ своихъ россійскихъ братьевъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Херсонъ. Солдатскій протестъ. Слѣдующее письмо было послано солдатами 6-го мортирнаго полка на имя полкового командира.

„Его Высокоблагородію Командиру 6-го мортирнаго артиллерійскаго полка.

Мы, всѣ солдаты ввѣреннаго Вамъ полка, покорнѣйше просимъ немедленнаго вашего распоряженія, чтобъ сапожный товаръ, изготовляемый въ этомъ году, выдали бы на руки каждому изъ насъ, не такъ, какъ они сдѣлали, а именно командиры батарей и завѣдующіе нестроевой командой объявили намъ, что они сами пошьютъ намъ сапоги, за которые командиры батарей выворачиваютъ у каждаго изъ насъ по 25 коп., а завѣдующій командой уже чрезмѣрно пьетъ нашу жалкую кровь и сосетъ послѣдніе соки нашей жизни и выворачиваетъ по 50 коп. Но въ книжкахъ почему-то пишетъ, что выдаетъ амуничныхъ денегъ полностью по 1 р. 25 коп., въ то время, какъ выдаетъ по 75 коп. Такъ какъ въ этомъ году товаръ, заготовляемый полкомъ, болѣе хорошій, то мы и просимъ его на руки для изготовленія на свои средства. Потому, что каждый изъ насъ прекрасно знаетъ, что, какъ у батареи, такъ и у нестроевой команды сапожники такіе, какъ и каждый изъ насъ, и не пошьютъ, а испортятъ его. Кромѣ этого просимъ выдать амуничныя деньги полностью по 1 р. 25 коп. Если же не послѣдуетъ отъ Васъ никакого распоряженія насчетъ нашей просьбы, то считаемъ первымъ долгомъ наши просьбы заявить еще одинъ шпикъ, тогда товарищи набросились на шпиковъ и на городовыхъ и избили ихъ камнями, при чемъ они разбѣжались, какъ побитыя собаки. Тогда полиція выступила противъ насъ, но такъ какъ отражать нечѣмъ было, мы принуждены были отступить въ рыбный рядъ. Но такъ какъ полиція все же продолжала наступать, а отпора нечѣмъ было дать съ нашей стороны, то мы принуждены были обмануть полицію. Такъ какъ я съорганизовалъ, я долженъ былъ довести до конца и началъ кричать: товарищи, какъ только покажется сюда полиція, мы должны наступить и дать залпъ изъ револьверовъ. Тогда полиція струсила и отступила обратно. Но вскорѣ опять показалась въ большомъ количествѣ въ нѣкоторыхъ концахъ рыбнаго ряда. Тогда я собралъ всѣхъ товарищей-добровольцевъ изъ рыбнаго ряда въ другую сторону, сказавъ, между прочимъ, товарищамъ, чтобы въ случаѣ нападенія со стороны полиціи,—дать отпоръ камнями. Но такъ какъ полиція все прибывала, наши же силы были слишкомъ слабы противъ нихъ, то мы условились разойтись и сойтись на Екатерининской ул. чтобы устроить демонстрацію. Но, выйдя на Екатерининскую, я услышалъ возгласы: смерть шпіонамъ! И, обернувшись назадъ, я увидѣлъ ѣхавшихъ на извозчикѣ избитыхъ шпіоновъ и бѣгущую за ними толпу съ криками: долой самодержавіе! Смерть шпіонамъ! Бей шпіоновъ! и долой самодержавіе! Одинъ арестованъ, но былъ тогда выпущенъ. Я тоже съ товарищами присоединился къ нимъ и уже сталъ настигать ихъ. Тогда, видя, что имъ грозитъ смерть, они забѣжали во дворъ казенной мукомольни. Толпа повернула обратно вся возбужденная. Когда мы возвратились, гулянье разошлось, никого уже не было; мы возвратились на мѣсто ареста литературнаго вечера. Здѣсь были постороннія личности, но когда сказали казакамъ разогнать толпу, то посторонніе разбѣжались, а товарищи встрѣтили криками: „долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Казаки погнались за нѣсколькими товарищами, а стоявшіе кричали громогласно: долой самодержавіе! Одинъ былъ арестованъ, и тогда же выпущенъ.

Рабочій.

Ростовъ н/Д. Приводимъ резолюцію, принятую по предложенію Комитета на собраніи 11 апрѣля въ залѣ ростовскаго клуба (сл. № 98 „Искры“). Въ собраніи было свыше 1500 чел., изъ нихъ человѣкъ 800 — рабочіе. Принята резолюція единогласно.

„Мы, граждане Ростова и Нахичевани, заявляемъ, что бороться съ холерой, какъ и вообще съ эпидеміями и ужасной смертностью и заболѣваемостью народа невозможно, пока народъ постоянно, все больше и больше разоряется, пока не приняты самыя широкія мѣры для улучшенія матеріальнаго положенія народа. Мы знаемъ, что царское правительство не хочетъ заключать миръ съ Японіей и что оно не сможетъ заключить его безъ повышенія налоговъ; мы знаемъ, что при самодержавіи невозможны не только свободная работа, но и самое существованіе общественныхъ организацій. Мы знаемъ, что только для обмана политически неразвитыхъ подданныхъ засѣдаютъ теперь всѣ министерскія коммиссіи, что этими коммиссіями царское правительство разсчитываетъ разъединить силы либерально-демократическаго и революціоннаго движенія, чтобы затѣмъ подавить послѣднее „черными сотнями“, погромами, казаками, нагайками, штыками и пулями солдатъ. Мы не довѣряемъ царскому правительству, мы считаемъ его существованіе главнымъ и основнымъ препятствіемъ для улучшенія жизни милліоновъ гражданъ Россіи, мы считаемъ благо народа и самодержавіе несовмѣстимыми. Мы убѣждены, что только Учредительное Собраніе, выбранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ способно окончить войну по волѣ народа безъ повышенія налоговъ и вообще прекратить народное разореніе. Мы ясно сознаемъ, что только Учредительное Собраніе способно провозгласить демократическую республику, дѣйствительно обезпечивающую свободное развитіе народныхъ силъ, а всѣмъ угнетаемымъ капиталомъ — гарантирующую свободу классовой борьбы за освобожденіе всего человѣчества отъ ига капитализма. Наши требованія революціонны. Путь осуществленія ихъ единственно — революція. Всѣ другія мѣры — предательство народныхъ интересовъ. Мы привѣтствуемъ резолюцію Пироговскаго съѣзда, ярко выразившую оппозиціонное настроеніе врачей. Мы привѣтствуемъ ихъ рѣшимость собраться, засѣдать и вынести резолюцію вопреки волѣ Мин. Вн. Дѣлъ, ихъ постановленіе не участвовать въ врачебныхъ организаціяхъ, устраиваемыхъ бюрократіей. Но мы заявляемъ, что всѣ истинные демократы, дѣйствительно рѣшившіе добиваться свободы и равноправія всѣхъ гражданъ, мужчинъ и женщинъ всѣхъ классовъ, вѣроисповѣданій и національностей, могутъ разсчитывать на осуществленіе своихъ гражданскихъ идеаловъ, только безусловно присоединившись къ революціонной борьбѣ пролетаріата, объединеннаго въ Рос. С.-Д. Р. П. И мы рѣшительно протестуемъ, какъ противъ обмана, противъ всѣхъ резолюцій, умалчивающихъ о необходимости прежде всего свергнуть самодержавіе. Пусть друзья народа будутъ съ народомъ 1-го мая!“

Копія

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

О ростовскомъ на Дону мѣщанинѣ Георгіи Ивановичѣ Яковенко, 19 лѣтъ отъ роду.

27 декабря 1904 года, въ селѣ Армавирѣ, Кубанск. области во время представленія въ циркѣ, съ правой стороны, съ галлереи, были брошены въ публику воззванія, сложенныя въ видѣ салфетокъ. Черезъ нѣсколько минутъ такія же воззванія были брошены съ лѣвой стороны галлереи. Всего, какъ потомъ оказалось, было разбросано 140 экземпляровъ. Содержатель цирка Филиппъ Вяльшинъ, а также бывшій въ циркѣ городовой Ананьевъ отправились къ этому мѣсту лѣвой стороны галлереи, откуда были брошены воззванія, и тамъ обратили вниманіе на молодого человѣка, „который, нагибаясь, какъ бы старался спрятаться“. Городовой Ананьевъ тутъ же его обыскалъ и въ карманѣ его пиджака нашелъ около 50 воззваній того же содержанія и такъ же сложенныхъ, какъ и только что брошенныя въ публику; при этомъ городовой Балабановъ удостовѣрилъ, что онъ видѣлъ, какъ именно этотъ молодой человѣкъ бросалъ въ публику воззванія. Задержанный оказался мѣщаниномъ гор. Ростова на Дону Георгіемъ Ивановымъ Яковенко. При осмотрѣ, на произведенномъ по сему дѣлу дознаніи, отобранныхъ у Яковенко и разбросанныхъ въ публикѣ воззваній, онѣ оказались изданными Кубанскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П. и значатся отпечатанными въ типографіи Кубанскаго Комитета. На каждомъ экземплярѣ имѣется красная мастичная печать Кубанскаго Комитета. Воззваніе это, обсуждая средства преобразованія, говоритъ, что два года назадъ были обѣщаны такія же реформы, но вмѣсто обѣщаннаго начались такія гоненія, какихъ русскій народъ не переживалъ со времени опричнины Іоанна Грознаго. Что самодержавіе уже захлебывается въ крови рабочихъ и „нужно окончательно и на вѣки похоронить его“. Рабочіе и иногородніе Кубанской области и Черноморской губерніи призываются требовать созыванія выборныхъ отъ всего народа и уничтоженія царскаго гнета, всѣ должны соединиться и раздавить „подлое самодержавіе — царя“. Воззваніе кончается словами: „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ Учредительное собраніе, выбранное всѣмъ народомъ“. Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго, Георгій Яковенко не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что, находясь въ циркѣ на галлереѣ, онъ увидѣлъ упавшія вблизи его воззванія; часть ихъ, около 15 штукъ, онъ подобралъ и положилъ ихъ въ карманъ, чтобы потомъ прочесть. Содержаніе было ему неизвѣстно, но онъ догадался, что это прокламаціи потому, что въ 1903 году онъ присутствовалъ въ Ростовскомъ на Дону театрѣ при разброскѣ прокламацій и былъ задержанъ по подозрѣнію въ томъ, что ихъ разбрасывалъ, но подозрѣніе это впослѣдствіи не подтвердилось. На основаніи изложеннаго, мѣщанинъ гор. Ростова на Дону Георгій Яковенко, 19 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что 27 дек. 1904 года въ селѣ Армавирѣ, Кубанск. области, во время представленія въ циркѣ посредствомъ разбрасыванія въ публикѣ распространялъ воззванія, возбуждающія къ ниспроверженію существующаго въ Россійской имперіи самодержавнаго образа правленія. Тяжкое преступленіе это предусмотрѣно § 2 ч. 1 129 ст. уг. улож., почему и, на основаніи 1232 ст. и 1280 ст. уст. угол. судопроизводства, Яковенко подлежитъ суду Новочеркасской Судебной палаты. Составленъ марта 23 дня. 1905 года въ гор. Новочеркасскѣ.

Списокъ лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію по настоящему дѣлу:

Обвиняемый: 1) мѣщ. Георгій Ивановъ Яковенко, 19 лѣтъ. Свидѣтели: 1) городовой Прокофій Леонтьевъ Ананьевъ; 2) крестьянинъ Филиппъ Маркеловъ Вяльшинъ; 3) городовой Петръ Алексѣевъ Балабановъ; 4) крестьянинъ Максимъ Лукьян. Захаровъ (предатель). 5) крестьянинъ Матрофанъ Ѳедоровъ Лангошанъ.

Иркутскъ. Дни 8 и 9 апрѣля надолго, вѣроятно, останутся памятны Иркутску. Царскіе судьи еще разъ показали русскому народу, какъ умѣютъ они охранять самодержавіе и всю связанную съ нимъ полицейскую систему, какъ смѣло попираютъ они при этомъ всякую справедливость, всякое право. Въ эти дни вторично разбиралось въ Иркутской Судебной Палатѣ дѣло 33 политическихъ ссыльныхъ, устроившихъ болѣе года тому назадъ вмѣстѣ съ другими 20 товарищами въ Якутскѣ вооруженный протестъ противъ незаконныхъ циркуляровъ сибирскаго генералъ-губернатора Кутайсова, противъ всей невозможно гнетущей обстановки, которую создавало для всѣхъ политическихъ ссыльныхъ въ лицѣ Плеве русское правительство. Осенью прошлаго года коронный судъ осудилъ за это нашихъ товарищей, каждаго къ 12 годамъ каторги. Теперь, по апелляціонной жалобѣ 33-хъ товарищей, дѣло разбиралось вновь и судьи вновь вынесли революціонерамъ тотъ же приговоръ, хотя имъ и пришлось признать, что циркуляры Кутайсова, вызвавшіе протестъ, незаконны, что протестъ ссыльныхъ былъ въ сущности, законенъ!.... Такова уже русская справедливость при самодержавіи... Но даже самимъ судьямъ такая „справедливость“ показалась не слишкомъ удобной, и они постановили ходатайствовать о смягченіи участи осужденныхъ — о замѣнѣ 12 лѣтъ каторги 2-мя годами крѣпости. Такъ какъ желаніе смягчить свою участь не играло никакой роли у апеллянтовъ, то они всѣ рѣзко протестовали противъ такого рѣшенія суда; свое право произнести „послѣднее слово“ товарищи использовали для того, чтобы заранѣе рѣзко протестовать противъ могущей послѣдовать „царской милости“. Объявленіе приговора сопровождалось рѣзкимъ протестомъ противъ постановленія суда и самихъ судей; большого скандала не произошло только потому, вѣроятно, что судьи поторопились удалиться изъ залы. На этотъ разъ дѣло разбиралось „публично“, т. е. однихъ приглашенныхъ подсудимыми было человѣкъ 40; допущенныхъ же администраціей гораздо больше. И на нихъ и на весь городъ дѣло произвело громаднѣйшее впечатлѣніе, сочувствіе къ осужденнымъ всеобщее и самое безусловное. Это сочувствіе вылилось, между прочимъ, въ слѣдующей формѣ: еще 8-го апрѣля вечеромъ во время перерыва, подъ раскрытымъ окномъ залы суда была устроена мѣстнымъ комитетомъ демонстрація, въ которой приняло участіе до 200 человѣкъ учащихся. Во время демонстраціи разбрасывались прокламаціи и была произнесена ораторомъ рѣчь, послѣ чего демонстранты съ пѣніемъ „Варшавянки“ двинулись къ театру, гдѣ ихъ стали разгонять. Тутъ кое кого избили и арестовали, но скоро выпустили. Послѣ демонстраціи власти стали всего бояться и во избѣжаніе того, „какъ-бы чего не вышло“ отправили 28 подсудимыхъ (5 апеллянтовъ не присутствовало на судѣ, т. к. имъ удалось раньше бѣжать изъ тюрьмы) подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ, солдатъ, полиціи и такъ далѣе; чтобы окончательно обезопасить 28 невооруженныхъ людей, окруженныхъ чуть ли не 300 конвоирами, администрація распорядилась еще никого не подпускать близко къ процессіи. Та же комедія повторилась и на другой день, когда ихъ вновь вели въ судъ и обратно въ тюрьму по объявленіи приговора. Послѣднее шествіе не обошлось безъ исторіи: выйдя изъ суда, запѣли революціонную пѣсню, имъ попробовали помѣшать, хотѣли раздѣлить на маленькія группы, но они не послушались. „Настоящей исторіи“ не вышло, кажется, только потому, что офицеръ, сочувственно къ политикамъ настроенный, удерживалъ тюремнаго начальника отъ крутыхъ мѣръ. По окончаніи суда иркутское общество собралось въ Благородномъ Собраніи чествовать защитниковъ протестантовъ: Бернштама и Заруднаго; публики собралось много, болѣе 500 человѣкъ, было довольно много рабочихъ и учащихся. Собраніе прошло довольно удачно; были произнесены политическія рѣчи, читался адресъ протестантовъ защитникамъ, тутъ вмѣшалась полиція, желавшая разогнать публику, но кто то крикнулъ „долой полицію!“ и собраніе продолжалось. Вызванные солдаты не имѣли большого успѣха, тогда растерявшееся начальство велѣло солдатамъ кричать, чтобъ заглушить голоса говорившихъ, но и это не имѣло никакого другого результата, кромѣ того, что одинъ изъ публики обратился къ солдатамъ съ агитаціонной рѣчью. Это окончательно взорвало полиціймейстера, и онъ сталъ грозиться, что прикажетъ „обнажить оружіе“, но былъ вѣжливо остановленъ предсѣдателемъ, указавшимъ ему, что сейчасъ у него нѣтъ слова, но что онъ его запишетъ и т. д. Когда ему дали, наконецъ, слово, онъ заявилъ, что принужденъ будетъ, если собраніе не разойдется, пустить оружіе въ ходъ. Предсѣдатель отвѣтилъ, что собраніе разойдется не раньше, чѣмъ обсудитъ этотъ вопросъ. Затѣмъ предсѣдатель произнесъ очень горячую, рѣзкую рѣчь, и собраніе разошлось.

Оставшаяся часть публики человѣкъ, 80-100, открыла банкетъ, на которомъ говорились тосты, рѣчи, обращенныя къ защитникамъ протестантовъ, наконецъ, былъ составленъ адресъ самимъ протестантамъ и рѣзкая телеграмма Мин. Вн. Дѣлъ, въ которой выражался протестъ противъ вмѣшательства полиціи въ ходъ собранія и т. д. И на адресѣ и на телеграммѣ было собрано много подписей.

Челябинскъ. 24 марта 1905 г. (Письмо тов. очевидца). Вотъ уже третій день, какъ въ нашемъ городѣ страшная паника. Идетъ разгромъ домовъ терпимости, разгромъ полный не только имущества, но и жилищъ; грабятъ все, что ни попадаетъ, остальное ломаютъ; разбиты рояли, печки, разворочены дома. Грабители — солдаты мѣстной команды и хулиганы. Утверждаютъ, что все это происходитъ съ вѣдома начальства.

Я былъ на погромѣ и видѣлъ, что полиція отгоняла *жителей*, но погромщикамъ не мѣшала. Посланный патруль изъ солдатъ мѣстной команды присоединился къ грабителямъ. Изъ окрестныхъ деревень вызвано 200 казаковъ, которые, какъ я думаю, не помогутъ возстановить порядокъ, а тоже будутъ грабить.

Какъ слышно, погромъ — это только репетиція черной сотни, лозунгъ которой „бей жидовъ и студентовъ“. 17 и 18 марта была забастовка портныхъ подмастерьевъ: первые забастовали въ мастерской Памфила [illegible] Леонтьева и др. Требованіе — увеличеніе заработной платы. Требованіе удовлетворено. Сильное броженіе въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ.

Ташкентъ. Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ можно было думать, что Туркестанскій край въ силу своей оторванности отъ промышленныхъ центровъ спитъ безпробуднымъ сномъ, то теперь всякому ясно, что положеніе вещей здѣсь кореннымъ образомъ измѣнилось.

Я постараюсь изобразить зарожденіе здѣсь революціонной работы и ея постепенное развитіе.

Въ 1903 году въ Ташкентѣ существовала группа соц.-рев., которая называла себя мѣстнымъ „комитетомъ“. По составу своему она вначалѣ была чисто интеллигентской, и лишь впослѣдствіи туда было введено нѣсколько рабочихъ.

Помимо того, что пропаганда была поставлена въ высшей степени неконспиративно, она велась самымъ безпорядочнымъ и безпринципнымъ образомъ.

По существу вся дѣятельность исчерпывалась веденіемъ нѣсколькихъ кружковъ, выпускомъ изрѣдка гектографированныхъ листковъ къ рабочимъ, солдатамъ, крестьянамъ и перепечаткой нѣкоторыхъ брошюръ.

Что касается вопросовъ программы, тактики и организаціи, то въ головѣ „вожаковъ“ этой группы не только не было хоть сколько нибудь полнаго и яснаго представленія о существующихъ въ Россіи революціонныхъ и оппозиціонныхъ партіяхъ, но они плохо разбирались даже въ основныхъ положеніяхъ той партіи, къ которой себя причисляли. Поэтому, вполнѣ естественно, что дѣло доходило до колоссальныхъ нелѣпостей: непосредственно въ „комитетъ“ привлекались не только случайно попадавшіе въ Ташкентъ соц.-дем., но даже были попытки привлечь и сіонистовъ; чувствовалось полное отсутствіе сколько нибудь серьезнаго отношенія къ своимъ задачамъ, и въ концѣ концовъ это „активное вмѣшательство въ борьбу трудящихся массъ“ сводилось къ дѣтской забавѣ, къ кукольной комедіи. А между тѣмъ въ средѣ рабочихъ назрѣвала все увеличивавшаяся потребность въ руководителяхъ, въ агитаторахъ и пропагандистахъ; почти ежедневно являлись депутаты съ требованіемъ людей и литературы. Группа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ распалась, отчасти потому, что нѣкоторые изъ ея членовъ уѣхали, отчасти же потому, что остальные откровенно стали на сторону либераловъ и этимъ самымъ недвусмысленно обнаружили свою истинную природу. На время всякая работа остановилась, все стихло и, казалось, опять заснуло. Послѣ бывшихъ на югѣ Россіи и на Кавказѣ волненій, контингентъ рабочихъ пополнился свѣжимъ притокомъ людей, высланныхъ изъ Баку, Тифлиса, Батума и другихъ городовъ; среди нихъ были уже сознательные соціальдемократы. Но въ силу того, что у нихъ не было прочныхъ связей съ россійскими организаціями, въ силу того, что отсутствовала литература, и техническая сторона дѣла находилась въ жалкомъ положеніи, они лишены были возможности вести сколько нибудь систематическую и планомѣрную работу. И вотъ на мѣстѣ прежняго „комитета“ возникаетъ „незаконное сожительство“ (какъ выражались рабочіе) — возникаетъ „союзная группа соц.-дем. и соц.-рев“. Однимъ изъ условій такого соглашенія былъ отказъ отъ полемики, отъ идейной борьбы съ той и другой стороны. Но, разумѣется, такого рода организація въ самой себѣ носила зародыши своего собственнаго разложенія. Выпускались прокламаціи то за подписью соц.-дем., то за подписью соц.-рев., то за подписью тѣхъ и другихъ и, въ концѣ концовъ, рабочіе стали относится съ недовѣріемъ, какъ къ первымъ, вторымъ, такъ и къ третьимъ. Война съ Японіей создала сильнѣйшее недовольство и ненависть къ самодержавному режиму, а январьскія событія, широкой волной разлившіяся по всей странѣ, повернули это глухое недовольство въ сторону рѣшительныхъ дѣйствій. Въ февралѣ удалось поставить стачку въ мастерскихъ Сред. Азіат. и Ор. Ташк. жел. дороги. Но, во первыхъ, потому, что число сознательныхъ рабочихъ еще не велико, значительный процентъ состоитъ еще изъ сѣрой массы, такъ какъ предшествующая работа соц.-революціонеровъ въ умахъ рабочихъ поселила сумбуръ, отъ котораго ихъ теперь приходится „раскрѣпощать“; а во вторыхъ, потому, что у самыхъ членовъ группы не было достаточнаго опыта и, главное, единства дѣйствій — стачка носила чисто экономическій характеръ. Изъ Ташкента она перекинулась въ мастерскія Кизилъ-Арвата, Чарджуя, Самарканда и другихъ городовъ Туркестанскаго края, гдѣ рабочіе уже по собственной иниціативѣ поддержали своихъ ташкентскихъ товарищей. Большинство предъявленныхъ требованій было удовлетворено. Эти событія съ полной очевидностью показали, что и здѣсь, въ этой отдаленной и забытой окраинѣ, имѣется благодарная почва для *широкой* работы. „Союзная группа“ продолжала существовать: она выпускала очень мало своего оригинальнаго, и, главнымъ образомъ, сосредоточила свое вниманіе на перепечаткѣ изданій Сибирскаго Союза — Ком. Р. С.-Д. Р. П., кавказскихъ соц.-дем. комитетовъ, нѣкоторыхъ прокламацій „Искры“ и, наконецъ, документовъ, имѣющихъ общественный интересъ (Петиція Гапона, его обращенія, постановленія земцевъ и пр.), велось три, четыре кружка. Теперь, когда въ вопросѣ о низверженіи самодержавія, соц.-рев. заняли вполнѣ опредѣленную позицію, когда, послѣ „блока“ соц.-рев. съ „освобожденцами“ и нѣкоторыми націоналистическими партіями, стало ясно (даже тѣмъ, кто раньше не хотѣлъ или не могъ видѣть ихъ мелкобуржуазной подоплеки и ихъ реакціонныхъ стремленій), что они не только не соціалисты не только не революціонеры, *но даже не демократы*, теперь, сами рабочіе и „наиболѣе мягкіе“ соціальдемократы — члены группы — пришли къ твердой мысли, что необходимъ полный разрывъ, что дальнѣйшая совмѣстная работа и невозможна и вредна. Мѣсяца два тому назадъ состоялось нѣсколько собраній, выяснено было отношеніе союзниковъ другъ къ другу, и въ настоящій моментъ „Ташкентская соціальдемократическая группа“ существуетъ самостоятельно. Разумѣется, такой образъ дѣйствій гг. „соціалисты-революціонеры“ объяснили обычной нетерпимостью, узостью и догматизмомъ соціальдемократовъ. Не будемъ особенно спорить съ этими благодушными людьми. Надо надѣяться, что въ скоромъ времени удастся оборудовать въ Туркестанскомъ краѣ типографію, и прокламаціи, впервые напечатанныя типографскимъ способомъ, по всѣмъ городамъ „Средней Азіи“ разнесутъ боевой кличъ пролетаріата. Передъ мѣстными работниками соціальдемократами стоитъ тяжелая и отвѣтственная задача: создать въ различныхъ городахъ цѣлый рядъ группъ или комитетовъ, объединить ихъ въ одинъ союзъ, установить прочныя связи съ центрами, развить пропаганду и агитацію какъ въ средѣ рабочихъ, такъ и въ средѣ солдатъ, связаться съ широкими массами, нести въ массы черезъ посредство наиболѣе сознательныхъ рабочихъ политическое воспитаніе, поднять самодѣятельность массъ и приспособить ее къ цѣлямъ классовой борьбы, однимъ словомъ, дать такое направленіе своей работѣ, чтобы въ рѣшительный моментъ народнаго возстанія и пролетаріатъ Туркестанскаго края активно поддержалъ своихъ россійскихъ братьевъ.

ИЗЪ КАЗАРМЫ.

Херсонъ. Солдатскій протестъ. Слѣдующее письмо было послано солдатами 6-го мортирнаго полка на имя полкового командира.

„Его Высокоблагородію Командиру 6-го мортирнаго артиллерійскаго полка.

Мы, всѣ солдаты ввѣреннаго Вамъ полка, покорнѣйше просимъ немедленнаго вашего распоряженія, чтобъ сапожный товаръ, и готовленный въ этомъ году, выдали бы на руки каждому изъ насъ, не такъ, какъ они сдѣлали, а именно командиры батарей и завѣдующіе нестроевой командой объявили намъ, что они сами пошьютъ намъ сапоги, за которые командиры батарей выворачиваютъ у каждаго изъ насъ по 25 коп., а завѣдующій командой уже чрезмѣрно пьетъ нашу жалкую кровь и сосетъ послѣдніе соки нашей жизни и выворачиваетъ до 50 коп. Но въ книжкахъ почему-то пишетъ, что выдаетъ амуничныхъ денегъ полностью по 1 р. 25 коп., въ то время, какъ выдаетъ по 75 коп. Такъ какъ въ этомъ году товаръ, заготовленный полкомъ, болѣе хорошій, то мы и просимъ его на руки для изготовленія на свои средства. Потому, что каждый изъ насъ прекрасно знаетъ, что, какъ у батареи, такъ и у нестроевой команды сапожники такіе, какъ и каждый изъ насъ, и не пошьютъ, а испортятъ его. Кромѣ этого просимъ выдать амуничныя деньги полностью по 1 р. 25 коп. Если же не послѣдуетъ отъ Васъ никакого распоряженія насчетъ нашей просьбы, то считаемъ первымъ долгомъ наши просьбы заявить на предстоящемъ инспекторскомъ смотру начальнику артиллерійскому. Если же и отъ него не послѣдуетъ никакого распоряженія, то заявляемъ всѣмъ полкамъ, что сдѣлаемъ что нибудь особое... а во избѣжаніе чего-либо особаго, просимъ немедленнаго распоряженія. Не думайте, что солдаты и до сихъ поръ такая безсловесная машина или же святая скотина, какъ это писалъ нѣкто изъ среды сволочей — Драгомировъ; не то уже время настало. Хотя бы солдатъ не такъ вдумывался въ это, но вы сами наталкиваете и заставляете думать и спрашивать самаго себя, почему это такъ? И, наконецъ, мы рѣшили сдѣлать что нибудь особое, если на нашу просьбу не послѣдуетъ никакихъ распоряженій. Довольно пить нашу жалкую солдатскую кровь. Довольно издѣваться надъ честью и достоинствомъ солдата. Долой начальство! Долой тиранство! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуютъ товарищи мортирнаго полка!"

Какъ видите, на лозунгахъ здѣсь видны слѣды нашей агитаціонной литературы. Теперь — что было послѣ этого письма. Когда командиръ получилъ это письмо, онъ немедленно созвалъ всѣхъ солдатъ и прочелъ имъ блестящую рѣчь, содержаніе которой мы здѣсь передаемъ, а за достовѣрность ручаемся. Записываемъ по памяти: Вотъ вы предъявили различныя требованія ко мнѣ. Я и такъ для васъ очень стараюсь. Я не дѣлаю различія между вами и офицерами; потому то я и не дослужился до большихъ чиновъ (откровенно!). Вотъ вы читаете, навѣрное, прокламаціи. Тамъ вамъ говорятъ о равенствѣ. Какъ же это всѣ люди могутъ быть равны? Офицеръ хочетъ носить сукно за 6 руб. аршинъ, а солдатъ... (тутъ краснорѣчивый ораторъ запнулся, но потомъ, оправившись, опять началъ молоть). Въ прокламаціяхъ люди эти называютъ васъ братьями. А какіе они вамъ братья? Вотъ посмотрите: солдаты имъ не братья. Хорошо. А вотъ полиція имъ навѣрное братья, а они вотъ бомбы въ нихъ кидаютъ, какъ это было въ Варшавѣ. Видите, какъ они съ братьями поступаютъ! А вотъ еще говорятъ, что вамъ царя не надо, а президента. Царь-батюшка какъ отецъ заботится о всѣхъ, а президентъ выбирается на 4 года, и за это время старается какъ можно скорѣе нажиться, а потому и притѣсняетъ народъ. Потомъ еще говорятъ, что земли должно быть у всѣхъ поровну. Кто же въ этомъ виноватъ? Вѣдь оно такъ и было сначала. Наши предки получили земли поровну. Вотъ, скажемъ, мои предки и твои (обращ. къ солдату). Только у твоего предка родилось 10 сыновей, а у тѣхъ 10-ти еще десять; а у моего предка родился 1 сынъ, а у него еще 1 и т. д. Вотъ почему и вышло у насъ земли не поровну!"

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Баку 14 апрѣля. Полиція уже разослала управленіямъ повѣстки съ требованіемъ представить точныя указанія относительно рабочихъ паспортовъ. Словомъ, мобилизація на носу. На войну не хотятъ идти не только рабочіе, но также и солдаты и прямо обращаются къ организаціи съ требованіемъ прокламацій на эту тему. Мы рѣшили въ виду еще открыто подготовляемой полиціей новой армянской рѣзни, немедленно приступить къ широкой устной и письменной агитаціи въ пользу всеобщей забастовки. Требованія выработаны предварительно на всѣхъ заводахъ и промыслахъ. На этой же недѣлѣ мы разсчитываемъ собрать всѣ эти заявленія систематически и составить на междурайономъ собраніи проектъ требованій и въ отпечатанномъ видѣ снова пустить его въ массу для провѣрки и дополненія. Только послѣ этого мы объявимъ забастовку. На первомъ планѣ требованія: прекращеніе войны, свобода собраній, Учредительное Собраніе, 8-ми часовый рабочій день. Затѣмъ уже пойдутъ всѣ общія и мѣстныя экономическія требованія Между прочимъ солдаты просятъ выпустить для нихъ листокъ съ требованіемъ сокращенія срока службы до 2 лѣтъ, отбыванія этой службы на мѣстѣ постояннаго жительства и улучшенія экономическаго положенія. Можно почти быть увѣреннымъ, что ни одна солдатская рука не поднимется для выстрѣла въ рабочихъ. Солдаты передаютъ, что и офицеры въ массѣ своей совершенно иначе стали къ нимъ относиться.

Ростовъ н/Д. (запоздало). 17 марта въ нашемъ городѣ началась стачка работницъ шляпныхъ мастерскихъ. Изъ 15 мастерскихъ бастовало 12—человѣкъ 150. До сихъ поръ среди нихъ вліяніе соціальдемократіи распространяется очень медленно; это замѣчается почти во всѣхъ городахъ относительно шляпочницъ. Лучшія мастерицы (2—5 мастерицъ на мастерскую въ 10—25 работницъ) получаютъ 40-80 руб. въ мѣсяцъ, т. е. почти столько-же, сколько хозяйка небольшой мастерской; значительная часть работницъ принадлежитъ къ довольно зажиточному слою населенія. Вслѣдствіе этого, и также по условіямъ работы (въ большинствѣ случаевъ у хозяйки дома и вмѣстѣ съ хозяйкой), классовому антагонизму въ ихъ средѣ проявиться трудно. Въ началѣ среди нихъ замѣчалось стремленіе поставить свою забастовку на почву законности. Здѣсь отразилась дѣятельность мѣстныхъ демократовъ и либераловъ, которые старались повліять на рабочее движеніе въ нашемъ городѣ Но скоро стихійная сила рабочаго движенія при помощи фактовъ (безрезультатность разговоровъ прикащиковъ въ „Городскомъ домѣ" о „своихъ нуждахъ") помогла нашей организаціи оказать на эту стачку свое сильное вліяніе. Выставлены были требованія: 8-ми часовой рабочій день, увеличеніе платы, вѣжливое обращеніе; не пользоваться ученицами, какъ домашней прислугой, принимать ихъ на годъ съ платой 2-хъ руб. въ мѣсяцъ. Требовали также, чтобы ни одна изъ бастовавшихъ не пострадала.

Всѣ эти требованія были напечатаны на гектографѣ и разосланы утромъ 17-го марта всѣмъ шляпнымъ мастерскимъ при помощи мальчиковъ — разсыльныхъ. Хозяевамъ предлагалось сообща, между собою, обсудить всѣ требованія, и вести переговоры съ депутатами, выбранными стачечнымъ комитетомъ. Стачечный комитетъ состоялъ изъ одной мастерицы отъ каждой мастерской; кромѣ того, мастерицы пригласили войти въ этотъ комитетъ представителя Донского Комитета. Каждый изъ согласившихся на уступки хозяевъ подписывался подъ требованіями, и этотъ списокъ былъ представленъ общему собранію работницъ 22 го марта, когда главныя 5 мастерскихъ согласились на уступки. Тогда было рѣшено прекратить общую забастовку и продолжать частичную; черезъ день уступили и остальныя мастерскія. Выиграли: 10 час. рабочій день въ сезонное время, 9 час. въ не сезонное; раньше въ сезонъ работали 14-15 часовъ. Ученицы поступаютъ на 2 года съ платой 2 рубля въ мѣсяцъ, вѣжливое обращеніе, устройство вентиляціи, ежедневно чай съ хлѣбомъ, прослужившимъ 1 годъ безплатный врачъ и выдача жалованья за одинъ мѣсяцъ, 2-хъ недѣльный отпускъ лѣтомъ съ сохраненіемъ жалованья, предупрежденіе объ отказѣ за двѣ недѣли или выдача платы за 2 недѣли; выдача жалованья 2 раза въ мѣсяцъ. Интересно отмѣтить, что до сихъ поръ жалованье выдавалось только въ сезонное время; въ несезонное во многихъ мастерскихъ совершенно не платили, такъ что рѣдко встрѣтишь мастерицу, которой бы хозяйка не была должна 50-100 руб. и болѣе. При выдачѣ денегъ требовалось непремѣнно, чтобы мастерица сказала, на что ей нужны деньги: на башмаки ли, больной матери, или чтобы пойти въ театръ или баню. Между прочимъ, на хожденіе мастерицъ въ театръ хозяйки очень косо смотрятъ.

За нѣсколько дней до стачки была выпущена прокламація съ призывомъ къ стачкѣ и формулированіемъ требованій; по окончаніи стачки была выпущена еще одна прокламація съ указаніемъ на успѣхъ стачки и призывомъ присоединиться къ движенію рабочихъ всей Россіи. Обѣ за подписью Дон. Комитета.

Надѣемся, что вліяніе нашей организаціи на эту стачку сильно отразится на дальнѣйшей работѣ среди работницъ даннаго производства.

Екатеринославъ (изъ письма члена организаціи). ... До 1-го мая осталось всего 6 дней. Весьма возможно, когда будете читать это письмо, уже все будетъ сдѣлано. Что будетъ, во что выльется и какъ совершиться, вотъ что занимаетъ теперь насъ. Живя въ такой атмосферѣ всеобщаго напряженія; чувствуешь, какъ, звено за звеномъ, нанизывается цѣпь страшной обиды, негодованія и муки, страшной тѣмъ, что ты безсиленъ предотвратить зловѣщее шествіе безстрашной судьбы; ждешь того толчка, который разорветъ всю цѣпь; ждешь съ нетерпѣніемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ страхомъ. Я не сомнѣваюсь, что 1-ое мая и будетъ тотъ толчекъ, но будетъ ли это послѣдній ударъ или цѣпь опять будетъ спаяна и опять потребуется новое напряженіе для разрыва цѣпи, разрыва уже послѣдняго, окончательнаго, такого разрыва, послѣ котораго уже никакой спайкой не соединишь звеньевъ. Опять новыя жертвы, опять прольется невинная кровь, опять горы труповъ, груды изувѣченныхъ тѣлъ и тысячи осиротѣлыхъ семей!... Работа теперь кипитъ. Всякая свободная минута утилизируется, летучки, массовки смѣняютъ одна другую, и, хотя до 1-го мая осталось еще 7 дней, но масса уже даетъ знать о своемъ настроеніи. Уже началось глухое броженіе, началась забастовка пекарей и безусловно ждутъ лишь сигнала, чтобы въ день интернаціональнаго праздника устроить грандіозную политическую забастовку сдѣлать смотръ своимъ силамъ, сообща обсудить свои труды. И будетъ бой! Самодержавное правительство приметъ всѣ мѣры, чтобы утопить этотъ праздникъ въ крови, но эта пиррова побѣда, если только она будетъ, будетъ послѣдней.

Феодосія. Апрѣль. Полученный нами № 91 Искры, поразилъ насъ корреспонденціей изъ Феодосіи; мы поражены тѣмъ, что такія событія послѣ достаточнаго освѣщенія ихъ даже въ легальной печати (Южный Курьеръ, Русь, Крымскій Вѣстникъ) искажаются на основаніи частнаго письма. Событія перевраны самымъ безцеремоннымъ образомъ. 1. Послѣ петербургскихъ событій на почвѣ сочувственнаго и боевого настроенія Феодосійскихъ рабочихъ всеобщая стачка подготовлена мѣстной организаціей при дѣятельнѣйшемъ участіи Крымскаго Союза, а вовсе не полиціей, какъ сообщаетъ „корреспондентъ". 2. Стачка была подготовлена съ осмотрительностью и агитація была самая широкая — выпущена была масса листковъ; цѣлыя двѣ недѣли велись собранія — общія и по профессіямъ. Въ городѣ надѣялись и, какъ оказалось, вполнѣ основательно на всеобщую стачку. Въ порту (700 человѣкъ рабочихъ) не было вовсе организованныхъ и туда должны были пойти съ призывомъ присоединиться къ стачкѣ напослѣдокъ. Съ утра 8 го, какъ только стачка пріобрѣла характеръ всеобщей, за нашей спиной полиціей ведется усиленная тайная организація погрома при дѣятельнѣйшемъ участіи мѣстныхъ буржуа (Стамболи, Косенко и др. — см. отчеты о погромныхъ дѣлахъ въ Южномъ Курьерѣ). Настроеніе было настолько бодрое, что организація рѣшила устроить въ тотъ же день демонстрацію. О возможности погрома, объ организаціи громилъ никто даже и не думалъ. Организованныхъ рабочихъ было мало (40 человѣкъ). Вся сочувствующая какъ русская, такъ и еврейская масса — сѣрая, и потому, когда внезапно во время заминки рѣчи оратора (одного оратора, а не двухъ, какъ это говоритъ корреспондентъ), громилы съ Романовскимъ (полиціймейстеромъ) во главѣ стали кидать въ демонстрантовъ камнями, крича: „бей жидовъ" — всѣ разбѣжались. Нашими силами мы ничего не могли сдѣлать, кромѣ развѣ спасенія своихъ же. Вотъ факты. Болѣе подробно объ этомъ сообщалось нами въ корреспонденціяхъ (2-хъ), посланныхъ въ редакцію и въ подробнѣйшемъ отчетѣ. Если редакція ихъ не получила отъ насъ, то нужно было осторожнѣе относиться къ корреспонденціямъ частныхъ лицъ, сравнивая ихъ хотя бы съ сообщеніями легальныхъ газетъ, излагающихъ дѣло въ общемъ и цѣломъ совершенно правильно. Отъ имени всѣхъ организованныхъ рабочихъ мы обращаемся къ редакціи съ просьбой немедленно же помѣстить наше опроверженіе, чтобы не морочить товарищей-читателей Центральнаго Органа сообщеніями изъ темныхъ источниковъ. Опытъ стачки заставилъ организацію самымъ усиленнымъ образомъ взяться за упорную организаціонную работу. Она была въ высшей степени трудна. Осталось только тридцать человѣкъ. Деморализація послѣ погрома была страшнѣйшая. Пришлось работать въ тяжелой атмосферѣ несочувствія („это демократы виноваты въ погромѣ", говорила масса. „Не устрой они демонстраціи полиція не произвела бы погрома). Поэтому первыя двѣ недѣли агитаціонной работы почти не было. Далѣе, нами было устроено собраніе въ 60 человѣкъ, посвященное спеціально выясненію событій 8 февраля. Послѣ него работа пошла лучше. Число организованныхъ быстро растетъ. (Теперь изъ 70 человѣкъ организуются еще кружки). Устная агитація пошла тоже живѣе. Было собраніе въ 70 человѣкъ, посвященное крестьянскому движенію, въ 110 человѣкъ — о войнѣ и въ 170 — о „манифестѣ петербургскихъ рабочихъ". Массовыя собранія устраиваются каждую недѣлю и привлекаютъ все больше участниковъ (всего въ мѣсяцъ 410 человѣкъ). Летучихъ собраній — посвященныхъ ходу революціоннаго движенія — было 3 — въ 15, 30 и 60 человѣкъ (всего 105 участниковъ). Работа среди учащейся интеллигентной молодежи. Было также два летучихъ собранія интеллигентовъ (главнымъ образомъ молодежи) въ 35 человѣкъ (гимназисты и гимназистки) и въ 30 человѣкъ (воспитанники учительскаго Института), посвященные вопросу „объ интеллигенціи, ея роли въ современномъ революціонномъ движеніи и ея отношеніи къ соціализму и пролетаріату" 65 участниковъ). Работа среди солдатъ. Имѣются связи (человѣкъ 30), которыхъ приходится удовлетворять только личными бесѣдами и литературой, кружковъ организовать невозможно. Предполагается солдатская массовка. Распространялись листки. Всего было распространено: „Солдатская памятка" — 200 экз.; „Правда о войнѣ" — 500 экз. Работа среди запасныхъ. Связи имѣются съ 15 чел. (постоянныя). Кружковъ организовать невозможно. Будутъ массовки запасныхъ (сейчасъ нельзя, такъ какъ часть ихъ уѣхала домой на праздники). Связи въ Порту завязываются очень туго. Имѣется своихъ всего 4 человѣка. Листковъ распространяется мало по недостатку связей. Письменная агитація. Было распространено всего 5700 листковъ за мартъ: „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" — 1500 экземпляровъ; „Царское слово" — 600 экземпляровъ; „Солдатская памятка" — 2000 экземпляровъ; разныхъ 1600 экземпляровъ. Всего 5700 экземпляровъ. Пропаганда. Рабочихъ кружковъ 7 + центральный кружокъ = всего 72 человѣка. Занятій 21. (Нѣкоторые кружки организованы за конецъ марта и начало апрѣля. Посвящены были разбору программы (максимумъ), вопросу „о большинствѣ и меньшинствѣ", о съѣздѣ. Руководить устной агитаціей организованныхъ въ кружкахъ рабочихъ главнымъ образомъ представитель-членъ центральнаго кружка. Такихъ частныхъ (неполныхъ) собраній подсчитать нельзя. Для организованныхъ рабочихъ была устроена дискуссія съ П. Ц. Центральный кружокъ (было 8 практическихъ занятій и они не вошли въ число 21) состоитъ изъ 9 человѣкъ (6 рабочихъ и 1 интеллигентъ — представители кружковъ; централка имѣетъ право кооптаціи и сама назначаетъ представителей кружковъ; и 2 агитатора интеллигента). 4 представителя кружковъ — 3 раб. и 1 интел. — тоже агитаторы. Агитаторское собраніе состоитъ изъ 7 человѣкъ (3 интеллигента и 4 рабочихъ — 1 членъ кружка). Собранія устраиваются для обработки или агитаціи передъ каждой массовкой и летучкой иногда по 2 раза. Пропагандистское собраніе состоитъ изъ 7 членовъ. Были собранія для обработки пропагандистскихъ лекцій, и кромѣ того съ болѣе опытными товарищами пропагандисты посѣщаютъ ихъ кружки.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Первое мая. — Конгрессы.

Ровно годъ тому назадъ „Искра" (№ 64) въ статьѣ „Первое Мая" писала: „Встрѣченное восторгомъ рабочихъ разныхъ странъ, это (т. е. первомайское) празднество обѣщало, повидимому, стать такой небывалой еще манифестаціей, которой суждено расшатать современный порядокъ. Буржуазія повсюду съ трепетомъ ожидала наступленія рокового дня, и первыя майскія демонстраціи вызывали — въ силу этого трепета буржуазіи — открытыя революціонныя схватки пролетаріевъ съ вооруженной силой... Но прошли годы, и буржуазный міръ приспособился къ ежегодной революціонной демонстраціи своего врага. Политическая борьба организованнаго пролетаріата такъ осложнилась, что терявшая агитаціонную свѣжесть новизны, годичная демонстрація стала занимать во всей борьбѣ относительно все болѣе скромную роль".

Констатировавъ, такимъ образомъ, фактъ временнаго ослабленія „политическаго значенія майскаго празднества", „Искра", однако же, продолжала: „15-ая годовщина майскаго праздника наступаетъ наканунѣ... поворотнаго момента. Сѣрыя будни промышленнаго благополучія и общественной реакціи, не дававшія развиться подавшимъ столько надеждъ росткамъ революціонной манифестаціи интернаціонализма, — эти будни смѣнились періодомъ общественныхъ потрясеній... Наканунѣ этого новаго поворота исторіи, майская агитація вновь пріобрѣтаетъ значеніе непосредственной подготовки къ не знающей государственныхъ рамокъ революціонной схваткѣ съ буржуазнымъ міромъ".

Всѣ событія истекшаго года — начиная съ всеобщей стачки итальянскихъ рабочихъ и кончая послѣдними событіями въ Лиможѣ — и первомайскія демонстраціи во всѣхъ почти крупныхъ центрахъ Западной Европы подтвердили сдѣланный годъ тому назадъ анализъ совершающагося въ жизни цивилизованныхъ странъ поворота. Почти вездѣ въ нынѣшнемъ году первое мая праздновалось съ давно невиданнымъ энтузіазмомъ; почти вездѣ число неработавшихъ въ этотъ день и принимавшихъ участіе въ демонстраціяхъ значительно увеличилось по сравненію съ прошлыми годами.

Этотъ переворотъ, совершающійся въ настроеніи пролетаріата подъ вліяніемъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій, особенно сильно обнаружился *во Франціи*, гдѣ до сихъ поръ, за очень рѣдкими исключеніями, къ первомайскому празднеству относились очень холодно. Не то въ нынѣшнемъ: во всѣхъ большихъ центрахъ: въ Сентъ-Этьенѣ, Сеттѣ, Лиможѣ, Реймсѣ, Тулонѣ, въ Монсо,Ліонѣ, Нантѣ, Марселѣ, Фурми и проч. и проч. — всеобщія или частичныя стачки. Почти во всѣхъ этихъ городахъ устроены уличныя демонстраціи, въ которыхъ приняли участіе десятки тысячъ пролетаріевъ. Въ Лиможѣ рабочіе демонстрировали надъ гробомъ убитаго во время послѣднихъ событій Варделя. Въ Марселѣ даже казенная спичечная фабрика была закрыта, а въ Тулонѣ военный министръ освободилъ на полъ дня рабочихъ оружейной фабрики. Въ Роанѣ манифестанты на своемъ пути заставили закрыть всѣ фабрики, мастерскія и магазины; въ Тулонѣ прекращено было и движеніе городского трамвая.

Въ *Германіи*, не смотря на широкую пропаганду оппортюнистовъ, направленную противъ демонстративнаго празднованія перваго мая, не смотря на сдѣланныя этими господами точныя исчисленія количеству грошей, теряемыхъ пролетаріатомъ въ день перваго мая, вѣроятнѣе всего на перекоръ этой пропагандѣ и этимъ исчисленіямъ, всеобщая забастовка въ день перваго мая распространилась на болѣе многочисленные слои пролетаріата, чѣмъ это имѣло мѣсто во всѣ предыдущіе годы. Вожаки большихъ профессіональныхъ союзовъ, доказывавшіе вскорѣ послѣ амстердамскаго конгресса, что германскому пролетаріату надоѣла эта дѣтская комедія, получили хорошій урокъ политической мудрости. Обычный терроризмъ предпринимателей, грозившихъ закрыть мастерскія для бастующихъ въ день перваго мая, конечно, тоже не повліялъ на настроеніе рабочихъ и содѣйствовалъ лишь усиленію ихъ революціоннаго воодушевленія.

Въ *Италіи* въ этотъ день не работали нигдѣ, даже въ казенныхъ мастерскихъ. Во многихъ городахъ пріостановлено было и движеніе конки. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ коммунальное управленіе находится въ рукахъ соціалистовъ, школы были также закрыты. Массовая уличная демонстрація имѣла мѣсто въ Туринѣ и въ другихъ городахъ несмотря на запрещеніе правительства. Далѣе съ такимъ же энтузіазмомъ первое мая праздновалось въ Австріи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Даніи, словомъ вездѣ, гдѣ рабы капитала готовятся разорвать сковывающія ихъ цѣпи, чтобы создать новое царство равенства и братства всѣхъ людей и всѣхъ народовъ.

⁂

Рабочіе всѣхъ странъ пользуются весеннимъ праздникомъ для устройства своихъ профессіональныхъ и политическихъ конгрессовъ. Было ихъ много и во время пасхальныхъ праздниковъ нынѣшняго года.

На первомъ мѣстѣ укажемъ на четвертый конгрессъ Соціалистической партіи Франціи (гэдистовъ и бланкистовъ) — послѣдній конгрессъ наканунѣ окончательнаго объединенія партіи. Въ свое время мы сообщили о Руанскомъ конгрессѣ Жорэсистовъ, который пришлось созвать незадолго до объединительнаго конгресса въ виду того, что между парламентской фракціей и центральнымъ комитетомъ партіи возникли довольно крупныя разногласія. Внутри соціалистической партіи Франціи такихъ разногласій не было, но тѣмъ не менѣе она нашла нужнымъ собраться для того, чтобы сговориться на счетъ условій предстоявшаго объединенія. Нѣкоторые пессимисты высказывались скептически на счетъ возможныхъ результатовъ этого объединенія, но имъ въ очень страстной рѣчи возразилъ Гэдъ, доказывавшій, что, если весьма законно недовѣріе къ нѣкоторымъ элементамъ другой фракціи, то надо помнить, что эти элементы войдутъ въ соединенную партію отказавшись отъ своего прошлаго и подписавшись подъ амстердамско-дрезденской резолюціей. Въ объединенной партіи, увѣрялъ Гэдъ, будутъ преобладать революціонно-пролетарскіе элементы, такъ какъ вся жорэсистская лѣвая всегда станетъ на сторону революціонной тактики. Кромѣ того, объединенная партія сумѣетъ предпринять рядъ практическихъ шаговъ для соединенія съ Конфедераціей Труда, т. е. привести къ полному объединенію пролетарскихъ силъ Франціи. Рѣчь Гэда произвела сильное впечатлѣніе. Она въ ясной формѣ подчеркнула всѣ тѣ моменты, которые толкали обѣ французскія партіи къ единству: во-первыхъ, амстердамская резолюція, создавшая принципіальную основу для объединенія; во-вторыхъ, недвусмысленно выраженное желаніе пролетарскихъ элементовъ обѣихъ партій подчиниться рѣшенію амстердамскаго конгресса; въ-третьихъ, усиленіе позиціи лѣвой въ жорэсистской фракціи и, наконецъ, въ-четвертыхъ, потребность положить конецъ все растущему расколу между политическимъ и профессіональнымъ движеніемъ французскаго пролетаріата.

Имѣвшіе мѣсто около того же времени конгрессы двухъ *англійскихъ* соціалистическихъ партій не привели пока къ соединенію этихъ партій. Хотя на томъ и на другомъ конгрессѣ вопросъ былъ поставленъ, но и тамъ и тутъ предложеніе объ объединеніи было отвергнуто. Впрочемъ, обѣ партіи по сію пору еще остаются скорѣе сектами, чѣмъ политическими партіями, и политическимъ вліяніемъ не пользуется ни безпринципная Независимая Рабочая Партія, ни сектантски-ортодоксальная Соціальдемократическая Федерація. Наврядъ ли отъ ихъ соединенія что-нибудь измѣнилось бы въ политической жизни Англіи.

Голландской Соціальдемократической Рабочей Партіи все никакъ не удается отмежеваться ни отъ буржуазной демократіи, ни отъ анархизма. Почти на каждомъ конгрессѣ, то по одному, то по другому поводу приходится принимать или подтверждать резолюціи о вѣрности старой тактикѣ партіи, которой при самомъ своемъ зарожденіи приходилось именно подчеркивать свое отличіе и отъ буржуазныхъ демократовъ и отъ анархистовъ. Но, очевидно, существуютъ въ самой жизни Голландіи объективныя условія, толкающія тѣ или иныя части партіи на постоянные компромиссы съ ея завѣдомыми врагами. Пришлось, поэтому, и на 11-омъ конгрессѣ партіи считаться съ этимъ зломъ, указать на рядъ недочетовъ въ дѣятельности центральнаго комитета партіи, пошедшаго во время муниципальныхъ выборовъ на нежелательный компромиссъ, и съ другой стороны потребовать отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ группъ подчиненія общепартійной дисциплинѣ.

Конгрессъ *венгерской* соціальдемократіи, происходившій въ Буда Пештѣ, обнаружилъ непрестанный ростъ партіи, не смотря на многочисленныя препятствія, мѣшающія ея развитію. Не смотря на развиваемый правящими классами національный шовинизмъ, венгерская соціальдемократическая партія включаетъ рабочихъ всѣхъ населяющихъ страну націй, и всѣ онѣ были представлены на съѣздѣ. Въ первый разъ на этотъ разъ были на партійномъ съѣздѣ и женщины. Кромѣ того, предшествовавшая съѣзду конференція сельско-хозяйственныхъ рабочихъ приняла рѣшенія объ улучшеніи своей организаціи и созданіи самостоятельной газеты для венгерскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Упомянемъ еще вкратцѣ о съѣздахъ саксонскихъ и вюртембергскихъ соціальдемократовъ. Первый изъ этихъ конгрессовъ занялся главнымъ образомъ вопросомъ объ участіи въ выборахъ въ саксонскій ландтагъ. Всѣ помнятъ, что саксонскій пролетаріатъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишенъ равнаго избирательнаго права, которое замѣнено цензовымъ, такъ называемымъ трехклассным. До сихъ поръ саксонскимъ соціальдемократамъ не удалось провести въ ландтагъ ни одного соціальдемократа, и у многихъ явилось стремленіе совершенно отказаться отъ участія въ выборахъ при теперешней системѣ, а вмѣсто этого начать агитацію въ пользу равнаго избирательнаго права. На это указывали другіе, что именно участіе въ выборахъ при теперешней системѣ является лучшимъ поводомъ для агитаціи въ пользу завоеванія всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ рабочіе воочію убѣждаются въ негодности существующей системы. Огромное большинство делегатовъ съѣзда рѣшило, поэтому, участвовать въ выборахъ и постараться успѣхъ и неуспѣхъ использовать въ интересахъ дальнѣйшей борьбы за равное избирательное право.

На вюртембергскомъ конгрессѣ очень много говорили объ отношеніи къ демократіи. Нѣкоторые находили, что слишкомъ рѣзкая критика штутгартской соціальдемократической газеты толкнула демократовъ вправо и сдѣлала, поэтому, положеніе нѣкоторыхъ соціальдемократическихъ организацій болѣе затруднительнымъ. Но большинство ораторовъ вполнѣ оправдывало отношеніе соціальдемократической газеты, находя, что рѣзкость критики была вызвана измѣной демократовъ своимъ демократическимъ принципамъ. Въ результатѣ была принята резолюція, подтверждающая правильность тактики указанной газеты, оправдываемой тѣмъ, что демократы перестали быть демократами и не являются уже тѣмъ „меньшимъ зломъ", къ которому приходится обращаться, чтобы избѣжать большаго.

О многочисленныхъ профессіональныхъ конгрессахъ, можетъ быть, когда-нибудь въ другой разъ въ связи съ поднятыми на нихъ вопросами.

ИЗЪ ПАРТІИ.

КЪ ОРГАНИЗАЦІОННОМУ ВОПРОСУ.

(Письмо изъ Кіева).

Тяжело и больно слышать теперь, въ періодъ агоніи самодержавія, когда оно хватается за послѣднюю свою реакціонную мѣру — натравливанія одной націи на другую, призывая на помощь всѣ темныя силы, теперь, когда и должна была бы быть положительная работа на почвѣ политическаго воспитанія пролетаріата, теперь тяжело слышать голосъ Совѣта Партіи, призывающаго высказаться: сохраняютъ ли комитеты, организаціи и группы довѣріе къ Центральнымъ Учрежденіямъ Партіи?

При всей нашей, очень плохой освѣдомленности о положеніи дѣлъ въ партіи, мы все же констатируемъ невозможность высказаться положительно въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

А это происходитъ по той причинѣ, что не знаешь, къ какому учрежденію питать довѣріе, когда не знаешь ихъ состава. Хотя и смѣшно въ конспиративной организаціи знать о составѣ Центральныхъ Учрежденій, но все же приходится такъ говорить, потому что, высказавъ теперь довѣріе одному хотя бы Ц. К., становишься противъ Совѣта Партіи, или же наоборотъ и, главное, не знаешь, какія осложненія ждутъ послѣ „открытаго выраженія мнѣнія". Какъ ни странно говорить объ этомъ, но я возьму для примѣра хотя бы Кіевскій комитетъ: что ждетъ его, если бы онъ, высказавшись противъ съѣзда, былъ послѣдовательнымъ и, не дѣлая оговорки „если большинство организацій выскажется за съѣздъ", не послалъ бы своего делегата? Кто былъ бы внѣ партіи — Кіевскій комитетъ, присоединяясь къ Совѣту Партіи, или Центральный Комитетъ, въ противовѣсъ Совѣту Партіи ратующій за съѣздъ и, какъ слыхалъ я, передавшій „Организаціонному Бюро" свои полномочія (!?) по созыву съѣзда?

Если это такъ, и „Организаціонное Бюро", которое состоитъ изъ „впередовцевъ", созываетъ съѣздъ тѣхъ, которые „сидѣли" насильно въ комитетахъ, чтобы „поѣхать" на съѣздъ вопреки волѣ организацій (см. прежній Екатеринославскій комитетъ), то уже по одному этому призывъ Совѣта Партіи „не подчиняться принудительному проведенію въ партійную жизнь постановленій съѣзда" встрѣтитъ горячее сочувствіе въ средѣ большинства организацій.

Я вижу злорадную усмѣшку „впередовца", который въ моихъ словахъ найдетъ подтвержденіе „дезорганизаторской" (?) политики Совѣта Партіи" и скажетъ: вотъ онъ „...истъ, ...истъ, ...истъ", воспитанный „меньшинствомъ", который не признаетъ... *принудительнаго* подчиненія! Я, прошедшій „школу большинства" и не однажды слышавшій грозный окрикъ „не угодно — можете убираться", и знающій опредѣленіе „большевика" (члена комитета въ Екатеринославѣ), что „отъ солдатской дисциплины партійная отличается тѣмъ, что изъ партіи можно выйти когда угодно, и за это партія не взыщетъ", [1] я все-таки говорю: не подчиненіе предъ кулакомъ, а передъ моральнымъ перевѣсомъ.

Товарищи! Я слышу, что многіе скажутъ, — въ письмѣ моемъ нѣтъ послѣдовательности, все какъ то смѣшано... спутано... Да, это потому, что не знаешь, что дѣлать, видя, какъ съѣздъ отымаетъ много силъ, и знаешь навѣрняка, что онъ только болѣе обостритъ расколъ; не знаешь, кричать ли: бросьте съѣздъ, когда знаешь, что уже поздно — „съѣхались, схватились", и говорить ли въ догонку: ни къ чему не приведетъ борьба за центры, когда „фундамента" нѣтъ; или же идти на агитаціонное собраніе, зная, что твои силы парализуются борьбой вверху.

Товарищи! не возлагайте надеждъ на съѣздъ, не ждите отъ него объединенія двухъ „враждующихъ" сторонъ, а устанавливайте работу на мѣстахъ.

Много возгласовъ раздается у насъ: „шире двери для рабочихъ, пусть ихъ силы освѣжатъ нашу партію. Пусть войдутъ рабочіе во всѣ учрежденія"... Но гдѣ практическія указанія, какъ это сдѣлать, въ какія конкретныя формы облекать наши дѣйствія, чтобы дѣйствительно наша партія стала пролетарской, выдѣляющей своихъ вождей пролетаріевъ, такъ какъ одной незначительной „пролетарской" интеллигенціи, понимающей свои цѣли *воспитанія* пролетаріата и созданія *партіи пролетаріата*, а не однихъ центровъ, у насъ слишкомъ мало.

У насъ до сихъ поръ были „революціонеры-педагоги", учившіе рабочихъ научному соціализму, но не только не вовлекавшіе ихъ въ партійную жизнь, но и не дававшіе имъ практической возможности отвѣчать съ соціальдемократической точки зрѣнія на повседневныя явленія.

Теперь перешли къ другой формѣ пропаганды, дающей возможность самимъ рабочимъ приступать къ агитаціи съ соціальдемократической точки зрѣнія, на почвѣ повседневныхъ явленій. Такимъ образомъ, упраздняются тѣ „кадры сознательныхъ рабочихъ", создававшихся съ такимъ трудомъ и не имѣвшихъ точки приложенія въ агитаціи, не знавшихъ съ какой стороны подступить къ безсознательному рабочему (это — наѣвшись научнымъ соціализмомъ), не умѣвшихъ реагировать на повседневные факты богатой преступленіями дѣятельности царскаго самодержавія.

Теперь 9-е января показало всему міру, что и въ Россіи есть пролетаріатъ, и организованный, и сознательный, и вслѣдъ за тѣмъ, всеобщія стачки по всей странѣ отвѣтили на призывъ петербургскихъ рабочихъ. Это массовое движеніе перевернуло форму нашей организаціи и агитаціи.

„Диктатура надъ пролетаріатомъ", его „прирожденный оппортунизмъ" отстраняются теперь пренебрежительнымъ движеніемъ руки, но „большинство", какъ капризныя дѣти, продолжаетъ, надувъ губки, упорствовать и цѣпляться за мелочи.

„Товарищи" (?), ужъ ваша пѣсенка спѣта, довольно же шалить, заигрывать разными съѣздами, приказами „подать отвѣтъ въ 24 часа" (см. рез. тифлисск. раб.), и воображать, что можно „кающихся не миловать". Довольно, ваши шалости вредятъ. Рабочіе выросли. Слишкомъ много претерпѣли они въ годину послѣсъѣздовскую, чтобы еще разъ остаться въ неизвѣстности на счетъ того, что же теперь дѣлать? Сознательный пролетаріатъ въ организаціяхъ ужъ пересталъ оказывать только пассивное сопротивленіе выходомъ изъ организацій.

Соберите ка рядъ резолюцій рабочихъ и взгляните, сколько рѣшимости и энергіи въ ихъ простыхъ, но непоколебимыхъ словахъ, и вы увидите, что не удастся взять ихъ подъ свою опеку ибо „я выросъ и самъ хочу быть и буду вершителемъ своей судьбы", говоритъ рабочій. Смиритесь-же...

Не только „поощреніе" Совѣта Партіи „не подчиняться постановленіямъ съѣзда", но его долгая и упорная борьба доказала рабочему, что не въ созданіи сильныхъ (?) центровъ спасеніе, а въ созданіи сильныхъ и прочныхъ организацій, которые создадутъ и базу для центральныхъ учрежденій. И только тогда, когда создадутся сильныя организаціи на мѣстахъ, этотъ регуляторъ отъ шатаній и пареній, только тогда центральныя учрежденія будутъ обладать тѣмъ моральнымъ значеніемъ, которое необходимо для того, чтобы стать дѣйствительнымъ представителемъ партіи. И до тѣхъ поръ, покуда нѣтъ у насъ такого положенія, никакіе съѣзды, никакіе центры, разъ упавши въ его глазахъ (второй съѣздъ), не заставятъ его подчиниться пунктамъ и уставамъ.

Первый шагъ сдѣланъ „меньшинствомъ". Оно первое забило тревогу и, сдавленное „большинствомъ", провозгласило самодѣятельность (конечно, не такъ, какъ „большинство", выхваляясь: дескать, мы первые сказали, чтобы вводить рабочихъ въ комитеты). Не въ рабочемъ комитетчикѣ спасеніе, а въ томъ, чтобы рѣшеніе комитета было рѣшеніемъ всей организаціи. Комитетъ всѣ партійные вопросы долженъ проводить черезъ организаціи.

Но какъ же все-таки поднять рабочихъ, чтобы они были „компетентны" во всѣхъ партійныхъ рѣшеніяхъ?

Надо устанавливать работу *коллегій*. Не руководитель района или заводского комитета долженъ вести всю работу, а сами районы, сами заводскіе комитеты.

Только тогда устранится возможность умѣлому „пропагандисту" стать неумѣлымъ „практическимъ руководителемъ". И только тогда практическая работа и, главное, *практическое, политическое и партійное* воспитаніе пролетаріата не будетъ дѣломъ „усмотрѣнія" руководителей. И только тогда „рабочій" (авторъ „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ"), не скажетъ, что нами руководятъ „студенты, сошедшіе со школьной скамьи пропаганды". А до тѣхъ поръ и я и десятки и больше рабочихъ будутъ повторять за „рабочимъ", что, „интеллигенты раньше, чѣмъ идти на выучку къ пролетаріату становятся его руководителями".

За работу же, товарищи! Не концентрируйте „рѣшеній" въ комитетахъ, а выносите ихъ на обсужденіе не только районовъ, но и заводскихъ комитетовъ и даже кружковъ. Если мы дѣйствительно выразители и руководители пролетаріата, то мы съумѣемъ и черезъ кружки провести наши „строго ортодоксальныя рѣшенія".

И только тогда наши организаціонныя „ячейки" не будутъ механически пристегнуты къ организаціи черезъ своего „представителя".

Да здравствуетъ же Р. С.-Д. Р. П.!—Партія пролетаріата!

Рабочій „въ резервѣ".

Отчетъ конференціи Донецкаго Союза.

За послѣдній годъ условія и обстановка, при которой приходилось работать Донецкому Союзу, значительно измѣнились. Война и ея спутники—кризисъ въ промышленности, мобилизаціи, полный крахъ самодержавія на полѣ брани—все это произвело громадный переворотъ въ умахъ и настроеніи рабочихъ донецкаго района.

Острое недовольство своимъ положеніемъ, глухое броженіе наблюдалось все это время даже въ самыхъ темныхъ, пришлыхъ массахъ рабочаго люда — соотвѣтственно съ этимъ, должна была расширяться и принять болѣе планомѣрный и систематическій характеръ работа всѣхъ группъ и кружковъ Донецкаго Союза. Необходимо было уже создать прочныя группы въ разныхъ пунктахъ района, усилить издательскую дѣятельность, расширить и упрочить связи на заводахъ и рудникахъ, придать печатной и устной агитаціи болѣе планомѣрный характеръ.

Къ сожалѣнію, 1904 годъ былъ однимъ изъ самыхъ худыхъ для Донецкаго Союза. Цѣлый рядъ проваловъ, отчасти благодаря провокаціи, совершенно обезсилили организаціи, особенно Юзовскую и центръ, и не позволяли установить работу на сколько нибудь продолжительное время.

Мѣшало и мѣшаетъ до сихъ поръ работѣ Союза отсутствіе крупнаго культурнаго, интеллигентнаго центра, гдѣ бы можно было создать базисъ Союза и черпать силы и средства для борьбы. Къ тому же долгое время отсутствовалъ руководящій органъ Союза и его функціи исполнялъ Донской комитетъ. Партійный кризисъ и связанная съ нимъ дезорганизація внутри партіи также отразились крайне неблагопріятно на работѣ Союза: сюда почти не направлялись силы и средства партіи.

Вотъ почему въ концѣ 1904 года, по иниціативѣ Юзовской группы, была основана самостоятельная техника для Донецкаго района, и въ началѣ 1905 года было приступлено къ подготовкѣ конференціи, которая заново съорганизовала бы Союзъ и центръ и, связавъ работу въ Донецкомъ районѣ съ работой во всей партіи, возстановила бы Донецкій Союзъ, какъ самостоятельную партійную организацію, каковой она была прежде.

Недавно состоялась эта конференція.

На совѣщаніе были присланы товарищи-делегаты отъ юзовской, бахмутской, маріупольской и петровской (ст. Волынцево) группъ и отъ Горнаго комитета (въ Луганскѣ); съ совѣщательнымъ голосомъ былъ приглашенъ и делегатъ отъ Донского комитета, но послѣдній по случайной причинѣ не явился.

Обсужденію подлежали слѣдующіе вопросы, предложенные бюро конференціи:

1) Отчеты о дѣятельности группъ за все время отъ II съѣзда.
2) Организація центра Союза и группъ.
3) Отношеніе къ III съѣзду.
4) Планъ работы на ближайшее будущее.
5) Работа въ деревнѣ.

Изъ отчетовъ выяснилось, съ одной стороны, указанное выше ненормальное положеніе, въ которомъ находились за отчетный періодъ группы Донецкаго Союза, съ другой — крайне повышенное настроеніе рабочихъ во всемъ Донецкомъ бассейнѣ, особенно подъ вліяніемъ январьскихъ событій, вызвавшихъ во всемъ районѣ, въ первый разъ, всеобщія стачки, почти вездѣ экономическаго характера, за исключеніемъ Луганска: здѣсь всеобщія стачки носили очень яркій политическій оттѣнокъ. За недостаткомъ силъ, почти всѣ группы не могли въ достаточной степени охватить движеніе и использовать его.

За полтора года во всемъ районѣ было распространено до 200.000 листковъ Донецкаго Союза, Донского комитета, Екат. ком. и отчасти Ц. К. Выяснилось, что въ районѣ дѣятельности каждой группы, кромѣ Маріуполя, насчитывается до 40.000 рабочихъ, связи вездѣ значительно расширились: каждый листокъ общаго характера можетъ быть распространенъ во всемъ районѣ въ количествѣ до 20 000 экземпляровъ. Доходъ всѣхъ группъ за отчетное время не превышалъ 3.000 руб. въ общей сложности и составлялся изъ суммъ, собранныхъ среди рабочихъ, учащихся, интеллигенціи, отъ продажи карточекъ, литературы и т. д. Нѣкоторую помощь группамъ оказывалъ Донской комитетъ.

Однако, группы все время испытывали нужду въ людяхъ, деньгахъ и литературѣ.

Обсужденіе второго вопроса вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Рѣшено было:

1) для образованія самостоятельнаго центра Союза выбрать одного товарища и поручить ему, совмѣстно съ Донскимъ ком. съорганизовать новый составъ Донецкаго комитета. Кромѣ того, найдено необходимымъ немедленно усилить мѣстныя группы людьми, литературой и т. д.

2) комитетъ долженъ находиться въ самомъ тѣсномъ общеніи съ группами, руководить ихъ политической агитаціей, распредѣлять силы по группамъ, устраивать ежемѣсячныя конференціи групповыхъ работниковъ;

3) группы автономны въ своихъ дѣлахъ и пользуются правомъ рѣшающаго голоса при обсужденіи всѣхъ общепартійныхъ вопросовъ;

4) группы отчисляютъ комитету 25 проц. своего дохода;

5) высказано пожеланіе имѣть въ районѣ, по крайней мѣрѣ, одного разъѣздного агитатора для массовокъ;

6) группы доставляютъ комитету ежемѣсячные отчеты, сводку которыхъ комитетъ разсылаетъ по группамъ и центральнымъ учрежденіямъ партіи.

Третьему пункту — отношеніе къ III съѣзду — предшествовалъ докладъ бюро конференціи о положеніи дѣлъ въ партіи. Ознакомившись съ условіями подготовки III съѣзда, конференція выразила протестъ: а) противъ созыва съѣзда въ такую горячую революціонную пору; б) противъ ненормальной подготовки съѣзда: комитеты и группы, а также и ихъ периферійныя организаціи, не успѣли обсудить вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію съѣзда; нѣкоторыя организаціи лишены права рѣшающаго голоса и т. д. Такимъ образомъ, на съѣздѣ не можетъ быть полнаго представительства партіи.

Принимая, однако, во вниманіе, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ (отъ товарищей изъ Донск. ком., Екатер. ком. и Петерб.), за съѣздъ высказалось три четверти организацій, и „съѣздъ", по уставу, можетъ быть объявленъ „общепартійнымъ" [1]), конференція Донецкаго Союза, имѣя въ виду, что отсутствіе на этомъ „съѣздѣ" делегатовъ отъ комитетовъ м-ства можетъ привести партію къ расколу—посылаетъ своего делегата и поручаетъ ему, доложивъ съѣзду настоящую резолюцію: а) внести предложеніе о превращеніи „съѣзда" въ конференцію для выработки условій заключенія мира въ партіи; б) приложить всѣ усилія къ полному объединенію силъ партіи; в) отстаивать позицію меньшинства во всѣхъ вопросахъ, подлежащихъ рѣшенію „съѣзда", если таковой все же состоится; г) регулярно сообщать Донецкому комитету о работахъ съѣзда.

По пункту четвертому порядка дня — планъ работы на ближайшее будущее — совѣщаніе, за недостаткомъ времени, ограничилось небольшимъ обмѣномъ мнѣній, признавъ необходимымъ сосредоточить все вниманіе группъ на агитаціи по поводу коммиссій Коковцева и Булыгина, а также по поводу перваго мая. Комитету поручено войти въ сношенія съ другими партійными организаціями по этимъ вопросамъ и дѣйствовать съ ними сообща.

Обращалось также вниманіе на особый характеръ агитаціи въ данномъ районѣ, обусловливаемый низкой степенью развитія и большою отсталостью рабочей массы Донецкаго бассейна отъ рабочихъ крупныхъ промышленныхъ городскихъ центровъ.

При обсужденіи вопроса о постановкѣ работы въ деревнѣ, конференція постановила: обратить особое вниманіе на укрѣпленіе связей въ деревнѣ и на изданіе и распространеніе спеціальныхъ листковъ къ крестьянамъ.

За недостаткомъ времени пришлось отложить цѣлый рядъ очень интересныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ товарищами на конференціи. Изъ числа ихъ былъ разсмотрѣнъ лишь одинъ — о вооруженіи — и послѣ обсужденія письма ред. Ц. О. по этому вопросу, рѣшено было предпринять въ этомъ направленіи рядъ практическихъ шаговъ и вести усиленную агитацію въ массахъ по поводу самовооруженія.

Отчетъ о конференціи было поручено составить и опубликовать вновь организующемуся Донецкому комитету.

Въ настоящее время комитетъ приступилъ уже къ работѣ, въ надеждѣ, что партія поможетъ ему поставить работу въ Донецкомъ округѣ на должную высоту.

Донецкій комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

14 апрѣля, 1905 г.

Резолюція Московской Группы.

КО ВСѢМЪ ПАРТІЙНЫМЪ РАБОТНИКАМЪ.

Товарищи! Современный политическій моментъ въ Россіи ставитъ предъ нами неотложныя и трудныя задачи: рѣшительная борьба съ самодержавіемъ, которую открыто и смѣло велъ пролетаріатъ впродолженіе послѣдняго десятилѣтія, неудачная военная авантюра, дискредитировавшая правительство во всѣхъ группахъ населенія, вытолкнули на арену политической борьбы нерѣшительную по своей природѣ и робкую до послѣдняго времени буржуазію. Самодержавіе оказалось безъ поддержки: всѣ классы общества явились его врагами. Оно зашаталось, и моментъ его паденія близокъ — каждый наступающій день можетъ быть днемъ его паденія, и мы, соціальдемократы, должны собрать всѣ свои силы для приближенія этого дня. Съ другой стороны, выступившая буржуазія заставляетъ партію ясно опредѣлить свое отношеніе къ либеральной оппозиціи и въ самыхъ широкихъ рабочихъ массахъ провести мысль, что либералы намъ союзники на часъ; что завоеваніе политической свободы немедленно отбрасываетъ насъ на противоположные полюсы, что къ достиженію политической свободы мы идемъ съ діаметрально противоположными цѣлями. Моментъ рѣшительный и серьезный. Мы должны мобилизовать всѣ свои силы для окончательной схватки съ самодержавіемъ, какъ самостоятельная партія пролетаріата. Организаціонныя разногласія, по нашему мнѣнію, по мнѣнію партійнаго „меньшинства", должны улаживаться внутри организаціи — мы заявили, что мы можемъ и должны работать вмѣстѣ съ „большинствомъ". Но не такъ думаетъ „большинство". Оно упорно вело и ведетъ къ расколу. Б. К. Б. рѣшило созвать съѣздъ для подавленія „меньшинства". Тов. Бебель предложилъ третейскій судъ съ двумя выборными представителями отъ каждаго направленія для улаженія нашихъ партійныхъ дѣлъ, — мы съ радостью приняли это предложеніе и выбрали, съ своей стороны, двухъ нѣмецкихъ тіи, ни отъ анархизма. Почти на каждомъ конгрессѣ, то по одному, то по другому поводу приходится принимать или подтверждать резолюціи о вѣрности старой тактикѣ партіи, которой при самомъ своемъ зарожденіи приходилось именно подчеркивать свое отличіе и отъ буржуазныхъ демократовъ и отъ анархистовъ. Но, очевидно, существуютъ въ самой жизни Голландіи объективныя условія, толкающія тѣ или иныя части партіи на постоянные компромиссы съ ея завѣдомыми врагами. Пришлось, поэтому, и на 11-омъ конгрессѣ партіи считаться съ этимъ зломъ, указать на рядъ недочетовъ въ дѣятельности центральнаго комитета партіи, пошедшаго во время муниципальныхъ выборовъ на нежелательный компромиссъ, и съ другой стороны потребовать отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ группъ подчиненія общепартійной дисциплинѣ.

---

[1] Это опредѣленіе было дано членомъ комитета въ Екатеринославѣ на районномъ собраніи.

[1] Свѣдѣнія у донецкихъ товарищей были невѣрныя. *(Ред).*

Конгрессъ *венгерской* соціальдемократіи, происходившій въ Буда Пештѣ, обнаружилъ непрестанный ростъ партіи, не смотря на многочисленныя препятствія, мѣшающія ея развитію. Не смотря на развиваемый правящими классами національный шовинизмъ, венгерская соціальдемократическая партія включаетъ рабочихъ всѣхъ населяющихъ страну націй, и всѣ онѣ были представлены на съѣздѣ. Въ первый разъ на этотъ разъ были на партійномъ съѣздѣ и женщины. Кромѣ того, предшествовавшая съѣзду конференція сельско-хозяйственныхъ рабочихъ приняла рѣшенія объ улучшеніи своей организаціи и созданіи самостоятельной газеты для венгерскихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Упомянемъ еще вкратцѣ о съѣздахъ саксонскихъ и вюртембергскихъ соціальдемократовъ. Первый изъ этихъ конгрессовъ занялся главнымъ образомъ вопросомъ объ участіи въ выборахъ въ саксонскій ландтагъ. Всѣ помнятъ, что саксонскій пролетаріатъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишенъ равнаго избирательнаго права, которое замѣнено цензовымъ, такъ называемымъ трехкласснымъ. До сихъ поръ саксонскимъ соціальдемократамъ не удалось провести въ ландтагъ ни одного соціальдемократа, и у многихъ явилось стремленіе совершенно отказаться отъ участія въ выборахъ при теперешней системѣ, а вмѣсто этого начать агитацію въ пользу равнаго избирательнаго права. На это указывали другіе, что именно участіе въ выборахъ при теперешней системѣ является лучшимъ поводомъ для агитаціи въ пользу завоеванія всеобщаго избирательнаго права, такъ какъ рабочіе воочію убѣждаются въ негодности существующей системы. Огромное большинство делегатовъ съѣзда рѣшило, поэтому, участвовать въ выборахъ и постараться успѣхи и неуспѣхи использовать въ интересахъ дальнѣйшей борьбы за равное избирательное право.

На вюртембергскомъ конгрессѣ очень много говорили объ отношеніи къ демократіи. Нѣкоторые находили, что слишкомъ рѣзкая критика штутгартской соціальдемократической газеты толкнула демократовъ вправо и сдѣлала, поэтому, положеніе нѣкоторыхъ соціальдемократическихъ организацій болѣе затруднительнымъ. Но большинство ораторовъ вполнѣ оправдывало отношеніе соціальдемократической газеты, находя, что рѣзкость критики была вызвана измѣной демократовъ своимъ демократическимъ принципамъ. Въ результатѣ была принята резолюція, подтверждающая правильность тактики указанной газеты, оправдываемой тѣмъ, что демократы перестали быть демократами и не являются уже тѣмъ „меньшимъ зломъ", къ которому приходится обращаться, чтобы избѣжать большаго.

О многочисленныхъ профессіональныхъ конгрессахъ, можетъ быть, когда-нибудь въ другой разъ въ связи съ поднятыми на нихъ вопросами.

ИЗЪ ПАРТІИ.

КЪ ОРГАНИЗАЦІОННОМУ ВОПРОСУ.

(Письмо изъ Кіева).

Тяжело и больно слышать теперь, въ періодъ агоніи самодержавія, когда оно хватается за послѣднюю свою реакціонную мѣру — натравливаніе одной націи на другую, призывая на помощь всѣ темныя силы, теперь, когда и должна была бы быть положительная работа на почвѣ политическаго воспитанія пролетаріата, теперь тяжело слышать голосъ Совѣта Партіи, призывающаго высказаться: сохраняютъ ли комитеты, организаціи и группы довѣріе къ Центральнымъ Учрежденіямъ Партіи?

При всей нашей, очень плохой освѣдомленности о положеніи дѣлъ въ партіи, мы все же констатируемъ невозможность высказаться положительно въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ.

А это происходитъ по той причинѣ, что не знаешь, къ какому учрежденію питать довѣріе, когда не знаешь ихъ состава. Хотя и смѣшно въ конспиративной организаціи знать о составѣ Центральныхъ Учрежденій, но все же приходится такъ говорить, потому что, высказавъ теперь довѣріе одному хотя бы Ц. К., становишься противъ Совѣта Партіи, или же наоборотъ и, главное, не знаешь, какія осложненія ждутъ послѣ „открытаго выраженія мнѣнія". Какъ ни странно говорить объ этомъ, но я возьму для примѣра хотя бы Кіевскій комитетъ: что ждетъ его, если бы онъ, высказавшись противъ съѣзда, былъ послѣдовательнымъ и, не дѣлая оговорки „если большинство организацій выскажется за съѣздъ", не послалъ бы своего делегата? Кто былъ бы внѣ партіи — Кіевскій комитетъ, присоединяясь къ Совѣту Партіи, или Центральный Комитетъ, въ противовѣсъ Совѣту Партіи ратующій за съѣздъ и, какъ слыхалъ я, передавшій „Организаціонному Бюро" свои полномочія (!?) по созыву съѣзда?

Если это такъ, и „Организаціонное Бюро", которое состоитъ изъ „впередовцевъ", созываетъ съѣздъ тѣхъ, которые „сидѣли" насильно въ комитетахъ, чтобы „поѣхать" на съѣздъ вопреки волѣ организацій (см. прежній Екатеринославскій комитетъ), то уже по одному этому призывъ Совѣта Партіи „не подчиняться принудительному проведенію въ партійную жизнь постановленій съѣзда" встрѣтитъ горячее сочувствіе въ средѣ большинства организацій.

Я вижу злорадную усмѣшку „впередовца", который въ моихъ словахъ найдетъ подтвержденіе „дезорганизаторской" (? политики Совѣта Партіи" и скажетъ: вотъ онъ „...истъ, ...истъ, ...истъ", воспитанный „меньшинствомъ", который не признаетъ... *принудительнаго* подчиненія! Я, прошедшій „школу большинства" и не однажды слышавшій грозный окрикъ „не угодно — можете убираться", и знающій опредѣленіе „большевика" (члена комитета въ Екатеринославѣ), что „отъ солдатской дисциплины партійная отличается тѣмъ, что изъ партіи можно выйти когда угодно, и за это партія не взыщетъ". 1) я все-таки говорю: не подчиненіе предъ кулакомъ, а передъ моральнымъ перевѣсомъ.

Товарищи! Я слышу, что многіе скажутъ, — въ письмѣ моемъ нѣтъ послѣдовательности, все какъ то смѣшано... спутано... Да, это потому, что не знаешь, что дѣлать, видя, какъ съѣздъ отымаетъ много силъ, и знаешь навѣрняка, что онъ только болѣе обостритъ расколъ; не знаешь, кричать ли: бросьте съѣздъ, когда знаешь, что уже поздно — „съѣхались, схватились", и говорить ли въ догонку: ни къ чему не приведетъ борьба за центры, когда „фундамента" нѣтъ; или же идти на агитаціонное собраніе, зная, что твои силы парализуются борьбой вверху.

Товарищи! не возлагайте надеждъ на съѣздъ, не ждите отъ него объединенія двухъ „враждующихъ" сторонъ, а устанавливайте работу на мѣстахъ.

Много возгласовъ раздается у насъ: „шире двери для рабочихъ, пусть ихъ силы освѣжатъ нашу партію. Пусть войдутъ рабочіе во всѣ учрежденія"... Но гдѣ практическія указанія, какъ это сдѣлать, въ какія конкретныя формы облекать наши дѣйствія, чтобы дѣйствительно наша партія стала пролетарской, выдѣляющей своихъ вождей пролетаріевъ, такъ какъ одной незначительной „пролетарской" интеллигенціи, понимающей свои цѣли *воспитанія* пролетаріата и *созданія партіи пролетаріата*, а не однихъ центровъ, у насъ слишкомъ мало.

У насъ до сихъ поръ были „революціонеры педагоги", учившіе рабочихъ научному соціализму, но не только не вовлекавшіе ихъ въ партійную жизнь, но и не дававшіе имъ практической возможности отвѣчать съ соціальдемократической точки зрѣнія на повседневныя явленія.

Теперь перешли къ другой формѣ пропаганды, дающей возможность самимъ рабочимъ приступать къ агитаціи съ соціальдемократической точки зрѣнія, на почвѣ повседневныхъ явленій. Такимъ образомъ, упраздняются тѣ „кадры сознательныхъ рабочихъ", создававшихся съ такимъ трудомъ и не имѣвшихъ точки приложенія въ агитаціи, не знавшихъ съ какой стороны подступить къ безсознательному рабочему (это — наѣвшись научнымъ соціализмомъ), не умѣвшихъ реагировать на повседневные факты богатой преступленіями дѣятельности царскаго самодержавія.

Теперь 9-е января показало всему міру, что и въ Россіи есть пролетаріатъ, и организованный, и сознательный, и вслѣдъ за тѣмъ, всеобщія стачки по всей странѣ отвѣтали на призывъ петербургскихъ рабочихъ. Это массовое движеніе перевернуло форму нашей организаціи и агитаціи.

„Диктатура надъ пролетаріатомъ", его „прирожденный оппортунизмъ" отстраняются теперь пренебрежительнымъ движеніемъ руки, но „большинство", какъ капризныя дѣти, продолжаетъ, надувъ губки, упорствовать и цѣпляться за мелочи.

„Товарищи" (?), ужъ ваша пѣсенка спѣта, довольно же шалить, заигрывать разными съѣздами, приказами „подать отвѣтъ въ 24 часа" (см. рез. тифлисск. раб.), и воображать, что можно „кающихся не миловать". Довольно, ваши шалости вредятъ. Рабочіе выросли. Слишкомъ много претерпѣли они въ годину послѣсъѣздовскую, чтобы еще разъ остаться въ неизвѣстности на счетъ того, что же теперь дѣлать? Сознательный пролетаріатъ въ организаціяхъ ужъ пересталъ оказывать только пассивное сопротивленіе выходомъ изъ организацій.

Соберите ка рядъ резолюцій рабочихъ и взгляните, сколько рѣшимости и энергіи въ ихъ простыхъ, но непоколебимыхъ словахъ, и вы увидите, что не удастся взять ихъ подъ свою опеку ибо „я выросъ и самъ хочу быть и буду вершителемъ своей судьбы", говоритъ рабочій. Смиритесь-же...

Не только „поощреніе" Совѣта Партіи „не подчиняться постановленіямъ съѣзда", но его долгая и упорная борьба доказала рабочему, что не въ созданіи сильныхъ (?) центровъ спасеніе, а въ созданіи сильныхъ и прочныхъ организацій, которые создадутъ и базу для центральныхъ учрежденій. И только тогда, когда создадутся сильныя организаціи на мѣстахъ, этотъ регуляторъ отъ шатаній и пареній только тогда центральныя учрежденія будутъ обладать тѣмъ моральнымъ значеніемъ, которое необходимо для того, чтобы стать дѣйствительнымъ представителемъ партіи. И до тѣхъ поръ, покуда нѣтъ у насъ такого положенія, никакіе съѣзды, никакіе центры, разъ упавши въ его глазахъ (второй съѣздъ), не заставятъ его подчиниться пунктамъ и уставамъ.

Первый шагъ сдѣланъ „меньшинствомъ". Оно первое забило тревогу и, сдавленное „большинствомъ", провозгласило самодѣятельность (конечно, не такъ, какъ „большинство", выхваляясь: дескать, мы первые сказали, чтобы вводить рабочихъ въ комитеты). Не въ рабочемъ комитетчикѣ спасеніе, а въ томъ, чтобы рѣшеніе комитета было рѣшеніемъ всей организаціи. Комитетъ всѣ партійные вопросы долженъ проводить черезъ организаціи.

Но какъ же все-таки поднять рабочихъ, чтобы они были „компетентны" во всѣхъ партійныхъ рѣшеніяхъ?

Надо устанавливать работу *коллегій*. Не руководитель района или заводского комитета долженъ вести всю работу, а сами районы, сами заводскіе комитеты.

Только тогда устранится возможность умѣлому „пропагандисту" стать неумѣлымъ „практическимъ руководителемъ". И только тогда практическая работа и, главное, *практическое, политическое и партійное* воспитаніе пролетаріата не будетъ дѣломъ „усмотрѣнія" руководителей. И только тогда „рабочій" (авторъ „Рабочіе и интеллигенты въ нашихъ организаціяхъ"), не скажетъ, что нами руководятъ „студенты, сошедшіе со школьной скамьи пропаганды". А до тѣхъ поръ и я и десятки и больше рабочихъ будутъ повторять за „рабочимъ", что, „интеллигенты раньше, чѣмъ идти на выучку къ пролетаріату становятся его руководителями".

За работу же, товарищи! Не концентрируйте „рѣшеній" въ комитетахъ, а выносите ихъ на обсужденіе не только районовъ, но и заводскихъ комитетовъ и даже кружковъ. Если мы дѣйствительно выразители и руководители пролетаріата, то мы съумѣемъ и черезъ кружки провести наши „строго ортодоксальныя рѣшенія".

И только тогда наши организаціонныя „ячейки" не будутъ механически пристегнуты къ организаціи черезъ своего „представителя".

Да здравствуетъ же Р. С.-Д. Р. П.!—Партія пролетаріата!

Рабочій „въ резервѣ".

Отчетъ конференціи Донецкаго Союза.

За послѣдній годъ условія и обстановка, при которой приходилось работать Донецкому Союзу, значительно измѣнились. Война и ея спутники—кризисъ въ промышленности, мобилизаціи, полный крахъ самодержавія на полѣ брани—все это произвело громадный переворотъ въ умахъ и настроеніи рабочихъ донецкаго района.

Острое недовольство своимъ положеніемъ, глухое броженіе наблюдалось все это время даже въ самыхъ темныхъ, пришлыхъ массахъ рабочаго люда — соотвѣтственно съ этимъ, должна была расширяться и принять болѣе планомѣрный и систематическій характеръ работа всѣхъ группъ и кружковъ Донецкаго Союза. Необходимо было уже создать прочныя группы въ разныхъ пунктахъ района, усилить издательскую дѣятельность, расширить и упрочить связи на заводахъ и рудникахъ, придать печатной и устной агитаціи болѣе планомѣрный характеръ.

Къ сожалѣнію, 1904 годъ былъ однимъ изъ самыхъ худыхъ для Донецкаго Союза. Цѣлый рядъ проваловъ, отчасти благодаря провокаціи, совершенно обезсилили организаціи, особенно Юзовскую и центръ, и не позволяли установить работу на сколько нибудь продолжительное время.

Мѣшало и мѣшаетъ до сихъ поръ работѣ Союза отсутствіе крупнаго культурнаго, интеллигентнаго центра, гдѣ бы можно было создать базисъ Союза и черпать силы и средства для борьбы. Къ тому же долгое время отсутствовалъ руководящій органъ Союза и его функціи исполнялъ Донской комитетъ. Партійный кризисъ и связанная съ нимъ дезорганизація внутри партіи также отразились крайне неблагопріятно на работѣ Союза: сюда почти не направлялись силы и средства партіи.

Вотъ почему въ концѣ 1904 года, по иниціативѣ Юзовской группы, была основана самостоятельная техника для Донецкаго района, и въ началѣ 1905 года было приступлено къ подготовкѣ конференціи, которая заново съорганизовала бы Союзъ и центръ и, связавъ работу въ Донецкомъ районѣ съ работой во всей партіи, возстановила бы Донецкій Союзъ, какъ самостоятельную партійную организацію, каковой она была прежде.

Недавно состоялась эта конференція.

На совѣщаніе были присланы товарищи-делегаты отъ юзовской, бахмутской, маріупольской и петровской (ст. Волынцево) группъ и отъ Горнаго комитета (въ Луганскѣ); съ совѣщательнымъ голосомъ былъ приглашенъ и делегатъ отъ Донского комитета, но послѣдній по случайной причинѣ не явился.

Обсужденію подлежали слѣдующіе вопросы, предложенные бюро конференціи:

1) Отчеты о дѣятельности группъ за все время отъ II съѣзда.
2) Организація центра Союза и группъ.
3) **Отношеніе къ III съѣзду.**
4) **Планъ работы на ближайшее будущее.**
5) **Работа въ деревнѣ.**

Изъ отчетовъ выяснилось, съ одной стороны, указанное выше ненормальное положеніе, въ которомъ находились за отчетный періодъ группы Донецкаго Союза, съ другой — крайне повышенное настроеніе рабочихъ во всемъ Донецкомъ бассейнѣ, особенно подъ вліяніемъ январьскихъ событій, вызвавшихъ во всемъ районѣ, въ первый разъ, всеобщія стачки, почти вездѣ экономическаго характера, за исключеніемъ Луганска: здѣсь всеобщія стачки носили очень яркій политическій оттѣнокъ. За недостаткомъ силъ, почти всѣ группы не могли въ достаточной степени охватить движеніе и использовать его.

За полтора года во всемъ районѣ было распространено до 200.000 листковъ Донецкаго Союза, Донского комитета, Екат. ком. и отчасти Ц. К. Выяснилось, что въ районѣ дѣятельности каждой группы, кромѣ Маріуполя, насчитывается до 40.000 рабочихъ, связи вездѣ значительно расширились: каждый листокъ общаго характера можетъ быть распространенъ во всемъ районѣ въ количествѣ до 20 000 экземпляровъ. Доходъ всѣхъ группъ за отчетное время не превышалъ 3.000 руб. въ общей сложности и составлялся изъ суммъ, собранныхъ среди рабочихъ, учащихся, интеллигенціи, отъ продажи карточекъ, литературы и т. д. Нѣкоторую помощь группамъ оказывалъ Донской комитетъ.

Однако, группы все время испытывали нужду въ людяхъ, деньгахъ и литературѣ.

Обсужденіе второго вопроса вызвало продолжительный обмѣнъ мнѣній. Рѣшено было:

1) для образованія самостоятельнаго центра Союза выбрать одного товарища и поручить ему, совмѣстно съ Донскимъ ком. съорганизовать новый составъ Донецкаго комитета. Кромѣ того, найдено необходимымъ немедленно усилить мѣстныя группы людьми, литературой и т. д.

2) комитетъ долженъ находиться въ самомъ тѣсномъ общеніи съ группами, руководить ихъ политической агитаціей, распредѣлять силы по группамъ, устраивать ежемѣсячныя конференціи групповыхъ работниковъ;

3) группы автономны въ своихъ дѣлахъ и пользуются правомъ рѣшающаго голоса при обсужденіи всѣхъ общепартійныхъ вопросовъ;

4) группы отчисляютъ комитету 25 проц. своего дохода;

5) высказано пожеланіе имѣть въ районѣ, по крайней мѣрѣ, одного разъѣздного агитатора для массовокъ;

6) группы доставляютъ комитету ежемѣсячные отчеты, сводку которыхъ комитетъ разсылаетъ по группамъ и центральнымъ учрежденіямъ партіи.

Третьему пункту — отношеніе къ III съѣзду — предшествовалъ докладъ бюро конференціи о положеніи дѣлъ въ партіи. Ознакомившись съ условіями подготовки III съѣзда, конференція выразила протестъ: а) противъ созыва съѣзда въ такую горячую революціонную пору, б) противъ ненормальной подготовки съѣзда: комитеты и группы, а также и ихъ периферійныя организаціи, не успѣли обсудить вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію съѣзда; нѣкоторыя организаціи лишены права рѣшающаго голоса и т. д. Такимъ образомъ, на съѣздѣ не можетъ быть полнаго представительства партіи.

Принимая, однако, во вниманіе, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ (отъ товарищей изъ Донск. ком., Екатер. ком. и Петерб.), за съѣздъ высказалось три четверти организацій, и „съѣздъ", по уставу, можетъ быть объявленъ „общепартійнымъ"[1]), конференція Донецкаго Союза, имѣя въ виду, что отсутствіе на этомъ „съѣздѣ" делегатовъ отъ комитетовъ м-ства можетъ привести партію къ расколу—посылаетъ своего делегата и поручаетъ ему, доложивъ съѣзду настоящую резолюцію: а) внести предложеніе о превращеніи „съѣзда" въ конференцію для выработки условій заключенія мира въ партіи; б) приложить всѣ усилія къ полному объединенію силъ партіи; в) отстаивать позицію меньшинства во всѣхъ вопросахъ, подлежащихъ рѣшенію „съѣзда", если таковой все же состоится; г) регулярно сообщать Донецкому комитету о работахъ съѣзда.

По пункту четвертому порядка дня — планъ работы на ближайшее будущее — совѣщаніе, за недостаткомъ времени, ограничилось небольшимъ обмѣномъ мнѣній, признавъ необходимымъ сосредоточить все вниманіе группъ на агитаціи по поводу коммиссій Коковцева и Булыгина, а также по поводу перваго мая. Комитету поручено войти въ сношенія съ другими партійными организаціями по этимъ вопросамъ и дѣйствовать съ ними сообща.

Обращалось также вниманіе на особый характеръ агитаціи въ данномъ районѣ, обусловливаемый низкой степенью развитія и большою отсталостью рабочей массы Донецкаго бассейна отъ рабочихъ крупныхъ промышленныхъ городскихъ центровъ.

При обсужденіи вопроса о постановкѣ работы въ деревнѣ, конференція постановила: обратить особое вниманіе на укрѣпленіе связей въ деревнѣ и на изданіе и распространеніе спеціальныхъ листковъ къ крестьянамъ.

За недостаткомъ времени пришлось отложить цѣлый рядъ очень интересныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ товарищами на конференціи. Изъ числа ихъ былъ разсмотрѣнъ лишь одинъ — о вооруженіи — и послѣ обсужденія письма ред. Ц. О. по этому вопросу, рѣшено было предпринять въ этомъ направленіи рядъ практическихъ шаговъ и вести усиленную агитацію въ массахъ по поводу самовооруженія.

Отчетъ о конференціи было поручено составить и опубликовать вновь организующемуся Донецкому комитету.

Въ настоящее время комитетъ приступилъ уже къ работѣ, въ надеждѣ, что партія поможетъ ему поставить работу въ Донецкомъ округѣ на должную высоту.

Донецкій комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

14 апрѣля, 1905 г.

Резолюція Московской Группы.

КО ВСѢМЪ ПАРТІЙНЫМЪ РАБОТНИКАМЪ.

Товарищи! Современный политическій моментъ въ Россіи ставитъ предъ нами неотложныя и трудныя задачи: рѣшительная борьба съ самодержавіемъ, которую открыто и смѣло велъ пролетаріатъ впродолженіе послѣдняго десятилѣтія, неудачная военная авантюра, дискредитировавшая правительство во всѣхъ группахъ населенія, вытолкнули на арену политической борьбы нерѣшительную по своей природѣ и робкую до послѣдняго времени буржуазію. Самодержавіе оказалось безъ поддержки: всѣ классы общества явились его врагами. Оно зашаталось, и моментъ его паденія близокъ — каждый наступающій день можетъ быть днемъ его паденія, и мы, соціальдемократы, должны собрать всѣ свои силы для приближенія этого дня. Съ другой стороны, выступившая буржуазія заставляетъ партію ясно опредѣлить свое отношеніе къ либеральной оппозиціи и въ самыхъ широкихъ рабочихъ массахъ провести мысль, что либералы намъ союзники на часъ; что завоеваніе политической свободы немедленно отбрасываетъ насъ на противоположные полюсы, что къ достиженію политической свободы мы идемъ съ діаметрально противоположными цѣлями. Моментъ рѣшительный и серьезный. Мы должны мобилизовать всѣ свои силы для окончательной схватки съ самодержавіемъ, какъ самостоятельная партія пролетаріата. Организаціонныя разногласія, по нашему мнѣнію, по мнѣнію партійнаго „меньшинства", должны улаживаться внутри организаціи — мы заявили, что мы можемъ и должны работать вмѣстѣ съ „большинствомъ". Но не такъ думаетъ „большинство". Оно упорно вело и ведетъ къ расколу. Б. К. Б. рѣшило созвать съѣздъ для подавленія „меньшинства". Тов. Бебель предложилъ третейскій судъ съ двумя выборными представителями отъ каждаго направленія для улаженія нашихъ партійныхъ дѣлъ, — мы съ радостью приняли это предложеніе и выбрали, съ своей стороны, двухъ нѣмецкихъ товарищей — Каутскаго и Цеткину. Ленинъ отказался отъ этого предложенія и въ своемъ письмѣ къ Бебелю заявилъ, что расколъ уже существуетъ и въ настоящій моментъ созывается съѣздъ для его оформленія.

---

[1]) Это опредѣленіе было дано членомъ комитета въ Екатеринославѣ на районномъ собраніи.

[1]) Свѣдѣнія у донецкихъ товарищей были невѣрныя. *(Ред.)*.

Политика раскола и осаднаго положенія упорно проводится и М. К. Мы хотѣли работать вмѣстѣ, мы хотѣли вмѣстѣ поставить положительную работу въ столь важномъ пунктѣ, какъ Москва, гдѣ до послѣдняго времени, отчасти благодаря преобладанію мало развитыхъ рабочихъ (ткацкое производство), отчасти благодаря политикѣ Зубатова, работа подвигалась наименѣе успѣшно. Мы хотѣли совмѣстно укрѣпить Москву, но К. „большинства“ не давалъ намъ возможности этого сдѣлать. Онъ отказывалъ товарищамъ въ работѣ, гдѣ товарищи, которымъ работа давалась, ставились въ невозможныя условія. Комитетъ считалъ себя диктаторомъ движенія, отдавалъ приказанія. Считаться съ мнѣніемъ периферіи онъ считалъ для себя лишнимъ: на выраженное недовѣріе четырехъ организаторовъ онъ отвѣтилъ ихъ удаленіемъ, на недовѣріе агитаторовъ (и даже цѣлыхъ районныхъ собраній), онъ отвѣтилъ: „Комитетъ разсмотрѣлъ ваше заявленіе и перешелъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Такимъ образомъ, Ком., съ одной стороны, отстранялъ насъ отъ участія въ работѣ, съ другой стороны, велъ политику диктатуры, устраняя крайнюю рабочую периферію отъ участія въ партійной жизни, политику, съ которой согласиться мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ. Мы долго ждали и долго надѣялись на перемѣну курса. Но тщетно — Комитетъ оставался себѣ вѣренъ. И наши товарищи, оставшіеся внѣ организаціи, стали заводить отдѣльныя связи: они не могли оставить пролетаріатъ, котораго не могъ обслуживать Комитетъ. Товарищи укрѣпляли въ организаціи свою позицію, проводя свои принципы на практикѣ, и пріобрѣтали сторонниковъ. Итакъ, у насъ существовала отдѣльная организація изъ самостоятельно завязанныхъ связей, наше вліяніе упрочилось въ четырехъ комитетскихъ районахъ, гдѣ вели работу меньшевики. Товарищи, пріобрѣтавшіе вліяніе въ комитетскомъ районѣ, отъ работы имъ устранялись; М. К. провелъ расколъ, намъ осталось только принять его. До сихъ поръ за нами были массы, стоявшія внѣ организаціи, — теперь мы объявляемъ себя оффиціальной группой. Мы, московскіе меньшевики, объявляемъ себя открыто Московской Группой Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи. Но, принимая расколъ, навязанный намъ большинствомъ, мы не отказываемся отъ надежды на единство партіи. Мы убѣдились, что съ нами не считаются, не признавая насъ силой, и мы заставимъ съ собой считаться, какъ съ таковой. Когда большинство увидитъ, что мы дѣйствительно сильны, что вліяніе въ Россіи у насъ не слабѣе, а гораздо сильнѣе ихъ, то это можетъ послужить къ ближайшему объединенію партіи. Современныя событія заставляютъ и заставятъ весь московскій пролетаріатъ выступить въ цѣломъ, и на этихъ отдѣльныхъ соглашеніяхъ двухъ сторонъ, сначала частныхъ, выработается планъ совмѣстной работы обѣихъ фракцій. Жизнь научитъ ихъ понимать насъ и заставитъ объединиться, если бы они этого и не захотѣли.

Московская Группа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Намъ прислана копія заявленія, посланнаго въ Организаціонный Комитетъ по устройству извѣстнаго „съѣзда“:

Въ Организаціонный Комитетъ.

Въ виду того, что въ нашей резолюціи по поводу съѣзда (своевременно посланной въ О. К.), нами подчеркнута необходимость участія въ съѣздѣ Совѣта Партіи, и принимая во вниманіе, что, согласно имѣющимся у насъ даннымъ, Совѣтъ Партіи съѣзда не утвердилъ и отъ участія въ немъ отказался, — мы просимъ Орг. Ком. считать нашъ мандатъ не имѣющимъ силы впредь до полнаго выясненія намъ нашимъ делегатамъ положенія дѣлъ и впредь до вторичнаго заявленія нами объ утвержденіи нашего мандата.

Сѣверо-Западный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

P. S. О непользованіи мандатомъ впредь до выясненія положенія дѣлъ, нами было уже сообщено нашему делегату.

Письмо въ редакцію.

Товарищи! Воронежскій комитетъ россійской соціальдемократической рабочей партіи, высказавшись въ принципѣ противъ созыва третьяго съѣзда нашей партіи при данныхъ обстоятельствахъ и въ настоящее время, прислалъ мнѣ свой мандатъ на тотъ случай, если бы съѣздъ все таки состоялся. Не считая возможнымъ принять на себя эту обязанность, я увѣдомляю объ этомъ воронежскій комитетъ. Но впредь до того времени, пока онъ поручитъ кому нибудь другому охранять его интересы въ дѣлѣ участія его въ партійной жизни и его права, столько разъ нарушенные и Центральнымъ Органомъ и Центральнымъ Комитетомъ нашей партіи, я считаю себя обязаннымъ обратиться къ вамъ съ настоятельною просьбою напечатать настоящее мое письмо въ ближайшемъ номерѣ „Искры“. И въ виду того, что редакція „Искры“ много разъ оставляла безъ напечатанія посланные мною ей документы, касавшіеся интересовъ отдѣльныхъ партійныхъ организацій (заявленіе Воронежскаго Комитета отъ іюля 1904 г.; отчетъ о процессѣ тов. Назарьева; сообщеніе о столкновеніи между двумя комитетскими партіями въ Воронежѣ), я прошу увѣдомить меня тотчасъ же, готовы ли вы напечатать мое настоящее письмо, дабы, въ противномъ случаѣ, я могъ его своевременно предать гласности инымъ путемъ.

Въ спискѣ организацій, имѣющихъ прислать своихъ делегатовъ на третій съѣздъ партіи, значится только одна организація въ Воронежѣ, тогда какъ тамъ ихъ имѣется двѣ. Поэтому, я нахожу нужнымъ напомнить исторію стараго Воронежскаго Комитета, имѣющаго, на мой взглядъ, всѣ права на представительство на третьемъ съѣздѣ. Бюро Комитетовъ Большинства, конечно, имѣло въ виду свою организацію въ Воронежѣ при составленіи списка. Центральный же Комитетъ, войдя въ соглашеніе съ Бюро, очевидно, не настоялъ на предоставленіи голоса и старому Комитету.

Соціальдемократическіе кружки возникали среди Воронежскихъ рабочихъ еще въ 1893 г. и продолжали быстро развиваться до декабря 1897 г., когда послѣдовали многочисленные аресты. Застой продолжался три года, но къ началу 1901 года старые кружковые рабочіе снова организовались и устроили рабочую кассу безъ всякаго участія интеллигентовъ. Привлеченный ими впослѣдствіи тов. Н. послѣ годичной работы убѣдилъ эту организацію назваться комитетомъ партіи и приступить къ изданію прокламацій. Это рѣшеніе и было принято осенью 1902 г. Воронежскій Комитетъ былъ утвержденъ въ этомъ названіи — согласно обычаю того времени — двумя комитетами партіи: Заграничнымъ и Петербургскимъ. — Послѣ этого въ своей издательской дѣятельности, какъ Комитетъ партіи, онъ пользовался помощью, а, слѣдовательно, и признаніемъ Донского и Екатеринославскаго Комитетовъ.

Въ 1903 г. у В. К. произошелъ извѣстный конфликтъ съ О. К., причемъ В. К. выступалъ и ему О. К. отвѣчалъ, какъ комитету партіи.

На второй съѣздъ партіи В. К. не былъ допущенъ, какъ организація, существовавшая менѣе года — срока, установленнаго уставомъ съѣзда. Но и съѣздъ, какъ это видно изъ протоколовъ, не отрицалъ за В. К. его правъ и признавалъ его партійнымъ Комитетомъ, существующимъ съ ноября 1902 г. Въ „Искрѣ“ и книжкѣ Ленина „Шагъ“ приводились цитаты изъ прокламацій В. К., причемъ опять таки не высказывалось даже и сомнѣній относительно правъ В. К. на это имя.

Между тѣмъ, возникшая въ февралѣ 1903 г. Касса Борьбы весною 1904 года объявила въ одной изъ своихъ прокламацій, что старый В. К. распущенъ Ц.-К.-омъ, и что впредь она уполномочена быть В. К.-омъ Партіи. Въ виду этого старый Комитетъ обратился въ Совѣтъ Партіи съ протестомъ, Въ отвѣтъ на это Совѣтъ Партіи отъ 13-го сентября 1904 г. заявилъ, что онъ по прежнему считаетъ старый В. К. полноправной партійной организаціей, наряду съ другими комитетами партіи. Это заявленіе подписано секретаремъ Совѣта тов. Мартовымъ и снабжено печатью Совѣта. Аналогичное заявленіе сдѣлалъ Ц. К. сначала устно въ лицѣ тов. Глѣбова, а затѣмъ письменно, за подписью тов. Бэма.

Въ виду всего этого я настаиваю на томъ, чтобы старый В. К. немедленно былъ подробно извѣщенъ объ обстоятельствахъ созыва третьяго съѣзда, чтобы онъ имѣлъ возможность должнымъ образомъ къ нему подготовиться и прислать своего делагата.

Вл. Акимовъ.

Отъ редакціи. Вопроса о претензіяхъ тов. В. Акимова къ нашему органу, какъ едвали въ данный моментъ интереснаго для партіи, мы здѣсь не будемъ касаться. Фактическую же сторону вопроса о Воронежскомъ Комитетѣ и его правоспособности мы можемъ съ своей стоороны всецѣло подтвердить.

Вышли изданія: Центральнаго Комитета: 1) „Къ гражданамъ Петербурга“; 2) Воззваніе къ гражданамъ о майскихъ митингахъ. **Одесской группы:** 1) „Ко всѣмъ гражданамъ“ (о погромной агитаціи); 2) Къ рабочимъ фабрики Высоцкаго; 3) Къ Линейнымъ служащимъ. 4) Къ солдатамъ (4000 экз.); **Одес. Ком.** „1 мая — 18 апр.“. **Кишинев. орган.:** 1) Стачка пекарей; 2) Къ рабочимъ — членамъ „Патріотической Лиги“ отъ рабочихъ Кишиневской организаціи Р. С.-Д. Р. П. **Николаевскаго комитета:** Ко всѣмъ конторщикамъ и служащимъ. **Донецкаго Союза:** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Донецкаго района“ (10.000 экз.). **Тверскаго Комитета:** „Къ служащимъ и рабочимъ Бурашевской колоніи“ (200 экз.); **Петерб. группы:** „Къ первому маю“; **Московскаго Ком.:** „Къ народнымъ учителямъ“; **Московской** группы: 1) Заявленіе объ образованіи группы и 2) О земскомъ съѣздѣ; **Казанск. Ком.:** Отчетъ комитета за мартъ: **Екатеринбургск. Ком. Уральск.** союза: 1) Къ рабочимъ Урала; 2) Отчетъ комитета; 3) Революція въ Россіи (Каутскаго); **Донского Ком.:** Листокъ о митингѣ 11 апр.; **Балаханской** организ.: Рабочій листокъ № 2 (2500 экз.) и Приложеніе къ № 2 „Раб. Л.“.

Въ изд. „Искры“ вышли: брошюра **Машицкаго** „На войну“; и **Дикштейнъ** „Кто чѣмъ живетъ?“ (новое изданіе).

Казанскимъ Комитетомъ за мартъ изданы слѣдующіе листки: 1) Письмо къ рабочимъ Алафузова 300 экз.; 2) „Онъ прощаетъ“ (изъ Искры) 717 экз.; 3) Ко всѣмъ рабочимъ о Бакинск. рѣзнѣ 925 экз.; 4) Тоже на татарск. яз. 428 экз.; 5) Отчетъ Комитета за январь и февр. 255 экз.; 6) Отчетъ стачечн. фонда 520 экз.; 7) Ко всѣмъ рабочимъ о маниф. 18 февр. 985 экз.; 8) Тоже на татарск. яз. 278 экз.; 9) Кто виноватъ? 2260 экз.; 10) Тоже на татарск. яз. 252 экз.; 11) Извѣщеніе о конференціи соц.-демокр. партій 816 экз.; 12) 2-ое письмо къ рабочимъ Алафузова 640 экз.; 13) Къ портнымъ 335 экз.; 14) Требованія портныхъ 565 экз.; 15) Къ офицерамъ (перепеч. съ лист. Бакин. Ком.) 405 экз.; 16) Петиція петерб. чиновниковъ 580 экз.; 17) Прощаніе съ Кулаковымъ 250 экз.: 18) О коммис. Шидловскаго 1600 экз.; 19) „Солдатская памятка“ (на татарск. яз. 260 экз.; 20) О петиціи рабочихъ и событіяхъ 9 янв. (на татарск. яз.) 400 экз.; и 21) Ко всѣмъ гражданамъ (лист. Искры) 2465 экз. Итого 16376 экз. Кромѣ того, на гектогр. изданы брошюры: 1) Каутскій. Революція въ Россіи (изъ „Искры“) 252 экз.; 2) Откуда идетъ современная смута? 165 экз.; 3) Классъ противъ класса! (изъ № 1 „Соц.-Дем.“ (118 экз.; 4) Тоже на татарск. яз. 200 экз. Итого 735 экз.

Доходъ К-та за мѣсяцъ 648 р. 81 к.; расходъ 789 р. 54 к.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали и прибыли заграницу: изъ Енисейской г., Пинчугской вол. Карпманъ, Пруссъ и Бржезовскій. Въ началѣ марта изъ Минусинск. уѣзда Новоселовск. вол. деревни Кульчакъ бѣжали: Лѣнеева Таисія и Моисеевъ Сергѣй (нижегородск. демонстр.).

Некрологъ.

Еще одна жертва „судьбы роковой, любви беззавѣтной къ народу“. 6-го марта въ Борогонскомъ улусѣ (въ 120 верстахъ отъ Якутска) внезапно скончалась отъ разрыва сердца *Клавдія Аркадьевна Францески* (урожд. Коганъ).

Крайне неблагопріятно сложилась жизнь К. А. Въ юные годы тяжелая, изводящая борьба съ отсталыми некультурными родителями, съ ихъ стремленіемъ обезпечить дочери „мѣщанское счастье“, затѣмъ разрывъ съ родителями, работа въ мастерскихъ — все это не ослабило энергіи К. А. — этого воплощенія готовности къ самопожертвованію. Въ концѣ 80-хъ годовъ К. А. участвуетъ въ коммунистической мастерской по образцу Вѣры Павловны (изъ романа „Что дѣлать?“) и въ то же время всѣми силами стремиться къ утоленію своей жажды знанія. Потомъ мы ее видимъ частной учительницей — любимицей льнущихъ къ ней бѣдныхъ дѣтей, преподавательницей въ воскресныхъ и субботнихъ школахъ Аккермана, Москвы, Керчи и Тифлиса. Всюду она подбираетъ и привлекаетъ къ себѣ чуткіе элементы изъ среды рабочихъ и работницъ.

Искренно преданная освободительной борьбѣ пролетаріата, К. А. съ 1891 года помогаетъ этой борьбѣ — сначала въ рядѣ мелкихъ услугъ: распространяетъ литературу, собираетъ деньги, помогаетъ арестованнымъ, участвуетъ въ Красномъ Крестѣ. Съ 1900 года ея работа въ этомъ направленіи усиливается: К. А. организуетъ Красный Крестъ въ Тифлисѣ, добываетъ значительныя суммы. Въ то же время она исполняетъ важныя конспиративныя порученія Кавказскихъ комитетовъ Партіи; она же ведетъ сношенія съ В. Кицховели (впослѣдствіи убитъ въ тифлисской тюрьмѣ), находясь въ курсѣ его смѣлыхъ конспиративныхъ предпріятій. Въ 1903 г. К. А. устраиваетъ удачный побѣгъ одного дѣятельнаго товарища на Кавказѣ. Въ томъ же году ее подвергаютъ аресту и держатъ нѣсколько недѣль въ тифлисскомъ Метехскомъ замкѣ.

Затѣмъ судьба бросаетъ К. А. въ полную тревогъ этапную и тюремную жизнь политическихъ ссыльныхъ, которую она дѣлитъ съ своимъ мужемъ. И здѣсь К. А. не сидитъ сложа руки. Когда Ц. К. Партіи предложилъ устроить побѣгъ одного товарища, она организуетъ это дѣло и проводитъ его удачно.

Здоровьемъ К. А. была давно слаба. Половина жизни, проведенная за иголкой, вѣчное недоѣданіе и недосыпаніе, непрерывныя хлопоты о помощи всѣмъ протестующимъ и борющимся, борьба съ нуждой и леденящей убогостью жизни въ заброшенномъ улусѣ, мучительныя и тревожныя событія въ Якутской ссылкѣ за послѣдній годъ, наконецъ, волнующія вѣсти о разрастающейся и полной жертвъ революціонной борьбѣ въ Россіи — все это не могло пройти даромъ, сильно разстроило нервы и сердце К. А.

Неожиданная смерть прервала дѣятельную жизнь К. А. въ то самое время, когда она рѣшила вернуться въ Россію, не будучи въ силахъ мириться съ вынужденной бездѣятельностью, когда Россія переживаетъ острый революціонный періодъ. Не суждено было К. А. принять участія въ рѣшительныхъ и послѣднихъ ударахъ, наносимыхъ деспотизму россійскимъ пролетаріатомъ, горячимъ активнымъ другомъ котораго она была всю жизнь. Не суждено ей было видѣть Россію свободной отъ политическаго рабства.

Хоронили К. А. 9-го марта въ Якутскѣ, куда привезли ея трупъ мужъ и товарищи. Въ похоронахъ участвовало 40—50 товарищей. Красный гробъ несли черезъ городъ съ пѣніемъ: „Вы жертвою пали“ и „Замученъ тяжелой неволей“. На гробъ былъ возложенъ вѣнокъ съ красными лентами; на одной изъ нихъ была надпись: „Дорогой К. А. Францески отъ друзей“, на другой: „Борцу за соціализмъ, жертвѣ ссылки. 9-го марта 1905 года. Отъ товарищей“. На могилѣ одинъ изъ друзей произнесъ рѣчь. Пропѣли „Вихри враждебные“...

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Петербургъ 25-го числа мы, депутаты отъ организованныхъ рабочихъ, собрались для того, чтобы отправиться на засѣданіе инженеровъ и прочесть имъ резолюцію, принятую Петербургской Группой при Ц. К.

Узнавъ, что засѣданіе союза инженеровъ будетъ происходить не въ Петербургѣ, а въ одномъ изъ Финляндскихъ мѣстечекъ, мы тотчасъ же отправились туда и поспѣли какъ разъ къ моменту образованія „союза инженеровъ“, принявшихъ опредѣленную политическую и экономическую платформу.

Когда мы попали на засѣданіе и слово было предоставлено „тов. депутатамъ“, одинъ изъ товарищей рабочихъ всталъ и заявилъ приблизительно слѣдующее: Мы, рабочіе соціальдемократы, явились къ вамъ, какъ представители Петербургскаго пролетаріата; мы пришли не для того, чтобы просить у васъ защиты и помощи, но чтобы узнать, чтобы выяснить себѣ степень вашего демократизма. Какъ основное демократическое требованіе, обезпечивающее свободу классовой борьбы, мы выставляемъ требованіе демократической республики и ваше отношеніе къ ней выяснитъ намъ сущность вашего союза. Затѣмъ товарищъ прочелъ резолюцію группы и закончилъ такъ: вотъ наша резолюція, мы явились сюда, чтобы выслушать отвѣтъ на поставленные тамъ вопросы. Насъ не удовлетворятъ ваши общія фразы о свободѣ слова, собраній и пр., намъ нужны опредѣленные отвѣты и рѣшенія, дайте ихъ намъ и мы передадимъ ихъ всѣмъ нашимъ товарищамъ всему пролетаріату Петербурга.

Тотчасъ же взялъ слово второй товарищъ и, подчеркнувъ оба основные пункта нашей резолюціи, просилъ дать точный отвѣтъ на вопросы объ отношеніи къ демократической республикѣ и относительно практическихъ шаговъ, предпринимаемыхъ союзомъ ко дню празднованія пролетаріатомъ перваго мая.

Въ отвѣтъ на первый вопросъ, попросилъ слова одинъ изъ членовъ союза, высказавшійся въ томъ смыслѣ, что требованіе демократической республики не можетъ быть принято союзомъ, потому что мы, не вѣримъ въ то, что тотчасъ послѣ паденія самодержавія можетъ установиться демократическая республика“.

Другимъ отвѣтомъ, дополнившимъ первый, было чтеніе политической платформы союза, гдѣ выставляется требованіе учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права съ тайной и прямой подачей голосовъ и „конституціоннаго режима на демократической основѣ“. Отвѣтомъ на вопросъ нашъ объ отношеніи къ первому мая была прочитанная и принятая тутъ же другая резолюція, гдѣ признавалось „право за пролетаріатомъ праздновать первое мая“ и клеймилось участіе инженеровъ въ принятіи полицейскихъ мѣръ противъ праздновавшихъ этотъ день рабочихъ“. Какъ рѣшеніе, имѣвшее характеръ „практическаго шага“, была предложена и принята резолюція „отправить депутацію къ представителямъ городского управленія съ просьбой дать для празднованія перваго мая рабочимъ общественныя зданія, и депутацію къ администраціи съ цѣлью постараться предотвратить могущее произойти кровопролитіе“.

„Нашъ союзъ“, говорилъ одинъ ораторъ-инженеръ, „конечно не можетъ принять участія въ празднованіи перваго мая наряду съ вами и только отдѣльныя личности изъ нашей среды, можетъ быть, въ этотъ день окажутся въ вашихъ рядахъ“.

Въ преніяхъ все время принимали участіе рабочіе депутаты, твердо стоявшіе на своей ясной и опредѣленной точкѣ зрѣнія.

Какъ характерный эпизодъ изъ дебатовъ, можно привести слѣдующее: одинъ изъ ораторовъ-инженеровъ вскользь упомянулъ что то о „руководствѣ движеніемъ“ со стороны союза; тотчасъ же поднялся одинъ изъ товарищей депутатовъ и заявилъ, что „мы не нуждаемся ни въ какомъ руководствѣ съ вашей стороны и о немъ не можетъ быть и рѣчи, мы имѣемъ свою руководящую соціальдемократическую рабочую партію, мы сами руководимъ собой ..“

Когда дебаты по поднятымъ нами вопросамъ стали подходить къ концу и предсѣдатель счелъ насъ удовлетворенными, съ нашей стороны была произнесена заключительная рѣчь такого содержанія: мы пришли сюда не просить защиты, а выяснить, какую позицію занимаетъ вновь образовавшійся союзъ. Намъ нужны были реальные отвѣты на оба наши требованія: что такое этотъ союзъ и каковы будутъ практическіе шаги, предпринимаемые имъ къ первому мая.

Отвѣтъ на первый вопросъ полученъ: опредѣленное требованіе демократической республики замѣнено у васъ расплывчатой фразой о „демократической основѣ конституціоннаго режима“. Ясенъ намъ отвѣтъ вашъ и на второй нашъ вопросъ; мы знаемъ теперь, какіе практическіе „шаги“ вы предпринимаете, какъ союзъ, и что значатъ для насъ эти шаги...“

Возвращаясь въ Петербургъ, вся наша депутація попала въ вагонъ, наполненный инженерами и всю дорогу продолжалось самое горячее дебатированіе затронутыхъ на засѣданіи вопросовъ.

Вся публика вагона разбилась по группамъ и всюду можно было видѣть оживленныя лица товарищей-депутатовъ, горячо спорившихъ съ инженерами. Изъ этого, такъ сказать, „неоффиціальнаго засѣданія“ товарищи вынесли ясное представленіе о союзѣ, о характерѣ его состава, объ его платформѣ, о его демократизмѣ.

Всѣ дебаты здѣсь вертѣлись вокругъ этихъ вопросовъ и товарищи видѣли изъ откровенныхъ признаній инженеровъ,[1] что союзъ, въ которомъ „есть всѣ оттѣнки радикализма“, въ которомъ „на ряду съ нами, почти пролетаріями, сидятъ директора заводовъ“, въ которомъ есть почти что монархисты, что такой союзъ не могъ принять иной, болѣе опредѣленной формулы, кромѣ „конституціоннаго режима на демократической основѣ“ и остановился на этой формулѣ потому, что „въ ней всякій видитъ то, что хочетъ, конституціоналистъ видитъ здѣсь ограниченную монархію, соціальдемократъ — демократическую республику“. „Такимъ образомъ“ — утверждали инженеры — „мы принимаемъ опредѣленную платформу совершенно не насилуя мнѣній и взглядовъ нашихъ членовъ“.

Было уже далеко за полночь, когда поѣздъ остановился у петербургскаго вокзала и депутаты разсѣялись кучками по пустыннымъ улицамъ, теряя предмайскихъ шпиковъ и горячо обсуждая полученныя отъ съѣзда впечатлѣнія.

(Депутація состояла изъ человѣкъ 15. Инженеровъ было приблизительно отъ 150—200).

---

[1] Въ кавычкахъ приводятся здѣсь подлинныя выраженія инженеровъ, сказанныя въ вагонѣ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Райкину 2-му. Ваше письмо не могли разобрать. Въ серединѣ письма Вы перемѣнили шифръ. Сообщите, какимъ шифромъ. **Гавріилу**. Адресъ получили. Отвѣтили. **Ольгѣ Р**. Письмо не разобрано. Сообщите шифръ. **Серму**. Ни одного Вашего письма не можемъ разобрать. Вы перепутали шифръ. Пишете не тѣмъ, какъ условились. **Платону**. Не могли разобрать. Сообщите, какой шифръ употребили. **Лорину**. Письмо № 7 получено. Вамъ послано 2 письма. **Ольгѣ.** Письмо получено. Спасибо. Напишите. **Игнату**. Письмо получено. Химія очень плоха, трудно читать. **Загору**. Резолюція и 2 письма получены. Спасибо за сообщенія. Уже отвѣтили Вамъ тремя письмами. **Бену.** Получили и отвѣтили. **Соронину.** Письмо получено. Отвѣтъ посланъ. **Еремѣю.** Письмо получили. Будемъ посылать. **Беккеру.** Все устроено.

Печатается брошюра Волонтера Годъ войны (Русско-японская война, причины, ходъ и послѣдствія).

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 100. 15-го мая 1905 г. Годъ V

ПЕРВОМАЙСКІЕ УСПѢХИ И НЕУДАЧИ.

Сбылись ли ожиданія, которыя связались въ этомъ году съ редставленіемъ о первомъ мая у большинства русскихъ граж-анъ?

И да, и нѣтъ. Да — поскольку повсемѣстное празднованіе аевки" въ той или иной формѣ, вопреки всѣмъ военно-по-ацейскимъ мѣрамъ, показало передовой слой пролетаріата го-овымъ выполнить свой долгъ по призыву Партіи. Да — по-кольку сотни тысячъ пролетаріевъ воспользовались нашей май-кой агитаціей, чтобы возобновить прерванное въ февралѣ то еликое стачечное движеніе, политическое и соціально-ре-олюціонное значеніе котораго трудно переоцѣнить. Нѣтъ — оскольку, въ общемъ и цѣломъ, планомѣрныя политиче-кія дѣйствія Партіи и стихійное движеніе широкихъ про-етарскихъ массъ не слились съ самаго начала, въ исходныхъ воихъ пунктахъ; поскольку рабочая масса „готовилась" къ пер-ому мая сама по себѣ, организованные рабочіе — сами по ебѣ; поскольку, поэтому, майскія манифестаціи въ той или ной формѣ, избранной организаціями, прошли почти вездѣ езъ участія той самой массы, которая черезъ день-другой *по оему*, въ стачкахъ, манифестировала свою готовность вести орьбу со своими врагами.

Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи — въ Пе-ербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ, — на сборные пункты явились почти только организованные. ъ этомъ смыслѣ мы потерпѣли неудачу. Особенно ощути-ельна она въ Петербургѣ, гдѣ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ азмахомъ партія вела предмайскую агитацію, гдѣ эта агитація, пираясь на предыдущую работу соціальдемократіи, наполнила обою всю общественную жизнь столицы за время, предшество-авшее пролетарскому празднику.

Петербургская неудача вызвала на первыхъ порахъ сильное азочарованіе въ средѣ товарищей, и слѣды этого разочарова-ія читатель найдетъ въ помѣщаемыхъ ниже петербургскихъ орреспонденціяхъ. Контрастъ между затраченной энергіей и олученными результатами былъ слишкомъ великъ, чтобы не ызвать извѣстнаго упадка духа. Но, въ концѣ концовъ, петер-ургскіе товарищи „переварили" свою неудачу, изслѣдовали ея ричины и извлекли изъ нея, какъ ниже увидитъ читатель, въ ысшей степени полезный для всей партіи политическій урокъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ урокѣ, мы должны кос-уться одного интереснаго эпизода, который косвенно бросаетъ ѣкоторый свѣтъ на „мораль" майской неудачи. Мы имѣемъ ъ виду ту идейную борьбу, которую пришлось пережить шей петербургской группѣ во время предмайской агитаціи.

Разсматривая послѣднюю, какъ прямое продолженіе так-дачно проведенной ею „избирательной" кампаніи по поводу оммиссіи Шидловскаго, группа, какъ извѣстно, намѣтила планъ айскаго выступленія въ рядѣ массовыхъ митинговъ съ воору-еннымъ отпоромъ, въ случаѣ нападенія царскихъ полчищъ. ная серія импровизированныхъ митинговъ въ теченіе пред-айскаго періода должна была подготовить массу къ этому по-итическому акту.

Противъ плана группы выступили какъ Петербургскій ко-итетъ, такъ и бюро бывшаго Ц. К. партіи. Чтобы исчерпать писокъ недовольныхъ планомъ группы, надо упомянуть о пе-ербургскомъ комитетѣ „партіи соц.-революціонеровъ".

Въ своемъ письмѣ бюро Ц. К.[1] развиваетъ слѣдующую мысль:

„Послѣ января и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Пе-ербургѣ не можетъ имѣть мѣста общая, заранѣе подготовлен-ая, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, акъ таковая, да еще съ заранѣе обѣщаннымъ вооруженнымъ от-оромъ... Это, въ полномъ смыслѣ слова, nonsens. При насто-щихъ условіяхъ позвать на такую „демонстрацію" совершенно же, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію, азначенному Группой на 1 мая. И эта „демонстрація", дѣй-ительно, неизбѣжно превратилась бы въ возстаніе, если бы руппѣ удалось поднять сотни или, по крайней мѣрѣ, десятки ысячъ рабочихъ. Но такъ какъ Группа понимаетъ, что этого дѣлать ей не удастся, то она назначаетъ вооруженную демон-рацію, т. е. заранѣе обреченное на кровавую неудачу частич-е возстаніе тысячи въ три, пять или десять человѣкъ. Не-бѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго истребленія нѣсколь-хъ тысячъ рабочихъ, оторванныхъ отъ массы такой чисто *рмальной* цѣлью, какъ вооруженная демонстрація, будетъ не-висть къ нашей Партіи и страшная психологическая реакція еди петербургскаго пролетаріата".

Въ свою очередь, бюро Ц. К. предлагаетъ „звать массу не вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы судить вопросъ: что дѣлать дальше? и выслушать по этому просу голосъ Р. С. Д. Р. П.". При этомъ „мы не только не граничиваемъ себя заранѣе исключительно лишь разрозненными районными митингами, но, наоборотъ, разрабатываемъ стра-гическій планъ объединенія этихъ митинговъ и дальнѣйшихъ йствій объединенной массы. И этотъ планъ мы приведемъ въ полненіе при наличности соотвѣтственнаго объема массы и длежащаго настроенія ея. *Но зовемъ мы сейчасъ на митинги.* реимущество такого плана дѣйствій очевидно: мы имѣемъ тутъ возможности, въ перспективѣ, и демонстрацію и даже воз-аніе. Но мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаці-ныхъ обязательствъ устроить „вооруженную демонстрацію" и, что тоже, частичное возстаніе) при всякихъ обстоятель-ахъ".

Если, такимъ образомъ, бюро Ц. К., повидимому, имѣло въ у только показать *непрактичность* даннаго *метода* устрой-а демонстраціи, оно незамѣтно сбилось на точку зрѣнія отри-нія возможности активныхъ уличныхъ выступленій (до воз-анія) вообще.

Изъ отвѣта группы на это письмо мы приведемъ слѣдую-е мѣсто:

„Всякій, кто знаетъ позицію „меньшинства" и, въ частно-сти, группы, понимаетъ, что ей и въ голову не могло придти „назначать" на первое мая „частичное возстаніе", начавъ его вооруженной демонстраціей. Согласно Ц. К., такая демонстра-ція равносильна возстанію. Не можетъ быть возстанія — не должно быть и вооруженной демонстраціи.. Группа... не раздѣляетъ мнѣнія, болѣе выдержанно выраженнаго въ майскомъ листкѣ „Бюро Ком. Б-ва", что вооруженное выступленіе мыслимо лишь съ мыслью о возстаніи, что, разъ возстаніе невозможно, то и, вообще, выступленіе на улицы съ оружіемъ въ рукахъ не должно имѣть мѣста, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ возстанія, — и классовый праздникъ, слѣдовательно, долженъ быть принесенъ въ жертву этой задачѣ. Группа думаетъ иначе. Въ развитіи буржуазной революціи мы стремимся къ накопленію пролетарскихъ элементовъ для борьбы за революцію соціалистическую — путемъ его классоваго сплоченія, путемъ укрѣпленія его классовой позиціи. Этой общей точкой зрѣнія опредѣляется и наше отношеніе къ майскому выступленію. Мы не можемъ отказаться отъ него, не можемъ „праздновать молча" у себя дома или на тайныхъ сходкахъ въ лѣсу, какъ предлагали товарищи изъ Комитета „большинства", потому что именно майское выступленіе — могучее средство для объединенія пролетаріата подъ знаменемъ нашей партіи, для выдѣленія его, какъ класса, изъ всей демократической массы... Лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію — съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій".

„Но мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому *уличному* празднованію перваго мая вообще, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности къ борьбѣ за нихъ. Группа отнюдь не противополагаетъ митинги демонстраціи, какъ дѣлаетъ Ц. К.: для нея это вопросъ факта, вопросъ техническій, правильное рѣшеніе котораго возможно единственно при самомъ выступленіи. Мы представляемъ себѣ, что могутъ произойти и митинги и демонстраціи, или только митинги, или только демонстраціи — смотря по мѣсту и условіямъ выступленія".

Ошибочная мысль бюро Ц. К. болѣе послѣдовательно выражена въ листкѣ Петербургскаго Комитета Партіи. Въ немъ мы читаемъ: „Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя назначить заранѣе. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшей растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны: онѣ разгоняются у насъ казаками и полиціей. Довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками, мы не дадимъ превратить нашъ великій рабочій праздникъ въ оргію царскихъ опричниковъ! *Вооруженная демонстрація допустима только, какъ начало вооруженнаго возстанія* (курсивъ нашъ), ибо правительство не отступитъ, конечно, передъ нашимъ оружіемъ, не исчерпавъ всѣхъ своихъ силъ. Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно; выйти вооруженно — преждевременно".

„Готовясь къ вооруженному возстанію", говоритъ Одесскій Комитетъ, „мы должны помнить, что нельзя его начать въ любой часъ, а должно ожидать наиболѣе подходящаго момента. И, поэтому, мы не можемъ призывать къ демонстраціи перваго мая, такъ какъ теперь невооруженная демонстрація обратилась бы въ кровавое избіеніе, а вооруженная — въ народное возстаніе, а мы еще сейчасъ не настолько вооружены, чтобы надѣяться отстоять силой свои требованія".

Выступивъ противъ открытаго празднованія перваго мая, Петербургскій Комитетъ „*партіи соц.-революціонеровъ*" заявилъ въ своей прокламаціи:

„Не до праздниковъ русскому трудящемуся люду... Это право на праздникъ надо вырвать у царской опричнины, наряду съ общечеловѣческими правами. Но какъ? Борьбой планомѣрной, упорной, гдѣ обдуманъ каждый шагъ, гдѣ подсчитана каждая сила... Не до праздниковъ тутъ. Они насъ ждутъ впереди, когда мы силой достанемъ себѣ свободу. А пока пусть будетъ обдуманъ каждый шагъ, пусть усчитана будетъ каждая сила. Довольно жертвъ, которыя покорно падаютъ подъ ударами царскихъ опричниковъ. Довольно этихъ агнцевъ, добровольно идущихъ на закланіе... Довольно... Мы выйдемъ снова на улицу... но не для праздника, а для борьбы съ оружіемъ въ рукахъ... Вооружайтесь и ждите призыва своихъ революціонныхъ организацій... Пусть то не будетъ первое мая (!). Но то будетъ зато день послѣдней кровавой борьбы, день рѣшительной побѣды... и уже не далекъ этотъ день, когда раздастся кличъ: „Къ оружію, товарищи!"

Стоитъ сопоставить всѣ эти однородные мотивы съ *фактомъ* грандіозной вооруженной демонстраціи 18 апрѣля въ Варшавѣ, чтобы выразить удивленіе по поводу той энергіи, съ которой насъ хотятъ убѣдить, что „послѣ 9 января" „невозможно" звать на улицы... вплоть до послѣдняго боя, который будетъ назначенъ какимъ-нибудь всемогущимъ „центромъ"!

Какъ мы видѣли, Петербургская Группа не стала на точку зрѣнія, отвергающую массовыя революціонныя демонстраціи въ настоящій моментъ. Но не позволяетъ ли постигшая ея собственныя начинанія неудача сдѣлать тотъ выводъ, что правы были именно противники *такихъ* выступленій?

Ставя такъ вопросъ, мы нисколько не склонны забывать различій между тактической позиціей Петербургскаго и Одесскаго комитетовъ (равно какъ петербургскихъ соц.-рев.), съ одной стороны, и бюро бывшаго Ц. К. — съ другой. Но при всемъ различіи между ними, нетрудно убѣдиться, что въ основаніи обѣихъ критикъ плана нашей группы лежитъ одна и та же идея — мысль о невозможности собрать въ данный моментъ *массу* во имя такой „формальной" цѣли, какъ революціонная демонстрація. И, въ свою очередь, эта мысль покоится на убѣжденіи, которое въ свое время высказалъ на страницахъ „Искры" тов. Т., что послѣ 9 января наше движеніе „уперлось въ возстаніе", что слѣдовательно, ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ, вплоть до возстанія, звать массу не приходится.

Итакъ, не оправдала ли майская неудача въ Петербургѣ этихъ пророковъ?

На первый взглядъ можетъ показаться, что да. „Митинги-демонстраціи" не привлекли къ себѣ неорганизованную пролетарскую массу. Не значитъ ли это, что мы должны принять точку зрѣнія Петерб. Комитета и предлагать массамъ „погодить" съ активными политическими выступленіями вплоть до того момента, когда мы сами подготовимся къ вооруженному возстанію?

Маленькая историческая справка поможетъ намъ выяснить дѣло. Читатель, навѣрное, помнитъ, что полгода назадъ въ Петербургѣ разыгралась „политическая драма", аналогичная той, которая произошла 1 мая. Только распредѣленіе ролей въ ней было обратное. Тогда въ ноябрѣ прошлаго года — комитетъ „впередовцевъ" назначилъ демонстрацію, а „искровцы" — будущая группа — возстали противъ нея, и — оказались правы: на демонстрацію рабочія массы не пришли. Петербургскіе „искровцы" утверждали тогда, что демонстрація не можетъ удаться потому, что организація не подготовила для ея успѣха элементовъ въ рабочей массѣ. Но будущіе члены „группы" не пытались доказывать, что рабочія массы Петербурга *уже не* пойдутъ на демонстрацію потому, что они *еще не* готовы къ возстанію. Эта осторожность петербургскихъ „искровцевъ" въ тактическихъ выводахъ избавила ихъ отъ очень смѣшного положенія, въ которомъ они очутились бы съ началомъ текущаго года, когда сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно „поднять" на демонстрацію. Было бы очень хорошо, еслибъ, помня объ этомъ урокѣ, петербургскіе товарищи оказались столь же осторожны въ выводахъ и послѣ того, какъ партійная организація обожглась на молокѣ, не спѣшили бы дуть на воду.

И все таки фактъ на лицо: и до 9 января, и послѣ него соціалъ-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массового выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ коммиссіи Шидловскаго. Что же это значитъ? Не вправѣ ли мы сдѣлать самые пессимистическіе выводы о предѣлахъ, поставленныхъ вліянію на пролетаріатъ нашей партіи, какъ инціативной силы?

Попытка отмахнуться отъ этого вопроса утвержденіемъ, что движеніе „уперлось въ возстаніе", должна быть отвергнута, какъ покушеніе съ завѣдомо-негодными средствами. Вѣдь, если бы это было такъ, то тогда передъ нами всталъ бы вопросъ: какія же у насъ надежды, что намъ удастся активно руководить возстаніемъ? Намъ, не имѣющимъ возможности готовить къ нему себя самихъ и народныя массы на практикѣ широкихъ революціонныхъ выступленій? Ибо дѣтски наивнымъ было бы думать, что революціонная организація можетъ „сразу" повести массы на всенародное возстаніе, имѣя за спиной только опытъ тѣхъ былыхъ демонстрацій, которыя, по нынѣшнему масштабу революціоннаго времени, являются чѣмъ то вродѣ „потѣшныхъ игръ", по сравненію съ истинно-революціонными дѣйствіями.

Чѣмъ болѣе серьезно мы относимся къ вѣроятности вооруженнаго возстанія, тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ точкой зрѣнія петербургскихъ комитетчиковъ. Побѣдоносное народное возстаніе не выростетъ изъ пассивныхъ и безмолвныхъ массъ. Оно разовьется изъ постоянныхъ революціонныхъ, *организованныхъ* и планомѣрныхъ проявленій народной массы.

Наше организаціонное вліяніе на массы безконечно отстало отъ нашего *идейнаго* вліянія на нихъ. Вотъ фактъ, о которомъ снова кричатъ майскія неудачи. Массы учатся у насъ *думать*, онѣ не довѣряютъ нашимъ указаніямъ, какъ имъ *дѣйствовать?* И если мы хотимъ извлечь для себя полезный урокъ изъ происшедшихъ событій, мы должны прежде всего понять, какъ намъ вести работу, чтобы усилить свое организаціонное вліяніе на массы?

Послѣ 9 января мы говорили въ „Искрѣ": прежде всего намъ надо *развязать* революцію. Многіе не поняли насъ и не могутъ понять до сихъ поръ. А, между тѣмъ, практика вновь и вновь подтверждаетъ намъ, что революціонныя силы современности находятся въ *связанномъ* состояніи. Кто не понималъ этого до сихъ поръ, пусть представитъ себѣ раскрытую майской неудачей картину петербургской дѣйствительности: сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ нашимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ, и — всего полторы—двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чувства! Это ли не картина революціи, связанной, безсильной, выжидающей? Какимъ же непониманіемъ надо обладать, чтобы при видѣ этой картины твердить, что намъ надо *задерживать* „преждевременныя" проявленія активности массъ, пока мы сфабрикуемъ тотъ „штабъ спѣшившихся руководителей", который въ благопріятный моментъ позоветъ и поведетъ эти массы?

Надо *развязать* революцію! Надо добиваться въ Россіи того, что уже есть на Кавказѣ и Польшѣ, надо добиваться, чтобы и въ Россіи, какъ на этихъ „окраинахъ", масса не только сочувствовала нашей революціонной борьбѣ, но и *участвовала* въ ней; чтобы она довѣряла нашей инціативѣ и готова была бы активно поддержать ее. А поскольку это будетъ достигнуто, постольку призывы „держать" революцію за шиворотъ, ибо она „преждевременна", будутъ казаться всѣмъ нашимъ революціонерамъ столь же смѣшными, какъ они должны теперь казаться нашимъ польскимъ и кавказскимъ товарищамъ, хорошо знающимъ, что каждое революціонное выступленіе массы не истощаетъ, а умножаетъ боевой капиталъ возстанія. И постольку же станетъ невозможнымъ, чтобы призывы организацій къ активнымъ дѣйствіямъ носили авантюристскій и дѣйствительно дезорганизаторскій характеръ.

Но, скажутъ намъ: Польша и Кавказъ — одно, Россія — другое. Въ Польшѣ и на Кавказѣ пролетарское движеніе окружено плотной атмосферой сочувствія различныхъ классовъ населенія, революціонизированнаго царизмомъ, и это обстоятельство облегчаетъ всякія рѣшительныя дѣйствія пролетаріата. Конечно. Но неужели же товарищи думаютъ, что мы можемъ придти къ возстанію, *не создавъ* вокругъ пролетарской борьбы въ самой Россіи атмосферы такого же сочувствія? Неужели они думаютъ, что кто говоритъ: „готовить возстаніе", тотъ не говоритъ тѣмъ самымъ: воздѣйствіе на широкія народныя массы въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій къ этому самому возстанію?

А это опять таки значитъ: надо развязать революцію, потенціально заключающуюся въ тѣхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, которыя подняли къ общественно-политической жизни доселѣ инертные слои населенія.

Развязывать революцію нельзя, готовя возстаніе въ революціонной лабораторіи кружковой подпольщины. Развязывать революцію можно только, привлекая къ политическому *дѣйствію* самыя широкія массы народа. Между тѣмъ, майскій опытъ еще разъ показалъ намъ, что мы плохо умѣемъ привлекать массы къ такому дѣйствію. Массы *слушаютъ* насъ очень сочувственно, онѣ *учатся* очень охотно, онѣ *не идутъ* за нами по нашему призыву. А это именно и значитъ, что, при сильномъ *идейномъ* вліяніи на пролетаріатъ, наша партія далеко еще не достигла нужнаго *организаціоннаго* вліянія на него. Между тѣмъ, вопросъ о „развязываніи" революціоннаго процесса для соціальдемократіи есть въ тоже время вопросъ объ *организаціи массъ* для самостоятельнаго дѣйствія въ революціи

---

[1] Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ „бюро" изложило анъ группы на основаніи „нѣсколькихъ частныхъ разговоровъ оро съ членами группы", благодаря чему получилось довольно вращенное представленіе объ общемъ смыслѣ этого плана. уппа протестовала противъ такого изложенія, и предложила юро" увѣдомить организаціи о происшедшей ошибкѣ. „Бюро", видимому, не сдѣлало этого и отвѣтило группѣ, что „сообще-, разосланное по организаціямъ, сохраняетъ свое значеніе, зависимо отъ плана Петербургской Группы, такъ какъ про-вопоставленіе изложенныхъ нами двухъ плановъ можетъ имѣть сто въ другихъ организаціяхъ". Такимъ объясненіемъ Группа знала себя (единогласно) неудовлетворенной. До извѣстной епени, такимъ образомъ, критика бюро Ц. К. опиралась на кое то недоразумѣніе. Но кое что въ ней надо отнести на тъ неправильныхъ, нашъ взглядъ, представленій о харак-ѣ нашей тактики ѣть въ люціонное время.
ько молод.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 100. 15-го мая 1905 г. Годъ V

ПЕРВОМАЙСКІЕ УСПѢХИ И НЕУДАЧИ.

Сбылись ли ожиданія, которыя связались въ этомъ году съ представленіемъ о первомъ мая у большинства русскихъ гражданъ?

И да, и нѣтъ. Да — поскольку повсемѣстное празднованіе „маевки" въ той или иной формѣ, вопреки всѣмъ военно-полицейскимъ мѣрамъ, показало передовой слой пролетаріата готовымъ выполнить свой долгъ по призыву Партіи. Да — поскольку сотни тысячъ пролетаріевъ воспользовались нашей майской агитаціей, чтобы возобновить прерванное въ февралѣ то великое стачечное движеніе, политическое и соціально-революціонное значеніе котораго трудно переоцѣнить. Нѣтъ — поскольку, въ общемъ и цѣломъ, планомѣрныя политическія дѣйствія Партіи и стихійное движеніе широкихъ пролетарскихъ массъ не слились съ самаго начала, въ исходныхъ своихъ пунктахъ; поскольку рабочая масса „готовилась" къ первому мая сама по себѣ, организованные рабочіе — сами по себѣ; поскольку, поэтому, майскія манифестаціи въ той или иной формѣ, избранной организаціями, прошли почти вездѣ безъ участія той самой массы, которая черезъ день-другой *по своему*, въ стачкахъ, манифестировала свою готовность вести борьбу со своими врагами.

Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи — въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ, — на сборные пункты явились почти только организованные. Въ этомъ смыслѣ мы потерпѣли неудачу. Особенно ощутительна она въ Петербургѣ, гдѣ съ невиданнымъ до тѣхъ поръ размахомъ партія вела предмайскую агитацію, гдѣ эта агитація, опираясь на предыдущую работу соціальдемократіи, наполнила собою всю общественную жизнь столицы за время, предшествовавшее пролетарскому празднику.

Петербургская неудача вызвала на первыхъ порахъ сильное разочарованіе въ средѣ товарищей, и слѣды этого разсчарованія читатель найдетъ въ помѣщаемыхъ ниже петербургскихъ корреспонденціяхъ. Контрастъ между затраченной энергіей и полученными результатами былъ слишкомъ великъ, чтобы не вызвать извѣстнаго упадка духа. Но, въ концѣ концовъ, петербургскіе товарищи „переварили" свою неудачу, изслѣдовали ея причины и извлекли изъ нея, какъ ниже увидитъ читатель, въ высшей степени полезный для всей партіи политическій урокъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ урокѣ, мы должны коснуться одного интереснаго эпизода, который косвенно бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на „мораль" майской неудачи. Мы имѣемъ въ виду ту идейную борьбу, которую пришлось пережить нашей петербургской группѣ во время предмайской агитаціи.

Разсматривая послѣднюю, какъ прямое продолженіе такъ удачно проведенной ею „избирательной" кампаніи по поводу коммиссіи Шидловскаго, группа, какъ извѣстно, намѣтила планъ майскаго выступленія въ рядѣ массовыхъ митинговъ съ вооруженнымъ отпоромъ, въ случаѣ нападенія царскихъ полчищъ. Цѣлая серія импровизированныхъ митинговъ въ теченіе предмайскаго періода должна была подготовить массу къ этому политическому акту.

Противъ плана группы выступили какъ Петербургскій комитетъ, такъ и бюро бывшаго Ц. К. партіи. Чтобы исчерпать списокъ недовольныхъ планомъ группы, надо упомянуть о петербургскомъ комитетѣ „партіи соц.-революціонеровъ".

Въ своемъ письмѣ бюро Ц. К.[1] развиваетъ слѣдующую мысль: „Послѣ января и всего того, что за нимъ слѣдовало, въ Петербургѣ не можетъ имѣть мѣста общая, заранѣе подготовленная, организованная, предварительно оповѣщенная демонстрація, какъ таковая, да еще съ заранѣе обѣщаннымъ вооруженнымъ отпоромъ... Это, въ полномъ смыслѣ слова, утопія. При настоящихъ условіяхъ позвать на такую „демонстрацію" совершенно тоже, что призвать петербургскій пролетаріатъ къ возстанію, назначенному Группой на 1 мая. И эта „демонстрація", дѣйствительно, неизбѣжно превратилась бы въ возстаніе, если бы группѣ удалось поднять сотни или, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рабочихъ. Но такъ какъ Группа понимаетъ, что этого сдѣлать ей не удастся, то она назначаетъ вооруженную демонстрацію, т. е. заранѣе обреченное на кровавую неудачу частичное возстаніе тысячи въ три, пять или десять человѣкъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ неизбѣжнаго истребленія нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, оторванныхъ отъ массы такой чисто формальной цѣлью, какъ вооруженная демонстрація, будетъ ненависть къ нашей Партіи и страшная психологическая реакція среди петербургскаго пролетаріата".

Въ свою очередь, бюро Ц. К. предлагаетъ „звать массу не на вооруженную демонстрацію, а на митинги для того, чтобы обсудить вопросъ: что дѣлать дальше? и выслушать по этому вопросу голосъ Р. С. Д. Р. П.". При этомъ „мы не только не ограничиваемъ себя заранѣе исключительно лишь разрозненными районными митингами, но, наоборотъ, разрабатываемъ стратегическій планъ объединенія этихъ митинговъ и дальнѣйшихъ дѣйствій объединенной массы. И этотъ планъ мы приведемъ въ исполненіе при наличности соотвѣтственнаго объема массы и надлежащаго настроенія ея. *Но зовемъ мы сейчасъ на митинги.* Преимущество такого плана дѣйствій очевидно: мы имѣемъ тутъ въ возможности, въ перспективѣ, и демонстрацію и даже возстаніе. Но мы не беремъ на себя невыполнимыхъ организаціонныхъ обязательствъ устроить „вооруженную демонстрацію" или, что тоже, частичное возстаніе при всякихъ обстоятельствахъ".

Если, такимъ образомъ, бюро Ц. К., повидимому, имѣло въ виду только показать *непрактичность* даннаго *метода* устройства демонстраціи, оно незамѣтно сбилось на точку зрѣнія отрицанія возможности активныхъ уличныхъ выступленій (до возстанія) вообще.

Изъ отвѣта группы на это письмо мы приведемъ слѣдующее мѣсто:

„Всякій, кто знаетъ позицію „меньшинства" и, въ частности, группы, понимаетъ, что ей и въ голову не могло придти „назначать" на первое мая „частичное возстаніе", начавъ его вооруженной демонстраціей. Согласно Ц. К., такая демонстрація равносильна возстанію. Не можетъ быть возстанія — не должно быть и вооруженной демонстраціи.. Группа... не раздѣляетъ мнѣнія, болѣе выдержанно выраженнаго въ майскомъ листкѣ „Бюро Ком. Б-ва", что вооруженное выступленіе мыслимо лишь съ мыслью о возстаніи, что, разъ возстаніе невозможно, то и, вообще, выступленіе на улицы съ оружіемъ въ рукахъ не должно имѣть мѣста, ибо силы должны быть сосредоточены на подготовкѣ возстанія, — и классовый праздникъ, слѣдовательно, долженъ быть принесенъ въ жертву этой задачѣ. Группа думаетъ иначе. Въ развитіи буржуазной революціи мы стремимся къ накопленію пролетарскихъ элементовъ для борьбы за революцію соціалистическую — путемъ его классоваго сплоченія, путемъ укрѣпленія его классовой позиціи. Этой общей точкой зрѣнія опредѣляется и наше отношеніе къ майскому выступленію. Мы не можемъ отказаться отъ него, не можемъ „праздновать молча" у себя дома или на тайныхъ сходкахъ въ лѣсу, какъ предлагали товарищи изъ Комитета „большинства", потому что именно майское выступленіе — могучее средство для объединенія пролетаріата подъ знаменемъ нашей партіи, для выдѣленія его, какъ класса, изъ всей демократической массы... Лучшимъ видомъ майскаго выступленія мы считаемъ у насъ демонстрацію — съ вооруженнымъ отпоромъ въ виду русскихъ условій".

„Но мы не стремимся къ демонстраціи во что бы то ни стало въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ; мы призываемъ пролетаріатъ къ открытому *уличному* празднованію перваго мая вообще, не предрѣшая, въ какія формы оно выльется. Для насъ цѣнно заявленіе широкими слоями пролетаріата въ этотъ день своихъ требованій, демонстрированіе готовности къ борьбѣ за нихъ. Группа отнюдь не противополагаетъ митинги демонстраціи, какъ дѣлаетъ Ц. К.: для нея это вопросъ факта, вопросъ техническій, правильное рѣшеніе котораго возможно единственно при самомъ выступленіи. Мы представляемъ себѣ, что могутъ произойти и митинги и демонстраціи, или только митинги, или только демонстраціи — смотря по мѣсту и условіямъ выступленія".

Ошибочная мысль бюро Ц. К. болѣе послѣдовательно выражена въ листкѣ Петербургскаго Комитета Партіи. Въ немъ мы читаемъ: „Первое мая не можетъ быть, конечно, днемъ вооруженнаго возстанія. Вооруженное возстаніе нельзя назначить заранѣе. Мы поднимемъ оружіе неожиданно для нашихъ враговъ, выбравъ моментъ наибольшаго подъема народныхъ силъ и наибольшей растерянности правительства. Мирныя демонстраціи невозможны: онѣ разгоняются у насъ казаками и полиціей. Довольно уже полосовали наши спины нагайками и шашками, мы не дадимъ превратить нашъ великій рабочій праздникъ въ оргію царскихъ опричниковъ! *Вооруженная демонстрація допустима только, какъ начало вооруженнаго возстанія* (курсивъ нашъ), ибо правительство не отступитъ, конечно, передъ нашимъ оружіемъ, не исчерпавъ всѣхъ своихъ силъ. Итакъ, товарищи, выйти перваго мая на улицу безоружнымъ было бы безумно; выйти вооруженно — преждевременно".

„Готовясь къ вооруженному возстанію", говоритъ Одесскій Комитетъ, „мы должны помнить, что нельзя его начать въ любой часъ, а должно ожидать наиболѣе подходящаго момента. И, поэтому, мы не можемъ призывать къ демонстраціи перваго мая, такъ какъ теперь невооруженная демонстрація обратилась бы въ кровавое избіеніе, а вооруженная — въ народное возстаніе, а мы еще сейчасъ не настолько вооружены, чтобы надѣяться отстоять силой свои требованія".

Выступивъ противъ открытаго празднованія перваго мая, Петербургскій Комитетъ „*партіи соц. революціонеровъ*" заявилъ въ своей прокламаціи:

„Не до праздниковъ русскому трудящемуся люду... Это право на праздникъ надо вырвать у царской опричнины, наряду съ общечеловѣческими правами. Но какъ? Борьбой планомѣрной, упорной, гдѣ обдуманъ каждый шагъ, гдѣ подсчитана каждая сила... Не до праздниковъ тутъ. Они насъ ждутъ впереди, когда мы силой достанемъ себѣ свободу. А пока пусть будетъ обдуманъ каждый шагъ, пусть усчитана будетъ каждая сила. Довольно жертвъ, которыя покорно падаютъ подъ ударами царскихъ опричниковъ. Довольно этихъ агнцевъ, добровольно идущихъ на закланіе... Довольно... Мы выйдемъ снова на улицу... но не для праздника, а для борьбы съ оружіемъ въ рукахъ... Вооружайтесь и ждите призыва своихъ революціонныхъ организацій... Пусть то не будетъ первое мая!.. Но то будетъ зато день послѣдней кровавой борьбы, день рѣшительной побѣды... и уже не далекъ этотъ день, когда раздастся кличъ: „Къ оружію, товарищи!"

Стоитъ сопоставить всѣ эти однородные мотивы съ *фактомъ* грандіозной вооруженной демонстраціи 18 апрѣля въ Варшавѣ, чтобы выразить удивленіе по поводу той энергіи, съ которой насъ хотятъ убѣдить, что „послѣ 9 января" „невозможно" звать на улицы, вплоть до послѣдняго боя, который будетъ назначенъ какимъ нибудь всемогущимъ „центромъ"!

Какъ мы видѣли, Петербургская Группа не стала на точку зрѣнія, отвергающую массовыя революціонныя демонстраціи въ настоящій моментъ. Но не позволяетъ ли постигшая ея собственныя начинанія неудача сдѣлать тотъ выводъ, что правы были именно противники *такихъ* выступленій?

Ставя такъ вопросъ, мы нисколько не склонны забывать различій между тактической позиціей Петербургскаго и Одесскаго комитетовъ (равно какъ петербургскихъ соц.-рев.), съ одной стороны, и бюро бывшаго Ц. К. — съ другой. Но при всемъ различіи между ними, нетрудно убѣдиться, что въ основаніи обѣихъ критикъ плана нашей группы лежитъ одна и та же идея — мысль о невозможности собрать въ данный моментъ *массу* во имя такой „формальной" цѣли, какъ революціонная демонстрація. И, въ свою очередь, эта мысль покоится на убѣжденіи, которое въ свое время высказалъ на страницахъ „Искры" тов. Т., что послѣ 9 января наше движеніе „уперлось въ возстаніе", что слѣдовательно, ни къ какимъ активнымъ дѣйствіямъ, вплоть до возстанія, звать массу не приходится.

И такъ, не оправдала ли майская неудача въ Петербургѣ этихъ пророковъ?

На первый взглядъ можетъ показаться, что да. „Митинги-демонстраціи" не привлекли къ себѣ неорганизованную пролетарскую массу. Не значитъ ли это, что мы должны принять точку зрѣнія Петерб. Комитета и предлагать массамъ „погодить" съ активными политическими выступленіями вплоть до того момента, когда мы сами подготовимся къ вооруженному возстанію?

Маленькая историческая справка поможетъ намъ выяснить дѣло. Читатель, навѣрное, помнитъ, что полгода назадъ въ Петербургѣ разыгралась „политическая драма", аналогичная той, которая произошла 1 мая. Только распредѣленіе ролей въ ней было обратное. Тогда въ ноябрѣ прошлаго года — комитетъ „впередовцевъ" назначилъ демонстрацію, а „искровцы" — будущая группа — возстали противъ нея, и — оказались правы: на демонстрацію рабочія массы не пришли. Петербургскіе „искровцы" утверждали тогда, что демонстрація не можетъ удаться потому, что организація не подготовила для ея успѣха элементовъ въ рабочей массѣ. Но будущіе члены „группы" не пытались доказывать, что рабочія массы Петербурга *уже не* пойдутъ на демонстрацію потому, что они *еще не* готовы къ возстанію. Эта осторожность петербургскихъ „искровцевъ" въ тактическихъ выводахъ избавила ихъ отъ очень смѣшного положенія, въ которомъ они очутились бы съ началомъ текущаго года, когда сотни тысячъ петербургскихъ пролетаріевъ показали, что ихъ можно „поднять" на демонстрацію. Было бы очень хорошо, еслибъ, помня объ этомъ урокѣ, петербургскіе товарищи оказались столь же осторожны въ выводахъ и послѣ того, какъ партійная организація обожглась на молокѣ, не спѣшили бы дуть на воду.

И все таки фактъ на лицо: и до 9 января, и послѣ него соціалдемократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массового выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ коммиссіи Шидловскаго. Что же это значитъ? Не вправѣ ли мы сдѣлать самые пессимистическіе выводы о предѣлахъ, поставленныхъ вліянію на пролетаріатъ нашей партіи, какъ иниціативной силы?

Попытка отмахнуться отъ этого вопроса утвержденіемъ, что движеніе „уперлось въ возстаніе", должна быть отвергнута, какъ покушеніе съ завѣдомо-негодными средствами. Вѣдь, если бы это было такъ, то тогда передъ нами всталъ бы вопросъ: какія же у насъ надежды, что намъ удастся активно руководить возстаніемъ? Намъ, не имѣющимъ возможности готовить къ нему себя самихъ и народныя массы на практикѣ широкихъ революціонныхъ выступленій? Ибо дѣтски наивнымъ было бы думать, что революціонная организація можетъ „сразу" повести массы на всенародное возстаніе, имѣя за спиной только опытъ тѣхъ былыхъ демонстрацій, которыя, по нынѣшнему масштабу революціоннаго времени, являются чѣмъ то вродѣ „потѣшныхъ игръ", по сравненію съ истинно-революціонными дѣйствіями.

Чѣмъ болѣе серьезно мы относимся къ вѣроятности вооруженнаго возстанія, тѣмъ менѣе можемъ мы согласиться съ точкой зрѣнія петербургскихъ комитетчиковъ. Побѣдоносное народное возстаніе не выростетъ изъ пассивныхъ и безмолвныхъ массъ. Оно разовьется изъ постоянныхъ революціонныхъ, *организованныхъ* и планомѣрныхъ проявленій народной массы.

Наше организаціонное вліяніе на массы безконечно отстало отъ нашего *идейнаго* вліянія на нихъ. Вотъ фактъ, о которомъ снова кричатъ майскія неудачи. Массы учатся у насъ *думать*, онѣ не довѣряютъ нашимъ указаніямъ, какъ имъ *дѣйствовать*? И если мы хотимъ извлечь для себя полезный урокъ изъ происшедшихъ событій, мы должны прежде всего понять, какъ намъ вести работу, чтобы усилить свое организаціонное вліяніе на массы?

Послѣ 9 января мы говорили въ „Искрѣ": прежде всего намъ надо *развязать* революцію. Многіе не поняли насъ и не могутъ понять до сихъ поръ. А, между тѣмъ, практика вновь и вновь подтверждаетъ намъ, что революціонныя силы современности находятся въ *связанномъ* состояніи. Кто не понималъ этого до сихъ поръ, пусть представитъ себѣ раскрытую майской неудачей картину петербургской дѣйствительности: сотни тысячъ политически возбужденныхъ рабочихъ, десятки тысячъ вчера еще рукоплескавшихъ нашимъ ораторамъ на предмайскихъ митингахъ, и — всего полторы—двѣ тысячи явившихся на призывъ организаціи демонстрировать свои чувства! Это ли не картина революціи, связанной, безсильной, выжидающей? Какимъ же непониманіемъ надо обладать, чтобы при видѣ этой картины твердить, что намъ надо *задерживать* „преждевременныя" проявленія активности массъ, пока мы сфабрикуемъ тотъ „штабъ спѣвшихся руководителей", который въ благопріятный моментъ позоветъ и поведетъ эти массы?

Надо *развязать* революцію! Надо добиваться въ Россіи того, что уже есть на Кавказѣ и Польшѣ, надо добиваться, чтобы и въ Россіи, какъ на этихъ „окраинахъ", масса не только сочувствовала нашей революціонной борьбѣ, но и *участвовала* въ ней; чтобы она довѣряла нашей иниціативѣ и готова была бы активно поддержать ее. А поскольку это будетъ достигнуто, постольку призывы „держать" революцію за шиворотъ, ибо она „преждевременна", будутъ казаться всѣмъ нашимъ революціонерамъ столь же смѣшными, какъ они должны теперь казаться нашимъ польскимъ и кавказскимъ товарищамъ, хорошо знающимъ, что каждое революціонное выступленіе массы не истощаетъ, а умножаетъ боевой капиталъ возстанія. И постольку же станетъ невозможнымъ, чтобы призывы организацій къ активнымъ дѣйствіямъ носили авантюристскій и дѣйствительно дезорганизаторскій характеръ.

Но, скажутъ намъ: Польша и Кавказъ — одно, Россія — другое. Въ Польшѣ и на Кавказѣ пролетарское движеніе окружено плотной атмосферой сочувствія различныхъ классовъ населенія, революціонизированнаго царизмомъ, и это обстоятельство облегчаетъ всякія рѣшительныя дѣйствія пролетаріата. Конечно. Но неужели же товарищи думаютъ, что мы можемъ придти къ возстанію, *не создавъ* вокругъ пролетарской борьбы въ самой Россіи атмосферы такого же сочувствія? Неужели они думаютъ, что кто говоритъ: „готовить возстаніе", тотъ не говоритъ тѣмъ самымъ: воздѣйствіе на широкія народныя массы въ цѣляхъ привлеченія ихъ симпатій къ этому самому возстанію?

А это опять таки значитъ: надо развязать революцію, потенціально заключающуюся въ тѣхъ классовыхъ противорѣчіяхъ, которыя подняли къ общественно-политической жизни доселѣ инертные слои населенія.

Развязывать революцію нельзя, готовя возстаніе въ революціонной лабораторіи кружковой подпольщины. Развязывать революцію можно только, привлекая къ политическому *дѣйствію* самыя широкія массы народа. Между тѣмъ, майскій опытъ еще разъ показалъ намъ, что мы плохо умѣемъ привлекать массы къ такому дѣйствію. Массы *слушаютъ* насъ очень сочувственно, онѣ *учатся* очень охотно, онѣ *не идутъ* за нами по нашему призыву. А это именно и значитъ, что, при сильномъ *идейномъ* вліяніи на пролетаріатъ, наша партія далеко еще не достигла нужнаго *организаціоннаго* вліянія на него. Между тѣмъ, вопросъ о „развязываніи" революціоннаго процесса для соціальдемократіи есть въ тоже время вопросъ объ *организаціи массъ для самостоятельнаго дѣйствія въ революціи*

---

[1] Надо замѣтить, что въ этомъ письмѣ „бюро" изложило планъ группы на основаніи „нѣсколькихъ частныхъ разговоровъ бюро съ членами группы", благодаря чему получилось довольно извращенное представленіе объ общемъ смыслѣ этого плана. Группа протестовала противъ такого изложенія и предложила „бюро" увѣдомить организаціи о происшедшей ошибкѣ. „Бюро", повидимому, не сдѣлало этого и отвѣтило группѣ, что „сообщеніе, разосланное по организаціямъ, сохраняетъ свое значеніе, независимо отъ плана Петербургской Группы, такъ какъ противопоставленіе изложенныхъ нами двухъ плановъ можетъ имѣть мѣсто въ другихъ организаціяхъ". Такимъ объясненіемъ Группа признала себя (единогласно) неудовлетворенной. До извѣстной степени, такимъ образомъ, критика бюро Ц. К. опиралась на кое-то недоразумѣніе. Но кое что въ ней надо отнести на счетъ неправильныхъ, [illegible] нашъ взглядъ, представленій о характерѣ нашей тактики [illegible] въ [illegible]люціонное время.

ько молод.

Вотъ почему послѣ 9-го января мы, выступивъ противъ всякихъ попытокъ связать „разнуздавшуюся“ революцію, одновременно выдвинули, какъ самую насущную задачу даннаго момента, вопросъ объ организаціи массъ въ политической и экономической борьбѣ. Вотъ почему мы считали нужнымъ со всей рѣшимостью выставить лозунгъ: „шире двери!“ и призвать къ „захвату“ пролетаріями своихъ „правъ“ и „свободъ“.

Подъ впечатлѣніемъ этой насущнѣйшей задачи момента работала и первая общерусская конференція и въ ея резолюціяхъ о возстаніи, о профессіональныхъ союзахъ, о неоформленныхъ организаціяхъ и др. рѣзко сказалась эта точка зрѣнія, общая всей части партіи, которая осталась непредставленной на пресловутомъ „съѣздѣ“. И въ тоже время своимъ проэктомъ реорганизаціи партійнаго коллектива конференція намѣтила тѣ необходимыя измѣненія въ его структурѣ, безъ которыхъ наша партія врядъ ли сможетъ успѣшно разрѣшить новыя задачи организаціи массъ.

Петербургская Группа, задавшись вопросомъ о значеніи майской неудачи, пришла къ выводамъ, подтверждающимъ ту точку зрѣнія, на которую стала конференція. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ майскихъ дней одинъ изъ петербургскихъ товарищей писалъ намъ: широкая организація — въ этомъ спасеніе! Въ этомъ же номерѣ читатель прочтетъ резолюцію агитаторовъ городского района. Здѣсь же мы считаемъ полезнымъ познакомить товарищей съ коллективнымъ мнѣніемъ Петербургской Группы, какъ оно выражено въ письмѣ одного изъ ея активныхъ членовъ. Это письмо, кстати, даетъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи извѣстнаго слоя сознательныхъ рабочихъ къ нашимъ организаціямъ.

„Обычный типъ нашей политической организаціи: центральный кружокъ на заводѣ, стремящійся намѣтить возможно больше кружковъ по образу и подобію своему, только качествомъ пониже. Работая кружками, мы заранѣе исключаемъ этимъ возможность охватить широкіе круги пролетаріата (десятковъ тысячъ по кружкамъ не размѣстишь!). Признавая методомъ работы — твореніе возможно большаго числа политическихъ кружковъ, стремясь выдѣлить въ нихъ всякаго улавливаемаго нами рабочаго, мы отрываемъ его отъ массы, отъ ея жизни и даже какъ бы противопоставляемъ ей. Не лучшіе слои рабочихъ вдвигаются въ наши организаціи, а просто знакомые нашихъ рабочихъ. Въ нашихъ кружкахъ можно только учится (и то плохо!). Потребности въ активной работѣ они не удовлетворяютъ. И хорошіе рабочіе-гапоновцы (соц.-дем.) говорятъ: „зачѣмъ я къ вамъ пойду? я и такъ все это знаю“ Дѣйствительно, идти за тѣмъ, чтобы „числиться за организаціей“ — не велика штука. Въ итогѣ — у насъ преимущественно самый молодой, самый невліятельный элементъ среди рабочихъ. „У васъ все молодятникъ“, говорилъ рабочій-гапоновецъ, „вы его раскаляете, а онъ васъ, а масса на рабочую партію, которая ея должна быть, смотритъ, какъ на чужую, которая со стороны ей что-то хорошее хочетъ сдѣлать“. И — вправду — масса напряженно ожидала перваго мая, предвидя что-то большое и хорошее для себя, но не отводя себѣ въ этомъ активной роли. И къ нашимъ митингамъ, разъ мы ихъ не связываемъ такъ или иначе съ активностью массъ, съ длительнымъ къ нимъ интересомъ, отношеніе подчасъ, какъ къ какому-то занимательному перерыву въ работѣ. „Придетъ интеллигентъ на заводъ“, говорилъ вдумчивый рабочій соц.-дем. городского района, „прокричитъ всѣ свои „долой“, и мы покричимъ, и уйдетъ. А намъ нужно не это; что вообще „долой“ — извѣстно, а надо обсужденіе всего, разборъ всей жизни“. И рабочіе таки показали, что они не считаютъ себя связанными сочувственными кликами на митингахъ: взяли и не вышли перваго мая. Какъ разбить рамки кружковщины, какъ измѣненіемъ методовъ работы привлечь всѣ лучшіе элементы рабочаго класса? Группа, не договорившись пока подробно, выдвигаетъ *иниціативу соц.-дем. въ дѣлѣ профессіональной организаціи рабочихъ*. Явочнымъ порядкомъ оснуемъ рабочіе союзы, заводскія кассы и т. п.; изъ демократическихъ организацій дадимъ рабочей массѣ выдвинуть своихъ вожаковъ, удовлетворимъ ихъ потребность въ активной работѣ; свяжемъ наши митинги съ предложеніями объ основаніи обществъ рабочихъ для борьбы за свое экономическое, политическое и духовное освобожденіе; серьезной постановкой руководства профессіональной борьбой, необходимость объединенія для которой уже сознана рабочими массами, создадимъ прочную основу для роста вліянія нашей партіи; на собраніяхъ обществъ, обсуждающихъ всѣ вопросы, интересующіе рабочаго, будемъ отбирать элементы, выдвигающіеся и годящіеся въ нашу боевую партійную политическую организацію, которая пусть представляетъ собой не хаотическое сборище полусознательныхъ, просто революціонно настроенныхъ рабочихъ, а сплоченіе рабочихъ-соціальдемократовъ организовавшихся для подобной агитаціи, руководящихъ профессіональными союзами и заводскими кассами и опирающихся на нихъ“.

Можно съ увѣренностью сказать, что только работа въ направленіи, намѣчаемомъ въ этомъ письмѣ, позволитъ соціальдемократіи справиться съ той стихіей, которая до сихъ поръ порабощала ее себѣ. И лишь поскольку ей удастся это сдѣлать, будетъ въ полной мѣрѣ достигаться та спеціальная задача, которую ставитъ себѣ наша партія, — задача сплоченія русскихъ пролетаріевъ въ самостоятельную классовую силу, двигающую буржуазную революцію.

КЪ СОТОМУ НОМЕРУ.

Когда $4\frac{1}{2}$ года тому назадъ изъ тайной нѣмецкой типографіи вышелъ первый № „Искры“, изъ маленькой кучки соціальдемократовъ, принимавшихъ то или иное участіе въ его рожденіи на свѣтъ, врядъ ли одинъ видѣлъ мысленно передъ собой тотъ день, когда появится сотый номеръ органа русской революціонной соціальдемократіи...

„Изъ искры возгорится пламя“—гласилъ эпиграфъ на нашей газетѣ. Не самую газету, конечно, имѣли мы въ виду, а ту революціонную идею, которой должна была она служить. И къ сотому номеру *эта* искра, дѣйствительно, превратилась въ могучее пламя. Гдѣ тотъ оптимистъ, который въ концѣ 1900 года предвидѣлъ бы грандіозную картину революціонной дѣйствительности нашихъ дней?

„Искрѣ“ выпало на долю завидное счастье—въ теченіе четырехъ долгихъ лѣтъ изо дня въ день *жить* одной жизнью съ наиболѣе революціонной струей въ мощномъ общественномъ движеніи, какого еще не видѣла исторія со временъ французской революціи. Ей выпалъ на долю не менѣе завидный удѣлъ —дать въ Россіи первый опытъ прочной постановки литературной агитаціи на службѣ у соціальдемократическаго рабочаго движенія. Какъ трудны были первые шаги на этомъ пути, какъ маловѣроятнымъ представлялся успѣхъ этого предпріятія въ ту пору, какъ трудно казалось тогда перешагнуть черезъ такія внѣшнія препятствія, которыя теперь, шутя, переодолѣваетъ каждая изъ многочисленныхъ партійныхъ организацій! А тогда десятки наиболѣе энергичныхъ соціальдемократовъ—практиковъ съ отчаянной настойчивостью бились надъ тѣмъ, чтобы поставить первыя большія тайныя типографіи, регулярный обильный транспортъ, паспортныя „мастерскія“, общерусскіе бюро для сношеній...

Ихъ было немного—товарищей, которые 5 лѣтъ назадъ рѣшили затратить свои силы на постановку „общерусскаго“ партійнаго предпріятія. Но эти немногіе сдѣлали-таки самую главную, самую трудную часть новой работы. По протореннымъ ими путямъ пошли новые и новые десятки и сотни, и „общерусское“ дѣло понемногу слилось, объединилось съ дѣломъ „мѣстнымъ“.

То, что въ 1901 году дѣлала почти одна „Искра“, теперь совершаютъ десятки организацій. Систематическая политическая агитація—когда то удѣлъ „искровской“ организаціи—теперь обслуживается десятками печатныхъ станковъ. Чтобы измѣрить ростъ нашей партіи за этотъ четырехлѣтній періодъ, было бы достаточно сопоставить число организацій, дѣйствовавшихъ тогда, съ числомъ ихъ въ данный моментъ. „Искрѣ“ выпала наиболѣе благодарная роль въ этой громадной работѣ постройки соціальдемократической партіи. Наиболѣе благодарная, потому что наиболѣе замѣтная. Но эта, бросающаяся въ глаза, работа была-бы немыслима, если бы не была связана тысячью нитей съ незамѣтной для постороннихъ работой многихъ и многихъ революціонеровъ, безвѣстно трудившихся и подчасъ безвѣстно истекавшихъ кровью въ трудной борьбѣ.

Сколько ихъ промелькнуло за эти годы передъ нами, имѣвшими возможность, благодаря своему привиллегированному „заграничному“ положенію, видѣть воочію непрерывный и быстрый ростъ партіи. Единицами сначала считались наши „нелегальные“, потомъ—десятками, теперь—сотнями. Съ ростомъ партійной работы повышался ея „пульсъ“ и симптомомъ этого повышенія являлась, между прочимъ, все болѣе оживленная циркуляція работниковъ между русскими центрами движенія и заграничной „конспиративной квартирой“. Женева или Парижъ —Петербургъ, Одесса или какой нибудь другой русскій центръ —тюрьма — Якутка — снова Женева или Парижъ — и опять Россія... Сколько товарищей въ теченіе этого полнаго бурь періода продѣлали эти этапы! Еслибъ не было этой циркуляціи, не могла бы „Искра“ работать въ тонъ русской работѣ.

Сотни живыхъ нитей связывали „Искру“ съ русской работой и позволяли ей, такъ или иначе, идти въ ногу съ партіей. Но суровая русская дѣйствительность часто разрывала эти связи, иногда почти по всей линіи. Новыя и новыя затраты упорнаго труда требовались, чтобы возстановить уже было налаженный организаціонный аппаратъ. „Проваливались“ транспорта, пути, типографіи. Обрывались почти всякія письменныя сношенія съ Россіей, цѣлыя „поколѣнія“ искровцевъ разомъ изымались изъ обращенія. Сколько разъ трудно было выпустить очередный №, за недостаткомъ корреспонденцій изъ Россіи! Сколько разъ, съ разгромомъ транспорта, наступало переполненіе нашего склада и невольно ослабѣвала наша работа подъ гнетомъ сознанія, что въ данный моментъ трудишься „въ пустую“! Сколько разъ надъ „Искрой“ подымалась грозная туча финансоваго „банкротства“: „нервъ войны“ иссякалъ и, казалось, прійдется вотъ вотъ остановить машину. Сколько разъ все замѣтное въ партіи, все наиболѣе энергичное, исчезало за воротами тюремъ, и, перечитывая мысленно ряды оставшихся, тщетно задавали себѣ вопросъ: кто снова наладитъ дѣло?

Но — живъ курилка! — невѣдомыми часто путями жизненная сила нашего партійнаго организма залечивала всѣ понесенныя имъ раны. Оживали замершія было организаціи, новое поколѣніе иниціаторовъ окуналось съ головой въ эту всепоглощающую работу партійнаго строительства—чтобы, въ свою очередь, сойти со сцены, когда придетъ часъ. И ослабѣвшая на время машина снова стучала всѣми своими колесами.

Политическая работа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обладаетъ печальнымъ свойствомъ создавать литературному органу не мало враговъ и противниковъ. И „Искра“, болѣе чѣмъ какой либо другой органъ, нажила себѣ смертельныхъ враговъ и недоброжелательныхъ противниковъ. Но за то ей посчастливилось имѣть много друзей и сотрудниковъ, никогда не дававшихъ ей повода чувствовать себя въ состояніи идейнаго одиночества. Для литераторовъ, ведущихъ политическую борьбу, это великое счастье. И, выпуская сотый номеръ нашей газеты мы горячо привѣтствуемъ тѣхъ многихъ и многихъ, кого прошлое или настоящее связало съ нашимъ литературнымъ дѣломъ; чьи силы внесли свою долю въ этотъ немалый коллективный трудъ. Пусть наше привѣтствіе дойдетъ до нихъ, гдѣ бы они теперь не находились: за тюремныя стѣны и въ Якутскіе улусы, въ подполье конспиративной работы и въ рудники Акатуя!

Л. М.

ПРОГРАММА ИЛИ ПРИЗРАКЪ?

Россійская демократія собирается въ многотрудный путь: она чувствуетъ необходимость пойти въ народъ, познакомить его со своими соціально-политическими требованіями и попытаться привлечь его на свою сторону, т. е. стать дѣйствительно народной партіей. Но тутъ на первыхъ же шагахъ возникаетъ почти непреодолимая трудность: гдѣ та программа, которая въ состояніи обезпечить всю сознательную часть демократически настроенныхъ элементовъ и въ тоже время привлечь къ нимъ симпатіи широкихъ слоевъ народа? Пока дѣло ограничивалось тостами на банкетахъ, резолюціями на собраніяхъ, съѣздахъ и т. под., можно было ограничиваться широковѣщательными формулами. Но въ политической программѣ требуется прежде всего опредѣленность, въ особенности въ моменты острой революціонной борьбы, когда народившіяся въ широкихъ массахъ потребности очень быстро проникаютъ въ ихъ сознаніе и формулируются ими въ видѣ ясныхъ, опредѣленныхъ требованій.

Въ этой атмосферѣ буржуазной демократіи не по себѣ: она бьется и мечется и никакъ не можетъ остановиться на какой нибудь твердой почвѣ, чтобы сказать: „здѣсь я стою, здѣсь мое царство!“ Вся легальная демократическая пресса послѣдняго времени только и твердитъ о томъ, что „намъ“ нужна политическая программа; весь послѣдній (двойной) ном. „Освобожденія“ почти цѣликомъ посвященъ этому вопросу, а „мы“—все ни съ мѣста. Впрочемъ, нѣтъ. Г. Струве увѣренъ или дѣлаетъ видъ, что увѣренъ, что задача рѣшена. „Пусть наши враги поймутъ, — восклицаетъ онъ, — что демократическая программа есть не высиженная въ кабинетѣ, родившаяся въ атмосферѣ кружковщины формула, а подслушанныя у жизни, отъ нея заимствующія свою неотразимую силу требованія обновленія всего народнаго бытія. („Освобожденіе“, №69-70, ст. „Земство и демократія“). И такъ, чего лучше? Программа есть, да и не такая, какая тамъ у разныхъ представителей „стоящихъ налѣво отъ демократической партіи“, высиживающихъ свои формулы въ кабинетахъ или въ атмосферѣ кружковщины. Нѣтъ, у демократовъ программа самая что ни на есть настоящая, „подслушанная у жизни“ и т. д. и т. д. Но читаемъ дальше: „Но будемъ и мы сами также относиться къ нашей программѣ, понимая ее какъ живой голосъ жизни, а не какъ надуманную „систему“, о которой препираются начетчики“ (ibid). Это что же такое? Оказывается, что „подслушанная у жизни“ программа раздѣляется не всѣми демократами и о ней кто то съ кѣмъ-то препирается? Да, оказывается. Оказывается, что имѣется не одна, а нѣсколько „демократическихъ“ программъ, изъ которыхъ господину Струве (да и не ему одному) очень хотѣлось состряпать одну по извѣстному методу исключенія всѣхъ „крайнихъ“ требованій, которыя могли бы составить душу живую демократической программы.

Мы дальше увидимъ, для чего такая операція понадобилась, а пока посмотримъ, что же остается отъ демократической программы при такой операціи. Изъ напечатанной въ томъ же номерѣ „Освобожденія“ программы Союза Освобожденія, отнюдь не страдающей излишней опредѣленностью, особенно въ ея соціально-политической части, г. Струве выбрасываетъ требованія избирательнаго права для женщинъ и уничтоженія косвенныхъ налоговъ. Это необходимо „съ точки зрѣнія реальной политики“. А затѣмъ, чтобы не вносить раздѣленія въ „конституціонно-демократическую“ среду, слѣдуетъ согласиться и на двухпалатную систему, такъ какъ это есть „вопросъ о средствахъ или способахъ осуществленія демократическаго принципа, а не о самомъ принципѣ“. Послѣ подобной очистки, основы демократической партіи являются передъ нами въ слѣдующемъ видѣ: 1) незыблемое утвержденіе правъ человѣка и гражданина (съ сохраненіемъ косвенныхъ налоговъ); 2) организація народнаго представительства на основѣ всеобщаго (съ исключеніемъ женщинъ), прямого и равнаго (съ двумя палатами) избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ; 3) разрѣшеніе аграрнаго вопроса путемъ прирѣзки земли крестьянамъ (и путемъ выкупа этой земли на счетъ крестьянъ же) и урегулированія арендного права въ интересахъ землевладѣльцевъ; 4) широкое развитіе законодательной охраны рабочихъ (съ 8 часовымъ рабочимъ днемъ въ видѣ идеала) и государственнаго страхованія ихъ.

Урѣзанная такимъ образомъ программа все же останется „демократической“, ибо неизвѣстно, что могло бы лишить е этого титула. Другое дѣло, если спросить, для чего демократамъ требуется теперь же совершить надъ своей программой подобную операцію? На этотъ вопросъ мы находимъ опять таки въ томъ же номерѣ „Освобожденія“ довольно обстоятельный отвѣтъ. Оказывается, что на это имѣются троякаго рода причины. Во-первыхъ, наши демократы *боятся потерять связь съ дѣйствительностью*: брошенные въ водоворотъ революціонной, постоянно движущейся и постоянно мѣняющейся стихіи, они все оглядываются назадъ на свое болото и все увѣряютъ всѣхъ и каждаго, что только тамъ, въ этомъ болотѣ, концентрируется дѣйствительная реальная жизнь, а что сверхъ того, то отъ лукаваго. „Вѣдь для образованія живой и дѣйственной демократической партіи, — пишетъ г. П. Струве,—задающейся цѣлями *реальной* (курсивъ нашъ) политики, важны основы, а не детали программы“. „Если представители крайнихъ партій *реальные* (курсивъ нашъ) политическіе результаты цѣнятъ дороже теоретическаго самоуслажденія, они должны стремиться къ практическому соглашенію и сотрудничеству съ демократической партіей на основѣ ея программы“. [1]

Во вторыхъ, демократы *боятся потерять часть своей небольшой арміи*: такъ называемый третій элементъ все болѣе и болѣе оказывается сторонникомъ радикальныхъ рѣшеній, тогда какъ почтенные отцы-земцы больше склонны къ „реальной“ политикѣ. И вотъ приходится усовѣщевать и тѣхъ и другихъ. „Было бы грубой политической ошибкой изъ-за такихъ разногласій, какъ разногласіе по вопросу о двухъ палатахъ, допустить раздѣленіе конституціонно-демократическихъ элементовъ на двѣ партійныя группы“. [1] „Какъ нормальная земская работа ни на одну минуту невозможна внѣ сотрудничества современныхъ „хозяевъ“ земскихъ учрежденій и „наемнаго“, такъ называемаго „третьяго“ элемента, также точно борьба за политическое освобожденіе потерпѣла бы огромный ущербъ, если бы утратилась связь и прекратилось политическое сотрудничество между земской конституціонно-демократической группой и широкой массой русской демократической интеллигенціи.“ Если бы исторія дѣлалась проповѣдниками, то ужъ во всякомъ случаѣ не такими, которые прибѣгаютъ къ столь нелѣпымъ сравненіямъ, какъ сопоставленіе союзовъ въ политической борьбѣ съ сотрудничествомъ (да еще хозяевъ съ наемниками) въ земскомъ хозяйствѣ!

Наконецъ, въ-третьихъ, они *боятся потерять самихъ себя*. Объ этомъ вопіетъ на цѣлыхъ двухъ столбцахъ авторъ „письма въ редакцію“ г. У—въ. „Мы боимся, — пишетъ, онъ — всегда быть недостаточно лѣвыми, мы боимся, что насъ упрекнутъ въ буржуазности, въ оппортунизмѣ. Мы готовы принять всякое предложеніе, идущее слѣва, ведущее еще дальше въ эту сторону... Я убѣжденъ, что наши принципы настолько несомнѣнны, настолько за нихъ стоитъ разумъ исторіи, что для насъ настанетъ послѣзавтрашній день, когда намъ придется строить на развалинахъ. Я даже льщу себя надеждой, что въ эту минуту на долю конституціонно-демократической партіи выпадетъ великая миссія, которую мы выполнимъ съ честью. Но какъ дожить до этого послѣзавтрашняго дня, не потерявъ себя, т. е. не растворившись въ крайнихъ партіяхъ?

Всякій пойметъ, что при столькихъ страхахъ положеніе получается не изъ пріятныхъ. Врагъ прѣтъ и изнутри, и снаружи, и справа и слѣва. Какъ его унять? Никакъ его не уймешь. Дай чорту палецъ, онъ потянетъ всю руку. Урѣзанная г. Струве демократическая программа можетъ подвергнуться (и подвергается) новѣйшей операціи, отъ нея останется одно только „пріятное“ воспоминаніе, но г. Струве все будетъ называть ее программой „нашей“ демократіи и доказывать, что она „подслушана“ у самой жизни.

Такъ же мало въ основу демократической программы могутъ лечь и постановленія апрѣльскаго земскаго съѣзда. Правда, огромное большинство земцевъ высказалось за созывъ народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ (опять таки съ двумя палатами). Но то, что годъ тому назадъ могло бы считаться крупнымъ политическимъ фактомъ (не съ точки зрѣнія „реальной“ политики, конечно, которая тогда, въ лицѣ хотя бы г. Струве, еще не могла рѣшить вопроса о реальности или нереальности этого выдвинутаго соц.-демократами требованія, то теперь, послѣ 9 января, послѣ всеобщей россійской забастовки, послѣ начавшагося крестьянскаго возстанія было уже недостаточно. Именно указанныя событія выдвинули на первый планъ вопросы соціальной политики — вопросы рабочій и аграрный прежде всего, — на которые демократія должна дать совершенно недвусмысленный отвѣтъ. До сихъ поръ она этого не сдѣлала, ибо одно ея крыло (земское) тутъ также реакціонно, какъ другое крыло (третій элементъ) хотѣло бы быть революціонно. Г. Струве остается и здѣсь замазывать противорѣчія и пѣть гимнъ земству и демократіи, кот. де „сошлись въ основахъ полит. реформаторства“. „Передъ этимъ согласіемъ въ основахъ, — восклицаетъ далѣе г. Струве, — исчезаютъ различія между частностями земской конституціонно-демократической платформы и тѣми программными заявленіями другихъ конституціонно-демократическихъ группъ (въ томъ числѣ „Союза Освобожденія“), которыя пускались въ обращеніе за послѣднее время. И это особенное единство программы должно быть одинаково признаваемо и нашей правой, и нашей лѣвой стороной, какъ прочное завоеваніе, какъ краеугольный камень созидаемаго совмѣстными усиліями всенароднаго освободительнаго движенія“. [1] Итакъ въ конечномъ счетѣ „основное единство программы“ — а мы помнимъ изъ предыдущаго, что существенны, важны только эти основы, а не детали — сведется къ признанію всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права (съ указанными уже ограниченіями) и разноголосицѣ въ другихъ пунктахъ. Въ бѣдѣ можно было бы помириться и на этомъ, если бы авторы программы Союза Освобожденія не предупреждали насъ любезно, что „принятыя Союзомъ рѣшенія диктовались условіями того политическаго момента, въ который происходило ея обсужденіе“, и что „рѣшенія эти могутъ считаться обязательными лишь постольку, поскольку политическія условія останутся неизмѣнными“.

Что же въ такомъ случаѣ останется отъ всей демократической программы? Ничего кромѣ увѣренія, что „земская оппозиція, не порывая связи съ жизнью, возвысилась въ то же время надъ своей классовой позиціей“. Можетъ быть, той демократической интеллигенціи, которая понесетъ программу въ народъ, будетъ пріятно думать, что она занимаетъ какую-то сверхъ-классовую позицію, но вѣдь прежде всего ей надо имѣть съ чѣмъ идти къ народу, ей надо имѣть ту самую программу, которая при всякой попыткѣ занять надъ-классовую позицію теряетъ, какъ мы видѣли, всякую жизненность, превращается просто въ призракъ.

СЪѢЗДЪ АДВОКАТОВЪ.

Состоялся съѣздъ адвокатовъ. Тотъ съѣздъ, отъ котора по заявленію многихъ участниковъ его, русское обще ждало такъ много. Что же далъ онъ волнующемуся общест Что новаго внесъ онъ? Какія новыя средства борьбы пре ставилъ онъ въ распоряженіе революціонной арміи? Вотъ просы, которые естественно возникаютъ у каждаго по всѣхъ тѣхъ надеждъ и ожиданій, которыя возлагались „всероссійскій съѣздъ представителей , исяжной адвокатур

---

[1] См. „Къ программѣ Союза [illegible] денія“. [2] Тамъ

[3] См. ст. „Земство и дем [illegible] Земство и демо

Съѣздъ имѣлъ въ Петербургѣ 5 засѣданій отъ 28 по 30 марта включительно. Явилось 188 делегатовъ изъ 64 городовъ Европейской Россіи и Кавказа по уполномочію 2158 избирателей.

Уже самая картина выборовъ и дебаты, предшествовавшіе имъ, не предвѣщали ничего хорошаго, обнаруживая политическую невоспитанность и неподготовленность сословія адвокатовъ къ сознательнымъ политическимъ *дѣйствіямъ*. Полная неоріентированность въ самыхъ основныхъ вопросахъ государственнаго права, самыя смутныя представленія о томъ, что такъ часто раздавалось на всѣхъ совѣщаніяхъ—о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Намъ, напримѣръ, пришлось слышать изъ устъ лидера националистически либеральной группы утвержденіе, что требованіе равнаго избирательнаго права излишне, такъ какъ это послѣднее поглощается требованіемъ всеобщаго. Это говорилъ „вождь", чего же ожидать отъ „ведомыхъ"!.. А выборы!.. Обывательщина сказалась здѣсь во всей своей закорузлости. Рѣзкій абсентеизмъ — явленіе общее для всѣхъ судебныхъ округовъ. Чуть ли не каждый адвокатъ, считая себя самымъ подходящимъ делегатомъ, подавалъ голосъ раньше всего за себя, какъ за самаго достойнаго. Въ силу этого, списки кандидатовъ пестрѣли множествомъ именъ, включая чуть ли не оффиціальные списки членовъ сословія. Это повлекло за собою страшную дробность голосовъ, и многіе делегаты не собрали и двухъ десятковъ голосовъ изъ общаго числа избирателей въ 100 и болѣе человѣкъ, а въ среднемъ каждый делегатъ представлялъ собою немногимъ болѣе 11 избирателей.

Картина самаго съѣзда не дала болѣе отрадныхъ впечатлѣній. Моментъ первый. Огромный залъ Вольно экономическаго общества. Торжественная обстановка, благообразныя физіономіи делегатовъ, черные сюртуки, изрѣдка фраки—все, какъ полагается. Рядъ привѣтствій, изъ которыхъ выдѣляется по своей глубокой искренности и задушевности слово присяжнаго повѣреннаго Родичева по адресу делегатовъ-поляковъ. Ихъ 12 человѣкъ. Въ отвѣтъ на это, делегатъ полякъ указалъ на необходимость борьбы адвокатовъ „за то, что объединяетъ всѣхъ насъ—за свободу". Другой польскій делегатъ всходитъ на трибуну и въ пространной рѣчи излагаетъ весь длинный рядъ историческихъ несчастій, обрушившихся на голову польскаго народа, и въ итогѣ приходитъ къ заключенію: „Въ то время,—говоритъ онъ [1]—какъ русское правительство угнетаетъ Васъ только какъ людей, насъ, поляковъ оно угнетаетъ, какъ людей и унижаетъ, какъ національность;" и далѣе: „нѣтъ, мы, какъ представители польскаго народа,—продолжаетъ ораторъ,—во всероссійскій союзъ адвокатовъ войти не можемъ. Мы образуемъ свой собственный польскій союзъ. Но дальнѣйшее пребываніе наше на этомъ съѣздѣ мы считаемъ возможнымъ лишь тогда, когда съѣздъ гарантируетъ намъ независимость Польши, свободу національнаго ея самоопредѣленія".

Впечатлѣніе отъ этой резолюціи поляковъ получается у аудиторіи нѣсколько неясное. Юристъ воспитанъ въ правилахъ do ut des поляки выдвинули новое: nihil do ut des — и это нѣсколько смутило собраніе правовѣдовъ. Вполнѣ правильно указалъ присяжный повѣренный Кальмановичъ, что онъ не понимаетъ, почему поляки, предъявляя требованія гарантій не считаютъ, однако, возможнымъ бороться за одно съ русской адвокатурой противъ общаго врага. Слово г. Кальмановича, вполнѣ правильное по существу, прошло, однако, незамѣченнымъ, благодаря излишней мягкости тона и недостаточной настойчивости оратора. Предсѣдатель собранія, г. Родичевъ никому больше слова не даетъ, желая, повидимому, избѣгнуть скандала въ благородномъ семействѣ всероссійской адвокатуры, и объявляетъ о единогласномъ принятіи резолюціи поляковъ. Итакъ, *эта нелѣпая, резолюція националистовъ оказывается достояніемъ всероссійскаго союза адвокатовъ*. Въ то самое время, когда польскій пролетаріатъ, въ отвѣтъ на событія 9 января, выразилъ свою солидарность русскому пролетаріату обращеніемъ всей Польши въ театръ революціонной борьбы, борьбы, обошедшейся товарищамъ полякамъ въ цѣлые потоки пролетарской крови—въ это время представители польской буржуазной оппозиціи въ лицѣ польскихъ адвокатовъ, объявляютъ о своей полной отчужденности отъ русскихъ оппозиціонныхъ слоевъ,—и эта резолюція единогласно принимается представителями русской буржуазной интеллигенціи. Таковъ первый шагъ съѣзда. Еще одинъ поучительный моментъ. Съ самаго начала засѣданія въ вестибюлѣ появилась полиція. Рѣшено игнорировать полицію. „Собираясь сюда, мы не справлялись съ желаніями властей принять насъ, и теперь просить „какого то министра юстиціи о заступничествѣ—я считаю унизительнымъ для съѣзда"—патетически восклицаетъ кавказскій делегатъ Г. Съѣздъ постановляетъ не расходиться даже при введеніи наряда. 4 часа. Входитъ полиціймейстеръ; сквозь открытыя двери въ сосѣдней комнатѣ пестрѣютъ полицейскіе мундиры. Боевая рѣшимость адвокатовъ вмигъ пропадаетъ. Они въ порядкѣ отступаютъ, ограничившись бумажнымъ протестомъ противъ незаконныхъ-де дѣйствій полиціи, въ виду высочайшаго разрѣшенія обсуждать государственныя нужды.

* * *

Вечернее собраніе 28-го. Ганнибалова клятва на вѣрность революціи! „Мы должны рѣшить, нѣтъ, мало того, мы должны клятвенно обѣщать итти отнынѣ революціоннымъ путемъ, ибо только онъ одинъ ведетъ къ свободѣ"—такъ заключилъ кіевскій делегатъ А свое слово удостоенное одобренія значительной части съѣзда. Слѣдующій ораторъ формулируетъ настроеніе съѣзда приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Итакъ, съѣздъ, повидимому, пришелъ къ заключенію о необходимости революціонныхъ средствъ борьбы par exellence". Громъ аплодисментовъ и возгласы: „Не par exellence, а исключительно". Ни одного возраженія. Картина умилительная: буржуазная интеллигенція, послѣ эпохи петицій и резолюцій, создаетъ *эпоху революціонной фразеологіи* Въ пылу увлеченія, она мнитъ объ аггрессивномъ выступленіи противъ царскаго самодержавія и закрѣпляетъ это клятвой на вѣрность революціи

Это приподнятое настроеніе отразилось и въ дебатахъ засѣданія 29-го. Здѣсь было декретировано устами московскаго делегата Б., предсѣдателя этого собранія, что „какъ народъ не сдѣлаетъ революціи безъ интеллигенціи, такъ и интеллигенція не сдѣлаетъ ея безъ народа". Онъ же указалъ на сверхклассовое соціальное положеніе интеллигенціи, могущей, въ силу этого своего сверхклассоваго положенія, мирить крайности требованій „трудящихся массъ" съ одной стороны и господствующихъ классовъ — съ другой. Словомъ, лучшій арбитръ потому что онъ какъ разъ межъ и надъ спорющими сторонами... Таково соціальное положеніе дряблаго россійскаго интеллигента и таковы его соціологическіе горизонты! Только одинокіе голоса протестовали противъ этихъ перловъ идеологіи декаданса „Интеллигенція безсильна,—сказалъ кіевскій делегатъ В.,—всегда и всюду народъ и только онъ дѣлаетъ революцію". „Сила тамъ, гдѣ сталкиваются массы,—сказалъ петербургскій делегатъ Н.,—необходимо признаніе со стороны съѣзда, что сила не здѣсь, а тамъ". Но эти утвержденія не вызываютъ сочувствія съѣзда.

На этомъ же собраніи однимъ изъ кавказскихъ делегатовъ была предложена резолюція отъ имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Вотъ ея текстъ: „Р. С. Д. Р. П., партія революціоннаго пролетаріата, ставитъ своей ближайшей задачей созданіе демократической республики. Единственный путь къ этому она видитъ въ революціонномъ низверженіи абсолютизма путемъ побѣдоноснаго всенароднаго возстанія. Соціальдемократія считаетъ одной изъ своихъ политическихъ задачъ разрушеніе политическихъ предразсудковъ относительно возможности легальныхъ путей государственнаго обновленія и зоветъ всѣ сознательные элементы страны къ всенародному возстанію. Соціальдемократія считаетъ крайне настоятельной задачей координированіе дѣятельности всѣхъ революціонно-демократическихъ группъ и организацій въ интересахъ энергіи удара. Считая, что координированіе всѣхъ революціонныхъ силъ можетъ имѣть революціонный, а не призрачный характеръ лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлью его ставятся въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣленныя боевыя дѣйствія, и принимая во вниманіе, что главной боевой силой революціи и, въ частности, возстанія является россійскій пролетаріатъ, соціальдемократическая партія призываетъ всѣ демократическія группы признать тотъ выводъ, что единственно-реальной формой соподчиненія дѣятельности этихъ революціонныхъ группъ является *всестороннее обслуживаніе пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія*

Въ виду того, что подготовка возстанія и, въ частности, вооруженіе передовыхъ рядовъ пролетаріата требуетъ чрезвычайнаго напряженія всѣхъ организаціонныхъ и матеріальныхъ силъ Партіи, соціальдемократія призываетъ всѣ демократическія группы къ неотложной матеріальной поддержкѣ революціоннаго пролетаріата на нужды вооруженія. Что же касается тѣхъ или другихъ совмѣстныхъ революціонныхъ актовъ, то таковые могутъ *каждый разъ подготовляться путемъ сношенія* отдѣльныхъ революціонно-демократическихъ организацій съ Соціальдемократической Партіей въ лицѣ ея центральныхъ учрежденій".

Резолюція была встрѣчена съѣздомъ враждебно и отвергнута имъ безъ преній. Вскользь только было указано на желаніе „какихъ-то самозванныхъ комитетовъ" низвести насъ, адвокатовъ, на роль „денежныхъ мѣшковъ"—этотъ перлъ мудрости принадлежитъ смоленскому делегату X.

Вторая резолюція, внесенная товарищемъ, кіевскимъ делегатомъ С., не смотря на всю ея умѣренность, также отвергается съѣздомъ. „Глубоко убѣжденные,—гласитъ эта резолюція,—что само правительство не создастъ народнаго представительства на демократическихъ началахъ, что всѣ легальныя средства исчерпаны русскимъ народомъ въ его борьбѣ съ самодержавіемъ, что вооруженные одной силой права, мы безсильны въ борьбѣ съ правительствомъ, что это послѣднее уступитъ лишь праву силы — мы заявляемъ, что задачей союза является организація, совмѣстно съ революціонными партіями *политическихъ дѣйствій, боевого характера* для сверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія". Эта резолюція объявлена предсѣдателемъ собранія противорѣчащей „всему, что до сихъ поръ говорилось на съѣздѣ". Это невѣрно. Революціонная фразеологія какъ это видно изъ предыдущаго, царила на съѣздѣ адвокатовъ. Но когда дѣло дошло до подписанія резолюціи, призывающей къ *политическимъ дѣйствіямъ боевого характера*, къ признанію *права силы*—лишь тогда сказалась вся дряблость россійскаго либерала. Въ своемъ качествѣ благоразумнаго и умѣреннаго буржуа, онъ никогда не теряетъ надежды на уступки со стороны правительства его либеральнымъ требованіямъ, если и не во всемъ, то въ крайности, по Щедрински,—„хоть что-нибудь". А эта резолюція категорически настаиваетъ на необходимости „дѣйствій боевого характера". Да, это, дѣйствительно, противорѣчитъ если и не всему сказанному на съѣздѣ, то несомнѣнно тому, что чувствовалось большинствомъ участниковъ его. Такова ужъ судьба россійскаго либерализма—обиліе фразъ и боязнь дѣла

Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слово уже упомянутаго нами смоленскаго делегата объ „алхимикахъ, пришедшихъ цѣлымъ рядомъ таинственныхъ процессовъ къ выводу объ отсутствіи легальныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Нѣтъ, я не алхимикъ и думаю, что эти средства далеко не исчерпаны". И какъ думать иначе смоленскому делегату, когда за нимъ сохранена еще возможность писать петиціи, резолюціи, представленія и заключенія? Ими и только ими смоленскій Донъ-Кихотъ ниспровергнетъ ненавистную ему „бюрократію" и на ея развалинахъ онъ водрузитъ величественную статую свободы.

Однако, конечнымъ результатомъ преній является слѣдующая резолюція. Союзъ адвокатовъ считаетъ необходимымъ:

1) Изданіе боевого политичическаго органа печати.

2) Матеріальную и нравственную поддержку революціоннымъ партіямъ.

3) Учрежденіе общества страхованія членовъ союза на случай ареста.

4) Содѣйствовать вооруженію населенія.

5) Забастовку и выходъ изъ залы суда, въ видѣ политической демонстраціи. (Систематическая забастовка адвокатовъ отвергнута)

6) Пропаганда въ народѣ идеи о неплатежѣ налоговъ.

7) Цѣль союза: политическая пропаганда, распространеніе конституціонныхъ идей въ народѣ, политическое воспитаніе массъ, собираніе свѣдѣній о политическихъ событіяхъ, происходящихъ въ странѣ, и широкое ихъ оглашеніе.

Я указалъ здѣсь наиболѣе существенные пункты резолюціи этого засѣданія. Резолюція принята.

5½ часовъ. Перерывъ до 8½. А новому собранію бюро съѣзда предлагаетъ пересмотрѣть пунктъ резолюціи, гласящій о содѣйствіи вооруженію населенія. Вѣдь это полный составъ преступленія по 249 ст. Уг. Ул. — мотивируетъ большинство ораторовъ свое предложеніе объ отмѣнѣ этого пункта. Кавказскій делегатъ F., внесшій предложеніе о вооруженіи проситъ считать этотъ пунктъ „какъ бы несуществовавшимъ"—и этотъ злополучный пунктъ торжественно проваливается.

Очередь за слѣдующимъ. Какъ же объявить о поддержкѣ революціоннымъ партіямъ, вѣдь это открытое выступленіе противъ правительства и можетъ быть квалифицировано, какъ государственное преступленіе, а „доставить такое удовольствіе прокурорскому надзору—я не считаю возможнымъ"—патетически восклицаетъ присяжный повѣренный М. Еще и еще рядъ ораторовъ все съ тѣми же соображеніями обывательскаго свойства. Напрасно кіевскій делегатъ Л. напоминаетъ съѣзду о Ганнибаловой клятвѣ на вѣрность революціи, указывая на то, что „Вы, адвокаты, не революціонеры по существу", что, широкое демократическое обновленіе общества явится результатомъ революціоннаго натиска пролетаріата, и „наша задача, какъ демократической части буржуазіи, имущаго класса, притти на помощь революціоннымъ партіямъ, плодотворная дѣятельность которыхъ часто тормозится отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ". „Вы, — продолжаетъ ораторъ, — говорите о грозной силѣ прокурорскаго надзора въ то время, когда пролетаріатъ не устрашился грозной силы самодержавныхъ штыковъ. Оставьте обывательскія соображенія—ими не дѣлаютъ революціи.

Мы должны, мы обязаны оказывать матеріальную помощь революціоннымъ партіямъ, и этотъ пунктъ долженъ войти въ программу союза какъ главная его задача". Еще нѣсколько ораторовъ настаиваетъ на сохраненіи этого пункта, но это не спасаетъ его: голосованіе даетъ 62 за исключеніе 59 противъ.

Послѣ этого делегаты соціальдемократы вырабатываютъ слѣдующую резолюцію:

„Въ виду того, что съѣздъ адвокатовъ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда принятыхъ имъ резолюцій, ставитъ своею цѣлью борьбу съ русскимъ правительствомъ легальными и полулегальными средствами, каковыми резолюціями съѣздъ объявляетъ о своей полной отчужденности отъ революціоннаго пролетаріата, проливающаго уже въ теченіе десятковъ лѣтъ свою кровь въ борьбѣ съ самодержавіемъ; пролетаріата, который, по нашему крайнему разумѣнію, является единственной реальной силой въ борьбѣ за широкое демократическое обновленіе русскаго общества, — мы считаемъ несовмѣстимымъ съ нашими убѣжденіями дальнѣйшее пребываніе на съѣздѣ". Эта резолюція подписана 8 соціальдемократами и 3 радикалами. Предсѣдатель собранія, узнавъ еще до объявленія объ этомъ рѣшеніи 11 товарищей, предлагаетъ внести въ публикуемую резолюцію съѣзда и мнѣніе „столь значительнаго меньшинства" (59). Это предложеніе не примиряетъ недовольныхъ. Тогда московскимъ делегатомъ X. предлагается компромиссная резолюція:

„Признавая громадное культурное и политическое значеніе дѣятельности революціонныхъ партій, съѣздъ адвокатовъ высказываетъ свою полную солидарность съ ними въ стремленіяхъ установить въ Россіи новый государственный порядокъ на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права". Резолюція, какъ видите, ни къ чему не обязывающая. Инцидентъ улаженъ, только товарищи соціальдемократы, выбранные въ бюро союза, рѣшаютъ выйти изъ состава бюро.

* * *

Бурное безпорядочное засѣданіе 30-го. Въ сосѣдней комнатѣ полицейскій нарядъ. Московскій делегатъ У. указываетъ на важную роль, какую призваны сыграть адвокаты въ соціальной драмѣ, переживаемой Россіей. „На нашей обязанности, — говоритъ ораторъ — лежитъ оформить тѣ общія всему русскому обществу стремленія, которыя выражаются въ исканіи новыхъ формъ политической жизни, и мы должны дать обществу полный текстъ конституціоннаго закона". Въ основу конституціи должны быть положены слѣдующія начала: а) народное представительство осуществляется въ формѣ постоянно дѣйствующаго самостоятельнаго учрежденія, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; б) народнымъ представителямъ принадлежитъ право законодательной власти, не исключая законодательнаго почина, установленіе государственной росписи и налоговъ и контроль надъ властью исполнительной; в) исполнительная власть ввѣряется кабинету министровъ, отвѣтственному передъ народными представителями; г) въ основу государственнаго устройства должны быть положены слѣдующіе принципы: независимость и несмѣняемость судей, широкое примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи судебныхъ должностей, широкое участіе присяжныхъ засѣдателей въ отправленіи правосудія съ исключительной подсудностью суду присяжныхъ всѣхъ преступленій политическихъ и по дѣламъ печати, полное осуществленіе гласности и недопустимость изъятій изъ общихъ правилъ судопроизводства по роду дѣлъ и положенію лицъ; д) всѣмъ русскимъ гражданамъ, безъ различія пола, происхожденія, вѣроисповѣданія и національности должны быть гарантированы слѣдующія права: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, вѣроисповѣданія, свобода передвиженій, собраній, союзовъ, стачекъ и равноправность всѣхъ національныхъ языковъ; е) организація мѣстнаго управленія на началахъ безсословнаго и независимаго самоуправленія.

На этихъ основаніяхъ бюро союза займется выработкой конституціоннаго акта.

Московскій делегатъ Z предлагаетъ дополнить первый пунктъ прибавкой „безъ различія пола". Для съѣзда адвокатовъ это предложеніе является спорнымъ. Тотъ же делегатъ требуетъ отъ съѣзда высказаться по вопросу о палатной системѣ. Онъ предлагаетъ положить въ основаніе однопалатную систему, какъ единственную прочную гарантію демократическаго строя. Для г. Кальмановича „вопросъ о палатахъ — вопросъ частный, а мы намѣчаемъ лишь основные пункты"; для г. Гессена это вопросъ крайне спорный въ наукѣ и онъ отказываетъ съѣзду въ компетенціи на рѣшеніе его. Одного, однако, не понялъ г. Гессенъ. Не понялъ того что вопросъ о палатной системѣ споренъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку въ современной наукѣ борются два теченія — буржуазное и пролетарское. Страхъ передъ краснымъ призракомъ побуждаетъ буржуазію создавать крѣпкія заставы вліянію пролетаріата въ законодательной жизни страны. Этой заставой и является вторая палата, рекрутируемая изъ родовитыхъ и крупныхъ буржуа, вѣрныхъ церберовъ прерогативъ господствующаго класса. Какъ нѣкогда абсолютизмъ въ борьбѣ съ оппозиціонной буржуазіей отстаивалъ необходимость верхней палаты, какъ средства обезпечить вліяніе за тѣми слоями населенія, съ которыми отождествляла свои интересы монархія, точно такъ современная буржуазія въ верхней палатѣ ищетъ спасенія отъ все растущаго вліянія класса пролетаріата. Вспомните реставрацію Бурбоновъ, Сто дней Наполеона I, буржуазную монархію Луи-Филиппа.

Для пролетаріата, „сословія обездоленнаго, не имѣющаго и не могущаго выставить никакого исключительнаго ни правоваго, ни фактическаго условія —, ни благородства происхожденія, ни землевладѣнія, ни обладанія капиталомъ, — условія, которыя онъ могъ бы обратить въ новую привиллегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества" — для этого сословія вопросъ о палатной системѣ не спорный вопросъ. Одна, и только одна палата, избираемая всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, можетъ обезпечить широкое демократическое обновленіе общества.

Тотъ же классъ, классъ пролетаріата, въ нѣдрахъ котораго нѣтъ и не можетъ быть зародыша новой привиллегированности, не считаетъ спорнымъ и вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Врагъ всякихъ ограничительныхъ и исключительныхъ законовъ, врагъ привиллегій однихъ и безправія другихъ, пролетаріатъ зоветъ къ сознательной политической жизни всѣ элементы страны, широко открывая политическую и общественную сферы дѣятельности передъ женщиной.

Передъ самымъ закрытіемъ съѣзда была принята безъ всякихъ преній слѣдующая резолюція.

Принимая во вниманіе:

1) что современный бюрократическій строй не можетъ удовлетворить потребностямъ страны;

2) что само правительство принуждено было признать необходимость участія выборныхъ представителей народа въ государственномъ устроеніи;

3) что, такимъ образомъ, нынѣ наступилъ моментъ общественнаго самоуправленія;

4) что всѣ члены съѣзда, какъ бы различны ни были ихъ политическіе и соціальные взгляды, сходятся въ томъ, что ближайшей задачей минуты является: а) замѣна существующаго строя демократическимъ конституціоннымъ режимомъ и б) освобожденіе всѣхъ трудящихся слоевъ населенія изъ подъ гнета современныхъ экономическихъ условій — съѣздъ постановилъ:

1) образовать среди присяжной адвокатуры политическій союзъ для достиженія этой цѣли, т. е. введенія въ Россіи демократически-конституціоннаго строя на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и 2) опубликовать объ образованіи этого союза во всеобщее свѣдѣніе.

По вопросу о томъ, что представляетъ собою союзъ адвокатовъ, съѣздъ согласился съ мнѣніемъ кіевскаго делегата С., что это не политическая партія, а профессіональный союзъ, ставящій ad hoc опредѣленныя политическія цѣли. Союзъ-союзовъ—это временное соединеніе силъ для проведенія въ жизнь опредѣленной политической программы—таково мнѣніе съѣзда. Этимъ рѣшеніемъ съѣздъ адвокатовъ создалъ возможность для адвокатовъ, членовъ различныхъ партійныхъ организацій, оставаться членами союза.

Но что такое союзъ адвокатовъ, что такое союзъ—союзовъ? Съ нашей точки зрѣнія, тотъ и другой являются, — говоря словами петербургскаго делегата князя Эристова, — „назрѣвшей потребностью", выразившейся, въ виду отживающаго режима, *въ объединеніи буржуазной интеллигенціи въ цѣляхъ создать организованное общественное мнѣніе класса буржуазіи*.

Разобщенность, полное отсутствіе организаціи и дисциплины въ буржуазныхъ элементахъ общества съ одной стороны, и ростъ солидарности, организованности и партійной дисциплины пролетаріата съ другой, вызвали необходимость для буржуазныхъ слоевъ въ созданіи партійной организаціи, которая дала бы возможность, какъ къ выступленію организованнымъ цѣлымъ въ борьбѣ съ „бюрократіей", такъ и, въ случаѣ надобности, противъ неумѣренныхъ требованій пролетаріата. Вспомните „внутренняго врага" кн. Трубецкаго и наше заявленіе не покажется вамъ голословнымъ. Правда, эта возможность борьбы на два фронта смутно или вовсе не сознается пока большин-

---

[1] Всюду мы возстанавливаемъ рѣчи делегатовъ по памяти, [illegible] тожественность тона и развитія мысли цити-
до было видѣть этихъ
ковъ, не только молод
чел

Съѣздъ имѣлъ въ Петербургѣ 5 засѣданій отъ 28 по 30 марта включительно. Явилось 188 делегатовъ изъ 64 городовъ Европейской Россіи и Кавказа по уполномочію 2158 избирателей.

Уже самая картина выборовъ и дебатъ, предшествовавшіе имъ, не предвѣщали ничего хорошаго, обнаруживая политическую невоспитанность и неподготовленность сословія адвокатовъ къ сознательнымъ политическимъ *дѣйствіямъ*. Полная неоріентированность въ самыхъ основныхъ вопросахъ государственнаго права, самыя смутныя представленія о томъ, что такъ часто раздавалось на всѣхъ совѣщаніяхъ — о всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Намъ, напримѣръ, пришлось слышать изъ устъ лидера националистически либеральной группы утвержденіе, что требованіе равнаго избирательнаго права излишне, такъ какъ это послѣднее поглощается требованіемъ всеобщаго. Это говорилъ „вождь", чего же ожидать отъ „ведомыхъ"!.. А выборы!.. Обывательщина сказалась здѣсь во всей своей закорузлости. Рѣзкій абсентеизмъ — явленіе общее для всѣхъ судебныхъ округовъ. Чуть ли не каждый адвокатъ, считая себя самымъ подходящимъ делегатомъ, подавалъ голосъ раньше всего за себя, какъ за самаго достойнаго. Въ силу этого, списки кандидатовъ пестрѣли множествомъ именъ, включая чуть ли не оффиціальные списки членовъ сословія. Это повлекло за собою страшную дробность голосовъ, и многіе делегаты не собрали и двухъ десятковъ голосовъ изъ общаго числа избирателей въ 100 и болѣе человѣкъ, а въ среднемъ каждый делегатъ представлялъ собою немногимъ болѣе 11 избирателей.

Картина самаго съѣзда не дала болѣе отрадныхъ впечатлѣній. Моментъ первый. Огромный залъ Вольно-экономическаго общества. Торжественная обстановка, благообразныя физіономіи делегатовъ, черные сюртуки, изрѣдка фраки — все какъ полагается. Рядъ привѣтствій, изъ которыхъ выдѣляется по своей глубокой искренности и задушевности слово присяжнаго повѣреннаго Родичева по адресу делегатовъ-поляковъ. Ихъ 12 человѣкъ. Въ отвѣтъ на это, делегатъ-полякъ указалъ на необходимость борьбы адвокатовъ „за то, что объединяетъ всѣхъ насъ — за свободу". Другой польскій делегатъ всходитъ на трибуну и въ пространной рѣчи излагаетъ весь длинный рядъ историческихъ несчастій, обрушившихся на голову польскаго народа, и въ итогѣ приходитъ къ заключенію: „Въ то время — говоритъ онъ¹) — какъ русское правительство угнетаетъ васъ только какъ людей, насъ поляковъ оно угнетаетъ, какъ людей и унижаетъ, какъ національность", и далѣе: „нѣтъ, мы какъ представители польскаго народа, — продолжаетъ ораторъ, — во всероссійскій союзъ адвокатовъ войти не можемъ. Мы образуемъ свой собственный польскій союзъ. И дальнѣйшее пребываніе наше на этомъ съѣздѣ мы считаемъ возможнымъ лишь тогда, когда съѣздъ гарантируетъ намъ независимость Польши, свободу національнаго ея самоопредѣленія".

Впечатлѣніе отъ этой резолюціи поляковъ получается у аудиторіи нѣсколько [illegible]. Юристы, воспитанные на правилахъ do ut des, поляки выдвинули новое: nihil do ut des — и это нѣсколько смутило собраніе правовѣдовъ. Вполнѣ правильно указалъ присяжный повѣренный Кальмановичъ, что онъ не понимаетъ, почему поляки, предъявляя требованія гарантій, не считаютъ, однако, возможнымъ бороться за одно съ русской адвокатурой противъ общаго врага. Слово г. Кальмановича, вполнѣ правильное по существу, прошло, однако, незамѣченнымъ, благодаря излишней мягкости тона и недостаточной настойчивости оратора. Предсѣдатель собранія г. Родичевъ никому больше слова не даетъ, желая, повидимому, избѣгнуть скандала въ благородномъ семействѣ всероссійской адвокатуры, и объявляетъ о единогласномъ принятіи резолюціи поляковъ. Итакъ, *эта нелѣпая резолюція націоналистовъ оказывается достояніемъ всероссійскаго союза адвокатовъ*. Въ то самое время, когда польскій пролетаріатъ, въ отвѣтъ на событія 9 января, выразилъ свою солидарность русскому пролетаріату обращеніемъ всей Польши въ театръ революціонной борьбы, борьбы, стоившей товарищамъ полякамъ цѣлые потоки пролетарской крови — въ это время представители польской буржуазной оппозиціи въ лицѣ польскихъ адвокатовъ, объявляютъ о своей полной отчужденности отъ русскихъ оппозиціонныхъ слоевъ, и эта резолюція единогласно принимается представителями русской буржуазной интеллигенціи. Таковъ первый шагъ съѣзда. Еще одинъ поучительный моментъ. Съ самаго начала засѣданія въ вестибюлѣ появилась полиція. Рѣшено игнорировать полицію. „Собираясь сюда, мы не справлялись съ желаніями властей принять насъ, и теперь просить „какого-то министра юстиціи" о заступничествѣ — я считаю унизительнымъ для съѣзда" — патетически восклицаетъ кавказскій делегатъ Г. Съѣздъ постановляетъ не расходиться даже при введеніи наряда. 4 часа. Входитъ полиціймейстеръ, сквозь открытыя двери въ сосѣдней комнатѣ пестрѣютъ полицейскіе мундиры. Боевая рѣшимость адвокатовъ вмигъ пропадаетъ. Они въ порядкѣ отступаютъ, ограничившись бумажнымъ протестомъ противъ незаконныхъ дѣйствій полиціи, въ виду высочайшаго разрѣшенія обсуждать государственныя нужды.

⁂

Вечернее собраніе 28-го. Ганнибалова клятва на вѣрность революціи! „Мы должны рѣшить, нѣтъ, мало того, мы должны клятвенно обѣщать итти отнынѣ революціоннымъ путемъ, ибо только онъ одинъ ведетъ къ свободѣ", такъ заключилъ кіевскій делегатъ А. свое слово, удостоенное одобренія значительной части съѣзда. Слѣдующій ораторъ формулируетъ настроеніе съѣзда приблизительно въ такихъ выраженіяхъ: „Итакъ, съѣздъ, повидимому, пришелъ къ заключенію о необходимости революціонныхъ средствъ борьбы par excellence". Громъ аплодисментовъ и возгласы: „Не par excellence, а исключительно". Ни одного возраженія. Картина умилительная: буржуазная интеллигенція, послѣ эпохи петицій и резолюцій, создаетъ *эпоху революціонной фразеологіи*. Въ пылу увлеченія, она мечтаетъ объ аггрессивномъ выступленіи противъ царскаго самодержавія и закрѣпляетъ это клятвой на вѣрность революціи.

Это приподнятое настроеніе отразилось и въ дебатахъ засѣданія 29-го. Здѣсь было декретировано устами московскаго делегата Б., предсѣдателя этого собранія, что „какъ народъ не сдѣлаетъ революціи безъ интеллигенціи, такъ и интеллигенція не сдѣлаетъ ея безъ народа". Онъ же указалъ на сверхклассовое соціальное положеніе интеллигенціи, могущей въ силу этого своего сверхклассоваго положенія мирить крайности требованій „трудящихся массъ" съ одной стороны и господствующихъ классовъ — съ другой. Словомъ, лучшій арбитръ, потому что онъ какъ разъ между и надъ спорящими сторонами. Таково соціальное положеніе дряблаго россійскаго интеллигента и таковы его соціологическіе горизонты! Только одинокіе голоса протестовали противъ этихъ перловъ идеологіи декаданса. „Интеллигенція безсильна, — сказалъ кіевскій делегатъ В., — всегда и всюду народъ и только онъ дѣлаетъ революцію". „Сила тамъ, гдѣ сталкиваются массы, — сказалъ петербургскій делегатъ Н., — необходимо признаніе со стороны съѣзда, что сила не здѣсь, а тамъ". Но эти утвержденія не вызываютъ сочувствія съѣзда.

На этомъ же собраніи однимъ изъ кавказскихъ делегатовъ была предложена резолюція отъ имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Вотъ ея текстъ: „Р. С.-Д. Р. П., партія революціоннаго пролетаріата, ставитъ своей ближайшей задачей созданіе демократической республики. Единственный путь къ этому она видитъ въ революціонномъ низверженіи абсолютизма путемъ побѣдоноснаго всенароднаго возстанія. Соціалдемократія считаетъ одной изъ своихъ политическихъ задачъ разрушеніе политическихъ предразсудковъ относительно возможности легальныхъ путей государственнаго обновленія и зоветъ всѣ сознательные элементы страны къ всенародному возстанію. Соціалдемократія считаетъ крайне настоятельной задачей координированіе дѣятельности всѣхъ революціонно-демократическихъ группъ и организацій въ интересахъ энергіи удара. Считая, что координированіе всѣхъ революціонныхъ силъ можетъ имѣть революціонный, а не призрачный характеръ лишь въ томъ случаѣ, когда цѣлью его ставятся въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣленныя боевыя дѣйствія, и принимая во вниманіе, что главной боевой силой революціи и, въ частности, возстанія является россійскій пролетаріатъ, соціалдемократическая партія призываетъ всѣ демократическія группы признать тотъ выводъ, что единственно-реальной формой соподчиненія дѣятельности этихъ революціонныхъ группъ является *всестороннее обслуживаніе пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія*.

Въ виду того, что подготовка возстанія и, въ частности, вооруженіе передовыхъ рядовъ пролетаріата требуетъ чрезвычайнаго напряженія всѣхъ организаціонныхъ и матеріальныхъ силъ Партіи, соціалдемократія призываетъ всѣ демократическія группы къ неотложной матеріальной поддержкѣ революціоннаго пролетаріата на нужды вооруженія. Что же касается тѣхъ или другихъ совмѣстныхъ революціонныхъ актовъ, то таковые могутъ *каждый разъ подготовляться путемъ сношенія* отдѣльныхъ революціонно-демократическихъ организацій съ Соціалдемократической Партіей въ лицѣ ея центральныхъ учрежденій".

Резолюція была встрѣчена съѣздомъ враждебно и отвергнута имъ безъ преній. Вскользь только было указано на желаніе „какихъ-то самозванныхъ комитетовъ" низвести насъ, адвокатовъ, на роль „денежныхъ мѣшковъ" — этотъ перлъ мудрости принадлежитъ смоленскому делегату Х.

Вторая резолюція, внесенная товарищемъ, кіевскимъ делегатомъ С., не смотря на всю ея умѣренность, также отвергается съѣздомъ. „Глубоко убѣжденные, — гласитъ эта резолюція, — что само правительство не создастъ народнаго представительства на демократическихъ началахъ, что всѣ легальныя средства исчерпаны русскимъ народомъ въ его борьбѣ съ самодержавіемъ, что вооруженные одной силой права, мы безсильны въ борьбѣ съ правительствомъ, что это послѣднее уступитъ лишь праву силы — мы заявляемъ, что задачей союза является организація совмѣстно съ революціонными партіями *политическихъ дѣйствій боевого характера* для сверженія самодержавія и созыва учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія". Эта резолюція объявлена предсѣдателемъ собранія противорѣчащей „всему, что до сихъ поръ говорилось на съѣздѣ". Это невѣрно. Революціонная фразеологія, какъ это видно изъ предыдущаго, царила на съѣздѣ адвокатовъ. Но когда дѣло дошло до подписанія резолюціи, призывающей къ *политическимъ дѣйствіямъ боевого характера*, къ превращенію *права силы*, лишь тогда сказалась вся доблесть россійскаго либерала. Въ своемъ качествѣ благоразумнаго и умѣреннаго буржуа, онъ никогда не теряетъ надежды на уступки со стороны правительства его либеральнымъ требованіямъ, если и не во всемъ, то въ крайнемъ случаѣ по Шиповски — „хоть что-нибудь". А эта резолюція категорически настаиваетъ на необходимости „дѣйствій боевого характера". Да, это дѣйствительно противорѣчитъ если и не всему сказанному на съѣздѣ, то несомнѣнно тому, что чувствовалось большинствомъ участниковъ его. Такова уже судьба россійскаго либерализма — обиліе фразъ и бѣдность дѣлъ.

Здѣсь заслуживаетъ быть отмѣченнымъ слово уже упомянутаго нами смоленскаго делегата объ „алхимикахъ, пришедшихъ цѣлымъ рядомъ таинственныхъ процессовъ къ выводу объ отсутствіи легальныхъ средствъ борьбы съ правительствомъ. Нѣтъ, я не алхимикъ и думаю, что эти средства далеко не исчерпаны". И какъ думать иначе смоленскому делегату, когда за нимъ сохранена еще возможность писать петиціи, резолюціи, представленія и заключенія? Ими и только ими смоленскій Донъ-Кихотъ ниспровергнетъ ненавистную ему „бюрократію" и на ея развалинахъ онъ водрузитъ величественную статую свободы.

Однако, конечнымъ результатомъ преній является слѣдующая резолюція. Союзъ адвокатовъ считаетъ необходимымъ:

1. Изданіе боевого политическаго органа печати.

2. Матеріальную и нравственную поддержку революціоннымъ партіямъ.

3. Учрежденіе общества страхованія членовъ союза на случай ареста.

4. Содѣйствовать вооруженію населенія.

5. Забастовку и выходъ изъ залы суда, въ видѣ политической демонстраціи. Систематическая забастовка адвокатовъ отвергнута.

6. Пропаганда въ народѣ идеи о неплатежѣ налоговъ.

7. Цѣль союза — политическая пропаганда, распространеніе конституціонныхъ идей въ народѣ, политическое воспитаніе массъ, собираніе свѣдѣній о политическихъ событіяхъ, происходящихъ въ странѣ, и широкое ихъ оглашеніе.

Я указалъ здѣсь наиболѣе существенные пункты резолюціи этого засѣданія. Резолюція принята.

5½ часовъ. Перерывъ до 8 ч. А новому собранію бюро съѣзда предлагаетъ пересмотрѣть пунктъ резолюціи, гласящій о содѣйствіи вооруженію населенія. „Вѣдь это полный составъ преступленія по 246 ст. Ул. Ул." — мотивируетъ большинство ораторовъ свое предложеніе объ отмѣнѣ этого пункта. Кавказскій делегатъ Г., внесшій предложеніе о вооруженіи, проситъ считать этотъ пунктъ „какъ бы несуществовавшимъ" и этотъ злополучный пунктъ торжественно проваливается.

Очередь за слѣдующимъ. Какъ же объявить о поддержкѣ революціоннымъ партіямъ, вѣдь это открытое выступленіе противъ правительства и можетъ быть квалифицировано, какъ государственное преступленіе, а „доставить такое удовольствіе прокурорскому надзору я не считаю возможнымъ" — патетически восклицаетъ присяжный повѣренный М. Еще и еще рядъ ораторовъ все съ тѣми же соображеніями обывательскаго свойства. Напрасно кіевскій делегатъ Л. напоминаетъ съѣзду о Ганнибаловой клятвѣ на вѣрность революціи, указывая на то, что „Вы, адвокаты, не революціонеры по существу", что широкое демократическое обновленіе общества явится результатомъ революціоннаго натиска пролетаріата и „наша задача, какъ демократической части буржуазнаго класса, придти на помощь революціоннымъ партіямъ, плодотворная дѣятельность которыхъ часто тормозится отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ". „Вы, — продолжаетъ ораторъ, — говорите о грозной силѣ прокурорскаго надзора въ то время, когда пролетаріатъ не устрашился грозной силы самодержавныхъ штыковъ. Оставьте обывательскія соображенія, ими не дѣлаютъ революціи.

Мы должны, мы обязаны оказывать матеріальную помощь революціоннымъ партіямъ, и этотъ пунктъ долженъ войти въ программу союза, какъ главная его задача". Еще нѣсколько ораторовъ настаиваютъ на сохраненіи этого пункта, но это не спасаетъ его отъ провала: 62 за исключеніе, 59 противъ.

Послѣ этого делегаты соціалдемократы вырабатываютъ слѣдующую резолюцію:

„Въ виду того, что съѣздъ адвокатовъ, какъ это видно изъ цѣлаго ряда принятыхъ имъ резолюцій, ставитъ своею цѣлью борьбу съ русскимъ правительствомъ легальными и полулегальными средствами, каковыми резолюціями съѣздъ объявляетъ о своей полной отчужденности отъ революціоннаго пролетаріата, проливающаго уже въ теченіе десятковъ лѣтъ свою кровь въ борьбѣ съ самодержавіемъ, пролетаріата, который, по нашему крайнему разумѣнію, является единственной реальной силой въ борьбѣ за широкое демократическое обновленіе русскаго общества, — мы считаемъ несовмѣстимымъ съ нашими убѣжденіями дальнѣйшее пребываніе на съѣздѣ". Эта резолюція подписана 8 соціалдемократами и 3 радикалами. Предсѣдатель собранія, узнавъ еще до объявленія объ этомъ рѣшеніи 11 товарищей, предлагаетъ внести въ публикуемую резолюцію съѣзда и мнѣніе „столь значительнаго меньшинства" (59). Это предложеніе не примиряетъ недовольныхъ. Тогда московскимъ делегатомъ Х. предлагается компромиссная резолюція:

„Признавая громадное культурное и политическое значеніе дѣятельности революціонныхъ партій, съѣздъ адвокатовъ высказываетъ свою полную солидарность съ ними въ стремленіяхъ установить въ Россіи новый государственный порядокъ на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права". Резолюція, какъ видите, ни къ чему не обязывающая. Инцидентъ улаженъ, только товарищи соціалдемократы, выбранные въ бюро союза, рѣшаютъ выйти изъ состава бюро.

⁂

Бурное безпорядочное засѣданіе 30-го. Въ сосѣдней комнатѣ полицейскій нарядъ. Московскій делегатъ У. указываетъ на важную роль, какую призваны сыграть адвокаты въ соціальной драмѣ, переживаемой Россіей. „На нашей обязанности, — говоритъ ораторъ — лежитъ оформить тѣ общія всему русскому обществу стремленія, которыя выражаются въ исканіи новыхъ формъ политической жизни, и мы должны дать обществу полный текстъ конституціоннаго закона". Въ основу конституціи должны быть положены слѣдующія начала: а) народное представительство осуществляется въ формѣ постоянно дѣйствующаго самостоятельнаго учрежденія, организованнаго на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; б) народнымъ представителямъ принадлежитъ право законодательной власти, не исключая законодательнаго почина, установленіе государственной росписи и налоговъ и контроль надъ властью исполнительной; в) исполнительная власть ввѣряется кабинету министровъ, отвѣтственному передъ народными представителями; г) въ основу государственнаго устройства должны быть положены слѣдующія принципы: независимость и несмѣняемость судей, широкое примѣненіе выборнаго начала при замѣщеніи судебныхъ должностей, широкое участіе присяжныхъ засѣдателей въ отправленіи правосудія съ исключительной подсудностью суду присяжныхъ всѣхъ преступленій политическихъ и по дѣламъ печати, полное осуществленіе гласности и недопустимость изъятій изъ общихъ правилъ судопроизводства по роду дѣлъ и положенію лицъ; д) всѣмъ русскимъ гражданамъ, безъ различія пола, происхожденія, вѣроисповѣданія и національности должны быть гарантированы слѣдующія права: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова, печати, вѣроисповѣданія, свобода передвиженій, собраній, союзовъ, стачекъ и равноправность всѣхъ національныхъ языковъ; е) организація мѣстнаго управленія на началахъ безсословнаго и независимаго самоуправленія.

На этихъ основаніяхъ бюро союза займется выработкой конституціоннаго акта.

Московскій делегатъ Z. предлагаетъ дополнить первый пунктъ прибавкой „безъ различія пола". Для съѣзда адвокатовъ это тоже не является спорнымъ. Тотъ же делегатъ требуетъ отъ съѣзда высказаться по вопросу о палатной системѣ. Онъ предлагаетъ положить въ основаніе однопалатную систему, какъ единственную прочную гарантію демократическаго строя. Для г. Кальмановича „вопросъ о палатахъ — вопросъ частный, а мы намѣчаемъ лишь основные пункты", для г. Гессена это вопросъ крайне спорный въ наукѣ и онъ отказываетъ съѣзду въ компетенціи на рѣшеніе его. Одного, однако, не понялъ г. Гессенъ. Не понялъ того, что вопросъ о палатной системѣ споренъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку въ современной наукѣ борются два теченія — буржуазное и пролетарское. Страхъ передъ краснымъ призракомъ побуждаетъ буржуазію создавать крѣпкія заставы вліянію пролетаріата въ законодательной жизни страны. Этой заставой и является вторая палата, рекрутируемая изъ родовитыхъ и крупныхъ буржуа, вѣрныхъ церберовъ прерогативъ господствующаго класса. Какъ нѣкогда абсолютизмъ въ борьбѣ съ оппозиціонной буржуазіей отстаивалъ необходимость верхней палаты, какъ средства обезпечить вліяніе за тѣми слоями населенія, съ которыми отождествляла свои интересы монархія, точно такъ современная буржуазія въ верхней палатѣ ищетъ спасенія отъ все растущаго вліянія класса пролетаріата. Вспомните реставрацію Бурбоновъ, Сто дней Наполеона I, буржуазную монархію Луи-Филиппа.

Для пролетаріата, „сословія обездоленнаго, не имѣющаго и не могущаго выставить никакого исключительнаго ни правоваго, ни фактическаго условія — ни благородства происхожденія, ни землевладѣнія, ни обладанія капиталомъ, — условія, которыя онъ могъ бы обратить въ новую привиллегію и провести черезъ всѣ учрежденія общества" — для этого сословія вопросъ о палатной системѣ не спорный вопросъ. Одна, и только одна палата, избираемая всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ, можетъ обезпечить широкое демократическое обновленіе общества.

Тотъ же классъ, классъ пролетаріата, въ нѣдрахъ котораго нѣтъ и не можетъ быть зародыша новой привиллегированности, не считаетъ спорнымъ и вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Врагъ всякихъ ограничительныхъ и исключительныхъ законовъ, врагъ привиллегій однихъ и безправія другихъ, пролетаріатъ зоветъ къ сознательной политической жизни всѣ элементы страны, широко открывая политическую и общественную сферы дѣятельности передъ женщиной.

Передъ самымъ закрытіемъ съѣзда была принята безъ всякихъ преній слѣдующая резолюція:

Принимая во вниманіе:

1) что современный бюрократическій строй не можетъ удовлетворить потребностямъ страны,

2) что само правительство принуждено было признать необходимость участія выборныхъ представителей народа въ государственномъ устроеніи,

3) что, такимъ образомъ, нынѣ наступилъ моментъ общественнаго самоуправленія,

4) что всѣ члены съѣзда, какъ бы различны ни были ихъ политическіе и соціальные взгляды, сходятся въ томъ, что ближайшей задачей минуты является: а) замѣна существующаго строя демократическимъ конституціоннымъ режимомъ и б) освобожденіе всѣхъ трудящихся слоевъ населенія изъ подъ гнета современныхъ экономическихъ условій — съѣздъ постановилъ:

1) образовать среди присяжной адвокатуры политическій союзъ для достиженія этой цѣли, т. е. введенія въ Россіи демократически конституціоннаго строя на началахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права и 2) опубликовать объ образованіи этого союза во всеобщее свѣдѣніе.

По вопросу о томъ, что представляетъ собою союзъ адвокатовъ, съѣздъ согласился съ мнѣніемъ кіевскаго делегата С., что это не политическая партія, а профессіональный союзъ, ставящій ad hoc опредѣленныя политическія цѣли. Союзъ-союзовъ — это временное соединеніе силъ для проведенія въ жизнь опредѣленной политической программы — таково мнѣніе съѣзда. Этимъ рѣшеніемъ съѣздъ адвокатовъ создалъ возможность для адвокатовъ, членовъ различныхъ партійныхъ организацій, оставаться членами союза.

Но что такое союзъ адвокатовъ, что такое союзъ—союзовъ? Съ нашей точки зрѣнія тотъ и другой являются, — говоря словами петербургскаго делегата князя Эристова, — „назрѣвшей потребностью", выразившейся, въ виду отживающаго режима, *въ объединеніи буржуазной интеллигенціи въ цѣляхъ создать организованное общественное мнѣніе класса буржуазіи*.

Разобщенность, полное отсутствіе организаціи и дисциплины въ буржуазныхъ элементахъ общества съ одной стороны, и ростъ солидарности, организованности и партійной дисциплины пролетаріата съ другой, вызвали необходимость для буржуазныхъ слоевъ въ созданіи партійной организаціи, которая дала бы возможность, какъ къ выступленію организованнымъ цѣлымъ въ борьбѣ съ „бюрократіей", такъ и, въ случаѣ надобности, противъ неумѣренныхъ требованій пролетаріата. Вспомните „внутренняго врага" кн. Трубецкаго и наше заявленіе не покажется вамъ голословнымъ. Правда, эта возможность борьбы на два фронта смутно или вовсе не сознается пока большин-

---

[1] Всюду мы возстанавливаемъ рѣчи делегатовъ по памяти, [illegible] тожественность тона и развитія мысли цити-

пол.

адо было видѣть этихъ.

ковъ, не только молод

чел

твомъ представителей буржуазной интеллигенціи. Но въ томъ то и грѣхъ всѣхъ этихъ „сверхклассовыхъ" интеллигентовъ, наивно убѣжденныхъ въ томъ, что они являются носителями высшей правды и справедливости.

Намѣченными въ программѣ союза пунктами дѣятельности, поскольку онъ будетъ ихъ осуществлять, союзъ можетъ оказать нѣкоторое содѣйствіе дезорганизаціи силъ правительства, но этимъ и только этимъ исчерпывается все общественное значеніе союза-союзовъ.

* * *

Реальной силой въ борьбѣ съ самодержавіемъ всякіе политическіе союзы буржуазіи станутъ лишь тогда и постольку, когда и поскольку они найдутъ соотвѣтственныя формы борьбы за осуществленіе своихъ требованій. Буржуазія понимаетъ, что, вооруженная одной силой слова — а таково фактически вооруженіе ея союзовъ, — она не сломитъ твердыни деспотизма; революціонное же дѣйствіе чуждо ея природѣ. Это фатальное безсиліе вынуждаетъ буржуазную демократію, для осуществленія своихъ требованій, искать опоры въ широкихъ слояхъ народа. Чѣмъ шире эти слои, тѣмъ больше среди нихъ пролетарскихъ элементовъ, требующихъ полной и всесторонней демократизаціи политическаго и общественнаго строя. Буржуазія, по самой природѣ своей, этихъ требованій удовлетворить не можетъ и партія пролетаріата со всей энергіей будетъ стремиться разоблачать всю нерѣшительность и половинчатость соціальной политики буржуазіи. Это, въ свою очередь, увеличитъ шансы того, что требованія революціоннаго пролетаріата явятся лозунгами народныхъ массъ, и соціально-экономическія революціи буржуазной демократіи развѣ лишь на очень короткое время засорятъ сознаніе и внесутъ смуту въ умы борющихся пролетаріевъ, но не смогутъ привлечь этихъ массъ на ея сторону. А безъ нихъ она безсильна. Изъ этого неизбѣжно приходится сдѣлать тотъ выводъ, что *лишь черезъ посредство революціоннаго пролетаріата буржуазная демократія осуществитъ свои требованія*.

Сплоченіе передовыхъ элементовъ пролетаріата для подготовки рѣшительной борьбы за свободу — такова главная задача настоящаго момента для партіи пролетаріата и, слѣдовательно, лишь всестороннее обслуживаніе пролетаріата въ дѣлѣ подготовки всенароднаго возстанія является *единственно реальной* формой дѣятельности буржуазіи въ цѣляхъ осуществленія ея идеаловъ.

А. В. С.

Майскіе дни.

Петербургъ, 2 мая. Въ Нарвскомъ районѣ въ листкахъ рабочіе приглашались собираться въ 12 час. дня на Петергофское шоссе между Школьнымъ переулкомъ и Путиловскимъ заводомъ.

Наканунѣ митинга на Путиловѣ не было, такъ какъ не остановили рабочихъ, а еще за день (въ пятницу) попытка комитета устроить митингъ привела къ аресту оратора. Въ первомъ часу я вышелъ на шоссе, проѣхалъ сначала во всю длину туда и обратно по конкѣ, а затѣмъ былъ у мѣста сбора и оставался тамъ до третьяго часа. Картина такая. Все шоссе какъ бы вымерло. Вагоны ходятъ пустые, у воротъ не стоитъ публика (воскресенье!), не видно почти прохожихъ. Только у угла шоссе и Овсянникова переулка стоитъ на мѣстѣ довольно плотная кучка въ 200 чел. (или нѣсколько больше) организованныхъ рабочихъ и ходитъ небольшое количество сыщиковъ, разсматривающихъ физіономіи. *Изрѣдка* проѣзжаетъ патруль изъ нѣсколькихъ казаковъ. Въ сосѣднихъ дворахъ — въ церкви — войскъ нѣтъ. Довольно достовѣрныя извѣстія гласятъ, что администрація рѣшила въ случаѣ только митинговъ не подавлять ихъ войсками, пока они въ районахъ, и лишь не пускать въ городъ. Подтвержденіе этого, кромѣ другихъ признаковъ, вижу въ слѣдующемъ. Вы знаете, группа обратилась съ резолюціей по поводу перваго мая къ съѣзду журналистовъ съ требованіемъ поднять вопросъ о первомъ мая въ печати, депутація организованныхъ рабочихъ группы ѣздила въ Финляндію на съѣздъ инженеровъ, и послѣдній разослалъ заявленіе въ другіе общественные союзы. Въ результатѣ, въ думу стали поступать заявленія союза врачей, союза конторщиковъ и бухгалтеровъ и другихъ о принятіи мѣръ къ содѣйствію рабочимъ (въ смыслѣ протеста противъ возможнаго кровопролитія), въ газетахъ стало появляться много замѣтокъ о 1 мая и, наконецъ, городской голова поѣхалъ къ градоначальнику объясняться, и тотъ далъ ему „самыя успокоительныя завѣренія" — такъ сказано въ „Бирж. Вѣдом.". Грошъ цѣна этимъ завѣреніямъ и они не задумались бы помѣшать рабочимъ устроить демонстрацію въ городѣ, но возможно, что, не желая озлоблять болѣе, рѣшились терпѣть собранія по районамъ.

Возвращаясь къ Нарвскому. Товарищи не расходились и ждали извѣстій изъ другихъ районовъ, можетъ, гдѣ-нибудь что-нибудь вышло, — пойти туда и присоединиться. Извѣстій такихъ не было. Это былъ смотръ нашей организаціи Путиловскаго завода. Рабочихъ изъ комитетской организаціи было нѣсколько человѣкъ; когда опрашивали, почему ихъ мало, сказали, что больше нѣтъ. Говорили, что у нихъ всего 6 кружковъ во всемъ районѣ. Нѣкоторые арестованы, а что есть, то здѣсь. Было и нѣсколько с.-рев. Ихъ рабочій-центровикъ смѣшно замѣтилъ: если бы я раньше зналъ, что у васъ есть револьверы, я былъ бы соц.-демократомъ.

Такъ какъ комитетъ заключилъ соглашеніе о томъ, что онъ присоединяется къ митингамъ, и такъ какъ въ Нарвск. районѣ не было никакихъ признаковъ агитаціи противъ митинговъ, то ясно, что они столь слабо представлены не въ силу какой нибудь тенденціи, а въ силу бѣдности людьми. На улицу, словомъ, вышло то, что сплотила группа и только (это типично и для другихъ районовъ, кромѣ Невскаго и Выборгскаго). Были нѣкоторые голоса, чтобы все же „что нибудь" сдѣлать, я, въ числѣ другихъ, былъ противъ, ибо выступленіе только организованныхъ рабочихъ совсѣмъ не имѣло бы того смысла и значенія, которое мы придавали первому мая. Рѣшили, чтобы мнѣ поѣхать въ „главный штабъ", прислать оттуда оффиціальныя свѣдѣнія, если нигдѣ ничего, и разойтись.

Въ штабѣ узналъ слѣдующее. На Васильевскомъ Островѣ, на Большомъ Проспектѣ явилось 200—250 организ. рабочихъ группы, но они не стояли кучей, какъ на Петербург. шоссе, а бродили по тротуарамъ. Казаки не трогали. Въ другомъ мѣстѣ Вас. О., помнится, на 6 линіи, оказались вызванные листками наши же организованные съ Петербургской стороны митингъ на Петерб. сторонѣ былъ еще въ пятницу отмѣненъ въ силу провала нѣкоторыхъ товарищей). Они вдругъ сами запѣли, закричали „долой самодержавіе", стали читать вслухъ прокламаціи или просто передавать ихъ содержаніе. Нѣчто до того маленькое (человѣкъ 150 всѣхъ шедшихъ по тротуару), что когда казаки пріѣхали, они вовсе не свирѣпствовали, хотя многіе остались стоять и даже не побѣжали. Изъ бѣгущихъ кое-кому немножко влетѣло. Оружія наши, по счастью, не пустили въ ходъ. Такіе эпизоды: запуталась дѣвица въ проволокѣ, ей помогаютъ отцѣпиться отъ колючекъ, подлетаютъ казаки, машутъ нагайками, но не бьютъ и отъѣзжаютъ и т. п. Всѣ разошлись, кучка ходила еще въ Петровскій паркъ, постояла и ушла. Шпики открыто говорили другъ другу: вотъ они, здѣсь, такіе то, показывали пальцами. Никакой агитаціи комитета противъ митинга не было и здѣсь, отсутствіе комитетскихъ объясняется ихъ слабостью на островѣ, вѣрнѣе несуществованіемъ. Комитетчикъ сказалъ мнѣ, что изъ имѣющихся на весь городъ 30 револьверовъ они не посылаютъ туда ни одного, такъ какъ, вслѣдствіе проваловъ, какъ онъ выразился, у нихъ тамъ нѣтъ организаціи, но есть лишь ея возможность, связи, знакомства. Слѣдуетъ замѣтить, что мы не досчитывались нѣкоторыхъ организованныхъ и съ Путиловскаго завода, и съ Балтійскаго, и съ другихъ, именно такъ называемыхъ „старичковъ", которыхъ не вышло, вѣрно, по сотнѣ, между тѣмъ, наканунѣ митинга на Балтійскомъ заводѣ прошелъ очень хорошо, тысячи 2-3 чел. Они чувствуютъ, согласны, что необходимо то-то, но не настолько заинтересованы, чтобы заявить это активно.

На Петербургской сторонѣ ничего не было, такъ какъ наши петербуржцы ушли на В. О., „большинство" же тамъ существуетъ, какъ въ Нарвскомъ и Васильевскомъ районахъ, т. е. — на бумагѣ. Въ городскомъ районѣ также была выставка нашихъ организованныхъ. Наканунѣ митинга на разныхъ заводахъ и фабрикахъ прошли здѣсь хорошо, но къ 12 часамъ на Боровой ул. было лишь 150 членовъ нашей организаціи, изъ нихъ половина — не рабочіе. Постояли, пока организаторъ не распустилъ по домамъ и ушли безъ всякихъ приключеній. Говорили нѣкоторые, что часъ выбранъ не удобно, что въ 12 час. всѣ обѣдаютъ, но, мнѣ кажется, этимъ объяснять не приходится, да, вѣдь, и ждали вездѣ по нѣсколько часовъ. Арестовъ не было и здѣсь, а на Васильевскомъ Островѣ взяли было одного или двухъ и отпустили почти сейчасъ же.

За Невской заставой произошло слѣдующее. Не смотря на объявленіе комитета, что онъ за митингъ (онъ даже сказалъ, что большую долю своихъ револьверовъ пошлетъ въ Невскій районъ), — большевики вдругъ развили въ субботу агитацію противъ митинга, „этой бойни", какъ они говорили; въ этомъ же смыслѣ толковали листокъ своего комитета, и ихъ агитація принесла извѣстный вредъ, такъ какъ на Семянниковскомъ заводѣ они сильнѣе насъ. Въ другихъ мѣстахъ — у Паля, на Обуховскомъ и другихъ — субботніе митинги прошли хорошо, у Паля, напримѣръ, митингъ продолжался $1\frac{1}{2}$ часа, масса задавала нашему оратору вопросы и т. п. Вообще, за предмайскую недѣлю наша организація устроила тамъ 12 большихъ массовокъ и рядъ митинговъ на фабрикахъ и заводахъ, хорошо проходившихъ, такъ что неприходъ неорганизованныхъ я объясняю не внезапной контръ-агитаціей большинства, удержавшей лишь ихъ организованныхъ рабочихъ, но болѣе общими причинами. Между прочимъ с.-р.-ы распространили и на тракту и въ Выборгскомъ районѣ много листковъ противъ празднованія 1 мая. Но они, по крайней мѣрѣ, не заключали соглашенія о присоединеніи къ выступленію! Комитетъ же даже желалъ, чтобы указанныя въ нашихъ призывныхъ листкахъ мѣста были переизданы за общей подписью и мы, понятно, ничего не имѣли противъ, хотя это, въ концѣ концовъ, и не было имъ исполнено, по случайнымъ причинамъ. Какъ бы тамъ ни было, распространили мы въ Заневскомъ районѣ 10.000 листковъ съ указаніемъ мѣста, а на Братскую могилу (Преображенское кладбище) явилось лишь 400—500 чел. нашихъ организованныхъ (изъ Колпина, за 7 верстъ, пришло всего 50 чел).

Какая то буржуазная демократка стала вдругъ истерически выкрикивать: „рабочіе, васъ привели на бойню, разойдитесь" и т. п., но сочувствія не встрѣтила. Стояли, смысла что либо устраивать самимъ для себя, очевидно, не было, и пошли домой — съ пѣснями, „долой самодержавіе" и проч.; помнится, и красное знамя выкинули. Казаки сначала ничего, потомъ имъ заблагоразсудилось разгонять, нѣкоторые побѣжали — тѣхъ преслѣдовали, кто не бѣжалъ — тѣхъ не трогали, и всѣ разошлись. Хуже всего было на Выборгской сторонѣ; такъ какъ тамъ призывные листки провалились, даже изъ организованныхъ лишь часть успѣла узнать мѣсто, вышло 70 человѣкъ, побродили и ушли. Субботняя пріостановка работъ для митинговъ была сорвана большевиками, которые кричали: не надо, молъ, ни митинга 1 мая, ни субботы, а въ понедѣльникъ забастуемъ, такъ было и у Лесснера и на всѣхъ другихъ заводахъ.

И такъ, 1 мая вышли лишь 1200 1300 нашихъ, да пара сотъ не вышла, да сотня была связана съ семью штабами и друг. Прибавлю, что въ часу пятомъ на Петербургскомъ шоссе набралось у воротъ, у заставы, на углахъ и пр. снова тысячи полторы-двѣ, тогда кучки начинали сами пѣть пѣсни, выкидывать красное знамя и т. п. Казаки иногда принимались разгонять. Началъ ходить какой то чиновникъ департамента полиціи, тыкалъ въ кого-нибудь и трое козаковъ забирали его. Такъ взяли 5 рабочихъ, побившихъ городового за то, что онъ толкнулъ кого то, и еще кое кого. Наконецъ, уличный штабъ распустилъ рабочихъ по домамъ. Между прочимъ, ночью на первое мая въ районѣ были обыски, у кого находили браунингъ — забирали, въ общемъ, однако, не много.

Петербургъ, 5 мая. На Семянниковскомъ зав. группѣ удалось провести черезъ собраніе старостъ резолюцію, напечатанную въ „Новостяхъ" (безъ конца, въ которомъ говорится, что самодержавіе способно только обманывать народъ и т. д. На этомъ же заводѣ былъ 2 мая удачный митингъ, на которомъ говорилъ нашъ ораторъ, укорявшій массу за невыходъ ея въ день 1 мая и звавшій выйти съ нимъ на улицу, что и было исполнено — прошлись съ пѣніемъ пѣсенъ, было столкновеніе съ казаками. На Путиловскомъ заводѣ вечеромъ 1 и 2 мая арестовали нѣсколькихъ рабочихъ. На Рѣчкинскомъ заводѣ въ ночь на третье арестовали Иванова и Стромина. Утромъ наши убѣдили всѣ мастерскія бросить работы, высыпать въ конторы и объявить забастовку до ихъ освобожденія. Прибытіе полусотни конныхъ жандармовъ не показалось рабочимъ убѣдительнымъ доводомъ противъ забастовки. Выбрали двухъ депутатовъ — Ольшевскаго и Соколова; они поѣхали къ градоначальнику и онъ далъ имъ честное слово, что не позже, какъ черезъ два дня, арестованные будутъ освобождены.

Неудавшееся военное возстаніе и удачная маевка въ деревнѣ Ново Александрія. Въ „Искрѣ" уже была помѣщена корреспонденція изъ Н.-Александріи, ярко рисующая крайне революціонное настроеніе стоящихъ тамъ 71 Белевскаго и 72 Тульскаго полковъ. Во время январскихъ событій революціонныя организаціи ихъ обратились къ Южному Комитету С.-Д. Ц. П. и Л. съ предложеніемъ вести ихъ на Варшаву. Предлагали захватить поѣздъ и ѣхать въ центръ рабочаго движенія, предлагали перебить офицерство, съ красными знаменами двинуться на Люблинъ, Ивангородъ. На массовкахъ (было нѣсколько, до 300 человѣкъ) солдаты прямо горѣли. Комитетъ всячески сдерживалъ наэлектризованную массу, не рѣшался выпускать къ ней призывныя къ борьбѣ прокламаціи. Комитетомъ устроена была только одна закрытая (въ лѣсу) демонстрація съ 400 участн. Настроеніе массы все же выливалось при всякомъ случаѣ. Белевскій полкъ открыто отказался итти на войну, на рѣчь полкового командира о войнѣ и о долгѣ солдата отвѣтилъ единогласнымъ: „Долой войну! Долой мобилизацію!" Оба полка отказывались нести караульную службу въ Радомѣ, Кѣльцахъ, Томашевѣ, отказывались участвовать въ усмиреніи забастовщиковъ. Возвращаясь изъ этихъ городовъ въ Н.-Александрію, солдаты пѣли революціонныя пѣсни. Начальство прямо терялось. Офицеры ходили въ полномъ боевомъ вооруженіи[1], всячески заискивали передъ солдатами. Изъ многихъ случаевъ, характерныхъ для обѣихъ сторонъ, приведу слѣдующій фактъ: одинъ ротный командиръ обратился къ солдатамъ своей роты съ рѣчью, которую закончилъ обѣщаніемъ награды имъ за ихъ вѣрную службу „по три коп. на папиросы". Тогда одинъ солдатъ вышелъ изъ строя и молча подалъ офицеру пятакъ. Поступокъ этотъ не вызвалъ никакихъ репрессій со стороны напуганнаго начальства. Пробовали, однако, искать корней. Арестовали двухъ солдатъ, одного студента сельск.-хоз. института *Сабашникова* (впрочемъ, неизвѣстно, въ чемъ его обвиняютъ. При обыскѣ ничего не найдено). Но преступный комитетъ и центръ Военной Организаціи въ Н.-Александріи продолжали исправно свою работу, ни мало не пострадавъ. Царское правительство рѣшило, наконецъ, расправиться съ ненавистными ему, сплошь разагитированными, полками. И, конечно, мѣстомъ ссылки для нихъ явиться долженъ былъ Дальній Востокъ. Рѣшено было въ апрѣлѣ отправить части этихъ полковъ на войну. Настроеніе солдатъ стало тогда такимъ приподнятымъ, въ особенности послѣ распространенія „Солдатской памятки", что К. вынужденъ былъ попытаться руководить революціоннымъ выступленіемъ солдатъ.

Центръ В. Р. О. въ Ново-Алекс. обратился къ Ю. Ком. съ выработаннымъ имъ планомъ открытаго возстанія. Вотъ планъ этотъ въ измѣненномъ послѣ совмѣстнаго обсужденія видѣ: 21 апрѣля, въ день, когда офицерство должно было засѣдать въ собраніи, въ назначенный часъ (сначала часъ ночи, потомъ 11 часовъ вечера) наиболѣе разагитированная рота подъ руководствомъ N. (члена Ц. В. Р. О.), вооруженная винтовками должна была окружить собраніе и арестовать офицеровъ, перебивъ лишь сопротивляющихся. По плану, предложенному Ц., предполагалось собраніе съ офицерами взорвать порохомъ. Въ то же время другія роты захватываютъ патронный складъ, полковыя канцеляріи, артиллерію и пр. Захваченное въ складѣ оружіе должно быть роздано крестьянамъ, которыхъ долженъ былъ созвать Комитетъ. Послѣ захвата важнѣйшихъ пунктовъ, должно было поступать въ зависимость отъ обстоятельствъ. Предполагали или двинуться на Люблинъ, или Ивангородъ, дѣйствовать наступательно, или укрѣпиться въ Н.-Александріи, или итти къ австрійской границѣ, которой, такъ какъ она находится всего въ верстахъ 60, разсчитывали достичь черезъ два дня. Послѣдняго рѣшенія держался Комитетъ, съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Центръ. Рѣшено было только дальнѣйшіе планы держать въ глубокой тайнѣ. Насталъ назначенный день. Но уже въ восемь часовъ одинъ изъ центра явился къ Комитету, крайне взволнованный, и заявилъ, что ничего не можетъ выйти: человѣкъ, который долженъ былъ выполнить первую роль, поколебался и увлекъ за собой остальныхъ. Комитетъ настолько былъ убѣжденъ въ успѣхѣ плана, что сообщеніе это его ошеломило, и онъ не принялъ никакихъ мѣръ для исправленія дѣла. Между тѣмъ, къ 11 часамъ изъ окрестныхъ деревень съѣхалось до 450 крестьянъ съ подводами за полученіемъ оружія. Узнавъ, что ничего не будетъ, они были сильно разочарованы (большинство крестьянъ, впрочемъ, не знало, въ чемъ дѣло — имъ обѣщали новаго оратора). Пришлось распустить ихъ. Дѣло велось такъ широко, что К., опасаясь проваловъ, долженъ былъ пока пріостановить работу. Черезъ два дня попытка возстанія повторилась опять. Оказавшійся ненадежнымъ членъ былъ отставленъ. Настроеніе солдатской массы стало еще болѣе приподнято, когда она узнала о планѣ возстанія. Нѣсколько разъ чуть не доходило до открытаго столкновенія подвыпившихъ солдатъ съ казаками. 23 апрѣля одинъ солдатъ, изрядно выпивъ и вступивъ въ драку съ казаками, громко взывалъ: „бить враговъ рабочаго народа!" Онъ цѣлый день буянилъ на улицѣ, выкрикивалъ революціонные возгласы, несмотря на старанія товарищей удержать его. Дежурный офицеръ явился въ казарму увѣщевать его, но онъ едва не былъ побитъ имъ. Когда же онъ велѣлъ арестовать его, другой членъ организаціи бросилъ въ офицера бутылкой. Офицеръ выбѣжалъ изъ казармы и велѣлъ караулу арестовать виновнаго. Но вся рота, взявшись за ружья, не позволила этого. Оба эти товарища сейчасъ же скрылись изъ полковъ.

Ю. К. С.-Д. совмѣстно съ Ц. В. Р. О. выработалъ тогда новый планъ. Около извѣстнаго часа одинъ изъ Ц. долженъ былъ дать сигналъ — выстрѣлъ изъ винтовки, по которому начинается тревога (бьютъ въ барабанъ и т. д.. Всполошенную массу предполагалось направить противъ казаковъ и на освобожденіе арестованныхъ двухъ товарищей (одинъ осужденъ на 12 лѣтъ каторги за дезертирство и „пропаганду зловредныхъ идей"). Въ то же время въ городѣ бьютъ въ набатъ, поднимая населеніе. Окрестныя деревни должны дѣйствовать самостоятельно — набатомъ поднять населеніе, громить казенныя заведенія, провозгласить самоуправленіе.

Организованные солдаты (организація насчитываетъ до 700 человѣкъ) были широко извѣщены и были готовы — цѣлыя роты лежали вполнѣ наготовѣ (въ сапогахъ, одѣтыя) встать по условленной тревогѣ.

О началѣ движенія Ю. К. долженъ былъ тотчасъ же получить извѣщеніе. Но прошло 11, 12 часовъ — ничего нѣтъ... Правда, напряженное ухо уловило будто выстрѣлъ-другой... Но больше ничего. Тишина. Напряженно вглядываешься въ мракъ, напряженно вслушиваешься — не идетъ ли вѣстникъ. Все тихо. Только разъ послышался топотъ. Казаки! Въ одно мгновеніе мы были за каменной стѣной кладбища, условленнаго пункта ожиданія. Съ револьверами на готовѣ ждемъ. 30 человѣкъ проѣхало въ шагѣ отъ насъ... Опять ждемъ... Только во второмъ часу пришелъ товарищъ, блѣдный, измученный. Онъ стрѣлялъ два раза, но барабанщики въ послѣднюю минуту дрогнули...

Днемъ пришелъ еще одинъ товарищъ изъ Центра. Онъ передалъ, что солдаты страшно озлоблены противъ Ц., что всѣ ждали только тревоги, и что Ц. еще разъ попытается начать. Планъ Ц.: солдатъ — дезертиръ N долженъ явиться въ казармы. Популярность его среди солдатъ такъ велика, что, когда его попытаются арестовать, всѣ они встанутъ на его защиту, съ которой и должно начаться движеніе. Временемъ избранъ былъ день, чтобъ были нагляднѣе результаты и чтобы возстаніе не носило уже дискредитированнаго заговорщицкаго характера. Но N не могъ прибыть днемъ въ Н.-Алекс. Комитетъ предложилъ ждать его до семи часовъ; если онъ не будетъ до этого времени, то два товарища (отъ варшавскаго К. В. Р. О. и ораторъ отъ Ю. К.) должны проникнуть (будучи переодѣты въ солдатскія шинели и шапки) въ казармы вмѣстѣ съ товарищемъ изъ мѣстнаго центра. Къ семи часамъ Центръ долженъ всевозможными способами собрать къ какому либо пункту возможно болѣе сознательныхъ солдатъ, передъ которыми должны быть произнесены руководителями рѣчи. Дальше дѣйствовать предполагалось въ зависимости отъ настроенія массы. Какъ знакъ начала возстанія, долженъ служить набатъ въ бригадной церкви. Это предложеніе К. было принято Центромъ. Въ семь часовъ всѣ три товарища были въ казармахъ. Представитель мѣстнаго центра несъ съ собой красное знамя съ надписями: долой войну! Да здравствуетъ революція!

Но центру не удалось собрать къ условленному часу толпы. Прошелъ цѣлый часъ томительнаго ожиданія на площади среди казармъ. Уже сильно стемнѣло. Центръ изъ силъ выбивался, убѣждая солдатъ взяться за оружіе, выйти изъ казармъ. Варшавскій товарищъ не выдержалъ, и самъ пошелъ въ казармы. Переходя изъ одной въ другую, онъ въ краткой рѣчи призывалъ къ открытому отказу идти на войну, къ открытому возстанію противъ истинныхъ враговъ, звалъ солдатъ къ избіенію подлѣйшихъ офицеровъ, говорилъ о громадномъ значеніи ихъ открытаго возстанія, говорилъ, что онъ бѣглый офицеръ, бѣжавшій отъ войны, пришелъ къ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ ними открыто бороться противъ нея, противъ несправедливости. Солдаты слушали его вездѣ съ горячимъ сочувствіемъ, но колебались. Многіе бѣжали изъ казармъ, испуганные его рѣчами. Только новобранцы съ горечью отвѣчали ему на призывъ браться за ружья: „нѣтъ у насъ ихъ! отобрали." Въ одной казармѣ товарищъ чуть не попалъ въ ловушку. Забывшись, онъ распахнулъ шинель; фельдфебель, замѣтивъ его штатскую одежду, хотѣлъ было запереть сзади него дверь, но товарищъ Х. во время замѣтилъ этотъ маневръ и выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ фельдфебеля.

Центръ въ это время тоже горячо агитировалъ въ казармахъ. Но все было тщетно. Масса не шла за нимъ, уже разочарованная. „Начинайте, мы пойдемъ!" говорили въ лучшемъ случаѣ. И одинъ изъ Ц. не выдержалъ. Далъ выстрѣлъ, Катур [illegible] сигналъ; казармы огласились криками: Долой вой [illegible] модержавіе! Да здравствуетъ революція!

---

[1] Солдатамъ-новобранцамъ не выданы ружья. Усиленные караулы. Всѣ патроны изъ разныхъ цехгаузовъ перенесены въ патронные склады.

тс
ся

ченія [illegible] Тамъ
земство и демо

дем.! Паника поднялась страшная. Со всѣхъ сторонъ забили барабаны тревогу, засвистали часовые. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Масса металась. Ц. не могъ руководить, самъ растерялся. Кто-то крикнулъ: „отступать! казаки"! и Ц. члены бѣжали изъ казармы. Выстрѣлы гремѣли сзади. Никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали товарищи. Варшавскій товарищъ выбѣжалъ изъ казармъ, остановился искать брошенный однимъ изъ товарищей въ паникѣ. револьверъ Товарищи его скоро скрылись. Онъ легъ въ канаву, дрожа отъ злости,: почему они бѣжали? вѣдь никто не пытался ихъ задерживать! почему они не слушали его, не били въ набатъ, не шли впередъ? почему опять неудача?... Изъ темноты на дорогу выплыло шесть тѣней. Казаки! Тов. прилегъ безшумно къ землѣ. Они постояли и поѣхали назадъ... Послѣ выяснилось, что тревога была дана дежурнымъ фельдфебелемъ, что ни одинъ офицеръ не посмѣлъ выйти на насъ; всѣ, дрожа отъ страха, прятались по домамъ, такъ что въ дѣйствительности Центръ бѣжалъ отъ своей побѣды; паника начальства была такова, что горсть смѣлыхъ людей могла безпрепятственно дѣлать все, что ей было угодно. Казаки не рѣшились двинуться дальше окраины казармъ. Они стрѣляли: тремя пулями убитъ товарищъ-солдатъ Буробинъ. Двѣ лошади, одинъ казакъ, одинъ фельдфебель ранены (подробности еще не всѣ выяснены. О доблестномъ товарищѣ Б. дадимъ дополнительныя свѣдѣнія). 15 человѣкъ бѣжало, унося десять винтовокъ. Крестьяне были извѣщены Комитетомъ о происходящемъ лишь въ началѣ перестрѣлки въ казармахъ.. Возбужденіе ихъ было страшное...

Разбитые физически, потрясенные, мы должны были скрыться на время. Начались въ городѣ обыски. Среди солдатъ арестовано нѣсколько человѣкъ. Тульскій полкъ, считающійся начальствомъ понадежнѣе, сталъ на охранѣ казармъ и Бѣлевскаго полка. Повальный обыскъ въ Казимержѣ. Никакихъ результатовъ. Изъ Комитета никто не былъ взятъ.

Настало первое мая. Настроеніе крестьянъ было крайне напряженнымъ. Среди нихъ раньше были распространены майскіе листки С. Д. Ц. П. и Л. Въ ночь на первое въ деревнѣ Казимержѣ надъ нѣсколькими домами взвились красные флаги, въ деревнѣ Конской Волѣ надъ однимъ домомъ поднята повстанческая коса съ краснымъ знаменемъ. Надписи: Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ соц.-дем! Въ 11 часовъ утра перваго мая началась, устроенная К. демонстрація въ деревнѣ Ластовницахъ, примыкающей къ Н.-Ал.—до 100 участниковъ. Тов. женщина несла красное знамя съ надписями: „Вольности и хлѣба! Да здравствуетъ соц. дем.!" Пѣли „Красное знамя". Нѣсколько разъ произносились краткія рѣчи. Пѣніе прерывалось возгласами: „Да здравствуетъ первое мая! Да здравствуетъ рабочее дѣло! людъ рабочій! Да здравствуетъ соціализмъ! Да здравствуетъ с.-д., Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!" „Вольности и хлѣба мы хотимъ!" дружно подхватывались эти крики толпой. Шпики прятались. Ни одного стражника. Въ одной рѣчи заклеймили мѣстнаго ксендза, какъ шпика (Ксендзъ говорилъ прихожанамъ, что „эти социалисты — мерзавцы, грабители, лодыри"). Рѣчь была сказана предъ домомъ на смерть перепугавшагося добровольца. Всѣ празднично одѣты, красные галстуки, петлички. Старики снимали шапки предъ знаменемъ. Нѣсколько женщинъ шли съ нами. Два часа продолжалась демонстрація. Никто не вышелъ въ поле въ этотъ день работать. Не работали во всей округѣ. Кто же пытался былъ силой возвращаемъ въ деревни.

Изъ Ластовицъ мы поѣхали въ деревню Куровъ. Это довольно большое село, много евреевъ. Не доѣзжая его, увидѣли въ лѣсу высоко развивающееся красное знамя. Куровская организація сама взяла на себя иниціативу демонстраціи. Подъ ея знаменемъ сгруппировалось въ лѣсу человѣкъ около 300 (была одна женщина и нѣсколько евреевъ). Толпой отправились въ село. Подходя къ нему, запѣли „Красное знамя". На площади села ждала большая толпа народа. Остановились. Произнесли обычные возгласы. Толпа пошла за нами. Картина была грандіозна. Громадный хоръ. Со всѣхъ сторонъ сочувственное „виватъ!" До 2.000 народа. Нѣсколько рѣчей. Прошли все село и направились къ помѣщичьимъ усадьбамъ по необставленной домами дорогѣ. Вошли въ роскошный садъ помѣщиковъ, прошли его. Предъ домомъ своимъ сидѣлъ помѣщикъ — старикъ, съ женой. Остановились. „Вольности и хлѣба мы хотимъ", послышались возгласы „Да здравствуетъ рабочее дѣло! Да здравствуетъ соц.-дем.!" Помѣщикъ растерялся, махалъ шляпой и что-то бормоталъ. „Не топчите травы", попросилъ онъ потомъ. „Прочь буржуевъ! Прочь капиталистовъ! Прочь господъ!" отвѣчали ему. Предъ домомъ управляющаго имѣніемъ остановились. Вызвали его. Одинъ изъ товарищей обратился къ нему: „Почему заставляете рабочихъ работать въ ихъ праздникъ?!" „Это не я!" растерянно, пугливо бормоталъ онъ. Кто то изъ толпы гнѣвно крикнулъ: „Почему обращаешься такъ по скотски съ рабочими! Смотри" Управляющій кланялся. „Прочь капиталистовъ!" грянулъ кличъ. Управляющій растерялся, и самъ поддержалъ кличъ рабочихъ, махая шляпой. Войдя обратно въ паркъ, разошлись въ разныя стороны. Демонстрація продолжалась часа три. Въ этотъ же день была демонстрація с.-д. въ дер. Казимержѣ (100 чел., знамя, пѣсни, недолго, боялись войскъ) и въ дер. „Конская Воля" (до 300-400 чел., знамя, пѣсни, часа полтора два, громовая рѣчь оратора отъ К., опоздавшаго на Кур. демонстрацію. Въ Куровѣ было сказано нѣсколько короткихъ рѣчей. Напоминали демонстрантамъ объ ихъ товарищахъ въ городахъ, выступающихъ на демонстраціи противъ солдатскихъ штыковъ и пуль. Память ихъ почтили возгласами. Чудный день! Сильное впечатлѣніе оставитъ онъ у этихъ, до сихъ поръ не видавшихъ ничего подобнаго, крестьянъ. Когда въ сосѣднихъ деревняхъ узнали о Куровской демонстраціи, крестьяне упрекали Ком., что ихъ не извѣстили о ней. „Тысячъ десять бы пришло"... Казаки прибыли лишь позднимъ вечеромъ. Арестованъ въ Ластовицахъ одинъ крестьянинъ, не захотѣвшій снять краснаго банта по приказу стражника.

Въ ночь на второе мая отправили изъ Н.-Алекс. солдатъ на войну — 1000 чел. шло. Окружили казаками. На рѣчь командира полка кричали: „Долой войну! Долой самодержавіе!" Но и только. Упадокъ настроенія послѣ неудачныхъ попытокъ...

Членъ Варшавскаго Ком. В. Р. О.

P. S. Выводъ, который напрашивается самъ собой изъ всего пережитаго: В. Р. О. не должна стоять внѣ рабочей организаціи, но должна быть тѣсно связана съ ней настолько, что ея члены должны входить въ рабочую организацію; надо всячески бороться съ стараніемъ правительства отдѣлять солдатъ отъ жизни. Задача наша связать ихъ съ жизнью. Общія собранія съ рабочими, общіе пропагандистскіе кружки. Самая тѣсная связь съ мѣстнымъ соц.-дем. движеніемъ.

Предложеніе солдатскаго возстанія исходило отъ самыхъ солдатъ, передано было Центромъ В. Р. О. Южному Комитету С.-Д. П. и Л. Южный Комитетъ обратился по этому вопросу къ Главному Правленію С.-Д. П. за совѣтомъ, какъ отнестись къ этому предложенію. Главное Правленіе высказалось *противъ* самой идеи заговорщицкаго возстанія, указывало на авантюристичность такого предпріятія: но было вынуждено согласиться на него, послѣ заявленія Центра В. Р. О. въ Н.-Александріи, что возстаніе все же вспыхнетъ, такъ какъ настроеніе солдатъ слишкомъ напряженно.

Тогда Южный Комитетъ взялся руководить солдатскимъ движеніемъ.

Въ защиту этой неудавшейся, по моему убѣжденію — лишь по неправильной, слишкомъ заговорщицкой организаціи дѣла,— попытки, скажу лишь, что она не являлась чѣмъ-то въ родѣ гр. бомбъ; нѣтъ, тутъ мы имѣли въ лицо революцію, тутъ крестьянская масса глухо волновалась, казалось, черезъ край наполнившись жаждой борьбы и эта попытка д. б. стать прологомъ открытаго возстанія широкихъ массъ, *должна* была стать. Надо было видѣть этихъ людей, этихъ дѣтей, женщинъ, стариковъ, не только молодежь, воспламененныхъ, приподнятыхъ живою страстью борьбы, живой вѣрой въ побѣду. Надо было видѣть засѣданія солдатскаго, почти сплошь *русскаго* по составу, Центра съ Центромъ агитаторовъ крестьянъ — поляковъ. Братъ понималъ брата, рабочій протягивалъ руку рабочему, живой символъ солидарности пролетаріата всѣхъ странъ... Надо было бы видѣть все это, чтобы понять насъ очевидцевъ, участниковъ „неудачной" попытки возстанія, чтобы понять нашу вѣру въ успѣхъ ея. Подчеркиваю эту незаціоналистичность польскаго рабочаго (батрака), которая такъ ярко проявилась, между прочимъ, и въ Н.-Александріи.

Подробности рѣзни 1-го мая (18 апрѣля) въ Варшавѣ. (Изъ письма рабочаго, участника демонстраціи). Въ минуту, когда безоружная толпа отступила къ ул. Желѣзной, войско осыпало ее градомъ пуль. Стрѣляли безъ команды, одиночно. Трупы и раненые падали, загораживая дорогу бѣгущимъ. Паника все росла. Казаки давятъ лежащихъ, саблями рубятъ старцевъ, женщинъ, дѣтей и раненыхъ пулями. Одному рабочему отрубили половину лица, у какой то женщины все лицо разрублено. Часть демонстрантовъ, скрывшаяся въ ближайшихъ воротахъ, чтобы избѣжать смерти отъ пуль, пала жертвой разсвирѣпѣвшей солдатчины. Лежащихъ въ воротахъ разстрѣливали, кололи штыками, рубили саблями. Крики бѣгущихъ, стоны раненыхъ, предсмертныя конвульсіи умирающихъ, гулъ выстрѣловъ, свистъ пуль наполняли воздухъ. Нѣкоторые бѣжали черезъ заборъ — стрѣляли за ними въ заборъ, который пробивали пули, стрѣляли также черезъ деревянныя стѣны въ дома. Солдаты выломали оконныя рамы, черезъ выломанное окно застрѣлили лежащаго въ кровати больного еврея. убили дочь сторожа въ квартирѣ. Въ конторѣ склада извести, помѣщающейся подъ № 101 въ Іерусалимскихъ Аллеяхъ, занята была писаніемъ отчетовъ бухгалтерша. Солдатъ безъ всякаго повода выстрѣлилъ и положилъ ее мертвой на мѣстѣ. Одинъ дотащился до лечебницы. Швейцаръ заперъ передъ нимъ двери, отказавъ молящему во всякой помощи; подошли солдаты и добили стонущаго прикладами.

Всѣ раненые и убитые были подстрѣлены съ тылу. Такого гнуснаго насилія надъ безоружной толпой не помнитъ свѣтъ. Ружейная пальба продолжалась 15 минутъ. Цѣлили въ одиночныхъ людей. Патруль, стоявшій на углу Желѣзной и Іерусалимскихъ Аллей, стрѣляли по убѣгающимъ въ Желѣзную улицу.

Лужа крови, продырявленный пулями заборъ, куски стѣнъ отбитые пулями, ворота, заваленныя тѣлами раненыхъ и убитыхъ. Вотъ картина таковой побѣды варваровъ 20 вѣка надъ безоружной толпой. Кареты скорой помощи перевозятъ раненыхъ и убитыхъ къ лѣчебницѣ. Тяжело раненые умираютъ при операціяхъ; родные, знакомые, жены, матери, отцы и дѣти плачутъ, безумно ломаютъ руки надъ трупами своихъ близкихъ. Толпа людская тѣснится на мѣстѣ рѣзни, мысли возбуждены, глаза горятъ жаждой мести. Вѣсти быстро расходятся по городу, и повсюду разносятся крики „прочь правительство тирана!" изъ „Czerw. Standar".

Лодзь. Петербургскія событія 9-го января немедленно отразились и здѣсь: всѣ фабрики и заводы сразу остановились. Забастовка продолжалась около двухъ недѣль и сопровождалась нѣсколькими десятками убитыхъ и около двухъ сотенъ раненыхъ. Послѣ общей забастовки дѣла все еще не могутъ наладиться въ желательномъ правительству и капиталистамъ направленіи: то та, то другая фабрика останавливается, тамъ опять идутъ работы, потомъ опять остановка и т. д. Кромѣ фабричныхъ рабочихъ, бастовали отдѣльныя группы трудящагося пролетаріата: приказчики, прачки, мясники, пекари, портные.. Такъ дѣло шло до 1-го мая. День этотъ останется надолго памятенъ въ исторіи Лодзи: всѣ промышленныя заведенія, торговли, трамваи, мелкія мастерскія остановились, нѣкоторые по доброй волѣ, другіе — подчиняясь требованію различныхъ организацій. Въ разныхъ концахъ города устроены были грандіозныя манифестаціи. Полиція и небольшіе патрули въ такихъ случаяхъ благоразумно пряталось, — только болѣе значительные отряды войскъ разгуливали съ барабаннымъ боемъ и пѣснями по городу. Солдаты и полиція, чувствуя тогда силу, позволили себѣ всякія безчинства, при чемъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, доставалось не бойцамъ за свободу, а мирнымъ буржуа, глазѣвшимъ на событія дня. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ офицеръ драгунскаго полка, присланнаго къ намъ изъ Влоцлавска (всего было въ Лодзи въ этотъ день пять пѣхотныхъ полковъ, два эскадрона драгунъ и пять сотенъ казаковъ). въ 10-ть часовъ утра офицеръ этотъ (фамиліи его, къ сожалѣнію, не удалось установить), направился кругомъ предмѣстья Видзевъ въ городъ, построилъ солдатъ въ 4 ряда, при чемъ два ряда ѣхали по тротуарамъ, сталкивая мирную публику на мостовую подъ удары драгунскихъ нагаекъ и сабель (А теперь и драгунъ вооружили нагайками во славу самодержавія!). Днемъ ходили, вопреки своему обыкновенію, поражали всѣхъ своимъ „приличіемъ", но зато вечеромъ у этихъ любимыхъ царскихъ слугъ аппетиты разыгрались: съ гикомъ и свистомъ носились они по главнымъ улицамъ города, избивая всѣхъ безъ разбора. Результатомъ этого явилось столкновеніе съ народомъ на Торговой улицѣ и Входней: шесть труповъ (одинъ мальчикъ девяти лѣтъ, старикъ шестидесяти одного года, барышня 18-ти лѣтъ, двѣ мирныя женщины — одна торговка, другая жена зажиточнаго буржуа, — и молодой человѣкъ) и 30 — 40 человѣкъ раненныхъ явились трофеями этихъ неустрашимыхъ слугъ царизма. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ весьма значительныхъ явленій: на Входней улицѣ большая часть солдатъ не стрѣляла; на Глувной патруль не послушался своего предводителя городового и при видѣ манифестаціи вошелъ въ ворота ближайшаго дома. Объясняю я эти явленія, какъ результатъ воззваній, разосланныхъ во всѣ части здѣшняго гарнизона партіей С.-Д. Польши и Литвы „Къ братьямъ солдатамъ". Нельзя также замолчать распоряженія военнаго начальства, сдѣлавшаго распоряженіе распечатывать всѣ солдатскія письма, такъ какъ „были случаи присылки противоправительственныхъ подпольныхъ листковъ". 2-го мая все прошло сравнительно спокойно. 3-го мая совершенно неожиданно разыгралась драма у костела. Партія націоналистовъ, желая сдѣлать хоть что нибудь, вздумала пропѣть въ костелѣ Св. Креста нѣсколько патріотическихъ пѣсенъ „Боже, цось Польска", и проч.) Только что раздалось пѣніе, какъ появились войска — пѣхота и казаки. Дали въ толпу три залпа (опять многіе стрѣляли вверхъ: повреждены крыша и колокольня костела) и ранили пять человѣкъ по оффиціальнымъ даннымъ) тяжело и многихъ легко. Характерны нападенія полицейскихъ на офицеровъ войска не стрѣляли, когда на насъ напала толпа (тогда какъ установлено, что лишь послѣ перваго залпа раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, ранившихъ легко двухъ сѣдоковъ), стрѣляли лишь сѣдоки, пѣхотные солдаты не дѣйствовали совсѣмъ: установлено, что многіе потерпѣли отъ ударовъ прикладами, а одинъ былъ проколотъ въ грудь штыкомъ, отъ чего и умеръ на слѣдующій день. N. Д. (націоналисты) теперь стараются убѣдить всѣхъ, что это-де соціалисты виноваты во всемъ, — это де они устроили манифестацію и тѣмъ осквернили святыню. Въ костелѣ теперь раздаются ежедневно съ амвона громы и молніи противъ соціалистовъ, при чемъ иниціатива этихъ проповѣдей принадлежитъ варшавскому архіепископу Попелю. Слѣдующіе дни у костела толпились тысячи народа, разсматривали слѣды пуль; многія матери приводятъ своихъ дѣтей, чтобы показать, что дѣлаютъ „москали". Эти же дни ознаменованы были избіеніями шпіоновъ (сильно избиты Юликъ, Каминскій, убитъ Мацишекъ) и покушеніями на убійство полицейскихъ (околоточнаго Понятовскаго, напр.) Тѣмъ не менѣе шпіонство пустило глубокіе корни въ Лодзи, благодаря этой системѣ царизма, арестованы у Левинзовскаго двѣ бомбы и нѣсколько револьверовъ; арестовано человѣкъ 80 рабочихъ, при чемъ у большинства находятъ оружіе (у слѣдователей сейчасъ образовались цѣлые арсеналы револьверовъ). Изъ шпіоновъ отмѣчено указаніе нѣкоего Таллюса, принадлежавшаго прежде къ партіи П. П. С. и „засыпавшаго" въ руки полиціи нѣсколько человѣкъ товарищей, а теперь перешедшаго въ партію Соц.-Демократіи Польши и Литвы. Теперь нѣсколько словъ о нашихъ партіяхъ. Самой лучшей организаціей является партія еврейскаго „Бунда" съ своей боевой „дружиной": у нея имѣется и касса, и вооруженные кружки, и постоянные ораторы. Работаетъ эта партія во всю: тысячи листковъ на жаргонѣ, польскомъ нѣмецкомъ, русскомъ языкахъ; самыя большія и частыя манифестаціи и т. д. Партія С.-Д. П. и Л. занимаетъ второе мѣсто. Масса листковъ, постоянный журналъ („Червонный штандаръ") распространяются въ тысячахъ среди рабочаго населенія. Она же выгодно отличается отъ группы и организацій и полнѣйшимъ отсутствіемъ компромиссовъ, на которые такъ склонна организація П. П. С. Недостатокъ партіи — отсутствіе боевыхъ средствъ и кассы. Партія П. П. С. послѣ январскихъ событій вообще совершенно оскандалилась: она всѣми мѣрами хотѣла, чтобы польскій пролетаріатъ дѣйствовалъ особнякомъ, при чемъ положительно трогательно было наблюдать, какъ партія эта шла рука объ руку съ партіей N. Д. въ различныхъ вопросахъ (напр., въ компромиссахъ по части удовлетворенія требованій рабочихъ экономическаго характера или сейчасъ по части удерживанія рабочаго люда отъ забастовокъ, которыхъ здѣсь и такъ много). Къ счастію, рабочій людъ понялъ, гдѣ правда и, къ великому конфузу П. П. С., зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, готовитъ каждую минуту поддержать своихъ русскихъ братьевъ. Внѣшній видъ Лодзи сейчасъ представляетъ оригинальную картину: на улицахъ всегда толпы народа (забастовки отдѣльныхъ группъ продолжаются), разъѣзжаютъ казаки, расхаживаютъ съ пѣснями солдаты, городовые на улицахъ охраняются солдатами (3—4 человѣка возлѣ каждаго городового), полиціймейстеръ окружилъ себя шпіонами и городовыми и боится носъ высунуть на улицу, то же дѣлаютъ и „высшіе" чины полиціи. Недостатки освободительной работы — отсутствіе плана и системы забастовокъ, отсутствіе денежныхъ средствъ, отсутствіе оружія.

Ченстохово. 30 апрѣля. Въ ночь съ 28 на 29 около 12 часовъ на семейные дома рабочихъ въ посадѣ „Рахувъ" (въ 3-хъ верстахъ отъ Ченстохова) обрушилась свора жандармовъ и войска. Начались обыски. Фабрику со всѣхъ сторонъ окружили войскомъ, чтобъ не пропускать работающую тамъ ночную смѣну въ посадъ. Но около 3-хъ часовъ одному рабочему удалось черезъ заборъ пробраться на заводъ. Тамъ онъ оповѣстилъ рабочихъ о происходящемъ. Часть послѣднихъ бросилась тогда къ воротамъ, но остановлена была ротой солдатъ. Потушили электричество, освѣщающее какъ фабрику, такъ и рабочіе дома. На солдатъ напала паника. Всѣ рабочіе пробились къ своимъ домамъ. Двухъ арестованныхъ отбили. У солдатъ при этомъ отобрали три винтовки 9 людей все таки удалось полиціи захватить, въ томъ числѣ двухъ, работающихъ въ „Ченстоховцѣ".

Рабочіе изъ Рахова потребовали черезъ директора Макомаскаго освобожденія арестованныхъ. Если не исполнятъ ихъ требованіе, они съ 7½ утра объявляютъ стачку. Отвѣта не было, и они двинулись въ городъ, чтобы собственной силой освободить арестованныхъ. Шли съ пѣніемъ „Краснаго знамени" и „Варшавянки". По дорогѣ къ нимъ присоединялись рабочіе окрестныхъ фабрикъ, вездѣ бросая работу. Около 11 часовъ отрядъ войска (1 эскад. кавал., 2 роты пѣхоты и полиція) пересѣкъ имъ путь. Почти полтора часа въ 20—30 шагахъ одна отъ другой стояли 2 силы, не пытаясь наступать. Между тѣмъ въ окрестности вездѣ останавливались фабрики, рабочіе присоединялись къ толпѣ. Три раза приглашали ее разойтись, три раза давали сигналъ. Войска стояли съ оружіемъ на готовѣ. Но толпа еще ближе подошла къ войску съ криками: „Не отступимъ!" Около часа кавалеріи данъ приказъ разогнать толпу. Драгуны ринулись. Началась рѣзня. Но не всѣ даже обнажили шашки. Не хотѣли быть братоубійцами. Въ отвѣтъ на натискъ драгуновъ полетѣли камни. Нѣсколько солдатъ ранено. Драгуны бѣжали, оставивъ 2 винтовки и 3 сабли (изъ нихъ 1 винтовка и 1 сабля остались у насъ въ рукахъ, другіе затерялись). Толпа скрылась за ворота, бросая оттуда камни. Кавалерія еще разъ напала и вновь была отбита. Рабочіе преслѣдовали ее. Тогда настала очередь пѣхоты. Грянуло 3 залпа. Толпа бѣжала. Стрѣляли также городовые. Но большая часть солдатъ стрѣляла въ воздухъ или въ землю. Нѣсколько сотъ выстрѣловъ, и 2 убито, тяжело ранено двое: 13 лѣтній мальчикъ и женщина. Легко раненыхъ (все больше саблями) — 20. Убита также маленькая дѣвочка и раненъ мальчикъ за полверсты отъ мѣста стычки. Почти всѣ раненые и убитые пали отъ *револьверныхъ пуль*. Городовые свирѣпствовали... Господствуетъ страшное возбужденіе. Женщины бѣжали по домамъ, „Впередъ, всѣ впередъ!". Послѣ выстрѣловъ заговоримъ!" „Жертвы должны быть! Не побоимся ихъ!". При извѣстіи о происшедшемъ остановились фабрики одна за другой. Рабочіе заявили, что такъ возбуждены, что не могутъ дальше работать (изъ „Czerw. Standar").

Агитація передъ 1-мъ мая въ Польшѣ. Главное правленіе партіи распространило во 2-й половинѣ апрѣля: 1) брошюру „Рабочій праздникъ 1-го мая"; 2) особое изд. „На 1-е мая 1905 г.; 3) прокламацію „Къ дню 1-го мая"; 4) нѣмецкая прокламація „На 1-е мая". Изъ иныхъ изданій распространены: „Съ поля битвы" № 7, „Красное знамя" №№ 24 и 25, брошюра: „Революціонный взрывъ въ царствѣ", предисловіе къ 25 № „Краснаго знамени"— „Что дальше", „Открытое письмо" А. Бебеля къ нѣмецкимъ рабочимъ и работницамъ королевства Польскаго и Литвы (переп. изъ 25 № „Краснаго знамени"); прокламаціи главнаго правленія: „Подъ давленіемъ петли и пули" и „Къ молодежи ко дню 1-го мая". Майская прокламація Правленія, печатанная въ краѣ, была распространена въ 74 тыс. экз. Была она распространена въ важнѣйшихъ пунктахъ нашей работы, какъ Варшава съ окрестностями, округъ Ловскій, округъ Ченстоховскій, Горныя Домбровы, Люблинскій, Бѣлостокъ и округъ его, дошла до самихъ глухихъ угловъ края, распространились: въ Сѣдлецѣ, Кѣльцахъ, Петроковѣ, Ловичѣ, Александровѣ, Влацловскѣ, уѣздѣ Гаенскомъ, въ Плоцкѣ и т. д. (изъ „Czerw. Standar").

Двинскъ. Недѣли двѣ тому назадъ у насъ должно было состояться общее собраніе всѣхъ нашихъ организованныхъ рабочихъ. Собралось болѣе 800 чел., но пришлось разойтись по нѣкоторымъ причинамъ. Мы созвали собраніе на завтра еще разъ и явилось чел. 400—500.

Первое мая 18 апрѣля мы не праздновали, такъ какъ не имѣло смысла, въ виду того, что русскіе рабочіе, все равно, праздновали пасху. Мы перенесли праздникъ на понедѣльникъ 2 мая. Предложили „Бунду" присоединиться, но онъ отказался и повелъ съ своей стороны агитацію противъ празднованія. Благодаря этому, не удалось сдѣлать забастовку всеобщей. Бастовали: Риго-Орловскія мастерскія (тамъ 1400 чел.), всѣ кожевенные заводы (800—900 ч.), спичечная фабр. Закса, фабрика гнутой мебели, Петербургско-Варшавское депо, арсеналъ, обмундировальная мастерская, бараночныя Митрофанова, Шварцъ, Штейнъ, Рафаловичъ, лѣсопильные заводы типографіи и т. д.

Не удалось снять только фабрику Натансона и то потому, что ее окружили полиціей, да и бундовцы запретили своимъ рабочимъ бросать работу.

Не бастовали также ремесленники, т. е. Бундъ.

Въ общемъ, забастовка если не была всеобщей, то, во всякомъ случаѣ, очень внушительной.

Митава. Рабочее движеніе въ Митавѣ раньше всего, конечно, возникло среди латышскаго пролетаріата, составляющаго тутъ почти единственный революціонный элементъ. До лѣта прошдем.! Паника поднялась страшная. Со всѣхъ сторонъ забили барабаны тревогу, засвистали часовые. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать. Масса металась. Ц. не могъ руководить, самъ растерялся. Кто-то крикнулъ: „отступать! казаки"! и Ц. члены бѣжали изъ казармы. Выстрѣлы гремѣли сзади. Никѣмъ не преслѣдуемые, бѣжали товарищи. Варшавскій товарищъ выбѣжалъ изъ казармъ, остановился искать брошенный однимъ изъ товарищей въ паникѣ. револьверъ Товарищи его скоро скрылись. Онъ легъ въ канаву, дрожа отъ злости,: почему они бѣжали? вѣдь никто не пытался ихъ задерживать! почему они не слушали его, не били въ набатъ, не шли впередъ? почему опять неудача?... Изъ темноты на дорогу выплыло шесть тѣней. Казаки! Тов. прилегъ безшумно къ землѣ. Они постояли и поѣхали назадъ... Послѣ выяснилось, что тревога была дана дежурнымъ фельдфебелемъ, что ни одинъ офицеръ не посмѣлъ выйти на насъ; всѣ, дрожа отъ страха, прятались по домамъ, такъ что въ дѣйствительности Центръ бѣжалъ отъ своей побѣды; паника начальства была такова, что горсть смѣлыхъ людей могла безпрепятственно дѣлать все, что ей было угодно. Казаки не рѣшились двинуться дальше окраины казармъ. Они стрѣляли: тремя пулями убитъ товарищъ-солдатъ Буробинъ. Двѣ лошади, одинъ казакъ, одинъ фельдфебель ранены (подробности еще не всѣ выяснены. О доблестномъ товарищѣ Б. дадимъ дополнительныя свѣдѣнія). 15 человѣкъ бѣжало, унося десять винтовокъ. Крестьяне были извѣщены Комитетомъ о происходящемъ лишь въ началѣ перестрѣлки въ казармахъ.. Возбужденіе ихъ было страшное...

Разбитые физически, потрясенные, мы должны были скрыться на время. Начались въ городѣ обыски Среди солдатъ арестовано нѣсколько человѣкъ. Тульскій полкъ, считающійся начальствомъ понадежнѣе, сталъ на охранѣ казармъ и Бѣлевскаго полка. Повальный обыскъ въ Казимержѣ. Никакихъ результатовъ. Изъ Комитета никто не былъ взятъ.

Настало первое мая. Настроеніе крестьянъ было крайне напряженнымъ. Среди нихъ раньше были распространены майскіе листки С. Д. Ц. П. и Л. Въ ночь на первое въ деревнѣ Казимержѣ надъ нѣсколькими домами взвились красные флаги, въ деревнѣ Конской Волѣ надъ однимъ домомъ поднята повстанческая коса съ краснымъ знаменемъ. Надписи: „Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ соц.-дем.!" Въ 11 часовъ утра перваго мая началась устроенная К. демонстрація въ деревнѣ Ластовницахъ, примыкающей къ Н.-А. до 100 участниковъ. Тов. женщина несла красное знамя съ надписями: „Вольности и хлѣба! Да здравствуетъ соц.-дем.!" Пѣли „Красное знамя". Нѣсколько разъ произносились краткія рѣчи. Пѣніе прерывалось возгласами: „Да здравствуетъ первое мая! Да здравствуетъ рабочее дѣло! [illegible] рабочій! Да здравствуетъ соціализмъ! Да здравствуетъ с.-д.! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!" „Вольности и хлѣба мы хотимъ!" дружно подхватывались эти крики толпой. Шпики прятались. Ни одного стражника. Въ одной рѣчи заклеймили мѣстнаго ксендза, какъ шпика (Ксендзъ говорилъ прихожанамъ, что „эти соціалисты — мерзавцы, грабители, лодыри". Рѣчь была сказана предъ домомъ на смерть перепугавшагося добровольца. Всѣ празднично одѣты, красные галстуки, петлички. Старики снимали шапки предъ знаменемъ. Нѣсколько женщинъ шли съ нами. Два часа продолжалась демонстрація. Никто не вышелъ въ поле въ этотъ день работать. Не работали во всей округѣ. Кто же пытался былъ силой возвращаемъ въ деревни.

Изъ Ластовицъ мы поѣхали въ деревню Куровъ, довольно большое село, много евреевъ. Не доѣзжая его, увидѣли въ лѣсу высоко развивающееся красное знамя. Куровская организація сама взяла на себя иниціативу демонстраціи. Подъ ея знаменемъ сгруппировалось въ лѣсу человѣкъ около 80 (была одна женщина и нѣсколько евреевъ). Толпой отправились въ село. Подходя къ нему, запѣли „Красное знамя". На площади села ждала большая толпа народа. Остановились. Произнесли обычные возгласы. Толпа пошла за нами. Картина была грандіозна. Громадный хоръ. Со всѣхъ сторонъ сочувственное „виватъ!" До 2000 народа. Нѣсколько рѣчей. Прошли все село и направились къ помѣщичьимъ усадьбамъ по необставленной домами дорогѣ. Вошли въ роскошный садъ помѣщиковъ, прошли его. Предъ домомъ своимъ сидѣлъ помѣщикъ — старикъ, съ женой. Остановились. „Вольности и хлѣба мы хотимъ", послышались возгласы. „Да здравствуетъ рабочее дѣло! Да здравствуетъ соц.-дем.!" Помѣщикъ растерялся, махалъ шляпой и что-то бормоталъ. „Не топчите травы", попросилъ онъ потомъ. „Прочь буржуевъ! Прочь капиталистовъ! Прочь господъ!" отвѣчали ему. Предъ домомъ управляющаго имѣніемъ остановились. Вызвали его. Одинъ изъ товарищей обратился къ нему: „Почему заставляете рабочихъ работать въ ихъ праздникъ?!" „Это не я", растерянно, пугливо бормоталъ онъ. Кто-то изъ толпы гнѣвно крикнулъ: „Почему обращаешься такъ по скотски съ рабочими! Смотри!" Управляющій кланялся. „Прочь капиталистовъ!" грянулъ кличъ. Управляющій растерялся, и самъ поддержалъ кличъ рабочихъ махая шляпой. Войдя обратно въ паркъ, разошлись въ разныя стороны. Демонстрація продолжалась часа три. Въ этотъ же день была демонстрація с.-д. въ дер. Казимержѣ 100 чел. знамя пѣсни, недолго, боялись войскъ и въ дер. „Конская Воля" [illegible] 300-400 чел., знамя, пѣсни, часа полтора-два, громовая рѣчь оратора отъ К., опоздавшаго на Кур. демонстрацію. Въ Куровѣ было сказано нѣсколько короткихъ рѣчей. Напоминали демонстрантамъ объ ихъ товарищахъ въ городахъ, выступающихъ на демонстраціи противъ солдатскихъ штыковъ и пуль. Память ихъ почтили возгласами. Чудный день. Сильное впечатлѣніе оставилъ онъ у этихъ до сихъ поръ не видавшихъ ничего подобнаго, крестьянъ. Когда въ сосѣднихъ деревняхъ узнали о Куровской демонстраціи, крестьяне упрекали Ком., что ихъ не извѣстили о ней. „Тысячъ десять бы пришло!" Казаки прибыли лишь поздними вечеромъ. Арестованъ въ Ластовицахъ одинъ крестьянинъ, не захотѣвшій снять краснаго банта по приказу стражника.

Въ ночь на второе мая отправили изъ Н. Алекс. солдатъ на войну — 1000 чел. шло. Окружили казаками. На рѣчи командира полка кричали: „Долой войну! Долой самодержавіе!" И только. Упадокъ настроенія послѣ неудачныхъ попытокъ.

Членъ Варшавскаго Ком. В. [illegible]

P. S. Выводъ, который напрашивается самъ собой изъ всего пережитаго: В. Р. О. не должна слиться съ рабочей организаціей, но должна быть тѣсно связана съ ней настолько, что ея члены должны входить въ рабочую организацію, надо энергически бороться съ стараніемъ правительства отдѣлить солдатъ отъ жизни. Задача наша связать ихъ съ жизнью. Общія собранія съ рабочими, общіе пропагандистскіе кружки. Самая тѣсная связь съ мѣстнымъ соц.-дем. движеніемъ.

Предложеніе солдатскаго возстанія исходило отъ самыхъ солдатъ, передано было Центромъ В. Р. О. Южному Комитету С.-Д. П. и Л. Южный Комитетъ обратился по этому вопросу къ Главному Правленію С.-Д. П. за совѣтомъ, какъ отнестись къ этому предложенію. Главное Правленіе высказалось *противъ* самой идеи заговорщицкаго возстанія, указывало на авантюристичность такого предпріятія, но было вынуждено согласиться на него, послѣ заявленія Центра В. Р. О. въ Н. Александріи, что возстаніе все же вспыхнетъ, такъ какъ настроеніе солдатъ слишкомъ напряженно.

Тогда Южный Комитетъ взялся руководить солдатскимъ движеніемъ.

Въ защиту этой неудавшейся, по моему убѣжденію — лишь по неправильной, слишкомъ заговорщицкой организаціи дѣла, попытки, скажу лишь, что она не являлась чѣмъ-то въ родѣ бр. бомбъ; нѣтъ, тутъ мы имѣли на лицо революцію, тутъ крестьянская масса глухо волновалась, казалось, черезъ край наполнившись жаждой борьбы и эта попытка д. б. стать прологомъ открытаго возстанія широкихъ массъ, *должна* была стать. Надо было видѣть этихъ людей, этихъ дѣтей, женщинъ, стариковъ, не только молодежь, воспламененныхъ, приподнятыхъ живою страстью борьбы, живой вѣрой въ побѣду. Надо было видѣть засѣданія солдатскаго, почти сплошь *русскаго* по составу, Центра съ Центромъ агитаторовъ крестьянъ — поляковъ. Братъ понималъ брата, рабочій протягивалъ руку рабочему, живой символъ солидарности пролетаріата всѣхъ странъ... Надо было бы видѣть все это, чтобы понять насъ очевидцевъ, участниковъ „неудачной" попытки возстанія, чтобы понять нашу вѣру въ успѣхъ ея. Подчеркиваю эту ненаціоналистичность польскаго рабочаго (батрака), которая такъ ярко проявилась, между прочимъ, и въ Н. Александріи.

Подробности рѣзни 1-го мая (18 апрѣля) въ Варшавѣ (Изъ письма рабочаго, участника демонстраціи). Въ минуту, когда безоружная толпа отступила къ ул. Желѣзной, войско осыпало ее градомъ пуль. Стрѣляли безъ команды, одиночно. Трупы и раненые падали, загораживая дорогу бѣгущимъ. Паника все росла. Казаки давятъ лежащихъ, саблями рубятъ старцевъ, женщинъ, дѣтей и раненыхъ пулями. Одному рабочему отрубили половину лица, у какой то женщины все лицо разрублено. Часть демонстрантовъ, скрывшаяся въ ближайшихъ воротахъ, чтобы избѣжать смерти отъ пуль, пала жертвой разсвирѣпѣвшей солдатчины. Лежащихъ въ воротахъ разстрѣливали, кололи штыками, рубили саблями. Крики бѣгущихъ, стоны раненыхъ, предсмертныя конвульсіи умирающихъ, гулъ выстрѣловъ, свистъ пуль наполняли воздухъ. Нѣкоторые бѣжали черезъ заборъ — стрѣляли за ними въ заборъ, который пробивали пули, стрѣляли также черезъ деревянныя стѣны въ дома. Солдаты выломали оконныя рамы, черезъ выломанное окно застрѣлили лежащаго въ кровати больного еврея, убили дочь сторожа въ квартирѣ. Въ конторѣ склада извести, помѣщающейся подъ № 101 въ Іерусалимскихъ Аллеяхъ, занята была писаніемъ отчетовъ бухгалтерша. Солдатъ безъ всякаго повода выстрѣлилъ и положилъ ее мертвой на мѣстѣ. Одинъ дотащился до лечебницы. Швейцаръ заперъ передъ нимъ двери, отказавъ молявшему во всякой помощи; подошли солдаты и добили стонущаго прикладами.

Всѣ раненые и убитые были подстрѣлены съ тылу. Такого гнуснаго насилія надъ безоружной толпой не помнитъ свѣтъ. Ружейная пальба продолжалась 15 минутъ. Цѣлили въ одиночныхъ людей. Патруль, стоявшій на углу Желѣзной и Іерусалимскихъ Аллей, стрѣлялъ по убѣгающимъ въ Желѣзную улицу.

Лужа крови, продырявленный пулями заборъ, куски стѣнъ, отбитые пулями, ворота, заваленныя тѣлами раненыхъ и убитыхъ. Вотъ картина законной побѣды варваровъ 20 вѣка надъ безоружной толпой. Кареты скорой помощи перевозятъ раненыхъ и убитыхъ въ лѣчебницы. Тяжело раненые умираютъ при операціяхъ, родные, знакомые, жены, матери, отцы и дѣти плачутъ, безумно ломаютъ руки надъ трупами своихъ близкихъ. Толпа людская тѣснится на мѣстѣ рѣзни, мысли возбуждены, глаза горятъ жаждой мести. Вѣсти быстро расходятся по городу и повсюду разносятся крики „прочь правительство тирановъ!" (изъ „Czerw. Standar").

Лодзь. Петербургскія событія 9-го января немедленно отразились и здѣсь: всѣ фабрики и заводы сразу остановились. Забастовка продолжалась около двухъ недѣль и сопровождалась нѣсколькими десятками убитыхъ и около двухъ сотенъ раненыхъ. Послѣ общей забастовки дѣла все еще не могутъ наладиться въ желательномъ правительству и капиталистамъ направленіи: то та, то другая фабрика останавливается, тамъ опять идутъ работы, потомъ опять остановка и т. д. Кромѣ фабричныхъ рабочихъ бастовали отдѣльныя группы трудящагося пролетаріата: приказчики, рабочіе мясники, пекари, портные. Такъ дѣло шло до 1-го мая. День этотъ останется надолго памятенъ въ исторіи Лодзи: всѣ промышленныя заведенія, торговли, трамваи и всѣ мастерскія остановились, нѣкоторые по доброй волѣ, другіе — подчиняясь требованію различныхъ организацій. Въ разныхъ концахъ города устроены были грандіозныя манифестаціи. Полиція и небольшіе патрули въ такихъ случаяхъ благоразумно прятались, и только болѣе значительные отряды войскъ разгуливали съ барабаннымъ боемъ и пѣснями по городу. Солдаты и полиція, чувствуя тогда силу, позволили себѣ всякія безчинства, при чемъ, за очень небольшимъ исключеніемъ, доставалось не бойцамъ за свободу, а мирнымъ буржуа, глазѣвшимъ на событія дня. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ офицеръ драгунскаго полка, присланнаго къ намъ изъ Влоцлавска: всего было въ Лодзи въ этотъ день пять пѣхотныхъ полковъ, два эскадрона драгунъ и пять сотенъ казаковъ. Въ [illegible] часовъ утра офицеръ этотъ (фамиліи его, къ сожалѣнію, не удалось установить) направился къ улицѣ предмѣстья Видзевъ въ городѣ, построилъ солдатъ въ 4 ряда, при чемъ два ряда ѣхали по тротуарамъ, сталкивая мирную публику на мостовую подъ удары драгунскихъ нагаекъ и сабель. А теперь и драгунъ вооружили нагайками въ защиту самодержавія. Днемъ ходили вопреки своему обыкновенію, [illegible] своимъ „прилично", но зато вечеромъ у этихъ любимыхъ царскихъ слугъ аппетиты разыгрались [illegible] главнымъ улицамъ города, избивая всѣхъ безъ разбора. Результатомъ этого явилось столкновеніе съ народомъ на [illegible] и Входней: шесть труповъ (одинъ мальчикъ девяти лѣтъ, старикъ шестидесяти [illegible] года, барышня 18-ти лѣтъ, двѣ мирныя женщины — одна торговка, другая жена зажиточнаго буржуа — и молодой человѣкъ) и до 40 человѣкъ раненыхъ явились трофеями этихъ неустрашимыхъ слугъ царизма. Тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ весьма значительныхъ явленій на Входней улицѣ: большая часть солдатъ не стрѣляла [illegible] манифестаціи [illegible] ворота ближайшаго дома. [illegible] какъ результатъ воззваній, раздаваемыхъ въ послѣднее время [illegible] изданныхъ партіей С.-Д. Польши и Литвы „Къ братьямъ солдатамъ". Нельзя также не замѣтить распоряженія военнаго начальства [illegible] солдатскимъ [illegible] противоправительственныхъ [illegible] 2 [illegible] мая [illegible] [illegible] и казаки [illegible] Характерно [illegible] [illegible] умеръ на слѣдующій день [illegible] соціалисты виноваты [illegible] [illegible] манифестаціи и тѣмъ [illegible] Въ костелѣ теперь раздаются ежедневно [illegible] и молитвы противъ соціалистовъ, при чемъ иниціатива этихъ проповѣдей принадлежитъ варшавскому архіепископу. [illegible] Слѣдующіе дни у костела толпились тысячи народа, разсматривали слѣды пуль, многія матери приводятъ своихъ дѣтей, чтобы показать, что дѣлаютъ „москали". Эти же дни ознаменованы были избіеніями шпіоновъ (сильно избиты [illegible], Каминскій, убитъ Мацишекъ) и покушеніемъ на убійство полицейскихъ (околоточнаго Понятовскаго, напр.) Тѣмъ не менѣе шпіонство пустило глубокіе корни въ Лодзи, благодаря этой системѣ царизма, арестованы у Левинзовскаго двѣ бомбы и нѣсколько револьверовъ; арестовано человѣкъ 80 рабочихъ, при чемъ у большинства находятъ оружіе (у слѣдователей сейчасъ образовались цѣлые арсеналы револьверовъ). Изъ шпіоновъ отмѣчено указаніе нѣкоего Таллюса, принадлежавшаго прежде къ партіи П. П. С. и „засыпавшаго" въ руки полиціи нѣсколько человѣкъ товарищей, а теперь перешедшаго въ партію Соц.-Демократіи Польши и Литвы. Теперь нѣсколько словъ о нашихъ партіяхъ. Самой лучшей организаціей является партія еврейскаго „Бунда" съ своей боевой „дружиной": у нея имѣется и касса, и вооруженные кружки, и постоянные ораторы. Работаетъ эта партія во всю: тысячи листковъ на жаргонѣ, польскомъ нѣмецкомъ, русскомъ языкахъ; самыя большія и частыя манифестаціи и т. д. Партія С. Д. П. и Л. занимаетъ второе мѣсто. Масса листковъ, постоянный журналъ („Червонный штандаръ") распространяются въ тысячахъ среди рабочаго населенія. Она же выгодно отличается отъ группы и организацій и полнѣйшимъ отсутствіемъ компромиссовъ, на которые такъ склонна организація П. П. С. Недостатокъ партіи — отсутствіе боевыхъ средствъ и кассы. Партія П. П. С. послѣ январскихъ событій вообще совершенно оскандалилась: она всѣми мѣрами хотѣла, чтобы польскій пролетаріатъ дѣйствовалъ особнякомъ, при чемъ положительно трогательно было наблюдать, какъ партія эта шла рука объ руку съ партіей N. Д. въ различныхъ вопросахъ (напр., въ компромиссахъ по части удовлетворенія требованій рабочихъ экономическаго характера или сейчасъ по части удерживанія рабочаго люда отъ забастовокъ, которыхъ здѣсь и такъ много). Къ счастію, рабочій людъ понялъ, гдѣ правда и, къ великому конфузу П. П. С., зорко слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, готовитъ каждую минуту поддержать своихъ русскихъ братьевъ. Внѣшній видъ Лодзи сейчасъ представляетъ оригинальную картину: на улицахъ всегда толпы народа (забастовки отдѣльныхъ группъ продолжаются), разъѣзжаютъ казаки, расхаживаютъ съ пѣснями солдаты, городовые на улицахъ охраняются солдатами (3—4 человѣка возлѣ каждаго городового), полиціймейстеръ окружилъ себя шпіонами и городовыми и боится носъ высунуть на улицу, то же дѣлаютъ и „высшіе" чины полиціи. Недостатки освободительной работы — отсутствіе плана и системы забастовокъ, отсутствіе денежныхъ средствъ, отсутствіе оружія.

Ченстохово. 30 апрѣля. Въ ночь съ 28 на 29 около 12 часовъ на семейные дома рабочихъ въ посадѣ „Рахувъ" (въ 3-хъ верстахъ отъ Ченстохова) обрушилась свора жандармовъ и войска. Начались обыски. Фабрику со всѣхъ сторонъ окружили войскомъ, чтобы не пропускать работающую тамъ ночную смѣну въ посадъ. Но около 3-хъ часовъ одному рабочему удалось черезъ заборъ пробраться на заводъ. Тамъ онъ оповѣстилъ рабочихъ о происходящемъ. Часть послѣднихъ бросилась тогда къ воротамъ, но остановлена была ротой солдатъ. Потушили электричество, освѣщающее какъ фабрику, такъ и рабочіе дома. На солдатъ напала паника. Всѣ рабочіе пробились къ своимъ домамъ. Двухъ арестованныхъ отбили. У солдатъ при этомъ отобрали три винтовки. 9 людей все таки удалось полиціи захватить, въ томъ числѣ двухъ, работающихъ въ „Ченстоховцѣ".

Рабочіе изъ Рахова потребовали черезъ директора Макомацкаго освобожденія арестованныхъ. Если не исполнятъ ихъ требованіе, они съ 7½ утра объявляютъ стачку. Отвѣта не было, и они двинулись въ городъ, чтобы собственной силой освободить арестованныхъ. Шли съ пѣніемъ „Краснаго знамени" и „Варшавянки". По дорогѣ къ нимъ присоединялись рабочіе окрестныхъ фабрикъ, вездѣ бросая работу. Около 11 часовъ отрядъ войска 1 эскад. кавал. 2 роты пѣхоты и полиція пересѣкъ имъ путь. Почти полтора часа въ 20—30 шагахъ одна отъ другой стояли 2 силы, не пытаясь наступать. Между тѣмъ въ окрестности вездѣ останавливались фабрики, рабочіе присоединялись къ толпѣ. Три раза приглашали ее разойтись, три раза давали сигналъ. Войска стояли съ оружіемъ на готовѣ. Но толпа еще ближе подошла къ войску съ окриками „Не отступимъ!" Около часа кавалеріи данъ приказъ разогнать толпу. Драгуны ринулись. Началась рѣзня. Но нашихъ даже обнажили шашки. Не хотѣли быть братоубійцами. Въ отвѣтъ на натискъ драгуновъ полетѣли камни. Нѣсколько солдатъ ранено. Драгуны бѣжали, оставивъ 2 винтовки и 3 сабли (изъ нихъ 1 винтовка и 1 сабля остались у насъ въ рукахъ, другие затерялись). Толпа скрылась за ворота, бросая оттуда камни. Кавалерія еще разъ напала и вновь была отбита. Рабочіе преслѣдовали ее. Тогда настала очередь пѣхоты. Грянуло 3 залпа. Толпа бѣжала. Стрѣляли также городовые. Но большая часть солдатъ стрѣляла въ воздухъ или въ землю. Нѣсколько сотъ выстрѣловъ и 2 убитыхъ, тяжело ранено двое: 13-лѣтній мальчикъ и женщина. Легко раненыхъ все больше, вѣроятно [illegible] 20. Убита также маленькая дѣвочка и раненъ мальчикъ за полверсты отъ мѣста стычки. Почти всѣ раненые и убитые пали отъ *револьверныхъ пуль*. Городовые свирѣпствовали. [illegible] господствуетъ страшное возбужденіе. Женщины бѣжали по домамъ. „Впередъ, всѣ впередъ!" Послѣ выстрѣловъ заговорили: „Жертвы должны быть. Не побоимся ихъ!". При извѣстіи о происшедшемъ остановились фабрики одна за другой. Рабочіе заявили, что такъ возбуждены, что не могутъ дальше работать (изъ „Czerw. Standar").

Агитація передъ 1-мъ мая въ Польшѣ. Главное правленіе партіи распространило во 2-й половинѣ апрѣля: 1) брошюру „Рабочій праздникъ 1-го мая", 2) особое изд. „На 1-е мая 1905 г.; 3) прокламацію „Къ дню 1-го мая", 4) нѣмецкая прокламація „На 1-е мая". Изъ иныхъ изданій распространены „Съ поля битвы" № [illegible], „Красное знамя" №№ 24 и 25, брошюра „Революціонный взрывъ въ царствѣ" (передовая изъ 25 № „Краснаго знамени" — „Что дальше", „Открытое письмо" А. Бебеля къ нѣмецкимъ рабочимъ и работницамъ королевства Польскаго и Литвы (переп. изъ 25 № „Краснаго знамени"), прокламаціи главнаго правленія: „Подъ давленіемъ петли и пули" и „Къ молодежи ко дню 1-го мая". Майская прокламація Правленія, печатанная въ краѣ, была распространена въ 74 тыс. экз. Была она распространена во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ нашей работы, какъ Варшава съ окрестностями, округъ [illegible], округъ Ченстоховскій, Горная [illegible], [illegible] и округъ его, дошла до самихъ глухихъ угловъ края, распространялись въ Сѣдлецѣ, [illegible], Александровѣ, Влацловскѣ, [illegible] („Czerw. Standar").

Двинскъ. [illegible] у насъ должно было [illegible] организованныхъ рабочихъ [illegible], но пришлось разойтись по [illegible]. Мы созвали собраніе на завтра еще [illegible].

[illegible] мы не праздновали, такъ какъ не [illegible], что русскіе рабочіе, все равно, [illegible] на понедѣльникъ [illegible] мая. [illegible] „Бунду" [illegible], но онъ отказался [illegible] противъ празднованія [illegible] забастовку всеобщей [illegible] тамъ 1400 чел.), [illegible] заводы [illegible] фабр. Закса, фабрика гнутой мебели, Петербургско-Варшавское депо, арсеналъ, [illegible] мастерскія, [illegible] Митрофанова, [illegible] заводы, типографіи и т. д.

Не удалось [illegible] только фабрику Натансона и то потому, что [illegible] запретили своимъ рабочимъ бросать работу.

Не бастовали также ремесленники, т. е. Бундъ.

Въ общемъ, забастовка если не была всеобщей, то, во всякомъ случаѣ, очень внушительной.

Митава. Рабочее движеніе въ Митавѣ раньше всего, конечно, возникло среди латышскаго пролетаріата, составляющаго тутъ почти единственный революціонный элементъ. До лѣта прошлаго года тутъ работала латышская группа „Kurseme“: но послѣ объединенія латышской партіи образовался комитетъ этой партіи. Движеніе было довольно слабое до января нынѣшняго года, когда общій подъемъ отразился и на Митавѣ всеобщей забастовкой и невиданными до тѣхъ поръ въ Митавѣ грандіозными демонстраціями, на которыхъ участвовало свыше 1000 человѣкъ.

18, 19 и 20 февраля вторично была всеобщая забастовка, сопровождавшаяся демонстраціями.

Кромѣ латышскаго движенія, въ послѣднее время возникло и движеніе среди еврейскихъ подмастерьевъ и приказчиковъ, руководимое, главнымъ образомъ, мѣстной группой Бунда, образовавшейся осенью прошлаго года. Послѣдняя, вмѣстѣ съ латышскимъ комитетомъ, въ мартѣ организовала стачку портныхъ и сапожниковъ. Кромѣ того, въ послѣднее время началась и работа среди литовскихъ рабочихъ, организующихся группой „Draugas“.

Уже съ 1903 года создалась группа, работающая подъ руководствомъ Рижскаго Комитета, но выступавшая оффиціально лишь съ января этого года подъ именемъ митавской группы Р. С.-Д. Р. П. Главная дѣятельность этой группы направлена на войско (русскихъ рабочихъ тутъ только единицы; за послѣднее время группа работаетъ также среди еврейскихъ рабочихъ.

Параллельно съ рабочимъ движеніемъ, возникло также движеніе среди учащихся, руководимое отчасти латышскимъ комит., отчасти рижскимъ ком. Партіи.

Перейдемъ къ событіямъ послѣдняго времени. Въ мартѣ во всемъ Прибалтійскомъ краѣ начались сильные аграрные безпорядки, въ которыхъ латышское крестьянство обнаружило довольно высокую степень сознательности. Въ Прибалтійскомъ краѣ была введена усиленная охрана и были произведены предмайскіе обыски и аресты; арестовано 9 человѣкъ въ Митавѣ.

На пасху были 3 отправки войскъ на Дальній Востокъ, что каждый разъ сопровождалось распространеніемъ группой въ казармахъ и на вокзалѣ листковъ рижской военно-соц. орг. и демонстраціями, въ которыхъ приняли участіе и солдаты.

Что касается празднованія перваго мая, то оно прошло очень оживленно.

Уже нѣсколько недѣль передъ этимъ самые фантастическіе слухи волновали нашихъ почтенныхъ бюргеровъ. Они, однако, не осуществились. Въ ночь съ 29 на 30-ое были перерѣзаны всѣ телефонныя и телеграфныя проволоки и подрублены столбы вокругъ Митавы. 30-го въ 12 часовъ дня запраздновали всѣ фабрики, заводы, мастерскія и лавки города. Рабочіе фабрикъ ходили толпами въ нѣсколько сотъ человѣкъ по улицамъ съ пѣніемъ и революціонными возгласами. Вестерманскія работницы подверглись нападенію казаковъ, сильно избившихъ двухъ женщинъ.

Послѣ обѣда на углу Большой и Литейной передъ казармой конвойной команды собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Развернули красныя знамена латышской, бундовской и нашей организацій и ораторъ произнесъ горячую рѣчь собравшимся передъ казармой и въ ея окнахъ солдатамъ. Посыпались листки и толпа со стройнымъ пѣніемъ двинулась по Литейной. На встрѣчу ей появился отрядъ казаковъ, проскакавшій сквозь толпу. За нимъ толпа соединилась снова и двинулась обратно по Большой, гдѣ она затѣмъ и остановилась и при развернутыхъ знаменахъ, латышскій ораторъ произнесъ рѣчь, послѣ чего толпа разсѣялась.

Привезенная вскорѣ послѣ этого якобштадт. божья матерь была встрѣчена солдатами, причемъ возвращеніе послѣднихъ въ казармы представляло интересное зрѣлище. Музыки, провожавшей ихъ, не было слышно изъ-за непрерывнаго, пронзительнаго свиста, возгласовъ и пѣнія окружавшей солдатъ толпы. Солдаты очень сочувственно относились къ толпѣ, и на возгласы „долой царя! долой войну!“, улыбались, кивая головой. Понятно, листковъ было пропасть, всѣ улицы были наводнены ими, и передъ войскомъ было развернуто красное знамя.

Но грандіозное зрѣлище представляла демонстрація 1 мая. Тысячная толпа демонстрировала на Большой улицѣ, причемъ опять взвивались красныя знамена и, какъ изъ рога изобилія, сыпались листки. Были произнесены рѣчи и тутъ же рѣшено было 2 мая не пойти на работу. Всѣ эти дни происходили многолюдныя собранія, на которыхъ говорилось о требованіяхъ 1 мая и о современномъ положеніи Россіи. Когда демонстранты, большей частью, разсѣялись, вдругъ явился отрядъ казаковъ и солдатъ, не трогавшій, однако, ни кого. Впереди этой милой процессіи шагалъ съ важнымъ видомъ приставъ Грубе, исполняющій также роль шпіона.

Казаки и солдаты успѣли уже завернуть за уголъ, какъ вдругъ показался самъ господинъ Курляндскій губернаторъ. Какъ только показалась его жалкая фигура, со всѣхъ сторонъ раздались свистки и крики: долой губератора! долой краснаго пѣтуха! Толпа изъ 30—40 подростковъ неслась за нимъ какъ за юродивымъ, крича ему въ ухо ласкательныя словечки. Зеленый отъ гнѣва, онъ, какъ бѣшенная собака, набрасывался на нихъ — но — некого не было; шли только молодые люди, чинно, по два. Тогда, выйдя изъ себя, онъ съ пѣной у рта позвалъ своего кучера и послалъ его за казаками. Тѣ моментально набросились на хохотавшую до слезъ надъ этой уморительной картинкой публику, причемъ сильно избили 15 лѣтняго мальчика и старика.

Въ ночь съ 1-го на 2-ое убиты 3 шпіона. Одинъ изъ нихъ — бывшій околоточный Ангеръ, племянникъ бывшаго директора реальнаго училища — Кульберга.

Второй — извѣстный провокаторъ — Румба.

2-го и 3-го на улицѣ было арестовано около 20 человѣкъ рабочихъ и интеллигентовъ. Аресты продолжаются, арестовываютъ на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ. Въ мѣстной тюрьмѣ сидитъ свыше 40 полит.

Группой Р. С.-Д. Р. П. за эти дни распространенно по городу, въ училищахъ, на демонстраціяхъ и въ казармахъ около 4,000 прокламацій. Изъ нихъ 1,200 экз. — Изд. Ц. К. — Первое мая; 600 латышскихъ, изд. Б. К. Б.; 600 русскихъ Первое Мая — то же изданіе, 1000 экз. Р. Военно.-соц. орг. „Въ казармѣ“ и „къ солдатамъ“. Кромѣ того распространены свыше 300 нѣмецкихъ и жаргонныхъ прокламацій — гектографированныхъ, — изданіе группы. Не смотря на такое громадное количество ни одна прокламація не попала въ руки полиціи и ощущался еще недостатокъ въ нихъ...

Ярославль 2 мая Никогда въ жизни не забуду вчерашняго дня. Много подобныхъ описаній приходится читать, какъ напр. о Курскихъ событіяхъ, но когда переживаешь лично подобные ужасы, тогда только все это становится отчетливымъ, а потому еще болѣе ужаснымъ. Въ теченіе всего вчерашняго дня казаки и войска ожидали демонстраціи, а такъ какъ ея не было, то нужно же было показать свою удаль какъ нибудь и гдѣ нибудь. Здѣшняя рабочая организація рѣшила не устраивать демонстраціи, такъ какъ силъ у насъ еще очень мало, устроили только митингъ за городомъ, который прекрасно удался. Въ это время въ городѣ семинаристы, ученики коммерческаго училища и нѣсколько студентовъ устроили прогулку по Волгѣ. Получилась слѣдующая картина: около 30 лодокъ по серединѣ рѣки, съ пѣснями Марсельезы и Варшавянки, криками „долой“ и краснымъ знаменемъ, а на берегу нѣсколько тысячъ гуляющей толпы, до которой доходило каждое слово изъ лодокъ. Послали нѣсколько казенныхъ пароходовъ, которые въѣхали на лодки и заставили повернуть къ берегу, причемъ одна лодка опрокинулась и трое мальчиковъ упало въ воду, но были вытащены. Пока все было спокойно, всѣ повернули на бульваръ и продолжали прогулку. И вдругъ случилось слѣдующее: съ быстротою молніи казаки выѣзжаютъ на бульваръ и начинаютъ бить нагайками всѣхъ, кто тамъ находился. „Черная сотня“ принимала дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Бѣжать было некуда, такъ какъ бульваръ былъ со всѣхъ сторонъ плотно окруженъ казаками; ворота домовъ и магазины поспѣшно закрывались и тѣхъ, кто хотѣлъ скрыться, моментально выталкивали обратно на улицу. Я лично какимъ то чудомъ получилъ только одинъ ударъ нагайки по плечу, такъ какъ успѣлъ скрыться въ садовую будку и оттуда убѣжать черезъ заборъ. Я не хочу описывать всѣхъ ужасовъ, которые тамъ происходили и раздирающихъ душу сценъ, такъ какъ не хочу всего этого переживать вторично. Впрочемъ, повторилось здѣсь тоже самое, что вездѣ теперь творится при подобныхъ обстоятельствахъ. Между прочимъ, одинъ студентъ ѣхалъ на велосипедѣ и, попавъ въ этотъ адъ, упалъ съ велосипеда. На него набросилось трое казаковъ и избили нагайками.

Не знаю еще, сколько жертвъ, во всякомъ случаѣ, на мѣстѣ убитыхъ не было. Паника была такая, что послѣ нѣсколькихъ часовъ можно было видѣть убѣгающихъ людей, даже въ маленькихъ переулкахъ, довольно отдаленныхъ отъ мѣста происшествія.

А сегодня никто изъ дому не выходитъ. На бульварѣ было тогда самое большее 50 учениковъ, такъ какъ не всѣ, участвовавшіе въ катаньи на лодкѣ, пошли гулять, а казаковъ было по меньшей мѣрѣ втрое больше.

Казань. 18/IV. Сегодня была маевка — около 200 человѣкъ, преимущественно учащіеся, низшаго техническаго училища, гимназіи и пр. Рабочихъ было около 50 Алафузовскихъ и около 30 городскихъ: еще боятся. Кромѣ того, все время съ утра шелъ дождь, и было очень холодно, а мѣсто въ двухъ верстахъ отъ ближайшаго жилья. Говорились соотвѣтствующія рѣчи. Предложили устроить демонстрацію въ городѣ, пройти со знаменами, но такъ какъ было слишкомъ мало народу, а затѣмъ пришлось бы идти черезъ всю слободу и узкую дамбу, съ обѣихъ сторонъ которой вода, то комитетскіе протестовали, да и раньше ими было рѣшено не дѣлать демонстраціи. Однако толпа пошла цѣликомъ по ж. д. дамбѣ къ городу безъ знаменъ и безъ пѣнія. Дорогой по слободѣ и по дамбѣ (соединяющей Адмиралтейскую слободу съ городомъ) — всего около часу пути — раздавали прохожимъ листки: мѣстный майскій и „первый шагъ“. Брали всѣ охотно, много брали запасные, которыхъ много. Только одинъ зазасный не взялъ и ругался. Въ городѣ были встрѣчены немногими казаками и полиціймейстеромъ, который предложилъ разойтись, что и было сдѣлано. Задержаны двое; почему — не выяснено. Одно изъ нихъ отпущено, а другой неизвѣстно. Всего дорогой раздали листковъ около 1000. Распространено пока около 4000 мѣстнаго майскаго листка.

Харьковъ. Какъ радостно и хорошо живется теперь здѣсь. Работа, таившаяся до сихъ поръ въ подпольяхъ, начинаетъ выбиваться наружу, размахъ ея и воспитательное значеніе ростутъ и одна только тяжелая мысль отравляетъ тѣ радостныя минуты которыя выпадаютъ намъ на долю: удержаться бы намъ до второго мая, а потомъ не жалко будетъ и жизнь отдать. Между тѣмъ, провалъ кажется неминуемъ и если онъ вырветъ всѣхъ нашихъ, быть можетъ, тогда потраченныя силы не создадутъ ко второму мая ничего. Это не значитъ, конечно, что вся развитая энергія пропадетъ, потеряется. Нѣтъ, харьковскіе рабочіе ростутъ съ каждымъ днемъ, революціонизируются, но сила и сознательность не настолько велики, чтобы они сами провели майскую кампанію, придали ей единство. Стачка второго мая, навѣрно вспыхнетъ, но если предмайская чистка вырветъ многихъ лучшихъ работниковъ, она пойдетъ въ разбродъ. Комитетъ развилъ за послѣднее время широкую организацію. Несмотря на страшныя полицейскія условія, удалось собрать 7 массовокъ, на которыхъ перебывало до 600 человѣкъ. Бывали на нашихъ массовкахъ и казаки и солдаты.

Я остановлюсь только на послѣдней массовкѣ. Она состоялась въ понедѣльникъ на кладбищѣ. Въ этотъ день поминанія усопшихъ туда собирается много народу и заводской районъ рѣшилъ использовать это.

Къ 3 часамъ начали собираться туда рабочіе. Сначала никакъ не удавалось сбиться въ кучу. Полиція и казаки разогняли всѣ „сборища“. Тогда рабочіе начали играть въ кошки и мышки. Эта невинная игра усилила бдительность церберовъ и когда былъ данъ сигналъ собраться, рабочіе сразу сбились въ толпу въ 300—350 человѣкъ. Изъ толпы поднялся нашъ ораторъ и началась на виду у полиціи и казаковъ массовка. Когда ораторъ кончилъ, крики: „Долой самодержавіе“ огласили воздухъ, затѣмъ начали пѣть и странно грозной казалась пѣснь жизни „Марсельеза“, въ этомъ царствѣ смерти. Долго еще пѣли рабочіе, но показавшійся попъ прервалъ пѣніе. Кто то вталщилъ его въ толпу и заставилъ служить панихиду по убитымъ 9 января въ Питерѣ. Дрожащимъ голосомъ, оглядываясь, то на небо, то на кладбищенскія ворота и ожидая оттуда казацкой помощи провозгласилъ попъ вѣчную память по „невинно убіеннымъ“. Дружный хоръ рабочихъ спѣлъ затѣмъ „Вѣчная память“ и „Замученъ тяжелой неволей“. Когда одинъ рабочій попросилъ попа провозгласить проклятіе и анафему убійцамъ, лице его перекосилось и онъ подобравъ рясу пустился утекать. И откуда только взялась у него такая прыть!

Здѣсь были распространены наши листки. Къ концу раздались револьверные выстрѣлы; возбужденные рабочіе расходились говоря другъ другу: до свиданія, до второго мая. Къ 6 часамъ туда во весь опоръ примчались казаки, но имъ осталось только считать могилки.

Кромѣ массовокъ, такъ сказать, нелегальныхъ здѣсь существуютъ собранія въ столовой паровозо-строительнаго завода. Каждый день туда послѣ работы стекаются сотни рабочихъ и выслушиваютъ нашихъ ораторовъ. Темы рѣчей разнообразныя: Учредительное Собраніе, отношеніе соціальдемократовъ къ крестьянству, къ либераламъ, необходимость организоваться въ самостоятельную политическую партію, погромы, война.

Во вторникъ 25 апрѣля состоялось первое собраніе послѣ пасхальнаго перерыва. Было 250 человѣкъ, Въ среду уже собралось больше 1000 человѣкъ, причемъ приходили рабочіе изъ другихъ заводовъ, работницы, жены рабочихъ съ дѣтьми. Представьте себѣ громадное зданіе, набитое сполна людьми. Въ окнахъ, на дворѣ головы рабочихъ и всѣ рвутся впередъ, всѣ желаютъ услышать свѣжее, неподдѣльное слово. Вотъ выходитъ нашъ первый ораторъ. (Одинъ нашъ ораторъ постоянно открываетъ и закрываетъ засѣданіе). Онъ привѣтствуетъ пришедшихъ женщинъ. Онъ говоритъ о роли русской женщины въ русскомъ революціонномъ движеніи, о ея забитости и приглашаетъ рабочихъ отказаться отъ старыхъ предубѣжденій, признать въ женщинѣ товарища—сестру. Затѣмъ онъ говоритъ о жертвахъ павшихъ 18 апрѣля въ Варшавѣ, въ Калишѣ и др. городахъ и собраніе принимаетъ двѣ предложенныя ему резолюціи: привѣтъ польскимъ и еврейскимъ рабочимъ и пролетаріямъ всего міра. (Обѣ эти резолюціи рѣшено послать въ соціальдемократическую газету „Искру“, я вамъ завтра или послѣзавтра вышлю). Затѣмъ товарищъ говоритъ о величіи 1 мая о лозунгахъ нашихъ и когда онъ сравниваетъ рабочее движеніе съ восходящимъ солнцемъ, шествія котораго никакія тучи остановить не могутъ, всѣ рабочіе въ горячемъ энтузіазмѣ поднимаются съ мѣстъ и клики: да здравствуетъ Россійская Соціальдемократія! да здравствуетъ международная Соціальдемократія! вырываются изъ ихъ грудей. Далѣе говоритъ одинъ соц.-дем. изъ группы „Впередъ“ (неудачный и недолюбливаемый ораторъ), а затѣмъ снова два нашихъ оратора. Одинъ изъ нихъ производитъ сильное впечатлѣніе.

Затѣмъ первый ораторъ снова произноситъ короткую рѣчь и закрываетъ собраніе „до завтра“. Выступаютъ только соціальдемократическіе ораторы. Комитетъ пользуется безраздѣльнымъ вліяніемъ и рабочіе обращаются къ намъ по всякому поводу. Всякія комиссіи приглашаютъ представителей комитета, извѣщаютъ о всѣхъ мѣропріятіяхъ

Здѣсь были по просьбѣ рабочихъ дебаты съ с.-рами. Противники наши были страшно слабы, подчасъ просто невѣжественны и намъ не трудно было не только отбить наступленіе, но и нанести имъ крупное пораженіе. Всѣ почти присутствовавшіе рабочіе (а это были самые лучшіе) присоединяются къ намъ.

Въ понедѣльникъ была сходка учащихся (70 человѣкъ) въ университетскомъ саду, на которой говорилось о формахъ протеста противъ увольненія двухъ товарищей. Полиція пришла послѣ того какъ всѣ разошлись.

Харьковъ. Рабочіе Паровозо-Строительнаго Завода въ количествѣ 850 человѣкъ приняли слѣдующую резолюцію:

Собравшись впервые послѣ 1-го мая, мы шлемъ свой братскій привѣтъ рабочимъ всего міра, мы вмѣстѣ съ ними провозглашаемъ:

Да здравствуетъ 8 ми часовый рабочій день!
Да здравствуетъ международный миръ!
Да здравствуетъ соціализмъ!

Мы заявляемъ что рука объ руку со всѣмъ международнымъ пролетаріатомъ мы будемъ бороться противъ всѣхъ видовъ гнета и эксплуатаціи до полной побѣды.

Мы просимъ Соціаль-демократическую газету „Искру“ довести до свѣдѣнія эту нашу резолюцію.

Харьковъ. Здѣсь состоялось новое собраніе въ столовой паровозо-строительнаго завода (500 чел.). Губернаторъ заявилъ, что, въ виду присутствія постороннихъ лицъ (евреевъ и присяжныхъ повѣренныхъ), онъ принужденъ будетъ закрыть столовую. Рабочіе рѣшили протестовать противъ закрытія столовой и настаивать на невмѣшательствѣ. Выступало много рабочихъ и 2 нашихъ оратора. Собраніе прошло оживленно.

Юзово. Поселокъ взволнованъ, особенно еврейское населеніе. Всѣ готовятся къ погрому, запасаются оружіемъ, устраиваютъ самооборону. Къ сожалѣнію, еврейская буржуазія здѣсь чрезвычайно труслива и предпочитаетъ вмѣсто помощи мѣстнымъ организаціямъ, даже сіонистскимъ, входить въ сдѣлки съ полиціей, подкупать ее и военныя власти деньгами, угощеніемъ и т. д. Все же покупаютъ для своей молодежи и оружіе. Мы тоже понемногу имъ запасаемся, но особыхъ средствъ на это нѣтъ. Мобилизуемъ свои силы на случай погрома. Мѣстные сіонисты и поалей-ціонъ пока отъ соглашеній съ нами почему-то уклоняются. Должно быть, они не особенно довѣряютъ русскимъ и другимъ пролетаріямъ соціальдемократамъ. Все же это не мѣшаетъ имъ писать на своихъ прокламаціяхъ „пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“!

Резолюція Юзовской Гр. Донецкаго Комитета

18 апрѣля въ Юзовѣ состоялась сходка организованныхъ рабочихъ и работницъ въ количествѣ до 100 человѣкъ. Были произнесены рѣчи о первомъ маѣ, о подготовкѣ къ всероссійскому возстанію и вооруженіи рабочихъ, о политической борьбѣ и т. п. Рѣчи заканчивались бурными и восторженными возгласами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Собраніе продолжалось около 5 часовъ. Настроеніе было торжественное. Произведенъ первый сборъ на вооруженіе. Послѣ рѣчей была принята слѣдующая резолюція:

„Въ день 1-го мая, въ 16-ую годовщину великаго пролетарскаго праздника, мы, юзовскіе рабочіе, и работницы, посылаемъ свой братскій привѣтъ пролетаріямъ всего міра! — Пусть ростутъ сплоченность и единеніе пролетарской семьи: они приведутъ насъ къ нашей завѣтной цѣли — соціализму — и освободятъ пролетаріатъ, а съ нимъ и всѣхъ угнетенныхъ отъ цѣпей рабства, безправія и насилія. Въ этотъ великій день на знаменахъ рабочихъ батальоновъ всѣхъ странъ красуются международные пролетарскіе лозунги:

„Да здравствуетъ восьми-часовой рабочій день!“
„Да здравствуетъ законодательная охрана труда!“
„Долой постоянныя арміи!“
„Да здравствуетъ народное ополченіе!“

Мы, россійскіе рабочіе, присоединяемъ къ нимъ и наши требованія, которыя диктуются намъ настоящимъ политическимъ моментомъ и которыя неразрывно связаны съ интересами пролетаріата всѣхъ странъ:

„Долой войну!“ „Долой самодержавіе! Долой царя убійцу и его опричниковъ!“ „Да здравствуетъ учредительное собраніе, выбранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ!“ „Да здравствуетъ демократическая республика!“

Мы пролили уже достаточно крови въ борьбѣ за свободу рабочаго класса, за освобожденіе всей Россіи!

Мы заявляемъ, что мы готовимся съ оружіемъ въ рукахъ вступить въ послѣднюю схватку съ самодержавіемъ и всѣми тѣми, кто будетъ стоять на пути къ осуществленію этихъ требованій.

Мы увѣрены, что пролетаріи всего міра придутъ намъ, какъ и раньше, на помощь, чтобы освободить Россію отъ гнуснаго чудовища, чтобы освободить весь міръ отъ международнаго жандарма — царскаго самодержавія!

Мы призываемъ всѣхъ тѣхъ, кому дорого освобожденіе Россіи отъ произвола и насилія, примкнуть къ намъ въ этой борьбѣ!

Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ всероссійское возстаніе! Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія! Да здравствуетъ международная Соціальдемократія!“

Юзовская Гр. Донецкаго Ком. Рос. Соц.-дем. Раб. Партіи.
19 апрѣля 1905 г.

Бахмутъ, 2 мая. Дѣла у насъ идутъ хорошо, хотя людей и литературы, по обыкновенію, не достаетъ. Функціонируютъ кружки. За послѣдніе полмѣсяца были распространены Бахмутской группой прокламаціи въ самомъ Бахмутѣ: „Ко всѣмъ гражданамъ“ 300, Первое мая 300, Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Донецкаго района 600. Бахмутской же группой были распространены листки: Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Донецкаго района, въ Краматоровкѣ 400, въ Попасной 300, въ Горловкѣ—300 и 100 „Первое мая“. Кромѣ того была 4 массовки по 100—120 человѣкъ на каждой. 1 мая никто не работалъ. Всѣ заводы и мастерскія стояли (въ обычное время по воскресеньямъ работаютъ, такъ какъ большинство рабочихъ и работницъ евреи). Подъ первое мая казаки ѣздили всю ночь по городу и его окрестностямъ, надѣясь найти сходку. Съ этой же цѣлью были обыски въ квартирахъ, но тщетно. Казаки напали на кучку обывателей, которые выѣхали встрѣчать въ степь первое мая и, думая, что они напали на сходку, жестоко всѣхъ избили и въ заключеніе арестовали. Потомъ, конечно, дѣло выяснилось; а наша сходка прошла прекрасно. Продолжалась часа три.

Въ нашемъ городѣ сейчасъ идетъ стачка шапочниковъ — 32 человѣка. Требованія часто экономическія. Думаемъ, что стачка будетъ успѣшна, такъ какъ есть матеріальныя средства и могутъ продержаться довольно долго, что очень важно. Въ окрестностяхъ на заводахъ и рудникахъ тоже стачка. На одномъ рудникѣ приняла буйный характеръ — разгромили машины и т. п. Результаты пока неизвѣстны. Въ Константиновкѣ забастовалъ самый большой заводъ. — Результаты пока неизвѣстны и, вообще, положеніе пока не выяснилось. Посланы всюду казаки. Здѣсь все населеніе находится въ страхѣ отъ ожиданія погрома. Приставъ въ одномъ частномъ разговорѣ прямо заявилъ, что если „демократы“ устроятъ демонстрацію, то полиція устроитъ погромъ. Въ Юзовкѣ полиція арестовала складъ, гдѣ было взято 15,000 листковъ о манифестѣ 18 февраля. Приложила печать на всѣ: „*отъ евреевъ*“ и распространяла. Паника была страшная. Организація немедленно выпустила антипрокламацію, въ которой объяснялась вся гнусность поступка полиціи; она заявляла, что беретъ подъ свою защиту гражданъ и объявила господамъ, которые вели антиеврейскую пропаганду (называя ихъ имена), что они будутъ отвѣтственны передъ организаціей, если что нибудь случится. Впечатлѣніе поучилось въ высшей степени благопріятное. Всѣ деньги, которыя шли раньше въ руки полиціи, теперь идутъ въ организацію. Вообще мнѣніе о „демократахъ“ совершенно измѣнилось.

Вооруженіе членовъ нашей организаціи идетъ довольно успѣшно.

Екатеринославъ. Первое мая прошло здѣсь почти спокойно. Былъ назначенъ митингъ, но явились только организованные рабочіе; при такомъ составѣ устраивать что нибудь не было ни возможности, ни смысла. Причинъ неудачи перваго мая много: техника пострадала, т. к за нѣсколько дней была взята типографія, листки были распространены лишь наканунѣ, затѣмъ о мѣстѣ извѣстить тоже не удалось, самое же главное, конечно, это то, что въ массахъ еще не созрѣло боевое настроеніе. Послѣ перваго мая у нѣкоторыхъ организованныхъ рабочихъ явился упадокъ духа, уныніе, но это, надо надѣяться, лишь временно, въ общемъ же, послѣ этого дня замѣчается стремленіе организоваться, войти въ кружки и прочее, уже послѣ перваго мая образовалось нѣсколько кружковъ. Провалы передъ первымъ мая были страшные: изъ городского района, напр., нѣсколькихъ взяли на улицѣ, другихъ на собраніи, пока еще не освободили. Вечеромъ перваго мая на улицѣ собралась кучка рабочихъ, ихъ стали разгонять, въ это время изъ этой кучки раздался выстрѣлъ, ранили пристава; говорятъ, онъ на другой день умеръ. Изъ этой кучки арестовали нѣсколько человѣкъ рабочихъ, повели въ участокъ, гдѣ избили самымъ ужаснымъ образомъ, особенно досталось стрѣлявшему въ пристава, ходятъ темные слухи, что его до смерти избили. Броженіе на заводахъ не останавливается. Второго мая рабочіе гвоздильнаго завода бросили работу, заявивъ, что они празднуютъ первое мая. На остальныхъ заводахъ тоже идетъ броженіе, рабочихъ разсчитываютъ за неблагонадежность, напр., въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ на дняхъ разсчитали опять лучшихъ рабочихъ. Все время идетъ разговоръ о стачкѣ, но пока, вѣроятно, она не состоится. Подняли вопросъ о вооруженіи, это было здѣсь поставлено не плохо, рабочіе сами собираютъ деньги; но все это капля въ морѣ. Въ самое послѣднее время, появилось среди рабочихъ стремленіе къ объединенію большевиковъ и меньшевиковъ. Во что и какъ выльется это объединительное теченіе, пока сказать трудно, оно только начинается, мы рѣшили пойти на встрѣчу. За недѣлю до перваго мая на гвоздильномъ заводѣ вспыхнула очень давно ожидавшаяся стачка. На заводѣ вывѣсили объявленіе о томъ, что впредь работы будутъ кончаться не за 10 минутъ до гудка, какъ объявлено, а за 5 минутъ, такимъ образомъ 5 минутъ у нихъ урвали. Это было вечеромъ. На другой день рабочіе бросили работу, потребовали къ себѣ для переговоровъ директора; такъ было до обѣда; вдругъ во время обѣда объявленіе было сорвано и отнятыя 5 минутъ остались за рабочими.

Ростовъ на Дону. Первое мая у насъ прошло слабо: цѣлый день почти не видно было народу, и только вечеромъ стали наполняться улицы публикой въ особенности городской садъ и *Садовая*. Полиціи тоже цѣлый день не видно было: своего рода ловушка; околодочные надзиратели въ полномъ боевомъ порядкѣ скрывались по кондитерскимъ и кофейнямъ — и оттуда наблюдали. Вечеромъ Садовая преобразилась: начиная отъ Николаевскаго переулка и кончая Таганрогскимъ проспектомъ былъ усиленъ нарядъ полиціи, въ саду также. А въ городскомъ домѣ сотня казаковъ спрятана. Донской Комитетъ полагалъ днемъ устроить рядъ *митинговъ*, только при условіи: если не будетъ явнаго намѣренія со стороны полиціи прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Предполагалось выставить своихъ ораторовъ, въ томъ случаѣ, если будетъ много народу и пользуясь отсутствіемъ полиціи, устроить хоть на нѣсколько минутъ митингъ. Но въ виду того, что днемъ публики не было, то вопросъ, такимъ образомъ, снялся съ очереди. Вечеромъ же въ саду, рабочіе, видя, что публика начинаетъ расходиться, сами рѣшили хоть пропѣть Марсельезу. Собравшись въ толпѣ гуляющихъ мирно по аллеѣ въ концѣ сада (такъ называемая рабочая аллея), они запѣли. Два куплета пропѣли, а публика стала разбѣгаться, полиція приближаться — и въ мигъ вѣсть о рев. пѣніи разнеслась по всему саду, Садовой и т. д. Кто-то крикнулъ „бунтъ“ — и всѣ начали бѣжать. Не прошло двухъ минутъ, казаки прилетѣли по Садовой, но уже нечего нѣтъ, только расходящаяся публика изъ сада на улицу и наоборотъ. Въ это время съ одной дѣвушкой сдѣлалась истерика. Это привлекло снова массу народу. Пришлось отнести ее на рукахъ въ аптеку. Ни казаки, ни полиція ничего не дѣлали, казаки повернули обратно, полиція стала просить расходиться. Полиція была хорошо организована, потому что въ теченіе двухъ минутъ всѣ были на мѣстахъ: полиціймейстеръ съ своимъ ординарцемъ, сотенный командиръ, жандармы, околодочные городовые, шпики.

На второе мая назначена была политическая забастовка. Пекари забастовали и продолжаютъ по сегодня бастовать, предъявивъ свои требованія; приказчики съ утра стали закрывать магазины, но подоспѣвшая полиція арестовала человѣкъ 30 и велѣла хозяевамъ открыть магазины. Съ субботы бастуютъ у насъ портовые рабочіе, судовыя команды, предъявивъ рядъ требованій: увеличеніе команды, пять коп. съ четверти и проч. Замѣчалась на фабрикахъ и заводахъ частичная забастовка, а также по конторамъ. Въ Нахичевани тоже самое. До перваго мая былъ цѣлый рядъ сходокъ, на которыхъ разъяснялось празднество перваго мая — политическая забастовка второго мая. Неудача перваго мая объясняется, во-первыхъ, запоздалой агитаціей и подготовкой къ первому мая; во-вторыхъ, Д. К. не рѣшался *во чтобы то ни стало* отстоять митингъ вооруженно, а приводить массу на явное избіеніе и разстрѣлы онъ не имѣлъ никакого права. Вооруженно же итти у насъ нѣтъ силъ. Теперь по кружкамъ, на массовкахъ, — всюду говорится, чтобы всѣ вооружались. У насъ имѣется небольшое количество оружія, но, конечно, слишкомъ мало.

Кіевъ. У насъ работа до 1 мая шла усиленнымъ темпомъ, массовки были по 3-4 въ день, устраивали митинги передъ заводами: Южно-русскимъ, Гретера, желѣзнодорожными мастерскими и типографіей Яковлева. Болѣе удачными митинги были передъ Южно-русскимъ Гретера, типографіей Яковлева. Передъ желѣзнодорожными мастерскими митингъ былъ не особенно удачнымъ. Приходилось останавливающимъ рабочихъ имѣть револьверы въ рукахъ; объясняется это тѣмъ, что тамъ работаютъ старики, которые почти закабалены у своего начальства: имъ даютъ землю на выплату на извѣстный срокъ, на 10-12 лѣтъ, и стоитъ рабочему повысить свой тонъ передъ своимъ начальствомъ, какъ его выбрасываютъ и онъ теряетъ вмѣстѣ съ этимъ свой клочекъ земли; вотъ одна изъ причинъ, почему они боятся послушать живое слово.

Гомель. (Сообщено Полѣсскимъ Комитетомъ).

Въ четвергъ 14-го апрѣля былъ объединенный митингъ нашей группы и бундовцевъ. Происходилъ онъ на широкой равнинѣ во рву. Начался митингъ къ 9-ти часамъ, когда уже стемнѣло, а на фонѣ ночи грозной силой темнѣла масса пролетаріевъ, дружно и тѣсно столпившаяся около ораторовъ. Сначала говорилъ бундовскій ораторъ на жаргонѣ о возникновеніи празднованія 1-го мая, объ его празднованіи въ Западной Европѣ, о ростѣ силъ пролетаріата, о русской революціи. Нашъ ораторъ посвятилъ свою рѣчь выясненію и обоснованію двухъ главныхъ майскихъ требованій: 8-ми часовой рабочій день и всенародное вооруженіе. Рѣчь его была покрыта возгласами и, по окончаніи ея, вся масса (2000 человѣкъ) двинулась съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ къ городу.

Одесса, 18 апрѣля. Въ виду слуховъ о готовящемся погромѣ, мѣстная группа сорганизовала самооборону, въ которой участвовало 400 — 500 человѣкъ. 1-го мая состоялась одна пролетарская массовка въ 120 чел. и одна интеллигентская въ 30 чел.; вторая пролетарская массовка, которую предполагалось устроить, не состоялась по „независящимъ обстоятельствамъ“.

Цѣлый рядъ забастовокъ среди пекарей, у Высоцкаго и въ различныхъ отрасляхъ ремесленнаго производства внесли извѣстное возбужденіе въ среду одесскаго пролетаріата. Въ воскресеніе 1 мая на засѣданіи организаціи уже высказывались мнѣнія, что у насъ въ Одессѣ можетъ вспыхнуть всеобщая забастовка. Рѣшено было на всякій случай заготовить листокъ. Съ понедѣльника, дѣйствительно, стачечное движеніе распространилось какъ на Пересыпскій такъ и на Дальницкій районъ. Забастовали фабрика Вальтуха, заводъ Гена, свѣчный заводъ, клеевой заводъ, заводъ Шполянскаго и т. д. группа старается всячески использовать эту забастовку для упроченія своихъ связей среди рабочей массы и ведетъ массовую агитацію среди забастовщиковъ. Въ городскомъ районѣ дѣла идутъ наиболѣе успѣшно. Здѣсь повсюду члены организаціи принимали самое дѣятельное участіе въ самой организаціи забастовки, въ выработкѣ требованій и т. д., такъ какъ здѣсь въ каждомъ ремеслѣ есть организованное ядро изъ передовыхъ пролетаріевъ. Въ Пересыпскомъ районѣ есть связи лишь съ отдѣльными рабочими (правда эти связи имѣются почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ) поэтому, участіе организаціи не можетъ быть такимъ, какъ это возможно было бы при существованіи организованныхъ группъ передовыхъ рабочихъ на каждомъ заводѣ и фабрикѣ. Во вторникъ два агитатора группы проникли на заводъ земледѣльческихъ орудій Гена (до 600 ч.) Было человѣкъ 300—400 рабочихъ. Наши товарищи говорили около двухъ часовъ о значеніи стачки и о различныхъ требованіяхъ нашей программы минимумъ. Полиція окружила заводъ, но сами рабочіе благополучно вывели товарищей. Въ пятницу снова было на заводѣ Гена собраніе, куда явились также и рабочіе съ Дальника, работающіе на заводѣ того же Гена (у него два завода: на Пересыпи и Дальникѣ. Вырабатывались окончательныя требованія: 8-мичас. рабочій день, минимумъ заработной платы въ два рубля для обученныхъ и полтора для чернорабочихъ, обезпеченіе врачебной помощью рабочихъ, пособіе въ случаѣ смерти рабочаго, свобода собраній въ помѣщеніи завода и разныя другія мелкія требованія.

Предсѣдателемъ собранія былъ „независимый“ Алексѣевъ. Много споровъ вызвалъ вопросъ о нормѣ заработной платы, иные были противъ такой, а нѣкоторые стояли за норму въ полтора рубля. Одному товарищу пришлось долго растолковывать, что значитъ норма заработной платы и почему необходима норма въ 2 руб. Подавляющее большинство рабочихъ внимательно слушало товарищей. Когда появились управляющіе и мастера, рабочіе потребовали, чтобы они ушли и не стѣсняли свободу преній и тѣ вынуждены были удалиться. Потомъ приходили отъ управляющаго съ требованіемъ, чтобы рабочіе ушли съ завода, но рабочіе заявили, что не удалятся, пока не сформулируютъ своихъ требованій. Въ концѣ собранія Алексѣевъ прочелъ протоколы засѣданія харьковскаго рабочаго общества взаимопомощи и предложилъ присоединиться къ его требованіямъ разныхъ политическихъ свободъ вплоть до участія въ законодательствѣ выборныхъ отъ населенія.

Одинъ товарищъ взялъ слово и произнесъ небольшую политическую рѣчь и предложилъ присоединиться къ манифесту большинства выборщиковъ въ коммиссію Шидловскаго. Къ сожалѣнію, товарищъ не постарался подробно развить и обосновать понятнымъ для рабочихъ образомъ всѣ политическіе лозунги. Когда онъ предложилъ потребовать прекращенія войны, послышались протесты со стороны рабочихъ, заявлявшихъ, что они пришли сюда не для того чтобы говорить о Манджуріи. Характерно, что протестанты были *исключительно* изъ рабочихъ, стоявшихъ за меньшую норму заработной платы. Оратору пришлось прервать свою рѣчь, такъ какъ протестанты стали демонстративно удаляться и собраніе могло оказаться сорваннымъ, а всѣмъ рабочимъ необходимо было еще уполномочить своихъ выборныхъ предъявить требованія фабрикантамъ и условиться когда собраться. Алексѣевъ самъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы успокоить часть публики и ему дѣйствительно удалось вернуть рабочихъ, собравшихся уйти, обратно. Въ заключеніи они заявили, что всѣ рабочіе должны позаботиться о томъ, чтобы никто изъ говорившихъ не пострадалъ, такъ какъ *всѣ* ораторы говорили по своему убѣжденію и только руководствовались желаніемъ дать наилучшій совѣтъ рабочему люду. Рабочіе вмѣстѣ съ товарищами вышли гурьбой. Никто не пострадалъ. Въ тотъ же день состоялись на Пересыпи двѣ массовки по 50 чел. изъ числа рабочихъ другихъ забастовавшихъ заводовъ. Сошли удачно. Товарищи говорили о программѣ минимумъ партіи.

Въ городскомъ районѣ (между прочими) состоялась одна массовка чел. 50 исключительно изъ типографскихъ рабочихъ. Массовка устроена была нашими, квартиру дали бундовцы. Говорили нашъ товарищъ и товарищъ изъ бунда. Нашему товарищу пришлось выступить противъ предложенія тов. изъ бунда, совѣтовавшаго типографамъ евреямъ примкнуть къ „всеобщему еврейскому рабочему союзу“. Онъ указалъ на необходимость и евреямъ и русскимъ организоваться сообща; сочувствіе, которое оказали рабочіе нашему товарищу побудило бундовцевъ заявить, что они удалются съ собранія. Вообще практика работы бунда ясно показываетъ, что его дѣятельность здѣсь въ Одессѣ, гдѣ часто русскіе и евреи работаютъ на однихъ и тѣхъ же фабрикахъ и заводахъ, является далеко не всегда прогрессивной; пропаганда особой еврейской соц.-дем. организаціи вноситъ расколъ среди рабочихъ, у которыхъ одни и тѣ же интересы и которые сплочены самыми условіями труда.

Мелитополь. Крымскій Союзъ рѣшилъ праздновать 1-ое мая по нов. стилю. Такимъ образомъ 18-го апр., въ понедѣльникъ, всѣ организованные рабочіе нашего города бастовали... Демонстраціи рѣшено было не устраивать.. Вмѣсто этого мы организовали за городомъ собраніе въ 250 человѣкъ. Прекрасная погода благопріятствовала намъ и уже съ 9-ти часовъ утра рабочіе стали собираться.. На высокихъ красныхъ шестахъ развѣвались огромныя знамена... Надписи, исполненныя товарищемъ-художникомъ, выражали всѣ наши первомайскія требованія, перечисленныя въ майскомъ листкѣ „Искры“. Когда собрались всѣ рабочіе, начались рѣчи.. Одинъ товарищъ говорилъ (хотя и не особенно удачно) о современномъ моментѣ; другой — о международной солидарности и 1-омъ маѣ.. Послѣдняя рѣчь произвела на рабочихъ очень сильное впечатлѣніе... Въ промежуткѣ между рѣчами пѣлись революціонныя пѣсни.. Въ рѣчахъ, пѣсняхъ и возгласахъ чувствовалась необыкновенная бодрость, вѣра въ близость революціи, побѣды.. Въ приподнятомъ, торжественномъ настроеніи часамъ къ 2-мъ дня рабочіе стали медленно расходиться, оживленно бесѣдуя, стрѣляя въ воздухъ.. Не забылъ о маевкѣ и нашъ жандармскій ротмистръ. Около часу дня онъ съ женой и унтеромъ произвелъ смотръ рабочему батальону, проѣхавъ въ экипажѣ на почтительномъ, конечно, разстояніи отъ рабочихъ.. Къ несчастью, недолго пришлось рабочимъ находиться подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ празднества. Около 6-ти часовъ начался у насъ погромъ, о которомъ вы уже знаете изъ легальныхъ газетъ. Я постараюсь здѣсь подчеркнуть все такъ сказать нелегальное... Агитація мѣстной „черной сотни“ ведется у насъ уже очень давно... Видя, однако, что письменная (весьма малограмотная) и устная агитація желательныхъ результатовъ не приноситъ, они прибѣгли къ слѣдующему варварскому эксперименту... Былъ подкупленъ одинъ малдаванинъ. Онъ прибылъ въ Мелитополь, укралъ у русскаго рабочаго 2-хъ лѣтнюю дѣвочку, понесъ ее за городъ и тамъ сталъ наносить ей раны, желая потомъ подбросить ребенка съ признаками якобы ритуальнаго убійства къ дому евреевъ... Случайно крикъ несчастной жертвы былъ услышанъ рабочими ближайшей мельницы... Они побѣжали на крикъ, спасли ребенка, а преступника привели въ участокъ... Когда же полиція не пожелала выслушать свидѣтелей, тогда толпа потребовала выдачи преступника, грозя въ противномъ случаѣ разгромить участокъ., Такъ простояла раздраженная масса народа часовъ до 12-ти ночи, когда, наконецъ, полиціи удалось разогнать.. Все это событіе и роль полиціи въ немъ было описано и должнымъ образомъ освѣщено въ немедленно выпущенной прокламаціи мѣстной организаціи... Къ вечеру 18-го когда никто не предполагалъ возможности погрома, и самооборона, бывшая вся на маевкѣ, мирно отдыхала по домамъ, кучка хулигановъ—подростковъ бросилась на городъ... Разбивая по дорогѣ въ домахъ окна, они устремились на кондитерскую и аптеку (остальные магазины были закрыты по случаю Пасхи), пытаясь разгромить и ту и другую. Но тутъ они уже встрѣтили энергичный отпоръ со стороны самообороны и отдѣльныхъ лицъ изъ „общества“... Тогда они направились въ разныя стороны, обративъ все вниманіе на поджоги... Если бы въ самооборонѣ, организованной нами еще мѣсяцъ тому назадъ, было больше дисциплины, поджоги и вообще погромъ былъ бы невозможенъ. Теперь же результаты хозяйничанья, хотя и недолгаго, хулигановъ слишкомъ замѣтны и чувствительны. Сожжены 2 городскихъ торговыхъ ряда и около десяти частныхъ лавокъ. — Больше всего пострадали, конечно, евреи, затѣмъ русскіе, караимы... Попытки хулигановъ громить бѣдныя квартиры были отбиты самообороной. Не стану описывать всѣхъ безконечныхъ нравственныхъ страданій пережитыхъ за ночь съ 18-го на 19-е Скажу только, что 19-го прибытіе войскъ нѣсколько переполошило хулигановъ и удержало ихъ отъ новыхъ подвиговъ. . Въ результатѣ столкновеній 18-го вечеромъ ранены около 50-ти человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ 15 изъ самообороны; остальные изъ „Русскаго Кулака“. (Такъ подписанъ хулиганскій „листокъ“). Изъ нашихъ товарищей 2-ое ранены тяжело (одинъ еврей; другой — русскій) оба отвезены въ Харьковъ, въ клинику... Теперь въ городѣ масса войска, губернаторъ, вицегубернаторъ и прокуроръ... Городъ объявленъ на положеніи усиленной охраны. Всѣ говорятъ съ благодарностью о самооборонѣ, „демократахъ“; впрочемъ, нѣкоторые относятся къ „демократамъ“ недружелюбно, соглашаясь съ губернаторомъ въ томъ, что они своими демонстраціями вызываютъ гнѣвъ въ сердцахъ истинно-русскихъ (?!) людей. Какъ же держалась „министрація“ во время погрома? Полиція, въ общемъ, пряталась; впрочемъ, нижніе чины энергично помогали громиламъ. Особенно отличился городовой № 19.. Жандармскій ротмистръ, тотъ самый, что недавно высказался за прогрессивно-подоходный налогъ и контроль надъ министрами (!!) — явился возбужденный къ воинскому начальнику и обратился къ нему со словами: „дайте толпѣ ружья: вѣдь евреи всѣ вооружены. Они сейчасъ взорвутъ соборъ. Подкопъ уже сдѣланъ“. Получивъ, однако, отказъ отъ „либеральнаго“ полковника, бравый жандармъ повелъ толпу на литейный заводъ г-на Л., гдѣ вооружилъ свой народъ кусками желѣза, колосниками, вилами и пр. Помощникъ же этого „героя“ — унтеръ Голинскій въ это время агитировалъ въ городѣ... Онъ вбѣжалъ напримѣръ, въ почтовую контору и набросился на чиновниковъ: „Еще христіанами зоветесь... Тамъ жиды вашихъ братьевъ рѣжутъ, а вы тутъ надъ бумажками сидите...“ Отъ полиціи и жандармовъ перейдемъ къ „самому губернатору“ члену славнаго рода Треповыхъ... Онъ явился 19-го въ городъ и пожелалъ говорить съ обывателями.. Для этой цѣли къ нему, между прочимъ, были отправлены, именитые граждане всѣхъ націй, а также представители свободныхъ профессій... Суть его рѣчи такова: „Все это месть за участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи. Они, евреи, создали всю смуту.. Отцы перестали вліять на дѣтей, поощряя ихъ революціонныя стремленія... Если бы у него, Трепова, былъ сынъ — „демократъ“, онъ сѣкъ бы его каждый день... Возьмите дѣтей въ руки и все утихнетъ. Самооборонъ же я не потерплю и потому предлагаю принести мнѣ всѣ револьверы...“ и т. д. въ томъ же духѣ. Всѣ депутаты довольно храбро (для обывателя) возражали губернатору... Послѣднимъ говорилъ русскій купецъ—старожилъ, со слезами на глазахъ увѣрявшій губернатора въ отсутствіи розни между христіанами и евреями.. На всѣ рѣчи губернаторъ ничего не отвѣтилъ... Послѣ же онъ все же заявилъ: „если раздастся хоть одинъ выстрѣлъ, я уберу войска..“

— Погромъ, конечно, не ослабитъ энергію нашихъ товарищей... Наоборотъ, перестроивъ свою организацію, приспособивъ ее къ новымъ условіямъ работы, они заработаютъ съ удвоенной энергіей, стараясь сдѣлать повтореніе погромовъ въ Мелитополѣ явленіемъ невозможнымъ... Въ заключеніе резолюція мѣстной организаціи учащихся въ отвѣтъ на предложеніе учащихся Симферополя, Керчи и Евпаторіи учредить самостоятельный Союзъ съ собственнымъ органомъ. Организація обсудивъ это предложеніе единогласно, въ числѣ 20-ти человѣкъ, приняла слѣдующую резолюцію, которую рѣшено было отправить въ „Искру“: „Въ настоящій историческій моментъ, когда болѣе, чѣмъ когда либо необходимо полное единеніе и централизація партійныхъ силъ, мы организованные учащіеся соціальдемократы города Мелитополя высказываемся рѣшительно противъ выдѣленія учащихся въ самостоятельный внѣпартійный Союзъ.

Мы находимъ, что наиболѣе цѣлесообразной, съ точки зрѣнія интересовъ всей Партіи, является работа подъ руководствомъ мѣстныхъ организацій, и предлагаемъ товарищамъ примкнуть къ этому рѣшенію“. 25-го апрѣля 1905 года.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

Кутаисъ. Въ первыхъ числахъ марта отсюда было послано пять человѣкъ пропагандистовъ въ Лечхумскій уѣздъ, гдѣ уже до этого началось стихійное крестьянское движеніе. Такое же движеніе обнаружилось и въ Сванетіи. Наши пропагандисты должны были сперва объѣхать Лечхумскій уѣздъ, а затѣмъ перебраться къ сванамъ. Лечхумцы съ восторгомъ приняли нашихъ людей и просили ихъ: устройте намъ дѣло, какъ въ Гуріи. Въ продолженіе одного мѣсяца наши люди съ успѣхомъ вели тамъ работу, а затѣмъ въ первыхъ числахъ апрѣля перебрались къ сванамъ. Сваны находятся въ самомъ крайнемъ положеніи благодаря князьямъ и дворянамъ; тамъ почти сохранилось крѣпостное право. Прибытіе нашихъ пропагандистовъ подняло все на ноги. Сваны клялись другъ другу въ солидарности. Лечхумскимъ и сванетскимъ феодаламъ не понравилось это новоявленное движеніе. Они объявили смертельную вражду крестьянамъ. Сванетскіе князья и понынѣ живутъ въ старинныхъ замкахъ. Теперь эти замки укрѣпляются; здѣсь укрываются принявшіеся за разбойничество феодалы. Девизъ феодаловъ: „перебить всѣхъ крестьянъ — нашихъ противниковъ и возбуждающихъ ихъ агитаторовъ“. Пропагандистовъ преслѣдуютъ на смерть, нѣсколько разъ производилась попытка убить ихъ во время собраній, но крестьяне не спятъ: „мы должны сберечь жизнь нашимъ „благодѣтелямъ“ — такъ говорятъ они — и нашихъ агитаторовъ при переходѣ изъ одной деревни въ другую сопровождаютъ вооруженные крестьяне. „чтобы враги не убили нашихъ благодѣтелей“. Но феодалы все же убили у насъ одного работника. Вотъ какъ произошло это. Лечхумцы и сваны рѣшили произвести общую демонстрацію 9-го апрѣля. Утромъ 9-го апрѣля сваны, жители одной деревни, поднявъ красное знамя шли на соединеніе съ товарищами изъ другой деревни; дорогой они должны были пройти мимо замка кн. Гардобхадзе; не успѣли приблизиться къ замку, какъ оттуда открываютъ пальбу. Впереди всѣхъ шелъ нашъ товарищъ Гелованы; онъ обернулся къ народу и сказалъ: князья Гардобхадзе мои родственники, навѣрное они меня не тронутъ. Я пойду переговорить съ ними“. Но Гелованы обманулся. Родственники, у самаго входа въ крѣпость дали по немъ залпъ, ранивъ его въ ногу, затѣмъ окруживъ его, стали надъ нимъ издѣваться и ругать. „Чѣмъ я провинился, что вы убиваете меня? Я пришелъ переговорить съ вами“, — сказалъ Гелованы. Кн. Гардобхадзе сказалъ: „Всѣ вы сторонники крестьянъ и должны умереть собачьей смертью“ — и приложивъ ружье къ груди убилъ его на мѣстѣ. Затѣмъ снявъ съ него одежду, набнули голое тѣло кинжалами и выбросили изуродованный трупъ крестьянамъ. Сами же заперлись въ укрѣпленіи. Вѣсть объ убійствѣ пропагандиста произвела сильное впечатлѣніе на лечхумцевъ и сванов: „убили нашего благодѣтеля и мы должны отомстить кровавой смертью“, произносилось вездѣ единогласно. Крѣпости феодаловъ въ Сванетіи сильно укрѣплены, трудно туда проникнуть, но сваны осадили замокъ князей Гардобхадзе, какъ японцы Портъ-Артуръ и не уйдутъ, пока онъ не будетъ взятъ. Съ 9-го января 40 вооруженныхъ свановъ караулятъ этотъ замокъ; эти 40 человѣкъ должны по порученію свановъ взять укрѣпленіе и перебить князей Гардобхадзе. Изъ Кутаиса комитетъ сейчасъ же послалъ человѣка, для присутствія на похоронахъ Геловани и для успокоенія населенія. Нашъ посланникъ прибылъ въ Сванетію и предложилъ Сванамъ не убивать князей, а изгнать ихъ изъ своей страны, на это сваны отвѣтили: „не можемъ оставить въ живыхъ людей, которые убиваютъ нашихъ благодѣтелей; мы должны убить ихъ непремѣнно“. Геловани знатно похоронили. Геловани княжескаго происхожденія, жилъ онъ въ Бечхумахъ, рѣшили перенести его прахъ на родину. 3000 вооруженныхъ берданками свановъ сопровождало гробъ. Сваны рѣшили: если полиція вмѣшается, мы перебьемъ полицейскихъ, а гробъ понесемъ въ Кутаисъ, гдѣ объявимъ войну войскамъ. Но полиція не вмѣшивалась. Во время шествія гробъ по временамъ останавливали и ставили его на землю. Сваны подходили, становились на колѣни и, приложивъ дуло ружья къ гробу, клялись на оружіи не измѣнять и бороться до конца, пока вмѣстѣ съ гурійцами не достигнутъ своей цѣли. Кутаисскій генералъ-губернаторъ послалъ на помощь князьямъ войско, но войско не смогло проникнуть въ Сванетію; сваны закрыли всѣ дороги: они разрушили всѣ мосты черезъ рѣки и скалистые овраги, укрѣпили старинныя крѣпость и вооружились, чтобы воевать съ войсками. Не знаю, чѣмъ кончится дѣло. Наши пропагандисты вернулись; взамѣнъ нихъ здѣшній комитетъ выслалъ новыхъ. Кутаисъ взволнованъ этими вѣстями. Вчера 15 апрѣля изъ Мингреліи привезли 73 человѣка. Это выборные сотскіе и десятскіе, которые были арестованы во время демонстраціи въ Абашѣ. Когда солдаты ввели ихъ въ ворота кутаисскаго тюремнаго замка, они запѣли на грузинскомъ языкѣ Марсельезу; арестанты привѣтствовали ихъ тѣмъ же.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

И

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Смоленскъ. У насъ была недавно забастовка на большой фабрикѣ Ярцевской мануфактуры (около 5000 человѣкъ рабочихъ). Комитетъ не былъ связанъ съ этой фабрикой. Требованія экономическія; пріѣзжалъ губернаторъ, 250 солдатъ. Было арестовано нѣсколько человѣкъ, но, по распоряженію губернатора выпущены. Рабочіе собрали 300 р. на выпивку, часть ихъ оставили „на случай, если кого арестуютъ, такъ на дорогу.“ Губернаторъ дѣйствовалъ въ примирительномъ духѣ. Рабочіе получили обѣщанія уступокъ послѣ Пасхи и послѣ 2-хъдневной забастовки стали на работу, оставшіеся 40 р. отдали въ „Красный Крестъ“, ибо „тамъ за насъ страдаютъ“. Также стихійно забастовали въ городѣ трамвайщики, такіе же требованія — удаленіе не болѣе и не менѣе какъ начальника.. движенія. Послѣ двухъдневной забастовки добились своего — начальникъ уволенъ. Говорятъ, очень грубый былъ человѣкъ, чуть ли не билъ служащихъ.

На дняхъ проѣзжающіе запасные разнесли колбасную и бакалейную лавочку. Въ отвѣтъ на слова лавочниковъ „мы не жиды, а православные“, запасные отвѣчали: „это намъ все равно“.

Иркутскъ. Иркутскъ за послѣдніе мѣсяцы измѣнилъ свою физіономію. Стачки, банкеты, демонстрація. О первой крупной стачкѣ — въ Монополіи (300 раб.). — говорить не буду, потому что о ней уже, вѣроятно, извѣстно. Она была чисто „экономической“. Второй была стачка типографщиковъ у Макушина (250 чел.) съ 28-го февраля, а съ 4-го марта во всѣхъ остальныхъ до 10. Возникла она стихійно, хотя комитетомъ велась довольно энергичная работа среди типографщиковъ. Попытка комитета придать ей политическій характеръ успѣха не имѣла, главнымъ образомъ, благодаря соціалистамъ-революціонерамъ. Собранія въ нѣсколько сотъ человѣкъ (всего 500—600 рабочихъ) происходили совершенно открыто ежедневно. Обсуждались чисто экономическіе вопросы. На одномъ собраніи выступилъ рабочій соціальдемократъ, который, начавъ съ экономическихъ вопросовъ, перешелъ къ политикѣ. Благодаря его рѣчи, понравившейся рабочимъ, создалось благопріятное настроеніе, которымъ и рѣшилъ воспользоваться ораторъ комитета. Въ началѣ его рѣчи стали разбрасывать прокламаціи комитета, которыя подхватывались рабочими и читались по группамъ. Соціальдемократы предложили прочитать вслухъ ее, чтобы потомъ говорить по поводу политическихъ требованій, которыя въ ней были выставлены. Но соціалисты-революціонеры [1]), а за ними и часть рабочихъ, стали кричать: „долой политику“, „надо выяснить сначала наши дѣла, а потомъ можно и то“. Оратору не дали говорить. На другой день ораторъ былъ встрѣченъ угрозами. Такъ и не удалось измѣнить характеръ стачки. Подъемъ, вызванный стачкой, скоро исчезъ и рабочіе 10-го приступили къ работамъ, добившись только 8-часоваго рабочаго дня въ 6 меньшихъ типографіяхъ; 9-часоваго (раньше 10 час.) въ самой большой Макушина; и ничего въ типографіи Губернскихъ Вѣдомостей. Тѣмъ не менѣе, послѣ стачки, количество кружковъ среди типографщиковъ сильно увеличилось — единственный плюсъ стачки. Съ 19 по 24 марта была всеобщая стачка прикащиковъ. Всѣ магазины были закрыты. Даже кондитерскія и колбасни въ первый день. Эта стачка также была чисто экономическая, хотя на многолюдныхъ собраніяхъ (прикащиковъ здѣсь около 3 тысячъ) выступали ораторы, говорившіе на политическія темы. Надо признаться, что слушали крайне неохотно. Стачка кончилась почти полной побѣдой: 10-часовый рабочій день (1 часъ на обѣдъ и 2 раза по получасу на чай, съ правомъ ухода изъ магазина съ 15 мая на обѣдъ), безплатное лѣченіе, закрытіе магазиновъ наканунѣ Рождества и Пасхи въ 12 часовъ дня, третейскій судъ и др.

---

[1]) Оставляемъ это сообщеніе на отвѣтственности корреспондента.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Конференція общепартійныхъ работниковъ.

Отдѣльнымъ приложеніемъ мы выпускаемъ отчетъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ общерусской конференціей партійныхъ работниковъ, образованной представителями организацій, отказавшимися отъ участія въ т. н. „съѣздѣ“.

Конференціей обсужденъ рядъ важныхъ тактическихъ вопросовъ и вынесенъ рядъ резолюцій (завоеваніе власти и участіе во временномъ правительствѣ, вооруженное возстаніе, выборы въ представительныя учрежденія, отношеніе къ оппозиціоннымъ и революціоннымъ партіямъ, профессіональные союзы, экономическая борьба, отношеніе къ неоформленнымъ рабочимъ организаціямъ, работа среди крестьянъ, отношеніе къ правительственнымъ коммиссіямъ). Конференція, далѣе, намѣтила планъ реорганизаціи партіи, изложенный въ организаціонномъ уставѣ.

Какъ свои тактическія резолюціи, такъ и организаціонный планъ, конференція предлагаетъ всѣмъ партійнымъ организаціямъ *для обсужденія*, разсчитывая, что самое это обсужденіе въ рядѣ широкихъ по составу конференцій заложитъ прочныя основанія для того дѣйствительнаго организаціоннаго сплоченія, которое намъ такъ необходимо и которое въ корень расшатано двухлѣтнимъ господствомъ въ партійной жизни одностороннаго механическаго централизма. Для содѣйствія партійнымъ организаціямъ въ этомъ дѣлѣ конференціей избрана Организаціонная коммиссія, которая, впредь до созданія правильныхъ центральныхъ и областныхъ учрежденій будетъ выполнять общепартійныя функціи. Составъ коммиссіи подлежитъ утвержденію организацій и можетъ быть измѣненъ ими.

Этой же организаціонной коммиссіи конференція поручила принимать всѣ мѣры, которыя могли бы облегчить дѣло сближенія между двумя частями партіи. Объ этомъ говоритъ специальная резолюція, принятая конференціей. Въ тѣхъ же интересахъ — проложить путь къ объединенію партіи — конференція приняла еще одну резолюцію: согласно послѣдней, солидарная съ ея рѣшеніями часть партіи приглашается отказаться отъ тѣхъ попранныхъ, такъ называемымъ, съѣздомъ формальныхъ правъ, которыя опираются на старый уставъ, выработанный на второмъ съѣздѣ. Такой отказъ устранитъ изъ числа спорныхъ вопросовъ вопросъ о „законности“ и „незаконности“ цѣлаго ряда дѣйствій той или другой части партіи. Этотъ результатъ будетъ достигнутъ, конечно, лишь въ той мѣрѣ, въ какой и другая часть партіи будетъ настолько желать сохраненія единства, чтобы не навязать намъ тѣ рѣшенія и тѣ учрежденія, въ созданіи которыхъ мы не могли принимать участія.

Само само собою разумѣется, что, принимая это рѣшеніе —какъ и всѣ остальныя, въ формѣ предложенія организаціямъ, — конференція не отмѣняла полномочій, основывающихся на уставѣ 1903 г., ни одного изъ существующихъ законныхъ учрежденій (Ц. О., Совѣтъ, Лига и т. д). Поэтому „Искра“ — впредь до рѣшенія мѣстныхъ организацій — будетъ продолжать выступать, какъ Центральный Органъ Партіи.

Согласно желанію, выраженному конференціей, выходъ „Соціальдемократа“ будетъ учащенъ. Это обстоятельство побудитъ насъ, вѣроятно, вернуться къ прежнимъ срокамъ выпуска „Искры“: 2-3 раза въ мѣсяцъ.

Въ другой брошюрѣ мы выпускаемъ рѣшенія конференціи кавказскихъ товарищей, которые оказались во всѣхъ существенныхъ вопросахъ солидарными съ товарищами, съѣхавшимися за границу.

Резолюція

принятая 3 мая на агитаторскомъ собраніи городского района *въ Петербургѣ*. Присутствовало 11 чел. 9 голосовъ — за, 2 — воздержалось.

„Неудача празднованія 1 мая въ нынѣшнемъ году показала разобщенность между партійной организаціей и рабочей массой. Этотъ печальный фактъ заставилъ собраніе агитаторовъ городского района болѣе подробно остановиться на методахъ нашей работы. Обсудивъ этотъ вопросъ, собраніе пришло къ слѣдующимъ выводамъ.

1) До сего времени борьба пролетаріата за свои непосредственныя нужды велась при слабомъ участіи соціальдемократіи, отрывавшейся, благодаря тому, отъ жизни широкихъ массъ.

2) Въ виду того, что въ настоящее время одна подпольная работа не обезпечиваетъ массѣ достаточнаго участія ея въ партійной жизни и отчасти ведетъ къ противопоставленію массы, какъ таковой — партіи, какъ нелегальной организаціи, необходимо послѣдней взять въ свои руки веденіе рабочими профессіональной борьбы на легальной почвѣ, строго связывая эту борьбу съ соціальдемократическими задачами

3) Для этой цѣли партіи необходимо не только принимать самое дѣятельное, непосредственное участіе въ существующихъ уже профессіональныхъ рабочихъ союзахъ, кассахъ и т. п., но и брать на себя иниціативу въ дѣлѣ созданія такихъ организацій, дающихъ возможность объединить болѣе широкія массы на почвѣ ихъ классовыхъ интересовъ.

4) Въ связи съ этимъ, собраніе считаетъ нужнымъ подчеркнуть настоятельную необходимость сдѣлать новые дальнѣйшіе шаги на пути демократизаціи нашей партіи, обезпечивающей большую самодѣятельность ея членовъ.

Резолюція Петерубргской группы.

„Группа признаетъ съѣздъ, созванный „Ц. К. и Б. К. Б.“, непартійнымъ; учрежденія, выбранныя на немъ, не партійными и рѣшенія его — необязательными. Группа постановляетъ: исключить изъ своего названія слова: „при Ц. К.“.

Письмо въ редакцію.

Только сейчасъ я получилъ возможность ознакомиться съ 62 № Револ. Россіи и потому хоть съ опозданіемъ хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о помѣщенной въ этомъ № корреспонденціи изъ Двинска (стр. 11), въ которой какое то частное лицо сообщаетъ съ чьихъ то словъ о февральскихъ событіяхъ въ Двинскѣ. Подробно писать объ этихъ событіяхъ не приходится, такъ какъ въ „Искру“ отослано уже сообщеніе мѣстнаго комитета Партіи объ нихъ. Хочу только указать на любопытный способъ изложенія с.-р-овскаго корреспондента. Забастовка, пишетъ онъ, которая въ январѣ *какъ то* (!) не удалась, въ февралѣ вдругъ началась *совершенно* стихійно“ (курсивъ мой). Между тѣмъ, всякому, кто только былъ въ Двинскѣ въ концѣ февраля извѣстно, что забастовку началъ комитетъ Партіи, что организованные имъ рабочіе, по его порученію остановили заводъ Вальденберга — (а отнюдь не 4 ихъ было, какъ заявляетъ корреспондентъ) — что затѣмъ Вальденбергскіе рабочіе предводительствуемые нами, отправились снимать и Депо и Грилихесовскій кожевенный заводъ — и что какъ разъ это положило начало тѣмъ грандіознымъ событіямъ, которыя произошли въ Двинскѣ. Такъ пишетъ исторію „Революціонная Россія“. Надѣется, что благодарное потомство сумѣетъ воздать ей должное.

Членъ Двинскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Поправка. Парижская Группа Содѣйствія Партіи проситъ указать, что въ напечатанный въ № 97 „Искры“ текстъ принятой ею по вопросу о съѣздѣ резолюціи вкралась грубая ошибка. Напечатанъ лишній абзацъ, начинающійся словами: „что этотъ Орг. Ком., выступающій, якобы, ... и т. д.“. Этотъ абзацъ не содержался въ принятомъ группой текстѣ и по недосмотру былъ оставленъ въ текстѣ, посланномъ въ редакцію.

Новый органъ. Редакція „Искры“ получила № 1 газеты „Соціальдемократа“ на грузинскомъ языкѣ, вышедшей отъ 7 (20) апрѣля подъ редакціею Тифлисскаго Комитета нашей партіи. Органъ будетъ выходить періодически — черезъ каждыя двѣ недѣли, а со второго номера и на армянскомъ языкѣ. Выходъ въ свѣтъ своего изданія Комитетъ объясняетъ тѣмъ что вслѣдствіе крайняго положенія общественныхъ отношеній и выступленія на политическую арену разныхъ направленій и партій „ведущихъ борьбу съ нашею партіею“ за вліяніе, необходимо дать всѣмъ имъ должный отпоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ, идейно руководить практическимъ движеніемъ кавказскаго пролетаріата. А единственное изданіе Союзнаго Комитета „Борьба пролетаріата“ выходитъ такъ поздно и нерегулярно, его статьи имѣютъ такой отвлеченный характеръ, что оно совершенно не удовлетворяетъ существующей потребности...

Далѣе Комитетъ взываетъ къ остальнымъ организаціямъ о содѣйствіи развитію этого начинанія, призывая къ сотрудничеству въ изданіи товарищей, „въ особенности рабочихъ“, письмамъ которыхъ будетъ отведенъ особый отдѣлъ, подъ названіемъ, „Разныя письма“. „Рабочіе сотрудники для насъ желательны“ — говоритъ Комитетъ и тутъ же поясняетъ почему.

Живо и талантливо редактированъ номеръ первый. Замѣтна опытная умѣлая рука редактора-писателя. Мало только въ номерѣ корреспонденцій, но этотъ недостатокъ будетъ легко превзойденъ въ послѣдующихъ нумерахъ, послѣ установленія нужной связи съ корреспондентами-товарищами въ районѣ. Можно съ увѣренностью сказать, что газета блестяще исполнитъ поставленную себѣ задачу, если не помѣшаютъ „внѣшнія условія“ Пожелаемъ товарищамъ, чтобы изданіе регулярно выходило!

Вотъ оглавленіе перваго номера: Отъ Тифлисскаго Комитета. — Соціальдемократія. — Разрушеніе самодержавія.— „Земскій Соборъ“ и наша тактика. — Крестьянское движеніе.— Внутреннее Обозрѣніе. „Большинство“ или „Меньшинство“ — Корреспонденція.

Газета имѣетъ форматъ русскаго „Соціальдемократа.“ Номеръ — въ 16 страницъ.

Въ настоящее время уже вышелъ второй номеръ „Соціаль-Демократа“. На конференціи кавказскихъ товарищей онъ признанъ органомъ всѣхъ кавказскихъ рабочихъ организацій.

„На два фронта“. Всѣ члены партіи, безъ сомнѣнія, будутъ привѣтствовать появленіе сборника „На два фронта“, составленнаго изъ политическихъ статей Г. В. Плеханова. Сборникъ включаетъ въ себѣ такія, давно вышедшія изъ обращенія, работы товарища Плеханова, какъ извѣстная брошюра „Соціализмъ и политическая борьба“ (1883 г.) и такія, обыкновенно вовсе неизвѣстныя массѣ членовъ Партіи, его статьи, какъ „Современныя задачи русскихъ рабочихъ“ (1885 г. въ газетѣ „Рабочій“), „Какъ добиваться конституціи?“ (въ сбор. Соціальдемократъ“ 1888 г.) и „Политическія задачи русскихъ соціалистовъ“ (въ газетѣ „Соціалистъ“ 1889 г.) Кромѣ этихъ статей, въ сборникъ вошли статьи: „Еще разъ соціализмъ и политическая борьба“ и „Что-же дальше?“, напечатанныя въ 1901 г. въ „Зарѣ“.

Сборникъ названъ „На два фронта“. „Названіе, говоритъ авторъ въ предисловіи, объясняется тѣмъ, что намъ, въ нашей политической пропагандѣ, приходилось вести борьбу съ двумя предразсудками совершенно *противоположнаго* характера; намъ надо было разъяснять, что соціализмъ не исключаетъ политики и въ то же самое время доказывать, что и политика вовсе не требуетъ отъ насъ забвенія соціализма, т. е. нашего превращенія въ либераловъ“.

Некрологъ. Перваго апрѣля покончилъ въ Сормовѣ жизнь самоубійствомъ товарищъ Девятковъ. Совсѣмъ юноша — покойному было всего лишь 18½ лѣтъ, Девятковъ успѣлъ уже испытать на себѣ всѣ прелести преслѣдованій царскаго правительства.

Только недавно былъ онъ освобожденъ изъ тюрьмы, которая далась ему чрезвычайно тяжело и которая оставила въ немъ глубокій слѣдъ; не успѣлъ онъ еще оправиться отъ этой высидки, какъ его стали пугать новой еще болѣе „ужасной“ въ крѣпости.

Преслѣдованія полиціи, общая нервность и несовсѣмъ удачно сложившіяся условія жизни повели за собой трагическую развязку

Хоронили мы товарища 3-го апрѣля изъ больницы (анатомическаго театра), съ утра собралась довольно большая толпа рабочихъ и учащихся, чтобы проводить товарища; были вѣнки; особенно выдѣлялся одинъ, съ ярко красной лентой и надписью „товарищу революціонеру“. Съ пѣніемъ „вы жертвою пали въ борьбѣ роковой“, гробъ понесли въ кладбищенскую церковь. Народу собралось до 1000 человѣкъ, не мало было и полиціи, конной, пѣшей, которая, однако, не рискнула вмѣшаться и только молчаливо присутствовала при томъ, какъ гробъ съ пѣніемъ понесли изъ церкви на кладбище, и какъ на свѣжей могилѣ произносились политическія рѣчи.

Вышли изданія Центр. К-та: 1) Первое мая! 2) О майскихъ дняхъ въ Польшѣ; 3) Наша партія и война; 4) „Крестьяне, къ вамъ наше слово“; 5) Къ гражданамъ Петербурга; 6) Къ солдатамъ. **Петерб. Группы:** 1) „Жертвуйте на вооруженіе“ (съ отчетомъ по сборамъ на вооруженіе); 2) Къ первому мая; 3) Майскія требованія (л. Искры); 4) Отвѣтъ генералъ губернатору; 5) Призывъ на митингъ въ Нарвскомъ районѣ; 6) Призывъ въ Город. районѣ; 7) Призывъ въ Василеостр. районѣ; 8) Призывъ въ Невск. районѣ; 9) Листокъ по поводу неудачи 1 мая. **Петерб. Комитета:** 1) Майскій листокъ; 2) Къ обуховскимъ рабочимъ. **Астраханск. Комитета:** 1) „Къ трамвайнымъ“ (130 экз.); 2) „Ко всѣмъ судовымъ рабочимъ“ (2000); 3) „Къ судовымъ рабочимъ по поводу биржевой коммиссіи“ (100); 4) О созывѣ народн. представителей (2000); 5) Къ промысловымъ рабочимъ (300); 6) Сборникъ пѣсенъ (110); 7) Каутскаго „Революція въ Россіи“ (90); 8) „Къ казакамъ“ (250); 9) Обращеніе Междун. Соціал. бюро (400); 10) „Всемилостивѣйшій манифестъ“ (100); 11) „Бакинскія событія“ (2000); 12) „Цивилизованному міру“ (2000); 13) Отчетъ за Мартъ; 14) Къ рабочимъ и служащимъ депо и электрич. станціи; 15) „Рабочій Листокъ“ № 5 (1-е мая) 16) Къ Астраханск. обществу. **Екатеринбург. группы:** „Царскіе посулы и рабочій классъ“ (печ.) **Рыбинской группы:** 1) По поводу февральск. забастовки (гект. 120 экз.); 2) „Къ рабочимъ гор. Рыбинска и его окрестностей“ — о самодержавіи (печ., 2000 экз.); 3) „Къ рабочимъ г. Рыбинска“—о соціальдемократіи (печ. 3000 экз.); 4) Къ обществу (1500 экз.); 5) О комм. Булыгина (1000); 6) Въ бой за свободу (Искры—2000 экз.); 7) 1-ое мая (перепеч. лист. Впередъ 5000); 8) брош. Мартова „Пролетарскій праздникъ“ (3000 экз.) **Смоленскаго** Ком. „Первое мая“ (переизд. лист. Ц. К. 5000 экз.); 1) **Сѣвернаго** Ком. „Къ солдатамъ“ (8000); 2) „Къ рабочимъ“ (8000); **Рижскаго** Ком. „Листокъ Рижск. Ком.“ № 2 (довольно большая газета). **Рижской Группы:** 1) Солдатская памятка (3000); 2) „Майскія требованія“ (Искры—по эстонски); 3) Призывъ къ всеобщ. забастовкѣ (3000). 4) Майскій листокъ Ц. К. 3000 по русски и 200 по эстонски). **Донецкаго Комитета** (Союза): 1) „О царскомъ манифестѣ“ (переп. изд. Московск. Ком.—8000 экз.); 2) Первое мая (8000); **Юзовской** группы Донец. Ком. „Ко всѣмъ гражданамъ Юзова“ (о черной сотнѣ—8000 экз.); **Петровской** группы этого Ком.: 1) Призывъ къ забастовкѣ 14 апр. (150 экз.); 2) „Что даетъ пасха и куда ведетъ соціализмъ?“ (160). **Донского** Ком.: 1) „Крестьяне бунтуютъ“ (печ.); 2) Великій праздникъ! (10.000). **Екатеринославск.** Ком.: 1) „Первое мая“ (гектогр.) 2) Резолюція екатеринославскихъ рабочихъ къ обществу (гект.); 3) Къ крестьянамъ (печатн.). **Харьковск. Ком.** 1) Манифестъ Петерб. выборщиковъ (2000); 2) Къ заготовщикамъ (300); 3) Къ рабочимъ Гельфериха-Саде (200) 4) Призывъ къ 1 мая (10.000); 5 и 6) Резолюціи рабочихъ паровозостр. завода (по 1000 экз.); 7) Братья-крестьяне! (10.000); **Одесской** группы: 1) Ко всѣмъ приказчикамъ (3000); 2) Къ рабочимъ и работницамъ фабр. Тарнополя; 3) Майскія требованія (листокъ Искры—печ.); 4) Ко всѣмъ желѣзнодор. служащимъ и рабочимъ (3000); 5) Призывъ къ всеобщей стачкѣ (10.000). **Кишиневск.** организаціи: 1) „Бастуйте 1-го мая!“ (гект.); 2) Заявленіе Совѣщанію фабрич. инспекторовъ и т. д. (3000 экз., печ.). 3) Къ сапожникамъ и заготовщикамъ (гект.); 4) Къ кузнецамъ и колесникамъ (гект.); „Будьте готовы“ (л. „Искры“ 2000 экз.). **Крымск.** Союза: 1) Объ еврейскихъ погромахъ (15.000); 2) Первое мая (лист. Искры—9000); 3) Майскія требованія (л. Искры—21.000). **Севастопольскаго** Комитета Крым. Союза: 1) О празднованіи 1 мая въ Севастополѣ (4000); 2) Письмо матросовъ соц.-дем. къ капитану Барановскому (1100); 3) Къ портовымъ рабочимъ объ отвѣтѣ Чухнина (1500). **Московскаго** Ком. „Къ народнымъ учителямъ (печ.); **Виленской** группы. „Къ мужскимъ портнымъ“ (гект.). **Красноярскаго** Комитета: 1) „Въ народномъ домѣ или невольное обнаженіе либеральной души“ (печ.); 2) „Къ солдатамъ“ (печ.); **Иркутскаго** Ком.: Два листка о процессѣ Романовцевъ. **Читинскаго** Ком. 1) Земскій соборъ (1500); 2) Онъ прощаетъ! (Изъ Искры—1500). **Сибирскаго** Союза 1) „Ко всѣмъ гражданамъ“ 2) „Всемірный рабочій праздникъ“ (обѣ печ.) **Вологодской** группы: 1) „Ко всѣмъ приказчикамъ“ и 2) Отчетъ за время отъ 15 марта по 1 мая (оба гектогр.). **Тифлисскаго** Ком. „Конференція кавказскихъ организацій“ (печ.). **Балаханск. и Биби-Эйбатск.** орг. „Къ солдатамъ“ (печ.) **Екатеринодарск.** группы **Кубанскаго** Ком.: „1-е мая“ (800 экз.); Призывъ на демонстрацію (2000 экз.); **Ейской** группой—о черной сотнѣ (гектогр.) **Кубанск.** Ком.: Майск. лист. (Ц. К — 10000) и 2) Пѣсни борьбы. **Камышинск.** организаціи: Майскій листокъ (350).

Приблизительное количество зарегистрированныхъ въ этомъ № изданій—400.000 экземпляровъ.

Вышелъ № 6 „Соціальдемократа“. Содержаніе: Майскій смотръ. Въ вражескомъ станѣ. Прежде и теперь. По Россіи: Одесса. Изъ Донецк. района. Маріуполь. Камышинъ. Ржищевъ. Кровавый май въ Варшавѣ. Тифлисъ. Баку. Политическое обозрѣніе. Изъ партійной дѣятельности. Фельетонъ: Три побѣга. Стихотвореніе.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 101. 1-го іюня 1905 г. **Годъ V**

КЪ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гуллѣ, кончила его позоромъ при Цусимѣ. Всѣ военные спеціалисты сходятся въ томъ, что міръ не видалъ еще такого полнаго, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю царскаго флота въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры — дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосвѣтскихъ гостинныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы,—наполовину только что оторванные отъ сохи, наполовину — непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго „бунта". Таковъ составъ экипажа, на который Николай Романовъ возложилъ „священную" миссію отстаивать царизмъ на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту каинову печать, которой отмѣченъ императорскій двуглавый орелъ, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ Артура, запускавшее свои цѣпкія лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тюренченѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ послѣднимъ козыремъ царизма — армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати и которая заставила даже кое какихъ европейскихъ спеціалистовъ считаться — послѣ Гулля! — съ возможностью побѣды царскаго флота! Европейская и русская реакція все еще *не хотѣла* вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости самодержавія, которая давно уже съ математическою точностью была констатирована соціальдемократіей, какъ *боялся* вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности, Цусима — раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цусимы русская реакція требуетъ *замѣны* самодержавія военной диктатурой, европейская — въ лицѣ германскаго императора — начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдителѣ, которому еще недавно, „за одинъ косой взглядъ" грозилъ „бронированный кулакъ".

Свершилось неизбѣжное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія царизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра царизма. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ самодержавіе прекратить войну, — потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбѣжны. Но мало того. Послѣ Цусимы болѣе, чѣмъ когда либо война начинаетъ вестись не только на счетъ *настоящаго* страны, но и на счетъ ея *будущаго*. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О *господствѣ* на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь идетъ уже не о господствѣ, а о сохраненіи тѣхъ позицій на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое построеніе вопроса о ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложненіями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбѣжно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пораженія при Цусимѣ. Царское правительство отмѣтило эту перемѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безсильно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обагрить кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель самодержавія. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверные выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того „народнаго представительства", о близкомъ введеніи котораго носятся упорные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самые слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „конституціонный" уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10495 „Новаго Времени" сообщеніи о „Государственной Думѣ". Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ булыгинскій проектъ принятъ съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собою въ законченномъ видѣ тотъ „листъ бумаги", которымъ Николай II думаетъ — въ крайнемъ случаѣ — расплатиться съ „любезными вѣрноподданными" за вѣка самодержавнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны внѣшней и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго „представительнаго учрежденія". Даже въ архаическомъ „соборѣ" царское правительство почуяло слишкомъ „вольный" душокъ! Начавъ съ „Земскаго Собора", перейдя къ „Земскому Совѣту", правительство, какъ говоритъ „Новое Время", сдѣлало „за истекшій мѣсяцъ" „измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты". Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ *совѣщательный* характеръ учрежденія (*дума*!), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной „земщинѣ" и нарочито выдвинуто подчиненіе „конституціонной" палаты государственной опричнинѣ!

О самой „конституціи" не стоитъ, пожалуй, и говорить: 1½-2 мѣсяца въ году засѣдающая „дума" съ верхней палатой въ видѣ... государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство, — что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ „народнымъ представительствомъ", котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго „представительства". Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (съѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ — уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, — будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія — отъ владѣющихъ кое какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ „либеральныхъ профессій". Только рабочимъ да еще пролетаризованному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ „съѣздовъ". Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства, царское правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю россійской революціи — пролетаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть „прогрессивныхъ" элементовъ готова была-бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсѣмъ иной путь. Такъ какъ царское правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только *каррикатурное* представительство, и такъ какъ даже и эта каррикатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгула административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ „черныхъ сотенъ", безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнять, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскіе „гарантіи", за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный „правопорядокъ". И такъ какъ самодержавіе не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе ко той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской наковальнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы царизма.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано „право" избирать представителей въ Государственную Думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отнюдь нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только „подданными", адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того-же „единогласія". Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика соціальдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ! Когда наканунѣ, въ Шиповскомъ „частномъ" совѣщаніи, часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ „единогласіи", устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права ссылаясь на то, что это „проповѣдь теоріи борьбы", выступаетъ противъ демократической „платформы", заявляя, что это — „посѣвъ" того „раздора, который мы вездѣ видимъ заграницей", то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того „единогласія", на которомъ сошлись земцы? Это единогласіе означаетъ ничто иное, какъ *готовность* измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско японскую войну въ „войну національную". Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляетъ буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ тріумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва Государственной Думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и соціальдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того-же требованія своего—созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое иное представительное учрежденіе, хотя бы оно было и иного калибра, чѣмъ Булыгинская Дума, въ глазахъ соціальдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ Всенародному Учредительному Собранію. Необходимо теперь-же въ связи съ предстоящими выборами въ Думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснить рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ ними, который совершаетъ царское правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за Учредительное Собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли-бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся *рабочіе агитаціонные комитеты* должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней не участвовали. Они должны предъявлять требованіе В. У. С. въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей — заявить въ Думѣ требованіе созыва Учредительнаго Собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго „народнаго" представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. *Ненароднымъ* выборомъ по земскому положенію 1864 г. они должны противоставить идею *народныхъ* выборовъ — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городского и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться „законные" депутаты, выбирать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посылки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Они создадутъ какъ бы цѣлую сѣть представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ. Роль, которую можетъ сыграть такое революціонное самоуправленіе народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необозрима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе Учредительнаго Собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной дилеммой: или съ безнадежно гибнущимъ самодержавіемъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, разумѣется, и въ этихъ *представительныхъ* органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго возстанія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его *классовой* сознательности и *классовой* организованности, мѣрой вліянія и роста соціальдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности „народныхъ" представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь-же должны начать готовить рабочія *массы* къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ Государственной Думы. Отъ состава Думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависѣть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ царизма, будетъ направлено и противъ самой Думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ Думы, и оно-же смететъ ихъ вмѣстѣ съ самодержавіемъ, если они вздумаютъ вести двойную игру и идти на уступки царизму.

ВОЖДЕЛѢНІЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ АГРАРІЕВЪ.

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, на сколько мы могли убѣдиться, сочувственно всей нашей передовой печатью. Всѣ увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ, можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, пріостановить разгорающееся крестьянское движеніе несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кое-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляетъ его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти на встрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюціей мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее насквозь оппортюнизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ Освобожденія г. П. Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселеній и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) „націонализація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи"; такъ какъ „широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель", а „крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу", то устранить зло малоземелья можно только „путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею". Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ предоставить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько старовѣровъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредиты, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую „догму" на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти „догматики" боялись, — и съ своей точки зрѣнія основательно, — что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. „Резолюція, говорили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податного бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землею—мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзокъ невеликъ и не улучшитъ положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго [illegible] слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше [illegible] половину сокращаютъ площ[illegible]удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ [illegible]спективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, [illegible] совсѣмъ [illegible] частное землевладѣніе". (Ц[illegible] 117 Русск. Вѣ[illegible]

Мы видимъ, что расхож[illegible] сторонниками „дополнительнаго надѣла", съ од[illegible] экономическихъ и финансовыхъ реформъ, — съ другой, было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиновниками въ коммиссіи по рабочему вопросу Коковцева. Но то, что не удалось этой коммиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо „несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливой самыми докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюцій о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципіально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія". (Рус. Вѣд.).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 101. **1-го іюня 1905 г.** **Годъ V**

КЪ СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНІЮ.

Эскадра адмирала Рождественскаго, начавшая свое боевое плаваніе позоромъ при Гуллѣ, кончила его позоромъ при Цусимѣ. Всѣ военные спеціалисты сходятся въ томъ, что міръ не видалъ еще такого полнаго, такого позорнаго пораженія, какъ то, которое выпало на долю царскаго флота въ Корейскомъ проливѣ. Да и можно ли было ожидать чего либо другого? Адмиралы, привыкшіе совершать походы только по казеннымъ сундукамъ; офицеры — дѣти привилегированной касты, невѣжественные, опытные въ плаваніи лишь по паркетамъ великосвѣтскихъ гостинныхъ и чиновничьихъ канцелярій; матросы,—наполовину только что оторванные отъ сохи, наполовину — непосредственно передъ отправленіемъ въ походъ получившіе въ Севастополѣ внушительный урокъ любви къ самодержавному отечеству при усмиреніи извѣстнаго „бунта“. Таковъ составъ экипажа, на который Николай Романовъ возложилъ „священную“ миссію отстаивать царизмъ на водахъ Тихаго океана. А самыя суда? А снабженіе эскадры всѣмъ необходимымъ? Достаточно вспомнить ту каинову печать, которой отмѣченъ императорскій двуглавый орелъ, чтобы понять, что хищничество и казнокрадство, не пощадившее Портъ Артура, запускавшее свои цѣпкія лапы въ карманы изголодавшейся и измученной арміи въ Тюренченѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, не дрогнуло и передъ послѣднимъ козыремъ царизма — армадой Рождественскаго.

Нужно только удивляться той силѣ внушенія, которую еще сохраняютъ хвастливые крики правительственной печати и которая заставила даже кое какихъ европейскихъ спеціалистовъ считаться — послѣ Гулля! — съ возможностью побѣды царскаго флота! Европейская и русская реакція все еще *не хотѣла* вѣрить той полной внутренней гнилости и слабости самодержавія, которая давно уже съ математической точностью была констатирована соціальдемократіей, какъ *боялся* вѣрить этой гнилости и слабости европейскій и русскій либерализмъ. Ляоянъ, Мукденъ и Портъ-Артуръ научили либерализмъ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствительности, Цусима — раскрываетъ глаза и реакціи. Послѣ Цусимы русская реакція требуетъ *замѣны* самодержавія военной диктатурой, европейская — въ лицѣ германскаго императора — начинаетъ искать опоры въ счастливомъ желтолицемъ побѣдителѣ, которому еще недавно, „за одинъ косой взглядъ“ грозилъ „бронированный кулакъ“.

Свершилось неизбѣжное. И никогда еще не было такъ ясно, что каждый день дальнѣйшаго существованія царизма и дальнѣйшаго веденія преступной войны означаетъ колоссальную растрату народной крови и народнаго достоянія. Тысячи убитыхъ и сотни милліоновъ рублей стоила народу морская авантюра царизма. Можно уже теперь сказать, что завтрашній день сулитъ новыя и новыя жертвы. Если народъ не заставитъ самодержавіе прекратить войну, — потеря Владивостока и гибель манчжурской арміи неизбѣжны. Но мало того. Послѣ Цусимы болѣе, чѣмъ когда либо война начинаетъ вестись не только на счетъ *настоящаго* страны, но и на счетъ ея *будущаго*. Она грозитъ подрѣзать источники существованія страны и заложить сѣмя новыхъ тяжелыхъ конфликтовъ въ будущемъ. О *господствѣ* на Тихомъ океанѣ теперь, безъ флота, смѣшно и думать. Но сейчасъ рѣчь идетъ уже не о господствѣ, а о сохраненіи тѣхъ позицій на этомъ Средиземномъ морѣ будущаго, которыми Россія уже давно владѣетъ. Потеря же этихъ позицій означаетъ для капиталистической Россіи новое построеніе вопроса о Ближнемъ Востокѣ и грозитъ кровавыми осложненіями на Балканахъ и въ Индіи. Наладившіеся пути капиталистическаго развитія должны будутъ претерпѣть рѣзкое измѣненіе, а такое измѣненіе неизбѣжно будетъ куплено новыми потоками народной крови и народныхъ денегъ.

Вотъ почему такъ остро почувствовалась перемѣна послѣ пораженія при Цусимѣ. Царское правительство отмѣтило эту перемѣну учрежденіемъ фактической диктатуры Трепова. Оно не понимаетъ, что теперь оно слишкомъ безсильно для диктатуры! Диктаторъ можетъ воздвигнуть десятокъ висѣлицъ, онъ можетъ обагрить кровью города и деревни, но онъ безсиленъ задержать гибель самодержавія. Онъ такъ безсиленъ, что первые же шаги его были его пораженіемъ. Онъ запретилъ съѣздъ земцевъ въ Москвѣ, а съѣздъ состоялся; онъ запретилъ собраніе городскихъ головъ въ Москвѣ, а оно собралось; онъ запретилъ засѣданіе петербургской думы, а оно прошло въ полномъ порядкѣ. Демонстраціи рабочихъ въ Петербургѣ и либераловъ въ Павловскѣ, собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, стачки и демонстраціи, револьверные выстрѣлы и бомбы по всей Россіи подчеркиваютъ ничтожество и безсиліе этого диктатора.

При такихъ условіяхъ учрежденіе диктатуры достаточно ясно подчеркиваетъ истинный характеръ того „народнаго представительства“, о близкомъ введеніи котораго носятся упорные слухи, но не лишаетъ достовѣрности самые слухи. Болѣе того. Если у правящей клики осталась хоть капля пониманія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, она должна непремѣнно попытаться ухватиться за это послѣднее средство отсрочить свою гибель. И дѣйствительно, газеты за послѣднее время полны сообщеніями о тѣхъ перипетіяхъ, которыя переживаетъ рожденный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „конституціонный“ уродецъ. Этотъ уродецъ представленъ почтеннѣйшей публикѣ въ напечатанномъ въ № 10495 „Новаго Времени“ сообщеніи о „Государственной Думѣ“. Дальнѣйшія газетныя свѣдѣнія передаютъ, что этотъ булыгинскій проектъ принятъ съ самыми незначительными измѣненіями и совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ можно считать, что мы имѣемъ уже передъ собою въ законченномъ видѣ тотъ „листъ бумаги“, которымъ Николай II думаетъ — въ крайнемъ случаѣ — разсчитаться съ „любезными вѣрноподданными“ за вѣка самодержавнаго хищничества, за сотни тысячъ жертвъ войны внѣшней и внутренней.

Въ этомъ проектѣ все характерно, начиная съ названія будущаго „представительнаго учрежденія“. Даже въ архаическомъ „соборѣ“ царское правительство почуяло слишкомъ „вольный“ душокъ! Начавъ съ „Земскаго Собора“, перейдя къ „Земскому Совѣту“, правительство, какъ говоритъ „Новое Время“, сдѣлало „за истекшій мѣсяцъ“ „измѣненія, касающіяся наименованія нашей будущей нижней палаты“. Въ самомъ названіи былъ сугубо подчеркнутъ *совѣщательный* характеръ учрежденія (*дума!*), вытравлено всякое упоминаніе объ опальной „земщинѣ“ и нарочито выдвинуто подчиненіе „конституціонной“ палаты государственной опричнинѣ!

О самой „конституціи“ не стоитъ, пожалуй, и говорить: $1^{1}/_{2}$-2 мѣсяца въ году засѣдающая „дума“ съ верхней палатой въ видѣ... государственнаго совѣта, сохраняющаго нынѣшнее свое устройство, — что это, какъ не насмѣшка надъ тѣмъ „народнымъ представительствомъ“, котораго требуютъ самые широкіе слои населенія? Но чего нельзя особо не отмѣтить, это той системы избирательнаго права, которая будетъ положена въ основу этого жалкаго „представительства“. Выборы предполагается производить на основѣ избирательной системы земскаго положенія 1864 г. Въ трехъ избирательныхъ коллегіяхъ (съѣздахъ), устанавливаемыхъ этимъ положеніемъ — уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обществъ, — будутъ такъ или иначе представлены всѣ классы населенія — отъ владѣющихъ кое какой собственностью городскихъ мѣщанъ и крестьянъ до купцовъ землевладѣльцевъ и зажиточныхъ, солидныхъ членовъ „либеральныхъ профессій“. Только рабочимъ да еще пролетаризованному интеллигенту-разночинцу нѣтъ мѣста ни въ одномъ изъ „съѣздовъ“. Чечевичной похлебкой каррикатурнаго представительства, царское правительство думаетъ приманить либерализмъ и демократію къ измѣнѣ двигателю россійской революціи — пролетаріату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой революціи.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что значительная часть „прогрессивныхъ“ элементовъ готова была-бы къ такой измѣнѣ, если бы историческая обстановка не толкала ее повелительно на совсѣмъ иной путь. Такъ какъ царское правительство и имущимъ классамъ можетъ дать только *каррикатурное* представительство, и такъ какъ даже и эта каррикатура не можетъ появиться на свѣтъ иначе, какъ въ рамкѣ военной диктатуры, неслыханнаго даже для Россіи разгула административнаго произвола, открытой организаціи правительственныхъ „черныхъ сотенъ“, безграничнаго владычества казацкой нагайки и положенія объ усиленной охранѣ, то и тотъ, кто внутренне уже созрѣлъ для измѣны, не можетъ измѣнять, ибо не самопроизвольно возникающіе идеалистическіе порывы, а жизненные интересы начинающей заживо разлагаться капиталистической націи толкаютъ имущіе классы къ борьбѣ за европейскіе „гарантіи“, за неприкосновенность личности, имущества, жизни, за прочный „правопорядокъ“. И такъ какъ самодержавіе не можетъ дать и тѣни такихъ гарантій, то волей неволей приходится либерализму и демократіи подвигаться все болѣе и болѣе влѣво, все ближе и ближе ко той огненной полосѣ, гдѣ яркимъ пламенемъ вспыхиваютъ проблески народной революціи. На гигантской наковальнѣ военныхъ пораженій вдребезги разобьетъ революціонный молотъ ржавыя оковы царизма,

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что тѣ, кому будетъ даровано „право“ избирать представителей въ Государственную Думу, не захотятъ воспользоваться этимъ правомъ. Отнюдь нѣтъ. Адресъ московскаго земскаго съѣзда, составленный, въ общемъ, въ выраженіяхъ, болѣе или менѣе похожихъ на тѣ, которыми должны говорить люди, хоть на половину сознающіе себя гражданами, а не только „подданными“, адресъ этотъ весьма характерно умалчиваетъ не только объ избирательномъ правѣ, но и о правахъ того представительнаго учрежденія, немедленнаго созыва котораго требуютъ земцы. Та фигура умолчанія, которая была употреблена въ ноябрьскихъ земскихъ резолюціяхъ, и противорѣчивый смыслъ которой пришлось очень скоро раскрывать различнымъ группамъ земцевъ, теперь снова повторяется въ цѣляхъ все того-же „единогласія“. Какъ будто прошлый опытъ все еще не научилъ земскую демократію, что настоятельные запросы революціи и критика соціальдемократіи заставляютъ очень быстро сбрасывать всѣ туманныя оболочки, закрывающія дѣйствительную сущность требованій различныхъ группъ! Когда наканунѣ, въ Шиповскомъ „частномъ“ совѣщаніи, часть тѣхъ самыхъ людей, которые участвовали въ земскомъ „единогласіи“, устами г. Хомякова открыто выступаетъ противъ всеобщаго избирательнаго права, ссылаясь на то, что это „проповѣдь теоріи борьбы“, выступаетъ противъ демократической „платформы“, заявляя, что это — „посѣвъ“ того „раздора, который мы вездѣ видимъ заграницей“, то можетъ ли оставаться хоть малѣйшее сомнѣніе насчетъ смысла того „единогласія“, на которомъ сошлись земцы? Это единогласіе означаетъ ничто иное, какъ *готовность* измѣнить народу; и ту же готовность выражаетъ чудовищное обѣщаніе адреса превратить русско японскую войну въ „войну національную“. Страстное стремленіе объединить всю оппозицію имущихъ классовъ то и дѣло заставляетъ буржуазную демократію дѣлать зигзаги. Но, хотя не какъ свободный человѣкъ, а какъ рабъ, прикованный къ колесницѣ тріумфатора, она вынуждена будетъ идти за побѣдоносной революціей.

Теперь, въ случаѣ осуществленія созыва Государственной Думы, начинается новый фазисъ русской революціи, и соціальдемократія должна быть готова встрѣтить его во всеоружіи, должна быть готова использовать всякую комбинацію обстоятельствъ въ интересахъ все того-же требованія своего—созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Всякое иное представительное учрежденіе, хотя бы оно было и иного калибра, чѣмъ Булыгинская Дума, въ глазахъ соціальдемократіи можетъ быть лишь этапомъ на пути къ Всенародному Учредительному Собранію. Необходимо теперь-же въ связи съ предстоящими выборами въ Думу, развить самую широкую агитацію и заложить основы широкой рабочей партіи. Нужно объяснить рабочимъ массамъ тотъ новый актъ насилія надъ ними, который совершаетъ царское правительство, лишая ихъ избирательнаго права, и нужно организовать ихъ для борьбы за Учредительное Собраніе. Нужно объяснить имъ, какую крупную революціонную роль могли-бы сыграть депутаты рабочихъ въ выборномъ учрежденіи, каковы бы ни были намѣренія творцовъ этого учрежденія. Полулегальные, самовольно образующіеся *рабочіе агитаціонные комитеты* должны быть образованы немедленно. Въ тѣсной связи съ нашей нелегальной организаціей они должны пустить въ ходъ всѣ наличныя въ рабочемъ классѣ силы для агитаціи за созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія и для всесторонняго использованія всей избирательной кампаніи, какіе бы классы и группы въ ней не участвовали. Они должны предъявлять требованіе В. У. С. въ категорической формѣ всѣмъ общественнымъ группамъ, имѣющимъ право на участіе въ выборахъ, они должны требовать отъ этихъ группъ императивнаго мандата для ихъ представителей—заявить въ Думѣ требованіе созыва Учредительнаго Собранія и всѣхъ гарантій, необходимыхъ для свободы выборовъ, и отказаться отъ всякаго участія въ необходимыхъ для правительства, имѣющихъ цѣлью поддержаніе хода государственной машины, работахъ фальсифицированнаго „народнаго“ представительства. Эти агитаціонные комитеты должны стать центромъ тяготѣнія широкихъ рабочихъ массъ и связать ихъ съ подпольной партіей. *Ненароднымъ* выборомъ по земскому положенію 1864 г. они должны противоставить идею *народныхъ* выборовъ — всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Они должны звать всѣ слои населенія—городского и сельскаго—немедленно приступить къ осуществленію этой идеи и одновременно съ тѣмъ, какъ будутъ выбираться „законные“ депутаты, выбирать своихъ собственныхъ, дѣйствительныхъ представителей. Уѣздныя и губернскія собранія такихъ представителей революціоннаго народа, съ возможностью посылки ими своихъ депутатовъ на общероссійское собраніе, могутъ создать мощную организацію для всего революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Они создадутъ какъ бы цѣлую сѣть представительныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія съ революціоннымъ всероссійскимъ представительнымъ собраніемъ во главѣ. Роль, которую можетъ сыграть такое революціонное самоуправленіе народа, если бы его удалось осуществить въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ, необозрима. Оно сможетъ диктовать свое требованіе Учредительнаго Собранія всѣмъ прочимъ прогрессивнымъ группамъ, ибо поставитъ ихъ передъ совершенно ясной дилеммой: или съ безнадежно гибнущимъ самодержавіемъ, или съ безусловно побѣждающей революціей.

Но, разумѣется, и въ этихъ *представительныхъ* органахъ революціоннаго самоуправленія, въ этой дѣйствительной организаціи всенароднаго возстанія, движущимъ нервомъ, ферментомъ революціоннаго броженія останется сознательный пролетаріатъ. Мѣрой его *классовой* сознательности и *классовой* организованности, мѣрой вліянія и роста соціальдемократіи, самостоятельной рабочей партіи, будетъ опредѣляться мѣра революціонности „народныхъ“ представительныхъ органовъ. А потому для успѣха борьбы мы теперь-же должны начать готовить рабочія *массы* къ активному и самостоятельному выступленію въ связи съ созывомъ Государственной Думы. Отъ состава Думы, отъ способа дѣйствія ея членовъ будетъ зависѣть, насколько это выступленіе, направленное прежде всего противъ царизма, будетъ направлено и противъ самой Думы. Оно поддержитъ революціонные шаги членовъ Думы, и оно-же смететъ ихъ вмѣстѣ съ самодержавіемъ, если они вздумаютъ вести двойную игру и идти на уступки царизму.

ВОЖДЕЛѢНІЯ ЛИБЕРАЛЬНЫХЪ АГРАРІЕВЪ.

На состоявшемся въ концѣ апрѣля съѣздѣ по аграрному вопросу земскихъ дѣятелей и представителей науки на основаніи ряда докладовъ и послѣ преній принята была резолюція, встрѣченная, на сколько мы могли убѣдиться, сочувственно всей нашей передовой печатью. Всѣ увѣрены, что проведеніе въ жизнь содержащихся въ этой резолюціи мѣръ, можетъ немедленно помочь крестьянству и умиротворить его.

Потребностью умиротворить крестьянъ, пріостановить разгорающееся крестьянское движеніе несомнѣнно въ сильной степени руководились и участники съѣзда. Еще далекіе отъ ночи четвертаго августа, еще надѣясь нѣкоторыми уступками предупредить всеобщее аграрное возстаніе, представители помѣщичьяго землевладѣнія готовы поторговаться съ крестьянствомъ, сдѣлать ему кое-какія уступки.

Съ другой стороны, вызванная общими условіями развитія русской общественной жизни, политическая эволюція земства въ послѣднее время заставляетъ его искать опоры въ народѣ и прежде всего въ крестьянствѣ. Это обстоятельство должно было заставить земскихъ либераловъ принять во вниманіе требованія крестьянъ и въ той или иной формѣ пойти на встрѣчу ихъ желаніямъ. Если при всемъ томъ отъ предлагаемыхъ ихъ резолюціей мѣропріятій отдаетъ духомъ крѣпостничества, то въ этомъ повинна, конечно, не ихъ злая воля, а ихъ классовая подоплека. Всеобщее же удовольствіе прогрессивной прессы мы можемъ объяснить только тѣмъ пропитавшимъ ее насквозь оппортюнизмомъ, который такъ старательно прививаетъ ей на столбцахъ Освобожденія г. П. Струве.

Отказавшись, въ соотвѣтствіи съ духомъ новаго времени, отъ всякаго рекламированія крестьянскихъ банковъ, мелкихъ кредитовъ, организацій переселеній и проч. и проч., наши земцы въ своей московской резолюціи указываютъ, что одной изъ первыхъ задачъ народнаго представительства является аграрная реформа, т. е., по указанію той же резолюціи, борьба съ малоземельемъ. Но такъ какъ (цитируемъ резолюцію) „національзація земли въ настоящее время не можетъ служить практической программой аграрной политики въ Россіи“; такъ какъ „широкое развитіе переселенія невозможно, за недостаткомъ пригодныхъ для того свободныхъ земель“, а „крестьянскій банкъ при современной его организаціи не можетъ помочь злу“, то устранить зло малоземелья можно только „путемъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею“. Откуда же взять эту землю и на какихъ основаніяхъ предоставить ее крестьянству?

На съѣздѣ присутствовало нѣсколько старовѣровъ, которые не потеряли еще вѣры въ кредиты, переселенія и т. под. и не такъ еще пропитались духомъ новаго времени, чтобы мѣнять старую „догму“ на новую. Не проникшись еще, по этой причинѣ, мыслью о необходимости пойти на уступки народу, эти „догматики“ боялись, — и съ своей точки зрѣнія основательно, — что уступчивостью можно лишь создать прецедентъ для крестьянской жадности и поэтому пытались вернуть собраніе на стезю стариннаго правовѣрія. „Резолюція, говорили они, указываетъ только на необходимость дополнительнаго надѣленія крестьянъ и оставляетъ въ сторонѣ другія стороны вопроса, не менѣе существенныя, а именно интенсификацію крестьянскаго хозяйства, облегченіе податного бремени, другія экономическія и финансовыя реформы. Само по себѣ проектируемое надѣленіе крестьянъ землею—мѣра палліативная по отношенію къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, такъ какъ проектируемый размѣръ прирѣзокъ невеликъ и не улучшитъ положенія крестьянъ въ сравненіи съ ихъ положеніемъ послѣ 1861 года; постепенный же приростъ населенія черезъ 20—30 лѣтъ снова создастъ острое малоземелье, какимъ страдаетъ деревня теперь. Съ другой стороны, для частнаго землевладѣнія практикуемыя мѣры слишкомъ радикальны, такъ какъ уже теперь больше, чѣмъ на половину сокращаютъ площади удобныхъ помѣщичьихъ земель и, кромѣ того, оставляютъ перспективу возможности въ будущемъ дальнѣйшихъ отрѣзокъ, грозящихъ совсѣмъ уничтожить частное землевладѣніе“. (Цит. по № 117 Русск. Вѣд.)

Мы видимъ, что расхожденіе между сторонниками „дополнительнаго надѣла“, съ одной стороны, и экономическихъ и финансовыхъ реформъ,—съ другой, было, по меньшей мѣрѣ, столь же глубоко, какъ расхожденіе между фабрикантами и чиновниками въ коммиссіи по рабочему вопросу Коковцева. Но то, что не удалось этой коммиссіи—найти синтезъ между экономикой и политикой—было благополучно рѣшено на аграрномъ съѣздѣ, ибо „несмотря на указанныя возраженія, часть которыхъ была признана справедливой самыми докладчиками, основное положеніе докладовъ и проекта резолюцій о необходимости дополнительнаго надѣленія крестьянъ землей путемъ отрѣзокъ отъ частновладѣльческихъ земель при посредствѣ выкупа, почти не вызвало возраженій, и принципіально противъ нея высказался только одинъ участникъ совѣщанія“. (Рус. Вѣд.).

Итакъ—*выкупъ*, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. „Нужно, говоритъ князь Петръ Д. Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли", „чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земель въ руки земледѣльца".[1]. Нужно, слѣдовательно, чтобы крестьянство заплатило въ три дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно незамѣтно для самого себя оказалось спутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. „Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ,[2] на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 300 мил. переведены были на крестьянъ и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время для выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ". Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить отъ нынѣшнихъ кредиторовъ.

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. „При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія".[1] Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности.. свои либеральныя идеи. „При представительномъ образѣ правленія, — читаемъ мы въ докладѣ М. Я. Герценштейна по вопросу о національзаціи земли, — въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антогонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія". Увѣренность господина профессора рѣшительно ни на чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втягиваніи его въ соціально-политическую борьбу. Исторія Англіи больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англіи показываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшему. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подчасъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обезпечены землей, даже раньше, чѣмъ всѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ такимъ образомъ часть крестьянскаго населенія прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ помѣщикамъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получитъ клочекъ земли, но въ то же время приготовляются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни отрывается отъ союза съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ въ надеждѣ стать *самостоятельными* хозяевами деревенская бѣднота не видитъ больше надобности бороться съ эксплуататорами *наемныхъ* рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануйлова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: „съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануйловъ, вполнѣ правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ". Словомъ, крестьянинъ не только временно-обязанный плательщикъ государства, но отдается ему цѣликомъ подъ опеку. И понятно, что объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, царская, а новая, либеральная, назначенная „народными" представителями: „въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя коммиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго надѣленія землею". (Рус. Вѣд. № 123) Sapienti sat! Ища *со-чувствія* крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы боятся ихъ *со-дѣйствія*. Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу на счетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность, и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вожделѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вожделѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

---

[1] № 116 Рус. Вѣд., докладъ князя Петра Д. Долгорукова „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія".

[2] М. Я. Герценштейна о крест. поземельномъ банкѣ, см. Рус. Вѣд. № 122.

[1] Тамъ же.

Изъ русской жизни.

Празднованіе 1-го мая въ районѣ Кубанскаго Комитета. Дѣятельность Кубанскаго комитета нашей партіи за послѣднее время сильно разрослась вширь и вглубь. Съ каждымъ днемъ силы организаціи растутъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области образуются новыя группы, но организація самого Кубанскаго комитета еще только складывается, и теперь на очереди стоитъ вопросъ о выработкѣ формы организаціи и устава комитета.

Объединяя дѣятельность группъ въ Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, на ст. Кавказской, Тихорѣцкой, Армавирѣ, Майкопѣ и другихъ мѣстахъ, Куб. Обл. комитетъ рѣшилъ вести майскую агитацію, по возможности, однообразно. 18-го апрѣля и 1-го мая (по ст. ст.) вездѣ должны были происходить массовки, на которыхъ выступали агитаторы Куб. комитета, вездѣ были распространены прокламаціи съ призывомъ праздновать рабочій праздникъ, для чего издано было 10 тыс. первомайскихъ листковъ и 2 тыс. пѣсенъ борьбы на 1-е мая 1905 г., кромѣ прокламацій мѣстныхъ группъ, и 4 тыс. прокламацій, изданныхъ Ц. К. Гдѣ организованныя силы позволяли, тамъ рѣшено было устроить демонстраціи (по ст. ст.), такъ какъ, на запросъ Южн. Бюро Ц. К. о празднованіи, отъ него полученъ былъ краткій отвѣтъ, что по случаю съѣзда, 18-го апрѣля майскій праздникъ устроить не удастся. Мы даемъ пока отчетъ о майскихъ дняхъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Новороссійская группа Куб. Ком.

Январьскіе дни не вызвали у насъ открытаго протеста противъ царскаго самодержавія, но они сильно всколыхнули рабочую массу. Начался сильный приливъ въ организацію. Въ началѣ марта подъ знаменемъ С.-Д. насчитывалось до 30 кружковъ. Цѣлый рядъ ночныхъ агитаціонныхъ собраній въ горныхъ ущельяхъ сильно революціонизировалъ рабочую массу. Съ 1 по 15 апрѣля было устроено около 8-и районныхъ сходокъ. На каждой сходкѣ присутствовало отъ 150—300 человѣкъ, говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и Земскомъ Соборѣ, выяснялась программа минимумъ С.-Д. Городъ былъ подраздѣленъ на три района. Благодаря районнымъ собраніямъ организаторовъ и агитаторовъ, которые вербовались изъ наиболѣе энергичныхъ рабочихъ, организація группы расширилась, захватывая все большія и большія массы, стремясь органически, живыми нитями связать группу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ. На пасхѣ ожидался погромъ интеллигенціи и евреевъ. Городъ былъ полонъ слуховъ. Говорили, что правительство готовитъ провокаторскій фокусъ: будто-бы, явившись въ церковь, его агенты сорвутъ иконы, прокричатъ: „долой самодержавіе", свалятъ все на соціалистовъ и поведутъ „черную сотню" и любителей сильныхъ ощущеній бить интеллигенцію и евреевъ. Организація мало довѣряла слухамъ, но все-таки приняла мѣры предосторожности. Въ церковь явились вооруженные рабочіе, два дня по городу ходили рабочіе патрули; настроеніе рабочей массы повышалось. Нуженъ былъ незначительный инцидентъ, чтобы это настроеніе выразилось въ бурномъ протестѣ. Въ городъ еще до пасхи, по приглашенію благоразумныхъ думцевъ, была введена сотня казаковъ во главѣ съ офицеромъ Евилейскимъ. Евилейскій — извѣстный пьяница и самодуръ. Онъ отличался у насъ еще во время забастовки 1902 г. Этотъ выродокъ, путешествуя по городу въ сопровожденіи двухъ казаковъ 24 апрѣля, ударилъ по лицу рабочаго, проходившаго мимо съ малолѣтней дочерью. На крикъ быстро сбѣжались рабочіе. Казаки обнажили шашки, офицеръ вынулъ револьверъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, организованный рабочій, схватилъ два булыжника и устремился на офицера. Послѣдній выстрѣлилъ и ранилъ дѣвочку. Товарищъ ударилъ наглеца камнемъ, и храбрый воинъ пустился бѣжать, преслѣдуемый толпой рабочихъ. Была-бы „собакѣ—собачья смерть", да удалось ей скрыться въ меблированныя комнаты. Толпа около двухъ тысячъ человѣкъ долго аттаковывала зданіе, пока офицеръ не былъ арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ въ Екатеринодаръ. На мѣсто происшествія были вызваны двѣ роты солдатъ. Слышно, что солдаты передъ выходомъ изъ казармы дали другъ другу клятву не стрѣлять въ народъ. За недѣлю до 1-го мая группа выработала планъ первомайской кампаніи. Рѣшено было устроить демонстрацію 1 мая и общую забастовку 2 мая; чтобы гарантировать успѣхъ празднованія и привлечь болѣе широкіе слои населенія, предполагалось 27-го апрѣля организовать общую массовку за городомъ, 28-го демонстрацію въ думѣ, 29-го митинги на заводахъ. Планъ кампаніи обсужденъ былъ на собраніи районныхъ организаторовъ и принятъ единогласно. 27-го апрѣля состоялась общая массовка. Присутствовало до 900 чел. Говорили 4 оратора. Картина была захватывающая. Луна тускло освѣщала наше убѣжище въ расщелинѣ горы, а тамъ въ отдаленіи у нашихъ ногъ лежалъ въ освѣщеніи буржуазный городъ и величественно обрисовывались контуры элеватора. Говорилось о значеніи 1-го мая, о преступленіяхъ царскаго самодержавія, объ Учредительномъ Собраніи и объ отношеніи къ либераламъ. Глаза пролетаріевъ блистали огнемъ, мускулистыя руки грозно поднимались кверху и изъ 900 пролетарскихъ грудей мощно вылетало: „долой самодержавіе!", „смерть тиранамъ!", „да здравствуетъ Учредительное Собраніе!", „да здравствуетъ соціальдемократія!". Эти клики раздавались непрестанно, они носились въ воздухѣ, грозно неслись по скату горы и, все болѣе распространяясь, они достигали уха испуганной администраціи. На предложеніе одного оратора выйти на первомайскую демонстрацію и 2-го мая забастовать послышалось мощное и дружное — „согласны". На этомъ-же

Къ работамъ „твердаго" съѣзда.

Вопросы организаціонные.

Знаменательной чертой „твердаго" съѣзда является въ высшей степени консервативный характеръ тѣхъ его рѣшеній, которыя имѣютъ отношеніе къ *организаціоннымъ* вопросамъ.

Начать съ постройки партіи въ цѣломъ. Стоитъ только пробѣжать новый уставъ, выработанный съѣздомъ, чтобы убѣдиться, что принимавшіе его товарищи стояли всецѣло на почвѣ *механическаго централизма*. Исторически сложившаяся ячейка нашей партійной руководящей организаціи — комитетъ. Со времени второго съѣзда мы бьемся надъ задачей *объединенія* работы многочисленныхъ комитетовъ, надъ задачей созданія *центральнаго аппарата* руководства. Какъ рѣшала Партія эту задачу до сихъ поръ? Опытъ по руководству пролетарскимъ движеніемъ имѣлся въ головахъ наиболѣе поработавшихъ, наиболѣе энергичныхъ и наилучше подготовленныхъ „комитетчиковъ". Совокупность ихъ, воплощенная (по идеѣ) въ партійномъ съѣздѣ, намѣчаетъ *общія* директивы для партійныхъ работниковъ. Но дальнѣйшая разработка этихъ директивъ, примѣненіе ихъ къ быстро мѣняющимся внѣшнимъ условіямъ нашей борьбы, самостоятельная иниціатива въ новыхъ для партіи вопросахъ — все это должно быть дѣломъ постояннаго спеціальнаго органа — центральнаго комитета. Какъ же образовать такой органъ? Прежняя практика рѣшала его въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть составленъ изъ „немѣстныхъ" спеціалистовъ — изъ товарищей, не связанныхъ съ мѣстной работой, ибо „комитетчики", связанные съ нею, прежде всего, считаются ограниченными въ своемъ кругозорѣ мѣстныхъ практиковъ и зараженными „приходскимъ духомъ". Приходится, слѣдовательно, составлять Центральный Комитетъ изъ соціальдемократовъ, не ведшихъ продолжительной и успѣшной работы по организаціи рабочихъ, по агитаціи и пропагандѣ въ ихъ средѣ. Гдѣ взять такихъ? Функціи технически конспиративныя всякаго рода создали значительные кадры такихъ „профессіоналовъ". Коллегія наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ и составитъ Ц. К., прочіе — тотъ многочисленный персоналъ „агентовъ" и „бюро", при посредствѣ котораго она будетъ выполнять функціи политическаго руководства.

Какъ же она будетъ выполнять ихъ? Объединеніе работы мѣстныхъ комитетовъ требуетъ отличнаго пониманія ея методовъ и ея условій; *руководство* ею требуетъ, чтобы руководящіе являлись иниціаторами въ дѣлѣ постояннаго улучшенія способовъ агитаціи, пропаганды, организаціи; чтобы они постоянно направляли ведущуюся комитетами политическую борьбу. Первое условіе для этого, чтобы руководящій центръ являлся хорошо освѣдомленнымъ о ходѣ работы во всѣхъ концахъ Россіи, чтобы онъ могъ изъ одного пункта охватывать всю партійную работу въ цѣломъ. Механическій централизмъ рѣшалъ эту задачу какъ нельзя проще. Центръ связанъ извѣстными нитями съ каждой изъ многочисленныхъ мѣстныхъ организацій. По этимъ нитямъ мѣстныя организаціи передаютъ въ центръ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о ходѣ движенія, свой политическій опытъ; перерабатывая весь этотъ матеріалъ, центръ долженъ выполнять свою функцію руководства.

Практика показала, что должно получиться при такомъ построеніи. Партійный центръ, получая прошедшія черезъ призмы его агентовъ и бюро сообщенія о ходѣ работы на мѣстахъ, *никогда* не имѣлъ передъ собой сколько-нибудь полной и вѣрной картины движенія. Состоя изъ дѣятелей, очень мало или вовсе не связанныхъ съ мѣстной работой, центральная коллегія совершенно не пріобрѣтала навыковъ въ руководствѣ движеніемъ, не развивала въ себѣ умѣнія давать иниціативу, направлять, въ качествѣ *практическаго* центра, политическую дѣятельность комитетовъ, вести ихъ за собою на путь опредѣленныхъ политическихъ дѣйствій. *Ни разу* за время существованія Ц. К. (и „бюро большинства", замѣнившаго собою для части партіи Ц. К.), отъ него не вышла какая нибудь иниціатива въ дѣлѣ политической борьбы. Поскольку въ дѣйствіяхъ нашихъ комитетовъ замѣчалось единство содержанія агитаціи по опредѣленному политическому вопросу, оно достигалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой заграничному *литературному* центру удавалось бросить опредѣленные политическіе лозунги и въ какой эти послѣдніе усваивались комитетами (агитація противъ войны, земская кампанія). Обѣ „маевки" послѣднихъ двухъ лѣтъ прошли безъ всякаго организаціоннаго вліянія Ц. К. на агитацію комитетовъ. Могучее движеніе въ январѣ-февралѣ точно также направлялось комитетами, независимо отъ Ц. К. Партійный русскій центръ выполнялъ, такъ или иначе, техническія и административныя въ узкомъ смыслѣ функціи, политической работы онъ почти не выполнялъ. Состоя изъ спеціалистовъ технико-конспиративной отрасли нашего революціоннаго дѣла, онъ въ самомъ себѣ не обладалъ никакими гарантіями пригодности къ роли политически руководящей организаціи, а его собственный организаціонный аппаратъ былъ какъ бы нарочно приспособленъ къ тому, чтобы не развивать въ немъ политическихъ способностей, чтобы затруднять ему выполненіе функціи руководства даже въ наиболѣе простомъ видѣ. Благодаря упрощенному характеру централизма, проведеннаго въ его громоздкой организаціи,—Ц. К. + агенты + мѣстные комитеты — даже общерусскія политическія прокламаціи, выпускавшіяся имъ въ цѣляхъ объединенія мѣстной агитаціи, по роковой необходимости, приходили всегда на мѣста съ непозволительнымъ опозданіемъ, раздражая мѣстныхъ практиковъ соображеніями о тщетѣ затраты многочисленныхъ партійныхъ средствъ и силъ: такъ, листокъ о пораженіи подъ Ляояномъ пришелъ на мѣста ко времени битвы подъ Мукденомъ, листки о политикѣ Святополкъ-Мирскаго—къ тому времени, когда царили уже Булыгинъ съ Треповымъ. Въ результатѣ,—мѣстные комитеты, нуждавшіеся въ общепартійной организаціи политической агитаціи, оставались предоставленными собственнымъ силамъ, и это въ значительной степени потому, что стремленіе къ „идеально"—простой и совершенной формѣ централизаціи, выражающейся въ *одной* центральной группѣ, горделиво возвышающейся надъ полусотней разсѣянныхъ по всей Россіи комитетовъ, убивало въ корнѣ всякую возможность для *такого* центра объединить и координировать что бы то ни было. Развѣтвленіе Центральнаго Комитета въ видѣ сѣти бюро и спеціальныхъ агентовъ только ухудшало дѣло, почти не подвигая впередъ къ выполненію поставленной задачи. Кое что полезное эти бюро Ц. К. выполняли, но лишь постольку, поскольку, отступая отъ централистической схемы, становились подобіемъ автономныхъ областныхъ центровъ; поскольку же они сохраняли значеніе исполнительныхъ группъ „сильнаго" центра, они только отрѣзывали его окончательно отъ непосредственнаго общенія съ мѣстными работниками и содѣйствовали его вырожденію въ чистую „руководящую" канцелярію, въ свою очередь, создавая вокругъ послѣдней чисто бюрократическій институтъ. Укрѣпленіе мѣстнаго „кустарничества" въ области политической работы и неизмѣрное развитіе партійной бюрократіи,—таковъ конечный итогъ нашей централистической практики.

Здѣсь намъ надо отвести одно ходячее возраженіе. Развѣ въ западно-европейскихъ соц. демократическихъ партіяхъ нѣтъ такой же „бюрократіи" спеціалистовъ на общепартійныхъ функціяхъ? Почему германскій Vorstand — группа изъ пяти лицъ — можетъ выбираться на съѣздѣ, а русскій — нѣтъ? Говорящіе такъ забываютъ, что помимо наличности въ той же Германіи сложнаго аппарата областныхъ центровъ, условія работы германскихъ товарищей мѣшаютъ вырожденію общепартійныхъ центровъ въ учрежденія бюрократическія. Ауэрамъ и Бебелямъ нѣтъ необходимости работать въ мѣстныхъ группахъ, чтобы *соприкасаться* съ массовымъ движеніемъ въ роли пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ. Парламентская дѣятельность и избирательная борьба, агитаціонныя собранія и непосредственное участіе въ руководствѣ крупными стачками—всѣ эти и многія другія „возможности" предоставляются членамъ германскихъ центровъ для „повседневнаго" упражненія въ себѣ способности политическихъ дѣятелей. Между тѣмъ какъ у насъ конспиративныя условія неизбѣжно отрываютъ „профессіоналовъ" общепартійной работы отъ всякаго почти общенія съ проявленіями политической дѣятельности массъ.

Надо ли говорить, въ какой мѣрѣ бюрократическое вырожденіе нашего централизма парализуетъ партійную работу? Пролетарское движеніе неудержимо выливается за предѣлы узкой мѣстной борьбы. Кто хочетъ сохранить за собой руководство имъ, обязанъ стремиться координировать, объединять работу соціальдемократіи на всемъ протяженіи движенія. Это необходимо даже для „будничной" борьбы, которая, впрочемъ, все болѣе и болѣе становится непрерывающейся гражданской войной, революціей въ полномъ смыслѣ слова. А вѣдь, въ перспективѣ у насъ — „всенародное вооруженное возстаніе". Не только „назначить" и „подготовить" его, но просто руководить имъ и объединить его проявленія немыслимо при той организаціонной „разбросанности", которая царитъ въ партіи. Нужна самая тѣсная связь между руководящими мѣстнымъ движеніемъ центрами; нужна революціонная иниціатива и организаціонное руководство, не сваливающіяся, какъ снѣгъ на голову, изъ далекаго центра на мѣстныя группы, не рождающіяся внезапно въ тиши болѣе или менѣе замкнутыхъ „центральныхъ" кружковъ, но вырабатывающіяся на практикѣ постояннаго коллективнаго обсужденія и обмѣна мнѣній, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ работой тысячъ нашихъ агитаторовъ, организаторовъ и пропагандистовъ. Нужно, чтобы не только одинъ какой нибудь центръ, но и вся „округа", вся, по возможности, партія знала заранѣе о томъ, что готовится въ ближайшемъ будущемъ въ такомъ то пунктѣ движенія, какое массовое выступленіе стихійно наростаетъ, какія опредѣленныя дѣйствія планомѣрно подготовляются организаціей; чтобы вся партія могла принять свои подготовительныя мѣры, дабы имѣть возможность „подхватить" начавшееся въ одномъ углу движеніе; нужно, чтобы партійный центръ обозрѣвалъ ясную для него картину состоянія движенія, могъ, въ виду наступающихъ событій, *съ увѣренностью*, а не очертя голову, дать тотъ или иной пароль къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ по всей линіи. Это именно и будетъ тѣмъ централизованнымъ руководствомъ, о которомъ у насъ столько говорятъ и для возможности котораго такъ мало

Итакъ—*выкупъ*, какъ синтезъ между политикой и экономикой! Государственной власти или народному представительству предстоитъ принять мѣры, чтобы не дать крестьянству уйти отъ новой кабалы, какъ оно не могло и до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться отъ кабалы старой. „Нужно, говоритъ князь Петръ Д Долгоруковъ, чтобы выкупъ былъ произведенъ по справедливой оцѣнкѣ земли“, „чтобы реформа эта была совершена безъ насильственной ломки, постепенно, при мирномъ переходѣ земель въ руки земледѣльца“.[1]. Нужно, слѣдовательно, чтобы крестьянство заплатило въ три дорога за землю, большая часть которой у него же въ свое время была отрѣзана, чтобы оно заплатило долги разорившихся помѣщиковъ и помогло имъ дальше вести свое хозяйство, чтобы, слѣдовательно, оно незамѣтно для самого себя оказалось спутаннымъ по рукамъ и ногамъ новыми тяготами. „Въ 1861 году, говорится въ другомъ докладѣ,[2] на выкупную операцію потребовалось до 900 мил. р.; болѣе 300 мил. переведены были на крестьянъ и выпущено около 600 мил. бумагъ. Въ настоящее время для выкупной операціи не будетъ противодѣйствія со стороны кредитныхъ учрежденій, въ которыхъ заложена выкупная земля. Если государство приметъ на себя эту операцію, гарантируя платежи, то частные банки легко согласятся на переводъ долга на крестьянъ“. Еще бы не согласиться, когда правительство гарантируетъ платежи и проценты и проценты съ процентовъ, которые будутъ выколачиваться съ крестьянъ, но которые часто не легко бываетъ получить отъ нынѣшнихъ кредиторовъ.

Но если съ крестьянствомъ не считали нужнымъ церемониться, то объ интересахъ помѣщичьяго землевладѣнія не забываютъ ни на одну минуту (объ этомъ, правда, въ резолюціи не говорятъ, но не забываютъ ни въ одномъ докладѣ). Помѣщичьему землевладѣнію не только приносятся въ жертву интересы крестьянской массы и государства, но считаютъ нужнымъ принять особыя мѣры къ его сохраненію и процвѣтанію. „При проведеніи выкупной операціи должны быть сохранены помѣщичьи единицы, чтобы хозяйство могло вестись безъ ущерба для владѣльцевъ, чтобы была сохранена требуемая условіями хозяйства данной мѣстности пропорція угодій, чтобы постройки не оказывались тягостью при сокращеніи площади помѣщичьяго владѣнія“.[1] Въ награду за эти жертвы господа помѣщики обѣщаютъ сохранить въ неприкосновенности.. свои либеральныя идеи. „При представительномъ образѣ правленія, — читаемъ мы въ докладѣ М. Я Герценштейна по вопросу о національзаціи земли, — въ высшей степени желательно, чтобы капиталисты имѣли въ палатѣ противовѣсъ въ лицѣ землевладѣльцевъ. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи блистательно показываетъ, какое вліяніе можетъ оказать антогонизмъ, существующій между землевладѣльцами и капиталистами. Не менѣе важное значеніе имѣетъ частное землевладѣніе для самоуправленія, которое у насъ не сказало еще своего послѣдняго слова. Нельзя отрицать, что наши земства играли и продолжаютъ играть очень видную роль въ исторіи нашего политическаго и общественнаго развитія“. Увѣренность господина профессора рѣшительно ни на чемъ не основана. На европейскомъ континентѣ антагонизмъ между землевладѣльцами и капиталистами приводилъ чаще всего не къ развитію фабричнаго законодательства, а къ усиленію эксплуатаціи рабочихъ массъ, такъ какъ каждый изъ этихъ классовъ предпочиталъ укрѣплять свое господство на угнетеніи народа, а не на втягиваніи его въ соціально-политическую борьбу. Исторія Англіи больше нигдѣ не повторилась, да новѣйшая исторія Англіи показываетъ, что и тамъ въ этомъ отношеніи многое измѣнилось къ худшиму. А что касается спеціально нашихъ земцевъ, то особенной заботливостью объ интересахъ рабочихъ они не отличались: для городскихъ рабочихъ ими сдѣлано весьма мало, а сельскимъ рабочимъ отъ дѣятельности земствъ было не тепло, а подчасъ очень холодно.

Особый пунктъ резолюціи требуетъ, чтобы безземельные крестьяне, ведущіе самостоятельное земледѣльческое хозяйство, также были обезпечены землей, даже раньше, чѣмъ всѣ другія группы. Такая заботливость о полупролетарскихъ элементахъ деревни во всякомъ случаѣ связана съ очень чувствительными удобствами для помѣщиковъ, такъ какъ такимъ образомъ часть крестьянскаго населенія прикрѣпляется къ опредѣленному мѣсту и обезпечиваетъ помѣщикамъ нужныя въ хозяйствѣ рабочія руки. Безземельное крестьянство получитъ клочекъ земли, но въ то же время приготовляются послушные рабочіе въ будущемъ, а полупролетарское населеніе деревни отрывается отъ союза съ сельско-хозяйственными рабочими въ борьбѣ за улучшеніе условій труда, такъ какъ въ надеждѣ стать *самостоятельными* хозяевами деревенская бѣднота не видитъ больше надобности бороться съ эксплуататорами *наемныхъ* рабочихъ.

Еще нѣсколько замѣчаній для полноты характеристики либерально-аграрныхъ затѣй. По мнѣнію профессора А. А. Мануйлова, дополнительные надѣлы должны быть прирѣзаны не въ собственность крестьянъ а въ собственность государства, которое будетъ передавать землю въ пользованіе крестьянъ: „съ принципіальной и практической точки зрѣнія, говоритъ профессоръ Мануйловъ, вполнѣ правильно, чтобы эта выкупленная земля принадлежала къ государственному земельному фонду и отдавалась имъ въ пользованіе, такъ какъ выкупъ совершается ради государственныхъ интересовъ, и государство должно распоряжаться такъ, какъ считаетъ нужнымъ въ общественныхъ интересахъ“. Словомъ, крестьянинъ не только временно-обязанный плательщикъ государства, но отдается ему цѣликомъ подъ опеку. И понятно, что объ его интересахъ будетъ продолжать заботиться бюрократія, не нынѣшняя, царская, а новая, либеральная, назначенная „народными“ представителями: „въ каждой губерніи должны быть учреждены особыя поземельныя коммиссіи общественно-государственнаго характера съ возложеніемъ на нихъ заботъ о поддержаніи крестьянскихъ интересовъ и съ порученіемъ имъ осуществленія реформы дополнительнаго надѣленія землею“. (Рус. Вѣд. № 123). Sapienti sat! Ища со-*чувствія* крестьянъ, господа крупные землевладѣльцы боятся ихъ со-*дѣйствія* Чтобы избѣжать революціоннаго вмѣшательства народа, они придумываютъ аграрную программу, въ осуществленіи которой этотъ самый народъ не игралъ бы никакой роли. Съ этой цѣлью аграрный вопросъ вырывается изъ всей общеполитической обстановки и намѣчается рядъ мѣропріятій, которыя, обманывая народную массу на счетъ удовлетворенія ея потребности въ землѣ, на самомъ дѣлѣ налагаютъ на народъ новую тяжесть въ формѣ выкупныхъ платежей, сохраняютъ обособленность крестьянства, какъ сословія, несущаго особую повинность, и находящагося подъ спеціальной опекой государственной власти.

Таковы вожделѣнія нашихъ либеральныхъ аграріевъ, вожделѣнія, которыя проистекаютъ именно изъ двойственности ихъ существа: какъ либералы и аграріи они не могутъ желать ни революціонизированія деревни, ни полной демократизаціи ея строя.

---

[1] № 116 Рус. Вѣд., докладъ князя Петра Д. Долгорукова „Аграрный вопросъ съ точки зрѣнія крупнаго землевладѣнія“.

[2] М. Я. Герценштейна о крест. поземельномъ банкѣ, см. Рус. Вѣд. № 122.

[1] Тамъ же.

Изъ русской жизни.

Празднованіе 1-го мая въ районѣ Кубанскаго Комитета. Дѣятельность Кубанскаго комитета нашей партіи за послѣднее время сильно разрослась вширь и вглубь. Съ каждымъ днемъ силы организаціи растутъ, въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области образуются новыя группы, но организація самого Кубанскаго комитета еще только складывается, и теперь на очереди стоитъ вопросъ о выработкѣ формы организаціи и устава комитета.

Объединяя дѣятельность группъ въ Новороссійскѣ, Екатеринодарѣ, на ст. Кавказской, Тихорѣцкой, Армавирѣ, Майкопѣ и другихъ мѣстахъ, Куб. Обл. комитетъ рѣшилъ вести майскую агитацію, по возможности, однообразно. 18-го апрѣля и 1-го мая (по ст. ст.) вездѣ должны были происходить массовки, на которыхъ выступали агитаторы Куб. комитета, вездѣ были расоространены прокламаціи съ призывомъ праздновать рабочій праздникъ, для чего издано было 10 тыс. первомайскихъ листковъ и 2 тыс. пѣсенъ борьбы на 1-е мая 1905 г., кромѣ прокламацій мѣстныхъ группъ, и 4 тыс. прокламацій, изданныхъ Ц. К. Гдѣ организованныя силы позволяли, тамъ рѣшено было устроить демонстраціи (по ст. ст.), такъ какъ, на запросъ Юж. Бюро Ц. К. о праздновaніи, отъ него полученъ былъ краткій отвѣтъ, что по случаю съѣзда, 18 го апрѣля майскій праздникъ устроить не удастся. Мы даемъ пока отчетъ о майскихъ дняхъ въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

Новороссійская группа Куб. Ком.

Январьскіе дни не вызвали у насъ открытаго протеста противъ царскаго самодержавія, но они сильно всколыхнули рабочую массу. Начался сильный приливъ въ организацію. Въ началѣ марта подъ знаменемъ С.-Д. насчитывалось до 30 кружковъ. Цѣлый рядъ ночныхъ агитаціонныхъ собраній въ горныхъ ущельяхъ сильно революціонизировалъ рабочую массу. Съ 1 по 15 апрѣля было устроено около 8-и районныхъ сходокъ. На каждой сходкѣ присутствовало отъ 150—300 человѣкъ, говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и Земскомъ Соборѣ, выяснялась программа минимумъ С.-Д. Городъ былъ подраздѣленъ на три района. Благодаря районнымъ собраніямъ организаторовъ и агитаторовъ, которые вербовались изъ наиболѣе энергичныхъ рабочихъ, организаціи группы расширилась, захватывая все большія и большія массы, стремясь органически, живыми нитями связать группу съ мѣстнымъ пролетаріатомъ. На пасхѣ ожидался погромъ интеллигенціи и евреевъ. Городъ былъ полонъ слуховъ. Говорили, что правительство готовитъ провокаторскій фокусъ: будто-бы, явившись въ церковь, его агенты сорвутъ иконы, прокричатъ: „долой самодержавіе“, свалятъ все на соціалистовъ и поведутъ „черную сотню“ и любителей сильныхъ ощущеній бить интеллигенцію и евреевъ. Организація мало довѣряла слухамъ, но все-таки приняла мѣры предосторожности. Въ церковь явились вооруженные рабочіе, два дня по городу ходили рабочіе патрули; настроеніе рабочей массы повышалось. Нуженъ былъ незначительный инцидентъ, чтобы это настроеніе выразилось въ бурномъ протестѣ. Въ городъ еще до пасхи, по приглашенію благоразумныхъ думцевъ, была введена сотня казаковъ во главѣ съ офицеромъ Евлейскимъ. Евлейскій — извѣстный пьяница и самодуръ. Онъ отличался у насъ еще во время забастовки 1902 г. Этотъ выродокъ, путешествуя по городу въ сопровожденіи двухъ казаковъ 24 апрѣля, ударилъ по лицу рабочаго, проходившаго мимо съ малолѣтней дочерью. На крикъ быстро сбѣжались рабочіе. Казаки обнажили шашки, офицеръ вынулъ револьверъ. Одинъ изъ нашихъ товарищей, организованный рабочій, схватилъ два булыжника и устремился на офицера. Послѣдній выстрѣлилъ и ранилъ дѣвочку. Товарищъ ударилъ наглеца камнемъ, и храбрый воинъ пустился бѣжать, преслѣдуемый толпой рабочихъ. Была-бы „собакѣ—собачья смерть“, да удалось ей скрыться въ меблированныя комнаты. Толпа около двухъ тысячъ человѣкъ долго аттаковывала зданіе, пока офицеръ не былъ арестованъ и увезенъ подъ конвоемъ въ Екатеринодаръ. На мѣсто происшествія были вызваны двѣ роты солдатъ. Слышно, что солдаты передъ выходомъ изъ казармы дали другъ другу клятву не стрѣлять въ народъ. За недѣлю до 1-го мая группа выработала планъ первомайской кампаніи. Рѣшено было устроить демонстрацію 1 мая и общую забастовку 2 мая; чтобы гарантировать успѣхъ празднованія и привлечь болѣе широкіе слои населенія, предполагалось 27 го апрѣля организовать общую массовку за городомъ 28 го демонстрацію въ думѣ, 29 го митинги на заводахъ. Планъ кампаніи обсужденъ былъ на собраніи районныхъ организаторовъ и принятъ единогласно. 27-го апрѣля состоялась общая массовка. Присутствовало до 900 чел. Говорили 4 оратора. Картина была захватывающая. Луна тускло освѣщала наше убѣжище въ расщелинѣ горы, а тамъ въ отдаленіи у нашихъ ногъ лежалъ въ освѣщеніи буржуазный городъ и величественно обрисовывались контуры элеватора. Говорилось о значеніи 1-го мая, о преступленіяхъ царскаго самодержавія, объ Учредительномъ Собраніи и объ отношеніи къ либераламъ. Глаза пролетаріевъ блистали огнемъ, мускулистыя руки грозно поднимались кверху и изъ 900 пролетарскихъ грудей мощно вылетало: „долой самодержавіе!“, „смерть тиранамъ!“, „да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“, „да здравствуетъ соціальдемократія!“. Эти кличи раздавались непрестанно, они носились въ воздухѣ, грозно неслись по скату горы и, все болѣе распространяясь, они достигали уха испуганной администраціи. На предложеніе одного оратора выйти на первомайскую демонстрацію и 2 го мая забастовать послышалось мощное и дружное — „согласны“. На этомъ-же

Къ работамъ „твердаго“ съѣзда.

Вопросы организаціонные.

Знаменательной чертой „твердаго“ съѣзда является въ высшей степени консервативный характеръ тѣхъ его рѣшеній, которыя имѣютъ отношеніе къ *организаціоннымъ* вопросамъ.

Начать съ постройки партіи въ цѣломъ. Стоитъ только пробѣжать новый уставъ, выработанный съѣздомъ, чтобы убѣдиться, что принимавшіе его товарищи стояли всецѣло на почвѣ *механическаго централизма*. Исторически сложившаяся ячейка нашей партійной руководящей организаціи — комитетъ. Со времени второго съѣзда мы бьемся надъ задачей *объединенія* работы многочисленныхъ комитетовъ, надъ задачей созданія *центральнаго аппарата* руководства. Какъ рѣшала Партія эту задачу до сихъ поръ? Опытъ по руководству пролетарскимъ движеніемъ имѣлся въ головахъ наиболѣе поработавшихъ, наиболѣе энергичныхъ и наилучше подготовленныхъ „комитетчиковъ“. Совокупность ихъ, воплощенная (по идеѣ) въ партійномъ съѣздѣ, намѣчаетъ *общія* директивы для партійныхъ работниковъ. Но дальнѣйшая разработка этихъ директивъ, примѣненіе ихъ къ быстро мѣняющимся внѣшнимъ условіямъ нашей борьбы, самостоятельная иниціатива въ новыхъ для партіи вопросахъ — все это должно быть дѣломъ постояннаго спеціальнаго органа — центральнаго комитета. Какъ же образовать такой органъ? Прежняя практика рѣшала его въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ быть составленъ изъ „немѣстныхъ“ спеціалистовъ — изъ товарищей, не связанныхъ съ мѣстной работой, ибо „комитетчики“, связанные съ нею, прежде всего, считаются ограниченными въ своемъ кругозорѣ мѣстныхъ практиковъ и зараженными „приходскимъ духомъ“. Приходится, слѣдовательно, составлять Центральный Комитетъ изъ соціальдемократовъ, не ведшихъ продолжительной и успѣшной работы по организаціи рабочихъ, по агитаціи и пропагандѣ въ ихъ средѣ. Гдѣ взять такихъ? Функціи техническиконспиративныя всякаго рода создали значительные кадры такихъ „профессіоналовъ“. Коллегія наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ и составитъ Ц. К., прочіе — тотъ многочисленный персоналъ „агентовъ“ и „бюро“, при посредствѣ котораго она будетъ выполнять функціи политическаго руководства.

Какъ же она будетъ выполнять ихъ? Объединеніе работы мѣстныхъ комитетовъ требуетъ отличнаго пониманія ея методовъ и ея условій; *руководство* ею требуетъ, чтобы руководящіе являлись иниціаторами въ дѣлѣ постояннаго улучшенія способовъ агитаціи, пропаганды, организаціи; чтобы они постоянно направляли ведущуюся комитетами политическую борьбу. Первое условіе для этого, чтобы руководящій центръ являлся хорошо освѣдомленнымъ о ходѣ работы во всѣхъ концахъ Россіи, чтобы онъ могъ изъ одного пункта охватывать всю партійную работу въ цѣломъ. Механическій централизмъ рѣшалъ эту задачу какъ нельзя проще. Центръ связанъ извѣстными нитями съ каждой изъ многочисленныхъ мѣстныхъ организацій. По этимъ нитямъ мѣстныя организаціи передаютъ въ центръ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями о ходѣ движенія, свой политическій опытъ; перерабатывая весь этотъ матеріалъ, центръ долженъ выполнять свою функцію руководства.

Практика показала, что должно получиться при такомъ построеніи. Партійный центръ, получая прошедшія черезъ призмы его агентовъ и бюро сообщенія о ходѣ работы на мѣстахъ, *никогда* не имѣлъ передъ собой сколько-нибудь полной и вѣрной картины движенія. Состоя изъ дѣятелей, очень мало или вовсе не связанныхъ съ мѣстной работой, центральная коллегія совершенно не пріобрѣтала навыковъ въ руководствѣ движеніемъ, не развивала въ себѣ умѣнія давать иниціативу, направлять, въ качествѣ *практическаго* центра, политическую дѣятельность комитетовъ, вести ихъ за собою на путь опредѣленныхъ политическихъ дѣйствій. *Ни разу* за время существованія Ц. К. (и „бюро большинства“, замѣнившаго собою для части партіи Ц. К.), отъ него не вышла какая нибудь иниціатива въ дѣлѣ политической борьбы. Поскольку въ дѣйствіяхъ нашихъ комитетовъ замѣчалось единство содержанія агитаціи по опредѣленному политическому вопросу, оно достигалось лишь въ той мѣрѣ, въ какой заграничному *литературному* центру удавалось бросить опредѣленные политическіе лозунги и въ какой эти послѣдніе усваивались комитетами (агитація противъ войны, земская кампанія). Обѣ „маевки“ послѣднихъ двухъ лѣтъ прошли безъ всякаго организаціоннаго вліянія Ц. К. на агитацію комитетовъ. Могучее движеніе въ январѣ-февралѣ точно также направлялось комитетами, независимо отъ Ц. К. Партійный русскій центръ выполнялъ, такъ или иначе, техническія и административныя въ узкомъ смыслѣ функціи, политической работы онъ почти не выполнялъ. Состоя изъ спеціалистовъ технико-конспиративной отрасли нашего революціоннаго дѣла, онъ въ самомъ себѣ не обладалъ никакими гарантіями пригодности къ роли политически руководящей организаціи, а его собственный организаціонный аппаратъ былъ какъ бы нарочно приспособленъ къ тому, чтобы не развивать въ немъ политическихъ способностей, чтобы затруднять ему выполненіе функціи руководства даже въ наиболѣе простомъ видѣ. Благодаря упрощенному характеру централизма, проведеннаго въ его громоздкой организаціи,—Ц. К. + агенты + мѣстные комитеты — даже общерусскія политическія прокламаціи, выпускавшіяся имъ въ цѣляхъ объединенія мѣстной агитаціи, по роковой необходимости, приходили всегда на мѣста съ непозволительнымъ опозданіемъ, раздражая мѣстныхъ практиковъ соображеніями о тщетѣ затраты многочисленныхъ партійныхъ средствъ и силъ: такъ, листокъ о пораженіи подъ Ляояномъ пришелъ на мѣста ко времени битвы подъ Мукденомъ, листки о политикѣ Святополкъ-Мирскаго — къ тому времени, когда царили уже Булыгинъ съ Треповымъ. Въ результатѣ,—мѣстные комитеты, нуждавшіеся въ общепартійной организаціи политической агитаціи, оставались предоставленными собственнымъ силамъ, и это въ значительной степени потому, что стремленіе къ „идеально“—простой и совершенной формѣ централизаціи, выражающейся въ *одной* центральной группѣ, горделиво возвышающейся надъ полусотней разсѣянныхъ по всей Россіи комитетовъ, убивало въ корнѣ всякую возможность для *такого* центра объединить и координировать что бы то ни было. Развѣтвленіе Центральнаго Комитета въ видѣ сѣти бюро и спеціальныхъ агентовъ только ухудшало дѣло, почти не подвигая впередъ къ выполненію поставленной задачи. Кое что полезное эти бюро Ц. К. выполняли, но лишь постольку, поскольку, отступая отъ централистической схемы, становились подобіемъ автономныхъ областныхъ центровъ; поскольку же они сохраняли значеніе исполнительныхъ группъ „сильнаго“ центра, они только отрѣзывали его окончательно отъ непосредственнаго общенія съ мѣстными работниками и содѣйствовали его вырожденію въ чистую „руководящую“ канцелярію, въ свою очередь, создавая вокругъ послѣдней чисто бюрократическій институтъ. Укрѣпленіе мѣстнаго „кустарничества“ въ области политической работы и непомѣрное развитіе партійной бюрократіи, — таковъ конечный итогъ нашей централистической практики.

Здѣсь намъ надо отвести одно ходячее возраженіе. Развѣ въ западно-европейскихъ соц.-демократическихъ партіяхъ нѣтъ такой же „бюрократіи“ спеціалистовъ на общепартійныхъ функціяхъ? Почему германскій Vorstand — группа изъ пяти лицъ — можетъ выбираться на съѣздѣ, а русскій — нѣтъ? Говорящіе такъ забываютъ, что помимо наличности въ той же Германіи сложнаго аппарата областныхъ центровъ, условія работы германскихъ товарищей мѣшаютъ вырожденію общепартійныхъ центровъ въ учрежденія бюрократическія. Ауэрамъ и Бебелямъ нѣтъ необходимости работать въ мѣстныхъ группахъ, чтобы *соприкасаться* съ массовымъ движеніемъ въ роли пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ. Парламентская дѣятельность и избирательная борьба, агитаціонныя собранія и непосредственное участіе въ руководствѣ крупными стачками— всѣ эти и многія другія „возможности“ предоставляются членамъ германскихъ центровъ для „повседневнаго“ упражненія въ себѣ способности политическихъ дѣятелей. Между тѣмъ какъ у насъ конспиративныя условія неизбѣжно отрываютъ „профессіоналовъ“ общепартійной работы отъ всякаго почти общенія съ проявленіями политической дѣятельности массъ.

Надо ли говорить, въ какой мѣрѣ бюрократическое вырожденіе нашего централизма парализуетъ партійную работу? Пролетарское движеніе неудержимо выливается за предѣлы узкой мѣстной борьбы. Кто хочетъ сохранить за собой руководство имъ, обязанъ стремиться координировать, объединять работу соціальдемократіи на всемъ протяженіи движенія. Это необходимо даже для „будничной“ борьбы, которая, впрочемъ, все болѣе и болѣе становится непрерывающейся гражданской войной, революціей въ полномъ смыслѣ слова. А вѣдь, въ перспективѣ у насъ — „всенародное вооруженное возстаніе“. Не только „назначить“ и „подготовить“ его, но просто руководить имъ и объединить его проявленія немыслимо при той организаціонной „разбросанности“, которая царитъ въ партіи. Нужна самая тѣсная связь между руководящими мѣстнымъ движеніемъ центрами; нужна революціонная иниціатива и организаціонное руководство, не сваливающіяся, какъ снѣгъ на голову, изъ далекаго центра на мѣстныя группы, не рождающіяся внезапно въ тиши болѣе или менѣе замкнутыхъ „центральныхъ“ кружковъ, но вырабатывающіяся на практикѣ постояннаго коллективнаго обсужденія и обмѣна мнѣній, въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ работой тысячъ нашихъ агитаторовъ, организаторовъ и пропагандистовъ. Нужно, чтобы не только одинъ какой нибудь центръ, но и вся „округа“, вся, по возможности, партія знала заранѣе о томъ, что готовится въ ближайшемъ будущемъ въ такомъ то пунктѣ движенія, какое массовое выступленіе стихійно наростаетъ, какія опредѣленныя дѣйствія планомѣрно подготовляются организаціей; чтобы вся партія могла принять свои подготовительныя мѣры, дабы имѣть возможность „подхватить“ начавшееся въ одномъ углу движеніе; нужно, чтобы партійный центръ обозрѣвая ясную для него картину состоянія движенія, могъ, въ виду наступающихъ событій, съ *увѣренностью*, а не очертя голову, дать тотъ или иной пароль къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ по всей линіи. Это именно и будетъ тѣмъ централизованнымъ руководствомъ, о которомъ у насъ столько говорятъ и для возможности котораго такъ мало собранія была выработана резолюція для предъявленія въ думу. Резолюція требовала отъ думцевъ: 1) удаленія казаковъ, 2) организація народной милиціи, 3) передачи полиціи въ вѣдѣніе города. Собраніе разошлось въ 12 часовъ съ пѣніемъ марсельезы.

28 апрѣля состоялось думское засѣданіе по вопросу объ организаціи народной милиціи. Въ залъ засѣданія явилось около 100 депутатовъ отъ рабочихъ для предъявленія резолюціи. Присутствовала и посторонняя публика. Депутаты нѣсколько запоздали, — думцы поспѣшили покончить съ вопросомъ. Выждавъ удобный моментъ, представитель отъ рабочихъ приблизился къ предсѣдателю засѣданія и громко заявилъ: „прошу извиненія, что прерываю Ваше засѣданіе, я долженъ вручить вамъ, по порученію 900 рабочихъ, резолюцію и настойчиво прошу оглашенія“. Предсѣдатель быстро окинулъ взглядомъ резолюцію и, увидѣвъ заголовокъ Р. С.-Д. Р. П. „Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь“, поблѣднѣлъ, заволновался, гласные съ любопытствомъ вытянули головы. Прерывающимся голосомъ голова заявилъ, что резолюція рабочихъ будетъ обсуждаться послѣ перерыва. Рабочіе все прибывали. Черезъ 5 мин. былъ назначенъ перерывъ, и гласные удалились въ курительную комнату. Тамъ въ безопасносности началось чтеніе резолюціи, но чья-то услужливая рука открыла дверь комнаты и депутаты Новороссійской группы Куб. Ком. приблизились къ смущеннымъ отцамъ города. Выступилъ ораторъ, онъ требовалъ обсужденія резолюціи въ оффиціальномъ засѣданіи. Онъ указалъ, что думцы — представители буржуазіи, — только тогда будутъ представлять изъ себя политическую силу, когда они открыто присоединятся къ политическимъ лозунгамъ пролетаріата. Изъ курительной комнаты „отцы“ невѣрною походкою подошли къ своимъ мѣстамъ. Началось засѣданіе: не надѣвая цѣпи, предсѣдатель объявилъ къ свѣдѣнію депутатовъ постановленія думы о желательности ходатайства предъ правительствомъ о передачѣ полиціи въ вѣдѣніе города. На требованіе обсудить рабочую резолюцію, снова послѣдовалъ отказъ. Тогда снова выступилъ ораторъ: охарактеризовавъ политику думцевъ, какъ политику холопства предъ правительствомъ,—онъ закончилъ призывомъ свергнуть ненавистное царское самодержавіе. „Долой самодержавіе“ было отвѣтомъ со стороны депутатовъ и собравшейся публики. Голова закрылъ засѣданіе. Рабочіе въ порядкѣ удалились; полиція отсутствовала. Никто не былъ арестованъ. Входъ въ думу охранялся, на всякій случай, 30-ю вооруженными рабочими.

29 апрѣля наши ораторы выступали въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и на старомъ цементномъ заводѣ. Послѣ гудка всѣ рабочіе были задержаны около проходныхъ. Явились агитаторы. Говорилось о необходимости политической борьбы, призывали къ празднованію 1 мая. Горячія рѣчи часто прерывались криками „вѣрно“, „правда“, „долой самодержавіе, да здравствуетъ рабочій классъ“. Когда агитаторъ коснулся вопроса, объ удаленіи администраціей рабочаго за куреніе табаку въ зданіи мастерскихъ и невѣжливаго обращенія съ рабочими завѣдующаго и мастера Григорьева, толпа закричала: „Вѣрно! — долой мастера, долой завѣдующаго!“ Черезъ часъ послѣ сходки уволенный рабочій былъ отысканъ администраціей и вновь принятъ на работу, а завѣдующій и мастеръ удалились, взявъ мѣсячный отпускъ. Выступленіемъ на заводахъ кончилась подготовительная кампанія. Вечеромъ были распространены первомайскіе листки (изд. К. К.)—около 2000. Въ субботу происходили собранія организаторовъ для обсужденія плана демонстраціи и забастовки на 2 мая: листки, изданія мѣстной группы, печатаны на гектографѣ. Вечеромъ въ субботу городъ принялъ видъ военнаго лагеря. Ходили патрули, полиція и жандармы цѣлыми кучами бродили по пристанямъ, кварталы кишѣли подозрительными личностями. Желѣзная дорога охранялась сотней казаковъ, другая сотня съ гиканьемъ и бубнами носилась по городу. Можно было предполагать о предстоящемъ вооруженномъ столкновеніи съ войсками и полиціей. Раздавались голоса за отмѣну демонстраціи, но организаторы—рабочіе объявили, что теперь уже поздно и массу удержать невозможно. Въ воскресенье съ 8 часовъ утра рабочіе начали стекаться на главную улицу города. Въ 10 часовъ началась демонстрація. Противъ ожиданія собралось лишь около 300 человѣкъ. Соединившись на базарѣ, поднявъ красное знамя, демонстранты двинулись на главную улицу. Были сдѣланы попытки пѣть, но неудачно. Возбужденные неудачей, товарищи рѣшили излить свое настроеніе въ крикахъ „долой самодержавіе!“ и выстрѣлахъ въ воздухъ. Наступила музыка револьверныхъ залповъ. Демонстранты два раза прошли по главной улицѣ Новороссійска. Ни одинъ казакъ не показался, постовые городовые въ паникѣ пустились бѣжать. Магазины позакрывались. Организаторы пытались прекратить безпорядочную стрѣльбу, но были не въ силахъ. Была сдѣлана попытка держать рѣчь, но за безпорядочными криками „долой самодержавіе“ не удалось. Организаторы должны были прекратить демонстрацію, перенеся ее на другой день. Впродолженія дня еще нѣсколько разъ собирались демонстранты и ходили. Полиція и казаки отсутствовали. Демонстрація была ниже ожиданія, но слѣдующій день показалъ, что новороссійскій пролетаріатъ уже проснулся, что онъ готовъ, по призыву соціальдемократіи, стать подъ ея красное знамя и идти на штурмъ самодержавія во имя демократической республики, во имя соціализма.

Демонстрація, начавшаяся 1 мая, возобновилась въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ на другой день. 2 мая пріостановлены были работы въ депо, въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и на цементныхъ заводахъ. Вся эта огромная масса, въ количествѣ 1800—2000 чел., выкинувъ два красныхъ знамени съ надписями: „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ 8 часовый рабочій день“, „да здравствуетъ соціализмъ“! двинулась къ самому центру города; шли съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ: Варшавянки, Марсельезы, Дубинушки и др. Нѣсколько разъ демонстранты останавливались, чтобы выслушать оратора. Первая рѣчь была произнесена на набережной въ виду богатыхъ домовъ и горожанъ и хижинъ бѣдняковъ на тему о „богатыхъ и бѣдныхъ“. Въ своей краткой рѣчи ораторъ указалъ на дѣленіе современнаго общества на богатыхъ и бѣдныхъ, какъ на специфическую черту капиталистическаго строя, и призвалъ рабочихъ къ борьбѣ съ капитализмомъ. Свою рѣчь онъ закончилъ словами: „долой капитализмъ“. Затѣмъ были произнесены рѣчи около почтовой конторы. Ораторъ говорилъ про то, что почта должна удовлетворять потребностямъ народа, а, между тѣмъ, почтовые чиновники исполняютъ полицейскія функціи, когда они напримѣръ, по приказу администраціи распечатываютъ и читаютъ письма, но чиновники въ этомъ не виноваты, виноватъ самодержавный строй, который воспитываетъ изъ гражданъ своихъ холоповъ. Поэтому: „долой самодержавіе“. Около редакціи „Черноморскаго побережья“ была произнесена рѣчь о свободѣ слова и свободѣ печати. Послѣ этого демонстранты начали расходиться. Все время соблюдался строгій порядокъ, и рабочіе успокаивали владѣльцевъ магазиновъ, которые хотѣли было закрыть ихъ. Отъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и цементныхъ заводовъ пришлось пройти демонстрантамъ верстъ 5-6. Число участниковъ демонстраціи отъ 3 до 4 тысячъ человѣкъ. Столкновенія съ казаками и полиціей совсѣмъ не было, ихъ не видно было на улицѣ. Одинъ только разъ показалось нѣсколько конныхъ полицейскихъ, но при крикахъ: „долой полицію“, „долой милитаризмъ“, они повернули лошадей и ускакали. Почти сейчасъ-же за демонстраціей состоялся митингъ, на которомъ присутствовало около 2000 человѣкъ. Выступилъ агитаторъ отъ Куб. Ком. Ораторъ началъ говорить объ исторіи рабочаго движенія въ Россіи. Онъ показалъ неосновательность, неправильность точки зрѣнія экономистовъ. Исходя изъ принципа: „всякая экономическая борьба тѣсно связана съ борьбой политической“, ораторъ подробно и настойчиво развивалъ мысль о необходимости борьбы за политическую свободу, о необходимости свергнуть самодержавіе. Онъ привелъ цѣлый рядъ фактовъ, въ которыхъ проявилась звѣрская политика царскаго правительства по отношенію къ рабочему классу.—„Итакъ, — спросилъ ораторъ—нужна-ли намъ политическая свобода?“ „Необходимо, долой самодержавіе“ въ одинъ голосъ отвѣтила вся огромная толпа. Ораторъ подчеркнулъ общность интересовъ пролетаріевъ всѣхъ странъ и звалъ ихъ подъ общее знамя соціальдемократіи для борьбы съ общимъ врагомъ—капитализмомъ. Рѣчь свою онъ закончилъ словами К. Маркса: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь для борьбы съ буржуазіей. Въ этой борьбѣ вы ничего не потеряете, кромѣ своихъ цѣпей. Пріобрѣтете же вы весь міръ. Да здравствуетъ международная соціальдемократія!“

Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П.!

Екатеринодарская группа Куб. Ком.

Въ интересахъ мѣстной работы, Куб. Ком. образовалъ въ Екатеринодарѣ отдѣльную группу, первымъ актомъ которой явилась майская кампанія. На цѣломъ рядѣ собраній (въ 170, 70, 90, 60 чел.) агитаторы мѣстной группы и К. К. выясняли значеніе 1 мая, пролетарскую тактику по отношенію къ происходящей въ Россіи революціи, значеніе созыва Учредительнаго Собранія, отношеніе правительства къ революціи, отношеніе между соціализмомъ и политической борьбой и т. д. Майская кампанія оффиціально была начата 18 апрѣля. Въ этотъ вечеръ были распространены листки мѣстной группы „1-е мая“ (1,800 гект. листковъ), 9-го состоялась первомайская массовка, на этой массовкѣ выступило два агитатора (1 отъ Куб. Ком., 1 отъ группы). Вечеромъ того-же дня было устроено гулянье по улицамъ съ цѣлью узнать количество сочувствующихъ революціи. Наканунѣ былъ распространенъ въ количествѣ 2 тыс. экземпляровъ гектогр. призывъ Е. Г. К. К. придти 19-го въ назначенный часъ на опредѣленное мѣсто. Массовое гулянье прошло неудачно (мало народу), вслѣдствіе пасхи. Не смотря на малолюдность собранія, духъ рабочихъ приподнялся; свѣтлый майскій праздникъ зажегъ ихъ. Слѣдующая (воскресенье, 24 апрѣля) массовка прошла очень удачно. Назначена она была въ 12 час. дня. Едва начала собираться публика, какъ примчался изъ города товарищъ съ извѣстіемъ, что тамъ приказчики демонстративно прекратили работу и закрываютъ магазины и лавки и что по улицамъ тысячныя толпы. Тогда собраніе перенесли на 4 часа и всѣ уже собравшіеся ушли въ городъ, не оставивъ даже патрулей, что и уменьшило количество людей, бывшихъ на массовкѣ, такъ какъ приходившіе, не находя патрулей, возвращались назадъ. Не смотря на это, къ 5-и часамъ собралось около 170 чел. и собраніе открылось пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ; потомъ два оратора произносили рѣчи — одинъ за другимъ—о капитализмѣ, соціализмѣ, о политической борьбѣ, объ Учредительномъ Собраніи, о 1 мая, его значеніи и требованіяхъ международнаго пролетаріата въ день 1 мая. Собраніе при гулкихъ и дружныхъ крикахъ: „долой самодержавіе!“, „долой войну!“, „да здравствуетъ свобода!“ и многократныхъ „ура“ въ честь россійской и международной соціальдемократіи, приняло резолюцію, о преступленіяхъ самодержавія, составленную армавирской группой Куб. Комитета. Затѣмъ снова пѣсни и снова двинулись въ городъ. Настроеніе было боевое, такъ что по дорогѣ въ городъ родилась мысль о демонстраціи въ городскомъ саду. Плотной толпой вошли рабочіе въ садъ, разбрасывая прокламаціи и брошюры „Пѣсни борьбы“ К. К., розданные на массовкѣ. Публика въ удивленіи и испугѣ шарахнулась въ сторону и рабочіе, пройдя по аллеѣ, спокойно разошлись по домамъ въ надеждѣ произвести другую, болѣе организованную и сильную, демонстрацію. Въ теченіи всего слѣдующаго дня въ городѣ толковали о демонстраціи. Послѣ этого прошли еще 2 массовки (28 и 30 апр. въ 70 и 90 человѣкъ). На нихъ говорили о черной сотнѣ, о значеніи первомайскаго праздника. Товарищъ рабочій разсказалъ о демонстраціи въ Таганрогѣ, на которой ему пришлось побывать; послѣ этого говорили о томъ, какъ слѣдуетъ держаться на демонстраціяхъ и т. д. 1 мая состоялась массовка, а затѣмъ рабочіе разошлись, съ тѣмъ, чтобы черезъ часъ сойтись въ саду для демонстраціи. Въ воскресеніе публика бродила въ какомъ-то выжидательно-томительномъ настроеніи, но все было пока спокойно. Въ полной увѣренности, что „крамольники“ испугались воинственнаго вида хранителей порядка, полиція послала телеграмму, что въ Екатеринодорѣ все спокойно. Но вотъ въ 8 часовъ вечера въ городскомъ саду въ самый разгаръ майскаго праздничнаго гулянья раздался призывный свистокъ и моментально сгруппировалось около 100 чел. рабочихъ. Посыпались десятками прокламаціи и красивое красное знамя борьбы гордо развернулось надъ головами демонстрантовъ. Къ демонстрирующимъ поспѣшила присоединиться учащаяся молодежь и часть публики. Точно опредѣлить число демонстрантовъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ демонстрація состоялась при огромномъ стеченіи публики, собравшейся по случаю майскаго гулянья. Одинъ изъ товарищей выступилъ съ рѣчью. Онъ призывалъ всѣхъ встать подъ знамена соц.-дем. пролетаріата для борьбы съ царизмомъ. Отъ лица всѣхъ Екатеринодарскихъ рабочихъ онъ выставилъ требованія, за осуществленіе которыхъ

дѣлаютъ. Въ этомъ именно и нуждается прежде всего наша партія, если не хочетъ играть въ революціи роль безсильнаго придатка къ мощному пролетарскому движенію.

Передъ этой задачей созданія дѣйствительной центральной организаціи „твердый“ съѣздъ оказался совершенно безпомощенъ. Снова отобралъ онъ нѣсколько членовъ партіи и, назвавъ ихъ „Центральнымъ Комитетомъ“, сказалъ имъ: придите и владѣйте нами! Какъ будто никакого партійнаго опыта не накопилось у этихъ „46-ти голосовъ“ за послѣдніе 2 года! Та же, созданная на 2-мъ съѣздѣ, скрипучая машина, даже не смазанная заново.

Впрочемъ, не совсѣмъ она осталась неизмѣнчой. „Съѣздъ“ постарался внять голосу жизни, онъ попытался нѣсколько точнѣе опредѣлить права „всемогущаго“... на бумагѣ центра по отношенію къ мѣстнымъ комитетамъ. Нельзя не признать, что соотвѣтствующіе пункты устава продиктованы самыми лучшими намѣреніями. Къ сожалѣнію, результаты получились болѣе, чѣмъ скудные. Ц. К., говорится въ уставѣ, не можетъ по произволу вводить въ комитеты новыхъ членовъ. Очень хорошо. Но другой § опредѣляетъ, что на постановленіе мѣстнаго комитета о кооптаціи или объ исключеніи можетъ быть аппеляція въ Ц. К. Слѣдовательно, Ц. К. рѣшаетъ *въ окончательной инстанціи* спорные вопросы о кооптаціи или исключеніи. Слѣдовательно, „право ввода“ Ц. К., противъ воли комитета, „своихъ людей“, отнятое въ одномъ §, возстановляется въ другомъ, „реформа“ сведена на нѣтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохраненъ въ неприкосновенности давній источникъ столкновеній между мѣстными работниками и Ц. К.

„Въ старину“ разбираемая система знала одинъ талисманъ для одухотворенія созданнаго такимъ образомъ „парового цыпленка“, то бишь, Ц. К.—подчиненіе литературному, „строго выдержанному“, центру. Зависимость отъ послѣдняго должна была предохранять Ц. К. отъ впаденія въ оппортюнизмъ, „хвостизмъ“, кустарничество и т. д. Времена этой вѣры прошли, какъ извѣстно. И новый уставъ смѣло рветъ съ *ленинскимъ* представленіемъ о „двухъ центрахъ“. Онъ создаетъ единый и — притомъ русскій — центръ. Еще годъ назадъ сторонники такого именно построенія — представители „Южн. Раб“. — объявлялись (въ „Шагъ впередъ“) оппортюнистами! По нуждѣ и закону перемѣна бываетъ. Ни для кого не тайна, что „единый русскій центръ“ въ лагерѣ „твердыхъ“ означалъ конституціонное ограниченіе абсолютизма той группы, которая надѣлала уже этимъ твердымъ столько хлопотъ своими „шагами“, „документами“ и прочей „галеркиной литературой“.

И, однако, внимательное чтеніе устава показываетъ, что выработанная твердыми конституція и въ этомъ пунктѣ, какъ въ пунктѣ о правахъ комитетовъ (и еще больше — о правахъ „периферіи“), принадлежитъ къ типу „турецкихъ“. Въ самомъ дѣлѣ. Съѣздъ выбираетъ Ц. К., а Ц. К. издаетъ литературный органъ. Таково основное положеніе системы „единаго русскаго центра“. А затѣмъ: отвѣтственнымъ редакторомъ органа является *одинъ изъ членовъ Ц. К.*, на то уполномоченный коллегіей. Передъ кѣмъ же является отвѣтственнымъ этотъ членъ Ц. К., онъ же отвѣтственный редакторъ? Передъ Ц. К? Нѣтъ, *передъ съѣздомъ непосредственно*: онъ, по своему званію, имѣетъ представительство на съѣздѣ (Ц. К. посылаетъ на съѣздъ двухъ представителей, изъ которыхъ одинъ долженъ быть отвѣтственный редакторъ). Зная это, съѣздъ поступилъ бы нелогично, если бъ, выбирая составъ коллегіи Ц. К., не ввелъ въ нее „профессіональнаго литератора“, который могъ бы выполнить роль „отвѣтственнаго редактора“. Прежде у насъ былъ Ц. К. и Ц. О., оба избранные на съѣздѣ и координируемые въ своей дѣятельности Совѣтомъ, составленнымъ изъ представителей обоихъ учрежденій съ преобладаніемъ Ц. О. — такъ „закрѣплялось“ вліяніе литературнаго центра надъ практическимъ. Теперь у насъ, съ одной стороны, Ц. К., дѣйствующій въ Россіи, но не могущій принимать никакихъ важныхъ рѣшеній безъ заграничнаго „отвѣтственнаго редактора“, немогущій противъ его согласія, кооптировать новыхъ членовъ (§12 требуетъ единогласія); съ другой стороны, этотъ отвѣтственный редакторъ, единолично представляющій редакціонную коллегію, представляющій фактически Ц. К. заграницей и, независимо отъ послѣдняго, отвѣчающій передъ съѣздомъ. Прежде мы имѣли тенденцію подчинить русскую коллегію заграничной коллегіи-же; теперь, въ эпоху твердаго „либерализма“, мы имѣемъ заграничный „сверхъцентръ“ въ чистомъ видѣ, въ видѣ единоличномъ....

Такова постройка центра. Посмотримъ на мѣстную организацію. Основной ея единицей, по прежнему, оставленъ комитетъ. Съѣздъ „представителей партіи“ и впредь есть съѣздъ представитель комитетовъ. Рѣшенія мѣстной организаціи, по прежнему, суть рѣшенія мѣстныхъ комитетовъ, хотя бы организація состояла изъ 400-500 рабочихъ, включала въ себя 40-50 активныхъ агитаторовъ и пропагандистовъ, а комитетъ состоялъ изъ четырехъ-пяти членовъ, въ томъ числѣ изъ двухъ-трехъ, занятыхъ бюрократическими или конспиративно-техническими функціями.

Организаціонный консерватизмъ здѣсь сказался съ поразительной яркостью. За нашими плечами годъ коренной ломки старыхъ организаціонныхъ рамокъ, годъ быстраго роста всѣхъ мѣстныхъ организацій и еще болѣе быстраго роста пролетарскаго движенія, которое все менѣе удается охватить организаціонными щупальцами партіи. Вчера еще обреченная на чисто кружковую и узко-конспиративную работу, мѣстная организація партіи нынѣ должна играть роль руководителя пролетарскихъ массъ въ многообразныхъ проявленіяхъ политической и соціальной борьбы. Старый организаціонный аппаратъ былъ приспособленъ почти исключительно къ тому, чтобы собирать и сосредоточить въ мѣстномъ центрѣ (комитетѣ) возможно полныя свѣдѣнія о настроеніи массъ и изъ этого центра вести *литературную* агитацію, поддерживающую въ массахъ постоянное революціонное броженіе. Всѣ частныя организаціонныя функціи подчинялись этой главной цѣли. Пропаганда поставляла замѣстителей различныхъ „должностей“ въ основномъ организаціонномъ механизмѣ, задача котораго была проводить нити, связывающія комитетскій центръ съ массой или, вѣрнѣе, съ извѣстнымъ ея слоемъ. Комитетъ и, въ лучшемъ случаѣ, пара подкомитетскихъ центральныхъ группъ составляли, въ сущности, всю партійную организацію на мѣстѣ, если подъ послѣдней понимать мѣстную часть партіи, принимающую активное и сознательное участіе въ выработкѣ партійнаго мнѣнія и направленія партійной работы. Пригодный для пропагандистскаго общества, этотъ типъ организаціи съ грѣхомъ пополамъ удовлетворялъ своему назначенію, когда кружкамъ „профессіональныхъ революціонеровъ“ приходилось дѣйствовать преимущественно въ роли „аппарата распространенія агитаціонныхъ листковъ“, ставившаго себѣ задачей *пробудить* спавшія массы и въ „праздничные“ дни ихъ пробужденія создававшаго наскоро временные органы для руководства стачкой или демонстраціей. Но съ переходомъ къ широкой и уже на половину открытой политической дѣятельности, съ соотвѣтственнымъ расширеніемъ содержанія агитаціонной работы, когда въ массахъ проявляется растущее съ каждымъ днемъ стремленіе активно реагировать на всѣ проявленія политической жизни, — этотъ кружковой типъ организаціи явно для всѣхъ сталъ анахронизмомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, оправдать такое положеніе, когда наиболѣе законспирированный, по необходимости, комитетъ исключительно опредѣляетъ политическую тактику соціальдемократіи въ то самое время, когда въ роли дѣйствительныхъ проводниковъ въ массу соціальдемократическаго сознанія являются уже не „безличныя“ комитетскія прокламаціи, а реальныя личности — „рядовые“ члены агитаторскихъ группъ, выходящіе, по порученію комитета, изъ подполья конспираціи, выступающіе на митингахъ, въ „избирательной“ агитаціи по поводу какой-нибудь „коммиссіи“, непосредственно завоевывающіе партіи сочувствіе и пониманіе массъ, непосредственно работающіе надъ политическимъ сплоченіемъ этихъ массъ?

На закатѣ дней самодержавія громадныя пролетарскія массы получаютъ порою возможность активно и, до извѣстной степени, свободно участвовать въ опредѣленныхъ политическихъ дѣйствіяхъ и выбирать себѣ собственныхъ политическихъ представителей; передъ ними выступаютъ передовые пролетаріи соціальдемократы, большей частью, „числящіеся“ въ „низшихъ“ сферахъ нашей мѣстной организаціи. Путемъ „свободной конкуренціи“ съ сторонниками другихъ партій; эти единицы пріобрѣтаютъ себѣ прочное, признанное самими массами, вліяніе на послѣднія, они становятся дѣйствительными представителями „рабочей интеллигенціи“; въ каждой крупной стачкѣ, въ каждой „кампаніи митинговъ“ происходитъ такой „отборъ“, составляющій самую суть процесса образованія рабочей *партіи* въ перипетіяхъ классовой борьбы пролетаріата. И всѣ эти элементы оказываются, въ концѣ концовъ, внѣ той *оффиціальной* партійной организаціи, которая участвуетъ въ опредѣленіи „воли партіи“, т. е. въ направленіи всей борьбы въ цѣломъ, въ выработкѣ ея задачъ, въ опредѣленіи ея методовъ. Какой-нибудь соціальдемократическій агитаторъ, избранный, несмотря на упорное противодѣйствіе гапоновскихъ „экономистовъ“, сторонниковъ „рабочаго либерализма“ и другихъ претендентовъ, въ делегаты въ коммиссію Шидловскаго, завоевавшій, благодаря своему умѣнію бороться за партійныя задачи на полѣ *открытой* политической борьбы, возможность отстаивать партійное дѣло передъ многими тысячами, стоящими внѣ сферы дѣйствія подпольной работы,—такой агитаторъ въ той самой партіи, подъ знаменемъ которой онъ велъ борьбу, не пользуется возможностью участвовать въ опредѣленіи направленія ея политики и лишь въ роли „исполнительнаго органа“ долженъ своей дѣятельностью доставлять полуобработанный матеріалъ, который позволилъ бы „комитету“ рѣшить, что и какъ должны въ данный моментъ дѣлать всѣ эти агитаторы, организаторы и пропагандисты. Бывшіе „ученики“ или „слушатели“ кружковъ самообразованія, бывшіе „распространители литературы“ и „агитаторы“, занимавшіеся агитаціей въ кружкахъ изъ восьми-десяти человѣкъ лично знакомыхъ рабочихъ, вынуждаются теперь выполнять функціи „оберъ и унтеръ-офицеровъ“ политически-дѣйствующей массы, вынуждаются, можно сказать, толкаются событіями лично бороться за вліяніе идей нашей партіи на массы съ различными враждебными намъ партіями — и по прежнему остаются въ партіи какими-то „посторонними элементами“. И ни для кого не тайна, что широкій слой передовыхъ рабочихъ относится съ недовѣріемъ къ нашимъ мѣстнымъ руководящимъ организаціямъ, считая ихъ „интеллигентскими“, оторванными отъ массы, видя въ нихъ группы „друзей рабочаго класса“, а борется весь рабочій классъ всей Россіи: „долой самодержавіе!“, „долой милитаризмъ!“, немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, 8 час. рабочій день, свобода слова, собраній, стачекъ, неприкосновенность личности и жилища. Еще разъ дружное „долой самодержавіе!“, послѣ чего пропѣли Марсельезу и Варшавянку. Въ самый моментъ демонстраціи полиція растерялась, ничего не предпринимала и только въ концѣ были вызваны казаки. Казаки набросились на толпу, которая плотнымъ кольцомъ окружила демонстрантовъ. Началось избіеніе, мало того, со стороны казаковъ и полицейскихъ были выстрѣлы, но всѣ были холостые. Вышедшая изъ сада часть демонстрантовъ направилась въ городъ, но здѣсь уже демонстрація не носила организованнаго характера. На одной изъ улицъ демонстранты пытались отбить арестованныхъ, но неудачно; только городовые были немного избиты камнями. Всѣхъ арестованныхъ было шесть человѣкъ, изъ которыхъ четыре уже выпущены. Кромѣ этой демонстраціи, въ Екатеринодарѣ была еще одна, въ концѣ города. Полиція здѣсь ее уже никакъ не ожидала и принуждена была поскорѣе убраться. Все это приподняло духъ нашего соннаго екатеринодарскаго обывателя и теперь только и разговоровъ, что о демонстраціи.

Ст. Кавказская Куб. Области. Съ начала 1905 г. дѣятельность мѣстной группы значительно расширилась. Не ограничиваясь кружковой пропагандой, группа начала издавать листки мѣстнаго характера, а съ наступленіемъ теплаго времени устраивать и массовки. Дѣятельность группы охватываетъ пока станцію Кавказскую, гдѣ находится депо и желѣзнодорожныя мастерскія (500—600 ч.), хуторъ Романовскій и станицу Кавказскую. Кромѣ того, у группы есть связи съ близъ лежащими станицами, которыя снабжаются время отъ времени литературой, листками. Листки распространены были очень удачно и читались на расхватъ. Листокъ къ желѣзнодорожнымъ рабочимъ депо взбудоражилъ всѣ реакціонные элементы депо, во главѣ которыхъ стоялъ табельщикъ Виноградовъ, взяточникъ и шпіонъ-доброволецъ. Въ листкѣ, между прочимъ, охарактеризована была дѣятельность Виноградова и выставлено требованіе объ его удаленіи. Виноградовъ рѣшилъ искоренить „крамолу“ и составилъ „бумагу“, въ которой старается доказать, что онъ не взяточникъ, что листки составили и распространили „соціалисты“ — Мендель, Петровъ и Рыжовъ; собралъ подписи нѣкоторыхъ рабочихъ и отрядилъ нѣкоего Шевченко въ жандармское отдѣленіе. „Своя своихъ не познаша“. Мендель—не кто иной, какъ предатель, выдававшій въ Ростовѣ товарищей за деньги, Петровъ и Рыжовъ же постоянно якшаются съ жандармеріей. Разслѣдованіемъ этого дѣла занялись начальникъ желѣзнодорожнаго жандармскаго отдѣленія Мартосъ и помощн. начальника области. губерн. жандармскаго управл. Соколовъ, но изъ него ничего не вышло, хотя паспорта этихъ „соціалистовъ“ секретно были вытребованы Мартосомъ. Въ концѣ концовъ предатель Мендель стрѣлялъ, но неудачно, въ Шевченко. Мендель уволенъ изъ депо и привлекается къ уголовной отвѣтственности.

Хуторъ Романовскій. Недавно у насъ произошелъ случай, ярко характеризующій мѣстную полицію. Хуторъ Романовскій, нужно замѣтить, является однимъ изъ центровъ, куда ежегодно весной изъ разныхъ сторонъ Россіи стекаются сельско-хозяйственные рабочіе для найма на полевые работы. И вотъ, 24 апрѣля сюда пріѣхалъ приказчикъ отъ тавричанъ-помѣщиковъ нанимать рабочихъ. Приказчикъ старался нанимать исключительно женщинъ и предлагалъ имъ по 30 коп. въ день. Одинъ изъ рабочихъ сталъ уговаривать женщинъ не соглашаться работать за такую плату, кромѣ того, началъ требовать, чтобы и его наняли и платили по 60 к. въ день. Тогда приказчикъ обратился къ полиціи за содѣйствіемъ, желая избавиться отъ „назойливыхъ“ требованій „бунтовщика“. Тотчасъ прибыла полиція и начала ловить рабочаго. Рабочій убѣжалъ въ лѣсъ, полиція за нимъ. Не желая отдаться въ руки полиціи, рабочій бросился въ рѣку Кубань. Рабочій, проплывъ немного, началъ тонуть. Въ это время урядникъ приказалъ стрѣлять въ утопающаго, было сдѣлано три выстрѣла. Когда одинъ изъ присутствующихъ бросился спасать утопающаго, полиція пригрозила, что и въ него будетъ стрѣлять. Такъ и не удалось спасти утопающаго. Рабочаго, хотѣвшаго спасти своего товарища, арестовали, и до полицейск. управленія вели раздѣтымъ. Около полицейскаго управленія собралась толпа человѣкъ въ 300 и начала выражать свое негодованіе по поводу происходящаго, но появилась полиція и толпа разошлась. Пока этимъ дѣло и кончилось. Черезъ недѣлю кѣмъ-то было найдено тѣло утопленника, на немъ ясны были слѣды пуль. Полиція думала тайкомъ похоронить утопленника, но народъ потребовалъ разслѣдованія этого дѣла. Явилась власть: прокуроръ, слѣдователь и помощн. атамана отдѣла — всѣ полупьяные, и приступили къ разслѣдованію дѣла. Стараясь обѣлить полицію и представить дѣло, какъ результатъ дѣятельности крамольниковъ, прокуроръ, вынувъ изъ одежды утопленника прокламацію, думалъ этимъ успокоить народъ и склонить его на свою сторону. Но обманъ не удался. Видно было, что прокламація нарочно была вложена въ одежду утопленника, такъ какъ она была совершенно свѣжая. Въ это время изъ толпы выступилъ ораторъ и тутъ же въ присутствіи властей началъ громить полицію. Онъ указалъ на безправное положеніе народа, на его экономическое и политическое рабство и закончилъ свою рѣчь энергичнымъ призывомъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Толпа со вниманіемъ слушала рѣчь оратора. Достаточно было бы одного слова, и толпа расправилась бы по своему съ представителями власти. Когда толпа стала требовать урядника — одного изъ виновниковъ этого возмутительнаго случая — ее начали успокоивать, говоря, что урядникъ уже арестованъ. Толпа немного успокоилась и разошлась. Чѣмъ дѣло кончится, неизвѣстно. Урядникъ по прежнему продолжаетъ оставаться на службѣ. По этому поводу группой выпущенъ листокъ.

Кавказская группа Кубанскаго Комитета.

Первое мая (по новому стилю) группа праздновала сходкой въ лѣсу. Собралось болѣе 50 человѣкъ, среди нихъ 11 женщинъ, послѣднія съ грудными дѣтьми. Среди собравшихся были и сѣдые старики. Агитаторомъ Куб. Ком. была произнесена рѣчь о значеніи первомайскаго праздника, другой товарищъ познакомилъ собравшихся съ послѣдними событіями въ Ростовѣ (избіеніе послѣ лекціи о холерѣ). Пѣніемъ „вы жертвою пали“ почтили память товарищей-героевъ 9 января. Присоединились къ резолюціи 400 армавирскихъ рабочихъ. Общая сходка въ нашемъ хуторѣ была первая. Она сильно объединила товарищей придала имъ бодрости и вдохнула энергію для послѣдующей, организаціонной работы. Впечатлѣніе отъ сходки долго не сглаживалось.

1 мая (по старому стилю) по хутору были распространены листки: 700 экз. о 1 маѣ, Ц. К. (переизд. Куб. Ком.), 100 экз. „Перваго Шага“, 500 экз., „Крестьяне бунтуютъ“, „Послѣдній обманъ правительства“, „Великій праздникъ и письмо къ казакамъ“ изд. Донск. Ком.

Съ 1 по 15 мая былъ устроенъ рядъ сходокъ (5), на которыхъ выступили агитаторы отъ Куб. Ком. Собиралось отъ 50 до 70 человѣкъ. Говорилось о классовой борьбѣ пролетаріата, о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, объ Учредительномъ Собраніи и либералахъ, о демократической республикѣ и конституціонной монархіи.

Екатеринодаръ. Во время демонстраціи перваго мая арестованы одинъ рабочій и студентъ Пихлеръ. Послѣдняго на слѣдующій день освободили. Четвертаго мая былъ обыскъ у реалиста 7 класса Михельса, найдены прокламаціи, Михельсъ скрылся. Восьмого мая произведенъ былъ обыскъ у доктора Рохлина, арестованъ квартирантъ, ученикъ 7 класса реальнаго училища А. Рисъ и бывшій реалистъ Приваловъ (въ теченіе трехъ мѣсяцевъ два раза уже привлекавшійся), найденъ гектографъ, много прокламацій, адреса, печать Куб ком. и т. п.

Армавиръ. Во время всеобщей забастовки два раза арестовывали учителя Митягина, и два раза его освобождали по требованію рабочихъ.

Новороссійскъ. 29 апрѣля арестованъ интеллигентъ съ женой, (фамил. неизв.), жена освобождена, мужъ этапнымъ порядкомъ отсылается на родину. Послѣ демонстраціи арестованы: купецъ (ингушъ) Гирѣевъ, прикащики: Степановъ, Безчастный, Гольдманъ, рабочіе: Бахтадзе, Калантадзе, Александровъ, Маіорниковъ, Сукалидзе. Пятаго мая арестованъ интеллигентъ Алексѣй Малеваный, (просидѣлъ шесть дней).

Всеобщая майская стачка въ Самарѣ. Мелкія разрозненныя стачки, начавшіяся — какъ вездѣ — съ января, почти не прекращались въ Самарѣ вплоть до самаго послѣдняго времени. Можно съ полной увѣренностью сказать, что внѣ стачечнаго движенія не осталось ни одно крупное заведеніе, ни одна сколько нибудь значительная отрасль производства. Бастовали даже такія отсталыя категоріи рабочихъ, какъ приказчики и грузчики. На почвѣ оживленія, внесеннаго этимъ стачечнымъ движеніемъ въ рабочую среду, нашей организаціи удалось, пользуясь все расширяющимися за послѣднее время связями, вылить стихійно наростающее движеніе въ форму всеобщей майской стачки.

Предварительная подготовка заключалась въ устройствѣ массовокъ, спеціально посвященныхъ празднованію 1 мая и распространенію листковъ, посвященныхъ той-же темѣ (3-хъ типовъ въ 15 тыс.). Непосредственный призывъ ко всеобщей стачкѣ былъ сдѣланъ на массовкѣ въ воскресенье 1 мая, гдѣ въ особой рѣчи выяснялось значеніе майской стачки вообще и особенно въ Россіи въ данный моментъ.

1 же мая съ утра забастовала конка (150 рабоч.). Въ этотъ же день въ Струковскомъ саду, куда было назначено комитетскимъ ораторомъ собраться вечеромъ „для мирнаго гулянья“, совершенно неожиданно произошла демонстрація, подогрѣтая удачно сошедшей массовкой (было до 400 человѣкъ). Наша публика начала требовать у оркестра сыграть Марсельезу. Музыканты разбѣжались. Пришлось буржуазный оркестръ замѣнить пролетарскимъ. При первыхъ-же звукахъ рабочей марсельезы вся фешенебельная публика поспѣшила вонъ изъ сада. Какъ оказалось, эта „публика“ бѣжала именно отъ звуковъ рабочей Марсельезы, а вовсе не отъ выстрѣловъ, раздававшихся изъ толпы демонстрантовъ, но приписывавшихся полиціи. При первыхъ же выстрѣлахъ полиція бросилась въ разсыпную вмѣстѣ съ дамами вонъ изъ сада и лишь спустя нѣкоторое время, когда демонстранты вышли уже изъ сада, слѣдовала за ними на приличномъ разстояніи, осаживаясь назадъ при каждомъ выстрѣлѣ, при каждомъ раскатѣ марсельезы. Несмотря на приглашеніе членовъ организаціи разойтись, толпа шла дальше, пока, наконецъ, у соборныхъ садиковъ не была разсѣяна. Человѣкъ 10 было избито, трое — Зенинъ, Кириловъ и Кремеръ — арестованы. Дмитріевъ, избитый, увезенъ въ тюремную больницу.

Общее возбужденіе послѣ этой первой, собственно говоря, въ Самарѣ демонстраціи усилилось еще болѣе.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ забастовали всѣ типографіи (до 500 чел.), большая часть булочниковъ (до 300 ч.), большая часть портныхъ, фотографовъ, бѣлошвейки, модистки, шляпочницы и, наконецъ, иконостасники (послѣдніе исключительно изъ солидарности, не выставляя никакихъ требованій).

Утромъ во вторникъ было назначено собраніе въ Струковскомъ саду. Предполагалось устроить митингъ, но народу оказалось для этой цѣли слишкомъ мало (300—400 чел.). Два комитетскихъ оратора все-же выступали съ рѣчами, выясняющими необходимость политической свободы и объединенія рабочихъ въ самостоятельную, политическую партію. Со стороны присутствовавшихъ представителей черной сотни и отдѣльныхъ лицъ изъ среды портныхъ и рабочихъ губернской типографіи обнаружилось стремленіе сорвать собраніе криками: „долой демократію“. Крики эти сразу-же были подавлены общими возгласами — „долой черную сотню“, „долой шпіоновъ“, а черезъ 2—3 часа послѣ этого, когда стачечники, закрывавшіе мастерскія и магазины, были встрѣчены казацкими нагайками, крики „долой демократію“ — смѣнились у тѣхъ же самыхъ лицъ криками: „долой полицію“, „да здравствуетъ соц.-дем.!“

Въ среду забастовали остальные булочники, нѣкоторые механическіе заводы, большая часть мельницъ и, наконецъ, желѣзнодорожныя мастерскія (800 чел.) и депо 500 чел.).

Въ разныхъ частяхъ города происходили стычки съ полиціей и казаками. Особенно серьезное столкновеніе произошло съ казаками у грузчиковъ, которые, вооружившись грузовыми подушками, плахами и камнями (а нѣкоторые, какъ говорятъ, и револьверами), — обратили казаковъ въ бѣгство. Часть грузчиковъ тоже бастовала, а многіе работали подъ надзоромъ солдатъ, или были замѣнены солдатами. Вообще изъ грузчиковъ въ будущемъ по всей вѣроятности съорганизуется отрядъ „нашихъ“ казаковъ. Для черной сотни они теперь потеряны безвозвратно. Между тѣмъ собранія назначавшіяся комитетомъ то въ городѣ, то за городомъ, не могли состояться, частью изъ за вмѣшательства казаковъ и полиціи, частью изъ за отдаленности мѣстъ (Самара въ этомъ отношеніи городъ чрезвычайно неудобный. Кругомъ голая степь. Ближайшіе лѣски и овраги версты за 2—3 отъ городской черты).

отнюдь не его естественныхъ представителей и руководителей?

Резолюція по организаціонному вопросу, принятая конференціей партійныхъ работниковъ, выясняетъ послѣдствія, вытекающія изъ такого положенія дѣлъ. Съ расширеніемъ движенія, наши комитеты все менѣе и менѣе оказываются въ состояніи справиться съ нимъ, все менѣе и менѣе чувствуютъ себя кровно связанными съ тѣми массами, которыми они должны руководить. Рядомъ съ укрѣпленіемъ бюрократическихъ и кружковыхъ методовъ веденія мѣстной работы, естественно развивается въ сознаніи „комитетчиковъ“ тенденція съузить самое содержаніе соціальдемократической дѣятельности въ сторону подмѣны революціонной самодѣятельности пролетаріата авантюристской игрой въ „дѣланіе революціи“. Утопическія и фантастическія представленія о „захватѣ власти“ и о „назначеніи возстанія“ идутъ рука объ руку съ оскудѣніемъ дѣйствительно революціонной работы соціалистическаго просвѣщенія массъ и ихъ политической организаціи.

Объ этомъ уже достаточно говорилось въ нашей печати, его достаточно сознаютъ всѣ серьезные работники. Очевидно, что партійная организація должна быть реформирована. Очевидно, что строить партію дальше по Ленинскому „письму къ товарищу“, значитъ, губить ее. Очевидно, что то, что съ грѣхомъ пополамъ годилось 2—3 года назадъ, теперь абсолютно никуда не годится. Требованіе „демократизировать“ наши организаціонныя отношенія въ послѣднее время не встрѣчало серьезнаго отпора почти ни съ чьей стороны. Можно было думать, что „примиренцы“, отправившіеся на т. н. „третій съѣздъ“, отстоятъ на немъ эту неотложную реформу. Уставъ, выработанный этимъ съѣздомъ, обманулъ подобныя надежды. Все оставлено по старому. Мѣстные комитеты по прежнему исчерпываютъ собой контингентъ партійныхъ работниковъ, имѣющихъ голосъ въ партійныхъ дѣлахъ. „Периферія“ по-прежнему безгласна. Впрочемъ, не совсѣмъ: по требованію $^2/_3$ членовъ „периферіи“, потерявшій ея довѣріе комитетъ долженъ быть смѣщенъ.. если съ этимъ согласятся $^2/_3$ членовъ центральнаго комитета. А если не согласятся? Тогда даже *единогласное* требованіе всѣхъ организованныхъ мѣстныхъ рабочихъ имѣть другихъ „руководителей“ не можетъ ничего сдѣлать: старый комитетъ будетъ „руководить“ по-прежнему. Члены съѣзда, при опредѣленіи „правъ периферіи“, очевидно, вдохновлялись проектомъ Булыгинской „конституціи“. Какъ и въ другихъ случаяхъ, они, попытавшись опредѣлить мѣру допустимаго для нихъ „демократизма“, только обнаружили свои архаическія „твердокаменныя“ организаціонныя представленія и для тѣхъ, кто до сего времени питалъ еще какія либо иллюзіи.

Въ самомъ дѣлѣ. Старый уставъ ни о какихъ правахъ рабочихъ организацій не говорилъ. Но это умолчаніе принципіальными сторонниками „ленинизма“ толковалось въ наиболѣе благопріятномъ смыслѣ. Не говорилъ ли самъ творецъ этого устава, что основой отношеній между революціонерами — при отсутствіи „демократизма“ — является „товарищеское довѣріе?“ Не говорилъ ли онъ, въ „письмѣ къ товарищу“, что буде „не выбранный“ комитетъ потерялъ довѣріе безправной, по уставу, периферіи, онъ, такъ или иначе, будетъ *свергнутъ*? Можно было, поэтому, думать, что наши твердокаменные товарищи *не считаютъ* нормальнымъ, чтобы въ соціальдемократической партіи руководящій органъ управлялъ организаціей при отсутствіи ея довѣрія къ нему. Теперь же въ новомъ уставѣ все сказано какъ нельзя болѣе ясно: комитетъ представляетъ партію, независимо отъ согласія на это сотенъ организованныхъ рабочихъ; только съ согласія Ц. К., онъ можетъ быть устраненъ по желанію послѣднихъ. Не очевидно ли, что партія для твердокаменныхъ — это совокупность интеллигентскихъ комитетовъ, рабочія же организація только „состоятъ при Партіи“, какъ у Щедрина мужикъ состоялъ при генералахъ?

Булыгинскія представленія объ отношеніяхъ между „руководителями и руководимыми“ имѣютъ, какъ извѣстно, въ основаніи Шиповскую „теорію“ о „силѣ мнѣнія и силѣ власти“. Абсолютисты твердокаменности усвоили себѣ эту теорію. Въ смѣхотворной, невѣроятной на соціальдемократическомъ съѣздѣ, резолюціи объ „обязанности считаться съ периферіей“, они вмѣняютъ комитетамъ въ обязанность во всѣхъ важныхъ дѣлахъ партіи опрашивать рабочихъ, давая имъ „совѣщательный голосъ“. Забавная картина: комитетъ, вѣрный рѣшенію съѣзда, прежде чѣмъ привести въ исполненіе свой планъ, скажемъ, демонстраціи, опрашиваетъ 300—400 организованныхъ рабочихъ, получаетъ отъ нихъ „совѣщательный голосъ“, въ смыслѣ отрицанія полезности демонстраціи; затѣмъ, памятуя, что „демократизмъ“ — вредная выдумка и что сознаніе въ пролетарскія головы вколачивается „извнѣ“, „объявляетъ“ демонстрацію, а затѣмъ — во имя „партійной дисциплины“ — требуетъ, чтобы эти 300 рабочихъ явились исполнителями его „плана“ (конечно, подъ угрозой „раскассированія“ и исключенія). Другая картина: совокупность комитетовъ рѣшаетъ, что „въ интересахъ пролетаріата“ партіи надо вступить въ правительственный „блокъ“ съ буржуазной демократіей, но, что „мильеранизма“ изъ этого не получится, ибо вступленіе Галерки и Ленина въ демократическое правительство совершится по порученію пролетаріата и подъ его контролемъ. Рѣшеніе сіе подвергается голосованію организованныхъ рабочихъ-соціальдемократовъ; они высказываются громаднымъ большинствомъ противъ. Ленинъ и Галерка съ яснымъ челомъ вступаютъ въ правительство, гордо заявляя всѣмъ маловѣрамъ, что они приносятъ себя въ жертву „по порученію пролетаріата“ и состоятъ подъ его „контролемъ“. Шутники!

„Твердые“ товарищи до сихъ поръ не усвоили себѣ той истины, что руководящая *массами* соціальдемократическая партія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *союзомъ соціальдемократическихъ рабочихъ организацій*. Совокупность комитетовъ не есть еще партія; въ лучшемъ случаѣ, это только совокупность ея исполнительныхъ и руководящихъ органовъ. Совокупность профессіональныхъ агитаторовъ, пропагандистовъ и организаторовъ не есть еще рабочая партія—это только ея „становой хребетъ“. Партія должна быть совокупностью всѣхъ передовыхъ, сознательныхъ элементовъ пролетаріата, согласныхъ вести координированную борьбу за интересы своего класса, согласныхъ подчиняться дисциплинѣ организованнаго цѣлаго. Фактическое, а не номинальное участіе въ такой партіи предполагаетъ участіе въ ея работѣ въ цѣломъ, въ выработкѣ ея программы, ея политическихъ рѣшеній, ея тактики. И если мы до сихъ поръ переживаемъ процессъ перехода отъ „организаціи профессіональныхъ революціонеровъ“ къ соц.-дем. рабочей партіи, если, по историческимъ условіямъ, этотъ переходъ не можетъ совершиться „съ сегодня на завтра“, то обязанностью всѣхъ, смотрящихъ впередъ, соціальдемократовъ является при постройкѣ и перестройкѣ партійной организаціи сознательно двигаться по направленію къ этой цѣли.

На мѣстахъ у насъ должны быть прочныя, широкія и, по возможности, не бюрократически организованныя рабочія организаціи. Каждый день приближенія къ политической свободѣ, каждый новый фактъ разложенія царизма устраняетъ тѣ затрудненія, которыя до сихъ поръ мѣшали созданію и упроченію такихъ организацій. Комитеты и другіе руководящіе органы должны все болѣе приближаться къ положенію „уполномоченныхъ“ этихъ организацій, по ихъ порученію и подъ ихъ контролемъ выполняющихъ сложныя задачи руководства работой мѣстной коллективности. Это не значитъ ни введенія „референдума“, какъ постояннаго учрежденія, ни стѣсненія иниціативы руководящихъ органовъ, ни обязательнаго немедленнаго введенія „выборнаго начала“ во всѣхъ инстанціяхъ мѣстной организаціи, ни обязательства нарушать элементарныя условія необходимой конспираціи ради торжества „гласности“ и „демократизма“. Нѣтъ! Организованные рабочіе охотно помирятся со всѣми тѣми частными отступленіями отъ демократизма въ организаціи, которыя вынуждаются внѣшними условіями, и они, повѣрьте, достаточно дорожатъ интересами регулярной работы, чтобы не требовать референдума по поводу каждаго выпускаемаго комитетомъ листка, каждаго, предпринимаемаго имъ, шага Необходимо только одно: чтобы строй нашихъ организаціонныхъ отношеній обусловливалъ собой активное и отвѣтственное участіе въ общей политикѣ партіи всѣхъ ея членовъ, ибо при этомъ только условіи партійная организація втянетъ въ себя дѣйствительный авангардъ пролетаріата, только при томъ условіи ростъ рабочаго движенія будетъ находить свое выраженіе въ расширеніи и укрѣпленіи партіи. И только при этомъ условіи „рядовые“ рабочіе, участвующіе въ нашихъ организаціонныхъ группахъ, найдутъ въ себѣ охоту и умѣнье разбираться въ нашихъ „интеллигентскихъ“ спорахъ о программѣ и тактикѣ и будутъ считать себя не менѣе „руководителей“ отвѣтственными за тотъ или иной ходъ партійныхъ дѣлъ. А внѣ этого сторонникамъ партійнаго единства и „порядка“ не видать прекращенія тѣхъ смутъ и кризисовъ, отъ которыхъ нѣкоторые изъ нихъ готовы обороняться заржавѣлыми орудіями ленинскаго арсенала.

Уставъ „твердаго“ съѣзда ни на волосъ не подвигаетъ партію къ рѣшенію этой задачи. Это значитъ только, что, по прежнему, рабочимъ, не представленнымъ на съѣздѣ, придется рѣшать ее помимо и противъ комитетовъ, которые пожелаютъ принять данный уставъ.

Разумѣется, реформа нашей подпольной организаціи сама по себѣ не исчерпываетъ всѣхъ нашихъ организаціонныхъ задачъ. Какъ ни мѣняется окружающая насъ обстановка, мы все еще обречены строить организацію въ подпольѣ. Это одно суживаетъ размахъ нашей организаціонной работы въ тотъ періодъ, когда прежде всего необходимо организовывать *массы*, чтобы дать имъ въ руки оружіе для успѣшнаго выполненія исторической миссіи, возложенной на плечи россійскаго пролетаріата. Подпольная организація, въ лучшемъ случаѣ, можетъ охватить десятки тысячъ. Для того, чтобы пролетаріатъ могъ вступить въ политическое состязаніе съ быстро организующимися другими классами, онъ долженъ быть организованъ не менѣе широко, чѣмъ они. И громадная масса пролетаріевъ, не могущихъ или не склонныхъ войти въ наши подпольныя организаціи, проявляетъ лихорадочную жажду самоорганизаціи. Въ какомъ отношеніи должна стоять наша работа къ этому процессу? Должны ли мы просто „пользоваться“ массовыми рабочими организаціями, какъ объектомъ агитаціонной работы нашихъ комитетовъ? Или мы можемъ — а, стало быть, и должны — взять на себя руководящую роль въ этой работѣ по организаціи всѣхъ активныхъ элементовъ пролетаріата, чтобы уже те-

Наконецъ, въ четвергъ 5 мая состоялось большое загородное собраніе въ 600—700 чел., почти исключительно изъ рабочихъ, и притомъ въ громадномъ большинствѣ изъ небывшихъ ранѣе на массовкахъ. На этомъ собраніи были приняты рѣшенія, предложенныя комитетскими ораторами:

1) о присоединеніи къ требованіямъ петербургскихъ майскихъ митинговъ, 2) о значеніи настоящей стачки, 3) о поведеніи на случай „успокоительныхъ“ мѣропріятій администраціи. Тутъ же былъ выбранъ стачечный комитетъ для дальнѣйшаго руководства стачкой. Собраніе прошло съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. Администрація была напугана движеніемъ до послѣдней степени. Запасные — артиллеристы, стоящіе у насъ въ городѣ, совсѣмъ не надежны. 3 батареи („наши батареи“, какъ говорятъ рабочіе), наиболѣе сильно затронутыя агитаціей, были отправлены на тотъ берегъ Волги.

Казаковъ слишкомъ мало, да они, кромѣ того, нужны въ деревнѣ, гдѣ уже начинается аграрное движеніе. Въ этомъ именно смыслѣ посылались губернаторомъ телеграммы въ Питеръ. Несмотря на все это, комитету пришлось отказаться отъ устройства демонстраціи въ виду недостаточной еще зрѣлости политическаго сознанія въ массѣ и отсутствія сколько нибудь прочно организованной вооруженной обороны. Въ настоящее время забастовка прекратилась уже повсюду, кромѣ типографій и портняжныхъ мастерскихъ.

Хозяева типографій въ отвѣтъ на требованія рабочихъ, отвѣтили контръ-требованіями возвращенія къ условіямъ, бывшимъ до послѣдней забастовки. Говорятъ, что въ ихъ числѣ есть такіе оригиналы, которые мотивируютъ свое поведеніе стремленіемъ озлобить рабочихъ и заставить ихъ тѣмъ самымъ перейти къ политической борьбѣ. Типографщики же намѣрены бастовать до конца. Настроеніе у нихъ превосходное. Телеграммы печатаются въ Сызрани. На конкѣ требованія тоже удовлетворены не были, часто рабочихъ разсчитывали, а затѣмъ принимали народъ по выбору.

Денежная поддержка отъ общества все время была крайне слабая. Всего собрано 350 рублей. Находятся такіе кретины буржуазнаго либерализма, которые закрываютъ кошелекъ со словами: „у нихъ нѣтъ политическихъ требованій“. Рѣчи на банкетѣ — это политика, а революціонная майская стачка — не политика, потому что это не буржуазная политика! На банкетѣ, чествовавшемъ либеральнаго чиновника управленія акцизными сборами М. Котельникова, по доносу переведенному на ту же должность въ Оренбургъ, собрали въ пользу стачечниковъ всего 175 рублей, на пять рублей меньше, чѣмъ собрали въ честь „пострадавшаго“ Котельникова.

Соціалисты-революціонеры, имѣющіе здѣсь связи съ рабочими, отъ руководства стачкой „скромно“ отказались: „вы взялись, такъ и ведите“. Между тѣмъ, собиравшіяся ими на стачку деньги они ни намъ, ни въ стачечный комитетъ не передавали, а раздавали „*своимъ*“ рабочимъ, мотивируя это тѣмъ, что ихъ не пригласили въ комитетъ. Однимъ словомъ, какъ ни слаба наша здѣшняя организація, все-таки руководство первымъ же возникшимъ движеніемъ естественно оказалось въ нашихъ рукахъ. Его даже не пытались оспаривать ни освобожденцы, ни соціалисты-революціонеры, хотя и у тѣхъ и у другихъ имѣются тутъ свои „комитеты“. Комитетскія связи захватили теперь буквально *всѣ* мастерскія и *всѣ* категоріи рабочихъ. Собранія наши пріобрѣли самую широкую популярность. Изъ рабочей среды выдѣлилось много очень цѣнныхъ и развитыхъ рабочихъ, остававшихся ранѣе неизвѣстными комитету.

За время стачки были арестованы шесть человѣкъ на квартирахъ второго-третьяго мая: Николаевскій, Муравьевъ, Колесовъ, Куликовъ, Магазинеръ, Хохловъ и при останавливаніи мельницы Шандрина четверо: Вадалагинъ (интел.), Никитинъ (раб.), Фельдманъ (ювелиръ); всѣ избиты и лежатъ въ больницѣ. Рутченко (раб.) избитъ и увезенъ въ тюремную больницу.

Самара. По чисто случайнымъ обстоятельствамъ, которыя отъ мѣстнаго комитета не зависѣли, письма не доходили въ „Искру“; такимъ образомъ, настоящее письмо принимаетъ невольно форму краткаго отчета о мѣстной работѣ съ момента январскихъ стачекъ.

Этотъ моментъ, какъ и вездѣ въ Россіи, въ Самарѣ имѣлъ большое вліяніе на ходъ работы. Съ этого момента расширяются связи съ рабочей массой, увеличивается число кружковъ, собранія, массовки, вообще переломъ въ работѣ замѣчается довольно значительный. Начну съ описанія стачекъ, явившихся отголоскомъ январскихъ собраній. Прошли эти стачки совершенно стихійно и даже вмѣшаться комитету не удалось.

Выпущенный комитетомъ листокъ съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не подѣйствовалъ. Были стачки на чугунно-литейномъ заводѣ Лебедева, на мельницѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо; продолжались по одному, по полдня и прекращались, благодаря недостаточной солидарности рабочей массы. Единственной выигранной стачкой была стачка типографщиковъ, но и она прошла довольно не дружно. На заводѣ Лебедева сбавили всего полчаса; между прочимъ, тамъ во время стачки произошелъ такой инцидентъ: когда часть рабочихъ бросила работу и силой начали выгонять продолжающихъ работу, то произошла свалка, многихъ сильно избили.

Послѣ забастовки 10 человѣкъ выгнали, остальная масса осталась къ этому равнодушна. Вообще солидарности было очень мало. Вездѣ выставлялись экономическія требованія и почти нигдѣ не были удовлетворены. Но въ результатѣ все же у рабочихъ возникло желаніе организоваться. Эти стачки показали рабочимъ, что безъ организаціи они ничего не могутъ сдѣлать и многихъ толкнули въ ряды соціальдемократіи. Приблизительно съ этого момента работа комитета начинаетъ налаживаться. Массовки сначала въ 40 человѣкъ, а потомъ въ 130—150 чел.

4 марта произошла стачка приказчиковъ. Подготовлялась она цѣлымъ рядомъ собраній въ зданіи Биржи, происходившихъ подъ руководствомъ либераловъ. Вообще, все это движеніе представляло зрѣлище „трогательнаго единенія“ либерализма съ „тредъ-юніонизмомъ“. Весь день приказчики ходили по городу и закрывали магазины. Губернаторъ пріѣзжалъ къ нимъ, грозилъ на насиліе отвѣтить силой и обѣщалъ стрѣлять. Послѣ этого толпа разошлась. Наиболѣе интереснымъ является собраніе 15 числа, которое рѣшило стачку. Купцами былъ предложенъ 12-часовый день вмѣсто 11-часоваго и праздничный отдыхъ, закрытіе магазиновъ на время образовавшагося перерыва, а всѣ остальныя требованія отклонялись.

Предсѣдатель Медвѣдевъ, бывшій тверской либералъ, въ пышной рѣчи объяснялъ, что гораздо лучше принять это предложеніе, что продолженіе забастовки можетъ повредить, потому что когда много просятъ, то, пожалуй, и ничего не дадутъ, а лучше вотъ теперь принять 12-часовый день, а послѣ когда-нибудь что-нибудь опять попросимъ.

12-часовый день былъ принятъ и забастовка была закончена. На очередь былъ поставленъ вопросъ, принять ли въ общество приказчиковъ предпринимателей? Выступилъ одинъ изъ публики и старался доказать, что интересы приказчиковъ и купцовъ совершенно противоположны, что составлять одно общество нелѣпо. Но ему не дали кончить. Предсѣдатель заявилъ, что ученіе о классахъ принадлежитъ людямъ, именующимся экономистами и что вовсе никакихъ классовъ нѣтъ, а есть люди, у которыхъ одно общее дѣло, около него находятся купцы и приказчики, и если это дѣло рушится, то также теряютъ купцы, какъ и приказчики. Когда нѣкоторые попросили слова, чтобы возразить ему, то онъ не далъ, да и сами приказчики были настроены противъ „экономистовъ“.

Въ этотъ же день забастовали мельница и чугунно-литейный заводъ Журавлевой. Засѣданіе пришло уже къ концу, когда явились рабочіе и одинъ изъ нихъ обратился съ рѣчью къ приказчикамъ, прося поддержать рабочихъ, но встрѣтилъ отпоръ и крики: „не надо рабочихъ“. Въ головахъ приказчиковъ никакъ не укладывается мысль, что ихъ интересы одинаковы съ интересами рабочихъ. „Что можетъ быть общаго у приказчика, одѣтаго по послѣдней модѣ съ какимъ то пьянымъ сапожникомъ“, такъ выразился тотъ же представитель приказчиковъ.

Теперь приказчики недовольны уже не „экономистами“, а своими руководителями, ибо ихъ стачка, какъ оказалось, не дала имъ ровно ничего, кромѣ опыта, какъ *не надо* вести стачки. Хозяева обѣщанія не исполняютъ.

Приказчики представляютъ довольно значительную силу — около 7000. Недавно была стачка приказчиковъ, всѣ требованія были удовлетворены, благодаря спѣшному времени.

Комитетъ старается вмѣшиваться также въ легальныя собранія мѣстныхъ обществъ „охраны народнаго здравія“, вновь рожденнаго союза „равноправія женщинъ“ и др. Земскія собранія прошли тоже не безъ вмѣшательства комитета, правда, это вмѣшательство не было хорошо организовано, но все же удалось разбросать прокламаціи, которые попадали на столъ къ гласнымъ и въ публику. Послѣ эти засѣданія были объявлены закрытыми и публику больше не пускали.

Въ Земской Управѣ собралось засѣданіе общества охраненія народнаго здравія. Былъ прочитанъ докладъ о „тридцати пятилѣтнемъ юбилеѣ средней школы“. Докладчикъ, указавъ на ненормальное положеніе средней школы, сказалъ, что оно связано съ положеніемъ всего министерства народнаго просвѣщенія и что необходимы реформы въ этомъ министерствѣ. Въ заключеніи возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Ему возражали трое соціальдемократовъ, указывали, что „ненормальное положеніе школы связано не только съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а со всѣмъ государственнымъ порядкомъ и, чтобы измѣнить положеніе средней школы, нужно не реформировать м. н. п., а перестроить весь государственный порядокъ, нужно низверженіе самодержавія путемъ всенароднаго возстанія, нужно Учредительное Собраніе, которое дастъ возможность бороться открыто соціальдемократіи за демократическую республику. Говорили о Земскомъ Соборѣ, что онъ является лишь большой коммиссіей, что его должна постигнуть такая судьба, какая постигла всѣ коммиссіи, если только онъ будетъ осуществленъ. Возражали имъ мало. Одинъ лишь либералъ пропѣлъ серенаду, что все де молъ насчетъ демократической республики хорошо, что онъ, можетъ, чего нибудь и больше хочетъ, но что нужно отъ коммиссій тоже пользоваться, а демократическая республика, это еще Богъ знаетъ, когда она будетъ. Однако, либералы на этотъ разъ не разбѣжались, какъ это было на собраніи педагогическаго кружка при томъ же составѣ членовъ общества. Говорятъ, что прокуратура возбуждаетъ дѣло. Мѣстный союзъ „равноправія женщинъ“ рѣшилъ ходатайствовать объ Учредительномъ Собраніи, основанномъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ. Сначала женщины сомнѣвались, нужно ли равное, прямое и тайное голосованіе, и, такъ какъ считали себя еще не подготовленными въ этомъ вопросѣ, то предлагали раньше „подумать“.

Недавно здѣсь состоялись засѣданія съѣзда народныхъ учителей, на которыхъ была принята резолюція о необходимости Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права.

18 апрѣля здѣсь праздновалось маевка за городомъ. Было устроено собраніе человѣкъ изъ 300 рабочихъ и интеллигентовъ. Говорили о праздникѣ перваго мая, какое онъ имѣетъ значеніе вообще, о 8 часовомъ рабочемъ днѣ и о томъ, какое значеніе имѣетъ для Россіи настоящее первое мая и какъ мы должны праздновать его и какія задачи выдвигаетъ жизнь передъ россійской соціальдемократіей. Были выкинуты красные флаги съ надписями: „да здравствуетъ первое мая“, „Свобода или смерть!“ и др. Пѣли пѣсни. Полиція не помѣшала.

Недавно здѣсь появился комитетъ Союза Освобожденія и выпустилъ брошюру „великая перемѣна“ (къ крестьянамъ, мѣщанамъ и рабочимъ).

Ростовъ н/Д. Недавно закончилось дознаніе о „банкетѣ въ память 40 л. судебныхъ уставовъ въ коммерческомъ клубѣ 5 дек. 1904 г., носившемъ противоправительственный характеръ“. Начатое послѣ опубликованія резолюція Николая II о „деракомъ и безтактномъ“ поступкѣ черниговскаго предводителя, оно тянулось около полугода. По дѣлу этому привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго только одинъ изъ ораторовъ банкета, рѣчь котораго произвела въ свое время весьма сильное впечатлѣніе, а именно докторъ философіи гейдельбергскаго университета С. Г. Сватиковъ. Кромѣ того, разыскивался, — но тщетно, — представитель Донского Ком., говорившій на банкетѣ отъ имени ростово-нахичеванскихъ рабочихъ, и одинъ рабочій, который въ перехваченномъ жандармами письмѣ къ товарищамъ подробно разсказываетъ о банкетѣ, сообщая разныя конспиративныя данныя о другихъ лицахъ и о себѣ самомъ, причемъ, рядомъ съ псевдонимомъ (кличкой), сообщилъ и подлинное свое имя. Сватиковъ былъ арестованъ 17 дек. и пробылъ въ тюрьмѣ болѣе 2 мѣсяцевъ, послѣ чего выпущенъ подъ залогъ въ 1500 руб. Свидѣтелями по этому дѣлу вызваны были присяжные повѣренные — устроители банкета, гости банкета, члены клуба и другія лица, которыя такъ или иначе (хотя и безъ билетовъ) проникли въ залу, и, наконецъ, шпіоны. Первыми были вызваны клубные лакеи, состоящіе на службѣ охраннаго отдѣленія, — братья Ишковы — Венедиктъ и Акимъ. Оба показали, что слышали, какъ обвиняемый говорилъ: „долой пошлое (!) самодержавіе, долой войну“ и т. д. Акимъ рѣшилъ немедленно-же прослѣдить этого вреднаго бунтовщика и уже ни на минуту не выпускалъ изъ виду оратора и лицъ, которыя подходили къ нему (справки о послѣднихъ Акимъ получилъ отъ эконома Смѣлова). Взволнованному воображенію Акима почудилось, что ораторъ говорилъ переодѣтымъ и съ приклеенной бородой (что дознаніемъ не подтвердилось). Шпіонили Акимъ и Венедиктъ, какъ они поспѣшно оговариваются, „по собственному (!) побужденію“. За ними вызваны были лица, непричастныя къ банкету, но, какъ о томъ неизвѣстными путями освѣдомилось охранное отдѣленіе, все-же проникшіе на банкетъ и готовые дать жандармамъ желательныя для нихъ показанія. Это — купецъ Харьковщенко, почетный гражданинъ Л. Колосовъ, учитель реальнаго училища Н. Батицкій, казакъ Цыплаковъ, полковникъ конвойной команды Эфенди и купецъ Золотаревъ. Всѣ они разсказываютъ, что глубоко возмутились дерзкими революціонными рѣчами, особенно Сватикова и рабочаго изъ Донск. Ком., причемъ оказывается, что они слышали именно *эти*, а не другія какія рѣчи. Батицкій, Эфенди и Золотаревъ прибавляютъ, что узнавши о крамолѣ, воцарившейся въ клубѣ, они пытались заставить директора клуба разогнать банкетъ, или вызвать полицію, но, не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, ушли подальше изъ этого мѣста игры въ карты, оскверненнаго пребываніемъ крамольниковъ. Показанія ихъ обнаруживаютъ желаніе перервать горло крамолѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособность понять сущность рѣчей и недостаточную опытность въ доносительствѣ. Показанія шпіоновъ и добровольныхъ доносчиковъ не давали достаточно матеріала для привлеченія кого-либо къ отвѣтственности. Таковой былъ данъ показаніями присяжныхъ повѣренныхъ — участниковъ банкета — Оболонскаго, Черняка, Плосконнаго и врача Козорѣзова, которые очень дружно и единодушно заявили о своемъ благородномъ негодованіи на Сватикова и рабочихъ, осквернившихъ революціонными рѣчами ихъ мирный товарищескій ужинъ. Они считали долгомъ дать свои доносительскія показанія, ибо въ рѣчи Сватикова они почуяли противныя имъ соціаль-демократическія убѣжденія. Въ полномъ согласіи съ ними показали и ораторы банкета — присяжные повѣренные Л. Волкенштейнъ и В. Севастьяновъ. Первый говорилъ о свободѣ совѣсти, какъ необходимомъ элементѣ конституціи, второй — о необходимости для Россіи конституціи, которую получили 25 л. назадъ болгары. Волкенштейнъ, давшій, какъ теперь выяснилось, предательскія показанія по дѣлу Мошинскаго (дѣло 1-го Донск. Ком.), показалъ въ томъ-же родѣ и на этотъ разъ. Между прочимъ, онъ приписалъ Сватикову восклицаніе „да здравствуетъ ростово-нахичеванскій революціонный комитетъ(?)“, чѣмъ ввелъ въ лишніе труды производившаго дознаніе ротмистра Карпова, который 3 мѣсяца усердно, но безплодно искалъ этотъ „новый“ комитетъ.

Но интереснѣе и характернѣе всѣхъ было показаніе предсѣдателя банкета, избраннаго по предложенію мѣстныхъ либераловъ и демократовъ, присяжнаго повѣрен. Горева. Горевъ тоже заявляетъ о „мирномъ“ характерѣ „товарищескаго ужина юристовъ“ (умалчивая о конституціонныхъ рѣчахъ) и возмущается дерзкими рѣчами рабочаго и упомянутаго Сватикова. Послѣдняго онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ ввелъ въ залу „шайку соціальдемократовъ съ ихъ красными тряпками“, что онъ былъ руководителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего „скандала, произведеннаго этими субъектами“ и т. п. Напомнимъ, что во время рѣчи второго и третьяго либеральнаго оратора поднялся изъ толпы стоявшихъ у стѣны рабочихъ представитель Донск. Ком., требовавшій слова отъ имени рабочихъ, группировавшихся близъ клуба въ сосѣднихъ улицахъ. Горевъ остановилъ его и не давалъ ему говорить, причемъ нѣкоторые либералы завывали: „вонъ, вонъ ихъ! Они безъ билетовъ (!), что за нахалы!“ и т. п. Попытка Сватикова настоять на свободѣ слова для соціальдемократическаго оратора была отвергнута предсѣдателемъ. „Съ этого момента“ — показываетъ Горевъ — „я сталъ получать записки, требовавшія, чтобы дали слово соціальдемократическому оратору. Нѣкоторые писали: „будетъ иначе скандалъ, быть можетъ, кровопролитіе!...“ Я колебался, не вызвать ли мнѣ полицію или жандармовъ, чтобы удалить вонъ *этихъ господъ*. Меня останавливала мысль, что меня за это могутъ сжить со свѣту, выжить изъ города, а также то, что выгоняя соціальдемократовъ, полиція могла избить *нечаянно* и *насъ*, и *нашихъ* женъ. А это было нежелательно(!). Поэтому я съ удовольствіемъ узналъ, что въ сосѣдней комнатѣ полиціймейстеръ, который все время съ кѣмъ-то говоритъ по телефону. Благодаря такимъ запискамъ и размышленію по ихъ поводу, я не слыхалъ рѣчей офиціальныхъ ораторовъ. Наконецъ я рѣшилъ, что лучше дать соціальдемократу слово; онъ говорилъ среди кучки единомышленниковъ, плохо, заикаясь, такъ что я слыхалъ лишь отдѣльныя выраженія: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ республика! Тираны!“ „кровь“ и т. п. Когда онъ окончилъ, я облегченно вздохнулъ, думая, что этимъ скандалъ кончился, но оказалось, что гвоздь ихъ программы былъ впереди. Отрекомендовавшійся мнѣ, какъ докторъ философіи и секретарь петербургскаго банкета, Сватиковъ попросилъ слова. Я, принявъ его за человѣка изъ общества, далъ ему слово, но былъ пораженъ, услышавъ, что онъ говоритъ!..“ Слѣдуетъ своеобразная передача рѣчи Сватикова: „Я не могъ и думать остановить его, такъ какъ чувствовалъ, что если я вздумаю прервать его, то всѣ эти соціальдемократы, рабочіе, и т. п., съ восторгомъ внимавшіе рѣчи своего вожака, разобьютъ мнѣ голову. И я пассивно выслушалъ эту рѣчь“. Далѣе описывается финалъ банкета съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Производившій дознаніе жандармъ сказалъ обвиняемому, что онъ не считаетъ возможнымъ привлечь его по обвиненію въ томъ, въ чемъ его обвиняетъ Горевъ, но считаетъ долгомъ, на основаніи показаній Горева, Севастьянова, Волкенштейна и Козорѣзова привлечь его по статьямъ 128 и 129.

Такимъ образомъ, дѣло [illegible] возбуждено по [illegible] даннымъ, добытымъ жандармами отъ самихъ либераловъ [illegible] ихъ въ своихъ рѣчахъ конституціи [illegible] Парамоновъ, Лимановъ, Черни[illegible] Берберовъ, Коганъ) имѣли смѣло[illegible] о рѣчахъ рабочаго и Св. Чрезвы[illegible] да и почти всѣ свидѣтели объ устройствѣ банкета, предали [illegible] другъ друга, но за это не привлеченъ никто. По поводу показаній либераловъ областной жандармскій генералъ Тихановичъ сказалъ: „Они полаяли, какъ шавки, на самодержавіе, а когда мы на нихъ прикрикнули, — всѣ они шмыгнули въ подворотню“. На другой день послѣ ареста, Сватиковъ послалъ телеграмму Святополку-Мирскому, требуя освобожденія, такъ какъ иначе Святополкъ долженъ признать себя провокаторомъ; „я обращаюсь къ вашему чувству чести“, писалъ Сватиковъ. Честь Святополка оказалась въ департаментѣ полиціи, такъ какъ оттуда пришелъ отвѣтъ, что министръ отдаетъ дѣло на разрѣшеніе мѣстнаго жандарма Карпова.

перь связать себя организаціонными нитями съ этими соединеніями пролетаріевъ, которыя одни только представятъ въ свободной Россіи надлежащій организаціонный аппаратъ для руководства классовой борьбой пролетаріата, — дѣйствительную рабочую партію? Или, замкнувшись въ своихъ „комитетскихъ“ организаціяхъ, мы предоставимъ непартійнымъ элементамъ „рабочелюбивой“ интеллигенціи выполнить эту „черную“ работу организаціи массъ — чтобы впослѣдствіи оказаться въ положеніи американскихъ „де леонистовъ“, при всемъ своемъ соціалистическомъ правовѣріи, сумѣвшихъ стать совершенно чуждыми „стихійно“ развивающейся къ соціализму пролетарской интеллигенціи?

Рѣшенія „твердаго“ съѣзда показываютъ, что этого вопроса для части нашихъ комитетчиковъ даже и не существуетъ. Правда, ихъ резолюція объ „открытомъ выступленіи Р. С.-Д. Р. П.“ показываетъ, что мысль о предстоящей коренной ломкѣ условій нашей работы мелькаетъ въ ихъ сознаніи, но, съѣхавшись на свой съѣздъ, они не нашли момента достаточно „назрѣвшимъ“, чтобы указать членамъ партіи на обязанность соціальдемократіи стать дѣятельнымъ центромъ, направляющимъ этотъ стихійно развивающійся процессъ образованія политическихъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, возникающихъ внѣ плоскости партійнаго подполья. И жизнь жестоко насмѣялась надъ ними. Въ то время, какъ съ [illegible] старообрядческихъ начетчиковъ они извлекали изъ архивной пыли, изъ подъ толстаго слоя полемическаго мусора, пресловутый ленинскій § 1, чтобы торжественно повѣдать міру, что они твердо рѣшились окончательно отгородиться отъ рабочаго класса, который уже самъ показалъ свое намѣреніе отгородиться отъ нихъ, — въ это самое время въ разныхъ концахъ Россіи рабочіе соціалдемократы начали успѣшно работать надъ закладываніемъ основъ будущей „легальной“ пролетарской организаціи, создавая „явочнымъ порядкомъ“ профессіональные союзы въ Петербургѣ, участвуя въ попыткахъ харьковскаго „общества занимающихся ремесленнымъ трудомъ“ объединить всѣ „легальныя“ рабочія общества.

Вопросъ объ организаціи *массъ* не привлекъ къ себѣ вниманіе членовъ съѣзда. Это и понятно: представители отжившихъ традицій болѣзненнаго періода въ развитіи партіи, они совершенно поглощены „техническимъ“ приготовленіемъ возстанія. Они готовятся къ революціи, какъ „штабъ спѣвшихся революціонеровъ“, сегодня предлагающій себя массамъ въ роли руководителей повседневной борьбой, завтра — въ роли участниковъ временнаго правительства, послѣзавтра — въ роли депутатовъ въ парламентѣ. О томъ, что „организовать революцію“ для соціальдемократа значитъ „организовать массы“, они до сихъ поръ не догадались.

Но непониманіе значенія организаціи массъ стоитъ въ тѣсной связи съ *тактическими* воззрѣніями, восторжествовавшими на твердомъ съѣздѣ. Оцѣнкѣ этихъ воззрѣній мы посвятимъ слѣдующую статью.

Наконецъ, въ четвергъ 5 мая состоялось большое загородное собраніе въ 600—700 чел., почти исключительно изъ рабочихъ, и притомъ въ громадномъ большинствѣ изъ небывшихъ ранѣе на массовкахъ. На этомъ собраніи были приняты рѣшенія, предложенныя комитетскими ораторами:

1) о присоединеніи къ требованіямъ петербургскихъ майскихъ митинговъ, 2) о значеніи настоящей стачки, 3) о поведеніи на случай „успокоительныхъ“ мѣропріятій администраціи. Тутъ же былъ выбранъ стачечный комитетъ для дальнѣйшаго руководства стачкой. Собраніе прошло съ замѣчательнымъ воодушевленіемъ. Администрація была напугана движеніемъ до послѣдней степени. Запасные — артиллеристы, стоящіе у насъ въ городѣ, совсѣмъ не надежны. 3 батареи („наши батареи“, какъ говорятъ рабочіе), наиболѣе сильно затронутыя агитаціей, были отправлены на тотъ берегъ Волги.

Казаковъ слишкомъ мало, да они, кромѣ того, нужны въ деревнѣ, гдѣ уже начинается аграрное движеніе. Въ этомъ именно смыслѣ посылались губернаторомъ телеграммы въ Питеръ. Несмотря на все это, комитету пришлось отказаться отъ устройства демонстраціи въ виду недостаточной еще зрѣлости политическаго сознанія въ массѣ и отсутствія сколько-нибудь прочно организованной вооруженной обороны. Въ настоящее время забастовка прекратилась уже повсюду, кромѣ типографій и портняжныхъ мастерскихъ.

Хозяева типографій въ отвѣтъ на требованія рабочихъ, отвѣтили контръ-требованіями возвращенія къ условіямъ, бывшимъ до послѣдней забастовки. Говорятъ, что въ ихъ числѣ есть такіе оригиналы, которые мотивируютъ свое поведеніе стремленіемъ озлобить рабочихъ и заставить ихъ тѣмъ самымъ перейти къ политической борьбѣ. Типографщики же намѣрены бастовать до конца. Настроеніе у нихъ превосходное. Телеграммы печатаются въ Сызрани. На конкѣ требованія тоже удовлетворены не были, часто рабочихъ разсчитывали, а затѣмъ принимали народъ по выбору.

Денежная поддержка отъ общества все время была крайне слабая. Всего собрано 350 рублей. Находятся такіе кретины буржуазнаго либерализма, которые закрываютъ кошелекъ со словами: „у нихъ нѣтъ политическихъ требованій“. Рѣчи на банкетѣ — это политика, а революціонная майская стачка — не политика, потому что это не буржуазная политика! На банкетѣ, чествовавшемъ либеральнаго чиновника управленія акцизными сборами М. Котельникова, по доносу переведеннаго на ту же должность въ Оренбургъ, собрали въ пользу стачечниковъ всего 175 рублей, на пять рублей меньше, чѣмъ собрали въ честь „пострадавшаго“ Котельникова.

Соціалисты-революціонеры, имѣющіе здѣсь связи съ рабочими, отъ руководства стачкой „скромно“ отказались: „вы взялись, такъ и ведите“. Между тѣмъ, собиравшіяся ими на стачку деньги они ни намъ, ни въ стачечный комитетъ не передавали, а раздавали „*своимъ*“ рабочимъ, мотивируя это тѣмъ, что ихъ не пригласили въ комитетъ. Однимъ словомъ, какъ ни слаба наша здѣшняя оргонизація, все-таки руководство первымъ же возникшимъ движеніемъ естественно оказалось въ нашихъ рукахъ. Его даже не пытались оспаривать ни освобожденцы, ни соціалисты-революціонеры, хотя и у тѣхъ и у другихъ имѣются тутъ свои „комитеты“. Комитетскія связи захватили теперь буквально *всѣ* мастерскія и *всѣ* категоріи рабочихъ. Собранія наши пріобрѣли самую широкую популярность. Изъ рабочей среды выдѣлилось много очень цѣнныхъ и развитыхъ рабочихъ, остававшихся ранѣе неизвѣстными комитету.

За время стачки были арестованы шесть человѣкъ на квартирахъ второго-третьяго мая: Николаевскій, Муравьевъ, Колесовъ, Куликовъ, Магазинеръ, Хохловъ и при останавливаніи мельницы Шандрина четверо: Вадалагинъ (интел.), Никитинъ (раб.), Фельдманъ (ювелиръ); всѣ избиты и лежатъ въ больницѣ. Рутченко (раб.) избитъ и увезенъ въ тюремную больницу.

Самара. По чисто случайнымъ обстоятельствамъ, которыя отъ мѣстнаго комитета не зависѣли, письма не доходили въ „Искру“; такимъ образомъ, настоящее письмо принимаетъ невольно форму краткаго отчета о мѣстной работѣ съ момента январскихъ стачекъ.

Этотъ моментъ, какъ и вездѣ въ Россіи, въ Самарѣ имѣлъ большое вліяніе на ходъ работы. Съ этого момента расширяются связи съ рабочей массой, увеличивается число кружковъ, собранія, массовки, вообще переломъ въ работѣ замѣчается довольно значительный. Начну съ описанія стачекъ, явившихся отголоскомъ январскихъ собраній. Прошли эти стачки совершенно стихійно и даже вмѣшаться комитету не удалось.

Выпущенный комитетомъ листокъ съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не подѣйствовалъ. Были стачки на чугунно-литейномъ заводѣ Лебедева, на мельницѣ, въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и депо; продолжались по одному, по полдня и прекращались, благодаря недостаточной солидарности рабочей массы. Единственной выигранной стачкой была стачка типографщиковъ, но и она прошла довольно не дружно. На заводѣ Лебедева сбавили всего полчаса; между прочимъ, тамъ во время стачки произошелъ такой инцидентъ: когда часть рабочихъ бросила работу и силой начали выгонять продолжающихъ работу, то произошла свалка, многихъ сильно избили.

Послѣ забастовки 10 человѣкъ выгнали, остальная масса осталась къ этому равнодушна. Вообще солидарности было очень мало. Вездѣ выставлялись экономическія требованія и почти нигдѣ не были удовлетворены. Но въ результатѣ все же у рабочихъ возникло желаніе организоваться. Эти стачки показали рабочимъ, что безъ организаціи они ничего не могутъ сдѣлать и многихъ толкнули въ ряды соціальдемократіи. Приблизительно съ этого момента работа комитета начинаетъ налаживаться. Массовки сначала въ 40 человѣкъ, а потомъ въ 130—150 чел.

4 марта произошла стачка приказчиковъ. Подготовлялась она цѣлымъ рядомъ собраній въ зданіи Биржи, происходившихъ подъ руководствомъ либераловъ. Вообще, все это движеніе представляло зрѣлище, „трогательнаго единенія“ либерализма съ „трэдъ-юніонизмомъ“. Весь день приказчики ходили по городу и закрывали магазины. Губернаторъ пріѣзжалъ къ нимъ, грозилъ на насиліе отвѣтить силой и обѣщалъ стрѣлять. Послѣ этого толпа разошлась. Наиболѣе интереснымъ является собраніе 15 числа, которое рѣшило стачку. Купцами былъ предложенъ 12-часовый день вмѣсто 11-часоваго и праздничный отдыхъ, закрытіе магазиновъ на время образовавшагося перерыва, а всѣ остальныя требованія отклонялись.

Предсѣдатель Медвѣдевъ, бывшій тверской либералъ, въ пышной рѣчи объяснялъ, что гораздо лучше принять это предложеніе, что продолженіе забастовки можетъ повредить, потому что когда много просятъ, то, пожалуй, и ничего не дадутъ, а лучше вотъ теперь принять 12-часовый день, а послѣ когда-нибудь что-нибудь опять попросимъ.

12-часовый день былъ принятъ и забастовка была закончена. На очередь былъ поставленъ вопросъ, принять ли въ общество приказчиковъ предпринимателей? Выступилъ одинъ изъ публики и старался доказать, что интересы приказчиковъ и купцовъ совершенно противоположны, что составлять одно общество нелѣпо. Но ему не дали кончить. Предсѣдатель заявилъ, что ученіе о классахъ принадлежитъ людямъ, именующимся экономистами и что вовсе никакихъ классовъ нѣтъ, а есть люди, у которыхъ одно общее дѣло, около него находятся купцы и приказчики, и если это дѣло рушится, то также теряютъ купцы, какъ и приказчики. Когда нѣкоторые попросили слова, чтобы возразить ему, то онъ не далъ, да и сами приказчики были настроены противъ „экономистовъ“.

Въ этотъ же день забастовали мельница и чугунно-литейный заводъ Журавлевой. Засѣданіе пришло уже къ концу, когда явились рабочіе и одинъ изъ нихъ обратился съ рѣчью къ приказчикамъ, прося поддержать рабочихъ, но встрѣтилъ отпоръ и крики: „не надо рабочихъ“. Въ головахъ приказчиковъ никакъ не укладывается мысль, что ихъ интересы одинаковы съ интересами рабочихъ. „Что можетъ быть общаго у приказчика, одѣтаго по послѣдней модѣ съ какимъ то пьянымъ сапожникомъ“, такъ выразился тотъ же представитель приказчиковъ.

Теперь приказчики недовольны уже не „экономистами“, а своими руководителями, ибо ихъ стачка, какъ оказалось, не дала имъ ровно ничего, кромѣ опыта, какъ *не надо* вести стачки. Хозяева обѣщанія не исполняютъ.

Приказчики представляютъ довольно значительную силу — около 7000. Недавно была стачка приказчиковъ, всѣ требованія были удовлетворены, благодаря спѣшному времени.

Комитетъ старается вмѣшиваться также въ легальныя собранія мѣстныхъ обществъ „охраны народнаго здравія“, вновь рожденнаго союза „равноправія женщинъ“ и др. Земскія собранія прошли тоже не безъ вмѣшательства комитета, правда, это вмѣшательство не было хорошо организовано, но все же удалось разбросать прокламаціи, которыя попадали на столъ къ гласнымъ и въ публику. Послѣ эти засѣданія были объявлены закрытыми и публику больше не пускали.

Въ Земской Управѣ собралось засѣданіе общества охраненія народнаго здравія. Былъ прочитанъ докладъ о „тридцати пятилѣтнемъ юбилеѣ средней школы“. Докладчикъ, указавъ на ненормальное положеніе средней школы, сказалъ, что оно связано съ положеніемъ всего министерства народнаго просвѣщенія и что необходимы реформы въ этомъ министерствѣ. Въ заключеніи возложилъ большія надежды на рескриптъ 18 февраля.

Ему возражали трое соціальдемократовъ, указывали, что „ненормальное положеніе школы связано не только съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а со всѣмъ государственнымъ порядкомъ и, чтобы измѣнить положеніе средней школы, нужно не реформировать м. н. п., а перестроить весь государственный порядокъ, нужно низверженіе самодержавія путемъ всенароднаго возстанія, нужно Учредительное Собраніе, которое дастъ возможность бороться открыто соціальдемократіи за демократическую республику. Говорили о Земскомъ Соборѣ, что онъ является лишь большой коммиссіей, что его должна постигнуть такая судьба, какая постигла всѣ коммиссіи, если только онъ будетъ осуществленъ. Возражали имъ мало. Одинъ лишь либералъ пропѣлъ серенаду, что все де молъ насчетъ демократической республики хорошо, что онъ, можетъ, чего нибудь и больше хочетъ, но что нужно отъ коммиссій тоже пользоваться, а демократическая республика, это еще Богъ знаетъ, когда она будетъ. Однако, либералы на этотъ разъ не разбѣжались, какъ это было на собраніи педагогическаго кружка при томъ же составѣ членовъ общества. Говорятъ, что прокуратура возбуждаетъ дѣло. Мѣстный союзъ „равноправія женщинъ“ рѣшилъ ходатайствовать объ Учредительномъ Собраніи, основанномъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ. Сначала женщины сомнѣвались, нужно ли равное, прямое и тайное голосованіе, и, такъ какъ считали себя еще не подготовленными въ этомъ вопросѣ, то предлагали раньше „подумать“.

Недавно здѣсь состоялись засѣданія съѣзда народныхъ учителей, на которыхъ была принята резолюція о необходимости Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. избирательнаго права.

18 апрѣля здѣсь праздновалось маевка за городомъ. Было устроено собраніе человѣкъ изъ 300 рабочихъ и интеллигентовъ. Говорили о праздникѣ перваго мая, какое онъ имѣетъ значеніе вообще, о 8 часовомъ рабочемъ днѣ и о томъ, какое значеніе имѣетъ для Россіи настоящее первое мая и какъ мы должны праздновать его и какія задачи выдвигаетъ жизнь передъ россійской соціальдемократіей. Были выкинуты красные флаги съ надписями: „да здравствуетъ первое мая“, „Свобода или смерть!“ и др. Пѣли пѣсни. Полиція не помѣшала.

Недавно здѣсь появился комитетъ Союза Освобожденія и выпустилъ брошюру „великая перемѣна“ (къ крестьянамъ, мѣщанамъ и рабочимъ).

Ростовъ н/Д. Недавно закончилось дознаніе о „банкетѣ въ память 40 *л.* судебныхъ уставовъ въ коммерческомъ клубѣ 5 дек. 1904 г., носившемъ противоправительственный характеръ“. Начатое послѣ опубликованія резолюціи Николая II о „дерзкомъ и безтактномъ“ поступкѣ черниговскаго предводителя, оно тянулось около полугода. По дѣлу этому привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго только одинъ изъ ораторовъ банкета, рѣчь котораго произвела въ свое время весьма сильное впечатлѣніе, а именно докторъ философіи гейдельбергскаго университета С. Г. Сватиковъ. Кромѣ того, разыскивался, — но тщетно, — представитель Донского Ком., говорившій на банкетѣ отъ имени ростово-нахичеванскихъ рабочихъ, и одинъ рабочій, который въ перехваченномъ жандармами письмѣ къ товарищамъ подробно разсказываетъ о банкетѣ, сообщая разныя конспиративныя данныя о другихъ лицахъ и о себѣ самомъ, причемъ, рядомъ съ псевдонимомъ (кличкой), сообщалъ и подлинное свое имя. Сватиковъ былъ арестованъ 17 дек. и пробылъ въ тюрьмѣ болѣе 2 мѣсяцевъ, послѣ чего выпущенъ подъ залогъ въ 1500 руб. Свидѣтелями по этому дѣлу вызваны были присяжные повѣренные — устроители банкета, гости банкета, члены клуба и другія лица, которыя такъ или иначе (хотя и безъ билетовъ) проникли въ залу, и, наконецъ, шпіоны. Первыми были вызваны клубные лакеи, состоящіе на службѣ охраннаго отдѣленія, — братья Ишковы — Венедиктъ и Акимъ. Оба показали, что слышали, какъ обвиняемый говорилъ: „долой пошлое (!) самодержавіе, долой войну“ и т. д. Акимъ рѣшилъ немедленно-же прослѣдить этого вреднаго бунтовщика и уже ни на минуту не выпускалъ изъ виду оратора и лицъ, которыя подходили къ нему (справки о послѣднихъ Акимъ получалъ отъ эконома Смѣлова). Взволнованному воображенію Акима почудилось, что ораторъ говорилъ переодѣтымъ и съ приклеенной бородой (что дознаніемъ не подтвердилось). Шпіонили Акимъ и Венедиктъ, какъ они поспѣшно оговариваются, „по собственному (!) побужденію“. За ними вызваны были лица, непричастныя къ банкету, но, какъ о томъ неизвѣстными путями освѣдомилось охранное отдѣленіе, все-же проникшіе на банкетъ и готовые дать жандармамъ желательныя *для нихъ* показанія. Это — купецъ Харьковщенко, почетный гражданинъ Л. Колосовъ, учитель реальнаго училища Н. Батицкій, казакъ Цыплаковъ, полковникъ конвойной команды Эфенди и купецъ Золотаревъ. Всѣ они разсказываютъ, что глубоко возмутились дерзкими революціонными рѣчами, особенно Сватикова и рабочаго изъ Донск. Ком., причемъ оказывается, что они слышали именно *эти*, а не другія какія рѣчи. Батицкій, Эфенди и Золотаревъ прибавляютъ, что узнавши о крамолѣ, водарившейся въ клубѣ, они пытались заставить директора клуба разогнать банкетъ, или вызвать полицію, но, не успѣвъ въ этомъ предпріятіи, ушли подальше изъ этого мѣста игры въ карты, оскверненнаго пребываніемъ крамольниковъ. Показанія ихъ обнаруживаютъ желаніе перервать горло крамолѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособность понять сущность рѣчей и недостаточную опытность въ доносительствѣ. Показанія шпіоновъ и добровольныхъ доносчиковъ не давали достаточно матеріала для привлеченія кого-либо къ отвѣтственности. Таковой былъ данъ показаніями присяжныхъ повѣренныхъ — участниковъ банкета — Оболонскаго, Черняка, Плосконнаго и врача Козорѣзова, которые очень дружно и единодушно заявили о своемъ благородномъ негодованіи на Сватикова и рабочихъ, осквернившихъ революціонными рѣчами ихъ мирный товарищескій ужинъ. Они считали долгомъ дать свои доносительскія показанія, ибо въ рѣчи Сватикова они почуяли противныя имъ соціаль-демократическія убѣжденія. Въ полномъ согласіи съ ними показали и ораторы банкета — присяжные повѣренные Л. Волкенштейнъ и В. Севастьяновъ. Первый говорилъ о свободѣ совѣсти, какъ необходимомъ элементѣ конституціи, второй — о необходимости для Россіи конституціи, которую получили 25 *л.* назадъ болгары. Волкенштейнъ, давшій, какъ теперь выяснилось, предательскія показанія по дѣлу Мошинскаго (дѣло I-го Донск. Ком.), показалъ въ томъ-же родѣ и на этотъ разъ. Между прочимъ, онъ приписалъ Сватикову восклицаніе „да здравствуетъ ростово-нахичеванскій революціонный комитетъ(?)“, чѣмъ ввелъ въ лишніе труды производившаго дознаніе ротмистра Карпова, который 3 мѣсяца усердно, но безплодно искалъ этотъ „новый“ комитетъ.

Но интереснѣе и характернѣе всѣхъ было показаніе предсѣдателя банкета, избраннаго по предложенію мѣстныхъ либераловъ и демократовъ, присяжнаго повѣрен. Горева. Горевъ тоже заявляетъ о „мирномъ“ характерѣ „товарищескаго ужина юристовъ“ (умалчивая о конституціонныхъ рѣчахъ) и возмущается дерзкими рѣчами рабочаго и упомянутаго Сватикова. Послѣдняго онъ обвиняетъ въ томъ, что онъ ввелъ въ залу „шайку соціальдемократовъ съ ихъ красными тряпками“, что онъ былъ руководителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всего „скандала, произведеннаго этими субъектами“ и т. п. Напомнимъ, что во время рѣчи второго и третьяго либеральнаго оратора поднялся изъ толпы стоявшихъ у стѣны рабочихъ представитель Донск. Ком., требовавшій слова отъ имени рабочихъ, группировавшихся близъ клуба въ сосѣднихъ улицахъ. Горевъ остановилъ его и не давалъ ему говорить, причемъ нѣкоторые либералы завывали: „вонъ, вонъ ихъ! Они безъ билетовъ (!), что за нахалы!“ и т. п. Попытка Сватикова настоять на свободѣ слова для соціальдемократическаго оратора была отвергнута предсѣдателемъ. „Съ этого момента“ — показываетъ Горевъ — „*я* сталъ получать записки, требовавшія, чтобы дали слово соціальдемократическому оратору. Нѣкоторые писали: „будетъ иначе скандалъ, быть можетъ, кровопролитіе!...“ Я колебался, не вызвать ли мнѣ полицію или жандармовъ, чтобы удалить вонъ *этихъ господъ*. Меня останавливала мысль, что меня за это могутъ сжить со свѣту, выжить изъ города, а также то, что выгоняя соціальдемократовъ, полиція могла избить *нечаянно* и *насъ*, и *нашихъ* женъ. А это было нежелательно(!). Поэтому *я* съ удовольствіемъ узналъ, что въ сосѣдней комнатѣ полиціймейстеръ, который все время съ кѣмъ-то говоритъ по телефону. Благодаря такимъ запискамъ и размышленію по ихъ поводу, *я* не слыхалъ рѣчей офиціальныхъ ораторовъ. Наконецъ, *я* рѣшилъ, что лучше дать соціальдемократу слово; онъ говорилъ среди кучки единомышленниковъ, плохо, заикаясь, такъ что *я* слыхалъ лишь отдѣльныя выраженія: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ республика! Тираны!“ „кровь“ и т. п. Когда онъ окончилъ, *я* облегченно вздохнулъ, думая, что этимъ скандалъ кончился, но оказалось, что гвоздь ихъ программы былъ впереди. Отрекомендовавшійся мнѣ, какъ докторъ философіи и секретарь петербургскаго банкета, Сватиковъ попросилъ слова. Я, принявъ его за человѣка изъ общества, далъ ему слово, но былъ пораженъ, услышавъ, что онъ говоритъ!...“ (слѣдуетъ своеобразная передача рѣчи Сватикова). „Я не могъ и думать остановить его, такъ какъ чувствовалъ, что если *я* вздумаю прервать его, то всѣ эти соціальдемократы, рабочіе, и т. п., съ восторгомъ внимавшіе рѣчи своего вожака, разобьютъ мнѣ голову. И *я* пассивно выслушалъ эту рѣчь“. Далѣе описывается финалъ банкета съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Производившій дознаніе жандармъ сказалъ обвиняемому, что онъ не считаетъ возможнымъ привлечь его по обвиненію въ томъ, въ чемъ его обвиняетъ Горевъ, но считаетъ долгомъ, на основаніи показаній Горева, Севастьянова, Волкенштейна и Козорѣзова, привлечь его по статьямъ 128 и 129.

Такимъ образомъ, дѣло это возбуждено по даннымъ, добытымъ жандармами отъ самихъ либераловъ, требовавшихъ въ своихъ рѣчахъ конституціи. Дальнѣйшіе свидѣтели (Уткинъ, Парамоновъ, Лимановъ, Черниковъ, Городисскій, Чалхушьянъ, Берберовъ, Коганъ) имѣли смѣлость вовсе не давать показаній о рѣчахъ рабочаго и Св. Чрезвычайно-цѣнныя показанія дали почти всѣ свидѣтели объ устройствѣ банкета, предали взаимно другъ друга, но за это не привлеченъ никто. По поводу показаній либераловъ областной жандармскій генералъ Тихановичъ сказалъ: „Они полаяли, какъ шавки, на самодержавіе, а когда *мы* на нихъ прикрикнули, — всѣ они шмыгнули въ подворотню“. На другой день послѣ ареста, Сватиковъ послалъ телеграмму Святополку-Мирскому, требуя освобожденія, такъ какъ иначе Святополкъ долженъ признать себя провокаторомъ; „я обращаюсь къ вашему чувству чести“, писалъ Сватиковъ. Честь Святополка оказалась въ департаментѣ полиціи, такъ какъ оттуда пришелъ отвѣтъ, что министръ отдаетъ дѣло на разрѣшеніе мѣстнаго жандарма Карпова.

перь связать себя организаціонными нитями съ этими соединеніями пролетаріевъ, которыя одни только представятъ въ свободной Россіи надлежащій организаціонный аппаратъ для руководства классовой борьбой пролетаріата, — дѣйствительную рабочую партію? Или, замкнувшись въ своихъ „комитетскихъ“ организаціяхъ, мы предоставимъ непартійнымъ элементамъ „рабочелюбивой“ интеллигенціи выполнить эту „черную“ работу организаціи массъ — чтобы впослѣдствіи оказаться въ положеніи американскихъ „де-леонитовъ“, при всемъ своемъ соціалистическомъ правовѣріи, сумѣвшихъ стать совершенно чуждыми „стихійно“ развивающейся къ соціализму пролетарской интеллигенціи?

Рѣшенія „твердаго“ съѣзда показываютъ, что этого вопроса для части нашихъ комитетчиковъ даже и не существуетъ. Правда, ихъ резолюція объ „открытомъ выступленіи Р. С.-Д. Р. П.“ показываетъ, что мысль о предстоящей коренной ломкѣ условій нашей работы мелькаетъ въ ихъ сознаніи, но, съѣхавшись на свой съѣздъ, они не нашли момента достаточно „назрѣвшимъ“, чтобы указать членамъ партіи на обязанность соціальдемократіи стать дѣятельнымъ центромъ, направляющимъ этотъ стихійно развивающійся процессъ образованія политическихъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, возникающихъ внѣ плоскости партійнаго подполья. И жизнь жестоко насмѣялась надъ ними. Въ то время, какъ съ узколобіемъ старообрядческихъ начетчиковъ они извлекали изъ архивной пыли, изъ подъ толстаго слоя полемическаго мусора, пресловутый ленинскій § 1, чтобы торжественно повѣдать міру, что они твердо рѣшились окончательно отгородиться отъ рабочаго класса, который уже самъ показалъ свое намѣреніе отгородиться отъ нихъ, — въ это самое время въ разныхъ концахъ Россіи рабочіе соціалдемократы начали успѣшно работать надъ закладываніемъ основъ будущей „легальной“ пролетарской организаціи, создавая „явочнымъ порядкомъ“ профессіональные союзы въ Петербургѣ, участвуя въ попыткахъ харьковскаго „общества занимающихся ремесленнымъ трудомъ“ объединить всѣ „легальныя“ рабочія общества.

Вопросъ объ организаціи *массъ* не привлекъ къ себѣ вниманіе членовъ съѣзда. Это и понятно: представители отжившихъ традицій болѣзненнаго періода въ развитіи партіи, они совершенно поглощены „техническимъ“ приготовленіемъ возстанія. Они готовятся къ революціи, какъ „штабъ спѣвшихся революціонеровъ“, сегодня предлагающій себя массамъ въ роли руководителей повседневной борьбой, завтра — въ роли участниковъ временнаго правительства, послѣзавтра — въ роли депутатовъ въ парламентѣ. О томъ, что „организовать революцію“ для соціальдемократа значитъ „организовать массы“, они до сихъ поръ не догадались.

Но непониманіе значенія организаціи массъ стоитъ въ тѣсной связи съ *тактическими* воззрѣніями, восторжествовавшими на твердомъ съѣздѣ. Оцѣнкѣ этихъ воззрѣній мы посвятимъ слѣдующую статью.

Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія мы узнали изъ надежнаго источника и ручаемся за достовѣрность. Ходятъ слухи, что и послѣ того, какъ эта исторія стала извѣстной, г. Гревъ все еще считается мѣстными либералами за человѣка, которому не только можно подавать руку, но и принимать во вниманіе при политическихъ комбинаціяхъ мѣстнаго характера. Прибавимъ, впрочемъ, что демократы-конституціоналисты выказали себя порядочными людьми. Берегитесь, гг. ростовскіе либералы, онъ и васъ предастъ!..

Николаевъ. Результатомъ мартовской стачки былъ 9 часовой рабочій день и увеличеніе заработной платы до 30%, кромѣ частныхъ санитарныхъ улучшеній. Заводская администрація, удовлетворивъ нѣкоторыя насущныя требованія рабочихъ, захотѣла потребовать отъ нихъ письменнаго подтвержденія того, что они довольны своимъ положеніемъ и что стачки больше не повторятся.

Депутаты отъ рабочихъ на это отвѣчали, что далеко не всѣ требованія удовлетворены, но распредѣленіемъ работъ довольны. На предложеніе директора рѣшить большинствомъ голосовъ, праздновать ли первое мая, или замѣнить его празднованіемъ „усѣкновенія головы Іоанна крестителя“, отвѣтили требованіемъ празднованія перваго мая. Рѣшеніе вопроса имѣло, конечно, принципіальное значеніе, такъ какъ, все равно, первое мая совпало съ воскресеньемъ.

Наканунѣ этого дня настроеніе было приподнятое; среди рабочихъ въ большомъ количествѣ читались первомайскія прокламаціи, распространенныя комитетомъ „меньшинства“. Одинъ рабочій судостроительнаго завода былъ арестованъ за распространеніе листковъ во время работы. Это обстоятельство вызвало сильный протестъ среди остальныхъ.

Огромная толпа рабочихъ оставила мастерскія и отправилась въ городъ. Ряды все росли, пополняясь кучками любопытныхъ, случайно настигнутыми обывателями. Вѣчное ожиданіе погрома, канунъ перваго мая, поражающая дисциплина, удивительная тишина и спокойствіе въ массѣ — наводило панику на жителей. Магазины стали быстро закрываться (по преимуществу, еврейскіе), всѣ спѣшили по домамъ, чего то ожидая, отъ кого то спасаясь. Рабочіе окружили квартиру градоначальника, думая требовать освобожденія товарища. Имъ не дали возможности сказать, зачѣмъ они собрались, чего ждутъ эти усталые люди, что заставило ихъ побросать станки и идти въ городъ.

По приказанію градоначальника, стали хлестать направо и налѣво. Дѣлать было нечего; безсиліе предъ нагайкой заставило разойтись толпу, неподготовленную къ такому концу, съ трудомъ скрывавшую злобу противъ безстыдства и насилія. За что ихъ хлестали, сказать трудно, на это не отвѣтитъ и самъ вершитель судебъ. Всѣ ждали демонстраціи. Поведеніе властей, переходящее всякія границы своей беззаконностью, говорило за нее. Но выходить на улицу невооруженными стало для всѣхъ явно невозможнымъ и безсмысленнымъ. Вотъ причины того, что у насъ первое мая прошло безъ грандіозной демонстраціи. Правда, была одна импровизированная демонстрація (говорю „импровизированная“, такъ какъ она произошла безъ вѣдома и участія мѣстной организаціи).

„Народный садъ“, гдѣ собрались семьи рабочихъ отпраздновать первое мая, былъ мѣстомъ происшествія, кончившагося арестомъ шести рабочихъ. Вся полиція была на ногахъ и достаточно было одного флага и двухъ выстрѣловъ (рабочій выстрѣлилъ холостымъ зарядомъ), чтобы сотня казаковъ немедленно приступила къ исполненію обязанностей. Въ своей бѣшеной свалкѣ они топтали все, что попадалось на пути: помяли женщину, ребенка. Нетрудно было, конечно, этой массѣ войска разогнать небольшую кучку рабочихъ и черезъ нѣсколько минутъ миръ и тишина, а въ особенности обывательская спячка вошла въ свои права. Празднуя свою побѣду, казаки съ пѣніемъ объѣзжали городъ. Сколько дикости и наглости въ ихъ пѣніи, сколько отвратительнаго въ ихъ озвѣрѣвшихъ лицахъ! Не преждевременно ли празднованіе химерныхъ побѣдъ и не пора ли въ этомъ убѣдиться?

Итакъ, прошелъ этотъ день не отпразднованнымъ, но оставилъ глубокій слѣдъ, такъ какъ вызвалъ озлобленіе противъ настоящаго режима даже среди сонныхъ обывателей.

6 мая мы ждали погрома. Такъ, по крайней мѣрѣ, сообщала намъ „черная сотня“ въ своей прокламаціи. „Бить студентовъ, интеллигенцію, евреевъ — злѣйшихъ враговъ Россіи“, вотъ къ чему призывала она своихъ единомышленниковъ.

„Въ музыкальномъ магазинѣ Коваленко можно для этой цѣли достать оружіе, туда же вносятъ деньги сочувствующіе“. Пока все обстоитъ благополучно, какъ видно, рыба не клюетъ. На дняхъ рабочіе провожали начальника шрапнельной мастерской на Черноморскомъ заводѣ, Рокура, уходившаго послѣ забастовки. Выброшенъ былъ красный флагъ, пѣлись революціонныя пѣсни.

Стачечное движеніе въ Одессѣ (12 мая). Наконецъ-то и одесскій пролетаріатъ, до сихъ поръ открыто не выступавшій на борьбу со своими угнетателями, присоединилъ свой голосъ къ голосу рабочихъ всей Россіи... Втеченіе послѣдняго времени у насъ забастовали почти всѣ заводы, фабрики и ремесленныя мастерскія, кромѣ жел. дороги и фабрики Жако, но вчера броженіе охватило и желѣзно-дорожныя мастерскія, и сегодня съ утра тамъ ожидается забастовка...

Прежде, чѣмъ подробно описывать происходящія забастовки, я познакомлю товарищей съ положеніемъ дѣлъ въ нашей организаціи (а также отчасти и другихъ) и попытаюсь нарисовать общую картину одесскаго движенія.

Какъ извѣстно, одесская „Группа Центральнаго Комитета“ возникла въ началѣ января сего года, отколовшись отъ мѣстнаго комитета Партіи. Въ то время положеніе дѣлъ было до крайности безотраднымъ, такъ какъ въ фабрично-заводскихъ районахъ почти никакихъ связей не было[1]). Работать было очень трудно. Отсутствіе полутора-годовой работы сильно сказывалось; кромѣ того, сознательные рабочіе относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ организаціи, вызваннымъ столь прославившейся „тактикой“ Одесскаго Комитета. Въ настоящее время, оглядываясь на четырехмѣсячную работу, мы можемъ сказать, что наша организація за этотъ промежутокъ времени значительно окрѣпла. Въ городскомъ районѣ (главнымъ образомъ, ремесленники) имѣются очень широкія и вліятельныя связи почти во всѣхъ цехахъ; въ Дальницкомъ районѣ имѣются группы на заводахъ Вальтуха[1]), Люльки, въ жел.-дорожныхъ мастерскихъ (четыре группы), химическомъ заводѣ Бродскаго, сахарномъ заводѣ Бродскаго и на пробочномъ — Арбса; на другихъ заводахъ имѣются пока только связи, еще не организованныя. На Пересыпи дѣла до стачки обстояли хуже, но теперь тамъ работа значительно оживилась; до забастовки группы были лишь на свѣчномъ заводѣ и у Гена; на остальныхъ заводахъ были лишь отдѣльныя связи. Нужно замѣтить, что въ пересыпскомъ районѣ соціальдемократическая работа встрѣчаетъ сильное препятствіе въ лицѣ пустившей глубокіе корни въ рабочую массу зубатовщины. Пересыпь — это главный центръ дѣятельности Шаевича, который до сихъ поръ сохранилъ здѣсь нѣсколько поклонниковъ, пользующихся авторитетомъ въ рабочей средѣ. Но сами „зубатовцы“ въ значительной степени потеряли свой прежній обликъ, оставаясь, главнымъ образомъ, „зубатовцами“ въ области „тактики“.

Таково положеніе дѣлъ въ нашей организаціи[3]). Что касается другихъ организацій, то въ настоящее время намъ ясно выяснилось (благодаря состоявшемуся соглашенію между Бундомъ, Одесскимъ Комитетомъ и Группой, о которомъ рѣчь ниже), что Одесскій Комитетъ какъ въ городскомъ, такъ и въ пересыпскомъ районѣ, имѣетъ самыя слабыя связи. На Дальникѣ у него имѣются связи у Гена (около 30 человѣкъ). Радоконаки и небольшая группа въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Что касается Бунда, то въ ремесленной средѣ во многихъ цехахъ Бундъ пользуется значительнымъ вліяніемъ. О соц. рев. скажу только, что никакой организаціи у нихъ здѣсь нѣтъ, а имѣются разрозненные отдѣльные рабочіе и въ большомъ количествѣ „интеллигенты“. Никакой систематической работы они не ведутъ.

Нѣсколько словъ теперь о состоявшемся соглашеніи... Главная цѣль этого соглашенія — координированіе дѣйствій всѣхъ трехъ соціальдемократическихъ организацій въ моменты выступленія и предшествующіе имъ подготовительные періоды. Наша организація, явившаяся иниціаторомъ этого соглашенія, придавала этому соглашенію также огромное, если можно такъ выразиться, *моральное* значеніе. Выработано было слѣдующее соглашеніе: каждая организація посылаетъ двухъ представителей въ „исполнительную коммиссію“, въ которой обсуждаются всѣ дѣла и которая въ моментъ дѣйствій является руководящимъ центромъ. Всѣ вопросы рѣшаются *единогласно*. Какъ письменная, такъ и устная агитація ведется самостоятельно каждой организаціей. Относительно совмѣстнаго выпуска листка должно состояться по каждому отдѣльному случаю особое соглашеніе. Если устраивается общее собраніе, то представитель организаціи долженъ лишь ограничиваться заявленіемъ, что онъ говоритъ отъ имени своей организаціи и въ своей рѣчи не касаться фракціонныхъ разногласій. Для руководства стачками въ каждомъ цеху или заводѣ организуется стачечная коммиссія, въ которую входятъ тѣ организаціи, которыя имѣютъ организованныя связи въ рабочей средѣ даннаго производства. Таково въ главныхъ чертахъ состоявшееся соглашеніе. Я долженъ замѣтить, что осуществленіе его на практикѣ встрѣтило очень много препятствій. Прежде всего нужно отмѣтить крайне обостренныя отношенія между рабочими нашей Группы и Одесскаго Комитета. Удивляться, товарищи, этому не приходится, если вамъ знакома клеветническая дѣятельность Комитета по отношенію къ Группѣ. Трудно передать, какое негодованіе среди рабочихъ вызвало напечатанное въ № 9 „Впередъ“ сообщеніе о томъ, что наша Группа подкупаетъ рабочихъ... Возьмите любой номеръ „Впередъ“ и въ каждомъ изъ нихъ вы найдете безтактныя выходки по нашему адресу. Мы твердо рѣшили совершенно игнорировать злобное тявканье мѣстныхъ „дѣятелей“ твердокаменнаго комитета, но внѣ всякаго сомнѣнія, эти выходки значительно содѣйствовали созданію враждебной атмосферы, тѣмъ болѣе, что на совмѣстныхъ собраніяхъ большевики не могли удержаться отъ забрасыванія грязью меньшевиковъ. Съ бундистами дѣло обстоитъ лучше (здѣсь совершенно отсутствовалъ духъ большевистской клеветнической „тактики“), но дѣло тормозилось принципіальными разногласіями — съ одной стороны, а съ другой, безусловнымъ недовѣріемъ одной организаціи къ другой, боязнью „перехвата“ связей... Вскорѣ послѣ состоявшагося соглашенія Одесскій Комитетъ отказался отъ него, заявивъ, что находитъ возможнымъ такое соглашеніе лишь въ моментъ всеобщей стачки или возстанія. Онъ отказался отъ выпуска совмѣстнаго листка и объявленія о состоявшемся соглашеніи. Это было какъ разъ наканунѣ второго мая, когда забастовали всѣ заводы и фабрики на Пересыпи.

Стачечное движеніе началось съ ремесленныхъ производствъ. Первыми забастовали пекаря, выставивъ требованіе восьмичасового рабочаго дня, свободы слова, собраній, печати, стачекъ и союзовъ. Стачка тянулась около трехъ недѣль и закончилась частичнымъ успѣхомъ. Послѣ пекарей стачечное движеніе охватило и другія ремесленныя производства. За это время перебастовали почти почти всѣ цеха. Помимо частныхъ требованій, всюду выставляли требованія: восьмичасового рабочаго дня, политической свободы, созыва Учредительнаго Собранія и прекращенія войны. Почти всѣ забастовки велись подъ руководствомъ стачечныхъ коммиссій, организованныхъ нашей организаціей и Бундомъ. Что касается Одесскаго Комитета, то, благодаря крайне слабымъ связямъ въ городскомъ пролетаріатѣ, онъ могъ принять участіе лишь въ весьма ограниченномъ числѣ стачечныхъ коммиссій. Во время стачекъ безпрерывно устраивались массовыя собранія. Почти ко всѣмъ забастовавшимъ цехамъ нашей организаціей были выпущены листки.

Второго мая забастовали всѣ заводы, фабрики, мельницы, маслобойни на Пересыпи, заводъ Вальтуха, четыре конфектныя фабрики, типографія Левинсона (150 чел.), табачныя фабрики, всѣ гильзовыя фабрики. Въ послѣдующіе дни присоединились всѣ фабрики и заводы на Дальникѣ, кромѣ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, Энгеля и Жако.

Стачка на Пересыпи застала всѣ организаціи совершенно врасплохъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что пересыпскій районъ былъ центромъ дѣятельности Шаевича — „знаменитаго“ главы независимцевъ. Зубатовщина пустила глубокіе корни, и „вожаки“ относятся отрицательно къ соціальдемократіи, имѣя о ней самое смутное представленіе. Въ первые дни стачки много приходилось бесѣдовать съ ними; главнымъ (а у нѣкоторыхъ исключительнымъ) доводомъ противъ соціальдемократовъ служитъ то, что послѣдніе на собраніяхъ кричатъ: „долой самодержавіе“, выкидываютъ красные флаги и распространяютъ прокламаціи, а это вызываетъ вмѣшательство казаковъ, полиціи и прочихъ охранителей самодержавія. „А благодаря этому наши стачки кончаются неудачно“, — утверждаютъ независимцы и ихъ сторонники.

До стачки рабочихъ — соціальдемократовъ было очень ограниченное число, да и то, большею частью, молодежь, не пользующаяся вліяніемъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что нынѣшніе независимцы значительно эволюціонировали въ сторону „политики“ и теперь опредѣленно говорятъ о необходимости политической свободы и „участія рабочихъ въ законодательствѣ“. Только въ области „тактики“ они остались тѣми же зубатовцами. Стачка возникла почти исключительно подъ вліяніемъ агитаціи независимцевъ. На происходившихъ у нихъ предварительныхъ совѣщаніяхъ было рѣшено 2 мая забастовать и отправиться къ градоначальнику съ просьбой разрѣшить общее собраніе рабочихъ для обсужденія общихъ нуждъ. Идея общаго собранія рабочихъ всего города уже давно интересовала рабочихъ и такая попытка была сдѣлана нѣкоторыми независимцами мѣсяца полтора тому назадъ, когда они отправили телеграмму Коковцеву и министру внутреннихъ дѣлъ, „покорнѣйше“ прося разрѣшить такое собраніе, на что получили отрицательный отвѣтъ.

Агитація за общее собраніе велась и нашей организаціей, но объ этой агитаціи, возбудившей много разногласій, напишу отдѣльно. Выборные отъ разныхъ заводовъ отправились къ градоначальнику... какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ получился отрицательный. Это сильно смутило рабочихъ, такъ какъ они не сомнѣвались въ благопріятномъ результатѣ... Передъ ними стоялъ открытый вопросъ: „что дѣлать“? и никто изъ нихъ не могъ дать другого отвѣта, кромѣ какъ идти къ... „фабричному инспектору за окончательнымъ отвѣтомъ“. Всѣ эти рѣшенія принимались безъ малѣйшей контръ-агитаціи со стороны соціальдемократовъ: послѣдніе совершенно отсутствовали. Только на второй день удалось намъ „втереться“ въ рабочую массу и повести контръ-агитацію. Но первое время наша агитація не встрѣчала ни малѣйшаго сочувствія. На указаніе, что наивно ждать разрѣшенія отъ начальства и что необходимо прямо звать рабочихъ на митингъ, вожаки-независимцы отвѣчали: „мы не хотимъ вести массу подъ нагайки и пули“.

3 мая утромъ нѣсколько рабочихъ отправились къ фабричному инспектору (Попову) за „окончательнымъ“ отвѣтомъ. Этотъ чиновникъ всегда старается разыгрывать роль либерала и на этотъ разъ оказался на высотѣ своего призванія. „Если вы граждане, вы должны требовать, а не просить... Какіе вы граждане, если вы ждете разрѣшенія“... — послѣдовалъ отвѣтъ съ его стороны. Втеченіе послѣдующихъ двухъ-трехъ дней царила полнѣйшая растерянность. Нѣкоторые изъ независимцевъ повели агитацію за разрѣшеніе собранія выборныхъ отъ рабочихъ совмѣстно съ хозяевами, но эта агитація не нашла отклика въ массѣ, да и многіе независимцы отказались отъ этого предложенія подъ вліяніемъ соціальдемократовъ. Послѣ этого приступили къ выработкѣ требованій. Почти всюду выставили требованіе восьми-часового рабочаго дня и политической свободы. Во время выработки требованій на нѣкоторые заводы удалось проникнуть соціальдемократамъ и произнести рѣчи. Довольно удачна была рѣчь на заводѣ Шполянскаго (кажется, что говорилъ ораторъ Одесскаго Комитета) и у Гена (два оратора Группы). Почти всѣ предъявленныя требованія были отвергнуты. Рабочіе рѣшили продолжать стачку.

Въ настоящее время къ работамъ приступили только мельницы, маслобойни и мелкіе заводы, добившись частичнаго улучшенія. Всѣ крупные заводы объявлены закрытыми, а рабочіе разсчитаны... Несмотря на это, стачечное настроеніе довольно прочное.

Одесса. Приватъ-доцентъ Тарасевичъ, читавшій съ большимъ успѣхомъ лекціи на публичныхъ курсахъ и въ народной аудиторіи, выступившій недавно со своимъ извѣстнымъ докладомъ „о народномъ здравіи“ и читавшій докладъ о пироговскомъ съѣздѣ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ делегата отъ общества одесскихъ врачей, — закончилъ свою университетскую карьеру. 21 мая имъ получена слѣдующая бумага: „Господину надворному совѣтнику Л. А. Тарасевичу. Господинъ попечитель одесскаго учебнаго округа, предложеніемъ отъ 20 мая, за № 11004, увѣдомилъ меня, что вы увольняетесь отъ должности прозектора по кафедрѣ общей патологіи и *освобождаетесь*(!) отъ званія приватъ-доцента. О чемъ имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь“ Провокаторы и хулиганы министерства народнаго затемнѣнія, члены русскаго собранія — Деревицкій и попечитель Сольскій, давно точили зубы на приватъ-доцента Тарасевича, популярность котораго въ студенческой средѣ и въ обществѣ не давала имъ покоя. Но эти трусливые господа не рѣшались его уволить раньше и избрали моментъ, когда студенты и профессора разъѣхались, когда засѣданія ученыхъ обществъ прекратились, когда, слѣдовательно, можно было начать „чистку“ подъ сурдинку.

Конечно, во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго и, по всѣмъ вѣроятіямъ, приватъ-доцентъ Тарасевичъ, получивъ эту *первую награду за свою службу обществу*, — былъ мало удивленъ, но разсчеты Деревицкаго, Сольскаго и прочихъ врядъ ли оправдаются. Имъ не удастся устроить такъ, чтобы ихъ подвиги прошли незамѣтными. Эти новые примѣры чиновничьяго произвола будутъ, конечно, использованы въ цѣляхъ агитаціи и передъ пролетаріатомъ, какъ самымъ активнымъ борцомъ за свободную науку, — ихъ использует въ своей борьбѣ и одесское студенчество. „Только двери *свободнаго* университета откроются для чтенія лекцій!“ — такъ говорили этой весной наши студенты; и имъ не долго прійдется обсуждать вопросъ о томъ: пришло ли уже время открывать эти двери.

Кромѣ Тарасевича, такую же бумажку получилъ приватъ-доцентъ Орженецкій (по кафедрѣ политической экономіи). Его постигла та же судьба, потому что онъ былъ прекрасный лекторъ и ораторъ и умѣлъ завоевать себѣ симпатіи студенчества.

Двинскъ. Въ 232 № „Послѣднихъ извѣстій“ двинскій корреспондентъ пишетъ слѣдующее: „мѣстная организація Россійской партіи объявила себя комитетомъ. Какова будетъ тактика новоучрежденнаго комитета, мы пока не знаемъ. Но организація (сегодняшній комитетъ) до самаго послѣдняго времени не переставала посвящать свои силы дезорганизаторской дѣятельности, чтобы привлечь пару другую организованныхъ бундовскихъ рабочихъ на свои собранія. Члены ея *въ настоящее время* не останавливались передъ пустой болтовней о „чистотѣ“ своихъ соціальдемократическихъ принциповъ и объ „ересяхъ“ Бунда. Ораторы же наши на эти собранія не допускались“. — Все что отъ перваго до послѣдняго слова голая неправда, распространеніе которой очень трудно объяснить. Ни на одномъ рабочемъ собраніи Двинская организація *не говорила* о „Бундѣ“ — такъ что о недопущеніи бундовскихъ ораторовъ на эти собранія не можетъ быть и рѣчи. Только одинъ разъ организація устроила интеллигентскій рефератъ о „Бундѣ“ и Партіи, на который были *оффиціально* приглашены тов. изъ Бунда. Что же касается „дезорганизаторской дѣятельности“ партійной организаціи, то по этому поводу можно поставить тов. изъ Бунда на видъ ихъ неоднократное обращеніе къ периферіи двинской организаціи партіи безъ вѣдома ея центра. Думается, что тов. изъ Бунда незачѣмъ пытаться сваливать съ больной головы на здоровую.

Бывшій членъ двинскаго ком. Р. С. Д. Р. П. — К. Ю.

Сморгонь 20 апрѣля 1905 года. За нѣсколько недѣль до перваго мая (18 апрѣля) наша организація начала вести усиленную агитацію. Наканунѣ перваго мая мы устроили четыре собранія, на которыя собралось больше 500 человѣкъ организованныхъ и не организованныхъ еврейскихъ и христіанскихъ рабочихъ. Всѣ рѣчи кончались призывомъ праздновать первое мая и быть на улицахъ. 13 апрѣля наша организація получила и приняла предложеніе „Бундовской организаціи“: соединиться для совмѣстной демонстраціи. Но коммиссія по разнымъ причинамъ не могла собраться раньше субботы 16 апрѣля. Имѣя въ виду мѣстныя полицейскія условія, наличность козаковъ (26) и полицейскихъ чиновъ (40), а также зная, что къ первому мая въ Сморгонѣ собираются полицейскіе чины и сотскіе изъ окрестныхъ селъ и мѣстечекъ — всего до 100 человѣкъ — и что въ этомъ году ждутъ еще прибытія козаковъ, коммиссія, желая избѣжать кровопролитія, пришла къ заключенію, что демонстрацію удобнѣе всего устроить въ тотъ же день, 16 апрѣля. Демонстрація было назначена на четверть девятаго вечера. Къ восьми часамъ вечера на углу Вокзальной и Виленской улицъ со всѣхъ сторонъ начали стекаться рабочіе. Собралось до 600 человѣкъ, по указанію руководителей были подняты знамена сморгонской организаціи. Р. С.-Д. Р. П. и Сморгонской организаціи Бунда. Публика осыпала знамена вѣнками. На нашемъ знамени была вышито на одной сторонѣ: „Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ соціализмъ! Да здарвствуетъ Р. С. Д. Р. Партія!“ а на другой — „Долой самодержавіе! Долой капитализмъ! Долой войну! Долой милитаризмъ!“ Когда были провозглашены возгласы, вышитые на знаменахъ, несмолкаемое ура! съ повтореніемъ возгласовъ продолжалось нѣсколько минутъ. Шествіе остановилось, и бундовскій ораторъ, опасаясь столкновенія съ полиціей при затягиваніи демонстраціи, крикнулъ: „Товарищи, по домамъ! Демонстрація кончена!“ Боевой отрядъ, считая демонстрацію законченной, далъ нѣсколько залповъ, но нашъ ораторъ съ другими товарищами остановилъ начавшую расходиться толпу и въ горячихъ словахъ призывалъ продолжать шествіе. Послѣ этого шествіе еще продолжалось недолго, а затѣмъ демонстрація объявлена законченной.

Когда демонстрація началась, городовые, стоявшіе на посту по Виленской улицѣ, разбѣжались. Приставъ верхомъ прискакалъ на Виленскую улицу въ тотъ моментъ когда боевой отрядъ далъ залпы. Услышавъ издали залпы, онъ повернулъ обратно и галопомъ пустился по направленію казармъ, гдѣ стоятъ казаки. Черезъ десять минутъ прискакали казаки: но толпа уже разошлась.

За послѣднее время наша организація распространила „Солдатскую памятку“ (изданіе Сѣверо-Западнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.) и прокламацію по поводу избіенія рабочихъ въ Бѣлостокѣ и Двинскѣ въ 20-тыхъ числахъ февраля (изданія сморгонской организаціи на русскомъ языкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ), прокламацію „къ обществу“ на русскомъ языкѣ по поводу событій въ Баку, Псковѣ, Курскѣ и Казани (изданіе сморгонской организаціи Р. С.-Д Р. П.). Въ воскресенье 17 апрѣля наша организація распространила перво-майскую прокламацію Сѣверо-Западнаго комитета. Въ 10 часовъ вечера толпа рабочихъ (до ста человѣкъ) — устроила на углу Виленской и Базарной улицы манифестацію. Раздавались возгласы: „Да здравствуетъ всемірный рабочій праздникъ! Долой самодержавіе!“ и пр., черезъ минуту появились казаки и разогнали толпу. Въ понедѣльникъ 18 апрѣля (перваго мая) наша организація предложила „Бундовцамъ“ соединиться для совмѣстнаго устройства манифестаціи. Комиссія, собравшаяся для выясненія возможности устроить манифестацію въ день, когда вся полиція и казаки на ногахъ, рѣшила, если не удастся сосредоточить большую толпу на одномъ мѣстѣ, устроить рядъ „партизанскихъ“ манифестацій. Къ девяти часамъ всѣ улицы были переполнены рабочими, одѣтыми празднично, они поздравляли другъ друга съ праздникомъ и высказывали пожеланіе, чтобы въ будущемъ году россійскій пролетаріатъ уже праздновалъ первое мая, какъ наши товарищи въ Западной Европѣ празднуютъ. Сосредочить большую толпу на одномъ мѣстѣ организаторамъ не удалось; пришлось приступить къ организаціи манифестацій отдѣльными группами. Не успѣли еще организаторы передать представителямъ группъ, чтобы каждая группа направилась на свое мѣсто, какъ на Виленской улицѣ раздались возгласы „Да здравствуетъ всемірный рабочій праздникъ! Долой самодержавіе!“ и пр., посыпались отпечатанныя нашей организаціей поздравительныя карточки, изъ толпы раздались нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ въ воздухъ. Еще не замолкло ура, на Виленской улицѣ, какъ тѣ же возгласы понеслись съ Кревской, Минской, Гарбарской, Базарной, Нѣмецкой и Свѣтлянской улицъ. Всюду сыпались также поздравительныя карточки, и пускались ракеты. Манифестація продолжалась полтора часа. Полиція и казаки рыскали съ одного мѣста на другое, но не могли возстановить „порядка“ и сами же ругали жандармовъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Но и у насъ празднованіе перваго мая не прошло безъ жертвъ. Полиція начала арестовывать гулявшихъ; въ ихъ числѣ былъ задержанъ одинъ еврейскій рабочій. Городовой Ивановъ и другіе, ведшіе его въ участокъ, рѣшили убить его по дорогѣ, и Ивановъ совершилъ это звѣрское преступленіе. Онъ приложилъ револьверъ къ головѣ задержаннаго рабочаго и выстрѣлилъ въ упоръ; остальные городовые держали несчастную жертву за руки. Пуля пролетѣла черезъ ухо и задѣла черепъ; жизнь рабочаго въ опасности.

---

[1]) Отъ Одесскаго Комитета откололся почти весь городской районъ. Что касается другихъ районовъ — Дальника и Пересыпи, то на Пересыпи, кромѣ каменоломенъ, никакихъ связей у комитета не было. На Дальникѣ были весьма слабыя связи

[2]) На заводѣ Вальтуха вліяніе организаціи очень сильно. время стачки больше половины перебывали на собраніяхъ чел.).

сь не упоминаю о работѣ среди войска, офицерства къ какъ эта работа не имѣетъ отношенія къ стачкѣ.

Вчера отправили въ Ошмянскую тюрьму 10 человѣкъ, арестованныхъ во время манифестаціи.

Такъ сморгонскій пролетаріатъ праздновалъ первое мая, надѣясь, что въ будущемъ году россійскій пролетаріатъ будетъ свободнѣе праздновать первое мая, что этотъ годъ — послѣдній годъ существованія самодержавія!

Сморгонская организ. Р. С. Д. Р. Партіи.

Тифлисъ, 5-го мая. Жизнь Тифлиса идетъ все тѣмъ же темпомъ. Забастовки идутъ своимъ чередомъ, поражая своею устойчивостью и серьезностью. Ресторанная прислуга, за прислугой прачки, за ними домашняя прислуга. Но болѣе всѣхъ удивила забастовка ватмановъ, кондукторовъ, контролеровъ и инструкторовъ электрическаго трамвая. Началась она передъ Пасхой и кончилась 2-го мая. Такого единодушія до сихъ поръ еще не наблюдалось ни въ одной изъ здѣшнихъ забастовокъ, которыя всегда сопровождались всевозможными репрессіями по адресу штрейкбрехеровъ, до убійства включительно. Въ забастовкѣ трамвайщиковъ ничего подобнаго не было. Забастовка эта нашла горячую поддержку со стороны фаэтонщиковъ (извозчиковъ), которые, благодаря ей, стали зарабатывать на праздникахъ вмѣсто обычныхъ 4—5 р. — 10—12 руб. Поддержка эта выразилась въ матеріальной помощи: каждый фаэтонщикъ вносилъ въ кассу забастовщиковъ отъ 25 коп. до 1 руб. Въ первые дни забастовки, администрація трамвая снеслась съ Управленіемъ (въ Бельгіи) и большая часть требованій, менѣе существенныхъ, была удовлетворена. Но трамвайщики не удовлетворились этимъ. Въ концѣ концовъ, вмѣшалась дума, находившая, что забастовка рабочихъ не можетъ служить force majeure, избавляющей контрагента ея отъ уплаты штрафа (по договору—1800 р. за каждый день остановки движенія). Вмѣшательство это привело къ тому, что администрація, отказавшаяся было признать постановленіе думы, принуждена была, въ концѣ концовъ, уступить забастовщикамъ. Былъ назначенъ третейскій судъ, постановленія котораго признали обѣ стороны. Побѣда полная. 2 мая всѣ вагоны были разукрашены флагами; на улицахъ былъ праздникъ, такъ какъ публика обрадовалась появленію вагоновъ столько-же, сколько трамвайщики своей побѣдѣ. Первые вагоны прошли по улицамъ при восторженныхъ крикахъ „ура!“.— Забастовка на желѣзной дорогѣ закончилась, если такъ можно выразиться, временнымъ перемиріемъ. Машинистовъ — пугнули выпиской желѣзно-дорожныхъ батальоновъ изъ Закаспійскаго Края, и послѣ прекращенія забастовки 4 такихъ батальона прибыли въ Тифлисъ. Затѣмъ пугнули еще телеграммой изъ главнаго управленія дорогъ, что всѣхъ забастовщиковъ сошлютъ на Сибирскія жел. дор. Но все это не очень то испугало. Вмѣшалась высшая администрація съ самимъ Маламой во главѣ и удовлетворила 2—3 существенныхъ требованій, и машинисты временно прекратили забастовку впредь до обсужденія ихъ неудовлетворенныхъ требованій линейнымъ служащимъ. Однимъ изъ требованій машинисты выставили удаленіе со службы начальника тяги за его грубое и оскорбительное отношеніе къ ихъ ходатайствамъ и ихъ делегатамъ.

Собранія забастовщиковъ, собранія для выработки требованій и резолюцій здѣсь пріобрѣли полныя права гражданства. Городской голова любезно предлагаетъ для нихъ залъ думскихъ засѣданій. Тамъ было, между прочимъ, и собраніе машинистовъ. Тамъ же собирались духанщики, ресторатори и арендаторы загородныхъ садовъ. Среди общеполитическихъ требованій выдѣляются требованія прекратить всякаго рода взятки и „благодарности“ полиціи и дворникамъ. Тамъ же собирались каменьщики, плотники, столяры и пр. Тамъ же собиралась прислуга: собралось болѣе 2,000 человѣкъ и всѣ единодушно постановили требовать восьми часовой рабочій день, даже для кормилицъ, „чтобы росло здоровое, крѣпкое поколѣніе“, говорили на этомъ собраніи; необходимо, чтобы кормилицы пользовались отдыхомъ и свѣжимъ воздухомъ. Всѣ эти собранія происходили подъ руководствомъ „мелко-буржуазной коммиссіи“ [1]) при тифлиск. ком. р. с.-д. р. п. Требованія вырабатывались при участіи представителя комитета или, если послѣдній отсутствовалъ, то представлялись на собраніе комитета.

Однимъ изъ крупныхъ собраній было собраніе въ залѣ общества сельскаго хозяйства. Здѣсь собрались представители всевозможныхъ теченій, и с.-д. и с.-р. и разнаго рода либералы и націоналисты.

Въ концѣ концовъ, состоялся диспутъ между первыми двумя теченіями. Второе собраніе—родительскаго кружка въ залѣ артистическаго общества. Послѣ докладовъ о нашей школѣ, въ которыхъ выяснялась ея бюрократически-полицейская затхлость, приступили къ преніямъ. С.-ры предложили дополнить резолюцію, гласившую, что для свободной школы необходима политическая свобода и, прежде всего, созывъ учредительнаго собранія и созданія центральнаго органа управленія изъ представителей народа, избираемыхъ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, — указаніемъ средствъ для достиженія этой цѣли, которыя, по ихъ мнѣнію, заключаются въ моральной и матеріальной поддержкѣ работы революціонныхъ партій. С.-д. отмѣтили противорѣчіе между резолюціями, выставляющими такія серьезныя требованія, и мирными средствами для ихъ осуществленія, указанными въ предлагаемомъ с.-рами дополненіи. Съ своей стороны, они предложили „обществу“ идти, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ, на баррикады. Резолюція безъ всякихъ поправокъ и дополненій, прошла и собрала до 700 подписей (было болѣе 1000 человѣкъ). Вскорѣ послѣ этого (въ концѣ апрѣля) состоялось собраніе (тайное) мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ мѣстнаго управленія. Было до 250 человѣкъ. На немъ выяснилась симпатія къ рабочему движенію. Были ораторы с.-дем. направленія, которые выясняли роль этихъ служащихъ, какъ орудія для эксплоатаціи рабочихъ съ одной стороны, и какъ эксплуатируемой массы съ другой стороны. Пролетарскіе интересы служащихъ затемнены системой прибавокъ и т. п. Но все же служащіе эти тоже пролетаріи и должны работать рука объ руку съ революціоннымъ пролетаріатомъ. На собраніи розданы были прокламаціи съ призывомъ сорганизоваться и стать въ ряды с. д. Вынесли слѣдующую резолюцію почти единогласно: 1-ое, необходимо организоваться, 2-ое, черезъ особый центръ войти въ тѣсную связь съ революціоннымъ пролетаріатомъ, 3-е, работать съ послѣднимъ рука объ руку подъ руководствомъ соціальдемократіи. Любопытный инцидентъ произошелъ въ собраніи, характеризующій отсталость управленцевъ желѣзной дороги: кто-то сообщилъ, что явилась полиція, и человѣкъ двадцать побѣжали, нагибаясь, и скрываясь, къ черному выходу. Полицейскій, дѣйствительно показался у окна квартиры, но отошелъ, совершенно не обративъ вниманія на то, что у него подъ бокомъ „незаконное сборище“. Управленскіе либералы тоже хотѣли организоваться и примазаться къ развивающемуся союзу желѣзнодорожныхъ служащихъ. Въ управленіи идетъ горячая борьба между намѣтившимися двумя направленіями. Организація желѣзнодорожниковъ соц.-демократовъ уже осуществилась, тогда какъ либералы еще собираются. Тифлисское общество было возмущено злодѣяніями высшаго начальства въ Гуріи. Близъ станціи Бѣлогоры, около моста, человѣкъ 17 грузинъ ловили рыбу. Увидѣлъ ихъ машинистъ съ поѣзда и сообщилъ стражнику, а тотъ донесъ по начальству, что тамъ творится что то неладное. Явились войска и, не разобравъ, въ чемъ дѣло, и заранѣе предполагая, что грузины подкладываютъ мины, растрѣляли ихъ. На мѣстѣ оказалось 7 труповъ и 7 раненыхъ. Изъ нихъ въ одного мальчика 10 лѣтъ попало четыре пули. Пока еще не извѣстно, чѣмъ отвѣтятъ гурійцы на эту новую жестокость царскаго правительства. Во всякомъ случаѣ, это такъ пройти не можетъ. Пріѣхалъ царскій солдатъ Воронцовъ-Дашковъ, этому предшествовала грандіозная подготовка со стороны буржуазнаго общества, столбы на улицахъ, по которымъ долженъ былъ слѣдовать намѣстникъ, были украшены гирляндами изъ зелени и флагами. Но не дремала и соціальдемократическая партія: наканунѣ выпустили листокъ, призывающій гражданъ къ достойной встрѣчѣ сатрапа и въ результатѣ пустынныя улицы. Говорятъ, что сатрапъ и его приближенные недовольны встрѣчей, находя ее далеко не генеральской. Намѣстникъ даже сгоряча обѣщалъ править Кавказомъ такъ, какъ Муравьевъ-вѣшатель правилъ въ Варшавѣ.

Тифлисъ За какихъ нибудь 5 мѣсяцевъ Тифлисъ сталъ не узнаваемъ. Я ограничусь описаніемъ только Тифлиса, такъ какъ здѣсь являюсь я очевидцей многихъ интересныхъ картинъ, а о провинціи знаю только изъ газетъ. Въ Тифлисѣ все ожило, даже праздно-шатающаяся публика Головинскаго проспекта занялась дѣломъ. Новѣйшія общественныя теченія на Кавказѣ выражаются въ болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ въ Россіи. Весь Тифлисъ охваченъ революціоннымъ пламенемъ. Публика чувствуетъ себя свободно, она открыто выражаетъ свое настроеніе всегда и вездѣ: въ театрахъ, на собраніяхъ, на улицахъ и т. д. Здѣсь нѣтъ мѣста той крайней конспиративности, которая въ Россіи доводитъ человѣка до раздраженія. Полиція бездѣйствуетъ, индиферентность полиціи тутъ объясняется тѣмъ, что будто-бы и она относится сочувственно. Здѣсь всѣ воодушевлены приближеніемъ новой жизни. Всѣ стараются заняться дѣломъ. Старый и малый пополняютъ ряды партій и самоотверженно идутъ въ народъ пропагандировать. Любо смотрѣть на этихъ вновь пробужденныхъ людей. Любопытны и закоренѣлые помѣщики, которые быстро перемѣнили фронтъ (скорѣе изъ страха, чѣмъ изъ убѣжденій), и выражаютъ свою готовность встрѣтить врага грудью на баррикадахъ. Что провинція не отстаетъ отъ Тифлиса, — это показываютъ постоянныя тревожныя извѣстія оттуда.

Что ни день, то газеты приносятъ рѣшенія и требованія сельскихъ сходовъ изъ отдаленныхъ деревень. Въ сел. Тирзниси произошелъ печальный инцидентъ. Крестьяне (временно обяз.), собравшись, обсудили свое положеніе и выставили различныя требованія помѣщику студ.-технологу Сулханову. Тотъ не соизволилъ выйти, чтобы принять ихъ резолюцію, а на другой день выписалъ изъ Гори козаковъ, напоилъ ихъ виномъ, и они въ день пасхи стали громить крестьянъ. Я не стану описывать всего того ужаса, который они нагнали на сельчанъ. Но въ результатѣ оказалось 7 чел. убитыхъ и 10 раненыхъ.

Владикавказъ Въ четвергъ пятаго мая состоялось общее собраніе приказчиковъ г. Владикавказа на которомъ наши товарищи настойчиво указывали на необходимость борьбы для улучшенія своего положенія. Послѣ долгихъ, горячихъ преній собраніе пришло къ необходимости немедленной забастовки. На собраніе приказчиковъ явились депутаты отъ служащихъ въ фотографіяхъ, отъ наборщиковъ, подвальщиковъ и др. отраслей труда. Было рѣшено дѣйствовать сообща. На слѣдующее утро толпы забастовщиковъ во главѣ съ нашими товарищами изъ организаціи обходили всѣ магазины, всѣ мастерскія, фабрики, мельницы и т. п. и предлагали присоединиться къ забастовкѣ. Къ 12 часамъ вся промышленная жизнь въ городѣ была прекращена. Забастовали, извощики, дрожки трамваи. Громадныя тысячныя толпы народа съ криками „ура“ ходили взадъ и впередъ по главной улицѣ. Время отъ времени въ разныхъ мѣстахъ выступали ораторы, которые указывали на тяжелое положеніе рабочаго люда и на необходимость борьбы съ хозяевами и правительствомъ.

„Долой самодержавіе“, раздавалось во многихъ мѣстахъ. Вечеромъ была устроена демонстрація съ краснымъ флагомъ и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Тысячная толпа прошлась съ пѣніемъ, отъ вокзала до конца Александровскаго проспекта. На слѣдующій день забастовка продолжалась въ тѣхъ же грандіозныхъ размѣрахъ. Насколько въ первый день полиція и казаки вели себя корректно, настолько во второй день они были немилосердно при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ вечеру большая толпа рабочаго люда собралась въ городской садъ, гдѣ и были произнесены товарищами двѣ рѣчи. Не успѣла толпа разойтись, какъ моментально въ садъ влетѣли казаки и стали избивать направо и налѣво нагайками и топтать копытами. Были ужасныя картины звѣрскаго избіенія. Говорятъ, что Воронцовъ-Дашковъ предоставилъ мѣстнымъ властямъ право нещадно расправляться съ демонстрантами. Казаки пѣшіе и конные и городовые были пьяны. Въ этотъ день арестованъ Севастій Ромасвили и нѣсколько рабочихъ.

На третій день забастовка продолжалась, но для того, чтобы показать, что движеніе вызвано инородцами, полиція рѣшила организовать подъ охраной войска патріотическое шествіе съ портретомъ Николая II. Переодѣтые пожарные и городовые и подпоенные хулиганы съ Курской Слободки направились съ пѣніемъ и криками ура къ дому начальника области, гдѣ и просили позволеніе избивать студентовъ, армянъ и евреевъ. На что царскій сатрапъ отвѣчалъ „положите“. Въ городѣ распространены прокламаціи: „бей жидовъ, армянъ и студентовъ и т. п.“ Избіеніе назначено на 14 мая. Мы вошли въ соглашеніе съ мѣстными національными организаціями для оказанія вооруженнаго отпора, если возгорится какой либо погромъ. Полиція нещадно избивала въ участкахъ арестованныхъ рабочихъ. Особенно неистовствуетъ въ искорененіи крамолы извѣстный негодяй, приставъ Сѣдиковъ.

Бахмутъ Екатеринославской губ. 7 мая было разрѣшено собраніе приказчиковъ, на которомъ были выработаны требованія. Приказчиковъ здѣсь около 300-400 ч. На собраніи присутствовали не всѣ, но съ требованіями согласны всѣ. Листъ съ требованіями покрытъ 75 подписями.

Всѣ эти требованія будутъ представлены представителями отъ хозяевъ завтра, 12 мая. Они собирались въ домѣ бывшаго исправника, который предсѣдательствовалъ на собраніи и избранъ единодушно выразителемъ и защитникомъ хозяйскихъ интересовъ. Не обошлось на собраніи хозяевъ безъ нѣкоторыхъ курьезовъ. Сейчасъ приказчики работаютъ отъ 5 до 9-10 и даже 11 час. вечера. Одинъ кулачекъ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ уступитъ часъ, т. е. чтобы служащіе работали отъ 6 утра до 9 вечера. Предложеніе было встрѣчено аплодисментами и принято „единодушно“! Настроеніе среди приказчиковъ очень возбужденное. На собраніи присутствовала полиція, почему рты у многихъ были завязаны, а нашимъ товарищамъ совсѣмъ нельзя было говорить.

Если требованія не будутъ удовлетворены, послѣдуетъ непремѣнно всеобщая стачка. Среди приказчиковъ ведется усиленная агитація. Стачка шапочниковъ продолжалась 2 недѣли и теперь удовлетворены *всѣ до одного* требованія, которыя, главнымъ образомъ, были сконцентрированы на повышеніи заработной платы, такъ какъ всѣ они работаютъ поштучно. Стачка была выиграна исключительно благодаря вмѣшательству мѣстной соціальдемократической организаціи. Послѣ стачки нѣкоторые вступили въ организацію. Успѣхъ стачечниковъ-шапочниковъ сильно повліялъ на приказчиковъ.

Тверь Бурашевская колонія для душевно-больныхъ устроена губернскимъ земствомъ; находится въ вѣдѣніи врачей. Казалось бы, что есть нѣкоторая гарантія болѣе сноснаго существованія для больничной и хозяйственной прислуги колоніи. На дѣлѣ, однако, здѣсь та же эксплуатація, то же низведеніе человѣка до положенія вьючнаго животнаго, какъ и въ любомъ коммерческомъ предпріятіи съ капиталистомъ во главѣ! Служителя и сидѣлки, получая въ среднемъ 8 рублей въ мѣсяцъ, работаютъ по 15—16 час. въ сутки, при томъ напряженно-нервномъ состояніи духа, которое вызывается постояннымъ общеніемъ съ больными, томительными ночными дежурствами, серьезною отвѣтственностью за каждаго больного. У нихъ нѣтъ даже порядочнаго помѣщенія для отдыха и своихъ коекъ. Тѣ восемь свободныхъ часовъ, которые выпадаютъ на ихъ долю, проводятъ они въ тѣсныхъ, грязныхъ конуракъ, спятъ по очереди на одной и той же кровати. И нѣтъ ничего удивительнаго, что они, измученные, невыспавшіеся, озлобленные, отвѣчаютъ на крайне грубое обращеніе съ ними, со стороны медицинскаго персонала, битьемъ стеколъ въ квартирахъ ординаторовъ, нападеніемъ на фельдшеровъ, срываютъ свое зло на больныхъ — недавно былъ избитъ больной, заподозрѣнный въ шпіонствѣ. (?!) Награда, которую они получали два раза въ году, въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья, отмѣнена три года тому назадъ, — причина неизвѣстна. Не лучше положеніе и прачекъ — за 6 рублей въ мѣсяцъ онѣ стоятъ цѣлыми днями, не разгибая спины надъ чанами съ грязнымъ бѣльемъ, дыша удушливымъ паромъ. Имъ приходится спать всѣмъ вмѣстѣ съ дѣтьми въ невозможно грязномъ помѣщеніи, а отъ нихъ требуютъ чистоты, ихъ бранятъ за нечисто вымытое бѣлье. 13 прачекъ должны стирать на 1000 больныхъ! (раньше было 10 прачекъ на 600 больныхъ). У кухарокъ нѣтъ свободнаго дня въ году, чтобы отдохнуть отъ своей каторжной работы. Пекаря, несмотря на безпрерывное увеличеніе работы, получаютъ много лѣтъ одну и ту же плату. Недовольство служащихъ растетъ съ каждымъ днемъ и не разъ уже выражалось въ самыхъ грубыхъ формахъ. Болѣе сознательные изъ нихъ рѣшили обратиться къ совѣту врачей съ прошеніемъ объ улучшеніи ихъ участи, которое и было подано за множествомъ подписей.

Тверской комитетъ Р. С.-Д. Р. П. выпустилъ около 200 прокламацій къ служащимъ и рабочимъ Бурашевской колоніи тверского губернскаго земства съ призывомъ — во-первыхъ — перестать унижаться до просьбы и требовать:

1) 8-часового рабочаго дня и полной свободы въ остальное время. 2) Еженедѣльнаго отдыха не менѣе 42 час. подрядъ. 3) Переустройства квартиръ и т. д.

Во-вторыхъ — войдя въ Р. С.-Д. Р. П., бороться вмѣстѣ со всѣми русскими рабочими, подъ ея руководствомъ, за „Учредительное Собраніе, избранное всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосовъ; за осуществленіе соціалистическаго строя, гдѣ нѣтъ мѣста эксплуатаціи!“.

Иркутскъ Въ мѣстныхъ либерально-демократическихъ кругахъ царитъ довольно высокое политическое возбужденіе. Обществомъ распространенія народнаго образованія вынесена на дняхъ резолюція съ требованіемъ Учредительнаго Собранія, созваннаго путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Были два засѣданія, съ участіемъ публики, въ общественномъ Собраніи. На первомъ изъ нихъ въ числѣ ораторовъ выступалъ соціальдемократъ. На второмъ произошла такая сцена: члены собранія начали обсуждать вопросъ объ исключеніи изъ своей среды полиціймейстера и его помощника. Вдругъ раздалась команда полиціймейстера: „Бей!“ и трель барабана заглушила рѣчи. Баллотировка вопроса произведена была по записканъ и результатъ объявленъ „на пальцахъ“ и жестами. Оба полицейскихъ оказались забаллотированы. Барабанъ умолкъ. Началъ говорить адвокатъ Карелинъ: „Господа!“ Полиціймейстеръ — „Бей“! и барабанъ снова затрещалъ! Когда онъ умолкъ, князь Андронниковъ: „На основаніи высочайшаго...“! Полиціймейстеръ. „Бей“! и опять ничего не слышно. Эта безкровная борьба полиціи съ обывателями тянулась довольно долго, такъ что уставшаго барабанщика смѣнилъ горнистъ; наконецъ — полиція побѣдила и обыватели разошлись. — Во время обоихъ засѣданій въ зданіи Общественнаго Собранія находилось по ротѣ солдатъ.

18 апрѣля за городомъ въ лѣсу было первомайское собраніе рабочихъ (чел. 100). Предсѣдатель открылъ его рѣчью, но она внезапно была прервана звуками „Варшавянки“. Всѣ вскочили съ мѣстъ и увидали приближающуюся группу (чел. 10), съ высоко поднятымъ краснымъ знаменемъ. Пѣсня была подхвачена всѣмъ собраніемъ. Послѣ нея одинъ товарищъ произнесъ рѣчь о праздникѣ 1 мая. Рѣчь была покрыта дружнымъ „ура“. Когда собраніе успокоилось и сѣло, предсѣдатель продолжалъ и закончилъ свою рѣчь о международномъ пролетарскомъ движеніи. Слѣдующій ораторъ говорилъ о будущемъ соціалистическомъ строѣ и о путяхъ къ нему. Третій ораторъ — о самостоятельности пролетарскаго движенія въ Западной Европѣ и Россіи, о позиціи буржуазныхъ партій въ Россіи и отребованіяхъ соціальдемократіи. Наконецъ, четвертый ораторъ выяснилъ неизбѣжности возстанія и необходимость готовиться къ нему. Праздникъ закончился пѣніемъ.

Вчера въ театрѣ были разбросаны майскіе листки (2 — Сиб. союза, 1 — комит. и 1 Ц. К.) и 2 раза пропѣта марсельеза. Опера была прекращена. Публика просидѣла въ театрѣ до 3 ч. ночи. Время прошло въ пѣніи, переговорахъ съ полиціей о безпрепятственномъ пропускѣ и чтеніи листковъ. Вообще, царила полная свобода слова. Хотя полиціей были вызваны войска, но ни избіенія, ни арестовъ не было.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ работа въ Иркутскѣ очень оживилась. Связи съ рабочими расширились и укрѣпились.

Чита 27 января 1905 г. (Запоздала) Въ мастерскихъ и депо жел. дор. началась стачка на почвѣ экономическихъ требованій. Комитетъ рѣшилъ использовать ее, обративши въ политическій протестъ. 29 января утромъ въ зданіи мастерскихъ удалось устроить собраніе, на которомъ было около 1000 человѣкъ рабочихъ; говорили рѣчи два оратора на темы: о положеніи пролетаріата, о необходимости борьбы съ самодержавіемъ, о стачкѣ по Сибирской и Забайкальской ж. д. Принята слѣдующая резолюція:

---

[1] Такъ здѣсь называютъ спеціальную группу при к., работающую внѣ пролетарскихъ, въ собств. смыслѣ слова, слоевъ населенія.

„Мы, читинскіе рабочіе, собравшись по приглашенію мѣстнаго комитета партіи въ количествѣ около 1000 человѣкъ, обсудивъ вопросъ о всеобщей стачкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской ж. д., которая будетъ мощнымъ послѣднимъ ударомъ уже близкому къ гибели самодержавію, ударомъ, нанесеннымъ ему россійскимъ пролетаріатомъ, единственнымъ борцомъ противъ всякаго угнетенія и эксплуатаціи, приняли слѣдующія резолюціи:

1. Ставя своей ближайшей задачей сверженіе царскаго самодержавія и замѣну его самодержавіемъ народа, мы требуемъ созыва Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. 2. Мы боремся за демократическую республику, которая обезпечитъ пролетаріату возможность борьбы за соціализмъ. 3. Мы требуемъ немедленнаго прекращенія войны, затѣянной въ интересахъ самодержавнаго правительства. 4. Мы будемъ готовиться ко всеобщей стачкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской ж. д., чтобы прекратить доставку войскъ на поля далекой Манджуріи и нанести смертельный ударъ отживающему режиму. 5. Мы рѣшили отказомъ отъ работы 29 января выразить свою солидарность со всѣмъ революціоннымъ пролетаріатомъ и тѣмъ самымъ поддержать наши требованія“.

Забастовка окончилась. Въ послѣдующіе за 29 января дни рабочіе хотя и выходили на работу но не работали; пѣли пѣсни, разгуливали по мастерскимъ. Настроеніе было приподнятое. Начальство какъ-то сократилось, не принуждало къ работамъ. Собранія рабочихъ устраивались послѣ этого еженедѣльно, а иногда и 2 раза въ недѣлю; бывало на нихъ отъ 70 до 115 человѣкъ. Одно изъ нихъ было посвящено обсужденію вопроса о провокаторской статьѣ „Слухъ“ въ мѣстной газетѣ „Забайкалье“.

19 февраля у насъ провалилось собраніе; донесъ братъ хозяина дома Позолотинъ. Нагрянула полиція въ составѣ двухъ приставовъ и 15 городовыхъ. Было оказано вооруженное сопротивленіе, благодаря чему удалось разбѣжаться. Убитыхъ нѣтъ, ранено двое (оба скрылись, одинъ раненъ въ спину). Полиція начала хватать на улицѣ. Арестованы рабочіе: Киселевъ, Штейнъ, Андсвѣровъ, интеллигентъ Гейманъ, Гусельниковъ и др. Арестованныхъ били до потери сознанія; сначала держали въ околоткѣ. По требованію арестованныхъ вызвали городского врача Шари; тотъ явился, прописалъ компрессы; протокола не составилъ. Просидѣли они мѣсяцъ въ тюрьмѣ; за недостаткомъ уликъ, выпущены и разосланы по мѣстамъ ихъ жительства.

21 февраля началась стачка въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, продолжавшаяся полдня, требовали освобожденія арестованныхъ (на собраніи, обсуждавшемъ вопросъ о стачкѣ, было свыше 800 чел.).

Послѣ событій 19 и 21 января настроеніе значительно понизилось. Рабочіе боялись ходить на собранія, (являлось по 15-40 челов.), только занятія въ кружкахъ велись правильно. Теперь устраиваемъ собранія въ лѣсу (здѣсь почти никогда не бываетъ снѣга и стоитъ теплая погода). Рабочіе охотно посѣщаютъ ихъ. На одномъ изъ собраній были рабочіе и учащіеся (108 чел.). Обсуждали вопросъ объ избіеніи учащихся въ Курскѣ и друг. городахъ. Принята слѣдующая резолюція: „Царское правительство, затѣявшее въ своихъ интересахъ войну съ Японіей, переполнило чашу терпѣнія нашего многострадальнаго народа и вызвало къ себѣ негодованіе, выразившееся въ вооруженныхъ столкновеніяхъ, демонстраціяхъ пролетаріата и другихъ демократическихъ элементовъ и полулегальныхъ протестахъ либераловъ.

Пролетаріатъ — авангардъ революціоннаго движенія — кровью своею на улицахъ Петербурга и др. городовъ запечатлѣлъ готовность вести борьбу съ самодержавіемъ. Всѣ демократическіе элементы откликнулись на призывъ пролетаріата къ великой освободительной борьбѣ и рѣшили поддержать его. Учащіеся города Курска и друг. городовъ, отзывчивые, какъ большинство нашей учащейся молодежи, своими демонстраціями выразили презрѣніе самодержавному режиму и готовность поддержать борьбу противъ него. Но и правительство, вѣрное своей обычной тактикѣ въ борьбѣ съ врагами, звѣрски расправилось съ протестующими учащимися, направивъ на нихъ подкупленныхъ и подпоенныхъ водкой хулигановъ и полицейскихъ, которые жестоко избили даже малолѣтнихъ.

Въ виду этого, мы, читинскіе рабочіе и учащіеся, собравшись по приглашенію Читинскаго Комитета, въ количествѣ 108 чел., рѣшили выразить наше негодованіе царскому правительству и поддерживать всѣми силами и средствами начатую пролетаріатомъ подъ краснымъ знаменемъ соціальдемократіи борьбу противъ отживающаго деспотизма“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЯТЫЙ СЪѢЗДЪ ГЕРМАНСКИХЪ ПРОФЕССІОНАЛЬНЫХЪ СОЮЗОВЪ.

Оппортюнисты взяли реваншъ. Они отомстили соціальдемократіи за Гановеръ, Дрезденъ и др. Многіе изъ тѣхъ, которые на соціальдемократическихъ конгрессахъ вотировали антиберштейновскіе резолюціи, теперь въ Кельнѣ почувствовали себя свободными отъ всякой догмы, отъ всякой ортодоксіи. Это, между прочимъ, обнаружило призрачность прежнихъ побѣдъ: оппортюнизмъ терпѣть не можетъ опредѣленныхъ формулъ, но именно поэтому онъ можетъ подписаться подъ всякой формулой и искренно вѣрить, что она всецѣло совпадаетъ съ его міровоззрѣніемъ.

Но когда въ Кельнѣ имъ пришлось изложить свое собственное міросозерцаніе, оказалось, что оно въ высшей степени мизерно. Въ двухъ боевыхъ докладахъ — о майскомъ праздникѣ Роберта Шмидта и о массовой стачкѣ Бемельбурга — трудно найти какую нибудь руководящую центральную мысль, какую нибудь идею, выходящую за предѣлы торгашескихъ счетовъ о теряемыхъ пролетаріатомъ маркахъ и пфенигахъ. Но за то много крѣпкихъ словъ, патетическое возвеличеніе практическаго разума дѣятелей профессіональныхъ союзовъ и презрительное отношеніе къ теоріи, литераторамъ, международной солидарности.

Германская соціальдемократія больше какой нибудь другой соціалистической партіи сдѣлала для сохраненія единства рабочаго движенія, для поддержанія единенія между политическими и профессіональными организаціями пролетаріата. Профессіональное движеніе въ Германіи вызвано къ жизни и создано соціальдемократіей, которая дала ему своихъ вождей, свою прессу, свою объединяющую революціонную идею классовой борьбы. Профессіональные союзы въ свою очередь представляли тѣ организованные кадры пролетаріевъ, на которыхъ партія всегда могла разсчитывать при всѣхъ массовыхъ выступленіяхъ. И этому единству въ Кельнѣ нанесена несомнѣнно тяжелая рана, нанесена тѣми, которые, въ погонѣ за минутными практическими выгодами, позабыли, что за каждое такое увлеченіе, за каждое пренебреженіе теоретическими основами нашего движенія приходится платиться и подчасъ жестоко платиться пролетаріату. Въ послѣднее время стало модой среди вождей германской соціальдемократіи пренебрежительное отношеніе къ теоріи, только лѣнивый не лягаетъ ее. А дебаты въ Кельнѣ и исходъ ихъ — ослабленіе единства между политическимъ и профессіональнымъ движеніемъ пролетаріата — являются плодами этого пренебреженія.

Конечно, нуженъ былъ поводъ, но не явись онъ сегодня, его нашли бы завтра. Но и поводъ самъ по себѣ интересенъ: съѣздъ профессіональныхъ союзовъ оказывается недовольнымъ характеромъ празднованія перваго мая и дебатами о всеобщей стачкѣ, не сходящими со столбцовъ прессы и составляющими предметъ дискуссій въ рабочихъ собраніяхъ.

„Для своего дальнѣйшаго развитія профессіональные союзы нуждаются въ покоѣ“, заявили въ своемъ докладѣ Бемельбургъ, по поводу чего Каутскій пишетъ въ „Neue Zeit“:

„Поведеніе съѣзда въ этомъ вопросѣ (о всеобщей стачкѣ) напоминаетъ отчасти Франкфуртское Національное Собраніе 1848 и 1849 гг. Вскорѣ послѣ его конституированія наиболѣе энергичные, именно пролетарскіе элементы потребовали, чтобы оно позаботилось о необходимыхъ боевыхъ средствахъ, чтобы быть въ состояніи довести до конца неизбѣжный конфликтъ съ правительствомъ. Но Національное Собраніе нашло, что оно нуждается не въ боевыхъ средствахъ, а въ покоѣ, который скорѣе всего дастъ возможность избѣжать конфликтовъ. Но если бы правительства все таки осмѣлились на какой нибудь рѣшительный шагъ, тогда — о тогда, Собраніе вовсе не оказалось бы совершенно лишеннымъ всякой опоры, оно аппелировало бы къ непреодолимому свободолюбію нѣмецкаго народа.

„Однако, не смотря на всю уступчивость Національнаго Собранія конфликтъ все же наступилъ и явилась необходимость призывать къ возстанію. Но такъ какъ оно было неподготовлено и лишено всякаго руководства, то опорой оно оказаться не могло. Потребность Національнаго Собранія въ покоѣ не могло обезпечить покоя, а еще меньше побѣду; она имѣла только тотъ результатъ, что многочисленныя жертвы, павшія при возстаніи, погибли напрасно.

„Но потребность нашихъ нынѣшнихъ профессіональныхъ союзовъ въ покоѣ идетъ еще дальше, чѣмъ потребность Національнаго Собранія. Это послѣднее отказалось создать себѣ собственную армію, т. е. отказалось совершить рѣшительный революціонный актъ, объявить войну правительствамъ. Референтъ же Кельнскаго съѣзда заявилъ, при всеобщемъ одобреніи, что въ интересахъ покоя, въ которомъ нуждаются профессіональные союзы, должна „исчезнуть и дискуссія о всеобщей стачкѣ“. Отъ нихъ не требуютъ, чтобы они смѣлымъ выступленіемъ *завоевали* себѣ боевое средство, а только, чтобы они *дискутировали* о томъ боевомъ средствѣ, которое въ будущихъ битвахъ можетъ оказаться пригоднымъ. Но ихъ потребность въ покоѣ такъ сильна, ихъ отвращеніе къ большимъ битвамъ такъ велико, что имъ кажется опаснымъ, если ихъ члены *задумаются* надъ такими битвами. Въ Кельнѣ именно это *задумываніе* было запрещено. Резолюція съѣзда отвергаетъ не *примѣненіе* всеобщей стачки, а ея *пропагандированіе*“.

По поводу перваго мая не принято было никакой резолюціи, такъ какъ, повидимому, у противниковъ этого празднованія не хватило храбрости быть послѣдовательными до конца. Но сильный ударъ майскому празднеству все таки нанесенъ и рѣчами на самомъ съѣздѣ, и агитаціей до и послѣ него. А между тѣмъ, никакія другія проявленія пролетарской жизни въ настоящее время не способны такъ объединить борьбу рабочаго класса, увеличить силу его революціоннаго натиска, какъ эти двѣ идеи — первомайскаго праздника и всеобщей стачки.

Послушаемъ опять по этому поводу Каутскаго. Въ другой своей статьѣ, напечатанной до открытія Кельнскаго съѣзда въ Leipziger Volkszeitung, Каутскій пишетъ:

„Майскій праздникъ является главнымъ выраженіемъ солидарности между соціальдемократіей и профессіональнымъ движеніемъ. Введенный рѣшеніями международныхъ конгрессовъ, на которыхъ были представлены обѣ части, профессіональные союзы и соціалистическія партіи, этотъ праздникъ, повторяясь изъ году въ годъ, является нагляднымъ выраженіемъ единодушнаго сотрудничества професс. союза и партійн. организацій, ихъ внутренняго единства, ихъ принадлежности къ единому организму борющагося пролетаріата.

„Если какъ разъ теперь дѣлается попытка измѣнить прежнюю форму празднованія, отмѣнить рѣшенія международныхъ конгрессовъ и нѣмецкихъ партейтаговъ, дѣлается не подъ давленіемъ необходимости, безъ всякой внѣшней причины, и въ такой моментъ, когда пріостановка работы въ день перваго мая приняла во всемъ мірѣ всеобщій характеръ, когда самый праздникъ празднуется съ такимъ воодушевленіемъ, какъ никогда прежде, и когда профессіональные союзы сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, — то допуская, что въ основѣ этой попытки лежатъ весьма практическія соображенія, приходится сказать, что она легко можетъ имѣть весьма непрактическій результатъ, привести къ ослабленію тѣхъ узъ солидарности, которыя связываютъ различныя части рабочаго движенія въ Германіи и въ другихъ странахъ, ослабить эти узы какъ разъ въ такой моментъ, когда каждый дальновидный борецъ въ рядахъ пролетаріата долженъ себѣ сказать, что эти различныя части рабочаго движенія должны больше, чѣмъ когда бы то ни было, разсчитывать другъ на друга, что ихъ взаимное изолированіе никогда не было въ состояніи такъ повредить пролетаріату какъ именно теперь.

„Это-то сознаніе выдвигаетъ на первый планъ, несмотря на всяческое противодѣйствіе, вопросы о всеобщей стачкѣ... Въ 1892 году она была впервые съ успѣхомъ примѣнена въ Бельгіи... Съ тѣхъ поръ *экономическое* развитіе все больше и больше концентрировало капиталъ; одновременно мелкая буржуазія становилась все реакціоннѣе, крупный капиталъ все сильнѣе и насильственнѣе, а вмѣстѣ съ этимъ буржуазная демократія становилась все безсильнѣе, а правительства все сильнѣе. Это развитіе, съ одной стороны, повело къ увеличенію числа такихъ профессіональныхъ дѣйствій, которыя имѣютъ болѣе чѣмъ мѣстное значеніе, которыя получаютъ значеніе національное, общегосударственное, слѣдовательно политическое. Съ другой стороны, въ результатѣ того же развитія оказалось, что чисто парламентскія дѣйствія, не поддержанныя снаружи могущественными боевыми средствами пролетаріата, теряютъ свое значеніе, что вслѣдствіе этого тамъ, гдѣ соотношеніе силъ и государственная конституція еще не допускаютъ такихъ давленій снаружи, наступаетъ полный застой. При этомъ, однако, соціальныя противорѣчія такъ обостряются, что этотъ застой нигдѣ не можетъ быть продолжительнымъ, что мы вездѣ должны быть готовы къ тому, что вдругъ, за ночь ему будетъ положенъ конецъ, или какимъ-нибудь насиліемъ господствующихъ классовъ, желающихъ сковать пролетаріатъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ окрѣпнуть, или какимъ нибудь внѣшнимъ толчкомъ, какой былъ данъ въ Россіи настоящей войной.

„Словомъ, стачка уже теперь все болѣе и болѣе становится политическимъ дѣйствіемъ, которое тѣмъ больше имѣетъ шансовъ на успѣхъ, чѣмъ болѣе связаны между собой профессіональное движеніе и партія. Съ другой стороны, уже въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ государствъ, гдѣ стачка можетъ стать средствомъ давленія, чтобы завоевать пролетаріату политическія выгоды или отвратить отъ него какой нибудь политическій ущербъ; и въ этихъ случаяхъ опять таки необходимо энергическое сотрудничество профессіональныхъ союзовъ...

„Поэтому то настроеніе, которое нынче развивается въ профессіональныхъ союзахъ, можетъ имѣть всемірно-историческое значеніе. Лучшая часть нѣмецкаго пролетаріата, нынче организованная въ профессіональныхъ союзахъ, совершенно иначе справится съ надвигающимися задачами, если въ ней будетъ жить сознаніе, что она призвана не только наполнять кассы и участвовать въ ежедневной борьбѣ за пару марокъ и пфениговъ, но что отъ ея поведенія зависитъ будущее націи, въ извѣстномъ смыслѣ будущее международнаго пролетаріата, будущее всего общества“.

Вожаки профессіональныхъ союзовъ не пожелали стать на эту точку зрѣнія. Тѣмъ хуже для нихъ! Что касается нѣмецкаго пролетаріата, то все его прошлое громко вопіетъ противъ кельнскихъ тирадъ. А пролетаріату принадлежитъ послѣднее слово.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили слѣдующее письмо отъ тов. Г. В. Плеханова:

„Товарищи, рѣшенія конференціи, нанесшія смертельный ударъ центральнымъ учрежденіямъ нашей партіи, заставляютъ меня сложить съ себя званія редактора Ц. О. и пятаго (выбраннаго вторымъ, *законнымъ* съѣздомъ) члена Совѣта.

Г. Плехановъ.

P. S. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы печатно спросить ту часть партіи, которая признаетъ обязательными рѣшенія „третьяго“ съѣзда, желаетъ-ли она, чтобы я по-прежнему представлялъ эту, теперь, — увы! — разорванную партію въ Международномъ Соціалистическомъ Бюро. Я могу остаться представителемъ россійской соціаль-демократической партіи *только* въ томъ случаѣ, если этого пожелаютъ *обѣ фракціи*.

Montreux, 29 мая 1905 г. Г. П.

Рѣшенія, которыя т. Плехановъ характеризуетъ, какъ наносящія смертельный ударъ центральнымъ учрежденіямъ (резолюція объ отношеніи къ другой части партіи), приняты конференціей, какъ *проэктъ*, подлежащій еще разсмотрѣнію организацій. Это обстоятельство, конечно, не мѣняетъ факта расхожденія по данному вопросу между конференціей и т. Плехановымъ. Глубоко убѣжденные, что выходъ т. Плеханова будетъ встрѣченъ сожалѣніемъ всѣхъ членовъ партіи, мы все-же должны выразить увѣренность, что конференція не могла поступить иначе, если хотѣла попытаться, наконецъ, разрубить запутавшійся гордіевъ узелъ нескончаемыхъ конфликтовъ о компетенціи. Дѣло партійныхъ организацій при окончательномъ рѣшеніи вопроса принять во вниманіе такой авторитетный голосъ противъ избранной конференціей тактики, какъ голосъ т. Плеханова.

Выходъ т. Плеханова изъ редакціи побуждаетъ насъ теперь же заявить партіи, что мы сдаемъ свой коллективный мандатъ въ руки партійныхъ организацій, продолжающихъ признавать „Искру“ своимъ партійнымъ органомъ, и приглашаемъ ихъ при первой къ тому возможности назначить заново ея редакцію и опредѣлить ея организаціонныя отношенія къ данной части партіи. Впредь до рѣшенія этого вопроса, заграничное литературное дѣло будетъ вестись въ прежнемъ порядкѣ оставшимся большинствомъ коллегіи.

⁂

Редакція „Искры“ — до выхода т. Плеханова — постановила кооптировать весь составъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ (тов. Дана, Кольцова, Мартынова и Ортодоксъ). Въ отвѣтъ на это приглашеніе тт. Мартыновъ, Данъ и Кольцовъ прислали 19 мая отказъ отъ вступленія въ настоящее время въ редакцію Ц. О., мотивируя его тѣмъ, что считаютъ неудобнымъ производить измѣненія въ составѣ редакціи впредь до того, какъ конференціи партійныхъ работниковъ выскажутся о желательныхъ измѣненіяхъ въ организаціи партіи вообще и ея литературнаго дѣла въ частности. Тов. же Ортодоксъ отвѣтила слѣдующимъ письмомъ;

„16 мая редакція „Искры“ кооптировала меня.

Раздѣляя вышеизложенный взглядъ Г. В. Плеханова на тактику конференціи, отказываюсь отъ чести принимать участіе въ редакціи „Искры“. 8 Іюня 1905 г. Ортодоксъ.

Вышли изданія: „**Искры**“: 1) „Постоянное войско или вооруженіе всего народа?“ (брош. изъ серіи „Наши требованія“; 2) Волонтеръ, „Русско-японская война, причины, ходъ и послѣдствія (брош.); 3) Конференція кавказскихъ комитетовъ. **Москов. Группы:** „Царь, народъ и погромъ“ (4500 экз.). **Московск. Ком.** „Голосъ труда“ (№ 3). **Тверского Комитета** „Къ рабочимъ Морозовской фабрики“ (600 экз.). **Смоленскаго Ком.**: 1) „Царизмъ наканунѣ всенароднаго возстанія“ (4000); 2) Майскій листокъ (2000); 3) Солдатская памятка (2000). **Харьковскаго Ком.**: (отъ имени желѣзнодор. района) — 6 прокламацій къ желѣзнодор. рабочимъ. **Одесск. Группы:** 1) „Смерть тиранамъ, свобода народу!“ (изъ Соціальдем. 8000); 2) „Къ фармацевтамъ“; 3) „Что же теперь“? (изъ „Искры“ — 5000 экз.), „Гибель эскадры Рожественскаго и Земскій Соборъ (8000 экз.); **Одесскаго Комитета:** „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ“ (5000 экз.). **Тифлисск. Комитета:** 1) „Къ солдатамъ“; 2) „Къ служащимъ правительств. и частн. конторъ“ (отъ группы конторщиковъ); 3) „Къ пріѣзду намѣстника“. **Кубанскаго Ком.**: 1) „Пауки и мухи“ (10,000), 2) „Къ Кубанскимъ казакамъ“ (отъ соц.-дем. группы кубанск. казаковъ — 4000). **Кавказской группы этого Ком.**: 1) „Къ рабочимъ желѣзн. депо ст. Кавказской“ (120); 2) „Къ жителямъ хутора Романовскаго (250); 3) Что такое Учред. Собр. (140); 4) „Пауки и мухи“ 300); 5) Какъ попы поработили народъ ученіемъ Христа? (150); 6) Петиція спб. раб. (150); 7) Онъ прощаетъ“ (200). **Донского Ком.**: 1 мая (печ.). Пораженіе самодержавія. **Донецкаго Ком.**: „Смерть тиранамъ, свобода народу!“ (8000); 2) Первое мая 8500). **Юзовской группы:** денежн. отчетъ съ 1 марта по 10 мая. **Рыбинск. гр.**: отчетъ за мартъ — апрѣль. **Гр. соц.-дем. въ м. Копысь** По поводу Цусимскаго пораженія (гект.). **Петербургской Гр.**: 1) „Рабочіе, требуйте прекращенія войны!“, 2) „Долой позорную войну!“; 3) Къ рабочимъ патроннаго завода (Василеостр. районъ); 4) Къ раб. фаб. Штиглица (город. районъ). **Саратовск. Ком.** 1 мая и „Къ обществу“ **Иркутск. Ком.**: Майскій лист. **Томск.**: „Къ гражданамъ“, (5000); „Сила пролетаріата“ (5000); Майскій (4000); Къ телеграфист. (2000); „Хроника“ (9000); „Къ служащимъ упр. жел. дор.“ (1000); **Читинскимъ**: „Земскій Соборъ“ 1500), „Онъ прощаетъ“ (1000 — изъ Искры), Извѣщеніе о конференціи с.-д. партіи (1500), „Коммиссія Булыгина“ (2000), Къ телеграфистамъ (1000). **Красноярск.** „Резолюція нижнеудинск. раб.“ (500), „Царскій манифестъ“ (1500), „Онъ прощаетъ!“ (1000), „Къ рабочимъ и работницамъ“ (2000), „Варшавянка“ (500), „Къ приказчикамъ“ (700), „Земскій Соборъ или Учредит. Собраніе?“ 2000), „Къ солдатамъ“. **Крымскаго Союза:** „Товарищи рабочіе“ (4 т.), „Къ раб. Севаст. порта“ (2 т.). **Симфер. орг. Кр. союза:** „Къ приказчикамъ“, „Къ столярамъ“, „Къ пекарямъ“. **Севаст. орг.**: „Къ приказчикамъ“. **Союза Бакинскихъ раб.** (прежняя „Орг. Балах. и Бибиэйбатскихъ раб.“): „Ко всѣмъ раб.“ (3 т.), „Требованія нефтепромышленникамъ“ (подписана совмѣстно съ ком. партіи и ком. инчакистовъ — 4 т.), „Требованія бак. раб. и раб.-цъ“. **Черниг. группы:** „О ком. Шидловскаго“ 200), „По поводу призыва монархистовъ къ погрому 250), Солдатская памятка (300), Призывъ къ всеобщей забастовкѣ“ (800), 1 мая (450). Требованія переплетчиковъ (400), Требов. модистокъ 365), Треб. приказчиковъ 450), Къ земскимъ гласнымъ“ (275).

Приблизительное количество зарегистрированныхъ здѣсь изданій (вышедшихъ въ Россіи) — 180,000.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали изъ Енис. губ.: Леонъ и Марія Гольдманъ (съ поселенія по дѣлу тип. „Искры“); Элькинъ (тоже; арестованъ); изъ Якутск. обл.: Абрамъ Гинзбургъ (дѣло „Южн. Раб.“ 1902 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

26 П. № 1 и 2 получены. Какимъ ключемъ шифруете? Иты, Брутъ! **Весерманину.** Напишите Мюльгаузенъ свой адресъ. Все получаемъ. Спасибо. **Маріуполь**. Получено. Отвѣтили. **27 П.**

За недостаткомъ мѣста, отчетъ о дѣятельности Рыбинской, Кишиневской, Вятской, Черниговской и Петровско-Волынцевской организацій, равно какъ денежные отчеты и резолюціи, выпускаются отдѣльнымъ приложеніемъ къ № 101 „Искры“.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ ред. „Искры“ и „Зари“, съ Орган. Ком. и съ „Лигой Русской Рев. Соц.-Дем.“:
Mr Paul Axelrod 4 Bd Pont d'Arve Genéve (Suisse).
(Просятъ обозначать: для И. К., для ред. или для Лиги)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrénière 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 102. 15-го іюня 1905 г. Годъ V

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ДЕНЬ“.

Это былъ, дѣйствительно, историческій день со всѣми присвоенными таковому по штату необходимыми аксессуарами — начиная съ кучи закулисныхъ интригъ, торговъ и переторжекъ между лицедѣями-участниками „событія“, продолжая милыми недоразумѣніями, вродѣ непредусмотрѣнныхъ г. Ив. Петрункевичемъ, при появленіи его во дворцѣ, бѣлыхъ перчатокъ, безъ которыхъ невозможно было „чисто“ выполнить намѣченную программу, кончая разными остроумными анекдотами, прилипшими къ изложенію подробностей совершившагося, наконецъ, событія.

Конечно, историческій день въ духѣ современной буржуазіи: не было пролито крови, никакихъ не произошло потрясеній, было сказано много, много словъ.

Жалкій герой заживо сгнившаго прошлаго говорилъ съ обычной для него бестолковостью. Либеральный лидеръ, князь С. Трубецкой, говорилъ краснорѣчиво. Онъ сказалъ, что желаніе делегаціи и тѣхъ, кого она представляетъ, возстановить единеніе царя съ народомъ и тѣмъ укрѣпить престолъ Романовыхъ. Онъ перечислилъ преступленія бюрократіи, протестовалъ противъ сословнаго представительства, настаивалъ на скорѣйшемъ выполненіи правительствомъ обѣщанія, даннаго имъ 18 февраля, сказалъ, что народъ обвиняетъ чиновниковъ въ „измѣнѣ“. Онъ заявилъ, что выбору представителей должно предшествовать введеніе свободы слова, собраній и т. д.

Царь отвѣчалъ увѣреніемъ, что его „царская воля непоколебима“ и что онъ только и думаетъ, что о созывѣ представителей.

А дальше? А дальше... все пошло по старому. Газетамъ не дали дѣйствительнаго текста рѣчи Николая II, „Русь“ закрыли за напечатаніе текста земской петиціи, бывшихъ делегатовъ, послѣ посѣщенія ими Петергофскаго дворца, подвергли полицейскому надзору. Это не помѣшало либеральной и „демократической“ прессѣ со слѣдующаго же дня начать славословить о „великомъ“ событіи. „Верховной властью“, говоритъ „Сынъ Отечества“, „въ качествѣ представителей общества, призваны люди, которые въ недалекомъ прошломъ считались колебателями основъ и чуть ли не крамольниками“.

Демократическая газета забываетъ, что „представители общества“ гг. Петрункевичъ, Шаховской и др. были призваны съ того именно момента, когда они впервые стали дѣйствовать, какъ „потрясатели основъ и чуть ли не крамольники“; когда они явились депутатами отъ „незаконнаго“ съѣзда; когда они отказались „просѣять“ составъ своей депутаціи, чего требовали отъ нихъ министры; когда они заговорили объ „обращеніи къ народу“, о „стачкѣ земствъ и городовъ“ — на случай отказа въ ихъ пріемѣ. Забывать объ этомъ, значитъ, затушевывать дѣйствительный смыслъ одержанной было земцами побѣды.

Но это затушевываніе не случайно, ибо по мѣрѣ того, какъ земскіе депутаты преодолѣвали препятствія, поставленныя имъ правительствомъ, они сами затушевывали „крамольный“ характеръ своей миссіи.

Ультимативному тону петиціи, выработанной земскимъ съѣздомъ, совершенно не соотвѣтствуетъ характеръ заявленія кн. Трубецкаго царю. По дорогѣ во дворецъ, земскіе „представители общества“ утратили значительную дозу воодушевлявшаго ихъ на съѣздѣ настроенія. И если при составленіи самой петиціи обычный мелкій оппортюнизмъ земскихъ вождей отразился въ умолчаніи о всеобщемъ избирательномъ правѣ и въ двусмысленныхъ фразахъ о „національной войнѣ“, которую смогутъ санкціонировать народные представители, — то въ рѣчи лидера депутаціи вы напрасно стали бы искать слѣдовъ негодованія, вызываемаго во всемъ населеніи двуличіемъ царской политики, диктатурой Трепова, новѣйшими убійствами на Кавказѣ, въ Иваново-Вознесенскѣ и Польшѣ.

Земскимъ дѣятелямъ представлялся случай явиться выразителями настроенія массы населенія, на представительство интересовъ котораго они предъявляютъ притязаніе. Только глубокое революціонное возмущеніе населенія, проявившееся съ особенной силой послѣ Цусимскаго краха, дало имъ возможность сдѣлать тотъ шагъ, который привелъ ихъ во дворецъ черезъ всѣ преграды „бюрократіи“. Простой политическій разсчетъ требовалъ отъ либераловъ, чтобы они, въ качествѣ выборныхъ *части* населенія, явились передатчиками революціоннаго протеста *всего* населенія. Вѣдь, не могли они забыть, что то, что имъ дозволили 6 іюня — говорить съ царемъ — было запрещено *9 января* петербургскому пролетаріату.

Памятуя это, земцы, казалось бы, могли говорить съ коронованнымъ представителемъ падающаго режима, какъ люди, чувствующіе, что выставляемыя ими требованія будутъ поддержаны грозными народными массами. Но для этого, конечно, они должны были соотвѣтственно формулировать эти требованія. А это значило бы — передать самодержцу *объявленіе о войнѣ*, предоставивъ ему самому предлагать либераламъ условія мировой сдѣлки. Это былъ бы путь революціонный, конечно, но онъ одинъ сдѣлалъ бы земское выступленіе началомъ конца самодержавія.

Взамѣнъ этого, земцы начали съ указанія *своихъ* условій мира съ монархіей, они обѣщали *укрѣпить* тронъ при условіи, что двусмысленное, лживое и ничтожное по своему содержанію обѣщаніе рескрипта 18 февраля будетъ выполнено монархомъ. Они обѣщали, слѣдовательно, отказаться отъ дальнѣйшаго „потрясенія основъ“, если монархія пойдетъ на какую нибудь сдѣлку съ тѣснымъ кругомъ представленныхъ ими слоевъ общества.

Если на экстренномъ земскомъ съѣздѣ „демократы“ пожертвовали всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ избирательнымъ правомъ, чтобы побудить „шиповцевъ“ подписать конституціоналистское заявленіе, то 6 іюня они уже самыя свои требованія формулировали въ терминахъ шиповской программы. „Единеніе царя съ народомъ“ — подъ этимъ знакомъ земскіе делегаты одержали свою Пиррову „побѣду“ надъ бюрократіей.

„Вотъ уже годъ“, — пишетъ французскій журналистъ Люсьенъ Эрръ (L. Herr. „L'Humanité“ 22 іюня), „какъ всѣ общественные классы, какъ всѣ естественно создавшіяся или искусственно созданныя группы русскаго народа, какъ всѣ съѣзды, союзы, собранія, свободомыслящія газеты соглашаются на одинаковой формулировкѣ трехъ главныхъ требованій: 1) немедленное прекращеніе войны, 2) немедленный созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ, съ полномочіемъ установить новый режимъ на мѣсто самодержавно-бюрократическаго; 3) немедленное провозглашеніе элементарныхъ правъ гражданина — свободы слова и печати, собраній и союзовъ, неприкосновенности личности и т. д. Изъ этихъ трехъ основныхъ требованій кн. Трубецкой только неполно выразилъ одно лишь послѣднее; ничего не сказалъ о первыхъ двухъ. Выразить ихъ, заявить ихъ прямо самодержцу, значило бы, очевидно, ускорить развязку кризиса, значило бы стремительно (violemment) бросить царизмъ и націю въ рѣшительное столкновеніе, въ которомъ одинъ изъ двухъ долженъ быть побѣжденъ, значило бы открыть революцію. Делегація не осмѣлилась или не захотѣла повѣрить въ такой исходъ. Будущее, конечно, покажетъ, что она ошиблась.

„Умѣренность и осторожность всегда являются слабостью, когда они не составляютъ — какъ въ данномъ случаѣ — безумія и *преступленія противъ націи* (курсивъ нашъ). Эти люди знаютъ лучше насъ, что ихъ умѣренность и „терпимость“ являются единственной опорой самодержца и что онъ погибъ бы, еслибъ они осмѣлились обратиться съ воззваніемъ къ націи противъ него. Лучше насъ они знаютъ, что слова этого императора лживы, что его обѣщанія лицемѣрны, что сердце его полно злобы, желчи, уязвленной гордости, неумолимой ненависти, и что только его трусость сдерживаетъ проявленіе яростнаго, упрямаго гнѣва. Кто знаетъ! Быть можетъ, отъ нихъ зависѣло вызвать революціонное движеніе, которое унесло бы самодержавіе и самодержца: склонясь съ довѣріемъ и признательностью передъ завѣдомо для нихъ лживыми и фальшивыми заявленіями, они, быть можетъ, на время задержали освободительный порывъ націи. — Надо, чтобы революція исправила ошибки либерализма“.

Такъ разсуждаетъ „знакомый съ бурями французъ“, безъ сомнѣнія, недостаточно знакомый съ предыдущей исторіей земскаго либерализма. Надо полагать, что его разсужденія весьма и весьма не понравятся нашимъ „демократамъ“. Это не мѣшаетъ имъ быть, какъ нельзя болѣе, логичными, съ точки зрѣнія человѣка, проникнутаго стремленіемъ увидѣть Россію свободной.

Земская делегація сдѣлала все возможное, чтобы *отодвинуть* моментъ рѣшительнаго разрыва между имущими классами и самодержавіемъ. Тѣмъ самымъ она лишній разъ показала всю вздорность и реакціонность стремленій либерально-конституціоналистской партіи *руководить* общенароднымъ движеніемъ, направленнымъ на завоеваніе свободы.

Иронія судьбы захотѣла, чтобы нелѣпая выходка Николая II подчеркнула этотъ отрицательный итогъ земской „побѣды“. Какъ сообщаютъ иностранные корреспонденты, царь послѣ обмѣна рѣчей сказалъ нѣсколько „ласковыхъ“ словъ каждому делегату, и между прочимъ, спросилъ И. И. Петрункевича, не состоитъ ли онъ предводителемъ дворянства? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Николай II выразилъ надежду, что лидеръ демократовъ-конституціоналистовъ еще будетъ занимать этотъ почетный постъ.

Послѣ того, какъ кн. Трубецкой заявилъ въ своей рѣчи протестъ противъ *сословнаго* представительства, проектируемаго самодержавіемъ, эти любезныя слова Николая II пріобрѣтаютъ, конечно, помимо его сознанія, какой-то саркастическій смыслъ. Русская буржуазная демократія формулируетъ свои требованія, абсолютизмъ отвѣчаетъ ей выраженіемъ увѣренности, что все останется по старому, вплоть до сословныхъ кастовыхъ учрежденій. Устами младенца глаголетъ истина! *На томъ пути*, по которому Петрункевичи плетутся за традиціоннымъ земскимъ „либерализмомъ“, нельзя перескочить черезъ должности „предводителей дворянства!“

* * *

Послѣ визита либераловъ къ царю, реакція подняла голову и, объявивъ военное положеніе въ Лодзи, покрывъ этотъ „польскій Манчестеръ“ тысячей труповъ, объявила еще разъ, что представительное учрежденіе, которое будетъ дано земцамъ, будетъ носить чисто-совѣщательный характеръ. Опубликованныя въ „Нов. Врем.“ свѣдѣнія о вырабатываемомъ совѣтомъ министровъ законѣ о Государственной Думѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ смыслѣ рѣчи Николая II. „Участіе народныхъ представителей въ законодательствѣ“ будетъ организовано такъ „правильно“, какъ могъ того пожелать самъ Плеве. Мудрые законодатели совѣта министровъ все предусмотрѣли — и прежде всего парламентскую обструкцію. Законопроектъ, неразсмотрѣнный государственной думой въ опредѣленный срокъ, получаетъ силу закона, помимо голосованія думы. Предсѣдатель, назначенный царемъ, получаетъ тираническую власть надъ думой и закрываетъ ея засѣданія послѣ предостереженій „депутатамъ“ о томъ, что они выходятъ за извѣстные „предѣлы“. Наконецъ, дума двумя третями голосовъ исключаетъ неугодныхъ большинству депутатовъ, а съ другой стороны, только одобренные двумя третями голосовъ думы законопроекты разсматриваются государственнымъ совѣтомъ. Если ко всему этому прибавить, что кромѣ законовъ, Россія будетъ продолжать управляться „высочайшими указами“, то картина получится совершенно ясная.

Визитъ либераловъ къ царю могъ имѣть, съ ихъ точки зрѣнія одинъ только смыслъ: *помѣшать* рожденію на свѣтъ такой „конституціи“. Они проиграли сраженіе.

„То, что испортилъ либерализмъ, должна исправить революція“.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ „РЕАЛИЗМЪ“.

Нѣтъ ничего непривлекательнѣе и тупѣе того новомоднаго „политическаго реализма“, который, брезгливо морща носъ по поводу *разсчитанной на революцію* тактики „крайнихъ партій“, воображаетъ себя „ужасно“ практичнымъ именно тогда, когда строитъ вымученно-доктринерскую, безжизненную программу дѣйствій для демократическихъ силъ. „Реализмъ“ этого сорта, столь же мало реалистичный на самомъ дѣлѣ, какъ мало идеалистиченъ дополняющій его въ міросозерцаніи тѣхъ же политиковъ ихъ quasi-идеализмъ, — реализмъ этотъ сводитъ всю свою мудрость къ эклектическому сочетанію всѣхъ возможныхъ выгодъ отъ „легальнаго“ и „нелегальнаго“ методовъ политической борьбы, отъ „эволюціонной“ и революціонной тактикъ, отъ „умѣренности“ и „радикализма“ въ программѣ. Что нужды, что для такого сочетанія приходится омертвить всѣ составные элементы своей программы и тактики, оторвавъ ихъ отъ той конкретной исторической обстановки, въ которой они родились! эклектизмъ этимъ не смущается: вѣдь, самъ онъ, какъ система мышленія, только и живетъ этого рода пищей; что нужды, что на практикѣ такое сочетаніе ведетъ къ компрометтирующимъ союзамъ, къ вѣчному пасованію передъ консервативными элементами въ развивающемся общественномъ движеніи, къ возрожденію уже умершихъ естественной смертью, уже отброшенныхъ историческимъ развитіемъ, двусмысленныхъ программъ и партій: практическій реализмъ „освобожденцевъ“ умѣетъ найти „хорошую сторону“ въ каждомъ своемъ пораженіи, и, съ неизмѣнностью „Ваньки-встаньки“, онъ ухитряется подыматься на ноги послѣ каждой моральной оплеухи, полученной имъ отъ сосѣда слѣва или сосѣда справа.

„Политическій революціонизмъ крайнихъ партій не облегчаетъ, а затрудняетъ имъ доступъ къ народнымъ массамъ“. „Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы найти къ массамъ доступъ, намъ не только не нужно превратиться въ придатокъ соціалъ-демократической и соціально-революціонной партій, а, наоборотъ, необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушеніямъ революціонизма“. „Тактическій революціонизмъ, внушаемый народнымъ массамъ и ими усвоенный, при сильномъ или желающемъ показать свою силу правительствѣ, неизбѣжно ведетъ къ кровавымъ уличнымъ столкновеніямъ, которыя принимаютъ форму бойни массъ полиціей и войсками. Вести массы на такую бойню значитъ — вести ихъ на „революцію“ въ техническомъ смыслѣ слова“. „Наша „умѣренная“ программа, чуждая доктринальныхъ требованій, непонятныхъ народнымъ массамъ, не затрудняетъ, а облегчаетъ намъ доступъ къ нимъ“. „.... Требованіе республики, т. е. низверженія монархіи и династіи, массѣ народа не понятно и можетъ стать ей понятнымъ не изъ проповѣди, а какъ выводъ изъ фактовъ жизни, еще не наступившихъ и не находящихся въ нашей власти“. „Программный республиканизмъ, который былъ чуждъ революціоннымъ дѣятелямъ Франціи 1789 года и который такъ характеренъ для современныхъ русскихъ революціонныхъ партій, и есть яркій образчикъ того революціонизма, который такъ же глубоко отличается отъ революціи, какъ мертвая доктрина отлична отъ живой дѣйствительности“. „Республиканскій переворотъ можетъ быть только слѣдствіемъ упорства самодержавнаго правительства, нагроможденія имъ дальнѣйшихъ ошибокъ и преступленій. Какъ бы ни были велики эти ошибки и преступленія, никто не можетъ сказать, что они будутъ достаточно велики для того, чтобы республиканское сознаніе захватило массы и превратилось въ непреоборимую силу. Но даже, если бы считать такой ходъ вещей неизбѣжнымъ... даже въ этомъ случаѣ программный республиканизмъ, *пропаганда и афишированіе республиканской идеи* (курсивъ нашъ), въ смыслѣ ниспроверженія монархіи, будутъ политической ошибкой, будутъ, съ объективной точки зрѣнія, не служеніемъ дѣлу революціи, а революціонизмомъ, вреднымъ для революціи“... „Революціонизмъ вездѣ и всегда забываетъ (!) о томъ, что онъ усиливаетъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ прямо создаетъ въ неподготовленныхъ умахъ противореволюціонную оппозицію, силу и значеніе которой трудно предусмотрѣть, но которая всегда является серьезнымъ препятствіемъ для дѣла революціи“. Если къ этому прибавить, что республиканская пропаганда, вѣроятно, всего болѣе „отталкиваетъ“ отъ конституціи ту „неподготовленную“ голову, на которую нахлобучена корона Романовыхъ, то нельзя будетъ не подивиться глубокому „политическому реализму“, пропитывающему собою всѣ эти сентенціи, авторомъ коихъ, конечно, не могъ быть никто иной, какъ г. П. Струве.

Въ № 72 „Освобожденія“ онъ старательно доказываетъ всю зловредность „революціонизма“, присущаго „крайнимъ партіямъ“ — дабы убѣдить своихъ сомнѣвающихся товарищей въ надежности избраннаго нашими демократами пути. Въ первый разъ г. Струве и „освобожденцы“ вообще активно выступаютъ противъ республиканской пропаганды. Надо ли здѣсь доказывать всю несостоятельность „реалистической“ аргументаціи автора? Надо ли объяснять, что если умы населенія въ данный моментъ „неподготовлены“ къ усвоенію идеи необходимости безповоротной борьбы не только противъ царизма, но и противъ монархіи, — то задачей передовой партіи является именно *подготовлять* умы къ усвоенію этой идеи? Если вы считаете возможнымъ (хотя бы только возможнымъ!), что „ошибки и преступленія“ монархіи поставятъ передъ націей ребромъ вопросъ о республикѣ, то не должны ли вы теперь же объяснять націи возможность такого исхода и — желательность его съ вашей точки зрѣнія демократа? Не кажется ли вамъ, что „ведетъ на бойню“ народъ всего больше тотъ именно политикъ, который благодушно предоставляетъ „событіямъ“ вколачивать въ народное сознаніе дальнѣйшіе выводы изъ начатой борьбы, самъ же не хочетъ и пальцемъ о палецъ ударить, чтобы съэкономить народу хотя бы одно, кровавой цѣной окупаемое, разочарованіе въ иллюзіяхъ? который самъ питаетъ эти иллюзіи, дабы не столкнуться съ инертной оппозиціей „неподготовленныхъ умовъ“, дабы не „скомпрометировать себя“ въ глазахъ отсталыхъ слоевъ народа? Не припомните ли вы, что вы, во все время существованія вашей партіи, слѣдовали этому мудрому правилу и говорили о совмѣстимости самодержавія и политической свободы, когда передовые слои націи кричали о конституціи? бормотали о конституціи, когда они требовали уже Учредительнаго Собранія? предостерегали противъ криковъ „долой войну!“, когда эти крики уже раздавались на улицахъ, революціонизируя сознаніе широкихъ массъ народа? Неужели этотъ опытъ не убѣдилъ еще васъ въ томъ, что политическая партія, претендующая на руководящую роль въ освободительномъ движеніи, не можетъ оставаться простой „счетчицей“ совершающихся въ странѣ событій, что она обязана стремиться освѣщать своей пропагандой тотъ путь, на который ведетъ націю историческое развитіе?

Этотъ путь — вы это признаете — коренная ликвидація сословно-крѣпостническаго режима, замѣна полицейскаго самодержавія — народовластіемъ. Законченная форма народовластія на основѣ современнаго способа производства — демократическая республика. Степень завоеваній, которыя удастся сдѣлать демократической свободѣ въ Россіи, ближайшимъ образомъ будетъ зависѣть отъ степени напряженія общественной борьбы между революціонными и консервативными силами. И степень этого напряженія, въ свою очередь, зависитъ отъ глубины противорѣчія между соціальными интересами этихъ силъ. Станетъ ли кто нибудь отрицать, что пропасть, отдѣляющая интересы, представленные Романовской монархіей, отъ интересовъ пролетаріата, крестьянства и другихъ активно борющихся слоевъ, уже теперь такъ глубока, что трудно себѣ представить возможность сколько нибудь пріемлемаго даже для „неподготовленныхъ“ умовъ компромисса между старой и новой Россіей, между династическими традиціями Романовыхъ и потребностью всего населенія въ элементарныхъ гражданскихъ правахъ, между крѣпостными институтами, тяготѣющими надъ деревней, и аграрными интересами крестьянства; между нагайкой и розгой — и культурными и политическими потребностями пролетаріата; между казеннымъ православіемъ и идейными запросами народа, между исторической „національной“ политикой царизма и освободительными движеніями народовъ Россіи? Надо игнорировать всю многострадальную исторію борьбы за освобожденіе Россіи, чтобы не видѣть, что соціальныя задачи, назрѣвшія къ моменту ликвидаціи позорнаго прошлаго нашего отечества, сведутъ на нѣтъ всякую недодѣланную реформу, уничтожатъ всякій либеральный компромиссъ, снова и снова будутъ приводить страну къ катаклизмамъ, пока не получатъ своего разрѣшенія. На національные вопросы, на аграрный вопросъ, на вопросъ объ элементарной свободѣ борьбы наемнаго труда, на полный разрывъ съ „міровой политикой“ старой Россіи, не будутъ разрѣшены безъ радикальной „очистки“ нашей политической арены.

Поэтому, соціальдемократія, просто какъ партія *революціон-*

ная, обязана теперь же мобилизовать силы для борьбы за полное торжество революціи, поэтому, она вправѣ требовать такой же борьбы, борьбы за демократическую республику, отъ всѣхъ дѣйствительныхъ представителей демократіи.

Да! кто сказалъ „республика“, тотъ долженъ сказать и „тактическій революціонизмъ“, тотъ обязанъ готовить и звать народъ къ *возстанію*, къ „бунтамъ“, какъ выражается г. Струве. И опять таки: кто видитъ, что развитіе событій дѣлаетъ все менѣе и менѣе вѣроятной возможность для правящей клики предотвратить народное возстаніе *реформой* (а г. Струве неоднократно указывалъ, что эта вѣроятность все убываетъ), тотъ не можетъ отказаться отъ обязанности, по меньшей мѣрѣ, *говорить* народу о возстаніи, просвѣщать „неподготовленные умы“ объ его неизбѣжности въ извѣстный моментъ, содѣйствовать народной организаціи въ цѣляхъ возстанія. На столбцахъ „Освобожденія“ мы, конечно, ни разу не встрѣтили призыва къ буржуазной демократіи помочь пролетаріату самовооружиться. За то въ той же статьѣ г. Струве мы встрѣтили назидательное поученіе о томъ, что „въ матеріальныхъ столкновеніяхъ пусть нападающей стороной всегда (!) будетъ правительство. Ибо въ политической борьбѣ рѣшающимъ факторомъ является всегда факторъ моральный, и побѣдитъ тотъ, кто правъ передъ лицомъ страны, т. е. ея всеобщаго мнѣнія. А въ гражданской войнѣ нападающій всегда окажется неправымъ“. О, глубокомудріе! Если я никого не трону, то и меня никто не тронетъ. „Практическій реализмъ“, скрытый въ этихъ строкахъ, такъ и не можетъ дойти до дальнѣйшаго вывода, что, въ концѣ концовъ, во „всеобщемъ мнѣніи“ неправымъ оказывается *побѣжденный* и что побѣда — окончательная побѣда — предполагаетъ непремѣнно акты наступательные со стороны будущаго побѣдителя.

Кто борется противъ республики, противъ послѣдовательно демократической агитаціи, тотъ борется и противъ послѣдовательно-революціонной тактики, умѣющей использовать всѣ „легальныя“ позиціи, но никогда не забывающей, что конфликты, подобные нынѣшнему конфликту между старой и новой Россіей, въ концѣ концовъ, должны быть разрѣшены насиліемъ. Бороться-же противъ революціонной тактики въ то самое время, когда мысль о ней начинаетъ проникать уже въ нѣкоторые слои самой буржуазной демократіи, значитъ, не только не стремиться двигать впередъ эту общественную группу, но и стараться задержать ея революціонное развитіе. Въ этомъ стараніи весь смыслъ статьи г. Струве, какъ въ этомъ же былъ смыслъ всей его публицистической дѣятельности въ послѣдніе годы. Кому на пользу старается г. Сруве? Онъ самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ:

„Оторвавшись отъ *земскихъ*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, элементовъ, третій элементъ — по вполнѣ понятнымъ психологическимъ причинамъ — круто потянетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утратитъ связь съ жизнью и возможность широкаго массоваго воздѣйствія на нее, возможность творческаго и руководящаго участья въ русской революціи“. Обратно, говоритъ г. Струве, оторванные отъ „третьяго элемента“, земцы „потеряютъ связь съ общедемократическимъ сознаніемъ“.

„Идея политической необходимости программной солидарности и тактическаго сотрудничества земской оппозиціи и демократической интеллигенціи, рука объ руку работающихъ надъ политическимъ пробужденіемъ народа, который самъ призывается рѣшать свои судьбы, — эта идея есть суть (idee maitresse) нашей политической философіи и она же должна быть регулятивнымъ началомъ нашего партійнаго самоопредѣленія“.

Откровеннѣе нельзя высказаться. Политическая философія, суть которой въ отдачѣ народа подъ политическую опеку коалиціи землевладѣльцевъ, ничего до сихъ поръ не дѣлавшихъ для „политическаго пробужденія народа“, и интеллигенціи, будившей народъ лишь при явномъ противодѣйствіи этихъ самыхъ землевладѣльцевъ,—такая политическая философія есть философія *борьбы съ демократіей*. Въ интересахъ тактики, вытекающей изъ этой философіи, необходимо, конечно, бороться противъ послѣдовательно-демократической агитаціи, вынуждающей „третій элементъ“ самоопредѣляться въ сторону революціонной тактики. Въ интересахъ этой политической философіи, приходится стремиться *парализовать* развитіе революціонно-демократическаго движенія, дабы не дать ему расторгнуть съ такимъ трудомъ созданную связь между либеральнымъ землевладѣніемъ и радикальной разночинной интеллигенціей. „Задача къ двойственному союзу земской оппозиціи и демократической интеллигенціи привлечь третью рѣшающую силу — народъ, — говоритъ г. Струве, осуществима только при полномъ единеніи первыхъ двухъ силъ“.

Либеральное землевадѣніе нужно г-ну Струве для охраненія буржуазной демократіи отъ политическаго разложенія, которымъ грозитъ ей сближеніе съ народными массами. Борьба съ „революціонизмомъ крайнихъ партій“, воздѣйствующихъ на народъ, а черезъ него на буржуазную демократію, является, поэтому, для „освобожденцевъ“ дѣломъ необходимой самозащиты, дѣломъ отстаиванія той тактики, которая вытекаетъ изъ ихъ „политической философіи“.

Характеръ этой тактики достаточно извѣстенъ всѣмъ наблюдателямъ современности. Вѣчное балансированіе между политическимъ радикализмомъ разночинца и глубоко въѣвшимся оппортюнизмомъ собственника, вѣчное „жертвованіе“ своей программой ради того, чтобы подвинуть земцевъ на одинъ вершокъ и дать имъ, вслѣдъ за тѣмъ, оттолкнуть себя-же назадъ на два вершка — такова „господствующая идея“ этой тактики. На этихъ же дняхъ намъ былъ данъ поучительный примѣръ ея примѣненія. Въ то время, какъ послѣ Цушимскаго боя, „союзъ союзовъ“ выработалъ резолюцію, констатирующую безполезность всякихъ „ходатайствъ“ и призывающую друзей свободы *всѣми средствами* заботиться объ уничтоженіи существующей власти и о созывѣ Всенароднаго Учредительнаго Собранія, (см. въ № 237 „П. Изв.“) — другой „союзъ“ — союзъ земскихъ шиповцевъ и земскихъ конституціоналистовъ — постановилъ требовать отъ царя созыва какихъ нибудь „народныхъ представителей“. Конституціоналисты и „шиповцы“ добились пріема у царя, добились отъ него двусмысленнаго отвѣта, ни къ чему необязывающаго правительство, но усиливающаго временно позицію „умѣренныхъ“ элементовъ въ ихъ борьбѣ противъ рѣшительныхъ, революціонныхъ дѣйствій либерально-демократическаго „блока“. Кто сомнѣвается въ такомъ значеніи „событія 6-го іюня“, пусть прочтетъ статью, помѣщенную въ № 152 „Руси“ умѣреннымъ земцемъ г-номъ Кузьминымъ-Караваевымъ (подъ загл. „Народные представители, вы нужны!“)

Привѣтствуя земскій майскій съѣздъ, который „оказался на высотѣ политической зрѣлости“, поскольку призналъ, что представительство должно быть организовано „не обязательно всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ“, Кузьминъ-Караваевъ идетъ прямо къ своей цѣли. Онъ констатируетъ, что всеобщее избирательное право „пріобрѣло колоссальную популярность“ и что его сторонники „рѣшительно и неуклонно отвергаютъ всякія уступки“. И онъ опасается, что первое „народное представительство“, которое Булыгинъ организуетъ, конечно, не на этомъ началѣ, разобьется объ оппозицію борцовъ за всеобщее избирательное право. Поэтому, онъ считаетъ своевременнымъ обратиться съ пламеннымъ воззваніемъ къ демократамъ.

„Раскола нѣтъ (послѣ майскаго съѣзда). Но онъ каждый день можетъ возродиться. Требующіе всеобщей подачи голосовъ сейчасъ же и отвергающіе какія бы то ни было уступки! *Вы сила, сила громадная!* Отъ васъ будетъ зависѣть, какъ пройдутъ выборы, и какой будетъ результатъ. *Вы можете внести умиротвореніе въ страну, успокоеніе умовъ* (курсивъ вездѣ нашъ). *Вы же можете разрубить окончательно готовыя проснуться и кое-гдѣ проснувшіяся боевыя силы народа.* Но тогда направить ихъ, дать имъ исходъ — будетъ внѣ вашей власти“. „Неужели вы откажетесь баллотировать и баллотироваться? Неужели вы направите свои усилія на дискредитированіе выборовъ? Неужели вы будете дѣйствовать по принципу: вы или ничего?“

Кажется, ясно? Необходимо *примириться* съ октроированнымъ фальшивымъ представительствомъ, дабы не дать *пробудиться боевымъ силамъ народа*. Ибо „для тѣхъ, кто не вѣритъ въ мирное разрѣшеніе кризиса, кѣмъ руководятъ иныя стремленія и кто ставитъ себѣ иные идеалы, — такая (т. е. непримиримая) постановка логична. Но для тѣхъ, *кто работаетъ, чтобы предотвратить взрывъ*, кто сохраняетъ надежду на мирный исходъ, кому одинаково чужды и бюрократическій произволъ и неясныя очертанія нигдѣ неизвѣданныхъ новыхъ формъ соціальнаго быта,“ ... тѣ должны „примириться съ фактомъ,“ „вести въ предѣлахъ факта — да съ оглядкой(!!) — предвыборную агитацію“, „не задаваться созданіемъ сразу идеально прекраснаго, даже просто хорошаго“, ибо „пора потушить пламя внутренней усобицы“. Пусть представители, какіе ни есть, избранные безъ всякихъ гарантій свободы (требовать ихъ отъ „бюрократіи“, по мнѣнію К.—К., могутъ только не разсчитывающіе на „мирный исходъ“), не на основѣ всеобщаго избирательнаго права, „установятъ, *въ согласіи съ царемъ*, обновленный государственный строй“. Пусть либерализмъ и демократія, какъ это было на земскомъ майскомъ съѣздѣ, стремятся къ одной общей цѣли — „обновить дорогую отчизну, вырвать изъ рукъ тѣхъ, кто ее поставилъ на край гибели, и *не дать въ руки тѣмъ, кто готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи, въ омутъ западной анархіи или нашей русской пугачевщины*“.

Чтобы не осталось сомнѣнія, о комъ здѣсь идетъ рѣчь, нашъ земскій Кавеньякъ (г. Кузьминъ Караваевъ состоитъ въ генеральскомъ званіи), заявляетъ что, сформировавшаяся раньше другихъ партій, „лѣвая революціонная“ пользуется „движеніемъ, какъ средствомъ вызвать взрывъ и соціальный переворотъ, а потому также (какъ и реакціонная) стремится противодѣйствовать успѣшному и скорому осуществленію „реформы“.

Статья земскаго генерала ставитъ точки надъ i въ статьѣ г. Струве. Струве призываетъ демократію не порывать ни въ какомъ случаѣ съ земцами, дабы имѣть возможность работать надъ политическимъ пробужденіемъ народа; г. Кузьминъ-Караваевъ поясняетъ, что уходъ демократіи отъ земцевъ, когда они станутъ у власти, толкнетъ ее на пробужденіе „боевыхъ силъ народа“, съ которыми потомъ не справишься. Г. Струве говоритъ, что радикализмъ тактики вредитъ дѣйствительной революціи; г. Караваевъ поясняетъ, что для того, кто серьезно стремится къ революціи, радикальная тактика умѣстна, ибо ведетъ къ цѣли; но что задача всѣхъ, чуждыхъ „анархіи и пугачевщины“, „предотвратить взрывъ“, жертвуя „теоріей, пріобрѣвшей колоссальную популярность“, отказываясь отъ поддержки выставленнаго рабочими и крестьянами требованія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Г. Струве говоритъ, что республиканизмъ вредитъ, потому что мѣшаетъ осуществленію демократической конституціи; г. Караваевъ поясняетъ: „чтобы предотвратить взрывъ“ и не отдать страны тѣмъ, кто „готовъ ее бросить въ водоворотъ соціальной революціи“, надо „дѣйствовать въ согласіи съ царемъ“.

Послѣ шестого іюня либеральная буржуазія вновь обрѣла надежду на возможное соглашеніе съ царизмомъ на основѣ кастоваго представительства. Она хорошо понимаетъ что такое соглашеніе поставитъ ее въ острый антагонизмъ съ сознательнымъ пролетаріатомъ и революціонными слоями крестьянства. Она знаетъ, что противостоять натиску этихъ силъ ей невозможно, не опираясь на буржуазную демократію и не пользуясь ею для вліянія на менѣе сознательные отсталые слои народа. *Во имя побѣдъ, одержанныхъ ею уже* надъ буржуазной демократіей, она требуетъ отъ послѣдней дальнѣйшаго слѣдованія за нею. Она требуетъ, чтобы буржуазная демократія „не дискредитировала“ выборовъ въ Государственную Думу, хотя послѣдніе будутъ производиться при дѣйствіи усиленной охраны, подъ ружейные выстрѣлы на окраинахъ, при свистѣ нагаекъ, полосующихъ тѣло русскаго пролетарія.

Если буржуазная демократія не послѣдуетъ призыву г. Кузьмина-Караваева, то ужъ, конечно, не по винѣ своего лидера-редактора „Освобожденія“.

Что же сдѣлаютъ сознательные рабочіе? Они, конечно, не сведутъ своей тактики къ вопросу „баллотировать или не баллотировать“ друзьямъ свободы? Можно и баллотировать съ тѣмъ, чтобы „дискредитировать“ фальшивое представительство — это вопросъ конкретныхъ обстоятельствъ. Но отъ „дискредитаціи“ фальшивыхъ выборовъ они, конечно, не откажутся и потребуютъ отъ демократіи участія въ этомъ дѣлѣ. Какъ говорятъ наши рижскіе товарищи въ своей прокламаціи („Гибель флота и революція“, изд. Рижск. группы): „Съ оружіемъ въ рукахъ не дадимъ Земскому Собору сдѣлаться вершителемъ народныхъ судебъ. Съ оружіемъ въ рукахъ мы потребуемъ отъ него созыва Всенароднаго Учредит. Собранія“.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ МАРКСИСТСКОЙ СОВѢСТЬЮ.

I.

Въ брошюрѣ „Двѣ диктатуры“ я говорилъ, что Ленинъ долженъ непремѣнно высказаться за захватъ власти и за диктатуру въ нашей ближайшей буржуазной революціи, что онъ „не можетъ отказаться отъ этой цѣли, не отказываясь въ то же время отъ всѣхъ специфическихъ чертъ своего политическаго міровоззрѣнія, т. е. отъ самого себя“. Это предсказаніе оправдалось раньше, чѣмъ я этого могъ ожидать. Но я не ограничился опредѣленіемъ пути, по которому пойдутъ Ленинъ и его присные; я позволялъ себѣ утверждать, что это — путь *политическаго авантюризма* и въ подтвержденіе я ссылался на исторію революцій и на неоднократно высказанныя мнѣнія по этому вопросу — Маркса и Энгельса.

Это послѣднее обстоятельство Ленина чрезвычайно раздосадовало. Онъ черезъ много „ступенекъ“ способенъ перескочить, идя къ своей цѣли, но черезъ марксизмъ онъ еще перешагнуть не смѣетъ: традиціи марксизма слишкомъ сильны въ нашей партіи, и выступить открыто противъ Маркса и Энгельса значитъ сразу потерять всю армію. Неудивительно, что каждый разъ, когда мы приводимъ свидѣтельство этихъ людей противъ авантюристической тактики Ленина (а это случается весьма часто) съ нимъ дѣлается припадокъ безсильнаго бѣшенства, совсѣмъ такой, какой бываетъ у чорта при видѣ распятія.

Этихъ свидѣтелей Ленину нужно во чтобы то ни стало отвести: этого требуютъ интересы „дѣла“! И вотъ, онъ принимается въ интересахъ „дѣла“ софистицировать, затемнять, извращать и запутывать ясныя и недвусмысленныя показанія Маркса и Энгельса. Задача эта трудная; но развѣ, напримѣръ, шпаги глотать легко? А вотъ есть же такіе галантливые люди, которые этотъ фокусъ показываютъ, есть же такіе умные зрители, которые вѣрятъ, что фокусъ совершонъ безъ обмана. Почему бы нашему политическому „вождю“ не попытать счастья въ „глотаніи шпагъ“? Два фельетона во „Впередѣ“ и два фельетона въ „Пролетаріи“ всецѣло посвящены этимъ фокусамъ.

Для того, чтобы отвлечь вниманіе читателя отъ сути дѣла, Ленинъ прежде всего старается исказить постановку спорнаго вопроса. Вопросъ этотъ возбужденъ былъ мной „Должна ли соціальдемократія *готовиться* къ революціонной диктатурѣ въ предстоящей буржуазной революціи?“ спрашивалъ я въ своей брошюрѣ[1]. Еще яснѣе формулировалъ спорный вопросъ тов. Плехановъ въ 96 № „Искры“: Можно ли одобрять *тактику направляемую* къ захвату политической власти пролетаріатомъ въ буржуазной революціи? Эта постановка вопроса Ленину показалась невыгодной и именно потому, что она категорическая и

---

[1] См. Мартыновъ. Двѣ диктатуры, стр. 15.

Военныя замѣтки.

III.

Въ первой статьѣ нашихъ „Военныхъ замѣтокъ“ мы замѣчаемъ какъ то, что полевая артиллерія оказывается порой безсильной, противъ укрѣпленій, зданій, заборовъ. Это замѣчаніе вызвало много недоумѣній какъ у многихъ нашихъ читателей, такъ и у нѣкоторыхъ критиковъ, обратившихъ свое вниманіе на упомянутую статью.

Цитата относительно дѣйствія русской полевой артиллеріи противъ заборовъ заимствована нами изъ „Слова“ 24-го января 1905 года. Не трудно было бы привести множество такихъ цитатъ изъ l'Armée et la Marine, le Journal Militaire, la France militaire, но мы считаемъ это лишнимъ полагая, что спеціалисты догадаются, въ чемъ дѣло, а не спеціалисты дадутъ себѣ трудъ познакомиться съ нѣсколькими новѣйшими сочиненіями по интересующему ихъ вопросу. Мы остановимся на разъясненіи нашей цитаты, такъ какъ это важно для интересующаго насъ вопроса о баррикадной войнѣ.

Если мы вообразимъ себѣ заборъ изъ обыкновенныхъ тонкихъ досокъ, стоящій перпендикулярно къ землѣ, такой заборъ понятно не выдержитъ ни ружейнаго, ни артиллерійскаго огня и будетъ уничтоженъ или превращенъ въ рѣшето въ нѣсколько минутъ, но если построить, какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, т. е. при Сандепу и Линшипу, заборъ изъ толстѣйшихъ бревенъ или изъ крѣпкихъ досокъ, между которыми насыпанъ щебень и поставить этотъ заборъ не перпендикулярно къ землѣ, а подъ *опредѣленнымъ угломъ наклоненія*, такой заборъ представитъ собой серьезное препятствіе для нашей шрапнели. Даже заборъ, поставленный перпендикулярно и состоящій изъ двойныхъ досокъ, между которыми насыпанъ щебень — толщиной въ 8 дюймовъ, представляетъ собой надежную защиту противъ современныхъ малокалиберныхъ пуль („Новая германская инструкція относительно постройки временныхъ полевыхъ укрѣпленій“).

Все это имѣетъ очень важное значеніе при защитѣ баррикады. Мы уже говорили въ нашей второй статьѣ (см. № 94), что баррикадный валъ не долженъ высоко возвышаться надъ уровнемъ мостовой. Само собой разумѣется при этомъ предполагается, что сзади баррикады проведенъ такой глубины ровъ, который даетъ возможность даже наиболѣе высокорослымъ защитникамъ ея стрѣлять стоя во весь ростъ даже изъ за низкаго незначительно возвышающагося надъ мостовой вала.

Понятно, что въ нѣкоторые моменты, когда часть баррикадныхъ бойцовъ будетъ лежать или стоять за баррикаднымъ валомъ съ ружьемъ въ рукахъ, готовая открыть въ случаѣ нужды немедленный огонь, другая часть утомленныхъ, отдыхающихъ, или просто спящихъ бойцовъ, будутъ находиться тутъ же во рву, чтобы при первомъ сигналѣ подать руку помощи своимъ товарищамъ. *Чтобы укрыться отъ шрапнели и осколковъ гранатъ отдыхающимъ или спящимъ инсургентамъ придется прибѣгнуть къ помощи деревянныхъ закрытій.* „Многочисленныя и легко устраиваемыя защиты слѣдуетъ предпочитать немногимъ, но болѣе крупнымъ, хотя бы и болѣе крѣпкимъ. Онѣ дѣлаются изъ вездѣ легко находимыхъ строительныхъ матеріаловъ; такъ, для нихъ годятся ворота, двери, легкія балки, колья и т. д... Въ обыкновенныхъ рвахъ стрѣлки могутъ устроить себѣ нѣкоторую защиту, закрываясь толстыми досками, дверьми, воротами, какъ показано на слѣдующемъ рисункѣ:

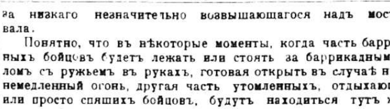

За этими же закрытіями будутъ укрываться въ случаѣ нужды наши геройскія революціонныя „сестры милосердія“, чтобы подать первую помощь раненымъ бойцамъ.

* * *

Надо вообще помнить, замѣчаетъ „бывшій артиллеристъ“, что условія войны и условія уличной борьбы постольку отличаются другъ отъ друга, поскольку отличается стрѣльба съ четырехъ, пяти верстъ отъ стрѣльбы почти вплотную. Понятно, это замѣчаніе совершенно справедливо. Но вотъ, именно, потому, что нельзя сравнивать стрѣльбу съ четырехверстнаго разстоянія съ стрѣльбой почти вплотную мы, говоря о баррикадной войнѣ, ссылались только на факты, имѣвшіе мѣсто при бомбардировкѣ деревень Линшапу и Сандепу. Въ сраженіяхъ при Сандепу русскіе занимали сѣверную часть деревни, японцы южную и „орудійная стрѣльба велась съ самаго близкаго разстоянія, какое только допустимо при свойствахъ современной пушки“ („Journal Militaire“). Въ сраженіяхъ при Шахе японцы стрѣляли во многихъ пунктахъ изъ пушекъ съ разстоянія 600—700 шаговъ, то же происходило при бомбардировкѣ Линшапу (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятельскіе окопы находились другъ отъ друга на разстояніи 80—100 шаговъ). Но 700—800 шаговъ это и равняется 200—300 саженямъ, что представляетъ собой, по совершенно вѣрному замѣчанію бывшаго артиллериста, самое близкое разстояніе, съ котораго можетъ стрѣлять артиллерія, ибо картечь и шрапнель только съ этого разстоянія и даютъ нужный разлетъ пуль — широкій снопъ. Такимъ образомъ, какъ видитъ нашъ уважаемый критикъ, приведенныя нами относительно Линшапу и Сандепу данныя, могутъ служить нѣкоторой основой для сужденія о дѣйствіи артиллеріи противъ баррикадъ въ уличной борьбѣ.

Требуетъ разъясненія и другое наше замѣчаніе. „Въ настоящее время — говоримъ мы — съ помощью динамитнаго патрона для разворачиванія мостовой, лома и кирки легче строить баррикады, чѣмъ прежде, не смотря на большую ширину улицъ“. Въ самомъ дѣлѣ, не забудемъ, что и въ прежнія времена, въ революцію 48 г, какъ и во время коммуны, *лучшими баррикадами были всегда наиболѣе широкія баррикады*, ибо онѣ давали возможность укрыться за ними большему числу бойцовъ. Грозная баррикада Сентъ антуанскаго предмѣстья, эта „баррикада-мать“, какъ выражается о ней Викторъ Гюго, имѣла въ ширину 700 футовъ; только потому она могла оказать такое геройское сопротивленіе, такъ какъ только благодаря такой ширинѣ за ней могло укрыться много бойцовъ и только благодаря этому она могла послужить резервуаромъ революціонной энергіи для остальныхъ 19 громоздившихся за ней небольшихъ баррикадъ. Вообще, исторія баррикадныхъ войнъ 48 и 71 гг. доказываетъ, что лучшими и наиболѣе упорно державшимися баррикадами всегда были болѣе широкія баррикады. Главное преимущество обороны старыхъ городовъ по сравненію съ современными заключалось не въ томъ, что улицы были узки, а въ томъ, что эти улицы были очень неправильны, часто то извивались лентой, то изгибались подъ сильнымъ угломъ, то упирались о цѣлый рядъ домовъ, закрывавшихъ доступъ въ данную улицу съ той и другой стороны. Цѣлый рядъ тупыхъ переулковъ мѣшалъ быстрому передвиженію войскъ, а часто изгибы улицъ дѣлали въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень затрудне [illegible]. Ему хочется представить дѣло такъ, что захватъ власти самъ по себѣ вовсе не есть предметъ его политическихъ вожделѣній, что захватъ власти неизбѣжно вытекаетъ изъ удачнаго возстанія, руководимаго нами, и что споръ у насъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, должны ли мы серьезно и безповоротно готовиться къ возстанію или нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что мы исходимъ вначалѣ изъ одинаковыхъ тактическихъ предпосылокъ, изъ необходимости принять руководящее участіе въ возстаніи, изъ необходимости привести возстаніе къ благополучному концу. Но въ то время, какъ онъ рѣшается сдѣлать неизбѣжный логическій выводъ изъ этихъ тактическихъ предпосылокъ — участіе во временномъ правительствѣ, мы загодя пугаемся этого вывода, загодя пугаемъ пролетаріатъ этой неизбѣжной перспективой, а потому и пятимся назадъ. „Онъ (Мартыновъ) утверждалъ, что, *если наша партія приметъ руководящее участіе въ возстаніи*, то отсюда въ случаѣ успѣха вытечетъ необходимость участія ея во временномъ революціонномъ правительствѣ, а таковое участіе принципіально недопустимо и ни къ чему, кромѣ гибельнаго и компрометирующаго исхода, привести не сможетъ“ [1]). Если бы *я* это утверждалъ, то *я* бы логически долженъ былъ придти къ заключенію, что намъ нужно отказаться отъ руководящей роли въ возстаніи, а, можетъ быть, даже и отъ самого возстанія.

Въ такомъ видѣ Ленинъ представляетъ мою аргументацію; но такой видъ моя аргументація приняла только потому, что Ленинъ сдѣлалъ въ ней двѣ подтасовки, — подмѣнивъ понятіе заговорщическая партія понятіемъ „наша партія“, подмѣнивъ понятіе „назначеніе“ возстанія понятіемъ „руководящее участіе въ возстаніи“. *Я* говорилъ, что если бы ленинская якобинская утопія „назначенія“ возстанія организаціей профессіональныхъ революціонеровъ успѣшно осуществилась, то эта заговорщическая партія неизбѣжно очутилась бы у власти, а потому, кто мечтаетъ о „назначеніи возстанія“, тотъ мечтаетъ о захватѣ власти [2]). Но *я* тутъ же говорилъ, что „только дворцовые перевороты и пронунціаменто (военные перевороты) могутъ быть *назначены* и проведены по заранѣе заготовленному плану и именно потому, что они не есть народныя революціи, т. е. перевороты въ общественныхъ отношеніяхъ, а только перетасовки въ правящей кликѣ [3]). Я тутъ же говорилъ, что „мы обязаны готовиться къ народному возстанію“; но что „съ точки зрѣнія соціальдемократіи содѣйствовать развитію классового сознанія пролетаріата и его классовой борьбы во всемъ ея объемѣ, значитъ *тѣмъ самымъ* скорѣе всего приблизить моментъ народной революціи, значитъ *тѣмъ самымъ* лучше всего подготовиться къ ея использованію“. Эта тактика и есть то, что въ „Искрѣ“ было названо тактикой „развязыванія революціи“. Эта же тактика вовсе не ведетъ въ обстановкѣ буржуазной революціи, къ захвату власти и къ мнимой диктатурѣ пролетаріата, не смотря на то, и даже именно потому, что она лучше всего обезпечиваетъ развитіе всѣхъ потенціальныхъ революціонныхъ силъ буржуазнаго общества и лучше всего обезпечиваетъ завоеваніе условій для настоящей диктатуры пролетаріата. „Мы не говоримъ пролетаріату“, писали мы въ другомъ мѣстѣ, „удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ нибудь не очутиться преждевременно у власти“. (Послушайте это, фельетонистъ изъ „Пролетарія“! М.). Мы говоримъ ему: толкай впередъ всѣ революціонные и революціонизирующіеся элементы націи, чтобы и при максимальномъ развитіи революціи сохранить за собой свободу критики [4])“. Конечно, и при нашей тактикѣ „развязыванія революціи“ буржуазные радикалы, захватившіе вымороченную правительственную власть послѣ удачнаго народнаго возстанія, могутъ пригласить кой-кого изъ популярныхъ соціалистическихъ вождей въ правительство и именно для того, чтобы „связать“ пролетаріатъ, чтобы „связать“ революцію. Но если побѣдоносные рабочіе попадутся на эту удочку и потребуютъ отъ своихъ вождей принять „портфель“, то это случится не благодаря нашей тактикѣ, а вопреки ей: еще мало, значитъ, мы критиковали Ленина.

Итакъ, Ленину не удастся отвлечь вниманіе читателя отъ спорнаго вопроса о „захватѣ власти“ въ сторону вопроса объ участіи въ возстаніи: наше активное участіе въ дѣйствительно народномъ возстаніи вовсе не обязываетъ насъ готовиться къ обладанію правительственной властью въ буржуазной революціи. Также безнадежна и другая попытка увернуться отъ спорнаго вопроса, которую Ленинъ дѣлаетъ въ томъ же фельетонѣ № 2 „Пролетарія“. И тутъ, конечно, дѣло не обошлось безъ передержекъ.

Ленинъ отмѣчаетъ по Марксу три ступени революціи. Первая есть ограниченіе абсолютизма, удовлетворяющая буржуазію; вторая — завоеваніе республики, удовлетворяющая „народъ“, т. е. крестьянство и мелкую буржуазію вообще; третья — „соціалистическій переворотъ [5]). Какъ можно убѣдиться изъ сопоставленія резолюцій о временномъ правительствѣ, принятыхъ на общерусской конференціи и на т. наз. III съѣздѣ, *мы* допускаемъ двѣ возможности — либо революція сразу насъ подымаетъ на вторую ступень, либо мы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] на вторую; [illegible] [illegible] [illegible] себѣ въ своихъ тактическихъ задачахъ, [illegible] [illegible] только одинъ путь развитія — скачокъ на вторую ступень, минуя первую [1]). Но, во всякомъ случаѣ, и мы и ленинисты одинаково направляемъ свою тактику на то, чтобъ въ настоящей-же революціи подняться на „вторую ступень“. Главный вопросъ, который насъ раздѣляетъ, состоитъ въ томъ, должны ли мы, очутившись на „второй ступени“, вступить въ „блокъ“ съ представителями революціонной мелкой буржуазіи, должны ли мы осуществить диктатуру пролетаріата и крестьянства. Мы на этотъ вопросъ отвѣчаемъ отрицательно. Подмѣнивши незамѣтнымъ образомъ понятія революція и диктатура, Ленинъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что мы вообще не хотимъ народной революціи, не хотимъ подняться на „вторую ступень“, что мы, „до всякаго подъема, отмѣриваемъ себѣ напередъ скромненькую мѣрку, напримѣръ, не болѣе одной ступени“, что мы пугаемъ ужасной перспективой прыжка (въ случаѣ особенно удачно организованнаго и проведеннаго возстанія) на двѣ ступени сразу“. Соотвѣтственно съ этимъ Ленинъ и въ 13 № „Впередъ“ обстоятельно поучаетъ меня, что у насъ есть огромный слой революціонизирующагося крестьянства, о которомъ *я*, дескать, забываю, и что у насъ именно потому вполнѣ возможна коренная демократическая революція. Надо послушать, съ какимъ поддѣльнымъ пафосомъ Ленинъ открываетъ намъ тѣ азбучныя истины, которыя, какъ ему хорошо извѣстно, мы же вынуждены были напоминать приверженцамъ „соціальдемократическаго временнаго правительства“ [2]) и все это для того, чтобы уклониться отъ сути вопроса! Вопросъ то все-таки у насъ въ томъ, почему мы въ моментъ торжества народной революціи должны вступить въ правительственный блокъ съ представителями мелкой буржуазіи? На этотъ главный, спорный вопросъ Ленинъ отвѣчаетъ „скороговоркой“: не достаточно даже *вмѣстѣ добить* самодержавіе... необходимо еще *вмѣстѣ отбить* неизбѣжно предстоящія отчаянныя попытки возстановить свергнутое самодержавіе“. Но „скороворкой“ вводятъ въ заблужденіе только дѣтей.

Если правило — „вмѣстѣ бить“ не исключаетъ правила — „врозь идти“, то и необходимость „вмѣстѣ отбить“ не исключаетъ необходимости „врозь идти“, и не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ: вѣдь контръ-революція только потому становится возможной, что вынесенные къ власти мелко-буржуазные радикалы начинаютъ колебаться, пятиться назадъ и заигрывать съ только что побѣжденнымъ врагомъ; извѣстно, напримѣръ, на какой сторонѣ былъ Ледрю-Роллэнъ въ іюньскіе дни. Стало-быть, чтобы „вмѣстѣ отбить“, необходимо держать этихъ радикаловъ подъ революціоннымъ контролемъ пролетаріата, необходимо имѣть во всякій моментъ несвязанными руки для борьбы съ ними, необходимо избѣгать всякихъ „блоковъ“, а тѣмъ болѣе правительственныхъ.

Нѣтъ! Ленину отъ прямого отвѣта на предъявленный ему вопросъ не удастся отвертѣться. „И въ этомъ переворотѣ“, пишетъ онъ, „со всей энергіей будетъ участвовать революціонный пролетаріатъ... не страшась революціонной *демократической* диктатуры, а *страстно желая ея*“... [3]) „Страстно желая получить сильную власть“, сказалъ бы болѣе откровенно его уральскій ученикъ [4]). Фокусъ Ленана долженъ заключаться въ томъ, чтобы примирить это „страстное желаніе“ „демократической“ диктатуры въ буржуазной революціи со взглядами Маркса и Энгельса.

II.

Въ наиболѣе общей, принципіальной формѣ Энгельсъ высказался по интересующему насъ вопросу въ „Крестьянской войнѣ въ Германіи“. Мѣсто это я цитировалъ въ брошюрѣ „Двѣ диктатуры“ [5]). Оно, какъ нѣмцы выражаются, прямо бьетъ въ лицо ленинской тактикѣ. Ленинъ это понялъ. Онъ понялъ, что оно не даетъ ему никакой лазейки, что яснаго и категорическаго заявленія Энгельса никакъ не удается запутать. Но онъ всетаки отъ попытки не отказывается и, чтобы вознаградить себя за неминуемое пораженіе, онъ обрушивается на меня всѣмъ арсеналомъ затасканныхъ ругательныхъ словъ, которыми онъ обогатилъ нашу литературу. Тутъ есть все — и „почтеннѣйшій“, и „умный“, и „глубокомысленный“, и „хвостистъ“, и еще разъ „хвостистъ“, и въ третій разъ „хвостистъ“.. Въ чемъ же *я* такъ сильно провинился? А въ томъ, видите-ли, что *я* ничего, ну ничего таки не понялъ въ словахъ Энгельса и приписалъ ему „[illegible]“ [illegible]. [illegible] [illegible] этихъ словъ.

Энгельсъ говоритъ, что нѣтъ ничего хуже [illegible] [illegible] вождя крайней партіи, какъ очутиться у власти, [illegible] [illegible] обезпечивающія господство представляемаго имъ класса еще не созрѣли. Если примѣнять эти слова къ пролетаріату, то Энгельсъ говоритъ о революціонномъ правительствѣ въ [illegible], когда нѣтъ условій, обезпечивающихъ классовое господство пролетаріата, т. е. когда нѣтъ условій для соціалистическаго переворота. Слѣдовательно (!), Энгельсъ говоритъ, о революціонномъ правительствѣ „для(!!) совершенія соціалистическаго переворота“, а умный Мартыновъ думаетъ, что это примѣнимо къ *демократической* диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, къ правительству *для* совершенія демократическаго переворота. „Энгельсъ указываетъ на опасность непониманія вождями пролетаріата *непролетарскаго* характера переворота.. опасность въ смѣшеніи вождемъ мнимо-соціалистическаго и реально-демократическаго содержанія переворота“, а глубокомысленный Мартыновъ увѣряетъ... Энгельсъ имѣетъ въ виду случай, когда вожди кормятъ пролетаріатъ фразами, обѣщаніями и увѣреніями, которыя не оправдываются характеромъ революціи, въ духѣ фразъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ относительно „соціализаціи“, „уравнительнаго пользованія“ и проч., а хвостистъ Мартыновъ заключаетъ... „*Суть* мысли Энгельса состоитъ въ указаніи на гибельность *непониманія* дѣйствительныхъ историческихъ задачъ переворота.... слова Энгельса примѣнимы слѣдовательно къ народовольцамъ и соціалистамъ-революціонерамъ“ [1]). Теперь вы, наконецъ, поняли Энгельса, почтеннѣйшій Мартыновъ?...

Теперь слово за мной. Я приглашаю читателя вмѣстѣ со мной перечитать всю цитату изъ Энгельса.

„Самымъ худшимъ изъ того“, говоритъ Энгельсъ, „что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является *вынужденная* необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса и для проведенія мѣръ обезпечивающихъ это господство“.

Вы видите, читатель, Энгельсъ, устанавливая свой тезисъ, совершенно не касается вопроса о томъ, какія задачи себѣ ставитъ вождь крайней партіи, — *для* какой цѣли онъ *хочетъ* воспользоваться властью; Энгельсъ считаетъ, что эти задачи и цѣли сами собой логически вытекаютъ изъ всей прошлой дѣятельности крайней партіи, изъ ея программы и изъ требованій, предъявляемыхъ къ ней ея классомъ и что ея вождь умѣетъ логически мыслить.

Ленинъ же внушаетъ Энгельсу разсужденіе о вождѣ, который неправильно ставитъ себѣ задачи, который хочетъ воспользоваться властью „для совершенія соціалистическаго переворота“ несвоевременно. Энгельсъ говоритъ, о *бѣдѣ* вождя, Ленинъ приписываетъ ему разсужденіе о *винѣ* вождя. Энгельсъ говоритъ, о ложности *положенія* вождя, Ленинъ — о ложности его *пониманія*. Это въ высшей степени характерная для Ленина путаница. Ленинъ никогда не понималъ, каково отношеніе сознанія къ бытію, сознательности къ стихійности съ точки зрѣнія марксизма, а когда ему это старались втолковать, онъ съ невѣроятнымъ упрямствомъ отказывался слушать, и не безъ основанія: проникнуться марксистской точкой зрѣнія на этотъ вопросъ значило бы для него рѣшительно отказаться отъ авантюризма, а это слишкомъ дорогая „цѣна просвѣщенія“. Читаемъ дальше Энгельса.

„Возможное для такого вождя зависитъ не отъ его воли, а отъ уровня достигнутаго противоположностью интересовъ различныхъ классовъ, уровня, въ свою очередь, зависящаго отъ степени развитія матеріальныхъ условій существованія, отношеній производства и обмѣна. Съ другой стороны, то что такой вождь долженъ дѣлать, то, чего требуетъ отъ него его собственная партія, также *зависитъ не отъ него*, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связаннымъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ *данный моментъ*, не отъ *временныхъ* болѣе или менѣе случайныхъ отношеній производства и обмѣна, но обусловливаются способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія. Такимъ образомъ, передъ нимъ неизбѣжно выростаетъ неразрѣшимая диллема: что онъ можетъ сдѣлать — противорѣчитъ всѣмъ его предыдущимъ поступкамъ, его принципамъ и непосредственнымъ интересамъ его партіи; что онъ долженъ былъ бы дѣлать — оказывается невыполнимымъ“.

Итакъ, Энгельсъ говоритъ, что передъ вождемъ крайней партіи въ данномъ случаѣ *неизбѣжно* возникаетъ *неразрѣшимая* диллема, что онъ, если подставить подъ общую формулу извѣстныя конкретныя условія, *можетъ* дѣлать только демократическій переворотъ, а *долженъ* дѣлать соціалистическій, что то, что онъ можетъ дѣлать, противорѣчитъ тому, что онъ долженъ дѣлать, причемъ и возможное и должное не зависятъ отъ воли вождя, а, стало быть, и отъ его сознанія, и въ этой неразрѣшимой диллемѣ трагизмъ положенія.

Ленинъ не видитъ никакого противорѣчія между возможнымъ и должнымъ для вождя въ данномъ положеніи, и потому не видитъ тутъ никакой неразрѣшимой диллемы. Ленинъ не

---

[1]) См. „Пролетарій“ № 2 фельетонъ, курсивъ мой.

[2]) См. „Двѣ диктатуры“, стр. 11.

[3]) См. Ibid, стр. 9—10.

[4]) См. „Искра“ № 93 „Револ. перспективы“.

[5]) См. „Пролетарій“ № 2, фельетонъ.

[1]) Ср. „Перв. общерусск. конфер.“, стр. 23: „Рѣшительная побѣда революціи надъ царизмомъ можетъ быть ознаменована либо учрежденіемъ Времен. Правит., вышедшаго изъ побѣдоноснаго возстанія, либо революціонной инціативой того или иного представительнаго учрежденія, рѣшающаго, подъ непосредственнымъ революц. давленіемъ народа, организовать Всенародн. Учр. Собраніе“. „Извѣщеніе о III съѣздѣ“, стр. 10: „осуществленіе демократич. республики возможно лишь, въ результатѣ побѣдоноснаго народнаго возстанія, органомъ котораго явится временное правительство“.

[2]) См. „Искра“ № 95 „Рев. персп“.

[3]) „Впередъ“ № 14 Курс. мой.

[4]) См. „Двѣ диктатуры“, стр. 8.

[5]) См. ibid стр. 54.

[1]) См. „Впередъ“ № 13, фельетонъ, курс. автора.

тельнымъ примѣненіе артиллеріи. Широкія баррикады были въ эту эпоху удобны тѣмъ, что иногда сразу закрывали доступъ въ 2 или 3 пересѣкавшіяся въ данномъ пунктѣ улицы и вотъ почему иногда строились баррикады такой чудовищной ширины, какой отличалась Сентъ-Антуанская баррикада. Итакъ, безъ широкихъ баррикадъ и тогда не обходилось дѣло, какъ нельзя обойтись безъ нихъ теперь.

Но понятно, что въ настоящее время нѣсколько десятковъ людей скорѣе построятъ широкую баррикаду, чѣмъ это было въ прежнія времена, когда не существовало шанцевого инструмента, которымъ революціонерамъ совсѣмъ ужъ не такъ трудно будетъ запастись. Въ тѣ времена даже солдаты не имѣли понятія о земляныхъ укрѣпленіяхъ, вырытыхъ съ помощью шанцевого инструмента. Такъ, въ войнѣ 1861 года генералъ Магрудеръ при Уильямсборгѣ во главѣ 11 тысячъ человѣкъ загородилъ дорогу 100-тысячной арміи Макъ-Лемана, укрывшись за земляными укрѣпленіями, вырытыми съ помощью тесаковъ, штыковъ, котелковъ, а то и прямо голыми руками. Объ употребленіи кирки, лопаты, мотыги и другихъ подобныхъ инструментовъ для указанной цѣли никто и не задумывался. (Das gefechte in Begin de Secessionskrieges gener. Longstriff). Въ настоящее время баррикадные бойцы будутъ дѣйствовать иначе.

А стоитъ ли распространяться подробно о роли динамитнаго патрона и бомбы при постройкѣ баррикады. Динамитный патронъ можетъ сыграть большую роль и для созданія искуственной преграды, когда нужно въ какомъ нибудь мѣстѣ быстро свалить телеграфные столбы, разворотить мостовую, а то и для образованія рва, составляющаго, такъ сказать, основу всякой баррикады. Во время взрыва бомбы, брошенной въ Лодзи 19 января въ полицейскаго Шаталовича, на улицѣ образовалась яма въ одинъ футъ глубины, 12 футовъ въ окружности (Рус. Вѣд. 1905, № 76). Понятно, лучше выкопать ровъ съ помощью шанцевого инструмента, но указанный примѣръ поясняетъ лишь, какую вспомогательную роль при постройкѣ баррикады могутъ сыграть взрывчатыя вещества.

Если принять кромѣ того во вниманіе то громадное количество всякаго рода фонарныхъ и телеграфныхъ столбовъ съ безчисленнымъ множествомъ проволоки, омнибусовъ и трамваевъ, которыми кишитъ въ настоящее время всякій болѣе или менѣе оживленный городъ и т. п., мы поймемъ, почему въ настоящее время можно въ сравнительно болѣе короткій срокъ, чѣмъ въ былыя времена, построить и такого рода грандіозную баррикаду, какая описана нами въ предшествующей статьѣ, и баррикаду болѣе современнаго типа, сооруженную главнымъ образомъ съ помощью мѣшковъ, наполненныхъ землей.

Замѣтимъ кстати, что *мѣшокъ, наполненный землей не долженъ быть тяжеле одного пуда вѣсомъ*, такъ чтобы одинъ человѣкъ могъ легко переносить и перекладывать его съ мѣста на мѣсто. Это требованіе удовлетворяется, если для мѣшковъ будутъ кроить холстъ въ видѣ квадратовъ кусками въ одинъ аршинъ сторона, причемъ получается мѣшокъ, который, будучи наполненъ землей и завязанъ, имѣетъ полтора фута длины, три четверти фута въ діаметрѣ и вѣситъ около пуда, вмѣщая двѣ третьихъ кубическаго фута земли. Наполняются мѣшки, укладываемые въ насыпь, не туго, *тогда они ложатся плотнѣе* (Буйницкій).

Итакъ, мы остаемся при томъ убѣжденіи, что въ настоящее время 2, 3 десятка вооруженныхъ и снабженныхъ всѣми необходимыми принадлежностями людей, могутъ скорѣе построить грозную баррикаду, все одно, устарѣлаго ли типа 48 г. или болѣе современнаго образца, т. е. образованную исключительно съ помощью земляныхъ мѣшковъ.

При извѣстныхъ условіяхъ не только деревянныя закрытья могутъ служить защитой отъ осколковъ шрапнели, но даже и плотно утрамбованный снѣгъ можетъ сыграть такую же роль: „*достаточнымъ прикрытіемъ противъ огня изъ малокалиберныхъ ружей служитъ брустверъ изъ плотно утрамбованнаго снѣга толщиной въ два метра*“ (см. „Новѣйшая германская инструкція о временныхъ укрѣпленіяхъ“, цитировано по Бліоху): для защиты же отъ цѣльныхъ артиллерійскихъ снарядовъ приходится строить снѣговой брустверъ толщиной въ 9 аршинъ.

Относительная толщина закрытія въ метрахъ отъ ружейныхъ пуль новѣйшаго образца.

песокъ	0,75 метра
земля	1 метръ
снѣгъ утрамбованный	2 метра

Итакъ мы видимъ, что порой и снѣгъ можетъ играть роль серьезной защиты, но понятно предпочтительнымъ матеріаломъ для постройки баррикадъ должны быть песокъ или земля, и къ остальнымъ матеріаламъ слѣдуетъ прибѣгать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

На первый разъ можетъ показаться страннымъ, что какая нибудь куча песку или земли можетъ быть помѣхой для смертоноснаго дѣйствія разрывныхъ гранатъ и шрапнелей, но въ сущности это объясняется очень просто. На близкое разстояніе къ баррикадѣ артиллерія не подъѣдетъ, если первая защищается только нѣсколькими десятками хорошо вооруженныхъ людей, а съ болѣе далекаго она будетъ стрѣлять прежде всего шрапнелями, тѣмъ болѣе, что фугасныхъ снарядовъ и мортиръ въ нашей арміи очень мало, да притомъ „полевыя гаубицы и мортиры слишкомъ тяжелы, чтобы ихъ можно было вездѣ имѣть подъ рукой для дѣйствія“. Вотъ почему десятидневная стрѣльба (въ началѣ октября) изъ 100 слишкомъ орудій *съ самаго близкаго разстоянія* не привела ни къ какимъ результатамъ, а какое количество снарядовъ было выпущено нашими войсками, видно изъ того, что одинъ только псковскій полкъ выпустилъ за три дня снарядовъ и патроновъ болѣе 1.000.000 (Русскія Вѣдомости 1905 г. 11 января).

Понятно, что мы не можемъ укрѣпить захваченную нами часть города такъ, какъ укрѣпили японцы деревушку Линшинпу, но не будемъ падать духомъ, а будемъ стремиться къ тому, чтобъ наша баррикада могла выдержать ударъ болѣе, чѣмъ одной гранаты. Загипнотизированный ошибочной теоріей великаго нашего учителя, утверждавшаго, что „одной гранаты достаточно, чтобы разбить въ дребезги самую сильную баррикаду“, бывшій артиллеристъ, даже предлагая типъ баррикады, наиболѣе отвѣчающей требованіямъ „современной военной техники“, строитъ ее такимъ образомъ „чтобы гранаты *за одинъ разъ* не пробивали ее“ и затѣмъ, не замѣчая странности этого неожиданнаго заключенія, увѣряетъ, что такая баррикада даетъ вполнѣ надежный опорный пунктъ и что войскамъ едва ли удастся ее взять“.

Это баррикаду то, которую граната пробьетъ со второго разу! Не проще ли будетъ строитъ баррикаду такой толщины, чтобы граната не пробила ее и со второго раза. Для этого нужно только строить ее большей толщины, чѣмъ предлагаетъ бывшій артеллеристъ.

Всѣ современныя сочиненія по фортификаціи говорятъ, что *для защиты отъ современныхъ полевыхъ пушекъ насыпь, образованная изъ мѣшковъ, набитыхъ пескомъ*, должна имѣть въ глубину minimum 4-5 аршинъ, обыкновеннаго чернозему 5-6 аршинъ. Баррикадный валъ, толщиной въ полтора-два аршина, предложенный бывшимъ артиллеристомъ, можетъ служить защитой только отъ пуль, но не отъ гранатъ.

Для защиты отъ шрапнелей достаточно построить такой же толщины земляной валъ, какой требуется для прикрытія отъ ружейныхъ пуль, такъ какъ осколки шрапнели имѣютъ очень незначительную силу проникновенія, но противъ гранатъ такой валъ совершенно недостаточенъ... Чтобы показать, почему стрѣлокъ, находящійся за баррикаднымъ валомъ недоступенъ дѣйнедвусмысленная. Ему хочется представить дѣло такъ, что захватъ власти самъ по себѣ вовсе не есть предметъ его политическихъ вожделѣній, что захватъ власти *неизбѣжно* вытекаетъ изъ удачнаго возстанія, руководимаго нами, и что споръ у насъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, должны ли мы серьезно и безповоротно готовиться къ возстанію или нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что мы исходимъ вначалѣ изъ одинаковыхъ тактическихъ предпосылокъ, изъ необходимости принять руководящее участіе въ возстаніи, изъ необходимости привести возстаніе къ благополучному концу. Но въ то время, какъ онъ рѣшается сдѣлать неизбѣжный логическій выводъ изъ этихъ тактическихъ предпосылокъ — участіе во временномъ правительствѣ, мы загодя пугаемся этого вывода, загодя пугаемъ пролетаріатъ этой неизбѣжной перспективой, а потому и пятимся назадъ. „Онъ (Мартыновъ) утверждалъ, что, *если наша партія приметъ руководящее участіе въ возстаніи*, то отсюда въ случаѣ успѣха вытечетъ необходимость участія ея во временномъ революціонномъ правительствѣ, а таковое участіе принципіально недопустимо и ни къ чему, кромѣ гибельнаго и компрометирующаго исхода, привести не сможетъ“[1]. Если бы я это утверждалъ, то я бы логически долженъ былъ придти къ заключенію, что намъ нужно отказаться отъ руководящей роли въ возстаніи а, можетъ быть, даже и отъ самого возстанія.

Въ такомъ видѣ Ленинъ представляетъ мою аргументацію, но такой видъ моя аргументація приняла только потому, что Ленинъ сдѣлалъ въ ней двѣ подтасовки, — подмѣнивъ понятіе заговорщическая партія понятіемъ „наша партія“, подмѣнивъ понятіе „назначеніе“ возстанія понятіемъ „руководящее участіе въ возстаніи“. Я говорилъ, что если бы ленинская якобинская утопія „назначенія“ возстанія организацией профессіональныхъ революціонеровъ успѣшно осуществилась, то эта заговорщическая партія неизбѣжно очутилась бы у власти, а потому, кто мечтаетъ о „назначеніи возстанія“, тотъ мечтаетъ о захватѣ власти[2]. Но я тутъ же говорилъ, что „только дворцовые перевороты и пронунціаменто военные перевороты могутъ быть *назначены* и проведены по заранѣе заготовленному плану и именно потому, что они не есть народныя революціи, т. е. перевороты въ общественныхъ отношеніяхъ, а только перетасовки въ правящей кликѣ“[3]. Я тутъ же говорилъ, что „мы обязаны готовиться къ народному возстанію“, но что „съ точки зрѣнія соціальдемократіи содѣйствовать развитію классового сознанія пролетаріата и его классовой борьбы во всемъ ея объемѣ значитъ *тѣмъ самымъ* скорѣе всего приближать моментъ народной революціи, значитъ *тѣмъ самымъ* лучше всего подготовиться къ ея использованію“. Эта тактика и есть то, что въ „Искрѣ“ было названо тактикой „развязыванія революціи“. Эта же тактика вовсе не ведетъ [illegible] буржуазной революціи ко захвату власти и къ мнимой диктатурѣ пролетаріата, не смотря на то, и даже именно потому, что она лучше всего обезпечиваетъ развитіе всѣхъ [illegible] силъ буржуазнаго общества и лучше всего обезпечиваетъ [illegible] условій для настоящей диктатуры пролетаріата. „Мы не [illegible] римъ пролетаріату“ писали мы въ другомъ мѣстѣ, „удерживай свои революціонные порывы, чтобы какъ нибудь не очутиться преждевременно у власти“. [illegible] „Пролетарія“ [illegible]. Мы говоримъ ему [illegible] революціонные и революціонизирующіеся элементы [illegible] и при максимальномъ развитіи революціи сохранить [illegible] свободу критики“[4]. [illegible] нашей тактикѣ „развязыванія революціи“ буржуазные [illegible] ную правительственную власть [illegible] удачнаго народнаго возстанія могутъ [illegible] стическихъ вождей [illegible] „связать“ [illegible] „связать“ [illegible] побѣдоносные рабочіе [illegible] отъ своихъ вождей [illegible] благодаря нашей тактикѣ [illegible] мы критиковали Ленина.

Итакъ, Ленину не удается [illegible] вниманіе читателя [illegible] спорнаго вопроса [illegible] „захватѣ власти“ [illegible] участія въ возстаніи [illegible] дѣйствительно народномъ возстаніи вовсе не обязываетъ [illegible] обладанію правительственной властью [illegible] буржуазной революціи. Также безнадежна и [illegible] наго вопроса [illegible] № 2 „Пролетарія“ [illegible] передержекъ.

Ленинъ [illegible] есть ограниченіе абсолютизма, [illegible] ра» — завоеваніе республики [illegible] крестьянство и между буржуазіей [illegible] ческой переворотъ [illegible] резолюцій [illegible] временномъ правительствѣ [illegible] ской конференціи [illegible] возможности [illegible]

ступень, либо мы подымемся *непосредственно* съ первой ступени на вторую; ленинисты-же заранѣе связываютъ себя въ своихъ тактическихъ задачахъ, *предписавъ* революціи только одинъ путь развитія — скачокъ на вторую ступень, минуя первую[1]). Но, во всякомъ случаѣ, и мы и ленинисты одинаково направляемъ свою тактику на то, чтобъ въ настоящей-же революціи подняться на „вторую ступень“. Главный вопросъ, который насъ раздѣляетъ, состоитъ въ томъ, должны ли мы, очутившись на „второй ступени“, вступить въ „блокъ“ съ представителями революціонной мелкой буржуазіи, должны ли мы осуществить диктатуру пролетаріата и крестьянства. Мы на этотъ вопросъ отвѣчаемъ отрицательно. Подмѣнивши незамѣтнымъ образомъ понятія революція и диктатура, Ленинъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что мы вообще не хотимъ народной революціи, не хотимъ подняться на „вторую ступень“, что мы, „до всякаго подъема, отмѣриваемъ себѣ напередъ скромненькую мѣрку, напримѣръ, не болѣе одной ступени“, что мы пугаемъ ужасной перспективой прыжка (въ случаѣ особенно удачно организованнаго и проведеннаго возстанія) на двѣ ступени сразу“. Соотвѣтственно съ этимъ Ленинъ и въ 13 № „Впередъ“ обстоятельно поучаетъ меня, что у насъ есть огромный слой революціонизирующагося крестьянства, о которомъ я, дескать, забываю, и что у насъ именно потому вполнѣ возможна коренная демократическая революція. Надо послушать, съ какимъ поддѣльнымъ пафосомъ Ленинъ открываетъ намъ тѣ азбучныя истины, которыя, какъ ему хорошо извѣстно, мы же вынуждены были напоминать приверженцамъ „соціальдемократическаго временнаго правительства“[2] и все это для того, чтобы уклониться отъ сути вопроса! Вопросъ то все таки у насъ въ томъ, почему мы въ моментъ торжества народной революціи должны вступить въ правительственный блокъ съ представителями мелкой буржуазіи. На этотъ главный, спорный вопросъ Ленинъ отвѣчаетъ „скороговоркой“: не достаточно даже *вмѣстѣ добить* самодержавіе, необходимо еще *вмѣстѣ отбить* неизбѣжно предстоящія отчаянныя попытки возстановить свергнутое самодержавіе“. Но [illegible] „скороговоркой“ вводятъ въ заблужденіе только дѣтей.

Если правило [illegible] „вмѣстѣ бить“ не исключаетъ правила — „врозь идти“, то и необходимость „вмѣстѣ отбить“ не исключаетъ необходимости „врозь идти“ и не только не исключаетъ, но даже предполагаетъ [illegible] революціи только [illegible] вынесенные къ власти мелкобуржуазные [illegible] пятиться назадъ и [illegible] побѣжденнымъ врагамъ [illegible] на нашей сторонѣ [illegible] чтобы „вмѣстѣ отбить“ необходимо держать [illegible] контролемъ пролетаріата [illegible] необходимо имѣть [illegible] моментъ несвязанными руки [illegible] необходимо избѣгать [illegible] „блоковъ“ [illegible] правительственныхъ.

[illegible]

ему „хвостистскіе“ взгляды. Ленинъ берется мнѣ „разжевать“ смыслъ этихъ словъ.

Энгельсъ говоритъ, что ничего хуже не можетъ быть для вождя крайней партіи, какъ очутиться у власти, когда условія, обезпечивающія господство представляемаго имъ класса, еще не созрѣли. Если примѣнить эти слова къ пролетаріату, то Энгельсъ говоритъ о революціонномъ правительствѣ въ эпоху, когда нѣтъ условій, обезпечивающихъ классовое господство пролетаріата, т. е. когда нѣтъ условій для соціалистическаго переворота. Слѣдовательно (!), Энгельсъ говоритъ, о революціонномъ правительствѣ „для(!!) совершенія соціалистическаго переворота“, а умный Мартыновъ думаетъ, что это примѣнимо къ *демократической* диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, къ правительству *для* совершенія демократическаго переворота. „Энгельсъ указываетъ на опасность непониманія вождями пролетаріата *непролетарскаго* характера переворота... опасность въ смѣшеніи вождемъ мнимо-соціалистическаго и реально демократическаго содержанія переворота“, а глубокомысленный Мартыновъ увѣряетъ... „Энгельсъ имѣетъ въ виду случай, когда вожди кормятъ пролетаріатъ фразами, обѣщаніями и увѣреніями, которыя не оправдываются характеромъ революціи, въ духѣ фразъ „соціалистовъ-революціонеровъ“ относительно „соціализаціи“, „уравнительнаго пользованія“ и проч., а хвостистъ Мартыновъ заключаетъ... „*Суть* мысли Энгельса состоитъ въ указаніи на гибельность *непониманія* дѣйствительныхъ историческихъ задачъ переворота.... слова Энгельса примѣнимы слѣдовательно къ народовольцамъ и соціалистамъ-революціонерамъ“[1]. Теперь вы, наконецъ, поняли Энгельса, почтеннѣйшій Мартыновъ?..

Теперь слово за мной. Я приглашаю читателя вмѣстѣ со мной перечитать всю цитату изъ Энгельса.

„Самымъ худшимъ изъ того“ говоритъ Энгельсъ, „что можетъ предстоять вождю крайней партіи, является *вынужденная* необходимость обладать властью въ то время, когда движеніе еще недостаточно созрѣло для господства представляемаго имъ класса и для проведенія мѣръ, обезпечивающихъ это господство“.

Вы видите, читатель, Энгельсъ, устанавливая свой тезисъ, совершенно не касается вопроса о томъ, какія задачи себѣ ставитъ вождь крайней партіи, — *для* какой цѣли онъ *хочетъ* воспользоваться властью. Энгельсъ считаетъ, что эти задачи и цѣли сами собой логически вытекаютъ изъ всей прошлой дѣятельности крайней партіи, изъ ея программы и изъ требованій, предъявляемыхъ къ ней ея классомъ и что ея вождь умѣетъ логически мыслить.

Ленинъ же внушаетъ Энгельсу разсужденіе о вождѣ, который неправильно ставитъ себѣ задачи, который хочетъ воспользоваться властью „для совершенія соціалистическаго переворота“ несвоевременно. Энгельсъ говоритъ о *бѣдѣ* вождя, Ленинъ приписываетъ ему разсужденіе о *винѣ* вождя. Энгельсъ говоритъ, о [illegible] положенія вождя, Ленинъ [illegible] его *непониманія*. [illegible] въ высшей степени характерная для Ленина путаница [illegible] отношеніе сознанія [illegible] точки зрѣнія марксизма [illegible] онъ съ нескрываемымъ [illegible] слушать и не безъ основанія [illegible] зрѣнія на этотъ вопросъ [illegible] отказаться отъ авантюризма [illegible] „предопредѣленія“. Читаемъ [illegible] Энгельса.

„Возможное [illegible] вождя зависитъ не отъ его воли, а отъ уровня [illegible] противоположности интересовъ различныхъ классовъ [illegible] уровня, въ свою очередь, зависящаго отъ степени развитія матеріальныхъ условій существованія, отношеній производства и обмѣна. Съ другой стороны, то что такой вождь долженъ дѣлать, [illegible] требуетъ отъ него его собственная партія, также *зависитъ не отъ него*, но въ то же время и не отъ степени развитія классовой борьбы и не отъ ея условій; онъ остается связаннымъ своими прежними доктринами и требованіями, которыя также вытекаютъ не изъ взаимнаго положенія общественныхъ классовъ въ *данный моментъ*, не [illegible] *временныхъ* болѣе или менѣе случайныхъ отношеній производства и обмѣна, но обусловливаются способностью этого вождя къ пониманію общихъ результатовъ соціальнаго и политическаго движенія. Такимъ образомъ, передъ нимъ неизбѣжно выростаетъ неразрѣшимая дилемма: что онъ можетъ сдѣлать — противорѣчитъ всѣмъ его предыдущимъ поступкамъ, его принципамъ и непосредственнымъ интересамъ его партіи; что онъ долженъ былъ бы дѣлать — оказывается невыполнимымъ“.

[illegible] Энгельсъ говоритъ, что передъ вождемъ крайней партіи въ данномъ случаѣ *неизбѣжно* возникаетъ *неразрѣшимая* дилемма [illegible] общую формулу извѣстныя конкретныя условія *можетъ* дѣлать только демократическій переворотъ, а *долженъ* дѣлать соціалистическій, что то, что онъ можетъ [illegible] противорѣчитъ тому, что онъ долженъ [illegible] не зависитъ отъ воли [illegible] изъ этой неразрѣшимой дилеммы [illegible].

[illegible] между возможностями [illegible] потому [illegible] неразрѣшимой дилеммы. Ленинъ не

тельнымъ [illegible] эту [illegible] въ 2 или [illegible] почему [illegible] какой [illegible] широкихъ [illegible] обойтись [illegible] людей [illegible] въ [illegible] ментъ [illegible] будетъ [illegible]

[illegible]

[illegible] разстояніе къ [illegible] защищается [illegible] людей, [illegible] шрап[illegible] мортиръ въ [illegible] мор[illegible] имѣть [illegible] стрѣльба [illegible] *самаю* [illegible] а [illegible] войсками, [illegible] выпустилъ [illegible]

---

[1] См. „Пролетарій“ [illegible]

[2] См. „Двѣ диктатуры“ [illegible]

[3] См. [illegible]

[4] См. „Искра“ № [illegible]

См. „Пролетарій“ [illegible]

[illegible]

[illegible]

недвусмысленная. Ему хочется представить дѣло такъ, что захватъ власти самъ по себѣ вовсе не есть предметъ его политическихъ вожделѣній, что захватъ власти *неизбѣжно* вытекаетъ изъ удачнаго возстанія, руководимаго нами, и что споръ у насъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, должны ли мы серьезно и безповоротно готовиться къ возстанію или нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что мы исходимъ вначалѣ изъ одинаковыхъ тактическихъ предпосылокъ — изъ необходимости принять руководящее участіе въ возстаніи и изъ необходимости привести возстаніе къ благополучному концу. Но въ то время какъ онъ рѣшается сдѣлать неизбѣжный логическій выводъ [illegible] тактическихъ предпосылокъ [illegible] участіе во временномъ правительствѣ, мы [illegible] пролетаріатъ этой неизбѣжной перспективой [illegible] назадъ. „Онъ (Мартыновъ) утверждаетъ [illegible] *приметъ руководящее участіе въ возстаніи* [illegible] успѣха вытечетъ необходимость участія во временномъ революціонномъ правительствѣ [illegible] допустимо и ни къ чему [illegible] шаго исхода [illegible] привести не можетъ" [illegible] ждалъ [illegible] что намъ нужно [illegible] а, можетъ быть [illegible]

Въ такомъ видѣ [illegible] но такой видъ моей аргументаціи [illegible] Ленинъ сдѣлалъ [illegible] заговорщическая [illegible] понятіе „назначеніе" [illegible] въ возстаніи" [illegible] утопія „назначенія" [illegible] революціонер[illegible] ская партія неизбѣжно [illegible] мечтаетъ [illegible] власти [illegible]

[illegible]

ступень, либо мы подымемся *непосредственно* съ первой ступени на вторую; ленинисты-же заранѣе связываютъ себя въ своихъ тактическихъ задачахъ, *предписавъ* революціи только одинъ путь развитія — скачокъ на вторую ступень, минуя первую[1]. Но, во всякомъ случаѣ, и мы и ленинисты одинаково направляемъ свою тактику на то, чтобъ въ настоящей-же революціи подняться на „вторую ступень". Главный вопросъ, который насъ раздѣляетъ, состоитъ въ томъ, должны ли мы, очутившись на „второй ступени", вступить въ „блокъ" съ представителями революціонной мелкой буржуазіи, должны ли мы осуществить диктатуру пролетаріата и крестьянства. Мы на этотъ вопросъ [illegible] незамѣтнымъ образомъ [illegible] диктатура [illegible] дѣлаетъ отсюда выводъ, что [illegible] не хотимъ подняться [illegible] отмѣриваемъ [illegible] на примѣръ, не болѣе одной [illegible] перспективой прыжка [illegible] возстанія [illegible]

[illegible]

ему „хвостистскіе" взгляды. Ленинъ берется мнѣ „разжевать" смыслъ этихъ словъ.

Энгельсъ говоритъ, что ничего хуже не можетъ быть для вождя крайней партіи, какъ очутиться у власти, когда условія, обезпечивающія господство представляемаго имъ класса, еще не созрѣли. Если примѣнить эти слова къ пролетаріату, то Энгельсъ говоритъ о революціонномъ правительствѣ въ эпоху, когда нѣтъ условій, обезпечивающихъ классовое господство пролетаріата, т. е. когда нѣтъ условій для соціалистическаго переворота. Слѣдовательно [illegible] Энгельсъ говоритъ о революціонномъ правительствѣ „для совершенія соціалистическаго переворота", а умный Мартыновъ думаетъ, что это примѣнимо къ *демократической* диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, къ правительству для совершенія демократическаго переворота. „Энгельсъ указываетъ на опасность непониманія вождями пролетаріата *непролетарскаго* характера переворота [illegible] опасность въ смѣшеніи [illegible] соціалистическаго [illegible] реально демократическаго [illegible] переворота" [illegible] глубокомысленный Мартыновъ увѣряетъ [illegible] въ виду случай, когда вожди кормили пролетаріатъ [illegible] и увѣреніями, которыя [illegible] характеръ [illegible] фразъ „соціалистическ[illegible] „уравнительн[illegible] Мартыновъ заключаетъ [illegible] указанія на гибель[illegible] и теоретическихъ задачъ пере[illegible] народо[illegible] Ленинъ мы нако[illegible] Мартыновъ

[illegible] вмѣстѣ со [illegible]

[illegible] что мо[illegible] *[illegible]денная* [illegible] движеніе [illegible] имъ [illegible] господство". [illegible] тезисъ, [illegible] себѣ [illegible] *хочетъ* [illegible] задача и [illegible] дѣ[illegible] требованій, [illegible] имѣетъ

[illegible]

---

[1] [illegible]

способенъ понять, почему вождь при данныхъ условіяхъ *долженъ* будетъ стремиться къ соціалистическому перевороту. Ленинъ не способенъ понять, почему соціалистическій вождь не можетъ возложить на себя обязанность *властно* начертать демократическій предѣлъ революціи, разъ этотъ предѣлъ революціи исторически неизбѣженъ. Ленинъ не способенъ понять, что соціалистъ не можетъ себя дѣлать орудіемъ *всякой* исторической необходимости; онъ не способенъ понять, что вождь пролетаріата не можетъ возложить на себя и на свою партію отвѣтственность за ограниченность революціи, въ которой повинна буржуазность большинства націи, отражающая слабое развитіе классовыхъ противорѣчій. Вѣдь соціализмъ у насъ сейчасъ неосуществимъ только потому, что масса мелкой буржуазіи этого не хочетъ. Можетъ ли соціалистъ покрывать авторитетомъ власти сопротивленіе мелкой буржуазіи соціалистическимъ притязаніямъ пролетаріата?

Благодаря своему крайне упрощенному методу мышленія, Ленинъ не понимаетъ дилеммы, о которой говоритъ Энгельсъ; благодаря крайне упрощенному методу чувствованія, онъ совершенно открыто и беззастѣнчиво поддѣлываетъ слова Энгельса. Онъ имѣетъ... храбрость утверждать, что Энгельсъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ объ опасности, вытекающей для вождя не изъ объективной безвыходности его положенія, а изъ его собственныхъ предразсудковъ: опасно лишь то, что вождь думаетъ и говоритъ, что будучи у власти, онъ долженъ стремиться къ соціалистическому перевороту независимо отъ временныхъ общественныхъ условій. Но это думаетъ и говоритъ также Энгельсъ. Стало быть, въ толкованіи Ленина слова Энгельса пріобрѣтаютъ такой глубокій смыслъ: самымъ худшимъ изъ всего, что можетъ предстоять вождю крайней партіи — это думать и говорить то, что думаю и говорю *я*. Неправда ли, читатель, что рѣдко беззастѣнчивая ложь вѣнчается такой колоссальной безсмыслицей?

Заключеніе Энгельса таково: „Словомъ, онъ вынужденъ будетъ отстаивать не свою собственную партію, не свой собственный классъ, а тотъ классъ, для господства котораго уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ, *въ интересахъ именно этого движенія*, отстаивать интересы чуждаго ему класса и отдѣлываться отъ своего класса фразами, обѣщаніями и увѣреніями въ томъ, что интересы другого класса являются его собственными. Кто разъ попалъ въ это *ложное положеніе*, тотъ погибъ безвозвратно".

Изъ послѣдняго отрывка Ленинъ усвоилъ только ту мысль, что фальшивыя фразы и обѣщанія ведутъ вождя къ гибели. Но онъ не хочетъ понять, что, по словамъ Энгельса, для вождя въ этомъ положеніи фразы *неизбѣжны*, онъ не хочетъ также понять, о какихъ фразахъ говоритъ Энгельсъ. Онъ знаетъ, что „с.-р-ы" любятъ прибѣгать къ пышнымъ фразамъ, и на этомъ основаніи онъ съ торжествомъ заявляетъ, что слова Энгельса примѣнимы только къ нашимъ „соц.-рев.". Но фразы бываютъ разныя: есть фразы, свойственныя нашимъ „соц.-рев.", есть другія фразы, свойственныя жоресистамъ, варьирующія на всѣ лады идею — сначала борьба за республику, потомъ борьба за соціализмъ. Ясно и очевидно, что Энгельсъ на сей разъ имѣетъ въ виду именно подобныя жоресистскія фразы, которыми переполнены фельетоны Ленина.

Если мы въ общую формулу Энгельса вставимъ конкретныя условія русской дѣйствительности, она приметъ такой видъ: „Соціальдемократическій вождь, очутившись у власти, вынужденъ будетъ отстаивать не соціалдемократическую партію и не пролетаріатъ, а мелкую буржуазію, для господства которой уже созрѣло движеніе. Онъ долженъ будетъ, въ интересахъ именно этого движенія, демократическаго переворота, отстаивать интересы мелкой буржуазіи, отдѣлываться отъ пролетаріата фразами, обѣщаніями и увѣреніями, что интересы мелкой буржуазіи являются его собственными интересами". Развѣ не это дѣлаетъ Ленинъ въ своихъ фельетонахъ? Развѣ онъ не утверждаетъ, что въ эпоху демократическаго переворота интересы пролетаріата и мелкой буржуазіи (крестьяне, мѣщане и т. д.) настолько совпадаютъ, что одно и то же революціонное правительство сможетъ одновременно представлять и защищать революціонные интересы обоихъ этихъ классовъ? Развѣ онъ не отдѣлывается отъ пролетаріата увѣреніями, что соціальдемократы во временномъ правительствѣ уже однимъ тѣмъ будутъ отстаивать особые классовые интересы пролетаріата, отдѣляющіе его отъ крестьянства, что у нихъ будетъ своя особая программа и тактика, хотя и эта программа и эта тактика при условіи „блока" фактически не смогутъ проводиться въ жизнь? Развѣ онъ не отдѣлывается отъ пролетаріата обѣщаніемъ, что его борьба съ буржуазнымъ обществомъ въ будущемъ расцвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ, именно благодаря диктатурѣ пролетаріата и крестьянства, которая на долгое время задержитъ развитіе этой борьбы, разстроитъ самостоятельную политику рабочаго класса и дезорганизуетъ его самостоятельную партію?... Энгельсъ прямо мѣтитъ въ ленинскую тактику, а Ленинъ киваетъ на Петра. Энгельсъ доказываетъ, что вождь крайней партіи, очутившись при неблагопріятныхъ условіяхъ у власти, неизбѣжно долженъ будетъ лгать передъ своей партіей, передъ своимъ классомъ. Ленинъ своимъ примѣромъ блестяще подтверждаетъ это мнѣніе Энгельса: одно „страстное желаніе" участвовать во временномъ революціонномъ правительствѣ въ ближайшей революціи *вынуждаетъ* его уже заблаговременно лгать и путать, и онъ хочетъ насъ увѣрить, что Энгельсъ съ нимъ вполнѣ солидаренъ, что мы рѣшительно ничего не поняли въ словахъ Энгельса.

Такъ Ленинъ излагаетъ Энгельса, такъ онъ „разжевалъ" мнѣ смыслъ его словъ. Я спрашиваю читателя: чего больше въ этомъ человѣкѣ — самодовольной тупости или самонадѣянной беззастѣнчивости?

Мартыновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ствію шрапнели приведемъ слѣдущій рисунокъ, составленный нами на основаніи чертежа, даннаго Бліохомъ.

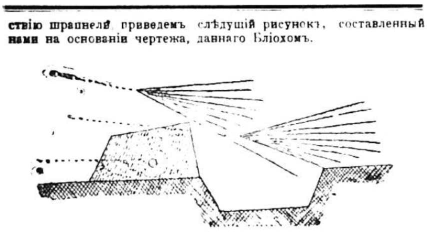

Этотъ же рисунокъ показываетъ, почему тѣ баррикады, предложенныя бывшимъ артиллеристомъ, противорѣчатъ правиламъ современной военной техники. Въ самомъ дѣлѣ, какъ на это уже указалъ В. С., шрапнель, не задѣвъ своими осколками стрѣлковъ, стоящихъ на одной сторонѣ баррикаднаго рва, ударитъ въ тылъ стрѣлкамъ, защищающимъ противоположную сторону и „моментально уничтожитъ стрѣлковъ второго ряда."

Въ заключеніе, отвѣчая на запросы товарищей, относительно книгъ, ознакомленіе съ которыми необходимо для всякаго революціонера, интересующагося столь важными въ данный моментъ военно-техническими вопросами, мы рекомендуемъ слѣдующія книги въ качествѣ основныхъ: Бліохъ. Будущая война, т. I. Цезарь Кюи. Полевая фортификація, 9 изданіе, СПБ. Буйницкій, Краткій курсъ теоретической полевой фортификаціи; его же: Современное состояніе долговременныхъ и временныхъ фортификацій. Г. Dequise. La fortification passagere en liaison avec la tactique. Bruxelles. Ознакомленіе съ этими произведеніями необходимо для всякаго товарища, желающаго составить себѣ самостоятельное мнѣніе по поводу данныхъ вопросовъ, а особенно для тѣхъ, кто служилъ уже въ арміи и кому теоретическое образованіе можетъ дать возможность сдѣлаться особенно полезнымъ партійнымъ работникомъ въ надвигающійся моментъ русской революціи.

Волонтеръ.

Рабочее возстаніе въ Лодзи.

Лодзь. (Изъ частнаго письма). Среда 11 час. веч. Въ прошлое воскресенье на Млынарской улицѣ предмѣстья Лодзи состоялась внушительная демонстрація еврейскихъ и польскихъ рабочихъ. Демонстранты, шедшіе густой толпой съ развернутыми красными знаменами, внезапно очутились передъ выскочившими изъ боковыхъ улицъ конными отрядами. Встрѣча окончилась плачевно: отряды стрѣляли, и въ результатѣ нѣсколько убитыхъ, не говоря о двухъ, трехъ десяткахъ раненыхъ. Вчера происходили похороны убитыхъ христіанъ. Проводы несчастныхъ жертвъ превратились въ грандіозную демонстрацію. На всѣхъ фабрикахъ работы были прекращены часа за два до начала похоронъ. Густыми толпами, прямо изъ фабрикъ, направлялись рабочіе на Францисканскую улицу, мѣсто сбора участниковъ похоронной процессіи. Достаточно вѣрное представленіе можно имѣть изъ замѣтки, помѣщенной въ мѣстной газетѣ „Lodzer Zeitung". Прибавимъ нѣсколько подробностей. Шпіоны, желая дать поводъ для вмѣшательства войскъ, начали производить выстрѣлы въ воздухъ. Толпа, предупрежденная задолго до похоронъ, что стрѣлять безъ надобности не слѣдуетъ, догадалась, что стрѣлявшіе были шпіоны и жестоко расправилась съ ними. На кладбищѣ толпа оставалась до 11 часовъ ночи, слушала ораторовъ, говорившихъ на польскомъ, еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. — На сегодня, день похоронъ еврейскихъ рабочихъ, ожидалось повтореніе вчерашняго, но въ болѣе внушительныхъ размѣрахъ. Ожиданія оправдались, хотя въ совершенно иномъ видѣ. Сегодня съ пяти часовъ можно было видѣть толпы рабочихъ, отправлявшихся въ предмѣстье Лодзи провожать товарищей до могилы. Каково же было удивленіе собравшихся когда узнали, что полиція тайкомъ еще съ утра похоронила рабочихъ. Когда извѣстіе объ этомъ распространилось, толпа вслѣдъ за руководителями, направилась въ городъ. Получилась величественная манифестація. Густо-прегусто, занимая мостовую и оба тротуара, медленно двигалась толпа рабочаго люда тысячъ въ пятьдесятъ. Грандіозная демонстрація въ длину занимала около полуверсты. Всѣ шли съ обнаженными головами. Впереди высоко надъ толпой виднѣлись красныя и черныя знамена отъ Бунда, „P. P. S. и P. S. D." Золотыми буквами на красныхъ и серебряными на черныхъ знаменахъ (я насчиталъ около 15) отчетливо выдѣлялись выразительныя, соотвѣтствующія моменту, надписи. Балконы усѣяны были публикой, махавшей платками и шляпами въ знакъ сочувствія. За непрерывными возгласами демонстрантовъ, посылавшихъ проклятіе современному русскому порядку и его представителямъ, можно было лишь съ трудомъ разслышать пѣніе революціонныхъ пѣсенъ. Въ такомъ видѣ шествіе продолжалось до Пустой улицы, т. е. пройдено было лишь по одной главной улицѣ 3 версты. Участники демонстраціи до такой степени были увѣрены въ мирномъ окончаніи шествія, что только этой увѣренностью, а слѣдовательно, неподготовленностью, можно объяснить поведеніе демонстрантовъ, или вѣрнѣе „публики", во время финала. Откуда ни возьмись (говорятъ, изъ фабрики Шейблера), показались внезапно мчащіеся бѣшенымъ аллюромъ казаки. Тутъ происходило нѣчто невозможное. Толпа, въ которой значительное число составляли присоединившіеся случайно, не переживавшіе, быть можетъ, ни разу впечатлѣнія встрѣчи съ казаками, устремлявшимися на народъ, пришла въ замѣшательство. Ворота были открыты повсюду, и вмигъ образовались потоки растерянныхъ людей, устремлявшихся во дворы. Въ толпѣ кричали, требуя спокойно выждать встрѣчи съ казаками, но это не помогало.

Четвергъ. Разсказы многочисленныхъ участниковъ демонстраціи даютъ возможность многое представить въ настоящемъ видѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствія властей отъ начала до конца были вполнѣ обдуманы и преслѣдовали извѣстную намѣченную цѣль. Послѣдняя была такова: дать демонстрантамъ выбраться изъ людныхъ и богатыхъ кварталовъ, чтобы при „усмиреніи" не было жертвъ среди богатыхъ и вліятельныхъ людей. Какъ только демонстранты приблизились къ улицамъ св. Карла и Пустой, гдѣ начинаются фабричные кварталы, идущіе вплоть до Горнаго рынка и далѣе, изъ боковыхъ улицъ выѣхали отряды казаковъ и разрѣзали толпу пополамъ, имѣя большую половину позади и меньшую впереди. Передняя половина, имѣя направо и налѣво выходы въ поперечныя улицы — Карла и Пустую, бросилась туда и, такимъ образомъ, меньшая половина демонстрантовъ вмигъ почти разсѣялась. Всѣ ужасы происходили въ задней половинѣ. Безъ предупрежденія, безъ всякаго повода со стороны публики, казаки дали первый залпъ. Суматоха произошла невообразимая. Прежде всего, пострадали малыши: ихъ топтали ногами и люди и казацкія лошади. Не многимъ удалось пробраться въ ворота, хотя послѣднія повсюду были открыты. Толпа, не видя спасенія, стиснутая съ боковъ, сзади и спереди казаками, давшими еще нѣсколько залповъ, бросилась ломать заборы и т. д. Съ грѣхомъ пополамъ, топча другихъ, многіе пробрались на параллельныя съ Петроковской улицы — Николаевскую, Видзевскую, Вульганскую. Число жертвъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, извѣстно лишь на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Пока даны лишь цифры убитыхъ — 13. Число раненыхъ неизвѣстно. Само собой разумѣется, жертвъ много. Шесть залповъ, произведенныхъ довольно значительными отрядами въ густую, какъ каша, толпу, должны были дать больше убитыхъ, чѣмъ 13, еслибы даже казаки лѣнились стрѣлять по людямъ. Но этого какъ разъ не было. Очевидецъ, имѣвшій возможность наблюдать пальбу казацкую изъ окна одного дома, разсказываетъ, что казаки стрѣляли почти что съ удовольствіемъ. До 2 часовъ ночи „поле сраженія" было оцѣплено войсками, не пропускавшими никого изъ постороннихъ къ трупамъ. Убитые были убраны съ мостовой лишь поздно ночью. До тѣхъ поръ всѣ, забѣжавшіе въ ворота, не выпускались оттуда. До 3 часовъ ночи на Петроковской улицѣ было сильное оживленіе. Городъ необыкновенно возбужденъ. Всѣ ждутъ чего то очень крупнаго. Пока же, по предложенію рабочихъ, всѣ магазины и конторы были сегодня закрыты, а съ 5 часовъ трамваи прекратили движеніе. Ожидаютъ съ завтрашняго дня всеобщей забастовки. Вчерашнее событіе — единственная тема для разговоровъ въ Лодзи. Пока ограничиваются передачей подробностей происшедшаго и выясненіемъ числа жертвъ. Только и слышишь, то тутъ, то тамъ, кто нибудь изъ публики заявляетъ, что потерялъ кого-нибудь изъ близкихъ членовъ семьи. Многіе утѣшали себя тѣмъ, что пропадающіе пока въ неизвѣстности находятся подъ арестомъ. Но арестовъ, какъ говорятъ, не было. Если это вѣрно, то число жертвъ очень велико. Много разговоровъ слышно по поводу смерти одной старой, почтенной дамы—нѣкоей г-жи Гефлихъ. Она отправилась поискать среди демонстрантовъ своихъ дѣтей и нашла смерть. Поведеніе властей вызываетъ повсюду самое горячее негодованіе. Дать демонстраціи разростись до размѣровъ протяженіемъ въ нѣсколько кварталовъ лишь затѣмъ, чтобы потомъ приняться за „усмиреніе" — это безусловно повтореніе тактики Варшавскаго полицейскаго генеральнаго штаба, устроившаго побоище 1 мая на Іерусалимской улицѣ. Ждутъ возвращенія къ террору, затихшему въ Лодзи на нѣкоторое время. Сегодня утромъ выстрѣломъ убитъ казакъ на улицѣ. Вечеромъ по всему городу носились слухи, что убитъ жандармскій полковникъ Андреевъ.

Пятница, 10 іюня, половина 12 вечера. Событія приняли въ Лодзи, начиная со вчерашняго вечера, необычайно острый характеръ. Вчера католическое населеніе города праздновало день „Воплощенія тѣла господня". Обычный крестный ходъ собралъ десятки тысячъ людей. Полиція отсутствовала, не было и дворниковъ. Члены братствъ взяли на себя наблюденіе за порядкомъ, и порядокъ былъ, дѣйствительно, образцовый. Нарушился онъ лишь одинъ разъ: толпа замѣтила двухъ сыщиковъ, задержала ихъ и поручила нѣсколькимъ лицамъ отвести задержанныхъ въ сторону и проучить. Сыщиковъ поволокли съ Петроковской улицы на Андреевскую и тамъ изувѣчили. Въ крестномъ ходѣ обращало на себя вниманіе незначительное число дѣтей и женщинъ. Обычно въ процессіи участвуютъ тысячи малютокъ, и среди взрослыхъ женщины преобладаютъ надъ мужчинами. Повидимому, опасеніе, что крестный ходъ нарушится какимъ либо острымъ инцидентомъ, способнымъ повлечь жертвы, было причиной указаннаго исключенія. Но крестный ходъ прошелъ тихо, хотя весь городъ ждалъ съ часа на часъ какого нибудь взрыва. Никто не вѣрилъ, чтобы жертвы демонстраціи остались неотплаченными. И въ этомъ отношеніи ошибки не было. Началось съ того, что въ теченіе вчерашняго дня убивали отдѣльныхъ полицейскихъ или казаковъ, шпіоновъ и жандармовъ. Къ вечеру распространился слухъ о покушеніи на жандармскаго полковника. Покушеніе, дѣйствительно, произошло: начальникъ мѣстныхъ жандармовъ, Андреевъ, проходя по Средней улицѣ, былъ окруженъ нѣсколькими еврейскими рабочими и раненъ выстрѣломъ. Все это, однако, носило лишь характеръ сигнала къ другому, болѣе важному. Часовъ около 9 вечера на Всходней улицѣ произошло слѣдующее. Еврейскіе рабочіе, засѣвъ на крышахъ зданій, вызвали ложной демонстраціей сильный казачій патруль и принялись его разстрѣливать. Патруль, растерявшись отъ неожиданности, оставилъ раненыхъ казаковъ и умчался. Явилась пѣхота и встрѣчена была тѣмъ же: съ крышъ посыпались выстрѣлы. Пока часть солдатъ безпорядочно отстрѣливалась, направляя дула въ окна домовъ, другая ломала ворота. Тѣмъ временемъ, засѣвшіе на крышахъ скрылись благополучно. Однако, и это было лишь пробой, опытомъ. Настала ночь. Обыватели расползались по хижинамъ, полиція не принимала никакихъ особыхъ мѣръ, ибо ничего не ждала въ теченіе ночи. А между тѣмъ, въ еврейскихъ кварталахъ закипѣла работа: принялись сооружать баррикады. Втеченіе ночи соорудили ихъ съ большимъ или меньшимъ искусствомъ не менѣе десятка. Мнѣ лично извѣстны баррикады въ слѣдующихъ мѣстахъ: уголъ Заводской и Петроковской, уголъ Крутой и Петроковской, уголъ Всходней и Дзѣльной, уголъ Всходней и Каменной, уголъ Променадной и Затодней, уголъ Скверовой и Цегельнянной, затѣмъ у фабрики Познанскаго.

Баррикады строились обыкновенно такъ: поперекъ улицы располагали нѣсколько дрогъ, шарабановъ, набрасывали всякаго рода громоздкіе массивные предметы, покрывали затѣмъ камнями, тротуарными плитами и тому подобнымъ. По словамъ лицъ, живущихъ близъ указанныхъ мною мѣстъ сооруженія баррикадъ, перестрѣлка съ войсками изъ за баррикадъ началась съ утра. Каковы были результаты перестрѣлокъ, мнѣ положительно неизвѣстно.[1] Съ большой достовѣрностью можно сказать, что сооруженія, вѣроятно, служили плохой защитой отъ солдатскихъ выстрѣловъ. Этимъ, пожалуй, и можно объяснить, что къ двумъ часамъ дня баррикады, совершенно оставленныя защитниками были почти всюду разобраны солдатами. Разборку одной баррикады — уг. Сквер. и Цегельн., — я лично наблюдалъ, и могъ убѣдиться на примѣрѣ этой баррикады, что строились онѣ легковѣсно, представляя преграду для конницы, но не будучи въ состояніи задержать пѣхоту. Такъ или иначе, баррикады были оставлены съ утра еще, а рабочіе расположились на крышахъ домовъ, въ чердакахъ, въ окнахъ, и оттуда встрѣчали выстрѣлами проѣзжавшіе и проходившіе патрули. Послѣ этого власти принялись дѣйствовать „во всю." Солдатамъ и казакамъ приказано было держать ружья заряженными и „на изготовку", слѣдить за окнами, крышами и при малѣйшемъ появленіи чего либо подозрительнаго стрѣлять. Патрули принялись немилосердно разстрѣливать обывателей. Только и слышались выстрѣлы то тутъ, то тамъ. Обѣ стороны ожесточились. Изъ оконъ домовъ стрѣляли въ патрули, бросали въ нихъ кирпичами, а патрули отвѣчали, стрѣляя безъ разбору — вдоль, поперекъ, вверхъ и т. д. Пѣшеходы, въ свою очередь, разстрѣливались немилосердно. Стоило лишь кому нибудь на улицѣ, вольно или невольно, запротиворѣчить желанію „воина", и раздавался выстрѣлъ. Передамъ два случая, происшедшіе на моихъ глазахъ. На углу улицъ Разводовской и Петроковской остановились два рабочихъ и служанка. Надо замѣтить, что до сихъ поръ никакихъ объявленій объ особомъ положеніи города нѣтъ, слѣдовательно, обыватели могли совершенно беззаботно собираться группами, не считая этого грѣхомъ.

Такъ было и въ данномъ случаѣ. Но вотъ подошелъ патруль. Солдатъ крикнулъ: „разойдись". Его, конечно, не поняли, какъ русскаго. Раздался выстрѣлъ, и въ результатѣ — у служанки снесена (буквально) часть черепа, а затѣмъ пуля, пройдя черезъ голову убитой, рикошетомъ ранила еще двоихъ. Второй случай я наблюдалъ изъ оконъ почты — уг. Видзевской и Пшелуда. Проѣзжалъ казачій патруль. Какой то полякъ рабочій хотѣлъ было пересѣчь патрулю дорогу. Казакъ крикнулъ не особенно громко: „стой" и мгновенно выстрѣлилъ, убивъ рабочаго наповалъ.

Описанные случаи — единицы изъ сотенъ. Я не преувеличиваю, ибо выстрѣлы гремѣли очень часто, то въ одиночку, то залпами. Не надо забывать при этомъ, что высокіе дома доносятъ звуки выстрѣловъ лишь изъ ближайшихъ къ наблюдателю мѣстъ. Лучшимъ доказательствомъ послѣдняго служитъ то, что я не слышалъ ни звука изъ всей перестрѣлки на баррикадахъ, а также ничего не слыхалъ изъ стрѣльбы съ крышъ на Всходней улицѣ. По многочисленнымъ показаніямъ очевидцевъ, власти дали солдатамъ и казакамъ полную свободу дѣйствій. И русское воинство оправдало довѣріе, обнаруживъ большой запасъ иниціативы. Солдаты взбирались на крыши, на балконы, на заборы, и оттуда разстрѣливали все, что могло казаться подозрительнымъ. Стрѣльбой съ птичьяго полета удалось, надо думать, парализовать и дѣйствіе баррикадъ. Къ характеристикѣ поведенія войска, и въ частности офицерства, могутъ служить два эпизода. На балконѣ „Польской гостиницы" расположился офицеръ и разстрѣливалъ всѣхъ проходящихъ. Тоже происходило и въ другомъ мѣстѣ. Какъ ни мало вѣроятно это, но въ данномъ случаѣ приходится вѣрить — слишкомъ много свидѣтельствъ за достовѣрность этого. Но всего не опишешь, хотя каждая мелочь въ происходившей перестрѣлкѣ характерна и поучительна. Между прочимъ, были дома, которые представляли собой настоящія крѣпости. Такъ, между домомъ Шапира (уг. Новошейской и Полуночной) и солдатами, перестрѣлка продолжалась долгое время[2].

Теперь опишу видъ города въ теченіе сегодняшняго дня. Съ девяти часовъ утра городъ замеръ. Тишина поразительная, жуткая, прерываемая отъ времени до времени залпами. Ни одна лавочка мелкая, не говоря о крупныхъ домахъ, не была открыта. Фабрики, понятно, стояли. Еще съ утра вдоль Петроковской улицы бѣгали еврейскіе рабочіе-подростки, и кричали, — „zumachen", „zumachen", и предложеніе немедленно принималось. Но совершенно вымеръ городъ лишь къ 12 часамъ, когда „военныя операціи" лодзинскаго гарнизона сдѣлались особенно чувствительны и замѣтны. Надо знать, какъ кипитъ на нѣкоторыхъ кварталахъ Петроковской улицы, Всходней, Каменной, чтобы представить себѣ контрастъ, когда по всей Петроковской съ трудомъ видишь одинокаго извозчика и боязливо идущаго обывателя, готоваго мгновенно запрятаться подъ ворота. Выхона улицу лишь тѣ немногіе, кто имѣлъ неотложныя дѣла или кто вѣрилъ, что „безъ воли божіей не упадетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣка“.

---

[1] Замѣчу разъ на всегда въ этомъ письмѣ, что о цыфрахъ говорить немыслимо — неоткуда черпать даже приблизительныхъ.

[2] Все описанное происходило, главнымъ образомъ, въ еврейскихъ кварталахъ.

Въ пять часовъ пополудни я проходилъ по Петроковской. Какое жуткое чувство!

Словно въ заколдованномъ царствѣ. Тишина поразительная. такой не бываетъ ни въ одномъ городѣ даже по ночамъ, странно видѣть повсюду спущенныя жалюзи, когда въ самые большіе праздники въ Лодзи дѣятельность не прекращается совершенно. Кромѣ дежурныхъ извозчиковъ, всѣ остальные по домамъ. Идешь въ такой жуткой тишинѣ, и вдругъ сухой трескъ выстрѣла изъ винтовки. Вздрогнешь, повернешься, оглянешься кругомъ — только и видишь солдатъ и казаковъ, держащихъ палецъ у курка и не спускающихъ глазъ съ оконъ. Дѣлается страшно — спѣшишь домой.

Съ семи часовъ вечера я безвыходно сижу въ своей комнатѣ. Не отхожу отъ окна и наблюдаю происходящее, прислушиваюсь къ звукамъ. Къ вечеру все, происходившее днемъ, принимаетъ крупные размѣры. Выстрѣлы слышатся чаще. Вотъ залпъ вблизи. Оказывается, что толпа разбила и подожгла монопольную лавку. Въ теченіе дня ихъ разбито около двухъ десятковъ. Я наблюдалъ, какъ разбивали одну лавку. Какъ быстро это дѣлается! Не проходитъ нѣсколькихъ минутъ — лавочка пылаетъ внутри, а снаружи мостовая блеститъ толстымъ слоемъ стекла, облитаго водкой. Тутъ же клочки уничтоженныхъ гербовыхъ бумагъ, марки, вексельные бланки. Разрушеніе происходитъ при необыкновенной тишинѣ, разрушители безъ звука, безъ слова, дѣлаютъ свое дѣло, словно священнодѣйствуютъ. — Отъ времени до времени провозятъ на шарабанѣ трупъ убитаго простолюдина. Убитый лежитъ, распластавшись на днѣ повозки, съ нимъ ѣдутъ городовой и 2 солдата съ направленными вверхъ ружьями. Или такая процессія: городовой и солдаты ведутъ въ участокъ, къ амбулаторному пункту не особенно тяжело раненаго. Стража идетъ молчаливо, на улицѣ мертвая тишина, а раненый, держась за пораженное мѣсто, стонетъ, плачетъ и выворачиваетъ этими звуками душу. Картины мѣняются. Вотъ бѣшенымъ галопомъ мчится во главѣ съ офицеромъ казацкій отрядъ. Онъ возвращается скоро. Оказывается, въ городскомъ лѣсу собрались рабочіе, но разошлись до появленія казаковъ.

Всякій разговоръ съ улицы доносится, благодаря господствующей общей тишинѣ. Вотъ прошелъ фонарщикъ. Остановился и разсказываетъ дворнику, что цѣлые кварталы, даже улицы, останутся на ночь въ темнотѣ — фонари или выворочены, или у нихъ разбиты стекла. Догадываешься, что ночью произойдутъ крупныя событія. Ждетъ ихъ, вѣроятно, и начальство. На углу Петроковской и Созвазовской во главѣ съ приставомъ собралось все начальство участка и держитъ съ казацкими офицерами нѣчто вродѣ совѣта. Темнѣетъ. Выстрѣлы учащаются и вдругъ становятся совсѣмъ частыми, притомъ больше слышны залпы, чѣмъ одиночные выстрѣлы. Мнѣ слышны, понятно, исключительно выстрѣлы въ одной части города, именно, населенной польскими и нѣмецкими рабочими. Вчера было тихо въ моемъ районѣ. [illegible], сегодня поляки и нѣмцы слѣдуютъ примѣру евреевъ. Не могу не обратить вниманія на то высокое уваженіе, которымъ вся „христіанская“ Лодзь прониклась за послѣдній годъ, и главнымъ образомъ за послѣдніе мѣсяцы, къ евреямъ. Геройское поведеніе еврейскихъ рабочихъ при столкновеніяхъ съ полиціей или войсками вызываетъ всюду восхищеніе. При мнѣ одинъ дворникъ, совершенно объективно ведшій разговоръ, замѣтилъ: „наши, поляки, разбѣжались съ демонстраціи, а евреи остались и сражались съ казаками“. О вчерашнемъ сраженіи евреевъ съ казаками на Восходной распространялись легенды, рисующія еврейскихъ рабочихъ въ видѣ какихъ то Самсоновъ...

По звукамъ выстрѣловъ, замѣчательно легко можно различать, когда стрѣляетъ народъ, а когда войско. Сухая трескотня — это бьютъ винтовки солдатъ; густой звукъ, расплывающійся въ воздухѣ — это, очевидно, револьверы рабочихъ или ихъ простенькія ружья, не имѣющія нарѣзки. Отъ времени до времени слышатся или одиночные выстрѣлы — это значитъ перестрѣлка съ патрулями изъ за угла, изъ окна, чердака, крыши, или залпы — это, повидимому, группа рабочихъ изъ-за баррикады или иного прикрытія сражается съ войсками. Въ 12 часовъ ночи стрѣльба становится столь частой, что не сомнѣваешься въ существованіи правильнаго сраженія. Залпы солдатъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, безъ промежутковъ: повидимому, разстрѣливается баррикада. Къ часу ночи пальба залпами затихаетъ, но одиночные выстрѣлы все еще продолжаютъ раздаваться. По выстрѣламъ рисуешь себѣ ужасныя картины избиванія людей; собаки не перестаютъ выть; воютъ громко и безконечно долго. Но вотъ все, повидимому, стихаетъ окончательно. Не знаю, всюду ли, ибо въ мою квартиру, повторяю, звуки доносятся лишь изъ одной, меньшей части города. Сейчасъ третій часъ ночи въ началѣ. Тихо. Не слышно выстрѣловъ, не слышно топота казачьихъ отрядовъ. Что будетъ завтра? Съ этой мыслью ложатся сейчасъ бодрствовавшіе до сего часа обыватели и, вѣроятно, не скоро уснутъ... Снова выстрѣлъ прорѣзываетъ тишину. Видимо, перерыва въ теченіи ночи не будетъ.

2 часа 30 минутъ ночи 11/24 іюня.

Воскресенье утромъ. Вчерашній день прошелъ тихо. Сегодня съ утра въ городѣ совершенно спокойно. По газетнымъ отчетамъ пострадавшихъ въ среду, четвергъ и пятницу около четырехсотъ.

Объявлено полиціей, что общее число убитыхъ 93.

Изъ 54 монопольныхъ лавокъ уничтожено 35.

По Россіи.

Астрахань. 16 мая должны были въ думѣ разбираться вопросы о Булыгинской коммисіи и о перевооруженіи полиціи. Послѣднее было предложено думѣ губернаторомъ, въ виду того, что револьверы у городовиковъ плохи и, на случай какихъ-либо безпорядковъ, могутъ оказаться не на должной высотѣ. Надо отдать справедливость нашимъ отцамъ города: цѣлая половина ихъ выразила готовность субсидировать полицію на сей богоугодный предметъ. Организованные рабочіе рѣшили использовать это засѣданіе для политическихъ цѣлей. Къ началу засѣданія стали собираться къ думѣ рабочіе. Но ихъ возымѣли намѣреніе не пустить туда. У входа стояло два швейцара, во главѣ съ однимъ изъ отцовъ города, думавшимъ, вѣроятно, своимъ присутствіемъ придать больше солидности акту вышибанія публики. Но рабочіе рѣшили пройти, что называется, черезъ [illegible] охранителей думскаго спокойствія. Швейцаровъ отстра[illegible] и толпа хлынула наверхъ. Помѣщеніе для публики въ [illegible] очень маленькое. Отцы города, вѣдь, обыкновенно ста[illegible] обдѣлывать свои дѣлишки втихомолку, а потому для [illegible]ки отводятъ какое-то, съ позволенія сказать, стойло. На[illegible]ь туда человѣкъ 200. Но вмѣститься не могли, часть [illegible] въ корридорѣ. Давка была страшная. Начались пренія, но совсѣмъ не о томъ, о чемъ предполагалось. Почему-то думцы отложили вышеупомянутые вопросы и занялись другими. Но, дабы не утруждать себя вторичной организаціей выступленія, и защитниковъ городскихъ интересовъ еще разъ не вводить въ соблазнъ позвать казаковъ, рѣшили дѣла не откладывать. Между тѣмъ, думскіе Цицероны о чемъ-то тамъ заикались. И вотъ, въ промежуткѣ между такими двумя Цицеронами, выступилъ одинъ рабочій и сталъ говорить. Моментально зазвенѣлъ колокольчикъ. Но, видя, что ораторъ звономъ не смущается, голова, а за нимъ и гласные, повскакали со своихъ мѣстъ и подняли шумъ, кричали, что надъ ними совершаютъ насиліе. Среди шума ораторъ замолчалъ. Голова кричалъ, что не позволитъ говорить какимъ-то рабочимъ, но рабочіе дружно потребовали дать высказаться своему оратору. „Господа — изрекъ одинъ гласный — мы завтра будемъ говорить объ этомъ“ — „Ладно, довольно вы насъ завтраками кормили!“ — отвѣтили ему. „Я кормлю 200 чел. и буду послѣ этого говорить съ вами!“ — кричалъ какой-то толстопузый купецъ. „Тебя они кормятъ, а не ты ихъ, ты ихъ обираешь!“ — закричалъ въ отвѣтъ одинъ рабочій. Кто-то изъ гласныхъ началъ говорить насчетъ того, что мы, дескать, поступаемъ не по указамъ, на что въ отвѣтъ посыпалось: „Не признаемъ указовъ! Долой указъ! Мы сами указы будемъ издавать!“ Гласные показали себя во всемъ своемъ кулацкомъ великолѣпіи, и никто изъ такъ называемыхъ либеральныхъ гласныхъ не протестовалъ противъ того, что рабочимъ не даютъ говорить; по крайней мѣрѣ, не слышно было, можетъ, изъ-за шума. Настроеніе у рабочихъ было самое воинственное, и они одержали верхъ. Гласные утихли, и одинъ рабочій сталъ читать: „заявленіе организованныхъ рабочихъ г. Астрахани“. Во время чтенія голова телефонировалъ въ полицію. Послѣ заявленія была сказана небольшая рѣчь, покрытая оглушительными: „Смерть самодержавію!“ Послѣ этого рабочіе съ пѣніемъ Марсельезы двинулись къ выходу. Противъ думцевъ всѣ были страшно озлоблены, и это озлобленіе вылилось въ нѣсколько непарламентской формѣ: на пути своего слѣдованія по лѣстницѣ рабочіе выбили всѣ стекла въ дверяхъ, вплоть до выходныхъ дверей включительно. По улицѣ прошли съ пѣніемъ. Полиція абсолютно отсутствовала, ибо въ эту же ночь былъ спектакль въ саду, отъ котораго полиція ожидала всякихъ каверзъ, а потому все ея вниманіе было направлено туда. Всѣ собравшіеся рабочіе въ зданіи думы не могли вмѣститься и должны были ждать на улицѣ, чтобы потомъ соединиться. Но дождь ихъ разогналъ. Въ случаѣ хорошей погоды, была бы грандіозная демонстрація. Въ хорошую погоду на улицѣ, по которой шли демонстранты, — масса гуляющихъ, а благодаря дождю ихъ не было. Стали поспѣшно закрываться лавки, и попавшіе сюда обыватели во весь духъ улепетывали во всѣ стороны. Пройдясь нѣсколько по Главной улицѣ, толпа раздѣлилась на нѣсколько группъ, и со всѣхъ концовъ доносилось: „Долой самодержавіе! Долой войну!“ Проходя мимо почты, нѣсколько человѣкъ запустили туда камнями — „тамъ наши письма вскрываютъ“ — пронеслось въ воздухѣ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ, и рабочіе стали расходиться. Минутъ черезъ 20 послѣ того, какъ всѣ уже разошлись, прискакала къ думѣ масса казаковъ. Но все уже было кончено. Тамъ никого не было. Говорятъ, они задержали какихъ то трехъ человѣкъ, вѣроятно, случайно проходившихъ мимо обывателей. Вся эта демонстрація имѣла громадное значеніе въ смыслѣ классоваго воспитанія, ибо она носила яркій классовый характеръ. Рабочіе были очень довольны тѣмъ, что имъ удалось продемонстрировать такъ удачно, что никто не пострадалъ.

Маевка не удалась. Первое (23 апрѣля) собраніе было сорвано; на второе явилось 50 чел. рабоч. и 120 — 150 чел. интеллигентовъ. Пришлось перейти къ мелкимъ массовкамъ; устраивались собранія въ 30 — 60 человѣкъ, сознательные собирались иногда отдѣльно для темъ болѣе высокаго качества. Стачка бондарей намѣчалась, но хозяева уступили. Приказчики тоже заявили на 12 час. рабочій день съ 2-мя час. на обѣдъ, значитъ 10 час. Напряженное состояніе среди нихъ все таки существуетъ. 18 забастовалъ трамвай. 21 мая сегодня парикмахеры. 1 й день трамвай не ходитъ, трамвайщики вечеромъ катаются на лодкахъ, наши ораторы являются къ нимъ и принимаются съ распростертыми объятіями. Рѣчи политическаго характера. Ждемъ забастовки булочниковъ, жестяниковъ.

12-го мая хотѣли организовать выступленіе въ здѣшнемъ драматическомъ кружкѣ. Два члена кружка стали около дверей и не пускали, а потомъ одинъ изъ нихъ бросился за полиціей, когда рабочіе все таки вошли. Тогда одинъ рабочій заявилъ, что они уходятъ и выражаютъ протестъ противъ господъ либераловъ, засѣдающихъ здѣсь, не сумѣвшихъ защитить ихъ противъ доносчиковъ изъ общества, гдѣ они господствуютъ. Черезъ день 13 мая демонстрація въ театрѣ — было выброшено 2500 призывныхъ карточекъ и около 500 прокламацій. Дождь былъ величайшій. Гимнъ сорвать не удалось, было мало народу съ нашей стороны. Полиція всегда являлась post factum, казаки носились по городу, разыскивая демонстрантовъ, но, увы! ихъ не было.

[illegible] ночь. 11 час. вечера — 2 сотни скачутъ въ карьеръ сбитымъ строемъ. Обыватель крестится, демонстрантъ сидитъ дома и потираетъ руки отъ удовольствія. Потери — одинъ казакъ упалъ и сломалъ руку; былъ затоптанъ (хоть не до смерти) [illegible] бабкой. Черезъ день губернаторъ вызывалъ одного господина, думая, что онъ близокъ къ намъ, и жаловался, что не знаетъ, что дѣлать. Конечно, говоритъ, „долой самодержавіе“ и манифестаціи стали законными, но зачѣмъ стекла ломать, стрѣлять? Господинъ отвѣтилъ, что, вѣдь, они за всѣхъ отвѣтить не могутъ. „Да они хоть что нибудь вродѣ полиціи слѣдить за порядкомъ выбрали бы!“ Потомъ жаловался, что письма съ угрозой убить его получаетъ и просилъ „эту партію“ принять мѣры, чтобы работа шла въ приличныхъ формахъ, т. к. онъ противъ этого ничего не имѣетъ.

Въ думѣ продолженіе было такое. На слѣдующій день было частное собраніе гласныхъ по предложенію головы. Что предпринять? Какъ вести дальше собраніе? Открыто или закрыто? На дворѣ въ это время была набита полиція. Либеральные гласные потребовали, чтобы полиція была удалена. Голова Беззубиковъ заявилъ, что вчера среди рабочихъ раздавались слова: стрѣлять, и только кто то ихъ остановилъ. Онъ снова переживать этого не хочетъ. Все таки гласные настояли убрать полицію и впредь не приглашать. Рѣшили вести собраніе открыто. На день 18 мая было продолженіе публичнаго засѣданія. Полиція оказалась на дворѣ. Либеральные гласные потребовали ея удаленія, голова заявилъ, что это воля губернатора; поднялись протесты. Наконецъ, 2 часа ночи. Гласные демонстративно удалились, не желая „вести дѣла населенія“ подъ полицейской охраной противъ того же населенія. Вышла шумная демонстрація, которой удивляются сами гласные. Оказалось, что полицію вызвалъ самъ голова и нагло вралъ публично. Либералы хотятъ его за это обругать публично-же, но наврядъ ли рѣшатся.

Ростовъ н Д. 27 мая въ засѣданіи городской думы собралась толпа рабочихъ (около 200 ч.). Попросивъ слова, одинъ изъ нихъ прочелъ резолюцію, принятую Ростовс-Нахичеванскими рабочими о прекращеніи войны. „Если вы граждане, вы, вмѣстѣ съ нами, должны немедленно потребовать прекращенія бойни“, таковъ смыслъ резолюціи. Городской голова и гласные растерялись. Городской голова закрываетъ засѣданіе, говоритъ, что не можетъ допустить разговоровъ, дебатовъ. Одинъ изъ залы громко кричитъ на верхъ: товарищи, город. голова исполнилъ свой долгъ — онъ позвалъ полицію. Стали расходиться. Полиція никого не трогала, но требовала разойтись. Послѣ этого въ городскомъ саду на Музыкальной аллеѣ кто то крикнулъ: „долой войну!“ и „долой самодержавіе!“ Моментально подхватила вся аллея, а затѣмъ весь садъ — вышли было на улицу но тутъ появились казаки, полиція и проч. Послѣ этого полиція никого не пускала къ саду и, вообще, не позволяла ходить по Садовой. — У насъ почти каждая отрасль производства имѣла свою забастовку. Теперь бастуютъ скорняки — хозяева. Требуютъ отъ магазиновъ 25% надбавки. — Арестов. І. Дишбакъ (найдено 1 700 штукъ листковъ).

Д. К.

Ростовъ на Д. За послѣднее время замѣчается усиленное броженіе среди береговыхъ рабочихъ, вылившееся въ началѣ мая въ формѣ забастовокъ. Были выставлены чисто экономическія требованія. Часть этихъ требованій была удовлетворена, и рабочіе, продержавшись нѣсколько дней, приступили къ работѣ. 26 мая былъ такой случай. На берегъ Дона привезли элеваторъ. Собралось человѣкъ 500 береговыхъ рабочихъ; среди нихъ послышались крики и требованія немедленнаго уничтоженія элеватора, такъ какъ, благодаря ему, усилится безработица. И масса чуть было не привела своего рѣшенія въ исполненіе, но элеваторъ успѣли отвезти на другой берегъ Дона.

Толпа продолжала волноваться, и былъ моментъ, когда дѣло грозило принять совсѣмъ плохой оборотъ. Возбужденіемъ воспользовались черносотенцы, говорившіе, что введеніе элеватора происходитъ по иниціативѣ „жидовъ“, что они же виноваты и во всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ: войнѣ, безработицѣ, увеличеніи налоговъ и пр., а потому — „бей жидовъ!“ Толпа уже двинулась было въ городъ, но въ это время случайно проходилъ мимо одинъ товарищъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, произнесъ рѣчь, оказавшую свое вліяніе. Затѣмъ подоспѣли казаки и разсѣяли толпу. Ходятъ слухи, что черносотенцы избили двухъ интеллигентовъ.

Ростовъ на Д. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ появилось письмо бухгалтеровъ конторы акц. общества „Аксай“ — Тихомирова и Скворцова. Письмо это, характеризовавшее плохое экономическое положеніе лицъ, занимающихся конторскимъ трудомъ, и настаивавшее на необходимости организовать возможно скорѣе профессіональный союзъ, дало толчокъ массѣ конторскихъ служащихъ. Ежедневно стали появляться въ газетахъ письма конторщиковъ и бухгалтеровъ, заявлявшихъ о своемъ желаніи присоединиться къ союзу и требовавшихъ немедленнаго созыва общаго собранія.

Въ виду такого возбужденія группа конторщиковъ соціальдемократовъ рѣшила организовать предварительно спеціальное собраніе конторщиковъ-соціальдемократовъ, чтобы принять одно опредѣленное рѣшеніе по отношенію къ проектируемому союзу. На этомъ собраніи большинствомъ голосовъ была принята резолюція въ томъ смыслѣ, что соціальдемократъ не долженъ входить въ профессіональные политическіе союзы, преслѣдующіе чисто профессіональныя цѣли. Рѣшено было повести широкую агитацію въ этомъ смыслѣ. Надняхъ должно состоятся общее собраніе всѣхъ конторщиковъ, на которомъ опредѣлится успѣшность нашей агитаціи.

Отъ ред. Къ сожалѣнію, благодаря недостаточной точности выраженій автора корреспонденціи, трудно высказаться опредѣленно по поводу тактики, принятой ростовскими товарищами по отношенію къ проектируемому союзу конторскихъ служащихъ. Съ одной стороны, авторъ говоритъ о „профессіональныхъ-политическихъ“ союзахъ, съ другой же, характеризуетъ ихъ, какъ „преслѣдующіе *чисто* профессіональныя цѣли“. Поскольку рѣчь идетъ о дѣйствительно *профессіональномъ* союзѣ *пролетаріевъ* (а таковыми, несмотря на квалифицированный характеръ своего труда, являются, по своему положенію въ обществѣ, низшіе конторскіе служащіе), мы считаемъ, въ общемъ и цѣломъ, участіе соціалдемократовъ въ такомъ союзѣ, несмотря на его внѣпартійный характеръ, обязательнымъ. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми *политическими* союзами, которые въ большомъ числѣ возникаютъ теперь, *подъ флагомъ* профессіонализма, среди общественныхъ группъ, по положенію своему чрезвычайно далекихъ отъ пролетаріата. Не говоря уже о томъ, что и *профессіональные* интересы этихъ группъ нерѣдко стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами пролетаріата и потому не могутъ быть поддерживаемы соціалдемократіей, профессіонализмъ служитъ здѣсь обыкновенно лишь вывѣской, удобной *формой для политической* организаціи опредѣленныхъ слоевъ буржуазной демократіи. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ такъ называемый „профессіональный союзъ“ есть ничто иное, какъ форма организаціи буржуазно-демократической партіи. Участвовать же въ такой организаціи *съ обязательствомъ подчиняться рѣшенію большинства* во всеобъемлющемъ кругѣ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію такой организаціи, значило бы для соціальдемократа отказаться отъ самостоятельной партійной организаціи. Незачѣмъ, конечно, говорить, что такая „самостоятельность“ для насъ не вопросъ „фракціоннаго самолюбія“ и пр. пр., а вопросъ охраненія интересовъ пролетаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и интересовъ революціи вообще.

Разумѣется, бываютъ переходные случаи — и въ смыслѣ состава союзовъ и въ смыслѣ ихъ программы — гдѣ правильное рѣшеніе требуетъ тщательнаго изученія и взвѣшиванія всѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, къ этому животрепещущему вопросу мы еще вернемся.

Юзово. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ среди юзовскихъ приказчиковъ наблюдается броженіе. Въ февралѣ, передъ юзовской забастовкой, они собрались было на борьбу съ хозяевами, но послѣднимъ удалось уговорить ихъ отложить свои требованія до конца рабочей забастовки. Мало сознательные и даже реакціонные приказчики согласились.

Послѣ забастовки хозяева сами по подпискѣ удовлетворили одно лишь требованіе — сокращеніе рабочаго дня — и стали торговать отъ 7 до 7. Приказчики удовлетворились этимъ и радовались легкой побѣдѣ!

Идиллія, однако, продолжалась недолго; дня черезъ три усиліями нѣкоторыхъ торговцевъ, главнымъ образомъ, общества потребителей, торговлю затянули на часъ позже, до восьми. Приказчики всполошились. Но борьба идетъ безъ всякаго шанса на успѣхъ: устраиваются концерты подъ окнами магазиновъ, нѣкоторыхъ торговцевъ освистываютъ и т. п. Было два собранія ихъ, на которыхъ мы пытались дѣйствовать. На одномъ даже предсѣдателемъ былъ выбранъ нашъ товарищъ-ораторъ, но, предвидя невозможность провести свою линію, онъ отказался. Силъ же у насъ мало, и заниматься много съ приказчиками некогда. Сегодня выпускаемъ къ нимъ листокъ.

За то бастуютъ, кажется, парикмахеры. Вчера было собраніе человѣкъ въ восемь, на которомъ, совмѣстно съ нами, выработаны требованія. Послѣдній пунктъ: солидарность съ общими требованіями всѣхъ россійскихъ рабочихъ.

Работа постоянно расширяется. Часто собираются кружки, летучки, подчасъ и массовки. Растутъ связи на рудникахъ.

Теперь пытаемся провести агитаціонную кампанію по поводу проекта Булыгина. Выработана схема агитаціи, будетъ выпущенъ листокъ, и предложены на голоса резолюціи, въ концѣ кампаніи.

1 Іюля 1905 г. Юзовская группа. Донец. Ком.

Оргѣевъ. (Бессар. губ.) Событія, происходящія въ Россіи, подняли, наконецъ, и нашъ заброшенный уголокъ. Чувствуется подъемъ революціоннаго духа въ массѣ. Съ каждымъ днемъ къ нашей организаціи примыкаютъ рабочіе, которые до сихъ поръ пребывали въ полной косности и равнодушіи и смотрѣли на соціальдемократію, какъ на звѣря. Работаетъ у насъ соц.-дем. организ., имѣющая связи съ кишиневской партійной организ. и съ Бундомъ. Дѣло въ томъ, что массовое движеніе у насъ недавно началось, и до сихъ поръ рабочіе не успѣли выяснить вопросъ о Бундѣ и о партіи. Работали-же здѣсь все время бундовскіе интеллигенты, но болѣе сознательные рабочіе выражаютъ свое согласіе съ Партіей даже хотѣли установить свою „искровскую“ организацію; но, считаясь съ тѣмъ, что рабочихъ здѣсь мало, 130—140 чел.), мы рѣшили подождать и остаться на время нейтральными. Литературой насъ снабжаетъ Кишиневъ, и отъ времени до времени насъ посѣщаютъ товарищи изъ этой же организаціи. Вкратцѣ я хочу выяснить дѣятельность нашей организаціи за послѣднее время. Передъ пасхой распространялись слухи по городу, что „патріоты“ хотятъ устроить погромъ. Наша организація тоже подготовилась и сорганизовала самооборону, которой, къ великой радости, не пришлось дѣйствовать. Первомайская агитація шла у насъ усиленно и, намъ удалось первый разъ праздновать день перваго мая: на видномъ мѣстѣ развѣвалось красное знамя, подъ которымъ ораторы произносили свои рѣчи. Говорили рабочіе и интеллигенты: о значеніи дня 1 мая, 9 января, и, вообще, о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи. Говорили очень хорошо, и революціонный духъ массы былъ до того приподнятъ, что всѣ рвались на демонстрацію въ городъ. Но организація рѣшила демонстрацій не устраивать. Праздновали весь день. Передъ уходомъ всѣ федили на улицу лишь тѣ немногіе, кто имѣлъ неотложныя дѣла или кто вѣрилъ, что „безъ воли божіей не упадетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣка“.

Въ пять часовъ пополудни я проходилъ по Петроковской. Какое жуткое чувство!

Словно въ заколдованномъ царствѣ. Тишина поразительная, какой не бываетъ ни въ одномъ городѣ даже по ночамъ. Странно видѣть повсюду спущенныя жалюзи, когда въ самые большіе праздники въ Лодзи дѣятельность не прекращается совершенно. Кромѣ дежурныхъ извозчиковъ, всѣ остальные по домамъ. Идешь въ такой жуткой тишинѣ, и вдругъ сухой трескъ выстрѣла изъ винтовки. Вздрогнешь, повернешься, оглянешься кругомъ — только и видишь солдатъ и казаковъ, держащихъ палецъ у курка и не спускающихъ глазъ съ оконъ. Дѣлается страшно — спѣшишь домой.

Съ семи часовъ вечера я безвыходно сижу въ своей комнатѣ. Не отхожу отъ окна и наблюдаю происходящее, прислушиваюсь къ звукамъ. Къ вечеру все, происходившее днемъ, принимаетъ крупные размѣры. Выстрѣлы слышатся чаще. Вотъ залпъ вблизи. Оказывается, что толпа разбила и подожгла монопольную лавку. Въ теченіе дня ихъ разбито около двухъ десятковъ. Я наблюдалъ, какъ разбивали одну лавку. Какъ быстро это дѣлается! Не проходитъ нѣсколькихъ минутъ, — лавочка пылаетъ внутри, а снаружи мостовая блеститъ толстымъ слоемъ стекла, облитаго водкой. Тутъ же клочки уничтоженныхъ гербовыхъ бумагъ, марки, вексельные бланки. Разрушеніе происходитъ при необыкновенной тишинѣ, разрушители безъ звука, безъ слова, дѣлаютъ свое дѣло, словно священодѣйствуютъ. — Отъ времени до времени провозятъ на шарабанѣ трупъ убитаго простолюдина. Убитый лежитъ, распластавшись на днѣ повозки, съ нимъ ѣдутъ городовой и 2 солдата съ направленными вверхъ ружьями. Или такая процессія: городовой и солдаты ведутъ въ участокъ, къ амбулаторному пункту не особенно тяжело раненаго. Стража идетъ молчаливо, на улицѣ мертвая тишина, а раненый, держась за пораженное мѣсто, стонетъ, плачетъ и выворачиваетъ этими звуками душу. Картины мѣняются. Вотъ бѣшенымъ галопомъ мчится во главѣ съ офицеромъ казацкій отрядъ. Онъ возвращается скоро. Оказывается, въ городскомъ саду собрались рабочіе, но разошлись до появленія казаковъ.

Всякій разговоръ съ улицы доносится, благодаря господствующей общей тишинѣ. Вотъ проходитъ фонарщикъ. Останавливается и разсказываетъ дворнику, что цѣлые кварталы, даже улицы останутся на ночь въ темнотѣ: фонари или выворочены, или у нихъ разбиты стекла. [illegible] крупныя событія. [illegible] На углу Петроковской и [illegible] собралось все начальство участка [illegible] церами нѣчто [illegible] и вдругъ [illegible] залпы, чѣмъ [illegible] исключительно [illegible] денной польскими и нѣмецкими рабочими [illegible] моемъ районѣ. [illegible] примѣръ евреевъ [illegible] уваженіе, которымъ [illegible] послѣдній годъ [illegible] евреямъ. [illegible] новеніяхъ [illegible] щеніе. [illegible] ведшій [illegible] демонстраціи [illegible] вчерашнемъ [illegible] странялось [illegible] какихъ-то [illegible]

По звукамъ выстрѣловъ [illegible] когда стрѣляютъ [illegible] это бьютъ винтовки [illegible] воздухѣ — [illegible] стенькія ружья, не имѣющія [illegible] слышатся или одиночные выстрѣлы [illegible] съ патрулями [illegible] залпы — это, понимаемъ [illegible] или иного прикрытія [illegible] ночи стрѣльба становится [illegible] въ существованіи [illegible] ютъ одинъ за другимъ [illegible] стрѣливается [illegible] етъ, но одиночные выстрѣлы [illegible] По выстрѣламъ рисуешь себѣ [illegible] дей; собаки не перестаютъ выть [illegible] долго. Но вотъ [illegible] знаю, всюду ли [illegible] ся лишь вдали [illegible] часъ ночи въ началѣ. Тихо. [illegible] топота казачьихъ отрядовъ [illegible] мыслью лажатся сейчасъ [illegible] тели и, вѣроятно, не [illegible] рѣзываетъ тишину. [illegible] детъ.

[illegible] 50 минутъ ночи 11-24 [illegible]

Воскресенье утромъ. Вчерашній день прошелъ тихо. [illegible] дня съ утра въ городѣ совершенное спокойствіе. По газетнымъ отчетамъ пострадавшихъ въ среду, четвергъ и пятницу около четырехсотъ.

Объявлено полиціей, что общее число убитыхъ [illegible]

Изъ 54 монопольныхъ лавокъ уничтожено [illegible]

По Россіи.

Астрахань. 16 мая должны были въ думѣ разбираться вопросы о Булыгинской коммиссіи и о перевооруженіи полиціи. Послѣднее было предложено думѣ губернаторомъ, который [illegible] что револьверы у городовиковъ плохи и, на случай какихъ-либо безпорядковъ, могутъ оказаться не на должной высотѣ. Надо отдать справедливость нашимъ отцамъ города: дума [illegible] ихъ выразила готовность субсидировать полицію на сей [illegible] угодный предметъ. Организованные рабочіе рѣшили использовать это засѣданіе для политическихъ цѣлей. Къ началу засѣданія стали собираться въ думѣ рабочіе. Но ихъ вознамѣрились не пустить туда. У входа стояли два швейцара, во главѣ съ однимъ изъ отцовъ города, думавшимъ, вѣроятно, своимъ присутствіемъ придать больше солидности акту вышибанія публики. Но рабочіе рѣшили пройти, что называется, черезъ [illegible] охранителей думскаго спокойствія. Швейцаровъ [illegible] и толпа хлынула наверхъ. Помѣщеніе для публики въ [illegible] очень маленькое. Отцы города, вѣдь, обыкновенно [illegible] обдѣлывать свои дѣлишки втихомолку, а потому [illegible] отводятъ какое-то, съ позволенія сказать, стойло. На[illegible] туда человѣкъ 200. Не вмѣстившіеся не могли, часть [illegible] въ корридорѣ. Давка была страшная. Начались пренія, [illegible] совсѣмъ не о томъ, о чемъ предполагалось. Почему-то думцы отложили вышеупомянутые вопросы и занялись другими. Но, дабы не утруждать себя вторичной организаціей выступленія защитниковъ городскихъ интересовъ еще разъ не вводить въ соблазнъ позвать казаковъ, рѣшили дѣла не откладывать. Между тѣмъ, думскіе Цицероны о чемъ-то тамъ заикнулись. И вотъ, въ промежуткѣ между такими двумя Цицеронами, выступилъ одинъ рабочій и сталъ говорить. Моментально зазвенѣлъ колокольчикъ. Но, видя, что ораторъ звономъ не смущается, голова, а за нимъ и гласные, повскакали со своихъ мѣстъ и подняли шумъ, кричали, что надъ ними совершаютъ насиліе. Среди шума ораторъ замолчалъ. Голова кричалъ, что не позволитъ говорить какимъ-то рабочимъ, но рабочіе дружно потребовали дать высказаться своему оратору. „Господа — изрекъ одинъ гласный — мы завтра будемъ говорить объ этомъ“ — „Ладно, довольно вы насъ завтраками кормилъ!“ — отвѣтили ему. „Я кормлю 200 чел. и буду послѣ этого говорить съ вами!“ — кричалъ какой-то толстопузый купецъ. „Тебя они кормятъ, а не ты ихъ, ты ихъ обираешь!“ — закричалъ въ отвѣтъ одинъ рабочій. Кто-то изъ гласныхъ началъ говорить насчетъ того, что мы, дескать, поступаемъ не по указамъ, на что въ отвѣтъ посыпалось: „Не признаемъ указовъ! Долой указъ! Мы сами указы будемъ издавать!“ Гласные показали себя во всемъ своемъ кулацкомъ великолѣпіи, и никто изъ такъ называемыхъ либеральныхъ гласныхъ не протестовалъ противъ того, что рабочимъ не даютъ говорить; по крайней мѣрѣ, не слышно было, можетъ, изъ-за шума. Настроеніе у рабочихъ было самое воинственное, а они одержали верхъ. Гласные утихли, и одинъ рабочій сталъ читать: „заявленіе организованныхъ рабочихъ г. Астрахани“. Во время чтенія голова телефонировалъ въ полицію. Послѣ заявленія была сказана небольшая рѣчь, покрытая оглушительными: „Смерть самодержавію!“ Послѣ этого рабочіе съ пѣніемъ Марсельезы двинулись къ выходу. Противъ думцевъ всѣ были страшно озлоблены, и это озлобленіе вылилось въ нѣсколько непарламентской формѣ: на пути своего слѣдованія по лѣстницѣ рабочіе выбили всѣ стекла въ дверяхъ, вплоть до выходныхъ дверей включительно. По улицѣ прошли съ пѣніемъ. Полиція абсолютно отсутствовала, ибо въ эту же ночь былъ спектакль въ саду, отъ котораго полиція ожидала всякихъ каверзъ, а потому все ея вниманіе было направлено туда. Всѣ собравшіеся рабочіе въ зданіи думы не могли вмѣститься и должны были ждать на улицѣ, чтобы потомъ соединиться. Но дождь ихъ разогналъ. Въ случаѣ хорошей погоды, была бы грандіозная демонстрація. Въ хорошую погоду на улицѣ, по которой шли демонстранты, — масса гуляющихъ, а благодаря дождю ихъ не было. Стали поспѣшно закрываться лавки, и попавшіе сюда обыватели во весь духъ улепетывали во всѣ стороны. Пройдясь нѣсколько по Главной улицѣ, толпа раздѣлилась на нѣсколько группъ, и со всѣхъ концовъ доносилось: „Долой самодержавіе! Долой войну!“ Проходя мимо почты, нѣсколько человѣкъ запустили туда камнями: „тамъ наши письма вскрываютъ“ — пронеслось въ воздухѣ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ въ воздухъ, и рабочіе стали расходиться. Минутъ черезъ 20 послѣ того, какъ всѣ уже разошлись, прискакала къ думѣ масса казаковъ. Но все уже было кончено. Тамъ никого не было. [illegible] задержали какихъ-то трехъ человѣкъ, вѣроятно, случайно проходившихъ мимо обывателей. Вся эта демонстрація имѣла громадное значеніе въ смыслѣ [illegible] носила [illegible] характеръ. Рабочіе [illegible] тѣмъ, что имъ удалось [illegible]

[illegible] 2 [illegible] собраніе было [illegible] 120—130 [illegible] Приказчики тоже [illegible] 25 мая [illegible]

[illegible]

[illegible] Въ думѣ [illegible] На слѣдующій день было [illegible] Либеральные [illegible] Голова [illegible] рабочихъ [illegible] Все-таки гласные настояли убрать [illegible] Рѣшили вести собраніе открыто. На день 16 мая было предложено публичнаго засѣданія. Полиція [illegible] Либеральные гласные потребовали [illegible] удаленія [illegible] заявить, что это не [illegible] губернатора [illegible] протесты. Наконецъ, 2 часа ночи. Гласные демонстративно удалились, не желая „вести дѣла на глазахъ“ [illegible] астраханской [illegible] противъ того же населенія. Вышла шумная демонстрація, которой удивляются сами гласные. Оказалось, что [illegible] вызвали сами голова и нагло вралъ публично [illegible] публично [illegible] рѣшались.

Ростовъ н Д. 27 мая въ засѣданіи городской думы собралось [illegible] рабочихъ около 200 чел. Попросивъ слова, одинъ изъ нихъ прочелъ резолюцію, принятую Ростово-Нахичеванскими рабочими о прекращеніи войны: „Если вы, граждане, вы, имѣете съ нами, должны немедленно потребовать прекращенія бойни“, таковъ смыслъ резолюціи. Городской голова и гласные растерялись. Городской голова закрываетъ засѣданіе, говоритъ, что не можетъ допустить разговоровъ, дебатовъ. Одинъ изъ зала громко кричитъ на верхъ: товарищи, городской голова исполнилъ свой долгъ — онъ позвалъ полицію. Стали расходиться. Полиція никого не трогала, но требовала разойтись. Послѣ этого въ городскомъ саду на Музыкальной аллеѣ кто-то крикнулъ „долой войну!“ и „долой самодержавіе!“ Моментально подхватила вся аллея, а затѣмъ весь садъ — вышли было на улицу, но тутъ появились казаки, полиція и проч. Послѣ этого полиція никого не пускала въ саду и, вообще, не позволяла ходить по Садовой. — У насъ почти каждая отрасль производства имѣла свою забастовку. Теперь бастуютъ сборщики — хозяева. Требуютъ отъ магазиновъ 25% надбавки. — Арестовъ 1 [illegible] найдено 1700 штукъ листковъ).

Л. К.

Ростовъ на Д. За послѣднее время замѣчается усиленное броженіе среди береговыхъ рабочихъ, вылившееся въ началѣ мая въ формѣ забастовокъ. Были выставлены чисто экономическія требованія. Часть этихъ требованій была удовлетворена, и рабочіе, продержавшись нѣсколько дней, приступили къ работѣ. 26 мая былъ такой случай. На берегъ Дона привезли элеваторъ. Собралось человѣкъ 500 береговыхъ рабочихъ; среди нихъ послышались крики и требованія немедленнаго уничтоженія элеватора, такъ какъ, благодаря ему, усилится безработица. И масса чуть было не привела своего рѣшенія въ исполненіе, но элеваторъ успѣли отвезти на другой берегъ Дона.

Толпа продолжала волноваться, и былъ моментъ, когда дѣло грозило принять совсѣмъ плохой оборотъ. Возбужденіемъ воспользовались черносотенцы, говорившіе, что введеніе элеватора происходитъ по иниціативѣ „жидовъ“, что они же виноваты и во всѣхъ другихъ бѣдствіяхъ: войнѣ, безработицѣ, увеличеніи налоговъ и пр., а потому — „бей жидовъ!“ Толпа уже двинулась было въ городъ, но въ это время случайно проходилъ мимо одинъ товарищъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, произнесъ рѣчь, оказавшую свое вліяніе. Затѣмъ подоспѣли казаки и разсѣяли толпу. Ходятъ слухи, что черносотенцы избили двухъ интеллигентовъ.

Ростовъ на Д. Нѣсколько недѣль тому назадъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ появилось письмо бухгалтеровъ конторы акц. общества „Аксай“ — Тихомирова и Скворцова. Письмо это, характеризовавшее плохое экономическое положеніе лицъ, занимающихся конторскимъ трудомъ, и настаивавшее на необходимости организовать возможно скорѣе профессіональный союзъ, дало толчокъ массѣ конторскихъ служащихъ. Ежедневно стали появляться въ газетахъ письма конторщиковъ и бухгалтеровъ, заявлявшихъ о своемъ желаніи присоединиться къ союзу и требовавшихъ немедленнаго созыва общаго собранія.

Въ виду такого возбужденія группа конторщиковъ соціалъ-демократовъ рѣшила организовать предварительно спеціальное собраніе конторщиковъ-соціалдемократовъ, чтобы принять одно опредѣленное рѣшеніе по отношенію къ проектируемому союзу. На этомъ собраніи большинствомъ голосовъ была принята резолюція въ томъ смыслѣ, что соціалдемократъ не долженъ входить въ профессіональные политическіе союзы, преслѣдующіе чисто профессіональныя цѣли. Рѣшено было повести широкую агитацію въ этомъ смыслѣ. На-дняхъ должно состояться общее собраніе всѣхъ конторщиковъ, на которомъ опредѣлится успѣшность нашей агитаціи.

Отъ ред. Къ сожалѣнію, благодаря недостаточной точности выраженій автора корреспонденціи, трудно намъ касаться опредѣленно по поводу тактики, принятой ростовскими товарищами по отношенію къ проектируемому союзу конторскихъ служащихъ. Съ одной стороны, авторъ говоритъ о „профессіональныхъ-политическихъ“ союзахъ, съ другой же характеризуетъ ихъ, какъ „преслѣдующіе чисто профессіональныя цѣли“. Поскольку рѣчь идетъ о дѣйствительно *профессіональномъ* союзѣ *пролетаріевъ* [illegible] несмотря на квалифицированный характеръ своего [illegible] по своему положенію въ обществѣ, низшіе конторскіе служащіе, мы считаемъ въ общемъ и цѣломъ, участіе [illegible] въ такомъ союзѣ, несмотря на его внѣпартійный характеръ, обязательнымъ. Иначе обстоитъ дѣло съ [illegible] союзами, которые въ большомъ числѣ возникли [illegible] профессіонализма среди общественныхъ группъ, по [illegible] своему чрезвычайно далекихъ отъ пролетаріата. Не говоря уже о томъ, что и *профессіональные* интересы [illegible] стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами пролетаріата и потому не могутъ [illegible] профессіонализмъ служитъ [illegible] удобной *формой* для политической организаціи [illegible] буржуазной демократіи. [illegible] въ этомъ случаѣ такъ называемый „профессіональный союзъ“ [illegible] какъ форма организаціи [illegible] буржуазной демократической партіи. Участвовать же въ [illegible] *обязательствомъ подчиняться рѣшенію большинства* [illegible] вопросовъ, подлежащихъ [illegible] соціалдемократа [illegible] самостоятельной партійной организаціи. Необходимо, конечно, [illegible] „самостоятельность“ для [illegible] и пр., а вопросъ [illegible] съ тѣмъ, и интересы [illegible]

Разумѣется, [illegible] и въ смыслѣ [illegible] программы — [illegible] правильное рѣшеніе требуетъ [illegible] всѣхъ конкретныхъ обстоятельствъ. Вернемся къ этому животрепещущему вопросу мы еще не разъ.

Юзово. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ среди юзовскихъ приказчиковъ наблюдается броженіе. Въ февралѣ, передъ [illegible] забастовкой, они собрались было на борьбу съ хозяевами, но [illegible] удалось уговорить ихъ отложить свои требованія до конца рабочей забастовки. Мало сознательные и [illegible] реакціонные приказчики согласились.

Послѣ забастовки хозяева сами [illegible] уговорили [illegible] требованіе — сокращеніе рабочаго дня — и стали торговать [illegible] 7. Приказчики удовлетворились этимъ и... [illegible] побѣдѣ!

[illegible] однако, продолжалось недолго, дня черезъ три усиліями нѣкоторыхъ торговцевъ, главнымъ образомъ, общества потребителей, торговлю затянули на часъ позже — до восьми. Приказчики возмутились. Но борьба идетъ безъ всякаго шанса на успѣхъ: устраиваютъ концерты подъ окнами магазиновъ, нѣкоторыхъ торговцевъ освистываютъ и т. п. Было два собранія ихъ, на которыхъ мы пытались дѣйствовать. На одномъ даже предсѣдателемъ былъ выбранъ нашъ товарищъ-ораторъ, но, предвидя невозможность провести свою линію, онъ отказался. Силъ же у насъ мало и заниматься много съ приказчиками некогда. Сегодня выпускаемъ къ нимъ листокъ.

За то бастуютъ, кажется, парикмахеры. Вчера было собраніе человѣкъ въ восемь, на которомъ, совмѣстно съ нами, выработаны требованія. Послѣдній пунктъ — солидарность съ общими требованіями всѣхъ россійскихъ рабочихъ.

Работа постоянно расширяется. Часто собираются кружки, летучки [illegible] и массовки. Растутъ связи на рудникахъ.

Теперь пытаемся провести агитаціонную кампанію по поводу проекта Булыгина. Выработана схема агитаціи, будетъ выпущенъ листокъ и предложена на голоса резолюція въ концѣ кампаніи.

1 іюня 1905. Юзовская группа. Донец. Ком.

Оргѣевъ (Бессар. губ.). Событія, происходящія въ Россіи, подняли, наконецъ, и нашъ заброшенный уголокъ. Чувствуется подъемъ революціоннаго духа въ массѣ. Съ каждымъ днемъ къ нашей организаціи примыкаютъ рабочіе, которые до сихъ поръ пребывали въ полной косности и равнодушіи смотрѣли на соціалдемократію, какъ на звѣря. Работаетъ у насъ соц.-дем. организ., имѣющая связи съ кишиневской партійной организ. и съ Бундомъ. Дѣло въ томъ, что массовое движеніе у насъ недавно началось, и до сихъ поръ рабочіе еще не успѣли выяснить вопросъ о Бундѣ и о партіи. Работали же здѣсь все время бундовскіе интеллигенты, но болѣе сознательные рабочіе выражаютъ свое согласіе съ Партіей, даже хотѣли установить свою „искровскую“ организацію, но, считаясь съ тѣмъ, что рабочихъ здѣсь мало, 130—140 чел., мы рѣшили подождать и остаться на время нейтральными. Литературой насъ снабжаетъ Кишиневъ, и отъ времени до времени насъ посѣщаютъ товарищи изъ этой же организаціи. Вкратцѣ я хочу выяснить дѣятельность нашей организаціи за послѣднее время. Передъ пасхой распространялись слухи по городу, что „патріоты“ хотятъ устроить погромъ. Наша организація тоже подготовилась и сорганизовала самооборону, которой, къ великой радости, не пришлось дѣйствовать. Первомайская агитація шла у насъ усиленно и, намъ удалось первый разъ праздновать день перваго мая: на видномъ мѣстѣ развѣвалось красное знамя, подъ которымъ ораторы произносили свои рѣчи. Говорили рабочіе и интеллигенты: о значеніи дня 1 мая, 9 января, и, вообще, о послѣднихъ событіяхъ въ Россіи. Говорили очень хорошо, и революціонный духъ массы былъ до того приподнятъ, что всѣ рвались на демонстрацію въ городъ. Но организація рѣшила демонстрацію не устраивать. Праздновали весь день. Передъ уходомъ всѣ феражали свое искреннее сочувствіе всѣмъ павшимъ за свободу товарищамъ и видно было по настроенію, что и ихъ руки не дрогнутъ при встрѣчѣ съ врагомъ на баррикадахъ, и они также смогутъ умереть за освобожденіе Россіи отъ ужаснаго самодержавнаго ига. У насъ была дискуссія по вопросу о бундѣ. Рефератъ о національной автономіи читалъ бундовецъ. Характерно, что рабочіе были согласны съ доводами „искровца" оппонента. Присутствовавшая-же на собраніи полусіонистская интеллигенція поддерживала бундовца. Были три массовки по 80 чел. Говорили о переживаемомъ въ Россіи моментѣ, объ Учредительномъ Собраніи, объ еврейскомъ и русскомъ рабочемъ движеніи и о парижской коммунѣ.

Рабочій.

Сквирскій уѣздъ Кіевской губерніи. Начиная съ половины мая, повсемѣстныя забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Забастовки возникаютъ, благодаря крайне бѣдственному экономическому положенію работниковъ, безобразно-низкой заработной платѣ, тяжести увеличившихся значительно налоговъ; но эти причины только кажущіяся или, вѣрнѣе, играющія самую незначительную роль. Недовольство крестьянъ существующимъ положеніемъ, огромный запасъ революціонной энергіи, ищущій выхода, почти полное незнакомство съ политической жизнью, страшное желаніе познать тайны „политики" — вотъ главные мотивы забастовокъ. Онѣ (забастовки) не преслѣдуютъ никакой опредѣленной цѣли, являясь какъ бы первыми шагами на политическомъ полѣ; шагами, правда, не твердыми, но все таки шагами. Спрашиваемъ забастовщиковъ, изъ за чего бунтуете — „та отъ же бы земли прибавилы, або податн скинулы, або панівъ позыгонять, або хоть бы більше платылы". И обыкновенно забастовка кончается или въ тотъ же день, или на другой — третій, въ большинствѣ случаевъ — безрезультатно. Благодаря вѣковому безправію, у крестьянъ стушевались во жаки, люди ини̇ ативы, всѣ на сходѣ или передъ работой суетятся, волнуются — какъ пчелы въ безматочномъ ульѣ. Къ мужикъ относятся недовѣрчиво. Силенъ еще страхъ передъ мировыми посредниками и пр. нечистью. Но одновременно съ этой боязнью, раздается все больше и больше голосовъ, что „якъ бы у нашомъ селі було хоть 20 человікъ дружный, то можнабъ усю полыцію перебытъ по одиночкѣ". Во многихъ селахъ высказываются за уничтоженіе имущества панівъ и начальства (поджогъ). При этомъ вспоминаютъ слова Шевченка: „огнемъ і водою буду быця зъ тобою, чертовой душі невіра". Литературу, листки, за самыми ничтожными исключеніями, читаютъ очень охотно и съ одобрительнымъ возгласами вродѣ: „правду пышуть соціалисты".

Благодаря той же боязни начальства, крестьянъ очень трудно собирать на сходы. По моему мнѣнію, наиболѣе продуктивно теперь организовать въ деревняхъ группы, ведя между ними усиленную пропагандистско-агитаціонную дѣятельность. Особенно часто приходится выслушивать и отвѣчать на такіе вопросы: „Ну ладно, отъ мы по всії Россія сговоримось, зъіднались, а якъ же тоді начать? Съ чего саме почынать? Ну, якъ навыкладъ царя скинуть а посадытъ на престолъ учредительное собраніе?" Крестьяне совсѣмъ не боятся политики, какъ многіе думаютъ, можно бесѣдовать на любую политическую тему безъ всякихъ предварительныхъ посылокъ о коровахъ, землѣ и пр. Наоборотъ, очень интересуются политикой и только выражаютъ сомнѣніе, чтобы скоро могъ произойти переворотъ. „Щожъ вы зробыте, колы нашъ братъ дурный ще здорово". „Отъ якъ бы царя збылы, тоді бъ намъ легше було и полыцію выгонятъ и податівъ не платытъ. Тоді якъ бы прыіхавъ земской, або мировый посредникъ, ябъ сказавъ: знать тебе не знаю, я тобі не присягавъ, а теперь вінъ посланный отъ царя, вінъ тоже служе". За послѣдніе дни были забастовки въ селахъ: Романовкѣ, Кошлякахъ, Ставницахъ, Чернявкѣ, Пѣвнѧхъ и многихъ другихъ окружныхъ селахъ. Продолжались день—два, почти вездѣ безрезультатно. Въ большинствѣ случаевъ выставляли требованія увеличенія платы, но на другой — третій день становились на прежнихъ условіяхъ. Въ м. Романовкѣ 21 мая былъ обыскъ у крестьянина Феодосія Чупрычока. При обыскѣ найдено: Заря №№ 2-3-4, и еще какая то книжка нелегальная (предполагаютъ, что онѣ подброшены производившими обыскъ), 2 книжки изд. „Донской рѣчи", нѣсколько листовъ бѣлой писчей бумаги. Феодосій Чупрынокъ арестованъ. Послѣ допроса на мѣстѣ приставомъ, который угостилъ Ф. Ч. монополькой, желая у пьянаго что нибудь выпытать (неудачно), арестованнаго отправили въ Харьковъ къ слѣдователю. О дальнѣйшемъ извѣстій нѣтъ. Обыскъ производили 2 раза. Сначала урядникъ, стражникъ, старшина и еще какая то дрянь, а затѣмъ, послѣ ареста, пріѣхалъ приставъ и тѣ же, забрали бумагу и легальныя книжки. Въ тотъ же день арестовали тамъ же еще 2 человѣкъ, а на другой день 2 сыновей Феод. Чупрынка. Въ чемъ обвиняютъ, неизвѣстно. Особенную старательность при обыскѣ выказалъ старшина. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, что Ф. Ч. о книжкахъ ничего не зналъ; въ пользу этого говоритъ и то, что на чердакъ, гдѣ нашли книжки, сначала полѣзли урядникъ и старшина, а затѣмъ, спустившись, полѣзли снова съ понятыми. Въ м. Сквирѣ на дняхъ была забастовка портныхъ около 100 человѣкъ. Много избитыхъ и арестованныхъ; одного портного ранили шашкой до кости. Около того же времени группа молодежи устроила манифестацію по поводу пораженія Рожественскаго. Молодежь манифестировала на лодкахъ на рѣкѣ. Раздавались возгласы: долой войну, долой самодержавіе, да здравствуютъ соціалисты! При выходѣ на берегъ многіе арестованы. Почти ежедневно сюда приходятъ большія партіи крестьянъ, арестованныхъ за забастовки и „политику". Вообще, дѣла очень много, а работниковъ нѣтъ. Необходима крестьянская литература на русскомъ языкѣ.

Новозыбковъ Черниг. губ. 1 марта здѣсь провалилась типографія Полѣсскаго Комитета, при ней свѣже-отпечатанныхъ 4,000 экз. № 3 „Полѣсскаго Листка", нѣсколько пудовъ шрифта и одинъ товарищъ. Двумъ товарищамъ удалось скрыться. Провалъ сильно отразился на общемъ ходѣ работы, которую на нѣкоторое время пришлось пріостановить. Только въ послѣднее время намъ удалось оправиться. Работа значительно расширилась. Кружковая пропаганда, ввиду боевого момента, упразднена. Ее смѣнили массовки (70-80 чел.) На этихъ собраніяхъ наши ораторы говорятъ о значеніи настоящаго момента, о петербургскихъ событіяхъ, о партійной программѣ. Настроеніе рабочихъ бодрое. Они съ большимъ интересомъ посѣщаютъ собранія, внимательно прислушиваются ко всему, что тамъ говорится. Все чаще и чаще слышатся просьбы о регулярномъ снабженіи литературой, главнымъ образомъ, періодической. Особеннымъ успѣхомъ пользуется „Соціальдемократъ". Главный контингентъ рабочихъ, примыкающихъ къ нашей организаціи, ремесленники, среди которыхъ преобладаютъ евреи.

Работа среди христіанъ, хотя въ городѣ ихъ достаточно (до 3,000), ни къ какимъ положительнымъ результатамъ пока не привела. Учащаяся интеллигенція и молодежь усиленнѣе прежняго предлагаетъ услуги. Съ начала апрѣля уже начали поговаривать о необходимости праздновать 1 мая. Рабочіе съ большимъ нетерпѣніемъ ждали праздника. 16 состоялось собраніе изъ 200 чел. въ лѣсу. Говорилъ ораторъ по поводу предстоящаго праздника. Горячая, глубоко-прочувствованная рѣчь его была закончена громогласными „ура", шумными оваціями, выстрѣлами и пѣніемъ. Наконецъ, настал долгожданный день. Уже съ утра рабочіе стали стекаться въ лѣсъ. По городу разнеслись слухи, что полиція оповѣщена о собраніи, и дано распоряженіе казакамъ по первому сигналу направиться въ лѣсъ. Объ этомъ было сообщено собранію съ предложеніемъ разойтиcь. Всѣ энергично запротестовали, и собраніе состоялось. Вечеромъ того же дня была собрана массовка, говорилось о программѣ соц.-рев. Работа въ районѣ Новозыбкова, т. е. во многихъ мѣстечкахъ, посадахъ и деревняхъ, расположенныхъ недалеку, не всюду еще хорошо поставлена, но можно надѣяться, что при настоящемъ приподнятомъ настроеніи, которое такъ или иначе проявляется во всѣхъ уголкахъ Россіи, мы въ ближайшемъ будущемъ сообщимъ вамъ самыя отрадныя извѣстія.

Новозыбковская орг. Полѣсскаго комитета.

Сормово, 30 мая. Знаменательные дни переживаетъ Россія въ странѣ политическаго безправія происходятъ тысячные митинги на глазахъ полиціи и войска. Когда дневная смѣна кончаетъ свою работу, со всѣхъ сторонъ рабочаго поселка начинается движеніе по направленію къ лѣсу около больницы. Туда идутъ группами и въ одиночку рабочіе, дѣвушки и дѣти, вы увидите и сѣдого старика, и разряженную франтиху, и деревенскаго крестьянина. Зайдите вечеромъ въ домъ повидать своего знакомаго рабочаго, вы обычно услышите отвѣтъ: „нѣтъ его, ушелъ въ лѣсъ", или „ушелъ на массовку", „и я бы пошла, да дома оставить не на кого". Въ лѣсу за больницей гуляетъ уже масса публики. Вотъ начинаетъ она группироваться на открытомъ мѣстѣ, на пригоркѣ, кто-нибудь вынимаетъ изъ кармана нелегальную книжку или газету и начинаетъ читать ее. Толпа быстро растетъ, достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ, а по праздникамъ и тысячи, среди толпы появляются ораторы, и на импровизированномъ митингѣ льется свободная рѣчь, свободное слово, обличающее самодержавные порядки, капиталистическую эксплуатацію. Внимательно слушаетъ толпа. Древняя старушка протискивается въ середину круга, гдѣ слушатели сидятъ на землѣ, отодвигаетъ платокъ отъ своихъ ушей, прислушивается и, вытирая слезы, говоритъ: „вотъ плохо слышу то, а хорошо говорятъ про наше горе". Слушатели воспріимчивы, нѣтъ для нихъ страшнаго слова и нападки на самодержавіе и требованіе низверженія его принимаются съ сочувствіемъ. А послѣ митинга поются революціонныя пѣсни, и толпа расходится по домамъ, обсуждая слышанное. „Вотъ напишу зятю въ деревню, говоритъ старичекъ, пусть и онъ пріѣдетъ послушать". И революціонное слово изъ города растекается по деревнямъ и будитъ протестующее настроеніе.

А что же войска и полиція? Въ нѣсколькихъ сотняхъ саженъ отъ мѣста митинга квартируютъ казаки и солдаты, казаковъ около полусотни и солдатъ роты двѣ, они сидятъ на крыльцѣ своего помѣщенія съ городовыми, смотрятъ издали на незаконное сходбище и не осмѣливаются тронуть его. По улицамъ Сормова ѣздятъ патрули, толпами на улицахъ стоятъ городовые, которыхъ нагнали сюда 120 человѣкъ, но они не осмѣливаются разогнать собраніе. Вооруженнымъ отпоромъ рабочіе завоевали себѣ право собраній. У нихъ было нѣсколько столкновеній съ казаками и полиціей, была перестрѣлка съ ранеными съ обѣихъ сторонъ, казаки и полиція были обращены въ бѣгство, и теперь они боятся рабочихъ. Двѣ уже недѣли продолжаются народныя собранія. Начались они рабочими, которые сѣли въ кружокъ и стали читать „Искру" и, такимъ образомъ, собрали вокругъ себя громадную толпу народа. Потомъ явились на нихъ ораторы отъ рабочихъ и отъ комитета. Популярность митинговъ возросла. Прислали на нихъ своего оратора и соціалисты-революціонеры, и такимъ образомъ вынудили соц. дем. открыть съ ними дискуссію передъ массовой аудиторіей. Ораторы отъ большинства и отъ меньшинства дружно повели работу. Митингами въ Сормовѣ дѣло не ограничилось. Они перенесены и въ ближайшія деревни, и тамъ, сначала робко, а потомъ смѣлѣе, стали собираться слушатели на совершенно открыто устраиваемыя собранія, полиція на нихъ даже не показывалась. Постоянное соприкосновеніе съ солдатами и полиціей, возможность ежеминутнаго столкновенія послужили прекрасной пропагандой идеи самовооруженія, часть молодежи вооружилась, другая мечтаетъ, какъ бы ей собраться со средствами, чтобы завести себѣ Браунинга или не уступающее ему оружіе. Идея о бомбахъ становится популярной.

Двѣ недѣли продолжалась Сормовская свобода. Рабочіе толковали: „теперь у насъ не отнимутъ права собираться, мы оружіемъ отстоимъ его". Но вотъ настала критическая минута. Слово должно перейти въ дѣло. Долго терпѣла полиція попраніе ея священнѣйшаго чувства — чувства всевластія, но терпѣніе ея лопнуло, и губернаторъ прислалъ приказъ — не допускать больше сборищъ. Въ воскресенье 29 мая былъ назначенъ рабочими пикникъ въ лѣсу за нѣсколько верстъ отъ города. Тамъ, среди деревьевъ, украшенныхъ красными флагами съ „преступными" надписями, пѣлись пѣсни, говорились революціонныя рѣчи, кругомъ раздавались выстрѣлы рабочихъ, выстрѣлы, къ которымъ всѣ такъ привыкли, что перестали отъ нихъ вздрагивать. Въ это время около Сормова на обычномъ мѣстѣ за больницей стала собираться по обыкновенію толпа.

Храброе Сормовское воинство, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, конныхъ городовыхъ и нѣсколькихъ десятковъ пѣшихъ городовыхъ, напало на толпу, схватило троихъ изъ нея (одного отбили), очистило мѣсто сборища и заняло его. Когда вѣсть объ этомъ дошла въ лѣсъ на пикникъ, бывшіе тамъ рабочіе, вмѣстѣ съ женщинами и публикой, двинулись къ Соромову, вооруженные впереди — они шли отбивать арестованныхъ. Воинственная толпа приближалась къ обычному мѣсту сборища, занятому военной силой, по сторонамъ стояла громадная толпа невооруженной, глазѣющей публики, похоже было, что рабочіе готовятся аттаковать казаковъ, занявшихъ принадлежащее рабочимъ мѣсто собраній. Казаки и полиція ждали. Но рабочіе быстрымъ шагомъ направились мимо полиціи къ конторѣ, куда были уведены арестованные. Казаки поскакали за ними. Предводительствовавшій ими помощникъ пристава сталъ уговаривать толпу разойтись, казаки сняли съ плечъ ружья и зарядили ихъ. „Разойдись!" послѣдовало предложеніе. Рабочіе стояли. Наступила критическая минута. Но часть рабочихъ подошла къ помощнику пристава и предложила ему освободить арестованныхъ. Приставъ обѣщалъ. И толпа стала прогуливаться въ ожиданіи исполненія. Толпа обступила казаковъ и городовыхъ, уговаривала ихъ не стрѣлять, не бить нагайками, причемъ получила отвѣтъ: „развѣ мы по своей волѣ"? Принесли извѣстіе объ освобожденія арестованныхъ. Но толпа не расходилась, она требовала разрѣшить ей собираться по прежнему. Помощникъ пристава послалъ для переговоровъ за приставомъ, приставъ послалъ за исправникомъ. И такъ въ переговорахъ между народомъ, войсками и казаками прошелъ весь вечеръ. Посмотримъ, дѣйствительно ли Сормовцы отвоевали себѣ свободу.

Смоленскъ, 28 мая. День 1 мая (по старому стилю) прошелъ здѣсь тихо. За городомъ были три отдѣльныхъ сходки (наша, с.-р. и бундовцевъ), о которыхъ администрація, кажется, знала, но, очевидно, какъ и вездѣ въ Россіи, рѣшила не препятствовать „мирному празднованію". Впрочемъ, надо замѣтить, что с.-революціонеры были напуганы какимъ то ложнымъ слухомъ и разбѣжались. Предъ 1 мая были у нѣсколькихъ рабочихъ безрезультатные обыски. Послѣ 1, — и на этотъ разъ такъ же, какъ и во всей Россіи, — начался рядъ отдѣльныхъ экономическихъ стачекъ, однѣ изъ которыхъ уже благополучно закончились (всѣ съ выигрышемъ), другія еще продолжаются, третьи еще только возникаютъ или подготовляются. По числу участниковъ, стачки очень невелики — тѣмъ болѣе, что онѣ часто не захватываютъ всего цеха, а только отдѣльныя предпріятія, — но обиліе ихъ характерно, какъ показатель того широкаго профессіональнаго движенія, которое захватило теперь даже самые отсталые и забитые слои рабочихъ. Въ большинствѣ случаевъ, инвціатива стачки исходитъ отъ самыхъ стачечниковъ безъ соотвѣтствующей агитаціи со стороны организацій, но интересно то, что, задумавъ стачку, рабочіе разыскиваютъ, прежде всего, организацію съ просьбой устроить эту самую стачку, и затѣмъ уже все дѣло обсуждается и ведется вмѣстѣ съ организаціей. Начало стачки обыкновенно происходитъ такъ, что бастуютъ сразу вошедшіе въ соглашеніе въ данномъ цехѣ (если забастовка всего цеха), а затѣмъ, подъ руководствомъ рабочихъ изъ организаціи, идутъ снимать не вошедшихъ въ соглашеніе. Таковыми обыкновенно являются ученики. Хозяева обыкновенно слабо протестуютъ, но къ администраціи не обращаются. Бываетъ и такъ, что самимъ стачечникамъ, по [illegible] сдѣланному соглашенію, приходится снимать организованныхъ рабочихъ, а затѣмъ уже „снятые" предъявляютъ условія хозяину. Настолько „не хватаетъ смѣлости первому начать", какъ говорятъ рабочіе. Именно, просьба стачечниковъ по отношенію къ организаціи часто такъ и выражается: „Начните намъ". Ученики же, послѣ стачки взрослыхъ, не рѣшаясь бастовать самостоятельно, обыкновенно также просятъ организацію снять ихъ. Намъ, между прочимъ, приходилось выслушивать благодарность по адресу соціальдемократіи отъ ученицы шляпочной мастерской (здѣсь была общая успѣшная стачка модистокъ), которая разсказывала, что къ нимъ пришли три студента (никакихъ студентовъ не было) и нѣсколько рабочихъ и заставили ихъ угрозами прекратить работы, и какъ, благодаря этому, онѣ теперь работаютъ 12 часовъ (отъ 8 до 8) вмѣсто 18 (это вѣрно! — отъ 6 утра до 12 ночи). Но соціальдемократамъ рабочимъ приходится выполнять роль и „фабричныхъ инспекторовъ" по отношенію къ рабочимъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы они, подъ вліяніемъ обѣщаній и уговоровъ хозяевъ, не отступили отъ новыхъ, установленныхъ послѣ стачки, условій труда. Такъ, вскорѣ послѣ упомянутой стачки модистокъ — мастерицы одной шляпочной вышли на работу въ $7^1/_2$ вмѣсто 8, но, встрѣтивъ проводившаго у нихъ стачку рабочаго-соціальдемократа, переконфузились и отправились на полчаса погулять. Хозяева также начинаютъ свыкаться съ правомъ соціальдемократовъ вмѣшиваться въ отношенія между ними и ихъ рабочими. Такъ, въ шляпочной Куниной хозяйка просила „съемщиковъ" только не раззорять ее совсѣмъ (у ней также работали 18 часовъ), а при съемкѣ учениковъ-заготовщиковъ одинъ изъ хозяевъ на заявленіе „съемщиковъ", что нѣтъ такого порядка, чтобы ученики работали, когда не работаютъ взрослые, оправдывался тѣмъ, что онъ „не зналъ этого".

20 мая взрывомъ сушильнаго бака на катушечной фабрикѣ Гергарда былъ убитъ рабочій Фролъ (отчества не помню) и смертельно ранено трое; изъ нихъ двое умерло въ ту же ночь, а третій прожилъ нѣсколько дней. Всѣ четверо страшно обожжены, совсѣмъ почернѣли, а у Фрола снесенъ черепъ и оторваны рука и нога. Въ воскресеніе 22 родственники увозили трупы ихъ къ себѣ въ деревню. Организація провожала ихъ за городъ. Къ земской больницѣ собралось 300-400 рабочихъ. На гробы были возложены вѣнки отъ рабочихъ фабрики Гергарда (съ надписью: „безвременно погибшимъ товарищамъ"), отъ самаго Гергарда (расщедрился на 20 рублей на три вѣнка), а на гробъ Фрола, принадлежавшаго къ соціальдемократической организаціи, вѣнокъ съ красными лентами, съ надписями: „жертвѣ капиталистическаго строя" и „товарищу отъ рабочихъ-соціальдемократовъ". Когда процессія тронулась, послѣдній вѣнокъ съ лентами былъ поднятъ вверхъ, на палкахъ, и въ такомъ видѣ все время служилъ большимъ соблазномъ для полиціи, но она, въ виду своей малочисленности, не рѣшилась предпринимать какихъ либо агрессивныхъ мѣръ, и помощникъ полиціймейстера Гепнеръ ограничился только увѣщеваніями и просьбой списать надпись, что ему и разрѣшили. Процессія прошла по всему городу, съ Подвовской горы до Днѣпровскаго моста и затѣмъ по Богословской улицѣ до Сврской церкви, т. е. до границы города. Все время ее сопровождали Гепнеръ съ десяткомъ городовыхъ, по требованію рабочихъ, обнажившихъ головы. Съ возгласами священника, провожавшаго также до черты города, чередовались все время заунывные звуки „вы жертвою пали"... и „замученъ тяжелой неволей" и бодрые, подымающіе — Варшавянки и Марсельезы. За городомъ вѣнокъ былъ возложенъ на гробъ, и рабочіе разошлись послѣ полуторачасоваго шествія съ памятью о борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ и съ вѣрой въ лучшее будущее. [1]) Впечатлѣніе отъ демонстраціи-похоронъ на мѣстныхъ рабочихъ небывалое: это здѣсь первая, сравнительно крупная уличная демонстрація; — на мѣстныхъ обывателей также. Только и разговору въ городѣ: „былъ на похоронахъ?" — „а какъ хоронили то", и т. д.

Москва, май (20-ые числа). Товарищъ-рабочій сообщаетъ намъ слѣдующее:

Въ окрестностяхъ Москвы устроенъ былъ въ послѣднее время цѣлый рядъ массовокъ подъ руководствомъ Р. С.-Д Р. П. Въ массовкахъ участвуютъ рабочіе крупнаго мытищенскаго завода, остававшагося дотолѣ внѣ вліянія нашей партіи. 20 мая одинъ изъ товарищей рабочихъ, принадлежащій къ московской группѣ, устроилъ тамъ небольшое подготовительное собраніе въ 13 человѣкъ, на которомъ въ общихъ чертахъ выяснены были задачи рабочей партіи и указано было на необходимость чаще и въ большемъ количествѣ собираться. На слѣдующій день, 21 мая тамъ же состоялось собраніе изъ 32 человѣкъ съ участіемъ двухъ интеллигентовъ отъ Московскаго Комитета и агитатора-рабочаго отъ Группы; послѣ выясненія нашихъ основныхъ политическихъ требованій и боевыхъ лозунговъ — рѣчь зашла объ устройствѣ кассы и библіотеки, къ чему всѣ рабочіе отнеслись весьма сочувственно. 22-го массовка привлекла уже 45 человѣкъ; выступили два оратора отъ Комитета и одинъ отъ Группы. Принята была резолюція о немедленномъ прекращеніи войны и созывѣ учредительнаго собранія. Эта массовка прошла очень хорошо, и рабочіе просили устроить слѣдующую на 26 мая. Въ этотъ разъ собралось болѣе 90 человѣкъ, и присутствовало бы, вѣроятно, еще гораздо большее число, но многіе не находили мѣста собранія, такъ какъ слишкомъ рано снятъ былъ патруль. Явилось четыре оратора: два отъ Комитета, два отъ группы. Въ произнесенныхъ ими рѣчахъ затронутъ былъ цѣлый рядъ программныхъ и злободневныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, аграрный вопросъ, гибель балтійской эскадры, стачка въ Иваново-Вознесенскѣ. Рѣшено было выразить сочувствіе бастующимъ ивановознесенцамъ и въ ближайшую получку 28 мая собрать извѣстную сумму денегъ для поддержанія стачечниковъ. Въ концѣ массовки выступилъ присутствовавшій кустарь-ремесленникъ и просилъ поговорить о положеніи кустарей, но за позднимъ временемъ постановлено было отложить этотъ вопросъ къ слѣдующему собранію. Всѣ описанныя здѣсь массовки въ значительной степени подняли революціонный духъ мытищенскихъ рабочихъ и вызвали въ нихъ желаніе крѣпче примкнуть къ Соц.-Дем. Р. П.

Рыбинскъ. 10 и 11 мая здѣсь бастовали грузчики, работающіе по разгрузкѣ хлѣбнаго каравана и на пароходныхъ пристаняхъ. Были попытки браться за работу, но эти попытки очень скоро прекращались бастующими рабочими, какъ то было, напримѣръ, на Самолетской пристани 11 вечеромъ. Биржевой комитетъ объявилъ таксу на крючныя работы, и забастовка прекратилась. Значеніе оффиціальной таксы въ томъ, что она лишаетъ подрядчиковъ возможности безграничной эксплуатаціи артелей грузчиковъ. Въ этой таксѣ было допущено повышеніе заработной платы, согласно съ требованіемъ рабочихъ, но не во всѣхъ родахъ работы. Мѣстная организація отозвалась на забастовку прокламаціей, выпущенной въ количествѣ 300 экземпляровъ и разбросанной 11 мая. Для характеристики положенія рабочихъ сообщаемъ нѣкоторыя данныя таксы: бортовая работа изъ баржей въ системныя и другія суда за мѣшковые товары и овесъ — $^1/_2$ коп. съ пуда, за паровые, вѣсомъ отъ 9 и до 10 пудовъ, и насыпные товары — $^3/_4$ коп. съ пуда. Работа гирешниками: принять товаръ изъ баржи въ караванъ, поставить къ желѣзной дорогѣ и выгружать на платформу: мѣшковые и кулевые 10 коп. съ четверти, овесъ 7 коп. съ куля; плата за аренду трешниковъ на обязанности работодателя; за работу на эллингѣ частнаго дока: въ Канаевѣ (пристань за пять верстъ отъ Рыбинска) на верхъ въ вагоны и накладку за кулевые и мѣшковые товары изъ мурья баржи 12 коп. съ разили свое искреннее сочувствіе всѣмъ павшимъ за свободу товарищамъ и видно было по настроенію, что и ихъ руки не дрогнутъ при встрѣчѣ съ врагомъ на баррикадахъ, и они также смогутъ умереть за освобожденіе Россіи отъ ужаснаго самодержавнаго ига. У насъ была дискуссія по вопросу о бундѣ. Рефератъ о національной автономіи читалъ бундовецъ. Характерно, что рабочіе были согласны съ доводами „искровца" оппонента. Присутствовавшая-же на собраніи полусіонистская интеллигенція поддерживала бундовца. Были три массовки по 80 чел. Говорили о переживаемомъ въ Россіи моментѣ, объ Учредительномъ Собраніи, объ еврейскомъ и русскомъ рабочемъ движеніи и о парижской коммунѣ.

---

[1]) На обратномъ пути расходившіеся встрѣтили роту вызванныхъ полиціей солдатъ, по какому поводу прокричали „долой самодержавіе!" и „долой войну!". Солдаты молчали, арестовъ не было.

Рабочій.

Сквирскій уѣздъ Кіевской губерніи. Начиная съ половины мая, повсемѣстныя забастовки сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Забастовки возникаютъ, благодаря крайне бѣдственному экономическому положенію работниковъ, безобразно-низкой заработной платѣ, тяжести увеличившихся значительно налоговъ; но эти причины только кажущіяся или, вѣрнѣе, играющія самую незначительную роль. Недовольство крестьянъ существующимъ положеніемъ, огромный запасъ революціонной энергіи, ищущій выхода, почти полное незнакомство съ политической жизнью, страшное желаніе познать тайны „политики" — вотъ главные мотивы забастовокъ. Онѣ (забастовки) не преслѣдуютъ никакой опредѣленной цѣли, являясь какъ бы первыми шагами на политическомъ полѣ; шагами, правда, не твердыми, но все таки шагами. Спрашиваемъ забастовщиковъ, изъ за чего бунтуете — „та отъ же бы земли прибавилы, або подати скинулы, або панівъ позыгонять, або хоть бы більше платылы". И обыкновенно забастовка кончается или въ тотъ же день, или на другой — третій, въ большинствѣ случаевъ — безрезультатно. Благодаря вѣковому безправію, у крестьянъ стушевались вожаки, люди иниціативы, всѣ на сходѣ или передъ работой суетятся, волнуются — какъ пчелы въ безматочномъ ульѣ. Къ чужимъ относятся недовѣрчиво. Силенъ еще страхъ передъ мировыми посредниками и пр. нечистью. Но одновременно съ этой боязнью, раздается все больше и больше голосовъ, что „якъ бы у нашомъ селі було хоть 20 чоловікъ дружный, то можнабъ усю полыцію перебыть по одиночкѣ". Во многихъ селахъ высказываются за уничтоженіе имущества панівъ и начальства (поджогъ). При этомъ вспоминаютъ слова Шевченка: „огнемъ і водою буду быця зъ тобою, чортовой души невіра". Литературу, листки, за самыми ничтожными исключеніями, читаютъ очень охотно и съ одобрительнымъ возгласами вродѣ: „правду пышуть соціалисты".

Благодаря той же боязни начальства, крестьянъ очень трудно собирать на сходы. По моему мнѣнію, наиболѣе продуктивно теперь организовать въ деревняхъ группы, ведя между ними усиленную пропагандистско-агитаціонную дѣятельность. Особенно часто приходится выслушивать и отвѣчать на такіе вопросы: „Ну ладно, отъ мы по всіи Россія сговоримось, зъиднались, а якъ же тоді начать? Съ чего саме почынать? Ну, якъ навыкладъ царя скинуть а посадыть на престолъ учредительное собраніе?" Крестьяне совсѣмъ не боятся политики, какъ многіе думаютъ, можно бесѣдовать на любую политическую тему безъ всякихъ предварительныхъ посылокъ о коровахъ, землѣ и пр. Наоборотъ, очень интересуются политикой и только выражаютъ сомнѣніе, чтобы скоро могъ произойти переворотъ. „Щожъ вы зробыте, колы нашъ братъ дурный ще здорово". „Отъ якъ бы царя вбылы, тоді бъ намъ легше було и полыцію выгонятъ и податівъ не платытъ. Тоді якъ бы прыіхавъ земской, або мыровый посредникъ, ябъ сказавъ: знать тебе не знаю, я тобі не присягавъ, а теперь вінъ посланный отъ царя, вінъ тоже служе". За послѣдніе дни были забастовки въ селахъ: Романовкѣ, Кошлякахъ, Ставницахъ, Чернявкѣ, Пѣвнахъ и многихъ другихъ окружныхъ селахъ. Продолжались день — два, почти вездѣ безрезультатно. Въ большинствѣ случаевъ выставляли требованія увеличенія платы, но на другой — третій день становились на прежнихъ условіяхъ. Въ м. Романовкѣ 21 мая былъ обыскъ у крестьянина Феодосія Чупрычока. При обыскѣ найдено: Заря №№ 2-3-4, и еще какая то книжка нелегальная (предполагаютъ, что онѣ подброшены производившими обыскъ), 2 книжки изд. „Донской рѣчи", нѣсколько листовъ бѣлой писчей бумаги. Феодосій Чупрынокъ арестованъ. Послѣ допроса на мѣстѣ приставомъ, который угостилъ Ф. Ч. монополькой, желая у пьянаго что нибудь выпытать (неудачно), арестованнаго отправили въ Харьковъ къ слѣдователю. О дальнѣйшемъ извѣстій нѣтъ. Обыскъ производили 2 раза. Сначала урядникъ, стражникъ, старшина и еще какая то дрянь, а затѣмъ, послѣ ареста, пріѣхалъ приставъ и тѣ же, забрали бумагу и легальныя книжки. Въ тотъ же день арестовали тамъ же еще 2 человѣкъ, а на другой день 2 сыновей Феод. Чупрынка. Въ чемъ обвиняютъ, неизвѣстно. Особенную старательность при обыскѣ выказалъ старшина. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, что Ф. Ч. о книжкахъ ничего не зналъ; въ пользу этого говоритъ и то, что на чердакъ, гдѣ нашли книжки, сначала полѣзли урядникъ и старшина, а затѣмъ, спустившись, полѣзли снова съ понятыми. Въ м. Сквирѣ на дняхъ была забастовка портныхъ около 100 человѣкъ. Много избитыхъ и арестованныхъ; одного портного ранили шашкой до кости. Около того же времени группа молодежи устроила манифестацію по поводу пораженія Рожественскаго. Молодежь манифестировала на лодкахъ на рѣкѣ. Раздавались возгласы: долой войну, долой самодержавіе, да здравствуютъ соціалисты! При выходѣ на берегъ многіе арестованы. Почти ежедневно сюда приходятъ большія партіи крестьянъ, арестованныхъ за забастовки и „политику". Вообще, дѣла очень много, а работниковъ нѣтъ. Необходима крестьянская литература на русскомъ языкѣ.

Новозыбковъ Черниг. губ. 1 марта здѣсь провалилась типографія Полѣсскаго Комитета, при ней свѣже-отпечатанныхъ 4,000 экз. № 3 „Полѣсскаго Листка", нѣсколько пудовъ шрифта и одинъ товарищъ. Двумъ товарищамъ удалось скрыться. Провалъ сильно отразился на общемъ ходѣ работы, которую на нѣкоторое время пришлось пріостановить. Только въ послѣднее время намъ удалось [illegible]. Работа значительно расширилась. Кружковая пропаганда, вслѣдствіе боевого момента, упразднена. [illegible] массовка [illegible] На этихъ собраніяхъ [illegible] момента [illegible] программы. Настроеніе рабочихъ бодрое. [illegible] что тамъ [illegible] регулярно [illegible] ческой. [illegible] Главный [illegible] низаціи [illegible]

Работа среди [illegible] до 3000 [illegible] привела [illegible] ного [illegible] варищ [illegible] шамъ [illegible] 200 [illegible] пра [illegible] была [illegible] стрѣ [illegible] У [illegible] если [illegible] пораженіе [illegible] Объ этомъ [illegible] Всѣ [illegible] ромъ [illegible] грамм [illegible] тихъ мѣстечкахъ [illegible] затеку [illegible] ся, что при [illegible] такъ или иначе проявляется во всѣхъ уголкахъ Россіи, мы въ ближайшемъ будущемъ сообщимъ вамъ самыя отрадныя извѣстія.

Новозыбковская орг. Полѣсскаго комитета.

Сормово, 30 мая. Знаменательные дни переживаетъ Россія въ странѣ политическаго безправія происходятъ тысячные митинги на глазахъ полиціи и войска. Когда дневная смѣна кончаетъ свою работу, со всѣхъ сторонъ рабочаго поселка начинается движеніе по направленію къ лѣсу около больницы. Туда идутъ группами и въ одиночку рабочіе, дѣвушки и дѣти, вы увидите и сѣдого старика, и разряженную франтиху, и деревенскаго крестьянина. Зайдите вечеромъ въ домъ повидать своего знакомаго рабочаго, вы обычно услышите отвѣтъ: „нѣтъ его, ушелъ въ лѣсъ", или „ушелъ на массовку", „и я бы пошла, да дома оставить не на кого". Въ лѣсу за больницей гуляетъ уже масса публики. Вотъ начинаетъ она группироваться на открытомъ мѣстѣ, на пригоркѣ, кто-нибудь вынимаетъ изъ кармана нелегальную книжку или газету и начинаетъ читать ее. Толпа быстро растетъ, достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ, а по праздникамъ и тысячи, среди толпы появляются ораторы, и на импровизированномъ митингѣ льется свободная рѣчь, свободное слово, обличающее самодержавные порядки, капиталистическую эксплуатацію. Внимательно слушаетъ толпа. Древняя старушка протискивается въ середину круга, гдѣ слушатели сидятъ на землѣ, отодвигаетъ платокъ отъ своихъ ушей, прислушивается и, вытирая слезы, говоритъ: „вотъ плохо слышу то, а хорошо говорятъ про наше горе". Слушатели воспріимчивы, нѣтъ для нихъ страшнаго слова и нападки на самодержавіе и требованіе низверженія его принимаются съ сочувствіемъ. А послѣ митинга поются революціонныя пѣсни, и толпа расходится по домамъ, обсуждая слышанное. „Вотъ напишу зятю въ деревню, говоритъ старичекъ, пусть и онъ пріѣдетъ послушать". И революціонное слово изъ города растекается по деревнямъ и будитъ протестующее настроеніе.

А что же войска и полиція? Въ нѣсколькихъ сотняхъ саженъ отъ мѣста митинга квартируютъ казаки и солдаты, казаковъ около полусотни и солдатъ роты двѣ, они сидятъ на крыльцѣ своего помѣщенія съ городовыми, смотрятъ издали на незаконное сходбище и не осмѣливаются тронуть его. По улицамъ Сормова ѣздятъ патрули, толпами на улицахъ стоятъ городовые, которыхъ нагнали сюда 120 человѣкъ, но они не осмѣливаются разогнать собраніе. Вооруженнымъ отпоромъ рабочіе завоевали себѣ право собраній. У нихъ было нѣсколько столкновеній съ казаками и полиціей, была перестрѣлка съ ранеными съ обѣихъ сторонъ, казаки и полиція были обращены въ бѣгство, и теперь они боятся рабочихъ. Двѣ уже недѣли продолжаются народныя собранія. Начались они рабочими, которые сѣли въ кружокъ и стали читать „Искру" и, такимъ образомъ, собрали вокругъ себя громадную толпу народа. Потомъ появились на нихъ ораторы отъ рабочихъ и отъ комитета. Популярность митинговъ возросла. Прислали на нихъ своего оратора и соціалисты-революціонеры, и такимъ образомъ вынудили соц.-дем. открыть съ ними дискуссію передъ массовой аудиторіей. Ораторы отъ большинства и отъ меньшинства дружно повели работу. Митингами въ Сормовѣ дѣло не ограничилось. Они перенесены и въ ближайшія деревни, и тамъ, сначала робко, а потомъ смѣлѣе, стали собираться слушатели на совершенно открыто устраиваемыя собранія, полиція на нихъ даже не показывалась. Постоянное соприкосновеніе съ солдатами и полиціей, возможность ежеминутнаго столкновенія послужили прекрасной пропагандой идеи самовооруженія, часть молодежи вооружилась, другая мечтаетъ, какъ бы ей собраться со средствами, чтобы завести себѣ Браунинга или не уступающее ему оружіе. Идея о бомбахъ становится популярной.

Двѣ недѣли продолжалась Сормовская свобода. Рабочіе толковали: „теперь у насъ не отнимутъ права собираться, мы оружіемъ отстоимъ его". Но вотъ настала критическая минута. Слово должно перейти въ дѣло. Долго терпѣла полиція попраніе ея священнѣйшаго чувства — чувства всевластія, но терпѣніе ея лопнуло, и губернаторъ прислалъ приказъ — не допускать больше сборищъ. Въ воскресенье 29 мая былъ назначенъ рабочими пикникъ въ лѣсу за нѣсколько верстъ отъ города. Тамъ, среди деревьевъ, украшенныхъ красными флагами съ „преступными" надписями, пѣлись пѣсни, говорились революціонныя рѣчи, кругомъ раздавались выстрѣлы рабочихъ, выстрѣлы, къ которымъ всѣ такъ привыкли, что перестали отъ нихъ вздрагивать. Въ это время около Сормова на обычномъ мѣстѣ за больницей стала собираться по обыкновенію толпа.

Храброе Сормовское воинство, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, конныхъ городовыхъ и нѣсколькихъ десятковъ пѣшихъ городовыхъ, напало на толпу, схватило троихъ изъ нея (одного отбили), очистило мѣсто сборища и заняло его. Когда вѣсть объ этомъ дошла въ лѣсъ на пикникъ, бывшіе тамъ рабочіе, вмѣстѣ съ женщинами и публикой, двинулись къ Сормову, вооруженные впереди — они шли отбивать арестованныхъ. Воинственная толпа приближалась къ обычному мѣсту сборища, занятому военной силой, по сторонамъ стояла громадная толпа невооруженной, глазѣющей публики, похоже было, что рабочіе готовятся аттаковать казаковъ, занявшихъ принадлежащее рабочимъ мѣсто собраній. Казаки и полиція ждали. Но рабочіе быстрымъ шагомъ направились мимо полиціи къ конторѣ, куда были уведены арестованные. Казаки поскакали за ними. Предводительствовавшій ими помощникъ пристава сталъ уговаривать толпу разойтись, казаки сняли съ плечъ ружья и зарядили ихъ. „Разойдись!" послѣдовало предложеніе. Рабочіе стояли. Наступила критическая минута. Но часть рабочихъ пошла къ помощнику пристава и предложила ему освободить арестованныхъ. Приставъ обѣщалъ. И толпа стала прогуливаться въ ожиданіи исполненія. Толпа обступила казаковъ и городовыхъ, уговаривала ихъ не стрѣлять, не бить нагайками, причемъ получила отвѣтъ: „развѣ мы по своей волѣ?" Принесли извѣстіе объ освобожденіи арестованныхъ. Но толпа не расходилась, она требовала разрѣшенія ей собираться по прежнему. Помощникъ пристава послалъ для переговоровъ съ приставомъ, приставъ [illegible] за исправникомъ. И такъ въ переговорахъ между народомъ, войсками и казаками прошелъ весь вечеръ. Посмотримъ, чѣмъ кончится [illegible] Сормовская [illegible] борьбу.

Смоленскъ [illegible]

щаются. Бываетъ и такъ, что самихъ стачечниковъ, по заранѣе сдѣланному соглашенію, приходится снимать организованнымъ рабочимъ, а затѣмъ уже „снятые" предъявляютъ условія хозяину. Настолько „не хватаетъ смѣлости первому начать", какъ говорятъ рабочіе. Именно, просьба стачечниковъ по отношенію къ организаціи часто такъ и выражается: „Начните намъ". Ученики же, послѣ стачки взрослыхъ, не рѣшаясь бастовать самостоятельно, обыкновенно также просятъ организацію снять ихъ. Намъ, между прочимъ, приходилось выслушивать благодарность по адресу соціальдемократіи отъ ученицы шляпочной мастерской (здѣсь была общая успѣшная стачка модистокъ), которая разсказывала, что къ нимъ пришли три студента (никакихъ студентовъ не было) и нѣсколько рабочихъ и заставили ихъ угрозами прекратить работы, и какъ, благодаря этому, онѣ теперь работаютъ 12 часовъ (отъ 8 до 8) вмѣсто 18 (это вѣрно! — отъ 6 утра до 12 ночи). Но соціальдемократамъ рабочимъ приходится выполнять роль и „фабричныхъ инспекторовъ" по отношенію къ рабочимъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы они, подъ вліяніемъ обѣщаній и уговоровъ хозяевъ, не отступили отъ новыхъ, установленныхъ послѣ стачки, условій труда. Такъ, вскорѣ послѣ упомянутой стачки модистокъ — мастерицы одной шляпочной вышли на работу въ 7½ вмѣсто 8, но, встрѣтивъ проводившаго у нихъ стачку рабочаго-соціальдемократа, переконфузились и отправились на полчаса погулять. Хозяева также начинаютъ свыкаться съ правомъ соціальдемократовъ вмѣшиваться въ отношенія между ними и ихъ рабочими. Такъ, въ шляпочной Куниной хозяйка просила „съемщиковъ" только не разорять ее совсѣмъ (у ней также работали 18 часовъ), а при съемкѣ учениковъ-заготовщиковъ одинъ изъ хозяевъ на заявленіе „съемщиковъ", что нѣтъ такого порядка, чтобы ученики работали, когда не работаютъ взрослые, оправдывался тѣмъ, что онъ „не зналъ этого".

20 мая взрывомъ сушильнаго бака на катушечной фабрикѣ Гергарда былъ убитъ рабочій Фролъ (отчества не помню) и смертельно ранено трое; изъ нихъ двое умерло въ ту же ночь, а третій прожилъ нѣсколько дней. Всѣ четверо страшно обожжены, совсѣмъ почернѣли, а у Фрола снесенъ черепъ и оторваны рука и нога. Въ воскресеніе 22 родственники увозили трупы ихъ къ себѣ въ деревню. Организація провожала ихъ за городъ. Къ земской больницѣ собралось 300-400 рабочихъ. На гробы были возложены вѣнки отъ рабочихъ фабрики Гергарда (съ надписью: „безвременно погибшимъ товарищамъ"), отъ самаго Гергарда (расщедрился на 20 рублей на три вѣнка), а на гробъ Фрола, принадлежавшаго къ соціальдемократической организаціи, вѣнокъ съ красными лентами, съ надписями: „жертвѣ капиталистическаго строя" и „товарищу отъ рабочихъ-соціальдемократовъ". Когда процессія тронулась, послѣдній вѣнокъ съ лентами былъ поднятъ вверхъ, на палкахъ, и въ такомъ видѣ все время служилъ большимъ соблазномъ для полиціи, но она, въ виду своей малочисленности, не рѣшилась предпринимать какихъ либо агрессивныхъ мѣръ, и помощникъ полиціймейстера Гепнеръ ограничился только увѣщеваніями и просьбой списать надпись, что ему и разрѣшили. Процессія прошла по всему городу, съ Подзовской горы до Днѣпровскаго моста и затѣмъ по Богословской улицѣ до Сварской церкви, т. е. до границы города. Все время ее сопровождали Гепнеръ съ десяткомъ городовыхъ, по требованію рабочихъ, обнажившихъ головы. Съ возгласами священника, провожавшаго также до черты города, чередовались все время заунывные звуки „вы жертвою пали"... и „замученъ тяжелой неволей" и бодрые, подымающіе — Варшавянки и Марсельезы. За городомъ вѣнокъ былъ возложенъ на гробъ, и рабочіе разошлись послѣ полуторачасового шествія съ памятью о борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ и съ вѣрой въ лучшее будущее.[1] Впечатлѣніе отъ демонстраціи-похоронъ на мѣстныхъ рабочихъ небывалое: это здѣсь первая, сравнительно крупная уличная демонстрація; — на мѣстныхъ обывателей также. Только и разговору въ городѣ: „былъ на похоронахъ?" — „а какъ хоронили то", и т. д.

Москва, май (20-ые числа). Товарищъ-рабочій сообщаетъ намъ слѣдующее:

Въ окрестностяхъ Москвы устроенъ былъ въ послѣднее время цѣлый рядъ массовокъ подъ руководствомъ Р. С.-Д. Р. П. Въ массовкахъ участвуютъ рабочіе крупнаго мытищенскаго завода, остававшагося дотолѣ внѣ вліянія нашей партіи. 20 мая одинъ изъ товарищей рабочихъ, принадлежащій къ московской группѣ, устроилъ тамъ небольшое подготовительное собраніе въ 13 человѣкъ, на которомъ въ общихъ чертахъ выяснены были задачи рабочей партіи и указано было на необходимость чаще и въ большемъ количествѣ собираться. На слѣдующій день, 21 мая тамъ же состоялось собраніе изъ 32 человѣкъ съ участіемъ двухъ интеллигентовъ отъ Московскаго Комитета и агитатора-рабочаго отъ Группы, послѣ выясненія нашихъ основныхъ политическихъ требованій и боевыхъ лозунговъ — рѣчь зашла объ устройствѣ кассы и библіотеки, къ чему всѣ рабочіе отнеслись весьма сочувственно. 22-го массовка привлекла уже 45 человѣкъ, выступили два оратора отъ Комитета и одинъ отъ Группы. Принята была резолюція о немедленномъ прекращеніи войны и созывѣ учредительнаго собранія. Эта массовка прошла очень хорошо, и рабочіе просили устроить слѣдующую на 26 мая. Въ этотъ разъ собралось болѣе 90 человѣкъ, и присутствовало бы, вѣроятно, еще гораздо большее число, но многіе не находили мѣста собранія, такъ какъ слишкомъ рано снять былъ патруль. Явилось четыре оратора: два отъ Комитета, два отъ группы. Въ произнесенныхъ ими рѣчахъ затронутъ былъ цѣлый рядъ программныхъ и злободневныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, аграрный вопросъ, гибель балтійской эскадры, стачка въ Иваново-Вознесенскѣ. Рѣшено было выразить сочувствіе бастующимъ иваново-вознесенцамъ и въ ближайшую получку 28 мая собрать извѣстную сумму денегъ для поддержанія стачечниковъ. Въ концѣ массовки выступилъ присутствовавшій кустарь-ремесленникъ и просилъ поговорить о положеніи кустарей, но за позднимъ временемъ постановлено было отложить этотъ вопросъ къ слѣдующему собранію. Всѣ [illegible] массовки въ значительной степени подняли революціонный духъ мытищенскихъ рабочихъ и [illegible] въ нихъ желаніе крѣпче примкнуть къ Р. С.-Д. Р. П.

Рыбинскъ. 10 и 11 мая здѣсь бастовали грузчики, работающіе [illegible] и на пароходныхъ пристаняхъ. [illegible] скоро [illegible] бастующими рабочими [illegible] примѣръ, [illegible] 11 [illegible] комитетъ [illegible] лась. [illegible] подтелей [illegible] зане во [illegible] на за- [illegible] иже [illegible] положе- [illegible] товая [illegible] ковые [illegible] отъ 9 [illegible] Га- [illegible] ванъ, [illegible] фрмуз [illegible] съ [illegible] тола- [illegible] итанъ [illegible] кладку [illegible] ст [illegible] ту вы [illegible] вчали [illegible] мазали четверти, а съ палубы 9 коп. съ четверти; на нижніе рельсовые пути при тѣхъ же условіяхъ 7 и 5 коп. Выгрузка въ амбары изъ баржей въ гавани и на Волгѣ у городского берега насыпныхъ хлѣбовъ: за посыпку въ мѣшки, взвѣшиваніе, зашивку, наложеніе на коней и сложить съ коней въ амбары съ укладкой въ штабель — 3/4 коп. съ пуда.

---

[1] [illegible]

Рыбинская группа.

Петербургъ. 30 мая былъ очень удачный митингъ на Балтійскомъ заводѣ. Ораторъ говорилъ о необходимости добиваться не девяти, а восьмичасового рабочаго дня, говорилъ объ учредительномъ собраніи и требовалъ немедленнаго прекращенія войны. Тутъ вышла такая исторія: только что онъ закричалъ: „долой преступную войну!“ какъ вся масса (3000 человѣкъ) подхватила этотъ кличъ, и оратора спустили съ плечъ, думая, что его рѣчь кончена, между тѣмъ какъ онъ полагалъ говорить еще. Митингъ былъ внутри завода. Стоявшій вблизи городовой все время записывалъ въ свою книжку (по другимъ свѣдѣніямъ, онъ не то срисовывалъ (!), не то фотографировалъ оратора. *Ред.*)

Поправка. Насъ просятъ сдѣлать слѣдующую поправку. Въ числѣ фамилій офицеровъ *Иркутскаго 93 пѣхотнаго полка, квартирующаго въ Псковѣ*, пригвожденныхъ въ № 89 „Искры“, стр. 6. „Къ позорному столбу!“, вмѣсто сообщеннаго подъ 3) Затетинскій, капитанъ 9 роты, — слѣдуетъ читать *Зацеплинскій*. Просимъ и другія газеты, напечатавшія этотъ списокъ, сдѣлать эту поправку.

Кубанская область. Дѣятельность Кубанскаго комитета все расширяется и расширяется. Крамола изъ городовъ и селеній начинаетъ пробираться и въ станицы. Устанавливаются новыя связи, образовываются новыя группы, соціальдемократическая литература, листки, прокламаціи широко циркулируютъ по всей области и читаются съ захватывающимъ интересомъ. Изъ разныхъ мѣстъ, изъ станицъ обращаются къ организаціямъ съ просьбой прислать имъ „своего“ человѣка на ихъ собранія. Станичники жаждутъ услышать горячее, живое, правдивое слово, получить отвѣтъ на волнующіе ихъ вопросы... Къ сожалѣнію, наши организаціи, вслѣдствіе недостатка въ агитаторахъ, не всегда могутъ удовлетворять эти просьбы. Работы много... По немногу просыпается казачество, разоренное русско-японской войной, возложившей на него непосильное бремя. Соціальдемократическая пропаганда и агитація не пропала и здѣсь даромъ. Недавно организовалась „соціальдемократическая группа кубанскихъ казаковъ“ и уже выпустила свою первую прокламацію (отпечатана кубанскимъ комитетомъ) „Къ кубанскимъ казакамъ“. Въ ней, подробно выясняя положеніе казачества и его роль въ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ“, группа призываетъ его добиватся вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ сверженія самодержавія. Прислушивается къ голосу соціальдемократіи и сектантство. Экономическій и политическій гнетъ заставляетъ сектантовъ глубже задумагься надъ причинами его, искать выхода изъ своего положенія... Знакомясь съ соціальдемократическими идеями, они быстро усваиваютъ ихъ и становятся незамѣнимыми агитаторами. Въ нѣкоторыхъ нашихъ организаціяхъ они занимаютъ не послѣднее мѣсто. Къ сожалѣнію, часто препятствіемъ для ихъ дѣятельности являются общества, членами которыхъ они раньше состояли; перешедшихъ къ намъ сектантовъ общества преслѣдуютъ всевозможными способами, не исключая и кулачной расправы. Въ общемъ, сектантство, застывшее въ своихъ религіозныхъ догмахъ и въ нихъ, и только въ нихъ, ищущее объясненія всѣхъ общественныхъ явленій, очень быстро разлагается. Не все благополучно и въ арміи. Соціальдемократія проникла и туда. Правда, казарменная обстановка не позволяетъ вести правильную кружковую пропаганду среди солдатъ; приходится поддерживать только связи и свою дѣятельность ограничивать пока разбрасываніемъ листковъ. Работа среди солдатъ ведется всѣми группами Кубанскаго комитета. Особенно успѣла въ этомъ отношеніи Новороссійская группа. Передъ майской демонстраціей рабочихъ, которая продолжалась два дня и окончилась забастовкой, организаторы-солдаты просили передать организаціи *отъ имени всѣхъ солдатъ*, что стрѣлять не будутъ. Намъ извѣстно, что администрація потому не принимала никакихъ мѣръ „воздѣйствія“ на демонстрантовъ, что не надѣялась на солдатъ, казаковъ же было очень мало. Администрація, боясь разгрома правительственныхъ учрежденій, потеряла совершенно голову. Изъ полицейскаго управленія и участковъ были вывезены всѣ бумаги, городовые переодѣлись въ штатское платье. Недовольство среди солдатъ растетъ. Недавно въ Ставрополѣ была стачка солдатъ сапожниковъ, окончившаяся побѣдой. Въ Екатеринодарѣ въ палатку, въ которой ужинали офицеры, былъ брошенъ какимъ-то солдатомъ камень, легко ранившій одного офицера. Нужно еще отмѣтить, что въ Ставрополѣ изъ мѣстнаго баталіона изъ 41 грузина бѣжало 36 человѣкъ. Теперь не посылаютъ грузинъ въ караулъ, не ставятъ около пороховыхъ и ружейныхъ складовъ и тщательно слѣдятъ за ними. Къ организаціямъ часто поступаютъ требованія отъ солдатъ относительно листковъ какъ общаго характера, такъ и мѣстнаго. Просятъ подробнѣе касаться ихъ положенія на службѣ, указывая на цѣлый рядъ всевозможныхъ злоупотребленій съ выставленіемъ требованій.

Теперь нѣсколько словъ о празднованіи перваго мая. Въ продолженіи всего апрѣля мѣсяца шла лихорадочная предмайская агитація. Устраивался цѣлый рядъ массовокъ, на которыхъ выступали какъ мѣстные агитаторы, такъ и Кубанскаго комитета. „Революція рабочихъ и другихъ гражданъ Армавира“ (преступленія царскаго самодержавія) обошла всѣ массовки и вездѣ принималась съ большимъ энтузіазмомъ, причемъ производился подсчетъ голосовавшихъ.

На ряду съ мобилизаціей пролетарскихъ силъ соціальдемократіей, шла царская мобилизація хулигановъ, жандармовъ, шпіоновъ и тому подобныхъ царскихъ слугъ. Въ Екатеринодарѣ основано завѣдующимъ канцеляріей атамана, Руденко — онъ-же редакторъ газеты „Кубанскія Вѣдомости“ — отдѣленіе „Русскаго Собранія“. Нѣкоторымъ обывателямъ и гласнымъ отправляются угрожающія письма. По улицамъ циркулируютъ подозрительныя лица въ гороховыхъ пальто, останавливаютъ, кого попало, и обыскиваютъ. Послѣ демонстраціи 1 мая, по приказанію полиціймейстра, музыка заиграла „Боже царя храни“, а городовые сгоняли публику послушать этотъ „народный гимнъ“. Одного студента, не пожелавшаго слушать, арестовали. Въ Новороссійскѣ организаціей „черныхъ сотенъ“ занялся гласный думы Мухинъ. Имъ 3 мая была устроена патріотическая манифестація: шествіе открывалъ городовой съ криками: „бей жидовъ, армянъ, грузинъ“, за нимъ ѣхали казаки, шла военная музыка, „народъ“, его составляли переодѣтые городовые, шпіоны, хулиганы, женщины и ребятишки. Несли знамя съ надписью „Да здравствуетъ самодержавіе“. Рабочіе, которыхъ усиленно приглашалъ жандармскій ротмистръ, отказались принимать участіе въ шествіи. Спустя нѣкоторое время, послѣ манифестаціи, по распоряженію начальника Новороссійскаго порта и торговаго флота, была расклеена и распространена въ большомъ количествѣ „черносотенная“ прокламація „Добрый совѣтъ рабочимъ“ за подписью „Русскіе люди“ (читай: царскіе шпіоны). Въ селеніи Армавиръ во время всеобщей забастовки городовые предлагали рабочимъ безплатную водку. Пейте, молъ, напьетесь пьяными, начнете громить фабрики и мастерскія, а у насъ будетъ поводъ расправиться съ вами вооруженной силой. „Первый звонъ разбитаго стекла, говорилъ атаманъ отдѣла Воронянскій, и я прикажу ударить въ нагайки и стрѣлять“. Провокація со стороны полиціи не удалась.

Новороссійскъ. Начавшаяся послѣ двухдневной демонстраціи забастовка желѣзнодорожныхъ рабочихъ кончилась неудачно. Она не была подготовлена, не была организована. 3 мая, когда голосовался вопросъ о забастовкѣ, меньшинство — сознательные рабочіе, высказались *противъ*, указывая на неподготовленность ея, большинство же — за, меньшинство подчинилось большинству и съ крикомъ „да здравствуетъ забастовка“ рабочіе разошлись. 4 мая было собраніе у желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Послѣ рѣчи оратора на тему „Что такое забастовка и какъ ее нужно вести?“ рабочіе выразили полное довѣріе мѣстной соціальдемократической организаціи и ей поручили веденіе забастовки. Тутъ же были выбраны депутаты отъ всѣхъ цеховъ и, вмѣстѣ съ представителями отъ мѣстной организаціи и Куб. Ком., были выработаны требованія рабочихъ. На ряду съ экономическими требованіями, были выставлены и политическія. Предъявлены они начальнику желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Назначенное на 5 мая собраніе не состоялось, такъ какъ почти всѣ рабочіе приступили къ работѣ. Итакъ, стачка, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась неудачно.

Ставрополь-Кавказскій. 29 мая состоялась у насъ сходка; присутствовало на ней около 40 человѣкъ. Агитаторомъ Кубанскаго комитета была произнесена горячая рѣчь о классовой борьбѣ пролетаріата и о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ. Былъ сдѣланъ призывъ стряхнуть вѣковую апатію, самоотверженно идти въ массы и, организуя ее подъ знаменемъ соціальдемократіи, съ оружіемъ въ рукахъ вести ее на штурмъ самодержавія. „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціальдемократія!“ было отвѣтомъ. Другимъ товарищемъ было сказано нѣсколько словъ о необходимости мира и предложена резолюція по поводу разгрома эскадры, принятая кавказскимъ рабочими. Резолюція принята единогласно. Собрано на вооруженіе 3 р. 51 к.

Кизилъ-Арватъ. Рабочій пріѣхалъ оттуда и обратился въ Балах.-Биби-Эйбатскую организацію съ просьбой послать къ нимъ человѣка и съ увѣреніемъ, что онъ найдетъ тамъ очень благодарную почву для агитаціи. Поѣхали изъ Балах. орг. 2 и въ одну недѣлю съорганизовали публику настолько, что 1 мая была уже массовка въ 300 человѣкъ изъ солдатъ и рабочихъ, продолжалась она съ 9 час. утра до 4-хъ вечера, выступало до 20 ораторовъ изъ рабочихъ и солдатъ. Настроеніе съ тѣхъ поръ приподнятое, революціонное. Наши пропагандисты пробыли тамъ только 10 дней и теперь рабочіе и солдаты ведутъ работу собственными силами, самостоятельно выпускаютъ листки и въ каждомъ письмѣ къ намъ просятъ выслать имъ руководителей; но увы! у насъ нѣтъ силъ. Рабочихъ въ Кизилъ-Арватъ 1000 или немного болѣе, и солдатъ 700.

Баку. Какъ вамъ извѣстно уже, у насъ нѣсколько дней была забастовка промысловаго района. Началась она слѣдующимъ образомъ. Мѣстныя соціальдемократическія организаціи рѣшили совмѣстно праздновать 1 мая всеобщей забастовкой. Наша организація настаивала, чтобы начать забастовку въ субботу, наканунѣ 1 мая, съ обѣда, такъ какъ двухдневная забастовка можетъ послужить сигналомъ къ всеобщей, взять же руководство всеобщей забастовкой у насъ нѣтъ силъ. Бакинскій Комитетъ отстаивалъ забастовку съ утра, но подъ конецъ соединеннаго собранія, повидимому, согласился съ организаціей; но утромъ, по распоряженію Б. К., нѣкоторые заводы забастовали и пошли останавливать другіе заводы и промысла. Какъ и слѣдовало ожидать, темные персы-рабочіе приняли первомайскую забастовку за сигналъ къ всеобщей и продолжали бастовать, не слушая уговоровъ сознательныхъ товарищей и даже грозя выгнать ихъ палками съ заводовъ. Такъ продолжалось недѣлю; рабочіе-персы на каждомъ шагу упрекали рабочихъ другихъ національностей, что они не помогаютъ имъ бороться за улучшеніе своей жизни. Организованные товарищи рабочіе на между-райономъ собраніи рѣшили поддержать рабочихъ-персовъ и во вторникъ 9 объявили всеобщую забастовку. Балаханы стали, стала и часть Биби-Эйбата. Съ перваго же дня забастовки дѣлались попытки устроить массовыя собранія, но казаки разгоняли. Когда же рабочіе ходили выпускать пары тамъ, гдѣ капиталисты разводили ихъ, казаки, содержащіеся на промыслахъ на счетъ капиталистовъ, избивали рабочихъ нагайками, топтали лошадьми, загоняли въ лужи съ мазутомъ, арестовывали. Масса была терроризирована и неохотно собиралась на массовки. Администрація и капиталисты старались всякими способами провоцировать стачку и, кромѣ орды казаковъ, на рабочихъ были натравлены мѣстные жители татары.

Было съорганизовано нѣсколько собраній, исключительно изъ татаръ, гдѣ вели агитацію противъ стачки муллы, беки (татарскіе князья), подрядчики и персидскій консулъ. Послѣдній грозилъ татарамъ рабочимъ (большею частью, персидскимъ подданнымъ) высылкой въ Персію, если они не выйдутъ на работы. Наконецъ, была снаряжена вооруженная сотня татаръ — торговцевъ, которая разъѣзжая по казармамъ, заставляла угрозами выходить на работы. Капиталисты гостепріимно раскрывали ворота своихъ промысловъ для этихъ громилъ. Рабочимъ другихъ національностей громилы грозили армянской рѣзней и не замедлили бы перейти къ дѣйствіямъ. Татары вышли на работы. Положеніе было довольно серьезнымъ. Безъ поддержки массъ, организованнымъ рабочимъ немыслимо было бороться съ темной стихійной силой. Рѣшено было прекратить забастовку до поры, когда татарская рабочая масса пойметъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами рабочихъ другихъ національностей. Теперь необходимо усилить работу среди татаръ, необходимы татарскіе агитаторы, пропагандисты, литература.

Митава, 24 мая. Мы уже сообщали объ убійствѣ въ ночь съ 1 на 2 мая двухъ шпиковъ и покушеніи на одного провокатора (послѣдняго по ошибкѣ считали убитымъ, онъ только раненъ). На прошлой недѣлѣ убили еще трехъ шпіоновъ и одного урядника и ранили городового.

Цусимскій разгромъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на нашихъ бюргеровъ. Всѣ ждутъ теперь „настоящей“ революціи. Въ городѣ циркулируютъ всевозможные слухи, нѣкоторые довольно настойчивые, будто въ Петербургѣ уже началась эта „настоящая“ революція и 32 тысячи гвардейцевъ перешли на сторону народа. Эти слухи держатся уже три дня. Понятно, всѣ очень волнуются. Въ пятницу 20 мая забастовала фабрика Крамера (450 чел.), требуютъ уменьшенія рабочаго дня до 9 часовъ (теперь они работаютъ 10 час.), увеличенія заработной платы на 10 проц. и еще кое-чего (какъ напр. кипятокъ къ чаю, нѣкоторыя исправленія въ фабрикѣ и др.). Рабочіе стойко держатся. Сегодня имъ объявленъ разсчетъ, но вчера уже рабочіе рѣшили не брать разсчета и на работу не становиться. Сегодня утромъ забастовала еще одна фабрика въ 100 человѣкъ, ихъ требованій еще не знаемъ. Кромѣ того, сегодня ожидается забастовка служащихъ въ мануфактурныхъ магазинахъ.

По улицамъ расхаживаютъ патрули солдатъ и разъѣзжаютъ казаки. Настроеніе въ городѣ очень тревожное. Достаточно, кажется, одной искры, чтобы въ городѣ вспыхнула общая забастовка.

ИЗЪ ПАРТІИ.

РАСКОЛЪ ВЪ РУССКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІИ

К. Каутскаго. (Переводъ съ нѣмецкаго [1]).

Въ нашей партійной прессѣ только что появился изданный въ Мюнхенѣ „отчетъ о третьемъ съѣздѣ Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.“ Мы рады всему, что помогаетъ нашимъ нѣмецкимъ товарищамъ знакомиться съ соціалистическимъ движеніемъ другихъ странъ и, тѣмъ не менѣе, появившійся „отчетъ“ вызвалъ въ насъ чувство, всего менѣе сходное съ радостью. Это, въ сущности, вовсе не отчетъ о засѣданіяхъ съѣзда а простое собраніе принятыхъ на немъ резолюцій. Напечатаны онѣ безъ всякихъ комментарій и въ такомъ видѣ будутъ не только непонятны огромному большинству читателей, но — что гораздо хуже — онѣ дадутъ этимъ читателямъ совершенно ложное представленіе объ отношеніяхъ въ русской соціальдемократіи.

Прежде всего, резолюціи представляютъ дѣйствительныя разногласія въ русской соціальдемократіи гораздо болѣе значительными, чѣмъ они являются на самомъ дѣлѣ. Я уже говорилъ въ своей статьѣ „о разногласіяхъ между русскими соціалистами“ (N. Z. № 29 этого года), что между двумя фракціями нашихъ русскихъ товарищей, представленными „Искрой“ и „Впередъ“, дѣйствительныя разногласія менѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ самой нѣмецкой соціальдемократіи. Съ тѣхъ поръ положеніе не ухудшилось, а, наоборотъ, поправилось, и наблюдателю иностранцу приходится потратить не мало труда, чтобы открыть хоть какое нибудь различіе между двумя фракціями. Главный вопросъ, раздѣляющій ихъ въ настоящій моментъ, заключается въ томъ, должны ли или не должны члены партіи принимать участіе въ будущемъ революціонномъ правительствѣ. Но обсуждать дѣлежъ этой шкуры еще не убитаго медвѣдя можно бы, конечно, самымъ спокойнымъ образомъ также и внутри единой партіи, причемъ самый споръ остается совершенно безпредметнымъ, пока ровно ничего неизвѣстно о томъ, какъ будетъ выглядѣть то революціонное правительство, въ которомъ мы должны принять участіе [1]).

Нашимъ русскимъ товарищамъ, слѣдовательно, такъ же мало надобности раскалываться на этомъ вопросѣ, какъ и на всѣхъ другихъ, о которыхъ идетъ споръ.

Замѣчательно, однако, что именно теперь, когда разногласій осталось меньше прежняго и революціонное положеніе повелительнѣе, чѣмъ когда либо, требуетъ полнѣйшаго единенія всѣхъ, стоящихъ на одинаковой программной и политической почвѣ — именно въ это время между двумя фракціями происходитъ полный расколъ.

Причиною его былъ созывъ съѣзда, который другою фракціей былъ признанъ лишь фракціоннымъ, не имѣющимъ права постановлять рѣшеній, обязательныхъ для всей партіи.

Такимъ образомъ, партія фактически распалась теперь на двѣ отдѣльныя организаціи. Но именно этотъ внѣшній расколъ можетъ послужить основой объединенія. Пока обѣ фракціи принадлежали къ одной организаціи, ихъ конфликтъ по вопросу о формахъ организаціи все болѣе и болѣе сосредоточивался на вопросѣ о компетенціи центровъ партіи — Ц. К. и Ц. О., изъ котораго не находилось никакого выхода.

Теперь этотъ гордіевъ узелъ разрубленъ. Нѣтъ уже надобности заниматься толкованіемъ параграфовъ устава и рѣшеній съѣзда. Теперь другъ противъ друга стоятъ двѣ независимыхъ одна отъ другой организаціи, которыя могутъ вступать между собою въ соглашенія и должны будутъ вступать въ нихъ, такъ какъ теперь ни одна уже не можетъ разсчитывать подчинить другую посредствомъ майоризаціи, оставаясь же на военномъ положеніи между собой, обѣ фракціи сдѣлались бы посмѣшищемъ всего міра.

И, дѣйствительно, именно послѣ совершившагося раскола, потребность въ объединеніи стала сильнѣе проявляться съ обѣихъ сторонъ и, по доходящимъ до меня съ разныхъ сторонъ свѣдѣніямъ, происходятъ переговоры [2]).

Очевидно, нѣмецкое изданіе резолюцій только что кончившагося русскаго съѣзда появилось въ высшей степени въ неподходящій моментъ. Мы вправѣ считать эти резолюціи, поскольку онѣ трактуютъ объ отношенія къ „Искрѣ“, за „преходящія явленія“, которыя, быть можетъ, уже въ настоящій моментъ потеряли свое значеніе даже для тѣхъ самыхъ лицъ, которыя эти резолюціи принимали.

Но, какъ бы тамъ ни было, а иностранцы, разъ ужъ они вмѣшиваются въ эти дѣла, имѣютъ всѣ причины заботиться не о томъ, чтобы распространять эти резолюціи и, тѣмъ самымъ, вновь разжигать борьбу, а о томъ, чтобы эти резолюціи, вмѣстѣ съ ихъ предварительной исторіей, были *забыты*. Забвеніе прошлаго, являясь предварительнымъ условіемъ всякаго объединенія, въ особенности необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда раздоръ поддерживается съ обѣихъ сторонъ лишь воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ или воображаемыхъ несправедливостяхъ, а эти несправедливости дѣйствуютъ съ особенной силой именно потому что нѣтъ фактическихъ разногласій, устраненіе которыхъ могло бы смягчить накопившуюся горечь.

Остережемся же отъ дальнѣйшаго распространенія по Германіи нападокъ Ленина и его сторонниковъ на Плеханова и его сторонниковъ, какъ остерегались бы и въ противоположномъ случаѣ.

Если ужъ вмѣшиваться въ отношенія между русскими фракціями, хотя бы только сообщеніями о нихъ нѣмецкимъ товарищамъ, то лишь такимъ образомъ, чтобы внушать русскимъ товарищамъ сознаніе самоубійственности той политики раздора, которую они ведутъ. Я убѣжденъ, что не встрѣчу противорѣчія ни въ комъ изъ членовъ международной соціальдемократіи, если скажу, что ея чувства по отношенію къ русскимъ товарищамъ таковы, что она всего больше будетъ цѣнить среди нихъ ту фракцію, тѣхъ личностей, которыя своей уступчивостью и самоотверженіемъ будутъ всего сильнѣе содѣйствовать объединенію русской соціальдемократіи и всѣхъ больше облегчать его; и что она сочтетъ за положительное преступленіе противъ освободительной борьбы пролетаріата дѣйствія той фракціи или тѣхъ личностей, которые своей обидчивостью или злопамятностью затруднятъ начавшееся объединеніе или даже помѣшаютъ ему.

Резолюціей по существу дѣла, какъ въ случаѣ съ французами, русскому объединенію новый интернаціоналъ не въ состояніи помочь, у него нѣтъ для этого никакого фактическаго основанія. Но если бы при переговорахъ относительно объединенія русскіе соц. демокр. встрѣтились съ такими затрудненіями, съ которыми не могли бы сами справиться, тогда ихъ несомнѣнной обязанностью было бы обратиться къ пользующемуся ихъ довѣріемъ международному форуму, чтобы онъ помогъ имъ устранить всѣ разногласія. Что интернаціоналъ и его представители готовы съ радостью взяться за это, и что ихъ рѣшеніе будетъ безпристрастно, въ этомъ наши русскіе товарищи могутъ быть увѣрены. Въ настоящее время нѣтъ того дѣла, которое было бы ближе каждому соціальдемократу, къ какой бы націи ни принадлежалъ онъ, чѣмъ дѣло *русской революціи* и возможно большее проявленіе силы русскаго пролетаріата.

Заявленіе Восточнаго Бюро Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П.

Восточное Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. считаетъ необходимымъ высказаться по поводу послѣднихъ событій партійной жизни и опредѣлить свою позицію по отношенію къ обѣимъ частямъ партіи, образовавшимся послѣ III съѣзда и конференціи, состоявшихся въ апрѣлѣ 1905 года.

Въ виду того, что обострившаяся въ послѣднее время фракціонная борьба съуживала размахъ соціальдемократической работы, размахъ, необходимый въ переживаемый историческій моментъ, и что единственнымъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія могъ быть партійный съѣздъ, на которомъ была бы представлена вся партія — Бюро не могло не высказаться за созывъ III партійнаго съѣзда постольку, поскольку онъ могъ четверти, а съ палубы 9 коп. съ четверти; на нижніе рельсовые пути при тѣхъ же условіяхъ 7 и 5 коп. Выгрузка въ амбары изъ баржей въ гавани и на Волгѣ у городского берега насыпныхъ хлѣбовъ: за посыпку въ мѣшки, взвѣшиваніе, зашивку, наложеніе на коней и сложить съ коней въ амбары съ укладкой въ штабель — ¾ коп. съ пуда.

---

[1] Помѣщено въ „Leipziger Volkszeitung“.

[1] Какъ знаетъ читатель, знакомый съ партійной литературой, споръ идетъ не о томъ, *должны-ли мы будемъ принять участіе* во временномъ правительствѣ, а о томъ, должны-ли мы *направлять нашу тактику* къ такому участію (*Ред.*).

[2] Тов. Каутскому доставлены невѣрныя свѣдѣнія: никакихъ переговоровъ не ведется, такъ какъ такъ наз. „Ц. К-тъ“ до сихъ поръ предварительнымъ условіемъ всякаго соглашенія ставитъ признаніе „законности“ „съѣзда“. Какъ слѣдуетъ изъ № 5 „Пролетарія“, даже вопросъ объ утвержденіи ленинской фракціей Г. В. Плеханова въ роли представителя партіи въ международномъ бюро до сихъ поръ не рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя соотвѣтствующее предложеніе конференціи было сообщено этой фракціи уже 1 мѣсяцъ назадъ. (*Ред.*).

Рыбинская группа.

Петербургъ. 30 мая былъ очень удачный митингъ на Балтійскомъ заводѣ. Ораторъ говорилъ о необходимости добиваться не девяти, а восьмичасового рабочаго дня, говорилъ объ учредительномъ собраніи и требовалъ немедленнаго прекращенія войны. Тутъ вышла такая исторія: только что онъ закричалъ: „долой преступную войну!" какъ вся масса (3000 человѣкъ) подхватила этотъ кличъ, и оратора спустили съ плечъ, думая, что его рѣчь кончена, между тѣмъ какъ онъ полагалъ говорить еще. Митингъ былъ внутри завода. Стоявшій вблизи городовой все время записывалъ въ свою книжку (по другимъ свѣдѣніямъ, онъ не то срисовывалъ (!), не то фотографировалъ оратора. *Ред.*)

Поправка. Насъ просятъ сдѣлать слѣдующую поправку. Въ числѣ фамилій офицеровъ *Иркутскаю 93 пѣхотнаю полка, квартирующаю въ Псковѣ*, пригвожденныхъ въ № 89 „Искры", стр. 6. „Къ позорному столбу!", вмѣсто сообщеннаго подъ 3) Затетинскій, капитанъ 9 роты, — слѣдуетъ читать *Зацеплинскій*. Просимъ и другія газеты, напечатавшія этотъ списокъ, сдѣлать эту поправку.

Кубанская область. Дѣятельность Кубанскаго комитета все расширяется и расширяется. Крамола изъ городовъ и селеній начинаетъ пробираться и въ станицы. Устанавливаются новыя связи, образовываются новыя группы, соціальдемократическая литература, листки, прокламаціи широко циркулируютъ по всей области и читаются съ захватывающимъ интересомъ. Изъ разныхъ мѣстъ, изъ станицъ обращаются къ организаціямъ съ просьбой прислать имъ „своего" человѣка на ихъ собранія. Станичники жаждутъ услышать горячее, живое, правдивое слово, получить отвѣтъ на волнующіе ихъ вопросы... Къ сожалѣнію, наши организаціи, вслѣдствіе недостатка въ агитаторахъ, не всегда могутъ удовлетворять эти просьбы. Работы много... По немногу просыпается казачество, разоренное русско-японской войной, возложившей на него непосильное бремя. Соціальдемократическая пропаганда и агитація не пропала и здѣсь даромъ. Недавно организовалась „соціальдемократическая группа кубанскихъ казаковъ" и уже выпустила свою первую прокламацію (отпечатана кубанскимъ комитетомъ) „Къ кубанскимъ казакамъ". Въ ней, подробно выясняя положеніе казачества и его роль въ борьбѣ съ „внутреннимъ врагомъ", группа призываетъ его добиваться вмѣстѣ съ рабочимъ классомъ сверженія самодержавія. Прислушивается къ голосу соціальдемократіи и сектантство. Экономическій и политическій гнетъ заставляетъ сектантовъ глубже задуматься надъ причинами его, искать выхода изъ своего положенія... Знакомясь съ соціальдемократическими идеями, они быстро усваиваютъ ихъ и становятся незамѣнимыми агитаторами. Въ нѣкоторыхъ нашихъ организаціяхъ они занимаютъ не послѣднее мѣсто. Къ сожалѣнію, часто препятствіемъ для ихъ дѣятельности являются общества, членами которыхъ они раньше состояли; перешедшихъ къ намъ сектантовъ общества преслѣдуютъ всевозможными способами, не исключая и кулачной расправы. Въ общемъ, сектантство, застывшее въ своихъ религіозныхъ догмахъ и въ нихъ, и только въ нихъ, ищущее объясненія всѣхъ общественныхъ явленій, очень быстро разлагается. Не все благополучно и въ арміи. Соціальдемократія проникла и туда. Правда, казарменная обстановка не позволяетъ вести правильную кружковую пропаганду среди солдатъ; приходится поддерживать только связи и свою дѣятельность ограничивать пока разбрасываніемъ листковъ. Работа среди солдатъ ведется всѣми группами Кубанскаго комитета. Особенно успѣла въ этомъ отношеніи Новороссійская группа. Передъ майской демонстраціей рабочихъ, которая продолжалась два дня и окончилась забастовкой, организаторы-солдаты просили передать организаціи *отъ имени всѣхъ солдатъ*, что стрѣлять не будутъ. Намъ извѣстно, что администрація потому не принимала никакихъ мѣръ „воздѣйствія" на демонстрантовъ, что не надѣялась на солдатъ, казаковъ же было очень мало. Администрація, боясь разгрома правительственныхъ учрежденій, потеряла совершенно голову. Изъ полицейскаго управленія и участковъ были вывезены всѣ бумаги, городовые переодѣлись въ штатское платье. Недовольство среди солдатъ растетъ. Недавно въ Ставрополѣ была стачка солдатъ сапожниковъ, окончившаяся побѣдой. Въ Екатеринодарѣ въ палатку, въ которой ужинали офицеры, былъ брошенъ какимъ-то солдатомъ камень, легко ранившій одного офицера. Нужно еще отмѣтить, что въ Ставрополѣ изъ мѣстнаго баталіона изъ 41 грузина бѣжало 30 человѣкъ. Теперь не посылаютъ грузинъ въ караулъ, не ставятъ около пороховыхъ и ружейныхъ складовъ и тщательно слѣдятъ за ними. Къ организаціямъ часто поступаютъ требованія отъ солдатъ относительно листковъ какъ общаго характера, такъ и мѣстнаго. Просятъ подробнѣе касаться ихъ положенія на службѣ, указывая на цѣлый рядъ всевозможныхъ злоупотребленій съ выставленіемъ требованій.

Теперь нѣсколько словъ о празднованіи перваго мая. Въ продолженіи всего апрѣля мѣсяца шла лихорадочная предмайская агитація. Устраивался цѣлый рядъ массовокъ, на которыхъ выступали какъ мѣстные агитаторы, такъ и Кубанскаго комитета. „Резолюція рабочихъ и другихъ гражданъ Армавира" (преступленія царскаго самодержавія) обошла всѣ массовки и вездѣ принималась съ большимъ энтузіазмомъ, причемъ производился подсчетъ голосовавшихъ.

На ряду съ мобилизаціей пролетарскихъ силъ соціальдемократіей, шла царская мобилизація хулигановъ, жандармовъ, шпіоновъ и тому подобныхъ царскихъ слугъ. Въ Екатеринодарѣ основано завѣдующимъ канцеляріей атамана Буденко — онъ же редакторъ газеты „Кубанскія Вѣдомости" — отдѣленіе „Русскаго Собранія". Нѣкоторымъ обывателямъ и гласнымъ отправляются угрожающія письма. По улицамъ циркулируютъ подозрительныя лица въ гороховыхъ пальто, останавливаютъ кого попало, и обыскиваютъ. Послѣ демонстраціи 1 мая по приказанію полиціймейстера, музыка заиграла „Боже царя храни", а городовые сгоняли публику послушать этотъ „народный гимнъ". Одного студента, не пожелавшаго слушать, арестовали. Въ Новороссійскѣ организаціей „черныхъ сотенъ" занятъ гласный думы Мухинъ. Имъ 3 мая была устроена патріотическая манифестація: шествіе открывалъ городовой съ криками „бей жидовъ, армянъ, грузинъ", за нимъ ѣхали казаки, шла военная музыка, „народъ", его составляли переодѣтые городовые, шпіоны, хулиганы, женщины и ребятишки. Несли знамя съ надписью „Да здравствуетъ самодержавіе". Рабочіе, которыхъ усиленно приглашалъ жандармскій ротмистръ, отказались принимать участіе въ шествіи. Спустя нѣкоторое время послѣ манифестаціи, по распоряженію начальника Новороссійскаго порта и торговаго флота была расклеена и распространена въ большомъ количествѣ „черносотенная" прокламація „Добрый совѣтъ рабочимъ" за подписью „Русскіе люди" (читай: жандармы и шпіоны). Въ селеніи Армавирѣ во время всеобщей забастовки городовые предлагали рабочимъ безплатную водку: „Пейте милые, напьетесь пьяными, начнете громить фабрики и мастерскія, а у насъ будетъ поводъ расправиться съ вами вооруженной силой". „Первый звонъ разбитаго стекла, — говорилъ атаманъ отдѣла Воронянскій, — и я прикажу ударить въ нагайки и въ приклады". Провокація со стороны полиціи не удалась.

Новороссійскъ. Начавшаяся послѣ двухдневной демонстраціи забастовка желѣзнодорожныхъ рабочихъ кончилась неудачно. Она не была подготовлена, не была организована. 3 мая, когда голосовался вопросъ о забастовкѣ, меньшинство — сознательные рабочіе, высказались *противъ*, указывая на неподготовленность ея, большинство же — *за*, меньшинство подчинилось большинству и съ крикомъ „да здравствуетъ забастовка" рабочіе разошлись. 4 мая было собраніе у желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Послѣ рѣчи оратора на тему „Что такое забастовка и какъ ее нужно вести?" рабочіе выразили полное довѣріе мѣстной соціальдемократической организаціи и ей поручили веденіе забастовки. Тутъ же были выбраны депутаты отъ всѣхъ цеховъ и, вмѣстѣ съ представителями отъ мѣстной организаціи и Куб. Ком., были выработаны требованія рабочихъ. На ряду съ экономическими требованіями, были выставлены и политическія. Предъявлены они начальнику желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Назначенное на 5 мая собраніе не состоялось, такъ какъ почти всѣ рабочіе приступили къ работѣ. Итакъ, стачка, какъ и слѣдовало ожидать, кончилась неудачно.

Ставрополь-Кавказскій. 29 мая состоялась у насъ сходка; присутствовало на ней около 40 человѣкъ. Агитаторомъ Кубанскаго комитета была произнесена горячая рѣчь о классовой борьбѣ пролетаріата и о необходимости борьбы съ царскимъ самодержавіемъ. Былъ сдѣланъ призывъ стряхнуть вѣковую апатію, самоотверженно идти въ массы и, организуя ее подъ знаменемъ соціальдемократіи, съ оружіемъ въ рукахъ вести ее на штурмъ самодержавія. „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ соціальдемократія!" было отвѣтомъ. Другимъ товарищемъ было сказано нѣсколько словъ о необходимости мира и предложена резолюція по поводу разгрома эскадры, принятая кавказскимъ рабочими. Резолюція принята единогласно. Собрано на вооруженіе 3 р. 51 к.

Кизилъ-Арватъ. Рабочій пріѣхалъ оттуда и обратился въ Балахано-Биби-Эйбатскую организацію съ просьбой послать къ нимъ человѣка и съ увѣреніемъ, что онъ найдетъ тамъ очень благодарную почву для агитаціи. Поѣхали изъ Балах. орг. 2 и въ одну недѣлю сорганизовали публику настолько, что 1 мая была уже массовка въ 300 человѣкъ изъ солдатъ и рабочихъ, продолжалась она съ 9 час. утра до 4-хъ вечера, выступало до 20 ораторовъ изъ рабочихъ и солдатъ. Настроеніе съ тѣхъ поръ приподнятое, революціонное. Наши пропагандисты пробыли тамъ только 10 дней и теперь рабочіе и солдаты ведутъ работу собственными силами, самостоятельно выпускаютъ листки и въ каждомъ письмѣ къ намъ просятъ выслать имъ руководителей; но увы! у насъ нѣтъ силъ. Рабочихъ въ Кизилъ-Арватѣ 1000 или немного болѣе, и солдатъ 700.

Баку. Какъ вамъ извѣстно уже, у насъ нѣсколько дней была забастовка промысловаго района. Началась она слѣдующимъ образомъ. Мѣстныя соціальдемократическія организаціи рѣшили совмѣстно праздновать 1 мая всеобщей забастовкой. Наша организація настаивала, чтобы начать забастовку въ субботу, наканунѣ 1 мая, съ обѣда, такъ какъ двухдневная забастовка можетъ послужить сигналомъ къ всеобщей, взять же руководство всеобщей забастовкой у насъ нѣтъ силъ. Бакинской Комитетъ отстаивалъ забастовку съ утра, но подъ конецъ соединеннаго собранія, повидимому, согласился съ организаціей. И утромъ, по распоряженію Б. К., нѣкоторые заводы забастовали и пошли останавливать другіе заводы и промысла. Какъ и слѣдовало ожидать, темные персы-рабочіе приняли первомайскую забастовку за сигналъ къ всеобщей и продолжали бастовать, не слушая уговоровъ сознательныхъ товарищей и даже грозя выгнать ихъ палками съ заводовъ. Такъ продолжалось недѣлю. Рабочіе-персы на каждомъ шагу упрекали рабочихъ другихъ національностей, что они не помогаютъ имъ бороться за улучшеніе своей жизни. Организованные товарищи рабочіе на между-районномъ собраніи рѣшили поддержать рабочихъ-персовъ и во вторникъ объявили всеобщую забастовку. Балаханы стали, стала и часть Биби-Эйбата. Съ перваго же дня забастовки дѣлались попытки устроить массовыя собранія, но казаки разгоняли. Когда же рабочіе ходили выпускать пары тамъ, гдѣ капиталисты разводили ихъ, казаки, содержащіеся на промыслахъ на счетъ капиталистовъ, избивали рабочихъ нагайками, топтали лошадьми, загоняли въ лужи съ мазутомъ, арестовывали. Масса была терроризирована и неохотно собиралась на массовки. Администрація и капиталисты старались всякими способами провоцировать стачку и, кромѣ орды казаковъ, на рабочихъ были направлены мѣстные жители татары.

Было сорганизовано нѣсколько собраній исключительно изъ татаръ. [illegible] вели агитацію противъ стачки муллы, беки, татарскіе князья, подрядчики и персидскій консулъ. Послѣдній грозилъ татарамъ-рабочимъ (большею частью, персидскимъ подданнымъ) высылкой въ Персію, если они не выйдутъ на работы. Наконецъ, была снаряжена вооруженная сотня татаръ — торговцевъ, которая разъѣзжая по казармамъ, заставляла угрозами выходить на работы. Капиталисты гостепріимно раскрывали ворота своихъ промысловъ для этихъ громилъ. Рабочимъ другихъ національностей громилы грозили армянской рѣзней и не замедлили бы перейти къ дѣйствіямъ. Татары вышли на работы. Положеніе было довольно серьезнымъ. Безъ поддержки массъ, организованнымъ рабочимъ немыслимо было бороться съ темной стихійной силой. Рѣшено было прекратить забастовку до поры, когда татарская рабочая масса пойметъ солидарность своихъ интересовъ съ интересами рабочихъ другихъ національностей. Теперь необходимо усилить работу среди татаръ, необходимы татарскіе агитаторы, пропагандисты, литература.

Митава. 24 мая. Мы уже сообщали объ убійствѣ въ ночь съ 1 на 2 мая двухъ шпіоновъ и покушеніи на одного провокатора; послѣдняго полицейскіе считали убитымъ, онъ только раненъ. На прошлой недѣлѣ убили еще трехъ шпіоновъ и одного урядника и ранили городового.

Цусимскій разгромъ произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на нашихъ бюргеровъ. Всѣ ждутъ теперь „настоящей" революціи. Въ городѣ циркулируютъ всевозможные слухи, нѣкоторые [illegible], будто въ Петербургѣ уже началась эта „настоящая" революція и 12 тысячъ гвардейцевъ перешли на сторону народа. Эти слухи держатся уже три дня. Понятно, всѣ очень волнуются. Въ пятницу 20 мая забастовала фабрика Крамера (450 чел.), требуютъ уменьшенія рабочаго дня до 9 часовъ (теперь они работаютъ 10 час.), увеличенія заработной платы на 10 проц. и еще кое-чего (какъ напр. кипятокъ къ чаю, нѣкоторыя исправленія въ фабрикѣ и пр.). Рабочіе стойко держатся. Сегодня имъ объявленъ разсчетъ, но вчера уже рабочіе рѣшили не брать разсчета и на работу не становиться. Сегодня утромъ забастовала еще одна фабрика въ [illegible] человѣкъ, ихъ требованій еще не знаемъ. Кромѣ того, на дняхъ ожидается забастовка служащихъ въ мануфактурныхъ магазинахъ.

По улицамъ разъѣзживаютъ патрули изъ солдатъ и [illegible] казаки. Настроеніе въ городѣ очень тревожное. [illegible] кажется, [illegible] чтобы въ городѣ [illegible] забастовка.

ИЗЪ ПАРТІИ

РАСКОЛЪ ВЪ РУССКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ[1]

К. Каутскаго. Переводъ съ нѣмецкаго.

Въ нашей партійной прессѣ только что появился изданный въ Мюнхенѣ „отчетъ о третьемъ съѣздѣ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи". Мы рады всему, что помогаетъ нашимъ нѣмецкимъ товарищамъ знакомиться съ соціалистическимъ движеніемъ другихъ странъ, и тѣмъ не менѣе, появившійся „отчетъ" вызвалъ въ насъ чувство весьма мало сходное съ радостью. Это, въ сущности, вовсе не отчетъ о засѣданіяхъ съѣзда, а простое собраніе принятыхъ на немъ резолюцій. Напечатаны онѣ безъ всякихъ комментарій и въ такомъ видѣ будутъ не только не понятны огромному большинству читателей, но — что гораздо хуже — онѣ дадутъ этимъ читателямъ совершенно ложное представленіе объ отношеніяхъ въ русской соціальдемократіи.

Прежде всего, резолюціи представляютъ дѣйствительныя разногласія въ русской соціальдемократіи гораздо болѣе значительными, чѣмъ они являются на самомъ дѣлѣ. Я уже говорилъ въ своей статьѣ „о разногласіяхъ между русскими соціалистами" (N. Z. № 29 этого года), что между двумя фракціями нашихъ русскихъ товарищей, представленными „Искрой" и „Впередъ", дѣйствительныя разногласія менѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ самой нѣмецкой соціальдемократіи. Съ тѣхъ поръ положеніе не ухудшилось, а, наоборотъ, поправилось, и наблюдателю иностранцу приходится потратить не мало труда, чтобы открыть хоть какое нибудь различіе между двумя фракціями. Главный вопросъ, раздѣляющій ихъ въ настоящій моментъ, заключается въ томъ, должны ли или не должны члены партіи принимать участіе въ будущемъ революціонномъ правительствѣ. Но обсуждать дѣлежъ этой шкуры еще не убитаго медвѣдя можно бы, конечно, самымъ спокойнымъ образомъ также и внутри единой партіи, причемъ самый споръ остается совершенно безпредметнымъ, пока ровно ничего неизвѣстно о томъ, какъ будетъ выглядѣть то революціонное правительство, въ которомъ мы должны принять участіе[1].

Нашимъ русскимъ товарищамъ, слѣдовательно, такъ же мало надобности раскалываться на этомъ вопросѣ, какъ и на всѣхъ другихъ, о которыхъ идетъ споръ.

Замѣчательно, однако, что именно теперь, когда разногласій осталось меньше прежняго и революціонное положеніе повелительнѣе, чѣмъ когда либо, требуетъ полнѣйшаго единенія всѣхъ, стоящихъ на одинаковой программной и политической почвѣ — именно въ это время между двумя фракціями происходитъ полный расколъ.

Причиною его былъ созывъ съѣзда, который другою фракціей былъ признанъ лишь фракціоннымъ, не имѣющимъ права постановлять рѣшеній, обязательныхъ для всей партіи.

Такимъ образомъ, партія фактически распалась теперь на двѣ отдѣльныя организаціи. Но именно этотъ внѣшній расколъ можетъ послужить основой объединенія. Пока обѣ фракціи принадлежали къ одной организаціи, ихъ конфликтъ по вопросу о формахъ организаціи все болѣе и болѣе сосредоточивался на вопросѣ о компетенціи центровъ партіи — Ц. К. и Ц. О., изъ котораго не находилось никакого выхода.

Теперь этотъ гордіевъ узелъ разрубленъ. Нѣтъ уже надобности заниматься толкованіемъ параграфовъ устава и рѣшеній съѣзда. Теперь другъ противъ друга стоятъ двѣ независимыхъ одна отъ другой организаціи, которыя могутъ вступать между собою въ соглашенія и должны будутъ вступать въ нихъ, такъ какъ теперь ни одна уже не можетъ разсчитывать подчинить другую посредствомъ майоризаціи, оставаясь же на военномъ положеніи между собой, обѣ фракціи сдѣлались бы посмѣшищемъ всего міра.

И, дѣйствительно, именно послѣ совершившагося раскола, потребность въ объединеніи стала сильнѣе проявляться съ обѣихъ сторонъ и, по доходящимъ до меня съ разныхъ сторонъ свѣдѣніямъ, происходятъ переговоры[2].

Очевидно, нѣмецкое изданіе резолюцій только что кончившагося русскаго съѣзда появилось въ высшей степени въ неподходящій моментъ. Мы вправѣ считать эти резолюціи, поскольку онѣ трактуютъ объ отношеніи къ „Искрѣ", за „преходящія явленія", которыя, быть можетъ, уже въ настоящій моментъ потеряли свое значеніе даже для тѣхъ самыхъ лицъ, которыя эти резолюціи принимали.

Но, какъ бы тамъ ни было, а иностранцы, разъ ужъ они вмѣшиваются въ эти дѣла, имѣютъ всѣ причины заботиться не о томъ, чтобы распространять эти резолюціи и, тѣмъ самымъ, вновь разжигать борьбу, а о томъ, чтобы эти резолюціи, вмѣстѣ съ ихъ предварительной исторіей, были *забыты*. Забвеніе прошлаго, являясь предварительнымъ условіемъ всякаго объединенія, въ особенности необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда раздоръ поддерживается съ обѣихъ сторонъ лишь воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ или воображаемыхъ несправедливостяхъ, а эти несправедливости дѣйствуютъ съ особенной силой именно потому что нѣтъ фактическихъ разногласій, устраненіе которыхъ могло бы смягчить накопившуюся горечь.

Остережемся же отъ дальнѣйшаго распространенія по Германіи нападокъ Ленина и его сторонниковъ на Плеханова и его сторонниковъ, какъ остерегались бы и въ противоположномъ случаѣ.

Если ужъ вмѣшиваться въ отношенія между русскими фракціями, хотя бы только сообщеніями о нихъ нѣмецкимъ товарищамъ, то лишь такимъ образомъ, чтобы внушать русскимъ товарищамъ сознаніе самоубійственности той политики раздора, которую они ведутъ. Я убѣжденъ, что не встрѣчу противорѣчія ни въ комъ изъ членовъ международной соціальдемократіи, если скажу, что ея чувства по отношенію къ русскимъ товарищамъ таковы, что она всего больше будетъ цѣнить среди нихъ ту фракцію, тѣхъ личностей, которыя своей уступчивостью и самоотверженіемъ будутъ всего сильнѣе содѣйствовать объединенію русской соціальдемократіи и всѣхъ больше облегчать его; и что она сочтетъ за положительное преступленіе противъ освободительной борьбы пролетаріата дѣйствія той фракціи или тѣхъ личностей, которые своей обидчивостью или злопамятностью затруднятъ начавшееся объединеніе или даже помѣшаютъ ему.

Резолюціей по существу дѣла, какъ въ случаѣ съ французами, русскому объединенію новый интернаціоналъ не въ состояніи помочь, у него нѣтъ для этого никакого фактическаго основанія. Но если бы при переговорахъ относительно объединенія русскіе соц.-демокр. встрѣтились съ такими затрудненіями, съ которыми не могли бы сами справиться, тогда ихъ несомнѣнной обязанностью было бы обратиться къ пользующемуся ихъ довѣріемъ международному форуму, чтобы онъ помогъ имъ устранить всѣ разногласія. Что интернаціоналъ и его представители готовы съ радостью взяться за это, и что ихъ рѣшеніе будетъ безпристрастно, въ этомъ наши русскіе товарищи могутъ быть увѣрены. Въ настоящее время нѣтъ того дѣла, которое было бы ближе каждому соціалдемократу, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, чѣмъ дѣло *русской революціи* и возможно большее проявленіе силы русскаго пролетаріата.

Заявленіе Восточнаго Бюро Центральнаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. Восточное Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. считаетъ необходимымъ высказаться по поводу послѣднихъ событій партійной жизни и опредѣлить свою позицію по отношенію къ обѣимъ частямъ партіи, образовавшимся послѣ III съѣзда и конференціи, состоявшихся въ апрѣлѣ 1905 года.

Въ виду того, что обострившаяся въ послѣднее время фракціонная борьба съуживаетъ размахъ соціалдемократической работы, размахъ, необходимый въ переживаемый историческій моментъ, и что единственнымъ выходомъ изъ этого ненормальнаго положенія могъ быть партійный съѣздъ, на которомъ была бы представлена вся партія — Бюро не могло не высказаться за созывъ III партійнаго съѣзда постольку, поскольку онъ могъ и *должен был объединить партію*, и содѣйствовалъ, чѣмъ могло, Центр. Комитету въ дѣлѣ созыва *такого* съѣзда.

---

[1] Помѣщено въ „Leipziger Volkszeitung".

[1] Какъ знаетъ читатель, знакомый съ партійной литературой, споръ идетъ не о томъ, *должны ли мы будемъ принять участіе* во временномъ правительствѣ, а о томъ, должны ли мы *направлять нашу тактику* къ такому участію. *Ред.*

[2] Тов. Каутскому доставлены невѣрныя свѣдѣнія: никакихъ переговоровъ не ведется, такъ какъ такъ наз. „Ц. К-тъ" до сихъ поръ предварительнымъ условіемъ всякаго соглашенія ставитъ признаніе „законности" „съѣзда". Какъ слѣдуетъ изъ № 5 „Пролетарія", даже вопросъ объ утвержденіи ленинской фракціей Г. В. Плеханова въ роли представителя партіи въ международномъ бюро до сихъ поръ не рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, хотя соотвѣтствующее предложеніе конференціи было сообщено этой фракціи уже 1 мѣсяцъ назадъ. (*Ред.*).

Въ настоящее время, принимая во вниманіе: во первыхъ: а) что на состоявшемся якобы III партійномъ съѣздѣ была представлена только *часть* партіи, делегаты которой, кромѣ того, выражали не волю пославшихъ ихъ организацій, а мнѣнія отдѣльныхъ работниковъ, б) что другая часть делегатовъ, сознавая, что партія въ цѣломъ не была подготовлена къ рѣшенію такихъ важныхъ тактическихъ задачъ, которыя не были обсуждаемы заранѣе на мѣстахъ, — эта часть делегатовъ имѣла моральное право, не принимая участіе въ работахъ съѣзда, созвать конференцію, и во вторыхъ: а) что на III съѣздѣ обнаружилось стремленіе къ подавленію одной части другою, явно выразившееся въ резолюціи „объ отколовшейся части партіи", в) что конференція беретъ на себя задачу объединенія партіи въ рамкахъ „единства признанной программы Р. С. Д. Р. П.

Бюро большинствомъ всѣхъ противъ одного заявляетъ, что 1) не считаетъ состоявшійся съѣздъ партійнымъ и квалифицируетъ его, какъ совѣщаніе отдѣльныхъ работниковъ, въ виду чего 2) не считаетъ резолюціи его для себя обязательными, 3) признаетъ, что въ настоящее время существуютъ двѣ части партіи, 4) не видитъ „уклоненій отъ принциповъ революціонной соціальдемократіи", выраженныхъ въ программѣ партіи, ни въ той, ни въ другой части партіи, 5) не желая принимать участія въ подавленіи одной части партіи другою и вести политику „осаднаго положенія", которую *обязанъ* будетъ проводить въ жизнь новый Центр. К., въ виду резолюціи такъ называемаго III партійнаго съѣзда, — всецѣло присоединяется къ резолюціи конференціи „объ отношеніи между двумя частями партіи", и 6) въ виду всего этого, Бюро доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ партійныхъ организацій, что оно прекращаетъ свою дѣятельность, какъ агентура Ц. К. Р. С. Д. Р. П., и считаетъ своимъ долгомъ оказывать содѣйствіе Организаціонной Коммиссіи въ дѣлѣ возстановленія единства партіи.

Восточное Бюро Ц. К. Р. С. Д. Р. П. Личный составъ: С., А., Т., Х., секретарь: Т., техники: П., Б., М., В.

* * *

Главное Бюро бывшаго Центральнаго Комитета (издававшее, за время его занятій т. н. III съѣздомъ, общеполитическія прокламаціи) сообщаетъ намъ о томъ, что перемѣны, происшедшія въ Партіи, заставляютъ его распуститься.

Южное Бюро Ц. К. отказалось по тѣмъ же мотивамъ, какіе приводитъ Восточное Бюро для отказа признать „III съѣздъ" партійнымъ и примкнуло къ Орг. Коммиссіи.

Такимъ образомъ, *всѣ три* районныхъ группы, составлявшія общую организацію Ц. К., оказались, какъ и слѣдовало ожидать, несолидарными съ тѣми двумя членами Ц. К., которые произвели въ партіи „государственный переворотъ". Если къ этому прибавить, что 2 *техниче* группы при Ц. К. (одна изъ двухъ транспортныхъ и сѣверная техническая) перешли къ бывшему „меньшинству", а третья — другая транспортная — объявила себя нейтральной, то выясняется съ надлежащей очевидностью, что бывшій Ц. К., предавая партійное дѣло дѣятелямъ „бюро большинства", дѣйствовалъ даже противъ воли *всѣхъ* своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и агентовъ.

Заявленіе транспортной группы бывшаго Ц. К. „Заслушавъ докладъ о третьемъ съѣздѣ и о конференціи меньшинства, N транспортная группа бывшаго Ц. К. постановляетъ: въ виду неоправдываемаго никакими серьезными политическими соображеніями раскола партіи на двѣ части, изъ которыхъ ни одна не можетъ быть признана дѣйствительной представительницей всей партіи въ ея цѣломъ, — N транспортная группа бывшаго Ц. К. Р. С. Д. Р. П., полагая, что совмѣстная работа обѣихъ частей будетъ служить лучшимъ средствомъ къ устраненію всѣхъ треній и препятствій, мѣшающихъ теперь полному объединенію партіи, намѣрена, со своей стороны, способствовать этому объединенію, гарантируя, во-первыхъ *всей* партіи пользованіе находящимся въ рукахъ группы партійнымъ имуществомъ и, во вторыхъ, привлекая обѣ стороны къ совмѣстной работѣ надъ однимъ общепартійнымъ предпріятіемъ".

Резолюція Юзовской группы Донецкаго Ком. Принимая во вниманіе, 1. что вопросы, подлежавшіе обсужденію на предполагавшемся третьемъ Партійномъ съѣздѣ, по условіямъ созыва его, не могли быть заранѣе разработаны на мѣстахъ, 2. что посланные делегаты не могли быть, поэтому, выразителями мнѣній мѣстныхъ организацій въ ихъ цѣломъ, а являлись уполномоченными лишь небольшихъ группокъ — т. назыв. комитетовъ, 3. что при такихъ условіяхъ созыва съѣзда, слишкомъ большую роль играетъ всякая случайность, возможны подтасовки и фальшивые мандаты (что, какъ извѣстно, имѣло мѣсто и при подготовкѣ третьяго съѣзда), 4. что рѣшенія такихъ съѣздовъ, большею частью, не соотвѣтствуютъ интересамъ партійной работы и не могутъ быть обязательными для всѣхъ членовъ партіи, 5. что такіе съѣзды только подрываютъ въ широкихъ кругахъ партійныхъ работниковъ довѣріе къ авторитету высшаго учрежденія Партіи, какимъ является партійный съѣздъ — а всему этому насъ долженъ былъ научить горькій опытъ второго съѣзда,— Принимая все это во вниманіе,

Юзовская группа Донецкаго Комитета всецѣло одобряетъ поведеніе всѣхъ тѣхъ делегатовъ, въ томъ числѣ и делегата Донецкаго Комитета,—хотя въ посылкѣ его юзовская группа лишена была возможности принять участіе — (см. „Искру", № 99) которые отказались принимать участіе въ такомъ съѣздѣ и устроили отдѣльную конференцію. Юзовская Группа присоединяется къ „заявленію съѣзду созванному Организаціоннымъ Комитет." и считаетъ этотъ съѣздъ только совѣщаніемъ лицъ, примыкающихъ лишь къ одной части партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, группа питаетъ твердую увѣренность, что широкіе круги партійныхъ работниковъ изъ „периферіи" сумѣютъ вернуть нашей партіи столь необходимое единство. Да здравствуетъ единая Рос. Соц. Дем. Раб. Партія! Юз. Группа Д. К. (принято единогласно: 6 голосовъ).

P. S. Свое отношеніе къ постановленіямъ конференціи и совѣщанія „большинства" по организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ юз. группа выскажетъ, по ознакомленія съ необходимыми матеріалами: уставы, резолюціи и т. п. Резолюція эта принята также собраніемъ раіонныхъ представителей и передовыхъ работниковъ въ Юзовѣ (семь голосовъ за, двое пока воздержались) и товарищами, работающими въ типографіи Донецкаго Ком. 1 Іюня 1905 г.

Конференція организацій Полтавской губ. Намъ сообщаютъ, что организаціи, работающія въ *Полтавской губ.*, недавно организовали первую конференцію въ этомъ районѣ. Представлены были Кременчугскій комитетъ, Полтавская, Лубенская и Роменская группы (болѣе мелкія группы отсутствовали по случайнымъ причинамъ). Порядокъ дня: 1) Политическое положеніе. 2) Положеніе дѣлъ въ Партіи. 3 Докладъ о мѣстной работѣ. 4) Тактика Партіи въ деревнѣ. 5 Организація областного центра. Изъ докладовъ выяснилось, что за сравнительно-короткій періодъ своей работы въ деревнѣ *Полтавская* группа организовала около 300 крестьянъ, массовки въ деревнѣ становятся обычнымъ явленіемъ. Преобладаютъ на массовкахъ батраки. Агитацію вести среди нихъ чрезвычайно легко, особенно агитацію политическую; но и соціалистическая не встрѣчаетъ затрудненій. Также широко поставлена работа въ Лубенскомъ уѣздѣ; затронуты почти сплошь всѣ деревни. На конференціи присутствовали нѣкоторые члены „Украинскаго соц.-дем. союза". Работа въ деревнѣ ведется преимущественно массовками и распространеніемъ литературы.

Въ Кременчугѣ Комитетомъ организовано до 500 рабочихъ. По инициативѣ организованныхъ рабочихъ, тамъ недавно образована т. н. „биржа труда" — комиссія, выбранная рабочими, безъ согласія которой ни одинъ хозяинъ не можетъ нанимать рабочаго и ни одинъ рабочій не можетъ наниматься къ хозяину. Хозяева считаются съ этой комиссіей.

Конференція избрала исполнительную коммиссію, которой поручила ознакомить организаціи Полтавской губ. съ работами бывшей заграницей общепартійной конференціи и, вслѣдъ за тѣмъ, созвать новую конференцію, которая организуетъ окончательно районъ и свяжетъ его организаціонно съ другими районами нашей части партіи.

Петербургъ. Была междурайонная сходка, на которой одинъ изъ участниковъ общепартійной конференціи дѣлалъ докладъ о работахъ конференціи по организаціонному вопросу. Затѣмъ началась дискуссія. Со стороны рабочихъ были сдѣланы критическія замѣчанія въ томъ смыслѣ, что организація верховъ разработана детально, между тѣмъ какъ низы вовсе не затронуты. Докладчикъ возразилъ, что конференція исходила не изъ пустого мѣста, и что ея дѣло сводится къ реорганизаціи уже существующихъ организаціонныхъ ячеекъ. На собраніи былъ сдѣланъ практическій шагъ по отношенію къ организаціи низовъ. По иниціативѣ нарвскаго района рѣшено основать въ каждой мастерской „учредительскій" кружокъ. Представители учредительскихъ кружковъ образуютъ нѣчто вродѣ районнаго подкомитета. Учредительскіе кружки организуютъ, въ свою очередь, новые кружки, которые также выдѣляютъ своихъ представителей. При разростаніи числа этихъ кружковъ въ одномъ районѣ будетъ организовано нѣсколько районныхъ подкомитетовъ. Существующія старыя формы не идутъ сразу на сломъ, онѣ приспособляются къ новымъ условіямъ въ процессѣ организаціоннаго строительства на новыхъ началахъ. — Ведутся переговоры съ представителями „твердыхъ". Кажется, можно будетъ столковаться.

Злоупотребленіе именемъ Россійской С. Д. Рабочей Партіи. Подъ этимъ заглавіемъ № 27 газеты „Cerwony-Standar" (органа С.-Д. Польши и Литвы) помѣщаетъ нижеслѣдующую замѣтку:

Въ послѣднихъ числахъ мая былъ распространенъ въ Варшавѣ отъ имени якобы Россійской С.-Д. Р. П. подъ громкимъ заглавіемъ: „Заявленіе оффиціальнаго представителя Варшавскаго Комитета Военно-Революціонной организаціи" пасквиль, направленный противъ Соціальдемократіи Польши и Литвы. Произведеніе сіе представляетъ отъ начала до конца сплошной рядъ лжи и искаженій фактовъ, совершенный авторомъ вполнѣ сознательно съ цѣлью оправдать попытку внесенія раскола въ В. Р. О., попытку, которая окончилась устраненіемъ его отъ организаціи. Чтобы оцѣнить документъ этотъ по достоинству, необходимо отмѣтить, что махинаціи этого господина въ В. Р. О. ничего общаго не имѣютъ съ разногласіями, существующими въ средѣ нашихъ русскихъ товарищей. Онъ никогда не принадлежалъ къ Р. С. Д. Р. П. и объявилъ себя ея сторонникомъ только въ моментъ своего вступленія въ В. Р. О. Рос. Соц. Д. и Раб. Пар. До этого онъ былъ дѣятельнымъ членомъ одной изъ организацій, ведущихъ съ Рос. С. Д. Р. П. постоянную борьбу. Мы считаемъ излишнимъ выводить здѣсь на чистую воду всѣ продѣлки этого господина, онѣ не привели къ цѣли: С.-Д. Польши и Литвы остается по прежнему въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ В. Р. О. Отмѣтимъ только особенно пикантныя мѣста: ложью является утвержденіе самозваннаго „оффиціальнаго представителя", будто бы „заграничные представители „П. С. Д." (Польской Соціальдемократіи) предлагали представителю В. Р. О. снять заголовокъ Р. С. Д. Р. П. и замѣнить его заголовкомъ „П. С. Д."; завѣдомой ложью является утвержденіе, что „представители „П. С. Д." окончательно отдѣлились отъ Варшавскаго Комитета „В. Р. О." Отъ В. К. В. Р. О. „отдѣлился" только авторъ пасквиля: будучи изъ организаціи (т. е. изъ комитета) *исключенъ*, онъ объявляетъ свою персону организаціей, а *всѣхъ* исключившихъ его товарищей „отдѣлившимися"; ложью является дальше утвержденіе, якобы „резолюція (устанавливающая организаціонную связь между В. Р. О. и С.-Д. П. Л.) вызвала у П. С. Д. дезорганизаторскую дѣятельность". Сознательной *клеветой* является далѣе утвержденіе, что „П. С. Д." „присвоила" себѣ „общія деньги" и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, мы имѣемъ передъ собой самую обыкновенную мошенническую продѣлку. В. Р. О. остается тѣмъ, чѣмъ была — частью Р. С. Д. Р. П., единственно законною и правоспособною, а организованная авторомъ „Варшавская Центральная Группа В. Р. О. Рос. С.-Д. Р. П." выступаетъ подъ флагомъ Р. С. Д. Р. П. только затѣмъ, чтобы тѣмъ успѣшнѣе *бороться противъ В. Р. О.* Впрочемъ, В. Р. О. Рос. С.-Д. Р. П. разоблачила уже эту низкую продѣлку въ нижеслѣдующемъ заявленіи, изданномъ въ Варшавѣ:

Предостереженіе. Въ виду появившагося листка, озаглавленнаго: „Заявленіе оффиціальнаго представителя Варшавской Военно-Революціонной Организаціи" считаемъ необходимымъ предостеречь товарищей и лицъ, сочувствующихъ В. Р. О., передъ шантажемъ автора даннаго листка.

Онъ никогда не былъ оффиціальнымъ представителемъ В. К. В. Р. О.; будучи исключенъ изъ нашей организаціи, захватилъ часть матеріальныхъ средствъ, послѣ чего и объявилъ въ упомянутомъ листкѣ объ образованіи такъ называемой Варшав. Центральной Группы В. Р. О.

Что же касается утвержденія автора пресловутаго листка о якобы происшедшемъ въ организаціи расколѣ, равно какъ и всѣхъ его нападокъ на С. Д. П. и Л.—то все это является такимъ низкимъ пасквилемъ, возражать на который Варшавскій Ком. В. Р. О. считаетъ ниже своего достоинства. Варшава, май 1905 г.

Варшавскій Комитетъ Военно-Революціонной Организаціи.

Резолюція третейскаго суда. Насъ просятъ сообщить постановленіе третейскаго суда между Воронежскимъ Комитетомъ Партіи и мѣстной „Кассой борьбы": Въ третейской записи Касса Борьбы никакого конкретно формулированнаго, самостоятельнаго обвиненія къ Воронежскому Комитету не предъявила, а потому, перейдя къ обвиненіямъ, предъявленнымъ Воронежскимъ Комитетомъ противъ К. Б. и, разсмотрѣвши свидѣтельскія показанія и документы по дѣлу, — третейскій судъ единогласно постановилъ:

1) Въ письмѣ К. Б. отъ 6 февраля на имя Вор. Ком. нѣтъ обвиненій преступнаго характера, но содержится неосновательное подозрѣніе противъ этого Комитета. Свидѣтельскими показаніями вполнѣ установлено, что примыкающіе къ Вор. Ком. рабочіе во время забастовки 6 февраля 1905 года не содѣйствовали задержанію или передачѣ другихъ товарищей въ руки администраціи, не агитировали противъ политическихъ требованій и противъ лицъ, проводившихъ эти требованія. К. Б. обязана была немедленно вступить въ переговоры съ В. К., а не уклоняться отъ нихъ, какъ это она сдѣлала.

2) Касса Борьбы совершила нетоварищескій поступокъ: она огласила на собраніи 40, бывшемъ 25 февраля, письма № 15 и 3 въ которыхъ, между прочимъ, заключаются совершенно невѣрныя свѣдѣнія о поведеніи товарищей Л., № 2 и № 1; не сочла нужнымъ пригласить на это собраніе представителей В. К. и даже не предъявила Вор. Комитету второго документа. Между тѣмъ, свидѣтельскими доказаніями вполнѣ установлено, что эти товарищи, насколько это отъ нихъ зависѣло, содѣйствовали общему товарищескому дѣлу — проведенію стачки. Судьи А. Б. и С."

Отчетъ Черниговской соц.-дем. группы. Прокламаціи, распространенныя съ 1 января по 20 мая 1905 года. Январь: 1) „Новый подвигъ полиціймейстера Гиршфельда" (250 экз.); 2) Петиція СПБ. рабочихъ и описаніе событій 9 января (850); 3 По поводу письма Гапона и описаніе событій въ другихъ городахъ послѣ 9 января (450). — Февраль: 4) Призывъ къ демонстраціи 19 февраля (900). — Мартъ: 5) О комиссіи Шидловскаго (200), 6 По поводу призывовъ „монархистовъ" къ евр. погрому (150); — Апрѣль: 7 Солдатская памятка (200), 8) Призывъ къ всеобщей забастовкѣ (800); 9) Первое мая (450). — Май: 10) Стачечныя требованія переплетчиковъ (400); 11) Требованія модистокъ (365); 12) Требованія приказчиковъ (450); 13) Къ черниговскимъ земскимъ гласнымъ (275). Всего 5640 экз. (всѣ гектографированы). Прокламаціи другихъ комитетовъ: Кіевскаго: Грозный народный судъ; Пора кончать; 19 февраля; Фарисеи святого синода; Подъ Портъ-Артуромъ; Подъ Мукденомъ. — Московскаго: Мукденское пораженіе; Письмо крестьянина; Комиссія Шидловскаго; Манифестъ 18 февраля; — Ц. К.: Солдатская памятка; Майская; Къ крестьянамъ. Было распространено, кромѣ того, нѣкоторое количество малорусскихъ прокламацій. Кромѣ того распространялись брошюры и періодическія изданія: „Искра", „Соц.-дем." „Правда". Вновь образовавшейся Черниговской соц.-дем. организаціей учащихся (при Ч. С.-Д. Гр.) издано: 1) Извѣщеніе о возникновеніи организаціи; 2) Программа Р. С.-Д. Р. П.; 3) Призывъ къ работѣ въ деревнѣ съ перепечаткой статьи № 87 „Искры". — Денежный отчетъ: Приходъ: 511 руб. 57 коп. Расходъ: на мѣстную организацію: 161 руб. 57 коп., Ц. К. 140 руб. 50 коп. (Кіевск. Ком. 10 руб., для „Искры" 25 руб., почтовые расходы по перес. „Искры" и „Правды" 20 руб., въ Кр. Крестъ 106 руб. (въ томъ числѣ на побѣгъ 50 руб.), помощь стачечникамъ г. Чернигова 230 руб., на организацію самообороны 25 руб.)

Отчетъ Прикамской Группы. Прикамская группа Р. С.-Д. Р. П., образовавшаяся въ 1903 году и принявшая тогда опредѣленный уставъ, въ области письменной агитаціи сдѣлала въ этомъ году слѣдующее: Ею изданы (на гектографѣ) и распространены въ трехъ пунктахъ въ гор.: 1) Сарапулѣ, 2) Воткинскомъ заводѣ, 3) Ижевскомъ зав. слѣд. листки: 1) Къ мобилизованнымъ, 2) О политической свободѣ, 3) Къ рабочимъ сарапульскаго казеннаго военнаго склада № 3 4) Петиція петербургскихъ рабочихъ 9 января, 5) Два письма Гапона, 6) О событіяхъ въ Петербургѣ 9 января, 7) Призывъ къ обществу на защиту просвѣщенія, 8) Къ рабочимъ Воткинскаго завода, 9) Рѣчь Л. К. Громозовой на судѣ, 10) Настоящій годъ въ Россіи, 11) Къ рабочимъ Воткинскаго завода (второй лист.), 12) Первомайскій листокъ, 13) Къ обществу, 14) Объ Учредительномъ Собраніи, 15) О холерѣ, 16) Гибель эскадры Рожественскаго. Во всѣхъ трехъ пунктахъ соціальдемократическая работа подвигается впередъ.

Отчетъ Прикамской группы за май мѣсяцъ: Собрано на пикникѣ 11 р. 70 коп., отъ организованныхъ рабочихъ Воткинск. завода 40 руб. Итого 51 руб. 70 коп.

Вышли изданія: **„Искры"**: „Султанъ Всероссійскій" (прокл.), **Крымскаго Союза**: 1) „Крестьяне" (15.000, 2) Послѣдній шагъ (о гибели эскадры Рожественскаго 12.000), 3) Отчетъ Союза (1200), 4) Матросамъ Черноморскаго флота (2000), 5) Программа Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи (20 тысячъ). **Кіевскаго Ком.** „Къ цусимскому погрому", **Одесской группы**: 1) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о государств. думѣ — 8.000 экз.), 2) „Сынъ Отечества" и соціальдемократія (1.000), 3) Гибель эскадры Рожественскаго и Земскій Соборъ (8.000), **Одесскаго Ком.** Бюллетени о стачкѣ №№ 1 и 2, **Херсонской организаціи**: Къ обществу (печ.), **Житомірской** орг.: 1) Война самодержавія съ революціей, 2) Опроверженіе, 3) Къ абитуріентамъ, 4) Въ городѣ погромъ! 5) Война! 6) Для чего долженъ умирать русскій солдатъ? (всѣ гектогр.), **Донского** Ком. 1) „Пораженіе самодержавія", 2) Царская измѣна народу и замыслы буржуазіи, 3) Резолюція собранія ростовско-нахичеванскихъ рабочихъ. — **Донецкаго Комитета**: „Довольно крови" (разгромъ флота (10.000 экз.), — **Юзовск. группой Донец. Ком.** „Къ приказчикамъ", **Екатеринославскаго** Ком. Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о Цусимской битвѣ — 7.000), **Кубанск.** Ком. „Уничтоженіе русскаго флота" (4.000), **Новороссійской** груп. Куб. Ком. Ко всѣмъ рабочимъ (Земск. Соборъ — 1.000) **Кизилъ-Арватскаго Союза**: 1) Къ солдатамъ (гект. — требованія бакинск. солдатъ), 2) Ко всѣмъ солдатамъ, **Союза бакинскихъ рабочихъ** (быв. „Балах.-Бибиэйбатск. орг.): Ко всѣмъ рабочимъ (о свободѣ собраній — 2.500), 2) Ко всѣмъ рабочимъ („Царь заговорилъ"... 2.500), 3) Ко всѣмъ труженикамъ (призывъ къ всеобщ. стачкѣ 3.000). 4) Ко всѣмъ гражданамъ (2.000), 5) Ко всѣмъ рабочимъ (о годовщинѣ организаціи 2.000), 6) Ко всѣмъ (о гибели флота 3.000), 7) Ко всѣмъ служащимъ и рабочимъ Владикавказск. дороги (отъ организаціи жел.-дор. служащихъ 2.000), **Харьковск.** Ком. 1) „Свершилось"... (гибель флота — 5.000), 2) „Свои" и „чужіе" (отъ жел.-дор. района, гект.), 3) Къ рабочимъ Гельферихъ-Саде (отъ зав. района 300 экз.)—**Рижской группы**: 1) Гибель флота и революція (3.000), 2) Пора — на эстонск. языкѣ (гект. 100 экз.), 3) Къ раб. цент. телеф. станціи (на русскомъ и эстонскомъ яз. 1200). 4) Что же теперь? (о земскомъ соборѣ 4000 экз. — **Рыбинской группы**: Къ грузчикамъ, — **Московской группы** 1) Гибель флота (4.000), 2) Спасенья нѣтъ! (4.000), **Московск. союза типографскихъ рабочихъ**: „Машинушка", **Саратовск. Ком.** (отъ жел.-дор. группы): По поводу циркуляра о сокращеніи числа праздничныхъ дней, **Украинск.** Союза: „Про еврейскіе погромы" (листокъ „Правды" — 3.000 экз.), **Сморгонской** организаціи: 1) Къ обществу (на русскомъ и еврейск. о погромѣ въ Житомірѣ), 2) Къ сморгонскому пролетаріату, **Астраханск.** Ком.: Къ гражданамъ (2.800), 2) Заявленіе организованныхъ рабочихъ думѣ (600), 3) Къ бондарямъ (800), 4) Ко всѣмъ рабочимъ Астрахани (по поводу событій въ думѣ — 3.000). **Смоленскаго Ком.**: О пораженіи флота (2000 экз.). **Нижегородской** соц.-дем. крестьянской группы: „Крестьяне, къ вамъ наше слово" (переп. листка Ц. К.)

Количество зарегистрированныхъ здѣсь листковъ (приблизительно) 170.000.

Отчетъ Южнаго Бюро съ 25 февраля по 25 мая 1905 года. Приходъ — Отъ Ц. К. 800 руб., Моск. Бюро 100 р., Петербургскаго Бюро 125 р., Вас. Ив. 100 р.; съ двухъ рефератовъ 107 р., съ концерта 105 р., отъ Черниговск. группы 40 р., отъ Кубанскаго Комитета 25 р., долгъ 671 р., технич. группы 15 р. Всего 2088 руб. Расходъ — Въ технич. группу 415 р., на паспорта 95 р., на личные расходы 60 р., на личные расходы Бюро 145 р., почтовые расходы (телегр., марки и т. д.) 40 руб. На передвиженіе публики въ Крымск. Союзъ, Николаевъ, Харьковъ, Одессу, Ростовъ, Баку, Екатеринославъ, Кубань, Самару, Москву, Питеръ, Ярославль, Полѣсск. Ком., переправа заграницу и т. д. — 1.300 р. На личные расходы проѣзжей публики 25 руб. Всего 2.088 руб. Бюро проситъ мѣстныя организаціи, если онѣ желаютъ, чтобы бюро продолжало выполнять свои функціи, придти къ нему на помощь денежной поддержкой.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Въ Олекминскѣ, Якут. Обл., покончилъ съ собою самоубійствомъ Александръ Викторовичъ *Савинковъ*. Покойный былъ сосланъ въ Сибирь по дѣлу Москов. Ком. партіи 1902 года.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Кишиневъ. У насъ нѣтъ адреса. Пришлите. **2в1** Всѣ письма получены. **Альфѣ.** Письмо получено. Отвѣчено. **Игнатову въ Т.** Писали неоднократно. **Сибирячкѣ.** Ни одного письма не получали. Писали. **Маргаритѣ.** Все получено. Отвѣчаемъ.

Отчетъ Женевской Эмигрантской Кассы до 1-го мая.

Во франк.: черезъ Д. 95.00; черезъ Р. М. 195.00; отъ Ив. 72.40; отъ Яков. 110.00, чер. стар. соц.-дем. 200.00; отъ стар. соц.-дем. 100.00, отъ Л. 20.00; отъ А. 5.00; отъ М. 2.00, отъ M-me Х. 2.00, отъ г-жи Г. 8.00, отъ Х. 5, 2, 5; отъ пр. Lohm 50.00, отъ Landmann'а 25.00; черезъ А. М. 278.25; отъ пр. Ш. 49.40; отъ Рож. 6.00; отъ Гальперина 12.00; отъ Дюссо 5.00, изъ Парижа черезъ д-ра Г. 630.00; отъ друзей для эмигрант. 132.00, отъ наборщиковъ партійн. типографіи 172.60; изъ Lausanne 100.00, для Спб. Кассы 66.00, изъ Кетгена для Кр. Кр. 6.90; по подписн. листу № 200 412.00; отъ M-r Corba 5.00; отъ С-аго черезъ Д. 50.00, отъ Лоз. гр. 11.00; отъ соц. черезъ тов. Dubreille 297.50, отъ супруговъ Б. на спец. цѣль 100.00; черезъ Мал. отъ нѣмцевъ изъ Брауншв. 248.40; изъ Мг 36.90; разные мелкіе доходы 15.40. Итого доходъ кассы 3530 фр. 10 сант. Выдано за это время безвозвратной ссуды 3205 фр. 70 с.; долгъ кассѣ 287 фр. 20 с. На лицо въ кассѣ 47 фр. 20 сант.

Тип. Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 103. 21-го іюня 1905 г. Годъ V

„КРАСНЫЙ“ ФЛОТЪ.

29 (16) Іюня.

Передъ нами лежитъ листокъ бумаги, на которомъ неумѣлой рукой выведены слѣдующія строки:

„Бѣдные, бѣдные матросы!... Долго-ли вы будете погибать ни за что? Долго-ли вы будете жить въ темнотѣ, забитые деспотической дисциплиной? Скоро-ли вы сбросите съ себя этотъ тяжкій гнетъ и сдѣлаетесь свободными отъ гнетущаго васъ ига?

Проснитесь-же, проснитесь!“

Такими словами заканчивается письмо матроса Черноморскаго флота, полученное нами на дняхъ и помѣченное 11-мъ мая. Усиленное стремленіе излить свои чувства на бумагѣ стало проявляться среди товарищей матросовъ въ самое послѣднее время, когда революціонное настроеніе въ матросской массѣ Севастополя стало расти съ каждымъ днемъ. Въ концѣ мая комитетъ Крымскаго союза Партіи сообщилъ намъ, что среди матросовъ идутъ усиленные толки о томъ, чтобы *овладѣть броненосцами и идти на Одессу*. Не прошло и недѣли, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что „мечта“ матросовъ осуществилась. Экипажъ „Князя Потемкина“ — этого „Сахалина“, какъ говорили матросы, имѣя въ виду каторжный режимъ, установленный на этомъ корабле, — экипажъ адмиральскаго судна уничтожилъ своихъ командировъ, выкинулъ красное знамя и, присоединившись къ начавшейся до того всеобщей стачкѣ одесскихъ рабочихъ, превратилъ эту стачку въ возстаніе.

Что будетъ дальше? Что произошло уже послѣ этихъ грандіозныхъ, по своему значенію, фактовъ? Когда мы пишемъ эти строки, мы еще ничего не знаемъ, кромѣ сенсаціонныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій, наполняющихъ телеграммы швейцарскихъ газетъ. Слухи о возстаніи моряковъ въ Либавѣ, объ отказѣ одесскихъ солдатъ стрѣлять въ народъ, о присоединеніи всѣхъ Севастопольскихъ матросовъ къ товарищамъ съ „Кн. Потемкина“. Изъ всѣхъ этихъ извѣстій послѣднее наиболѣе вѣроятно. Черезъ нѣсколько дней туманъ противорѣчивыхъ извѣстій разсѣется, и мы узнаемъ, побѣдило ли дѣло русской свободы, на этотъ разъ начавшее борьбу, опираясь на вооруженную силу, или еще разъ о внѣшнія условія, препятствующія организаціи революціонныхъ силъ Россіи, разбилась геройская попытка.

Но если бы она и на этотъ разъ разбилась, если бы одесскому пролетаріату и черноморскимъ морякамъ не удалось начать *побѣдоносного* по своимъ результатамъ возстанія, значеніе совершившагося событія не поддается преувеличенію. Ножъ революціи вошелъ въ самое сердце царизма — его военныя силы поднялись противъ него. Тысячи сочувствующихъ революціи солдатъ увидятъ воочію, *какъ это дѣлается*, какъ „забитые деспотической дисциплиной“ „дѣлаются свободными отъ гнетущаго ихъ ига“, какъ солдатъ превращается въ гражданина. Ледъ сломленъ — революціонному пролетаріату остается теперь только *дерзать*, теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что вооруженная сила уйдетъ отъ царизма.

Дерзать! въ этомъ словѣ вся мудрость той революціонной тактики, которая подсказывается обстоятельствами момента. Начавшееся въ Одессѣ возстаніе *должно* быть поддержано всѣми средствами. Болѣе благопріятнаго случая для побѣды надъ царизмомъ трудно дождаться. Укрѣпившись въ одномъ пунктѣ, побѣдоносная революція должна начать активное наступленіе на остальныя области, подымая крестьянство, провозглашая республику, вооружая городской пролетаріатъ.

Революціонный инстинктъ и соціальдемократическое сознаніе должны подсказать товарищамъ на мѣстахъ, какъ проводить эту тактику. Одно можемъ мы имъ пожелать, чтобы ихъ дѣйствія были столь же рѣшительны и обдуманы, какъ первые шаги возставшихъ матросовъ.

Революція подвигается гигантскими шагами. Грандіозныя и трагическія событія Лодзинскаго возстанія уже превзойдены Черноморскими событіями. Творчество великой россійской революціи неизсякаемо. Счастливы тѣ, кто сумѣетъ внести свою лепту въ это творчество!

Да здравствуетъ же россійская революція, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ нашъ „красный“ флотъ!

20 іюня.

Въ настоящій моментъ еще нельзя себѣ составить полнаго представленія о положеніи дѣлъ. Очевидно одно: всѣ слухи о сдачѣ „Потемкина“ — полная ложь русскаго правительства. Эскадра адм. Кригера, посланная для усмиренія „Потемкина“, вернулась съ позоромъ въ Севастополь, не только не приведя „красный броненосецъ“ къ повиновенію, но и потерявъ еще другой броненосецъ „Георгій Побѣдоносецъ“. Послѣдній, впрочемъ, повидимому, оказался менѣе стойкимъ, чѣмъ „Потемкинъ“, и вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Несомнѣнно также и то, что въ Одессѣ рабочимъ не удалось справиться съ вооруженной силой и „Потемкинъ“ съ малыми судами счелъ нужнымъ отправиться въ Румынію для того, чтобы запастись углемъ и провіантомъ. Что будетъ дальше?

Иностранная печать заполнена лживыми, клеветническими сообщеніями, имѣющими цѣлью забросать грязью возставшихъ моряковъ. Нѣтъ той гнусности, которая не была бы пущена въ ходъ европейской печатью, лакействующей на двойной службѣ — у царскаго самодержавія, которое увидѣло себя на краю бездны, и у западной буржуазіи, которой встревоженное воображеніе рисуетъ картину грядущаго крушенія милитаризма. И въ то время, когда революціонеры-матросы провозглашаютъ освобожденіе русскаго народа, европейская печать третируетъ ихъ „пиратами“, и „бандитами“ и воспроизводитъ лживыя извѣщенія русскихъ шпіоновъ о томъ что матросы дѣйствовали въ состояніи опьяненія, что они жгли городъ и т. д.

Въ настоящее время, когда всѣ подробныя сообщенія телеграфныхъ агентствъ о сдачѣ „Потемкина“ безъ единаго выстрѣла были наглядно опровергнуты фактомъ появленія этого самаго „Потемкина“ въ румынскихъ водахъ; когда выяснилось съ несомнѣнной очевидностью, что „безъ единаго выстрѣла“ отступилъ передъ „Потемкинымъ“ адмиралъ Кригеръ, боявшійся возмущенія остальныхъ броненосцевъ, — въ настоящее время неистощимые въ измышленіяхъ оффиціозы увѣряютъ, что экипажъ „Потемкина“ истощенъ голодомъ и лишенъ угля, такъ что вынужденъ будетъ сдаться въ скоромъ времени. Мы надѣемся, что въ ближайшемъ будущемъ придется отказаться и отъ этой выдумки.

ОРГАНИЗАЦІЯ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Далеко-ли то блаженное время, когда соціальдемократія владѣла почти монополіей политической организаціи и готова была съ снисходительностью богатаго барина похлопывать по плечу „бѣдную“ и „слабую“ буржуазную оппозицію, обѣщая ей, отъ своихъ избытковъ, „помощь“ въ дѣлѣ организаціоннаго строительства? А теперь революціонная буря какъ бы встряхиваетъ мѣшокъ, въ которомъ въ безпорядкѣ располагались зерна различной тяжести, и размѣщаетъ ихъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ удѣльному вѣсу. И на нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи и уже въ свою очередь порою посматривающихъ на насъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. „Они (с.-д.) массами не владѣютъ“, — вотъ мысль, которая опьяняетъ широкими перспективами сердце демократа и заставляетъ его думать, что только „наша (демократовъ) пассивность“ привела къ тому, что „задача мобилизаціи массъ оказалась фактически монополизированной крайними партіями („Осв.“ № 71)“.

Создалось положеніе, которое еще 2 — 3 года тому назадъ многимъ показалось бы немыслимымъ: „половинчатая“ демократія не только организуетъ, безъ нашего благосклоннаго содѣйствія, свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину — народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ —, и открыто заявляетъ, что ея „оппортунизмъ“ побьетъ въ глазахъ массы рекордъ по сравненію съ нашимъ „революціонизмомъ“.

Революціонная эпоха, создающая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благопріятныя условія для сколачиванія и объединенія, сразу измѣнила шансы въ дѣлѣ организаціоннаго строительства въ пользу буржуазной оппозиціи. Сказались соціальныя преимущества тѣхъ слоевъ, изъ которыхъ вербуются ея адепты: матеріальная обезпеченность, позволяющая не слишкомъ много думать о хлѣбѣ насущномъ, европейская образованность, создавшая извѣстные навыки политической мысли, осѣдлость, связавшая „солидную“ интеллигенцію тысячью узъ взаимныхъ услугъ, знакомствъ, дружбы, привычка къ коллективной общественной дѣятельности, выработанная участіемъ въ различныхъ профессіональныхъ, ученыхъ, литературныхъ, артистическихъ обществахъ и т. д. и т. д. Всѣ эти — на первый взглядъ имѣющіе такъ мало значенія — факторы выступили на сцену и облегчили буржуазной оппозиціи дѣло ея организаціоннаго строительства, лишь только, благодаря измѣненію политической атмосферы, краеугольнымъ камнемъ такого строительства перестало быть мученичество и готовность къ самопожертвованію героевъ революціоннаго долга. А полная готовность къ всякимъ „компромиссамъ“ и полная свобода отъ программной и тактической „узости“ позволяетъ раздуть „приспособляемость“ организаціи до крайнихъ предѣловъ. И вотъ передъ нами, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, выросла организація либерально-демократической партіи. Правда, это — организація „профессіональная“. Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что „профессіонализмъ“ здѣсь только вывѣска, форма, за которой скрывается отнюдь не „профессіональное“ содержаніе. „Профессіональные союзы“ инженеровъ, врачей, адвокатовъ и пр. и пр. — это только формы организаціи либерально-демократической партіи. Профессіональныя задачи играютъ въ этихъ союзахъ совершенно подчиненную роль. Это — не объединеніе людей, ставящихъ себѣ различныя политическія задачи, но рѣшившихъ совмѣстно бороться за одни и тѣ-же профессіональные интересы, а, наоборотъ, объединеніе людей одной профессіи для выполненія одной и той-же политической задачи. Конечно, говорятъ: союзы объединяютъ людей разныхъ „убѣжденій“. Это вѣрно, поскольку подъ „убѣжденіями“ подразумѣваютъ ни къ чему не обязывающее болѣе или менѣе смутное общее политическое и соціальное міровоззрѣніе. Это — невѣрно, поскольку обязательнымъ для всѣхъ членовъ союза „среднимъ“ убѣжденіемъ является политическая и соціальная программа даннаго союза и принятая имъ политическая тактика. Для оцѣнки же смысла и значенія политической организаціи важно не то, что каждый членъ ея въ отдѣльности будетъ *думать*, а то, что всѣ члены ея, въ качествѣ коллективнаго цѣлаго, будутъ *дѣлать*.

Въ легальной литературѣ долго и упорно ведутся дебаты о природѣ новоявленныхъ „профессіональныхъ“ союзовъ и ихъ отличіи отъ „партій“. Въ концѣ концовъ оказывается, однако, что построить различіе между союзомъ и партіей можно только на почвѣ полнаго отдѣленія „убѣжденій“ отъ „дѣйствій“, на почвѣ превращенія партіи въ парадную залу, весьма удобную для тонкихъ и прочувствованныхъ бесѣдъ съ гостями, но отдѣленную длиннымъ коридоромъ отъ того рабочаго кабинета союза, гдѣ хозяинъ совершаетъ свою подлинную, а не воображаемую работу. Но быть „отмѣннымъ республиканцемъ въ душѣ“ — на подобіе императрицы Екатерины II — и сочинять проекты конституцій съ сохраненіемъ полуабсолютистской монархіи дано не всякому, да и вообще подобнаго рода „республиканизмъ“, могущій въ назиданіе потомкамъ служить украшеніемъ біографіи его носителя, совершенно безразличенъ для современниковъ.

Такимъ образомъ, „профессіональные союзы“ — это ничто иное, какъ приспособленная къ внѣшнимъ условіямъ, „компромиссная“ форма организаціи политической партіи. Это, въ концѣ концовъ, вынуждены признавать самые горячіе сторонники объединенія всѣхъ „враговъ бюрократіи“ въ союзахъ (см., наприм., Б—въ въ № 56 С. О.)

Конечно, „платформы“ союзовъ отличаются отъ того типа детально разработанныхъ и строго опредѣленныхъ программъ, который присущъ „партіямъ“ въ европейскомъ смыслѣ слова. Эти „платформы“ очерчиваютъ политическія задачи, стоящія передъ союзами, лишь въ общихъ чертахъ, въ контурахъ, дающихъ возможность весьма существенно разнообразить воплощеніе этой „платформы“ въ жизнь, „примѣнительно“ къ обстоятельствамъ. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что союзы — не партія, а лишь зачаточная форма партіи. Но тутъ повинна не столько форма организаціи, сколько природа и историческое положеніе русской буржуазной демократіи, лишающія ее возможности въ данный историческій моментъ, до паденія самодержавія, выработать и выставить такую, наприм., легализированную и конкретную программу, какая имѣется у соціальдемократіи. Буржуазная демократія вынуждена довольствоваться такъ называемыми „незыблемыми (!) основами“, ибо „легализація программныхъ требованій повлекла бы за собою лишь образованіе не связанныхъ между собою единствомъ организаціи и тактики конституціонно-демократическихъ группъ“ (Осв. № 69-70). Вотъ почему, и для такой, несомнѣнной „партіи“, какъ „Союзъ Освобожденія“, неопредѣленная политическая „платформа“ считается „болѣе чѣмъ достаточной“ замѣной дѣйствительной программы.

Разумѣется, „профессіональные союзы“ не являются „партіей“ и въ томъ смыслѣ, что они еще лишь подбираются къ той задачѣ, выполненіе которой только и превращаетъ политическую организацію въ настоящую „партію“. Задача эта — организація передовыхъ слоевъ тѣхъ массъ, которыя должны составить истинную силу партіи, ея будущихъ „избирателей“. Но такихъ „партій“ Россія *еще* не знаетъ сегодня; она должна будетъ узнать ихъ завтра. Сейчасъ-же, за небольшими исключеніями (союзъ крестьянъ, отчасти — конторскихъ служащихъ), „профессіональные союзы“ объединяютъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи лишь интеллигентный авангардъ будущей массовой партіи. Это — кадры „руководителей“, и огромные кадры (всего членовъ во всѣхъ союзахъ насчитывается до 25000), готовые сплошною организаціонною сѣтью охватить широкія народныя массы. Передъ этой задачею и стоитъ сейчасъ демократическая партія, отъ успѣха или неуспѣха выполненія ея зависятъ судьбы буржуазной демократіи. Лишь когда „профессіональнымъ союзамъ“ удастся привлечь въ свои ряды и подчинить своему руководству народныя массы, и лишь поскольку это удастся, буржуазная демократія превратится въ огромную силу. И на нашихъ глазахъ она высовываетъ свои организаціонные щупальцы во всѣ стороны, пытаясь охватить ими и городское мѣщанство, и крестьянъ, и промышленныхъ рабочихъ.

Г. Струве особенно настойчиво подчеркиваетъ эту задачу демократіи. И методъ, который онъ предлагаетъ для овладѣнія массами, очень характеренъ и поучителенъ. „Революціонизмъ“ очень не нравится г. Струве; онъ даже вреденъ по его мнѣнію, ибо „затрудняетъ доступъ къ народнымъ массамъ“, а потому „намъ необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушеніямъ революціонизма“. (Осв. № 71). Очень хорошо. И однако, какой-же рецептъ даетъ г. Струве, когда рѣчь заходитъ объ „овладѣніи“, наприм., крестьянскими массами? Онъ рекомендуетъ „сотрудничество“ „соціально-привилегированной интеллигенціи (земскихъ гласныхъ, профессоровъ и т. п.) и неимущей интеллигенціи“, „третьяго элемента“. Первая принесетъ съ собою „вѣсъ своего соціальнаго положенія“, „опытъ управленія“, „знаніе дѣйствительности и чутье возможнаго“ и даже „безспорныя положительныя черты, которыя присущи русскому культурному дворянину“. Словомъ, все, что нужно для благоустроеннаго хозяйства, кромѣ... кромѣ возможности вліянія на народныя массы. Эту задачу, въ дѣйствительности, долженъ выполнить „третій элементъ“, интеллигентъ-голякъ, отъ котораго никакими дворянскими „положительными чертами“ и не пахнетъ. Что-же есть у этого санкюлота? Почему „культурный дворянинъ“ согласенъ снизойти до союза съ этимъ некомильфотнымъ господиномъ? У него есть „прямолинейная и неукротимая энергія разночинца“, у него „меньше оковъ и задержекъ въ прошломъ, но зато больше перспективъ въ будущемъ“, онъ „силенъ своимъ дерзаніемъ“. Мы не знаемъ, что можно подразумѣвать подъ всѣми этими энергическими метафорами, кромѣ того самаго „программнаго и тактическаго революціонизма“, который только что былъ нещадно обруганъ и съ презрѣніемъ отвергнутъ г. Струве. „Прямолинейность“ — да вѣдь это, пожалуй, то самое „афишированіе республиканской идеи“, которое, „съ объективной точки зрѣнія, вредно для революціи“! „Перспективы будущаго“, — да вѣдь отсюда рукой подать до разговоровъ „уже теперь“ о „диктатурѣ пролетаріата“ или „общей конфискаціи земли въ пользу крестьянства“! „Дерзаніе, — но вѣдь оно такъ легко приводитъ на „крайне опасный“ путь „вооруженныхъ демонстрацій“ и „аграрныхъ бунтовъ“!

Очевидно, угрозы г. Струве, что, „оторвавшись отъ земскихъ элементовъ, третій элементъ круто повернетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утеряетъ возможность широкаго массоваго воздѣйствія на жизнь“, не имѣютъ никакого смысла, или, если имѣютъ, то вотъ какой: „революціонизмъ“ хорошъ лишь тогда, когда результаты „революціонизированія“ учитываются „соціально-привилегированною интеллигенціею“. Революціонный „разночинецъ“ хорошъ, когда онъ соглашается играть роль „сала въ мышеловкѣ“.

Вопросъ объ участіи или неучастіи соціальдемократовъ въ „профессіональныхъ союзахъ“ дебатируется теперь самымъ страстнымъ образомъ, вызывая громы и молніи на голову „отступниковъ“, не соглашающихся играть по отношенію къ рабочимъ ту роль „сала въ мышеловкѣ“, которая въ средѣ крестьянства отведена, по проекту г. Струве, „третьему элементу“. Ибо, разъ политическій характеръ „профессіональныхъ“ союзовъ твердо установленъ, вопросъ о роли, которую должны будутъ играть соціальдемократы, вступая въ союзъ и тѣмъ самымъ принимая на себя обязательство подчиняться постановленіямъ ихъ большинства, для насъ рѣшенъ. Роль „Россійскихъ Освободительныхъ Союзовъ“, обѣщающихъ рабочимъ „строго пролетарскую“ литературу и ведущихъ ихъ въ тоже время прямехонько въ объятія „строго буржуазнаго“ союза союзовъ, не для насъ. Можно сколько угодно говорить о „фракціонномъ самолюбіи“, „партійныхъ счетахъ“, „мѣстничествѣ“ и пр. и пр., все это нисколько не можетъ поколебать разъ установленнаго отношенія нашего къ блокамъ и союзамъ съ другими партіями. Вступленіе въ политическую организацію есть нѣчто большее, чѣмъ блокъ или союзъ; это — полное раствореніе въ ней, поскольку организація не является *дискуссіоннымъ клубомъ*. Правда, это — раствореніе не цѣлыхъ соціальдемократическихъ организацій, а отдѣльныхъ соціальдемократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были добиваться превращенія „союзовъ“ въ „дѣйствительно профессіональныя“ организаціи, какъ того требуетъ, напримѣръ, г. Рожковъ (№ 60 „С. О.“). Если бы это было и возможно, то далеко не всегда соціальный составъ такихъ союзовъ даетъ возможность соціальдемократамъ взять на себя обязательство защищать ихъ корпоративные интересы во всей полнотѣ, или питать надежду согласовать ихъ борьбу съ пролетарской классовой политикой. Другое дѣло профессіональные союзы рабочихъ и соприкасающихся съ ними слоевъ наемнаго люда, которые самое соціальное положеніе ихъ членовъ толкаетъ, хотя и съ зигзагами и колебаніями, на путь такой политики, и въ которыхъ, слѣдовательно, соціальдемократія можетъ съ полнымъ правомъ расчитывать на руководящую роль. Это во первыхъ. Но, кромѣ того, самое это стремленіе превратить „союзы“ въ чисто-профессіональныя организаціи свидѣтельствовало бы о полномъ непониманіи ихъ дѣйствительнаго значенія и являлось бы по существу своему реакціоннымъ. Такое превращеніе несомнѣнно ослабило бы общій подъемъ политической борьбы и тѣмъ усиливало бы позицію царизма. Ибо при такомъ образѣ дѣйствій мы пытались бы измѣнить соотношеніе силъ между соціальной и буржуазной демократіей не нашимъ собственнымъ усиленіемъ, а ея ослабленіемъ, которое цѣликомъ пошло бы на пользу бю

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 103. 21-го іюня 1905 г. Годъ V

„КРАСНЫЙ" ФЛОТЪ.

29 (16) Іюня.

Передъ нами лежитъ листокъ бумаги, на которомъ неумѣлой рукой выведены слѣдующія строки:

„Бѣдные, бѣдные матросы!... Долго-ли вы будете погибать ни за что? Долго-ли вы будете жить въ темнотѣ, забитые [illegible] дисциплиной? Скоро-ли вы сбросите съ себя этотъ тяжкій гнетъ и сдѣлаетесь свободными отъ гнетущаго васъ ига?

Проснитесь-же, проснитесь!"

Такими словами заканчивается письмо матроса Черноморскаго флота, полученное нами на дняхъ и помѣченное 11-мъ мая. Усиленное стремленіе излить свои чувства на бумагѣ стало проявляться среда товарищей матросовъ въ самое послѣднее время, когда революціонное настроеніе въ матросской массѣ Севастополя стало расти съ каждымъ днемъ. Въ концѣ мая комитетъ Крымскаго союза Партіи сообщилъ намъ, что среди матросовъ идутъ усиленные толки о томъ, чтобы *овладѣть броненосцами и идти на Одессу*. Не прошло и недѣли, какъ телеграфъ принесъ извѣстіе о томъ, что „мечта" матросовъ осуществилась. Экипажъ „Князя Потемкина" — этого „Сахалина", какъ говорили матросы, имѣя въ виду каторжный режимъ, установленный на этомъ кораблѣ, — экипажъ адмиральскаго судна уничтожилъ своихъ командировъ, выкинулъ красное знамя и, присоединившись къ начавшейся до того всеобщей стачкѣ одесскихъ рабочихъ, превратилъ эту стачку въ возстаніе.

Что будетъ дальше? Что произошло уже послѣ этихъ грандіозныхъ, по своему значенію, фактовъ? Когда мы пишемъ эти строки, мы еще ничего не знаемъ, кромѣ сенсаціонныхъ и противорѣчивыхъ извѣстій, наполняющихъ телеграммы швейцарскихъ газетъ. Слухи о возстаніи моряковъ въ Либавѣ, объ отказѣ одесскихъ солдатъ стрѣлять въ народъ, о присоединеніи всѣхъ Севастопольскихъ матросовъ къ товарищамъ съ „Кн. Потемкина". Изъ всѣхъ этихъ извѣстій послѣднее наиболѣе вѣроятно. Черезъ нѣсколько дней туманъ противорѣчивыхъ извѣстій разсѣется, и мы узнаемъ, побѣдило ли дѣло русской свободы, на этотъ разъ начавшее борьбу, опираясь на вооруженную силу, или еще разъ о внѣшнія условія, препятствующія организаціи революціонныхъ силъ Россіи, разбилась геройская попытка.

Но если бы она и на этотъ разъ разбилась, если бы одесскому пролетаріату и черноморскимъ морякамъ не удалось начать *побѣдоносную* по своимъ результатамъ возстанія, значеніе совершившагося событія не поддается преувеличенію. Ножъ революціи вошелъ въ самое сердце царизма — его военныя силы поднялись противъ него. Тысяча сочувствующихъ революціи солдатъ увидятъ воочію, *какъ это дѣлается*, какъ „забитые [illegible] дисциплиной" „дѣлаются свободными отъ гнетущаго ихъ ига", какъ солдатъ превращается въ гражданина. [illegible] сломленъ — революціонному пролетаріату остается теперь только *дерзать*, теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что вооруженная сила уйдетъ отъ царизма.

Дерзать! въ этомъ словѣ вся мудрость той революціонной тактики, которая подсказывается обстоятельствами момента. Начавшееся въ Одессѣ возстаніе *должно* быть поддержано всѣми средствами. Болѣе благопріятнаго случая для побѣды надъ царизмомъ трудно дождаться. Укрѣпившись въ одномъ пунктѣ, побѣдоносная революція должна начать активное наступленіе на остальныя области, подымая крестьянство, провозглашая республику, вооружая городской пролетаріатъ.

Революціонный инстинктъ и соціальдемократическое сознаніе должны подсказать товарищамъ на мѣстахъ, какъ проводить эту тактику. Одно можемъ мы имъ пожелать, чтобы ихъ дѣйствія были столь же рѣшительны и обдуманы, какъ первые шаги возставшихъ матросовъ.

Революція подвигается гигантскими шагами. Грандіозныя и трагическія событія Лодзинскаго возстанія уже превзойдены Черноморскими событіями. Творчество великой россійской революціи неиссякаемо. Счастливы тѣ, кто сумѣетъ внести свою лепту въ это творчество!

Да здравствуетъ же россійская революція, да здравствуетъ республика, да здравствуетъ нашъ „красный" флотъ!

20 іюня.

Въ настоящій моментъ еще нельзя себѣ составить полнаго представленія о положеніи дѣлъ. Очевидно одно: всѣ слухи о сдачѣ „Потемкина" — полная ложь русскаго правительства. Эскадра адм. Кригера, посланная для усмиренія „Потемкина", вернулась съ позоромъ въ Севастополь, не только не приведя „красный броненосецъ" къ повиновенію, но и потерявъ еще другой броненосецъ „Георгій Побѣдоносецъ". Послѣдній, впрочемъ, повидимому, оказался менѣе стойкимъ, чѣмъ „Потемкинъ", и вступилъ въ переговоры о сдачѣ. Несомнѣнно также и то, что въ Одессѣ рабочимъ не удалось справиться съ вооруженной силой и „Потемкинъ" съ малыми судами счелъ нужнымъ отправиться въ Румынію для того, чтобы запастись углемъ и провіантомъ. Что будетъ дальше?

Иностранная печать заполнена лживыми, клеветническими сообщеніями, имѣющими цѣлью забросать грязью возставшихъ моряковъ. Нѣтъ той гнусности, которая не была бы пущена въ ходъ европейской печатью, лакействующей на двойной службѣ — у царскаго самодержавія, которое увидѣло себя на краю бездны, и у западной буржуазіи, которой встревоженное воображеніе рисуетъ картину грядущаго крушенія милитаризма. И въ то время, когда революціонеры-матросы провозглашаютъ освобожденіе русскаго народа, европейская печать третируетъ ихъ „пиратами", и „бандитами" и воспроизводитъ лживыя извѣщенія русскихъ шпіоновъ о томъ что матросы дѣйствовали въ состояніи опьяненія, что они жгли городъ и т. д.

Въ настоящее время, когда всѣ подробныя сообщенія телеграфныхъ агентствъ о сдачѣ „Потемкина" безъ единаго выстрѣла были наглядно опровергнуты фактомъ появленія этого самаго „Потемкина" въ румынскихъ водахъ; когда выяснилось съ несомнѣнной очевидностью, что „безъ единаго выстрѣла" отступилъ передъ „Потемкинымъ" адмиралъ Кригеръ, боявшійся возмущенія остальныхъ броненосцевъ, — въ настоящее время неистощимые въ измышленіяхъ оффиціозы увѣряютъ, что экипажъ „Потемкина" истощенъ голодомъ и лишенъ угля, такъ что вынужденъ будетъ сдаться въ скоромъ времени. Мы надѣемся, что въ ближайшемъ будущемъ придется отказаться и отъ этой выдумки.

ОРГАНИЗАЦІЯ БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТІИ.

Далеко-ли то блаженное время, когда соціальдемократія владѣла почти монополіей политической организаціи и готова была съ снисходительностью богатаго барина похлопывать по плечу „бѣдную" и „слабую" буржуазную оппозицію, обѣщая ей, отъ своихъ избытковъ, „помощь" въ дѣлѣ организаціоннаго строительства? А теперь революціонная буря какъ бы встряхиваетъ мѣшокъ, въ которомъ въ безпорядкѣ располагались зерна различной тяжести, и размѣщаетъ ихъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ удѣльному вѣсу. И на нашихъ глазахъ происходитъ небывалый по своей интенсивности процессъ сплоченія либерализма и демократіи, быстро обгоняющихъ насъ въ дѣлѣ организаціи и уже въ свою очередь порою посматривающихъ на насъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ. „Они (с.-д.) массами не владѣютъ", — вотъ мысль, которая опьяняетъ широкими перспективами сердце демократа и заставляетъ его думать, что только „наша (демократовъ) пассивность" привела къ тому, что „задача мобилизаціи массъ оказалась фактически монополизированной крайними партіями („Осв." № 71)".

Создалось положеніе, которое еще 2 — 3 года тому назадъ многимъ показалось бы немыслимымъ: „половинчатая" демократія не только организуетъ, безъ нашего благосклоннаго содѣйствія, свой интеллигентный авангардъ, но собирается еще оспаривать у насъ нашу исконную политическую вотчину — народныя массы и, въ частности, пролетаріатъ —, и открыто заявляетъ, что ея „оппортунизмъ" побьетъ въ глазахъ массы рекордъ по сравненію съ нашимъ „революціонизмомъ".

Революціонная эпоха, создающая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благопріятныя условія для столковыванія и объединенія, сразу измѣнила шансы въ дѣлѣ организаціоннаго строительства въ пользу буржуазной оппозиціи. Сказались соціальныя преимущества тѣхъ слоевъ, изъ которыхъ вербуются ея адепты: матеріальная обезпеченность, позволяющая не слишкомъ много думать о хлѣбѣ насущномъ, европейская образованность, создавшая извѣстные навыки политической мысли, осѣдлость, связавшая „солидную" интеллигенцію тысячью узъ взаимныхъ услугъ, знакомствъ, дружбы, привычка къ коллективной общественной дѣятельности, выработанная участіемъ въ различныхъ профессіональныхъ, ученыхъ, литературныхъ, артистическихъ обществахъ и т. д. и т. д. Всѣ эти — на первый взглядъ имѣющіе такъ мало значенія — факторы выступили на сцену и облегчили буржуазной оппозиціи дѣло ея организаціоннаго строительства, лишь только, благодаря измѣненію политической атмосферы, краеугольнымъ камнемъ такого строительства перестало быть мученичество и готовность къ самопожертвованію героевъ революціоннаго долга. А полная готовность ко всякимъ „компромиссамъ" и полная свобода отъ программной и тактической „узости" позволяетъ развить „приспособляемость" организаціи до крайнихъ предѣловъ. И вотъ передъ нами, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, выросла организація либерально-демократической партіи. Правда, это — организація „профессіональная". Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что „профессіонализмъ" здѣсь только вывѣска, форма, за которой скрывается отнюдь не „профессіональное" содержаніе. „Профессіональные союзы" инженеровъ, врачей, адвокатовъ и пр. и пр. — это только формы организаціи либерально-демократической партіи. Профессіональныя задачи играютъ въ этихъ союзахъ совершенно подчиненную роль. Это — не объединеніе людей, ставящихъ себѣ различныя политическія задачи но рѣшающихъ совмѣстно бороться за одни и тѣ-же профессіональные интересы, а, наоборотъ, объединеніе людей одной профессіи для выполненія одной и той-же политической задачи. Конечно, говорятъ: союзы объединяютъ людей разныхъ „убѣжденій". Это вѣрно, поскольку подъ „убѣжденіями" подразумѣваютъ ни къ чему не обязывающее болѣе или менѣе смутное общее политическое и соціальное міровоззрѣніе. Это — невѣрно, поскольку обязательнымъ для всѣхъ членовъ союза „среднимъ" убѣжденіемъ является политическая и соціальная программа даннаго союза и принятая имъ политическая тактика. Для оцѣнки же смысла и значенія политической организаціи важно не то, что каждый членъ ея въ отдѣльности будетъ *думать*, а то, что всѣ члены ея, въ качествѣ коллективнаго цѣлаго, будутъ *дѣлать*.

Въ легальной литературѣ долго и упорно ведутся дебаты о природѣ новоявленныхъ „профессіональныхъ" союзовъ и ихъ отличіи отъ „партій". Въ концѣ концовъ оказывается, однако, что построить различіе между союзомъ и партіей можно только на почвѣ полнаго отдѣленія „убѣжденій" отъ „дѣйствій", на почвѣ превращенія партіи въ парадную залу, весьма удобную для тонкихъ и прочувствованныхъ бесѣдъ съ гостями, но отдѣленную длиннымъ коридоромъ отъ того рабочаго кабинета союза, гдѣ хозяинъ совершаетъ свою подлинную, а не воображаемую работу. Но быть „отличнымъ республиканцемъ въ душѣ" — на подобіе императрицы Екатерины II — и сочинять проекты конституцій съ сохраненіемъ полуабсолютистской монархіи дано не всякому, да и вообще подобнаго рода „республиканизмъ", могущій въ назиданіе потомкамъ служить украшеніемъ біографіи его носителя, совершенно безразличенъ для современниковъ.

Такимъ образомъ, „профессіональные союзы" — это нѣчто иное, какъ приспособленная къ внѣшнимъ условіямъ, „компромиссная" форма организаціи политической партіи. Это, въ концѣ концовъ, вынуждены признавать самые горячіе сторонники объединенія всѣхъ „враговъ бюрократіи" въ союзахъ (см., наприм., Б—въ въ № 96 С. О.).

Конечно, „платформы" союзовъ отличаются отъ того типа детально разработанныхъ и строго опредѣленныхъ программъ, который присущъ „партіямъ" въ европейскомъ смыслѣ слова. Эти „платформы" очерчиваютъ политическія задачи, стоящія предъ союзами, лишь въ общихъ чертахъ, въ контурахъ, дающихъ возможность весьма существенно разнообразить воплощеніе этой „платформы" въ жизнь, „примѣнительно" къ обстоятельствамъ. И въ этомъ смыслѣ можно сказать, что союзы — не партія, а лишь зачаточная форма партіи. Но тутъ повинна не столько форма организаціи сколько природа и историческое положеніе русской буржуазной демократіи, лишающія ее возможности въ данный историческій моментъ, до паденія самодержавія, выработать и выставить такую, наприм., детализированную и конкретную программу, какая имѣется у соціальдемократіи. Буржуазная демократія вынуждена довольствоваться такъ называемыми „незыблемыми (!) основами", ибо „детализація программныхъ требованій повлекла-бы за собою лишь образованіе не связанныхъ между собою единствомъ организаціи и тактики конституціонно-демократическихъ группъ" (Осв. № 69-70). Вотъ почему, и для такой, несомнѣнной „партіи", какъ „Союзъ Освобожденія", неопредѣленная политическая „платформа" считается „болѣе чѣмъ достаточной" замѣной дѣйствительной программы.

Разумѣется, „профессіональные союзы" не являются „партіей" и въ томъ смыслѣ, что они еще лишь подбираются къ той задачѣ, выполненіе которой только и превращаетъ политическую организацію въ настоящую „партію". Задача эта — организація передовыхъ слоевъ тѣхъ массъ, которыя должны составить истинную силу партіи, ея будущихъ „избирателей". Но такихъ „партій" Россія еще не знаетъ сегодня; она должна будетъ узнать ихъ завтра. Сейчасъ-же, за небольшими исключеніями (союзъ крестьянъ, отчасти — конторскихъ служащихъ), „профессіональные союзы" объединяютъ подъ знаменемъ буржуазной демократіи лишь интеллигентный авангардъ будущей массовой партіи. Это — кадры „руководителей", и огромные кадры (всего членовъ во всѣхъ союзахъ насчитывается до 25000), готовые сплошною организаціонною сѣтью охватить широкія народныя массы. Передъ этой задачею и стоитъ сейчасъ демократическая партія, отъ успѣха или неуспѣха выполненія ея зависятъ судьбы буржуазной демократіи. Лишь когда „профессіональнымъ союзамъ" удастся привлечь въ свои ряды и подчинить своему руководству народныя массы, и лишь поскольку это удастся, буржуазная демократія превратится въ огромную силу. И на нашихъ глазахъ она высовываетъ свои организаціонные щупальцы во всѣ стороны, пытаясь охватить ими и городское мѣщанство, и крестьянъ, и промышленныхъ рабочихъ.

Г. Струве особенно настойчиво подчеркиваетъ эту задачу демократіи. И методъ, который онъ предлагаетъ для овладѣнія массами, очень характеренъ и поучителенъ. „Революціонизмъ" очень не нравится г. Струве; онъ даже вреденъ, по его мнѣнію, ибо „затрудняетъ доступъ къ народнымъ массамъ", а потому „намъ необходимо оставаться самими собой и не поддаваться искушеніямъ революціонизма". (Осв. № 71). Очень хорошо. И однако, какой-же рецептъ даетъ г. Струве, когда рѣчь заходитъ объ „овладѣніи", наприм., крестьянскими массами? Онъ рекомендуетъ „сотрудничество" „соціально-привилегированной интеллигенціи (земскихъ гласныхъ, профессоровъ и т. п.) и неимущей интеллигенціи", „третьяго элемента". Первая принесетъ съ собою „вѣсъ своего соціальнаго положенія", „опытъ управленія", „знаніе дѣйствительности и чутье возможнаго" и даже „безспорныя положительныя черты, которыя присущи русскому культурному дворянину". Словомъ, все, что нужно для благоустроеннаго хозяйства, кромѣ... кромѣ возможности вліянія на народныя массы. Эту задачу, въ дѣйствительности, долженъ выполнить „третій элементъ", интеллигентъ-голякъ, отъ котораго никакими дворянскими „положительными чертами" и не пахнетъ. Что-же есть у этого санкюлота? Почему „культурный дворянинъ" согласенъ снизойти до союза съ этимъ некомильфотнымъ господиномъ? У него есть „прямолинейная и неукротимая энергія разночинца", у него „меньше опоръ и задержекъ въ прошломъ, но зато больше перспективъ въ будущемъ", онъ „силенъ своимъ дерзаніемъ". Мы не знаемъ, что можно подразумѣвать подъ всѣми этими энергическими метафорами, кромѣ того самаго „программнаго и тактическаго революціонизма", который только что былъ нещадно обруганъ и съ презрѣніемъ отвергнутъ г. Струве. „Прямолинейность" — да вѣдь это, пожалуй, то самое „афишированіе республиканской идеи", которое, „съ объективной точки зрѣнія, вредно для революціи"! „Перспективы будущаго", — да вѣдь отсюда рукой подать до разговоровъ „уже теперь" о „диктатурѣ пролетаріата" или „общей конфискаціи земли въ пользу крестьянства"! „Дерзаніе, — но вѣдь оно такъ легко приводитъ на „крайне опасный" путь „вооруженныхъ демонстрацій" и „аграрныхъ бунтовъ"!

Очевидно, угрозы г. Струве, что „оторвавшись отъ земскихъ элементовъ, третій элементъ круто потянетъ влѣво и неизбѣжно впадетъ въ революціонизмъ, т. е. утеряетъ возможность широкаго массоваго воздѣйствія на жизнь", не имѣютъ никакого смысла, или, если имѣютъ, то вотъ какой: „революціонизмъ" хорошъ лишь тогда, когда результаты „революціонизированія" учитываются „соціально-привилегированною интеллигенціею". Революціонный „разночинецъ" хорошъ, когда онъ соглашается играть роль „сала въ мышеловкѣ".

Вопросъ объ участіи или неучастіи соціальдемократовъ въ „профессіональныхъ союзахъ" дебатируется теперь самымъ страстнымъ образомъ, вызывая громы и молнію на голову „отступниковъ", не соглашающихся играть по отношенію къ рабочимъ ту роль „сала въ мышеловкѣ", которая въ средѣ крестьянства отведена, по проекту г. Струве, „третьему элементу". Ибо, разъ политическій характеръ „профессіональныхъ" союзовъ твердо установленъ, вопросъ о роли, которую должны будутъ играть соціальдемократы, вступая въ союзъ и тѣмъ самымъ принимая на себя обязательство подчиняться постановленіямъ ихъ большинства, для насъ рѣшенъ. Роль „Россійскихъ Освободительныхъ Союзовъ", обѣщающихъ рабочимъ „строго пролетарскую" литературу и ведущихъ ихъ въ тоже время прямехонько въ объятія „строго буржуазнаго" союза союзовъ, не для насъ. Можно сколько угодно говорить о „фракціонномъ самолюбіи", „партійныхъ счетахъ", „мѣстничествѣ" и пр. и пр., все это нисколько не можетъ поколебать разъ установленнаго отношенія нашего къ блокамъ и союзамъ съ другими партіями. А вступленіе въ политическую организацію есть нѣчто большее, чѣмъ блокъ или союзъ; это — полное раствореніе въ ней, поскольку организація не является *дискуссіоннымъ* клубомъ. Правда, это — раствореніе не цѣлыхъ соціальдемократическихъ организацій, а отдѣльныхъ соціальдемократовъ; но тѣмъ хуже, ибо такой индивидуальный отборъ могъ бы только внести полное разложеніе въ среду нашихъ организацій, развращая политически отдѣльныхъ членовъ ихъ.

Отсюда, конечно не слѣдуетъ, чтобы мы должны были добиваться превращенія „союзовъ" въ „дѣйствительно профессіональныя" организаціи, какъ того требуетъ, напримѣръ, г. Рожковъ (№ 60 „С. О."). Если бы это было и возможно, то далеко не всегда соціальный составъ такихъ союзовъ даетъ возможность соціальдемократамъ взять на себя обязательство защищать ихъ корпоративные интересы во всей полнотѣ, или питать надежду согласовать ихъ борьбу съ пролетарской классовой политикой. Другое дѣло профессіональные союзы рабочихъ и соприкасающихся съ ними слоевъ наемнаго люда, которые самое соціальное положеніе ихъ членовъ толкаетъ, хотя и съ зигзагами и колебаніями, на путь такой политики, и въ которыхъ, слѣдовательно, соціальдемократія можетъ съ полнымъ правомъ разсчитывать на руководящую роль. Это во первыхъ. Но, кромѣ того, самое это стремленіе превратить „союзы" въ чисто-профессіональныя организаціи свидѣтельствовало бы о полномъ непониманіи ихъ дѣйствительнаго значенія и являлось бы по существу своему реакціоннымъ. Такое превращеніе несомнѣнно ослабило бы общій подъемъ политической борьбы и тѣмъ усиливало бы позицію царизма. Ибо при такомъ образѣ дѣйствій мы пытались бы измѣнить соотношеніе силъ между соціальной и буржуазной демократіей не нашимъ собственнымъ усиленіемъ, а ея ослабленіемъ, которое цѣликомъ пошло бы на пользу бюлѣе „правымъ" партіямъ и непосредственно самодержавному правительству. Для насъ же, являющихся носителями политическаго, экономическаго и культурнаго прогресса, ставящихъ себѣ ближайшею задачею — наиболѣе революціонное преобразованіе политическаго строя, требующее максимальнаго напряженія всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, ослабленіе буржуазной демократіи допустимо лишь въ томъ случаѣ, если вся сумма теряемыхъ ею силъ переливается непосредственно къ намъ, ибо въ нашихъ рукахъ она дастъ большіе результаты. Поэтому — не ухудшеніе способовъ политической конкуренціи для буржуазной демократіи, а улучшеніе нашихъ собственныхъ способовъ конкуренціи и критика всѣхъ прогрессивныхъ партій съ точки зрѣнія этихъ, *лучшихъ* способовъ — вотъ нашъ методъ „борьбы". Очередная задача „профессіональныхъ союзовъ" — политическая организація и мобилизація народныхъ *массъ* подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не дожны принимать участія въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ „союзы". Но въ такомъ случаѣ мы *обязаны* организовать и мобилизовать *массы* подъ знаменемъ демократіи соціальной Только въ этомъ случаѣ мы будемъ исторически и политически правы.

Но для того, чтобы выполнить эту историческую обязанность, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ не только въ настоятельности ея, но и въ тѣхъ методахъ, которыми она только и можетъ быть выполнена.

Возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, мы снова спросимъ: далеко ли то блаженное время, когда буржуазная демократія казалась намъ такою „бѣдною" и „слабою"? Утѣшительное то было время! Посреди полусдавленнаго, хриплаго шопота всей Россіи такимъ громкимъ казалось каждое слово, сказанное нами полнымъ голосомъ! Среди полнаго хаоса и раздробленности всѣхъ общественныхъ силъ такою крѣпкою и сильною казалась наша организація! А при полномъ или почти полномъ отсутствіи конкуррентовъ такъ безраздѣльно, казалось, принадлежала трудящаяся масса намъ, несшимъ ей проповѣдь классоваго сознанія и классовой борьбы! И такъ легко, за упоеніемъ своимъ величіемъ, забывались истинныя основы и размѣры этого величія! Забывалась та обстановка политическихъ сумерекъ, которая дѣлаетъ всѣ политическіе лозунги сѣрыми и всѣхъ интеллигентовъ красными; забывалось, что очередная политическая задача заключалась лишь въ пробужденіи и пріобрѣтеніи политическаго *вліянія* на массы, а не въ мобилизаціи самой массы для активнаго участія въ политической борьбѣ во имя опредѣленныхъ и ясно сознанныхъ политическихъ требованій, и что именно поэтому буржуазный либерализмъ и демократія могли не испытывать ни малѣйшей конкуррентской зависти, предоставляя намъ эту черную „подготовительную" работу, требовавшую безчисленныхъ жертвъ, и спокойно ожидая, что, „больно ушибаясь о разныя препятствія, цѣною политическихъ синяковъ и ссадинъ" („Осв." № 71), мы „выработаемъ себѣ вѣрную тактику", ведущую насъ прямо въ лоно „Освобожденія". Забывалось, что, въ силу самихъ задачъ, рѣчь могла идти пока не объ организаціи массъ, а лишь о „строго-конспиративной" и „узкой" организаціи „руководителей", необычайно облегчавшейся той „несгибаемой" революціонностью, которая такъ обильно питается послѣдовательностью и оптимистическимъ духомъ нашей программы, построенной на прочномъ фундаментѣ научнаго соціализма. Забывалось, словомъ, что „сила" наша въ значительной мѣрѣ обусловливалась слабостью политическаго движенія вообще.

И вотъ наступилъ „слушный часъ", предъявляющій совсѣмъ иныя требованія къ нашимъ силамъ, заставляющій насъ растить ихъ въ такой пропорціи, въ которой количество переходитъ въ качество, ибо мы не можемъ увеличивать теперь нашихъ силъ, не измѣняя самой формы, въ какую онѣ отливаются. Мы должны смѣло и рѣшительно порвать съ традиціями „подполья" и встать на путь превращенія изъ *партіи для массъ* въ *партію самихъ массъ* И тотъ самый историческій моментъ, который предъявляетъ намъ такія требованія, создаетъ и условія для ихъ выполненія. Мы можемъ и должны оказаться побѣдителями въ борьбѣ за обладаніе массами, и прежде всего пролетарскими массами; но для этого намъ нужно во весь ростъ поставить передъ собою эту задачу и увѣренными шагами пойти къ ея выполненію.

Только большому кораблю по плечу большое плаваніе, — вотъ истина, которую необходимо усвоить каждому соціальдемократу, не закостенѣвшему въ представленіяхъ недалекаго, но уже, къ счастью, невозвратнаго прошлаго и понимающему, что въ настоящее бурное время смѣшно мѣрить размахъ „революціонности" своей работы масштабомъ, унаслѣдованнымъ съ эпохи политическихъ будней.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ МАРКСИСТСКОЙ СОВѢСТЬЮ.

III. (окончаніе)

Мы видѣли въ прошлой статьѣ[1]), какъ Ленинъ обращается съ теоріей; посмотримъ теперь, какъ онъ обращается съ исторіей. Тов. Плехановъ въ упомянутой мной статьѣ въ 96 номерѣ „Искры" доказываетъ, что тактика по отношенію къ буржуазной революціи, рекомендуемая „Искрой", совершенно совпадаетъ съ тактикой, которую Марксъ рекомендовалъ германскому пролетаріату въ 50 году въ ожиданіи демократической революціи. Ленинъ отводитъ эту ссылку на Маркса на томъ основаніи, что тогда была совсѣмъ другая политическая ситуація. Если Марксу тогда и въ голову не приходила мысль объ участіи германскаго пролетаріата въ правительствѣ въ ближайшей революціи, то это объясняется двумя причинами: во первыхъ, нѣмецкіе соціальдемократы 50 года потерпѣли пораженіе и имъ нужно было „организоваться самостоятельно, непремѣнно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно", во-вторыхъ, „Марксъ и Энгельсъ въ 50 году считали соціализмъ близкимъ. и потому не дооцѣнивали (!!) демократическихъ завоеваній...[2])." Выходитъ такъ, что если бы Марксъ теперь жилъ, то онъ, перемѣнивъ свои устарѣлые взгляды на демократическія завоеванія и на политическую свободу, и ознакомившись съ блестящимъ состояніемъ нашей партійной организаціи, не сталъ бы намъ совѣтовать „организоваться самостоятельно, непремѣнно, во что бы то ни стало самостоятельно", а предложилъ бы намъ принять участіе въ буржуазномъ временномъ правительствѣ. Я не стану отвѣчать по этому поводу Ленину, потому что это, вѣроятно, сдѣлаетъ самъ Плехановъ. Я только выражу надежду, что именно въ возраженіяхъ Ленина Плехановъ найдетъ лучшее подтвержденіе своихъ прежнихъ словъ, лучшее подтверженіе того, что „Впередъ (равно какъ его двойникъ „Пролетарій" М.) проповѣдуетъ оппортунизмъ, и при томъ, самый худшій, самый вредный оппортунизмъ"[3]). Я, съ своей стороны, подробнѣе остановлюсь на той исторической справкѣ, которую дѣлаетъ Ленинъ въ № 3 „Пролетарія", на его разборѣ статьи Энгельса: „Бакунисты за работой".

Въ этой статьѣ Энгельсъ критикуетъ роль бакунистовъ въ испанскомъ возстаніи 73 года. Исторія этого возстанія, говоритъ Ленинъ, и говоритъ основательно, имѣетъ прямое отношеніе къ нашему спору, потому что тамъ „дѣло шло о борьбѣ за республику, о демократической, а не соціалистической революціи".

Ленинъ хочетъ насъ увѣрить, на основаніи статьи Энгельса, что „какъ настоящій якобинецъ соціальдемократіи, Энгельсъ не только умѣлъ цѣнить возможность дѣйствія сверху, не только вполнѣ допускалъ участіе въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей, но *требовалъ* такого участія"...

Прежде, чѣмъ изложить то, что говоритъ по этому вопросу авторское изданіе, а не ленинское переложеніе статьи Энгельса, я долженъ сдѣлать два замѣчанія:

1) Ленинъ озаглавилъ свой фельетонъ словами: „Только снизу или снизу и сверху". На основаніи сопоставленія статьи Энгельса съ „Искрой" Ленинъ старается доказать, что принципъ: „только снизу" есть принципъ „Искры" и анархистовъ, принципъ же „снизу и сверху" есть принципъ его, Ленина, и Энгельса. Намъ не трудно будетъ убѣдиться, что все это — игра словъ, каламбуръ, нарочито придуманный, во-первыхъ, для того, чтобы исказить тактическіе взгляды Энгельса, во-вторыхъ, для того, чтобы исказить тактическіе взгляды „Искры".

Единственный разъ, когда Энгельсъ въ своей статьѣ упоминаетъ про анархическій принципъ — „только снизу", онъ говоритъ объ этомъ въ слѣдующей связи: Почему „непримиримымъ" (республиканцы федералисты) понадобилось торопиться съ возстаніемъ въ Андалузіи, когда ихъ переговоры съ республиканскимъ правительствомъ Пи-и-Моргалля (расположеннаго къ пролетаріату) еще не потерпѣли неудачи? Это неизвѣстно. Извѣстно только, что кортесы слишкомъ медленно соглашались на расщепленіе Испаніи; а этимъ господамъ нужно было какъ можно скорѣе водворить федеративную республику и завладѣть новыми правительственными постами въ автономныхъ кантонахъ... Прежняя позиція бакунистовъ при выборахъ втянула ихъ въ затѣи „непримиримыхъ". Къ тому же „бакунисты въ теченіе многихъ лѣтъ проповѣдовали, что всякое революціонное дѣйствіе сверху внизъ пагубно, что все должно быть организовано и проведено снизу вверхъ. Теперь представился случай осуществить знаменитый принципъ автономіи!... Иначе невозможно было: бакунисты должны были пойти на буксирѣ (т. е. принять участіе въ возстаніи, начатомъ „непримиримыми"[1]). И такъ, Энгельсъ здѣсь подъ словами „революціонныя дѣйствія сверху" понимаетъ революціонныя дѣйствія централизованнаго государства, въ данномъ случаѣ, правительства Моргалля, подъ словами „революціонныя дѣйствія снизу" — дѣйствія автономныхъ кантоновъ; онъ иронизируетъ надъ пристрастіемъ бакунистовъ къ федерализму и автономизму, надъ ихъ недовѣріемъ къ государственности и централизму; ни слова онъ здѣсь не говоритъ объ участіи вождей пролетаріата въ правительствѣ буржуазнаго государства... Спрашивается, много-ли сходства между тѣмъ смысломъ, который Энгельсъ здѣсь вкладывалъ въ выраженія „дѣйствія сверху", „дѣйствія снизу" и тѣмъ смысломъ, который въ нихъ вкладываетъ Ленинъ? Далѣе: бакунисты, безусловно отрицая въ теоріи всякую прогрессивную роль за государствомъ, на этомъ именно основаніи принципіально отрицали давленіе на государство посредствомъ участія въ выборахъ, отрицали въ теоріи *всякое* революціонное правительство, отрицали въ теоріи *всякое* участіе въ политической власти. На это указываетъ Энгельсъ, и все это можетъ быть выведено изъ бакунистскаго принципа „только снизу". „Искра", рекомендуя при извѣстныхъ условіяхъ тактику „давленія снизу", напротивъ того, вполнѣ признаетъ, конечно, исторически ограниченную прогрессивную роль государства, рекомендуетъ организованное участіе въ выборахъ, признаетъ учрежденіе „временнаго правительства", какъ одинъ изъ возможныхъ и цѣлесообразныхъ путей развитія революціи и отрицаетъ цѣлесообразность участія соціальдемократовъ въ *буржуазномъ* временномъ правительствѣ, именно въ интересахъ полнаго завладѣнія въ будущемъ государственной машиной для соціалистическаго переворота.

Спрашивается, много ли сходства между тѣмъ принципомъ „только снизу", который выставляютъ анархисты, и тѣмъ, который выставляетъ „Искра"? Ленинъ тщится доказать, что созвучіе въ словахъ есть согласіе въ мысляхъ. Но это доказываетъ только, какъ безнадежно его предпріятіе.

2) Послѣ того, какъ мы возстановили смыслъ терминологіи Энгельса, не безполезно будетъ также напомнить, въ какомъ смыслѣ Ленинъ понимаетъ свое выраженіе — диктатура пролетаріата и крестьянства. Это не безполезно сдѣлать, потому что какъ мы видѣли, Ленинъ очень любитъ каламбуры и, примѣнительно къ обстоятельствамъ, въ одно и то же выраженіе вкладываетъ разный смыслъ. Въ фельетонѣ въ № 14 „Впередъ" мы читаемъ: „Точно также невѣрны... положенія Парвуса, что революціонное временное правительство въ Россіи будетъ правительствомъ рабочей демократіи ...будетъ цѣлостное правительство съ соціальдемократическимъ большинствомъ. *Этого не можетъ быть*,[2]) если говорить не о случайныхъ мимолетныхъ эпизодахъ, а о сколько нибудь длительной, сколько нибудь способной оставить слѣдъ въ исторіи революціонной диктатурѣ. Этого не можетъ быть, потому что сколько нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) можетъ быть лишь революціонная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русскій же пролетаріатъ составляетъ сейчасъ меньшинство населенія Россіи. Стать громаднымъ подавляющимъ большинствомъ онъ можетъ лишь при соединеніи съ .. массой мелкобуржуазной... бѣдноты. И такой составъ соціальнаго базиса возможной и желательной революціонно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составѣ революціоннаго правительства, сдѣлаетъ неизбѣжнымъ участіе въ немъ или даже преобладаніе въ немъ самыхъ разношерстныхъ представителей революціонной демократіи. Было бы крайне вредно дѣлать себѣ на этотъ счетъ какія бы то ни было иллюзіи".

Итакъ, запомните, читатель, Ленинъ разсчитываетъ на болѣе или менѣе длительное участіе въ буржуазно-демократическомъ правительствѣ, въ которомъ мы, соціальдемократы, *неизбѣжно будемъ въ меньшинствѣ*

Теперь посмотримъ, чему учитъ насъ разбираемая Ленинымъ статья Энгельса. Посмотримъ, дѣйствительно ли Энгельсъ въ этой статьѣ „*требовалъ* участія въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей", да еще участія въ меньшинствѣ.

Энгельсъ говорилъ вотъ что. Когда испанскій король Амадей отказался отъ престола, и когда была провозглашена республика, старые представители республиканскаго федерализма, Кастеляръ съ компаніей испугались народнаго движенія и вынуждены были уступить власть Пи-и-Моргаллю. Пи-и-Моргалль былъ единственный изъ оффиціальныхъ республиканцевъ, который „усматривалъ необходимость искать опоры для республики въ рабочихъ. Онъ вскорѣ выработалъ программу осуществимыхъ соціальныхъ реформъ, которыя не только были непосредственно выгодны рабочимъ, но которыя въ результатѣ вынуждали къ дальнѣйшимъ шагамъ и, такимъ образомъ должны были приблизить соціальную революцію"[3]). Но партія „непримиримыхъ" республиканцевъ-федералистовъ была недовольна Моргаллемъ. „Господамъ непримиримымъ необходимо было скорѣйшимъ образомъ и во что бы то ни стало практически осуществить федеративную республику, чтобы овладѣть властью и многочисленными правительственными постами, которые удастся вновь учредить въ отдѣльныхъ кантонахъ"[4]). И для этого они затѣяли возстаніе. О соціалистическомъ переворотѣ въ Испаніи въ то время не могло быть еще и рѣчи. Что, по мнѣнію Энгельса, должны были при такихъ условіяхъ дѣлать вожди пролетаріата? Они должны были, пользуясь, съ одной стороны, нетерпѣливымъ желаніемъ рабочихъ принять участіе въ политическихъ событіяхъ, съ другой стороны, рознью между республиканскими фракціями въ кортесахъ и абсентизмомъ въ парламентѣ альфонсистовъ и карлистовъ, организоваться самостоятельно, привлечь рабочихъ къ участію въ выборахъ вокругъ самостоятельной платформы[5]). Не опрокидывать правительство Пи-Моргалли и занять его мѣсто должны были они, а поддержать его, какъ самостоятельно организованная партія[6]). Возстаніе, поднятое „непримиримыми", Энгельсъ въ разныхъ мѣстахъ называетъ „позорнымъ", „безсмысленнымъ", „начатымъ безъ всякаго повода". Даже послѣ сраженія въ Алькоѣ, по мнѣнію Энгельса, не имѣло смысла продолжать возстаніе, не ожидая результатовъ переговоровъ съ правительствомъ[1]). Но бакунисты, отрицавшіе въ принципѣ участіе Интернаціонала, какъ цѣлаго въ выборахъ, дали нерѣшительный лозунгъ: пусть каждый членъ Интернаціонала поступитъ по отношенію къ выборамъ, какъ ему угодно.

Результатомъ этого девиза было то, что бакунистскій Интернаціоналъ при выборахъ никакой самостоятельной политической роли не сыгралъ, а рабочіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, голосовали за тѣхъ, которые говорили наиболѣе радикальныя фразы — за „непримиримыхъ" и, такимъ образомъ, въ большей или меньшей степени взяли на себя отвѣтственность за дальнѣйшіе шаги избранныхъ ими „непримиримыхъ" и связали себя съ ихъ дѣйствіями". Такимъ образомъ, участіе въ нелѣпо начатомъ возстаніи для бакунистовъ стало неизбѣжнымъ. Возстаніе это имѣло мимолетный успѣхъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Бакунисты, въ принципѣ отрицавшіе всякое временное правительство, поторопились принять участіе во временныхъ правительствахъ этихъ городовъ, но они вездѣ участвовали въ меньшинствѣ и потому, они вездѣ „вытаскивали каштаны изъ огня для непримиримыхъ, и помогали имъ укрѣпиться у власти. Очень скоро новое правительство, смѣнившее правительство Пи-и-Моргалля, раздавило возстаніе, при чемъ непримиримые, сопротивлявшіеся войскамъ стрѣляли одновременно и въ своихъ союзниковъ-рабочихъ. Результатомъ всего было то, что Интернаціоналъ, который до возстанія успѣлъ уже пустить глубокіе корни въ Испаніи, былъ совершенно разбитъ и дезорганизованъ, а вожди его были надолго дискредитированы въ глазахъ озлобленныхъ рабочихъ. При этомъ пострадала не не только бакунистская фракція Интернаціонала — Альянсъ, но и марксистская испанская федерація, которой пришлось поневолѣ отдуваться за нелѣпое поведеніе бакунистовъ.

Вотъ какъ излагаетъ дѣло Энгельсъ.

Смыслъ этого изложенія, съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса, совершенно ясный и опредѣленный. Такъ какъ въ то время въ Испаніи совершенно еще отсутствовали условія для соціалистическаго переворота, такъ какъ тамъ была учреждена республика и во главѣ ея очутилось правительство, состоящее изъ наиболѣе лѣвыхъ республиканцевъ, желающихъ опереться на пролетаріатъ, то вожди пролетаріата обязаны были организовать его въ совершенно самостоятельную рабочую партію, съ тѣмъ, чтобъ эта партія, сохраняя свою самостоятельность, приняла участіе въ выборахъ, съ тѣмъ чтобы она, сохраняя свою самостоятельность, поддержала революціонныя „дѣйствія съ верху" правительства. Нелѣпо было поднять возстаніе противъ этого революціоннаго правительсва, идя на буксирѣ у „непримиримыхъ"-федерилистовъ, еще нелѣпѣе было, въ качествѣ меньшинства, участвовать во временныхъ правительствахъ, организованныхъ въ разныхъ городахъ „непримиримыми".

Всю эту общую политическую оцѣнку испанскаго возстанія, данную Энгельсомъ, Ленинъ скрылъ отъ читателя; обо всемъ этомъ. онъ въ своемъ фельетонѣ, не говоритъ ни слова. Мало того, онъ имѣетъ смѣлость утверждать, что Энгельсъ *требовалъ* участія пролетаріата во временномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей! Такъ Ленинъ добросовѣстно излагаетъ Энгельса. Онъ не только умалчиваетъ о главной мысли Энгельса, имѣющей отношеніе къ спорному для насъ вопросу. Онъ приписываетъ ему совершенно противоположную мысль, и для этой цѣли онъ, цитируя Энгельса, тщательно выправляетъ изъ цитатъ все, что для читателя могло бы служить хотя бы намекомъ на истину.

Отчетъ марксистской „Новой мадридской федераціи" иронизируетъ, что хотя бакунисты громко кричали всегда противъ всякой политической власти, они *поторопились*[2]) вступать въ юнты (кантональныя правительства). О насмѣшкѣ надъ этой торопливостью бакунистовъ Ленинъ намъ ничего не разсказываетъ; за то въ другихъ мѣстахъ онъ, цитируя, дополняетъ и исправляетъ Энгельса по своему. Энгельсъ пишетъ: „Альянсисты, которые и здѣсь (въ санъ-Люкарѣ) совершенно вопреки своимъ анархистскимъ принципамъ образовали революціонное правительство"...[3]). Ленинъ цитируетъ это мѣсто въ кавычкахъ: „Альянсистамъ тоже *пришлось* вопреки ихъ анархическимъ принципамъ образовать революціонное правительство" Энгельсъ пишетъ: „Точно также и члены испанской федеральной комиссіи (NB бакунисты М.), засѣдавшіе въ Алкоѣ, постарались, чтобъ конгрессъ испанскаго Интернаціонала, присоединился къ той революціи (NB противъ революціонныхъ правительствъ. М.). Вопреки всему этому *членъ этой самой комиссіи*, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, также и ея секретарь были членами временнаго революціоннаго правительства, Комитета Общественнаго Спасенія, въ Алькоѣ!"[4]). Ленинъ излагаетъ это мѣсто такъ. „Энгельсъ ограничивается саркастическимъ замѣчаніемъ, что *какъ разъ сторонникамъ революціи пришлось* (курсивъ мой. М.) стать „участниками временной правительственной власти" въ Алкоѣ". Энгельсъ упрекаетъ бакунистовъ въ томъ, что они „вездѣ засѣдали въ правительственномъ *меньшинствѣ*, такъ что „непримиримые" могли дѣлать все, что имъ угодно"[5]). Ленинъ излагаетъ эту мысль въ такомъ видѣ: „Энгельсъ ставитъ въ упрекъ бакунистамъ не ихъ участіе въ правительствѣ.... *а недостатокъ организованности, недостатокъ энергіи участія*...". Ему нужно, чтобъ Энгельсъ такъ говорилъ, потому что онъ самъ, Ленинъ, какъ мы видѣли, рекомендуетъ намъ на подобіе бакунистовъ участвовать въ меньшинствѣ. Чего не сдѣлаешь для пользы „дѣла"!

Такъ Ленинъ добросовѣстно излагаетъ Энгельса. Но у читателя все-таки можетъ явиться вопросъ: какимъ же образомъ Ленину удалось посредствомъ извѣстнаго подбора цитатъ произвести такое впечатлѣніе, какъ будто бы Энгельсъ требовалъ участія пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей? Удалось ему это при помощи нѣкоего фокуса. Энгельсъ, какъ мы видѣли, находилъ, что при данной политической ситуаціи въ Испаніи вождямъ пролетаріата не только не слѣдовало стремиться къ захвату власти или къ участію во власти, да еще въ меньшинствѣ, но даже не слѣдовало вообще затѣвать возстанія. Но разъ уже, благодаря нелѣпой тактикѣ бакунистовъ, они дали себя вовлечь въ эту авантюру, они должны были по крайней мѣрѣ дѣйствовать рѣшительно и не давать „непримиримымъ" вести ихъ на буксирѣ. Эта мысль Энгельса соотвѣтствуетъ тому, что мы высказали въ Искрѣ: „Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права соблазняться мишурой власти, которая сулитъ ей лишь порвать ея связь съ пролетаріатомъ и не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ она очутилась у власти"[6]). О томъ, что могли бы вожди пролетаріата сдѣлать съ властью, очутившись при тогдашнихъ условіяхъ въ правительственномъ большинствѣ, о томъ, какъ они могли бы тогда выполнить свои соціалистическія обязательства, Энгельсъ ничего не говоритъ, потому что изъ всей его постановки вопроса, да изъ общихъ его взглядовъ, изложенныхъ въ предыдущей статьѣ, вытекаетъ, что положеніе вождей было бы крайне затруднительное. Объ интересующемъ насъ спорномъ вопросѣ, цѣлесообразно ли было участіе соціалистовъ въ буржуазномъ революціонномъ правительствѣ, Энгельсъ въ статьѣ прямо не высказывается. Объ его отношеніи къ этому вопросу изъ данной статьи можно заключить только косвенно, по тому, что онъ считалъ все испанское возстаніе вообще безсмысленнымъ. Энгельса въ статьѣ занимаетъ другой, болѣе частный вопросъ — объ организаціи возстанія. Онъ доказываетъ, какъ бакунисты, благодаря крайней непослѣдовательности своей тактики, не только безсмысленно впутались въ возстаніе, но и изъ рукъ вонъ плохо руководили возстаніемъ.

---

[1]) „Искра" № 102.
[2]) „Пролетарій № 2, фельетонъ.
[3]) „Искра", № 96. Передовица Плеханова.

[1]) Engels. Internationales aus dem Volkstaat, S. 25, 26, срав. отзывъ о Моргаллѣ ibid S. 21.
[2]) См. „Впередъ" № 14, курсивъ автора.
[3]) См. „Internationales aus dem Volksstaat", F. Engels S. 21.
[4]) Ibid, S. 25 [5]) Ibid, S. 20. [6]) Ibid, S. 21.

[1]) Ibid S. 17, 28, 30, 25. [2]) Ibid s. 30. [3]) Ibid s. 25.
[4]) Ibid, s 24. Курсивъ мой. [5]) Ibid, s. 26.
[6]) Искра № 95 „Револ. перспект."

лѣе „правымъ“ партіямъ и непосредственно самодержавному правительству. Для насъ же, являющихся носителями политическаго, экономическаго и культурнаго прогресса, ставящихъ себѣ ближайшею задачею — наиболѣе революціонное преобразованіе политическаго строя, требующее максимальнаго напряженія всѣхъ наличныхъ общественныхъ силъ, ослабленіе буржуазной демократіи допустимо лишь въ томъ случаѣ, если вся сумма теряемыхъ ею силъ переливается непосредственно къ намъ, ибо въ нашихъ рукахъ она дастъ большіе результаты. Поэтому — не ухудшеніе способовъ политической конкуренціи для буржуазной демократіи, а улучшеніе нашихъ собственныхъ способовъ конкуренціи и критика всѣхъ прогрессивныхъ партій съ точки зрѣнія этихъ, *лучшихъ* способовъ — вотъ нашъ методъ „борьбы“. Очередная задача „профессіональныхъ союзовъ“ — политическая организація и мобилизація народныхъ *массъ* подъ знаменемъ буржуазной демократіи. Мы не должны принимать участія въ этомъ дѣлѣ, мы не должны вступать въ „союзы“. Но въ такомъ случаѣ мы *обязаны* организовать и мобилизовать *массы* подъ знаменемъ демократіи соціальной. Только въ этомъ случаѣ мы будемъ исторически и политически правы.

Но для того, чтобы выполнить эту историческую обязанность, мы должны отдать себѣ ясный отчетъ не только въ настоятельности ея, но и въ тѣхъ методахъ, которыми она только и можетъ быть выполнена.

Возвращаясь къ тому, съ чего мы начали, мы снова спросимъ: далеко ли то блаженное время, когда буржуазная демократія казалась намъ такою „бѣдною“ и „слабою“? Утѣшительное то было время! Посреди полусдавленнаго, хриплаго шопота всей Россіи такимъ громкимъ казалось каждое слово, сказанное нами полнымъ голосомъ! Среди полнаго хаоса и раздробленности всѣхъ общественныхъ силъ такою крѣпкою и сильною казалась наша организація! А при полномъ или почти полномъ отсутствіи конкурентовъ такъ безраздѣльно, казалось, принадлежала трудящаяся масса намъ, несшимъ ей проповѣдь классоваго сознанія и классовой борьбы! И такъ легко, за упоеніемъ своимъ величіемъ, забывались истинныя основы и размѣры этого величія! Забывалась та обстановка политическихъ сумерекъ, которая дѣлаетъ всѣ политическіе лозунги сѣрыми и всѣхъ интеллигентовъ красными; забывалось, что очередная политическая задача заключалась лишь въ пробужденіи и пріобрѣтеніи политическаго вліянія на массы, а не въ мобилизаціи самой массы для активнаго участія въ политической борьбѣ во имя опредѣленныхъ и ясно сознанныхъ политическихъ требованій, и что именно поэтому буржуазный либерализмъ и демократія могли не испытывать ни малѣйшей конкурентской зависти, предоставляя намъ эту черную „подготовительную“ работу, требовавшую безчисленныхъ жертвъ и спокойно ожидая, что, „больно ушибаясь о разныя препятствія, цѣною политическихъ синяковъ и ссадинъ“ („Осв.“ № 71), мы „выработаемъ себѣ вѣрную тактику“, ведущую насъ прямо въ лоно „Освобожденія“. Забывалось, что, въ силу самихъ задачъ, рѣчь могла идти пока не объ организаціи массъ, а лишь о „строго-конспиративной“ и „узкой“ организаціи „руководителей“, необычайно облегчавшейся той „несгибаемой“ революціонностью, которая такъ обильно питается послѣдовательностью и оптимистическимъ духомъ нашей программы, построенной на прочномъ фундаментѣ научнаго соціализма. Забывалось, словомъ, что „сила“ наша въ значительной мѣрѣ обусловливалась слабостью политическаго движенія вообще.

И вотъ наступилъ „слушный часъ“, предъявляющій совсѣмъ иныя требованія къ нашимъ силамъ, заставляющій насъ растить ихъ въ такой пропорціи, въ которой количество переходитъ въ качество, ибо мы не можемъ увеличивать теперь нашихъ силъ, не измѣняя самой формы, въ какую онѣ отливаются. Мы должны смѣло и рѣшительно порвать съ традиціями „подполья“ и встать на путь превращенія изъ *партіи для массъ* въ *партію самихъ массъ*. И тотъ самый историческій моментъ, который предъявляетъ намъ такія требованія, создаетъ и условія для ихъ выполненія. Мы можемъ и должны оказаться побѣдителями въ борьбѣ за обладаніе массами, и прежде всего пролетарскими массами; но для этого намъ нужно во весь ростъ поставить передъ собою эту задачу и увѣренными шагами пойти къ ея выполненію.

Только большому кораблю по плечу большое плаваніе, — вотъ истина, которую необходимо усвоить каждому соціальдемократу, не закостенѣвшему въ представленіяхъ недалекаго, но уже, къ счастью, невозвратнаго прошлаго и понимающему, что въ настоящее бурное время смѣшно мѣрить размахъ „революціонности“ своей работы масштабомъ, унаслѣдованнымъ съ эпохи политическихъ будней.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ МАРКСИСТСКОЙ СОВѢСТЬЮ.

III. окончаніе

Мы видѣли въ прошлой статьѣ[1], какъ Ленинъ обращается съ теоріей, посмотримъ теперь, какъ онъ обращается съ исторіей. Тов. Плехановъ въ упомянутой мной статьѣ въ 96 номерѣ „Искры“ доказываетъ, что тактика по отношенію къ буржуазной революціи, рекомендуемая „Искрой“, совершенно совпадаетъ съ тактикой, которую Марксъ рекомендовалъ германскому пролетаріату въ 50 году въ ожиданіи демократической революціи. Ленинъ отводитъ эту ссылку на Маркса на томъ основаніи, что тогда была совсѣмъ другая политическая ситуація. Если Марксу тогда и въ голову не приходила мысль объ участіи германскаго пролетаріата въ правительствѣ въ ближайшей революціи, то это объясняется двумя причинами: во-первыхъ, нѣмецкіе соціалдемократы 50 года потерпѣли пораженіе и имъ нужно было „организоваться самостоятельно, непремѣнно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно“, во-вторыхъ, „Марксъ и Энгельсъ въ 50 году считали соціализмъ близкимъ и потому не дооцѣнивали [illegible] демократическихъ завоеваній...[2]“. Выходитъ такъ, что если бы Марксъ теперь жилъ, то онъ, перемѣнивъ свои устарѣлые взгляды на демократическія завоеванія и на политическую свободу, и ознакомившись съ блестящимъ состояніемъ нашей партійной организаціи, не сталъ бы намъ совѣтовать „организоваться самостоятельно, непремѣнно, во что бы то ни стало самостоятельно“, а предложилъ бы намъ принять участіе въ буржуазномъ временномъ правительствѣ. Я не стану [illegible] по этому поводу Ленину, потому что это, вѣроятно, сдѣлаетъ самъ Плехановъ. Я только выражу надежду, что именно въ [illegible] возраженіяхъ Ленина Плехановъ найдетъ лучшее подтвержденіе [illegible] нихъ прежнихъ словъ, лучшее подтвержденіе того, что „Впередъ“, равно какъ его двойникъ „Пролетарій“ [illegible] оппортунизмъ [illegible] самый худшій, самый вредный оппортунизмъ“[3]. Я [illegible] своей стороны, подробнѣе остановлюсь на той исторической справкѣ, которую дѣлаетъ Ленинъ въ № 3 „Пролетарія“ на его разборѣ статьи Энгельса „Бакунисты за работой“.

Въ этой статьѣ Энгельсъ [illegible] роль бакунистовъ въ испанскомъ возстаніи 73 года. [illegible] возстаніи говоритъ Ленинъ и [illegible] прямое отношеніе къ нашему [illegible] борьбѣ за республику [illegible] революціи“.

Ленинъ [illegible] что „какъ [illegible] не только [illegible] вполнѣ допуск[illegible] вмѣстѣ съ республиканской [illegible] участія“ [illegible].

Прежде, чѣмъ изложить то, что говоритъ по этому вопросу авторское изданіе, а не ленинское переложеніе статьи Энгельса, я долженъ сдѣлать два замѣчанія:

1) Ленинъ озаглавилъ свой фельетонъ словами: „Только снизу или снизу и сверху“. На основаніи сопоставленія статьи Энгельса съ „Искрой“ Ленинъ старается доказать, что принципъ: „только снизу“ есть принципъ „Искры“ и анархистовъ, принципъ же „снизу и сверху“ есть принципъ его, Ленина, и Энгельса. Намъ не трудно будетъ убѣдиться, что все это — игра словъ, каламбуръ, нарочито придуманный, во-первыхъ, для того, чтобы исказить тактическіе взгляды Энгельса, во-вторыхъ, для того, чтобы исказить тактическіе взгляды „Искры“.

Единственный разъ, когда Энгельсъ въ своей статьѣ упоминаетъ про анархическій принципъ — „только снизу“, онъ говоритъ объ этомъ въ слѣдующей связи: Почему „непримиримымъ“ (республиканцы федералисты) понадобилось торопиться съ возстаніемъ въ Андалузіи, когда ихъ переговоры съ республиканскимъ правительствомъ Пи-и-Маргаля (расположеннаго къ пролетаріату) еще не потерпѣли неудачи? Это неизвѣстно. Извѣстно только, что кортесы слишкомъ медленно соглашались на расщепленіе Испаніи; а этимъ господамъ нужно было какъ можно скорѣе водворить федеративную республику и завладѣть новыми правительственными постами въ автономныхъ кантонахъ... Прежняя позиція бакунистовъ при выборахъ втянула ихъ въ затѣи „непримиримыхъ“. Къ тому же „бакунисты въ теченіе многихъ лѣтъ проповѣдовали, что всякое революціонное дѣйствіе сверху внизъ пагубно, что все должно быть организовано и проведено снизу вверхъ. Теперь представился случай осуществить знаменитый принципъ автономіи!... Иначе невозможно было: бакунисты должны были пойти на буксирѣ (т. е. принять участіе въ возстаніи, начатомъ „непримиримыми“[1]). Итакъ, Энгельсъ здѣсь подъ словами „революціонныя дѣйствія сверху“ понимаетъ революціонныя дѣйствія централизованнаго государства, въ данномъ случаѣ, правительства Маргаля, подъ словами „революціонныя дѣйствія снизу“ — дѣйствія автономныхъ кантоновъ; онъ иронизируетъ надъ пристрастіемъ бакунистовъ къ федерализму и автономизму, надъ ихъ недовѣріемъ къ государственности и централизму; ни слова онъ здѣсь не говоритъ объ участіи вождей пролетаріата въ правительствѣ буржуазнаго государства... Спрашивается, много-ли сходства между тѣмъ смысломъ, который Энгельсъ здѣсь вкладывалъ въ выраженія „дѣйствія сверху“, „дѣйствія снизу“ и тѣмъ смысломъ, который въ нихъ вкладываетъ Ленинъ? Далѣе: бакунисты, безусловно отрицая въ теоріи всякую прогрессивную роль за государствомъ, на этомъ именно основаніи принципіально отрицали давленіе на государство посредствомъ участія въ выборахъ, отрицали въ теоріи *всякое* революціонное правительство, отрицали въ теоріи *всякое* участіе въ политической власти. На это указываетъ Энгельсъ, и все это можетъ быть выведено изъ бакунистскаго принципа „только снизу“. „Искра“, рекомендуя при извѣстныхъ условіяхъ тактику „давленія снизу“, напротивъ того, вполнѣ признаетъ, конечно, исторически ограниченную прогрессивную роль государства, рекомендуетъ организованное участіе въ выборахъ, признаетъ учрежденіе „временнаго правительства“, какъ одинъ изъ возможныхъ и цѣлесообразныхъ путей развитія революціи и отрицаетъ цѣлесообразность участія соціальдемократовъ въ *буржуазномъ* временномъ правительствѣ, именно въ интересахъ полнаго завладѣнія въ будущемъ государственной машиной для соціалистическаго переворота.

Спрашивается много ли сходства между тѣмъ принципомъ „только снизу“, который выставляютъ анархисты, и тѣмъ, который выставляетъ „Искра“? Ленинъ тщится доказать, что созвучіе въ словахъ есть согласіе въ мысляхъ. Но это доказываетъ только, какъ безнадежно его предпріятіе.

2) Послѣ того, какъ мы возстановили смыслъ терминологіи Энгельса, не безполезно будетъ также напомнить, въ какомъ смыслѣ Ленинъ понимаетъ свое выраженіе — диктатура пролетаріата и крестьянства. Это не безполезно сдѣлать, потому что какъ мы видѣли, Ленинъ очень любитъ каламбуры и, примѣнительно къ обстоятельствамъ, въ одно и то же выраженіе вкладываетъ разный смыслъ. Въ фельетонѣ въ № 14 „Впередъ“ мы читаемъ: „Точно также невѣрны... положенія Парвуса, что революціонное временное правительство въ Россіи будетъ правительствомъ рабочей демократіи ...будетъ цѣлостное правительство съ соціальдемократическимъ большинствомъ. *Этого не можетъ быть*[2]), если говорить не о случайныхъ мимолетныхъ эпизодахъ, а о сколько нибудь длительной, сколько нибудь способной оставить слѣдъ въ исторіи революціонной диктатурѣ. Этого не можетъ быть, потому что сколько нибудь прочной (конечно не безусловно, а относительно) можетъ быть лишь революціонная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русскій же пролетаріатъ составляетъ сейчасъ меньшинство населенія Россіи. Стать громаднымъ подавляющимъ большинствомъ онъ можетъ лишь при соединеніи съ ... массой мелкобуржуазной ... бѣдноты. И такой составъ соціальнаго базиса возможной и желательной революціонно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составѣ революціоннаго правительства, сдѣлаетъ неизбѣжнымъ участіе въ немъ или даже преобладаніе въ немъ самыхъ разношерстныхъ представителей революціонной демократіи. Было бы крайне вредно дѣлать себѣ на этотъ счетъ какія бы то ни было иллюзіи“.

Итакъ, запомните, читатель, Ленинъ разсчитываетъ на болѣе или менѣе длительное участіе въ буржуазно-демократическомъ правительствѣ, въ которомъ мы, соціальдемократы, *неизбѣжно будемъ въ меньшинствѣ*.

Теперь посмотримъ, чему учитъ насъ разбираемая Ленинымъ статья Энгельса. Посмотримъ, дѣйствительно ли Энгельсъ въ этой статьѣ „*требовалъ* участія въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей“, да еще участія въ меньшинствѣ.

Энгельсъ говоритъ вотъ что. Когда испанскій король Амадей отказался отъ престола, и когда была провозглашена республика, старые представители республиканскаго федерализма, Кастеляръ съ компаніей испугались народнаго движенія и вынуждены были уступить власть Пи-и-Маргалю. Пи-и-Маргаль былъ единственный изъ оффиціальныхъ республиканцевъ, который „усматривалъ необходимость искать опоры для республики въ рабочихъ“. Онъ вскорѣ выработалъ программу осуществимыхъ соціальныхъ реформъ, которыя не только были непосредственно выгодны рабочимъ, но которыя въ результатѣ вынуждали къ дальнѣйшимъ шагамъ и, такимъ образомъ, должны были приблизить соціальную революцію“[3]. Но партія „непримиримыхъ“ республиканцевъ-федералистовъ была недовольна Маргалемъ... „Господамъ непримиримымъ необходимо было скорѣйшимъ образомъ и во что бы то ни стало практически осуществить федеративную республику, чтобы овладѣть властью и многочисленными правительственными постами, которые [illegible] учредить въ отдѣльныхъ кантонахъ“[4]. И для этого [illegible] затѣяли возстаніе. О соціалистическомъ переворотѣ въ Испаніи въ то время не могло быть еще и рѣчи. Что, по мнѣнію Энгельса, должны были при такихъ условіяхъ дѣлать вожди пролетаріата? Они должны были, пользуясь, съ одной стороны, нетерпѣливымъ желаніемъ рабочихъ принять участіе въ политическихъ событіяхъ, съ другой стороны, рознью между республиканскими фразами въ кортесахъ и абсентизмомъ въ парламентѣ альфонсистовъ и карлистовъ, организоваться самостоятельно, привлечь рабочихъ къ участію въ выборахъ съ [illegible] самостоятельной платформы[5]. [illegible] правительство Маргаля [illegible] мѣсто должны были они [illegible] самостоятельно организованная партія[6] [illegible] „непримиримыми“ [illegible] мѣстахъ называетъ „позорными“, „безсмысленными“, „начатыми безъ всякаго повода“. Даже послѣ сраженія въ Алькоѣ, по мнѣнію Энгельса, не имѣло смысла продолжать возстаніе, не ожидая результатовъ переговоровъ съ правительствомъ[1]). Но бакунисты, отрицавшіе въ принципѣ участіе Интернаціонала, какъ цѣлаго въ выборахъ, дали нерѣшительный лозунгъ: пусть каждый членъ Интернаціонала поступитъ по отношенію къ выборамъ, какъ ему угодно.

Результатомъ этого девиза было то, что бакунистскій Интернаціоналъ при выборахъ никакой самостоятельной политической роли не сыгралъ, а рабочіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, голосовали за тѣхъ, которые говорили наиболѣе радикальныя фразы — за „непримиримыхъ“ и, такимъ образомъ, въ большей или меньшей степени взяли на себя отвѣтственность за дальнѣйшіе шаги избранныхъ ими „непримиримыхъ“ и связали себя съ ихъ дѣйствіями“. Такимъ образомъ, участіе въ нелѣпо начатомъ возстаніи для бакунистовъ стало неизбѣжнымъ. Возстаніе это имѣло мимолетный успѣхъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Бакунисты, въ принципѣ отрицавшіе всякое временное правительство, поторопились принять участіе во временныхъ правительствахъ этихъ городовъ, но они вездѣ участвовали въ меньшинствѣ и потому, они вездѣ „вытаскивали каштаны изъ огня для непримиримыхъ, и помогали имъ укрѣпиться у власти“. Очень скоро новое правительство, смѣнившее правительство Пи-и-Маргаля, раздавило возстаніе, при чемъ непримиримые, сопротивлявшіеся войскамъ, стрѣляли одновременно и въ своихъ союзниковъ-рабочихъ. Результатомъ всего было то, что Интернаціоналъ, который до возстанія успѣлъ уже пустить глубокіе корни въ Испаніи, былъ совершенно разбитъ и дезорганизованъ, а вожди его были надолго дискредитированы въ глазахъ озлобленныхъ рабочихъ. При этомъ пострадала не не только бакунистская фракція Интернаціонала — Альянсъ, но и марксистская испанская федерація, которой пришлось поневолѣ отдуваться за нелѣпое поведеніе бакунистовъ.

Вотъ какъ излагаетъ дѣло Энгельсъ.

Смыслъ этого изложенія, съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса, совершенно ясный и опредѣленный. Такъ какъ въ то время въ Испаніи совершенно еще отсутствовали условія для соціалистическаго переворота, такъ какъ тамъ была учреждена республика и во главѣ ея очутилось правительство, состоящее изъ наиболѣе лѣвыхъ республиканцевъ, желающихъ опереться на пролетаріатъ, то вожди пролетаріата обязаны были организовать его въ совершенно самостоятельную рабочую партію, съ тѣмъ, чтобъ эта партія, сохраняя свою самостоятельность, приняла участіе въ выборахъ, съ тѣмъ чтобы она, сохраняя свою самостоятельность, поддержала революціонныя „дѣйствія сверху“ правительства. Нелѣпо было поднять возстаніе противъ этого революціоннаго правительства, идя на буксирѣ у „непримиримыхъ“ федералистовъ, еще нелѣпѣе было, въ качествѣ меньшинства, участвовать во временныхъ правительствахъ, организованныхъ въ разныхъ городахъ „непримиримыми“.

Всю эту общую политическую оцѣнку испанскаго возстанія, данную Энгельсомъ, Ленинъ скрылъ отъ читателя, обо всемъ этомъ онъ въ своемъ фельетонѣ не говоритъ ни слова. Мало того, онъ имѣетъ смѣлость утверждать, что Энгельсъ *требовалъ* участія пролетаріата во временномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей! Такъ Ленинъ добросовѣстно излагаетъ Энгельса. Онъ не только умалчиваетъ о главной мысли Энгельса, имѣющей отношеніе къ спорному для насъ вопросу. Онъ приписываетъ ему совершенно противоположную мысль, и для этой цѣли онъ, цитируя Энгельса, тщательно выправляетъ изъ цитатъ все, что для читателя могло бы служить хотя бы намекомъ на истину.

Отчетъ марксистской „Новой мадридской федераціи“ иронизируетъ, что хотя бакунисты громко кричали всегда противъ всякой политической власти, они *поторопились*[2]) вступить въ хунты (кантональныя правительства). О насмѣшкѣ надъ этой торопливостью бакунистовъ Ленинъ намъ ничего не разсказываетъ; за то въ другихъ мѣстахъ онъ, цитируя, дополняетъ и исправляетъ Энгельса по своему. Энгельсъ пишетъ: „Альянсисты, которые и здѣсь (въ Санъ-Люкарѣ) совершенно вопреки своимъ анархистскимъ принципамъ образовали революціонное правительство“ ...[3]). Ленинъ цитируетъ это мѣсто въ кавычкахъ: „Альянсистамъ тоже *пришлось* вопреки ихъ анархическимъ принципамъ образовать революціонное правительство“. Энгельсъ пишетъ: „Точно также и члены испанской федеральной комиссіи NB бакунисты М. засѣдавшіе въ Алькоѣ, постарались, чтобъ конгрессъ испанскаго Интернаціонала, присоединился къ той резолюціи NB противъ революціонныхъ правительствъ М. Вопреки всему этому *членъ этой самой комиссіи*, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, также и ея секретарь были членами временнаго революціоннаго правительства, Комитета Общественнаго Спасенія, въ Алькоѣ!“[4]). Ленинъ излагаетъ это мѣсто такъ: „Энгельсъ ограничивается саркастическимъ замѣчаніемъ, что *какъ разъ сторонникамъ революціи пришлось* курсивъ мой. М. стать „участниками временной правительственной власти“ въ Алькоѣ“. Энгельсъ упрекаетъ бакунистовъ въ томъ, что они „вездѣ засѣдали въ правительственномъ *меньшинствѣ*, такъ что „непримиримые“ могли дѣлать все, что имъ угодно“[5]). Ленинъ излагаетъ эту мысль въ такомъ видѣ: „Энгельсъ ставитъ въ упрекъ бакунистамъ не ихъ участіе въ правительствѣ, ... *а недостатокъ организованности, недостатокъ энергіи участія*...“. Ему нужно, чтобъ Энгельсъ такъ говорилъ, потому что онъ самъ, Ленинъ, какъ мы видѣли, рекомендуетъ намъ на подобіе бакунистовъ участвовать въ меньшинствѣ. Чего не сдѣлаешь для пользы „дѣла“!

Такъ Ленинъ добросовѣстно излагаетъ Энгельса. Но у читателя все-таки можетъ явиться вопросъ: какимъ же образомъ Ленину удалось посредствомъ извѣстнаго подбора цитатъ произвести такое впечатлѣніе, какъ будто бы Энгельсъ требовалъ участія пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ вмѣстѣ съ республиканской буржуазіей? Удалось ему это при помощи нѣкоего фокуса. Энгельсъ, какъ мы видѣли, находитъ, что при данной политической ситуаціи въ Испаніи вождямъ пролетаріата не только не слѣдовало стремиться къ захвату власти или къ участію во власти, да еще въ меньшинствѣ, но даже не слѣдовало вообще затѣвать возстанія. Но разъ уже, благодаря нелѣпой тактикѣ бакунистовъ, они дали себя вовлечь въ эту авантюру, они должны были по крайней мѣрѣ дѣйствовать рѣшительно и не давать „непримиримымъ“ вести ихъ на буксирѣ. Эта мысль Энгельса соотвѣтствуетъ тому, что мы высказали въ „Искрѣ“: „Партія, которая стремится къ диктатурѣ пролетаріата, не имѣетъ права соблазняться мишурой власти, которая сулитъ ей лишь порвать ея связь съ пролетаріатомъ и не имѣетъ права уклоняться отъ выполненія полностью своихъ соціалистическихъ обязательствъ, разъ она очутилась у власти“[6]). О томъ, что могли бы вожди пролетаріата сдѣлать съ властью, очутившись при тогдашнихъ условіяхъ въ правительственномъ большинствѣ, о томъ, какъ они могли бы тогда выполнить свои соціалистическія обязательства, Энгельсъ ничего не говоритъ, потому что изъ всей его постановки вопроса, да изъ общихъ его взглядовъ, изложенныхъ въ предыдущей статьѣ, вытекаетъ, что положеніе вождей было бы крайне затруднительное. О интересующемъ насъ спорномъ вопросѣ, цѣлесообразно ли было участіе соціалистовъ въ буржуазномъ революціонномъ правительствѣ, Энгельсъ въ статьѣ прямо не высказывается. Объ его отношеніи къ этому вопросу изъ данной статьи можно заключить только косвенно, по тому что онъ считалъ все испанское возстаніе вообще безсмысленнымъ. Энгельса въ статьѣ занимаетъ другой болѣе частный вопросъ — объ организаціи возстанія. Онъ доказываетъ, какъ бакунисты, благодаря крайней непослѣдовательности своей тактики, не только безсмысленно ввязались въ возстаніе, но и изъ рукъ вонъ плохо руководили возстаніемъ.

---

[1] „Искра“ № 102.

[2] „Пролетарій“ № 2, [illegible]

[3] „Искра“ № 96. [illegible]

[1] Engels, Internationales aus dem Volksstaat, S. 25. [illegible] Маргаля. Ibid S. 21.

[2] См. „Впередъ“ № 14, курсивъ автора.

[3] См. „Internationales aus dem Volksstaat“, F. Engels S. 21.

[4] Ibid S. 25. [5] Ibid S. 20. [6] Ibid [illegible] 21.

[1] Ibid S. 17, 28, 30, 25. [2] Ibid S. 30. [3] Ibid S. 25.

[4] Ibid S. 24. Курсивъ мой. [5] Ibid S. 26.

[6] „Искра“ № 95. „Револ. перспект.“

При этомъ онъ попутно указываетъ, какъ слѣдовало бы тогда руководить возстаніемъ, разъ оно уже было начато.

Ленинъ скрылъ отъ читателя и эту условность, и эту ограниченность постановки вопроса у Энгельса. *Условныя* указанія насчетъ *техническаго* руководства возстаніемъ онъ выдалъ за *категорическую* и при томъ *политическую* директиву Энгельса. Въ этомъ весь секретъ произведеннаго имъ фокуса.

Но можетъ быть хоть въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ организаціи возстанія, взгляды Энгельса совпадаютъ не съ нашими, а съ Ленинскими? Посмотримъ. Ленинъ считаетъ возможнымъ „назначить“ возстаніе и провести его „съ одного удара“. Энгельсъ, какъ я указывалъ уже въ „Двухъ диктатурахъ“, именно на основаніи опыта испанскаго возстанія 73 года, утверждаетъ, что подобный методъ организаціи народнаго возстанія не можетъ придти въ голову „человѣку, пережившему двѣнадцатилѣтній возрастъ“ [1]. Съ другой стороны, тотъ методъ организаціи возстанія, который онъ считалъ цѣлесообразнымъ для Испаніи и который онъ противоставлялъ бакунистской практикѣ, совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ тѣмъ, что рекомендовала „Искра“ въ своемъ „письмѣ къ партійнымъ организаціямъ“ (о вооруженіи) и наша „общерусская конференція“ въ своихъ резолюціяхъ о возстаніи и захватѣ власти. Въ томъ мѣстѣ, которое цитируетъ Ленинъ въ своемъ фельетонѣ, Энгельсъ описываетъ, какимъ образомъ возстаніе могло бы наростать подобно лавинѣ, еслибы инсургенты, побѣдивши въ одномъ пунктѣ, двинулись бы на выручку въ другія мѣста, гдѣ вспыхнуло возстаніе, или же если бы они поддержали повстанцевъ другихъ мѣстъ отвлеченіемъ правительственныхъ войскъ... Этотъ методъ распространенія возстанія предполагаетъ, конечно, что вожди пролетаріата въ тѣхъ городахъ, гдѣ это возможно, захватываютъ власть въ свои руки. Но подобнаго рода мѣстный или эпизодическій захватъ власти въ періодъ возстанія и ради возстанія мы конечно никогда не думали отрицать, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ резолюція, предложенная нами общерусской конференціи и принятая ею: „Эта тактика, конечно, не исключаетъ цѣлесообразности частичнаго, эпизодическаго захвата власти и образованія революціонныхъ коммунъ въ томъ или другомъ городѣ, въ томъ или другомъ районѣ, въ исключительныхъ интересахъ содѣйствія распространенію возстанія и дезорганизаціи правительства“.

Во второмъ номерѣ „Пролетарія“ Ленинъ писалъ: „Если онъ (Плехановъ) всякое участіе пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ при борьбѣ за республику, при демократическомъ переворотѣ считаетъ принципіально недопустимымъ, то мы беремся доказать ему, что это есть „принципъ“ анархизма, самымъ недвусмысленнымъ образомъ осужденный Энгельсомъ“. Ленинъ брался доказать на основаніи Энгельса, что рекомендуемая нами тактика есть тактика анархическая. Читатель теперь убѣдился, что Ленинъ сдѣлалъ ложную тревогу. Ленинъ всего на всего доказалъ справедливость поговорки, что сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ.

Но Энгельсъ писалъ разбираемую Ленинымъ статью въ 70 годахъ. Можетъ быть, Энгельсъ тогда еще, вѣря въ близость соціализма, „недооцѣнивалъ демократическія завоеванія“? Можетъ быть онъ впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ на участіе соціалдемократіи въ правительствѣ при буржуазной революціи. Такое предположеніе Плехановъ устранилъ ссылкой на письмо Энгельса къ Турати, написанное въ 94 году. Чѣмъ Ленинъ по этому поводу отвѣтилъ Плеханову? Десяткомъ фразъ. „Какъ видно изъ Плехановскаго изложенія этого письма“, пишетъ Ленинъ, „Энгельсъ долженъ былъ доказывать Турати различіе между соціалистической и мелкобуржуазной революціей. Этимъ все сказано, тов. Плехановъ! Турати — это итальянскій Мильеранъ, бернштейньянецъ, которому Джіолити предлагалъ портфель въ свое министерство. Турати смѣшивалъ, очевидно, два переворота самаго различнаго классоваго содержанія. Турати воображалъ, что онъ будетъ проводить интересы господства пролетаріата, а Энгельсъ разъяснялъ ему, что при данной ситуаціи Италіи 94 года... онъ, Турати, въ министерствѣ побѣдившей мелкобуржуазной партіи, будетъ отстаивать и проводить на дѣлѣ интересы чужого класса, мелкой буржуазіи“.

Яркій образецъ политическаго знанія и политическаго мышленія! Начать съ того, что въ то время еще мильеранизма и въ поминѣ не было; что же касается спеціально Турати, то, какъ хорошо извѣстно онъ въ то время былъ еще однимъ изъ лучшихъ соціальдемократовъ въ Италіи. Въ третьей книжкѣ „Соціальдемократа“, издававшагося Гр. Осв. Труда въ 90 году, мы читаемъ: „На Миланскомъ конгрессѣ 12 октября эта организація отказалась отъ своего предразсудка и рѣшилась выступить на путь политической борьбы... Насколько мы знаемъ, главная заслуга принятаго Миланскимъ конгрессомъ рѣшенія принадлежитъ молодому талантливому соціалисту Филиппу Турати“. Этотъ же самый „талантливый соціалистъ“ въ то время издавалъ первый правовѣрный соціальдемократическій журналъ въ Италіи „Critica sociale“. На Цюрихскомъ конгрессѣ 93 года, который былъ апофеозомъ марксизма, итальянская делегація обратила на себя всеобщее вниманіе своей выдержанностью и дисциплинированностью, и вождемъ ея былъ Турати. Наконецъ, значительно позже, въ 98 году этотъ самый Турати принималъ дѣятельное участіе въ миланскомъ возстаніи. Таковъ былъ еще въ тѣ годы „бернштейніанецъ“ и „мильеранистъ“ Турати! Но еслибъ даже ничего этого не было, если бы Турати тогда уже былъ мильеранистомъ и если бы онъ поэтому (?!) смѣшивалъ демократическій и соціалистическій переворотъ, то что, стоя на точкѣ зрѣнія Ленина, Энгельсъ долженъ былъ бы ему совѣтовать, еслибъ онъ обладалъ хоть каплей логики? Онъ бы ему писалъ: принявши участіе въ возстаніи, старайтесь попасть во временное правительство: но, чтобъ удачно воспользоваться этой властью, откажитесь отъ своего заблужденія насчетъ совпаденія соціалистическаго и демократическаго переворота. Въ дѣйствительности же Энгельсъ писалъ Турати какъ разъ противоположное: такъ какъ демократическая революція въ Италіи не совпадетъ съ соціалистической, то, принявши участіе въ возстаніи, избѣгайте участія въ правительствѣ. Энгельсъ писалъ:

„Дорогой Турати! Положеніе дѣлъ въ Италіи на мой взглядъ такое: Буржуазія, достигшая власти въ періодъ національнаго освобожденія и послѣ него, не умѣетъ и не желаетъ сдѣлать свою побѣду вполнѣ законченной. Она не разрушила остатковъ феодализма, не реорганизовала національнаго производства по совершенному буржуазному типу. Будучи неспособна дать странѣ относительныя и временныя выгоды капиталистическаго режима, она взвалила на нее всѣ тяготы и невыгоды этого режима... Такое положеніе ведетъ къ кризису. Рабочія массы повсюду служатъ ферментомъ: то тамъ, то здѣсь онѣ возстаютъ. Куда насъ ведетъ этотъ кризисъ? Очевидно, соціалистическая партія слишкомъ юна и, благодаря экономическому положенію, слишкомъ слаба для того, чтобы надѣяться на немедленную побѣду соціализма. Земледѣльческое населеніе въ странѣ сильно преобладаетъ надъ городскимъ; незначительно, поэтому, развита городская промышленность, слабъ *типичный* пролетаріатъ!.. Въ случаѣ болѣе или менѣе мирнаго успѣха произойдетъ смѣна министерства; у власти станутъ „вновь обращенные“ республиканцы: Кавальоти и К⁰; въ случаѣ революціи, установится буржуазная республика. Какова будетъ роль соціалистической партіи лицомъ къ лицу съ этими возможностями?.. Соціалисты принимаютъ дѣятельное участіе во всѣхъ фазахъ развитія классовой борьбы, никогда не теряя изъ виду что эти фазы служатъ промежуточными этапами, ведущими къ первой великой цѣли: къ завоеванію политической власти пролетаріатомъ, какъ къ средству соціальнаго переустройства. Ихъ спеціальная миссія — толкать впередъ другія революціонныя партіи и, когда какая-нибудь изъ нихъ одерживаетъ побѣду, защищать интересы пролетаріата... Примѣнимъ все это къ Италіи

И такъ, быть можетъ, побѣда мелкой дифференцированной буржуазіи и крестьянства дастъ министерству „вновь обращенныхъ“ республиканцевъ. Это намъ принесетъ всеобщее избирательное право и свободу движенія... Достаточно таки значительное данное — новое оружіе, которымъ нельзя пренебрегать. Или это принесетъ намъ буржуазную республику съ тѣми же людьми... это еще больше расширило бы нашу свободу и наше поле дѣйствія, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ. И, по словамъ Маркса, буржуазная республика является единственной политической формой, въ которой можетъ найти свое разрѣшеніе борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей... Мы совершили бы величайшую изъ ошибокъ, еслибъ передъ лицомъ этого движенія вздумали бы воздержаться, если-бы въ нашей сдержанности по отношенію къ „аналогичнымъ“ партіямъ, мы захотѣли бы ограничиться чисто отрицательной критикой... Если движеніе явится истинно національнымъ, наши люди не останутся въ тѣни, не станутъ ждать спеціальнаго призыва... Но тогда нужно быть на сторожѣ, и мы обязаны будемъ провозгласить во всеуслышаніе, что мы принимаемъ участіе, какъ независимая партія, — объединившаяся съ радикалами и республиканцами, но совершенно отличная отъ нихъ, что съ момента побѣды, наши пути расходятся, что съ того дня мы образуемъ по отношенію къ новому правительству *новую оппозицію*, но не реакціонную, а прогрессивную, оппозицію крайней лѣвой (по терминологіи Ленина — „хвостистскую оппозицію настоящей революціи“), которая поведетъ къ новымъ побѣдамъ за предѣлами отвоеванныхъ областей. Возможно, что вслѣдъ за общей побѣдой намъ будетъ предложено какое-либо мѣсто въ новомъ правительствѣ — но всегда *въ меньшинствѣ. Это представляетъ величайшую опасность.* Послѣ февраля 1848 года французскіе демократы соціалисты (изъ Reforme, Ledru Rollin, Louis Blanc, Flocon и т. д.) совершили ошибку, принявъ эти обязанности. Будучи меньшинствомъ въ правительствѣ, они по собственной волѣ раздѣляли отвѣтственность за всѣ подлости и измѣнничества по отношенію къ рабочему классу, совершенное большинствомъ чистыхъ республиканцевъ; между тѣмъ *присутствіе ихъ въ составѣ правительства совершенно парализовало революціонную активность рабочаго класса, который они претендовали представлять*“.

Послѣ этой цитаты я только еще разъ напомню читателю, что по собственному заявленію Ленина, русскіе соціальдемократы не должны тѣшить себя вредной иллюзіей, что они могли бы оказаться въ нашемъ будущемъ временномъ правительствѣ въ большинствѣ. Дальнѣйшіе комментаріи излишни.

* * *

Исторія не повторяется; а если повторяется то разъ въ видѣ трагедіи, другой — въ видѣ фарса. Въ брошюрѣ „Двѣ диктатуры“ я доказывалъ, что тѣ условія, которыя существовали въ эпоху диктатуры Конвента и которыя сдѣлали возможнымъ эту диктатуру, не могутъ больше повториться въ буржуазныхъ революціяхъ и что *въ этомъ отношеніи* великая русская революція не можетъ быть похожа на великую французскую. Ни одного возраженія не было сдѣлано нашими противниками противъ моего анализа эпохи конвента. Но нашъ маленькій доморощенный Робеспьеръ, „страстно желаетъ“ попытать счастья. Что же, попытайте! Но имѣйте же мужество дѣлать это на свой страхъ и рискъ и знайте, что Марксъ и Энгельсъ вамъ попутчиками не будутъ.

Мартыновъ.

ГРУЗИНСКІЕ НАЦІОНАЛИСТЫ И ПРОЛЕТАРІАТЪ.

(По поводу Кавказской конференціи).

Одной изъ самыхъ боевыхъ по кавказскимъ условіямъ резолюцій недавней „кавказской конференціи“ является резолюція „о національно-территоріальной автономіи“. Въ ней формулированъ отвѣтъ грузинскаго пролетаріата на лозунгъ „національной автономіи“, съ особенной силой выдвинутый въ послѣднее время грузинскими націоналистами.

Широкій слой организованнаго грузинскаго пролетаріата, за которымъ идетъ и охваченное возстаніемъ крестьянство, является уже фактически *признаннымъ* руководителемъ революціоннаго движенія въ странѣ, единственной реальной силой, которая *заставляетъ* считаться съ собой, и вотъ грузинскіе „націоналисты“ сосредоточили всѣ свои усилія, чтобы привлечь его къ „національной борьбѣ“, внося въ требованіе „автономіи“ „всеобщее, прямое и равное голосованіе съ тайной подачей голосовъ“ для будущаго „грузинскаго парламента“. Даже дворянскія собранія Кутаисской и Тифлисской губерній формулировали въ своихъ адресахъ эту „демократическую платформу“, а націоналистическая пресса, какъ нелегальная, такъ и легальная, прямо обосновываетъ требованія „грузинскаго парламента“ столь ненавистнымъ ей нѣкогда „принципомъ класовой борьбы“, ибо, говорятъ эти новые защитники народныхъ интересовъ, лишь окончательное уничтоженіе національнаго гнета дастъ грузинскому пролетаріату возможность всецѣло отдаться борьбѣ за классовые интересы.

Резолюція кавказской конференціи, являющаяся отвѣтомъ на эту агитацію, интересна и тѣмъ, что, примѣняя къ отдѣльному живому примѣру разрѣшеніе національнаго вопроса, данное въ нашей программѣ, проливаетъ свѣтъ на дѣйствительный его характеръ. Она гласитъ:

„Принимая во вниманіе, во 1-хъ, что на Кавказѣ съ его разноплеменнымъ составомъ населенія, гдѣ разныя націи перемѣшаны другъ съ другомъ, территоріально-національная автономія, выдвигаемая грузинскими націоналистами, привела бы къ порабощенію въ предѣлахъ опредѣленной территоріи одной націей всѣхъ остальныхъ, что равносильно усиленію господства буржуазныхъ классовъ, къ которому неизбѣжно приведетъ установленіе господствующаго языка, предоставленіе этимъ классамъ разныхъ привилегій и закрѣпленіе за ними въ предѣлахъ опредѣленной территоріи земель различными ограничительными законами и т. д.

Во 2-хъ, что принципъ національно-территоріальной автономіи предполагаетъ господство одного языка, что у насъ безусловно приведетъ къ ограниченію другихъ націй въ правѣ пользоваться своимъ языкомъ.

Въ 3-хъ, что территоріально-національная автономія ставитъ искусственныя преграды къ объединенію пролетаріата разныхъ націй и разжигаетъ національный антагонизмъ, чѣмъ и пользуется буржуазія, перенося центръ тяжести съ почвы классовой борьбы на національную и тѣмъ затемняя классовое самосознаніе пролетаріата.

Конференція рѣшительно высказывается противъ территоріально-національной автономіи, какъ требованія, по существу своему, буржуазнаго.

Но, принимая во вниманіе отличительныя условія кавказской жизни и исходя изъ того воззрѣнія, по которому не національная, а классовая борьба является содержаніемъ общественно-политической жизни, конференція, основываясь на программѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, выдвигаетъ единое международное областное самоуправленіе для всего Кавказа посредствомъ центральнаго органа, составленнаго изъ представителей народа на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права безъ отношенія къ націи, религіи и полу, съ правомъ каждаго изъ нихъ на своемъ языкѣ изъясняться въ этомъ органѣ самоуправленія и съ компетенціей послѣдняго регулировать, въ предѣлахъ общероссійскаго законодательства, соціально-политическую жизнь Кавказа.

Этой резолюціей опредѣляется наше категорически отрицательное отношеніе и къ федераціи“.

Прежде всего бросается въ глаза конкретный характеръ аргументаціи этой резолюціи. Такъ какъ въ *данномъ* мѣстѣ, въ *данныхъ* условіяхъ національно-территоріальная автономія вредна рабочему классу, то конференція ее отвергаетъ. Правда, въ послѣдней части конференція ссылается на программу Рос. Соціальдемократической Партіи, которая разсчитана не для мѣстныхъ кавказскихъ условій, но въ томъ то и дѣло, что соотвѣтствующіе пункты програмы она признаетъ, исходя изъ аргументовъ чисто мѣстнаго характера. Итакъ, она считала возможнымъ при иныхъ мѣстныхъ условіяхъ иначе рѣшить этотъ вопросъ, не приходя въ столкновеніе съ програмной партіи, частью которой она желаетъ остаться. Имѣла ли она на это право?

Рѣшеніе національнаго вопроса, данное въ нашей программѣ, давно подвергается ожесточеннымъ нападкамъ со стороны буржуазно-націоналистическихъ элементовъ всѣхъ входящихъ въ Россію народностей, а также и ихъ „соціалистической“ союзницы. Девятый пунктъ этой программы, признающій „право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства“, выставляется простой декораціей, такъ какъ ему предшествуютъ пункты 3, 7 и 8, уже совершенно опредѣленнымъ образомъ регулирующіе будущее взаимоотношеніе между входящими въ государство націями и обезпечивающіе имъ возможность свободнаго національнаго развитія не въ рамкахъ „національной автономіи“, а путемъ широкаго „областного самоуправленія“. Буржуазно-„соціалистическій“-„блокъ“, „критикующій“ нашу программу, считаетъ несовмѣстимыми эти пункты съ пунктомъ о самоопредѣленіи, и выставляетъ, въ противовѣсъ намъ, иное рѣшеніе національнаго вопроса, такъ трогательно объединяющее партіи, пламенѣющія заботой объ „интересахъ угнетенныхъ націй“ съ партіей „всѣхъ угнетенныхъ“. Въ ихъ программѣ рядомъ съ правомъ на самоопредѣленіе выставленъ принципъ федеративнаго начала. Но почему же наличность этого, тоже, думается намъ, *опредѣленнаго* рѣшенія національнаго вопроса, считается совмѣстимымъ съ признаніемъ права „самоопредѣленія“, которое должно окончательное рѣшеніе о взаимномъ отношеніи націй передать въ руки самихъ этихъ націй? Или федеративныя отношенія не представляютъ также *одною* изъ способовъ разрѣшенія національнаго вопроса, какъ и предложенный нами, какъ и вполнѣ сепаративное, напр., размежеваніе націй? Къ чему подымать этотъ смѣшной шумъ, который никого не обманетъ и способенъ только лишній разъ скомпрометировать и безъ того не очень прочную репутацію подымающихъ его партій?

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія, исходя изъ интересовъ всего россійскаго пролетаріата, дала извѣстное рѣшеніе національнаго вопроса въ выработанной въ ея программѣ картинѣ будущаго государственнаго строя Россіи. Въ числѣ своихъ требованій она выставляетъ: „областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія“ (§ 3). „Равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи, расы и *національности*“ (§ 7). „Право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ; право каждаго гражданина объясняться на родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе родного языка наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ (§ 8).

Но, включивъ въ програму вслѣдъ за этими требованіями пунктъ о „самоопредѣніи“, Р. С. Д. Р. П. тѣмъ самымъ отказалась *связать* ими волю какой бы то ни было націи, и окончательное опредѣленіе ея положенія предоставляетъ ей самой. При этомъ, считаясь съ волей націи, она считается, конечно, съ волей того общественнаго класса ея, который одинъ выражаетъ дѣйствительные интересы *всей націи*, т. е. съ волей пролетаріата. И если пролетаріатъ извѣстной націи, являющійся вождемъ ея внутренняго возрожденія, провѣривъ разрѣшеніе національнаго вопроса, данное Россійской Соціальдемократіей, признаетъ его соотвѣтствующимъ интересамъ своей націи, то никакіе крики буржуазно-„соціалистическихъ“, просто буржуазныхъ и просто „соціалистическихъ“ федералистовъ не помѣшаютъ всей Р. С. Д. Р. П. грудью своей отстаивать именно это рѣшеніе.

И въ этомъ отношеніи поучительная картина развертывается передъ нами на Кавказѣ. „Національная автономія“, вотъ политическій лозунгъ, сплотившій еще не окрѣпшую грузинскую буржуазію съ грузинскимъ дворянствомъ. Первая явилась на свѣтъ при совершенно своеобразныхъ условіяхъ, когда „иностранный“, по грузинской терминологіи, капиталъ, преимущественно армянскій и русскій, уже сослужили странѣ культурную службу подготовленія матеріальныхъ условій для внутренняго объединенія и для созданія широкой и сплоченной массы промышленнаго пролетаріата. И вотъ, грузинская буржуазія хочетъ обезпечить себѣ развитіе путемъ насильственнаго утвержденія своего господства въ предѣлахъ „исторической грузинской территоріи“. А дворянство, подъ которымъ размыты корни тѣмъ же пришлымъ капиталомъ, стремится также путемъ „автономнаго“ господства спасти себя и подорвать силы буржуазіи другихъ національностей.

„Національная автономія въ устахъ грузинскихъ націоналистовъ, — говорится во второмъ номерѣ „Соціальдемократа“, „органа кавказскихъ соціальдемократическихъ рабочихъ организацій нашей партіи“, — означаетъ господство грузинъ въ предѣлахъ Грузіи. (Въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, въ Батумскомъ, Сухумскомъ и Закатальскомъ округахъ). Это означаетъ утвержденіе въ перечисленныхъ мѣстахъ грузинскаго языка, грузинской школы, суда, грузинской полиціи, законовъ — словомъ грузинскаго правительства (см. „Сакартвело“ № 2) „Правителями грузинской націи должны быть избранныя самой грузинской націей лица, которыя соберутся въ Тифлисѣ (Грузинскій парламентъ). Во внутреннія дѣла Грузіи никто не долженъ вмѣшиться, кромѣ избранниковъ грузинскаго народа“, — пишутъ они (см. брошюру: „Рабочему народу“).

Но, вѣдь, въ Грузіи живутъ не одни грузины, въ этихъ же предѣлахъ живутъ части другихъ націй: армяне, осетины, лезгины, русскіе, татары и др. Утвержденіе надъ ними грузинскаго господства, чѣмъ отличается отъ національной политики существующаго правительства? Но наши націоналисты желаютъ именно этого. Эти господа даже не скрываютъ уже своего шовинизма и прямо объявляютъ: Въ Закатальскомъ округѣ, гдѣ грузинъ меньшинство, должны господствовать грузины; въ Борчалинскомъ уѣздѣ, гдѣ большинство татаръ, должно распоряжаться грузинское правительство, словомъ, одна нація должна порабощать всѣ остальныя. [2] Это — отрицаніе равноправности націй и стравливаніе различныхъ національностей другъ съ другомъ.

„Еще нѣтъ у насъ автономіи, а наше дворянство и идущая за ней интеллигенція уже поднялись на осетинскихъ крестьянъ и готовятся предать ихъ огню и мечу. И знаете почему? Потому, кричатъ намъ, что они *не грузины*. По мнѣнію дворянъ, не грузинъ можно безнаказанно грабить, а если и они потребуютъ человѣческихъ условій существованія, то грузинъ призываютъ идти на нихъ съ крикомъ — бейте этихъ пришельцевъ! Что же будетъ при автономіи! Вотъ національная политика нашихъ націоналистовъ и ее хотятъ они навязать намъ своей автономіей.

„Господство грузинъ — это не господство грузинскаго рабочаго, а грузинскихъ поповъ и дворянъ, и всѣхъ идущихъ за ними. Заложившійся землевладѣлецъ думаетъ этимъ совратить крестьянское движеніе съ вѣрнаго пути, и расчитываетъ вернуть потерянное угнетеніемъ чужихъ націй. Наше духовенство мечтаетъ также съ помощью автономіи вернуть себѣ утерянное вліяніе и по старому приняться за наглое грабительство народа и одурманиваніе его сознанія.

„Разыгравшемуся аппетиту „интеллигентовъ“ рисуются чиновничьи и иныя соблазнительныя должности въ „грузинскомъ государствѣ“ Не даромъ „Иверія“ привѣтствовала, какъ радостное событіе, назначеніе князя Амилаквари бакинскимъ пала-

---

[1] -Двѣ диктатуры стр. 11-12.

[2] Недавно самая „демократическая“ грузинская газета „Иверія“ требовала выселенія изъ Сухумскаго округа 30,000 армянъ, занимающихся разведеніемъ табаку, на томъ основаніи, что такая маленькая нація, какъ грузинская, не можетъ безнаказанно впускать въ свою территорію столько чуждаго элемента.

При этомъ онъ попутно указываетъ, какъ слѣдовало бы тогда руководить возстаніемъ, разъ оно уже было начато.

Ленинъ скрылъ отъ читателя и эту условность, и эту ограниченность постановки вопроса у Энгельса. *Условныя* указанія насчетъ *техническаго* руководства возстаніемъ онъ выдалъ за *категорическую* и при томъ *политическую* директиву Энгельса. Въ этомъ весь секретъ произведеннаго имъ фокуса.

Но можетъ быть хоть въ этомъ вопросѣ, въ вопросѣ объ организаціи возстанія, взгляды Энгельса совпадаютъ не съ нашими, а съ Ленинскими? Посмотримъ. Ленинъ считаетъ возможнымъ „назначить" возстаніе и провести его „съ одного удара". Энгельсъ, какъ я указывалъ уже въ „Двухъ диктатурахъ", именно на основаніи опыта испанскаго возстанія 73 года, утверждаетъ, что подобный методъ организаціи народнаго возстанія не можетъ придти въ голову „человѣку, пережившему двѣнадцатилѣтній возрастъ"[1]. Съ другой стороны, тотъ методъ организаціи возстанія, который онъ считалъ цѣлесообразнымъ для Испаніи и который онъ противоставлялъ бакунистской практикѣ, совпадаетъ, конечно, въ общихъ чертахъ, съ тѣмъ, что рекомендовала „Искра" въ своемъ „письмѣ къ партійнымъ организаціямъ" (о вооруженіи) и наша „общерусская конференція" въ своихъ резолюціяхъ о возстаніи и захватѣ власти. Въ томъ мѣстѣ, которое цитируетъ Ленинъ въ своемъ фельетонѣ, Энгельсъ описываетъ, какимъ образомъ возстаніе могло бы наростать подобно лавинѣ, если бы инсургенты, побѣдивши въ одномъ пунктѣ, двинулись бы на выручку въ другія мѣста, гдѣ вспыхнуло возстаніе, или же если бы они поддержали повстанцевъ другихъ мѣстъ отвлеченіемъ правительственныхъ войскъ... Этотъ методъ распространенія возстанія предполагаетъ, конечно, что вожди пролетаріата въ тѣхъ городахъ, гдѣ это возможно, захватываютъ власть въ свои руки. Но подобнаго рода мѣстный или эпизодическій захватъ власти въ періодъ возстанія и ради возстанія мы конечно никогда не думали отрицать, о чемъ лучше всего свидѣтельствуетъ резолюція, предложенная нами общерусской конференціи и принятая ею: „Эта тактика, конечно, не исключаетъ цѣлесообразности частичнаго, эпизодическаго захвата власти и образованія революціонныхъ коммунъ въ томъ или другомъ городѣ, въ томъ или другомъ районѣ, въ исключительныхъ интересахъ содѣйствія распространенію возстанія и дезорганизаціи правительства".

Во второмъ номерѣ „Пролетарія" Ленинъ писалъ: „Если онъ (Плехановъ) всякое участіе пролетаріата въ революціонномъ правительствѣ при борьбѣ за республику, при демократическомъ переворотѣ считаетъ принципіально недопустимымъ, то мы беремся доказать ему, что это есть „принципъ" анархизма, самымъ недвусмысленнымъ образомъ осужденный Энгельсомъ". Ленинъ брался доказать на основаніи Энгельса, что рекомендуемая нами тактика есть тактика анархическая. Читатель теперь убѣдился, что Ленинъ сдѣлалъ ложную тревогу. Ленинъ всего на всего доказалъ справедливость поговорки, что сама себя раба бьетъ, коли нечисто жнетъ.

Но Энгельсъ писалъ разбираемую Ленинымъ статью въ 70 годахъ. Можетъ быть, Энгельсъ тогда еще, вѣря въ близость соціализма, „недооцѣнивалъ демократическія завоеванія"? Можетъ быть онъ впослѣдствіи измѣнилъ свой взглядъ на участіе соціалдемократіи въ правительствѣ при буржуазной революціи. Такое предположеніе Плехановъ устранилъ ссылкой на письмо Энгельса къ Турати, написанное въ 94 году. Чѣмъ Ленинъ по этому поводу отвѣтилъ Плеханову? Десяткомъ фразъ. „Какъ видно изъ Плехановскаго изложенія этого письма", пишетъ Ленинъ, „Энгельсъ долженъ былъ доказывать Турати различіе между соціалистической и мелкобуржуазной революціей. Этимъ все сказано, тов. Плехановъ! Турати — это итальянскій Мильеранъ, бернштейніанецъ, которому Джолитти предлагалъ портфель въ свое министерство. Турати смѣшивалъ, очевидно, два переворота самаго различнаго классоваго содержанія. Турати воображалъ, что онъ будетъ проводить интересы господства пролетаріата, а Энгельсъ разъяснилъ ему, что при данной ситуаціи Италіи 94 года... онъ, Турати, въ министерствѣ побѣдившей мелкобуржуазной партіи, будетъ отстаивать и проводить на дѣлѣ интересы чужого класса, мелкой буржуазіи".

Яркій образецъ политическаго знанія и политическаго мышленія! Начать съ того, что въ то время еще мильеранизма и въ поминѣ не было; что же касается специально Турати, то какъ хорошо извѣстно, онъ въ то время былъ еще однимъ изъ лучшихъ соціальдемократовъ въ Италіи. Въ третьей книжкѣ „Соціальдемократа", издававшагося Гр. Оси Таула въ 90 году, мы читаемъ: „На Миланскомъ конгрессѣ 12 октября эта организація отказалась отъ своего предразсудка и рѣшилась выступить на путь политической борьбы... Насколько мы знаемъ, главная заслуга принятаго Миланскимъ конгрессомъ рѣшенія принадлежитъ молодому талантливому соціалисту Филиппу Турати". Этотъ же самый „талантливый соціалистъ" въ то время издавалъ первый правовѣрный соціальдемократическій журналъ въ Италіи „Critica sociale". На Цюрихскомъ конгрессѣ 93 года, который былъ апофеозомъ марксизма, итальянская делегація обратила на себя всеобщее вниманіе своей выдержанностью и дисциплинированностью, и вождемъ ея былъ Турати. Наконецъ, значительно позже, въ 98 году этотъ самый Турати принималъ дѣятельное участіе въ миланскомъ возстаніи. Таковъ былъ еще въ тѣ годы „бернштейніанецъ" и „мильеранистъ" Турати! Но еслибъ даже ничего этого не было, если бы Турати тогда уже былъ мильеранистомъ и если бы онъ поэтому [illegible] смѣшивалъ демократическій и соціалистическій переворотъ, то [illegible] на точкѣ зрѣнія Ленина, Энгельсъ долженъ былъ бы ему совѣтовать, еслибъ онъ обладалъ хоть каплей логики. Онъ бы ему писалъ: принявши участіе въ возстаніи, старайтесь попасть во временное правительство и, чтобы удачно воспользоваться этой властью, откажитесь отъ своего заблужденія насчетъ совпаденія соціалистическаго и демократическаго переворота. Въ дѣйствительности же Энгельсъ писалъ Турати какъ разъ противоположное: такъ какъ демократическая революція въ Италіи не совпадетъ съ соціалистической, то, принявши участіе въ возстаніи, избѣгайте участія въ правительствѣ. [illegible]

„Дорогой Турати! Положеніе дѣлъ въ Италіи, на мой взглядъ, такое: Буржуазія, достигшая власти во время національнаго освобожденія и послѣ него, не умѣетъ и не желаетъ [illegible] свою побѣду вполнѣ. [illegible] феодализма, не реорганизовала [illegible] совершенному буржуазному типу. [illegible] странѣ относительныя и временныя [illegible] режима, она взвалила на нее [illegible] режима... Такое положеніе ведетъ къ кризису. Рабочія массы повсюду служатъ ферментомъ [illegible]ютъ. Куда насъ ведетъ этотъ кризисъ? [illegible]стическая партія слишкомъ молода и, благодаря экономическому положенію, слишкомъ слаба для того, чтобы надѣяться на немедленную побѣду соціализма. [illegible] странѣ сильно преобладаетъ надъ городскимъ [illegible] поэтому, развита городская промышленность [illegible] пролетаріатъ!.. Въ случаѣ болѣе или менѣе [illegible] произойдетъ смѣна министерства [illegible]щенные" республиканцы Кавалотти и [illegible] установится буржуазная республика. [illegible] соціалистической партіи лицомъ къ лицу [illegible]. Соціалисты принимаютъ дѣятельное участіе [illegible] развитія классовой борьбы, никогда не [illegible] эти фазы служатъ промежуточными этапами, ведущими къ [illegible] великой цѣли: къ завоеванію политической власти пролетаріатомъ, какъ къ средству соціальнаго переустройства. [illegible] специальная миссія — толкать впередъ другія революціонныя партіи и, когда какая-нибудь изъ нихъ одерживаетъ побѣду, защищать интересы пролетаріата... Примѣнимо все это къ Италіи.

И такъ, быть можетъ, побѣда мелкой дифференцированной буржуазіи и крестьянства дастъ министерству „вновь обращенныхъ" республиканцевъ". Это намъ принесетъ всеобщее избирательное право и свободу движенія... Достаточно таки значительное данное — новое оружіе, которымъ нельзя пренебрегать. Или это принесетъ намъ буржуазную республику съ тѣми же людьми... это еще больше расширило бы нашу свободу и наше поле дѣйствія, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ. И, по словамъ Маркса, буржуазная республика является единственной политической формой, въ которой можетъ найти свое разрѣшеніе борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей... Мы совершили бы величайшую изъ ошибокъ, еслибъ передъ лицомъ этого движенія вздумали бы воздержаться, если-бы въ нашей сдержанности по отношенію къ „аналогичнымъ" партіямъ, мы захотѣли бы ограничиться чисто отрицательной критикой... Если движеніе явится истинно національнымъ, наши люди не останутся въ тѣни, не станутъ ждать спеціальнаго призыва... Но тогда нужно быть на сторожѣ, и мы обязаны будемъ провозгласить во всеуслышаніе, что мы принимаемъ участіе, какъ независимая партія, — объединившаяся съ радикалами и республиканцами, но совершенно отличная отъ нихъ, что съ момента побѣды, наши пути расходятся, что съ того дня мы образуемъ по отношенію къ новому правительству *новую оппозицію*, но не реакціонную, а прогрессивную, оппозицію крайней лѣвой (по терминологіи Ленина — „хвостистскую оппозицію настоящей революціи"), которая поведетъ къ новымъ побѣдамъ за предѣлами отвоеванныхъ областей. Возможно, что вслѣдъ за общей побѣдой намъ будетъ предложено какое-либо мѣсто въ новомъ правительствѣ — но всегда *въ меньшинствѣ. Это представляетъ величайшую опасность*. Послѣ февраля 1848 года французскіе демократы соціалисты (изъ Reforme, Ledru Rollin, Louis Blanc, Flocon и т. д.) совершили ошибку, принявъ эти обязанности. Будучи меньшинствомъ въ правительствѣ, они по собственной волѣ раздѣляли отвѣтственность за всѣ подлости и измѣнничества по отношенію къ рабочему классу, совершенное большинствомъ чистыхъ республиканцевъ; между тѣмъ *присутствіе ихъ въ составѣ правительства совершенно парализовало революціонную активность рабочаго класса, который они претендовали представлять*".

Послѣ этой цитаты я только еще разъ напомню читателю, что по собственному заявленію Ленина, русскіе соціальдемократы не должны тѣшить себя вредной иллюзіей, что они могли бы оказаться въ нашемъ будущемъ временномъ правительствѣ въ большинствѣ. Дальнѣйшіе комментаріи излишни.

* * *

Исторія не повторяется; а если повторяется, то разъ въ видѣ трагедіи, другой — въ видѣ фарса. Въ брошюрѣ „Двѣ диктатуры" я доказывалъ, что тѣ условія, которыя существовали въ эпоху диктатуры Конвента и которыя сдѣлали возможнымъ эту диктатуру, не могутъ больше повториться въ буржуазныхъ революціяхъ и что *въ этомъ отношеніи* великая русская революція не можетъ быть похожа на великую французскую. Ни одного возраженія не было сдѣлано нашими противниками противъ моего анализа эпохи конвента. Но нашъ маленькій доморощенный Робеспьеръ „страстно желаетъ" попытать счастья. Что же, попытайте! Но имѣйте же мужество дѣлать это на свой страхъ и рискъ и знайте, что Марксъ и Энгельсъ вамъ попутчиками не будутъ.

Мартыновъ.

ГРУЗИНСКІЕ НАЦІОНАЛИСТЫ И ПРОЛЕТАРІАТЪ

(По поводу Кавказской конференціи)

Одной изъ самыхъ боевыхъ по кавказскимъ условіямъ резолюцій недавней „кавказской конференціи" является резолюція „о національно-территоріальной автономіи". Въ ней формулированъ отвѣтъ грузинскаго пролетаріата на лозунгъ „національной автономіи", съ особенной силой выдвинутый въ послѣднее время грузинскими націоналистами.

Широкій слой организованнаго грузинскаго пролетаріата, за которымъ идетъ и охваченное возстаніемъ крестьянство, является уже фактически *признаннымъ* руководителемъ революціоннаго движенія въ странѣ, единственной реальной силой, которая *заставляетъ* считаться съ собой, и вотъ грузинскіе „націоналисты" сосредоточили всѣ свои усилія, чтобы привлечь его къ „національной борьбѣ", внося въ требованіе „автономіи" „всеобщее прямое и равное голосованіе съ тайной подачей голосовъ" для будущаго „грузинскаго парламента". Даже дворянскія собранія Кутаисской и Тифлисской губерній формулировали въ своихъ адресахъ эту „демократическую платформу", а націоналистическая пресса, какъ нелегальная, такъ и легальная, прямо обосновываетъ требованія „грузинскаго парламента" столь ненавистнымъ ей нѣкогда „принципомъ классовой борьбы", ибо, говорятъ эти новые защитники народныхъ интересовъ, лишь окончательное уничтоженіе національнаго гнета дастъ грузинскому пролетаріату возможность всецѣло отдаться борьбѣ за классовые интересы.

Резолюція кавказской конференціи, являющаяся отвѣтомъ на эту агитацію, интересна и тѣмъ, что, примѣняя къ отдѣльному живому примѣру разрѣшеніе національнаго вопроса, данное въ нашей программѣ, проливаетъ свѣтъ на дѣйствительный его характеръ. Она гласитъ:

„Принимая во вниманіе, во 1-хъ, что на Кавказѣ, съ его разноплеменнымъ составомъ населенія, гдѣ разныя націи перемѣшаны другъ съ другомъ, территоріально-національная автономія, выдвигаемая грузинскими націоналистами, привела бы къ [illegible] въ предѣлахъ опредѣленной территоріи одной націи всѣхъ остальныхъ, что равносильно усиленію господства буржуазныхъ классовъ, къ которому неизбѣжно приведетъ установленіе [illegible] представленіе этимъ классамъ разныхъ привилегій и закрѣпленіе за ними въ предѣлахъ [illegible] территоріи [illegible] ограничительными законами и т. д.

Во 2-хъ, что принципъ національно-территоріальной [illegible] у насъ безъ [illegible] другихъ націй въ [illegible]

[illegible]

Конференція рѣшительно высказывается противъ территоріально-[illegible]

[illegible] кавказской жизни и ихъ [illegible] программы [illegible] резолюціей [illegible] конференціи".

Прежде всего бросается въ глаза [illegible] аргументаціи этой резолюціи. Такъ какъ въ [illegible] мѣстѣ, въ данныхъ условіяхъ національно-территоріальная автономія вредна рабочему классу, то конференція ее отвергаетъ. Правда, въ послѣдней части конференція ссылается на программу Россійской Соціальдемократической Партіи, которая разсчитана не для мѣстныхъ кавказскихъ условій, но въ томъ то и дѣло, что соотвѣтствующіе пункты программы она принимаетъ, исходя изъ аргументовъ чисто мѣстнаго характера. Итакъ, она считала возможнымъ при иныхъ мѣстныхъ условіяхъ иначе рѣшить этотъ вопросъ, не приходя въ столкновеніе съ программой партіи, частью которой она желаетъ остаться. Имѣла ли она на это право?

Рѣшеніе національнаго вопроса, данное въ нашей программѣ, давно подвергается ожесточеннымъ нападкамъ со стороны буржуазно-націоналистическихъ элементовъ всѣхъ входящихъ въ Россію народностей, а также и ихъ „соціалистической" союзницы. Девятый пунктъ этой программы, признающій „право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства", выставляется простой декораціей, такъ какъ ему предшествуютъ пункты 3, 7 и 8, уже совершенно опредѣленнымъ образомъ регулирующіе будущее взаимоотношеніе между входящими въ государство націями и обезпечивающіе имъ возможность свободнаго національнаго развитія не въ рамкахъ „національной автономіи", а путемъ широкаго „областного самоуправленія". Буржуазно-„соціалистическій" „блокъ", „критикующій" нашу программу, считаетъ несовмѣстимыми эти пункты съ пунктомъ о самоопредѣленіи, и выставляетъ, въ противовѣсъ намъ, иное рѣшеніе національнаго вопроса, такъ трогательно объединяющее партіи, пламенѣющія заботой объ „интересахъ угнетенныхъ націй" съ партіей „всѣхъ угнетенныхъ". Въ ихъ программѣ рядомъ съ правомъ на самоопредѣленіе выставленъ принципъ федеративнаго начала. Но почему же наличность этого, тоже, думается намъ, *опредѣленнаго* рѣшенія національнаго вопроса считается совмѣстимымъ съ признаніемъ права „самоопредѣленія", которое должно окончательное рѣшеніе о взаимномъ отношеніи націй передать въ руки самихъ этихъ націй? Или федеративныя отношенія не представляютъ также *одною* изъ способовъ разрѣшенія національнаго вопроса, какъ и предложенный нами, какъ и вполнѣ сепаративное, напр., размежеваніе націй? Къ чему подымать этотъ смѣшной шумъ, который никого не обманетъ и способенъ только лишній разъ скомпрометировать и безъ того не очень прочную репутацію подымающихъ его партій?

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія, исходя изъ интересовъ всего россійскаго пролетаріата, дала извѣстное рѣшеніе національнаго вопроса въ выработанной въ ея программѣ картинѣ будущаго государственнаго строя Россіи. Въ числѣ своихъ требованій она выставляетъ: „областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія" § 3, „Равноправность всѣхъ гражданъ независимо отъ пола, религіи, расы и *національности*" § 7, „Право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ; право каждаго гражданина объясняться на родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе родного языка наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ" § 8.

Но, включивъ въ программу вслѣдъ за этими требованіями пунктъ о „самоопредѣленіи", Р. С. Д. Р. П. тѣмъ самымъ отказалась *связать* ими волю какой бы то ни было націи, и окончательное опредѣленіе ея положенія предоставляетъ ей самой. При этомъ, считаясь съ волей націи, она считается, конечно, съ волей того общественнаго класса ея, который одинъ выражаетъ дѣйствительные интересы *всей націи*, т. е. съ волей пролетаріата. И если пролетаріатъ извѣстной націи, являющійся вождемъ ея внутренняго возрожденія, провѣривъ разрѣшеніе національнаго вопроса, данное Россійской Соціальдемократіей, признаетъ его соотвѣтствующимъ интересамъ своей націи, то никакіе крики буржуазно-„соціалистическихъ", просто буржуазныхъ и просто „соціалистическихъ" федералистовъ не помѣшаютъ всей Р. С. Д. Р. П. грудью своей отстаивать именно это рѣшеніе.

И въ этомъ отношеніи поучительная картина развертывается передъ нами на Кавказѣ. „Національная автономія", вотъ политическій лозунгъ, сплотившій еще не окрѣпшую грузинскую буржуазію съ грузинскимъ дворянствомъ. Первая явилась на свѣтъ при совершенно своеобразныхъ условіяхъ, когда „иностранный", по грузинской терминологіи, капиталъ, преимущественно армянскій и русскій, уже сослужили странѣ культурную службу подготовленія матеріальныхъ условій для внутренняго объединенія и для созданія широкой и сплоченной массы промышленнаго пролетаріата. И вотъ, грузинская буржуазія хочетъ обезпечить себѣ развитіе путемъ насильственнаго утвержденія своего господства въ предѣлахъ „исторической грузинской территоріи". А дворянство, подъ которымъ размыты корни тѣмъ же пришлымъ капиталомъ, стремится также путемъ „автономнаго" господства спасти себя и подорвать силы буржуазіи другихъ національностей.

„Національная автономія въ устахъ грузинскихъ націоналистовъ, — говорится во второмъ номерѣ „Соціальдемократа", „органа кавказскихъ соціальдемократическихъ рабочихъ организацій нашей партіи", — означаетъ господство грузинъ въ предѣлахъ Грузіи. Въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, въ Батумскомъ, Сухумскомъ и Закатальскомъ округахъ. Это означаетъ утвержденіе въ перечисленныхъ мѣстахъ грузинскаго языка, грузинской школы, суда, грузинской полиціи, законовъ — словомъ грузинскаго правительства (см. „Сакартвело" № 2). Правителями грузинской націи должны быть избранныя самой грузинской націей лица, которыя соберутся въ Тифлисѣ. Грузинскій парламентъ. Во внутреннія дѣла Грузіи никто не долженъ вмѣшиваться, кромѣ избранниковъ грузинскаго народа", — [illegible] „Рабочему народу".

Но, вѣдь, въ Грузіи живутъ не одни грузины, въ этихъ же предѣлахъ живутъ и сотни другихъ націй: армяне, осетины, лезгины, русскіе, татары и др. Утвержденіе надъ ними грузинскаго господства чѣмъ отличается отъ національной политики существующаго правительства? Но наши націоналисты желаютъ именно этого. Эти господа даже не скрываютъ уже своего [illegible] и прямо [illegible]. Въ Закатальскомъ округѣ, [illegible] грузины меньшинство, должны господствовать грузины; въ [illegible] большинство татаръ, должно распоряжаться грузинское правительство, словомъ, одна нація [illegible] остальныя[1]. Это отрицаніе равноправности націй и [illegible] національностей [illegible].

„[illegible] и идущая [illegible] крестьянъ [illegible] Не знаете почему? Потому [illegible] *грузины*. По мнѣнію дворянъ, [illegible] грабить [illegible] потре[illegible] то грузинъ при[illegible] этихъ пришельцевъ [illegible] національная политика [illegible] навязать намъ [illegible]

„[illegible] грузинскаго рабочаго [illegible] идущихъ за [illegible] этимъ совратить [illegible] и разсчитываетъ вернуть [illegible]. Наше духовенство [illegible] вернуть себѣ утерянное [illegible] правительство народа [illegible]

„[illegible] рисуются чиновники [illegible] въ „грузинскомъ государствѣ". [illegible] „Иверія" [illegible], какъ радо[illegible] бѣлинскимъ палачемъ). Наша буржуазія хочетъ набить себѣ карманы, „ограничивая“ своихъ конкуррентовъ. Вотъ національная автономія! Это карманная политика грабителей народа!“

---

[1] Двѣ диктатуры стр. 11-12.

[1] Недавно [illegible] грузинская газета „Иверія" требовала выселенія изъ Сухумскаго округа 30,000 армянъ, занимающихся разведеніемъ табаку, на томъ основаніи, что такая маленькая нація, какъ грузинская, не можетъ безнаказанно впускать въ свою территорію столько чуждаго элемента.

И весь грузинскій пролетаріатъ еще до рѣшенія конференціи отказался идти по этому пути. А вслѣдъ за нимъ и грузинское крестьянство во всѣхъ охваченныхъ движеніемъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ карталинскихъ деревень, предъявило представителю правительства, какъ свои требованія, программу минимумъ Р. С.-Д. Р. Партіи, ни словомъ не обмолвившись объ „автономіи“. Грузинскимъ „націоналистамъ“ остается меланхолически размышлять о томъ, какъ грузинскіе „дасисты“ (соціалдемократы) собственными руками уничтожаютъ плоды своей „заслуги въ дѣлѣ пробужденія народа“, возстановляя этотъ народъ противъ „національнаго движенія“. И они на тысячи ладовъ перепѣваютъ погудку о „шовинизмѣ“ „русскаго Плеханова“ и „русскихъ центровъ“, „командующихъ“ грузинскими „дасистами“.

Но пролетаріатъ, просвѣтленный сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, уже не совратить подобными криками съ дороги классовой борьбы, освѣщаемой принципами революціонной соціальдемократіи. И онъ могучимъ движеніемъ отмѣтаетъ въ сторону всѣ эти усилія подъ видомъ „національнаго освобожденія“ взвалить на его плечи защиту враждебныхъ ему интересовъ и навязать ему дѣло „карманной политики“ господствующихъ классовъ, хотя бы сторонники такой „политики“ и приходили къ нему подъ заманчивой тогой партіи „соціалистовъ-федералистовъ“. Z.

Одесское возстаніе.

Изъ Одессы нами получены слѣд. сообщенія:

1) *Отъ члена организаціи Одесской Группы.*

Одесса, 14 іюня, второй день революціи. Второй день у насъ продолжается здѣсь всеобщая забастовка. Началась она съ Пересыпи и пошла по всему городу. Движеніе конокъ и трамвая продолжается только благодаря усиленной охранѣ солдатъ и казаковъ. Въ каждомъ поѣздѣ, идущемъ на лиманъ и обратно, находятся около 20 солдатъ съ заряженными ружьями. Солдаты же помѣщены на городской станціи трамвая. По Московской улицѣ движеніе конки совершенно прекращено. Изъ конокъ были сдѣланы на Московской ул. баррикады. Произошло столкновеніе съ казаками, въ результатѣ котораго былъ раненъ офицеръ камнемъ въ голову; изъ публики было убито трое, одинъ с.-д., севастопольскій матросъ Николай Медвѣдскій (нелегальный) и 2 рабочихъ, много раненыхъ; Нейдгартъ говоритъ, что всего зарегистрировано 2 раненыхъ, на самомъ дѣлѣ, ихъ было гораздо больше; стрѣляли преимущественно въ ноги. Всего произведено было 9 залповъ; изъ нихъ 8 были, вѣроятно, направлены въ воздухъ и только одинъ въ толпу, чѣмъ, повидимому, и объясняется такое незначительное количество убитыхъ. Вчера на Московской и на мосту, который отдѣляетъ Пересыпь отъ города, устраивались многолюдныя собранія на глазахъ полиціи и казаковъ, которые, не получивъ приказа стрѣлять или разгонять толпу, скрѣпя сердце выслушивали разговоръ о необходимости вооруженнаго возстанія и Учредительнаго Собранія и т. п. Сегодня толпою евреевъ рабочихъ былъ убитъ на Б. Арнаутской городовой, который обратился къ нимъ съ площадной бранью и словами „жидовское отродье — бастовать“? У него вырвали револьверъ и шашку и выстрѣлили въ него изъ его же оружія. Толпа приказчиковъ, предводительствуемая бундовцами, ходитъ по городу и снимаетъ съ работы товарищей. Настроеніе приподнятое. У рабочихъ масса революціонной энергіи. Комитетъ „большинства“ вчера пропагандировалъ на дискуссіи необходимость сперва организоваться и вооружаться, и выходить на улицу, когда комитетъ назначитъ день народнаго возстанія. Теперь, по ихъ мнѣнію, день революціи еще не насталъ.

2) *Отъ члена Одесской Группы.*

Одесса, 15 іюня. Въ городѣ разыгрываются кровавыя событія... Всѣ городскіе рабочіе бросили работу... Два раза были построены баррикады. Полиція стрѣляетъ безъ предупрежденія. Раненыхъ очень много, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны полиціи. Вчера въ 10 часовъ вечера на Соборной площади брошена бомба. Убито три полицейскихъ; одинъ раненъ...

Въ два часа ночи получено сообщеніе, что на прибывшемъ броненосцѣ „Потемкинъ Таврическій“ возстало 800 матросовъ.. Поводомъ къ возстанію послужило убійство командиромъ броненосца одного матроса. Большинство офицеровъ убито и тѣла ихъ брошены въ море. Семь офицеровъ присоединились къ матросамъ.

Матросы прислали къ рабочимъ заявленіе, въ которомъ пишутъ, что они потребуютъ отъ солдатъ и казаковъ сдачи оружія народу и, если они не сдадутъ, будутъ бомбардировать городъ. Въ своемъ заявленіи матросы говорятъ, что „пора свергнуть наше начальство и завоевать свободу“...

Внѣ всякихъ сомнѣній, въ Одессѣ разыгрываются грандіозныя событія... Кругомъ Одессы аграрное движеніе... Крестьяне рвутся къ городу...

Пока, прощайте... О бывшихъ митингахъ и др. событіяхъ напишу, если уцѣлѣю...

Р. S. Сегодня въ 7 часовъ утра матросы подъѣзжали на катерѣ и передали рабочимъ, что они пойдутъ вмѣстѣ съ ними... Черезъ короткое время соберутся всѣ организаціи для рѣшенія вопроса, что дѣлать...

Да здравствуетъ революція! Е.

3) *Отъ члена организаціи Одесской Группы*

Одесса, 15 іюня, 6 час. вечера. Вчера на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“, прибывшемъ сегодня утромъ въ 10 часовъ въ Одессу изъ Севастополя, убитъ матросъ мичманомъ. Причина слѣдующая: пища ухудшена, мясо пропитано червями; когда этотъ товарищъ заявилъ, что „такую пищу свиньямъ не даютъ, а не то, что людямъ“, мичманъ отослалъ его назадъ, товарищъ отвѣтилъ соотвѣтствующимъ образомъ; вслѣдъ за этимъ, мичманъ выстрѣлилъ. Вся команда, какъ одинъ человѣкъ, поднялась, и по общему суду было рѣшено потопить 13 офицеровъ „за все прошлое“, 7 офицеровъ оставить связанными подъ арестомъ впредь до окончательнаго рѣшенія. Приговоръ былъ исполненъ въ 1½ часа. На броненосцѣ было выбрано временное правительство, къ которому и перешло управленіе броненосцемъ.

Рѣшено было „освободить всю страну отъ ига самодержавія“, поэтому, обратиться съ предложеніемъ къ соц. дем. организаціи; члены Партіи уже на броненосцѣ. Причина взрыва — лишь поводъ присоединиться къ возставшему одесскому пролетаріату, чтобы совмѣстными усиліями освободить весь народъ. Были вызваны казаки, при приближеніи которыхъ матросами данъ былъ сигналъ („боевой“), которымъ они давали знать, что будутъ стрѣлять. Пароходъ съ казаками повернулъ назадъ. Выѣхалъ на шлюпкѣ начальникъ порта съ солдатами; при приближеніи ихъ, на нихъ были направлены ружья въ упоръ, — повернули назадъ. Вскорѣ матросы привезли трупъ на берегъ (на берегу нѣтъ ни одного полицейскаго), и заявили, что если кто-либо изъ нихъ, матросовъ, будетъ арестованъ на берегу, то они станутъ бомбардировать городъ. Раскинули палатку, на которой выкинули красный флагъ. На трупѣ лежитъ прокламація „экипажа броненосца Кн. Потемкина Таврическаго“, гдѣ описываются всѣ событія на Руси и призываютъ всѣхъ гражданъ на помощь Черноморской эскадрѣ; воззваніе заканчивается словами: „смерть тиранамъ, да здравствуетъ свобода!“ Матросы владѣютъ 800 ружьями, порохомъ „на два года“ (ихъ собственныя слова“) и многими орудіями. Денегъ въ кассѣ 28 тыс. руб. Закупили уголь съ парохода торговаго дома „Дофинъ и Магидовичъ“ по 20 коп. за пудъ; доставили благополучно. При мнѣ съ броненосца прибыли къ порту три шлюпки съ матросами: они вооружены съ головы до ногъ; они забрали съ собой и доставили на броненосецъ 25 мѣшковъ муки и 15 мѣшковъ картофеля. Тысячная толпа запрудила портъ, рѣчи произносятся безъ конца; передъ отплытіемъ матросовъ на броненосецъ одинъ изъ нихъ обратился къ толпѣ и заявилъ, что „мы всѣ готовы отдать свою жизнь, живыми мы не сдадимся; будьте такъ же стойки, какъ и мы; совмѣстными силами свергнемъ общаго врага. Къ намъ придетъ остальная эскадра, которая прибудетъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ въ 10 часовъ“. Броненосецъ „Князь Потемкинъ“ считался самымъ реакціоннымъ, и всегда остальная эскадра боялась его оппозиціи, а теперь онъ началъ первымъ, „1500 чел. сойдутъ на берегъ съ ружьями, остальныя ружья передадутъ рабочимъ, и всѣ вмѣстѣ пойдемъ въ городъ хоронить убитаго матроса-товарища, а тамъ овладѣемъ всѣмъ, солдаты перейдутъ къ силѣ, къ намъ. Если же власти захотятъ силой взять трупъ, то мы начнемъ бомбардировать городъ“.

Жителямъ предлагаютъ выѣхать изъ города. Всѣ войска одесскаго гарнизона сейчасъ въ городѣ, въ лагеряхъ никого нѣтъ. У гроба стоитъ матросъ съ огромнымъ ящикомъ, куда народъ бросаетъ деньги, предварительно прочитавши прокламацію. Женщины, мужчины рыдаютъ, цѣлуютъ трупу руки, клянутся отомстить. Надъ трупомъ говорятъ всѣ, кто можетъ. Портоваго стражника, крикнувшаго: „надо бить жидовъ!“, убили. Шпіоны даютъ на разграбленіе винные склады порта; народъ организовалъ гвардію, которая отнимаетъ водку у „босяковъ“ (голодныхъ — всѣ бастуютъ) и бросаетъ въ море. Матросъ, раньше выступавшій ораторомъ, предостерегалъ, „чтобы не продала васъ водка, не пейте и намъ не давайте. Не водка, а свобода намъ нужна“.

Итогъ: Одесса-портъ въ рукахъ Черноморской эскадры. Изъ 5 полковъ солдатъ полтора полка сейчасъ настроены въ пользу матросовъ. Рабочіе всѣ подняты. Можно надѣяться, что удастся овладѣть всѣмъ городомъ, образовать свою армію, свое правительство. Крестьяне одесскаго уѣзда бунтуютъ — посланныя войска перешли на ихъ сторону. Писать не въ силахъ, такъ какъ усталъ сильно отъ разговоровъ съ матросами... К.

Омельчукъ.

Убитый офицеромъ тов. Омельчукъ входилъ въ составъ организаціи Севастопольскаго Комитета Крымскаго Союза и былъ однимъ изъ наиболѣе сознательныхъ матросовъ на броненосцѣ „Кн. Потемкинъ“, на которомъ было, сравнительно съ другими судами, немного организованныхъ. Тов. Омельчукъ прежде былъ унтеръ-офицеромъ, но впослѣдствіи былъ разжалованъ и въ послѣднее время состоялъ барабанщикомъ.

Какъ смотрѣли передовые матросы на свою задачу?

Только что получили мы письмо, помѣченное 29 мая, отъ одного изъ севастопольскихъ матросовъ. Приводимъ его, какъ свидѣтельство того настроенія, которому суждено было черезъ мѣсяцъ вылиться въ возстаніе 27 іюня.

„Глубокоуважаемый редакторъ газеты „Искра“!

Не откажите помѣстить въ вашей высокочтимой и самой лучшей газетѣ, издаваемой на русскомъ языкѣ, это письмо. Послѣ разгрома японцами эскадры адмирала Рожественскаго, нашего мракобѣса — главнаго командира г. Чухнина, просто таки обуяла какая то непреодолимая жажда къ ораторству. Напримѣръ: съ 24 по 28 мая, нашъ помпадуръ Чухнинъ „осчастливилъ“ насъ, матросовъ, тремя „рѣчами“, если только такъ можно выразиться, такъ какъ его „рѣчи“ скорѣе похожи на шипѣніе ехидны, потревоженной въ своей норѣ. Онъ говорилъ намъ, что-то о контрибуціи, разсчитывалъ, сколько каждому человѣку и даже ребенку пришлось бы платить, если бы былъ заключенъ миръ съ Японіей, и, въ концѣ концовъ, запутался, обозвалъ насъ темными людьми, непонимающими его рѣчей, а въ заключеніе выругалъ насъ мерзавцами. Вотъ его подлинныя слова: „между вами есть хорошіе люди, честные воины, но есть также много и мерзавцевъ, которые сѣютъ смуту межъ вами и стараются перетянуть на свою руку; не слушайте такихъ людей, они враги отечества“. Эта рѣчь только вызвала улыбки на губахъ его слушателей, матросовъ. Да, кстати сказать, на чухнинскія лекціи мало кто ходитъ. Большей частью, наша публика старается улизнуть отъ нихъ. Потомъ нашъ Чухнинъ „обрадовалъ“ насъ тѣмъ, что война съ Японіей не кончится скоро: Россія, молъ, никогда не согласится предложить миръ, она, дескать, никогда не приметъ подобнаго позора. Но спрашивается, кто же привелъ Россію къ подобному позору, если не сами же Чухнины, Безобразовы, Алексѣевы, Булыгины и другіе мракобѣсы съ Николаемъ II во главѣ? Они, и только они, виноваты во всемъ: они не спрашивали у народа, когда объявляли войну Японіи, желаетъ ли народъ этой войны или нѣтъ; они нарочно держали и держатъ народъ въ невѣжествѣ, въ темнотѣ, а потомъ упрекаютъ тотъ же народъ въ темнотѣ и „крамолѣ“. Вѣдь они же нарочно держатъ народъ въ темнотѣ, для того, чтобы онъ не понялъ всѣхъ ихнихъ гаденькихъ закулисныхъ дѣлишекъ, но они забываютъ, что теперь XX вѣкъ, что народъ ужъ не такъ теменъ, какъ былъ прежде, что ужъ теперь нельзя сдѣлать то, что можно было сдѣлать даже годъ тому назадъ, безъ того, чтобы народъ не понялъ всѣхъ ихъ темныхъ дѣлишекъ. Нѣтъ! Теперь ужъ не то! На что ужъ мы, забитая и оставленная на полнѣйшій произволъ самодурамъ начальникамъ военщина, и то многое понимаемъ изъ современной жизни Россіи; мы понимаемъ, что дальше жить такъ нельзя, нужно обновить матушку Россію, иначе мы всѣ задохнемся подъ игомъ самодержавія; нужно созвать Учредительное Собраніе, нужно допустить народъ править самимъ собой и издавать законы самимъ для себя, иначе, повторяю, мы погибнемъ. Самодержавный режимъ нынѣшняго правительства доведетъ насъ до состоянія Турціи или Китая. Нужна борьба съ самодержавіемъ, чтобы спасти Россію.

Понимая это, мы, „оплотъ самодержавія“, матросы Черноморскаго флота, боремся съ самодержавіемъ: оно ненавистно и противно намъ и ужъ скоро настанетъ тотъ день, когда мы — „оплотъ самодержавія“ — открыто подымемъ знамя великой борьбы съ самодержавіемъ, съ царемъ и его приспѣшниками. Пусть же всѣ товарищи, военные и не военные, готовятся къ великой борьбѣ за народное дѣло. Въ особенности военные товарищи, ведите самую сильную агитацію среди своихъ менѣе сознательныхъ товарищей.

Вѣдь это не такъ трудно: если у васъ, къ примѣру, товарищъ по койкѣ или такъ близокъ къ вамъ, агитируйте его; у того же товарища есть другъ и близкій ему, товарищъ, агитируйте его и т. д. и т. д. Не замыкайтесь только въ узкую кружковщину, ведите дѣло шире. Соберется у васъ человѣкъ десять, пригласите интеллигента, уходите за городъ на сходки, внушите этому десятку, чтобы на слѣдующій разъ каждый изъ нихъ привелъ на сходку еще по одному: васъ ужъ будетъ 20 человѣкъ, а эти еще приведутъ и т. д. и т. д. Интеллигента можете пригласить чуть ли не черезъ каждаго рабочаго, и дѣло у васъ пойдетъ все шире и шире. Вѣдь и у насъ во флотѣ точно также было, а теперь у насъ насчитывается до тысячи организованныхъ матросовъ; но пройдетъ три-четыре мѣсяца, какъ у насъ будетъ двѣ-три тысячи однихъ организованныхъ матросовъ. Будьте же готовы, товарищи, *мы тогда поднимемъ знамя борьбы съ царемъ-кровопійцей* и его шайкой придворныхъ блюдолизовъ. Будьте же готовы, товарищи, и присоединяйтесь къ намъ. „И настанетъ тогда година свободы сгинетъ зло, сгинетъ ложь на всегда“.

Севастополь, 29 мая. Матросъ-соціальдемократъ.

По Россіи.

Лодзь, 15 (28) утромъ. Въ городѣ полнѣйшее спокойствіе и все идетъ по старому. Новаго только и есть, что объявленное позавчера военное положеніе.

Сводя все вмѣстѣ взятое, начиная отъ среды, можно смѣло сказать, что городъ находился въ положеніи отданнаго на устрашеніе (не усмиреніе) казакамъ. Картина, нарисованная въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ, какъ „В. Z.“, представляетъ чудовищный вымыселъ, удобный лишь развѣ для того, чтобы оправдать поведеніе властей въ знаменитую пятницу и другіе дни. По нѣмецкимъ газетамъ выходитъ, что въ Лодзи происходили форменныя сраженія съ аттаками войскъ на баррикады. Насколько все это вѣрно, видно хотя бы изъ слѣдующаго: по неполнымъ свѣдѣніямъ офицерскаго происхожденія убитыхъ въ Лодзи 182 и раненыхъ свыше, чѣмъ вдвое — это со стороны обывателей; что же касается непріятельской стороны, то пока опубликовано: 1) убитъ казакъ на Всходней улицѣ, безоружный; 2) изувѣченъ городовой, стоявшій на посту на Всходней улицѣ; 3) ранены (не сказано при какой обстановкѣ) унтеръ-офицеръ и нижній чинъ. Цифры краснорѣчивы, не правда-ли? Жертвы главнымъ или даже исключительнымъ образомъ падаютъ на евреевъ и поляковъ — нѣмцы почти не замѣтны въ спискахъ. Главной ареной дѣйствія казаковъ и драгунъ были Балута и Старый Городъ, а также прилегающія къ Константиновской и Средней сосѣднія улицы, какъ Завадская, Каменная, Всходная, часть Ведаевской и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ домовъ раздавались выстрѣлы или падали камни на войска: я самъ видѣлъ, какъ изъ одного дома брошенъ былъ кирпичъ. Но это было крайне незначительно по сравненію съ тѣмъ, какъ отвѣтили на это войска. Мои личныя наблюденія не идутъ дальше такихъ кварталовъ, гдѣ проживаетъ самая смиренная и фешенебельная публика. Несомнѣнно, что въ этихъ кварталахъ казаки сдерживали себя. Но и здѣсь, положительно безъ разбора, безъ малѣйшаго повода стрѣляли въ окна и ворота. Что же дѣлалось на Балутахъ и въ Старомъ Городѣ? Трудно даже представить себѣ всѣ ужасы, совершавшіеся тамъ. Въ воскресенье съ утра тысячи еврейскихъ бѣдняковъ потянулись къ вокзаламъ. По отчетамъ газетъ, въ одно воскресенье выѣхало свыше 20000. Это бѣгство есть результатъ страшнаго погрома, произведеннаго казаками на Балутахъ въ ночь съ субботы на воскресенье. Погромъ, по разсказамъ потерпѣвшихъ, былъ невѣроятный. Казаки врывались въ дома, грабили имущество, убивали людей и все въ такомъ родѣ. Всѣ лавченки на старомъ рынкѣ, какъ разсказывала мнѣ одна еврейка, разграблены въ совершенствѣ. Военное положеніе, утвержденное царемъ 11, опубликовано въ Лодзи только 13, а правила, какъ должна держать себя публика, лишь сегодня, 15 числа. Насколько власти имѣли нужду, оправдываемую обстоятельствами, стрѣлять по окнамъ и воротамъ, видно изъ слѣдующаго. Теперь, когда у властей полномочія, объявлено, что въ случаѣ, если раздастся выстрѣлъ изъ дома, то войска (патрули теперь вооружены лишь револьверами) не будутъ стрѣлять по окнамъ, а лишь выселятъ изъ квартиръ жильцовъ. Въ опубликованныхъ правилахъ ничего не говорится о томъ, что нельзя подходить къ окнамъ, стоять у воротъ и т. д., словомъ, теперь, при военномъ положеніи, можно безнаказанно дѣлать все то, за что въ пятницу разстрѣливали людей. И я убѣжденъ, что и въ докладѣ начальства будетъ сказано, будто всѣ убійства совершены войсками въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ цѣляхъ самообороны. Весьма вѣроятно, что казакамъ и войскамъ вообще было приказано на дѣйствіе оружіемъ отвѣчать тѣмъ же, но казаки въ особенности поняли этотъ приказъ по своему и, будучи безконтрольны въ своихъ дѣйствіяхъ (патрули двигались обыкновенно безъ офицеровъ), отплатили за смерть своего товарища — казака выпустивъ кровь изъ тысячи лодзинскихъ обывателей. Русская исторія новѣйшаго времени въ области проявленія произвола властей ничего подобнаго не знаетъ — это первый случай. Послѣдній ли?

Петербургъ. Въ теченіе всего мая не прекращающіеся аресты, сильно мѣшающіе организованной работѣ. Берутъ на собраніяхъ, на квартирахъ, на улицѣ. На станціи Сиверской арестована *мастерская бомбъ*, около 200 готовыхъ снарядовъ досталось полиціи. Въ мастерской арестованы старикъ 60 лѣтъ и восемнадцати-лѣтній юноша.

Сормово, 4 іюня. Какъ я писалъ вамъ въ прошлый разъ, сормовскіе тысячные митинги привлекли къ себѣ вниманіе губернатора и онъ приказалъ разогнать ихъ. Какъ вы уже знаете, встрѣча съ войсками не окончилась кровопролитіемъ: полиція, проученная уже нѣсколько разъ вооруженными рабочими, не рѣшилась пустить въ ходъ оружіе, и весь вечеръ въ воскресенье прошелъ въ мирныхъ переговорахъ съ начальствомъ о необходимости для рабочихъ свободы собраній и въ переговорахъ между толпой и отдѣльными городовыми и казаками объ ихъ поведеніи въ случаѣ приказа начальства пустить въ ходъ оружіе.

Въ понедѣльникъ по Сормову разнесся слухъ, что исправникъ разрѣшилъ рабочимъ собраться, чтобы обсуждать свои экономическія нужды и что въ понедѣльникъ будетъ разбираться вопросъ, какъ быть съ церковно-приходской школой при сормовскомъ заводѣ, передать ли ее въ земство или въ какое-либо другое учрежденіе, такъ какъ рабочіе очень недовольны нынѣшней постановкой преподаванія въ ней. Передавали, что приставъ, ведшій переговоры съ рабочими, объяснилъ нерѣшительность полиціи нежеланіемъ напраснаго кровопролитія, такъ какъ де рабочіе вооружены револьверами и бомбами. „Вы справитесь съ нами, говоритъ онъ, но, вѣдь, въ Нижнемъ у насъ есть два полка и на Петербургъ ваша побѣда не повліяетъ“. Въ виду разрѣшенія, на собраніе въ понедѣльникъ собралась еще большая масса народу, чѣмъ обыкновенно. Начались рѣчи рабочихъ о школѣ, съ нападками на церковную грамотность, выбраны делегаты для переговоровъ съ директоромъ завода — школьнымъ попечителемъ, и послѣ этого предсѣдатель снялъ съ себя отвѣтственность за характеръ собранія. Выступили ораторы. Они объяснили собранію, что экономика тѣсно связана съ политикой, и спрашивали его желанія слушать рѣчи безъ всякаго ограниченія. „Желаемъ, говорите! — отвѣчало собраніе. И отъ церковно-приходскихъ школъ рѣчи поднялись къ необходимости свѣтской школы и отдѣленію церкви отъ государства, къ сверженію самодержавія, учредительному собранію. „Долой самодержавіе“, гремѣло тысячное собраніе, и только нѣсколько „осторожныхъ“ поднялись при этомъ и удалились подальше отъ грѣха. Но „грѣха“ никакого не случилось. Даже наоборотъ. Исправникъ въ разговорѣ съ рабочими выразилъ свое удовольствіе, что собраніе шло такъ мирно и порядочно. „Удивительно, говорилъ онъ, когда мы вмѣшаемся, всегда окончится безпорядкомъ, а вы сами умѣете прекрасно сохранять порядокъ“. Собраніе окончилось принятіемъ резолюціи, предложенной комитетомъ, въ которой заявлялось, что сормовское собраніе не нуждается въ полицейскихъ разрѣшеніяхъ. Съ этого времени народныя собранія продолжаются безпрепятственно. Сначала идутъ обсужденія вопросовъ заводской жизни, а затѣмъ переходятъ къ общимъ темамъ политическаго характера. Только пѣсни послѣ собраній не поются. Рабочіе считаютъ, что, сдѣлавъ эту маленькую уступку полиціи, которая считаетъ именно пѣсни „безпорядкомъ“, они выигрываютъ въ возможности безпрепятственно вести свои народныя собранія. Да, „народныя“; это уже не рабочія собранія: на нихъ сходятся и малый и великій, и крестьянинъ и интеллигентъ, пріѣзжаютъ и изъ города послушать свободное слово, и съ каждымъ днемъ аудиторія становится все многочисленнѣе. Три-четыре тысячи составляютъ теперь обычное явленіе.

Ежедневно, лишь только солнце склоняется къ закату, сормовскій Гейдъ-Паркъ — площадь за больницей — покрывается народомъ. Въ серединѣ группируется народъ для общихъ политическихъ собраній, а немного по сторонамъ — цеховыя собранія, обсуждающія свои нужды. Потомъ они сливаются въ одну общую массу, и взошедшая луна освѣщаетъ громадный кругъ изъ сидящаго на землѣ народа, окружившаго кольцомъ стоящихъ. Увѣренность въ прочности завоеванной свободы собраній сдѣлалась такъ сильна, что ораторы рѣшили превратить сормовскія чемъ). Наша буржуазія хочетъ набить себѣ карманы, „ограничивая“ своихъ конкуррентовъ. Вотъ національная автономія! Это карманная политика грабителей народа!“

И весь грузинскій пролетаріатъ еще до рѣшенія конференціи отказался идти по этому пути. А вслѣдъ за нимъ и грузинское крестьянство во всѣхъ схваченныхъ движеніемъ мѣстностяхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ карталинскихъ деревень, предъявило представителю правительства, какъ свои требованія, программу минимумъ Р. С. Д. Р. Партіи, ни словомъ не обмолвившись объ „автономіи“. Грузинскимъ „націоналистамъ“ остается меланхолически размышлять о томъ, какъ грузинскіе „дасисты“ (соціалдемократы) собственными руками уничтожаютъ плоды своей „заслуги въ дѣлѣ пробужденія народа“, возстановляя этотъ народъ противъ „національнаго движенія“. И они на тысячи ладовъ перепѣваютъ погудку о „шовинизмѣ“ „русскаго Плеханова“ и „русскихъ центровъ“, „командующихъ“ грузинскими „дасистами“.

Но пролетаріатъ, просвѣтленный сознаніемъ своихъ классовыхъ интересовъ, уже не совратить подобными пріемами съ дороги классовой борьбы, освѣщаемой принципами революціонной соціальдемократіи. И онъ могучимъ движеніемъ отмѣтаетъ въ сторону всѣ эти усилія подъ видомъ „національнаго освобожденія“ навалить на его плечи защиту враждебныхъ ему интересовъ и навязать ему дѣло „карманной политики“ господствующихъ классовъ, хотя бы сторонники такой „политики“ и приходили къ нему подъ заманчивой тогой партіи „соціалистовъ-федералистовъ“.

Z.

Одесское возстаніе.

Изъ Одессы нами получены слѣд. сообщенія:

1) Отъ члена организаціи Одесской Группы.

Одесса, 14 іюня, второй день революціи. Второй день у насъ продолжается здѣсь всеобщая забастовка. Началась она съ Пересыпи и пошла по всему городу. Движеніе конокъ и трамвая продолжается только благодаря усиленной охранѣ солдатъ и казаковъ. Въ каждомъ поѣздѣ, идущемъ на лиманъ и обратно, находятся около 20 солдатъ съ заряженными ружьями. Солдаты же помѣщены на городской станціи трамвая. По Московской улицѣ движеніе конки совершенно прекращено. Изъ конокъ были сдѣланы на Московской ул. баррикады. Произошло столкновеніе съ казаками, въ результатѣ котораго былъ раненъ офицеръ камнемъ въ голову; изъ публики было убито трое: одинъ с.-д., севастопольскій матросъ Николай Медвѣдскій (нелегальный) и 2 рабочихъ, много раненыхъ; Нейдгартъ говоритъ что всего зарегистрировано 2 раненыхъ, на самомъ дѣлѣ, ихъ было гораздо больше: стрѣляли преимущественно въ ноги. Всего произведено было 9 залповъ; изъ нихъ 8 были, вѣроятно, направлены въ воздухъ и только одинъ въ толпу, чѣмъ, повидимому, и объясняется такое незначительное количество убитыхъ. Вчера на Московской и на мосту, который отдѣляетъ Пересыпь отъ города, устраивались многолюдныя собранія на глазахъ полиціи и казаковъ, которые, не получивъ приказа стрѣлять или разогнать толпу, скрѣпя сердце выслушивали разговоры о необходимости вооруженнаго возстанія и Учредительнаго Собранія и т. п. Сегодня толпою евреевъ рабочихъ былъ убитъ на Б. Арнаутской городовой, который обратился къ нимъ съ площадной бранью и словами „жидовское отродье — бастовать?“ У него вырвали револьверъ и шашку и выстрѣлили въ него изъ его же оружія. Толпа приказчиковъ, предводительствуемая бундовцами, ходитъ по городу и снимаетъ съ работы товарищей. Настроеніе приподнятое. У рабочихъ масса революціонной энергіи. Комитетъ „большинства“ вчера пропагандировалъ на дискуссіи необходимость сперва организоваться и вооружаться и выходить на улицу, когда комитетъ назначитъ день народнаго возстанія. Теперь, по ихъ мнѣнію, день революціи еще не насталъ.

2) Отъ члена Одесской Группы.

Одесса, 15 іюня. Въ городѣ разыгрываются кровавыя событія... Всѣ городскіе рабочіе бросили работу. Два раза были построены баррикады. Полиція стрѣляетъ безъ предупрежденія. Раненыхъ очень много какъ съ нашей стороны такъ и со стороны полиціи. Вчера въ 10 часовъ вечера на Соборной площади брошена бомба. Убито три полицейскихъ; одинъ раненъ...

Въ два часа ночи получено сообщеніе, что на прибывшемъ броненосцѣ „Потемкинъ Таврическій“ возстало 800 матросовъ. Поводомъ къ возстанію послужило убійство командиромъ броненосца одного матроса. Большинство офицеровъ убито и тѣла ихъ брошены въ море. Семь офицеровъ присоединились къ матросамъ.

Матросы прислали къ рабочимъ заявленіе, въ которомъ пишутъ, что они потребуютъ отъ солдатъ и казаковъ сдачи оружія народу и, если они не сдадутъ, будутъ бомбардировать городъ. Въ своемъ заявленіи матросы говорятъ, что „пора вернуть наше начальство и завоевать свободу“...

Внѣ всякихъ сомнѣній, въ Одессѣ разыграются грандіозныя событія... Кругомъ Одессы аграрное движеніе... Крестьяне рвутся къ городу...

Пока, прощайте... О дальнѣйшихъ митингахъ и др. событіяхъ напишу, если уцѣлѣю...

P. S. Сегодня въ 7 часовъ утра матросы подъѣзжали на катерѣ и передали рабочимъ, что они пойдутъ вмѣстѣ съ ними... Черезъ короткое время соберутся всѣ организаціи для рѣшенія вопроса, что дѣлать...

Да здравствуетъ революція!

3) Отъ члена организаціи Одесской Группы.

Одесса. 15 іюня, [illegible] вечера. Вчера на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“, прибывшемъ сегодня утромъ [illegible] въ Одессу изъ Севастополя, убитъ матросъ [illegible]. Причина слѣдующая: [illegible] когда [illegible] заявили, что „такую пищу [illegible]“, [illegible] образомъ [illegible] выстрѣлилъ. Вся команда, какъ одинъ человѣкъ, поднялась, и по общему суду было рѣшено потопить 10 офицеровъ „за ихъ прошлое“, 5 офицеровъ оставить [illegible] подъ арестомъ впредь до окончательнаго рѣшенія. Приговоръ былъ исполненъ [illegible]. На броненосцѣ было выбрано временное правительство, которому и передано управленіе броненосцемъ.

Рѣшено было „освободить всю страну отъ ига самодержавія“, поэтому, обратившись съ предложеніемъ [illegible] организаціи, члены Партіи уже на броненосцѣ. Причина возстанія — лишь поводъ присоединиться къ [illegible] пролетаріату, чтобы совмѣстными усиліями освободить весь народъ. Были вызваны казаки, при приближеніи которыхъ матросами данъ былъ сигналъ („свистокъ“), которымъ они давали знать, что будутъ стрѣлять. Пароходъ съ казаками повернулъ назадъ. Выѣхалъ на шлюпкѣ начальникъ порта съ солдатами; при приближеніи ихъ, на нихъ были направлены ружья въ упоръ, повернулъ назадъ. Теперь матросы свезли трупъ на берегъ (на берегу нѣтъ ни одного полицейскаго) и заявили, что если кто-либо изъ нихъ, матросовъ, будетъ арестованъ на берегу, то они станутъ бомбардировать городъ. Раскинули палатку, на которой выкинули красный флагъ. На трупѣ лежитъ прокламація „экипажа броненосца Кн. Потемкина Таврическаго“, гдѣ описываются всѣ событія на Руси и призываютъ всѣхъ граждан на помощь Черноморской эскадрѣ; воззваніе заканчивается словами: „смерть тиранамъ, да здравствуетъ свобода!“ Матросы владѣютъ 800 ружьями, порохомъ „на два года“ (ихъ собственныя слова) и многими орудіями. Денегъ въ кассѣ 28 тыс. руб. Закупили уголь съ парохода торговаго дома „Дофинъ и Магидовичъ“ по 20 коп. за пудъ; доставили благополучно. При мнѣ съ броненосца прибыли къ порту три шлюпки съ матросами: они вооружены съ головы до ногъ; они забрали съ собой и доставили на броненосецъ 25 мѣшковъ муки и 15 мѣшковъ картофеля. Тысячная толпа запрудила портъ, рѣчи произносятся безъ конца; передъ отплытіемъ матросовъ на броненосецъ одинъ изъ нихъ обратился къ толпѣ и заявилъ, что „мы всѣ готовы отдать свою жизнь, живыми мы не сдадимся; будьте такъ же стойки, какъ и мы; совмѣстными силами свергнемъ общаго врага. Къ намъ придетъ остальная эскадра, которая прибудетъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ въ 10 часовъ“. Броненосецъ „Князь Потемкинъ“ считался самымъ реакціоннымъ, и всегда остальная эскадра боялась его оппозиціи, а теперь онъ началъ первымъ. „1500 чел. сойдутъ на берегъ съ ружьями, остальныя ружья передадутъ рабочимъ, и всѣ вмѣстѣ пойдемъ въ городъ хоронить убитаго матроса товарища, а тамъ овладѣемъ всѣмъ, солдаты перейдутъ къ силѣ, къ намъ. Если же власти захотятъ силой взять трупъ, то мы начнемъ бомбардировать городъ“.

Жителямъ предлагаютъ выѣхать изъ города. Всѣ войска одесскаго гарнизона сейчасъ въ городѣ, въ лагеряхъ никого нѣтъ. У гроба стоитъ матросъ съ огромнымъ ящикомъ, куда народъ бросаетъ деньги, предварительно прочитавши прокламацію. Женщины, мужчины рыдаютъ, цѣлуютъ трупу руки, клянутся отомстить. Надъ трупомъ говорятъ всѣ, кто можетъ. Портоваго стражника, крикнувшаго: „надо бить жидовъ!“, убили. Шпіоны даютъ на разграбленіе винные склады порта; народъ организовалъ гвардію, которая отнимаетъ водку у „босяковъ“ (голодныхъ — всѣ бастуютъ) и бросаетъ въ море. Матросъ, раньше выступавшій ораторомъ, предостерегалъ, „чтобы не продала васъ водка, не пейте и намъ не давайте. Не водка, а свобода намъ нужна“.

Итогъ: Одесса-портъ въ рукахъ Черноморской эскадры. Изъ 5 полковъ солдатъ полтора полка сейчасъ настроены въ пользу матросовъ. Рабочіе всѣ подняты. Можно надѣяться, что удастся овладѣть всѣмъ городомъ, образовать свою армію, свое правительство. Крестьяне одесскаго уѣзда бунтуютъ — посланныя войска перешли на ихъ сторону. Писать не въ силахъ, такъ какъ усталъ сильно отъ разговоровъ съ матросами...

К.

Омельчукъ.

Убитый офицеромъ тов. Омельчукъ входилъ въ составъ организаціи Севастопольскаго Комитета Крымскаго Союза и былъ однимъ изъ наиболѣе сознательныхъ матросовъ на броненосцѣ „Кн. Потемкинъ“, на которомъ было, сравнительно съ другими судами, немного организованныхъ. Тов. Омельчукъ прежде былъ унтеръ-офицеромъ, но впослѣдствіи былъ разжалованъ и въ послѣднее время состоялъ барабанщикомъ.

Какъ смотрѣли передовые матросы на свою задачу?

Только что получили мы письмо, помѣченное 29 мая, отъ одного изъ севастопольскихъ матросовъ. Приводимъ его, какъ свидѣтельство того настроенія, которому суждено было черезъ мѣсяцъ вылиться въ возстаніе 27 іюня.

„Глубокоуважаемый редакторъ газеты „Искра“!

Не откажите помѣстить въ вашей высокочтимой и самой лучшей газетѣ, издаваемой на русскомъ языкѣ, это письмо. Послѣ разгрома эскадры адмирала Рожественскаго нашего мракобѣса — главнаго командира г. Чухнина, [illegible] съ 24 по 28 мая нашъ командиръ Чухнинъ „осчастливилъ“ насъ, матросовъ, своими „рѣчами“, если только это можно выразить такъ, какъ его „рѣчи“ [illegible] сходны, потревоженной въ своей норѣ. Онъ говорилъ намъ что-то о контрибуціи, разсчитывалъ, сколько каждому человѣку и даже ребенку пришлось бы платить, если бы былъ заключенъ миръ съ Японіей, и въ концѣ концовъ, запутался, обозвалъ насъ темными людьми, непонимающими его рѣчей, а въ заключеніе обругалъ насъ мерзавцами. Вотъ его подлинныя слова: „между вами есть хорошіе люди, честные воины, но есть также много и мерзавцевъ, которые сѣютъ смуту между вами и стараются перетянуть на свою руку; не слушайте такихъ людей, они враги отечества“. Эта рѣчь только вызвала улыбки на губахъ его слушателей, матросовъ. Да, кстати сказать, на чухнинскія лекціи мало кто ходитъ, большей частью, вся публика старается улизнуть отъ нихъ. Потомъ нашъ Чухнинъ „ободрялъ“ насъ тѣмъ, что война съ Японіей не кончится скоро: Россія, молъ, никогда не согласится предложить миръ, она, дескать, никогда не приметъ подобнаго позора. Но спрашивается, кто же привелъ Россію къ подобному позору, если не сами же Чухнины, Безобразовы, Алексѣевы, Булыгины и другіе мракобѣсы съ Николаемъ II во главѣ? Они, и только они, виноваты во всемъ, они не спрашивали у народа, когда объявили войну Японіи, желаетъ ли народъ этой войны или нѣтъ; они нарочно держали и держатъ народъ въ невѣжествѣ, въ темнотѣ, а потомъ упрекаютъ тотъ же народъ въ темнотѣ и „крамолѣ“. Вѣдь они же нарочно держатъ народъ въ темнотѣ, для того, чтобы онъ не понялъ всѣхъ ихнихъ гадкихъ [illegible], забывая, что теперь XX вѣкъ, что народъ уже не такъ теменъ, какъ было прежде, что уже теперь нельзя дѣлать того, что можно было сдѣлать даже лѣтъ сто назадъ, безъ того, чтобы народъ не понялъ всѣхъ ихъ темныхъ дѣлишекъ. Шалишь! Теперь уже не то! Научились уже мы [illegible] и [illegible] многое понимаемъ изъ современной жизни Россіи: мы понимаемъ, что дальше жить такъ нельзя, нужно обновить матушку Россію, иначе мы всѣ задохнемся въ этомъ самодержавіи; нужно созвать Учредительное Собраніе, нужно допустить народъ править самимъ собой и назначать законы самимъ для себя, иначе, повторяемъ, мы погибнемъ. Самодержавный режимъ нынѣшняго правительства доведетъ насъ до состоянія Турціи или Китая. Нужна борьба съ самодержавіемъ, чтобы спасти Россію.

Понимаемъ [illegible] „долой самодержавіе“ [illegible] Черноморскаго флота [illegible] настанетъ тотъ день, когда мы [illegible] „долой самодержавіе“ — открыто поднимемъ знамя великой борьбы съ самодержавіемъ [illegible] великой борьбѣ за народное дѣло. Въ особенности [illegible] самую усиленную агитацію среди своихъ [illegible] несознательныхъ товарищей.

Вѣдь [illegible] у васъ, къ примѣру, [illegible] къ намъ, агитируйте его; [illegible] товарища [illegible] другъ [illegible] близкій ему, товарищъ, [illegible] и т. д. и т. д. Не замыкайтесь только въ узкую [illegible] шире. Соберется у васъ четверо(?) [illegible] интеллигента, уходите за городъ на сходки [illegible] этому [illegible], чтобы на слѣдующій разъ каждый изъ нихъ привелъ на сходку еще по одному, [illegible] уже будетъ 20 человѣкъ, а [illegible] еще приведутъ и т. д. и т. д. Интеллигента можете [illegible] не черезъ каждаго рабочаго, и [illegible] все шире и шире. Вѣдь и у насъ во флотѣ точно также было, а теперь у насъ насчитывается до тысячи организованныхъ матросовъ, но пройдетъ три четыре мѣсяца, какъ у насъ будетъ двѣ-три тысячи однихъ организованныхъ матросовъ. Будьте же готовы, товарищи, мы *тогда поднимемъ знамя борьбы съ царемъ-кровопійцей* и его шайкой придворныхъ блюдолизовъ. Будьте же готовы, товарищи, и присоединяйтесь къ намъ. „И настанетъ тогда година свободы, сгинетъ зло, сгинетъ ложь на всегда“.

Севастополь, 29 мая. Матросъ-соціальдемократъ.

По Россіи.

Лодзь, 15/28 утромъ. Въ городѣ полнѣйшее спокойствіе и все идетъ по старому. Новаго только и есть, что объявленное позавчера военное положеніе.

Сводя все вмѣстѣ взятое, начиная отъ среды, можно смѣло сказать, что городъ находился въ положеніи отданнаго на устрашеніе (не усмиреніе) казакамъ. Картина, нарисованная въ нѣкоторыхъ иностранныхъ газетахъ, какъ „B. Z.“, представляетъ чудовищный вымыселъ, удобный лишь развѣ для того, чтобы оправдать поведеніе властей въ знаменитую пятницу и другіе дни. По нѣмецкимъ газетамъ выходитъ, что въ Лодзи происходили форменныя сраженія съ аттаками войскъ на баррикады. Насколько все это вѣрно, видно хотя бы изъ слѣдующаго: по неполнымъ свѣдѣніямъ офицерскаго происхожденія убитыхъ въ Лодзи 182 и раненыхъ свыше, чѣмъ вдвое — это со стороны обывателей; что же касается непріятельской стороны, то пока опубликовано: 1) убитъ казакъ на Входней улицѣ, безоружный; 2) изувѣченъ городовой, стоявшій на посту на Входней улицѣ; 3) ранены (не сказано при какой обстановкѣ) унтеръ-офицеръ и нижній чинъ. Цифры краснорѣчивы, не правда-ли? Жертвы главнымъ или даже исключительнымъ образомъ падаютъ на евреевъ и поляковъ — нѣмцы почти не замѣтны въ спискахъ. Главной ареной дѣйствія казаковъ и драгунъ были Балуты и Старый Городъ, а также прилегающія къ Константиновской и Средней сосѣднія улицы, какъ Заводская, Каменная, Входняя, часть Видзевской и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ домовъ раздавались выстрѣлы или падали камни на войска: я самъ видѣлъ, какъ изъ одного дома брошенъ былъ кирпичъ. Но это было крайне незначительно по сравненію съ тѣмъ, какъ отвѣтили на это войска. Мои личныя наблюденія не идутъ дальше такихъ кварталовъ, гдѣ проживаетъ самая смиренная и фешенебельная публика. Несомнѣнно, что въ этихъ кварталахъ казаки сдерживали себя. Но и здѣсь, положительно безъ разбора, безъ малѣйшаго повода стрѣляли въ окна и ворота. Что же дѣлалось на Балутахъ и въ Старомъ Городѣ? Трудно даже представить себѣ всѣ ужасы, совершавшіеся тамъ. Въ воскресенье съ утра тысячи еврейскихъ бѣдняковъ потянулись къ вокзаламъ. По отчетамъ газетъ, въ одно воскресенье выѣхало свыше 20000. Это бѣгство есть результатъ страшнаго погрома, произведеннаго казаками на Балутахъ въ ночь съ субботы на воскресенье. Погромъ, по разсказамъ потерпѣвшихъ, былъ невѣроятный. Казаки врывались въ дома, грабили имущество, убивали людей и все въ такомъ родѣ. Въ лавченкахъ на старомъ рынкѣ, какъ разсказывала мнѣ одна еврейка, разграблены въ совершенствѣ. Военное положеніе, утвержденное царемъ 11, опубликовано въ Лодзи только 13, а правила, какъ должна держать себя публика, лишь сегодня, 15 числа. Насколько власти имѣли нужду, оправдываемую обстоятельствами, стрѣлять по окнамъ и воротамъ, видно изъ слѣдующаго. Теперь, когда у властей полномочія, объявлено, что въ случаѣ, если раздастся выстрѣлъ изъ дома, то войска (патрули теперь вооружены лишь револьверами) не будутъ стрѣлять по окнамъ, а лишь выселятъ изъ квартиръ жильцовъ. Въ опубликованныхъ правилахъ ничего не говорится о томъ, что нельзя подходить къ окнамъ, стоять у воротъ и т. д.; словомъ, теперь, при военномъ положеніи, можно безнаказанно дѣлать все то, за что въ пятницу разстрѣливали людей. И я убѣжденъ, что и въ докладѣ начальства будетъ сказано, будто всѣ убійства совершены войсками въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ цѣляхъ самообороны. Всего вѣроятнѣе, что казакамъ и войскамъ вообще было приказано на дѣйствіе оружіемъ отвѣчать тѣмъ же, но казаки въ особенности поняли этотъ приказъ по своему и, будучи безконтрольны въ своихъ дѣйствіяхъ, [illegible] обыкновенно безъ офицеровъ, отплатили за [illegible] — выпустивъ кровь изъ тысячи [illegible] обывателей. Русская исторія новѣйшаго времени [illegible] проявленія произвола властей [illegible] — [illegible] случай. [illegible]

Петербургъ. Въ теченіе всего мая не прекращаются аресты, сильно мѣшающіе организованной работѣ. Берутъ на собраніяхъ, на квартирахъ, на улицѣ. На станціи Сиверской арестована *мастерская бомбъ*, около 200 готовыхъ снарядовъ досталось полиціи. Въ мастерской арестованы старикъ 60 лѣтъ и восемнадцатилѣтній юноша.

Сормово, **4 іюня**. Какъ я писалъ вамъ въ прошлый разъ, сормовскіе тысячные митинги привлекли къ себѣ вниманіе губернатора и онъ приказалъ разогнать ихъ. Какъ вы уже знаете, встрѣча съ войсками не окончилась кровопролитіемъ: полиція, проученная уже нѣсколько разъ вооруженными рабочими, не рѣшилась пустить въ ходъ оружіе, и весь вечеръ въ воскресенье прошелъ въ мирныхъ переговорахъ съ начальствомъ о необходимости для рабочихъ свободы собраній и въ переговорахъ между толпой и отдѣльными городовыми и казаками объ ихъ поведеніи въ случаѣ приказа начальства пустить въ ходъ оружіе.

Въ понедѣльникъ по Сормову разнесся слухъ, что исправникъ разрѣшилъ рабочимъ собраться, чтобы обсуждать свои экономическія нужды и что въ понедѣльникъ будетъ разбираться вопросъ, какъ быть съ церковно-приходской школой при сормовскомъ заводѣ, передать ли ее въ земство или въ какое-либо другое учрежденіе, такъ какъ рабочіе очень недовольны компаніей и постановкой преподаванія въ ней. Передавали, что приставъ, ведшій переговоры съ рабочими, объяснилъ нерѣшительность полиціи нежеланіемъ напраснаго кровопролитія, такъ какъ де рабочіе вооружены револьверами и бомбами. „Вы справитесь съ нами, говорилъ онъ, но вѣдь въ Нижнемъ у насъ есть два полка и на Петербургъ ваша побѣда не повліяетъ“. Въ виду разрѣшенія, на собраніе въ понедѣльникъ собралась еще большая масса народу, чѣмъ обыкновенно. Начались рѣчи рабочихъ о школѣ, съ нападками на церковную грамотность, выбраны делегаты для переговоровъ съ директоромъ завода — [illegible] попечителемъ, и [illegible] предсѣдателя [illegible] съ себя отвѣтственность за характеръ собранія. Выступили ораторы. Они объясняли собранію, что экономика тѣсно связана съ политикой, и опредѣляли его желаніе слушать рѣчи безъ всякихъ ограниченій. „Желаемъ, говорите!“ — отвѣчало собраніе. И отъ церковно-приходскихъ школъ рѣчи перешли къ необходимости свѣтской школы и отдѣленію церкви отъ государства, къ низверженію самодержавія, учредительному собранію. „Долой самодержавіе“, прогремѣло тысячное собраніе, и только нѣсколько „переряженныхъ“ поднялись при этомъ и удалились потихоньку отъ грѣха. Но „грѣха“ никакого не случилось. Даже на оборотъ. Исправникъ въ разговорѣ съ рабочими выразилъ свое удовольствіе, что собраніе прошло такъ мирно и спокойно. „Удивительно, говорилъ онъ, когда мы вмѣшиваемся, всегда оканчивается безпорядкомъ, а вы сами умѣете прекрасно сохранять порядокъ“. Собраніе окончилось принятіемъ резолюціи, предложенной комитетомъ, въ которой заявлялось, что сормовское собраніе не нуждается въ полицейскихъ разрѣшеніяхъ. Съ этого времени народныя собранія продолжаются безпрепятственно. Сначала идутъ обсужденія вопросовъ заводской жизни, а затѣмъ переходятъ къ общимъ темамъ политическаго характера. Только пѣсни послѣ собраній не поются. Рабочіе считаютъ, что, сдѣлавъ эту маленькую уступку полиціи, которая считаетъ именно пѣсни „безпорядкомъ“, они выигрываютъ въ возможности безпрепятственно вести свои народныя собранія. Да, „народныя“, это уже не рабочія собранія: на нихъ сходится и малый и великій, и крестьянинъ и интеллигентъ, пріѣзжаютъ и изъ города послушать свободное слово, и съ каждымъ днемъ аудиторія становится все многочисленнѣе. Три четыре тысячи составляютъ теперь обычное явленіе.

Ежедневно, лишь только солнце склоняется къ закату, сормовскій Гейдъ-Паркъ — площадь за больницей — покрывается народомъ. Въ серединѣ группируется народъ для общихъ политическихъ собраній, а немного по сторонамъ — цеховыя собранія, обсуждающія свои нужды. Потомъ они сливаются въ одну общую массу, и взошедшая луна освѣщаетъ громадный кругъ изъ сидящаго на землѣ народа, окружившаго кольцомъ стоящихъ. Увѣренность въ прочности завоеванной свободы собраній сдѣлалась такъ сильна, что ораторы рѣшили превратить сормовскія народныя собранія въ народный университетъ и дать слушателямъ законченный рядъ собесѣдованій. Собесѣдованія начнутся съ воскресенія.

Рѣшеніе, сообщенное на собраніи, было принято слушателями съ радостью. Отдѣльные голоса пытались выразить ораторамъ благодарность за ихъ дѣятельность, но ораторъ отклонилъ эту благодарность, указавъ, что мы, члены Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, исполняемъ только свою обязанность. Собраніе собрало 26 рублей съ копѣйками на бастующихъ товарищей и приняло предложеніе комитета дѣлать взносы въ кассу партіи.

Общее оживленіе сормовской жизни отразилось и на экономической борьбѣ: бастуютъ три цеха — чугунно-мѣдно-литейный, мостовой и работающій буфера вагоновъ. Пріостановка работы въ литейной тормозитъ и работу въ механическомъ и другихъ цехахъ. Поговариваютъ о всеобщей стачкѣ, оцѣниваютъ ея выгоды и невыгоды и вѣроятный исходъ. До сихъ поръ непрерывно происходятъ частичныя забастовки, но не даютъ существенныхъ улучшеній. Выльются ли они въ общую забастовку, сказать трудно, очень ужъ умиротворяюще дѣйствуетъ на сормовцевъ ихъ владѣніе кускомъ земли или домами, построенными на заводской землѣ. „Ничего, потерпимъ и такъ, толкуютъ они: намъ со своимъ домомъ или землей и при восьми рубляхъ въ мѣсяцъ прожить можно, не то что при 30 или 50“. Да и надо признаться — руководители мѣстнаго движенія слишкомъ мало вниманія обращаютъ на экономическую борьбу, и этимъ упускаютъ изъ рукъ могучій рычагъ для приведенія въ движеніе пролетаріата.

7-го іюня. Тысячи листковъ предлагаются безпрепятственно. Они всколыхнули смутно волнующееся рабочее населеніе Сормова и окрестностей. Вы нерѣдко можете услышать толки среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, на темы, дебатируемыя въ листкахъ. Сѣдые старики и древнія старухи стали задумываться, пришли послушать, и, что самое главное, хотятъ тоже сказать свое слово. Вотъ въ середину обширнаго круга, образуемаго трехъ четырехъ тысячной толпой, протѣсняется высокаго роста старикъ съ большой сѣдой бородой. Онъ нѣсколько времени стоитъ молча, а потомъ, какъ оракулъ, произноситъ убѣжденныя слова. Они съ трудомъ выходятъ изъ его горла. „Что вы говорите про заводъ — это хорошо. А самодержавіе, какъ было, такъ оно и будетъ власть“ — и онъ безапелляціонно поднимаетъ кулакъ, символизующій власть, и замолкаетъ въ какомъ-то недоумѣніи. „Долой его!“, слышатся голоса, „намъ этого не надо“. Но ораторъ С.-Д. останавливаетъ протестующее собраніе, передаетъ голосомъ, слышнымъ для всѣхъ, слова старика, указываетъ, что поднятый кулакъ символизируетъ самодержавіе, затѣмъ онъ приступаетъ къ старику съ вопросомъ. „А что, дѣдушка, нужны намъ кассы на случай безработицы?“ — Послѣ переспрашиванія и долгаго раздумья дѣдушка соглашается, что кассы нужны. „А вотъ ихъ не разрѣшаетъ правительство“. Дѣдушка въ недоумѣніи. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ заявляетъ, что сказалъ „такъ вообще“, и медленно удаляется изъ середины круга. Несутся рѣчи ораторовъ, ихъ нѣсколько разъ прерываетъ слегка пьяный старикъ, съ дрожащими ногами. Наконецъ онъ получаетъ слово. Что-то скажетъ онъ? Какіе аргументы выдвинетъ противъ ораторовъ? Но вмѣсто этого слышится нѣчто невѣроятное. „Насъ было три брата, съ трудомъ говоритъ старикъ. И отецъ послалъ насъ украсть. Родной отецъ!... украсть... грѣхъ... И мы пошли... Родной отецъ!.. Насъ побили. А отецъ послалъ другихъ сыновей... Такъ у насъ вотъ-те!“ Толпа разражается криками и хохотомъ: „онъ пьянъ! пусть уходитъ“. Да онъ пьянъ, но его не поняли, онъ принесъ сюда передъ лицомъ народа, въ то мѣсто, гдѣ бичуются неправда и угнетеніе, онъ принесъ сюда свой протестъ противъ войны и робко въ формѣ „признанія“ произносилъ его. А вотъ монархистъ — типа зубатовцевъ. Съ легонькой усмѣшкой и самоувѣренно онъ выходитъ на середину круга. „Вотъ вы, господа, хотите восьмичасового рабочаго дня! А скажите, есть ли онъ гдѣ нибудь?“ Онъ обводитъ собраніе торжествующимъ взглядомъ. „И вамъ нечего его добиваться, а добьетесь — пользы не будетъ, всѣ продукціи вздорожаютъ. Вы вотъ хотите „долой самодержавіе“, а что въ этомъ пользы? Вотъ во Франціи республика, а тоже есть президентъ, и никакъ его не могутъ сшибить. А въ Германіи императоръ, такъ что съ вашимъ „долой самодержавіе“? — „Не хотимъ слушать, долой его!“ шумитъ собраніе. — Но ораторы просятъ собраніе успокоиться, выслушивать всякаго оратора и разбиваютъ доводы монархиста. — Спасибо, слышатся голоса изъ собранія. Монархистъ снова беретъ слово. „Вотъ вы требуете народной милиціи... а какъ у людей будутъ дома ружья, они могутъ убить кого-либо. Вотъ, скажемъ, одинъ человѣкъ убьетъ кого-либо, а у него четыре брата съ ружьями, они встанутъ за него, и придется послать 30 вооруженныхъ людей, чтобы взять братьевъ“... Но изъ толпы же выходятъ оппоненты. Онъ указываетъ что братья не станутъ защищать убійцу, что ихъ дѣло обезоружить его... Ораторъ соц.-дем. указываетъ, что въ такомъ случаѣ нельзя держать дома ни топора, ни ножа, потому ими можно можно убить человѣка, выражаетъ недоумѣніе, какъ быть съ голыми руками, которыми вѣдь можно задушить человѣка, а затѣмъ развиваетъ необходимость поголовнаго вооруженія гражданъ, чтобы вооруженной рукой отстаивать свою жизнь и права. „Спасибо“! слышатся изъ толпы. Нужно думать, что эти ораторы явились по собственному побужденію противопоставить свои взгляды взглядамъ соц.-дем. Но замѣчаются признаки и другого рода. Во время рѣзкихъ мѣстъ рѣчи, направленныхъ противъ самодержавія, иногда внѣ круга за рядами народа слышатся ругательства по адресу оратора и даже крики „долой оратора“. Одинъ разъ этотъ возгласъ сопровождался выстрѣломъ изъ револьвера, но собраніе уже привыкло къ выстрѣламъ, на выстрѣлъ оно можетъ отвѣтить сотней выстрѣловъ. Въ этихъ крикахъ чувствуется организующая рука полиціи: безсильная разогнать собраніе оружіемъ, она нащупываетъ новые методы, стремясь сорвать скандалами. Во время массовки въ сосѣднемъ селѣ, одинъ хулиганъ настойчиво приставалъ къ оратору, когда тотъ говорилъ о порядкахъ Западной Европы, съ криками: „а ты былъ тамъ? былъ тамъ?“ но, получивъ отвѣтъ „былъ“, онъ на время смѣшался и только выразилъ сомнѣнье въ истинности словъ. Затѣмъ онъ отошелъ въ сторону и сталъ убѣждать крестьянъ избить ораторовъ, но его агитація не встрѣтила сочувствія. Выводъ для насъ — надо поголовно вооружаться.

Центръ массовокъ у насъ Сормово. Но сормовцы стараются разнести ихъ по окрестнымъ селамъ и вмѣстѣ съ летучими агитаторами организуютъ митинги и въ другихъ мѣстахъ. Я опишу одинъ изъ такихъ митинговъ, не особенно удачныхъ.

Двое рабочихъ сормовцевъ и интеллигентъ ораторъ направляются къ селу. Въ карманахъ револьверы, у одного литература. День праздничный — троица. Масса народа сосредоточилась за селомъ на пригоркѣ. Оттуда слышатся пѣсни дѣвушекъ, водящихъ хороводы, разряженная толпа шумитъ, прогуливается. Немного поодаль, около избъ, сидятъ старики и среди нихъ урядникъ со стражникомъ. Какъ только появляются ораторы вблизи отъ мѣста сборища ихъ окружаетъ толпа ребятишекъ, которые весело поглядываютъ на пришедшихъ и затягиваютъ робко и нестройными голосами: „Дружно, товарищи, въ ногу“! Они уже заучили отрывки изъ этой пѣсни на прошлыхъ массовкахъ. Пришедшіе останавливаются, и сейчасъ же вокругъ нихъ начинаетъ группироваться молодежь. Одинъ изъ рабочихъ начинаетъ чтеніе прокламаціи, коментируя ее. Толпа растетъ, и старики, и молодухи, и разряженныя дѣвицы окружаютъ оратора, только молодицы, которыя вообще стараются держаться подальше отъ толпы и не вмѣшиваться въ хороводы, прислушиваются издали. Начинается рѣчь. Крестьяне и парни слушаютъ внимательно, разряженныя дѣвицы пересмѣиваются. Ораторъ говоритъ о тяжеломъ положеніи крестьянства. „Такъ намъ и слѣдуетъ, слышится суровый голосъ старухи, сами виноваты!“ И ораторъ подхватываетъ эти слова: „Да, тетка, сами виноваты, потому что мы все терпимъ, молъ, а не добиваемся правъ“. Но тетка въ негодованіи, что ее не поняли. „Отъ бога это“ — грозитъ она. — „Что же богъ такъ устроилъ, что крестьянинъ платитъ съ десятины рубли, въ то время, какъ помѣщикъ копейки?“ — „Видно, такъ по чину полагается, и то хорошо, что живемъ“. — „Что же, неужели передъ богомъ не равны крестьянинъ и помѣщикъ?“ Но тетка въ негодованіи призываетъ бога и среди общаго хохота удаляется. Толпа шумитъ, дѣти кричатъ, дѣвицы болтаютъ, чувствуется сильное присутствіе пьяныхъ по случаю праздника. Продолжать рѣчь затруднительно, ораторъ наскоро заканчиваетъ ее, и затягивается пѣсня „Дружно, товарищи, въ ногу“, которую подхватываютъ многочисленные голоса. Пѣсня кончена, другихъ пѣсенъ эта деревня еще не знаетъ; по рукамъ раздаются листки, и собраніе распускается. Проходя мимо урядника и стражника, даютъ выстрѣлы въ воздухъ. И сормовцы, въ сопровожденіи деревенской молодежи и ребятъ, проходятъ по улицѣ деревни среди заинтересованныхъ происшедшимъ крестьянъ. Да, сдвинулась съ трехъ китовъ матушка-Русь, и весело теперь работать.

Смоленскъ, 6 іюня. Раскачалась наша организація. Не успѣли еще смоляне наговориться о похоронахъ рабочихъ, убитыхъ взрывомъ на фабрикѣ Гергарда, какъ наша организація, выйдя, наконецъ, изъ той нерѣшительности, въ которой она до сихъ поръ пребывала, опасаясь постоянно или малочисленности своихъ силъ (сейчасъ организація насчитываетъ здѣсь 230 организованныхъ рабочихъ) или возможности еврейскаго погрома (чѣмъ обыкновенно грозила полиція), рѣшила устроить въ воскресенье, 29 мая общенародный митингъ протеста противъ войны. Иниціатива митинга на этотъ именно день исходила отъ либераловъ, которые вначалѣ недѣли предложили всѣмъ здѣсь дѣйствующимъ революціоннымъ организаціямъ обсудить ихъ предложеніе по этому поводу. Комитетъ „имѣлъ сужденіе“ по этому вопросу 27 числа и, послѣ довольно продолжительныхъ споровъ, рѣшилъ участвовать въ предполагаемомъ общемъ митингѣ, не находя только возможнымъ высказаться опредѣленно относительно дня безъ центральной сходки. Не имѣя большихъ стремленій къ соглашенію и не выступая никогда ихъ иниціаторомъ, мѣстный Комитетъ считаетъ однако неправильнымъ и, главное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вреднымъ для соціальдемократіи абсолютное уклоненіе отъ всякихъ соглашеній для единичныхъ дѣйствій. Такъ въ ноябрѣ прошлаго года комитетъ принялъ предложеніе либераловъ участвовать въ устраиваемомъ ими банкетѣ, и, какъ бы ни было неудачно выступленіе одного изъ ораторовъ рабочихъ, никто изъ организаціи не скажетъ, чтобы это участіе не принесло извѣстной и даже большой пользы. Въ январѣ комитетъ не отвергъ предложенія комитета соц.-рев. о совмѣстномъ выступленіи послѣ 9 января. Не наша вина въ томъ, что „блокъ“ не состоялся, такъ какъ послѣ трехдневныхъ дебатовъ выяснилось, что рабочая организація соц.-рев., въ противоположность „кабинетному“ комитету, вообще противъ какого-бы то ни было выступленія. Если, такимъ образомъ, соціальдемократамъ пришлось по обыкновенію вести все дѣло одними, то и эти трехдневные разговоры не пропали безслѣдно, хорошо охарактеризовавъ организацію соц.-рев. и ихъ самихъ, ихъ внѣшній блескъ, революціонную фразу и дѣйствительную пустоту. Самые миролюбиво настроенные изъ организаціи послѣ этого стали противъ какихъ бы то ни было соглашеній съ соц.-рев. И на этотъ разъ комитетъ принялъ предложеніе либераловъ, считая, съ одной стороны, митингъ актомъ „совмѣстнаго битья“, съ другой — вреднымъ прятаніе либераловъ отъ рабочихъ. Но комитетъ постановилъ также, что, выступая совмѣстно, онъ разсчитываетъ при этомъ въ случаѣ какихъ либо осложненій со стороны полиціи исключительно на силы собственной организаціи. А сдѣлавъ такое постановленіе, комитетъ не могъ не вывести изъ него и того заключенія, что онъ устраиваетъ митингъ самостоятельно, если либералы по какой либо непредвидѣнной причинѣ откажутся отъ участія. Входя въ соглашеніе съ либералами, комитетъ зналъ, конечно, что, если соц.-рев. и бундовцы также дадутъ свое согласіе либераламъ, то онъ eo ipso входитъ въ соглашеніе съ этими двумя организаціями. Но въ комитетѣ совершенно и не подымался вопросъ, какъ быть относительно соц.-рев. въ томъ случаѣ, если либералы откажутся, и устройство митинга перейдетъ къ намъ. Созванная въ тотъ же день вечеромъ центральная сходка согласилась во всемъ съ комитетомъ и выяснила, что митингъ вполнѣ возможно устроить въ воскресенье, — день, который намѣчали и либералы — и что наиболѣе подходящимъ мѣстомъ является садъ Блонье. Рѣшено было также митингъ закончить демонстраціей[1]. О принятомъ постановленіи необходимо было извѣстить либераловъ и остальныя организаціи, выразившія согласіе на ихъ предложеніе. Оказалось, что соц.-рев. и Бундъ также дали свое согласіе, а потому приходилось сговариваться съ ними о деталяхъ. Но къ вечеру 28-го выяснилось, что либералы отказываются участвовать въ митингѣ ссылаясь на свою неподготовленность. Иниціаторы соглашенія уходили, и соглашеніе распадалось. На запросъ соц.-рев. утромъ 29-го о соглашеніи, членъ комитета, говорившій съ ними, отвѣтилъ имъ фактическимъ изложеніемъ вещей, т. е. что вопросъ о соглашеніи съ ними помимо либераловъ совершенно не подымался въ организаціи. Соц.-рев. объявили, что они никакого участія въ митингѣ принимать не будутъ, и что бундъ также отказывается. Провѣрить послѣднее заявленіе к-ту не пришлось по недостатку времени. (NB. Сии малоинтересныя подробности приводятся въ виду распространенія соц.-рев. на митингѣ листка).

Комитетъ не надѣялся на продолжительность митинга, и потому имъ были предположены только двѣ рѣчи, по 10-15 минутъ каждая. Слухи о готовящемся митингѣ были широко пущены по городу. Около восьми часовъ вечера въ саду Блонье (центральная часть города) было уже порядочное количество публики. И странное дѣло: совершенно не было видно ни шпиковъ, ни явной полиціи, ни какихъ бы то ни было признаковъ готовности съ ея стороны. Митингъ открылся лишь около 10 часовъ: приходилось поджидать работавшихъ въ этотъ день рабочихъ евреевъ. По приглашенію рабочихъ, большая часть гуляющей въ саду публики (до 500 чел.) собралась у памятника Глинки. На подножіи памятника, у рѣшетки, содержащей на себѣ, какъ извѣстно, цитату изъ „Жизни за царя“: „Славься, славься, нашъ русскій царь“... выступилъ ораторъ. Говорилъ онъ сильно и хорошо. Сказалъ онъ о войнѣ, о томъ, до чего довело нашу страну самодержавное правительство, объ освободительномъ движеніи рабочаго класса, объ ухищреніяхъ нашего правительства спасти себя... Закончилъ онъ предложеніемъ слѣдующей резолюціи: „Граждане гор. Смоленска, собравшись 29 мая въ саду Блонье на общественный митингъ, въ количествѣ свыше пятисотъ человѣкъ, и обсудивъ современное внутреннее и внѣшнее положеніе Россіи, пришли къ заключенію, что самодержавное правительство не можетъ удовлетворить насущнѣйшихъ нуждъ народа, и что оно, съ одной стороны, своими лже-реформаторскими комиссіями стремится затемнить и обмануть проснувшееся сознаніе измученнаго нищетой и безправіемъ народа, съ другой, кровавыми расправами съ рабочими подавить вспыхнувшую революцію. Создать новый демократически свободный строй можетъ только Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Осуществить созывъ всенароднаго Учредительнаго Собранія долженъ самъ вооруженный народъ. Смыть до корня рабскій самодержавный строй—задача грядущей революціи. Мы, граждане гор. Смоленска, находимъ необходимымъ немедленное вооруженіе всѣхъ, кому ненавистно царство тирановъ. Отказъ отъ повиновенія, непризнаніе правительственной власти, отказъ идти на позорную и безчеловѣчную войну и отбывать воинскую повинность, отказъ платить подати и налоги — вотъ первый шагъ къ народному возстанію. Мы привѣтствуемъ зарю россійской революціи и присоединяемъ свой голосъ къ могучему кличу пролетаріата: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ миръ! Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ соціализмъ!“ Рѣчь и резолюція были покрыты долго несмолкавшими кликами конечныхъ возгласовъ резолюціи. Когда немного успокоилось, выступилъ второй ораторъ и сказалъ спеціально о безсмыслицѣ настоящей войны и о роли нашего правительства въ ней. Его выводъ — немедленное прекращеніе войны — былъ восторженно принятъ толпой, и его конечный возгласъ: „Долой же войну!“ долго не смолкалъ. Публика стекалась со всѣхъ сторонъ, полиціи не было видно. Раздался возгласъ: „къ губернаторскому дому!“, и толпа, возросшая до $1^1/_2$ тысячи человѣкъ, съ пѣніемъ Марсельезы, затѣмъ Варшавянки, двинулась по аллеѣ Блонье. О размѣрахъ толпы можно судить по тому, что при демонстраціи были заняты три аллеи, т. е. около 150-180 саженей въ длину. Около дома губернатора демонстранты сгруппировались, были провозглашены клики: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! и т. д., и демонстранты двинулись дальше къ Лопатинскому саду, гдѣ происходило гулянье (платное) и было много публики. Отовсюду къ демонстрантамъ бѣжали массы народа. Стоявшая вначалѣ въ качествѣ зрителей публика почти вся присоединялась къ демонстрантамъ. Отмѣчу такой фактъ. Стоятъ въ нерѣшительности нѣсколько человѣкъ, по виду изъ рабочихъ, русскіе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ обращается къ другому: „Ну, тебя къ... Что же ты говоришь, что „жиды? Вотъ тебѣ русскіе!“, и всѣ перепрыгиваютъ черезъ барьеръ и присоединяются. Когда подошли къ Лопатинскому, было уже довольно темно. Съ хвоста толпы совершенно не видно было ея начала. Ворота Лопатинскаго сада оказались заперты, и у нихъ — приставъ Невяровичъ съ десяткомъ городовыхъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ относительно пропуска въ садъ, Невяровичъ далъ приказъ городовымъ стрѣлять, и затѣмъ онъ самъ и одинъ изъ городовыхъ выстрѣлили въ воздухъ. Не видя, что происходитъ, невооруженная публика бросилась бѣжать во всѣ стороны. Разстроившееся во время движенія организованное ядро демонстрантовъ, слишкомъ небольшое для всей толпы, также было частью смято. На мѣстѣ осталась сравнительно небольшая группа рабочихъ, человѣкъ въ 70. Имъ и части учащейся молодежи удалось успокоить публику и отчасти собрать ее вновь. Демонстранты не стали прорываться въ Лопатинскій, согласно общему плану не вызывать столкновеній, и повернули обратно на Блонье и Кирочную (Пушкинскую) улицу. Дойдя до угла Кирочной, демонстранты, по общему рѣшенію, разошлись. И оказалось въ пору: изъ Лопатинскаго мчался отрядъ городовыхъ и взводъ солдатъ. Демонстрація продолжалась минутъ 40-50. При выходѣ изъ сада на Кирочную, какой-то субъектъ, какъ потомъ оказалось, приказчикъ, съ женой сначала ругались, а затѣмъ, расхрабрившись, что имъ на ругань не отвѣчаютъ, начали бить тросточкой и зонтикомъ проходящихъ демонстрантовъ, за что, къ сожалѣнію, ихъ пришлось сильно избить.

Демонстрація, въ общемъ, удалась, особенно для Смоленска, гдѣ еще никогда ничего подобнаго не было. Ни одного арестованнаго. Къ числу пятенъ надо отнести малую продолжительность рѣчей, слабость голосовъ ораторовъ и панику у Лопатинскаго сада, бывшую результатомъ относительной незначительности основного ядра. Во время демонстраціи были распространены спеціальныя прокламаціи комитета. Соц.-рев. распространили прокламацію, въ которой обращаютъ вниманіе „товарищей“ на постоянное нежеланіе соц.-демократовъ входить съ ними въ соглашеніе и заявляютъ, что они снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за митингъ. Своимъ недоумѣніемъ соц.-рев. захотѣли подѣлиться съ публикой. Что-жъ? — авось на душѣ легче станетъ.

Комитетъ.

Ростовъ н/Д., 5 іюня. Послѣ 1 мая наша работа здѣсь пошла особенно усиленнымъ темпомъ. Предмайская агитація отразилась въ увеличеніи количества рабочихъ, посѣщающихъ наши сходки. Стачки, которыя то вспыхиваютъ, то затихаютъ (пекаря, булочники, портные, шапочники, береговые рабочіе, железно-дорожныя мастерскія), поддерживаютъ напряженное состояніе въ городѣ и отражаются и на усиленіи нашей работы. Послѣ 1 мая у насъ предпринята агитаціонная кампанія по вопросу о городской милиціи, о городскомъ вооруженіи на средства думы. Эта кампанія проводится черезъ массовки, кружки и летучки. Рѣшено по фабрикамъ и заводамъ собирать подписи рабочихъ, и съ резолюціей съ подписями явиться въ думу, предлагая гласнымъ нашу резолюцію. Въ это время у насъ происходятъ массовки, въ среднемъ до 200 человѣкъ, 3—4 раза въ недѣлю, не считая сходокъ въ 30-40 чел. По полученіи извѣстія о пораженіи Рожественскаго, у насъ предпринята агитація по поводу войны. Рѣшено ее провести также, какъ и кампанію о городской милиціи. Успѣли ее провести черезъ летучки, кружки и массовки, но подписей не собрали, такъ какъ 26 мая вечеромъ мы узнали, что 27 мая, въ пятницу, городская ростовская дума засѣдаетъ въ послѣдній разъ въ этомъ мѣсяцѣ. Резолюція наша съ требованіемъ прекращенія войны и созыва Учред. Собранія уже была распространена между рабочими, и съ этой резолюціей рѣшено было пойти въ думу, приглашая гласныхъ присоединиться къ ней. Организовать это въ одинъ день было трудно, и мы не могли выставить всѣ наши силы. Къ 9 час. вечера на хорахъ собралось человѣкъ 300 рабочихъ и молодежи. Собраніе открывается. Городской голова читаетъ списокъ очередныхъ вопросовъ; по окончаніи чтенія съ хоръ раздается голосъ: „Граждане, прошу слова!“ Городской голова поспѣшно отвѣчаетъ: „нельзя, нельзя“. На это съ хоръ въ отвѣтъ несется: „требуемъ слова, просимъ слова!“ Голова снимаетъ съ себя цѣпь, почти всѣ гласные уходятъ изъ залы и среди всеобщаго шума поднимается голосъ нашего товарища, читавшаго резолюцію. Во время чтенія гласные начинаютъ подходить къ дверямъ залы; по окончаніи чтенія резолюціи, съ хоръ бросили листки-резолюціи; нашъ ораторъ пригласилъ гласныхъ, желающихъ подписаться подъ нашей резолюціей, подойти къ предсѣдательскому столу. Никто не подходитъ. На рѣчь головы, что они собрались обсудить свои дѣла, и на приглашеніе удалиться, рабочіе отвѣчаютъ: „если вы, дѣйствительно, считаете себя гражданами Россіи, то докажите это присоединеніемъ къ нашей резолюціи“.

Шумъ невообразимый, среди шума выдѣляется: „вотъ каковы они, наши либералы и демократы!“, „вотъ какъ они заботятся о народѣ, отцы города!“ Въ это время внизу отъ гласныхъ и привилегированной публики, стоящей у дверей залы, отдѣляется одинъ господинъ, выходитъ ближе къ хорамъ и говоритъ: „городской голова исполнилъ свой гражданскій долгъ и послалъ за полиціей; я приглашаю выразить имъ (указывая на гласныхъ, стоящихъ у дверей залы) презрѣніе“. Хоры покрываютъ его рѣчь аплодисментами; шумъ усиливается; слышится: „требуемъ удаленія полиціи“. Выходитъ Севастьяновъ, извѣстный антисемитъ, организаторъ партіи „истинно-русскихъ людей“, и начинаетъ просить слова. Послѣ долгихъ усилій ему, наконецъ, удается получить слово. „За полиціей не послали изъ уваженія къ присутствующимъ здѣсь женщинамъ...“ Здѣсь его рѣчь прерывается криками: „ложь, врете, подлецъ, мерзавецъ, долой Севастьянова“. Мы рѣшаемъ, въ виду того, что полиціи еще нѣтъ, разойтись. Черезъ десять минутъ прибыли казаки и городовые къ Городскому Дому. Черезъ полчаса въ Городскомъ саду (около Городского дома) происходитъ небольшая манифестація. Крик „долой самодержавіе, долой войну, да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“

---

[1] Общій характеръ митинга и демонстраціи долженъ былъ быть, по рѣшенію сходки, „мирный“, т. е. надлежало избѣгать всякихъ агрессивныхъ выходокъ по адресу полиціи и войска и пускать оружіе въ дѣло лишь въ томъ случаѣ, если полиція вздумаетъ избивать публику или арестовывать.

народныя собранія въ народный университетъ и дать слушателямъ законченный рядъ собесѣдованій. Собесѣдованія начнутся съ воскресенія.

Рѣшеніе, сообщенное на собраніи, было принято слушателями съ радостью. Отдѣльные голоса пытались выразить ораторамъ благодарность за ихъ дѣятельность, но ораторъ отклонилъ эту благодарность указавъ, что мы, члены Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, исполняемъ только свою обязанность. Собраніе собрало 26 рублей съ копѣйками на бастующихъ товарищей и приняло предложеніе комитета дѣлать взносы въ кассу партіи.

Общее оживленіе сормовской жизни отразилось и на экономической борьбѣ: бастуютъ три цеха — чугунно-мѣдно-литейный, мостовой и работающій буфера вагоновъ. Пріостановка работы въ литейной тормозитъ и работу въ механическомъ и другихъ цехахъ. Поговариваютъ о всеобщей стачкѣ, оцѣниваютъ ея выгоды и невыгоды и вѣроятный исходъ. До сихъ поръ непрерывно происходятъ частичныя забастовки, но не даютъ существенныхъ улучшеній. Выльются ли они въ общую забастовку, сказать трудно, очень ужъ умиротворяюще дѣйствуетъ на сормовцевъ ихъ владѣніе кускомъ земли или домами, построенными на заводской землѣ. „Ничего, потерпимъ и такъ, толкуютъ они: намъ со своимъ домомъ или землей и при восьми рубляхъ въ мѣсяцъ прожить можно, не то что при 30 или 50“. Да и надо признаться — руководители мѣстнаго движенія слишкомъ мало вниманія обращаютъ на экономическую борьбу, и этимъ упускаютъ изъ рукъ могучій рычагъ для приведенія въ движеніе пролетаріата.

7-го іюня. Тысячи листковъ предлагаются безпрепятственно. Они всколыхнули смутно волнующееся рабочее населеніе Сормова и окрестностей. Вы нерѣдко можете услышать толки среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія, на темы, дебатируемыя въ листкахъ. Сѣдые старики и древнія старухи стали задумываться, принялись думать, и, что самое главное, хотятъ тоже сказать свое слово. Вотъ въ середину обширнаго круга, образуемаго трехъ-четырехъ-тысячной толпой, протѣсняется высокаго роста старикъ съ большой сѣдой бородой. Онъ нѣсколько времени стоитъ молча, а потомъ, какъ оракулъ, произноситъ убѣжденныя слова. Они съ трудомъ выходятъ изъ его горла. „Что вы говорите про заводъ — это хорошо. А самодержавіе, какъ было, такъ оно и будетъ властью“ — и онъ безапелляціонно подымаетъ кулакъ, символизующій власть, и замолкаетъ въ какомъ-то недоумѣніи. „Дѣдушка [illegible]“, слышатся голоса, „намъ этого не надо“. Но ораторъ С.-Д. останавливаетъ протестующее собраніе, передаетъ [illegible] вымъ для всѣхъ слова старика, указываетъ, что поднятый кулакъ символизируетъ самодержавіе, затѣмъ онъ [illegible] къ старику съ вопросомъ: „А что, дѣдушка, нужны намъ кассы на случай безработицы?“ — Послѣ [illegible] раздумья дѣдушка соглашается, что кассы нужны. „А [illegible] ихъ не разрѣшаетъ правительство“. Дѣдушка въ недоумѣніи. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ заявляетъ [illegible] „[illegible] вообще“, и медленно удаляется изъ середины круга. [illegible] рѣчи ораторовъ [illegible] ный старикъ [illegible] слово. [illegible] тивъ ораторовъ [illegible] ное. „Насъ было три брата [illegible] отецъ послалъ [illegible] И мы пошли [illegible] слалъ другихъ сыновей [illegible] жается криками и [illegible] онъ [illegible] народа, въ то [illegible] принесъ [illegible] „привали“ [illegible] батовцевъ. [illegible] дитъ на середину круга. „Вы [illegible] сового рабочаго дня? А [illegible] обводитъ [illegible] его добиваться [illegible] ціи [illegible] въ этомъ [illegible] президентъ, и [illegible] императоръ [illegible] хотимъ слушать [illegible] просятъ собраніе [illegible] разбиваютъ [illegible] изъ собранія. [illegible] буете народной [illegible] они могутъ убить [illegible] убьетъ [illegible] нутъ за него [illegible] чтобы взять [illegible] Онъ указываетъ [illegible] дѣло обезоружить [illegible] такомъ случаѣ [illegible] ими можно [illegible] быть съ голыми руками [illegible] вѣка, а затѣмъ [illegible] оруженія [illegible] жизни и [illegible] мать, что эти [illegible] противопоста [illegible] чаются [illegible] рѣчи, направленныя [illegible] за рядами народа [illegible] даже крики [illegible] провождался [illegible] выкло къ выстрѣламъ [illegible] ней выстрѣлъ [illegible] шая рука [illegible] она [illegible] Во время [illegible] чево [illegible] Западной Европы [illegible] но, получивъ [illegible] выразилъ [illegible] въ сторону и [illegible] но его [illegible] надо поголовно вооружаться.

Центръ массовокъ [illegible] разнести ихъ [illegible] таторами организуются митинги [illegible] одинъ изъ такихъ митинговъ [illegible]

Двое рабочихъ сормовцевъ и [illegible] ляются къ селу. [illegible] тура. День праздничный — [illegible] чилась за селомъ на пригоркѣ [illegible] шекъ, водящихъ хороводы, разряженная [illegible] ливается. Немного [illegible] среди нихъ урядникъ и стражникъ [illegible] ются ораторы вблизи этого мѣста [illegible] ребятишекъ, которые весело [illegible] затягиваютъ робко и нестройными голосами „Дружно, товарищи, въ ногу“! Они уже заучили отрывки изъ нея на прошлыхъ массовкахъ. Пришедшіе останавливаются, и сейчасъ же вокругъ нихъ начинаетъ группироваться молодежь. Одинъ изъ рабочихъ начинаетъ чтеніе прокламаціи, комментируя ее. Толпа растетъ, и старики, и молодухи, и разряженныя дѣвицы окружаютъ оратора, только молодыя [illegible] вообще стараются держаться подальше отъ толпы и не вмѣшиваться въ хороводы, прислушиваются издали. Начинается рѣчь. Крестьяне и парни слушаютъ внимательно, разряженныя дѣвицы пересмѣиваются. Ораторъ говоритъ о тяжеломъ положеніи крестьянства. „Такъ намъ и слѣдуетъ, слышится суровый голосъ старухи, сами виноваты!“ И ораторъ подхватываетъ эти слова: „Да, тетка, сами виноваты, потому что мы все терпимъ, молъ, а не добиваемся правъ“. Но тетка въ негодованіи, что ее не поняли. „Отъ бога это“ — грозитъ она. — „Что же богъ такъ устроилъ, что крестьянинъ платитъ съ десятины рубли, въ то время, какъ помѣщикъ копейки?“ — „Видно, такъ по чину полагается, и то хорошо, что живемъ“. — „Что же, неужели передъ богомъ не равны крестьянинъ и помѣщикъ?“ Но тетка въ негодованіи призываетъ бога и среди общаго хохота удаляется. Толпа шумитъ, дѣти кричатъ, дѣвицы болтаютъ, чувствуется сильное присутствіе пьяныхъ по случаю праздника. Продолжать рѣчь затруднительно, ораторъ наскоро заканчиваетъ ее, и затягивается пѣсня „Дружно, товарищи, въ ногу“, которую подхватываютъ многочисленные голоса. Пѣсня кончена, другихъ пѣсенъ эта деревня еще не знаетъ; по рукамъ раздаются листки, и собраніе распускается. Проходя мимо урядника и стражника, даютъ выстрѣлы въ воздухъ. И сормовцы, въ сопровожденіи деревенской молодежи и ребятъ, проходятъ по улицѣ деревни среди заинтересованныхъ происшедшимъ крестьянъ. Да, сдвинулась съ трехъ китовъ матушка-Русь, и весело теперь работать.

Смоленскъ 6 іюня. Раскачалась наша организація. Не успѣли еще смоляне наговориться о похоронахъ рабочихъ, убитыхъ взрывомъ на фабрикѣ Гергарда, какъ наша организація, выйдя, наконецъ, изъ той нерѣшительности, въ которой она до сихъ поръ пребывала, опасаясь постоянно или малочисленности своихъ силъ (сейчасъ организація насчитываетъ здѣсь 230 организованныхъ рабочихъ) или возможности еврейскаго погрома (чѣмъ [illegible] по вишь), рѣшила устроить въ воскресенье, 29 мая общенародный митингъ протеста противъ войны. Иниціатива митинга на этотъ [illegible] день исходила отъ либераловъ, которые вначалѣ недѣли предложили всѣмъ здѣсь дѣйствующимъ революціоннымъ организаціямъ обсудить ихъ предложеніе по этому поводу. Комитетъ „имѣлъ сужденіе“ по этому вопросу 27 числа и, послѣ довольно продолжительныхъ споровъ, рѣшилъ участвовать въ предполагаемомъ общемъ митингѣ, не находя только возможнымъ высказаться опредѣленно относительно дня безъ центральной сходки. Не имѣя большихъ стремленій къ соглашенію и не выступая никогда ихъ иниціаторомъ, мѣстный Комитетъ считаетъ однако неправильнымъ и, главное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вреднымъ для с.-демократіи абсолютное уклоненіе отъ всякихъ соглашеній для единичныхъ дѣйствій. Такъ въ ноябрѣ прошлаго года комитетъ принялъ предложеніе либераловъ участвовать въ устраиваемомъ ими банкетѣ и, какъ бы ни было неудачно выступленіе одного изъ ораторовъ рабочихъ, никто изъ организаціи не скажетъ [illegible] [illegible] комитета [illegible] предложенія комитета [illegible] въ январѣ. Но [illegible] „[illegible]“ [illegible] что рабочая организація [illegible] „либеральному“ комитету [illegible] выступленіе. [illegible] [illegible] [illegible] „[illegible]“ [illegible] ронъ [illegible] нымъ [illegible] Комитетъ [illegible] митинга [illegible] Рѣшеніе [illegible] [illegible] [illegible] „[illegible]“ [illegible]

[illegible] Общій [illegible] митингъ въ [illegible] и [illegible] самодержавное правительство не можетъ удовлетворить насущнѣйшихъ нуждъ народа, и что [illegible] своими [illegible] стремится [illegible] и обмануть пробуждающееся сознаніе измученнаго [illegible] и безправнаго народа [illegible] ранами [illegible] рабочими [illegible] революцію. Создать новый демократическій свободный строй можетъ только Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ. Осуществить созывъ всенароднаго Учредительнаго Собранія долженъ самъ вооруженный народъ. Смыть до корня рабскій самодержавный строй — задача грядущей революціи. Мы, граждане гор. Смоленска, находимъ необходимымъ немедленное вооруженіе всѣхъ, кому ненавистно царство тирановъ. Отказъ отъ повиновенія, непризнаніе правительственной власти, отказъ идти на позорную и безчеловѣчную войну и отбывать воинскую повинность, отказъ платить подати и налоги — вотъ первый шагъ къ народному возстанію. Мы привѣтствуемъ зарю россійской революціи и присоединяемъ свой голосъ къ могучему кличу пролетаріата: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ миръ! Да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе! Да здравствуетъ демократическая республика! Да здравствуетъ соціализмъ!“ Рѣчь и резолюція были покрыты долго несмолкавшими кликами конечныхъ возгласовъ резолюціи. Когда немного успокоилось, выступилъ второй ораторъ и сказалъ спеціально о безсмыслицѣ настоящей войны и о роли нашего правительства въ ней. Его выводъ — немедленное прекращеніе войны — былъ восторженно принятъ толпой, и его конечный возгласъ: „Долой же войну!“ долго не смолкалъ. Публика стекалась со всѣхъ сторонъ, полиціи не было видно. Раздался возгласъ: „къ губернаторскому дому!“, и толпа, возросшая до 1½ тысячи человѣкъ, съ пѣніемъ Марсельезы, затѣмъ Варшавянки, двинулась по аллеѣ Блонье. О размѣрахъ толпы можно судить по тому, что при демонстраціи были заняты три аллеи, т. е. около 150-180 саженей въ длину. Около дома губернатора демонстранты сгруппировались, были провозглашены клики: Долой войну! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ революція! Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П! и т. д., и демонстранты двинулись дальше къ Лопатинскому саду, гдѣ происходило гулянье (платное) и было много публики. Отовсюду къ демонстрантамъ бѣжали массы народа. Стоявшая вначалѣ въ качествѣ зрителей публика почти вся присоединялась къ демонстрантамъ. Отмѣчу такой фактъ. Стоятъ въ нерѣшительности нѣсколько человѣкъ, по виду изъ рабочихъ, русскіе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ обращается къ другому: „Ну, тебя къ... Что же ты говоришь, что жиды? Вотъ тебѣ русскіе!“, и всѣ перепрыгиваютъ черезъ барьеръ и присоединяются. Когда подошли къ Лопатинскому, было уже довольно темно. Съ хвоста толпы совершенно не видно было ея начала. Ворота Лопатинскаго сада оказались запертыми, и у нихъ — приставъ Невяровичъ съ десяткомъ городовыхъ. Послѣ недолгихъ переговоровъ относительно пропуска въ садъ, Невяровичъ далъ приказъ городовымъ стрѣлять, и затѣмъ онъ самъ и одинъ изъ городовыхъ выстрѣлили въ воздухъ. Не видя, что происходитъ, невооруженная публика бросилась бѣжать во всѣ стороны. Разстроенное [illegible] во время движенія организованное ядро демонстрантовъ [illegible] небольшое для всей толпы, также было [illegible] смято. На мѣстѣ осталась сравнительно небольшая группа рабочихъ, человѣкъ въ 70. Имъ и части учащейся молодежи удалось успокоить публику и отчасти собрать ее вновь. Демонстранты не стали прорываться въ Лопатинскій, согласно общему плану не вызывать столкновеній, и повернули обратно [illegible] и Кирочную [illegible] улицу. Дойдя до угла [illegible], демонстранты, по общему рѣшенію, разошлись. И [illegible] изъ Лопатинскаго мчался отрядъ городовыхъ и [illegible]. Демонстрація продолжалась минутъ [illegible]. При выходѣ изъ сада на Кирочную, какой-то субъектъ, какъ потомъ оказалось, приказчикъ, съ женой сначала ругались, а затѣмъ расхрабрились, что имъ на ругань не отвѣчаютъ, [illegible] и зонтикомъ проходящихъ демонстрантовъ [illegible] ихъ [illegible] сильно избить.

[illegible] по общему, удалась особенно для Смоленска, [illegible] ничего подобнаго не было. Ни одного арестованнаго. [illegible] надо отнести малую продолжительность [illegible] и панику у Лопатинскаго [illegible] незначительности [illegible]. Въ [illegible] были распространены [illegible] прокламаціи [illegible] комитета. [illegible] распространяли [illegible] въ которой обращали вниманіе „товарищей“ на [illegible] входить съ ними въ соглашеніе и заявляли, что они снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за митингъ. Своимъ недоумѣніемъ соц.-рев. [illegible] публикой. Что жъ? — авось на душѣ [illegible]

Комитетъ.

Ростовъ н/Д. [illegible] іюня. Послѣ 1 мая наша работа здѣсь пошла [illegible] усиленнымъ темпомъ. Предмайская агитація отразилась въ увеличеніи количества рабочихъ, посѣщающихъ наши [illegible]. Стачки, которыя [illegible] затихаютъ (пекари, булочники, портные, плотники, береговые рабочіе, желѣзнодорожныя мастерскія) поддерживаютъ напряженное состояніе [illegible] и на усиленіи нашей работы. [illegible] 1 мая [illegible] агитаціонная кампанія по вопросу [illegible] милиціи, о всеобщемъ вооруженіи на средства думы. [illegible] проводится черезъ массовки, кружки и летучки. [illegible] по фабрикамъ и заводамъ собирать подписи рабочихъ [illegible] явиться въ думу, [illegible] Въ это время у насъ [illegible] массовки [illegible] 200 человѣкъ. 3—4 раза [illegible] По полученіи [illegible] у насъ предпринята [illegible] также, какъ [illegible] милиціи [illegible] провести черезъ [illegible] кружки и массовки [illegible] собрали, такъ [illegible] 27 мая [illegible] въ пятницу, городская [illegible] думы [illegible] въ послѣдній разъ въ этомъ [illegible] требованіемъ прекращенія войны [illegible] распространена между рабочими [illegible] въ думу, [illegible] ней. Организовать это [illegible] всѣ наши [illegible] 300 рабочихъ [illegible] Городской голова [illegible] по окончаніи чтенія [illegible] „Граждане [illegible]“ Городской [illegible] „[illegible]“ На это съ хоръ [illegible] „[illegible]“ Голова [illegible] и [illegible] уходить изъ залы и [illegible] товарища, [illegible] гласные начинають [illegible] чтенія резолюціи, съ [illegible] ораторъ пригласилъ гласныхъ [illegible] нашей резолюціей, подойти [illegible] Никто не подходитъ. На рѣчь [illegible] свои дѣла, и на приглашеніе [illegible] „если вы, дѣйствительно, [illegible] гражданами [illegible] докажите это присоединеніемъ къ нашей резолюціи“.

Шумъ невообразимый, среди шума выдѣляется: „вотъ каковы [illegible] наши либералы и демократы!“, „вотъ какъ они заботятся [illegible] города!“ Въ это время внизу отъ гласныхъ и привилегированной публики, стоящей у дверей залы, отдѣляется [illegible] и выходитъ ближе къ хорамъ и говоритъ: „городской голова! исполнилъ свой гражданскій долгъ и послалъ за полиціей, и приглашаю выразить имъ, указывая на гласныхъ, стоящихъ у дверей залы, презрѣніе“. Хоры покрываютъ его [illegible] аплодисментами, шумъ усиливается, слышится: „требуемъ удаленія полиціи“. Выходитъ Севастьяновъ, извѣстный антисемитъ, организаторъ партіи „истинно-русскихъ людей“, и начинаетъ просить слова. Послѣ долгихъ усилій ему, наконецъ, удается получить слово: „За полиціей не послали изъ уваженія къ присутствующимъ здѣсь женщинамъ...“ Здѣсь его рѣчь прерывается криками: „ложь, врете, подлецъ, мерзавецъ, долой Севастьянова“. Мы рѣшаемъ, въ виду того, что полиціи еще нѣтъ, разойтись. Черезъ десять минутъ прибыли казаки и городовые къ Городскому Дому. Черезъ полчаса въ Городскомъ саду (около Городского дома) происходитъ небольшая манифестація. Крики „долой самодержавіе, долой войну, да здравствуетъ Учредительное Собраніе!“

[illegible] Общій характеръ митинга и демонстраціи долженъ былъ быть, по рѣшенію сходки, „мирный“, т. е. надлежало избѣгать всякихъ агрессивныхъ выходокъ по адресу полиціи и войска и пускать оружіе въ дѣло лишь въ томъ случаѣ, если полиція вздумаетъ избивать публику или арестовывать.

Напугали публику, которая бросилась къ выходу. Въ общемъ для насъ обошлось благополучно.

30 мая въ понедѣльникъ (въ нахичеванской думѣ долженъ былъ разбираться вопросъ объ увеличенія ассигновки, выдаваемой Думой на полицію.[1])

Такого удобнаго случая для проведенія нашей резолюціи о городской милиціи рѣшено было не упускать. Залъ нахичеванской думы вмѣщаетъ всего до 200 человѣкъ, мы собрались въ несравненно большемъ количествѣ (подписей было собрано до 700). Кромѣ того, мы боялись, что гласные могутъ закрыть собраніе, увидѣвъ слишкомъ много необычной для думскихъ засѣданій публики и напуганные ростовскимъ „скандаломъ въ думѣ". Рѣшено было собраться всѣмъ у думы, подождать, пока начнется засѣданіе и тогда войти въ залу. Но съ самаго начала въ корридорѣ думы стояли уже жандармы и городовые; изъ нашихъ мало кому удалось туда зайти. Скоро у думы появился нарядъ казаковъ. Настроеніе у нашихъ было очень боевое; но, не желая превратить демонстрацію въ кровавую бойню, рѣшили начать расходиться. Въ думѣ же произошло вотъ что: по объявленіи городскимъ головой очередной темы, подымается мѣстный радикалъ Берберовъ и произноситъ рѣчь на тему, что полиція не выполняетъ своего назначенія, не защищаетъ гражданъ, а сама участвуетъ въ ихъ избіеніи, натравляя однѣ націи на другія и т. д., поэтому, нечего говорить объ увеличеніи ассигновки. Голова проситъ его не говорить, такъ какъ онъ, голова, какъ предсѣдатель, является отвѣтственнымъ лицомъ; но Берберовъ замѣчаетъ, что каждый отвѣчаетъ за себя. Подымается вопросъ о перерывѣ засѣданія, которое черезъ нѣкоторое время объявляется закрытымъ. Очень возможно, что на закрытіе засѣданія имѣла вліяніе масса рабочихъ, ходившихъ кругомъ думы.

Явленіе, замѣчаемое теперь всюду и въ Ростовѣ, даетъ себя чувствовать: наплывъ рабочихъ массъ въ нашу организацію разрываетъ организаціонныя рамки кружковъ. Тяжело то, что ничего не предвидится, что пошло бы на смѣну этимъ кружкамъ при теперешнемъ политическомъ строѣ.

Ставрополь Кавказскій. Новая бойня. Вчера, 7 іюня, у насъ была страшная бойня. Въ церкви утромъ происходила бесѣда на религіозныя темы. Одинъ изъ возражавшихъ старовѣровъ говорилъ очень рѣзко, назвавъ православныхъ поповъ язычниками. Религіозное чувство массы было оскорблено, она требовала выдачи возражавшихъ старовѣровъ. Послѣдніе скрылись въ алтарѣ, и съ трудомъ удалось очистить церковь. Толпа остановилась возлѣ, не хотѣла расходиться и стояла на своемъ. Прибыли солдаты съ ружьями, масса пѣшихъ и конныхъ городовыхъ, пристава и полиціймейстеръ. Толпа, между тѣмъ, все росла и росла и къ вечеру огромная часть населенія Ставрополя толпилась по бульварамъ и главной улицѣ, Николаевскому проспекту, примыкающимъ къ лавочной церкви, гдѣ происходилъ религіозный диспутъ. Прибылъ губернаторъ и ровно въ 9 часовъ солдаты и полиція открыли пальбу въ безоружную массу. Стрѣляли сразу боевыми патронами послѣ троекратнаго барабаннаго боя.. Убито свыше 20 человѣкъ и ранено свыше 80. Цифры эти неточны, ибо полиція не давала подбирать убитыхъ и сама ночью тайкомъ увозила ихъ куда-то, такъ что число убитыхъ надо увеличить значительно. Среди убитыхъ много рабочихъ, женщины, дѣти, учащіеся, купцы, приказчики. Ранены и убиты люди изъ различныхъ классовъ. Аптеки и больницы переполнены больными и ранеными не хватаетъ врачей и фельдшеровъ для перевязокъ, много тяжело раненыхъ, которые тутъ же испускаютъ духъ... Верхнія стѣны домовъ на главной улицѣ пробиты пулями, очевидно, многіе солдаты стрѣляли вверхъ. Сперва раздалось нѣсколько залповъ со стороны солдатъ, затѣмъ все время раздавались отдѣльные выстрѣлы — это городовые стрѣляли изъ револьверовъ въ толпу. Стрѣлялъ также и самъ полиціймейстръ Раевскій, присланный сюда изъ Гомеля послѣ устроеннаго имъ тамъ погрома (онъ взялъ съ собой нѣсколько гомельскихъ городовыхъ). Вотъ одна сцена. На бульварѣ одинъ мальчикъ, желая спастись, взобрался на дерево. Пуля достала его и оттуда. Вокругъ плавающаго въ своей собственной крови трупа мальчика собралась толпа мальчишекъ и горько оплакивала своего безвременно погибшаго товарища... Всю ночь публика толпами ходила по городу, повсюду искала своихъ родственниковъ, ближнихъ, знакомыхъ. Были отдѣльныя столкновенія группъ рабочихъ съ патрулями. На другой день утромъ вся улица около больницы была запружена народомъ. Повсюду стоитъ плачъ, стонъ, истерическіе вопли матерей, ругательства по адресу властей и полиціи. Одна мать (Тутова) сошла съ ума. Съ распущенными волосами она кричала во всю улицу, звала убитую дочь и кричала что то по адресу убійцъ — губернатора и полиціймейстера... Противъ полиціи страшное озлобленіе. Всѣ горятъ желаніемъ во что бы то ни стало отомстить полиціи и властямъ. Даже старухи говорятъ открыто о томъ, что надо убить полиціймейстера, городовыхъ. На тротуарѣ Николаевскаго проспекта видны огромныя пятна засохшей крови. На бульварѣ во многихъ мѣстахъ были большія лужи крови; полиція засыпала ихъ пескомъ, но кровь просачивалась даже сквозь толщу песка и слѣды крови были ясно видны. Около аптеки, куда приносили раненыхъ, собралась толпа разношерстной публики. Одинъ прилично одѣтый господинъ произнесъ рѣчь, въ которой увѣрялъ, что виновата во всей этой бойнѣ крамола, которая недавно завелась въ Ставрополѣ. Не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ кто то крикнулъ „долой полицію" Масса моментально подхватила этотъ лозунгъ и едва не двинулась, чтобы излить накопившуюся злобу...

Отнынѣ лозунги „долой полицію", „смерть полиціи" — это лозунги всего населенія города Ставрополя. Эти лозунги произносятся открыто, безъ всякихъ стѣсненій.

Повсюду въ городѣ расположены по улицамъ солдаты; публика ведетъ среди нихъ усиленную агитацію.

Солдаты страшно озлоблены противъ начальства; рабочіе ведутъ бесѣды съ солдатами совершенно открыто на улицѣ. Вотъ что разсказываетъ одинъ унтеръ-офицеръ. „Пришелъ къ намъ командиръ и говорилъ: „бейте штыками мужиковъ и рабочихъ!" „А мы кто такіе, дворяне, что-ли!" озлобленно говорилъ унтеръ-офицеръ.

„Вооружаться!" вотъ что говоритъ теперь всякій. Единеніе солдатъ съ населеніемъ полное. Чтобы не участвовать въ бойнѣ, нѣсколько солдатъ удрало на ярмарку, въ томъ числѣ и разсказывавшій объ этомъ унтеръ офицеръ.

Настроеніе у рабочихъ и населенія боевое; масса рвется въ бой, хочетъ разгромить тюрьму.

Вся наша организація на ногахъ; всѣ сознательные рабочіе все время находятся среди массы; произносятся агитаціонныя рѣчи. Надѣемся привести массу къ болѣе боевому лозунгу, чѣмъ „долой полицію". Хулиганы, черныя сотни — всѣ теперь противъ полиціи и погрома ей не удастся устроить. Между тѣмъ, вся *эта беседа въ церкви — одна провокація со стороны полиціи.* Она думала, начавъ со старовѣровъ, перейти къ евреямъ.

Убитыхъ и раненыхъ, въ общемъ, свыше 116 человѣкъ. Ведется теперь усиленная погромная агитація бывшимъ гомельскимъ громилой Раевскимъ, нынѣ ставропольскимъ полиціймейстеромъ. Настроеніе населенія крайне возбужденное; во что оно выльется, сейчасъ трудно сказать. Дума на экстренномъ засѣданіи потребовала у губернатора (?) удаленія полиціймейстера (почему и не губернатора? Губернаторъ отвѣтилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, такъ какъ тѣть уже десять знаетъ Раевскаго, какъ хорошаго человѣка. Дума, кромѣ того, выразила порицаніе епископу екатеринославскому и ставропольскому Агафадору, устроившему диспутъ въ такое тревожное время и отлично знавшему, чѣмъ кончаются обыкновенно эти диспуты. Старшинами клуба будетъ обсуждаться на-дняхъ вопросъ объ исключеніи губернатора и полиціймейстера изъ числа членовъ.

Губернаторъ теперь старается всю вину свалить на полиціймейстера, послѣдній на офицера. Полиція распространяетъ слухи, что стрѣляли солдаты,—евреи да студенты.

Восьмого іюня былъ бунтъ въ тюрьмѣ (подъ вліяніемъ событій седьмого іюня), нѣсколько человѣкъ бѣжало; есть убитые и раненые.

Стрѣляла пятая рота, состоящая преимущественно изъ молодыхъ солдатъ; найдено много боевыхъ патроновъ на мостовой, выброшенныхъ солдатами. Стрѣляли и городовые въ убѣгающую толпу. Учительницу Тутову добилъ городовой.

Армавиръ. Докладъ о стачкѣ армавирскихъ рабочихъ, продолжавшейся съ 3 по 11 мая.

Ближайшей причиной армавирской стачки была агитація мѣстной соціальдемократической группы среди заводскихъ (главнымъ образомъ) рабочихъ. Агитація эта выразилась въ массовыхъ сходкахъ и въ распространеніи прокламацій, какъ мѣстной группы, такъ и кубанскаго комитета. Особенно важную роль въ этомъ отношеніи сыграло празднованіе перваго мая. На первое мая были распространены прокламаціи кубанскаго комитета „Первое мая" до 1500 штукъ и мѣстной группы 200 штукъ. Въ послѣднихъ, рабочіе маслобойныхъ заводовъ призывались не работать въ этотъ день (такъ какъ только на этихъ заводахъ были работы въ воскресеніе — перваго мая), а затѣмъ была устроена массовая сходка въ 200, приблизительно, человѣкъ. На сходкѣ ораторомъ отъ кубанскаго комитета была произнесена горячая рѣчь, о положеніи рабочаго класса, объ его борьбѣ и задачахъ. Рѣчь сильная, горячая, — вызвала возбужденіе среди рабочихъ; были выкинуты знамена; пѣлись революціонныя пѣсни. На другой день, второго мая, забастовали рабочіе въ трехъ типографіяхъ и одной переплетной мастерской. Они въ тотъ же день обратились къ мѣстной группѣ, чтобы она выработала имъ требованія и руководила стачкой. Второго мая было замѣтно броженіе среди рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ. Особенно замѣтно это движеніе было на табачной фабрикѣ Муратчаева. Третьяго числа рабочіе и, главнымъ образомъ, работницы, пришедшія на утреннюю смѣну, колебались — приступить имъ къ работѣ или предъявить требованія хозяину. Организованные рабочіе, узнавъ о движеніи, въ числѣ шести человѣкъ явились къ рабочимъ на помощь, произнесли нѣсколько короткихъ рѣчей экономическаго характера и склонили ихъ къ забастовкѣ. Всѣ забастовавшіе (250 человѣкъ) отправились къ Мисожниковскому чугуно-литейному заводу, чтобы остановить и тамъ работы. Рабочіе завода быстро откликнулись на призывъ товарищей (ихъ считаютъ приблизительно человѣкъ 115). Отъ завода пошли къ маслобойнымъ заводамъ Аведова и Спари. У послѣдняго всей толпѣ были прочитаны требованія, составленныя здѣсь же членами мѣстной организаціи. Въ это время по телефону было сообщено администраціи, что рабочіе бунтуютъ. Въ сопровожденіи сотни казаковъ пріѣхалъ къ заводу Спари помощникъ атамана и отдалъ приказаніе: „въ нагайки, въ толпу!". Казаки карьеромъ промчались, толпа раздалась въ обѣ стороны, благодаря чему не произошло избіенія и давки рабочихъ. Тутъ же по указанію жандарма были арестованы три рабочихъ и одинъ интеллигентъ. Рабочіе, не расходясь, прибавили ко всѣмъ своимъ требованіямъ — требованіе немедленнаго освобожденія арестованныхъ, затѣмъ были выбраны депутаты и отправлены къ атаману съ требованіемъ освободить заключенныхъ. Черезъ нѣсколько часовъ арестованные были освобождены. Вечеромъ была сходка всѣхъ забастовавшихъ рабочихъ. На этой сходкѣ рѣшили представить требованія хозяевамъ и ждать ихъ отвѣта до шестого мая. Мѣстная группа выпустила прокламацію „къ рабочимъ на маслобойныхъ заводахъ". Четвертаго утромъ рабочіе маслобойныхъ заводовъ, фабрики Муратъ и завода Мисоянъ приступили къ работамъ, предъявивъ свои требованія. Въ обѣдъ фабричная администрація вывѣсила объявленія, что требованія рабочихъ не будутъ исполнены. Тогда рабочіе тотчасъ же бросили работу. Въ этотъ же день присоединились къ нимъ грузчики ж. д., рабочіе стеклянныхъ заводовъ Вильде и Челидзе, рабочіе пивоваренннаго завода Зубарева. Число забастовавшихъ достигло до 800 человѣкъ. Вечеромъ четвертаго передъ забастовавшими рабочими, собравшимися на площади въ городѣ (рабочіе со дня стачки называютъ эту площадь „площадью труда") были произнесены двѣ рѣчи на экономическія и политическія темы. На этой сходкѣ были розданы прокламаціи съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ, изданныя мѣстной группой въ количествѣ 900 экз. На 5 мая въ часъ дня была назначена массовая сходка. Болѣе сознательные рабочіе, вмѣстѣ съ руководителями стачки отъ мѣстной группы, пришли на площадь раньше сходки и вырабатывали требованія грузчикамъ ж. д. Въ это время на площадь явилась кучка полицейскихъ и казаковъ и арестовала 1 интел. и 1 рабочаго, не смотря на заявленіе рабочихъ и арестованныхъ, что они поступали вполнѣ законно, такъ какъ сходки съ 4-го разрѣшены атаманомъ. Рабочіе на сходкѣ въ 1 часъ дня рѣшили послать атаману требованіе освобожденія арестованныхъ. Въ 5 часовъ вечера на массовой сходкѣ (около двухъ тысячъ человѣкъ), депутаты отъ рабочихъ объявили, что арестованные не будутъ освобождены, такъ какъ ихъ арестовали по подозрѣнію въ политическомъ преступленіи, какъ враговъ внутреннихъ, враговъ царя и его правительства!!.. Толпа заволновалась, раздались возгласы, призывавшіе идти всѣмъ и силою освободить товарищей. Тогда выступилъ ораторъ, нарисовалъ картину избіенія рабочихъ въ Петербургѣ, во время мирнаго шествія къ царю, призывалъ товарищей къ болѣе сознательной организованной борьбѣ съ капиталистами и самодержавіемъ, указывая, что только при политической свободѣ возможна борьба за освобожденіе отъ гнета капитала. Настроеніе толпы достигло крайняго возбужденія когда ораторъ произнесъ „долой полицію", толпа двинулась было на стоявшихъ невдалекѣ казаковъ, но ораторъ остановилъ толпу, объяснивъ ей всю невыгоду борьбы съ вооруженными казаками. Отношеніе рабочихъ къ возгласамъ „Долой самодержавіе", — „долой царя"! было неодинаковое: одни воодушевлялись, повторяли эти возгласы, болѣе умѣренные были недовольны, были и такіе какъ, напримѣръ, нѣкоторыя женщины, которыя плакали, и уже къ концу стачки почти всѣ рабочіе встрѣчали сочувственно рѣчи политическаго характера безъ рѣзкихъ возгласовъ. 6-го утромъ опять была сходка, на которой были сказаны двумя рабочими небольшія рѣчи о необходимости политической свободы для борьбы съ капиталомъ. Затѣмъ пришли депутаты отъ приказчиковъ, которые объявили, что они на своемъ собраніи постановили черезъ выборныхъ требовать освобожденія арестованныхъ, и предложили рабочимъ снова выбрать депутатовъ и еще разъ идти ходатайствовать передъ администраціей за арестованныхъ, если же получатъ отказъ, то идти къ атаману всей толпой. Толпа было согласилась, но выступилъ ораторъ и сказалъ, что если идти, такъ идти сейчасъ всей толпой вслѣдъ за депутатами, такъ какъ отвѣтъ будетъ отрицательный, какъ 5-го, идти спокойно, дружно, если потребуютъ разойтись, то не выказывать сопротивленія, не доводить до столкновенія, такъ какъ нужно беречь свои силы до великаго момента русской революціи.

Толпа приняла это предложеніе единодушно, горячо и какъ могучая лавина, двинулась въ городъ черезъ тунель на Красную улицу. На Красной улицѣ толпа встрѣтила ѣхавшаго въ пролеткѣ атамана, быстро окружила его и черезъ депутатовъ объявила, зачѣмъ пришла. Атаманъ отказался освободить арестованныхъ и потребовалъ, чтобы толпа расходилась. Тогда настроеніе толпы, прежде мирное, спокойное, замѣнилось боевымъ, почти враждебнымъ, готовымъ на крайности; послышались крики, угрозы, ругательства. Атаманъ понялъ настроеніе толпы и заговорилъ примиряюще, выразилъ согласіе на ихъ требованіе, если толпа ручается за арестованныхъ въ томъ, что они не будутъ говорить рѣчи политическаго характера. Толпа обѣщала. Тогда руководители потребовали, чтобы толпа разошлась, а въ 5 ч. она увидитъ на сходкѣ арестованныхъ. Черезъ часъ товарищи были свободны. Толпа мирно разошлась. Вечеромъ 6-го на сходку явились забастовавшіе бондари, плотники, каменщики, кузнецы, пекаря, модистки, чернорабочіе на ссыпкахъ и часть домашней прислуги, такъ что стачка была почти всеобщей, бастовало болѣ 1000 чел. 7-го утромъ депутаты отъ рабочихъ всѣхъ производствъ вели переговоры съ хозяевами въ волостномъ правленія, откуда принесли товарищамъ, ожидавшимъ ихъ на „площади труда" — отказъ хозяевъ удовлетворить требованія рабочихъ. Тогда ораторомъ была произнесена рѣчь съ призывомъ бастовать до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ всѣхъ требованій. Всѣ рабочіе рѣшили продолжать забастовку. Другимъ ораторомъ въ простой, понятной формѣ была изложены политическія требованія Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Вечеромъ 7-го появились объявленія отъ атамана съ запрещеніемъ собираться на сходки. Въ этотъ же день на сходкѣ ораторъ предложилъ рабочимъ не собираться открыто на площади, такъ какъ могутъ произойти столкновенія съ полиціей. Толпа встрѣтила это предложеніе не сочувственно и рѣшила продолжать собираться. 8 и 9-го были сходки утромъ и вечеромъ, говорились рѣчи политическаго характера. 10-го была послѣдняя сходка, говорилъ рѣчь ораторъ К. К. 10-же хозяева пошли на уступки, хотя и не на всѣхъ заводахъ. 11-го рабочіе приступили къ работамъ, кромѣ рабочихъ типографіи Малѣева, который отказался удовлетворить требованія рабочихъ, хотя хозяева двухъ другихъ типографій согласились на требованія. Тогда типографщики объявили бойкотъ типографіи Малѣева: приступили къ работамъ на двухъ типографіяхъ и 25 % изъ своего жалованья стали отчислять въ пользу рабочихъ Малѣева, чтобы они могли дольше продержаться и не приступать къ работамъ. 11-го вечеромъ Малѣевъ согласился удовлетворить требованія рабочихъ, 12-го они приступили къ работамъ.

Приказчики вели свою борьбу съ капиталистами отдѣльно отъ рабочихъ. Совѣщались нѣсколько разъ въ армянскомъ училищѣ, съ разрѣшенія атамана, собирались и на Красной улицѣ и на бульварѣ.

12-го приказчики были приглашены къ волостному правленію для выслушиванія отвѣтовъ отъ хозяевъ; отвѣтъ полученъ отрицательный. Атаманъ въ примиряющемъ тонѣ попросилъ подождать еще недѣлю (Переговоры приказчиковъ съ хозяевами ведутся съ марта). Послѣ такого предложенія приказчики рѣшили забастовать. Почти всѣ магазины были закрыты, у каждаго изъ нихъ стояли патрули казаковъ чел. въ 5-6.

На другой день требованія приказчиковъ были удовлетворены, и они приступили къ работамъ.

По окончаніи стачки рабочихъ мѣстной группой были выпущены прокламаціи, поздравляющія съ первой побѣдой и призывающія не останавливаться на этомъ, а продолжать борьбу съ капиталистами и самодержавнымъ правительствомъ.

Какъ положительный результатъ стачки, можно указать и на отношеніе къ мѣстной группѣ Кубанскаго Комитета съ одной стороны несознательныхъ рабочихъ, съ другой — обывателей. Первые увидѣли и признали нѣчто сильное, устойчивое, систематически и неуклонно работающее въ понятномъ, близкомъ и дорогомъ имъ направленіи. Отсюда чувство глубокаго довѣрія и сознательное желаніе принять участіе у лицъ, понаслышкѣ знакомыхъ съ существованіемъ партіи и ея задачами, у лицъ же не знакомыхъ — интересъ и желаніе ознакомиться съ новыми для нихъ явленіемъ, которое выражалось просьбой „заниматься, „принять и ихъ" и дать „прокламаціекъ". Публика, обыватели — ждали крови, погромовъ, ходили слухи о бомбахъ, массовыхъ избіеніяхъ и вдругъ все прошло стройно, тихо, послѣдовательно, настойчиво, такъ что обыватель не могъ не признать извѣстной силы за движеніемъ, за руководящимъ органомъ, и съ благодарностью отзывался объ организаторахъ: „напрасно атаманъ возстановлялъ рабочихъ и публику противъ злонамѣренныхъ агитаторовъ (во второмъ объявленіи, вывѣшенномъ 9 мая) только благодаря имъ, прошло тихо, безъ нихъ не были бы мы живы". И многіе обыватели давали посильную лепту въ пользу забастовавшихъ рабочихъ, въ отвѣтъ на призывъ группы въ прокламаціи „Къ гражданамъ Армавира".

Армавирская Група Куб. Ком.

Тифлисъ. 20 мая. Случилось то, что должно было случиться. Терроръ, быть можетъ, и превосходное средство для уничтоженія и разрушенія, но, какъ средство созидающее, оно ниже всякой критики. Созданія его искусственны, пріобрѣтенія его не прочны. Они существуютъ лишь до поры, до времени.

Нагляднымъ примѣромъ могутъ служить послѣднія тифлисскія событія. Декабрскія и январскія убійства въ мастерскихъ жел. дор., дѣйствительно, терроризировали всѣхъ несогласномыслящихъ — настолько, что вся мастерская, казалось, сплотилась подъ знаменемъ соціальдемократіи. Цехи были организованы сверху до низу и не оставалось никакого сомнѣнія, чтобы рабочіе мастерскихъ могли когда нибудь стать на сторону самодержца-царя! Весь составъ мастерскихъ единогласно рѣшалъ вопросы борьбы, вносилъ свою лепту на дѣло организаціи этой борьбы — и горе было отщепенцу, страшная участь ожидала нарушителя товарищескаго постановленія. Мастерскія — главный элементъ 1-ой районной организаціи—задавали боевой тонъ всему Тифлису, вызывая этимъ даже нѣкоторое недовольство со стороны другихъ районовъ. Между тѣмъ, этотъ именно боевой районъ обнаружилъ солидную трещину: мастерскія первыя откликнулись на призывъ черносотенныхъ агитаторовъ, первыя открыли кампанію противъ своихъ революціонно настроенныхъ товарищей.

Но разскажу по порядку.

Прибытіе намѣстника Воронцова-Дашкова на Кавказъ составило эпоху въ тифлисскомъ рабочемъ движеніи. Еще задолго до этого полиція усиленно готовила достойную встрѣчу новому сатрапу, новому безграничному повелителю Кавказа. Приставъ шестого городского участка Глѣбовъ велъ усиленную агитацію среди мѣстныхъ татаръ и персіянъ, возбуждая ихъ противъ армянъ разными нелѣпыми выдумками, убѣждая рѣзать ихъ безъ пощады, ибо они де хотятъ поставить своего царя и прогнать татаръ съ насиженныхъ гнѣздъ. Рѣжьте, убивайте безъ всякаго сожалѣнія всѣхъ, кто идетъ противъ русскаго царя, не жалѣйте ихъ женъ и дѣтей, бейте студентовъ, они за-одно съ армянами, взывалъ къ татарамъ этотъ новый магометъ и обѣщалъ съ своей стороны и со стороны начальства всевозможную поддержку и полную безнаказанность за всѣ убійства, за всѣ беззаконія по отношенію къ противникамъ самодержавія. Проповѣдью дѣло не ограничивалось. Глѣбовъ роздалъ татарамъ кое-какое оружіе, порохъ и т. д. Въ другихъ участкахъ города полиція тоже не дремала: она организовывала черныя банды, не „сотни", такъ какъ сотни на Кавказѣ не набирались при всемъ стараніи. Вмѣстѣ съ этимъ, усиливались военныя силы реакціи: задолго присылались дикія орды казаковъ изъ глухихъ степныхъ уголковъ. Площади Тифлиса превратились въ станъ Чингисъ-хана: жалкія лохмотья вмѣсто палатокъ, дикіе сѣрые люди, грязные, оборванные, тощія изможденныя лошади покрывали ихъ сплошнымъ слоемъ. Изъ глухихъ лѣсовъ пришли солдаты, которые и слыхомъ не слыхали о какихъ то смутахъ. „Къ намъ и газеты то не доходили. Рѣдко, рѣдко придетъ газетка, такъ изъ телеграммъ кое что узнаешь", говорятъ. Мѣстныя войска заперты въ казармахъ: никого не пускаютъ ни оттуда, ни туда: боятся соціалистической заразы, уже не разъ появлявшейся среди солдатъ. Не забыли, конечно, усилить и штатъ шпіоновъ: безъ нихъ развѣ обходится хоть одна торжественная встрѣча? Однимъ словомъ, съ пріѣздомъ намѣстника, словно туча черная нависла надъ городомъ. Нельзя сказать, однако, чтобы полиціи очень повезло. Съ организаціей черныхъ сотенъ изъ татаръ и персіянъ въ самомъ Тифлисѣ у Глѣбова дѣло не выгорѣло: мѣстный комитетъ выпустилъ къ татарамъ прокламацію на татарскомъ языкѣ, въ которой они призывались къ борьбѣ встать подъ знамя соціаль-демократіи, какъ единственно вѣрной защитницы всѣхъ обездоленныхъ и униженныхъ, призывались бороться противъ самодержавнаго правительства со всей его полицейской и казацкой сворой, противъ злодѣйской шайки, разбойнически распоряжающейся теперь жизнью и имуществомъ россійскихъ граждань. Результатъ получился болѣе, чѣмъ благопріятный, хотя и ожидаемый; мѣстные татары народъ мирный, мало затронутый пропагандой, но все же культурный: они обратились къ высшей администраціи съ жалобой на пристава Глѣбова, что онъ возбуждаетъ ихъ противъ другихъ національностей, населяющихъ Тифлисъ. Администрація, съ молчаливаго согласія которой Глѣбовъ началъ свою гнусную пропаганду, не только не привлекла его къ отвѣтственности за явно преступную дѣятельность, но еще поощрила ее, разрѣшивъ ему продолжать въ томъ же духѣ. Однако, среди мѣстныхъ татаръ дѣло не пошло и центръ тяжести черносотенной агитаціи былъ перенесенъ на деревню. Слухи о готовящемся нападеніи на городъ татаръ изъ Борчалинскаго уѣзда распространяются все больше и больше, взбудораживая все населеніе, особенно послѣ Нахичеванскихъ событій, по своему ужасу приближающихся къ бакинскимъ февральскимъ днямъ.

---

[1] Нахичевань пользуется особымъ отъ Ростова городскимъ самоуправленіемъ.

О достойной встрѣчѣ намѣстника уже говорилось въ предыдущемъ письмѣ; говорилось и о томъ, что мѣстный комитетъ партіи не позабылъ почтить его... прокламаціей, результатомъ которой было торжественное вступленіе въ городъ властителя на бѣлой лошади среди абсолютной тишины, если не считать грома военной музыки, да жидкихъ „ура" шпіоновъ, переодѣтыхъ на этотъ разъ въ національные костюмы мѣстныхъ жителей, начиная съ цилиндра и сюртука буржуа и кончая рабочей блузой „съ иголочки": намѣстнику очень мало понравилась малолюдность улицъ города, славящагося своей уличной жизнью, а также бѣдность коврами, которые висѣли лишь на казенныхъ учрежденіяхъ, какъ выраженіе высшаго восторга (по мѣстному обычаю).

Но силы реакціи, какъ бы то ни было, увеличились. Темныя силы почувствовали подъ собой почву: шпіоны стали появляться въ тѣхъ частяхъ города, откуда они, казалось, были изгнаны безповоротно во времена „террора". Реакціонеры изъ разныхъ слоевъ общества подняли свою голову и съ наглостью расхаживаютъ по улицамъ.

„За нами теперь сила", говорятъ они. Такая перемѣна въ позиціи самодержавной клики на Кавказѣ не могла не отразиться на настроеніи рабочихъ. Притихшіе подъ страхомъ репрессій со стороны организованныхъ товарищей реакціонные элементы теперь, опираясь на поддержку полиціи и казаковъ, открыто поощряемые высшей администраціей посуломъ разныхъ поблажекъ, смѣло выступаютъ, какъ агитаторы контръ-революціонной борьбы; шестого мая въ части города, называемой Дидубэ, собралось человѣкъ 60 рабочихъ изъ мастерскихъ ж. д., исключительно русскіе — кузнецы и молотобойцы, „гороховцы", какъ ихъ здѣсь называютъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ ораторомъ. Рабочему не нужна, говорилъ онъ, политическая свобода, политическая борьба, ея хотятъ только армяне да грузины, которые идутъ противъ русскаго царя, желая поставить мѣсто него своего. Русскимъ рабочимъ слѣдуетъ бороться только за экономическое улучшеніе, только съ капиталистами, а не съ правительствомъ, и революціонеры-рабочіе лишь мѣшаютъ въ этой борьбѣ. Поэтому, русскимъ рабочимъ необходимо сорганизоваться и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое право не участвовать въ революціонной борьбѣ, свое право работать, когда имъ мѣшаютъ въ этомъ революціонеры. Полиція поможетъ вооружиться, такъ какъ уже обѣщала ему, оратору; наконецъ, ихъ всегда поддержатъ казаки. Во время этой замѣчательной рѣчи мимо толпы гороховцевъ проходили два грузина-рабочіе же. Заинтересованные небывалымъ еще въ Тифлисѣ явленіемъ, они остановились, чтобы послушать, и когда ораторъ закончилъ свое слово возгласомъ: „Да здравствуетъ правительство", „долой соц-дем", одинъ грузинъ не вытерпѣлъ и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ соціаль-демократія". Изъ толпы тотчасъ же на него кинулось нѣсколько человѣкъ, повалили и стали бить, но грузинъ какъ то вывернулся, досталъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ перваго попавшагося подъ руку гороховца. Товарищи послѣдняго вынули ножи и стали наносить ими безчисленные удары борцу за свободу. Дѣло окончилось въ нѣсколько минутъ. Товарищъ не могъ пособить, его не подпустили и тоже порядкомъ исколотили. Оба раненые были отправлены въ больницу. Гороховецъ скоро умеръ и похороненъ полиціей съ большой помпой, но объ этомъ ниже. Грузину нанесено болѣе 14 серьезныхъ ранъ, жизнь его въ опасности.

Комитетъ, совмѣстно съ районными организаціями, рѣшительно выступилъ на борьбу съ новымъ курсомъ, который не обѣщалъ ничего хорошаго въ будущемъ. Въ тотъ же день была выпущена прокламація, разоблачающая грязную дѣятельность полиціи, сѣющей вражду среди братьевъ-рабочихъ, призывающая къ борьбѣ съ хулиганами. Въ ней всѣ сознательные рабочіе приглашались подѣйствовать на своихъ еще несознательныхъ заблудающихся товарищей. „Образумьте заблудшихся, а хулигановъ пригвоздите къ позорному столбу", заканчиваетъ комитетъ свое наставленіе. На другой день въ мастерскихъ ж. д. состоялся митингъ трехтысячной массы. Темой обсужденія было событіе въ Дидубэ, такъ печально окончившееся для двухъ рабочихъ, одного — товарища и другого, повидимому, изъ шайки хулиганскихъ организаторовъ. Одинъ ораторъ говорилъ о томъ, какъ правительство хватается за послѣднее средство, какъ утопающій за соломинку, за организацію черныхъ сотенъ, за возбужденіе національной вражды, расчитывая этимъ съ одной стороны дискредитировать революціонное рабочее движеніе, съ другой, внеся въ жизнь анархію, заставить населеніе обратиться къ правительству, какъ къ послѣдней инстанціи для обезпеченія своей жизни и имущества. Потерпѣвъ кое-гдѣ полное фіаско, кое-гдѣ озлобивъ противъ себя даже своихъ сторонниковъ, царское правительство, лишенное здраваго смысла, дѣлаетъ попытку использовать это явно негодное средство и въ Тифлисѣ. Во время рѣчи оратора товарища-кто-то изъ толпы крикнулъ: русскіе отдѣльно. На обструкціонера сейчасъ же бросились близь стоящіе, но ораторъ остановилъ ихъ. Нужно, говорилъ онъ, отличать хулигановъ, этихъ отбросовъ рода человѣческаго, отъ малосознательныхъ рабочихъ, видящихъ спасеніе лишь въ экономической борьбѣ. Изъ толпы выдѣлились 60 человѣкъ и удалились. Въ то же время начальникъ мастерскихъ Цамутали далъ знать по телефону жандармеріи. Прискакали казаки, явились жандармы съ полковникомъ во главѣ. Но ораторъ продолжалъ свою рѣчь и закончилъ ее лозунгами партіи нисколько не смущаясь присутствіемъ нѣсколько неудобныхъ слушателей. По окончаніи рѣчи, полковникъ предложилъ разойтись, и рабочіе спокойно разошлись, уведя съ собой, конечно, и смѣлаго оратора. Въ послѣдующее время сходки гороховцевъ происходили довольно часто, но уже подъ охраной полиціи, казаковъ и даже регулярныхъ войскъ. Полиція, которая прежде разгоняла такія собранія нагайками и выстрѣлами, преслѣдовала участниковъ сходки, какъ государственныхъ преступниковъ, теперь явно покровительствовала. Мало того, полиція сама выставляла своихъ ораторовъ, агитаторовъ и т. д. Митинги эти въ 2—3 сотни человѣкъ сопровождались обыкновенно пѣніемъ монархическихъ пѣсенъ: Боже царя храни и Коль славенъ. Девятаго мая въ миссіонерскую церковь послѣ обѣдни подъ предводительствомъ двухъ патріотовъ — начальника тяги инженера Вартенбурга и начальника мастерскихъ инженера Цамутали, ввалилась толпа рабочихъ-гороховцевъ и полицейскихъ агентовъ разныхъ наименованій. Попъ произнесъ зажигательную рѣчь о смутѣ, о крамольникахъ, о врагахъ Россіи и русскаго бѣлаго царя, о царскихъ милостяхъ къ рабочимъ, объ его горячихъ заботахъ, о благѣ рабочихъ и всего народа, выразившихся, между прочимъ, и въ присылкѣ на Кавказъ своего замѣстителя для защиты интересовъ русскихъ. Онъ благословлялъ присутствующихъ на новый крестовый походъ противъ революціонеровъ. Онъ призывалъ небо на защиту и поддержку ревнителей самодержавія и, въ концѣ концовъ, предложилъ возблагодарить царя патріотической манифестаціей его замѣстителю Воронцову-Дашкову, послѣ чего запѣлъ „Боже, царя храни", и хоръ съ энтузіазмомъ, достойнымъ временъ настоящихъ крестовыхъ походовъ, пѣлъ эту пѣснь торжествующаго самодержавія. Затѣмъ говорили и другіе ораторы, но прежде всего предложили удалиться всѣмъ, кто противъ царя. У нашего товарища, присутствовавшаго на этомъ собраніи, большой соблазнъ былъ выйти (онъ армянинъ), но благоразумно удержался и не пошелъ на провокаторскую удочку, благодаря чему мы были освѣдомлены о патріотическомъ собраніи въ миссіонерской церкви. У входа въ церковь стояли стражи добровольцы, не пропускавшіе ни одного туземца, ни одного нежелательнаго человѣка. Ораторы, выступавшіе послѣ попа, извѣстной въ Тифлисѣ гадины, говорили на тему о заботахъ начальства и призывали клясться вѣрно служить начальству, въ томъ числѣ и присутствующему начальнику тяги Вартенбергу. Клянемся, кричали собравшіеся. Затѣмъ толпа съ флагами (цеховыя знамена и какое то бѣлое знамя), съ пѣніемъ гимна, съ криками ура, двинулась черезъ мостъ къ дворцу намѣстника. Изъ 200 человѣкъ она разрослась въ 2-тысячную толпу. Любопытные массами приставали. И надо отдать честь гражданскому мужеству тифлисскихъ обывателей: публика трусливо скидывала шапки и шляпы, давая этимъ поводъ небольшой кучкѣ хулигановъ еще наглѣе вести себя по отношенію къ этой публикѣ. Одного инженера, не снявшаго шляпы, угостили такимъ подзатыльникомъ, что не только шляпа отлетѣла на нѣсколько саженъ въ сторону, но и голова еле-еле удержалась на плечахъ, и все это какъ водится съ достаточнымъ комплектомъ нелѣпыхъ бранныхъ словъ: „Эхъ ты, ораторъ, еще очки надѣлъ" и т. д.

Принимая во вниманіе, что толпу сопровождалъ солидный отрядъ полиціи, смотрѣвшей покровительственно на всякія выходки своихъ питомцевъ-хулигановъ, да еще взводъ казаковъ, гражданское мужество тифлисскихъ гражданъ можно извинить, такъ какъ оставалось только вычеркнуть себя изъ толпы любопытныхъ, а это ай ай какъ трудно. Начальникъ тяги и начальникъ мастерскихъ вели толпу до самаго дворца, пробыли здѣсь до самаго конца церемоніи, которая была весьма несложна: пѣли монархическія пѣсни, въ то время какъ сатрапъ умильно смотрѣлъ на вѣрныхъ своихъ подданныхъ, потомъ выбрали депутатовъ во дворецъ, вѣроятно, для поднесенія стаканчика водки. Двуличный человѣкъ Цимутали впослѣдствіи наивно объяснялъ свое присутствіе въ толпѣ случайными обстоятельствами и даже нѣкотораго рода гражданскимъ мужествомъ: мы, говорилъ онъ, спасали студента отъ насилій толпы. Велика была его радость, когда начальникъ дороги послалъ телеграмму въ Петербургъ о состоявшейся патріотической манифестаціи во главѣ съ Вартенбургомъ и Цамутали, но вытянулся его носъ на другой день, когда эта телеграмма попала на страницы мѣстныхъ газетъ, а еще больше пріунылъ онъ, прочитавъ на слѣдующій день сообщеніе объ убійствѣ виновника бакинской рѣзни губернатора Накашидзе. Все же, чтобы выяснить истину, управленцы, недавно еще принявшіе сторону Вартенбурга въ его полемикѣ съ машинистами, а теперь возмущенные до глубины души этими выходками своихъ добродѣтельныхъ коллегъ, отправили къ Вартенбургу депутацію съ запросомъ относительно участія его въ манифестаціи. Я, отвѣтилъ имъ Вартенбургъ, убѣжденный сторонникъ самодержавія и вполнѣ сознательно участвовалъ въ патріотической манифестаціи.

Начальникъ дорогъ, какъ водится, сгустилъ краски въ своей телеграммѣ, втрое увеличена цифра демонстрантовъ. Когда толпа подошла къ дворцу, то на площадкѣ передъ послѣднимъ оказалось лишь не болѣе 150 человѣкъ, остальные всѣ отхлынули на почтительное разстояніе и не принимали никакого участія въ манифестаціи, а только съ любопытствомъ и потѣхи ради смотрѣли на сцену изъ комедіи „прощальные дни самодержавія".

Въ тотъ же день къ вечеру состоялся патріотическій митингъ въ Дидубэ: рабочіе-гороховцы пѣли монархическія пѣсни. На слѣдующій день состоялись патріотическіе похороны рабочаго-гороховца или хулигана, точно не выяснено, умершаго отъ раны, полученной въ свалкѣ въ Дидубѣ 6 го числа. Съ военной музыкой, въ сопровожденіи войскъ и казачьихъ отрядовъ, двинулась изъ лазарета по направленію къ кладбищу. Работы въ мастерскихъ въ этотъ день были прекращены по распоряженію начальника дорогъ, почему въ похоронной процессіи участвовала довольно большая толпа народу: многіе шли изъ любопытства, а многіе, къ стыду ихъ, изъ трусости, такъ какъ по мастерскимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ шли хоронить рабочаго, погибшаго за царя и отечество. Было много вѣнковъ: на лентахъ красовались: патріотическія надписи въ родѣ: „Борцу за царя и отечество". На кладбищѣ кромѣ военныхъ, полицейскихъ и казаковъ, было до 2—3 тысячъ народу: рабочихъ и обывателей.

Произносились рѣчи, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить рѣчь полиціймейстера Ковалева. Царь, говорилъ этотъ шефъ тифлисскихъ хулигановъ, заботится о рабочихъ. Обращайтесь къ нему и онъ всегда вамъ поможетъ. Время теперь трудное, и, быть можетъ, не сразу получите вы все, что просите. И въ этомъ виноваты тѣ люди, которые убили вашего товарища. Клянитесь здѣсь на могилѣ погибшаго за царя и отечество, что вы грудью будете стоять на томъ, за что погибъ онъ, клянитесь отомстить за него. Вы можете дѣлать все по отношенію къ врагамъ отечества: рѣжьте, убивайте ихъ, убивайте безъ пощады ихъ женъ и дѣтей, истребите это каиново сѣмя. Я дамъ вамъ оружіе.

За Ковалевымъ говорили на ту же тему и другіе ораторы, пытались говорить и обратное, но попытки эти повели лишь къ аресту тутъ же 6 рабочихъ, пожелавшихъ сказать и свое надгробное слово хулигану.

Вскорѣ послѣ этого событія, чуть ли не въ день похоронъ, группа гороховцевъ ходила къ начальнику дорогъ, въ результатѣ чего послѣднимъ было сдѣлано объявленіе по мастерскимъ слѣдующаго содержанія (вкратцѣ):

Группа рабочихъ явившаяся къ нему, высказала пожеланіе возвратиться къ мирному теченію ихъ рабочей и личной жизни, съ увѣренностью, что это желаніе найдетъ откликъ въ сердцахъ начальства, которое не откажетъ принять мѣры къ улучшенію ихъ быта и прежде всего увеличеніе поденной платы и расцѣнокъ. Выслушавъ съ особымъ удовольствіемъ, начальство обѣщаетъ разсмотрѣніе вопроса въ коммиссіи съ участіемъ выборныхъ отъ самыхъ рабочихъ, привѣтствуетъ починъ рабочихъ, войти въ ближайшія отношенія къ начальству и заканчиваетъ такъ: „Въ добрый часъ и Богъ намъ на помощь!"

Рабочіе заговорили о выборахъ, забывъ свое прежнее постановленіе объ участіи въ коммиссіи Шидловскаго. Организація поставлена была въ большое затрудненіе: даже передовые заговорили о выборахъ. Рѣшено было вести агитацію противъ выборовъ и участія въ коммиссіи Шидловскаго, а если не пройдетъ, то предъявить тѣ же приблизительно условія выборовъ и работы въ коммиссіи, какія были приняты петербургскими выборщиками: 13 и 14 мая вопросъ о выборахъ обсуждался въ мастерскихъ и рабочіе рѣшили отказаться отъ выборовъ. Однако, насколько не прочно было это рѣшеніе и насколько въ немъ играла роль давленіе на несознательную массу со стороны организованныхъ рабочихъ, показали послѣдующія событія. Выборы все же состоялись, выбрали не самыхъ передовыхъ, а такъ называемыхъ средняковъ на случай какой либо провокаторской ловушки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничили полномочія выборныхъ лишь установленіемъ новыхъ расцѣнокъ и размѣра поденной платы. Городъ полонъ всевозможныхъ слуховъ: въ понедѣльникъ 16 мая состоялось засѣданіе думы — громадная толпа народа окружала засѣданіе думы, гдѣ гласные — тайно — губернаторъ не разрѣшилъ впустить публику, — обсуждали волнующіе всѣхъ вопросы о Нахичеванской рѣзнѣ и возможности такой рѣзни въ Тифлисѣ. Въ то время, какъ гласные метали громы и молніи на главу организаторовъ убійствъ, взывали къ гражданамъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ полиціи, противъ хулигановъ, говорили о необходимости самовооруженія; на улицѣ очевидцы рѣзни передавали свои впечатлѣнія, матери погибшихъ плакали и призывали громы небесные на убійцъ. Народъ волновался и стоялъ до поздней ночи на одномъ мѣстѣ. Слухи, дѣйствительно, ужасные приходили и изъ Нахичевани и изъ окружающихъ Тифлисъ татарскихъ деревушекъ. Дикія орды татаръ въ Борчалинск. уѣздѣ будто бы уже вооружены при помощи полиціи и готовы каждый день начать рѣзню армянъ; для вооруженія мѣстныхъ татаръ прибыли 4 вагона съ берданками, курды свободно переходятъ границу и тысячами пріѣзжаютъ въ Тифлисъ и въ другія населенныя мѣста. Конечно, слухи эти значительно преувеличены и, вѣроятно, сотой доли правды въ нихъ нѣтъ, но полиція ведетъ себя, дѣйствительно, весьма подозрительно. А у страха, какъ извѣстно, глаза велики. Пока все обстоитъ благополучно: началась контръ-хулиганская агитація со стороны комитета. На дняхъ выходитъ прокламація по этому поводу на татарскомъ языкѣ. Тифлисскіе татары, во всякомъ случаѣ, не очень поддаются воздѣйствію хулигановъ. Такъ недавно на Майданѣ явились два татарина и начали ругать армянъ, разсказывать разныя небылицы про нихъ и въ концѣ концовъ затѣяли ссору съ однимъ армяниномъ. Обыватели татары и персіяне тотчасъ позвали полицію и дворниковъ, арестовали татаръ и учинили допросъ и обыскъ. Нашли два револьвера, 50 патроновъ, обнаружилось, что оба не татары, а армяне же. Отправили въ участокъ, но черезъ день оба были выпущены. Дѣло ясное: армяне эти или кто другой, — просто агенты сыскной полиціи и проводили въ жизнь хулиганскую политику разлагающагося царскаго самодержавія.

Процессъ типографіи Донскаго Ком. и Союза Горнозаводскихъ рабочихъ (Изъ письма осужденнаго тов. Коффи.) Постараюсь написать вамъ все, что просите о нашемъ „судѣ", но, конечно, далеко не подробно. Передъ началомъ суда мы съ защитниками устроили маленькую дискуссію по вопросу о „поведеніи" на судѣ. Были распредѣлены „роли" — я все же таки оставилъ за собой право дѣйствовать „какъ богъ на душу положитъ", т. е. внѣ принятой, подъ вліяніемъ довольно убѣдительной аргументаціи гг. защитниковъ, „программы", детали которой, а также доводы защитниковъ, здѣсь опускаю. Впрочемъ, наша „программа" имѣла и обратную сторону, на случай открытія дверей. Начался судъ. Зала пуста. Начинается протестъ защитниковъ, которыхъ было пять: Петровскій, Елкинъ, Городискій, Штейермаркъ и Е. П. Раппъ. Протестуютъ противъ закрытія дверей; происходитъ совѣщаніе особаго присутствія, рѣшено — дверей не открывать! Затѣмъ опять протестъ защитниковъ противъ недостающихъ въ дѣлѣ двухъ листовъ, вмѣсто которыхъ стоятъ замѣтки *„совершенно секретно"* и *„присоединены къ дѣлу Мошинскаго"*. Опять совѣщаніе. Рѣшаютъ: дѣло не откладывать, обойдется дѣло безъ листовъ. Интересно, что по послѣднему вопросу три изъ „сословныхъ представителей" — два предводителя и волостной старшина остались при „особомъ мнѣніи". На вопросъ предсѣдателя (Крашенинникова), формулированный по ст. 126, подсудимые отвѣчаютъ: „нѣтъ". Чайниковъ объявляетъ себя хозяиномъ квартиры и типографіи. Прокуроръ предлагаетъ для характеристики „тайнаго сообщества, именующаго себя Д. К. Р. С. Д. Р. П." прочитать судьямъ заранѣе подчеркнутыя прокуроромъ мѣста въ изданной за-границей брошюрѣ „Докладъ международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ въ 1904 г."

Палата совѣщается. Предложеніе прокурора не принято. Допросъ свидѣтелей — чистѣйшая комедія: околодочный надзиратель Шуховъ, въ угоду его превосходительству, послѣ пространнаго разсказа, изъ котораго врядъ ли что-нибудь можно было понять, ограничивается утвердительнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы предсѣдателя. Петровскій спрашиваетъ у свидѣтеля, знаетъ ли онъ, что значитъ слово „солидарность". Предсѣдатель перебиваетъ его съ укоромъ: „къ чему такіе вопросы?" — „Потому что свидѣтель говоритъ вмѣсто „шрифтъ" „штихтъ". Я думаю, что онъ не употребляетъ иностранныхъ словъ, которыя находятся въ его показаніяхъ у жандармовъ", — говоритъ Петровскій. Свидѣтель мнется и объясняетъ, что иностранныхъ словъ не употребляетъ, такъ какъ не понимаетъ ихъ. То же самое повторяется и съ другими свидѣтелями. Въ дѣлѣ сказано, что свидѣтельница Котельникова признала насъ всѣхъ по предъявленнымъ ей фотографическимъ карточкамъ. Она увѣряетъ „его благородіе", что никто ей никакихъ карточекъ не показывалъ. Словомъ, жандармское слѣдствіе, за исключеніемъ протоколовъ „вещественныхъ доказательствъ", оказывается положительно лживымъ. Рѣчь прокурора поддерживаетъ обвиненіе противъ всѣхъ и противъ меня въ особенности: онъ-де, по всему видно, былъ главаремъ, почему и всыпать ему высшую мѣру наказанія! Изъ рѣчей защитниковъ самая лучшая, по моему, рѣчь Петровскаго — рѣзкая, безъ жалобныхъ словъ, которыя проскальзываютъ у другихъ, и чисто политическая, даже безъ избитыхъ ссылокъ на настоящее время, когда послѣ Высочайшаго рескрипта отъ такого-то числа и т. д. Раппъ, держась на чисто формальной точкѣ зрѣнія, весьма немилостиво обошелся съ обвинительнымъ актомъ. Послѣ довольно долгаго совѣщанія вынесенъ извѣстный вамъ приговоръ; даже на оптимистически настроенную защиту онъ производитъ впечатлѣніе а особенно на обвиняемыхъ Куркову и Чайникова, которые съ удивленіемъ растерянно спрашиваютъ у меня: „неужели мы свободны?!!"

Изъ вещественныхъ доказательствъ защитники просили прочитать вслухъ изъ „Рабочаго дѣла въ Россіи" Мартова и еще двѣ прокламаціи. Во время чтенія въ залъ протискались всѣ конвойные и городовые, которыхъ было порядочное количество, и слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но члены палаты во время чтенія страшно мошенничали, проглатывали слова, спѣшили, выговаривая неясно, а въ мѣстахъ уже очень имъ не „по нраву" оказывалось, что „плохо напечатано", „разобрать трудно"... Да вотъ еще курьезъ: прокуроръ, желая выяснить, что такое союзъ горно-заводскихъ рабочихъ, взялъ за подписью горно-заводскаго союза листокъ и торжественно заявляетъ: „вотъ мѣсто, какъ будто спеціально для насъ напечатанное: „Долой пановъ-дворянъ и продажныхъ чиновниковъ"! Трудно было не разсмѣяться, когда онъ прочелъ „спеціально для насъ напечатанное!"

P. S. По другому дѣлу горнозаводскаго союза кассаціонная жалоба на приговоръ Лысенко Сенатомъ оставлена безъ послѣдствій. По предстоящему еще дѣлу Готлобера, Залкинда, Михайлова и Прокопенко, всѣ обвиняемые выпущены на поруки Г. за 200 руб., З. за 1000, М. за 500 и П. за 200 руб.).

Енакіево (Екатеринославской губерніи). Въ ночь на 30 апрѣля арестованъ инженеръ Бѣльскій. Башмаковъ (чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ и завѣдующій однимъ изъ заводскихъ отдѣловъ, о которомъ мы уже сообщали въ „Искрѣ", принималъ въ этомъ славномъ дѣлѣ ближайшее участіе: ѣздилъ на станцію встрѣчать жандармовъ и предварительно до облавы пригласилъ ихъ къ себѣ на квартиру „для подкрѣпленія силъ". Всю эту ночь телефонъ Башмакова былъ въ тѣсномъ общеніи съ полицейской канцеляріей. Однако, чаянія Башмакова не оправдались: ни типографіи ни склада литературы у инженера Бѣльскаго не обнаружено. Найдено нѣсколько прокламацій разнаго содержанія.

4 апрѣля вечеромъ арестованы два брата Мазановы, Иванъ и Ѳедоръ, на улицѣ, въ то время, какъ переодѣтые городовые собирали по дворамъ разбросанныя кѣмъ то прокламаціи До-

которой они призывались къ борьбѣ встать подъ знамя соціаль-демократіи, какъ единственно вѣрной защитницы всѣхъ обездоленныхъ и униженныхъ, призывались бороться противъ самодержавнаго правительства со всей его полицейской и казацкой сворой, противъ злодѣйской шайки, разбойнически распоряжающейся теперь жизнью и имуществомъ россійскихъ гражданъ. Результатъ получился болѣе, чѣмъ благопріятный, хотя и ожиданный; мѣстные татары народъ мирный, мало затронутый пропагандой, но все же культурный: они обратились къ высшей администраціи съ жалобой на пристава Глѣбова, что онъ возбуждаетъ ихъ противъ другихъ національностей, населяющихъ Тифлисъ. Администрація, съ молчаливаго согласія которой Глѣбовъ началъ свою гнусную пропаганду, не только не привлекла его къ отвѣтственности за явно преступную дѣятельность, но еще поощрила ее, разрѣшивъ ему продолжать въ томъ же духѣ. Однако, среди мѣстныхъ татаръ дѣло не пошло и центръ тяжести черносотенной агитаціи былъ перенесенъ на деревню. Слухи о готовящемся нападеніи на городъ татаръ изъ Борчалинскаго уѣзда распространяются все больше и больше, взбудораживая все населеніе, особенно послѣ Нахичеванскихъ событій, по своему ужасу приближающихся къ бакинскимъ февральскимъ днямъ.

О достойной встрѣчѣ намѣстника уже говорилось въ предыдущемъ письмѣ; говорилось и о томъ, что мѣстный комитетъ партіи не позабылъ почтить его... прокламаціей, результатомъ которой было торжественное вступленіе въ городъ властителя на бѣлой лошади среди абсолютной тишины, если не считать грома военной музыки, да жидкихъ „ура“ шпіоновъ, переодѣтыхъ на этотъ разъ въ національные костюмы мѣстныхъ жителей, начиная съ цилиндра и сюртука буржуа и кончая рабочей блузой „съ иголочки“: намѣстнику очень мало понравилась малолюдность улицъ города, славящагося своей уличной жизнью, а также бѣдность коврами, которые висѣли лишь на казенныхъ учрежденіяхъ, какъ выраженіе высшаго восторга (по мѣстному обычаю).

Но силы реакціи, какъ бы то ни было, увеличились. Темныя силы почувствовали подъ собой почву: шпіоны стали появляться въ тѣхъ частяхъ города, откуда они, казалось, были изгнаны безповоротно во времена „террора“. Реакціонеры изъ разныхъ слоевъ общества подняли свою голову и съ наглостью расхаживаютъ по улицамъ.

„За нами теперь сила“, говорятъ они. Такая перемѣна въ позиціи самодержавной клики на Кавказѣ не могла не отразиться на настроеніи рабочихъ. Притихшіе подъ страхомъ репрессій со стороны организованныхъ товарищей реакціонные элементы теперь, опираясь на поддержку полиціи и казаковъ, открыто поощряемые высшей администраціей посулами разныхъ поблажекъ, смѣло выступаютъ, какъ агитаторы контръ-революціонной борьбы; шестого мая въ части города, называемой Дидубэ, собралось человѣкъ 60 рабочихъ изъ мастерскихъ ж. д., исключительно русскіе—кузнецы и молотобойцы, „гороховцы“, какъ ихъ здѣсь называютъ. Одинъ изъ нихъ выступилъ ораторомъ. Рабочему не нужна, говорилъ онъ, политическая свобода, политическая борьба, ея хотятъ только армяне да грузины, которые идутъ противъ русскаго царя, желая поставить вмѣсто него своего. Русскимъ рабочимъ слѣдуетъ бороться только за экономическое улучшеніе, только съ капиталистами, а не съ правительствомъ, и революціонеры рабочіе лишь мѣшаютъ въ этой борьбѣ. Поэтому, русскимъ рабочимъ необходимо сорганизоваться и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свое право не участвовать въ революціонной борьбѣ, свое право работать, когда имъ мѣшаютъ въ этомъ революціонеры. Полиція поможетъ вооружиться, такъ какъ уже обѣщала ему, оратору; наконецъ, ихъ всегда поддержатъ казаки. Во время этой замѣчательной рѣчи мимо толпы гороховцевъ проходили два грузина-рабочіе же. Заинтересованные небывалымъ еще въ Тифлисѣ явленіемъ, они остановились, чтобы послушать, и когда ораторъ закончилъ свое слово возгласомъ: „Да здравствуетъ правительство“, „долой соц.-дем.“, одинъ грузинъ не вытерпѣлъ и крикнулъ: „Долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ соціалъ-демократія“. Изъ толпы тотчасъ же на него кинулось нѣсколько человѣкъ, повалили и стали бить, но грузинъ какъ то вывернулся, досталъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ въ перваго попавшагося подъ руку гороховца. Товарищи послѣдняго вынули ножи и стали наносить ими безчисленные удары борцу за свободу. Дѣло окончилось въ нѣсколько минутъ. Товарищъ не могъ пособить, его не подпустили и тоже порядкомъ исколотили. Оба раненые были отправлены въ больницу. Гороховецъ скоро умеръ и похороненъ полиціей съ большой помпой, но объ этомъ ниже. Грузину нанесено болѣе 14 серьезныхъ ранъ, жизнь его въ опасности.

Комитетъ, совмѣстно съ районными организаціями, рѣшительно выступилъ на борьбу съ новымъ курсомъ, который не обѣщалъ ничего хорошаго въ будущемъ. Въ тотъ же день была выпущена прокламація, разоблачающая преступную дѣятельность полиціи, сѣющей вражду среди братьевъ-рабочихъ, призывающая къ борьбѣ съ хулиганами. Въ ней всѣ сознательные рабочіе приглашались подѣйствовать на своихъ еще несознательныхъ заблуждающихся товарищей. „Вразумите заблудшихся, а хулигановъ приводите къ позорному столбу“, заканчиваетъ комитетъ свое наставленіе. На другой день въ мастерскихъ ж. д. состоялся митингъ трехтысячной массы. Темой обсужденія было событіе въ Дидубэ, такъ печально окончившееся для двухъ рабочихъ, одного — товарища и другого, повидимому, изъ шайки хулиганскихъ организаторовъ. Одинъ ораторъ говорилъ о томъ, какъ правительство хватается за послѣднее средство, какъ утопающій за соломинку, — за организацію черныхъ сотенъ, за возбужденіе національной вражды, разсчитывая этимъ съ одной стороны дискредитировать революціонное рабочее движеніе, съ другой [illegible] хію, заставить населеніе обратиться къ правительству [illegible] послѣдней инстанціи для обезпеченія своей жизни и иму[illegible] Потерпѣвъ кое-гдѣ полное фіаско, когда [illegible] даже своихъ сторонниковъ, царское правительство [illegible] здраваго смысла, дѣлаетъ попытку [illegible] негодное средство и въ Тифлисѣ. Во время рѣчи оратора [illegible] рища кто-то изъ толпы [illegible] Инструкціонера сейчасъ же [illegible] остановилъ ихъ. Нужно, говорилъ [illegible] этихъ отбросовъ рода человѣческаго [illegible] рабочихъ, видящихъ спасеніе лишь [illegible] Изъ толпы выдѣлились 60 человѣкъ [illegible] время начальникъ мастерскихъ Цамутали [illegible] фону жандармеріи. Прискакали казаки [illegible] полковникомъ во главѣ. [illegible] закончилъ ее лозунгами [illegible] сутствіемъ нѣсколько неудобныхъ [illegible] рѣчи, полковникъ предложилъ разойтись [illegible] разошлись, уведя съ собой [illegible] послѣдующее время сходки [illegible] часто, но уже подъ охраной [illegible] лярныхъ войскъ. Полиція, [illegible] собранія нагайками и выстрѣлами [illegible] сходки, какъ государственныя [illegible] покровительствовала. Ма[illegible] ихъ ораторовъ, агитаторовъ [illegible] человѣкъ сопровождались [illegible] пѣсенъ: Боже царя храни [illegible] миссіонерскую церковь [illegible] двухъ патріотовъ — начальника [illegible] начальника мастерскихъ и [illegible] рабочихъ-гороховцевъ [illegible] именованій. Попъ произнесъ [illegible] крамольникахъ, о врагахъ Россіи [illegible] царскихъ милостяхъ къ рабочимъ [illegible] царскихъ заботахъ, о благѣ рабочихъ и всего народа [illegible] между про-чимъ, и въ присылкѣ на Кавказъ своего замѣстителя для защиты интересовъ русскихъ. Онъ благословлялъ присутствующихъ на новый крестовый походъ противъ революціонеровъ. Онъ призывалъ небо на защиту и поддержку ревнителей самодержавія и, въ концѣ концовъ, предложилъ возблагодарить царя патріотической манифестаціей его замѣстителю Воронцову-Дашкову, послѣ чего запѣлъ „Боже, царя храни“, и хоръ съ энтузіазмомъ, достойнымъ временъ настоящихъ крестовыхъ походовъ, пѣлъ эту пѣснь торжествующаго самодержавія. Затѣмъ говорили и другіе ораторы, но прежде всего предложили удалиться всѣмъ, кто противъ царя. У нашего товарища, присутствовавшаго на этомъ собраніи, большой соблазнъ былъ выйти (онъ армянинъ), но благоразумно удержался и не пошелъ на провокаторскую удочку, благодаря чему мы были освѣдомлены о патріотическомъ собраніи въ миссіонерской церкви. У входа въ церковь стояли стражи добровольцы, не пропускавшіе ни одного туземца, ни одного нежелательнаго человѣка. Ораторы, выступавшіе послѣ попа извѣстной въ Тифлисѣ гадины, говорили на тему о заботахъ начальства и призывали клясться вѣрно служить начальству, въ томъ числѣ и присутствующему начальнику тяги Вартенбергу. Клянемся, кричали собравшіеся. Затѣмъ толпа съ флагами (цеховыя знамена и какое то бѣлое знамя), съ пѣніемъ гимна, съ криками ура, двинулась черезъ мостъ къ дворцу намѣстника. Изъ 200 человѣкъ она разрослась въ 2 тысячную толпу. Любопытные массами приставали. И надо отдать честь гражданскому мужеству тифлисскихъ обывателей: публика трусливо скидывала шапки и шляпы, давая этимъ поводъ небольшой кучкѣ хулигановъ еще наглѣе вести себя по отношенію къ этой публикѣ. Одного инженера, не снявшаго шляпы, угостили такимъ подзатыльникомъ, что не только шляпа отлетѣла на нѣсколько саженъ въ сторону, но и голова еле-еле удержалась на плечахъ, и все это какъ водится съ достаточнымъ комплектомъ нелѣпыхъ бранныхъ словъ: „Эхъ ты, ораторъ, еще очки надѣлъ“ и т. д.

Принимая во вниманіе, что толпу сопровождалъ солидный отрядъ полиціи, смотрѣвшей покровительственно на всякія выходки своихъ питомцевъ-хулигановъ, да еще взводъ казаковъ, гражданское мужество тифлисскихъ гражданъ можно извинить, такъ какъ оставалось только вычеркнуть себя изъ толпы любопытныхъ, а это ай ай какъ трудно. Начальникъ тяги и начальникъ мастерскихъ вели толпу до самаго дворца, пробыли здѣсь до самаго конца церемоніи, которая была весьма несложна: пѣли монархическія пѣсни, въ то время какъ сатрапъ умиленно смотрѣлъ на вѣрныхъ своихъ подданныхъ, потомъ выбрали депутатовъ во дворецъ, вѣроятно, для поднесенія стаканчика водки. Двуличный человѣкъ Цимутали впослѣдствіи на[illegible] объяснялъ свое присутствіе въ толпѣ случайными обстоятельствами и даже нѣкотораго рода гражданскимъ мужеством[illegible] [illegible] спасали студента отъ насилій толпы. Велика была [illegible] когда начальникъ дороги послалъ телеграмму въ Петербургъ о состоявшейся патріотической манифестаціи [illegible] съ Вартенбургомъ и Цамутали, но вытянулся его носъ на другой день, когда эта телеграмма попала на страницы мѣстныхъ газетъ, а еще больше приунылъ онъ, прочитавъ на слѣдующій день сообщеніе объ убійствѣ виновника бакинской рѣзни губернатора Накашидзе. Все же, чтобы выяснить истину, управленцы, недавно еще принявшіе сторону Вартенбурга въ его полемикѣ съ машинистами, а теперь возмущенные до глубины души этими выходками своихъ добродѣтельныхъ [illegible] отправили къ Вартенбургу депутацію [illegible] [illegible] участія его въ манифестаціи. И отвѣтилъ имъ Вартенбургъ, убѣжденный сторонникъ самодержавія и [illegible] участвовалъ въ патріотической манифестаціи.

Начальникъ дороги, какъ водится, сгустилъ краски въ своей телеграммѣ: [illegible] увеличена цифра демонстрантовъ. Когда толпа подошла къ дворцу, то на площадкѣ передъ послѣднимъ [illegible] не болѣе 150 человѣкъ, остальные всѣ отхлынули на почтительное разстояніе и не принимали никакого участія въ манифестаціи, а только съ любопытствомъ и потѣхи ради [illegible] на сцену изъ комедіи „прощальные дни самодержавія“.

Въ тотъ же день [illegible] вечеру состоялся патріотическій митингъ въ Дидубэ, [illegible] монархическія пѣсни. На слѣдующій день состоялись патріотическія похороны рабочаго-гороховца или хулигана [illegible] не выясненъ, умершаго [illegible] [illegible] въ Дидубэ того числа. Съ военной музыкой [illegible] и казачьихъ отрядовъ [illegible] Работы въ мастерскихъ [illegible] были прекращены по распоряженію начальника дороги, [illegible] въ похоронной процессіи участвовала довольно большая толпа народу, многіе изъ [illegible] а многіе изъ страху или изъ трусости, такъ какъ [illegible] мастерскимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ шли [illegible] рабочаго, погибшаго за царя и отечество. Было много [illegible] на лентахъ красовались патріотическія надписи въ родѣ: „Борцу за царя и отечество“. На кладбищѣ кромѣ военныхъ, полицейскихъ и казаковъ было до 2—3 тысячъ народу, рабочихъ и обывателей.

Произносились рѣчи, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить рѣчь [illegible] Ковалева. [illegible] этотъ шефъ тифлисскихъ хулигановъ [illegible] рабочихъ: Обращайтесь къ нему и онъ всегда вамъ [illegible] Время теперь трудное и, быть можетъ, не сразу получите вы все, что просите. И въ этомъ виноваты [illegible] которые убили нашего товарища. [illegible] за царя и отечество [illegible] будете [illegible] за что и гибли они [illegible] Вы можете дѣлать все по отношенію къ врагамъ отечества [illegible] убивайте ихъ, убивайте безъ [illegible] ихъ женъ и дѣтей, истребляйте это каиново сѣмя. И [illegible]

[illegible]

[illegible] въ началѣ [illegible] къ начальнику [illegible]

[illegible] къ нему [illegible] въ коммисіи [illegible] „Не [illegible] намъ [illegible]“

[illegible] Шапошникова [illegible] коммиссіи [illegible] 1 и 11 мая [illegible] Выборы все же [illegible] такъ называемыхъ [illegible] ловушки [illegible] выборныхъ, лишь у таинственно новыхъ расцѣнокъ и размѣра заработной платы. Городъ полонъ всевозможныхъ слуховъ. Въ понедѣльникъ 16 мая [illegible] засѣданіе думы — громадная толпа народа окружала засѣданіе думы, гдѣ гласные тайно — губернаторъ не разрѣшилъ впустить публику, — обсуждали волнующіе всѣхъ вопросы о Нахичеванской рѣзнѣ и возможности такой рѣзни въ Тифлисѣ. Въ то время, какъ гласные метали громы и молніи на главу организаторовъ убійствъ, взывали къ гражданамъ принять самыя рѣшительныя мѣры противъ полиціи, противъ хулигановъ, говорили о необходимости самовооруженія; на улицѣ очевидцы рѣзни передавали свои впечатлѣнія, матери погибшихъ плакали и призывали громы небесные на убійцъ. Народъ волновался и стоялъ до поздней ночи на одномъ мѣстѣ. Слухи, дѣйствительно, ужасные приходили и изъ Нахичевани и изъ окружающихъ Тифлисъ татарскихъ деревушекъ. Дикія орды татаръ въ Борчалинск. уѣздѣ будто бы уже вооружены при помощи полиціи и готовы каждый день начать рѣзню армянъ; для вооруженія мѣстныхъ татаръ прибыли 4 вагона съ берданками, курды свободно переходятъ границу и тысячами пріѣзжаютъ въ Тифлисъ и въ другія населенныя мѣста. Конечно, слухи эти значительно преувеличены и, вѣроятно, сотой доли правды въ нихъ нѣтъ, но полиція ведетъ себя, дѣйствительно, весьма подозрительно. А у страха, какъ извѣстно, глаза велики. Пока все обстоитъ благополучно: началась контръ-хулиганская агитація со стороны комитета. На дняхъ выходитъ прокламація по этому поводу на татарскомъ языкѣ. Тифлисскіе татары, во всякомъ случаѣ, не очень поддаются воздѣйствію хулигановъ. Такъ недавно на Майданъ явились два татарина и начали ругать армянъ, разсказывать разныя небылицы про нихъ и въ концѣ концовъ затѣяли ссору съ однимъ армяниномъ. Обыватели татары и персіяне тотчасъ позвали полицію и дворниковъ, арестовали татаръ и учинили допросъ и обыскъ. Нашли два револьвера, 50 патроновъ, обнаружилось, что оба не татары, а армяне же. Отправили въ участокъ, но черезъ день оба были выпущены. Дѣло ясное: армяне эти или кто другой — просто агенты сыскной полиціи и проводили въ жизнь хулиганскую политику разлагающагося царскаго самодержавія.

Процессъ типографіи Донецкаго Ком. и Союза Горнозаводскихъ рабочихъ (Изъ письма осужденнаго тов. Кафра). Постараюсь написать вамъ все, что просите о нашемъ „судѣ“, но, конечно, далеко не подробно. Передъ началомъ суда мы съ защитниками устроили маленькую дискуссію по вопросу о „поведеніи“ на судѣ. Были распредѣлены „роли“ — и все же таки оставить за собой право дѣйствовать „какъ богъ на душу положитъ“, т. е. внѣ принятой подъ вліяніемъ довольно убѣдительной аргументаціи со [стороны] защитниковъ „программы“, детали которой, а также доводы защитниковъ, здѣсь опускаю. Впрочемъ, наша „программа“ имѣла и обратную сторону, на случай открытія дверей. Начался судъ. Зала пуста. Начинается протестъ защитниковъ, которыхъ было пять: Петровскій, Елкинъ, Городискій, Штейермаркъ и Е. П. Раппъ. Протестуютъ противъ закрытія дверей, происходитъ совѣщаніе особаго присутствія, рѣшено — дверей не открывать! Затѣмъ опять протестъ защитниковъ противъ недостающихъ въ дѣлѣ двухъ листовъ, вмѣсто которыхъ стоятъ замѣтки „*совершенно секретно*“ и „*присоединены къ дѣлу Мошинскаго*“. Опять совѣщаніе. Рѣшаютъ дѣло не откладывать, обойдется дѣло безъ листовъ. Интересно, что по послѣднему вопросу три изъ „сословныхъ представителей“ — два предводителя и волостной старшина остались при „особомъ мнѣніи“. На вопросъ предсѣдателя Крашенинникова, формулированный по ст. 126, подсудимые отвѣчаютъ: „нѣтъ“. Чайниковъ объявляетъ себя хозяиномъ квартиры и типографіи. Прокуроръ предлагаетъ для характеристики „тайнаго сообщества, именующаго себя Д. К. Р. С. Д. Р. П.“ прочитать судьямъ заранѣе подчеркнутыя прокуроромъ мѣста въ изданной заграницей брошюрѣ „Докладъ международному соціалистическому конгрессу въ Амстердамѣ въ 1904 г.“

Палата совѣщается. Предложеніе прокурора не принято. Допросъ свидѣтелей — чистѣйшая комедія: околодочный надзиратель Шуховъ, въ угоду его превосходительству, послѣ пространнаго разсказа, изъ котораго врядъ ли что нибудь можно было понять, ограничивается утвердительнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы предсѣдателя. Петровскій спрашиваетъ у свидѣтеля, знаетъ ли онъ, что значитъ слово „солидарность“. Предсѣдатель перебиваетъ его съ укоромъ: „къ чему такіе вопросы?“ — „Потому что свидѣтель говоритъ вмѣсто „шрифтъ“ „штихтъ“. Я думаю, что онъ не употребляетъ иностранныхъ словъ, которыя находятся въ его показаніяхъ у жандармовъ“, — говоритъ Петровскій. Свидѣтель мнется и объясняетъ, что иностранныхъ словъ не употребляетъ, такъ какъ не понимаетъ ихъ. То же самое повторяется и съ другими свидѣтелями. Въ дѣлѣ сказано, что свидѣтельница Котельникова признала насъ всѣхъ по предъявленнымъ ей фотографическимъ карточкамъ. Она увѣряетъ „его благородіе“, что никто ей никакихъ карточекъ не показывалъ. Словомъ, жандармское слѣдствіе, за исключеніемъ протоколовъ „вещественныхъ доказательствъ“, оказывается положительно лживымъ. Рѣчь прокурора поддерживаетъ обвиненіе противъ всѣхъ и противъ меня въ особенности: онъ-де, по всему видно, былъ главаремъ, потому и назначить ему высшую мѣру наказанія! Изъ рѣчей защитниковъ самая лучшая, по моему, рѣчь Петровскаго [illegible] безъ [illegible] словъ, которыя [illegible] у другихъ, и чисто политическая, даже безъ избитыхъ [illegible] въ настоящее время, когда послѣ Высочайшаго [illegible] Раппъ, [illegible] весьма немилостиво [illegible] обвинительнымъ актомъ. Послѣ довольно долгаго совѣщанія [illegible] даже и [illegible] защиту [illegible] производитъ впечатлѣніе [illegible] на обвиняемыхъ Куркову и Чайникова, которые [illegible] спрашиваютъ у меня: „неужели мы [illegible]“

Изъ вещественныхъ доказательствъ защитники просили прочитать [illegible] изъ „Рабочая [illegible] въ Россіи“ Мартова и еще [illegible] прокламаціи. Во время чтенія въ залу протискались всѣ [illegible] и [illegible] которыхъ было порядочное количество [illegible] напряженнымъ вниманіемъ. Но члены палаты [illegible] время [illegible] проглатывали [illegible] въ мѣстахъ уже очень [illegible] „[illegible] напечатано“, „разобрать трудно“. [illegible] прокуроръ, желая вы[illegible] рабочихъ, взялъ за [illegible] и торжественно заявилъ [illegible] будто [illegible] начальство [illegible] „[illegible] и продажныхъ чиновниковъ“! [illegible] „[illegible]ціально [illegible]“

[illegible] кассаціонная [illegible] оставлена безъ последствій [illegible] Елкинда, [illegible] обвиняемые выпущены на по[illegible] 1000 М[illegible] 500 и [illegible] за 200 руб.).

[illegible] на 30 апрѣля [illegible] чиновникъ ми[illegible] однимъ изъ завод[illegible] „Искрѣ“, [illegible] сил[illegible]“. [illegible] общеніи [illegible] не [illegible] инженера [illegible] прокламацій [illegible]

4 [illegible] арестованы два брата Мазановы, Иванъ и Өедоръ, на улицѣ, въ то время, какъ переодѣтые городовые собирали по дворамъ разбросанныя кѣмъ то прокламаціи До-

нецкаго комитета. Полиція, для которыхъ Мазановы были давно уже бѣльмомъ на глазу за умѣлое веденіе стачки, обрадовалась случаю и создала дѣло: городовые, за приличное вознагражденіе, показываютъ, что это Мазановы бросали прокламаціи. Мазановы отвезены въ Луганскъ.

Сообщено Петровской Группой Донецкаго Комитета.

Кишиневъ За нѣсколько дней до 1-го мая рѣшено было повести усиленную агитацію среди рабочихъ за празднованіе 1-го мая. Въ субботу 30-го апрѣля цѣлый день до позднаго вечера говорили съ заготовщиками, съ сапожниками и кузнецами: дѣлались попытки привлечь и пекарей, и прикащиковъ. Въ воскресенье не пошли на работу сапожники наиболѣе крупныхъ мастерскихъ, всѣ заготовщики, большая часть кузнецовъ и часть прикащиковъ. Одновременно съ первомайской агитаціей велась агитація и за забастовку вообще, причемъ предлагалось рабочимъ воскресенье праздновать, а въ понедѣльникъ предъявить требованія (требованія были выработаны въ воскресенье, только у сапожниковъ мастерской Андрусова еще въ субботу), чтобы отдѣлить первомайскую забастовку отъ послѣдующей Въ понедѣльникъ къ забастовавшимъ кузнецамъ присоединились и остальные кузнецы, а вечеромъ явились и колесники съ просьбой выработать требованія для нихъ. Всѣми были выставлены требованія увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочаго дня, вѣжливаго обращенія, выдачи разсчетныхъ книжекъ и прочее, также свобода собраній, союзовъ, стачекъ, слова и печати, неприкосновенности личности и жилища, и, наконецъ, освобожденія арестованныхъ за забастовку пекарей. Послѣднее требованіе оказалось лишнимъ, такъ какъ пекаря за нѣсколько дней до перваго мая были освобождены. Но самый фактъ ареста за забастовку былъ использованъ агитаторами Забастовка сапожниковъ и заготовщиковъ прошла съ успѣхомъ, и они послѣ недѣльной забастовки получили почти все, что требовали. Забастовка же кузнецовъ и колесниковъ была проиграна, такъ какъ они были недостаточно подготовлены къ дружной забастовкѣ предварительной агитаціей и, кромѣ того, въ эту забастовку вмѣшалась полиція съ предложеніемъ своихъ услугъ, какъ примирителей, съ хозяевами. Это, конечно, нашими агитаторами не было допущено, но все таки ввело нѣкоторую дезорганизацію, и нѣкоторые изъ рабочихъ стали на работу. Многіе день или часть дня работали, а потомъ приходили къ намъ за поддержкой на слѣдующій же день опять шли на работу. На четвертый день ихъ забастовки организація рѣшила ихъ болѣе не поддерживать, такъ какъ видно стало, что никакихъ улучшеній при такихъ обстоятельствахъ они добиться не могутъ. Всю эту недѣлю забастовавшихъ рабочихъ собирали по трактирамъ и тамъ наши агитаторы говорили съ ними на экономическія и политическія темы, что очень вліяло на рабочихъ. Послѣ забастовки къ организаціи примкнули всѣ сапожники одной изъ наиболѣе крупныхъ мастерскихъ, нѣкоторые заготовщики и кузнецы. Слѣдуетъ замѣтить, что явнаго сопротивленія полиція нигдѣ не оказывала, за исключеніемъ одного ареста восьми кузнецовъ, изъ которыхъ четырехъ выпустили сейчасъ же. На виду у полиціи, въ трактирахъ произносились рѣчи о состояніи Россіи, о политикѣ царскаго самодержавія, о необходимости сверженія самодержавія и пр. Сапожниками и заготовщиками была внесена на ихъ общемъ собраніи резолюція о необходимости прекращенія войны и созыва Учредительнаго Собранія на началахъ всеобщаго и т. д. избирательнаго права для устройства демократической республики.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОСЛѢ КЕЛЬНА.

Поскольку пролетаріатъ, которому должно было принадлежать послѣднее слово о Кельнскомъ конгрессѣ, успѣлъ высказаться по поводу принятыхъ тамъ важнѣйшихъ рѣшеній, онъ отнесся отрицательно къ попыткѣ подкопаться подъ единство профессіональнаго и политическаго движенія рабочаго класса.

Первое слово тутъ, конечно, принадлежало самимъ профессіональнымъ союзамъ, и на объединенныхъ собраніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ нѣкоторыхъ крупныхъ промышленныхъ центрахъ, были приняты резолюціи, въ которыхъ выражалось сожалѣніе по поводу отношенія конгресса къ двумъ пунктамъ порядка дня — къ вопросамъ о всеобщей стачкѣ и къ майскому празднеству. Нѣкоторыя собранія даже прямо подчеркивали свое несогласіе, указывая въ резолюціяхъ, что лучшимъ способомъ праздновать первое мая они, въ согласіи съ рѣшеніями международныхъ конгрессовъ, считаютъ полную пріостановку работы.

Еще большее значеніе имѣютъ протесты, раздававшіеся на съѣздахъ отдѣльныхъ профессіональныхъ союзовъ. На съѣздѣ горнорабочихъ была внесена резолюція, выражавшая порицаніе кельнскому делегату Леймпетерсу, тому самому, который заявилъ, что „рѣшенія международныхъ конгрессовъ не могутъ насъ связывать. Китайцы и ботокуды не могутъ постановлять то, что мы должны выполнять". Правда, эта резолюція была взята обратно, но лишь послѣ того, какъ Леймпетерсъ публично тутъ же на съѣздѣ взялъ обратно свои слова, а его соделегатъ Гюэ — онъ же редакторъ профессіональной газеты, издающейся горнорабочимъ союзомъ, — обѣщалъ впредь болѣе энергично вести первомайскую агитацію.

Гораздо энергичнѣе оказался протестъ съѣзда металлургическихъ рабочихъ, организація которыхъ принадлежитъ къ одной изъ наиболѣе сильныхъ и наиболѣе старыхъ. Здѣсь не впали въ ту ошибку, которую сдѣлали горнорабочіе, и, отвлекшись отъ вопроса о личностяхъ, сразу стали на принципіальную точку зрѣнія. Въ результатѣ большинствомъ 94 голосовъ противъ 66 принята резолюція, требующая обязательной стачки въ день перваго мая во всѣхъ мастерскихъ, гдѣ большинство организованныхъ рабочихъ высказалось за такую стачку. Рабочимъ, подвергшимся со стороны предпринимателей какимъ нибудь непріятностямъ за участіе въ стачкѣ, обѣщана поддержка союза Поведеніе своихъ делегатовъ въ вопросахъ о майскомъ праздникѣ и о всеобщей стачкѣ союзъ не одобряетъ.

Также отрицательно къ рѣшеніямъ Кельнскаго конгресса отнеслась пресса, какъ политическая, такъ и профессіональная. Указывалось на то, что конгрессъ былъ пропитанъ цеховымъ духомъ, враждебнымъ настроеніемъ къ партіи и презрительнымъ отношеніемъ къ теоріи. Указывалось далѣе, что на конгрессѣ разсчетливая дѣловитость совершенно оттѣснила на задній планъ идеализмъ, необходимый для борьбы за свободу; что профессіональные союзы, благодаря своей постоянной мелкой практической работѣ, потеряли всякое пониманіе значенія крупныхъ демонстрацій и что начинаютъ приближаться къ точкѣ зрѣнія англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

Повторяемъ, въ этомъ духѣ высказалось огромное большинство какъ политической, такъ и профессіональной прессы. Только очень немногіе органы соціальдемократической прессы нашли въ себѣ печальное мужество, чтобы заявить себя удовлетворенными ходомъ дебатовъ и рѣшеніями Кельнскаго конгресса. И среди этихъ органовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ оберъ-оппортунистическій центральный органъ партіи — Vorwärts. Такъ какъ о первомайскомъ празднованіи не было принято никакой резолюціи, то, по мнѣнію „Vorwärts'a", все остается по старому и нечего поднимать шумъ. А что касается вопроса о всеобщей стачкѣ, то резолюція, принятая конгрессомъ профессіональныхъ союзовъ, запрещающая, какъ извѣстно, дальнѣйшее дискутированіе этого вопроса другою и не можетъ и не должна быть. Ибо профессіональные союзы пока обнимаютъ только часть пролетаріата и должны, слѣдовательно, прежде всего позаботиться о пріобрѣтеніи всей пролетарской массы. А затѣмъ „политическая массовая стачка есть средство политической борьбы и не входитъ въ компетенцію профессіональныхъ союзовъ".

Такъ разсуждаетъ „Vorwärts". Каутскій, въ своемъ предисловіи къ брошюрѣ Генріетты Роландъ-Голстъ „О соціальдемократіи и всеобщей стачкѣ" останавливается довольно подробно на этихъ и другихъ подобныхъ разсужденіяхъ центральнаго органа нѣмецкой партіи. „Vorwärts" полагаетъ, пишетъ тамъ Каутскій, что въ профессіональныхъ союзахъ дискуссія о массовой политической стачкѣ только тогда умѣстна, когда имъ уже удалось привлечь „пролетарскую массу". Находитъ ли онъ дѣйствительно, что возможно организовать на профессіональной почвѣ всю пролетарскую массу? Но даже если онъ на самомъ дѣлѣ такъ оптимистически настроенъ, то онъ, навѣрное, не ожидаетъ этого въ близкомъ будущемъ. А чѣмъ сильнѣе становятся пролетарскія организаціи, тѣмъ больше вражда къ нимъ со стороны правящихъ классовъ, тѣмъ ближе политика реакціи, которая можетъ поставить насъ каждую минуту въ такое положеніе, которое раньше или позже толкнетъ насъ на путь массовой политической стачки. „Vorwärts" же представляетъ себѣ дѣло слишкомъ добродушно; выходитъ, что профессіональные союзы могутъ разсчитывать, что предприниматели и правительства будутъ спокойно выжидать, пока крѣпко сорганизуется пролетарская масса (чего, даже въ лучшемъ случаѣ, нельзя ожидать раньше, чѣмъ черезъ два или три десятка лѣтъ) и что, поэтому, у профессіональныхъ союзовъ нѣтъ настоятельной необходимости раньше подумать о новыхъ средствахъ борьбы...

„Наконецъ, по мнѣнію „Vorwärts'a", профессіональные союзы не должны вести дискуссій о политической массовой стачкѣ, такъ какъ это есть *политическое* средство борьбы, съ которымъ имъ дѣлать нечего: „еслибы профессіональный союзъ объявилъ: мы имѣемъ только профессіональныя задачи, въ рамки которыхъ не входитъ политическая массовая стачка для завоеванія политическихъ правъ или для воспрепятствованія лишенію политическихъ правъ, это мы предоставляемъ политической организаціи рабочихъ, то наврядъ ли кто-нибудь могъ бы что либо возразить противъ этого". („Vorwärts").

„Тутъ „Vorwärts" жестоко ошибается, такъ какъ противъ этой точки зрѣнія можно возразить *очень многое*. Я не знаю, какъ представляютъ себѣ въ редакціи нашего центральнаго органа политическую массовую стачку, но обыкновенно ее разсматриваютъ не какъ одностороннее дѣйствіе *партіи*, а какъ *общее дѣйствіе партіи и профессіональныхъ союзовъ*, поскольку таковые существуютъ *и для цѣлей*, которыя опять таки имѣютъ отношеніе не только къ *партіи*, но и къ *профессіональнымъ союзамъ*. Политическая массовая стачка становится необходимой какъ разъ при такомъ положеніи дѣлъ, когда какъ изолированные профессіональные союзы, такъ и предоставленная сама себѣ партія, оказываются безсильными, когда имъ надо *соединить* свои силы и методы, чтобы увеличить свою боевую готовность Именно эта комбинація профессіональной и политической дѣятельности (въ парламентахъ, городскихъ думахъ, путемъ прессы и т. д.), именно это составляетъ суть и особенность политической массовой стачки; поэтому она въ той же мѣрѣ касается профессіональныхъ союзовъ, какъ и партіи.

И это относится одинаково и къ средствамъ борьбы, и къ ея цѣлямъ. На это указываетъ уже предыдущая практика, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ стачка не являлась результатомъ готоваго заранѣе плана, какъ это было въ Бельгіи, а гдѣ она возникала самопроизвольно изъ создавшагося положенія вещей, какъ, напримѣръ, въ прошломъ году въ Италіи и теперь въ Россіи. Всеобщая стачка въ Италіи имѣла цѣлью защиту права коалицій и разразилась, какъ протестъ противъ дѣятельности жандармовъ, вмѣшивавшихся при каждомъ случаѣ въ стачки и разстрѣливавшихъ при этомъ рабочихъ. Былъ ли это въ самомъ дѣлѣ вопросъ, не имѣвшій никакого отношенія къ профессіональнымъ союзамъ?

А всеобщія стачки въ Россіи имѣютъ не только одну цѣль подкопаться подъ самодержавіе. Рядомъ съ этимъ, мы видимъ цѣли чисто профессіональныя, и стачки уже многаго достигли въ *обоихъ* отношеніяхъ, гораздо большаго, чѣмъ полагаютъ заграницей: онѣ мѣстами и временами создали такую свободу печати и собраній, какая до сихъ поръ была въ Россіи неслыханна, и рядомъ съ этимъ сократили рабочее время, повысили заработныя платы и устранили низкія заработныя платы.

Ясно, что утвержденіе, будто политическая массовая стачка не касается профессіональныхъ союзовъ, противорѣчитъ всѣмъ фактамъ. И въ Германіи, если такая стачка станетъ необходимостью, она будетъ средствомъ въ борьбѣ, въ которой дѣло будетъ идти столько же о профессіональныхъ, сколько о политическихъ цѣляхъ. Вѣдь, профессіональные союзы являются такимъ же бѣльмомъ въ глазахъ реакціонеровъ, какъ и соціальдемократія. Германскій пролетаріатъ можетъ быть поставленъ въ необходимость защищать не только всеобщее избирательное право, но и право коалицій. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, думать, что это касается только политической организаціи рабочаго класса?

Впрочемъ, у „Vorwärts'a" имѣется про запасъ еще одно доказательство ненужности дискутированія вопроса о всеобщей стачкѣ: вѣдь, въ Россіи этотъ вопросъ почти не дискутировался. „Vorwärts" буквально пишетъ: „Если указываютъ на блестящее примѣненіе политической массовой стачки въ Россіи то мы должны обратить вниманіе на то, что именно русскіе рабочіе всего меньше имѣли возможность обсуждать этотъ способъ борьбы".

Это разсужденіе въ духѣ нашей покойной „Рабочей Мысли" стоитъ еще ниже многихъ разсужденій на Кельнскомъ конгрессѣ, встрѣтившихъ отпоръ со стороны передовой части германскаго пролетаріата. И, конечно, этотъ пролетаріатъ будетъ пользоваться и въ будущемъ имѣющимися въ его распоряженіи, но отсутствующими въ Россіи, свободами для того, чтобы обсуждать новые, выдвигаемые ходомъ вещей способы борьбы, а не открещиваться отъ всякаго обсужденія и ждать, авось что-нибудь изъ этого выйдетъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Резолюція Харьковскаго Комитета. Выслушавъ докладъ делегата, посланнаго на III съѣздъ, мы находимъ, что онъ поступилъ вполнѣ правильно, отказавшись участвовать въ этомъ съѣздѣ, такъ какъ этотъ якобы „съѣздъ" ни по условіямъ своего созыва, ни по организаціи на немъ представительства партіи, не имѣлъ никакихъ основаній считаться партійнымъ съѣздомъ; мы заявляемъ затѣмъ, въ общемъ, свое согласіе съ тѣмъ рѣшеніемъ организаціонныхъ и тактическихъ вопросовъ, которое дано конференціей и въ особенности въ области организаціонныхъ вопросовъ, въ которой конференція рѣзко разошлась со „съѣздомъ", мы рѣшительно становимся на сторону конференціи; мы считаемъ затѣмъ необходимымъ вмѣстѣ съ другими организаціями такъ называемаго „меньшинства" сплотиться вокругъ Организаціонной Комиссіи, выбранной конференціей, и вмѣстѣ съ ней приступить къ реорганизаціи мѣстной и общей работы въ направленіи, намѣченномъ конференціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вполнѣ одобряемъ тотъ способъ возможнаго единства партіи, который намѣченъ конференціей и, съ своей стороны, будемъ употреблять всѣ усилія для установленія и всесторонняго соглашенія съ мѣстными организаціями такъ называемаго „большинства".

Двинскъ, 22 мая (письмо въ редакцію). Въ приложеніи къ № 100 „Искры": „Первая общерусская конференція партійныхъ работниковъ" на стр. четвертой напечатано: „Двинская группа Сѣверо-Западнаго Комитета, выдѣлившаяся изъ послѣдняго и объявившая себя комитетомъ, послала на съѣздъ делегата, но послѣдній, по прибытіи заграницу, сообщилъ организаціи о положеніи дѣлъ и, съ ея согласія, не принялъ участія въ съѣздѣ, а затѣмъ участвовалъ въ занятіяхъ конференціи".

Въ виду того, что сообщеніе это не вполнѣ совпадаетъ съ истиной, Двинскій Комитетъ Р. С-Д. Р. П. считаетъ нужнымъ разъяснить слѣдующее:

Въ мартѣ мѣсяцѣ Двинская Организація Сѣверо-Западнаго Комитета, не найдя для себя возможнымъ дальнѣйшее сотрудничество подъ руководствомъ Сѣв.-Западнаго Комитета, обратилась къ районному представителю Ц. К. съ просьбой сообщить явку въ Ц. К. Получивъ отказъ, Двинскій Комитетъ, пользуясь случаемъ, что одинъ изъ членовъ этого комитета уѣзжаетъ за-границу, поручилъ ему найти доступъ къ заграничнымъ представителямъ Ц. К. или на созываемомъ III съѣздѣ (о которомъ, между прочимъ, имѣлъ очень смутныя свѣдѣнія) сдѣлать докладъ о причинахъ, побудившихъ Дв. орг. С.-З. Ком. выступить изъ С. З. К. и объявить себя комитетомъ партіи, о положеніи дѣлъ и работѣ на мѣстахъ, и похлопотать о скорѣйшемъ утвержденіи Двинск. Ком. таковымъ и тѣмъ избавить его отъ ложнаго положенія, въ которомъ онъ очутился. Въ первыхъ числахъ апрѣля Дв. Ком., узнавъ изъ литературы, что съѣздъ созывается вопреки желанію и несмотря на протесты со стороны Совѣта Партіи, что большинство комитетовъ высказалось противъ созыва съѣзда (см. „Искра"), вынесъ резолюцію, что не признаетъ возможнымъ для себя, въ виду непартійнаго характера съѣзда, поручать кому бы то ни было защищать тамъ интересы организаціи. Въ случаѣ же, еслибы Совѣтъ измѣнилъ свое отношеніе къ созываемому съѣзду и санкціонировалъ бы его, или же съѣздъ былъ превращенъ въ конференцію то присутствіе тамъ товарища отъ Двинск. Ком. опять таки *исключительно для доклада* онъ нашелъ бы желательнымъ. Въ виду того, что товарищъ, членъ Двинск. Ком., еще не успѣлъ уѣхать заграницу, это рѣшеніе было ему передано устно однимъ изъ членовъ Дв. Комитета. Больше никакихъ переговоровъ и переписокъ по этому поводу съ отъѣзжающимъ товарищемъ Дв. Комитетомъ не велось.

Изъ этого ясно, что никакого делегата на съѣздъ Дв. Ком. не посылалъ и никакихъ переговоровъ объ измѣненіи существа „мандата" своего „делегата" не велъ.

Дв. Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Заявленіе. Узналъ только что, что делегатъ Полѣсскаго Ком. участвовалъ въ съѣздѣ „твердокаменныхъ". Какъ бывшій членъ П. К., участвовавшій въ посылкѣ делегата, считаю нужнымъ сообщить, что, по постановленію П. К., делегатъ его долженъ былъ участвовать въ съѣздѣ только въ томъ случаѣ, если на него явится не менѣе $^2/_3$ всѣхъ приглашенныхъ Ц. К. на съѣздъ комитетовъ и организацій, независимо отъ того, имѣютъ ли они право рѣшающаго голоса или только совѣщательнаго голоса. Подъ приглашенными понимались всѣ тѣ организаціи, которыя звалъ Ц. К. на съѣздъ съ совѣщательнымъ голосомъ въ одномъ изъ своихъ циркулярныхъ писемъ, т. е. группы Ц. К., периферіи городовъ, имѣющихъ не менѣе 20.000 рабочихъ, если эти периферіи стояли въ оппозиціи къ комитету и т. д. (о договорѣ Ц. К. съ Б. К. Б. относительно $^3/_4$ голосовъ намъ не было извѣстно.)

Бывшій членъ Полѣсскаго Комитета.

Мы получили второй и третій номера „*Соціальдемократа*", „органа кавказскихъ соц.-дем. рабочихъ организацій" нашей партіи, издающагося на грузинскомъ и армянскомъ языкахъ.

Содержаніе второго номера: 1) Конференція, 2) Учредительное Собраніе, 3) Временное правительство и наша тактика, 4) Грузинскіе націоналисты, 5) Внутреннее обозрѣніе, 6) „Большинство" или „меньшинство", 7) Изъ партіи, 8) Корреспонденціи. Въ номерѣ 16 страницъ.

Содержаніе третьяго номера: 1) Революція началась, 2) О возстаніи, 3) Грузинскіе націоналисты. 4) Миръ путемъ революціи, 5) „Большинство" или „меньшинство", 6) Корреспонденціи, 7) Изъ партіи 8) Шпіоны. Въ номерѣ 20 стр. Къ нему приложена брошюра въ восьмую долю листа, гдѣ разбирается брошюра Кавказскаго, такъ называемаго, „Союзнаго Комитета", являющаяся отвѣтомъ на статьи „Большинство" или „меньшинство", помѣщенныхъ въ первыхъ двухъ номерахъ кавказскаго „Соціальдемократа".

Съ характеромъ этого органа мы постараемся познакомить читателей болѣе подробно въ близкомъ будущемъ.

Отчетъ объ издательской дѣятельности Тифлисскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. за періодъ времени отъ 9 марта по 18 мая: Къ крестьянамъ — на грузинскомъ языкѣ 2200 экз., къ солдатамъ — на русскомъ — 2200, къ солдатамъ — на грузинскомъ — 3000, Пора кончать (перепечатка и переводъ) — на русскомъ — два раза по 3000 на грузинскомъ два раза по 3 тысячи; Солдатская памятка перепеч. на рус. — 3000; Разкажите 18 февраля (перепеч. и переводъ) изданіе Петербургск. Группы на рус. 2500, — на груз. 3000, всего 5500, къ крестьянамъ — на груз. 3000; „ко всѣмъ гражданамъ" на рус. 2000; „къ обществу" на рус. 2000, на груз. 3000, всего 5000; къ ресторанной прислугѣ на груз. 2000, Первое мая на груз. 2500 на рус. 4000 на армян. 2000, всего 8500; къ солдатамъ — на рус. 3000 ко всѣмъ машинистамъ и помощникамъ (съ призывомъ организоваться) закавказ. жел. дор. — на рус. 1300; къ обществу — на груз. 3000; къ бастующимъ машинистамъ, помощникамъ, стрѣлочникамъ, цѣпщикамъ и составителямъ поѣздовъ — на рус. 1000; требованія арестантовъ Метех. тюрьмы — на рус. 120, груз. 120, всего 240; требованія фургонщиковъ и тачечниковъ — на рус. 400; требованія каменьщиковъ — на рус. 200 груз. 700, всего 900; къ служащимъ правительственныхъ и частныхъ конторъ „Пора организоваться", отъ группы соц.-демократовъ конторщиковъ — на рус. 1000; требованія Тифлисскихъ кузнецовъ — на рус. 500, требованія Тифлисскихъ каретниковъ — на рус. 400, груз. 400, всего 800; требованія мелкихъ лавочниковъ — на груз. 400 требованія служащихъ лавокъ — на груз. 400; требованія рабочихъ лимонадныхъ заводовъ — на груз. 200; требованія рабочихъ табачной фабрики „Миръ" — на рус. 200, на груз. 200, всего 400; требованія парикмахерскихъ служащихъ — на груз. [illegible]00; требованія мастерскихъ кройки и шитья — на рус. 240, груз. 300, всего 540, требованія духанщиковъ (хацчниковъ) — на груз. 300, требованія служащихъ виноторговцевъ — на груз. 300; требованія кормилицъ Ольгинскаго повивальнаго института — на рус. 300 груз. 300, всего 600, требованія азіатскихъ фурщиковъ — на груз. 400; требованія служащихъ ресторановъ и гостинницъ г. Тифлиса — на рус. 200, груз. 300, всего 500; требованія буфетной прислуги на Кавказской жел. дор. — на груз. 800; требованія рабочихъ кондитеровъ и булочниковъ — на рус. 300, груз. 300, всего 600; требованія типографскихъ рабочихъ — на рус. 300, груз. 300 армян. 300, всего 900; требованія лавочниковъ — на груз. 400; требованія служащихъ въ складахъ — на груз. 400; требованія фурщиковъ — на груз. 300; требованія приказчиковъ — на рус. 300 груз. 300, армян. 300, всего 900, еще требованія разныхъ служащихъ — на рус. 200, груз. 400, армян. 200, всего 800; къ пріѣзду намѣстника — на рус. 300, груз. 200 всего 500; Соціальдемократъ № I — 6000, № II — 5700; требованія служащихъ въ сыроварняхъ на груз. 40; требованія рабочихъ сундучныхъ мастерскихъ — на груз. 60 армян. 60, всего 120; требованія рабочихъ табачной фабрики „Левъ" — на рус. 100; ко всѣмъ рабочимъ г. Тифлиса — на рус. 5000, груз. 4000, армян. 4000, всего 13,000; Какіе выборы нужны? — на рус. 1000, груз. 1000, всего 2000; къ сектантамъ (объ указѣ о вѣротерпимости — на русскомъ —. Всего за два мѣсяца около 96000 экземпляровъ.

Денежный отчетъ комитета за декабрь (на всѣхъ трехъ языкахъ) — 400, за январь — 450, за февраль — 600, за мартъ — 60. Денежный отчетъ Карталинской кассы — 60.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Редакціей „Искры" получено: отъ Смерн. на народное вооруженіе 15.00, изъ Дюссельдорфа 38.00 отъ нѣмецкихъ студентовъ 12.20, собрано между тов. въ Берлинѣ 14 77, отъ итальянскихъ соц. въ Бернѣ 6.50, изъ Тильзита по мандату 14.0 отъ соц.-дем союза въ Шпандау 123.00, отъ инженеровъ Дармштадта 25.00, Центральное Бюро группъ содѣйствія 1000.0 отъ Интер. Соц. Бюро 2524 61.

Тип. Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 104. 1-го іюля 1905 г. Годъ V

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Черезъ 11 дней послѣ того, какъ на немъ взвилось красное знамя, „Князь Потемкинъ" сложилъ оружіе, а экипажъ его высадился въ Румынію. Первая попытка вооруженнаго возстанія не удалась. Къ счастью, эта неудавшаяся попытка стоила революціи сравнительно немного жертвъ, и это обстоятельство въ высокой степени увеличиваетъ революціонное дѣйствіе, которое она окажетъ, несмотря на неудачи, на народныя массы, подготовляя ихъ къ слѣдующему возстанію.

Въ настоящій моментъ мы еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы всесторонне выяснить вопросъ о началѣ неудачнаго конца столь успѣшно начатаго возстанія. Но кое какими данными мы уже располагаемъ, а потому и имѣемъ возможность подвести нѣкоторые итоги этому событію русской революціи, затмившему собою всѣ ея предыдущіе этапы.

И прежде всего мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить о возникновеніи самаго возстанія моряковъ. Мы знаемъ, что *поводомъ* къ нему послужило столкновеніе команды съ офицерами, сопровождавшееся убійствомъ одного товарища. Случайная искра зажгла пожаръ, для котораго наша революціонная работа подготовила достаточное количество горючаго матеріала.

Это обстоятельство съ самаго начала опредѣлило характеръ возстанія и задачи, поставленныя имъ революціонерамъ. Въ головахъ организованныхъ матросовъ давно уже зародился опредѣленный планъ того возстанія, которое они начнутъ, овладѣвъ *всѣми* судами. Согласно этому плану, революціонный флотъ забираетъ Одессу, поднимаетъ возстаніе на Кавказѣ. Вы же, говорили матросы Крымскому Союзу, дайте въ это время знать Польшѣ и Петербургу, чтобъ поддержали.

Нельзя было ничего возразить по существу противъ этого боевого плана; можно сказать, что онъ самъ собой напрашивался, какъ выводъ изъ даннаго положенія революціонныхъ силъ. Однако, прежде чѣмъ организаціей могли быть приняты хотя бы тѣ дѣйствія, которыя являлись обязательными въ силу вѣроятности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общаго возстанія черноморскихъ моряковъ, — наступили тѣ событія, которыя съ быстротой молніи перемѣнили всю обстановку намѣченнаго плана и поставили передъ революціонерами вопросъ — или отступить, или рѣшительно идти впередъ? Товарищи съ „Потемкина" избрали второе и были вполнѣ правы. Въ Одессѣ въ то время рабочими велась баррикадная битва, и это обстоятельство подсказывало имъ совершенно новый планъ дѣйствій.

Съ самаго начала, слѣдовательно, на этомъ возстаніи сказалась тщета столь обычныхъ еще у насъ упованій на повсемѣстное возстаніе, начатое „по плану". Къ возстанію насъ приближаетъ прежде всего наша широкая агитаціонная дѣятельность; а ея развитіе, по необходимости, вызываетъ въ массахъ то революціонное броженіе, которое не ждетъ сигнала свыше, чтобы вылиться въ отдѣльномъ возстаніи. Задача *организаціи* революціи начинается съ того момента, когда возстаніе вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организаціи и всѣхъ подготовительныхъ для ея успѣха дѣйствій дается общей революціонной атмосферой, въ которой возникаютъ возстанія не какъ случайные эпизодическіе акты, но какъ необходимыя слѣдствія остраго столкновенія общественныхъ силъ.

Задача организаціи революціи стала передъ нашими товарищами, когда внезапно вспыхнувшее возстаніе отдало имъ въ руки грозную боевую силу. Приходилось составлять планъ борьбы примѣнительно къ данному положенію дѣлъ. Прежде всего — связать возставшій экипажъ съ боровшимся на улицахъ Одессы пролетаріатомъ и объединить эти два движенія одной политической программой. Матросы такъ и поступили. Прибытіе броненосца въ Одессу и выставленіе его экипажемъ революціонной программы подняло революціонное самосознаніе одесскаго пролетаріата, устроившаго морякамъ восторженную встрѣчу. Мы не знаемъ, какъ ихъ встрѣтила либерально-демократическая часть буржуазіи. Отдѣльныя фразы въ полученныхъ нами письмахъ заставляютъ насъ думать, что ея политическое поведеніе было ниже всякой критики и заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Само собой разумѣется, что происшедшія вскорѣ послѣ прибытія „Потемкина" вспышки „босяцкаго бунта" съ поджогами и грабежами не могутъ оправдать враждебнаго или даже пассивнаго отношенія общества къ стучавшейся въ его двери народной революціи...

Прибывъ въ Одессу, „Потемкинъ" сталъ на стражѣ волновавшагося и манифестировавшаго пролетаріата. Представители послѣдняго приглашали матросовъ къ энергичнымъ активнымъ дѣйствіямъ. Предложенный одесскими товарищами планъ борьбы заключался въ высадкѣ части матросовъ на берегъ, вооруженіи рабочихъ лишнимъ оружіемъ, бывшимъ на кораблѣ, и занятіи города народомъ, во главѣ котораго, подъ охраной пушекъ броненосца, пошли-бы моряки. Намъ кажется, что этотъ планъ являлся наиболѣе цѣлесообразнымъ. Воспользоваться первымъ моментомъ дезорганизаціи власти, чтобы напасть на нее и попытаться увлечь на свою сторону колебавшіеся полки — это значило повести борьбу при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Взять городъ въ свои руки, провозгласить въ немъ низверженіе царской власти и организовать республиканское самоуправленіе гражданъ — подобно тому, какъ матросы „Потемкина" организовали на броненосцѣ военную республику — значило дать возстанію *политическій* центръ, дать ему политическую организацію. Это значило — могучимъ движеніемъ вызвать наружу всѣ скрытыя въ различныхъ слояхъ населенія революціонныя силы, побудить буржуазную демократію занять опредѣленное отношеніе къ провозглашенной политической свободѣ, дать окрестному, только что поднявшемуся, крестьянству, опорный пунктъ для организаціи своего революціоннаго самоуправленія, дать всей остальной Россіи стимулъ перейти къ активной борьбѣ. Начавшееся на военномъ кораблѣ возстаніе должно было возможно скорѣе укрѣпиться въ городѣ.

Возставшіе матросы не рѣшились принять предложеніе одесскихъ соціальдемократовъ. Они находили, что высадка части экипажа до того, какъ опредѣлится отношеніе остальной части флота, нецѣлесообразно. Мы здѣсь не можемъ всесторонне выяснить, насколько были правильны ихъ соображенія. Ясно, что, имѣя въ тылу еще не ушедшій изъ рукъ правительства флотъ, они могли считать рискованной высадку на сушу. Но, съ другой стороны, взятіе народомъ Одессы само явилось бы тѣмъ событіемъ, которое ускорило бы переходъ остальныхъ судовъ на сторону народа. Если-же приходилось дожидаться появленія эскадры Кригера, то, дождавшись ея отступленія передъ краснымъ флагомъ „Потемкина" и выяснивъ, что настроеніе массы матросовъ въ данный моментъ не позволяетъ правительству принять сраженіе, надо было, очевидно, вернуться къ первоначальному плану одесскихъ товарищей, хотя бы при болѣе худшихъ, чѣмъ за два дня до того, условіяхъ.

Бомбардировать Одессу матросы не рѣшились. Они объяснили корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Румыніи, что не желали разорять бѣдной части населенія. Не принявъ плана высадки въ Одессѣ, что могли онъ еще сдѣлать, если эскадра къ нимъ не присоединилась? Идти на Кавказъ, чтобы, высадившись тамъ, дать толчокъ къ народному возстанію? Мы пытались снестись съ ними, чтобы дать имъ этотъ совѣтъ. Но надо признать, что поставивъ свои дѣйствія въ зависимость отъ пассивнаго поведенія остальныхъ судовъ и понимая, что этой пассивностью морскія власти попытаются воспользоваться, чтобы сколотить себѣ хоть маленькій, но надежный отрядъ, — зная это, „Потемкинъ" долженъ былъ считать нападеніе на пока еще спокойный Кавказъ рискованнымъ предпріятіемъ, которое, при неудачѣ, могло позволить Кригеру отрѣзать броненосцу всякое отступленіе. При такихъ условіяхъ, плаваніе по Черному морю становилось безцѣльнымъ, и рано или поздно, оставалось выбрать лучшій изъ оставшихся исходовъ — ликвидировать возстаніе, эмигрировавъ на иностранную территорію.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что наиболѣе благопріятный моментъ для развитія возстанія былъ упущенъ въ первые дни по прибытіи въ Одессу. Естественно возникаетъ вопросъ: не потому ли проиграно дѣло, что *всѣ* ожидали дальнѣйшихъ иниціативныхъ дѣйствій отъ „Потемкина"? Не должны ли были одесскія организаціи попытаться перейти въ наступленіе, не дожидаясь десанта съ „Потемкина", не должны ли были военные кружки въ Одессѣ попытаться немедленно начать „солдатскій бунтъ", чтобы перевести на сторону революціи какую нибудь военную часть: не должны ли были организованные матросы въ Севастополѣ постараться увлечь еще одно судно на путь возстанія?

Мы нарочно ставимъ эти вопросы, хотя хорошо знаемъ, что знакомые съ обстоятельствами дѣла люди могутъ отвѣтить намъ: это было, въ данномъ положеніи, немыслимо. Возможно, что такъ. Но это только и значитъ, что дѣйствительной причиной неудачи возстанія явилась *общая неподготовленность* къ возстанію данныхъ революціонныхъ элементовъ.

Знали ли одесскіе рабочіе — широкіе слои ихъ — каковы задачи рабочаго класса по отношенію къ народному возстанію? Знали ли они, до какой степени успѣхъ возстанія зависитъ отъ рѣшительныхъ коллективныхъ дѣйствій всѣхъ слоевъ народной массы, бьющихъ въ одну точку, уничтожающихъ правительственную власть, „развязывающихъ" народную революцію? Привыкли ли они къ планомѣрнымъ массовымъ дѣйствіямъ, опирающимся на широкія массовыя же организаціи? Привыкли ли они, научились ли они выступать, какъ политическій *авангардъ* народа, заинтересовывая въ успѣхѣ возстанія непролетарскіе слои населенія, знакомя ихъ съ политической программой революціи? Знали ли ближніе крестьяне, что имъ нужно идти въ возстающій городъ? Знали ли рабочіе окрестныхъ городовъ, что имъ надо, во что ни стало, помѣшать концентраціи военныхъ силъ въ Одессѣ, что они должны разрушать желѣзныя дороги, устраивать желѣзнодорожныя стачки, отвлекать войска собственными „безпорядками"?

Очевидно, на всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. И этотъ отрицательный отвѣтъ, давая объясненіе главнымъ причинамъ неудачи возстанія, даетъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, что же дѣлать для успѣха будущихъ возстаній?

Но мы бы не исчерпали всего вопроса о нашихъ собственныхъ недочетахъ, если бы не упомянули объ обнаружившейся въ эти дни слабости *организаціи*. Изолированность мѣстныхъ движеній снова сказалась въ яркой формѣ. Черезъ четыре дня послѣ прибытія „Потемкина" въ Одессу, въ Николаевѣ, охваченномъ всеобщей забастовкой и волненіями рабочихъ, организованные товарищи имѣли самыя смутныя свѣдѣнія о какомъ то „бунтѣ матросовъ". Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ — парализовать охваченную пожаромъ мѣстность — оказывается для него достижимой, благодаря, въ значительной мѣрѣ, „кустарному" характеру нашей работы, искусственно закрѣпляемому утопическими представленіями о такомъ партійномъ централизмѣ, который сдѣлаетъ ненужной для каждой мѣстной группы заботу о связываніи даннаго движенія тысячами организаціонныхъ нитей съ окрестными движеніями.

Еще въ письмѣ о вооруженіи, съ которымъ мы обратились къ организаціямъ сейчасъ послѣ 9 января, мы указывали товарищамъ на то, что обычное представленіе о „подготовленномъ и назначенномъ" возстаніи, однимъ ударомъ свергающемъ существующее правительство и замѣняющемъ его новымъ, — что это представленіе, въ лучшемъ случаѣ, покоится на подмѣнѣ *всенароднаго* возстанія возстаніемъ *столичнаго* населенія, на подобіе тѣхъ, какія рѣшали судьбу революцій во Франціи. Этому представленію мы противоставляли тогда же картину революціи, вспыхивающей гдѣ либо на окраинѣ, вообще, въ одной изъ многочисленныхъ, охваченныхъ движеніемъ, областей Россіи и планомѣрно распространяющейся на всю страну съ перспективой послѣдняго удара въ правительственномъ центрѣ. За вѣроятность такого хода событій говорятъ особенныя условія возникновенія и развитія русскаго революціоннаго движенія и — не въ послѣдней мѣрѣ — боевая гегемонія въ немъ соціалистическаго пролетаріата.

Представленіе о революціонномъ центрѣ, двигающемъ по ниточкамъ милліонами возстающаго во всѣхъ концахъ Россіи народа принадлежитъ къ числу худшихъ продуктовъ распаленной фантазіи „героевъ голубинаго полета". Партизаны такого рода „командованія революціей" обыкновенно упускаютъ дѣйствительныя возможности направить ходъ событій подъ предлогомъ, что еще не назрѣлъ моментъ для лелѣемаго ими „подготовленнаго и назначеннаго возстанія". Представленіе о послѣднемъ, съ другой стороны, понижаетъ активность тѣхъ революціонныхъ группъ, которымъ приходится имѣть передъ собой подлинно возставшую массу и которыя ждутъ не отъ себя, не отъ своей иниціативы, а отъ кого то другого (или отъ стихіи), распространенія вспыхнувшей революціи за первоначальные ея предѣлы [1].

Если вѣрно, что страна „вплотную подошла къ всенародному возстанію" — а это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно, — то каждое успѣшное частное возстаніе должно быть сдѣлано исходной точкой возстанія всероссійскаго. Задача революціонеровъ въ этомъ случаѣ — сдѣлать возставшую мѣстность центромъ такого всероссійскаго возстанія, не дожидаясь активныхъ дѣйствій революціонныхъ элементовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но, напротивъ, стимулируя эти послѣднія. Когда кругомъ накопилось столько горючаго матеріала, когда для возстанія не хватаетъ только надежды населенія на побѣду въ открытомъ бою, тогда такая тактика уже одержавшихъ успѣхъ революціонеровъ представляется обязательной. Поэтому, и организаціонная наша работа въ области подготовительныхъ къ возстанію дѣйствій должна ставить себѣ цѣлью прежде всего обезпечить возможность *управлять большими массами*.

Сказаннаго достаточно, чтобы изъ неудачи, постигшей „Потемкина", сдѣлать еще разъ тѣ выводы, къ которымъ пришла обще-партійная конференція въ своей резолюціи о подготовкѣ къ возстанію. Только посильное выполненіе всѣми товарищами намѣченной въ этой резолюціи программы дѣйствій позволитъ будущимъ возстаніямъ дать большій непосредственный результатъ.

Что же касается результатовъ косвенныхъ, то возстаніе матросовъ „Потемкина", не смотря на свою конечную неудачу, оказало громадную услугу революціи. Эра перехода военныхъ силъ на сторону народа открылась. Правительственныя силы деморализованы. Въ солдатскую и офицерскую среду внесенъ духъ „мятежа". Отнынѣ революціонное движеніе въ арміи будетъ идти гигантскими шагами. И это обстоятельство все чаще и чаще будетъ ставить передъ нами вопросъ объ использованіи дающихся намъ въ руки военныхъ силъ революціи. Вотъ почему обязанностью всей партіи является постараться, чтобы вновь полученный урокъ не пропалъ даромъ. Необходимо самымъ широкимъ образомъ ознакомить народныя массы съ закончившейся только что попыткой возстанія, надо популяризировать среди нихъ нашу программу революціонныхъ дѣйствій, надо возможно шире ставить передъ организованнымъ пролетаріатомъ и передъ организованными солдатами вопросъ о подготовкѣ къ возстанію. Тогда только неудавшееся, какъ *возстаніе*, предпріятіе „Потемкина" само сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ подготовки населенія къ побѣдоносной борьбѣ. Тогда только, по выраженію резолюціи, принятой конференціей, пріобрѣтаютъ значеніе наши боевыя приготовленія, пріуроченныя къ возстанію.

Исторія знаетъ неудачныя возстанія, имѣвшія болѣе революціонное значеніе, чѣмъ иныя побѣды повстанцевъ. Возстаніе „Потемкина" принадлежитъ къ числу такихъ „неудачныхъ" возстаній. Революціонерамъ не приходится сожалѣть, что взрывъ на „Потемкинѣ" произошелъ до того, какъ матросамъ удалось подготовить возстаніе во всемъ флотѣ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Земская депутація 6 іюня сдѣлала, несомнѣнно, съ своей стороны все возможное, чтобы превратить свое хожденіе къ царю въ смѣшной фарсъ. Накланявшись по всѣмъ канцеляріямъ, пожавъ руки всей „высокопоставленной" шайкѣ, обмѣнявшись визитами съ генералъ-кнутобойцемъ Треповымъ она, если не сдвинула пресловутую „стѣну бюрократіи", отдѣляющую „царя отъ народа", то, по крайней мѣрѣ, ползкомъ пробралась подъ нею и предстала передъ „монархомъ". Но это эффектное положеніе депутація съумѣла использовать лишь затѣмъ, чтобы какъ можно больше и „убѣдительнѣе" поговорить и какъ можно меньше сказать. Вмѣсто „народныхъ трибуновъ", передъ царемъ предстали обыкновеннѣйшіе болтуны, ужомъ извивавшіеся въ искусно-построенныхъ оборотахъ рѣчи и старательно обходившіе „опасныя" мѣста. Какъ ни грустно, приходится признать, что горькая правда, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ авторъ, заключается въ словахъ члена другой депутаціи, гр. Бобринскаго: „Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова". Какъ иначе оцѣнить людей, ведущихъ „борьбу" противъ самодержавія и требующихъ въ то-же время, чтобы Николай II сталъ „царемъ всего народа"? Немудрено, что даже убогій Николай, ораторская карьера котораго началась съ произнесенія какихъ то шипящихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, среди которыхъ отчетливо вырвались со свистомъ только два слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ", немудрено, что даже этотъ коронованный митрофанъ побилъ рекордъ въ состязаніи съ краснорѣчивѣйшимъ профессоромъ кн. Трубецкимъ, и сказалъ ясно то, что хотѣлъ — о „самобытныхъ началахъ", — между тѣмъ, какъ профессору, того, что онъ „хотѣлъ", сказать несомнѣнно не удалось. И сіятельный „врагъ бюрократіи" оказался столь одураченнымъ, что счелъ даже совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ принять порученіе писать „записку" объ университетскомъ вопросѣ, утѣшаясь тѣмъ, что она прямо попадетъ въ руки „Его Величества", минуя ненавистную „бюрократію", которой, очевидно, въ канцеляріи Его Величества и не пахнетъ!

---

[1] Корреспондентъ „Matin" Гастонъ Леру сказалъ по поводу неудачи „Потемкина": „Революція овладѣваетъ броненосцемъ — событіе невиданное въ исторіи — не зная въ тоже время, что съ нимъ дѣлать". Газета „Пролетарій" по своему поняла это ироническое и, къ сожалѣнію, основательное замѣчаніе: „Тутъ есть большая доля правды, несомнѣнно. Мы повинны, спора нѣтъ, въ недостаточной организованности революціи. Мы повинны въ слабости сознанія нѣкоторыхъ соціальдемократовъ насчетъ необходимости организовать революцію, поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ практическихъ задачъ, пропагандировать необходимость революціоннаго правительства". Французскій журналистъ говоритъ о неорганизованности революціонной борьбы, говоруны изъ „Пролетарія" — о „слабости сознанія" своихъ *противниковъ*, которые, однако, ими уже „удалены" изъ ихъ партіи. Леру удивляется, что революціонеры, обладая броненосцемъ, не съумѣли распространить такъ удачно начатое возстаніе; Ленинъ съ братіей долбитъ: надо „поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ задачъ", надо „пропагандировать временное правительство". Любезнѣйшій! владѣя броненосцемъ, надо не столько пропагандировать, сколько *устраивать* временное правительство; начавъ возстаніе, надо не столько „сильно сознавать" неотложность организаціи революціи, сколько — *организовывать* ее въ ходѣ возстанія.. Приведенныя строки крайне характерны для революціонеровъ фразы: въ теченіе уже полгода они кричатъ о возстаніи, а занимаются обильнымъ изданіемъ „галеркиной литературы"; требуютъ организаціи революціи — и не могутъ хотя бы какую нибудь помощь оказать партійнымъ комитетамъ въ организаціи текущей политической агитаціи въ массахъ, настаиваютъ на вооруженіи народа — и ни одной серьезной попытки не сдѣлали въ своихъ комитетахъ для организаціи вооруженія хотя бы сотенъ передовыхъ рабочихъ; пропагандируютъ захватъ власти — и забавляются игрою въ съѣздъ комитетскихъ „засѣдателей", то есть, людей, быть можетъ, и пригодныхъ для будущей парламентской дѣятельности, но рѣшительно ни на что не нужныхъ въ боевое время. Послѣ всего этого они серьезно увѣрены, что если не только революцію, но и стачку путную имъ не удается организовать, то виновато въ этомъ „слабое сознаніе" тѣхъ самыхъ соціальдемократовъ, которыхъ ихъ „съѣздъ" объявилъ „внѣ партіи", то есть партіи ненужными

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 104. 1-го іюля 1905 г. Годъ V

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Черезъ 11 дней послѣ того, какъ на немъ взвилось красное знамя, „Князь Потемкинъ“ сложилъ оружіе, а экипажъ его высадился въ Румынію. Первая попытка вооруженнаго возстанія не удалась. Къ счастью, эта неудавшаяся попытка стоила революціи сравнительно немного жертвъ, и это обстоятельство въ высокой степени увеличиваетъ революціонное дѣйствіе, которое она окажетъ, несмотря на неудачи, на народныя массы, подготовляя ихъ къ слѣдующему возстанію.

Въ настоящій моментъ мы еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы всесторонне выяснить вопросъ о началѣ неудачнаго конца столь успѣшно начатаго возстанія. Но кое какими данными мы уже располагаемъ, а потому и имѣемъ возможность подвести нѣкоторые итоги этому событію русской революціи, затмившему собою всѣ ея предыдущіе этапы.

И прежде всего мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить о возникновеніи самаго возстанія моряковъ. Мы знаемъ, что поводомъ къ нему послужило столкновеніе команды съ офицерами, сопровождавшееся убійствомъ одного товарища. Случайная искра зажгла пожаръ, для котораго наша революціонная работа подготовила достаточное количество горючаго матеріала.

Это обстоятельство съ самаго начала опредѣлило характеръ возстанія и задачи, поставленныя имъ революціонерамъ. Въ головахъ организованныхъ матросовъ давно уже зародился опредѣленный планъ того возстанія, которое они начнутъ, овладѣвъ *всѣми* судами. Согласно этому плану, революціонный флотъ забираетъ Одессу, поднимаетъ возстаніе на Кавказѣ. Вы же, говорили матросы Крымскому Союзу, дайте въ это время знать Польшѣ и Петербургу, чтобъ поддержали.

Нельзя было ничего возразить по существу противъ этого боевого плана; можно сказать, что онъ самъ собой напрашивался, какъ выводъ изъ даннаго положенія революціонныхъ силъ. Однако, прежде чѣмъ организаціей могли быть приняты хотя бы тѣ дѣйствія, которыя являлись обязательными въ силу вѣроятности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общаго возстанія черноморскихъ моряковъ, — наступили тѣ событія, которыя съ быстротой молніи перемѣнили всю обстановку намѣченнаго плана и поставили передъ революціонерами вопросъ — или отступить, или рѣшительно идти впередъ? Товарищи съ „Потемкина“ избрали второе и были вполнѣ правы. Въ Одессѣ въ то время рабочими велась баррикадная битва, и это обстоятельство подсказывало имъ совершенно новый планъ дѣйствій.

Съ самаго начала, слѣдовательно, на этомъ возстаніи сказалась тщета столь обычныхъ еще у насъ упованій на повсемѣстное возстаніе, начатое „по плану“. Къ возстанію насъ приближаетъ прежде всего наша широкая агитаціонная дѣятельность; а ея развитіе, по необходимости, вызываетъ въ массахъ то революціонное броженіе, которое не ждетъ сигнала свыше, чтобы вылиться въ отдѣльномъ возстаніи. Задача *организаціи* революціи начинается съ того момента, когда возстаніе вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организаціи и всѣхъ подготовительныхъ для ея успѣха дѣйствій дается общей революціонной атмосферой, въ которой возникаютъ возстанія не какъ случайные эпизодическіе акты, но какъ необходимыя слѣдствія остраго столкновенія общественныхъ силъ.

Задача организаціи революціи стала передъ нашими товарищами, когда внезапно вспыхнувшее возстаніе отдало имъ въ руки грозную боевую силу. Приходилось составлять планъ борьбы примѣнительно къ данному положенію дѣлъ. Прежде всего — связать возставшій экипажъ съ боровшимся на улицахъ Одессы пролетаріатомъ и объединить эти два движенія одной политической программой. Матросы такъ и поступили. Прибытіе броненосца въ Одессу и выставленіе его экипажемъ революціонной программы подняло революціонное самосознаніе одесскаго пролетаріата, устроившаго морякамъ восторженную встрѣчу. Мы не знаемъ, какъ ихъ встрѣтила либерально-демократическая часть буржуазіи. Отдѣльныя фразы въ полученныхъ нами письмахъ заставляютъ насъ думать, что ея политическое поведеніе было ниже всякой критики и заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Само собой разумѣется, что происшедшія вскорѣ послѣ прибытія „Потемкина“ вспышки „босяцкаго бунта“ съ поджогами и грабежами не могутъ оправдать враждебнаго или даже пассивнаго отношенія общества къ стучавшейся въ его двери народной революціи...

Прибывъ въ Одессу, „Потемкинъ“ сталъ на стражѣ волновавшагося и манифестировавшаго пролетаріата. Представители послѣдняго приглашали матросовъ къ энергичнымъ активнымъ дѣйствіямъ. Предложенный одесскими товарищами планъ борьбы заключался въ высадкѣ части матросовъ на берегъ, вооруженіи рабочихъ излишнимъ оружіемъ, бывшимъ на кораблѣ, и занятіи города народомъ, во главѣ котораго, подъ охраной пушекъ броненосца, пошли-бы моряки. Намъ кажется, что этотъ планъ являлся наиболѣе цѣлесообразнымъ. Воспользоваться первымъ моментомъ дезорганизаціи власти, чтобы напасть на нее и попытаться увлечь на свою сторону колебавшіеся полки — это значило повести борьбу при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Взять городъ въ свои руки, провозгласить въ немъ низверженіе царской власти и организовать республиканское самоуправленіе гражданъ — подобно тому, какъ матросы „Потемкина“ организовали на броненосцѣ военную республику — значило дать возстанію *политическій* центръ, дать ему политическую организацію. Это значило — могучимъ движеніемъ вызвать наружу всѣ скрытыя въ различныхъ слояхъ населенія революціонныя силы, побудить буржуазную демократію занять опредѣленное отношеніе къ провозглашенной политической свободѣ, дать окрестному, только что поднявшемуся, крестьянству, опорный пунктъ для организаціи своего революціоннаго самоуправленія, дать всей остальной Россіи стимулъ перейти къ активной борьбѣ. Начавшееся на военномъ кораблѣ возстаніе должно было возможно скорѣе укрѣпиться въ городѣ.

Возставшіе матросы не рѣшились принять предложеніе одесскихъ соціальдемократовъ. Они находили, что высадка части экипажа до того, какъ опредѣлится отношеніе остальной части флота, нецѣлесообразно. Мы здѣсь не можемъ всесторонне выяснить, насколько были правильны ихъ соображенія. Ясно, что, имѣя въ тылу еще не ушедшій изъ рукъ правительства флотъ, они могли считать рискованной высадку на сушу. Но, съ другой стороны, взятіе народомъ Одессы само явилось бы тѣмъ событіемъ, которое ускорило бы переходъ остальныхъ судовъ на сторону народа. Если-же приходилось дожидаться появленія эскадры Кригера, то, дождавшись ея отступленія передъ краснымъ флагомъ „Потемкина“ и выяснивъ, что настроеніе массы матросовъ въ данный моментъ не позволяетъ правительству принять сраженіе, надо было, очевидно, вернуться къ первоначальному плану одесскихъ товарищей, хотя бы при болѣе худшихъ, чѣмъ за два дня до того, условіяхъ.

Бомбардировать Одессу матросы не рѣшились. Они объяснили корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Румыніи, что не желали разорять бѣдной части населенія. Не принявъ плана высадки въ Одессѣ, что могли они еще сдѣлать, если эскадра къ нимъ не присоединилась? Идти на Кавказъ, чтобы, высадившись тамъ, дать толчокъ къ народному возстанію? Мы пытались снестись съ ними, чтобы дать имъ этотъ совѣтъ. Но надо признать, что поставивъ свои дѣйствія въ зависимость отъ пассивнаго поведенія остальныхъ судовъ и понимая, что этой пассивностью морскія власти попытаются воспользоваться, чтобы сколотить себѣ хоть маленькій, но надежный отрядъ, — зная это, „Потемкинъ“ долженъ былъ считать нападеніе на пока еще спокойный Кавказъ рискованнымъ предпріятіемъ, которое, при неудачѣ, могло позволить Кригеру отрѣзать броненосцу всякое отступленіе. При такихъ условіяхъ, плаваніе по Черному морю становилось безцѣльнымъ, и рано или поздно, оставалось выбрать лучшій изъ оставшихся исходовъ — ликвидировать возстаніе, эмигрировавъ на иностранную территорію.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что наиболѣе благопріятный моментъ для развитія возстанія былъ упущенъ въ первые дни по прибытіи въ Одессу. Естественно возникаетъ вопросъ: не потому ли проиграно дѣло, что *всѣ* ожидали дальнѣйшихъ иниціативныхъ дѣйствій отъ „Потемкина“? Не должны ли были одесскія организація попытаться перейти въ наступленіе, не дожидаясь десанта съ „Потемкина“, не должны ли были военные кружки въ Одессѣ попытаться немедленно начать „солдатскій бунтъ“, чтобы перевести на сторону революціи какую нибудь военную часть: не должны ли были организованные матросы въ Севастополѣ постараться увлечь еще одно судно на путь возстанія?

Мы нарочно ставимъ эти вопросы, хотя хорошо знаемъ, что знакомые съ обстоятельствами дѣла люди могутъ отвѣтить намъ: это было, въ данномъ положеніи, немыслимо. Возможно, что такъ. Но это только и значитъ, что дѣйствительной причиной неудачи возстанія явилась *общая неподготовленность* къ возстанію данныхъ революціонныхъ элементовъ.

Знали ли одесскіе рабочіе — широкіе слои ихъ — каковы задачи рабочаго класса по отношенію къ народному возстанію? Знали ли они, до какой степени успѣхъ возстанія зависитъ отъ рѣшительныхъ коллективныхъ дѣйствій всѣхъ слоевъ народной массы, бьющихъ въ одну точку, уничтожающихъ правительственную власть, „развязывающихъ“ народную революцію? Привыкли ли они къ планомѣрнымъ массовымъ дѣйствіямъ, опирающимся на широкія массовыя же организаціи? Привыкли ли они, научились ли они выступать, какъ политическій *авангардъ* народа, заинтересовывая въ успѣхѣ возстанія непролетарскіе слои населенія, знакомя ихъ съ политической программой революціи? Знали ли ближніе крестьяне, что имъ нужно идти въ возстающій городъ? Знали ли рабочіе окрестныхъ городовъ, что имъ надо, во что ни стало, помѣшать концентраціи военныхъ силъ въ Одессѣ, что они должны разрушать желѣзныя дороги, устраивать желѣзнодорожныя стачки, отвлекать войска собственными „безпорядками“?

Очевидно, на всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. И этотъ отрицательный отвѣтъ, давая объясненіе главнымъ причинамъ неудачи возстанія, даетъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, что же дѣлать для успѣха будущихъ возстаній?

Но мы бы не исчерпали всего вопроса о нашихъ собственныхъ недочетахъ, если бы не упомянули объ обнаружившихся въ эти дни слабостяхъ *организаціи* Изолированность мѣстныхъ движеній снова сказалась въ яркой формѣ. Черезъ четыре дня послѣ прибытія „Потемкина“ въ Одессу, въ Николаевѣ, охваченномъ всеобщей забастовкой и волненіями рабочихъ, организованные товарищи имѣли самыя смутныя свѣдѣнія о какомъ то „бунтѣ матросовъ“. Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ — парализовать охваченную пожаромъ мѣстность — оказывается для него достижимой, благодаря, въ значительной мѣрѣ, „кустарному“ характеру нашей работы, искусственно закрѣпляемому утопическими представленіями о такомъ партійномъ централизмѣ, который сдѣлаетъ ненужной для каждой мѣстной группы заботу о связываніи даннаго движенія тысячами организаціонныхъ нитей съ окрестными движеніями.

Еще въ письмѣ о вооруженіи, съ которымъ мы обратились къ организаціямъ сейчасъ послѣ 9 января, мы указывали товарищамъ на то, что обычное представленіе о „подготовленномъ и назначенномъ“ возстаніи, однимъ ударомъ свергающемъ существующее правительство и замѣняющемъ его новымъ, — что это представленіе, въ лучшемъ случаѣ, покоится на подмѣнѣ *всенароднаго* возстанія возстаніемъ *столичнаго* населенія, на подобіе тѣхъ, какія рѣшали судьбу революцій во Франціи. Этому представленію мы противопоставляли тогда же картину революціи, вспыхивающей гдѣ либо на окраинѣ, вообще, въ одной изъ многочисленныхъ, охваченныхъ движеніемъ, областей Россіи и планомѣрно распространяющейся на всю страну съ перспективой послѣдняго удара въ правительственномъ центрѣ. За вѣроятность такого хода событій говорятъ особенныя условія возникновенія и развитія русскаго революціоннаго движенія и — не въ послѣдней мѣрѣ — боевая гегемонія въ немъ соціалистическаго пролетаріата.

Представленіе о революціонномъ центрѣ, двигающемъ по ниточкамъ милліонами возстающаго во всѣхъ концахъ Россіи народа принадлежитъ къ числу худшихъ продуктовъ распаленной фантазіи „героевъ голубинаго полета“. Партизаны такого рода „командованія революціей“ обыкновенно упускаютъ дѣйствительныя возможности направить ходъ событій подъ предлогомъ, что еще не назрѣлъ моментъ для лелѣемаго ими „подготовленнаго и назначеннаго возстанія“. Представленіе о послѣднемъ, съ другой стороны, понижаетъ активность тѣхъ революціонныхъ группъ, которымъ приходится имѣть передъ собой подлинно возставшую массу и которыя ждутъ не отъ себя, не отъ своей иниціативы, а отъ кого то другого (или отъ стихіи), распространенія вспыхнувшей революціи за первоначальные ея предѣлы [1]).

Если вѣрно, что страна „вплотную подошла къ всенародному возстанію“ — а это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно, — то каждое успѣшное частное возстаніе должно быть сдѣлано исходной точкой возстанія всероссійскаго. Задача революціонеровъ въ этомъ случаѣ — сдѣлать возставшую мѣстность центромъ такого всероссійскаго возстанія, не дожидаясь активныхъ дѣйствій революціонныхъ элементовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но, напротивъ, стимулируя эти послѣднія. Когда кругомъ накопилось столько горючаго матеріала, когда для возстанія не хватаетъ только надежды населенія на побѣду въ открытомъ бою, тогда такая тактика уже одержавшихъ успѣхъ революціонеровъ представляется обязательной. Поэтому, и организаціонная наша работа въ области подготовительныхъ къ возстанію дѣйствій должна ставить себѣ цѣлью прежде всего обезпечить возможность *управлять большими массами*.

Сказаннаго достаточно, чтобы изъ неудачи, постигшей „Потемкина“, сдѣлать еще разъ тѣ выводы, къ которымъ пришла обще-партійная конференція въ своей резолюціи о подготовкѣ къ возстанію. Только посильное выполненіе всѣми товарищами намѣченной въ этой резолюціи программы дѣйствій позволитъ будущимъ возстаніямъ дать большій непосредственный результатъ.

Что же касается результатовъ косвенныхъ, то возстаніе матросовъ „Потемкина“, не смотря на свою конечную неудачу, оказало громадную услугу революціи. Эра перехода военныхъ силъ на сторону народа открылась. Правительственныя силы деморализованы. Въ солдатскую и офицерскую среду внесенъ духъ „мятежа“. Отнынѣ революціонное движеніе въ арміи будетъ идти гигантскими шагами. И это обстоятельство все чаще и чаще будетъ ставить передъ нами вопросъ объ использованіи дающихся намъ въ руки военныхъ силъ революціи. Вотъ почему обязанностью всей партіи является постараться, чтобы вновь полученный урокъ не пропалъ даромъ. Необходимо самымъ широкимъ образомъ ознакомить народныя массы съ закончившейся только что попыткой возстанія, надо популяризировать среди нихъ нашу программу революціонныхъ дѣйствій, надо возможно шире ставить передъ организованнымъ пролетаріатомъ и передъ организованными солдатами вопросъ о подготовкѣ къ возстанію. Тогда только неудавшееся, какъ *возстаніе*, предпріятіе „Потемкина“ само сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ подготовки населенія къ побѣдоносной борьбѣ. Тогда только, по выраженію резолюціи, принятой конференціей, пріобрѣтаютъ значеніе наши боевыя приготовленія, пріуроченныя къ возстанію.

Исторія знаетъ неудачныя возстанія, имѣвшія болѣе революціонное значеніе, чѣмъ иныя побѣды повстанцевъ. Возстаніе „Потемкина“ принадлежитъ къ числу такихъ „неудачныхъ“ возстаній. Революціонерамъ не приходится сожалѣть, что взрывъ на „Потемкинѣ“ произошелъ до того, какъ матросамъ удалось подготовить возстаніе во всемъ флотѣ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Земская депутація 6 іюня сдѣлала, несомнѣнно, съ своей стороны все возможное, чтобы превратить свое хожденіе къ царю въ смѣшной фарсъ. Накланявшись по всѣмъ канцеляріямъ, пожавъ руки всей „высокопоставленной“ шайкѣ, обмѣнявшись визитами съ генераломъ-кнутобойцемъ Треповымъ она, если не сдвинула пресловутую „стѣну бюрократіи“, отдѣляющую „царя отъ народа“, то, по крайней мѣрѣ, ползкомъ пробралась подъ нею и предстала передъ „монархомъ“. Но это эффектное положеніе депутація съумѣла использовать лишь затѣмъ, чтобы какъ можно больше и „убѣдительнѣе“ поговорить и какъ можно меньше сказать. Вмѣсто „народныхъ трибуновъ“, передъ царемъ предстали обыкновеннѣйшіе болтуны, ужомъ извивавшіеся въ искусно-построенныхъ оборотахъ рѣчи и старательно обходившіе „опасныя“ мѣста. Какъ ни грустно, приходится признать, что горькая правда, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ авторъ, заключается въ словахъ члена другой депутаціи, гр. Бобринскаго: „Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова“. Какъ иначе оцѣнить людей, ведущихъ „борьбу“ противъ самодержавія и требующихъ въ то-же время, чтобы Николай II сталъ „царемъ всего народа“? Немудрено, что даже убогій Николай, ораторская карьера котораго началась съ произнесенія какихъ-то шипящихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, среди которыхъ отчетливо вырвались со свистомъ только два слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“, не мудрено, что даже этотъ коронованный митрофанъ побилъ рекордъ въ состязаніи съ краснорѣчивѣйшимъ профессоромъ кн. Трубецкимъ, и сказалъ ясно то, что хотѣлъ — о „самобытныхъ“ началахъ, — между тѣмъ, какъ профессору, того, что онъ „хотѣлъ“, сказать несомнѣнно не удалось. И сіятельный „врагъ бюрократіи“ оказался столь одураченнымъ, что счелъ даже совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ принять порученіе писать „записку“ объ университетскомъ вопросѣ, утѣшаясь тѣмъ, что она прямо попадетъ въ руки „Его Величества“, *минуя* ненавистную „бюрократію“, которой, очевидно, въ канцеляріи Его Величества и не пахнетъ!

---

[1] Корреспондентъ „Matin“ Гастонъ Леру сказалъ по поводу неудачи „Потемкина“: „Революція овладѣваетъ броненосцемъ — событіе невиданное въ исторіи — не зная въ тоже время, что съ нимъ дѣлать“. Газета „Пролетарій“ по своему поняла это ироническое и, къ сожалѣнію, основательное замѣчаніе: „Тутъ есть большая доля правды, несомнѣнно. Мы повинны, спора нѣтъ, въ недостаточной организованности революціи. Мы повинны въ слабости сознанія нѣкоторыхъ соціальдемократовъ насчетъ необходимости организовать революцію, поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ практическихъ задачъ, пропагандировать необходимость революціоннаго правительства“. Французскій журналистъ говоритъ о неорганизованности революціонной борьбы, говоруны изъ „Пролетарія“ — о „слабости сознанія“ своихъ *противниковъ*, которые, однако, ими уже „удалены“ изъ ихъ партіи. Леру удивляется, что революціонеры, обладая броненосцемъ, не съумѣли распространить такъ удачно начатое возстаніе; Ленинъ съ братіей долбятъ: надо „поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ задачъ“, надо „пропагандировать временное правительство“. Любезнѣйшій! владѣя броненосцемъ, надо не столько пропагандировать, сколько *устраивать* временное правительство; начавъ возстаніе, надо не столько „сильно сознавать“ неотложность организаціи революціи, сколько — *организовывать* ее въ ходѣ возстанія.. Приведенныя строки крайне характерны для революціонеровъ фразы: въ теченіе уже полгода они кричатъ о возстаніи, а занимаются обильнымъ изданіемъ „галеркиной литературы“; требуютъ организаціи революціи — и не могутъ хотя бы какую нибудь помощь оказать партійнымъ комитетамъ въ организаціи текущей политической агитаціи въ массахъ, настаиваютъ на вооруженіи народа — и ни одной серьезной попытки не сдѣлали въ своихъ комитетахъ для организаціи вооруженія хотя бы сотенъ передовыхъ рабочихъ; пропагандируютъ захватъ власти — и забавляются игрой въ съѣздъ комитетскихъ „засѣдателей“, то есть, людей, быть можетъ, и пригодныхъ для будущей парламентской дѣятельности, но рѣшительно ни на что не нужныхъ въ боевое время. Послѣ всего этого они серьезно увѣрены, что если не только революцію, но и стачку путную имъ не удается организовать, то виновато въ этомъ „слабое сознаніе“ тѣхъ самыхъ соціальдемократовъ, которыхъ ихъ „съѣздъ“ объявилъ „внѣ партіи“, то есть партіи ненужными.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 104. 1-го іюля 1905 г. Годъ V

ЧЕРНОМОРСКОЕ ВОЗСТАНІЕ.

Черезъ 11 дней послѣ того, какъ на немъ взвилось красное знамя, „Князь Потемкинъ“ сложилъ оружіе, а экипажъ его высадился въ Румынію. Первая попытка вооруженнаго возстанія не удалась. Къ счастью, эта неудавшаяся попытка стоила революціи, сравнительно, немного жертвъ, и это обстоятельство въ высокой степени увеличиваетъ революціонное дѣйствіе, которое она окажетъ, несмотря на неудачи, на народныя массы, подготовляя ихъ къ слѣдующему возстанію.

Въ настоящій моментъ мы еще не обладаемъ достаточнымъ количествомъ данныхъ, чтобы всесторонне выяснить вопросъ о началѣ неудачнаго конца столь успѣшно начатаго возстанія. Но кое какими данными мы уже располагаемъ, а потому и имѣемъ возможность подвести нѣкоторые итоги этому событію русской революціи, затмившему собою всѣ ея предыдущіе этапы.

И прежде всего мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить о возникновеніи самаго возстанія моряковъ. Мы знаемъ, что *поводомъ* къ нему послужило столкновеніе команды съ офицерами, сопровождавшееся убійствомъ одного товарища. Случайная искра зажгла пожаръ, для котораго наша революціонная работа подготовила достаточное количество горючаго матеріала.

Это обстоятельство съ самаго начала опредѣлило характеръ возстанія и задачи, поставленныя имъ революціонерамъ. Въ головахъ организованныхъ матросовъ давно уже зародился опредѣленный планъ того возстанія, которое они начнутъ, овладѣвъ *всѣми* судами. Согласно этому плану, революціонный флотъ забираетъ Одессу, поднимаетъ возстаніе на Кавказѣ. Вы же, говорили матросы Крымскому Союзу, дайте въ это время знать Польшѣ и Петербургу, чтобъ поддержали.

Нельзя было ничего возразить по существу противъ этого боевого плана; можно сказать, что онъ самъ собой напрашивался, какъ выводъ изъ даннаго положенія революціонныхъ силъ. Однако, прежде чѣмъ организаціей могли быть приняты хотя бы тѣ дѣйствія, которыя являлись обязательными въ силу вѣроятности въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общаго возстанія черноморскихъ моряковъ, — наступили тѣ событія, которыя съ быстротой молніи перемѣнили всю обстановку намѣченнаго плана и поставили передъ революціонерами вопросъ — или отступить, или рѣшительно идти впередъ? Товарищи съ „Потемкина“ избрали второе и были вполнѣ правы. Въ Одессѣ въ то время рабочими велась баррикадная битва, и это обстоятельство подсказывало имъ совершенно новый планъ дѣйствій.

Съ самаго начала, слѣдовательно, на этомъ возстаніи сказалась тщета столь обычныхъ еще у насъ упованій на повсемѣстное возстаніе, начатое „по плану“. Къ возстанію насъ приближаетъ, прежде всего наша широкая агитаціонная дѣятельность; а ея развитіе, по необходимости, вызываетъ въ массахъ то революціонное броженіе, которое не ждетъ сигнала свыше, чтобы вылиться въ отдѣльномъ возстаніи. Задача *организаціи* революціи начинается съ того момента, когда возстаніе вспыхнуло или неудержимо готово вспыхнуть; возможность этой организаціи и всѣхъ подготовительныхъ для ея успѣха дѣйствій дается общей революціонной атмосферой, въ которой возникаютъ возстанія не какъ случайные эпизодическіе акты, но какъ необходимыя слѣдствія остраго столкновенія общественныхъ силъ.

Задача организаціи революціи стала передъ нашими товарищами, когда внезапно вспыхнувшее возстаніе отдало имъ въ руки грозную боевую силу. Приходилось составить планъ борьбы примѣнительно къ данному положенію дѣла. Прежде всего — связать возставшій экипажъ съ боровшимся на улицахъ Одессы пролетаріатомъ и объединить эти два движенія одной политической программой. Матросы такъ и поступили. Прибытіе броненосца въ Одессу и выставленіе его экипажемъ революціонной программы подняло революціонное самосознаніе одесскаго пролетаріата, устроившаго морякамъ восторженную встрѣчу. Мы не знаемъ, какъ ихъ встрѣтила либерально-демократическая часть буржуазіи. Отдѣльныя фразы въ полученныхъ нами письмахъ заставляютъ насъ думать, что ея политическое поведеніе было ниже всякой критики и заслуживаетъ самаго суроваго осужденія. Само собой разумѣется, что происшедшія вскорѣ послѣ прибытія „Потемкина“ вспышки „босяцкаго бунта“ съ поджогами и грабежами не могутъ оправдать враждебнаго или даже пассивнаго отношенія общества къ стучавшейся въ его двери народной революціи...

Прибывъ въ Одессу, „Потемкинъ“ сталъ на стражѣ возставшаго и манифестировавшаго пролетаріата. Представители послѣдняго приглашали матросовъ къ энергичнымъ активнымъ дѣйствіямъ. Предложенный одесскими товарищами планъ борьбы заключался въ высадкѣ части матросовъ на берегъ, вооруженіи рабочихъ излишнимъ оружіемъ, бывшимъ на кораблѣ, и занятіи города народомъ, во главѣ котораго, подъ охраной пушекъ броненосца, пошли-бы моряки. Намъ кажется, что этотъ планъ являлся наиболѣе цѣлесообразнымъ. Воспользоваться первымъ моментомъ дезорганизаціи власти, чтобы напасть на нее и попытаться увлечь на свою сторону колебавшіеся полки — это значило повести борьбу при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ. Взять городъ въ свои руки, провозгласить въ немъ низверженіе царской власти и организовать республиканское самоуправленіе гражданъ — подобно тому, какъ матросы „Потемкина“ организовали на броненосцѣ военную республику — значило дать возстанію *политическій* центръ, дать ему политическую организацію. Это значило — могучимъ движеніемъ вызвать наружу всѣ скрытыя въ различныхъ слояхъ населенія революціонныя силы, побудить буржуазную демократію занять опредѣленное отношеніе къ провозглашенной политической свободѣ, дать окрестному, только что поднявшемуся, крестьянству опорный пунктъ для организаціи своего революціоннаго самоуправленія, дать всей остальной Россіи стимулъ перейти къ активной борьбѣ. Начавшееся на военномъ кораблѣ возстаніе должно было возможно скорѣе укрѣпиться въ городѣ.

Возставшіе матросы не рѣшились принять предложеніе одесскихъ соціальдемократовъ. Они находили, что высадка части экипажа до того, какъ опредѣлится отношеніе остальной части флота, нецѣлесообразно. Мы здѣсь не можемъ всесторонне выяснить, насколько были правильны ихъ соображенія. Ясно, что, имѣя въ тылу еще не ушедшій изъ рукъ правительства флотъ, они могли считать рискованной высадку на сушу. Но, съ другой стороны, взятіе народомъ Одессы само явилось бы тѣмъ событіемъ, которое ускорило бы переходъ остальныхъ судовъ на сторону народа. Если-же приходилось дожидаться появленія эскадры Кригера, то, дождавшись ея отступленія передъ краснымъ флагомъ „Потемкина“ и выяснивъ, что настроеніе массы матросовъ въ данный моментъ не позволяетъ правительству принять сраженіе, надо было, очевидно, вернуться къ первоначальному плану одесскихъ товарищей, хотя бы при болѣе худшихъ, чѣмъ за два дня до того, условіяхъ.

Бомбардировать Одессу матросы не рѣшились. Они объяснили корреспондентамъ иностранныхъ газетъ въ Румыніи, что не желали разорять бѣдной части населенія. Не принявъ плана высадки въ Одессѣ, что могли онѣ еще сдѣлать, если эскадра къ нимъ не присоединилась? Идти на Кавказъ, чтобы, высадившись тамъ, дать толчокъ къ народному возстанію? Мы пытались снестись съ ними, чтобы дать имъ этотъ совѣтъ. Но надо признать, что поставивъ свои дѣйствія въ зависимость отъ пассивнаго поведенія остальныхъ судовъ и понимая, что этой пассивностью морскія власти попытаются воспользоваться, чтобы сколотить себѣ хоть маленькій, но надежный отрядъ, — зная это, „Потемкинъ“ долженъ былъ считать нападеніе на пока еще спокойный Кавказъ рискованнымъ предпріятіемъ, которое, при неудачѣ, могло позволить Кригеру отрѣзать броненосцу всякое отступленіе. При такихъ условіяхъ, плаваніе по Черному морю становилось безцѣльнымъ, и рано или поздно, оставалось выбрать лучшій изъ оставшихся исходовъ — ликвидировать возстаніе, эмигрировавъ на иностранную территорію.

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что наиболѣе благопріятный моментъ для развитія возстанія былъ упущенъ въ первые дни по прибытіи въ Одессу. Естественно возникаетъ вопросъ: не потому ли проиграно дѣло, что *всѣ* ожидали дальнѣйшихъ иниціативныхъ дѣйствій отъ „Потемкина“? Не должны ли были одесскія организаціи попытаться перейти въ наступленіе, не дожидаясь десанта съ „Потемкина“, не должны ли были военные кружки въ Одессѣ попытаться немедленно начать „солдатскій бунтъ“, чтобы перевести на сторону революціи какую нибудь военную часть; не должны ли были организованные матросы въ Севастополѣ постараться увлечь еще одно судно на путь возстанія?

Мы нарочно ставимъ эти вопросы, хотя хорошо знаемъ, что знакомые съ обстоятельствами дѣла люди могутъ отвѣтить намъ: это было, въ данномъ положеніи, немыслимо. Возможно, что такъ. Но это только и значитъ, что дѣйствительной причиной неудачи возстанія явилась *общая неподготовленность* къ возстанію данныхъ революціонныхъ элементовъ.

Знали ли одесскіе рабочіе — широкіе слои ихъ — каковы задачи рабочаго класса по отношенію къ народному возстанію? Знали ли они, до какой степени успѣхъ возстанія зависитъ отъ рѣшительныхъ коллективныхъ дѣйствій всѣхъ слоевъ народной массы, бьющихъ въ одну точку, уничтожающихъ правительственную власть, „развязывающихъ“ народную революцію? Привыкли ли они къ планомѣрнымъ массовымъ дѣйствіямъ, опирающимся на широкія массовыя же организаціи? Привыкли ли они, научились ли они выступать, какъ политическій *авангардъ* народа, заинтересовывая въ успѣхѣ возстанія непролетарскіе слои населенія, знакомя ихъ съ политической программой революціи? Знали ли ближніе крестьяне, что имъ нужно идти въ возстающій городъ? Знали ли рабочіе окрестныхъ городовъ, что имъ надо во что ни стало, помѣшать концентраціи военныхъ силъ въ Одессѣ, что они должны разрушать желѣзныя дороги, устраивать желѣзнодорожныя стачки, отвлекать войска собственными „безпорядками“?

Очевидно, на всѣ эти вопросы приходится дать отрицательный отвѣтъ. И этотъ отрицательный отвѣтъ, давая объясненіе главнымъ причинамъ неудачи возстанія, даетъ и разрѣшеніе вопроса о томъ, что же дѣлать для успѣха будущихъ возстаній?

Но мы бы не исчерпали всего вопроса о нашихъ собственныхъ недочетахъ, если бы не упомянули объ обнаружившихся въ эти дни слабостяхъ *организаціи*. Изолированность мѣстныхъ движеній снова сказалась въ рѣзкой формѣ. Черезъ четыре дня послѣ прибытія „Потемкина“ въ Одессу, въ Николаевѣ, охваченномъ всеобщей забастовкой и волненіями рабочихъ, организованные товарищи имѣли самыя смутныя свѣдѣнія о какомъ-то „бунтѣ матросовъ“. Цѣль, преслѣдуемая правительствомъ — изолировать охваченную пожаромъ мѣстность — оказывается для него достижимой, благодаря, въ значительной мѣрѣ, „кустарному“ характеру нашей работы, искусственно закрѣпляемому утопическими представленіями о такомъ партійномъ централизмѣ, который сдѣлаетъ ненужной для каждой мѣстной группы заботу о связываніи даннаго движенія тысячами организаціонныхъ нитей съ окрестными движеніями.

Еще въ письмѣ о вооруженіи, съ которымъ мы обратились къ организаціямъ сейчасъ послѣ 9 января, мы указывали товарищамъ на то, что обычное представленіе о „подготовленномъ и назначенномъ“ возстаніи, однимъ ударомъ свергающемъ существующее правительство и замѣняющемъ его новымъ, — что это представленіе, въ лучшемъ случаѣ, покоится на смѣшеніи *всенароднаго* возстанія возстаніемъ *столичнаго* населенія, на подобіе тѣхъ, какія рѣшали судьбу революцій во Франціи. Этому представленію мы противопоставляли тогда же картину революціи, вспыхивающей гдѣ либо на окраинѣ, вообще, въ одной изъ многочисленныхъ, охваченныхъ движеніемъ, областей Россіи и планомѣрно распространяющейся на всю страну съ перспективой послѣдняго удара въ правительственномъ центрѣ. За вѣроятность такого хода событій говорятъ особенныя условія возникновенія и развитія русскаго революціоннаго движенія и — не въ послѣдней мѣрѣ — боевая гегемонія въ немъ соціалистическаго пролетаріата.

Представленіе о революціонномъ центрѣ, двигающемъ по нитямъ милліонами возстающаго во всѣхъ концахъ Россіи народа принадлежитъ къ числу худшихъ продуктовъ распаленной фантазіи „героевъ голубинаго полета“. Партизаны такого рода „командованія революціей“ обыкновенно упускаютъ дѣйствительныя возможности направить ходъ событій подъ предлогомъ, что еще не назрѣлъ моментъ для лелѣемаго ими „подготовленнаго и назначеннаго возстанія“. Представленіе о послѣднемъ, съ другой стороны, понижаетъ активность тѣхъ революціонныхъ группъ, которымъ приходится имѣть передъ собой подлинно возставшую массу и которыя ждутъ не отъ себя, не отъ своей иниціативы, а отъ кого то другого (или отъ стихіи), распространенія вспыхнувшей революціи за первоначальныя ея предѣлы [1].

Если вѣрно, что страна „вплотную подошла къ всенародному возстанію“ — а это въ извѣстномъ смыслѣ вѣрно, — то каждое успѣшное частное возстаніе должно быть сдѣлано исходной точкой возстанія всероссійскаго. Задача революціонеровъ въ этомъ случаѣ — сдѣлать возставшую мѣстность центромъ такого всероссійскаго возстанія, не дожидаясь активныхъ дѣйствій революціонныхъ элементовъ въ другихъ мѣстностяхъ, но, напротивъ, стимулируя эти послѣднія. Когда кругомъ накопилось столько горючаго матеріала, когда для возстанія не хватаетъ только надежды населенія на побѣду въ открытомъ бою, тогда такая тактика уже одержавшихъ успѣхъ революціонеровъ представляется обязательной. Поэтому, и организаціонная наша работа въ области подготовительныхъ къ возстанію дѣйствій должна ставить себѣ цѣлью прежде всего обезпечить возможность *управлять большими массами*.

Сказаннаго достаточно, чтобы изъ неудачи, постигшей „Потемкина“, сдѣлать еще разъ тѣ выводы, къ которымъ пришла обще-партійная конференція въ своей резолюціи о подготовкѣ къ возстанію. Только посильное выполненіе всѣми товарищами намѣченной въ этой резолюціи программы дѣйствій позволитъ будущимъ возстаніямъ дать большій непосредственный результатъ.

Что же касается результатовъ косвенныхъ, то возстаніе матросовъ „Потемкина“, не смотря на свою конечную неудачу, оказало громадную услугу революціи. Эра перехода военныхъ силъ на сторону народа открылась. Правительственныя силы деморализованы. Въ солдатскую и офицерскую среду внесенъ духъ „мятежа“. Отнынѣ революціонное движеніе въ арміи будетъ идти гигантскими шагами. И это обстоятельство все чаще и чаще будетъ ставить передъ нами вопросъ объ использованіи попадающихся намъ въ руки военныхъ силъ революціи. Вотъ почему обязанностью всей партіи является постараться, чтобы вновь полученный урокъ не пропалъ даромъ. Необходимо самымъ широкимъ образомъ ознакомить народныя массы съ закончившейся только что попыткой возстанія, надо популяризировать среди нихъ нашу программу революціонныхъ дѣйствій, надо возможно шире ставить передъ организованнымъ пролетаріатомъ и передъ организованными солдатами вопросъ о подготовкѣ къ возстанію. Тогда только неудавшееся, какъ *возстаніе*, предпріятіе „Потемкина“ само сыграетъ громадную роль въ дѣлѣ подготовки населенія къ побѣдоносной борьбѣ. Тогда только, по выраженію резолюціи, принятой конференціей, пріобрѣтаютъ значеніе наши боевыя приготовленія, пріуроченныя къ возстанію.

Исторія знаетъ неудачныя возстанія, имѣвшія болѣе революціонное значеніе, чѣмъ иныя побѣды повстанцевъ. Возстаніе „Потемкина“ принадлежитъ къ числу такихъ „неудачныхъ“ возстаній. Революціонерамъ не приходится сожалѣть, что взрывъ на „Потемкинѣ“ произошелъ до того, какъ матросамъ удалось подготовить возстаніе во всемъ флотѣ.

ДЕМОНСТРАЦІЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Земская депутація 6 іюня сдѣлала, несомнѣнно, съ своей стороны все возможное, чтобы превратить свое хожденіе къ царю въ смѣшной фарсъ. Накланявшись по всѣмъ канцеляріямъ, полизавъ руки всей „высокопоставленной“ шайкѣ, обмѣнявшись визитами съ генералъ-кнутобойцемъ Треповымъ она, если не сдвинула пресловутую „стѣну бюрократіи“, отдѣляющую „царя отъ народа“, то, по крайней мѣрѣ, ползкомъ пробралась подъ нею и предстала передъ „монархомъ“. Но это эффектное положеніе депутація сумѣла использовать лишь затѣмъ, чтобы какъ можно больше и „убѣдительнѣе“ поговорить и какъ можно меньше сказать. Вмѣсто „народныхъ трибуновъ“, передъ царемъ предстали обыкновеннѣйшіе болтуны, ужомъ извивавшіеся въ искусненно тронныхъ оборотахъ рѣчи и старательно обходившіе „опасныя“ мѣста. Какъ ни грустно, приходится признать что горькая правда, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ думалъ авторъ, заключается въ словахъ члена другой депутаціи, гр. Бобринскаго: „Это люди словоохотливые, одаренные краснорѣчіемъ, но для которыхъ суть дѣла и корень вопросовъ всегда готовы стушеваться передъ красотою слова“. Какъ иначе оцѣнить людей, ведущихъ „борьбу“ противъ самодержавія и требующихъ въ тоже время, чтобы Николай II сталъ „царемъ всего народа“? Немудрено, что даже убогій Николай, ораторская карьера котораго началась съ произнесенія какихъ то шипящихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ, среди которыхъ отчетливо вырвались со свистомъ только два слова о „безсмысленныхъ мечтаніяхъ“, не мудрено, что даже этотъ коронованный митрофанъ побилъ рекордъ въ состязаніи съ краснорѣчивѣйшимъ профессоромъ кн. Трубецкимъ, и сказалъ ясно то, что хотѣлъ — о „самобытныхъ“ началахъ, — между тѣмъ, какъ профессору того, что онъ „хотѣлъ“, сказать несомнѣнно не удалось. И сіятельный „врагъ бюрократіи“ оказался столь одураченнымъ, что счелъ даже совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ принять порученіе писать „записку“ объ университетскомъ вопросѣ, утѣшаясь тѣмъ, что она прямо попадетъ въ руки „Его Величества“, минуя ненавистную „бюрократію“, которой, очевидно, въ канцеляріи Его Величества и не пахнетъ!

---

[1] Корреспондентъ „Matin“ Гастонъ Леру сказалъ по поводу неудачи „Потемкина“: „Революція овладѣваетъ броненосцемъ — событіе невиданное въ исторіи — не зная въ тоже время, что съ нимъ дѣлать“. Газета „Пролетарій“ по своему поняла это ироническое и, къ сожалѣнію, основательное замѣчаніе: „Тутъ есть большая доля правды, несомнѣнно. Мы повинны, спора нѣтъ, въ недостаточной организованности революціи. Мы повинны въ слабости сознанія нѣкоторыхъ соціальдемократовъ насчетъ необходимости организовать революцію, поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ практическихъ задачъ, пропагандировать необходимость революціоннаго правительства“. Французскій журналистъ говоритъ о неорганизованности революціонной борьбы, говоруны изъ „Пролетарія“ — о „слабости сознанія“ своихъ *противниковъ*, которые, однако, имъ уже „удалены“ изъ ихъ партіи. Леру удивляется, что революціонеры, обладая броненосцемъ, не сумѣли распространить такъ удачно начатое возстаніе; Ленинъ съ братіей долбитъ: надо „поставить возстаніе въ числѣ неотложныхъ задачъ“, надо „пропагандировать временное правительство“. Любезнѣйшій! владѣя броненосцемъ, надо не столько пропагандировать, сколько *устраивать* временное правительство; начавъ возстаніе, надо не столько „сильно сознавать“ неотложность организаціи революціи, сколько — *организовывать* ее въ ходѣ возстанія.. Приведенныя строки крайне характерны для революціонеровъ фразы: въ теченіе уже полгода они кричатъ о возстаніи, а занимаются обильнымъ изданіемъ „галеркиной литературы“; требуютъ организаціи революціи — и не могутъ хотя бы какую нибудь помощь оказать партійнымъ комитетамъ въ организаціи текущей политической агитаціи въ массахъ, настаиваютъ на вооруженіи народа — и ни одной серьезной попытки не сдѣлали въ своихъ комитетахъ для организаціи вооруженія хотя бы сотень передовыхъ рабочихъ; пропагандируютъ захватъ власти — и забавляются игрою въ съѣздъ комитетскихъ „засѣдателей“, то есть, людей, быть можетъ, и пригодныхъ для будущей парламентской дѣятельности, но рѣшительно ни на что не нужныхъ въ боевое время. Послѣ всего этого они серьезно увѣрены, что если не только революцію, но и стачку путную имъ не удается организовать, то виновато въ этомъ слабое сознаніе тѣхъ самыхъ соціальдемократовъ, которыхъ ихъ „съѣздъ“ объявилъ „внѣ партіи“, то есть партіи ненужныхъ

Но если либеральная депутація возлюбила фигуру умолчанія, то русская революція не оказалась солидарною съ нею. Иваново-Вознесенскъ, Тифлисъ, Батумъ, Лодзь, Варшава, Кронштадтъ, Либава, Одесса и Севастополь не только громко досказали то, о чемъ либералы „хотѣли“ говорить, но не говорили, но сказали и много такого, о чемъ „земскіе люди“ говорить и въ мысляхъ не имѣли. Русская революція поправила дѣло, испорченное либерализмомъ, и даетъ ему возможность теперь, на предстоящемъ новомъ земскомъ съѣздѣ сказать, наконецъ, серьезное слово, а словомъ этимъ не можетъ быть ничто иное, какъ полная и безусловная апелляція къ народу, съ полнымъ и безусловнымъ признаніемъ требованій народа. Не новыя обличенія „бюрократіи“, не измышленія цензовыхъ нормъ, которыя такъ или иначе лишали бы народъ полноправнаго участія въ представительствѣ, не безсодержательныя „компромиссныя“ формулы ради сохраненія „единогласія“, но только открытыя революціонныя дѣйствія дадутъ возможность либерализму сыграть серьезную роль въ дѣлѣ русскаго освобожденія. Иначе новый земскій съѣздъ будетъ ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ фарса 6 іюня. Посмотрите: вѣдь, вся страна превратилась въ одинъ кипящій котелъ, возстаніе вспыхиваетъ то тутъ, то тамъ, флотъ и армія явно перестаютъ быть послушнымъ орудіемъ тираніи и все чаще и чаще сами выступаютъ въ роли зачинщиковъ активной борьбы съ царизмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, занятіе японцами Сахалина и появленіе японской эскадры передъ Владивостокомъ служатъ грознымъ предупрежденіемъ о близости новаго ужаснаго разгрома! Неужели въ такое время демократія займется снова улавливаніемъ въ свои сѣти гг. Шиповыхъ и другихъ кандидатовъ въ царскіе министры и отрѣжетъ себя отъ мощнаго потока народной революціи? Революція исправила ошибку и преступленіе, совершенныя либерализмомъ и демократіею 6 іюня. Но революція не всегда будетъ такъ терпѣлива и карающимъ мечомъ обрушится на тѣхъ, кто будетъ упорно закрывать глаза на ея уроки. Пусть вспомнятъ это тѣ, которые соберутся на съѣздъ 6 іюля!

Исправивъ ошибки либераловъ и придавъ серьезный смыслъ задуманному ими фарсу, революція, наоборотъ, превратила въ фарсъ серьезно задуманную демонстрацію реакціи. На „выходъ“ земцевъ, Николай задумалъ отвѣтить демонстраціей и призвалъ къ себѣ на 21 іюня депутацію „Союза русскихъ людей“. Три графа, дворянинъ-аристократъ и генералъ явились, чтобы бесѣдовать съ его величествомъ отъ имени этого центральнаго комитета „черныхъ сотенъ“. Народъ — въ образѣ одного старообрядца, одного мѣщанина и четырехъ крестьянъ, былъ призванъ, чтобы своимъ одобрительнымъ мычаньемъ придать вѣсъ заявленіямъ черносотенныхъ атамановъ. Дворяне говорили, народъ молчалъ...

Нужно признаться, и на этотъ разъ слуги реакціи не оказались „краснобаями“ и съ полнымъ правомъ могли, въ приведенныхъ нами выше словахъ гр. Бобринскаго, съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ отзываться насчетъ затемняющаго „суть дѣла и корень вопроса“ краснорѣчія своихъ либеральныхъ соперниковъ. Господа Шереметевы и Бобринскіе „суть дѣла“ сказали прямо: продолженіе войны во что бы то ни стало, новыя мобилизаціи, новые налоги, водвореніе „порядка“, сохраненіе въ неприкосновенности самодержавія и, прежде всего, сохраненіе сословности — вотъ чего они дѣйствительно желаютъ и вотъ что они прямо сказали. Они не заявляли, что „не считаютъ себя призванными“ обсуждать формы будущаго представительства, а напрямикъ отрѣзали, что „представительство“ намъ „не свойственно“, что Земскій Соборъ не есть и не долженъ быть представительствомъ, а простой совѣщательной комиссіей, въ которой каждое сословіе подаетъ свой голосъ отдѣльно и т. д. и т. д. Словомъ, сказали именно то, что хотѣли.

Но реакціонная демонстрація запоздала! И хотя „народъ“ мычалъ о готовности крестьянъ и рабочихъ „пожертвовать всѣмъ для пользы царя и родины, чтобы помочь побѣдить врага и возстановить порядокъ“, но „Князь Потемкинъ“ и всѣ событія послѣднихъ дней слишкомъ грозной картиной стояли передъ очами Николая, чтобы онъ могъ дать волю своимъ „чувствамъ“, опираясь на стоявшую передъ нимъ хулиганско-дворянскую рать. Въ отвѣтъ на рѣчи „господъ“ и привѣтствія „братцевъ“, дышавшія готовностью тащить и не пущать, Его Величество не осмѣлился сказать даже того, что онъ сказалъ 6-го іюня. Онъ уже не осмѣлился настаивать прямо на „самобытныхъ“ началахъ, а, повздыхавъ на счетъ „грѣховъ“, съ грустью предоставилъ „самой жизни“ „указать пути“... Николай Романовъ можетъ быть спокоенъ: „жизнь“ знаетъ твердо „путь“ свой но на этомъ пути нѣтъ мѣста „родной старинѣ“!

Демонстрація Его Величества не удалась. Добровольный фарсъ либерализма дополнился невольнымъ фарсомъ реакціи. Пусть подумаютъ надъ этими уроками революціи тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ...

НАШИ МЭРЫ.

„15-го іюня въ часъ дня въ залѣ московской думы открылось совѣщаніе представителей русскихъ городовъ“ — сообщаютъ газеты. „Представители русскихъ городовъ“ — названіе слишкомъ громкое для лицъ, избранныхъ на основѣ плутократическаго ценза и собравшихся, какъ это видно изъ ихъ резолюцій, для того, чтобы поддержать требованіе земскаго большинства о созывѣ народныхъ представителей, избранныхъ на основѣ всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Но о названіяхъ не спорятъ, и можно было бы предоставить сотнѣ собравшихся въ Москвѣ городскихъ головъ называться какъ имъ заблагоразсудится, если бы казусъ съ г. Крыжановскимъ не показалъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ могутъ позволить себѣ воспользоваться этимъ представительствомъ не къ пользѣ, а ко вреду той именно часть населенія, которую они меньше всего имѣютъ право представлять.

Надо прежде всего отдать справедливость господамъ „представителямъ“ городовъ: въ своихъ резолюціяхъ они нисколько не отстали отъ земскаго большинства. Они хотятъ конституціонной монархіи со всѣми конституціонными гарантіями и съ извѣстными демократическими орнаментами, и высказываютъ это en touttes lettres. А между тѣмъ отъ „представителей“ городовъ, являющихся въ дѣйствительности *представителями* торговаго и промышленнаго капитала, можно было, на основаніи ихъ прошлаго, ожидать худшаго.

Да и сейчасъ большинство промышленниковъ, организованныхъ около биржевыхъ комитетовъ, требуетъ „въ интересахъ промышленности“ совершенно другого; эти желали бы, чтобы выборы производились по куріямъ (на манеръ австрійскихъ), а въ томъ случаѣ, „если немедленное обнародованіе избирательнаго закона признается государственной необходимостью, то правильнѣе было бы, пожертвовавъ нѣсколько формой, предоставить избирательныя права существующимъ совѣщательнымъ учрежденіямъ при всемъ ихъ несовершенствѣ, чѣмъ жертвовать сущностью и лишить промышленные интересы надлежащаго представительства, а Государственную Думу весьма полезнаго элемента“. Т. е. господа „представители“ (тоже представители!) промышленности согласны на созданіе собой куріи для рабочихъ, но при нуждѣ можно обойтись и безъ нея и предоставить господамъ промышленникамъ „представительство“ интересовъ промышленности. А такое представительство необходимо, потому что „одной изъ главныхъ задачъ Государственной Думы, призванной Высочайшей Волей вывести страну изъ настоящаго положенія, будетъ созданіе правильной экономической политики, проведеніе въ жизнь широкихъ хозяйственныхъ реформъ, направленныхъ къ развитію производительныхъ силъ и къ цѣлесообразной организаціи народнаго труда. Безъ участія представителей наиболѣе производительнаго класса такія реформы будутъ экономически односторонними, а потому едва ли дадутъ правильное направленіе [illegible]ому хозяйству, а политически онѣ будутъ непрактичны [illegible] ли внесутъ столь нужное успокоеніе въ область фабричнаго труда“. Словомъ (переводя эту тонко-дипломатическую рѣчь на обыкновенный человѣческій языкъ), отсюда ясно слѣдующее: такъ какъ будущій россійскій парламентъ долженъ будетъ заняться фабричнымъ законодательствомъ, то промышленная буржуазія („наиболѣе производительный классъ“!) требуетъ для себя особаго представительства, дабы по своему вліять на это законодательство („внести столь нужное успокоеніе въ область фабричнаго труда“!).

Несомнѣнно, что „представители“ городовъ поняли гораздо шире поставленную сейчасъ передъ русскимъ обществомъ задачу. Въ волненіяхъ фабричныхъ рабочихъ они видятъ не домашнее дѣло господъ промышленниковъ, а дѣло общерусское. Они даже знаютъ, что „безъ установленія основныхъ гарантій свободной гражданственности и безъ отмѣны положенія объ усиленной охранѣ и другихъ государственныхъ законовъ правильные выборы членовъ народнаго представительства невозможны“ и что „собраніе представителей, избранныхъ при отсутствіи такихъ гарантій, и на основаніяхъ, предполагаемыхъ проектомъ Булыгина, не водворитъ въ странѣ внутренняго мира, а еще болѣе обостритъ недовольство и усилитъ существующее нетерпѣніе и не предотвратитъ угрожающей Россіи революціи“. Можно соглашаться или не соглашаться — и мы, конечно, не согласны — съ гг. мэрами о желательности и возможности „предотвратить угрожающую Россіи революцію“. Но кто указываетъ на эту революцію, какъ на неизбѣжное слѣдствіе существующаго въ данный моментъ положенія вещей, — а гг. мэры предполагаютъ не только это, но даже и то, что Булыгинская реформа не предотвратитъ революціи, — тотъ обязывается видѣть во всякой революціонной вспышкѣ подтвержденіе своихъ взглядовъ и привѣтствовать ее, какъ демонстрирующую правительству правильность взглядовъ, высказанныхъ въ той или иной резолюціи.

Но эта простая человѣческая логика оказалась недоступной, — по крайней мѣрѣ, одному изъ засѣдавшихъ въ Москвѣ мэровъ. Г. Крыжановскій, голова города Одессы, позволилъ себѣ послать изъ Москвы въ Одессу слѣдующую телеграмму: „Обращаюсь къ жителямъ Одессы съ телеграммой изъ Москвы, куда я пріѣхалъ на совѣщаніе городскихъ головъ 92 городовъ Россіи, приглашенныхъ совмѣстно обсуждать и выработать тѣ мѣры, которыя могутъ наилучшимъ образомъ служить пользамъ и нуждамъ населенія ввѣренныхъ ихъ попеченію городовъ. И въ такое время, здѣсь въ Москвѣ, я узнаю, что въ Одессѣ происходятъ печальные безпорядки, которые наносятъ вредъ всему городскому населенію и въ томъ числѣ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя производятъ безпорядки, и ихъ семьямъ. Какъ выборный представитель одесскаго городскаго общественнаго самоуправленія, обязанный долгомъ и совѣстью заботиться о благѣ населенія Одессы, и какъ человѣкъ, горячо любящій Одессу, я такъ же горячо убѣждаю безпокойныхъ успокоиться и тѣмъ дать выборнымъ людямъ возможность мирнымъ путемъ послужить на благо народное“.

По истинѣ, г. Крыжановскій обезсмертилъ себя этимъ документомъ. Рядомъ съ нравственной уродливостью, невѣжествомъ и прислужничествомъ передъ правительствомъ — совершенно ни на чемъ не основанное стремленіе взять на себя роль „просвѣщеннаго“ покровителя городскаго населенія. Но г. Крыжановскій для московскаго совѣщанія не былъ первымъ встрѣчнымъ: голова одного изъ крупнѣйшихъ центровъ Россіи, онъ предсѣдательствовалъ на этомъ самомъ совѣщаніи и продолжалъ предсѣдательствовать послѣ того, какъ послалъ свою телеграмму. Мало того: документъ этотъ былъ напечатанъ въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“, былъ затѣмъ воспроизведенъ въ другихъ газетахъ, но пока не вызвалъ протеста ни одного изъ „выборныхъ представителей“ городскаго самоуправленія, которыхъ поведеніе ихъ бывшаго предсѣдателя не можетъ не компрометировать. Они должны были понять, что это обстоятельство бросаетъ совершенно новый свѣтъ на всѣ ихъ либеральныя разсужденія. Кто предполагаетъ, что одними разговорами и либеральными резолюціями можно „наилучшимъ образомъ служить пользамъ и нуждамъ населенія“, и на этомъ основаніи читаетъ елейныя проповѣди возставшему и проливающему свою кровь народу, тотъ сразу обнаруживаетъ, что борьбу съ революціей онъ ставитъ выше реформъ.

Это не помѣшаетъ революціи идти своимъ путемъ: она успѣла уже преодолѣть очень крупныя препятствія, и господамъ мэрамъ не остановить ея, сопряженнаго со многими весьма тяжелыми жертвами, но все же побѣдоноснаго шествія.

Возстаніе въ Одессѣ.

Прокламація Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

Граждане и гражданки! Съ прибывшаго эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ мы получили слѣдующее воззваніе, положенное на тѣло убитаго матроса, лежащаго въ порту:

„Господа одесситы! Передъ вами лежитъ тѣло зверски убитаго матроса Григорія Вакулинчика[1]), убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ за то, что Вакулинчикъ заявилъ, что „борщъ не годится“. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменемъ и скажемъ: „миръ праху его!“ Отомстимъ кровожаднымъ вампирамъ! Смерть угнетателямъ! Смерть кровопійцамъ! Да здравствуетъ свобода!

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Одинъ за всѣхъ, — всѣ за одного!“

Утромъ къ матросамъ явилась вся мѣстная высшая администрація и потребовала выдачи трупа. Матросы отвѣтили, что трупъ принадлежитъ народу, и только онъ можетъ имъ распоряжаться. Администрація удалилась. Прибывшимъ казакамъ команда предложила присоединиться къ нимъ или уйти, иначе они откроютъ пальбу изъ пушекъ. Казаки удалились...

Граждане и гражданки! Мы всѣхъ васъ зовемъ присоединиться къ возставшему народу!

Одесская Группа Р. С.-Д. Р. Партіи.

Одесса. Прокламація матросовъ, распространенная ими на берегу: „Матросы „Князя Потемкина“ обращаются къ вамъ, солдаты и казаки, складывайте свое оружіе и идите всѣ — подъ общей кровлей — завоюемъ свободу всему народу.

Мирныхъ же жителей города Одессы просимъ выѣхать подальше, такъ какъ въ случаѣ принятія противъ насъ насильственныхъ мѣръ, превратимъ Одессу въ груду камней.

Организація матросовъ „кн. Потемкина“.

Отъ команды броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“. Просимъ немедленно всѣхъ казаковъ и армію положить оружіе и соединиться всѣмъ подъ одну крышу на борьбу за свободу, пришелъ послѣдній часъ нашего страданія, долой самодержавіе! У насъ уже свобода, мы уже дѣйствуемъ самостоятельно, безъ начальства. Начальство истреблено. Если будетъ сопротивленіе противъ насъ, просимъ мирныхъ жителей выбраться изъ города. При сопротивленіи городъ будетъ разрушенъ.

(Печатано въ типографіи Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.).

ЗАЯВЛЕНІЯ МАТРОСОВЪ „ПОТЕМКИНА“

Ко всему цивилизованному міру.

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходитъ грандіозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русскій народъ не вынесъ вѣковаго гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Разореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правительство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія. Могучій кракъ многомилліонной русской груди — долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода! какъ громъ, раскатился по всей необъятной Россіи.

Но царское правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей родинѣ.

Однако, обезумѣвшее самодержавіе забыло одно, что темная и забытая армія — это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ — есть тотъ же самый народъ, есть тѣ же самые сыны трудящихся массъ, которые рѣшили добиваться свободы. И армія рано или поздно пойметъ это и сброситъ, наконецъ, съ себя позорное пятно палачей своихъ же отцовъ и братьевъ. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“, рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ нашей родины, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ съ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И нашъ общій девизъ — смерть или свобода для всего русскаго народа! Мы требуемъ непремѣнной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манджуріи. Мы требуемъ непремѣннаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ, пасть въ бою или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!

Команда эскадры броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ и миноносца № 267. (Печать броненосца)

Ко всѣмъ европейскимъ державамъ. Заявленіе.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ начала рѣшительную борьбу противъ самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плывущимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ здѣсь находящимся.

Команда эскадры броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“

Письмо матросовъ „Потемкина“ (доставлено Одесской Группѣ съ парохода).

Его Высокопревосходительству Французскому Консулу. Отъ броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Почтеннѣйшая публика г. Одессы. Командой броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ сегодня 15 іюня было съ корабля свезено мертвое тѣло, которое и было передано въ распоряженіе рабочей партіи для преданія землѣ по обычному обряду. Послѣ чего, пройдя нѣсколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертваго тѣла, казаки разогнали. Тѣло оставлено безъ надзора. Команда броненосца проситъ публику г. Одессы: 1) не дѣлать препятствія въ погребеніи матроса съ корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюденіе за правила 3) требовать отъ полиціи, а также и казаковъ, прекратить с напрасные набѣги, почему это все безполезно; 4) не проти дѣйствовать доставленію необходимыхъ продуктовъ для коман броненосца рабочей партіей; 5) команда проситъ публику гор Одессы о выполненіи всѣхъ перечисленныхъ выше требован Въ случаѣ, если во всемъ этомъ будетъ отказано, то коман должна будетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: буде произведена по городу орудійная стрѣльба изо всѣхъ ору Почему команда предупреждаетъ публику и въ случаѣ возник венія стрѣльбы проситъ удалиться изъ города тѣхъ, которые желаютъ участвовать въ противодѣйствіи. Кромѣ того, на ожидается помощь изъ Севастополя для этой цѣли нѣскол броненосцевъ, и тогда будетъ хуже.

Событія въ Одессѣ.

Революціонныя событія въ Одессѣ. Въ настоящій моментъ можно сказать безъ преувеличенія — взоры всего міра об щены на Одессу, гдѣ на сушѣ и на морѣ разыгрываются ликія революціонныя событія... Въ ту минуту, когда я пишу строки, совершенно невозможно предвидѣть, какъ разверну событія, — приведутъ ли они къ побѣдоносному возстанію будутъ задавлены правительствомъ, конечно, лишь на са незначительное время... Настроеніе, какъ на сушѣ, такъ и бенно на морѣ, достигло крайняго революціоннаго напряжен Мы не живемъ, а горимъ, — каждый часъ приноситъ все нов и новыя извѣстія, заставляющія напрягать всю максималь энергію соц.-дем. организаціи... Работать приходится въ до кра ности нервной атмосферѣ, подъ царскими пулями, которыя бе пощадно уносятъ нашихъ товарищей... Овладѣть движеніем нѣтъ никакой возможности...

Перейду къ описанію событій. Чтобы у читателя бы ясная картина развернувшихся уже событій, я долженъ нар совать подробно всѣ обстоятельства, имъ предшествовавшія.

Послѣ окончанія всеобщей стачки цѣлый рядъ крупныхъ заводовъ продолжалъ забастовку. Главный центръ бастова шихъ — это Пересыпь, гдѣ приступили къ работѣ только мел кіе заводы, мельницы, маслобойни; остальныя продолжали басто вать, такъ какъ хозяева шли лишь на самыя ничтожны уступки. Впослѣдствіи сталъ на работу заводъ Русскаго Общест Пар. и Тор., такъ какъ главныя требованія рабочихъ бы почти цѣликомъ удовлетворены. Прекратилъ этотъ заводъ бастовку по рѣшенію самихъ рабочихъ всѣхъ заводовъ, п чемъ всѣ рабочіе Русск. Общ. Пароход. и Тор. рѣшили отчисл 4% въ пользу забастовщиковъ. На Дальникѣ продолжали забастовку з-в. Гена, Джутъ и Мюльнеръ.

Стачечное настроеніе было крѣпкое. Рабочіе ни за что соглашались идти на работу, пока не удовлетворятъ ихъ бованій; съ другой стороны — хозяева упорствовали, угро закрытіемъ заводовъ.

Втеченіе всего этого періода нашей организаціей („Одесская Группа Рос. Соц. Дем. Раб. Пар.“) велась самая усиленная агитація, которая значительно облегчалась полнѣйшимъ бездѣ твіемъ полиціи. Агитація велась совершенно открыто улицѣ и кромѣ того нѣсколько разъ удавалось нашимъ ораторамъ проникать на заводы (особенно у Гена, гдѣ на послѣднемъ митингѣ присутствовало 500 раб. Выступавшій товарищъ своей рѣчью произвелъ очень сильное впечатлѣніе). Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно увеличилось и вліяніе соціальдемократі на передовые слои рабочихъ... Вспоминая теперь первые дн стачки (отъ [illegible]-10 мая), когда рабочіе (и особенно „выборные“) не давали говорить соціальдемократамъ, и сравнивая ихъ с послѣдними днями до начала событій, можно смѣло сказать что пересыпскіе рабочіе сдѣлали колоссальный шагъ впередъ въ сознательномъ отношеніи къ окружающей дѣйствитель ности. Въ послѣдніе дни до начала событій вся стачка ш уже подъ нашимъ руководствомъ. Кромѣ устной агитаціи и пропаганды велась широкая письменная агитація. Наша организація обыкновенно выпускаетъ 2—3 листка въ недѣлю, и сре пересыпскихъ рабочихъ (около 2.000) каждый № листка ра пространяется въ количествѣ 1 500 экз.; кромѣ листковъ бы распространена и брошюрная литература.

Подъ вліяніемъ агитаціи — съ одной стороны, и подъ вл ніемъ полуторамѣсячной забастовки настроеніе росло и ста вилось все болѣе и болѣе революціоннымъ, результатомъ че были отдѣльныя вспышки. Наиболѣе яркой былъ слѣдующая. Полиція арестовала около тридцати рабочихъ. Какъ только звѣстіе облетѣла Пересыпь, тотчасъ же около участка собралась толпа въ 300-400 человѣкъ и потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ подъ угрозой разгрома участка. Арестованные были освобождены и вмѣстѣ съ толпой двинулись по Московской улицѣ. Скоро толпа достигла уже 1700 чел. и, послѣ рѣчи одного рабочаго, съ пѣніемъ „Марсельезы" прошлась по всей улицѣ.

---

[1]) Во всѣхъ другихъ документахъ убитый наз. Омельчукомъ.

Въ это же самое время, среди передовыхъ рабочихъ возникли разговоры о всеобщей стачкѣ, съ выставленіемъ политическихъ требованій. Замѣчу теперь-же, что для такой стачки настроеніе въ городѣ и на нѣкоторыхъ заводахъ въ Дальникѣ было подходящимъ. На одномъ изъ собраній, наконецъ, было рѣшено повести усиленную агитацію за всеобщую забастовку и съ этой цѣлью было рѣшено устроить рядъ собраній около заводовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти собранія удались и ясно было, что на Пересыпи и въ городѣ настроеніе вполнѣ подходящее. О готовящейся всеобщей стачкѣ говорилъ весь городъ... Ждали ее въ понедѣльникъ 14 іюня.

Въ воскресенье произошелъ одинъ „маленькій" фактъ: было арестовано собраніе „выборныхъ". Конечно, этого было достаточно, что въ понедѣльникъ забастовали всѣ заводы и другія промышленныя заведенія на Пересыпи, выставивъ требованіемъ освобожденіе арестованныхъ... Утромъ около завода Гена собрались рабочіе, около 1500-2000 чел. Къ нимъ подошелъ приставъ (вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали казаки) и предложилъ рабочимъ разойтись. Рабочіе отказались вести съ нимъ переговоры, такъ какъ ихъ „выборной" (Алексѣевъ) арестованъ. Приставъ удалился, предупредивъ, что казаки вынуждены будутъ „дѣйствовать". Рабочіе расположились около завода, усѣвшись на землѣ. Но когда они замѣтили, что по направленію къ нимъ движутся казаки, они вооружились камнями и едва казаки приближались, они были встрѣчены залпомъ камней и обращены въ бѣгство... Рабочіе торжествовали побѣду, и часть ихъ продолжала преслѣдованіе. Тотчасъ же остановили ѣхавшія телѣги, вагоны и начали строить баррикаду... Казаки, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными, въ томъ числѣ и офицера, вскорѣ оправились и дали нѣсколько залповъ въ рабочихъ. Двое упали замертво, одинъ былъ раненъ... Вѣсть о стрѣльбѣ въ рабочихъ съ быстротой молніи облетѣла городъ, и городскіе рабочіе одни за другими стали бросать работу...

Одесса. Сниманіе съ работъ въ городѣ и на Пересыпи.

Точно молнія пронесся по городу слухъ объ арестѣ и убійствѣ рабочихъ, и многіе съ понедѣльника побросали работу и звали рабочихъ на улицу. Къ вечеру по Преображенской и Базарной собралась довольно внушительная толпа, устроившая революціонную манифестацію... Съ этого момента начались событія въ городѣ. На слѣдующее утро, къ девяти часамъ, на углу Ришельевской и Греческой собралось около ста рабочихъ, ожидавшихъ листковъ съ призывомъ къ всеобщей политической забастовкѣ. Здѣсь же на мѣстѣ рѣшено было подѣлиться на отряды для того, чтобы снимать съ работъ еще не забастовавшихъ. Въ это время мимо насъ прошелъ надзиратель и предложилъ разойтись. Рабочіе двинулись по Ришельевской; часть отдѣлилась по направленію къ Полицейской. За этой то частью и пошелъ надзиратель. Не прошло и пяти минутъ, какъ два товарища были арестованы и посажены на дрожки „подъ конвоемъ" городового. Въ этотъ моментъ одинъ изъ товарищей побѣжалъ за извозчикомъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Лошадь испугалась и замедлила ходъ... Раздался второй вы[illegible] затѣмъ дуло револьвера направилось въ упоръ гор[illegible] стрѣлъ, [illegible] возстановленія [illegible] при крикахъ: „долой городовому". Городовой соскочилъ съ извозчика и удралъ. Арестованные скрылись. Въ это же время на углу Успенской и Пушкинской наши организованные товарищи вмѣстѣ съ товарищами изъ „Бунда" снимали съ работы рабочихъ типографіи Диклера и Прогрессъ. Снимавшихъ было около ста человѣкъ. Вмѣстѣ со снятыми они образовали довольно значительную толпу и направились вверхъ по Успенской къ чайной фабрикѣ Высоцкаго. На углу Успенской и Канатной, точно изъ земли, выскочилъ околодочный. Настроеніе у всѣхъ было настолько повышенное, что никто не подумалъ о возможности появленія полицейскихъ. Увидѣвъ околодочнаго, толпа на минуту замедлила ходъ, но сейчасъ же двинулась впередъ. Блюститель порядка, бѣгая отъ дома къ дому, сталъ созывать дворниковъ, которые почему-то не появлялись. Толпа продолжала свое дѣло. Тогда околоточный, схватившись за саблю, хотѣлъ преградить ей дорогу, но, побоявшись угрозъ, блѣдный сталъ обходить толпу по Канатной улицѣ, направляясь къ воротамъ фабрики Высоцкаго. Здѣсь онъ снова пытался остановить рабочихъ. Раздался выстрѣлъ въ воздухъ, и околоточный побѣжалъ безъ оглядки въ полицейскій участокъ. Рабочіе предоставили околодку собирать полицейскихъ, а сами въ это время вызывали довольно быстро рабочихъ съ фабрики. Вышедшіе изъ фабрики 500 человѣкъ присоединились къ толпѣ и вмѣстѣ направились по Канатной улицѣ къ типографіи Левенсона. Рабочіе послѣдней быстро бросили работу и присоединились къ снимщикамъ. Толпа достигала до 800 чел. Уголъ Канатной и Еврейской рабочіе остановились. Предстояло идти на Ново-Рыбную, гдѣ находится много мастерскихъ. Прежде чѣмъ направиться въ одинъ изъ указанныхъ пунктовъ, ораторъ собирается произнести рѣчь, со стороны Троицкой появляется нарядъ полиціи. Рабочіе остановились и медленно стали подаваться назадъ. Полиція приблизилась и безъ всякаго предупрежденія стала стрѣлять. Раздались душураздирающіе крики. Толпа бросилась по Канатной и Еврейской. Со стороны Карантиннаго переулка появился новый отрядъ полиціи, среди котораго были хулиганы. Объединившись, они стали избивать всѣхъ безъ разбора. Толпа разбѣжалась. Осталась только [illegible] и два смертельно раненныхъ шашками товарищей.

Послѣ столкновенія и спровоцированія зубатовцами, не [illegible] у завода Гена было принято предложеніе товарища идти въ городъ останавливать всѣ заводы и устроить всеобщую забастовку въ знакъ траура по убитымъ товарищамъ. Оставшіеся товарищи (1500-2000) приняли это предложеніе и двинулись въ путь окольной дорогой, избѣгая столкновеній съ войсками къ водокачкѣ. Толпа растянулась почти на 3—4 квартала, захватывая и увлекая за собой всѣхъ рабочихъ, которые попадались по дорогѣ. Вооруженнаго отряда не было, не было рѣшительно никакого оружія. Всѣ чувствовали, что при первомъ натискѣ непріятеля вся масса обратится въ бѣгство. Раньше всего остановили водокачку. Долгій и протяжный гудокъ извѣстилъ всѣхъ, что передовой отрядъ остановилъ уже водопроводную станцію. Гудки продолжались еще съ полчаса и масса успѣла пока подойти къ станціи. Рѣшено было идти на заводъ Шполянскаго, на которомъ работаетъ около 600 человѣкъ. Но вдругъ показался пассажирскій поѣздъ и небольшая часть товарищей бросилась останавливать его. Поѣздъ былъ остановленъ. Нужно было видѣть испугъ буржуазной публики, бывшей въ поѣздѣ, когда одному рабочему пришла мысль пригласить всѣхъ пассажировъ присоединиться къ толпѣ. Умоляющимъ голосомъ просили они у насъ не тревожить ихъ, увѣряли въ своемъ сочувствіи и т. д. Не желая терять времени, мы двинулись дальше. Вскорѣ мы очутились у завода Шполянскаго и остановили его. Рабочіе привѣтствовали насъ и охотно присоединились. Около завода была произнесена небольшая рѣчь. Масса достигала уже 3000 человѣкъ. Всѣ направились къ насѣкальному заводу. Тамъ мы освободили задержанныхъ изъ числа съемщиковъ 18 товарищей, остановили заводъ, перерѣзали телефонъ и направились на слободку Романовку къ заводу Арбса. По огромной полянѣ двинулись пролетаріи и производили глубокое впечатлѣніе на всѣхъ встрѣчныхъ. Изъ ближнихъ домовъ и улицъ высыпалъ народъ, чтобы подивиться этому оригинальному походу рабочаго класса. Настроеніе было повышенное. Но тѣхъ, кто велъ за собой эту массу, сильно угнетало отсутствіе какого бы то ни было оружія и организованности. Къ 1 часу дня мы были уже на слободкѣ Романовкѣ и двинулись по направленію къ городскимъ прачечнымъ... Здѣсь наше шествіе закончилось трагикомичной развязкой. На площади насъ встрѣтилъ полицейскій нарядъ съ приставомъ во главѣ. Между нимъ и рабочими завязалась драка. Полиція начала стрѣлять и... масса бросилась въ разсыпную...

Иного исхода нельзя было ожидать... Больно и досадно было сознавать свое безсиліе... Трудно передать пережитое въ этотъ моментъ!..

Изъ сообщеній Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

Послѣ полуторамѣсячной забастовки настроеніе рабочихъ стало въ высшей степени напряженнымъ. Уже были восприняты всѣ политическіе лозунги, уже наслушались множества рѣчей, а голодъ и нищета съ каждымъ днемъ хлестали забастовщиковъ все сильнѣе и сильнѣе. Совершенно стихійно разыгралась на Пересыпи демонстрація. Въ полицію были зачѣмъ то приглашены нѣсколько уполномоченныхъ изъ заводовъ, выбранныхъ рабочими для веденія переговоровъ съ заводской администраціей. Уполномоченные что-то подолгу не возвращались изъ участка. Тогда вокругъ него собралась большая толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Громко потребовала она освобожденія задержанныхъ товарищей. Когда послѣдніе вышли, раздалось „ура". Затѣмъ двинулись всей толпой снимать рабочихъ грузчиковъ съ желѣзнодорожной станціи. Народа было ужъ до 1000 человѣкъ, которые двигались, распѣвая революціонныя пѣсни, разбрасывая прокламаціи, съ рѣчами и возгласами и т. д. У конца улицы разошлись. Черезъ нѣсколько дней рѣшено было собраться уполномоченнымъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ для рѣшенія вопроса о всеобщей забастовкѣ. Бастовавшая на Пересыпи масса убѣждалась, что, лишь превративши хотя довольно широкую, но все же частичную забастовку во всеобщую можно добиться удовлетворенія своихъ требованій. Въ это время въ городѣ уже усиленно циркулировали слухи о новыхъ демонстраціяхъ, о всеобщей забастовкѣ. Въ воздухѣ пахло взрывомъ. Опять стихійно вылилась маленькая демонстрація на Молдаванкѣ.

Въ воскресеніе 12 іюня вечеромъ, состоялось собраніе уполномоченныхъ, которое было арестовано. 13 іюня начались кровавые революціонные дни. Началось опять на Пересыпи, гдѣ рабочіе дольше и упорнѣе всего держались. Утромъ въ понедѣльникъ собралось у завода Гена отъ 500 до 600 человѣкъ и, сильно возбужденные арестомъ своихъ уполномоченныхъ, стали обсуждать, какъ быть дальше.

Гулъ выстрѣловъ на Пересыпи поднялъ на ноги весь одесскій пролетаріатъ. Въ этотъ же день стали на Пересыпи тѣ заводы, которымъ даны были кое какія уступки. Возбужденіе росло съ поразительной быстротой. Днемъ на улицахъ произошли нѣсколько собраній, дышавшихъ уже революціоннымъ подъемомъ. Ночью, у полотна желѣзной дороги, собирались тысячныя толпы, ораторы смѣняли другъ друга, тамъ же остановили дачные поѣзда. Часовъ въ девять всѣ двинулись къ электрической станціи. Здѣсь произошла схватка съ казаками, раздавались залпы, очевидно, холостые. Въ городѣ же шли толпы рабочихъ, пока еще сравнительно маленькія и останавливали работы. Въ этотъ день, оставляя въ сторонѣ залпы на Пересыпи, полиція и казаки вели себя сравнительно чинно. Но за то слѣдующій день былъ днемъ безконечныхъ ужасовъ. Установить сейчасъ же количество данныхъ по толпѣ залповъ невозможно; придется указать только нѣкоторые. Начиная съ утра 14 іюня, сниманіе рабочихъ съ работы носитъ уже бурный революціонный характеръ. На фабрикѣ жестяныхъ издѣлій Вальтуха работы были остановлены ворвавшимся вооруженнымъ отрядомъ рабочихъ. Въ ходъ пошли также захваченные напильники и другіе инструменты. У фабрики произошли крупныя

Митава, 21 іюня. Нѣ[illegible] въ толпу. Съ обѣихъ сторонъ ране[illegible] нанаемъ. Въ Митавѣ, [illegible] уже о демонстраціи Еврейской. стычки, стрѣляли и толпа, [illegible] Нѣсколько дней спустя выхъ приблизительно человѣкъ десять. [illegible] забастовки.

Звѣрское избіеніе произошло на углу Канатной и Еврейской. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ собралась грандіозная толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ подростковъ изъ чайной фабрики Высоцкаго. Дѣвочекъ только что сняли съ работы. Радостныя, страшно возбужденныя, онѣ вышли съ толпой взрослыхъ рабочихъ съ фабрики Левинсона. Вся толпа съ громкими криками, страшно возбужденная, двинулась было по Канатной улицѣ. На встрѣчу быстро двигался отрядъ городовыхъ. Переднія части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но заднія, не видѣвшія городовыхъ, начали кричать: „Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Тамъ у участка засада"; но какъ разъ въ этотъ моментъ началось кровавое побоище съ двухъ сторонъ: и со стороны Еврейской, гдѣ изъ участка, дѣйствительно, высыпала куча городовыхъ съ саблями наголо, и со стороны Канатной, откуда къ тому времени уже вплотную придвинулся отрядъ городовыхъ. Началась частая револьверная пальба, отчаянные крики растерявшихся дѣвушекъ (были отъ 13 до 14 лѣтъ), а въ это время шашками рубили отдѣльныя кучки свалившихся дѣвушекъ, мужчинъ. Рубили жестоко, звѣрски. Въ результатѣ множество избитыхъ и до десятка сильно изрубленныхъ шашками. Одну дѣвушку зарубили на смерть. Разбѣжавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать другія мастерскія. Въ это время залпы начались съ Преображенской улицы. Здѣсь полиція стрѣляла цѣлый день съ промежутками въ два-три часа. Несмотря на это толпы собирались каждый разъ и плотными массами двигались взадъ и впередъ. Преобладала рабочая молодежь и множество совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, которые всюду являлись застрѣльщиками. Сколько было залповъ на Преображенской улицѣ, установить нельзя было, ибо стрѣляли безпорядочно, такъ что получилась картина безпрерывной стрѣльбы. Въ этотъ же день стали закрываться магазины, банки и т. п. Войскъ пока было мало. Дѣйствовала, главнымъ образомъ, полиція. Городовые мчались по улицамъ, размахивая въ одной рукѣ револьверомъ, въ другой шашкой; однако, большинство выстрѣловъ были холостые, иначе трудно себѣ объяснить поразительно малое количество жертвъ при почти непрерывной стрѣльбѣ. А стрѣльба была во множествѣ пунктовъ. Масса металась съ улицы на улицу, ни разу не разсѣиваясь хотя бы болѣе чѣмъ на 15 минутъ. Въ пяти-шести пунктахъ воздвигали баррикады, валили конки, возы, таскали доски, но при первыхъ выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. При постройкѣ баррикадъ выдающуюся роль играли уличныя дѣти. Съ поразительнымъ безстрашіемъ кучка мальчугановъ окружала конку, высаживала пассажировъ и мгновенно валила вагонъ на самые рельсы. Съ полудня движеніе по нѣкоторымъ линіямъ пріостановилось. Къ этому времени были остановлены работы почти во всемъ городѣ и отчасти на окраинахъ. Остановка работъ всюду сопровождалась избіеніемъ, залпами... Масса была безоружна и, гдѣ были подъ руками камни, они пускались въ ходъ, не причиняя казакамъ особеннаго вреда. Въ теченіи дня раздавались въ различныхъ пунктахъ приблизительно 10—15 выстрѣловъ изъ толпы, нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые, околодочные надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п. Отдѣльныя нападенія толпы на городовыхъ происходили довольно часто. Въ одномъ мѣстѣ толпа освободила одного арестованнаго, прогнавши съ извозчика перепуганнаго околодочнаго, которому къ самой груди былъ кѣмъ то приставленъ револьверъ. Околодочный соскочилъ, а городовой за нимъ. Арестованный смѣшался съ толпой. Въ этотъ же день появившіяся прокламаціи призывали къ всеобщей забастовкѣ. Къ вечеру уже насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти была брошена бомба на Соборной площади при обстоятельствахъ, указанныхъ въ газетѣ. Бросившій бомбу, скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи" съ полиціей насчетъ того, куда увести „преступника". Къ вечеру же большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы публику начали уже гнать казаки и къ 11 часамъ было уже пусто. На Пересыпи опять шли открытыя собранія, ходили толпами закрывать близъ стоящіе заводы, но при выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. Въ одномъ случаѣ трехтысячная толпа убѣгала передъ нѣсколькими полицейскими, хотя передніе ряды кричали, что не слѣдуетъ бѣжать передъ 4—5 вооруженными чинами. Однако, сознаніе своей безпомощности все глубже и глубже внѣдрялось въ сознаніе массы и къ вечеру оно сильно возрасло. Требовали настойчиво оружія, говорили, что оружіемъ все сдѣлать можно, но оружія не было... Были десятки револьверовъ. Рождались у массы планы двинуться къ оружейнымъ магазинамъ, но стало извѣстно, что въ лавкахъ ничего нѣтъ. Попытки двинуться съ Пересыпи въ городъ не удались. Ночью во вторникъ пришлось констатировать слѣдующіе факты.

1) Завтра забастовка станетъ всеобщей. 2) Настроеніе находящихся на улицахъ рабочихъ крайне революціонное. Въ острой формѣ требуютъ оружія. 3) На улицахъ преимущественно рабочая и интеллигентная молодежь всѣхъ возрастовъ до мальчиковъ и дѣвушекъ 13—14 лѣтъ включительно. 4) Власти страшно растеряны, войскъ нѣтъ. Полиція стрѣляетъ безъ всякаго предупрежденія. Значительный процентъ выстрѣловъ холостыхъ. Боятся раздражать толпу убійствами, но еще больше боятся толпы. 5) Завтра будутъ войска, будутъ боевые залпы: прольется больше крови. 6) Нужно поддержать настроеніе толпы, снимать еще работающихъ, ждать „развязыванія" революціонныхъ событій.

Ночью съ 14 на 15 іюня случилось событіе, которое, конечно, уже привлекло вниманіе всего міра, событіе, неизвѣстное во всемірной исторіи. На службу россійской революціи сталъ самый лучшій эскадронный броненосецъ единственнаго въ Россіи Черноморскаго флота. Обстоятельства, предшествовавшія этому грандіозному событію, вамъ извѣстны.

Къ трупу матроса начали стекаться тысячныя толпы, которыя мѣнялись въ теченіи всего дня. Каждый разъ кто нибудь изъ матросовъ читалъ воззваніе „къ одесситамъ". Толпа снимала шапки, нѣкоторые крестились; настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Тѣло матроса было украшено чернымъ знаменемъ. Тутъ же были воздвигнуты эстрады изъ бочекъ для ораторовъ. Говорили многіе случайные ораторы изъ публики, излагая каждый по своему горе и скорбь народную. Говорилъ одинъ портъ-артурецъ калѣка: „Вы возмутились, что вамъ дали червивое мясо, а мы такое мясо кушали ежедневно". Каждый разъ показывали толпѣ мясо, изъ котораго матросы варили борщъ. Мясо тухлое, червивое, гнилое.

Толпа, сильно взволнованная всѣмъ происходящимъ передъ ея глазами, а вдали высится гигантъ броненосецъ, внушающій всѣмъ упавшимъ духомъ рабочимъ гордую увѣренность въ томъ, что на сторонѣ революціи новая могучая сила, передъ которой теряются въ безпамятствѣ всѣ власти съ ихъ солдатами, полиціей и казаками.

Съ прибытіемъ броненосца городъ совершенно пустѣетъ. Не видно кучекъ рабочихъ, не видно толпъ мальчишекъ. Все это бѣжитъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова къ гавани. На улицахъ, прилегающихъ къ гавани, это бѣгство становится особенно замѣтнымъ. Съ проходящихъ мимо трамваевъ слѣзаютъ люди, и, еще не зная въ чемъ дѣло, присоединяются къ бѣгущимъ.

Позабыты всѣ ужасы прошлыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ чувства концентрируются вокругъ революціоннаго броненосца. Каждому рисуются грандіозныя картины захвата всего южнаго побережья, аресты властей, бомбардировки. Уже летятъ въ воздухѣ слова: „временное правительство", „революція". Говорятъ, что матросы высадятся и возьмутъ городъ и, дѣйствительно, въ среду утромъ это было весьма возможно. Въ городѣ совершенно не было войскъ. Въ уѣздѣ шли и идутъ крупные аграрные безпорядки, лагери отстоятъ на десятки верстъ, нѣкоторыя войсковыя части находятся въ сильномъ броженіи, настроеніе толпы крайне возбужденное — всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, могли бы несомнѣнно привести къ захвату города, если бы высадилось нѣсколько сотъ хорошо вооруженныхъ людей, поставившихъ себѣ ясную задачу свергнуть самодержавіе. При [illegible] могло бы значительно уско- [illegible] остальной [illegible] начать избіеніе. Часовъ въ 8 я пошелъ. [illegible] Только что я показался изъ за угла [illegible] пери- [illegible] человѣкъ въ 20, раздались крики: томъ дѣйствіе орудій броненосца [illegible] что не подвергся избірать революціонную развязку. Но матросы [illegible] увѣренными эскадры. Среди тысячи циркулировавшихъ въ толпѣ [illegible] На опредѣленно и настойчиво повторялся одинъ, что изъ Нарядева идутъ пѣшкомъ 700 вооруженныхъ рабочихъ. Слухи, со- жался нѣсколько дней. заставкото-

Затѣмъ массы волновалъ одинъ важный, все опредѣ- вопросъ: придетъ ли вся остальная Черноморская эскадра? должны Всѣ знали, что необычайно сильно чисто революціонное оста- женіе среди черноморскихъ матросовъ и всѣмъ хотѣлось вѣрить время что флотъ, дѣйствительно, придетъ и, тогда... утра

Говорили и о томъ, что прибудетъ германская и турецкая громадная эскадра и возьметъ... для Россіи прибывшій броненосецъ. [illegible]рянъ

Матросы же съ „Потемкина" поддерживали увѣренность также томъ, что прибудетъ вся остальная эскадра. Для нихъ лиціи, ясна дилемма: или смертная казнь матросамъ или смерть не державію. Самодержавіе должно умереть, для того чтобы могли жить: это имъ стало ясно и они твердо рѣшили въ, про- въ свою пользу. Въ этотъ день въ городѣ было сподовле- Выстрѣлы почти прекратились. Къ вечеру начали стяги войска. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были установлены пушки. Атмосфера въ городѣ сгущалась. Въ порту же пока все по прежнему. Тысячныя толпы, ораторы, ораторы безъ ра- Какой то пьяный восторгъ, выливавшійся въ самыя разныя формы, оживленныя лица, бесѣды. Отъ полиціи чисто. Ея нигдѣ не видать. Лишь къ вечеру казаки и городовые на бульварѣ и на всѣхъ господствующихъ надъ на что мѣстахъ начинаютъ создавать затрудненія идущимъ показать

Но пока все благополучно. Внизу же дѣлается попытка вызвать антиеврейскій погромъ. Появляются темныя личности, толкующія о „жидахъ", что они все это сдѣлали и т. п. [illegible] рятъ нѣкоторые ораторы на эту тему, а затѣмъ въ како- громко кричащаго противъ „жидовъ" шпика направляется [illegible] вѣстно откуда нѣсколько выстрѣловъ, и шпикъ падаетъ замертво. При этомъ ранено два, три человѣка. Другого шпіона [illegible] до избиваютъ.

До вечера, какъ видите, царило относительно спокойствіе [illegible] чувствовался революціонный подъемъ. Весь день былъ полонъ торжествомъ сознательности. Вечеромъ разыгралась дикая [illegible] хія, вечеромъ разлились ужасы, несказанные ужасы. [illegible] начали въ порту грандіозные грабежи. Разбивавшіе [illegible], перепились мертвецки.... Единодушное свидѣтельство всей мѣстной печати и тысячъ перебывавшихъ въ порту указываютъ на то, что отъ начала до конца грабежи были [illegible] ломъ городскихъ отбросовъ, босяковъ, профессіональныхъ [illegible] шекъ и „чистой" публики. Эта публика таскала шелки, [illegible] хаты, драгоцѣнности, запихивала въ карманы. Мы не можемъ здѣсь остановиться на описаніи грабежей. Обо всемъ [illegible] достаточно много сказано въ легальныхъ газетахъ. Рабочіе въ первое время пытались организовать защиту отъ грабежей [illegible] пускалась въ ходъ сила, умоляли, просили, но ничто не помогало. Апетиты разгорѣлись... Стихія побѣдила сознательность [illegible] рабочимъ пришлось съ горькимъ чувствомъ уйти. Многія [illegible] вушки работницы и интеллигентки плакали, ибо въ безумной [illegible] бежа, въ яркомъ заревѣ разбушевавшагося пожара, блѣдно [illegible] драгоцѣнные плоды историческаго дня. Настроеніе въ городѣ стало крайне тревожное; горѣли милліоны, горѣли люди, и на [illegible] дикія оргіи. По всему небосклону неслись красно-огненные облака, закрывая звѣзды. Все приняло зловѣще мрачный видъ. Въ это время раздался оглушительный взрывъ бомбы на Екатерининской площади. Изранено множество людей, главнымъ образомъ, казаки. Бросавшій неизвѣстенъ. Скоро послѣ взрыва раздался безъ всякаго повода залпъ. Залпъ былъ оглушительный и вызвалъ страшную панику. Вопли и крики давившихъ другъ друга людей, стоны раненныхъ, визгъ женщинъ — все это смѣшалось въ одинъ хаосъ смертельнаго ужаса. Залпъ вызвалъ много жертвъ. Вблизь находящуюся аптеку внесли много сильно изуродованныхъ людей. Были ли убитые, пока неизвѣстно. Паника усилилась въ городѣ до крайней вѣстіе облетѣло Пересыпь, тотчасъ же около участка ралась толпа въ 300-400 человѣкъ и потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ подъ угрозой разгрома стка. Арестованные были освобождены и вмѣстѣ съ толпой нулись по Московской улицѣ. Скоро толпа достигла уже 700 чел. и, послѣ рѣчи одного рабочаго, съ пѣніемъ „Мар-езы" прошлась по всей улицѣ.

Въ это же самое время, среди передовыхъ рабочихъ возникли разговоры о всеобщей стачкѣ, съ выставленіемъ политическихъ требованій. Замѣчу теперь-же, что для такой стачки настроеніе въ городѣ и на нѣкоторыхъ заводахъ въ Дальникѣ было подходящимъ. На одномъ изъ собраній, наконецъ, было рѣшено повести усиленную агитацію за всеобщую забастовку и съ этой цѣлью было рѣшено устроить рядъ собраній около заводовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти собранія удались и ясно было, что на Пересыпи и въ городѣ настроеніе вполнѣ подходящее. О готовящейся всеобщей стачкѣ говорилъ весь городъ... Ждали ее въ понедѣльникъ 14 іюня.

Въ воскресенье произошелъ одинъ „маленькій" фактъ: было арестовано собраніе „выборныхъ". Конечно, этого было достаточно, что въ понедѣльникъ забастовали всѣ заводы и другія промышленныя заведенія на Пересыпи, выставивъ требованіемъ освобожденіе арестованныхъ... Утромъ около завода Гена собрались рабочіе, около 1500-2000 чел. Къ нимъ подошелъ приставъ (вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали казаки) и предложилъ рабочимъ разойтись. Рабочіе отказались вести съ нимъ переговоры, такъ какъ ихъ „выборной" (Алексѣевъ) арестованъ. Приставъ удалился, предупредивъ, что казаки вынуждены будутъ „дѣйствовать". Рабочіе расположились около завода, усѣвшись на землѣ. Но когда они замѣтили, что по направленію къ нимъ движутся казаки, они вооружились камнями, и едва казаки приблизились, они были встрѣчены залпомъ камней и обращены въ бѣгство... Рабочіе торжествовали побѣду, и часть ихъ продолжала преслѣдованіе. Тотчасъ же остановили ѣхавшія телѣги, вагоны и начали строить баррикаду... Казаки, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными, въ томъ числѣ и офицера, вскорѣ оправились и дали нѣсколько залповъ въ рабочихъ. Двое упали замертво, одинъ былъ раненъ... Вѣсть о стрѣльбѣ въ рабочихъ съ быстротой молніи облетѣла городъ, и городскіе рабочіе одни за другими стали бросать работу..

Одесса. Сниманіе съ работъ въ городѣ и на Пересыпи.

Точно молнія пронесся по городу слухъ объ арестѣ и убійствѣ рабочихъ, и многіе съ понедѣльника побросали работу и звали рабочихъ на улицу. Къ вечеру по Преображенской и Базарной собралась довольно внушительная толпа, устроившая революціонную манифестацію... Съ этого момента начались событія въ городѣ. На слѣдующее утро, къ девяти часамъ, на углу Ришельевской и Греческой собралось около ста рабочихъ, ожидавшихъ листковъ съ призывомъ къ всеобщей политической забастовкѣ. Здѣсь же на мѣстѣ рѣшено было подѣлиться на отряды для того, чтобы снимать съ работы еще не забастовавшихъ. Въ это время мимо насъ прошелъ надзиратель и предложилъ разойтись. Рабочіе двинулись по Ришельевской; часть отдѣлилась по направленію къ Полицейской. За этой то частью и пошелъ надзиратель. Не прошло и пяти минутъ, какъ два товарища были арестованы и посажены на дрожки „подъ конвоемъ" городового. Въ этотъ моментъ одинъ изъ товарищей побѣжалъ за извозчикомъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Лошадь испугалась и замедлила ходъ... Раздался второй вы- [illegible] дуло револьвера направлялось въ упоръ горо- стрѣлъ, [illegible] восстановленія Польши при крикахъ: „долой довому. Городовой соскочилъ съ изв[illegible] и удралъ... Арестованные скрылись. Въ это же время на углу Успенской и Пушкинской наши организованные товарищи вмѣстѣ съ товарищами изъ „Бунда" снимали съ работы рабочихъ типографіи Диклера и Прогрессъ. Снимавшихъ было около ста человѣкъ. Вмѣстѣ со снятыми они образовали довольно значительную толпу и направились вверхъ по Успенской къ чайной фабрикѣ Высоцкаго. На углу Успенской и Канатной, точно изъ земли, выскочилъ околодокъ. Настроеніе у всѣхъ было настолько повышенное, что никто не подумалъ о возможности появленія полицейскихъ. Увидѣвъ околодка, толпа на минуту замедлила ходъ, но сейчасъ же двинулась впередъ. Блюститель порядка, бѣгая отъ дома къ дому, сталъ созывать дворниковъ, которые почему-то не появлялись. Толпа продолжала свое дѣло. Тогда околодокъ, схватившись за саблю, хотѣлъ преградить ей дорогу, но, побоявшись угрозъ, блѣдный сталъ обходить толпу по Канатной улицѣ, направляясь къ воротамъ фабрики Высоцкаго. Здѣсь онъ снова пытался остановить рабочихъ. Раздался выстрѣлъ въ воздухъ, и околодокъ побѣжалъ безъ оглядки въ полицейскій участокъ. Рабочіе предоставили околодку собирать полицейскихъ, а сами въ это время вызывали довольно быстро рабочихъ съ фабрики. Вышедшіе изъ фабрики 500 человѣкъ присоединились къ толпѣ и вмѣстѣ направились по Канатной улицѣ къ типографіи Левенсона. Рабочіе послѣдней быстро бросили работу и присоединились къ съемщикамъ. Толпа достигала до 800 чел. Уголъ Канатной и Еврейской рабочіе остановились. Предстояло идти на Ново-Рыбную, гдѣ находится много мастерскихъ. Прежде чѣмъ направиться въ одинъ изъ указанныхъ пунктовъ, ораторъ собирается произнести рѣчь, со стороны Троицкой появляется нарядъ полиціи Рабочіе остановились и медленно стали подаваться назадъ. Полиція приблизилась и безъ всякаго предупрежденія стала стрѣлять. Раздались душураздирающіе крики. Толпа бросилась по Канатной и Еврейской. Со стороны Карантиннаго переулка появился новый отрядъ полиціи, среди котораго были хулиганы. Объединившись, они стали избивать всѣхъ безъ разбора. Толпа разбѣжалась. Осталась только полиція и два смертельно раненныхъ шашками товарищей...

Послѣ столкновенія и споровъ съ зубатовцами, на собраніи у завода Гена было принято предложеніе товарища идти въ городъ останавливать всѣ заводы и устроить всеобщую забастовку въ знакъ траура по убитымъ товарищамъ. Оставшіеся товарищи (1500-2000) приняли это предложеніе и двинулись въ путь окольной дорогой, избѣгая столкновеній съ войсками, къ водокачкѣ. Толпа растянулась почти на 3—4 квартала, захватывая и увлекая за собой всѣхъ рабочихъ, которые попадались по дорогѣ. Вооруженнаго отряда не было, не было рѣшительно никакого оружія. Всѣ чувствовали, что при первомъ натискѣ непріятеля вся масса обратится въ бѣгство. Раньше всего остановили водокачку. Долгій и протяжный гудокъ извѣстилъ всѣхъ, что передовой отрядъ остановилъ уже водопроводную станцію. Гудки продолжались еще съ полчаса и масса успѣла пока подойти къ станціи. Рѣшено было идти на заводъ Шполянскаго, на которомъ работаетъ около 600 человѣкъ. Но.. вдругъ показался пассажирскій поѣздъ и небольшая часть товарищей бросилась останавливать его. Поѣздъ былъ остановленъ. Нужно было видѣть испугъ буржуазной публики, бывшей въ поѣздѣ, когда одному рабочему пришла мысль пригласить всѣхъ пассажировъ присоединиться къ толпѣ. Умоляющимъ голосомъ просили они у насъ не тревожить ихъ, увѣряли въ своемъ сочувствіи и т. д. Не желая терять времени, мы двинулись дальше. Вскорѣ мы очутились у завода Шполянскаго и остановили его. Рабочіе привѣтствовали насъ и охотно присоединились. Около завода была произнесена небольшая рѣчь. Масса достигала уже 000 человѣкъ. Всѣ направились къ насѣкальному заводу. Тамъ мы освободили задержанныхъ изъ числа съемщиковъ 18 товарищей, остановили заводъ, перерѣзали телефонъ и направились на слободку Романовку къ заводу Арбса. По огромной полянѣ двинулись пролетаріи и производили глубокое впечатлѣніе на всѣхъ встрѣчныхъ. Изъ ближнихъ домовъ и улицъ высыпалъ народъ, чтобы подивиться этому оригинальному походу рабочаго класса. Настроеніе было повышенное. Но тѣхъ, кто велъ за собой эту массу, сильно угнетало отсутствіе какого бы то ни было оружія и организованности. Къ 1 часу дня мы были уже на слободкѣ Романовкѣ и двинулись по направленію къ городскимъ прачечнымъ... Здѣсь наше шествіе закончилось трагикомичной развязкой. На площади насъ встрѣтилъ полицейскій нарядъ съ приставомъ во главѣ. Между нимъ и рабочими завязалась драка. Полиція начала стрѣлять и... масса бросилась въ разсыпную...

Иного исхода нельзя было ожидать... Больно и досадно было сознавать свое безсиліе... Трудно передать пережитое въ этотъ моментъ!..

Изъ сообщеній Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

Послѣ полуторамѣсячной забастовки настроеніе рабочихъ стало въ высшей степени напряженнымъ. Уже были восприняты всѣ политическіе лозунги, уже наслушались множества рѣчей, а голодъ и нищета съ каждымъ днемъ хлестали забастовщиковъ все сильнѣе и сильнѣе. Совершенно стихійно разыгралась на Пересыпи демонстрація. Въ полицію были зачѣмъ то приглашены нѣсколько уполномоченныхъ изъ заводовъ, выбранныхъ рабочими для веденія переговоровъ съ заводской администраціей. Уполномоченные что-то по долгу не возвращались изъ участка. Тогда вокругъ него собралась большая толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Громко потребовала она освобожденія задержанныхъ товарищей. Когда послѣдніе вышли, раздалось „ура". Затѣмъ двинулись всей толпой снимать рабочихъ грузчиковъ съ желѣзнодорожной станціи. Народа было ужъ до 1000 человѣкъ, которые двигались, распѣвая революціонныя пѣсни, разбрасывая прокламаціи, съ рѣчами и возгласами и т. д. У конца улицы разошлись. Черезъ нѣсколько дней рѣшено было собраться уполномоченнымъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ для рѣшенія вопроса о всеобщей забастовкѣ. Бастовавшая на Пересыпи масса убѣждалась, что, лишь превративши хотя довольно широкую, но все же частичную забастовку во всеобщую можно добиться удовлетворенія своихъ требованій. Въ это время въ городѣ уже усиленно циркулировали слухи о новыхъ демонстраціяхъ, о всеобщей забастовкѣ. Въ воздухѣ пахло взрывомъ. Опять стихійно вылилась маленькая демонстрація на Молдаванкѣ.

Въ воскресеніе 12 іюня вечеромъ, состоялось собраніе уполномоченныхъ, которое было арестовано. 13 іюня начались кровавые революціонные дни. Началось опять на Пересыпи, гдѣ рабочіе дольше и упорнѣе всего держались. Утромъ въ понедѣльникъ собралось у завода Гена отъ 500 до 600 человѣкъ и, сильно возбужденные арестомъ своихъ уполномоченныхъ, стали обсуждать, какъ быть дальше.

Гулъ выстрѣловъ на Пересыпи поднялъ на ноги весь одесскій пролетаріатъ. Въ этотъ же день стали на Пересыпи тѣ заводы, которымъ даны были кое какія уступки. Возбужденіе росло съ поразительной быстротой. Днемъ на улицахъ произошли нѣсколько собраній, дышавшихъ уже революціоннымъ подъемомъ. Ночью, у полотна желѣзной дороги, собирались тысячныя толпы, ораторы смѣняли другъ друга, тамъ же останавливали дачные поѣзда. Часовъ въ девять всѣ двинулись къ электрической станціи. Здѣсь произошла схватка съ казаками, раздавались залпы, очевидно, холостые. Въ городѣ же шли толпы рабочихъ, пока еще сравнительно маленькія, и останавливали работы. Въ этотъ день, оставляя въ сторонѣ залпы на Пересыпи, полиція и казаки вели себя сравнительно чинно. Но за то слѣдующій день былъ днемъ безконечныхъ ужасовъ. Установить сейчасъ же количество данныхъ по толпѣ залповъ невозможно: придется указать только нѣкоторые. Начиная съ утра 14 іюня, сниманіе рабочихъ съ работы носитъ уже бурный, революціонный характеръ. На фабрикѣ жестяныхъ издѣлій Вальтуха работы были остановлены ворвавшимся вооруженнымъ отрядомъ рабочихъ. Въ ходъ пошли также захваченные напильники [illegible] инструменты. У фабрики произошли крупныя

Митава, 21 іюня. Н[illegible] въ толпу. Съ обѣихъ сторонъ ране
[illegible] начинаваемъ. Въ Митавѣ,
неки и другіе [illegible] говоря уже о демонстраціи Еврейской.
стычки, стрѣляли и толпа, [illegible] Нѣсколько дней спустя
ныхъ приблизительно человѣкъ десять. [illegible] забастовки

Звѣрское избіеніе произошло на углу Канатной и Еврейской. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ собралась грандіозная толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ-подростковъ изъ чайной фабрики Высоцкаго. Дѣвочекъ только что сняли съ работы. Радостныя, страшно возбужденныя, онѣ вышли съ толпой взрослыхъ рабочихъ съ фабрики Левинсона. Вся толпа съ громкими криками, страшно возбужденная, двинулась было по Канатной улицѣ. На встрѣчу быстро двигался отрядъ городовыхъ. Переднія части толпы пытались было повернуть на Еврейскую, но заднія, не видѣвшія городовыхъ, начали кричать: „Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Тамъ у участка засада"; но какъ разъ въ этотъ моментъ началось кровавое побоище съ двухъ сторонъ: и со стороны Еврейской, гдѣ изъ участка, дѣйствительно, высыпала куча городовыхъ съ саблями наголо, и со стороны Канатной, откуда къ тому времени уже вплотную придвинулся отрядъ городовыхъ. Началась частая револьверная пальба, отчаянные крики растерявшихся дѣвушекъ (были отъ 13 до 14 лѣтъ), а въ это время шашками рубили отдѣльныя кучки свалившихся дѣвушекъ, мужчинъ. Рубили жестоко, звѣрски. Въ результатѣ множество избитыхъ и до десятка сильно изрубленныхъ шашками. Одну дѣвушку изрубили на смерть. Разбѣжавшаяся толпа быстро вновь собралась и стала останавливать другія мастерскія. Въ это время залпы начались съ Преображенской улицы. Здѣсь полиція стрѣляла цѣлый день съ промежутками въ два-три часа. Несмотря на это, толпы собирались каждый разъ и плотными массами двигались взадъ и впередъ. Преобладала рабочая молодежь и множество совсѣмъ молодыхъ мальчиковъ, которые всюду являлись застрѣльщиками. Сколько было залповъ на Преображенской улицѣ, установить нельзя было, ибо стрѣляли безпорядочно, такъ что получилась картина безпрерывной стрѣльбы. Въ этотъ же день стали закрываться магазины, банки и т. п. Войскъ пока было мало. Дѣйствовала, главнымъ образомъ, полиція. Городовые мчались по улицамъ, размахивая въ одной рукѣ револьверомъ, въ другой шашкой; однако, большинство выстрѣловъ были холостые, иначе трудно себѣ объяснить поразительно малое количество жертвъ при почти непрерывной стрѣльбѣ. А стрѣльба была во множествѣ пунктовъ. Масса металась съ улицы на улицу, ни разу не разсѣиваясь хотя бы болѣе чѣмъ на 15 минутъ. Въ пяти-шести пунктахъ воздвигали баррикады, валили конки, возы, таскали доски, но при первыхъ выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. При постройкѣ баррикадъ выдающуюся роль играли уличныя дѣти. Съ поразительнымъ безстрашіемъ кучка мальчугановъ окружала конку, высаживала пассажировъ и мгновенно валила вагонъ на самые рельсы. Съ полудня движеніе по нѣкоторымъ линіямъ пріостановилось. Къ этому времени были остановлены работы почти во всемъ городѣ и отчасти на окраинахъ. Остановка работъ всюду сопровождалась избіеніемъ, залпами... Масса была безоружна и, гдѣ были подъ руками камни, они пускались въ ходъ, не причиняя казакамъ особеннаго вреда. Въ теченіи дня раздавались въ различныхъ пунктахъ приблизительно 10—15 выстрѣловъ изъ толпы, нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые, околоточные надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п. Отдѣльныя нападенія толпы на городовыхъ происходили довольно часто. Въ одномъ мѣстѣ толпа освободила одного арестованнаго, прогнавши съ извозчика перепуганнаго околоточнаго, которому къ самой груди былъ кѣмъ-то приставленъ револьверъ. Околоточный соскочилъ, а городовой за нимъ. Арестованный смѣшался съ толпой. Въ этотъ же день появившіяся прокламаціи призывали къ всеобщей забастовкѣ. Къ вечеру уже насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти была брошена бомба на Соборной площади при обстоятельствахъ, указанныхъ въ газетѣ. Бросившій бомбу, скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи" съ полиціей насчетъ того, куда увезти „преступника". Къ вечеру же большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы публику начали уже гнать казаки и къ 11 часамъ было уже пусто. На Пересыпи опять шли открытыя собранія, ходили толпами закрывать близъ стоящіе заводы, но при выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. Въ одномъ случаѣ [illegible] толпа убѣгала передъ нѣсколькими полицейскими, хотя передніе ряды кричали, что не слѣдуетъ бѣжать передъ 4—5 вооруженными чинами. Однако, сознаніе своей безпомощности все глубже и глубже внѣдрялось въ сознаніе массы и къ вечеру оно сильно возросло. Требовали настойчиво оружія, говоря, что оружіемъ все сдѣлать можно, но оружія не было... Были десятки револьверовъ. Рождались у массы планы двинуться къ оружейнымъ магазинамъ, но стало извѣстно, что въ лавкахъ ничего нѣтъ. Попытки двинуться съ Пересыпи въ городъ не удались. Ночью во вторникъ пришлось констатировать слѣдующіе факты.

1) Завтра забастовка станетъ всеобщей. 2) Настроеніе находящихся на улицахъ рабочихъ крайне революціонное. Въ острой формѣ требуютъ оружія. 3) На улицахъ преимущественно рабочая и интеллигентная молодежь всѣхъ возрастовъ до мальчиковъ и дѣвушекъ 13—14 лѣтъ включительно. 4) Власти страшно растеряны, войскъ нѣтъ. Полиція стрѣляетъ безъ всякаго предупрежденія. Значительный процентъ выстрѣловъ холостыхъ. Боятся раздражать толпу убійствами, но еще больше боятся толпы. 5) Завтра будутъ войска, будутъ боевые залпы: прольется больше крови. 6) Нужно поддержать настроеніе толпы, снимать еще работающихъ, ждать „развязыванія" революціонныхъ событій.

Ночью съ 14 на 15 іюня случилось событіе, которое, конечно, уже привлекло вниманіе всего міра, событіе, неизвѣстное во всемірной исторіи На службу россійской революціи сталъ самый лучшій эскадронный броненосецъ единственнаго въ Россіи Черноморскаго флота. Обстоятельства, предшествовавшія этому грандіозному событію, вамъ извѣстны.

Къ трупу матроса начали стекаться тысячныя толпы, которыя мѣнялись въ теченія всего дня. Каждый разъ кто нибудь изъ матросовъ читалъ воззваніе „къ одесситамъ". Толпа снимала шапки, нѣкоторые крестились; настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Тѣло матроса было украшено чернымъ знаменемъ. Тутъ же были воздвигнуты эстрады изъ бочекъ для ораторовъ. Говорили многіе случайные ораторы изъ публики, излагая каждый по своему горе и скорбь народную. Говорилъ одинъ портъ-артурецъ калѣка: „Вы возмутились, что вамъ дали червивое мясо, а мы такое мясо кушали ежедневно". Каждый разъ показывали толпѣ мясо, изъ котораго матросы варили борщъ. Мясо тухлое, червивое, гнилое.

Толпа, сильно взволнованная всѣмъ происходящимъ передъ ея глазами, а вдали высится гигантъ-броненосецъ, внушающій всѣмъ упавшимъ духомъ рабочимъ гордую увѣренность въ томъ, что на сторонѣ революціи новая могучая сила, передъ которой теряются въ безпамятствѣ всѣ власти съ ихъ солдатами, полиціей и казаками.

Съ прибытіемъ броненосца городъ совершенно пустѣетъ. Не видно кучекъ рабочихъ, не видно толпъ мальчишекъ. Все это бѣжитъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова къ гавани. На улицахъ, прилегающихъ къ гавани, это бѣгство становится особенно замѣтнымъ. Съ проходящаго мимо трамвая слѣзаютъ люди, и, еще не зная въ чемъ дѣло, присоединяются къ бѣгущимъ.

Позабыты всѣ ужасы прошлыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ чувства концентрируются вокругъ революціоннаго броненосца. Каждому рисуются грандіозныя картины захвата всего южнаго побережья, аресты властей, бомбардировки. Уже летятъ въ воздухѣ слова: „временное правительство", „революція". Говорятъ, что матросы высадятся и возьмутъ городъ и, дѣйствительно, въ среду утромъ это было весьма возможно. Въ городѣ совершенно не было войскъ. Въ уѣздѣ шли и идутъ крупные аграрные безпорядки, лагери отстоятъ на десятки верстъ, нѣкоторыя войсковыя части находятся въ сильномъ броженіи, настроеніе толпы крайне возбужденное—всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, могли бы несомнѣнно привести къ захвату города, если бы высадилось нѣсколько сотъ хорошо вооруженныхъ людей, поставившихъ себѣ ясную задачу свергнуть самодержавіе. При
[illegible] могло бы значительно усо-
начать избіеніе. Часовъ въ 8 я пошелъ [illegible] остальной
[illegible] Только что я показался изъ за угла
[illegible] человѣкъ въ 20, раздались крики:
томъ дѣйствіе орудій броненосца, что не подвергся избі-
рать революціонную развязку. Но матросы ждали [illegible]
эскадры. Среди тысячи циркулировавшихъ въ толпѣ с. На
опредѣленно и настойчиво повторялся одинъ, что изъ Марі-
ева идутъ пѣшкомъ 700 вооруженныхъ рабочихъ. Слухи, со-
жался нѣсколько дней.
аэстав-
Затѣмъ массы волновалъ одинъ важный, все опредѣ кото-
вопросъ: придетъ ли вся остальная Черноморская эс должны
Всѣ знали, что необычайно сильно чисто революціонное оста-
женіе среди черноморскихъ матросовъ и всѣмъ хотѣлось вѣрамя
что флотъ, дѣйствительно, придетъ и, тогда... утра
Говорили и о томъ, что прибудетъ германская и тургрома
эскадра и возьмутъ... для Россіи прибывшій броненосецъ.рмянъ
Матросы же съ „Потемкина" поддерживали увѣренностакже
томъ, что прибудетъ вся остальная эскадра. Для нихъ лиціи,
ясна дилемма: или смертная казнь матросамъ или смертьат не
державію. Самодержавіе должно умереть, для того что
могли жить: это имъ стало ясно и они твердо рѣшили в, про-
въ свою пользу. Въ этотъ день въ городѣ было сподовле-
Выстрѣлы почти прекратились. Къ вечеру начали стяги
войска. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были установлены пулдѣ.
Атмосфера въ городѣ сгущалась. Въ порту же пока всеотной
по прежнему. Тысячныя толпы, ораторы, ораторы безъ ия ра-
Какой то пьяный восторгъ, выливавшійся въ самыя разлись со-
ныя формы, оживленныя лица, бесѣды.. Отъ полиціи иерено-
чисто. Ея нигдѣ не видать. Лишь къ вечеру казаки ѣстеръ.
довые на бульварѣ и на всѣхъ господствующихъ надъ на что
мѣстахъ начинаютъ создавать затрудненія идущимъ токазать
Но пока все благополучно. Внизу же дѣлается погрову
вызвать антиеврейскій погромъ. Появляются темныя начали:
толкующія о „жидахъ", что они все это сдѣлали и т. п. емъ и
рятъ нѣкоторые ораторы на эту тему, а затѣмъ въ как
громко кричащаго противъ „жидовъ" шпика направляется
вѣстно откуда нѣсколько выстрѣловъ, и шпикъ падаетъ зампато-
При этомъ ранено два, три человѣка. Другого шпіона сто до
избиваютъ.
ажно-
До вечера, какъ видите, царило относительно спокойснначи-
чувствовался революціонный подъемъ. Весь день былъ полонъ, въ
торжествомъ сознательности. Вечеромъ разыгралась дикая гъ же
хія, вечеромъ разлились ужасы, несказанные ужасы. Чханн-
въ шесть начали въ порту грандіозные грабежи. Разбивали винны
„пополю", перепились мертвецки.... Единодушное свидѣтелая въ
всей мѣстной печати и тысячъ перебывавшихъ въ порту покра-
указываютъ на то, что отъ начала до конца грабежи былована,
ломъ городскихъ отбросовъ, босяковъ, профессіональныхъ тися,
шекъ и „чистой" публики. Эта публика таскала шелки, пенен-
хаты, драгоцѣнности, запихивала въ карманы. Мы не исказчи-
здѣсь остановиться на описаніи грабежей. Обо всемъ гнная.
достаточно много сказано въ легальныхъ газетахъ. Рака, а
первое время пытались организовать защиту отъ грабныхъ
пускалась въ ходъ сила, умоляли, просили, но ничто не ю че-
гало. Апетиты разгорѣлись... Стихія побѣдила сознательнодѣй-
рабочимъ пришлось съ горькимъ чувствомъ уйти. Многіяганни-
вушки работницы и интеллигентки плакали, ибо въ безумибочей
бежа, въ яркомъ заревѣ разбушевавшагося пожара, блѣдь по-
драгоцѣнные плоды историческаго дня. Настроеніе въ горось
стало крайне тревожное; горѣли милліоны, горѣли люди, и на
дикія оргіи. По всему небосклону неслись красно-огненныя
облака, закрывая звѣзды... Все приняло зловѣще мрачный видія
Въ это время раздался оглушительный взрывъ бомбы на Екатеринской площади. Изранено множество людей, главнымъ стр
разомъ, казаки. Бросавшій неизвѣстенъ. Скоро послѣ вар ст-
раздался безъ всякаго повода залпъ. Залпъ былъ оглушительный и вызвалъ страшную панику. Вопли и крики давившихъ другъ друга людей, стоны раненныхъ, визгъ женщинъ — все это смѣшалось въ одинъ хаосъ смертельнаго ужаса. Залпъ вызвалъ много жертвъ. Вблизи находящуюся аптеку внесли много сильно изуродованныхъ людей. Были ли убитые, неизвѣстно. Паника усилилась въ городѣ до крайней

извѣстіе облетѣло Пересыпь, тотчасъ же около участка бралась толпа въ 300-400 человѣкъ и потребовала немедленнаго освобожденія арестованныхъ подъ угрозой разгрома астка. Арестованные были освобождены и вмѣстѣ съ толпой нулись по Московской улицѣ. Скоро толпа достигла уже 700 чел. и, послѣ рѣчи одного рабочаго, съ пѣніемъ „Марсельезы“ прошлась по всей улицѣ.

Въ это же самое время, среди передовыхъ рабочихъ возникли разговоры о всеобщей стачкѣ, съ выставленіемъ политическихъ требованій. Замѣчу теперь же, что для такой стачки строеніе въ городѣ и на нѣкоторыхъ заводахъ въ Дальникѣ ло подходящимъ. На одномъ изъ собраній, наконецъ, было шено повести усиленную агитацію за всеобщую забастовку и съ этой цѣлью было рѣшено устроить рядъ собраній около заводовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти собранія удались и ясно было, что на Пересыпи и въ городѣ настроеніе вполнѣ подходящее. О готовящейся всеобщей стачкѣ говорилъ весь городъ. Ждали ее въ понедѣльникъ 14 іюня.

Въ воскресенье произошелъ одинъ „маленькій“ фактъ: было арестовано собраніе „выборныхъ“. Конечно, этого было достаточно, что въ понедѣльникъ забастовали всѣ заводы и другія промышленныя заведенія на Пересыпи и выставили требованіе освобожденія арестованныхъ. Утромъ около завода Гена собрались рабочіе, около 1500-2000 чел. Къ нимъ подошелъ приставъ (вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали казаки) и предложилъ рабочимъ разойтись. Рабочіе отказались вести съ нимъ переговоры, такъ какъ ихъ „выборный“ (Алексѣевъ) арестованъ. Приставъ удалился, предупредивъ, что казаки вынуждены будутъ „дѣйствовать“. Рабочіе расположились около завода, усѣвшись на землѣ. Но когда они замѣтили, что по направленію къ нимъ движутся казаки, они вооружились камнями и едва казаки приблизились, они были встрѣчены залпомъ камней и обращены въ бѣгство... Рабочіе торжествовали побѣду, и часть ихъ продолжала преслѣдованіе. Тотчасъ же остановили ѣхавшія телѣги, вагоны и начали строить баррикаду... Казаки, потерявъ нѣсколько человѣкъ ранеными, въ томъ числѣ и офицера, вскорѣ оправились и дали нѣсколько залповъ въ рабочихъ. Двое упали замертво, одинъ былъ раненъ... Вѣсть о стрѣльбѣ въ рабочихъ съ быстротой молніи облетѣла городъ, и городскіе рабочіе одни за другими стали бросать работу.

Одесса. Снимание съ работъ въ городѣ и на Пересыпи.

Точно молнія пронесся по городу слухъ объ убійствѣ рабочихъ, и многіе [illegible] бросали работу и звали рабочихъ на улицы. Къ вечеру на Преображенской и Базарной собралась довольно внушительная толпа [illegible] революціонную манифестацію [illegible] момента начало событія въ городѣ. На слѣдующее утро къ девяти часамъ на углу Ришельевской и Греческой собралась [illegible] рабочихъ, ожидавшихъ листковъ [illegible] всеобщей политической забастовкѣ. Здѣсь же на мѣстѣ [illegible] на отряды для того, чтобы снимать съ работы незабаставшихъ. Въ это время мимо [illegible] предложилъ разойтись. Рабочіе [illegible] по Ришельевской, часть отдѣлилась по направленію къ [illegible] то частью и пошли [illegible] какъ два товарища [illegible] арестованы [illegible] „подъ конвоемъ“ [illegible] товарищи, побѣжали [illegible] Дошли [illegible] стрѣлять [illegible] довому. Городовой [illegible] арестованные [illegible] Пушкинской наши [illegible] ришами изъ „Бунда“ снимали съ работы рабочихъ [illegible] Диктера и Прогресса [illegible] Вмѣстѣ со снятыми [illegible] толпу и направились вверхъ по Успенской къ чайной фабрикѣ Высоцкаго. На углу Успенской и Канатной [illegible] выскочилъ околодочный. Настроеніе у всѣхъ было [illegible] вышенное, что [illegible] полицейскихъ. Увидѣвъ [illegible] ходъ, но сейчасъ же [illegible] бѣгая отъ дома къ дому [illegible] почему-то не появлялся. [illegible] околодочный, схватившись за [illegible] хотѣлъ преградить дорогу, но побоявшись угрозъ, блѣдный сталъ обходить толпу по Канатной улицѣ, направляясь къ воротамъ фабрики Высоцкаго. Здѣсь онъ снова пытался остановить рабочихъ. [illegible] далъ выстрѣлъ въ воздухъ и [illegible] въ полицейскій участокъ. Рабочіе [illegible] бирать полицейскихъ, а сами въ это время вызывали [illegible] быстро рабочихъ съ фабрики. Вышедшіе изъ фабрики [illegible] человѣкъ присоединились [illegible] Канатной улицѣ въ типографіи [illegible] Рабочіе [illegible] быстро бросали работу и [illegible] Толпа достигала [illegible] рабочіе остановились. [illegible] находится много мастерскихъ. [illegible] одинъ изъ указанныхъ пунктовъ [illegible] сти рѣчь [illegible] Рабочіе остановились и медленно [illegible] Полиція приближалась и [illegible] стрѣлять. Раздались [illegible] лась по Канатной и Еврейской. [illegible] переулка появился [illegible] хулиганъ. Объединенными [illegible] забора. Толпа разбѣжалась. [illegible] мертельно ра[illegible]

Послѣ [illegible] у завода Гена было [illegible] родъ останавливать [illegible] стовку [illegible] товарищи 1500-2000 [illegible] путь около [illegible] водокачкѣ. [illegible] тывая и увлекая за собой всѣхъ рабочихъ [illegible] по дорогѣ. Вооруженнаго отряда не было [illegible] никакого оружія. [illegible] непріятеля вся масса обратилась въ бѣгство. [illegible] новили водокачку. [illegible] что передовой отрядъ остановилъ уже [illegible] Гудки продолжались еще [illegible] дойти къ станціи. Рѣшено было идти на заводъ Ш[illegible], на которомъ работаетъ около 600 человѣкъ. [illegible] казался пассажирскій поѣздъ и небольшая часть [illegible] бросилась останавливать его. Поѣздъ былъ остановленъ. Нужно было видѣть испугъ буржуазной публики, [illegible] когда одному рабочему пришла мысль [illegible] жировъ присоединиться къ толпѣ. [illegible] сили они у насъ не тревожить ихъ [illegible] ствія и т. д. Не желая терять времени, мы двинулись дальше. Вскорѣ мы очутились у завода Ш[illegible] и остановили его. Рабочіе привѣтствовали насъ и [illegible] присоединились. [illegible] завода была произнесена небольшая рѣчь. Масса [illegible] 3000 человѣкъ. Всѣ направились [illegible] заводу. Тамъ мы освободили задержанныхъ, въ числѣ [illegible] 18 [illegible] рищей, остановили заводъ, перерѣзали телефонъ и направились на слободку Романовку къ заводу Арбо. По огромной полено двинулись пролетаріи и производили глубокое впечатлѣніе на всѣхъ встрѣчныхъ. Изъ [illegible] и улицъ [illegible] родъ, чтобы подчиниться этому оригинальному походу рабочаго класса. Настроеніе было повышенное. Но тѣхъ, кто [illegible] за собой эту массу, сильно угнетало отсутствіе какого бы ни было оружія и организованности. Къ 1 часу дня мы были на слободкѣ Романовкѣ и двинулись по направленію къ городскимъ прачешнымъ... Здѣсь наше шествіе закончилось трагикомичной развязкой. На площади насъ встрѣтилъ полицейскій нарядъ съ приставомъ во главѣ. Между нимъ и рабочими завязалась драка. Полиція начала стрѣлять и... масса бросилась въ разсыпную...

Иного исхода нельзя было ожидать... Больно и досадно было сознавать свое безсиліе... Трудно передать пережитое въ этотъ моментъ!..

Изъ сообщеній Одесской Группы Р. С.-Д. Р. П.

Послѣ полуторамѣсячной забастовки настроеніе рабочихъ стало въ высшей степени напряженнымъ. Уже были восприняты всѣ политическіе лозунги, уже наслушались множества рѣчей, а голодъ и нищета съ каждымъ днемъ хлестали забастовщиковъ все сильнѣе и сильнѣе. Совершенно стихійно разыгралась на Пересыпи демонстрація. Въ полицію были зачѣмъ-то приглашены нѣсколько уполномоченныхъ изъ заводовъ, выбранныхъ рабочими для веденія переговоровъ съ заводской администраціей. Уполномоченные что-то по долгу не возвращались изъ участка. Тогда вокругъ него собралась большая толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Громко потребовала она освобожденія задержанныхъ товарищей. Когда послѣдніе вышли, раздалось „ура“. Затѣмъ двинулись всей толпой снимать рабочихъ грузчиковъ съ желѣзнодорожной станціи. Народа было уже до 1000 человѣкъ, которые двигались, распѣвая революціонныя пѣсни, разбрасывая прокламаціи, съ рѣчами и возгласами и т. п. У конца улицы разошлись. Черезъ нѣсколько дней рѣшено было собраться уполномоченнымъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ для рѣшенія вопроса о всеобщей забастовкѣ. Бастовавшая на Пересыпи масса убѣждала, что лишь превративши хотя длительную, но все же частичную забастовку во всеобщую, можно добиться удовлетворенія своихъ требованій. Въ это время въ городѣ уже усиленно циркулировали слухи о новыхъ демонстраціяхъ, о всеобщей забастовкѣ. Въ воздухѣ пахло взрывомъ. Опять стихійно вылилась маленькая демонстрація на Молдаванкѣ.

Въ воскресенье 12 іюня вечеромъ состоялось собраніе уполномоченныхъ, которое было арестовано. 13 іюня начались кровавые революціонные дни. Началось опять на Пересыпи, гдѣ рабочіе дольше и упорнѣе всего держались. Утромъ въ понедѣльникъ собралось у завода Гена отъ 500 до 600 человѣкъ и, видимо, возбужденные арестомъ своихъ уполномоченныхъ, стали обсуждать, какъ быть дальше.

Гулъ выстрѣловъ на Пересыпи поднялъ на ноги весь одесскій пролетаріатъ. Въ этотъ же день стали на Пересыпи 14 [illegible] заводы, которымъ даны были кое-какія уступки. Возбужденіе [illegible] поразительной быстротой. Днемъ на лицахъ [illegible] собраній, дышавшихъ уже революціонны[illegible] [illegible] желѣзной дороги [illegible] мѣняли другъ друга, тамъ же [illegible] Часамъ къ девяти всѣ двинулись къ [illegible] станціи. Здѣсь произошла схватка съ казаками [illegible] Въ городѣ же шли [illegible] рабочихъ [illegible] равнялись маленькой и [illegible] работы. Въ этотъ день остановились всѣ заводы на Пересыпи [illegible] и казаки вели себя сравнительно чинно. На [illegible] день [illegible] безконечныхъ ужасовъ. Установить [illegible] данныхъ [illegible] указать только нѣкоторые. Начиная съ утра [illegible] работы носить уже бурный [illegible] характеръ. На фабрикѣ жестяныхъ издѣлій [illegible] работы были остановлены [illegible] вооруженными [illegible] рабочихъ [illegible] также захваченные [illegible] У фабрики [illegible]

Митава, [illegible]

[illegible] на углу Канатной [illegible] собралась громадная толпа рабочихъ, среди которыхъ было больше половины дѣвочекъ [illegible] чайной фабрики Высоцкаго. Дѣвочекъ только [illegible] работы. [illegible] страшно возбужденныя [illegible] рабочихъ съ фабрики Левинсона [illegible] страшно возбужденная двинулась [illegible] Канатной улицѣ. На встрѣчу быстро двигался [illegible] на Еврейской [illegible] не видѣвшія городовыхъ начали кричать: „Не ходите, товарищи, на Еврейскую. Тамъ у участка засада“, но какъ разъ въ этотъ моментъ началось кровавое побоище съ двухъ сторонъ: и со стороны Еврейской изъ участка дѣйствительно выскочила куча городовыхъ [illegible] и со стороны Канатной, откуда къ тому времени [illegible] стрѣлять городовыхъ. [illegible] 13-14 лѣтъ [illegible] время шашками [illegible] дѣвушекъ, мужчинъ [illegible] Въ результатѣ множество избитыхъ и [illegible] шашками. Одну дѣвушку [illegible] на смерть. [illegible] толпа быстро вновь собралась [illegible] останавливать [illegible] мастерскія. Въ это время [illegible] Преображенской улицы. Здѣсь полиція стрѣляла [illegible] промежутками въ два-три часа. Несмотря на [illegible] массами [illegible] Преобладала рабочая молодежь и много [illegible] мальчиковъ, которые между являлись застрѣльщиками. [illegible] Преображенской [illegible] стрѣляли безпрерывно [illegible] безпрерывной стрѣльбы. [illegible] магазины, бачки и [illegible] образомъ. [illegible] одной [illegible] однако, большинство [illegible] непрерывной [illegible] множество [illegible] Масса [illegible] хотя бы [illegible] 15 минутъ. [illegible] пунктахъ [illegible] таскали [illegible] разбѣгались. [illegible] уличныя [illegible] ужасъ [illegible] вагоны на самые рельсы. [illegible] времени были остановлены работы [illegible] на окраинахъ. Остановка работъ [illegible] залпами. Масса была безоружна и [illegible] руками камни, они пускали въ ходъ [illegible] казакамъ особеннаго вреда. Въ теченіи дня раздавались [illegible] пунктахъ приблизительно 10-15 выстрѣловъ изъ [illegible] нѣкоторыми изъ нихъ были ранены городовые [illegible] надзиратели, помощникъ пристава, казаки и т. п. [illegible] нападенія толпы на городовыхъ происходили довольно [illegible] Въ одномъ мѣстѣ толпа освободила [illegible] арестованнаго [illegible] перепуганнаго околодочнаго [illegible] самый грудью былъ [illegible] приставленъ револьверъ. Околодочный [illegible] городовой [illegible] Арестованный [illegible] толпой. Въ этотъ же день [illegible] призывали къ всеобщей забастовкѣ. Къ вечеру уже насчитывалось нѣсколько убитыхъ и умершихъ отъ ранъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ. Часамъ къ десяти была брошена бомба на Соборной площади при обстоятельствахъ, указанныхъ въ газетѣ. Бросившій бомбу скончался во время спора между персоналомъ „Скорой помощи“ съ полиціей насчетъ того, куда увезти „преступника“. Къ вечеру уже большинство магазиновъ было закрыто и толпы народа стали еще гуще. Послѣ взрыва бомбы публику начали уже гнать казаки и къ 11 часамъ было уже пусто. На Пересыпи опять шли открытыя собранія, ходили толпами закрывать близъ стоящіе заводы, но при выстрѣлахъ сейчасъ же разбѣгались. Въ одномъ случаѣ трехтысячная толпа убѣгала передъ нѣсколькими полицейскими, хотя передніе ряды кричали, что не слѣдуетъ бѣжать передъ 4—5 вооруженными чинами. Однако, сознаніе своей безпомощности все глубже и глубже внѣдрялось въ сознаніе массы и къ вечеру оно сильно возросло. Требовали настойчиво оружія, говорили, что оружіемъ все сдѣлать можно, но оружія не было... Были десятки револьверовъ. Рождались у массы планы двинуться къ оружейнымъ магазинамъ, но стало извѣстно, что въ лавкахъ ничего нѣтъ. Попытки двинуться съ Пересыпи въ городъ не удались. Ночью во вторникъ пришлось констатировать слѣдующіе факты.

1) Завтра забастовка станетъ всеобщей. 2) Настроеніе находящихся на улицахъ рабочихъ крайне революціонное. Въ острой формѣ требуютъ оружія. 3) На улицахъ преимущественно рабочая и интеллигентная молодежь всѣхъ возрастовъ до мальчиковъ и дѣвушекъ 13–14 лѣтъ включительно. 4) Власти страшно растеряны, войскъ нѣтъ. Полиція стрѣляетъ безъ всякаго предупрежденія. Значительный процентъ выстрѣловъ холостыхъ. Боятся раздражать толпу убійствами, но еще больше боятся толпы. 5) Завтра будутъ войска, будутъ боевые залпы: прольется больше крови. 6) Нужно поддержать настроеніе толпы, снимая еще работающихъ, ждать „развязыванія“ революціонныхъ событій.

Ночью съ 14 на 15 іюня случилось событіе, которое, конечно, уже привлекло вниманіе всего міра, событіе, неизвѣстное въ мировой исторіи. На службу россійской революціи сталъ самый лучшій и могучій броненосецъ единственнаго въ Россіи Черноморскаго флота. Обстоятельства, предшествовавшія этому грандіозному событію, вамъ извѣстны.

Къ трупу матроса начали стекаться тысячныя толпы, которыя мѣнялись въ теченіи всего дня. Каждый разъ кто-нибудь изъ матросовъ [illegible] воззваніе „къ одесситамъ“. Толпа снимала шапки, нѣкоторые крестились, настроеніе было въ высшей степени приподнятое. Тѣло матроса было украшено чернымъ знаменемъ. Тутъ же были воздвигнуты эстрады изъ бочекъ для ораторовъ. Говорили многіе случайные ораторы изъ публики, излагая каждый по своему горе и скорбь народную. Говорилъ одинъ портъ-артурецъ калѣка: „Вы возмутились, что вамъ дали червивое мясо, а мы такое мясо кушали ежедневно“. Каждый разъ показывали толпѣ мясо, изъ котораго матросы варили борщъ. Мясо тухлое, червивое, гнилое.

Толпа, сильно взволнованная всѣмъ происходящимъ передъ ея глазами, а вдали высится гигантъ броненосецъ, внушающій нѣмо уставшимъ духомъ рабочимъ гордую увѣренность въ томъ, что на сторонѣ революціи новая могучая сила, передъ которой чернѣютъ въ безсиліи власти [illegible] солдатами, полиціей и казаками.

Съ прибытіемъ броненосца портъ совершенно пустѣетъ. Не видно больше рабочихъ, не видно даже мальчишекъ. Все это [illegible] въ буквальномъ смыслѣ [illegible] на возстаніе. На улицахъ, прилегающихъ къ гавани, это бѣгство становится особенно замѣтнымъ. [illegible] понимаютъ люди, и [illegible] присоединяется къ бѣгущимъ.

Позабыты всѣ ужасы прошлыхъ дней. Всѣ мысли, всѣ чувства концентрируются вокругъ революціоннаго броненосца. Каждому рисуются грандіозныя картины захвата всего южнаго побережья, аресты властей, бомбардировки. Уже летятъ въ воздухѣ слова „временное правительство“, „революція“. Говорятъ, что матросы высадятся и возьмутъ городъ и дѣйствительно въ среду утромъ это было весьма возможно. Въ городѣ совершенно не было войскъ. Въ уѣздѣ [illegible] идутъ крупные аграрные безпорядки, лагери отстоятъ въ десятки верстъ, нѣкоторыя войсковыя части находятся въ сильномъ броженіи, настроеніе толпы крайне возбужденное — всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, могли бы несомнѣнно привести къ захвату города, если бы высадилось нѣсколько сотъ хорошо вооруженныхъ людей, поставившихъ себѣ ясную задачу свергнуть самодержавіе. При [illegible] могло бы значительно ускорить [illegible] остальной [illegible]

[illegible] что и показался изъ за [illegible] человѣкъ въ 20, раздались крики: [illegible] томъ дѣйствіе орудій броненосца, [illegible] не подвергся избирать революціонную развязку. На матросахъ [illegible] эскадры. Среди тысячи циркулировавшихъ въ толпѣ [illegible] На опредѣленно и настойчиво повторился одинъ, что изъ [illegible] идутъ пѣшкомъ 700 вооруженныхъ рабочихъ. Слухи, [illegible] нѣсколько дней.

Затѣмъ массы волновалъ одинъ важный вопросъ: придетъ ли вся остальная Черноморская эскадра. Всѣ знали, что необычайно сильно чисто революціонное состояніе среди черноморскихъ матросовъ и всѣмъ хотѣлось вѣрить, что флотъ дѣйствительно придетъ и тогда...

Говорили и о томъ, что прибудетъ германская и турецкая эскадра и возьмутъ [illegible] для Россіи прибывшій броненосецъ. Матросы же съ „Потемкина“ поддерживали увѣренность, что прибудетъ вся остальная эскадра. Для нихъ дилемма: или смертная казнь матросамъ или смерть самодержавію. Самодержавіе должно умереть, для того чтобы могли жить, это имъ стало ясно и они твердо рѣшили [illegible] Въ этотъ день въ городѣ было [illegible] Выстрѣлы почти прекратились. Къ вечеру начали стягивать войска. На нѣкоторыхъ мѣстахъ были установлены [illegible] Атмосфера въ городѣ сгущалась. Въ порту же пока все по-прежнему. Тысячныя толпы, ораторы, ораторы безъ конца. Какой-то дикій восторгъ, выливавшійся въ самыя [illegible] формы, оживленныя лица, бесѣды. Отъ полиціи [illegible] Ея нигдѣ не видать. Лишь къ вечеру казаки и [illegible] на бульварѣ и на всѣхъ господствующихъ надъ [illegible] мѣстахъ начинаютъ создавать затрудненія идущимъ [illegible]

Но пока все благополучно. Внизу же дѣлается попытка вызвать антиеврейскій погромъ. Появляются темныя [illegible] толкующіе о „жидахъ“, что они все это сдѣлали и т. д. [illegible] нѣкоторые ораторы на эту тему, а затѣмъ [illegible] громко кричащаго противъ „жидовъ“ [illegible] направляется [illegible] мѣсти, откуда нѣсколько выстрѣловъ, и шпикъ падаетъ замертво. При этомъ ранено два, три человѣка. Другого шпиона [illegible] избиваютъ.

До вечера, какъ видите, царило относительное спокойствіе [illegible] революціонный подъемъ. Весь день былъ полонъ [illegible] сознательности. Вечеромъ разыгралась дикая [illegible] вечеромъ разразились ужасы, несказанные ужасы. [illegible] начали въ порту грандіозные грабежи. [illegible] мертвецки. Единодушное свидѣтельство [illegible] печати и тысячъ перебывавшихъ въ порту [illegible] указываютъ на то, что отъ начала до конца грабежи были [illegible] городскихъ отбросовъ, босяковъ, профессіональныхъ [illegible] и „чистой“ публики. Эта публика таскала шелки, [illegible] запихивала въ карманы. Мы не [illegible] останавливаться на описаніи грабежей. Обо всемъ [illegible] сказано въ легальныхъ газетахъ. [illegible] первое время пытались организовать защиту отъ грабежа [illegible] умоляли, просили, но ничто не [illegible] Аппетиты разгорѣлись. Стихія побѣдила сознательность, рабочимъ пришлось съ горькимъ чувствомъ уйти. Многія [illegible] работницы и интеллигентки плакали, ибо въ безумной [illegible] въ яркомъ заревѣ разбушевавшагося пожара, блѣдные [illegible] плоды историческаго дня. Настроеніе въ городѣ стало крайне тревожное, горѣли милліоны, горѣли люди, [illegible] По всему небосклону неслись красно-огненные облака, закрывая звѣзды. Все приняло зловѣще мрачный видъ. Въ это время раздался оглушительный взрывъ бомбы на Екатерининской площади. Изранено множество людей, главнымъ образомъ, казаки. Бросавшій неизвѣстенъ. Скоро послѣ взрыва раздался безъ всякаго повода залпъ. Залпъ былъ оглушительный и вызвалъ страшную панику. Вопли и крики давящихъ другъ друга людей, стоны раненыхъ, визгъ женщинъ — все это смѣшалось въ одинъ хаосъ смертельнаго ужаса. Залпъ [illegible] много жертвъ. Вблизи находящуюся аптеку внесли [illegible] сильно изуродованныхъ людей. Были ли убитые, [illegible] извѣстно. Паника усилилась въ городѣ до крайней бѣгали, едва переведя духъ. А въ это время начался дикій разгулъ военной силы. Въ тысячи людей, грабившихъ склады, пускались въ теченіе ночи залпъ за залпомъ. Стрѣляли по всѣмъ направленіямъ, безъ всякаго направленія. Стрѣляли изъ ружей, изъ пулеметовъ. Всю ночь шла канонада, ужасы сгущались, казалось, сейчасъ все въ воздухѣ застынетъ и ужасъ на вѣки повиснетъ тяжелымъ грузомъ надъ измученной землей. Въ это время въ пламени жарились напившіеся дорогими винами босяки, на извозчикахъ неслись, дико гикая, громилы. Въ началѣ предмѣстья Молдаванки полиція совершенно открыто организовывала погромъ. Останавливали евреевъ и избивали, но большого распространенія это не приняло. Массы годныя для погрома были уже сыты грабежомъ въ порту. Это была самая ужасная ночь, и Одесса ее никогда не забудетъ. Въ Александровскомъ паркѣ, висящемъ надъ моремъ, въ это время собрались тысячи жителей, но къ утру власти окончательно обезумѣли и въ паркъ начали во всѣхъ направленіяхъ залетать пули, вызывая страшную панику.

Въ четвергъ утромъ пожаръ въ порту еще длился, долизывая остатки „національнаго богатства“, которое грабили низшіе слои его производителей, въ которыхъ за это стрѣляли братья-солдаты...

День четверга ознаменовался новыми ужасами. Утромъ было зловѣще тихо. Всюду стояли солдаты. Народъ толпился маленькими кучками. Говорятъ тихо, шопотомъ. Лица измученныя, тревожныя. Трамваевъ нѣтъ, магазины закрыты. А войска все прибываютъ, да прибываютъ. У всѣхъ такое впечатлѣніе, точно готовится новая Варфоломеевская ночь. Прошедшая ночь ужасовъ гнететъ душу, гнететъ мысль... Кажется, что все потеряно. Но это на время. Пока же разыгрываются новые ужасы. Вотъ въ тачкѣ рабочіе везутъ изувѣченныхъ, истекающихъ кровью товарищей. Кругомъ громкій плачъ, кладутъ на повозки мѣляки, раздаются стоны, проклятья. Вдругъ налетаютъ казаки, раздаются нечеловѣческіе крики, зачастили выстрѣлы, быстро мчится лавина людей съ безумнымъ взоромъ, истерическіе крики женщинъ, дѣтей, вопли.. И опять мертвенно тихо. Часамъ къ десяти по всѣмъ стѣнамъ расклеивается объявленіе о военномъ положеніи. Грозные взводы казаковъ, солдатъ, двигаются медленно по улицамъ, въѣзжаютъ на тротуары. Смятеніе на лицахъ, тревога въ говорѣ. Въ этотъ день стрѣляютъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Стрѣляютъ безъ предупрежденія. Всюду раненые. Есть жертвы и среди дѣтей. На Полицейскомъ мосту убиты двѣ дѣвушки и ребенокъ. Городъ превращается въ сплошной лагерь. Всюду пикеты, патрули. Солдаты лежатъ въ повалку, измученные, вялые. Видъ у нихъ ужасно жалкій. На Соборной площади нѣсколько тысячъ солдатъ. Разбито 50-60 палатокъ, дымятся кухни, слышно ржаніе коней; тутъ же моютъ портянки, бѣлье; кругомъ грязь, вонь, и въ этой грязи и вони, на страшномъ солнцепекѣ, молоденькіе солдатики.. Тутъ же и канцелярія. Энергично работаютъ писаря, стучатъ „ремингтоны“. Идутъ усиленные аресты, хватаютъ направо и налѣво. Въ участкахъ избиваютъ до крови. Въ участки никого не пропускаютъ: ни женъ, ни матерей. Справокъ никакихъ не даютъ. А броненосецъ все стоитъ въ гавани. Теперь вся надежда, всѣ упованія вращаются исключительно вокругъ него. Рабочимъ становится ясно, что теперь немыслима какая нибудь борьба на улицѣ, очевидно, что, кромѣ жесточайшихъ кровопролитій, ничего въ результатѣ не будетъ. Въ этотъ же день происходятъ похороны убитаго на „Потемкинѣ“ матроса. Въ морѣ хоронить его команда не хочетъ. Путемъ длинныхъ переговоровъ матросы, подлежащіе смертной казни за измѣну, получаютъ разрѣшеніе похоронить его въ городѣ, въ сопровожденіи 12 человѣкъ изъ команды, до того великъ страхъ властей передъ броненосцемъ. Къ сожалѣнію, организаціи не освѣдомлены о похоронахъ, и трупъ матроса сопровождаютъ въ началѣ всего [illegible] человѣкъ. Многіе принимаютъ [illegible] нѣсколько сотъ человѣкъ [illegible] сцену похоронъ за мистификацію и уходятъ [illegible] готовности [illegible] въ сторону.

атно до порта они прошли совершенно безпрепятственно. порту ихъ дальше не пускало уже военное начальство. сь перестрѣлка. Было убито три матроса, одинъ раненъ, о было арестовано, а четверо спаслись. Матросы сдѣла ертвой гнуснаго предательства. Они до того были увѣ въ томъ, что переговоры ведутся не съ задней цѣлью, е смотря на грозившую имъ смертную казнь, они пусти въ городъ, они были высокаго мнѣнія о честности слова аго и они были жестоко обмануты. А на броненосцѣ ждали та товарищей. Еще до того, какъ началась перестрѣлка, рту, истекъ срокъ ихъ возвращенія. Тогда съ броненосца пущено два неразрывныхъ снаряда. Раздался страшный , и весь городъ охватила страшная паника. По характеру нѣ удара мгновенно стало ясно, что это стрѣляютъ съ носца. Начали рисоваться уже картины бомбардировки. имъ снарядомъ была снесена часть крыши и карнизъ въ Фельдмана почти въ центрѣ города. Домъ этотъ находится астояніи одного квартала отъ Соборной площади, гдѣ расжилась главная масса солдатъ и казаковъ. Послѣ удара нась паника среди солдатъ. Часть завели въ соборъ, другая ась на площади въ смертельномъ страхѣ. Возможно, что сь какъ разъ въ нихъ. Прицѣломъ могъ служить шпицъ . О мѣстѣ нахожденія солдатъ матросы могли знать. ѣ послѣдовалъ второй еще болѣе громкій выстрѣлъ изъ . Куда попалъ снарядъ, неизвѣстно. Впечатлѣніе отъ ьбы броненосца было огромное. Теперь всѣ увидѣли, что броненосецъ. Настроеніе рабочихъ сильно поднялось. тво внушительной поддержки гиганта броненосца приподло всѣхъ. „О, онъ здорово умѣетъ стрѣлять“, такъ гово про себя всѣ. Вечеръ закончился твердой надеждой, что выручитъ“. Безъ „него“ теперь дѣйствительно стало немимо что либо предпринимать, и не будь броненосца, рабочіе бы на работу.

іюня 1905 г. Одесская Група Р. С.-Д. Р. П.

десса. Похороны убитаго матроса. Торжественную картину ставляли похороны убитаго на броненосцѣ матроса Григо Вакулинчика. Произошли они совершенно неожиданно какъ организація, такъ и для всего населенія. Послѣ объявле города на военномъ положеніи, послѣ массовыхъ разстрѣ въ порту и на улицѣ, никто не предполагалъ, что адмирація допуститъ похоронное шествіе черезъ весь городъ. видно, слишкомъ была сильна боязнь администраціи передъ нымъ пришельцемъ, такъ дрожали они при мысли о бомировкѣ города и дезорганизаціи войскъ, что... согласились эту опасную игру.

Матросы требовали, чтобы допущены были къ похоронамъ матросовъ съ винтовками. Администрація согласилась, дварительно гарантировавъ неприкосновенность личности тросовъ, чтобы тѣло сопровождало не болѣе 12 человѣкъ ъ оружія. По условію, матросы должны были вернуться не же 7-$7\frac{1}{2}$ вечера. Я столкнулся съ похоронной процессіей 5 час. дня, на углу Преображенской и Почтовой. За медленно двигающемся катафалкомъ шли 12 матросовъ, за ними шествовала толпа человѣкъ въ 500-600 рабочихъ съ пѣвчими и священникомъ. Шествіе производило глубокое впечатлѣніе.

Напряженные, измученные за эти дни нервы, не могли, казалось, не поддаться новому сильному впечатлѣнію. Мужчины и женщины, молодые и старые, рыдали...

За процессіей не слѣдовало никакой стражи, но вдоль почти всей Преображенской ул. отъ порта до Успенской церкви выстроились въ ряды съ обѣихъ сторонъ войска. При прохожденіи процессіи солдаты отдавали честь, снимали шапки и крестились. Возлѣ успенской церкви священникъ остановился служить литургію. Какъ только катафалкъ двинулся, спѣшив[illegible] рота солдатъ, подъ командой пристава, врѣзалась въ процессію и [illegible]рѣзала всю толпу отъ гроба. Въ тотъ же моментъ [illegible] лицомъ къ толпѣ, дала по приказу пристава, едва ли предупрежденія, залпъ. Трудно описать тотъ безумный ужасъ, который овладѣлъ этой мирной толпой. Вмигъ не осталось ни одного человѣка на мѣстѣ. Залпъ былъ холостой и не причинилъ никому вреда.

Такъ какъ я шелъ рядомъ съ матросами, то я очутился въ числѣ 20—25 человѣкъ оставшихся еще у гроба. Катафалкъ остановился. Трое матросовъ отдѣлились и направились къ приставу, но онъ, какъ звѣрь, заревѣлъ: „идите, идите впередъ, а то буду стрѣлять“! Матросы, постоявъ съ минуту, двинулись впередъ. Немедленно съ боковыхъ улицъ стали стекаться все новыя и новыя толпы. Мы шли безпрепятственно до чумной горы, но здѣсь уже вмѣсто прежнихъ 500 человѣкъ было уже 3000 чел. Подойдя къ водопроводной станціи, мы вновь увидѣли двѣ роты солдатъ.

Едва толпа миновала переулокъ, какъ стоявшая тамъ рота съ ружьями на перевѣсъ, быстрымъ шагомъ выстроились во всю ширину дороги.

У насъ, видѣвшихъ первую сцену, мелькнула мысль, что это повтореніе ея, съ той только разницей, что здѣсь намъ устроена засада, и что въ толпу будутъ стрѣлять сзади и справа. Немедленно трое изъ насъ подошли къ офицеру для переговоровъ. Онъ насъ успокоилъ, сказавъ, что рѣшительно ничего не хочетъ предпринимать, что ему приказано только подождать процессію и отдать ей честь... Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ тутъ же обратился къ офицеру второй роты и сказалъ: „Послушайте, кажется, наша миссія кончилась и можно разойтись по домамъ“. „Ваша, — да, но моя — нѣтъ, я долженъ охранять водопроводъ“, — отвѣтилъ другой.

Процессія двинулась впередъ и минутъ черезъ 10 достигла кладбища.

Здѣсь толпа навзрыдъ рыдала. Самые сильные, закаленные нервы не могли бы выдержать...

Два оратора въ сильныхъ рѣчахъ указывали на значеніе пережитыхъ дней, они призывали къ борьбѣ, къ борьбѣ до побѣдоноснаго конца...

Могилу засыпали; грустное, тяжелое настроеніе совершенно смѣнилось бодрымъ, такимъ, какимъ люди идутъ, готовые умереть въ борьбѣ. Бодрые, настойчивые возгласы: „долой самодержавіе“ подхваченные всей толпой, звали къ новой лучшей жизни.

Недоумѣвавшихъ раньше, казалось, пришибленныхъ матросовъ трудно было узнать. „Никогда, никогда, говорили они, мы этого не забудемъ... Сегодня же мы разскажемъ нашимъ товарищамъ, какою славной смертью умеръ погибшій нашъ товарищъ, какъ весь народъ стоитъ за насъ и съ нами“.

Обратная дорога съ кладбища въ городъ на извощикахъ была сплошной оваціей для матросовъ. Тысячныя толпы привѣтствовали ихъ по всему пути...

Было уже $7\frac{1}{2}$ час. и товарищи ихъ на броненосцѣ безпокоились за ихъ участь. Какъ уже было сказано, матросамъ была гарантирована неприкосновенность личности. Но едва они доѣхали до пристани, какъ какой то полицейскій приказалъ дать по нимъ залпъ — четверо убитыхъ, двое раненыхъ, остальные арестованы. Въ отвѣтъ на это черезъ нѣсколько минутъ раздались одинъ за другимъ два залпа съ броненосца въ городъ..

Одесса. (Отрывки изъ письма). По мѣрѣ продолженія затянувшейся стачки, вожди массы теряли постепенно свою умѣренность. Уполномоченные отъ всѣхъ заводовъ все ближе и ближе примыкали къ организаціи и отъ „экономики“ переходили къ „политикѣ“. Масса, — вся въ рукахъ этихъ вождей — втянулась въ русло политики и стала вполнѣ доступной для организаціи. Шла широкая агитація въ [illegible] Телеграммы [illegible]. Идея всеобщей забастовки [illegible] грандіозныхъ размѣрахъ. популяр[illegible] забастовки съ политическими требованіями стала [illegible]рной. Надъ ея подготовкой работали уполномоченные подъ руководствомъ организаціи.

Послѣ ареста этихъ уполномоченныхъ произошли извѣстныя столкновенія рабочихъ съ казаками.

...Около трупа Омельчука произносились рѣчи на политическія темы. Десятки тысячъ голосовъ отвѣчали громовымъ „ура!“ на революціонныя лозунги. Изъ организаціи на броненосецъ поѣхали товарищи для агитаціи и практическихъ предложеній. Матросамъ мы предложили устроить частный десантъ въ 300-500 чел. матросовъ съ ружьями и, такъ какъ было еще не много войска, то впереди массы идти въ городъ, въ разсчетѣ на то, что войска пристанутъ (на что была надежда). Матросы отвѣчали, что они борятся за народную свободу, примыкаютъ къ соціальдемократіи, готовы пойти за ней, но высаживаться не рѣшились, говоря, что должны оставаться на броненосцѣ и дожидаться всей эскадры, которая, дескать, къ нимъ присоединится.

...Послѣ того, какъ матросы возстали, они устроили на „Потемкинѣ“ республику, выбравъ для управленія кораблемъ Комитетъ изъ 50 чел. съ капитаномъ, пользующимся равными правами съ матросами (это мичманъ, присоединившійся къ возставшимъ).

Въ слѣдующіе дни броненосецъ выбросилъ три гранаты, но проявлялъ ту же нерѣшительность... все ждалъ эскадры. А, между тѣмъ, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, сношенія съ броненосцемъ прервались и, послѣ отступленія пришедшей въ Одессу эскадры, мы уже не знали объ его дальнѣйшихъ планахъ. Въ городѣ же рабочая масса, сильно возбужденная, но совершенно не вооруженная, ждала отъ „Потемкина“ рѣшительныхъ дѣйствій. Вчера броненосецъ ушелъ въ море, неизвѣстно почему.

Въ итогѣ этихъ дней — страшное революціонизированіе всей положительно рабочей массы — матеріалъ для будущаго.

Либералы и демократы играли всѣ эти дни самую жалкую роль.

Одесса. Изъ другого письма заимствуемъ слѣдующія подробности:

Съ момента прибытія на молъ матросовъ и до поздняго вечера *вся* Одесса буквально приходила на поклоненіе трупу. Происходили умилительныя сцены: нѣкоторые цѣловали его руку, крестили. Черезъ нѣкоторое время товарищи возложили вѣнокъ съ красными лентами. Скоро выдвинулись ораторы. Кругомъ не было видно солдатъ: говорить можно было обо всемъ, ибо товарищи съ броненосца грозили, въ случаѣ, если будутъ стрѣлять въ толпу, — бомбардировать городъ. Трудно себѣ представить все величіе этого зрѣлища. Весь портъ превратился въ какое то море живыхъ головъ, вся гигантская лѣстница съ бульвара, всѣ спуски, всѣ тропинки, дороги, мосты, эстокада, вагоны, крыши — все было запружено, а толпы людей все прибывали безъ конца.

Начали свою работу хулиганы — разгромили пакгаузъ, стали истреблять вина и ликеры. Матросы бывшіе на берегу, не пили. Къ вечеру занялся грандіозный пожаръ. Вечеромъ и всю ночь напролетъ вся Одесса была на ногахъ, всѣ приближались къ морю, не смотря на то, что казаки страшно буйствовали, казаки и конные стражники стрѣляли, и бульваръ былъ оцѣпленъ.

Вначалѣ, внизу, все шло спокойно, только со шпіонами быстро расправлялись: ихъ тутъ же народъ приговаривалъ къ смертной казни черезъ разстрѣлъ. Такъ убили трехъ шпіоновъ. Но тѣмъ временемъ администрація стянула войска на бульваръ и скоро раздались залпы внизъ въ толпу. Ранена масса рабочихъ, „скорая помощь“ работала всю ночь.

Въ четвергъ, несмотря на то, что конка стала и казаки шныряли съ нагайками по всѣмъ улицамъ, — не смотря на это, замѣтно было необычайное движеніе: цѣлыми шеренгами, по всѣмъ направленіямъ одесскіе обыватели на дрожкахъ, забравъ самое необходимое, уѣзжали изъ города.

Передъ вечеромъ были похороны товарища. Народъ залпами изъ ружей разогнали, но, по мѣрѣ приближенія къ кладбищу, по всей Преображенской, народъ сотнями стекался къ гробу по всѣмъ пересѣкающимся улицамъ. Въ одномъ мѣстѣ солдаты подступили съ двухъ сторонъ къ процессіи, отрѣзавъ отъ нея всю массу. Произошла заминка; но вдругъ солдаты опустили ружья, отдали честь покойному товарищу и разошлись.

На могилѣ произносили рѣчи, говорилъ и одинъ изъ матросовъ, говорилъ мало, но очень сильно и хорошо. На обратномъ пути, народъ устроилъ овацію матросамъ (ихъ было человѣкъ 12). Но потомъ, при спускѣ въ портъ, четверыхъ изъ нихъ застрѣлили, двухъ ранили, остальныхъ арестовали. Тогда броненосецъ бросилъ два ядра, не причинившія жертвъ. Съ этого момента, когда обѣщанная неприкосновенность личности матросовъ была нарушена, всѣ опасались бомбардировки города. Возникла ужасная паника; всѣ, кто могъ, бѣжалъ изъ города.

По Россіи.

Прежніе бунты черноморскихъ матросовъ. Хочу сообщить объ одномъ случаѣ, происшедшемъ въ Черноморскомъ флотѣ въ 1903 году въ іюлѣ мѣсяцѣ:

Мы возвращались изъ Сухума въ Севастополь на крейсерѣ перваго ранга „Березани“, принадлежащемъ къ учебному отряду.

Пищей намъ, по обыкновенію, служили сухари съ червями и вонючее съ червями мясо, висѣвшее по пяти дней на солнцѣ. Такую пищу ѣсть было невозможно, хотя докторъ Золотаревъ увѣрялъ, что эти черви очень питательны. Пищу для себя приходилось покупать въ каждомъ порту, на свои деньги, кромѣ водки, которую выдаютъ каждый день, и уксуса, разведеннаго пополамъ съ водой, дабы не вызвало тошноты послѣ такого обѣда и качки.

Но вотъ на этомъ пути мы рѣшили, во что бы то ни стало, потребовать хлѣба и свѣжаго мяса для борща.

Собрались на верхней площадкѣ и потребовали къ себѣ ревизора [1]), имъ въ то время былъ мичманъ Коськовъ; вахтенный начальникъ, увидавъ непонятное появленіе всѣхъ матросовъ на палубѣ, смутился и спросилъ, въ чемъ дѣло, ему отвѣтили, что дальше не пойдемъ, если не будетъ къ обѣду хлѣба, онъ приказалъ немедленно разойтись, иначе онъ прикажетъ караулу стрѣлять, тогда ему начали кричать: „Дайте намъ хлѣба, мы голодные, мы ѣсть хотимъ“! Матросы разрывали на себѣ тѣльныя рубашки, обнажая грудь, и прибавляя: „приказывай нашимъ братьямъ стрѣлять въ насъ“! Въ то время проходило вольное судно „Пушкинъ“.

Матросы приближались къ борту, крича пассажирамъ, находившимся на верхней палубѣ: „Пушкинъ“! дай хлѣба, мы ѣсть хотимъ“! Пассажиры въ недоумѣніи смотрѣли и не могли понять что такое.

Шумъ все усиливался и послышались крики: товарищи, кингстоны открыты! мы, все равно, умираемъ съ голоду!

Послѣ этихъ криковъ офицера повыбѣжали изъ каютъ, направляясь къ кингстонамъ и уговаривая толпу не дѣлать этого, такъ какъ черезъ часъ будемъ у порта и тамъ намъ доставятъ хлѣба, сколько угодно, и что они сами объ этомъ думали, офицеръ уговаривалъ: какъ вамъ не совѣстно кричать: „мы *голодные*“, вѣдь, государь только и думаетъ, чтобы его воины были сыты и т. п.

Но матросы требовали немедленно замѣнить мичмана Коськова другимъ ревизоромъ и выдачи хлѣба на все время плаванія. Требованія эти были удовлетворены; и черезъ два часа мы уже ѣли мягкій хлѣбъ и борщъ со свѣжимъ мясомъ, хотя это улучшеніе продолжалось только до слѣдующаго года. Т[illegible] случай могъ бы послужить и для [illegible] такой [illegible] выставленія большихъ требованій, но, по малой организованности С. Д. среди матросовъ, лучшаго сдѣлать нельзя было ничего, только теперь, благодаря усиленной агитаціи и пропагандѣ среди матросовъ С. Д. партіи, въ лицѣ Крымскаго союза, можно было дождаться этихъ послѣднихъ событій.

Матросъ-соціальдемократъ.

Ѳеодосія, 22 Іюня. Вчера распространился слухъ, что прибудетъ броненосецъ „Потемкинъ Таврическій“. Населеніе встрѣтило это довольно спокойно. Сегодня, въ 7 час. утра, стали на якорь броненосецъ, миноноска и катеръ. Населеніе всполошилось. Начали ходить разные толки, которые вызвали нѣкоторыя опасенія. Наши буржуи покинули сейчасъ же городъ. Платили по 25—30 р. за проѣздъ на ближайшую станцію въ городъ Старый Крымъ въ 21 верстѣ отъ города, а остальную часть населенія оставили на произволъ судьбы... Когда толпа прибыла на берегъ (молъ) на катерѣ подплыли матросы и горячо привѣтствовали, и одинъ изъ нихъ произнесъ горячую рѣчь. Онъ разъяснилъ цѣль ихъ пріѣзда, и что они намѣреваются дѣлать. Послѣ этого они предъявили ультиматумъ: чтобы въ теченіе 24 часовъ имъ былъ доставленъ уголь и провіантъ, въ противномъ же случаѣ городъ подвергнется бомбрдировкѣ. Когда депутація отъ города вернулась, устроили экстренное засѣданіе, на которомъ рѣшили дать то, что они требуютъ. Но тутъ возстала полиція и дѣло стало клониться къ противному. Но полиція не нашла поддержки, за исключеніемъ одного гласнаго, Хозареса и нѣкоторыхъ чиновниковъ (въ томъ числѣ акцизный съ фабрики Стамболи, извѣстный подлецъ). Одинъ изъ депутатовъ произнесъ рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Послѣ того, какъ я вернулся съ броненосца, я не могу не подать голосъ за удовлетвореніе ихъ требованій. Помимо требованій, обращенныхъ къ городу, они еще требуютъ Всенародное Учредительное Собраніе, съ прямымъ, равнымъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ тайной подачей голосовъ“. Затѣмъ онъ разсказалъ, какъ они привѣтливо приняли депутата и какой у нихъ образцовый порядокъ. Продолжительные аплодисменты огласили залу. Одинъ господинъ (Хозаресъ) вскочилъ съ мѣста и пытался говорить. „Господа, сказалъ онъ — мы (?) не имѣемъ никакого нравственнаго права (!) удовлетворить ихъ требованія — они (?)... предатели (!?!)“. Его хорошенько освистали и онъ ретировался.

Когда публика окончательно выяснила цѣль прибытія судовъ, она рѣшительно стала на сторону послѣднихъ и требовала выдачи требуемыхъ ими продуктовъ. Полиція обезсилила совершенно и пошла на уступки...

Сейчасъ отвезли имъ мясо, табакъ, муку и другіе продукты, а уголь и прѣсной воды, благодаря вмѣшательству начальства военнаго гарнизона, имъ не привезли. Часа въ три толпа прорвалась къ берегу и матросы опять подплыли.

Рѣчь одного изъ нихъ приблизительно слѣдующаго содержанія. „Мы выступили подъ знаменемъ Р. С. Д. Р. П. Мы будемъ сражаться до послѣдней капли крови. Кто за народъ, тотъ пусть пойдетъ съ нами, кто противъ него, пусть пойдетъ въ лагерь нашихъ враговъ. Съ народомъ погибнемъ, съ нимъ мы восторжествуемъ!“

Оглушительное „ура!“ раздалось имъ въ отвѣтъ.

Особенно хорошо ведутъ себя рабочіе береговые и фабричные. Первые изъ нихъ сейчасъ забастовали въ знакъ сочувствія. Команда овладѣла массой. За это могутъ ручаться слѣдующіе эпизоды: во время рѣчи матроса, одинъ выбросилъ изъ катера письмо. Изъ толпы перехватили и начали читать. Толпа слушала съ глубокимъ вниманіемъ. Когда начали расходиться, полиція поймала чтеца и отвела въ частный домъ для допроса, на помощь полиціи вызвали полроты солдатъ и его окружили. Толпа начала отбивать, лѣзя на штыки. Когда прибылъ командиръ, толпа закричала, чтобы освободить его, что немедленно было исполнено. Пытались сорганизовать „черную сотню“, но тщетно. Одного толпа избила, другихъ отыскиваютъ и съ разсчитаются „по военному“, какъ они выражаются.

По словамъ прибывшихъ матросовъ, у нихъ имѣется боевой матеріалъ и съѣстные припасы на полгода. Кромѣ того, у нихъ 94 орудія и 900 человѣкъ команды. Эскадра на ихъ сторонѣ, за исключенiемъ кучки офицеровъ, которые владѣютъ двумя или тремя контръ-миноносцами.

---

[1] Ревизоръ завѣдуетъ всѣмъ провіантомъ, выбираютъ на эту должность первыхъ мошенниковъ.

23 іюня. Пишу подъ впечатлѣніемъ того, что происходитъ у насъ въ городѣ. Съ утра уже начали удирать изъ города. Вся промышленная и общественная жизнь совершенно пріостановилась. Кое гдѣ попадаются патрули и полицейскіе. Городъ объявленъ на военномъ положеніи. Тѣ, которые остались, собрались на горы и напряженно ждутъ... Вдругъ ружейный залпъ. Паника охватила всѣхъ. Когда стрѣльба прекратилась, выяснилось слѣдующее: миноноска подошла къ берегу, чтобы забрать зафрахтованное судно съ углемъ. Тогда пѣхота открыла огонь по миноноскѣ, на что она отвѣтила. Въ результатѣ съ обѣихъ сторонъ жертвы (раненые). Трехъ матросовъ арестовали. Всѣ недоумѣвали по поводу пассивнаго сопротивленія броненосца, но это вызвало одну только симпатію къ нему. Онъ сигнальными знаками указалъ на то, что онъ не пришелъ сюда разрушать городъ, и не долго ему выпустить 3—4 снаряда, а это унизитъ его революціонное достоинство. Въ 11 час. 45 минутъ онъ снялся съ якоря и ушелъ. Часовъ въ 7 прибылъ изъ Севастополя контръ-миноносецъ почти исключительно изъ офицеровъ для охраны города.

24 іюня. Городъ входитъ въ свою обыкновенную колею. Настроеніе приподнятое. Сочувствіе только на сторонѣ матросовъ. Вездѣ собираются кучки рабочихъ и солдатъ и только говорятъ объ ихъ разумномъ поступкѣ. Солдаты гласно выражаютъ свое негодованіе противъ существующаго строя. Всѣ напряженно чего то ждутъ.

Намъ пишутъ изъ Севастополя. Чухнинъ замѣчательно энергично работаетъ. Говорятъ, что на на берегу арестовано до 200 матросовъ, самыхъ сознательныхъ. Предстоятъ аресты, судъ и смертная казнь. Ходятъ очень упорные слухи, что 30 матросовъ уже повѣшены. Настроеніе убійственное. Броненосцы и миноносцы опять поѣхали за „Потемкинымъ". „Георг. Побѣдоносца" выдали нѣкоторые негодяи изъ машинистовъ, желавшіе отличиться и боявшіеся наказанія, если власти побѣдятъ. Чухнинъ заставилъ всѣхъ матросовъ дать вторичную присягу и страшно деморализовалъ матросовъ. Многіе удираютъ, многіе арестованы, еще больше будетъ арестовано. Настроеніе пало... За всѣми слѣдятъ (на каждаго жителя по два шпика), всѣ должны разъѣхаться, никто не останется, работа затихнетъ. Если „Потемкинъ" будетъ взятъ, дѣло будетъ страшно плохо... Въ Ѳеодосіи „Потемкину" выдали и уголь и хлѣбъ.

Демонстрація и всеобщая стачка въ Ченстоховѣ (изъ „Z pola Walki № 10).

21-го іюня. Господствующее у насъ возбужденіе вылилось въ послѣдніе дни въ почти ежедневныя рабочія манифестаціи по всевозможнымъ поводамъ и въ разныхъ мѣстахъ. Вслѣдъ за рабочими, революціонное возбужденіе охватило и всѣхъ дѣтей, „дѣтей улицы", которыя, вывѣсивъ красную тряпку или платокъ, тоже „демонстрируютъ", дразня опоры трона возгласами „долой царя!", „да здравствуетъ революція!"

Значительная демонстрація произошла 17-го на Варшавской улицѣ. Въ 9½ часовъ вечера тамъ собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Толпа эта безпрерывно возрастала. Послѣ того, какъ было пропѣто „Красное Знамя", выступилъ нашъ ораторъ; затѣмъ еще разъ пропѣли „Красное Знамя" и другой нашъ товарищъ началъ рѣчь. Ораторы кратко выяснили значеніе солидарности и перешли къ изложенію программы и тактики соціальдемократіи, разбирая попутно и наше отношеніе къ программѣ возстановленія Польши. При крикахъ: „долой царя!", „да здравствуетъ революція!", „да здравствуетъ соціальдемократія!", собравшіеся спокойно разошлись.

Въ тотъ же день около девяти часовъ вечера состоялась еще и другая демонстрація въ кварталѣ „Послѣдній грошъ". Собралось 200 чел., пѣли „Красное Знамя" и произносились революціонные возгласы.

Въ воскресенье 18-го въ 9½ часовъ вечера состоялась новая демонстрація, на этотъ разъ уже вполнѣ организованная нашими агитаторами. Въ демонстраціи приняло участіе около 500 чел.; надъ демонстрантами въ теченіи цѣлаго часа развѣвалось наше старое знамя съ нашими лозунгами. Все время не прекращались революціонные возгласы и пѣніе. По дорогѣ встрѣтили солдатскій патруль. Наши товарищи крикнули по русски: „долой самодержавіе!", „да здравствуетъ политическая свобода!", на что солдаты, улыбаясь, отвѣтили: „да, да, правда, долой!"

Въ тотъ же день состоялась еще одна демонстрація на Варшавской ул.; продолжалась она отъ 10½ до 12 час. ночи. Нѣсколько сотъ рабочихъ тронулось съ пѣніемъ „Красное Знамя". Когда нашъ гимнъ былъ пропѣтъ двукратно, начали говорить наши товарищи. Говорили объ отношеніяхъ буржуазіи и капиталистовъ къ правительству, о капиталистической эксплуатаціи, о современномъ политическомъ положеніи и войнѣ, о соціальдемократіи. Когда началъ говорить нашъ третій по порядку [illegible], узнали, что приближается очень сильный отрядъ полиціи, вслѣдствіе чего демонстранты, избѣгая столкновенія, заблаговременно разсѣялись.

Революціонное возбужденіе, охватившее здѣшнихъ рабочихъ, слѣдуетъ несомнѣнно приписать — по крайней мѣрѣ въ значительной степени — оживленной массовой агитаціи, которую повела въ послѣднее время наша организація. Возвращеніе съ организованныхъ нами массовыхъ собраній рабочіе почти всегда превращали въ демонстраціи. Въ то же время сильное революціонное вліяніе оказываютъ начавшіяся у насъ въ послѣднее время стачки. Бастуютъ, главнымъ образомъ, ремесленники. Три для тому назадъ бросили работать портные, вчера — столяры, сегодня должны были забастовать пекаря. Собираются забастовать также приказчики торговыхъ и аптекарскихъ складовъ, и даже управляющіе! Руководство стачкой портныхъ и столяровъ среди христіанъ принадлежитъ нашей организаціи, среди евреевъ — „Бунду". Наша организація издала и распространила прокламацію къ столярамъ, пекарямъ и портнымъ, гдѣ формулировала ихъ требованія. Въ понедѣльникъ началась стачка каменщиковъ. Этой стачкой будетъ также руководить наша организація; сегодня уже состоялось созванное нами собраніе ста каменщиковъ. Въ субботу, наконецъ, забастовала ночная смѣна фабрики „Варта". Изъ ремесленниковъ бастовали еще сапожники, и этой стачкой руководила П. П. С.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ эти стачки являются результатомъ крайняго революціоннаго возбужденія, потому что вообще здѣшніе ремесленники страшно забиты и придавлены, такъ какъ работаютъ *отъ 10 до 18 час. въ сутки.*

25 іюня. Одна изъ происходившихъ у насъ демонстрацій привела къ кровавому столкновенію съ солдатами. Вечеромъ толпа рабочихъ, распѣвая пѣсни и выкрикивая революціонные лозунги, демонстрировала по Краковской ул. Встрѣтивъ патруль, состоявшій изъ полицейскаго и нѣсколькихъ солдатъ, демонстранты разсѣялись, *но, несмотря на это, солдаты выстрѣлили вслѣдъ убѣгавшимъ, убивъ двоихъ и ранивъ нѣсколько человѣкъ.*

Наша организація рѣшила почтить память убитыхъ всеобщей однодневной стачкой, и въ то же время организовать на похоронахъ одной изъ жертвъ борьбы съ царизмомъ, восемнадцатилѣтней Валеріи Гуровской, похоронную манифестацію. Вчера вечеромъ и сегодня рано утромъ ораторы, высланные нашей организаціей, обратились на многихъ фабрикахъ и заводахъ къ рабочимъ съ призывомъ не работать этотъ день. Уже къ девяти часамъ утра стали всѣ фабрики и заводы, а къ десяти толпа начала собираться на Новомъ рынкѣ, у костела, гдѣ должна была начаться похоронная процессія Гуровской. Похороны начались очень рано, и потому не всѣ рабочіе поспѣли къ началу манифестаціи. За гробомъ слѣдовала толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Было три знамени отъ нашей организаціи: одно большое черное и два красныхъ; а отъ нашихъ товарокъ — большой вѣнокъ съ красными лентами и надписью: „Погибшей товаркѣ — товарки Соц.-Дем. Польши и Литвы".

П. П. С-ники, знамени которыхъ на похоронахъ не было, чтобы „спасти честь" своей организаціи, „рѣшили" очень просто: выскребли съ лентъ вѣнка, оставленнаго въ костелѣ, знаки нашей организаціи и на ихъ мѣсто помѣстили буквы: П. П. С. Это несомнѣнно крайне революціонная побѣда надъ „нашествіемъ" соціальдемократіи.

Шествіе направилось по Краковской улицѣ съ пѣніемъ „Краснаго Знамени". По прибытіи на кладбище, одинъ изъ товарищей нашей организаціи началъ рѣчь; онъ говорилъ о преступленіяхъ царизма, о политической борьбѣ, о революціи. Послѣ его рѣчи воздухъ долго оглашался революціонными криками толпы и пѣніемъ „Кр. Зн.". Затѣмъ говорили еще два наши товарища — по польски и по еврейски, и одинъ изъ П. П. С. Демонстрація, не нарушаемая ни полиціей, ни войскомъ, продолжалась полтора часа.

Въ тотъ же день состоялись похороны и второй жертвы демонстраціи 22-го — рабочаго фабрики Моттова-Кануса. Гробъ сопровождало нѣсколько тысячъ человѣкъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На кладбищѣ послѣ рѣчи ксендза взялъ слово нашъ товарищъ и говорилъ, въ противовѣсъ ксендзовской рѣчи, о необходимости борьбы за лучшую долю, борьбы съ царскимъ правительствомъ, и, въ концѣ своей рѣчи, призывалъ присутствующихъ къ вступленію въ ряды соціальдемократіи. Масса отвѣчала долго несмолкавшими криками въ честь нашей партіи. Послѣ этого говорили два еврейскихъ оратора: сіонистъ-соціалистъ и товарищъ изъ Бунда. Затѣмъ, снова нашъ товарищъ разъяснялъ наши ближайшія политическія требованія, а подъ конецъ говорилъ еще по еврейски П. П. С-никъ.

Петербургъ. На Обуховскомъ заводѣ группа собрала массовку въ 400 человѣкъ — говорили о мобилизаціи. На событія въ Лодзи, Варшавѣ и Одессѣ петербургскій пролетаріатъ реагировалъ сильнымъ броженіемъ. 16 іюня на Семянниковскомъ заводѣ прошелъ очень удачно митингъ (устроенъ комитетомъ). На слѣдующій день на томъ же заводѣ началась стачка. На Путиловскомъ мы пытались устроить митингъ 17, но прискакали казаки и помѣшали. Послѣзавтра (21) предполагается митингъ на Балтійскомъ заводѣ. Если настроеніе будетъ наростать, будемъ звать къ всеобщей стачкѣ, какъ протесту противъ мобилизаціи и дѣйствій правительства въ Лодзи и Одессѣ.

Среди матросовъ и здѣсь, и въ Кронштадтѣ весьма возбужденное настроеніе. Въ Сестрорѣцкѣ запасные оборвали оратора, который пытался выяснить передъ ними положеніе дѣлъ. Они заявили, что все это они знаютъ... пусть имъ дадутъ оружіе, тогда они начнутъ дѣйствовать. Среди рабочихъ массовое движеніе въ пользу пониженія квартирныхъ платъ. Группа его поддерживаетъ. На Обуховскомъ заводѣ стали выселять отказавшихся платить выше установленной рабочими нормы.

Къ позорному столбу. Постоянный комитетъ Союза инженеровъ сообщаетъ отдѣленію фамиліи судей, вынесшихъ смертный приговоръ Дейчу и Маньковскому, и предлагаетъ предать ихъ широкой гласности: ген.-маіоръ Качабѣевъ (предсѣдатель), Стельницкій — подполковникъ пѣхотнаго 245 Солигалическаго полка, Бениславскій — подполк. 546 пѣхот. Грязовецкаго полка, Леньковъ — полк. первой резервной артиллерійской бригады, Зубржицкій и подполк. Шишкинъ — 247 пѣхот. Романовскаго полка (запасной членъ суда). Обвинителемъ былъ помощникъ военнаго прокурора г. Г. Дорошевскій.

Митава, 31 іюня. Нашъ городъ, начиная съ января, сталъ положительно неузнаваемъ. Въ Митавѣ, не знавшей никогда, что такое забастовка, не говоря уже о демонстраціяхъ, стачечное движеніе не думаетъ улечься. Нѣсколько дней спустя послѣ 1 мая, рабочіе Крамера, на заводѣ котораго забастовки стали хроническими, бросили работу, предъявивъ своему хозяину, цѣлый рядъ требованій, не удовлетворенныхъ при послѣдней стачкѣ, отъ которой они должны были отказаться за неимѣніемъ хлѣба для голодныхъ семей, а также требованіе принятія на заводъ всѣхъ уволенныхъ. Крамеръ, разумѣется, закрылъ свой заводъ, разсчитавъ рабочихъ, которые остались съ своими семьями безъ куска хлѣба. Но дружно поддерживала рабочая масса своихъ товарищей, удѣляя имъ часть своего заработка. На насиліе эксплуататора товарищи рабочіе отвѣтили своей братской солидарностью и въ этой борьбѣ они остались побѣдителями. Когда Крамеръ теперь, послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго перерыва, получивъ выгодный для себя заказъ, открылъ пріемъ рабочихъ, чтобы начать работать, вся масса, за единичными исключеніями, не пошла къ нему. Это ли не примѣръ стойкости и выдержанности латышскихъ рабочихъ? Бастовали также приказчики еврейскихъ мануфактурныхъ и модныхъ лавокъ, которые, благодаря своей стойкости, выиграли всѣ требованія, въ числѣ которыхъ находится и 10½ час. рабочій день съ 1½ час. на обѣдъ. Происходила также забастовка плотовщиковъ (60 чел.). Совмѣстно съ нами латышскій комитетъ устроилъ сходку въ лѣсу, на которой выступили два оратора, одинъ отъ латышей и одинъ отъ насъ. Темой служило тяжелое экономическое положеніе всѣхъ трудящихся, въ томъ числѣ и плотовщиковъ, а также политическое состояніе Россіи. Рабочіе, сѣрый деревенскій народъ, держались стойко. Они подали теперь искъ къ своему хозяину. Въ скоромъ времени ожидается забастовка на заводѣ Вестермана (100 русск. рабочихъ, мужчинъ и женщинъ); къ этой стачкѣ готовимся совмѣстно съ латышами, чтобы общими силами довести дѣло до конца. На заводѣ Вестермана существуетъ кружокъ русскихъ рабочихъ.

Изъ демонстрацій нужно отмѣтить имѣвшую мѣсто съ 11 сего мѣсяца. Полиція и казаки, ожидавшіе чего нибудь въ этотъ день, собрались около церкви и спрятались по ближайшимъ дворамъ. Но въ то время, какъ они тамъ ожидали, демонстрація, при громадномъ стеченіи публики, была устроена на рынкѣ у полиціи. Около 20 минутъ продолжалась она, сопровождаясь пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе" и т. п. Была произнесена латышскимъ товарищемъ рѣчь. Раздавались прокламаціи по поводу мобилизаціи. Когда прибыли полиція и казаки, то некого уже не было.

Изъ деревень приходятъ ежедневно интересныя извѣстія, которыми переполнены мѣстныя газеты. Можно положительно утверждать, что Прибалтійскій край идетъ по тому пути, по которому идетъ Кавказъ и Польша. Достаточно прочесть въ легальныхъ газетахъ хотя бы описаніе происходящаго въ деревняхъ движенія, чтобы убѣдиться въ крайне революціонномъ настроеніи латышскаго крестьянства. Группой за май и половину іюня распространены слѣдующія изданія Рижской Группы: Солдатская памятка (600 экз.) въ казармахъ; къ учащимся (350) въ училищѣ; Гибель флота и революція (600). Этотъ листокъ изданъ нашей группой на нѣмецкомъ яз. и жаргонѣ (150); Миръ царя или миръ народа (450) на фабрикахъ, кирпичныхъ заводахъ и казармахъ, этотъ же листокъ на нѣмецкомъ языкѣ (100).

Слѣдуетъ отмѣтить, что наша группа, работавшая до сихъ поръ подъ руководствомъ Рижскаго Комитета, прервала съ нимъ связи и принципіально присоединилась къ такъ называемому „меньшинству". Теперь работа налаживается благодаря содѣйствію Рижской Группы, съ которой установлена тѣсная связь.

Митавская Группа Р. Соц.-Дем. Р. П.

Сормово. Явился сюда Танъ и читалъ о новой „рабочей партіи", которую основываютъ петербургскіе демократы. Называетъ себя соціальдемократомъ, но безъ республики и многаго другого. Въ клубѣ, гдѣ онъ читалъ, ему дали должный отпоръ, и онъ жаловался на плохой пріемъ, который онъ вездѣ встрѣчаетъ у соціальдемократовъ. На другой день онъ выступалъ на митингѣ въ Сормовѣ; такой же отпоръ дали ему здѣсь рабочіе. Въ воскресенье, 12 іюня была у насъ дискуссія съ соц.-рев. (200 чел.); Танъ опять явился, но когда сталъ говорить, то встрѣтилъ такое неодобреніе, что замолкъ. Мы ему заявили, что ему здѣсь „ничего не очистится", что вотъ и соц.-рев. скоро окончательно вытѣснимъ, что ему и соваться нечего. Вечеромъ въ тотъ же день на митингѣ (2000 челов.) разбирали программу Тана; онъ, хотя и былъ, но не выступалъ.

Мы объявили сормовскіе митинги постояннымъ революціоннымъ народнымъ университетомъ и иногда читаемъ лекціи. Товарищъ-сормовецъ прочелъ лекцію о школьномъ вопросѣ, другой о профессіональныхъ союзахъ; представитель комитета — двѣ лекціи о соціализмѣ. Но большинство митинговъ посвящается агитаціи; иногда просто берется легальная газета и разбираются политическія статьи.

На митингахъ здѣсь иногда выступаетъ старикъ, бывшій на войнѣ въ 78 году, георгіевскій кавалеръ. Произноситъ горячія рѣчи противъ самодержавія и призываетъ подъ знамя соціальдемократіи. Его очень любятъ, только иногда во время рѣчи онъ загнетъ такое словечко, что и написать нельзя. Когда идешь по примыкающимъ къ Сормову селамъ, то то и дѣло слышишь, какъ мальчики поютъ „Марсельезу", „Дружно, товарищи" и т. д. Или вотъ картинка: сидятъ человѣкъ 3 стариковъ и разсуждаютъ: какая газета лучше? Одинъ говоритъ „Волгарь" — дрянь, а вотъ „Нижегородскій листокъ" — хорошая газета, другой называетъ „Сынъ Отечества" и, наконецъ, третій вставляетъ: „Искра" еще лучше. Когда идешь изъ собранія, многіе крестьяне предлагаютъ зайти къ нимъ: „устали, вѣдь, попить чайку къ намъ". На митинги приходитъ много крестьянъ, связей среди нихъ много: устраиваются крестьянскія массовки по 150 человѣкъ. Здѣсь очень сильное стремленіе создавать профессіональные союзы. Рабочіе собираются по цехамъ, вырабатываютъ уставы. Была частичная стачка въ нѣкоторыхъ цехахъ — повышены расцѣнки.

Со дня на день ждемъ новыхъ и новыхъ событій. Каждый чувствуетъ, что нужно напречь послѣднія силы. Отъ ударовъ сплоченныхъ массъ падаетъ неуклюжій разслабленный организмъ отживающаго самодержавія.

Астрахань, 7 Іюня. На воскресенье 5 іюня ожидался погромъ армянъ и евреевъ. За нѣсколько дней до назначеннаго дня, на улицахъ и въ трактирахъ можно было видѣть босяковъ и крючниковъ, оживленно обсуждающихъ предстоящій погромъ. Нерѣдко въ группѣ босяковъ ораторами являлись какіе то подозрительные субъекты, а то просто постовой городовой... Въ началѣ ходили слухи, что погромъ начнется въ пятницу 3 іюня, но въ этотъ день все сошло тихо, если не считать того, что въ 8 часовъ вечера приказчики мануфактурныхъ магазиновъ пришли въ рыбные ряды на Грязной улицѣ и стали требовать закрытія лавокъ на основаніи постановленія думы, что всѣ магазины должны запираться не позже 8 часовъ вечера. Рыбники не хотятъ подчиняться этому, мотивируя тѣмъ, что ихъ торговля не постоянная, что продолжается она въ году всего 3—4 мѣсяца, и еще другими условіями, создаваемыми самой рыбной промышленностью. Трое приказчиковъ вошли во дворъ рыбнаго торговца Ганопольскаго посмотрѣть, не работаютъ ли во дворѣ. Здѣсь на нихъ напали нанятые Ганопольскимъ босяки и сильно избили. Избіеніе происходило въ присутствіи городового, который на крики о помощи не двинулся съ мѣста. Избитые начали дѣло противъ Ганопольскаго и еще одного рыбника, хваставшагося въ трактирѣ среди босяковъ, что не надо бояться полиціи, такъ какъ приставъ ему, въ случаѣ чего, обѣщалъ дать подмогу босяковъ, и что у пристава на завтрашній день нанято 10 крючниковъ. Въ субботу приказчики хотѣли придти вновь и заставить запереть лавки, но, въ виду этихъ слуховъ, ихъ предупредили не ходить на Грязную улицу. Только благодаря этому, не было побоища, такъ какъ босяки были приготовлены и, въ случаѣ прихода приказчиковъ, должны были окружить ихъ съ одного и другого конца улицы и начать избіеніе. Часовъ въ 8 я пошелъ на Грязную посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Только что я показался изъ за угла [illegible] изъ одной группы босяковъ, человѣкъ въ 20, раздались крики: „бей его!" „вотъ онъ идетъ" Думаю, что не подвергся избіенію только потому, что продолжалъ идти тѣмъ же увѣреннымъ шагомъ и не показалъ виду, что крики относятся ко мнѣ. На Троицу 5 и 6 іюня по улицамъ разъѣзжалъ усиленный нарядъ казаковъ. Организаціи, съ своей стороны, приняли мѣры, состоявшія въ томъ, что почти по всѣмъ улицамъ были разставлены вооруженные патрули организованныхъ рабочихъ, которые, въ случаѣ начала погрома въ одной части города, должны были бы дать знать остальнымъ и, собравшись вмѣстѣ, составить группу самообороны. Всего вооруженныхъ револьверами было около 700 человѣкъ. Дежурили они съ 11 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Можно, конечно, предполагать, что погрома не было оттого, что администрація узнала о вооруженіи армянъ и рабочихъ и не могла опредѣлить силы организаціи, а также удерживалъ страхъ отпора, а безъ покровительства полиціи, можно съ увѣренностью сказать, босяки погрома устраивать не рѣшаются.

Недавно закончилась стачка служащихъ на трамваѣ, продолжавшаяся 10 дней. Изъ 33 выставленныхъ требованій удовлетворено 31.

1 іюля была забастовка у разгрузчиковъ баржъ на Балдѣ. Продолжалась она два дня. Требовали увеличенія заработной платы, уменьшенія вѣса переносимой тяжести и уменьшенія рабочаго дня. Держались не дружно, но все-таки добились сокращенія рабочаго дня на ½ часа и уменьшенія вѣса переносимой тяжести. Пріѣзжалъ вице-губернаторъ и полиціймейстеръ. На собранной ими сходкѣ угрожали рабочимъ казаками, на что тѣ отвѣчали: „здѣсь не Манчжурія, если они хотятъ показать свою удаль, то пусть ѣдутъ на Дальній Востокъ". На угрозу полиціймейстера, что всѣ они перемрутъ съ голоду, отвѣчали: „Ничего, въ городѣ хлѣба много, коли не хватитъ, пойдемъ и возьмемъ по мѣшку, деньги же заплатимъ, когда будутъ"!

Евпаторія. Тавр. губ. 15 іюня произошла первая въ Евпаторіи политическая демонстрація, являющаяся для мирнаго до послѣдняго времени городка явленіемъ первостепенной важности. Въ этомъ курортѣ лѣтомъ собирается довольно значительное количество строительныхъ и портовыхъ рабочихъ, въ окрестностяхъ находятся соляные промыслы. Въ самомъ же городѣ, кромѣ ремесленныхъ мастерскихъ, существуетъ механическій заводъ Кицена, изготовляющій земледѣльческія машины на весь уѣздъ. Въ началѣ мая была забастовка, всеобщая въ полномъ смыслѣ слова, но, вслѣдствіе слабости соціальдемократической организаціи, она не была ни достаточно использована, ни цѣлесообразно направлена. Во главѣ движенія очутился, совершенно самозванно, пользуясь лишь тѣмъ, что разъединенные рабочіе не рѣшались протестовать, избранный приказчиками представитель Морозовъ, личность крайне ограниченная. Къ тому же онъ пользовался благосклонностью исправника, а это дало ему возможность открыто выступать на разрѣшенныхъ полиціей рабочихъ собраніяхъ, гдѣ присутствовало до 3.000 человѣкъ. Почтенная компанія, при слабомъ лишь противодѣйствіи только что зародившейся соціальдемократической организаціи, быстро свела на нѣтъ революціонный порывъ рабочей массы; были обѣщаны уступки, городская дума выступила посредникомъ между трудомъ и капиталомъ, затѣмъ началось медленное обсужденіе рабочихъ требованій; а такъ какъ на четвертый день пролетаріи приступили къ работѣ, то и по сіе время далеко не всѣ требованія еще обсуждены. Организація упустила моментъ. Но возбужденіе, созданное забастовкой, создало очень благопріятную почву для соц.-дем. агитаціи, хотя на первое время пришлось ограничиваться лишь агитаціей устной. Установились и окрѣпли старыя связи, завязались новыя. Создались кружки, созывались летучки и массовки, гдѣ обсуждалось общее политическое положеніе и задачи рабочаго класса. Иллюстрацій этого положенія, разумѣется, въ Россіи всегда достаточно. Но особенно яркую давали и даютъ евпаторійцамъ мѣстные „охранители", „черная сотня", образовавшаяся здѣсь сторонѣ, за исключеніемъ кучки офицеровъ, которые владѣютъ двумя или тремя контръ-миноносцами.

23 іюня. Пишу подъ впечатлѣніемъ того, что происходитъ у насъ въ городѣ. Съ утра уже начали удирать изъ города. Вся промышленная и общественная жизнь совершенно пріостановилась. Кое гдѣ попадаются патрули и полицейскіе. Городъ объявленъ на военномъ положеніи. Тѣ, которые остались, собрались на горы и напряженно ждутъ... Вдругъ ружейный залпъ. Паника охватила всѣхъ. Когда стрѣльба прекратилась, выяснилось слѣдующее: миноноска подошла къ берегу, чтобы забрать зафрахтованное судно съ углемъ. Тогда пѣхота открыла огонь по миноноскѣ, на что она отвѣтила. Въ результатѣ съ обѣихъ сторонъ жертвы (раненые). Трехъ матросовъ арестовали. Всѣ недоумѣвали по поводу пассивнаго сопротивленія броненосца, но это вызвало одну только симпатію къ нему. Онъ сигнальными знаками указалъ на то, что онъ не пришелъ сюда разрушать городъ, и не долго ему выпустить 3—4 снаряда, а это унизитъ его революціонное достоинство. Въ 11 час 45 минутъ онъ снялся съ якоря и ушелъ. Часовъ въ 7 прибылъ изъ Севастополя контръ-миноносецъ почти исключительно изъ офицеровъ для охраны города.

24 іюня. Городъ входитъ въ свою обыкновенную колею. Настроеніе приподнятое. Сочувствіе только на сторонѣ матросовъ. Вездѣ собираются кучки рабочихъ и солдатъ и только говорятъ объ ихъ разумномъ поступкѣ. Солдаты гласно выражаютъ свое негодованіе противъ существующаго строя. Всѣ напряженно чего то ждутъ.

Намъ пишутъ изъ Севастополя. Чухнинъ замѣчательно энергично работаетъ. Говорятъ, что на на берегу арестовано до 200 матросовъ, самыхъ сознательныхъ. Предстоятъ аресты, судъ и смертная казнь. Ходятъ очень упорные слухи, что 30 матросовъ уже повѣшены. Настроеніе убійственное. Броненосцы и миноносцы опять поѣхали за „Потемкинымъ". „Георг. Побѣдоносца" выдали нѣкоторые негодяи изъ машинистовъ, желавшіе отличиться и боявшіеся наказанія, если власти побѣдятъ. Чухнинъ заставилъ всѣхъ матросовъ дать вторичную присягу и страшно деморализовалъ матросовъ. Многіе удираютъ, многіе арестованы, еще больше будетъ арестовано. Настроеніе пало... За всѣми слѣдятъ (на каждаго жителя по два шпика), всѣ должны разъѣхаться, никто не останется, работа затихнетъ. Если „Потемкинъ" будетъ взятъ, дѣло будетъ страшно плохо... Въ Ѳеодосіи „Потемкину" выдали и уголь и хлѣбъ.

Демонстрація и всеобщая стачка въ Ченстоховѣ (изъ „Z pola Walki" № 10).

21-го іюня. Господствующее у насъ возбужденіе вылилось въ послѣдніе дни въ почти ежедневныя рабочія манифестаціи по всевозможнымъ поводамъ и въ разныхъ мѣстахъ. Вслѣдъ за рабочими, революціонное возбужденіе охватило и всѣхъ дѣтей, „дѣтей улицы", которыя, вывѣсивъ красную тряпку или платокъ, тоже „демонстрируютъ", дразня опоры трона возгласами „долой царя!", „да здравствуетъ революція!"

Значительная демонстрація произошла 17-го на Варшавской улицѣ. Въ 9½ часовъ вечера тамъ собралась толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Толпа эта безпрерывно возрастала. Послѣ того, какъ было пропѣто „Красное Знамя", выступилъ нашъ ораторъ; затѣмъ еще разъ пропѣли „Красное Знамя" и другой нашъ товарищъ началъ рѣчь. Ораторы кратко выяснили значеніе солидарности и перешли къ изложенію программы и тактики соціальдемократіи, разбирая попутно и наше отношеніе къ программѣ возстановленія Польши. При крикахъ: „долой царя!", „да здравствуетъ революція!", „да здравствуетъ соціальдемократія!", собравшіеся спокойно разошлись.

Въ тотъ же день около девяти часовъ вечера состоялась еще и другая демонстрація въ кварталѣ „Послѣдній грошъ". Собралось 200 чел., пѣли „Красное Знамя" и произносили революціонные возгласы.

Въ воскресенье 18-го въ 9½ часовъ вечера состоялась новая демонстрація, на этотъ разъ уже вполнѣ организованная нашими агитаторами. Въ демонстраціи приняло участіе около 500 чел.; надъ демонстрантами въ теченіи цѣлаго часа развѣвалось наше старое знамя съ нашими лозунгами. Все время не прекращались революціонные возгласы и пѣніе. По дорогѣ встрѣтили солдатскій патруль. Наши товарищи крикнули по русски: „долой самодержавіе!", „да здравствуетъ политическая свобода!", на что солдаты, улыбаясь, отвѣтили: „да, да, правда долой!"

Въ тотъ же день состоялась еще одна демонстрація на Варшавской ул.; продолжалась она отъ 10½ до 12 час. ночи. Нѣсколько сотъ рабочихъ тронулись съ пѣніемъ „Красное Знамя". Когда нашъ гимнъ былъ пропѣтъ двукратно, начали говорить наши товарищи. Говорили объ отношеніяхъ буржуазіи и капиталистовъ къ правительству, о капиталистической эксплуатаціи, о современномъ политическомъ положеніи и войнѣ, о соціальдемократіи. Когда началъ говорить нашъ третій по порядку ораторъ, узнали, что приближается очень сильный отрядъ полиціи, вслѣдствіе чего демонстранты, избѣгая столкновенія, заблаговременно разошлись.

Революціонное возбужденіе, охватившее здѣшнихъ рабочихъ, слѣдуетъ несомнѣнно приписать — по крайней мѣрѣ въ значительной степени — оживленной массовой агитаціи, которую повела въ послѣднее время наша организація. Возвращаясь съ организованныхъ нами массовыхъ собраній, рабочіе почти всегда превращали ихъ въ демонстраціи. Въ то же время сильное революціонное вліяніе оказываютъ начавшіяся у насъ въ послѣднее время стачки. Бастуютъ, главнымъ образомъ, ремесленники. Три дня тому назадъ бросили работать портные, вчера — столяры, сегодня должны были забастовать пекаря. Собираются забастовать также прикащики торговыхъ и аптекарскихъ складовъ, и даже управляющіе! Руководство стачкой портныхъ и столяровъ среди христіанъ принадлежитъ нашей организаціи, среди евреевъ — „Бунду". Наша организація издала и распространила прокламацію къ столярамъ, пекарямъ и портнымъ, гдѣ формулировала ихъ требованія. Въ понедѣльникъ началась стачка каменщиковъ. Этой стачкой будетъ также руководить наша организація, сегодня уже состоялось созванное нами собраніе ста каменщиковъ. Въ субботу, наконецъ, забастовала ночная смѣна фабрики „Варта". Изъ ремесленниковъ забастовали еще сапожники, и этой стачкой руководила П. П. С.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что всѣ эти стачки являются результатомъ крайняго революціоннаго возбужденія, потому что вообще здѣшніе ремесленники страшно забиты и придавлены, такъ какъ работаютъ *отъ 10 до 18 час. въ сутки*.

25 іюня. Одна изъ происходившихъ у насъ демонстрацій привела къ кровавому столкновенію съ солдатами. Вечеромъ толпа рабочихъ, распѣвая пѣсни и выкрикивая революціонные лозунги, демонстрировала по Краковской ул. Встрѣтивъ патруль, состоявшій изъ полицейскаго и нѣсколькихъ солдатъ, демонстранты разсѣялись, *но, несмотря на это, солдаты выстрѣлили вслѣдъ убѣгавшимъ, убивъ двоихъ и ранивъ нѣсколько человѣкъ.*

Наша организація рѣшила почтить память убитыхъ всеобщей однодневной стачкой, и въ то же время организовать на похоронахъ одной изъ жертвъ борьбы съ царизмомъ, восемнадцатилѣтней Валеріи Гуровской, похоронную манифестацію. Вчера вечеромъ и сегодня рано утромъ ораторы, высланные нашей организаціей, обратились на многихъ фабрикахъ и заводахъ къ рабочимъ съ призывомъ не работать этотъ день. Уже къ девяти часамъ утра стали всѣ фабрики и заводы, а къ десяти толпа начала собираться на Новомъ рынкѣ, у костела, гдѣ должна была начаться похоронная процессія Гуровской. Похороны начались очень рано, и потому не всѣ рабочіе поспѣли къ началу манифестаціи. За гробомъ слѣдовала толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Было три знамени отъ нашей организаціи: одно большое черное и два красныхъ; а отъ нашихъ товарокъ — большой вѣнокъ съ красными лентами и надписью: „Погибшей товаркѣ — товарки Соц.-Дем. Польши и Литвы".

П. П. С-ники, знамени которыхъ на похоронахъ не было, чтобы „спасти честь" своей организаціи, „рѣшили" очень просто: выскребли съ лентъ вѣнка, оставленнаго въ костелѣ, знаки нашей организаціи и на ихъ мѣсто помѣстили буквы: П. П. С. Это несомнѣнно крайне революціонная побѣда надъ „нашествіемъ" соціальдемократіи.

Шествіе направилось по Краковской улицѣ съ пѣніемъ „Краснаго Знамени". По прибытіи на кладбище, одинъ изъ товарищей нашей организаціи началъ рѣчь; онъ говорилъ о преступленіяхъ царизма, о политической борьбѣ, о революціи. Послѣ его рѣчи воздухъ долго оглашался революціонными криками толпы и пѣніемъ „Кр. Зн.". Затѣмъ говорили еще два наши товарища — по польски и по еврейски, и одинъ изъ П. П. С. Демонстрація, не нарушаемая ни полиціей, ни войскомъ, продолжалась полтора часа.

Въ тотъ же день состоялись похороны и второй жертвы демонстраціи 22-го — рабочаго фабрики Моттова Кануса. Гробъ сопровождало нѣсколько тысячъ человѣкъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На кладбищѣ послѣ рѣчи ксендза взялъ слово нашъ товарищъ и говорилъ, въ противовѣсъ ксендзовской рѣчи, о необходимости борьбы за лучшую долю, борьбы съ царскимъ правительствомъ, и, въ концѣ своей рѣчи, призвалъ присутствующихъ къ вступленію въ ряды соціальдемократіи. Масса отвѣчала долго несмолкавшими криками въ честь нашей партіи. Послѣ этого говорили два еврейскихъ оратора: сіонистъ-соціалистъ и товарищъ изъ Бунда. Затѣмъ, снова нашъ товарищъ разъяснялъ наши ближайшія политическія требованія, а подъ конецъ говорилъ еще по еврейски П. П. С-никъ.

Петербургъ. На Обуховскомъ заводѣ группа собрала массовку въ 400 человѣкъ — говорили о мобилизаціи. На событія въ Лодзи, Варшавѣ и Одессѣ петербургскій пролетаріатъ реагировалъ сильнымъ броженіемъ. 16 іюня на Семянниковскомъ заводѣ прошелъ очень удачно митингъ (устроенъ комитетомъ). На слѣдующій день на томъ же заводѣ началась стачка. На Путиловскомъ мы пытались устроить митингъ 17, но прискакали казаки и помѣшали. Послѣзавтра (21) предполагается митингъ на Балтійскомъ заводѣ. Если настроеніе будетъ нарастать будемъ звать къ всеобщей стачкѣ, какъ протесту противъ мобилизаціи и дѣйствій правительства въ Лодзи и Одессѣ.

Среди матросовъ и здѣсь, и въ Кронштадтѣ весьма возбужденное настроеніе. Въ Сестрорѣцкѣ запасные оборвали оратора, который пытался выяснить передъ ними положеніе дѣлъ. Они заявили, что все это они знаютъ... пусть имъ дадутъ оружіе, тогда они начнутъ дѣйствовать. Среди рабочихъ массовое движеніе въ пользу пониженія квартирныхъ платъ. Группа его поддерживаетъ. На Обуховскомъ заводѣ стали выселять отказавшихся платить выше установленной рабочими нормы.

Къ позорному столбу. Постоянный комитетъ Союза инженеровъ сообщаетъ отдѣльно фамиліи судей, вынесшихъ смертный приговоръ Дейчу и Мацкевскому, и предлагаетъ предать ихъ широкой гласности: ген.-маіоръ Казабѣевъ — предсѣдатель, Стельницкій — подполковникъ пѣхотнаго 245 Солигаличскаго полка, Бениславскій — подполк. 546 пѣхот. Граевецкаго полка, Линковъ — [illegible] первой резервной артиллерійской бригады, Зубржицкій и подполк. Шишкевичъ — 247 пѣхот. Романовскаго полка (запасные члены суда). Обвинителемъ былъ помощникъ военнаго прокурора к. Г. Дорошевскій.

Митава, 31 мая. Нашъ городъ, начиная съ января, сталъ положительно неузнаваемъ. Въ Митавѣ, не знавшей никогда что такое забастовка, не говоря уже о демонстраціяхъ, стачечное движеніе не думаетъ улечься. Нѣсколько дней спустя послѣ 1 мая, рабочіе Крамера, на заводѣ котораго забастовки стали хроническими, бросили работу, предъявивъ своему хозяину цѣлый рядъ требованій, не удовлетворенныхъ при послѣдней стачкѣ, отъ которой они должны были отказаться за неимѣніемъ хлѣба для голодныхъ семей, а также требованіе принятія на заводъ всѣхъ уволенныхъ. Крамеръ, разумѣется, закрылъ свой заводъ, разсчитавъ рабочихъ, которые остались съ своими семьями безъ куска хлѣба. Но дружно поддержала рабочая масса своихъ товарищей, удѣляя имъ часть своего заработка. На насиліе эксплуататора товарищи рабочіе отвѣтили своей братской солидарностью и въ этой борьбѣ они остались побѣдителями. Когда Крамеръ теперь, послѣ болѣе чѣмъ мѣсячнаго перерыва, получивъ выгодный для себя заказъ, открылъ пріемъ рабочихъ, чтобы начать работать, вся масса, за единичными исключеніями, не пошла къ нему. Это ли не примѣръ стойкости и выдержанности латышскихъ рабочихъ? Бастовали также прикащики еврейскихъ мануфактурныхъ и модныхъ лавокъ, которые, благодаря своей стойкости, выиграли всѣ требованія, въ числѣ которыхъ находится и 10½ час. рабочій день съ 1½ час. на обѣдъ. Происходила тоже забастовка плотниковъ (въ 60 чел.). Совмѣстно съ нами латышскій комитетъ устроилъ сходку въ лѣсу, на которой выступили два оратора, одинъ отъ латышей и одинъ отъ насъ. Темой служило тяжелое экономическое положеніе всѣхъ трудящихся, въ томъ числѣ и плотниковъ, а также политическое состояніе Россіи. Рабочіе, сѣрый деревенскій народъ, держались стойко. Они подали теперь искъ къ своему хозяину. Въ скоромъ времени ожидается забастовка на заводѣ Вестермана (100 русскихъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ), къ этой стачкѣ готовимся вмѣстѣ съ латышами, чтобы общими силами довести дѣло до конца. На заводѣ Вестермана существуетъ кружокъ русскихъ рабочихъ.

Изъ демонстрацій нужно отмѣтить имѣвшую мѣсто съ 11 сего мѣсяца. Полиція и казаки, ожидавшіе чего нибудь въ этотъ день, собрались около церкви и спрятались по ближайшимъ дворамъ. Но въ то время, какъ они тамъ ожидали, демонстрація при громадномъ стеченіи публики, была устроена на рынкѣ у полиціи. Около 20 минутъ продолжалась она, сопровождаясь пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и криками „долой самодержавіе" и т. д. Была произнесена латышскимъ товарищемъ рѣчь. Раздавались прокламаціи по поводу мобилизаціи. Когда прибыли полиція и казаки, то никого уже не было.

Изъ деревень приходятъ ежедневно интересныя извѣстія, которыми переполнены мѣстныя газеты. Можно положительно утверждать, что Прибалтійскій край идетъ по тому пути, по которому идетъ Кавказъ и Польша. Достаточно прочесть въ латышскихъ газетахъ хотя бы описаніе происходящаго въ деревняхъ движенія, чтобы убѣдиться въ крайне революціонномъ настроеніи латышскаго крестьянства. Группой за май и половину іюня распространены слѣдующія изданія Рижской Группы: Солдатская памятка (600 экз. въ казармахъ); къ учащимся (350 въ училищѣ); Гибель флота и революція (600). Этотъ листокъ изданъ нашей группой на нѣмецкомъ яз. и жаргонѣ (150); Миръ царя или миръ народа (450 на фабрикахъ, кирпичныхъ заводахъ и казармахъ), этотъ же листокъ на нѣмецкомъ языкѣ (100).

Слѣдуетъ отмѣтить, что наша группа, работавшая до сихъ поръ подъ руководствомъ Рижскаго Комитета, прервала съ нимъ связи и принципіально присоединилась къ такъ называемому „меньшинству". Теперь работа налаживается благодаря содѣйствію Рижской Группы, съ которой установлена тѣсная связь.

Митавская Группа Р. Соц.-Дем. Р. П.

Сормово. Явился сюда Танъ и читалъ о новой „рабочей партіи", которую основываютъ петербургскіе демократы. Называетъ себя соціальдемократомъ, но безъ республики и многаго другого. Въ клубѣ, гдѣ онъ читалъ, ему дали должный отпоръ, и онъ жаловался на плохой пріемъ, который онъ вездѣ встрѣчаетъ у соціальдемократовъ. На другой день онъ выступалъ на митингѣ въ Сормовѣ; такой же отпоръ дали ему здѣсь рабочіе. Въ воскресенье, 12 іюня была у насъ дискуссія съ соц.-рев. (200 чел.); Танъ опять явился, но когда сталъ говорить, то встрѣтилъ такое неодобреніе, что замолкъ. Мы ему заявили, что ему здѣсь „ничего не очистится", что вотъ и соц.-рев. скоро окончательно вытѣснимъ, что ему и соваться нечего. Вечеромъ въ тотъ же день на митингѣ (2000 челов.) разбирали программу Тана; онъ, хотя и былъ, но не выступалъ.

Мы объявили сормовскіе митинги постояннымъ революціоннымъ народнымъ университетомъ и иногда читаемъ лекціи. Товарищъ-сормовецъ прочелъ лекцію о школьномъ вопросѣ, другой о профессіональныхъ союзахъ; представитель комитета — двѣ лекціи о соціализмѣ. Но большинство митинговъ посвящается агитаціи; иногда просто берется легальная газета и разбираются политическія статьи.

На митингахъ здѣсь иногда выступаетъ старикъ, бывшій на войнѣ въ 78 году, георгіевскій кавалеръ. Произноситъ горячія рѣчи противъ самодержавія и призываетъ подъ знамя соціальдемократіи. Его очень любятъ, только иногда во время рѣчи онъ загнетъ такое словечко, что и написать нельзя. Когда идешь по примыкающимъ къ Сормову селамъ, то то и дѣло слышишь какъ мальчики поютъ „Марсельезу", „Дружно, товарищи" и т. д. Или вотъ картинка: сидятъ человѣкъ 5 стариковъ и разсуждаютъ: какая газета лучше? Одинъ говоритъ „Волгарь" — дрянь, а вотъ „Нижегородскій листокъ" — хорошая газета. другой называетъ „Сынъ Отечества" и, наконецъ, третій вставляетъ: „Искра" еще лучше. Когда идешь изъ собранія, многіе крестьяне предлагаютъ зайти къ нимъ: „устали, вѣдь, попить чайку къ намъ". На митинги приходитъ много крестьянъ, связей среди нихъ много: устраиваются крестьянскія массовки по 150 человѣкъ. Здѣсь очень сильное стремленіе создавать профессіональные союзы. Рабочіе собираются по цехамъ, вырабатываютъ уставы. Была частичная стачка въ нѣкоторыхъ цехахъ — повышены расцѣнки.

Со дня на день ждемъ новыхъ и новыхъ событій. Каждый чувствуетъ, что нужно напречь послѣднія силы. Отъ ударовъ сплоченныхъ массъ падаетъ неуклюжій разслабленный организмъ отживающаго самодержавія.

Астрахань, 7 Іюня. На воскресенье 5 іюня ожидался погромъ армянъ и евреевъ. За нѣсколько дней до назначеннаго дня, на улицахъ и въ трактирахъ можно было видѣть босяковъ и крючниковъ, оживленно обсуждающихъ предстоящій погромъ. Нерѣдко въ группѣ босяковъ ораторами являлись какіе то подозрительные субъекты, а то просто постовой городовой... Въ началѣ ходили слухи, что погромъ начнется въ пятницу 3 іюня, но въ этотъ день все сошло тихо, если не считать того, что въ 8 часовъ вечера прикащики мануфактурныхъ магазиновъ пришли въ рыбные ряды на Грязной улицѣ и стали требовать закрытія лавокъ на основаніи постановленія думы, что всѣ магазины должны запираться не позже 8 часовъ вечера. Рыбники не хотятъ подчиняться этому, мотивируя тѣмъ, что ихъ торговля не постоянная, что продолжается она въ году всего 3—4 мѣсяца, и еще другими условіями, создаваемыми самой рыбной промышленностью. Трое прикащиковъ вошли во дворъ рыбнаго торговца Ганопольскаго посмотрѣть, не работаютъ ли во дворѣ. Здѣсь на нихъ напали нанятые Ганопольскимъ босяки и сильно избили. Избіеніе происходило въ присутствіи городового, который на крики о помощи не двинулся съ мѣста. Избитые начали дѣло противъ Ганопольскаго и еще одного рыбника, хвастающагося въ трактирѣ среди босяковъ, что не надо бояться полиціи, такъ какъ приставъ ему, въ случаѣ чего, обѣщалъ дать подмогу босяковъ, и что у пристава на завтрашній день нанято 10 крючниковъ. Въ субботу прикащики хотѣли прійти вновь и заставить запереть лавки, но, въ виду этихъ слуховъ, ихъ предупредили не ходить на Грязную улицу. Только благодаря этому, не было побоища, такъ какъ босяки были приготовлены и, въ случаѣ прихода прикащиковъ, должны были окружить ихъ съ одного и другого конца улицы и начать избіеніе. Часовъ въ 8 я пошелъ на Грязную посмотрѣть, [illegible] что тамъ дѣлается. Только что я показался изъ за угла [illegible] изъ одной группы босяковъ, человѣкъ въ 20, раздались крики: „бей его!" „вотъ онъ идетъ". Думаю, что не подвергся избіенію только потому, что продолжалъ идти тѣмъ же увѣреннымъ шагомъ и не показалъ виду, что крики относятся ко мнѣ. На Троицу 5 и 6 іюня по улицамъ разъѣзжалъ усиленный нарядъ казаковъ. Организаціи, съ своей стороны, приняли мѣры, состоявшія въ томъ, что почти по всѣмъ улицамъ были разставлены вооруженные патрули организованныхъ рабочихъ, которые, въ случаѣ начала погрома въ одной части города, должны были дать знать остальнымъ и, собравшись вмѣстѣ, составить группу самообороны. Всего вооруженныхъ револьверами было около 700 человѣкъ. Дежурили они съ 11 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Можно, конечно, предполагать, что погрома не было оттого, что администрація узнала о вооруженіи армянъ и рабочихъ и не могла опредѣлить силы организаціи, а также удерживалъ страхъ отпора, а безъ покровительства полиціи, можно съ увѣренностью сказать, босяки погрома устраивать не рѣшаются.

Недавно закончилась стачка служащихъ на трамваѣ, продолжавшаяся 10 дней. Изъ 33 выставленныхъ требованій удовлетворено 31.

1 іюня была забастовка у разгрузчиковъ баржъ на Балдѣ. Продолжалась она два дня. Требовали увеличенія заработной платы, уменьшенія вѣса переносимой тяжести и уменьшенія рабочаго дня. Держались не дружно, но все-таки добились сокращенія рабочаго дня на ½ часа и уменьшенія вѣса переносимой тяжести. Пріѣзжали вице-губернаторъ и полиціймейстеръ. На собранной ими сходкѣ угрожали рабочимъ казаками, на что тѣ отвѣчали: „здѣсь не Манчжурія, если они хотятъ показать свою удаль, то пусть ѣдутъ на Дальній Востокъ". На угрозу полиціймейстера, что всѣ они перемрутъ съ голоду, отвѣчали: „Ничего, въ городѣ хлѣба много, коли не хватитъ, пойдемъ и возьмемъ по мѣшку, деньги же заплатимъ, когда будутъ"!

Евпаторія Тавр. губ. 15 іюня произошла первая въ Евпаторіи политическая демонстрація, являющаяся для мирнаго до послѣдняго времени городка явленіемъ первостепенной важности. Въ этомъ курортѣ лѣтомъ собирается довольно значительное количество строительныхъ и портовыхъ рабочихъ, въ окрестностяхъ находятся соляные промыслы. Въ самомъ же городѣ, кромѣ ремесленныхъ мастерскихъ, существуетъ механическій заводъ Кицена, изготовляющій земледѣльческія машины на весь уѣздъ. Въ началѣ мая была забастовка, всеобщая въ полномъ смыслѣ слова, но, вслѣдствіе слабости соціальдемократической организаціи, она не была ни достаточно использована, ни цѣлесообразно направлена. Во главѣ движенія очутился, совершенно самозванно, пользуясь лишь тѣмъ, что разъединенные рабочіе не рѣшались протестовать, избранный прикащиками представитель Морозовъ, личность крайне ограниченная. Къ тому же онъ пользовался благосклонностью исправника, а это дало ему возможность открыто выступать на разрѣшенныхъ полиціей рабочихъ собраніяхъ, гдѣ присутствовало до 3.000 человѣкъ. Почтенная компанія, при слабомъ лишь противодѣйствіи только что зародившейся соціалдемократической организаціи, быстро свела на нѣтъ революціонный порывъ рабочей массы; были обѣщаны уступки, городская дума выступила посредникомъ между трудомъ и капиталомъ, затѣмъ началось медленное обсужденіе рабочихъ требованій; а такъ какъ на четвертый день пролетаріи приступили къ работѣ, то и по сіе время далеко не всѣ требованія еще обсуждены. Организація упустила моментъ. Но возбужденіе, созданное забастовкой, создало очень благопріятную почву для соц.-дем. агитаціи, хотя на первое время пришлось ограничиваться лишь агитаціей устной. Установились и окрѣпли старыя связи, завязались новыя. Создались кружки, созывались летучки и массовки, гдѣ обсуждалось общее политическое положеніе и задачи рабочаго класса. Иллюстрацій этого положенія, разумѣется, въ Россіи всегда достаточно. Но особенно яркую давали и даютъ евпаторійцамъ мѣстные „охранители", „черная сотня", образовавшаяся здѣсь по примѣру прочихъ городовъ. Нужно вамъ сказать, что кореннаго русскаго населенія здѣсь нѣтъ; мѣстное „общество“, по преимуществу, караимско-еврейское. Татары (половина населенія) представляютъ косную массу, равнодушную къ политикѣ и втихомолку ненавидящую покорителей — русскихъ. Русскіе и еврейскіе пролетаріи — лучшій революціонный матеріалъ, а русская „интеллигенція“ состоитъ въ большей своей части, изъ чиновниковъ, двухъ-трехъ поповъ, да офицеровъ пограничной стражи. Эти господа чувствуютъ себя завоевателями въ покоренной странѣ и, конечно, ярые „патріоты“. У нихъ существуетъ списокъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, подозрѣваемыхъ въ „измѣнѣ“; они даже больше полицейскіе, чѣмъ мѣстный приставъ, такъ какъ послѣдній жаловался, что „патріоты“ вѣчно укоряютъ его въ бездѣйствіи и поощряютъ къ энергичной борьбѣ съ „крамолой“. Эти господа и проявили себя въ одномъ характерномъ случаѣ. Мѣстные гимназисты, окончившіе въ этомъ году, устроили въ городскомъ саду ужинъ съ нѣкоторыми преподавателями. Директора и инспектора не пригласили. За сосѣднимъ столомъ расположились члены „черной сотни“, гласный думы врачъ Антоновъ и бухгалтеръ гор. управы Ангеловъ. Они вдругъ подошли къ оркестру и приказали сыграть „Боже царя храни“. Провокація удалась, такъ какъ часть учениковъ, учителей и публики не встала и не сняла шапокъ. На „крамольниковъ“ набросились офицеры съ обнаженными шашками, а „патріоты“ стали звать полицію. Кое какъ все успокоилось. За столомъ начались рѣчи. Всталъ одинъ, участвовавшій въ ужинѣ, не гимназистъ и обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой указывалъ интеллигенціи на необходимость бороться, помогая пролетаріату. Поднялось нѣчто невѣроятное. Появилась полиція, но ораторъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же вечеръ былъ избитъ хулиганами либеральный учитель Лукашевичъ, а на другой день — бывшій студентъ Павсоцкій, и цѣлый рядъ уважаемыхъ въ городѣ лицъ стали получать угрожающія письма. Въ городѣ стали собирать подписи подъ петиціей въ думу, у которой граждане просятъ защиты отъ хулиганскихъ нападеній. Петиція обыкновенная, безцвѣтно либеральная, даже о милиціи ни полслова. Болѣе радикальная редакція ея не была одобрена либералами, которые всѣми силами хотѣли ее „смягчить“. Дума же здѣшняя состоитъ на $^2/_3$ изъ „черносотенцевъ“ и безгласныхъ татаръ. Они, между прочимъ, послѣ забастовки ходатайствовали о постоянномъ расквартированіи въ Евпаторіи войскъ и отвели ротѣ солдатъ, оставленной здѣсь, помѣщеніе... въ Пушкинской аудиторіи для народныхъ чтеній. Эта дума бойкотируетъ поднятый еще въ февралѣ либеральными гласными вопросъ объ отношеніи къ рескрипту 18 февраля. Словомъ, даже для Россіи дума прямо исключительная и обращаться къ ней съ подобными петиціями прямо курьезно.

Однако, либералы рискнули. Было назначено засѣданіе, гдѣ гласными должна была быть прочтена петиція. Организація рѣшила воспользоваться думскимъ засѣданіемъ, чтобы дать рабочимъ наглядный урокъ отношенія какъ реакціонеровъ, такъ и либераловъ къ хулиганской политикѣ самодержавія, противопоставивъ тому и другому отношеніе и тактику соціальдемократіи. Кромѣ того, такъ какъ для организаціи не было сомнѣнія, что гласные на засѣданіе для обсужденія петиціи не явятся, то представлялось возможнымъ воспользоваться скопленіемъ рабочихъ и публики и устроить народный митингъ въ залѣ думскихъ засѣданій. Вопросъ о демонстраціи разбирался въ группѣ и центральныхъ рабочихъ кружкахъ, а затѣмъ было устроено рабочее собраніе, на которомъ говорилось объ опасности, грозящей развитію классового сознанія пролетаріата, благодаря политикѣ погромовъ и избіеній, и объ обязанности пролетаріата своимъ вмѣшательствомъ положить конецъ хулиганской политикѣ самодержавія. Была принята резолюція, указывающая, что лишь низверженіе самодержавія радикально излечитъ Россію отъ ужасовъ гражданской войны, умиротвореніе дастъ лишь Учредительное Собраніе, избранное всеобщей, прямой, равной и тайной подачей голосовъ, но и до созыва его рабочіе должны вооруженной рукой защищать преслѣдуемыхъ правительствомъ друзей свободы и жертвъ „національной“ политики самодержавія. Рѣшено было сорганизовать вооруженные рабочіе отряды для борьбы съ хулиганами и „черной сотней“. На собраніи присутствовало 46 человѣкъ, не попали на собраніе, но присоединились къ резолюціи, еще 15 человѣкъ. Тутъ же на собраніи обсуждался вопросъ о выступленіи въ думѣ. Планъ былъ одобренъ, рѣшено было вести въ рабочей средѣ агитацію за поддержку его. Сознательные пролетаріи горячо къ сердцу приняли это дѣло. Къ чести ихъ, нужно сказать, что не смотря на то, что въ дѣло были посвящены болѣе 60 человѣкъ, ни одинъ не проболтался, такъ что ко дню засѣданія думы полиція даже не подозрѣвала о готовящемся, а засѣданіе откладывалось цѣлыхъ три дня подрядъ. Знали рабочіе также о томъ, что будетъ говорить соціальдемократъ-ораторъ и рѣшили защищать его и не давать арестовать. 15 іюня въ залу думы стали собираться рабочіе и публика. Дума не собралась и на этотъ разъ, но рабочіе рѣшили не расходиться и потребовали для объясненій голову. Появился голова и заявилъ, что за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ, засѣданіе не можетъ состояться. Тогда изъ рядовъ рабочихъ раздалось: „Дума явно уклоняется отъ обсужденія вопроса, откроемъ свое народное собраніе. Согласны?“ — Согласны, — закричала публика. „Нужно выбрать предсѣдателя, кого выбираете?“ Еще раньше организаціей рѣшено было выбрать въ предсѣдатели наиболѣе приличнаго изъ мѣстныхъ либераловъ, помощ. присяж. пов. Барановскаго, гласнаго думы и вообще уважаемаго общественнаго дѣятеля. — „Барановскаго“, крикнули рабочіе, а за ними и вся публика. Г. Барановскій, застигнутый врасплохъ, сначала колебался, но затѣмъ согласился, въ помощники ему публика выбрала популярнаго здѣсь доктора Казаса (либерала). Слово получилъ ораторъ соціальдемократъ. Въ своей рѣчи онъ охарактеризовалъ переживаемый Россіей моментъ, говорилъ о роли рабочаго класса въ русскомъ освободительномъ движеніи, о необходимости поддерживать его требованія Учредительнаго Собранія и демократической республики, затѣмъ перешелъ къ политикѣ самодержавія и прочелъ резолюцію рабочихъ, выражающую ихъ намѣреніе вооружаться и защищать мирныхъ гражданъ. Закончилъ онъ свою рѣчь кличемъ „долой самодержавіе“, единодушно подхваченнымъ всей публикой.

Изъ рядовъ рабочихъ посыпались въ публику прокламаціи Евпаторійской организаціи и текстъ резолюцій рабочихъ. Рабочіе кричали: „да здравствуетъ демократическая республика“, „да здравствуетъ соціализмъ“. Либеральный предсѣдатель, которому, очевидно, не по душѣ показалась соціальдемократическая рѣчь, рѣшилъ смягчить рѣзкую постановку вопроса и началъ: „я такъ, наше общее мнѣніе чтобы исполнились пожеланія высказанныя ими государю: всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право“. — „Нѣтъ, *Учредительное Собраніе*, избранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ“, раздалось изъ рабочихъ рядовъ. Выступилъ другой ораторъ соціальдемократъ и указалъ Барановскому, что его формула не предполагаетъ еще сверженія самодержавія, а тѣмъ болѣе — республики, что нужно созвать Учредительное Собраніе. Третій соціальдемократъ предложилъ резолюцію, что необходимо Учредительное Собраніе, избранное всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ, что было почти единогласно публикой и принято.

Собраніе кончилось. Публика повалила на улицу. здѣсь къ ней примкнула стоявшая подъ окнами думы толпа и всѣ направились съ пѣніемъ „Марсельезы“ на бульваръ. Полиція отсутствовала. По дорогѣ присоединялись все новые люди, на берегу примкнули грузчики, такъ что рабочихъ было болѣе 200 человѣкъ, да человѣкъ 300 прочей публики, участвовавшей въ демонстраціи. Нужно принять во вниманіе, что демонстрація началась въ 9 ½ час. вечера и что въ городѣ съ окрестностями всего не болѣе 3000 рабочихъ, и демонстрація явилась полной неожиданностью для непосвященныхъ. Съ пѣніемъ и революціонными возгласами въ честь революціи и Р. С.-Д. Р. П. прошли по бульвару и направились въ городской садъ, куда городовые, почтительно разступившись, безпрепятственно пропустили толпу. Демонстранты стали вокругъ эстрады, гдѣ помѣщался оркестръ военныхъ матросовъ изъ Севастополя, и потребовали сыграть „Марсельезу“. Капельмейстеръ сталъ сгонять матросовъ съ эстрады. Запѣли „Марсельезу“ и стали кричать: „шапки долой“. Матросы сняли шапки, Картина была эффектная. Продефилировали по саду съ криками: долой войну, долой „черную сотню“, демонстранты снова направились къ зданію думы. Полиція успѣла къ тому времени собрать хулигановъ, изъ которыхъ одинъ бросилъ камнемъ въ демонстрантовъ. Тогда рабочіе дали два выстрѣла въ воздухъ и хулиганы разбѣжались во всѣ стороны. На мѣстѣ никто арестованъ не былъ. Но за то начались аресты на другой день. Чѣмъ руководится полиція при производствѣ арестовъ — Аллахъ вѣдаетъ. Но получается довольно причудливый букетъ. Арестованъ, напримѣръ, и знаменитый Морозовъ, котораго постигла горькая участь Зубатова и Шаевича. Онъ тоже игралъ съ огнемъ и покровительствовавшій ему исправникъ теперь клянется, что закатаетъ его въ Сибирь, хотя во всемъ этомъ дѣлѣ Морозовъ не виноватъ ни сномъ, ни духомъ. Взятъ предсѣдатель собранія, помощн. присяжн. повѣреннаго, гласный думы Барановскій, экспертъ Бухбиндеръ, студенты Хрисанопуло и Мурзавановъ (послѣдній уже выпущенъ), окончившій гимназію Мурованскій, рабочіе: Богдановъ, Вайнтрубъ, Фейгинъ, Забѣлинъ, Шашлыковъ, Гареликъ, одинъ молотобоецъ завода Кацена (фамиліи пока не знаемъ), приказчикъ Макаровъ, 14-лѣтній (?!) рабочій Цукерманъ, были еще арестованные, но выпущены, было много обысковъ и допросовъ. Доктора Казаса также допрашивали. Изъ Севастополя пріѣхалъ жандармскій офицеръ (своего здѣсь нѣтъ) для производства дознанія.

Въ субботу 17 исправникъ и жандармскій офицеръ пожаловали на заводъ Кацена, распрашивали рабочихъ, обѣщали освободить арестованныхъ рабочихъ и сильно ругали опять таки Морозова. Пожалуй на него все свалятъ.

Барановскій, Бухбиндеръ, Морозовъ и Хрисанопуло увезены въ Севастополь.

Екатеринодаръ. 16 мая въ екатеринодарскомъ окружномъ судѣ выѣздной сессіей новочеркасской судебной палаты разбиралось два политическихъ дѣла. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣло пять человѣкъ. изъ нихъ четыре, а именно: Базнаянъ, Секретевъ, Салоцкій и Приваловъ, обвинялись въ распространеніи прокламаціи въ мѣстной дмитріевской церкви, во время панихиды по товарищѣ Константинѣ Архангельскомъ, павшемъ девятаго января въ Питерѣ отъ руки царскихъ палачей. Пятый — Яковенко (рабочій) обвинялся также въ распространеніи прокламацій въ г. Армавирѣ, въ циркѣ. Первымъ слушалось дѣло Базикина и другихъ. Судъ надъ товарищами, какъ и все въ царской Россіи, носилъ вполнѣ полицейскій характеръ. Явилось пять какихъ то господъ, которые своими кукольными фигурами, какъ нельзя лучше дополняли картину казенной обстановки судебнаго зала. Казалось страннымъ, какимъ образомъ и зачѣмъ попали въ эту мертвую, леденящую обстановку четыре молодыхъ человѣка, на лицахъ которыхъ играла бодрая, честная улыбка. Чувствовалось, что въ судѣ творится совершенно обратное тому, чего хотѣли достигнуть устроители этой комедіи—судьи. Здѣсь молодая, честная Россія въ лицѣ обвиняемыхъ товарищей произносила свой судъ надъ изолгавшимися рабами царскаго режима. Сначала произошло трогательное единеніе „церкви христовой“ съ полиціей, т. е. былъ исполненъ актъ присяги, и затѣмъ началась комедія судопроизводства. Одинъ изъ явившихся господъ, которые оказались судьями, началъ что то читать, очевидно, обвинительный актъ, такъ какъ тамъ говорилось „о преступныхъ воззваніяхъ“, о потрясеніи основъ и краеугольныхъ камней и т. д. По прочтеніи обвинительнаго акта были опрошены обвиняемые, признаютъ ли они себя виновными въ распространеніи прокламацій, на что былъ полученъ отрицательный отвѣтъ. Какъ видите, картина довольно знакомая, и еслибы не нѣкоторыя характерныя подробности въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, то можно было-бы корреспонденцію значительно сократить. Можно было бы написать: былъ молъ судъ, судили и присудили, а какъ судили — смотри политическій процессъ въ такомъ то городѣ. Но дѣло въ томъ, что въ названномъ процессѣ вся гнусность и произволъ царскихъ башибузуковъ были доведены до крайнихъ предѣловъ, и съ этой стороны небезынтересно подчеркнуть нѣкоторыя подробности. Прежде всего, почти всѣ свидѣтельскія показанія шли въ разрѣзъ съ показаніями, данными на предварительномъ слѣдствіи, и когда палата оглашала разногласія, то свидѣтели становились въ тупикъ и пожимали плечами: забылъ, дескать, какъ приказали показывать. Это разъ. Во вторыхъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на самый составъ свидѣтельскаго персонала, а онъ таковъ: попы-полицейскіе, просто полицейскіе, дѣвочки (10—12 лѣтъ) и полуумная старуха. Всѣ показанія попа сводились къ критикѣ „безбожныхъ бумажекъ“, и зычный семинарскій басъ съ явными слѣдами частыхъ выпивокъ грозно клеймилъ преступныя прокламаціи, но на вопросъ, распространяли ли эти прокламаціи именно обвиняемые, слышался отвѣтъ: „не примѣтилъ“. Затѣмъ слѣдовала картина вторая: выходъ просто полицейскихъ. Нужно было видѣть этихъ держимордъ въ непривычной для нихъ обстановкѣ. На вопросъ предсѣдателя, читали ли они прокламаціи, городовые не знали, что отвѣчать, и вопросительно поглядывали на своего патрона-пристава Воскресенскаго: какъ, молъ, быть. Одинъ изъ городовыхъ, думая, что его заподозрили въ неблагонадежности, произнесъ о вредности прокламацій цѣлую тираду, не хуже палатскаго прокурора.

Если допросъ полицейскихъ смахивалъ на комедію, то нельзя сказать этого про допросъ дѣвочекъ. Бѣдныя дѣти не знали, что съ ними дѣлаютъ. Въ виду разногласія съ прежними показаніями, палата постановила огласить показанія дѣтей, данныя на предварительномъ слѣдствіи. Защитникъ обвиняемыхъ поинтересовался, понимаютъ ли дѣти, что имъ прочитано. Отвѣтомъ было молчаніе. Затѣмъ защитникъ установилъ тотъ фактъ, что при допросѣ дѣвочки были запутаны въ сѣтяхъ канцелярскихъ формальностей и не понимали, что говорили. Что это такъ, видно хотя бы изъ того, что дѣти давали совершенно разные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ, смотря по тому, кто давалъ этотъ вопросъ: прокуроръ или защитникъ. Наконецъ, была допрошена старуха, показанія которой также расходились съ прежними показаніями. Когда ей указали на противорѣчіе, она очень обидѣлась, заявивъ, что ей, старухѣ, совсѣмъ не къ лицу врать. И долго еще слышался ропотъ оскорбленной старухи свидѣтельницы. Дальше шли рѣчи прокурора и адвокатовъ (ихъ было два). Защитники доказывали, что присутствіе обвиняемыхъ въ церкви на панихидѣ нельзя считать преступленіемъ. Напротивъ, каждый порядочный русскій гражданинъ долженъ былъ почтить память убитаго борца за свободу. Что же касается того обстоятельства, что у подсудимыхъ Привалова и Сахлецкаго, при задержаніи ихъ, найдены револьверы, то это, по мнѣнію защитниковъ, объясняется очень просто. Теперь ни одинъ мирный обыватель не гарантированъ отъ того, что на него не сегодня завтра нападетъ шайка хулигановъ съ полиціей во главѣ. Тутъ предсѣдатель счелъ нужнымъ вступиться за полицію и объяснять защитнику, что „полиція является самой отверженной жертвой нынѣшняго настроенія“ (буквальныя слова предсѣдателя). Наконецъ, эта комедія приближалась къ концу. Судьи послѣ короткаго совѣщанія вынесли приговоръ Базикину годъ, Секретеву восемь мѣсяцевъ крѣпости. Салхоцкій и Приваловъ оправданы. Базикину зачисленъ томъ, а Секретеву два мѣсяца предварительнаго заключенія (оба сидѣли до суда около четырехъ мѣсяцевъ). Одинъ изъ оправданныхъ, именно Приваловъ, отправленъ въ тюрьму подъ стражу уже по третьему дѣлу (126 и 129 ст.)

Послѣ этого слушалось дѣло Яковенко. Тутъ повторилась прежняя комедія, и говорить о ней, во избѣжаніе повтореній, не приходится. Скажемъ только, что въ дѣлѣ т. Яковенко большую роль играли агентурныя свѣдѣнія. Товарищъ Яковенко сказалъ коротенькую рѣчь, которую скорѣе можно назвать обвинительной, чѣмъ защитительной. Характеризуя весь самодержавный строй въ Россіи, товарищъ, между прочимъ, коснулся тюремнаго режима въ мѣстной тюрьмѣ, который, нужно сказать, отличается необыкновеннымъ звѣрствомъ. Яковенко также былъ признанъ виновнымъ и приговоренъ къ восьмимѣсячному заключенію въ крѣпости съ зачетомъ трехъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія.

Судъ кончился... День клонился къ вечеру; косые солнечные лучи окрашивали въ красноватый цвѣтъ судебный залъ, и казалось, стѣны краснѣютъ при видѣ этой возмутительной пародіи на правосудіе. Судьи, съ неподвижными застывшими лицами оставили залъ, съ сознаніемъ исполненнаго долга.

Харьковъ. Въ гор. Сумахъ, Харьковской губ. существуетъ сельско-хозяйственное общество. Въ послѣднее время члены этого общества рѣшили приглашать на свои засѣданія и крестьянъ сосѣднихъ деревень... Крестьяне на приглашеніе откликнулись: на первое (послѣ приглашенія) засѣданіе явилось человѣкъ 20, на второе — 300, на третье, наконецъ, о которомъ я буду писать, около 3000. О приглашеніи крестьянъ заботился, главнымъ образомъ, мелкопомѣстный дворянинъ Щербакъ, о которомъ по деревнямъ ходятъ теперь самые разнообразные слухи, въ родѣ того, напр., что онъ — переодѣтый Гапонъ и т. д.; вѣрнѣе всего свѣдѣніе, что личность Щербака внушаетъ во всякомъ случаѣ нѣкоторыя подозрѣнія: когда то онъ „пострадалъ“, уѣхалъ за границу, но потомъ вернулся въ Петербургъ и, не имѣя средствъ, жилъ однако весьма широко. Впрочемъ, все это не совсѣмъ установлено да и не такъ важно. Перехожу къ засѣданію. Засѣданіе, на которое съѣхалась такая масса крестьянъ, не могло состояться за неприбытіемъ предсѣдателя общества. Щербакъ предложилъ тогда крестьянамъ похлопотать, тѣмъ не менѣе, о разрѣшеніи собраться.. Мѣстный исправникъ милостиво разрѣшилъ собравшимся „поговорить о своихъ нуждахъ“.. Засѣданіе пришлось перенести на открытый воздухъ (площадь передъ управой), потому что зала не могла вмѣстить всей публики. Щербакъ вышелъ на балконъ управы и началъ говорить... Дошелъ, наконецъ, и до „царя батюшки“... Тутъ поднимается изъ публики рабочій (ораторъ отъ Партіи), рѣзко обрываетъ Щербака и начинаетъ свою рѣчь... Когда товарищъ въ этой рѣчи касается событій девятаго января, среди крестьянъ раздаются крики: „геть Миколу, не треба намъ его!“. Продолжая говорить, ораторъ предлагаетъ резолюцію съ требованіемъ прекращенія войны и созыва Учредительнаго Собранія. Первый пунктъ не проходитъ: одинъ изъ крестьянъ, постоянный ораторъ на сходахъ въ одной изъ большихъ деревень, заявляетъ, что находитъ неразумнымъ выставлять подобныя требованія: „въ одномъ уѣздѣ мы рѣшили, что нужно кончить войну, въ другомъ рѣшатъ, что не нужно; что же изъ этого будетъ? Нѣтъ, это не такъ! Нужно, чтобы собраніе всѣхъ людей все рѣшило“... „Микола (такъ зовутъ оратора) правду каже“—раздается кругомъ, и требованіе пришлось выбросить... Точно такой же инцидентъ вышелъ и съ требованіемъ избирательнаго права для всѣхъ, „безъ различія пола“... Это требованіе вызвало неодобреніе („сами знаемъ, что жинкамъ треба“, „не треба туды жинокъ“), и требованіе было также выброшено. Послѣ рабочаго говорилъ интеллигентъ, тоже соціальдемократъ, командированный изъ Харькова. Онъ говорилъ о томъ, какимъ образомъ крестьяне могутъ способствовать скорѣйшему уничтоженію нашего строя, и выставилъ, между прочимъ, три желательныя мѣры: 1) отказъ отъ уплаты податей; 2) отказъ запасныхъ идти на войну; 3) отказъ отъ поставки рекрутовъ. По поводу первой изъ предложенныхъ мѣръ начались дебаты... Крестьяне не отличаютъ земскихъ сборовъ отъ государственныхъ податей и заявляютъ, что „отказываться, такъ отъ всего отказываться“... А говорившій уже Микола обращается къ оратору-рабочему и поясняетъ: „вы же сами говорили, что глупые тѣ люди, которые платятъ, не зная за что; а развѣ мы знаемъ, куда наша деньги идутъ. Когда будемъ знать, тогда и будемъ платить (языка передать не могу)... Теперь земцы въ страшной претензіи на ораторовъ — соціальдемократовъ..

Передъ началомъ описаннаго митинга разбрасывались и раздавались прокламаціи Харьковскаго Комитета „къ крестьянамъ“. Прокламаціи имѣли большой успѣхъ (хотя составлены — по моему — очень неважно). Крестьяне подходили къ разбрасывавшему и просили еще, такъ что было розданы 1500 листковъ и все изъ подходящаго, находившагося въ Сумахъ. Послѣ митинга мужики подходили къ ораторамъ съ просьбой дать имъ адресъ... „А то прійдемъ къ вамъ и спросимъ, что и какъ“. Рабочій далъ свой адресъ. Черезъ нѣсколько дней являются къ нему два мужичка... „Такъ, молъ, и такъ, просимъ васъ, покорнѣйше съ нами въ деревню“... „Что такъ?“ — „Да вотъ пріѣхали мы домой, стали разсказывать, а есть у насъ бывшій унтеръ; онъ и говоритъ: дураки вы и только.. одурачили васъ, а вы и повѣрили... какъ же это такъ кончить войну? вы кончимъ, а японцы полѣзутъ къ намъ да и перерѣжутъ всѣхъ... Да и кромѣ того, думали мы, кого намъ въ собраніе выбирать, да и не нашли; тотъ — нѣтъ, тотъ — глупъ, тотъ — ничего не смыслитъ а лавочника выберешь, такъ онъ развѣ за насъ стоять будетъ... Такъ вотъ, уже будьте добры, поѣзжайте съ нами и объясните все“... Рабочій поѣхалъ, говорилъ на сходѣ, сразился съ унтеромъ и такъ удачно, что унтера „затюкали“... Потомъ поѣхалъ въ другое село, а изъ Сумъ выѣхало еще 7 товарищей, чтобы использовать настроеніе. Съ разъѣздами, однако, вышло несовсѣмъ удачно, потому что четверо изъ товарищей уже арестованы. Крестьяне рѣшили черезъ двѣ недѣли снова устроить большое собраніе...

Въ Харьковѣ у насъ сейчасъ забастовка булочниковъ. Проходитъ пока очень хорошо. Въ четвергъ была выпущена Комитетомъ прокламація съ призывомъ бастовать въ воскресенье, и въ воскресенье всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ работу, выставили требованія, стоявшія въ прокламаціи. Главныя изъ нихъ — 2 смѣны. Вообще, въ Харьковѣ работа идетъ сейчасъ очень живо: постоянно (въ послѣднее время) митинги въ городѣ, массовки за городомъ.

Иркутскъ, 26 апр. 25 апрѣля объявленъ приговоръ по дѣлу принадлежащихъ къ Иркутскому комитету товарищей, сидящихъ въ Иркутской тюрьмѣ съ 14 февраля 1904 года: Дмитрія Феденева, Анатолія Левентонъ, Татьяны Феденевой, Андрея Знаменскаго и Владимира Максанова. Всѣ подсудимые отказались отъ участія въ дѣлѣ и отъ назначеннаго имъ палатой защитника, т. е. слѣдовали тактикѣ большинства судившихся по дѣламъ Иркутскаго комитета, но съ тою лишь разницей, что на этотъ разъ впервые товарищемъ А. Левентонъ была приведена коротенькая мотивировка отказа. Приводимъ ее дословно:

„Не въ одномъ только Иркутскѣ и его окрестностяхъ и не только за послѣдніе два года — какъ говоритъ обвинитель, — а вездѣ и повсюду, во всей Россіи, образовались комитеты Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи, поставившіе въ числѣ своихъ задачъ и сверженіе самодержавія — бюрократическаго произвола, организованнаго деспотизма...

Во всякой странѣ, будь то страна политической свободы или, какъ у насъ, организованнаго вооруженнаго деспотизма, судъ всегда является установленіемъ, служащимъ цѣлямъ поддержки и охраненія государственной организаціи. Вездѣ всюду онъ отражаетъ на себѣ достоинства и недостатки государственной организаціи, всегда онъ болѣетъ всѣми болѣзням строя. Французскій, напримѣръ, судъ, судъ дорогой для нас только своими демократическими чертами — гласностью, ничѣмъ нестѣсняемой свободой мнѣній — страдаетъ главной болѣзнью всего строя и рѣзко отражаетъ на себѣ господствующу основную государственную „идею“: эксплоатаціи пролетаріата буржуазіей. У насъ, въ Россіи, судъ служитъ тѣмъ же цѣлямъ поддержки государственнаго строя, строя, осужденнаго не конспиративными кружками, не только открыто дѣйствующимъ комитетомъ Р. С.-Д. Р. П., но и всѣми слоями населенія и особенно громко послѣ событій 9 января... Да, судъ у насъ гноится язвами государственной организаціи!.. Можно ли довѣрчиво относиться къ такому суду? На этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ — отрицательный: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Можно ли вѣрить въ силу судебнаго, хотя бы и вашего рѣшенія? Я не вѣрю! За моей спиной произволъ, разстрѣлъ мирныхъ обывателей, охранный „порядокъ“, бюрократическое „усмотрѣніе“, а впереди меня — „губернское совѣщаніе“, административное усмотрѣніе, административная ссылка и опять таки разстрѣлъ обывателей! Кто поручится мнѣ въ томъ, что даже вашъ приговоръ — каковъ бы онъ ни былъ — сохранится въ силѣ? Никто! Нѣтъ гарантій, нѣтъ законности, а лишь одинъ произволъ! Приведу два ближайшихъ, имѣющихъ отношеніе къ политическимъ дѣламъ, примѣра: наблюдающій за производствомъ дознанія долженъ только наблюдать за правильностью, отнюдь не смѣшивая свою роль „наблюдающаго“ съ ролью производящаго дознаніе. Ничего подобнаго! Тов. прок. Коровинъ, гдѣ ему было только доступно, подвизался на иныхъ роляхъ и прибѣгалъ къ различнымъ пріемамъ, въ цѣляхъ полученія „нужныхъ“ ему свѣдѣній... Вспомнимъ только дѣло Прусса, котораго онъ продержалъ 7 мѣсяцевъ и, если безрезультатно, то не вслѣдствіе порядочности Коровина! Другой примѣръ: рядомъ со мной, въ камерѣ № 9, содержался нѣкто *Минскій*,[1] когда я спросилъ его, за что онъ арестованъ (былъ, правда, наивный вопросъ: за что арестуютъ!), онъ отвѣтилъ, „не знаю“, а когда я о томъ же спросилъ тов. прок. Коровина, обходившаго тюрьму, то тотъ сказалъ, что Минскій будетъ освобожденъ и что онъ вызывается только въ качествѣ свидѣтеля... И это оказалось правдой. Минскій былъ освобожденъ и *высланъ* изъ Иркутска, а, читая дѣло, я убѣдился, что Минскій былъ *только* свидѣтелемъ! Въ странѣ, гдѣ свидѣтели содержатся въ тюрьмѣ, нѣтъ и не можетъ быть довѣрія къ суду, а есть ненависть къ строю, его породившему, и сознаніе необходимости его свергнуть... И вотъ, становясь въ ряды соціальдемократической рабочей партіи, я боролся противъ самодержавія и, тѣмъ самымъ, противъ органовъ, его поддерживающихъ. Вотъ почему, не касаясь своего дѣла, я отказываюсь отъ защитника и отъ какого-либо участія въ дѣлѣ“.

Приговоръ палаты достаточно таки свирѣпый. Д. Феденевъ приговоренъ къ 6 г., Ан. Левентонъ къ 5 г. крѣпости, Т. Феденева и Андрей Знаменскій на годъ. Въ мотивированномъ приговорѣ, вопреки желанію палаты, чернымъ по бѣлому написано, что противъ А. Знаменскаго исключительно показанія шпіоновъ!

Этотъ приговоръ палата, перешедшая отъ ссылки на вѣчное поселеніе къ крѣпостному заключенію, почитаетъ мягкимъ и гуманнымъ и объясняетъ „смягченіе“ „вреднымъ на подсудимыхъ вліяніемъ...“ Чье же вліяніе? Не самодержавія-ли? Ко всѣмъ обвиняемымъ примѣняется манифестъ отъ 11 августа (скидка ⅓). А пока въ залѣ суда шло отправленіе „правосудія“, въ корридорѣ суетился полиціймейстеръ Никольскій, а во дворѣ выстроилась рота пѣхотинцевъ, и на заднемъ дворѣ скрывался полуэскадронъ казаковъ. Полиція ждала демонстраціи, наученная горькимъ опытомъ демонстраціи передъ судомъ въ день разбора дѣла „романовцевъ“. Демонстрація на этотъ разъ не состоялась, потому что не предполагалась! Но въ этотъ-же день, вечеромъ, въ залѣ общественнаго собранія состоялся „банкетъ“, разогнанный солдатами подъ командой полиціймейстера Никольскаго. Послѣдствіемъ слишкомъ рьянаго „усердія“ помощника полиціймейстера Драгомирова, дѣйствовавшаго на другомъ банкетѣ, явилось его исключеніе изъ членовъ клуба. Терпѣнію нашихъ либераловъ тоже имѣется предѣлъ, такъ что можно надѣяться, что, если у насъ послѣдуетъ избіеніе интеллигенціи, то и жандармы будутъ исключены. Будемъ ждать! На этихъ дняхъ освобожденъ предсѣдатель одного изъ банкетовъ Замятинъ. Передъ Пасхой было арестовано 6 человѣкъ: Юрковскій (врачъ), Большедворская (курсистка), Аммосовы (два брата), Фридманъ Рафаилъ (гимназистъ), Руденко (рабочій). Всѣ отказались отъ показаній и всѣ освобождены. Юрковскому объявлено, что онъ ни въ чемъ не обвиняется, а будетъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля. „По какому дѣлу?“ изумляется тотъ. „Узнаете“. Теперь населеніе иркутской тюрьмы, за переводомъ части „романовцевъ“, значительно поубавилось. В. Волпинъ (солдатъ — еще не судился), Ф. Кудрявцевъ (телеграфистъ — не судился), Ананій Мѣдяникъ, Мизарбекъ Добродженидзе, Левъ Теслеръ, Давидъ Ройтерштейнъ, Ревекка Рубинчикъ, Анна и Павелъ Розенталь, Антонъ Костюшко-Волюжаничъ, Игнатій ронца (всѣ романовцы), Анатолій Левентонъ, Дмитрій и Татьяна Феденевы и Евгенія Суворова (учительница). Послѣдняя присуждена палатой къ 6 мѣсяцамъ крѣпости за храненіе литературы (очень большое количество). На судѣ отъ участія въ дѣлѣ и отъ назначеннаго ей палатой защитника отказалась. Отъ участія въ дѣлѣ отказалась принципіально, не мотивируя отказа, но привела мотивы устраненія ею прис. пов. Раевскаго. Это бывшій прокуроръ сарапульскаго (Вятской губ.) окружн. суда, прославившійся въ дѣлѣ мултанскихъ вотяковъ (громкое дѣло, давшее не мало картинъ полицейскаго произвола) и въ усмиреніи стачечниковъ Воткинскаго завода. Сюда онъ попалъ въ качествѣ члена палаты, показывалъ свой консерватизмъ и настаивалъ на примѣненіи къ воткинскимъ рабочимъ тѣлеснаго наказанія. Теперь онъ промѣнялъ судейское кресло на адвокатскій портфель, старается приспособиться къ новой живой сферѣ и показываетъ „либерализмъ“.

---

[1] Рѣчь идетъ о братѣ Марка Минскаго, убившаго негодяя этапнаго офицера Сикорскаго.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Въ фельетонѣ подъ заглавіемъ „Третій шагъ“ газета „Пролетарій“ сообщаетъ намъ, что въ „группы меньшинства“, не признающія такъ называемаго 3-го съѣзда, считаются (послѣ дамъ Гусевымъ и Бончемъ-Бруевичемъ?) „столпами въ партіи“[1]. Мы совѣтуемъ всѣмъ не потерявшимъ здраваго смысла „большевикамъ“ вникнуть въ смыслъ этого провоцирующаго заявленія.

Начавъ съ подобной наглости, редакція „Пролетарія“ продолжаетъ:

„Въ настоящее время мы можемъ сообщить товарищамъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія о заграничной части отколовшагося отъ партіи меньшинства. Ц. К. сейчасъ послѣ съѣзда послалъ письмо въ „Лигу“ и завѣдующимъ техникой и кассой партіи, прося первую—высказаться о своемъ отношеніи къ 3 съѣзду, вторыхъ — передать партійное имущество Ц. К-ту. Отвѣта ни отъ одного изъ нихъ не послѣдовало. Новоискровцы не прочь были отъ имени партіи пользоваться партійной типографіей и складомъ, получать деньги отъ нѣмецкой соціальдемократіи, отъ заграницы вообще, но дать отчетъ партіи въ употребленіи партійнаго имущества и расходованіи партійныхъ средствъ они не пожелали. Коментировать такое поведеніе мы считаемъ излишнимъ“.

Если въ *печати* помѣщаются такія заявленія, то чего можно ожидать отъ устныхъ сообщеній! Не будетъ нисколько удивительно, если мы вскорѣ узнаемъ, что, по разсказамъ агентовъ того господина, который написалъ эти строки, товарищи, „не пожелавшіе сдать отчета въ расходованіи имущества“, пріобрѣли роскошную виллу и даютъ ежедневно балы! Вѣдь, помѣщалъ же „Впередъ“ заявленія о томъ, что Одесская Группа пріобрѣтаетъ досадное вліяніе на пролетаріатъ... путемъ *подкупа!* И нашлись наборщики, которые набирали это, нашлись „политическіе дѣятели“ и честные люди, *послѣ этого* санкціонирующіе резолюцію о благодарности группѣ „Впередъ“!

Отвѣчать на приведенныя строки не приходится. Пусть тѣ, кто могъ написать ихъ своей грязной шваброй, если считаютъ поведеніе завѣдующихъ техникой и кассой неправильнымъ, пусть они обратятся къ международному третейскому суду, отъ котораго до сихъ поръ они уклонялись съ послѣдовательностью сознательно клевещущихъ трусовъ. Наши товарищи не уклонятся отъ такого суда и подчинятся его рѣшеніямъ. Кружокъ, избранный на подтасованномъ съѣздѣ, не имѣетъ никакихъ правъ на партійное имущество. Если „твердокаменные“ желаютъ разсматривать себя и насъ, какъ двѣ фракціи, возможно раздѣленіе всего партійнаго имущества, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Въ противномъ случаѣ, прежде чѣмъ говорить о „сдачѣ отчета“ техниковъ и кассировъ, нужно, чтобы вожди „твердокаменныхъ“ предварительно сдали партіи отчетъ о томъ, какъ они собрали свой такъ называемый съѣздъ. Въ нормально функціонирующей партіи слѣдствіе по этому поводу было бы достаточно, чтобы исключить нѣкоторыхъ виновниковъ изъ партіи.

Закончимъ однимъ указаніемъ: № 6 „Пролетарія“ подтверждаетъ вполнѣ значеніе рѣшеній съѣзда, на которое указало бывшее Восточное бюро Ц. К. (см. № 102 „Искры“): члены партіи, признавшіе съѣздъ, обязуются практиковать въ самой циничной формѣ „осадное положеніе“. Мы хорошо знаемъ состояніе партіи въ данный моментъ и беремся утверждать, что, что бы ни кричали капитолійскіе гуси, засѣвшіе въ „Пролетаріи“, имъ „спасти отечества“ не удастся, имъ не удастся заставить своихъ товарищей въ Россіи вернуться къ горькому опыту 1903—4 годовъ. Постоянное напоминаніе объ обязанности „тащить и не пущать“ только яснѣе яснаго покажетъ „большевикамъ“ въ Россіи, что работать надъ сплоченіемъ и усиленіемъ партіи они смогутъ лишь при условіи, что будутъ *игнорировать* положеніе о чрезвычайной охранѣ, выработанное „съѣздомъ“, и что сумѣютъ за пріятными чертами новоявленныхъ вождей изъ „Пролетарія“ разсмотрѣть знакомыя физіономіи наѣздниковъ покойнаго „Впереда“.

Партійная реорганизація Гуріи. Съѣздъ гурійскихъ работниковъ 10, 11 и 12 мая 1905 г. Кардинальнымъ вопросомъ на съѣздѣ гурійцевъ 10, 11 и 12 мая былъ вопросъ о партійной реорганизаціи Гуріи. Поэтому, мы считаемъ нужнымъ предпослать краткій очеркъ исторіи Гурійскаго движенія и его организаціи. Начало движенія въ Гуріи относится къ лѣту 1902 года. Подъ вліяніемъ неурожая 1901 года и массы рабочихъ, высланныхъ въ 1901 году изъ Батума, начинается стачка въ западной Гуріи, носившая еще стихійный характеръ. Этимъ же лѣтомъ появились батумскіе агитаторы. Основной точкой агитаціи служило экономическое положеніе крестьянъ. Собирались ночью, въ лѣсу, строго подбирая людей; массовки, однако, въ то время достигали до 600 человѣкъ. Народъ идеализировалъ агитаторовъ до невозможности, называя ихъ людьми, сошедшими съ неба. Это движеніе внесло разслоеніе въ крестьянскую массу; понятно, что прежде всего примыкала къ движенію молодежь, и теперь, когда всѣ гурійцы, отъ мала до велика, въ движеніи — соціальдемократія въ Гуріи несетъ названіе „Ахалтаоба“, т. е. „Новое поколѣніе“. Эта стачка повлекла за собой сейчасъ же жестокія репрессіи, и народъ быстро получилъ политическое воспитаніе. Забастовка не прекращается.

Въ томъ же году движеніе охватило всю Восточную Гурію. Въ 1903 году агитація принимаетъ широкій, но неорганизованный характеръ, и въ этомъ же году образуется Гурійскій Комитетъ, который въ маѣ этого же года созываетъ 1-й съѣздъ. Въ составъ членовъ съѣзда входятъ, кромѣ агитаторовъ, крестьяне, которые могли бы въ будущемъ работать въ Гуріи. Этимъ и объясняется характеръ съѣзда. На этомъ съѣздѣ разбирается Коммунистическій Манифестъ; обсуждается программа соціалистовъ-революціонеровъ, особенное вниманіе обращается на терроръ; ставится вопросъ объ организаціи Гуріи. Рѣшено всю Гурію разбить на 5 районовъ; въ каждомъ районѣ — представитель, назначаемый комитетомъ. Тутъ же они и были назначены. Районные представители должны были завязывать связи во всѣхъ обществахъ и выбирать для себя представителей обществъ. Въ работѣ районныхъ представителей принимаютъ участіе и пропагандисты. Они организовывали кружки кассовые, въ которыхъ и велась пропаганда, правда, носившая большею частью случайный характеръ; съ этого времени начинается дѣленіе Гуріи на десятки (кассовые кружки по 10 человѣкъ). Что касается работы, то въ Западной Гуріи она, за крайнимъ недостаткомъ силъ, почти совершенно прекратилась; а въ сентябрѣ въ Западной Гуріи устраиваются огромные митинги, одинъ въ [illegible]00 человѣкъ, другой (въ Чахотаурахъ) до 6000 человѣкъ, съ выстрѣлами и знаменемъ.

Послѣ съѣзда въ октябрѣ 1903 года въ Чахотаурахъ была устроена первая демонстрація со знаменемъ новобранцами, человѣкъ въ 70. Эта маленькая демонстрація имѣла огромное моральное значеніе, она навела панику на администрацію, такъ какъ до тѣхъ поръ администрація торжествовала побѣду, говоря, что она своими репрессіями предотвратила всякія демонстраціи. Въ первыхъ числахъ января 1904 года былъ второй съѣздъ гурійцевъ. Порядокъ дней таковъ: отчетъ о дѣятельности Гурійскаго комитета; отчетъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. Разборъ программы Р. С.-Д. Р. П. Докладъ о террорѣ.

Повседневная работа выражается въ агитаціи на массовыхъ собраніяхъ отъ 150 до 1500 человѣкъ. Содержаніе агитаціи: борьба съ помѣщиками и правительствомъ; результаты ея: бойкотъ противъ духовенства и отказъ платить драмовыя деньги; и дальше бойкотъ правительственныхъ учрежденій. Бойкотъ самодержавія по всей линіи начинается съ декабря 1904 года и дальше все усиливается; онъ выражается въ бойкотированіи всѣхъ правительственныхъ учрежденій и всѣхъ правительственныхъ лицъ; сельскія канцеляріи и суды не функціонируютъ. Ненависть гурійцевъ къ самодержавію достигаетъ крайней степени; какъ праздникъ, ждутъ они русской революціи, съ энтузіазмомъ встрѣчаютъ они всякое проявленіе протеста въ Россіи и, если, напримѣръ, агитаторъ, выбирая болѣе удобное для себя мѣсто, всходитъ на балконъ сельской канцеляріи, чтобы оттуда говорить, то народъ проситъ его сойти, ибо всякое мѣсто, до котораго дотронулась рука правительства, считаетъ какъ бы „зачумленнымъ“.

Второго мая 1904 года было устроено майское празднованіе. Изъ Хидистави человѣкъ около 400 демонстративнымъ шествіемъ направились въ Чахотауры, откуда чахотаурцы должны были выйти навстрѣчу хидиставцамъ (Хидистави и Чахотауры сосѣднія селенія), но стражники произвели залпъ и убили двухъ товарищей.

Такимъ образомъ, положеніе сильно обостряется; все время происходятъ массовые аресты и высылки. Съ 2 іюня убито 11 шпіоновъ. Въ Гурію присылается Алихановъ (съ 7000 войскомъ и пушками).

Частная депутація является къ Маламѣ съ предложеніемъ снарядить комиссію, которая на мѣстѣ выяснитъ причины безпорядковъ въ Гуріи. Въ результатѣ посылается Крымъ-Гирей, который и разъѣзжаетъ по Гуріи отъ 20 февраля до 10 марта. Наши товарищи воспользовались легализаціей свободы собраній, открыли интенсивную агитаторскую кампанію и дали большое сраженіе самодержавію. Комиссія Крымъ-Гирея прогремѣла на всю Россію и писать о ней излишне. Крымъ-Гирей былъ отозванъ, и черныя тучи собрались на ясномъ небѣ Гуріи. Повсюду казаки и войска; народъ крайне возбужденъ. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Передъ гурійскими товарищами стояла задача удержать народъ отъ кровопролитія. Въ мартѣ былъ созванъ третій съѣздъ всѣхъ гурійцевъ; главнымъ вопросомъ была тактика по отношенію къ диктатурѣ Алиханова, а также вопросы о мобилизаціи и налогахъ.

Къ этому времени организація приняла такую форму: все мужское населеніе Гуріи дѣлится на десятки (кассовые кружки, вносящіе извѣстный взносъ въ организацію). Представители кружковъ (10 десятскихъ) выбираютъ изъ себя сотскихъ, а сотскіе выбираютъ представителей обществъ; представители обществъ (не изъ себя, такъ какъ они очень заняты дѣлами обществъ) выбираютъ районнаго представителя, черезъ котораго сносится съ ними комитетъ. Представители обществъ и районный представитель составляютъ районную организацію (строго говоря, районныя организаціи не вездѣ составлялись одинаково; въ нѣкоторыхъ районахъ въ составъ ихъ входятъ и помощники представителей обществъ, помощникъ районнаго представителя и пропагандисты). Существовала организація районныхъ представителей, пользующихся правомъ совѣщательнаго голоса и собирающаяся по иниціативѣ комитета. Районныя организаціи часто бывали составлены изъ нежелательныхъ для организаціи элементовъ: въ нихъ выбирались лица зажиточныя, имѣющія свободное время, чтобы заниматься общественными дѣлами; въ составѣ ихъ находились даже кулаки и т. п. Эти организаціи совсѣмъ или крайне незначительно пріобщены были къ партійной жизни. На конференціи кавказскихъ комитетовъ, которая была въ началѣ апрѣля этого года, стоялъ на обсужденіи крестьянскій вопросъ; было отмѣчено, что гурійскіе товарищи слишкомъ много вниманія отдаютъ демократической агитаціи; что есть основаніе полагать, что крестьянское движеніе вообще, и гурійское въ частности, есть демократическое движеніе, и въ интересахъ закрѣпленія вліянія соц.-дем. необходимо создавать пропагандистскіе соціальдемократическіе кружки и произвести партійную реорганизацію въ предѣлахъ существующихъ демократическихъ организацій.

Для выработки этого плана комитетомъ былъ созванъ съѣздъ всѣхъ работниковъ Гуріи 10, 11 и 12 мая. На этомъ съѣздѣ и былъ принятъ слѣдующій организаціонный уставъ.

1) Комитетъ состоитъ изъ представителей районныхъ организацій, представителей организацій пропагандистовъ, агитаторовъ и литературной.

Примѣчаніе. Комитетъ можетъ кооптировать наиболѣе опытныхъ и теоретически подготовленныхъ товарищей, полезныхъ для успѣшности работы.

2) Если комитетъ многочисленъ по составу и по условіямъ мѣстной работы и не можетъ часто собираться, онъ выдѣляетъ изъ себя постоянную комиссію, которая ведетъ повседневную работу.

3) Представитель района является членомъ Комитета. 4) Районныя организаціи состоятъ изъ представителей обществъ, ихъ помощниковъ, районнаго представителя и его помощника, и пропагандиста. Примѣчаніе: помощники представителей обществъ, помощники районнаго представителя и пропагандисты пользуются правомъ рѣшающаго голоса. 5) Комитетъ принимаетъ рѣшенія въ вопросахъ, касающихся жизни всей Гуріи, только поставивъ ихъ на предварительное обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ партійныхъ организацій Гуріи. Примѣчаніе: въ экстренныхъ случаяхъ Комитетъ принимаетъ рѣшенія самостоятельно. 6) Каждая партійная организація можетъ поставить вопросъ на обсужденіе другихъ партійныхъ организацій (районныхъ, проп. и Ком.) и требовать его рѣшенія. 7) Районныя организаціи автономны въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. 8) Районныя организаціи имѣютъ рѣшающій голосъ въ партійныхъ вопросахъ и дѣлахъ, касающихся всей Гуріи. 9) Организація пропагандистская и агитат. состоитъ изъ всѣхъ пропаганд. и агитат. Гуріи. 10) Организація пропаганд. и агитаторовъ автономна въ дѣлахъ, касающихся ея внутренней жизни. 11) Организація пропаг. и агитат. *отвѣтственна* за работу всѣхъ членовъ. 12) Пропагандисты и агитаторы, незнакомые организаціи, кооптируются послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго стажа. 13) Организація пропаган. и агитат., наравнѣ съ другими организаціями, пользуется правомъ голоса въ партійныхъ вопросахъ и дѣлахъ, касающихся всей Гуріи. Организація пропаг. и агитаторовъ собирается періодически, вырабатываетъ систему пропаганды и агитаціи, намѣчаетъ и разрабатываетъ темы для агитаціи и устанавливаетъ общую точку зрѣнія на данный вопросъ.

Слѣдующимъ вопросомъ былъ вопросъ о самоуправленіи. Вся административная, судебная и даже обыденная жизнь сосредоточена въ рукахъ организаціи, и, надо сознаться, она изнемогаетъ подъ тяжестью ея. Всѣ пропагандисты признаютъ, что ихъ непосредственная работа страдаетъ отъ того, что имъ приходится слишкомъ много времени удѣлять судебнымъ и другимъ дѣламъ. Третейскій судъ вошелъ въ обычай, но рѣшенія его слишкомъ часто не приводятся въ исполненіе. Репрессивной мѣрой признанъ былъ на этомъ съѣздѣ „организованный“ бойкотъ, т. е. бойкотъ, условія котораго опредѣляются на собраніи всего общества. Народъ именно не привыкъ еще самъ управляться, его надо еще воспитывать въ этомъ отношеніи. „Мы оставили правительство, говорятъ крестьяне, къ кому же намъ итти какъ не къ вамъ?“. Съѣздъ призналъ необходимымъ и вытекающимъ изъ нашей программы идейное руководство самоуправленіемъ, но, чтобы не страдала соціальдемократическая работа, рекомендуетъ товарищамъ воздерживаться отъ непосредственнаго участія въ должности по самоуправленію.

Третьимъ пунктомъ обсужденія былъ вопросъ пропаганды и агитаціи. Что касается пропаганды, то признано было слѣдующее положеніе: раздѣлить все населеніе на двѣ части: одну небольшую, будущихъ активныхъ членовъ партіи (подающихъ на то надежду) группировать въ кружки, гдѣ ведется систематическая пропаганда, на остальную воздѣйствовать на массовыхъ собраніяхъ путемъ *пропаганды* и агитаціи. Особенно напиралось на то, что бесѣды даже съ массою, должна носить характеръ пропаганды, больше воздѣйствовать на разумъ, чѣмъ на чувство, ибо въ агитаціи, какъ таковой, Гурія больше не нуждается! Темами, представляющими наибольшій интересъ для гурійцевъ, были признаны Учредительное Собраніе въ связи съ назначеніемъ Воронцова-Дашкова и созывомъ сословныхъ представителей; демократическая республика и другія формы правленія. — Передъ обсужденіемъ были сдѣланы доклады, которые мы считаемъ небезинтереснымъ сообщить.

Доклады за послѣдній мѣсяцъ. Чахотаурскій районъ. Въ районѣ три передовыхъ кружка и одинъ средній, отъ 100 до 200 человѣкъ. Было 20 собраній. Говорилось объ Учредительномъ Собраніи. Былъ одинъ майскій митингъ. Появились прокламаціи Алиханова, что никакого Комитета нѣтъ, и, слѣдовательно, не надо платить ему денегъ.

Озургетскій уѣздъ. Передовыхъ кружковъ нѣтъ, такъ какъ районная организація была завалена дѣлами, особенно земельнымъ вопросомъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ очень обострился. Разоружить народъ не удалось. Разбои уменьшаются. Грабежи, очевидно, организованы полиціей, такъ какъ направлены противъ магометанъ-гурійцевъ съ цѣлью вызвать столкновенія между ними и гурійцами. Чтобы освободить себя отъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ, есть проектъ учредить особую судебную инстанцію, такъ какъ нѣкоторые вопросы не могутъ быть рѣшены третейскимъ судомъ. Было пять собраній (150—200 чел.), гдѣ разъяснялась программа minimum. Въ городѣ Озургеты были собранія приказчиковъ и учениковъ. Передъ съѣздомъ на собраніи представителей обществъ и селъ (чел. 30) разъяснялся вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ.

Супсійскій районъ. Въ районѣ одинъ передовой кружокъ изъ 13 человѣкъ. Съ ними устроено пять собраній. Было девять массовыхъ собраній (отъ 60 до 300 чел.), разъяснялась программа minimum. Въ Микель-Габріельскомъ обществѣ было четыре собранія. Третейскій судъ введенъ въ обычай, но недовольство вызывается тѣмъ, что рѣшенія не приводятся въ исполненіе. Въ Джуматскомъ обществѣ (небольшомъ) судятъ представители кружковъ (40 чел.), образуя какъ бы гласную палату. Судъ происходитъ періодически каждые 15 дней. Это учрежденіе имѣетъ уставъ.

Баховскій районъ. Послѣ января было два собранія. Рѣшенія третейскихъ судовъ не приводятся въ исполненіе. Такъ буржуазіей. У насъ, въ Россіи, судъ служитъ тѣмъ же цѣлямъ поддержки государственнаго строя, строя, осужденнаго не конспиративными кружками, не только открыто дѣйствующимъ комитетомъ Р. С.-Д. Р. П., но и всѣми слоями населенія и особенно громко послѣ событій 9 января... Да, судъ у насъ гноится язвами государственной организаціи!.. Можно ли довѣрчиво относиться къ такому суду? На этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ — отрицательный: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Можно ли вѣрить въ силу судебнаго, хотя бы и вашего рѣшенія? Я не вѣрю! За моей спиной произволъ, разстрѣлъ мирныхъ обывателей, охранный „порядокъ“, бюрократическое „усмотрѣніе“, а впереди меня — „губернское совѣщаніе“, административное усмотрѣніе, административная ссылка и опять таки разстрѣлъ обывателей! Кто поручится мнѣ въ томъ, что даже вашъ приговоръ — каковъ бы онъ ни былъ — сохранится въ силѣ? Никто! Нѣтъ гарантій, нѣтъ законности, а лишь одинъ произволъ! Приведу два ближайшихъ, имѣющихъ отношеніе къ политическимъ дѣламъ, примѣра: наблюдающій за производствомъ дознанія долженъ только наблюдать за правильностью, отнюдь не смѣшивая свою роль „наблюдающаго“ съ ролью производящаго дознаніе. Ничего подобнаго! Тов. прок. Коровинъ, гдѣ ему было только доступно, подвизался на иныхъ роляхъ и прибѣгалъ къ различнымъ пріемамъ, въ цѣляхъ полученія „нужныхъ“ ему свѣдѣній... Вспомнимъ только дѣло [illegible]русса, котораго онъ продержалъ 7 мѣсяцевъ и, если безрезультатно, то не вслѣдствіе порядочности Коровина! Другой примѣръ: рядомъ со мной, въ камерѣ № 9, содержался нѣкто *Минскій*[1]) когда я спросилъ его, за что онъ арестованъ (былъ, правда, наивный вопросъ: за что арестуютъ!), онъ отвѣтилъ, „не знаю“, а когда я о томъ же спросилъ тов. прок. Коровина, обходившаго тюрьму, то тотъ сказалъ, что Минскій будетъ освобожденъ и что онъ вызывается только въ качествѣ свидѣтеля... И это оказалось правдой. Минскій былъ освобожденъ и *высланъ* изъ Иркутска, а, читая дѣло, я убѣдился, что Минскій былъ *только* свидѣтелемъ! Въ странѣ, гдѣ свидѣтели содержатся въ тюрьмѣ, нѣтъ и не можетъ быть довѣрія къ суду, а есть ненависть къ строю его породившему, и сознаніе необходимости его свергнуть... И вотъ, становясь въ ряды соціальдемократической рабочей партіи, я боролся противъ самодержавія и, тѣмъ самымъ, противъ органовъ, его поддерживающихъ. В[illegible] не [illegible] своего дѣла, я отказываюсь отъ защитника и отъ какого бы то [illegible] участія въ дѣлѣ“.

---

[1] Надо отмѣтить, что не всѣ даже сотрудники „Пролетарія“ дерзаютъ проводить эту „идею“: такъ, въ сообщеніи изъ Одессы въ № 7 говорится, что убитый на „Потемкинѣ“ тов. Омельчукъ „былъ членомъ „Крымскаго Союза“ *нашей* партіи“. Какой партіи, собственно? Вѣдь, Крымскій Союзъ и его тысяча организованныхъ матросовъ тоже поставлены вами „*внѣ партіи!*“

Приговоръ палаты [illegible] Д. Ф[illegible] приговоренъ къ 6 г., Ан. Левентонъ къ 5 [illegible] Т. Федеева и Андрей Знаменскій на годъ. В[illegible] приговорѣ, вопреки желанію палаты, [illegible] что противъ А. Знаменскаго и [illegible]

Этотъ приговоръ палата, перешедшая отъ ссылки на вѣчное поселеніе къ крѣпостному заключенію, [illegible] и гуманнымъ и объясняетъ „смягченіе“ „вреднымъ на подсудимыхъ вліяніемъ...“ Чье же вліяніе? Не самодержавія ли? [illegible] всѣмъ обвиняемымъ примѣняется манифестъ отъ 11 августа (скидка ⅓). А пока [illegible] въ корридорѣ суетился [illegible] Никольскій [illegible] выстроила [illegible] рота [illegible] полуэскадронъ [illegible] разбора дѣла [illegible] состоялась [illegible] вечеромъ [illegible] разогнанный [illegible] скаго. [illegible] полиціймейстеръ [illegible] нашихъ [illegible] надѣяться, что [illegible] то и жандармы [illegible] Будемъ ждать! [illegible] освобожд[illegible] Передъ [illegible] врачъ), [illegible] лась отъ показаній [illegible] въ качествѣ свидѣтеля [illegible] „Узнаете“. Теперь [illegible] „романовцевъ“ [illegible] солдатъ — еще не судился [illegible] не судился), Ананій М[illegible], [illegible] Деслеръ, Давидъ [illegible], [illegible] Павелъ Розенталь, Антонъ [illegible] Джонца [illegible] Анатолій [illegible] Дмитрій и Тат[illegible] Федеевы и Е[illegible] [illegible] палатой [illegible] очень [illegible] въ дѣлѣ [illegible] привела мотивы [illegible] бывшія [illegible] прославившій [illegible] ренія стачечниковъ [illegible] качествѣ члена палаты [illegible] хвастался примѣненіемъ [illegible] наказанія. Т[illegible] портфель [illegible] и показывает[illegible]

---

[1]) Рѣчь идетъ [illegible] Ма[illegible] этапнаго офицера [illegible]

ИЗЪ ПАРТІИ

Въ фельетонѣ [illegible] „Третій [illegible]“ [illegible] „Пролетарій“ [illegible] признана [illegible] Гусевымъ и Б[illegible] совѣтуемъ [illegible] намъ“ [illegible]

Начавъ [illegible] должаетъ:

„Въ настоящее время мы можемъ сообщить [illegible] лишь нѣкоторыя свѣдѣнія [illegible] отъ партіи меньшинства [illegible] письмо въ „Лигу“ [illegible] проса первую — [illegible] вторыхъ — передать партійное имущество Ц. К-ту. Отвѣта ни отъ одного изъ нихъ не послѣдовало. Но [illegible] ли отъ [illegible] пользовались партійной типографіей и [illegible] складомъ, получать деньги [illegible] отъ заграницы вообще, но дать отчетъ партіи въ употребленіи партійнаго имущества и расходованіи партійныхъ средствъ они не пожелали. Комментировать такое поведеніе мы считаемъ излишнимъ“.

Если въ *печати* помѣщаются такія заявленія, то чего можно ожидать отъ устныхъ сообщеній! Не будетъ нисколько удивительно если мы вскорѣ узнаемъ, что, по разсказамъ агентовъ того господина, который написалъ эти строки, товарищи, „не пожелавшіе сдать отчета въ расходованіи имущества“ пріобрѣли роскошную виллу и даютъ ежедневно балы! Вѣдь, помѣщалъ же „Впередъ“ заявленія о томъ, что Одесская Группа пріобрѣтаетъ досадное вліяніе на пролетаріатъ... путемъ *подкупа*! И нашлись наборщики, которые набирали это, нашлись „политическіе дѣятели“ и честные люди, *послѣ этого* санкціонирующіе резолюцію о благодарности группѣ „Впередъ“[1]!

Отвѣчать на приведенныя строки не приходится. Пусть тѣ, кто могъ написать ихъ своей грязной шваброй, если считаютъ поведеніе завѣдующихъ техникой и кассой неправильнымъ, пусть они обратятся къ международному третейскому суду, отъ котораго до сихъ поръ они уклонялись съ послѣдовательностью сознательно клевещущихъ трусовъ. Наши товарищи не уклонятся отъ такого суда и подчинятся его рѣшеніямъ. Кружокъ, избранный на подтасованномъ съѣздѣ, не имѣетъ никакихъ правъ на партійное имущество. Если „твердокаменные“ желаютъ разсматривать себя и насъ, какъ двѣ фракціи, возможно раздѣленіе всего партійнаго имущества, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Въ противномъ случаѣ, прежде чѣмъ говорить о „сдачѣ отчета“ техниковъ и кассировъ, нужно, чтобы вожди „твердокаменныхъ“ предварительно сдали партіи отчетъ о томъ, какъ они собрали свой такъ называемый съѣздъ. Въ нормально функціонирующей партіи слѣдствіе по этому поводу было бы достаточно, чтобы исключить нѣкоторыхъ виновниковъ изъ партіи.

Закончимъ однимъ указаніемъ: № 6 „Пролетарія“ подтверждаетъ вполнѣ значеніе рѣшеній съѣзда, на которое указало бывшее Восточное бюро Ц. К. (см. № 102 „Искры“): члены партіи, признавшіе съѣздъ, обязуются практиковать въ самой [illegible] формѣ „осадное положеніе“. Мы хорошо знаемъ состояніе партіи въ данный моментъ и беремся утверждать, что что бы ни кричали капитолійскіе гуси, засѣвшіе въ „Пролетаріи“, имъ „спасти отечества“ не удастся, имъ не удастся заставить своихъ товарищей въ Россіи вернуться къ горькому опыту 1903—4 годовъ. [illegible] напоминаніе объ обязанности „тащить и не пущать“ только нагляднѣе всего покажетъ „большевикамъ“ въ Россіи, что работать надъ сплоченіемъ и усиленіемъ партіи они смогутъ лишь при условіи, что будутъ *игнорировать* [illegible] положеніе [illegible] охраны [illegible] „сыскомъ“, и что [illegible] чертами [illegible] вождей изъ „Пролетарія“ [illegible] физіономіи [illegible] покойнаго „Впереда“.

Партійная реорганизація Гуріи. Съѣздъ гурійскихъ работниковъ 10, 11 и 12 мая 1905 г. Кардинальнымъ вопросомъ на съѣздѣ гурійцевъ 10, 11 и 12 мая былъ вопросъ о партійной реорганизаціи Гуріи. Поэтому, мы считаемъ нужнымъ представить краткій очеркъ исторіи Гурійскаго движенія и его организаціи. Начало движенія въ Гуріи относится къ лѣту 1902 года. Подъ вліяніемъ неурожая 1901 года и массы рабочихъ, [illegible] въ 1901 году изъ Батума, начинается стачка въ [illegible] Гуріи, носившая [illegible] стихійный характеръ. [illegible] батумскіе агитаторы. Они [illegible] точкой агитаціи [illegible] положеніе крестьянъ. Собирались [illegible] подбирая людей, массовки, однако, и [illegible] 600 человѣкъ. Народъ идеализир[illegible] называя ихъ людьми, [illegible] съ неба. [illegible] раздѣленіе въ кре[illegible] примыкала къ движенію [illegible] Гуріи [illegible] Гурійскій К[illegible] работать въ Гуріи [illegible] Манифестъ [illegible] программа [illegible] Гуріи. [illegible] комитетъ [illegible] Они организовывали кружки [illegible] и вели пропаганду, правда, [illegible] случайный характеръ [illegible] времени [illegible] кружки [illegible] Западной Гуріи [illegible] Западной Гуріи устраивались [illegible] 300 человѣкъ, другой въ Чхота[illegible] знаменемъ.

[illegible] октябрѣ 1903 года въ Чхотаурахъ была [illegible] первая демонстрація со знаменемъ новобранцами, человѣкъ 70. Эта маленькая демонстрація имѣла огромное моральное значеніе: она навела панику на администрацію, такъ какъ [illegible] администрація торжественно [illegible] репрессіями предотвратила [illegible] демонстраціи. Въ первыхъ числахъ января 1904 года былъ второй съѣздъ гурійцевъ. [illegible] отчетъ о дѣятельности Гурійскаго комитета, отчетъ о второмъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П. [illegible] программы Р. С.-Д. Р. П. Доклады [illegible] Ежедневная работа выражается въ агитаціи на массовыхъ сходкахъ отъ 150 до 1500 человѣкъ. Содержаніе агитаціи [illegible] результаты [illegible] правительственныхъ учрежденій [illegible] декабря 1904 года [illegible] выражается въ бойкотированіи правительственныхъ учрежденій и ихъ представителей [illegible] недоумѣннымъ“.

Второ[illegible] мая 1904 года было устроено майское празднованіе. Изъ Хидистави человѣкъ около 400 демонстративнымъ шествіемъ направились въ Чхотауры, откуда чхотаурцы должны были выйти навстрѣчу хидиставцамъ. (Хидистави и Чхотауры [illegible]) [illegible] стражники [illegible] и убили двухъ [illegible]

Такимъ образомъ, положеніе сильно обострилось [illegible] время [illegible] массовые аресты и высылки. Съ 2 [illegible] убито 11 [illegible]. Въ Гурію [illegible] Алихановъ съ 5000 [illegible] войсками.

Частная депутація является къ Малама съ предложеніемъ снарядить комиссію, которая на мѣстѣ выяснила бы причины безпорядковъ въ Гуріи. Въ результатѣ [illegible] Крымъ-Гирей, который и разъѣзжаетъ по Гуріи отъ 20 февраля до 10 марта. Наши товарищи воспользовались [illegible] свободы собраній, открыли интенсивную агитаціонную кампанію и дали бой самодержавію. Комиссія Крымъ-Гирея прогремѣла на всю Россію и писать о ней излишне. Крымъ-Гирей былъ отозванъ, и черныя тучи собрались на ясномъ небѣ Гуріи. Повсюду казаки и войска, народъ крайне возбужденъ. Столкновеніе казалось неизбѣжнымъ. Передъ гурійскими товарищами стояла задача удержать народъ отъ кровопролитія. Въ мартѣ былъ созванъ третій съѣздъ всѣхъ гурійцевъ; главнымъ вопросомъ была тактика по отношенію къ диктатурѣ Алиханова, а также вопросы о мобилизаціи и налогахъ.

Къ этому времени организація приняла такую форму: все мужское населеніе Гуріи дѣлится на десятки (кассовые кружки, вносящіе извѣстный взносъ въ организацію). Представители кружковъ (10 десятскихъ) выбираютъ изъ себя сотскихъ, а сотскіе выбираютъ представителей обществъ; представители обществъ (не изъ себя, такъ какъ они очень заняты дѣлами обществъ) выбираютъ районнаго представителя, чрезъ котораго сносится съ ними комитетъ. Представители обществъ и районный представитель составляютъ районную организацію (строго говоря, районныя организаціи не вездѣ составлялись одинаково; въ нѣкоторыхъ районахъ въ составъ ихъ входятъ и помощники представителей обществъ, помощникъ районнаго представителя и пропагандисты). Существовала организація районныхъ представителей, пользующихся правомъ совѣщательнаго голоса и собирающаяся по иниціативѣ комитета. Районныя организаціи часто бывали составлены изъ нежелательныхъ для организаціи элементовъ: въ нихъ выбирались лица зажиточныя, имѣющія свободное время, чтобы заниматься общественными дѣлами; въ составѣ ихъ находились даже кулаки и т. п. Эти организаціи совсѣмъ или крайне незначительно пріобщены были къ партійной жизни. На конференціи кавказскихъ комитетовъ, которая была въ началѣ апрѣля этого года, стоялъ на обсужденіи крестьянскій вопросъ; было отмѣчено, что гурійскіе товарищи слишкомъ много вниманія отдаютъ демократической агитаціи; что есть основаніе полагать, что крестьянское движеніе вообще, и гурійское въ частности, есть демократическое движеніе, и въ интересахъ закрѣпленія вліянія соц.-дем. необходимо создавать пропагандистскіе соціальдемократическіе кружки и произвести партійную реорганизацію въ предѣлахъ существующихъ демократическихъ организацій.

Для выработки этого плана комитетомъ былъ созванъ съѣздъ всѣхъ работниковъ Гуріи 10, 11 и 12 мая. На этомъ съѣздѣ и былъ принятъ слѣдующій организаціонный уставъ.

1. Комитетъ состоитъ изъ представителей районныхъ организацій, представителей организацій пропагандистовъ, агитаторовъ и литературной.

Примѣчаніе. Комитетъ можетъ кооптировать наиболѣе опытныхъ и теоретически подготовленныхъ товарищей, полезныхъ для успѣшности работы.

2. Если комитетъ многочисленъ по составу и по условіямъ мѣстной работы и не можетъ часто собираться, онъ выдѣляетъ изъ себя постоянную комиссію, которая ведетъ повседневную работу.

3. Представитель района является членомъ Комитета. 4) Районныя организаціи состоятъ изъ представителей обществъ, ихъ помощниковъ, районнаго представителя и его помощника, и пропагандиста. Примѣчаніе: помощники представителей обществъ, помощники районнаго представителя и пропагандисты пользуются правомъ рѣшающаго голоса. 5) Комитетъ принимаетъ рѣшенія въ вопросахъ, касающихся жизни всей Гуріи, только поставивъ ихъ на предварительное обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ партійныхъ организацій Гуріи. Примѣчаніе: въ экстренныхъ случаяхъ Комитетъ принимаетъ рѣшенія самостоятельно. 6) Каждая партійная организація можетъ поставить вопросъ на обсужденіе другихъ партійныхъ организацій (районныхъ, проп. и Ком.) и требовать его рѣшенія. 7) Районныя организаціи автономны въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. 8) Районныя организаціи имѣютъ рѣшающій голосъ въ партійныхъ вопросахъ и дѣлахъ, касающихся всей Гуріи. 9) Организація пропагандистская и агитат. состоитъ изъ всѣхъ пропаганд. и агитат. Гуріи. 10) Организація пропаганд. и агитаторовъ автономна въ дѣлахъ, касающихся ея внутренней жизни. 11) Организація пропаг. и агитат. *отчитывается* за работу всѣхъ членовъ. 12) Пропагандисты и агитаторы, незнакомые организаціи, кооптируются послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго стажа. 13. Организація пропаган. и агитат., наравнѣ съ другими организаціями, пользуется правомъ голоса въ партійныхъ вопросахъ и дѣлахъ, касающихся всей Гуріи. Орга[illegible] организація пропаг. и агитаторовъ собирается періодически, вырабатываетъ систему пропаганды и агитаціи, намѣчаетъ и разрабатываетъ темы для агитаціи и устанавливаетъ общую точку зрѣнія на данный вопросъ.

Слѣдующимъ вопросомъ былъ вопросъ о самоуправленіи. Вся административная, судебная и даже обыденная жизнь сосредоточена въ рукахъ организаціи, и, надо сознаться, она изнемогаетъ подъ тяжестью ея. Всѣ пропагандисты признаютъ, что ихъ непосредственная работа страдаетъ отъ того, что имъ приходится слишкомъ много времени удѣлять судебнымъ и другимъ дѣламъ. Третейскій судъ вошелъ въ обычай, но рѣшенія [illegible] часто не приводятся въ исполненіе. Репрессивной мѣрой признано быть на этомъ съѣздѣ „организованный“ бойкотъ, т. е. бойкотъ, условія котораго опредѣляются на собраніи всего общества. Народъ именно не привыкъ еще самъ управляться [illegible] воспитывать въ этомъ отношеніи. „Мы оставили правительство, говорятъ крестьяне, къ кому же намъ идти какъ не къ вамъ?“ Съѣздъ призналъ необходимымъ и вытекающимъ изъ нашей программы идейное руководство самоуправленіемъ, но чтобы не страдала соціальдемократическая работа, рекомендуетъ товарищамъ воздерживаться отъ непосредственнаго участія въ должностяхъ по самоуправленію.

Третьимъ пунктомъ обсужденія былъ вопросъ пропаганды и агитаціи. Что касается пропаганды, то признано было слѣдующее положеніе: раздѣлить все населеніе на двѣ части: одну небольшую будущихъ активныхъ членовъ партіи (подающихъ на то надежду) группировать въ кружки, гдѣ ведется систематическая пропаганда, на остальную воздѣйствовать на массовыхъ собраніяхъ путемъ *пропаганды* и агитаціи. Особенно напирали на то, что бесѣды даже съ массою должна носить характеръ пропаганды, больше воздѣйствовать на разумъ, чѣмъ на чувства, ибо въ агитаціи, какъ таковой, Гурія больше не нуждается. Темами, представляющими наибольшій интересъ для гурійцевъ были признаны Учредительное Собраніе въ связи съ назначеніемъ Воронцова-Дашкова и созывомъ сословныхъ представителей, демократическая республика и другія формы правленія. Передъ обсужденіемъ были сдѣланы доклады, которые мы считаемъ небезынтереснымъ сообщить.

Доклады за послѣдній мѣсяцъ. Чхотаурскій районъ. Въ районѣ три передовыхъ кружка и одинъ средній, отъ 100 до 200 человѣкъ. Было 20 собраній. Говорилось объ Учредительномъ Собраніи. Былъ одинъ майскій митингъ. Появились прокламаціи Алиханова, что никакого Комитета нѣтъ, и, слѣдовательно, не надо платить ему денегъ.

Озургетскій уѣздъ. Передовыхъ кружковъ нѣтъ, такъ какъ районная организація была завалена дѣлами, особенно земельнымъ вопросомъ. Въ послѣднее время этотъ вопросъ очень обострился. Разоружить народъ не удалось. Разбои уменьшаются. Грабежи, очевидно, организованы полиціей, такъ какъ направлены противъ магометанъ-гурійцевъ съ цѣлью вызвать столкновенія между ними и гурійцами. Чтобы освободить себя отъ мелкихъ судебныхъ дѣлъ, есть проектъ учредить особую судебную инстанцію, такъ какъ нѣкоторые вопросы не могутъ быть рѣшены третейскимъ судомъ. Было пять собраній (150—200 чел.), гдѣ разъяснялась программа minimum. Въ городѣ Озургеты были собранія приказчиковъ и учениковъ. Передъ съѣздомъ на собраніи представителей обществъ и селъ (чел. 30) разъяснялся вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ.

Супсійскій районъ. Въ районѣ одинъ передовой кружокъ изъ 13 человѣкъ. Съ ними устроено пять собраній. Было девять массовыхъ собраній (отъ 60 до 300 чел.), разъяснялась программа minimum. Въ Мкель-Габріельскомъ обществѣ было четыре собранія. Третейскій судъ введенъ въ обычай, но недовольство вызывается тѣмъ, что рѣшенія не приводятся въ исполненіе. Въ Джуматскомъ обществѣ (небольшомъ) судятъ представители кружковъ (40 чел.), образуя какъ бы гласную палату. Судъ происходитъ періодически каждые 15 дней. Это учрежденіе имѣетъ уставъ.

Баховскій районъ. Послѣ января было два собранія. Рѣшенія третейскихъ судовъ не приводятся въ исполненіе. Такъ какъ отчеты районныхъ представителей рукописные, то всѣ не вѣрятъ: требуютъ печатныхъ. Вопросы общественнаго характера разбираются коллегіально. Террористовъ абсолютно нѣтъ. Послѣ января было только два массовыхъ собранія. Женщины не особенно заинтересованы.

---

[1]) Надо отмѣтить, что не всѣ даже сотрудники „Пролетарія“ дерзаютъ проводить эту „идею“: такъ въ сообщеніи изъ Одессы въ № 7 говорится, что убитый на „Потемкинѣ“ т. Омельчукъ „былъ членомъ „Крымскаго Союза“ *нашей* партіи“. Какой партіи, собственно? Вѣдь, Крымскій Союзъ и его тысяча организованныхъ матросовъ тоже поставлены вами „*внѣ партіи*!“

Ланчхутскій районъ. До Пасхи былъ одинъ кружокъ передовыхъ; занимались десять дней; разбиралась соц.-дем. программа. Агитаціонныхъ собраній за послѣдній мѣсяцъ не было. Спросъ на женскіе кружки; массовыхъ женскихъ кружковъ десять. Пропагандистка одна. Рѣшенія третейскихъ судовъ не приводятся въ исполненіе.

Нигоэтскій районъ. Передовыхъ кружковъ нѣтъ. Было четыре собранія; говорили о программѣ minimum. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ третейскій судъ, уменьшилось количество дѣлъ; часто приговоръ не приводится въ исполненіе. Народъ требуетъ выбора судей на одинъ мѣсяцъ и апелляціи къ обществу. Въ этомъ обществѣ разногласія по поводу аренды. Нѣкоторыя села хотятъ продолжать забастовку. Женщины просятся въ кружки. Количество террористовъ уменьшилось (террористами назывались лица, защищавшія населеніе отъ нападенія полиціи и истреблявшія шпіоновъ). Прежде всякое террористическое дѣйствіе вызывало восторгъ; теперь же террористовъ не хотятъ знать, такъ какъ они начали разбойничать.

Хидиставскій районъ. Въ этомъ районѣ одинъ передовой кружокъ. Были агитаціонныя собранія; послѣднее — 9 апрѣля, до 16.000 чел.; говорилось объ учредительномъ собраніи; агитатору ставили вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ; агитаторъ уклонился отъ отвѣта, сказавъ слушателямъ, что этотъ вопросъ невозможно разъяснять на столь многолюдномъ собраніи, но что его можно выяснить въ передовыхъ кружкахъ. Что касается солдатъ, то мужское населеніе находится съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ. Русскіе солдаты туго поддаются воздѣйствію. Алихановъ обратилъ на близость солдатъ и населенія вниманіе, отмѣнивъ патрули изъ солдатъ и поставивъ патрули изъ казаковъ. Распространялись прокламаціи духовенства („Власти повинуйтесь") но никто ихъ не читалъ. Другихъ партій въ Озургетахъ и въ остальныхъ районахъ нѣтъ.

Чахотаурской организаціи поручено собрать статистическія данныя о третейскихъ и другого рода судахъ и рѣшеніяхъ, удачныхъ и неудачныхъ.

Послѣ этого съѣзда было два собранія пропагандистовъ и агитаторовъ: одно 24 мая, другое 6 іюня; изъ отчетовъ выяснилось, что въ Ланчхутѣ за этотъ періодъ было семь собраній отъ 50 до 900 человѣкъ; говорилось на намѣченныя темы; на послѣднемъ собраніи былъ диспутъ съ националистомъ. Было одно собраніе съ сельскими представителями, говорилось о большинствѣ и меньшинствѣ. — Чахотаурскій районъ. Было 17 собраній отъ 100 до 600 человѣкъ. Говорилось на разныя темы. Существуютъ три пропагандистскихъ кружка. — Озургетскій районъ. Семь собраній отъ 100 до 1.000 чел.; программа minimum демократическая республика. — Нигоитскій: два собранія отъ 300 до 1.500 чел. Говорили объ учредительномъ собраніи; одно собраніе представителей кружковъ; вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ. — Хидиставскій районъ. 13 собраній отъ 200 до 300 чел.; программа maximum и minimum. Бахвскій районъ 12 собраній отъ 10 до 200 человѣкъ. Пропагандистъ нашелъ нужнымъ прямо говорить на тему: „Что такое соціальдемократія", такъ какъ этотъ районъ сравнительно зажиточный и населеніе менѣе воспріимчиво къ соц.-дем. пропагандѣ. Такъ какъ теперь сезонъ полевыхъ работъ, то правильная пропагандистская работа еще не началась; однако, вездѣ сорганизовываются пропагандистскіе кружки и подбираются элементы для будущихъ районныхъ организацій.

Резолюція Союза Бакинскихъ рабочихъ.

Собраніе организованнаго ядра Союза Бакинскихъ рабочихъ. Собраніе, избранное всеобщей [illegible] Биби-Эйбатскихъ рабочихъ). [illegible] организація Балаханскихъ и Биби-Эйбат[illegible] въ числѣ 75 человѣкъ, обсудивъ вопросъ о только что состоявшемся съѣздѣ фракціи такъ называемаго „большинства", единогласно приняло слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе, что созывъ съѣзда былъ организованъ по иниціативѣ группы „Впередъ", вопреки волѣ всего почти организованнаго россійскаго пролетаріата; что созывъ и подборъ участниковъ съѣзда является грубой подтасовкой и, въ полномъ смыслѣ слова, подложнымъ представительствомъ рабочихъ организацій (какъ напр. было съ Кавказскимъ Союзомъ, Николаевскимъ комитетомъ и т. д.); что незначительная часть партіи подъ руководствомъ группы буржуазныхъ радикаловъ присвоила себѣ права всей партіи, и съѣздомъ, повидимому, стремилась закрѣпить за собой эти права; что организаціонный комитетъ обманулъ довѣріе тѣхъ, кто полагался на его заявленія, что съѣздъ созывается въ цѣляхъ объединенія, а не окончательнаго раскола, какъ предсказывало „меньшинство"; что участники съѣзда опозорили себя въ глазахъ всѣхъ добросовѣстныхъ партійныхъ работниковъ лживыми по существу резолюціями о дѣятельности „Искры" и „Впереда",

Собраніе, подтверждая свое прежнее отношеніе къ созыву съѣзда по существу, выражаетъ свое негодованіе участникамъ его, признаетъ названіе съѣзда „партійнымъ" недѣйствительнымъ и рѣшенія его ни для кого не обязательными.

Что касается той незначительной части рабочихъ и искренне заблуждающихся партійныхъ работниковъ, которые сегодня еще идутъ за Ленинымъ и его друзьями, то мы выражаемъ свою твердую увѣренность, что скоро они будутъ съ нами. Выражая свое полное довѣріе Совѣту партіи и плодотворному руководству „Искры", мы привѣтствуемъ состоявшуюся по ихъ иниціативѣ конференцію, какъ первый починъ въ дѣлѣ искренняго сплоченія партіи и правильной постановки вопроса о реорганизаціи партіи снизу вверхъ. Собраніе организованнаго ядра организаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ, входящаго автономною частью въ Союзъ Бакинскихъ рабочихъ, единогласно присоединяется къ настоящей резолюціи.

Донецкій районъ (Изъ письма товарища). Группы въ Юзовѣ, Бахмутѣ, Енакіевѣ и Маріуполѣ одобрили дѣйствія делегатовъ „меньшинства" по отношенію къ „съѣзду", также какъ и организаціонный проектъ, выработанный конференціей. Резолюціи тактическія также приняты почти всѣми: только въ Бахмутѣ два члена группы высказались за участіе во временномъ правительствѣ. Въ Бахмутѣ докладъ о съѣздѣ и конференціи читался на двухъ собраніяхъ периферійныхъ работниковъ (30 человѣкъ). Первое собраніе обсуждало вопросъ, должны ли были делегаты идти на съѣздъ? Собраніе отвѣтило отрицательно. На второмъ собраніи обсуждали оба организаціонныхъ устава. При чтеніи „большевистскаго" устава раздавались возгласы: „ого! самодержавіе!"

Въ Енакіевѣ на периферійномъ собраніи участвовало 13 человѣка, въ Маріуполѣ—30. Въ общемъ уставъ одобренъ всѣми собраніями. Предстоитъ обсужденіе по пунктамъ. Былъ поднятъ вопросъ (въ Маріуполѣ) о порицаніи тѣмъ комитетамъ „меньшинства", которые избрали делегатовъ на „съѣздъ", не спросясь периферіи. Предложеніе не встрѣтило сочувствія.

Здѣсь образовался „съѣздъ шахтеровъ". На мой вопросъ, изъ кого онъ будетъ состоять, мнѣ основатели отвѣтили: „изъ штейгеровъ, инженеровъ, студентовъ, пріѣзжающихъ на практику". До сихъ поръ организаторы помогали только адресами, деньгами и т. д. Несомнѣнно, мы имѣемъ передъ собой демократическую организацію, хотя и съ марксистской фразеологіей.

Гейдельбергская секція заграничной лиги русской революціонной соціальдемократіи, обсудивъ настоящее положеніе дѣлъ въ Партіи, въ засѣданіи своемъ отъ 1 іюля (18 іюня) с. г. единогласно (7 голосами) постановила:

Въ виду того, что быстрое разложеніе русскаго абсолютизма интенсивнѣе, чѣмъ когда либо, требуетъ отъ пролетаріата и соціальной демократіи Россіи возможно полнаго единства въ борьбѣ за интересы международнаго соціализма, и принимая во вниманіе, что имѣющіяся въ партіи разногласія отнюдь не таковы, чтобы дѣлать необходимымъ продленіе существующаго раскола, секція обращается ко всѣмъ — независимо отъ фракціи — членамъ партіи и партійнымъ организаціямъ съ горячимъ призывомъ, отказавшись отъ фракціоннаго мѣстничества, литературнаго буквоѣдства и личныхъ счетовъ, направить всѣ свои усилія къ скорѣйшему возстановленію полнаго партійнаго единства.

Секція глубоко убѣждена, что полное объединеніе Партіи возможно лишь въ формѣ объединительнаго общепартійнаго съѣзда: 1) при непремѣнномъ участіи всѣхъ существующихъ въ обѣихъ фракціяхъ организацій; 2) на началахъ представительства не однихъ лишь комитетовъ, а возможно болѣе широкаго круга мѣстныхъ работниковъ и 3) при условіи предварительнаго обсужденія вопросовъ порядка дня съѣзда, по возможности, во всѣхъ партійныхъ организаціяхъ.

Необходимо, чтобы для подготовки объединительнаго съѣзда была какъ можно скорѣе образована особая комиссія изъ представителей обоихъ теченій, на подобіе комиссіи, подготовившей недавно такъ блестяще завершившееся объединеніе нашихъ товарищей во Франціи. Задача этой комиссіи должна заключаться 1) въ установленіи принципіальныхъ и практическихъ основъ объединенія; 2) въ выработкѣ порядка дня съѣзда и передачѣ его на обсужденіе партіи и 3) въ организаціи самого съѣзда.

Единственную гарантію скорости и полноты объединенія секція усматриваетъ въ немедленныхъ шагахъ къ согласованію работы обѣихъ частей партіи на мѣстахъ и въ соглашеніи обоихъ центровъ по вопросамъ значенія общепартійнаго, впредь до того, когда объединительный съѣздъ прекратитъ, наконецъ, фактически и формально злополучный двухлѣтній расколъ и положитъ начало дѣйствительно единой Р. С.-Д. Р. П.

Доводя черезъ посредство „Искры" и „Пролетарія" эту резолюцію до свѣдѣнія Партіи, секція убѣдительно проситъ всѣ партійныя учрежденія, организаціи и группы отозваться на нее, зоветъ всѣхъ искреннихъ друзей единства къ тѣсному сплоченію противъ, надо надѣяться, немногочисленныхъ уже въ Партіи сторонниковъ раскола во что бы то ни стало.

Да здравствуетъ единая Р. С.-Д. Р. П.!

Поправка къ поправкѣ. Въ № 4 „Пролетарія" неизвѣстно кѣмъ введена „поправка" въ резолюцію соц.-дем. студентовъ армянъ, отколовшихся отъ „Союза армянъ студентовъ въ Европѣ".

Въ „поправкѣ" говорится, что „Генчакисты" упоминаются рядомъ съ „дрошакистами" *по недоразумѣнію* и что въ принятой участниками конгресса резолюціи слово „генчакисты" не было. Мы, участники конгресса, недоумѣваемъ, во первыхъ, потому, что „поправка" къ *документу* з. коллективною подписью соц.-дем. делегатовъ и членовъ, участвовавшихъ на конгрессѣ, дѣлается анонимно, во-вторыхъ, потому, что лицо, внесшее „поправку", не знаетъ, повидимому, что резолюція эта подъ названіемъ „Манифеста", гдѣ упоминается и слово „генчакисты", впервые вышла отдѣльнымъ оттискомъ на армянскомъ языкѣ и до распространенія получала одобреніе всѣхъ соціальдемократовъ, участвовавшихъ на конгрессѣ, а, слѣдовательно, *о недоразумѣніи* не можетъ быть и рѣчи.

Если даже допустимъ, что среди студентовъ армянъ нѣтъ въ настоящее время „генчакистовъ", все таки объясненіе, приводимое въ „поправкѣ" неумѣстно, такъ какъ „генчакисты", какъ націоналисты, упомянуты *совершенно обдуманно*, имѣя ввиду близкое будущее.

Мы со своей стороны объявляемъ эту „поправку" фактически невѣрной и къ тому же, прибавляемъ, сдѣланной безъ вѣдома громаднаго большинства участниковъ конгресса и, быть можетъ, лицомъ, не участвовавшимъ прямо на конгрессѣ.

Члены и делегаты, участвов. на VI конгр. студ. арм. Европы.

Якутскъ. Резолюція товарищескаго суда. Обвиненія, возведенныя на Китаева въ крайней непорядочности, [illegible] — въ измѣнѣ протесту — въ преступленіяхъ, которыя будто бы были ими совершены во время плаванія первой лѣтней партіи 1904 года (партіи начальникомъ которой былъ Сикорскій, убитый тов. Минскимъ), комиссія, избранная на собраніи ссыльныхъ соціальдемократовъ Якутскаго округа, единогласно нашла совершенно неосновательными. Таковое рѣшеніе комиссіи санкціонировано собраніемъ 8 апрѣля 1905 г.

Данная резолюція является выводомъ изъ подробнаго доклада комиссіи, сдѣланнаго собранію.

Просимъ всѣ революціонныя изданія перепечатывать.

Некрологъ. Въ числѣ убитыхъ въ Одессѣ оказался тов. рабочій Николай Медвѣдевъ („Ѳедоръ"[1]), работавшій на кирпичномъ заводѣ... Это былъ одинъ изъ преданнѣйшихъ революціонеровъ рѣдкій товарищъ!

Миръ праху твоему, товарищъ-борецъ! Проклятье твоимъ убійцамъ!

Памяти товарища-солдата. 27-го апрѣля, въ памятные дни „военно-агитаціоннаго похода" нашихъ товарищей въ Ново-Александрійской казармѣ, былъ убитъ одинъ изъ нашихъ дѣятельнѣйшихъ товарищей-агитаторовъ. Тов. Буробинъ родился въ 1881 г. въ Тамбовской губ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ деревнѣ, и только за годъ до поступленія на военную службу крайняя нужда заставила его переѣхать въ Москву, гдѣ онъ работалъ на фабрикѣ. Въ 1902 г. онъ былъ взятъ на военную службу и тутъ впервые встрѣтился съ рабочимъ движеніемъ. Наши товарищи обратили на него вниманіе, занялись имъ и, агитируя, научили его читать и писать. Агитація попала на благодарную почву: Буробинъ, ознакомившись съ основами соціальдемократіи, началъ работать самостоятельно, организовалъ шесть кружковъ и велъ агитацію, какъ массовую, такъ и среди одиночекъ; вскорѣ онъ оказался представителемъ двухъ-сотъ организованныхъ солдатъ и, какъ таковой, былъ принятъ въ центръ военно-революціонной организаціи.

Незадолго до принятія въ центръ онъ былъ арестованъ вслѣдствіи провокаціи унтеръ-офицера Солнцева, но, въ виду того, что при обыскѣ у него ничего не нашли, онъ былъ освобожденъ изъ подъ ареста черезъ нѣсколько дней.

Погибъ Буробинъ настоящимъ героемъ. 27-го апрѣля, когда наши товарищи пробрались въ казармы и вели тамъ открытую агитацію, то въ погоню за ними былъ посланъ отрядъ казаковъ. Буробинъ съ горсточкой товарищей, предполагая, что это приближаются солдаты, вышелъ имъ на встрѣчу, надѣясь открытымъ проявленіемъ своихъ стремленій увлечь ихъ за собой. Когда ошибка была замѣчена — возвращаться ужъ было поздно, но можно было, пользуясь темнотой, скрыться. Буробинъ, однако, въ раздраженіи, не хотѣлъ уступить и, думая, что остальные солдаты пойдутъ за нимъ, началъ стрѣлять и пошелъ прямо на казаковъ, грозя имъ штыкомъ. Въ это время грянули выстрѣлы — и три пули попали въ Буробина. Раненый, онъ продолжалъ еще бѣжать съ крикомъ: „я еще живу, да здравствуетъ соціальдемократія!" Просвистѣла четвертая пуля — Буробинъ палъ мертвый. (Изъ z Pola Walki.)

Отчетъ о дѣятельности Крымскаго Союза за время съ 1 января по 1 мая 1906 года: Издано союзомъ 19 прокламацій въ количествѣ 232,00 экз. Распространено прокламацій Ц. К. и Одес. Гр. 15.000, брошюръ распространено 2,000 экз., №№ „Искры" 1.300 экз., №№ „Соціальдемократа", 650. За май мѣсяцъ издано 5 прокламацій въ количествѣ 36,200 экз. За январь — май (4 мѣс.) доходъ Крым. Союза составилъ 1356 руб. (въ томъ числѣ отъ Симфероп. орг. 646 р. 74 к., отъ Мелитопольск. 230 р.; отъ Керченской 180 р., отъ Ялтинской 185 руб., отъ Евпаторійской 15 р., отъ Ѳеодосійск. 55 р.). Расходъ — 1581 р. 38 к. (печатаніе прокламацій 608 р., помощь Севаст. ком. 249 р. 90 к., разъѣзды и развозка литературы 285 р., помощь Ѳеодос. и Евпатор. организаціямъ 81 р. 40 к., помощь товарищамъ 285 руб. 47 к., складъ 54 р. 30 к. и т. д.). Въ настоящее время въ составъ Крымскаго Союза входятъ 10 организацій въ городахъ: Севастополѣ, Симферополѣ, Мелитополѣ, Ѳеодосіи, Евпаторіи, Ялтѣ, Бердянскѣ, Геническѣ, Орѣховѣ, Керчи.

Вышли изданія: „Искры": 1) „Подымайтесь, солдаты!", 2) Первая побѣда революціи. **Петербургской группы**: 1) „Земцы лгутъ царю, царь лжетъ земцамъ" (8.000). 2) Резолюція рабочихъ по поводу земской депутаціи къ царю (8.000), 3) „Граждане, отбросьте ваши сомнѣнія" (по поводу событій въ Лодзи — 4 000), 4) Къ запаснымъ (о мобилизаціи)" — 6 000, 5) Къ рабочимъ о мобилизаціи (20.000), 6) О стачкѣ квартиронанимателей на Обух. зав. 5 000, 7) Товарищи, защищайте ваши жилища! — 8.000. 8) Къ рабочимъ о лодзинск. соб. (3 000), 9) „Солдаты русской арміи и флота!" (5000), 10) Не царь, не земцы, а народъ. 11) Телеграммы изъ Батума и Ѳеодосіи (4.000), 12) Резолюція городскаго района о депутаціи земцевъ (3.000). **Екатеринославскаго комитета**: 1) Земцы и думцы у царя (12.000), 2) и 3) Бюллетени №№ 1 и 2 о событіяхъ въ Россіи, 4) Къ членамъ партіи (призывъ къ экстренному сбору въ виду новѣйшихъ событій), 5) Къ малярамъ (100). **Одесской группы**: 1) Съ кѣмъ идти крестьянамъ? (изъ № 5 „Соц.-Дем." — 5 000), 2) Къ обществу (отъ „общественной секціи" группы — 400), 3) Призывъ къ всеобщей стачкѣ 14 іюня, 4) Заявленіе матросовъ „Князя Потемкина" объ убійствѣ товарищ., 5) Воззваніе матросовъ „Потемкина" къ казакамъ и солдатамъ, 6) Ко всѣмъ гражданамъ (о бойнѣ 12 іюня). **Смоленскаго ком.**: 1) „Крестьяне, къ вамъ наше слово" (10 000). 2) „Солдатская памятка" (второе передѣланное изданіе (10000). 3) „Она началась — великая русская революція". — **Астраханскаго комитета**: 1) О гибели эскадры Рожественскаго (4 500), 2) Требованія бондарей (1 000). 3) Къ приказщикамъ (500). 4) Требованія приказщиковъ (500). 5) Къ жестянщикамъ (50), 6) „Полиція или милиція?" (изъ „Искры" — 160), 7) „Сказка о попѣ и чортѣ" (200), 8) Рабочій листокъ № 6, 9) Отчетъ Комит. за май (200). **Калужск. группы**: „Къ обществу" (2.500). **Московск. ком.**: 1) О пораженіи при Цусимѣ, 2) „Голосъ труда" (№ 4). **Нижегород.** соц. дем. крестьянск. группы (нынѣ вошла въ Нижегородскую группу „меньшинства"): „Крестьяне, къ вамъ наше слово!" (печ.). **Рижской группы.** „Миръ царя или миръ народа?" (3000), 2) „Съ царемъ противъ народа или съ народомъ противъ царя?" (4000). **Митавской гр.**: „Гибель флота и революція" (на нѣмецк. яз. и жаргонѣ — 150). **Донского ком.**: 1) Оружіе народу! 2) О союзахъ взаимопомощи, 3) Думскіе либералы и рабочіе (8 000). — **Донецкаго комитета** „Къ шахтерамъ" (8000). **Юзовской гр.** (Донецк. ком.): Резолюція по поводу „съѣзда". **Горловской гр.**: Воззваніе о необходимости борьбы. **Союза Бакинск. рабочихъ**: 1) Островъ Цусима (3.500), 2) Отъ стачки къ возстанію (3.500), 3) Рабочій листокъ № 3 4) Къ солдатамъ и ихъ матерямъ. **Харьковскаго ком.**: „Къ булочникамъ". **Керченской орг. Крымск. Союза**: 1) По поводу демонстраціи въ думѣ" (200), 2) Къ приказчикамъ. **Евпаторійской гр.** (Крым. С.): 1) Резолюція рабочихъ по поводу черной сотни, 2) Прокламація по этому же поводу. **Симферопольской орг.** (Кр. С.): Отчетъ по 1 мая. **Севастопольск. Комит.** (Крым. Союза) „Матросы и солдаты!" — отъ матросовъ-соціальдем., входящихъ въ Крымскій Союзъ 5.000). **Кубанскаго ком.**: 1) „Убійство мирныхъ жителей Ставрополя" (4.000), 2) Къ гражданамъ (1.000). **Ставропольск. гр.** (Куб. ком.): 1) Резолюція рабочихъ, прочитанная въ думѣ, 2) Письмо оратора — представителя рабочихъ, говорившаго въ думѣ, 3) Къ солдатамъ объ убійствахъ 7 іюня, 4) Резолюція рабочихъ по поводу этихъ убійствъ. **Армавирской гр.** (Куб. ком.): 1) Къ рабочимъ маслобойн. заводовъ (400), 2) Призывъ къ всеобщей забастовкѣ (600), 3) Къ гражданамъ (250), 4) Къ рабочимъ (400), 5) Къ казакамъ (300), 6) Къ приказщикамъ I (150), 7) Къ приказщикамъ II (220), 8) Къ приказщ. III (300), 9) Къ приказщ. IV (250), 10) Къ офицерамъ (100). 11) Резолюція 400 раб. Армавира (2.000), 12) О Ставропольской бойнѣ (480), 13) Къ сельскимъ рабочимъ (100). **Екатеринодарск. гр.** (Куб. ком.): 1) „Къ рабочимъ и работницамъ" (1.000), 2) По поводу избіенія демонстрантовъ (200). **Новороссійской гр.** (Куб. ком.): „Резолюція 250 раб. г. Новороссійска по поводу черной сотни" (печ.). **Иркутскаго ком.**: 1) Къ всеобщей стачкѣ (2.000), 2) Къ рабочимъ каменоломенъ (300), 3) Отчетъ за апрѣль (200), 4) Къ рабочимъ ремесл. мастерскихъ (500), 5) Въ единеніи сила (къ рабочимъ депо — 1.000), Солдатская памятка (4.000), 7) Летучій листокъ № 1. 8) Резолюція 45 рабочихъ ст. Мысовой противъ войны. Группы с.-д. **м. Копыля**: 1) Ко всѣмъ, 2) Къ крестьянамъ. **Украинскаго** соц.-дем. союза: 1) „Про еврейскій погромъ" (3.000), 2) Письмо 37 сельскихъ рабочихъ Сквирск. уѣзда. **Правобережной** громады этого союза листокъ къ крестьянамъ 150.

Общее количество зарегистрированныхъ здѣсь листковъ — около 230.000 экз.

Вышелъ № 8 „**Соціальдемократа**" и брошюры: 1) Конечная цѣль и ближайшія требованія и 2) „Долой произволъ и насиліе надъ гражданами!"

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Херсонъ. Изъ здѣшней тюрьмы освобождены: 20 января 1905 года братья Бали[illegible]анскіе Исаакъ (инж.) и Маркусъ (раб.), Я. Перельштейнъ (приказч.), Н. Пересвѣтовъ (инж.), Н. Стріеръ (приказч.), Н. Трайтель (приказч.). 6 марта: Абрамъ Эренбургъ (столяръ). 12 апрѣля: криворожцы (см. № 96 хронику): Браиловскій, Левитъ, Цинъ, Убмаскій, Татьяна Рейнишъ и Борисъ Рейнишъ. Къ 1 мая новаго стиля въ тюрьмѣ оставались до суда: Адамовъ, Скляръ и семь товарищей, привезенныхъ въ Херсонъ въ виду предстоящей сессіи Одесск. Судебн. Палаты. Въ херсонскихъ дѣлахъ, сгруппированныхъ жандармами въ два дѣла и названныхъ: „Дѣло перваго херсонскаго комитета" и „Дѣло второго Херсонскаго Комитета", явились провокаторами: Андроникъ, Мелашенко (раб.), Ѳедоръ Дымченко (приказчикъ); Симха и Моисей Коганы (добровольцы).

Въ селѣ Ключи Киренскаго уѣзда утонула политическая Хеся Ли[illegible]ская. Покойная была выслана на 3 г. въ Вост. Сиб. по дѣлу Рабочей библіотеки (1901 г.).

Бѣжала Лу[illegible]ова изъ Харьковской тюрьмы.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Das russische Hilfskomitee zu Bern, welches aus Vertretern verschiedener politischer Organisationen gebildet wurde, bestätigt hiermit den Empfang von 3049 Fr. samt 11,40 Fr. Zinsen, d[illegible] ihm vom Berner Komitee zur Unterstützung der Opfer der russischen Volksbewegung übermittelt worden sind. Gleichzeitig erlauben wir uns sowohl diesem Komitee als auch allen Spendern für diese materielle und, was uns noch viel wichtiger erscheint, für die moralische Unterstützung der freiheitlichen Bestrebungen in Russland, unsren wärmsten Dank auszusprechen. Die gesammelten Gelder werden zweck- und bestimmungsgemäss [illegible] den im Hilfskomitee vertretenen Organisationen verwendet. Zugleich bestätigt das Hilfskomitee den Empfang und di[illegible] bestimmungsgemässe Verteilung der von der Arbeiterunion erhaltenen 161.60 Fr. Das russische Hilfskomitee zu Bern.

Получено: изъ Болгаріи 41 фр., изъ Чикаго отъ гру[illegible] 103 фр., Peudle de Genève 70 фр. 45 с., изъ Берна отъ гру[illegible] 640 фр., на нужды возстанія 3 фр., для матросовъ „Потемк[illegible] 10 фр., отъ соц.-дем. партіи въ Нью Іоркѣ 398 фр. 75 с., [illegible] митинга въ Чикаго 50 дол., изъ Балтиморы 20 дол., отъ Кост[illegible] изъ Румыніи 300 фр.

Чайкѣ. Шифруйте лучше. Ничего почти не разобр[illegible] „Искра" посылается по всѣмъ адресамъ. **Ефиму.** Все получ[illegible] Пишите. Пришлите новый адресъ для писемъ (явку). [illegible] Все получаемъ. Пишемъ. **Сибирячкѣ.** Если вѣрно, что вы загр[illegible]ницей, отчего не откликаетесь? **Одесса.** Повидимому, все, [illegible] посланное, получено. Ждемъ, что матеріалы для брошюры [illegible]дутъ посланы и намъ.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27, Genève.

---

[1] Не Медвѣдскій, какъ сказано въ прошломъ № „Искры".

INTERNATIONAL BOOK STORE
A. WASSERMAN,
29 CLINTON ST. NEW YORK

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 105. 15-го іюля 1905 г. Годъ V

НЕ НАЧАЛО-ЛИ ПОВОРОТА?

Земскій либерализмъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить труды засѣданія только что закончившагося московскаго съѣзда. Впервые за все время своего долголѣтняго существованія онъ нашелъ въ себѣ мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на *европейски*-буржуазный ладъ.

Обольщаться этимъ результатомъ земской эволюціи, разумѣется, не приходится. Камни должны были заговорить; россійское купечество должно было зашевелиться; броненосцы — угрожать царскимъ крѣпостямъ, чтобы русскій либерализмъ сдѣлалъ минимумъ того, чего отъ него требовала прежде всего его собственная политическая выгода. Стать безповоротно на почву *конституціонализма* и проявить хотя бы небольшое желаніе *опереться на народъ* — это не было бы „преждевременно“ и годъ тому назадъ, и если бы земскій либерализмъ тогда уже сдѣлалъ это, позиція его была бы много выгоднѣе. Было ли бы это лучше для *революціи* — вопросъ другой.

Такъ или иначе, а либеральное движеніе сдѣлало на іюльскомъ съѣздѣ большой шагъ впередъ, и съ нимъ приходится отнынѣ считаться какъ съ факторомъ, пытающимся занять самостоятельное мѣсто въ *народной* борьбѣ, ведущейся противъ самодержавія.

Къ сожалѣнію, оффиціальныхъ отчетовъ о съѣздѣ у насъ не имѣется, и мы должны опираться только на свѣдѣнія, сообщаемыя иностранными корреспондентами.

Извѣстно, что земскій съѣздъ собрался, вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его. До 250 земскихъ и думскихъ представителей явилось въ Москву, не смотря на „запретительный циркуляръ“, разосланный по губернаторамъ. Вмѣшательство властей въ самыя засѣданія съѣзда окончилось [illegible] жалкимъ фіаско: земцы устояли передъ натискомъ полиціи, [illegible] самодержавная полиція не устояла передъ первымъ — со стороны вождей имущаго либерализма — серьезнымъ отпоромъ. И если Булыгинскій циркуляръ о „не пущаніи“ земцевъ и думцевъ въ Москву, очевидно, имѣлъ тотъ лишь результатъ, что съѣхались преимущественно *лѣвые* элементы земской массы, то Треповскій приказъ о распущеніи „незаконнаго собранія“, въ свою очередь, только окрасилъ занятія съѣзда въ болѣе „красный“ цвѣтъ, давъ земцамъ возможность дешевой цѣной получить „боевое крещеніе“. Въ результатѣ этихъ воздѣйствій правительства, іюльскій съѣздъ получилъ характеръ, выгодно отличающій его отъ прежнихъ. „Шиповцы“ сидѣли, набравъ въ ротъ воды, а въ лагерѣ конституціоналистовъ, царившихъ на съѣздѣ, оттѣнокъ Петрункевича взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе умѣренными оттѣнками.

Съѣздъ сурово высказался о проектѣ Булыгина. Сгоряча онъ даже отвергъ предложеніе бюро не „бойкотировать“ провозвѣщенную Государственную Думу, а участвовать въ выборахъ. Но затѣмъ, подъ давленіемъ того же бюро, онъ взялъ назадъ это рѣшеніе и постановилъ оставить вопросъ (объ участіи въ выборахъ) открытымъ до слѣдующаго съѣзда, имѣющаго быть экстренно созваннымъ по оффиціальномъ объявленіи о пожалованіи Россіи Булыгинской, съ позволенія сказать, конституціи.

Противорѣчіе въ голосованіяхъ по этому вопросу имѣетъ очень серьезное значеніе и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Политическая позиція, которую занялъ іюльскій съѣздъ, есть позиція конституціоналистскаго демократизма „освобожденцевъ“. Стоя на этой позиціи, необходимо кореннымъ образомъ отвергнуть Булыгинское „представительство“. Это и сдѣлали земцы. Но что представляетъ собой это самое представительство? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выводъ изъ того самаго „земскаго и городского самоуправленія“, на почвѣ котораго выросъ и развелся русскій либерализмъ, представленный на съѣздѣ. Отрицаніе „Булыгинской конституціи“ есть отрицаніе земскаго либерализма въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически, это есть крутой разрывъ со всей традиціей либеральной партіи. Традиціонный русскій либерализмъ привыкъ исходить отъ „земскаго положенія“ 1864 года въ своей тактикѣ и неизмѣнно возвращаться къ нему въ своихъ программныхъ требованіяхъ. Давно ли сами *либералы* не считали для Россіи пригоднымъ что бы то ни было, кромѣ принципа „всесословно“-цензоваго представительства, положеннаго въ основу этого Положенія? Давно ли слово „Земскій Соборъ“ являлось альфой и омегой ихъ политической программы? Если теперь на іюльскомъ съѣздѣ произошелъ этотъ разрывъ съ традиціей, если воплощенный въ проектѣ Булыгина (въ отдѣлѣ объ организаціи представительства) былой идеалъ самыхъ „передовыхъ“ земцевъ, если онъ нынѣ отшатнулъ отъ себя тѣхъ-же земцевъ, то въ этомъ интересномъ явленіи безпристрастный и вдумчивый наблюдатель замѣтитъ признакъ колоссальнаго роста *народной революціи*. *Она*, эта стихія великой русской революціи, оборвала пуповину, связывавшую русскій либерализмъ съ историческими традиціями просвѣщенной части дворянства, съ пресловутой „эпохой великихъ реформъ“. И тотъ, кому партійная близорукость не мѣшаетъ наблюдать дѣйствительность, не сможетъ не замѣтить въ этомъ воздѣйствіи революціонной стихіи, осмысливающее вліяніе работъ соціальдемократіи, которой удалось въ теченіе послѣдняго года сдѣлать *популярными* демократическія идеи и оформить то систематическое давленіе народныхъ массъ, которое учитывалось либералами на ихъ съѣздѣ. Идейную побѣду пролетаріата прежде всего знаменуетъ рѣшеніе іюньскаго съѣзда безповоротно отвергнуть Булыгинскую Думу.

Земцы увидѣли, что не только „сословно-бытовой“, но и „всесословно-земскій“ цензъ, въ данной исторической обстановкѣ, означаетъ сохраненіе всѣхъ прерогативъ самодержавія, означаетъ самаго худшаго сорта „мнимый конституціонализмъ“. Они увидѣли, наконецъ, то, что имъ говорили съ самаго начала соціальдемократы, и пришли къ всеобщему избирательному праву, какъ единственной гарантіи парламентаризма (разумѣется, по возможности, ограничивъ полноту его примѣненія въ своихъ конституціонныхъ проектахъ).

Но если, ставъ на эту дорогу, земскіе либералы могутъ спасти себя отъ растворенія въ реакціонной массѣ, противъ которой ведетъ свою борьбу русскій народъ, то этимъ шагомъ они — увы! — начали исторію своей ликвидаціи, какъ партіи *земской*.

За съѣхавшимися въ Москву представителями стоитъ плотная масса истинныхъ „людей земли“, довѣрившихъ имъ представительство своихъ *соціальныхъ* интересовъ. Эта плотная масса землевладѣльцевъ и городскихъ олигарховъ связана съ „всесословнымъ цензомъ“ и со всѣми, надстроенными на немъ, сословными неравенствами чѣмъ то болѣе прочнымъ, чѣмъ идеологическая привычка. Эти „люди земли“ кровными узами связаны съ пореформенной системой мѣстнаго самоуправленія, входящаго, какъ часть въ цѣлое, въ систему дворянской и помѣстной гегемоніи въ общественной жизни Россіи. Эти „люди земли“ проявили въ достаточной мѣрѣ свое умѣніе использовать свои политическія привилегіи, и исторія земскаго обложенія, земскихъ попытокъ регулированія крестьянскаго вопроса и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ ихъ умѣніи. Брошенная общественнымъ развитіемъ въ политическую оппозицію, эта земская масса, во многихъ своихъ интересахъ соціально-реакціонная, налагала на русскій буржуазный либерализмъ печать его до-нынѣшней анти-народности. Обостреніе политической борьбы, вызванное могучимъ ростомъ рабочаго движенія, заставляетъ политическую партію, стоящую во главѣ земствъ, разорвать узы, поработившія ее этимъ „людямъ земли“. Но тѣмъ самымъ конституціонная партія обрубаетъ тѣ корни, которые ее до сихъ поръ питали. И въ вопросѣ о тактикѣ, которую надлежитъ занять по отношенію къ выборамъ въ „Думу“, либералы нащупали эту свою бѣду.

Отстраниться отъ участія въ выборахъ въ Думу *въ данный моментъ*, когда они только еще *собираются* искать себѣ новую соціальную опору, — это значитъ *содѣйствовать* эмансипаціи „людей земли“ отъ политическаго руководительства ихъ донынѣшнихъ вождей. Это очевидно, какъ сама истина. Съ принятіемъ въ программу всеобщаго избирательнаго права, конституціоналисты перестали быть „земской“ партіей въ старомъ смыслѣ. Устраняясь отъ выборовъ въ Думу, они ту земскую массу, которая, по своимъ интересамъ, отнюдь не склонна отказаться отъ своей привилегіи, *толкаютъ* на образованіе новой, дѣйствительно земской партіи, которая не жертвовала бы *народному* движенію этими привилегіями. Если конституціоналисты проведутъ среди либераловъ бойкотъ при выборахъ въ Думу, они могутъ быть увѣрены, что большинство помѣщиковъ приметъ участіе въ этихъ выборахъ и заполнитъ Булыгинскій Ноевъ ковчегъ пресмыкающимися различныхъ породъ.

Тактика бойкота, вообще, трудно проводимая, можетъ удасться тогда лишь, когда соціальный классъ, представляемый партіей, прибѣгающей къ бойкоту, по внутренней логикѣ своего собственнаго развитія, революціонно идетъ въ ногу съ этой партіей. При такомъ условіи, умѣло проведенный бойкотъ „отцѣдитъ“ отъ массы, идущей за этой партіей, только безнадежно-отсталые элементы даннаго класса, неспособные ни къ какому политическому сплоченію. Другое дѣло тогда, когда партія, зовущая къ бойкоту, *вынуждена* была далеко *опередить* свой классъ по пути общественнаго движенія. Въ этомъ случаѣ объявленный ею бойкотъ долженъ привести къ тому, что оставитъ ее за бортомъ собственнаго класса, политическое сплоченіе котораго — но въ другую, чѣмъ желательно партіи, сторону — только выиграетъ отъ этой операціи. Въ такомъ именно положеніи находится теперь конституціоналистская партія.

Между тѣмъ, ея прошлая работа недаромъ дала ей постъ *оффиціальной* представительницы „земскихъ сословій“. Завоеванное долгой работой политическое положеніе можетъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемо партіей еще долго послѣ того, какъ начала исчезать связь соціальныхъ интересовъ между классомъ и партіей. Уже въ іюльскіе дни земскій съѣздъ не отражалъ объективно развивающихся тенденцій помѣстнаго землевладѣнія. Каждый новый шагъ по пути активной борьбы будетъ увеличивать это несоотвѣтствіе. И какъ нельзя болѣе заманчиво для политическихъ вождей либеральной партіи замедлить процессъ отраженія этого несоотвѣтствія въ сознаніи „людей земли“, продлить свою роль оффиціальнаго представителя земскихъ плательщиковъ, по прежнему имѣть въ своемъ распоряженіи вѣсъ ихъ соціальной мощи для борьбы съ „бюрократіей“. Но это достижимо лишь при перенесеніи доселѣ ведшейся въ земствахъ борьбы въ выборную агитацію при созывѣ Думы; лишь при укрѣпленіи на первыхъ выборахъ въ Думу связи между избирающей массой и донынѣшними избранниками, — связи, которая формально обречена порваться (для партіи въ цѣломъ, по крайней мѣрѣ). Вотъ почему вожди земскихъ либераловъ не могли не ощутить самаго живѣйшаго безпокойства, когда, увлекшись стремленіемъ сбросить съ себя „ветхаго человѣка“, земцы склонились къ бойкоту Думы. Вотъ почему они слѣдующимъ голосованіемъ уничтожили смыслъ прежняго голосованія.

Но, съ другой стороны, земцы недаромъ приняли — на минуту — это радикальное рѣшеніе. Строго говоря, принципіальная борьба съ Булыгинской Думой не подразумѣваетъ обязательнаго при выборахъ бойкота. Участіе въ выборахъ съ тѣмъ, чтобы „изнутри взорвать“ дрянное учрежденіе, не есть тактика оппортюнизма. Но, чтобы умѣло провести *такую* тактику, надо чувствовать за собой поддержку *народнаго довѣрія* — въ противномъ случаѣ, непремѣнно взорвешь свою собственную партію или, вѣрнѣе, приведешь ее къ внутреннему разложенію. А народное довѣріе пріобрѣтается только борьбой въ рядахъ народа. Между тѣмъ, до сихъ поръ съ народомъ земскіе либералы не имѣли ничего общаго и проявляли къ его революціонной самодѣятельности самое реакціонное отношеніе. Собираясь теперь ликвидировать эту полосу своего прошлаго, они видятъ, что не владѣютъ еще никакимъ капиталомъ народнаго довѣрія, за счетъ котораго можно было бы повести рискованную и сложную тактику завоеванія реакціоннаго по своей организаціи государственнаго учрежденія для превращенія его въ орудіе прогрессивнаго движенія. И, пожиная то, что они сѣяли своей прежней дѣятельностью, земцы не дерзаютъ высказаться за тактику участія въ выборахъ.

Въ результатѣ этихъ сомнѣній, съѣздъ отсрочилъ рѣшеніе вопроса.

Мы сказали — и въ этомъ мы видимъ историческій смыслъ рѣшеній съѣзда — что онъ положилъ начало ликвидаціи русскаго конституціонализма, какъ земско-помѣщичьей партіи. Другими словами, это значитъ начало созданія дѣйствительной *либерально-демократической* партіи *)

Неоднократно указывали мы въ „Искрѣ“ наличность въ либеральномъ русскомъ движеніи двухъ существенно различныхъ соціальныхъ элементовъ: помѣщичьей оппозиціи и разночинскаго демократизма. Мы указывали на то, что разрывъ установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы объективно-революціонный въ современной Россіи разночинскій демократизмъ могъ стать „становымъ хребтомъ“ широкаго *народнаго* (внѣпролетарскаго) движенія. Поэтому, мы призывали „третій элементъ“ къ самостоятельному отъ „земцевъ“ дѣйствію, бокъ о бокъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Поэтому, мы ставили движенію самого пролетаріата задачу оторвать отъ земско-либеральнаго „блока“ его лѣвое крыло, такъ усиленно приковывавшееся къ колесницѣ земскихъ тузовъ стараніями „освобожденцевъ“. Историческую задачу разночинной демократіи мы видѣли въ революціонизированіи и мобилизаціи отсталыхъ и стоящихъ внѣ сферы дѣйствія сознательнаго пролетаріата народныхъ массъ.

Дѣйствительное развитіе пошло нѣсколько въ иныхъ формахъ. Организаціи разночинцевъ успѣли (благодаря, конечно, своей нереволюціонной тактикѣ) сдѣлать слишкомъ мало для политической мобилизаціи народа. Въ то же время обостреніе борьбы пролетаріата съ царизмомъ создало политическое положеніе, въ которомъ умѣренный, вышедшій изъ земскихъ круговъ, конституціонализмъ долженъ былъ или задохнуться или взять на себя иниціативу движенія влѣво, не дожидаясь, пока его властно потянетъ туда его разночинный союзникъ. Попытку добровольно покончить съ собою (съ самыми благородными жестами) земскіе вожди сдѣлали 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ. Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупами у ногъ своего повелителя, но этому несчастному понадобилось удовлетворить свою самодержавную похоть, пнувъ ихъ лишній разъ сапогомъ. Послѣдовалъ пріемъ „истинно русскихъ“ людей. Этого не могли снести даже Трубецкой съ братіей. Съ береговъ Чернаго моря донеслись залпы „Потемкина“ — и конституціоналисты услыхали отъ иностранныхъ доброжелателей, что теперь имъ можно „мечтать“ даже о насильственномъ переворотѣ при помощи недовольнаго офицерства. И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ Петергофскаго самоуниженія, конституціонализмъ пытается снова возродиться въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ онъ отнынѣ можетъ жить, взявъ на себя ту иниціативу, которую не съумѣла взять демократическая интеллигенція. Опираясь на аппаратъ земской организаціи, собирать вокругъ своего знамени народъ — такова задача отнынѣ. Разрывая въ принципѣ съ „всесословнымъ земскимъ представительствомъ“, земскій конституціонализмъ становится конституціонализмомъ демократическимъ. *Аппеляція къ народу* — эти слова впервые раздались въ земскомъ лагерѣ.

Съ чѣмъ же земцы обратятся къ народу?

Они намѣрены организовать повсемѣстные митинги противъ Булыгинскаго проэкта; будутъ пропагандировать неповиновеніе тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя нарушаютъ основныя права гражданина (хотя бы эти дѣйствія и соотвѣтствовали буквѣ закона).

Это очень недурно. Но, берясь пропагандировать стачку гражданъ, необходимо поставить и вопросъ о *средствахъ* для веденія гражданами этой стачки.

Земскій съѣздъ посовѣтовалъ примѣнять „всѣ средства“, но уступать насилію. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли подниметъ сколько нибудь охоту гражданъ вступать въ прямую борьбу съ органами самодержавія и едва ли сколько нибудь умѣритъ рвеніе администраціи въ попыткахъ примѣненія произвольныхъ мѣръ. Сопротивленіе, поставившее самому себѣ принципіальную границу въ насиліи противника, сводится на нѣтъ простой готовностью противника примѣнять насиліе безъ всякой „крайней необходимости“. Что правительство Трепова обладаетъ такой готовностью, — въ этомъ едва ли сомнѣваются земцы. А если такъ, то ихъ призывъ къ сопротивленію не является призывомъ къ борьбѣ наступательной, къ борьбѣ, которая могла бы имѣть шансы *завоевать* Россіи свободу. „Пассивное сопротивленіе“, какъ это показалъ опытъ Финляндіи, можетъ, въ лучшемъ случаѣ, помѣшать введенію какихъ либо новыхъ острыхъ репрессій, но заставить измѣнить царящій вѣками порядокъ — оно не въ силахъ, ибо для того, чтобы разстроить въ конецъ государственную машину, оно должно дѣйствовать очень долгое время, въ теченіе котораго внесетъ страшный хаосъ въ жизнь самой націи. Собственно говоря, это самый *дорогой* для народа методъ совершенія революціи.

Рано или поздно, пассивное сопротивленіе наталкивается на предѣлъ, за которымъ наступаетъ необходимость сопротивленія „активнаго“, необходимость наступленія. И если земцы въ серьезъ вступятъ на путь противодѣйствія самодержавію, они придутъ къ этому предѣлу.

Земцы постановили идти въ народъ съ агитаціей. Они явятся на митинги и будутъ звать народъ не исполнять тѣхъ или иныхъ требованій власти. Что-же отвѣтятъ они на вопросъ народа: *нужно ли вооружаться* для отпора полиціи и хулиганамъ? продолжать-ли устраивать отряды самообороны? отказывать-ли въ квартирахъ казачьимъ командамъ, прибывшимъ для экзекуціи?

Вѣроятно, земцы отвѣтятъ на этотъ вопросъ отрицательно. На своихъ засѣданіяхъ они совершенно обошли молчаніемъ вопросъ объ организаціи сопротивленія, совершенно игнорировали поднятый въ стольких думахъ вопросъ объ организаціи городской милиціи. Болѣе того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержаніе полиціи и казаковъ. И въ разгаръ дебатовъ съѣзда газеты облетѣло позорное извѣстіе, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10.000 руб. на расквартированіе казаковъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что для содѣйствія освобожденія Россіи имущіе классы не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ „содѣйствовать соціальдемократіи въ дѣлѣ народнаго вооруженія“. Напротивъ, мы думаемъ, что буржуазія еще можетъ, а слѣдовательно, и должна многое сдѣлать въ дѣлѣ расшатки самодержавія вовлеченіемъ въ борьбу съ нимъ болѣе отсталыхъ слоевъ народныхъ массъ (особенно сельскихъ), не поддавшихся еще революціонному воздѣйствію „крайнихъ“ партій. Въ этомъ смыслѣ, одинъ фактъ перехода оффиціальныхъ организацій имущихъ классовъ къ борьбѣ *нелегальной*, хотя бы въ формѣ пассивнаго сопротивленія и крупныхъ политическихъ демонстрацій, будетъ имѣть крупное агитаціонное значеніе. И насъ нисколько не можетъ смущать то соображеніе, что, ведя въ народѣ такую агитацію, конституціоналисты-земцы будутъ вербовать себѣ недостающія имъ теперь *народныя массы*, становясь такимъ образомъ, непосредственными нашими политическими „конкурентами“. Политической конкуренціи либераловъ намъ [illegible] приходится бояться.

Но, чѣмъ болѣе дѣйствительно будетъ положительное значеніе обращенія земцевъ къ народу съ агитаціей, тѣмъ болѣе оно потребуетъ отъ нихъ выполненія второй задачи, лежащей на имущихъ классахъ — задачи вооруженія народа; тѣмъ чаще они сами явятся непосредственно отвѣтственными за тѣ лишнія жертвы, которыя народъ несетъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, благодаря отсутствію у него средствъ къ отпору. И объ этой отвѣтственности народъ обязанъ напомнить земцамъ, когда они явятся передъ нимъ въ роли кандидатовъ на „политическое руководство“. Если земцы не захотятъ — изъ боязни революціи — *помочь* народу вооружаться, все ихъ хожденіе „въ народъ“ окончится жалкимъ фіаско.

Соціальдемократическій пролетаріатъ озаботится о томъ, чтобы возможно скорѣе конституціоналисты увидѣли себя передъ этой дилеммой — или уйти отъ народа обратно въ „міръ банкетовъ и съѣздовъ“, или сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Другая задача сознательнаго пролетаріата — выступить передъ народомъ съ разоблаченіемъ недостаточности и реакціонности того представительства, которое будутъ пропагандировать земцы, согласно рѣшенію іюньскаго съѣзда. Двухпалат

---

*) Первый шагъ къ образованію такой партіи сдѣланъ лѣвыми земцами по окончаніи съѣзда. [illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

International Book Store
A. Wasserman,
29 Clinton St. New York

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 105. 15-го іюля 1905 г. Годъ V

НЕ НАЧАЛО-ЛИ ПОВОРОТА?

Земскій либерализмъ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія отмѣтить труды засѣданія только что закончившагося московскаго съѣзда. Впервые за все время своего долголѣтняго существованія онъ нашелъ въ себѣ мужество разорвать съ традиціями дворянской пореформенной оппозиціи и попытаться играть политическую роль на *европейски*-буржуазный ладъ.

Обольщаться этимъ результатомъ земской эволюціи, разумѣется, не приходится. Камни должны были заговорить; россійское купечество должно было зашевелиться; броненосцы — угрожать царскимъ крѣпостямъ, чтобы русскій либерализмъ сдѣлалъ минимумъ того, чего отъ него требовала прежде всего его собственная политическая выгода. Стать безповоротно на почву *конституціонализма* и проявить хотя бы небольшое желаніе *опереться на народъ* — это не было бы „преждевременно" и годъ тому назадъ, и если бы земскій либерализмъ тогда уже сдѣлалъ это, позиція его была бы много выгоднѣе. Было ли бы это лучше для *революціи* — вопросъ другой.

Такъ или иначе, а либеральное движеніе сдѣлало на іюльскомъ съѣздѣ большой шагъ впередъ, и съ нимъ приходится отнынѣ считаться какъ съ факторомъ, пытающимся занять самостоятельное мѣсто въ *народной* борьбѣ, ведущейся противъ самодержавія.

Къ сожалѣнію, оффиціальныхъ отчетовъ о съѣздѣ у насъ не имѣется, и мы должны опираться только на свѣдѣнія, сообщаемыя иностранными корреспондентами.

Извѣстно, что земскій съѣздъ собрался, вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его. До 250 земскихъ и думскихъ представителей явилось въ Москву, не смотря на „запретительный циркуляръ", разосланный по губернаторамъ. Вмѣшательство властей въ самыя засѣданія съѣзда окончилось жалкимъ фіаско: земцы устояли передъ натискомъ полиціи, самодержавная полиція не устояла передъ первымъ — со стороны вождей имущаго либерализма — серьезнымъ отпоромъ. И если Булыгинскій циркуляръ о „не пущаніи" земцевъ и думцевъ въ Москву, очевидно, имѣлъ тотъ лишь результатъ, что съѣхались преимущественно *лѣвые* элементы земской массы, то Треповскій приказъ о распущеніи „незаконнаго собранія", въ свою очередь, только окрасилъ занятія съѣзда въ болѣе „красный" цвѣтъ, давъ земцамъ возможность дешевой цѣной получить „боевое крещеніе". Въ результатѣ этихъ воздѣйствій правительства, іюльскій съѣздъ получилъ характеръ, выгодно отличающій его отъ прежнихъ. „Шиповцы" сидѣли, набравъ въ ротъ воды, а въ лагерѣ конституціоналистовъ, царившихъ на съѣздѣ, оттѣнокъ Петрункевича взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ болѣе умѣренными оттѣнками.

Съѣздъ сурово высказался о проектѣ Булыгина. Сгоряча онъ даже отвергъ предложеніе бюро не „бойкотировать" провозвѣщенную Государственную Думу, а участвовать въ выборахъ. Но затѣмъ, подъ давленіемъ того же бюро, онъ взялъ назадъ это рѣшеніе и постановилъ оставить вопросъ (объ участіи въ выборахъ) открытымъ до слѣдующаго съѣзда, имѣющаго быть экстренно созваннымъ по оффиціальномъ объявленіи о пожалованіи Россіи Булыгинской, съ позволенія сказать, конституціи.

Противорѣчіе въ голосованіяхъ по этому вопросу имѣетъ очень серьезное значеніе и на немъ слѣдуетъ остановиться.

Политическая позиція, которую занялъ іюльскій съѣздъ, есть позиція конституціоналистскаго демократизма „освобожденцевъ". Стоя на этой позиціи, необходимо кореннымъ образомъ отвергнуть Булыгинское „представительство". Это и сдѣлали земцы. Но что представляетъ собой это самое представительство? Ни болѣе, ни менѣе, какъ выводъ изъ того самаго „земскаго и городского самоуправленія", на почвѣ котораго выросъ и развился русскій либерализмъ, представленный на съѣздѣ. Отрицаніе „Булыгинской конституціи" есть отрицаніе земскаго либерализма въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически, это есть крутой разрывъ со всей традиціей либеральной партіи. Традиціонный русскій либерализмъ привыкъ исходить отъ „земскаго положенія" 1864 года въ своей тактикѣ и неизмѣнно возвращаться къ нему въ своихъ программныхъ требованіяхъ. Давно ли сами *либералы* не считали для Россіи пригоднымъ что бы то ни было, кромѣ принципа „всесословно"-цензоваго представительства, положеннаго въ основу этого Положенія? Давно ли слово „Земскій Соборъ" являлось альфой и омегой ихъ политической программы? Если теперь на іюльскомъ съѣздѣ произошелъ этотъ разрывъ съ традиціей, если воплощенный въ проектѣ Булыгина (въ отдѣлѣ объ организаціи представительства) былой идеалъ самыхъ „передовыхъ" земцевъ, если онъ нынѣ отшатнулъ отъ себя тѣхъ же земцевъ, то въ этомъ интересномъ явленіи безпристрастный и вдумчивый наблюдатель замѣтитъ признакъ колоссальнаго роста *народной революціи*. *Она*, эта стихія великой русской революціи, оборвала пуповину, связывавшую русскій либерализмъ съ историческими традиціями просвѣщенной части дворянства, съ пресловутой „эпохой великихъ реформъ". И тотъ, кому партійная близорукость не мѣшаетъ наблюдать дѣйствительность, не сможетъ не замѣтить въ этомъ воздѣйствіи революціонной стихіи, осмысливающее вліяніе работы соціальдемократіи, которой удалось въ теченіе послѣдняго года сдѣлать *популярными* демократическія идеи и оформить то систематическое давленіе народныхъ массъ, которое учитывалось либералами на ихъ съѣздѣ. Идейную побѣду пролетаріата прежде всего знаменуетъ рѣшеніе іюньскаго съѣзда безповоротно отвергнуть Булыгинскую Думу.

Земцы увидѣли, что не только „сословно-бытовой", но и „всесословно-земскій" цензъ въ данной исторической обстановкѣ означаетъ сохраненіе всѣхъ прерогативъ самодержавія, означаетъ самаго худшаго сорта „мнимый конституціонализмъ". Они увидѣли, наконецъ, то, что имъ говорили съ самаго начала соціалдемократы, и пришли къ всеобщему избирательному праву, какъ единственной гарантіи парламентаризма, разумѣется, по возможности, ограничивъ полноту его примѣненія въ своихъ конституціонныхъ проектахъ.

Но если, ставъ на эту дорогу, земскіе либералы могутъ спасти себя отъ растворенія въ реакціонной массѣ, противъ которой ведетъ свою борьбу русскій народъ, то этимъ шагомъ они — увы! — начали исторію своей ликвидаціи, какъ партіи *земской*.

За съѣхавшимися въ Москву представителями стоитъ плотная масса истинныхъ „людей земли", довѣрившихъ имъ представительство своихъ *соціальныхъ* интересовъ. Эта плотная масса землевладѣльцевъ и городскихъ олигарховъ связана съ „всесословнымъ цензомъ" и со всѣми надстроенными на немъ сословными неравенствами чѣмъ то болѣе прочнымъ, чѣмъ идеологическая привычка. Эти „люди земли" кровными узами связаны съ пореформенной системой мѣстнаго самоуправленія, входящаго, какъ часть въ цѣлое, въ систему дворянской и помѣстной гегемоніи въ общественной жизни Россіи. Эти „люди земли" проявили въ достаточной мѣрѣ свое умѣніе использовать свои политическія привилегіи, и исторія земскаго обложенія, земскихъ попытокъ регулированія крестьянскаго вопроса и рабочаго вопроса въ сельскомъ хозяйствѣ ярко свидѣтельствуетъ объ этомъ ихъ умѣніи. Брошенная общественнымъ развитіемъ въ политическую оппозицію, эта земская масса, во многихъ своихъ интересахъ соціально-реакціонная, налагала на русскій буржуазный либерализмъ печать его до-нынѣшней анти-народности. Обостреніе политической борьбы, вызванное могучимъ ростомъ рабочаго движенія, заставляетъ политическую партію, стоящую во главѣ земствъ, разорвать узы, порабощавшія ее этимъ „людямъ земли". Но тѣмъ самымъ конституціонная партія обрубаетъ тѣ корни, которые ее до сихъ поръ питали. И въ вопросѣ о тактикѣ, которую надлежитъ занять по отношенію къ выборамъ въ „Думу", либералы нащупали эту свою бѣду.

Отстраниться отъ участія въ выборахъ въ Думу *въ данный моментъ*, когда они только еще *собираются* искать себѣ новую соціальную опору, — это значитъ *содѣйствовать* эмансипаціи „людей земли" отъ политическаго руководительства ихъ донынѣшнихъ вождей. Это очевидно, какъ сама истина. Съ принятіемъ въ программу всеобщаго избирательнаго права, конституціоналисты перестали быть „земской" партіей въ старомъ смыслѣ. Устраняясь отъ выборовъ въ Думу, они ту земскую массу, которая, по своимъ интересамъ, отнюдь не склонна отказаться отъ своей привилегіи, *толкаютъ* на образованіе новой, дѣйствительно земской партіи, которая не жертвовала бы *народному* движенію этими привилегіями. Если конституціоналисты проведутъ среди либераловъ бойкотъ при выборахъ въ Думу, они могутъ быть увѣрены, что большинство помѣщиковъ приметъ участіе въ этихъ выборахъ и заполнитъ Булыгинскій Ноевъ ковчегъ пресмыкающимися различныхъ породъ.

Тактика бойкота, вообще, трудно проводимая, можетъ удасться тогда лишь, когда соціальный классъ, представляемый партіей, прибѣгающей къ бойкоту, по внутренней логикѣ своего собственнаго развитія, революціонно идетъ въ ногу съ этой партіей. При такомъ условіи, умѣло проведенный бойкотъ „отцѣдитъ" отъ массы, идущей за этой партіей, только безнадежно-отсталые элементы даннаго класса, неспособные ни къ какому политическому сплоченію. Другое дѣло тогда, когда партія, зовущая къ бойкоту, *вынуждена* была далеко *опередить* свой классъ по пути общественнаго движенія. Въ этомъ случаѣ объявленный ею бойкотъ долженъ привести къ тому, что оставитъ ее за бортомъ собственнаго класса, политическое сплоченіе котораго — но въ другую, чѣмъ желательно партіи, сторону — только выиграетъ отъ этой операціи. Въ такомъ именно положеніи находится теперь конституціоналистская партія.

Между тѣмъ, ея прошлая работа недаромъ дала ей постъ *оффиціальной* представительницы „земскихъ сословій". Завоеванное долгой работой политическое положеніе можетъ быть съ успѣхомъ эксплуатируемо партіей еще долго послѣ того, какъ начала исчезать связь соціальныхъ интересовъ между классомъ и партіей. Уже въ іюльскіе дни земскій съѣздъ не отражалъ объективно развивающихся тенденцій помѣстнаго землевладѣнія. Каждый новый шагъ по пути активной борьбы будетъ увеличивать это несоотвѣтствіе. И какъ нельзя болѣе заманчиво для политическихъ вождей либеральной партіи замедлить процессъ отраженія этого несоотвѣтствія въ сознаніи „людей земли", продлить свою роль оффиціальнаго представителя земскихъ плательщиковъ, по прежнему имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ ихъ соціальной мощи для борьбы съ „бюрократіей". Но это достижимо лишь при перенесеніи доселѣ ведшейся въ земствахъ борьбы въ выборную агитацію при созывѣ Думы; лишь при укрѣпленіи на первыхъ выборахъ въ Думу связи между избирающей массой и донынѣшними избранниками, — связи, которая формально обречена порваться (для партіи въ цѣломъ, по крайней мѣрѣ). Вотъ почему и жди земскихъ либераловъ не могли не ощутить самаго живѣйшаго безпокойства, когда, увлекшись стремленіемъ сбросить съ себя „ветхаго человѣка", земцы склонились къ бойкоту Думы. Вотъ почему они слѣдующимъ голосованіемъ уничтожили смыслъ прежняго голосованія.

Но, съ другой стороны, земцы недаромъ приняли — на минуту — это радикальное рѣшеніе. Строго говоря, принципіальная борьба съ Булыгинской Думой не подразумѣваетъ обязательнаго при выборахъ бойкота. Участіе въ выборахъ съ тѣмъ, чтобы „изнутри взорвать" дрянное учрежденіе, не есть тактика оппортюнизма. Но, чтобы умѣло провести *такую* тактику, надо чувствовать за собой поддержку *народнаго довѣрія* — въ противномъ случаѣ, непремѣнно взорвешь свою собственную партію или, вѣрнѣе, приведешь ее къ внутреннему разложенію. А народнее довѣріе пріобрѣтается только борьбой въ рядахъ народа. Между тѣмъ, до сихъ поръ съ народомъ земскіе либералы не имѣли ничего общаго и проявляли къ его революціонной самодѣятельности самое реакціонное отношеніе. Собираясь теперь ликвидировать эту полосу своего прошлаго, они видятъ, что не владѣютъ еще никакимъ капиталомъ народнаго довѣрія, за счетъ котораго можно было бы повести рискованную и сложную тактику завоеванія реакціоннаго по своей организаціи государственнаго учрежденія для превращенія его въ орудіе прогрессивнаго движенія. И, пожиная то, что они сѣяли всей прежней дѣятельностью, земцы не дерзаютъ вы качаться за тактику участія въ выборахъ.

Въ результатѣ этихъ сомнѣній, съѣздъ отсрочилъ рѣшеніе вопроса.

Мы сказали — и въ этомъ мы видимъ историческій смыслъ рѣшеній съѣзда — что они положили начало ликвидаціи русскаго конституціонализма, какъ земско-помѣщичьей партіи. Другими словами, это значитъ начало созданія дѣйствительной *либерально-демократической* партіи*.

Неоднократно указывали мы въ „Искрѣ" наличность въ либеральномъ русскомъ движеніи двухъ существенно различныхъ соціальныхъ элементовъ: помѣщичьей оппозиціи и разночинскаго демократизма. Мы указывали на то, что разрывъ установившейся между ними связи является первой предпосылкой для того, чтобы объективно-революціонный въ современной Россіи разночинскій демократизмъ могъ стать „становымъ хребтомъ" широкаго *народнаго* (внѣ-пролетарскаго) движенія. Поэтому, мы призывали „третій элементъ" къ самостоятельному отъ „земцевъ" дѣйствію, бокъ-о-бокъ съ революціоннымъ пролетаріатомъ. Поэтому, мы ставили движенію самому задачу оторвать отъ земско-либеральнаго „блока" его лѣвое крыло, такъ усиленно приковывавшееся къ колесницѣ земскихъ тузовъ стараніями „освобожденцевъ". Историческую задачу разночинной демократіи мы видѣли въ революціонизированіи и мобилизаціи отсталыхъ и стоящихъ внѣ сферы дѣйствія сознательнаго пролетаріата народныхъ массъ.

Дѣйствительное развитіе пошло нѣсколько въ иныхъ формахъ. Организаціи разночинцевъ успѣли (благодаря, конечно, своей нереволюціонной тактикѣ) сдѣлать слишкомъ мало для политической мобилизаціи народа. Въ то же время обостреніе борьбы пролетаріата съ царизмомъ создало политическое положеніе, въ которомъ умѣренный, вышедшій изъ земскихъ круговъ, конституціонализмъ долженъ былъ или задохнуться или взять на себя иниціативу движенія влѣво, не дожидаясь, пока его властно потянетъ туда его разночинный союзникъ. Попытку добровольно покончить съ собою (съ самыми благородными жестами) земскіе вожди сдѣлали 6-го іюня въ Петергофскомъ дворцѣ. Они лежали уже, казалось, полубездыханными политическими трупами у ногъ своего повелителя, но этому несчастному понадобилось удовлетворить свою самодержавную похоть, пнувъ ихъ лишній разъ сапогомъ. Послѣдовалъ пріемъ „истинно русскихъ" людей. Этого не могли спасти даже Трубецкой съ братіей. Съ береговъ Чернаго моря донеслись залпы „Потемкина" — и конституціоналисты услыхали отъ иностранныхъ доброжелателей, что теперь имъ можно „мечтать" даже о насильственномъ переворотѣ при помощи недовольнаго офицерства. И вотъ, черезъ мѣсяцъ послѣ Петергофскаго самоуниженія, конституціонализмъ пытается снова возродиться въ томъ единственномъ видѣ, въ какомъ онъ отнынѣ можетъ жить, взявъ на себя ту иниціативу, которую не съумѣла взять демократическая интеллигенція. Опираясь на аппаратъ земской организаціи, собирать вокругъ своего знамени народъ — такова задача отнынѣ. Разрывая въ принципѣ съ „всесословнымъ земскимъ представительствомъ", земскій конституціонализмъ становится конституціонализмомъ демократическимъ. *Аппеляція къ народу* — эти слова впервые раздались въ земскомъ лагерѣ.

Съ чѣмъ же земцы обратятся къ народу?

Они намѣрены организовать повсемѣстные митинги противъ Булыгинскаго проэкта; будутъ пропагандировать неповиновеніе тѣмъ дѣйствіямъ администраціи, которыя нарушаютъ основныя права гражданина (хотя бы эти дѣйствія и соотвѣтствовали буквѣ закона).

Это очень недурно. Но, берясь пропагандировать стачку гражданъ, необходимо поставить и вопросъ о *средствахъ* для веденія гражданами этой стачки.

Земскій съѣздъ посовѣтовалъ примѣнять „всѣ средства", но уступать насилію. Это очень благоразумно, конечно, но едва ли подниметъ сколько нибудь охоту гражданъ вступать въ прямую борьбу съ органами самодержавія и едва ли сколько нибудь умѣритъ рвеніе администраціи въ попыткахъ примѣненія произвольныхъ мѣръ. Сопротивленіе, поставившее самому себѣ принципіальную границу въ насиліи противника, сводится на нѣтъ простой готовностью противника примѣнять насиліе безъ всякой „крайней необходимости". Что правительство Трепова обладаетъ такой готовностью, — въ этомъ едва ли сомнѣваются земцы. А если такъ, то ихъ призывъ къ сопротивленію не является призывомъ къ борьбѣ наступательной, къ борьбѣ, которая могла бы имѣть шансы *завоевать* Россіи свободу. „Пассивное сопротивленіе", какъ это показалъ опытъ Финляндіи, можетъ, въ лучшемъ случаѣ, помѣшать введенію какихъ либо новыхъ острыхъ репрессій, но заставить измѣнить царящій вѣками порядокъ — оно не въ силахъ, ибо для того, чтобы разстроить въ конецъ государственную машину, оно должно дѣйствовать очень долгое время, въ теченіе котораго внесетъ страшный хаосъ въ жизнь самой націи. Собственно говоря, это самый *дорогой* для народа методъ совершенія революціи.

Рано или поздно, пассивное сопротивленіе наталкивается на предѣлъ, за которымъ наступаетъ необходимость сопротивленія „активнаго", необходимость наступленія. И если земцы въ серьезъ вступятъ на путь противодѣйствія самодержавію, они придутъ къ этому предѣлу.

Земцы постановили идти въ народъ съ агитаціей. Они явятся на митинги и будутъ звать народъ не исполнять тѣхъ или иныхъ требованій власти. Что же отвѣтятъ они на вопросъ народа: *нужно ли вооружаться* для отпора полиціи и хулиганамъ? продолжать-ли устраивать отряды самообороны? отказывать-ли въ квартирахъ казачьимъ командамъ, прибывшимъ для экзекуціи?

Вѣроятно, земцы отвѣтятъ на этотъ вопросъ отрицательно. На своихъ засѣданіяхъ они совершенно обошли молчаніемъ вопросъ объ организаціи сопротивленія, совершенно игнорировали поднятый въ столькихъ думахъ вопросъ объ организаціи городской милиціи. Болѣе того: они даже не обязали земства и думы перестать выдавать деньги на содержаніе полиціи и казаковъ. И въ разгаръ дебатовъ съѣзда газеты облетѣло позорное извѣстіе, что Нижегородская дума вновь ассигновала 10 000 руб. на расквартированіе казаковъ.

Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что для содѣйствія освобожденія Россіи имущіе классы не могутъ ничего сдѣлать, кромѣ какъ „содѣйствовать соціальдемократіи въ дѣлѣ народнаго вооруженія". Напротивъ, мы думаемъ, что буржуазія еще можетъ, а слѣдовательно, и должна многое сдѣлать въ дѣлѣ расшатки самодержавія вовлеченіемъ въ борьбу съ нимъ болѣе отсталыхъ слоевъ народныхъ массъ (особенно сельскихъ), не поддавшихся еще революціонному воздѣйствію „крайнихъ" партій. Въ этомъ смыслѣ, одинъ фактъ перехода оффиціальныхъ организацій имущихъ классовъ къ борьбѣ *нелегальной*, хотя бы въ формѣ пассивнаго сопротивленія и крупныхъ политическихъ демонстрацій, будетъ имѣть крупное агитаціонное значеніе. И насъ нисколько не можетъ смущать то соображеніе, что, ведя въ народѣ такую агитацію, конституціоналисты-земцы будутъ вербовать себѣ недостающія имъ теперь *народныя массы*, становясь такимъ образомъ, непосредственными нашими политическими „конкурентами". Политической конкуренціи либераловъ намъ всего приходится бояться.

Но, чѣмъ болѣе дѣйствительно будетъ положительное значеніе обращенія земцевъ къ народу съ агитаціей, тѣмъ болѣе это потребуетъ отъ нихъ выполненія второй задачи, лежащей на имущихъ классахъ — задачи вооруженія народа; тѣмъ чаще они сами явятся непосредственно отвѣтственными за тѣ лишнія жертвы, которыя народъ несетъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, благодаря отсутствію у него средствъ къ отпору. И объ этой отвѣтственности народъ обязанъ напомнить земцамъ, когда они явятся передъ нимъ въ роли кандидатовъ на „политическое руководство". Если земцы не захотятъ — изъ боязни революціи — вооружить народъ, всѣ ихъ хожденіе „въ народъ" окончится жалкимъ фіаско.

Сознательный пролетаріатъ озаботится о томъ, чтобы и на этомъ поприщѣ конституціоналисты увидѣли себя передъ такой дилеммой — или уйти отъ народа обратно въ „міръ банкетовъ и съѣздовъ", или сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ.

Другая задача сознательнаго пролетаріата — выступить передъ народомъ съ разоблаченіемъ недостаточности и реакціонности того представительства, которое будутъ пропагандировать земцы, согласно рѣшенію іюньскаго съѣзда. Двухпалат ная конституція съ монархомъ, имѣющимъ право veto и распоряжающимся арміей и флотомъ — таково это представительство. Пролетаріатъ долженъ со всей энергіей разъяснять широкимъ массамъ населенія отсталость такого представительства и его полную недостаточность для осуществленія тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя необходимы пролетаріату и крестьянству.

---

*) Первый шагъ къ образованію такой партіи сдѣланъ лѣвыми земцами по окончаніи съѣзда.

Земцы постановили — и это очень важное постановленіе — приглашать на свои будущіе контрессы представителей крестьянъ. Предложеніе приглашать представителей *рабочихъ организацій* они передали въ бюро. слѣдовательно, *не рѣшились его принять* (а, можетъ быть, не рѣшились и отвергнуть его). Въ этомъ рабочіе справедливо усмотрятъ аттестатъ своей политической зрѣлости, невольное признаніе, что въ приготовительномъ классѣ политической школы, какимъ пока являются „земскіе парламенты“. ихъ передовымъ элементамъ дѣлать нечего

Вмѣстѣ съ тѣмъ, земцы создали оффиціальную центральную организацію съ широкими полномочіями центра, установивъ обязательный налогъ со всѣхъ входящихъ въ организацію земствъ. Если они сумѣютъ связаться съ тѣми или другими народными слоями, земцы будутъ обладать крупной политической организаціей, способной сыграть замѣтную роль въ борьбѣ съ царизмомъ. Какъ ни малъ тотъ шагъ, который они нынѣ сдѣлали, онъ — если, конечно, они не поспѣшатъ взять его назадъ — долженъ будетъ втянуть ихъ въ острую борьбу съ самодержавіемъ. И вокругъ земскаго съѣзда уже носятся (преимущественно въ иностранной печати) толки о „временномъ правительствѣ“, о полной „изоляціи“ самодержавія, которую они проведутъ системой бойкота, стачки и пассивнаго сопротивленія. Если *въ данный моментъ*, когда земцы еще не нащупали почвы въ народѣ, такіе проекты могутъ представляться преждевременными, то, несомнѣнно, что бурное развитіе революціонныхъ событій можетъ ихъ завтра же сдѣлать совершенно реальными.

Пролетаріатъ можетъ только пожелать, чтобы представители имущихъ классовъ вступили рѣшительно на этотъ путь. Онъ можетъ только пожелать, чтобы и они, въ свою очередь, сдѣлали кое-что для вовлеченія націи въ острый конфликтъ съ силами реакціи, конфликтъ, который, разумѣется, не удастся разрѣшить однимъ „косвеннымъ сопротивленіемъ“, одной „изоляціей“ Николая Романова. И пролетаріатъ весь, какъ одинъ человѣкъ, поддержитъ революціонную иниціативу конституціоналистовъ, если они въ одинъ прекрасный день попытаются организовать временное правительство, которое взялось бы выполнить требованія народа, отвергаемыя монархіей. Конечно, поддержитъ, поставивъ свои условія, и во главѣ этихъ условій будутъ стоять: *разоруженіе реакціи, вооруженіе народа, созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія*. Попытка „пожаловать“ народу іюльскую двухпалатную конституцію съ однимъ монархомъ будетъ, разумѣется, встрѣчена пролетаріатомъ такой же борьбой, какъ и попытка Булыгина.

Стать въ глазахъ сознательной части народа *не только* людьми *партіи*, но и временнымъ органомъ государственнаго переустройства земцы смогутъ тогда лишь, когда во главу угла своей агитаціи поставятъ созывъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Пролетаріатъ, сказали мы, поддержитъ революціонную иниціативу. Но онъ ее поддержитъ только для того, чтобы *открыть эру революціи*, чтобы не дать остановить революціонный процессъ, чтобы не дать водвориться столь желательному для редактора „Освобожденія“ „сильному правительству“. Съ этого момента пути революціоннаго пролетаріата и либеральной буржуазіи разойдутся безповоротно.

Іюньскіе дни въ Черноморѣ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЪ „ИСКРУ“.

[illegible] Собра [illegible]

Революціонеры-матросы эскадреннаго броненосца „Князя Потемкина-Таврическаго“, принадлежащіе, многіе формально, а другіе фактически, къ Крымскому Союзу Р. С.-Д. Р. Партіи, шлютъ черезъ посредство редакціи „Искры“ товарищескій привѣтъ всему русскому пролетаріату Вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ со всѣми борцами за свободу Россіи мы глубоко сожалѣемъ о неполномъ успѣхѣ нашего революціоннаго предпріятія. Но мы смѣемъ увѣрить всѣхъ товарищей, что лишь непреодолимыя техническія трудности и абсолютная невозможность достать угля поставили насъ въ печальную и трагическую необходимость покинуть нашъ броненосецъ. Теперь мы остаемся больше, чѣмъ когда либо вѣрными дѣлу пролетаріата и свободы въ Россіи и выражаемъ полную готовность жертвовать своею жизнью по примѣру своихъ товарищей, павшихъ передъ Ѳеодосіей. Нашъ девизъ теперь, какъ и раньше, остается: „смерть или свобода для всей Россіи“.

Пользуемся этимъ случаемъ выразить нашу глубокую благодарность какъ товарищамъ изъ „Искры“, такъ и товарищамъ междупартійной комиссіи, составившейся изъ представителей обѣихъ соціальдемократическихъ фракцій, соціалистовъ-революціонеровъ и членовъ Бунда, а также всѣмъ иностраннымъ товарищамъ за ихъ чувства солидарности и за ихъ готовность помочь намъ въ настоящій критическій моментъ.

Да здравствуетъ россійскій пролетаріатъ!
Да здравствуетъ международный соціализмъ!
Да здравствуетъ всероссійская революція!

Евклидій Рѣзниченко, Степанъ Денисенко, Арсеній Самойленко, Иларіонъ Шестидесятый, Ѳедоръ Шевченко, Захарій Цимбалъ, Константинъ Савотченко, Никита Сиклинъ, Иванъ Захарченко. Ефимъ Брединхинъ, Николай Рыжовъ, Николай Хохряковъ, Андрей Петренко, Григорій Кулишовъ, Сидоръ Андросовъ, Борисъ Прохоровъ, Михаилъ Шенкаревъ, Тимофей Скребневъ, Иванъ Лычевъ, Александръ Макаровъ, Николай Алексѣевъ, Василій Куликъ, Никифоръ Добровольскій, Николай Алексѣевъ, Павелъ Коваленко, Василій Шишкаревъ, Григорій Антоновъ, Петръ Фесенко, Іосифъ Мартьяновъ.

Въ составъ комиссіи, управлявшей эскадреннымъ броненосцемъ „Князь Потемкинъ“, входили:

Находящіеся въ живыхъ: Денисенко, Матющенко, Шестидесятый, Рѣзниченко, Симковъ, Рыжовъ, Куликъ, Брединхинъ, Самойленко, Курыловъ, Скребневъ, Лычевъ, Овчаровъ, Костенко.

Убитые: Никишинъ, Заволошинъ, Цыркуновъ, Мартьяновъ, Вакуленчукъ.

(Настоящее письмо служитъ отвѣтомъ на слѣд. телеграмму, посланную нами тов. Раковскому въ Констанцѣ)

Женева, 8 іюля (25 іюня) 1905 г.

Передайте товарищамъ сердечное привѣтствіе и поздравленіе отъ имени русскаго пролетаріата. Вмѣстѣ съ нимъ, скорбимъ о неудачѣ смѣлаго подвига. Увѣрены, что слѣдующее возстаніе приведетъ къ цѣли.

Да здравствуетъ россійская республика! Да здравствуютъ революціонные матросы! Жмемъ руки товарищамъ героямъ.

Искра.

„КРАСНЫЙ“ ФЛОТЪ 1).

То, что произошло нѣсколько дней тому назадъ на Черномъ морѣ, потрясло не только всю Россію, но и переполошило весь цивилизованный міръ. Кажется, не было такой газеты во всей Западной Европѣ, которая не обсуждала бы такъ или иначе событій, вызванныхъ къ жизни революціоннымъ поведеніемъ русскаго броненосца „Князь Потемкинъ“. По истинѣ случай въ революціонной исторіи, не только Россіи, но и другихъ странъ, безпримѣрный. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ той громадной кучѣ лжи и правды, фактовъ и вымысловъ, которыми была переполнена какъ русская, такъ и иностранная пресса. Однако, истина прежде всего, а поэтому я, какъ очевидецъ и пережившій самъ всѣ перипетіи двѣнадцатидневной революціонной эпопеи „Князя Потемкина“, считаю своимъ долгомъ правдиво и сжато передать все то, что происходило передъ моими глазами

Какъ извѣстно, „Потемкинъ“, расправившись со своими офи- [illegible] прибылъ на Одесскій рейдъ. Описывать картину расправы матросовъ со своими непосредственными тиранами не буду такъ какъ думаю, что это лучше выполнитъ какой-нибудь другой товарищъ, присутствовавшій при этомъ. Скажу только кратко, что изъ всего офицерскаго состава были убиты 7 человѣкъ (командиръ *Голиковъ*, старшій офицеръ *Гиляровскій*, старшій врачъ *Смирновъ*, лейтенантъ *Неупоковъ*, лейтенантъ *Тонъ*, прапорщикъ *Ливенцовъ* и поручикъ *Григорьевъ*); всѣ они были выброшены въ море.

Всѣ остальные офицеры были арестованы, и ихъ участь должна была рѣшиться позднѣе. Изъ матросовъ было убито тоже нѣсколько человѣкъ по ошибкѣ, такъ какъ они, перепугавшись всего происходящаго, бросились вплавь къ берегу и ихъ съ судна приняли за офицеровъ и открыли по нимъ ружейный огонь.

Послѣ всего этого, „Потемкинъ“ пришелъ въ Одессу и утромъ 15, перенеся на берегъ трупъ любимаго своего товарища Вакулинчука (Омельчукъ не правильно), павшаго первымъ отъ деспотической руки старшаго офицера, выпустилъ печатное извѣщеніе о своей готовности примкнуть къ революціонной борьбѣ одесскаго пролетаріата и встать на его защиту.

Какую сенсацію произвело это извѣщеніе на возставшихъ уже одесскихъ рабочихъ и какія затѣмъ послѣдовали событія въ самомъ городѣ, уже, вѣроятно, сообщено въ нашу печать тамошними товарищами. На самомъ же суднѣ день 15 іюня протекъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего, конечно, необходимо было разрѣшить неотложные вопросы самостоятельнаго управленія броненосцемъ. Для этой цѣли были избраны всей командой изъ своей среды человѣкъ 20—25 товарищей, на обязанности которыхъ и лежало, какъ руководство всей дѣятельностью „Потемкина“, такъ и установленіе новыхъ внутреннихъ порядковъ на немъ. Такъ какъ отъ мѣстныхъ одесскихъ соціальдемократическихъ организацій были немедленно посланы представители для объединенія дѣйствій города и броненосца, то городскіе товарищи также были приглашены къ участію въ управляющую коллегію. Сначала ихъ было человѣкъ пять-шесть, но затѣмъ осталось только трое.

Планъ дѣйствій былъ выработанъ таковъ, что необходимо было сначала запастись съѣстными припасами, водой, углемъ и узнать намѣренія остальной эскадры. Послѣднее было въ высшей степени важно, такъ какъ по условію, состоявшемуся еще въ Севастополѣ, большая часть эскадры должна была сдѣлать у себя на суднѣ то же самое и присоединиться къ намъ. Приступать же къ рѣшительнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ намъ однимъ, имѣя врага и съ тыла и съ фронта, было больше, чѣмъ рискованно.

И такъ, рѣшено было наступательныхъ дѣйствій пока не вести. Почти цѣлый день прошелъ поэтому въ нагрузкѣ угля и съѣстныхъ припасовъ.

То и дѣло къ намъ подъѣзжали шлюпки съ рабочими, привѣтствовали насъ революціонными возгласами и передавали намъ гостинцы и всякую снѣдь.

Характерно то, что водки не было принято съ берега ни одной бутылки и всѣмъ, привозившимъ ее, заявляли, что теперь надо не водку пить, а свободу завоевывать.

Къ вечеру этого дня вдругъ на горизонтѣ показывается небольшое военное судно, идущее прямо къ намъ. Сначала немножко было насторожились, но потомъ оказалось, что это суденышко безвредное. По приближеніи его, нами былъ [illegible] приказъ „стать на якорь“ и „Вѣха“ остановилась и черезъ нѣсколько минутъ явился къ намъ на шлюпкѣ съ рапортомъ командиръ, но каково его было удивленіе и ужасъ, когда его встрѣтилъ, вмѣсто командира „Потемкина“, простой солдатикъ-матросъ и объявилъ ему, что онъ арестуется, и тутъ же стоявшій караулъ арестовалъ его немедленно и отвелъ подъ арестъ въ адмиральское помѣщеніе.

Остальные офицеры были вытребованы также съ „Вѣха“ и тоже подъ карауломъ были отведены въ адмиральскую

Здѣсь ихъ вкратцѣ ознакомили съ положеніемъ вещей и заявили, что отнынѣ трудъ и потъ народный, суда и корабли, должны служить интересамъ народа, а не противъ него, и что, поэтому, „Вѣху“ мы, какъ защитники народа, оставляемъ у себя. Господа же офицеры, какъ наемное слѣпое орудіе народнаго угнетенія, теперь совершенно здѣсь излишни. Послѣ этого съ нихъ были сняты погоны, оружіе, и они были свезены съ миромъ на берегъ, причемъ каждому изъ нихъ было дано по 100 рублей денегъ на дорогу.

„Вѣху“ же рѣшено было обратить въ госпитальное судно. Туда были перенесены всѣ больные и раненые и командированъ нами одинъ изъ врачей.

Вся остальная часть дня и вечеръ прошли въ совѣщаніяхъ, установкѣ новыхъ порядковъ и пр. Но на берегу, очевидно,

---

1) Авторъ принималъ самое активное участіе въ возстаніи.

Ко всѣмъ сознательнымъ товарищамъ рабочимъ!

(Письмо въ редакцію.)

Дорогіе товарищи! Свершилось, наконецъ, то, что наиболѣе дальновидные работники нашей партіи предвидѣли и предсказывали. Свершился, наконецъ, третій „съѣздъ“, который окончательно, — фактически и формально — раздѣлилъ нашу партію на два, враждебныхъ другъ другу, лагеря Теперь фактически нѣтъ единаго пролетаріата въ Россіи, организованнаго въ единую Россійскую Соціальдемократическую Партію, а есть пролетаріатъ одной партіи и другой. Теперь, границы формально единой партіи, въ которыхъ до сихъ поръ велась борьба между „большевиками“ и „меньшевиками“, — превзойдены, и она, т. е. борьба, съ санкціи III „съѣзда“, получаетъ полную силу, новые соки для дальнѣйшаго такъ называемаго, „законнаго“ ея веденія, и тѣмъ еще больше усугубляетъ ту пропасть, которую наши „партіотствующіе“, „болѣющіе за насъ, рабочихъ, сердцемъ“ руководители, успѣли вырыть за время послѣ II съѣзда внутри россійскаго пролетаріата. Теперь окончательно парализована *классовая* мощь и сила пролетаріата въ его дальнѣйшей поступательной борьбѣ съ отживающимъ царизмомъ. Теперь пролетаріатъ теряетъ свою организованную *цѣльность*, а, слѣдовательно, и самостоятельность и тѣмъ самымъ не въ силахъ будетъ оградить себя отъ всяческихъ поползновеній со стороны другихъ буржуазно-демократическихъ партій и фракцій — подчинять его своему вліянію. Словомъ, то, къ чему дѣйствительные піонеры самостоятельной пролетарской партіи въ Россіи такъ искренно стремились; то, что такъ завѣтно ими лелѣялось, а именно: организовать еще въ нѣдрахъ самодержавія *самостоятельную классовую борьбу* пролетаріата, и чтобы изъ борьбы за буржуазную революцію онъ вышелъ чистымъ и неопороченнымъ въ своихъ классовыхъ задачахъ и стремленіяхъ; — эти ихъ стремленія эта великая задача сейчасъ на пути своего осуществленія встрѣтилась съ такимъ громаднымъ препятствіемъ, которое вызываетъ опасенія не только за классовую чистоту дальнѣйшей борьбы россійскаго пролетаріата, но и за возможность и вѣроятность утери имъ той степени классовой самостоятельности, которую онъ успѣлъ уже себѣ пріобрѣсти и очутиться погруженнымъ въ буржуазно-демократическое болото.

Но неужели же, товарищи, мы и теперь, при такомъ выдающемся событіи въ нашей партіи, какъ и раньше, ограничимся благодушнымъ молчаніемъ и съ болью въ сердцѣ отдадимъ свою пролетарскую судьбу безжалостнымъ волнамъ стихіи? Неужели и это явленіе, это событіе не заставитъ насъ очнуться, оглядѣться вокругъ и постараться по мѣрѣ силъ нашихъ найти возможность во что бы то ни стало, бороться съ этой стихійностью за сохраненіе цѣлости нашего пролетаріата? Неужели такъ таки всѣ пути для этого заказаны? Нѣтъ, товарищи! Теперь очередь за нами; теперь должны мы, сознательные рабочіе, сказать свое вѣское слово по этому поводу. Иначе, вся отвѣтственность предъ рабочимъ классомъ Россіи за послѣдствія дѣяній его „руководителей“ всей своею тяжестью падетъ на насъ, на нашей совѣсти ляжетъ неизгладимое пятно.

И особенно теперь, когда близкій конецъ „самодержавной“ Россіи логикой событій заставляетъ новую — „буржуазную“ — Россію различныхъ оттѣнковъ и взглядовъ сгруппироваться, сплотиться въ единую силу для того, чтобы занять себѣ подобающее мѣсто въ будущемъ свободномъ россійскомъ государствѣ. Она навѣрно не преминетъ въ интересахъ своихъ уже и сейчасъ взять подъ свое *буржуазное* крылышко революціонно-настроенныя рабочія массы съ тѣмъ, чтобы потомъ съ большей возможностью и силой отбросить ихъ назадъ отъ участія въ политической жизни страны: — особенно, говорю, теперь, если мы, сознательная ихъ часть, не предпримемъ никакихъ шаговъ къ огражденію цѣльности и самостоятельности политики этихъ революціонныхъ массъ,—тогда это будетъ, товарищи, равносильно самому вопіющему преступленію съ *нашей* стороны. Я потому, товарищи, говорю „мы рабочіе“ и обращаюсь исключительно къ „сознательнымъ товарищамъ *рабочимъ*“ потому, что изсякла ужъ окончательно вѣра въ *политическій тактъ, пролетарскую солидарность и партійную искренность* большей части нашихъ „пролетарскихъ руководителей“ Вспомнимъ, товарищи, всѣ перипетіи, методы и формы той борьбы, которая велась и ведется ими въ нашей партіи; вспомнимъ, гдѣ, когда наши руководители отдавали предпочтеніе требованіямъ положительной, соціальдемократической пролетарской работы предъ своими личными кружково-эгоистичными симпатіями и антипатіями? Гдѣ, когда они считали для себя долгомъ выслушивать и считаться, въ интересахъ партійнаго развитія, съ волей сознательныхъ ея членовъ рабочихъ? Гдѣ, когда, наконецъ, они осуществляли всѣ свои красивыя словечки и благія пожеланія о „пролетарской самодѣятельности“, „дисциплинѣ“, „гражданскомъ равноправіи“ и т. п.? Гдѣ, наконецъ, плоды всѣхъ ихъ якобы примиренческихъ начинаній, объединительныхъ попытокъ, которыми мы были такъ сладко усыплены и тѣмъ отвлекли свое собственное вниманіе отъ личнаго, активнаго участія въ партійныхъ передрягахъ и конфликтахъ для того, чтобы положить имъ *дѣйствительный* конецъ? Вспомнимъ все это, и тогда ясно станетъ, почему я обращаюсь именно къ вамъ, *товарищамъ рабочимъ*; ясно станетъ также и то, что надѣяться можемъ мы только на самихъ себя, что только сами мы можемъ при желаніи съ нашей стороны, а оно необходимо, столковаться предварительно между собою, могли бы хоть въ нѣкоторой степени воспрепятствовать разложенію цѣльной, единой рабочей партіи, а значитъ и — обезпечить хоть сколько нибудь пролетаріату нашему самодѣятельность его роли въ предстоящей буржуазной революціи. Таковымъ, по моему глубокому убѣжденію, должно быть не только наше желаніе, но и прямая наша обязанность.

И если до сихъ поръ среди насъ находились еще столь наивные товарищи, которые все еще надѣялись на разныя примирительныя попытки со стороны нашихъ борющихся „главарей“ и вмѣстѣ съ ними успокаивали себя, что эта борьба есть нѣчто „наносное“, „скоропреходящее“ и т. п, то теперь послѣ III-го „съѣзда“ они должны будутъ отрезвиться и понять, что надежды ихъ сейчасъ должны рухнуть.

Правда, „меньшевики“ (т. е. другая самостоятельная часть партіи) въ своихъ послѣднихъ резолюціяхъ 1) все еще остаются глухими къ бьющимъ въ лицо фактамъ дѣйствительности, и опять начинаютъ говорить о какихъ то примиренческихъ пріемахъ (платформа тожъ), которые будутъ ими приняты, и выражаютъ твердую свою увѣренность, что это должно имъ удасться, ссылаясь на то, что, дескать, программа партіи на III „съѣздѣ“ не потерпѣла измѣненій, а значитъ исповѣдуется обѣими частями, и что даетъ имъ будто возможность сойтись на почвѣ положительной практической работы. Но, товарищи, кто же изъ насъ не знаетъ, какую цѣну и вѣсъ имѣютъ всѣ эти аргументы въ пользу примиренія въ устахъ и умахъ наибольшей части нашихъ „пастырей“, и какую цѣну они придаютъ тому, что фактически ихъ объединяетъ одна программа. Развѣ до сихъ поръ намъ этого не говорили? Развѣ не выражались до сихъ поръ надежды на объединеніе при „практической работѣ“? Обратимся къ дѣйствительности и она рельефнѣе всего покажетъ намъ, что это были только слова, можетъ быть, благія „маниловскія“ побужденія, все, что хотите, но только отнюдь не дѣйствительныя, твердыя рѣшенія — поступаться въ интересахъ партійнаго единства своими кружковыми побѣдами. Развѣ послѣдній годъ, годъ столь быстраго политическаго раскрѣпощенія Россіи, годъ, который требовалъ отъ нашей партіи наивысшаго напряженія всей ея энергіи на положительную, душу захватывающую работу, а не словъ, дѣйствовалъ на нихъ примиряюще? Развѣ великіе историческіе январьскіе дни въ Петербургѣ, которые, по общему признанію, положили начало русской революціи, когда, казалось, всѣ искреннопреданные дѣлу пролетаріата работники, должны были хоть на время забыть свои дрязги, междоусобицы, — хоть на время сойтись затѣмъ, чтобы сообща напречь всѣ усилія къ поддержкѣ борьбы, начатой питерскими товарищами; даже это время, эти великіе дни, не оказали на нихъ никакого вліянія.

И какъ разъ въ это время, когда, кажется, камни вопіяли о необходимости дѣйствительной совмѣстной работы — какъ разъ тогда въ цѣломъ рядѣ городовъ происходитъ совершенно обратное. Въ Одессѣ 11 января „меньшевики“ откалываются отъ „большевиковъ“ и приблизительно въ это же время происходитъ то же въ Екатеринославѣ, Николаевѣ и др. городахъ. А отношенія между ними въ самомъ Петербургѣ, затѣмъ политика Ц. К., „съѣздъ“, его созывъ, его характеръ и, благодаря этому, вынужденное неучастіе въ немъ цѣлой категоріи партійныхъ организацій — все это, товарищи, ясно должно намъ служить урокомъ, какъ впредь относиться къ подобнымъ *надеждамъ* и *иллюзіямъ* И повторяю, тѣ искренніе товарищи изъ „меньшинства“, которые продолжаютъ и по сей день питаться подобными иллюзіями — тѣмъ самымъ показываютъ только свою *политическую невмѣняемость* то же касается „одной объединяющей программы“, то и этотъ аргументъ можетъ только подтвердить и укрѣпить невѣріе наше въ возможность объединенія. Въ томъ то и дѣло, что разногласія, раздѣляющія нашихъ работниковъ, до самаго послѣдняго времени вращались, исключительно, въ рамкахъ *организаціонныхъ* и лишь впослѣдствіи задѣли нѣсколько и тактическую область; но, во всякомъ случаѣ, они, какъ были, такъ и есть, не столь велики, чтобы съ такимъ легкимъ сердцемъ изъ-за нихъ расколоть партію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и не смотря на все это, руководители наши все-таки раскололи ее, и еще въ моментъ, когда исторія требуетъ отъ нея наивысшей максимальной энергіи въ сплоченныхъ дѣйствіяхъ. Это только лишній разъ подтверждаетъ нашъ взглядъ, что руководителямъ нашимъ чужда *партійность*, чужды *интересы пролетаріата* и его предстоящаго *революціоннаго выступленія*; и что въ принятіи разныхъ программъ и резолюцій, они считаются исключительно сами съ собой — съ узкими влеченіями своей личности и только.

Слыхано-ли это гдѣ, товарищи? Имѣло-ли мѣсто въ исторіи пролетарскихъ партій другихъ странъ, чтобы вожди разорвали партію изъ-за разногласій такого рода?!!! Вспомнимъ, товарищи, какъ въ Германіи, во время существованія лассальянцевъ и эйзенахцевъ — несмотря на всѣ тѣ глубокія тактическія и даже программныя разногласія, которыя ихъ разъединяли (куда поглубже и посерьезнѣе нашихъ) и на всю ту борьбу, которую они

---

1) См. брошюру „первая общерусская конференція“ въ изданіи „Искры“.

съ нашимъ планомъ не считались и возбужденіе массъ было колоссальное.

Всю ночь мы провели въ страшномъ напряженіи, такъ какъ передъ нами вспыхнула грозная картина пожара всего одесскаго порта. Всю ночь раздавалась неумолкаемая ружейная трескотня и гулъ залповъ. Но какъ и чѣмъ мы могли помочь разстрѣливаемой беззащитной толпѣ рабочихъ, мы не знали. Хотѣли было открыть орудійную пальбу по набережной, но, во-первыхъ, у насъ не были установлены на орудіяхъ соотвѣтствующіе приборы для ночной стрѣльбы, а во-вторыхъ, мы не были увѣрены въ томъ, что на набережной находятся только войска и нѣтъ тамъ народу. Стрѣлять же на угадъ въ городъ мы считали бессмысленнымъ вандализмомъ и боялись невинныхъ жертвъ. Поэтому, мы рѣшили подождать утра, предполагая къ этому времени получить всѣ необходимыя намъ свѣдѣнія.

Еще одинъ знаменательный фактъ имѣлъ мѣсто въ этотъ день. Это прибытіе на наше судно трехъ пѣхотныхъ солдатъ-депутатовъ. Они пріѣхали отъ имени организованной части товарищей своихъ полковъ заявить о своей готовности присоединиться къ намъ, разъ только мы приступимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорили о томъ, что настроеніе въ массахъ войска самое благопріятное. Конечно, вся наша команда ихъ привѣтствовала съ восторгомъ.

Этимъ закончился первый день самостоятельной жизни первой россійской плавающей республики.

Утро слѣдующаго дня началось тѣмъ, что рѣшено было сейчасъ же свезти на берегъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на нашемъ суднѣ офицеровъ, такъ какъ содержаніе ихъ подъ конвоемъ было для насъ лишь лишней обузой.

Затѣмъ на берегъ отправили 12 человѣкъ товарищей для похоронъ Вакулинчука.

Въ это время къ намъ опять стали подъѣзжать шлюпки изъ города, привозя самыя трагическія извѣстія. Оказалось, что за ночь было убито больше, чѣмъ 600 человѣкъ рабочихъ, и дальнѣйшимъ избіеніямъ не видно было конца.

Какъ только были получены эти свѣдѣнія, то сейчасъ же была созвана для совѣщанія вся команда. Первое время по вопросу о началѣ рѣшительныхъ дѣйствій произошелъ почти полный расколъ. Но съ рѣчью поднялся товарищъ М. Говорилъ онъ не долго, но каждое его слово было какъ бы не звукомъ, а частью его наболѣвшей души, частью народной скорби. Въ заключеніе, обращаясь къ оппозиціи, онъ сказалъ: „вотъ мы, соціальдемократы, здѣсь всѣ передъ вами. Насъ всего человѣкъ 200—300, и мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили честно умереть за свободу вмѣстѣ съ нашими братьями-рабочими, чѣмъ позорно качаться въ петляхъ отъ рукъ нашихъ кровопійцъ-палачей.

Если вы не согласны съ нами, если вы считаете насъ разбойниками и преступниками, то возьмите сейчасъ же винтовки и перебейте насъ, какъ собакъ. Послѣ этого вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу и матери.

Васъ наградятъ, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями".

„Нѣтъ, нѣтъ!!!", раздалось оглушительно изъ сотенъ грудей. „Мы всѣ вмѣстѣ идемъ, мы всѣ вмѣстѣ умремъ за одно дѣло!!"

„Ну, если такъ", продолжалъ М., „то сегодня же начнемъ бомбардировать городъ и отплатимъ за рабочихъ всѣмъ озвѣрѣвшимъ тиранамъ".

„Согласны?" — „Согласны", загремѣли всѣ, какъ одинъ.

Послѣ этого рѣшено было приготовиться къ бомбардировкѣ города. Предварительно мы постарались всѣми имѣвшимися у насъ способами извѣстить мирныхъ жителей Одессы о предполагающейся бомбардировкѣ города и указать имъ мѣсто, гдѣ они могли бы быть въ полной безопасности отъ нашихъ зарядовъ.

Часовъ въ 5 вечера съ нашего броненосца раздались первые пушечные выстрѣлы. Сначала мы дали три холостыхъ, какъ салютъ хоронимому товарищу и какъ предупрежденіе, а затѣмъ начали стрѣлять боевыми изъ 6 дм. орудій.

Заряды наши направлялись въ домъ командующаго войсками и въ театръ, около котораго была расположена артиллерія и войско.

Но, къ нашему огорченію, оба первыхъ заряда сдѣлали перелетъ и не попали въ цѣль. Это страшно насъ всѣхъ огорчило и передъ всѣми нами всталъ призракъ невинно пролитой, можетъ-быть, братской крови нашей же собственной рукой.

Поэтому, мы рѣшили пока пріостановить боевую стрѣльбу. Въ это же время мы неожиданно перехватили по безпроволочному телеграфу извѣстіе, что гдѣ-то не подалеку находится остальная эскадра.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, рѣшено было пока не продолжать обстрѣлъ города, а послать къ командиру войска трехъ депутатовъ отъ насъ.

Депутаты должны были категорически потребовать прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ нашими депутатами, а передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и люди имъ судья" и что онъ не желаетъ вести никакихъ съ нами разговоровъ.

Съ этимъ наша депутація въ полной неприкосновенности вернулась обратно.

Очевидно, рѣшительныя и наступательныя дѣйствія становились неизбѣжны. Однако, для того, чтобы стрѣльба была-бы хоть сколько нибудь цѣлесообразна и не носила-бы характера огульнаго разрушенія, намъ необходимъ былъ точный и топографическій планъ города, а такого у насъ не было.

Кромѣ того, мы должны были знать, хоть приблизительно, гдѣ и какія части войскъ расположены, а этихъ свѣдѣній мы пока не имѣли. Все это насъ заставляло предварительно выждать болѣе благопріятнаго момента.

Съ этими мыслями мы и провели ночь съ 16 на 17. Утромъ рано показалась далеко, далеко на горизонтѣ эскадра и скрылась. Мы зафрахтовали частный пароходъ и отправили его на развѣдки. Часа черезъ два эскадра вновь показалась на горизонтѣ. Тогда мы быстро снялись съ якоря и въ совершенной боевой готовности, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь, двинулись полнымъ ходомъ на приближающуюся къ намъ эскадру.

Но лишь только она это замѣтила, какъ повернулась сейчасъ-же обратно и также полнымъ ходомъ скрылась съ нашихъ глазъ.

Мы вернулись и стали на прежнее мѣсто.

Эта первая наша побѣда сильно подняла духъ всей команды. На лицѣ у всѣхъ было написано торжество и сознаніе своей силы, такъ какъ даже для самыхъ темныхъ изъ команды было ясно, что у эскадры не хватило рѣшимости подойти къ намъ, что эскадра попросту перетрусила и отступила. Команда успокоилась и сѣла обѣдать.

Послѣ обѣда къ вечеру эскадра показалась вновь на горизонтѣ, и, въ составѣ 5 броненосцевъ и цѣлой минной флотиліи, шла на всѣхъ парахъ прямо на насъ съ видимой цѣлью аттаковать насъ со всѣхъ сторонъ. Мы, видя, какъ боевая колонна броненосцевъ и миноносокъ приближается къ намъ, дали сейчасъ-же боевую тревогу, снялись съ якоря и стремительно пошли на встрѣчу, готовые принять бой и почетно умереть на благо нашего измученнаго народа. Пушки, мины и все прочее у насъ было готово для самой отчаянной схватки. Грандіозная и величественная картина представилась напряженнымъ взорамъ товарищей на берегу, когда нашъ грозный красавецъ молча врѣзался въ боевую колонну цѣлой эскадры и раздѣлилъ ее на двѣ части. Всѣ мы при этомъ съ крайнимъ напряженіемъ ожидали только перваго выстрѣла въ насъ, чтобы пустить въ ходъ всю нашу страшную истребительную машину на дѣло защиты народной свободы.

Но каково же было наше удивленіе, когда съ трехъ изъ броненосцевъ эскадры, вмѣсто пушечныхъ залповъ, грянуло дружное, оглушительное ура!

Вмигъ часть нашей команды побросала пушки, выскочила на верхъ и отвѣтила не менѣе дружными и восторженными криками.

Мы кричали своимъ товарищамъ матросамъ, чтобы они сейчасъ-же присоединились къ намъ и чтобы всѣ они единодушно стали на сторону угнетаемаго русскаго трудящагося люда и объявили немедленно рѣшительный бой нашимъ вѣковымъ угнетателямъ и тиранамъ.

Въ отвѣтъ раздалось опять дружное „ура".

Въ это время эскадра прошла къ порту, а мы очутились въ морѣ. Боясь быть отрѣзанными отъ своей базы, мы круто повернули обратно и вновь повели наступленіе на эскадру, которая пришла въ полное замѣшательство и полнымъ ходомъ стала отступать, держа курсъ на Севастополь.

Для насъ было ясно, что на судахъ происходитъ какой-то переполохъ, а поэтому мы, повернувшись въ догонку за эскадрой, выжидательно пошли за ней тихимъ ходомъ.

Вдругъ мы видимъ, что одинъ изъ броненосцевъ сталъ постепенно отставать отъ всей эскадры и потомъ, круто повернувшись, пошелъ къ намъ. Не зная еще его намѣреній, мы, не подпуская его близко къ себѣ, дали ему приказаніе немедленно стать на якорь, что онъ и исполнилъ.

Это былъ „Георгій Побѣдоносецъ", съ котораго намъ передали сигналами, что вся команда „Георгія" проситъ прибыть къ себѣ на судно депутатовъ отъ нашихъ товарищей. Депутація была отправлена немедленно подъ охраной нашего миноносца.

При своемъ приближеніи она была встрѣчена восторженными криками. Первымъ на судно взошелъ товарищъ-матросъ М., который въ своей краткой, но сильной рѣчи изложилъ революціонную исторію нашего броненосца, его дальнѣйшія цѣли и намѣренія, призывая въ заключеніе къ солидарности всего флота и къ объединенію для достиженія одной общей цѣли. Оглушительное „согласны" было отвѣтомъ на его рѣчь.

Вторымъ взошелъ и говорилъ товарищъ Кириллъ, депутатъ отъ Одесской соц.-дем. организаціи.

Обратившись къ товарищамъ матросамъ, онъ заговорилъ о той безпощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю нашу многострадальную родину.

Измученный, забитый и безправный трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина", рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно...

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ товарища.

Вы, гг. офицеры, продолжалъ тов. Кириллъ, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки,

Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь. (Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ).

Вслѣдъ за этимъ, раздалась команда „караулъ въ ружье!" и офицеры съ понурыми головами, блѣдными, вытянутыми лицами, были отведены подъ конвоемъ въ каютъ кампанію.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ на катерѣ свезли на берегъ, снявши предварительно съ нихъ погоны и всѣ военныя регаліи.

„Георгій Побѣдоносецъ" подошелъ и сталъ на якорѣ возлѣ „Потемкина".

Ликованію и одушевленію не было конца и предѣла.

Затѣмъ часть товарищей съ „Потемкина" прибыла на вновь присоединившійся броненосецъ, чтобы помочь организовать на немъ новые порядки. Въ этомъ прошелъ весь остатокъ дня и ночь.

Теперь у насъ была уже своего рода эскадра.

Два броненосца, миноносецъ и „Вѣха". Въ нашихъ голо-

вели между собою — все-таки, когда дѣйствительность потребовала отъ нихъ совмѣстныхъ, сплоченныхъ дѣйствій, они забыли про разногласія, не ставили (какъ то имѣетъ мѣсто у насъ) судьбу пролетарской борьбы на карту кружковой игры, и на Готскомъ партейтагѣ они сошлись на взаимныхъ уступкахъ, по настоянію покойнаго „солдата-революціи" Либкнехта, Бебеля и др. И теперь германскій пролетаріатъ, несмотря на новѣйшія попытки разныхъ „ревизіонистовъ", являетъ собою величайшую въ мірѣ, по своему количеству и качеству, рабочую соц.-дем. партію. Это потому, что руководителями германскаго пролетаріата, по преимуществу, являлись сами пролетаріи и, во всякомъ случаѣ, всегда всѣ свои поступки они дѣлали подъ угломъ зрѣнія интересовъ пролетаріата. У насъ же совершенно все наоборотъ. И это послѣ того, когда всѣ они на Амстердамскомъ конгрессѣ голосовали за резолюцію относительно „цѣлости и единства пролетаріата". Выходитъ, что какъ программа, такъ и всяческія, принимаемыя ими, резолюціи, служатъ для нихъ какими-то покрывалами, подъ которыми скрываются ихъ истинныя физіономіи.

Пора же, наконецъ, товарищи, сознать намъ все это, а сознавши, не ждать, какъ до сихъ поръ, пока какая то невидимая сила вдунетъ нашимъ руководителямъ духъ мира, — а самимъ сейчасъ же, не медля ни минуты, начать строить ту пролетарскую крѣпость, которая одна въ состояніи будетъ защитить нашъ пролетаріатъ отъ „иноземнаго" буржуазнаго нашествія и тѣмъ сохранить его *пролетарское единство*. То, что не умѣли или не способны были выполнить наши руководители, должны мы, подъ страхомъ *самоуничтоженія*, додѣлать. Быть можетъ, горячее и активное наше выступленіе сейчасъ послужитъ и имъ на пользу, и должнымъ образомъ возымѣетъ вліяніе и на нихъ. А потому, товарищи-рабочіе, *безразлично къ какой части партіи вы принадлежите*, я еще разъ взываю къ вамъ: *пробудитесь!* Пробудитесь и, въ интересахъ *всей рабочей* Россіи, старайтесь сохранить свою пролетарскую *цѣлину*; не давайте втягивать себя въ ту борьбу, которая сейчасъ происходитъ на верхахъ партіи и которая не сегодня, завтра ареной своей изберетъ широкія пролетарскія массы; противодѣйствуйте всевозможными средствами перенесенію этой борьбы въ пролетарскія массы, ибо только это будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ къ сохраненію *самостоятельности* нашей пролетарской борьбы въ предстоящей буржуазной революціи. Это требуетъ отъ васъ ваша совѣсть по отношенію къ той исторической миссіи, которая выпала на долю русскаго пролетаріата. Этимъ самымъ исполните вы долгъ свой предъ родиной и предъ всемірнымъ пролетаріатомъ, взоры котораго устремлены теперь на насъ, русскихъ рабочихъ.

Собирайтесь же повсюду, товарищи, толкуйте о той опасности, которая грозитъ пролетаріату, при условіи междоусобной войны въ немъ; свяжитесь, товарищи разныхъ городовъ, между собою, ведите неустанную по этому поводу агитацію въ самыхъ широкихъ массахъ и, если возможно будетъ, устройте дѣйствительный съѣздъ рабочей партіи, на которомъ вы отъ имени всего организованнаго пролетаріата Россіи громогласно выскажете свое пролетарское отношеніе къ совершившемуся расколу, и къ той новой фазѣ борьбы, которая начнется теперь между двумя партіями. Открыто и смѣло заявляйте, что вы всѣ свои усилія приложите къ тому, чтобы не дать россійскому пролетаріату расколоться на нѣсколько враждующихъ между собою сторонъ; что вы рѣшили всѣмъ, чѣмъ возможно будетъ, оградить его отъ какихъ бы то ни было кружково-эгоистическихъ поползновеній и тѣмъ самымъ обезпечить самимъ его *единство* и *самостоятельность*.

Если же расколовшіяся части нашихъ руководителей *дѣйствительно* захотятъ на *дѣлѣ*, а не только на словахъ, обслуживать и быть въ рядахъ пролетарскихъ массъ, то лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ, когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить *дѣйствительную пролетарскую* окраску и когда ихъ организаціонныя рамки будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять *дѣйствительно* въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность.

Правда, товарищи, дѣло это очень сложно и трудно, оно требуетъ отъ насъ тщательнаго взвѣшиванія и обдумыванія, ибо нашъ партійный кризисъ, по моему глубокому убѣжденію, не есть плодъ злой воли Мартова или Ленина, а причины его лежатъ глубоко, глубоко въ специфической нашей россійской дѣйствительности, плодомъ которой являются и мартовцы и ленинцы, а потому и борьба съ ними не столь легка, но что же дѣлать? это только усложняетъ нашу задачу, но отнюдь не уничтожаетъ ее. Правда и то, товарищи, что нѣкоторымъ образомъ и мы сами виноваты въ продолжительности этого кризиса и его теперешнихъ послѣдствіяхъ, — виноваты тѣмъ, что, во-первыхъ, мы до сихъ поръ слишкомъ были инертны вообще къ партійной жизни, а во-вторыхъ, и это главное, что нѣкоторые наиболѣе рьяные изъ насъ, ознакомившись нѣсколько съ характеромъ разногласій и не видя впереди возможности раскола, сами тоже втянулись въ узкія рамки то „большинства", то „меньшинства". Нѣкоторые изъ насъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, въ виду характера разногласій, возможному и необходимому объединенію — сами, очертя головы, бросились въ эту, раздиравшую партію, борьбу и тѣмъ приблизили моментъ раскола. Но если это было до сихъ поръ, то сейчасъ, по вышеизложеннымъ мотивамъ, этому мѣста среди насъ быть не должно. Сейчасъ мы должны остановиться и сказать: *довольно!* Довольно, ибо, товарищи, *теперь или никогда!*

Теперь или никогда! такъ стоитъ передъ нами сейчасъ этотъ вопросъ. Теперь на работу за возстановленіе пролетарскаго *соц.-дем. единства*, или *прощай* соціальдемократичность нашего рабочаго движенія на долгое, очень долгое время. *Выбирайте!* Поспѣшите же, товарищи, ибо вы чувствуете какъ почва изъ подъ вашихъ ногъ начинаетъ уходить, а революція властно стучится къ намъ въ двери."

„Рабочій" одинъ изъ многихъ.

„БОЛЬШЕВИСТЫ" НА ИЗНАНКУ

Помѣщаемое выше письмо рабочаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Авторъ письма называетъ себя „однимъ изъ многихъ", и мы имѣемъ основаніе думать, что онъ въ этомъ отношеніи не ошибается: очень многіе сознательные рабочіе выражаютъ крайнее неудовольствіе партійнымъ расколомъ, и многіе изъ нихъ склонны искать выхода изъ нашего партійнаго кризиса въ томъ направленіи, въ которомъ его ищетъ авторъ письма.

Поскольку это настроеніе проявляется въ рѣшимости нашихъ товарищей рабочихъ болѣе активно вмѣшаться въ партійную жизнь, и своимъ вмѣшательствомъ содѣйствовать возстановленію партійнаго единства, мы можемъ его только привѣтствовать. Но внимательное чтеніе письма „Рабочаго" насъ убѣждаетъ, что авторъ, поставивъ себѣ хорошую цѣль, идетъ къ ней невѣрнымъ путемъ. Авторъ письма — „одинъ изъ многихъ" сознательныхъ рабочихъ нашей партійной переферіи, которые испытали на себѣ всю ненормальность отношеній между переферіей и комитетами, ненормальность, возведенную одной частью партіи въ принципъ и далеко не устраненную другой частью партіи. Не умѣя связать этого частнаго, хотя и весьма серьезнаго, недуга нашей партійной жизни съ болѣе общей и коренной ея болѣзнью, авторъ письма исключительно съ точки зрѣнія этого недуга объясняетъ весь нашъ партійный кризисъ, исключительно съ этой точки зрѣнія ищетъ изъ него выхода.

Основная мысль автора такова: расколъ, разорвавшій нашу единую партію, произошелъ непосредственно отъ того, что большинство нашихъ интеллигентскихъ руководителей обѣихъ фракцій лишены чувства пролетарской солидарности и сообразуются исключительно со своими кружковыми эгоистическими разсчетами. Положить предѣлъ партійному расколу могутъ только сознательные рабочіе обѣихъ фракцій. Для этого необходимо и достаточно, чтобы эти сознательные рабочіе, разрушивъ тѣсныя рамки „большинства" и „меньшинства" и отстранившись отъ споровъ и разногласій, раздирающихъ эти обѣ фракціи, взяли въ свои руки организацію партіи. Такая партія, обезпечивая дѣйствительную самодѣятельность и самостоятельность сознательныхъ рабочихъ, будетъ оберегать свое единство и спасетъ пролетаріатъ въ настоящій критическій революціонный моментъ „отъ погруженія въ буржуазно-демократическое болото".

Съ точки зрѣнія автора, нашъ партійный кризисъ будетъ разрѣшенъ исключительно и всецѣло внутренней организаціонной перестройкой въ старыхъ партійныхъ рамкахъ, перемѣщеніемъ центра партійнаго руководства отъ интеллигентскихъ верховъ партіи къ ея пролетарскимъ низамъ. Все, что помимо этого придумывалось, и въ частности „меньшевиками", для выхода изъ партійнаго кризиса, все это только маниловщина, иллюзіи, усыплявшія сознательныхъ рабочихъ, отвлекавшія ихъ вниманіе отъ главнаго вопроса и вовлекавшія ихъ въ безплодную фракціонную борьбу изъ за несущественныхъ разногласій.

Авторъ письма — давнишній ярый противникъ такъ называемаго „большинства"; но, критикуя его, онъ становится на ту-же почву организаціоннаго утопизма, на которой всегда стояли „большевики", съ той разницей, что „большевики" сочувствуютъ „кулаку сверху", а нашъ авторъ „кулаку снизу"; онъ — большевикъ на изнанку.

Раздѣляя упрощенный, прямолинейный методъ мышленія „большевиковъ", ища исцѣленія отъ всѣхъ бѣдъ *исключительно* въ организаціонной перестройкѣ, въ перемѣщеніи музыкантовъ, онъ естественно обнаруживаетъ безпомощность въ анализѣ нашего партійнаго кризиса и то и дѣло запутывается въ противорѣчіяхъ.

Отмѣтимъ одно, наиболѣе характерное. Чтобъ доказать, какую малую цѣну имѣли „фразы" меньшевиковъ о необходимости объединенія на почвѣ „практической работы", онъ ссылается на факты изъ нашей партійной жизни въ январскіе дни. Въ „эти дни", говоритъ онъ, „когда, казалось, всѣ искренно преданные дѣлу пролетаріата работники должны были хоть на время забыть свои дрязги, когда, кажется, камни вопіяли о необходимости совмѣстной работы... въ Одессѣ [illegible] января меньшевики откалываются отъ большевиковъ и приблизительно въ это же время происходитъ тоже въ Екатеринославѣ, Николаевѣ и другихъ городахъ". Мы спрашиваемъ автора: успѣлъ ли онъ уже забыть про то, что „меньшевики" въ этихъ городахъ „откалывались" исключительно потому, что при режимѣ осаднаго положенія, царившаго тамъ, имъ не давали доступа къ работѣ съ нашимъ планомъ не считались и возбужденіе массъ было колоссальное.

Всю ночь мы провели въ страшномъ напряженіи, такъ какъ передъ нами вспыхнула грозная картина пожара всего одесскаго порта. Всю ночь раздавалась неумолкаемая ружейная трескотня и гулъ залповъ. Но какъ и чѣмъ мы могли помочь разстрѣливаемой беззащитной толпѣ рабочихъ, мы не знали. Хотѣли было открыть орудійную пальбу по набережной, но, во-первыхъ, у насъ не были установлены на орудіяхъ соотвѣтствующіе приборы для ночной стрѣльбы, а во-вторыхъ, мы не были увѣрены въ томъ, что на набережной находятся только войска и нѣтъ тамъ народу. Стрѣлять же на угадъ въ городъ мы считали безсмысленнымъ вандализмомъ и боялись невинныхъ жертвъ. Поэтому, мы рѣшили подождать утра, предполагая къ этому времени получить всѣ необходимыя намъ свѣдѣнія.

Еще одинъ знаменательный фактъ имѣлъ мѣсто въ этотъ день. Это прибытіе на наше судно трехъ пѣхотныхъ солдатъ-депутатовъ. Они пріѣхали отъ имени организованной части товарищей своихъ полковъ заявить о своей готовности присоединиться къ намъ, разъ только мы приступимъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и говорили о томъ, что настроеніе въ массахъ войска самое благопріятное. Конечно, вся наша команда ихъ привѣтствовала съ восторгомъ.

Этимъ закончился первый день самостоятельной жизни первой россійской плавающей республики.

Утро слѣдующаго дня началось тѣмъ, что рѣшено было сейчасъ же свезти на берегъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ на нашемъ суднѣ офицеровъ, такъ какъ содержаніе ихъ подъ конвоемъ было для насъ лишь лишней обузой.

Затѣмъ на берегъ отправили 12 человѣкъ товарищей для похоронъ Вакуленчука.

Въ это время къ намъ опять стали подъѣзжать шлюпки изъ города, привозя самыя трагическія извѣстія. Оказалось, что за ночь было убито больше, чѣмъ 600 человѣкъ рабочихъ, и дальнѣйшимъ избіеніямъ не видно было конца.

Какъ только были получены эти свѣдѣнія, то сейчасъ же была созвана для совѣщанія вся команда. Первое время по вопросу о началѣ рѣшительныхъ дѣйствій произошелъ почти полный расколъ. Но съ рѣчью поднялся товарищъ М. Говорилъ онъ не долго, но каждое его слово было какъ бы не звукомъ, а частью его наболѣвшей души, частью народной скорби. Въ заключеніе, обращаясь къ оппозиціи, онъ сказалъ: „вотъ мы, соціальдемократы, здѣсь всѣ передъ вами. Насъ всего человѣкъ 200—300, и мы всѣ, какъ одинъ, рѣшили честно умереть за свободу вмѣстѣ съ нашими братьями-рабочими, чѣмъ позорно качаться въ петляхъ отъ рукъ нашихъ кровопійцъ-палачей.

Если вы не согласны съ нами, если вы считаете насъ разбойниками и преступниками, то возьмите сейчасъ же винтовки и перебейте насъ, какъ собакъ. Послѣ этого вы можете со славой и почетомъ вернуться къ своему прежнему начальству, къ своему отцу и матери.

Васъ наградятъ, васъ встрѣтятъ съ музыкой и почестями".

„Нѣтъ, нѣтъ!!!", раздалось оглушительно изъ сотенъ грудей. „Мы всѣ вмѣстѣ идемъ, мы всѣ вмѣстѣ умремъ за одно дѣло!!"

„Ну, если такъ", продолжалъ М., „то сегодня же начнемъ бомбардировать городъ и отплатимъ за рабочихъ всѣмъ озвѣрѣвшимъ тиранамъ".

„Согласны?" — „Согласны", загремѣли всѣ, какъ одинъ.

Послѣ этого рѣшено было приготовиться къ бомбардировкѣ города. Предварительно мы постарались всѣми имѣвшимися у насъ способами извѣстить мирныхъ жителей Одессы о предполагающейся бомбардировкѣ города и указать имъ мѣсто, гдѣ они могли бы быть въ полной безопасности отъ нашихъ зарядовъ.

Часовъ въ 5 вечера съ нашего броненосца раздались первые пушечные выстрѣлы. Сначала мы дали три холостыхъ какъ салютъ хоронимому товарищу и какъ предупрежденіе, а затѣмъ начали стрѣлять боевыми изъ 6 дм. орудій.

Заряды наши направлялись въ домъ командующаго войсками и въ театръ, около котораго была расположена артиллерія и войско.

Но, къ нашему огорченію, оба первыхъ заряда сдѣлали перелетъ и не попали въ цѣль. Это страшно насъ всѣхъ огорчило и передъ всѣми нами всталъ призракъ невинно пролитой, можетъ-быть, братской крови нашей же собственной рукой.

Поэтому, мы рѣшили пока пріостановить боевую стрѣльбу. Въ это же время мы неожиданно перехватили по безпроволочному телеграфу извѣстіе, что гдѣ-то не подалеку находится остальная эскадра.

Ввиду всѣхъ этихъ соображеній, рѣшено было пока не продолжать обстрѣлъ города, а послать къ командиру войска трехъ депутатовъ отъ насъ.

Депутаты должны были категорически потребовать прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ нашими депутатами, а передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и люди намъ судья" и что онъ не желаетъ вести никакихъ съ нами разговоровъ.

Съ этимъ наша депутація въ полной неприкосновенности вернулась обратно.

Очевидно, рѣшительныя и наступательныя дѣйствія становились неизбѣжны. Однако, для того, чтобы стрѣльба была бы хоть сколько нибудь цѣлесообразна и не носила бы характера огульнаго разрушенія, намъ необходимъ былъ точный и топографическій планъ города, а такого у насъ не было.

Кромѣ того, мы должны были знать, хоть приблизительно, гдѣ и какія части войскъ расположены, а этихъ свѣдѣній мы пока не имѣли. Все это насъ заставляло предварительно выждать болѣе благопріятнаго момента.

Съ этими мыслями мы и провели ночь съ 16 на 17. Утромъ рано показалась далеко, далеко на горизонтѣ эскадра и скрылась. Мы зафрахтовали частный пароходъ и отправили его на развѣдки. Часа черезъ два эскадра вновь показалась на горизонтѣ. Тогда мы быстро снялись съ якоря и въ совершенной боевой готовности, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь, двинулись полнымъ ходомъ на приближающуюся къ намъ эскадру.

Но лишь только она это замѣтила, какъ повернулась сейчасъ-же обратно и также полнымъ ходомъ скрылась съ нашихъ глазъ.

Мы вернулись и стали на прежнее мѣсто.

Эта первая наша побѣда сильно подняла духъ всей команды. На лицѣ у всѣхъ было написано торжество и сознаніе своей силы, такъ какъ даже для самыхъ темныхъ изъ команды было ясно, что у эскадры не хватило рѣшимости подойти къ намъ, что эскадра попросту перетрусила и отступила. Команда успокоилась и сѣла обѣдать.

Послѣ обѣда къ вечеру эскадра показалась вновь на горизонтѣ, и, въ составѣ 5 броненосцевъ и цѣлой минной флотиліи, шла на всѣхъ парахъ прямо на насъ съ видимой цѣлью аттаковать насъ со всѣхъ сторонъ. Мы, видя, какъ боевая колонна броненосцевъ и миноносокъ приближается къ намъ, дали сейчасъ-же боевую тревогу, снялись съ якоря и стремительно пошли на встрѣчу, готовые принять бой и почетно умереть на благо нашего измученнаго народа. Пушки, мины и все прочее у насъ было готово для самой отчаянной схватки. Грандіозная и величественная картина представилась напряженнымъ взорамъ товарищей на берегу, когда нашъ грозный красавецъ молча врѣзался въ боевую колонну цѣлой эскадры и раздѣлилъ ее на двѣ части. Всѣ мы при этомъ съ крайнимъ напряженіемъ ожидали только перваго выстрѣла въ насъ, чтобы пустить въ ходъ всю нашу страшную истребительную машину на дѣло защиты народной свободы.

Но каково же было наше удивленіе, когда съ трехъ изъ броненосцевъ эскадры, вмѣсто пушечныхъ залповъ, грянуло дружное, оглушительное ура!

Вмигъ часть нашей команды побросала пушки, выскочила на верхъ и отвѣтила не менѣе дружными и восторженными криками.

Мы кричали своимъ товарищамъ матросамъ, чтобы они сейчасъ же присоединились къ намъ и чтобы всѣ они единодушно стали на сторону угнетаемаго русскаго трудящагося люда и объявили немедленно рѣшительный бой нашимъ вѣковымъ угнетателямъ и тиранамъ.

Въ отвѣтъ раздалось опять дружное „ура".

Въ это время эскадра прошла къ порту, а мы очутились въ морѣ. Боясь быть отрѣзанными отъ своей базы, мы круто повернули обратно и вновь повели наступленіе на эскадру, которая пришла въ полное замѣшательство и полнымъ ходомъ стала отступать, держа курсъ на Севастополь.

Для насъ было ясно, что на судахъ происходитъ какой-то переполохъ, а поэтому мы, повернувшись въ догонку за эскадрой, выжидательно пошли за ней тихимъ ходомъ.

Вдругъ мы видимъ, что одинъ изъ броненосцевъ сталъ постепенно отставать отъ всей эскадры и потомъ, круто повернувшись, пошелъ къ намъ. Не зная еще его намѣреній, мы, не подпуская его близко къ себѣ, дали ему приказаніе немедленно стать на якорь, что онъ и исполнилъ.

Это былъ „Георгій Побѣдоносецъ", съ котораго намъ передали сигналами, что вся команда „Георгія" проситъ прибыть къ себѣ на судно депутатовъ отъ нашихъ товарищей. Депутація была отправлена немедленно подъ охраной нашего миноносца.

При своемъ приближеніи она была встрѣчена восторженными криками. Первымъ на судно взошелъ товарищъ-матросъ М., который въ своей краткой, но сильной рѣчи изложилъ революціонную исторію нашего броненосца, его дальнѣйшія цѣли и намѣренія, призывая въ заключеніе къ солидарности всего флота и къ объединенію для достиженія одной общей цѣли. Оглушительное „согласны" было отвѣтомъ на его рѣчь.

Вторымъ взошелъ и говорилъ товарищъ Кириллъ, депутатъ отъ Одесской соц.-дем. организаціи.

Обратившись къ товарищамъ матросамъ, онъ заговорилъ о той безпощадной борьбѣ, которая, разливаясь отъ края до края, охватила въ настоящее время пожаромъ возстанія почти всю нашу многострадальную родину.

Измученный, забитый и безправный трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

Нѣтъ, мы, матросы „Потемкина", рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно...

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ товарища.

Вы, гг. офицеры, продолжалъ тов. Кириллъ, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки,

Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и угнетеніе.

Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

Именемъ народа всѣ вы немедленно арестуетесь. (Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ).

Вслѣдъ за этимъ, раздалась команда „караулъ въ ружье!" и офицеры съ понурыми головами, блѣдными, вытянутыми лицами, были отведены подъ конвоемъ въ каютъ-кампанію.

Черезъ нѣкоторое время всѣхъ ихъ на катерѣ свезли на берегъ, снявши предварительно съ нихъ погоны и всѣ военныя регаліи.

„Георгій Побѣдоносецъ" подошелъ и сталъ на якорѣ возлѣ „Потемкина".

Ликованію и одушевленію не было конца и предѣла.

Затѣмъ часть товарищей съ „Потемкина" прибыла на вновь присоединившійся броненосецъ, чтобы помочь организовать на немъ новые порядки. Въ этомъ прошелъ весь остатокъ дня и ночь.

Теперь у насъ была уже своего рода эскадра.

Два броненосца, миноносецъ и „Вѣха". Въ нашихъ голо-

вели между собою, — все-таки когда дѣйствительность потребовала отъ нихъ совмѣстныхъ, сплоченныхъ дѣйствій, они забыли про разногласія, не ставили, какъ то имѣетъ мѣсто у насъ, судьбу пролетарской борьбы на карту кружковой игры и на Готскомъ партейтагѣ они сошлись на взаимныхъ уступкахъ, по настоянію покойнаго „солдата-революціи" Либкнехта, Бебеля и др. И теперь германскій пролетаріатъ, несмотря на новѣйшія попытки разныхъ „ревизіонистовъ", являетъ собою величайшую въ мірѣ, по своему количеству и качеству, рабочую соціалдем. партію. Это потому, что руководителями германскаго пролетаріата по преимуществу являлись сами пролетаріи и, во всякомъ случаѣ, всегда всѣ свои поступки они дѣлали подъ угломъ зрѣнія интересовъ пролетаріата. У насъ же совершенно все наоборотъ. И [illegible] послѣ того, когда всѣ они на Амстердамскомъ конгрессѣ голосовали за резолюцію относительно „цѣлости и единства пролетаріата", выходитъ, что какъ программа, такъ и всяческія, принимаемыя ими, резолюціи, служатъ для нихъ какими-то покрывалами, подъ которыми скрываются ихъ истинныя физіономіи.

Пора же, наконецъ, товарищи, сознать намъ все это и, сознавши, не ждать, какъ до сихъ поръ, пока какая-то невидимая сила вдунетъ нашимъ руководителямъ духъ мира, [illegible] а самимъ сейчасъ же, не медля ни минуты, начать строить ту пролетарскую крѣпость, которая одна въ состояніи будетъ защитить нашъ пролетаріатъ отъ „иноземнаго" буржуазнаго нашествія и тѣмъ сохранить его *пролетарское единство*. То, что не умѣли или не способны были выполнить наши руководители, должны мы, подъ страхомъ *самоуничтоженія*, [illegible] быть можетъ, горячее и активное наше выступленіе сейчасъ [illegible] и имъ на пользу, и должнымъ образомъ повліяетъ и на нихъ. А потому, товарищи-рабочіе [illegible] *принадлежите* [illegible] Пробудитесь и въ интересахъ [illegible] сохранить свою пролетарскую [illegible] въ ту борьбу, которая сейчасъ [illegible] и которая не сегодня, завтра [illegible] пролетарскія массы; [illegible] перенесенію этой борьбы въ пролетарскія массы [illegible] будетъ вѣрнѣйшимъ залогомъ [illegible] нашей пролетарской борьбы [illegible] ціи. Это требуетъ отъ насъ [illegible] исторической миссіи, которая [illegible] ріата. Этимъ самымъ [illegible] и предъ всемірнымъ пролетаріатомъ [illegible] теперь на насъ, русскихъ рабочихъ.

Собирайтесь же [illegible] ти, которая грозитъ [illegible] войны въ немъ; [illegible] собою, ведите неустанно [illegible] широкихъ массахъ и [illegible] тельный съѣздъ рабочихъ [illegible] организованнаго пролетаріата [illegible] пролетарское отношеніе [illegible] и къ той новой фазѣ борьбы [illegible] ками. Открыто и [illegible] приложите къ тому, чтобы не дать русскому пролетаріату расколоться на нѣсколько [illegible] между собою сторонъ; что рѣшили всѣми, чѣмъ возможно будетъ, оградить его отъ какихъ бы то ни было кружково-политическихъ [illegible] и тѣмъ самымъ обезпечить самимъ его *единство* и *самостоятельность*.

Если же расколовшіяся части нашихъ руководителей *дѣйствительно* захотятъ на *дѣлѣ*, а не только на словахъ, обслуживать и быть въ рядахъ пролетарскихъ массъ, то лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ, когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить *дѣйствительную пролетарскую* окраску и когда ихъ организаціонныя рамки будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять *дѣйствительно* въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность.

Правда, товарищи, дѣло это очень сложно и трудно, оно требуетъ отъ насъ тщательнаго взвѣшиванія и обдумыванія, ибо нашъ партійный кризисъ, по моему глубокому убѣжденію, не есть плодъ злой воли Мартова или Ленина, а причины его лежатъ глубоко, глубоко въ специфической нашей россійской дѣйствительности, плодомъ которой являются и мартовцы и ленинцы, а потому и борьба съ ними не столь легка, но что же дѣлать? Это только усложняетъ нашу задачу, но отнюдь не уничтожаетъ ее. Правда и то, товарищи, что нѣкоторымъ образомъ и мы сами виноваты въ продолжительности этого кризиса и его теперешнихъ послѣдствіяхъ, — виноваты тѣмъ, что, во-первыхъ, мы до сихъ поръ слишкомъ были инертны вообще къ партійной жизни, а во-вторыхъ, и это главное, что нѣкоторые наиболѣе сознательные изъ насъ, ознакомившись нѣсколько съ характеромъ разногласій и не видя впереди возможности раскола, сами тоже втянулись въ какія-то рамки то „большинства", то „меньшинства". Нѣкоторые изъ насъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, въ виду характера разногласій, возможному и необходимому объединенію [illegible], бросились въ эту, раздиравшую партію, борьбу и тѣмъ приблизили моментъ раскола. Но если это было до сихъ поръ, то сейчасъ, по вышеизложеннымъ мотивамъ, этому мѣста среди насъ быть не должно. Сейчасъ мы должны остановиться и сказать: „*довольно*!" Довольно, ибо, товарищи, *теперь или никогда*.

Теперь или никогда, такъ стоитъ передъ нами сейчасъ этотъ вопросъ. Теперь на работу за возстановленіе пролетарскаго [illegible] *единства* или *прощай* соціалдемократичность нашего рабочаго движенія на долгое очень долгое время. *Выбирайте!* Поспѣшите же, товарищи, ибо вы чувствуете, какъ почва изъ-подъ вашихъ ногъ начинаетъ уходить, а революція властно стучится къ намъ въ двери.

„Одинъ изъ многихъ".

[illegible]

[illegible] нашъ [illegible] мы имѣемъ [illegible] очень многіе сознательные рабочіе высказываютъ крайнее [illegible] [illegible]

[illegible] работы [illegible] единства, мы можемъ его только привѣтствовать. Но внимательное чтеніе письма „Рабочаго" насъ убѣждаетъ, что авторъ, поставивъ себѣ хорошую цѣль, идетъ къ ней невѣрнымъ путемъ. (Авторъ письма — „одинъ изъ многихъ" сознательныхъ рабочихъ нашей партійной переферіи, которые испытали на себѣ всю ненормальность отношеній между переферіей и комитетами, ненормальность, возведенную одной частью партіи въ принципъ и далеко не устраненную другой частью партіи. Не умѣя связать этого частнаго, хотя и весьма серьезнаго, недуга нашей партійной жизни съ болѣе общей и коренной ея болѣзнью, авторъ письма исключительно съ точки зрѣнія этого недуга объясняетъ весь нашъ партійный кризисъ, исключительно съ этой точки зрѣнія ищетъ изъ него выхода.

Основная мысль автора такова: расколъ, разорвавшій нашу единую партію, произошелъ непосредственно отъ того, что большинство нашихъ интеллигентскихъ руководителей обѣихъ фракцій лишены чувства пролетарской солидарности и сообразуются исключительно со своими кружковыми эгоистическими расчетами. Положить предѣлъ партійному расколу могутъ только сознательные рабочіе обѣихъ фракцій. Для этого необходимо и достаточно, чтобы эти сознательные рабочіе, разрушивъ тѣсныя рамки „большинства" и „меньшинства" и отстранившись отъ споровъ и разногласій, раздирающихъ эти обѣ фракціи, взяли въ свои руки организацію партіи. Такая партія, обезпечивая дѣйствительную самодѣятельность и самостоятельность сознательныхъ рабочихъ, будетъ оберегать свое единство и спасетъ пролетаріатъ въ настоящій критическій революціонный моментъ „отъ погруженія въ буржуазно-демократическое болото".

Съ точки зрѣнія автора нашъ партійный кризисъ будетъ разрѣшенъ исключительно и всецѣло внутренней организаціонной перестройкой въ старыхъ партійныхъ рамкахъ, перемѣщеніемъ центра партійнаго руководительства отъ интеллигентскихъ верховъ партіи къ ея пролетарскимъ низамъ. Все, что помимо этого [illegible] и въ частности „меньшевиками", для выхода изъ партійнаго кризиса, все это только маниловщина, иллюзіи, [illegible] сознательныхъ рабочихъ, отвлекающія ихъ вниманіе отъ главнаго вопроса и вовлекающія ихъ въ безплодную фракціонную борьбу изъ-за несущественныхъ разногласій.

Авторъ письма [illegible] противникъ такъ называемаго „большинства", но критикуя его, онъ становится на ту-же [illegible] организаціоннаго утопизма, на которой всегда стояли „большевики", съ той разницей, что „большевики" сочувствуютъ „верху", а нашъ авторъ „низу"; онъ — [illegible] на изнанку.

[illegible] метафизическій методъ мышленія [illegible] *исключительно* [illegible] музыкантовъ, [illegible] нашего [illegible] противорѣчіяхъ.

[illegible] доказать, ка[illegible] „фракц[illegible]" [illegible] о необходимо[illegible] „[illegible] работы", онъ ссыла[illegible] январскіе дни [illegible] всѣ искренне [illegible] были хоть на [illegible] или о не[illegible] Одессѣ, [illegible] меньше[illegible] въ это [illegible] Екатеринославѣ, Николаевѣ и [illegible]. Мы спрашиваемъ автора, уже ли онъ уже забылъ про то, что „меньшевики" въ этихъ городахъ „отказывались" и исключительно потому, что при режимѣ осаднаго положенія, царившаго тамъ, имъ не давали доступа къ работѣ вахъ уже рисовались планы завоеванія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю многострадальную родину.

18-го утромъ рано мы уже были всѣ на ногахъ и часть изъ насъ отправилась опять на „Побѣдоносецъ". Каково же было наше удивленіе и огорченіе, когда по прибытіи туда мы уже не нашли вчерашняго единодушія среди команды. Для насъ было ясно, что всю ночь кто то велъ усиленную пропаганду разложенія и, дѣйствительно, раскололъ команду на двѣ явно враждебныя другъ другу части. Всякія попытки объединенія съ нашей стороны встрѣчались одной частью шумомъ, мѣшавшимъ намъ говорить а съ другой криками и просьбами продолжать наши рѣчи. Однако, мало по малу, удалось разъяснить выгоды солидарности и успокоить обѣ стороны, поднявши снова во всей командѣ духъ бодрости и увѣренности въ своей громадной силѣ.

Послѣ улаженія всего этого приступили къ рѣшенію вопроса — что дѣлать дальше? Тутъ-то опять и обнаружилось, что среди команды образовалась какая-то подпольная группа, поставившая своей задачей пожать лавры предательства и выслужиться своимъ холопствомъ передъ начальствомъ. Эта группа усиленно пропагандировала мысль о необходимости пойти сейчасъ-же на встрѣчу всей остальной эскадрѣ или же въ Севастополь и вступить въ переговоры съ начальствомъ. Когда же ихъ спрашивали, какіе-же это будутъ переговоры и чего мы ими должны добиваться, то они тщательно избѣгали прямыхъ отвѣтовъ и говорили весьма туманно, на каждомъ словѣ противорѣча самимъ себѣ.

Только позднѣе мы догадались о причинѣ всей этой неурядицы и спохватились о громадномъ промахѣ, который мы сгоряча и на радостяхъ совершенно не предусмотрѣли. Промахъ этотъ, погубившій впослѣдствіи все наше великое дѣло, заключался въ томъ, что мы не арестовали и не высадили на берегъ, вмѣстѣ съ офицерами, такъ называемыхъ кондукторовъ, этихъ сверхсрочныхъ солдатскихъ шкуръ, у которыхъ 20-тилѣтняя муштра, прислужничество и холопство передъ всякимъ начальствомъ сдѣлались неотъемлемой частью ихъ подлаго существа.

Съ большимъ трудомъ намъ все таки удалось убѣдить команду не предпринимать ничего, пока товарищи „Потемкина" не обсудятъ также всѣхъ этихъ вопросовъ. Съ этимъ мы уѣхали обратно къ себѣ. Прибывши на свое судно, мы разсказали, въ чемъ дѣло, и команда наша единодушно рѣшила, что въ Севастополь она не пойдетъ, а сегодня же вечеромъ ударитъ всей своей силой вооруженія на Одессу, чтобы выгнать оттуда войска, вооружить изъ городского арсенала весь рабочій людъ, установить независимое народное управленіе и обезпечить себѣ такимъ образомъ, базу и тылъ. А дальше можно было уже соотвѣтствующимъ образомъ встрѣтить и эскадру, если-бы она вновь вздумала сдѣлать нападеніе.

Принявъ такое рѣшеніе, мы вновь послали своихъ депутатовъ для передачи его „Побѣдоносцу". А сами приступили къ нагрузкѣ угля, котораго намъ удалось раздобыть больше 100,000 пудовъ.

Въ это же время мы отправили печатное извѣщеніе къ командующему войсками, заключающее цѣлый рядъ требованій — освобожденіе всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ, выводъ изъ города всѣхъ войскъ, предоставленіе арсенала въ распоряженіе народа, немедленная доставка намъ провизіи и всего необходимаго и пр. и пр. — въ заключеніе говорилось, что если хотя одно изъ этихъ требованій не будетъ удовлетворено, то мы приступаемъ къ бомбардировкѣ города и постараемся силой захватить его въ свои руки.

Но вдругъ на нашемъ суднѣ закричали, что „Побѣдоносецъ" снялся съ якоря.

И дѣйствительно, „предатель" вздумалъ удариться отъ насъ въ бѣгство вмѣстѣ со всѣми нашими депутатами.

Мы немедленно приказали ему вернуться, но онъ прибавилъ только ходу. Тогда мы дали боевой сигналъ и наши 12-ти дюймовыя орудія совсѣмъ уже готовы были дать залпъ по измѣнникамъ, какъ они перетрусили и круто повернули обратно.

Озлобленію и негодованію среди нашей команды на подобный измѣнническій образъ дѣйствій не было границъ. И я увѣренъ, что не вернись „Побѣдоносецъ", онъ былъ бы потопленъ нашими зарядами въ нѣсколько секундъ.

Однако, „предатели" добивались своего и вмѣсто того, чтобы встать на прежнее свое мѣсто, они полнымъ ходомъ завели броненосецъ въ портъ. Черезъ нѣсколько минутъ катера привезли оттуда нашихъ депутатовъ. Товарищи заявили, что вся команда тамъ вовсе не хотѣла дѣйствовать такъ измѣнически, а что виной всему этому врачъ Голенко, кондуктора и особенно одинъ изъ нихъ, который неосмотрительно былъ выбранъ вчера на постъ командира броненосца.

Послѣдній самъ по своему желанію приказалъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь, перевирая всей командѣ наши сигналы и объясняя ихъ въ смыслѣ нашего слѣдованія за нимъ. Только когда мы дали боевой сигналъ, то врать уже стало невозможно и онъ, круто повернувъ судно назадъ, ввелъ его въ портъ и посадилъ на мель. Послѣднее обстоятельство страшно обезкуражило всѣхъ, и даже у самыхъ энергичныхъ опустились на мгновеніе руки и они утратили иниціативу.

Одни предлагали ѣхать сейчасъ-же на „Побѣдоносецъ" и арестовать тамъ всѣхъ подлецовъ и измѣнниковъ народному дѣлу, другіе говорили, что нужно ихъ лучше однимъ выстрѣломъ утопить всѣхъ, третьи просто растерялись и не знали, что предпринять.

Но фактъ тотъ, что единодушія не существовало уже больше и у насъ.

Въ это время кто-то предложилъ ѣхать въ Румынію — чтобы тамъ обдумать спокойно свое дальнѣйшее положеніе.

За это ухватились всѣ, какъ утопающій за соломенку, и наше судно, побросавши даже уголь и преданную часть товарищей изъ команды „Георгія Побѣдоносца", двинулось въ Румынію.

Въ открытомъ морѣ на пути въ Румынію всѣ мы немножко отдохнули и привели свои чувства въ порядокъ. Многіе изъ насъ не спали до этого по 3 и больше сутокъ и только теперь подкрѣпили себя сномъ и немножко возстановили свои силы. Команда вновь воспрянула духомъ и даже начались во время пути пѣніе, танцы и игры. И это, не смотря на всѣ невзгоды, которыя намъ приходилось выносить и несмотря на то, что, кромѣ сухарей и воды, у насъ не было другой пищи. Удивительно неунывающая русская натура!

Наконецъ, 20-го мы прибыли въ Румынію, въ портъ Констанцу. Насъ сейчасъ же встрѣтили власти, которыхъ мы приняли съ почетомъ и пушечными салютами. Однако, не смотря на такой почетъ, оказанный нами имъ, они отказались разрѣшить закупить тамъ уголь и провіантъ а предложили лучше выйти на берегъ и стать подъ ихъ защиту и покровительство.

Команда наша вся единодушно отказалась отъ этого предложенія, и мы рѣшили, что, пока у насъ есть еще запасъ угля — тысячъ 15 —, то лучше пойти обратно въ Россію, сначала въ Ѳеодосію, а потомъ, можетъ быть, и на Кавказъ.

Единственное, что мы сдѣлали въ Румыніи, такъ это разослали нашъ „манифестъ" ко всему цивилизованному міру и наше обращеніе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ".

И такъ мы отправились опять въ путь. Въ Ѳеодосію мы прибыли 23-го утромъ часовъ въ девять. Нашъ броненосецъ сталъ на ѳеодосійскомъ рейдѣ, разукрашенный весь флагами и революціоннымъ краснымъ знаменемъ, на которомъ, на одной сторонѣ красовалась „Свобода, равенство и братство", а на другой: „Да здравствуетъ народное правленіе!".

Лишь только мы бросили якорь, какъ сейчасъ же наши депутаты на катерѣ отправились въ городъ. Депутатами поѣхали тов. Кириллъ и еще двое тов. матросовъ подъ охраной вооруженныхъ винтовками матросовъ. На берегу собралась уже огромная толпа народа, полиція, солдаты и военныя власти, которыя встрѣтили нашихъ уполномоченныхъ. Они заявили, что желаютъ сейчасъ-же видѣть у себя на суднѣ представителей народа и врача для больныхъ товарищей, умирающихъ отъ разстройства желудка. Исправникъ и другое начальство обращалось предупредительно вѣжливо и держало даже руку подъ козырекъ передъ нами, простыми солдатами. Когда городскія власти сѣли уже на катеръ и отправились къ намъ, то мы обратились съ рѣчью къ собравшемуся толпой около насъ народу.

Мы выяснили свои цѣли, задачи и стремленія, говорили о необходимости сверженія деспотическаго самодержавія, о немедленномъ прекращеніи избіенія нашихъ братьевъ, какъ въ Манджуріи, такъ и у себя на родинѣ.

Мы указывали на необходимость самой рѣшительной борьбы, теперь же, за народную свободу и народное правленіе, взамѣнъ вѣковыхъ цѣпей рабства и угнетенія.

Съ подобными рѣчами мы обращались къ тутъ-же стоящимъ солдатамъ, призывая ихъ къ солидарности съ нами. Въ заключеніе мы открыто раздали на глазахъ у полиціи нѣсколько нашихъ прокламацій.

При первыхъ нашихъ словахъ, полиція, по старой памяти, бросилась разгонять толпу, но товарищъ Кириллъ громко прикрикнулъ на эту разнузданную свору опричниковъ и всѣ они, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, совершено успокоились и умѣрили свой пылъ.

Послѣ этого, при дружескихъ революціонныхъ крикахъ всего собравшагося народа и салютахъ шапками, нашъ катеръ вернулся къ своему броненосцу.

Туда же вскорѣ прибыли городской голова и другіе представители города. Они, послѣ краткаго собесѣдованія съ нашимъ судовымъ управленіемъ, рѣшили сейчасъ же доставить намъ все необходимое.

И, дѣйствительно, часа черезъ два, намъ уже начали подвозить мясо, хлѣбъ, табакъ и другой провіантъ.

Но вдругъ мы получили извѣщеніе, что военныя власти силою прекратили дальнѣйшую доставку намъ уже закупленной провизіи и угрожали городскимъ представителямъ арестомъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать снабженіе насъ припасами. Дѣло усложнялось и обострялось. Но у насъ не было иного исхода, какъ дѣйствовать рѣшительно.

Наши депутаты то и дѣло отправлялись на берегъ и предъявляли требованіе за требованіемъ начальнику мѣстнаго гарнизона объ освобожденіи конфискованной у насъ провизіи. Одновременно съ этимъ, на берегу, передъ тысячной толпой и войсками произносились товарищами-матросами революціонныя рѣчи. Время текло быстро и наступилъ вечеръ. Мы рѣшили, поэтому, послать еще разъ депутатовъ и припугнуть мѣстныхъ сатраповъ бомбардировкой города.

Начальнику гарнизона и городскому головѣ было послано объ этомъ письменное извѣщеніе и жителей города просили до 10 час. утра перейти въ болѣе безопасныя части. Утромъ, часовъ въ 8, мы надумали силой взять одинъ изъ баркасовъ, стоящихъ въ порту, и при его посредствѣ начать грузить самимъ уголь изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Откладывать въ долгій ящикъ этого нельзя было. И часть нашихъ товарищей на катерѣ и миноносцѣ направились въ портъ для приведенія этого въ исполненіе. Но только они успѣли подъѣхать къ баркасу и частью взобраться на него, какъ по нимъ съ двухъ сторонъ былъ открытъ огонь залпами. Шесть человѣкъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ и частью попадали съ баркаса въ воду. На миноносцѣ и на баркасѣ было также двое убитыхъ и двое раненыхъ.

Катеръ оказался почти безъ управленія и едва едва одинъ изъ уцѣлѣвшихъ товарищей подъ перекрестнымъ огнемъ довелъ его до броненосца. Миноносецъ тоже съ трудомъ вернулся назадъ.

Лишь только на нашемъ суднѣ узнали эту звѣрскую и предательскую расправу съ нашими дорогими товарищами, какъ вмигъ часть матросовъ бросилась, безъ всякой команды, къ орудіямъ... Но куда было стрѣлять и въ кого? Мы только что почти прибыли и расположеніе города намъ совсѣмъ не было извѣстно. Войска же были позапрятаны за всякими закрытіями.

Поднялся шумъ и разногласіе. Одни кричали, что нужно отомстить и разбить весь городъ, другіе кричали о безмысленности этого. Что было дѣлать? Въ Румынію, — закричали опять — „въ Румынію", подхватила толпа, и мы опять очутились въ открытомъ морѣ.

Чѣмъ кончилось наше дѣло въ Румыніи, теперь уже извѣстно всѣмъ изъ русской и заграничной печати. Такъ-то кончилась жизнь нашей двѣнадцатидневной черноморской республики. Въ нашихъ рукахъ была громадная сила и власть, на нашей сторонѣ былъ авторитетъ 12 дюймовыхъ орудій и тысяча боевыхъ снарядовъ и, несмотря на все это, мы далеко не сдѣлали всего того, что можно было-бы сдѣлать въ нашемъ положеніи. Почему это такъ?

Да потому, что въ значительной степени событія управляли нами, а не мы событіями.

Но, чтобы отвѣтить болѣе обстоятельно на этотъ вопросъ, понадобилось бы съ моей стороны лучшее здоровье и больше свободнаго времени. Ни того, ни другого у меня сейчасъ нѣтъ, и поэтому я закончу здѣсь свое описаніе.

⁂

Говорятъ, что мы позорно сдались въ Румыніи, вмѣсто того, чтобы биться до послѣдней капли крови.

несмотря на то, что сами „большевики" въ эти бурные дни развили ничтожную энергію; забылъ ли онъ, что въ то время въ Петербургѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ и друг. городахъ именно „отколовшіеся" меньшевики наиболѣе активно участвовали въ движеніи, что именно они взывали, хотя и безуспѣшно, къ большевистскимъ комитетамъ о томъ, чтобы въ интересахъ революціоннаго выступленія пролетаріата вступить въ практическія соглашенія? Если авторъ все это вспомнитъ, то мы спросимъ его далѣе, поступилъ ли бы онъ, съ своей точки зрѣнія, иначе, будучи на мѣстѣ меньшевиковъ? Несомнѣнно, что онъ поступилъ бы также. Объ этомъ свидѣтельствуютъ другія мѣста изъ его письма. Говоря, напримѣръ, о такъ называемомъ третьемъ съѣздѣ, онъ и не думаетъ ставить намъ въ вину, что мы отъ него „откололись": онъ самъ отмѣчаетъ „его созывъ, его характеръ, и, благодаря этому, *вынужденное* неучастіе въ немъ цѣлой категоріи партійныхъ организацій". Точно также въ другомъ мѣстѣ, объявляя войну „дурнымъ пастырямъ", онъ очень мало считается съ тѣмъ, что эта война грозитъ новыми расколами, что она не только разрушитъ мнимое единство, установленное, такъ называемымъ, третьимъ съѣздомъ, но, можетъ быть вызоветъ также борьбу и съ другой частью партіи. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, чтобы ставить нашимъ традиціоннымъ партійнымъ руководителямъ ультиматумъ: „лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ", пишетъ онъ, „когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить пролетарскую окраску и когда организаціонныя рамки ихъ будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять дѣйствительно въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность". Изъ за чего же шумъ? Почему же авторъ упрекаетъ „меньшиковъ" за такіе шаги, которые онъ самъ рекомендуетъ товарищамъ? Вѣроятно потому, что эти шаги меньшевиковъ, съ точки зрѣнія автора, не увѣнчались успѣхомъ, вѣроятно, потому, что и меньшевистскія организаціи недостаточно обезпечиваютъ самодѣятельность сознательнымъ пролетаріямъ. Но если дѣло обстоитъ такъ, то авторъ, который причислялъ себя раньше къ „меньшинству", долженъ былъ бы указать на это фактическое противорѣчіе между теоріей и практикой меньшевиковъ; долженъ былъ бы искать путей къ устраненію этихъ противорѣчій. Онъ же, вмѣсто этого, просто выбрасываетъ за бортъ тактическіе принципы „меньшевиковъ" и призываетъ рабочихъ не давать себя увлекать праздными фракціонными спорами по тактическимъ вопросамъ. Какъ будто теорія, примѣненіе которой къ практикѣ дается съ трудомъ, есть по тому самому теорія праздная, какъ будто только та теорія вѣрна, которая, въ своемъ осуществленіи, не сталкивается ни съ какими практическими затрудненіями!

Авторъ выдвигаетъ передъ нашей партіей на первый планъ задачу огражденія политической самостоятельности рабочаго класса въ современной буржуазной революціи. Доказалъ ли онъ, пытался ли онъ доказать, что тактическія разногласія между такъ называемыми „меньшевиками" и „большевиками" не имѣютъ отношенія къ этому вопросу, что проведеніе на практикѣ тѣхъ или другихъ тактическихъ принциповъ не отразится на степени политической самостоятельности русскаго рабочаго класса.

Такъ называемые „меньшевики", исходятъ изъ принципа, что соц.-дем. обязана, уже въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ и отчасти въ интересахъ этой самой борьбы, привлекать пролетаріатъ къ политической борьбѣ съ буржуазными классами и партіями, къ борьбѣ съ ними за вліяніе на ходъ и исходъ революціи. Исходя изъ этого, они передъ январьскими событіями, когда политическая авансцена была заполнена оппозиціонными выступленіями буржуазіи, рекомендовали организованному пролетаріату извѣстный планъ „земской кампаніи". Большевики нападали на этотъ планъ, предпочитая ему „манифестаціи передъ участками". Имѣетъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о воспитаніи политической самостоятельности пролетаріата или нѣтъ? Далѣе; въ вопросѣ о подготовленія возстанія „большевики" выдвигали на первый планъ задачу образованія таинственнаго центра, „штаба спѣвшихся революціонеровъ", который конспиративными средствами подготовитъ и въ благопріятный моментъ назначитъ всенародное возстаніе. Меньшевики указывали на утопизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, на полное непониманіе условій развитія классовыхъ противорѣчій до степени революціи обнаруженныхъ этой теоріей. Они противоставляли ей методъ „развязыванія" революціи путемъ систематическаго обостренія классовой борьбы, путемъ воспитанія въ широкихъ кругахъ пролетаріата яснаго пониманія настоящаго историческаго момента, политической активности и революціонной иниціативы. Имѣлъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о выработкѣ самостоятельной политики рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики" предохраняли пролетаріатъ отъ иллюзій, порождаемыхъ отождествленіемъ *техническихъ* задачъ возстанія съ *политическими* задачами революціи, отъ иллюзій, за которыя въ прошлыя революціи европейскій пролетаріатъ не разъ жестоко поплатился. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ развитію сознательности, а, слѣдовательно, къ огражденію политической самостоятельности пролетаріата или нѣтъ?

„Меньшевики" боролись противъ тактики, направленной къ участію соц.-дем. въ буржуазномъ временномъ правительствѣ, на томъ основаніи, что такая тактика внушаетъ пролетаріату неосновательныя надежды, что буржуазное временное правительство будетъ вѣрной заступницей всѣхъ его интересовъ, на томъ основаніи, что она такимъ образомъ, связываетъ революціонную энергію пролетаріата, что она готовитъ ему разочарованія, а соціальдемократіи банкротство. „Меньшевики" противоставляли этой тактикѣ фактическій захватъ политическихъ правъ рабочими организаціями и организацію революціоннаго давленія народа на всякое правительство, которое будетъ выдвинуто событіями. Имѣлъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о самостоятельной политикѣ рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики" дали лозунгъ содѣйствовать открытой организаціи профессіональныхъ союзовъ уже въ настоящее переходное время, потому что соціальдемократія должна руководить всѣми проявленіями классовой борьбы пролетаріата, потому что этимъ отнимается почва отъ подчиненія профессіональнаго движенія пролетаріата вліянію буржуазной демократіи. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ охранѣ самостоятельности нашего рабочаго движенія?

Всякій, кому дороги интересы политической самостоятельности пролетаріата, не только долженъ былъ интересоваться этими вопросами, онъ обязанъ былъ заниматься ими со всей страстью, со всѣмъ пыломъ преданнаго слуги пролетаріата и революціи, потому что это вопросы злободневные, жгучіе, потому что наша партія еще чрезвычайно мало сдѣлала для ихъ практическаго рѣшенія, потому что время не терпитъ, потому что отъ успѣха въ практическомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ зависѣть ближайшія судьбы нашей партіи, будетъ зависѣть, приспособится ли она къ новымъ условіямъ жизни, или она будетъ похоронена революціей вмѣстѣ съ другими элементами стараго общества? Такъ называемые „меньшевики" понимали и понимаютъ, что проведеніе въ жизнь этихъ тактическихъ принциповъ предполагаетъ коренное измѣненіе всего содержанія нашей партійной работы. Но для этого новаго *содержанія* старыя партійныя *формы* оказываются непригодными; поэтому, „меньшевики" предлагали и предлагаютъ, *параллельно* съ преобразованіемъ партійной работы, преобразовать и форму нашей партійной организаціи, преобразовать въ томъ смыслѣ, чтобъ наша партія фактически, по своему составу, становилась партіей пролетарской. И въ этомъ отношеніи „меньшевики" представляли и представляютъ себѣ организаціонный переворотъ гораздо болѣе радикальнымъ, чѣмъ авторъ письма.

Къ отвѣтственному участію въ рѣшеніи вопросовъ внутри и внѣ партійной политики должны быть привлечены широкіе круги сознательныхъ пролетаріевъ. Чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо, съ одной стороны, отказаться отъ фетишизма передъ традиціонными формами нашей партійной организаціи, намъ необходимо разбить традиціонныя рамки нашей партіи и значительно расширить ея предѣлы; намъ необходимо развить и привлечь въ нашу партію — дѣйствительныхъ вождей пролетарскихъ массъ: организаторовъ профессіональныхъ союзовъ, излюбленныхъ депутатовъ рабочихъ, выдающихся ораторовъ политическихъ рабочихъ клубовъ — всѣхъ тѣхъ вождей пролетаріата, которые до сихъ поръ чуждались нашей партійной организаціи не потому, что ихъ отпугивала соціальдемократическая программа, а потому, что тѣсныя рамки нашей подпольной организаціи не давали имъ никакого простора для дѣятельности. На это были направлены резолюціи нашей партійной конференціи. Для того, чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо, съ другой стороны, примириться съ тѣмъ, что быстрый процессъ приспособленія нашей партіи къ новымъ задачамъ, выдвинутымъ историческимъ моментомъ, неизбѣжно смететъ много негодныхъ, неприспособившихся элементовъ, выработанныхъ нашей партійной жизнью. И эта неизбѣжная печальная участь постигнетъ не только тѣхъ или другихъ неумѣлыхъ или застывшихъ въ своей рутинѣ интеллигентскихъ руководителей; она постигнетъ также и цѣлый рядъ периферійныхъ работниковъ изъ сознательныхъ рабочихъ, воспитанныхъ въ навыкахъ кружкового подполья. Развѣ не обнаруживается уже теперь, при каждомъ крупномъ выступленіи пролетаріата, что онъ выдвигаетъ новыхъ вождей изъ своей среды, что многіе сознательные рабочіе, участвовавшіе въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ, неспособны пріобрѣсти вліянія на широкія рабочія массы?... Вы видите, — ближайшія перспективы, которыя открывали нашему движенію „меньшевики", очень широки; задачи, которыя они выдвинули, чрезвычайно трудны и сложны, и выполнять приходится ихъ въ такой моментъ, когда событія развиваются съ лихорадочной быстротой, когда сегодняшній день безжалостно разрушаетъ то, что съ громадными усиліями созидалось вчера. Именно потому, наша практика такъ отстаетъ отъ нашей теоріи. Не столько въ злокозненности нашихъ руководителей, не столько въ ихъ интеллигентскихъ недостаткахъ, сколько въ громадности и трудности новыхъ задачъ, ставшихъ передъ нами, нужно искать объясненіе тому, что наша практика насъ мало удовлетворяетъ.

Товарищъ „рабочій, одинъ изъ многихъ" не способенъ вмѣстить всѣхъ новыхъ, сложныхъ и трудныхъ задачъ, представшихъ передъ нашей партіей. Отъ [illegible] въ [illegible] кругу вахъ уже рисовались планы завоеванія политической свободы для всего юга Россіи и распространенія ея на всю многострадальную родину.

18-го утромъ рано мы уже были всѣ на ногахъ и часть изъ насъ отправилась опять на „Побѣдоносецъ". Каково же было наше удивленіе и огорченіе, когда по прибытіи туда мы уже не нашли вчерашняго единодушія среди команды. Для насъ было ясно, что всю ночь кто то велъ усиленную пропаганду разложенія и, дѣйствительно, раскололъ команду на двѣ явно враждебныя другъ другу части. Всякія попытки объединенія съ нашей стороны встрѣчались одной частью шумомъ, мѣшавшимъ намъ говорить, а съ другой криками и просьбами продолжать наши рѣчи. Однако, мало по малу, удалось разъяснить выгоды солидарности и успокоить обѣ стороны, поднявши снова во всей командѣ духъ бодрости и увѣренности въ своей громадной силѣ.

Послѣ улаженія всего этого приступили къ рѣшенію вопроса — что дѣлать дальше? Тутъ то опять и обнаружилось, что среди команды образовалась какая-то подпольная группа, поставившая своей задачей пожать лавры предательства и выслужиться своимъ холопствомъ передъ начальствомъ. Эта группа усиленно пропагандировала мысль о необходимости пойти сейчасъ-же на встрѣчу всей остальной эскадрѣ или же въ Севастополь и вступить въ переговоры съ начальствомъ. Когда же ихъ спрашивали, какіе же это будутъ переговоры и чего мы ими должны добиваться, то они тщательно избѣгали прямыхъ отвѣтовъ и говорили весьма туманно, на каждомъ словѣ противорѣча самимъ себѣ.

Только позднѣе мы догадались о причинѣ всей этой неурядицы и спохватились о громадномъ промахѣ, который мы сгоряча и на радостяхъ совершенно не предусмотрѣли. Промахъ этотъ, погубившій впослѣдствіи все наше великое дѣло, заключался въ томъ, что мы не арестовали и не высадили на берегъ, вмѣстѣ съ офицерами, такъ называемыхъ кондукторовъ, этихъ сверхсрочныхъ солдатскихъ шкуръ, у которыхъ 20-тилѣтняя муштра, прислужничество и холопство передъ всякимъ начальствомъ сдѣлались неотъемлемой частью ихъ подлаго существа.

Съ большимъ трудомъ намъ все таки удалось убѣдить команду не предпринимать ничего, пока товарищи „Потемкина" не обсудятъ также всѣхъ этихъ вопросовъ. Съ этимъ мы уѣхали обратно къ себѣ. Прибывши на свое судно, мы разсказали, въ чемъ дѣло, и команда наша единодушно рѣшила, что въ Севастополь она не пойдетъ, а сегодня же вечеромъ ударитъ всей своей силой вооруженія на Одессу, чтобы выгнать оттуда войска, вооружить изъ городского арсенала весь рабочій людъ, установить независимое народное управленіе и обезпечить себѣ такимъ образомъ базу в тылъ. А дальше можно было уже соотвѣтствующимъ образомъ встрѣтить и эскадру, если-бы она вновь вздумала сдѣлать нападеніе.

Принявъ такое рѣшеніе, мы вновь послали своихъ депутатовъ для передачи его „Побѣдоносцу". А сами приступили къ нагрузкѣ угля, котораго намъ удалось раздобыть больше 100,000 пудовъ.

Въ это же время мы отправили печатное извѣщеніе къ командующему войсками, заключающее цѣлый рядъ требованій: освобожденіе всѣхъ заключенныхъ изъ тюремъ, выводъ изъ города всѣхъ войскъ, предоставленіе арсенала въ распоряженіе народа, немедленная доставка намъ провизіи и всего необходимаго и пр. и пр. — въ заключеніе говорилось, что если хотя одно изъ этихъ требованій не будетъ удовлетворено, то мы приступаемъ къ бомбардировкѣ города и постараемся силой захватить его въ свои руки.

Но вдругъ на нашемъ суднѣ закричали что „Побѣдоносецъ" снялся съ якоря.

И дѣйствительно, „предатель" вздумалъ удариться отъ насъ въ бѣгство вмѣстѣ со всѣми нашими депутатами.

Мы немедленно приказали ему вернуться, но онъ прибавилъ только ходу. Тогда мы дали боевой сигналъ и наши 12-ти дюймовыя орудія совсѣмъ уже готовы были дать залпъ по измѣнникамъ, какъ они перетрусили и круто повернули обратно. Озлобленію и негодованію среди нашей команды на подобный измѣнническій образъ дѣйствій не было границъ. И я увѣренъ, что не вернись „Побѣдоносецъ", онъ былъ бы потопленъ нашими зарядами въ нѣсколько секундъ.

Однако, „предатели" добивались своего и вмѣсто того, чтобы встать на прежнее свое мѣсто, они полнымъ ходомъ завели броненосецъ въ портъ. Черезъ нѣсколько минутъ катера привезли оттуда нашихъ депутатовъ. Товарищи заявили, что вся команда тамъ вовсе не хотѣла дѣйствовать такъ измѣннически, а что виной всему этому врачъ Голенко, кондуктора и особенно одинъ изъ нихъ, который неосмотрительно былъ выбранъ вчера на постъ командира броненосца.

Послѣдній самъ по своему желанію приказалъ сняться съ якоря и идти въ Севастополь, перевирая всей командѣ наши сигналы и объясняя ихъ въ смыслѣ нашего слѣдованія за ними. Только когда мы дали боевой сигналъ, то врать уже стало невозможно и онъ, круто повернувъ судно назадъ, ввелъ его въ портъ и посадилъ на мель. Послѣднее обстоятельство страшно обезкуражило всѣхъ, и даже у самыхъ энергичныхъ опустились на мгновеніе руки и они утратили иниціативу.

Одни предлагали ѣхать сейчасъ-же на „Побѣдоносецъ" и арестовать тамъ всѣхъ подлецовъ и измѣнниковъ народному дѣлу, другіе говорили, что нужно ихъ лучше однимъ выстрѣломъ утопить всѣхъ, третьи просто растерялись и не знали, что предпринять.

Но фактъ тотъ, что единодушія не существовало уже больше и у насъ.

Въ это время кто-то предложилъ ѣхать въ Румынію — чтобы тамъ обдумать спокойно свое дальнѣйшее положеніе.

За это ухватились всѣ, какъ утопающій за соломенку, и наше судно, побросавши даже уголь и преданную часть товарищей изъ команды „Георгія Побѣдоносца", двинулось въ Румынію.

Въ открытомъ морѣ на пути въ Румынію всѣ мы немножко отдохнули и привели свои чувства въ порядокъ. Многіе изъ насъ не спали до этого по 3 и больше сутокъ и только теперь подкрѣпили себя сномъ и немножко возстановили свои силы. Команда вновь воспрянула духомъ и даже начались во время пути пѣніе, танцы и игры. И это, не смотря на всѣ невзгоды, которыя намъ приходилось выносить и несмотря на то, что, кромѣ сухарей и воды, у насъ не было другой пищи. Удивительно неунывающая русская натура!

Наконецъ, 20-го мы прибыли въ Румынію, въ портъ Констанцу. Насъ сейчасъ же встрѣтили власти, которыхъ мы приняли съ почетомъ и пушечными салютами. Однако, не смотря на такой почетъ, оказанный нами имъ, они отказались разрѣшить закупить тамъ уголь и провіантъ, а предложили лучше выйти на берегъ и стать подъ ихъ защиту и покровительство.

Команда наша вся единодушно отказалась отъ этого предложенія, и мы рѣшили, что, пока у насъ есть еще запасъ угля тысячъ 15 —, то лучше пойти обратно въ Россію, сначала въ Ѳеодосію, а потомъ, можетъ быть, и на Кавказъ.

Единственное, что мы сдѣлали въ Румыніи, такъ это разослали нашъ „манифестъ" ко всему цивилизованному міру и наше обращеніе „ко всѣмъ европейскимъ державамъ".

И такъ мы отправились опять въ путь. Въ Ѳеодосію мы прибыли 22-го утромъ часовъ въ девять. Нашъ броненосецъ сталъ на ѳеодосійскомъ рейдѣ, разукрашенный весь флагами и революціоннымъ краснымъ знаменемъ, на которомъ, на одной сторонѣ красовалось „Свобода, равенство и братство", а на другой „Да здравствуетъ народное правленіе".

Лишь только мы бросили якорь, какъ сейчасъ же наши депутаты на катерѣ отправились въ городъ. Депутатами поѣхали тов. Кириллъ и еще двое тов. матросовъ подъ охраной вооруженныхъ винтовками матросовъ. На берегу собралась уже огромная толпа народа, полиція, солдаты и военныя власти, которыя встрѣтили нашихъ уполномоченныхъ. Они заявили, что желаютъ сейчасъ же видѣть у себя на суднѣ представителей народа и врача для больныхъ товарищей, умиравшихъ отъ разстройства желудка. Исправникъ и другое начальство обращалось предупредительно вѣжливо и держало даже руку подъ козырекъ передъ нами, простыми солдатами. Когда городскія власти сѣли уже на катеръ и отправились къ намъ, то мы обратились съ рѣчью къ собравшемуся толпой около насъ народу.

Мы выяснили свои цѣли, задачи и стремленія, говорили о необходимости сверженія деспотическаго самодержавія, о немедленномъ прекращеніи избіенія нашихъ братьевъ, какъ въ Манджуріи, такъ и у себя на родинѣ.

Мы указывали на необходимость самой рѣшительной борьбы теперь же за народную свободу и народное правленіе взамѣнъ вѣковыхъ цѣпей рабства и угнетенія.

Съ подобными рѣчами мы обращались къ тутъ же стоявшимъ солдатамъ, призывая ихъ къ солидарности съ нами. Въ заключеніе мы открыто роздали на глазахъ у полиціи нѣсколько нашихъ прокламацій.

При первыхъ нашихъ словахъ, полиція, по старой памяти, бросилась разгонять толпу, но товарищъ Кириллъ громко прикрикнулъ на эту разнузданную свору опричниковъ и всѣ они, вытянувшись передъ нимъ въ струнку, совершено успокоились и умѣрили свой пылъ.

Послѣ этого, при дружескихъ революціонныхъ крикахъ всего собравшагося народа и салютахъ шапками, нашъ катеръ вернулся къ своему броненосцу.

Туда же вскорѣ прибыли городской голова и другіе представители города. Они, послѣ краткаго собесѣдованія съ нашимъ судовымъ управленіемъ, рѣшили сейчасъ же доставить намъ все необходимое.

И, дѣйствительно, часа черезъ два, намъ уже начали подвозить мясо, хлѣбъ, табакъ и другой провіантъ.

Но вдругъ мы получили извѣщеніе, что военныя власти силою прекратили дальнѣйшую доставку намъ уже закупленной провизіи и угрожали городскимъ представителямъ арестомъ въ случаѣ, если они будутъ продолжать снабженіе насъ припасами. Дѣло усложнялось и обострялось. Но у насъ не было иного исхода, какъ дѣйствовать рѣшительно.

Наши депутаты то и дѣло отправлялись на берегъ и предъявляли требованіе за требованіемъ начальнику мѣстнаго гарнизона объ освобожденіи конфискованной у насъ провизіи. Одновременно съ этимъ, на берегу, передъ тысячной толпой и войсками произносились товарищами-матросами революціонныя рѣчи. Время текло быстро и наступилъ вечеръ. Мы рѣшили, поэтому, послать еще разъ депутатовъ и припугнуть мѣстныхъ сатраповъ бомбардировкой города.

Начальнику гарнизона и городскому головѣ было послано объ этомъ письменное извѣщеніе и жителей города просили до 10 час. утра перейти въ болѣе безопасныя части. Утромъ, часовъ въ 8, мы надумали силой взять одинъ изъ баркасовъ, стоявшихъ въ порту, и при его посредствѣ начать грузить самимъ уголь изъ желѣзнодорожныхъ складовъ. Откладывать въ долгій ящикъ этого нельзя было. И часть нашихъ товарищей на катерѣ и миноносцѣ направились въ портъ для приведенія этого въ исполненіе. Но только они успѣли подъѣхать къ баркасу и частью взобраться на него, какъ по нимъ съ двухъ сторонъ былъ открытъ огонь залпами. Шесть человѣкъ убитыми и ранеными остались на мѣстѣ и частью попадали съ баркаса въ воду. На миноносцѣ и на баркасѣ было также двое убитыхъ и двое раненыхъ.

Катеръ оказался почти безъ управленія и едва едва одинъ изъ уцѣлѣвшихъ товарищей подъ перекрестнымъ огнемъ довелъ его до броненосца. Миноносецъ тоже съ трудомъ вернулся назадъ.

Лишь только на нашемъ суднѣ узнали эту звѣрскую и предательскую расправу съ нашими дорогими товарищами, какъ вмигъ часть матросовъ бросилась, безъ всякой команды, къ орудіямъ. Но куда было стрѣлять и въ кого? Мы только что почти прибыли и расположеніе города намъ совсѣмъ не было извѣстно. Войска же были запрятаны за всякими закрытіями.

Поднялся шумъ и разногласіе. Одни кричали, что нужно отомстить и разбить весь городъ, другіе кричали о безмысленности этого. Что было дѣлать? Въ Румынію, — закричали опять, — „въ Румынію" подхватила толпа, и мы опять очутились въ открытомъ морѣ.

Чѣмъ кончилось наше дѣло въ Румыніи, теперь уже извѣстно всѣмъ изъ русской и заграничной печати. Такъ-то кончилась жизнь нашей двѣнадцатидневной черноморской республики. Въ нашихъ рукахъ была громадная сила и власть, на нашей сторонѣ былъ авторитетъ 12 дюймовыхъ орудій и тысяча боевыхъ снарядовъ и, несмотря на все это, мы далеко не сдѣлали всего того, что можно было-бы сдѣлать въ нашемъ положеніи. Почему это такъ?

Да потому, что въ значительной степени событія управляли нами, а не мы событіями.

Но, чтобы отвѣтить болѣе обстоятельно на этотъ вопросъ, понадобилось бы съ моей стороны лучшее здоровье и больше свободнаго времени. Ни того, ни другого у меня сейчасъ нѣтъ, и поэтому я закончу здѣсь свое описаніе.

* * *

Говорятъ, что мы позорно сдались въ Румыніи вмѣсто того, чтобы биться до послѣдней капли крови.

несмотря на то, что сами „большевики" въ эти бурные дни развели ничтожную энергію; забылъ ли онъ, что въ то время въ Петербургѣ, Одессѣ, Екатеринославѣ и друг. городахъ именно „отколовшіеся" меньшевики наиболѣе активно участвовали въ движеніи, что именно они взывали, хотя и безуспѣшно, къ большевистскимъ комитетамъ о томъ, чтобы въ интересахъ революціоннаго выступленія пролетаріата вступить въ практическія соглашенія? Если авторъ все это вспомнитъ, то мы спросимъ его далѣе, поступилъ ли бы онъ, съ своей точки зрѣнія иначе, будучи на мѣстѣ меньшевиковъ? Несомнѣнно, что онъ поступилъ бы также. Объ этомъ свидѣтельствуютъ другія мѣста изъ его письма. Говоря, напримѣръ, о такъ называемомъ третьемъ съѣздѣ, онъ и не думаетъ ставить намъ въ вину, что мы отъ него „откололись"; онъ самъ отмѣчаетъ „его созывъ, его характеръ и, благодаря этому, *вынужденное* неучастіе въ немъ цѣлой категоріи партійныхъ организацій". Точно также въ другомъ мѣстѣ, объявляя войну „дурнымъ пастырямъ", онъ очень мало считается съ тѣмъ, что эта война грозитъ новыми расколами, что она не только разрушитъ мнимое единство, установленное такъ называемымъ третьимъ съѣздомъ, но, можетъ быть вызоветъ также борьбу и съ другой частью партіи. Онъ не задумывается надъ тѣмъ, чтобы ставить нашимъ традиціоннымъ партійнымъ руководителямъ ультиматумъ, „лишь въ томъ случаѣ мы сможемъ примкнуть къ нимъ", пишетъ онъ, „когда всѣ ихъ тактическіе взгляды будутъ носить пролетарскую окраску и когда организаціонныя рамки ихъ будутъ достаточно широки для того, чтобы сознательные пролетаріи могли бы проявлять дѣйствительно въ нихъ свою самостоятельность и самодѣятельность". Изъ за чего же шумъ? Почему же авторъ упрекаетъ „меньшевиковъ" за такіе шаги, которые онъ самъ рекомендуетъ товарищамъ? Вѣроятно потому, что эти шаги меньшевиковъ, съ точки зрѣнія автора, не увѣнчались успѣхомъ, вѣроятно, потому что меньшевистскія организаціи не достаточно обезпечиваютъ самодѣятельность сознательнымъ пролетаріямъ. Но если дѣло обстоитъ такъ, то авторъ, который причислялъ себя раньше къ „меньшинству", долженъ былъ бы указать на это фактическое противорѣчіе между теоріей и практикой меньшевиковъ, долженъ былъ бы искать путей къ устраненію этихъ противорѣчій. Онъ же, вмѣсто этого, просто выбрасываетъ за бортъ тактическіе принципы „меньшевиковъ" и призываетъ рабочихъ не давать себя увлекать праздными фракціонными спорами по тактическимъ вопросамъ. Какъ будто теорія, примѣненіе которой къ практикѣ дается съ трудомъ, есть по тому самому теорія праздная, какъ будто только та теорія вѣрна, которая, въ своемъ осуществленіи, не сталкивается ни съ какими практическими затрудненіями!

Авторъ выдвигаетъ передъ нашей партіей на первый планъ задачу огражденія политической самостоятельности рабочаго класса въ современной буржуазной революціи. Доказалъ ли онъ, пытался ли онъ доказать, что тактическія разногласія между такъ называемыми „меньшевиками" и „большевиками" не имѣютъ отношенія къ этому вопросу, что проведеніе на практикѣ тѣхъ или другихъ тактическихъ принциповъ не отразится на степени политической самостоятельности русскаго рабочаго класса.

Такъ называемые „меньшевики" исходятъ изъ принципа, что соц.-дем. обязана, уже въ періодъ борьбы съ абсолютизмомъ и отчасти въ интересахъ этой самой борьбы, привлекать пролетаріатъ къ политической борьбѣ съ буржуазными классами и партіями, къ борьбѣ съ ними за вліяніе на ходъ и исходъ революціи. Исходя изъ этого они передъ январскими событіями, когда политическая атмосфера была заполнена оппозиціонными выступленіями буржуазіи, рекомендовали организованному пролетаріату извѣстный планъ „земской кампаніи". Большевики нападали на этотъ планъ, противопоставляя ему „манифестаціи передъ участками". Имѣетъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о воспитаніи политической самостоятельности пролетаріата или нѣтъ? Далѣе, въ вопросѣ о подготовленіи возстанія „большевики" выдвигали на первый планъ задачу образованія таинственнаго центра, „штаба опытнѣйшихъ революціонеровъ", который конспиративными средствами подготовитъ и въ благопріятный моментъ назначитъ всенародное возстаніе. Меньшевики указывали на утопизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на полное непониманіе условій развитія классовыхъ противорѣчій и революціи, обнаруженныхъ этой теоріей. Они противопоставляли ей методъ „развязыванія" революціи путемъ систематическаго обостренія классовой борьбы, путемъ воспитанія въ широкихъ кругахъ пролетаріата яснаго пониманія настоящаго историческаго момента, политической активности и революціонной иниціативы. Имѣетъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о выработкѣ самостоятельной политики рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики" предохраняли пролетаріатъ отъ иллюзій, порождаемыхъ отождествленіемъ *техническихъ* задачъ возстанія съ *политическими* задачами революціи, отъ иллюзій, на которыхъ [illegible] революціи [illegible] пролетаріата [illegible]. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ развитію самостоятельности, а слѣдовательно и къ [illegible] самостоятельности пролетаріата или нѣтъ?

„Меньшевики" боролись противъ тактики насильственнаго участія соц.-дем. въ буржуазномъ временномъ правительствѣ на томъ основаніи, что такая тактика внушаетъ пролетаріату несостоятельныя надежды, что буржуазное временное правительство будетъ вѣрнымъ заступникомъ его [illegible], на томъ основаніи, что она такимъ образомъ связываетъ революціонную энергію пролетаріата, что она готовитъ ему разочарованіе, а соціалъ-демократіи банкротство. „Меньшевики" противопоставляли этой тактикѣ фактическій захватъ политическихъ правъ рабочими организаціями и организацію революціоннаго давленія народа на всякое правительство, которое будетъ выдвинуто событіями. Имѣлъ ли этотъ споръ отношеніе къ вопросу о самостоятельной политикѣ рабочаго класса или нѣтъ? „Меньшевики" дали лозунгъ содѣйствовать открытой организаціи профессіональныхъ союзовъ уже въ настоящее переходное время потому что соціалъ-демократія должна руководить всѣми проявленіями классовой борьбы пролетаріата, потому что этимъ отнимается почва отъ подчиненія профессіональнаго движенія пролетаріата вліянію буржуазной демократіи. Имѣлъ ли этотъ спорный вопросъ отношеніе къ охранѣ самостоятельности нашего рабочаго движенія?

Всякій, кому дороги интересы политической самостоятельности пролетаріата, не только долженъ былъ интересоваться этими вопросами, онъ обязанъ былъ заниматься ими со всей страстью, со всѣмъ пыломъ преданнаго слуги пролетаріата и революціи, потому что это вопросы злободневные, жгучіе, потому что наша партія еще чрезвычайно мало сдѣлала для ихъ практическаго рѣшенія, потому что время не терпитъ, потому что отъ успѣха въ практическомъ рѣшеніи этихъ вопросовъ будетъ зависѣть ближайшія судьбы нашей партіи, будетъ зависѣть, приспособится ли она къ новымъ условіямъ жизни, или она будетъ похоронена революціей вмѣстѣ съ другими элементами стараго общества? Такъ называемые „меньшевики" понимали и понимаютъ, что проведеніе въ жизнь этихъ тактическихъ принциповъ предполагаетъ коренное измѣненіе всего содержанія нашей партійной работы. Но для этого новаго *содержанія* старыя партійныя *формы* оказываются непригодными, поэтому „меньшевики" предлагали и предлагаютъ, *параллельно* съ преобразованіемъ партійной работы, преобразовать и форму нашей партійной организаціи, преобразовать въ томъ смыслѣ, чтобы наша партія фактически по своему составу, становилась партіей пролетарской. И въ этомъ отношеніи „меньшевики" представляли и представляютъ себѣ организаціонный переворотъ [illegible] разъ болѣе радикальнымъ, чѣмъ авторъ письма.

Къ отвѣтственному участію въ рѣшеніи вопросовъ внутренней партійной политики должны быть привлечены широкіе круги сознательныхъ пролетаріевъ. Чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо съ одной стороны отказаться отъ фетишизма передъ традиціонными формами нашей партійной организаціи, намъ необходимо разбить традиціонныя рамки нашей партіи и значительно расширить ихъ предѣлы, намъ необходимо развить и привлечь въ нашу партію самостоятельныхъ вождей пролетарскихъ массъ, организаторовъ профессіональныхъ союзовъ, избранныхъ депутатовъ рабочихъ, вышедшихъ изъ рядовъ политическихъ рабочихъ кружковъ — всѣхъ тѣхъ вождей пролетаріата, которые до сихъ поръ не участвовали въ нашей партійной организаціи не потому, что ихъ не удовлетворяла соціалъ-демократическая программа, а потому, что тѣсныя рамки нашей партійной организаціи не давали имъ никакого простора для дѣятельности. [illegible] были [illegible] нашей партійной конференціи, и для того, чтобы совершить этотъ организаціонный переворотъ, намъ необходимо съ другой стороны примириться съ тѣмъ, что быстрое [illegible] нашей партіи къ новымъ задачамъ, выдвинутымъ историческимъ моментомъ, неизбѣжно [illegible] неудобствъ [illegible] выработанныхъ нашей партійной жизнью. И [illegible] неизбѣжная печальная участь постигнетъ не только тѣхъ или другихъ [illegible] или загнившихъ въ узкой рутинѣ интеллигентскихъ руководителей, она постигнетъ также и цѣлый рядъ партійныхъ работниковъ изъ сознательныхъ рабочихъ, воспитанныхъ на навыкахъ кружковаго подполья. Развѣ не обнаружилось уже теперь, при каждомъ крупномъ выступленіи пролетаріата, что оно выдвигаетъ новыхъ вождей изъ своей среды, что многіе сознательные рабочіе, участвовавшіе въ нашихъ партійныхъ организаціяхъ, неспособны пріобрѣсти вліянія на широкія рабочія массы? Вы видите, ближайшія перспективы, которыя открывали нашему движенію „меньшевики", очень широки, задачи, которыя они выдвинули, чрезвычайно трудны и сложны, и выполнять приходится ихъ въ такой моментъ, когда событія развиваются съ лихорадочной быстротой, когда сегодняшній день безжалостно разрушаетъ то, что съ громадными усиліями созидалось вчера. Именно потому наша практика такъ отстаетъ отъ нашей теоріи. Не столько въ злокозненности нашихъ руководителей, не столько въ ихъ интеллигентскихъ недостаткахъ, сколько въ громадности и трудности новыхъ задачъ, ставшихъ передъ нами, нужно искать объясненіе тому, что наша практика насъ мало удовлетворяетъ.

Товарищъ „рабочій, одинъ изъ многихъ" не способенъ вмѣстить всѣхъ новыхъ, сложныхъ и трудныхъ задачъ, представшихъ передъ нашей партіей. Съ [illegible] въ [illegible] онъ кру

Имъ ли [illegible], что пошло и нагло обвинять насъ въ этомъ, сидя въ какой нибудь кофейной съ сигарой въ зубахъ и резонерствуя [illegible] о злобѣ дня.

Мы выдержали, можно сказать, 12 тидневный непрерывный бой, который мы вели безъ всякой посторонней помощи, безъ всякой поддержки.

Гдѣ были всѣ эти пошлые резонеры, когда мы нуждались хоть въ какой-нибудь поддержкѣ со стороны? Безъ угля, безъ пищи, при колоссальномъ физическомъ и моральномъ трудѣ мы держались цѣлыхъ двѣнадцать сутокъ. Наша машинная и кочегарная команда буквально истощила всѣ силы и наполовину была больна.

К.

ЭПИЗОДЪ 14-го ІЮНЯ НА ЭСКАДРОННОМЪ БРОНЕНОСЦѢ „КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ".

Описан. мин.-машин. кватирмейст. 1-ой ст. Афанасіемъ Матющенкомъ[1]

Втеченіе послѣднихъ 4½ лѣтъ въ Севастополѣ образовался свой социальдемократическій кружокъ, который имѣлъ сношенія со всѣми западными товарищами — такъ что у насъ были свои опредѣленные планы. Когда эскадра начнетъ кампанію 1905 г. и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету, тогда команда должна забрать винтовки и съ крикомъ: „Да здравствуетъ свобода!" кинуться по каютамъ, подлыхъ офицеровъ перебить, а хорошихъ высадить на берегъ; самимъ же сняться всей эскадрой съ якоря и идти въ Одессу. Въ Одессѣ требовать превращенія арміи въ національную гвардію, поставить народное правленіе, выпустить всѣхъ политическихъ, которые есть въ г. Одессѣ. И такъ мы хотѣли пройти кругомъ все Черное море. Но этому помѣшалъ случай, который я передамъ достовѣрно.

Это было 14-го іюня 1905 г. на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій" въ Тендровскомъ заливѣ около 12 ч. дня. 13-го іюня миноносецъ № 267 пошелъ въ Одессу за провизіей на 14-е іюня; пошелъ около часу дня.

Часовъ въ 10 вечера 13-го іюня миноносецъ пришелъ изъ Одессы на Тендровскій полуостровъ. Забрали провизію на корабль: хлѣбъ положили въ обыкновенное мѣсто, капусту и картошку положили въ камбузъ. Такъ какъ уже было 10½ ч. вечера, то для чистки картошки взяли все вахтенное отдѣленіе, которое и почистило ее до смѣны съ вахты; а мясо повѣсили на спардекѣ съ лѣвой стороны на крючкахъ. Въ пять часовъ утра побудили команду. Команда, какъ и всегда, помылась, отпѣла утреннюю молитву, позавтракала, начала скатывать палубу на всемъ кораблѣ. Кто то изъ команды замѣтилъ въ мясѣ червей. Одинъ по другому, команда узнала, что мясо съ червями; начали возлѣ мяса толпится; послышался ропотъ, что офицеры подлецы, что не хотятъ обращать вниманіе на пищу команды, что надо позвать доктора, — пусть выброситъ это мясо за бортъ. Командиръ услыхалъ, что команда волнуется, позвалъ доктора, титулярнаго совѣтника Смирнова, который незамедля пришелъ на спардекъ къ этому мясу, одѣлъ очки, чтобы лучше было видно червей, покрутилъ его предъ носомъ, понюхалъ и говоритъ: „мясо очень хорошее; команда — говоритъ, балована и потому не хочетъ кушать. Надо — говоритъ — только червей смыть водой и мясо будетъ отличное". Такое заключеніе вывелъ докторъ Смирновъ. Командиръ судна, капитанъ 1-го ранга Евгеній Голиковъ, приказалъ поставить возлѣ мяса дневальнаго, дать ему карандашъ и бумагу, чтобы онъ записывалъ всѣхъ, кто прійдетъ смотрѣть на мясо, и потомъ доложилъ бы командиру. Команда, хорошо зная нравъ и взгляды командира, боялась подходить къ мясу. Слышно было, какъ команда говорила: „какъ теперь служить какъ воевать, когда въ Японіи плѣннымъ лучше живется, чѣмъ намъ? надо тикать къ японцамъ". Кто то изъ кондукторовъ сказалъ, что въ Портъ-Артурѣ команда кушала собакъ, „а вамъ, молъ, мясо не хорошо". До обѣда команда была встревожена. Въ 10½ часовъ дня свиститъ дудка: „Вино достать, пробу". Достали вино и пробу для командира. Не знаю точно, кушалъ ее командиръ или нѣтъ, но я видѣлъ самъ, что вахтенный офицеръ, прапорщикъ запаса Ливенцовъ, кушалъ борщъ возлѣ лѣваго трапа; возлѣ проходилъ старшій офицеръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ипполитъ Гиляровскій: „Ну, что? какъ борщъ?" Прапорщикъ Ливенцовъ сказалъ, что борщъ чудный. „Я бы съ удовольствіемъ его кушалъ, но, къ сожалѣнію, глотка болитъ". Точный разговоръ.

Дудка свиститъ къ вину и обѣдать. Команда, которая пьетъ вино, пошла на шханцы пить его, а изъ остальной команды каждый взялъ кружку, взялъ кусокъ хлѣба, мочитъ хлѣбъ въ водѣ и кушаетъ, а баки съ борщемъ никто не беретъ; всѣ почти стоятъ по обѣимъ сторонамъ камбуза поближе къ водѣ. Заходитъ въ камбузъ Гиляровскій и спрашиваетъ кока Ивана Данилюка: „Ты почему не даешь командѣ обѣдать?". Данилюкъ отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ кушать борщу, а проситъ, чтобы сварить чаю и чтобы дали масла". Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?" Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ обѣдать этого борщу". Командиръ спрашиваетъ: „ребята, отчего вы не кушаете борщу?" Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: „Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду и хлѣбъ". Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу. Команда — всѣ, какъ одинъ человѣкъ — пошла на ютъ и стала во фронтъ. Вышелъ старшій офицеръ, потомъ вышелъ командиръ; скомандовали: „смирно". Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой [illegible] „я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки на военномъ кораблѣ недопустимы: за это вѣшаютъ вашего брата вонъ тамъ", — при этомъ онъ показалъ на шокъ. „Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда!" Боцманы и нѣкоторые унтерофицеры вышли и стали по траверзу корабля. Командиръ, видя, что команда стоитъ на мѣстѣ, скомандовалъ: „караулъ наверхъ". Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣсто. Команда струсила и вся перешла въ кучу къ башнѣ. Старшій офицеръ, видя, что команда туда перебѣгаетъ, кричитъ: „Довольно!" — и, вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицеромъ, не пустили смѣшаться съ остальной командой и приказалъ караулу оцѣпить оставшуюся часть команды и переписать. Команда стояла блѣдная и страшно напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ. Старшій офицеръ кричитъ: „Боцманъ, давай брезентъ!" Это для того, чтобы накрыть команду брезентомъ и по ней стрѣлять. Тутъ раздается крикъ: „Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ, хамовъ!" Это сказалъ матросъ Х. Тутъ только этого и надо было: команда вся бросилась въ батарейную палубу, забрала винтовки; но патроновъ не было. Подняли крикъ: „Давай скорѣе патроновъ!" Нашли патроны, зарядили ружья и идутъ обратно на ютъ освобождать товарищей. По траверзу судна стоялъ судовой караулъ и три офицера командиръ Голиковъ, старшій офицеръ Гиляровскій и старшій артиллеристъ Неупокоевъ. Командиръ спрашиваетъ: „Кто тамъ команду бунтуетъ?" Гиляровскій отвѣчаетъ: „Это — я знаю — сволочь Х." А въ въ батареѣ гремитъ могучее „ура" „Да здравствуетъ свобода"! „Долой войну!" „Долой самодержавіе!" Въ это время командиръ говоритъ матросу Х.: „Что тебѣ нужно? Поставь ружье!" Матросъ Х. отвѣчаетъ: „Я брошу тогда ружье, когда я буду не живымъ существомъ, а трупомъ. Уходи съ корабля, — это корабль народа, а не твой!" Командиръ куда-то ушелъ, не знаю. Въ это время матросу Х и Вакуленчуку (а не Омельчуку, какъ это писалось во многихъ газетахъ) дали патроновъ. Гиляровскій и Неупокоевъ, видя, что Вакуленчукъ и Х. зарядили ружья, побѣжали на ютъ, гдѣ стоялъ часовой у флага. Матросъ Х побѣжалъ за Неупокоевымъ и на бѣгу почти выстрѣлилъ въ Неупокоева, который упалъ съ простреленной головой за адмиральскій броневой люкъ.

Матросъ Х. бросилъ винтовку, взялъ Неупокоева за ноги и выбросилъ за бортъ; потомъ схватилъ винтовку и побѣжалъ искать Гиляровскаго. Забѣжалъ въ башню, тамъ стоитъ Гиляровскій съ винтовкой и лежитъ Вакуленчукъ, обливаясь кровью. Х далъ по Гиляровскому выстрѣлъ, но получилась осѣчка или промахъ. Тѣмъ временемъ Гиляровскій стрѣляетъ по Х., а самъ кругомъ башни убѣжалъ. Матросъ Х. бѣжитъ за нимъ. Гиляровскій кричитъ часовому: „Бей его!" Часовой бросаетъ ружье, а самъ убѣгаетъ въ баттарейную палубу. Гиляровскій хватаетъ ружье и стрѣляетъ по часовому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ на бокъ. Видя стрѣлявшаго въ него матроса Х., кричитъ: „я тебя знаю, подлецъ; ты теперь пойдешь на берегъ; я тебѣ задамъ!" Матросъ Х. отвѣчаетъ: „я теперь тебя самого пошлю юнгой къ Макарову!" При этихъ словахъ Гиляровскій летитъ за бортъ. Въ этотъ моментъ представилась ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная картина: 800 человѣкъ кричатъ: „Смерть тиранамъ! Да здравствуетъ свобода!" Залпы трещатъ по уплывающимъ офицерамъ, которые плыли на миноносцѣ № 267.

Въ это время выходитъ минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!" Онъ, увидя матроса Х., говоритъ ему: „я хочу съ тобой переговорить". Матросъ проситъ команду отойти и самъ отходитъ съ Тономъ къ башнѣ. Тотъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ Х. Пуля прошла мимо Х. и попала въ руку близь стоявшаго матроса. Другая пуля сдѣлала царапину у праваго виска Х. Тогда этотъ послѣдній стрѣляетъ въ Тона и онъ падаетъ на палубу. Въ него дали залпъ еще человѣкъ десять и Тонъ сталъ бездыханнымъ трупомъ. „За бортъ его!" — закричала команда, и Тонъ пошелъ за бортъ. Команда закричала матросу Х.: „Командиръ здѣсь. Давай его сюда!" Командиръ былъ въ адмиральскомъ помѣщеніи и навѣрно хотѣлъ броситься за бортъ, но, видя безполезность такой попытки, вышелъ на палубу, имѣя на себѣ только китель. Всходя по трапу на палубу онъ говорилъ: „Ахъ, я старый дуракъ, что я съ командой сдѣлалъ". Вышелъ на верхнюю палубу, обхватилъ Х. и говоритъ: „Великій я грѣшникъ передъ командой, — прости, братецъ!" „Я лично противъ тебя ничего не имѣю, какъ команда" — отвѣтилъ Х. Команда закричала: „На шокъ его, подлеца: онъ насъ шокомъ пугалъ!" Другіе кричали: „Долго возиться, — пулю въ лобъ!" Его повели дальше на ютъ и тутъ раздался залпъ. Командира не стало. Его тоже выбросили за бортъ. Въ это время доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли уйти въ Севастополь. Х. приказалъ зарядить 47 m/m пушку и дать выстрѣлъ по миноносцу. Послѣ выстрѣла миноносецъ 267 подошелъ къ борту „Потемкина". Съ него сняли 3-хъ офицеровъ: командира миноносца, лейтенанта Клодта, ревизора броненосца „Потемкинъ", мичмана Макарова и мичмана Вахтина, у котораго оказалась пробитой голова. Команда кричала: „Смерть Макарову!" „За бортъ ихъ всѣхъ". Но тутъ вмѣшались истинные борцы за народъ и свободу и сказали: „Довольно крови! Теперь корабль въ нашихъ рукахъ; эти твари намъ не опасны. Давайте соды, — скатить палубу". Команда поставила винтовки въ пирамиды, принесли соды и начали скатывать палубу. Въ это время къ матросу Х. приводятъ младшаго доктора Голенка, котораго нашелъ минный машинистъ Кулишевъ подъ цистернами. „Куда его, чорта, дѣть?" спрашиваютъ — „Подъ арестъ его въ каютъ-кампанію!" Черезъ 10 минутъ опять ведутъ полковника изъ Обуховскаго завода, который пріѣхалъ сюда для артиллерійскихъ испытаній. — „Гдѣ вы его взяли?" — „Въ гардеробномъ ящикѣ. Насилу оттуда его вытащили!" — Арестовали и этого. Потомъ выходитъ прапорщикъ Алексѣевъ и говоритъ: „Братцы, не бейте меня, — я вѣдь такой же матросъ, какъ и вы!" Команда закричала: „Тебя никто не убьетъ, если ты насъ приведешь въ Одессу!" Потомъ замѣтили еще двухъ офицеровъ, которые были на щитѣ для стрѣльбы, находившемся въ разстояніи кабельтова отъ корабля. Тамъ были инженеръ-механикъ Александръ Коваленко и вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Александръ Харкевичъ. Когда команда увидала Коваленко, то она, особенно машинная команда, просила не трогать его, потому что онъ хорошій человѣкъ. Но все таки всѣхъ арестовали. Потомъ гдѣ-то нашли инженеръ-механика Назарова и инженеръ-механика Калюжнаго. Всего арестованы были: мичманы Макаровъ и Вахтинъ, инж.-мех. Заушкевичъ, Назаровъ и Калюжный, докторъ Голенко, инженеръ-механикъ подполковникъ [illegible], полковникъ изъ Обуховскаго завода, вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Харкевичъ, прапорщики Ястребовъ и Алексѣевъ, лейтенантъ Клодтъ и инженеръ-механикъ Коваленко. Приходитъ вѣстовой Вейнбергъ и говоритъ Х., что старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Пошли къ нему. Онъ проситъ: „дайте, братцы, умереть спокойно" — „А чего же ты, хамъ, говорилъ, что мясо хорошее?" — „Братцы, я, умирая, говорю, что я хорошо все видѣлъ, но я не имѣлъ права говорить". Еще узнали, что лейтенантъ Григорьевъ изъ Обуховскаго завода былъ убитъ въ то время, какъ выбросился за бортъ.

Убиты: командиръ броненосца Евгеній Голиковъ, старшій офицеръ Ипполитъ Гиляровскій, старшій артиллеристъ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ, старшій врачъ Сергѣй Смирновъ, лейтенантъ Григорьевъ и прапорщикъ Ливенцовъ. Судовой попъ остался въ живыхъ. Послѣ этого машинная команда пошла разводить пары и готовить машины, а строевая команда приготовляла корабль по боевому на случай встрѣчи съ эскадрой. Когда все было готово, сняли съ якоря и пошли въ Одессу. Дорогой команда выбрала изъ своей среды коммиссію, которой и довѣрили управленіе судномъ.

---

[1] Авторъ не входилъ въ организацію Крымскаго Союза, но оказывалъ ей посильное содѣйствіе.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ДНИ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ (Письмо матроса).

Въ послѣднее время въ черноморскомъ флотѣ замѣчалось сильное революціонное движеніе. Люди просто рвались въ бой и большого труда стоило мѣстной флотской централкѣ, членамъ Севастопольской соціальдемократической организаціи, удерживать людей отъ подобнаго шага, такъ какъ въ виду имѣлось поднять возстаніе въ концѣ практическаго плаванія черноморской эскадры, а до тѣхъ поръ вести самую сильную агитацію среди судовыхъ и береговыхъ командъ флота и, по возможности, среди арміи. За нѣсколько дней до ухода броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" на пустынный островъ Тендръ для опробованія боевыми снарядами своей артиллеріи, мѣстная организація получила съ „Князя Потемкина" письмо, въ которомъ почти вся команда его спрашивала организацію, не повредитъ ли народу и вообще революціонной работѣ въ Россіи, если они, команда „Князя Потемкина", поднимутъ знамя возстанія[1]. Мѣстная организація созвала представителей отъ флота, т. е. флотскую централку, на которой и было приступлено къ разбору этого письма и совѣщанію, какъ поступить съ предложеніемъ потемкинскихъ товарищей. Послѣ долгихъ преній, при помощи интеллигента отъ Севастопольскаго Комитета, было единодушно принято рѣшеніе просить потемкинскихъ товарищей подождать до конца плаванія эскадры, въ виду того, что на нѣкоторыхъ судахъ еще не были готовы къ возстанію, а до тѣхъ поръ, какъ я уже писалъ выше, рѣшено было повести самую широкую агитацію, на что на другой день было получено письмо отъ товарищей броненосца „Князь Потемкинъ", что они принимаютъ наше рѣшеніе и соглашаются ждать до конца плаванія. 12 іюня, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа пополудни, „Потемкинъ" снялся съ якоря и ушелъ на островъ Тендръ, а 13 іюня практическая эскадра черноморскаго флота, подъ командой старшаго флагмана вице-адмирала Кригера, начала кампанію. 21 іюня эскадра должна была идти къ острову Тендеръ на присоединеніе къ „Потемкину" для совмѣстныхъ практическихъ занятій. 15 іюня вдругъ, неожиданно для всѣхъ, съ флагманскаго броненосца „Ростиславъ" былъ поднятъ сигналъ: „адмиралъ проситъ всѣхъ командировъ къ себѣ" и другой — броненосцамъ: „Три святителя", „12 апостоловъ", „Георгію Побѣдоносцу" и „Екатеринѣ II" развести пары и приготовиться къ походу. Мы, матросы, были очень удивлены этимъ, такъ какъ всѣ знали, что на Тендеръ пойдемъ 21. Нѣкоторые стали предполагать, что съ „Потемкинымъ" случилось что-нибудь неладное, другіе стали возражать: это, молъ, просто практика, не больше. Словомъ, на бакѣ, разбившись на нѣсколько группъ, команда стала коментировать этотъ походъ на разные лады.

Тѣмъ временемъ съѣхались командиры. Совѣщаніе ихъ длилось часа два, что они говорили, не знаю. Но послѣ совѣщанія послѣдовалъ другой сигналъ: „Екатеринѣ оставить готовиться къ походу", и вотъ почему, какъ мы послѣ узнали отъ Екатерининскихъ товарищей: наканунѣ этого дня, т. е. 14-го вечеромъ, команда броненосца „Екатерина II", пропѣвъ съ грѣхомъ пополамъ молитвы „отче нашъ" и „богородицу", совершенно отказалась пѣть „спаси господи" и, когда человѣкъ 5—7 пѣвчихъ все почти тянули эту молитву, остальные стали шикать и свистать; къ вышедшему командиру капитана I ранга Дриженко команда предъявила чисто экономическаго характера требованія, онъ смѣшался и поспѣшилъ уйти въ каюту. Вотъ по этой то причинѣ и не пошла „Екатерина" съ эскадрой. Въ 11 часовъ ночи снялась эскадра подъ командой младшаго флагмана Вишневецкаго въ составѣ 3 броненосцевъ: „Три Святителя", „Георгій Побѣдоносецъ", „12 апостоловъ", миннаго крейсера „Казарскій" и 4 миноносцевъ. На другой день, т. е. 16-го іюня около 11 часовъ утра былъ поднятъ другой сигналъ: „Ростиславу" и „Синопу" развести пары и приготовиться въ походу. Стали готовиться. Приняли на 3 дня провизіи и къ началѣ 7 часа вечера снялись. Все это время офицеры были страшно встревожены, ходили, повѣсивъ носы, и о чемъ то шушукались. Болѣе сознательные матросы, которыхъ было очень мало на „Ростиславѣ", всего 10 чел., догадались, что мы идемъ на „Потемкина" и стали просто открыто агитировать, на чемъ нѣкоторые провалились въ томъ числѣ и я, но мнѣ удалось послѣ бѣжать. Агитація плохо шла, большинство не вѣрило, что „Потемкинъ" перешелъ на сторону народа, но, въ концѣ концовъ, намъ удалось многихъ изъ команды убѣдить въ этомъ, и они говорили такъ: „если правда, что мы идемъ на „Потемкина", то стрѣлять въ него мы все равно не будемъ, тамъ наши братья". Въ началѣ 10-го часа утра 17 іюня мы подошли къ острову Тендеръ, съ цѣлью присоединиться къ ушедшей заранѣе эскадрѣ, но ее тамъ не оказалось, только на горизонтѣ по направленію къ Одессѣ виднѣлось нѣсколько дымковъ, то была наша эскадра. Мы пошли къ ней, часовъ въ 11 соединились. Командиры всѣхъ судовъ съѣхались на совѣщаніе на флагманское судно „Ростиславъ"; отъ гребцовъ, которые пріѣхали съ командирами, мы узнали, что „Князь Потемкинъ" стоитъ въ Одессѣ, и, когда они стали подходить къ Одессѣ, съ „Потемкина" подняли сигналъ: „сдавайся или будемъ стрѣлять", они поспѣшили уйти отъ него.

Совѣщаніе командировъ длилось не больше получаса. Потомъ эскадра выстроилась въ боевой порядокъ и, взявъ курсъ на Одессу, пошла 10 узловымъ ходомъ. Въ началѣ 12 часовъ пополудни показался берегъ и виднѣлись дымки изъ трубы „Кн. Потемкина". Въ началѣ 1 часа мы простымъ глазомъ видѣли всѣ предметы на „Потемкинѣ". У насъ пробили боевую тревогу. Стали убирать все лишнее изъ верхней палубы. Подали снаряды къ пушкамъ. Все это дѣлалось командой нехотя, медленно. Сознательные матросы вели просто открытую агитацію. Говорилось нѣсколько рѣчей почти на глазахъ у офицеровъ и шпіоновъ, которыхъ въ изобиліи во флотѣ. Большинство команды всей душой сочувствовало Потемкинскимъ товарищамъ. На флагманскомъ суднѣ „Ростиславъ" подняли сигналъ: „Потемкину стать на якорь", съ „Потемкина" отвѣтили: „Ростиславу" и „Тремъ Святителямъ" застопорить машины", такъ какъ эти два броненосца больше другихъ ушли впередъ. Съ „Ростислава" опять подняли сигналъ: „Потемкину" стать на якорѣ".

---

[1] Текстъ этого письма былъ посланъ въ „Искру", но, повидимому, затерялся на почтѣ.

тѣхъ разногласій, которыя до второго съѣзда вызывали отколы Рабочей Воли и аналогичныхъ рабочихъ организацій отъ комитетовъ; его мысль не выходитъ за предѣлы узкихъ традиціонныхъ рамокъ нашей партійной организаціи и бѣднаго традиціоннаго содержанія нашей партійной работы. Онъ ищетъ наиболѣе упрощеннаго, наиболѣе прямолинейнаго, наиболѣе легкаго разрѣшенія вопроса. Но гдѣ же гарантія, что его простое рѣшеніе вопроса что нибудь въ дѣйствительности разрѣшитъ? Гдѣ гарантія того, что организаціонная самостоятельность извѣстнаго тѣснаго круга сознательныхъ рабочихъ, которые историческимъ подборомъ были вовлечены въ наши периферійныя организаціи, которые лишены навыковъ самостоятельной широкой политической дѣятельности, которые сплошь и рядомъ пользуются незначительнымъ довѣріемъ со стороны рабочихъ массъ—гдѣ гарантія, что *ихъ организаціонная* самостоятельность и самодѣятельность *сама по себѣ* оградитъ *политическую* самостоятельность нашего *рабочаго класса*? Конечно, авторъ письма намъ скажетъ, что онъ ратуетъ за самостоятельность въ партійныхъ рамкахъ *сознательныхъ* соціалъ-демократическихъ рабочихъ. Но если эти соц.-дем. рабочіе, по примѣру автора, будутъ отворачиваться отъ тѣхъ принципіальныхъ вопросовъ, которые выдвинуты нашей партійной жизнью, если они, по его примѣру, будутъ предостерегать рабочихъ отъ опаснаго увлеченія спорами по тактическимъ вопросамъ, если они будутъ объяснять всякія тактическія и принципіальныя разногласія кружковымъ фракціоннымъ эгоизмомъ интеллигентовъ, если они будутъ сознательно суживать кругъ идейныхъ интересовъ пролетаріевъ, то они этимъ сами лучше всего докажутъ, что ихъ самостоятельное положеніе въ партійной организаціи вполнѣ совмѣстимо съ политическимъ подчиненіемъ рабочаго класса интересамъ буржуазной демократіи.

Тактическія разногласія между большинствомъ и меньшинствомъ выдвинуты лишь въ самое послѣднее время, раньше ихъ раздѣляли только организаціонныя разногласія, говоритъ „Рабочій", — да и сами эти тактическія разногласія не настолько глубоки, чтобы они оправдывали партійный расколъ. Это все вѣрно. Разногласія не такъ велики, чтобы оправдать расколъ; но тѣмъ не менѣе, обойти спорные вопросы невозможно и дать на нихъ нужно тотъ или другой отвѣтъ, и значеніе этихъ вопросовъ не умаляется отъ того, что они выдвинуты въ самое послѣднее время; довлѣетъ дневи злоба его. Изъ того, что „меньшинство" не сразу самоопредѣлилось, изъ того, что сама жизнь только въ послѣднее время выдвинула эти вопросы, не слѣдуетъ, что мы теперь можемъ вернуться вспять къ тому времени, когда мы спорили лишь о внутреннемъ организаціонномъ строительствѣ въ тѣсныхъ предѣлахъ подпольной партіи.

Нѣтъ, въ рѣчахъ нашего автора, несмотря на ихъ страстность, мало жизненности. Когда читаешь его, то выносишь впечатлѣніе, что онъ хочетъ ложкой море вычерпнуть. Онъ правъ лишь въ одномъ: безъ энергичнаго, активнаго вмѣшательства нашихъ сознательныхъ рабочихъ въ партійныя дѣла, мы не покончимъ съ партійнымъ кризисомъ и не возстановимъ партійнаго единства. И мы призываемъ сознательныхъ рабочихъ вмѣшаться въ дѣло и вытащить нашу партію изъ трясины, въ которой она завязла, но это вмѣшательство должно заключаться не въ томъ, чтобы наложить узду на наши теоретическіе споры и разногласія, не въ томъ, чтобы заставить обѣ спорящія стороны умолкнуть, а напротивъ того, въ томъ, чтобы заставить партійныхъ руководителей въ каждомъ частномъ случаѣ выносить свои споры на судъ широкой сознательной пролетарской аудиторіи, въ томъ, чтобы сознательные пролетаріи сами принимали дѣятельное участіе въ обсужденіи и рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, которые *должны* интересовать всякаго, кому дороги интересы революціи интересы пролетаріата.

Мнѣ же кажется, что пошло и нагло обвинять насъ въ этомъ, сидя въ какой нибудь кофейной съ сигарой въ зубахъ и резонерствуя изпали о злобѣ дня.

Мы выдержали, можно сказать, 12 тидневный непрерывный бой, который мы вели безъ всякой посторонней помощи, безъ всякой поддержки.

Гдѣ были всѣ эти пошлые резонеры, когда мы нуждались хоть въ какой нибудь поддержкѣ со стороны? Безъ угля, безъ пищи, при колоссальномъ физическомъ и моральномъ трудѣ мы держались цѣлыхъ двѣнадцать сутокъ. Наша машинная и кочегарная команда буквально истощила всѣ силы и наполовину была больна.

К.

ЭПИЗОДЪ 14-го ІЮНЯ НА ЭСКАДРЕННОМЪ БРОНЕНОСЦѢ „КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ ТАВРИЧЕСКІЙ“

Описан мин.-машин. кватирмейст. 1-ой ст. Афанасіемъ Матющенкомъ[1].

Втеченіе послѣднихъ 4½ лѣтъ въ Севастополѣ образовался свой социальдемократическій кружокъ, который имѣлъ сношенія со всѣми западными товарищами, такъ что у насъ были свои опредѣленные планы. Когда эскадра начнетъ кампанію 1905 г. и пойдетъ на Тендровскій полуостровъ, то на извѣстномъ кораблѣ зажгутъ ракету, тогда команда должна забрать винтовки и съ крикомъ „Да здравствуетъ свобода!“ кинуться по каютамъ, вредныхъ офицеровъ перебить, а хорошихъ высадить на берегъ, самимъ же сняться вмѣстѣ съ эскадрой съ якоря и идти въ Одессу. Въ Одессѣ требовать превращенія арміи въ національную гвардію, поставить народное правленіе, выпустить всѣхъ политическихъ, которые есть въ Одессѣ. И такъ мы хотѣли пройти кругомъ все Черное море. Но этому помѣшалъ случай, который я передам [illegible] вѣрно.

Это было 14-го іюня 1905 г. на броненосцѣ „Князь Потемкинъ Таврическій“ въ Тендровской [illegible] около 12 ч. дня 13-го іюня миноносецъ № 267 [illegible] въ Одессу [illegible] на 14-е іюня [illegible] около [illegible] часу [illegible]

Часовъ въ 10 вечера 13-го іюня миноносецъ [illegible] Одессы на Тендровскій [illegible] корабль хлѣбъ [illegible] картошку [illegible] вечера, [illegible] ніе, которое [illegible] сили на [illegible] часовъ утра [illegible] мылась, [illegible] тывать палубу на [illegible] въ мясѣ черви [illegible] червями, начали [illegible] что офицеры [illegible] пищу команды [illegible] это мясо [illegible] нуется, [illegible] торый незамедлительно [illegible] очки, чтобы [illegible] носомъ [illegible] — говоритъ [illegible] говоритъ — [illegible] ное“. Такое [illegible] судна капитанъ [illegible] ставить [illegible] чтобы онъ [illegible] и потомъ [illegible] правъ и [illegible] Слышно было [illegible] какъ воевать [illegible] намъ? [illegible] сказалъ [illegible] вамъ, мол [illegible]

вожена. Въ 10½ часовъ дня свиститъ дудка: „Вино достать, пробу“. Достали вино и пробу для командира. Не знаю точно, кушалъ ее командиръ или нѣтъ, но я видѣлъ самъ, что вахтенный офицеръ, прапорщикъ запаса Ливенцовъ, кушалъ борщъ возлѣ лѣваго трапа; возлѣ проходилъ старшій офицеръ корабля, капитанъ 2-го ранга Ипполитъ Гиляровскій: „Ну, что? какъ борщъ?“ Прапорщикъ Ливенцовъ сказалъ, что борщъ чудный. „Я бы съ удовольствіемъ его кушалъ, но, къ сожалѣнію, глотка болитъ“. Точный разговоръ.

Дудка свиститъ къ вину и обѣдать. Команда, которая пьетъ вино, пошла на шканцы пить его, а изъ остальной команды каждый взялъ кружку, взялъ кусокъ хлѣба, мочитъ хлѣбъ въ водѣ и кушаетъ, а баки съ борщемъ никто не беретъ, всѣ почти стоятъ по обѣимъ сторонамъ камбуза поближе къ водѣ. Заходитъ въ камбузъ Гиляровскій и спрашиваетъ кока Ивана Данилюка: „Ты почему не даешь командѣ обѣдать?“ Данилюкъ отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ кушать борщу, а проситъ, чтобы сварили чаю и чтобы дали масла“. Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ обѣдать этого борщу“. Командиръ спрашиваетъ: „Ребята, отчего вы не кушаете борщу?“ Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: „Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду и хлѣбъ“. Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу. Команда — вся, какъ одинъ человѣкъ, — вышла на ютъ и стала во фронтъ. Вышелъ старшій офицеръ, потомъ вышелъ командиръ, скомандовали „смирно“. Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой рѣчью: [illegible] я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки на военномъ кораблѣ недопустимы, за это вѣшаютъ вашего брата вонъ тамъ“ — при этомъ онъ показалъ на [illegible] „Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда“. Боцманы и нѣкоторые унтерофицеры вышли и стали за траверзу корабля. Командиръ, видя, что команда стоитъ на мѣстѣ, скомандовалъ: „караулъ наверхъ!“ Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣстѣ [illegible]

[illegible] Алексѣевъ [illegible] убѣгать [illegible] офицеровъ, которые были на [illegible] Тамъ были инженеръ-механикъ Алексѣевъ, Коваленко и вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Александръ Харкевичъ. Когда команда увидала Коваленко, то она, особенно машинная команда, просила не трогать его, потому что [illegible] все таки [illegible] арестовали [illegible]

гдѣ-то нашли инженеръ-механика Назарова и инженеръ-механика Калюжнаго. Всего арестованы были: мичманы Макаровъ и Вахтинъ, инж.-мех. Заушкевичъ, Назаровъ и Калюжный, докторъ Голенко, инженеръ-механикъ подполковникъ Цвѣтковъ, полковникъ изъ Обуховскаго завода, вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Харкевичъ, прапорщики Ястребцовъ и Алексѣевъ, лейтенантъ Клодтъ и инженеръ-механикъ Коваленко. Приходитъ вѣстовой Вейнбергъ и говоритъ X., что старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Пошли къ нему. Онъ проситъ: „дайте, братцы, умереть спокойно“ — „А чего же ты, хамъ, говорилъ, что мясо хорошее?“ — „Братцы, я, умирая, говорю, что я хорошо все видѣлъ, но я не имѣлъ права говорить“. Еще узнали, что лейтенантъ Григорьевъ изъ Обуховскаго завода былъ убитъ въ то время, какъ выбросился за бортъ.

Убиты: командиръ броненосца Евгеній Голиковъ, старшій офицеръ Ипполитъ Гиляровскій, старшій артиллеристъ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ, старшій врачъ Сергѣй Смирновъ, лейтенантъ Григорьевъ и прапорщикъ Ливенцовъ. Судовой попъ остался въ живыхъ. Послѣ этого машинная команда пошла разводить пары и готовить машины, а строевая команда приготовляла корабль по боевому на случай встрѣчи съ эскадрой. Когда все было готово, снялись съ якоря и пошли въ Одессу. Дорогой команда выбрала изъ своей среды комиссію, которой и довѣрили управленіе судномъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ДНИ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОМЪ ФЛОТѢ. (Письмо матроса)[2]

Въ послѣднее время въ черноморскомъ флотѣ замѣчалось сильное революціонное движеніе. Люди просто рвались въ бой и большого труда стоило мѣстной флотской централкѣ, членамъ Севастопольской социальдемократической организаціи, удерживать людей отъ подобнаго шага, такъ какъ въ виду имѣлось поднять возстаніе въ концѣ практическаго плаванія черноморской эскадры, а до тѣхъ поръ вести самую сильную агитацію среди судовыхъ и береговыхъ командъ флота и, по возможности, среди арміи. За нѣсколько дней до ухода броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ на пустынный островъ [illegible] для испробованія боевыми снарядами своей артиллеріи, мѣстная организація получила съ „Князя Потемкина“ письмо, [illegible] вся команда его спрашивала организацію, [illegible] и вообще революціонной работѣ въ [illegible] команда „Князя Потемкина“ подниметъ знамя возстанія. Мѣстная организація [illegible] представителей отъ [illegible] централку, на которой и было приступлено [illegible] письма и совѣщанію, какъ поступить [illegible] потемкинскихъ товарищей. Послѣ долгихъ [illegible] Севастопольскаго Комитета [illegible] рѣшеніе просить потемкинцевъ [illegible] плаванія эскадры, въ [illegible] еще не были готовы къ [illegible] уже писалъ выше, рѣшено [illegible] на другой день [illegible] „Князь Потемкинъ“ [illegible] сообщаются [illegible] въ началѣ [illegible] „Потемкинъ“ снялся съ якоря и ушелъ [illegible] практическая эскадра черноморская [illegible] флагмана вице адмирала [illegible] эскадра должна была идти [illegible] „Потемкину“ для [illegible] неожиданно [illegible] броненосецъ „Ростиславъ“ былъ [illegible] адмиралъ [illegible] командировъ къ [illegible] „Три Святителя“, „12 апостоловъ“ [illegible] „Екатерина II“ развести пары [illegible] Мы, матросы, были очень удивлены этимъ, такъ какъ всѣ знали, что на Тендръ пойдемъ 21. Нѣкоторые стали предполагать, что съ „Потемкинымъ“ случилось что нибудь [illegible] стали изображать его, [illegible] на банкѣ разбившимся [illegible] командировать этотъ по[illegible]

[illegible] совѣщаніе ихъ длилось [illegible] Но послѣ совѣщанія [illegible] „Екатеринѣ“ доставить [illegible] мы послѣ узнали [illegible] дня, т. е. [illegible] „Екатерина II“ [illegible] совершенно [illegible] человѣкъ 5—7 [illegible] стали [illegible]

[illegible] часовъ по[illegible] трубы „Князь Потемкинъ“ [illegible] видѣли [illegible] боевую тревогу [illegible] сна[illegible] медленно [illegible] открытую агитацію [illegible] у офицеровъ и [illegible] Большинство [illegible] потемкинскимъ товарищамъ [illegible] сигналъ [illegible] „Ростиславъ“ [illegible] машины [illegible] „Ростиславъ“ [illegible] сигналъ „Потемкину“ стать на якорь“.

тѣхъ разногласій [illegible] Рабочей Воли и [illegible] тетовъ, его [illegible] ныхъ рамкахъ [illegible] оннаго содержанія [illegible] болѣе упрощен[illegible] кого разрѣшенія [illegible] рѣшеніе вопро[illegible] Гдѣ гарантія [illegible] мѣстнаго [illegible] рическимъ [illegible] организаціи [illegible] рокой политической [illegible] пользуются [illegible] массъ [illegible] и самодѣятельно[illegible] стоятельность [illegible] намъ скажетъ [illegible] тійныхъ рамкахъ [illegible] чахъ. [illegible] дуть [illegible] торые выдвинуты [illegible] примѣръ [illegible] ченія спорами [illegible] объяснить [illegible] кружковымъ [illegible] будутъ [illegible] летаріевъ [illegible] самостоятельно[illegible] совѣтствомъ [illegible] интересамъ [illegible]

Тактическ[illegible] ствомъ [illegible] раздѣляли [illegible] бочій [illegible] глубоки [illegible] все вѣрно [illegible] раскол[illegible] можно [illegible] значеніе [illegible] выдвинуты [illegible] его. „И [illegible] дилось [illegible] выдвинула [illegible] вернуться [illegible] внутреннемъ [illegible] дѣлахъ [illegible]

Нѣтъ, [illegible] ность, [illegible] чатлѣніе [illegible] лишь въ одномъ [illegible] низахъ [illegible] кончить [illegible] наго единства. И [illegible] шаться въ [illegible] торой она [illegible] не въ томъ, чтобы [illegible] и разногласія [illegible] роны умолкнуть [illegible] партійныхъ [illegible] сить свои споры на [illegible] аудиторію [illegible] вали дѣятельные [illegible] совъ, которые должны интересовать [illegible] тересы революціи [illegible] оттуда отвѣтили: „Ростиславу“ и „Тремъ Святителямъ“ застопорить машины, иначе стрѣлять буду“. Послѣ такой аргументаціи „Ростиславъ“ и „Три Святителя“ застопорили машины, а за ними застопорила машины и вся эскадра. И вотъ тутъ я ужъ не въ состояніи описать того, что я видѣлъ, такія величественныя картины видятся только разъ въ жизни. „Потемкинъ“, мощный, грозный, громадный и сильный, полнымъ ходомъ идетъ противъ эскадры въ 5 броненосцевъ! Это было величественное зрѣлище, достойное кисти самаго знаменитѣйшаго художника въ мірѣ. Пушки „Потемкина“ направлены на насъ, онъ цѣлится ими въ насъ. Вотъ на немъ взвился сигналъ. Разбираемъ. „Команда „Потемкина“ требуетъ къ себѣ старшаго флагмана“. Флагманъ не отвѣчаетъ. Вотъ онъ ужъ близко, вотъ ужъ идетъ между „Ростиславомъ“ и „Тремя Святителями“. Ужасъ, восторгъ смѣшались вмѣстѣ и, схватившись за стойку, я оцѣпенѣлъ отъ этихъ ощущеній. На „Ростиславѣ“ все затихло, замерло, притаилось и томительно ждетъ чего то страшнаго, таинственнаго. А „Потемкинъ“ гордо, смѣло, величественно идетъ между нами, не спуская пушекъ съ намѣченной цѣли. Вотъ онъ сталъ направлять свою большую 12 дюймовую пушку на мостикъ, гдѣ куча офицеровъ, онѣмѣвъ отъ ужаса, стоитъ, не шелохнувшись; увидавъ же, что на нихъ цѣлятся, они, какъ стадо скотовъ, шарахнулись, кто куда попалъ, а одинъ изъ нихъ, нѣкто мичманъ Высокосовъ, схватившись за ногу, съ крикомъ: „ой, нога, нога!“, убѣжалъ.

---

[1] Авторъ [illegible] оказывалъ [illegible]

[2] Текстъ этого письма былъ посланъ въ „Искру“, но, повидимому, затерялся на почтѣ.

А на „Потемкинѣ“ ни души не видать, какъ будто это волшебное заколдованное судно, какъ будто это призракъ! Однѣ лишь пушки ворочаются, не спуская намѣченной цѣли и пусть бы кто выстрѣлилъ по немъ изъ револьвера, въ мигъ бы посыпалось въ него 70 снарядовъ и шесть минъ и въ мигъ бы тотъ корабль пошелъ ко дну. Да, это было просто что то такое фантастическое, невѣроятное. Казалось, что это сонъ, а не дѣйствительность. Вотъ „Потемкинъ“ сталъ проходить мимо насъ, на немъ на верхнюю палубу выбѣжалъ матросикъ, взялъ шлангъ, полилъ палубу, снялъ фуражку, помоталъ ею намъ и скрылся. И опять на „Потемкинѣ“ ни души. Вотъ „Потемкинъ“, обогнувъ корму „Три Святителя“, пошелъ между броненосцами „Георгій Побѣдоносецъ“ и „Синопъ“; тамъ его встрѣтили крикомъ „ура“! Пройдя ихъ, онъ направился къ Одессѣ, эскадра наша хотѣла идти за нимъ, но вдругъ стали замѣчать, что съ „Георгіемъ“ творится что то неладное, онъ вышелъ изъ строя и малымъ заднимъ ходомъ идетъ къ „Потемкину“; съ „Ростислава“ подняли сигналъ: „Почему „Георгій“ не по боевому?“. Отттуда отвѣчаютъ: „Команда „Георгія“ желаетъ свезти офицеровъ на берегъ и присоединиться къ „Потемкину“. Съ „Ростислава“ опять сигналятъ: „Употребите всѣ силы и слѣдуйте за эскадрой“. Оттуда отвѣчаютъ: „Не могу, не могу, не могу“! Вотъ и на „Синопѣ“ стало замѣчаться какое то колебаніе: то онъ выйдетъ изъ строя, то опять съ нимъ. Видя это, старшій флагманъ отдаетъ приказаніе полнымъ ходомъ идти въ Севастополь. Послѣ мнѣ удалось узнать, что на „Синопѣ“ образовались двѣ партіи — желающихъ и не желающихъ присоединенія къ „Потемкину“. Побѣдила партія не желающихъ, и потому „Синопъ“ пришелъ вмѣстѣ съ остальной эскадрой въ Севастополь. „Георгій“ же остался вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“. Но, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“ видно, что „Георгій“ сдался властямъ г. Одессы. Чѣмъ это объяснить, не знаю.

Я уже писалъ выше, что было рѣшено не подымать теперь возстанія, до тѣхъ поръ, пока въ достаточной степени подготовятъ команды на нѣкоторыхъ судахъ, на что получили согласіе отъ товарищей съ броненосца „Князь Потемкинъ“. Но какъ же оно вышло, что товарищи съ „Потемкина“ не сдержали своего слова? А вотъ какъ: Придя на островъ Тендръ 13 іюня, они отдали якорь. За свѣжей провизіей не было послано. Та же провизія, которая была взята изъ Севастополя, успѣла испортиться, въ мясѣ, напримѣръ, были большіе черви. Команда видѣла это и сговорилась не кушать пищи, приготовленной изъ этого мяса. И вотъ на другой день 14 іюня все таки былъ сваренъ борщъ съ этимъ мясомъ. Пришло время обѣда. Команда забрала по куску хлѣба, соли и по кружкѣ воды, начала [illegible], не прикасаясь къ борщу. Пришелъ командиръ, капитанъ перваго ранга г. Голиковъ, и, увидавъ, что команда дѣйствительно отказывается ѣсть борщъ съ червями, взобрался на мостикъ, позвалъ боцмана и приказалъ ему насильно заставлять ѣсть этотъ борщъ; боцманъ пришелъ на палубу и объявилъ о томъ командѣ, та, конечно, опять не согласилась ѣсть борща. Тогда прибѣгаетъ старшій офицеръ, капитанъ второго ранга, заставляетъ барабанщика бить сборъ; тотъ бьетъ, команда становится во фронтъ, выходитъ старшій офицеръ и говоритъ: кто желаетъ ѣсть борщъ, выходи сюда. Вышли кондуктора, унтеръ-офицеры, „кожи“, т. е. сверхсрочные служащіе, за ними пошла команда менѣе сознательныхъ, увлекая за собою и другихъ. Пожалуй, перешли бы на сторону желающихъ всѣ, но старшій офицеръ отдѣлилъ человѣкъ 40 и приказалъ караулу стрѣлять по нимъ, караулъ отказался, онъ повторилъ приказаніе, караулъ опять отказался, тогда старшій офицеръ вырвалъ у перваго попавшагося караульнаго винтовку и всадилъ ее въ животъ первому попавшемуся ему подъ руку матросу и два раза выстрѣлилъ въ него, одной изъ этихъ двухъ пуль онъ убилъ стоявшаго на посту часового. Тутъ уже команда не вытерпѣла, схватила винтовки, застрѣлила старшаго офицера и нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, командиръ успѣлъ скрыться; выбрала себѣ командиромъ прапорщика Алексѣева и, снявъ съ уцѣлѣвшихъ офицеровъ погоны, арестовала ихъ. Потомъ пошли искать командира, нашли его въ адмиральской каютъ-кампаніи подъ матрацомъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и кителѣ, вытащили его наверхъ, и одинъ изъ матросовъ, обращаясь къ командѣ, спросилъ, какъ казнить его; кто кричалъ повѣсить, кто застрѣлить, кто утопить; командиръ собирался что то сказать, но тутъ одинъ изъ матросовъ со словами „разойдись, дай дорогу, что съ нимъ тамъ разсказывать“, выстрѣлилъ въ него, потомъ выбросили за бортъ. Въ то время, какъ матросы расправлялись съ офицерами, миноносецъ, который пришелъ вмѣстѣ съ „Потемкинымъ“, вздумалъ было уйти, но съ „Потемкина“ замѣтили это, зарядили пушку и выстрѣлили въ него, онъ остановился и повернулъ къ нимъ, но „Потемкинъ“ думалъ, что онъ собирается взорвать ихъ, выстрѣлилъ вторично, тогда съ миноносца спросили, что имъ надо, что миноносецъ не думаетъ взрывать ихъ; съ „Потемкина“ потребовали ихъ къ себѣ и въ то время, какъ миноносецъ подходилъ къ нему, съ борта „Потемкина“ прыгнуло въ воду нѣсколько офицеровъ и матросовъ и хотѣли плыть на миноносецъ, но команда „Потемкина“ не допустила ихъ до миноносца, а перестрѣляла всѣхъ. По словамъ очевидца, человѣкъ 15—20 было перебито. Когда миноносецъ подошелъ къ борту „Потемкина“, съ него сняли офицера, командира миноносца, взяли у него шпагу, сняли съ него погоны и посадили въ каюту, команду взяли къ себѣ, а свою послали на миноносецъ. Послѣ всего этого, матросы вымыли палубу, на которой было много крови, отрядили часть матросовъ чистить картофель для супа, послали вахтенныхъ машинистовъ собирать машину, кочегаровъ разводить пары. Поспѣлъ супъ, усѣлись обѣдать. Арестованныхъ офицеровъ посадили рядомъ съ собою, но обѣдъ дали изъ офицерскаго камбуза, т. е. кухни. Пообѣдавъ, они приступили къ выбору офицеровъ. Командиромъ выбрали прапорщика запаса флота Алексѣева, старшимъ офицеромъ — боцмана, старшимъ механикомъ — кондуктора, въ помощники ему машиннаго унтеръ-офицера, артиллерійскаго офицера выбрали изъ артиллеристовъ, миннаго изъ минеровъ, потомъ, раздѣлив[illegible]сь на два отдѣленія, выбрали себѣ по офицеру, а затѣмъ [illegible]сь съ якоря и пошли въ Одессу. Въ Одессѣ похоронили [illegible]го офицеромъ матроса. Говорятъ, что на похоронахъ было [illegible] публики, ораторы говорили рѣчи. Объ этомъ я не буду распространяться, такъ какъ это одни лишь слухи, дошедшіе до меня. Все же остальное есть истина, такъ какъ отчасти я былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ фактовъ, а отчасти получалъ свѣдѣнія отъ очень компетентнаго лица. В.

⁂

Крымскій союзъ сообщаетъ, что по возвращеніи эскадры адмирала Кригера въ Севастополь, была сдѣлана флотской организаціей попытка поднять общее возстаніе всѣхъ судовъ. Организація разработала планъ, но не успѣла привести его въ дѣйствіе, когда пришло извѣстіе о сдачѣ „Георгія Побѣдоносца“. Она все дезорганизовала. Настроеніе теперь нѣсколько подавленное, но еще болѣе злобное. На имѣвшихъ мѣсто въ послѣдніе дни трехъ массовкахъ матросовъ (въ 80, 150 и 200 человѣкъ), матросами говорились замѣчательно интересныя и горячія рѣчи. Броненосецъ „Екатерина II“ разоруженъ, машины сняты, матросы въ экипажѣ, а корабль стоитъ. Все оружіе у матросовъ отнято и снесено въ складъ, охраняемый армейцами.

По мнѣнію организаціи, „Потемкинъ“ совершилъ ошибку, не погнавшись за уходившей отъ него эскадрой. Можно думать, что многія суда къ нему примкнули бы и возстаніе имѣло бы значительные шансы на успѣхъ.

„МЫ ПАХАЛИ“.

Судя потому, что въ № 70 Р. Р. появилась статья съ заголовкомъ: „Пропаганда въ Севастополѣ въ 1902-3 г.г.“ видно, что г.г. соціалисты-революціонеры приписываютъ исключительно себѣ начало, т. е. основу революціонной работы во флотѣ. Изъ статьи, помѣщенной въ томъ же № Р. Р., видно, также, что они (с.-р.) и только они зажгли или „пустили“ тотъ пожаръ, который нѣтъ возможности затушить теперь. Да, отчасти вы правы, г.г. с.-р., этого пожара, дѣйствительно, нельзя затушить, онъ уже слишкомъ разросся и никогда не потухнетъ, совсѣмъ никогда. И вотъ вопросъ, кто бросилъ первую искру въ уже готовый горючій матеріалъ озлобленныхъ царской дисциплиной и хроническими голодовками матросовъ? Неужели вы, г.г. соціалисты-революціонеры?? Нѣтъ, не вы, а вотъ кто: основу революціонной работы во флотѣ положилъ матросъ *соціальдемократъ*. Поступивъ на службу въ Черноморскій флотъ, онъ началъ самостоятельно проводить между матросами *соціальдемократическія идеи*, и въ сравнительно короткій срокъ, такъ какъ матросы охотно воспринимали соціальдемократическое ученіе, ему удалось сорганизовать нѣсколько кружковъ, члены которыхъ болѣе или менѣе понимали, что изъ себя представляетъ Соціальдемократическая Рабочая Партія. Самостоятельная работа во флотѣ началась съ начала 1902 г. и ведется безъ перерыва до сихъ поръ. Сначала кружковыя занятія проводилъ самъ матросъ, положившій основу работѣ, товарищъ Д. Конечно, пропаганда велась съ точки зрѣнія соціальдемократической. Литература также получалась соціальдемократическаго изданія, получалась же она отъ Севастопольской соціальдемократической рабочей группы [1]).

Работа велась энергично и не ограничивалась однимъ экипажемъ, а захватывала все большій и большій районъ. Были организованы кружки и въ другихъ экипажахъ. Въ началѣ 1903 года на сценѣ революціонной работы выступили туманнымъ пятнышкомъ и соціалисты революціонеры, но судьба ихъ была печальна, имъ не долго пришлось существовать. Нѣсколько разъ с. р. ходили въ уже сорганизованные матросомъ соціальдемократическіе кружки вести пропаганду. Большею частью, они (с.р.) говорили на злобу дня матросской жизни и по исторіи культуры. Но если дѣло доходило до принципіальныхъ вопросовъ, то сейчасъ же болѣе сознательные матросы вступали съ ними въ дебаты и совершенно запрещали имъ включать въ кругъ своей пропаганды эти вопросы. Послѣ такихъ дебатовъ с.-р. совершенно испарялись. Конечно не потому они испарялись, что матросы побивали ихъ на дебатахъ, нѣтъ, с.-р. востры на языкъ, ихъ трудновато было побивать матросамъ, но имъ просто предлагали не посѣщать больше кружковъ. „Вѣрѣ же Николаевнѣ“, правда, пришлось больше своихъ коллегъ посѣщать кружки, находящіеся подъ вліяніемъ соціальдемократіи. Это объясняется тѣмъ, что она не касалась принципіальныхъ вопросовъ, а просто вела общую пропаганду, или лучше сказать, читала научныя лекціи.

Впослѣдствіи соціалистамъ-революціонерамъ удалось завязать сношенія съ матросами, не входящими въ соціальдемократическую организацію. При помощи этихъ матросовъ имъ удалось организовать нѣсколько кружковъ, съ которыми они и вели отдѣльно работу. Во флотѣ образовались двѣ партіи: одна, болѣе старая и болѣе сильная (с.-д.), а другая молодая и болѣе слабая (соц.-рев.). Соціалисты-революціонеры все же таки просуществовали не долго, всего три-четыре мѣсяца. Группа ихъ провалилась, кружки распались, большая часть изъ ихнихъ кружковъ перешла къ соціальдемократіи. Ихніе передовые матросы частью перешли на сторону соц. дем., частью провалились, и вмѣстѣ съ собою провалили принадлежащихъ къ соціальдемократической организаціи, а часть совершенно отстала отъ движенія и не принадлежатъ ни къ одной партіи. На этомъ соц.-рев. и покончили свое короткое существованіе. Съ 1903 года и до сихъ поръ во флотѣ работаетъ исключительно соц.-демократ. рабочая партія, а о соц.-рев. въ Севастополѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Удивительно, откуда взялъ авторъ письма „изъ Бухареста“ (см. „Р. Р.“, № 70), что во флотѣ ведется пропаганда соц.-революціонерами, ничего подобнаго нѣтъ тамъ. Вѣроятно, авторъ письма ослышался или ему не вѣрно передали, потому что съ 1903 года въ Севастополѣ среди матросовъ пропагандировала исключительно партія соціальдемократовъ, а о другой какой либо партіи не было, повторяемъ, ни слуху, ни духу.

Съ уходомъ со сцены соціалистовъ-революціонеровъ, во флотѣ работа достигла полнаго расцвѣта, въ особенности же въ 1905 году. Такимъ образомъ, выходитъ, что не соціалисты-революціонеры положили основу революціонной работы во флотѣ, не они зажгли „пожаръ“, у нихъ совершенно не велась работа, если не считать 3-4 мѣсяца, за которые они порядочно таки внесли дезорганизацію въ уже организовавшіеся кружки, они только тормозили работу, не больше, и, подобно кукушкѣ, хотѣли положить яйца въ чужія гнѣзда. „Мы пахали“, эта басенька въ полномъ смыслѣ примѣнима къ соціалистамъ-революціонерамъ.

Матросы Черноморскаго флота.

⁂

(*Отъ редакціи*. Съ „Рев. Рос.“, какъ знаетъ читатель, случается не въ первый разъ, что она ошибочно относитъ на счетъ дѣятельности „партіи соц.-рев.“ крупныя событія революціонной исторіи. Въ такихъ случаяхъ съ этимъ органомъ неизмѣнно происходитъ исторія, описанная у дѣдушки Крылова въ другой баснѣ „Заяцъ на ловлѣ“:

„Ба! ты, косой, пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на *ловлѣ* не видалъ!“
„Какъ, братцы, заяцъ отвѣчалъ,
А изъ лѣсу-то кто? все я его пугалъ
И къ вамъ представилъ прямо въ поле
Сердечнаго дружка“.

Читатель помнитъ и финалъ такого рода объясненій:

„Такое хвастовство, хоть слишкомъ было явно,
Но показалось такъ забавно,
Что зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка“.

Что и требовалось доказать, конечно.

Хвастовство „Рев. Рос.“ столь же забавно нынѣ, какъ оно было въ 1902 г., когда она старалась связать свою партію со славными ростовскими событіями. Многіе тогда склонны были повѣрить, что какое-то участіе въ ростовскомъ движеніи соц.-рев. и вправду принимали. Но вотъ съ тѣхъ поръ прошло три года. Слышалъ ли кто-нибудь за эти годы, чтобы „соц. рев.“ выступали въ проявленіяхъ борьбы ростовскаго пролетаріата, какъ активная сила?

Теперь „Рев. Рос.“ утверждаетъ, что пожаръ „Потемкинскаго“ возстанія есть результатъ работы кружка „соц.-рев“. Товарищи-матросы опровергаютъ это утвержденіе по существу. Мы же попросимъ „Рев. Рос.“ отвѣтить намъ: вѣрно ли, что никакой партійной организаціи у „партіи „соц.-рев.“ въ Севастополѣ не имѣется? вѣрно ли, что въ Крыму у нихъ имѣется своя организація только въ г. Ялтѣ? вѣрно ли, что имѣющаяся въ Симферополѣ „группа „соц.-рев.“ не есть партійная группа? вѣрно ли, что ни одного листка, обращеннаго къ матросамъ, „соц.-рев“, за все время массовой агитаціи въ Черноморскомъ флотѣ, не выпустили?

Въ параллель съ утвержденіями о выдающейся роли „соц.-рев.“ въ движеніи матросовъ, идутъ утвержденія объ ихъ крупной роли въ руководствѣ одесской стачкой. Г-нъ Ф. В. (ст. „Возставшій броненосецъ“ № 70) скромно заявляетъ: „Потемкинъ имѣлъ передъ собой городъ, охваченный сильнымъ рабочимъ движеніемъ, происходившимъ не стихійно, а, какъ свидѣтельствуетъ правительственное сообщеніе, подъ руководствомъ нашей партіи (на самомъ дѣлѣ, добродушно добавляетъ г. Ф. В., вѣроятно, и другія революціонныя организаціи принимали участіе въ движеніи)“.

Удивительно освѣдомлены о работѣ своей партіи писатели „Рев. Рос.“ О томъ, что одесское движеніе шло подъ руководствомъ этой партіи, они узнали изъ „правительственнаго сообщенія“. Но, разъ узнавши, они уже рѣшили не вѣрить своимъ собственнымъ комитетамъ. Въ томъ же № газеты помѣщена корреспонденція отъ Одесскаго Комитета, въ которой разсказанъ ходъ іюньскихъ событій, упомянуто объ участіи „соц.-рев.“ на митингахъ около трупа Вакуленчика, объ ихъ участіи въ баррикадной борьбѣ, и нѣтъ и тѣни претензіи на то, чтобы стачечное движеніе, *хотя бы на одной фабрикѣ*, было вызвано и руководимо „соц.-рев“! Но г. Ф. В. увѣренъ, что начальство лучше знаетъ!

Почему понадобилось правительственному сообщенію *солгать*, будто бы арестованная на Пересыпи рабочая депутація была созвана „соц. рев.“, — неизвѣстно. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ собраніи, повидимому, „соц.-рев.“ вовсе не участвовали, какъ и вообще во всемъ одесскомъ движеніи они играли второстепенную роль. Г-нъ Ф. В., конечно, хорошо это знаетъ, но... „такое хвастовство хоть слишкомъ было явно“... Все-таки можно будетъ въ отчеты (на иностр. языкахъ) о дѣятельности „Партіи соц.-рев.“ вписать еще одну славную страницу!

А, между тѣмъ, иногда почему то „Рев. Рос.“ умалчиваетъ о роли своей партіи какъ разъ тамъ, гдѣ ее нельзя оспорить. Такъ, въ томъ же №, въ ст. „Изъ дневника читателя“, мы нашли такія строки о вновь учрежденномъ „Рос. Освоб. Союзѣ“: „Сознательно или безсознательно, но онъ является несомнѣннымъ плодомъ усилія *либерализма* (курс. нашъ) овладѣть рабочимъ движеніемъ“ и т. д. Очень вѣроятно, но... „сознательно или безсознательно“, „Р. Р.“ забыла, что дѣлу этого союза *не чужды и „с.-р.“*. Мы по крайней мѣрѣ знаемъ, что авторомъ устава и программы „Союза“ является *видный членъ партіи „соц. рев.“* Мы не думаемъ, конечно, чтобы отъ этого факта мѣнялся политическій смыслъ этого предпріятія. Но едва ли авторъ „Дневника читателя“ согласится съ нами въ этомъ пунктѣ.

ІЮЛЬСКІЕ ДНИ ВЪ ОДЕССѢ.

1 іюля.

Прошло уже нѣсколько дней послѣ крупныхъ историческихъ событій, пережитыхъ одесскимъ пролетаріатомъ, и пора подвести итоги... Необходимо разобраться въ этихъ событіяхъ, посмотрѣть, какую роль сыграла въ нихъ соціальдемократія, разобраться въ причинахъ нашихъ неудачъ, поскольку въ нихъ играли роль объективныя условія, и поскольку — наша неподготовленность...

Прежде всего, я постараюсь нарисовать картину развитія событій въ связи съ тактикой нашей организаціи (Одесской Группы).

Я уже писалъ, какъ, подъ вліяніемъ нашей организаціи, съ одной стороны, и съ другой — подъ вліяніемъ нищеты и голода, возникла продолжительная забастовка, въ концѣ истощившая рабочихъ, и какъ рабочая масса на Пересыпи все болѣе и болѣе революціонизировалась... Первой вспышкой этого настроенія была самопроизвольно возникшая революціонная демонстрація на Московской улицѣ... Цѣлый рядъ большихъ (на нѣкоторыхъ было до 600-700 рабочихъ) и малыхъ собраній, на которыхъ выступали наши ораторы, ясно показывалъ, что рабочая масса стала сознавать тѣ причины, которыя препятствовали ей вести успѣшно стачечную борьбу; всѣ политическіе лозунги встрѣчались ею прямо таки восторженно; точно такъ же выражалось желаніе бороться подъ руководствомъ нашей партіи за пролетарскіе идеалы. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, насколько глубоко проникло въ сознаніе рабочихъ, что вся ихъ борьба должна идти подъ руководствомъ нашей партіи; въ тотъ періодъ къ соціальдемократіи рабочіе относились съ полнымъ довѣріемъ, и лучшая часть передовыхъ рабочихъ вступила въ наши ряды. За послѣдніе дни стачки когда уже становилось очевиднымъ, что она будетъ проиграна среди передовыхъ рабочихъ возникла мысль объ устройствѣ всеобщей политической стачки. Эта агитація велась очень широко въ рабочей средѣ на Пересыпи и встрѣчала повсюду сочувственный откликъ, что особенно ярко было замѣтно на митингѣ у завода Гена. Что касается городскихъ рабочихъ, то тамъ настроеніе было тоже подходящее; единственное сомнѣніе представлялъ Дальницкій районъ. За нѣсколько дней до начала событій было устроено собраніе наиболѣе передовой части пересыпскихъ рабочихъ, гдѣ этотъ вопросъ былъ *почти* окончательно рѣшенъ. Было рѣшено для окончательнаго выясненія устроить собраніе рабочихъ отъ всѣхъ заводовъ Одессы и тогда окончательно рѣшить вопросъ о призывѣ. Но арестъ уполномоченныхъ поднялъ всю Пересыпь, и бросили работу всѣ заводы, которые было приступили къ работѣ, получивъ значительныя уступки.

Къ сожалѣнію, я лишенъ возможности сообщить для печати, почему событія у завода Гена—они первые выступили на Пересыпи — застигли насъ врасплохъ, и въ нихъ приняли участіе нѣкоторые товарищи лишь случайно...

Когда фактъ убійства двухъ рабочихъ донесся до насъ, мы рѣшили призвать рабочихъ ко всеобщей забастовкѣ. Этотъ лозунгъ былъ данъ какъ нашей организаціей, такъ и „Бундомъ“. Въ понедѣльникъ въ городѣ началась уже съемка съ работъ. Настроеніе среди рабочихъ было сильно возбужденное. Митингъ на мосту ясно показалъ, что рабочіе сознательно готовы протестовать противъ тѣхъ политическихъ порядковъ, при которыхъ возможны такіе ужасы... Я уже описывалъ этотъ митингъ, и въ той рабочей массѣ, дѣйствительно, революціонное настроеніе достигло своего апогея. На этомъ собраніи нашъ ораторъ призывалъ къ всеобщей стачкѣ.

Слѣдующій день настроеніе слегка падаетъ... Съемка съ работъ продолжается... Но при первомъ появленіи полиціи толпа разбѣгается въ паническомъ страхѣ. Никогда не забуду, какъ трехтысячная толпа, направившаяся съ Пересыпи въ городъ, бѣжала отъ пяти-шести полицейскихъ, стрѣлявшихъ притомъ холостыми зарядами... Въ городѣ настроеніе было нѣсколько лучше, но и здѣсь всюду чувствовалось, что въ массѣ нѣтъ боевой готовности: или побѣдить, или умереть. Главнымъ элементомъ „революціонныхъ“ актовъ (вродѣ постройки баррикадъ, довольно таки игрушечнаго свойства) являются подростки. На Дальникѣ въ этотъ день часть заводовъ, въ томъ числѣ и желѣзнодорожныя мастерскія, продолжаютъ работать... Но все-таки, несомнѣнно, стачка разростается, и въ городѣ возбужденіе растетъ. Въ этотъ день выступаетъ первый дефектъ нашей организаціи (да не только нашей, а всѣхъ) — отсутствіе оружія, необходимаго для дезорганизаціи правительственныхъ силъ и для отпора полицейской бандѣ. Рабочіе чувствуютъ свою безпомощность, и это въ значительной степени парализутъ ихъ революціонную энергію... Со всѣхъ сторонъ раздается требованіе оружія... На Пересыпи рабочіе прямо обвиняютъ организацію въ томъ, что она не даетъ оружія[1]). Безъ оружія, говорятъ рабочіе, мы не можемъ выступать...

---

[1] Въ то время въ Севастополѣ не было комитета, онъ образовался только въ 1903 году, тогда работа среди матросовъ пошла еще лучше, такъ какъ изъ комитета приходили на занятія съ матросами интеллигенты.

И, дѣйствительно, въ эти дни мы чувствовали свое безсиліе. Звать рабочихъ на митингъ безъ оружія мы всѣ не считали себя въ правѣ — дѣйствія полиціи въ городѣ насъ ясно убѣждали, что будетъ употреблена вооруженная сила, и безоружная толпа будетъ немедленно разсѣяна съ большими жертвами... Да и въ настроеніи большей части рабочихъ не было боевой готовности... Было рѣшено въ этотъ день придерживаться слѣдующей тактики: начать съемку съ работы во всѣхъ частяхъ города и двинуть всю массу къ Прохоровской улицѣ, гдѣ и открыть митингъ... Но этотъ планъ былъ разбитъ послѣ того, какъ была разсѣяна трехтысячная толпа, шедшая съ Пересыпи... На слѣдующій день (въ среду) было рѣшено продолжать съемку съ работъ (стачка все еще не была всеобщей), а затѣмъ устраивать митинги тамъ, гдѣ возможно. Чувствовалось, что настроеніе идетъ на убыль...

Въ среду рано утромъ мы получили извѣстіе о прибытіи броненосца... Я былъ тогда на Пересыпи и видѣлъ, какъ матросы объѣзжали берегъ и призывали рабочихъ идти въ портъ, куда они вынесутъ трупъ убитаго; тутъ же они раздавали прокламаціи къ казакамъ и войскамъ. Немедленно направился я къ товарищамъ и подѣлился съ ними важнымъ извѣстіемъ. Было рѣшено немедленно созвать представителей всѣхъ соц.-дем. организацій для выработки совмѣстныхъ дѣйствій. Послѣ долгихъ дебатовъ было рѣшено слѣдующее: немедленно отправить на броненосецъ депутатовъ отъ трехъ соц.-дем. организацій съ предложеніемъ части матросовъ (изъ всего числа 700-800 матросовъ мы разсчитывали на 500) выйти на берегъ съ оружіемъ. Вмѣстѣ съ трупомъ, всей толпѣ двинуться въ городъ, на Думскую площадь, съ тѣмъ, конечно, чтобы впереди толпы шли вооруженные матросы. На Думской площади устроить торжественныя похороны убитому товарищу. Послѣ похоронъ двинуться въ городъ и прекратить всѣ работы, торговлю... Послѣ этого (а можетъ, и раньше) завладѣть телефономъ, телеграфомъ, разрушить желѣзную дорогу съ цѣлью воспрепятствовать подвозу войска... По полученнымъ изъ военной группы свѣдѣніямъ, одна часть (около 250) солдатъ готовы присоединиться къ народу; въ другихъ частяхъ настроеніе было болѣе или менѣе благопріятное, особенно среди запасныхъ. Казаковъ было мало. Въ это время мы были извѣщены, что въ порту уже масса народу... Мы немедленно направились въ портъ. Мы шли бороться на баррикадахъ... Казалось, близокъ часъ побѣды... „Да здравствуетъ революція!" говорили мы другъ другу, разставаясь...

Въ порту мы были къ 12 часамъ. Первое, о чемъ нужно было позаботиться, это отправить депутатовъ къ матросамъ. Съ большимъ трудомъ намъ удалось найти лодку, и трое товарищей отправились въ путь.

Оказалось, что уже съ десяти часовъ утра въ порту тысячи народа. Уже смѣнилось нѣсколько ораторовъ, рѣчи которыхъ были встрѣчены восторженно. Многіе говорили надъ трупомъ убитаго, другіе на особо устроенныхъ возвышеніяхъ. Настроеніе среди толпы возбужденное. Вотъ издали показывается катеръ съ матросами. Толпа устремляется къ берегу и долго долго привѣтствуетъ героевъ матросовъ... Изъ толпы раздается: „смерть убійцамъ"! и этотъ лозунгъ находитъ могучій откликъ въ толпѣ... „Слава погибшему", — и могучее „ура" оглашаетъ воздухъ...

Казалось бы, настроеніе очень хорошее. Но вотъ откуда-то раздается крикъ[1]): „казаки"! и толпа въ паническомъ ужасѣ бросается въ сторону... Мы напрягаемъ всѣ усилія, чтобы остановить ее. Толпа успокаивается. Проходитъ немного времени, и снова разыгрывается такая же сцена. Видно, революціонное настроеніе и здѣсь не достигло той ступени, когда и казацкія пули не страшны, когда толпа вдохновлена однимъ лишь порывомъ — или побѣдить, или умереть. Чувствуется въ каждомъ ея поступкѣ, что нѣтъ въ ней боевой готовности! Всматриваясь въ толпу, въ ея настроеніе, мы начинаемъ понимать, что *эта* толпа едвали пойдетъ за нами на баррикады!.. Чѣмъ больше мы среди нея находились, тѣмъ больше мы убѣждались въ правотѣ своего анализа. Рядъ инцидентовъ, происшедшихъ за этотъ періодъ, лишь подтверждалъ это мнѣніе почти всѣхъ товарищей. Но мы ждали отвѣта съ броненосца. Спустя часа два, вернулся одинъ товарищъ и сообщилъ, что матросы отказались принять нашъ планъ. Они заявили, что они не могутъ оставить броненосца и ждутъ прибытія остальной эскадры, которая — по ихъ словамъ — безусловно къ нимъ присоединится. Только послѣ прибытія остальной эскадры они приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Нашъ планъ былъ разбитъ... Спустя нѣкоторое время, мы обратились къ рабочимъ съ предложеніемъ закрыть митинги, сообщивъ отвѣтъ съ броненосца...

⁂

Въ послѣдніе дни „опытные" въ военномъ дѣлѣ люди говорили, что матросы поступили вполнѣ правильно, такъ какъ съ переходомъ 500 человѣкъ изъ команды на берегъ броненосецъ потерялъ бы въ громадной степени свою боевую силу. Да и сами матросы говорили, что „только на морѣ они сила"... Мы и до сихъ поръ глубоко убѣждены, что для *успѣха возстанія* переходъ матросовъ на берегъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Если принять во вниманіе сочувственное настроеніе большей части войскъ (часть ихъ выражала готовность присоединиться къ матросамъ), небольшую численность ихъ въ этотъ день, — съ одной стороны, а съ другой — настроеніе народа и полную растерянность правительственныхъ чиновниковъ, нетрудно представить себѣ, что при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ выступленіе матросовъ съ народомъ могло завершиться побѣдой народа. Къ сожалѣнію, матросы были другого мнѣнія и предложенный товарищами планъ былъ встрѣченъ несочувственно. Считаю необходимымъ отмѣтить, что вообще къ соціальдемократамъ матросы отнеслись въ высшей степени довѣрчиво и даже попросили удалиться явившагося на броненосецъ соціалиста-революціонера, заявивъ, что рабочей партіей они признаютъ только соціаль-демократическую. Изъ бесѣдъ съ матросами ясно было, что никакого опредѣленнаго плана у нихъ не было, какъ не было и достаточнаго пониманія задачъ возстанія. Не буду описывать собраній, которыя происходили на броненосцѣ; это не входитъ въ задачу настоящей статьи. Перейду къ описанію дальнѣйшихъ шаговъ организацій.

Послѣ того, какъ мы дали лозунгъ расходиться, большая часть рабочихъ направилась небольшими группами въ городъ. Расходясь, рабочіе запѣли „Варшавянку", но мы обратились къ нимъ съ просьбой идти „мирно", дабы не вызвать столкновенія съ казаками. Когда мы возвращались изъ города, по дорогѣ мы встрѣчали длинныя вереницы направлявшейся въ портъ публики. Все это, въ громадномъ большинствѣ, *была мѣщанская, обывательская публика*. Это было уже около 3½ часовъ дня. Въ 5 часовъ было назначено собраніе трехъ организацій. Собравшись, мы прежде всего выслушали отчетъ нашихъ депутатовъ, бывшихъ на броненосцѣ и затѣмъ подводили итогъ нашимъ впечатлѣніямъ о настроеніи народа. Не вдаваясь въ подробности, замѣчу, что общее впечатлѣніе говорило за то, что въ массѣ не замѣчалось рѣзко боеваго настроенія... Но можно съ увѣренностью сказать, что появленіе матросовъ на берегу воодушевило бы народъ.

Въ городѣ въ этотъ день было спокойно: онъ совершенно пустовалъ. Въ этотъ день стачка стала, дѣйствительно, всеобщей; всякая дѣятельность, кромѣ полицейской, пріостановилась... Обсудивъ положеніе вещей, организаціи рѣшили отправить снова товарищей на броненосецъ для переговоровъ съ матросами съ предложеніемъ координировать наши дѣйствія съ ихъ дѣйствіями и затѣмъ предложить имъ не бомбардировать города безъ нашего согласія. Въ городѣ мы сохранили лозунгъ всеобщей забастовки. Какъ видите, положеніе было довольно неопредѣленное, да оно и не могло быть инымъ, такъ какъ *большее* зависѣло отъ броненосца, который пока еще дѣйствовалъ совершенно самостоятельно.

Къ этому же времени стали приходить извѣстія о начавшемся разгромѣ въ Порту. Мы были всѣ убиты этимъ извѣстіемъ... Какъ выяснилось впослѣдствіи, къ этому времени публика, находившаяся въ порту, состояла почти исключительно изъ босяковъ и обывателей; всѣ утверждаютъ, что рабочихъ тамъ было очень немного. Разгромъ начался съ Монополіи и винныхъ складовъ еще съ четырехъ часовъ. Болѣе рѣшительные размѣры онъ принялъ — *по словамъ товарищей, тамъ находившихся* — послѣ рѣчи какого-то господина. Привожу со словъ товарищей почти дословно одно мѣсто изъ его рѣчи: „Товарищи, — обратился онъ къ толпѣ — вы голы?" — Толпа отвѣчаетъ; „голы, голы" — Вотъ, продолжаетъ онъ — лежатъ склады одежды, созданные вашимъ трудомъ и вамъ принадлежащіе... Товарищи, вы голодны?" — „Голодны, голодны" — отвѣчаетъ толпа и „ораторъ" снова указываетъ на склады... Босяцкая масса легко восприняла данный ей лозунгъ, тѣмъ болѣе, что по своей „природѣ" она уже была настроена соотвѣтствующимъ образомъ... Попытки бывшихъ тамъ рабочихъ остановить разгромъ кончились неудачей. Слѣдуетъ отмѣтить, что масса босяковъ, главнымъ образомъ, набросилась на водку, на вино и перепилась до безчувствія. Рабочіе, чтобы воспрепятствовать пьянству, скатывали вино въ море... Когда мы, часамъ къ девяти, вышли изъ квартиры, портъ горѣлъ и городъ былъ залитъ краснымъ огненнымъ свѣтомъ... Какой-то ужасъ невольно захватывалъ душу... Тревожное настроеніе достигло въ городѣ своего апогея, народъ высыпалъ на улицу и каждый въ ужасѣ думалъ о завтрашнемъ днѣ... Всю ночь городъ не спалъ...

Въ портъ были направлены всѣ бывшія въ городѣ войска. Я остановлюсь теперь нѣсколько подробнѣе на той роли, которую играли во все время событія войска мѣстнаго гарнизона. Замѣчу сейчасъ же, что конспиративныя причины не даютъ мнѣ возможности сообщить нѣкоторыя весьма характерныя данныя для настроенія въ войскѣ. Несомнѣнно, что войска относились съ полнымъ сочувствіемъ къ возставшему народу. Мнѣ извѣстенъ цѣлый рядъ фактовъ, когда солдаты уходили изъ казармъ *съ готовностью по первому призыву присоединиться къ народу*. Было единушное настроеніе *не* стрѣлять. Въ одномъ полку двѣ роты совсѣмъ отказались выходить. Въ одной ротѣ офицеръ обратился съ рѣчью къ солдатамъ, въ которой нарисовалъ картину современныхъ бѣдствій Россіи и сказалъ: „Солдаты, вы люди сознательные и вы должны знать, какъ поступать!..." Во время постройки баррикадъ одна рота совсѣмъ отказалась стрѣлять, изъ другой стрѣляли *...шесть солдатъ вверхъ!* Въ порту изъ 16 ротъ стрѣляли лишь двѣ, изъ которыхъ одна рота стрѣляла вверхъ. Въ ней нашлось лишь девять защитниковъ царя. Другіе солдаты прямо повыбрасывали патроны и просто отступали.. Словомъ, несомнѣненъ для насъ фактъ *сочувственнаго* отношенія солдатъ. И если было такъ много жертвъ въ порту, то они явились результатомъ не *солдатскихъ* пуль, а полицейскихъ и казацкихъ, а, главнымъ образомъ, жертвой пожара. По свѣдѣніямъ портовой администраціи, погибло около 1200 человѣкъ. Убитыхъ и раненыхъ тамъ около 200 человѣкъ.

Но настроеніе войска сильно измѣнилось, когда толпа бросала въ нихъ камнями. „Мы ждали призыва присоединиться — говорили массовые солдаты, — намъ говорили, что народъ за насъ... а что же?...въ насъ камнями бросали"...

По словамъ солдатъ, въ нихъ стрѣляли, но по увѣренію сознательныхъ, эта стрѣльба была организована полиціей, съ понятными цѣлями...

Солдаты пробыли въ порту всю ночь. Къ утру стали прибывать въ городъ свѣжія войска... Днемъ городъ обратился въ военный лагерь. Во многихъ мѣстахъ были разставлены пушки и пулеметы. Полицейскіе расклеиваютъ приказъ объ объявленіи города на военномъ положеніи. По городу начинаютъ циркулировать всевозможные слухи о броненосцѣ; упорно говорятъ о скорой бомбардировкѣ.. Весь городъ бастуетъ.

Е. — а.

НЕКРОЛОГЪ.

„Жилъ ты не долго, но честно
На славу родной сторонѣ..."

Одесса. 12-го іюня, на баррикадахъ на Пересыпи палъ отъ вражеской пули нашъ товарищъ Николай Медвѣдевъ (по нелегальному паспорту). Сынъ крестьянина, родился въ 1881 г. въ Самарской губерніи; до 19 лѣтъ оставался въ деревнѣ, гдѣ успѣлъ кончить курсъ сельской школы, получилъ небольшое развитіе отъ книгъ, прочитанныхъ имъ; увлекся евангеліемъ, свободное толкованіе котораго сдѣлало его сперва штундистомъ, преслѣдуемый правительствомъ за сектанскую пропаганду, онъ сдѣлался потомъ ярымъ врагомъ самодержавія. Въ Самарѣ сдалъ экзаменъ на званіе „инструктора" для поступленія во флотъ. Служилъ онъ въ черноморской эскадрѣ на броненосцѣ „Екатерина II", который находился въ Севастополѣ. Здѣсь онъ попалъ подъ вліяніе соціальдемократической агитаціи, и сдѣлался вполнѣ зрѣлымъ человѣкомъ. Ученіе соціальдемократіи дало вполнѣ ясные и опредѣленные отвѣты на всѣ вопросы, волновавшіе эту любознательную натуру. Опредѣлившись, онъ сталъ заниматься агитаціей среди матросовъ, своею искренностью, простотою, убѣжденностью, честностью, своимъ товарищескимъ отношеніемъ, онъ служилъ для матросовъ примѣромъ, онъ увлекалъ ихъ. Всегда во всѣхъ столкновеніяхъ съ начальствомъ онъ былъ впереди, во время бунта 8000 матросовъ онъ былъ однимъ изъ вожаковъ; здѣсь былъ арестованъ, лишенъ званія „инструктора" и преданъ военному суду; просидѣвши 4 мѣсяца въ тюрьмѣ, былъ выпущенъ до суда (20 іюня с. г. судъ долженъ былъ состояться). Не желая сдаваться въ руки врага, стремясь всѣми фибрами своей честной революціонной души къ борьбѣ съ царизмомъ, онъ рѣшилъ перейти на нелегальное положеніе. Получивъ отъ Севастопольской организаціи паспортъ на имя Николая Медвѣдева, онъ пріѣхалъ въ Одессу. Вошелъ къ намъ въ организацію, гдѣ я впервые съ нимъ познакомился. Ростомъ и тѣлосложеніемъ — богатырь, лицомъ — некрасивый, рѣчью — некраснорѣчивый, — онъ приковывалъ къ себѣ за то простотою, своею искренностью, убѣжденностью, своею скромностью и глубоко продуманной рѣчью. Въ Одессѣ онъ поступилъ на кирпичный заводъ чернорабочимъ. Здѣсь завелъ связи со всѣми кирпичными заводами, гдѣ работаютъ пришлые крестьяне, устраивалъ кружки, „массовки". Во время общей пересыпской забастовки, благодаря его работѣ, забастовали и кирпичники. Заподозрѣнный въ агитаціи, былъ арестованъ, просидѣлъ двѣ недѣли въ участкѣ, послѣ чего былъ освобожденъ, но паспортъ нелегальный оставленъ въ полиціи. Со дня выхода изъ участка онъ ведетъ „уличную" агитацію среди бастующихъ пересыпцевъ, заводитъ знакомства, организуетъ собранія и т. под. Скоро всѣмъ сталъ извѣстенъ „Ѳедоръ-кирпичникъ" (такъ прозывали его), какъ хорошій и вѣрный товарищъ. Такъ какъ полиція могла раскрыть его, то было предложено ему (съ новымъ паспортомъ) уѣхать изъ Одессы, но онъ не согласился. „Какъ такъ, товарищи собираются въ походъ (на борьбу), я ихъ тоже звалъ все время на борьбу, самъ ея жаждалъ, а теперь, когда день уже товарищами назначенъ (12—13 іюня), теперь я уѣду?.. Нѣтъ, это безсмыслица!" Онъ оставался работать. 11 іюня у насъ было собраніе далеко за городомъ, куда я пошелъ съ Ѳедоромъ. Дорогою онъ мнѣ разсказалъ свою вышеприведенную біографію, говорилъ о работѣ соц.-дем. среди матросовъ и предсказывалъ, что матросы во всякое время готовы перейти на сторону борющагося народа.

11 іюня онъ разсказывалъ свою біографію, 12 онъ былъ убитъ. 11 іюня онъ предсказывалъ переходъ матросовъ на сторону народа, 13 — это совершилось...

12 іюня во время столкновенія рабочихъ съ вооруженнымъ отрядомъ казаковъ, Ѳедоръ стоялъ впереди всѣхъ и выше всѣхъ, на вышкѣ груды камней, откуда металъ вмѣстѣ съ остальными товарищами камни. Пули свистали надъ головой его, но онъ не обращалъ вниманія. Онъ тамъ оставался на посту до послѣдней минуты жизни своей. Лишь пуля, попавшая въ сердце, заставила этого богатыря смириться...

Преданность рабочему движенію, соціальдемократическая сознательность, мужество, непримиримая борьба и геройская смерть товарища Ѳеодора будетъ служить гордостью рабочаго класса... Вѣчная память тебѣ, дорогой товарищъ!.. Миръ праху твоему!..

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДЕМОНСТРАЦІИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРОЛЕТАРІАТА ВЪ ПОЛЬЗУ МИРА.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля вся Западная Европа переживала тяжелые дни. Опасность возможной франко-германской войны обнаружилась какъ-то неожиданно для всѣхъ и угнетающе дѣйствовала на умы. И дѣйствительно, марокскій вопросъ появился на сцену какъ deus ex machina, и никто не могъ бы сказать, какіе жизненные интересы той или иной изъ заинтересованныхъ націй сталкивались въ этой африканской странѣ и требовали во что бы то ни стало болѣе или менѣе радикальнаго кровопусканія. Просто, это мстилъ за себя старый грѣхъ буржуазнаго общества, не доведшаго до конца ни одной изъ своихъ революцій и оставившаго рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ въ рукахъ кучки дипломатовъ, распоряжающихся изъ своихъ кабинетовъ народной кровью и народнымъ достояніемъ. Филистеръ стоялъ въ недоумѣніи передъ этимъ продуктомъ своей собственной негодности и со страхомъ ждалъ, что будетъ. Къ счастью, на этотъ разъ господамъ дипломатамъ удалось безъ всякаго членовредительства вытащить себя за собственныя косы изъ болота, въ которое они же добровольно залѣзли. По этому поводу въ европейской печати необычайный восторгъ и восхваленіе необыкновенныхъ дипломатическихъ талантовъ двухъ главныхъ героевъ этой авантюры — господина Рувье и князя, вчерашняго графа, Бюлова.

Соціальдемократія не могла, однако, оставаться хладнокровнымъ зрителемъ этихъ экспериментовъ, первой и главной жертвой которыхъ могли бы стать тысячи пролетарскихъ жизней. Далекая отъ сантиментальной мысли о возможности вѣчнаго мира въ современномъ обществѣ, гдѣ рѣзко сталкиваются между собою общественныя группы съ обособленными противоположными интересами, соціальдемократія знаетъ, что единственнымъ прочнымъ оплотомъ мира можетъ быть ростъ соціалистическаго сознанія и международной солидарности пролетаріевъ. Этимъ и была подсказана тактика французской и германской соціальдемократіи въ періодъ марокскаго кризиса.

Братскій союзъ пролетаріевъ обѣихъ націй и протестъ противъ таинственныхъ махинацій дипломатіи должны были подкрѣпиться непосредственнымъ обращеніемъ французскаго соціалиста къ берлинскимъ пролетаріямъ. Съ этой цѣлью въ Берлинъ былъ приглашенъ Жоресъ. Но опять на сцену выступили остатки ancien régime'a: модернизированный князь Бюловъ показалъ свои феодальныя уши и запретилъ Жоресу пріѣздъ въ Берлинъ. Въ письмѣ къ германскому посланнику въ Парижѣ Бюловъ, всячески восхваляя политическіе таланты Жореса, съ которымъ онъ, Бюловъ, часто оказывался солидарнымъ, все же отказывается разрѣшить Жоресу выступленіе въ Берлинѣ, на томъ основаніи, что нѣмецкіе соціальдемократы, какъ это должно быть извѣстно Жоресу изъ его амстердамскаго опыта, отличаются крайней неумѣренностью и намѣреваются воспользоваться пріѣздомъ Жореса для усиленія своей агитаціи. Весьма вѣроятно, что и въ этомъ письмѣ своемъ Бюловъ видѣлъ образцовое произведеніе своего дипломатическаго творчества и, пожалуй, въ этомъ случаѣ былъ правъ, такъ какъ письмо имѣло послѣдствія совершенно противоположныя тѣмъ, какія отъ него ожидались: оно не убѣдило Жореса въ добрыхъ намѣреніяхъ германскаго канцлера и не уменьшило, а скорѣе усилило агитацію въ германскомъ пролетаріатѣ.

Рѣчь Жореса, которую онъ теперь не имѣлъ возможности произнести передъ берлинскими рабочими, была въ соотвѣтствующій день напечатана всей соціальдемократической прессой и прочитана десятками тысячъ пролетаріевъ. Назначенное на этотъ же день въ Берлинѣ собраніе привлекло, несмотря на отсутствіе Жореса, тысячи берлинскихъ рабочихъ и превратилось въ грозный протестъ противъ дипломатическихъ махинацій и общеевропейской реакціи. Громомъ аплодисментовъ была встрѣчена на этомъ собраніи телеграмма Жореса, резюмировавшая суть его рѣчи. „Товарищи, — гласила эта телеграмма, — я всѣмъ сердцемъ съ вами на этомъ собраніи, чтобы вмѣстѣ съ вами подтвердить силу единства между нѣмецкимъ и французскимъ пролетаріатомъ. Совмѣстная работа того и другого пролетаріата обезпечитъ всеобщій миръ путемъ завоеванія соціальной справедливости и политической свободы. Ничто не можетъ насъ разъединить: ни шовинистическіе предразсудки, ни запреты правительствъ, ни грубая искусственность дипломатическихъ похвалъ. Мы всѣ едины, всѣ составляемъ одно, у насъ одна воля, одно сознаніе. Не возможно нанести ударъ одному изъ насъ, не поражая другихъ; похвала одного заключаетъ также похвалу другихъ. У правящихъ классовъ всѣхъ странъ стала обычной тактика противопоставленія внѣшнихъ соціалистовъ соціалистамъ внутреннимъ. На самомъ же дѣлѣ это есть еще одно признаніе силы международнаго соціализма, который правительства надѣются побороть, только пытаясь его раскалывать. А это должно служить для насъ тѣмъ большимъ основаніемъ проникнуться мыслью о томъ, что международная соціальдемократія едина и недѣлима".

Берлинскій пролетаріатъ отвѣтилъ на это слѣдующей единогласно принятой огромнымъ собраніемъ резолюціей: „Собраніе рѣшительно протестуетъ противъ бюловскаго запрещенія Жоресу выступить на сегодняшнемъ собраніи, протестуетъ противъ этой мелочной придирки недостойной культурнаго государства и являющейся жестокимъ насиліемъ надъ берлинскими рабочими. Оно отмѣчаетъ тотъ фактъ, что соціализмъ и пропагандируемая имъ идея мира, противопоставляемая воинственнымъ тенденціямъ капиталистическаго общества, пріобрѣли уже такую силу, что даже германскій имперскій канцлеръ принужденъ выразить имъ свое признаніе въ формѣ запрета держать рѣчь, но оно отказывается и отъ похвалъ, которыя международной соціальдемократіи пришлось выслушать, хотя и окольнымъ путемъ — черезъ Парижъ — изъ устъ подобнаго господина. Собраніе торжественно заявляетъ, что оно, какъ и прежде, будетъ стремиться употребить всю силу и вліяніе соціалистическаго рабочаго движенія Германіи для сохраненія международнаго мира, какъ необходимаго предварительнаго условія освобожденія рабочаго класса изъ политическихъ и экономическихъ оковъ классоваго государства въ цѣляхъ превращенія буржуазнаго общества въ соціалистическое. Оно особенно благодаритъ тов. Жореса и выражаетъ свое полное согласіе съ его доведенной сегодня черезъ „Vorwärts" до свѣдѣнія всего міра рѣчью и проситъ его сообщить французск объединенной, родственной партіи объ этомъ международномъ согласіи во взглядахъ. Собраніе пользуется еще этимъ случаемъ, чтобы выразить свою глубокую симпатію русскому пролетаріату и всѣмъ русскимъ революціонерамъ, ведущимъ столь геройскую борьбу съ преступнымъ московскимъ режимомъ, который можетъ еще держаться у власти только путемъ убійства безоружныхъ женщинъ и дѣтей, но низверженіе котораго означало бы освобожденіе всей Европы, такъ какъ одно его существованіе является вѣчной угрозой международному миру, вѣчной причиной всѣхъ реакціонныхъ попытокъ въ пруссифицированной Германіи".

---

[1]) Долженъ отмѣтить слѣдующее. До начала событій „соц.-рев.", съ цѣлью привлечь на свою сторону рабочихъ, обѣщали дать тысячу револьверовъ и утверждали, что у нихъ имѣется много бомбъ. Когда начались событія, они совершенно скрылись; и это дало поводъ нѣкоторымъ рабочимъ говорить, что организаціи „обманули насъ".

[2]) Повидимому, исходящій отъ полиціи.

Въ тотъ же день въ другомъ концѣ Германіи должна была состояться другая пролетарская манифестація, имѣвшая ту же цѣль протеста противъ воинственныхъ затѣй правящихъ сферъ и связанныхъ съ ними реакціонныхъ плановъ противъ демократіи. Въ небольшомъ пограничномъ городѣ Констанцѣ (не въ румынской Констанцѣ, а въ баденскомъ городѣ, гдѣ нѣкогда собирался знаменитый Констанцкій соборъ, осудившій на смерть Гуса) должны были передъ пролетаріатомъ, собравшимся изъ многихъ городовъ Швейцаріи и всѣхъ окрестныхъ германскихъ государствъ, говорить представители германской, австрійской, швейцарской и итальянской соціаль-демократіи. Но баденскіе министры позавидовали лаврамъ Бюлова и разрѣшили говорить одному только германцу-Бебелю. Но отъ этого агитаціонное значеніе собранія только усилилось. Да и помѣшать слушать другихъ ораторовъ баденское правительство не могло. Констанцъ расположенъ на самой границѣ и въ 10 минутахъ ходьбы отъ него расположена швейцарская деревня Крейцлингенъ, гдѣ — какъ сказалъ Бебель — „дозволено то, что здѣсь запрещено." По окончаніи рѣчи Бебеля, говорившаго въ Констанцѣ, волна народа хлынула въ Швейцарію, гдѣ она могла свободно выслушать другихъ ораторовъ, клеймившихъ трусливость правящихъ классовъ и призывавшихъ пролетаріевъ всѣхъ національностей къ борьбѣ съ воинственными стремленіями своихъ правительствъ.

Если въ приведенныхъ случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ рѣчами и резолюціями, матеріальный результатъ которыхъ не поддается точному опредѣленію, то „мирная" роль шведской соціальдемократіи въ развитіи шведско-норвежскаго кризиса признается даже ея противниками. Какъ только въ Швеціи стало извѣстно о принятомъ норвежцами рѣшенія развестись съ своимъ королемъ, шведская соціальдемократія рѣшила начать всеобщую стачку и рекомендовать отказъ отъ военной службы, въ случаѣ если-бы Швеція вздумала заступиться за своего короля. Норвежская революція-фарсъ могла бы превратиться въ тяжелую драму, но рѣшеніе шведской соціальдемократіи навѣрное охладила пылъ многихъ шовинистовъ. Кромѣ того, шведскіе соціальдемократы вели самую жестокую борьбу съ этимъ самымъ шовинизмомъ, постоянно разоблачая и его лживо-патріотическія фразы и распространяемыя имъ фальшивыя извѣстія о намѣреніяхъ норвежцевъ и т. д.

⁂

Наконецъ, говоря о „мирныхъ" демонстраціяхъ соціальдемократовъ въ послѣднее время, нельзя не упомянуть о рѣчи Дашинскаго въ австрійскомъ рейхстагѣ. Значительнымъ оплотомъ царскаго самодержавія въ настоящее время могли-бы еще явиться западно-европейскія правящія сферы. Опираясь на нихъ, царизмъ могъ-бы еще вести наступательную политику внутри и отчасти извнѣ. Рѣчь Дашинскаго, которая должна была напередъ протестовать противъ возможныхъ услугъ австрійскаго правительства русскому въ спеціальномъ случаѣ, въ дѣлѣ выдачи политическихъ преступниковъ, показала, что въ Австріи фонды русскаго правительства значительно пали.

Рѣчь Дашинскаго была сказана въ обоснованіе внесеннаго соціальдемократами въ палату предложенія австрійскому правительству о „человѣчномъ обращеніи съ политическими бѣглецами, ищущими въ пограничныхъ австрійскихъ поселеніяхъ защиту отъ преслѣдованій русскаго самодержавнаго правительства, и о ненарушеніи почитаемаго всѣми цивилизованными государствами права убѣжища". „Большая часть нашей страны— говорилъ Дашинскій — соприкасается съ огромнымъ государствомъ, управляемымъ самодержавно и сейчасъ переживающимъ періодъ революціонныхъ возстаній, которыя, надо надѣяться, приведутъ къ новой государственной формѣ, къ свободѣ всѣхъ народностей. Намъ не можетъ быть безразлично, въ какой формѣ будутъ совершаться и это могучее революціонное движеніе, и оргія реакція, которая каждый разъ перебрасываетъ въ наши предѣлы новые сотни убѣгающихъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мы должны быть готовы къ тому, что на сѣверныхъ границахъ нашей страны появятся цѣлые отряды спокойныхъ обывателей, ставшихъ политическими бѣглецами, что эти отряды невинныхъ людей будутъ искать здѣсь убѣжища и защиты. Мы были бы столь же жестоки, какъ тѣ звѣри въ солдатскихъ мундирахъ, если бы мы по отношенію къ этимъ явленіямъ стали на чисто полицейскую точку зрѣнія и не отстаивали бы всѣми силами право убѣжища въ такое время, когда каждое цивилизованное государство должно считать дѣломъ своей чести, чтобы дать убѣжище гонимымъ".

Предложеніе соціальдемократовъ было принято почти единогласно, (противъ него голосовали только антисемиты), а министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ, въ нѣсколько дипломатичной формѣ высказать свое сочувствіе этому предложенію.

Къ услугамъ Николая II остаются еще только австрійскіе антисемиты и турецкіе башибузуки!

По Россіи.

Всеобщая стачка на Кавказѣ. (Мы еще не получили подробныхъ корреспонденцій о послѣднихъ Кавказскихъ событіяхъ и должны ограничиться сводкой краткихъ сообщеній, присланныхъ намъ товарищами).

17 іюня Тифлисскій Комитетъ издалъ прокламацію, въ которой приглашалъ все населеніе города Тифлиса приступить къ всеобщей забастовкѣ для протеста противъ организуемыхъ правительствомъ хулиганскихъ бандъ, совершенно разнуздавшихся съ образованіемъ въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ партіи такъ называемыхъ „русскихъ патріотовъ", которые убили трехъ соціальдемократовъ. Комитетъ требовалъ прекращенія работъ во всѣхъ заводахъ и мастерскихъ, торговли — во всѣхъ магазинахъ, занятій — во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Формулированныя въ прокламаціяхъ требованія гласили: 1) Обузданіе хулигановъ и ихъ разоруженіе; 2) немедленное освобожденіе арестованныхъ; 3) привлеченіе къ отвѣтственности виновныхъ въ избіеніи и убійствѣ и назначеніе съ этой цѣлью спеціальной комиссіи изъ представителей прессы, рабочихъ и общественныхъ учрежденій; 4) всеобщее вооруженіе и учрежденіе всеобщей милиціи.

Стачка началась въ понедѣльникъ, 20 іюня. На слѣдующій день всѣ городскіе служащіе пристали къ стачкѣ. Многія улицы остались безъ освѣщенія. Водопроводъ охранялся войсками. Всѣ торговыя заведенія были закрыты, не смотря на то, что казаки и банды грабили присоединившіеся къ стачкѣ магазины.

Въ этотъ же день забастовали изъ солидарности рабочіе въ городѣ Гори, Тифлисской губ. „Въ городѣ, пишутъ оттуда, прекратилось всякое движеніе. Народъ собирается огромными массами, улицы оглашаются криками: „долой хулигановъ"!

Одновременно забастовали желѣзно-дорожные рабочіе на станціи Михайлово. Движеніе поѣздовъ прекратилось. Далѣе, всеобщая забастовка охватила Чіатуры, Шаропань, Кутаисъ, Самтреди и Батумъ. „Политическая стачка удалась блестяще", пишетъ товарищъ изъ Тифлис. Комитета.

Толчкомъ къ началу забастовки послужилъ, кромѣ участившихся эксцессовъ со стороны „патріотовъ", военная оккупація предмѣстья „Нахаловки", этой „Тифлисской Швейцаріи", какъ ее называли рабочіе, имѣя въ виду ту свободу отъ полиціи и „начальства", которую они себѣ фактически отвоевали за послѣднее время (открыто собирались на улицахъ, читали партійную литературу и т. д.). Извѣстія о событіяхъ въ Лодзи и Одессѣ подняли энергію тифлисскаго пролетаріата и побудили его дѣйствовать.

Во время стачки полиція захватила въ Тифлисѣ фабрику бомбъ, принадлежавшую мѣстному Комитету. Взятый въ ней товарищъ повѣсился 25 іюня въ тюрьмѣ.

Въ воскресенье 25, Комитетъ предложилъ рабочимъ закончить, длившуюся недѣлю, забастовку и начать работы съ 28 (первоначально былъ назначенъ для возобновленія работъ понедѣльникъ 27, но, въ виду того, что намѣстникъ на этотъ же день „приказалъ" рабочимъ явиться на работы, Комитетъ продлилъ стачку еще на день).

Харьковъ. Въ газетахъ уже писали о громадномъ рабочемъ митингѣ, имѣвшемъ мѣсто послѣ лекціи Кузьмина. На паровозостроительномъ заводѣ, благодаря цѣлому ряду митинговъ (въ столовой, нынѣ закрытой), настроеніе крайне революціонно и заражаетъ другіе заводы.

5 іюня на паровозостроительномъ заводѣ происходилъ молебенъ. Рабочіе послѣ молебна потребовали отъ попа и *заставили* его отслужить панихиду по убитымъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Послѣ панихиды соц. дем. ораторъ объявилъ засѣданіе открытымъ. Въ это время между станками появились знамена. Оркестръ сыгралъ марсельезу и ораторы стали подниматься на трибуну. Митингъ сошелъ очень удачно, при одобреніи массы слушателей.

Николаевъ. Трехдневная забастовка кончилась, и рабочіе французскаго завода приступили къ работамъ, выговоривъ 9-ти час. рабочій день, удаленіе полиціи изъ мастерскихъ, увеличеніе поденной платы чернорабочимъ на 10 коп. въ день, прибавку также большинству рабочихъ по соглашенію съ депутатами. Въ пріемѣ рабочихъ стали участвовать депутаты, причемъ принимались рабочіе болѣе сознательные. Такъ что въ два мѣсяца рабочіе, при содѣйствіи легальной и нелегальной литературы, вполнѣ подготовились къ борьбѣ и только нуженъ былъ какой нибудь поводъ, чтобы рабочіе возстали.

Пришли изъ Одессы слухи о всеобщей забастовкѣ, пріѣхали изъ Одессы депутаты отъ рабочихъ въ Николаевъ, получилась связь между Николаевомъ и Одессой, работы стало много, начали въ заводѣ во дворѣ устраиваться цеховыя и общія собранія, на которыхъ обсуждались общіе вопросы. Шпиковъ сами рабочіе узнавали и гнали ихъ. Кружки собирались по квартирамъ, а за городомъ массовки доходили до 500 человѣкъ. Всѣ эти собранія чередовались безостановочно, жизнь кипѣла, объединеніе захватывало все больше и больше рабочіе районы. И вотъ прорвалось на Черноморскомъ заводѣ, гдѣ начальникъ Граламберъ позволялъ себѣ грубости въ отношеніи рабочихъ. Его сначала предупредили, а черезъ нѣсколько дней надѣли на него мѣшокъ съ графитомъ. Администрація же поспѣшила поставить на расчетъ рабочихъ и закрыла заводъ, рабочіе же предъявили иски къ заводу. Въ это время въ порту идетъ дѣятельная агитація и Ракетный заводъ сталъ, а затѣмъ сталъ и портъ съ предъявленіемъ требованій. Въ городѣ приказчики закрывали магазины съ требованіемъ торговать не дольше восьми часовъ вечера. Центръ всей нашей дѣятельности — французскій заводъ и вотъ доковскій отдѣлъ первый заявилъ о солидарности съ портовыми рабочими, и всѣ рабочіе французскаго завода оставили работу и собрались во дворъ, пославъ депутатовъ къ администраціи заявить, что къ заводу ничего они не имѣютъ. На собраніи рѣшили соединиться съ черноморскими рабочими, которые собирались возлѣ своего завода, рѣшили не выходить въ главныя ворота, а въ боковыя, которыя ближе къ черноморскому, по выходѣ соединились на площади съ ними, тутъ же была часть портовыхъ. Сначала были произнесены рабочими рѣчи. Въ особенности, одинъ товарищъ хорошо обрисовалъ тяжелую жизнь рабочихъ и ихъ безправность вообще, затѣмъ говорилъ заранѣе приглашенный ораторъ организаціи „большинства", который привелъ толпу своей рѣчью къ тому, что она закричала: „долой самодержавіе!" и провозгласила: „да здравствуетъ революція и Учредительное собраніе и демократическая республика"! Въ общемъ, напряженіе достигло высшей степени, но въ городъ рѣшили идти на другой день и кто можетъ, пусть вооружится. Расходясь же по домамъ, нѣкоторые, проходя мимо казаковъ и солдатъ, запѣли марсельезу и, кто то далъ выстрѣлъ (говорятъ, что шпикъ), тогда солдаты перерѣзали шествіе впереди, а казаки сзади. Пѣвшихъ было мало, такъ какъ рабочіе разошлись по другимъ улицамъ, чѣмъ и воспользовались шпики и, по ихъ указанію, били нагайками и скручивали веревками. Пострадало восемь человѣкъ, въ томъ числѣ и ораторъ. На другой день рабочіе французскаго завода пришли на заводъ и узнали, какъ звѣрски поступали казаки совмѣстно съ полиціей и шпиками надъ рабочими и ораторомъ, вышли изъ воротъ и сгруппировались на площади возлѣ французскаго завода. Къ намъ стали присоединяться рабочіе и другихъ заводовъ, въ тотъ день забастовали желѣзнодорожные и коночные рабочіе, которыхъ часть стояла на мосту. Произнесены были рѣчи. Одинъ изъ рабочихъ сказалъ, что, если рабочіе будутъ молчать, то ихнихъ женъ и дѣтей некому будетъ защищать и предложилъ при столкновеніи съ войскомъ, а въ особенности съ казаками, вырывать камни изъ мостовой, но не разбѣгаться. Толпа прокричала: „смерть или свобода". Послѣ рѣчей толпа въ пять тысячъ человѣкъ заявила желаніе идти въ городъ и, если войско помѣшаетъ, то раздѣлиться и разными улицами войти, что и сдѣлали, хотя не всѣ сошлись на Соборной улицѣ. Туда пришли городскіе, а также портовые. Появился полицеймейстръ на извощикѣ, за нимъ казаки съ крикомъ: „разойдитесь". Только соскочилъ съ дрожекъ, какъ была брошена бомба положившая эсаула и трехъ казаковъ, около девяти раненыхъ. Казаки въ паникѣ бросились въ сторону и передніе нарвались на проволоку и послѣзали съ лошадей, проволока была протянута на всякій случай. Подоспѣло тогда войско и другая часть казаковъ и не дали толпѣ соединиться. Ночью были произведены аресты депутатовъ отъ рабочихъ и многихъ другихъ. На третій день также французскіе рабочіе не работали, но дѣятельности не проявили, хотя были въ возбужденномъ состояніи, а на четвертый день вышли на работу. По другимъ заводамъ начали днемъ раньше работать.

Пишущій эти строки избѣжалъ ареста; на заводѣ французскомъ и другихъ идетъ теперь глухая борьба. Рабочіе страшно недовольны неудачей и готовятся къ борьбѣ за свободу. Военное положеніе Николаева пока сдерживаетъ, но не надолго.

Рабочій.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Вышли изданія: „**Искры**": 1) Профессіональные союзы и рабочая партія (отдѣльное приложеніе къ № 10 „Соц. Дем."); 2) „Большинство или меньшинство?" (перев. съ грузинскаго, съ прил. статьи К. Ц.); 3) „Соціальдемократъ" № 9; 4) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (прокл.). **Петербургской группы:** 1) „Соціальдемократъ" № 6 (перепеч. въ 8000 экз.) и 2) Программа партіи (10000 экз.). **Одесской группы:** Во вражескомъ станѣ (изъ № 6 „Соц. Дем." 5000). **Харьковскаго ком.:** 1) Бюллетень ж.-д. района (гект.); 2) Митингъ 5 іюня (печ.); 3) Призывъ къ стачкѣ и описаніе одесскихъ событій. **Нижегородск. группы:** „Девятое іюля" (мимеогр.). **Нижегор. ком.:** 1) „Девятое іюля" (7000); 2) Къ крестьянамъ (22000); 3) Къ крестьянамъ (перепеч. Ц. К. 9000); 4) „Кто виноватъ?" (4000); 5) Къ булочникамъ (500); 6) Къ плотникамъ (200); 7) Уставъ Партіи (280); 8) Отчетъ за полугодіе (400); 9) „9 января" (200). **Приволжской** с. д. крестьянской гр. (Нижегород. уѣзда): „Къ крестьянамъ" (гектогр.). **Варш. Военно-Рев.** организа. 1) Резолюція собранія агитаторовъ Варш. центр. группы в. рев. организ. 15 мая (печ.); 2) Заявленіе Варш. Центр. Гр. (печат.), 3) Къ солдатамъ Кальварійскаго лагеря (400 экз.). **Тифлисскаго ком.:** 1) „Ко всѣмъ гражданамъ" (призывающ. ко всеобщей стачкѣ); 2) „Бастуйте и требуйте!"; 3) „Третій день стачки"; 4) Ко всѣмъ гражданамъ (объ оконч. стачки; — всѣ печатные). **Тульск. ком.:** Къ ополченцамъ, запаснымъ и солдатамъ (печат.). **Тверск. ком.:** По поводу ложныхъ слуховъ о событіяхъ 26 мая (печат.). **Борисоглѣбской группы:** 1) Отчетъ по 15 мая; 2) Отчетъ по подписн. листамъ (гект.). **Уфимскаго ком.:** Отчетъ кассы комитета (гект.). **Кишиневской организ.:** Революція забастовщиковъ (гект.). **Саратовск. ком.:** Отъ союза типографовъ при К-тѣ (500 гект.). **Рижскаго ком.** Извѣщеніе о съѣздѣ (3000). **Александровск. орг.:** „Голодъ согналъ" (1800, мимеогр.). **Кіевскаго ком.:** 1) Крестьяне и царское правительство (печ.); 2) Отчетъ по 10 мая (гект.); 3) Программа Р. С.-Д. Р. П. (6000); 4) Солдатск. памятка (2000); 5) и 6) Майскіе листки (4000 и 2000); 7) Къ горожанамъ (1000); 8) Наши требованія (600); 9) Ко всѣмъ рабочимъ (600) — всѣ печ.; 10) Къ фармацевтамъ; 11) Къ обществу о стачкѣ фармацевтовъ; 12) Къ рабочимъ фабр. Лева; 13) Къ типогр. раб.; 14) Къ раб. арсенала; 15) Къ раб. пароходн. общества; 16) Къ дамскимъ портнымъ; 17) Къ раб. Гретера; 18) Къ рабоч. табачн. фабр. Когана; 19) Къ жел.-дор. раб. Унгермана; 20) Къ рабочимъ южно-русск. завода. **Екатеринославской** организаціи (фракція „Пролетарій"): 1) Крестьяне (гектогр.); 2) Отчетъ по 1 мая (гектографъ); 3) Ко всѣмъ рабочимъ (печатн.); 4) Товарищи-рабочіе! (печатн.). **Астраханскаго** комитета: 1) Ко всѣмъ (4000); 2) Ко всѣмъ приказчикамъ (400 экз.). **Николаевскаго** комитета (фракц. „Пролет."): 1) Къ обществу (гект.); 2) Къ рабоч. фабр. Ага (гект.). С.-д. группы г. **Ковеля**: 1) Требованія сел.-хоз. раб.; 2) Къ русскому крестьянству (обѣ гект.). **Крымск.** союза: „Ко всему цивилизованному міру (отъ „Потемкина" 6000). 2) „Къ гражданамъ" (4000). **Мелитопольской** орг. (Крымск. С.): 1) Ко всѣмъ бастующимъ; 2) Къ рабочимъ (о предательствѣ делегатовъ стачечниковъ). **Севастопольск.** ком. (Крымск. С.): 1) Ко всѣмъ (по поводу возстанія „Потемкина" — 10000); 2) Къ матросамъ отъ матросовъ-соціальдемократовъ (о томъ же — 5000); 3) „Товарищи, не унывайте"! (отъ матросовъ соц.-дем., 1500 экз. печ.); 4) Къ матросамъ и солдатамъ (отъ матросовъ соц. дем.) (5000). **Керченской** орг.: Ко всѣмъ приказчикамъ; **Ѳеодосійск.** орг.: Ко всѣмъ приказчикамъ; **Симферопольск.** орг.: Къ заготовщикамъ. **Ейской** группы (Куб. ком.): 1) По поводу одной замѣтки въ „Русск. газ." (гектогр.); 2) Ко всѣмъ приказчикамъ (гект.); 3) Событія въ Одессѣ (гект.). **Кременчугск.** ком.: 1) „Первая побѣда революціи" (лист. „Искры" печ. 2000 экз.). 2) Къ Крюковскимъ мастерскимъ (500); 3) Ко всѣмъ (300); 4) Къ желѣзно-дорожн. депо (500); 5) Солдатская памятка (3000); 6) Первое мая (перепеч. 2000); 7) Манифестъ Петерб. выборщиковъ (3000); 8) Бакинск. рѣзня (2000); 9) Къ Крюковск. мастерскимъ (1000); 10) Жертвуйте, русскіе люди (3000). **Смоленскаго** комитета: 1) Солдатская памятка (2-е передѣл. изд. 10000); 2) Началась великая русская революція (о возстаніи матросовъ, печ.). **Союза моск. типо-лит. раб.:** 1) Къ запаснымъ; 2) Товарищи рабочіе! (призывъ къ подготовкѣ всеобщей стачкѣ — обѣ печ.). **Московской** группы: 1) Готовьтесь! (по поводу Иваново Возн. стачки, 5000 экз.); 2) Ко всѣмъ рабочимъ и запаснымъ (6000); 3) Спасенья нѣтъ! 4) Шестое іюня (2500); 5) Долой мобилизацію (4000); 6) Гибель эскадры (4000); 7) По поводу новаго назначенія Трепова (4000); Комиссія Булыгина (3500); 9) Московскій Рабочій Листокъ (газ. № 1). 10) Ко всѣмъ заготовщикамъ (200); 11) Къ солдатамъ (1200); **Московскаго** ком.: 1) Иваново-Вознесенская стачка; 2) Пропагандистская программа; 3) Отчетъ съ 8 апр. по 1 іюня; 4) Отъ группы городовыхъ. **Бакинскаго** комитета: 1) Ко всѣмъ типографскимъ рабочимъ (800); 2) Открытое письмо бакинскихъ жел.-дор. раб. (1000); 3) Товарищи (200); 4) Забастовка ж.-д. раб. (2000); 5) Товарищи! (2000); 6) Товарищи! (1000); 7) Товарищи! (2000); 8) Отчетъ к-та (600); 9) Бюллетень (на русск. и арм. яз. 4000); 10) Товарищи! (3000); 11) Самодержавіе народа (2000); 12) Армія (2000); 13) Отчетъ район. ком. (1000); 14) Къ нашей программѣ (3000); 15) Ко всѣмъ служащимъ въ рестор., гостин. и дом. присл. (600); 16) Первомайская (4000); 17) Первое мая (2000); 18) Солдаты! (700); 19) Чего мы хотимъ? (5000); 20) Первое мая—на татарск. (4000); 21) Ко всѣмъ (2000); 22) Массовая политическая стачка (изъ № 1 „Прол."); 23) „Еще о холуяхъ его величества"; 24) Гибель флота; 25) Ко всѣмъ полицейскимъ; 26) Къ рабочимъ завода Восточн. общества (Бѣлогор. район. ком.); 27) Пѣсня рабочихъ; 28) Бюллетень Балаханск. района; 29) Рабочіе и самодержавіе; 30) Отчетъ краснаго креста. Союза **Бакинскихъ** рабочихъ: Дружескія рѣчи съ либералами и кровавыя расправы съ народомъ (3500). **Донского**: 1) Письмо рабочаго казакамъ; 2) „Возстаніе началось" (6000); 3) „Опять мобилизація" (9000); 4) Гражданскій долгъ демократіи (5000). **Луганской** орг.: 1) Ко всѣмъ раб. ж.-д. маст. (гект.); 2) Къ рабоч. и работницамъ патрон. зав. (гект.). **Донецк.** ком.: Къ шахтерамъ (8000). **Юзовской** гр. (Донецк. ком.): 1) Ко всѣмъ рыковскимъ раб. (гект. 100); 2) къ раб. Карповскаго рудн. (160); **Бахмутской** гр. (Донецк. ком.): „Революція началась" (печатн.). **Украинскаго** Союза: „Правда" № 4 5 (3500). **Центр. Ком.** фракціи „Пролетарій": „Солдатская памятка" (переп. съ изд. „Искры"). **Маріуп.** гр. Донецк. ком.: 1) Къ рабоч. Никополь-Маріуп. зав. (100); 2) Къ рабоч. заводовъ Никопольскаго и „Провиансъ" (100); 3) Къ Никопольскимъ рабочимъ (.00); 4) О послѣднихъ событіяхъ (600); 5) Отчетъ за апрѣль, май, іюнь. **Воронежск.** Ком. („Кассы борьбы"): Къ жел.-дор. мастерскимъ (500).

Общее количество зарегистрированныхъ здѣсь изданій (приблизительно): 320 тыс. экз.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Насъ просятъ напечатать слѣдующее заявленіе:

Представители обѣихъ частей Р. С. Д. Р. П., Партіи Соц. рев., Всеобщаго Еврейск. Раб. Союза въ Польшѣ, Литвѣ и Россіи (Бунда), Соц.-дем. королевства Польскаго и Литвы, Польской Партіи Соціалистической,[1] Армянской Соц.-дем. Рабочей организаціи и Армянской революціонной федераціи, образовавъ междупартійную комиссію для оказанія поддержки высадившемуся въ Румыніи революціонному экипажу Потемкина, обращаются ко всѣмъ съ просьбой о помощи. Пожертвованія просятъ направить по адресамъ организацій, вошедшихъ въ комиссію, съ обозначеніемъ для „Потемкина".

Поступило въ международную рев. комиссію въ Женевѣ: черезъ „Искру" отъ итальянскихъ соціалистовъ на нужды революціи въ Россіи и передано участвующимъ въ комиссіи организаціямъ 3370 70; черезъ В. Засуличъ отъ П. Струве 585 45; черезъ „Искру" отъ NN 10 фр.; для матрос. „Потемкина" черезъ „Искру" 230 фр., отъ д-ра Г—ша черезъ „Искру" 20 фр., отъ П. С. Р. 1000 фр.

Еремѣ. Ваши письма всѣ получены. И посылается по всѣмъ адресамъ. Послали три большихъ письма, получены-ли? Пришлите больше адресовъ для писемъ и лучше шифруйте. **Максиму.** Большое письмо получено. Отвѣтили. Писали не разъ на адресъ комитета. Пришлите свой адресъ. **Глѣбу.** Полученъ только № 3. Отвѣтили. **Бохеру.** Отчего не откликаетесь? Писали два раза. **Ефиму.** Письма получаемъ всѣ. Писали. **Лебединскому.** Письмо получено. Пришлите хорошій адресъ.

Получено: Прибрамъ 2 фр., черезъ Л. Т. за грав. 60 руб., отъ бюро гр. сод. 6 0 фр., отъ клуба „Zukunft" въ Берлинѣ 6 фр. 15, 5 фунт. стерл. отъ Лондонскаго ком. помощи русскимъ стачечникамъ, 25 фр. отъ Свенгали, 60 руб. отъ Амурцевъ. 300 фр. отъ Костика.

---

[1] П. П. С. приглашена, но отвѣта еще не получено.

Обиліе матеріаловъ, относящихся къ южно-русскому возстанію, заставляетъ отложить до слѣдующаго номера большую часть текущаго матеріала (корр. изъ Екатеринослава, Керчи, изъ малорус. деревни, съ Карповскаго рудника, Армавира, Ставрополя, Мелитополя, Харькова, Иркутска и т. д., равно какъ резолюціи Саратовск., Полѣсск., Иркутск., Орловск. комитетовъ; кутаисскихъ и кременчугскихъ рабочихъ и т. д.). Слѣдующій № выйдетъ 18 іюля.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 106. 18-го іюля 1905 г. Годъ V

ОБОРОНА ИЛИ НАСТУПЛЕНІЕ?

Все ближе и ближе придвигается день, въ который Николай Романовъ собирается „осчастливить“ Россію, кромѣ военной диктатуры, черныхъ сотенъ и казацкихъ драгонадъ, еще и „представительнымъ“ учрежденіемъ въ византійско-домостроевскомъ стилѣ. За послѣднее время, правда, внушительная логика событій заставила, повидимому, и въ скорбной главѣ самодержца шевельнуться мысль о необходимости нѣсколько „европеизировать“ построенное его слугами неуклюжее зданіе „представительства“. Въ иностранной печати уже появились извѣстія о различныхъ узорахъ и пристройкахъ, которыми самодержавная бюрократія думаетъ прикрыть болѣе чѣмъ „самобытный“ фасадъ Булыгинской Государственной Думы. Но всѣ эти карнизики, балкончики и галлерейки столь мало мѣняютъ существо дѣла, что — если „благимъ намѣреніямъ монарха“ суждено осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ — мы должны несомнѣнно считаться съ возможностью „представительства“ того именно специфическаго типа, какой былъ предъявленъ въ Булыгинскомъ проектѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ все настоятельнѣе вопросъ: что дѣлать, какъ реагировать на этотъ новый актъ самодержавной политической мудрости? Вопросъ этотъ оживленно обсуждается не только въ рядахъ соціальдемократіи. Имъ занимался земскій съѣздъ, на него еще раньше далъ отвѣтъ „союзъ союзовъ“. Бойкотировать ли или не бойкотировать Булыгинскую думу? Стараться ли привлечь народныя массы къ реагированію на созывъ думы, и если да, то въ какой формѣ и съ какими цѣлями? Тѣ или иные отвѣты на эти вопросы и опредѣляютъ собою основные контуры тактики по отношенію къ данному политическому моменту.

Въ № 103 „Искры“ (ст. „Къ современному положенію“) мы пытались намѣтить эти контуры, какъ они представляются намъ съ точки зрѣнія партіи пролетаріата. Но вопросъ настолько важенъ, что не мѣшаетъ еще разъ подробнѣе остановиться на немъ.

Мы знаемъ, что земскій съѣздъ оставилъ открытымъ вопросъ относительно бойкота Булыгинской думы. „Союзъ союзовъ“-же высказался за такой бойкотъ. Необходимо подвергнуть позицію, занятую либерализмомъ и демократіей, критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нашей собственной тактики, и извлечь изъ этой позиціи возможно больше элементовъ для раздуванія революціоннаго пожара и для классоваго самоопредѣленія пролетаріата.

Основной принципъ нашей тактики въ переживаемое революціонное время — это стремленіе не останавливать развитія революціи, а, наоборотъ, развязать ее, употребить всѣ усилія, чтобы придать революціонному процессу возможно большую настойчивость и интензивность, помочь ему до самаго дна всколыхнуть застоявшееся всероссійское болото. Съ этой точки зрѣнія всякое завоеваніе, сдѣланное народомъ въ революціонной борьбѣ, для насъ цѣнно, прежде всего, какъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ революціонныхъ шаговъ. Отсюда вытекаютъ два вывода. Во первыхъ, такъ какъ непрерывное поступательное движеніе революціи совершенно невозможно безъ одновременнаго прогрессивнаго роста концентраціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ, то наша тактика должна всегда быть направлена къ тому, чтобы вносить такое концентрирующее и организующее начало въ нашу дѣятельность. Создавать своего рода агитаціонныя трибуны все большаго и большаго масштаба и использовать всѣ возможности, представляющіяся для такого созданія, съ одной стороны, и организовывать массы на почвѣ агитаціи, развивающейся съ этихъ трибунъ, съ другой, — наша непосредственная задача. Это — первый выводъ изъ основного принципа нашей революціонной тактики. Второй же выводъ заключается въ томъ, что всякое вызываемое нами массовое движеніе имѣетъ для насъ значеніе не въ качествѣ изолированнаго, самодовлѣющаго явленія, а лишь какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи массовыхъ движеній, которая все укрѣпляетъ и расширяетъ революціонную организацію массъ, организуетъ всенародное возстаніе.

Удовлетворяетъ-ли этимъ условіямъ тактика безусловнаго бойкота проектированной „Думы“, принятая „Союзомъ Союзовъ“? Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на всю свою каррикатурность, а отчасти даже именно вслѣдствіе этой каррикатурности и грубѣйшаго нарушенія всѣхъ политическихъ правъ народа, Булыгинская Дума дала бы въ руки революціи огромный агитаціонный матеріалъ. Она дала бы во всякомъ случаѣ тотъ *всероссійскій* пунктъ концентраціи политическаго вниманія народныхъ массъ, который крайне полезенъ для объединенія и усиленія политической агитаціи. Агитація, широко развернутая вокругъ вопросовъ о самомъ составѣ думы, о порядкѣ ея функціонированія, вокругъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ самой Думѣ, и рѣшеній, даваемыхъ ею, несомнѣнно дала бы богатѣйшій матеріалъ для политическаго воспитанія массъ и революціонной организаціи ихъ. Отвергать эту трибуну, при всѣхъ ея недостаткахъ, цѣлесообразно съ нашей точки зрѣнія лишь въ томъ случаѣ, если мы одновременно создаемъ взамѣнъ ея *лучшую* трибуну, лучшіе пункты концентраціи политическаго вниманія и революціонной организаціи.

Рѣшились ли „Союзы“, постановляя бойкотъ Булыгинской думы, создать одновременно другіе, болѣе выгодные въ агитаціонномъ и организующемъ отношеніи, пункты политическаго тяготѣнія? Нѣтъ, они ограничились однимъ бойкотомъ pur et simple.

Правда, бойкотъ дополняется въ ихъ представленіи демонстративной политической забастовкой. Но, не говоря уже о томъ, что проведеніе всеобщей забастовки разсчитано лишь на элементы народной массы, уже такъ или иначе втянутые въ круговоротъ политическаго движенія, и оставляетъ совершенно въ сторонѣ многомилліонную массу крестьянства, по самому положенію своему лишеннаго возможности „бастовать“, не говоря объ этомъ, и самая забастовка рабочихъ и лицъ интеллигентныхъ профессій мыслится именно какъ „демонстрація“, какъ изолированный, самодовлѣющій актъ выраженія недовольства, долженствующій оказать „моральное“ вліяніе. Предполагается не взрывъ стихійнаго движенія, по отношенію къ которому задача сводится къ тому, чтобы раздуть пламя до крайнихъ возможныхъ предѣловъ, до уличнаго возстанія, до революціи. Нѣтъ; имѣется въ виду мирная манифестація, которая въ 3—4 дня должна завершить свой циклъ и которая направлена не къ революціонному захвату народомъ тѣхъ правъ, которыхъ его лишили, а лишь къ выраженію протеста противъ такого лишенія, причемъ, конечно, предполагается, что давленіе этого протеста побудитъ „власть имущихъ“ къ „уступкамъ“, которые *предотвратятъ* революцію. Не намѣтивъ никакой опредѣленной боевой задачи тому движенію массъ, которое они проектируютъ въ видѣ всеобщей забастовки, „Союзы“ вырвали изъ него революціонное жало.

Вотъ почему, несмотря на свою революціонную и радикальную внѣшность, тактика, принятая „Союзомъ Союзовъ“, на самомъ дѣлѣ отличается крайнею пассивностью. И себѣ самимъ и массѣ „Союзы“ отводятъ чисто пассивную роль. Это — нѣчто вродѣ политическаго „непротивленія злу“. Во злѣ не участвуютъ, противъ него протестуютъ, но съ нимъ и не борятся активно, *силѣ* зла не противопоставляютъ *силу* добра.*)

И какъ всякая пассивная тактика, и намѣченная „Союзомъ Союзовъ“, несомнѣнно, вредитъ интересамъ народныхъ массъ.

При неудачѣ, или неполной удачѣ — она ведетъ лишь къ самоустраненію сознательныхъ элементовъ. Она даетъ возможность организоваться — въ данномъ случаѣ, на почвѣ Государственной Думы — темнымъ и реакціоннымъ силамъ и оставляетъ въ хаотическомъ состояніи элементы прогрессивные, понижая такимъ образомъ ихъ относительную силу или, въ лучшемъ случаѣ, оставляя ихъ въ томъ же положеніи, не двигая впередъ.

При удачѣ — она ведетъ къ ряду уступокъ со стороны правительства, уступокъ, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ умиротворенію и откалыванію одного за другимъ верхнихъ слоевъ оппозиціонныхъ элементовъ и изолируютъ въ безправіи „низшіе классы“, остающіеся, при послѣдовательномъ проведеніи такой тактики, политически неорганизованными. И нужно имѣть слишкомъ много наивной вѣры въ имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократіи, чтобы не предвидѣть заранѣе того момента, когда именно противъ этихъ низшихъ классовъ, вѣсомъ своего стихійнаго движенія вынудившихъ правительство къ уступкамъ, встанутъ всѣ умиротворенные слои оппозиціи.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ товарищемъ, приславшимъ намъ надняхъ письмо, посвященное вопросу о нашей тактикѣ по отношенію къ созыву Государственной Думы. Этотъ товарищъ исходитъ изъ того предположенія, что созывъ Думы никоимъ образомъ не можетъ послужить „толчкомъ къ всероссійскому вооруженному возстанію пролетаріата“. Онъ полагаетъ, что „такъ какъ пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ“, то „тутъ не можетъ быть мѣста избирательной агитаціи“. Остается, стало быть, за „невозможностью“ возстанія, „другая реакція со стороны пролетаріата, физически, можетъ быть, менѣе яркая, но болѣе внушительная въ качествѣ *демонстраціи* (курс. нашъ) его сознательной политической зрѣлости“. „*Единственной* (кур. нашъ) формой активнаго выступленія пролетаріата можетъ быть въ данномъ случаѣ всеобщая политическая забастовка во имя всеобщаго избирательнаго права и Учредительнаго Собранія. Эта забастовка могла бы быть *кратковременной, хоть бы въ нѣсколько дней пробной мобилизаціей* политическихъ силъ соціалъ-демократіи, практической цѣлью которой должно быть политическое давленіе на тѣ классы общества, которые будутъ призваны къ выборамъ... Угроза вторичной, уже не „пробной“ всеобщей забастовкой, со всѣми ея осложненіями, легко предвидимыми въ такомъ случаѣ, явилась бы гарантіей достаточно сильнаго вліянія этой первой политической забастовки на все общество, а въ томъ числѣ и на избирателей“. Такъ говоритъ авторъ письма.

Сравнимъ предлагаемую имъ тактику съ тактикой „союза союзовъ“. Отличіе состоитъ въ томъ, что авторъ письма исходитъ изъ предположенія, что Дума не бойкотируется избирателями. Но такъ какъ пролетаріатъ къ числу „избирателей“ не принадлежитъ, то вопроса о бойкотѣ и не-бойкотѣ *ему* рѣшать не приходится; этотъ вопросъ стоитъ внѣ *его* тактики. И поскольку рабочій классъ будетъ въ данномъ вопросѣ вести свою самостоятельную и активную политику, то или иное рѣшеніе вопроса о бойкотѣ можетъ нѣсколько видоизмѣнить форму, время, мѣсто и обстоятельства выступленія пролетаріата, но не можетъ повліять на существо пролетарской тактики. И вотъ, что касается тактики самого пролетаріата, то авторъ письма рекомендуетъ ему ту же самую пассивную, оборонительную позицію, какъ и „союзъ союзовъ“. Элементовъ наступленія, революціоннаго захвата въ предлагаемой „пробной“ забастовкѣ нѣтъ. Правда, они намѣчены въ видѣ угрозъ уже не „пробной“, а „настоящей“ забастовкой „со всѣми ея осложненіями“, какъ глухо выражается авторъ. Но вѣдь это только „угроза“, а для даннаго момента проектируется все же не болѣе, какъ та же самая „мирная демонстрація“, разсчитанная притомъ на силы не всего народа, а лишь одного рабочаго класса, какую рекомендуетъ и „союзъ союзовъ“. Поэтому намъ кажется слишкомъ оптимистической высказываемая авторомъ письма надежда, что „намѣченной всеобщей забастовкой пролетаріатъ дѣйствительно сталъ бы во главѣ всего общественнаго освободительнаго движенія. Она явилась бы и лучшимъ средствомъ его организаціи для дальнѣйшей борьбы“.

Нѣтъ, для того, чтобы „стать во главѣ всего освободительнаго движенія“, пролетаріатъ долженъ не „демонстрировать“ только передъ всѣмъ населеніемъ, а своей тактикой дѣйствительно вовлекать его въ борьбу. А чтобы использовать свое выступленіе для организаціи въ цѣляхъ дальнѣйшей борьбы, въ это выступленіе долженъ быть вложенъ элементъ революціонной *организаціи* массъ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ только еще разъ настоятельно рекомендовать вниманію товарищей тотъ планъ революціоннаго выступленія, который уже намѣченъ нами въ № 103. Хотя „пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ“, это отнюдь не мѣшаетъ намъ захватить себѣ право „избирательной агитаціи“ путемъ учрежденія *рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ* для агитаціи во имя всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и Учредительнаго Собранія. Болѣе того. Къ образованію такихъ комитетовъ мы должны толкать и всѣхъ другихъ „лишенныхъ правъ“. Комитеты эти не должны ограничиваться однимъ пропагандированіемъ идеи всеобщаго избирательнаго права и Учредительнаго Собранія. Они должны призывать и къ *осуществленію* этой идеи въ томъ или иномъ видѣ. Они должны поставить себѣ цѣлью организовать выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ революціонныхъ депутатовъ внѣ тѣхъ „законныхъ“ рамокъ, которыя будутъ установлены министерскими проектами. Они должны звать крестьянъ посылать своихъ свободно выбранныхъ депутатовъ въ города для совмѣстнаго съ городскимъ населеніемъ обсужденія вопроса, что дѣлать. Поскольку такая тактика удастся — и мы, конечно, должны быть готовы къ тому, что она удастся не вполнѣ и не повсюду — постольку намъ удастся покрыть страну сѣтью органовъ революціоннаго самоуправленія. Всероссійское объединеніе такого самоуправленія создастъ и ту политическую всероссійскую трибуну, которая намъ такъ нужна. Если путемъ созданія *такой* трибуны удастся „сорвать“ Булыгинскую Думу, то это, конечно, нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ „срываніе“ ея простымъ бойкотомъ безъ созданія чего либо лучшаго взамѣнъ. Во всякомъ же случаѣ работа въ этомъ направленіи сдѣлаетъ все, что въ нашихъ силахъ, для революціонизированія и революціонной организаціи народныхъ массъ.

Но при такой постановкѣ задачи, вопросъ о бойкотѣ или небойкотѣ Думы привилегированными избирателями теряетъ для насъ свою остроту. Ибо, поскольку дѣло организаціи революціоннаго самоуправленія удастся, постольку архаической Думѣ, еслибы она и собралась, останется или подчиниться или исчезнуть. И тутъ то активное выступленіе массъ, хотя бы въ видѣ политической забастовки, пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ проектахъ „союза союзовъ“ и цитированнаго нами выше письма. Тутъ *политическая забастовка* не будетъ простой „демонстраціей недовольства“, а будетъ боевымъ шагомъ, направленнымъ къ прямой поддержкѣ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія, если созданіемъ его Дума будетъ „сорвана“; къ поддержкѣ революціонныхъ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія и Думы противъ самодержавія, если Дума все же соберется и рѣшитъ встать на революціонный путь; къ поддержкѣ органа революціоннаго самоуправленія противъ самодержавія и Думы, если послѣдняя окажется реакціонной. Мы видимъ, какъ наступательная и организующая тактика, не связывая намъ рукъ тѣмъ способомъ дѣйствій, который сочтутъ за благо принять другія партіи и классы, скорѣе всего дѣлаетъ насъ готовыми къ войнѣ на всѣ фронты. Но при такихъ условіяхъ политическая забастовка совершенно теряетъ свой мирный и „демонстративный“ характеръ. Мы должны смотрѣть на нее именно какъ на *возможный* прологъ возстанія, и въ вызванной нами къ жизни организаціи революціоннаго самоуправленія это возстаніе должно найти достаточную опору для превращенія въ возстаніе всенародное.

Намъ остается еще возразить на внушенныя скептицизмомъ сомнѣнія относительно того, чтобы намъ дѣйствительно удалось хоть въ сколько нибудь обширныхъ размѣрахъ выполнить ту огромную задачу, которую мы поставили. Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и полагаемъ, что при энергіи, умѣлости и рѣшимости мы сможемъ сдѣлать очень много въ этомъ направленіи. Но еслибы мы даже сдѣлали очень мало, то во всякомъ случаѣ и это малое будетъ плюсомъ въ дѣлѣ всенародной „организаціи революціи“. Прибѣгнуть въ случаѣ неуспѣха къ „призыву“ къ простой демонстративной забастовкѣ будетъ никогда не поздно. Наоборотъ, какъ бы малы ни были результаты нашихъ усилій въ намѣченномъ выше направленіи, они во всякомъ случаѣ будутъ попутно наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ подготовлять успѣхъ нашего „призыва“. Но начинать съ того, чтобы ставить себѣ *минимальную* цѣль значитъ въ революціонное время осуждать себя на полное безсиліе, на полную зависимость отъ чужой тактики. Наоборотъ, ставить себѣ возможныя въ данной исторической обстановкѣ *максимальныя* цѣли, идти къ нимъ, что называется, „на проломъ“ — это единственно цѣлесообразная революціонная тактика. И ужъ самый ходъ обстоятельствъ, которыя мы не можемъ заранѣе полностью учесть, покажетъ, насколько мы можемъ приблизиться къ поставленной себѣ цѣли.

Революціонное наступленіе по всей линіи — вотъ чего требуетъ отъ насъ историческая дѣйствительность.

---

*) Статья эта была набрана, когда въ англійскихъ газетахъ появилось извѣстіе что „Союзъ Союзовъ“, совмѣстно съ земской лѣвой, рѣшилъ выступить на путь болѣе активной тактики въ направленіи, намѣчаемомъ нами здѣсь и указанномъ уже раньше въ № 103 „Искры“. Остается выждать болѣе подробныхъ свѣдѣній, чтобы оцѣнить, насколько послѣдовательно пошла „конституціонно-демократическая партія“ по новому пути.

По Россіи.

Екатеринославъ. Нашъ городъ пережилъ трехдневную политическую стачку, которая была предпринята съ цѣлью выразить сочувствіе одесскимъ товарищамъ. Начну по порядку. Идея стачки зародилась вскорѣ по полученіи первыхъ извѣстій изъ Одессы, особенно, когда извѣстія эти стали появляться въ газетахъ. Рабочіе начали поговаривать о томъ, что не дурно бы и намъ стачку устроить. Голоса эти, впрочемъ, раздавались среди своихъ организованныхъ, до массы даже газетныя свѣдѣнія доходятъ весьма туго. Къ концу недѣли комитетъ внесъ предложеніе вести агитацію по поводу стачки въ Одессѣ, съ цѣлью подготовить настроеніе и если это удастся, провести всеобщую стачку и у насъ. Благопріятная почва для стачки вообще имѣлась во многихъ мѣстахъ, не считая даже впечатлѣнія, производимаго одесскими событіями, которыя, какъ сказано выше, массамъ были еще малознакомы. Собственно въ городѣ до этого времени стачки шли непрерывной вереницей. Бастовали лѣсопильщики, маляры, кровельщики, столяры, парикмахеры, папиросницы, шапочники, пекаря и т. д. На нѣкоторыхъ стачкахъ удалось провести кое какія соціальдемократическія требованія, какъ восьмичасовый рабочій день; въ выработкѣ требованій участвовали члены организацій. Такимъ образомъ, слить въ одинъ общій потокъ всѣ эти мелкіе стачечные ручейки, въ городѣ было не трудно. Весь вопросъ былъ въ томъ, каково настроеніе заводовъ. Собраніе заводского района, происходившее 17 или 16-го (точно не помню), въ принципѣ вопросъ о всеобщей стачкѣ рѣшило утвердительно, т. е. признало безусловную ея желательность, и постановило въ субботу 18 іюня познакомиться съ настроеніемъ возможно полнѣе, насколько возможно поднять это настроеніе, чтобы затѣмъ, взвѣсивъ всѣ данныя, прійти къ окончательному рѣшенію. Въ субботу были митинги въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и на заводѣ Эзау. Первый въ присутствіи толпы въ 800-1000 человѣкъ, по отзывамъ присутствовавшихъ рабочихъ, прошелъ очень удачно и сильно поднялъ настроеніе; второй, при сравнительно небольшой толпѣ въ 150-200 человѣкъ, тоже произвелъ недурное впечатлѣніе. На другихъ заводахъ агитація и знакомство съ настроеніемъ производились лишь по кружкамъ и изъ частныхъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, наиболѣе освѣдомленными. Вечеромъ 18, на состоявшемся районномъ собраніи, выяснилось слѣдующее: настроеніе на всѣхъ заводахъ подходящее. Стачку вызвать сравнительно будетъ не трудно, вопросъ лишь въ томъ, кто начнетъ. Представители передавали мнѣнія организованныхъ рабочихъ этихъ заводовъ, что стачку на своихъ заводахъ они смогутъ поднять, но лишь въ томъ случаѣ, если начнетъ забастовку Брянскій заводъ. (Между прочимъ, могу приблизительно сообщить общее количество заводовъ у насъ и рабочихъ на нихъ: Брянскій — около 7-8 тысячъ, Эзау — 2½-4 тысячи, Жел. дор. — 2-2½ тысячи. Трубный и гвоздильный заводы, въ общемъ, не менѣе 5½ тысячъ. Беру приблизительныя цифры. Дальше идутъ лѣсопилки — около 2 тысячъ, заводъ сельско-хозяйственныхъ машинъ „Константинъ“, арматурный заводъ, желѣзно-дорожное депо. На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ — Бельгійскій, желѣзно-дорожныя мастерскія и т. д. Въ общей сложности, заводской районъ нашъ насчитываетъ около 30000 рабочихъ. Таково, слѣдовательно, какъ выяснилось, было настроеніе заводовъ; всѣ взоры обращались на Брянскій; онъ являлся вершителемъ судебъ. На немъ же дѣла обстояли слѣдующимъ образомъ: два цеха, мостовой и литейный, гдѣ наибольшее количество сознательныхъ и организованныхъ, готовы забастовать каждую минуту. Механическій, состоящій, главнымъ образомъ, изъ людей солидныхъ, положительныхъ, съ окладомъ жалованья въ 150-200 рублей, — бастовать ни въ коемъ случаѣ не намѣренъ. Остальные занимали среднее положеніе между

ИСКРА

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Изъ искры возгорится пламя!“
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 106. 18-го іюля 1905 г. Годъ V

ОБОРОНА ИЛИ НАСТУПЛЕНІЕ?

Все ближе и ближе придвигается день, въ который Николай Романовъ собирается „осчастливить“ Россію, кромѣ военной диктатуры, черныхъ сотенъ и казацкихъ драгонадъ, еще и „представительнымъ“ учрежденіемъ въ византійско-домостроевскомъ стилѣ. За послѣднее время, правда, внушительная логика событій заставила, повидимому, и въ скорбной главѣ самодержца зашевелиться мысль о необходимости нѣсколько „европеизировать“ построенное его слугами неуклюжее зданіе „представительства“. Въ иностранной печати уже появились извѣстія о различныхъ узорахъ и пристройкахъ, которыми самодержавная бюрократія думаетъ прикрыть болѣе чѣмъ „самобытный“ фасадъ Булыгинской Государственной Думы. Но всѣ эти карнизики, балкончики и галлерейки столь мало мѣняютъ существо дѣла, что — если „благимъ намѣреніямъ монарха“ суждено осуществиться въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ — мы должны несомнѣнно считаться съ возможностью „представительства“ того именно специфическаго типа, какой былъ предъявленъ въ Булыгинскомъ проектѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ все настоятельнѣе вопросъ: что дѣлать, какъ реагировать на этотъ новый актъ самодержавной политической мудрости? Вопросъ этотъ оживленно обсуждается не только въ рядахъ соціальдемократіи. Имъ занимался земскій съѣздъ, на него еще раньше далъ отвѣтъ „союзъ союзовъ“. Бойкотировать ли или не бойкотировать Булыгинскую думу? Стараться ли привлечь народныя массы къ реагированію на созывъ думы, и если да, то въ какой формѣ и съ какими цѣлями? Тѣ или иные отвѣты на эти вопросы и опредѣляютъ собою основные контуры тактики по отношенію къ данному политическому моменту.

Въ № 103 „Искры“ (ст. „Къ современному положенію“) мы пытались намѣтить эти контуры, какъ они представляются намъ съ точки зрѣнія партіи пролетаріата. Но вопросъ настолько важенъ, что не мѣшаетъ еще разъ подробнѣе остановиться на немъ.

Мы знаемъ, что земскій съѣздъ оставилъ открытымъ вопросъ относительно бойкота Булыгинской думы. „Союзъ союзовъ“ же высказался за такой бойкотъ. Необходимо подвергнуть позицію, занятую либерализмомъ и демократіей, критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія нашей собственной тактики, и извлечь изъ этой позиціи возможно больше элементовъ для раздуванія революціоннаго пожара и для классоваго самоопредѣленія пролетаріата.

Основной принципъ нашей тактики въ переживаемое революціонное время — это стремленіе не останавливать развитія революціи, а, наоборотъ, развязать ее, употребить всѣ усилія, чтобы придать революціонному процессу возможно большую экстензивность и интензивность, помочь ему до самаго дна всколыхнуть застоявшееся всероссійское болото. Съ этой точки зрѣнія всякое завоеваніе, сдѣланное народомъ въ революціонной борьбѣ, для насъ цѣнно прежде всего, какъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ революціонныхъ шаговъ. Отсюда вытекаютъ два вывода. Во первыхъ, такъ какъ непрерывное поступательное движеніе революціи совершенно невозможно безъ одновременнаго прогрессивнаго роста концентраціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ, то наша тактика должна всегда быть направлена къ тому, чтобы вносить такое концентрирующее и организующее начало въ нашу дѣятельность. Создавать своего рода агитаціонныя трибуны все большаго и большаго масштаба и использовать всѣ возможности, представляющіяся для такого созданія, съ одной стороны, и организовывать массы на почвѣ агитаціи, [illegible]ющейся съ этихъ трибунъ, съ другой, — наша непосредственная задача. Это — первый выводъ изъ основного принципа нашей революціонной тактики. Второй же выводъ заключается въ томъ, что всякое вызываемое нами массовое движеніе имѣетъ для насъ значеніе не въ качествѣ изолированнаго, самодовлѣющаго явленія, а лишь какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи массовыхъ движеній, которая все укрѣпляетъ и расширяетъ революціонную организацію массъ, организуетъ всенародное возстаніе.

Удовлетворяетъ ли этимъ условіямъ тактика безусловнаго бойкота проектированной „Думы“, принятая „Союзомъ Союзовъ“? Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на [illegible] карикатурность и отчасти даже именно вслѣдствіе этой карикатурности и грубѣйшаго нарушенія [illegible] политическихъ правъ народа, Булыгинская Дума дала бы въ руки революціи огромный агитаціонный матеріалъ. Она дала бы во всякомъ случаѣ тотъ же [illegible] пунктъ концентраціи политическаго вниманія народныхъ массъ, который крайне полезенъ для объединенія и усиленія политической агитаціи. Агитація, широко развитая вокругъ вопросовъ о самомъ составѣ Думы, о порядкѣ ея функціонированія и вокругъ вопросовъ, подымаемыхъ въ самой Думѣ, и рѣшеній, даваемыхъ ею, несомнѣнно дала бы богатѣйшій матеріалъ для политическаго воспитанія массъ и революціоннаго [illegible] ихъ. Отвергать эту трибуну [illegible] при всѣхъ ея недостаткахъ [illegible] сообразно съ нашей точки зрѣнія лишь [illegible] мы одновременно создадимъ [illegible] лучшіе пункты концентраціи [illegible] революціонной организаціи.

Рѣшились ли [illegible] Булыгинской думы, создать одновременно другіе, болѣе [illegible] онномъ и организующемъ [illegible] тѣнія? Нѣтъ, они [illegible]

Правда, бойкотъ [illegible] стративной политической забастовкой. Но [illegible] что проведеніе всеобщей забастовки [illegible] народной массы [illegible] политическаго движенія [illegible] многомилліонную [illegible] ему, лишеннаго возможности [illegible] и самая забастовка [illegible] мыслится именно [illegible] самодовлѣющій [illegible] оказать „мирное [illegible] наго движенія [illegible] тому, чтобы [illegible] до уличныхъ [illegible] мирная манифестація [illegible] свой циклъ [illegible] народныхъ [illegible] женію [illegible] полагается. [illegible] щихъ [illegible] намѣтилось [illegible] массъ [illegible] „Союзы [illegible]

Вотъ [illegible] нуждающихся [illegible] комъ дѣлѣ [illegible] массъ „Союз[illegible]

вродѣ политическаго „непротивленія злу“. Въ злѣ не участвуютъ, противъ него протестуютъ, но съ нимъ и не борятся активно, *силѣ* зла не противопоставляютъ *силу* добра.*)

И какъ всякая пассивная тактика, и намѣченная „Союзомъ Союзовъ“, несомнѣнно вредитъ интересамъ народныхъ массъ.

При неудачѣ, или неполной удачѣ — она ведетъ лишь къ самоустраненію сознательныхъ элементовъ. Она даетъ возможность организоваться — въ данномъ случаѣ, на почвѣ Государственной Думы — темнымъ и реакціоннымъ силамъ и оставляетъ въ хаотическомъ состояніи элементы прогрессивные, понижая такимъ образомъ ихъ относительную силу или, въ лучшемъ случаѣ, оставляя ихъ въ томъ же положеніи, не двигая впередъ.

При удачѣ — она ведетъ къ ряду уступокъ со стороны правительства, уступокъ, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ умиротворенію и откалыванію одного за другимъ верхнихъ слоевъ оппозиціонныхъ элементовъ и изолируютъ въ безправіи „низшіе классы“, остающіеся, при послѣдовательномъ проведеніи такой тактики, политически неорганизованными. И нужно имѣть слишкомъ много наивной вѣры въ имманентную гражданскую доблесть либерализма и демократіи, чтобы не предвидѣть заранѣе того момента, когда именно противъ этихъ низшихъ классовъ, вѣсомъ своего стихійнаго движенія вынудившихъ правительство къ уступкамъ, возстанутъ всѣ умиротворенные слои оппозиціи.

Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ товарищемъ, приславшимъ намъ на-дняхъ письмо, посвященное вопросу о нашей тактикѣ по отношенію къ созыву Государственной Думы. Этотъ товарищъ исходитъ изъ того предположенія, что созывъ Думы никоимъ образомъ не можетъ послужить „толчкомъ къ всероссійскому вооруженному возстанію пролетаріата“. Онъ полагаетъ, что „такъ какъ пролетаріату то и не придется участвовать въ выборахъ“, то „тутъ не можетъ быть мѣста избирательной агитаціи“. Остается, стало быть, за „невозможностью“ возстанія, „другая реакція со стороны пролетаріата, физически, можетъ быть, менѣе яркая, но болѣе внушительная въ качествѣ *демонстраціи* (курс. нашъ) его сознательной политической зрѣлости“. „*Единственной* (курс. нашъ) формой активнаго выступленія пролетаріата можетъ быть въ данномъ случаѣ всеобщая политическая забастовка во имя всеобщаго избирательнаго права и Учредительнаго Собранія. Эта забастовка могла бы быть *кратковременной*, [illegible] *не болѣе какъ пробной мобилизаціей* политическихъ силъ соціалдемократіи, практической цѣлью которой должно быть политическое давленіе на тѣ классы общества, которые будутъ призваны къ выборамъ... Угроза вторичной, уже не „пробной“ всеобщей забастовкой, со всѣми ея осложненіями, легко предвидимыми въ такомъ случаѣ, явилась бы гарантіей достаточно сильнаго вліянія этой первой политической забастовки на все общество, а въ томъ числѣ и на избирателей“. Такъ говоритъ авторъ письма.

Сравнимъ предлагаемую имъ тактику съ тактикой „союза союзовъ“. Отличіе [illegible] въ томъ, что авторъ письма исходитъ изъ предположенія, что Дума не бойкотируется избирателями. Но такъ какъ пролетаріатъ къ числу „избирателей“ не принадлежитъ, то вопроса о бойкотѣ и не-бойкотѣ *ему* рѣшать не приходится: этотъ вопросъ стоитъ внѣ его тактики. И поскольку рабочій классъ будетъ въ данномъ вопросѣ вести свою самостоятельную и активную политику, то или иное рѣшеніе вопроса о бойкотѣ можетъ нѣсколько видоизмѣнить форму, время, мѣсто и обстоятельства выступленія пролетаріата, но не можетъ повліять на существо пролетарской тактики. И вотъ, что касается тактики самого пролетаріата, то авторъ письма рекомендуетъ ему ту же самую пассивную, оборонительную позицію, какъ и „союзъ союзовъ“. Элементовъ наступленія, революціоннаго захвата въ предлагаемой „пробной“ забастовкѣ нѣтъ. Правда, они намѣчены въ видѣ угрозъ уже не „пробной“, а „настоящей“ забастовкой „со всѣми ея осложненіями“, какъ глухо выражается авторъ. Но вѣдь это только „угроза“, а для даннаго момента проектируется все же не болѣе какъ та же самая „мирная демонстрація“, разсчитанная притомъ на силы не всего народа, а лишь одного рабочаго класса, какую рекомендуетъ и „союзъ союзовъ“. Поэтому намъ кажется слишкомъ оптимистической высказываемая авторомъ письма надежда, что „намѣченной всеобщей забастовкой пролетаріатъ дѣйствительно сталъ бы во главѣ всего общественнаго освободительнаго движенія [illegible] его организація для дальнѣйшей борьбы“.

Нѣтъ, для того чтобы стать во главѣ всего освободительнаго движенія, пролетаріатъ долженъ не „демонстрировать“ только передъ всѣмъ населеніемъ, а своей тактикой дѣйствительно вовлекать его въ борьбу. А чтобы использовать свое выступленіе для организаціи и дальнѣйшей борьбы, въ его выступленіе долженъ быть вложенъ элементъ революціонной организаціи массъ.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ [illegible] революціоннаго [illegible] который уже намѣтили мы въ № 103 [illegible] пролетаріату [illegible] не придется участвовать въ выборахъ [illegible]

лахъ, для революціонизированія и революціонной организаціи народныхъ массъ.

Но при такой постановкѣ задачи, вопросъ о бойкотѣ или небойкотѣ Думы привилегированными избирателями теряетъ для насъ свою остроту. Ибо, поскольку дѣло организаціи революціоннаго самоуправленія удастся, постольку архаической Думѣ, еслибы она и собралась, останется или подчиниться или исчезнуть. И тутъ то активное выступленіе массъ, хотя бы въ видѣ политической забастовки, пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ проектахъ „союза союзовъ“ и цитированнаго нами выше письма. Тутъ *политическая забастовка* не будетъ простой „демонстраціей недовольства“, а будетъ боевымъ шагомъ, направленнымъ къ прямой поддержкѣ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія, если созданіемъ его Дума будетъ „сорвана“; къ поддержкѣ революціонныхъ шаговъ органа революціоннаго самоуправленія и Думы противъ самодержавія, если Дума все же соберется и рѣшитъ встать на революціонный путь; къ поддержкѣ органа революціоннаго самоуправленія противъ самодержавія и Думы, если послѣдняя окажется реакціонной. Мы видимъ, какъ наступательная и организующая тактика, не связывая намъ рукъ тѣмъ способомъ дѣйствій, который сочтутъ за благо принять другія партіи и классы, скорѣе всего дѣлаетъ насъ готовыми къ войнѣ на всѣ фронты. Но при такихъ условіяхъ политическая забастовка совершенно теряетъ свой мирный и „демонстративный“ характеръ. Мы должны смотрѣть на нее именно какъ на *возможный* прологъ возстанія, и въ вызванной нами къ жизни организаціи революціоннаго самоуправленія это возстаніе должно найти достаточную опору для превращенія въ возстаніе всенародное.

Намъ остается еще возразить на внушенныя скептицизмомъ сомнѣнія относительно того, чтобы намъ дѣйствительно удалось хоть въ сколько нибудь обширныхъ размѣрахъ выполнить ту огромную задачу, которую мы поставили. Мы не раздѣляемъ этого скептицизма и полагаемъ, что при энергіи, умѣлости и рѣшимости мы сможемъ сдѣлать очень много въ этомъ направленіи. Но еслибы мы даже сдѣлали очень мало, то во всякомъ случаѣ и это малое будетъ плюсомъ въ дѣлѣ всенародной „организаціи революціи“. Прибѣгнуть въ случаѣ неуспѣха къ „призыву“ къ простой демонстративной забастовкѣ будетъ никогда не поздно. Наоборотъ, какъ бы малы ни были результаты нашихъ усилій въ намѣченномъ выше направленіи, они во всякомъ случаѣ будутъ попутно наиболѣе дѣйствительнымъ образомъ подготовлять успѣхъ нашего „призыва“. Но начинать съ того, чтобы ставить себѣ *минимальную* цѣль, значитъ въ революціонное время осуждать себя на полное безсиліе, на полную зависимость отъ чужой тактики. Наоборотъ, ставить себѣ возможно [illegible] *максимальныя* цѣли, идти къ нимъ, что называется, на проломъ — это единственно цѣлесообразная революціонная тактика. И ужъ самый ходъ обстоятельствъ, которыя мы не можемъ заранѣе полностью учитывать, покажетъ, насколько мы можемъ приблизиться къ поставленной себѣ цѣли.

Революціонное наступленіе по всей линіи — вотъ чего требуетъ отъ насъ историческая дѣйствительность.

По Россіи.

Екатеринославъ. Нашъ городъ пережилъ трехдневную политическую стачку, которая была предпринята съ цѣлью выразить сочувствіе одесскимъ товарищамъ. Начну по порядку. Идея стачки зародилась вскорѣ по полученіи первыхъ извѣстій изъ Одессы, особенно, когда извѣстія эти стали появляться въ газетахъ. Рабочіе начали поговаривать о томъ, что не дурно бы и намъ стачку устроить. Голоса эти, впрочемъ, раздавались среди своихъ организованныхъ, до массы даже газетныя свѣдѣнія доходятъ весьма туго. Къ концу недѣли комитетъ внесъ предложеніе вести агитацію по поводу стачки въ Одессѣ, съ цѣлью подготовить настроеніе и, если это удастся, провести всеобщую стачку и у насъ. Благопріятная почва для стачки вообще имѣлась во многихъ мѣстахъ, не считая даже впечатлѣнія, производимаго одесскими событіями, которыя, какъ сказано выше, массамъ были еще малознакомы. Собственно въ городѣ до этого времени стачки шли непрерывной вереницей. Бастовали дѣсо[illegible] магазиновъ, [illegible] парикмахеры, папиросницы, шапочники, пекаря и т. д. На нѣкоторыхъ стачкахъ удалось провести кое-какія соціалдемократическія требованія, какъ восьмичасовой рабочій день, въ выработкѣ требованій участвовали члены организацій. Такимъ образомъ слить въ одинъ общій потокъ всѣ эти мелкіе стачечные ручейки въ городѣ было не трудно. Весь вопросъ былъ въ томъ, каково настроеніе заводовъ [illegible] района. Происходившее 17 или 16-го [illegible] вопросъ о всеобщей стачкѣ рѣшило утвердительно [illegible] признало безусловную ея желательность и постановило въ субботу 18 іюня познакомиться съ настроеніемъ [illegible] насколько возможно поднять это настроеніе, чтобы затѣмъ, взвѣсивъ всѣ данныя, прійти къ окончательному рѣшенію. Въ субботу были митинги въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и на заводѣ [illegible] первый въ присутствіи [illegible] человѣкъ по отзывамъ присутствовавшихъ [illegible] потянулъ настроеніе; [illegible] въ 150-200 человѣкъ, [illegible] На другихъ заводахъ агитація [illegible] лишь по [illegible] отдѣльными личностями [illegible] Вечеромъ 18 [illegible] состоявшемся [illegible] слѣдующее настроеніе на всѣхъ [illegible] будетъ не [illegible] что [illegible] въ [illegible] (Между [illegible] количество заво[illegible] около 7-8 ты[illegible] рабочій [illegible] около 2 [illegible] и Нижне [illegible] и т. д. [illegible] было [illegible] яв[illegible] слѣду[illegible] наиболь[illegible] готовы забастовать [illegible] главнымъ об[illegible] съ окладомъ жа[illegible] въ коемъ случаѣ не [illegible] положеніе между одной и другой крайностью. Оцѣнивъ всѣ свѣдѣнія и взвѣсивъ ихъ, районъ постановилъ начинать стачку въ понедѣльникъ, начать съ Брянскаго завода, направивъ туда значительныя силы, постараться дать гудокъ и затѣмъ перекинуть стачку на другіе заводы. Рѣшеніе принято почти единогласно, при 2-3 оставшихся при особомъ мнѣніи, предлагавшихъ другой планъ — именно отложить дня на 3-4 объявляніе стачка, за это время развить агитацію возможно шире: въ формѣ листковъ, собраній и т. д.

---

*) [illegible] Союза Союзовъ [illegible] намѣчаемомъ [illegible] въ № 103 „Искры“ [illegible] чтобы оцѣнить [illegible] только послѣ [illegible]

Въ воскресенье назначены были небольшая массовка на Брянскомъ, объединительное собраніе большевиковъ и меньшевиковъ, засѣданіе стачечныхъ комиссій (у меньшевиковъ и большевиковъ таковыя были образованы для руководства стачкой, у насъ она состояла изъ трехъ комитетчиковъ и шести представителей городского и заводского районовъ). Вечеромъ должно было состояться общее собраніе организованныхъ рабочихъ, которымъ комиссія объединившихся должна была предложить свой планъ. Всѣ намѣченныя собранія состоялись. Но послѣдняго собранія организованныхъ рабочихъ не удалось провести по независящимъ обстоятельствамъ, такъ какъ казацкій отрядъ человѣкъ въ 50 какъ то ужъ очень не во время вздумалъ познакомиться съ окраинами города. Пришлось волей неволей измѣрить высоту сосѣднихъ заборовъ, и казаки уѣхали съ носомъ. На собраніи удалось лишь выяснить, что на Брянскомъ заводѣ забастовали доменьщики и рельсопрокатные ночные, т. е. обстоятельства благопріятствовали. Доменный цехъ одинъ изъ самыхъ сѣрыхъ и трудно поднимающихся. Вынесена была приблизительно слѣдующая формула: постараться познакомиться предварительно съ настроеніемъ массъ; если таковое благопріятно — начать въ понедѣльникъ; если нѣтъ — въ ближайшій день, а въ понедѣльникъ устроить митингъ на Брянскомъ. Формула эта, однако, не всѣми была принята. Большинство никакого „если“ не желало и съ такимъ мнѣніемъ разошлись, вѣрнѣе „разскакались“ по заборамъ. Въ понедѣльникъ Брянскій сталъ первымъ. Кое-кому удалось пробраться внутрь и тамъ при посредствѣ своихъ организованныхъ остановить работы, хотя и безъ гудка. Вначалѣ было трудновато. Пять товарищей полиція задержала. Этотъ фактъ возбудилъ толпу и масса ринулась спасать товарищей, пошла говорить съ Брянскимъ приставомъ, который, подъ давленіемъ толпы въ $1^{1}/_{2}$—2 тысячи рабочихъ, благосклонно отпустилъ задержанныхъ. За Брянскимъ бросили работу сосѣдніе заводы: трубный, гвоздильный, Эзау, мастерскія (не очень охотно и легко). При остановкѣ работъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были довольно значительные митинги, на которыхъ разъяснялся смыслъ забастовки. При требованіи прекратить работу замѣчалось во многихъ мѣстахъ такое отношеніе: рабочіе-массовики словно уже заранѣе знали, очень быстро (исключая нѣкоторыхъ особенно упорныхъ цеховъ, какъ напримѣръ, котельный въ жел.-дор. мастерскихъ) оставляли свои станки, складывали инструменты, умывались, переодѣвались и совершенно спокойно выходили изъ завода; многіе, конечно, направлялись по домамъ.

На площади, возлѣ театра народной трезвости, въ концѣ первой Чечеловки состоялся митингъ. Присутствовало тысячи $2^{1}/_{2}$—3. Говорилъ ораторъ меньшевикъ о значеніи настоящей стачки, о событіяхъ въ Одессѣ, о знаменательномъ фактѣ возстанія флота, выяснялась идея Учредительнаго Собранія, главнѣйшія требованія программы-минимумъ. Рѣчь перваго оратора поддерживалась дружными возгласами толпы. Второй говорилъ тогда когда среди толпы начались разговоры о томъ, что нужно идти въ городъ. Толпа рѣшила затѣмъ двинуться въ городъ. Было тутъ съ десятокъ соц.-рев., но пока рѣчей они не произносили. Пошли по первой Чечеловкѣ по направленію къ городу.

Ни казаковъ, ни войска нигдѣ не было. Говорить можно было долго, толпу ждали въ городѣ и тамъ то охранялись видныя мѣста. Однако, разговаривать дольше не пришлось. Двинулись къ городу. По пути толпа начала рѣдѣть, расплываться. Въ концѣ Чечеловки, въ виду все уменьшающагося количества идущихъ, толпа остановилась и наши ораторы, видя, что кругомъ остается лишь нѣсколько сотъ своихъ организованныхъ, предложили присутствующимъ на обсужденіе вопросъ: стоитъ ли въ такомъ количествѣ двигаться дальше, разсчитывая, что на границѣ города насъ встрѣтятъ казаки и съ успѣхомъ поколотятъ, благодаря малочисленности, — или расходиться. Соц.-революц. лѣзли изъ кожи, зовя въ городъ, убѣждая, что если сейчасъ мы не пойдемъ, завтра все равно ничего не состоится, масса не выйдетъ. Однако, вопреки этимъ убѣжденіямъ, толпа рѣшила на сегодня разойтись, а завтра собраться въ томъ же мѣстѣ на митингъ, обсудить планъ дѣйствій и идти затѣмъ въ городъ, если онъ самъ не остановится. Пропѣли марсельезу и варшавянку и начали расходиться. Самые непримиримые соц.-рев., въ количествѣ человѣкъ 25, вышли все-таки на Проспектъ, гдѣ были сильно избиты. Такъ кончился первый день.

На второй день, увы! собраться въ назначенномъ мѣстѣ не удалось, такъ какъ жел.-дор. мастерскія все-таки пошли на работу. Пришлось ихъ снова снимать. Мѣсто дѣйствій перенеслось туда, значительно ближе къ городу. Остановленные тутъ же паровозы своими гудками созывали къ этому мѣсту шедшихъ на митингъ брянцевъ и другихъ. Мѣсто было неудачное, говорить не пришлось, тѣмъ болѣе, что всѣ горѣли желаніемъ скорѣй снять городъ. У мастерскихъ въ этотъ день стояли уже солдаты, но видъ ихъ былъ совсѣмъ мирный. Они открыто отказывались стрѣлять, по крайней мѣрѣ, тотъ отрядъ, который былъ поставленъ для охраны ж.-д. мастерскихъ. Однимъ словомъ, было рѣшено двинуться въ город.. Толпа очень оживленно и весело, но нѣсколько растягиваясь по пути, двинулась въ городъ. Рядомъ съ ней пошелъ отрядъ солдатъ. Вскорѣ отрядъ и толпа представляли изъ себя одно цѣлое. Рабочіе заводили разговоры съ солдатами, убѣждали не стрѣлять, иные произносили довольно большія рѣчи, читали вслухъ прокламаціи, нѣкоторымъ солдатамъ нацѣпили листки на штыки и т. д., и т. д. Перевалили черезъ вокзалъ, остановили вагоны трамвая; кондуктора съ охотой согласились прекратить работу. На площади, около продовольственнаго магазина, мнѣнія раздѣлились: одни звали въ депо трамвая остановить тамъ работу; другіе въ управленіе ж. д.

Въ послѣднее проникнуть не удалось, такъ какъ дворъ мигомъ наполнился солдатами. Разноголосица вышла потому, что не удалось раньше столковаться. Пришлось здѣсь наскоро строить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Поднялся нашъ ораторъ съ цѣлью предложить свой планъ. Сказать удалось всего нѣсколько словъ. Цѣлый отрядъ казаковъ ринулся на толпу, и она, не успѣвъ еще хорошо сплотиться, пустилась въ бѣгство. Говорятъ, что одного рабочаго изрубили въ куски, другому отсѣкли часть лица. Послѣ этого попытка по настоящему собраться уже нигдѣ не удалась. Какъ выяснилось послѣ, на встрѣчу заводской толпѣ двинулась внушительная толпа городскихъ. Но сойтись имъ вмѣстѣ не удалось. Послѣ неудачи въ городѣ, разсѣянная толпа кучками и отдѣльными группами начала двигаться обратно на Чечеловку, надѣясь тамъ вновь собраться. Но было уже поздно— казаки проникли туда, не позволяя соединиться; отряды ихъ показывались во всѣхъ пунктахъ; отпора не было; единичныхъ личностей избивали (между прочимъ, двоихъ изъ организаціи). Пришлось оставить мысль собраться на Чечеловкѣ. Принесли извѣстія, что въ городѣ на Успенской площади собирается масса народу, что тамъ говорятъ ораторы. Толпа заводскихъ (большей частью, организованные) двинулась туда, а въ это время тамъ, на Успенской площади, уже разгоняли, и новый потокъ снова направлялся на Чечеловку. Такимъ образомъ, городскіе, послѣ неудачной попытки собраться въ городѣ, шли къ заводамъ, а заводы — въ городъ.

Въ концѣ концовъ, произошло слѣдующее.

На площади около театра народной трезвости часамъ къ четыремъ скопилась довольно большая толпа, главнымъ образомъ, городскихъ ремесленниковъ евреевъ (заводскіе въ это время частью разошлись по домамъ, частью находились по пути къ Успенской площади или отъ нея къ Чечеловкѣ). Была сдѣлана попытка воспользоваться этимъ собраніемъ для произнесенія нѣсколькихъ рѣчей. Говорилъ хорошо и убѣдительно рабочій, не состоящій въ организаціи, но очень вліятельный, были еще ораторы соціальдемократы, сіонистъ и, наконецъ, соціалистъ-революціонеръ. Послѣдній успѣлъ произнести лишь немного по количеству, за то очень вѣскихъ по качеству и подходящихъ къ моменту, словъ. Онъ говорилъ, что интеллигентъ русскій (почему онъ говорилъ именно объ интеллигентѣ, я хорошо не знаю) носитъ желтыя туфли, шляпы по 2 рубля съ полтиной и прочія дорогія вещи, при этомъ пытается еще руководить движеніемъ, величаетъ себя соціальдемократомъ, не замѣчая того что крестьянинъ ходитъ босой, въ дешевомъ картузѣ и т. д. Не знаю, для какой опредѣленной цѣли приводилъ онъ этотъ сравнительный прейсъ-курантъ, — закончить ему не удалось. Изъ подъ горы выскочилъ отрядъ казаковъ и ринулся на толпу. Изъ толпы стрѣляли, хотя въ общемъ, вся масса отпора не оказывала и пустилась бѣжать. Казаки, при звукѣ выстрѣловъ, схватились за винтовки, которыя были еще не заряжены, наскоро зарядили и начали палить безъ разбору. Ранено серьезно шесть человѣкъ, изъ нихъ, говорятъ, 2 умерло, навѣрное я знаю лишь про одного: это рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ *Шмель*, въ организаціи не состоялъ, но, какъ сочувствующій, оказывалъ всегда услуги и вообще, по отзывамъ товарищей, былъ славный парень. Вѣчная ему память! Эта перестрѣлка толпы съ казаками послужила сигналомъ къ полному разнузданію казацкой нагайки. Во многихъ мѣстахъ начинали безпощадно колотить, особенно въ городѣ. Колотили конные и пѣшіе, городовые и казаки, по указанію шпіоновъ или по собственному вдохновенію. Главнымъ образомъ, доставалось, разумѣется, евреямъ, и, въ частности, дѣвицамъ.

Третій день забастовки ничего не далъ. Собраться уже абсолютно не удавалось. Заводскіе послѣ вчерашняго избіенія на конецъ Чечеловки къ Брянскому театру совершенно не подходили, пришло незначительное количество ремесленниковъ, которые тоже разошлись во избѣжаніе частичныхъ избіеній. Настроеніе сильно пало. Это замѣчалось еще во второй день. „Куда же вы звали насъ?“ раздавались голоса по адресу организацій и организованныхъ рабочихъ. „Гдѣ оружіе? Развѣ можно выходить теперь съ пустыми руками?“ „Давайте намъ бомбы, чтобы разгромить башибузуковъ, безъ нихъ мы не пойдемъ на собранія подъ пули и нагайки“. Третій день былъ днемъ упадка. Въ городѣ уже во многихъ мѣстахъ принялись за работу. Магазины постепенно открывались, трамвай дѣйствовалъ. Избіенія къ вечеру усилились. Въ фабричной слободѣ городовой по подозрѣнію указалъ на трехъ дѣвицъ. Казаки погнались за ними, избили страшно, затѣмъ арестовали. Въ другомъ мѣстѣ въ городового собравшаяся кучка рабочихъ стала кидать камнями, онъ какъ-то увернулся, добѣжалъ до казаковъ и сообщилъ о происшедшемъ. Тѣ устремились къ мѣсту дѣйствій, и хотя никакой толпы уже не было, проходили лишь смирные обыватели,—казаки, тѣмъ не менѣе, спѣшившись, взобрались на насыпь и начали перестрѣлку. Былъ убитъ проходившій мимо рабочій, не успѣвшій скрыться, другой серьезно раненъ. Не видя отпора, видя, что масса безоружна, башибузуки свирѣпствовали. Кой гдѣ и ихъ настигалъ мѣткій камень или пуля. Въ одномъ мѣстѣ брошено было подобіе бомбы. Говорятъ, изъ казаковъ убито 1 или 2, раненыхъ около десяти. Разсказываютъ, что еще на второй день, при избіеніи въ городѣ у провіантскаго магазина, одинъ казакъ соскочилъ съ лошади, бросилъ ее и ушелъ совершенно, говоря, что не хочетъ участвовать въ бойнѣ. Важно и интересно поведеніе солдатъ. Отзывы такіе. Надежды начальства на ихъ боевую готовность очень незначительны. Начальство ихъ боится, говорили, что сами солдаты хотѣли устроить забастовку по поводу пищи. Одни солдаты безусловно обѣщали не стрѣлять. Другіе такъ заявляли: конечно, своихъ бить не будемъ, ну, а уже если жиды подвернутся, такъ имъ не сдобровать. Третьи открыто обѣщали угостить хорошенько рабочихъ пулями, какъ только представится удобный моментъ. Объясняется послѣднее озлобленіемъ солдатъ, возникшимъ послѣ случая съ выстрѣлами: нѣсколько пуль, направленныхъ въ казаковъ, спрятавшихся за солдатъ, попали въ солдатъ самихъ.*) Это, понятно, была большая ошибка. Но, въ общемъ, настроеніе среди солдатъ, во всякомъ случаѣ, таково, что стрѣлять они не стали бы, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Прикладами, впрочемъ, бьютъ изрядно. Дисциплина среди солдатъ безусловно не сильна. Приходилось товарищамъ наблюдать такія сцены. У почты стоитъ охрана изъ 10 солдатъ. Проходитъ ремесленникъ-еврей, даетъ одному солдату прокламацію, тотъ преспокойно читаетъ ее вслухъ своимъ товарищамъ, офицеръ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Однако, перейду къ забастовкѣ. Третій день приходилъ къ концу. По улицамъ разъѣзжали полицейскіе, казаки, стояли патрули. Рабочіе или разбрелись по домамъ, или небольшими кучками разговаривали у воротъ. Къ вечеру всѣ попрятались, такъ какъ бѣлый терроръ усилился. Настроеніе шло все болѣе и болѣе на убыль. Послѣ вчерашней перестрѣлки на Чечеловкѣ поднялъ голову хулиганскій элементъ, возстановляющій обывателей противъ евреевъ, какъ виновниковъ всей забастовки и въ частности избіеній. Обыватели вторили этимъ разговорамъ довольно охотно, особенно женщины. Ворота, по приказанію казаковъ, къ вечеру запирались, чтобы избиваемые не могли скрываться. Масса пролетарская враждебно косилась на „организованныхъ“. „Позвали, начали, а у самихъ ничего нѣтъ, гдѣ же ваше оружіе, гдѣ бомбы? — обманщики!“

Итакъ, за три дня забастовки ни одного большого „настоящаго“ митинга, сборнаго со всѣхъ заводовъ, а не по отдѣльности изъ рабочихъ одного завода и у этого завода — ни одного такого большого митинга не удалось устроить. Прошелъ четвергъ и пятница. Вечеромъ на районномъ городскомъ собраніи выяснилось, что настроеніе на заводахъ слѣдующее. Большинство стоитъ, лишь отдѣльныя группы принялись за работу, движеніе переходитъ въ экономическую стачку. Такъ обстояли дѣла на Брянскомъ, Эзау, Гвоздильномъ, Трубномъ. Желѣзнодорожныя мастерскія закрыты. Брянская администрація вывѣсила объявленіе съ угрозой разсчитать всѣхъ, если работы не начнутся с понедѣльника. Заводское управленіе требовало немедленнаго разсчета всѣхъ телеграммой изъ Петербурга. Директоръ отложилъ до понедѣльника. На собраніи было рѣшено въ субботу возможно детальнѣе ознакомиться съ настроеніемъ, постараться устроить возможно болѣе обширныя собранія и, такъ или иначе, укрѣпить забастовочное настроеніе. На утро въ субботу выяснилось, что были общія собранія рабочихъ на Брянскомъ заводѣ, Трубномъ и (кажется) Гвоздильномъ. Результаты собраній превзошли всѣ ожиданія; вѣрнѣе, совершенно шли въ разрѣзъ съ этими ожиданіями. Брянскій заводъ послѣ прекрасной, по отзывамъ присутствующихъ рабочихъ, рѣчи одного пролетарія (того самаго, что хорошо говорилъ на послѣднемъ сборищѣ передъ разстрѣломъ) — рѣшилъ бастовать, пока администрація не выполнитъ требованія. Основныя требованія — 8 часовой рабочій день и свобода собраній. Почти тѣ же общія требованія выставилъ Трубный, прибавивъ около 40 мелкихъ и мельчайшихъ, какъ удаленіе городового, введеніе умывальниковъ и т. д. Брянскій давалъ примѣръ всѣмъ. Это уже заговорила масса, та, что и тѣ три дня сидѣла по домамъ или наблюдала издали. Неудача съ политической забастовкой, неполное ея проведеніе, отсутствіе митинговъ и т. д. все это очень слабо или совсѣмъ не задѣло массу (лишнее доказательство того, какъ всѣ наши предпріятія являются проявленіемъ дѣйствій только сливокъ этой массы организованныхъ). Подъ вліяніемъ забастовочнаго настроен

---

*) Надо отмѣтить, что и въ Одессѣ происходили такія же нападенія на солдатъ и съ такими же послѣдствіями. Организац обязаны разъяснять массамъ нераціональность подобнаго отношенія къ солдатамъ.

Ред.

Наши злоключенія.*)

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соц.-дем.

5.

Кружковая среда, какъ мы видѣли, раціонализируя Маркса, вносила элементы невольнаго sui generis „творчества“ даже въ ту сферу мысль, гдѣ — можно было думать — она просто пойдетъ за учителемъ и гдѣ ей самой представлялось излишнимъ проявленіе оригинальности. Тѣмъ отчетливѣе выступала физіономія кружковой интеллигенціи тамъ, гдѣ у нея были свободнѣе руки, гдѣ надъ ней непосредственно не висѣло указки и гдѣ ей дѣйствительно приходилось самочинно „творить“. Это—сфера практическаго дѣйствія и съ нимъ связанныхъ вопросовъ: какъ построить, сорганизовать дѣеспособный партійный коллективъ и какъ опредѣлить свое отношеніе къ той „внѣшней“ средѣ, которая этотъ коллективъ окружаетъ? При рѣшеніи именно этихъ вопросовъ съ особенной силой долженъ былъ заявить о себѣ специфическій укладъ кружковой интеллигенціи, столь же мало отвѣчавшій политическимъ задачамъ соціальдемократіи, сколь мало отвѣчалъ и кружковой раціонализмъ теоретическому ученію Маркса...

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ интеллигенція себя помнитъ, а русская исторія ее знаетъ, ей неизмѣнно былъ присущъ дуализмъ-двоеначаліе особаго рода. Сама отгороженная въ жизни стѣной кружковой отчужденности отъ всѣхъ прочихъ элементовъ ее окружающаго общественнаго строя, она и въ сознаніи своемъ, и во всей своей соціально-политической работѣ неизмѣнно ощущала и запечатлѣвала ту же самую раздвоенность. По сю сторону она сама, интеллигенція, по другую та часть „внѣшняго“, „зарубежнаго“ міра, во имя которой и ведется борьба, которой надо еще только завладѣть и которая есть въ то же время необходимая предпосылка ея конечной побѣды — народная масса. Это — двѣ, одна съ другой несливающіяся, но непремѣнныя половины единаго интеллигентскаго міровоззрѣнія, половины, взаимоотношеніе которыхъ и мѣняющаяся относительная роль и опредѣляли собою въ конечномъ счетѣ ту гамму настроеній, тоновъ, направленій, черезъ которую проходила — за десятилѣтія своего бытія — россійская кружковая интеллигенція. И въ соотвѣтствіи этому дуализму, двѣ постоянно чередующіяся ноты, два основныхъ лейтмотива — я назвалъ бы эти мотивы народническимъ и народовольческимъ — въ память и честь ихъ наиболѣе классическаго выраженія, народническимъ и народовольческимъ —смотря по тому, которая изъ сторонъ двуединаго цѣлаго заключается въ центрѣ вниманія, которая изъ нихъ поставлена на очередь дня развертывающимся ходомъ событій. Теперь, когда у насъ за плечами весь безконечно-длинный мартирологъ интеллигентской исторіи, мы располагаемъ уже достаточными данными, чтобы установить что-то вродѣ закономѣрности этихъ смѣнъ, теперь мы уже въ правѣ и можемъ сказать, что каждый новый періодъ революціонно интеллигентской активности начинался съ культа массъ и заканчивался культомъ ея собственнаго коллективнаго „я“.

Масса — въ своей потенціальной революціонности — была рычагомъ и одновременно тою исходной точкой, отъ которой отправлялся всякій разъ кристаллизаціонный процессъ интеллигенціи. Только тогда, когда сознаніе интеллигенціи фиксировалось на массѣ и масса становилась героиней интеллигенціи, интеллигенція находила себя самое и разсѣянныя, атомизированныя части интеллигентскаго отщепенства стягивались другъ къ другу, мертвенный до того скелетъ облекался плотью и духъ революціоннаго протеста водворялся тамъ, гдѣ прежде царила лишь тягота жизни. Идея массы формировала интеллигенцію, формирующаяся интеллигенція устремлялась въ народную массу.

Но хожденіе въ массу, въ народъ — разъ осуществленное — означало кардинальный переломъ въ интеллигентскомъ Sturm und Drang'ѣ. Оно значило конецъ его подготовительному можно бы сказать — *просвѣтительному* фазису, когда распространеніе и образованіе идей являлось еще главнымъ моментомъ и типичнымъ выраженіемъ интеллигентской группировки, и наступленіе того новаго, когда интеллигенціи надлежало уже прежде всего реализовать свои идеологическіе рессурсы въ огнѣ повседневныхъ столкновеній и на этомъ оселкѣ провѣрять свою общественную сущность. Двѣ силы, два склада, качественно и количественно различные, вступали въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, если не на практикѣ совмѣстной борьбы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ, на практикѣ взаимнаго политическаго общенія. Разумѣется, странное это было общеніе — въ условіяхъ полицейскаго государства, въ рамкахъ подполья. Слишкомъ кратковременное и дробное — по общему правилу, чтоб смести перегородки кружковой отчужденности, и дать возмо ность интеллигентскому слою дѣйствительно „расплыть утонуть“ въ массѣ народной, ставъ ея органической и л болѣе сознательной частью; но въ то же время и достаточн чтобы въ корнѣ подорвать первоначальный оптимистически-а страктный, идеализмъ кружка и заложить основаніе *перерожде* его идеологіи. Перерожденію по двумъ направленіямъ: съ од стороны, въ сторону *приноровленія идеологіи къ наличному* *танію массы*, приноровленія вульгарнаго, при которомъ свя между отдѣльными дѣйствіями и основнымъ исходнымъ ре ляторомъ все больше порывалась и идейное, объединяющее н ло все дальше утрачивало реальность, становясь „разсыпанн храминой“, и съ другой — въ сторону *гипертрофіи служебн* *элементовъ движенія* и *фетишизированія отдѣльныхъ ли прі* *борьбы* (напр., террора) *или партійно-группового аппарата вооб* (напр. вавилонской башни нашего организаціоннаго строите ства). Эти двѣ на первый взглядъ діаметрально противопо ложныя эволюціи, одна — чреватая оппортунизмомъ въ фор умѣренной постепеновщины, другая — блистающая всѣми кр сками революціонизма, обязаны, однако, своимъ происхожде ніемъ одному и тому же источнику, той отличительной черт кружковой интеллигенціи, къ которой мы уже раньше подхо дили, отмѣчая, что для политической инціативы этого обще ственнаго слоя, для его групповой концентраціи, требовалось всякій разъ одно предварительное условіе: чтобы въ его кол лективное сознаніе проникла — подъ давленіемъ тѣхъ или дру гихъ историческихъ причинъ — идея освободительницы массы. Другими словами: индивидуально пассивное отщепенство разро ненныхъ представителей этого слоя становилось коллективны и дѣйственнымъ не въ результатѣ самостоятельнаго самоопре дѣленія этого слоя, не какъ конечное звено въ процесс борьбы и отстаиванія имъ своей общественой личности, а как своего рода рефлексъ-рикошетъ измѣненій, протекавшихъ з предѣлами его демаркаціонной линіи, въ средѣ и во взаимны отношеніяхъ прочихъ элементовъ общественности.

Вотъ съ этой то чертой *отраженности* интеллигентск слоя, давно извѣстной и отмѣченной подъ видомъ его импр сіонистской неустойчивости, и стоитъ въ непосредственн связи основное и отличительное свойство его отщепенства, им щее для насъ центральное значеніе. Я говорю о неспособнос этого отщепенства служить достаточно прочной основой д соціализма интеллигенціи; объ отсутствіи въ немъ тѣхъ „им нентныхъ“ внутреннихъ силъ, которыя въ процессѣ сво дальнѣйшаго развитія также порождали бы соотвѣтствен отвергающія современный порядокъ вещей, построенія, на

---

*) См. „Искра“ №№ 78 и 98. *Къ свѣдѣнію читателя*: въ предыдущей статьѣ я старался показать, какъ кружковая среда накладывала свою печать раціонализма на ученіе Маркса и какъ подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ сложилась та разновидность легальнаго марксизма, которая была одной изъ эмбріональныхъ формъ нашей интеллигентской соціальдемократіи и имѣла своими выразителями гг. Тулина и Вл. Ильина, этихъ легальныхъ двойниковъ нелегальнаго Ленина.

одной и другой крайностью. Оцѣнивъ всѣ свѣдѣнія и взвѣсивъ ихъ, районъ постановилъ начинать стачку въ понедѣльникъ, начать съ Брянскаго завода, направивъ туда значительныя силы, постараться дать гудокъ и затѣмъ перекинуть стачку на другіе заводы. Рѣшеніе принято почти единогласно, при 2-3 оставшихся при особомъ мнѣніи, предлагавшихъ другой планъ — именно отложить дня на 3-4 объявляніе стачки, за это время развить агитацію возможно шире въ формѣ листковъ, собраній и т. д.

Въ воскресенье назначены были небольшая массовка на Брянскомъ, объединительное собраніе большевиковъ и меньшевиковъ, засѣданіе стачечныхъ комиссій (у меньшевиковъ и большевиковъ таковыя были образованы для руководства стачкой. У насъ она состояла изъ трехъ комитетчиковъ и шести представителей городского и заводского районовъ). Вечеромъ должно было состояться общее собраніе организованныхъ рабочихъ, которымъ комиссія объединившихся должна была предложить свой планъ. Всѣ намѣченныя собранія состоялись. Но послѣдняго собранія организованныхъ рабочихъ не удалось провести по независящимъ обстоятельствамъ, такъ какъ казацкій отрядъ человѣкъ въ 50 какъ то ужъ очень не во время вздумалъ познакомиться съ окраинами города. Пришлось волей неволей измѣрить высоту сосѣднихъ заборовъ, и казаки уѣхали съ носомъ. На собраніи удалось лишь выяснить, что на Брянскомъ заводѣ забастовали доменьщики и рельсопрокатные ночные, т. е. обстоятельства благопріятствовали. Доменный цехъ одинъ изъ самыхъ сѣрыхъ и трудно поднимающихся. Вынесена была приблизительно слѣдующая формула: постараться познакомиться предварительно съ настроеніемъ массъ; если таковое благопріятно — начать въ понедѣльникъ; если нѣтъ — въ ближайшій день, а въ понедѣльникъ устроить митингъ на Брянскомъ. Формула эта, однако, не всѣми была принята. Большинство никакого „если" не желало и съ такимъ мнѣніемъ разошлись, вѣрнѣе „разскакались" по заборамъ. Въ понедѣльникъ Брянскій сталъ первымъ. Кое-кому удалось пробраться внутрь и тамъ при посредствѣ своихъ организованныхъ остановить работы, хотя и безъ гудка. Вначалѣ было трудновато. Пять товарищей полиція задержала. Этотъ фактъ возбудилъ толпу и масса ринулась спасать товарищей, пошла говорить съ Брянскимъ приставомъ, который, подъ давленіемъ толпы въ $1\frac{1}{2}$—2 тысячи рабочихъ, благосклонно отпустилъ задержанныхъ. За Брянскимъ бросили работу сосѣдніе заводы: трубный, гвоздильный, Эзау, мастерскія (не очень охотно и легко). При остановкѣ работъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ были довольно значительные митинги, на которыхъ разъяснялся смыслъ забастовки. При требованіи прекратить работу замѣчалось во многихъ мѣстахъ такое отношеніе: рабочіе-массовики словно уже заранѣе знали, очень быстро (исключая нѣкоторыхъ особенно упорныхъ цеховъ, какъ напримѣръ, котельный въ жел.-дор. мастерскихъ) оставляли свои станки, складывали инструменты, умывались, переодѣвались и совершенно спокойно выходили изъ завода; многіе, конечно, направлялись по домамъ.

На площади, возлѣ театра народной трезвости, въ концѣ первой Чечеловки состоялся митингъ. Присутствовало тысячи $2\frac{1}{2}$—3. Говорилъ ораторъ меньшевикъ о значеніи настоящей стачки, о событіяхъ въ Одессѣ, о знаменательномъ фактѣ возстанія флота, выяснялась идея Учредительнаго Собранія, главнѣйшія требованія программы-минимумъ. Рѣчь перваго оратора поддерживалась дружными возгласами толпы. Второй говорилъ тогда, когда среди толпы начались разговоры о томъ, что нужно идти въ городъ. Толпа рѣшила затѣмъ двинуться въ городъ. Было тутъ съ десятокъ соц.-рев., но пока рѣчей они не произносили. Пошли по первой Чечеловкѣ по направленію къ городу.

Ни казаковъ, ни войска нигдѣ не было. Говорить можно было долго, толпу ждали въ городѣ и тамъ то охранялись видныя мѣста. Однако, разговаривать дольше не пришлось. Двинулись къ городу. По пути толпа начала рѣдѣть, расплываться. Въ концѣ Чечеловки, въ виду все уменьшающагося количества идущихъ, толпа остановилась и наши ораторы, видя, что кругомъ остается лишь нѣсколько сотъ своихъ организованныхъ, предложили присутствующимъ на обсужденіе вопросъ: стоитъ ли въ такомъ количествѣ двигаться дальше, разсчитывая, что на границѣ города насъ встрѣтятъ казаки и съ успѣхомъ поколотятъ, благодаря малочисленности, — или расходиться. Соц.-революц. лѣзли изъ кожи, зовя въ городъ, убѣждая, что если сейчасъ мы не пойдемъ, завтра все равно ничего не состоится, масса не выйдетъ. Однако, вопреки этимъ убѣжденіямъ, толпа рѣшила на сегодня разойтись, а завтра собраться въ томъ же мѣстѣ на митингъ, обсудить планъ дѣйствій и идти затѣмъ въ городъ, если онъ самъ не остановится. Пропѣли марсельезу и варшавянку и начали расходиться. Самые непримиримые соц.-рев., въ количествѣ человѣкъ 25, вышли все-таки на Проспектъ, гдѣ были сильно избиты. Такъ кончился первый день.

На второй день, увы! собраться въ назначенномъ мѣстѣ не удалось, такъ какъ жел.-дор. мастерскія все-таки пошли на работу. Пришлось ихъ снова снимать. Мѣсто дѣйствій перенеслось туда, значительно ближе къ городу. Остановленные тутъ же паровозы своими гудками созывали къ этому мѣсту шедшихъ на митингъ брянцевъ и другихъ. Мѣсто было неудачное, говорить не пришлось, тѣмъ болѣе, что всѣ горѣли желаніемъ скорѣй снять городъ. У мастерскихъ въ этотъ день стояли уже солдаты, но видъ ихъ былъ совсѣмъ мирный. Они открыто отказывались стрѣлять, по крайней мѣрѣ, тотъ отрядъ, который былъ поставленъ для охраны ж.-д. мастерскихъ. Однимъ словомъ, было рѣшено двинуться въ городъ. Толпа очень оживленно и весело, но нѣсколько растягиваясь по пути, двинулась въ городъ. Рядомъ съ ней пошелъ отрядъ солдатъ. Вскорѣ отрядъ и толпа представляли изъ себя одно цѣлое. Рабочіе заводили разговоры съ солдатами, убѣждали не стрѣлять. Иные произносили довольно большія рѣчи, читали вслухъ прокламаціи, нѣкоторымъ солдатамъ нацѣпили листки на штыки и т. д., и т. д. Перевалили черезъ вокзалъ, остановили вагоны трамвая; кондуктора съ охотой согласились прекратить работу. На площади, около продовольственнаго магазина, мнѣнія раздѣлились: одни звали въ депо трамвая остановить тамъ работу; другіе въ управленіе ж. д.

Въ послѣднее проникнуть не удалось, такъ какъ дворъ мигомъ наполнился солдатами. Разноголосица вышла потому, что не удалось раньше столковаться. Пришлось здѣсь наскоро строить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Поднялся нашъ ораторъ съ цѣлью предложить свой планъ. Сказать удалось всего нѣсколько словъ. Цѣлый отрядъ казаковъ ринулся на толпу, и она, не успѣвъ еще хорошо сплотиться, пустилась въ бѣгство. Говорятъ, что одного рабочаго изрубили въ куски, другому отсѣкли часть лица. Послѣ этого попытка по настоящему собраться уже нигдѣ не удалась. Какъ выяснилось послѣ, на встрѣчу заводской толпѣ двинулась внушительная толпа городскихъ. Но сойтись имъ вмѣстѣ не удалось. Послѣ неудачи въ городѣ, разсѣянная толпа кучками и отдѣльными группами начала двигаться обратно на Чечеловку, надѣясь тамъ вновь собраться. Но было уже поздно— казаки проникли туда, не позволяя соединиться; отряды ихъ показывались во всѣхъ пунктахъ; отпора не было; единичныхъ личностей избивали (между прочимъ, двоихъ изъ организаціи). Пришлось оставить мысль собраться на Чечеловкѣ. Принесли извѣстія, что въ городѣ на Успенской площади собирается масса народу, что тамъ говорятъ ораторы. Толпа заводскихъ (большей частью, организованные) двинулась туда, а въ это время тамъ, на Успенской площади, уже разгоняли, и новый потокъ снова направлялся на Чечеловку. Такимъ образомъ, городскіе, послѣ неудачной попытки собраться въ городѣ, шли къ заводамъ, а заводы — въ городъ.

Въ концѣ концовъ, произошло слѣдующее.

На площади около театра народной трезвости часамъ къ четыремъ скопилась довольно большая толпа, главнымъ образомъ, городскихъ ремесленниковъ евреевъ (заводскіе въ это время частью разошлись по домамъ, частью находились по пути къ Успенской площади или отъ нея къ Чечеловкѣ). Была сдѣлана попытка воспользоваться этимъ собраніемъ для произнесенія нѣсколькихъ рѣчей. Говорилъ хорошо и убѣдительно рабочій, не состоящій въ организаціи, но очень вліятельный, были еще ораторы соціальдемократы, сіонистъ и, наконецъ, соціалистъ-революціонеръ. Послѣдній успѣлъ произнести лишь немного по количеству, за то очень вѣскихъ по качеству и подходящихъ къ моменту, словъ. Онъ говорилъ, что интеллигентъ русскій (почему онъ говорилъ именно объ интеллигентѣ, я хорошо не знаю) носитъ желтыя туфли, шляпы по 2 рубля съ полтиной и прочія дорогія вещи, при этомъ пытается еще руководить движеніемъ, величаетъ себя соціальдемократомъ, не замѣчая того, что крестьянинъ ходитъ босой, въ дешевомъ картузѣ и т. д. Не знаю, для какой опредѣленной цѣли приводилъ онъ этотъ сравнительный прейсъ-курантъ, — закончить ему не удалось. Изъ подъ горы выскочилъ отрядъ казаковъ и ринулся на толпу. Изъ толпы стрѣляли, хотя въ общемъ, вся масса отпора не оказывала и пустилась бѣжать. Казаки, при звукѣ выстрѣловъ, схватились за винтовки, которыя были еще не заряжены, наскоро зарядили и начали палить безъ разбору. Ранено серьезно шесть человѣкъ, изъ нихъ, говорятъ, 2 умерло, навѣрное я знаю лишь про одного: это рабочій желѣзнодорожныхъ мастерскихъ *Шмель*, въ организаціи не состоялъ, но, какъ сочувствующій, оказывалъ всегда услуги и вообще, по отзывамъ товарищей, былъ славный парень. Вѣчная ему память! Эта перестрѣлка толпы съ казаками послужила сигналомъ къ полному разнузданію казацкой нагайки. Во многихъ мѣстахъ начинали безпощадно колотить, особенно въ городѣ. Колотили конные и пѣшіе, городовые и казаки, по указанію шпіоновъ или по собственному вдохновенію. Главнымъ образомъ, доставалось, разумѣется, евреямъ, и, въ частности, дѣвицамъ.

Третій день забастовки ничего не далъ. Собраться уже абсолютно не удавалось. Заводскіе послѣ вчерашняго избіенія на конецъ Чечеловки къ Брянскому театру совершенно не подходили, пришло незначительное количество ремесленниковъ, которые тоже разошлись во избѣжаніе частичныхъ избіеній. Настроеніе сильно пало. Это замѣчалось еще во второй день. „Куда же вы звали насъ?" раздавались голоса по адресу организацій и организованныхъ рабочихъ. „Гдѣ оружіе? Развѣ можно выходить теперь съ пустыми руками?" „Давайте намъ бомбы, чтобы разгромить башибузуковъ, безъ нихъ мы не пойдемъ на собранія подъ пули и нагайки". Третій день былъ днемъ упадка. Въ городѣ уже во многихъ мѣстахъ принялись за работу. Магазины постепенно открывались, трамвай дѣйствовалъ. Избіенія къ вечеру усилились. Въ фабричной слободѣ городовой по подозрѣнію указалъ на трехъ дѣвицъ. Казаки погнались за ними, избили страшно, затѣмъ арестовали. Въ другомъ мѣстѣ въ городового собравшаяся кучка рабочихъ стала кидать камнями, онъ какъ-то увернулся, добѣжалъ до казаковъ и сообщилъ о происшедшемъ. Тѣ устремились къ мѣсту дѣйствій, и хотя никакой толпы уже не было, проходили лишь смирные обыватели, — казаки, тѣмъ не менѣе, спѣшившись, взобрались на насыпь и начали перестрѣлку. Былъ убитъ проходившій мимо рабочій, не успѣвшій скрыться, другой серьезно раненъ. Не видя отпора, видя, что масса безоружна, башибузуки свирѣпствовали. Кой гдѣ и ихъ настигалъ мѣткій камень или пуля. Въ одномъ мѣстѣ брошено было подобіе бомбы. Говорятъ, изъ казаковъ убито 1 или 2, раненыхъ около десяти. Разсказываютъ, что еще на второй день, при избіеніи въ городѣ у провіантскаго магазина, одинъ казакъ соскочилъ съ лошади, бросилъ ее и ушелъ совершенно, говоря, что не хочетъ участвовать въ бойнѣ. Важно и интересно поведеніе солдатъ. Отзывы такіе. Надежды начальства на ихъ боевую готовность очень незначительны. Начальство ихъ боится, говорили, что сами солдаты хотѣли устроить забастовку по поводу пищи. Одни солдаты безусловно обѣщали не стрѣлять. Другіе такъ заявляли: конечно, своихъ бить не будемъ, ну, а уже если жиды подвернутся, такъ имъ не сдобровать. Третьи открыто обѣщали угостить хорошенько рабочихъ пулями, какъ только представится удобный моментъ. (Объясняется послѣднее озлобленіемъ солдатъ, возникшимъ послѣ случая съ выстрѣлами: нѣсколько пуль, направленныхъ въ казаковъ, спрятавшихся за солдатъ, попали въ солдатъ самихъ.*) Это, понятно, была большая ошибка. Но, въ общемъ, настроеніе среди солдатъ, во всякомъ случаѣ, таково, что стрѣлять они не стали бы, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Прикладами, впрочемъ, бьютъ изрядно. Дисциплина среди солдатъ безусловно не сильна. Приходилось товарищамъ наблюдать такія сцены. У почты стоитъ охрана изъ 10 солдатъ. Проходитъ ремесленникъ-еврей, даетъ одному солдату прокламацію, тотъ преспокойно читаетъ ее вслухъ своимъ товарищамъ, офицеръ стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

Однако, перейду къ забастовкѣ. Третій день приходилъ къ концу. По улицамъ разъѣзжали полицейскіе, казаки, стояли патрули. Рабочіе или разбрелись по домамъ, или небольшими кучками разговаривали у воротъ. Къ вечеру всѣ попрятались, такъ какъ бѣлый терроръ усилился. Настроеніе шло все болѣе и болѣе на убыль. Послѣ вчерашней перестрѣлки на Чечеловкѣ поднялъ голову хулиганскій элементъ, возстановляющій обывателей противъ евреевъ, какъ виновниковъ всей забастовки и въ частности избіеній. Обыватели вторили этимъ разговорамъ довольно охотно, особенно женщины. Ворота, по приказанію казаковъ, къ вечеру запирались, чтобы избиваемые не могли скрываться. Масса пролетарская враждебно косилась на „организованныхъ". „Позвали и начали, а у самихъ ничего нѣтъ, гдѣ же ваше оружіе, гдѣ бомбы? — обманщики!"

Итакъ, за три дня забастовки ни одного большого „настоящаго" митинга сборнаго со всѣхъ заводовъ, а не по отдѣльности изъ рабочихъ одного завода и у этого завода — ни одного такого большого митинга не удалось устроить. Прошелъ четвергъ и пятница. Вечеромъ на районномъ городскомъ собраніи выяснилось, что настроеніе на заводахъ слѣдующее. Большинство стоитъ, лишь отдѣльныя группы принялись за работу, движеніе переходитъ въ экономическую стачку. Такъ обстояли дѣла на Брянскомъ, Эзау, Гвоздильномъ, Трубномъ. Желѣзнодорожныя мастерскія закрыты. Брянская администрація вывѣсила объявленіе съ угрозой разсчитать всѣхъ, если работы не начнутся съ понедѣльника. Заводское управленіе требовало немедленнаго разсчета всѣхъ телеграммой изъ Петербурга. Директоръ отложилъ до понедѣльника. На собраніи было рѣшено въ субботу возможно детальнѣе ознакомиться съ настроеніемъ, постараться устроить возможно болѣе обширныя собранія и, такъ или иначе, укрѣпить забастовочное настроеніе. На утро въ субботу выяснилось, что были общія собранія рабочихъ на Брянскомъ заводѣ, Трубномъ и (кажется) Гвоздильномъ. Результаты собраній превзошли всѣ ожиданія; вѣрнѣе, совершенно шли въ разрѣзъ съ этими ожиданіями. Брянскій заводъ послѣ прекрасной, по отзывамъ присутствующихъ рабочихъ, рѣчи одного пролетарія (того самаго, что хорошо говорилъ на послѣднемъ сборищѣ передъ разстрѣломъ) — рѣшилъ бастовать, пока администрація не выполнитъ требованія. Основныя требованія — 8 часовой рабочій день и свобода собраній. Почти тѣ же общія требованія выставилъ Трубный, прибавивъ около 40 мелкихъ и мельчайшихъ, какъ удаленіе городового, введеніе умывальниковъ и т. д. Брянскій давалъ примѣръ всѣмъ. Это уже заговорила масса, та, что въ тѣ три дня сидѣла по домамъ или наблюдала издали. Неудача съ политической забастовкой, неполное ея проведеніе, отсутствіе митинговъ и т. д. все это очень слабо или совсѣмъ не задѣло массу (лишнее доказательство того, какъ всѣ наши предпріятія являются проявленіемъ дѣйствій только сливокъ этой массы организованныхъ). Подъ вліяніемъ забастовочнаго настроенія

---

*) Надо отмѣтить, что и въ Одессѣ происходили такія же нападенія на солдатъ и съ такими же послѣдствіями. Организаціи обязаны разъяснять массамъ нераціональность подобнаго отношенія къ солдатамъ. Ред.

Наши злоключенія.*)

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соц.-дем.

5.

Кружковая среда, какъ мы видѣли, раціонализируя Маркса, вносила элементы невольнаго sui generis „творчества" даже въ ту сферу мысли, гдѣ — можно было думать — она просто пойдетъ за учителемъ и гдѣ ей самой представлялось излишнимъ проявленіе оригинальности. Тѣмъ отчетливѣе выступала физіономія кружковой интеллигенціи тамъ, гдѣ у нея были свободнѣе руки, гдѣ надъ ней непосредственно не висѣло указки и гдѣ ей дѣйствительно приходилось самочинно „творить". Это — сфера практическаго дѣйствія и съ нимъ связанныхъ вопросовъ: какъ построить, сорганизовать дѣеспособный партійный коллективъ и какъ опредѣлить его отношеніе къ той „внѣшней" средѣ, которая этотъ коллективъ окружаетъ? При рѣшеніи именно этихъ вопросовъ съ особенной силой долженъ былъ заявить о себѣ специфическій укладъ кружковой интеллигенціи, столь же мало отвѣчавшій политическимъ задачамъ соціальдемократіи, сколь мало отвѣчалъ и кружковой раціонализмъ теоретическому ученію Маркса...

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ интеллигенція себя помнитъ, а русская исторія ее знаетъ, ей неизмѣнно былъ присущъ дуализмъ-двоеначаліе особаго рода. Сама отгороженная въ жизни стѣной кружковой отчужденности отъ всѣхъ другихъ элементовъ ее окружающаго общественнаго организма, она и въ сознаніи своемъ и во всей своей соціально-политической работѣ неизмѣнно ощущала и запечатлѣвала ту же самую раздвоенность. По сю сторону она сама, интеллигенція, по другую та часть „внѣшняго", „зарубежнаго" міра, во имя которой и ведется борьба, которой надо не только завладѣть и которая есть въ то же время необходимая предпосылка ея конечной побѣды — народная масса. [illegible] другой несливающіяся, но непремѣнныя половины единаго интеллигентскаго міровоззрѣнія, половины, взаимоотношеніе которыхъ и мѣняющаяся относительная роль и опредѣляли собою въ конечномъ счетѣ ту гамму настроеній, тоновъ, направленій, черезъ которую проходила — за десятилѣтія своего бытія — россійская кружковая интеллигенція. И въ соотвѣтствіи этому дуализму, двѣ постоянно чередующіяся ноты, два основныхъ лейтмотива — я назвалъ бы эти мотивы народническимъ и народовольческимъ — въ память и честь ихъ наиболѣе классическаго выраженія, народническимъ и народовольческимъ — смотря по тому, которая изъ сторонъ двуединаго цѣлаго заключается въ центрѣ вниманія, которая изъ нихъ поставлена на очередь дня развертывающимся ходомъ событій. Теперь, когда у насъ за плечами весь безконечно-длинный мартирологъ интеллигентской исторіи, мы располагаемъ уже достаточными данными, чтобы установить что-то вродѣ закономѣрности этихъ смѣнъ. Теперь мы уже въ правѣ и можемъ сказать, что каждый новый періодъ революціонной интеллигентской активности начинался съ культа массы и заканчивался культомъ ея собственнаго коллективнаго „я".

Масса — въ своей потенціальной революціонности — была началомъ и одновременно тою исходною точкой, отъ которой отправлялся всякій разъ кристаллизаціонный процессъ интеллигенціи. Только тогда, когда сознаніе интеллигенціи фиксировалось на массѣ и масса становилась героиней интеллигенціи, интеллигенція находила себя самое и разсѣянныя атомизированныя части интеллигентскаго отщепенства стягивались другъ къ другу, мертвенный до того скелетъ облекался плотью и духъ революціоннаго протеста водворялся тамъ, гдѣ прежде царила лишь тягота жизни. Идея массы формировала интеллигенцію, формирующаяся интеллигенція устремлялась въ народную массу.

Нисхожденіе въ массу, въ народъ — разъ осуществленное — означало кардинальный переломъ въ интеллигентскомъ Sturm und Drang'ѣ. Оно значило конецъ его подготовительному, можно бы сказать, *просвѣтительному* фазису, когда распространеніе и образованіе идей являлось еще главнымъ моментомъ и типичнымъ выраженіемъ интеллигентской группировки, и наступленіе того новаго, когда интеллигенціи надлежало уже прежде всего реализовать свои идеологическіе ресурсы въ огнѣ повседневныхъ столкновеній и на этомъ оселкѣ провѣрять свою общественную сущность. Двѣ силы, два склада, качественно и количественно различные, вступали въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, если не на практикѣ совмѣстной борьбы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то во всякомъ случаѣ на практикѣ взаимнаго политическаго общенія. Разумѣется, странное это было общеніе — въ условіяхъ полицейскаго государства, въ рамкахъ подполья. Слишкомъ кратковременное и дробное — по общему правилу, чтоб смести перегородки кружковой отчужденности, и дать возможность интеллигентскому слою дѣйствительно „расплыть утонуть" въ массѣ народной, ставъ ея органической и ли болѣе сознательной частью; но въ то же время и достато чтобы въ корнѣ подорвать первоначальный оптимистически-абстрактный идеализмъ кружка и заложить основаніе *перерожде* его идеологіи. Перерожденію по двумъ направленіямъ: съ од стороны, въ сторону *приноровленія идеологіи къ наличному знанію массы* приноровленія вульгарнаго, при которомъ свя между отдѣльными дѣйствіями и основнымъ исходнымъ ре лозунгомъ все больше порывалась и идейное, обобщающее все дальше утрачивало реальность, становясь „разсыпанно храминой" и съ другой — въ сторону *гипертрофіи служебн элементовъ движенія и фетишизированія отдѣльныхъ ли пріем борьбы* (напр., террора) *или партійно-группового аппарата вооб* напр. вавилонской башни нашего организаціоннаго строител ства). Эти двѣ на первый взглядъ діаметрально противо положныя эволюціи, одна — чреватая оппортунизмомъ въ фор умѣренной постепеновщины, другая — блистающая всѣми кр сками революціонизма, обязаны, однако, своимъ происхожде ніемъ одному и тому же источнику, той отличительной черт кружковой интеллигенціи, къ которой мы уже раньше подо шли, отмѣчая, что для политической иниціативы этого об щественнаго слоя, для его групповой концентраціи, требовалос всякій разъ одно предварительное условіе: чтобы въ его кол лективное сознаніе проникла — подъ давленіемъ тѣхъ или дру гихъ историческихъ причинъ — идея освободительницы масс Другими словами, индивидуально пассивное отщепенство разро ненныхъ представителей этого слоя становилось коллективны и дѣйственнымъ не въ результатѣ самостоятельнаго самоопре дѣленія этого слоя, не какъ конечное звено въ процес борьбы и отстаиванія имъ своей общественной личности, а как своего рода рефлексъ-рикошетъ измѣненій, происшедшихъ предѣлами его демаркаціонной линіи, въ средѣ и во взаимны отношеніяхъ прочихъ элементовъ общественности.

Вотъ съ этой то чертой *отраженности* интеллигентска слоя, давно извѣстной и отмѣченной подъ именемъ импре сіонистской неустойчивости, и стоитъ въ непосредственн связи основное и отличительное свойство его отщепенства, им щее для насъ центральное значеніе. Я говорю о неспособно этого отщепенства служить достаточно прочной основой д соціализма интеллигенціи; объ отсутствіи въ немъ тѣхъ „им манентныхъ" внутреннихъ силъ, которыя въ процессѣ сво дальнѣйшаго развитія также порождали бы соотвѣтственн отвергающія современный порядокъ вещей, построенія,

---

*) См. „Искра" №№ 78 и [illegible]8. *Къ свѣдѣнію читателя*: въ предыдущей статьѣ я старался показать, какъ кружковая среда накладывала свою печать раціонализма на ученіе Маркса и какъ подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ сложилась та разновидность легальнаго марксизма, которая была одной изъ эмбріональныхъ формъ нашей интеллигентской соціальдемократіи и имѣла своими выразителями гг. Тулина и Вл. Ильина, этихъ легальныхъ двойниковъ нелегальнаго Ленина.

подняли голову организованные. Впечатлѣніе отъ неудачъ первыхъ дней недѣли по немногу начало сглаживаться. Неудача не убила боевого настроенія, она его придавила немного и обострила. Идутъ разговоры о револьверахъ, бомбахъ. Начинается партизанская война съ представителями полиціи и сыска. На нѣкоторыхъ, очевидно, выдѣлившихся городовыхъ устраиваются настоящія облавы. Собираются небольшія компаніи вооруженныхъ молодцевъ, которые по вечерамъ обходятъ улицы, наблюдая за порядкомъ. Разговоръ о револьверахъ, калибрахъ, системахъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ. Каждый мечтаетъ пріобрѣсти револьверъ, организація почти ничѣмъ не можетъ помочь, тѣмъ болѣе, что почти никто не въ состояніи сразу внести полностью всю сумму, необходимую для покупки, а у организаціи нѣтъ оборотнаго капитала. Оружіе, которое удается купить, очень плохого качества, одна лишь слава. А между тѣмъ, при извѣстной предпріимчивости, можно было бы это дѣло обставить недурно безъ всякаго риска, на чисто коммерческихъ началахъ. Въ воскресенье происходило при закрытыхъ дверяхъ собраніе депутатовъ отъ Брянскаго завода, которое постановило — приступить къ работамъ. Въ понедѣльникъ, сегодня, всѣ трубы Брянскаго дымятъ; что тамъ дѣлается, еще не знаю. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ не позволили даже устроить собраніе. Большинство хочетъ приступить къ работамъ, не выговоривъ никакой уступки, даже соглашаясь на невыдачу платы за дни забастовки.

Однако, администрація мастерскихъ ж.-д., видимо, хочетъ проучить рабочихъ, гудка и въ понедѣльникъ не было. Начальство говоритъ, что пока не получено никакого отвѣта изъ Петербурга отъ министра. Заводы Трубный, Эзау и Гвоздильный стоятъ. Гвоздильный добился 9 часового рабочаго дня и другихъ, довольно существенныхъ уступокъ. Администрація Эзау даже не приняла депутацію съ требованіями рабочихъ. Настроеніе тамъ твердое уступать пока не хотятъ, страшно негодуютъ на измѣнниковъ Брянцевъ. Казаки усиленно охраняютъ Брянскій и силой загоняютъ рабочихъ на Эзау. Трубнымъ администрація предложила завтра или послѣ завтра взять расчетъ. Рабочіе смѣются: „расчитаемъ мы васъ, расчитаете, а потомъ къ намъ же придете; если же возьмете другихъ, то тѣмъ не сдобровать, пойдемъ съ ними въ рукопашную". Здѣсь тоже озлоблены на Брянцевъ, хотятъ идти снимать ихъ. Такимъ образомъ, всѣ заводы, за исключеніемъ жел.-дор. депо и Брянскаго, не работаютъ. Положеніе нашей организаціи и организованныхъ рабочихъ довольно дикое. Проникнуть въ заводы, вести агитацію, направлять собранія невозможно, — охрана слишкомъ сильна во первыхъ, во вторыхъ, толпа не позволяетъ заикнуться о чемъ бы то ни было, касающемся чего либо изъ общихъ вопросовъ, а не интересовъ отдѣльнаго завода. На Трубномъ заводѣ выступилъ съ рѣчью помощникъ пристава: „милые вы мои, зачѣмъ вамъ политикой заниматься, будемъ лучше сообща отъ хозяина экономическихъ улучшеній требовать". Толпа поддержала его довольно слабо, но, во всякомъ случаѣ, заикаться о политикѣ, о борьбѣ классовъ и проч. невозможно. Вообще эта стачка, затянувшаяся на недѣлю, протекаетъ теперь совершенно уже безъ руководства организаціи. Общихъ собраній не устраивается; приходится имѣть дѣло лишь съ своими организованными. Дальнѣйшій ходъ собраній, пожалуй, и трудно предсказать. Скоро всѣ станутъ на работу, возбужденіе затихнетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь на время, въ другихъ, какъ желѣзнодорожныя мастерскія, убито на долго. Тамъ администрація беретъ рабочихъ измором. Бастуютъ въ году они уже третій разъ и, чтобы окончательно убить въ нихъ охоту, выкидываютъ такія штуки. Начальство давно уже начало донимать ихъ праздниками, царскими днями, цѣлой недѣлей Пасхи и пр. Рабочіе мастерскихъ и требуютъ и просятъ теперь лишь одного, чтобы ихъ пустили на работу. Разумѣется, прижимать ихъ сейчасъ очень удобно. Уже послѣ второй стачки начальство усиленно вводитъ сверхурочныя работы. Теперь, понятно, производить это оно будетъ съ еще большей смѣлостью.

P. S. Трубный заводъ и зав. Эзау простояли еще недѣлю и возобновили работы по полученіи нѣкоторыхъ уступокъ. Гвоздильный 2 іюля еще стоялъ. Долго держалась типографія Яковлева, гдѣ рабочіе добились удовлетворенія всѣхъ требованій, включая и 8-ми час. рабочій день.

Маріуполь. Стачка на зав. „Никополь-Маріупольскій" и „Провидансъ".

Полгода тому назадъ, когда 9 января вызвало всероссійскую революціонную стачку, всколыхнулся и Маріуполь. На одномъ изъ заводовъ (Никополь-Маріупольскомъ) рабочіе бросили работу. Но въ Маріуполѣ тогда организаціи почти не было, некому было поддержать рабочихъ, и они на третій же день послѣ забастовки стали на работу.

Апрѣльская конференція Донецкаго Союза создала нѣкоторое, правда слабое еще, объединеніе мѣстныхъ группъ, появился свой центръ и работа у насъ оживилась и на заводѣ и въ городѣ.

Пріѣхали товарищи на помощь, чаще появлялись листки, сорганизовались кружки, раіоны и т. п.

Особое вниманіе удѣлено было, конечно, заводамъ. Нужно сказать, что они, по составу рабочихъ и по условіямъ работы, далеко не одинаковы.

На Никополѣ — народъ болѣе культурный, зажиточный, либеральная администрація. На Провидансѣ полная противоположность. На первомъ связи лучшія, на второмъ — слабыя.

Перехожу къ стачкѣ.

Возбужденіе среди рабочихъ замѣчалось уже давно на обоихъ заводахъ.

Администрація стала прижимать рабочихъ, сбавлять расцѣнки, невнимательно и грубо относиться къ нуждамъ и заявленіямъ рабочихъ; это главнымъ образомъ, на Провидансѣ.

Мы сдѣлали, что могли, чтобы оформить и поддержать настроеніе. Устраивались летучки, намѣчались листки, обсуждали вопросъ о забастовкѣ съ представителями цеховъ.

Числа 26 іюня былъ выпущенъ листокъ „къ рабочимъ трубопрокатнаго и мартеновскаго цеха Никополь Мар. завода", (гект.). Произвелъ хорошее впечатлѣніе.

Въ концѣ іюня были попытки со стороны организованныхъ рабочихъ остановить Провидансъ. Но броженіе улеглось. 30-го былъ изданъ листокъ съ требованіями никопольцевъ и Провиданса (гек.), и ночью организованные рабочіе, пользуясь отсутствіемъ воды въ мелкосортномъ отдѣленіи прокатнаго цеха, подняли его и объявили забастовку. Утромъ всѣ цеха Провиданса стояли. Толпа рабочихъ до 1000 чел. (всего на заводѣ тысячи двѣ съ половиной) собралась у воротъ. Говорилъ нашъ ораторъ. Онъ привѣтствовалъ забастовавшихъ и призвалъ къ солидарной и стойкой борьбѣ.

По приглашенію администраціи, послѣ обѣда рабочіе собрались въ школѣ. Присутствовалъ полиціймейстеръ: нашъ ораторъ заговорилъ о роли полиціи въ борьбѣ рабочихъ съ капиталистами. Толпа потребовала удаленія полиціи. Начальство поспѣшило отретироваться. Были выбраны депутаты отъ каждаго цеха для выработки требованій; имъ отвели помѣщеніе, и они добавили къ требованіямъ, выставленнымъ въ нашемъ листкѣ, еще кой-какія, спеціальныя.

Главныя требованія: 8 час. раб. день, комиссія изъ выборныхъ отъ рабочихъ, устраненіе подрядчиковъ, удаленіе мастеровъ: Бальцера, Потака, Кульберга, Шелестова и Танка и т. д. Всѣ требованія экономическія.

Мы рѣшили устной агитаціей привести рабочихъ къ сознанію необходимости и политическихъ требованій. Администрація требовала делегатовъ къ себѣ, но толпа не согласилась, боясь ареста депутатовъ или давленія на нихъ.

Рабочіе потребовали администрацію къ себѣ. Напрасно полиціймейстеръ честнымъ словомъ гарантировалъ неприкосновенность депутатовъ. Изъ толпы раздавались голоса: „Слово полицейскаго не стоитъ выѣденнаго яйца".

Явился помощникъ директора, Тумановъ. Рабочіе прогнали его, такъ какъ его всѣ ненавидятъ.

Наконецъ, соблаговолилъ выйти самъ директоръ Пелеренъ. Онъ долго разглагольствовалъ на тему, что, молъ, 8 часовой рабочій день — это несбыточная мечта, комиссіи тоже и т. д., а мелкія требованія обѣщалъ удовлетворить.

Нашъ ораторъ послѣ его ухода говорилъ о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ и стачекъ, о необходимости созыва учредительнаго собранія и т. п.

Толпа отнеслась сочувственно.

На другой день 2 іюня послѣ обѣда былъ выпущенъ листокъ къ Никопольск. зав. (800 чел.). Онъ тоже сталъ.

Работу остановили организованные; по настоянію рабочихъ, лаву оставили въ печахъ. Всѣ вышли на дворъ и товарищъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, послалъ бастующимъ съ Провиданса привѣтъ.

Присутствовавшій здѣсь приставъ все время мѣшалъ оратору говорить. Толпа кричитъ ему: не мѣшай! долой полицію! А онъ все свое твердитъ: Господинъ ораторъ! пожалуйста, не увлекайтесь, говорите объ экономикѣ! Требованія были выставлены тѣже что и на Провидансѣ съ нѣкоторыми спеціальными измѣненіями и требованіемъ удалить мастеровъ: Тиля, Ленка, Вейсига, Котиковскаго и страх. агента — Антонова.

Въ 6 час. вечера было соединенное собраніе — митингъ рабочихъ обоихъ заводовъ. Присутствовали и жены рабочихъ.

Говорили и два нашихъ оратора. (Все время ораторами выступали рабочіе). Одинъ — разъяснилъ рабочимъ смыслъ натравливанія правительствомъ темныхъ массъ населенія на евреевъ, поляковъ и т. д. (Дѣло въ томъ, что полиція уже пускала въ городѣ листки, поджигала къ погрому, а на заводѣ пугала избіеніемъ поляковъ-рабочихъ). Онъ указывалъ на дѣйствительныхъ враговъ рабочихъ — капиталистовъ и самодержавіе. Затѣмъ онъ съ блестящей рѣчью обратился къ женамъ рабочихъ, разъяснилъ имъ экономическое положеніе женщины-работницы въ современномъ обществѣ и призывалъ ихъ помогать мужьямъ въ борьбѣ за лучшую долю. (На другой день женщины засыпали этого оратора цвѣтами!).

Его рѣчи произвели великолѣпное впечатлѣніе.

Другой ораторъ разсказалъ о питерскихъ событіяхъ (9 января) и закончилъ: „у насъ нѣтъ царя! Долой существующее правительство!" Масса живо подхватила этотъ кличъ.

На собраніи едва не избили переодѣтаго городового, который призывалъ рабочихъ идти на уступки и становиться на работу. По предложенію оратора, его выгнали невредимымъ.

Все время за эти два дня настроеніе было приподнятое и масса охотно слушала ораторовъ.

3 іюня дѣло пошло хуже. На Провидансѣ, предсѣдатель собранія, изъ молодыхъ рабочихъ, ставшій руководителемъ массы, (человѣкъ честный, но малосознательный), наотрѣзъ отказался поддерживать политическую агитацію нашихъ ораторовъ.

Этимъ воспользовалась полиція. Она поддерживала его и почти руководила имъ. Подъ ея вліяніемъ этотъ невольный зубатовецъ сталъ уговаривать толпу слушаться полицію, выбирать депутатовъ и т. д.

Толпа противодѣйствовала ему и сама, но мы не могли уже выставить другихъ людей, чтобы сбить его совсѣмъ. На Никополѣ же дѣла шли по прежнему, велась агитація, были листки; однако, настроеніе, въ виду событій на Провидансѣ, упало. Администрація Провиданса и Никополя, увидѣвъ раздвоеніе рабочихъ, распорядилась 4 іюня утромъ дать призывный гудокъ. Рабочіе стали стекаться, за исключеніемъ душъ 200, на работу. На Никополѣ никто не разсчитался. Удовлетворены пока мелочи. Вѣроятно, здѣсь дадутъ еще кое что. На Провидансѣ тоже стали на работу. Но здѣсь рабочихъ профильтровали порядкомъ. Въ конторѣ сидѣлъ приставъ — Спепура — и городовые. Если рабочій былъ въ чемъ нибудь замѣченъ на сходкахъ, у него отбирали номеръ и безцеремонно заявляли „вонъ"! Удовлетворены тоже мелочи. Итакъ, подводя итоги, мы можемъ сказать, что стачку мы не провели, но многое успѣли: 1) мы подняли *въ первый разъ* большой заводъ и временно руководили имъ. 2) Мы вели два дня политическую агитацію на обоихъ заводахъ и пріучили до нѣкоторой степени массу „къ улицѣ".

Настроеніе теперь у рабочихъ не воинственное, но думаемъ, что агитаціей нашей можно поправить дѣло.

Если бы не печальный оборотъ дѣла на Провидансѣ, можно было бы поднять 4 іюня весь городъ. На заводѣ Сойфера, въ депо, въ порту и въ магазинахъ ждали только нашего сигнала и толпы забастовщиковъ для того, чтобы „снять" съ работы.

За время забастовки выпущены 4 листка: 3 гектогр. по 100 экз. и 1 печатный — 600 экземпляровъ.

6 іюня. Маріупольская Группа Донецк. Союза Р. С. Д. Р. П.

Мелитополь, 22 іюня. Послѣ вызваннаго погромомъ затишья снова закипѣла наша работа. Накопленная энергія вылилась широкой рѣкой и три-четыре собранія въ день въ нашемъ городѣ теперь далеко не рѣдкость. И кто бы сказалъ, глядя на придавленный усиленной охраной городъ, что въ подпольѣ пульсируетъ кипучая жизнь, чутко и сильно реагирующая на явленія политической жизни вообще и партійной жизни въ частности? Испытываешь чувство глубокаго удовлетворенія, при видѣ того вниманія, съ которымъ слѣдятъ истомленные за день рабочіе за ходомъ преній по вопросамъ о временномъ правительствѣ, о съѣздѣ и конференціи и т. д. Самые „сѣрые" рабочіе засыпаютъ вопросами о комиссіи Шидловскаго и т. п., о дальнѣйшей политикѣ правительства и пр. Необходимо подчеркнуть то пониманіе роли соціальдемократіи, какъ политической партіи, то сознаніе необходимости реагировать на явленія общегосударственнаго характера, какое, несомнѣнно обнаруживаютъ наши организованные рабочіе. И что замѣчательно, нашей организаціи не приходилось проявлять себя, какъ политической партіи (организація самообороны въ этомъ смыслѣ, конечно, никакого значенія не имѣла). Очевидно, такое пониманіе объясняется методомъ и содержаніемъ агитаціи и пропаганды. Въ основу агитаціи и пропаганды ложатся взаимныя отношенія отдѣльныхъ слоевъ общества, зависимость между ними и та руководящая роль, которая выпадаетъ на долю пролетаріата и соціальдемократіи. Къ систематической пропагандѣ переходятъ тогда, когда становится ясно, что общія положенія соціализма являтся уже не абстрактными понятіями, дающими лишь право называться „сознательнымъ", а краткимъ и сжатымъ выраженіемъ того, что уже болѣе или менѣе ясно и полно существуетъ въ сознаніи. Такимъ же методомъ проходится и наша программа. Рабочіе сначала усваиваютъ сознаніе необходимости реформъ, и наши минимальныя требованія представляются имъ ясными и жизненными.

Вопросъ организаціонный — наше больное мѣсто. Была сдѣлана попытка сконцентрировать всю работу на рабочей „централкѣ". Вначалѣ все шло, какъ нельзя лучше. Вся организаціонная и агитаціонная работа лежала на „централкѣ", и она выполняла ее очень удовлетворительно. Автономія, которой пользовалась каждая отдѣльная группа, придавала ей жизненность и содѣйствовала развитію активности. Если можно такъ выразиться, здѣсь дѣйствовалъ законъ самосохраненія. Не только жажда знанія принуждаетъ товарищей работать, но и простое сознаніе необходимости быть всегда готовымъ ко всякому запросу со стороны низшихъ группъ. Но вопросы, выдвигаемые теперь жизнью, такъ усложнились, что товарищи рабочіе изъ „централки" чувствуютъ себя безсильными. Недостаточность подготовки и времени принуждаетъ отдѣлить практическую работу отъ теоретической и выдѣлить особыя практическія и агитаторскія группы.

При нынѣшнемъ разнообразіи и кипучести общественной жизни, работа идетъ больше вширь, нежели вглубь. Люди

классовая борьба пролетаріата неизмѣнно создавала и создаетъ „коммунистическія" ученія. Если пролетарское отщепенство (т. е. пролетарское отрицаніе основъ современности) слито съ основной антиноміей современнаго общества, — съ борьбой труда съ капиталомъ, то отщепенство революціонной интеллигенціи — при всей своей видимой универсальности — живетъ и питается преимущественно за счетъ процесса раскрѣпощенія Россіи; здѣсь, въ этой области, у него есть свой постоянный механизмъ воспроизводства расходуемаго настроенія, здѣсь у него есть та плоскость повседневаго касанія, которой у него нѣтъ въ такъ называемомъ соціальномъ вопросѣ.

Вторичнымъ, производнымъ характеромъ своего соціализма отщепенская разновидность интеллигенціи — эта завѣдомая категорія дореволюціоннаго общества, — какъ это ни покажется страннымъ, напоминаетъ ту современную мелкую буржуазію Запада, которая при иныхъ, конечно, общественно-историческихъ предпосылкахъ, въ эпоху надвигающагося крушенія капитализма, капитулируетъ en masse передъ соціалистическимъ движеніемъ. Вѣдь, и эта мелкая буржуазія, чтобы сдѣлаться соціалистической, должна — какъ обыкновенно говорятъ, — стать на точку зрѣнія революціоннаго пролетаріата. Однако, этимъ въ существѣ и ограничивается данное сходство: пролетаризируясь и становясь отраженно-соціалистической, западно-европейская мелкая буржуазія получала возможность и была вынуждаема прислоняться къ развитому пролетарскому движенію съ болѣе или менѣе оформленной идеологіей; русская же интеллигенція, наоборотъ, стояла до сихъ поръ, десятилѣтія напролетъ, передъ „чаемымъ и ожидаемымъ", какъ бы настоящимъ; въ семидесятыхъ годахъ — передъ фантомомъ грядущей крестьянской революціи, передъ той фатаморганой, которая слагалась въ ея головѣ подъ впечатлѣніемъ „освободительной" эпохи и сопровождавшей ее ломки общественныхъ отношеній; четверть же вѣка спустя, въ наше время, передъ богатымъ задатками движеніемъ рабочаго класса, полнымъ силъ и красоты, и, однако безсильнымъ — въ обстановкѣ подполья — сорганизоваться настолько, чтобы, организуясь, накладывать необходимую печать на тѣ образованія интеллигенціи, которыя формировались во имя и отъ имени его, но разъ сформировавшись, принимались жить своей собственной — интеллигентски кружковой — жизнью.

Спрашивается, что же получалось изъ данной комбинаціи: *отщепенства*, свои главные стимулы черпавшаго изъ механики самодержавно-полицейскаго строя, *„производнаго" соціализма, подпольнаго*, а потому уродливаго и слабаго, *контакта интеллигенціи съ массами* и, наконецъ, *сведеннаго почти на нѣтъ процесса организаціи массы* въ томъ даже лучшемъ случаѣ, когда массовое движеніе вообще являло собою (какъ это было съ движеніемъ пролетаріата) самую несомнѣнную и чрезвычайно внушительную реальность?

Получался, какъ неизбѣжный отсюда выводъ, — *процессъ перерожденія идеологіи интеллигенціи — вывѣтриванія ея „соціализма"* по тѣмъ двумъ направленіямъ о которыхъ я выше говорилъ. *И регрессивный метаморфозъ культа массъ* былъ первоначальной стадіей этого процесса. Еще нѣкоторое время масса оставалась той альфой и омегой интеллигенціи, къ которой сходились всѣ практическія дѣйствія ея и всѣ ея теоретическія помышленія. Но „идеальная" масса все больше уступала мѣсто массѣ „реальной"; масса „обобщенная", представляющая конечную цѣль и совокупность интересовъ движенія — массѣ наличнаго момента и его ограниченной безсознательности.

Слабосильный и сознающій свое слабосиліе, общественный слой не былъ въ состояніи претворять преходящее, координировать частное съ общимъ, практицизмъ съ принципіальностью и отдавался на волю впечатлѣніямъ дня, готовый возвести едва ли не въ принципъ эту свою утилитарно-рефлекторную безпринципность. Но чѣмъ дальше развертывался процессъ, тѣмъ рѣзче обнаруживался *конфликтъ между нимъ и интеллигентскимъ отщепенствомъ*, тѣмъ быстрѣе созрѣвалъ разрывъ между тенденціей сблизиться съ массой quand même, хотя бы цѣною принесенія своихъ взглядовъ до уровня массы, и своей практики — до уровня даннаго политическаго склада, и элементарнымъ революціонизмомъ интеллигенціи, своимъ остріемъ обращеннымъ противъ этого склада. И тѣмъ успѣшнѣе шла — въ атмосферѣ назрѣвающаго разрыва — какъ растущая антитеза вырождающемуся „культу" — эмансипація отъ него нѣкоторой части изъ тѣхъ, кто раньше тѣмъ же культомъ былъ втянутъ, вдвинутъ въ борьбу. *Культъ становился декораціей и въ сознаніи интеллигенціи все больше выступала, въ своемъ качествѣ титана-освободителя, ея же собственная коллективность*, — свидѣтельствуя о томъ, что и въ жизни, а не только въ сознаніи ей — коллективности — приходилось принимать на себя роль, которая — по исходной концепціи — лежала на пробуждающейся и организующейся массѣ.

6.

Но надо помнить, конечно, картина, набросанная мною, есть лишь общая *схема* тѣхъ активныхъ періодовъ въ жизни русской интеллигенціи, *конкретное* содержаніе которыхъ давалось исторіей и варьировало въ зависимости отъ различій общественно-историческихъ коньюнктуръ. Такъ, безъ сомнѣнія, глубоко различны тѣ основныхъ два періода, въ которыхъ кульминируетъ, въ которыхъ наилучше воплотилась до сихъ поръ жизнедѣятельность кружковой интеллигенціи: періодъ, ведущій свое начало отъ 60 годовъ и теряющійся въ 80-хъ, и періодъ послѣдняго десятилѣтія, завершающій свой циклъ въ настоящее время. Различны эпохи, въ корнѣ различна среда, подлежащая воздѣйствію, и сообразно сему, до основанія несходны соотвѣтственныя суммы идей, которыми въ каждую изъ эпохъ манипулировала интеллигенція. Семидесятые годы были *послѣсловіемъ къ освобожденію крестьянъ*, имѣли мужика героемъ интеллигенціи, крестьянофильскій соціализмъ — ея знаменемъ и проходили въ обстановкѣ *оседанія* буржуазно-дворянскаго общества, приспособлявшагося на своихъ пореформенныхъ позиціяхъ. Потому и была такъ эфемерна тогдашняя буржуазно-дворянская „оппозиція", являясь производной отъ революціоннаго подъема интеллигенціи, и такъ расплывчато-шатко самое содержаніе либерализма. Но совершенно иное представляло собою марксистское десятилѣтіе — наиболѣе яркая страница изъ *предисловія къ великой русской буржуазной революціи*. Въ его основаніи лежало взаимоотношеніе между интеллигенціей, оправлявшейся отъ лихолѣтья подъ дѣйствіемъ пробужденія городскихъ рабочихъ массъ, и этими самыми массами, элементарною силою своего пробужденія открывавшими эру усиленнаго подбора и оппозиціонно революціонной консолидаціи разнообразнѣйшихъ общественныхъ силъ. И красною нитью черезъ все десятилѣтіе обозначался процессъ *революціонизированія* буржуазно-демократической Россіи.

Очевидно, что въ каждую изъ этихъ двухъ эпохъ наша схема должна была принимать чрезвычайно индивидуальныя очертанія: то, что въ одномъ случаѣ получало пространное развитіе, въ другомъ — было болѣе преходяще и скомкано, и наоборотъ, и аналогичные соціально-психологическіе моменты повторялись, въ своемъ повторномъ сочетаніи создавая новизну, которая на дѣлѣ было лишь подновленной стариной.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на обиліе тѣхъ формъ, въ которыхъ протекалъ въ 70 годахъ регрессивный метаморфозъ интеллигентскаго культа крестьянства, на безконечный, пройденный имъ путь отъ первоначальныхъ наивныхъ попытокъ пересажденія „просвѣтительной" идеологіи интеллигенціи въ народную массу, черезъ періодъ бунтарства съ его революціонизмомъ, причудливо сплетавшимся съ тягою къ приспобленію, проявленіемъ которой, только болѣе уродливымъ и яркимъ, была Чигиринская царская грамота, и до того роковаго предѣла, когда революціонное народничество исчезло, наконецъ, не въ волнахъ сермяжнаго моря, какъ это предполагалось вначалѣ, а въ мутной водѣ буржуазно-демократическаго культуртрегерства. И сравните этотъ затяжный упадочный процессъ, такъ гармониро-

…, подняли голову организованные. Впечатлѣніе отъ неудачъ первыхъ дней недѣли по немногу начало сглаживаться. Неудача отбила боевого настроенія, она его придавила немного и обозлила. Идутъ разговоры о револьверахъ, бомбахъ. Начинается партизанская война съ представителями полиціи и сыска. На нѣкоторыхъ, очевидно, выдѣлившихся городовыхъ устраиваются правильныя облавы. Собираются небольшія компанія вооруженныхъ хлопцевъ, которые по вечерамъ обходятъ улицы, наблюдая за порядкомъ. Разговоръ о револьверахъ, калибрахъ, системахъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ. Каждый мечтаетъ пріобрѣсти револьверъ; организація почти ничѣмъ не можетъ помочь, тѣмъ болѣе, что почти никто не въ состояніи сразу внести полностью всю сумму, необходимую для покупки, а у организаціи нѣтъ оборотнаго капитала. Оружіе, которое удается добыть, очень плохого качества, одна лишь слава. А между тѣмъ, при извѣстной предпріимчивости, можно было бы это дѣло обставить недурно безъ всякаго риска, на чисто коммерческихъ началахъ. Въ воскресенье происходило при закрытыхъ дверяхъ собраніе депутатовъ отъ Брянскаго завода, которое постановило — приступить къ работамъ. Въ понедѣльникъ, сегодня, всѣ трубы Брянскаго дымятъ; что тамъ дѣлается, еще не знаю. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ не позволили даже устроить собраніе. Большинство хочетъ приступить къ работамъ, не выговоривъ ни одной уступки, даже соглашаясь на невыдачу платы за дни забастовки.

Однако, администрація мастерскихъ ж.-д., видимо, хочетъ проучить рабочихъ, гудка и въ понедѣльникъ не было. Начальство говоритъ, что пока не получено никакого отвѣта изъ Петербурга отъ министра. Заводы Трубный, Эзау и Гвоздильный стоятъ. Гвоздильный добился 9 часового рабочаго дня и другихъ, довольно существенныхъ уступокъ. Администрація Эзау даже не приняла депутацію съ требованіями рабочихъ. Настроеніе тамъ твердое уступать пока не хотятъ, страшно негодуютъ на измѣнившихъ брянцевъ. Казаки усиленно охраняютъ Брянскій и силой загоняютъ рабочихъ на Эзау. Трубнымъ администрація предложила завтра или послѣ завтра взять расчетъ. Рабочіе смѣются: „наймемъ мы васъ, расчитаете, а потомъ къ вамъ же придете; если же возьмете другихъ, то тѣмъ не сдобровать, пойдемъ съ ними въ рукопашную". Здѣсь тоже озлоблены на брянцевъ, хотятъ идти снимать ихъ. Такимъ образомъ, всѣ заводы, за исключеніемъ жел.-дор. депо и Брянскаго, не работаютъ. Положеніе членовъ организаціи и организованныхъ рабочихъ довольно дикое. Проникнуть въ заводы, вести агитацію, направлять собранія невозможно, — охрана слишкомъ сильна во первыхъ, во вторыхъ масса не позволяетъ заикнуться о чемъ бы то ни было, касающемся чего либо изъ общихъ вопросовъ, а не интересовъ отдѣльнаго завода. На Трубномъ заводѣ [illegible] съ рѣчью помощникъ пристава: „милые вы мои, зачѣмъ вамъ политикой заниматься, будемъ лучше сообща отъ хозяина экономическихъ улучшеній требовать". Толпа поддержала его довольно слабо, но во всякомъ случаѣ, заикаться о политикѣ, о борьбѣ классовъ и проч. невозможно. Вообще эта стачка, затянувшаяся на недѣлю, протекаетъ теперь совершенно уже безъ руководства организаціи. Общихъ собраній не устраивается, приходится имѣть дѣло лишь со своими организованными. Дальнѣйшій ходъ собранія, пожалуй, не трудно предсказать. Скоро всѣ станутъ на работу, возбужденіе стихнетъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лишь на время, въ другихъ, какъ желѣзнодорожныя мастерскія, убито на долго. Тамъ администрація беретъ рабочихъ измором. Бастуютъ въ году они уже третій разъ и, чтобы окончательно убить въ нихъ охоту, выкидываютъ такія штуки. Начальство давно уже начало донимать ихъ праздниками, царскими днями, цѣлой недѣлей Пасхи и пр. Рабочіе мастерскихъ и требуютъ и просятъ теперь лишь одного, чтобы ихъ пустили на работу. Разумѣется, прижимать ихъ сейчасъ очень удобно. Уже послѣ второй стачки начальство усиленно вводитъ сверхурочные работы. Теперь, понятно, производить это оно будетъ съ еще большей смѣлостью.

P. S. Трубный заводъ и зав. Эзау простояли еще недѣлю и возобновили работы по полученіи нѣкоторыхъ уступокъ. Гвоздильный 2 іюля еще стоялъ. Долго держалась типографія Яковлева, гдѣ рабочіе добились удовлетворенія всѣхъ требованій, включая и 8-мичас. рабочій день.

Маріуполь. Стачка на зав. „Никополь-Маріупольскій" и „Провидансъ".

Полгода тому назадъ, когда 9 января вызвало всероссійскую революціонную стачку, всколыхнулся и Маріуполь. На одномъ изъ заводовъ, Никополь-Маріупольскомъ, рабочіе бросили работу. Но въ Маріуполѣ тогда организаціи почти не было, некому было поддержать рабочихъ, и они на третій же день послѣ забастовки стали на работу.

Апрѣльская конференція Донецкаго Союза создала нѣкоторое, правда слабое еще, объединеніе мѣстныхъ группъ, появился свой центръ и работа у насъ оживилась и на заводѣ и въ городѣ.

Пріѣхали товарищи на помощь, частью пополнились силы, сорганизовались кружки, районы и т. п.

Особое вниманіе удѣлено было, конечно, заводамъ. Нужно сказать, что они, по составу рабочихъ и [illegible] работъ, далеко не одинаковы.

На Никополѣ — народъ болѣе культурный, зажиточный, либеральная администрація. На Провидансѣ полная противоположность. На первомъ связи лучшія, на второмъ — слабыя.

Перехожу къ стачкѣ.

Возбужденіе среди рабочихъ замѣчалось уже давно на обоихъ заводахъ.

Администрація стала прижимать рабочихъ, сбавлять расцѣнки, невнимательно и грубо относиться къ нуждамъ и заявленіямъ рабочихъ; это главнымъ образомъ, на Провидансѣ.

Мы сдѣлали, что могли, чтобы оформить и поддержать настроеніе. Устраивались летучки, намѣчались листки, обсуждали вопросъ о забастовкѣ съ представителями цеховъ.

Числа 26 іюня былъ выпущенъ листокъ „къ рабочимъ трубопрокатнаго и мартеновскаго цеха Никополь-Мар. завода", (гект.). Произвелъ хорошее впечатлѣніе.

Въ концѣ іюня были попытки со стороны организованныхъ рабочихъ остановить Провидансъ. Но броженіе улеглось. 30-го былъ изданъ листокъ съ требованіями никопольцевъ и Провиданса (гект.), и ночью организованные рабочіе, пользуясь отсутствіемъ воды въ мелкосортномъ отдѣленіи прокатнаго цеха, подняли его и объявили забастовку. Утромъ всѣ цеха Провиданса стояли. Толпа рабочихъ до 1000 чел. (всего на заводѣ тысячи двѣ съ половиной) собралась у воротъ. Говорилъ нашъ ораторъ. Онъ привѣтствовалъ забастовавшихъ и призывалъ къ солидарной и стойкой борьбѣ.

По приглашенію администраціи, послѣ обѣда рабочіе собрались въ школѣ. Присутствовалъ полиціймейстеръ: нашъ ораторъ заговорилъ о роли полиціи въ борьбѣ рабочихъ съ капиталистами. Толпа потребовала удаленія полиціи. Начальство поспѣшило отретироваться. Были выбраны депутаты отъ каждаго цеха для выработки требованій; имъ отвели помѣщеніе, и они добавили къ требованіямъ, выставленнымъ въ нашемъ листкѣ, еще кой-какія, спеціальныя.

Главныя требованія: 8 час. раб. день, комиссія изъ выборныхъ отъ рабочихъ, устраненіе подрядчиковъ, удаленіе мастеровъ: Бальцера, Потака, Кульберга, Шелестова и Ганка и т. д. Всѣ требованія экономическія.

Мы рѣшили устной агитаціей привести рабочихъ къ сознанію необходимости и политическихъ требованій. Администрація требовала делегатовъ къ себѣ, но толпа не согласилась, боясь ареста депутатовъ или давленія на нихъ.

Рабочіе потребовали администрацію къ себѣ. Напрасно полиціймейстеръ честнымъ словомъ гарантировалъ неприкосновенность депутатовъ. Изъ толпы раздавались голоса: „Слово полицейскаго не стоитъ выѣденнаго яйца".

Явился помощникъ директора, Туманскій. Рабочіе прогнали его, такъ какъ его всѣ ненавидятъ.

Наконецъ, соблаговолилъ выйти и самъ директоръ Пелеренъ. Онъ долго разглагольствовалъ на тему, что, молъ, 8 часовой рабочій день — это несбыточная мечта, комиссія тоже и т. п., а мелкія требованія обѣщалъ удовлетворить.

Нашъ ораторъ послѣ его ухода говорилъ о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ и т. д. и о необходимости созыва учредительнаго собранія и т. п.

Толпа отнеслась сочувственно.

На другой день 2 іюня послѣ обѣда былъ выпущенъ листокъ къ Никопольскому зав. 800 экз. Онъ тоже сталъ.

Работу остановили организованные по назначенію рабочихъ, [illegible] на дворъ и [illegible] посылали бастующимъ съ Провиданса привѣтъ.

Присутствовавшій здѣсь приставъ все время мѣшалъ оратору говорить. Толпа кричала ему: „не мѣшай! Долой полицію!" А онъ все свое твердитъ: „Господинъ ораторъ! пожалуйста, не увлекайтесь, говорите объ экономикѣ!" Требованія были выставлены тѣже, что и на Провидансѣ, съ нѣкоторыми спеціальными измѣненіями и требованіемъ удалить мастеровъ: Тиля, Ленца, Вейнига, Котиковскаго и старш. агента — Антонова.

Въ 6 час. вечера было соединенное собраніе — митингъ рабочихъ обоихъ заводовъ. Присутствовали и жены рабочихъ.

Говорили и два нашихъ оратора. Все время ораторами выступали рабочіе. Одинъ — разъяснилъ рабочимъ смыслъ натравливанія правительствомъ темныхъ массъ населенія на евреевъ, поляковъ и т. д. (Дѣло въ томъ, что полиція уже пускала въ городѣ [illegible] къ погрому, а на заводѣ пугала [illegible] рабочихъ.) Онъ указывалъ на дѣйствительныхъ враговъ рабочихъ — капиталистовъ и самодержавіе. [illegible] своей рѣчью обратился къ женамъ рабочихъ, разъяснилъ имъ экономическое положеніе женщины-работницы въ современномъ обществѣ и призывалъ ихъ помогать мужьямъ въ борьбѣ за лучшую долю. (На другой день женщины засыпали этого оратора цвѣтами.)

Его рѣчи произвели великолѣпное впечатлѣніе.

Другой ораторъ разсказалъ о недавнихъ событіяхъ [illegible] и закончилъ: „у насъ нѣтъ царя! Долой существующее правительство!" Масса живо подхватила этотъ кличъ.

На собраніи едва не избили переодѣтаго городового, который уговаривалъ рабочихъ идти на уступки и становиться на работу. По предложенію оратора, его выгнали невредимымъ.

Все время за эти два дня настроеніе было приподнятое и масса охотно слушала ораторовъ.

3 іюня дѣло пошло хуже. На Провидансѣ предсѣдатель собранія, изъ молодыхъ рабочихъ, ставшій руководителемъ массы, (человѣкъ честный, но малосознательный), наотрѣзъ отказался поддерживать политическую агитацію нашихъ ораторовъ.

Этимъ воспользовалась полиція. Она поддерживала его и почти руководила имъ. Подъ ея вліяніемъ этотъ невольный зубатовецъ сталъ уговаривать толпу слушаться полицію, выбирать депутатовъ и т. д.

Толпа противодѣйствовала ему и сама, но мы не могли уже выставить другихъ людей, чтобы сбить его совсѣмъ. На Никополѣ же дѣла шли по прежнему, велась агитація, были листки; однако, настроеніе, въ виду событій на Провидансѣ, упало. Администрація Провиданса и Никополя, увидѣвъ раздвоеніе рабочихъ, распорядилась 4 іюня утромъ дать призывный гудокъ. Рабочіе стали стекаться, за исключеніемъ душъ 200, на работу. На Никополѣ никто не разсчитанъ. Удовлетворены пока мелочи. Вѣроятно, здѣсь дадутъ еще кое что. На Провидансѣ тоже стали на работу. Но здѣсь рабочихъ профильтровали порядкомъ. Въ конторѣ сидѣлъ приставъ — Сцепура — и городовые. Если рабочій былъ въ чемъ нибудь замѣченъ на сходкахъ, у него отбирали номеръ и безцеремонно заявляли „вонъ"! Удовлетворены тоже мелочи. Итакъ, подводя итоги, мы можемъ сказать, что стачку мы не провели, но многое успѣли: 1) мы подняли *въ первый разъ* большой заводъ и временно руководили имъ, 2) Мы вели два дня политическую агитацію на обоихъ заводахъ и пріучили до нѣкоторой степени массу „къ улицѣ".

Настроеніе теперь у рабочихъ не воинственное, но думаемъ, что агитаціей нашей можно поправить дѣло.

Если бы не печальный оборотъ дѣла на Провидансѣ, можно было бы поднять 4 іюня весь городъ. На заводѣ Сойфера, въ депо, въ порту и въ магазинахъ ждали только нашего сигнала и толпы забастовщиковъ для того, чтобы „снять" съ работы.

За время забастовки выпущены 4 листка: 3 гектогр. по 100 экз. и 1 печатный — 600 экземпляровъ.

6 іюня Маріупольская Группа Донецк. Союза Р. С. Д. Р. П.

Мелитополь, 22 Іюня. Послѣ вызваннаго погромомъ затишья снова закипѣла наша работа. Накопленная энергія вылилась широкой рѣкой и три-четыре собранія въ день въ нашемъ городѣ теперь далеко не рѣдкость. И кто бы сказалъ, глядя на придавленный усиленной охраной городъ, что въ подпольѣ пульсируетъ кипучая жизнь, чутко и сильно реагирующая на явленія политической жизни вообще и партійной жизни въ частности? Испытываешь чувство глубокаго удовлетворенія, при видѣ того вниманія, съ которымъ слѣдятъ истомленные за день рабочіе за ходомъ преній по вопросамъ о временномъ правительствѣ, о съѣздѣ и конференціи и т. д. Самые „сѣрые" рабочіе засыпаютъ вопросами о комиссіи Шидловскаго и т. п., о дальнѣйшей политикѣ правительства и пр. Необходимо подчеркнуть то пониманіе роли соціальдемократіи, какъ политической партіи, то сознаніе необходимости реагировать на явленія общегосударственнаго характера, какое, несомнѣнно обнаруживаютъ наши организованные рабочіе. И что замѣчательно, нашей организаціи не приходилось проявлять себя, какъ политической партіи (организація самообороны въ этомъ смыслѣ, конечно, никакого значенія не имѣла). Очевидно, такое пониманіе объясняется методомъ и содержаніемъ агитаціи и пропаганды. Въ основу агитаціи и пропаганды ложатся взаимныя отношенія отдѣльныхъ слоевъ общества, зависимость между ними и та руководящая роль, которая выпадаетъ на долю пролетаріата и соціальдемократіи. Къ систематической пропагандѣ переходятъ тогда, когда становится ясно, что общія положенія соціализма явятся уже не абстрактными понятіями, дающими лишь право называться „сознательнымъ", а краткимъ и сжатымъ выраженіемъ того, что уже болѣе или менѣе ясно и полно существуетъ въ сознаніи. Такимъ же методомъ проходится и наша программа. Рабочіе сначала усваиваютъ сознаніе необходимости реформъ, и наши минимальныя требованія представляются имъ ясными и жизненными.

Вопросъ организаціонный — наше больное мѣсто. Была сдѣлана попытка сконцентрировать всю работу на рабочей „централкѣ". Вначалѣ все шло, какъ нельзя лучше. Вся организаціонная и агитаціонная работа лежала на „централкѣ", и она выполняла ее очень удовлетворительно. Автономія, которой пользовалась каждая отдѣльная группа, придавала ей жизненность и содѣйствовала развитію активности. Если можно такъ выразиться, здѣсь дѣйствовалъ законъ самосохраненія. Не только жажда знанія принуждаетъ товарищей работать, но и простое сознаніе необходимости быть всегда готовымъ ко всякому запросу со стороны низшихъ группъ. Но вопросы, выдвигаемые теперь жизнью, такъ усложнились, что товарищи рабочіе изъ „централки" чувствуютъ себя безсильными. Недостаточность подготовки и времени принуждаетъ отдѣлить практическую работу отъ теоретической и выдѣлить особыя практическія и агитаторскія группы.

При нынѣшнемъ разнообразіи и кипучести общественной жизни, работа идетъ больше вширь, нежели вглубь. Люди

классовая борьба пролетаріата неизмѣнно создавала и создаетъ „коммунистическія" ученія. Если пролетарское отщепенство (т. е. пролетарское отрицаніе основъ современнаго [illegible]) съ основной антиноміей современнаго общества, борьбой труда съ капиталомъ, то отщепенство [illegible] интеллигенціи — [illegible] своей интимной [illegible] живетъ и питается преимущественно за счетъ [illegible] развитія отношенія Россіи; здѣсь изъ этой области у нея есть свой [illegible] механизмъ воспроизводства [illegible] настроенія. Здѣсь у него есть та плоскость повседневнаго касанія, которой у него нѣтъ въ такъ называемомъ соціальномъ вопросѣ.

Вторичнымъ, производнымъ характеромъ своего [illegible] отщепенская разновидность интеллигенціи, эта [illegible] категорія дореволюціоннаго общества, — какъ это ни покажется страннымъ, напоминаетъ ту современную мелкую буржуазію Запада, которая при иныхъ конечно общественно историческихъ предпосылкахъ [illegible] капитулируетъ en masse передъ [illegible] движеніемъ. [illegible] мелкая буржуазія [illegible] соціалистической, должна, [illegible] стать на точку зрѣнія [illegible] пролетаріата. [illegible] въ существѣ и ограничивается [illegible] и становясь отраженіемъ [illegible] европейская мелкая буржуазія получала [illegible] вынуждаема приспособляться къ развитію [illegible] съ болѣе или менѣе [illegible] интеллигенція, наоборотъ [illegible] пролетъ, передъ „загнымъ и [illegible]" [illegible] въ семидесятыхъ годахъ [illegible] передъ фактомъ [illegible] ской революціи [illegible] въ ея головѣ [illegible] и сопровождавшей [illegible] верть же вѣка спустя [illegible] движеніемъ рабочаго [illegible] безсильнымъ [illegible] настолько, чтобы [illegible] чать на тѣ образованія [illegible] во имя и отъ имени [illegible] лись жить своей [illegible] жизнью.

Спрашивается [illegible] *отщепенства*, [illegible] самодержавно-полицейскаго строя [illegible] *подпольную*, а потому уродливую и слабую [illegible] *ніи съ массами* и, наконецъ, *свидѣтелемъ* [illegible] *цесса организаціи массы* въ томъ даже [illegible] случаѣ, когда массовое движеніе вообще [illegible] собою, какъ это было съ движеніемъ пролетаріата, самую не [illegible] и [illegible] реальность?

Получается, какъ неизбѣжный отсюда выводъ: *процессъ перерожденія идеологіи интеллигенціи* [illegible] *„соціализма"* [illegible] на [illegible] которыхъ я выше [illegible]. *И регрессивный метаморфозъ культа массъ* былъ [illegible] стадіей этого процесса. Еще нѣкоторое время [illegible] оставалась той [illegible] интеллигенціи [illegible] практической дѣятельности и въ [illegible] теоріи и [illegible] мышленія. Но „идеальная" масса [illegible] „реальной" массы, „обобщенная" [illegible] совокупность интересовъ движенія массы [illegible] момента и его ограниченной безсознательности [illegible] общественный [illegible] координировать [illegible] практическимъ [illegible] готовый возвести [illegible] Но [illegible] *конфликтъ между* [illegible] *интеллигентскимъ* [illegible] между тенден[illegible] массой [illegible] практики [illegible] элементарнымъ [illegible] *Культъ* [illegible] *качествѣ* [illegible] *коллективность* [illegible] массы.

6

Но надо помнить, конечно, картина [illegible] лишь общая *схема* тѣхъ активныхъ періодовъ въ жизни русской интеллигенціи, *конкретное* содержаніе которыхъ давалось исторіей и варьировало въ зависимости отъ различій общественно-историческихъ конъюнктуръ. Такъ, безъ сомнѣнія глубоко различны тѣ основныхъ два періода, въ которыхъ кульминируетъ, въ которыхъ наилучше воплотилась до сихъ поръ жизнедѣятельность кружковой интеллигенціи: періодъ, ведущій свое начало отъ 60 годовъ и теряющійся въ 80-хъ, и періодъ послѣдняго десятилѣтія, завершающій свой циклъ въ настоящее время. Различны эпохи, въ корнѣ различна среда, подлежащая воздѣйствію, и сообразно сему, до основанія несходны соотвѣтственныя суммы идей, которыми въ каждую изъ эпохъ манипулировала интеллигенція. Семидесятые годы были *послѣсловіемъ къ освобожденію крестьянъ*, имѣли мужика героемъ интеллигенціи, крестьянофильскій соціализмъ — ея знаменемъ и проходили въ обстановкѣ *оседанія* буржуазно-дворянскаго общества, приспособлявшагося на своихъ пореформенныхъ позиціяхъ. Потому и была такъ эфемерна тогдашняя буржуазно-дворянская „оппозиція", являясь производной отъ [illegible] интеллигенціи, и такъ расплывчато [illegible] самое содержаніе либерализма. Но совершенно иное представляло собою марксистское десятилѣтіе — наиболѣе яркая страница изъ *предисловія къ великой русской буржуазной революціи*. Въ его основаніи лежало взаимоотношеніе между интеллигенціей, оправившейся отъ лихолѣтья подъ дѣйствіемъ пробужденія городскихъ рабочихъ массъ, и этими самыми массами, [illegible] своего пробужденія открывавшими эру усиленнаго подбора и оппозиціонно-революціонной [illegible] разнообразнѣйшихъ общественныхъ силъ. И [illegible] черезъ все десятилѣтіе обозначался процессъ *революціонизированія* буржуазно-демократической Россіи.

[illegible] каждую изъ этихъ двухъ эпохъ наша [illegible] была [illegible] индивидуальныя [illegible] въ одномъ случаѣ получало [illegible] странное [illegible] было болѣе [illegible] и скомкано, и [illegible] моменты [illegible] въ виду, [illegible] гариной [illegible] формъ, въ которыхъ [illegible] въ 70 [illegible] метаморфозъ интеллигенціи [illegible] прѣсный [illegible] переряженія [illegible] въ народную массу, [illegible] революціонизмъ, [illegible] приспособленіемъ [illegible] Чигиринская фальшивая грамота, и [illegible] рокового [illegible], когда революціонное народничество исчезло, наконецъ, не въ волнахъ [illegible] моря, какъ это предполагалось вначалѣ, а въ мутной водѣ буржуазно-демократическаго культуртрегерства. И сравните этотъ затяжный упадочный процессъ, такъ гармониропривлекаются каждой массовкой (1 разъ въ недѣлю), завязываются непрерывно связи съ заводами, съ мельницами, съ кузнецами. До сихъ поръ организованныхъ рабочихъ (въ летучкахъ) насчитывается свыше 100 человѣкъ, кромѣ того, въ организаціи человѣкъ 60 70 интеллигентовъ. Въ скоромъ времени эта цифра обѣщаетъ значительно возрасти.

Широкія связи завязываются съ окрестными деревнями. О дѣятельности тамъ пока не можемъ представить подробныхъ свѣдѣній.

Недѣлю тому назадъ рѣшили забастовать кузнецы (20 чел.). Дѣло повела организація. Стачка выиграна, что подняло популярность организаціи. Не обошлось безъ курьезовъ. Узнавъ, что тов. изъ организаціи провелъ массовку изъ кузнецовъ, ихъ хозяева обратились, въ свою очередь, къ организаціи за помощью... Удачный исходъ стачки вызвалъ всеобщее броженіе и организація получила предложеніе провести стачку мельниковъ (80-100 чел.). Нужно принять во вниманіе, что стачки въ Мелитополѣ вещь небывалая, широкіе слои рабочихъ еще не задѣты движеніемъ. Мельники вначалѣ, какъ огня, боялись „политики“. Товарищъ изъ организаціи, проводившій массовку, произвелъ такое впечатлѣніе, что мельники въ благодарность рѣшили поднести ему денежный подарокъ. Товарищъ разъяснилъ имъ цѣли Партіи. Стачка была сорвана, благодаря тому, что хозяева подкупили делегатовъ. Несомнѣнно, стачка вспыхнетъ снова, но уже болѣе организованной.

Примѣръ бастовавшихъ кузнецовъ вызвалъ подражаніе у остальныхъ кузнецовъ и колесниковъ (350 чел.). Это самый отсталый элементъ среди рабочихъ. Стоило чрезвычайныхъ усилій собрать 70 чел. вмѣстѣ, но уже не было никакой возможности заставить ихъ вникать въ разборъ и мотивировку требованій. Кое-какъ, однако, удалось сговориться и выбрать делегатовъ. Но хозяева не дремали и вели энергичную контръагитацію съ водкой, въ качествѣ элемента, долженствующаго подготовить почву. Расчетъ оказался вѣрнымъ. Толпа такъ озлобилась, что наиболѣе иниціативнымъ кузнецамъ приходится уѣхать. Стачка сорвана, да и не могла не окончиться неудачей. Полная недисциплинированность, грубость (среди колесниковъ очень мало грамотныхъ), раболѣпство сдѣлали свое дѣло. Не обошлось, конечно, безъ „жидовъ — подстрекателей противъ царя“ и „японскихъ денегъ“. Первый шагъ сдѣланъ. Второй будетъ лучше. Замѣчается броженіе среди булочниковъ.

Керчь. Политическая жизнь нашего города въ этомъ году началась маленькой политической манифестаціей 1 января. Либералы задумали банкетъ. Мы рѣшили его превратить въ митингъ. Но полиція закрыла всѣ гостиницы и часа 2 толпа народу ходила по городу, ища „пристанища“. Наконецъ, пустили въ ресторанъ Комми. Либеральная публика почти разошлась, остались рабочіе. Нашъ ораторъ, больной, не дождался и ушелъ тоже. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ сказалъ все таки отъ себя нѣсколько словъ, обращаясь къ интеллигенціи съ призывомъ примкнуть къ соціальдемократіи, перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Отъ одного студента онъ получилъ въ отвѣтъ, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Этотъ краткій обмѣнъ мнѣній закончился провозглашеніемъ тоста за упокой самодержавія, и затѣмъ рабочая публика высыпала на улицу. Сейчасъ же площадь огласилась крикомъ: „долой самодержавіе!“ — „да здравствуетъ свободная народная республика!“ и пѣніемъ „отречемся отъ стараго міра“. Десятка три извощиковъ со вниманіемъ слѣдили за необычнымъ движеніемъ, а растерявшіеся городовые подняли отчаянный свистъ. На ближайшемъ перекресткѣ произошла маленькая задержка съ повтореніемъ „тостовъ“ противъ самодержавія, а затѣмъ демонстранты прошлись по всей почти Воронцовской съ пѣніемъ марсельезы. Этотъ эпизодъ тѣснѣе сплотилъ рабочихъ, и работа пошла дружнѣй. Рабочіе на сравнительно часто собиравшихся летучкахъ основательно познакомились съ борющимися въ Россіи теперь классами, былъ хорошо разобранъ періодъ „весны“, „банкетовъ“, 9 января. За этимъ послѣдовала перестройка организаціи на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ современнымъ задачамъ партіи. Перестройка отняла много труда и времени. 19 февраля былъ обѣщанъ погромъ. Организація организовала самооборону; на общемъ собраніи всѣхъ организованныхъ рабочихъ произнесено нѣсколько рѣчей, касающихся погромной эпопеи. Заключительная рѣчь была о значеніи нашего всегдашняго лозунга: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Собраніе это имѣло большое воспитательное значеніе. Погрома не было, но наше предполагавшееся выступленіе съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не состоялось. Пустившимъ слухи о погромѣ и поддерживавшимъ его этого только и хотѣлось. Такимъ же точно образомъ испорчены были дни 1 мая и 2 дня Троицы. Въ качествѣ иниціатора слуховъ о погромѣ называли раввина, а отставного жандармскаго генерала Трубникова считали организаторомъ черной сотни. „Полиція намъ выдастъ ножи жидовъ рѣзать“ — говорили нѣсколько подрядчиковъ и ихъ приближенные рабочіе. Все время велась наша контръ агитація. Наше постоянное выступленіе противъ погромовъ послужило все таки и къ сплоченію самихъ насъ и, съ другой стороны, создало атмосферу сочувствія къ соціальдемократіи. Когда затихала наша устная агитація, мы распространяли листки Крымскаго Союза. Когда въ декабрѣ у насъ была мобилизація, мы распространяли листки (мѣстные гект. 300 экз. и 700 печ. Союза), изъ которыхъ одинъ оказалъ особенно хорошее дѣйствіе. Въ мартѣ къ намъ „пригнали“ запасныхъ. Мы буквально завалили городъ соотвѣтствующими листками (6000 + 682 + 2000) и распространяли литературу среди запасныхъ по рукамъ. Солдаты въ подавляющемъ своемъ большинствѣ очень сознательны. „Вотъ сгонятъ насъ въ большой городъ — откажемся идти на бойню“ — говорили даже московскіе гренадеры (оставленные лишній годъ въ строю и пригнанные изъ Москвы въ Керчь, чтобы опять затѣмъ двигаться обратно и на Д. В.). Мобилизація обнажила нѣсколько перловъ предусмотрительности попечительнаго правительства, что вызвало злорадный смѣхъ либеральнаго и даже „патріотическаго“ общества. Ружья, напримѣръ, прибыли черезъ нѣсколько недѣль послѣ дня, назначеннаго для выступленія!!

Въ началѣ мая уѣхали запасные. Работа организаціи направилась въ рабочую массу. Захвачены были почти всѣ отрасли труда и закрѣплены связи.

Ахиллесовой пятой организаціи служитъ таб. фабр. Месаксуди. Болѣе неподатливой публики трудно вообразить. Вся масса рабочихъ управляется по принципу „divide et impera“. Головокружительное разнообразіе заработныхъ платъ и іерархія, достойная мануфактуры. Недреманное око самого фабриканта и сыновей слѣдитъ за составомъ и благонадежностью рабочихъ. Сами рабочіе — сыновья и дочери мельчайшихъ буржуевъ, опекающихъ живущихъ въ семьяхъ рабочихъ и работницъ (масса малолѣтнихъ) въ духѣ раболѣпія передъ „Константиномъ Иванычемъ“. Въ довершеніе всего, болѣе мягкое отношеніе къ проституціи своихъ дщерей, нежели къ ихъ „вредному образу мыслей“. Заработная плата низка и, очевидно, по мысли Константина Ивановича, должна быть восполняема „честнымъ заработкомъ“ фабричныхъ работницъ внѣ стѣнъ его табачной фабрики (правда, сыновья фабриканта даютъ въ этомъ отношеніи имъ хорошо зарабатывать, являясь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ первыми „работодателями“).

Съ начала мая привлечено и побывало на массовкахъ человѣкъ 150. Человѣкъ 60 изъ нихъ организованы въ кружки, въ коихъ ведется дальнѣйшая агитація съ болѣе широкимъ соціальдемократическимъ освѣщеніемъ фактовъ текущей жизни.

Къ настоящему времени организація состоитъ изъ коллектива, централки и трехъ профессіональныхъ районныхъ группъ. Вся работа ведется этими тремя частями организаціи. Къ нимъ примыкаетъ человѣкъ 60 наиболѣе обѣщающихъ рабочихъ, которые вскорѣ должны будутъ взяться тоже за отвѣтственную практическую работу. Со всѣхъ сторонъ теперь надвигаются къ намъ забастовки, въ Ѳеодосіи нѣсколько дней почти всеобщая, въ окрестностяхъ Керчи экономіи „бѣлокостныхъ“ Оливо и кн. Трубецкого штурмуются сельскохозяйственными рабочими; говорятъ, что ломаютъ сельскохозяйственныя машины и требуютъ повышенія платы, (за этимъ движеніемъ можно слѣдить по „Южному Курьеру“).

Къ характеристикѣ все тѣхъ-же фабричныхъ рабочихъ г. Месаксуди, нужно прибавить, что они легко воспламеняются Если будетъ всеобщая забастовка (а объ этомъ серьезно поговариваетъ наша „каменоломщичья“ группа,[1]) то и фабричные примкнутъ, какъ это сдѣлали они въ 1903 г.

Забастовка Карповскаго рудника. (Письмо рабочаго).

„У насъ въ Донецкомъ районѣ существуетъ въ настоящее время „Рудничный Союзъ“, но онъ состоитъ изъ „большинства“. Какъ извѣстно всѣмъ, тактика большевиковъ гласитъ такъ: что знанія которыхъ жаждетъ рабочій, для него недостижимы. Напримѣръ, у насъ на Карповскихъ рудникахъ мы, рабочіе, очень даже стоимъ далеко отъ всѣхъ организаціонныхъ рѣшеній. Это для насъ, — болѣе передовыхъ работниковъ, — довольно обидно; разъ на насъ, передовыхъ работниковъ, возлагается какая-либо задача отъ Комитета, то мы должны ясно знать, кто эти задачи возлагаетъ на насъ, работающихъ среди рабочаго класса. У насъ этого нѣтъ, мы отрѣзаны отъ участія въ работѣ; у насъ засѣдаютъ паны и рѣшаютъ они; а мы исполняемъ, но отъ этого получается очень мало дѣла, потому что мы мало воспитаны, а интеллигенція массы не знаетъ. Вотъ, напримѣръ, у насъ на Карповскомъ рудникѣ, вспыхнула забастовка 11-го іюня 1905 г. и провести ее совершенно некому; мы, какъ рабочіе, сами было попытались повести массу въ общее русло, но у насъ не нашлось опытнаго оратора, который-бы чисто экономическую борьбу связалъ съ политической. Трехъ-тысячная толпа шахтеровъ была возбуждена. Словъ нѣтъ выступило двое отъ комитета большинства, которые указали въ нѣкоторыхъ чертахъ на то, что очень тяжела жизнь шахтера; дальше идти, по словамъ ораторовъ, было невозможно, такъ какъ масса довольно сѣрая и она можетъ насъ поколотить и т. д. И безусловно вѣрно, товарищи, что эта масса темная, но представьте себѣ: когда она мирно продержалась два дня, не слыша никакой агитаціонной рѣчи, и на третій день были выбраны депутаты для мирныхъ переговоровъ съ администраціей, то повелѣно было вести открытую агитацію противъ забастовки. Мы, передовые рабочіе, повели усиленную агитацію противъ забастовки, но насъ винить нечего — намъ было повелѣно, но что на это отвѣтила темная масса? — Она всѣхъ насъ назвала измѣнниками и взяточниками и все-таки на работу стать не хотѣла, но, оставшись совершенно безъ руководителей, — вся масса, скрежеща зубами, стала на мѣста. Характерны нѣкоторыя слова ораторовъ, выступавшихъ отъ имени Рудничного Союза; вотъ драгоцѣнныя слова нашихъ товарищей: „товарищи-рабочіе, вы должны сегодня же стать работать; вспомните, товарищи, среди васъ есть много стариковъ, которые могутъ быть выкинуты за бортъ.“ На эти милостивыя слова слѣдовалъ отвѣтъ: „вы за насъ не безпокойтесь, чего вы раньше намъ туманили головы“? и т. д. Но какая причина заставила большевиковъ прекратить забастовку? Вотъ слова нашихъ повелителей: „когда мы захватимъ весь рудничный союзъ, — весь рудничный бассейнъ, тогда мы подымемъ не три тысячи, а десять тысячъ, тогда будетъ смыслъ бороться“...

Здѣсь помѣщено все то. что происходило“.

Рудничный рабочій Карповскаго рудника.

По этому поводу одинъ товарищъ изъ Донецкаго Комитета пишетъ:

Письмо это передано намъ однимъ знакомымъ рабочимъ. Преувеличенія здѣсь, кажется, нѣтъ. Фактъ, что такъ называемая организація „Бюро шахтеровъ“ вела агитацію противъ забастовки. Правильно ли они поступили? Не потому ли они поступали такъ, что организація еще „не подготовлена“? Судить не берусь, но, зная общую тенденцію большевиковъ... Само „Бюро“ ничего не могло сдѣлать для забастовки и на второй день примчался къ намъ одинъ изъ низовъ, прося человѣка и листокъ. Намъ еле удалось, съ грѣхомъ пополамъ, напечатать на гектографѣ 160 экз. „Къ Карповскимъ рабочимъ“. По указанію рабочихъ подчеркивались слѣдующія требованія: 1) Восьми часовой рабочій день. 2) Увеличеніе заработной платы, такъ что бы самая меньшая — 1 рубль. 3) Выдача жалованья каждыя двѣ недѣли. 4) Освѣщеніе шахтъ электричествомъ. 5) Удаленіе артельщиковъ (послѣдніе изъ шахтеровъ: изъ ничтожной заработной платы они оставляютъ себѣ 25—80 %, такъ что въ книжкѣ записано 40 руб. заработка, но изъ нихъ рабочій получаетъ 25, — артельщикъ 15, — если же рабочій не соглашается — штейгеръ, получающій хорошій подкупъ, — удаляетъ его. Подробно объ ужасныхъ здѣшнихъ условіяхъ напишу въ другой разъ)... 6) Улучшеніе квартиръ. 7) Снабженіе шахтъ свѣжей водой и вентиляціей. 8) Оборудованіе шахтъ должно гарантировать отъ несчастныхъ случаевъ. 9) Образованіе коммиссіи изъ рабочихъ и администраціи, которой долженъ быть подчиненъ надзоръ за оборудованіемъ шахтъ. 10) Никто не долженъ пострадать изъ за забастовки.

Юзово. Настроеніе рабочихъ на заводахъ Юзова напряженное. Послѣ неудачной стачки притѣсненія стали ужасныя. Расцѣнки сильно понижены. За 80 коп. работаютъ 12 часовъ. Говорятъ о бунтѣ...

Какъ организація у насъ ни слаба, все таки имѣются кружки на многихъ ближайшихъ рудникахъ и заводахъ. Но сознательныхъ рабочихъ много и помимо кружковъ, только они не могутъ всѣ входить въ организацію.

Въ случаѣ же какихъ нибудь событій, они выплываютъ на поверхность.

Въ Константиновкѣ забастовка 1500 рабочихъ на стеклянномъ заводѣ окончилась. Говорятъ, рабочіе держали себя геройски На вопросъ проѣзжаго товарища: „какъ у васъ дѣла“?, знакомый отвѣтилъ ему, что у нихъ тысяча (?!) организованныхъ рабочихъ... Видно, народъ тамъ дѣльный, а у насъ пока некого послать туда, чтобъ связать ихъ съ партіей.

Кременчугъ. Въ маѣ началось движеніе приказчиковъ; имъ удалось добиться сокращенія рабочаго дня, хотя въ первые дни магазины приходилось закрывать силой. Затѣмъ начался рядъ забастовокъ рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ, лѣсопильныхъ заводахъ, пекарняхъ, трамваяхъ и т. д. Устраивались массовки и митинги (иногда посреди улицы), собиравшіе до 300 человѣкъ.

Трудно перечислить всѣ забастовки. Онѣ перекатывались волной изъ одной отрасли въ другую и вызывали небывалое оживленіе въ городѣ, порождали массу толковъ и разговоровъ и ясно опредѣляли направленія, симпатіи и антипатіи. Десятилѣтніе подростки и сѣдобородые старики — всѣ въ курсѣ дѣла, всѣ имѣютъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ забастовокъ и знаютъ, что въ нихъ принимаютъ участіе организація. Однѣ забастовки сходили съ полнымъ и частичнымъ успѣхомъ, нѣкоторыя проигрывались. Въ послѣднее время различные неорганизованные рабочіе и приказчики стали требовать, чтобы организація руко

---

[1] Эта группа охватываетъ самыхъ подвижныхъ рабочихъ: „сегодня здѣсь, а завтра тамъ“, каждый изъ нихъ можетъ сказать про себя. „Черноморье“ и окрестная деревня, рудники подъ Ѳеодосіей и рыбная ловля — вездѣ побываютъ, многаго насмотрятся — и въ результатѣ очень сознательный элементъ получается.

вавшій съ постепенно затихавшей общей „мертвой зыбью“, которая катилась отъ толчка 60 годовъ и замирала, несмотря на перекрестное вліяніе кратковременнаго подъема, имѣвшаго свой центръ въ революціонной энергіи интеллигентскаго единоборства съ царизмомъ, сравните его съ тѣмъ короткимъ и обрывистымъ процессомъ, въ который — въ 90 годы — отлилось приспособленіе интеллигенціи къ пролетарской отсталости.

Въ недолгій срокъ какихъ нибудь двухъ-трехъ лѣтъ „экономизмъ“ исчерпалъ и пережилъ себя. Уже самый апогей его развитія, когда господствовала „Рабочая Мысль“ и интеллигентъ занимался — въ теоріи — самоуничтоженіемъ, приходился на канунъ, частью даже на самый моментъ начинавшагося и непрестанно затѣмъ нароставшаго возбужденія широкихъ круговъ интеллигенціи, какъ буржуазно-демократической такъ и кружковой-отщепенской.

Разнороднѣйшіе слои интеллигенціи, казалось бы герметически другъ отъ друга обособленные, переживали, какъ результатъ воздѣйствія на нихъ пролетарскаго движенія, въ существѣ одинъ и тотъ же процессъ формированія интеллигентски-группового рѣзко выраженнаго самосознанія. Этотъ то процессъ и переломъ, его сопровождавшій, отъ умѣренной трезвенности, какъ наслѣдья эпохи реакціи, къ болѣе рѣшительнымъ мотивамъ послѣдующихъ лѣтъ, и покончилъ въ самое короткое время съ нашимъ попятнымъ развитіемъ. Оно оборвалось, не имѣя силы дойти до своего логическаго конца, предупредительно для него намѣчавшагося мудрецами пресловутаго буржуазно-демократическаго „Credo“. „И само „Credo“ сыграло, развѣ, роль — „адвоката дьявола“, нагляднаго показателя того, чего отщепенской интеллигенціи не полагается думать и дѣлать. Чистый экономизмъ былъ уже анахронизмомъ въ то время, когда по немъ производилась пальба изъ всѣхъ орудій соціальдемократической артиллеріи. Правда, нѣкоторое время еще сохранялись ублюдочныя формы, такіе пережитки его, какъ, напримѣръ, рабочедѣльческая „теорія стадій“, но это были только отзвуки прошлаго, такіе же слабые и робкіе, какими были и одновременныя попытки бернштейніанской демократіи повліять на отщепенскую интеллигенцію. Недаромъ же философія филистерства оказалась не ко двору надвигавшейся бурной эпохѣ и вскорѣ превратилась, въ обстановкѣ того переходнаго времени, какъ я замѣтилъ когда-то, въ своего рода „секретную болѣзнь“ межеумочной интеллигенціи. Но за то тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе должна была себя проявить реакція противъ экономизма, тѣмъ стремительнѣе дать себя почувствовать — реваншъ интеллигентскаго отщепенства и интеллигентскаго проснувшагося самосознанія. И если регрессивный метаморфозъ культа массъ — въ соціальдемократическій періодъ жизни русской интеллигенціи — укороченный, куцый, носилъ какой то почвенный, полустихійный характеръ, лишенный какой либо разработанной догмы (не считать же таковой тѣ обрывки идей, которыя всплывали на страницахъ „Рабочей Мысли“), таящійся въ подпольѣ подполья (вспомните „Vademecum“ и тщетные поиски Плеханова за печатнымъ „экономическимъ“ словомъ), то въ полную ему противоположность, соціальдемократическій культъ интеллигентской групповой коллективности дебютировалъ смѣло, съ высокомѣрно приподнятой головой, въ аммуниціи quasi ортодоксальности съ готовымъ кодексомъ правилъ едва ли не на всѣ случаи жизни. Идеологическія формы его, однако, естественно и необходимо отличались въ основѣ отъ тѣхъ, въ которыя облекался его народовольческій предшественникъ. Не говоря уже о томъ, что народовольчество примыкало къ циклу крестьянофильскихъ идей (и въ *принципѣ* ухитрялось сохранять предпосылки народничества), а приходившая къ групповому сознанію интеллигенція 90 годовъ черпала обѣими руками изъ идейной сокровищницы международной соціальдемократіи, кардинальное отличіе этихъ двухъ аналогичныхъ процессовъ было то, что въ 70 годы реакція противъ народническаго культа крестьянства выростала въ атмосферѣ героическаго отчаянія и практическаго отказа отъ пассивнаго, инертнаго народа, между тѣмъ какъ новѣйшій конфликтъ интеллигентски-группового коллективнаго „я“ съ культомъ массы разыгрывался на фонѣ, казалось бы, ему не соотвѣтствующемъ, на фонѣ идущаго непрестанно впередъ пролетарскаго движенія.

И, тѣмъ не менѣе, конфликтъ былъ не менѣе глубокъ, чѣмъ и прежде; онъ только труднѣе поддавался учету, осложненный, замаскированный, потерявшій былую простоту. И онъ вспыхнулъ, какъ только интеллигенція стала дѣлать систематическія попытки перейти отъ раздробленной работы разрозненныхъ кружковъ къ общепартійному строительству. Именно, конецъ 90 годовъ и начало слѣдующаго за нимъ десятилѣтія и были этой критической эпохой. Марксистская эпопея „просвѣтительства“ подходила къ концу, на очередь все болѣе выдвигались вопросы практическаго дѣйствія, прежнее же обслуживаніе интеллигенціей профессіональнаго рабочаго движенія, гдѣ каждая интеллигентская группка, съ грѣхомъ пополамъ, не мудрствуя лукаво и не задаваясь широкими цѣлями, вершила въ своемъ мѣстномъ мурьѣ незамѣтную сѣрую работу, — ощущалось все сильнѣе, какъ разительное несоотвѣтствіе, какъ неудовлетвореніе той потенціальной революціонной энергіи, которая накоплялась годами въ нѣдрахъ приходившей въ броженіе интеллигенціи и искала себѣ достойнаго выхода.

Могъ ли его дать пролетаріатъ и чѣмъ была для интеллигенціи стихія пролетарскаго движенія? Несомнѣнно, полемъ необъятныхъ размѣровъ для приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціоннаго воздѣйствія, но только отнюдь не той формующейся массой, изъ которой бы непосредственно выростало, путемъ естественнаго отбора, живое и организованное тѣло соц.-демократической партіи. Нельзя сказать, чтобы ощущеніе этого рокового противорѣчія совершенно отсутствовало въ рядахъ кружковой интеллигенціи. Напротивъ того, объ это противорѣчіе, имѣвшее свои подлинные корни не въ однѣхъ только особенностяхъ кружкового обихода интеллигенціи, а и во всемъ укладѣ русской проклятой дѣйствительности, и споткнулся злополучный „экономизмъ“. Изъ эмпирически наблюденнаго имъ факта, что коэффиціенты распространенія сознанія въ массахъ и въ интеллигенціи величины несоизмѣримыя другъ съ другомъ, что путь проникновенія идей въ массы совершенно другой и осуществляется при условіяхъ радикально отличныхъ, чѣмъ движеніе идей въ кругахъ интеллигенціи, онъ сдѣлалъ рядъ невѣрныхъ и никчемныхъ заключеній, — но въ одномъ онъ былъ правъ: при существовавшихъ тогда предпосылкахъ, соціальдемократическая рабочая партія была невозможна.

Мнѣ памятно до сихъ поръ то глухое недовольство, которое возбудилъ въ свое время первый съѣздъ россійской соціальдемократіи (98 г.), какъ скороспѣлая попытка интеллигенціи создать маргариновую партію. Но это же *антипартійное* настроеніе экономизма было и ускореніемъ его гибели въ условіяхъ момента, потому что растущее самосознаніе интеллигенціи отливалось какъ разъ въ эту форму *партійности*, и директива, продиктованная положеніемъ интеллигенціи, гласила: *не выдѣленіе интеллигенціи въ изолированныя отъ массъ террористическія группы, какъ это дѣлали когда-то народовольцы, а созданіе властнаго всероссійскаго группового аппарата для руководительства массой*. Групповое интеллигентское „я“ на пьедесталѣ изъ пролетарскаго движенія!

Такъ родился *тотъ культъ профессіональнаго революціонера*, который былъ краеугольнымъ камнемъ всего послѣдующаго строительства интеллигенціи и который имѣлъ свое евангеліе въ брошюрѣ „Что дѣлать“, и своего пророка — въ Н. Ленинѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старовѣръ.

привлекаются каждой массовкой (1 разъ въ недѣлю), завязываются непрерывно связи съ заводами, съ мельницами, съ кузнецами. До сихъ поръ организованныхъ рабочихъ (въ летучкахъ) насчитывается свыше 100 человѣкъ, кромѣ того, въ организаціи человѣкъ 60-70 интеллигентовъ. Въ скоромъ времени эта цифра обѣщаетъ значительно возрасти.

Широкія связи завязываются съ окрестными деревнями. О дѣятельности тамъ пока не можемъ представить подробныхъ свѣдѣній.

Недѣлю тому назадъ рѣшили забастовать кузнецы (20 чел.). Дѣло повела организація. Стачка выиграна, что подняло популярность организаціи. Не обошлось безъ курьезовъ. Узнавъ, что тов. изъ организаціи провелъ массовку изъ кузнецовъ, ихъ хозяева обратились, въ свою очередь, къ организаціи за помощью... Удачный исходъ стачки вызвалъ всеобщее броженіе и организація получила предложеніе провести стачку мельниковъ (80-100 чел.). Нужно принять во вниманіе, что стачки въ Мелитополѣ вещь небывалая, широкіе слои рабочихъ еще не задѣты движеніемъ. Мельники вначалѣ, какъ огня, боялись „политики“. Товарищъ изъ организаціи, проводившій массовку, произвелъ такое впечатлѣніе, что мельники въ благодарность рѣшили поднести ему денежный подарокъ. Товарищъ разъяснилъ имъ цѣли Партіи. Стачка была сорвана, благодаря тому, что хозяева подкупили делегатовъ. Несомнѣнно, стачка вспыхнетъ снова, но уже болѣе организованной.

Примѣръ бастовавшихъ кузнецовъ вызвалъ подражаніе у остальныхъ кузнецовъ и колесниковъ (350 чел.). Это самый отсталый элементъ среди рабочихъ. Стоило чрезвычайныхъ усилій собрать 70 чел. вмѣстѣ, но уже не было никакой возможности заставить ихъ вникать въ разборъ и мотивировку требованій. Кое-какъ, однако, удалось сговориться и выбрать делегатовъ. Но хозяева не дремали и вели энергичную контръагитацію съ водкой, въ качествѣ элемента, долженствующаго подготовить почву. Расчетъ оказался вѣрнымъ. Толпа такъ озлобилась, что наиболѣе иниціативнымъ кузнецамъ приходится уѣхать. Стачка сорвана, да и не могла не окончиться неудачей. Полная недисциплинированность, грубость (среди колесниковъ очень мало грамотныхъ), раболѣпство сдѣлали свое дѣло. Не обошлось, конечно, безъ „жидовъ — подстрекателей противъ царя“ и „японскихъ денегъ“. Первый шагъ сдѣланъ. Второй будетъ лучше. Замѣчается броженіе среди булочниковъ.

Керчь. Политическая жизнь нашего города въ этомъ году началась маленькой политической манифестаціей 1 января. Либералы задумали банкетъ. Мы рѣшили его превратить въ митингъ. Но полиція закрыла всѣ гостиницы и часа 2 толпа народу ходила по городу, ища „пристанища“. Наконецъ, пустили въ ресторанъ Комми. Либеральная публика почти разошлась, остались рабочіе. Нашъ ораторъ, больной, не дождался и ушелъ тоже. Одинъ изъ нашихъ рабочихъ сказалъ все таки отъ себя нѣсколько словъ, обращаясь къ интеллигенціи съ призывомъ примкнуть къ соціальдемократіи перейти на точку зрѣнія пролетаріата. Отъ одного студента онъ получилъ въ отвѣтъ, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“. Этотъ краткій обмѣнъ мнѣній закончился провозглашеніемъ тоста за упокой самодержавія, и затѣмъ рабочая публика высыпала на улицу. Сейчасъ же площадь огласилась крикомъ: „долой самодержавіе!“ — „да здравствуетъ свободная народная республика!“ и пѣніемъ „отречемся отъ стараго міра“. Десятка три извозчиковъ со вниманіемъ слѣдили за необычнымъ движеніемъ, а растерявшіеся городовые подняли отчаянный свистъ. На ближайшемъ перекресткѣ произошла маленькая задержка съ повтореніемъ „тостовъ“ противъ самодержавія, а затѣмъ демонстранты прошлись по всей почти Воронцовской съ пѣніемъ марсельезы. Этотъ эпизодъ тѣснѣе сплотилъ рабочихъ, и работа пошла дружнѣй. Рабочіе на сравнительно часто собиравшихся летучкахъ основательно познакомились съ борющимися въ Россіи теперь классами, былъ хорошо разобранъ періодъ „весны“, „банкетовъ“, 9 января. За этимъ послѣдовала перестройка организаціи на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ современнымъ задачамъ партіи. Перестройка отняла много труда и времени. 19 февраля былъ обѣщанъ погромъ. Организація организовала самооборону; на общемъ собраніи всѣхъ организованныхъ рабочихъ произнесено нѣсколько рѣчей, касающихся погромной эпопеи. Заключительная рѣчь была о значеніи нашего всегдашняго лозунга: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Собраніе это имѣло большое воспитательное значеніе. Погрома не было, но наше предполагавшееся выступленіе съ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ не состоялось. Пустившимъ слухи о погромѣ и поддерживавшимъ его этого только и хотѣлось. Такимъ же точно образомъ испорчены были дни 1 мая и 2 дня Троицы. Въ качествѣ иниціатора слуховъ о погромѣ называли раввина, а отставного жандармскаго генерала Трубникова считали организаторомъ черной сотни. „Полиція намъ выдастъ ножи жидовъ рѣзать“ — говорили нѣсколько подрядчиковъ и ихъ приближенные рабочіе. Все время велась наша контръагитація. Наше постоянное выступленіе противъ погромовъ послужило все таки и къ сплоченію самихъ насъ и, съ другой стороны, создало атмосферу сочувствія къ соціальдемократіи. Когда затихала наша устная агитація, мы распространяли листки Крымскаго Союза. Когда въ декабрѣ у насъ была мобилизація, мы распространяли листки (мѣстные гект. 300 экз. и 700 печ. Союза), изъ которыхъ одинъ оказалъ особенно хорошее дѣйствіе. Въ мартѣ къ намъ „пригнали“ запасныхъ. Мы буквально завалили городъ соотвѣтствующими листками (6000 + 682 + 2000) и распространили литературу среди запасныхъ по рукамъ. Солдаты въ подавляющемъ своемъ большинствѣ очень сознательны. „Вотъ сгонятъ насъ въ большой городъ — откажемся идти на бойню“ — говорили даже московскіе гренадеры (оставленные лишній годъ въ строю и пригнанные изъ Москвы въ Керчь, чтобы опять затѣмъ двигаться обратно и на Д. В.). Мобилизація обнажила нѣсколько перловъ предусмотрительности попечительнаго правительства, что вызвало злорадный смѣхъ либеральнаго и даже „патріотическаго“ общества. Ружья, напримѣръ, прибыли черезъ нѣсколько недѣль послѣ дня, назначеннаго для выступленія!!

Въ началѣ мая уѣхали запасные. Работа организаціи направилась въ рабочую массу. Захвачены были почти всѣ отрасли труда и закрѣплены связи.

Ахиллесовой пятой организаціи служитъ таб. фабр. Месаксуди. Болѣе неподатливой публики трудно вообразить. Вся масса рабочихъ управляется по принципу „divide et impera“. Головокружительное разнообразіе заработныхъ платъ и іерархія, достойная мануфактуры. Недреманное око самого фабриканта и сыновей слѣдитъ за составомъ и благонадежностью рабочихъ. Сами рабочіе — сыновья и дочери мельчайшихъ буржуевъ, опекающихъ живущихъ въ семьяхъ рабочихъ и работницъ (масса малолѣтнихъ) въ духѣ раболѣпія передъ „Константиномъ Иванычемъ“. Въ довершеніе всего, болѣе мягкое отношеніе къ проституціи своихъ дщерей, нежели къ ихъ „вредному образу мыслей“. Заработная плата низка и, очевидно, по мысли Константина Ивановича, должна быть восполняема „честнымъ заработкомъ“ фабричныхъ работницъ внѣ стѣнъ его табачной фабрики (правда, сыновья фабриканта даютъ въ этомъ отношеніи имъ хорошо зарабатывать, являясь въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ первыми „работодателями“).

Съ начала мая привлечено и побывало на массовкахъ человѣкъ 150. Человѣкъ 60 изъ нихъ организованы въ кружки, въ коихъ ведется дальнѣйшая агитація съ болѣе широкимъ соціальдемократическимъ освѣщеніемъ фактовъ текущей жизни.

Къ настоящему времени организація состоитъ изъ коллектива, централки и трехъ профессіональныхъ районныхъ группъ. Вся работа ведется этими тремя частями организаціи. Къ нимъ примыкаетъ человѣкъ 60 наиболѣе обѣщающихъ рабочихъ, которые вскорѣ должны будутъ взяться тоже за отвѣтственную практическую работу. Со всѣхъ сторонъ теперь надвигаются къ намъ забастовки, въ Ѳеодосіи нѣсколько дней почти всеобщая, въ окрестностяхъ Керчи экономіи „бѣлокостныхъ“ Оливо и кн. Трубецкого штурмуются сельскохозяйственными рабочими; говорятъ, что ломаютъ сельскохозяйственныя машины и требуютъ повышенія платы, (за этимъ движеніемъ можно слѣдить по „Южному Курьеру“).

Къ характеристикѣ все тѣхъ же фабричныхъ рабочихъ г. Месаксуди, нужно прибавить, что они легко воспламеняются. Если будетъ всеобщая забастовка (а объ этомъ серьезно поговариваетъ наша „каменоломщичья“ группа,[1]) то и фабричные примкнутъ, какъ это сдѣлали они въ 1903 г.

Забастовка Карповскаго рудника. (Письмо рабочаго).

„У насъ въ Донецкомъ районѣ существуетъ въ настоящее время „Рудничный Союзъ“, но онъ состоитъ изъ „большинства“. Какъ извѣстно всѣмъ, тактика большевиковъ гласитъ такъ: что знанія которыхъ жаждетъ рабочій, для него недостижимы. Напримѣръ, у насъ на Карповскихъ рудникахъ мы, рабочіе, очень даже стоимъ далеко отъ всѣхъ организаціонныхъ рѣшеній. Это для насъ, — болѣе передовыхъ работниковъ, — довольно обидно; разъ на насъ, передовыхъ работниковъ, возлагается какая-либо задача отъ Комитета, то мы должны ясно знать, кто эти задачи возлагаетъ на насъ, работающихъ среди рабочаго класса. У насъ этого нѣтъ, мы отрѣзаны отъ участія въ работѣ; у насъ засѣдаютъ паны и рѣшаютъ они; а мы исполняемъ, но отъ этого получается очень мало дѣла, потому что мы мало воспитаны, а интеллигенція массы не знаетъ. Вотъ, напримѣръ, у насъ на Карповскомъ рудникѣ, вспыхнула забастовка (1-го іюня 1905 г. и провести ее совершенно некому; мы, какъ рабочіе, сами было попытались повести массу въ общее русло, но у насъ не нашлось опытнаго оратора, который-бы чисто экономическую борьбу связалъ съ политической. Трехъ-тысячная толпа шахтеровъ была возбуждена. Словъ нѣтъ, выступило двое отъ комитета большинства, которые указали въ нѣкоторыхъ чертахъ на то, что очень тяжела жизнь шахтера; дальше идти, по словамъ ораторовъ, было невозможно, такъ какъ масса довольно сѣрая, и она можетъ насъ поколотить и т. д. И безусловно вѣрно, товарищи, что эта масса темная, но представьте себѣ: когда она мирно продержалась два дня, не слыша никакой агитаціонной рѣчи, и на третій день были выбраны депутаты для мирныхъ переговоровъ съ администраціей, то повелѣно было вести открытую агитацію противъ забастовки. Мы, передовые рабочіе, повели усиленную агитацію противъ забастовки, но насъ винить нечего — намъ было повелѣно, но что на это отвѣтила темная масса? — Она всѣхъ насъ назвала измѣнниками и взяточниками и все-таки на работу стать не хотѣла, но, оставшись совершенно безъ руководителей, — вся масса, скрежеща зубами, стала на мѣста. Характерны нѣкоторыя слова ораторовъ, выступившихъ отъ имени Рудничного Союза; вотъ драгоцѣнныя слова нашихъ товарищей: „товарищи-рабочіе, вы должны сегодня же стать работать; вспомните, товарищи, среди васъ есть много стариковъ, которые могутъ быть выкинуты за бортъ.“ На эти милостивыя слова слѣдовалъ отвѣтъ: „вы за насъ не безпокойтесь, чего вы раньше намъ туманили головы“? и т. д. Но какая причина заставила большевиковъ прекратить забастовку? Вотъ слова нашихъ повелителей: „когда мы захватимъ весь рудничный союзъ, — весь рудничный бассейнъ, тогда мы подымемъ не три тысячи, а двѣсти тысячъ, тогда будетъ смыслъ бороться“...

Здѣсь помѣщено все то, что происходило“.

Рудничный рабочій Карповскаго рудника.

По этому поводу одинъ товарищъ изъ Донецкаго Комитета пишетъ:

„Письмо это передано намъ однимъ знакомымъ рабочимъ. Преувеличеній здѣсь, кажется, нѣтъ. Фактъ, что такъ называемая организація „Бюро шахтеровъ“ вела агитацію противъ забастовки. Правильно ли они поступили? Не потому ли они поступили такъ, что организація еще „не подготовлена“? Судить не берусь, но, зная общую тенденцію большевиковъ... Само „Бюро“ ничего не могло сдѣлать для забастовки и на второй день примчался къ намъ одинъ изъ низовъ, прося человѣка и листокъ. Намъ еле удалось, съ грѣхомъ пополамъ, напечатать на гектографѣ 160 экз. „Къ Карповскимъ рабочимъ“. По указанію рабочихъ подчеркивались слѣдующія требованія: 1) Восьми часовой рабочій день. 2) Увеличеніе заработной платы, такъ что бы самая меньшая — 1 рубль. 3) Выдача жалованья каждыя двѣ недѣли. 4) Освѣщеніе шахтъ электричествомъ. 5) Удаленіе артельщиковъ (послѣдніе изъ шахтеровъ: изъ ничтожной заработной платы они оставляютъ себѣ 25-80 %, такъ что въ книжкѣ записано 40 руб. заработка, но изъ нихъ рабочій получаетъ 25, — артельщикъ 15, — если же рабочій не соглашается — штейгеръ, получающій хорошій подкупъ, — удаляетъ его. Подробно объ ужасныхъ здѣшнихъ условіяхъ напишу въ другой разъ)... 6) Улучшеніе квартиръ. 7) Снабженіе шахтъ свѣжей водой и вентиляціей. 8) Оборудованіе шахтъ должно гарантировать отъ несчастныхъ случаевъ. 9) Образованіе коммисіи изъ рабочихъ и администраціи, которой долженъ быть подчиненъ надзоръ за оборудованіемъ шахтъ. 10) Никто не долженъ пострадать изъ за забастовки.

Юзово. Настроеніе рабочихъ на заводахъ Юзова напряженное. Послѣ неудачной стачки притѣсненія стали ужасныя. Расцѣнки сильно понижены. За 80 коп. работаютъ 12 часовъ. Говорятъ о бунтѣ...

Какъ организація у насъ ни слаба, все таки имѣются кружки на многихъ ближайшихъ рудникахъ и заводахъ. Но сознательныхъ рабочихъ много и помимо кружковъ, только они не могутъ всѣ входить въ организацію.

Въ случаѣ же какихъ нибудь событій, они выплываютъ на поверхность.

Въ Константиновкѣ забастовка 1500 рабочихъ на стеклянномъ заводѣ окончилась. Говорятъ, рабочіе держали себя геройски. На вопросъ проѣзжаго товарища: „какъ у васъ дѣла“?, знакомый отвѣтилъ ему, что у нихъ тысяча (?!) организованныхъ рабочихъ... Видно, народъ тамъ дѣльный, а у насъ пока некого послать туда, чтобъ связать ихъ съ партіей.

Кременчугъ. Въ маѣ началось движеніе приказчиковъ; имъ удалось добиться сокращенія рабочаго дня, хотя въ первые дни магазины приходилось закрывать силой. Затѣмъ начался рядъ забастовокъ рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ, лѣсопильныхъ заводахъ, пекарняхъ, трамваяхъ и т. д. Устраивались массовки и митинги (иногда посреди улицы), собиравшіе до 300 человѣкъ.

Трудно перечислить всѣ забастовки. Онѣ перекатывались волной изъ одной отрасли въ другую и вызывали небывалое оживленіе въ городѣ, порождали массу толковъ и разговоровъ и ясно опредѣляли направленія, симпатіи и антипатіи. Десятилѣтніе подростки и сѣдобородые старики — всѣ въ курсѣ дѣла, всѣ имѣютъ подробныя свѣдѣнія о ходѣ забастовокъ и знаютъ, что въ нихъ принимаетъ участіе организація. Однѣ забастовки сходили съ полнымъ и частичнымъ успѣхомъ, нѣкоторыя проигрывались. Въ послѣднее время различные неорганизованные рабочіе и приказчики стали требовать, чтобы организація руко

---

[1] Эта группа охватываетъ самыхъ подвижныхъ рабочихъ: „сегодня здѣсь, а завтра тамъ“, каждый изъ нихъ можетъ сказать про себя „Черноморье“ и окрестная деревня, рудники подъ Ѳеодосіей и рыбная ловля — вездѣ побываютъ, многаго насмотрятся — и въ результатѣ очень сознательный элементъ получается.

вавшій съ постепенно затихавшей общей „мертвой зыбью“, которая катилась отъ толчка 60 годовъ и замирала, несмотря на перекрестное вліяніе кратковременнаго подъема, имѣвшаго свой центръ въ революціонной энергіи интеллигентскаго единоборства съ царизмомъ, сравните его съ тѣмъ короткимъ и обрывистымъ процессомъ, въ который — въ 90 годы — отлилось приспособленіе интеллигенціи къ пролетарской отсталости.

Въ недолгій срокъ какихъ нибудь двухъ-трехъ лѣтъ „экономизмъ“ исчерпалъ и пережилъ себя. Уже самый апогей его развитія, когда господствовала „Рабочая Мысль“ и интеллигентъ занимался — въ теоріи — самоуничтоженіемъ, приходился на канунъ, частью даже на самый моментъ начинавшагося и непрестанно затѣмъ нароставшаго возбужденія широкихъ круговъ интеллигенціи, какъ буржуазно-демократической, такъ и кружковой-отщепенской.

Разнороднѣйшіе слои интеллигенціи, казалось бы герметически другъ отъ друга обособленные, переживали, какъ результатъ воздѣйствія на нихъ пролетарскаго движенія, въ сущности одинъ и тотъ же процессъ формированія интеллигентски-группового рѣзко выраженнаго самосознанія. Этотъ-то процессъ и переломъ, его сопровождавшій, отъ умѣренной трезвенности какъ наслѣдья эпохи реакціи, къ болѣе рѣшительнымъ мотивамъ послѣдующихъ лѣтъ, и покончилъ въ самое короткое время съ нашимъ попятнымъ развитіемъ. Оно оборвалось, не имѣя силы дойти до своего логическаго конца, предупредительно для него намѣчавшагося мудрецами пресловутаго буржуазно-демократическаго „Credo“. И само „Credo“ сыграло развѣ роль — „адвоката дьявола“, нагляднаго показателя того, чего отщепенской интеллигенціи не полагается думать и дѣлать. Чистый экономизмъ былъ уже анахронизмомъ въ то время, когда по немъ производилась пальба изъ всѣхъ орудій соціальдемократической артиллеріи. Правда, нѣкоторое время еще сохранялись ублюдочныя формы, такіе пережитки его, какъ, напримѣръ, рабочедѣльческая „теорія стадій“, но это были только отзвуки прошлаго, такіе же слабые и робкіе, какими были и одновременныя попытки бернштейніанской демократіи повліять на отщепенскую интеллигенцію. Недаромъ же философія филистерства оказалась не ко двору надвигавшейся бурной эпохѣ и вскорѣ превратилась, въ обстановкѣ того переходнаго времени, какъ я замѣтилъ когда-то, въ своего рода „секретную болѣзнь“ межеумочной интеллигенціи. Но за то тѣмъ полнѣе и послѣдовательнѣе должна была себя проявить реакція противъ экономизма, тѣмъ стремительнѣе дать себя почувствовать реваншъ интеллигентскаго отщепенства и интеллигентскаго проснувшагося самосознанія. И если регрессивный метаморфозъ культа массъ — въ соціальдемократическій періодъ жизни русской интеллигенціи — укороченный, куцый, носилъ какой то почвенный, полустихійный характеръ, лишенный какой либо разработанной догмы (не считать же таковой тѣ обрывки идей, которыя всплывали на страницахъ „Рабочей Мысли“), таящійся въ подпольѣ подполья (вспомните „Vademecum“ и тщетные поиски Плеханова за печатнымъ „экономическимъ“ словомъ), то въ полную ему противоположность, соціальдемократическій культъ интеллигентской групповой коллективности дебютировалъ смѣло, съ высокомѣрно приподнятой головой, въ аммуниціи quasi ортодоксальности съ готовымъ кодексомъ правилъ едва ли не на всѣ случаи жизни. Идеологическія формы его, однако, естественно и необходимо отличались въ основѣ отъ тѣхъ, въ которыя облекался его народовольческій предшественникъ. Не говоря уже о томъ, что народовольчество примыкало къ циклу крестьянофильскихъ идей (и въ *принципѣ* ухитрялось сохранять предпосылки народничества), а приходившая къ групповому сознанію интеллигенція 90 годовъ черпала обѣими руками изъ идейной сокровищницы международной соціальдемократіи, кардинальное отличіе этихъ двухъ аналогичныхъ процессовъ было то, что въ 70 годы реакція противъ народническаго культа крестьянства выростала въ атмосферѣ героическаго отчаянія и практическаго отказа отъ пассивнаго, инертнаго народа, между тѣмъ какъ новѣйшій конфликтъ интеллигентски-группового коллективнаго „я“ съ культомъ массы разыгрывался на фонѣ, казалось бы, ему не соотвѣтствующемъ, на фонѣ идущаго непрестанно впередъ пролетарскаго движенія.

И, тѣмъ не менѣе, конфликтъ былъ не менѣе глубокъ, чѣмъ и прежде; онъ только труднѣе поддавался учету, осложненный, замаскированный, потерявшій былую простоту. И онъ вспыхнулъ, какъ только интеллигенція стала дѣлать систематическія попытки перейти отъ раздробленной работы разрозненныхъ кружковъ къ общепартійному строительству. Именно, конецъ 90 годовъ и начало слѣдующаго за нимъ десятилѣтія и были этой критической эпохой. Марксистская эпопея „просвѣтительства“ подходила къ концу, на очередь все болѣе выдвигались вопросы практическаго дѣйствія, прежнее же обслуживаніе интеллигенціей профессіональнаго рабочаго движенія, гдѣ каждая интеллигентская группка, съ грѣхомъ пополамъ, не мудрствуя лукаво и не задаваясь широкими цѣлями, вершила въ своемъ мѣстномъ муравейникѣ неизмѣнную сѣрую работу, — ощущалось все сильнѣе, какъ разительное несоотвѣтствіе, какъ неудовлетвореніе той потенціальной революціонной энергіи, которая накоплялась годами въ нѣдрахъ приходившей въ броженіе интеллигенціи и искала себѣ достойнаго выхода.

Могъ ли его дать пролетаріатъ и чѣмъ была для интеллигенціи стихія пролетарскаго движенія? Несомнѣнно, полемъ необъятныхъ размѣровъ для приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціоннаго воздѣйствія, но только отнюдь не той формующейся массой, изъ которой бы непосредственно выростало, путемъ естественнаго отбора, живое и организованное тѣло соц.-демократической партіи. Нельзя сказать, чтобы ощущеніе этого рокового противорѣчія совершенно отсутствовало въ рядахъ кружковой интеллигенціи. Напротивъ того, объ это противорѣчіе, имѣвшее свои подлинные корни не въ однѣхъ только особенностяхъ кружкового обихода интеллигенціи, а и во всемъ укладѣ русской проклятой дѣйствительности, и споткнулся злополучный „экономизмъ“. Изъ эмпирически наблюденнаго имъ факта, что коэффиціенты распространенія сознанія въ массахъ и въ интеллигенціи величины несоизмѣримыя другъ съ другомъ, что путь проникновенія идей въ массы совершенно другой и осуществляется при условіяхъ радикально отличныхъ, чѣмъ движеніе идей въ кругахъ интеллигенціи, онъ сдѣлалъ рядъ невѣрныхъ и никчемныхъ заключеній, — но въ одномъ онъ былъ правъ: при существовавшихъ тогда предпосылкахъ, соціальдемократическая рабочая партія была невозможна.

Мнѣ памятно до сихъ поръ то глухое недовольство, которое возбудилъ въ свое время первый съѣздъ россійской соціальдемократіи (98 г.), какъ скороспѣлая попытка интеллигенціи создать маргариновую партію. Но это же *антипартійное* настроеніе экономизма было и ускореніемъ его гибели въ условіяхъ момента, потому что растущее самосознаніе интеллигенціи отливалось какъ разъ въ эту форму *партійности*, и директива, продиктованная положеніемъ интеллигенціи, гласила: *не выдѣленіе интеллигенціи въ изолированныя отъ массъ террористическія группы, какъ это дѣлали когда-то народовольцы, а созданіе властнаго всероссійскаго группового аппарата для руководительства массой.* Групповое интеллигентское „я“ на пьедесталъ изъ пролетарскаго движенія!

Такъ родился *тотъ культъ профессіональнаго революціонера*, который былъ краеугольнымъ камнемъ всего послѣдующаго строительства интеллигенціи и который имѣлъ свое евангеліе въ брошюрѣ „Что дѣлать“, и своего пророка — въ Н. Ленинѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Староверъ.

[illegible] забастовкой. Теперь идутъ крупныя забастовки: приказчиковъ по лѣсной торговлѣ и столяровъ. Первые (около 100 чел.) сперва вели мирные переговоры, но когда хозяева нагло обманули и даже обратились за содѣйствіемъ къ полиціи, немедленно была объявлена забастовка и приглашены организаціи для руководства. Еще интереснѣе и живѣе стачка столяровъ.

Въ настоящее время у насъ насчитывается организованныхъ до 500 чел. Изъ нихъ свыше 200 распредѣлены на 30 кружковъ, въ которыхъ ведутся занятія какъ по программнымъ, такъ и по злободневнымъ вопросамъ. Остальные занимаются въ летучкахъ (отъ 30 до 200 чел.).

Въ Крюковѣ на жел.-дор. мастерскихъ установились прочныя связи. Ведутся занятія, собираются массовки до 60 чел. Во время ожидавшагося погрома, около 50 русскихъ рабочихъ [illegible] въ Кременчугъ для защиты. Отдѣльно работаютъ „солдатская“ и „крестьянская“ группы.

Харьковъ. 15 и 16 іюня проф. Милюковымъ было прочтено двѣ лекціи, одна изъ нихъ спеціально для рабочихъ — о современныхъ партіяхъ въ Россіи, причемъ проф. отвелъ самое послѣднее мѣсто С.-Д. партіи, которая теперь, по его мнѣнію, не у дѣлъ и пока еще не имѣетъ права на существованіе. Во время дискуссіи проф. потерпѣлъ жестокое пораженіе: ораторы самымъ энергичнымъ образомъ протестовали противъ такого взгляда проф., указали, что сдѣлала наша партія, почему она не можетъ и не должна сливаться съ либеральной партіей. Разсчитывалъ на поддержку проф. С. Р., но сочувствія не встрѣтилъ. 21 іюня послѣ лекціи „объ Америкѣ“ удалось устроить народный митингъ, который былъ открытъ однимъ рабочимъ. Говорили ораторы, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны священниковъ. Ораторы указывали на тѣ грандіозныя событія, которыя только что разыгрались въ Лодзи, Варшавѣ, Одессѣ, на начало возстанія моряковъ въ Россіи и призывали ко всеобщей политической забастовкѣ. Указывали на роль С.-Д. партіи въ современномъ движеніи, разъясняли, почему либеральная партія старается проникнуть въ рабочую среду и найти тамъ себѣ союзниковъ. Рѣчи слушались съ напряженнымъ вниманіемъ. Шпики пробовали сорвать собраніе, но это имъ не удалось. Настроеніе было хорошее. Полиція присутствовала, но не вмѣшивалась, хотя и разыскивала рабочаго, открывшаго собраніе, чтобы передать ему губернаторскій приказъ — сейчасъ же закрыть собраніе. Митингъ продолжался около двухъ часовъ. Отъ Комитета были распространены листки о событіяхъ въ Одессѣ съ призывомъ къ стачкѣ. Была принята резолюція, послѣ чего собраніе было закрыто и публика мирно разошлась. На улицѣ была масса полиціи и казаковъ, но обычнаго избіенія не произошло.

Одесса. Письмо изъ участка одного арестованнаго „выборнаго“.

„11 іюня насъ взяли на Ланжеронѣ 34 человѣка. Повели насъ черезъ Куликово поле и Гимназическую улицу въ Александровскій участокъ, гдѣ мы проторчали до пяти часовъ утра, а затѣмъ насъ развезли. Насъ (пять человѣкъ) привели въ Михайловскій участокъ: двое попало въ камеру къ забастовщикамъ, а трое въ самую худшую камеру къ ворамъ и пьяницамъ. Трудно описать переживанія въ первый моментъ. Вся камера заполнена голыми, грязными, валяющимися на голомъ полу, среди клоповъ, таракановъ и вшей. Мы простояли на ногахъ до полудня. Позвали насъ въ канцелярію для подписи протоколовъ. Мы заявили, что въ эту камеру не пойдемъ. Насъ размѣстили по другимъ камерамъ. Порядки самые ужасные. Подушекъ и одѣялъ не выдаютъ, такъ что приходится лежать на грязномъ полу. Воздухъ отъ испареній невозможный, грязь, насѣкомыя, параша цѣлый день и т. д. и т. д. Съ понедѣльника вечера стали привозить арестованныхъ по улицамъ, ихъ избивали во дворѣ до полусмерти. Нѣсколькихъ раненыхъ въ ногу избили еще въ участкѣ, наносили раны въ голову. Во дворѣ била полиція и казаки. Двухъ работницъ избили во дворѣ, таскали за косы, глумились надъ ними и бросили въ камеру къ пьянымъ мужчинамъ. Одна изъ работницъ два дня пролежала въ безпрерывномъ обморокѣ и истерикѣ, и лишь на третій день ее убрали въ больницу. Администрація была озлоблена. На нашъ протестъ отвѣчали руганью и обнаженіемъ шашекъ и кричали: „теперь церемониться не станемъ, уложимъ на мѣстѣ“. На дворѣ вѣчный шумъ, бѣготня, ржаніе лошадей, крики, плачъ привозимыхъ арестованныхъ, точно на бойнѣ въ Манджуріи. Сегодня (13 іюня) объявили голодовку, требуемъ у пристава, чтобы онъ вызвалъ товарища прокурора. Отношеніе администраціи самое возмутительное. Я никогда еще не слыхалъ о такихъ ужасныхъ условіяхъ заключенія. Сколько ни вызывали пристава, онъ не приходилъ. Одинъ изъ заключенныхъ написалъ товарищу прокурора заявленіе о всѣхъ безобразіяхъ, администрація еще пуще обозлилась.

Нижній-Новгородъ, 9 іюля. Васъ интересуетъ, конечно, какъ у насъ прошелъ сегодняшній день (онъ еще не кончился). Въ городѣ и Сормовѣ почти всеобщая забастовка, всѣ магазины закрыты, рабочіе работаютъ на одномъ заводѣ, все остальное стоитъ, трамвай ходитъ, хотя кое-гдѣ публика останавливаетъ вагоны. На краю города рабочіе устроили митингъ, было нѣсколько тысячъ человѣкъ, черное знамя. Полиція не мѣшала. Рѣшено было разойтись до вечера. Вечеромъ снова митингъ. Часть пошла по улицамъ толпой. Уговоры полиціи разойтись не помогли. Тогда на главной улицѣ казаки пустили въ дѣло нагайки, немного побили. (Какъ извѣстно изъ иностранныхъ газетъ, правительство въ слѣдующіе дни мобилизовало черныя сотни и произвело въ Нижнемъ Новгородѣ страшное кровопролитіе).

Воронежъ. Въ земствахъ консерваторы мобилизуютъ свои силы. Прежде, бывало, на собранія они не являлись — теперь появляются въ полномъ составѣ и проводятъ *коалиціонный составъ управъ*. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что во многихъ мѣстахъ земства какъ будто пошли назадъ. Впрочемъ, духъ времени такъ силенъ, что не всѣ консерваторы рѣшаются открыто выступать. Въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи приняты довольно радикальныя резолюціи по вопросамъ общегосударственнаго переустройства, *но докладъ не обсуждался*, а былъ *просто принятъ*. Консерваторы, съ одной стороны, не рѣшались его просто отвергнуть, съ другой, правильно разсудили, что дѣло не въ *пиринятіи* доклада, а въ его *обсужденіи*! Они вошли въ закулисное соглашеніе съ либералами — взамѣнъ обсужденія гарантировали единогласное принятіе доклада. Либералы и попались на эту удочку!! Въ собраніяхъ разныхъ обществъ идетъ рядъ докладовъ, сопровождаемыхъ радикальными рѣчами. Наиболѣе популярный ораторъ Юлія Петровна Махновецъ двѣ недѣли тому назадъ арестована (кромѣ нея, еще 3 интеллигента и 15 рабочихъ). Ея арестъ и способы его (разбили окно, влѣзли въ квартиру ночью; Юліи Петровны не было дома и жандармы страшно напугали ея старушку мать) возмутили общество. Одна нѣсколько эксцентричная особа фельдшерица — княжна Гагарина — послала по этому поводу письмо прокурору. Вчера всѣ засѣдающіе одного изъ обществъ хотѣли вынести резолюцію, требующую освобожденія Юліи Петровны. Многіе потребовали, чтобы освобожденіе другихъ арестованныхъ было включено въ заявленіе. Чѣмъ кончились дебаты, мнѣ неизвѣстно. Рабочихъ (они здѣсь народъ довольно темный) возмутилъ арестъ Васильева, бывшаго ихъ делегатомъ во время весенней стачки. Настроеніе было такое, что хотѣли его освободить силой, но настроеніе использовано не было и волненіе улеглось. Вообще, мѣстныя организаціи не особенно себя проявляютъ (старый комитетъ разгромленъ, а молодой неработоспособенъ). Среди рабочихъ, болѣе сознательныхъ, глухое броженіе и недовольство интеллигенціей.

Появилась новая организація „Воронежская с.-д. рабочая организація“, принявшая планъ организаціи меньшинства и организаціонно связавшая себя съ нимъ, не ставъ ни въ какія обязательныя отношенія (она объявила себя нейтральной). Вотъ текстъ вынесеннаго ею заявленія: „Обсудивъ вопросъ о причинахъ неудовлетворительной постановки партійной работы въ г. Воронежѣ, собраніе, состоящее изъ числа рабочихъ, примыкавшихъ къ Воронежскому комитету (б. касса Борьбы), пришло къ слѣдующему заключенію: 1) личный составъ Воронежскаго комитета (бывш. Касса Борьбы) обусловливаетъ *нѣкоторые* недостатки мѣстной работы, но не является *главной* причиной ихъ; 2) для того, чтобы поставить мѣстную работу на должную высоту, необходимо измѣнить всю систему мѣстной организаціи. Необходимо привлечь къ живому участію въ партійной жизни всѣхъ сознательныхъ рабочихъ. Самодѣятельность передового отряда рабочаго класса поведетъ къ тому, что сознательные рабочіе начнутъ относиться къ партійному дѣлу, какъ къ своему собственному. Чувство отвѣтственности ихъ за ходъ партійныхъ дѣлъ будетъ расти. Они привыкнутъ полагаться *прежде всего* на свои *собственныя силы*. Дѣло освобожденія рабочаго класса начнетъ становиться дѣломъ самихъ рабочихъ и станетъ менѣе зависимымъ отъ того или иного случайнаго состава комитетскихъ руководителей. Исходя изъ этихъ соображеній, собраніе постановляетъ: 1) организоваться въ Воронежскую с.-д. рабочую организацію; 2) не примыкая всецѣло ко всѣмъ рѣшеніямъ первой общей конференціи партійныхъ работниковъ, принять планъ организаціи, выработанный этой конференціей и пользоваться услугами Центр. Учр., избраннаго ею. Воронеж. С.-Д. Р. Орг. заявляетъ, что она находитъ возможнымъ вести работу совмѣстно со всякой соц.-дем. организаціей, которая приметъ такой же планъ организаціи.

Изъ района военно-революціонной организаціи.

Растерянность. Послѣднія событія, все чаще повторяющіяся среди войска, приводятъ офицеровъ въ полное замѣшательство. Звонкія шпоры, круглая рельефная кокарда и узкіе позолоченные погоны перестаютъ ужъ быть предметомъ внушенія для солдатъ, и офицерамъ приходится словесно напоминать солдатамъ о своемъ величіи и силѣ. Такой случай имѣлъ мѣсто недавно въ одной изъ частей мѣстнаго гарнизона, когда ротный командиръ одной роты, назначенный въ помощь полиціи на случай „безпорядковъ“, держалъ предварительную рѣчь къ солдатамъ объ ихъ обязанностяхъ и долгѣ службы, по отношенію къ царю-батюшкѣ и „отечеству“, закончивъ ее слѣдующими словами: „но знайте, прежде всего, что я *офицеръ*, имѣю при себѣ револьверъ съ 7 патронами, который будетъ направленъ въ перваго изъ солдатъ, не желающаго стрѣлять въ публику. Ты, фельдфебель, въ случаѣ, если меня убьютъ (при этихъ словахъ лицо его поблѣднѣло и глаза наполнились слезами), остаешься на моемъ мѣстѣ. Стрѣляй тогда безпощадно, пачками, даже по убѣгающимъ, пока никто не останется въ живыхъ“. Но Одесскія событія и связанныя съ ними волненія во флотѣ окончательно ошеломили офицеровъ. Начинаются совмѣстныя обсужденія. „Что дѣлать?“ „Какими способами поддержать повиновеніе солдатъ?“ Одинъ изъ нихъ, молодой подпоручикъ, недавно разставшійся со скамьей юнкерской школы и выдрессированный на началахъ дисциплины, находитъ, что самымъ вѣрнымъ и радикальнымъ средствомъ для поддержанія порядка среди войска является дисциплина и связанныя съ ней репрессіи. Его мнѣнія не раздѣляютъ болѣе пожилые офицеры (капитаны; одинъ изъ нихъ читаетъ „Освобожденіе“), которые видятъ въ репрессивныхъ мѣрахъ самый скорый и рѣшительный шагъ къ неисполненію приказаній, настаиваютъ на болѣе мягкомъ обращеніи съ нижними чинами. Батальонный же, толстый подполковникъ съ жирнымъ обрюзглымъ лицомъ, сознавая крайность мнѣнія подпоручика, но неувѣренный въ безопасности за мысль капитановъ, до того теряется, что остается совсѣмъ въ безмолвіи и, ломая руки, безпомощно качаетъ головой. Но всѣ признаютъ необходимымъ ознакомить солдатъ, по правительственнымъ сообщеніямъ, съ Одесскими событіями и разъяснить имъ всю преступность поведенія матросовъ. Бравый подпоручикъ, дѣлая искусственно грозный видъ, громко и сердито приказываетъ солдатамъ построиться; нападаетъ на одного запаснаго солдата самой отборной руганью за то, что послѣдній держалъ свободно руки и прибавилъ въ заключеніе: „знай, что я офицеръ, а не сапожникъ! У меня имѣется много средствъ заставить васъ повиноваться“ и т. д. Передъ началомъ чтенія о событіяхъ въ Одессѣ подпоручикъ прочелъ собственное предисловіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, подчеркиваетъ, что всѣ бунты и безпорядки устраиваются евреями, что евреи — это внутренній врагъ, бунтовщикъ, котораго слѣдуетъ презирать и ненавидѣть и т. д. и подтвержденіе своимъ словамъ подпоручикъ находитъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ, что арестованный въ Одессѣ во время безпорядковъ человѣкъ съ бомбами (фамиліи его не помню) былъ еврей. И тутъ же на глазахъ передъ всей ротой подпоручикъ показываетъ примѣръ еврейство-ненавистничества по отношенію къ своему писарю-еврею — парню, уже кончающему свой срокъ дѣйствительной службы, и за все это время ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченному.

За этимъ парнемъ безо всякихъ основаній учреждается надзоръ, назначаютъ спеціальнаго человѣка, который обязанъ слѣдить за нимъ, никуда не выпускать и т. д. Не то было съ командиромъ другой роты (капитанъ, читающій „Освобожденіе“). Послѣдній, коснувшись событій во флотѣ, хотѣлъ увидѣть и здѣсь дѣло рукъ „евреевъ“, но сразу встрѣтилъ возраженіе со стороны одного солдата: „Ваше высокоблагородіе, вѣдь во флотъ, кромѣ русскихъ, не принимаютъ, тамъ нѣтъ ни евреевъ, ни поляковъ“. Но, ошеломленный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, офицеръ сразу не нашелъ подходящаго отвѣта, и солдаты, пользуясь растерянностью офицера, стали задавать самые курьезные, изъ ряда дисциплины выходящіе вопросы. Напримѣръ, одинъ унтеръ-офицеръ спрашиваетъ: „А что будетъ этимъ матросамъ?“, а другой рядовой, перебивая ротнаго командира, отвѣчаетъ унтеръ-офицеру: „вотъ, дуракъ, еще спрашиваетъ, — ихъ поцѣлуютъ и распустятъ на вольныя работы“. Громкій смѣхъ вызываетъ это остроуміе среди солдатъ, и нашъ капитанъ, постоянно строгій и суровый до крайности, на сей разъ долженъ былъ поддержать общее настроеніе. Не малое фіаско потерпѣлъ этотъ капитанъ отъ своего писаря, когда послѣдній на предложеніе капитана указать ему всѣхъ подозрительныхъ лицъ и доносить обо всемъ случающемся въ ротѣ, отвѣтилъ: „Ваше высокоблагородіе, я призванъ на службу защищать отечество, а не шпіонить, и роль шпіона не входитъ въ область моей дѣятельности. Для этой цѣли имѣется въ ротѣ фельдфебель“. Но ротный ему отвѣтилъ, что фельдфебель не заслуживаетъ полнаго довѣрія и что главныя надежды онъ возлагалъ на него, писаря, въ чемъ ему приходится теперь горько разочаровываться. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что послѣднія событія служатъ сильнымъ средствомъ къ пробужденію самосознанія среди солдатъ и что послѣдніе, въ моментъ революціи, не замедлятъ присоединиться къ народу.

Солдатъ.

Изъ малорусской деревни.

Волна забастовокъ прокатилась почти по всей Кіевской губерніи. Нѣтъ почти ни одного села, ни одной экономіи, гдѣ бы не было забастовки. Непосредственныхъ результатовъ забастовки почти не дали, но косвенные результаты огромны. Во-первыхъ, панство настолько устрашено движеніемъ, что увеличило поденную плату почти на 100 проц. Вмѣсто прежнихъ 20-25 коп., къ концу мая плата поднялась до 40-60 коп. въ день повсемѣстно. Такъ называемымъ „дворовымъ“ рабочимъ платятъ, вмѣсто 3-5 рублей въ мѣсяцъ и опредѣленныхъ ординаріевъ (плата зерномъ, сѣномъ и т. д.), — 6-9 рублей. Въ нѣкоторыхъ селахъ паны проявили даже дальновидность. Опасаясь забастовокъ во время жатвы, они собирали крестьянъ на сходы и въ присутствіи сельскаго начальства давали крестьянамъ подписку, обѣщая пятый снопъ за работу, лишь бы не было забастовки (до сихъ поръ повсемѣстно давали 9-13 й снопъ). Во вторыхъ,—и это гораздо важнѣе ничтожнаго увеличенія платы,—стачки наглядно показали крестьянамъ силу организованной борьбы. Про весеннія забастовки крестьяне говорятъ теперь: „це мы тільки попробували, та не зумілы нічого зробыть. А теперь мы [illegible]. Осѣ [illegible] — [illegible] забастовку зробымо“. По этому поводу [illegible] здѣсь [illegible] прокламаціи, [illegible] изъ ея заголовка: „Якъ робытьси забастовки?“

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о настроеніи крестьянъ.

Село Выбли, Черниговскаго уѣзда. Культурный уровень жителей очень высокъ, благодаря культурнической работѣ [illegible] учительницы. Селяне не только зачитываются [illegible] и [illegible], но посѣщаютъ почти всѣ земскія засѣданія въ [illegible] иногда даже говорятъ. И, несмотря на это, въ головахъ у [illegible] политическая каша. Работы, въ нашемъ смыслѣ, [illegible] до сихъ поръ не было. Изрѣдка появлялись листки наши и с.-р. Послѣдніе-то и произвели сумбуръ въ головахъ. „И с.-р. правду говорятъ, и с.-д., и либералы, и Гапонъ, словомъ, всѣ хороши и потому имъ всѣмъ нужно соединиться въ одну партію для борьбы съ самодержавіемъ“. На сходки (массовки 20-25 чел.) собираются очень охотно. Требуютъ агитаторовъ, къ которымъ относятся довольно строго (въ смыслѣ популярности и дѣловитости рѣчи). Предпочитаютъ русскій языкъ. „Правду“, „Мужицкій приговоръ“ и пр. понимаютъ очень плохо. Настроеніе очень революціонное. Обижаются на мѣстную организацію, что не приглашаетъ ихъ на демонстраціи. Нѣкоторые носятъ къ приставу прочтенныя прокламаціи и просятъ дать другія — конечно, безрезультатно. Выдворили приговоромъ „монопольку“. Сходки довольно часты. Говорятъ о войнѣ, о „Государственной думѣ“, націонализаціи, соціализаціи, общинѣ и пр. Въ общемъ, почва богатая, но работниковъ нѣтъ. Нужна руководящая литература.

Въ с. Выбли Черн. уѣзда. Манифестомъ о свободѣ вѣроисповѣданія воспользовался мѣстный попъ Чудновскій. Недавно, отслуживъ послѣ обѣдни молебенъ и пропѣвъ многолѣтіе всей августѣйшей погани и побѣдоносному воинству, ввелъ въ „чинъ молебна“ новшество. Каковъ бы вы думали?.. „Всей охранной полиціи многія лѣта-а-а!“ Среди пѣвчихъ переполохъ, пѣть или нѣтъ? Наконецъ, какой то пьяный басъ разрубилъ гордіевъ узелъ, затянувъ многая лѣта. Хоръ подъ конецъ поддержалъ. Картина...

Село Горбовъ, Черниг. у. Ко всему, сказанному о селѣ Выбли, нужно добавить нѣкоторую трусость, внесенную въ крестьянскую среду, бывшимъ здѣсь арестомъ нѣкоторыхъ селянъ. Явленіе временное. Сходки посѣщаютъ 8-9 женщинъ. Это же можно сказать и объ окружныхъ селахъ.

Село Ловитское, Черниговскаго уѣзда. Тоже, что и въ предыдущихъ селахъ, но настроеніе въ высшей степени революціонное. Весной устроили демонстрацію въ усадьбѣ помѣщика Копцевича, приняли возмездіе, но настроеніе отъ этого стало еще революціоннѣе. Носятся слухи о предстоящемъ разгромѣ названнаго помѣщика, но до этого еще далеко. На дняхъ были двѣ массовки (65 и 80 человѣкъ), между ними была пожилая женщина. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ современное положеніе крестьянъ и указавъ, что измѣненіе существующаго порядка возможно только путемъ борьбы, ораторъ перешелъ къ построенію политической платформы, которую должно выдвинуть крестьянство въ моментъ ликвидаціи самодержавія. Попутно пришлось задѣть соц.-рев. скую націонализацію и соціализацію. Вторая сходка — продолженіе первой. Рѣшили провести на сельскомъ сходѣ приговоръ удаленія „монопольки“ изъ сосѣднихъ селъ съ угрозой разбить „оную“ въ случаѣ отказа.

Въ недалекомъ будущемъ состоится конференція крестьянъ изъ всѣхъ организацій въ селахъ, а также представителей отъ неорганизованныхъ селъ. Предметы обсужденія: современное положеніе; тактика при выборахъ въ государственную думу; вооруженіе; программные вопросы. Во многихъ крупныхъ селахъ теперь поставлены организаціи съ кличкой сельскихъ комитетовъ, а также техника. Связи у насъ имѣются въ 7 уѣздахъ. Дайте намъ технику порядочную и пару другую дѣйствительныхъ работниковъ на мѣстахъ, и деревня наша.

Измаильскій уѣздъ, Бес. губ., 25 іюня. Казалось, никакія катастрофы не могли бы взволновать здѣшняго болота. Заброшенный уголокъ, безъ слѣда промышленной культуры, безъ удобныхъ средствъ сообщенія, съ довольно богатой природой и, сравнительно, зажиточнымъ крестьянскимъ населеніемъ (малороссы и, главнымъ образомъ, болгарскіе колонисты и молдаване), — нашъ край, казалось, былъ обреченъ на вѣчный покой и прозябаніе, самимъ небомъ предназначенный для „божьей благодати“, — такъ, думалось, неистощимы силы здѣшнихъ крестьянъ, изъ которыхъ всякіе арендаторы, помѣщики и сборщики податей выколачивали послѣднія средства, собирая часто дань и натурой и платя за полевыя работы только частью жатвы; — даже правительство мало предпринимало мѣръ „сердечнаго попеченія“ объ этомъ, совсѣмъ нетронутомъ крамолой, краѣ и оставило нѣкоторые порядки городского и сельскаго самоуправленія въ томъ видѣ, какъ они перешли отъ свободной Румыніи. Но свѣжія силы всероссійской революціи прокатились и здѣсь бурной волной. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ, непомѣрно нахальные сборы податей, тяжесть послѣдняго года войны, послѣднія событія въ Одессѣ — выразились здѣсь въ довольно сильныхъ аграрныхъ вліяніяхъ: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне уничтожили усадьбы, съ машинами и амбарами, — въ другихъ отказались платить арендныя деньги (почти всюду у насъ аренду платятъ наполовину деньгами, наполовину снопами); — одно имѣніе (8000 дес.) крестьяне хотѣли дѣлить между собой. Почти всюду въ уѣздѣ идетъ броженіе. Въ городахъ плутократы также не въ безопасности: многіе получаютъ угрожающія письма и спѣшатъ перевести заграницу свои капиталы, сами бѣгутъ въ Румынію. Революціонной работы у насъ не было до сихъ поръ и теперь не ведется. Надо ожидать, что правительство предприметъ какія-нибудь мѣры; въ уѣздѣ всего двѣ-три сотни пограничной стражи, войска нѣтъ.

Армавиръ. Армавиръ — крупный торговый центръ съ населеніемъ 30 тыс. Населеніе приблизительно наполовину армянское, наполовину русское. Въ Армавирѣ имѣется десять маслобойныхъ заводовъ, на каждомъ изъ нихъ работаетъ отъ 30 до 100 человѣкъ; три мелкія ватныя фабрики, одна табачная (250 чел.), три небольшихъ чугунно-литейныхъ завода (отъ 20-125 человѣкъ), два мыловаренныхъ завода, два пивныхъ, два стекляныхъ, одна кондитерская фабрика, три типографіи, нѣсколько слесарно-столярныхъ мастерскихъ (только въ одной до 100 чел.) — все это — мелкія предпріятія. Около $1\frac{1}{2}$ тыс. служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Въ политическомъ отношеніи за послѣднее время Армавиръ оживился. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь образовалась Соц.-Дем. Группа Кубанск. Ком. Довольно регулярно стали появляться прокламаціи; съ рабочими завязались тѣсныя сношенія. Велись и ведутся систематическія кружковыя занятія. Передъ Пасхой было организовано нѣсколько конспиративныхъ сходокъ, на которыхъ присутствовало по 75-80 чел. За все время работы до Пасхи были распространены слѣдующія прокламаціи, брошюры и газеты: „Пора кончать“ 1200, „Въ бой за свободу“ 300, „Слово и дѣло русскаго самодержавія“ 600, „Война противъ войны“ 1000, „Правда о войнѣ“ 500, „Пауки и мухи“ 100, „Солдатская памятка“ 500, „Первый шагъ“ 500, „Запоздалая ложь царскаго правительства“ 150, Онъ прощаетъ, 100, Программа партіи, 100; Къ работницамъ и рабочимъ, 700, Политическое обозрѣніе, 100; Соціальдемократъ №№ 1, 2 и 3 (100); Пора! 1000, Двѣ Европы, 100; Кто долженъ побѣдить? 500, Во что обходится война, 100, Какое страхованіе намъ нужно? 90, Къ гражданамъ, 150. Особенно много листковъ было распространено во время стоянки здѣсь десяти тысячъ казаковъ. Казаки стояли больше четырехъ мѣсяцевъ. Сначала они очень недовѣрчиво относились къ листкамъ и отдавали ихъ своему начальству, но только въ началѣ. Въ общемъ же, листки читались съ охотой, вызывали между ними толки, подчасъ высказывалось сочувственное отношеніе къ тому, что въ нихъ написано. До группы дошли слухи о томъ, что нѣкоторые офицера удивляются, почему только къ казакамъ обращаются съ воззваніями, а не пишутъ имъ — офицерамъ. Тогда была наровала забастовкой. Теперь идутъ крупныя забастовки: приказчиковъ по лѣсной торговлѣ и столяровъ. Первые (около 600 чел.) сперва вели мирные переговоры, но когда хозяева ихъ нагло обжакули и даже обратились за содѣйствіемъ къ полиціи, немедленно была объявлена забастовка и приглашены организація для руководства. Еще интереснѣе и живѣе стачка столяровъ.

Въ настоящее время у насъ насчитывается организованныхъ до 500 чел. Изъ нихъ свыше 200 распредѣлены на 30 кружковъ, въ которыхъ ведутся занятія какъ по программнымъ, такъ и по злободневнымъ вопросамъ. Остальные занимаются въ летучкахъ (отъ 30 до 200 чел.).

Въ Крюковѣ на жел.-дор. мастерскихъ установились прочныя связи. Ведутся занятія, собираются массовки до 60 чел. Во время ожидавшагося погрома около 50 русскихъ рабочихъ явились въ Кременчугъ для защиты. Отдѣльно работаютъ „солдатская" и „крестьянская" группы.

Харьковъ. 15 и 16 іюня проф. Милюковымъ было прочтено двѣ лекціи, одна изъ нихъ спеціально для рабочихъ — о современныхъ партіяхъ въ Россіи, причемъ проф. отвелъ самое послѣднее мѣсто С.-Д. партіи, которая теперь, по его мнѣнію, не у дѣлъ и пока еще не имѣетъ права на существованіе. Во время дискусіи проф. потерпѣлъ жестокое пораженіе: ораторы наши самымъ энергичнымъ образомъ протестовали противъ такого взгляда проф., указали, что сдѣлала наша партія, почему она не можетъ и не должна сливаться съ либеральной партіей. Выступилъ на поддержку проф. С. Р., но сочувствія не встрѣтилъ. 21 іюня послѣ лекціи „объ Америкѣ" удалось устроить народный митингъ, который былъ открытъ однимъ рабочимъ. Говорили ораторы, какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны большевиковъ. Ораторы указывали на тѣ грандіозныя событія, которыя только что разыгрались въ Лодзи, Варшавѣ, Одессѣ, на начало возстанія моряковъ въ Россіи и призывали ко всеобщей политической забастовкѣ. Указывали на роль С.-Д. партіи въ современномъ движеніи, разъясняли, почему либеральная партія старается проникнуть въ рабочую среду и найти тамъ себѣ союзниковъ. Рѣчи слушались съ напряженнымъ вниманіемъ. Шпики пробовали сорвать собраніе, но это имъ не удалось. Настроеніе было хорошее. Полиція присутствовала, но не вмѣшивалась, хотя и разыскивала рабочаго, открывшаго собраніе, чтобы передать ему губернаторскій приказъ — сейчасъ же закрыть собраніе. Митингъ продолжался около двухъ часовъ. Отъ Комитета были распространены листки о событіяхъ въ Одессѣ съ призывомъ къ стачкѣ. Была принята резолюція, послѣ чего собраніе было закрыто и публика мирно разошлась. На улицѣ была масса полиціи и казаковъ, но обычнаго избіенія не произошло.

Одесса. Письмо изъ участка одного арестованнаго „выборнаго".

„11 іюня насъ взяли на Ланжеронѣ 34 человѣка. Повели насъ черезъ Куликово поле и Гимназическую улицу въ Александровскій участокъ, гдѣ мы проторчали до пяти часовъ утра, а затѣмъ насъ развезли. Насъ (пять человѣкъ) привели въ Михайловскій участокъ: двое попало въ камеру къ забастовщикамъ, а трое въ самую худшую камеру къ ворамъ и пьяницамъ. Трудно описать переживанія въ первый моментъ. Вся камера заполнена голыми, грязными, валяющимися на голомъ полу, среди клоповъ, тараканов и вшей. Мы простояли на ногахъ до полудня. Позвали насъ въ канцелярію для подписи протоколовъ. Мы заявили, что въ эту камеру не пойдемъ. Насъ размѣстили по другимъ камерамъ. Порядки самые ужасные. Подушекъ и одѣялъ не выдаютъ, такъ что приходится лежать на грязномъ полу. Воздухъ отъ испареній невозможный, грязь, насѣкомые, параша цѣлый день и т. д. и т. д. Съ понедѣльника вечера стали привозить арестованныхъ по улицамъ, ихъ избивали во дворѣ до полусмерти. Нѣсколькихъ раненыхъ въ ногу избили еще въ участкѣ, наносили раны въ голову. Во дворѣ била полиція и казаки. Двухъ работницъ избили во дворѣ, таскали за косы, глумились надъ ними и бросили въ камеру къ пьянымъ женщинамъ. Одна изъ работницъ два дня пролежала въ безпрерывномъ обморокѣ и истерикѣ, и лишь на третій день ее увезли въ больницу. Администрація была озлоблена. На нашъ протестъ отвѣчали руганью и обнаженіемъ шашекъ и кричали: „теперь церемониться не станемъ, уложимъ на мѣстѣ". На дворѣ вѣчный шумъ, бѣготня, ржаніе лошадей, крики, плачъ привозимыхъ арестованныхъ, точно на бойнѣ въ Манджуріи. Сегодня (23 іюня) объявили голодовку, требуемъ у пристава, чтобы онъ вызвалъ товарища прокурора. Отношеніе администраціи самое возмутительное. Я никогда еще не слыхалъ о такихъ ужасныхъ условіяхъ заключенія. Сколько ни вызывали пристава, онъ не приходилъ. Одинъ изъ заключенныхъ написалъ товарищу прокурора заявленіе о всѣхъ безобразіяхъ, администрація еще пуще обозлилась.

Нижній-Новгородъ, 9 іюля. Васъ интересуетъ, конечно, какъ у насъ прошелъ сегодняшній день (онъ еще не кончился). Въ городѣ и Сормовѣ почти всеобщая забастовка, всѣ магазины закрыты, рабочіе работаютъ на одномъ заводѣ, все остальное стоитъ, трамвай ходитъ, хотя кое-гдѣ публика останавливаетъ вагоны. На краю города рабочіе устроили митингъ, было нѣсколько тысячъ человѣкъ, черное знамя. Полиція не мѣшала. Рѣшено было разойтись до вечера. Вечеромъ снова митингъ. Часть пошла по улицамъ толпой. Уговоры полиціи разойтись не помогли. Тогда на главной улицѣ казаки пустили въ дѣло нагайки, немного побили. (Какъ извѣстно изъ иностранныхъ газетъ, правительство въ слѣдующіе дни мобилизовало черныя сотни и произвело въ Нижнемъ Новгородѣ страшное кровопролитіе).

Воронежъ. Въ земствахъ консерваторы мобилизуютъ свои силы. Прежде, бывало, на собранія они не являлись — теперь появляются въ полномъ составѣ и проводятъ *коалиціонный составъ управ*. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что во многихъ мѣстахъ земства какъ будто пошли назадъ. Впрочемъ, духъ времени такъ силенъ, что не всѣ консерваторы рѣшаются открыто выступать. Въ Воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи приняты довольно радикальныя резолюціи по вопросамъ общегосударственнаго переустройства, *но докладъ не обсуждался*, а былъ *просто принятъ*. Консерваторы, съ одной стороны, не рѣшались его просто отвергнуть, съ другой, правильно разсудили, что дѣло не въ *принятіи* доклада, а въ его *обсужденіи*. Они вошли въ закулисное соглашеніе съ либералами—взамѣнъ обсужденія гарантировали единогласное принятіе доклада. Либералы и попались на эту удочку! Въ собраніяхъ разныхъ обществъ идетъ рядъ докладовъ, сопровождаемыхъ радикальными рѣчами. Наиболѣе популярный ораторъ Юлія Петровна Махновецъ двѣ недѣли тому назадъ арестована (кромѣ нея, еще 2 интеллигента и 15 рабочихъ). Ея арестъ и способы его (разбили окно, влѣзли въ квартиру ночью, Юліи Петровны не было дома и жандармы страшно напугали ея старушку мать) возмутили общество. Одна нѣсколько эксцентричная особа фельдшерица — княжна Гагарина — послала по этому поводу письмо прокурору. Вчера всѣ засѣдающіе одного изъ обществъ хотѣли вынести резолюцію, требующую освобожденія Юліи Петровны. Многіе потребовали, чтобы освобожденіе другихъ арестованныхъ было включено въ заявленіе. Чѣмъ кончились дебаты, мнѣ неизвѣстно. Рабочихъ (они здѣсь народъ довольно темный) возмутилъ арестъ Васильева, бывшаго ихъ делегатомъ во время весенней стачки. Настроеніе было такое, что хотѣли его освободить силой, но настроеніе использовано не было и волненіе улеглось. Вообще, мѣстныя организаціи не особенно себя проявляютъ (старый комитетъ разгромленъ, а молодой неработоспособенъ). Среди рабочихъ, болѣе сознательныхъ, глухое броженіе и недовольство интеллигенціей.

Появилась новая организація „Воронежская с.-д. рабочая организація", принявшая планъ организаціи меньшинства и организаціонно связавшая себя съ нимъ, не ставъ ни въ какія обязательныя отношенія (она объявила себя нейтральной). Вотъ текстъ, выпущеннаго ею заявленія: „Обсудивъ вопросъ о причинахъ неудовлетворительной постановки партійной работы въ г. Воронежѣ, собраніе, состоящее изъ числа рабочихъ, примыкавшихъ къ Воронежскому комитету (б. кассѣ Борьбы), пришло къ слѣдующему заключенію: 1) личный составъ Воронежскаго комитета (бывш. Касса Борьбы) обусловливаетъ *нѣкоторые* недостатки мѣстной работы, но не является *главной* причиной ихъ; 2) для того, чтобы поставить мѣстную работу на должную высоту, необходимо измѣнить всю *систему* мѣстной организаціи. Необходимо привлечь къ живому участію въ партійной жизни всѣхъ сознательныхъ рабочихъ. Самодѣятельность передового отряда рабочаго класса поведетъ къ тому, что сознательные рабочіе начнутъ относиться къ партійному дѣлу, какъ къ своему собственному. Чувство отвѣтственности ихъ за ходъ партійныхъ дѣлъ будетъ расти. Они привыкнутъ полагаться *прежде всего* на свои *собственныя силы*. Дѣло освобожденія рабочаго класса начнетъ становиться дѣломъ самихъ рабочихъ и станетъ менѣе зависимымъ отъ того или иного случайнаго состава комитетскихъ руководителей. Исходя изъ этихъ соображеній, собраніе постановляетъ: 1) организоваться въ Воронежскую с.-д. рабочую организацію; 2) не примыкая всецѣло ко всѣмъ рѣшеніямъ первой общей конференціи партійныхъ работниковъ, принять планъ организаціи, выработанный этой конференціей и пользоваться услугами Центр. Учр., избраннаго ею. Воронеж. С.-Д. Р. Орг. заявляетъ, что она находитъ возможнымъ вести работу совмѣстно со всякой соц.-дем. организаціей, которая приметъ такой же планъ организаціи.

Изъ района военно революціонной организаціи.

Растерянность. Послѣднія событія, все чаще повторяющіяся среди войска, приводятъ офицеровъ въ полное замѣшательство. Звонкія шпоры, круглая рельефная кокарда и узкіе позолоченные погоны перестаютъ ужъ быть предметомъ внушенія для солдатъ, и офицерамъ приходится словесно напоминать солдатамъ о своемъ величіи и силѣ. Такой случай имѣлъ мѣсто недавно въ одной изъ частей мѣстнаго гарнизона, когда ротный командиръ одной роты, назначенный въ помощь полиціи на случай „безпорядковъ", держалъ предварительную рѣчь къ солдатамъ объ ихъ обязанностяхъ и долгѣ службы по отношенію къ царю-батюшкѣ и „отечеству", закончивъ ее слѣдующими словами: „но знайте, прежде всего, что я *офицеръ*, имѣю при себѣ револьверъ съ 7 патронами, который будетъ направленъ въ перваго изъ солдатъ, не желающаго стрѣлять въ публику. Ты, фельдфебель, въ случаѣ, если меня убьютъ (при этихъ словахъ лицо его поблѣднѣло и глаза наполнились слезами), остаешься на моемъ мѣстѣ. Стрѣляй тогда безпощадно, пачками, даже по убѣгающимъ, пока никто не останется въ живыхъ". Но Одесскія событія и связанныя съ ними волненія во флотѣ окончательно ошеломили офицеровъ. Начинаются совмѣстныя обсужденія. „Что дѣлать?" „Какими способами поддержать повиновеніе солдатъ?" Одинъ изъ нихъ, молодой подпоручикъ, недавно разставшійся со скамьей юнкерской школы и выдрессированный на началахъ дисциплины, находитъ, что самымъ вѣрнымъ и радикальнымъ средствомъ для поддержанія порядка среди войска является дисциплина и связанныя съ ней репрессіи. Его мнѣнія не раздѣляютъ болѣе пожилые офицеры (капитаны; одинъ изъ нихъ читаетъ „Освобожденіе"), которые видятъ въ репрессивныхъ мѣрахъ самый скорый и рѣшительный шагъ къ неисполненію приказаній, настаиваютъ на болѣе мягкомъ обращеніи съ нижними чинами. Батальонный же, толстый подполковникъ съ жирнымъ обрюзглымъ лицомъ, сознавая крайность мнѣнія подпоручика, но неувѣренный въ безопасности за мысль капитановъ, до того теряется, что остается совсѣмъ въ безмолвіи и, ломая руки, безпомощно качаетъ головой. Но всѣ признаютъ необходимымъ ознакомить солдатъ, по правительственнымъ сообщеніямъ, съ Одесскими событіями и разъяснить имъ всю преступность поведенія матросовъ. Бравый подпоручикъ, дѣлая искусственно грозный видъ, громко и сердито приказываетъ солдатамъ построиться, нападаетъ на одного запаснаго солдата самой отборной руганью за то, что послѣдній держалъ свободно руки и прибавилъ въ заключеніе: „знай, что я офицеръ, а не сапожникъ! У меня имѣется много средствъ заставить васъ повиноваться" и т. д. Передъ началомъ чтенія о событіяхъ въ Одессѣ подпоручикъ прочелъ собственное предисловіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, подчеркиваетъ, что всѣ бунты и безпорядки устраиваются евреями, что евреи—это внутренній врагъ, бунтовщикъ, котораго слѣдуетъ презирать и ненавидѣть и т. д. и подтвержденіе своимъ словамъ подпоручикъ находитъ въ Правительственномъ Вѣстникѣ, что арестованный въ Одессѣ во время безпорядковъ человѣкъ съ бомбами (фамиліи его не помню) былъ еврей. И тутъ же на глазахъ передъ всей ротой подпоручикъ показываетъ примѣръ еврейство ненавистничества по отношенію къ своему писарю-еврею — парню, уже кончающему свой срокъ дѣйствительной службы, и за все это время ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченному.

За этимъ парнемъ безо всякихъ основаній учреждается надзоръ, назначаютъ спеціальнаго человѣка, который обязанъ слѣдить за нимъ, никуда не выпускать и т. д. Не то было съ командиромъ другой роты (капитанъ, читающій „Освобожденіе"). Послѣдній, коснувшись событій во флотѣ, хотѣлъ увидѣть и здѣсь дѣло рукъ „евреевъ", но сразу встрѣтилъ возраженіе со стороны одного солдата: „Ваше высокоблагородіе, вѣдь во флотъ, кромѣ русскихъ, не принимаютъ, тамъ нѣтъ ни евреевъ, ни поляковъ". Но, ошеломленный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ, офицеръ сразу не нашелъ подходящаго отвѣта, и солдаты, пользуясь растерянностью офицера, стали задавать самые курьезные, изъ ряда дисциплины выходящіе вопросы. Напримѣръ, одинъ унтеръ-офицеръ спрашиваетъ: „А что будетъ этимъ матросамъ?", а другой рядовой, перебивая ротнаго командира, отвѣчаетъ унтеръ-офицеру: „вотъ, дуракъ, еще спрашиваетъ, — ихъ поцѣлуютъ и распустятъ на вольныя работы". Громкій смѣхъ вызываетъ это остроуміе среди солдатъ, и нашъ капитанъ, постоянно строгій и суровый до крайности, на сей разъ долженъ былъ поддержать общее настроеніе. Не малое фіаско потерпѣлъ этотъ капитанъ отъ своего писаря, когда послѣдній на предложеніе капитана указать ему всѣхъ подозрительныхъ лицъ и доносить обо всемъ случающемся въ ротѣ, отвѣтилъ: „Ваше высокоблагородіе, я призванъ на службу защищать отечество, а не шпіонить, и роль шпіона не входитъ въ область моей дѣятельности. Для этой цѣли имѣется въ ротѣ фельдфебель". Но ротный ему отвѣтилъ, что фельдфебель не заслуживаетъ полнаго довѣрія и что главныя надежды онъ возлагалъ на него, писаря, въ чемъ ему приходится теперь горько разочаровываться. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что послѣднія событія служатъ сильнымъ средствомъ къ пробужденію самосознанія среди солдатъ и что послѣдніе, въ моментъ революціи, не замедлятъ присоединиться къ народу. Солдатъ.

Изъ малорусской деревни.

Волна забастовокъ прокатилась почти по всей Кіевской губерніи. Нѣтъ почти ни одного села, ни одной экономіи, гдѣ бы не было забастовки. Непосредственныхъ результатовъ забастовки почти не дали, но косвенные результаты огромны. Во-первыхъ, панство настолько устрашено движеніемъ, что увеличило поденную плату почти на 100 проц. Вмѣсто прежнихъ 20-25 коп. къ концу мая плата поднялась до 40-60 коп. въ день повсемѣстно. Такъ называемымъ „дворовымъ" рабочимъ платятъ, вмѣсто 3-5 руб. въ мѣсяцъ и опредѣленныхъ ординарiевъ (плата зерномъ, сѣномъ и т. д.), 6-9 рублей. Въ нѣкоторыхъ селахъ паны проявили даже дальновидность. Опасаясь забастовокъ во время жатвы, они собирали крестьянъ на сходы и въ присутствіи сельскаго начальства давали крестьянамъ подписку, обѣщая пятый снопъ за работу, лишь бы не было забастовки (до сихъ поръ повсемѣстно давали 9-13-й снопъ). Во-вторыхъ,—и это гораздо важнѣе ничтожнаго увеличенія платы,—стачки наглядно показали крестьянамъ силу организованной борьбы. Про весеннія забастовки крестьяне говорятъ теперь: „це мы тільки попробували, та не зуміли нічого зробыть. А теперь мы знаемъ. Осъ надійде жатва — мы [illegible] забастовку зробимо". По этому поводу выпущена [illegible], здѣсь вызываютъ прокламаціи, цѣль и содержаніе которой видны изъ ея заголовка: „Якъ робяться забастовки?"

Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о настроеніи крестьянъ.

Село Выбли, Черниговскаго уѣзда. Культурный уровень жителей очень высокъ, благодаря культурнической работѣ мѣстной учительницы. Селяне не только зачитываются газетами и книгами, но посѣщаютъ почти всѣ земскія засѣданія въ Черниговѣ, а иногда даже говорятъ. И, несмотря на это, въ головахъ у нихъ политическая каша. Работы, въ нашемъ смыслѣ, никакой до сихъ поръ не было. Изрѣдка появлялись листки наши и с.-р. Послѣдніе то и произвели сумбуръ въ головахъ. „И с.-р. правду говорятъ, и с.-д., и либералы, и Гапонъ, словомъ, всѣ хорошіе, и потому имъ всѣмъ нужно соединиться въ одну партію для борьбы съ самодержавіемъ". На сходки (массовки 20-25 чел.) собираются очень охотно. Требуютъ агитаторовъ, къ которымъ относятся довольно строго (въ смыслѣ популярности и дѣловитости рѣчи). Предпочитаютъ русскій языкъ. „Правду", „Мужицкій приговоръ" и пр. понимаютъ очень плохо. Настроеніе очень революціонное. Обижаются на мѣстную организацію, что не приглашаетъ ихъ на демонстраціи. Нѣкоторые носятъ къ приставу прочтенныя прокламаціи и просятъ дать другія — конечно, безрезультатно. Выдворили приговоромъ „монопольку". Сходки довольно часты. Говорятъ о войнѣ, о „Государственной думѣ", національзаціи, соціализаціи, общинѣ и пр. Въ общемъ, почва богатая, но работниковъ нѣтъ. Нужна руководящая литература.

Въ с. Выбли Черн. уѣзда. Манифестомъ о свободѣ вѣроисповѣданія воспользовался мѣстный попъ Чудновскій. Недавно, отслуживъ послѣ обѣдни молебенъ и пропѣвъ многолѣтіе всей августѣйшей поганй и побѣдоносному воинству, ввелъ въ „чинъ молебна" новшество. Какое бы вы думали?.. „Всей охранной полиціи многія лѣта а-а!" Среди пѣвчихъ переполохъ, пѣть или нѣтъ? Наконецъ, какой то пьяный басъ разрубилъ гордіевъ узелъ, затянувъ многая лѣта. Хоръ подъ конецъ поддержалъ. Картина...

Село Горбовъ, Черниг. у. Ко всему, сказанному о селѣ Выбли, нужно добавить нѣкоторую трусость, внесенную въ крестьянскую среду, бывшимъ здѣсь арестомъ нѣкоторыхъ селянъ. Явленіе временное. Сходки посѣщаютъ 8-9 женщинъ. Это же можно сказать и объ окружныхъ селахъ.

Село Локитское, Черниговскаго уѣзда. Тоже, что и въ предыдущихъ селахъ, но настроеніе въ высшей степени революціонное. Весной устроили демонстрацію въ усадьбѣ помѣщика Копуевича, причиняли возмездіе, но настроеніе отъ этого стало еще революціоннѣе. Носятся слухи о предстоящемъ разгромѣ названнаго помѣщика, но до этого еще далеко. На дняхъ были двѣ массовки (65 и 80 человѣкъ), между ними была пожилая женщина. Обрисовавъ въ общихъ чертахъ современное положеніе крестьянъ и указавъ, что измѣненіе существующаго порядка возможно только путемъ борьбы, ораторъ перешелъ къ построенію политической платформы, которую должно выдвинуть крестьянство въ моментъ ликвидаціи самодержавія. Попутно пришлось задѣть соц.-рев.скую національзацію и соціализацію. Вторая сходка — продолженіе первой. Рѣшили провести на сельскомъ сходѣ приговоръ удаленія „монопольки" изъ сосѣднихъ селъ съ угрозой разбить „оную" въ случаѣ отказа.

Въ недалекомъ будущемъ состоится конференція крестьянъ изъ всѣхъ организацій въ селахъ, а также представителей отъ неорганизованныхъ селъ. Предметы обсужденія: современное положеніе; тактика при выборахъ въ государственную думу; вооруженіе; программные вопросы. Во многихъ крупныхъ селахъ теперь поставлены организаціи съ кличкой сельскихъ комитетовъ, а также техника. Связи у насъ имѣются въ 7 уѣздахъ. Дайте намъ технику порядочную и пару другую дѣйствительныхъ работниковъ на мѣстахъ, и деревня наша.

Измаильскій уѣздъ, Бес. губ., 25 іюня. Казалось, никакія катастрофы не могли бы взволновать здѣшняго болота. Заброшенный уголокъ, безъ слѣда промышленной культуры, безъ удобныхъ средствъ сообщенія, съ довольно богатой природой и, сравнительно, зажиточнымъ крестьянскимъ населеніемъ (малороссы и, главнымъ образомъ, болгарскіе колонисты и молдаване), — нашъ край, казалось, былъ обреченъ на вѣчный покой и прозябаніе, самимъ небомъ предназначенный для „божьей благодати", — такъ, думалось, неистощимы силы здѣшнихъ крестьянъ, изъ которыхъ всякіе арендаторы, помѣщики и сборщики податей выколачивали послѣднія средства, собирая часто дань и натурой и платя за полевыя работы только частью жатвы; — даже правительство мало предпринимало мѣръ „сердечнаго попеченія" объ этомъ, совсѣмъ нетронутомъ крамолой, краѣ и оставило нѣкоторые порядки городского и сельскаго самоуправленія въ томъ видѣ, какъ они перешли отъ свободной Румыніи. Но свѣжія силы всероссійской революціи прокатились и здѣсь бурной волной. Неурожаи послѣднихъ лѣтъ, непомѣрно нахальные сборы податей, тяжесть послѣдняго года войны, послѣднія событія въ Одессѣ — выразились здѣсь въ довольно сильныхъ аграрныхъ вліяніяхъ: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне уничтожили усадьбы, съ машинами и амбарами, — въ другихъ отказались платить арендныя деньги (почти всюду у насъ аренду платятъ наполовину деньгами, наполовину снопами), — одно имѣніе (8000 дес.) крестьяне хотѣли дѣлить между собой. Почти всюду въ уѣздѣ идетъ броженіе. Въ городахъ плутократы также не въ безопасности: многіе получаютъ угрожающія письма и спѣшатъ перевести заграницу свои капиталы, сами бѣгутъ въ Румынію. Революціонной работы у насъ не было до сихъ поръ и теперь не ведется. Надо ожидать, что правительство предприметъ какія-нибудь мѣры; въ уѣздѣ всего двѣ-три сотни пограничной стражи, войска нѣтъ.

Армавиръ. Армавиръ — крупный торговый центръ съ населеніемъ 30 тыс. Населеніе приблизительно наполовину армянское, наполовину русское. Въ Армавирѣ имѣется десять маслобойныхъ заводовъ, на каждомъ изъ нихъ работаетъ отъ 30 до 100 человѣкъ; три мелкія ватныя фабрики, одна табачная (250 чел.), три небольшихъ чугунно-литейныхъ завода (отъ 20-125 человѣкъ), два мыловаренныхъ завода, два пивныхъ, два стеклянныхъ, одна кондитерская фабрика, три типографіи, нѣсколько слесарно-столярныхъ мастерскихъ (только въ одной до 100 чел.) — все это — мелкія предпріятія. Около 1½ тыс. служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Въ политическомъ отношеніи за послѣднее время Армавиръ оживился. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь образовалась Соц.-Дем. Группа Кубанск. Ком. Довольно регулярно стали появляться прокламаціи; съ рабочими завязались тѣсныя сношенія. Велись и ведутся систематическія кружковыя занятія. Передъ Пасхой было организовано нѣсколько конспиративныхъ сходокъ, на которыхъ присутствовало до 75-80 чел. За все время работы до Пасхи были распространены слѣдующія прокламаціи, брошюры и газеты: „Пора кончать" 1200, „Въ бой за свободу" 300, „Слово и дѣло русскаго самодержавія" 600, „Война противъ войны" 1000, „Правда о войнѣ" 500, „Пауки и мухи" 100, „Солдатская памятка" 500, „Первый шагъ" 500, „Запоздалая ложь царскаго правительства" 150, Онъ прощаетъ, 100, Программа партіи, 100, Къ работницамъ и рабочимъ, 700, Политическое обозрѣніе, 100; Соціальдемократъ №№ 1, 2 и 3 (100); Пора! 1000, Двѣ Европы, 100; Кто долженъ побѣдить? 500, Во что обходится война, 100, Какое страхованіе намъ нужно? 90, Къ гражданамъ, 150. Особенно много листковъ было распространено во время стоянки здѣсь десяти тысячъ казаковъ. Казаки стояли больше четырехъ мѣсяцевъ. Сначала они очень недовѣрчиво относились къ листкамъ и отдавали ихъ своему начальству, но только въ началѣ. Въ общемъ же, листки читались съ охотой, вызывали между ними толки, подчасъ высказывалось сочувственное отношеніе къ тому, что въ нихъ написано. До группы дошли слухи о томъ, что нѣкоторые офицера удивляются, почему только къ казакамъ обращаются съ воззваніями а не пишутъ имъ — офицерамъ. Тогда была выпущена прокламація и къ офицерамъ. Со стороны мѣстныхъ рабочихъ листки встрѣчали только сочувственное отношеніе. „Нѣтъ ли свѣженькихъ?“ спрашивали у нашихъ организованныхъ товарищей. Большое требованіе на литературу поступило со стороны прикасчиковъ. Нѣсколько разъ они собирались съ разрѣшенія атамана чтобъ обсудать свое положеніе, касаясь только матеріальной и нѣсколько правовой стороны вопроса, политическія же требованія ими не были затронуты. Рабочимъ-соціальдемократамъ удалось внести свое вліяніе на эти собранія. На первомъ собраніи говорилъ рѣчь агитаторъ Куб. Ком.; въ ней онъ указалъ, между прочимъ, на неразрывность экономическихъ и политическихъ требованій и хотя его нѣсколько разъ прерывалъ предсѣдатель, онъ довелъ свою рѣчь до конца и закончилъ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія. Присутствовавшіе на собраніи рабочіе, а также и прикасчики, кричали: „Правда, правда!“, а на звонокъ предсѣдателя: „дайте кончить“! Отношенія прикасчиковъ къ рабочимъ рѣзко мѣняются. Если вначалѣ они никакъ не хотѣли мириться съ тѣмъ, что ихъ считаютъ тоже рабочими, то, подъ вліяніемъ рѣчи, а затѣмъ прокламацій, выпущенныхъ группой къ прикасчикамъ, они все болѣе и болѣе сближались съ рабочими и на послѣднемъ собраніи рѣшили, что, только соединившись съ рабочими, они будутъ сильны, будутъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ капиталомъ. Теперь прикасчики интересуются, что такое партія соц.-дем., какая ея программа, какъ сойтись съ соц.-дем. поближе и т. д. Группа выпустила къ прикасчикамъ прокламаціи: № 1—150 экз., № 2—225, № 3—300, № 4—250. Всего около 1000 экз. Къ офицерамъ — 100, революція—400, къ армавирскимъ рабочимъ—2000. Прокламаціи разбрасывались въ публикѣ на вокзалѣ, въ циркѣ, около заводовъ. Во время одной изъ разбросокъ былъ арестованъ рабочій Яковенко, который въ настоящее время осужденъ на восемь мѣсяцевъ крѣпости. Около заводовъ велись бесѣды на политическія темы во время выходовъ рабочихъ со смѣны. Сильный подъемъ духа сказался у рабочихъ въ 15 верстахъ отъ Армавира, въ хуторкѣ барона Штенгеля, благоустроенномъ въ хозяйственномъ отношеніи: нѣсколько тысячъ десятинъ земли, спиртовый заводъ, лѣтомъ бываетъ до 5000 рабочихъ, въ спеціально слесарныхъ мастерскихъ до 70 рабочихъ. Подъ вліяніемъ организованныхъ рабочихъ и листковъ Армавирской группы рабочіе предъявили слѣдующія требованія: 1) уменьшить рабочій день, 2) увеличить плату 3) улучшить жилища и пр. Всѣ требованія немедленно удовлетворены. По другимъ станицамъ имѣются у группы связи и распространяются прокламаціи. По станицамъ были обыски у учителей и аресты. Въ Армавирѣ было нѣсколько обысковъ; у присяжн. повѣр. Рицка искали подъ кроватью подъ доской пола типографію, привезенную изъ Женевы одной дѣвицей, какъ говорилъ жандармъ. Полицейскіе, подъ видомъ отыскиванія пропавшихъ векселей, заходили на квартиры рабочихъ, смотрѣли по сундукамъ, рекомендуя при этомъ не читать изданій „Донской Рѣчи“.

Армавиръ, Куб. Области. Вчера, девятаго іюня нами была устроена демонстрація по поводу ставропольскаго побоища. Въ этотъ вечеръ показывали синематографъ въ пользу жертвъ Эриванской рѣзни. Несмотря на непродолжительность времени, имѣвшагося на подготовку демонстраціи, всего полдня, намъ все таки удалось собрать 60 челов. сознательныхъ рабочихъ и приготовить 480 гектогр. прокламацій. Во время третьяго отдѣленія синематографа ораторъ группы началъ рѣчь призывомъ прекратить эти ничтожныя забавы, въ то время какъ льется кровь въ Эривани, и въ самое послѣднее время, въ Ставрополѣ во славу царскаго самодержавія. Но въ это время раздался крикъ „Долой полицію“, перешедшій скоро въ ревъ. Публика, до сихъ поръ спокойно слушавшая рѣчь оратора, поднялась съ мѣстъ и кинулась къ выходу. Посыпались прокламаціи группы, публика стала усердно ихъ расхватывать, такъ что полиціи не досталось ни одной. Послѣ этого представленіе продолжалось въ прежнемъ порядкѣ. Мысль о подобнаго типа демонстраціяхъ (конечно, болѣе удачныхъ) очень улыбается всѣмъ мѣстнымъ товарищамъ.

На дняхъ я былъ въ станицѣ N (по конспир. сообр. не называю ее); были двѣ массовки въ 60 и 30 чел. Обѣ массовки были неудачны по количеству собравшихся. Было много причинъ на это. (Ярмарка въ сосѣдней станицѣ, отсутствіе самыхъ энергичныхъ мѣстныхъ организаторовъ и т. д.) Въ общемъ почва для агитаціи въ станицахъ вполнѣ разрыхлена, можно въ каждой свободно устраивать агитаціонныя собранія.

Отовсюду изъ станицъ идутъ вѣсти о мирныхъ забастовкахъ съ требованіями. Помѣщики настолько боятся погромовъ, что позволяютъ крестьянамъ дѣлать, что угодно. Вотъ, напр., картина: ѣдетъ помѣщикъ и видитъ, что его траву косятъ крестьяне. Онъ спрашиваетъ „Что, братцы, дѣлаете?“ — „Косимъ“ — „Ну, Богъ въ помощь!“ — А затѣмъ ѣдетъ дальше. Крестьяне пользуются этимъ и цѣлыми отрядами выѣзжаютъ на покосъ травъ помѣщиковъ. Спросъ на агитаціонную и научную литературу великъ. Есть среди крестьянъ довольно сознательные. Въ одну станицу на Троицу мы дали 300 листковъ — [illegible] говорятъ, что мало. Къ сожалѣнію, пока мы не въ состояніи удовлетворить всѣ ихъ требованія.

Изъ донесенія исправника. 4-го іюня 1905 г. [illegible] села Сѣвернаго Александровскаго уѣзда Романцовъ донесъ исправнику, что въ пивной, находящейся въ сел. Александровскомъ, [illegible] ный ему крестьянинъ читаетъ [illegible] односельчанамъ нелегальную газету, какъ потомъ оказалось, „Соціалъ-демократъ“. Исправникъ, захвативъ урядника, отправился въ пивную и арестовалъ крестьянина, при [illegible] произведенномъ обыскѣ у него, кромѣ газеты „Соціальдемократъ“ оказалась еще прокламація „Правда о войнѣ“. На вопросъ, откуда онъ досталъ названныя вещи, [illegible] замялся и ничего не сказалъ. При обыскѣ у него на квартирѣ, хозяинъ квартиры, крестьянинъ Кравцовъ, напуганный угрозами полиціи, самъ подалъ исправнику большой пакетъ въ синей бумагѣ, гдѣ оказалось до 2[illegible] [illegible]ныхъ воззваній, брошюръ и прокламацій изданныхъ Р. С. Д. Р. П. и одна брошюра изд. П. С. Р. — „Сказаніе о несправедливомъ царѣ Алексѣѣ“, рукопись революціоннаго содержанія, начинающаяся: „Товарищи, поздравляемъ васъ съ праздникомъ 1-го мая.“ Изъ прокламацій были „Правда о войнѣ“, „Солдатская памятка“ и [illegible] нѣсколько брошюръ Ленина, брошюра „Чего хотятъ С.-Д.“ На вопросъ исправника, откуда онъ все это взялъ, Кравцовъ, послѣ нѣкоторыхъ заминокъ, заявилъ, что всю эту литературу ему передалъ крестьянинъ Мартыновъ, при допросѣ Мартынова [illegible] показалъ, что ему [illegible] читать [illegible] гимназистъ VI класса Ставропольской гимназіи, крестьянинъ села Александровскаго [illegible] Борисовъ. У Борисова былъ произведенъ обыскъ, [illegible]. При допросѣ Борисовъ [illegible] давалъ читать названныя [illegible] какъ [illegible] хорошимъ знакомымъ, [illegible] на написана [illegible] его рукой.

[illegible]

1-го мая была массовка [illegible] человѣкъ [illegible] разговоръ [illegible] данъ ходъ.

Ставрополь-Кавказ. [illegible] до сего времени, городѣ Ставр[illegible] сознаніе пролетаріата, а вмѣстѣ съ нимъ, началась и классовая борьба, которая захватываетъ все болѣе и болѣе кругъ трудящейся массы. Организація [illegible] на встрѣчу всѣмъ желаніямъ рабочихъ [illegible] развивала свою дѣятельность въ особенности за послѣдніе три мѣсяца, считая съ марта по іюнь. Начну съ листковъ, которые ходятъ не только по городу, но проникаютъ и въ села. Листки вызываютъ большой интересъ, какъ у горожанъ, такъ и у крестьянъ; въ особенности послѣднимъ нравится „правда о войнѣ“, на покупку которой крестьянами были собраны деньги. Когда же покупщику было разъяснено, что купить ее нигдѣ нельзя, то это вызвало у него удивленіе и доставило большое огорченіе. Мѣстная казарма аккуратно засыпается прокламаціями. Были обыски у солдатъ и арестъ солдата Трещанова по доносу сослуживцевъ — Пинтуса, Ерошевскаго и Орловича. Регулярныхъ занятій съ солдатами нѣтъ, а бываютъ случайныя.

Стачки. Стачечное движеніе не прошло мимо нашего города. Бастовали не сразу всѣ, а одна мастерская за другой. Первыми забастовали рабочіе иконостасныхъ мастерскихъ Дундукина и Демянова. Было выставлено требованіе: сокращеніе рабочаго дня съ 11 часовъ на 10 часовой. Демьяновъ уступилъ тотчасъ, такъ какъ еще раньше, на требованіе рабочихъ, обѣщалъ послѣ пасхи ввести 10 часовой рабочій день. Дундукинъ же, типичный эксплуататоръ, уступилъ только послѣ дружнаго отпора рабочихъ. Рабочіе стали. Вышелъ хозяинъ для переговоровъ и понеслась площадная ругань по адресу рабочихъ ихъ благодѣтеля[1]). Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Дундукинъ началъ сдаваться, заявилъ, что онъ согласенъ на 10 часовой рабочій день, но только котла для чая онъ грѣть не будетъ (на чай полагалось полчаса), и чтобы рабочіе не выходили изъ мастерской и во время работы не пѣли. Въ этотъ день Дундукинъ уѣхалъ, а черезъ своего брата объявилъ двумъ рабочимъ разсчетъ. Рабочіе же продолжали грѣть чай, пѣть, выходить по надобностямъ изъ мастерской, и 2 уволенныхъ продолжали работать. Возвратился угнетатель, проученный рабочими, и сталъ не узнаваемымъ: извинился за грубости, о пѣніи, чаѣ, выходѣ изъ мастерской не заикался, а разсчетъ онъ, уплативъ, конечно, за проработанные въ его отсутствіе дни, двумъ объявляетъ не за стачку, а по недостатку работъ.

Вторыми забастовали рабочіе мастерской обуви Зайдмана около 40 человѣкъ. Были предъявлены слѣдующія требованія: 1) увеличеніе расцѣнковъ; 2) улучшеніе помѣщенія; 3) вѣжливое обращеніе; 4) выдача матеріала безъ задержки; 5) разсчетъ по субботамъ отъ 5 до 8 часовъ вечера. Послѣ 8 дневной забастовки всѣ требованія удовлетворены.

Забастовка Зайдмановской мастерской совпала съ забастовкой типографщиковъ въ Тимофѣева, наслѣдниковъ Берка и Минкина. Типографщики равновременно выставляли требованіе за требованіемъ и приходили къ соглашенію съ хозяевами. Наконецъ, было предъявлено требованіе восьми-часоваго рабоч. дня вмѣсто десяти-часоваго. Не пришли ни къ какому соглашенію, и рабочіе стали. Бастовали четыре дня. Тимофѣевъ первый пошелъ на уступки и согласился на девяти часовой рабочій день, а наслѣдники Берка не уступили. Тутъ то проявилась солидарность рабочихъ.

Представители отъ Тимофѣевскихъ рабочихъ заявили управляющему Берка, что они съ понедѣльника становятся на работу и 30 % изъ своего заработка отдаютъ своимъ товарищамъ до тѣхъ поръ, пока они не добьются своего. Немедленно былъ введенъ девятичасовой рабочій день у наслѣдниковъ Берка.

Поденные рабочіе на станціи желѣзной дороги бастовали нѣсколько часовъ. Требовали они повышенія заработной платы съ 60 коп. до 80 к. въ день. Требованіе было удовлетворено немедленно, потому что рабочіе выбрали самое удобное время для забастовки. Край нашъ (Ставропольская губ.) преимущественно земледѣльческій; поэтому, весной и осенью станція бываетъ завалена хлѣбомъ настолько, что онъ не вмѣщается въ пакгаузы, а лежитъ въ мѣшкахъ на открытомъ воздухѣ на настилахъ. Такъ случилось и въ нынѣшнемъ году. Рабочіе бросили устраивать настилы и предъявили свое требованіе. Крестьяне же, которыхъ собралось до 1000 человѣкъ, требовали пріемки хлѣба сейчасъ же и, въ противномъ случаѣ, грозили разбить станцію и избить жандармовъ за грубое обращеніе. Къ забастовщикамъ относились сочувственно и говорили: „вы требуйте свое, а мы будемъ требовать своего“. Рабочихъ сейчасъ же удовлетворили, а отъ крестьянъ принимали хлѣбъ ускоренно и уже вѣжливо. Но начальникъ дистанціи не угомонился. Видно, меньше стало перепадать въ его карманъ со счета рабочей платы. Онъ, когда горячка прошла, объявилъ, что будетъ платить только тѣмъ рабочимъ 80 к., которые устраиваютъ настилы. Всѣ рабочіе, конечно, побросали другія работы и взялись за настилы. Пришлось пылкому инженеру уступить. Нельзя сорвать съ рабочаго на одномъ, можно на другомъ. Приказъ неугомоннаго начальства работать отъ зари до зари вмѣсто 12 часовъ, встрѣтилъ со стороны рабочихъ отпоръ. Они приходятъ на работу ровно въ шесть часовъ утра и уходятъ въ шесть часовъ вечера, какъ и раньше. И тутъ пришлось начальнику дистанціи отказаться отъ своего приказа.

Русскіе пекаря тоже не работали нѣсколько дней. Половина пекарней у насъ турецкихъ; тамъ рабочіе въ большинствѣ случаевъ родственники-турки, и условія болѣе сносны, поэтому турецкіе пекаря не примкнули къ русскимъ. 22 мая собрались забастовщики на Александровской площади, чтобы оттуда идти закрывать турецкія пекарни, но ихъ разогналъ патруль. Патруля ходили по улицамъ и были разставлены почти по всему городу. Въ этотъ же день забастовщики устроили сходку въ лѣсу, но и тутъ помѣшали патрули. Былъ предъявленъ цѣлый рядъ требованій, выработанныхъ организаціей. Нѣкоторыя требованія удовлетворены.

Массовки. Пролетарскій праздникъ по новому стилю былъ отпразднованъ массовкой, первой за все существованіе организаціи. Говорили два оратора на темы: первый — о соціализмѣ и соціалъ-демократіи, второй — о необходимости политической борьбы. Несмотря на то, что массовка состояла почти изъ неорганизованныхъ, она прошла довольно оживленно и очень понравилась рабочимъ. Послѣ каждой массовки удается сорганизовать новые кружки. Вторая массовка была перваго мая. Говорили тоже два оратора: одинъ — объ интернаціональности соціалъ-демократіи, другой — о значеніи перваго мая. Темы на эти двѣ массовки были выбраны организаціей, а на слѣдующія двѣ — самыми рабочими. Въ ночь съ перваго на второе мая были распространены по городу въ количествѣ 700 штукъ „Первое мая“ Ц. К. Прокламаціи вложили въ конверты и подкинули во каждый дворъ, такъ какъ горожане наши не приучены еще поднимать листки по улицамъ, а конверты, да еще во дворахъ, привлекли къ себѣ вниманіе. Что горожане отнеслись къ прокламаціямъ съ большимъ интересомъ, можно заключить изъ того, что даже [illegible] такъ называется часть города, славящаяся [illegible] буйствами и чисто хулиганскими наклонностями, отнеслись съ радостью къ прокламаціямъ, которыя еще и теперь можно найти почти въ каждомъ домѣ.

Гурія. 23 іюня [illegible] сельскихъ управленій Гуріи [illegible] чтобы обсудить свое положеніе, и [illegible] резолюцію.

[illegible] бюрократическимъ режимомъ и охватившее [illegible] государства и [illegible] прислушиваться надъ реальными [illegible] весьма печальными условіями [illegible] Россійское государство [illegible] насилія и произвола, гдѣ личность [illegible] на каждомъ шагу, гдѣ [illegible] 140-милліонный народъ не имѣетъ никакой цѣны и гдѣ рабочій людъ этотъ фундаментъ человѣческаго общества, этотъ могильщикъ современнаго буржуазнаго строя, основаннаго на эксплуатаціи и развратѣ, — тысячами убивается на улицахъ городовъ нашей многострадальной страны, и гдѣ кучка бюрократовъ, враждебныхъ интересамъ всего народа и, въ особенности, рабочихъ является вершительницей судьбы Россіи. Въ столь критическій для страны моментъ каждая корпорація и даже каждый членъ государства обязаны въ интересахъ благополучія народа опредѣлить свою позицію и высказаться громко, во всеуслышаніе, по поводу этого печальнаго положенія вещей, и мы, исходя изъ этого взгляда, присоединяемся къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи и требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ“.

Эта резолюція тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ „оно время“ писцы играли роль полиціи.

Тифлисъ, 1 іюня. Хроника майскихъ событій, нашедшая себѣ мѣсто въ послѣднемъ письмѣ („П.“ № 103), была бы не совсѣмъ полна, если не разсказать объ одномъ, въ высшей степени, характерномъ для нашихъ дней событіи. Рѣчь идетъ о конференціи представителей революціонныхъ партій Кавказа, созванной въ первой половинѣ мая, по иниціативѣ освобожденцевъ. Были приглашены и соціальдемократы изъ мѣстной организаціи.

Послѣдняя, въ полномъ согласіи съ резолюціями, выработанными конференціей Кавказскихъ (рабочихъ соц.-дем.) организацій, приняла предложеніе и послала своихъ представителей. Предлагали послать по 2 делегата отъ каждой національности, но мѣстный комитетъ совершенно устранилъ „націоналистическій“ принципъ и ограничился лишь 2 делегатами.

Собраніе составилось, кромѣ 2 товарищей изъ Тифлисскаго Комитета, изъ представителей слѣдующихъ теченій: инчакисты (арм. соц.-дем. націоналисты), соціалисты-революціонеры, сакартвелисты (груз. соціалисты-федералисты), дрошакисты (или дашнакъ-цютюны, армянскіе націоналисты, грузинскіе націоналисты), мѣстные русскіе либералы-освобожденцы. Изъ нихъ неорганизованными оказались лишь послѣдніе, остальные же имѣли свои организаціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, освобожденцы предложили свою платформу, на которой дѣятельность различныхъ революціонныхъ партій должна сойтись и объединиться. Это, именно, та платформа, которая была выработана парижской конференціей и затѣмъ напечатана въ одномъ изъ номеровъ „Освобожденія“. Большинство присутствующихъ настаивало на объединеніи партій на этой платформѣ, какъ вполнѣ пріемлемой для всѣхъ революціонныхъ партій. Но изъ возникшихъ преній скоро выяснились существенныя несогласія, заставившія освобожденцевъ значительно урѣзать свою политическую платформу и даже, въ угоду націоналистическимъ теченіямъ, представлявшимъ огромное большинство собранія, существенно измѣнить ее. Въ конечномъ своемъ видѣ она формулировалась такъ: объединеніе для 1) сверженія самодержавія и 2) созыва учредительныхъ собраній.

Армянскіе и грузинскіе націоналисты особенно настаивали на этомъ, предлагая предоставить каждой націи самой разобраться въ вопросѣ о государственномъ устройствѣ и формѣ правленія, въ вопросѣ о присоединеніи или отдѣленіи отъ Россіи. По этому поводу произошли дискуссіи съ присутствующими представителями соц.-дем. Націоналисты указывали на противорѣчіе между основнымъ программнымъ требованіемъ соц.-дем. о самоопредѣленіи и требованіемъ созыва одного Всероссійскаго учредительнаго собранія. Одинъ товарищъ въ отвѣтъ произнесъ горячую рѣчь о лозунгѣ партіи „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, о томъ, что въ одномъ учредительномъ собраніи интересы пролетаріата найдутъ лучшую защиту, чѣмъ въ нѣсколькихъ, гдѣ ему придется бороться съ сильной національной буржуазіей, гдѣ онъ будетъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ слабымъ силамъ. Другой товарищъ еще ярче обрисовалъ положеніе пролетаріата грузинскаго и армянскаго, какъ и тотъ, и другой въ своей борьбѣ съ капиталистами и съ ихъ правительствомъ пришли къ мысли о солидарности интересовъ всего пролетаріата и необходимости объединиться. „Да, говорилъ онъ въ отвѣтъ на насмѣшливыя замѣчанія представителей буржуазныхъ классовъ, мы, соц.-дем., стремимся къ созыву всемірнаго учредительнаго собранія, это наша конечная цѣль, теперь же мы дѣлаемъ то, что можемъ, — мы объединяемъ пролетаріатъ россійскій и поэтому включаемъ въ свою программу созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, какъ одно изъ ближайшихъ требованій пролетаріата и русскаго, и грузинскаго, и армянскаго“. Соціальдемократія — партія пролетаріата и, выставляя свою программу, она имѣетъ въ виду интересы работниковъ, а не націй. Противорѣчія никакого между 2 основными пунктами программы нѣтъ, такъ какъ работники пролетаріи составляющіе большинство націи въ лицѣ своихъ сознательныхъ представителей опредѣленно высказываются противъ „націонализма“ и „федераціи“, находя, что и то и другое служитъ лишь средствомъ для закрѣпощенія рабочаго за капиталистомъ“.

Товарищей поддержали инчакисты, и въ дальнѣйшемъ державшіеся принципіально той же позиціи, что и мы. Намѣчалась тенденція объединенія на упомянутой выше платформѣ, причемъ [illegible] заявили, что они уполномочены къ объединенію на этой платформѣ. Но соц.-дем., мотивируя противоположностью классовыхъ интересовъ представляемыхъ ими и другими делегатами общественныхъ группъ, исторически доказанной тенденціей буржуазіи использовать силу пролетаріата въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ цѣляхъ достиженія ею политическаго могущества и въ ущербъ самому пролетаріату, заявили, что никакое объединеніе ни на какой платформѣ между соц.-дем. и другими революціонными партіями [illegible] буржуазными, невозможно. Такое объединеніе прежде всего обязываетъ прекратить борьбу за вліяніе, прекратить критику [illegible], собственно, и [illegible] съ націоналистами, по крайней мѣрѣ, какъ необходимое условіе объединенія. Критику же свою соц.-дем. будутъ вести до полной замѣны капиталистическаго строя соціалистическимъ. Кромѣ того, объединеніе предполагаетъ объединеніе центральныхъ функцій, что связываетъ партію, особенно, соціальдемократическую, такъ какъ въ такомъ объединенномъ центральномъ учрежденіи, составленномъ, конечно, не по масштабу того вліянія, которымъ обладаетъ каждая партія, но [illegible] аудиторіи, которую каждая изъ нихъ имѣетъ, партія [illegible] останется въ меньшинствѣ. Возможно лишь временное соглашеніе по каждому боевому вопросу [illegible].

Товарищей поддержали инчакисты и часть русскихъ освобожденцевъ и, въ концѣ концовъ, была предложена резолюція [illegible] характера.

Временное техническое соглашеніе всѣхъ представленныхъ партій по вопросу о сверженіи самодержавія и объединеніи всѣхъ ихъ, кромѣ соц.-дем. и инчакистовъ, на платформѣ созыва учредительнаго собранія. Но соглашеніе состоялось [illegible], такъ какъ [illegible] заявили, что на таковое они не имѣютъ полномочій и должны запросить свои центры [illegible] окончательное рѣшеніе вопроса въ виду этого заявленія [illegible] до полученія ими отвѣта.

Такъ освобожденская попытка, очевидно, кончилась [illegible], такъ какъ назначенный срокъ [illegible] нѣтъ [illegible] отвѣта все нѣтъ, а второго собранія тоже нѣтъ.

Въ предыдущихъ корреспонденціяхъ все время [illegible] мѣстной соц.-дем. организаціи, о размахѣ рабо[illegible] ничего не говорилось о самой организаціи. А между [illegible] можно съ увѣренностью [illegible] обусловливаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, [illegible]ные принципы [illegible] проведены здѣсь [illegible] Вопросъ [illegible] демократизмѣ“ или демократіи [illegible] здѣсь [illegible] рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ для [illegible]няго. И [illegible] ничуть не пострадали соціалъ-демократическіе принципы, ничуть не пошатнулись устои революціоннаго пролетаріата. Напротивъ, какъ всѣ могли убѣдиться, соц.-дем. здѣсь, не смотря даже на широкое примѣненіе „выборного начала“, стоитъ на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ гдѣ либо. Здѣсь пущена прокламація и къ офицерамъ. Со стороны мѣстныхъ рабочихъ листки встрѣчали только сочувственное отношеніе. „Нѣтъ ли свѣженькихъ?“ спрашивали у нашихъ организованныхъ товарищей. Большое требованіе на литературу поступило со стороны приказчиковъ. Нѣсколько разъ они собирались съ разрѣшенія атамана, чтобъ обсудить свое положеніе, касались только матеріальной и нѣсколько правовой стороны вопроса; политическія же требованія ими не были затронуты. Рабочимъ-соціальдемократамъ удалось внести свое вліяніе на эти собранія. На первомъ собраніи говорилъ рѣчь агитаторъ Куб. Ком.; въ ней онъ указалъ, между прочимъ, на неразрывность экономическихъ и политическихъ требованій и, хотя его нѣсколько разъ прерывалъ предсѣдатель, онъ довелъ свою рѣчь до конца и закончилъ требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія. Присутствовавшіе на собраніи рабочіе, а также и приказчики, кричали: „Правда, правда!“, а на звонокъ предсѣдателя: „дайте кончать“! Отношенія приказчиковъ къ рабочимъ рѣзко мѣняются. Если вначалѣ они никакъ не хотѣли мириться съ тѣмъ, что ихъ считаютъ тоже рабочими, то, подъ вліяніемъ рѣчи, а затѣмъ прокламацій, выпущенныхъ группой къ приказчикамъ, они все болѣе и болѣе сближались съ рабочими и на послѣднемъ собраніи рѣшили, что, только соединившись съ рабочими, они будутъ сильны, будутъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ капиталомъ. Теперь приказчики интересуются, что такое партія соц.-дем., какая ея программа какъ сойтись съ соц.-дем. поближе и т. д. Группа выпустила къ приказчикамъ прокламаціи: № 1—150 экз., № 2—225, № 3—300, № 4—250. Всего около 1000 экз. Къ офицерамъ — 100, революція—400, къ армавирскимъ рабочимъ—2000. Прокламаціи разбрасывались въ публикѣ на вокзалѣ, въ циркѣ, около заводовъ. Во время одной изъ разбросокъ былъ арестованъ рабочій Яковенко, который въ настоящее время осужденъ на восемь мѣсяцевъ крѣпости. Около заводовъ велись бесѣды на политическія темы во время выходовъ рабочихъ со смѣны. Сильный подъемъ духа сказался у рабочихъ въ 15 верстахъ отъ Армавира, въ хуторкѣ барона Штенгеля, благоустроенномъ въ хозяйственномъ отношеніи: нѣсколько тысячъ десятинъ земли, спиртовый заводъ, лѣтомъ бываетъ до 5000 рабочихъ; въ специально слесарныхъ мастерскихъ до 70 рабочихъ. Подъ вліяніемъ организованныхъ рабочихъ и листковъ Армавирской группы рабочіе предъявили слѣдующія требованія: 1) уменьшить рабочій день, 2) увеличить плату 3) улучшить жилища и пр. Всѣ требованія немедленно удовлетворены. По другимъ станицамъ имѣются у группы связи и распространяются прокламаціи. По станицамъ были обыски у учителей и аресты. Въ Армавирѣ было нѣсколько обысковъ: у присяжн. повѣр. Рицка искали подъ кроватью подъ доской пола типографію, привезенную изъ Женевы одной дѣвицей, какъ говорилъ жандармъ. Полицейскіе, подъ видомъ отыскиванія пропавшихъ векселей, заходили въ квартиры рабочихъ смотрѣли по сундукамъ, рекомендуя при этомъ не читать изданій „Донской Рѣчи“.

---

[1] [illegible] губ.

[1]) Рабочіе [illegible] тѣмъ же и объявили, что Демьяновскіе товарищи будутъ помогать имъ не только матеріально, но и физически, если [illegible] бится.

Армавиръ, Куб. Области. Вчера, девятаго іюня нами была устроена демонстрація по поводу ставропольскаго побоища. Въ этотъ вечеръ показывали синематографъ въ пользу жертвъ Эриванской рѣзни. Несмотря на непродолжительность времени, имѣвшагося на подготовку демонстраціи, всего полдня, намъ все таки удалось собрать 60 челов. сознательныхъ рабочихъ и приготовить 480 гектогр. прокламацій. Во время третьяго отдѣленія синематографа ораторъ группы началъ рѣчь призывомъ прекратить эти ничтожныя забавы, въ то время какъ льется кровь въ Эривани, и въ самое послѣднее время, въ Ставрополѣ во славу царскаго самодержавія. Но въ это время раздался крикъ „Долой полицію“, перешедшій скоро въ ревъ. Публика, до сихъ поръ спокойно слушавшая рѣчь оратора, поднялась съ мѣстъ и кинулась къ выходу. Посыпались прокламаціи группы, публика стала усердно ихъ расхватывать, такъ что полиціи не досталось ни одной. Послѣ этого представленіе продолжалось въ прежнемъ порядкѣ. Мысль о подобнаго типа демонстраціяхъ (конечно, болѣе удачныхъ) очень улыбается всѣмъ мѣстнымъ товарищамъ.

На дняхъ я былъ въ станицѣ N (по конспир. сообр. не называю ее); были двѣ массовки въ 60 и 80 чел. Обѣ массовки были неудачны по количеству собравшихся. Было много причинъ на это (Ярмарка въ сосѣдней станицѣ, отсутствіе самыхъ энергичныхъ мѣстныхъ организаторовъ и т. д.). Въ общемъ почва для агитаціи въ станицахъ вполнѣ разрыхлена, можно въ каждой свободно устраивать агитаціонныя собранія.

Отовсюду изъ станицъ идутъ вѣсти о мирныхъ забастовкахъ съ требованіями. Помѣщики настолько боятся погромовъ, что позволяютъ крестьянамъ дѣлать, что угодно. Вотъ, напр., картина: ѣдетъ помѣщикъ и видитъ, что его траву косятъ крестьяне. Онъ спрашиваетъ: „Что, братцы, дѣлаете?“ — „Косимъ“ — „Ну, Богъ въ помощь!“ — А затѣмъ ѣдетъ дальше. Крестьяне пользуются этимъ и цѣлыми отрядами выѣзжаютъ на покосъ травъ помѣщиковъ. Спросъ на агитаціонную и научную литературу великъ. Есть среди крестьянъ довольно сознательные. Въ одну станицу на Троицу мы дали 300 листковъ — недовольны, говорятъ, что мало. Къ сожалѣнію, пока мы не въ состояніи удовлетворить всѣ ихъ требованія.

Изъ донесенія исправника. 4-го іюня 1905 г. фельдшеръ села Сѣвернаго Александровскаго уѣзда Романцовъ донесъ исправнику, что въ пивной, находящейся въ селѣ Александровскомъ, неизвѣстный ему крестьянинъ читаетъ своимъ односельчанамъ нелегальную газету, какъ потомъ оказалось, „Соціальдемократъ“. Исправникъ, захвативъ урядника, отправился въ пивную и арестовалъ крестьянина; при тутъ же произведенномъ обыскѣ у него, кромѣ газеты „Соціальдемократъ“ оказалась еще прокламація „Правда о войнѣ“. На вопросъ: откуда онъ взялъ названныя вещи, тотъ замялся и ничего не сказалъ. При обыскѣ у него на квартирѣ, хозяинъ квартиры, крестьянинъ Кравцовъ, напуганный угрозами полиціи, самъ подалъ исправнику большой пакетъ въ синей бумагѣ, гдѣ оказалось до 20-ти печатныхъ воззваній, брошюръ и прокламацій, изданныхъ Р. С. Д. Р. П., одна брошюра изд. П. С. Р.—„Сказаніе о несправедливомъ царѣ Алексѣ“, рукопись революціоннаго содержанія, начинающаяся: „Товарищи, поздравляемъ васъ съ праздникомъ 1-го мая...“ Изъ прокламацій были: „Правда о войнѣ“., „Солдатская памятка“ и др.; нѣсколько брошюръ Ленина, брошюра „Чего хотятъ С. Д.“. На вопросъ исправника, откуда онъ все это взялъ, Кравцовъ, послѣ нѣкоторыхъ заминокъ, заявилъ что всю эту литературу ему передалъ крестьянинъ Мартыновъ; при допросѣ Мартынова послѣдній показалъ, что ему давалъ читать ее гимназистъ VI класса Ставр. гимназіи, крестьянинъ села Александровскаго Ев. Борисовъ. У Борисова былъ произведенъ обыскъ, ничего не найдено. При допросѣ Борисовъ далъ слѣдующія показанія: литературу онъ, дѣйствительно, давалъ читать названнымъ крестьянамъ, какъ своимъ хорошимъ знакомымъ, а не съ цѣлью распространенія, получилъ ее неизвѣстно откуда, что же касается рукописи, то она написана не его рукой.“

Въ село Александровское[1]) направлены два шпика специально для названныхъ лицъ.

1-го мая была массовка, на которой присутствовало 93 человѣка; прошла довольно оживленно, вызвала различные разговоры по селу. Обо всемъ происшедшемъ составленъ протоколъ; данъ ходъ.

Ставрополь-Кавказ. Пробудилось и въ нашемъ мирномъ, до сего времени, городкѣ Ставрополѣ-кавказскомъ классовое самосознаніе пролетаріата, а вмѣстѣ съ нимъ, началась и классовая борьба, которая захватываетъ все большіе и большіе круги трудящейся массы. Организація, едва поспѣвая идти навстрѣчу всѣмъ желаніямъ рабочихъ, значительно расширила свою дѣятельность въ особенности за послѣдніе три мѣсяца, считая съ марта по іюнь. Начну съ листковъ, которые ходятъ не только по городу, но проникаютъ и въ села. Листки вызываютъ большой интересъ, какъ у горожанъ, такъ и у крестьянъ; въ особенности послѣднимъ нравится „Правда о войнѣ“, на покупку которой крестьянами были собраны деньги. Когда же покупщику было разъяснено, что купить ее нигдѣ нельзя, то это вызвало у него удивленіе и доставило большое огорченіе. Мѣстная казарма аккуратно засыпается прокламаціями. Были обыски у солдатъ и арестъ солдата Трещанова по доносу сослуживцевъ — Пинтуса, Ерошевскаго и Орловича. Регулярныхъ занятій съ солдатами нѣтъ, а бываютъ случайныя.

Стачки. Стачечное движеніе не прошло мимо нашего города. Бастовали не сразу всѣ, а одна мастерская за другой. Первыми забастовали рабочіе иконостасныхъ мастерскихъ Дундукина и Демянова. Было выставлено требованіе: сокращеніе рабочаго дня съ 11 часовъ на 10 часовой. Демьяновъ уступилъ тотчасъ, такъ какъ еще раньше, на требованіе рабочихъ, обѣщалъ послѣ пасхи ввести 10 часовой рабочій день. Дундукинъ же, типичный эксплуататоръ, уступилъ, только послѣ дружнаго отпора рабочихъ. Рабочіе стали. Вышелъ хозяинъ для переговоровъ и понеслась площадная ругань по адресу рабочихъ ихъ благодѣтеля[1]). Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Дундукинъ началъ сдаваться, заявивъ, что онъ согласенъ на 10 часовой рабочій день, но только котла для чая онъ грѣть не будетъ (на чай полагалось полчаса), и чтобы рабочіе не выходили изъ мастерской и во время работы не пѣли. Въ этотъ день Дундукинъ уѣхалъ, а черезъ своего брата объявилъ двумъ рабочимъ разсчетъ. Рабочіе же продолжали грѣть чай, пѣть, выходить по надобностямъ изъ мастерской, и 2 уволенныхъ продолжали работать. Возвратился угнетатель, проученный рабочими, и сталъ не узнаваемымъ: извинился за грубости, о пѣніи, чаѣ, выходѣ изъ мастерской не заикался, а разсчетъ онъ, уплативъ, конечно, за проработанные въ его отсутствіе дни, двумъ объявляетъ не за стачку, а по недостатку работъ.

Вторыми забастовали рабочіе мастерской обуви Зайдмана около 40 человѣкъ. Были предъявлены слѣдующія требованія: 1) увеличеніе расцѣнковъ; 2) улучшеніе помѣщенія; 3) вѣжливое обращеніе; 4) выдача матеріала безъ задержки; 5) разсчетъ по субботамъ отъ 5 до 8 часовъ вечера. Послѣ 8 дневной забастовки, всѣ требованія удовлетворены.

Забастовка Зайдмановской мастерской совпала съ забастовкой типографщиковъ Тимофѣева, наслѣдниковъ Берка и Манкина. Типографщики разновременно выставляли требованіе за требованіемъ и приходили къ соглашенію съ хозяевами. Наконецъ, было предъявлено требованіе восьми-часоваго рабоч. дня вмѣсто десяти-часоваго. Не пришли ни къ какому соглашенію, и рабочіе стали. Бастовали четыре дня. Тимофѣевъ первый пошелъ на уступки и согласился на девяти часовой рабочій день, а наслѣдники Берка не уступили. Тутъ то проявилась солидарность рабочихъ.

Представители отъ Тимофѣевскихъ рабочихъ заявили управляющему Берка, что они съ понедѣльника становятся на работу и 30 % изъ своего заработка отдаютъ своимъ товарищамъ до тѣхъ поръ, пока они не добьются своего. Немедленно былъ введенъ девятичасовой рабочій день у наслѣдниковъ Берка.

Поденные рабочіе на станціи желѣзной дороги бастовали нѣсколько часовъ. Требовали они повышенія заработной платы съ 60 коп. до 80 к. въ день. Требованіе было удовлетворено немедленно, потому что рабочіе выбрали самое удобное время для забастовки. Край нашъ (Ставропольская губ.) преимущественно земледѣльческій; поэтому, весной и осенью станція бываетъ завалена хлѣбомъ настолько, что онъ не вмѣщается въ пакгаузы, а лежитъ въ мѣшкахъ на открытомъ воздухѣ на настилахъ. Такъ случилось и въ нынѣшнемъ году. Рабочіе бросили устраивать настилы и предъявили свое требованіе. Крестьяне же, которыхъ собралось до 1000 человѣкъ, требовали пріемки хлѣба сейчасъ же и, въ противномъ случаѣ, грозили разбить станцію и избить жандармовъ за грубое обращеніе. Къ забастовщикамъ относились сочувственно и говорили: „вы требуйте свое, а мы будемъ требовать своего“. Рабочихъ сейчасъ же удовлетворили, а отъ крестьянъ принимали хлѣбъ ускоренно и уже вѣжливо. Но начальникъ дистанціи не угомонился. Видно, меньше стало перепадать въ его карманъ со счета рабочей платы. Онъ, когда горячка прошла, объявилъ что будетъ платить только тѣмъ рабочимъ 80 к., которые устраиваютъ настилы. Всѣ рабочіе, конечно, побросали другія работы и взялись за настилы. Пришлось пылкому инженеру уступить. Нельзя сорвать съ рабочаго на одномъ можно на другомъ. Приказъ неугомоннаго начальства работать отъ зари до зари, вмѣсто 12 часовъ, встрѣтилъ со стороны рабочихъ отпоръ. Они приходятъ на работу ровно въ шесть часовъ утра и уходятъ въ шесть часовъ вечера, какъ и раньше. И тутъ пришлось начальнику дистанціи отказаться отъ своего приказа.

Русскіе пекаря тоже не работали нѣсколько дней. Половина пекарней у насъ турецкихъ; тамъ рабочіе въ большинствѣ случаевъ родственники-турки, и условія болѣе сносны, поэтому, турецкіе пекаря не примкнули къ русскимъ. 22 мая собрались забастовщики на Александровской площади, чтобы оттуда идти закрывать турецкія пекарни, но ихъ разогналъ патруль. Патрули ходили по улицамъ и были разставлены почти по всему городу. Въ этотъ же день забастовщики устроили сходку въ лѣсу, но и тутъ помѣшали патрули. Былъ предъявленъ цѣлый рядъ требованій выработанныхъ организаціей. Нѣкоторыя требованія удовлетворены.

Массовки. Пролетарскій праздникъ по новому стилю былъ отпразднованъ массовкой, первой за все существованіе организаціи. Говорили два оратора на темы: первый—о соціализмѣ и соціальдемократіи; второй—о необходимости политической борьбы. Несмотря на то, что массовка состояла почти изъ неорганизованныхъ, она прошла довольно оживленно и очень понравилась рабочимъ. Послѣ каждой массовки удается сорганизовать новые кружки. Вторая массовка была перваго мая. Говорили тоже два оратора: одинъ — объ интернаціональности соціальдемократіи, другой — о значеніи перваго мая. Темы на эти двѣ массовки были выбраны организаціей, а на слѣдующія двѣ—самыми рабочими. Въ ночь съ перваго на второе мая были распространены по городу въ количествѣ 700 штукъ „Первое мая“ Ц. К. Прокламаціи вложили въ конверты и подкинули въ каждый дворъ, такъ какъ горожане наши не пріучены еще поднимать листки по улицамъ, а конверты, да еще во дворахъ, привлекли къ себѣ вниманіе. Что горожане отнеслись къ прокламаціямъ съ большимъ интересомъ, можно заключить изъ того, что даже форштадтъ (такъ называется часть города, славящаяся своими буйствами и чисто хулиганскими наклонностями), отнесся съ радостью къ прокламаціямъ, которыя еще и теперь можно найти почти въ каждомъ домѣ.

Гурія. 23 іюня писцы сельскихъ управленій Гуріи (Озургетскаго уѣзда) съѣхались, чтобы обсудить свое положеніе, и вынесли слѣдующую резолюцію:

„Настоящее освободительное движеніе, порожденное отсталымъ отъ жизни бюрократическимъ режимомъ и охватившее всѣ уголки россійскаго государства и всѣ слои общества, заставляетъ насъ, какъ гражданъ, призадуматься надъ реальными, но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма печальными условіями политической жизни россійскаго народа. Россійское государство превращено въ царство тьмы, насилія и произвола, гдѣ личность человѣка попирается на каждомъ шагу, гдѣ голосъ 140-милліоннаго народа не имѣетъ никакой цѣны и гдѣ рабочій людъ, этотъ фундаментъ человѣческаго общества, этотъ могильщикъ современнаго буржуазнаго строя, основаннаго на эксплуатаціи и развратѣ, — тысячами убивается на улицахъ городовъ нашей многострадальной страны, и гдѣ кучка бюрократовъ, враждебныхъ интересамъ всего народа и, въ особенности, рабочихъ является вершительницей судьбы Россіи. Въ столь критическій для страны моментъ каждая корпорація и даже каждый членъ государства обязаны въ интересахъ благополучія народа опредѣлить свою позицію и высказаться громко, во всеуслышаніе, по поводу этого печальнаго положенія вещей, и мы, исходя изъ этого взгляда, присоединяемся къ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи и требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія, свободно избраннаго всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ“.

Эта резолюція тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ „оно время“ писцы играли роль полиціи.

Тифлисъ, 1 іюня. Хроника майскихъ событій, нашедшая себѣ мѣсто въ послѣднемъ письмѣ („И“ № 103), была бы не совсѣмъ полна, если не разсказать объ одномъ, въ высшей степени, характерномъ для нашихъ дней событіи. Рѣчь идетъ о конференціи представителей революціонныхъ партій Кавказа, созванной въ первой половинѣ мая, по иниціативѣ освобожденцевъ. Были приглашены и соціальдемократы изъ мѣстной организаціи.

Послѣдняя, въ полномъ согласіи съ резолюціями, выработанными конференціей Кавказскихъ (рабочихъ соц.-дем.) организацій, приняла предложеніе и послала своихъ представителей. Предлагали послать по 2 делегата отъ каждой національности, но мѣстный комитетъ совершенно устранилъ „націоналистическій“ принципъ и ограничился лишь 2 делегатами.

Собраніе составилось, кромѣ 2 товарищей изъ Тифлисскаго Комитета, изъ представителей слѣдующихъ теченій: инчакисты (арм. соц.-дем. націоналисты), соціалисты-революціонеры, сакартвелисты (груз. соціалисты-федералисты), дрошакисты (или дашнакъ-цютюны, армянскіе націоналисты, грузинскіе націоналисты), мѣстные русскіе либералы-освобожденцы. Изъ нихъ неорганизованными оказались лишь послѣдніе, остальные же имѣли свои организаціи.

Какъ и слѣдовало ожидать, освобожденцы предложили свою платформу, на которой дѣятельность различныхъ революціонныхъ партій должна сойтись и объединиться. Это, именно, та платформа, которая была выработана парижской конференціей и затѣмъ напечатана въ одномъ изъ номеровъ „Освобожденія“. Большинство присутствующихъ настаивало на объединеніи партій на этой платформѣ, какъ вполнѣ пріемлемой для всѣхъ революціонныхъ партій. Но изъ возникшихъ преній скоро выяснились существенныя несогласія, заставившія освобожденцевъ значительно урѣзать свою политическую платформу и даже, въ угоду націоналистическимъ теченіямъ, представлявшимъ огромное большинство собранія, существенно измѣнить ее. Въ конечномъ своемъ видѣ она формулировалась такъ: объединеніе для 1) сверженія самодержавія и 2) созыва учредительныхъ собраній.

Армянскіе и грузинскіе націоналисты особенно настаивали на этомъ, предлагая предоставить каждой націи самой разобраться въ вопросѣ о государственномъ устройствѣ и формѣ правленія, въ вопросѣ о присоединеніи или отдѣленіи отъ Россіи. По этому поводу произошли дискуссіи съ присутствующими представителями соц.-дем. Націоналисты указывали на противорѣчіе между основнымъ программнымъ требованіемъ соц.-дем. о самоопредѣленіи и требованіемъ созыва одного Всероссійскаго учредительнаго собранія. Одинъ товарищъ въ отвѣтъ произнесъ горячую рѣчь о лозунгѣ партіи: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, о томъ, что въ одномъ учредительномъ собраніи интересы пролетаріата найдутъ лучшую защиту, чѣмъ въ нѣсколькихъ, гдѣ ему придется бороться съ сильной національной буржуазіей, гдѣ онъ будетъ предоставленъ исключительно своимъ собственнымъ слабымъ силамъ. Другой товарищъ еще ярче обрисовалъ положеніе пролетаріата грузинскаго и армянскаго, какъ и тотъ, и другой въ своей борьбѣ съ капиталистами и съ ихъ правительствомъ пришли къ мысли о солидарности интересовъ всего пролетаріата и необходимости объединиться. „Да, говорилъ онъ въ отвѣтъ на насмѣшливыя замѣчанія представителей буржуазныхъ классовъ, мы, соц.-дем., стремимся къ созыву всемірнаго учредительнаго собранія; это наша конечная цѣль, теперь же мы дѣлаемъ то, что можемъ, — мы объединяемъ пролетаріатъ россійскій и поэтому включаемъ въ свою программу „созывъ всероссійскаго учредительнаго собранія, какъ одно изъ ближайшихъ требованій пролетаріата и русскаго, и грузинскаго, и армянскаго“. „Соціальдемократія — партія пролетаріата и, выставляя свою программу, она имѣетъ въ виду интересы работниковъ, а не націй. Противорѣчія никакого между 2 основными пунктами программы нѣтъ, такъ какъ работники пролетаріи, составляющіе большинство націи въ лицѣ своихъ сознательныхъ представителей опредѣленно высказываются противъ „націонализма“ и „федераціи“, находя, что и то и другое служитъ лишь средствомъ для закрѣпощенія рабочаго за капиталистомъ“.

Товарищей поддержали инчакисты, и въ дальнѣйшемъ державшіеся принципіально той же позиціи, что и мы. Намѣчалась тенденція объединенія на упомянутой выше платформѣ, причемъ с.-ръ заявилъ, что онъ уполномоченъ къ объединенію на этой платформѣ. Но соц.-дем., мотивируя противоположностью классовыхъ интересовъ представляемыхъ ими и другими делегатами общественныхъ группъ, исторически доказанною тенденціею буржуазіи использовать силу пролетаріата въ своихъ собственныхъ интересахъ, въ цѣляхъ достиженія ею политическаго могущества и въ ущербъ самому пролетаріату, заявили, что никакое объединеніе, ни на какой платформѣ между соц.-дем. и другими революціонными партіями, въ основѣ своей буржуазными, невозможно. Такое объединеніе прежде всего обязываетъ прекратить борьбу за вліяніе, прекратить критику, что, собственно, и ставилось націоналистами, по крайней мѣрѣ, какъ необходимое условіе объединенія. Критику же свою соц.-дем. будутъ вести до полной замѣны капиталистическаго строя соціалистическимъ. Кромѣ того, объединеніе предполагаетъ объединеніе центральныхъ функцій, что свяжетъ партію, особенно, соціальдемократическую, такъ какъ въ такомъ объединенномъ центральномъ учрежденіи, составленномъ, конечно, не по масштабу того вліянія, которымъ обладаетъ каждая партія, не по аудиторіи, которую каждая изъ нихъ имѣетъ, партія всегда останется въ меньшинствѣ. Возможно лишь временное соглашеніе по каждому боевому вопросу отдѣльно.

Товарищей поддержали инчакисты и часть русскихъ освобожденцевъ и, въ концѣ концовъ, была предложена резолюція, приблизительно слѣдующаго характера:

Временное техническое соглашеніе всѣхъ представленныхъ партій по вопросу о сверженіи самодержавія и объединенія всѣхъ ихъ, кромѣ соц.-дем. и инчакистовъ, на платформѣ созыва учредительнаго собранія. Но соглашеніе состояться не могло, такъ какъ соц.-рев. и дашнацютюны заявили, что на таковое они не имѣютъ полномочій и должны запросить свои центры. Окончательное рѣшеніе вопроса въ виду этого заявленія было отложено до полученія ими отвѣтовъ.

Такъ освобожденская попытка, очевидно, кончилась неудачей, такъ какъ назначенный срокъ — двѣ недѣли — давно прошелъ, а отвѣта все нѣтъ, а второго собранія тоже нѣтъ.

Въ предыдущихъ корреспонденціяхъ все время говорилось о вліяніи мѣстной соц.-дем. организаціи, о размахѣ работы, и ничего не говорилось о самой организаціи. А между тѣмъ и другимъ имѣется тѣсная связь: можно съ увѣренностью сказать, одно другое обусловливаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, организаціонные принципы т. н. „меньшинства“ проведены здѣсь довольно далеко. Вопросъ — „бюрократизмъ“ или „демократизмъ“, здѣсь жизнью рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ для послѣдняго. Изъ-за этого, однако, ничуть не пострадали соціальдемократическіе принципы, ничуть не пошатнулись устои революціоннаго пролетаріата. Напротивъ, какъ всѣ могли убѣдиться, соц.-дем. здѣсь, не смотря даже на широкое примѣненіе „выборнаго начала“, стоитъ на болѣе твердой почвѣ, чѣмъ гдѣ либо. Здѣсь впервые эти меньшевистскіе принципы организаціи нашли свое примѣненіе, здѣсь впервые выполнили идею о фактическомъ объединеніи партіи путемъ областныхъ съѣздовъ, здѣсь впервые вынесли резолюціи, которыя почти цѣликомъ совпали съ резолюціями общерусской конференціи, здѣсь впервые же, наконецъ, широко открыли двери „большевикамъ“ для работы въ организаціи. Можно безошибочно утверждать, что тифлисская организація жила немного впереди всей партіи. А отчего? Оттого, что пролетаріатъ здѣсь диктовалъ свою волю организаціи, а не наоборотъ. Оттого, что организація эта, являясь фактической представительницей пролетаріата, а не номинальной только, дѣйствительной выразительницей его интересовъ, а не бумажной только, если и ошибалась, то ошибалась не надолго, не сильно и въ мелочахъ. Общая директива пролетарскаго міровоззрѣнія не можетъ сбиваться съ пути истины, если контроль надъ нею ведется не отдѣльными присяжными революціонерами, а всей пролетарской массой. Усвоившій пролетарскую точку зрѣнія рабочій уже не будетъ шататься вправо и влѣво. Нѣтъ, онъ пойдетъ прямо, и не бѣда, если онъ не только пойдетъ, но и поведетъ за собой товарищей; если же въ эти вожаки, въ эти руководители случайно попадетъ одинъ, два не „пролетаріевъ“ по психологіи, по міровоззрѣнію, то эта случайность сейчасъ же исправляется. Такой элементъ, въ основѣ все же пролетарскій, быстро усваиваетъ пролетарскую психологію подъ вліяніемъ, съ одной стороны, товарищей-сотрудниковъ, съ другой — всей пролетарской массы.

---

[1]) Село Ставропольск. губ.

[1]) Рабочіе отвѣтили тѣмъ же и объявили, что Демяновскіе товарищи будутъ помогать имъ не только матеріально, но и физически, если это понадобится.

Не бойтесь же демократизма! Не бойтесь, что вмѣстѣ съ „выборнымъ“ началомъ въ организацію ворвется струя оппортунизма, экономизма, авантюризма или даже „зубатовщины“! Нѣтъ этого не было и не будетъ, такъ какъ всѣ эти „измы“ буржуазнаго происхожденія, онѣ дѣтища все того же пресловутаго, по европейски образованнаго русскаго разночинца-интеллигента, а не пролетаріата. Не пролетаріатъ ли первый бросилъ перчатку капиталистамъ, а потомъ интеллигенція подхватила лозунги марксизма? Не пролетаріатъ ли первый двинулъ свой революціонный потокъ на плотину самодержавія, въ то время, какъ „Рабочая Мысль“ — мысль безусловно интеллигентскаго происхожденія — все еще копалась въ безплодныхъ поискахъ выхода изъ противорѣчія между западнымъ тредъ-юніонизмомъ и политицизмомъ? И долго бы еще копался разночинецъ интеллигентъ въ буржуазной трухѣ запада, если бы не выступилъ на сцену пролетарій-интеллигентъ и не повѣдалъ всему обществу о специфической пролетарской психологіи; эта послѣдняя никакъ не укладывается ни въ какія рамки буржуазнаго строя, напротивъ, съ именемъ „товарища“ она тѣсно связала представленіе объ единой пролетарской душѣ, которая одинаково живетъ и въ образованномъ западно-европейскомъ рабочемъ и въ русскомъ малограмотномъ чернорабочемъ. Не существуетъ для нея ни кастовыхъ, ни національныхъ, ни профессіональныхъ границъ. Этотъ пролетарій-интеллигентъ и есть тотъ выразитель заложенныхъ глубоко въ пролетаріатѣ стремленій, который въ организаціи встаетъ на мѣсто прежняго „разночиннаго“ комитетчика, революціонера по интеллекту, а не pur sange.

Учитывая этотъ ростъ классоваго самосознанія россійскаго пролетаріата, поневолѣ не удивляешься неудачѣ большевистскихъ организацій наладить дѣло „сверху“, не реорганизуя его снизу. Только сдѣлавъ самъ пролетаріатъ отвѣтственнымъ лицомъ за ходъ исторіи, только поручивъ, передавъ ему непосредственно изъ рукъ въ руки его историческую миссію, для осуществленія которой интеллигенція оказалась совершенно непригодной, можно создать массовое революціонное движеніе. Поэтому первая наша задача—собираніе кадровъ передовыхъ, т. е. „сознательныхъ“ рабочихъ, составленіе изъ нихъ путемъ выборно-кооптаціоннаго начала организаціи снизу до верху, а тогда остается только передача ей своихъ полномочій и предложеніе своихъ дальнѣйшихъ услугъ товарищамъ рабочимъ, т. е. предложеніе себя на кооптацію. Намъ, современнымъ соціальдемократамъ, выпала эта высокая честь! И мы не можемъ отказаться отъ нея, такъ какъ отказъ равносиленъ смерти: мы умремъ, какъ соц-демъ, и превратимся снова въ разночинцевъ съ якобинскимъ душкомъ.

Немного словъ о строеніи Т. организаціи: масса, гдѣ можно, организованная въ шестерки, знаетъ своихъ передовиковъ и признаетъ за ними руководство, такъ какъ такихъ руководителей выдвигаетъ сама заводская жизнь. Передовики въ организаціонномъ отношеніи, связанные съ шестерками средняковъ, выбираютъ изъ своей среды, приблизительно отъ каждой крупной мастерской или завода и отъ цѣлой серіи мелкихъ заводиковъ, по 1-2 представителя въ районную организацію, а послѣдніе въ Ком. И Ком и районныя организаціи имѣютъ право кооптаціи (само собою разумѣется, что партійные вопросы рѣшаются всей организаціей въ цѣломъ). Тамъ, гдѣ существуетъ взносъ рабочими денегъ въ организаціонную кассу въ Тифлисѣ при бюджетѣ въ 3 тыс. рублей въ мѣсяцъ не болѣе одной десятой части доставляетъ общество, остальное составляется изъ взносовъ рабочими и крестьянами 1% своего заработка, на спеціальные же предметы — какъ, напримѣръ, вооруженіе — дѣлаются сразу сборы со всѣхъ рабочихъ, какъ-то — отдается заработокъ одного дня и т. д., вслѣдствіе чего организація въ одинъ день дѣлается обладательницей нѣсколькихъ тысячъ рублей) это дѣленіе на шестерки облегчаетъ какъ самый сборъ, такъ и его провѣрку и составленіе отчетовъ.

Идею эту о взносѣ 1% заработка, являющуюся логическимъ выводомъ лозунга: освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самихъ рабочихъ, безусловно слѣдуетъ распространять, прививать и осуществлять, особенно, принимая во вниманіе, въ какой мы періодъ живемъ, — въ періодъ конституированія партій. Либеральное общество, еще недавно жертвовавшее на единственно дѣйствовавшую организацію, соціальдемократію, теперь сплошь и рядомъ отказывается или отлынивает отъ поддержки пролетаріата въ его революціонныхъ требованіяхъ; оно увѣрено, что ему незачѣмъ расходоваться на партію, въ сущности подкапывающую основы буржуазнаго безпечальнаго бытія: лучше ужъ позаботиться объ укрѣпленіи своей собственной позиціи.

Пропаганда и агитація выдѣлены особому учрежденію — собранію пропагандистовъ и агитаторовъ со своимъ бюро. Полицейскія условія позволяютъ всѣмъ имъ собираться регулярно вмѣстѣ изъ 4-хъ районовъ. И любо-дорого смотрѣть, какъ цѣлая рать (ихъ чел. 40) съ живѣйшимъ интересомъ обсуждаетъ вопросы текущей общественной и партійной жизни: тутъ и рабочіе и интеллигенты, и женщины и мужчины.

Военная организація, въ силу особыхъ условій, совершенно выдѣлена. Рѣшенія проводятся черезъ всѣ учрежденія организаціи.

Заканчивая настоящее письмо, я предлагаю его считать скорѣе обращеніемъ къ болѣе опытнымъ товарищамъ, болѣе компетентнымъ въ этомъ вопросѣ за совѣтомъ, какъ мнѣ, а можетъ и другимъ работающимъ въ партіи товарищамъ, поступать въ дѣлѣ организаціи. Имѣя въ виду матеріалъ, даваемый кавказскими организаціями, можно ли проводить въ жизнь организаціи такъ, какъ я начертилъ, демократическое начало? Я полагаю, что отвѣта на этотъ вопросъ ждутъ не столько генералы отъ революціи, сколько мелкіе партійные работники изъ районныхъ и подрайонныхъ комитетовъ. Сами передовые рабочіе настойчиво требуютъ себѣ этого „права“, и неудовлетвореніе ихъ въ этомъ отношеніи вызывало кучу всевозможныхъ треній.

Помните, товарищи, что въ отвѣтѣ заинтересованы 99 сотыхъ партійныхъ работниковъ.

ИЗЪ ПАРТІИ

Резолюція, вынесенная на собраніи Кременчугскихъ организованныхъ рабочихъ. Мы, Кременчугскіе рабочіе, собравшись въ количествѣ 100 человѣкъ, постановили: 1) выразить порицаніе Ц. К. за его образъ дѣйствій; 2) такъ называемый III съѣздъ считать не партійнымъ, а фракціоннымъ, и постановленія его необязательными; 3) выразить полное довѣріе О. К. и пожелать ей полнаго успѣха въ дѣлѣ возможно скорѣйшаго умиротворенія и объединенія партіи.

Резолюція, принятая на собраніи кутаисскихъ передовыхъ рабочихъ и пропагандистовъ въ маѣ мѣсяцѣ. Мы, кутаисскіе рабочіе и пропагандисты, выслушавъ представителей „большинства“ и „меньшинства“ по вопросамъ теоретическимъ, тактическимъ и организаціоннымъ, пришли къ слѣдующему выводу:

Теорія. Принимая во вниманіе, что рабочій классъ самъ по себѣ не можетъ выработать научнаго соціализма, что научный соціализмъ выработанъ лицами, принадлежащими къ буржуазной интеллигенціи, что научный соціализмъ, т. е. соціалистическое сознаніе (см. Каутскій. Эрфуртская программа[1]) внесено извнѣ, а не вытекло само по себѣ изъ рабочаго движенія, мы заключаемъ, что рабочее движеніе безъ соціализма мельчаетъ и принимаетъ буржуазный характеръ, что задача соціальдемократіи соединить соціализмъ съ рабочимъ движеніемъ, т. е. внести въ движеніе пролетаріата сознаніе положенія рабочаго класса и его призванія. Это вовсе не противорѣчитъ той идеѣ, что, рано или поздно, рабочее движеніе само по себѣ порветъ связь съ буржуазной идеологіей и своимъ „инстинктивнымъ соціализмомъ“[2]), который представляетъ необходимое слѣдствіе капиталистическаго производства, приведетъ къ соціальной революціи[3]).

Тактика. Принимая во вниманіе, что соціальдемократическая тактика требуетъ постоянной рѣзкой критики либерализма, что тактика „Искры“ вполнѣ отвѣчаетъ этому требованію, что она совершенно свободна отъ оппортюнизма, какъ на нее клевещутъ, мы вполнѣ присоединяемся къ тактикѣ „Искры“[4]).

Организаціонная и общая резолюція рабочихъ. Принимая во вниманіе значеніе современнаго момента и ту грандіозную роль, которая выпала на долю пролетаріата въ дѣлѣ россійской революціи, что партійный расколъ мѣшаетъ освободительному движенію пролетаріата и что партійное единство возможно гарантировать только вмѣшательствомъ въ партійную жизнь сознательной части пролетаріата (такъ какъ ни комитеты, ни центральныя учрежденія, ни самъ съѣздъ не могли гарантировать единства партіи), поэтому мы, кутаисскіе рабочіе (представители районовъ и другіе передовые), выслушавъ исторію партійныхъ разногласій отъ представителей „большинства“ и „меньшинства“, рѣшили, вмѣстѣ съ рабочими Батума, Баку, Тифлиса и другихъ городовъ, вполнѣ присоединиться ко взглядамъ „меньшинства“ и порвать связь съ Имеретинско-Мингрельскимъ комитетомъ и начать работать подъ руководствомъ Кутаисской организаціи „меньшинства“, именуемой Кутаисской организац. Р. С.-Д. Р. П[5]).

Рѣшенія районнаго съѣзда организацій Полѣсскаго Комитета.

1) П. К. является идейнымъ и практическимъ руководителемъ всей работы во всемъ районѣ.

2) Мѣстныя организаціи, входящія въ составъ П. К., автономны во всемъ томъ, что касается спеціально и исключительно мѣстной работы, для руководства которой онѣ созданы.

Примѣчаніе I. Полноправными организаціями признаны на районномъ съѣздѣ: Гомельская организація, Копысская, Лоевская, Могилевская, Новозыбковская, Добрянская, Клинцовская, Оршанская, Семеновская, Сновская, Горецкая.

Примѣчаніе II. Мѣстнымъ организаціямъ принадлежитъ право организовывать новыя организаціи въ районѣ, которыя утверждаются въ качествѣ полноправныхъ, или на районномъ съѣздѣ, или по взаимному соглашенію между П. К. и организовавшей организаціей.

Примѣчаніе III. Въ каждую полноправную организацію можетъ входить представитель П. К.

Примѣчаніе IV. По требованію большинства членовъ организаціи, П. К. обязанъ отозвать своего представителя.

3) Листки мѣстнаго характера, издаваемые организаціями, рекомендуется направлять для редактированія въ П. К. Мѣстныя организаціи имѣютъ право перепечатывать изданія Р. С. Д. Р. П., освѣдомляя объ этомъ П. К.

О самостоятельныхъ активныхъ выступленіяхъ, вызванныхъ мѣстными причинами, рекомендуется организаціямъ заранѣе оповѣщать П. К. Активныя же выступленія по вопросамъ общаго характера рѣшаетъ П. К., при чемъ лишь въ экстренныхъ, не допускающихъ отлагательства, случаяхъ онъ дѣлаетъ это, не производя опроса мѣстныхъ организацій, но затѣмъ отдаетъ отчетъ организаціямъ.

Отдѣльныя выступленія по вопросамъ общаго характера рѣшаются каждой организаціей лишь съ согласія П. К. и большинства организацій.

4) П. К. обязанъ подвергать обсужденію и голосованію всѣхъ организацій всякое предложеніе, исходящее отъ любой организаціи.

5) Кооптація и вводъ новыхъ членовъ въ мѣстныя организаціи производятся по взаимному соглашенію между организаціей и П. К.; въ случаѣ конфликта, дѣло переносится въ Ц. К.

6) Мѣстныя организаціи должны освѣдомлять П. К. о мнѣніяхъ ихъ периферій по вопросамъ какъ мѣстной, такъ и общепартійной работы.

7) Каждые три мѣсяца П. К. обязанъ созывать районный съѣздъ изъ всѣхъ полноправныхъ организацій.

П. К. долженъ созвать районный съѣздъ раньше срока, если этого потребуютъ больше половины полноправныхъ организацій.

Районный съѣздъ считается дѣйствительнымъ, если на немъ присутствуетъ больше половины полноправныхъ организацій.

Примѣчаніе I. За двѣ недѣли до районнаго съѣзда П. К. сообщаетъ организаціямъ порядокъ дня.

Примѣчаніе II. П. К. предоставляется право приглашать делегатовъ неполноправныхъ организацій съ совѣщательными голосами.

Примѣчаніе III. На районномъ съѣздѣ имѣютъ рѣшающіе голоса всѣ полноправныя организаціи, П. К. и его агентская коллегія. Всѣ по одному голосу.

8) Каждые полтора мѣсяца П. К. созываетъ совѣщаніе изъ членовъ П. К., его развѣдочной агентской коллегіи и представителей пяти организацій, выбранныхъ на районномъ съѣздѣ.

Примѣчаніе. Районный съѣздъ назначаетъ Новозыбковскую, Лоевскую, Гомельскую, Могилевскую и Копысскую организаціи.

9) П. К. выбираетъ делегатовъ на партійный съѣздъ.

Примѣчаніе I. Сейчасъ-же, послѣ объявленія о созывѣ съѣзда, П. К. разсылаетъ всѣмъ организаціямъ порядокъ дня, послѣ чего и созываетъ районный съѣздъ.

Примѣчаніе II. Если Ц. К. выразитъ согласіе, районный съѣздъ выбираетъ на партійный съѣздъ двухъ делегатовъ съ совѣщательными голосами.

10) Мѣстныя организаціи должны каждыя двѣ недѣли представлять въ П. К. отчетъ о своей дѣятельности.

11) Денежныя средства находятся въ распоряженіи мѣстнаго представителя П. К., причемъ по взаимному соглашенію между этими организаціями и представителемъ П. К. составляется ежемѣсячный бюджетъ, который покрывается изъ кассы П. К.

Тѣ автономныя организаціи, въ которыхъ нѣтъ представителя П. К., имѣютъ самостоятельную кассу и возмѣщаютъ П. К. расходы по присылкѣ людей и транспортированію литературы.

Пріѣзжими членомъ П. К. производятся на мѣстахъ денежные сборы и распредѣляются по взаимному соглашенію съ мѣстной организаціей.

Денежные отчеты направляются въ П. К.

Примѣчаніе. Конфликты, могущіе возникнуть, разбираются на районномъ съѣздѣ или совѣщательномъ собраніи.

12) Каждая мѣстная организація можетъ посылать корреспонденціи во всѣ органы, носящіе заголовокъ Р. С. Д. Р. П. и немедленно направлять копіи въ П. К.

13) Мѣстныя организаціи должны быть распущены по взаимному соглашенію $^{2}/_{3}$ периферіи и двухъ членовъ П. К.

Районный съѣздъ организацій на своихъ засѣданіяхъ, разсматривая свое отношеніе къ III съѣзду и конференціи партійныхъ работниковъ заграницей, пришелъ къ слѣд. выводамъ:

Несмотря на то, что 1) III съѣздъ не можетъ быть признанъ общепартійнымъ, 2) что порядокъ созыва съѣзда не отвѣчаетъ назрѣвшимъ потребностямъ партіи, 3) что вопросъ о юридической законности съѣзда остается открытымъ, 4) что съ нѣкоторыми пунктами устава III съѣзда районный съѣздъ орган. П. К. не солидаренъ (§ 1[1]), Ц. К. долженъ организовывать новые комитеты по взаимному соглашенію съ отвѣтственными работниками на мѣстахъ; для раскассированія комитетовъ достаточны $^{2}/_{3}$ периферіи и двухъ членовъ Ц. К. и, наконецъ, такъ какъ и вводъ и кооптація должны производиться на районномъ съѣздѣ по взаимному соглашенію, а въ случаѣ конфликта, высшимъ центромъ),

Районный съѣздъ организацій П. К., признавая, I) что уставъ III съѣзда обезпечиваетъ возможность совмѣстной общепартійной работы, II) что разъединеніе революціонныхъ силъ въ настоящее время является въ высшей степени нежелательнымъ и вреднымъ для общаго дѣла, — подчиняется центральнымъ учрежденіямъ, выбраннымъ на III съѣздѣ, причемъ предлагаетъ немедленно П. К., въ цѣляхъ возможно болѣе быстраго объединенія всей партійной работы, войти въ сношенія съ организаціонной комиссіей. Считая необходимымъ возможно скорѣйшее достиженіе объединенія партіи, районный съѣздъ находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ созывъ областныхъ конференцій ближайшихъ комитетовъ для выясненія и намѣченія условій и способовъ объединенія и поручаетъ П. К. принять мѣры къ скорѣйшему созыву такой конференціи.)

Резолюція Орловско-Брянскаго Комитета. Ознакомившись съ докладомъ своего представителя о третьемъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П., Орловско-Брянскій комитетъ констатируетъ, что третій съѣздъ партіи еще не привелъ къ полному сліянію двухъ партійныхъ направленій, извѣстныхъ подъ именемъ „большинства“ и „меньшинства“. Полагая, что объединеніе обоихъ направленій должно было быть не менѣе важной задачей 3-го съѣзда, чѣмъ разрѣшеніе неотложныхъ тактическихъ вопросовъ, и не находя въ резолюціи съѣзда объ отношеніи къ той части партіи, которая на съѣздѣ представлена не была (8 комитетовъ и организація „Искры“), достаточной точности и опредѣленности, Орловско-Брянскій комитетъ считаетъ нужнымъ выяснить передъ партіей свое отношеніе къ „меньшинству“ партіи.

По обсужденіи всѣхъ вопросовъ, относящихся къ партійному кризису, Орловско-Брянскій комитетъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе, что 1) еще до третьяго съѣзда направленія „большинства“ и „меньшинства“ обладали въ партійной жизни значительной устойчивостью, не имѣя въ то же время опредѣленныхъ сферъ вліянія и *организаціоннаго* единства; 2) что поводомъ къ появленію указанныхъ направленій несомнѣнно была нарушенія партійной дисциплины, допущенныя видными партійными литературными работниками организаціи „Искры“, выступившими впослѣдствіи вождями направленія „меньшинства“, а также выходъ тов. Ленина изъ редакціи „Искры“, съ одной стороны, и дѣйствія Ц. К., съ другой; 3) что соціологическое объясненіе факта разногласій между двумя направленіями въ партіи, какъ въ литературѣ „большинства“, такъ и въ литературѣ „меньшинства“, недостаточно удовлетворительно (вслѣдствіе чего Орловско-Брянскій комитетъ не считаетъ для себя возможнымъ стать на ту или иную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ);

Примѣчаніе. По мнѣнію одного члена комитета, соціологическое объясненіе, оперирующее съ психологіей общественныхъ группъ, участвующихъ въ русскомъ соціальдемократическомъ движеніи, вообще, не можетъ при современныхъ условіяхъ способствовать установленію партійнаго мира.

4) что вопросъ о наилучшей организаціи, способной какъ укрѣпить единство партіи для всероссійскаго выступленія пролетаріата противъ существующаго порядка, такъ и привлечь подъ знамя международной соціальдемократіи и закрѣпить за ней возможно большую часть русскихъ рабочихъ, не долженъ былъ вести, при наличности единства партіи по вопросамъ программы и тактики, къ фракціонной обособленности, а могъ быть разрѣшенъ путемъ литературнаго обсужденія и широкимъ практическимъ опытомъ; что организаціонный вопросъ не могъ бы повести къ такому рѣзкому обособленію двухъ теченій въ Партіи при другой общественно-политической обстановкѣ, что необходимость вести движеніе въ конспиративныхъ рамкахъ и ненормальная оторванность партійныхъ литераторовъ и заграничныхъ партійныхъ работниковъ отъ русской дѣйствительности создали благопріятную почву для укрѣпленія этой обособленности;

5) что, при незначительности существующихъ разногласій между обоими партійными теченіями, стремленіе къ обособленному существованію какой бы то ни было части партіи наноситъ непоправимый вредъ классовому движенію россійскаго пролетаріата въ настоящій революціонный моментъ, когда всѣ силы партіи должны выступать наиболѣе сплоченно, чтобы добиться для россійскаго пролетаріата наиболѣе широкой формы политической свободы;

Принимая далѣе во вниманіе:

1) что изъ выдвинутыхъ послѣднимъ временемъ тактическихъ вопросовъ, оба направленія одинаково признаютъ вооруженное возстаніе одной изъ наиболѣе существенныхъ и ближайшихъ задачъ россійской соціальдемократіи, что оба считаютъ равно необходимымъ облегчить успѣхъ возстанія участіемъ партіи въ вооруженіи народа, что детали взглядовъ обоихъ теченій по вопросу технической стороны вооруженія народа не настолько существенны, чтобы содѣйствовать закрѣпленію обособленности;

2) что вопросъ объ участіи соціальдемократіи во временномъ правительствѣ не является насущнымъ вопросомъ настоящаго момента, что рѣшеніе его третьимъ съѣздомъ партіи не абсолютно и что при сплоченіи упомянутыхъ соц.-дем. направленій вопросъ этотъ долженъ получить наилучшее теоретическое и практическое разрѣшеніе;

Принимая во вниманіе все это, а также крупную роль „Искры“ въ дѣлѣ идейнаго и практическаго объединенія партіи до второго съѣзда, значительныя заслуги ея въ руководствѣ агитаціей противъ войны, огромную цѣнность того матеріала, который она дала по вопросамъ, вызваннымъ революціоннымъ періодомъ, считая, въ виду этого, въ высшей степени вреднымъ для партіи устраненіе товарищей изъ „Искры“ отъ участія въ идейномъ руководствѣ партіей, и отстраненіе тов. изъ „меньшинства“ отъ единой и цѣлостной работы въ Партіи,

Орловско-Брянскій комитетъ энергично приглашаетъ всѣхъ товарищей изъ „меньшинства“ партіи, не полно представленнаго на третьемъ партійномъ съѣздѣ, слиться съ Партіей и рекомендуетъ имъ для этого скорѣйшее конференціонное совѣщаніе между Ц. К. Партіи и уполномоченными для этой цѣли товарищами отъ „меньшинства“. Кромѣ того, Орловско-Брянскій комитетъ находитъ нужнымъ довести до свѣдѣнія всѣхъ товарищей изъ Партіи, что въ районѣ своей революціонной работы онъ не будетъ дѣлать различія между товарищами изъ „меньшинства“ и „большинства“, равно считая ихъ членами единой Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

---

[1] Научный соціализмъ, т. е. соціалистическое сознаніе—такъ выражается Каутскій, и выраженіе „соціалистическое сознаніе“ въ этой резолюціи понимается въ этомъ смыслѣ.

[2] См. Каутскій, Бернштейнъ etc.

[3] Резолюція эта принята единогласно при двухъ воздержавшихся.

[4] Эта резолюція принята 51 голосомъ противъ 21. Въ числѣ послѣднихъ есть одинъ рабочій, остальные пропагандисты.

[5] Резолюція эта принята всѣми (51) рабочими, кромѣ одного, и 20 пропагандистовъ, которые вотировали противъ.

---

[1] Въ № 8 „Пролетарія“, гдѣ помѣщены эти рѣшенія, выкинуто это указаніе на несогласіе районнаго съѣзда съ § 1 устава „ленинцевъ“. — Товарищъ изъ Гомельской группы сообщаетъ намъ, что изъ 16 организацій, входящихъ въ районъ Полѣск. Ком., *четырнадцать* высказались за не признаніе „съѣзда“ партійнымъ.

впервые эти меньшевистскія принципы организаціи нашли свое примѣненіе, здѣсь впервые выполнили идею о фактическомъ объединеніи партіи путемъ областныхъ съѣздовъ, здѣсь впервые вынесли резолюціи, которыя почти цѣликомъ совпали съ резолюціями общерусской конференціи, здѣсь впервые же, наконецъ, широко открыли двери „большевикамъ“ для работы въ организаціи. Можно безошибочно утверждать, что тифлисская организація жила немного впереди всей партіи. А отчего? Оттого, что пролетаріатъ здѣсь диктовалъ свою волю организаціи, а не наоборотъ. Оттого, что организація эта, являясь фактической представительницей пролетаріата, а не номинальной только, дѣйствительной выразительницей его интересовъ, а не бумажной только, если и ошибалась, то ошибалась не надолго, не сильно и въ мелочахъ. Общая директива пролетарскаго міровоззрѣнія не можетъ сбиваться съ пути истины, если контроль надъ нею ведется не отдѣльными присяжными революціонерами, а всей пролетарской массой. Усвоившій пролетарскую точку зрѣнія рабочій уже не будетъ шататься вправо и влѣво. Нѣтъ, онъ пойдетъ прямо, и не бѣда, если онъ не только пойдетъ, но и поведетъ за собой товарищей; если же въ эти вожаки, въ эти руководители случайно попадетъ одинъ, два не „пролетаріевъ“ по психологіи, по міровоззрѣнію, то эта случайность сейчасъ же исправляется. Такой элементъ, въ основѣ все же пролетарскій, быстро усваиваетъ пролетарскую психологію подъ вліяніемъ, съ одной стороны, товарищей-сотрудниковъ, съ другой — всей пролетарской массы.

Не бойтесь же демократизма! Не бойтесь, что вмѣстѣ съ „выборнымъ“ началомъ въ организацію ворвется струя оппортунизма, экономизма, авантюризма или даже „зубатовщины“! Нѣтъ этого не было и не будетъ, такъ какъ всѣ эти „измы“ буржуазнаго происхожденія, они дѣтища все того же пресловутаго, по европейски образованнаго русскаго разночинца-интеллигента, а не пролетаріата. Не пролетаріатъ ли первый бросилъ перчатку капиталистамъ, а потомъ интеллигенція подхватила лозунги марксизма? Не пролетаріатъ ли первый двинулъ свой революціонный потокъ на плотину самодержавія, въ то время, какъ „Рабочая Мысль“ — мысль безусловно интеллигентскаго происхожденія — все еще копалась въ безплодныхъ поискахъ выхода изъ противорѣчія между западнымъ тредъ-юніонизмомъ и политицизмомъ? И долго бы еще копался разночинецъ интеллигентъ въ буржуазной трухѣ запада, если бы не выступилъ на сцену пролетарій-интеллигентъ и не повѣдалъ всему обществу о специфической пролетарской психологіи; эта послѣдняя никакъ не укладывается ни въ какія рамки буржуазнаго строя, напротивъ, съ именемъ „товарища“ она тѣсно связала представленіе объ единой пролетарской душѣ, которая одинаково живетъ и въ образованномъ западно-европейскомъ рабочемъ и въ русскомъ малограмотномъ чернорабочемъ. Не существуетъ для нея ни кастовыхъ, ни національныхъ, ни профессіональныхъ границъ. Этотъ пролетарій-интеллигентъ и есть тотъ выразитель заложенныхъ глубоко въ пролетаріатѣ стремленій, который въ организаціи встаетъ на мѣсто прежняго „разночиннаго“ комитетчика, революціонера по интеллекту, а не pur sange.

Учитывая этотъ ростъ классового самосознанія россійскаго пролетаріата, поневолѣ не удивляешься неудачѣ большевистскихъ организацій наладить дѣло „сверху“, не реорганизуя его снизу. Только сдѣлавъ самъ пролетаріатъ отвѣтственнымъ лицомъ за ходъ исторіи, только поручивъ, передавъ ему непосредственно изъ рукъ въ руки его историческую миссію, для осуществленія которой интеллигенція оказалась совершенно непригодной, можно создать массовое революціонное движеніе. Поэтому первая наша задача собираніе кадровъ передовыхъ, т. е. „сознательныхъ“ рабочихъ, составленіе изъ нихъ путемъ выборно кооптаціоннаго начала организаціи снизу до верху, а тогда останется только передача ей своихъ полномочій и предложеніе своихъ дальнѣйшихъ услугъ товарищамъ рабочимъ, т. е. предложеніе себя на кооптацію. Намъ современнымъ соціальдемократамъ, выпала эта высокая честь! И мы не можемъ отказаться отъ нея, такъ какъ отказъ равносиленъ смерти: мы умремъ, какъ соц.-дем., и превратимся снова въ разночинцевъ съ якобинскимъ душкомъ.

Немного словъ о строеніи Т. организаціи: масса, гдѣ можно, организованная въ шестерки, знаетъ своихъ передовиковъ и признаетъ за ними руководство, такъ какъ такихъ руководителей выдвигаетъ сама заводская жизнь. Передовики въ организаціонномъ отношеніи, связанные съ шестерками середниковъ, выбираютъ изъ своей среды приблизительно отъ каждой крупной мастерской или завода и отъ цѣлой серіи мелкихъ заводиковъ по 1-2 представителя въ районную организацію, а послѣдніе въ Ком. И Ком. и районныя организаціи имѣютъ право кооптаціи (само собою разумѣется, что партійные вопросы рѣшаются всей организаціей въ цѣломъ). Тамъ, гдѣ существуетъ взносъ рабочими денегъ въ организаціонную кассу въ Тифлисѣ при бюджетѣ въ 3 тыс. рублей въ мѣсяцъ не болѣе одной десятой части доставляетъ общество, остальное составляется изъ взносовъ рабочими и крестьянами [illegible] своего заработка, на спеціальные же предметы, какъ, напримѣръ, вооруженіе, дѣлается сразу сборы со всѣхъ рабочихъ, какъ то [illegible] отдается заработокъ одного дня и т. п., вслѣдствіе чего организація въ одинъ день дѣлается обладательницей нѣсколькихъ тысячъ рублей; это дѣленіе на шестерки облегчаетъ какъ самый сборъ, такъ и его провѣрку и составленіе отчетовъ.

Идею эту о взносѣ [illegible] заработка, являющуюся логическимъ выводомъ лозунга „освобожденіе рабочаго класса есть дѣло самихъ рабочихъ“, безусловно слѣдуетъ распространять, прививать и осуществлять, особенно принимая во вниманіе въ какой мы періодъ живемъ, — въ [illegible] арены. Либеральное общество еще недавно жертвовавшее на единственно дѣйствовавшую организацію [illegible] теперь сплошь и рядомъ отказывается или отмахивается отъ поддержки пролетаріата въ его революціонныхъ требованіяхъ, оно увѣрено, что ему незачѣмъ раскошеливаться на партію, [illegible] вающую основы буржуазна[illegible] позаботиться объ укрѣпленіи своей собственной [illegible]

Пропаганда и агитація [illegible] бранію пропагандистовъ [illegible] лицейскія условія [illegible] вмѣстѣ изъ [illegible] районовъ [illegible] цѣлая рать [illegible] даетъ вопросъ [illegible] и рабочіе и интеллигенты [illegible]

Военная организація [illegible] выдѣлена [illegible]

Заканчивая настоящее письмо, [illegible] скорѣе обращеніемъ къ [illegible] компетентнымъ въ [illegible] а можетъ и другимъ [illegible] ступать въ дѣлѣ [illegible] емый кавказскими организаціями [illegible] организаціи какъ [illegible] Я полагаю, [illegible] ралы отъ революціи [illegible] районныхъ и [illegible] комитетовъ [illegible] чіе настойчиво [illegible] ихъ въ этомъ отношеніи [illegible]

Помните, товарищи, [illegible] партійныхъ работниковъ.

ИЗЪ ПАРТІИ

Резолюція вынесенная на собраніи Кременчугскихъ организованныхъ рабочихъ. Мы, Кременчугскіе рабочіе, собравшіеся въ количествѣ 100 человѣкъ, постановили: 1) выражать порицаніе Ц. К. за его образъ дѣйствій; 2) такъ называемый III съѣздъ считать не партійнымъ, а фракціоннымъ, и постановленія его необязательными; 3) выразить полное сочувствіе [illegible] и пожелать ей полнаго успѣха въ дѣлѣ возможно скорѣйшаго умиротворенія и объединенія партіи.

Резолюція, принятая на собраніи кутаисскихъ передовыхъ рабочихъ и пропагандистовъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Мы, кутаисскіе рабочіе и пропагандисты, выслушавъ представителей „большинства“ и „меньшинства“ по вопросамъ теоретическимъ, тактическимъ и организаціоннымъ, пришли къ слѣдующему выводу:

Теорія. Принимая во вниманіе, что рабочій классъ самъ по себѣ не можетъ выработать научнаго соціализма, что научный соціализмъ выработанъ лицами, принадлежащими къ буржуазной интеллигенціи, что научный соціализмъ, т. е. соціалистическое сознаніе (см. Каутскій. Эрфуртская программа [1]) внесено извнѣ, а не вытекло само по себѣ изъ рабочаго движенія, мы заключаемъ, что рабочее движеніе безъ соціализма мельчаетъ и принимаетъ буржуазный характеръ, что задача соціальдемократіи соединить соціализмъ съ рабочимъ движеніемъ, т. е. внести въ движеніе пролетаріата сознаніе положенія рабочаго класса и его призванія. Это вовсе не противорѣчитъ той идеѣ, что, рано или поздно, рабочее движеніе само по себѣ порветъ связь съ буржуазной идеологіей и своимъ „инстинктивнымъ соціализмомъ“ [2]), который представляетъ необходимое слѣдствіе капиталистическаго производства, приведетъ къ соціальной революціи [3]).

Тактика. Принимая во вниманіе, что соціальдемократическая тактика требуетъ постоянной рѣзкой критики либерализма, что тактика „Искры“ вполнѣ отвѣчаетъ этому требованію, что она совершенно свободна отъ оппортюнизма, какъ на нее клевещутъ, мы вполнѣ присоединяемся къ тактикѣ „Искры“ [4]).

Организаціонная и общая резолюція рабочихъ. Принимая во вниманіе значеніе современнаго момента и ту грандіозную роль, которая выпала на долю пролетаріата въ дѣлѣ россійской революціи, что партійный расколъ мѣшаетъ освободительному движенію пролетаріата и что партійное единство возможно гарантировать только вмѣшательствомъ въ партійную жизнь сознательной части пролетаріата (такъ какъ ни комитеты, ни центральныя учрежденія, ни самъ съѣздъ не могли гарантировать единства партіи), поэтому мы, кутаисскіе рабочіе (представители районовъ и другіе передовые) выслушавъ исторію партійныхъ разногласій отъ представителей „большинства“ и „меньшинства“, рѣшили, вмѣстѣ съ рабочими Батума, Баку, Тифлиса и другихъ городовъ, вполнѣ присоединиться ко взглядамъ „меньшинства“ и порвать связь съ Имеретинско-Мингрельскимъ комитетомъ и начать работать подъ руководствомъ Кутаисской организаціи „меньшинства“, именуемой Кутаисской организац. Р. С.-Д. Р. П. [5])

Рѣшенія районнаго съѣзда организацій Полѣсскаго Комитета. 1. П. К. является идейнымъ и практическимъ руководителемъ всей работы во всемъ районѣ.

2. Мѣстныя организаціи, входящія въ составъ П. К., автономны во всемъ томъ, что касается спеціально и исключительно мѣстной работы, для руководства которой онѣ созданы.

Примѣчаніе I. Полноправными организаціями признаны на районномъ съѣздѣ: Гомельская организація, Копысская, Лоевская, Могилевская, Новозыбковская, Добрянская, Клинцовская, Оршанская, Семеновская, Сновская, Горецкая.

Примѣчаніе II. Мѣстнымъ организаціямъ принадлежитъ право организовывать новыя организаціи въ районѣ, которыя утверждаются въ качествѣ полноправныхъ, или на районномъ съѣздѣ, или по взаимному соглашенію между П. К. и организовавшей организаціей.

Примѣчаніе III. Въ каждую полноправную организацію можетъ входить представитель П. К.

Примѣчаніе IV. По требованію большинства членовъ организаціи, П. К. обязанъ отозвать своего представителя.

3) Листки мѣстнаго характера, издаваемые организаціями, рекомендуется направлять для редактированія въ П. К. Мѣстныя организаціи имѣютъ право перепечатывать изданія Р. С.-Д. Р. П., освѣдомляя объ этомъ П. К.

О самостоятельныхъ активныхъ выступленіяхъ, вызванныхъ мѣстными причинами, рекомендуется организаціямъ заранѣе оповѣщать П. К. Активныя же выступленія по вопросамъ общаго характера рѣшаетъ П. К., при чемъ лишь въ экстренныхъ не допускающихъ отлагательства случаяхъ онъ дѣлаетъ это, не производя опроса мѣстныхъ организацій, но затѣмъ отдаетъ отчетъ организаціямъ.

Отдѣльныя выступленія по вопросамъ общаго характера рѣшаются каждой организаціей лишь съ согласія П. К. и большинства организацій.

4. П. К. обязанъ подвергать обсужденію и голосованію всѣхъ организацій всякое предложеніе, исходящее отъ любой организаціи.

5) Кооптація и вводъ новыхъ членовъ въ мѣстныя организаціи производятся по взаимному соглашенію между организаціей и П. К., въ случаѣ конфликта, дѣло переносится въ Ц. К.

6) Мѣстныя организаціи должны освѣдомлять П. К. о мнѣніяхъ ихъ периферій по вопросамъ какъ мѣстной, такъ и общепартійной работы.

7. Каждые три мѣсяца П. К. обязанъ созывать районный съѣздъ изъ всѣхъ полноправныхъ организацій.

П. К. долженъ созвать районный съѣздъ раньше срока, если этого потребуютъ больше половины полноправныхъ организацій.

Районный съѣздъ считается дѣйствительнымъ, если на немъ присутствуетъ больше половины полноправныхъ организацій.

Примѣчаніе I. За двѣ недѣли до районнаго съѣзда П. К. сообщаетъ организаціямъ порядокъ дня.

Примѣчаніе II. П. К. предоставляется право приглашать делегатовъ неполноправныхъ организацій съ совѣщательными голосами.

Примѣчаніе III. На районномъ съѣздѣ имѣютъ рѣшающіе голоса всѣ полноправныя организаціи, П. К. и его агентская коллегія всѣ по одному голосу.

8. Каждые полтора мѣсяца П. К. созываетъ совѣщаніе изъ членовъ П. К., его разъѣздной агентской коллегіи и представителей пяти организацій, выбранныхъ на районномъ съѣздѣ.

Примѣчаніе. Районный съѣздъ назначаетъ Новозыбковскую, [illegible] Могилевскую и Копысскую организаціи [illegible] на партійный [illegible]

Примѣчаніе [illegible] послѣ объявленія о созывѣ съѣзда [illegible] организаціямъ [illegible] районный [illegible]

Примѣчаніе [illegible] П. К. выразили [illegible], районный [illegible] партійной [illegible]

[illegible] дѣятельности [illegible]

[illegible] находятся въ распоряженіи мѣстныхъ [illegible] взаимному [illegible] организаціями и представителемъ П. К. [illegible] покрывается изъ кассы П. К.

[illegible] самостоятельную кассу и [illegible] транспортированію литературы.

[illegible] членомъ П. К. производятся на мѣстахъ [illegible] распредѣляя [illegible] взаимному соглашенію [illegible] организаціей.

Денежные отчеты направляются въ П. К.

Примѣчаніе. Конфликты, могущіе возникнуть, разбираются на районномъ съѣздѣ или совѣщательномъ собраніи.

12. Каждая мѣстная организація можетъ посылать корреспонденціи во всѣ органы, носящіе заголовокъ Р. С. Д. Р. П. и немедленно направлять копіи въ П. К.

13) Мѣстныя организаціи должны быть распущены по взаимному соглашенію ²/₃ периферіи и двухъ членовъ П. К.

Районный съѣздъ организацій на своихъ засѣданіяхъ, разсматривая свое отношеніе къ III съѣзду и конференціи партійныхъ работниковъ заграницей, пришелъ къ слѣд. выводамъ:

Несмотря на то, что 1) III съѣздъ не можетъ быть признанъ общепартійнымъ, 2) что порядокъ созыва съѣзда не отвѣчаетъ назрѣвшимъ потребностямъ партіи, 3) что вопросъ о юридической законности съѣзда остается открытымъ, 4) что съ нѣкоторыми пунктами устава III съѣзда районный съѣздъ орган. П. К. не солидаренъ (§ 1¹), Ц. К. долженъ организовывать новые комитеты по взаимному соглашенію съ отвѣтственными работниками на мѣстахъ; для раскассированія комитетовъ достаточны ²/₃ периферіи и двухъ членовъ Ц. К. и, наконецъ, такъ какъ и вводъ и кооптація должны производиться на районномъ съѣздѣ по взаимному соглашенію, а въ случаѣ конфликта, высшимъ центромъ),

Районный съѣздъ организацій П. К., признавая, I) что уставъ III съѣзда обезпечиваетъ возможность совмѣстной общепартійной работы, II) что разъединеніе революціонныхъ силъ въ настоящее время является въ высшей степени нежелательнымъ и вреднымъ для общаго дѣла — подчиняется центральнымъ учрежденіямъ, выбраннымъ на III съѣздѣ, причемъ предлагаетъ немедленно П. К., въ цѣляхъ возможно болѣе быстраго объединенія всей партійной работы, войти въ сношенія съ организаціонной комиссіей. Считая необходимымъ возможно скорѣйшее достиженіе объединенія партіи, районный съѣздъ находитъ наиболѣе цѣлесообразнымъ созывъ областныхъ конференцій ближайшихъ комитетовъ для выясненія и намѣченія условій и способовъ объединенія и поручаетъ П. К. принять мѣры къ скорѣйшему созыву такой конференціи.

Резолюція Орловско-Брянскаго Комитета. Ознакомившись съ докладомъ своего представителя о третьемъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П., Орловско-Брянскій комитетъ констатируетъ, что третій съѣздъ партіи еще не привелъ къ полному слиянію двухъ партійныхъ направленій, извѣстныхъ подъ именемъ „большинства“ и „меньшинства“. Полагая, что объединеніе обоихъ направленій должно было быть не менѣе важной задачей 3-го съѣзда, чѣмъ разрѣшеніе неотложныхъ тактическихъ вопросовъ, и не находя въ резолюціи съѣзда объ отношеніи къ той части партіи, которая на съѣздѣ представлена не была (8 комитетовъ и организація „Искры“), достаточной точности и опредѣленности, Орловско-Брянскій комитетъ считаетъ нужнымъ выяснить передъ партіей свое отношеніе къ „меньшинству“ партіи.

По обсужденіи всѣхъ вопросовъ, относящихся къ партійному кризису, Орловско-Брянскій комитетъ вынесъ слѣдующую резолюцію:

Принимая во вниманіе, что 1) еще до третьяго съѣзда направленія „большинства“ и „меньшинства“ обладали въ партійной жизни значительной устойчивостью, не имѣя въ то же время опредѣленныхъ сферъ вліянія и *организаціоннаго* единства, 2) что поводомъ къ появленію указанныхъ направленій несомнѣнно была нарушенія партійной дисциплины, допущенныя видными партійными литературными работниками организаціи „Искры“, выступившими впослѣдствіи вождями направленія „меньшинства“, а также выходъ тов. Ленина изъ редакціи „Искры“, съ одной стороны, и дѣйствія Ц. К., съ другой; 3) что соціологическое объясненіе факта разногласій между двумя направленіями въ партіи, какъ въ литературѣ „большинства“, такъ и въ литературѣ „меньшинства“, недостаточно удовлетворительно (вслѣдствіе чего Орловско-Брянскій комитетъ не считаетъ для себя возможнымъ стать на ту или иную точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ);

Примѣчаніе. По мнѣнію одного члена комитета, соціологическое объясненіе, оперирующее съ психологіей общественныхъ группъ, участвующихъ въ русскомъ соціальдемократическомъ движеніи, вообще, не можетъ при современныхъ условіяхъ способствовать установленію партійнаго мира.

4, что вопросъ о наилучшей организаціи, способной какъ укрѣпить единство партіи для всероссійскаго выступленія пролетаріата противъ существующаго порядка, такъ и привлечь подъ знамя международной соціальдемократіи и закрѣпить за ней возможно большую часть русскихъ рабочихъ, не долженъ былъ вести, при наличности единства партіи по вопросамъ программы и тактики, къ фракціонной обособленности, а могъ быть разрѣшенъ путемъ литературнаго обсужденія и широкимъ практическимъ опытомъ, что организаціонный вопросъ не могъ бы повести къ такому рѣзкому обособленію двухъ теченій въ Партіи при другой общественно политической обстановкѣ, что необходимость вести движеніе въ конспиративныхъ рамкахъ и ненормальная оторванность партійныхъ литераторовъ и заграничныхъ партійныхъ работниковъ отъ русской дѣйствительности создали благопріятную почву для укрѣпленія этой обособленности;

5) что, при незначительности существующихъ разногласій между обоими партійными теченіями, стремленіе къ обособленному существованію какой бы то ни было части партіи наноситъ непоправимый вредъ классовому движенію россійскаго пролетаріата въ настоящій революціонный моментъ, когда всѣ силы партіи должны выступить наиболѣе сплоченно, чтобы добиться для россійскаго пролетаріата наиболѣе широкой формы политической свободы.

Принимая далѣе во вниманіе:

1) что изъ выдвинутыхъ послѣднимъ временемъ тактическихъ вопросовъ, оба направленія одинаково признаютъ вооруженное возстаніе одной изъ наиболѣе существенныхъ и ближайшихъ задачъ россійской соціальдемократіи, что оба считаютъ равно необходимымъ облегчить успѣхъ возстанія участіемъ партіи въ вооруженіи народа, что детали взглядовъ обоихъ теченій по вопросу технической стороны вооруженія народа не настолько существенны, чтобы содѣйствовать закрѣпленію обособленности;

2) что вопросъ объ участіи соціальдемократіи во временномъ правительствѣ не является насущнымъ вопросомъ настоящаго момента, что рѣшеніе его третьимъ съѣздомъ партіи не абсолютно, и что при сплоченіи упомянутыхъ соц.-дем. направленій вопросъ этотъ долженъ получить наилучшее теоретическое и практическое разрѣшеніе,

Принимая во вниманіе все это, а также крупную роль „Искры“ въ дѣлѣ идейнаго и практическаго объединенія партіи до второго съѣзда, значительныя заслуги ея въ руководствѣ агитаціей противъ войны, огромную цѣнность того матеріала, который на дала по вопросамъ, вызваннымъ революціоннымъ периодомъ, считая въ виду этого въ высшей степени вреднымъ для партіи устраненіе товарищей изъ „Искры“ отъ участія въ идейномъ руководствѣ партіей, и отстраненіе тов. изъ „меньшинства“ отъ [illegible] и цѣлостной работы въ Партіи,

Орловско-Брянскій комитетъ энергично приглашаетъ всѣхъ товарищей изъ „меньшинства“ партіи, не полно представленнаго на третьемъ партійномъ съѣздѣ, слиться съ Партіей и рекомендуетъ имъ для этого скорѣйшее конференціонное совѣщаніе между Ц. К. Партіи и уполномоченными для этой цѣли товарищами отъ „меньшинства“. Кромѣ того, Орловско-Брянскій комитетъ находитъ нужнымъ довести до свѣдѣнія всѣхъ товарищей изъ Партіи, что въ районѣ своей революціонной работы онъ не будетъ дѣлать различія между товарищами изъ „меньшинства“ и „большинства“, равно считая ихъ членами единой Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

---

[1] Научный соціализмъ, т. е. соціалистическое сознаніе — такъ выражается Каутскій и выраженіе „соціалистическое сознаніе“ въ этой резолюціи понимается въ этомъ смыслѣ.

[2] См. Каутскій, Бернштейнъ etc.

[3]) Резолюція эта принята единогласно при двухъ воздержавшихся.

[4]) Эта резолюція принята 51 голосомъ противъ 21. Въ числѣ послѣднихъ есть одинъ рабочій, остальные пропагандисты.

[5] Резолюція эта принята всѣми (51) рабочими, кромѣ одного, и 20 пропагандистовъ, которые вотировали противъ.

[1]) Въ № 8 „Пролетарія“, гдѣ помѣщены эти рѣшенія, выкинуто это указаніе на несогласіе районнаго съѣзда съ § 1 устава „Ленинскаго“. Товарищъ изъ Гомельской группы сообщаетъ намъ, что изъ 16 организацій, входящихъ въ районъ Полѣск. Ком., *четырнадцать* высказались за не признаніе „съѣзда“ партійнымъ.

Выработанная комитетомъ резолюція была единогласно одобрена центральной группой рабочихъ г. Орла.

Иркутскъ, 16 іюня. На состоявшемся на дняхъ собраніи членовъ организаціи Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ Иркутскѣ, былъ выслушанъ письменный докладъ делегата Сибирскаго Союза о причинахъ, почему онъ отказался принять участіе въ третьемъ съѣздѣ. Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ одного изъ товарищей, а затѣмъ послѣ обмѣна мыслями единогласно принята слѣдующая резолюція: Во первыхъ: собраніе одобряетъ поведеніе делегата; во вторыхъ: собраніе не можетъ признать состоявшійся „съѣздъ" партійнымъ, такъ какъ на немъ была представлена лишь одна часть партіи и поэтому всѣ рѣшенія этого „съѣзда" не считаетъ для себя обязательными, и въ третьихъ — признавая, что то положеніе, въ которомъ теперь находится наша партія, вредитъ соціальдемократическому дѣлу, собраніе призываетъ всѣхъ работниковъ Партіи и всѣ организаціи употребить всю свою энергію на скорѣйшее возстановленіе единства партіи. Восемнадцать человѣкъ признаютъ необходимымъ средствомъ для этого — третій партійный съѣздъ. Двадцать одинъ человѣкъ не считаетъ нужнымъ указывать на съѣздъ, какъ на единственный для этого путь.

Одесса. По иниціативѣ рабочихъ, примыкающихъ къ мѣстному Комитету, ими и частью рабочихъ изъ организаціи Группы принята слѣдующая резолюція:

„Въ тотъ историческій моментъ, который мы переживаемъ теперь, работа соціалдемократической Партіи окончательно дезорганизуется существующимъ въ ней расколомъ, конкурренціей двухъ организацій. Не говоря уже о значительной части силъ, отвлекаемыхъ на эту конкурренцію, жизненность дѣла страдаетъ отъ отсутствія соединенія лучшихъ партійныхъ работниковъ для выработки общаго плана и общей тактики. Масса силъ тратится непроизводительно — напримѣръ, когда обѣ партіи направляютъ свое вниманіе на одинъ и тотъ же заводъ, стараясь привлечь его въ свою организацію.

Между тѣмъ, мы находимъ, что расхожденіе членовъ партіи по *нѣкоторымъ* вопросамъ не можетъ служить поводомъ къ расколу организаціи, такъ какъ въ живой партіи, растущей, откликающейся на всю сложность выдвигаемыхъ исторіей задачъ; нельзя и предположить одинаковости мнѣній всѣхъ ея членовъ, и совмѣстное существованіе въ Партіи различныхъ теченій служитъ доказательствомъ ея жизненности и способствуетъ ея идейному развитію; и что было бы губительно для развитія Партіи стричь всѣхъ подъ одну гребенку. Всѣ разногласія, при единствѣ общей основной соц.-дем. точки зрѣнія, смогутъ быть изжиты лишь въ процессѣ работы въ *единой* Партіи. Нашъ лозунгъ: „Пролетаріи, всѣхъ странъ, соединяйтесь" не долженъ быть для насъ одними словами, но проводиться на дѣлѣ, а постановленіе Амстердамскаго конгресса обязываетъ насъ, имѣвшихъ на немъ своихъ представителей, сдѣлать рѣшительный шагъ къ полному и немедленному объединенію.

Итакъ, находя, что Партія можетъ и должна сплотить всѣ соціальдемократическіе элементы рабочаго класса, вѣря въ революціонность классоваго инстинкта пролетаріата и считая единственно вѣрнымъ средствомъ борьбы съ оппортюнизмомъ развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата; видя безплодность попытокъ къ объединенію, предпринятыхъ до сихъ поръ обѣими фракціями Соціальдемократической Партіи, мы, рабочіе соціальдемократическихъ периферій заявляемъ слѣдующее. Мы находимъ, что только нашъ голосъ, только наше пролетарское вмѣшательство можетъ положить конецъ позорному положенію вещей въ Партіи. Мы обращаемся ко всѣмъ Комитетамъ Партіи съ требованіемъ немедленно приступить къ организаціонному объединенію, необходимому для единства работы на такихъ началахъ, чтобы ни одна фракція, какъ заявившая себя самостоятельной работой, не теряла своей политической физіономіи и не растворялась бы въ другой части Партіи, *не обязуясь подчиняться тѣмъ рѣшеніямъ, въ выработкѣ которыхъ не принимала участія: въ основу единства Партіи долженъ быть положенъ тотъ принципъ, что во всѣхъ дѣйственныхъ планахъ и выступленіяхъ рѣшающій голосъ предоставляется сознательной рабочей периферіи.* Обращаясь съ этимъ требованіемъ къ мѣстнымъ руководящимъ коллегіямъ, мы подчеркиваемъ, что ждемъ полнаго объединенія силъ при посредствѣ Центральныхъ Учрежденій обѣихъ организацій, и выражаемъ увѣренность, что чѣмъ скорѣе къ нашему голосу присоединятся согласные съ нами голоса нашихъ товарищей изъ другихъ городовъ, тѣмъ скорѣе произойдетъ полное объединеніе Партіи!"

(*Отъ ред.*) Мы можемъ только поздравить одесскихъ сознательныхъ рабочихъ, первыми вступившихъ на тотъ путь „борьбы за объединеніе", который одинъ можетъ сдѣлать послѣднее возможнымъ и необходимымъ. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что сообщаемыя товарищами свѣдѣнія, согласно которымъ иниціаторы этой попытки исключены Одесскимъ Комитетомъ изъ руководимой имъ организаціи, — невѣрны. Это было бы тѣмъ болѣе чудовищно, что одесская резолюція, „исходя отъ *рабочей* периферіи", проникнута самымъ щепетильнымъ отношеніемъ къ чему бы то ни было фракціонному самолюбію и не носитъ на себѣ печати того „анти-интеллигентскаго радикализма", какимъ, напр., проникнутъ однородный *по цѣлямъ* призывъ „рабочаго, одного изъ многихъ" (см. № 104 „Искры"). Мы можемъ только пожелать полнаго успѣха одесскимъ товарищамъ.

Резолюція Саратовскаго Ком. Саратовскій комитетъ, выслушавъ и обсудивъ сообщенія о III съѣздѣ и о конференціи большинствомъ 7 голосовъ противъ 3, вынесъ слѣдующія руководящія мнѣнія: 1) оставить открытымъ вопросъ о законности и партійности съѣзда, какъ въ формальномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, — въ виду отсутствія всѣхъ необходимыхъ документовъ; 2) признать идейную позицію III съѣзда, выразившуюся въ его резолюціяхъ и его организаціонномъ уставѣ, соотвѣтствующей идейной позиціи Сар. ком.; 3) признать центры, избранные съѣздомъ; 4) войти въ сношенія съ Организац. Комис. съ цѣлью участія въ организуемыхъ ею конференціяхъ и работахъ по подготовкѣ 4 съѣзда и съ цѣлью полученія отъ нея литературы; 5) признать необходимой на страницахъ Центр. Орг. свободную дискуссію по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ, въ особенности по аграрному вопросу; 6) принимая во вниманіе, что наличныя разногласія между „большинствомъ" и „меньшинствомъ" не настолько значительны, чтобы исключать возможность совмѣстной работы въ единой организаціи, [illegible] желаніе, чтобы центры, избранные съѣздомъ и конференціей, [illegible] къ необходимому на этотъ [illegible].

Констатирую, что [illegible] большинствомъ 45 противъ 20 при 1 воздержавшемся на общемъ собраніи въ [illegible] руководителемъ Сар. Ком. — комитетъ [illegible] окончательнымъ [illegible].

На томъ же собраніи [illegible] 1) аграрныя резолюціи [illegible] III [illegible] признаются [illegible] 2) [illegible] рійныя [illegible] для [illegible] единство [illegible].

Обсуждая [illegible] Сар. Ком. [illegible] первой изъ нихъ [illegible] и ко второй [illegible] 2.

Примѣчаніе [illegible] общемъ собраніи [illegible] организаціи [illegible] пунктамъ дало [illegible] голосовъ, противъ 16 [illegible] противъ 21 [illegible] 1 [illegible] 45 гол. противъ 19 [illegible].

Харьковъ. Въ № 103, по недосмотру, опущено указаніе, что резолюція, принятая Харьковскими товарищами по поводу „съѣзда" и конференціи (подтвержденіе рѣшеній послѣдней), принята на собраніи не однихъ лишь членовъ К-та, а всего руководящаго коллектива (К-тъ и районные комитеты, всего 25 чел.), который составился согласно рѣшенію конференціи.

Два слова о заявленіи Сѣв.-Западнаго Комитета. (Письмо въ редакцію). Дорогіе товарищи! Нѣсколько строкъ извѣщенія общерусской конференціи о поведеніи делегата Сѣв.-Зап. Ком. вызвали со стороны послѣдняго заявленіе въ „Пролетаріи" въ пяти пунктахъ, на которыхъ я считаю нужнымъ остановиться.

1) Сѣв.-Зап. Ком. заявляетъ: „Изъ словъ (извѣщенія) „прислалъ намъ" можно заключить, будто „Сѣв.-Зап. Ком. прислалъ сообщеніе конференціи. Въ дѣйствительности никакихъ сообщеній конференціи Сѣв. Зап. Комитетъ никогда не посылалъ".

Это невѣрно. Еще задолго до письма т. Мартова, на которое ссылаются авторы заявленія, я послалъ Сѣв.-Зап. Ком. письмо съ изложеніемъ положенія дѣлъ и различные печатные документы, характеризующіе подготовку, такъ называемаго, III партійнаго съѣзда; я писалъ о необходимости конференціи, потому что большинство на съѣздъ не пойдетъ. (Письма эти дошли). Кромѣ того незадолго до начала съѣзда и конституированія конференціи, товарищъ, уѣхавшій изъ-за границы въ Россію, передалъ нѣкоторымъ членамъ Сѣв.-Зап. Ком. о положеніи дѣлъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что по полученіи письма т. Мартова, посланнаго во время конференціи, члены Сѣв.-Зап. Комитета знали о существованіи съѣзда и конференціи и знали ихъ характеръ. И въ это время я получилъ письмо *для конференціи*, переданное мною редакціи „Искры" и напечатанное въ № 99.

Письмо это имѣетъ заголовокъ съ правой стороны „Копія", т. е. оригиналъ этого документа былъ посланъ „Орг. Ком." на съѣздъ, а копія его на конференцію. Сѣв.-Зап. Ком. такъ заботился, чтобы этотъ документъ попалъ на наши засѣданія, что счелъ нужнымъ послать два экземпляра.

2) Сѣв. Зап. Комитетъ заявляетъ, что онъ *никогда не принималъ постановленія* объ отозваніи делегата со съѣзда. Мнѣ очень жаль, что т. т. изъ Сѣв.-Зап. Ком. такъ плохо запоминаютъ то, что они пишутъ. Что означаютъ слѣдующія строки:

„Принимая во вниманіе, что согласно имѣющимся у насъ даннымъ (т. е. письму т. Мартова и посланнымъ мною документамъ и письмамъ), Совѣтъ партіи съѣзда не утвердилъ и отъ участія въ немъ отказался — мы просимъ Орг. Ком. считать нашъ мандатъ не имѣющимъ силы впредь до полнаго выясненія нашимъ делегатомъ положенія дѣлъ и впредь до вторичнаго заявленія нами объ утвержденіи нашего мандата. P. S. О неиспользованіи мандатомъ впредь, до выясненія положенія дѣлъ, нами было уже сообщено нашему делегату. („Искра" № 99 см. письмо, посланное Сѣв. Зап. Ком. въ Орг. Ком."

Обозначаютъ ли эти строки отозваніе делегата, какъ гласило извѣщеніе о конференціи, или нѣтъ? Очевидно, т. т. изъ Сѣв.-Зап. Комитета подъ словомъ „отозвать" понимаютъ посылку обратнаго желѣзнодорожнаго билета.

Сѣв.-Зап. Ком. могъ, конечно, *вторично* утвердить, послѣ того „полнаго выясненія положенія дѣлъ", которое онъ получилъ отъ своего делегата — это его дѣло, но, до вторичнаго утвержденія, делегатъ, оставшись на съѣздѣ, не исполнилъ указаній своего комитета.

3) „По *точному* смыслу мандата, даннаго С.-З. К. своему делегату, послѣдній принялъ участіе на съѣздѣ, не нарушивъ ни *одного* изъ поставленныхъ ему условій (принято единогласно)" (Прол. № 7). По точному и буквальному смыслу письма С.-З. К. въ О. К. делегатъ долженъ былъ пойти на съѣздъ лишь при условіи „...подчеркнутой нами необходимости участія на съѣздѣ Совѣта Партіи" см. № 99 Искры. Эту подчеркнутую необходимость „делегатъ" не принялъ во вниманіе и на съѣздѣ остался, но, тѣмъ не менѣе онъ не нарушилъ ни *одного* изъ поставленныхъ ему условій!

Пойми, кто можетъ!

Наконецъ, ссылка С.-З. К. на „Исполнительную коммиссію" рѣшительно ничего не разъясняетъ и бьетъ мимо цѣли, потому что подъ присланнымъ конференціи и напечатаннымъ въ „Искрѣ" документомъ не было подписано ни „за Сѣв.-Зап. Ком." ни во имя его, а ясно и опредѣленно: „Сѣв.-Зап. Ком. Р. С.-Д. Раб. Партіи". Послѣдній можетъ привлечь къ товарищ. суду за подлогъ свою Исп. Ком., но авторы Извѣщ. о конференціи тутъ не при чемъ, а о существованіи Исполнительн. Ком. партія узнала лишь изъ заявленія С.-З. К.

Заявленіе ссылается на слова „Brieflich ausführlich" указывающія якобы на некатегоричность постановленія объ отозваніи, но что же прислали намъ т. т. изъ Сѣв.-Зап. Ком., какъ „einen ausführlichen Brief"? Черезъ нѣсколько дней послѣ телеграммы былъ полученъ... документъ, напечатанный въ № 99 „Искры", въ категоричности котораго сомнѣваться трудно.

Въ заключеніе могу сказать, что Сѣв.-Зап. Комитету вольно изъ боязни очутиться „внѣ партіи" ежедневно хотя бы мѣнять свои рѣшенія — но совершенно непозволительно легкомысленно дѣлать необоснованныя „заявленія", противорѣчащія собственнымъ словамъ и поступкамъ.

С. товарищ. привѣтомъ В-въ, бывш. членъ С.-З. Ком.

P. S. Интересно знать, санкціонировано ли группами поведеніе делегата С.-З. К.?

Договоръ Военно-Революц. Организаціи съ С.-Д. Польши и Литвы. Полагая, что Военно-Революціонная Организація Р. С. Д. Р. П. можетъ вести агитаціонную работу въ войскахъ Варшавскаго гарнизона лишь тѣсно связывая свою дѣятельность съ мѣстной соціалдемократической работой среди пролетаріата, и рекомендуя, поэтому своимъ членамъ, оставаясь членами Р. С. Д. Р. П., работать въ рядахъ организацій С. Д. Польши и Литвы, Варшав. Комит. В. Р. О. считаетъ необходимымъ вступить въ организаціонныя отношенія къ Варшав. Комит. С. Д. П. и Л., намѣчая для этого слѣдующіе пункты:

I. Въ В. К. В. Р. О., въ качествѣ полноправнаго члена, входитъ представитель В. К. С. Д. П. и Л.

II. Чтобы представитель С. Д. П. и Л. своевременно могъ быть свѣдомленъ о выпускаемыхъ В. Р. О. листкахъ, окончательная редакція ихъ принадлежитъ комитету.

III. Для кооптаціи новыхъ членовъ въ В. К. В. Р. О. требуется [illegible] отъ участія мотивированнаго протеста.

IV. Въ случаѣ полнаго провала комитета В. Р. О. или когда останется на свободѣ только одинъ членъ его, комитетъ возстанавливается центральными учрежденіями Р. С. Д. Р. П.

V. В. Р. О. даетъ ежемѣсячные отчеты о своей дѣятельности центральнымъ органамъ, какъ Р. С. Д. Р. П., такъ и С. Д. П. и Л.

VI. В. Р. О. и С. Д. П. и Л. взаимно [illegible] свои изданія.

VII. Только члены Р. С. Д. Р. П. и С. Д. П. и Л. могутъ быть членами В. Р. О.

[illegible] или по требованію [illegible]

[illegible] Варшав. ком. [illegible] С. Д. П. и Л.

[illegible]

[illegible] С. Д. П. и Л.

[illegible]

Англійская Соціальдемократія о „третьемъ съѣздѣ". Въ „Justice" [illegible] Демократической Федераціи [illegible] „третьемъ съѣздѣ", написанную [illegible] томъ самомъ видѣ, какъ получили его, но справедливость по отношенію къ заинтересованнымъ сторонамъ заставляетъ насъ сдѣлать указаніе — отсутствующее, къ несчастью, въ самомъ докладѣ — что съѣздъ, о которомъ идетъ въ немъ рѣчь, не былъ съѣздомъ *всей* Россійской Соціаль-Демократической рабочей партіи, а лишь одной ея части, другая же часть съ Плехановымъ, Засуличъ, Аксельродомъ, Дейчемъ и другими держалась въ сторонѣ отъ него. Поэтому, едва-ли правильно называть этотъ съѣздъ *третьимъ* съѣздомъ Партіи или присваивать его резолюціямъ значеніе партійныхъ резолюцій". — Попытка ввести въ заблужденіе англійскихъ товарищей окончилась такимъ образомъ, для г-на Н. А. такимъ же жалкимъ фіаско, какъ и аналогичныя попытки его, столь же добросовѣстныхъ, единомышленниковъ, сдѣланыя въ французской и германской партійной прессѣ.

Мелитополь. Все послѣднее время занятія кружковъ были заполнены исключительно вопросомъ о съѣздѣ и конференціи. Отсутствіе квартиръ вызывало дробленіе группъ, что плохо отражалось на оживленности дебатовъ. Случалось, что въ одной группѣ велись оживленные дебаты, а въ другой — молчали. Тѣмъ не менѣе, вопросъ исчерпанъ. На одномъ изъ такихъ собраній присутствовалъ одинъ большевикъ. Пренія велись отъ 12 до 3 часовъ ночи, что отразилось, конечно, на вниманіи слушателей. На поставленный большевику вопросъ: „считаетъ ли онъ съѣздъ выражающимъ волю всей партіи?", онъ принужденъ былъ отвѣтить отрицательно. На слѣдующій вопросъ: „почему же, въ такомъ случаѣ, онъ требуетъ признанія съѣзда, имъ же признаваемаго непартійнымъ?", большевикъ отвѣчалъ ссылкой на „революціонное время", и неожиданно заявилъ, что, если меньшевики дѣйствительно не лицемѣрятъ, когда говорятъ о мирѣ, они должны признать съѣздъ.

Нельзя скрывать, что разъясненіе вопроса о съѣздѣ заняло слишкомъ много времени. Это объясняется тѣмъ, что почти всѣ рабочіе ничуть не сомнѣвались въ искренности намѣреній большевиковъ. И когда рабочимъ приводили примѣры твердаго „миролюбія", они возражали: „какъ же, вѣдь они говорятъ и пишутъ, что желаютъ мира!" Большевики могутъ гордиться. Они добились того, что рабочіе начинаютъ вѣрить, что и среди соціальдемократовъ имѣются люди, за которыми нужно смотрѣть въ оба. Да и намъ нечего жалѣть. Рабочіе учатся *критически относиться* ко всему, что видятъ и слышатъ. Намъ ли объ этомъ жалѣть?

Вопросъ о съѣздѣ и конференціи обсуждался детально на основаніи № 1 „Пролетарія", заявленія конференціи третьему съѣзду и письма б. Ц. К. „чего ждетъ партія отъ третьяго съѣзда?" Ясное и опредѣленное заявленіе большевиковъ, что они не считаютъ дѣйствительнымъ пунктъ договора Б. К. Б. и Ц. К., по которому съѣздъ дѣйствителенъ при наличности ¾ комитетовъ; заявленіе, что и при наличности 20 комитетовъ вмѣсто 25 они считаютъ съѣздъ дѣйствительнымъ; наконецъ, исторія съ предложеніемъ Бебеля — все это раскрыло глаза даже и нашимъ довѣрчивымъ рабочимъ. Увильнувъ отъ отвѣта на предложеніе Бебеля, Ленинъ обѣщалъ передать его на разсмотрѣніе съѣзда, между тѣмъ какъ въ резолюціяхъ съѣзда (изд. Ц. К.) о немъ „хранится гордое молчаніе".

Исторія съ большевиками отняла у насъ много времени въ ущербъ обычной пропагандистской работѣ. Но она дала и даетъ много для политическаго воспитанія рабочихъ, и въ этомъ отношеніи для насъ время не потеряно.

Нижній-Новгородъ (Изъ письма члена организаціи). Недавно образовавшаяся здѣсь наша организація составилась такъ. Наиболѣе сознательные рабочіе образовали центральную городскую (городского района) группу. Она и является рѣшающимъ коллективомъ, распредѣляющимъ работу въ организаціи и руководящимъ ею политически. Изъ центральной группы выдѣлена болѣе тѣсная группка для исполнительныхъ функцій. Центральная группа окружена широкимъ слоемъ рабочихъ, которые, вмѣстѣ съ членами этой группы, образуютъ заводскіе и профессіональные въ ремеслахъ комитеты.

Относительно интеллигентовъ мы приняли принципъ: всякій интеллигентъ, будь онъ организаторъ, пропагандистъ или агитаторъ, долженъ входить въ какую-нибудь группу рабочихъ — районную, профессіональную и т. д. На такихъ же началахъ предлагается организовать другіе районы — Кунавинскій, Молитовскій, Сормовскій (Сормовская организація, пользовавшаяся широкой автономіей, не опредѣлила еще, остается ли она съ комитетомъ, теперь въ ней работаютъ рядомъ „большевики" и „меньшевики". Къ намъ присоединилась также „крестьянская группа". Центръ, объединяющій всѣ эти отдѣльныя организаціи, еще не принялъ окончательной формы, соотвѣтствующей всему характеру организаціи.

Разъ 3-5 въ недѣлю въ городѣ устраиваются массовки, на которыхъ участвуютъ отъ 50 до 200 человѣкъ каждый разъ. Группа принимаетъ активное участіе въ Сормовскихъ митингахъ съ ихъ тысячнымъ составомъ.

Въ работѣ приходится наталкиваться на противодѣйствіе комитета. Нашу работу надъ организаціей профессіональныхъ союзовъ они называютъ „зубатовщиной", „экономизмомъ", и многіе рабочіе боятся этихъ жупеловъ. Съ самаго начала мы хотѣли войти въ соглашеніе съ комитетомъ, но намъ было заявлено, что мы для нихъ не существуемъ, и что фактъ образованія нами группы будетъ ими разсматриваться какъ дезорганизація работы. Теперь же, вѣроятно, вслѣдствіе возросшаго вліянія группы, Комитетъ вступилъ съ нами въ переговоры, и мы собираемся вмѣстѣ организовывать массовки и обмѣниваться литературой. Это немного, но это шагъ къ сближенію.

Предостереженіе. Въ наши руки попала прокламація, изданная на грузинскомъ языкѣ отъ 25 мая 1905 года Центр. С.-Д. П. [illegible] Комитетомъ. Судя *по всѣмъ признакамъ, это явный и неудачный подлогъ.* Написанная въ высшей степени безграмотно, она заключаетъ въ себѣ, построенныя на принципѣ, обратномъ прогрессивно-подоходному налогу, требованія объ уменьшеніи наемной платы за всѣ торговыя заведенія (о жилыхъ помѣщеніяхъ ничего не сказано въ прокламаціи) въ такой пропорціи: для платящихъ 300 руб. скидывается съ рубля 20 коп., для платящихъ отъ 300 до 1000 руб. — 30 коп. съ рубля, а для платящихъ свыше 1000 руб. — 40 коп. съ рубля. Это постановленіе комитета [illegible] обязательно для обѣихъ сторонъ (снимающихъ и сдающихъ торговыя зданія), имъ же упраздняются всѣ старые контракты и условія о наймѣ, и по этому рецепту [illegible] и все [illegible] этого постановленія [illegible] комитета „противная сторона [illegible] и написано) будетъ строго наказана". Вся эта галиматья, очевидно, исходитъ отъ кавказскихъ [illegible] мотивированной „вызвать [illegible] въ Россіи [illegible] и въ Кутаисской губерніи въ частности упадокъ торговли и промышленности" („стиль" прокламаціи сохраненъ). [illegible]

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Изъ Вологодской губ. въ послѣднее время бѣжали: Марковъ [illegible] бѣжавшій изъ Вол[illegible], Бобровскій [illegible] Шимановскій [illegible] и П. Д. [illegible] Савковъ [illegible] рабочій Владиміровъ и еще двое рабочихъ.

13 [illegible] въ Олекминскѣ (Якут. [illegible] товарищъ Михаилъ Можа[illegible], [illegible] въ 1902 [illegible] движеніи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Бѣловой [illegible] получены. О [illegible] и резолю[illegible] печатаны. Полъ [illegible] пишете?

[illegible] la Coulouvrenière 27 Genève

Выработанная комитетомъ резолюція была единогласно одобрена центральной группой рабочихъ г. Орла.

Иркутскъ, 16 іюня. На состоявшемся на дняхъ собраніи членовъ организаціи Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи въ Иркутскѣ, былъ выслушанъ письменный докладъ делегата Сибирскаго Союза о причинахъ, почему онъ отказался принять участіе въ третьемъ съѣздѣ. Затѣмъ былъ выслушанъ докладъ одного изъ товарищей, а затѣмъ послѣ обмѣна мыслями единогласно принята слѣдующая резолюція: Во первыхъ: собраніе одобряетъ поведеніе делегата; во вторыхъ: собраніе не можетъ признать состоявшійся „съѣздъ“ партійнымъ, такъ какъ на немъ была представлена лишь одна часть партіи и поэтому всѣ рѣшенія этого „съѣзда“ не считаетъ для себя обязательными, и въ третьихъ — признавая, что то положеніе, въ которомъ теперь находится наша партія, вредитъ соціальдемократическому дѣлу, собраніе призываетъ всѣхъ работниковъ Партіи и всѣ организаціи употребить всю свою энергію на скорѣйшее возстановленіе единства партіи. Восемнадцать человѣкъ признаютъ необходимымъ средствомъ для этого — третій партійный съѣздъ. Двадцать одинъ человѣкъ не считаетъ нужнымъ указывать на съѣздъ, какъ на единственный для этого путь.

Одесса. По иниціативѣ рабочихъ, примыкающихъ къ мѣстному Комитету, или и частью рабочихъ изъ организаціи Группы принята слѣдующая резолюція:

„Въ тотъ историческій моментъ, который мы переживаемъ теперь, работа соціалдемократической Партіи окончательно дезорганизуется существующимъ въ ней расколомъ, конкурренціей двухъ организацій. Не говоря уже о значительной части силъ, отвлекаемыхъ на эту конкурренцію, жизненность дѣла страдаетъ отъ отсутствія соединенія лучшихъ партійныхъ работниковъ для выработки общаго плана и общей тактики. Масса силъ тратится непроизводительно — напримѣръ, когда обѣ партіи направляютъ свое вниманіе на одинъ и тотъ же заводъ, стараясь привлечь его въ свою организацію.

Между тѣмъ, мы находимъ, что расхожденіе членовъ партіи по *нѣкоторымъ* вопросамъ не можетъ служить поводомъ къ расколу организаціи, такъ какъ въ живой партіи, растущей, откликающейся на всю сложность выдвигаемыхъ исторіей задачъ; нельзя и предположить одинаковости мнѣній всѣхъ ея членовъ, и совмѣстное существованіе въ Партіи различныхъ теченій служитъ доказательствомъ ея жизненности и способствуетъ ея идейному развитію; и что было бы губительно для развитія Партіи стричь всѣхъ подъ одну гребенку. Всѣ разногласія, при единствѣ общей основной соц.-дем. точки зрѣнія, смогутъ быть изжиты лишь въ процессѣ работы въ *единой* Партіи. Нашъ лозунгъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“ не долженъ быть для насъ одними словами, но проводиться на дѣлѣ, а постановленіе Амстердамскаго конгресса обязываетъ насъ, имѣвшихъ на немъ своихъ представителей, сдѣлать рѣшительный шагъ къ полному и немедленному объединенію.

Итакъ, находя, что Партія можетъ и должна сплотить всѣ соціальдемократическіе элементы рабочаго класса, вѣря въ революціонность классоваго инстинкта пролетаріата и считая единственно вѣрнымъ средствомъ борьбы съ оппортюнизмомъ развитіе классоваго самосознанія и самодѣятельности пролетаріата; видя безплодность попытокъ къ объединенію, предпринятыхъ до сихъ поръ обѣими фракціями Соціальдемократической Партіи, мы, рабочіе соціальдемократическихъ периферій, заявляемъ слѣдующее. Мы находимъ, что только нашъ голосъ, только наше пролетарское вмѣшательство можетъ положить конецъ позорному положенію вещей въ Партіи. Мы обращаемся ко всѣмъ Комитетамъ Партіи съ требованіемъ немедленно приступить къ организаціонному объединенію, необходимому для единства работы на такихъ началахъ, чтобы ни одна фракція, какъ заявившая себя самостоятельной работой, не теряла своей политической физіономіи и не растворялась бы въ другой части Партіи, *не обязуясь подчиняться тѣмъ рѣшеніямъ, въ выработкѣ которыхъ не принимала участія: въ основу единства Партіи долженъ быть положенъ тотъ принципъ, что во всѣхъ дѣйственныхъ планахъ и выступленіяхъ рѣшающій голосъ предоставляется сознательной рабочей периферіи*. Обращаясь съ этимъ требованіемъ къ мѣстнымъ руководящимъ коллегіямъ, мы подчеркиваемъ, что ждемъ полнаго объединенія силъ при посредствѣ Центральныхъ Учрежденій обѣихъ организацій, и выражаемъ увѣренность, что чѣмъ скорѣе къ нашему голосу присоединятся согласные съ нами голоса нашихъ товарищей изъ другихъ городовъ, тѣмъ скорѣе произойдетъ полное объединеніе Партіи!“

Отъ ред. Мы можемъ только поздравить одесскихъ сознательныхъ рабочихъ, первыми вступившихъ на тотъ путь „борьбы за объединеніе“, который одинъ можетъ сдѣлать послѣднее возможнымъ и необходимымъ. Намъ хотѣлось бы вѣрить, что сообщаемыя товарищами свѣдѣнія, согласно которымъ иниціаторы этой попытки *исключены* Одесскимъ Комитетомъ изъ руководимой имъ организаціи, — невѣрны. Это было бы тѣмъ болѣе чудовищно, что одесская резолюція, „исходя отъ *рабочей* периферіи“, проникнута самымъ щепетильнымъ отношеніемъ къ чему бы то ни было фракціонному самолюбію и не носитъ на себѣ печати того „анти-интеллигентскаго радикализма“, какимъ, напр., грѣшенъ однородный *по цѣлямъ* призывъ „рабочаго, одного изъ многихъ“ (см. № 104 „Искры“). Мы можемъ только пожелать полнаго успѣха одесскимъ товарищамъ.

Резолюція Саратовскаго Ком. Саратовскій комитетъ, выслушавъ и обдумавъ сообщенія о III съѣздѣ и о конференціи, большинствомъ 7 голосовъ противъ 3, вынесъ слѣдующія руководящія мнѣнія: 1) оставить открытымъ вопросъ о законности и партійности съѣзда, какъ въ формальномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, — въ виду отсутствія всѣхъ необходимыхъ документовъ; 2) признать идейную позицію III съѣзда, выразившуюся въ его резолюціяхъ и его организаціонномъ уставѣ, соотвѣтствующей идейной позиціи Сар. ком.; 3) признать центры, избранные съѣздомъ; 4) войти въ сношенія съ Организ. Комис. съ цѣлью участія въ организуемыхъ ею конференціяхъ и работахъ по подготовкѣ 4 съѣзда и съ цѣлью полученія отъ нея литературы; 5) признать необходимой на страницахъ Центр. Орг. свободную дискуссію по тактическимъ и организаціоннымъ вопросамъ (въ особенности по аграрному вопросу); 6) принимая во вниманіе, что наличныя разногласія между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“ не настолько значительны, чтобы исключать возможность совмѣстной работы въ единой организаціи — выразить пожеланіе, чтобы центры, избранные съѣздомъ и конференціей, возможно скорѣе пришли къ необходимому на этотъ счетъ соглашенію.

Констатируя, что это руководящее мнѣніе принято большинствомъ 45 противъ 20 при 1 воздержавшемся на общемъ собраніи всѣхъ организацій, работающихъ подъ руководствомъ Сар. Ком., — комитетъ объявляетъ свое руководящее мнѣніе окончательнымъ постановленіемъ.

На томъ же собраніи были приняты слѣдующія резолюціи: 1) аграрныя резолюціи, принятыя III съѣздомъ и конференціей, признаются непріемлемыми (принята единогласно); 2) периферійныя группы намѣчаютъ кандидатовъ въ Комитетъ, причемъ для пріема этихъ кандидатовъ требуется лишь простое большинство голосовъ (принята всѣми противъ 6).

Обсудивъ эти двѣ резолюціи, Сарат. Ком. присоединяется къ первой изъ нихъ 6 голосами противъ 2 при 1 воздержавшемся и ко второй — 7 голосами противъ 2.

Примѣчаніе: Голосованіе руководящаго мнѣнія Комитета на общемъ собраніи периферійной организаціи по отдѣльнымъ пунктамъ дало слѣдующіе результаты: Пунктъ первый: за 50 голосовъ, противъ 16, возд. 1. Пунктъ второй: за 37 гол., противъ 21, возд. 1. при особомъ мнѣніи 8. Пунктъ третій: за 45 гол. противъ 19, возд. 3. Пункты 4, 5 и 6 приняты единогласно.

Харьковъ. Въ № 103, по недосмотру, опущено указаніе, что резолюція, принятая Харьковскими товарищами по поводу „съѣзда“ и конференціи (подтвержденіе рѣшеній послѣдней), принята на собраніи не однихъ лишь членовъ К-та, а всего руководящаго коллектива (К-тъ и районные комитеты, всего 25 чел.), который составился согласно рѣшенію конференціи.

Два слова о заявленіи Сѣв.-Западнаго Комитета. (Письмо въ редакцію). Дорогіе товарищи! Нѣсколько строкъ извѣщенія общерусской конференціи о поведеніи делегата Сѣв.-Зап. Ком. вызвали со стороны послѣдняго заявленіе въ „Пролетаріи“ въ пять пунктовъ, на которыхъ я считаю нужнымъ остановиться.

1) Сѣв.-Зап. Ком. заявляетъ: „Изъ словъ (извѣщенія) „прислалъ намъ“ можно заключить, будто „Сѣв.-Зап. Ком. прислалъ сообщеніе конференціи. Въ дѣйствительности никакихъ сообщеній конференціи Сѣв.-Зап. Комитетъ никогда не посылалъ“.

Это невѣрно. Еще задолго до письма т. Мартова, на которое ссылаются авторы заявленія, я послалъ Сѣв.-Зап. Ком. письмо съ изложеніемъ положенія дѣлъ и различные печатные документы, характеризующіе подготовку такъ называемаго III партійнаго съѣзда; я писалъ о необходимости конференціи, потому что большинство на съѣздъ не пойдетъ. (Письма эти дошли). Кромѣ того незадолго до начала съѣзда и конституированія конференціи, товарищъ, уѣхавшій изъ-за границы въ Россію, передалъ нѣкоторымъ членамъ Сѣв.-Зап. Ком. о положеніи дѣлъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что по полученіи письма т. Мартова, посланнаго во время конференціи, члены Сѣв.-Зап. Комитета знали о существованіи съѣзда и конференціи и знали ихъ характеръ. И въ это время я получилъ письмо *для конференціи*, переданное мною редакціи „Искры“ и напечатанное въ № 99.

Письмо это имѣетъ заголовокъ съ правой стороны „Копія“, т. е. оригиналъ этого документа былъ посланъ „Орг. Ком.“ на съѣздъ, а копія его на конференцію. Сѣв.-Зап. Ком. такъ заботился, чтобы этотъ документъ попалъ на наши засѣданія, что счелъ нужнымъ послать два экземпляра.

2) Сѣв.-Зап. Комитетъ заявляетъ, что онъ *никогда не принималъ постановленія* объ отозваніи делегата со съѣзда. Мнѣ очень жаль, что т. т. изъ Сѣв.-Зап. Ком. такъ плохо запоминаютъ то, что они пишутъ. Что означаютъ слѣдующія строки:

„Принимая во вниманіе, что согласно имѣющимся у насъ даннымъ (т. е. письму т. Мартова и посланнымъ мною документамъ и письмамъ), Совѣтъ партіи съѣзда не утвердилъ и отъ участія въ немъ отказался — мы просимъ Орг. Ком. считать нашъ мандатъ не имѣющимъ силы впредь до полнаго выясненія нашимъ делегатомъ положенія дѣлъ и впредь до вторичнаго заявленія нами объ утвержденіи нашего мандата. P. S. О непользованіи мандатомъ впредь до выясненія положенія дѣлъ, нами было уже сообщено нашему делегату. („Искра“ № 99 см. письмо, посланное Сѣв.-Зап. Ком. въ Орг. Ком.)“.

Обозначаютъ ли эти строки отозваніе делегата, какъ писало извѣщеніе о конференціи, или нѣтъ? Очевидно, т.т. изъ Сѣв.-Зап. Комитета подъ словомъ „отозвать“ понимаютъ посылку обратнаго желѣзнодорожнаго билета.

Сѣв.-Зап. Ком. могъ, конечно, *вторично* утвердить, послѣ того „полнаго выясненія положенія дѣлъ“, которое онъ получилъ отъ своего делегата — это его дѣло, но, до вторичнаго утвержденія, делегатъ, оставшись на съѣздѣ, не исполнилъ указаній своего комитета.

3) „По *точному* смыслу мандата, даннаго С.-З. К. своему делегату, послѣдній принялъ участіе на съѣздѣ, не нарушивъ *ни одного* изъ поставленныхъ ему условій (принято единогласно)“ (Прол. № 7). По точному и буквальному смыслу письма С.-З. К. въ О. К. делегатъ долженъ былъ пойти на съѣздъ лишь при условіи... „...подчеркнутой нами необходимости участія на съѣздѣ Совѣта Партіи“ (см. № 99 Искры). Эту подчеркнутую необходимость „делегатъ“ не принялъ во вниманіе и на съѣздѣ остался, но... тѣмъ не менѣе онъ не нарушилъ ни *одного* изъ поставленныхъ ему условій!

Пойми, кто можетъ!

Наконецъ, ссылка С.-З. К. на „Исполнительную комиссію“ рѣшительно ничего не разъясняетъ и бьетъ мимо цѣли, потому что подъ присланнымъ конференціи и напечатаннымъ въ „Искрѣ“ документомъ не было подписано ни „за Сѣв.-Зап. Ком.“, ни во имя его, а ясно и опредѣленно: „Сѣв.-Зап. Ком. Р. С.-Д. Раб. Партіи“. Послѣдній можетъ привлечь къ товарищ. суду за подлогъ свою Исп. Ком., но авторы Извѣщ. о конференціи тутъ не при чемъ, и о существованіи Исполнительн. Ком. партія узнала лишь изъ заявленія С.-З. К.

Заявленіе ссылается на слова „Brieflich ausführlich“, указывающія якобы на некатегоричность постановленія объ отозваніи, но что же прислали намъ т. т. изъ Сѣв.-Зап. Ком., какъ „einen ausführlichen Brief“? Черезъ нѣсколько дней послѣ телеграммы былъ полученъ... документъ, напечатанный въ № 99 „Искры“, въ категоричности котораго сомнѣваться трудно.

Въ заключеніе могу сказать, что Сѣв.-Зап. Комитету вольно изъ боязни очутиться „внѣ... партіи“ ежедневно хотя бы мѣнять свои рѣшенія — но совершенно непозволительно легкомысленно дѣлать необоснованныя „заявленія“, противорѣчащія собственнымъ словамъ и поступкамъ.

Съ товарищ. привѣтомъ В-въ, бывш. членъ С.-З. Ком.

P. S. Интересно знать, санкціонировано ли группами поведеніе делегата С.-З. К.?

Договоръ Военно-Революц. Организаціи съ С.-Д. Польши и Литвы.

Полагая, что Военно-Революціонная Организація Р. С. Д. Р. П. можетъ вести агитаціонную работу въ войскахъ Варшавскаго гарнизона, лишь тѣсно связывая свою дѣятельность съ мѣстной соціальдемократической работой среди пролетаріата, и рекомендуя, поэтому, своимъ членамъ, оставаясь членами Р. С. Д. Р. П., работать въ рядахъ организацій С. Д. Польши и Литвы, Варшав. Комит. В. Р. О. считаетъ необходимымъ вступить въ организаціонныя отношенія къ Варшав. Комит. С. Д. П. и Л., намѣчая для этого слѣдующіе пункты:

I. Въ В. К. В. Р. О., въ качествѣ полноправнаго члена входитъ представитель В. К. С. Д. П. и Л.

II. Чтобы представитель С. Д. П. и Л. своевременно могъ быть освѣдомленъ о выпускаемыхъ В. Р. О. листкахъ, окончательная редакція ихъ принадлежитъ комитету.

III. Для кооптаціи новыхъ членовъ въ В. К. В. Р. О. требуется $^{2}/_{3}$ голосовъ его членовъ при отсутствіи мотивированнаго протеста.

IV. Въ случаѣ полнаго провала комитета В. Р. О., или когда останется на свободѣ только одинъ членъ его, комитетъ возстановляется центральными учрежденіями Р. С. Д. Р. П.

V. В. Р. О. даетъ ежемѣсячныя свѣдѣнія и отчеты о своей дѣятельности центральнымъ органамъ, какъ Р. С. Д. Р. П., такъ и С. Д. П. и Л.

VI. В. Р. О. и С. Д. П. и Л. взаимно обязуются распространять свои изданія.

VII. Только члены Р. С. Д. Р. П. и С. Д. П. и Л. могутъ быть членами В. Р. О.

VIII. Соглашеніе это можетъ быть расторгнуто только съ соглашенія обѣихъ сторонъ или по требованію Ц. Учр. Р. С. Д. Р. П. или С. Д. П. и Л.

IX. Вся техническая часть работы лежитъ на Варшавскомъ Комитетѣ С. Д. П. и Л.

X. Финансовая часть В. Р. О. передается финансовой комиссіи В. К. С. Д. П. и Л., который обязуется покрывать расходы В. Р. О.

XI. Соглашеніе это подлежитъ опубликованію въ партійныхъ органахъ Р. С. Д. Р. П. и С. Д. П. и Л.

Варшава $^{1}/_{14}$ іюля 1902 г.

Англійская Соціальдемократія о „третьемъ съѣздѣ“. Въ „Justice“ — органѣ Англійской Соціаль-демократической Федераціи — русскій N. A. помѣстилъ статью о „третьемъ съѣздѣ“, написанную въ духѣ „Пролетарія“. Редакція снабжаетъ статью слѣдующимъ [illegible] Мы напечатаемъ вышеприведенный докладъ въ томъ самомъ видѣ, какъ получили его, но справедливость по отношенію къ заинтересованнымъ сторонамъ заставляетъ насъ сдѣлать указаніе — отсутствующее, къ несчастью, въ самомъ докладѣ — что съѣздъ, о которомъ идетъ въ немъ рѣчь, не былъ съѣздомъ *всей* Россійской Соціаль-Демократической рабочей партіи, а лишь одной ея части, другая же часть съ Плехановымъ, Засуличъ, Аксельродомъ, Дейчемъ и другими держалась въ сторонѣ отъ него. Поэтому, едва-ли правильно называть этотъ съѣздъ *третьимъ* съѣздомъ Партіи или присваивать его резолюціямъ значеніе партійныхъ резолюцій“. — Попытка ввести въ заблужденіе англійскихъ товарищей окончилась такимъ образомъ, для г-на Н. А. такимъ же жалкимъ фіаско, какъ и аналогичныя попытки его, столь же добросовѣстныхъ, единомышленниковъ, сдѣланныя въ французской и германской партійной прессѣ.

Мелитополь. Все послѣднее время занятія кружковъ были заполнены исключительно вопросомъ о съѣздѣ и конференціи. Отсутствіе квартиръ вызывало дробленіе группъ, что плохо отражалось на оживленности дебатовъ. Случалось, что въ одной группѣ велись оживленные дебаты, а въ другой — молчали. Тѣмъ не менѣе, вопросъ исчерпанъ. На одномъ изъ такихъ собраній присутствовалъ одинъ большевикъ. Пренія велись отъ 12 до 3 часовъ ночи, что отразилось, конечно, на вниманіи слушателей. На поставленный большевику вопросъ: „считаетъ ли онъ съѣздъ выражающимъ волю всей партіи?“, онъ принужденъ былъ отвѣтить отрицательно. На слѣдующій вопросъ: „почему же, въ такомъ случаѣ, онъ требуетъ признанія съѣзда, имъ же признаваемаго непартійнымъ?“, большевикъ отвѣчалъ ссылкой на „революціонное время“, и неожиданно заявилъ, что, если меньшевики дѣйствительно не лицемѣрятъ, когда говорятъ о мирѣ, они должны признать съѣздъ.

Нельзя скрывать, что разъясненіе вопроса о съѣздѣ заняло слишкомъ много времени. Это объясняется тѣмъ, что почти всѣ рабочіе ничуть не сомнѣвались въ искренности намѣреній большевиковъ. И когда рабочимъ приводили примѣры твердаго „миролюбія“, они возражали: „какъ же, вѣдь они говорятъ и пишутъ, что желаютъ мира!“ Большевики могутъ гордиться. Они добились того, что рабочіе начинаютъ вѣрить, что и среди соціальдемократовъ имѣются люди, за которыми нужно смотрѣть въ оба. Да и намъ нечего жалѣть. Рабочіе учатся *критически относиться* ко всему, что видятъ и слышатъ. Намъ ли объ этомъ жалѣть?

Вопросъ о съѣздѣ и конференціи обсуждался детально на основаніи № 1 „Пролетарія“, заявленія конференціи третьему съѣзду и письма 6. Ц. К.: „чего ждетъ партія отъ третьяго съѣзда?“ Ясное и опредѣленное заявленіе большевиковъ, что они не считаютъ дѣйствительнымъ пунктъ договора Б. К. Б. и Ц. К., по которому съѣздъ дѣйствителенъ при наличности $^{3}/_{4}$ комитетовъ; заявленіе, что и при наличности 20 комитетовъ вмѣсто 25 они считаютъ съѣздъ дѣйствительнымъ; наконецъ, исторія съ предложеніемъ Бебеля — все это раскрыло глаза даже и нашимъ довѣрчивымъ рабочимъ. Увильнувъ отъ отвѣта на предложеніе Бебеля, Ленинъ обѣщалъ передать его на разсмотрѣніе съѣзда, между тѣмъ какъ въ резолюціяхъ съѣзда (изд. Ц. К.) о немъ „хранится гордое молчаніе“.

Исторія съ большевиками отняла у насъ много времени въ ущербъ обычной пропагандистской работѣ. Но она дала и даетъ много для политическаго воспитанія рабочихъ, и въ этомъ отношеніи для насъ время не потеряно.

Нижній-Новгородъ. (Изъ письма члена организаціи). Недавно образовавшаяся здѣсь наша организація составилась такъ. Наиболѣе сознательные рабочіе образовали центральную городскую (городского района) группу. Она и является рѣшающимъ коллективомъ, распредѣляющимъ работу въ организаціи и руководящимъ ею политически. Изъ центральной группы выдѣлена болѣе тѣсная группка для исполнительныхъ функцій. Центральная группа окружена широкимъ слоемъ рабочихъ, которые, вмѣстѣ съ членами этой группы, образуютъ заводскіе и профессіональные (въ ремеслахъ) комитеты.

Относительно интеллигентовъ мы приняли принципъ: всякій интеллигентъ, будь онъ организаторъ, пропагандистъ или агитаторъ, долженъ входить въ какую-нибудь группу рабочихъ — районную, профессіональную и т. д. На такихъ же началахъ предлагается организовать другіе районы — Кунавинскій, Молитовскій, Сормовскій (Сормовская организація, пользовавшаяся широкой автономіей, не опредѣлила еще, остается ли она съ комитетомъ, теперь въ ней работаютъ рядомъ „большевики“ и „меньшевики“). Къ намъ присоединилась также „крестьянская группа“. Центръ, объединяющій всѣ эти отдѣльныя организаціи, еще не принялъ окончательной формы, соотвѣтствующей всему характеру организаціи.

Раза 3-5 въ недѣлю въ городѣ устраиваются массовки, на которыхъ участвуютъ отъ 50 до 200 человѣкъ каждый разъ. Группа принимаетъ активное участіе въ Сормовскихъ митингахъ съ ихъ тысячнымъ составомъ.

Въ работѣ приходится наталкиваться на противодѣйствіе комитета. Нашу работу надъ организаціей профессіональныхъ союзовъ они называютъ „зубатовщиной“, „экономизмомъ“, и многіе рабочіе боятся этихъ жупеловъ. Съ самаго начала мы хотѣли войти въ соглашеніе съ комитетомъ, но намъ было заявлено, что мы для нихъ не существуемъ, и что фактъ образованія нами группы будетъ ими разсматриваться, какъ дезорганизація работы. Теперь же, вѣроятно, вслѣдствіе возросшаго вліянія группы, Комитетъ вступилъ съ нами въ переговоры, и мы собираемся вмѣстѣ организовывать массовки и обмѣниваться литературой. Это немного, но это шагъ къ сближенію.

Предостереженіе. Въ наши руки попала прокламація, изданная на грузинскомъ языкѣ отъ 25 мая 1905 года Центр. С.-Д. П. (!?) Р. (?!!) Комитетомъ. Судя *по всѣмъ признакамъ, это явный и неудачный подлогъ*. Написанная въ высшей степени безграмотно, она заключаетъ въ себѣ, построенныя на принципѣ о ратномъ прогрессивно-подоходному налогу, требованія объ уменьшеніи наемной платы за всѣ торговыя заведенія (о жилыхъ помѣщеніяхъ ничего не сказано въ прокламаціи) въ такой пропорціи: для платящихъ 300 руб. скидывается съ рубля 20 коп.; для платящихъ отъ 300 до 1000 руб. — 30 коп. съ рубля, а для платящихъ свыше 1000 руб. — 40 коп. съ рубля. Это постановленіе комитета (?!) обязательно для обѣихъ сторонъ (нанимающ. и сдающ. торговыя зданія). Имъ же упраздняются всѣ старые контракты и условія о наймѣ, и по этому рецепту составляются новые. Неисполнившая этого постановленія Центральнаго (?!!) комитета „противная сторона безъ разслѣдованія дѣла (такъ и написано) будетъ строго наказана“. Вся эта галиматья, очевидно, исходящая отъ кавказскихъ купцовъ, мотивируется „вызваннымъ кризисомъ въ Россіи вообще и въ Кутаисской губерніи въ частности, упадкомъ торговли и промышленности“ („штиль“ прокламаціи сохраненъ). Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Изъ Вологодской губ. въ послѣднее время бѣжали: Марковинъ с.-д. (бѣжавш. изъ Вост. сиб.), Бобровскій по орловскому с.-д. дѣлу; Шиманскій по кіевск. с.-д. и П. П. С.; Савковъ по смоленск. с.-д.; рабочій Владиміровъ и еще двое рабочихъ.

13 іюня 1905 г. въ Олекминскѣ (Якут. Обл.) умеръ товарищъ Михаилъ Можаевъ, сосланный въ 1902 г. на 5 л. въ Якутск. Обл. по Гурійскому с.-д. движенію.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Бѣловой. Всѣ письма получены. Отчетъ и резолюція напечатаны.
Пол. Какимъ шифромъ пишете?

Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière 27 Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ-ли они, по прежнему, бойкотировать университеты и другія высшія учебныя заведенія, или поищутъ новыхъ, болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ?

Незачѣмъ, конечно, говорить о томъ, что, какъ ни мала относительно соціальная сила, представляемая студенчествомъ, въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на поверхность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все-же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями“ учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Тутъ важно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны тѣ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной партіи въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ, съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованныя уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающейся молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ народнаго возстанія, могутъ оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ „уличныхъ“ дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются наши университетскіе города, и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда наряду съ дальнѣйшимъ „подготовленіемъ“ революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигаются непосредственныя боевыя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекціи до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу рѣшеній студенчества при началѣ академической забастовки, пересмотръ вопроса о тактикѣ самаго студенчества. Рѣшатъ-ли и они, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Эта тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на существованіе и большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ по своему общественному значенію, проявленій протеста широкихъ слоевъ народа и общества противъ самодержавнаго режима, и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ дезорганизаціи правительства, — а къ этому, почти цѣликомъ, дѣло и сводилось годъ тому назадъ — тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложенными руками несомнѣнно соотвѣтствовала поставленной задачѣ. Она вполнѣ удовлетворяла и другому запросу времени — расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно *демонстрировала* передъ всѣмъ населеніемъ всю невозможность „жить такъ дальше“: невозможность работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ обязанностей для адвокатовъ, врачебныхъ — для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, учителей, студентовъ. Она показала самодержавіе во весь ростъ, какъ страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго развитія, но и для простого продолженія всѣхъ общественныхъ функцій. Тактика *пассивнаго сопротивленія* — а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота — дискредитировала самодержавіе, вносила во всю страну элементы политическаго возбужденія и политическаго сознанія и *подготовляла* политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ. „Разселеніе“ студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, немало способствовало занесенію „заразы“ въ самые глухіе провинціальные углы. Недаромъ „студентъ“, наряду съ „жидомъ“, сталъ предметомъ самой яростной ненависти организаторовъ „черныхъ сотенъ“.

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика „неучастія“ вполнѣ оправдывалась обстоятельствами и вполнѣ соотвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иныя времена — иныя пѣсни, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революціоннымъ, сегодня легко становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ прошломъ № „Искры“ (ст. „Оборона или наступленіе“) мы старались показать, какой недостаточной и нереволюціонной явилась-бы въ переживаемый моментъ тактика неосложненнаго никакими наступательными дѣйствіями бойкота, проектированнаго „Союзомъ союзовъ“ по отношенію къ Булыгинской Думѣ. Тотъ-же принципъ примѣнимъ цѣликомъ и къ студенческой тактикѣ забастовокъ. Мы должны готовиться къ активнымъ боевымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и раздробленные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающейся повседневнымъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ этихъ массовыхъ выступленіяхъ и играть въ нихъ извѣстную полезную роль. Но именно только въ одиночку. Вся-же сила, которая создается коллективною организованностью студенчества, идетъ при этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, именно эта коллективная организованность и составляетъ одну изъ тѣхъ особенностей студенчества, которыя дѣлаютъ его драгоцѣннымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ много, революціонныхъ организмовъ — мало. Надо дорожить тѣми немногими, какіе имѣются въ наличности.

Значитъ, мы зовемъ студентовъ „приступить къ занятіямъ“, подчинившись введенному правительствомъ режиму и спокойно выжидая, пока революціонный Апполонъ призоветъ ихъ къ „священной жертвѣ“? Конечно, нѣтъ. Такая дилемма — или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному террору — встаетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить мыслью черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія. Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше профессоровъ и показать своимъ „учителямъ“ примѣръ активной тактики и въ области академическихъ отношеній. Студенчество вернется въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Захватное право“ должно воцариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка“, изгнаніе педелей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа, — такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ“ профессоровъ, которые упиваются своею собственною гражданскою доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, поднимутъ ужасный вопль по случаю покушенія революціи на „свободу“ науки. Но смущаться этими воплями не слѣдуетъ, не только потому, что „свобода“ профессорской „науки“, всегда косящей глазами въ сторону правящихъ классовъ, — вещь довольно сомнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни до водворенія либеральнаго „порядка“, когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной съ которой въ свободномъ состязаніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро дадутъ снова запречь себя въ оглобли размѣренно-аккуратной „научной мысли“ г.г. профессоровъ...

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возвращеніе“ студентовъ къ „занятіямъ“. Если забастовка была для него „бичемъ“, то прекращеніе ея окажется „скорпіономъ“. И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но, не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является инціаторомъ „прекращенія науки“, обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ намѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся вернуть ту эру „неученія“, о которой оно будетъ вздыхать, ибо будетъ слишкомъ *поздно*.

Но, разумѣется, предѣлами академической жизни задачи студенчества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ [illegible]люціоннымъ народомъ, который устремится въ откр[illegible] университетовъ, для того, чтобы организоваться пол[illegible], чтобы примкнуть къ опредѣленнымъ политическимъ [illegible], завязать тѣсныя сношенія съ партійными организаці[illegible] согласовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей „[illegible]рательной“ агитаціи) съ ихъ дѣятельностью, вооружиться [illegible] и содѣйствовать вооруженію народа и т. д. и т. д. Въ этой области, разумѣется, неизбѣжно партійное разложеніе студенчества и партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой храмины воедино можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути — продолженіе отжившей свое время и, въ значительной мѣрѣ, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ самодержавія. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй — чреватъ тяжелой борьбой, тяжелыми жертвами, частичными неудачами, неувѣренностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, и мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь.

РАНО ПТАШЕЧКА ЗАПѢЛА.

События на „князѣ Потемкинѣ“ были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго возстанія. И достаточно было одного этого раската, чтобы господамъ освобожденцамъ уже стали сниться дурные сны. Давно ли г. Струве насъ упрекалъ въ томъ, что мы преждевременно „дѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя“? Теперь, увидѣвши опытъ возстанія хотя бы частичнаго, хотя бы неудавшагося, онъ и его присные уже обезпокоились о судьбѣ „шкуры“, уже заговорили объ ея „дѣлежѣ“ и какимъ языкомъ заговорили! Еще „демократы“ только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутацій къ царю и отъ адресовъ нечего ждать, что пора апеллировать къ народу, а уже въ головахъ ихъ литературныхъ „регистраторовъ“ зрѣютъ контръ-революціонныя идеи! Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 „Освобожденія“ г. Струве помѣстилъ статью „Князь Потемкинъ и что же дальше“? Въ № 74 „Освобожденія“ помѣщена статья о возстаніи, нѣкоего „Освобожденца“, написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на „Потемкинѣ“. Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ „Освобожденцемъ“, лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ „Освобожденцемъ“, но, сравнивая обѣ указанныя статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя „изящной политики“, г. Струве, шокируетъ развѣ лишь излишняя откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ переоцѣнить всѣ цѣнности и отмежеваться отъ насъ по всей линіи. Г. „Освобожденецъ“, повидимому, тоже принадлежитъ къ числу „бывшихъ“ революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами „родными счесться“. Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь-же внезапнаго поворота налѣво.

Г. Струве выражается мягко: „Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что участіе вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истинной революціи крупныя опасности“. Г. „Освобожденецъ“ выражается весьма рѣшительно: „Открытую проповѣдь въ Россіи вооруженнаго возстанія мы считаемъ теперь безумной и преступной“. Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы-бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. „Освобожденца“. Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. „Освобожденецъ“ имѣетъ наивность, если это только наивность, утверждать, что не онъ выступилъ противъ революціи, вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. „Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды, — говоритъ онъ. — Мы не отрицаемъ, что ихъ теорія заключала нѣкоторыя основанія для того, чтобы эта перемѣна... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе фактъ кореннаго измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію“. Въ чемъ-же проявился этотъ „фактъ“, г. „Освобожденецъ“?

Раньше, видите-ли, „всѣ были согласны въ одномъ, что успѣхъ борьбы съ самодержавіемъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество (sic!) для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа“.

Мы бы посовѣтовали г. „Освобожденцу“ не писать исторію русской революціонной мысли „по Дебагорію-Мокріевичу и Драгоманову“; это, примѣрно, такое же неблагодарное занятіе, какъ излагать Маркса по Бернштейну. Во первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, *поскольку ими руководитъ общество*, т. е. наша либеральная демократія, уже хоть бы потому, что это „общество“ никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ русскаго либерализма есть одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонерамъ-семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество сможетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ съ самодержавіемъ, то они обусловливали это всегда [illegible] движенія, которое придастъ храбрость либераламъ. И, въ концѣ концовъ, рѣшающей революціонной силой въ нашей буржуазной революціи они считали пролетаріатъ и только пролетаріатъ.

Во вторыхъ, мы, соціальдемократы, поставившіе на очередь вопросъ о вооруженномъ возстаніи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не „обществомъ“. Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ вооруженной силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія у народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, привести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго сознанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для самодержавія, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія притязанія силой. Это всегда сознавали революціонныя соціалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время дали очередной лозунгъ — подготовлять вооруженное возстаніе, то и раньше, выдвигая на первый планъ пропаганду и агитацію, мы всегда имѣли въ виду моментъ наступленія гражданской войны и въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности мы усматривали между прочимъ, лучшее средство для приближенія этого момента.

Да и полно! Дѣйствительно ли г. „Освобожденецъ“ такъ наивенъ, дѣйствительно ли онъ, думаетъ, что давленіе на правительство силой оружія находится въ противорѣчіи съ давленіемъ на правительство силой политической сознательности? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. „Стихійный взрывъ народнаго гнѣва“, пишетъ онъ, — „заставляющій народъ внезапно взяться за оружіе, обыкновенно даже бываетъ полезенъ революціи, именно благодаря тому, что онъ облегчаетъ арміи, а особенно офицерству, отказъ отъ примѣненія вооруженной силы и открываетъ переходъ на сторону народа“. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что „вооруженное возстаніе можетъ быть оправдано только тогда, когда оно возникаетъ стихійно... Открытая проповѣдь вооруженнаго возстанія, въ противоположность стихійно возникшему, особенно вредна еще и потому, что она деморализуетъ армію... Для того, чтобы придать своимъ требованіямъ большій вѣсъ, мы должны привлечь на свою сторону армію, *а особенно офицерство*“. Ту же самую мысль, хотя и облеченную въ болѣе пышную фразу, высказываетъ г. Струве: „Чтобы войска могли явиться могучимъ факторомъ политическаго переворота — классовая рознь офицеровъ и солдатъ должна исчезнуть передъ единствомъ дѣйствій, продиктованнымъ идеей національнаго освобожденія“. Теперь для насъ ясно, чего собственно хотятъ наши „демократы“, гг. Струве и „Освобожденецъ“. Они ничего не имѣютъ противъ возстанія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ жертвъ для народа, точно также, какъ либералы въ свое время ничего не имѣли противъ войны и тому подобныхъ стихійныхъ факторовъ, дезорганизующихъ правительство. Но они хотятъ, чтобы всѣ эти стихійныя разрушительныя силы были политически использованы „обществомъ“ при поддержкѣ офицерства, составляющаго плоть отъ плоти и кость отъ кости этого общества. Они хотятъ, чтобы народныя силы слѣпо и покорно шли на поводу у „истиннаго представителя націи“ — у либеральнаго общества. Они ничего не имѣютъ противъ того, „чтобы чернь“ дѣлала революцію, лишь бы только въ народѣ не укрѣпилось вредное сознаніе „права на революцію“, дурная „привычка къ гражданской войнѣ“. Пусть народъ участвуетъ въ облавѣ на медвѣдя, лишь бы не [illegible]вовалъ въ дѣлежѣ медвѣжьей шкуры.

Вы видите, потуги г. „Освобожденца“ доказать, что революціонныя соціалистическія партіи перемѣнили кореннымъ образомъ свою тактику, имѣютъ, сознательно или безсознательно, [illegible] цѣлью скрыть его собственную измѣну дѣлу демократіи.

Эта же цѣль скрывается и за другимъ аргументомъ г. „Освобожденца“, направленнымъ противъ насъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія безумна“, говоритъ онъ, „потому, что побѣда вооруженнаго возстанія надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и пораженіе революціонеровъ въ вооруженномъ возстаніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ побѣда. А въ случаѣ пораженія вооруженнаго возстанія, неминуемо послѣ[illegible] усиленіе позиціи правительства“... И въ данномъ случ[illegible] „Освобожденецъ“ считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ [illegible] революціонныхъ партій; и въ данномъ случаѣ онъ старает[illegible] казать преемственность между его взглядами и прежними [illegible]дами „самыхъ видныхъ изъ литераторовъ“ революціонн[illegible]

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА

Приближается начало академическаго года, и вмѣстѣ съ тѣмъ на очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ ли они по прежнему бойкотировать университетъ и другія высшія учебныя заведенія или поищутъ новыхъ, болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ?

Незачѣмъ, конечно, говорить о томъ, что, какъ ни мала относительно соціальная сила, представляемая студенчествомъ, въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на поверхность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями“ учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. Тутъ важно, прежде всего, то особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны тѣ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной арміи въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ, съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованныя уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающейся молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ народнаго возстанія, могутъ оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ „военныхъ“ дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются наши университетскіе города, и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда наряду съ дальнѣйшимъ „подготовленіемъ“ революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигаются непосредственныя боевыя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно во всякомъ случаѣ вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, [illegible] рѣшеній студенчества при началѣ академической забастовки пересмотръ вопроса о ~~тактикѣ самимъ студенчествомъ~~. Рѣшатъ ли и они, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Эта тактика въ свое время имѣла несомнѣнно полное право на существованіе [illegible] ихъ по своему общественному значенію [illegible] широкихъ слоевъ народа и общества [illegible] режима, и она [illegible] поскольку дѣло сводилось [illegible] дезорганизаціи правительства [illegible] дѣло и сводилось [illegible] противленія. Бойкотъ [illegible] соотвѣтствовала [illegible] рала и другому [illegible] литической [illegible] всѣмъ населеніемъ [illegible] возможности [illegible] обязанностей [illegible] можность научной [illegible] учителей, студенты [illegible] какъ страшный [illegible] развитія, но [illegible] функцій. Тактика [illegible] по общему [illegible]

[illegible]

плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Захватное право“ должно воцариться и въ академическихъ залахъ: систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка“, изгнаніе педелей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа, — такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ“ профессоровъ, которые упиваются своею собственною гражданскою доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, поднимутъ ужасный вопль по случаю покушенія революціи на „свободу науки“. Но смущаться этими воплями не слѣдуетъ не только потому, что „свобода“ „профессорской науки“ всегда казалась [illegible] глазами въ сторону правящихъ классовъ [illegible] вещь [illegible] мнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни [illegible] водворенія либеральнаго „порядка“, когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной, съ которой въ свободномъ состязаніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро захотятъ снова запречь себя въ оглобли размѣренно-аккуратной „научной мысли“ г.г. профессоровъ...

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возвращеніе“ студентовъ къ „занятіямъ“. Если забастовка была для него „бичемъ“, то прекращеніе ея окажется „скорпіономъ“. И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но, не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является иниціаторомъ „прекращенія науки“, обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ намѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся вернуть ту эру „неученія“, который [illegible]

[illegible] революціоннымъ народомъ [illegible] университетовъ [illegible] чтобы примкнуть [illegible] завязать тѣсныя [illegible] согласовать свою дѣятельность [illegible] агитаціи [illegible] и содѣйствовать [illegible] этой области разумѣется [illegible] студенчества и партійная [illegible] собраніе [illegible] только способствовать [illegible]

[illegible]

крупныя опасности“. [illegible] „Освобожденецъ“ выражается весьма рѣшительно: „Открытую проповѣдь въ Россіи вооруженнаго возстанія мы считаемъ теперь безумной и преступной“. Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. „Освобожденца“. Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. „Освобожденецъ“ имѣетъ наивность, если это только наивность, утверждать, что не онъ выступилъ противъ революціи вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. „Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды, — говоритъ онъ. — Мы не отрицаемъ, что ихъ теорія заключала нѣкоторыя основанія для того, чтобы эта перемѣна... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе фактъ кореннаго измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію“. Въ чемъ-же проявился этотъ „фактъ“? Г. „Освобожденецъ“ [illegible]

„Раньше [illegible] всѣ были согласны въ одномъ, что успѣхъ борьбы съ самодержавіемъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность въ крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество, — для нихъ теперь не политическая сила. Теперь для нихъ политическая сила — въ вооруженной силѣ организованнаго народа“.

Мы [illegible] г. „Освобожденцу“ не писать исторію русской революціонной мысли [illegible] Лебедева-Мокріевича и Драгоманова [illegible] такое же неблагодарное занятіе, какъ излагать Маркса по Бернштейну. Во-первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, *поскольку ею руководитъ общество*, т. е. наша либеральная демократія, уже хотя бы потому, что это „общество“ никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ русскаго либерализма есть одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонерамъ-семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество сможетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ съ самодержавіемъ, то они обусловливали это всегда развитіемъ рабочаго движенія, которое придастъ храбрость либераламъ. И, въ концѣ концовъ, рѣшающей революціонной силой въ нашей буржуазной революціи они считали пролетаріатъ и только пролетаріатъ.

Во-вторыхъ, мы, соціальдемократы, поставившіе на очередь вопросъ о вооруженномъ возстаніи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не „обществомъ“. Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ вооруженной силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія [illegible] народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, привести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго сознанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для самодержавія, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія требованія силой. Это всегда сознавали революціонныя соціалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время [illegible] очередной лозунгъ [illegible] подготовить вооруженное возстаніе [illegible] выдвигая на первый планъ пропаганду и [illegible] имѣли въ виду моментъ наступленія гражданской войны, и [illegible] своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности [illegible] сматривали между прочимъ [illegible] средство для [illegible] момента.

[illegible] какъ на- [illegible] думаетъ [illegible] правительство [illegible] политической сознательности [illegible] болѣе, [illegible] оружіе, [illegible] революціи, и именно благодаря [illegible] офицерству [illegible] вооруженной силы [illegible] можетъ быть [illegible] только тогда, когда [illegible] противоположно [illegible] армію. Для [illegible] большій вѣсъ, мы [illegible] офицерство“ [illegible] классовая рознь [illegible] единствомъ дѣйствія [illegible] „освобожденія“. Теперь [illegible] „демократы“, [illegible] противъ [illegible] для народа, [illegible] не имѣли [illegible] факторовъ [illegible] чтобы всѣ эти [illegible] использованы [illegible] офицерства, составляющаго плоть [illegible] общества [illegible] хотятъ, чтобы [illegible] „истиннаго [illegible] либеральнаго общества [illegible] ничего [illegible] революціи лишь [illegible] права [illegible] привычка къ гражданской войнѣ“. Пусть [illegible] шкуры.

[illegible] „Освобожденецъ“ [illegible] что революціонныя [illegible] партіи перемѣнили [illegible] сознательно или безсознательно [illegible] измѣну [illegible] демократіи.

[illegible] прикрывается и за другимъ аргументомъ г. „Освобожденца“. [illegible] противъ [illegible] „Проповѣдь вооруженнаго возстанія безумна“, говоритъ онъ, потому, что побѣда вооруженнаго возстанія надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и пораженіе революціонеровъ въ вооруженномъ возстаніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ побѣда. А въ случаѣ пораженія вооруженнаго возстанія неминуемо послѣдуетъ усиленіе позиціи правительства“. И въ данномъ случаѣ г. „Освобожденецъ“ считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ революціонныхъ партій, и въ данномъ случаѣ онъ старается доказать преемственность между его взглядами и прежними взглядами „самыхъ видныхъ изъ литераторовъ“ революціоннаго

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 107. 29-го іюля 1905 г. Годъ V

КЪ НАЧАЛУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ГОДА.

Приближается начало академическаго года, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на очередь становится вопросъ о той позиціи, какую займутъ студенты. Будутъ-ли они, по прежнему, бойкотировать университеты и другія высшія учебныя заведенія, или поищутъ новыхъ, болѣе революціонныхъ путей не только для выраженія своего протеста противъ самодержавія, но и для усиленія своей революціонной борьбы съ нимъ?

Излишне, конечно, говорить о томъ, что, какъ ни мала относительно соціальная сила, представленная студенчествомъ, въ ряду тѣхъ основныхъ массовыхъ силъ, которыя выступили на поверхность и которымъ предстоитъ рѣшить судьбы русской революціи, она все-же имѣетъ большое значеніе. Помимо лишняго элемента дезорганизаціи правительственной власти, вносимаго „волненіями" учащейся молодежи, студенчество въ революціонныя времена можетъ сыграть и болѣе крупную роль. [illegible] важно, прежде всего то, особо повышенное настроеніе, которое вносится студентами въ ихъ семьи. Но еще болѣе важны тѣ услуги, которыя могутъ оказать студенты революціонной партіи въ качествѣ интеллигентныхъ агитаторовъ, съ одной стороны, въ качествѣ лицъ, обладающихъ спеціальными техническими знаніями, съ другой. Организованныя уже въ силу группировки своей по учебнымъ заведеніямъ, эти тысячи легко возбуждающейся молодежи являются отличнымъ проводникомъ революціоннаго тока и, при началѣ великихъ массовыхъ выступленій, и, въ частности, при началѣ народнаго возстанія, могутъ оказаться незамѣнимымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ партій. Роль, которую студенты играли во всѣхъ революціяхъ при постройкѣ и защитѣ баррикадъ, при всякихъ „уличныхъ" дѣйствіяхъ возставшихъ народныхъ массъ, достаточно извѣстна, чтобы не останавливаться на ней. Отсюда ясно, что въ интересахъ революціи въ высшей степени важна концентрація студентовъ въ тѣхъ крупныхъ центрахъ политической жизни, какими являются наши университетскіе города, и поддержаніе той организованности студенчества, какая дается регулярнымъ общеніемъ между ними въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Подъ этимъ угломъ зрѣнія и долженъ быть пересмотрѣнъ вопросъ о тактикѣ студенчества теперь, когда наряду съ дальнѣйшимъ „подготовленіемъ" революціи, на очередь дня все болѣе и болѣе выдвигаются непосредственныя боевыя дѣйствія народныхъ массъ.

Въ иностранныхъ газетахъ появилось сообщеніе, будто профессора московскаго университета постановили не читать лекцій до тѣхъ поръ, пока правительствомъ не будетъ гарантирована академическая свобода. Мы не знаемъ, насколько достовѣрно это сообщеніе, но звучитъ оно, во всякомъ случаѣ, вполнѣ правдоподобно. Теперь, въ сентябрѣ, предстоитъ, какъ извѣстно, въ силу рѣшеній студенчества при началѣ академической забастовки, пересмотръ вопроса о тактикѣ [illegible] студенчествомъ. Рѣшатъ-ли они, подобно профессорамъ, сохранить старую тактику? Эта тактика, въ свое время, имѣла несомнѣнно полное право на существованіе и большой смыслъ. Въ ряду другихъ, болѣе крупныхъ по своему общественному значенію, проявленій протеста широкихъ слоевъ народа и общества противъ самодержавнаго режима, и она внесла свою долю въ дѣло его расшатки. Поскольку дѣло сводилось лишь къ такой расшаткѣ, лишь къ дезорганизаціи правительства, — а къ этому, почти цѣликомъ, оно и сводилось годъ тому назадъ — тактика пассивнаго сопротивленія, бойкота, борьбы со сложенными руками несомнѣнно соотвѣтствовала поставленной задачѣ. Она вполнѣ удовлетворяла и другому запросу времени — расширенію и усиленію политической агитаціи. Она наглядно *демонстрировала* передъ всѣмъ населеніемъ всю невозможность „жить такъ дальше": невозможность работы для рабочихъ, отправленія адвокатскихъ обязанностей для адвокатовъ, врачебныхъ — для врачей, невозможность научной и учебной дѣятельности для профессоровъ, учителей, студентовъ. Она показала самодержавіе во весь ростъ, какъ страшный тормазъ не только для всякаго прогрессивнаго развитія, но и для простого продолженія всѣхъ общественныхъ функцій. Тактика *пассивнаго сопротивленія* — а такова и была по общему своему смыслу тактика забастовокъ и бойкота — дискредитировала самодержавіе, вносила во всю страну элементы политическаго возбужденія и политическаго сознанія и *подготовляла* политическую мысль къ наступательнымъ дѣйствіямъ. „Разселеніе" студентовъ по всей странѣ, явившееся естественнымъ результатомъ закрытія учебныхъ заведеній, немало способствовало занесенію „заразы" въ самые глухіе провинціальные углы. Недаромъ „студентъ", наряду съ „жидомъ", сталъ предметомъ самой яростной ненависти организаторовъ „черныхъ сотенъ".

Такимъ образомъ, повторяемъ, для своего времени тактика „неучастія" вполнѣ оправдывалась обстоятельствами и вполнѣ соотвѣтствовала поставленнымъ задачамъ. Но иныя времена — иныя пѣсни, и то, что вчера было прогрессивнымъ и революціоннымъ, сегодня легко становится отсталымъ и реакціоннымъ. Въ прошломъ № „Искры" (ст. „Оборона или наступленіе?") мы старались показать, какой недостаточной и нереволюціонной явилась-бы въ переживаемый моментъ тактика неосложненнаго никакими наступательными дѣйствіями бойкота, проектированнаго „Союзомъ союзовъ" по отношенію къ Булыгинской Думѣ. Тотъ-же принципъ примѣнимъ цѣликомъ и къ студенческой тактикѣ забастовокъ. Мы должны готовиться къ активнымъ боевымъ дѣйствіямъ массъ. Разумѣется, и раздробленные, разбросанные по всей странѣ, лишенные взаимной связи, создающейся ежедневнымъ общеніемъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, студенты могутъ, каждый въ одиночку, принимать участіе въ этихъ массовыхъ выступленіяхъ и играть въ нихъ извѣстную полезную роль. Но именно только въ одиночку. Вся-же сила, которая создается коллективною организованностью студенчества, идетъ при этомъ на смарку. А между тѣмъ, какъ мы уже упоминали, именно эта коллективная организованность и составляетъ одну изъ тѣхъ особенностей студенчества, которыя дѣлаютъ его драгоцѣннымъ элементомъ въ эпоху революціонныхъ бурь и наступательныхъ революціонныхъ дѣйствій. Революціонныхъ единицъ — много, революціонныхъ организмовъ — мало. Надо дорожить тѣми немногими, какіе имѣются въ наличности.

Значитъ, мы зовемъ студентовъ „приступить къ занятіямъ", подчинившись введенному правительствомъ режиму и спокойно ожидая, пока революціонный Апполонъ призоветъ ихъ къ „священной жертвѣ"? Конечно, нѣтъ. Такая дилемма — или продолженіе забастовки, или подчиненіе правительственному террору — встаетъ только передъ тѣмъ, кто не можетъ перескочить мыслью черезъ рамки пассивной тактики, пассивнаго сопротивленія. Студенчество должно въ этомъ случаѣ пойти дальше профессоровъ и показать своимъ „учителямъ" примѣръ активной тактики и въ области академическихъ отношеній. Студенчество вернется въ университетъ не затѣмъ, чтобы мирно вкушать плоды подцензурной науки, а затѣмъ, чтобы своими наступательными дѣйствіями освободить науку отъ той цензуры, которую налагаетъ на нее полицейское самодержавіе. „Захватное право" должно воцариться и въ академическихъ залахъ. Систематическое и открытое нарушеніе всѣхъ правилъ полицейско-университетскаго „распорядка", изгнаніе педелей, инспекторовъ, надсмотрщиковъ и шпіоновъ всякаго рода, открытіе дверей аудиторій всѣмъ гражданамъ, желающимъ войти въ нихъ, превращеніе университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ мѣста народныхъ собраній и политическихъ митинговъ — вотъ цѣль, которую должно поставить себѣ и выполнить студенчество при возвращеніи въ покинутыя имъ залы. Превращеніе университетовъ и академій въ достояніе революціоннаго народа, — такъ можно кратко формулировать задачу студенчества, поскольку она не выходитъ изъ академическихъ рамокъ. Такое превращеніе, конечно, сдѣлаетъ университетъ однимъ изъ пунктовъ концентраціи и организаціи народныхъ массъ.

Само собою разумѣется, что на этомъ пути революціонное студенчество встрѣтитъ противодѣйствіе не только со стороны правительства. Многіе изъ тѣхъ „радикальныхъ" профессоровъ, которые упиваются своею собственною гражданскою доблестью, выражающеюся въ пассивномъ отказѣ читать лекціи, подымутъ ужасный вопль по случаю покушенія революціи на „свободу" науки. Но смущаться этими воплями не слѣдуетъ, не только потому, что „свобода" профессорской „науки", всегда косящей глазами въ сторону правящихъ классовъ, — вещь довольно сомнительной цѣнности, но и потому, что тѣ недолгіе дни до водворенія либеральнаго „порядка", когда университетъ будетъ достояніемъ революціоннаго народа, будетъ трибуной съ которой въ свободномъ состязаніи будетъ раздаваться всякій голосъ, всякое мнѣніе, — эти недолгіе дни и будутъ днями истинной свободы науки, свободы мысли, свободы изслѣдованія. И можно заранѣе поручиться, что тѣ студенты, которымъ выпадетъ на долю счастье пережить эти дни, не такъ то легко и скоро дадутъ снова запречь себя въ оглобли размѣренно-аккуратной „научной мысли" г.г. профессоровъ...

Конечно, правительство не будетъ спокойно смотрѣть на такого рода „возвращеніе" студентовъ къ „занятіямъ". Если забастовка была для него „бичемъ", то прекращеніе ея окажется „скорпіономъ". И необходимо считаться съ такой перспективой, что правительство очень скоро само будетъ стараться закрыть тѣ университетскія двери, въ которыя оно такъ долго и такъ безуспѣшно старалось насильно втащить студенчество. Но, не говоря о морально-политической выгодѣ такой позиціи, при которой не студенты, а правительство является иниціаторомъ „прекращенія науки", обстановка революціоннаго времени, поскольку удастся развить наступательную тактику во всѣхъ сферахъ общественно-политической жизни, даетъ основаніе разсчитывать и на непосредственные успѣхи въ намѣченномъ направленіи. Быть можетъ, даже размѣры этихъ успѣховъ будутъ такъ велики, что правительству не удастся вернуть ту эру „неученія", о которой оно будетъ вздыхать, ибо будетъ слишкомъ *поздно*.

Но, разумѣется, предѣлами академической жизни задачи студенчества не ограничиваются. Оно должно воспользоваться своимъ общеніемъ между собой и съ революціоннымъ народомъ, который устремится въ [illegible] университетовъ, для того, чтобы организоваться [illegible], чтобы примкнуть къ опредѣленнымъ политическимъ [illegible], завязать тѣсныя сношенія съ партійными организаціями, согласовать свою дѣятельность (хотя бы въ предстоящей „избирательной" агитаціи) съ ихъ дѣятельностью, вооружиться [illegible] и содѣйствовать вооруженію народа и т. д. и т. д. Въ этой области, разумѣется, неизбѣжно партійное разложеніе студенчества и партійная группировка его. Но и этой группировкѣ собраніе разсыпанной студенческой храмины воедино можетъ только способствовать.

Итакъ, вотъ два пути — продолженіе отжившей свое время и, въ значительной мѣрѣ, утратившей свое значеніе тактики пассивнаго сопротивленія, или широкая перспектива наступательныхъ боевыхъ дѣйствій съ возможностью играть огромную роль въ активномъ выступленіи передовыхъ массъ на штурмъ самодержавія. Первый путь, несомнѣнно, гораздо болѣе легкій; второй — чреватъ тяжелой борьбой, тяжелыми жертвами, частичными неудачами, неувѣренностью въ тѣхъ предѣлахъ, до которыхъ удастся достигнуть успѣха. Студенчеству предстоитъ выбирать, и мы хотѣли бы, чтобы революціонный смыслъ подсказалъ ему именно этотъ, второй путь..

РАНО ПТАШЕЧКА ЗАПѢЛА...

Событія на „князѣ Потемкинѣ" были первымъ раскатомъ надвигающагося народнаго возстанія. И достаточно было одного этого раската, чтобы господамъ освобожденцамъ уже стали сниться дурные сны. Давно ли г. Струве насъ упрекалъ въ томъ, что мы преждевременно „дѣлимъ шкуру убитаго медвѣдя"? Теперь, увидѣвши опытъ возстанія хотя-бы частичнаго, хотя-бы неудавшагося, онъ и его присные уже обезпокоились о судьбѣ „шкуры", уже заговорили объ ея „дѣлежѣ" и какимъ языкомъ заговорили! Еще „демократы" только собираются въ походъ, еще въ первый разъ они промежъ себя рѣшили, что отъ депутацій къ царю и отъ адресовъ нечего ждать, что пора апеллировать къ народу, а уже въ головахъ ихъ литературныхъ „регистраторовъ" зрѣютъ контръ-революціонныя идеи! Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust!

Въ № 73 „Освобожденія" г. Струве помѣстилъ статью „Князь Потемкинъ и что же дальше"? Въ № 74 „Освобожденія" помѣщена статья о возстаніи, нѣкоего „Освобожденца", написанная тоже подъ впечатлѣніемъ событій на „Потемкинѣ". Г. Струве оговаривается, что онъ согласенъ съ „Освобожденцемъ", лишь въ выводахъ, но не согласенъ съ его мотивировкой. Мы не знаемъ, въ чемъ именно г. Струве не согласенъ съ „Освобожденцемъ", но, сравнивая обѣ указанныя статьи, мы приходимъ къ заключенію, что нашего любителя „изящной политики", г. Струве, шокируетъ развѣ лишь излишняя откровенность и рѣзкость сужденій его единомышленника, граничащая съ парадоксальностью.

Г. Струве продѣлалъ свой путь отъ марксизма къ либерализму рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ переоцѣнить всѣ цѣнности и отмежеваться отъ насъ по всей линіи. Г. „Освобожденецъ", повидимому, тоже принадлежитъ къ числу „бывшихъ" революціонеровъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, не прочь съ нами „родными счесться". Но онъ, видно, такъ быстро отступалъ, что ему еще до сихъ поръ его крутой поворотъ направо представляется въ видѣ нашего столь-же внезапнаго поворота налѣво.

Г. Струве выражается мягко: „Мы нисколько не скрываемъ отъ себя, что участіе вооруженныхъ силъ въ политическомъ движеніи страны представляетъ и для дѣла истинной революціи крупныя опасности". Г. „Освобожденецъ" выражается весьма рѣшительно: „Открытую проповѣдь въ Россіи вооруженнаго возстанія мы считаемъ теперь безумной и преступной". Что-же, это дѣло вкуса, а во вкусахъ мы, какъ извѣстно, сильно расходимся съ либералами и мы-бы, пожалуй, не стали спорить противъ рѣшительнаго заявленія неизвѣстнаго намъ г. „Освобожденца". Но, квалифицируя такимъ образомъ тактику, рекомендуемую нами въ настоящее время, г. „Освобожденецъ" имѣетъ наивность, если это только наивность, утверждать, что не онъ выступилъ противъ революціи, вопреки своему демократическому ярлыку, а что, напротивъ того, мы, русскіе революціонеры, измѣнили своимъ традиціямъ. „Они (представители соціалистическихъ революціонныхъ партій) сразу измѣнили всѣ свои тактическіе взгляды, — говоритъ онъ. — Мы не отрицаемъ, что ихъ теорія заключали нѣкоторыя основанія для того, чтобы эта перемѣна... не производила впечатлѣнія измѣны своимъ убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе фактъ кореннаго измѣненія всѣхъ тактическихъ взглядовъ нашихъ революціонеровъ не подлежитъ сомнѣнію". Въ чемъ-же проявился этотъ „фактъ", г. „Освобожденецъ"?

Раньше, видите-ли, „всѣ были согласны въ одномъ, что успѣхъ борьбы съ самодержавіемъ зависитъ отъ сознательности и организованности народныхъ массъ. Теперь наши революціонныя партіи совершенно измѣнили свои взгляды. Сознательность и организованность, по крайней мѣрѣ, поскольку ею руководитъ общество (sic!) для нихъ теперь не политическая сила... Теперь для нихъ политическая сила... въ вооруженной силѣ организованнаго народа".

Мы бы посовѣтовали г. „Освобожденцу" не писать исторію русской революціонной мысли „по Дебагорію-Мокріевичу и Драгоманову"; это, примѣрно, такое же неблагодарное занятіе, какъ излагать Маркса по Бернштейну. Во первыхъ, никогда и никакія революціонныя партіи въ Россіи не усматривали революціонной политической силы въ сознательности и организованности народа, *поскольку ими руководитъ общество*, т. е. наша либеральная демократія, уже хоть бы потому, что это „общество" никогда не руководило и даже не обращалось къ народнымъ массамъ. Недовѣріе къ политической силѣ русскаго либерализма есть одна изъ наиболѣе прочныхъ традицій нашей революціонной мысли, и если марксисты, въ противовѣсъ революціонерамъ-семидесятникамъ, указывали на то, что наше либеральное общество сможетъ еще сыграть извѣстную роль въ борьбѣ съ самодержавіемъ, то они обусловливали это всегда [illegible] движенія, которое придастъ храбрость либера[illegible] концовъ, рѣшающей революціонной силой въ нашей будущей революціи они считали пролетаріатъ и только пролетаріатъ.

Во вторыхъ, мы, соціальдемократы, поставившіе на очередь вопросъ о вооруженномъ возстаніи, теперь, какъ и прежде, очень высоко цѣнимъ политическую силу, вытекающую изъ сознательности и организованности народныхъ массъ, руководимыхъ революціонными партіями, а не „обществомъ". Но это тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать апеллировать къ вооруженной силѣ народа, что первое второе обусловливаетъ: развитіе политическаго сознанія у народа въ рабской Россіи должно было, раньше или позже, привести народъ къ физическому столкновенію съ самодержавнымъ правительствомъ. Развитіе политическаго сознанія въ народѣ потому и представляло всегда величайшую опасность для самодержавія, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ росла рѣшимость народа поддержать свои политическія притязанія силой. Это всегда сознавали революціонныя соціалистическія партіи въ Россіи и, если мы только въ послѣднее время дали очередной лозунгъ — подготовлять вооруженное возстаніе, то и раньше, выдвигая на первый планъ пропаганду и агитацію, мы всегда имѣли въ виду моментъ наступленія гражданской войны и въ своей пропагандистской и агитаціонной дѣятельности мы усматривали, между прочимъ, лучшее средство для приближенія этого момента.

Да и полно! Дѣйствительно ли г. „Освобожденецъ" такъ наивенъ, дѣйствительно ли онъ, думаетъ, что давленіе на правительство силой оружія находится въ противорѣчіи съ давленіемъ на правительство силой политической сознательности? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. „Стихійный взрывъ народнаго гнѣва", пишетъ онъ, — „заставляющій народъ внезапно взяться за оружіе, обыкновенно даже бываетъ полезенъ революціи, именно благодаря тому, что онъ облегчаетъ арміи, а особенно офицерству, отказъ отъ примѣненія вооруженной силы и открываетъ переходъ на сторону народа". Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что „вооруженное возстаніе можетъ быть оправдано только тогда, когда оно возникаетъ стихійно... Открытая проповѣдь вооруженнаго возстанія, въ противоположность стихійно возникшему, особенно вредна еще и потому, что она деморализуетъ армію... Для того, чтобы придать своимъ требованіямъ большій вѣсъ, мы должны привлечь на свою сторону армію, *а особенно офицерство*". Ту же самую мысль, хотя и облеченную въ болѣе пышную фразу, высказываетъ г. Струве: „Чтобы войска могли явиться могучимъ факторомъ политическаго переворота — классовая рознь офицеровъ и солдатъ должна исчезнуть передъ единствомъ дѣйствій, продиктованнымъ идеей національнаго освобожденія". Теперь для насъ ясно, чего собственно хотятъ наши „демократы", гг. Струве и „Освобожденецъ". Они ничего не имѣютъ противъ возстанія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ жертвъ для народа, точно также, какъ либералы въ свое время ничего не имѣли противъ войны и тому подобныхъ стихійныхъ факторовъ, дезорганизующихъ правительство. Но они хотятъ, чтобы всѣ эти стихійныя разрушительныя силы были политически использованы „обществомъ" при поддержкѣ офицерства, составляющаго плоть отъ плоти и кость отъ кости этого общества. Они хотятъ, чтобы народныя силы слѣпо и покорно шли на поводу у „истиннаго представителя націи" — у либеральнаго общества. Они ничего не имѣютъ противъ того, „чтобы чернь" дѣлала революцію, лишь бы только въ народѣ не укрѣпилось вредное сознаніе „права на революцію", дурная „привычка къ гражданской войнѣ". Пусть народъ участвуетъ въ облавѣ на медвѣдя, лишь бы не [illegible]овалъ въ дѣлежѣ медвѣжьей шкуры.

Вы видите, потуги г. „Освобожденца" доказать, что революціонныя соціалистическія партіи перемѣнили кореннымъ образомъ свою тактику, имѣютъ, сознательно или безсознательно, [illegible] скрыть его собственную измѣну дѣлу демократіи.

Эта же цѣль скрывается и за другимъ аргументомъ г. „Освобожденца", направленнымъ противъ насъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія безумна", говоритъ онъ, „потому, что побѣда вооруженнаго возстанія надъ вооруженными силами правительства зависитъ отъ случайности, и пораженіе революціонеровъ въ вооруженномъ возстаніи гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ ихъ побѣда. А въ случаѣ пораженія вооруженнаго возстанія, неминуемо послѣ[illegible] усиленіе позиціи правительства"... И въ данномъ случ[illegible] „Освобожденецъ" считаетъ нужнымъ сослаться на опытъ [illegible] революціонныхъ партій; и въ данномъ случаѣ онъ старает[illegible] казать преемственность между его взглядами и прежними [illegible] дами „самыхъ видныхъ изъ литераторовъ" революціонн[illegible] гера. Онъ цитируетъ слова Плеханова изъ брошюры „Соціализмъ и политическая борьба“: „Мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ разсчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ“. Итакъ, Плехановъ еще въ 83 г. спорилъ противъ тактики, разсчитанной на случайности; успѣхъ возстанія зависитъ отъ случайности; стало быть, мы, соціальдемократы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. „Освобожденецъ“ является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не поторопились ли вы, г. „Освобожденецъ“, со своимъ выводомъ? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ споритъ противъ народовольческой теоріи „захвата власти“. Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ разсчетѣ на маловѣроятную „случайную“ диктатуру группы революціонеровъ разночинцевъ, что въ Россіи при современныхъ условіяхъ диктатура единственнаго революціоннаго класса, способнаго осуществить соціалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктататуры диктатурой кучки разночинцевъ интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народовольцевъ разсчитана на „случайности, находящіяся въ противорѣчіи съ исторической „необходимостью“. Такъ ли обстоитъ теперь дѣло съ вопросомъ о вооруженномъ возстаніи? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитіе классовыхъ противорѣчій, по всѣмъ видимостямъ, приводитъ насъ къ возстанію, какъ къ логическому выводу изъ всей современной политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ возстанія можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Но именно потому, что возстаніе надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое насильственное столкновеніе народа съ властью, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революціонизируетъ его. Революціоннаго народа не обезкуражили ни „кровавое воскресенье“ въ Петербургѣ, ни лодзинскія, ни одесскія событія, ни сдача Потемкина. Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ расла революціонная отвага, зрѣли все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ къ царю; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія Потемкина уже возникла конкретно мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, строимъ ли мы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ исторической дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. „Освобожденецъ“, равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, еслибъ робкая логика ихъ классоваго инстинкта не пасовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, напримѣръ, въ какихъ дебряхъ софистики запутался г. Струве „страха ради іудейска“.

„Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ, — говоритъ онъ, — оставаясь неизбѣжно неудачными, могутъ, въ то же время, для дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи оказаться вредными, пріучая страну къ идеѣ и практикѣ „пронунціаменто“. Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ *лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ*, духовно отпала отъ самодержавія“.

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду „практика пронунціаменто“ заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на безсознательную армію. Какимъ же образомъ [illegible] самъ возлагаетъ надежды именно на [illegible] сознательные и руководящіе элементы въ арміи, который усматриваетъ опасность въ развитіи классового сознанія [illegible] солдатъ, какимъ образомъ онъ взваливаетъ на возстаніе вродѣ Потемкинскаго обвиненіе въ томъ, что они пріучаютъ страну къ практикѣ пронунціаменто? Гдѣ были на Потемкинѣ заговорщики-офицеры, устроившіе пронунціаменто? Не въ матросской ли организаціи Крымскаго Соц.-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы, которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно всю администрацію? Очевидно, что страхъ передъ народомъ кое у кого помрачаетъ сознаніе и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. „Освобожденецъ“, выступая противъ пропаганды вооруженнаго возстанія, очень обстоятельно распространяются о томъ, что эта пропаганда повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ „умыселъ другой тутъ былъ“, и подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ письмахъ самое интересное и существенное стыдливо прячется въ Post-Scriptum'ѣ, также и у нашего г. „Освобожденца“ нѣсколько случайныхъ отступленій въ концѣ статьи даютъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ „демократовъ“ событія на „Потемкинѣ“. Г. „Освобожденецъ“ меланхолически задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ пріучится вооруженной силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. „Побѣдителями надъ самодержавнымъ правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія“, пишетъ онъ. „Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привиллегерованное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила — есть физическая вооруженная сила... они будутъ отрицать даже авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться слоямъ городского населенія.. Они, съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній“.

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ разбудить политическое сознаніе народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ завоевать Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренящіеся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его, предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ темныхъ и мрачныхъ силъ реакціи, а наши идеалисты — демократы подъ впечатлѣніемъ перваго опыта возстанія уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности „народнаго“ представительства отъ посягательства „нѣкоторыхъ слоевъ городского населенія“, т. е. отъ посягательства революціоннаго пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту, съ двухъ-палатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное обществомъ, раздираемымъ классовыми противорѣчіями, обществомъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическаго гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками феодальнаго гнета, народное представительство, созданное [illegible] сугубымъ давленіемъ этого многообразнаго классоваго угнетенія, возводится нашимъ „демократомъ“ въ „абсолютное“, непогрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національной воли, подобно тому, какъ „сознательность и организованность подъ руководствомъ общества“, т. е. общественное мнѣніе либеральной буржуазіи, имъ же возводится въ абсолютную форму національнаго самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе національной *мысли*. Съ высоты этихъ „абсолютовъ“ нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку [illegible] борется со зломъ за свои низменные „условные“ историческіе интересы всѣми средствами, которыми оно располагаетъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія преступна, — говоритъ г. „Освобожденецъ“, — потому что... *провоцируетъ* правительство къ новымъ и новымъ насиліямъ, къ новому и новому пролитію крови, къ новымъ убійствамъ“.

Только общественное мнѣніе, т. е. мнѣніе либеральнаго общества [illegible] можетъ вынести [illegible]ческій приговоръ надъ тѣмъ, [illegible] добро и что [illegible] того момента, какъ народъ пересталъ апеллировать [illegible] общественному мнѣнію, съ того момента, какъ [illegible] противопоставить силѣ азіатскаго правительства [illegible] силу, онъ лишился благодати [illegible]! Разъ народъ объявилъ пра[illegible] хочетъ рѣшить вопросъ силой, то [illegible] правительство въ томъ, что и оно прибѣгаетъ къ [illegible]. Правда правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда оно поступаетъ такъ на каждомъ шагу, но развѣ это не оправдывается военной стратегіей, развѣ на [illegible] примѣнимы правила поединка? Развѣ съ того момента, какъ объявлена война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ военной хитрости и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ „нашъ демократъ“, такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ безстыдствомъ! И у г. Струве не нашлось въ запасѣ ни о слова негодованія противъ этихъ разсужденій его коррес дента.

„Демократъ“ Струве понималъ, гдѣ искать виновнаго, ко отдѣльные „герои“ совершали террористическіе акты, онъ не сталъ понимать это, когда на сцену выступилъ коллектив герой въ лицѣ народа. Да и что удивительнаго въ томъ, либералы, играющіе роль пассивныхъ зрителей кровавой бо между народомъ и правительствомъ, въ концѣ концовъ, пріу ются, подобно Пилату, умывать руки?

Тамъ, гдѣ исходъ борьбы рѣшается силой, тамъ исчезаетъ кр терій справедливости, говоритъ г. „Освобожденецъ“. Для ко исчезаетъ? Для васъ, наблюдающаго эту борьбу какъ зрител въ циркѣ? Но думаете ли вы, что и народъ, взявшійся за ор жіе для защиты своихъ правъ, тѣмъ самымъ лишилъ себя кр терія справедливости? Думаете ли вы, что народъ относится своей борьбѣ съ самодержавіемъ, какъ къ гладіаторскому бо что, прибѣгши къ оружію, онъ забылъ о своей правотѣ и о пр ступности правительства? Впрочемъ, какую цѣну имѣетъ г Освобожденца-идеалиста, приверженца абсолютной истин абсолютной справедливости. — условная, „эгоистическая“, классов мораль народа, его класссовыя понятія о правотѣ и виновност

Мы говорили, что г. „Освобожденецъ“ относится къ народ борьбѣ, какъ праздный зритель. Это не совсѣмъ точно. По народъ борется, истекая кровью, нашъ идеалистъ-демократъ пр думываетъ средства для обеспеченія прочности будущаго общ ственнаго порядка Его воображенію рисуются ужасы францу ской революціи, онъ вспоминаетъ про вооруженныхъ санкюлото парижской коммуны, диктовавшихъ свою волю конвенту и заранѣе изобрѣтаетъ разныя мѣры предупрежденія и пресѣче этихъ преступленій противъ абсолютнаго принципа неприкос венности народнаго представительства. Онъ не доволенъ орга заціей „комитетовъ самообороны“ противъ хулигановъ, усматри вая въ нихъ, не безъ основанія, зародыши будущей революціо ной арміи народной Онъ предлагаетъ замѣнить эти комитет самообороны народной милиціей, подъ которой онъ понимаетъ повидимому, стражниковъ, служащихъ по найму у нашихъ бу жуазныхъ думъ, нѣчто вродѣ пресловутой летучей гвард (garde mobile) 48 года, отличившейся въ іюньскіе дни. „На родная милиція, говоритъ онъ. должна быть учреждена преж всего для борьбы съ черными сотнями и громилами. Ей при дется дѣйствовать и тогда. когда какія нибудь общественны группы, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшенія государстве ныхъ вопросовъ Всенародному Учредительному Собранію, избра ному всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіем вздумаютъ рѣшить ихъ вооруженнымъ насиліемъ или, когда он захотятъ, опираясь на свою вооруженную силу, вынудить у на роднаго собранія то или другое рѣшеніе“. Это мило! Когда на родъ прибѣгаетъ къ оружію противъ своихъ угнетателей, нашъ „де мократъ“ лишаетъ его своей благодати, ибо народъ принима вопросъ права до вопроса силы. Когда освобожденное буржуа ное общество выпуститъ свору своихъ наемныхъ солдатъ пр тивъ пролетаріевъ, на немъ будетъ почить благодать вѣчныхъ принциповъ истины и справедливости — на этотъ разъ сил превратится въ право. Таковъ идеализмъ нашихъ „демократовъ“

Только что начинается великая русская революція, только что начинаетъ окрыляться въ борьбѣ съ самодержавіемъ буржуазная демократія, а ужъ какія рѣчи срываются съ устъ ея „птенцовъ“, уже какія мысли бродятъ въ ихъ головѣ? А, соціальдемократію упрекаютъ за то, что она держитъ всегда камень за пазухой!

Отвѣтъ изъ Бухареста по поводу „Письма изъ Бухареста“.

Передо мной лежитъ только что полученный [illegible]-ый номеръ „Рев. Рос.“. Много въ немъ горячихъ товарищескихъ статей посвящено грозному „Потемкину“ и его героямъ-матро

Казалось-бы, что это историческое событіе въ н[illegible] революціонномъ движеніи дѣйствительно способно бы[illegible] своей грандіозностью [illegible] общій взрывъ энтузіазма и слить въ одномъ чувствѣ [illegible] искреннихъ, самоотверженныхъ борцовъ. Казалось-бы, что въ такія глубокія историческія минуты не время и не мѣсто фракціоннымъ различіямъ и между-партійнымъ препирательствамъ.

Но... какъ это ни больно, и какъ это ни горько до глубины души, въ дѣйствительности оказывается далеко не то, что было бы желательно.

Въ этомъ же самомъ номерѣ, наряду съ только что приведеннымъ, помѣщено „Письмо изъ Бухареста“, которое вно

Наши злоключенія [1]).

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціальдемократіи.

7.

Еще и теперь, въ великіе дни всероссійской революціи, а тѣмъ болѣе такъ было въ 90-е годы, мысля себѣ профессіональнаго революціонера, мы невольно чертимъ обаятельные образы Перовской, Желябова, Александра Михайлова и иныхъ изъ того же орлинаго гнѣзда семидесятниковъ: ихъ энергія вырывала удивленіе даже у враговъ, ихъ самоотверженное искусство борьбы до сихъ поръ зоветъ на подражаніе. И понятно, что кружковая интеллигенція послѣдняго десятилѣтія, выходя изъ тупика экономизма и ощутивъ въ груди своей приливъ революціоннаго чувства, представляла себѣ свою собственную среду преображенной въ идеалѣ, сообразно величавымъ образцамъ предыдущаго активнаго періода интеллигентской исторіи. Поэтому, когда она строила для намѣчавшагося тогда „возрожденія революціонизма“ свою „формулу прогресса“, она рисовала не кого либо другого, какъ именно — человѣка 70-хъ годовъ, но расквитавшагося съ прежней трухой крестьянофильства, и организацію профессіональныхъ революціонеровъ на старый манеръ, но только — опирающуюся на поступательный ходъ пролетарскаго движенія и, вмѣсто приготовленія бомбъ, ведущую политическую агитацію. И когда она обращалась къ неудавшемуся, но героическому прошлому, то это ея обращеніе не было простой формальностью обычнаго почтенія младшаго поколѣнія борцовъ къ сошедшему со сцены; нѣтъ, оно было полно самаго современнаго, самаго актуальнаго значенія, являясь одною изъ тѣхъ формъ, въ которой нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе необходимая ей, по условіямъ момента, ея собственная кружковая идеализація.

„Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ“ — землевольческая — „намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ“, писалъ Ленинъ въ „Что дѣлать“ (стр. 103). Но и въ боевой революціонной организаціи народовольцевъ „нелѣпо“ было бы видѣть „что либо специфически народовольческое“, ибо „всякое революціонное направленіе... не можетъ обойтись безъ такой организаціи“... „Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи *всѣхъ* недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Ошибка... ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли, или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой [illegible]бой внутри развивающагося капиталистическаго общества“. [illegible] въ другомъ мѣстѣ (стр. 80): „Кружку „кустарей“, конечно, [illegible]упны политическія задачи, покуда эти кустари не со[illegible] своего кустарничества и не избавились отъ него... Но [illegible]ку корифеевъ, вродѣ Алексѣева и Мышкина, Хал[illegible] и [illegible]бова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ [illegible]кликъ въ стихійно-пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса“.

„Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно революціонной теоріей, [illegible] на истинно революціонный и стихійно пробуждающійся классъ, можетъ, наконецъ... выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (стр. 8[illegible]) [illegible] въ заключеніе: „я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно, до боли, страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ, когда можно было бы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, сказать; дайте намъ организацію революціонеровъ — и мы перевернемъ Россію“! (стр. 96).

Несомнѣнно, въ тѣ первые годы, когда кружковая интеллигенція начинала свою мобилизацію, осѣненная новой, марксистской вѣрой, эти признанія встрѣтили бы одно сплошное недоумѣніе, если бы вообще были возможны: сдѣланныя же въ началѣ 1900-хъ гг. — они фигурировали уже не въ видѣ случайной отсебятины [illegible] менѣе случайнаго писателя, а какъ знаменательный симптомъ перемѣнъ, за истекшее время происшедшихъ въ сознаніи кружковой интеллигенціи. Въ половинѣ 90-хъ годовъ взоры интеллигенціи безраздѣльно приковывалъ къ себѣ пролетаріатъ, и соотвѣтственно сему, интеллигенція, сражаясь за марксизмъ, искала [illegible]товъ въ зап.-европ. рабочемъ движеніи. Не то было теперь: разумѣется, пролетаріатъ оставался величиной огромной и многозначительной, которая принималась въ расчетъ, и безъ учета которой невозможно было бы рѣшить ни одного политическаго уравненія, — но онъ представлялся въ тоже время той „постоянной“ и, пожалуй, застывшей цифрой (пролетарская [illegible]), которой ни мало не зависитъ — разъ она уже дана [illegible] — конечное рѣшеніе уравненія, — это [illegible] той деликатной и капризной „перемѣнной“, которая [illegible] мѣняясь, сама подлежитъ воздѣйствію и называется организаціей профессіональныхъ революціонеровъ. И соотвѣтственно этому перемѣщенію психологическаго центра, особый интересъ пріобрѣтала исторія революціоннаго движенія интеллигенціи, а ученіе Маркса подлежало новой обработкѣ, болѣе серіозной и уже во всякомъ случаѣ болѣе сознательной, чѣмъ та, которая возможна была въ предшествующій, по преимуществу просвѣтительный, періодъ русскаго кружковаго марксизма.

Въ лицѣ своего кровнаго дѣтища — революціонера по профессіи — кружковая интеллигенція стала въ своихъ собственныхъ глазахъ рѣшающей инстанціей, — въ этомъ заключался весь смыслъ перемѣнъ, объ этомъ ведутъ отчетливую рѣчь уже приведенныя цитаты, объ этомъ еще лучше говоритъ вообще все отношеніе кружковой интеллигенціи къ тогдашнему кризису соціальдемократ[illegible]

Въ самомъ [illegible] корень бѣды, вѣдь, въ томъ, что кружковая интеллигенція не выдвинула, пока что, „корифеевъ“, подобныхъ „Алексѣеву и Мышкину, Халтурину и Желябову“ — „и[illegible] отсталости руководителей („идеологовъ“, революціонеровъ, соціальдемократовъ) отъ стихійнаго подъема массъ“ (стр. 80); „весь кризисъ русской соціальдемократіи объясняется тѣмъ, что у стихійно-пробужденныхъ массъ не оказывается на лицо достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководителей“ (стр. 92) — повторяется на всемъ безконечномъ протяженіи ленинскаго credo интеллигенціи. И тутъ же соотвѣтственный рецептъ: чтобы „революціонеръ могъ выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы“ (см. выше), „нужно только, чтобы среди массы практиковъ, среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической работѣ уже со школьной скамьи, всякое поползновеніе принижать наши политическія задачи и размахъ нашей органи[illegible] работы встрѣчало насмѣшку и презрѣніе“ (стр. 81). [illegible]стаетесь своей практичностью, — обращался Ленинъ [illegible]мистамъ, — а не видите того знакомаго всякому [illegible] практику факта, какія чудеса способна творить въ [illegible]онномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже [illegible] личности“ (стр. 81).

И отъ первой и до послѣдней страницы „Что дѣлать“ (отдадимъ должное цѣльности сего произведенія) свистятъ „скорпіоны“, которыми его авторъ награждаетъ своихъ „хвостистовъ“-противниковъ. Но чѣмъ сильнѣе онъ ихъ бичевалъ, [illegible] руками какъ бы сама заушала себя кружковая интеллигенція, тѣмъ шире, о чудо! развертывались ея горизонты и окрылялись надежды. Если остановка дѣйствительно только [illegible], если людямъ кружковъ остается только пустить въ оборотъ весь запасъ своей энергіи, увеличивая размахъ и пытаясь расширить свои политическія задачи, — если „царство“ революціи „внутри васъ“ — интеллигенція! — то охваченной революціонизмомъ средѣ кружковщины, предстоявшій ей путь сквозь всѣ полицейскія тернія долженъ былъ представляться ведущимъ непосредственно къ цѣли, въ зависимости отъ ея революціоннаго [illegible] (умѣнье же вещь наживная [1]), и независимо отъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ то же время могли и должны были протекать въ средѣ пробуждавшагося рабочаго класса.

Вопросъ о будущности русской соціальдемократіи [illegible] сводился къ тому, окажется ли интеллигенція способной къ развитію, найдется ли въ ней достаточно силъ образовать „крѣпкую организацію“ революціонеровъ по профессіи, которая бы „воспитывала пролетаріатъ стойкой и упорной борьбой“ (стр. 79). Такимъ образомъ, революціонеръ превращался въ деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, не смотря на все почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положе тора. Онъ цитируетъ слова Плеханова изъ брошюры „Соціализмъ и политическая борьба": „Мы вездѣ повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали въ расчетъ, во всей его полнотѣ, ожидающаго насъ сопротивленія общественной среды и торопились возвести временно благопріятствуемый обстоятельствами способъ дѣйствій въ универсальный принципъ, исключающій всѣ другіе способы и пріемы. Всѣ наши программы находились, благодаря этому, въ совершенно неустойчивомъ равновѣсіи, изъ котораго ихъ могла вывести самая незначительная перемѣна въ окружающей обстановкѣ". Итакъ, Плехановъ еще въ 83 г. спорилъ противъ тактики, разсчитанной на случайности; успѣхъ восстанія зависитъ отъ случайности; стало быть, мы, соціальдемократы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, измѣнили своимъ убѣжденіямъ, а г. „Освобожденецъ" является выразителемъ нашихъ лучшихъ революціонныхъ традицій. Не поторопились ли вы, г. „Освобожденецъ", со своимъ выводомъ? Плехановъ въ указанномъ мѣстѣ споритъ противъ народовольческой теоріи „захвата власти". Онъ доказываетъ, что эта теорія построена въ разсчетѣ на маловѣроятную „случайную" диктатуру группы революціонеровъ разночинцевъ, что въ Россіи при современныхъ условіяхъ диктатура единственнаго революціоннаго класса, способнаго осуществить соціалистическій идеалъ этихъ революціонеровъ, еще невозможна; что, когда эта возможность дѣйствительно наступитъ, этотъ революціонный классъ не допуститъ замѣны его диктататуры диктатурой кучки разночинцевъ интеллигентовъ, что, такимъ образомъ, тактика народовольцевъ разсчитана на „случайности, находящіяся въ противорѣчіи съ исторической „необходимостью". Такъ ли обстоитъ теперь дѣло съ вопросомъ о вооруженномъ возстаніи? Мы уже вступили въ эпоху гражданской войны. Развитіе классовыхъ противорѣчій, по всѣмъ видимостямъ, приводитъ насъ къ возстанію, какъ къ логическому выводу изъ всей современной политической ситуаціи. Тотъ или другой опытъ возстанія можетъ случайно оказаться неудачнымъ. Но именно потому, что возстаніе надвигается у насъ со стихійной силой, каждое такое насильственное столкновеніе народа съ властью, несмотря на неудачный исходъ, не обезкураживаетъ народъ, а революціонизируетъ его. Революціоннаго народа не обезкуражили ни „кровавое воскресенье" въ Петербургѣ, ни лодзинскія, ни одесскія событія, ни сдача Потемкина. Напротивъ того, послѣ каждой неудачи въ пролетаріатѣ расла революціонная отвага, зрѣли все болѣе смѣлые планы: въ Петербургѣ рабочіе шли безоружными съ крестомъ къ царю; въ Лодзи и Одессѣ рабочіе воздвигали баррикады, а во время возстанія Потемкина уже возникла конкретно мысль о захватѣ города и всего южнаго побережья и о провозглашеніи республики... Спрашивается, строимъ ли мы, пропагандирующіе вооруженное возстаніе, свою тактику на случайностяхъ или на тенденціяхъ исторической дѣйствительности? Мы полагаемъ, что на этотъ вопросъ г. „Освобожденецъ", равно какъ и г. Струве, могли бы легко отвѣтить, если бы ихъ буржуазная природа не поставила ихъ въ противорѣчіе съ этой самой исторической дѣйствительностью, еслибъ робкая логика ихъ классоваго инстинкта не пассовала передъ революціонной логикой фактовъ. Послушайте, напримѣръ, въ какихъ дебряхъ софистики запутался г. Струве „страха ради іудейска".

---

[1] „Искра“ №№ 78, 98, 106.

голосо
тивъ 21,
45 гол. про
гласно.

[1] Неподготовленность... большинства революціонеров[illegible] дучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особ[illegible] опасеній возбуждать не могла — писалъ Ленинъ (стр. 22). [illegible] постановка задачъ была правильная, разъ была энергія [illegible] вторныя попытки осуществить эти задачи, временныя неудачи представляли изъ себя только полъ-бѣды. Революціонная [illegible]ность и организаторская [illegible] — вещи [illegible]. Было бы только охота вырабатывать въ себѣ требуемыя ка[illegible] Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ рев[illegible]номъ дѣлѣ болѣе чѣмъ половинѣ исправленія“.

„Всякія отдѣльныя революціонныя вспышки въ войскахъ, — говоритъ онъ, — оставаясь неизбѣжно неудачными, могутъ, въ то же время, для дальнѣйшаго политическаго развитія Россіи оказаться вредными, пріучая страну къ идеѣ и практикѣ „пронунціаменто". Главное, къ чему мы должны стремиться, это чтобы армія, въ *лицѣ ея сознательныхъ и руководящихъ элементовъ*, духовно отпала отъ самодержавія".

Г. Струве человѣкъ образованный; г. Струве хорошо знаетъ, что всегда и всюду „практика пронунціаменто" заключалась въ томъ, что кучка офицеровъ устраивала заговоры, опираясь на безсознательную армію. Какимъ же образомъ г. Струве, который самъ возлагаетъ надежды именно на офицерство, на „сознательные и руководящіе элементы въ арміи", который усматриваетъ опасность въ развитіи классового сознанія у солдатъ, какимъ образомъ онъ взваливаетъ на возстаніе, вродѣ Потемкинскаго, обвиненіе въ томъ, что они пріучаютъ страну къ практикѣ пронунціаменто? Гдѣ были на Потемкинѣ заговорщики-офицеры, устроившіе пронунціаменто? Не въ матроской ли организаціи Крымскаго Соц.-Дем. Союза? Гдѣ была та толпа солдатъ, которая слѣпо шла за коноводами офицерами? Не тѣ ли это матросы, которые, устранивъ своихъ офицеровъ, выбрали себѣ свободно всю администрацію? Очевидно, что страхъ передъ народомъ кое у кого помрачаетъ сознаніе и заставляетъ видѣть вещи вверхъ ногами.

Г. Струве и г. „Освобожденецъ", выступая противъ пропаганды вооруженнаго возстанія, очень обстоятельно распространяются о томъ, что эта пропаганда повредитъ дѣлу революціи, дѣлу національнаго освобожденія Россіи. Но читатель этихъ статей не можетъ не чувствовать, что у авторовъ „унисонъ другой тутъ былъ", и подобно тому, какъ въ нѣкоторыхъ письмахъ самое интересное и существенное стыдливо прячется въ Post-Scriptum'ѣ, также и у нашего г. „Освобожденца" нѣсколько случайныхъ отступленій въ концѣ статьи даютъ ключъ къ разгадкѣ главныхъ страховъ и опасеній, которые возбудили у нашихъ „демократовъ" событія на „Потемкинѣ". Г. „Освобожденецъ" меланхолически задумывается надъ послѣдствіями, которыя могутъ возникнуть изъ того, что народъ пріучится вооруженной силой защищать свои права, и его разстроенному воображенію рисуются мрачныя картины. „Побѣдителями надъ самодержавнымъ правительствомъ могутъ оказаться небольшія кучки городского населенія", пишетъ онъ. „Эти кучки городского населенія... могутъ предъявить претензіи на привиллегерованное положеніе въ управленіи государствомъ, исходя изъ того положенія, что политическая сила — есть физическая вооруженная сила... они будутъ отрицать даже авторитетъ Учредительнаго Собранія... такъ какъ Учредительное Собраніе въ Россіи будетъ состоять, по крайней мѣрѣ, на 80 процентовъ изъ представителей сельскаго населенія и его рѣшенія могутъ не понравиться слоямъ городского населенія.. Они, съ оружіемъ въ рукахъ, будутъ заставлять избирателей производить выборы въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ... будутъ вымогать у Учредительнаго Собранія противоположныя рѣшенія тѣмъ, которыя оно приняло бы при свободѣ рѣшеній".

Вотъ это цѣнное признаніе! Предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ разбудить политическое сознаніе народа, который цѣлыя столѣтія находился подъ рабскимъ гнетомъ, какъ завоевать Учредительное Собраніе, какъ устранить безконечныя препятствія для свободнаго выраженія народной воли въ этомъ Собраніи, препятствія, коренящіеся въ унаслѣдованномъ отъ прошлаго полицейскомъ аппаратѣ, въ нуждѣ, въ забитости народа во всевозможныхъ формахъ соціальной и политической зависимости его, предъ нами стоитъ проклятый вопросъ, какъ освободить выборы въ Учредительное Собраніе отъ давленія всѣхъ темныхъ и мрачныхъ силъ реакціи, а наши идеалисты — демократы подъ впечатлѣніемъ перваго опыта возстанія уже безпокоятся о томъ, какъ бы не пострадалъ въ будущемъ абсолютный принципъ неприкосновенности „народнаго" представительства отъ посягательства „нѣкоторыхъ слоевъ городского населенія", т. е. отъ посягательства революціоннаго пролетаріата; они уже заблаговременно безпокоятся о томъ, какъ бы этотъ пролетаріатъ насильно не навязалъ свою волю отсталому населенію страны!

Народное представительство по либеральному рецепту, съ двухъ-палатной системой и прерогативами короны, народное представительство, созданное обществомъ, раздираемымъ классовыми противорѣчіями, обществомъ, въ которомъ разныя формы современнаго капиталистическаго гнета причудливо сочетаются со всевозможными пережитками феодальнаго гнета, народное представительство, созданное подъ сугубымъ давленіемъ этого многообразнаго классового порабощенія, возводится нашимъ „демократомъ" въ „абсолютное", непогрѣшимое и неприкосновенное воплощеніе національной *воли*, подобно тому, какъ „сознательность и организованность подъ руководствомъ общества", т. е. общественное мнѣніе либеральной буржуазіи, имъ же возводится въ абсолютную форму національнаго самоопредѣленія, въ абсолютное воплощеніе національной *мысли*. Съ высоты этихъ „абсолютовъ" нашъ идеалистъ-демократъ перестаетъ отличать добро отъ зла, поскольку добро борется со зломъ за свои низменные „условные" историческіе интересы всѣми средствами, которыми оно располагаетъ. „Проповѣдь вооруженнаго возстанія преступна, — говоритъ г. „Освобожденецъ", — потому что... *провоцируетъ* правительство къ новымъ и новымъ насиліямъ, къ новому и новому пролитію крови, къ новымъ убійствамъ".

Только общественное мнѣніе (т. е. мнѣніе либеральнаго общества) сможетъ вынесть категорическій приговоръ надъ тѣмъ, что есть добро и что есть зло. Съ того момента, какъ народъ пересталъ аппеллировать къ этому общественному мнѣнію, съ того момента, какъ народъ рѣшилъ противопоставить силѣ азіатскаго правительства свою собственную силу, онъ лишился благодати свыше. На войнѣ, какъ на войнѣ! Разъ народъ объявилъ правительству войну, разъ [illegible] хочетъ рѣшить вопросъ силой, то кто теперь сможетъ [illegible] правительство въ томъ, что и оно прибѣгаетъ къ силѣ. Правда правительство разстрѣливало девятаго января безоружную толпу, правда оно поступаетъ такъ на каждомъ шагу; но развѣ это не оправдывается военной стратегіей, развѣ на войнѣ примѣнимы правила поединка? Развѣ съ того момента, какъ объявлена война, непріятель не имѣетъ права прибѣгать къ военной хитрости и застигать насъ врасплохъ?

Такъ разсуждаетъ „нашъ демократъ", такъ въ его душѣ мирно и дружно уживаются теоретическій идеализмъ съ практическимъ [illegible]! И у г. Струве не нашлось въ запасѣ ни о слова негодованія противъ этихъ разсужденій его корре дента.

„Демократъ" Струве понималъ, гдѣ искать виновнаго, отдѣльные „герои" совершали террористическіе акты, онъ сталъ понимать это, когда на сцену выступилъ коллекти герой въ лицѣ народа. Да и что удивительнаго въ томъ, либералы, играющіе роль пассивныхъ зрителей кровавой между народомъ и правительствомъ, въ концѣ концовъ, при ются, подобно Пилату, умывать руки?

Тамъ, гдѣ исходъ борьбы рѣшается силой, тамъ исчезаетъ терій справедливости, говоритъ г. „Освобожденецъ". Для исчезаетъ? Для васъ, наблюдающаго эту борьбу какъ зрит въ циркѣ? Не думаете ли вы, что и народъ, взявшійся за жіе для защиты своихъ правъ, тѣмъ самымъ лишилъ себя терія справедливости? Думаете ли вы, что народъ относится своей борьбѣ съ самодержавіемъ, какъ къ гладіаторскому что, прибѣгши къ оружію, онъ забылъ о своей правотѣ и о ступности правительства? Впрочемъ, какую цѣну имѣетъ г Освобожденца-идеалиста, приверженца абсолютной истин абсолютной справедливости. – условная, „эгоистическая", класс мораль народа, его классовыя понятія о правотѣ и винов

Мы говорили, что г. „Освобожденецъ" относится къ наро борьбѣ, какъ праздный зритель. Это не совсѣмъ точно. народъ борется, истекая кровью, нашъ идеалистъ-демократъ думываетъ средства для обезпеченія прочности будущаго об ственнаго порядка Его воображенію рисуются ужасы франц ской революціи, онъ вспоминаетъ про вооруженныхъ санкюло парижской коммуны, диктовавшихъ свою волю конвенту и заранѣе изобрѣтаетъ разныя мѣры предупрежденія и пресѣ этихъ преступленій противъ абсолютнаго принципа неприко венности народнаго представительства. Онъ не доволенъ орга заціей „комитетовъ самообороны" противъ хулигановъ, усматри вая въ нихъ, не безъ основанія, зародыши будущей революціо ной арміи народной Онъ предлагаетъ замѣнить эти комитет самообороны народной милиціей, подъ которой онъ понимает повидимому, стражниковъ, служащихъ по найму у нашихъ бу жуазныхъ думъ, нѣчто вродѣ пресловутой летучей гвард (garde mobile) 48 года, отличившейся въ іюньскіе дни. „Народная милиція, говоритъ онъ. должна быть учреждена пре всего для борьбы съ черными сотнями и громилами. Ей придется дѣйствовать и тогда. когда какія нибудь общественн группы, вмѣсто того, чтобы предоставить рѣшенія государствен ныхъ вопросовъ Всенародному Учредительному Собранію, избран ному всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ вздумаютъ рѣшить ихъ вооруженнымъ насиліемъ или, когда о захотятъ, опираясь на свою вооруженную силу, вынудить у народнаго собранія то или другое рѣшеніе". Это мило! Когда народъ прибѣгаетъ къ оружію противъ своихъ угнетателей, нашъ „демократъ" лишаетъ его своей благодати, ибо народъ принижа вопросъ права до вопроса силы. Когда освобожденное буржуа ное общество выпуститъ свору своихъ наемныхъ солдатъ пр тивъ пролетаріевъ, на немъ будетъ почить благодать вѣчны принциповъ истины и справедливости — на этотъ разъ сил превратится въ право. Таковъ идеализмъ нашихъ „демократовъ".

Только что начинается великая русская революція, толь что начинаетъ окрыляться въ борьбѣ съ самодержавіемъ буржуазная демократія, а ужъ какія рѣчи срываются съ устъ ея „птенцовъ", уже какія мысли бродятъ въ ихъ головѣ? А, соціальдемократію упрекаютъ за то, что она держитъ всегда камень пазухой!

Отвѣтъ изъ Бухареста по поводу „Письма изъ Бухареста".

Передо мною лежитъ только что полученный 70-ый номеръ „Рев. Рос.". Много въ немъ горячихъ товарищескихъ статей посвящено грозному „Потемкину" и его героямъ-матросамъ.

Казалось-бы, что это историческое событіе въ нашемъ революціонномъ движеніи дѣйствительно способно, благодаря своей грандіозности, вызвать одно общее одушевленіе, одинъ общій взрывъ энтузіазма и слить въ одномъ чувствѣ всѣхъ ис кренныхъ, самоотверженныхъ борцовъ. Казалось-бы, что въ такія глубокія историческія минуты не время и не мѣсто фракціоннымъ различіямъ и между-партійнымъ препиратель ствамъ.

Но... какъ это ни больно, и какъ это ни горько до глу бины души, въ дѣйствительности оказывается далеко не т что было бы желательно.

Въ этомъ же самомъ номерѣ, наряду съ только что приведеннымъ, помѣщено „Письмо изъ Бухареста", которое вно

Наши злоключенія[1]).

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціальдемократіи.

7.

Еще и теперь, въ великіе дни всероссійской революціи, а тѣмъ болѣе такъ было въ 90-е годы, мысля себѣ профессіональнаго революціонера, мы невольно чертимъ обаятельные образы Перовской, Желябова, Александра Михайлова и иныхъ изъ того же орлинаго гнѣзда семидесятниковъ: ихъ энергія вырывала удивленіе даже у враговъ, ихъ самоотверженное искусство борьбы до сихъ поръ зоветъ на подражаніе. И понятно, что кружковая интеллигенція послѣдняго десятилѣтія, выходя изъ тупика экономизма и ощутивъ въ груди своей приливъ революціоннаго чувства, представляла себѣ свою собственную среду преображенной въ идеалѣ, сообразно величавымъ образцамъ предыдущаго активнаго періода интеллигентской исторіи. Поэтому, когда она строила для намѣчавшагося тогда „возрожденія революціонизма" свою „формулу прогресса", она рисовала не кого либо другого, какъ именно — человѣка 70-хъ годовъ, но расквитавшагося съ прежней трухой крестьянофильства, и организацію профессіональныхъ революціонеровъ на старый манеръ, но только — опирающуюся на поступательный ходъ пролетарскаго движенія и, вмѣсто приготовленія бомбъ, ведущую политическую агитацію. И когда она обращалась къ неудавшемуся, но героическому прошлому, то это ея обращеніе не было простой формальностью обычнаго почтенія младшаго поколѣнія борцовъ къ сошедшему со сцены; нѣтъ, оно было полно самаго современнаго, самаго актуальнаго значенія, являясь одною изъ тѣхъ формъ, въ которой нашла себѣ соотвѣтственное выраженіе необходимая ей, по условіямъ момента, ея собственная кружковая идеализація.

„Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ" — землевольческая — „намъ всѣмъ должна бы была служить образцомъ", писалъ Ленинъ въ „Что дѣлать" (стр. 103). Но и въ боевой революціонной организаціи народовольцевъ „нелѣпо" было бы видѣть „что либо специфически народовольческое", ибо „всякое революціонное направленіе... не можетъ обойтись безъ такой организаціи"... „Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи *всѣхъ* недовольныхъ и направить эту организацію на рѣшительную борьбу съ самодержавіемъ. Ошибка... ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли, или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой [illegible]бой внутри развивающагося капиталистическаго общества". [illegible] въ другомъ мѣстѣ (стр. 80): „Кружку „кустарей", конечно, [illegible] ступны политическія задачи, покуда эти кустари не со [illegible] своего кустарничества и не избавились отъ него... Но [illegible]ку корифеевъ, вродѣ Алексѣева и Мышкина, Халтурина и [illegible]ябова, доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ, въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійно-пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ кипучая энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса".

„Именно теперь русскій революціонеръ, руководимый истинно революціонной теоріей, опираясь на истинно революціонный и стихійно-пробуждающійся классъ, можетъ, наконецъ... выпрямиться во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія силы" (стр. 81). И въ заключеніе: „я работалъ въ кружкѣ, который ставилъ себѣ очень широкія, всеобъемлющія задачи, — и всѣмъ намъ, членамъ этого кружка, приходилось мучительно, до боли, страдать отъ сознанія того, что мы оказываемся кустарями въ такой историческій моментъ, когда можно было бы, видоизмѣняя извѣстное изреченіе, сказать; дайте намъ организацію революціонеровъ — и мы перевернемъ Россію"! (стр. 96).

Несомнѣнно, въ тѣ первые годы, когда кружковая интеллигенція начинала свою мобилизацію, осѣненная новой, марксистской вѣрой, эти признанія встрѣтили бы одно сплошное недоумѣніе, если бы вообще были возможны: сдѣланныя же въ началѣ 1900-хъ гг. — они фигурировали уже не въ видѣ случайной отсебятины болѣе или менѣе случайнаго писателя, а какъ знаменательный симптомъ перемѣнъ, за истекшее время происшедшихъ въ сознаніи кружковой интеллигенціи. Въ половинѣ 90-хъ годовъ взоры интеллигенціи безраздѣльно приковывалъ къ себѣ пролетаріатъ, и соотвѣтственно сему, интеллигенція, сражаясь за марксизмъ, искала отвѣтовъ въ зап.-европ. рабочемъ движеніи. Не то было теперь: разумѣется, пролетаріатъ оставался величиной огромной и многозначительной, которая принималась въ расчетъ, и безъ учета которой невозможно было бы рѣшить ни одного политическаго уравненія, — но онъ представлялся въ тоже время в той „постоянной" и, пожалуй, застывшей цифрой (пролетарская стихія!), отъ которой ни мало не зависитъ — разъ она уже дана и неизмѣнна — конечное рѣшеніе уравненія, — это производное отъ той деликатной и капризной „перемѣнной", которая, постоянно мѣняясь, сама подлежитъ воздѣйствію и называется организаціей профессіональныхъ революціонеровъ. И соотвѣтственно этому перемѣщенію психологическаго центра, особый интересъ пріобрѣтала исторія революціоннаго движенія интеллигенціи, а ученіе Маркса подлежало новой обработкѣ, болѣе серіозной и уже во всякомъ случаѣ болѣе сознательной, чѣмъ та, которая возможна была въ предшествующій, по преимуществу просвѣтительный, періодъ русскаго кружкового марксизма.

Въ лицѣ своего кровнаго дѣтища — революціонера по профессіи — кружковая интеллигенція стала въ своихъ собственныхъ глазахъ рѣшающей инстанціей, — въ этомъ заключался весь смыслъ перемѣнъ, объ этомъ ведутъ отчетливую рѣчь уже приведенныя цитаты, объ этомъ еще лучше говоритъ вообще все отношеніе кружковой интеллигенціи къ тогдашнему кризису соціальдемократіи.

Въ самомъ дѣлѣ: корень бѣдъ, вѣдь, въ томъ, что кружковая интеллигенція не выдвинула, пока что, „корифеевъ", подобныхъ „Алексѣеву и Мышкину, Халтурину и Желябову" — „въ

отсталости руководителей („идеологовъ", революціонеровъ, со ціальдемократовъ) отъ стихійнаго подъема массъ" (стр. 80 „весь кризисъ русской соціальдемократіи объясняется тѣ что у стихійно-пробужденныхъ массъ не оказывается на ли достаточно подготовленныхъ, развитыхъ и опытныхъ руководи телей" (стр. 92) — повторяется на всемъ безконечномъ пр тяженіи ленинскаго credo интеллигенціи. И тутъ же соотв ственный рецептъ: чтобы „революціонеръ могъ выпрямит во весь свой ростъ и развернуть всѣ свои богатырскія сил" (см. выше), „нужно только, чтобы среди массы практиков среди еще большей массы людей, мечтающихъ о практической р ботѣ уже со школьной скамьи, всякое поползновеніе принижа наши политическія задачи и размахъ нашей организаціонной работы встрѣчало насмѣшку и презрѣніе" (стр. 81). „Вы хва статесь своей практичностью, — обращался Ленинъ къ экономистамъ, — а не видите того знакомаго всякому русскому практику факта, какія чудеса способна творить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности" (стр. 81).

И отъ первой и до послѣдней страницы „Что дѣлать" (отдадимъ должное цѣльности сего произведенія) свистятъ „скорпіоны", которыми его авторъ награждаетъ своихъ „хвостистовъ"-противниковъ. Но чѣмъ сильнѣе онъ ихъ бичевалъ, и его руками какъ бы сама заушала себя кружковая интеллигенція, тѣмъ шире, о чудо! развертывались ея горизонты и окрылялись надежды. Если остановка дѣйствительно только за этимъ, если людямъ кружковъ остается только пустить въ оборотъ весь запасъ своей энергіи, увеличивая размахъ и пытаясь расширить свои политическія задачи, — если „царство" революціи „внутри васъ" — интеллигенція! — то охваченной революціонизмомъ средѣ кружковщины, предстоявшій ей путь сквозь всѣ полицейскія тернія долженъ былъ представляться ведущимъ непосредственно къ цѣли, въ зависимости отъ ея революціоннаго умѣнья (умѣнье же вещь наживная[1]), и независимо отъ тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ то же время могли и должны были протекать въ средѣ пробуждавшагося рабочаго класса.

Вопросъ о будущности русской соціальдемократіи [illegible] сводился къ тому, окажется ли интеллигенція способной къ развитію, найдется ли въ ней достаточно силъ образовать ту „крѣпкую организацію" революціонеровъ по профессіи, которая бы „воспитывала пролетаріатъ" стойкой и упорной борьбой" (стр. 79). Такимъ образомъ, революціонеръ превращался въ деміурга исторіи, а пролетаріатъ, какъ масса, не смотря на все почтеніе, обычно ему изъявляемое, оставался въ положеніи об тъ какой то непонятный диссонансъ въ этотъ тонъ всеобщаго единодушія. Въ немъ прежде всего непріятно бросается въ глаза то, что наша частная бесѣда за чашкою чая, чисто личнаго, товарищескаго характера, облечена по какимъ то соображеніямъ въ форму „интервью" и, безъ всякаго согласія съ нашей стороны, отдана въ печать въ самомъ тенденціозномъ видѣ.

---

[1]) „Искра" №№ 78, 98, 106.

[1]) Неподготовленность... большинства революціонеровъ, дучи явленіемъ вполнѣ естественнымъ, никакихъ особенны опасеній возбуждать не могла — писалъ Ленинъ (стр. 22). „Разъ постановка задачъ была правильная, разъ была энергія на повторныя попытки осуществить эти задачи, временныя неудачи представляли изъ себя только полъ-бѣды. Революціонная опытность и организаторская ловкость — вещи наживныя. Была бы только охота вырабатывать въ себѣ требуемыя качества! Было бы только сознаніе недостатковъ, равносильное въ революціонномъ дѣлѣ болѣе чѣмъ половинѣ исправленія".

Не знаю, какъ поступятъ товарищи Матющенко и Коваленко по прочтеніи этого „письма", но я рѣшительно не нахожу возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ одиннадцати дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго сверженія самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко осуществимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина", что всѣ мы были одушевлены только одной идеей, только однимъ горячимъ стремленіемъ: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерявшемуся деспотизму, сломить его и растоптать разъ на всегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю, а единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на броненосцѣ было настолько полное въ этомъ всезахватывающемъ революціонномъ дѣлѣ, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило наклеивать на него какой-нибудь фракціонный или партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знамени.

Однако, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и къ командѣ у себя на суднѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской соціальдемократической рабочей партіи."

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость беспощадной борьбы со всѣмъ деспотическимъ строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный путь яркимъ свѣточемъ сознанія неизбѣжнаго наступленія царства братской и трудовой жизни, на пути къ которой необходимо было раздавить кровожаднаго молоха самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матющенко, такъ и всѣ другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза" нашей партіи, не произносили почти ни одной рѣчи, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціальдемократіи и не дѣйствовали бы каждый разъ отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей имъ свѣтъ классового самосознанія и первый толчекъ къ активной борьбѣ.

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера хвастливаго выставленія на показъ своего ярлыка. Дѣло политическаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, увлекая и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія. Въ этомъ всезахватывающемъ порывѣ всѣ мы рѣшали единодушно, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, добиться уничтоженія вѣковыхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть въ любую минуту, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ предпринятаго нами дѣла. Все это насъ какъ бы спаяло въ одну волю, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія я перейду къ самому „Письму изъ Бухареста", автору котораго было, надѣюсь, не безъизвѣстно изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ все, только что сказанное. Поэтому, меня болѣе чѣмъ удивляетъ тенденціозность и утрировка содержанія этого „*товарищескаго интервью*".

Въ „письмѣ", прежде всего непріятно поражаетъ, что всѣмъ ~~[illegible] авторъ бухарестскаго „обвиненія произвелъ нѣчто~~ вродѣ экзамена почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики партійной соціальдемократической программы, причемъ передъ всѣмъ читающимъ міромъ онъ заявляетъ съ плохо скрываемымъ торжествомъ, что товарищъ Матющенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена чистѣйшимъ и наивнѣйшимъ профаномъ, мечтающимъ о какомъ-то равномъ раздѣлѣ и передѣлѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выдвигается авторомъ такъ выпукло и красиво, что въ этомъ нельзя не усмотрѣть какой-то скрытой задней мысли. Эта задняя мысль становится вполнѣ опредѣленной и понятной, когда читаешь дальше, что „Коваленко *тоже* не соц.-дем.", а что, напротивъ того, онъ въ молодые годы вполнѣ опредѣленно сочувствовалъ украинцамъ соц.-рев. Кириллъ-же, говорится дальше, хотя и выдержалъ экзаменъ въ полномъ объемѣ и соц.-дем., но онъ де не является на броненосцѣ оффиціальнымъ представителемъ какой-либо организаціи.

Все это сопровождается краткой оговоркой, что болѣе подробная характеристика дѣлается только первымъ двумъ, какъ лицамъ, пользовавшимся самымъ большимъ вліяніемъ на весь ходъ „потемкинскихъ" событій.

Сколько разъ я ни перечитывалъ это „Письмо изъ Бухареста", стараясь убѣдить себя въ неправильности пониманія духа и содержанія его, однако, смыслъ его оставался одинъ и тотъ-же: всѣ грандіозныя событія на нашемъ броненосцѣ обязаны своимъ ходомъ и направленіемъ двумъ „наиболѣе вліятельнымъ" товарищамъ — Матющенко и Коваленко. Причемъ первый изъ нихъ, по тщательному допросу, въ смыслѣ своихъ соціально-политическихъ убѣжденій оказался просто безпартійнымъ революціонеромъ, а второй соціалистомъ-революціонеромъ. И выводъ, слѣдовательно, отсюда ясенъ: — да здравствуетъ герой „Потемкинъ", руководимый и направляемый въ своей самоотверженной борьбѣ соціалистами-революціонерами или ужъ на худой конецъ „просто революціонерами", но только ни въ коемъ случаѣ не соціальдемократами.

Все это, по моему, способно возбудить вполнѣ справедливое возмущеніе и негодованіе. Развѣ это не есть замаскированное стремленіе на наше единодушное великое дѣло борьбы за народную свободу наклеить во чтобы то ни стало чуждый ему „ярлыкъ"?

Развѣ автору корреспонденціи изъ Бухареста давало право только наше личное заявленіе о самихъ себѣ возвести двухъ изъ насъ на степень „наиболѣе вліятельныхъ" и съ апломбомъ утверждать это въ печати передъ всѣми товарищами многихъ изъ которыхъ онъ даже не видалъ и не перемолвился ни однимъ словомъ? Между тѣмъ, мы постоянно подчеркивали громадную роль многихъ другихъ товарищей-матросовъ, частью умершихъ почетной и славной смертью отъ предательскихъ пуль деспотизма, а частью находящихся здѣсь въ живыхъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о „степени своей оффиціальности" на суднѣ.

Дѣйствительно, на броненосецъ я поѣхалъ не по порученію своей организаціи, а по настоянію громадной толпы рабочихъ, которые, снявши, подъ моимъ руководствомъ, съ работы въ порту почти всѣхъ рабочихъ, настояли на томъ, чтобы я сейчасъ же поѣхалъ къ матросамъ и выработалъ бы вмѣстѣ съ ними планъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я и еще одинъ товарищъ-„бундовецъ" сѣли въ шлюпку и сейчасъ же отправились на „Потемкинъ".

Когда мы прибыли туда и взошли на корабль, то, выслушавъ отъ насъ заявленіе — кто мы и зачѣмъ пріѣхали, руководители-матросы сейчасъ же пригласили насъ принять участіе въ происходящемъ засѣданіи ихъ „комиссіи". Здѣсь мы застали уже своихъ товарищей, уполномоченныхъ для этой же самой цѣли мѣстными организаціями „Группы", „[illegible]" и „Бунда". Обмѣнявшись съ ними „паролями", мы приняли сейчасъ же участіе въ общемъ совѣщаніи. Кромѣ всѣхъ насъ, тутъ было еще человѣкъ 20-25 матросовъ. Въ концѣ этого совѣщанія было рѣшено, что для объединенія и руководства совмѣстными дѣйствіями берега и броненосца будетъ вполнѣ достаточнымъ 5 3-хъ товарищей, и что всѣ остальные должны сейчасъ же вернуться къ своимъ дѣламъ въ городъ, также должны быть удалены съ броненосца и всѣ вообще посторонніе.

Съ общаго единодушнаго согласія были оставлены я и „студентъ" (погибшій въ Ѳеодосіи), какъ представители отъ „Одесской группы", и еще одинъ товарищъ „большевикъ".

Черезъ нѣкоторое время, когда почти никого уже на броненосцѣ изъ „вольныхъ" людей не оставалось, къ намъ подъѣхала шлюпка съ представителями отъ мѣстной организаціи „соц.-рев.". Ихъ встрѣтилъ сейчасъ же товарищъ-матросъ и заявилъ, „*что они рѣшили никого больше на судно не принимать, во первыхъ, потому, что руководители отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій уже выбраны и въ достаточномъ количествѣ находятся на суднѣ, а, во вторыхъ, что большая часть команды, даже сознательныхъ матросовъ почти совсѣмъ не знакома съ той партіей, представителями которой являются соціалисты-революціонеры, а поэтому они едва-ли будутъ приняты здѣсь съ надлежащимъ довѣріемъ всей команды*". При этомъ разговорѣ я молча стоялъ неподалеку, въ сторонѣ и былъ очевидцемъ происходящаго. Когда же въ концѣ этихъ переговоровъ я замѣтилъ товарищу-матросу, что почему-бы не оставить на суднѣ хотя бы еще одного изъ прибывшихъ, онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, вполнѣ достаточно трехъ, уже находящихся здѣсь товарищей, а что пусть лучше побольше будетъ силъ на берегу. На этомъ окончились переговоры.

Членъ Одесской Гр. Р. С.-Д. Р. П. Кириллъ.

Переговоры съ представителями „соціал.-револ." вели мы и находимъ, что товарищъ Кириллъ правильно передаетъ здѣсь всѣ наши переговоры.

Матросы: Шестидесятый. Куликъ.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ".

Дорогіе товарищи! Мы прочли отвѣтъ товарища Кирилла на „письмо изъ Бухареста" (Рев. Рос. № 70) и вполнѣ соглашаемся съ нимъ. Насъ поражаетъ попытка неизвѣстнаго автора письма „Рев. Рос." отдѣлить насъ отъ нашихъ друзей — Матющенко и Коваленко, изобразивъ революціонныя предпріятія „Князя Потемкина", какъ дѣло 2-3 человѣкъ, которые будто-бы и руководили всѣмъ. Мы глубоко увѣрены, что товарищи Матющенко и Коваленко сами будутъ протестовать противъ такого изображенія всего нашего дѣла и исключительнаго положенія въ немъ. Совсѣмъ не думая уменьшать роли кого бы то ни было изъ товарищей, мы, однако, отъ имени всѣхъ сознательныхъ матросовъ-революціонеровъ заявляемъ, что всѣ мы еще заранѣе и сознательно рѣшили взять на себя всю отвѣтственность за это дѣло. И хотя событія 14 іюля въ Тендровской бухтѣ явились для насъ неожиданными и какъ бы противъ нашей воли, мы поспѣшили сейчасъ же ихъ использовать для заранѣе намѣченнаго возстанія всего Черноморскаго флота, планъ котораго былъ выработанъ „Крымскимъ Союзомъ", при нашемъ непосредственномъ участіи, какъ членовъ „Севастопольской организаціи" этого Союза.

Во всѣхъ событіяхъ, какъ до, такъ и во время и послѣ этой драмы, мы приняли самое дѣятельное участіе. Смѣшно, чтобы каждый изъ насъ сталъ перечислять — какъ онъ доставалъ винтовки, боролся съ офицерами, разбивалъ патронныя погреба, поднималъ команду и т. д. Каждому понятно, что безъ сознательнаго дѣйствія серьезной организаціи среди матросовъ невозможно бы было такому громадному броненосцу, съ 800 человѣками команды, продержаться одиннадцать дней и вести революціонную борьбу въ теченіе всего этого времени. И дѣйствительно, всѣми дѣлами „Потемкина" руководила „Коммиссія" изъ 20 человѣкъ матросовъ, къ которымъ въ Одессѣ присоединились отъ мѣстныхъ рабочихъ соціальдемократическихъ организацій товарищи Кириллъ, „студентъ" и еще одинъ. За дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ позже былъ введенъ въ Коммиссію и товарищъ Коваленко.

Матросы эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ",
Члены Севастопольской соціальдемократической организаціи:

Исидоръ Андросовъ.
Николай Хохликовъ.
Иванъ Рѣпинъ.
Иларіонъ Шестидесятый.
Василій Куликъ.
Арсентій Самойленко.
Федоръ Шевченко.
Григорій Кулишовъ.
Евтихій Рѣзниченко.
Николай Рыжовъ.
Ефимъ Брецихинъ.
Степанъ Денисенко.
Константинъ Совоченко.
Захарій Цимбалъ.

Многіе изъ нашихъ товарищей разбросаны теперь по всей Руминіи, но мы увѣрены, что, прочитавъ это заявленіе въ „Искрѣ", они позднѣе присоединятъ свои подписи.

На очереди.

ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РЕЦЕПТУРЫ.

До сихъ поръ насмѣшки надъ идеей „назначеннаго" возстанія удерживали нашихъ товарищей изъ „Впередъ" (Пролетарій—тожъ) отъ прямыхъ указаній русскому пролетаріату, по какимъ нотамъ ему надо будетъ разыгрывать свои боевыя дѣйствія въ рѣшительный моментъ. Теперь всякія сомнѣнія отброшены—„стѣсняться нечего"[1] — и мы имѣемъ, для свѣдѣнія и руководства, цѣлый рядъ „практическихъ" совѣтовъ, продиктованныхъ „строго-ортодоксальной" точки зрѣнія.

Прежде всего мы узнаемъ („Пролетарій" № 9), какъ необходимо начинать возстаніе „Если секретарь комитета или спеціально выбранный на такіе случаи (!) вожакъ находитъ

---

[1] Подлинныя слова нѣкоего В. Сѣверцова, написавшаго „Приложеніе тактики и фортификаціи къ народному возстанію" (изд. „Ц. К." Р. С.-Д. Р. П.)

нта, первосортнаго матеріала, не попадая въ ряды активныхъ дѣятелей — факторовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять послѣднія возможныя сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи происшедшій переломъ во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы нарочито подчеркнуть радикализмъ перелома, кружковая интеллигенція выступала ни болѣе, ни менѣе, какъ съ тезисомъ „борьбы со стихійностью".

„Стихійное развитіе рабочаго движенія" — говоритъ Ленинъ „идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи... ибо стихійное рабочее движеніе — есть тредъюніонизмъ... а тредъюніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей" (стр. 28).

Кто же въ такомъ случаѣ являлся въ заманчивой роли спасителя пролетаріата, „совлекающаго" его со „стихійнаго стремленія" усѣсться „подъ крылышкомъ буржуазіи"? „Сознательность соціальдемократіи, т. е., говоря конкретно и примѣнительно къ Россіи — кружковая интеллигенція.

Не лишне будетъ кстати отмѣтить, что Каутскій, на авторитетѣ котораго Ленинъ построилъ свою „борьбу со стихійностью", говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣлъ, конечно, въ виду не цѣлый общественный пластъ интеллигенціи и не движеніе ея, воплощающее ея собственную стихію, а лишь „отдѣльныхъ членовъ" того слоя, который онъ называетъ „буржуазной интеллигенціей", который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ явиться „носителемъ науки" и выходцы изъ котораго были создателями (Энгельсъ и Марксъ) и піонерами научно-соціалистическаго ученія. Русская же кружковая среда, съ Ленинымъ во главѣ, не только не поняла этого, казалось бы, очевиднаго различія, но, наоборотъ, поспѣшила сконструировать себя, какъ живое — въ профессіональномъ революціонерѣ — олицетвореніе „сознательности", „сознательности", у которой нѣтъ ахилесовой пяты „стихійности", нѣтъ той „линіи наименьшаго „сопротивленія (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности и съ которой надо постоянно „совлекать" злополучное движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, получался своеобразный итогъ: русская интеллигенція, точнѣе — ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая лишь одно пустое мѣсто въ концепціи отечественнаго марксизма, оказывалась вдругъ представительницей par excellence борьбы съ пролетарской стихійностью. И съ этой представительницы не спрашивалось какихъ либо гарантій пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ во первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной во вторыхъ, чтобы — выражаясь языкомъ Н. Ленина — „отдать" въ ея „распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса (стр. 34).

8.

Это была — по истинѣ грандіозно-утопическая претензія!

Но именно ею объясняется, что на вопросъ „съ чего начать" кружковая интеллигенція, ничтоже сумняся, отвѣчала: начать „съ правильной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ", ибо только при помощи ея „мы сможемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціальдемократическія и собственно тредъ-юніонистскія цѣли" (стр. 91).

„Общерусская централизованная организація, объединяющая въ одномъ общемъ натискѣ всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи, протесты и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями всего народа" (стр. 75). Тутъ невольно, однако, подымается вопросъ: какимъ образомъ могла кружковая интеллигенція — хотя бы на одно мгновеніе — совмѣстить въ своей головѣ профессіонально-революціонный коллективъ съ своими какъ ни какъ марксистскими традиціями? однимъ духомъ „идеи рабочаго сословія" и апоѳеозъ интеллигенщины!

Правда, революціонеръ по профессіи не состоялъ — въ теоріи — обязательно приписаннымъ къ цеху кружковой интеллигенціи („передъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи", т. е. спеціализаціей ихъ на революціонной работѣ, „должно совершенно стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ" (стр. 85) неоднократно подчеркивалъ Ленинъ). Но такъ только мечталось, иначе обстояло дѣло въ дѣйствительности, и это зналъ лучше всѣхъ сама кружковая интеллигенція: профессіональныхъ революціонеровъ было мало вообще, профессіональныхъ революціонеровъ изъ рабочихъ въ то время (въ началѣ 1900-хъ годовъ) все равно что и совсѣмъ не имѣлось, такъ что интеллигенція, даже и поставивъ себѣ своей главной задачей „поднятіе рабочихъ до революціонеровъ" (стр. 100), могла, пожалуй, утѣшать себя иллюзіей, что эти „профессіональные революціонеры будутъ выдѣляться толпой все въ большемъ числѣ" (стр. 95; см. также стр. 83, 84), но не могла игнорировать своего же собственнаго и весьма существеннаго соображенія, что „необходимо годами вырабатывать изъ себя профессіональнаго революціонера" (стр. 95), и, значитъ, что сейчасъ проектированному профессіонально-революціонному коллективу пришлось бы во всякомъ случаѣ начинать свою историческую миссію съ тѣми наличными силами и средствами, которыя въ состояніи была отдать въ его распоряженіе одна лишь среда кружковой интеллигенціи. Какъ же разрѣшалось это, казалось бы, кричащее противорѣчіе? Оно разрѣшалось при посредствѣ того специфическаго мышленія, которое одно только даетъ цвѣтъ въ спертой атмосферѣ подполья, въ тѣсныхъ рамкахъ кружка; при посредствѣ того раціонализма, который — какъ мы видѣли — исподволь пропитывалъ собою русскій легальный марксизмъ, точно такъ же, какъ легальный марксизмъ пропитывалъ собою кружковую интеллигенцію. И именно, раціонализмъ — о иронія судьбы! — далъ части кружковой интеллигенціи, ближе всего стоявшей къ движенію городскихъ рабочихъ массъ и связанной съ нимъ хотя бы и весьма несовершенными связями, возможность удержаться въ предѣлахъ дѣйствія марксистской идеологіи въ то время, когда подъ вліяніемъ начавшагося процесса самоопредѣленія интеллигенціи и „возрожденія" ея „революціонизма" уже происходило повальное бѣгство отъ этого ученія революціоннаго пролетаріата.

„Общерусская централизованная организація" профессіональныхъ революціонеровъ! Но въ чемъ гарантія того, что этотъ продуктъ консолидаціи кружковой интеллигенціи въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ будетъ совпадать съ пролетарскимъ движеніемъ въ его цѣломъ, что онъ окажется способнымъ взять на себя роль, которую выполняютъ на западѣ передовые пролетарскіе отряды, носящіе названіе соціальдемократическихъ рабочихъ партій? Съ точки зрѣнія марксистской вопросъ представлялъ своего рода квадратуру круга — при данномъ направленіи движенія, но онъ рѣшался крайне просто раціоналистическими пріемами кружковой интеллигенціи.

Правильная теорія — вотъ тотъ камень, на которомъ интеллигенція можетъ спокойно возводить свои организаціонныя постройки. Вспомнимъ, напр., что ошибка народовольцевъ — по Ленину — была въ томъ, что они слѣдовали ложной теоріи и что въ настоящее время русскій революціонеръ можетъ „развернуть свои богатырскія силы" потому, что опирается на „стихійно пробуждающійся" и „истинно-революціонный классъ (см. выше) и что онъ „руководимъ истинно-революціонной теоріей". Но въ устахъ кружковщины того времени опираться на пролетаріатъ означало не болѣе, какъ имѣть въ немъ превосходный инструментъ, на которомъ можно разыгрывать свою героическую симфонію. Инструментъ и только потому что стихія пролетарскаго движенія, т. е. самый механизмъ пролетарской классовой борьбы, ведетъ рабочій классъ къ одному лишь подчиненію буржуазности[1]. Такимъ образомъ, въ качествѣ единственно надежнаго, перваго и послѣдняго устоя революціонно-интеллигентскаго зодчества остается — *теорія* — единоспасающая и всенаправляющая, въ своей крѣпкой рукѣ держащая бразды профессіонально революціоннаго правленія и элементарною силою своей логической правоты цементирующая самые разнородные, самые разносоставные элементы.

„При такой (т. е. централизованной и въ то же время съ идущемъ далеко раздѣленіемъ труда. Ст.) организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціальдемократическимъ „органомъ, нечего будетъ бояться того, — говорится въ „Что дѣлать" (стр. 99), что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему „сторонніе" элементы".

Оказывается, „твердый теоретическій базисъ", находящій свое выраженіе въ „органѣ", обладаетъ чудодѣйственными свойствами — не только предохранять организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ ошибочнаго курса ихъ практики, но и превращать организацію въ надъ-классовую, спо-

---

[1] Ср. также стр. 103. „И только самое грубое непониманіе марксизма... могло породить мнѣніе, что возникновеніе массового „стихійнаго" рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и *не сдѣлается настоящей классовой борьбой" его до тѣхъ, пока эта борьба не будетъ руководиться крѣпкой организаціей революціонеровъ*".

[illegible] въ своей [illegible] [illegible] въ счетъ томъ особ[illegible] [illegible]. Въ немъ прежде всего непріятно бросается въ глаза то, что наша частная бесѣда за чайною [illegible], чисто [illegible], товарищескаго характера, облечена по какимъ то соображеніямъ въ форму „интервью“ и, безъ всякаго согласія съ нашей стороны, отдана въ печать въ самомъ тенденціозномъ видѣ.

Не знаю, какъ поступятъ товарищи Матющенко и Коваленко по прочтеніи этого „письма“, но я рѣшительно не нахожу возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ одиннадцати дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго сверженія самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко осуществимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина“, что всѣ мы были одушевлены только одной идеей, только однимъ горячимъ желаніемъ: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерявшемуся деспотизму, сломить его и раздавить разъ на всегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю, и единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на броненосцѣ было настолько полное въ этомъ всезахватывающемъ революціонномъ дѣлѣ, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило наклеивать на него какой-нибудь фракціонный или партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знамени.

Однако, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и къ командѣ у себя на суднѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской соціальдемократической рабочей партіи.“

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость беззавѣтной борьбы со всѣмъ деспотическимъ строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный путь яркимъ свѣточемъ сознанія неизбѣжнаго наступленія царства братской и трудовой жизни, на пути къ которой необходимо было раздавить кровожаднаго молоха самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матющенко, такъ и всѣ другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза“ нашей партіи, не произносили почти ни одной рѣчи, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціальдемократіи и не дѣйствовали бы каждый разъ отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей имъ свѣтъ классового самосознанія и первый толчекъ къ активной борьбѣ.

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера [illegible] выставленія на показъ своего ярлыка. Дѣло полнаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, [illegible] и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія.

Въ этомъ всезахватывающемъ порывѣ всѣ мы рѣшали единодушно, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, добиться уничтоженія позорныхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть въ любую минуту, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ предпринятаго нами дѣла. Все это насъ какъ бы спаяло въ одну волю, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія я перейду къ самому „Письму изъ Бухареста“, автору котораго было, надѣюсь, не безъизвѣстно изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ все, только что сказанное. Поэтому, меня болѣе чѣмъ удивляетъ тенденціозность и утрировка содержанія этого „*товарищескаго интервью*“.

Въ „письмѣ“, прежде всего непріятно поражаетъ, что всѣмъ [illegible] что-то вродѣ экзамена почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики партійной соціальдемократической программы, причемъ передъ всѣмъ читающимъ міромъ онъ заявляетъ съ плохо скрываемымъ торжествомъ, что товарищъ Матющенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена чистѣйшимъ и наивнѣйшимъ [illegible], мечтающимъ о какомъ-то равномъ раздѣлѣ и передѣлѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выдвигается авторомъ такъ выпукло и красиво, что въ этомъ нельзя не усмотрѣть какой-то скрытой задней мысли. Эта задняя мысль становится вполнѣ опредѣленной и понятной, когда читаешь дальше, что „Коваленко *тоже* не соц.-дем.“, а что, напротивъ того, онъ въ молодые годы [illegible] [illegible] сочувствовалъ украинскимъ соц.-рев. Кириллъ-же, говорится далѣе, хотя и [illegible] [illegible] въ полномъ объемѣ и соц.-дем., но онъ-де не является на броненосцѣ оффиціальнымъ представителемъ какой-либо организаціи.

Все это сопровождается краткой оговоркой, что болѣе подробная характеристика дѣлается [illegible] первыхъ двухъ, какъ лицамъ, пользовавшимся самымъ большимъ вліяніемъ на весь ходъ „потемкинскихъ“ событій.

Сколько разъ я ни перечитывалъ это „Письмо изъ Бухареста“, старался убѣдить себя въ неправильности пониманія духа и содержанія его, однако, смыслъ его оставался одинъ и тотъ-же: всѣ грандіозныя событія на нашемъ броненосцѣ обязаны своимъ ходомъ и направленіемъ двухъ „наиболѣе вліятельныхъ“ товарищамъ — Матющенко и Коваленко. Причемъ первый изъ нихъ, по тщательному допросу, въ смыслѣ своихъ соціально-политическихъ убѣжденій оказался просто безпартійнымъ революціонеромъ, а второй соціалистомъ-революціонеромъ. И выводъ, слѣдовательно, отсюда ясенъ: — да здравствуетъ герой „Потемкинъ“, руководимый и направляемый въ своей самоотверженной борьбѣ соціалистами-революціонерами или ужъ на худой конецъ „просто революціонерами“, но только ни въ коемъ случаѣ не соціальдемократами!

Все это, по моему, способно возбудить вполнѣ справедливое возмущеніе и негодованіе. Развѣ это не есть замаскированное стремленіе на наше единодушное великое дѣло борьбы за народную свободу наклеить во чтобы то ни стало чуждый ему „ярлыкъ“?

Развѣ автору корреспонденціи изъ Бухареста давало право только наше личное заявленіе о самихъ себѣ возвести двухъ изъ насъ на степень „наиболѣе вліятельныхъ“ и съ апломбомъ утверждать это въ печати передъ всѣми товарищами, многихъ изъ которыхъ онъ даже не видалъ и не перемолвился ни однимъ словомъ? Между тѣмъ, мы постоянно подчеркивали громадную роль многихъ другихъ товарищей-матросовъ, частью умершихъ почетной и славной смертью отъ предательскихъ пуль деспотизма, а частью находящихся здѣсь въ живыхъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о „степени своей оффиціальности“ на суднѣ.

Дѣйствительно, на броненосецъ я поѣхалъ не по порученію своей организаціи, а по настоянію громадной толпы рабочихъ, которые, снявши, подъ моимъ руководствомъ, съ работы въ порту почти всѣхъ рабочихъ, настояли на томъ, чтобы я сейчасъ же поѣхалъ къ матросамъ и выработалъ бы вмѣстѣ съ ними планъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я и еще одинъ товарищъ-„бундовецъ“ сѣли въ шлюпку и сейчасъ же отправились на „Потемкинъ“.

Когда мы прибыли туда и взошли на корабль, то, выслушавъ отъ насъ заявленіе — кто мы и зачѣмъ пріѣхали, руководители-матросы сейчасъ же пригласили насъ принять участіе въ происходящемъ засѣданіи ихъ „комиссіи“. Здѣсь мы застали уже своихъ товарищей, уполномоченныхъ [illegible] же самой цѣли мѣстными организаціями „Группы“, „К[illegible]“ и „Бунда“. Обмѣнявшись съ ними „паролями“, мы приняли сейчасъ же участіе въ общемъ совѣщаніи. Кромѣ всѣхъ насъ, тутъ было еще человѣкъ 20-25 матросовъ. Въ концѣ этого совѣщанія было рѣшено, что для объединенія и руководства совмѣстными дѣйствіями берега и броненосца будетъ вполнѣ достаточнымъ 5 3-хъ товарищей, и что всѣ остальные должны сейчасъ же вернуться къ своимъ дѣламъ въ городъ, также должны быть удалены съ броненосца и всѣ вообще посторонніе.

Съ общаго единодушнаго согласія были оставлены я и „студентъ“ (погибшій въ Ѳеодосіи), какъ представители отъ „Одесской группы“, и еще одинъ товарищъ „большевикъ“.

Черезъ нѣкоторое время, когда почти никого уже на броненосцѣ изъ „вольныхъ“ людей не оставалось, къ намъ подплыла шлюпка съ представителями отъ мѣстной организаціи „соц.-рев.“. Ихъ [illegible] сейчасъ [illegible] товарищъ-матросъ и заявилъ, „*что они рѣшили никого [illegible] на судно не принимать, во первыхъ, потому, что представители отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій уже выбраны и въ достаточномъ количествѣ находятся на суднѣ, а, во вторыхъ, что большая часть команды, даже сознательныхъ матросовъ почти совсѣмъ не знакома съ той партіей, представителями которой являются соціалисты-революціонеры, а поэтому они едва-ли будутъ приняты здѣсь съ надлежащимъ довѣріемъ всей команды.*“ При этомъ разговорѣ я молча стоялъ неподалеку, въ сторонѣ и былъ очевидцемъ происходящаго. Когда же въ концѣ этихъ переговоровъ я замѣтилъ товарищу-матросу, что почему-бы не оставить на суднѣ хотя бы еще одного изъ прибывшихъ, онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, [illegible] товарищей, а что [illegible] лучше [illegible] будетъ самъ на берегу. На этомъ окончились переговоры.

Членъ Одесской Гр. Р. С.-Д. Р. П. Кириллъ.

Переговоры съ представителями „соціал.-револ.“ [illegible] находимъ, что товарищъ Кириллъ правильно передаетъ [illegible] всѣ наши переговоры.

Матросы: Шестидесятый. Куликъ.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Дорогіе товарищи! Мы прочли отвѣтъ товарища Кирилла на „письмо изъ Бухареста“ (Рев. Рос. № 70) и вполнѣ соглашаемся съ нимъ. Насъ поражаетъ попытка неизвѣстнаго автора письма „Рев. Рос.“ отдѣлить насъ отъ нашихъ друзей — Матющенко и Коваленко, изобразивъ революціонныя предпріятія „Князя Потемкина“, какъ дѣло 2-3 человѣкъ, которые будто-бы и руководили всѣмъ. Мы глубоко увѣрены, что товарищи Матющенко и Коваленко сами будутъ протестовать противъ такого изображенія всего нашего дѣла и исключительнаго положенія въ немъ. Совсѣмъ не думая уменьшать роли кого бы то ни было изъ товарищей, мы, однако, отъ имени всѣхъ сознательныхъ матросовъ-революціонеровъ заявляемъ, что всѣ мы еще заранѣе и сознательно рѣшили взять на себя всю отвѣтственность за это дѣло. И хотя событія 14 іюня въ Тендровской бухтѣ явились для насъ неожиданными и какъ бы противъ нашей воли, мы поспѣшили сейчасъ же ихъ использовать для заранѣе намѣченнаго возстанія всего Черноморскаго флота, планъ котораго былъ выработанъ „Крымскимъ Союзомъ“, при нашемъ непосредственномъ участіи, какъ членовъ „Севастопольской организаціи“ этого Союза.

Во всѣхъ событіяхъ, какъ до, такъ и во время и послѣ этой драмы, мы приняли самое дѣятельное участіе. Смѣшно, чтобы каждый изъ насъ сталъ перечислять — какъ онъ доставалъ винтовки, боролся съ офицерами, разбивалъ патронные погреба, поднималъ команду и т. д. Каждому понятно, что безъ сознательнаго дѣйствія серьезной организаціи среди матросовъ невозможно бы было такому громадному броненосцу, съ 800 человѣками команды, продержаться одиннадцать дней и вести революціонную борьбу въ теченіе всего этого времени. И дѣйствительно, всѣми дѣлами „Потемкина“ руководила „Коммиссія“ изъ 20 человѣкъ матросовъ, къ которымъ въ Одессѣ присоединились отъ мѣстныхъ рабочихъ соціальдемократическихъ организацій товарищи Кириллъ, „студентъ“ и еще одинъ. За дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ позже былъ введенъ въ Коммиссію и товарищъ Коваленко.

Матросы эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ“,
Члены Севастопольской соціальдемократической организаціи:

Исидоръ Андросовъ.
Николай Хохликовъ.
Иванъ Рѣшинъ.
Иларіонъ Шестидесятый.
Василій Куликъ.
Арсентій Самойленко.
Федоръ Шевченко.
Григорій Кулешовъ.
Евтихій Рѣзниченко.
Николай Рыковъ.
Ефимъ Брецкинъ.
Степанъ Денисенко.
Константинъ Сосюченко.
Захарій Цымбалъ.

Многіе изъ нашихъ товарищей разбросаны теперь по всей Румыніи, но мы увѣрены, что, прочитавъ это заявленіе въ „Искрѣ“, они позднѣе присоединятъ свои подписи.

На очереди.

ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РЕЦЕПТУРЫ.

До сихъ поръ насмѣшки надъ идеей „назначеннаго“ возстанія удерживали нашихъ товарищей изъ „Впередъ“ (Пролетарій —тожъ) отъ прямыхъ указаній русскому пролетаріату, по какимъ нотамъ ему надо будетъ разыгрывать свои боевыя дѣйствія въ рѣшительный моментъ. Теперь всякія сомнѣнія отброшены — „стѣсняться нечего“ [1]) — и мы имѣемъ, для свѣдѣнія и руководства, цѣлый рядъ „практическихъ“ совѣтовъ, продиктованныхъ „строго-ортодоксальной“ точкой зрѣнія.

Прежде всего мы узнаемъ („Пролетарій“ № 9), какъ необходимо начинать возстаніе. „Если секретарь комитета или спеціально выбранный на такіе случаи (!) вожакъ находитъ

---

[1]) Подлинныя слова нѣкоего В. Сѣверцова, написавшаго „Приложеніе тактики и фортификація къ народному возстанію“ (изд. „Ц. К.“ Р. С.-Д. Р. П.)

[illegible], первосортнаго матеріала, не попадая въ ряды активныхъ [illegible]телей — факторовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять послѣднія возможныя сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи происшедшій переломъ во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы особенно подчеркнуть радикализмъ перелома, кружковая интеллигенція выступала ни болѣе, ни менѣе, какъ съ тезисомъ „борьбы со стихійностью“.

„Стихійное развитіе рабочаго движенія“, — говоритъ Ленинъ, „идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи..., ибо стихійное рабочее движеніе — есть трэдъюніонизмъ..., а трэдъюніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей“ (стр. 28).

Кто же въ такомъ случаѣ являлся въ заманчивой роли спасителя пролетаріата, „совлекающаго“ его со „стихійнаго стремленія“ усѣсться „подъ крылышкомъ буржуазіи“? „Сознательность соціальдемократіи, т. е., говоря конкретно и примѣнительно къ Россіи — кружковая интеллигенція.

Не лишне будетъ кстати отмѣтить, что Каутскій, на авторитетѣ котораго Ленинъ построилъ свою „борьбу со стихійностью“, говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣлъ, конечно, въ виду не цѣлый общественный классъ интеллигенціи и не движеніе ея, воплощающее ея собственную стихію, а лишь „отдѣльныхъ членовъ“ того слоя, который онъ называетъ „буржуазной интеллигенціей“, который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ явиться „носителемъ науки“ и выходцы изъ котораго были создателями (Энгельсъ и Марксъ) и піонерами научно-соціалистическаго ученія. Русская же кружковая среда, съ Ленинымъ во главѣ, не только не поняла этого, казалось бы, очевиднаго различія, но, наоборотъ, поспѣшила сконструировать себя, какъ живое — въ профессіональномъ революціонерѣ — олицетвореніе „сознательности“, „сознательности“, у которой нѣтъ ахиллесовой пяты „стихійности“, нѣтъ той „линіи наименьшаго „сопротивленія (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности и съ которой надо постоянно „совлекать“ злополучное движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ, такимъ образомъ, получался своеобразный итогъ: русская интеллигенція, точнѣе — ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая лишь одно пустое мѣсто въ концепціи отечественнаго марксизма, оказывалась вдругъ представительницей par excellence борьбы съ пролетарской стихійностью. И съ этой представительницы не спрашивалось какихъ либо гарантій пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ во первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной во вторыхъ, чтобы — выражаясь языкомъ Н. Ленина — „отдать“ въ ея „распоряженіе могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса (стр. 34).

8.

Это была — по истинѣ-грандіозно-утопическая претензія!

Но именно ею объясняется, что на вопросъ „съ чего начать“ кружковая интеллигенція, ничто же сумняся, отвѣчала: „съ прочной постановки крѣпкой организаціи революціонеровъ“, ибо только при помощи ея „мы сможемъ обезпечить устойчивость движенія въ его цѣломъ, осуществить и соціальдемократическія и собственно трэдъ-юніонистскія цѣли“ (стр. 91).

„Общерусская централизованная организація, объединяющая въ одномъ общемъ натискѣ всѣ и всяческія проявленія политической оппозиціи, протесты и возмущенія, организація, состоящая изъ революціонеровъ по профессіи и руководимая настоящими политическими вождями всего народа“ (стр. 75). Тутъ невольно, однако, подымается вопросъ: какимъ образомъ могла кружковая интеллигенція — хотя бы на одно мгновеніе — совмѣстить въ своей головѣ профессіонально революціонный коллективъ съ своими какъ ни какъ марксистскими традиціями? однимъ духомъ: „идея рабочаго сословія“ и апоѳеозъ интеллигенщины!

Правда, революціонеръ по профессіи не состоялъ — въ теоріи — обязательно приписаннымъ къ цеху кружковой интеллигенціи; „передъ общимъ признакомъ членовъ такой организаціи“, т. е. спеціализаціей ихъ на революціонной работѣ, „должно совершенно стираться всякое различіе рабочихъ и интеллигентовъ“ (стр. 85) неоднократно подчеркивалъ Ленинъ. Но такъ только мечталось, иначе обстояло дѣло въ дѣйствительности, и это знала лучше всѣхъ сама кружковая интеллигенція: профессіональныхъ революціонеровъ было мало вообще, профессіональныхъ революціонеровъ изъ рабочихъ въ то время (въ началѣ 1900-хъ годовъ) все равно что и совсѣмъ не имѣлось, такъ что интеллигенція, даже и поставивъ себѣ своей главной задачей „поднятіе рабочихъ до революціонеровъ“ (стр. 100), могла, пожалуй, утѣшать себя иллюзіей, что эти „профессіональные революціонеры будутъ выдѣляться толпой все въ большемъ числѣ“ (стр. 95; см. также стр. 83, 84), но не могла игнорировать своего же собственнаго и весьма существеннаго соображенія, что „необходимо годами вырабатывать изъ себя профессіональнаго революціонера“ (стр. 95), и, значитъ, что *сейчасъ* проектированному профессіонально-революціонному коллективу пришлось бы во всякомъ случаѣ начинать свою историческую миссію съ тѣми наличными силами и средствами, которыя въ состояніи была отдать въ его распоряженіе одна лишь среда кружковой интеллигенціи. Какъ же разрѣшалось это, казалось бы, кричащее противорѣчіе? Оно разрѣшалось при посредствѣ того специфическаго мышленія, которое одно только даетъ цвѣтъ въ спертой атмосферѣ подполья, въ тѣсныхъ рамкахъ кружка; при посредствѣ того раціонализма, который — какъ мы видѣли — исподволь пропитывалъ собою русскій легальный марксизмъ, точно такъ же, какъ легальный марксизмъ пропитывалъ собою кружковую интеллигенцію. И именно, раціонализмъ — о иронія судьбы! — далъ части кружковой интеллигенціи, ближе всего стоявшей къ движенію городскихъ рабочихъ массъ и связанной съ нимъ хотя бы и весьма несовершенными связями, возможность удержаться въ предѣлахъ дѣйствія марксистской идеологіи въ то время, когда подъ вліяніемъ начавшагося процесса самоопредѣленія интеллигенціи и „возрожденія“ ея „революціонизма“ уже происходило повальное бѣгство отъ этого ученія революціоннаго-пролетаріата.

„Общерусская централизованная организація“ профессіональныхъ революціонеровъ! Но въ чемъ гарантія того, что этотъ продуктъ консолидаціи кружковой интеллигенціи въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ будетъ совпадать съ пролетарскимъ движеніемъ въ его цѣломъ, что онъ окажется способнымъ взять на себя роль, которую выполняютъ на западѣ передовые пролетарскіе отряды, носящіе названіе соціальдемократическихъ рабочихъ партій? Съ точки зрѣнія марксистской вопросъ представлялъ своего рода квадратуру круга — при данномъ направленіи движенія, но онъ рѣшался крайне просто раціоналистическими пріемами кружковой интеллигенціи.

Правильная теорія — вотъ тотъ камень, на которомъ интеллигенція можетъ спокойно возводить свои организаціонныя постройки. Вспомнимъ, напр., что ошибка народовольцевъ — по Ленину — была въ томъ, что они слѣдовали ложной теоріи и что въ настоящее время русскій революціонеръ можетъ „развернуть свои богатырскія силы“ потому, что опирается на „стихійно пробуждающійся“ *и* „истинно-революціонный классъ (см. выше) и что онъ „руководимъ истинно-революціонной теоріей“. Но въ устахъ кружковщины того времени опираться на пролетаріатъ означало не болѣе, какъ имѣть въ немъ превосходный инструментъ, на которомъ можно разыгрывать свою героическую симфонію. Инструментъ и только, потому что стихія пролетарскаго движенія, т. е. самый механизмъ пролетарской классовой борьбы, ведетъ рабочій классъ къ одному лишь подчиненію буржуазности [1]). Такимъ образомъ, въ качествѣ единственно надежнаго, перваго и послѣдняго устоя революціонно-интеллигентскаго зодчества остается — *теорія* — единоспасающая и всенаправляющая, въ своей крѣпкой рукѣ держащая бразды профессіонально революціоннаго правленія и элементарною силою своей логической правоты цементирующая самые разнородные, самые разносоставные элементы.

„При такой (т. е. централизованной и въ то же время съ идущемъ далеко раздѣленіемъ труда. Ст.) организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціальдемократическимъ „органомъ, нечего будетъ бояться того, — говорится въ „Что дѣлать“ (стр. 99), что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему „сторонніе“ элементы“.

Оказывается, „твердый теоретическій базисъ“, находящій свое выраженіе въ „органѣ“, обладаетъ чудодѣйственными свойствами — не только предохранять организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ ошибочнаго курса ихъ практики, но и превращать организацію въ надъ-классовую, споитъ какой то непонятный диссонансъ въ этотъ тонъ всеобщаго единодушія. Въ немъ прежде всего непріятно бросается въ глаза то, что наша частная бесѣда за чашкою чая, чисто личнаго, товарищескаго характера, облечена по какимъ то соображеніямъ въ форму „интервью“ и, безъ всякаго согласія съ нашей стороны, отдана въ печать въ самомъ тенденціозномъ видѣ.

---

[1]) Ср. также стр. 103: „И только самое грубое непониманіе марксизма... могло породить мнѣніе, что возникновеніе массового „стихійнаго“ рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у народовольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и *не сдѣлается настоящей классовой борьбой“ его до тѣхъ, пока эта борьба не будетъ руководима крѣпкой организаціей революціонеровъ*“.

Не знаю, какъ поступятъ товарищи Матюшенко и Коваленко по прочтеніи этого „письма“, но я рѣшительно не нахожу возможнымъ оставить его безъ надлежащаго отвѣта.

Прежде всего, всѣ мы единогласно заявляемъ товарищамъ, что передъ нами въ теченіи этихъ знаменательныхъ одиннадцати дней неотступно стояла громадная задача немедленнаго сверженія самодержавной гидры, душащей и калѣчащей на нашей родинѣ все живое и свободное. Великія перспективы освобожденія и счастья для всего измученнаго, трудящагося люда Россіи казались намъ такъ близки и такъ легко осуществимы при грозныхъ орудіяхъ „Потемкина“, что всѣ мы были одушевлены только одной идеей, только однимъ горячимъ стремленіемъ: какъ можно скорѣй нанести послѣдній и рѣшительный ударъ растерявшемуся деспотизму, сломить его и растоптать разъ на всегда, какъ ядовитую, пресмыкающуюся гадину.

Задача передъ нами стояла настолько громадная, повторяю, а единодушіе среди всѣхъ *сознательныхъ* товарищей на броненосцѣ было настолько полное въ этомъ всезахватывающемъ революціонномъ дѣлѣ, что никому изъ насъ даже и въ голову не приходило наклеивать на него какой-нибудь фракціонный или партійный ярлыкъ. И вы его не найдете ни на одной изъ нашихъ прокламацій, ни даже на нашемъ боевомъ знамени.

Однако, этому нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что, въ своихъ устныхъ обращеніяхъ къ народу и войскамъ на берегу и къ командѣ у себя на суднѣ, всѣ активные сознательные товарищи-матросы говорили отъ имени „россійской соціальдемократической рабочей партіи.“

Вѣдь, это она вдохнула во всѣхъ насъ рѣшимость беззавѣтной борьбы со всѣмъ деспотическимъ строемъ, безправіемъ и эксплуатаціей! Вѣдь, это она озарила нашъ революціонный путь яркимъ свѣточемъ сознанія неизбѣжнаго наступленія царства братской и трудовой жизни, на пути къ которой необходимо было раздавить кровожаднаго молоха самодержавія!

Поэтому, естественно, что, какъ товарищъ Матюшенко, такъ и всѣ другіе сознательные товарищи, получившіе свое революціонное воспитаніе въ севастопольской организаціи „Крымскаго Союза“ нашей партіи, не произносили почти ни одной рѣчи, въ которой они открыто не заявляли бы о своей принадлежности къ соціальдемократіи и не дѣйствовали бы каждый разъ отъ имени этой всемірной рабочей партіи, давшей имъ свѣтъ классового самосознанія и первый толчекъ къ активной борьбѣ.

Но я повторяю, что все это вовсе не носило характера крикливаго выставленія на показъ своего ярлыка. Дѣло политическаго освобожденія всего трудящагося люда и всего русскаго народа заставляло всѣхъ насъ забывать о названіяхъ, увлекая и одушевляя прежде всего величіемъ своего содержанія. Въ этомъ всезахватывающемъ порывѣ всѣ мы рѣшали единодушно, даже цѣною смерти всѣхъ насъ, добиться уничтоженія вѣковыхъ цѣпей всероссійскаго рабства. Каждый изъ сознательныхъ товарищей готовъ былъ безъ всякихъ колебаній умереть въ любую минуту, разъ этого потребовалъ бы успѣхъ предпринятаго нами дѣла. Все это насъ какъ бы [illegible] въ одну волю, въ одно непреклонное стремленіе.

Теперь, послѣ этого вступленія я перейду къ самому „Письму изъ Бухареста“, автору котораго было, [illegible] не безызвѣстно изъ нашихъ словъ и бесѣдъ съ нимъ все только что сказанное. Поэтому меня болѣе чѣмъ удивляетъ тенденціозность и утрировка содержанія этого „*товарищескаго интервью*“.

Въ „письмѣ“, прежде всего непріятно поражаетъ, что въ немъ авторъ бухарестскаго [illegible] въ родѣ экзамена почти по всѣмъ вопросамъ теоріи и практики соціальдемократической программы, причемъ передъ всѣмъ читающемъ міромъ онъ заявляетъ съ плохо скрываемымъ торжествомъ, что товарищъ Матюшенко оказался въ результатѣ произведеннаго ему экзамена чистѣйшимъ и наивнѣйшимъ профаномъ, мечтающимъ о какомъ-то равномъ раздѣлѣ и передѣлѣ земли.

Этотъ результатъ экзамена выставляетъ [illegible] также выпукло и красиво, что въ этомъ нельзя не усмотрѣть какой то скрытой задней мысли. Эта задняя мысль становится вполнѣ опредѣленной и понятной, когда читатель узнаетъ, что „Коваленко *тоже* не соц-дем“, а что напротивъ того, онъ въ молодые годы вполнѣ опредѣленно сочувствовалъ украинцамъ соц.-рев. Кириллъ-же, говорится дальше, хотя и выдержалъ экзаменъ въ полномъ объемѣ на соц.-дем., но онъ-де не является на броненосцѣ оффиціальнымъ представителемъ какой-либо организаціи.

Все это сопровождается краткой оговоркой, что болѣе подробная характеристика дѣлается только первымъ двумъ, какъ лицамъ, пользовавшимся самымъ большимъ вліяніемъ на весь ходъ „потемкинскихъ“ событій.

Сколько разъ я ни перечитывалъ это „Письмо изъ Бухареста“, стараясь убѣдить себя въ неправильности пониманія духа и содержанія его, однако, смыслъ его оставался одинъ и тотъ-же: всѣ грандіозныя событія на нашемъ броненосцѣ обязаны своимъ ходомъ и направленіемъ двумъ „наиболѣе вліятельнымъ“ товарищамъ — Матющенко и Коваленко. Причемъ первый изъ нихъ, по тщательному допросу, въ смыслѣ своихъ соціально-политическихъ убѣжденій оказался просто безпартійнымъ революціонеромъ, а второй соціалистомъ-революціонеромъ. И выводъ, слѣдовательно, отсюда ясенъ: — да здравствуетъ герой „Потемкинъ“, руководимый и направляемый въ своей самоотверженной борьбѣ соціалистами-революціонерами или ужъ на худой конецъ „просто революціонерами“, но только ни въ коемъ случаѣ не соціальдемократами.

Все это, по моему, способно возбудить вполнѣ справедливое возмущеніе и негодованіе. Развѣ это не есть замаскированное стремленіе на наше единодушное великое дѣло борьбы за народную свободу наклеить во чтобы то ни стало чуждый ему „ярлыкъ“?

Развѣ автору корреспонденціи изъ Бухареста давало право только наше личное заявленіе о самихъ себѣ возвести двухъ изъ насъ на степень „наиболѣе вліятельныхъ“ и съ апломбомъ утверждать это въ печати передъ всѣми товарищами, многихъ изъ которыхъ онъ даже не видалъ и не перемолвился ни однимъ словомъ? Между тѣмъ, мы постоянно подчеркивали громадную роль многихъ другихъ товарищей матросовъ, частью умершихъ почетной и славной смертью отъ предательскихъ пуль деспотизма, а частью находящихся здѣсь въ живыхъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о „степени своей оффиціальности“ на суднѣ.

Дѣйствительно, на броненосецъ я поѣхалъ не по порученію своей организаціи, а по настоянію громадной толпы рабочихъ, которые, снявши подъ моимъ руководствомъ, съ работы въ порту почти всѣхъ рабочихъ, настояли на томъ, чтобы я сейчасъ же поѣхалъ къ матросамъ и выработалъ бы вмѣстѣ съ ними планъ совмѣстныхъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Я и еще одинъ товарищъ „бундовецъ“ сѣли въ шлюпку и сейчасъ же отправились на „Потемкинъ“.

Когда мы прибыли туда и вошли на корабль то, выслушавъ отъ насъ заявленіе — кто мы и зачѣмъ пріѣхали, руководители матросы сейчасъ же пригласили насъ принять участіе въ происходящемъ засѣданіи ихъ „комиссіи“. Здѣсь мы застали уже своихъ товарищей, уполномоченныхъ для этой же самой цѣли мѣстными организаціями „Группы“, „Южно-Р[illegible] Союза“ и „Бунда“. Обмѣнявшись съ ними „паролями“, мы приняли сейчасъ же участіе въ общемъ совѣщаніи. Кромѣ всѣхъ насъ, тутъ было еще человѣкъ 20-25 матросовъ. Въ концѣ этого совѣщанія было рѣшено, что для объединенія и руководства совмѣстными дѣйствіями берега и броненосца будетъ вполнѣ достаточнымъ 3-хъ товарищей, и что всѣ остальные должны сейчасъ же вернуться къ своимъ дѣламъ въ городъ, также должны быть удалены съ броненосца и всѣ вообще посторонніе.

[illegible] были оставлены я и „студентъ“, [illegible] какъ представители отъ „Одесской группы“ и еще одинъ товарищъ „большевикъ“.

[illegible] въ то время, когда почти никого уже на броненосцѣ [illegible] „постороннихъ“ [illegible] къ намъ [illegible] представители отъ мѣстной организаціи „соц.-рев.“ Ихъ встрѣтилъ сейчасъ же одинъ изъ товарищей матросовъ и заявилъ, „*что они рѣшили никого больше на судно не принимать, во первыхъ потому, что руководители отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій уже выбраны и въ достаточномъ количествѣ находятся на суднѣ, и во вторыхъ, что большая часть команды, даже сознательныхъ матросовъ почти совсѣмъ не знакома съ той партіей, представителями которой являются соціалисты-революціонеры и по этому они едва ли будутъ приняты здѣсь съ надлежащимъ довѣріемъ всей команды.*“ При этомъ [illegible] неожиданку, [illegible] Когда же въ концѣ этихъ переговоровъ [illegible] замѣтилъ [illegible] что почему-бы не оставить [illegible] хоть бы одного изъ прибывшихъ, онъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, вполнѣ достаточно трехъ, уже находящихся здѣсь товарищей, а что пусть лучше побольше будетъ силъ на берегу. На этомъ окончились переговоры.

Членъ Одесской Гр. Р. С.-Д. Р. П. Кириллъ.

Переговоры съ представителями „соціал.-револ.“ вели мы и находимъ, что товарищъ Кириллъ правильно передаетъ здѣсь всѣ наши переговоры.

Матросы: Шестидесятый. Куликъ.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ИСКРЫ“.

Дорогіе товарищи! Мы прочли отвѣтъ товарища Кирилла на „письмо изъ Бухареста“ (Рев. Рос. № 70) и вполнѣ соглашаемся съ нимъ. Насъ поражаетъ попытка неизвѣстнаго автора письма „Рев. Рос.“ отдѣлить насъ отъ нашихъ друзей — Матющенко и Коваленко, изобразивъ революціонныя предпріятія „Князя Потемкина“, какъ дѣло 2-3 человѣкъ, которые будто-бы и руководили всѣмъ. Мы глубоко увѣрены, что товарищи Матющенко и Коваленко сами будутъ протестовать противъ такого изображенія всего нашего дѣла и исключительнаго положенія въ немъ. Совсѣмъ не думая уменьшать роли кого бы то ни было изъ товарищей, мы, однако, отъ имени всѣхъ сознательныхъ матросовъ революціонеровъ заявляемъ, что всѣ мы еще заранѣе и сознательно рѣшили взять на себя всю отвѣтственность за это дѣло. И хотя событія 14 іюля въ Тендровской бухтѣ явились для насъ неожиданными и какъ бы противъ нашей воли, мы поспѣшили сейчасъ же ихъ использовать для заранѣе намѣченнаго возстанія всего Черноморскаго флота, планъ котораго былъ выработанъ „Крымскимъ Союзомъ“, при нашемъ непосредственномъ участіи, какъ членовъ „Севастопольской организаціи“ этого Союза.

Во всѣхъ событіяхъ, какъ до, такъ и во время и послѣ этой драмы, мы приняли самое дѣятельное участіе. Смѣшно, чтобы каждый изъ насъ сталъ перечислять — какъ онъ доставалъ винтовки, боролся съ офицерами, разбивалъ патронные погреба, поднималъ команду и т. д. Каждому понятно, что безъ сознательнаго дѣйствія серьезной организаціи среди матросовъ невозможно бы было такому громадному броненосцу, съ 800 человѣками команды, продержаться одиннадцать дней и вести революціонную борьбу въ теченіе всего этого времени. И дѣйствительно, всѣми дѣлами „Потемкина“ руководила „Комиссія“ изъ 20 человѣкъ матросовъ, къ которымъ въ Одессѣ присоединились отъ мѣстныхъ рабочихъ соціальдемократическихъ организацій товарищи Кириллъ, „студентъ“ и еще одинъ. За дѣятельное участіе во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ позже былъ введенъ въ Комиссію и товарищъ Коваленко.

Матросы эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ“,
Члены Севастопольской соціальдемократической организаціи:

Исидоръ Андросовъ.
Николай Хохляковъ.
Иванъ Рѣпинъ.
Илларіонъ Шестидесятый.
Василій Куликъ.
Арсентій Самойленко.
Федоръ Шевченко.
Григорій Кулишовъ.
Евтихій Рѣзниченко.
Николай Рыжовъ.
Ефимъ Брецихинъ.
Степанъ Денисенко.
Константинъ Совоченко.
Захарій Цимбалъ.

Многіе изъ нашихъ товарищей разбросаны теперь по всей Румыніи, но мы увѣрены, что, прочитавъ это заявленіе въ „Искрѣ“, они позднѣе присоединятъ свои подписи.

На очереди.

ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РЕЦЕПТУРЫ.

До сихъ поръ насмѣшки надъ идеей „назначеннаго“ возстанія удерживали нашихъ товарищей изъ „Впередъ“ (Пролетарія) отъ прямыхъ указаній русскому пролетаріату, по какимъ нотамъ ему надо будетъ разыгрывать свои боевыя дѣйствія въ рѣшительный моментъ. Теперь всякія сомнѣнія отброшены — „стѣсняться нечего“[1] и мы имѣемъ, для свѣдѣнія и руководства цѣлый рядъ „практическихъ“ совѣтовъ, продиктованныхъ „строго-ортодоксальной“ точкой зрѣнія.

Прежде всего мы узнаемъ („Пролетарій“ № 9), какъ необходимо начинать возстаніе. „Если секретарь комитета или специально выбранный на такіе случаи (?) вожакъ находитъ

---

[1] Истинныя слова [illegible] В. Сѣверцова, написавшаго „Приложеніе тактики и фортификаціи къ народному возстанію“ изд. „Ц. К. Р. С. Д. Р. П.“

кта, первосортнаго матеріала, не попадая въ ряды активныхъ дѣятелей — факторовъ революціи.

И какъ будто бы для того, чтобы разсѣять [illegible] возможныя сомнѣнія, чтобы закрѣпить въ сознаніи [illegible] переломъ во взаимоотношеніяхъ интеллигенціи и массы и чтобы нарочито подчеркнуть радикализмъ перелома, кружковая интеллигенція выступала ни болѣе ни менѣе [illegible] „борьбы со стихійностью“.

„Стихійное развитіе рабочаго движенія — говоритъ Ленинъ — идетъ именно къ подчиненію его буржуазной идеологіи [illegible] стихійное рабочее движеніе есть тредъ-юніонизмъ [illegible] тредъ-юніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей“ (стр. 28).

Кто же въ такомъ случаѣ [illegible] носителя пролетаріата [illegible] „стихійнаго движенія“ устоять [illegible] буржуазіи“? [illegible] соціальдемократіи [illegible] Россіи — кружковая интеллигенція.

Не лишне будетъ кстати отмѣтить, что [illegible] ратегъ котораго Ленинъ [illegible] „борьбу [illegible] стью“, говоря о внесеніи сознанія въ движеніе, имѣетъ, конечно, ввиду не цѣлый общественный пластъ интеллигенціи и не движеніе ея, воплощающее [illegible] тенденціи, а лишь „отдѣльныхъ членовъ“ того слоя, который онъ называетъ „буржуазной интеллигенціей“, который въ условіяхъ современнаго капиталистическаго общества одинъ только и можетъ являться „носителемъ науки“ и выходцы изъ котораго были [illegible] и Марксъ, и піонерами научнаго соціализма [illegible] же кружковая среда, [illegible] вила этого, [illegible] поспѣшила сконструировать [illegible] профессіональномъ революціонерѣ [illegible] ности“, „сознательности“ у котораго нѣтъ ахиллесовой пяты „стихійности“, нѣтъ той „линіи наименьшаго [illegible]“ (стр. 29), неизмѣнно приводящей къ буржуазности и отъ которой надо постоянно „совлекать“ [illegible] движеніе пролетаріата.

Въ результатѣ такимъ образомъ получался [illegible] итогъ: русская интеллигенція, точнѣе — ея кружковая разновидность, обыкновенно составлявшая [illegible] въ концепціи отечественнаго марксизма оказывалась вдругъ представительницей par excellence борьбы съ пролетарской стихійностью. И съ этой представительницы не спрашивалось какихъ либо гарантій пригодности ея соціально-группового содержанія; достаточно было простого указанія на ея субъективную преданность догмѣ во первыхъ, и на ея готовность стать профессіонально-революціонной во вторыхъ, чтобы — выражаясь языкомъ Н. Ленина — „отдать“ въ ея „распоряженіе“ могучія силы милліоновъ и милліоновъ стихійно подымающагося на борьбу рабочаго класса (стр. 34).

8

Это была — по истинѣ грандіозно-утопическая претензія!

Но именно ею объясняется, что на вопросъ „съ чего начать“ кружковая интеллигенція, ничто же сумняся, отвѣчала: начать „съ правильной постановки крѣпкой организаціи [illegible]

[illegible]

[illegible] рабочихъ [illegible] дѣйствительности [illegible] кружковая интеллигенція [illegible] рабочихъ въ то время [illegible] не имѣли [illegible] своей главной задачей [illegible] стр. 100 [illegible] пожалуй [illegible] „профессіональные революціонеры [illegible] большемъ числѣ“ [illegible] стр. 83-84 [illegible] не могла игнорировать [illegible] соображенія что „необходимо [illegible] вырабатывать изъ себя профессіональныхъ революціонеровъ“ [illegible] сейчасъ проектированная [illegible] профессіональныхъ революціонеровъ [illegible] въ каждомъ случаѣ [illegible] свою историческую миссію съ тѣми наличными силами и средствами, которыя въ состояніи была [illegible] среда кружковой интеллигенціи. [illegible] разрѣшалось [illegible] казалось бы неразрѣшимое [illegible] противорѣчіе? Оно разрѣшалось при посредствѣ того [illegible] фанатическаго мышленія, которое одно только и могло [illegible] въ спертой атмосферѣ подполья и тѣсныхъ рамкахъ кружка при посредствѣ того раціонализма, который — какъ мы видѣли — насквозь пропитывалъ собою русскій легальный марксизмъ.

Но такъ же, какъ легальный марксизмъ пропитывалъ собою кружковую интеллигенцію. И именно, раціонализмъ — по ироніи судьбы! — давалъ части кружковой интеллигенціи, ближе всего стоявшей къ движенію городскихъ рабочихъ массъ и связанной съ нимъ хотя бы и весьма несовершенными связями, возможность удержаться въ предѣлахъ дѣйствія марксистской идеологіи въ то время, когда подъ вліяніемъ начавшагося процесса самоопредѣленія интеллигенціи и „возрожденія“ ея „революціонизма“ уже происходило повальное бѣгство отъ этого ученія революціоннаго пролетаріата.

„Общерусская централизованная организація“ профессіональныхъ революціонеровъ [illegible] И въ чемъ гарантія того, что этотъ про[illegible] кружковой интеллигенціи въ своихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ будетъ совпадать съ пролетарскимъ [illegible] способнымъ [illegible] передовые [illegible] соціальдемократическихъ рабочихъ партій? Съ точки зрѣнія марксистской вопросъ представляетъ [illegible] при данномъ направленіи [illegible] крайне [illegible] раціоналистическими пріемами кружковой интеллигенціи.

Правильная теорія — вотъ тотъ камень, на которомъ интеллигенція [illegible] организаціонныя постройки [illegible] народовольцевъ — по [illegible] отвѣчали ложной теоріи и [illegible] русскій революціонеръ можетъ „развернуть [illegible] богатырскія силы“ потому, что опирается на „стихійно [illegible] революціонный классъ [illegible] руководимъ истинно-революціонной теоріей“. [illegible] опираться на пролетаріатъ значатъ не болѣе какъ имѣть въ немъ превосходный инструментъ, на которомъ можно разыгрывать свою героическую симфонію. Инструментъ и только, потому что стихія пролетарскаго движенія, т. е. самый механизмъ пролетарской классовой борьбы, несетъ рабочій классъ къ одному лишь подчиненію буржуазности[1]). Такимъ образомъ, въ качествѣ единственной надежды [illegible] и послѣдняго устоя революціонной [illegible] выступаетъ — *теорія* — единоспасающая и всенаправляющая, въ своей крѣпкой рукѣ держащая бразды профессіонально-революціоннаго управленія и элементарною силою своей логической правоты цементирующая самые разнородные, самые разнообразные элементы.

„При такой тѣсно централизованной и въ то же время съ далеко идущимъ раздѣленіемъ труда [illegible] организаціи, стоящей на твердомъ теоретическомъ базисѣ и располагающей соціальдемократическимъ „органомъ“, нечего будетъ бояться того, о чемъ говорится въ „Что дѣлать“ (стр. 99), что движеніе собьютъ съ пути многочисленные, привлеченные къ нему „сторонніе“ элементы“.

Оказывается, „твердый теоретическій базисъ“, находящій свое выраженіе въ „органѣ“, обладаетъ чудодѣйственными свойствами — не только предохранять организацію профессіональныхъ революціонеровъ отъ ошибочнаго курса ихъ практики, но и превращать организацію въ надъ-классовую, сповозможнымъ поднять возстаніе, то трое дежурныхъ товарищей должны распорядиться о немедленной мобилизаціи всѣхъ отрядовъ". А еще увѣряютъ, что „Пролетарій" не даетъ никакихъ руководящихъ идей, что онъ слѣпо идетъ за организаціонной рутиной! Помилуйте! Досель секретарскія функціи при комитетахъ были, большей частью, замѣщаемы товарищами, по своему воспитанію, обыкновенно мало свѣдущими въ вопросахъ „фортификаціи". Въ комитетахъ „большинства" намѣчается коренная реформа, если впрочемъ, они не предпочтутъ, не смѣняя товарищей-секретарей, завести особую функцію „вожаковъ, спеціально выбранныхъ на *такіе* случаи". Эти „вожаки на случай", имѣя большій досугъ, смогутъ посвятить его детальному изученію военнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ до тѣхъ поръ, пока придетъ часъ „распорядиться". На сей предметъ при „вожакѣ" состоятъ „три дежурныхъ", подобно вожаку, избавленныхъ отъ обычныхъ партійныхъ повинностей и ожидающихъ „случая". Съ помощью этого „аппарата руководства" можно уже надѣяться взять въ свои руки народное возстаніе.

---

[1]) Ср. также стр. 103. „И только самое грубое непониманіе марксизма могло породить мнѣніе, что возникновеніе массового „стихійнаго“ рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и не *сдѣлается настоящей классовой борьбой' его до тѣхъ, пока эта борьба не будетъ руководиться крѣпкой организаціей революціонеровъ*“.

Для этого требуется, чтобы „отряды заранѣе знали, какая роль будетъ имъ предстоять, именно: 1) часть направляется къ зданію городского управленія; 2) часть къ мѣсту пребыванія командующаго войсками; 3) часть къ полиціи; 4) часть къ арсеналу и оружейнымъ магазинамъ; 5) часть къ казначейству; 6) часть, наконецъ (!), для постройки баррикадъ". Быть можетъ, у „особаго вожака" не хватитъ столько отрядовъ? Въ этомъ случаѣ, „если не хватитъ отрядовъ на всѣ указанные шесть пунктовъ, то революціонеры должны помнить, что *главное и первое* (курс. нашъ) дѣло для нихъ — это захватить въ свои руки механизмъ городского управленія. Нѣтъ ничего легче этого въ минуту паники". Какъ видитъ читатель, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ постройки баррикадъ, лишь бы „захватить механизмъ городского управленія".

Пропускаемъ указаніе о захватѣ арсенала и переходимъ къ вопросу о захватѣ казначейства. „При этомъ революціонеры должны путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ помѣшать ей разнести деньги. *Деньги должны быть размѣщены нѣсколькими вѣрными товарищами въ разныхъ безопасныхъ частяхъ города*". Съ своей стороны, мы рекомендуемъ при этомъ, „путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ", объяснить послѣдней, что оные товарищи, „къ толпѣ" не принадлежатъ, почему на нихъ дѣйствіе „рѣчей и увѣщаній" не распространяется. Впрочемъ, возможно, что для нея „разнесеніе по безопаснымъ мѣстамъ" останется тайной. Ибо, какъ прибавляетъ авторъ, „часть денегъ должна остаться въ казначействѣ, для охраны котораго революціонеры могутъ составить отрядъ тутъ же изъ толпы подъ руководствомъ товарищей". Я встрѣчалъ многихъ усердныхъ читателей „Пролетарія" и ни одинъ не могъ объяснить, зачѣмъ автору статьи понадобилась эта операція оставленія въ казначействѣ части денегъ. Въ качествѣ гипотезы, высказываю мнѣніе, что эта часть, охранять которую будетъ „толпа", должна служить, выражаясь военнымъ языкомъ, „прикрытіемъ", подъ защитой котораго „спѣвшійся авангардъ" разноситъ остальныя деньги по „безопаснымъ мѣстамъ". Для послѣдней операціи необходимо, конечно, запастись „особыми" казначеями „на такой случай" изъ „строго-ортодоксальныхъ" впередовцевъ.

Возможно, впрочемъ, и другое, притомъ болѣе глубокое объясненіе указанной операціи. Какъ уже догадался [illegible] читатель, процедура съ казначействомъ имѣетъ нѣкоторое от[illegible] „захвату власти" „спѣвшимся авангардомъ". Но [illegible] отношеніе къ какъ намъ извѣстно, состоя изъ „революціонн[illegible] сей послѣдній, кратовъ", отнюдь не намѣренъ удерж[illegible] соціальдемо- въ своихъ рукахъ. Напротивъ, [illegible] захваченную власть что мы имѣемъ дѣло съ бу[illegible] исходя изъ твердаго убѣжденія побѣдивъ врага, сами „практи[illegible] буржуазной революціей, онъ намѣренъ власть буржуазіи [illegible] легальнымъ образомъ предоставить эту „диктатуру [illegible] и лишь въ переходный періодъ осуществлять [illegible] диктатуру пролетаріата и крестьянства". Но при сдачѣ власти законнымъ претендентамъ придется несомнѣнно сдавать и казначейство — обстоятельство, вполнѣ объясняющее, почему часть денегъ „должна быть размѣщена нѣсколькими товарищами", для дальнѣйшихъ потребностей революціи, конечно. Съ другой стороны, если бы эта „часть" была слишкомъ велика, то буржуазія, пожалуй, не стала бы перенимать власть у „спѣвшагося авангарда". Поэтому, необходимо оставить въ казначействѣ кое что и для нея. Если же „по счетамъ" не все будетъ сходиться, то это, вѣдь, можно будетъ объяснить неполнымъ эффектомъ „рѣчей и увѣщаній", обращенныхъ къ толпѣ. Съ другой стороны, эти рѣчи и увѣщанія не относятся къ судьбѣ документовъ, которые будутъ найдены въ казначействѣ, а еще покойникъ Бакунинъ говорилъ, что эти послѣдніе въ истинно революціонныхъ возстаніяхъ первые должны пасть жертвой „народнаго гнѣва". Читатель видитъ, что мое объясненіе таинственныхъ операцій „впередовскихъ" стратеговъ довольно правдоподобно.

Однако, при такомъ объясненіи возникаетъ одно маленькое сомнѣніе: раскрывая заранѣе свои планы, „спѣвшійся авангардъ" не натолкнетъ ли буржуазію на мысль, что съ передачей власти не все обстоитъ благополучно? Съ стратегами „Впередъ" не въ первый разъ уже случается, что они напрасно предупреждаютъ о только еще предполагаемой ими военной хитрости. Такъ, однажды былъ во „Впередѣ" напечатанъ весьма мудрый совѣтъ, какъ внести деморализацію въ солдатскіе ряды. Именно было предложено *инсургентамъ одѣваться въ солдатскіе мундиры*, дабы вызвать въ солдатахъ увѣренность, что противъ царя выступили солдаты же, и тѣмъ заставить содрогнуться ихъ сердца. Совѣтъ, какъ видитъ читатель, былъ геніальный и могъ, при точномъ его исполненіи, сэкономить „спѣвшемуся авангарду" много силъ и средствъ: безконечно, вѣдь, легче засадить иныхъ „засѣдателей" за шитье маскарадныхъ мундировъ[1]), чѣмъ за приготовленіе бомбъ. Къ сожалѣнію, однако, руководители „Впереда", по странной забывчивости, упустили изъ виду столь цѣнимое ими правило: „въ подготовкѣ возстанія первое дѣло — конспирація", и наши дьявольски-хитрые враги воспользовались этимъ промахомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, сообщали изъ достовѣрнаго источника, что вскорѣ послѣ появленія во „Впередѣ" указаннаго совѣта, военныя власти разослали циркуляръ, въ коемъ приказывали разъяснять солдатамъ, что если въ толпѣ инсургентовъ покажутся лица, одѣтыя въ военные мундиры, то чтобы солдаты, отнюдь не оказывая вѣры такимъ „товарищамъ", посмотрѣли, такъ ли они „ѣдятъ глазами начальство", какъ полагается настоящему солдату.

Не скажутъ ли мнѣ, что я произвольно толкую государственно политическое значеніе „размѣщенія" денегъ въ „безопасныхъ мѣстахъ"? На это я отвѣчу указаніемъ на передовицу того же № „Пролетарія", въ которомъ помѣщена цитированная мною статья. Въ передовицѣ отмѣчается съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что якобы „Искра" въ вопросѣ о возстаніи становится, наконецъ, на точку зрѣнія „Пролетарія". (Объ этомъ мы еще будемъ говорить[2])). Вотъ одно изъ доказательствъ: „Припомните опасеніе „Искры" насчетъ того, какъ бы не скомпрометировать намъ себя отвѣтственностью за казначейство, финансы и т. д. — и вы увидите, что если „Искру" не убѣдили наши доводы, то ее убѣдили въ вѣрности этихъ доводовъ сами событія, ибо „Искра" въ приведенномъ листкѣ (листокъ „Первая побѣда революціи") прямо рекомендуетъ „захватить отдѣленія государственаго банка".

Читатель видитъ, что съ бѣднымъ авторомъ случилось самое забавное недоразумѣніе, цѣликомъ, впрочемъ, подтверждающее нашу мысль, что онъ ошибся призваніемъ и былъ бы, вѣроятно, очень недурнымъ организаторомъ комитетской [illegible] швальни... „Искра" говорила, что, въ случаѣ осуществленія „диктатуры пролетаріата и крестьянства", представителямъ нашей партіи придется столкнуться съ неразрѣшимыми — въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства — задачами финансоваго управленія. Для всяк[illegible] соціал[illegible] [illegible]щеніе демократически-сознательнаго рабочаго эта мысль [illegible]ность и безъ особыхъ поясненій. Но, чтобы сдѣлать ее популярной [illegible] общ[illegible] для писателей „Пролетарія", мы поясняемъ, что это значитъ. Это значитъ, что намъ, попавъ „во временное правительство", придется *взимать налоги*, которые, при всякой ихъ системѣ, разоряютъ мелкихъ производителей; придется *выполнять* долговыя обязательства, заключенныя государствомъ въ интересахъ крупнаго капитала, *ладить* съ царями биржи и т. д. и т. д. Не понявъ, въ простотѣ душевной, смысла этого указанія, авторъ передовицы понялъ его по своему: онъ понялъ, что мы боимся „скомпрометировать" пролетаріатъ прикосновеніемъ къ государственному казначейству (онъ понималъ, что безъ совѣтовъ „гадиста" мы никакъ не догадаемся „рѣчами и увѣщаніями" побудить толпу уйти отъ грѣха подальше и предоставить „размѣщеніе" цѣнностей надежнымъ товарищамъ). За то, какъ же радъ онъ теперь, когда прочелъ въ листкѣ „Искры", что при возстаніи слѣдуетъ таки „компрометироваться" около казначейства! Онъ убѣжденъ, что теперь даже для этихъ „доктринеровъ меньшинства" нѣтъ болѣе финансовыхъ затрудненій при „захватѣ власти". „Революція учитъ", глубокомысленно заявляетъ онъ, не догадываясь что въ его собственныхъ строкахъ заключается очень полезный урокъ, данный революціонными событіями, вскрывающими тотъ печальный фактъ, что за соціалдемократической фразеологіей сплошь и рядомъ скрывается совершенно-*люмпенское* представленіе о соціализмѣ. Ибо только „люмпенъ" и его идеологи сводятъ вопросъ о преодолѣніи стихійныхъ силъ денежнаго хозяйства къ вопросу о „размѣщеніи" денегъ, находящихся въ казначействахъ и банкахъ...

Мы, однако, отвлеклись въ сторону. А, между тѣмъ, въ статьѣ уважаемаго товарища-„гадиста", цитированной нами, имѣются еще весьма и весьма цѣнныя указанія по вопросу о томъ, какъ „дѣлать" возстаніе. Таково, напримѣръ, слѣдующее указаніе: „въ каждомъ пунктѣ дѣятельности долженъ имѣться организаторъ который и распоряжается имѣющимися въ его распоряженіи силами". Оцѣните всю тонкость этого замѣчанія: силами, „не имѣющимися въ его распоряженіи", онъ не „распоряжается". Кто бы могъ это подумать?

Мы теперь уже знаемъ, какъ „дѣлаютъ возстаніе". Но, чтобы дѣйствовать увѣренно, этого мало: не мѣшало бы знать также, *когда* его „дѣлать". Зная это, мы бы могли чувствовать себя, что называется, „подкованными на обѣ ноги" въ вопросахъ возстанія. „Гадистъ" изъ „Пролетарія" не даетъ намъ по этому поводу никакихъ руководящихъ указаній. Но за то ихъ намъ даетъ спеціалистъ по „фортификаціи", состоящій при „Ц. Комитетѣ". Въ брошюрѣ В. Сѣверцова (стр. 44) сказано: „начало возстанія *ночью* имѣетъ много преимуществъ: оно будетъ неожиданно", поэтому, „надо начинать часа въ 3-4 ночи".

Теперь мы уже кое-что знаемъ по интересующему насъ вопросу и, если дополнимъ указанія Сѣверцова указаніями прежнихъ авторитетовъ въ этой области и своими собственными житейскими соображеніями, то, пожалуй, относительно *часа* для „начала" можемъ быть спокойно-увѣренными. Еще покойникъ Ткачевъ указывалъ на то, что „начинать" надо въ такую ночь, когда не предвидится дождя. Эта тонкая мысль особенно приложима къ возстанію, въ которомъ „руководить" будутъ „особые на этотъ случай вожаки" изъ „штатскихъ" интеллигентовъ, весьма и весьма расположенныхъ (не будемъ скрывать недостатковъ революціонной интеллигенціи!) къ быстрому схватыванію простуды. Далѣе — и здѣсь я позволю себѣ внести свою каплю меда въ сокровищницу революціонной рецептуры — далѣе, слѣдуетъ подозрительно относиться къ *луннымъ* ночамъ. Нельзя упустить изъ виду, по преимуществу, юный возрастъ большинства тѣхъ силъ, которыя составятъ собой „спѣвшійся авангардъ". Нельзя также забывать, что во главѣ этихъ силъ пойдутъ „заговорщики", которые, въ ожиданіи „случая", усиленно работаютъ въ разныхъ *либеральныхъ* политическихъ организаціяхъ[1]).

Молодые борцы, въ силу именно ихъ молодости, а ихъ зрѣлые вожди, въ силу неумѣреннаго общенія съ либералами, несомнѣнно окажутся нѣсколько склонны къ сантиментальности и на эту склонность сможетъ самымъ пагубнымъ образомъ вліять лунная ночь, связавъ ихъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ В. Сѣверцовъ, „стѣсняться нечего".

Итакъ, мы знаемъ *часъ*. Но почему же намъ не знать и *дня*, или, вѣрнѣе, ночи, въ которую надо начать? Читатель легкомысленный, прочитавъ всѣ эти руководства, не найдетъ въ нихъ указанія о днѣ. Но читатель „умѣющій „штудировать", отыщетъ и это указаніе. Мы поможемъ ему.

„Захвативъ въ свои руки городъ", говоритъ „гадистъ", „мы немедленно должны приступить... къ организаціи временнаго управленія и передачѣ власти въ руки народа". „Временное городское управленіе должно возможно скорѣе (въ первый же или второй день) издать декретъ, приглашающій всѣхъ жителей приступить въ ближайшее воскресенье къ выборамъ гласныхъ въ городскую думу прямой, тайной, всеобщей и равной подачей голосовъ... Въ высшей степени важно, чтобы на смѣну временнаго правленія явилась *возможно скорѣе свободно и всенародно избранная городская дума*". (Курсивъ нашъ). При этомъ временное правленіе, если оно будетъ состоять изъ соціальдемократовъ, должно будетъ еще до выборовъ постараться провести, примѣнительно къ городскому хозяйству, реформы, которыя требуются нашей программой минимумъ: даровое и обязательное, общее и профессіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учеб-

---

[1]) Мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что нѣкоторые литераторы также проявили бы большія способности къ дѣйствію иглой въ „комитетской" швальнѣ, чѣмъ какую они проявляютъ въ писаніи тактическихъ передовицъ.

[2]) Намъ придется тогда показать, что „Пролетарій" совершенно непозволительно смѣшиваетъ участіе во временномъ правительствѣ съ захватомъ отдѣльнаго города.

[1]) Для членовъ партіи не тайна, что въ числѣ активныхъ членовъ союзовъ адвокатовъ, инженеровъ и др. демократически-либеральныхъ организацій видную роль играютъ имена, извѣстныя, какъ принадлежащія „столпамъ" т. н. „большинства". Къ сожалѣнію, по условіямъ конспираціи, намъ не приходится отмѣчать эти случаи „совмѣстительства", очевидно, предвосхищающаго будущую „диктатуру пролетаріата и крестьянства".

собную соединенными усиліями теоретическаго разума и практическаго искусства нейтрализовать обычное дѣйствіе законовъ классовой психологіи.

„Общество выдѣляетъ крайне много лицъ годныхъ для „дѣла", но мы не умѣемъ утилизировать ихъ" (стр. 97). Ихъ сумѣетъ, однако, утилизировать коллективный кружковый интеллигентъ, сложившійся въ профессіонально-революціонную организацію, читающій свою собственную партійную газету и идущій „во всѣ классы населенія". „И врядъ ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, — продолжаетъ увѣрять насъ Ленинъ (стр. 98), что соціальдемократы могли бы распредѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной (sic!) работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ". Т. е., иначе говоря, правильное *пониманіе* историческаго хода развитія сдѣлало бы изъ революціонера по профессіи сверх-человѣка, а изъ его организаціи — интеллигентской и на самомъ узкомъ базисѣ построенной — силу, своимъ вліяніемъ на классы превосходящую многимъ ту мощь давленія на прочія группы населенія, которую оказываетъ организованная пролетарская масса зап. европейск. соціалистич. партій.

Такъ, сохраняя свою матеріалистическую внѣшность, кружковая интеллигенція приходила къ чисто идеалистическимъ выводамъ. Наперекоръ воспринятому ученію, идея отрывалась отъ среды и, оторвавшись, продолжала въ головахъ интеллигенціи самодовлѣющее фантастическое существованіе подобно тому, какъ и сама интеллигенція, оторванная отъ ее окружающаго міра живетъ — точно подъ стеклянным колпакомъ — въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ отношеній. Однако, не одно это разобщеніе идеи со средой, типичное вообще для кружковой интеллигенціи (см. № 98 „И".) имѣло въ данномъ случаѣ значеніе. Надо прежде всего помнить, что интеллигенція, стоявшая на рубежѣ двухъ десятилѣтій, интеллигенція самого начала 1900-хъ годовъ, революціонизируясь и безсознательно для себя вырабатывая культъ своей групповой коллективности, въ то же время едва только выходила изъ того марксистскаго „просвѣтительнаго" періода, который только что пронесся на глазахъ ея блестящей полосою. Было нѣчто, дѣйствительно, неотразимо-обаятельное въ этомъ побѣдномъ шествіи марксизма. Идея марксизма, казалось, не знала препятствій, она сметала съ пути своего все и подчиняла вліянію даже самое неподобные элементы. Можно было, разумѣется, говорить о поверхностномъ дѣйствіи этого вліянія, о томъ, что различные общественные слои различное вносили въ марксистское „повѣтріе", но тѣмъ не менѣе, нелегко было тогда отказаться отъ мысли, что разъ марксистскія идеи еще такъ недавно господствовали, хотя и преломленныя, въ пестрой средѣ русской общественности, то осуществима была бы соблазнительна заманчивая перспектива превратить эту идейную гегемонію въ политическую, предоставивъ профессіональному революціонеру въ этой новой — политической — сферѣ играть ту же роль, которую только что Марксово ученіе играло въ сферѣ чисто идейной.

И ключемъ къ разрѣшенію партійной проблемы такъ соблазнительно легко представл[illegible] гана, какъ центра органи[illegible] стороны, всеклассовой агит[illegible]

Но если уже въ оцѣнкѣ предстоявшихъ революціонному коллективу задачъ кружковая интеллигенція была раціоналистична, то тѣмъ болѣе наглядно долженъ былъ проявиться ея оптимистическій на просвѣтительный манеръ, раціонализмъ въ вопросѣ объ основной единицѣ — ячейкѣ революціоннаго коллектива — профессіональномъ революціонерѣ in persona. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за мистическую силу сочетанія организаціоннаго принципа и теоретической правильности, якобы способную творить чудеса, здѣсь надлежало вплотную подойти къ вопросу о томъ, что же представляетъ собою революціонеръ по профессіи — въ русской дѣйствительности, каковы элементы его политической дѣятельности, и какъ вырабатываются, какъ могутъ вырабатываться въ профессіонально революціонной средѣ тѣ „политическіе вожди", которые призваны стать — по словамъ Н. Ленина, во главѣ „общерусской централизованной организаціи".

Что такое революціонеръ по профессіи? Это — по Ленину — спеціалистъ конспираціи, это человѣкъ, годами тренировавшій себя на „борьбу съ политической полиціей".

„Въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ" — пишетъ онъ — должны быть „сосредоточены всѣ конспиративныя функціи" (стр. 95), т. е. иначе — все руководство движеніемъ. Взять, напримѣръ, демонстрацію. „Десятокъ испытанныхъ, профессіонально вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п.", т. е. дергаетъ за ниточки всѣхъ персонажей этого „дѣйствія" — подобно режиссеру въ театрѣ маріонетокъ. Откуда же взяться этимъ сверхчеловѣкамъ и гдѣ та счастливая среда, которая подаритъ ихъ міру? Кружковая интеллигенція не смущалась отвѣтомъ и обращала на себя свой собственный указующій перстъ. Правда, она знала, что у нея не все благополучно, что „наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціальдемократовъ" (стр. 59), совсѣмъ даже лишенъ соціальдемократическаго содержанія (стр. 60), знала настолько, что даже періодъ „съ 1894 по 1901 годъ" сводила къ развитію типичнаго кружка студентовъ, увлекшихся соціальдемократизмомъ.

„Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи со старыми дѣятелями движенія, ... безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету новыя и новыя группы молодежи". При первыхъ же „военныхъ дѣйствіяхъ" кружка (агитаціонный листокъ, демонстрація) онъ обыкновенно немедленно проваливается (стр. 76). Такова была исторія, написанная самой кружковой [illegible] тѣмъ [illegible] кружковая интеллигенція, [illegible]

неможетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ" (стр. 79), все это исчезнетъ лишь только бы кружки студентовъ (настоящихъ и бывшихъ) познали свою несостоятельность, приняли предложенный имъ „планъ" и начали воспитываться на „общерусской политической газетѣ".

„Нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты" (стр. 123) — категорически заявляетъ „Что дѣлать" и не менѣе категорически продолжаетъ: „никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ воспитаться руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. Воспитаться же такіе руководители могутъ *исключительно* (курс. Ленина) на систематической, текущей оцѣнкѣ всѣхъ сторонъ нашей политической жизни, всѣхъ попытокъ протеста и борьбы различныхъ классовъ и по развитымъ поводамъ (стр. 124). Такимъ образомъ, газета выполняетъ свою провиденціальную роль, давая революціонерамъ матеріалъ для полезнаго чтенія. Но газета, сверхъ того — коллективный организаторъ и, какъ таковой, есть развѣтвленное „широкое предпріятіе" (стр. 130), въ которомъ революціонеры найдутъ „разнообразные виды дѣятельности, какъ *детальные* работники, и чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы". „Вокругъ этого... общаго дѣла систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ и подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись бы и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціальдемократическіе Желябовы, изъ самихъ рабочихъ русскіе Бебели" (стр. 131). Итакъ, детальная работа около общаго газетнаго дѣла и — въ дополненіе къ ней или независимо отъ нея — чтеніе, т. е. литературная оцѣнка текущихъ событій, вотъ *гвоздь* организаціоннаго новаторства, вотъ та палочка мага и волшебника, которая должна была превратить экс-студента кружка кустарей въ всероссійскаго народнаго трибуна и на вчера еще неподготовленную неумѣлую молодежь сегодня возложитъ непосильное бремя всероссійскаго политическаго руководительства.

Въ этой двухчленной кабалистической формулѣ, какъ „солнце въ малой каплѣ воды", отразился весь специфическій укладъ кружковой интеллигенціи замкнутой въ себѣ и въ своемъ мірѣ идей, отщепленной отъ жизни и смотрящей, какъ въ окошко подневольнымъ зрителемъ, на свѣтъ и коловращеніе людей, и чуждую и стороннюю ей жизнь, катящуюся мимо. Укладъ, которому близко знакомы движеніе идей, ихъ вліяніе и борьба въ предѣлахъ кружкового обихода, но который въ то же время не имѣетъ и понятія объ ихъ дѣйствіи на просторѣ, объ ихъ столкновеніяхъ и взаимоотношеніяхъ въ средѣ классовой и межклассовой; который не знаетъ соотвѣтственной мѣрки для сопоставленія жизни кружка съ тою внѣшней, запредѣльной, и потому тѣмъ легче прилагаетъ кружковой масштабъ ко всей огромности и сложности жизни; тѣмъ легче навязываетъ классамъ [illegible] самъ ту же самую [illegible]ность, которая — въ сферѣ [illegible] исконѣ отличала кружковщину и забывалъ объ основныхъ возможнымъ поднять возстаніе, то трое дежурныхъ товарищей должны распорядиться о немедленной мобилизаціи всѣхъ отрядовъ". А еще увѣряютъ, что „Пролетарій" не даетъ никакихъ руководящихъ идей, что онъ слѣпо идетъ за организаціонной рутиной! Помилуйте! Доселѣ секретарскія функціи при комитетахъ были, большей частью, замѣщаемы товарищами, по своему воспитанію, обыкновенно мало свѣдущими въ вопросахъ „фортификаціи". Въ комитетахъ „большинства" намѣчается коренная реформа, если впрочемъ, они не предпочтутъ, не смѣняя товарищей-секретарей, завести особую функцію „вожаковъ, спеціально выбранныхъ на *такіе* случаи". Эти „вожаки на случай", имѣя большій досугъ, смогутъ посвятить его детальному изученію военнаго дѣла во всѣхъ его подробностяхъ до тѣхъ поръ, пока придетъ часъ „распорядиться". На сей предметъ при „вожакѣ" состоятъ „три дежурныхъ", подобно вожаку, избавленныхъ отъ обычныхъ партійныхъ повинностей и ожидающихъ „случая". Съ помощью этого „аппарата руководства" можно уже надѣяться взять въ свои руки народное возстаніе.

Для этого требуется, чтобы „отряды заранѣе знали, какая роль будетъ имъ предстоять, именно: 1) часть направляется къ зданію городского управленія; 2) часть къ мѣсту пребыванія командующаго войсками; 3) часть къ полиціи; 4) часть къ арсеналу и оружейнымъ магазинамъ; 5) часть къ казначейству; 6) часть, наконецъ (!), для постройки баррикадъ". Быть можетъ, у „особаго вожака" не хватитъ столько отрядовъ? Въ этомъ случаѣ, „если не хватитъ отрядовъ на всѣ указанные шесть пунктовъ, то революціонеры должны помнить, что *главное и первое* (курс. нашъ) дѣло для нихъ — это захватить въ свои руки механизмъ городского управленія. Нѣтъ ничего легче этого въ минуту паники". Какъ видитъ читатель, въ крайнемъ случаѣ, можно обойтись и безъ постройки баррикадъ, лишь бы „захватить механизмъ городского управленія".

Пропускаемъ указаніе о захватѣ арсенала и переходимъ къ вопросу о захватѣ казначейства. „При этомъ революціонеры должны путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ помѣшать ей разнести деньги. *Деньги должны быть размѣщены нѣсколькими вѣрными товарищами въ разныхъ безопасныхъ частяхъ города*". Съ своей стороны, мы рекомендуемъ при этомъ, „путемъ увѣщаній и рѣчей къ толпѣ", объяснить послѣдней, что оные товарищи „къ толпѣ" не принадлежатъ, почему на нихъ дѣйствіе „рѣчей и увѣщаній" не распространяется. Впрочемъ, возможно, что для нея „разнесеніе по безопаснымъ мѣстамъ" останется тайной. Ибо, какъ прибавляетъ авторъ, „часть денегъ должна остаться въ казначействѣ, для охраны котораго революціонеры могутъ составить отрядъ тутъ же изъ толпы подъ руководствомъ товарищей". Я встрѣчалъ многихъ усердныхъ читателей „Пролетарія" и ни одинъ не могъ объяснить, зачѣмъ автору статьи понадобилась эта операція оставленія въ казначействѣ части денегъ. Въ качествѣ гипотезы, высказываю мнѣніе, что эта часть, охранять которую будетъ „толпа", должна служить, выражаясь военнымъ языкомъ, „прикрытіемъ", подъ защитой котораго „спѣшившійся авангардъ" разноситъ остальныя деньги по „безопаснымъ мѣстамъ". Для послѣдней операціи необходимо, конечно, запастись „особыми" казначеями „на такой случай" изъ „строго-ортодоксальныхъ" впередовцевъ.

Возможно, впрочемъ, и другое, притомъ болѣе глубокое, объясненіе указанной операціи. Какъ уже догадался [illegible] процедура съ казначействомъ имѣетъ нѣкоторое о[illegible] читатель, „захвату власти" „спѣшившимся авангардомъ". Но [illegible] отношеніе къ [illegible] какъ намъ извѣстно, состоя изъ „революціон[illegible] сей послѣдній, [illegible]кратовъ", отнюдь не намѣренъ удерж[illegible] соціальдемо[illegible] въ своихъ рукахъ. Напротивъ, [illegible] захваченную власть [illegible] что мы имѣемъ дѣло съ бур[illegible] исходя изъ твердаго убѣжденія [illegible] побѣдивъ врага, сама [illegible] практи[illegible] буржуазной революціей, онъ намѣренъ, [illegible] власть буржуазіи [illegible] галантнымъ образомъ предоставить эту „диктату[illegible] и лишь въ переходный періодъ осуществлять [illegible] возлагаемую [illegible] пролетаріата и крестьянства". Но при сдачѣ власти [illegible] законнымъ претендентамъ придется несомнѣнно сдавать и казначейство — обстоятельство, вполнѣ объясняющее, почему часть денегъ „должна быть размѣщена нѣсколькими товарищами", для дальнѣйшихъ потребностей революціи, конечно. Съ другой стороны, если бы эта „часть" была слишкомъ велика, то буржуазія, пожалуй, не стала бы перенимать власть у „спѣшившагося авангарда". Поэтому, необходимо оставить въ казначействѣ кое что и для нея. Если же „по счетамъ" не все будетъ сходиться, то это, вѣдь, можно будетъ объяснить неполнымъ эффектомъ „рѣчей и увѣщаній", обращенныхъ къ толпѣ. Съ другой стороны, эти рѣчи и увѣщанія не относятся къ судьбѣ документовъ, которые будутъ найдены въ казначействѣ, а еще покойникъ Бакунинъ говорилъ, что эти послѣдніе въ истинно революціонныхъ возстаніяхъ первые должны пасть жертвой „народнаго гнѣва". Читатель видитъ, что мое объясненіе таинственныхъ операцій „впередовскихъ" стратеговъ довольно правдоподобно.

Однако, при такомъ объясненіи возникаетъ одно маленькое сомнѣніе: раскрывая заранѣе свои планы, „спѣшившійся авангардъ" не натолкнетъ ли буржуазію на мысль, что съ передачей власти не все обстоитъ благополучно? Съ стратегами „Впередъ" не въ первый разъ уже случается, что они напрасно предупреждаютъ о только еще предполагаемой ими военной хитрости. Такъ, однажды былъ во „Впередѣ" напечатанъ весьма мудрый совѣтъ, какъ внести деморализацію въ солдатскіе ряды. Именно было предложено *инсургентамъ одѣваться въ солдатскіе мундиры*, дабы вызвать въ солдатахъ увѣренность, что противъ царя выступили солдаты же, и тѣмъ заставить содрогнуться ихъ сердца. Совѣтъ, какъ видитъ читатель, былъ геніальный и могъ, при точномъ его исполненіи, сэкономить „спѣшившемуся авангарду" много силъ и средствъ: безконечно, вѣдь, легче засадить иныхъ „засѣдателей" за шитье маскарадныхъ мундировъ [1], чѣмъ за приготовленіе бомбъ. Къ сожалѣнію, однако, руководители „Впереда", по странной забывчивости, упустили изъ виду столь цѣнимое ими правило: „въ подготовкѣ возстанія первое дѣло — конспирація", и наши дьявольски-хитрые враги воспользовались этимъ промахомъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, сообщали изъ достовѣрнаго источника, что вскорѣ послѣ появленія во „Впередѣ" указаннаго совѣта, военныя власти разослали циркуляръ, въ коемъ приказывали разъяснять солдатамъ, что если въ толпѣ инсургентовъ покажутся лица, одѣтыя въ военные мундиры, то чтобы солдаты, отнюдь не оказывая вѣры такимъ „товарищамъ", посмотрѣли, такъ ли они „ѣдятъ глазами начальство", какъ полагается настоящему солдату.

Не скажутъ ли мнѣ, что я произвольно толкую государственно политическое значеніе „размѣщенія" денегъ въ „безопасныхъ мѣстахъ"? На это я отвѣчу указаніемъ на передовицу того же № „Пролетарія", въ которомъ помѣщена цитированная мною статья. Въ передовицѣ отмѣчается съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что якобы „Искра" въ вопросѣ о возстаніи становится, наконецъ, на точку зрѣнія „Пролетарія". (Объ этомъ мы еще будемъ говорить [2]). Вотъ одно изъ доказательствъ: „Припомните опасеніе „Искры" насчетъ того, какъ бы не скомпрометировать намъ себя отвѣтственностью за казначейство, финансы и т. д. — и вы увидите, что если „Искру" не убѣдили наши доводы, то ее убѣдили въ вѣрности этихъ доводовъ сами событія, ибо „Искра" въ приведенномъ листкѣ (листокъ „Первая побѣда революціи") прямо рекомендуетъ „захватить отдѣленія государственаго банка".

Читатель видитъ, что съ бѣднымъ авторомъ случалось самое забавное недоразумѣніе, цѣликомъ, впрочемъ, подтверждающее нашу мысль, что онъ ошибся призваніемъ и былъ бы, [illegible]роятно, очень недурнымъ организаторомъ комите[illegible] швальни... „Искра" говорила, что, въ случаѣ осу[illegible] диктатуры пролетаріата и крестьянства", пред[illegible]ставителямъ нашей партіи придется столкнут[illegible] съ неразрѣ[illegible] [illegible]водства [illegible] — въ рамкахъ капиталистическаго [illegible] — задачами финансоваго управленія. Для [illegible]общеніе демократически-сознательнаго рабочаго эта мысль [illegible]ость и [illegible] особыхъ поясненій. Но, чтобы сдѣлать ее попу[illegible] для писателей „Пролетарія", мы пояснимъ, что это значитъ. Это значитъ, что вамъ, попавъ „во временное правительство", придется *взимать налоги*, которые, при всякой ихъ системѣ, разоряютъ мелкихъ производителей; придется *выполнять* долговыя обязательства, заключенныя государствомъ въ интересахъ крупнаго капитала, *ладить* съ царями биржи и т. д. и т. д. Не понявъ, въ простотѣ душевной, смысла этого указанія, авторъ передовицы понялъ его по своему: онъ понялъ, что мы боимся „скомпрометировать" пролетаріатъ прикосновеніемъ къ государственному казначейству (онъ понималъ, что безъ совѣтовъ „гадиста" мы никакъ не догадаемся „рѣчами и увѣщаніями" побудить толпу уйти отъ грѣха подальше и предоставить „размѣщеніе" цѣнностей надежнымъ товарищамъ). За то, какъ же радъ онъ теперь, когда прочелъ въ листкѣ „Искры", что при возстаніи слѣдуетъ таки „компрометироваться" около казначейства! Онъ убѣжденъ, что теперь даже для этихъ „доктринеровъ меньшинства" нѣтъ болѣе финансовыхъ затрудненій при „захватѣ власти". „Революція учитъ", глубокомысленно заявляетъ онъ, не догадываясь что въ его собственныхъ строкахъ заключается очень полезный урокъ, данный революціонными событіями, вскрывающими тотъ печальный фактъ, что за соціалдемократической фразеологіей сплошь и рядомъ скрывается совершенно-махаевское представленіе о соціализмѣ. Ибо только „люмпенъ" и его идеологи сводятъ вопросъ о преодолѣніи стихійныхъ силъ денежнаго хозяйства къ вопросу о „размѣщеніи" денегъ, находящихся въ казначействахъ и банкахъ...

Мы, однако, отвлеклись въ сторону. А, между тѣмъ, въ статьѣ указаннаго товарища-„гадиста", цитированной нами, имѣются еще весьма и весьма цѣнныя указанія по вопросу о томъ, какъ „дѣлать" возстаніе. Таково, напримѣръ, слѣдующее указаніе: „въ каждомъ пунктѣ дѣятельности долженъ имѣться организаторъ который и распоряжается имѣющимися въ его распоряженіи силами". Оцѣните всю тонкость этого замѣчанія: силами, „имѣющимися въ его распоряженіи", онъ не „распоряжается". Кто бы могъ это подумать?

Мы теперь уже знаемъ, какъ „дѣлаютъ возстаніе". Но, чтобы дѣйствовать увѣренно, этого мало: не мѣшало бы знать также, *когда* его „дѣлать". Зная это, мы бы могли чувствовать себя, что называется, „подкованными на обѣ ноги" въ вопросахъ возстанія. „Гадистъ" изъ „Пролетарія" не даетъ намъ по этому поводу никакихъ руководящихъ указаній. Но за то ихъ намъ даетъ спеціалистъ по „фортификаціи", состоящій при „Ц. Комитетѣ". Въ брошюрѣ В. Сѣверцова (стр. 44) сказано: „начало возстанія *ночью* имѣетъ много преимуществъ: оно будетъ неожиданно", поэтому, „надо начинать часа въ 3-4 ночи".

Теперь мы уже кое-что знаемъ по интересующему насъ вопросу и, если дополнимъ указанія Сѣверцова указаніями прежнихъ авторитетовъ въ этой области и своими собственными житейскими соображеніями, то, пожалуй, относительно *часа* для „начала" можемъ быть спокойно-увѣренными. Еще покойникъ Ткачевъ указывалъ на то, что „начинать" надо въ такую ночь, когда не предвидится дождя. Эта тонкая мысль особенно приложима къ возстанію, въ которомъ „руководить" будутъ „особые на этотъ случай вожаки" изъ „штатскихъ" интеллигентовъ, весьма и весьма расположенныхъ (не будемъ скрывать недостатковъ революціонной интеллигенціи!) къ быстрому схватыванію простуды. Далѣе — и здѣсь я позволю себѣ внести свою каплю меда въ сокровищницу революціонной рецептуры — далѣе, слѣдуетъ подозрительно относиться къ *луннымъ* ночамъ. Нельзя упустить изъ виду, по преимуществу, юный возрастъ большинства тѣхъ силъ, которыя составятъ собой „спѣшившійся авангардъ". Нельзя также забывать, что во главѣ этихъ силъ пойдутъ „за[illegible]щики", которые, въ ожиданіи „случая", усиленно работаютъ въ разныхъ *либеральныхъ* политическихъ организаціяхъ [1].

Молодые борцы, въ силу именно ихъ молодости, а ихъ зрѣлые вожди, въ силу неумѣреннаго общенія съ либералами, несомнѣнно окажутся нѣсколько склонны къ сантиментальности и на эту склонность сможетъ самымъ пагубнымъ образомъ вліять лунная ночь, связавъ ихъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, при которыхъ, какъ совершенно правильно замѣтилъ В. Сѣверцовъ, „стѣсняться нечего".

Итакъ, мы знаемъ *часъ*. Но почему же намъ не знать и *дня*, или, вѣрнѣе, ночи, въ которую надо начать? Читатель легкомысленный, прочитавъ всѣ эти руководства, не найдетъ въ нихъ указанія о днѣ. Но читатель „умѣющій „штудировать", отыщетъ и это указаніе. Мы поможемъ ему.

„Захвативъ въ свои руки городъ", говоритъ „гадистъ", „мы немедленно должны приступить... къ организаціи временнаго правленія и передачѣ власти въ руки народа". „Временное городское управленіе должно возможно скорѣе (въ первый же или второй день) издать декретъ, приглашающій всѣхъ жителей приступить въ ближайшее воскресенье къ выборамъ гласныхъ въ городскую думу прямой, тайной, всеобщей и равной подачей голосовъ... Въ высшей степени важно, чтобы на смѣну временнаго правленія явилась *возможно скорѣе свободно и всенародно избранная городская дума*". (Курсивъ нашъ). При этомъ временное правленіе, если оно будетъ состоять изъ соціальдемократовъ, должно будетъ еще до выборовъ постараться провести, примѣнительно къ городскому хозяйству, реформы, которыя требуются нашей программой-минимумъ: даровое и обязательное, общее и професіональное образованіе для всѣхъ дѣтей обоего пола до 16-ти лѣтъ; снабженіе бѣдныхъ дѣтей пищей, одеждой и учеб

---

[1] Мы едва ли ошибемся, если предположимъ, что нѣкоторые литераторы также проявили бы большія способности къ дѣйствію иглой въ „комитетской" швальнѣ, чѣмъ какую они проявляютъ въ писаніи тактическихъ передовицъ.

[2] Намъ придется тогда доказать, что „Пролетарій" совершенно непозволительно смѣшиваетъ участіе во временномъ правительствѣ съ захватомъ отдѣльнаго города.

[1] Для членовъ партіи не тайна, что въ числѣ активныхъ членовъ союзовъ адвокатовъ, инженеровъ и др. демократически-либеральныхъ организацій видную роль играютъ имена, извѣстныя, какъ принадлежащія „столпамъ" т. н. „большинства". Къ сожалѣнію, по условіямъ конспираціи, намъ не приходится отмѣчать эти случаи „совмѣстительства", очевидно, предвосхищающаго будущую „диктатуру пролетаріата и крестьянства".

собную соединенными усиліями теоретическаго разума и практическаго искусства нейтрализовать обычное дѣйствіе законовъ классовой психологіи.

„Общество выдѣляетъ крайне много лицъ, годныхъ для „дѣла", но мы не умѣемъ утилизировать ихъ" (стр. 97). Ихъ сумѣетъ, однако, утилизировать коллективный кружковый интеллигентъ, сложившійся въ профессіонально-революціонную организацію, читающій свою собственную партійную газету и вдущій „во всѣ классы населенія". „И врядъ ли хоть одинъ практикъ усомнится въ томъ, — продолжаетъ увѣрять насъ Ленинъ (стр. 98), что соціальдемократы могли бы распредѣлить тысячи дробныхъ функцій своей организаціонной (sic!) работы между отдѣльными представителями самыхъ различныхъ классовъ". Т. е., иначе говоря, правильное *пониманіе* историческаго хода развитія сдѣлало бы изъ революціонера по профессіи сверх-человѣка, а изъ его организаціи — интеллигентской и на самомъ узкомъ базисѣ построенной — силу, своимъ вліяніемъ на классы превосходящую многимъ ту мощь давленія на прочія группы населенія, которую оказываетъ организованная пролетарская масса зап.-европейск. соціалистич. партій.

Такъ, сохраняя свою матеріалистическую внѣшность, кружковая интеллигенція приходила къ чисто идеалистическимъ выводамъ. Наперекоръ воспринятому ученію, идея отрывалась отъ среды и, оторвавшись, продолжала въ головахъ интеллигенціи самодовлѣющее фантастическое существованіе подобно тому, какъ и сама интеллигенція, оторванная отъ ее окружающаго міра живетъ — точно подъ стекляннымъ колпакомъ — въ тепличной обстановкѣ кружковыхъ отношеній. Однако, не одно это разобщеніе идеи со средой, типичное вообще для кружковой интеллигенціи (см. № 98 „И".) имѣло въ данномъ случаѣ значеніе. Надо прежде всего помнить, что интеллигенція, стоявшая на рубежѣ двухъ десятилѣтій, интеллигенція самого начала 1900-хъ годовъ, революціонизируясь и безсознательно для себя вырабатывая культъ своей групповой коллективности, въ то же время едва только выходила изъ того марксистскаго „просвѣтительнаго" періода, который только что пронесся на глазахъ ея блестящей полосою. Было нѣчто, дѣйствительно, неотразимо-обаятельное въ этомъ побѣдномъ шествіи марксизма. Идея марксизма, казалось, не знала препятствій, она сметала съ пути своего все и подчиняла вліянію даже самое неподобные элементы. Можно было, разумѣется, говорить о поверхностномъ дѣйствіи этого вліянія, о томъ, что различные общественные слои различное вносили въ марксистское „повѣтріе", но тѣмъ не менѣе, нелегко было тогда отказаться отъ мысли, что разъ марксистскія идеи еще такъ недавно господствовали, хотя и преломленныя, въ пестрой средѣ русской общественности, то осуществима была бы соблазнительна-заманчивая перспектива превратить эту идейную гегемонію въ политическую, предоставивъ профессіональному революціонеру въ этой новой — политической — сферѣ играть ту же роль, которую только что Марксово ученіе играло въ сферѣ чисто идейной.

И ключемъ къ разрѣшенію партійной проблемы такъ соблазнительно легко представлялась постановка литературнаго органа, какъ центра организаціоннаго строительства, съ одной стороны, всеклассовой агитаціи — съ другой.

Но если уже въ оцѣнкѣ предстоявшихъ революціонному коллективу задачъ кружковая интеллигенція была раціоналистична, то тѣмъ болѣе наглядно долженъ былъ проявиться ея оптимистическій на просвѣтительный манеръ, раціонализмъ въ вопросѣ объ основной единицѣ — ячейкѣ революціоннаго коллектива — профессіональномъ революціонерѣ in persona. Здѣсь, вѣдь, невозможно было даже укрыться за мистическую силу сочетанія организаціоннаго принципа и теоретической правильности, якобы способную творить чудеса, здѣсь надлежало вплотную подойти къ вопросу о томъ, что же представляетъ собою революціонеръ по профессіи — въ русской дѣйствительности, каковы элементы его политической дѣятельности, и какъ вырабатываются, какъ могутъ вырабатываться въ профессіонально революціонной средѣ тѣ „политическіе вожди", которые призваны стать — по словамъ Н. Ленина, во главѣ „общерусской централизованной организаціи".

Что такое революціонеръ по профессіи? Это — по Ленину — спеціалистъ конспираціи, это человѣкъ, годами тренировавшій себя на „борьбу съ политической полиціей".

„Въ рукахъ возможно небольшого числа профессіональныхъ революціонеровъ" — пишетъ онъ — должны быть „сосредоточены всѣ конспиративныя функціи" (стр. 95), т. е. иначе — все руководство движеніемъ. Взять, напримѣръ, демонстрацію. „Десятокъ испытанныхъ, профессіонально-вышколенныхъ не менѣе нашей полиціи, революціонеровъ централизуетъ всѣ конспиративныя стороны дѣла, подготовленіе листковъ, выработку приблизительнаго плана, назначеніе отряда руководителей для каждаго района города, для каждаго фабричнаго квартала, для каждаго учебнаго заведенія и т. п.", т. е. дергаетъ за ниточки всѣхъ персонажей этого „дѣйствія" — подобно режиссеру въ театрѣ маріонетокъ. Откуда же взяться этимъ сверхчеловѣкамъ и гдѣ та счастливая среда, которая подаритъ ихъ міру? Кружковая интеллигенція не смущалась отвѣтомъ и обращала на себя свой собственный указующій перстъ. Правда, она знала, что у нея не все благополучно, что „наиболѣе распространенный въ послѣдніе годы типъ кружка соціальдемократовъ" (стр. 59), совсѣмъ даже лишенъ соціальдемократическаго содержанія (стр. 60), знала настолько, что даже періодъ „съ 1894 по 1901 годъ" сводила къ развитію типичнаго кружка студентовъ, увлекшихся соціальдемократизмомъ.

„Кружокъ студентовъ, безъ всякой связи со старыми дѣятелями движенія, ... безъ всякаго систематическаго плана дѣятельности на сколько нибудь значительный періодъ, заводитъ связи съ рабочими и берется за дѣло. Кружокъ развертываетъ постепенно болѣе и болѣе широкую пропаганду и агитацію, привлекаетъ фактомъ своего выступленія сочувствіе довольно широкихъ слоевъ рабочихъ, сочувствіе нѣкоторой части образованнаго общества, доставляющаго деньги и отдающаго въ распоряженіе „Комитету новыя и новыя группы молодежи". При первыхъ же „военныхъ дѣйствіяхъ" кружка (агитаціонный листокъ, демонстрація) онъ обыкновенно немедленно проваливается (стр. 76). Такова была исторія, написанная самой кружковой интеллигенціей, но тѣмъ не менѣе кружковая интеллигенція была твердо увѣрена, что этотъ хаосъ „неподготовленности", этотъ „узкій размахъ революціонной работы", на которомъ „и неможетъ сложиться хорошая организація революціонеровъ" (стр. 79), все это исчезнетъ, лишь только бы кружки студентовъ (настоящихъ и бывшихъ) познали свою несостоятельность, приняли предложенный имъ „планъ" и начали воспитываться на „общерусской политической газетѣ".

„Нѣтъ иного средства воспитать сильныя политическія организаціи, какъ посредствомъ общерусской газеты" (стр. 123) — категорически заявляетъ „Что дѣлать" и не менѣе категорически продолжаетъ: „никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможемъ воспитаться руководителямъ этой борьбы и изъ интеллигентныхъ рабочихъ и изъ интеллигентовъ. Воспитаться же такіе руководители могутъ *исключительно* (курс. Ленина) на систематической, текущей оцѣнкѣ всѣхъ сторонъ нашей политической жизни, всѣхъ попытокъ протеста и борьбы различныхъ классовъ и по развитымъ поводамъ (стр. 124). Такимъ образомъ, газета выполняетъ свою провиденціальную роль, давая революціонерамъ матеріалъ для полезнаго чтенія. Но газета, сверхъ того — коллективный организаторъ и, какъ таковой, есть развѣтвленное „широкое предпріятіе" (стр. 130), въ которомъ революціонеры найдутъ „разнообразные виды дѣятельности, какъ *детальные* работники, и чѣмъ совершеннѣе была бы отдѣлка каждаго колесика, чѣмъ больше число детальныхъ работниковъ надъ общимъ дѣломъ, тѣмъ чаще становилась бы наша сѣть и тѣмъ меньше смятенія въ общихъ рядахъ вызывали бы неизбѣжные провалы". „Вокругъ этого... общаго дѣла систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армія испытанныхъ борцовъ. По лѣсамъ и подмосткамъ этой общей организаціонной постройки скоро поднялись бы и выдвинулись бы изъ нашихъ революціонеровъ соціальдемократическіе Желябовы, изъ самихъ рабочихъ русскіе Бебели" (стр. 131). Итакъ, детальная работа около общаго газетнаго дѣла и — въ дополненіе къ ней или независимо отъ нея — чтеніе, т. е. литературная оцѣнка текущихъ событій, вотъ *гвоздь* организаціоннаго новаторства, вотъ та палочка мага и волшебника, которая должна была превратить экс-студента кружка кустарей въ всероссійскаго народнаго трибуна и на вчера еще неподготовленную неумѣлую молодежь сегодня возложить непосильное бремя всероссійскаго политическаго руководительства.

Въ этой двухчленной кабалистической формулѣ, какъ „солнце въ малой каплѣ воды", отразился весь специфическій укладъ кружковой интеллигенціи замкнутой въ себѣ и въ своемъ мірѣ идей, отщепленной отъ жизни и смотрящей, какъ въ окошко подневольнымъ зрителемъ, на свѣтъ и коловращеніе людей, на чуждую и стороннюю ей жизнь, катящуюся мимо. Укладъ, которому близко знакомы движеніе идей, ихъ вліяніе и борьба въ предѣлахъ кружкового обихода, но который въ то же время не имѣетъ и понятія объ ихъ дѣйствіи на просторѣ, объ ихъ столкновеніяхъ и взаимоотношеніяхъ въ средѣ классовой и межклассовой; который не знаетъ соотвѣтственной мѣрки для сопоставленія жизни кружка съ тою внѣшней, запредѣльной, и потому тѣмъ легче прилагаетъ кружковой масштабъ ко всей огромности и сложности жизни; тѣмъ легче навязываетъ классамъ и группамъ ту же самую перемѣтчивость, которая — въ сферѣ идей — искони отличала кружковщину, и забываетъ объ основномъ,

…ными пособіями; мѣры въ интересахъ охраны труда, которымъ посвящены 16 пунктовъ нашей программы; отмѣна всѣхъ городскихъ налоговъ, лежащихъ бременемъ на рабочемъ классѣ, ремесленникахъ и мелкихъ торговцахъ; введеніе въ пользу города прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства". Далѣе, въ качествѣ „мѣръ временнаго характера", вводится „даровая раздача хлѣба нуждающемуся населенію и открытіе убѣжищъ для безработныхъ". „Вводя рядъ насущныхъ реформъ въ области политической, экономической и духовной, революціонное правленіе удовлетворяетъ насущнѣйшимъ потребностямъ пролетаріата, доказываетъ первыми же шагами своей дѣятельности, что программа наша не пустое только сочетаніе словъ, даетъ въ руки рабочаго класса тѣ осязательныя реформы, за которыя онъ будетъ бороться еще съ удвоенной энергіей..." и т. д.

Выговоривъ все это однимъ духомъ, „гадистъ" гордо заканчиваетъ свою статью: „исполнивъ свою задачу, революціонное правленіе можетъ съ спокойной совѣстью готовить побѣду всероссійскаго возстанія". „Сѣлъ [illegible] корточки и ждетъ поощренія", хочется сказать словами Щедрина о Михайлѣ Топтыгинѣ.

Мы узнали одно: отъ роковой безлунной ночи до ближайшаго воскресенья должно пройти весьма и весьма немало времени, дабы революціонное правленіе успѣло заблистать передъ населеніемъ всѣми красками соціально-революціонной радуги. Шутка-ли!—приходится провести полторы дюжины крупныхъ реформъ и, въ числѣ ихъ, такія, какъ всеобщее обязательное обученіе. Да тутъ на одну подготовку достаточнаго количества школьныхъ партъ и классныхъ досокъ придется ухлопать немалое количество драгоцѣннаго времени! А, между тѣмъ, въ „ближайшее воскресенье" суверенитетъ народа вступаетъ въ свои законныя права, и посрамленные „меньшевики" воочію убѣждаются, какъ мало пострадало ортодоксальное цѣломудріе „захватчиковъ власти" отъ кратковременнаго пребыванія въ „революціонномъ правленіи".

Не считая мѣръ „временнаго характера", придется ввести 18-ть реформъ, одна другой радикальнѣе. Трудно предполагать, чтобы наша „спѣвшаяся группа" была въ состояніи осуществить болѣе *трехъ* реформъ въ сутки. Слѣдовательно, минимумъ 6 сутокъ до сдачи ею власти должно быть въ ея распоряженіи. Этотъ простой разсчетъ приводитъ насъ къ безошибочному выводу, что возстаніе должно начинаться *въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ*, не раньше и не позже. Часъ мы уже знаемъ (3-4 ч. ночи). Зная точно дату, мы уже можемъ приспособить къ ней всѣ наши приготовленія. Такъ, три „дежурныхъ товарища" смогутъ обрекать себя на безсонницу только въ теченіе одной ночи въ недѣлю. Съ другой стороны, и „особый вожакъ на такіе случаи" можетъ, безъ ущерба для дѣла, шесть дней въ недѣлю, попрежнему, посвящать союзу инженеровъ, или союзу адвокатовъ, или союзу нефтепромышленниковъ.

Но—скажутъ скептики—слыхано ли гдѣ, чтобы удалось проводить по три реформы въ день? Долженъ признаться, что и мнѣ приходило въ голову такое сомнѣніе. Мнѣ казалось мало вѣроятнымъ, чтобы рабочій классъ цѣлаго крупнаго города могъ успѣть „осязательно" восчувствовать, скажемъ, общее и профессіональное обученіе за періодъ съ вторника по воскресеніе. Но нѣкоторыя справки въ литературѣ вопроса поколебали мое сомнѣніе. Въ протоколахъ съѣзда лиги я нашелъ крылатое слово Н. Ленина: „что такое организовать? —организовать, это значитъ—написать уставъ". Я приложилъ эту мысль къ интересующему насъ вопросу и получилъ: „что такое провести реформу?—это значитъ, издать декретъ". Согласитесь, что, при такомъ пониманіи, пара хорошихъ „стрикулистовъ" пропишетъ намъ совершено достаточное количество реформъ въ довольно краткій срокъ. Если что помѣшаетъ имъ быть прописанными въ одни сутки, то лишь та „централизація руководства", которую, безъ сомнѣнія, наши заговорщики пересадятъ изъ своего комитета въ „временное правленіе". Однако, при посредствѣ „раздѣленія труда" все же можно будетъ достигнуть надлежащей быстроты фабрикаціи и я увѣренъ, что, покидая въ ближайшее воскресеніе власть, наши захватчики смогутъ сказать о себѣ, подобно щедринскому герою: „помпадуръ гонялъ, реформа сажалъ — чисто".

Допускаю, однако, для читателя скептика, что въ шесть дней нельзя будетъ обдѣлать „чисто" это великое дѣло. Могутъ встрѣтиться непреодолимыя затрудненія (напримѣръ „бойкотъ" или „оппозиція" какой нибудь злокозненной партіи[1]) и тогда проклятое воскресенье будетъ приближаться съ умопомрачающей быстротой. Несомнѣнно, авторъ цитируемой статьи предвидитъ этотъ случай, хотя и говоритъ о немъ съ подобающей для будущаго государственнаго человѣка дипломатической уклончивостью. Разсказавъ намъ о реформахъ, кои будутъ „проведены" за время отъ понедѣльника до сдачи власти, онъ, какъ мы видимъ, заключаетъ:

„Исполнивъ свою задачу, революціонное правленіе можетъ съ спокойной совѣстью готовить побѣду всероссійскаго возстанія"..

А вы такъ таки и повѣрили, читатель, что въ ближайшее же воскресеніе наши Цинцинаты начнутъ сажать у себя дома капусту? Какъ бы не такъ! По нуждѣ и закону перемѣна бываетъ, и нашъ „гадистъ" на всякій случай оставляетъ лазейку.

И все же тутъ на первый взглядъ неразрѣшимое противорѣчіе: съ одной стороны, „въ ближайшее воскресеніе", съ другой, уже „выполнивъ свою задачу", мы должны еще оставаться въ революціонномъ правленіи. Какъ выйти съ честью изъ этого противорѣчія? Неужели титаны временнаго революціоннаго правленія безсильно падутъ — передъ монотонной закономѣрностью календаря?

Этого не можетъ, этого не должно быть! Не можетъ соціаль-демократическая случайность „пасовать" передъ стихіей! Если воскресеніе приходитъ слишкомъ скоро, — долой воскресеніе! Если старое изобрѣтеніе Іеговы — календарная недѣля — грозитъ задержать успѣхи революціи, — неужто передъ нимъ остановится наша реформаціонная ломка? Въ числѣ изданныхъ въ первые дни реформъ, провозгласимъ, „въ качествѣ хотя бы временной мѣры", отмѣну календарныхъ категорій! Упразднимъ воскресенье![1] Введемъ, по образцу дѣятелей 1794 года, „революціонныя декады", и тогда день сдачи власти можно будетъ установить тогда, когда это будетъ необходимо. Я увѣренъ, что редакція „Пролетарія" это и имѣетъ въ виду, ибо иначе она не объявляла бы такъ увѣренно, что выборы произойдутъ въ ближайшее же воскресеніе.

* * *

Еще Гегель говорилъ, что серьезное отношеніе къ смѣшнымъ явленіямъ заключается именно въ насмѣшкѣ. Я позволилъ себѣ много смѣяться по поводу новѣйшаго направленія умовъ среди такъ называемаго „большинства" и былъ бы очень радъ, если бы это мое смѣшливое настроеніе совпало съ настроеніемъ массы товарищей. Но, какъ ни забавно обозрѣвать курьезы „впередовской" литературы, трудно бываетъ при этомъ подавить горькое чувство обиды и оскорбленія. Нѣчто безконечно грустное есть въ этомъ вырожденіи революціонной мысли.

Я вспоминаю недалекіе еще отъ насъ 1901-1902 годы, когда революціонная борьба только начинала вступать въ острый фазисъ, когда первыя открытыя схватки съ полчищами царизма вызывали въ массѣ революціонеровъ первыя ощущенія упоенія борьбой. Какъ неподдѣльны, какъ свѣжи были тогда революціонныя чувства въ массѣ передовой интеллигенціи! Съ какой цѣломудренной чуткостью оно ловило тогда всякій фальшивый звукъ, какой здоровой насмѣшкой встрѣчало всякую ходульность слова, всякую надуманность мышленія! Какъ чутко реагировала масса читателей революціонной прессы на все, что отдавало революціонной фразой! Какъ нетерпимо она встрѣтила начавшую уже тогда пробиваться, преимущественно въ прокламаціяхъ соц. рев., вульгарную революціонную риторику! То было хорошее время для революціонной литературы!

Вспоминаю еще болѣе старое время, когда, съ возникновеніемъ молодого движенія, появилась популярная агитаціонная литература для рабочихъ. Какъ строго относился къ ней читатель-интеллигентъ того времени! Онъ требовалъ отъ нея теоретической выдержанности, онъ порицалъ всякую вульгаризацію, всякое уклоненіе отъ марксизма, вызванное стремленіемъ доступности и понятности для „массовика". То было хорошее время для революціонной литературы!

Безспорно, и въ то время средній интеллигентъ былъ далекъ отъ того, чтобы стоять во всеоружіи соціалистическаго знанія. И тогда онъ могъ лишь урывками пополнять свое теоретическое и политическое образованіе. Но онъ обладалъ тогда двумя цѣнными чертами, свойственными общественной группѣ, переживающей расцвѣтъ своего развитія: онъ, во первыхъ, уважалъ науку, „теорію", онъ, во вторыхъ, былъ инстинктивно революціоненъ — и потому его шокировала также вульгаризація мысли, какъ и вульгаризація стиля.

То время прошло, несомнѣнно. Революціонная интеллигенція быстро идетъ на смарку, какъ передовая группа, и въ ней все яснѣе проявляются симптомы вырожденія. Какъ и почему случилось, что именно въ нашей партіи пріютилась группа наиболѣе яркихъ и законченныхъ выразителей этихъ тенденцій къ вырожденію, — это очень интересный вопросъ. Но не въ немъ теперь дѣло. Фактъ тотъ, что политическій диллетантизмъ, теоретическая безпринципность и свойственная ей вакханалія фразы, всѣ эти признаки интеллигентскаго „декаданса" выступаютъ теперь также и подъ флагомъ соціальдемократіи. И въ этомъ виновата и читательская масса. Вѣдь, есть же, несомнѣнно та публика, которая читаетъ съ удовольствіемъ всю эту камаринскую литературу, которая компрометируетъ соціальдемократію въ глазахъ постороннихъ. Съ горечью приходится констатировать, что въ то самое время, когда борцы-пролетаріи все чаще и чаще падаютъ на баррикадахъ, падаютъ безъ словъ, безъ красивой позы, — что въ это самое время въ „замѣстительствующей" интеллигенціи все острѣе проявляется жажда дешевыхъ наслажденій эффектными оборотами рѣчи, безопаснымъ, ни къ чему не обязывающимъ и незатруднительнымъ „мечтаніемъ" о дѣланіи революціи.

Когда, выскочившій въ соціальдемократію въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, Галерка провозгласилъ въ прошломъ году: „долой заграничныхъ старичковъ" — долой теоретиковъ — пропагандистовъ научнаго соціализма, когда онъ провозгласилъ этотъ лозунгъ отъ имени „русской молодежи", — онъ чувствовалъ, несомнѣнно, что открываетъ своими брошюрками новую полосу въ революціонной литературѣ. И никто изъ той молодежи, отъ имени которой говорилъ этотъ „литераторъ", не поднялъ голоса, чтобы протестовать.

Не прошло и года, а литература уже обогатилась твореніями революціонныхъ стратеговъ и тактиковъ, получившихъ свое боевое крещеніе гдѣ нибудь въ Латинскомъ кварталѣ.

„Не пора ли остановиться? Не пора ли революціонной молодежи понять, что только одинъ вредъ, худшій, чѣмъ могли бы нанести ему смертельные его враги, приноситъ она пролетаріату, когда идетъ „просвѣщать" его, обладая тѣмъ теоретическимъ багажомъ, который подразумѣваетъ одобреніе или хотя бы только „пониманіе" писаній всѣхъ этихъ „гедистовъ", Войновыхъ, и прочихъ Аникъ воиновъ?

„Учитесь, учитесь, господа, но только не по газетнымъ статьямъ"!

Л. М.

---

[1] Читатель помнитъ, что если тов. Ленинъ до сихъ поръ не совершилъ обѣщанныхъ имъ еще въ 1903 году кровопролитій, то этому виной была исключительно дезорганизаторская дѣятельность „нѣсколькихъ заграничныхъ литераторовъ".

[1] Чтобы не отталкивать понапрасну сторонниковъ „національно-культурной автономіи", можно разрѣшить имъ сохранить субботу для частнаго употребленія.

хотя бы въ данный моментъ атмосфера кружковъ была насыщена матеріалистическими тезами — что всякая общественная среда научается въ конечномъ счетѣ не печатнымъ словомъ, этимъ, конечно, необходимымъ пособіемъ, а предметной педагогикой испытаній, — какъ вкушать отъ древа познанія общественныхъ отношеній и какъ умѣть въ нихъ практически находиться.

Кружковая же интеллигенція и не задавалась вопросомъ, какая же механика жизни совершитъ тотъ переломъ, который необходимъ, чтобы сдѣлать скачекъ изъ области первобытныхъ отношеній кружка въ сферу развитого политическаго дѣйствія. Вѣдь, она въ то время находилась еще только въ преддверіи практическаго строительства, при первыхъ этапахъ своего революціонно-группового самосознанія; она была полна романтическаго порыва и чужда скептицизма, а потому, ея мысль безболѣзненно скользила по возможнымъ затрудненіямъ, не останавливаясь въ раздумьѣ надъ тѣмъ, какъ же все конкретно образуется, какимъ образомъ дифференцированный работникъ „предпріятія" окажется вдругъ интегральнымъ политикомъ, и уже, конечно, была совершенно чужда проклятаго сомнѣнія—о пригодности вообще подполья для рѣшенія сложныхъ политическихъ задачъ, выдвигаемыхъ настоящимъ временемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Старовѣръ.

По Россіи.

9-ое іюля въ С.-Петербургѣ. Разговоры о 9-мъ іюля въ Петербургѣ стали раздаваться уже очень давно. Уже въ маѣ мѣсяцѣ среди самыхъ отсталыхъ слоевъ петербургскаго пролетаріата начали ходить упорные слухи о томъ, что 9-го іюля непремѣнно что нибудь будетъ. Говорили, что этотъ день слѣдуетъ отпраздновать, причемъ, какъ конкретная форма празднованія обыкновенно выдвигалась забастовка. Когда, послѣ окончанія кампаніи по поводу мобилизаціи, по поводу событій въ Лодзи и Варшавѣ и Одессѣ, передъ организаціями вплотную всталъ вопросъ о кампаніи по поводу 9 іюля, оказалось однако, что мнѣнія на этотъ счетъ нѣсколько расходятся. Большевики и соціалисты-революціонеры рѣшили проводить забастовку. При этомъ, по ихъ первоначальной мысли, забастовка эта не должна была быть ограничена опредѣленнымъ срокомъ. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на дѣло большевики, какъ мнѣ доподлинно извѣстно изъ разговора съ однимъ изъ ихъ организаторовъ. Они надѣялись, что всеобщая стачка въ Петербургѣ можетъ повести къ крупнымъ демонстраціямъ, къ столкновеніямъ съ полиціей и войсками и въ концѣ концовъ, пожалуй, выльется во всеобщее вооруженное возстаніе. Группа же сначала склонялась къ мысли, что слѣдуетъ отказаться отъ забастовки и ограничиться устройствомъ митинговъ и панихидъ. Но послѣ опроса периферіи Группа дала слѣдующій лозунгъ: однодневная, демонстративная забастовка и, гдѣ можно, панихиды и митинги. Незадолго до 9 іюля большевики присоединились къ этому плану, и кампанія могла быть проведена совершенно единодушно и дружно. Это обстоятельство, конечно, въ значительной степени обезпечило успѣхъ, который во многихъ отношеніяхъ превзошелъ наши ожиданія.

Невскій районъ стоялъ весь, за исключеніемъ одной фабрики (Максвелля) и одного завода (Колпинскаго). Нужно для поясненія добавить здѣсь, что въ Невскомъ районѣ, несмотря на послѣдніе провалы, нѣсколько разстроившіе правильную организацію дѣла, работа шла чрезвычайно успѣшно, благодаря высокому уровню сознательности массъ. Послѣднюю недѣлю почти каждый день собирались громадныя массовки (до 800 человѣкъ), гдѣ разбирались самые разнообразные вопросы, напримѣръ: разсказывались эпизоды изъ французской революціи, дебатировалась предстоящая кампанія, и даже велись диспуты съ демократами.

Дѣло въ томъ, что на одну изъ этихъ массовокъ пожаловалъ одинъ изъ извѣстныхъ въ Петербургѣ либераловъ, пытающихся теперь утвердиться и въ рабочемъ классѣ, но послѣ неудачной попытки защитить свою позицію, онъ долженъ былъ махнуть рукой и заявилъ: „здѣсь намъ нечего дѣлать".

Разумѣется, что такія собранія сильно подняли настроеніе массъ, и вотъ почему въ этомъ районѣ удалось не только провести забастовку, но также организовать рядъ собраній 9-го іюля.

На Обуховскомъ заводѣ не удалось устроить митинга только потому, что депутаты отъ рабочихъ наканунѣ почему то отправились къ администраціи завода съ просьбой не работать 9-го. Администрація сразу согласилась, но, благодаря этому, нельзя было 9-го проникнуть на заводъ. Поэтому наиболѣе сознательные рабочіе (кажется около 600) собрались у церкви, гдѣ устроили панихиду съ митингомъ (говорили товарищи рабочіе).

То же самое сдѣлали рабочіе Семянниковскаго завода, которые бастовали уже нѣсколько дней изъ за ареста одного изъ товарищей, почему тоже нельзя было проникнуть въ заводъ. На Александровскомъ (вагонномъ и чугунномъ) заводѣ забастовали съ утра и тутъ же устроили митингъ. Казаки схватили оратора, но возбужденная толпа отбила его. Это происшествіе, вѣсть о которомъ сразу облетѣла весь районъ, чрезвычайно благопріятно отозвалось на общемъ настроеніи. На Колпинскомъ заводѣ, какъ я уже сказалъ, забастовка не состоялась, потому что, благодаря послѣднимъ проваламъ и отдаленности этого завода отъ города, почва тамъ не была достаточно подготовлена. Отчасти благодаря этому и митингъ тамъ сошелъ менѣе удачно. Ораторъ, который говорилъ минутъ 20, при выходѣ былъ схваченъ казаками и арестованъ.

Въ Васильеостровскомъ районѣ стояли мелкіе заводы (такъ называемый „центръ"), но по какой то случайности не удалось остановить главнаго, Балтійскаго завода, несмотря на то, что тамъ въ предыдущіе дни было нѣсколько митинговъ, и настроеніе на немъ, какъ всегда, было очень хорошее. Трубочный заводъ, гдѣ работаетъ страшно сѣрая масса, какъ и предвидѣлось, не забастовалъ.

На Выборгской сторонѣ бастовали всѣ главные заводы: Металлическій, Розенкранца, Фениксъ, Лесснера и т. д. На этихъ заводахъ всюду можно было бы организовать митинги, и масса требовала ихъ, но, къ несчастію, недостатокъ силъ не вездѣ позволялъ пойти навстрѣчу этому желанію. Фабрики, гдѣ силы чрезвычайно слабы, работали.

На Петербургской сторонѣ забастовка прошла очень дружно (тамъ очень много мелкихъ заводовъ); здѣсь удалось импровизировать даже небольшую демонстрацію.

Что касается Нарвскаго района, то главный, Путиловскій заводъ бастовалъ уже давно, и митинга тамъ не удалось устроить въ виду того, что была нагнана страшная масса казаковъ и солдатъ. На Рѣчкинскомъ заводѣ бастовала, кажется, только часть рабочихъ.

Наконецъ, въ Городскомъ районѣ также бастовали всѣ главные заводы.

Изъ краткаго описанія, которое я далъ, видно, что кампанія 9 іюля въ Петербургѣ прошла сравнительно очень удачно. Всякій, кто говорилъ съ рабочими Петербурга, знаетъ, какое значеніе придаютъ они дружно и *одновременно* во всемъ городѣ проведенной забастовкѣ, и какъ такое согласованное и организованное дѣйствіе подымаетъ ихъ чувство солидарности и вѣру въ свою мощь. Понятно также, что митингъ въ такой знаменательный день, когда ораторъ обращается ко всей массѣ, работающей на заводѣ, и когда онъ безусловно можетъ разсчитывать на вниманіе и на пониманіе этой массы, имѣетъ огромное агитаціонное значеніе.

Общая стачка на Путиловскомъ заводѣ.

Числа 4-го іюня въ кузнечной мастерской возникла забастовка по поводу инцидента, происшедшаго у одного рабочаго съ помощникомъ начальника. Дѣло происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ: по какому-то неудовольствію одинъ изъ рабочихъ ударилъ по головѣ желѣзной тяжестью помощника начальника. Заводская администрація немедленно уволила рабочаго, а помощникъ начальника неизвѣстно куда пропалъ; такъ и дѣло съ концомъ: разодрались и все. Но черезъ недѣлю помощникъ начальника явился на свой постоянный постъ. Рабочихъ страшно взволновала эта картина и озорство администраціи; вслѣдствіе этого объявили забастовку. Спустя недѣлю послѣ 4-го числа, когда кузница уже фактически бастовала, литейщики мартеновской мастерской, въ свою очередь, тоже готовились къ стачкѣ изъ-за болванокъ. При получкѣ платили лишь ½ заработка. Администрація давала разсчетъ съ отживаніемъ 2 недѣль. Возбужденіе мастеровыхъ съ каждымъ днемъ все росло. Разсчетъ товарища, воровская мобилизація, произволъ мѣстныхъ властей безпокоили всѣхъ и каждаго. Въ субботу 18-го и воскресенье 19-го распространился слухъ, что съ понедѣльника весь заводъ забастуетъ. 19-го числа вечеромъ состоялось собраніе соединенной комиссіи большинства и меньшинства, на которомъ рѣшали: забастовать на 2 дня въ знакъ протеста противъ мобилизаціи и разсчета товарищей. Утромъ изъ 5 главныхъ мастерскихъ вышли на дворъ рабочіе, въ другія мастерскія пошли призывать къ стачкѣ кучки въ 200 — 300 человѣкъ, разбрасывая по пути въ изобиліи прокламаціи, которыя въ одно мгновеніе подбирала рабочая масса. Во время выхода изъ точильной мастерской толпа демонстративно сняла съ конторы портретъ Николая Кроваваго и съ крикомъ: „смерть убійцамъ! — рви!" разорвала его въ клочья. Въ 8½ часовъ утра на заводѣ кромѣ администраціи и сторожей никого не осталось. Вечеромъ у насъ состоялось представительское собраніе, на которомъ обсудили положеніе вещей и рѣшили слѣдующее: бастовать далѣе, выбрать въ каждой мастерской старость для порядка собраній и выработки требованій. Рѣшили 2-хъ дневный протестъ противъ мобилизаціи и выставленіе слѣдующихъ требованій: 1) принятіе товарищей, разсчитанныхъ за стачку; 2) 8-часовый рабочій день, 3) утвержденіе старостъ—и еще кой-какія. Во вторникъ утромъ за работу никто не принимался, въ нѣкоторыхъ мастерскихъ выбрали старость, и всѣ ушли домой. Въ 5 часовъ вечера было собраніе организованныхъ рабочихъ нашихъ — и большевиковъ, и меньшевиковъ — и с.-ровъ. На этомъ собраніи доложили, что не сегодня-завтра забастовка будетъ и въ другихъ районахъ. Видя хорошее настроеніе рабочихъ и имѣя въ виду извѣстія изъ другихъ районовъ, собраніе единогласно высказалось за забастовку и рѣшило на другой день выбрать старостъ въ другихъ мастерскихъ. На другой день, послѣ выборовъ старостъ, формулировали гласно въ мастерскихъ требованія и протестъ противъ мобилизаціи. Рабочіе пошли по домамъ, а старосты пошли къ директору съ принятыми на собраніяхъ рабочихъ требованіями. Директоръ на нихъ не обратилъ вниманія и вывѣсилъ объявленіе о разсчетѣ всѣхъ рабочихъ съ 2-недѣльнымъ отживаніемъ. Черезъ старостъ рабочіе отвѣтили на объявленіе требованіемъ немедленнаго разсчета безъ отживанія 2-хъ недѣль, на что директоръ не согласился. Черезъ 2 недѣли всѣхъ уволили, печи окончательно погасли. 21-

а заводъ стоитъ, никакого объявленія нѣтъ. 1-го і

устроена массовка на Лаутровой дачѣ, человѣкъ 15

отъ группы говорилъ рѣчь на современныя темы

томъ явилось полсотни казаковъ, и всѣ разбѣжа

7 здорово отхлестали нагайками, а одному вып

порядка—такъ какъ тѣлесныя наказанія вос

Послѣ этого, на дняхъ, въ казаковъ была въ столовой во время обѣда брошена бомба; ихъ было болѣе 50 человѣкъ, но по неисправности бомба не взорвалась, а бросившій скрылся. За два дня до полугодія 9 іюля было собраніе съ большевистами по поводу 9-го числа. Демонстрацію мирную и вооруженную признали невозможной въ виду того, что народъ не выйдетъ на улицу, а отдѣльной кучкѣ нѣтъ возможности выходить на бойню. Организованный заранѣе митингъ тоже поведетъ къ бойнѣ. Рѣшили вести 9-го іюля самую интенсивную агитацію. Настало 9-е — обычный, будничный день; публики не особенно много; разъѣзжаютъ патрули казаковъ. День прошелъ спокойно.

Рабочіе Путиловскаго завода.

Рига. На заводѣ „Фениксъ“ одинъ рабочій стрѣлялъ въ писаря за то, что онъ занимался шпіонствомъ; ранилъ его, но не убилъ. Директоръ завода вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ обѣщалъ 1000 руб. тому, кто выдастъ стрѣлявшаго. Рабочіе потребовали, чтобы дирекція сняла объявленіе. Дирекція отказалась: тогда рабочіе объявили забастовку, выбросивъ изъ завода пятнадцать шпіоновъ. Стачка началась 13-го іюля. Черезъ два дня къ стачкѣ примкнули рабочіе гвоздильно-проволочнаго завода „Этна“ (около 700 чел.), выставивъ цѣлый рядъ требованій, во главѣ ихъ — удаленіе шпіоновъ, раньше уже вывезенныхъ рабочими за ворота.

У „Феникса“ кромѣ латышской партіи, работаетъ „Комитетъ“ (большинства“). 16-го утромъ представители комитета говорили тамъ на собраніи. Представители-же нашей группы пробрались въ субботу 15 го на заводъ „Этна“ и говорили рѣчи.

Рабочіе „Феникса“ рѣшили устроить такъ наз. „мирную“ демонстрацію, т. е. избѣжать столкновеній съ казаками. Въ субботу 16 го тысячная толпа съ „Феникса“ двинулась съ двумя знаменами (латышской партіи и комитета) и подошла къ заводу „Этна“ гдѣ была встрѣчена криками „ура“! Рабочіе „Этны“ присоединились съ двумя знаменами (одно — съ надписями „да здравствуетъ демократическая республика“! — нашей группы, другое сдѣлано дѣвушками работницами съ завода). Нашъ ораторъ произнесъ здѣсь передъ толпой горячую рѣчь по латышски, встрѣченную долго несмолкавшими криками „долой самодержавіе!“, „ура!, и т. д. Съ революціонными пѣснями толпа двинулась дальше, но вскорѣ показались идущіе навстрѣчу казаки и мы свернули съ Александровской улицы на одну изъ боковыхъ, чтобы подойти къ Балтійскому вагоно-строительному заводу, гдѣ по нашимъ свѣдѣніямъ, должны были тоже бастовать. Но не успѣли мы пройти два квартала, какъ насъ настигли казаки и мы будучи не вооружены, перешли на тротуары, и вскорѣ опять сомкнулись. Дойти до Балтійскаго завода намъ не пришлось, такъ какъ мы узнали, что вышедшихъ оттуда рабочихъ разогнали казаки и они разошлись по домамъ. Мы рѣшили закончить демонстрацію послѣ небольшого митинга, на которомъ говорили два нашихъ оратора — одинъ по латышски, другой по русски. Сверхъ того, говорилъ еще одинъ комитетскій.

Кромѣ „Балтійскаго“ забастовали еще Резиновая мануфактура — „Проводникъ“, одна табачная и одна картонажная фабрика. У Кузнецова забастовалъ уже одинъ цехъ, настроеніе боевое и можно ожидать, что стачка станетъ всеобщей. Группа выступаетъ на всѣхъ заводахъ и пользуется большимъ вліяніемъ.

Сегодня, во вторникъ (18 го) говорили наши ораторы на „Фениксѣ“, „Этнѣ“, „Балтійскомъ“ и другихъ.

Нижній-Новгородъ, 13/VII. Всеобщая стачка и погромъ. Всеобщая стачка 9-го іюля превзошла наши ожиданія. Предварительная агитація сдѣлала мысль о ней настолько популярной, что часть окрестныхъ деревень не работала 9 іюля. „Какъ же, нельзя работать, — полгода, какъ убили рабочихъ“. Многіе заводчики давали рабочимъ недѣльный расчетъ въ пятницу: „все равно въ субботу работать не будете“. Большіе магазины изъ страха не открылись вовсе. Утромъ 9 го рабочіе ходили по улицамъ и закрывали еще открытыя заведенія. Рабочіе и приказчики, въ большинствѣ случаевъ, только ждали ихъ прихода, чтобы бросать работу.

Часамъ къ 10 занятія всюду стали. Только Башкировская мельница работала подъ охраной войскъ, да двигались трамваи подъ конвоемъ городовыхъ. Пробовали остановить электрическую станцію, но полиція арестовала нѣсколько человѣкъ и снова пустила станцію. На улицахъ было даже мало извозчиковъ. Городъ имѣлъ торжественный видъ, и по спокойнымъ улицамъ двигалось множество рабочихъ. Съ утра стояли Сормово, Канавино и Молитовка тоже.

По призыву организованныхъ рабочихъ народъ сталъ стекаться на митингъ за Народн. Домъ. Собралось нѣсколько тысячъ, и митингъ прошелъ безпрепятственно. Казаки виднѣлись только вдали. Рѣшено было не устраивать демонстрацій и разойтись. Но часть публики пошла толпой по Полевой улицѣ, несмотря на увѣщанія полиціи расходиться. Казаки и конная полиція окружили толпу, и при выходѣ ея на главную улицу пустили въ ходъ нагайки. Толпа была разсѣяна. Вечеромъ на томъ же мѣстѣ состоялся еще болѣе многочисленный митингъ. Въ Канавинѣ митингъ не состоялся, такъ какъ населеніе было терроризировано слухами о приготовленіяхъ полиціи. Въ Сормовѣ состоялся громадный митингъ на обычномъ мѣстѣ. Противъ рабочихъ были вызваны солдаты со штыками на перевѣсъ. Рабочіе отошли съ десятокъ саженей и продолжали говорить. Солдаты не послѣдовали за ними. Такъ блестяще прошло у насъ 9-е іюля.

Съ десятаго іюля началась у насъ настоящая война съ перестрѣлкой, бомбами и звѣрскими убійствами.

Полиція сорганизовала черную сотню изъ извозчиковъ, хулигановъ, каменьщиковъ, трактирныхъ половыхъ и сутенеровъ. Многимъ дали по рублю, и извозопромышленникъ Клочьевъ напаивалъ ихъ водкой. Ко времени митинга, въ воскресеніе, около 5 часовъ, черная сотня заняла Острожную площадь, черезъ которую публика направлялась къ митингу, и стала бить проходящихъ. Въ отвѣтъ ей было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Раненъ Кольевъ. Полиція и казаки какъ будто только ждали этого момента: они выскочили изъ засады и стали избивать публику. Проходящихъ хватали, бросали на землю, били кулаками, кольями, ногами. Вокругъ стояли казаки. На мѣсто дѣйствія поспѣшили губернаторъ Унтербергеръ, полицеймейстеръ Таубе и др. Можно было видѣть, какъ, окруженный казаками, стоялъ губернаторъ, и рядомъ съ нимъ поднимались руки черносотенцевъ и городовыхъ съ околоточными и обрушивались на избиваемыхъ. Вся окружающая мѣстность заполнилась народомъ. Останавливали проходящихъ, проѣзжающихъ, обыскивали ихъ и, если находили револьверъ или что-нибудь подозрительное, избивали до смерти. Били по указаніямъ шпіоновъ и мальчишекъ, что они этихъ знаютъ. Искали „демократовъ“, студентовъ и „жидовъ“. Полицеймейстеръ руководилъ избіеніемъ. Губернаторъ обратился съ рѣчью къ черносотенцамъ и приставшей къ нимъ толпѣ. Онъ совѣтовалъ не убивать до смерти. Но потомъ заявилъ: „поступайте, какъ знаете“. Толпа поднимала его на ура, пѣла „Боже царя храни“ и кричала „да здравствуетъ самодержавіе“. Съ площади погромщики двинулись на сосѣднія улицы, ломали двери и окна въ домахъ, гдѣ подозрѣвали спрятавшихся евреевъ или „демократовъ“. Казаки и полиція слѣдовали за ними, избивая пытавшихся сопротивляться. Особенно избивали имѣвшихъ у себя револьверы. Въ первый день убито около десяти человѣкъ, избито до безчувственности больше ста.

На второй день вечеромъ, 11-го іюля, избіеніе повторилось, но на этотъ разъ черная сотня встрѣтилась съ вооруженными [illegible], главнымъ образомъ, сормовцами. Избіеніе приняло еще [illegible] жестокій характеръ, такъ какъ войска пустили въ дѣло [illegible] вная стычка была на Нижнемъ Базарѣ. Опять около [illegible] ученіе [illegible] ыхъ, много раненыхъ. Въ больницѣ лежатъ нѣсколь- [illegible] которыхъ до 15 огнестрѣльныхъ ранъ. Въ тотъ [illegible] значительно [illegible] дія пыталась разогнать обычный митингъ въ [illegible] гана, какъ [illegible] сь перестрѣлка. Кто-то изъ рабочихъ бросилъ [illegible] стороны, всеклыхъ много). Эффектъ былъ поразительный. Въ мгновеніе вся полиція и казаки пустились въ бѣгство и попрятались, гдѣ кто могъ, а изъ домовъ повыскакивали рабочіе съ револьверами и ружьями. 12 вечеромъ и ночью снова шла перестрѣлка. Часовъ въ 6 утра гдѣ-то брошена бомба, судя по грохоту. Каковъ результатъ, еще не знаю, отъ окружающихъ толку добьешься мало, такъ какъ всѣ терроризованы.

Полиція усердно распространяетъ слухи, что рабочій народъ возсталъ противъ бунтовщиковъ-демократовъ. Въ такомъ смыслѣ Унтербергеръ поспѣшилъ вывѣсить сообщеніе. Мы отвѣтили на его сообщеніе прокламаціей: „Ложь губернатора Унтербергера“. Одиннадцатаго мы выпустили прокламацію къ гражданамъ съ призывомъ къ вооруженію.

Нижній-Новгородъ. 6 іюля (ст. ст.). Работа кипитъ. Наши связи и вліяніе замѣтно расширяются. На массовки, которыя устраиваются по нѣсколько разъ въ недѣлю, собирается уже не по 50-150, а по 200 и 300 чел. Идутъ охотно изъ отдаленныхъ частей города. Расходятся съ пѣснями и револьверными выстрѣлами. Наконецъ то мы, кажется, установили практическое соглашеніе съ большевиками объ общемъ устройствѣ массовокъ и совмѣстномъ приготовленіи къ забастовкѣ 9 іюля. Устроена объединенная комиссія, въ которую съ нашей стороны входятъ два рабочихъ. Въ добрый часъ! До сихъ поръ дальше „принципіальнаго“ соглашенія не шло, и на практикѣ происходили „недоразумѣнія“.

На организацію профессіональныхъ союзовъ мы давно уже рѣшили обратить вниманіе, но разныя текущія событія поглощали наши силы и отвлекали вниманіе въ другую сторону.

Передовица № 100 „Искры“ привлекла наше общее вниманіе къ этому вопросу, и мы рѣшили перейти къ дѣлу. Послѣ ряда дискуссій среди интеллигенціи и рабочихъ, боязнь предъ „экономическимъ“ движеніемъ была преодолѣна. „Не будемъ бояться обвиненія въ „зубатовщинѣ“, которымъ награждаютъ насъ „твердые“ товарищи“ — сказали мы себѣ! Рабочіе встрепенулись, и мы принялись за дѣло. На очереди стоялъ серьезный вопросъ, смущавшій нѣкоторыхъ товарищей: какъ совмѣстить работу по организаціи союзовъ съ работой по реагированію на текущія явленія первостепенной важности. Или — или, ставили вопросъ.

Мы рѣшили совмѣстить работу такимъ путемъ; втягивать въ политическую работу массу и въ то же время создавать элементы для профессіональныхъ союзовъ. Началась работа по организаціи всеобщей стачки къ 9 іюля. Члены нашей центральной группы стали собирать вокругъ себя товарищей по профессіи и предлагать имъ принять участіе въ организаціи стачки; многіе изъ рабочихъ, не принадлежащихъ къ организаціи, съ громадной охотой взялись за это дѣло. Такимъ образомъ вокругъ членовъ нашей центральной группы создались профессіональныя комиссіи. (Въ городѣ рабочіе, главнымъ образомъ, ремесленники). Изъ этихъ комиссій мы выдѣлили ядра — профессіональные комитетики — которые займутся организаціей профессіональныхъ союзовъ. Въ то же время наши комиссіи организуютъ массовки, на которыхъ ведется агитація за всеобщую стачку. Къ этому же сводится и агитація на легальныхъ и полулегальныхъ собраніяхъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуютъ общіе и даже профессіональные (къ рабочимъ изразцоваго завода) листки. Однимъ словомъ мы ведемъ сложную „кампанію“.

Блестящимъ образомъ прошло у насъ собраніе „Общества взаимопомощи печатниковъ“ 4 іюля. Собраніе это было собрано правленіемъ общества по требованію членовъ, недовольныхъ обществомъ. Мы ждали, что это собраніе пройдетъ въ нападкахъ печатниковъ на правленіе и уже, исходя изъ ихъ критики, мы хотѣли начать агитацію для преобразованія общества въ профессіональное, согласно съ резолюціями конференціи. Но народу собралась такая масса (до 1000 чел.), что послѣ доклада предсѣдателя петербургскаго общества печатниковъ никто изъ печатниковъ не взялъ слова. Тогда сталъ говорить нашъ ораторъ. Онъ указалъ, что общество не можетъ успѣшно выполнить даже того скромнаго дѣла взаимопомощи, которое оно ставитъ своею цѣлью. Онъ указалъ, что настоящій моментъ благопріятенъ для широкой профессіональной борьбы, и къ ней должно быть приспособлено общество предприниматели должны быть удалены изъ него. Общество должно быть боевымъ. Оно должно руководить стачечной борьбой, чтобы соединить разрозненную борьбу, воплотить въ плоть и кровь рабочихъ экономическія требованія нашей программы и такимъ образомъ дать свободной Россіи широкое рабочее законодательство. Возражалъ рабочій-большевикъ. Онъ утверждалъ, что, пока у насъ нѣтъ политической свободы, санкціонированной Учредительнымъ Собраніемъ, устраивать профессіональные союзы не имѣетъ большого смысла. Борцамъ нужно объединиться въ Р. С.-Д. Р. П. Другіе ораторы меньшевики, нападали на его взглядъ, что свобода дается Учредительнымъ Собраніемъ, и настаивали на необходимости добывать свободу „захватнымъ правомъ“, тогда санкціонированіе ея будетъ обезпечено.

Большевикъ заявилъ, что его не поняли. Членъ правленія общества, въ отвѣтъ на рѣчь соціальдемократа, отстаивалъ совмѣстное существованіе въ обществѣ лицъ различнаго общественнаго положенія и требовалъ отъ общества полной безпартійности.

Предложенная имъ резолюція собрала 5 голосовъ, въ то время какъ „резолюція гг. соціальдемократовъ принята подавляющимъ большинствомъ“, какъ заявилъ безпристрастно предсѣдатель. Предложенная соціальдемократами резолюція была наскоро составлена ораторами меньшевиками и большевикомъ; она признавала громадную важность профессіональныхъ союзовъ и звала рабочихъ организоваться въ нихъ подъ руководствомъ Р. С.-Д. Р. П. Собраніе закончилось рѣчами о готовящейся всеобщей стачкѣ. Нѣкоторые большевики говорятъ, что, хотя въ рѣчахъ и побѣдили меньшевики, но резолюція — въ ихъ духѣ. Мы побольше желаемъ имъ такихъ побѣдъ! Ихъ „побѣда“ заставила ихъ признать важность организаціи союзовъ и этимъ расчистила путь нашей дѣятельности, которая только что обзывалась зубатовской. Еще нѣсколько такихъ „побѣдъ“ съ ихъ стороны, и резолюціи конференціи будутъ приняты рабочими всего города!

Витебскъ. День девятаго іюля не прошелъ незамѣтно и въ нашемъ Витебскѣ. Съ нѣкотораго времени полиція начала смотрѣть сквозь пальцы на постоянно происходящіе въ Дворянскомъ Саду, напротивъ мужской гимназіи, собранія и митинги рабочихъ, на которыхъ бываетъ до тысячи человѣкъ. Недавно полиція сдѣлала попытку отнять у рабочихъ отвоеванную ими „свободу собраній“, но скоро должна была опять „разрѣшить“, т. е., росписаться въ своемъ безсиліи. За нѣсколько дней до полугодовщины начала Великой Русской Революціи, весь городъ зналъ, что рабочіе и приказчики готовятся къ празднованію этого дня. Носились, конечно, самые фантастическіе слухи. Наканунѣ, восьмого іюля, была распространена прокламація мѣстной партійной группы „9 января — 9 іюля“ (гектогр.), призывающая къ продолженію борьбы рабочаго класса, начатой 9 января. Инціатива этого праздника принадлежала партійной группѣ. Группа вступила въ переговоры по этому поводу съ бундовскимъ комитетомъ, но къ соглашенію не пришли (почему именно, объ этомъ, надѣюсь, сообщатъ вамъ другіе товарищи). Поалэ-сіонисты вели себя очень двусмысленно. Седьмого іюля одинъ изъ ихъ ораторовъ говорилъ въ саду, призывая поалэ сіонистскую публику присоединиться къ празднованію, а частнымъ образомъ они убѣждали не выходить въ субботу изъ дому. О соціалистахъ революціонерахъ можно и не говорить.

Наконецъ, наступило и девятое іюля. Военный видъ города всѣмъ говорилъ, что правительство не прочь повторить свои январьскія „дѣянія“, что врагъ сраженъ, но еще не хочетъ сдаться. Въ десять часовъ утра Дворянскій садъ былъ уже переполненъ рабочими и приказчиками. Бундовцы рѣшили устроить свой митингъ въ саду, а потомъ устроить уличную демонстрацію. Партійный митингъ долженъ былъ происходить послѣ обѣда на Сѣнной площади. Однако, въ саду было очень много партійныхъ рабочихъ. Въ десять съ половиной часовъ открылся митингъ; кромѣ бундовцевъ, говорили и партійные ораторы. Публики было больше 1000 человѣкъ, нѣкоторые утверждаютъ, что было около 2000. Едва ли здѣсь сильное преувеличеніе. Мимо собранія постоянно проходили отряды солдатъ подъ начальствомъ полиціи и жандармовъ. „Военный совѣтъ“, съ полиціймейстеромъ во главѣ, засѣдалъ напротивъ, на гимназическомъ дворѣ. „Храбрые“ донцы не удовлетворялись тѣмъ, что стерегли всѣ выходы изъ сада и стояли на перекресткахъ главныхъ улицъ; они часто проѣзжали мимо собравшихся рабочихъ, чтобы посмотрѣть, какое дѣйствіе это произведетъ на массу. Но масса, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ, держалась съ достоинствомъ: „привѣтствовала“ казаковъ возгласами и криками „ура“. Полиція приняла всѣ мѣры, чтобы не выпустить массы на улицу, опасаясь демонстраціи. Послѣ того, какъ пять или шесть ораторовъ успѣли освѣтить роль рабочаго класса въ развертывающейся революціи, рѣшили разойтись. Но садъ былъ оцѣпленъ со всѣхъ сторонъ. Масса пустилась внизъ, по направленію къ Подвинской улицѣ. Тутъ на нее налетѣлъ отрядъ казаковъ, но былъ встрѣченъ цѣлымъ градомъ камней, отъ которыхъ нѣкоторымъ сильно досталось. Одинъ изъ толпы выстрѣлилъ. Казаки поскакали за подмогой, а наши пока разсѣялись. Часть скрылась въ ближайшіе дворы и частныя квартиры. Тутъ то началось... началась обычная россійская расправа. Казацкая нагайка свистѣла направо и налѣво. Скрывшихся избивали до полусмерти, есть пробитые черепа, отрубленные носы и уши.. Больная, шедшая отъ доктора, поплатилась ухомъ... Много окровавленныхъ. Все это происходило на виду у полиціймейстера, который началъ заигрывать въ послѣднее время съ рабочими. У нашихъ держимордъ тоже, должно быть, существуетъ свой шифръ. Избиваемые обратились за защитой къ полиціймейстеру, онъ „приказалъ“ не бить, но „приказъ“ былъ сдѣланъ въ такомъ тонѣ, что солдаты и казаки имѣли всѣ основанія „ослушаться“. Избитыхъ и окровавленныхъ выводили со двора на улицу, гдѣ они передавались въ цѣпь арестованныхъ. Подвинская улица представляла собою настоящее поле битвы, но „врагами“ были не желтолицые, а рабочіе и работницы. Досталось и постороннимъ. Такъ, былъ избитъ нагайками какой то инженеръ, выходившій изъ Международнаго Банка. Молодой человѣкъ (Як. Розенфэльдъ), шедшій со Смоленской улицы на Подвинскую, былъ прогнанъ жандармомъ обратно, но казаки не выпустили его, приперли къ стѣнѣ и давай хлестать, пока не загнали въ цѣпь арестованныхъ (скоро освободили). Описать всѣ неистовства казаковъ нѣтъ возможности. Заходили въ частныя квартиры и вытаскивали оттуда людей. Наконецъ, обозъ двинулся. Арестовано около 90 человѣкъ мужчинъ и женщинъ, послѣднихъ почти вдвое больше. Въ первомъ ряду шелъ молодой мальчикъ съ разбитымъ черепомъ, весь окровавленный. Онъ не хотѣлъ обмыться, говоря: „пусть всѣ видятъ, что полиція дѣлаетъ“. Арестованные товарищи были окружены солдатами и казаками. Эта процессія направилась по главной улицѣ въ тюрьму. Всѣ знали, что это только „первый актъ“, что должно произойти еще что то. Атмосфера была страшно наэлектризована, масса рвалась въ бой. Но было бы безсмысленно устроить въ тотъ же день вооруженную демонстрацію. На Замковой улицѣ только и видно было, что солдатъ да казаковъ. Но масса, какъ я уже сказалъ, была воинственно настроена. Въ шесть часовъ вечера открылся партійный митингъ, на которомъ было около 500 рабочихъ. Полиція знала о митингѣ, но боялась очевидно вмѣшаться, видя настроеніе рабочихъ. Полтора часа говорили; было четыре оратора. Закончили возгласами: „да здравствуетъ демократическая республика“, „да здравствуетъ соціализмъ“ и т. п. Воодушевленіе массы достигло высшихъ предѣловъ, кидали шапки къ верху, кричали „ура“. Наконецъ выстроились въ стройные ряды и съ пѣніемъ „Вихри враждебные“ прошли весь садъ, а потомъ разошлись. — Часть арестованныхъ была выпущена къ вечеру.

Холмечъ (мѣстечко Минской губ.). Пламя революціи, озарившее всю Россію, охватило также и наше захолустное мѣстечко. На дняхъ въ близь лежащемъ имѣніи „Силково“ вспыхнула стачка батраковъ въ числѣ 50 человѣкъ. Всѣ крестьяне окружающихъ деревень отнеслись сочувственно къ этой стачкѣ и отказались также работать въ этомъ имѣніи, несмотря на всѣ угрозы пристава. Положеніе пристава было довольно критическое, и онъ поспѣшилъ снять съ себя всякія полномочія. Результаты этой стачки довольно успѣшны: заработная плата значительно повышена и рабочій день сокращенъ. Стачка все время велась подъ руководствомъ мѣстной соціальдемократической группы. Во многихъ деревняхъ этого же уѣзда, въ Хвойницкой волости, размѣщены казаки и солдаты, въ виду ожидающихся аграрныхъ волненій.

Варшава. До сихъ поръ работа Военно-революціонной организаціи носила въ сущности кустарническій характеръ. Причина этого — недостатокъ агитаторскихъ силъ, не позволявшій перейти къ постановкѣ работы на болѣе широкихъ основахъ. Сюда же прибавились и мѣстныя причины, какъ, напримѣръ, временное отвлеченіе всего вниманія организаціи къ военному возстанію въ Пулавахъ (Новой Александріи) съ одной стороны и неизбѣжныя броженія и тренія внутри молодой еще организаціи, вначалѣ предполагавшей быть безпартійной, а затѣмъ ставшей подъ знамя соціальдемократіи. Работа пока сводилась къ расширенію связей среди отдѣльныхъ полковъ, снабженію сагитированныхъ одиночекъ литературой и сравнительно рѣдкому распространенію листковъ. Лишь въ послѣднее время оказалось возможнымъ ввести планомѣрность въ работу и соотвѣтственно расширить ея размахъ. Были приняты организаціонныя формы и планъ работы, въ основу коихъ легли принципы первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ. Чтобы не быть оторванной отъ общесоціальдемократической работы и избѣжать опасности замкнуться въ военно-заговорщическомъ кружкѣ В. Р. О. стала въ организаціонныя отношенія къ мѣстному комитету С.-Д. П. и Л., съ которымъ заключено соглашеніе. Связь съ другими городами, гдѣ ведется работа среди войскъ, все еще очень „lose“ и выражается главнымъ образомъ въ снабженіи ихъ отсюда литературой и періодическими поѣздками агитаторовъ.

Какъ ни недавно работаетъ наша организація, результаты ея дѣятельности уже проявились. Начальство переполошилось, и строгости въ лагеряхъ и казармахъ пошли усиленныя. Недовольство среди солдатъ и духъ протеста постоянно растутъ, особенно въ частяхъ, куда принимали запасныхъ. Эти запасные очень разношерстны. Есть петербургскіе рабочіе, и среди нихъ многіе, пережившіе январьскіе дни. Эти сразу же заявили, что они на войну не пойдутъ, они въ народъ стрѣлять не будутъ. Есть съ другой стороны совершенно сѣрые полѣщуки, нуждающіеся еще въ разъясненіи преступности погромовъ, къ которымъ ихъ зовутъ какія то темныя личности.

Изъ послѣднихъ событій у насъ надо отмѣтить отказъ 400 человѣкъ, изъ I, II, III и IV Варшавскихъ полковъ, отъ землекопныхъ работъ. Уговоры офицеровъ ни къ чему не привели, и на работу солдаты такъ и не пошли. Арестовано пять человѣкъ.

Въ Пултусскомъ полку солдаты на этихъ дняхъ отказались ѣсть свой совершенно неудобоваримый ужинъ и вылили его обратно въ котелъ подсыпавъ еще песку, такъ какъ щи были такъ жидки, „что хоть купайся въ нихъ“. Тоже повторилось на другой день съ кашей. Офицеру, пришедшему убѣждать, предложили самому съѣсть. Арестованъ одинъ ефрейторъ.

Въ Радомѣ назначенная было отправка на Дальній Востокъ пѣхоты и артиллеріи не состоялось, такъ какъ пѣхота идти отказалась. Подробности еще не знаемъ.

Казарменная атмосфера, разумѣется, болѣе чѣмъ какая либо ая, благопріятствуетъ шпіонству, и отъ этого зла мы немало страдаемъ.

Къ позорному столбу. 1) Штабсъ-капитанъ гвардейскаго Волынскаго полка Околовичъ въ памятный Варшавѣ понедѣльникъ 13/26 іюня самъ далъ приказъ застрѣлить двухъ еврейскихъ рабочихъ, раздававшихъ въ это время прокламаціи. 2) Гусарскій поручикъ Шмидтъ въ февральскіе дни лично зарубилъ шашкой студента политехника, пытавшагося укрыться въ воротахъ. Кромѣ того, солдаты просятъ отмѣтить: 3) возмутительно грубо обращающагося съ солдатами поручика Волынскаго полка Былинскаго и 4) шпіона-доносчика — фельдфебеля 10 роты III Варшавскаго полка Лѣсенко.

Екатеринославъ. Надняхъ солдаты двухъ батальоновъ нашего полка заявили коллективный протестъ противъ ужасныхъ злоупотребленій на кухнѣ: вмѣсто супа, были какіе то помои. Весь супъ, около 55 ведеръ, былъ вылитъ на полъ кухни, и солдаты группами пошли жаловаться къ офицерамъ. Съ точки зрѣнія военной, это было ужасное нарушеніе дисциплины: разрѣшается жаловаться въ одиночку, а не скопомъ, и то не непосредственно офицерамъ, а пройдя всѣ ступени, начиная съ отдѣленнаго взводнаго. Офицера были до того перепуганы, что никто не вышелъ сначала къ солдатамъ: имъ, вѣроятно, мерещились одесскія событія. Въ результатѣ они обратились чуть ли не съ извиненіемъ къ солдатамъ, выдали имъ чай, сахаръ и по 1/4 ф. колбасы. Этотъ фактъ былъ прекрасно утилизированъ. Когда одинъ изъ офицеровъ, послѣ того, какъ все улеглось, захотѣлъ поставить одного изъ зачинщиковъ „подъ ружье" (!) (по уставу, за это слѣдуетъ два года дисциплинарнаго батальона), то немедленно, по нашему настоянію, вся рота стала снаряжаться, чтобы также стать подъ ружье. Это было такимъ грознымъ симптомомъ, что офицеръ поспѣшилъ освободить его отъ наказанія, передавъ это приказомъ черезъ позваннаго въ его комнату фельдфебеля, и принять видъ ничего не знающаго о томъ, что дѣлается въ казармѣ.

С. Запорожье-Каменское Екатерин. губ. 9 Іюля 1905 г. Революціонная волна, охватившая всѣ крупные центры Россіи, затронули и глубоко всколыхнула такія глухія мѣста, гдѣ [illegible] тому назадъ [illegible] глубокимъ сномъ. Примѣромъ такого быстраго пробужденія [illegible] массъ [illegible] рабочее населеніе с. Каменскаго. Петербургскія событія, вызвавшія по всей Россіи стачечную волну, [illegible] и рабочихъ Днѣпровскаго завода (всего работаетъ 8—10 тысячъ человѣкъ). Сознательнымъ рабочимъ, которыхъ къ тому времени было немного, удалось вызвать забастовку. Но они не въ силахъ были использовать ее и послѣ трехнедѣльнаго перерыва работы возобновились, причемъ почти ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено. Нечего говорить о томъ, что настроеніе послѣ забастовки было самое угнетенное. Но глухое броженіе не прекратилось и, наконецъ, вылилось въ одинъ общій протестъ противъ тѣхъ рабочихъ и мастеровъ, которые работали или вообще чѣмъ-нибудь предали во время забастовки. Почти двѣ недѣли продолжалась вывозка на тачкахъ всѣхъ, противъ кого рабочіе были враждебно настроены. Мы воспользовались этимъ общимъ возбужденнымъ настроеніемъ и на почвѣ всѣхъ событій, переживавшихся въ тотъ моментъ Россіей, и, въ частности, на почвѣ тѣхъ событій, которыя имѣли отношеніе только къ заводу, повели усиленную агитацію. За три мѣсяца намъ удалось устроить три организованныхъ массовки, на которыхъ въ общемъ было человѣкъ 700 — 800 и нѣсколько митинговъ въ заводѣ и около завода, на которыхъ было по 1000 и по 3000 человѣкъ. Кромѣ этого, мы организовали регулярное функціонированіе летучекъ и т. п. Въ серединѣ мая мы устроили на [illegible] массовку, на которой было около 200 чел. [illegible] лика съ пѣніемъ „Марсельезы" „Варшавянки" и [illegible] революціонными возгласами двинулась [illegible] демонстрація прошла [illegible] Черезъ нѣкоторое время мы устроили [illegible] который тоже [illegible] было сильно [illegible] страцію на музыкѣ. [illegible] ко сотъ человѣкъ и [illegible] цамъ. Толпа [illegible] возроста до 2 [illegible] лась и почти всѣ участники [illegible] различная публика [illegible] демон[illegible] Въ это время нагрянули [illegible] нагайками [illegible] избивать публику. Пострадали [illegible] изъ участниковъ демонстраціи [illegible]

На 23 іюня мы [illegible] забастовку для выраженія [illegible] Лодзинскими, Екатеринославскими и [illegible] томъ нѣсколько [illegible] работу и пошли снимать [illegible] неномъ и мартеновскимъ [illegible] темная масса [illegible] чами. Руководились этимъ [illegible] которые наиболѣе [illegible] вѣтели тѣмъ же. Въ результатѣ [illegible] раненыхъ. [illegible] мы сорганизовали митингъ [illegible] Послѣ [illegible] часовой [illegible] митинга [illegible] щей, число участниковъ которой [illegible]

Въ послѣднее время [illegible] товки, полиція стала [illegible] распространяются [illegible] На базарѣ какія-то темныя личности [illegible] димости „бить [illegible] и демократовъ" [illegible] Петра и Павла [illegible] силы реакціи [illegible] дать организа[illegible] спокойно. Агитація [illegible] бенной интенсивн[illegible] новыя притѣсненія [illegible] товки. Нѣкоторые [illegible] вать, но [illegible] нитое, какъ [illegible] одной стороны [illegible] другой — агитація [illegible] манифестаціи [illegible]

Область [illegible] ется громадный [illegible]

Вчера мы распространили [illegible] „Первая побѣда [illegible] рода, перепечатка [illegible]

Екатеринодаръ. 13 го Іюля [illegible] Владикавказской [illegible] комитетомъ. Басту[illegible] ская, Тихорѣцкая [illegible] пространяются [illegible]

Въ Ставрополѣ [illegible] полугодовщины [illegible]

Ростовъ на Дону 16-го іюля [illegible] отъ всей Россіи. Въ четвергъ [illegible] такъ что тоже телеграфное [illegible] Кавказомъ [illegible] Движеніе быстро распространялось [illegible] дошло до Ростова. Забастовка [illegible] мастерскихъ, разбили телеграфъ [illegible]

рядомъ жандармовъ удалось „успокоить" рабочихъ на время, причемъ было 8 раненыхъ, изъ которыхъ одинъ рабочій, не приходя въ сознаніе умеръ сегодня въ больницѣ. Требованія рабочихъ слѣдующія: увеличеніе жалованья на 25%, назначеніе квартирныхъ отъ 2 руб до 10 руб., выдача освѣщенія и отопленія, введеніе выдачи провизіонныхъ билетовъ и безплатное пользованіе баней.

Управленіе желѣзныхъ дорогъ рѣшило не удовлетворять рабочихъ, а выгнать ихъ изъ казенныхъ квартиръ. Вчера забастовали всѣ извощики, 2-3, выѣхавшіе на работу были избиты. Требуютъ, чтобы никто не имѣлъ права арестовывать ихъ лошадей и экипажей; 2) чтобы трамвай не останавливался около городского сада и работалъ всего до 9 час. вечера; 3) право ночью договариваться за полуторную ѣзду съ пассажирами въ Нахичевань; 4) отмѣна наказанія за слѣзаніе съ козелъ; 2) право получать вознагражденіе безъ суда за увѣчья въ рельсахъ трамвая; 6) вѣжливое обращеніе со стороны полиціи; 7) уплата полиціей за пользованіе извозчиками при исполненіи служебныхъ обязанностей; 8) отвѣтственность пассажировъ за оскорбленіе; 9 право свободно собираться для обсужденія своихъ нуждъ; 10) право имѣть кассу самопомощи.

Сегодня была сходка на Темерникѣ. Сейчасъ будутъ похороны убитаго рабочаго и ждутъ серьезнаго столкновенія съ войсками. Городъ принялъ совершенно военный видъ. Ѣздятъ патрули, повсюду ненавистные бѣлые мундиры и золотыя пуговицы.

Рабочіе всѣ въ красныхъ рубашкахъ. Всѣ запасаются провизіей. На завтра ждутъ всеобщей забастовки. Вчера въ городскомъ саду произошло маленькое столкновеніе съ полиціей, надо было видѣть испуганныя лица этой клики. Ничего серьезнаго не было, но поколотили двухъ городовыхъ. Затѣмъ былъ колоссальный пожаръ, горѣлъ заводъ Чуринина, черная сотня работала во кармановой части. Забастовала фабрика Кушнарева. Завтра всѣ бастуютъ. Предполагается забастовка на Екатерининской желѣзной дорогѣ.

Ростовъ на Дону. 11-го Іюля. Сегодня арестовали массовку въ 500 человѣкъ за городомъ въ 4 часа ночи. Въ городѣ ждутъ [illegible] по этому случаю. Сегодня забастовали рабочіе Владикавказской желѣзной дороги. На станціи Тихорѣцкой [illegible] разобрали путь. Вагоны украшены красными флагами. Въ Ростовѣ послѣ завтра 12 [illegible] всеобщей забастовки и еврейскаго погрома, [illegible] черной сотней.

Письмо изъ Воронежа [illegible] Въ Кіевѣ [illegible] избили ни за что околоточнаго и двухъ городовыхъ [illegible] офицерамъ. [illegible] Въ Ташкентѣ [illegible] взбунтовался [illegible] саперный ташкентскій батальонъ [illegible] новый полковникъ уменьшилъ [illegible] выдачи чая и сахара [illegible]

[illegible]

[illegible] въ мѣсяцъ, да съ жиру и [illegible] и рядомъ от-

ношеніе крестьянъ къ 9 января. Правда, подъ вліяніемъ разумнаго разъясненія вопроса отношеніе мѣняется. А разъясненія, надо сказать, начинаютъ даваться въ довольно обширныхъ (сравнительно съ прошлымъ, конечно) размѣрахъ. Даютъ и запрещенныя, даютъ и легальныя книжки. Есть люди, которые „запоемъ" распространяютъ печатное слово. Борьба на этой почвѣ между интеллигенціей и духовенствомъ идетъ часто самая отчаянная. Консерваторы начали мобилизовать свои силы, и я считаю это весьма отраднымъ явленіемъ — въ концѣ концовъ это будитъ мысль, а тамъ она, подъ вліяніемъ событій, сама пойдетъ по правильному пути. Маленькій примѣръ изъ мелкаго губернскаго города. Составляется проектъ вѣрноподданническаго адреса. Крестьяне рѣшили, что надо вторично присягать царю, и имъ предстоитъ рѣшить, нужно ли присягать Николаю или выбрать другого. Долго судили и рядили и рѣшили, что пусть еще три года поцарствуетъ, дадимъ ему время исправиться, а потомъ можно будетъ и другого выбрать (они, между прочимъ, никакъ не могли сообразить, кого выставить кандидатомъ). Увѣренность въ томъ, что земля скоро будетъ крестьянская — самая полная. Нелегальщина пользуется успѣхомъ. Только очень часто крестьяне не понимаютъ, почему это такія разумныя мысли и требованія, какія выставляются въ бумажкахъ, связываются въ нихъ съ „нелѣпыми" требованіями „долой царя". Одни рѣшаютъ, что это по глупости сдѣлано, а другіе задумываются, и отысканное противорѣчіе не даетъ покоя крестьянской головѣ.

Первый открытый народный митингъ въ Томскѣ.

5 іюля въ первый разъ въ г. Томскѣ, да, пожалуй, и во всей Сибири состоялся и прошелъ очень удачно *открытый* народный митингъ, устроенный мѣстнымъ соціальдемократическимъ комитетомъ при постановкѣ памятника товарищу Кононову, убитому 18 января на Томской демонстраціи. Средства для постановки памятника уже давно собирались товарищами убитаго. Мѣстный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы *перейти отъ массовокъ*, которыя онъ устраивалъ въ послѣднее время почти еженедѣльно, къ *открытымъ народнымъ собраніямъ*. И 5 іюля это ему вполнѣ удалось.

За нѣсколько недѣль до митинга, комитетская типографія отпечатала листокъ группы типографщиковъ — товарищей убитаго — съ призывомъ почтить открытіе памятника народнымъ собраніемъ на митингѣ. Затѣмъ въ городскую думу были поданы заявленія отъ группы рабочихъ — товарищей убитаго, а также отъ общества томскихъ книгопечатниковъ съ требованіемъ принять всѣ зависящія отъ думы мѣры для предупрежденія вмѣшательства полиціи въ предстоящій митингъ. Мѣстная дума, [illegible] не внесла эти запросы на обсужденіе общаго собранія [illegible] показала, что даже крайніе ея элементы могутъ [illegible] пустой болтовни по поводу „милостиваго [illegible] манифеста 18 февраля).

Благодаря [illegible] дѣятельной агитаціи и устройству нѣсколькихъ [illegible] массовокъ, на каждой изъ которыхъ присутствовало 300 — 500 человѣкъ, городское населеніе, какъ рабочее, такъ и не рабочее, было широко оповѣщено о готовящемся собраніи. Наканунѣ, 4 іюля комитетъ выпустилъ 5000 [illegible] листковъ съ обозначеніемъ мѣста, дня и часа (7 ч. вечера) народнаго собранія. [illegible] часу на кладбище потянулась масса разно[illegible]

Къ назначенному [illegible] громадная толпа — по общимъ отзывамъ характерная [illegible] окружила могилу нашего [illegible] — не менѣе какъ въ 2 000 чел. [illegible] хоръ исполнилъ [illegible] товарища. Вначалѣ [illegible] прекрасно [illegible] Затѣмъ [illegible] „Замученъ тяжелой неволей" [illegible] выступилъ [illegible] собраніе [illegible] Томскаго Комитета и прочелъ [illegible] Кононова. Послѣ него сказалъ [illegible] исполнилъ „Смѣло, друзья, [illegible]" Также выступали ораторы отъ учащихся [illegible] именемъ революціонной [illegible] „Дружно, [illegible]"

[illegible] 1) „Товарищу — [illegible] Томскъ. Комитетъ [illegible] Рабочей Партіи". 2) „Не [illegible] Кононову отъ общества [illegible] книгопечатниковъ". 3) „[illegible] за свободу! До [illegible] книгопечатниковъ". 4) „Жертвѣ [illegible] отъ группы рабочихъ депо станціи [illegible] Кононову отъ группы [illegible] „Товарищу [illegible] борцу за свободу [illegible] рабочихъ". 7) „Борцу свободы [illegible] „Рабочему борцу, [illegible] служащихъ". 9) [illegible] Кононову отъ группы добро[illegible] за свободу павшему жертвой [illegible] фармацевтовъ". [illegible] революціоннаго студенчества". [illegible] Томска". 14) „Отъ врачей" и [illegible] живыхъ цвѣтовъ [illegible] Всѣ вѣнки были съ красными лентами, кромѣ [illegible] отъ общества книгопечатниковъ [illegible]

Въ концѣ собранія [illegible] красное знамя съ надписью [illegible] Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія [illegible] знамя, которое было на демонстраціи 18 января. [illegible] была [illegible] рабочая марсельеза.

Во время митинга [illegible] Томск. [illegible] и Забайкальской желѣзной дороги" и „[illegible]"

[illegible] не вмѣшивалась [illegible], когда расходившаяся публика [illegible] улицы, мимо нея [illegible] полицеймейстеръ и много [illegible] устроилась по [illegible] листковъ. Впечатлѣніе [illegible] такъ и на [illegible]

Томскъ. [illegible] митинга [illegible] типографіи Яковлева [illegible] массовка, которая [illegible] забастовкѣ. На массовкѣ присут[illegible] забастовавшія въ [illegible] На массовкѣ говорили [illegible] митингѣ, о значеніи открытаго [illegible] и политической борьбы [illegible] Право на загородныя [illegible]

[illegible] типографщиковъ совмѣстно [illegible] бастующіе типографщики разо[illegible], жать ихъ [illegible] забастовщикамъ, выставивъ [illegible] иниціативу устройства политическаго митинга [illegible] общее со[illegible] администрацію воздѣйствовать на хозяевъ.

[illegible] стачка разрослась почти во всеобщую. [illegible] Полиція почему то приказала закрыть магазины [illegible] Черезъ часъ-два нѣкоторые закрытые магазины [illegible] Ежедневно комитетъ устраиваетъ большія массовки.

[illegible] въ думу и губернатору съ требованіемъ [illegible] собраній.

Красноярскъ. [illegible] мая [illegible] произошла демонстрація [illegible] шествовать [illegible] общества врачей въ народ[illegible] Публики рабочихъ и интеллигентовъ было около [illegible] Мѣстными радикалами былъ произнесенъ рядъ р[illegible] говорилъ о „союзахъ и партіяхъ, Мон[illegible] рательномъ правѣ и Карауловъ „Учредитель[illegible]

[illegible] что [illegible] Наша же [illegible] крайне [illegible] и руково[illegible] организаціонны[illegible] и полномъ успѣ[illegible] въ революціон[illegible] а несо-

---

[1] Этотъ же Семашко какъ только [illegible] начинаютъ волноваться и готовиться къ революціоннымъ актамъ, напаиваетъ темную публику и проповѣдуетъ ей необходимости избіенія всѣхъ „жидовъ и демократовъ".

Казарменная атмосфера, разумѣется, болѣе чѣмъ какая либо [illegible], благопріятствуетъ шпіонству, и отъ этого зла мы немало страдаемъ.

Къ позорному столбу. 1) Штабсъ-капитанъ гвардейскаго Волынскаго полка Околовичъ въ памятный Варшавѣ понедѣльникъ [illegible] іюня самъ далъ приказъ застрѣлить двухъ еврейскихъ рабочихъ, раздававшихъ въ это время прокламаціи. 2) Гусарскій поручикъ Шмидтъ въ февральскіе дни лично зарубилъ шашкой студента политехника, пытавшагося укрыться въ воротахъ. Кромѣ того, солдаты просятъ отмѣтить: 3) возмутительно грубо обращающагося съ солдатами поручика Волынскаго полка Бы[illegible]скаго и 4) шпіона-доносчика—фельдфебеля 10 роты III Варшавскаго полка Лѣсенко.

Екатеринославъ. Надняхъ солдаты двухъ батальоновъ нашего полка заявили коллективный протестъ противъ ужасныхъ злоупотребленій на кухнѣ: вмѣсто супа, были какіе то помои. Весь супъ, около 55 ведеръ, былъ вылитъ на полъ кухни, и солдаты группами пошли жаловаться къ офицерамъ. Съ точки зрѣнія военной, это было ужасное нарушеніе дисциплины: разрѣшается жаловаться въ одиночку, а не скопомъ, и то не непосредственно офицерамъ, а пройдя всѣ ступени, начиная съ отдѣленнаго взводнаго. Офицера были до того перепуганы, что никто не вышелъ сначала къ солдатамъ: имъ, вѣроятно, мерещились одесскія событія. Въ результатѣ они обратились чуть ли не съ извиненіемъ къ солдатамъ, выдали имъ чай, сахаръ и по ¼ ф. колбасы. Этотъ фактъ былъ прекрасно утилизированъ. Когда одинъ изъ офицеровъ, послѣ того, какъ все улеглось, захотѣлъ поставить одного изъ зачинщиковъ „подъ ружье“ (!) (по уставу, за это слѣдуетъ два года дисциплинарнаго батальона), то немедленно, по нашему настоянію, вся рота стала снаряжаться, чтобы также стать подъ ружье. Это было такимъ грознымъ симптомомъ, что офицеръ поспѣшилъ освободить его отъ наказанія, передавъ это приказомъ черезъ позваннаго въ свою комнату фельдфебеля, и принять видъ ничего не знающаго о томъ, что дѣлается въ казармѣ.

С. Запорожье-Каменское Екатерин. губ. (9 Іюля 1905 г.). Революціонная волна, охватившая всѣ крупные центры Россіи, затронула и глубоко всколыхнула такія глухія мѣста, гдѣ полгода тому назадъ все спало глубокимъ сномъ. Примѣромъ такого быстраго пробужденія широкихъ массъ служитъ рабочее населеніе с. Каменского. Петербургскія событія, вызвавшія по всей Россіи стачечную волну, подняли и рабочихъ Днѣпровскаго завода (всего работаетъ 9—10, тысячъ челов.). Сознательнымъ рабочимъ, которыхъ къ тому времени было немного, удалось вызвать забастовку. Но они не въ силахъ были использовать ее, и послѣ трехдневнаго перерыва работы возобновились, причемъ почти ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено. Нечего говорить о томъ, что настроеніе послѣ забастовки было самое угнетенное. Но глухое броженіе не прекратилось и, наконецъ, вылилось въ одинъ общій протестъ противъ тѣхъ рабочихъ и мастеровъ, которые работали или вообще чѣмъ-нибудь предали во время забастовки. Почти двѣ недѣли продолжалась вывозка на тачкахъ всѣхъ, противъ кого рабочіе были враждебно настроены. Мы воспользовались этимъ общимъ возбужденнымъ настроеніемъ и на почвѣ всѣхъ событій, переживавшихся въ тотъ моментъ Россіей, и, въ частности, на почвѣ тѣхъ событій, которыя имѣли отношеніе только къ заводу, повели усиленную агитацію. За три мѣсяца намъ удалось устроить три организованныхъ массовки, на которыхъ, въ общемъ, было человѣкъ 700 — 800, и нѣсколько митинговъ въ заводѣ и около завода, на которыхъ было по 1000 и по 3000 человѣкъ. Кромѣ того, мы организовали регулярно функціонирующія летучки и т. п. Въ серединѣ мая мы устроили на островѣ массовку, на которой было около 200 чел. Послѣ рѣчей двухъ ораторовъ публика съ пѣніемъ „Марсельезы“, „Варшавянки“ и т. д. и революціонными возгласами двинулась въ село. Импровизированная демонстрація прошла очень удачно и подняла настроеніе массы. Черезъ нѣкоторое время мы устроили у воротъ завода митингъ, который тоже закончился демонстраціей. Настроеніе публики было сильно приподнятое и на 7-ое іюня мы назначили демонстрацію на музыкѣ. На условленномъ пунктѣ собралось нѣсколько сотъ человѣкъ и съ пѣніемъ и возгласами пошли по улицамъ. Толпа ежеминутно увеличивалась и къ серединѣ пути доросла до 2 — 3 тысячъ человѣкъ. Когда демонстрація кончилась и почти всѣ участники ея разошлись, на улицу высыпала различная публика, не принимавшая участія въ демонстраціи. Въ это время нагрянули конные городовые и нагайками начали избивать публику. Пострадали, главнымъ образомъ, посторонніе; изъ участниковъ демонстраціи избито всего 3-4 человѣка.

На 23 іюня мы рѣшили устроить однодневную политическую забастовку для выраженія своей солидарности съ Одесскими, Лодзинскими, Екатеринославскими и другими товарищами. Утромъ нѣсколько наиболѣе сознательныхъ отдѣленій бросили работу и пошли снимать съ работы другія отдѣленія. Но въ доменномъ и мартеновскомъ отдѣленіяхъ, гдѣ работаетъ самая темная масса, нашихъ товарищей встрѣтили валиками и кирпичами. Руководилъ этимъ начальникъ-инженеръ Семашко[1]. Нѣкоторые наиболѣе горячіе изъ товарищей не выдержали и отвѣтили тѣмъ же. Въ результатѣ съ обѣихъ сторонъ нѣсколько раненыхъ. Но къ полудню не работалъ почти весь заводъ, и мы организовали митингъ, на которомъ было около 1000 чел. Послѣ ½ часовой рѣчи оратора митингъ окончился демонстраціей, число участниковъ которой достигло 2 тыс. человѣкъ.

Въ послѣднее время, особенно послѣ политической забастовки, полиція стала организовывать черную сотню. На заводѣ распространяются антисемитскія газеты (особенно „День“). На базарѣ какія-то темныя личности ораторствуютъ о необходимости „бить поляковъ, жидовъ и демократовъ“. Къ празднику Петра и Павла (29 іюня) дѣятельно мобилизовались всѣ темныя силы реакціи. Всѣ ждали погрома. Сознательные рабочіе рѣшили дать организованный отпоръ громиламъ. Но день прошелъ спокойно. Агитація не прекратилась и ведется даже съ особенной интенсивностью. Въ послѣднее время на заводѣ пошли новыя притѣсненія. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ понизили расцѣнки. Нѣкоторыя изъ нихъ нѣсколько разъ собирались бастовать, но ждутъ пріѣзда директора. Настроеніе сильно приподнятое, какъ у сознательныхъ, такъ и у несознательныхъ. Съ одной стороны, притѣсненія администраціи и наша агитація, съ другой — агитація полиціи. На 10-е іюня ждутъ патріотической манифестаціи, которая можетъ превратиться въ погромъ.

Область нашей дѣятельности быстро расширяется. Чувствуется громадный недостатокъ въ литературѣ.

Вчера мы распространили 1000 экземпляровъ листка Искры: „Первая побѣда революціи“ (о переходѣ войскъ на сторону народа, перепечатка Екат. Ком.).

Екатеринодаръ, 13-го іюля. Началась забастовка по линіи Владикавказской желѣзной дор., организованная Кубанскимъ комитетомъ. Бастуютъ: Грозный, Минеральныя Воды, Кавказская, Тихорѣцкая, Екатеринодаръ, Новороссійскъ. Всюду распространяются прокламаціи Кубанскаго комитета.

Въ Ставрополѣ 9-го іюля была демонстрація по поводу полугодовщины январскихъ петербургскихъ событій.

Ростовъ на Дону. 16-го іюля. Третій день Кавказъ отрѣзанъ отъ всей Россіи. Въ четвергъ забастовали служащіе телеграфа, такъ что тоже телеграфное сообщеніе съ Кавказомъ прервано. Движеніе быстро распространилось по всей линіи и вчера дошло до Ростова. Забастовали служащіе желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, разбили телеграфъ на вокзалѣ. Вызваннымъ отрядомъ жандармовъ удалось „успокоить“ рабочихъ на время, причемъ было 8 раненыхъ, изъ которыхъ одинъ рабочій, не приходя въ сознаніе умеръ сегодня въ больницѣ. Требованія рабочихъ слѣдующія: увеличеніе жалованья на 25%, назначеніе квартирныхъ отъ 2 руб до 10 руб., выдача освѣщенія и отопленія, введеніе выдачи провизіонныхъ билетовъ и безплатное пользованіе баней.

Управленіе желѣзныхъ дорогъ рѣшило не удовлетворять рабочихъ, а выгнать ихъ изъ казенныхъ квартиръ. Вчера забастовали всѣ извозчики, 2-3, выѣхавшіе на работу были избиты, требуютъ, чтобы никто не имѣлъ права арестовывать ихъ лошадей и экипажей; 2) чтобы трамвай не останавливался около городского сада и работалъ всего до 9 час. вечера; 3) право ночью договариваться за полуторную ѣзду съ пассажирами въ Нахичевань; 4) отмѣна наказанія за слѣзаніе съ козелъ; 5) право получать вознагражденіе безъ суда за увѣчья въ рельсахъ трамвая; 6) вѣжливое обращеніе со стороны полиціи; 7) уплата полиціей за пользованіе извозчиками при исполненіи служебныхъ обязанностей; 8) отвѣтственность пассажировъ за оскорбленіе; 9) право свободно собираться для обсужденія своихъ нуждъ; 10) право имѣть кассу самопомощи.

Сегодня была сходка на Темерникѣ. Сейчасъ будутъ похороны убитаго рабочаго и ждутъ серьезнаго столкновенія съ войсками. Городъ принялъ совершенно военный видъ. Ѣздятъ патрули, повсюду ненавистные бѣлые мундиры и золотыя пуговицы.

Рабочіе всѣ въ красныхъ рубашкахъ. Всѣ запасаются провизіей. На завтра ждутъ всеобщей забастовки. Вчера въ городскомъ саду произошло маленькое столкновеніе съ полиціей, надо было видѣть испуганныя лица этой клики. Ничего серьезнаго не было, но поколотили двухъ городовыхъ. Затѣмъ былъ колосальный пожаръ, горѣлъ заводъ Чуриннна, черная сотня работала по карманной части. Забастовала фабрика Кушнарева. Завтра всѣ бастуютъ. Предполагается забастовка на Екатерининской желѣзной дорогѣ.

Ростовъ на Дону. 11-го іюля. Сегодня арестовали массовку въ 500 человѣкъ за городомъ въ 4 часа ночи. Въ городѣ ждутъ безпорядковъ по этому случаю. Сегодня забастовали рабочіе Владикавказской желѣзной дороги. На станціи Тихорѣцкой сожгли три паровоза, разобрали путь. Вагоны украшены красными флагами. Въ Ростовѣ послѣ завтра 12-го ждутъ всеобщей забастовки и еврейскаго погрома, провоцируемаго черной сотней.

Письмо изъ Воронежа. Жизнь вокругъ бурлитъ. Мобилизація прошла, [illegible] правда, спокойно, но это спокойствіе больше внѣшнее. Большое значе[illegible] имѣли слухи, что запасныхъ не шлютъ на войну, что миръ будетъ [illegible] заключенъ въ ближайшее время. Во многихъ мѣстахъ ублаготвор[illegible]яли угощеніями, а въ Полтавской губ. предводитель дворянства ра[illegible]здалъ участки въ аренду на неслыханно выгодныхъ условіяхъ. [illegible] Въ одномъ [illegible]родовой по селѣ, гдѣ крестьяне не хотѣли идти въ уѣздъ, гор[illegible] отставелъ ихъ. Батюшка съ крестомъ въ рукахъ убѣждалъ [illegible]ющихъ и колеблющихся. Несмотря на все это, настро[illegible] нервное. Въ Кіевѣ запасные побили ни за что околоточнаго и двухъ городовыхъ и часто отказывались отдавать честь офицерамъ. Дисциплина повсюду страшно пошатнулась. Въ Ташкентѣ вначалѣ іюня взбунтовался весь саперный ташкентскій батальонъ: въ видахъ экономіи, новый полковникъ уменьшилъ порцію мяса и лишилъ батальонъ выдачи чая и сахара (привилегія мѣстныхъ войскъ, вызванная климатическими условіями).

Батальонъ взбунтовался весь и противъ него выслали казаковъ, но такъ какъ саперы заявили, что они минировали лагери и, въ случаѣ нападенія, взорвутъ и себя и нападающихъ, то казаки отступили. Въ результатѣ полковникъ удовлетворилъ требованія батальона.

Въ Брестъ-Литовскѣ въ 119 саперномъ батальонѣ запасные не явились на строевыя ученія. Капитанъ третьей роты собралъ ихъ утромъ въ казармахъ (днемъ они разбѣгались и собрать ихъ было нельзя) и началъ имъ читать нотацію. Запасные окружили его плотнымъ кольцомъ и заявили, что если онъ ихъ отецъ, а они его дѣти, то пусть онъ имъ сперва покажетъ, какъ онъ о нихъ печется, и тогда они, съ своей стороны, видя его старанія, постараются для него. Толпа солдатъ вела капитана сажень 30 до его квартиры, якобы качая его, а въ дѣйствительности щипая и толкая. Капитанъ еле вырвался и больше не заводилъ уже рѣчи о дисциплинѣ и плохой службѣ.

Въ Елисаветградскомъ и Уманскомъ уѣздахъ во время крестьянскихъ безпорядковъ (они были, кстати, вызваны „Спілкой“), усмиряли драгуны-татаре, русскіе же колебались и многіе плакали. Пѣхота въ нѣсколькихъ мѣстахъ прямо говорила крестьянамъ: „мы въ васъ стрѣлять не будемъ“.

Солдаты необыкновенно поражены полнымъ отсутствіемъ хотя бы частнаго успѣха русскихъ войскъ. „Воевали мы съ туркой“, говорятъ они: „на что ужъ съ нимъ трудно было, а все таки, то онъ насъ побѣдитъ, то мы его, а тутъ хоть бы разъ побѣда была“, говоритъ бравый солдатъ, въ недоумѣніи разводя руками, а въ голосѣ звучитъ неподдѣльная обида. „Нѣтъ, видно, порядки у насъ плохіе“, заключаетъ онъ и затѣмъ идетъ критика, и самая безпощадная, всего строя. „Японецъ, онъ образованный, у каждаго солдата карта и компасъ, онъ лучше дѣло понимаетъ, чѣмъ нашъ офицеръ“.

Отношеніе къ „Потемкину“ самое опредѣленное — сочувствіе полное и, главное, говорятъ все откровенно, не стѣсняясь, что всякій слышитъ. Одинъ запасной унтеръ-офицеръ, *прослужившій уже годъ* и, слѣдовательно, имѣвшій время вновь втянуться въ психологію „служаки“, объяснялъ причины антисемитскихъ бунтовъ запасныхъ такъ, какъ будто онъ прочелъ „Простыя рѣчи“, а я увѣренъ, что онъ ничего подобнаго не читалъ. Однимъ словомъ, горючаго матеріала масса.

Сознаніе безправія и страстное желаніе освободиться проникаетъ рѣшительно повсюду. Такъ, въ захолустномъ мѣстѣ Новогеоргіевскѣ (Херс. губ.) жили тамъ люди смирно, молились за своего пристава (онъ былъ старый чудакъ, не бравшій взятокъ и „распустившій населеніе“). На бѣду ихъ умеръ старикъ, и новое начальство начало подтягивать населеніе. Увы! времена ужъ не тѣ. Подъ Троицу горожане устроили бунтъ и маленько помяли бока его благородію. Съ перепугу приставъ лишился разсудка и его отвезли въ психіатрическую больницу въ Москву, а населеніе — и тутъ то любопытнѣе всего отразился духъ времени — сдѣлало постановленіе, что хотятъ имѣть приставомъ помощника его, человѣка, пользующагося хорошей репутаціей. Толпа требовала, чтобы помощникъ пристава, съ своей стороны, подалъ прошеніе о назначеніи его, согласно волѣ населенія, приставомъ. Теперь въ Новогеоргіевскѣ въ отместку за бунтъ подготовляется еврейскій погромъ.

Крестьянскія волненія не перестаютъ занимать общественное вниманіе. Любопытно, какъ въ нихъ переплетается сознаніе необходимости самимъ участвовать въ рѣшеніи своей судьбы и смутное пониманіе связи своего положенія съ общегосударственной политикой и положеніемъ другихъ классовъ (кромѣ помѣщиковъ, конечно), съ другой стороны. Крестьяне прекрасно понимаютъ необходимость участія ихъ делегатовъ въ Учредительномъ Собраніи и во многихъ мѣстахъ уже назначаютъ кандидатовъ. Они въ рядѣ мѣстъ протестуютъ противъ назначенія холерныхъ врачей и вообще противъ холерной комиссіи и мотивируютъ свой протестъ слѣдующимъ образомъ — деньги вамъ платитъ кто? управа? А управа ихъ съ кого получаетъ? съ населенія. Такъ почему же насъ не спрашиваютъ, нужны ли намъ холерные врачи? Деньги то мы платимъ, а распоряжаются другіе. Въ Тамбовской губерніи, въ силу этого, холерные врачи будутъ получать не повышенный окладъ, а обычное жалованье земскихъ врачей. Сознаніе, что крестьяне делегаты будутъ рѣшать всѣ общегосударственныя дѣла, у крестьянъ совершенно отсутствуетъ (я говорю о темной массѣ). Къ рабочему движенію относятся враждебно — получаютъ по 20 руб. въ мѣсяцъ, да съ жиру и бѣсятся — это сплошь и рядомъ от[illegible] крестьянъ къ 9 января. Правда, [illegible] лучшаго разъясненія вопроса [illegible]. А разъясненія, надо сказать, начинаютъ даваться въ довольно обширныхъ (сравнительно съ прошлымъ, конечно) размѣрахъ. Даютъ и запрещенныя, даютъ и легальныя книжки. Есть люди, которые „запоемъ“ распространяютъ печатное слово. Борьба на этой почвѣ между интеллигенціей и духовенствомъ идетъ часто самая отчаянная. Консерваторы начали мобилизовать свои силы, и я считаю это весьма отраднымъ явленіемъ—въ концѣ концовъ это будитъ мысль, а тамъ она, подъ вліяніемъ событій, сама пойдетъ по правильному пути. Маленькій примѣръ изъ [illegible] губернскаго города. Составляется проектъ вѣрноподданническаго адреса. Крестьяне рѣшили, что надо вторично присягать царю, и имъ предстоитъ рѣшить, нужно ли присягать Николаю или выбрать другого. Долго судили и рядили и рѣшили, что пусть еще три года поцарствуетъ, дадимъ ему время исправиться, а потомъ можно будетъ и другого выбрать (они, между прочимъ, никакъ не могли сообразить, кого выставить кандидатомъ). Увѣренность въ томъ, что земля скоро будетъ крестьянская — самая полная. Нелегальщина пользуется успѣхомъ. Только очень часто крестьяне не понимаютъ, почему это такія разумныя мысли и требованія, какія выставляются въ бумажкахъ, связываются въ нихъ съ „нелѣпымъ“ требованіемъ „долой царя“. Одни рѣшаютъ, что это по глупости сдѣлано, а другіе задумываются, и отысканное противорѣчіе не даетъ покоя крестьянской головѣ.

Первый открытый народный митингъ въ Томскѣ.

5 іюля въ первый разъ въ г. Томскѣ, да, пожалуй, и во всей Сибири состоялся и прошелъ очень удачно *открытый* народный митингъ, устроенный мѣстнымъ соціальдемократическимъ комитетомъ при постановкѣ памятника товарищу Кононову, убитому 18 января на Томской демонстраціи. Средства для постановки памятника уже давно собирались товарищами убитаго. Мѣстный комитетъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы *перейти отъ массовокъ*, которыя онъ устраивалъ за послѣднее время почти еженедѣльно, *къ открытымъ народнымъ собраніямъ*. И 5 іюля это ему вполнѣ удалось.

За нѣсколько недѣль до митинга, комитетская типографія отпечатала листокъ группы типографщиковъ — товарищей убитаго — съ призывомъ почтить открытіе памятника народнымъ собраніемъ на могилѣ. Затѣмъ въ городскую думу были поданы заявленія отъ группы рабочихъ — товарищей убитаго, а также отъ общества томскихъ книгопечатниковъ съ требованіемъ принять всѣ зависящія отъ думы мѣры для предупрежденія вмѣшательства полиціи въ предстоящій митингъ. Мѣстная дума, однако, не внесла эти запросы на обсужденіе общаго собранія, чѣмъ доказала, что даже крайніе ея элементы могутъ возвыситься только до пустой болтовни по поводу „милостивыхъ“ словъ монарха (18 февраля).

Благодаря дѣятельной агитаціи и устройству нѣсколькихъ подготовительныхъ массовокъ, на каждой изъ которыхъ присутствовало 300 — 600 человѣкъ, городское населеніе, какъ рабочее, такъ и не рабочее, было широко оповѣщено о готовящемся собраніи. Наканунѣ, 4 іюля комитетъ выпустилъ 5000 [illegible]ыхъ листковъ съ обозначеніемъ мѣста, дня и часа (7 ч. вечера) народна[illegible] призывн[illegible]аго собранія. [illegible] часу на кладбище потянулась масса разно[illegible]

Къ назначенному [illegible]образная толпа — по общимъ отзывамъ характернаго народа. Гро[illegible]ловѣкъ, окружила могилу нашего — не меньше какъ въ 2000 чел[illegible]вшійся хоръ исполнилъ из[illegible] товарища. Вначалѣ, прекрасно сы[illegible]ей“... Затѣмъ товарищъ-предсѣдатель открылъ собраніе. Пер[illegible] рабочій изъ организаціи Томскаго Комитета и прочелъ [illegible] біографію товарища Кононова. Послѣ него сказалъ [illegible]торъ отъ комитета. Хоръ исполнилъ: „Смѣло, друзья, [illegible]ряйте“. Позже выступали ораторы отъ учащихся, отъ ор[illegible]заціи желѣзнодорожныхъ служащихъ и отъ имени революціоннаго студенчества. Въ перерывѣ было пропѣто: „Дружно, [illegible]рищи, въ ногу.“

На могилу было возложено 15 вѣнковъ: 1) „Товарищу — борцу за освобожденіе рабочаго класса. — Томскъ. Комитетъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи“. 2) „Не говори: онъ умеръ, онъ живетъ... І. Е, Кононову отъ общества книгопечатниковъ“. 3) „Слава борцу, павшему за свободу! Дорогому Іосифу отъ товарищей книгопечатниковъ“. 4) „Жертвѣ самодержавнаго произвола, отъ группы рабочихъ депо станціи Томскъ“. 5) „Борцу за рабочее дѣло І. Е. Кононову отъ группы рабочихъ депо ст. Тайга“. 6) „Товарищу — борцу за свободу І. Е. Кононову, отъ томскихъ рабочихъ“. 7) „Борцу свободы І. Е. Кононову отъ работницъ г. Томска“. 8) „Рабочему-борцу, павшему за свободу, отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ“. 9) „Отважному борцу за свободу І. Е. Кононову, отъ группы добровольцевъ пожарныхъ“. 10) „Борцу за свободу, павшему жертвой произвола 18 января 1905 г., отъ товарищей фармацевтовъ“. 11) „Отъ учащихся“. 12) „Отъ революціоннаго студенчества“. 13) „Отъ столяровъ г. Томска“. 14) „Отъ врачей“ и 15) изъ живыхъ цвѣтовъ, неизвѣстно отъ кого. Всѣ вѣнки были съ красными лентами, кромѣ одного — отъ общества книгопечатниковъ съ траурной лентой.

Въ концѣ собранія было поднято огромное красное знамя съ надписью: „Да здравствуетъ Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія! — то самое знамя, которое было на демонстраціи 18 января. Всѣми присутствующими торжественно была пропѣта рабочая марсельеза.

Во время митинга была разбросана масса прокламацій Томск. Ком. двухъ родовъ: „Къ рабочимъ Сиб. и Забайкальской дорогъ“ и „Надъ могилой“.

Полиція не вмѣшивалась. И только, когда расходившаяся публика заполнила прилегающія къ кладбищу улицы, мимо нея продефилировали сотня казаковъ, полиціймейстеръ и много полицейскихъ, причемъ вся эта компанія удостоилась въ догонку отъ расходившагося народа, оглушительныхъ свистковъ. Впечатлѣніе, произведенное какъ на присутствующихъ, такъ и на весь городъ, огромное.

Томскъ. Наканунѣ митинга началась стачка типографіи Яковлева. 8-го іюля была за городомъ устроена массовка, которая была отчасти посвящена этой забастовкѣ. На массовкѣ присутствовало отъ 600 до 700 человѣкъ. Пришли забастовавшія въ этотъ же день работницы изъ монополіи. На массовкѣ говорили о первомъ открытомъ народномъ митингѣ, о значеніи открытаго выступленія, о связи между экономической и политической борьбой и о хожденіи либераловъ къ царю. Право на загородныя собранія нами завоевано.

9-го было собраніе забастовавшихъ типографщиковъ совмѣстно съ забастовщиками изъ монополіи. Бастующіе типографщики разослали всѣмъ прочимъ типографіямъ приглашеніе поддержать ихъ забастовкой. Комитетъ предлагаетъ забастовщикамъ, выставивъ свои требованія, взять на себя иниціативу устройства политическаго митинга, какъ лучшаго средства привлечь общее сочувствіе и побудить администрацію воздѣйствовать на хозяевъ.

Сегодня, 11-го іюля, стачка разрослась почти во всеобщую. Газеты сегодня не вышли. Полиція почему то приказала закрыть магазины, что вызвало панику. Черезъ часъ-два нѣкоторые закрытые магазины снова начали отпираться. Ежедневно комитетъ устраиваетъ большія массовки.

Рабочіе подаютъ заявленіе въ думу и губернатору съ требованіемъ свободы собраній.

Красноярскъ. 31 мая здѣсь произошла демонстрація. [illegible] шествовало засѣданіе общества врачей въ народ[illegible] Публики (рабочихъ и интеллигентовъ) было около [illegible] Мѣстными радикалами былъ произнесенъ рядъ р[illegible] [illegible]товскій говорилъ: о „союзахъ и партіяхъ, Мон[illegible] рательномъ правѣ и Карауловъ „Учредитель[illegible]

[illegible]лѣхъ
[illegible]ѣтъ, что
[illegible]низаціон-
Наша же
[illegible]учаѣ крайне
[illegible]теля и руково-
ор[illegible]анизаціонны
[illegible]ри полномъ успѣхѣ
[illegible]ся въ революціон
а несо-

---

[1] Этотъже Семашко, какъ только сознательныя отдѣленія начинаютъ волноваться и готовиться къ революціоннымъ актамъ, натравливаетъ темную публику и проповѣдуетъ ей о необходимости избіенія всѣхъ „жидовъ и демократовъ“.

его добиться". Это былъ, собственно говоря, митингъ радикаловъ, который долженъ былъ пройти по опредѣленной программѣ, и списокъ ораторовъ былъ заранѣе установленъ. Послѣ послѣдней рѣчи предсѣдатель—докторъ Крутовскій—объявилъ засѣданіе закрытымъ. Тогда выступилъ съ рѣчью соц.-дем., говорившій на тему о народномъ возстаніи. По окончаніи его рѣчи были распространены листки Сиб. союза Р. С. Д. Р. П.—„Коммиссія Булыгина" и раздалось пѣніе „Варшавянки". Спѣвши нѣсколько революціонныхъ пѣсенъ, вся масса двинулась на улицу, гдѣ и были выкинуты знамена и всѣ двинулись съ пѣніемъ по главной улицѣ. Демонстранты, прошедши четыре квартала, остановились, чтобы слушать рѣчь, но въ это время раздалось нѣсколько выстрѣловъ (стрѣлялъ одинъ изъ демонстрантовъ въ воздухъ!), произведшихъ замѣшательство въ толпѣ (часть даже съ криками: „казаки!" бросилась въ разсыпную) и панику въ рядахъ полиціи. До этого момента полиція, заранѣе обезоруженная губернаторомъ, была, что называется, въ растерянномъ состояніи, и, недоумѣвая, что дѣлать, оглядывала демонстрантовъ; послѣ же выстрѣловъ во главѣ съ полиціймейстеромъ бросилась бѣжать. Демонстрація продолжалась еще съ четверть часа, а затѣмъ публика спокойно разошлась. Эта—первая въ Красноярскѣ—демонстрація произвела огромное впечатлѣніе на обывателей и внесла весьма большое оживленіе въ ряды рабочихъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Протоколъ совѣщанія 12-го іюля между представителями Организац. Ком. и Центральнаго Ком. Р. С. Д. Р. П.

Представитель Организ. Ком. заявилъ, что обсужденіе резолюцій 1-ой общерусской конференціи произошло уже въ значительной части организацій, связанныхъ съ Орган. Ком., и что настроеніе этой части по вопросу о партійномъ объединеніи выразилось при этомъ достаточно опредѣленно и оказалось достаточно однороднымъ, чтобы возможно было подвести ему приблизительные итоги. Сущность этихъ итоговъ сводится къ слѣдующему:

1) Между обѣими частями Рос. Соц. Дем. Раб. Парт. въ гораздо большей мѣрѣ желательно прямое и полное объединеніе, чѣмъ частичныя соглашенія, практическое осуществленіе которыхъ встрѣчаетъ значительныя затрудненія въ фактѣ существованія обособленныхъ организаціонныхъ аппаратовъ.

2) Объединеніе это не можетъ быть въ ближайшемъ будущемъ достигнуто посредствомъ общаго съѣзда, такъ какъ организовать такой съѣздъ не представляется возможнымъ по причинамъ практическаго характера (принципіально же рѣшеніе вопросовъ партійной жизни посредствомъ съѣздовъ признается, конечно, возможнымъ.)

3) Такимъ образомъ, объединеніе должно быть достигнуто безъ съѣзда, путемъ достаточныхъ взаимныхъ уступокъ обѣихъ частей партіи.

4) Тотъ минимумъ уступокъ, который, по мнѣнію большинства успѣвшихъ высказаться организацій, обусловилъ бы возможность немедленнаго объединенія, лежитъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ организаціонныхъ отношеній, такъ какъ тактическія резолюціи „третьяго съѣзда", при всѣхъ различіяхъ съ постановленіями конференціи, камня преткновенія въ этомъ смыслѣ не представляютъ.

5) Этотъ минимумъ сводится къ слѣдующимъ *обязательнымъ* реформамъ:

а) Для усиленія вліянія периферіи на партійныя дѣла, во всѣхъ мѣстныхъ организаціяхъ районнымъ комитетамъ долженъ быть данъ рѣшающій голосъ по вопросамъ общей политики этихъ мѣстныхъ организацій.

б) [illegible] той же цѣлью всѣмъ организованнымъ рабочимъ [illegible] быть дано право рѣшающаго голоса по отношенію ко [illegible] случаямъ массового выступленія. Въ этихъ случаяхъ постановленіе большинства организованныхъ рабочихъ обязательно [illegible] комитетовъ.

в) Для болѣе полнаго проявленія коллективной воли партіи въ промежуткахъ между съѣздами должны организовываться „центральныя конференціи" изъ представителей областныхъ комитетовъ или, пока это не осуществимо, изъ представителей отъ важнѣйшихъ мѣстныхъ комитетовъ и группъ комитетовъ. Директивами этихъ центральныхъ конференцій обязанъ руководиться Центральный Комитетъ по отношенію къ общему плану важнѣйшихъ политическихъ кампаній.

г) Центральный Комитетъ включаетъ въ свой составъ представителей обѣихъ частей партіи.

д) Въ случаѣ объединенія обѣихъ частей партіи, органы „Искра" и „Пролетарій" должны оба функціонировать въ качествѣ оффиціальныхъ органовъ партіи, свободныхъ въ защитѣ той или иной тактической позиціи. Заголовокъ „Ц. О." либо [illegible] за обоими органами, либо снимается съ того и другого.

На ос[illegible] этихъ минимальныхъ требованій, заявилъ представитель О. [illegible] —уже многія организаціи, примыкающія къ первой конференціи, уполномочили О. К. вести предварительные переговоры объ объединеніи, чѣмъ отнюдь не исключаются одновременные переговоры о конкретныхъ тактическихъ и техническихъ соглашеніяхъ.

Обсудивши заявленія представителя О. К., Центр. Ком. постановилъ отвѣтить на нихъ слѣдующее:

(Примѣчаніе. Пунктъ д. отложенъ обсужденіемъ до слѣдующаго совѣщанія въ виду желательности предварительно снестись по этому вопросу съ редакціями обоихъ органовъ).

Ни одинъ изъ 4—хъ пунктовъ минимальныхъ условій объединенія, изложенныхъ представителемъ О. К., не стоитъ въ *принципіальномъ* противорѣчіи съ основами организаціоннаго устава, выработаннаго третьимъ съѣздомъ; къ сожалѣнію, не всѣ эти условія осуществимы въ той мѣрѣ, въ какой они желательны.

Расширеніе вліянія периферіи желательно въ высшей степени, и предоставленіе рѣшающаго голоса районнымъ комитетамъ, а особенно всѣмъ организованнымъ рабочимъ, согласно пунктамъ а и б, можно только горячо привѣтствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по мѣстнымъ условіямъ это окажется безъ серьезнаго ущерба практически осуществимо. Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ это является только невыполнимымъ желаніемъ. Навязывать же эти реформы мѣстнымъ организаціямъ, которыя нашли бы неудобнымъ ввести ихъ, Ц. К. считаетъ себя, кромѣ того, рѣшительно не вправѣ, такъ какъ это противорѣчило бы той автономіи, которую съѣзды гарантировали мѣстнымъ организаціямъ въ ихъ внутреннемъ устройствѣ.

Центр. Ком. находитъ, что его работа была бы значительно облегчена, еслибъ онъ могъ получать тактическія директивы отъ Центральныхъ Конференцій, о которыхъ говорится въ пунктѣ в. Но онъ полагаетъ, что организація представительства партіи въ этихъ конференціяхъ встрѣчаетъ громадныя трудности—по существу, тѣ же самыя, какія встрѣчаетъ организація партійныхъ съѣздовъ. Если со стороны технической и конспиративной трудности въ этомъ случаѣ меньше, то онѣ еще больше со стороны вопроса о правильности представительства различныхъ организацій и группъ организацій: трудность избрать общаго представителя отъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ организацій, разногласія по вопросу о томъ, какія организаціи достаточно значительны, чтобы имѣть своихъ отдѣльныхъ представителей, и т. п. Не считая, поэтому, возможнымъ брать на себя обязательство иниціативы по созыву [illegible] конференцій, Центр. Ком. оказалъ бы, однако, возможное содѣйствіе всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи со стороны [illegible] партійныхъ организацій.

[illegible] пункта г., то по существу онъ вполнѣ пріемлемъ, [illegible] къ конкретному соглашенію обѣихъ сторонъ.

И [illegible]. Мы думаемъ, что условія, выставленныя Организаціонной Коммиссіей, представляются необходимыми для обез[illegible] соглашенія. Совмѣстная работа представителей [illegible] до сихъ поръ жившихъ обособленной организаціонной жизнью, будетъ немыслима, если она не будетъ опираться на большую самостоятельность въ партійныхъ дѣлахъ нашей рабочей периферіи, если организаціонный фундаментъ партійной работы не станетъ шире. Очень жаль, поэтому, что на вопросъ объ этихъ именно гарантіяхъ прочности Ц. К. пока далъ черезчуръ уклончивый отвѣтъ, едва ли совпадающій съ мнѣніемъ всей той массы „большевиковъ", которая и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Одессѣ, и въ Екатеринославѣ, и на съѣздахъ заграничныхъ группъ содѣйствія, одинаково требуетъ объединенія. Эта масса, большей частью, „периферійныхъ" работниковъ, которая сама поставила на очередь вопросъ о немедленномъ объединеніи, едва ли согласится съ той мыслью, что въ большинствѣ случаевъ предоставленіе „периферіи" рѣшающаго голоса въ партійныхъ дѣлахъ „невозможно." Напротивъ того, стоя передъ фактомъ ожесточенныхъ раздоровъ между верхушками обѣихъ фракцій, периферія пришла уже къ сознанію, что только черезъ *ея* посредство организаціонныя „тренія" могутъ достигнуть необходимой степени смягченія.

„Меньшинство", если не желаетъ повторять печальнаго опыта прошлогодняго соглашенія съ тогдашнимъ Ц. К., обязано добиваться прежде всего *этой* гарантіи прочнаго мира. Разъ эта гарантія будетъ имѣться, то такіе вопросы, какъ вопросъ о составленіи партійнаго центра изъ представителей обѣихъ фракцій рѣшится самъ собой, и его не придется оговаривать, какъ особое условіе. Какъ многократно указывалось на нашей конференціи, всѣ вопросы о личныхъ комбинаціяхъ, будучи вводимы, какъ самостоятельное условіе соглашенія, представляютъ то неудобство, что даютъ неумнымъ людямъ поводъ сводить весь споръ къ вопросу о „кооптаціи" и „портфеляхъ" и съ спокойной совѣстью уклоняться отъ существа спорнаго вопроса.

№ уже былъ сверстанъ, когда мы прочли въ № 11 „Пролетарія" „Открытое письмо къ Орг. Ком.", подписанное Ц. К. Къ этому письму мы еще вернемся.

КОНФЕРЕНЦІЯ СИБИРСКИХЪ ОРГАНИЗАЦІЙ

Намъ пишутъ: въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялась конференція сибирскихъ соціальдемократическихъ работниковъ. Присутствовало болѣе 30 человѣкъ, изъ нихъ около ⅓ рабочіе. Продолжалась 7 дней.

Пока сообщаю только наиболѣе важныя резолюціи.

Резолюція о III съѣздѣ.

Выслушавъ докладъ своего делегата, отказавшагося принять участіе въ такъ называемомъ III съѣздѣ послѣ того, какъ имъ были узнаны всѣ обстоятельства созыва этого съѣзда, и выслушавъ доводы, направленные *за* и *противъ* этого съѣзда, общесибирская конференція не можетъ признать такъ называемаго III съѣзда *партійнымъ* съѣздомъ и считаетъ его съѣздомъ одной части партіи.

Исходя изъ такого отношенія къ съѣзду, конференція предлагаетъ сибирскимъ комитетамъ встать по отношенію какъ къ той, такъ и къ другой *части* Партіи въ одинаково *необязательныя* отношенія (за — 16 голосовъ, противъ — 3, воздержалось — 7).

Резолюція о проектѣ общерусской организаціи предложенномъ конференціей партійныхъ работниковъ для объединенія Партіи.

Исходя изъ того: 1) что III съѣздъ ни съ точки зрѣнія формальной, ни тѣмъ болѣе по существу — не можетъ быть признанъ *партійнымъ* съѣздомъ, 2) что планъ общерусской организаціи, предложенный конференціей съ цѣлью подготовки партійнаго единства и *партійнаго* съѣзда для оформленія уже достигнутаго объединенія, не противорѣчитъ взглядамъ на организаціонную работу, раздѣляемымъ нами, а является въ данный моментъ партійной и политической жизни наиболѣе практическимъ, исходя изъ всего этого, конференція высказывается *въ общемъ за него*, оставляя за собой право вносить коренныя измѣненія и дополненія въ этотъ проектъ на предстоящей общерусской конференціи (за — 14 голосовъ, противъ — 4, воздержалось — 8).

Резолюція о 1-й общерусской конференціи внутри Россіи, подготовляемой Организаціонной Коммисіей.

Признавая огромное значеніе въ дѣлѣ объединенія Партіи за устройствомъ областныхъ и общерусскихъ конференцій, конференція Сибирскаго Союза выражаетъ пожеланіе, чтобы работы особенно первой конференціи, въ которой мы готовы принять участіе — главнымъ образомъ были направлены на рѣшеніе вопросовъ партійнаго объединенія.

Кромѣ того, общесибирская конференція самымъ рѣшительнымъ образомъ предъявляетъ требованіе къ Организаціонной Коммиссіи въ томъ смыслѣ, чтобы ею были испробованы всѣ зависящія отъ нея мѣры и средства для привлеченія къ участію въ предстоящей общерусской конференціи какъ центральныхъ учрежденій другой части Партіи, такъ и мѣстныхъ организацій, примыкающихъ къ III съѣзду (за — 19, противъ — 3, воздержалось — 4).

Резолюція о періодическихъ органахъ.

Ознакомившись съ резолюціями „съѣзда" о Центральномъ Органѣ и о „Впередъ", конференція сибирскихъ работниковъ не опредѣляя своего отношенія ни къ „Искрѣ" ни къ „Впередъ", въ то же время не можетъ признать ни „Искры", ни „Пролетарія", созданнаго „III съѣздомъ", центральнымъ органомъ Партіи, хотя бы потому, что въ настоящее время единой партійной организаціи не существуетъ (за — 19, противъ — 2, воздержалось — 6).

При параллельномъ разсматриваніи резолюцій съѣзда и конференціи, сибирская конференція примкнула къ большинству резолюцій конференціи партійныхъ работниковъ, за исключеніемъ резолюціи „о неоформленныхъ организаціяхъ", которая признана неясной, требующей разъясненія и противорѣчивой. Разногласія, особенно по нѣкоторымъ изъ резолюцій, хотя и признаны весьма существенными, но все же не таковыми, которыя могли бы оправдать расколъ.

Вопросъ объ отношеніи къ либераламъ и вопросъ о профессіональной борьбѣ возбудилъ особенно много дебатовъ. Однако за резолюцію конференціи о либералахъ подано 17 голосовъ, противъ — 5, воздержалось — 9. О профессіональной борьбѣ: за — 24, противъ — 2, воздержался 1. Послѣ разсмотрѣнія параллельныхъ резолюцій о вооруженномъ возстаніи и временномъ правительствѣ приняты слѣдующія резолюціи:

1. Признавая разногласія по вопросу о вооруженномъ возстаніи *существенными* и *глубокими*, общесибирская конференція тѣмъ не менѣе не находитъ ихъ достаточными для раздѣленія Партіи на двѣ фракціи (принята 29 голосами при одномъ воздержавшемся). Разсмотрѣвъ резолюцію съѣзда о вооруженномъ возстаніи и резолюцію конференціи о томъ же, вмѣстѣ съ проектомъ резолюціи конференціи о вооруженіи — общесибирская конференція, *не раздѣляя* резолюціи съѣзда, присоединяется къ резолюціи и проекту конференціи (28 гол. — за, 1 — воздержался и одинъ только за проектъ отдѣльно).

2. Полагая, что вопросъ о Временномъ Правительствѣ является не столь существеннымъ для практической работы *ближайшаго времени* и пріобрѣтетъ важное значеніе лишь съ момента окончательной побѣды революціи, общесибирская конференція, хотя и находитъ разногласія въ параллельныхъ резолюціяхъ съѣзда и конференціи *важными* и *глубокими*, не считаетъ ихъ, однако, достаточнымъ основаніемъ для оправданія раскола въ Партіи (за — 28, при 2 воздержавшихся). Затѣмъ, сибирская конференція 25 голосами, при 5 воздержавшихся присоединилась къ резолюціи конференціи партійныхъ работниковъ по вопросу о Временномъ Правительствѣ.

Цѣлый рядъ другихъ резолюцій сообщу въ слѣдующій разъ.

Резолюція, принятая Рыбинской Группой.

1. Съѣздъ, созванный Б. К. В. и Ц. К., не можетъ быть названъ партійнымъ, и, какъ таковой, имѣть для всѣхъ членовъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи обязательную силу и власть. По существу объединивъ въ себѣ представителей такъ наз. большевистскаго направленія нашей партіи, съѣздъ тѣмъ самымъ обратился въ конференцію сторонниковъ этого направленія и, слѣдовательно, не могъ присвоить себѣ всю совокупность опыта, познанія и воли. Формально созванный съ явнымъ нарушеніемъ Устава партіи безъ гарантій правильнаго и полнаго представительства, съѣздъ тѣмъ самымъ лишался даже формальнаго основанія для общеобязательности своихъ рѣшеній.

2. Признавая въ настоящее время крайнюю необходимость объединенія всѣхъ партійныхъ силъ, но, вынужденные, вслѣдствіе закрѣпленія съѣздомъ „большинства" раскола въ нашей партіи, ясно опредѣлить свое отношеніе къ обнаружившимся 2-мъ основнымъ теченіямъ въ партіи — Рыбинская Группа, большинствомъ голосовъ при одномъ воздержавшемся, постановила присоединиться къ тому направленію, которое выразило свое довѣріе „Искрѣ". Рѣшеніе свое о присоединеніи къ меньшинству Группа вынесла, руководясь тѣмъ, что, по ея мнѣнію, направленіе меньшинства по своимъ тактическимъ и организаціоннымъ взглядамъ больше, чѣмъ теченіе большинства, соотвѣтствуетъ интересамъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, какъ партіи борющагося пролетаріата въ настоящій моментъ паденія самодержавнаго строя. Имѣя въ виду всю важность тѣхъ практическихъ слѣдствій, какія вытекали для Рыбинской организаціи отъ того или иного рѣшенія вставшихъ вопросовъ, Рыбинская Группа, состоявшая при Сѣверномъ Комитетѣ, организовала два собранія всѣхъ мѣстныхъ членовъ партіи, работающихъ подъ руководствомъ Группы. На первомъ собраніи, посвященномъ вопросу о сущности партійныхъ разногласій и о партійности съѣзда большинства, всѣ присутствовавшіе, за исключеніемъ одного, голосовавшаго противъ, не признали съѣздъ партійнымъ. На второмъ собраніи были разсмотрѣны резолюціи съѣзда большинства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, группа предложила на обсужденіе 2 свои вышеприведенныя резолюціи. Собраніе, большинствомъ голосовъ противъ 1 при 3 воздержавшихся, приняло обѣ резолюціи, выразивъ Рыбинской Группѣ свое довѣріе.

Поправка: Въ передовой статьѣ № 106 „Искры" была два раза упомянута ст. „Къ современному положенію", причемъ оба раза по ошибкѣ былъ указанъ № 103 „Искры", а не № 101, какъ слѣдовало бы.

Вышли изданія: Одесской Группы: 1) „Съ народомъ, солдаты!" (листокъ „Искры" — измѣнено заглавіе — въ 4000 экземпл.); 2) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (объ іюльскихъ дняхъ — 10.000); 3) Рабочій и солдатъ (8000); 4) Ко всѣмъ гражданамъ (объ истязаніяхъ въ участкахъ — 5000); 5) Отчетъ Группы за май и іюнь (печ.); 6) Самодержавіе на военномъ положеніи (8000 экземпл.). **Тифлисскаго Комитета:** Заявленіе меньшинства или III съѣздъ съ послѣсловіемъ (печ.). **Томскаго Комитета:** 1) Надъ могилой (по поводу постановки памятника на могилѣ Кононова); 2) Всеобщая стачка жел.-дор. рабочихъ (3000 экз.); 3) По поводу стачки печатниковъ (3500 экз.); 4) отчетъ за іюль; 5) Призывъ на демонстрацію; 6) Резолюція служащихъ управ. фельдш.; 7) Къ гражданамъ (всѣ — печатн.). **Иркутскаго Ком.:** „Летучій листокъ" (№№ 3 и 4). **Сибирскаго Союза:** „Съ кѣмъ идти крестьянамъ?" (перепеч. изъ „Соц.-дем."). **Юзовской группы Донецкаго Ком.:** „Товарищи, кровавое зарево охватило.." (печ. — 2500 экз.). **Маріупольск. гр. Донецк. Ком.:** 1) „Къ рабочимъ и ремесленникамъ Маріуполя" (печ. — 2000); 2) Къ рабочимъ трубопрокатн. и мартенов. цеховъ Никоп.-Маріупольск. завода (гект. — 100); 3) Къ рабочимъ зав. Сойферъ (гект.). **Горловск. гр.:** Требованія стачечниковъ. **Донского Ком.:** 1) Отчетъ за май (гект.); 2) „Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право" (8000 экз.). **Варшавск. Ком. Военно-Революц. организаціи:** 1) Къ обществу (печ. — 1000); 2) „Подымайтесь, солдаты!" (листокъ „Искры", печ. — 10.000); 3) Къ солдатамъ, отправляемымъ на войну (2000 экз.). **Смоленскимъ Комитетомъ:** „Подымайтесь, солдаты!" (10.000). **Нижегородск. гр.:** 1) О погромѣ 9 іюля (гектогр.); 2) Ложь губернатора Унтербергера (миміогр.). **Сормовск. рабоч. организаціи:** 9 іюля (1000); **Нижегородск. Ком.:** „Они столковались" (листокъ Ц. К. — 6000). **Кубанск. Ком.** Ко всѣмъ рабочимъ и служащимъ Владикавк. маст. (призывъ къ всеобщ. стачкѣ — 5000). **Путивльской группы соц.-дем.:** „Къ жителямъ Путивльскаго уѣзда" (по поводу увольненія реакціоннымъ земствомъ либеральныхъ врачей — гектогр.). **Объединенной организаціи соц.-дем. комитетовъ въ Николаевѣ:** О голодовкѣ въ тюрьмѣ (гект.). **Кіевск. Ком.:** „Къ юбилею мастера Ганса" (гект., отъ заводск. района). **Крымск. Союза:** 1) „Солдатская памятка" (2-е изданіе — 14.000); 2) „Султанъ всероссійскій" (лист. „И." — 5000). **Севастопольск. организаціи:** „Матросская памятка" (4000). **Керченск. организаціи:** По поводу демонстраціи въ думѣ (200 экз.). **Елизаветград. Ком.:** „Султанъ всероссійскій" (печ.)

Донскимъ Комитетомъ въ теченіе мая издано: 1) Къ рабочимъ Владикавказскихъ мастерск. (2000). 2) Ко всѣмъ рабочимъ (8000); 3) Къ рабочимъ и работницамъ (8000); 4) Къ гражданамъ (8000); 5) Солдатская памятка (5000); 6) Ко всѣмъ рабочимъ (6000); 7) Къ рабочимъ и работницамъ фабр. Асмолова (300); 8) Пораженіе самодержавія (9000); 9) Революція Ростовск. рабочихъ о войнѣ (6000); 10) Резолюція рабочихъ о милиціи (6000); 11) „Оружіе народу!" (9000); 12) „Женская доля" (листовка „Искры" — 3800). Итого — 68.100 экз.

Общее количество вновь зарегистрированныхъ здѣсь листковъ (приблизительно): 190.000 экз.

Изъ отчетовъ комитетовъ: Донск. Ком.: Приходъ за май 787 р. 94 к., расходъ: 939 р. 61 к. (въ томъ числѣ: техника 266 р., литература 100 р., содерж. партійн. работниковъ 119 р., передвиженіе 124 р. 84 к.). **Одесской Гр. за май и іюнь:** приходъ: 4702 р. 25 к., расходъ 4259 р. 25 к. (въ томъ числѣ на оружіе 906+98 р., типогр. и др. техн. расходы 803 р. 75 к., литерат. 480 р., стачечникамъ 813 р. 60 к., безработнымъ 87 р. 80 к. отъѣзжающимъ и проѣзжающимъ товарищамъ 182 р. 60 к., Организац. Коммиссіи 120 р.)

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ.

Бѣжалъ и прибылъ заграницу изъ Олонецк. губ. **Ч. Петрашкевичъ** (дѣло загр. организац. Искры). Бѣжалъ изъ Якутской области **Вайнштейнъ** (по дѣлу трансп. Искры 1902 г.). Изъ Иркутской тюрьмы бѣжала **Ревекка Рубинчикъ**, по „Романовскому" дѣлу (была пригов. къ 12 гг. каторги). Изъ Олекминска бѣжала **Красинская** (осужд. по дѣлу Южной Группы, въ Одессѣ, въ 1903 г.). **Витебскъ.** Арестована 17 лѣтняя дѣвушка Маня Менцъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Хохлу. Не вполнѣ поняли ваше письмо. Но что могли, отвѣтили. **Чайкѣ.** Въ письмѣ Зигфрида разобрали только явку; очень плоха химія. Повторите всѣ адреса. **Газу.** Искру выслали по всѣмъ адресамъ. **Бельгійцу.** Пришлите адресъ для непосредственныхъ сношеній. **Агафону.** Пишемъ часто, пришлите еще одинъ адресъ. **Нордбергу.** Краткое письмо получено, почему нѣтъ подробностей? **Уралѣ.** Открытку получили. Ждемъ новыхъ адресовъ. [illegible]торъ въ резервѣ" и „Пропагандисту". Не пойдетъ.

Тип. [illegible] Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 108. 13-го іюля 1905 г. Годъ V

"НАКАНУНѢ ЛИКВИДАЦІИ".

Оно родилось, наконецъ, на свѣтъ, столь долго жданное дѣтище Булыгинскаго „совѣщанія"! Въ промежуткѣ между двумя послѣдовательными черносотенными погромами, черезъ день послѣ военнаго суда въ Вильнѣ и наканунѣ военнаго суда въ Тифлисѣ, — выползъ на свѣтъ этотъ нелѣпый плодъ бюрократическаго „творчества".

Надо признаться откровенно: царизмъ проявилъ геніальныя способности въ изобрѣтеніи такой организаціи общественнаго представительства, которая была бы совершенно лишена всякой даже тѣни конституціоннаго характера. Можно подивиться той утонченно-азіатской хитрости, съ которой каждое предоставленное будущей Думѣ „право" сводится на нѣтъ той „обстановочкой", которая для использованія этого „права" создается. Дума имѣетъ право обсуждать всѣ законы, но... для окончанія этого обсужденія можетъ быть назначенъ правительствомъ срокъ, послѣ котораго обсужденіе, хотя бы и не законченное, прекращается. Дума имѣетъ право „обсуждать" бюджетъ, но... она не можетъ имѣть ровно никакого вліянія на составленіе этого „бюджета", не можетъ отказывать правительству въ кредитахъ, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что именно обсужденіе бюджета будетъ всегда казаться царскому правительству чрезмѣрно „затянувшимся" и именно къ нему будетъ регулярно примѣняться та „срочная" гильотина, которую оставляетъ въ своихъ рукахъ самодержецъ. Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, но.. великіе и малые визири могутъ отвѣчать на эти вопросы черезъ мѣсяцъ (!), а — съ соизволенія падишаха — могутъ и совсѣмъ не отвѣчать. Дума имѣетъ право контролировать дѣятельность администраціи и можетъ дѣлать замѣчанія по поводу этой дѣятельности но... она обязана каждый разъ указать, какой именно законъ въ данномъ случаѣ нарушенъ, т. е. лишена возможности критиковать ту практику административнаго произвола, которая въ Россіи представляетъ беззаконіе, воплощенное въ форму законовъ, предоставляющихъ административной власти полный просторъ. Дума обсуждаетъ всѣ законы, но... она лишена права касаться „основныхъ законовъ Россійской Имперіи", т. е. именно тѣхъ законовъ, которые въ первую голову должны встать на очередь передъ всякимъ представительнымъ собраніемъ.

Таковъ очерченный положеніемъ кругъ вѣдѣнія Государственной Думы. Кратко выразить его можно безъ всякихъ преувеличеній въ нѣсколькихъ словахъ: Государственная Дума даетъ свои заключенія по тѣмъ вопросамъ, которые его величеству будетъ благоугодно предоставить на ея обсужденіе.

Вотъ и все. Подъ названіемъ Государственной Думы правительство пытается создать одну изъ тѣхъ комиссій „свѣдущихъ" людей, какія уже неоднократно собирались въ самыя реакціонныя минуты исторіи самодержавія.

Подобно такимъ коммиссіямъ, „дума" будетъ собираться келейно: публика не будетъ допускаться. Отчеты о преніяхъ въ Думѣ должны провѣряться не ею самой, а ея предсѣдателемъ. Вопросъ о закрытіи засѣданія для представителей печати также будетъ рѣшаться не думой, а тѣмъ же предсѣдателемъ. Члены Думы пользуются „полной свободой слова"... но они предаются Сенатомъ (а не самимъ собраніемъ представителей) суду за „преступленія", совершенныя ими при исполненіи ихъ служебныхъ, то бишь, общественныхъ обязанностей (напримѣръ, какъ остроумно предположила одна нѣмецкая газета, за „оскор[illegible]іе" министра выраженіемъ ему непочтенія при провѣркѣ его дѣйствій).

Члены Думы будутъ числиться „народными представителями". Какой „народъ" они будутъ представлять — объ этомъ „положеніе" стыдливо умалчиваетъ, предоставляя дать отвѣтъ на этотъ вопросъ особому избирательному регламенту. Что это будетъ „народъ" сословно-цензовый, не составляло ни для кого тайны съ того момента, какъ Булыгинъ началъ работы въ своей лабораторіи. Что сословія допущенныя къ участію въ выборахъ, будутъ представлены крайне неравномѣрно; что крестьянство будетъ поставлять ничтожную долю всего числа депутатовъ — это всегда само собой разумѣлось. Но чего никто не ожидалъ — это заявленія „манифеста", что, съ божьей помощью, къ январю 1906 года можно будетъ произвести выборы по 50 коренныхъ губерніямъ и что избирательныя права Польши, Кавказа, Сибири, Туркестана и Степного края будутъ еще выработаны особой комиссіей. Очевидно, всей изобрѣтательности нашихъ государственныхъ мужей не хватило на то, чтобы придумать „безопасную" для самодержавія форму фальсификаціи общественнаго мнѣнія тѣхъ областей, въ которыхъ, какъ въ Польшѣ и Кавказѣ, царитъ открытое возстаніе.

Посмотримъ теперь, *какъ* будетъ представлять свой сословно-цеховой „народъ" Булыгинская дума?

Трехъ и двухстепенные выборы, сами по себѣ, являются средствомъ сдѣлать представителя независимымъ отъ избирателей. Но царизмъ не можетъ удовлетвориться этимъ средствомъ. Насмѣхаясь надъ самыми элементарными политическими приличіями, онъ, одновременно, съ „дарованіемъ" Булыгинской „конституціи" *беретъ назадъ* данное имъ 18 февраля этого года „разрѣшеніе" обсуждать „предначертанія объ усовершенствованіи законовъ", тѣмъ самымъ дѣлая невозможной *легальную* избирательную агитацію, а, слѣдовательно и фактическое осуществленіе права на представительство. Московскій генералъ-губернаторъ, отецъ фактическаго автора царской „конституціи", такъ и заявилъ земцамъ, что отнынѣ обсужденіе политическихъ вопросовъ должно считаться исчерпаннымъ, а потому онъ „не потерпитъ" никакихъ съѣздовъ и совѣщаній земцевъ.

Безъ права собраній, безъ свободы печати, безъ гарантіи личности, должны „осчастливленные" новой царской „милостью" обыватели осуществить свое право поставить депутатовъ. Самодержавіе умѣетъ таки обезпечить себя противъ всякихъ „случайностей", связанныхъ съ проведеніемъ въ жизнь вынужденныхъ „реформъ".

И, однако..., за всѣмъ тѣмъ царизмъ не чувствуетъ себя спокойнымъ. Въ реакціонныхъ кругахъ царитъ несомнѣнное недовольство рѣшеннымъ, наконецъ, „скачкомъ въ неизвѣстное". Реакція чувствуетъ, что карикатурная Булыгинская „конституція" является всетаки новымъ и очень важнымъ этапомъ по пути разложенія существующаго порядка.

И прежде всего она является таковымъ, какъ симптомъ неувѣренности царизма въ своихъ силахъ. Въ манифестѣ 6-го августа, рядомъ съ обычными фразами о „незыблемости" самодержавія обыватель прочтетъ уже обѣщаніе дальнѣйшихъ „усовершенствованій" въ государственномъ порядкѣ — буде онѣ станутъ необходимы, т. е., если ихъ съумѣетъ вырвать у реакціи народъ.

И затѣмъ — и это самое важное — чѣмъ болѣе хитроумные авторы „положенія" старались сковать по рукамъ и ногамъ будущую „Думу", тѣмъ фатальнѣе они ставятъ передъ ней неумолимую дилемму: или немедленно потонуть въ пучинѣ всенароднаго презрѣнія, или немедленно же и вопреки всѣмъ 63 параграфамъ „положенія" стать органомъ конституціонной оппозиціи имущихъ классовъ, ведущихъ аггрессивную борьбу противъ самодержавія. Отъ позорнаго положенія предложеннаго имъ по плану „Булыгина", члены Думы, кѣмъ бы они ни были избраны — смогутъ избавиться лишь постольку, поскольку они рѣшатся перейти за „легальныя" границы отмежеваннаго имъ стойла въ государственной конюшнѣ. Лишній разъ самодержавіе отклонило отъ себя дававшуюся ему въ руки возможность покончить миромъ свою тяжбу съ „высшими" классами, чтобы вновь пріобрѣтенной силой обрушиться на народныя массы. Кичливая придворно-чиновничья клика не въ состояніи отвѣтить иначе, какъ „высочайшимъ плевкомъ" на слишкомъ частые заискивающіе подходы нынѣшней буржуазной оппозиціи. Она не можетъ примириться съ мыслью, что „умиротворить" эту оппозицію можно только цѣной хотя бы „австрійскаго" конституціонализма. И поскольку она органически не въ состояніи понять это, поскольку самодержавіе каждой своей „реформой" обостряетъ и безъ того отчаянное свое положеніе, постольку для революціонныхъ партій является возможность каждую такую „реформу" использовать для новой и болѣе успѣшной аттаки на самыя основы существующаго государственнаго порядка.

Организовать такую новую аттаку на почвѣ, созданной октроированіемъ булыгинской „конституціи" — такова очередная задача нашей партіи.

Мы писали уже въ „Искрѣ" о томъ, какъ представляемъ мы себѣ нашу боевую кампанію въ связи съ новымъ фактомъ русской политической жизни. Всѣ виды пролетарскаго протеста противъ гнилой „реформы" — политическія стачки, уличныя демонстраціи, манифестаціи, — должны быть подчинены одному общему тактическому началу, мы должны, пользуясь обстановкой, которая создана и будетъ создаваться положеніемъ 6-го августа, работать надъ выработкой элементовъ *свободнаго народнаго представительства*, элементовъ *революціоннаго самоуправленія народа*, которое частью, быть можетъ, опираясь на „Думу" (въ случаѣ, если она, будучи созвана, вступитъ въ острый конфликтъ съ царизмомъ), частью же и главнымъ образомъ, *черезъ ея голову*, создало бы столь необходимую Россіи широкую *политическую* арену для рѣшительной побѣды надъ самодержавіемъ и столь необходимую пролетаріату подходящую арену для его революціоннаго самоопредѣленія, какъ самостоятельнаго класса.

Только въ той мѣрѣ, въ какой намъ удастся выработать элементы такого революціоннаго самоуправленія, мы будемъ имѣть передъ собой и необходимыя политическія предпосылки для побѣднаго всенароднаго возстанія.

Не ограничиваясь демонстраціями, протестами противъ безобразія царской „конституціи", мы должны немедленно же приняться за сплоченіе подъ руководствомъ революціоннаго пролетаріата всѣхъ „лишенныхъ правъ" на почвѣ самаго энергичнаго и активнаго вмѣшательства во всѣ перипетіи открывающейся передъ нами эпопеи перваго царскаго эксперимента съ „представительствомъ".

НАША ТАКТИКА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Нами получено отъ товарища Череванина слѣдующее письмо:

„Дорогіе товарищи! Не сегодня-завтра, можетъ быть, будетъ объявлено о созывѣ Государственной Думы, а по вопросу о нашей тактикѣ въ отношеніи ея существуетъ, повидимому, пока полнѣйшей разбродъ. Прежде всего мнѣнія раздѣляются, повидимому, по той же линіи, по которой они раздѣлились въ вопросѣ о комиссіи Шидловскаго. Какъ видно изъ листковъ Донского Комитета и Петерб. Группы, обѣ эти организаціи высказываются за бойкотъ. Участіе въ выборахъ въ такую думу они считаютъ позорнымъ, измѣной дѣлу революціи и заранѣе клеймятъ тѣхъ либераловъ, которые примутъ участіе въ выборахъ. Такимъ образомъ исключается возможность сдѣлать Гос. Думу орудіемъ демократической революціи и отвергается, очевидно, агитація, направленная въ эту сторону. Гос. Дума разсматривается, очевидно, только какъ одинъ изъ объектовъ агитаціи, направленной противъ самодержавія. Занятіе такой позиціи по отношенію къ Гос. Думѣ имѣло бы смыслъ только въ одномъ случаѣ: если бы была большая вѣроятность ожидать возстанія въ отвѣтъ на объявленіе рескрипта о созывѣ Гос. Думы. Тогда бы эта позиція была дѣйственной, тогда бы она звала къ борьбѣ. Но если эта вѣроятность не особенно большая, если рескриптъ о созывѣ Государственной Думы не явится сигналомъ къ возстанію, если онъ будетъ встрѣченъ сравнительно спокойно, тогда занятіе указанной позиціи явится фактическимъ устраненіемъ отъ живой работы, реагированіемъ на, можетъ быть, поворотный пунктъ въ освободительномъ движеніи парой шаблонныхъ листковъ, изобличающихъ самодержавіе и либераловъ. Подобная тактика пойдетъ, пожалуй, на встрѣчу тѣмъ буржуазнымъ демократамъ, которые боятся вступить на почву революціи, но въ то же время желаютъ сохранить свою демократическую чистоту. Вмѣсто того, чтобы взять на себя революціонное обязательство идти въ Гос. Думу съ тѣмъ, чтобы добиваться превращенія ея въ революціонное собраніе, низвергающее самодержавіе и созывающее учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д. избирательнаго права, куда спокойнѣе просто не принять участія въ выборахъ, объявивши Государственную Думу не тѣмъ, что намъ нужно, и затѣмъ дожидаться у моря погоды. Нѣтъ, такой тактики мы не можемъ предлагать либераламъ, не можемъ и себя осудить на бездѣйствіе. Одинъ харьковскій товарищъ намѣчаетъ такой планъ дѣйствій: при объявленіи рескрипта соціальдемократія призываетъ пролетаріатъ къ пробной политической стачкѣ, чтобы демонстрировать свою силу, затѣмъ, когда Гос. Дума созвана, пролетаріатъ призывается ко второй стачкѣ съ цѣлью давленія на Гос. Думу. Недостаткомъ этого плана является ни на чемъ не основанная вѣра въ силу вліянія нашей организаціи на массу, вѣра, что нашъ призывъ къ политической стачкѣ, да еще пробной, имѣетъ самъ по себѣ дѣйственную силу, что наличность его даетъ какія-нибудь серьезныя гарантіи, что политическая стачка дѣйствительно будетъ, что она превратится въ демонстрацію силы пролетаріата, а не въ демонстрацію нашего безсилія. Увы, такихъ гарантій она въ себѣ не заключаетъ. А если мы добьемся, что весьма вѣроятно, демонстраціи нашего безсилія, это броситъ сильнѣйшее бревно подъ ноги тактикѣ воздѣйствія на Гос. Думу и агитаціи вокругъ этого воздѣйствія.

Что касается вашего плана („И." № 101), то я совершенно согласенъ съ вами, поскольку вы отвергаете политику бойкота и рекомендуете рѣшительное вмѣшательство въ выборы и давленіе на нихъ, согласенъ также съ необходимостью образованія полулегальныхъ агитаціонныхъ комитетовъ, но не могу согласиться съ вашимъ предложеніемъ организаціи всенародныхъ выборовъ и созданія на ихъ почвѣ революціонной организаціи народа, поскольку это предложеніе пріурочивается къ моменту объявленія рескрипта и слѣдующихъ за нимъ выборовъ. Подобное предложеніе можетъ имѣть смыслъ только постольку, поскольку мы ожидаемъ, и съ большимъ основаніемъ ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ очень быстро въ вооруженное возстаніе, потому что въ противномъ случаѣ могло бы имѣть самыя скверныя послѣдствія неизбѣжное при такой тактикѣ прекращеніе нашего существованія въ качествѣ конспиративной организаціи и открытіе всѣхъ картъ передъ полиціей. Можно согласиться съ вашимъ проектомъ только въ смыслѣ проекта, который можно имѣть въ виду, если во время выборовъ или послѣ конструированія Гос. Думы сильное революціонное возбужденіе охватитъ широкія массы.

Та тактика, которую я предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: Рескриптъ о созывѣ Гос. Думы даетъ сигналъ къ агитаціи нашей въ трехъ направленіяхъ: а) невозможность удовлетвориться Думой, необходимость Учредительнаго Собранія на почвѣ всеобщаго и т. д., а также необходимость предварительнаго установленія свободы слова, собраній и т. д. б) необходимость активно вмѣшиваться въ выборы и оказывать давленіе на другіе слои, чтобы депутаты въ Гор. Думу были посланы съ императивнымъ мандатомъ, добиваться превращенія Гор. Думы въ революціонное собраніе, созывающее Учредительное Собраніе; в) организація повсемѣстныхъ митинговъ и собраній и постановка на нихъ вопроса о необходимости оказать давленіе на Гор. Думу, потребовать отъ нея созыва Учредительнаго Собранія, обсужденіе вопроса о способѣ этого давленія, выдвиганіе проекта политической стачки, какъ отвѣта на отказъ Гос. Думы немедленно по своемъ созывѣ предпринять это революціонное дѣйствіе. Въ отличіе, такимъ образомъ, отъ харьковскаго товарища, я отвергаю совсѣмъ первую пробную политическую стачку, а вторую стачку съ цѣлью давленія на Гос. Думу я предлагаю предложить только въ качествѣ проекта на рабочихъ собраніяхъ, и только въ томъ случаѣ, если намъ удастся организовать по всей Россіи настоящіе массовые митинги, и если политическая стачка изъ нашего проекта превратится въ рѣшеніе, вынесенное повсюду на этихъ рабочихъ митингахъ, только тогда мы подготовимъ дѣйствительно революціонное воздѣйствіе на Гос. Думу и только тогда мы будемъ въ состояніи его провести. Что будетъ дальше, окажетъ ли политическая стачка желательное воздѣйствіе на Гос. Думу, или превратится въ вооруженное возстаніе, — мы рѣшить сейчасъ не можемъ".

* * *

Послѣ № 101 „Искры", на который ссылается тов. Череванинъ, вопросъ о нашей тактикѣ въ связи съ созывомъ Государственной Думы, былъ нами разсмотрѣнъ еще разъ подробнѣе въ № 106 (см. „Оборона или наступленіе?"). Съ тѣхъ поръ, насколько намъ извѣстно, все большее и большее число товарищей примыкаетъ къ рекомендованной нами тактикѣ активнаго вмѣшательства въ ходъ политической жизни и наступленія и безповоротно отвергаетъ политическій абсентеизмъ, усиленно навязываемой партіи нѣкоторыми „вождями", очевидно съ цѣлью принести на алтарь возлюбленнаго „временнаго правительства" всю свою quasi-соціалистическую непорочность сразу. Уже такъ называемая „земская кампанія", носившая преимущественно „учебный", подготовительный характеръ, показала, что среди огромнаго большинства соціальдемократическихъ работниковъ *обѣихъ фракцій* политическая мысль достигла такой степени зрѣлости, чтобы понять всю самоубійственность политики невмѣшательства и воздержанія въ мнимыхъ интересахъ „подготовленія" возстанія. Теперь, когда дѣло идетъ уже не объ учебныхъ маневрахъ, а о настоящей кровавой битвѣ, политика скрещенныхъ рукъ, конечно, найдетъ еще менѣе адептовъ. Но если бы таковые и нашлись, то, несомнѣнно, имъ очень скоро пришлось бы убѣдиться въ одномъ: что на худой конецъ рабочій классъ вмѣшается въ ходъ событій безъ нихъ, помимо нихъ, противъ нихъ. А въ этомъ случаѣ имъ не оставалось бы ничего другого, какъ или se demettre (подать въ отставку), или, какъ это бывало кое-гдѣ и въ „земской кампаніи", se soumettre (подчиниться), т. е., иначе говоря, оказаться „хвостистами" — употребляемъ излюбленное выраженіе тѣхъ рыцарей революціонной фразы, которые на словахъ не уставали идти „во главѣ", на дѣлѣ же во всѣхъ политическихъ выступленіяхъ партіи за послѣдніе два года неизмѣнно плелись въ тылу движенія. Итакъ, наступательная тактика, „рѣшительное вмѣшательство въ выборы и давленіе на нихъ" — это исходный пунктъ и, скажемъ сейчасъ же, самый важный и существенный пунктъ. Въ дальнѣйшемъ могутъ быть разногласія лишь въ деталяхъ, въ тѣхъ или иныхъ формахъ проведенія въ жизнь этого основного принципа. Предложенная нами тактика слагалась изъ трехъ моментовъ: 1) подготовительной агитаціонной кампаніи въ связи съ созывомъ Государственной Думы; 2) закрѣпленія результатовъ этой агитаціи въ видѣ, хотя бы зачаточной, формы массовой революціонной организаціи или, иначе говоря, организація революціоннаго самоуправленія народа; и 3) активныхъ, боевыхъ выступленій народныхъ массъ, имѣющихъ цѣлью поддержать шаги этой организаціи революціоннаго самоуправленія. При такой тактикѣ самый вопросъ о бойкотѣ или не-бойкотѣ Думы совершенно теряетъ для насъ свой жгучій характеръ; онъ становится вопросомъ второстепеннымъ и пролетаріатъ, которому, въ виду „лишенія правъ", вообще не предстоитъ „бойкотировать", готовится къ войнѣ на всѣ фронты.

Тов. Череванинъ принимаетъ первый и третій пунктъ нашего тактическаго плана и отвергаетъ второй. Въ № 106 „Искры" мы старались показать, что этотъ второй пунктъ является, не только тактически необходимымъ, но прямо таки неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разъ занятой позиціи активнаго наступленія. Мы не знаемъ, переубѣдила ли тов. Череванина наша аргументація, но и его собственное письмо даетъ достаточно матеріала для подтвержденія справедливости нашей точки зрѣнія.

Говоря о политической забастовкѣ, какъ средствѣ „давленія" на Государственную Думу (прибавимъ отъ себя: а также, быть можетъ и на „избирателей"), тов. Череванинъ вполнѣ правильно отвергаетъ излюбленный методъ простого „призыва", а требуетъ для дѣйствительности ея „рѣшенія, вынесеннаго повсюду на рабочихъ митингахъ". Въ такой постановкѣ вопроса заключается вполнѣ правильное пониманіе того, что наша подпольная организація не пользуется, да по условіямъ своего существованія и не можетъ пользоваться такимъ вліяніемъ на массы, чтобы одного ея „призыва" было достаточно для увѣренности въ успѣхѣ задуманнаго дѣла. Очевидно, тов. Череванинъ понимаетъ, что „политическая забастовка" должна опираться на организаціонную и политическую самодѣятельность *самой массы*. Наша же подпольная организація можетъ сыграть въ этомъ случаѣ крайне важную роль иниціатора, политическаго вдохновителя и руководителя, можетъ дать въ руки массѣ кое-какой организаціонный аппаратъ, кое-какія организаціонныя ячейки, при полномъ успѣхѣ при развертываніи политической забастовки въ революціон возстаніе можетъ даже раствориться въ возникающей въ атмосферѣ возстанія широкой, массовой соціальдемократической организаціи пролетаріата, но никоимъ образомъ не можетъ въ своемъ наличномъ, подпольномъ видѣ охватить своими организаціонными клѣтками то грандіозное массовое движеніе, которое рисуется тов. Череванину и намъ. Иначе говоря: съ успѣхомъ „политической забастовки“, намѣчаемой не въ видѣ „демонстраціи“, а въ видѣ активнаго, боевого выступленія массъ, и въ мѣру этого успѣха должна перерождаться и качественно повышаться наша партійная организація, поскольку она захочетъ пріобрѣсти и сохранить организаціонное вліяніе на ходъ событій. Но если партійная организація, въ ея теперешнемъ составѣ или обновленномъ, перестанетъ быть организаціей, воздѣйствующей на рабочія массы извнѣ, а станетъ признаннымъ представителемъ ихъ и выразителемъ ихъ воли, то можно ли примѣнять къ такому положенію дѣла ту же мѣрку страховъ и опасеній, которая примѣнима къ нынѣшнему положенію? Можно ли одновременно думать о грандіозномъ, дѣйствительно все-рабочемъ движеніи и опасаться ареста соціальдемократическихъ руководителей въ виду „прекращенія ихъ существованія въ качествѣ конспиративной организаціи“? Но вѣдь и „прекратятъ“ то они это постылое „существованіе“, лишь въ той мѣрѣ, въ какой имъ *какъ организаціи* удастся стать общепризнаннымъ органомъ воли рабочихъ массъ; а въ такомъ случаѣ страшенъ ли арестъ? Да и самое вліяніе такого ареста, если бы онъ и случился, на рабочія массы было-бы, конечно, совершенно иное, чѣмъ теперь, когда въ мракѣ ночи, подъ покровомъ тайны исчезаютъ въ пасти царскихъ тюремъ „конспиративные“ анонимы..

Все это — непосредственные выводы изъ данной т. Череванинымъ постановки вопроса о политической забастовкѣ. Тѣмъ неожиданнѣе тотъ аргументъ, которымъ онъ думаетъ побить наше предложеніе объ организаціи революціоннаго самоуправленія народа. Неожиданнѣе потому, что, вѣдь, если вопросы объ агитаціонныхъ рабочихъ комитетахъ и политической забастовкѣ являются до извѣстной степени *партійными* — поскольку въ рабочей средѣ мы съ полнымъ правомъ можемъ расчитывать на преобладающую и руководящую роль — то организація всенародныхъ революціонныхъ выборовъ, само собой разумѣется никоимъ образомъ дѣломъ одной нашей партіи быть не можетъ. Мы можемъ въ данномъ случаѣ явиться иниціаторами, можемъ въ городахъ и кое-гдѣ въ деревнѣ показать примѣръ, но расчитывать собственными силами поставить это дѣло во всероссійскомъ масштабѣ намъ, кажется, нельзя и думать. Слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы примѣръ нашихъ рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ побудилъ къ такому-же образу дѣйствій и другія демократическія и революціонныя партіи, съ которыми мы и встрѣтимся въ тѣхъ *представительныхъ* учрежденіяхъ, какими явятся несмотря на свой революціонный характеръ, проектируемые нами органы народнаго самоуправленія. Мы вправѣ, конечно, ожидать, что въ рабочихъ агитаціонныхъ комитетахъ соціальдемократы окажутся въ значительномъ большинствѣ, но думать о большинствѣ въ органахъ революціоннаго самоуправленія народа, если они возникнутъ въ сколько нибудь широкомъ масштабѣ, конечно, невозможно.

Опасаться „раскрытія всѣхъ картъ передъ полиціей“ въ случаѣ успѣха кампаніи, разумѣется, не приходится, ибо, конечно, если революціонное настроеніе и политическая готовность, не только рабочихъ, а широкихъ народныхъ массъ достигнетъ степени нужной для успѣха, то народъ сумѣетъ и защищать своихъ избранниковъ. Но въ случаѣ неуспѣха? Въ этомъ случаѣ попросту никакія „карты раскрыты“ не будутъ, ибо и „раскрываться“ онѣ будутъ опять-таки лишь въ мѣру успѣха. Представимъ себѣ худшій случай: организовать выборы удастся лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ городахъ. Почему Т. Череванинъ думаетъ, что выбранными окажутся непремѣнно члены нашихъ организацій? Хорошо-бы, если-бы это было такъ, и въ такомъ случаѣ, мы думаемъ, безопасность нашихъ организацій только безконечно возросла-бы отъ того, что рабочіе такъ же взяли бы ихъ членовъ, какъ своихъ избранниковъ, подъ свою защиту, какъ они взяли выборщиковъ въ комиссіи Шидловскаго. Но этотъ самый опытъ съ комиссіей Шидловскаго показываетъ, къ сожалѣнію, что выбирать будутъ, хотя и соціальдемократовъ или рабочихъ, готовыхъ стать соціальдемократами, но не членовъ нашей организаціи. И опять таки, лишь въ той мѣрѣ, какъ нашей организаціи удастся въ процессѣ этихъ политическихъ выступленій переродиться, стать болѣе массовой, лишь въ той мѣрѣ шансы на избраніе рабочими именно ея членовъ увеличатся. Но въ той-же мѣрѣ будутъ падать „конспиративныя“ опасенія. Т. Череванинъ говоритъ, что наше „предложеніе можетъ имѣть смыслъ лишь постольку, поскольку мы ожидаемъ, что организація всенародныхъ выборовъ перейдетъ быстро въ вооруженное возстаніе“. Да, мы ожидаемъ, что, при успѣхѣ, организаціи революціоннаго самоуправленія народа рано или поздно должны столкнуться съ правительствомъ и, въ случаѣ неуступчивости послѣдняго, привести къ открытымъ вооруженнымъ столкновеніямъ въ видѣ-ли одновременнаго возстанія въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ-ли ряда послѣдовательныхъ стычекъ.

А развѣ т. Череванинъ не ожидаетъ того-же самаго и отъ „дѣйствительно революціоннаго воздѣйствія“ политической забастовки? Развѣ ему не ясно, что — въ случаѣ „неуступчивости“ Думы и, прибавимъ, правительства, которое, вѣдь, можетъ принять рѣшительныя мѣры противъ „уступчивой“ Думы—развѣ ему не ясно, что при такихъ условіяхъ дѣло тоже должно дойти до рѣшенія вопросовъ силой? Какая-же разница между нашимъ планомъ и планомъ т. Череванина? Разница есть, и очень существенная. Онъ предлагаетъ привлечь къ „дѣйствительно революціонному воздѣйствію“ только пролетаріатъ (который, вѣдь, одинъ только и можетъ „бастовать“); мы говоримъ, что въ это дѣло надо вовлечь не только рабочія массы, но и весь народъ. Та самая концентрація политическаго воспитанія и массовая революціонная организація, которая создается для рабочихъ политической забастовкой, въ томъ видѣ, какъ она рисуется т. Череванину, можетъ и должна быть создана для всего народа въ видѣ организаціи революціонныхъ выборовъ „народной Думы“ въ противовѣсъ Думѣ Государственной. Въ конечномъ счетѣ планъ т. Череванина *изолируетъ* пролетаріатъ, подготовляя элементы только *рабочаго возстанія*; между тѣмъ какъ мы имѣли въ виду подготовленіе элементовъ *возстанія всенароднаго*, которое только и можетъ разрѣшить стоящую передъ нами революціонную задачу замѣны Государственной Думы Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Организація революціоннаго самоуправленія — это и есть единственный способъ дѣйствительной „организаціи“ всенароднаго возстанія. Кто отвергаетъ этотъ путь, тотъ, въ сущности, отвергаетъ и самое всенародное возстаніе, подмѣняя его возстаніемъ отдѣльныхъ классовъ и группъ, или, что еще хуже, группокъ и кружковъ. Работа по подготовленію организаціи революціоннаго самоуправленія народа и есть дѣйствительная работа по „подготовкѣ“ возстанія, на фонѣ которой и можетъ пріобрѣсти важное значеніе подготовительныя работы военно-техническаго характера. Это надо особенно подчеркивать теперь, когда въ нѣкоторыхъ сферахъ нашей партіи политическая наивность дошла до такой степени, что люди захлебываются словами о всенародномъ возстаніи, оружіи, бомбахъ, пишутъ трактаты по военной тактикѣ и стратегіи, а революціонное самоуправленіе народа согласны пропагандировать не иначе, какъ съ появленія правительства, хотя бы и „временнаго“.

ЦАРСКІЙ ОБМАНЪ И РЕВОЛЮЦІОННАЯ БОРЬБА.

Передовая статья подъ этимъ заглавіемъ помѣщена въ № 180 „Leipziger Volkszeitung“. Посвятивши первую половину статьи критикѣ „царскаго обмана“, т. е. булыгинской конституціи, и указавши на безсиліе этой конституціи остановить революціонное движеніе, авторъ затѣмъ переходитъ къ вопросу о тактикѣ революціонеровъ и пишетъ по этому поводу:

„Вопросъ, на который революціонерамъ надо дать отвѣтъ сейчасъ же, гласитъ: Какъ использовать противъ царизма это царское мошенничество?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: революціонеры обязаны использовать предстоящую избирательную кампанію всѣми мыслимыми средствами Идея возникшая еще до того, какъ стало извѣстно хоть что нибудь объ условіяхъ выборовъ, и состоящая въ томъ, чтобы посредствомъ абсентеизма, т. е. посредствомъ воздержанія отъ выборовъ помѣшать Думѣ собраться не выдерживаетъ никакой критики (nicht diskutabel), такъ какъ въ этомъ случаѣ правительство легко добилось бы своей цѣли, а побѣдителями оказались бы при этомъ наиболѣе опасные элементы. Въ выборахъ приняли бы участіе тѣ представители хищнаго капитализма въ его грубѣйшей формѣ, которые уже и теперь являются надежной опорой царизма, та банда рыцарей наживы ростовщиковъ и головорѣзовъ, которая преуспѣваетъ тѣмъ лучше, чѣмъ испорченнѣе вся общественная атмосфера.

О „демонстративномъ воздержаніи отъ выборовъ“ рѣчь можетъ быть тамъ, гдѣ вообще развита политическая жизнь, но не тамъ, гдѣ это „воздержаніе является исполненіемъ желанія власть имущихъ.

Само собою разумѣется, что, если бы пролетаріатъ имѣлъ хоть какіе нибудь шансы послать своихъ представителей въ „Думу“, онъ выбралъ бы ихъ только съ той цѣлью, чтобы они заявили его протестъ противъ этого гнуснаго издѣвательства. Но такихъ шансовъ у него нѣтъ; и, несмотря на это, необходимо найти средство, чтобы побудить рабочихъ со всею страстностью принять участіе въ выборахъ. Необходимо найти пути и средства, чтобы даже при этой карикатурѣ выборовъ выражена была рѣшимость пролетаріата разбить вдребезги абсолютизмъ. Русскій пролетаріатъ, вся масса трудящагося народа безправны; правительство дѣлаетъ наглую попытку посредствомъ безпримѣрнаго надувательсва усыпить страстное стремленіе къ свободѣ. Необходимо, поэтому, приложить всѣ усилія, чтобы обманщики погибли отъ собственнаго обмана.

Въ теченіе десятилѣтій русскіе революціонеры дѣлали работу крота. Вѣдь при безпримѣрныхъ жертвахъ, которыми сопровождалась ихъ заговорщицкая дѣятельность, результатъ могъ быть только тотъ, что они способствовали проникновенію революціонной мысли въ головы лучшихъ, избранныхъ представителей народныхъ массъ и что они по временамъ давали соотвѣтствующее выраженіе революціоннымъ инстинктамъ массы. Въ настоящій моментъ внутреннее распаденіе абсолютизма ведетъ къ тому, что правительство, не будучи уже въ состояніи удерживать массы грубою силой, пытается воспользоваться въ своихъ интересахъ отсутствіемъ политической зрѣлости у народа. Оно хочетъ показать призракъ уступокъ, чтобы этимъ спасти сущность своей власти.

Задача революціонеровъ — не только раскрыть этотъ обманъ, но и взять сейчасъ же штурмомъ самую позицію. Подобная дѣятельность имѣетъ совершенно особое значеніе: избирательная борьба даетъ возможность отбросить часть тайной подпольной работы и вступить въ открытую борьбу, при полномъ свѣтѣ дня. А это дѣло огромной важности для русскаго движенія.

Такимъ образомъ, принятіе булыгинскаго проекта можетъ, даже должно стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи россійскаго освободительнаго движенія.

Какъ воспользоваться положеніемъ, какое оружіе слѣдуетъ пустить въ ходъ, какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, объ этомъ сейчасъ еще мало что можно сказать.

Очевидно, однако, что для этой борьбы единство россійской соціальдемократіи является необходимостью.

КАКЪ ЛЕНИНЪ УГЛУБИЛЪ ЭНГЕЛЬСА.

Въ высшей степени характерно, что тѣ члены нашей партіи, которые группировались около газеты „Впередъ“ и въ теченіи двухъ лѣтъ занимались возстановленіемъ пресловутаго § 1 устава во всей его ленинской чистотѣ, на своемъ съѣздѣ совершенно позабыли о профессіональныхъ союзахъ, т. е. о наиболѣе цѣлесообразной организаціи рабочихъ массъ. § 1, долженствовавшій „дать стимулъ организоваться“, былъ благополучно водруженъ на соотвѣтствующемъ мѣстѣ, но о самихъ организаціяхъ позабыли...

Прошло немного времени, среди русскихъ рабочихъ обнаружилось сильное, совершенно стихійное стремленіе къ образованію профессіональныхъ союзовъ, и тогда въ № 8 „Пролетарія“ рабочимъ дано было благословеніе на ихъ новое начинаніе. Невольно пришло намъ тогда въ голову, что кое-кто назвалъ бы такой образъ дѣйствій „хвостизмомъ“. Но, прочитавши въ № 9 того же „Пролетарія“ статью „Революція учитъ“, въ которой, какъ, вѣроятно, еще помнитъ читатель, указывается, что соціальдемократія, т. е. Ленинъ (а кому неизвѣстно, что Ленинъ и соціальдемократія едино суть, тому предлагается прочитать брошюры: „Задачи русскихъ соціальдемократовъ“, „Что дѣлать“ и газету „Впередъ“) въ своихъ взглядахъ на возстаніе прошелъ три ступени, мы поняли, что и въ вопросѣ о профессіональныхъ союзахъ взгляды впередовцевъ проходятъ опредѣленныя ступени („стадіи“, сказали бы наши покойные экономисты) Ступень первая—время „3-го съѣзда“ и полное молчаніе о профессіональныхъ союзахъ, вторая ступень—№ 8 „Пролетарія“ и извѣстное уже намъ благословеніе, третья ступень... Впрочемъ, въ виду нѣкоторыхъ хронологическихъ совпаденій, мы не рѣшаемся утверждать, что мы имѣемъ передъ собой дѣйствительное наступленіе третьей ступени; возможно, что въ интересующемъ насъ случаѣ „десница“ не вѣдала, что творитъ „шуйца“.

Какъ бы то ни было, въ брошюрѣ „Двѣ тактики соціальдемократіи въ демократической революціи“ Ленинъ беретъ обратно благословеніе, данное восьмымъ номеромъ „Пролетарія“. Для вящщаго посрамленія меньшевиковъ онъ съ большимъ сочувствіемъ цитируетъ слѣдующій отзывъ Энгельса о Стефанѣ Борнѣ: „Наборщикъ Стефанъ Борнъ, бывшій дѣятельнымъ членомъ Союза въ Брюсселѣ и Парижѣ, основалъ въ Берлинѣ „рабочее братство“ („Arbeiterverbrüderung“), которое получило значительное распространеніе и продержалось до 1850 года. Борнъ, талантливый молодой человѣкъ, слишкомъ поспѣшилъ однако съ выступленіемъ въ качествѣ политическаго дѣятеля. Онъ „братался“ съ самымъ разношерстнымъ сбродомъ (Krethi und Plethi), лишь бы собрать вокругъ себя толпу. Онъ былъ вовсе не изъ тѣхъ людей, которые способны внести единство въ противорѣчивыя стремленія, внести порядокъ въ хаосъ. Въ оффиціальныхъ публикаціяхъ его братства постоянно попадается поэтому путаница и смѣшеніе взглядовъ Коммунистическаго Манифеста съ цеховыми воспоминаніями и пожеланіями, съ обрывками взглядовъ Луи Блана и Прудона, съ защитой протекціонизма и т. д.; однимъ словомъ, эти люди хотѣли всѣмъ угодить (Allen alles sein). *Въ особенности занимались они устройствомъ стачекъ, профессіональныхъ союзовъ*, производительныхъ товариществъ, забывая, что задача *состояла прежде всего въ томъ, чтобы посредствомъ побѣды завоевать себѣ сначала такое поприще*[1], на которомъ только и могли прочно, надежно осуществиться такія вещи. И вотъ, когда побѣды реакціи заставили вожаковъ этого братства почувствовать необходимость прямого участія въ революціонной борьбѣ, [illegible]да, само собой разумѣется, неразвитая масса, группиров[illegible] вокругъ нихъ, покинула ихъ. Борнъ принялъ участіе въ Дрезденскомъ возстаніи въ маѣ 1849 года и спасся по счастливому случаю. Рабочее же братство удержалось въ сторонѣ отъ великаго политическаго движенія пролетаріата, какъ обособленный союзъ, существовавшій большею частью на бумагѣ и игравшій до того второстепенную роль, что реакція нашла нужнымъ закрыть его лишь въ 1850 году, а его филіальныя отдѣленія лишь много лѣтъ спустя. Борнъ, которому надо бы собственно называться Buttermilch (кислое молоко) такъ и не сдѣлался политическимъ дѣятелемъ“...

Подчеркнувши въ этой тирадѣ опредѣленное мѣсто, Ленинъ вполнѣ ясно далъ понять, какой выводъ онъ намѣренъ отсюда сдѣлать. Именно у насъ въ Россіи, долженъ гласить этотъ выводъ, необходимо прежде всего посредствомъ политической

---

[1] Курсивъ Ленина.

Послѣдствія побѣды японцевъ и соціальдемократія

К. КАУТСКАГО.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Миръ еще не заключенъ, бой длится еще въ далекой Манчжуріи, но побѣду Японіи можно теперь уже признать законченной. Дѣло идетъ лишь о размѣрѣ добычи, которая достанется побѣдителю, а это вопросъ важный для Японіи — для ея господствующихъ классовъ въ особенности, — но не имѣющій особаго значенія для международнаго пролетаріата.

За то сама побѣда Японіи, независимо отъ размѣровъ вознагражденія побѣдителей, приведетъ во всякомъ случаѣ къ такимъ послѣдствіямъ для освободительной борьбы пролетаріата, значеніе которыхъ не можетъ быть оцѣнено слишкомъ высоко.

Ближайшимъ и самымъ разительнымъ слѣдствіемъ этой побѣды, была расшатка русскаго абсолютизма, лишившая его всякой возможности снова прійти въ равновѣсіе. Можно бы утверждать, что теорія катастрофъ и крушеній празднуетъ здѣсь свой величайшій тріумфъ, если бы только такая теорія дѣйствительно существовала. Но воодушевляясь этимъ *крушеніемъ*, мы все же не должны забывать, что оно было бы невозможно безъ неустанной и медленной работы надъ *разложеніемъ* абсолютизма, незамѣтно совершавшейся въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій.

Въ высшей степени несправедливо проводить рѣзкую границу между незамѣтной эволюціей и бурной революціей, между внутреннимъ опустошеніемъ (Aushöhlung и внѣшнимъ крушеніемъ. Оба процесса, по необходимости неразрывны. Безъ предварительнаго опустошенія не бываетъ и крушенія. Не слѣдуетъ думать, что одни японскія побѣды вызвали крушеніе русскаго абсолютизма. Не мало было абсолютныхъ правительствъ, терпѣвшихъ военныя пораженія и заключавшихъ позорный миръ оставаясь при этомъ въ цѣлости. Лишь армія борющагося русскаго пролетаріата, созданная долгой работой надъ его просвѣщеніемъ и организаціей, могла превратить военное пораженіе правительства, въ крушеніе самодержавія.

Но если безъ предварительной внутренней работы не бываетъ внезапныхъ крушеній, то безъ этихъ крушеній невозможна побѣда разлагающаго старый режимъ класса. Лишь столкновеніе силъ показываетъ, какъ гнилы уже тѣ опоры, на которыхъ держатся господствующіе классы, какъ неспособны они противиться напору вновь поднимающихся классовъ. Самымъ рѣшительнымъ испытаніемъ силы даннаго государственнаго строя, является война. Она желѣзной метлой сметаетъ со свѣту то, что неспособно жить долѣе. Безсмысленно конечно — особенно при современной военной техникѣ — приписывать войнѣ отборъ наиболѣе способныхъ индивидуумовъ или даже пробужденіе возвышеннѣйшихъ нравственныхъ стремленій. Но при общественномъ строѣ, опирающемся на классовое господство, война является, безъ сомнѣнія, могучимъ пособіемъ для устраненія такихъ общественныхъ и государственныхъ формъ, которыя уже пережили себя и лишь мѣшаютъ свободному развитію поднимающихся классовъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя войны оказываютъ услуги соціальному развитію, и первое мѣсто среди такихъ войнъ заслуживаетъ русско-японская.

Каковы же будутъ ближайшія послѣдствія войны для Россіи?

Мы не должны поддаваться иллюзіямъ буржуазной демократіи, которая, не видя классовыхъ противорѣчій, думаетъ, что подданные самодержавнаго государства не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ политической свободы, что достиженіе этой свободы должно прекратить революцію. Политическая свобода еще не пріобрѣтена, а между тѣмъ пути либераловъ и соціальдемократовъ уже расходятся. Товарищъ Люксембургъ была совершенно права, обративъ въ „Саксонской рабочей газетѣ“ наше вниманіе на открытое письмо къ Жоресу бывшаго марксиста, а теперь чистѣйшаго либерала Струве. Характерно въ этомъ письмѣ стремленіе къ установленію *сильнаго правительства*, которое водворитъ *порядокъ*. Главнѣйшее обвиненіе, выставленное Струве противъ самодержавія, заключается въ томъ, что послѣднее уже не въ состояніи сдерживать народныя массы и допускаетъ господство анархіи. Страхъ передъ анархіей, то есть передъ возстаніемъ низшихъ классовъ народа, становится все характернѣе для русскихъ либераловъ; а такъ какъ до сихъ поръ крайніе либералы въ Россіи мало отдѣлялись отъ соціалистовъ, то есть до извѣстной степени сознавали себя соціалистами, то этотъ страхъ передъ анархіей даетъ себя знать, то тутъ, то тамъ, также и въ рядахъ самихъ соціалистовъ.

Либералы могутъ жаждать сильнаго правительства и съ тяжелой тревогой смотрѣть на растущій хаосъ; революціонный пролетаріатъ имѣетъ всѣ причины его привѣтствовать. Вѣдь этотъ хаосъ есть ничто иное, какъ непрерывная революція. А при настоящихъ отношеніяхъ — революція есть то состояніе, при которомъ всего быстрѣе зрѣетъ пролетаріатъ, всего полнѣе развиваетъ свои умственныя, нравственныя и экономическія силы, всего глубже накладываетъ свою печать на государство и общество и добивается отъ нихъ наибольшихъ уступокъ. И если, въ такой отсталой экономически странѣ, какъ Россія, это преобладаніе пролетаріата будетъ лишь преходящимъ, оно оставитъ за собою неустранимые результаты, которые окажутся тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дольше протянется революціонное состояніе.

Еще сегодня вліяютъ на Францію событія великой революціи. И если пролетаріатъ этой страны, не смотря на сравнительную слабость своихъ соціалистическихъ организацій, проявляетъ больше могущества, чѣмъ нѣмецкій съ его тремя милліонами избирателей, то онъ обязанъ этимъ никакъ не министеріалистской тактикѣ своихъ вождей, и лишь въ незначительной степени демократическимъ формамъ буржуазной республики, а всего больше своимъ революціоннымъ инстинктамъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ времени господства якобинцевъ.

Если бы революція шла по желанію либераловъ того времени и вслѣдъ за превращеніемъ Генеральныхъ Штатовъ въ Національное Собраніе уступила мѣсто законному порядку; если бы она осталась „прекрасной“ революціей, вродѣ воспѣтой Шиллеромъ въ „Теллѣ“ или вродѣ современной норвежской и не „запятнала“ себя „господствомъ террора“, то низшіе классы Франціи остались бы политически незрѣлыми и безпомощными, не было бы тогда 1848 года, а освободительная борьба французскаго, а съ нимъ вмѣстѣ и международнаго пролетаріата была бы страшно замедленна.

Длящаяся революція — именно то, въ чемъ нуждается въ настоящее время русскій пролетаріатъ. И теперь уже — въ Польшѣ въ особенности — борьба придала ему много зрѣлости и силы. Продолжившись нѣсколько лѣтъ, она превратитъ россійскій пролетаріатъ въ отборное, быть можетъ, лучшее войско международнаго пролетаріата, съ пыломъ молодости соединяющее опытъ участниковъ великой исторической борьбы и силу, господствующую надъ государствомъ.

И мы имѣемъ всѣ основанія ожидать въ Россіи не водворенія сильнаго правительства, котораго жаждетъ Струве и его либеральные друзья, а непрерывной революціи, то есть хаоса и анархіи по побѣды завоевать себѣ поприще, на которомъ могутъ прочно осуществиться такія вещи, какъ стачки, профессіональные союзы и т. д. Заниматься теперь устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ значитъ забывать о необходимости такого завоеванія. А кто у насъ занимается устройствомъ всѣхъ этихъ вещей? Меньшевики. Что въ дѣятельности меньшевиковъ устройство стачекъ, профессіональныхъ союзовъ занимаетъ не единственное мѣсто и что о завоеваніи „поприща" они не забываютъ, это Ленинъ отлично знаетъ, но такъ какъ онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, оглушить своего читателя, то онъ торопится подсказать ему выводъ: слѣдовательно, меньшевики представляютъ изъ себя современныхъ Борновъ и съ ними должны случиться всѣ тѣ скверныя вещи, которыя, приключились съ Борномъ, включая сюда и то, что какой нибудь будущій Ленинъ обругаетъ ихъ „кислымъ молокомъ".

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Прежде всего, кислое молоко оказывается плодомъ... ну, скажемъ, нѣсколько вольной фантазіи переводчика. Энгельсъ пишетъ: „Born, der eigentlich Buttermilch heist",... что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „Борнъ, настоящее имя котораго Буттермильхъ,..." Ленинъ же переводитъ: „Борнъ, которому надо бы собственно называться кислымъ молокомъ",... Надо бы! Очевидно, для посрамленія меньшевиковъ. Какъ было бы хорошо, еслибъ Энгельсъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ подсказалъ ему Ленинъ! Къ сожалѣнію, Энгельсъ зналъ то, чего не зналъ углубившій его Ленинъ, что Стефанъ Борнъ былъ литературный и революціонный псевдонимъ, а Буттермильхъ — настоящая фамилія. Но Энгельсъ зналъ еще и многое другое, а потому надежда опереться на него, какъ на представителя правовѣрной твердокаменности' оказывается совершенно тщетной. Энгельсъ не одобрялъ организаціи, созданной Борномъ, за то, что она устраивала стачки и профессіональные союзы, прежде чѣмъ политическія завоеванія были окончательно закрѣплены. А такъ и наши меньшевики занимаются устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ, прежде чѣмъ и т. д., то, значитъ, Энгельсъ не одобрялъ бы ихъ, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ основателей научнаго соціализма оказывается сторонникомъ тактики впередовцевъ.

Ну, а другой основатель научнаго соціализма? Что думалъ Марксъ о занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ? Открываемъ его „Нищету философіи", написанную зимою 1846 47 года и на стр. 143 русскаго перевода читаемъ: „Чѣмъ сильнѣе развивается промышленность, тѣмъ болѣе является элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ коалиціи, а когда коалиціи становятся экономическимъ фактомъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающимъ все большую и большую устойчивость, то онѣ по необходимости становятся въ скоромъ времени фактомъ законнымъ.

„Поэтому, соотвѣтствующая статья уголовнаго кодекса доказываетъ только, что во время Учредительнаго Собранія и при Имперіи крупная промышленность и конкуренція не были еще достаточно развиты".

И далѣе, на стр. 145: „Первыя попытки рабочихъ къ соединенію между собой всегда принимаютъ форму коалицій.

„Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей. Конкуренція разъединяетъ ихъ интересы. Но охрана заработной платы отъ паденія, — этотъ общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому интересъ, — соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія: *коалиціи*. Такимъ образомъ, коалиція всегда имѣетъ двойную цѣль: прекратить конкурренцію между рабочими, чтобы быть въ состояніи общими силами конкуррировать съ капиталистомъ. Если первой цѣлью сопротивленія являлось лишь поддержаніе заработной платы, то потомъ, по мѣрѣ объединенія самихъ капиталистовъ на идеѣ обузданія рабочихъ, отдѣльныя коалиціи этихъ послѣднихъ формируются въ группы и, въ виду всегда объединеннаго капитала, сохраненіе союза становится для нихъ необходимѣе самой охраны заработной платы отъ паденія. До какой степени это вѣрно, показываетъ тотъ фактъ, что рабочіе, къ крайнему удивленію англійскихъ экономистовъ, жертвуютъ значительной частью своей заработной платы въ пользу союзовъ, основанныхъ, по мнѣнію этихъ экономистовъ, лишь ради заработной платы. Въ этой борьбѣ — настоящей междоусобной войнѣ — соединяются и развиваются всѣ необходимые элементы будущихъ битвъ. Дойдя до этой ступени, коалиція принимаетъ политическій характеръ".

Итакъ, Марксъ думалъ, что 1) коалиціи (профессіональные союзы и стачки тоже) суть столь же естественное проявленіе крупной промышленности, какъ, скажемъ, кризисы и безработица; 2) коалиціи въ своемъ развитіи разбиваютъ тѣ юридическія нормы, которыя должны препятствовать самому ихъ существованію, и 3) слѣдовательно, не противополагаются политической борьбѣ, а являются однимъ изъ ея элементовъ. Рѣшительно то же самое утверждаетъ вызвавшая ленинскій гнѣвъ резолюція первой общерусской конференціи о профессіональныхъ союзахъ.

Марксъ, слѣдовательно, подтверждаетъ тактику меньшинства. Остается Энгельсъ. Неужели между нимъ и Марксомъ существовало крупное разногласіе по этому поводу? Еслибъ это было такъ, то оно было бы гдѣ нибудь высказано Энгельсомъ. Но не только ничего подобнаго нѣтъ, но извѣстно, что второе нѣмецкое изданіе „Нищеты философіи" вышло съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса, писанными около того же времени, когда были писаны вышеприведенныя строки о Стефанѣ Борнѣ. И Энгельсъ ни однимъ словомъ не обмолвился о своемъ несогласіи съ Марксомъ. Не странно ли это?

Намъ кажется, что Ленинъ не такъ бы торопился опираться на Энгельса, если бы вспомнилъ то, что онъ же, Ленинъ, писалъ парой страницъ раньше объ экономической отсталости Германіи. Если при крупной промышленности коалиціи играютъ громадную революціонную роль, то при господствѣ мелкаго производства ихъ роль сводится къ вызову бури въ стаканѣ воды, а само собой разумѣется, что такого рода дѣятельность въ революціонную эпоху не могла встрѣтить симпатій ни у Маркса, ни у Энгельса. Пусть Ленинъ скажетъ, что такую же роль стачки играютъ и въ современной Россіи, и тогда у насъ пойдетъ разговоръ другого рода. Не споримъ, диктатура пролетаріата и крестьянства, какъ она мерещется Ленину, скорѣе осуществима, — если она вообще осуществима, — при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, какія господствовали въ Германіи 48 года, но это не даетъ права ему, Ленину, выкидывать за бортъ экономическія основы современной Россіи и роль пролетаріата въ современномъ революціонномъ движеніи.

Замѣтимъ, впрочемъ, что даже по отношенію къ тогдашней Германіи Мэрингъ находитъ сужденіе Энгельса о дѣятельности Борна не совсѣмъ правильнымъ. Ленинъ умудряется соглашаться и съ Мэрингомъ и съ Энгельсомъ, прибавивъ только, что „Мэрингъ выражается черезчуръ мягко и уклончиво". Вотъ уже качества, въ которыхъ никто до сихъ поръ не заподозрилъ Мэринга! И въ чемъ заключается мягкость и уклончивость Мэринга, Ленинъ намъ такъ и не объяснилъ. Кромѣ приводимаго Ленинымъ (н стр. 106 его брошюры) мнѣнія Мэринга о Борнѣ, тотъ же Мэрингъ высказался объ этомъ же предметѣ въ своей „Исторіи нѣмецкой Соціальдемократіи" и вотъ что мы тамъ читаемъ: „По скольку можно, на основаніи источниковъ, судить о рабочемъ движеніи 1848 года въ германскихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, то, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, оно могло только вращаться въ кругѣ идей тогдашней французской соціальдемократіи и не идти дальше такихъ вопросовъ, какъ организація труда, право на трудъ, министерство труда. Стадія безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ была далеко позади, хотя кое гдѣ еще приходилось наблюдать разрушеніе машинъ. Утопическій цеховый коммунизмъ (Handwerker Kommunismus) въ главныхъ чертахъ тоже былъ уже превзойденъ; Вейтлингъ, явившійся въ Берлинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, не смогъ найти никакой почвы среди тамошнихъ рабочихъ и принужденъ былъ, выпустивъ только нѣсколько номеровъ, закрыть основанную имъ газету Urwähler, вслѣдствіе отсутствія читателей. Но тогдашнее рабочее движеніе еще не созрѣло для точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, который можетъ стать знаменемъ массоваго движенія только тогда, когда крупная промышленность является типической формой производства въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ тогдашней восточной Германіи. Если Борнъ хотѣлъ дать рабочимъ классовую организацію, то онъ долженъ былъ считаться съ тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ пока только и могли вращаться эти рабочіе, и онъ употребилъ не мало энергіи, чтобы вывести ихъ за предѣлы этого горизонта". Это мѣсто можетъ очень не нравиться Ленину, онъ можетъ даже обругать Мэринга по этому поводу Buttermilch'омъ (что кстати въ переводѣ на русскій языкъ значитъ сыворотка, а не кислое молоко) но уклончивости здѣсь и слѣда нѣтъ.

Въ той же „Нищетѣ Философіи" Марксъ между прочимъ говоритъ: „когда приходится дать себѣ ясный отчетъ относительно стачекъ, коалицій и другихъ формъ, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію, то однихъ охватываетъ самый реальный страхъ, другіе высказываютъ трасцендетальное презрѣніе". Трасцендентальное презрѣніе къ коалиціямъ, обнаруживали „чистые соціалисты" 40-хъ годовъ, относившіеся отрицательно къ политикѣ и видѣвшіе въ устройствѣ коалицій занятіе политикой. Трасцендентальнымъ презрѣніемъ къ коалиціямъ проникнутъ и чистый политикъ Ленинъ. Еще разъ крайности сходятся.

По Россіи.

Подготовка къ забастовкѣ на Владикавказской желѣзной дорогѣ

Кубанскій Комитетъ 17 іюня былъ увѣдомленъ Кавказской Группой этого комитета, что на станціи Кавказской началась забастовка въ желѣзнодорожномъ депо (считая вмѣстѣ съ машинистами 800-900 человѣкъ). Въ этотъ же день комитетомъ было отправлено туда два товарища съ тѣмъ, чтобы захватить забастовку, такъ какъ мѣстная группа была не въ силахъ. На первомъ же собраніи деповскихъ рабочихъ (70-80 человѣкъ) выяснилось, что предъявлено требованіе увеличенія заработной платы на пять и десять коп. Администрація обѣщала дать отвѣтъ черезъ три недѣли. Рабочіе поймались на эту удочку и согласились, ставъ черезъ 12 час. на работу. Настроеніе было подавленное. Пришлось на трехъ собраніяхъ убѣждать рабочихъ снова забастовать и предъявить новыя требованія. Кавказской Группой, помимо двухъ товарищей, вызванныхъ изъ комитета, выписаны еще два. Одинъ изъ четырехъ уѣхалъ назадъ. Было рѣшено присоединить къ забастовкѣ и другіе депо — Тихорѣцкое (также и мастерскія), Минеральноводское, Грозненское и друг., такъ какъ забастовка на одномъ депо всегда можетъ окончиться неудачей. Въ это же время обнаружилась вся наша неорганизованность. Желѣзнодорожная промышленная организація представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое. Отдѣльныя депо и мастерскія лишь только часть этого предпріятія и остановка работъ въ одномъ депо или мастерскихъ не можетъ существенно отозваться на движеніи поѣздовъ. Необходимо нужна болѣе тѣсная связь, сплоченность въ одну организацію, чего, конечно не могутъ сдѣлать организаціи комитетовъ и группъ. Товарищи скоро убѣдились, въ томъ, что нуженъ для этого „Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ"; тѣмъ болѣе стало это необходимымъ, что постоянно поступали такія заявленія со стороны самихъ рабочихъ. Было рѣшено, что одинъ товарищъ останется въ Кавказской, другой поѣдетъ въ Тихорѣцкую, а третій въ Минеральныя Воды и Грозное. Въ Кавказской была организована стачечная группа изъ представителей отъ цеховъ и была начата выработка требованій на массовыхъ, конечно, конспиративныхъ собраніяхъ (чел. по 80-200). Вырабатывались они подъ предсѣдательствомъ товарища, дѣйствовавшаго отъ имени Кубанскаго Комитета. Удалось провести всѣ общія требованія, въ томъ числѣ и политическія, но депутаты самовольно предъявили администраціи требованія въ значительно сокращенномъ видѣ. По этому поводу на одномъ собраніи между депутатами и рабочими произошло столкновеніе. Тогда рѣшили предъявить во время забастовки другія требованія. Въ это время совмѣстно съ выработкой требованій въ рѣчахъ и бесѣдахъ выяснялись вопросы дня, говорилось о соціализмѣ, классовой борьбѣ, самодержавіи, Учредительномъ Собраніи, вооруженномъ возстаніи и проч. Однажды было поднято красное знамя съ подписями: „Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!" и „Да здравствуетъ Р. С. Д. Р. П.!". Но товарищамъ скоро пришлось убѣдиться, что рѣзкій тонъ рѣчей плохо вліяетъ на массу и было даже рѣшено два, три собранія посвятить исключительно экономикѣ и лишь слегка касаться общихъ вопросовъ. Въ Кавказской никогда не было забастовокъ, и работа Кубанскаго Комитета планомѣрно въ депо началась лишь мѣсяца полтора-два тому назадъ. Масса рабочихъ малосознательна. Бывало иной разъ, что забастовочное настроеніе падало и снова приходилось убѣждать продолжить борьбу. Но массовки сдѣлали свое дѣло, они пріучили массу слушать ораторовъ. Каждое собраніе заканчивалось пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, листки разбирались на расхватъ. Унылое, придавленное настроеніе смѣнилось надеждой и было рѣшено, во что бы то ни стало, 11 іюля бросить работы. Въ это время въ Минеральныхъ Водахъ товарищъ выступалъ на массовыхъ собраніяхъ (по 150-200 чел.). Въ этомъ депо (380 чел.) была раньше неудачная забастовка. Были приняты требованія, выработанныя въ Кавказской въ первой редакціи и лишь измѣнены мѣстныя. Товарищъ говорилъ отъ имени Куб. Ком., знакомилъ массу съ общими вопросами. Приходилось говорить крайне осторожно, такъ какъ въ Минеральныхъ Водахъ до сихъ поръ никто не работалъ. Настроеніе у массы было хорошее. Извѣстіе о поддержкѣ съ другихъ депо поднимали ихъ духъ. Въ Тихорѣцкой, въ силу отвратительныхъ полицейскихъ условій и запуганности рабочихъ массъ послѣ стачки 1902 г., пришлось устраивать собранія лишь по 20-80 чел. Однажды собралось до 150 чел., но товарищъ экстренно уѣхалъ и послѣ этого нельзя уже было организовать такого собранія. Послѣ ряда собраній и распространеній листковъ рабочіе рѣшились примкнуть къ забастовкѣ. Требованій выработано не было. Было также отправлено два товарища въ Ростовъ, чтобы тамъ съ Донскимъ Комитетомъ сговориться относительно забастовки, но тамъ дали отвѣтъ, что стачка экономическая невозможна: работы сокращены и администрація только и ждетъ того, какъ бы придраться, чтобы уволить ненужную часть рабочихъ. Веденіе забастовки въ Грозномъ взяли на себя организованныя рабочія группы (большевики). Когда товарищъ съ ними велъ переговоры, съ ихъ стороны было выражено удивленіе, что меньшевики занимаются забастовками, во вредъ текущей работѣ и ближайшей ихъ цѣли организаціи вооруженнаго возстанія! Кубанскій Комитетъ увѣдомилъ о забастовкѣ Баку, Тифлисъ и Тереко-Дагестанскій Комитетъ, въ Новороссійскѣ мѣстной группой Кубанскаго Комитета была начата агитація за забастовку. Настроеніе вездѣ повышалось. Масса провозглашала „ура!", Р. С. Д. Р. П. и даже „долой самодержавіе". Администрація, увидѣвъ, что можетъ вспыхнуть стачка начала заигрывать съ рабочими. Въ Кавказской администраціей было предложено 10 руб. на все дэпо (600 чел.) Удалось убѣдить отказаться отъ этой подачки. Въ Минеральныхъ Водахъ администрація дала нѣкоторымъ по 5 и 10 коп.; подъ вліяніемъ нашей агитаціи, они отказались. Былъ отмѣненъ приказъ № 21, который приравнивалъ рабочихъ къ положенію дѣтей: имъ ставятъ отмѣтки, дѣлаютъ выговоры и т. д. Администраціей были распространены временныя правила о выборѣ депутатовъ отъ рабочихъ. Они были ими изорваны или возвращены обратно. Товарищи прилагали всѣ усилія, чтобы поддержать настроеніе до 11 іюля. Работать приходилось и днемъ и ночью. Съ собранія ѣхать въ другое мѣсто на собраніе, писать листки, организовывать собранія, выступать на нихъ и проч. Говорили до хрипоты. Нѣкоторые не спали по нѣсколько ночей подрядъ. Много разъ наиболѣе слабые рабочіе пытались отказаться отъ забастовки. Наша агитація поддерживала ихъ. 11 іюля было рѣшено прекратить работы. Отъ имени группы организованныхъ рабочихъ Кубанскаго Комитета были выпущены призывные листки. Съ послѣдняго собранія расходились шумно съ пѣніемъ марсельезы. Полиція Кавказской, станціи знала о собраніяхъ, но боялась арестовать. Были по

буржуазной терминологіи. Даже между соціалистами встрѣчаются люди, огорчающіеся тѣмъ, что Николай не предупредилъ начала революціи своевременными уступками или не нашелъ себя вынужденнымъ къ этимъ уступкамъ гапоновскимъ движеніемъ 22 января. Но такая быстрая побѣда открыла бы дорогу лишь сильному либеральному правительству, продолженіе же самодержавія обезпечиваетъ теперь ничто иное, какъ непрерывную революцію. Ничто не можетъ такъ разжигать революцію, такъ глубоко подкапывать самыя основы государственной власти, какъ продленіе этого жалкаго, безмозглаго режима, сохранившаго силы ровно настолько, чтобы еще цѣпляться за свое мѣсто, но совершенно безсильнаго на все другое, не могущаго ни управлять, ни вести государственный корабль въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи. Самодержавіе еще можетъ мѣшать заключенію мира, но уже совершенно не въ состояніи вести побѣдоносную войну. Его силы еще хватаетъ на то, чтобы оттягивать установленіе либеральнаго правленія, но уже совершенно не хватаетъ на то, чтобы сдерживать въ границахъ самодѣятельность народа. Самодержавіе само становится, наконецъ, источникомъ анархіи, когда въ своемъ отчаяніи вызываетъ гражданскую войну, натравливая на своихъ противниковъ самые дикіе и непокорные элементы населенія: босяковъ въ городахъ, магометанъ на Кавказѣ. Разсчитывая раздавить ихъ руками своихъ враговъ, правительство не замѣчаетъ, что революціонеровъ такія нападенія только воспламеняютъ, толкая въ тоже время въ ряды противниковъ самодержавія самыхъ скромныхъ и миролюбивыхъ гражданъ.

Такіе методы контръ-революціи всегда служили лишь къ обостренію и усиленію самой революціи, выдвигая на первый планъ ея самые безпощадные элементы. Безъ возстанія въ Вандеѣ партія горы никогда, по всему вѣроятію, не усилилась бы настолько, чтобы сбросить Жиронду (іюнь 1793 г.) и ввести свою систему мелкобуржуазно-пролетарскаго террора.

Чѣмъ дольше удастся самодержавію мѣшать заключенію внѣшняго мира и установленію либеральнаго правительства внутри страны, тѣмъ ужаснѣе будетъ его конечное крушеніе, тѣмъ полнѣе будетъ разложеніе всякой государственной власти. Мы можемъ быть увѣрены, что царь со своей бандой сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы вогнать весь русскій народъ въ самую отчаянную революцію. Такова миссія, наложенная на него исторіей, и все говоритъ намъ за то, что онъ ее выполняетъ.

• • •

Эту статью Каутскій снабдилъ послѣсловіемъ, въ которомъ возражаетъ на слѣдующую тираду, вырвавшуюся у вѣнской „Arbeiterzeitung", подъ впечатлѣніемъ ложнаго извѣстія о сдачѣ Потемкина адмиралу Кригеру:

„Дерзость, толкающая на безмѣрно храбрыя дѣла и на слѣдующій же день трусливая покорность, печальная сдача палачу! Такова „широкая, русская душа", соединяющая варварскую жестокость съ женственно нѣжнымъ состраданіемъ, таковы колебанія славянской натуры между проявленіями огромной силы и самой жалкой слабости. Подобные перевороты въ чувствахъ людей, изображенные въ романахъ, раскрываютъ намъ глубины человѣческой души, но производятъ чуждое и странное впечатлѣніе, когда встрѣчаются въ жизни".

Что дѣйствительно „производитъ чуждое и странное впечатлѣніе", такъ именно эти слова... возражаетъ Каутскій.

Къ счастью, говоритъ онъ далѣе, эти замѣчанія о русской и славянской душѣ, являются ничѣмъ инымъ, какъ беллетристическими фразами, почерпнутыми изъ романовъ „раскрывающихъ глубины человѣческой души". Кто всматривается въ исторію русскаго народа, тотъ удивляется, наоборотъ, не „славянскимъ колебаніямъ" его натуры, а его упорству, которымъ всегда отличались и русскіе солдаты, какъ это испытали на себѣ Фридрихъ Великій и Наполеонъ. Это упорство вытекаетъ, впрочемъ вовсе не изъ мистическихъ свойствъ „славянской души", а изъ русскаго *производства*. До послѣдняго времени въ немъ почти безраздѣльно господствовало земледѣліе, а оно всюду порождало эти малоподвижныя, но въ тоже время крѣпкія и упорныя натуры.

Непосредственные переходы отъ одной крайности къ другой, отъ „огромной силы", къ „жалкой слабости", отъ „небеснаго блаженства", къ „смертельной тоскѣ", являются характернымъ признакомъ не крестьянъ, а людей, занимающихся тѣми профессіями, которыя развиваютъ нервозность. Такія колебанія встрѣчаются поэтому главнымъ образомъ среди интеллигенціи большихъ городовъ и проявляются гораздо сильнѣе въ тѣсныхъ квартирахъ большинства западно-европейскихъ редакцій, чѣмъ въ „широкой русской душѣ".

Такъ какъ въ Россіи тоже имѣется интеллигентный классъ, то имѣются и свойственные этому классу психическія черты, быть можетъ, выраженныя рѣзче, чѣмъ на западѣ, но не вслѣдствіе славянскаго происхожденія русской интеллигенціи, а вслѣдствіе ея историческаго положенія. Много Гамлетовъ мы встрѣчаемъ среди русскихъ интеллигентовъ, потому что имъ, какъ Гамлету выпала на долю задача, превышающая ихъ силы...

Передъ слабой малочисленной фалангой образованныхъ людей Россіи встала задача объявить войну владыкѣ громаднѣйшаго въ мірѣ государства, сильнѣйшей арміи, услужливѣйшей въ свѣтѣ бюрократіи, — объявить войну тому колосу, предъ которымъ склонялись всѣ государства. Немудрено, что настроеніе многихъ изъ этихъ людей колеблется отъ одной крайности къ другой, что сегодня еще поднятые до облаковъ величіемъ своей задачи, они завтра падаютъ, раздавленные ея гигантской тяжестью.

Но за границей именно эти интеллигенты всего больше кидаются въ глаза европейцамъ и кажутся имъ *типичными* россіянами. Эти же интеллигенты, какъ писатели, знакомятъ насъ съ „русской душой", которая, отражаясь въ этомъ колеблющемся зеркалѣ, сама кажется состоящей изъ однѣхъ крайностей, то являясь собраніемъ всѣхъ добродѣтелей и героизмовъ, то превращаясь въ тупую и покорную рабыню. Именно такіе интеллигенты даже теперь часто смотрятъ съ смѣшаннымъ чувствомъ на свою революцію, то радостно привѣтствуя ее какъ избавительницу, то оплакивая ее какъ разрушительницу всей культуры.

Но революція, какъ самодѣятельность русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ, идетъ своей дорогой не обращая вниманія на людскіе толки. Она вѣрна въ этомъ лозунгу Данте, усвоенному Марксомъ. Никогда и нигдѣ еще не было революціи, отличающейся такимъ упорствомъ, революціонеровъ, такимъ отсутствіемъ слабости, и колебаній, какъ именно русская.

Европейскія революціи съ 1789 по 1871 г. разыгрывались въ большихъ городахъ, ихъ рѣшающія дѣйствія длились лишь нѣсколько дней и послѣ короткой бури онѣ либо побѣждали, либо — побѣжденныя — прекращались

Теперь въ Россіи мы присутствуемъ при неустанной, непримиримой травлѣ абсолютизма, не въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, а по всему необъятному царству. И эта травля не на животъ, а на смерть длится уже больше полугода безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія со стороны нападающихъ. Побѣжденные безчисленное множество разъ, борцы снова поднимаются съ умножившейся силой и все большей стремительностью. И именно то неутомимое упорство, съ которымъ русская революція преслѣдуетъ самодержавнаго звѣря, служитъ ручательствомъ въ томъ, что эта революція не остановится преждевременно, что ея побѣда несомнѣнна.

побѣды завоевать себѣ поприще, на которомъ могутъ прочно осуществиться такія вещи, какъ стачки, профессіональные союзы и т. д. Заниматься теперь устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ значитъ забывать о необходимости такого завоеванія. А кто у насъ занимается устройствомъ всѣхъ этихъ вещей? Меньшевики. Что въ дѣятельности меньшевиковъ устройство стачекъ, профессіональныхъ союзовъ занимаетъ не единственное мѣсто и что о завоеваніи „поприща" они не забываютъ, это Ленинъ отлично знаетъ, но такъ какъ онъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, оглушить своего читателя, то онъ торопится подсказать ему выводъ: слѣдовательно, меньшевики представляютъ изъ себя современныхъ Борновъ и съ ними должны случиться всѣ тѣ скверныя вещи, которыя, приключились съ Борномъ, включая сюда и то, что какой нибудь будущій Ленинъ обругаетъ ихъ „кислымъ молокомъ".

Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Прежде всего, кислое молоко оказывается плодомъ... ну, скажемъ, нѣсколько вольной фантазіи переводчика. Энгельсъ пишетъ: „Born, der eigentlich Buttermilch heist",... что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „Борнъ, настоящее имя котораго Буттермильхъ,..." Ленинъ же переводитъ: „Борнъ, которому надо бы собственно называться кислымъ молокомъ",... Надо бы! Очевидно, для посрамленія меньшевиковъ. Какъ было бы хорошо, еслибъ Энгельсъ дѣйствительно написалъ такъ, какъ подсказалъ ему Ленинъ! Къ сожалѣнію, Энгельсъ зналъ то, чего не зналъ углубившій его Ленинъ, что Стефанъ Борнъ былъ литературный и революціонный псевдонимъ, а Буттермильхъ — настоящая фамилія. Но Энгельсъ зналъ еще и многое другое, а потому надежда опереться на него, какъ на представителя правовѣрной „твердокаменности" оказывается совершенно тщетной. Энгельсъ не одобрялъ организаціи, созданной Борномъ, за то, что она устраивала стачки и профессіональные союзы, прежде чѣмъ политическія завоеванія были окончательно закрѣплены. А такъ и наши меньшевики занимаются устройствомъ стачекъ и профессіональныхъ союзовъ, прежде чѣмъ и т. д., то, значитъ, Энгельсъ не одобрялъ бы ихъ, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ основателей научнаго соціализма оказывается сторонникомъ тактики впередовцевъ.

Ну, а другой основатель научнаго соціализма? Что думалъ Марксъ о занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ? Открываемъ его „Нищету философіи", написанную зимою 1846-47 года и на стр. 143 русскаго перевода читаемъ: „Чѣмъ сильнѣе развивается промышленность, тѣмъ болѣе является элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ коалиціи, а когда коалиціи становятся экономическимъ фактомъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтающимъ все большую и большую устойчивость, то онѣ по необходимости становятся въ скоромъ времени фактомъ законнымъ.

„Поэтому, соотвѣтствующая статья уголовнаго кодекса доказываетъ только, что во время Учредительнаго Собранія и при Имперіи крупная промышленность и конкуренція не были еще достаточно развиты".

И далѣе, на стр. 145: „Первыя попытки рабочихъ къ соединенію между собой всегда принимаютъ форму коалицій.

„Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей. Конкуренція разъединяетъ ихъ интересы. Но охрана заработной платы отъ паденія, — этотъ общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому интересъ, — соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія: *коалиціи*. Такимъ образомъ, коалиція всегда имѣетъ двойную цѣль: прекратить конкуренцію между рабочими, чтобы быть въ состояніи общими силами конкуррировать съ капиталистомъ. Если первой цѣлью сопротивленія являлось лишь поддержаніе заработной платы, то потомъ, по мѣрѣ объединенія самихъ капиталистовъ на идеѣ обузданія рабочихъ, отдѣльныя коалиціи этихъ послѣднихъ формируются въ группы и, въ виду всегда объединеннаго капитала, сохраненіе союза становится для нихъ необходимѣе самой охраны заработной платы отъ паденія. До какой степени это вѣрно, показываетъ тотъ фактъ, что рабочіе, къ крайнему удивленію англійскихъ экономистовъ, жертвуютъ значительной частью своей заработной платы въ пользу союзовъ, основанныхъ, по мнѣнію этихъ экономистовъ, лишь ради заработной платы. Въ этой борьбѣ — настоящей междоусобной войнѣ — соединяются и развиваются всѣ необходимые элементы будущихъ битвъ. Дойдя до этой ступени, коалиція принимаетъ политическій характеръ".

Итакъ, Марксъ думалъ, что 1) коалиціи (профессіональные союзы и стачки тоже) суть столь же естественное проявленіе крупной промышленности, какъ, скажемъ, кризисы и безработица; 2) коалиціи въ своемъ развитіи разбиваютъ тѣ юридическія нормы, которыя должны препятствовать самому ихъ существованію, и 3) слѣдовательно, не противополагаются политической борьбѣ, а являются однимъ изъ ея элементовъ. Рѣшительно то же самое утверждаетъ вызвавшая ленинскій гнѣвъ резолюція первой общерусской конференціи о профессіональныхъ союзахъ.

Марксъ, слѣдовательно, подтверждаетъ тактику меньшевиковъ. Остается Энгельсъ. Не [illegible] между нимъ и Марксомъ существовало крупное разногласіе по этому поводу? Если бы это было такъ, то оно было бы гдѣ нибудь высказано Энгельсомъ. Но не только ничего подобнаго нѣтъ, но извѣстно, что второе нѣмецкое изданіе „Нищеты философіи" вышло съ предисловіемъ и примѣчаніями Энгельса, написанными около того же времени, когда были писаны вышеприведенныя строки о Стефанѣ Борнѣ. И Энгельсъ ни однимъ словомъ не обмолвился о своемъ несогласіи съ Марксомъ. Не странно ли это?

Намъ кажется, что Ленинъ не такъ бы торопился опираться на Энгельса, если бы вспомнилъ то, что онъ же, Ленинъ, писалъ парой страницъ раньше объ экономической отсталости Германіи. Если при крупной промышленности коалиціи играютъ громадную революціонную роль, то при господствѣ мелкаго производства ихъ роль сводится къ вызову бури въ стаканѣ воды, а само собой разумѣется, что такого рода дѣятельность въ революціонную эпоху не могла встрѣтить симпатій ни у Маркса, ни у Энгельса. Пусть Ленинъ скажетъ, что такую же роль стачки играютъ и въ современной Россіи, и тогда у насъ пойдетъ разговоръ другого рода. Не споримъ, диктатура пролетаріата и крестьянства, какъ она мерещется Ленину, скорѣе осуществима, — если она вообще осуществима, — при тѣхъ производственныхъ отношеніяхъ, какія господствовали въ Германіи 48 года, но это не даетъ права ему, Ленину, выкидывать за бортъ экономическія основы современной Россіи и роль пролетаріата въ современномъ революціонномъ движеніи.

Замѣтимъ, впрочемъ, что даже по отношенію къ тогдашней Германіи Мэрингъ находитъ сужденіе Энгельса о дѣятельности Борна не совсѣмъ правильнымъ. Ленинъ умудряется соглашаться и съ Мэрингомъ и съ Энгельсомъ, прибавивъ только, что „Мэрингъ выражается черезчуръ мягко и уклончиво". Вотъ уже качества, въ которыхъ никто до сихъ поръ не заподозрилъ Мэринга! И въ чемъ заключается мягкость и уклончивость Мэринга, Ленинъ намъ такъ и не объяснилъ. Кромѣ приводимаго Ленинымъ (на стр. 106 его брошюры) мнѣнія Мэринга о Борнѣ, тотъ же Мэрингъ высказался объ этомъ же предметѣ въ своей „Исторіи нѣмецкой Соціальдемократіи" и вотъ что мы тамъ читаемъ: „По скольку можно, на основаніи источниковъ, судить о рабочемъ движеніи 1848 года въ германскихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, то, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, оно могло только вращаться въ кругѣ идей тогдашней французской соціальдемократіи и не идти дальше такихъ вопросовъ, какъ организація труда, право на трудъ, министерство труда. Стадія безцѣльныхъ голодныхъ бунтовъ была далеко позади, хотя кое гдѣ еще приходилось наблюдать разрушеніе машинъ. Утопическій цеховый коммунизмъ (Handwerker Kommunismus) въ главныхъ чертахъ тоже былъ уже преодолѣнъ; Вейтлингъ, явившійся въ Берлинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, не смогъ найти никакой почвы среди тамошнихъ рабочихъ и принужденъ былъ, выпустивъ только нѣсколько номеровъ, закрыть основанную имъ газету Urwähler, вслѣдствіе отсутствія читателей. Но тогдашнее рабочее движеніе еще не созрѣло для точки зрѣнія Коммунистическаго Манифеста, который можетъ стать знаменемъ массоваго движенія только тогда, когда крупная промышленность является типической формой производства въ гораздо болѣе сильной степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ тогдашней восточной Германіи. Если Борнъ хотѣлъ дать рабочимъ классовую организацію, то онъ долженъ былъ считаться съ тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ пока только и могли вращаться эти рабочіе, и онъ употребилъ не мало энергіи чтобы вывести ихъ за предѣлы этого горизонта". Это мѣсто можетъ очень не нравиться Ленину, онъ можетъ даже обругать Мэринга по этому поводу Buttermilch'омъ (что кстати въ переводѣ на русскій языкъ значитъ сыворотка, а не кислое молоко) но уклончивости здѣсь и слѣда нѣтъ.

Въ той же „Нищетѣ Философіи" Марксъ между прочимъ говоритъ: „когда приходится дать себѣ ясный отчетъ относительно стачекъ, коалицій и другихъ формъ, подъ которыми пролетаріатъ совершаетъ на нашихъ глазахъ свою классовую организацію, то однихъ охватываетъ самый реальный страхъ, другіе высказываютъ трансцендентальное презрѣніе". Трансцендентальное презрѣніе къ коалиціямъ, обнаруживали „чистые соціалисты" 40-хъ годовъ, относившіеся отрицательно къ политикѣ и видѣвшіе въ устройствѣ коалицій занятіе политикой. Трансцендентальнымъ презрѣніемъ къ коалиціямъ проникнутъ и чистый политикъ Ленинъ. Еще разъ крайности сходятся.

По Россіи.

Подготовка къ забастовкѣ на Владикавказской желѣзной дорогѣ

Кубанскій Комитетъ 17 іюня былъ увѣдомленъ Кавказской Группой этого комитета, что на станціи Кавказской началась забастовка въ желѣзнодорожномъ депо (считая вмѣстѣ съ машинистами 800-900 человѣкъ). Въ этотъ же день комитетомъ было отправлено туда два товарища съ тѣмъ, чтобы захватить забастовку, такъ какъ мѣстная группа была не въ силахъ. На первомъ же собраніи деповскихъ рабочихъ (70-80 человѣкъ) выяснилось, что предъявлено требованіе увеличенія заработной платы на пять и десять коп. Администрація обѣщала дать отвѣтъ черезъ три недѣли. Рабочіе поймались на эту удочку и согласились, ставъ черезъ 12 час. на работу. На [illegible]. Пришлось на трехъ собраніяхъ убѣждать рабочихъ снова забастовать и [illegible] новыя требованія. Кавказской Группой, помимо двухъ товарищей, вызванныхъ изъ комитета, вызваны еще два. [illegible] Было рѣшено присоединить къ забастовкѣ и другія [illegible] Тихорѣцкое (также и мастерскія), Минеральныя Воды, Грозненское и друг., такъ какъ забастовка на одномъ депо всегда можетъ окончиться неудачей. Въ это же время обнаружилась [illegible] Желѣзнодорожная промышленная организація представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое. Отдѣльныя депо и мастерскія лишь только часть этого предпріятія и остановка работъ въ одномъ депо или мастерскихъ не можетъ существенно отозваться на движеніи поѣздовъ. Необходимо нужна болѣе тѣсная связь, сплоченность въ одну организацію, чего, конечно не могутъ сдѣлать организаціи комитетовъ и группъ. Товарищи скоро убѣдились, въ томъ, что нуженъ для этого „Союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ"; тѣмъ болѣе стало это необходимымъ, что постоянно поступали такія заявленія со стороны самихъ рабочихъ. Было рѣшено, что одинъ товарищъ останется въ Кавказской, другой поѣдетъ въ Тихорѣцкую, а третій въ Минеральныя Воды и Грозное. Въ Кавказской была организована стачечная группа изъ представителей отъ цеховъ и была начата выработка требованій на массовыхъ, конечно, конспиративныхъ собраніяхъ (чел. по 80-200). Вырабатывались они подъ предсѣдательствомъ товарища, дѣйствовавшаго отъ имени Кубанскаго Комитета. Удалось провести всѣ общія требованія, въ томъ числѣ и политическія, но депутаты самовольно предъявили администраціи требованія въ значительно сокращенномъ видѣ. По этому поводу на одномъ собраніи между депутатами и рабочими произошло столкновеніе. Тогда рѣшили предъявить во время забастовки другія требованія. Въ это время совмѣстно съ выработкой требованій въ рѣчахъ и бесѣдахъ выяснялись вопросы дня, говорилось о соціализмѣ, классовой борьбѣ, самодержавіи, Учредительномъ Собраніи, вооруженномъ возстаніи и проч. Однажды было поднято красное знамя съ подписями: „Да здравствуетъ 8-ми часовой рабочій день!" и „Да здравствуетъ Р. С. Д. Р. П.!". Но товарищамъ скоро пришлось убѣдиться, что рѣзкій тонъ рѣчей плохо вліяетъ на массу и было даже рѣшено два, три собранія посвятить исключительно экономикѣ и лишь слегка касаться общихъ вопросовъ. Въ Кавказской никогда не было забастовокъ, и работа Кубанскаго Комитета планомѣрно въ депо началась лишь мѣсяца полтора-два тому назадъ. Масса рабочихъ малосознательна. Бывало иной разъ, что забастовочное настроеніе падало и снова приходилось убѣждать продолжить борьбу. Но массовки сдѣлали свое дѣло, они пріучили массу слушать ораторовъ. Каждое собраніе заканчивалось пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, листки разбирались на расхватъ. Унылое, придавленное настроеніе смѣнилось надеждой и было рѣшено, во что бы то ни стало, 11 іюля бросить работы. Въ это время въ Минеральныхъ Водахъ товарищъ выступалъ на массовыхъ собраніяхъ (по 150-200 чел.). Въ этомъ депо (380 чел.) была раньше неудачная забастовка. Были приняты требованія, выработанныя въ Кавказской въ первой редакціи и лишь вмѣнены мѣстныя. Товарищъ говорилъ отъ имени Куб. Ком., знакомилъ массу съ общими вопросами. Приходилось говорить крайне осторожно, такъ какъ въ Минеральныхъ Водахъ до сихъ поръ никто не работалъ. Настроеніе у массы было хорошее. Извѣстіе о поддержкѣ съ другихъ депо поднимали ихъ духъ. Въ Тихорѣцкой, въ силу отвратительныхъ полицейскихъ условій и запуганности рабочихъ массъ послѣ стачки 1902 г., пришлось устраивать собранія лишь по 20-80 чел. Однажды собралось до 150 чел., но товарищъ экстренно уѣхалъ и послѣ этого нельзя уже было организовать такого собранія. Послѣ ряда собраній и распространенія листковъ рабочіе рѣшились примкнуть къ забастовкѣ. Требованій выработано не было. Было также отправлено два товарища въ Ростовъ, чтобы тамъ съ Донскимъ Комитетомъ сговориться относительно забастовки, но тамъ дали отвѣтъ, что стачка экономическая невозможна: работы сокращены и администрація только и ждетъ того, какъ бы придраться, чтобы уволить ненужную часть рабочихъ. Веденіе забастовки въ Грозномъ взяли на себя организованныя рабочія группы (большевики). Когда товарищъ съ ними велъ переговоры, съ ихъ стороны было выражено удивленіе, что меньшевики занимаются забастовками, во вредъ текущей работѣ и ближайшей ихъ цѣли организаціи вооруженнаго возстанія! Кубанскій Комитетъ увѣдомилъ о забастовкѣ Баку, Тифлисъ и Тереко-Дагестанскій Комитетъ, въ Новороссійскѣ мѣстной группой Кубанскаго Комитета была начата агитація за забастовку. Настроеніе въ депо повышалось. Масса провозглашала „ура!", Р. С. Д. Р. П. и даже „долой самодержавіе". Администрація, увидѣвъ, что можетъ вспыхнуть стачка начала заигрывать съ рабочими. Въ Кавказской администраціей было предложено 10 руб. на все депо (600 чел.). Удалось убѣдить отказаться отъ этой подачки. Въ Минеральныхъ Водахъ администрація дала нѣкоторымъ по 5 и 10 коп.; подъ вліяніемъ нашей агитаціи они отказались. Былъ отмѣненъ приказъ № 21, который приравнивалъ рабочихъ къ положенію дѣтей: имъ ставятъ отмѣтки, дѣлаютъ выговоры и т. д. Администраціей были распространены временныя правила о выборѣ депутатовъ отъ рабочихъ. Они были ими изорваны или возвращены обратно. Товарищи прилагали всѣ усилія, чтобы поддержать настроеніе до 11 іюля. Работать приходилось и днемъ и ночью. Съ собранія бѣжать въ другое мѣсто на собраніе, писать листки, организовывать собранія, выступать на нихъ и проч. Говорили съ хрипотой. Нѣкоторые не спали по нѣсколько ночей подрядъ. Мѣстами наиболѣе слабые рабочіе пытались отказаться отъ забастовки. Наша агитація поддерживала ихъ. 11 іюля было рѣшено прекратить работы. Отъ имени группы [illegible] рабочихъ Кубанскаго Комитета были выпущены призывные листки. Съ послѣдняго собранія расходились шумно съ пѣніемъ марсельезы. Полиція Кавказской, [illegible] арестовать. Были по-

---

буржуазной терминологіи. Даже между соціалистами встрѣчаются люди, огорчающіеся тѣмъ, что Николай не предупредилъ начала революціи своевременными уступками или не нашелъ себя вынужденнымъ къ этимъ уступкамъ гапоновскимъ движеніемъ 22 января. Но такая быстрая побѣда открыла бы дорогу лишь сильному либеральному правительству, продолженіе же самодержавія обезпечиваетъ теперь ничто иное, какъ непрерывную революцію. Ничто не можетъ такъ разжигать революцію, такъ глубоко подкапывать самыя основы государственной власти, какъ продленіе этого жалкаго безмозглаго режима, сохранившаго силы ровно настолько, чтобы еще цѣпляться за свое мѣсто, но совершенно безсильнаго на все другое, не могущаго ни управлять, ни вести государственный корабль въ какомъ нибудь опредѣленномъ направленіи. Самодержавіе еще можетъ мѣшать заключенію мира, но уже совершенно не въ состояніи вести побѣдоносную войну. Его силы еще хватаетъ на то, чтобы оттягивать установленіе либеральнаго правленія, но уже совершенно не хватаетъ на то, чтобы сдерживать въ границахъ самодѣятельность народа. Самодержавіе само становится, наконецъ, источникомъ анархіи, когда въ своемъ отчаяніи вызываетъ гражданскую войну, направляя на своихъ противниковъ самые дикіе и невѣжественные элементы населенія: босяковъ въ городахъ, магометанъ на Кавказѣ. Разсчитывая раздавить ихъ руками своихъ враговъ, правительство не замѣчаетъ, что революціонеровъ такія нападенія только воспламеняютъ, толкая въ тоже время въ ряды противниковъ самодержавія самыхъ скромныхъ и миролюбивыхъ гражданъ.

Такіе методы контръ-революціи всегда служили лишь къ обостренію и усиленію самой революціи, выдвигая на первый планъ ея самые безпощадные элементы. Безъ возстанія въ Вандеѣ партія горы никогда, по всему вѣроятію, не усилилась бы настолько, чтобы сбросить Жиронду въ іюнѣ 1793 г. и ввести свою систему мелкобуржуазно-пролетарскаго террора.

Чѣмъ дольше удастся самодержавію мѣшать заключенію внѣшняго мира и установленію либеральнаго правительства внутри страны, тѣмъ ужаснѣе будетъ его конечное крушеніе, тѣмъ полнѣе будетъ разложеніе всякой государственной власти. Мы можемъ быть увѣрены, что царь со своей бандой сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы вогнать весь русскій народъ въ самую отчаянную революцію. Такова миссія, наложенная на него исторіей, и все говоритъ намъ за то, что онъ ее выполняетъ.

* * *

Эту статью Каутскій снабдилъ послѣсловіемъ, въ которомъ возражаетъ на слѣдующую тираду, вырвавшуюся у вѣнской „Arbeiterzeitung", подъ впечатлѣніемъ ложнаго извѣстія о сдачѣ Потемкина адмиралу Крюгеру:

„Героизмъ, сказавшійся на безмѣрно храбрыя дѣла и на слѣдующій же день трусливая покорность, печальная сдача палачу! Такова „широкая, русская душа", соединяющая варварскую жестокость съ женственно нѣжнымъ состраданіемъ, таковы колебанія славянской натуры между проявленіями огромной силы и самой жалкой слабости. Подобные перевороты въ чувствахъ людей, изображенные въ романахъ, раскрываютъ намъ глубины человѣческой души, но производятъ чуждое и странное впечатлѣніе, когда встрѣчаются въ жизни".

Что дѣйствительно „производитъ чуждое и странное впечатлѣніе", такъ именно эти слова... возражаетъ Каутскій.

Къ счастью, говоритъ онъ далѣе, эти замѣчанія о русской и славянской душѣ, являются ничѣмъ инымъ, какъ беллетристическими фразами, почерпнутыми изъ романовъ „раскрывающихъ глубины человѣческой души". Кто всматривается въ исторію русскаго народа, тотъ удивляется, наоборотъ, не „славянскимъ колебаніямъ" его натуры, а его упорству, которымъ всегда отличались и русскіе солдаты, какъ это испытали на себѣ Фридрихъ Великій и Наполеонъ. Это упорство вытекаетъ, впрочемъ, вовсе не изъ мистическихъ свойствъ „славянской души", а изъ русскаго *производства*. До послѣдняго времени въ немъ почти исключительно господствовало земледѣліе, а оно всюду порождало очень малоподвижныя, но въ тоже время крѣпкія и упорныя натуры.

Непосредственные переходы отъ одной крайности къ другой, отъ „огромной силы", къ „жалкой слабости", отъ „небеснаго блаженства", къ „смертельной тоскѣ", являются характернымъ признакомъ не крестьянъ, а людей, занимающихся тѣми профессіями, которыя развиваютъ нервозность. Такія колебанія встрѣчаются поэтому главнымъ образомъ среди интеллигенціи большихъ городовъ и проявляются гораздо сильнѣе въ тѣсныхъ квартирахъ большинства западно-европейскихъ редакцій, чѣмъ въ „широкой русской душѣ".

Такъ какъ въ Россіи тоже имѣется интеллигентный классъ, то имѣются и свойственные этому классу психическія черты, быть можетъ, выраженныя рѣзче, чѣмъ на западѣ, но не вслѣдствіе славянскаго происхожденія русской интеллигенціи, а вслѣдствіе ея историческаго положенія. Много Гамлетовъ мы встрѣчаемъ среди русскихъ интеллигентовъ, потому что имъ, какъ Гамлету выпала на долю задача, превышающая ихъ силы...

Передъ слабой малочисленной фалангой образованныхъ людей Россіи встала задача объявить войну владыкѣ громаднѣйшаго въ мірѣ государства, сильнѣйшей арміи, услужливѣйшей въ свѣтѣ бюрократіи, — объявить войну тому колосу, предъ которымъ склонились всѣ государства. Немудрено, что настроеніе многихъ изъ этихъ людей колеблется отъ одной крайности къ другой, что сегодня еще поднятые до облаковъ величіемъ своей задачи, они завтра падаютъ, раздавленные ея гигантской тяжестью.

Но за границей именно эти интеллигенты всего больше кидаются въ глаза европейцамъ и кажутся имъ *типичными* россіянами. Эти же интеллигенты, какъ писатели, знакомятъ насъ съ „русской душой", которая, отражаясь въ этомъ колеблющемся зеркалѣ, сама кажется состоящей изъ однѣхъ крайностей, то являясь собраніемъ всѣхъ добродѣтелей и героизмовъ, то превращаясь въ тупую и покорную рабыню. Именно такіе интеллигенты даже теперь часто смотрятъ съ смѣшаннымъ чувствомъ на свою революцію, то радостно привѣтствуя ее какъ избавительницу, то оплакивая ее какъ разрушительницу всей культуры.

Но революція, какъ самодѣятельность русскихъ пролетаріевъ и крестьянъ, идетъ своей дорогой не обращая вниманія на людскіе толки. Она вѣрна въ этомъ лозунгу Данте, усвоенному Марксомъ. Никогда и нигдѣ еще не было революціи, отличающейся такимъ упорствомъ революціонеровъ, такимъ отсутствіемъ слабости и колебаній, какъ именно русская.

Европейскія революціи съ 1789 по 1871 г. разыгрывались въ большихъ городахъ, ихъ рѣшающія дѣйствія длились лишь нѣсколько дней и послѣ короткой бури онѣ либо побѣждали, либо — побѣжденныя — прекращались.

Теперь въ Россіи мы присутствуемъ при неустанной, непримиримой травлѣ абсолютизма, не въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, а по всему необъятному царству. И эта травля не на животъ, а на смерть длится уже больше полугода безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія со стороны нападающихъ. Побѣжденные безчисленное множество разъ, борцы снова поднимаются съ умножившейся силой и все большей стремительностью. И именно то неутомимое упорство, съ которымъ русская революція преслѣдуетъ самодержавнаго звѣря, служитъ ручательствомъ въ томъ, что эта революція не остановится преждевременно, что ея побѣда несомнѣнна.

пытки арестовать товарищей, но не удачно. Въ Минеральныхъ Водахъ тоже знали о собраніяхъ, такъ какъ собирались совершенно открыто, но тамъ нѣтъ ни казаковъ, ни войскъ. 11-го іюля, по заранѣе выработанному плану, бросили работы въ Кавказской и Минеральныхъ Водахъ, на слѣдующій день послѣ обѣда въ Тихорѣцкой (вслѣдствіи ареста товарища запоздали), затѣмъ въ Грозномъ, Балафгернѣ, Ростовѣ, Новороссійскѣ.

Екатеринодаръ. Съ 4 по 7 іюля въ мѣстной тюрьмѣ была голодовка. Голодало 9 человѣкъ. Поводомъ къ этой крайней мѣрѣ борьбы въ тюрьмѣ послужили черви, поданные въ обѣденной арестантской кашѣ. Причиной же является извѣстный своимъ звѣрствомъ смотритель Скачко и его распоряженія объ отмѣнѣ свиданій и переводѣ „политиковъ" на общеарестантскій столъ, сдѣланныя по предложенію тюремнаго (онъ же и городской) врача Абессаломова (онъ самъ заявилъ, что дѣлаетъ это „изъ мести"). Чтобы ослабить сопротивленіе голодающихъ, администрація перевела въ Устьлабинскую тюрьму 4 товарищей (В Базикина, С. Секретова, Яковенко и одного рабочаго съ Кавказской).

Теперь въ Екатеринодарской тюрьмѣ свыше 50 „политиковъ", да, кромѣ того, изъ мѣстъ забастовки желѣзно-дорожныхъ рабочихъ продолжаютъ прибывать все новые и новые арестанты. Въ Екатеринодарѣ 19 іюля арестованы 21 рабочій (всѣ выпущены на другой день и учитель Постяновъ (сидитъ).

Новороссійскъ. 19 іюля было арестовано приблизительно 200 челов., но всѣ, за исключеніемъ 15, сидящихъ теперь въ тюрьмѣ, выпущены. Есть слухи, что часть арестованныхъ (кромѣ 15) сидитъ по участкамъ или выслана изъ города. Такимъ образомъ оказалось, что организація сильно расшатана. Было произведено много обысковъ и арестована типографія съ двумя товарищами. 20 го было собраніе (200 – 300 челов.) около больницы, гдѣ были раненые и убитые. Говорилъ товарищъ о причинахъ неудачи этой забастовки. Въ честь погибшихъ товарищей сняли шапки... Настроеніе было тяжелое. У многихъ изъ глазъ катали слезы... Товарищъ призывалъ приготовиться, вооружиться и тогда уже дать послѣднее сраженіе самодержавію. Масса жалѣла, что раньше отказывались выставлять политическія требованія. Эта забастовка и въ связи съ ней избіеніе показали связь экономики съ политикой. Собраніе разошлось съ рѣшеніемъ завтра (21 іюля) торжественно хоронить товарищей. 21-го состоялись похороны 9 рабочихъ. Собрались проводить товарищей болѣе 3000 рабочихъ и работницъ. Процессія открывалась черными знаменами, съ надписями: „Смерть тиранамъ„, „Слава погибшимъ". Вѣнки были съ красными лентами. Около знамени сгруппировались организованные рабочіе и запѣли „Вы жертвою пали" Тогда попъ запротестовалъ и отказался дальше идти. Вслѣдствіе подавленности настроенія послѣ событій 19-го между рабочими произошелъ разладъ и пѣніе пришлось прекратить. На общей могилѣ была сказана рѣчь. Толпа выслушала ее очень внимательно. Къ концу рѣчи показались вдали казаки и толпа въ паническомъ ужасѣ начала разбѣгаться. Остановить бѣгущую массу, терроризованную убійствами 19 го іюля, товарищи оказались не въ силахъ. Избіенія на этотъ разъ не послѣдовало.

Теперь по городу и окрестностямъ разъѣзжаютъ казаки. Они празднуютъ свою побѣду. Организованы сборы въ пользу пострадавшихъ. Городская Дума выдала всѣмъ пострадавшимъ по 25 руб. Губернаторъ ей пригрозилъ и она, видимо, испугалась, такъ какъ прерываетъ сношенія съ рабочими. Носятся слухи, что часть убитыхъ скрыта полиціей. Есть основаніе думать, что этотъ слухъ вѣренъ, такъ какъ двухъ убитыхъ женщинъ нѣтъ. Населеніе страшно напугано... Нѣкоторые рабочіе требовали отъ организаціи убійства губернатора Трофимова. Вслѣдствіе такого провала, организація политической забастовки Черноморскій Комитетъ взять на себя не можетъ. Теперь предъ Черноморскимъ Комитетомъ стоитъ задача сызнова организовать работу. Систематическая работа соціальдемократіи здѣсь началась сравнительно недавно. Организація работала больше вширь, нежели вглубь и такого политическаго испытанія не могла безболѣзненно вынести на своихъ плечахъ.

Черноморскій Комитетъ Сѣв.-Кав Союза. Р. С. Д Р. П.

Армавиръ 3 іюня въ с. Новая Михайловка арестованы двое рабочихъ. Арестъ ихъ связанъ со слѣдующими обстоятельствами: въ окрестностяхъ Армавира есть нѣсколько огромнѣйшихъ экономій, для которыхъ требуется въ горячее лѣтнее время до 10 тысячь рабочихъ. Во время жатвы среди сельскохозяйственныхъ рабочихъ началось движеніе въ пользу повышенія поденной платы. Армавирская организація рѣшила пріити на помощь своимъ деревенскимъ товарищамъ и съ этой цѣлью командировала въ село Новую Михайловку, гдѣ производилась наемка, двухъ рабочихъ своей организаціи со спеціально для этого выпущенными прокламаціями къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Здѣсь они были арестованы мѣстными властями при помощи кулаковъ нанимателей.

Ставрополь-Кавказскій. Окрестные жители захватили самовольно до 200 десятинъ городской земли. Спѣшно проводятся канавы, возводятся постройки. При малѣйшей попыткѣ къ вмѣшательству со стороны администраціи, населеніе рѣшило оказать вооруженное сопротивленіе. Что то будетъ? Власти бездѣйствуютъ, хотя въ ихъ распоряженіи имѣются солдаты и казаки, присланные изъ ст. Кавказской послѣ событій 7 іюня.

Забастовали шапочники въ количествѣ 30 чел., и предъявили цѣлый рядъ экономическихъ требованій.

Картинка изъ нашихъ аграрныхъ отношеній.

Ставрополь. Въ Ставропольской губерніи въ Александровскомъ уѣздѣ находятся громадные земельные участки (115000 десятинъ), которые принадлежатъ удѣльному вѣдомству; и вотъ здѣсь то на почвѣ арендныхъ отношеній разыгрываются самыя безобразныя явленія. Прежде всего громаднымъ количествомъ земли, именно 114000 дес., владѣютъ крупные арендаторы. Въ рукахъ одного изъ нихъ — Алексѣева находится ни болѣе ни менѣе, какъ 20000 десятинъ, всѣ же 114000 арендуютъ 20 кулаковъ и только одна тысяча десятинъ арендуется сельскими обществами. Но это не все. Обыкновенно годовая арендная плата со стороны крупныхъ арендаторовъ колеблется между 1 р. 40 — 2 р. 50 к. (только въ послѣднемъ году одинъ арендаторъ платитъ 3 р 50 к). тогда какъ крестьяне платятъ за такую же землю... 6—6,50. Въ этомъ году крестьянскія общества хотѣли снять въ аренду еще 1000 десятинъ тоже по 6 р., но имъ удѣльное вѣдомство отказало. Характерно также и то, что срокъ аренды для крестьянъ не можетъ продолжаться больше трехъ лѣтъ, а крупные арендаторы могутъ снимать на 12-ть лѣтъ. Комиссіи Горемыкина, занятой разрѣшеніемъ вопроса: можно ли крестьянамъ собирать грибы въ казенныхъ лѣсахъ, или нѣтъ — конечно, нѣтъ времени обратить вниманіе на такія явленія...

Рига. Половина Риги бастуетъ. Трамвай не ходитъ уже 5-6 дней. Самые крупные заводы бастуютъ. Въ городѣ сильное броженіе. Можно ожидать самыхъ крупныхъ „безпорядковъ" — вплоть до баррикадъ. Къ сожалѣнію, Латышская Партія всѣми силами старается локализовать движеніе. Такъ, на заводѣ „Этна", когда нашъ агитаторъ предложилъ выбрать делегатовъ и послать на другіе бастующіе заводы того же производства, чтобы создать общую связь между рабочими, то рабочіе изъ Латышской партіи агитировали противъ этого и намъ не удалось провед[illegible] свой планъ. Вообще, между нами и „большевиками", [illegible] стороны, Бундомъ и Латышской партіей, съ другой, [illegible]нія весьма натянутыя. Объ этомъ — въ другой разъ. Те[illegible] упомяну, что наша группа очень усиленно работаетъ [illegible] латышей и въ нашу организацію входятъ латышскіе рабо[illegible]ке, среди нѣмцевъ у насъ хорошая организація. По временамъ забываешь, что Рига находится въ Россіи, особенно на заводахъ: каждый заводъ превратился въ рабочій клубъ, каждый день говорятъ на всѣхъ заводахъ рѣчи на всевозможныя темы, происходятъ громадные митинги на заводскихъ дворахъ. Наши ораторы говорятъ повсюду. Автору этихъ строкъ пришлось за 7 дней произнести 15 рѣчей передъ различными собраніями рабочихъ отъ 50 до 3000 чел. Престижъ Партіи очень великъ, особенно нравится ея интернаціональный характеръ.

Отличительная черта нынѣшнихъ забастовокъ: выбрасываніе изъ заводовъ шпіоновъ и вредныхъ мастеровъ и стремленіе свободно обсуждать свои дѣла на фабрикѣ. Эти требованія явились поводомъ для стачекъ. Экономическія требованія сходны на разныхъ фабрикахъ и заводахъ: повышеніе заработной платы и уплата за дни стачки.

Нынѣшняя забастовка втянула въ политическую жизнь самые отсталые элементы.

Рига, 26 іюля. Сегодня казаки впервые за время забастовки въ трехъ мѣстахъ стрѣляли въ рабочихъ. События развиваются съ неумолимой логикой. Есть уже убитые и раненые. Когда я пишу эти строки, на Александровской улицѣ происходятъ партизанскія схватки. Стрѣляютъ изъ оконъ. Сквозь ворота городовой убилъ одного мальчика 15 лѣтъ на повалъ. На улицахъ усердствуютъ казаки, стрѣляютъ черезъ окна и фабричные заборы въ рабочихъ. Рабочіе отвѣчаютъ камнями. Настроеніе очень боевое. Вооруженіе плохое.

Сегодня на ткацкой фабрикѣ Гольмъ послѣ того, какъ рабочіе устроили во дворѣ демонстрацію, прискакали казаки. Рабочіе встрѣтили ихъ камнями. Казаки стрѣляли, ранили легко одну дѣвочку.

Наши красныя знамена развѣваются на верхушкахъ фабричныхъ трубъ. Солдаты и казаки не могутъ ихъ снять, такъ какъ рабочіе сломали лѣстницы.

Забастовка расширяется. Часть заводовъ закрывается капиталистами, не желающими уступать рабочимъ. Такъ, уже закрытъ заводъ „Этна". Рабочіе начинаютъ голодать, и это усиливаетъ ихъ озлобленіе.

Первые четыре дня забастовки всѣ рабочіе были на фабрикахъ и обсуждали свои дѣла. Теперь всѣ они на улицѣ, а казаки ихъ раздражаютъ ежеминутно—очевидно, скоро будетъ литься рабочая кровь на улицахъ Риги.

Рига. (Запоздало). Послѣднее время наша организація употребила на расширеніе и углубленіе работы, такъ что, въ общемъ у насъ теперь около 400 организованныхъ рабочихъ.

Январьскія событія оставили за нашей организаціей районъ фабрики Кузнецова, гдѣ мы успѣли пріобрѣсти связи и укрѣпить свое вліяніе, преимущественно на самой фабрикѣ Кузнецова. Отсюда и названіе Кузнецовскаго района или „Кузнецовки", какъ у насъ ее тутъ называютъ.

Мы успѣли было порядочно укрѣпиться на этой фабрикѣ, но двѣ недѣли передъ Пасхой на ней расчитали около 200 человѣкъ лучшихъ рабочихъ, за „смуту". Поднять фабрику и объявить забастовку оказалось тогда невозможнымъ, потому что грозило рабочимъ остаться безъ средствъ къ празднику. Расчитанные рабочіе почти всѣ разъѣхались по деревнямъ, такъ что намъ пришлось начать работу сызнова. Теперь мы опять укрѣпили свое вліяніе въ этомъ районѣ и укрѣпили его довольно прочно. У насъ имѣются тамъ, организованные рабочіе, посѣщающіе постоянные кружки. Но что сфера нашего вліянія тамъ значительно шире кружковъ и что она все больше расширяется, доказываетъ слѣдующій фактъ: мы устраиваемъ тамъ періодическія массовки, на которыхъ организованные и разъ побывавшіе на этихъ массовкахъ рабочіе приводятъ своихъ знакомыхъ. И каждый разъ приходятъ на такія массовки все другіе рабочіе. Бывали случаи, что на такія собранія приходило 30-35 новыхъ людей. Вообще мы можемъ сказать, что этотъ районъ, бывшій пугаломъ для всей Риги, котораго боялись, какъ очага погромовъ, теперь революціонизированъ и въ моментъ „мобилизаціи" онъ не останется въ сторонѣ отъ другихъ.

Другой районъ, гдѣ мы ведемъ работу — это, такъ называемый, Московскій форштадтъ. Въ этомъ районѣ у насъ организованныхъ рабочихъ больше, чѣмъ въ Кузнецовскомъ. Это объясняется тѣмъ, что въ этомъ районѣ по преимуществу мелко ремесленное производство. На имѣющихся же здѣсь фабрикахъ, заводахъ, какъ Балтійско вагонный, Кричемона и друг., мы хотя и имѣли связи, но эти связи поневолѣ ограничены, такъ какъ здѣсь работаютъ по преимуществу латыши. Но несмотря на отсутствіе у насъ латышской литературы и достаточнаго количества работниковъ латышей, наша работа между послѣдними все таки расширяется. Расширяется также наша работа и среди эстонцевъ. Впрочемъ, латышскому и эстонскому движенію и работѣ нашей организаціи среди нихъ мы посвятимъ болѣе подробную корреспонденцію въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ.

За послѣднее время нами были устроены, кромѣ ряда мелкихъ собраній, два общихъ собранія организованныхъ рабочихъ. На каждомъ изъ нихъ было около 300 человѣкъ. Надо замѣтить, что значительное количество еврейскихъ рабочихъ не могли посѣщать эти собранія, такъ какъ они были устроены по воскресеньямъ, когда евреи работаютъ. Рѣчи произносились на четырехъ языкахъ: на русскомъ, латышскомъ, эстонскомъ, и еврейскомъ. На второмъ собраніи эстонцевъ не было, такъ какъ оно было организовано слишкомъ поспѣшно и ихъ не успѣли оповѣстить. Рѣчи произносились на темы: „Земскій Соборъ и Учредительное Собраніе", „миръ царскій и миръ народный", о послѣднихъ событіяхъ и др Собранія проходили очень оживленно; все время развѣвалось красное знамя съ надписью: „долой самодержавіе! да здравствуетъ демократическая республика!" Рабочіе были очень довольны, особенно тѣмъ, что всѣ вмѣстѣ: русскіе латыши, эстонцы и евреи Пѣли революціонныя пѣсни, стрѣляли изъ револьверовъ, а подъ конецъ собранія собирались всѣ вмѣстѣ и пѣли: „вѣчную память погибшимъ борцамъ" и бодро настроенные, подъ звуки революціонныхъ пѣсенъ, демонстративно расходились по домамъ.

Еще нѣсколько словъ о стачкахъ, которыя были за послѣднее время у насъ и которыми руководила наша организація.

Стачки были у прикащиковъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, городской телефонной станціи и нѣсколько мелкихъ. У прикащиковъ бастовало 200 человѣкъ, часовщиковъ — 60, а на телефонной станціи — 120 человѣкъ. Прикащики и часовщики выиграли всѣ требованія, ими выставленныя, кромѣ восьмичасоваго рабочаго дня, добившись девятичасоваго. Рабочіе же телефонной станціи добились только нѣкоторыхъ уступокъ и 8 ми-часоваго рабочаго дня, (у нихъ прежде былъ 9 тичасовый). Стачка продолжалась у прикащиковъ и телефонщиковъ по три дня, а у часовщиковъ—два дня. Устраивались общія собранія бастовавшихъ, на которыхъ нашими ораторами произносились рѣчи на темы объ экономической борьбѣ и организаціи, современное положеніе Россіи и выходъ изъ него, рабочій классъ, какъ борецъ за демократію. Кромѣ того, на общемъ собраніи стачечной коммиссіи прикащиковъ и хозяевъ магазиновъ нашимъ ораторомъ была произнесена рѣчь на политическую тему. Ораторъ призывалъ буржуазію оказывать поддержку пролетаріату въ его борьбѣ съ самодержавіемъ. Рѣчь была встрѣчена сочувственно. Вообще, престижъ нашей организаціи въ городѣ послѣ этихъ стачекъ сильно поднялся.

Кіевъ, 19 іюля. Приступая къ изложенію событій изъ кіевской общественной жизни, прежде всего долженъ остановиться на такъ называемыхъ „биржахъ" Вопросъ о биржахъ совершенно не затрагивается нашей партійной литературой, а между тѣмъ, вопросъ этотъ весьма существенный. Биржи — это полулегальные рабочіе клубы. Здѣсь, прямо на улицѣ рабочіе собираются, устраиваютъ свои конспиративныя дѣла, здѣсь организаторы видятся съ массой или, вѣрнѣе, масса видится со своимъ организаторомъ, здѣсь бываютъ митинги, ведется агитація, и все это на глазахъ у полиціи, которая равнодушно смотритъ на происходящую у нея подъ носомъ „революцію". Она даже знаетъ многихъ „крамольниковъ" и иногда даже любезно предупреждаетъ ихъ о готовящемся нападеніи хулигановъ. Однимъ словомъ, это одно изъ крупныхъ завоеваній пролетаріата, вошедшихъ уже въ плоть и кровь массы, это пріобрѣтеніе, которое, если не нельзя, то очень трудно взять назадъ. Биржи существуютъ больше года, возникли впервые среди ремесленниковъ въ еврейскихъ городахъ и кое гдѣ достигли грандіозныхъ размѣровъ. Въ Гомелѣ на биржѣ бываетъ ежедневно 500—600 человѣкъ, а иногда число это доходитъ до 3000. Въ Екатеринославѣ одна сторона главной улицы занята подъ биржу, и любопытную картину представляетъ изъ себя эта улица вечеромъ: по одной сторонѣ гуляетъ буржуазія съ хулиганами, по другой — исключительно пролетаріатъ. Значеніе биржъ особенно связано съ предстоящимъ созывомъ государственной думы: здѣсь, именно, на биржѣ пролетаріатъ развернетъ всю свою мощь, здѣсь онъ покажетъ свое отношеніе къ новому дѣтищу самодержавія и отсюда онъ начнетъ то великое выступленіе, которое склонитъ чашку вѣсовъ совершающагося поворота въ пользу народа. Поэтому, совершенно правильны шаги мѣстнаго комитета, предпринятые имъ съ цѣлью укрѣпленія биржъ въ Кіевѣ, съ цѣлью развитія зачаточныхъ формъ ихъ и насажденія, гдѣ есть для того благопріятныя условія, новыхъ биржъ. Если въ концѣ іюня шла рѣчь только о 2 – 3 биржахъ, не считая Бундовскихъ, то теперь можно насчитать ихъ съ десятокъ. Главная опасность грозила биржамъ не со стороны полиціи, которая довольно лойяльно относилась къ нимъ, а со стороны хулигановъ. „Вы въ Варшавѣ насъ избивали бомбами, а здѣсь мы васъ переколемъ ножами", говорили эти опустившіеся до звѣрнаго образа люди. нападая на Бундовскую биржу. Первыми открыли военныя дѣйствія еврейскіе хулиганы, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и русскіе воры. Было нѣсколько случаевъ подколовъ ножами. Биржевая масса — при появленіи хулигановъ обычно обращалась въ поголовное бѣгство; оставались лишь немногіе, которымъ, въ концѣ концовъ, и влетало. Бундовцы рѣшили организовать боевой отрядъ для самообороны и перенести биржу на другое мѣсто, но это мало помогло, такъ какъ хулиганы стали смѣлѣе. Вотъ съ этого времени начинаются нападенія на наши еще не окрѣпшія биржи со стороны русскихъ хулигановъ. Если нападенія еврейскихъ хулигановъ на Бундовскую биржу не были организованными, если еще среди самихъ хулигановъ голоса дѣлились, такъ какъ нѣкоторые, какъ передаетъ одинъ товарищъ, попавшій на ихъ собраніе, высказались противъ того, чтобы бить „демократовъ", то теперь въ нападеніяхъ на биржу видна опытная рука, принадлежащая, по всѣмъ признакамъ, агентамъ полиціи. Послѣдніе гуляютъ по биржѣ и указываютъ хулиганамъ, кого бить, выбирая организаторовъ и сознательныхъ рабочихъ. Наибольшее развитіе получила Подольская биржа: здѣсь ежедневно послѣ 8 часовъ вечера, собиралось 100—150 человѣкъ, большинство евреи — ремесленники, здѣсь впервые проявились организованныя дѣйствія хулигановъ, здѣсь же впервые возникла идея организаціи боевыхъ отрядовъ для защиты биржъ. Комитетъ очень внимательно отнесся къ этому вопросу, придавая серьезнее значеніе биржамъ въ нашемъ ближайшемъ будущемъ, но идею обороны извнѣ онъ претворилъ въ идею самообороны, для усиленія же этой самообороны вошелъ въ соглашеніе съ Бундомъ. Выработанъ былъ общій планъ, который въ настоящій моментъ и приводится въ исполненіе, а именно: Бундъ и „искровцы" устраиваютъ совмѣстную биржу, т. е. въ одни и тѣ же дни, на одной улицѣ, но на разныхъ сторонахъ. Масса вооружается холоднымъ оружіемъ: палками, нагайками и т. д. Руководятъ самообороной боевые отряды, вооруженные револьверами, которые между собою заранѣе уславливаются о началѣ военныхъ дѣйствій и распредѣленіи защиты. Какъ курьезъ, сообщаю, что къ участію въ соглашеніи по поводу биржи былъ приглашенъ и представитель Р. У. П., который съ планомъ вполнѣ согласился, но впослѣдствіи отъ имени организаціи заявилъ объ отказѣ, при чемъ на вопросъ о мотивахъ такового отказался сообщить ихъ.

Въ послѣднее время Подольская биржа сослужила громадную службу мѣстному пролетаріату. Мастерскія по заготовкѣ одежды и обуви на интендантское вѣдомство объявили забастовку. Въ этой отрасли существовала такая система: подрядчикъ (Лукашевичъ) передавалъ работу въ свои мастерскія, но такъ какъ работа колоссальная, то большая часть попадала въ руки второстепенныхъ подрядчиковъ, отъ нихъ къ третьимъ и т. д. и пока работа доходила до самихъ производителей, цѣна ея падала вдвое, втрое. 18 копеекъ за пару бѣлья превращались въ 7 коп. Это то, что англичане называютъ sweating system. Рабочіе, къ которымъ примкнула и часть мелкихъ хозяевъ, потребовали сдачи работъ непосредственно самимъ рабочимъ, повышенія расцѣнковъ до тѣхъ размѣровъ, какіе установлены для вторыхъ подрядчиковъ, сокращенія работы (отъ 7 до 7, съ перерывомъ полчаса на завтракъ, полтора часа на обѣдъ), участія выборныхъ отъ рабочихъ въ опредѣленіи расцѣнковъ и мѣсячной платы, а также въ сдачѣ работъ изъ мастерскихъ на домъ и еще нѣсколько несущественныхъ требованій. Въ листкахъ Кіевскаго Комитета рабочимъ выяснялось то незначительное улучшеніе, котораго они добьются отъ хозяевъ, и указывалось, что рядомъ съ такой борьбой съ хозяевами должна вестись политическая борьба. Прокламація заканчивалась призывомъ организоваться подъ знаменемъ соціальдемократіи въ боевые союзы. Эта забастовка, дѣйствительно, болѣе, чѣмъ всякая другая, могла привести къ союзу борьбы. За успѣхъ ея ручалась грандіозность и срочность заказа, неудачей грозили отсутствіе средствъ и нищета забастовщиковъ. Подрядчики пробовали передать заказъ въ сосѣдніе районы (Бѣлая церковь), но тамъ тоже забастовали.

Забастовка охватила семь крупныхъ Кіевскихъ мастерскихъ, имѣющихъ по 350 челов. рабочихъ и массу мелкихъ—всего же принимало участія не менѣе 1000 человѣкъ въ самомъ Кіевѣ, причемъ 88 семьямъ оказывалась нѣкоторая матеріальная поддержка изъ средствъ Комитета, покрытая потомъ сборами среди общества. Стачка длилась три дня, въ теченіе которыхъ нѣкоторыя мастерскія пришлось снова поднимать —трудно было удерживать, такъ какъ масса буквально голодала. Биржа въ тотъ періодъ съ утра до вечера была полна рабочими, и была свидѣтельницей необычайно боевого настроенія подолянъ. Надо замѣтить, что агитаторы свободно ходили по мастерскимъ и говорили тамъ рѣчи. Имъ мѣшали прикащики, но тогда ораторъ потрясалъ въ воздухѣ револьверомъ, говоря: „съ вами надо говорить не словами, а вотъ чѣмъ" и тѣ прятались. Биржа все время была средоточіемъ стачечниковъ, сюда стекались всѣ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣла, сюда шли агитаторы, чтобы подбодрить забастовщиковъ. И вотъ, послѣ снятія одной мастерской двухъ агитаторовъ хватаетъ на биржѣ колоссальный городовой и, втащивъ ихъ во дворъ, запираетъ ворота —но толпа напираетъ на ворота, ломаетъ ихъ, раздаются выстрѣлы бывшихъ на биржѣ бундовцевъ, и городовой и оказавшійся въ толпѣ околоточный завопили: „мы не держимъ ихъ, мы отпустили". Такимъ образомъ агитаторы были спасены, но полиція забираетъ еще двухъ стрѣлявшихъ бундовцевъ, но налетаютъ забастовщики и организованные наши товарищи, и бундовцы стали свободны. За стачку пострадало шесть человѣкъ арестованныхъ. Съ биржи забастовщики собирались въ синагогѣ и тамъ наши ораторы говорили на политическія темы. Стачка кончилась побѣдой рабочихъ, хотя не полной, но, принимая во вниманіе массу, съ которой пришлось оперировать—это ремесленники-полунищіе, можно считать ее болѣе, чѣмъ успѣшной. Боевое настроеніе Подола нѣсколько поднялось. Масса усилилась новыми слоями пролетаріата. Что касается настроенія другихъ частей города, то объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, а пока сообщу кое что и о настроеніи обывателей. Въ трамвай, направлявшійся въ Святошино, сѣлъ какой-то генералъ и, увидавъ въ вагонѣ солдата, напустился на него съ бранью. Публика была такъ возмущена, что въ полномъ составѣ покинула вагонъ, и генералъ поѣхалъ одинъ.

Кіевъ, 26 іюля. Въ прошломъ письмѣ я далъ нѣкоторое представленіе о мѣстныхъ биржахъ. Съ тѣхъ поръ развитіе ихъ значительно подвинулось впередъ. Не считая Бундовскихъ — довольно значительныхъ — биржъ и ничтожныхъ Р. У. П., въ Кіевѣ насчитывается только у Комитета до 8 биржъ. Опасность со стороны хулигановъ совершенно миновала; этому помогъ случай: хулиганы — такъ здѣсь, собственно говоря, именуютъ воришекъ и грабителей, — оскорбили атамана босяковъ (по другой версіи, убили одного босяка); собрался военный совѣтъ босяковъ и рѣшилъ отомстить; въ ближайшую ночь убито было 8 хулигановъ. Послѣдніе, не отдѣляя босяковъ, главный контингентъ которыхъ составляютъ крючники и вообще береговые рабочіе, отъ рабочихъ, подходили къ биржамъ и спрашивали, за что ихъ хотятъ бить демократы. Имъ, понятно, разъяснили, что соціальдемократы ихъ бить не собираются, что жалѣютъ ихъ, такъ какъ считаютъ жертвами все того же полицейско самодержавнаго и капиталистическаго строя, противъ котораго борются и рабочіе. Съ босяками же у рабочихъ довольно дружественныя отношенія. Опасность для биржъ оказалась совсѣмъ съ другой стороны, съ которой, правда, больше всего ее можно было ожидать, именно, со стороны полиціи: полиція сначала легко, но затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе стала мѣшать биржамъ. Вотъ примѣры: 20 іюля, черезъ часъ или полтора отъ начала на подольской биржѣ появилась полиція и просила довольно мирнымъ тономъ разойтись: „погуляли, молъ, и будетъ". Но публика не уходила. Проскакали казаки разъ, два, потомъ въѣхали на тротуаръ и сначала шагомъ, потомъ галопомъ согнали всю публику.

Въ субботу, 23 іюля, когда бываютъ, по преимуществу, еврейская биржа и. именно, Суновская, на томъ же Подолѣ, послѣ рѣчи оратора и криковъ „долой самодержавіе", кто-то изъ бундовцевъ, а послѣдніе утверждаютъ, что С. Р., случайно попавшій на биржу, произвелъ выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлилъ еще одинъ бундовецъ, остальные разбѣжались, порастерявъ револьверы, а большая часть, человѣкъ 50, забѣжала во дворъ, гдѣ ихъ полиція, прибѣжавшая на выстрѣлы, заперла и арестовала. Случайно попали и любопытные — не бундовцы.

Съ тѣхъ поръ подольская биржа съ двухъ концовъ оцѣплена войсками, при чемъ бундовцы перестали посѣщать ее, а наши посѣщаютъ, проходя каждый разъ черезъ цѣпь городовыхъ и шпіоновъ. И вотъ тутъ то главная опасность: по указанію послѣднихъ, полиція арестовываетъ проходящихъ „демократовъ". На одной заводской биржѣ (въ городѣ) вдругъ прибѣгаетъ городовой и, размахивая револьверомъ, кричитъ благимъ матомъ: „расходись, а то убью". Публика въ паникѣ разбѣгается.

Теперь разскажу о массовкахъ.

Наболѣе удачно организуются онѣ въ наиболѣе боевой части заводскаго района, въ Деміевкѣ, гдѣ массовки въ 50 — 80 человѣкъ происходятъ 2 раза въ недѣлю. Въ другихъ же мѣстахъ массовки случайны и очень часто неудачны. Въ подольскомъ подрайонѣ одна массовка въ синагогѣ была разогнана въ самомъ же началѣ, даже не разогнана, а сама разсѣялась, при чемъ бѣгство было въ высшей степени позорное: ломали окна и вылѣзали въ нихъ. Въ районѣ военной организаціи массовки носятъ скорѣе характеръ летучекъ въ 20—25 человѣкъ, особенно въ послѣднее время, когда началось гоненіе на ея организацію: мѣсяцъ тому назадъ настроеніе солдатъ, саперовъ и армейцевъ, было въ высшей степени боевое; говорилось даже о возможности возстанія въ моментъ мобилизаціи. „Пусть только рабочіе поддержатъ насъ, а мы готовы на самыя крайнія выступленія", говорили подрайонщики. Немногіе только смотрѣли нѣсколько пессимистически на возможность возстанія и считали достаточнымъ для выступленія даже простой отказъ отъ отправки на Дальній Востокъ. И они были правы. Настроенія солдатъ не хватило даже на то, чтобы выдержать до конца одинъ маленькій протестъ противъ борща изъ протухшаго мяса. 4-я рота сапернаго батальона отказалась отъ обѣда, но арестовали 28 человѣкъ и солдаты смирились. Раньше, правда, было сдѣлано покушеніе убить одного полковника, но планъ былъ раскрытъ однимъ провокаторомъ, состоявшимъ все время въ солдатской организаціи: только въ связи съ послѣдними арестами была установлена его личность. Оказывается, онъ давно уже докладывалъ обо всемъ своему начальнику, но, по совѣту послѣдняго, притворялся революціонеромъ и такимъ образомъ смогъ надѣлать много зла. Въ результатѣ разгрома настроеніе сильно упало, такъ что когда стали отправлять первую партію, то она сначала запротестовала, но не противъ того, чтобы не идти на Дальній Востокъ, но лишь чтобы не пойти черезъ Боярку, такимъ образомъ дѣлая 20 верстъ пѣшкомъ. Имъ уступили, и какъ первую, такъ и вторую партію отправили прямо съ вокзала безъ всякихъ инцидентовъ.

Въ настоящее время здѣсь происходитъ цѣлый рядъ мелкихъ забастовокъ: тандетниковъ (шьютъ базарное платье на живую нитку), мельничныхъ рабочихъ (съ 3 мельницъ) слесарей и др.

Кіевъ, 31 іюля. Мѣстная работа съ новой ея постановкой быстро растетъ и наличный составъ интеллигентныхъ силъ ее не удовлетворяетъ. Поэтому, крайне нежелательно обнаружившееся въ послѣднее время стремленіе „центровъ" поглотить лучшія силы изъ мѣстной организаціи.

Къ счастью, не всѣ попытки увѣнчались успѣхомъ: организація отстояла своихъ работниковъ и удержала ихъ отъ соблазнительныхъ перспективъ партійнаго „начальства". Дѣло, конечно, не въ этомъ: всякій понимаетъ, что и для центровъ нужны работники, но „зачѣмъ же стулья то ломать" все же? Благополучіе центровъ нельзя строить на развалинахъ мѣстной работы.

Ростъ мѣстной работы сказывается и въ развитіи массовокъ, и въ развитіи кружковъ. По отношенію къ массовкамъ прогрессъ замѣчается огромный. Одна, двѣ массовки въ каждомъ изъ дѣятельныхъ подрайоновъ стали обязательнымъ правиломъ. Размѣры ихъ все увеличиваются и увеличиваются: съ 35 человѣкъ черезъ недѣлю разростаются въ 62, какъ это было въ одномъ изъ подрайоновъ Подольской организаціи. 27 числа былъ даже устроенъ колоссальный митингъ въ двѣ тысячи человѣкъ — первый въ Кіевѣ, въ текущемъ году, а, можетъ быть и за 2-3 послѣднихъ года. Организація (подрайонная) воспользовалась удобнымъ случаемъ, одинъ дачевладѣлецъ, нѣкто Кристеръ, ежегодно въ свои имянины устраиваетъ празднество съ фейерверками, музыкой и прочее. Всѣ окрестные жители, по преимуществу рабочіе и работницы съ мелкихъ заводовъ, считаютъ своимъ долгомъ участвовать въ празднествѣ. Въ 10 часовъ вечера послѣ обычныхъ предисловій къ празднеству — военной музыки и т. д., вся собравшаяся масса направилась къ озеру, чтобы глядѣть фейерверкъ. Вблизи музыкантовъ, а ихъ было человѣкъ 50 солдатъ, расположились кучкой организованные рабочіе и запѣли „Варшавянку". Протискивается городовикъ. Кто то изъ рабочихъ ударилъ его въ грудь, но это прошло незамѣтно: городовой лишь замѣтилъ: „Чего балуетесь? Не балуйтесь"! Агитаторъ поговорилъ съ нимъ на ту тему, что напрасно онъ мѣшаетъ имъ веселиться; вѣдь, для этого и пригласилъ ихъ хозяинъ. И городовой удовлетворился объясненіемъ и ушелъ. Пропѣли второй куплетъ уже болѣе дружно, и народъ повалилъ по направленію къ кучкѣ, такъ что вскорѣ образовалась громадная толпа: тутъ были и рабочіе, и работницы, и крестьяне, и разряженныя въ монисты крестьянскія дѣвушки. Поднятый на плечи ораторъ сказалъ рѣчь, приблизительно слѣдующаго содержанія: „Товарищи! Мы присутствуемъ на праздникѣ или, вѣрнѣе, мы смотримъ, какъ кто то празднуетъ. Нашлись благодѣтели, которые на этотъ разъ и намъ разрѣшили „поглядѣть". Блескъ огней, музыка, фейерверкъ и пр., и пр., — какъ все красиво! Разъ въ годъ удается намъ, бѣднякамъ, „веселиться". Кто же этотъ благодѣтель? Это хозяинъ. Это торжество въ день его имянинъ стоитъ ему не одну тысячу. Это наши, товарищи-рабочіе, деньги; въ блескѣ огней и граммофонахъ — потъ и кровь рабочаго класса. Устраиваютъ праздникъ, платятъ десятки тысячъ, въ то время, когда народъ не имѣетъ куска хлѣба. Стонетъ Россія, въ страшныхъ судорогахъ помираютъ бѣдняки отъ голода. Повсюду льется кровь рабочаго класса. Льется кровь на Дальнемъ Востокѣ льется кровь въ городахъ, большихъ и малыхъ, льется кровь въ деревняхъ, это кровь рабочаго класса, который выступилъ на борьбу со всякаго рода угнетателями за лучшую долю. И съ каждымъ днемъ борьба эта разгорается. Въ отвѣтъ на эту борьбу бѣдняковъ намъ обѣщали улучшить наше положеніе. Мы слышали это съ высоты престола, изъ министерскихъ кабинетовъ и комиссій.. „Подождите, говорятъ намъ, повремените. Ваше положеніе мы улучшимъ". И мы ждали, но отъ всѣхъ обѣщаній для рабочаго люда нѣтъ никакихъ результатовъ, и рабочій людъ все упорнѣе, все энергичнѣе вступаетъ въ борьбу. Отъ степени упорства этой борьбы зависитъ наша доля. И такъ въ борьбѣ, рѣшительной борьбѣ, вы найдете свое избавленіе. Организуйтесь же и боритесь". Послѣднія слова оратора были заглушены грянувшей музыкой: солдатамъ давно это было приказано сдѣлать, но они съ такимъ вниманіемъ слушали оратора, что приказъ не исполнялся. Не смотря на то, что ораторъ говорилъ безъ необходимаго въ такихъ случаяхъ жара, рѣчь слушалась съ большимъ вниманіемъ при абсолютной тишинѣ. Двухъ тысячная толпа превратилась въ слухъ. По окончаніи рѣчи нѣсколько человѣкъ крикнули „долой самодержавіе", грянуло дружное ура, музыка гремѣла и показались роскошные огни фейерверка. Это все еще только больше усилило эффектъ митинга, но хозяинъ до того перепугался, что закрылъ празднество раньше, чѣмъ обѣщано, часовъ на пять. „Ну, погуляли, и расходитесь теперь", обращался онъ привѣтливо къ публикѣ, посылая въ душѣ „демократовъ" ко всѣмъ чертямъ. Полиція явилась поздно, какъ говорятъ, къ шапочному разбору, такъ что не успѣла составить протокола о происшествіи. Во время митинга распространялись листки К. К., но не спеціальнаго содержанія.

Врагъ сталъ пошаливать. Я уже указывалъ въ прежнихъ письмахъ на случаи улавливанія полицейскими и шпиками организованныхъ рабочихъ на биржѣ. На биржѣ слободской организаціи взяли двухъ парней самымъ наглымъ образомъ: пришелъ приставъ съ околодкомъ и арестовалъ безъ всякаго повода съ ихъ стороны. На Подолѣ одного агитатора-рабочаго схватили два шпика подъ руки и повели; онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ, но револьверъ (чертъ бы побралъ эту буржуазію, которая занимается изготовленіемъ такихъ дрянныхъ револьверовъ) далъ осѣчку: рабочій взялъ его за другой конецъ и ударилъ прикладомъ по физіономіи одного шпика, тотъ свалился, обливаясь кровью, потомъ другого съ тѣмъ же успѣхомъ, и удралъ, крича во все горло: лови, держи! И. такимъ образомъ ускользнулъ отъ неминуемаго истязанія въ полицейскомъ застѣнкѣ. Побольше бы такихъ товарищей въ наши организаціи! Тогда бы не пришлось пасовать передъ такими продѣлками, какія позволяетъ себѣ полиція въ Слободкѣ. Одинъ молодой интеллигентъ, еврей, шелъ по улицѣ въ первомъ часу ночи. Вдругъ налетаютъ на него трое городовыхъ и давай бить его кулаками и хлестать нагайками. Еле-еле удралъ послѣ жестокаго избіенія. Избитый обратился къ врачу за свидѣтельствомъ. Громадные кровоподтеки по всему лицу были очевидными доказательствами избіенія. Однако, приставъ, когда потерпѣвшій пожаловался ему на городовыхъ, заявилъ: „ничего этого не было. Вы по злобѣ на нихъ показываете", но потомъ прибавилъ: „а не разбрасывайте прокламацій, не устраивайте революціи. Народъ сердится и избиваетъ васъ. Сюда пріѣхалъ (называетъ фамилію одного мѣстнаго рабочаго, обвинявшагося въ покушеніи на околодка); хорошо, что *наши ребята* его не встрѣтили, а то бы растерзали въ клочья". А „наши ребята", дѣйствительно, пошаливаютъ, приходится подумать о томъ, чтобы отучить ихъ отъ этого. Дай имъ волю, этимъ подонкамъ общества, готовымъ за стаканъ водки сгубить человѣка, такъ они пойдутъ избивать одного за другимъ. Организація черныхъ сотенъ ставитъ передъ нами ближайшую задачу о вооруженіи всѣхъ нашихъ товарищей и самовооруженіи пролетаріата. Тутъ болѣе всего заинтересованы либеральные слои, такъ какъ черносотенная агитація направится противъ нихъ въ первую голову. Одна надежда — на организованный пролетаріатъ. Давайте же намъ оружіе, г.г. либералы, давайте же средства на вооруженіе, если для васъ дороги жизнь ваша и вашихъ семействъ и тѣмъ болѣе, если для васъ дорога свобода народа! Защищая себя, мы защитимъ и васъ.

P. S. Нѣсколько словъ о мѣстномъ рабочемъ. Долгое время кіевскимъ рабочимъ не представлялась возможность выступить со своимъ мнѣніемъ. Теперь организаторы (не всѣ, быть можетъ), положили за правило вызывать рабочихъ на такое выступленіе. И результатъ оказался самымъ блестящимъ, подтверждая еще лишній разъ, что есть благодарная почва для широкой уличной работы, охватывающей всѣ слои пролетаріата. Ближайшимъ поводомъ послужилъ предстоящій созывъ государственной Думы. Вопросъ этотъ ставился на обсужденіе въ подрайонахъ, на массовкахъ и летучкахъ, вызывая дискуссіи. Большинство рабочихъ, вопреки всякому ожиданію, становилось по этому вопросу какъ разъ на позицію „Искры" (№ 101).

Бердичевъ 6 іюля. Работа нѣсколько оживилась. Образовано было пять кружковъ (42 чел.). Стали устраиваться массовки. Еженедѣльно было по 2-3 массовки (на каждой человѣкъ 60-70). Наконецъ наступила стачечная недѣля. Первымъ забастовалъ заводъ Кобылянскаго (70 чел.). Требованія — 9 ч. рабочій день (прежде 11) и повышеніе заработка на 30%. Требованія были удовлетворены черезъ 2 дня. Выигрышъ стачки у Кобылянскаго поднялъ настроеніе рабочихъ другихъ заводовъ, и мы повели энергичную агитацію за стачку.

28 іюня сталъ кожевенный заводъ Бурко и Прогрессъ (машино-строительный). На заводѣ Бурко (140 ч.) рабочихъ удовлетворили на другой день (9 час. вмѣсто 9$^1/_2$ ч. и повышеніе платы на 25%). На Прогрессѣ (400 чел.) наканунѣ нашъ ораторъ явился къ заводу, формулировалъ требованія (8-ми час. раб. день, повышеніе на 30%, чернорабочимъ 1 руб. въ день и др.) и призвалъ къ стачкѣ. Утромъ 28 іюня рабочіе собрались къ заводу, выставили требованія и объявили стачку. Каждое утро нашъ ораторъ являлся къ заводу и въ своихъ рѣчахъ указывалъ на связь экономической и политической борьбы, говорилъ о роли и значеніи соціальдемократіи и т. д.

30 іюня около 150 рабочихъ Прогресса съ нашимъ ораторомъ пошли къ сахарному заводу Корнилова (60 чел.). Ораторъ формулировалъ требованія, и заводъ сталъ. Остановился снова и заводъ Кобылянскаго. 1 іюля нашъ ораторъ съ нѣсколькими рабочими изъ Прогресса проникъ во время обѣда на самый крупный заводъ Шленкера (650 чел.). Собралось около 300 рабочихъ. Нашъ ораторъ призвалъ къ стачкѣ. Призывъ былъ встрѣченъ криками „ура", но бывшіе на собраніи рабочіе изъ деревни пошли работать, а за ними пошли и всѣ остальные. Межъ тѣмъ полиція не дремала. Обѣщаніями, подкупами и угрозами ей удалось составить изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ Прогресса ядро контръ-забастовщиковъ. 4 іюля утромъ они вошли въ заводъ и увлекли за собой семейныхъ; пришлось всѣмъ идти въ заводъ. Въ заводѣ стояло человѣкъ 20 солдатъ и полиція. Необычайная обстановка (на Прогрессѣ это первая стачка) и давленіе контръ-забастовщиковъ повліяли на колеблющихся и семейныхъ, и съ обѣда около половины стало на работу. Видя, что стачка проиграна, мы призвали и остальныхъ къ работѣ. Уступки очень незначительны: сокращеніе на $^1/_2$ часа (10 час. вмѣсто 10$^1/_2$, повышеніе на 5%, отмѣна штрафовъ, улучшеніе медицинской помощи). За всю эту недѣлю забастовалъ одинъ только заводъ Шленкера. Въ городѣ бастовали нѣсколько мелкихъ фабрикъ: Горина (17 чел.), Коднера (54 чел.). Сильно даетъ себя знать отсутствіе объединяющаго и руководящаго центра.

Луцкъ. Офицеръ Ивановъ, назначенный на Дальній Востокъ, подалъ командиру полка слѣдующее заявленіе: „Горячо любя изстрадавшуюся Россію, готовый для ея блага отдать всѣ свои силы, я не хочу служить орудіемъ той борьбы на Дальнемъ Востокѣ, которая такъ вредно отражается на благосостояніи родины, и потому въ рядахъ войскъ, дѣйствующихъ противъ японцевъ, я быть не могу и въ походъ не иду.

Подпоручикъ Е. М. Ивановъ 43-го Охотскаго пѣхотнаго полка."

Авторъ письма арестованъ и преданъ военно полевому суду.

Севастополь. Вчера, 23 іюня, начался судъ надъ 44 матросами изъ учебнаго судна „Прутъ". Подсудимые Петровъ, Титовъ и еще одинъ, объявивъ себя сознательными соціальдемократами, открыто говорили въ своихъ рѣчахъ о возстаніи и держатся превосходно. Человѣкъ 20, навѣрное, предадутъ смертной казни.[1] На этомъ особенно настаиваетъ Чухнинъ, которому все равно придется выйти въ отставку. Изъ судей — предсѣдатель Кетрицъ либераленъ, остальные четверо — отчаянные негодяи. Судъ возмутительно пристрастенъ. Такъ, чтобы уличить одного матроса въ участіи въ бунтѣ, судьи прицѣпились къ тому, что онъ сказалъ одному кондуктору: „не иди, а то тамъ застрѣлятъ". Такъ вотъ они доискиваются: въ какомъ тонѣ это было сказано, въ „вѣжливомъ или злобномъ"? Рѣшили, что „въ злобномъ" — значитъ, матросъ будетъ обвиненъ за участіе въ возстаніи. Такихъ примѣровъ много: Самъ Кетрицъ (предсѣдатель) говоритъ: „съ такимъ звѣрьемъ (судьи) ничего не подѣлаешь". Защитникъ говоритъ, что ничего нельзя будетъ сдѣлать.

Послѣ „Прута" будутъ судить команду „Синопа" (взбунтовалась на сушѣ), „Георгія Побѣдоносца" и „Потемкина". Арестованныхъ матросовъ свыше 800 (по другимъ свѣдѣніямъ, идущимъ изъ экипажей, арестовано 1358 человѣкъ. *Ред.*). Ихъ охраняютъ армейскіе патрули.

Во флотѣ, арміи и среди рабочихъ настроеніе придавленное, но злобное.

Екатеринославъ. Во вторникъ, 19 іюля, въ 8 час. вечера, на биржѣ былъ облитъ ѣдкой жидкостью околоточный надзиратель, по слухамъ, своимъ соперникомъ, который моментально скрылся. Пострадавшій, конечно, сталъ орать благимъ матомъ отъ жгучей боли. Глаза, между прочимъ, остались невредимы. Услышавъ душураздирающій крикъ, гуляющіе товарищи поспѣшили оставить биржу, что и сдѣлали во время, такъ какъ на мѣсто происшествія прискакала полиція и разъѣздъ казаковъ. Случай этотъ далъ поводъ полиціи отомстить ненавистнымъ жидамъ, предполагая, что покушеніе на жизнь ихъ собутыльника-взяточника, то бишь, сотоварища-коллеги, было совершено со стороны „жидовъ соціалистовъ", гулявшихъ на бульварѣ. И вотъ, на другой день вечеромъ, т. е. въ среду, наши рыцари черной сотни стали выказывать свою „благовоспитанность", послѣ чего произошло нежелательное столкновеніе между нами и товарищами-самооборонщиками. Столкновеніе это грозило принять характеръ самой ужасной бойни, такъ какъ вновь пріѣхавшіе казаки разгоняли самооборонцевъ, хулигановъ же подбодряли. Былъ даже случай, когда они, т. е. казаки, стрѣляли въ еврейскій домъ. Хулиганы же съ дикой яростью набрасывались на одинокопроходившихъ евреевъ и избивали ихъ до полусмерти; въ схваткахъ съ самооборонцами они выказывали менѣе удали и при первомъ предупредительномъ револьверномъ выстрѣлѣ пускались вскачь... назадъ, съ криками: спасите, насъ убиваютъ!

Пострадавшіе оказались, какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны хулигановъ. Но мы потеряли также дорогого товарища, павшаго въ эту ночь на славномъ посту. Онъ былъ убитъ казакомъ, выстрѣломъ изъ ружья. Онъ былъ раненъ въ лобъ и скончался на рукахъ поддерживавшихъ его товарищей. Онъ — воспитанникъ 5-го курса Виленской художественной школы (фамиліи не знаю). Въ четвергъ 21 с. м. состоялись его похороны. Почти весь день магазины всего города были закрыты. Стеченіе народа на кладбищѣ было необычайное. Его близкими родственниками студентами и товарищами были произнесены рѣчи.

На гробъ возложены были 3 вѣнка: одинъ съ черной надписью на красной лентѣ отъ „П. Ц.", другой такой же отъ самообороны и третій безъ надписи, вѣроятно, отъ родителей.

Послѣ этого печальнаго дня не переставали готовиться къ еще большему погрому, въ виду чего всѣ товарищи были заняты охраной города. Болѣе всего ожидалось на воскресенье 24, но, благодаря уроку, данному самообороной и ея рѣшительному приготовленію къ отпору, которое не скрылось отъ глазъ полиціи, ничего не было.

Тревожное состояніе еврейскаго населенія въ послѣдніе дни дошло до кульминаціонной точки. Да вообще всѣ какъ то тревожно настроены, въ ожиданіи чего то необычайно ужаснаго. Нервы каждаго сильно напряжены.

Завтра должна состояться сходка на кладбищѣ у могилы товарища и опять таки ожидаются разнородныя событія. По ночамъ часто раздаются выстрѣлы, что очень тревожитъ напуганныхъ обывателей, если же раздается нѣсколько выстрѣловъ подрядъ, то ужасу ихъ нѣтъ предѣла.

Екатеринославъ. Здѣсь мнѣ придется сгруппировать наиболѣе интересныя данныя нашей кропотливой работы среди солдатъ N полка за полтора года, причемъ придется поневолѣ нарушать послѣдовательность разсказа и опустить много интересныхъ данныхъ. Прежде всего я, въ общихъ чертахъ, изложу исторію нашей организаціи. Въ августѣ мѣсяцѣ 1903 года нашему полку пришлось сыграть, хорошо извѣстную товарищамъ роль — стрѣлять въ рабочихъ на Брянской площади. Это было время, когда въ полку не было видно рѣшительно никакихъ проблесковъ сознанія: ужасно твердая дисциплина создавала ничѣмъ не заполнимую пропасть между солдатчиной и внѣшнимъ міромъ, вообще, и, съ другой стороны, парализовала волю товарищей — тогда единицъ еще. О работѣ какой бы то ни было какъ будто бы не могло быть и рѣчи. Но вглядываясь и все глубже и глубже знакомясь со специфическими условіями солдатской жизни, можно было уже тогда подмѣтить черточки, доказывающія, что и здѣсь есть почва для работы. По вполнѣ провѣреннымъ фактамъ оказалось, что изъ стрѣлявшихъ тогда солдатъ пятой роты 2 человѣка совсѣмъ не выпустили пуль, второй же залпъ былъ совершенно сорванъ: 58 солдатъ пуль не выпустили. Фактъ этотъ, несомнѣнно, показывалъ, что почва, такъ или иначе, есть, и съ своей стороны произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на солдатъ полка; сплошь да рядомъ неясные намеки указывали на одобреніе и симпатію къ поступку нестрѣлявшихъ. Начальство, въ свою очередь, растерялось и сдѣлало все возможное, чтобы спрятать концы въ воду: виновныхъ покарали лишь стояніемъ подъ ружьемъ, — какъ видите, наказаніе ничего не значущее. Какъ проба солдатской среды, всѣ эти данныя имѣли для насъ, по крайней мѣрѣ, громадное значеніе. Но силъ все таки не было, тяготѣвшій надъ всей русской жизнью духъ репрессіи, какъ кошмаръ, давилъ и здѣсь все и вся. Первыя попытки активной работы относятся къ марту 1904 г. Насъ было тогда всего 4 товарища. Мы старались, по мѣрѣ возможности, слиться съ солдатской средой, ознакомиться съ возможно большимъ кругомъ солдатъ, подмѣтить наиболѣе интересныхъ и исподоволь вліять на нихъ. Уже эти первые шаги показали намъ, какія громадныя, подчасъ непреодолимыя трудности представляетъ работа среди солдатъ. Вся жизнь солдата, до мельчайшихъ ея подробностей, была регламентирована: безъ отдѣленнаго и взводнаго онъ не могъ ступить шагу, безъ надписи ротнаго командира онъ не смѣлъ держать книгъ; строевыя занятія, хозяйственныя работы, несеніе гарнизонной службы, различныя командировки то на мѣста безпорядковъ, то на мѣста мобилизаціи, на продовольственные пункты — все это вмѣстѣ взятое разрывало полкъ и не давало возможности систематически и послѣдовательно вліять на ту или другую намѣченную единицу; говорю „единицу" потому, что о группахъ тогда и рѣчи быть не могло. Не меньшимъ препятствіемъ была и господствующая здѣсь психологія: это — психологія прежде всего крестьянъ-собственниковъ. Прибавьте къ этому элементъ вліянія солдатскихъ уставовъ и все и вся нивелирующей среды, и вы получите ту нѣмую, страшную стѣну, о которую разбилась не одна тысяча головъ нашихъ товарищей, и которая до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, представляя собою самый надежный оплотъ самодержавія. Человѣку, не бывшему органической частью полка, рѣшительно не возможно представить все развращающее вліяніе солдатской среды. Въ особенности ужаснымъ является институтъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей: берутъ мужичка отъ сохи, изъ деревни, гдѣ онъ чувствовалъ себя забитымъ униженнымъ паріемъ, со всей его рабской психологіей, помѣщаютъ его въ такъ называемую учебную команду, представляющую собой своего рода полковой университетъ, нашиваютъ ему галуны и дѣлаютъ его взводнымъ, унтеръ-офицеромъ, или фельдфебелемъ. Это значитъ, что десятки рядовыхъ дѣлаются, въ буквальномъ смыслѣ словъ, какими-то манекенами въ его рукахъ, готовыми каждую минуту выполнять всѣ его малѣйшія прихоти, вплоть до мерзостей. Его и чистятъ, и поятъ водкой, причемъ во главу угла ставится чинопочитаніе: никто съ нимъ не говоритъ, не приложивъ руки къ козырку. Отсюда уже понятна та перемѣна въ мужичкѣ, которая, разъ создавъ изъ него унтеръ-офицера, превращаетъ его въ грубое, надменное животное, воображающее себя въ своемъ родѣ царькомъ, отсюда понятенъ и институтъ сверхсрочныхъ, добровольно остающихся на службѣ. Съ другой стороны, несмотря на всю ненависть къ унтеръ-офицерамъ, каждый солдатъ все таки обнаруживалъ и немало еще теперь обнаруживаетъ тяготѣнія къ унтеръ-офицерству. Это, въ буквальномъ смыслѣ слова, развратъ. Прибавьте къ этому вѣчную нужду въ копѣйкѣ, — а при 23-хъ копѣечномъ жалованьи это естественно, — и необходимость быть чистымъ, умытымъ, имѣть и шило, и ваксу, и мыло — и въ суммѣ вы получите тотъ крайній индивидуализмъ, тотъ грубый эгоизмъ, который, несмотря на совмѣстную жизнь и всѣми чувствуемый гнетъ, былъ такъ недавно господствующимъ фономъ солдатской жизни. Что-же касается отношеній солдатъ къ внутреннимъ врагамъ, то начальство, конечно побуждаемое къ тому циркулярами, не зѣвало: обѣщанія 25 рублей въ награду, орденовъ, высочайшихъ благодарностей, обѣщаніе производства — производили прямо таки развращающее дѣйствіе. Всякій случай поимки солдатомъ товарища приказомъ по полку опубликовывался и прочитывался во всѣхъ ротахъ и командахъ для вящаго поощренія. Солдата, поймавшаго внутренняго врага, рисовали героемъ, спасшимъ отечество. Можно себѣ представить дѣйствіе всего этого на первобытную психологію крестьянина!

---

[1] Изъ газетъ извѣстно, что къ смерти приговорили 4-хъ (въ томъ числѣ и тов. Петрова), но судъ ходатайствуетъ передъ царемъ о смягченіи приговора; прокуроръ же *протестуетъ* противъ такого ходатайства. (*Ред.*)

Оставался только незначительный, сравнительно, контингентъ солдатъ иновѣрцевъ — евреевъ, армянъ, грузинъ, да русскихъ — прежде городскихъ жителей, бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ, да безземельныхъ крестьянъ, — и все наше вниманіе поневолѣ было сосредоточено на нихъ. Въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ, приблизительно до первыхъ чиселъ сентября наша непосильная работа дала намъ въ итогѣ 11 вполнѣ сознательныхъ товарищей и человѣкъ 20—25 подвергавшихся вліянію: этимъ давалась литература, устраивались какъ бы случайныя бесѣды. Но, такъ или иначе, фундаментъ былъ заложенъ. Это время было для насъ, такъ сказать, школьной эпохой, когда мы учились работѣ среди исключительныхъ условій солдатской жизни. Къ этому времени и у насъ, въ войскѣ, все замѣтнѣе и замѣтнѣе начали обнаруживаться результаты усилившагося темпа русской жизни, вообще: жизнь, живая жизнь, со всѣми ея противорѣчіями, и здѣсь сказалась. Газетка, легальная, конечно, сдѣлалась неизбѣжной принадлежностью казармы: чаяніе весны, общій подъемъ, всякія надежды — все это вызвало нескончаемые разговоры, которые вездѣ, гдѣ это только было возможно, энергично нами поддерживались. Но война, конечно, была въ центрѣ всего: каждый ударъ на Востокѣ, каждое пораженіе получало здѣсь своеобразное эхо. Недовольство пораженіями, общее недовѣріе къ начальству, каждый день обѣщавшему побѣду, обнаруженіе отрицательныхъ сторонъ бюрократическо-полицейской опеки, заключающихся въ разныхъ хищеніяхъ, свѣдѣнія о которыхъ проникали въ печать — все это съ трескомъ и шумомъ, на нашихъ-же глазахъ, разрушало рабскую неподвижность мысли: она заработала — и тутъ для насъ открылось цѣлое море работы. Но сразу-же намъ пришлось натолкнуться на препятствіе, которое поставило передъ нами ребромъ вопросъ о работѣ среди крестьянства, съ его своеобразными чаяніями и мечтаніями. „Земельки, земельки побольше“. И въ какую бы сторону ни направляли мы наши бесѣды, какъ ловко мы ни старались обходить этотъ вопросъ, — а принять аграрную программу такъ, какъ она была принципіально рѣшена на второмъ съѣздѣ, мы по многимъ соображеніямъ не рѣшались, — и какъ ни былъ утѣшенъ результатъ бесѣды въ томъ или другомъ случаѣ, — въ результатѣ нашъ собесѣдникъ неизмѣнно и неизбѣжно, какъ бы въ силу какого-то естественнаго закона, направлялъ разговоръ на экспропріацію земли. Конечно, мы, вѣрные своимъ принципамъ, выставляли нашъ взглядъ на крестьянскій вопросъ, но это только отталкивало крестьянъ отъ насъ. Тутъ нужно было найти такую логическую форму, которая, съ одной стороны вполнѣ отвѣчала бы нашимъ принципамъ и не представляла бы собою компромисса, а съ другой стороны оставляла бы агитируемому крестьянину поле для свободной и самостоятельной спекуляціи въ аграрномъ вопросѣ, — проще говоря, такую форму, которая не отталкивала бы отъ насъ крестьянъ. И сдѣланный нами выводъ, самъ собою логически вытекающій изъ всей нашей практики, таковъ, что, какъ соц.-дем., мы, само собой разумѣется, не можемъ думать о превращеніи мелкихъ буржуа въ товарищей. Принципіальная работа среди солдатъ возможна и должна производиться среди уже перечисленныхъ слоевъ: фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, городскихъ ремесленниковъ, какъ сравнительно культурной группы, и обезземеленныхъ крестьянъ. Но прежде и раньше всего, мы солдаты, живущіе въ опредѣленной обстановкѣ, служащіе самодержавію для вполнѣ ясной и опредѣленной цѣли, мы солдаты, прежде всего, тѣ манекены, которые въ извѣстный моментъ прикладываютъ ружье къ плечу и посылаютъ дождь свинца въ товарищей рабочихъ и всѣ революціонные элементы. Такимъ образомъ главная и единственная задача работы среди солдатъ-крестьянъ заключается въ слѣдующемъ: пользуясь созданнымъ самой жизнью настроеніемъ, исходя изъ экономическаго и правового положенія крестьянъ, внести и сдѣлать ясной ту мысль, что всѣ такъ называемые „внутренніе враги“, въ которыхъ его призываютъ стрѣлять, суть прежде всего его друзья, (принимая во вниманіе и пользуясь растущимъ крестьянскимъ движеніемъ, это совсѣмъ не трудно доказать), что борьба ведется прежде всего во имя непосредственныхъ интересовъ народа, т. е. и крестьянства, и что только съ побѣдой такъ называемыхъ „внутреннихъ враговъ“ онъ сумѣетъ улучшить свое матеріальное и правовое положеніе, что истинные враги его это прежде всего царь и бюрократія. Слѣдовательно, если ему тяжело и душно, если и онъ уже на каждомъ шагу повторяетъ: „такъ дольше жить нельзя“, — то единственно правильный путь, это не стрѣлять и переходить въ ряды борющихся. На этомъ *пока* и заканчивается наша задача, и эта задача, мы думаемъ, достаточно велика, чтобы отдать ей первенствующее мѣсто и значеніе. Конечно, сама работа, ея форма и успѣшность, находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ разнообразныхъ специфическихъ условій солдатской среды, психологіи, оборотовъ рѣчи, тѣхъ или иныхъ пріемовъ, диктуемыхъ обстановкой времени и мѣста; на этомъ подробнѣе остановимся въ другой разъ. Но, такъ или иначе, нужно сказать, что все это намъ приходилось вырабатывать вполнѣ самостоятельно: въ литературѣ указаній мы совершенно не находили. — поэтому то вполнѣ возможны и ошибки. Къ счастью, резолюція конференціи по аграрному вопросу совершенно развязала намъ руки.

Перейдемъ къ фактамъ: 10 сентября мы впервые въ нашемъ полку распространили прокламаціи, присланныя случайно Екетеринославскимъ Ком., около 600 экз., къ запаснымъ и солдатамъ. Распространеніе было настолько удачнымъ, что не было ни одной казармы, гдѣ бы не читались прокламаціи. Въ нѣкоторыхъ ротахъ читали буквально всѣ. Затѣмъ распространили: 1 января — на тему „Портъ-Артуръ“, гектогр., 600 экз. и „къ запаснымъ“ Екатеринославскаго Ком. 1200 экз. 20 февраля — къ солдатамъ (по поводу январьской стрѣльбы), 4000 экз., гектографир. 2 марта, при обмундировкѣ солдатъ запасного батальона, было вложено въ каждый мундиръ по прокламаціи — необычайный успѣхъ. Послѣдній разъ гектогр. 100 экз. „Солдатской памятки“ роздали по рукамъ — читались всѣми. Въ общемъ, мы можемъ сказать съ увѣренностью, что громадное большинство солдатъ, читая прокламаціи, ни за что не отдастъ ихъ начальству и къ тому же смотритъ на прокламацію, какъ на газету, въ которой говорятъ они „ажно скатертью стелитъ и правду, всю правду пишетъ, и не врагъ нашъ, а другъ“.

Состояніе нашей организаціи за это время было таково: благодаря присутствію запасныхъ, внесшихъ съ воли разлагающій солдатскіе устои духъ, работа пошла ускореннымъ темпомъ. Прибывали все новые кадры сознательныхъ товарищей. Наборъ 1905 г. далъ человѣкъ 8 сознательныхъ, уже бывшихъ въ организаціяхъ соц.-дем. Къ сожалѣнію, три частичныя мобилизаціи, въ буквальномъ смыслѣ слова, насъ ограбили: каждая мобилизація увозила съ собой то 6, то 8 товарищей. Если бы не мобилизаціи, то въ итогѣ у насъ было бы минимумъ человѣкъ 45, и эти кадры были бы вполнѣ достаточны для нѣкоторыхъ активныхъ дѣйствій.

Послѣдній мѣсяцъ работы, по количеству подвергающихся агитаціи солдатъ, превзошелъ всѣ ожиданія. Въ разное время удалось провести 6 бесѣдъ, на которыхъ присутствовало каждый разъ не менѣе 40 человѣкъ. Внутренняя работа въ нѣкоторыхъ ротахъ достигла уже блестящихъ результатовъ, въ особенности въ двухъ, солдаты которыхъ единодушно заявили на бесѣдахъ, что стрѣлять они ни въ какомъ случаѣ не будутъ. Товарищи дѣлаютъ все возможное, чтобы, вообще, ближе сойтись съ солдатами. Затѣмъ, обращается большое вниманіе на легальную литературу: большую пользу приносятъ легальныя изданія нѣкоторыхъ фирмъ, выписываются газеты. Все это представляетъ собой тотъ ферментъ, который подготовляетъ прекрасную почву для агитаціи. Сознательныхъ, организованныхъ товарищей сейчасъ 23 человѣка.

Перечень тѣхъ требованій, на почвѣ которыхъ создается подъемъ сознанія и солидарности. Замѣчу мимоходомъ, что требованія эти выдвинуты уже самой жизнью, и нашей задачей является придать имъ извѣстный характеръ и соотвѣтствующимъ образомъ направить:

1) *Увеличеніе раскладки.* На пищу ежедневно выдаютъ по 5,85 к. Увеличеніе на 10 и больше.

2) *Увеличеніе жалованья* Рядовой получаетъ 45 коп. въ два мѣсяца.

3) *Выдача всей мундирной одежды на руки.* По уставу каждый солдатъ имѣетъ по три мундира и трое шароваръ, на самомъ дѣлѣ ему выдается старье, пропитанное саломъ и вшами.

4) *Обязательные отпуски.* минимумъ 2 мѣсяца въ году. Сейчасъ всякіе отпуски воспрещены.

5) *Пріобрѣтеніе испорченнаго оружія за счетъ казны* Это требованіе вызывается однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ явленій нашего милитаризма. Ружье уже истрепалось, 10 лѣтъ изъ него стрѣляютъ, а тутъ взваливаютъ вину за порчу на солдата, который, можетъ быть, только что его получилъ, а онъ вынужденъ заплатить 7 руб. за стволъ, иначе ему грозятъ военнымъ судомъ. Такимъ образомъ, сотни новыхъ винтовокъ пріобрѣтались за счетъ солдатъ, полагающіяся же для этого суммы идутъ въ карманы г.г. офицеровъ.

6) *Отпускъ на вольныя полевыя работы на 5 недѣль безъ принесенія платы* Каждый крестьянинъ, увольняемый на родину на три недѣли, обыкновенно уплачиваетъ въ пользу такъ называемыхъ артельныхъ суммъ около 20-22 руб., изъ которыхъ возвращается ему половина. Сознаніе возмутительности этого такъ глубоко, что всѣ рѣшительно запасные, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили денегъ не привозить, если ихъ отпустятъ, а если не отпустятъ, то самовольно уйти. На этой почвѣ нами ведется усиленная агитація.

7) *Право въ свободное отъ занятій время отлучаться въ городъ, къ роднымъ и знакомымъ, безъ специальнаго разрѣшенія.* Сейчасъ, напримѣръ, изъ боязни всякихъ вліяній, полкъ превращенъ въ тюрьму для большинства.

8) *Уничтоженіе всякихъ работъ въ домахъ, садахъ и огородахъ офицеровъ.*

Есть еще много требованій, которыя не сегодня-завтра будутъ выдвинуты. Вся практика привела насъ къ слѣдующему убѣжденію: всѣ противорѣчія нашей жизни все съ возрастающей силой отражаются въ войскѣ. На нашихъ глазахъ разрушилась дисциплина, этотъ фундаментъ самодержавія. Путь, по которому пойдетъ здѣсь дѣло — это прежде всего путь деморализаціи. И не далеко то время, когда, хотя и слабые количественно, но сильные знакомствомъ со средой, товарищи сумѣютъ утилизировать этотъ фактъ: переходъ одной, двухъ ротъ на сторону демонстрантовъ, будетъ сигналомъ для всѣхъ, тѣмъ болѣе, что *пассивности*, характерной для несознательныхъ элементовъ, стрѣляющихъ солдатъ, будетъ противопоставлена *активность* сознательныхъ, обладающихъ къ тому же оружіемъ.

Варшава. Въ настоящее время, когда призракъ „организаціи“ и „назначенія“ революціи еще не сошелъ со сцены, не безполезно, будетъ привести нѣсколько фактовъ изъ недавняго прошлаго рисующихъ результаты дѣйствій „организаторовъ революціи“ съ одной стороны, и „хвостистовъ“ съ другой.

Еще весной въ заграничныхъ газетахъ было напечатано постановленіе Р. Р. S. удерживать рабочихъ отъ носящихъ политическій характеръ стачекъ и демонстрацій, чтобы беречь свои силы къ окончательной схваткѣ съ самодержавіемъ и не „подводить напрасно подъ убой пролетарскія массы.“ Извѣстіе это оказалось правильнымъ и вскорѣ за нимъ послѣдовали соотвѣтственныя дѣйствія. Уже 4-го мая н. ст. P.P.S. воспротивилась желанію рабочихъ всеобщей стачкой почтить память павшихъ 1 мая товарищей и черезъ свои заграничные органы оповѣстила міръ, что только кучка „диссидентовъ“ не повиновалась ея лозунгу, не смотря на то, что даже официозный „Варшавскій Дневникъ“ говоритъ о всеобщей стачкѣ и демонстраціяхъ. Вслѣдъ затѣмъ Ченстоховскій, а за нимъ и Лодзинскій Комитетъ Р. Р. S выпустилъ прокламацію въ томъ же духѣ. Въ прокламаціи этой, (она перепечатана въ № 27 Czerw. Stand.) рабочимъ предлагается „не поддаваться террору одиночекъ“ въ цѣляхъ *саморекламированія* толкающихъ пролетаріатъ къ новымъ „безцѣльнымъ и кровавымъ стачкамъ“, не обращать на нихъ никакаго вниманія и выходить на улицу или бросать работу только по призыву Р. Р. S. который послѣдуетъ лишь, „когда въ Россіи наступитъ моментъ рѣшительной революціонной борьбы“ [1]).

Иначе отнеслись къ этому вопросу С. Д. П. и Бундъ. Какъ истые „хвостисты,“ они полагали, что разъ существующее въ массахъ революціонное настроеніе никакая соціалдемократическая организація не вправѣ, да и не въ силахъ удержать. Оно прорвется во что бы то ни стало и непрошенныхъ тормазчиковъ отброситъ или увлечетъ съ собою, но уже не въ качествѣ руководителей, а лишь придатка къ стихійному движенію.

Послѣднія событія въ Лодзи рѣзко показали, кто правъ.

Вѣрная своей тактикѣ, Р. Р. S. и тутъ выступила противницей движенія. На предложеніе С. Д. П. отъ 23 іюня образовать одинъ стачечный комитетъ, она совершенно не отвѣтила. Мало этого, въ четвергъ 22 іюня на нѣкоторыхъ фабрикахъ и въ томъ числѣ на фабрикахъ Громова Р. Р. S. — овскіе агитаторы безуспѣшно убѣждали рабочихъ не примыкать къ стачкѣ. Стачку трамвайщиковъ имъ удалось задержать на одинъ день. Но и этого мало. Въ пятницу 23 іюня, когда часть рабочихъ уже билась на баррикадахъ Р. Р. S. — овскіе агитаторы пытались выходившихъ съ фабрикъ рабочихъ возвращать къ станкамъ (См. № 10 Z. Pola Walki).

Иначе дѣйствовала С. Д. П. и Л. (о дѣятельности Бунда писалось уже въ Искрѣ). Подмѣтивъ еще въ маѣ революціонный подъемъ въ настроеніи массъ, она развила лихорадочную дѣятельность. Массовки смѣняли массовки, достигавшія въ концѣ мая и передъ „великими Лодзинскими днями“ почтенныхъ размѣровъ 600 и даже 800 человѣкъ. Въ одинъ, напримѣръ, день 31-го мая на нѣсколькихъ массовкахъ С. Д. П. было 6000 человѣкъ, главнымъ образомъ, польскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ. Рѣчи произносились на обоихъ языкахъ. Параллельно съ устной агитаціей шло распространеніе листковъ, дышащихъ горячимъ революціоннымъ чувствомъ. Удивительно-ли, что мертвечина успокоительныхъ пѣснопѣній P. P. S. осталась безъ отклика. Масса видѣла, какая партія сдѣлала ея дѣло своимъ и шла за ней. Съ момента похоронъ уже ясно было, что руководятъ движеніемъ С. Д. П. и Бундъ.

И великіе іюньскіе дни въ Лодзи были тѣмъ, чѣмъ они должны были быть — отраженіемъ революціоннаго настроенія пролетаріата, — и никакія попытки остановить движеніе, разумѣется ни къ чему не повели. Окрѣпшей же и усилившейся изъ боя вышла не поздно спохватившаяся и попытавшаяся занять руководящую роль Р. Р. S., а съ самаго начала чутко относившаяся къ настроенію массъ С. Д. П. Не только больше, чѣмъ прежде, массы стали видѣть въ ней своего истиннаго руководителя и представителя, но даже (см. вышецитированные №№) не мало агитаторовъ Р. Р. S. заявили о своемъ желаніи перейти къ С. Д. П. Какъ и всегда, ошибки противниковъ пошла на пользу с.-д.-амъ.

Неужели и этотъ урокъ пройдетъ даромъ для совѣтниковъ Ивановыхъ? О тебѣ сказка сказывается, Петербургскій комитетъ!

Вообще, глядя на ростъ здѣшняго движенія за послѣдніе годы и особенно за время съ 9 января вспоминаются слова товарища Адлера, сказанныя 18 марта 1904 г. „Революція очищаетъ воздухъ и много прилипающей въ будничные дни къ пролетаріямъ мелкобуржуазной накипи она сноситъ“ [1]). Чисто соц.-демократическая пропаганда и агитація безъ всякой примѣси націонализма или специфически интеллигентскаго фокусничества сдѣлала здѣсь поразительные успѣхи. Идеалъ единой охватывающей всѣхъ пролетаріевъ Россіи с.-дем. партіи сталъ понятенъ и дорогъ всѣмъ рабочимъ организованнымъ С. Д. П., какъ русскимъ, такъ и полякамъ и евреямъ, смотрящимъ на свою партію, какъ на мѣстную представительницу увы! еще не Росс. единной С. Д. Партіи.

О нашей организаціи, уже оправившейся отъ удара, отмѣченнаго въ № 102 Искры и снова приступившей къ массовой агитаціи, сообщу въ слѣдующій разъ.

Членъ В. К. Военно — Революц. Организаціи

Варшава 31 іюля. Городъ представляетъ изъ себя, нѣчто вродѣ военнаго лагеря. Военные патрули изъ гвардейцевъ и армейцевъ разставлены черезъ одинъ, черезъ два квартала. Обыкновенно на одномъ мѣстѣ торчатся два солдата подъ командой городового. Кромѣ того, отъ времени до времени по улицамъ проходятъ болѣе или менѣе значительные отряды пѣхоты, проѣзжаютъ какъ бы невзначай одиночные казаки. Съ ружьями на плечахъ, солдаты двигаются то густой массой, то тянутся гуськомъ въ двѣ линіи, каждая вдоль одной стороны улицы. Саксонскій садъ, находящійся почти въ центрѣ города, переполненъ жандармами и городовыми. Всѣ входы въ садъ охраняются ими же. Съ большимъ свертномъ въ рукахъ никого въ садъ не пропускаютъ. То же, въ болѣе слабой степени, происходитъ и въ другихъ садахъ.

Малѣйшее нарушеніе „нормальнаго теченія жизни“, привлекаетъ вниманіе патруля. Вотъ извощикъ уклонился отъ средней линіи улицы больше, чѣмъ положено, вправо или влѣво. Городовой въ гнѣвѣ, и съ чисто русскими ругательствами, устремляется на нарушителя правилъ, подавая знакъ подвѣдомственнымъ его солдатамъ спѣшить на помощь. Тѣ повинуются и съ ружьями на перевѣсъ спѣшатъ къ своему командиру-городовому. Не робѣя, извощикъ отвѣчаетъ на вопросы блюстителя порядка, спѣшно дѣлающаго свои помѣтки въ записной книжкѣ. а солдаты, какъ дрессированныя собаки ждутъ только команды своего господина — „пиль!“, чтобы броситься на дерзкаго преступника и сокрушить его уже направленными на него штыками. Дѣло сдѣлано. Городовой записалъ. Извощикъ свободенъ. Онъ не трусъ, и отъѣзжая, помахиваетъ въ воздухѣ кнутомъ и посылаетъ городовому какую то угрозу. Извощикъ исчезаетъ. Городовой становится на свой постъ посрединѣ улицы, а великаны гвардейцы, какъ бы съ сожалѣніемъ, что не удалось пощупать бока непокорнаго извощика, медленно ретируются къ своей позиціи у стѣны углового дома.

Но дѣло не всегда такъ мирно кончается. У прохожаго обывателя съ гвардейцемъ, вышло недоразумѣніе на словахъ. Обыватель не вооруженъ и вступить съ гвардейцемъ въ физическое состязаніе не собирается. У гвардейца истощился запасъ словесныхъ аргументовъ, и онъ рѣшаетъ пустить въ ходъ прикладъ своего ружья. Обыватель увернулся отъ удара прикладомъ по головѣ и пускается на утекъ. На подмогу гвардеецъ зоветъ своего товарища, и оба бѣгомъ преслѣдуютъ бѣглеца. Догоняютъ. Въ воздухѣ повисъ тяжелый прикладъ гвардейскаго ружья и готовъ опуститься на голову обывателя. Опускается. Но обыватель, ускоривъ бѣгъ, счастливо уклоняется отъ удара и исчезаетъ за угломъ дома. Прикладъ опустился и стукнулся о мостовую. Недовольные гвардейцы съ руганью на устахъ возвращаются вспять.

Въ еврейскихъ кварталахъ на тротуарахъ всегда толпится народъ. Раздался выстрѣлъ, кого то убили. Оказывается, что шпіона. Толпа сгущается. Кто то бѣжитъ, за нимъ устремляются два солдата съ ружьями на перевѣсъ. Удирающій опережаетъ идущаго впереди него студента, ловко сворачиваетъ въ толпу и исчезаетъ въ ней. Солдаты какъ будто не замѣчаютъ, что передъ ними уже не тотъ, кого имъ нужно поймать, и сохраняютъ то же положеніе ружей. Студентъ, видя опасность, но не ускоряя шага, сворачиваетъ въ сторону, и тѣмъ спасается отъ солдатскихъ штыковъ. Преслѣдуемый солдатами человѣкъ, благополучно скрывается въ воротахъ проходного двора. Толпа тутъ такъ настроена, что никогда не кричитъ — „ату его!“ и виновникъ убійства почти всегда скрывается.

Нерѣдко бываетъ значительно хуже. Не надѣясь на скорость своихъ ногъ или не желая утомлять ихъ, солдатъ поступаетъ иначе: щелкаетъ курокъ, раздается выстрѣлъ. Быстро разсѣивается струйка дыму и на улицѣ остается трупъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Частое повтореніе такихъ „случаевъ“ заставило военное начальство немножко опомниться. Въ послѣднее время изданъ тайный приказъ, не стрѣлять въ убѣгающаго отъ ареста человѣка, когда представляется опасность попутно задѣть кого либо изъ публики. Рекомендуется дѣйствіе холоднымъ оружіемъ.

На улицѣ лужа крови. Спрашиваешь, что случилось. Сосѣдній лавочникъ безъ особенной грусти поясняетъ, что только что тутъ убили шпіона, добавляя при этомъ: „и какъ ловко! однимъ выстрѣломъ, и готово!“ Виновникъ этого удачнаго выстрѣла, по обыкновенію не пойманъ.

Вотъ еще картинка. По срединѣ улицы идетъ съ неприличной физіономіей „штатскій“ человѣкъ. Въ рукѣ у него палка. Видъ небрежный. На лицѣ скрытое желаніе осмотрѣться по сторонамъ и очевидный страхъ за свою шкуру. Рядомъ идетъ городовой, а сзади два солдата съ ружьями въ рукахъ. По обѣимъ сторонамъ улицы оживленіе въ толпѣ, она двигается быстрѣе обыкновеннаго. Въ разныхъ мѣстахъ слышны крики: „шпіонъ, шпіонъ!“ Шествіе по срединѣ улицы продолжается. Доходятъ до слѣдующей пары солдатъ. Первая пара уходитъ къ своему посту, а вторая продолжаетъ путь впередъ. Кортежъ приближается къ участку, гдѣ стоитъ карета съ частой рѣшеткой. „Штатскій“ якобы арестованный, водворяется внутри кареты. Захлопывается дверца и съ наружной стороны ея устанавливаются два городовыхъ. Карета удаляется. Публика смотритъ ей вслѣдъ и расходится.

---

[1] Сходство этой прокламаціи съ первомайскимъ листкомъ с. р. въ Петербургѣ бьетъ въ глаза. Вообще дружба между Р. Р. S. и С. Р. со времени двухъ конференцій принимаетъ все болѣе роковыя формы для ... впрочемъ, для кого же изъ нихъ? Недавно здѣсь распространенъ агитаціонный листокъ къ солдатамъ, подписанный „за русскій народъ П. С. Р. и за польскій народъ Р. Р. S.“ заключающій угрозу солдатамъ бомбой, которая „поразитъ ихъ какъ гнѣвъ Божій“!!!

[1]) Цитирую на память.

Тяжелыя полицейскія условія вызвали у пролетаріата образованіе особой формы самозащиты. На улицѣ густая толпа. Идетъ сомнительная личность. Изъ толпы выдѣляется 2-3 человѣка. Они настойчиво приглашаютъ эту личность слѣдовать за ними. Для большей убѣдительности показывается револьверъ. Личность соглашается. Въ воротахъ сосѣдняго дома ее тщательно обыскиваютъ. Когда ничего подозрительнаго не найдено, личность отпускается, въ противномъ случаѣ слѣдуетъ одинъ два выстрѣла, и личность обезврежена навсегда.

Мѣстная хроника почти ежедневно, иногда даже утромъ и вечеромъ, сообщаетъ, что на такой то улицѣ убитъ такой то. Непріятное слово „шпіонъ“ не произносится, но даже изъ текста газетнаго сообщенія можно понять, кто это отправился къ праотцамъ.

Къ позорному столбу. Сообщаемъ фамиліи офицеровъ, „отличившихся“ при подавленіи одесскаго возстанія: офицеры Измаиловскаго полка: штабсъ-капитанъ Лобойко, командиръ первой роты, капитанъ Ивановъ, командиръ второй роты, капитанъ Александровъ, командиръ шестой роты, капитанъ Николовъ, командиръ 16 роты; командиръ Дунайскаго полка — полковникъ Присенко.

Бѣлостокъ. Воскресенье, 31 іюня. Вчера въ субботу 30-то, въ день рожденія „царскаго ублюдка“, какъ принято его называть, насъ, вмѣсто давно жданной конституціи, поразили другимъ сюрпризомъ не менѣе жданнымъ: кровавая бойня, избіеніе младенцевъ — мирныхъ безоружныхъ гражданъ повергла въ ужасъ и отчаяніе все населеніе города. Ужасъ и отчаяніе! Полнѣйшее сознаніе безсилія, безсиліе излить всю ту пучину озлобленія, которая клокочетъ въ груди, — положеніе въ высшей степени тяжелое, почти безысходное. Вотъ описаніе всего происшедшаго.

За послѣднія недѣли были пущены двѣ бомбы, имѣвшія цѣлью прервать достославное существованіе шефа города. За первой неудачей послѣдовало разстрѣливаніе обитателей рабочаго квартала, продолжавшееся, правда, не слишкомъ долго и стоившее не слишкомъ многихъ жертвъ. Вторая бомба была несравненно удачнѣе: шефъ былъ раненъ чуть ли не въ ста двадцати мѣстахъ, замѣненъ уже другимъ, а въ отвѣтъ на это полнѣйшее спокойствіе: ни разстрѣливанія, даже ни арестовъ, что какъ нельзя болѣе ободрило всѣхъ, оживило, внушило больше вѣру въ себя и въ свою работу. Но со вчерашняго дня картина совсѣмъ другая. Надо знать, что со времени „бомбъ“ по всѣмъ улицамъ разставлены патрули, и какъ по секрету отданъ приказъ стрѣлять въ кого попало при малѣйшемъ поводѣ со стороны населенія, особенно если послѣднее посягаетъ на неприкосновенность сторожевыхъ солдатъ. И вотъ въ субботу поводъ былъ данъ. На биржѣ собрались рабочіе небольшой кучкой, ждали стеченія большой толпы, рѣчей (въ тотъ же день въ пятнадцати синагогахъ говорили ораторы, въ нѣкоторыхъ произнесены были блестящія рѣчи. Присутствовавшіе, растроганные до слезъ, пожимали ораторамъ руки, но не осмѣливались открыто принять предложенную ими резолюцію). Но лишь только солдаты замѣтили стеченіе народа на одномъ пунктѣ, они потребовали, чтобы разошлись. Большинство исполнило это требованіе, такъ какъ прекрасно сознавали, что было бы безуміемъ нѣсколькимъ десяткамъ безоружныхъ людей оказывать сопротивленіе солдатамъ, которые содержатъ теперь на постахъ городовыхъ. Однако, нѣсколько молодыхъ осталось на мѣстѣ и одинъ, не смотря на то, что солдаты нѣсколько разъ повторяли свое требованіе разойтись, заявилъ, что онъ не уйдетъ. Солдаты выстрѣлили, и нашъ молодецъ палъ тутъ же. Послѣ этого убійства и въ отвѣтъ на него была брошена бомба тутъ же, черезъ десять минутъ послѣ выстрѣла. Солдатъ раненыхъ нѣтъ, говорятъ, было нѣсколько убитыхъ, но въ точности неизвѣстно ничего по этому поводу. За то частныхъ лицъ, говорятъ, убито человѣкъ восемь. Бомба послужила сигналомъ. Солдаты открыли пальбу. Народъ разбѣжался. Тогда солдаты стали забираться въ переулки, во дворы, въ дома, стрѣляли во всѣхъ, кто ни попадался имъ подъ руку: здѣсь въ отца, возвращавшагося съ гулянія съ дѣтьми, тутъ въ старика, шедшаго въ синагогу, тамъ въ двѣнадцатилѣтняго мальчика, игравшаго на улицѣ. Въ одномъ домѣ пуля размозжила черепъ старику сидѣвшему за талмудомъ, въ другомъ прошла черезъ плечо больной женщины; вотъ лежитъ дѣвушка убитая, но жизнь еще бьется въ ней; несчастная мать хочетъ приблизиться къ своему ребенку, подать ему помощь, облегчить страданія послѣднихъ минутъ, но пуля тутъ же сражаетъ ее, и она падаетъ мертвая на трупъ дочери. Въ другомъ мѣстѣ сынъ хочетъ подойти къ умирающему отцу — выстрѣлъ, — и онъ подкошенный падаетъ возлѣ отца. Павшимъ нельзя подавать помощи, врачей не допускаютъ къ нимъ, родныхъ или постороннихъ, кто хотѣлъ подать помощь умирающимъ, застрѣливаютъ, не давая себѣ труда ихъ разгонять. На улицахъ ни души. Едва кто покажется — сейчасъ стрѣляютъ. Но проходятъ часы, думаютъ, авось стрѣлять больше не будутъ, вылѣзаютъ изъ засадъ, а солдаты этого только и ждутъ. Опять выстрѣлы — опять многочисленныя жертвы: вотъ мать возвращается изъ аптеки съ склянками и пузырьками; вотъ горничная, посланная на почту — невинныя жертвы дикой азіатчины; вотъ старикъ, идущій въ синагогу... его загоняютъ въ сѣни и тамъ пристрѣливаютъ; тамъ древняя старуха, здѣсь молодая дѣвушка, и такъ весь день отъ двухъ часовъ дня до поздней ночи. Убитыхъ не позволяютъ уносить, они остаются всю ночь на улицѣ и только къ утру ихъ, какъ собакъ, сваливаютъ въ телѣги и везутъ на кладбище. Но тутъ отдается приказаніе везти трупы обратно на больничный дворъ. Ужасныя, душу раздирающія сцены представляются въ больницахъ. Палаты переполнены ранеными, умирающими. Стоны и вопли сотрясаютъ стѣны, кто молитъ о помощи, кто о смерти. На больничномъ дворѣ въ повалку груда убитыхъ въ 37 человѣкъ, а тамъ приносятся трупы все новые и новые. Тутъ же страшные вопли матерей, женъ, дочерей, сыновей убитыхъ, каждый узнаетъ своего, каждый мечется, разрывается отъ рыданій надъ дорогимъ ему трупомъ. Въ христіанской больницѣ убитыхъ немного, вмѣстѣ съ ранеными человѣкъ 15. Прибавьте къ этому убитыхъ и раненыхъ въ домахъ не преданныхъ огласкѣ, и число жертвъ неизвѣстно. Умирающихъ въ больницѣ около сорока, остальные легко ранены. Убитыхъ не хоронятъ въ ожиданіи губернатора, но онъ и не думаетъ пріѣзжать. Вмѣсто него пріѣзжаетъ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Его, видно, не ужасаетъ все происшедшее, такъ какъ разгромъ, повидимому, былъ организованный. Онъ заявляетъ отцамъ города, что еще одна бомба, одинъ убитый солдатъ, и городъ будетъ сравненъ съ землею. На сей разъ разстрѣливали въ одной половинѣ города въ теченіе одного дня, въ слѣдующій разъ обѣщано пустить солдатъ въ городъ на три дня для окончательнаго его разгромленія. Вотъ и погромъ [illegible] чище кишиневскаго, не то что гомельскаго: противъ солдатъ самооборона ничего не сможетъ, а спустить подобное звѣрство невозможно. Что послѣдуетъ — неизвѣстно. Ждутъ бомбъ, жители разбѣгаются, оставляютъ городъ, кто только можетъ. Сегодня — понедѣльникъ. Магазины всѣ закрыты, объявлена всеобщая забастовка, будутъ хоронить павшихъ, а что дальше — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ можно ожидать еще худшаго. Всего ужаса нельзя себѣ представить, если не видѣть собственными глазами.

Могилевъ, 26 іюля. Въ среду послѣ полудня полиція начала разгонять всѣхъ гуляющихъ съ бульваровъ и тротуаровъ, не различая ни старыхъ, ни молодыхъ. Городъ былъ почти на военномъ положеніи, повсюду были разставлены патрули и свирѣпствовалъ полный произволъ.

Въ 10 часовъ произошелъ слѣдующій печальный инцидентъ: одинъ фармацевтъ, идя изъ города домой, былъ схваченъ солдатскимъ патрулемъ и безпощадно избитъ, такъ что черезъ два часа скончался.

27 іюля, когда узнали эту печальную вѣсть, то рѣшили пойти провожать покойника на кладбище. Такъ какъ въ этотъ день былъ еврейскій праздникъ, то полиція была на готовѣ и никоимъ образомъ не могли всѣ придти. Но всетаки собралось человѣкъ 100. Къ собравшимся обратился помощникъ полиціймейстера со слѣдующими словами: „Господа, если у васъ не будетъ никакихъ возгласовъ, то я противъ васъ никакихъ мѣръ не предприму“. Въ виду этихъ словъ, всѣ рѣшили держаться спокойно. Однако, какъ только процессія дошла до Маковецкаго переулка, царскій опричникъ со своей бандой городовыхъ и потомъ солдатъ, во главѣ съ извергомъ офицеромъ хотѣли остановить процессію и отдѣлить катафалкъ отъ массы, но этого мы не хотѣли допустить и тутъ то началось страшное избіеніе: тотчасъ же офицеръ велѣлъ стрѣлять, выпустили 10 залповъ, били прикладами. Одну дѣвицу избили такъ, что она упала въ обморокъ, одному старику разбили черепъ, говорятъ, что онъ скончался. Теперь по главнымъ улицамъ молодыхъ людей плохо одѣтыхъ не пропускаютъ и избиваютъ до смерти. Несмотря на эти ужасы, весь городъ почти въ революціонномъ настроеніи.

Рабочій.

Тифлисъ. На дняхъ былъ у насъ представитель большевистскаго Ц. К., дѣлалъ намъ докладъ о съѣздѣ и предлагалъ помириться вообще (практическихъ предложеній не было). Мы собрали ему рабочихъ, которымъ онъ также дѣлалъ докладъ. Вотъ резолюція, принятая на этомъ собраніи.

Часть[1] передовыхъ рабочихъ и пропагандистовъ Тифлиса, въ количествѣ 70 человѣкъ выслушавъ докладъ представителя Ц. К. о партійныхъ разногласіяхъ, о расколѣ и объединеніи партіи, считаетъ своимъ долгомъ заявить Ц. К., что они не могутъ съ довѣріемъ относиться къ завѣреніямъ Ц. К. о желаніи возстановить партійное единство, послѣ крайне губительной для партіи политики большевиковъ выразившейся въ цѣломъ рядѣ шаговъ, систематически разсчитанныхъ на ускореніи и углубленіи раскола и закончившейся чудовищной узурпаціей власти, именуемой партійнымъ съѣздомъ. Рабочіе предлагаютъ Ц. К. и вообще большевикамъ снять съ себя пятно, положенное на нихъ т. н. III съѣздомъ, и на дѣлѣ, а не на словахъ доказать, что Ц. К. дѣйствительно дорого единство партіи. 64 за, 2 противъ, 4 возд.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Къ вопросу объ объединеніи. Въ № 11 „Пролетарія“ напечатано „Открытое письмо къ Орг. Комиссіи, избранной первой общерусской конференціей соціалъ-демократическихъ работниковъ“. Письмо подписано Ц. К.-томъ и трактуетъ жгучій вопросъ о возможномъ объединеніи Партіи. Пересылая это письмо по партійнымъ организаціямъ, „Южное бюро“ (прежде работавшее при Ц. К., а послѣ „третьяго съѣзда“ ставшее органомъ Организаціонной Комиссіи) снабжаетъ его слѣдующимъ комментаріемъ:

„Къ этому письму мы считаемъ нужнымъ добавить краткій докладъ о бывшихъ еще раньше переговорахъ съ Ц. К. Первые переговоры происходили въ Женевѣ сейчасъ же послѣ окончанія конференціи и „III съѣзда“. О нихъ мы можемъ сообщить точныя данныя, такъ какъ составитель этого письма въ нихъ участвовалъ.

Происходили они по предложенію Ц. К. Съ нашей стороны было два, а съ ихъ — два члена Ц. К. и одинъ товарищъ большевикъ изъ мѣстныхъ работниковъ. Такъ какъ тогда не было еще въ печати резолюцій „III съѣзда“ и конференціи, то мы предложили предварительно ознакомить другъ друга съ рѣшеніями съѣзда и конференціи. Товарищъ изъ Ц. К. изложилъ организаціонный уставъ, принятый на „III съѣздѣ“, стараясь оттѣнить тѣ пункты, которые, по его мнѣнію, являются существенной уступкой взглядамъ меньшинства и дѣлаютъ практическіе шаги къ демократизаціи нашего организаціоннаго строя. Наиболѣе существеннымъ и дѣйствительно демократическимъ изъ всѣхъ этихъ пунктовъ является право каждой организаціи издавать партійную литературу. Что же касается остальныхъ пунктовъ, то при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи они теряютъ всякую демократичную сущность. Регламентація транспорта имѣетъ чрезвычайно слабое практическое значеніе. Права периферіи по прежнему ограничены. Мѣстный комитетъ можетъ быть реорганизованъ только при согласіи на это 2/3 Ц. К., хотя бы этой реорганизаціи требовали 2/3 периферіи или даже вся периферія. „Побѣда Россіи надъ за-границей“, на которую ссылались члены Ц. К. во время переговоровъ, имѣя въ виду существованіе одного партійнаго центра, тоже болѣе, чѣмъ сомнительна, если принять во вниманіе: 1) Быструю смѣняемость вслѣдствіе арестовъ русской части Ц. К.; 2) Единоличность отвѣтственности редакціи со стороны живущаго за границей члена Ц. К. и наконецъ, 3) Требованіе единогласія въ Ц. К. для кооптаціи новыхъ членовъ.

Наконецъ, просто смѣшнымъ является постановленіе о томъ, что въ случаѣ рѣшенія важныхъ для организаціи вопросовъ, слѣдуетъ привлекать съ *совѣщательнымъ* голосомъ и районныхъ работниковъ, *если конспирація этому не мѣшаетъ*. Весь строй мѣстныхъ организацій, отношенія внутри ихъ, организація центровъ — все остается по старому, какъ будто мы ничего новаго не пережили въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, между рѣшеніемъ III съѣзда и рѣшеніемъ конференціи существуетъ серьезное различіе, поскольку конференція, учитывая опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, строитъ партійную организацію на нѣсколько новыхъ болѣе широкихъ основахъ. (Подробныя поясненія къ организаціонному уставу мы надѣемся дать въ слѣдующихъ письмахъ). Что касается тактическихъ резолюцій „III съѣзда“, на пріемлемость котораго для меньшинства указывалъ Ц. К., то уступчивость въ нихъ мы видѣли и видимъ только въ туманности выраженій и формулировокъ. — Послѣ доклада члена Организаціонной Комиссіи о рѣшеніяхъ конференціи приступили къ самымъ переговорамъ. Членъ Ц. К. поставилъ, такимъ образомъ вопросъ, что, съ одной стороны, существуетъ партія, представляемая имъ и дающая намъ возможность войти въ нее, а съ другой — мы, отколовшаяся часть партіи, которая должна къ нимъ присоединиться. Мы заявили, что не признаемъ такъ называемаго „III съѣзда“ партійнымъ и стоимъ на почвѣ дѣйствительности, т. е. фактическаго существованія двухъ самостоятельныхъ организованныхъ фракцій, имѣющихъ общую программу и единое знамя Р. С. Д. Р. П., что мы, дорожа этой программой и этимъ знаменемъ, какъ возможностью полнаго слиянія обѣихъ частей, предлагаемъ: 1) Обсудить общую платформу, которая, *на почвѣ взаимныхъ уступокъ*, могла бы быть пріемлема для обѣихъ частей. 2) выработать обязательную какъ для Орг. Ком., такъ и для Ц. К. общую объединительную политику. Кромѣ того, мы предложили Ц. К. обратиться, подобно намъ, ко всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ съ предложеніемъ вступить съ нашими организаціями въ соглашеніе для совмѣстной работы. Наконецъ, мы указали на то, что для уничтоженія формальныхъ препятствій для объединенія было-бы очень хорошо, если бы организація такъ называемаго „большинства“ не претендовали противъ воли очень большой части партіи представлять всю партію въ цѣломъ. Мы предложили Ц. К., чтобы онъ, подобно намъ, предложилъ мѣстнымъ организаціямъ высказаться за снятіе заголовка „Ц. О.“ на газетѣ „Пролетарій“. На всѣ наши предложенія Ц. К. отвѣчалъ уклончиво, говоря, что намѣченный нами путь слишкомъ длиненъ, что этому будутъ мѣшать „дрязги и сплетни“ и предложилъ намъ кооптацію въ Ц. К. и Ц. О. Само собой разумѣется, что мы не могли на это согласиться, такъ какъ это противорѣчитъ нашей основной точкѣ зрѣнія, которую мы развили и тогда передъ Ц. К. Мы указали на то, что единственный возможный путь къ объединенію есть нами указанный, что механически слить двѣ части партіи, создавшія уже свои особыя организаціи, съ опредѣленными установившимися отношеніями въ нихъ, съ опредѣленными методами работы, что думать слить такія двѣ части партіи сразу, путемъ циркулярнаго распоряженія, было бы бюрократической утопіей. Мы указали на то, что только въ процессѣ совмѣстной работы, развиваемой всѣми членами партіи, на почвѣ постоянныхъ соглашеній, создадутся нѣкоторыя промежуточныя формы и взаимная приспособляемость работниковъ, которая и приведетъ къ полному организаціонному слиянію, что необходимы *взаимныя уступки*, а не поглощеніе одной части другой, что предлагаетъ Ц. К., и что мы ждемъ свидѣтельствъ примирительной политики „большинства“ не въ видѣ увѣреній на словахъ, а въ видѣ опредѣленныхъ политическихъ шаговъ и открытыхъ заявленій передъ лицомъ всей партіи, такъ какъ до сихъ поръ мы видѣли съ ихъ стороны лишь стремленіе къ расколу. (Статьи во „Впередѣ“, дѣятельность Б. К. Б., отказъ его отъ переговоровъ, отказъ превратить съѣздъ въ конференцію и т. д.)

Когда, такимъ образомъ, нами былъ вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ о соглашеніи, то товарищъ изъ Ц. К. отвѣталъ, что не считаетъ возможнымъ говорить съ нами, какъ со стороной, такъ какъ еще неизвѣстно, пойдутъ ли за нами наши организаціи. Въ качествѣ же немедленнаго соглашенія они предложили намъ, чтобы изъ экспедиціи „Искры“ выдавалась литература „большевикамъ“, ѣдущимъ въ Россію и чтобы транспортъ перевозилъ литературу и нашу и ихъ. Мы отвѣтили, что напередъ можемъ обѣщать, что съ нашей стороны не будетъ никакихъ препятствій для соглашеній въ области технической, но оно можетъ быть лишь результатомъ соглашенія по поводу вообще объединительной политики. Мы разстались, рѣшивъ встрѣтиться въ Петербургѣ. Одинъ товарищъ, находящійся въ Петербургѣ, уже бесѣдовалъ опять съ членомъ Ц. К., но по его изложенію эта бесѣда носила приблизительно тотъ же характеръ, что и переговоры въ Женевѣ. Товарищи изъ Ц. К. признаютъ объединеніе лишь при условіи признанія нами „III-го съѣзда“ и его работъ. Изъ прилагаемаго открытаго письма Ц. К. товарищи видятъ, что и здѣсь они приглашаютъ насъ объединиться на „тѣхъ организаціонныхъ началахъ, которыя даны III съѣздомъ“. Конечно, слѣдуетъ привѣтствовать то, что они рѣшили вступать въ соглашеніе на мѣстахъ и мы еще разъ напоминаемъ товарищамъ о необходимости поспѣшить съ этими соглашеніями тамъ, гдѣ существуютъ организаціи „большинства“. Характерно то, что члены Ц. К. находятъ, что формальныхъ препятствій теперь, послѣ постановленій конференціи „*также нѣтъ*“. Очевидно, они имѣютъ ввиду постановленіе конференціи о необходимости снятія подзаголовка съ „Искры“ и прекращенія дѣятельности Совѣта. Они, очевидно, не замѣчаютъ, что такой же подзаголовокъ на „Пролетаріи“ и претензія Ц. К. быть центромъ и для насъ, помимо нашего согласія — тоже является формальнымъ препятствіемъ для объединенія. Итакъ, какъ выяснилось изъ переговоровъ и какъ ясно это изъ ихъ письма (см. то его мѣсто, гдѣ они говорятъ о своемъ циркулярномъ предложеніи всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ), — Ц. К. рѣшилъ по поводу объединенія такую тактику: онъ предлагаетъ Организаціонной Комиссіи и редакціи „Искры“ кооптацію, а мѣстныя организаціи призываетъ „къ слиянію на организаціонныхъ основахъ, выработанныхъ III съѣздомъ“. Если это не удастся, то во 2-хъ Ц. К. предлагаетъ мѣстнымъ организаціямъ вступать съ параллельно существующими нашими организаціями въ соглашеніи, — причемъ въ то время, какъ мы имѣемъ ввиду путемъ такихъ соглашеній выработать форму организацій и методы дѣятельности, пріемлемые для обѣихъ сторонъ, — Ц. К. смотритъ на это соглашеніе, какъ на переходный періодъ къ тому же „слиянію на организаціонныхъ основахъ, принятыхъ III съѣздомъ“.

Мы не сомнѣваемся, что близко то время, когда необходимость соціалистамъ объединиться, и отвѣтственность наша предъ пролетаріатомъ, заставятъ его пойти дальше и согласиться съ тѣмъ, что *соглашеніе* нельзя замѣнить поглощеніемъ и оно должно произойти на почвѣ взаимныхъ уступокъ“.

Далѣе, Южное бюро сообщаетъ извѣстную читателю резолюцію Одесскихъ рабочихъ, примыкающихъ къ Комитету „большинства“, совершенно справедливо противопоставляя эту резолюцію, проникнутую дѣйствительнымъ пониманіемъ методовъ, ведущихъ къ объединенію, — предложеніямъ Ц. К.

Резолюція Сибирской конференціи (Продолженіе, см. № 107).

Реорганизація Сибирскаго Союза. „Принимая во вниманіе, съ одной стороны, чрезвычайно расширившіеся за послѣднее время размѣры организаціи, съ другой стороны, наличность вполнѣ уже прочно сложившихся мѣстныхъ комитетовъ и группъ, а также болѣе или менѣе значительную зрѣлость периферійныхъ организацій, конференція находитъ своевременнымъ болѣе точное опредѣленіе отношеній внутри Сибирской Союзной организаціи и признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ для настоящаго времени нижеслѣдующій Уставъ.

1. Сибирскій Союзъ представляетъ собою совокупность соцдем. организацій, работающихъ въ Сибири и утвержденныхъ областнымъ съѣздомъ. 2. Верховнымъ Учрежденіемъ внутри Союзной Организаціи является съѣздъ представителей всѣхъ мѣстныхъ комитетовъ. Этотъ областной съѣздъ, выражаетъ ближайшія политическія задачи Сибирскаго Союза, выбираетъ Союзный Комитетъ и делегатовъ на общепартійные съѣзды. 3. Съѣздъ созывается Союзнымъ Комитетомъ не менѣе одного раза въ полугодіе. Союзный Комитетъ обязанъ въ теченіе мѣсяца созвать областной съѣздъ, если созыва его потребуетъ болѣе, чѣмъ половина изъ числа членовъ всѣхъ полноправныхъ организацій. 4. На съѣздѣ имѣетъ право присутствовать съ правомъ рѣшающаго голоса: а) всѣ члены Союзнаго Комитета и б) делегаты отъ мѣстныхъ Комитетовъ. Число делегатовъ отъ мѣстныхъ комитетовъ опредѣляется каждый разъ Союзнымъ Комитетомъ равномѣрно, но не менѣе двухъ отъ каждаго. *Примѣчаніе 1-е.* Каждый комитетъ, а также каждая организованная периферія имѣетъ право послать на областной съѣздъ одного или нѣсколькихъ членовъ (число утверждается въ каждомъ случаѣ Союзнымъ Комитетомъ) съ правомъ совѣщательнаго голоса. *Примѣчаніе 2-ое.* Каждый членъ мѣстнаго комитета, не присутствующій лично на съѣздѣ, имѣетъ право послать на съѣздъ заявленіе съ выраженіемъ своего мнѣнія по всѣмъ вопросамъ порядка дня (который долженъ быть составленъ С. К. всѣмъ организаціямъ ранѣе выбора комитетскихъ делегатовъ) [illegible] и указаніе кандидатовъ въ Союзный Комитетъ и делегатовъ на общепартійный съѣздъ, причемъ эти заявленія обязательно прочитанныя на съѣздѣ должны играть роль совѣщательныхъ голосовъ. 5. Союзный Комитетъ является руководящимъ политическимъ центромъ въ областной работѣ, организуетъ и ведетъ предпріятія, имѣющія общесибирское значеніе, распредѣляетъ силы и средства Союза и является отвѣтственнымъ редакторомъ областного органа. *Примѣчаніе.* Всѣ члены союзнаго комитета принимаютъ участіе въ мѣстной работѣ. 6) Кромѣ съѣздовъ Союзный Комитетъ организуетъ возможно чаще болѣе или менѣе широкія конференціи, какъ общесибирскія, такъ и мѣстныя, на которыя должны привлекаться главнымъ образомъ, сознательные соціальдемократическіе работники съ цѣлью коллективнаго обсужденія главнѣйшихъ вопросовъ какъ политической, такъ и партійной жизни. 7. Въ случаѣ полнаго провала С. К. иниціативу созыва съѣзда для избранія новаго С. К. беретъ на себя одинъ изъ

---

[1] По условію, предложенному докладчикомъ изъ Ц. К., на собраніи могла присутствовать, къ сожалѣнію, только часть передовыхъ рабочихъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ.

городовой, а сзади два солдата съ ружьями въ рукахъ. По обѣимъ сторонамъ улицы оживленіе въ толпѣ, она двигается быстрѣе обыкновеннаго. Въ разныхъ мѣстахъ слышны крики: „шпіонъ, шпіонъ!“ Шествіе по серединѣ улицы продолжается. Доходятъ до слѣдующей пары солдатъ. Первая пара уходитъ къ своему посту, а вторая продолжаетъ путь впередъ. Кортежъ приближается къ участку, гдѣ стоитъ карета съ частой рѣшеткой. „Штатскій“ якобы арестованный, водворяется внутри кареты. Захлопывается дверца и съ наружной стороны ея устанавливаются два городовыхъ. Карета удаляется. Публика смотритъ ей вслѣдъ и расходится.

Тяжелыя полицейскія условія вызвали у пролетаріата образованіе особой формы самозащиты. На улицѣ густая толпа Идетъ сомнительная личность. Изъ толпы выдѣляется 2-3 человѣка. Они настойчиво приглашаютъ эту личность слѣдовать за ними. Для большей убѣдительности показывается револьверъ. Личность соглашается. Въ воротахъ сосѣдняго дома ее тщательно обыскиваютъ. Когда ничего подозрительнаго не найдено, личность отпускается, въ противномъ случаѣ слѣдуетъ одинъ два, выстрѣла, и личность обезврежена навсегда.

Мѣстная хроника почти ежедневно, иногда даже утромъ и вечеромъ, сообщаетъ, что на такой то улицѣ убитъ такой то. Непріятное слово „шпіонъ“ не произносится, но даже изъ текста газетнаго сообщенія можно понять, кто это отправился къ праотцамъ.

Къ позорному столбу. Сообщаемъ фамиліи офицеровъ, „отличившихся“ при подавленіи одесскаго возстанія: офицеры Измаиловскаго полка: штабсъ-капитанъ Лобойко, командиръ первой роты, капитанъ Ивановъ, командиръ второй роты, капитанъ Александровъ, командиръ шестой роты, капитанъ Николовъ, командиръ 16 роты; командиръ Дунайскаго полка — полковникъ Присенко.

Бѣлостокъ. Воскресенье, 31 іюня. Вчера въ субботу 30-то, въ день рожденія „царскаго ублюдка“, какъ принято его называть, насъ, вмѣсто давно жданной конституціи, поразили другимъ сюрпризомъ не менѣе жданнымъ: кровавая бойня, избіеніе младенцевъ — мирныхъ безоружныхъ гражданъ повергла въ ужасъ и отчаяніе все населеніе города. Ужасъ и отчаяніе! Полнѣйшее сознаніе безсилія, безсиліе излить всю ту пучину озлобленія, которая клокочетъ въ груди, — положеніе въ высшей степени тяжелое, почти безысходное. Вотъ описаніе всего происшедшаго.

За послѣднія недѣли были пущены двѣ бомбы, имѣвшія цѣлью прервать достославное существованіе шефа города. За первой неудачей послѣдовало разстрѣливаніе обитателей рабочаго квартала, продолжавшееся правда не слишкомъ долго и стоившее не слишкомъ многихъ жертвъ. Вторая бомба была несравненно удачнѣе: шефъ былъ раненъ чуть ли не въ ста двадцати мѣстахъ, замѣненъ уже другимъ, а въ отвѣтъ на это полнѣйшее спокойствіе: ни разстрѣливанія, даже ни арестовъ, что какъ нельзя болѣе ободрило всѣхъ, оживило, внушило больше вѣру въ себя и въ свою работу. Но со вчерашняго дня картина совсѣмъ другая. Надо знать, что со времени „бомбъ“ по всѣмъ улицамъ разставлены патрули, и какъ по секрету отданъ приказъ стрѣлять въ кого попало при малѣйшемъ поводѣ со стороны населенія, особенно если послѣднее посягаетъ на неприкосновенность сторожевыхъ солдатъ. И вотъ въ субботу поводъ былъ данъ. На биржѣ собралась рабочіе небольшой кучкой, ждали стеченія большой толпы, рѣчей (въ тотъ же день въ пятнадцати синагогахъ говорили ораторы, въ нѣкоторыхъ произнесены были блестящія рѣчи. Присутствовавшіе, растроганные до слезъ, пожимали ораторамъ руки, но не осмѣливались открыто принять предложенную ими резолюцію). Но лишь только солдаты замѣтили стеченіе народа на одномъ пунктѣ, они потребовали, чтобы разошлись. Большинство исполнило это требованіе, такъ какъ прекрасно сознавали, что было бы безуміемъ нѣсколькимъ десяткамъ безоружныхъ людей оказывать сопротивленіе солдатамъ, которые содержатъ теперь на постахъ городовыхъ. Однако, нѣсколько молодыхъ осталось на мѣстѣ и одинъ, не смотря на то, что солдаты нѣсколько разъ повторяли свое требованіе разойтись, заявилъ, что онъ не уйдетъ. Солдаты выстрѣлили, и нашъ молодецъ палъ тутъ же. Послѣ этого убійства и въ отвѣтъ на него была брошена бомба тутъ же, черезъ десять минутъ послѣ выстрѣла. Солдатъ раненыхъ нѣтъ, говорятъ, было нѣсколько убитыхъ, но въ точности неизвѣстно ничего по этому поводу. За то частныхъ лицъ, говорятъ, убито человѣкъ восемь. Бомба послужила сигналомъ. Солдаты открыли пальбу. Народъ разбѣжался. Тогда солдаты стали забираться въ переулки, во дворы, въ дома, стрѣляли во всѣхъ, кто ни попадался имъ подъ руку: здѣсь въ отца, возвращавшагося съ гулянія съ дѣтьми, тутъ въ старика, шедшаго въ синагогу, тамъ въ двѣнадцатилѣтняго мальчика, игравшаго на улицѣ. Въ одномъ домѣ пуля размозжила черепъ старику, сидѣвшему за талмудомъ, въ другомъ прошла черезъ плечо больной женщины; вотъ лежитъ дѣвушка убитая, но жизнь еще бьется въ ней; несчастная мать хочетъ приблизиться къ своему ребенку, подать ему помощь, облегчить страданія послѣднихъ минутъ, но пуля тутъ же сражаетъ ее, и она падаетъ мертвая на трупъ дочери. Въ другомъ мѣстѣ сынъ хочетъ подойти къ умирающему отцу — выстрѣлъ, — и онъ подкошенный падаетъ возлѣ отца. Павшимъ нельзя подавать помощи, врачей не допускаютъ къ нимъ, родныхъ или постороннихъ, кто хотѣлъ подать помощь умирающимъ, застрѣливаютъ, не давая себѣ труда ихъ разгонять. На улицахъ ни души. Едва кто покажется — сейчасъ стрѣляютъ. Но проходятъ часы, думаютъ, авось стрѣлять больше не будутъ, вылѣзаютъ изъ засадъ, а солдаты этого только и ждутъ. Опять выстрѣлы — опять многочисленныя жертвы: вотъ мать возвращается изъ аптеки съ склянками и пузырьками; вотъ горничная, посланная на почту — невинныя жертвы дикой азіатчины; вотъ старикъ, идущій въ синагогу... его загоняютъ въ сѣни и тамъ пристрѣливаютъ; тамъ древняя старуха, здѣсь молодая дѣвушка, и такъ весь день отъ двухъ часовъ дня до поздней ночи. Убитыхъ не позволяютъ уносить, они остаются всю ночь на улицѣ и только къ утру ихъ, какъ собакъ, сваливаютъ въ телѣги и везутъ на кладбище. Но тутъ отдается приказаніе везти трупы обратно на больничный дворъ. Ужасныя, душу раздирающія сцены представляются въ больницахъ. Палаты переполнены ранеными, умирающими. Стоны и вопли сотрясаютъ стѣны, кто молитъ о помощи, кто о смерти. На больничномъ дворѣ въ повалку груда убитыхъ въ 37 человѣкъ, а тамъ приносятся трупы все новые и новые. Тутъ же страшные вопли матерей, женъ, дочерей, сыновей убитыхъ, каждый узнаетъ своего, каждый мечется, разрывается отъ рыданій надъ дорогимъ ему трупомъ. Въ христіанской больницѣ убитыхъ немного, вмѣстѣ съ ранеными человѣкъ 15. Прибавьте къ этому убитыхъ и раненыхъ въ домахъ не преданныхъ огласкѣ, и число жертвъ несмѣтно. Умирающихъ въ больницѣ около сорока, остальные легко ранены. Убитыхъ не хоронятъ въ ожиданіи губернатора, но онъ и не думаетъ пріѣзжать. Вмѣсто него пріѣзжаетъ чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Его, видно, не ужасаетъ все происшедшее, такъ какъ разгромъ, повидимому, былъ организованный. Онъ заявляетъ отъ лица города, что еще одна бомба, одинъ убитый солдатъ, и городъ будетъ сравненъ съ землею. На сей разъ разстрѣливали въ одной половинѣ города въ теченіе одного дня, въ слѣдующій разъ обѣщано пустить солдатъ въ городъ на три дня для окончательнаго его разгромленія. Вотъ и погромъ почище кишиневскаго, не то что гомельскаго: противъ солдатъ самооборона ничего не сможетъ, а спустить подобное звѣрство невозможно. Что послѣдуетъ — неизвѣстно. Ждутъ бомбъ, жители разбѣгаются, оставляютъ городъ, кто только можетъ. Сегодня — понедѣльникъ. Магазины всѣ закрыты, объявлена всеобщая забастовка, будутъ хоронить павшихъ, а что дальше— неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ можно ожидать еще худшаго. Всего ужаса нельзя себѣ представить, если не видѣть собственными глазами.

Могилевъ, 26 іюля. Въ среду послѣ полудня полиція начала разгонять всѣхъ гуляющихъ съ бульваровъ и тротуаровъ, не различая ни старыхъ, ни молодыхъ. Городъ былъ почти на военномъ положеніи, повсюду были разставлены патрули и свирѣпствовалъ полный произволъ.

Въ 10 часовъ произошелъ слѣдующій печальный инцидентъ: одинъ фармацевтъ, идя изъ города домой, былъ схваченъ солдатскимъ патрулемъ и безпощадно избитъ, такъ что черезъ два часа скончался.

27 іюля, когда узнали эту печальную вѣсть, то рѣшили пойти провожать покойника на кладбище. Такъ какъ въ этотъ день былъ еврейскій праздникъ, то полиція была на готовѣ и никоимъ образомъ не могли всѣ придти. Но всетаки собралось человѣкъ 100. Къ собравшимся обратился помощникъ полиціймейстера со слѣдующими словами: „Господа, если у васъ не будетъ никакихъ возгласовъ, то я противъ васъ никакихъ мѣръ не предприму“. Въ виду этихъ словъ, всѣ рѣшили держаться спокойно. Однако, какъ только процессія дошла до Маковецкаго переулка, царскій опричникъ со своей бандой городовыхъ и потомъ солдатъ, во главѣ съ извергомъ офицеромъ хотѣли остановить процессію и отдѣлить катафалкъ отъ массы, но этого мы не хотѣли допустить и тутъ то началось страшное избіеніе: тотчасъ же офицеръ велѣлъ стрѣлять, выпустили 10 залповъ, били прикладами. Одну дѣвицу избили такъ, что она упала въ обморокъ, одному старику разбили черепъ, говорятъ, что онъ скончался. Теперь по главнымъ улицамъ молодыхъ людей плохо одѣтыхъ не пропускаютъ и избиваютъ до смерти. Несмотря на эти ужасы, весь городъ почти въ революціонномъ настроеніи.

Рабочій.

Тифлисъ. На дняхъ былъ у насъ представитель большевистскаго Ц. К., дѣлалъ намъ докладъ о съѣздѣ и предлагалъ помириться вообще (практическихъ предложеній не было). Мы собрали ему рабочихъ, которымъ онъ также дѣлалъ докладъ. Вотъ резолюція, принятая на этомъ собраніи.

Часть[1] передовыхъ рабочихъ и пропагандистовъ Тифлиса, въ количествѣ 70 человѣкъ выслушавъ докладъ представителя Ц. К. о партійныхъ разногласіяхъ, о расколѣ и объединеніи партіи, считаетъ своимъ долгомъ заявить Ц. К., что они не могутъ съ довѣріемъ относиться къ завѣреніямъ Ц. К. о желаніи возстановить партійное единство, послѣ крайне губительной для партіи политики большевиковъ выразившейся въ цѣломъ рядѣ шаговъ, систематически разсчитанныхъ на ускореніи и углубленіи раскола и закончившейся чудовищной узурпаціей власти, именуемой партійнымъ съѣздомъ. Рабочіе предлагаютъ Ц. К. и вообще большевикамъ снять съ себя пятно, положенное на нихъ т. н. III съѣздомъ, и на дѣлѣ, а не на словахъ доказать, что Ц. К. дѣйствительно дорого единство партіи. 64 за 2 противъ, 4 возд.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Къ вопросу объ объединеніи. Въ № 11 „Пролетарія“ напечатано „Открытое письмо къ Орг. Комиссіи, избранной первой общерусской конференціей соціальдемократическихъ работниковъ“. Письмо подписано Ц. К.-томъ и трактуетъ жгучій вопросъ о возможномъ объединеніи Партіи. Пересылая это письмо по партійнымъ организаціямъ, „Южное бюро“ (прежде работавшее при Ц. К., а послѣ „третьяго съѣзда“ ставшее органомъ Организаціонной Комиссіи) снабжаетъ его слѣдующимъ комментаріемъ:

„Къ этому письму мы считаемъ нужнымъ добавить краткій докладъ о бывшихъ еще раньше переговорахъ съ Ц. К. Первые переговоры происходили въ Женевѣ сейчасъ же послѣ окончанія конференціи и „III съѣзда“. О нихъ мы можемъ сообщить точныя данныя, такъ какъ составитель этого письма въ нихъ участвовалъ.

Происходили они по предложенію Ц. К. Съ нашей стороны было два, а съ ихъ — два члена Ц. К. и одинъ товарищъ большевикъ изъ мѣстныхъ работниковъ. Такъ какъ тогда не было еще въ печати резолюцій „III съѣзда“ и конференціи, то мы предложили предварительно ознакомить другъ друга съ рѣшеніями съѣзда и конференціи. Товарищъ изъ Ц. К. изложилъ организаціонный уставъ, принятый на „III съѣздѣ“, стараясь оттѣнить тѣ пункты, которые, по его мнѣнію, являются существенной уступкой взглядамъ меньшинства и дѣлаютъ практическіе шаги къ демократизаціи нашего организаціоннаго строя. Наиболѣе существеннымъ и дѣйствительно демократическимъ изъ всѣхъ этихъ пунктовъ является право каждой организаціи издавать партійную литературу. Что же касается остальныхъ пунктовъ, то при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи они теряютъ всякую демократичную сущность. Регламентація транспорта имѣетъ чрезвычайно слабое практическое значеніе. Права периферіи по прежнему ограничены. Мѣстный комитетъ можетъ быть реорганизованъ только при согласіи на это $2/3$ Ц. К., хотя бы этой реорганизаціи требовали $2/3$ периферіи или даже вся периферія. „Побѣда Россіи надъ за-границей“, на которую ссылались члены Ц. К. во время переговоровъ, имѣя въ виду существованіе одного партійнаго центра, тоже болѣе, чѣмъ сомнительна, если принять во вниманіе: 1) Быструю смѣняемость вслѣдствіи арестовъ русской части Ц. К.; 2) Единоличность отвѣтственности радакціи со стороны живущаго за границей члена Ц. К. и наконецъ, 3) Требованіе единогласія въ Ц. К. для кооптаціи новыхъ членовъ.

Наконецъ, просто смѣшнымъ является постановленіе о томъ, что въ случаѣ рѣшенія важныхъ для организаціи вопросовъ, слѣдуетъ привлекать съ *совѣщательнымъ* голосомъ и районныхъ работниковъ, *если конспирація этому не мѣшаетъ*. Весь строй мѣстныхъ организацій, отношенія внутри ихъ, организація центровъ — все остается по старому, какъ будто мы ничего новаго не пережили въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, между рѣшеніемъ III съѣзда и рѣшеніемъ конференціи существуетъ серьезное различіе, поскольку конференція, учитывая опытъ послѣднихъ двухъ лѣтъ, строитъ партійную организацію на нѣсколько новыхъ болѣе широкихъ основахъ. (Подробныя поясненія къ организаціонному уставу мы надѣемся дать въ слѣдующихъ письмахъ). Что касается тактическихъ резолюцій „III съѣзда“, на пріемлемость котораго для меньшинства указывалъ Ц. К., то уступчивость въ нихъ мы видѣли и видимъ только въ туманности выраженій и формулировокъ. — Послѣ доклада члена Организаціонной Комиссіи о рѣшеніяхъ конференціи приступили къ самымъ переговорамъ. Членъ Ц. К. поставилъ, такимъ образомъ вопросъ, что, съ одной стороны, существуетъ партія, представляемая имъ и дающая намъ возможность войти въ нее, а съ другой — мы, отколовшаяся часть партіи, которая должна къ нимъ присоединиться. Мы отвѣтили, что не признаемъ такъ называемаго „III съѣзда“ партійнымъ и стоимъ на почвѣ дѣйствительности, т. е. фактическаго существованія двухъ самостоятельныхъ организованныхъ фракцій, имѣющихъ общую программу и единое знамя Р. С. Д. Р. П., что мы, дорожа этой программой и этимъ знаменемъ, какъ возможностью полнаго слиянія обѣихъ частей, предлагаемъ: 1) Обсудить ту общую платформу, которая, *на почвѣ взаимныхъ уступокъ*, могла бы быть пріемлема для обѣихъ частей. 2) выработать обязательную какъ для Орг. Ком., такъ и для Ц. К. общую объединительную политику. Кромѣ того, мы предложили Ц. К. обратиться, подобно намъ, ко всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ съ предложеніемъ вступить съ нашими организаціями въ соглашеніе для совмѣстной работы. Наконецъ, мы указали на то, что для уничтоженія формальныхъ препятствій для объединенія было-бы очень хорошо, если бы организація такъ называемаго „большинства“ не претендовали противъ воли очень большей части партіи представлять всю партію въ цѣломъ. Мы предложили Ц. К., чтобы онъ, подобно намъ, предложилъ мѣстнымъ организаціямъ высказаться за снятіе заголовка „Ц. О.“ на газетѣ „Пролетарій“. На всѣ наши предложенія Ц. К. отвѣчалъ уклончиво, говоря, что намѣченный нами путь слишкомъ длиненъ, что этому будутъ мѣшать „дрязги и сплетни“ и предложилъ намъ кооптацію въ Ц. К. и Ц. О. Само собой разумѣется, что мы не могли на это согласиться, такъ какъ это противорѣчитъ нашей основной точкѣ зрѣнія, которую мы развили и тогда передъ Ц. К. Мы указали на то, что единственный возможный путь къ объединенію есть нами указанный, что механически слить двѣ части партіи, создавшія уже свои особыя организаціи, съ опредѣленными установившимися отношеніями въ нихъ, съ опредѣленными методами работы, что думать слить такія двѣ части партіи сразу, путемъ циркулярнаго распоряженія, было бы бюрократической утопіей. Мы указали на то, что только въ процессѣ совмѣстной работы, развиваемой всѣми членами партіи, на почвѣ постоянныхъ соглашеній, создадутся нѣкоторыя промежуточныя формы и взаимная приспособляемость работниковъ, которая и приведетъ къ полному организаціонному слиянію, что необходимы *взаимныя уступки*, а не поглощеніе одной части другой, что предлагаетъ Ц. К., и что мы ждемъ свидѣтельствъ примирительной полититки „большинства“ не въ видѣ увѣреній на словахъ, а въ видѣ опредѣленныхъ политическихъ шаговъ и открытыхъ заявленій передъ лицомъ всей партіи, такъ какъ до сихъ поръ мы видѣли съ ихъ стороны лишь стремленіе къ расколу. (Статьи во „Впередъ“, дѣятельность Б. К. Б., отказъ его отъ переговоровъ, отказъ превратить съѣздъ въ конференцію и т. д.)

Когда, такимъ образомъ, нами былъ вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ о соглашеніи, то товарищъ изъ Ц. К. отвѣтилъ, что не считаетъ возможнымъ говорить съ нами, какъ со стороной, такъ какъ еще неизвѣстно, пойдутъ ли за нами наши организаціи. Въ качествѣ же немедленнаго соглашенія они предложили намъ, чтобы изъ экспедиціи „Искры“ выдавалась литература „большевикамъ“, ѣдущимъ въ Россію и чтобы транспортъ перевозилъ литературу и нашу и ихъ. Мы отвѣтили, что напередъ можемъ обѣщать, что съ нашей стороны не будетъ никакихъ препятствій для соглашеній въ области технической, но оно можетъ быть лишь результатомъ соглашенія по поводу вообще объединительной политики. Мы разстались, рѣшивъ встрѣтиться въ Петербургѣ. Одинъ товарищъ, находящійся въ Петербургѣ, уже бесѣдовалъ опять съ членомъ Ц. К., но по его изложенію эта бесѣда носила приблизительно тотъ же характеръ, что и переговоры въ Женевѣ. Товарищи изъ Ц. К. признаютъ объединеніе лишь при условіи признанія нами „III-го съѣзда“ и его работъ. Изъ прилагаемаго открытаго письма Ц. К. товарищи видятъ, что и здѣсь они приглашаютъ насъ объединиться на „тѣхъ организаціонныхъ началахъ, которыя даны III съѣздомъ“. Конечно, слѣдуетъ привѣтствовать то, что они рѣшили вступать въ соглашеніе на мѣстахъ и мы еще разъ напоминаемъ товарищамъ о необходимости поспѣшить съ этими соглашеніями тамъ, гдѣ существуютъ организаціи „большинства“. Характерно то, что члены Ц. К. находятъ, что формальныхъ препятствій теперь, послѣ постановленій конференціи „*также нѣтъ*“. Очевидно, они имѣютъ ввиду постановленіе конференціи о необходимости снятія подзаголовка съ „Искры“ и прекращенія дѣятельности Совѣта. Они, очевидно, не замѣчаютъ, что такой же подзаголовокъ на „Пролетаріи“ и претензія Ц. К. быть центромъ и для насъ, помимо нашего согласія — тоже является формальнымъ препятствіемъ для объединенія. Итакъ, какъ выяснилось изъ переговоровъ и какъ ясно это изъ ихъ письма (см. то его мѣсто, гдѣ они говорятъ о своемъ циркулярномъ предложеніи всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ), — Ц. К. рѣшилъ по поводу объединенія такую тактику: онъ предлагаетъ Организаціонной Комиссіи и редакціи „Искры“ кооптацію, а мѣстныя организаціи призываетъ „къ слиянію на организаціонныхъ основахъ, выработанныхъ III съѣздомъ“. Если это не удастся, то во 2-хъ Ц. К. предлагаетъ мѣстнымъ организаціямъ вступать съ параллельно существующими нашими организаціями въ соглашеніи, — причемъ въ то время, какъ мы имѣемъ ввиду путемъ такихъ соглашеній выработать форму организацій и методы дѣятельности, пріемлемые для обѣихъ сторонъ, — Ц. К. смотритъ на это соглашеніе, какъ на переходный періодъ къ тому же „слиянію на организаціонныхъ основахъ, принятыхъ III съѣздомъ“.

Мы не сомнѣваемся, что близко то время, когда необходимость соціальдемъ объединиться, и отвѣтственность наша предъ пролетаріатомъ, заставятъ его пойти дальше и согласиться съ тѣмъ, что *соглашеніе* нельзя замѣнить поглощеніемъ и оно должно произойти на почвѣ взаимныхъ уступокъ“.

Далѣе, Южное бюро сообщаетъ извѣстную читателю резолюцію Одесскихъ рабочихъ, примыкающихъ къ Комитету „большинства“, совершенно справедливо противоставляя эту резолюцію, проникнутую дѣйствительнымъ пониманіемъ методовъ, ведущихъ къ объединенію, — предложеніямъ Ц. К.

Резолюція Сибирской конференціи. (Продолженіе, см. № 107).

Реорганизація Сибирскаго Союза. „Принимая во вниманіе, съ одной стороны, чрезвычайно расширившіеся за послѣднее время размѣры организаціи, съ другой стороны, наличность вполнѣ уже прочно сложившихся мѣстныхъ комитетовъ и группъ, а также болѣе или менѣе значительную зрѣлость периферійныхъ организацій, конференція находитъ своевременнымъ болѣе точное опредѣленіе отношеній внутри Сибирской Союзной организаціи и признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ для настоящаго времени нижеслѣдующій Уставъ:

1. Сибирскій Союзъ представляетъ собою совокупность соцдем. организацій, работающихъ въ Сибири и утвержденныхъ областнымъ съѣздомъ. 2. Верховнымъ Учрежденіемъ внутри Союзной Организаціи является съѣздъ представителей всѣхъ мѣстныхъ комитетовъ. Этотъ областной съѣздъ, выражаетъ ближайшія политическія задачи Сибирскаго Союза, выбираетъ Союзный Комитетъ и делегатовъ на общепартійные съѣзды. 3. Съѣздъ созывается союзнымъ Комитетомъ до одного раза въ полугодіе. Союзный Комитетъ обязанъ въ теченіи мѣсяца созвать областной съѣздъ, если созыва его потребуетъ болѣе, чѣмъ половина изъ числа членовъ всѣхъ полноправныхъ организацій. 4. На съѣздѣ имѣетъ право присутствовать съ правомъ рѣшающаго голоса: а) всѣ члены Союзнаго Комитета и б) делегаты отъ мѣстныхъ Комитетовъ. Число делегатовъ отъ мѣстныхъ комитетовъ опредѣляется каждый разъ Союзнымъ Комитетомъ равномѣрно, но не менѣе двухъ отъ каждаго. *Примѣчаніе 1 е.* Каждый комитетъ, а также каждая организованная периферія имѣетъ право послать на областной съѣздъ одного или нѣсколькихъ членовъ (число утверждается для каждаго случая Союзнымъ Комитетомъ) съ правомъ совѣщательнаго голоса. *Примѣчаніе 2-ое.* Каждый членъ мѣстнаго комитета, не присутствующій лично на съѣздѣ, имѣетъ право послать на съѣздъ заявленіе съ выраженіемъ своего мнѣнія по всѣмъ вопросамъ порядка дня (который долженъ быть доставленъ С. К. всѣмъ организаціямъ ранѣе выбора комитетскихъ делегатовъ), включая и указаніе кандидатовъ въ Союзный Комитетъ и делегатовъ на общепартійный съѣздъ, при чемъ эти заявленія обязательно прочитанныя на съѣздѣ, должны играть роль совѣщательныхъ голосовъ. 5. Союзный Комитетъ является руководящимъ политическимъ центромъ въ областной работѣ, организуетъ и ведетъ предпріятія, имѣющія общесибирское значеніе, распредѣляетъ силы и средства Союза и является отвѣтственнымъ редакторомъ областного органа. *Примѣчаніе.* Всѣ члены союзнаго комитета принимаютъ участіе въ мѣстной работѣ. 6). Кромѣ съѣздовъ Союзный Комитетъ организуетъ возможно чаще болѣе или менѣе широкія конференціи, какъ общесибирскія, такъ и мѣстныя, на которыя должны привлекаться, главнымъ образомъ, сознательные соціальдемократическіе рабочіе съ цѣлью коллективнаго обсужденія главнѣйшихъ вопросовъ какъ политической, такъ и партійной жизни. 7. Въ случаѣ полнаго провала С. К. иниціативу созыва съѣзда для избранія новаго С. К. беретъ на себя одинъ изъ

---

[1] По условію, предложенному докладчикомъ изъ Ц. К., на собраніи могла присутствовать, къ сожалѣнію, только часть передовыхъ рабочихъ, владѣющихъ русскимъ языкомъ.

комитетовъ. 8. Въ случаѣ частичнаго провала С. К. имѣетъ право кооптировать новыхъ членовъ, если въ С. К. остается не менѣе трехъ членовъ его. 9. Каждый мѣстный комитетъ долженъ быть распущенъ Союзнымъ Комитетомъ, если распущенія его потребуетъ половина организованной периферіи (подкомитета). *Примѣчаніе.* Подъ организованной периферіей, какъ въ данномъ мѣстѣ устава, такъ и въ другихъ мѣстахъ, подразумѣвается болѣе или менѣе широкая группа работниковъ, вполнѣ устойчивыхъ, съ постояннымъ составомъ, такъ сказать, верхній этажъ комитетской организаціи, выполняющая роль подкомитета; этотъ подкомитетъ выполняетъ всю мѣстную соціальдемократическую работу, при непосредственномъ участіи и руководствѣ комитета. Подкомитетъ составляется по возможности изъ рабочихъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ и агитаціи и является ближайшимъ резервуаромъ для пополненія комитета. 10. Сполна провалившійся или распущенный комитетъ вновь организуется С. К. съ согласія большинства организованной периферіи тамъ, гдѣ уже таковая имѣется 11. С. К. имѣетъ право вводить своихъ членовъ въ каждый мѣстный комитетъ. Членъ Союзнаго Комитета является тѣмъ самымъ членомъ каждаго мѣстнаго комитета, въ который онъ является на работу. По требованію большинства членовъ комитета С. К. обязанъ отозвать своего представителя или замѣнить его другимъ. 12. С. К. можетъ вводить въ комитетъ членовъ комитетовъ другихъ городовъ, передвинувшихся изъ своего мѣста, если большинство даннаго комитета не протестуетъ противъ этого ввода. 13. Возникшія недоразумѣнія между комитетомъ и организованной периферіей разрѣшаются С. К., областной съѣздъ разбираетъ недоразумѣнія между С. К. съ одной стороны и комитетомъ или периферіей съ другой. 14. Всякая мѣстная организація или комитетъ представляетъ въ С. К. подробный отчетъ, по возможности не рѣже одного раза въ мѣсяцъ. 15. Кооптація, какъ и исключеніе членовъ, какъ въ мѣстныхъ комитетахъ, такъ и въ организованныхъ периферіяхъ, производится по правиламъ, устанавливаемымъ самими комитетами и самими периферіями. 16. Признаніе правъ Комитета за мѣстными группами или иными организаціями, входящими въ составъ Сибирскаго Союза, принадлежитъ областному съѣзду. 17. Право отдѣльнаго представительства на Сибирскихъ областныхъ съѣздахъ за вновь организовавшимися соціальдемократическими группами утверждается съѣздомъ. 18. Право организованныхъ периферій (подкомитетовъ) выбирать вмѣстѣ съ комитетами представителей на общесибирскіе и партійные съѣзды и право избирать комитеты можетъ быть утверждено только областнымъ съѣздомъ.

О всеобщей политической стачкѣ. При обсужденіи въ порядкѣ дня ближайшихъ задачъ Сибирской Союзной конференціей была принята по вопросу о всеобщей политической стачкѣ по линіи сибирской дороги слѣдующая резолюція: „Исходя изъ того, что 1) революціонное движеніе, особенно сильно разгорѣвшееся въ январскіе дни, нисколько не затихало съ тѣхъ поръ, лишь рѣзкая восстанническая форма его переходитъ въ хроническую, но за то болѣе упорную — постоянную, что 2) послѣдній военный разгромъ, имѣвшій мѣсто въ Тихомъ Океанѣ, сдѣлалъ войну явно безнадежной и невыносимой даже для наиболѣе темной части крестьянскаго населенія и солдатскихъ массъ и что 3) идея всеобщей политической забастовки по линіи Сибирской дороги, направляемой противъ войны, уже сдѣлалась болѣе или менѣе популярной въ широкихъ массахъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, исходя изъ всего этого конференція Сибирскихъ соціальдемократическихъ работниковъ настоятельно рекомендуетъ мѣстнымъ комитетамъ дѣятельно продолжать агитацію въ этомъ направленіи, дабы имѣть — въ каждый данный моментъ — шансы вмѣшаться и поддержать вспыхнувшее общенародное возстаніе всеобщей забастовкой или же всякое стихійно возникшее движеніе среди сибирскихъ рабочихъ, какъ на экономической, такъ и на политической почвѣ поддержать, расширить и обратить во всеобщую забастовку, направленную противъ войны. Для этого конференція рекомендуетъ а) какъ мѣстную такъ и областную агитацію по возможности тѣсно связывать съ идеей подготовки всеобщей политической стачки, б) заинтересовывать въ дѣлѣ подготовленія забастовки всѣ силы придорожнаго населенія, въ особенности крестьянъ и в) предпринять мѣры къ практическому объединенію на почвѣ организаціи всеобщей стачки, — какъ рабочихъ, такъ и служащихъ по линіи сибирской дороги (таковыми мѣрами могутъ быть, напримѣръ: выборы отъ рабочихъ представителей и посылка ихъ въ сосѣднія мастерскія или депо съ выработанными на массовкахъ резолюціями по вопросу о всеобщей стачкѣ; организація съѣздовъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ для обсужденія этого дѣла; организація спеціально для этой цѣли боевыхъ кассъ и т. п.).

Конференція сѣверно-кавказскихъ организацій. На состоявшейся въ іюлѣ конференціи организацій Кубанскаго Комитета рѣшено, въ виду расширенія работъ, раздѣлить организацію на три отдѣльныхъ комитета: 1) Черноморскій (Новороссійскъ съ группами въ Анапѣ, Геленджикѣ и др.); 2) Кубанскій (Екатеринодаръ съ группами Армавирской, Майкопской, Тихорѣцкой, Кавказской и др.) и 3) Ставропольскій. Эти 3 комитета должны составить Сѣверно Кавказскій областной союзъ, въ составъ котораго приглашается войти, сверхъ того, Терстко-Дагестанскій Комитетъ, до сихъ поръ входившій въ союзъ закавказскихъ организацій. Конференція занималась обсужденіемъ резолюцій майской общепартійной конференціи и вынесла одобреніе имъ. Болѣе подробный отчетъ о работахъ конференціи сообщимъ въ ближайшемъ будущемъ. Пока ограничимся нѣкоторыми сообщеніями изъ отчетахъ организацій. **Число** организованныхъ: **Новороссійскъ** — 435 чел., Ейскъ — 25, Тихорѣцкая 20. Ставрополь — 100, Екатеринодаръ — 80. Майкопъ — 40, Кавказская—150. Армавиръ — 250, С.-Д. Группа Кубанскихъ казаковъ — 55, Итого 1155 человѣкъ. Организаціи возникли (въ хронологическомъ порядкѣ): въ 1904 г. Новороссійская въ мартѣ, Кавказская — въ маѣ, Ставропольская — лѣтомъ, Тихорѣцкая и Армавирская — въ августѣ, Майкопская — осенью, въ 1905 г. Казачья группа въ мартѣ, Ейская и Екатеринодарская въ 1905 г. Комитетъ началъ свою дѣятельность въ январѣ 1904 г. Бюджетъ Комитета за полгода (съ 1-го января по 1-го іюля) составилъ 1600; бюджетъ группъ: Новороссійской 1430, Майкопской — 350, Армавирской 860, Кавказской — 800, группа Кубанскихъ казаковъ — 300, Ставропольской — 350 Ейской — 300. Бюджетъ Екатеринодарской группы (за іюнь 1905 г.) — 125 р. О бюджетѣ Тихорѣцкой группы нѣтъ данныхъ.

Издательская дѣятельность велась при помощи слѣдующихъ техническихъ средствъ: двѣ типографіи, одного миміографа, 15 гектографовъ и одной пишущей машины. За ½ года издано листковъ: Кубанскимъ комитетомъ 60.000; группами: Новороссійской 5 500, Ейскѣ 8000, Ставропольской 2000 Екатеринодарской 4000, Майкопской 2000, Кавказской 2000. Армавирской 10,000 Казачьей — 5000. Итого 98 500.

Въ районѣ Кубанскаго Комитета партіи приходилось сталкиваться съ слѣдующими революціонными организаціями: 1) „Дрошакъ“ — въ Армавирѣ (объ ея силѣ тамъ данныхъ не имѣется) 2) Партія Соціалистовъ Революціонеровъ (10 рабочихъ въ Новороссійскѣ и 2-3 въ Екатеринодарѣ); 3) Революціонная Украинская Партія (5 рабочихъ въ Екатеринодарѣ). За этимъ ничтожнымъ исключеніемъ, вся революціонная борьба въ Кубанской и Черноморской области и Ставропольской губерніи ведется нашими организаціями.

Вышелъ № 4 органа нашихъ кавказскихъ товарищей: „Соціаль-Демократъ“ (17/30 іюня). Содержаніе: 1) Демократія и соціальдемократія; 2) Либералы у царя. 3) Самодержавіе сегодня. 4) Партійная реорганизація въ Гуріи. 5) Внутреннее обозрѣніе 6) Ал. Цулукидзе (некрологъ). 7) Письмо изъ за границы. 8) К. Каутскій о „большинствѣ“. 9) Изъ прессы. 10 Корреспонденціи. 11) Изъ партіи.

Вторая конференція Донецкаго Союза. На состоявшейся въ іюнѣ 2 й конференціи Донецкаго Союза приняты резолюціи:

I. По отношенію къ III съѣзду: а) Второй съѣздъ и гибельныя его послѣдствія въ достаточной степени показали, какъ не должны организоваться съѣзды. Въ виду того, что III съѣздъ не отличается по существу своей организаціи отъ II, именно: не представляетъ мнѣнія партіи, онъ не считается партійнымъ съѣздомъ по существу (единогласно). в) Онъ не партійный съ формальной стороны, ибо нарушилъ уставъ II съѣзда Партіи (7-ю голосами противъ одного). II. Организаціонный уставъ, выработанный на общерусской конференціи, принятъ единогласно. III. О вооруженномъ возстаніи — единогласно принята резолюція общерусской конференціи. Обращается особое вниманіе на ту резолюцію о вооруженіи, которая была выработана комиссіей, но не разсмотрѣна конференціей. IV. О нашемъ участіи во временномъ правительствѣ. Резолюція общерусской конференціи принята 5-ю голосами противъ 2 при одномъ воздержавшемся. V. О профессіональныхъ союзахъ и стачкахъ: 1) О профессіональныхъ союзахъ принята резолюція общерусской конференціи (7-ю голосами противъ одного). 2) Относительно стачекъ рекомендуется товарищамъ: а) не вызывать (искусственно) стачекъ при отсутствіи необходимыхъ элементовъ борьбы; в) поддерживать (руководить) стихійно-вспыхивающія стачки, придавая имъ политическій характеръ.

По отношенію къ образованному „большевиками“ „Рудничному Союзу принято рѣшеніе: „Основой соглашенія организаціи Донецкаго Союза съ организаціями „большинства“ вообще и съ Рудничнымъ Союзомъ въ частности должно служить признаніе товарищами изъ „большинства“ организаціоннаго устава, выработаннаго на общерусской конференціи. Тактическія же разногласія не могутъ служать препятствіемъ для совмѣстной работы „большинства“ и „меньшинства“. Конференція выработала слѣдующій уставъ Донецкаго Союза:

Уставъ Донецкаго Союза: 1) Донецкій Союзъ составляется изъ группъ и Комитета. 2) Объединяющимъ и руководящимъ центромъ Д. С. является Комитетъ. Онъ избирается на конференціи Д. С. въ количествѣ 3 членовъ съ правомъ кооптаціи. 3) Всѣ члены Комитета Д. С. работаютъ въ мѣстныхъ организаціяхъ Д. С. 4) Комитетъ издаетъ листки общаго характера, руководитъ пропагандой и агитаціей, распредѣляетъ силы Союза, сносится съ партійными организаціями и центрами. 5) Разъ въ два мѣсяца созывается конференція Д. С., на ней присутствуетъ по одному делегату отъ каждой организаціи и представитель Комитета Д. С., каждый съ правомъ одного рѣшающаго голоса. 6) Конференціи Д. С. созываются Комитетомъ. Экстренныя конференціи созываются по требованію: а) большинства группъ; в) Комитета Д. С. 7) Конференція Д. С. выбираетъ делегата на партійный съѣздъ и областныя конференціи. 8) Группы отчисляютъ Комитету Д. С. 20% своего дохода на технику. 9) Группы представляютъ Комитету Д. С. каждыя двѣ недѣли отчеты о своей работѣ. Комитетъ также освѣдомляетъ группы о своей дѣятельности. Во всемъ остальномъ Д. С. руководится уставомъ „меньшинства“.

На общерусской конференціи была выработана резолюція комиссіей о вооруженіи § 3 „организовать при комитетахъ особыя техническія группы“ спеціально занимающіяся разработкой техническихъ вопросовъ самозащиты и нападенія, а также заняться добываніемъ и подготовкой оружія для боевыхъ отрядовъ.

Вторая конференція Д. С. обратила на нее особое вниманіе. Комитетъ Д. С. на первомъ своемъ засѣданіи рѣшилъ попытаться организовать такую группу съ болѣе расширенными функціями, которая охватила бы не одинъ только районъ Д. С. За первую недѣлю группа эта подъ названіемъ соціальдемократическаго союза „Арсеналъ“ собрала 15 человѣкъ (165 р.), завязала сношенія, выработала схему своей дѣятельности и планъ организаціи.

Резолюція. Полагая, что историческій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей, властно требуетъ отъ партіи россійскаго пролетаріата возможно болѣе полнаго единства и согласія въ борьбѣ за интересы международнаго соціализма южно-германскія организаціи обѣихъ фракцій Р. С. Д. Р. П. собрались на конференцію, для изысканія путей къ скорѣйшему возстановленію партійнаго единства и — пока что — къ согласованію работы обѣихъ фракцій заграницей. Участвовали делегаты организацій: Мюнхенской (больш.), двухъ Фрейбергскихъ (больш. и меньш.), Дармштадтской (меньш.), Гейдельбергской (меньш.), Карлсруйской (больш.) администраціи Загранич. Лиги (меньш.) и агенты Загранич. Организаціи (больш.) въ Гейдельбергѣ и Загр. Лиги (меньш.) въ Кисингенѣ. Изъ приглашенныхъ на конференцію по разнымъ причинамъ отсутствовали представители организацій Мюнхенской (меньш.), Карлсруйской (меньш.) двухъ Фрейбургскихъ (больш. и меньш.) и Комитета Загранич. Организаціи (больш.), причемъ означенныя организаціи письменно выразили свое полное сочувствіе дѣлу партійнаго объединенія и задачамъ, поставленнымъ конференціей. Обсудивши вопросы порядка дня, конференція единогласно вынесла слѣдующія резолюціи:

1. Принимая во вниманіе, какъ гибельно отражается расколъ въ нашей Партіи на всей ея революціонной работѣ и какими убійственными послѣдствіями грозитъ въ процессѣ Великой Россійской Революціи его продленіе всему международному пролетаріату; имѣя, далѣе, въ виду, что существующія въ нашей средѣ разногласія отнюдь не такъ глубоки, чтобы оправдывать этотъ расколъ, и признавая, наконецъ, что полное и законченное объединеніе Партіи возможно лишь на общепартійномъ съѣздѣ, конференція въ то же время полагаетъ, что, пока такимъ образомъ не осуществится полное единство, необходимо согласованіе работы обѣихъ фракцій на мѣстахъ. Созывъ объединительнаго съѣзда долженъ быть осуществленъ оффиціальными уполномоченными обѣихъ фракцій, рѣшенія которыхъ во всемъ, что до созыва съѣзда касается, должны быть обязательны для всей Партіи. Желательно также впредь, чтобы партійная печать, избѣгая всего, напрасно обостряющаго внутрипартійныя отношенія, вела свою полемику на чисто принципіальной почвѣ.

2. Обсудивъ состояніе партійной работы заграницей, конференція высказывается за настоятельную необходимость созыва съѣзда заграничныхъ организацій обѣихъ фракцій, съ цѣлью общаго согласованія ихъ работы, — и приглашаетъ оба заграничныхъ центра принять всѣ необходимыя къ тому мѣры. А пока конференція убѣдительно проситъ всѣ заграничныя организаціи забыть прошлое и уже сейчасъ по мѣрѣ возможности начать согласовывать свою практическую работу.

Заявленіе Одесской Группы

Одесская Группа считаетъ необходимымъ заявить, что сдѣланное въ правительственномъ сообщеніи указаніе, будто на собраніи выборныхъ присутствовалъ членъ комитета соціалистовъ-революціонеровъ — **ложно**. На этомъ собраніи не было ни одного изъ представителей с. р. Поводомъ для такого утвержденія послужила случайная причина ареста выборныхъ: на одного соціалиста-революціонера на Ланжеронѣ была устроена облава, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ собрались выборные. Полиція совершенно случайно наткнулась на собраніе. Повидимому, правительство предполагало, что этотъ соц. рев. долженъ былъ присутствовать на этомъ собраніи, и воспользовалось этимъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ рабочихъ, показавъ, что оно „вынуждено“ было арестовать собраніе, на которомъ присутствовалъ такой „важный преступникъ“.

Гг. соціалисты-революціонеры пользуются завѣдомо ложнымъ правительственнымъ сообщеніемъ, съ цѣлью убѣдить, что они „руководили“ движеніемъ. Мы категорически заявляемъ, что вся ихъ дѣятельность во время событій проявилась лишь въ бросаніи двухъ бомбъ. Это могутъ подтвердить всѣ организаціи и всѣ участники событій.

Одес. Группа Рос. Соц. Дем. Рабочей Партіи.

Вышли изданія: Кіевскаго Ком. 1) Либералы у царя (перепеч. изъ „Соц.-Дем.“ — 4000); 2) Какой свободы хотятъ фабриканты (3000); 3) Крестьяне и царское правительство. 4) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ по казеннымъ подрядамъ (1000); 5) Къ нимъ-же. **Черниговской Группы**, 1) Солдатская памятка (400); 2) Къ солдатамъ (400); 3) Къ крестьянамъ (призывъ къ стачкамъ); 4) Ко всѣмъ гражданамъ (500); 5) Первая побѣда революціи (переизданіе съ листка „Искры“). **Украинскаго Союза**: 1) „Какъ отобрать землю у помѣщиковъ“? (по-русски — 5000 экз.); 2) То-же (по малороссійски — 5000); 3) Программа Р. С. Д. Р. П. (брошюра комментарій, печ.) **Одесской Группы**: 1) О положеніи рабочихъ въ порту (5000); 2) Крестьяне, къ вамъ наше слово! (5000); 3) Ко всѣмъ рабочимъ завода Юліуса (о 8-ми час. раб. днѣ, 70 экз.); 4) Призывъ къ поддержкѣ бастующихъ сапожниковъ (200); 5) Къ запаснымъ г. Одессы (1500) **Объединенная орг. комитетовъ Николаева**: Агитація мастеровъ за „патріотич.“ молебенъ. **Крымскаго Союза**: Ко всѣмъ лишеннымъ правъ! (Листокъ „Искры“ — 13.000 экз.); 2) Открытое письмо матросовъ „Потемкина“ въ „Искру“ (6.000); 3) Резолюція общерусской конференціи (1500). **Севастопольскаго Комитета**. Судъ надъ матросами (5.000) **Ѳеодосійской орг**; Къ солдатамъ гор. Ѳеодосіи (по поводу ихъ стрѣльбы въ матросовъ „Потемкина“ — гект. 100). **Донскаго Ком.** 1) Къ ростовскому пролетаріату (печ.); 2) Ростовская полиція за работой (печат.) **Маріупольской гр. Донецкаго Союза**: 1) Открытое письмо матросовъ въ „Искру“ (2000 печ.); 2) „Клятва“ стихотвор. (100 экз.); 3) Требованія рабочихъ зав. Сойфера (гект.) **Бахмутской гр.** „Революція началась!“ (печ 500). 2) Отчетъ за іюнь (печ.) **Кавказской гр. Кубанск. ком.**: 1) Требованія стачечниковъ машинистовъ (20); 3) Къ хуторянамъ (600); 4) По поводу выбора старостъ (200) **Союза бакинскихъ раб.**: „Ко всѣмъ казакамъ“ (печ.). **Тифлисскаго Ком.** „Солдатскій листокъ № 1“ **Астраханск. Ком.** 1) Бюллетень о событіяхъ (гект. 300): 2) Къ портнымъ (гект. 100). **Ташкентской** соц. дем. группы (съ апрѣля): 1) Долой Булыгинскую думу! (гект.); 2) Бьетъ послѣдній часъ (гек. 300); 3) Первое мая (300) 4) Да здравствуетъ всенар. учредит. собраніе (1000); 5) Къ рабочимъ (150); 6) Къ приказчикамъ и приказчицамъ (200); 7) Къ рабочимъ (150); 8) Къ солдатамъ (200); 9) Къ солдатамъ всего ташкентскаго гарнизона (200); 10) По поводу погрома (200); 11) Требованія рабочихъ (100); 12) Пора кончать! (Изд. „Искры“); 13) Революція Бакинскихъ рабочихъ во время татарскаго погрома 14) Къ рабочимъ всѣхъ странъ (Совѣта Партіи; 15) Царь жертвуетъ! 16) Въ бой за свободу! 17) Солдатская памятка! 18) 40 человѣкъ — 8 лошадей (листокъ Сибирскаго Союза); 19) Майскія пѣсни; 20) Заявленіе петерб. выборщиковъ; 21) Ко всѣмъ ташкентскимъ рабочимъ. **Томскаго Ком.**: 1) Ко всѣмъ рабочимъ о началѣ всеобщей стачки; 2) Въ городскую Думу! 3) Къ солдатамъ и казакамъ (обращеніе 700 ж.-д. рабочихъ и служащихъ); Извѣщеніе о предстоящемъ митингѣ (всѣ печ.) **Нижегородской группы**: 1) Къ земцамъ (500); 2) Къ рабочимъ Изразцов. завода. **Приволжской** организаціи Нижегородской с.-демократ. группы: Деревенскій листокъ (№№ 1-3 гект. по 100 экз.) **Смоленскаго Ком**: „Открытое письмо матросовъ въ „Искру“.) **Рижской группы**: 1) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о всеоб. стачкѣ, печ. 4000); 2) то-же по эстонски — 250 экз.); 3) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (объ іюньскихъ событіяхъ — 4000). **Варшавскаго Ком.** военно-революціонной организаціи 1) Къ солдатамъ, отправляемымъ на войну (печ., 2000): 1) Ко всѣмъ солдатамъ 3-ей гвард. дивизіи (печ. 1000); 3) Вторичное предупрежденіе (400 печ.) Итого — 75 выпусковъ — (приблизительно) 100,000 экз. **„Искры“**: Земцы и народъ (листокъ).

Вышла брошюра „Революціонный броненосецъ“ (возстаніе въ Черноморскомъ флотѣ); по матеріаламъ „Искры“ и „Соціальдемократа“; съ четырьмя гравюрами. (Изд. „Искры“).

Денежный отчетъ Кременчугскаго комитета за іюнь Приходъ: съ реферата — 24 р. 75 к., случайныхъ — 71 р. 50 к., съ рабочихъ — 4 р. 65 к., на стачки — 20 р. 10 к., За литературу — 50 к., за листки (Ромны) — 7 р. 70 к., отъ механ сапож.,[1] — 4 р. 70 к. Итого: 134 р. 90 к.

Денежный отчетъ Исполнительнаго Комитета Русскаго Соціаль Демократическаго Общества въ Нью-Іоркѣ.

Послѣ 9-го (22-го) января 1905 г. на воззваніе (на англійскомъ языкѣ) „Къ американскимъ соціалистамъ“, подписанное извѣстными дѣятелями и представителями соціалистической Партіи, — напечатанное во всѣхъ партійныхъ органахъ и разосланное всѣмъ секціямъ Партіи и другимъ радикальнымъ и соціалистическимъ рабочимъ организаціямъ получилась слѣдующія суммы: Чер. „New Iorker Volkszeitung“ долларъ 884.16 Чер. Еврейскій „Vorwärts“ 107.61. Отъ секцій и клубовъ Соціалистической Партіи 901.54 Отъ „Arbeiter „Kranken“- und Sterbekasse“ 680. — Отъ женскихъ Соц.-Дем. ферейновъ 60.75 Отъ организацій пивоваренныхъ рабочихъ 44. — Отъ рабочихъ сигарной фабрики въ Бостонѣ 49. — Отъ Рус. Соц. Дем. Общества, Milwaukee Wisc. 20. — Отъ частныхъ лицъ пожертвовано 669.63. По подписнымъ листамъ собрано 146.50. Съ массовыхъ собраній 261.06. Къ 5-му (18-ое) авг. поступило въ кассу всего 3,822.30. *Расходъ*: На поѣздку члена комитета въ Чикаго и Малевуаки для организаціи „Группы Содѣйствія“ долларъ 75 — На печатаніе воззваній и др. 15.75. Почтовые и другіе расходы 61.65. Итого 155.40. Осталось въ кассѣ 37.90 Отослано въ Лигу 3630. — Итого 3823.30 **Отослано въ Лигу денегъ**: съ 1-го янв. 1905 г. Съ новогодняго бала долларъ 500. — На революцію 3630. — За литературу 170. — Всего долларъ 4300. — Или, что равняется 22.145 фра.

Денежный отчетъ Берлинской Группы Партіи. (за іюль 1905 г.) *Приходъ*: За литературу марокъ 231,55. На отправку „Искры“ 24,25. Выручка съ реферата 39,50. На матросовъ „Потемкина“ 18,17. „На вооруженіе“ 14,20. „Одесситамъ“ 10,25. Собрано на рефератѣ 8. За открытки — 55. Членскихъ взносовъ за іюль 10. — Отъ Бека р. организаціи 8.32 Итого марокъ 364.82. *Расходъ*: Печатаніе подписныхъ листовъ марокъ 9. — Уплата стараго долга 5 — Делегату на Дрезденскую Конференцію 12 — Русская экспедиція 118.85. Городская экспедиція 12. — Конспиративныя расходы 31. — Въ долгъ проѣзжающимъ товарищамъ 48. — Почтовые расходы по дѣламъ Партіи 43,21 Канцелярскіе расходы, разъѣзды, локалы 7.20. Въ эмигрантскую кассу отданы 34,50. Остатокъ на 1 августа 39,06. Итого: марокъ 364,82.

Получено отъ 13-го Іюня до 25 августа Въ партійную кассу Прибрамъ фр. 2.00. Брешенъ 6.00. Черезъ Л. Д. за гравюры 60 р. 158.40 Отъ гр. С. черезъ Ст. 200.00. Изъ Чикаго отъ Р. 257.00. Отъ гр. С. черезъ Ст. 300.00. Цукунфтъ клубъ Берлинъ 6.15. Отъ гр. С. черезъ Ст. 150.00. Изъ Камеры Лаворо Комо 7.00. Изъ Рейтлунгенъ черезъ Флаборъ 25.00 Черезъ Сок. 600.00. Отъ Б. К. на нужды партіи 60.00. Въ пользу Кр. Креста 20 м. 25.00 Отъ М. для партіи 2.00 Отъ Б. 19.34. Іакобъ Фреймъ Берлинъ 96 м. 116.00. Изъ Дармштадта за лит. отъ Р. 20.00. **Для матрос. „Потемкина“** № 22 А. Вейсенбергъ фр. 31 № 39 А. Інтерль 20. № 14. А. Фленвее 11. № 18. А. Минтана М. Власъ 10.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Ауэру и многимъ другимъ. На просьбу выслать вамъ „Пролетарій“, экспедиція „Пролетарія“ отвѣтила, что „посылать Пролетарій въ меньшевистскія организаціи экспедиція Партіи не считаетъ для себя возможнымъ“, ибо Ц. К. не сдѣлалъ соотвѣтствующаго распоряженія. Будемъ высылать сами. **Черемину**. Пришлите новые адреса, пишемъ по старымъ, но очевидно, безуспѣшно. **Максиму**. Безпокоимся безъ писемъ. **Ефиму** Отчего замолчали?

Луизѣ (Изъ О. — отъ Мартова). Получены оба письма, рады успѣху хорошо задуманнаго дѣла.

По недостатку мѣста отложены: Отчетъ уполномоч. первой конф. Донецк. Союза, отчетъ Маріупольской Гр. Донецк. Союза, отчетъ эмигрантской кассы Берл. Гр.; корреспонденція: Варшава, м. Столбцы и др.

---

[1] Механическіе сапожники устроили кассу, 25 процентовъ передается въ организацію.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere 27, Genève.

комитетовъ. 8. Въ случаѣ частичнаго провала С. К. имѣетъ право кооптировать новыхъ членовъ, если въ С. К. остается не менѣе трехъ членовъ его. 9. Каждый мѣстный комитетъ долженъ быть распущенъ Союзнымъ Комитетомъ, если распущенія его потребуетъ половина организованной периферіи (подкомитета). *Примѣчаніе.* Подъ организованной периферіей, какъ въ данномъ мѣстѣ устава, такъ и въ другихъ мѣстахъ, подразумѣвается болѣе или менѣе широкая группа работниковъ, вполнѣ устойчивыхъ, съ постояннымъ составомъ, такъ сказать, верхній этажъ комитетской организаціи, выполняющая роль подкомитета; этотъ подкомитетъ выполняетъ всю мѣстную соціальдемократическую работу, при непосредственномъ участіи и руководствѣ комитета. Подкомитетъ составляется по возможности изъ рабочихъ, принимающихъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ и агитаціи и является ближайшимъ резервуаромъ для пополненія комитета. 10. Сославшiй проваливщійся или распущенный комитетъ вновь организуется С. К. съ согласія большинства организованной периферіи тамъ, гдѣ уже таковая имѣется. 11. С. К. имѣетъ право вводить своихъ членовъ въ каждый мѣстный комитетъ. Членъ Союзнаго Комитета является тѣмъ самымъ членомъ каждаго мѣстнаго комитета, въ который онъ является на работу. По требованію большинства членовъ комитета С. К. обязанъ отозвать своего представителя или замѣнить его другимъ. 12. С. К. можетъ вводить въ комитетъ членовъ комитетовъ другихъ городовъ, передвинувшихся изъ своего мѣста, если большинство даннаго комитета не протестуетъ противъ этого ввода. 13. Возникшія недоразумѣнія между комитетомъ и организованной периферіей разрѣшаются С. К., областной съѣздъ разбираетъ недоразумѣнія между С. К. съ одной стороны и комитетомъ или периферіей съ другой. 14. Всякая мѣстная организація или комитетъ представляетъ въ С. К. подробный отчетъ, по возможности не рѣже одного раза въ мѣсяцъ. 15. Кооптація, какъ и исключеніе членовъ, какъ въ мѣстныхъ комитетахъ, такъ и въ организованныхъ периферіяхъ, производится по правиламъ, устанавливаемымъ самими комитетами и самими периферіями. 16. Признаніе правъ Комитета за мѣстными группами или иными организаціями, входящими въ составъ Сибирскаго Союза, принадлежитъ областному съѣзду. 17. Право отдѣльнаго представительства на Сибирскихъ областныхъ съѣздахъ за вновь организовавшимися соціальдемократическими группами утверждается съѣздомъ. 18. Право организованныхъ периферій (подкомитетовъ) выбирать вмѣстѣ съ комитетами представителей на общесибирскіе и партійные съѣзды и право избирать комитеты можетъ быть утверждено только областнымъ съѣздомъ.

О всеобщей политической стачкѣ. При обсужденіи въ порядкѣ дня ближайшихъ задачъ Сибирской Союзной конференціей была принята по вопросу о всеобщей политической стачкѣ по линіи сибирской дороги слѣдующая резолюція: „Исходя изъ того, что 1) революціонное движеніе, особенно сильно разгорѣвшееся въ январскіе дни, нисколько не затихало съ тѣхъ поръ, лишь рѣзкая восстанническая форма его переходитъ въ хроническую, но за то болѣе упорную — постоянную, что 2) послѣдній военный разгромъ, имѣвшій мѣсто въ Тихомъ Океанѣ, сдѣлалъ войну явно безнадежной и невыносимой даже для наиболѣе темной части крестьянскаго населенія и солдатскихъ массъ и что 3) идея всеобщей политической забастовки по линіи Сибирской дороги, направляемой противъ войны, уже сдѣлалась болѣе или менѣе популярной въ широкихъ массахъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, исходя изъ всего этого конференція Сибирскихъ соціальдемократическихъ работниковъ настоятельно рекомендуетъ мѣстнымъ комитетамъ дѣятельно продолжать агитацію въ этомъ направленіи, дабы имѣть — въ каждый данный моментъ — шансы вмѣшаться и поддержать вспыхнувшее общенародное восстаніе всеобщей забастовкой или же всякое стихійно возникшее движеніе среди сибирскихъ рабочихъ, какъ на экономической, такъ и на политической почвѣ поддержать, расширить и обратить во всеобщую забастовку, направленную противъ войны. Для этого конференція рекомендуетъ а) какъ мѣстную, такъ и областную агитацію, по возможности тѣсно связывать съ идеей подготовки всеобщей политической стачки, б) заинтересовывать въ дѣлѣ подготовленія забастовки всѣ силы придорожнаго населенія, въ особенности крестьянъ и в) предпринять мѣры къ практическому объединенію на почвѣ организаціи всеобщей стачки, — какъ рабочихъ, такъ и служащихъ по линіи сибирской дороги (таковыми мѣрами могутъ быть, напримѣръ: выборы отъ рабочихъ представителей и посылка ихъ въ сосѣднія мастерскія или депо съ выработанными на массовкахъ резолюціями по вопросу о всеобщей стачкѣ; организація съѣздовъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ для обсужденія этого дѣла; организація спеціально для этой цѣли боевыхъ кассъ и т. п.).

Конференція сѣверно-кавказскихъ организацій. На состоявшейся въ іюлѣ конференціи организацій Кубанскаго Комитета рѣшено, въ виду расширенія работъ, раздѣлить организацію на три отдѣльныхъ комитета: 1) Черноморскій (Новороссійскъ съ группами въ Анапѣ, Геленджикѣ и др.); 2) Кубанскій (Екатеринодаръ съ группами Армавирской, Майкопской, Тихорѣцкой, Кавказской и др.) и 3) Ставропольскій. Эти 3 комитета должны составить Сѣверно Кавказскій областной ~~союзъ~~, въ составъ котораго приглашается войти, сверхъ того, Терстко-Дагестанскій Комитетъ, до сихъ поръ входившій въ союзъ закавказскихъ организацій. Конференція занималась обсужденіемъ резолюцій майской общепартійной конференціи и вынесла одобреніе имъ. Болѣе подробный отчетъ о работахъ конференціи сообщимъ въ ближайшемъ будущемъ. Пока ограничимся нѣкоторыми сообщеніями изъ отчетахъ организацій. **Число** организованныхъ; **Новороссійскъ** — 435 чел., Ейскъ — 25, Тихорѣцкая 20, Ставрополь — 100, Екатеринодаръ — 80. Майкопъ — 40, Кавказская—150. Армавиръ — 250, С.-Д. Группа Кубанскихъ казаковъ — 55, Итого 1155 человѣкъ. Организаціи возникли (въ хронологическомъ порядкѣ): въ 1904 г. Новороссійская въ мартѣ, Кавказская — въ маѣ, Ставропольская — лѣтомъ, Тихорѣцкая и Армавирская — въ августѣ, Майкопская — осенью, въ 1905 г. Казачья группа въ мартѣ, Ейская и Екатеринодарская въ 1905 г. Комитетъ началъ свою дѣятельность въ январѣ 1904 г. Бюджетъ Комитета за полгода (съ 1-го января по 1-го іюля) составилъ 1600; бюджетъ группъ: Новороссійской 1430, Майкопской — 350, Армавирской 860, Кавказской — 800, группа Кубанскихъ казаковъ — 300, Ставропольской — 350 Ейской — 300. Бюджетъ Екатеринодарской группы (за іюнь 1905 г.) — 125 р. О бюджетѣ Тихорѣцкой группы нѣтъ данныхъ.

Издательская дѣятельность велась при помощи слѣдующихъ техническихъ средствъ: двѣ типографіи, одного миміографа, 15 гектографовъ и одной пишущей машины. За ½ года издано листковъ: Кубанскимъ комитетомъ 60.000; группами: Новороссійской 5 500, Ейскѣ 8000, Ставропольской 2000, Екатеринодарской 4000, Майкопской 2000, Кавказской 2000, Армавирской 10,000 Казачьей — 5000. Итого 98 500.

Въ районѣ Кубанскаго Комитета партіи приходилось сталкиваться съ слѣдующими революціонными организаціями: 1) „Дрошакъ“ — въ Армавирѣ (объ ея силѣ тамъ данныхъ не имѣется) 2) Партія Соціалистовъ Революціонеровъ (10 рабочихъ въ Новороссійскѣ и 2-3 въ Екатеринодарѣ); 3) Революціонная Украинская Партія (5 рабочихъ въ Екатеринодарѣ). За этимъ ничтожнымъ исключеніемъ, вся революціонная борьба въ Кубанской и Черноморской области и Ставропольской губерніи ведется нашими организаціями.

Вышелъ № 4 органа нашихъ кавказскихъ товарищей: „Соціаль-Демократъ“ (17/30 іюня). Содержаніе: 1) Демократія и соціальдемократія; 2) Либералы у царя. 3) Самодержавіе сегодня. 4) Партійная реорганизація въ Гуріи. 5) Внутреннее обозрѣніе 6) Ал. Цулукидзе (некрологъ). 7) Письмо изъ за границы. 8) К. Каутскій о „большинствѣ“. 9) Изъ прессы. 10 Корреспонденціи. 11) Изъ партіи.

Вторая конференція Донецкаго Союза. На состоявшейся въ іюнѣ 2 й конференціи Донецкаго Союза приняты резолюціи:

I. По отношенію къ III съѣзду: а) Второй съѣздъ и гибельныя его послѣдствія въ достаточной степени показали, какъ не должны организоваться съѣзды. Въ виду того, что III съѣздъ не отличается по существу своей организаціи отъ II, именно: не представляетъ мнѣнія партіи, онъ не считается партійнымъ съѣздомъ по существу (единогласно). в) Онъ не партійный съ формальной стороны, ибо нарушилъ уставъ II съѣзда Партіи (7-ю голосами противъ одного). II. Организаціонный уставъ, выработанный на общерусской конференціи, принятъ единогласно. III. О вооруженномъ возстаніи — единогласно принята резолюція общерусской конференціи. Обращается особое вниманіе на ту резолюцію о вооруженіи, которая была выработана комиссіей, но не разсмотрѣна конференціей. IV. О нашемъ участіи во временномъ правительствѣ. Резолюція общерусской конференціи принята 5-ю голосами противъ 2 при одномъ воздержавшемся. V. О профессіональныхъ союзахъ и стачкахъ: 1) О профессіональныхъ союзахъ принята резолюція общерусской конференціи (7 ю голосами противъ одного). 2) Относительно стачекъ рекомендуется товарищамъ: а) не вызывать (искусственно) стачекъ при отсутствіи необходимыхъ элементовъ борьбы; в) поддерживать (руководить) стихійно-вспыхивающія стачки, придавая имъ политическій характеръ.

По отношенію къ образованному „большевиками“ „Рудничному Союзу принято рѣшеніе: „Основой соглашенія организацій Донецкаго Союза съ организаціями „большинства“ вообще и съ Рудничнымъ Союзомъ въ частности должно служить признаніе товарищами изъ „большинства“ организаціоннаго устава, выработаннаго на общерусской конференціи. Тактическія же разногласія не могутъ служить препятствіемъ для совмѣстной работы „большинства“ и „меньшинства“. Конференція выработала слѣдующій уставъ Донецкаго Союза:

Уставъ Донецкаго Союза: 1) Донецкій Союзъ составляется изъ группъ и Комитета. 2) Объединяющимъ и руководящимъ центромъ Д. С. является Комитетъ. Онъ избирается на конференціи Д. С. въ количествѣ 3 членовъ съ правомъ кооптаціи. 3) Всѣ члены Комитета Д. С. работаютъ въ мѣстныхъ организаціяхъ Д. С. 4) Комитетъ издаетъ листки общаго характера, руководитъ пропагандой и агитаціей, распредѣляетъ силы Союза, сносится съ партійными организаціями и центрами. 5) Разъ въ два мѣсяца созывается конференція Д. С., на ней присутствуетъ по одному делегату отъ каждой организаціи и представитель Комитета Д. С., каждый съ правомъ одного рѣшающаго голоса. 6) Конференціи Д. С. созываются Комитетомъ. Экстренныя конференціи созываются по требованію: а) большинства группъ; в) Комитета Д. С. 7) Конференція Д. С. выбираетъ делегата на партійный съѣздъ и областныя конференціи. 8) Группы отчисляютъ Комитету Д. С. 20% своего дохода на технику. 9) Группы представляютъ Комитету Д. С. каждыя двѣ недѣли отчеты о своей работѣ. Комитетъ также освѣдомляетъ группы о своей дѣятельности. Во всемъ остальномъ Д. С. руководится уставомъ „меньшинства“.

На общерусской конференціи была выработана резолюція комиссіей о вооруженіи. § 3 „организовать при комитетахъ особыя техническія группы“ спеціально занимающіяся разработкой техническихъ вопросовъ самозащиты и нападенія, а также заняться добываніемъ и подготовкой оружія для боевыхъ отрядовъ.

Вторая конференція Д.-С. обратила на нее особое вниманіе. Комитетъ Д. С. на первомъ своемъ засѣданіи рѣшилъ попытаться организовать такую группу съ болѣе расширенными функціями, которая охватила бы не одинъ только районъ Д. С. За первую недѣлю группа эта подъ названіемъ соціальдемократическаго союза „Арсеналъ“ собрала 15 человѣкъ (165 р.), завязала сношенія, выработала схему своей дѣятельности и планъ организаціи.

Резолюція. Полагая, что историческій моментъ, переживаемый нынѣ Россіей, властно требуетъ отъ партіи россійскаго пролетаріата возможно болѣе полнаго единства и согласія въ борьбѣ за интересы международнаго соціализма, южно-германскія организаціи обѣихъ фракцій Р. С. Д. Р. П. собрались на конференцію, для изысканія путей къ скорѣйшему возстановленію партійнаго единства и — пока что — къ согласованію работы обѣихъ фракцій заграницей. Участвовали делегаты организацій: Мюнхенской (больш.), двухъ Фрейбергскихъ (больш. и меньш.), Дармштадтской (меньш.), Гейдельбергской (меньш.), Карльсруйской (больш.). администраціи Заграничн. Лиги (меньш.) и агенты Загранич. Организаціи (больш.) въ Гейдельбергѣ и Загр. Лиги (меньш.) въ Кисингенѣ. Изъ приглашенныхъ на конференцію по разнымъ причинамъ отсутствовали представители организацій Мюнхенской (меньш.), Карльсруйской (меньш.) двухъ Фрейбургскихъ (больш. и меньш.) и Комитета Загранич. Организаціи (больш.), причемъ означенныя организаціи письменно выразили свое полное сочувствіе дѣлу партійнаго объединенія и задачамъ, поставленнымъ конференціей. Обсудивши вопросы порядка дня, конференція единогласно вынесла слѣдующія резолюціи:

1. Принимая во вниманіе, какъ гибельно отражается расколъ въ нашей Партіи на всей ея революціонной работѣ и какими убійственными послѣдствіями грозитъ въ процессѣ Великой Россійской Революціи его продленіе всему международному пролетаріату; имѣя, далѣе, въ виду, что существующія въ нашей средѣ разногласія отнюдь не такъ глубоки, чтобы оправдывать этотъ расколъ, и признавая, наконецъ, что полное и законченное объединеніе Партіи возможно лишь на общепартійномъ съѣздѣ, конференція въ то же время полагаетъ, что, пока такимъ образомъ не осуществится полное единство, необходимо согласованіе работы обѣихъ фракцій на мѣстахъ. Созывъ объединительнаго съѣзда долженъ быть осуществленъ оффиціальными уполномоченными обѣихъ фракцій, рѣшенія которыхъ во всемъ, что до созыва съѣзда касается, должны быть обязательны для всей Партіи. Желательно также впредь, чтобы партійная печать, избѣгая всего, напрасно обостряющаго внутрипартійныя отношенія, вела свою полемику на чисто принципіальной почвѣ.

2. Обсудивъ состояніе партійной работы заграницей, конференція высказывается за настоятельную необходимость созыва съѣзда заграничныхъ организацій обѣихъ фракцій, съ цѣлью общаго согласованія ихъ работы, — и приглашаетъ оба заграничныхъ центра принять всѣ необходимыя къ тому мѣры. А пока конференція убѣдительно проситъ всѣ заграничныя организаціи забыть прошлое и уже сейчасъ по мѣрѣ возможности начать согласовывать свою практическую работу.

Заявленіе Одесской Группы.

Одесская Группа считаетъ необходимымъ заявить, что сдѣланное въ правительственномъ сообщеніи указаніе, будто на собраніи выборныхъ присутствовалъ членъ комитета соціалистовъ-революціонеровъ — **ложно**. На этомъ собраніи не было ни одного изъ представителей с. р. Поводомъ для такого утвержденія послужила случайная причина ареста выборныхъ: на одного соціалиста-революціонера на Ланжеронѣ была устроена облава, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ собрались выборные. Полиція совершенно случайно наткнулась на собраніе. Повидимому, правительство предполагало, что этотъ соц. рев. долженъ былъ присутствовать на этомъ собраніи, и воспользовалось этимъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ рабочихъ, показавъ, что оно „вынуждено“ было арестовать собраніе, на которомъ присутствовалъ такой „важный преступникъ“.

Гг. соціалисты-революціонеры пользуются завѣдомо ложнымъ правительственнымъ сообщеніемъ, съ цѣлью убѣдить, что они „руководили“ движеніемъ. Мы категорически заявляемъ, что вся ихъ дѣятельность во время событій проявилась лишь въ бросаніи двухъ бомбъ. Это могутъ подтвердить всѣ организаціи и всѣ участники событій.

Одес. Группа Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Вышли изданія: Кіевскаго Ком. 1) Либералы у царя (перепеч. изъ „Соц.-Дем.“ — 4000); 2) Какой свободы хотятъ фабриканты (3000); 3) Крестьяне и царское правительство. 4) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ по казеннымъ подрядамъ (1000); 5) Къ нимъ-же. **Черниговской Группы.** 1) Солдатская памятка (400); 2) Къ солдатамъ (400); 3) Къ крестьянамъ (призывъ къ стачкамъ); 4) Ко всѣмъ гражданамъ (500); 5) Первая побѣда революціи (переизданіе съ листка „Искры“). **Украинскаго Союза:** 1) „Какъ отобрать землю у помѣщиковъ“? (по русски — 5000 экз.); 2) То-же (по малороссійски — 5000); 3) Программа Р. С. Д. Р. П. (брошюра комментарій, печ.) **Одесской Группы:** 1) О положеніи рабочихъ въ порту (5000); 2) Крестьяне, къ вамъ наше слово! (5000); 3) Ко всѣмъ рабочимъ завода Юліуса (о 8-ми час. раб. днѣ, 70 экз.); 4) Призывъ къ поддержкѣ бастующихъ сапожниковъ (200); 5) Къ запаснымъ г. Одессы (1500). **Объединенная орг. комитетовъ Николаева:** Агитація мастеровъ за „патріотич.“ молебенъ. **Крымскаго Союза:** Ко всѣмъ лишеннымъ правъ! (Листокъ „Искры“ — 13.000 экз.); 2) Открытое письмо матросовъ „Потемкина“ въ „Искру“ (6.000); 3) Резолюція обще русской конференціи (1500). **Севастопольскаго Комитета:** Судъ надъ матросами (5.000) **Ѳедосійской орг;** Къ солдатамъ гор. Ѳеодосіи (по поводу ихъ стрѣльбы въ матросовъ „Потемкина“ — гект. 100). **Донскаго Ком.** 1) Къ ростовскому пролетаріату (печ.); 2) Ростовская полиція за работой (печат.) **Маріупольской гр. Донецкаго Союза:** 1) Открытое письмо матросовъ въ „Искру“ (2000 печ.); 2) „Клятва“ стихотвор. (100 экз.); 3) Требованія рабочихъ зав. Сойфера (гект.) **Бахмутской гр.** „Революція началась!“ (печ 500). 2) Отчетъ за іюнь (печ.) **Кавказской гр. Кубанск. ком.:** 1) Требованія стачечниковъ машинистовъ (20.); 3) Къ хуторянамъ (600); 4) По поводу выбора старостъ (200) **Союза бакинскихъ раб.:** „Ко всѣмъ казакамъ“ (печ.). **Тифлисскаго Ком.** „Солдатскій листокъ № 1“ **Астраханск. Ком.** 1) Бюллетень о событіяхъ (гект. 300): 2) Къ портнымъ (гект. 100). **Ташкентской** соц. дем. группы (съ апрѣля): 1) Долой Булыгинскую думу! (гект.); 2) Бьетъ послѣдній часъ (гек. 300); 3) Первое мая (300) 4) Да здравствуетъ всенар. учредит. собраніе (1000); 5) Къ рабочимъ (150); 6) Къ приказчикамъ и приказчицамъ (200); 7) Къ рабочимъ (150); 8) Къ солдатамъ (200); 9) Къ солдатамъ всего ташкентскаго гарнизона (200); 10) По поводу погрома (200); 11) Требованія рабочихъ (100); 12) Пора кончать! (Изд. „Искры“); 13) Революція Бакинскихъ рабочихъ во время татарскаго погрома 14) Къ рабочимъ всѣхъ странъ (Совѣта Партіи); 15) Царь жертвуетъ! 16) Въ бой за свободу! 17) Солдатская памятка! 18) 40 человѣкъ — 8 лошадей (листокъ Сибирскаго Союза); 19) Майскія пѣсни; 20) Заявленіе петерб. выборщиковъ; 21) Ко всѣмъ ташкентскимъ рабочимъ. **Томскаго Ком.:** 1) Ко всѣмъ рабочимъ о началѣ всеобщей стачки; 2) Въ городскую Думу! 3) Къ солдатамъ и казакамъ (обращеніе 700 ж.-д. рабочихъ и служащихъ); Извѣщеніе о предстоящемъ митингѣ (всѣ печ.) **Нижегородской группы:** 1) Къ земцамъ (500); 2) Къ рабочимъ Израацов. завода. **Приволжской организаціи Нижегородской с.-демократ. группы:** Деревенскій листокъ (№№ 1-3 гект. по 100 экз.) **Смоленскаго Ком:** „Открытое письмо матросовъ въ „Искру“.) **Рижской группы:** 1) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о всеоб. стачкѣ, печ. 4000); 2) то-же по эстонски — 250 экз.); 3) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (объ іюньскихъ событіяхъ — 4000). **Варшавскаго Ком.** военно-революціонной организаціи 1) Къ солдатамъ, отправляемымъ на войну (печ., 2000): 1) Ко всѣмъ солдатамъ 3-ей гвард. дивизіи (печ. 1000); 3) Вторичное предупрежденіе (400 печ.) Итого — 75 выпусковъ — (приблизительно) 100,000 экз. **„Искры“:** Земцы и народъ (листокъ).

Вышла брошюра „Революціонный броненосецъ“ (возстаніе въ Черноморскомъ флотѣ); по матеріаламъ „Искры“ и „Соціальдемократа“; съ четырьмя гравюрами. (Изд. „Искры“).

Денежный отчетъ Кременчугскаго комитета за іюнь Приходъ: съ реферата — 24 р. 75 к., случайныхъ — 71 р. 50 к., съ рабочихъ — 4 р. 65 к, на стачки — 20 р. 10 к., За литературу — 50 к., за листки (Ромны) — 7 р. 70 к., отъ механ сапож.,[1]) — 4 р. 70 к. Итого: 134 р. 90 к.

Денежный отчетъ Исполнительнаго Комитета Русскаго Соціаль Демократическаго Общества въ Нью-Іоркѣ.

Послѣ 9-го (22 го) января 1905 г. на воззваніе (на англійскомъ языкѣ) „Къ американскимъ соціалистамъ“, подписанное извѣстными дѣятелями и представителями соціалистической Партіи, — напечатанное во всѣхъ партійныхъ органахъ и разосланное всѣмъ секціямъ Партіи и другимъ радикальнымъ и соціалистическимъ рабочимъ организаціямъ получились слѣдующія суммы: Чер. „New Iorker Volkszeitung“ долларъ 884 16 Чер. Еврейскій „Vorwärts“ 107.61. Отъ секцій и клубовъ Соціалистической Партіи 901.54 Отъ „Arbeiter „Kranken“- und Sterbekasse“ 680.— Отъ женскихъ Соц.-Дем ферейновъ 60.75. Отъ организацій пивоваренныхъ рабочихъ 44. — Отъ рабочихъ сигарной фабрики въ Бостонѣ 49. — Отъ Рус. Соц. Дем Общества, Milwaukee Wisc. 20. — Отъ частныхъ лицъ пожертвовано 669.63. По подписнымъ листамъ собрано 146.50. Съ массовыхъ собраній 261.06. Къ 5-му (18-ое) авг. поступило въ кассу всего 3,822 30. *Расходъ*: На поѣздку члена комитета въ Чикаго и Малевуаки для организаціи „Группы Содѣйствія“ долларъ 75 — На печатаніе воззваній и др. 15.75. Почтовые и другіе расходы 64.65. Итого 155.40. Осталось въ кассѣ 37.90 Отослано въ Лигу 3630. — Итого 3823.30 **Отослано въ Лигу денегъ:** съ 1-го янв. 1905 г. Съ новогодняго бала долларъ 500. — На революцію 3630. — За литературу 170. — Всего долларъ 4300. — Или, что равняется 22.145 франк.

Денежный отчетъ Берлинской Группы Партіи. (за іюль 1905 г.) *Приходъ*: За литературу марокъ 231,55. На отправку „Искры“ 24,25. Выручка съ реферата 39,50. На матросовъ „Потемкина“ 18,17. „На вооруженіе“ 14,20. „Одесситамъ“ 10,28. Собрано на рефератѣ 8. За открытки — 55. Членскихъ взносовъ за іюль 10. — Отъ Бека р. организаціи 8 32 Итого марокъ 364,82. *Расходъ*: Печатаніе подписныхъ листовъ марокъ 9. — Уплата стараго долга 5 — Делегату на Дрезденскую Конференцію 12— Русская экспедиція 118 85. Городская экспедиція 12. — Конспиративныя расходы 31. — Въ долгъ проѣзжающимъ товарищамъ 48. — Почтовые расходы по дѣламъ Партіи 43,21. Канцелярскіе расходы, разъѣзды, локалы 7.20. Въ эмигрантскую кассу. отданы 34,50. Остатокъ на 1 августа 39,06. Итого: марокъ 364,82.

Получено отъ 13-го Іюня до 25 августа Въ партійную кассу Прибрамъфр. 2.00. Брешенъ 6.00. Черезъ Л. Д. за гравюры 60. р. 158.40 Отъ гр. С. черезъ Ст. 200.00. Изъ Чикаго отъ Р. 257 00. Отъ гр. С черезъ Ст. 300 00. Цукунфтъ клубъ Берлинъ 6.15. Отъ гр. С. черезъ Ст. 150.00. Изъ Камера Лаворо Комо 7 00. Изъ Рейтлунгенъ черезъ Флаборъ 25 00. Черезъ Сок. 600 00. Отъ Б. К. на нужды партіи 60.00. Въ пользу Кр. Креста 20 м. 25.00 Отъ М. для партіи 2 00 Отъ Б 19.34. Іакобъ Фреймъ Берлинъ 96. м. 116.00. Изъ Цюриха за лиг. отъ Р. 20.00. **Для матрос. „Потемкина“** № 22 А Вейсенбергъ фр. 31 № 39 А Інтерлъ 20. № 14. А. Ф ленаее 11. № 18. А. Мангана М. Власъ 10.

---

[1]) Механическіе сапожники устроили кассу, 25 процентовъ передается въ организацію.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Аузру и многимъ другимъ. На просьбу высылать вамъ „Пролетарій“, экспедиція „Пролетарія“ отвѣтила, что „посылать Пролетарій въ меньшевистскія организаціи экспедиція Партіи не считаетъ для себя возможнымъ“, ибо Ц. К. не сдѣлалъ соотвѣтствующаго распоряженія. Будемъ высылать сами. **Черемису.** Пришлите новые адреса, пишемъ по старымъ, но очевидно, безуспѣшно. **Максиму.** Безпокоимся безъ писемъ. **Ефиму** Отчего замолчали?

Луизѣ (Изъ О. — отъ Мартова). Получены оба письма, рады успѣху хорошо задуманнаго дѣла.

По недостатку мѣста отложены: Отчетъ уполномоч. первой конф. Донецк. Союза, отчетъ Маріупольской Гр. Донецк. Союза, отчетъ эмигрантской кассы Берл. Гр.: корреспонденціи: Варшава, м. Столбцы и др.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere 27, Genève.

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 109. 29-го августа 1905 г. Годъ V

Русское Социалъ-Демократическое Общество
NEW YORK
Russian Social Democratic Society

МИРЪ.

Когда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ мѵропомазанный корейскій лѣсопромышленникъ началъ войну съ Японіей, конца-краю не было видно хвастливымъ рѣчамъ. Вооружившись цѣлыми вагонами иконъ и хоругвей, будущіе герои блестящихъ пораженій—генералы отъ канцеляріи и сухопутные адмиралы—просили у соотечественниковъ лишь немного „терпѣнія", ровно столько, сколько нужно, чтобы доѣхать отъ Петербурга до Токіо и въ столицѣ микадо продиктовать условія мира презрѣннымъ „макакамъ".

Но вмѣсто побѣдоноснаго наступленія на Японію, пришлось царскимъ „богатырямъ" спѣшно отступать совсѣмъ въ противоположную сторону, и не въ Токіо, а въ Портсмутѣ, провинціальномъ городѣ американской республики пришлось подписывать условія мира уполномоченнымъ русскаго царя. Это не мѣшаетъ правящей кликѣ черезъ посредство печати трубить о своемъ „успѣхѣ" на поприщѣ дипломатіи послѣ того, какъ выступленіе ея на полѣ брани ознаменовалось рядомъ непрерывныхъ пораженій.

Но если уже тогда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, „патріотическій" угаръ, усердно распространяемый коронованными и некоронованными хищниками, такъ мало могъ охватить народныя массы, что приходилось полицейскими мѣрами отыскивать въ городскихъ трущобахъ „народъ" пригодный для участія въ „патріотическихъ" манифестаціяхъ, то тѣмъ менѣе теперь можетъ правительство надѣяться ввести въ обманъ хоть кого-нибудь. Слишкомъ больно и слишкомъ долго будутъ болѣть раны, нанесенныя войною, чтобы народъ могъ забыть ихъ ради той изумительной „ловкости", какую проявилъ—по его собственному мнѣнію, по крайней мѣрѣ,—г. Витте. Быть можетъ, то обстоятельство, что бывшій министръ финансовъ оказался наиболѣе „ловкимъ" изъ мошенниковъ царской бюрократіи и побѣдоносно справился со всѣми соперниками, не перестававшими, по заведенному обычаю „интриговать" противъ него и во время веденія переговоровъ о мирѣ, быть можетъ это обстоятельство и подниметъ престижъ г. Витте, какъ „государственнаго человѣка", въ глазахъ „государственныхъ мужей" всѣхъ оттѣнковъ либерализма. Быть можетъ, его „стараніе" заключить миръ заставятъ коекого забыть объ его предшествующихъ, не менѣе усердныхъ, „стараніяхъ" поощрять всѣ хищническія предпріятія, вызвавшія кровопролитнѣйшую войну. „Непросвѣщенный" народъ врядъ ли окажется столь снисходительно забывчивымъ, и для него г. Витте будетъ по-прежнему занимать „почетное" мѣсто въ ряду всѣхъ правящихъ преступниковъ, которые нанесли народу раны, сочащіяся кровью.

Достаточно вспомнить тѣ причины, которыя вызвали войну, и требованія, которыя предъявляла въ то время Японія и которыя — какъ это теперь достаточно выяснено — не были удовлетворены ради интересовъ лѣсопромышленной кампаніи, главнымъ политикомъ а „хозяиномъ" которой состоялъ царь, [illegible] вспомнить все это, чтобы оцѣнить [illegible] мѣру „успѣховъ" царской дипломатіи. Признаніе преобладающаго вліянія Японіи на Кореѣ, открытіе Манджуріи для иностранной торговли — вотъ все, чего добивалась Японія 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Вотъ ради чего царское правительство начало войну 19 мѣсяцевъ тому назадъ. Смѣшивая интересы государства съ интересами „хозяина"-лѣсопромышленника, оно увѣряло, что рѣчь идетъ о „жизненныхъ интересахъ" страны, оно возвѣщало устами самодержца, что борется за „господство на берегахъ Тихаго океана". Сотни тысячъ людей пали въ борьбѣ за это „господство", милліарды рублей пущены на вѣтеръ, цѣлый флотъ погрузился на морское дно и попалъ въ плѣнъ японцамъ, и что же? Японія не только добилась всего, что требовала до начала войны; она получила неизмѣримо больше. Въ Кореѣ она достигла не только преобладающаго вліянія, но поставила ее подъ свой протекторатъ. Въ Манджуріи она добилась не только „открытыхъ дверей", но полнаго очищенія ея русскими. И кромѣ того, она получила Портъ Артуръ со всѣмъ Квантунскимъ полуостровомъ, 1200 километровъ построенной на русскія деньги восточно-азіатской желѣзной дороги, южную половину Сахалина. Ея флотъ вышелъ изъ войны не только не уменьшившимся, но значительно возросшимъ, благодаря взятымъ въ плѣнъ русскимъ судамъ. Ея господствующее положеніе на водахъ Тихаго Океана закрѣплено новымъ союзнымъ договоромъ съ Англіей. И вотъ, въ виду такихъ результатовъ войны, стоившей народу неизмѣримыхъ жертвъ людьми и деньгами, царскіе уполномоченные выходятъ съ конференціи съ „веселыми лицами" и въ своемъ неизрѣченномъ безстыдствѣ сами трубятъ на весь міръ о своихъ великихъ „успѣхахъ"!

Потому что Россія не вся растерзана на клочки, потому что въ добавленіе ко всѣмъ жертвамъ войны на народъ не навалена еще новая колоссальная тяжесть въ видѣ военной контрибуціи; потому что, словомъ, японская буржуазія, обезпечившая всѣ свои интересы, получившая въ видѣ территоріи, флота, желѣзныхъ дорогъ милліарды рублей, сытая по горло, не хочетъ вести дальше войну изъ-за еще одного мнимаго милліарда, — потому именно царское правительство трубитъ о своихъ „успѣхахъ"! Оно громко возвѣщаетъ о своей „побѣдѣ" въ мирѣ, потому что было на голову разбито въ войнѣ!

Напрасный трудъ! Если называть „позорнымъ" миръ, въ которомъ неизгладимыми чертами запечатлѣлось безнадежное пораженіе, то, конечно, рѣдкій мирный договоръ такъ полно заслуживалъ этого названія, какъ портмутскій. И отъ этого простого факта царское правительство не сможетъ отговориться передъ судомъ тѣмъ, что могло быть еще хуже. Если теперь, черезъ 19 мѣсяцевъ, можно поздравлять себя съ „успѣхомъ" по поводу заключенія *такою* мира, то чѣмъ оправдаетъ правящая клика самую войну? Что отвѣтитъ она народу, который потребуетъ ее къ отвѣту? И, конечно, органы мародерствующаго патріотизма обнаруживаютъ гораздо болѣе тонкій нюхъ, чѣмъ царская бюрократія, когда изображаютъ портсмутскій миръ не какъ „успѣхъ", а какъ „пораженіе" царизма, и пытаются идеей „реванша" сплотить новыя силы вокругъ падающаго самодержавія.

Но 19 мѣсяцевъ войны не прошли даромъ. Они не только истощили народныя средства, они обогатили народъ политическимъ сознаніемъ. Та колоссальная встряска, которую произвела война, раскрыла глаза народу: она нагляднымъ урокомъ, — однимъ изъ тѣхъ тяжелыхъ уроковъ, которыми исторія учитъ народы, — показала ему всю смертоносность той самодержавно-полицейской системы, которая тяжелымъ кошмаромъ нависла надъ всей страной. Она показала, какъ, по мановенію руки самодержца, въ кричащемъ противорѣчіи со всѣми интересами страны и со всѣми желаніями народа, расточаются тысячи человѣческихъ жизней и милліоны народныхъ денегъ. Война показала въ гигантскомъ, всѣмъ видимомъ масштабѣ тѣ язвы, которыми самодержавіе изо дня въ день, медленно, но вѣрно подтачивало и подтачиваетъ всѣ жизненныя силы народа. Не только внѣшняя война, но и война внутренняя была за эти 19 мѣсяцевъ для правительства рядомъ непрекращающихся, тяжкихъ пораженій. Расшатывалась военно-полицейская организація, падала дисциплина въ войскахъ, пробуждались къ сознательной политической жизни и группировались народныя силы. Россія теперь не та, что 19 мѣсяцевъ тому назадъ; другими глазами, съ другимъ пониманіемъ смотрятъ теперь широкія народныя массы на совершающіяся передъ ихъ глазами событія.

Ни мнимые „успѣхи" царской дипломатіи, ни идеи „реванша" не могутъ уже заслонить въ глазахъ народа того факта, что въ условіяхъ только что заключеннаго, такъ долго и страстно жданнаго мира отсутствуетъ одно, главное условіе, которое единственно только и сдѣлаетъ миръ легкимъ и почетнымъ, которое одно только и поможетъ народу залечить раны войны. Это условіе — долой самодержавіе! Безъ этого условія безконечно долго и безконечно болѣзненно будутъ отзываться на народѣ всѣ тяжелыя послѣдствія хищнической царской войны. Его должна вписать въ портсмутскій договоръ революція..

КЪ ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

Никогда еще ни одинъ тактическій вопросъ не служилъ предметомъ такого оживленнаго и вдумчиваго обсужденія на мѣстахъ, какъ вопросъ о нашей тактикѣ въ связи съ созывомъ Государственной Думы, и никогда еще мѣстные работники не принимали такого активнаго участія въ самомъ процессѣ выработки тактическихъ указаній. Читатели „Искры" могли легко видѣть это: кромѣ письма петербургскаго товарища, цитированнаго въ № 105 и письма тов. Череванина, приведеннаго въ предыдущемъ номерѣ, цѣлый рядъ корреспонденцій содержитъ указанія на обсужденія все того же вопроса въ комитетахъ, районныхъ и подрайонныхъ собраніяхъ и даже на массовкахъ. Конечно, это усиленное вниманіе къ тактическому вопросу вполнѣ объясняется его первостепенною важностью. Но съ другой стороны самая возможность коллективной выработки тактическихъ указаній свидѣтельствуетъ объ огромномъ успѣхѣ *партійности*, о ростѣ партійной связи за послѣдніе два года и въ свою очередь мощно стимулируетъ дальнѣйшій ростъ ея.

Среди мотивированныхъ мнѣній по разбираемому тактическому вопросу крайне интереснымъ во многихъ отношеніяхъ является мнѣніе *Маріупольской Группы Донецкаго Союза*, которое мы воспроизводимъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно было намъ прислано. Вотъ это мнѣніе:

„Созывъ Государственной Думы ставитъ передъ соціальдемократіей чрезвычайно серьезную задачу: наряду съ расширеніемъ партіи вовлечь широкія народныя массы въ сферу революціонныхъ дѣйствій, имѣющихъ цѣлью не дать самодержавію укрѣпить свои позиціи комедіей представительства". Во все время этой кампаніи нашимъ лозунгомъ естественно будетъ Всенародное Учредительное Собраніе на [illegible] началахъ. Къ моменту собранія Городской думы [illegible] массы должны быть готовы къ выступленію настолько сильному и согласованному, чтобы это могло быть послѣднимъ штурмомъ твердыни самодержавія. Южн. Б., предлагая свой планъ, говоритъ; нельзя указывать массамъ на всякаго выбирающаго, какъ на измѣнника и предателя, такъ какъ этимъ мы отрѣзали бы себѣ пути вліять на либераловъ, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ. Помимо принципіальной невыдержанности этой тактики, она обрекла бы нашу агитацію на половинчатость, а массы на бездѣятельность. Въ виду серьезныхъ дѣйствій, которые придется совершить массамъ, наша тактика должна быть проста, послѣдовательна и принципіально выдержана.

Самымъ серьезнымъ моментомъ мы считаемъ время первичныхъ избирательныхъ собраній. Они будутъ непосредственно близки массамъ, и дѣйствія, направленныя противъ нихъ будутъ понятны ей. На нихъ она должна подготовиться къ дѣйствіямъ согласованнымъ на протяженіи всей Россіи. Это соображеніе заставляетъ насъ перемѣстить центръ тяжести борьбы съ собранія Государственной Думы на эти первичныя избирательныя собранія. Если мы говоримъ народу, что Государственная Дума — надувательство, то мы должны помѣшать ей собраться. Мы должны массу вести вплоть до того, чтобы силой помѣшать выборамъ. Весьма вѣроятно, что лѣвые либералы, если они даже рѣшатъ принимать участіе въ выборахъ, откажутся отъ нихъ послѣ соотвѣтствующаго заявленія руководимой нами массы. Въ послѣднемъ случаѣ они присоединятся къ народу, выбирающему револ. депутатовъ (планъ Искры). Въ противномъ случаѣ народъ заставитъ всѣхъ сторонниковъ умѣренной тактики выбирать представителей народа, отгородившись отъ народа солдатскими штыками. На ряду съ революціонными выборами это было бы очень поучительной для массъ иллюстраціей борющихся силъ. Во многихъ мѣстахъ эти избирательныя собранія не могли бы совсѣмъ состояться, или состоялись бы при такой неприглядной обстановкѣ, что „народное представительство" сразу лишилось бы того блеска, который, собственно говоря, и нуженъ правительству. Борьба эта благодаря конкретной обстановкѣ подвинетъ далеко политическое воспитаніе массъ и дастъ возможность вовлечь въ борьбу и элементы до сихъ поръ индеферентные. Это будетъ *революція на мѣстахъ*, но только на нее мы и можемъ *покамѣсть* разсчитывать, не впадая въ „твердокаменное" прожектерство.

Сообразно нашему плану и революціонные депутаты народа пріобрѣтаютъ нѣсколько иную окраску. Ихъ задачей будетъ использовать на мѣстахъ свое вліяніе съ цѣлью углубленія настроенія массъ. Возможно, что при широкомъ размахѣ революціоннаго движенія эти депутаты могли бы образовать временное правительство въ данномъ городѣ, что способствовало бы дальнѣйшему обостренію борьбы. Эту же цѣль (мѣшать выборамъ) мы преслѣдуемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ происходить вторичныя избирательныя собранія. Возможно, что къ этому моменту революціонная масса, вниманіе которой было бы сосредоточено на избирательныхъ собраніяхъ, могла бы въ той или иной формѣ (политич. стачки, демонстраціи, митинги и т. п.) выступить одновременно на разстояніи губерніи (области). Все время царской Государственной Думѣ долженъ противопоставляться лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Чѣмъ удачнѣе будетъ движеніе въ первой и во второй стадіи (перв. и вторач. избирательныя собранія) тѣмъ неприглядѣе будетъ этотъ выкидышъ исторіи, эта послѣдняя карта царизма. Вѣроятно, что если революціонный народъ окажетъ дѣйствительное сопротивленіе осуществленію Государственной Думы, правительство пріостановитъ дальнѣйшее проведеніе въ жизнь своего плана, такъ какъ *такая* Дума самодержавію будетъ ни къ чему. Въ послѣднемъ случаѣ правительство или вернулось бы къ осадному положенію безъ околичностей, или заявило бы о своей готовности приспособить (въ какой-нибудь новой коммиссіи) свой проектъ „согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія". Такъ или иначе это было бы очевиднымъ успѣхомъ революціи, — успѣхомъ, который способствовалъ бы дальнѣйшему расширенію ея. Если бы т. о. правительство признало себя побѣжденнымъ, то дальнѣйшая наша тактика намѣтилась бы сообразно кореннымъ образомъ измѣнившимся условіямъ (По нашему мнѣнію, если бы еще не было „конца", то во всякомъ случаѣ самое непосредственное его „начало").

Но возможно также, что, несмотря на противодѣйствіе народа правительство при содѣйствіи самыхъ умѣренныхъ элементовъ подъ защитой вѣрныхъ еще солдатскихъ штыковъ упорно стремилось бы осуществить свои предначертанія. Допустимъ, что царь все же созвалъ бы Государственную Думу. Послѣдняя, послѣ всего происшедшаго, была бы совершенно дискредитирована въ глазахъ всего міра и тогда можно надѣяться, первый день засѣданія Государственной Думы былъ бы первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго возстанія. Надѣяться на это не будетъ увлеченіемъ, если мы примемъ во вниманіе ту колоссальную революціонную работу, которую придется предварительно совершить на мѣстахъ народу и сообразно этому уровень его политическаго воспитанія къ этому моменту. Революціонные депутаты, съѣхавшіеся къ этому времени въ столицу (что возможно при полной дезорганизаціи власти) наряду съ Государственной Думой будутъ центромъ, къ дѣйствіямъ котораго будетъ приковано вниманіе революціоннаго народа

При наличности настроенія и умѣнія оріентироваться въ вопросѣ, эта концентрація революціоннаго вниманія будетъ рѣшительнымъ моментомъ въ развязкѣ революціи. Задачей революціоннаго движенія въ моментъ собранія Государственой Думы должно быть не столько провозглашеніе послѣдней Учредительнымъ Собраніемъ, сколько сложеніе ею полномочій, предоставленныхъ ей не народомъ. Государственная власть, будучи вырвана изъ рукъ самодержавія, не попала бы и къ той, сомнительнаго свойства, Думѣ, противъ которой будутъ направлены вышеизложенныя дѣйствія массъ. Здѣсь есть всѣ данныя на то, чтобы революція вступила въ кульминаціонный пунктъ своего развитія.

Агитаціоннаго матеріала будетъ, конечно очень много во время кампаніи. Мы будемъ широко пользоваться агитац. собраніями „законыхъ" избирателей, которыя правительство повидимому, разрѣшитъ, конечно, съ урѣзанной программой. Отъ насъ будетъ зависить, чтобы выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ послужило для него хорошимъ урокомъ. Соображенія, которыя представляли сторонники неудавшейся „земской кампаніи" остаются въ силѣ и теперь (особенно теперь, когда противоставленіе нашей программы программѣ либер. приметъ совершенно конкретный и животрепещущій характеръ. Наша агитація въ широкихъ массахъ будетъ облегчена тѣмъ, что нѣкоторая освѣдомленность у нея будетъ и все, что связано съ Государственной Думой несомнѣнно будетъ вызывать интересъ. Какъ и всякая кампанія этотъ планъ долженъ содѣйствовать все той же цѣли: расширенію вліянія нашей партіи на широкія массы пролетаріата и приданія ей пролетарскаго характера. Этому будутъ содѣйствовать тѣ [illegible] образованія [illegible] комитетовъ необходимо приступить немедленно, но вопросъ этотъ требуетъ еще особой разработки.

Итакъ нашъ планъ сводится къ слѣдующему. Гдѣ возможно самое объявленіе о созывѣ въ Государственную думу, должно быть встрѣчено взрывомъ революціоннаго протеста. Гдѣ этого невозможно, мы должны использовать этотъ фактъ въ нашей агитаціи. Мы используемъ всѣ собранія „законныхъ" избирателей для того, чтобы пріучить пролетаріатъ отличать друзей отъ враговъ. Нашимъ лозунгомъ служитъ въ этомъ періодѣ „Мы требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія — Долой выборы въ Государственную Думу". Мы ведемъ массу къ мѣсту избирательныхъ собраній и заявляемъ „законное" избирательное требованіе народа. Не повинующіеся, какъ враги народа разгоняются. Во время цѣлаго ряда митинговъ и народныхъ собраній выбираются депутаты народа. Ихъ задачей будетъ вліять на массу на мѣстахъ, а потомъ, съѣхавшись въ столицу, въ противоположность царской Государственной Думѣ представлять волю народа. Отъ собравшейся Государственной Думы мы требуемъ сложенія полномочій".

Какъ видятъ читатели, Маріупольская Группа принимаетъ цѣликомъ основные принципы тактики предложенной „Искрой" въ № 101 и затѣмъ подробнѣе развитой въ №№ 105 и 107. Эти основные принципы сводятся къ тому, чтобы использовать самый фактъ созыва Государственной Думы со всѣми, связанными съ нимъ событіями, для революціонной мобилизаціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ въ цѣляхъ замѣны Думы свободно избраннымъ Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Маріупольская Группа принимаетъ и тѣ конкретныя предложенія, которыя были сдѣланы „Искрой" но, принимая этотъ планъ „Искры", Маріупольская Группа вноситъ въ него нѣкоторыя дополненія и измѣненія, частью служащія дальнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ въ основу плана „Искры" идей, частью же по нашему мнѣнію, стоящія въ прямомъ противорѣчіи съ этими идеями и грозящія помѣшать осуществленію раздѣляемыхъ Маріупольскою Группою плановъ.

Совершенно вѣрнымъ кажется намъ указаніе Маріупольской Группы на необходимость использовать въ интересахъ намѣченныхъ нами цѣлей первичныя и вторичныя собранія избирателей. Нѣтъ сомнѣнія, что ту роль, какую сыграла для передовыхъ элементовъ пролетаріата такъ называемая „земская кампанія" (мы не знаемъ, почему Маріупольская Группа называетъ ее „неудавшейся"), для широкихъ массъ рабочихъ должны сыграть эти избирательныя собранія, которыя несомнѣнно дадутъ достаточно благодарный матеріалъ для агитаціи и для освѣщенія политической позиціи различныхъ группъ населенія. *Массовое* выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ съ заявленіемъ своихъ требованій можетъ имѣть не только „воспитательное" значеніе для самого пролетаріата, но и практически-политическое значеніе въ смыслѣ вліянія на поведеніе привилегированныхъ избирателей. Извѣстно, что, несмотря на своя по необходимости ограниченные размѣры, выступленіе сознательныхъ рабочихъ на засѣданіяхъ земствъ и думъ не осталось безъ вліянія на отношеніе либерализма къ демократіи къ ряду политическихъ вопросовъ и, прежде всего, и вопросу объ избирательномъ правѣ. Тѣмъ большее значеніе въ этомъ смыслѣ должны имѣть массовыя выступленія рабочихъ.

Само собой разумѣется, что въ „избирательный" періодъ рабочая масса должна ставить себѣ задачей не только выступать на собраніяхъ „законныхъ" избирателей, но захватывать себѣ самой право собираться для свободнаго обсужденія политическаго положенія и побуждать къ такому-же захвату и другіе слои населенія. Этотъ захватъ и будетъ первымъ шагомъ къ постройкѣ зданія революціоннаго самоуправленія народа. И тутъ Маріупольская Группа совершенно права, подчеркивая *мѣстный* характеръ этихъ начальныхъ актовъ революціоннаго выступленія народа. Звать населеніе уѣздныхъ и губернскихъ городовъ къ „самовольному" выбору представителей. призывать

Пролетаріи всѣхъ странъ,
соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

РУССКОЕ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
NEW YORK
RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 109. 29-го августа 1905 г. Годъ V

МИРЪ.

Когда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ мѵропомазанный корейскій ѣсопромышленникъ началъ войну съ Японіей, конца-краю не ыло видно хвастливымъ рѣчамъ. Вооружившись цѣлыми ваго- ами иконъ и хоругвей. будущіе герои блестящихъ пораженій—енералы отъ канцеляріи и сухопутные адмиралы—просили у отечественниковъ лишь немного „терпѣнія", ровно столько, олько нужно, чтобы доѣхать отъ Петербурга до Токіо и въ толицѣ микадо продиктовать условія мира презрѣннымъ „мака- ъ".

Но вмѣсто побѣдоноснаго наступленія на Японію, пришлось арскимъ „богатырямъ" спѣшно отступать совсѣмъ въ противо- оложную сторону, и не въ Токіо, а въ Портсмутѣ, провинціаль- омъ городѣ американской республики пришлось подписывать словія мира уполномоченнымъ русскаго царя. Это не мѣшаетъ равящей клики черезъ посредство печати трубить о своемъ „ус- ѣхѣ" на поприщѣ дипломатіи послѣ того, какъ выступленіе на полѣ брани ознаменовалось рядомъ непрерывныхъ пора- ній.

Но если уже тогда, 19 мѣсяцевъ тому назадъ, „патріотиче- кій" угаръ, усердно распространяемый коронованными и неко- рованными хищниками, такъ мало могъ охватить народныя ассы, что приходилось полицейскими мѣрами отыскивать въ го- одскихъ трущобахъ „народъ" пригодный для участія въ „па- ріотическихъ" манифестаціяхъ, то тѣмъ менѣе теперь можетъ равительство надѣяться ввести въ обманъ хоть кого-нибудь лишкомъ больно и слишкомъ долго будутъ болѣть раны, на- есенныя войною, чтобы народъ могъ забыть ихъ ради той изу- тельной „ловкости", какую проявилъ—по его собственному ѣнію, по крайней мѣрѣ,—г. Витте. Быть можетъ, то обстоя- льство, что бывшій министръ финансовъ оказался наиболѣе овкимъ" изъ мошенниковъ царской бюрократіи и побѣдоносно правился со всѣми соперниками, не перестававшими, по заве- нному обычаю „интриговать" противъ него и во время веденія ереговоровъ о мирѣ, быть можетъ это обстоятельство и подни- тъ престижъ г. Витте, какъ „государственнаго человѣка", въ лазахъ „государственныхъ мужей" всѣхъ оттѣнковъ либерализма. ыть можетъ, его „стараніе" заключить миръ заставятъ кое- го забыть объ его предшествующихъ, не менѣе усердныхъ, тараніяхъ" поощрять всѣ хищническія предпріятія, вызвавшія ровопролитнѣйшую войну. „Непросвѣщенный" народъ врядъ окажется столь снисходительно забывчивымъ, и для него г. итте будетъ по-прежнему занимать „почетное" мѣсто въ ряду хъ правящихъ преступниковъ, которые нанесли народу раны, ащіяся кровью.

Достаточно вспомнить тѣ причины, которыя вызвали войну. требованія, которыя предъявляла въ то время Японія и ко- рыя — какъ это теперь документально выяснено — не были довлетворены ради интересовъ лѣсопромышленной камарильи, нымъ политикомъ и „хозяиномъ" которой состоялъ царь. [illegible] вспомнить все это, чтобы [illegible] „успѣховъ" царской дипломатіи. Признаніе преобладающаго іянія Японіи на Кореѣ, открытіе Манджуріи для иностранной рговля — вотъ все, чего добивалась Японія 19 мѣсяцевъ тому адъ. Вотъ ради чего царское правительство начало войну мѣсяцевъ тому назадъ. Смѣшивая интересы государства съ нтересами „хозяина"-лѣсопромышленника, оно увѣряло, что ѣчь идетъ о „жизненныхъ интересахъ" страны, оно возвѣщало тами самодержца, что борется за „господство на берегахъ аго океана". Сотни тысячъ людей пали въ борьбѣ за это осподство", милліарды рублей пущены на вѣтеръ, цѣлый лотъ погрузился на морское дно и попалъ въ плѣнъ японцамъ, что же? Японія не только добилась всего, что требовала начала войны; она получила неизмѣримо больше. Въ Кореѣ а достигла не только преобладающаго вліянія, но поставила подъ свой протекторатъ. Въ Манджуріи она добилась не олько „открытыхъ дверей", но полнаго очищенія ея русскими. кромѣ того, она получила Портъ Артуръ со всѣмъ Квантун- имъ полуостровомъ, 1200 километровъ построенной на русскія ньги восточно-азіатской желѣзной дороги, южную половину халина. Ея флотъ вышелъ изъ войны не только не умень- ившимся, но значительно возросшимъ, благодаря взятымъ въ ѣнъ русскимъ судамъ. Ея господствующее положеніе на во- ахъ Тихаго Океана закрѣплено новымъ союзнымъ договоромъ Англіей. И вотъ, въ виду такихъ результатовъ войны, сто- шей народу неизмѣримыхъ жертвъ людьми и деньгами, цар- ке уполномоченные выходятъ съ конференціи съ „веселыми щами" и въ своемъ неизреченномъ безстыдствѣ сами трубятъ весь міръ о своихъ великихъ „успѣхахъ"!

Потому что Россія не вся растерзана на клочки, потому что добавленіе ко всѣмъ жертвамъ войны на народъ не навалена е новая колоссальная тяжесть въ видѣ военной контрибуціи; тому что, словомъ, японская буржуазія, обезпечившая всѣ интересы, получившая въ видѣ территоріи, флота, желѣз- ыхъ дорогъ милліарды рублей, сытая по горло, не хочетъ ве- дальше войну изъ-за еще одного мнимаго милліарда, — по- тому именно царское правительство трубитъ о своихъ „успѣ- хъ"! Оно громко возвѣщаетъ о своей „побѣдѣ" въ мирѣ, тому что было на голову разбито въ войнѣ!

Напрасный трудъ! Если называть „позорнымъ" миръ, въ ко- ромъ неизгладимыми чертами запечатлѣлось безнадежное раженіе, то, конечно, рѣдкій мирный договоръ такъ полно служивалъ этого названія, какъ портмутскій. И отъ этого про- го факта царское правительство не сможетъ отговориться не- ъ судомъ тѣмъ, что могло быть еще хуже. Если теперь, че- ъ 19 мѣсяцевъ, можно поздравлять себя съ „успѣхомъ" по по- ду заключенія *такого* мира, то чѣмъ оправдаетъ правящая ика самую войну? Что отвѣтитъ она народу, который потре- уетъ ее къ отвѣту? И, конечно, органы мародерствующаго тріотизма обнаруживаютъ гораздо болѣе тонкій нюхъ, чѣмъ арская бюрократія, когда изображаютъ портсмутскій миръ не акъ „успѣхъ", а какъ „пораженіе" царизма, и пытаются идеей еванша" сплотить новыя силы вокругъ падающаго самодер- вія.

Но 19 мѣсяцевъ войны не прошли даромъ. Они не только тощили народныя средства, они обогатили народъ политичес- мъ сознаніемъ. Та колоссальная встряска, которую произвела йна, раскрыла глаза народу: она нагляднымъ урокомъ, — од- мъ изъ тѣхъ тяжелыхъ уроковъ, которыми исторія учитъ на- ды, — показала ему всю смертоносность той самодержавно- лицейской системы, которая тяжелымъ кошмаромъ нависла дъ всей страной. Она показала, какъ, по мановенію руки са- держца, въ кричащемъ противорѣчіи со всѣми интересами раны и со всѣми желаніями народа, расточаются тысячи чело- ескихъ жизней и милліоны народныхъ денегъ. Война пока- ла въ гигантскомъ, всѣмъ видимомъ масштабѣ тѣ язвы, кото- ми самодержавіе изо дня въ день, медленно, но вѣрно подта- вало и подтачиваетъ всѣ жизненныя силы народа. Не только внѣшняя война, но и война внутренняя была за эти 19 мѣсяцевъ для правительства рядомъ непрекращающихся, тяжкихъ пораженій. Расшатывалась военно-полицейская организація, падала дисциплина въ войскахъ, пробуждались къ сознательной политической жизни и группировались народныя силы. Россія теперь не та, что 19 мѣсяцевъ тому назадъ; другими глазами, съ другимъ пониманіемъ смотрятъ теперь широкія народныя массы на совершающіяся передъ ихъ глазами событія.

Ни мнимые „успѣхи" царской дипломатіи, ни идеи „реванша" не могутъ уже заслонить въ глазахъ народа того факта, что въ условіяхъ только что заключеннаго, такъ долго и страстно жданнаго мира отсутствуетъ одно, главное условіе, которое единственно только и сдѣлаетъ миръ легкимъ и почетнымъ, которое одно только и поможетъ народу залечить раны войны. Это условіе — долой самодержавіе! Безъ этого условія безконечно долго и безконечно болѣзненно будутъ отзываться на народѣ всѣ тяжелыя послѣдствія хищнической царской войны. Его должна вписать въ портсмутскій договоръ революція.

КЪ ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ.

Никогда еще ни одинъ тактическій вопросъ не служилъ предметомъ такого оживленнаго и вдумчиваго обсужденія на мѣстахъ, какъ вопросъ о нашей тактикѣ въ связи съ созывомъ Государственной Думы, и никогда еще мѣстные работники не принимали такого активнаго участія въ самомъ процессѣ выработки тактическихъ указаній. Читатели „Искры" могли легко видѣть это: кромѣ письма петербургскаго товарища, цитированнаго въ № 105 и письма тов. Череванина, приведеннаго въ предыдущемъ номерѣ, цѣлый рядъ корреспонденцій содержитъ указанія на обсужденія все того же вопроса въ комитетахъ, районныхъ и подрайонныхъ собраніяхъ и даже на массовкахъ. Конечно, это усиленное вниманіе къ тактическому вопросу вполнѣ объясняется его первостепенною важностью. Но съ другой стороны самая возможность коллективной выработки тактическихъ указаній свидѣтельствуетъ объ огромномъ успѣхѣ *партійности*, о ростѣ партійной связи за послѣдніе два года и въ свою очередь мощно стимулируетъ дальнѣйшій ростъ ея.

Среди мотивированныхъ мнѣній по разбираемому тактическому вопросу крайне интереснымъ во многихъ отношеніяхъ является мнѣніе *Маріупольской Группы Донецкаго Союза*, которое мы воспроизводимъ цѣликомъ, въ томъ видѣ, какъ оно было намъ прислано. Вотъ это мнѣніе:

„Созывъ Государственной Думы ставитъ передъ соціальдемократіей чрезвычайно серьезную задачу: наряду съ расширеніемъ партіи вовлечь широкія народныя массы въ сферу революціонныхъ дѣйствій, имѣющихъ [illegible] самодержавія, укрѣпить свои [illegible] комитетами представительства [illegible] во все время этой кампаніи нашимъ лозунгомъ [illegible] будетъ Всенародное Учредительное Собраніе на [illegible] собраніи Городской думы [illegible] массы должны быть готовы къ выступленію [illegible] и согласованы [illegible] [illegible] говорить, нельзя указывать массамъ на всякаго выбирающаго, какъ на измѣнника и предателя, такъ какъ этимъ мы отрѣзали бы себѣ пути вліять на либераловъ, засѣдающихъ въ Государственной Думѣ. Помимо принципіальной невыдержанности этой тактики, она обрекла бы нашу агитацію на половинчатость, а массы на бездѣятельность. Въ виду серьезныхъ дѣйствій, которые придется совершить массамъ, наша тактика должна быть проста, послѣдовательна и принципіально выдержана.

Самымъ серьезнымъ моментомъ мы считаемъ время первичныхъ избирательныхъ собраній. Они будутъ непосредственно близки массамъ, и дѣйствія, направленныя противъ нихъ будутъ понятны ей. На нихъ она должна подготовиться къ дѣйствіямъ согласованнымъ на протяженіи всей Россіи. Это соображеніе заставляетъ насъ перемѣстить центръ тяжести борьбы съ собранія Государственной Думы на эти первичныя избирательныя собранія. Если мы говоримъ народу, что Государственная Дума — надувательство, то мы должны помѣшать ей собраться. Мы должны массу вести вплоть до того, чтобы силой помѣшать выборамъ. Весьма вѣроятно, что лѣвые либералы, если они даже рѣшатъ принимать участіе въ выборахъ, откажутся отъ нихъ послѣ соотвѣтствующаго заявленія руководимой нами массы. Въ послѣднемъ случаѣ они присоединятся къ народу, выбирающему револ. депутатовъ (планъ Искры). Въ противномъ случаѣ народъ заставитъ всѣхъ сторонниковъ умѣренной тактики выбирать представителей народа, отгородившись отъ народа солдатскими штыками. На ряду съ революціонными выборами это было бы очень поучительной для массъ иллюстраціей борющихся силъ. Во многихъ мѣстахъ эти избирательныя собранія не могли бы совсѣмъ состояться, или состоялись бы при такой непригля̀дной обстановкѣ, что „народное представительство" сразу лишилось бы того блеска, который, собственно говоря, и нуженъ правительству. Борьба эта благодаря конкретной обстановкѣ подвинетъ далеко политическое воспитаніе массъ и дастъ возможность вовлечь въ борьбу и элементы до сихъ поръ индифферентные. Это будетъ *революція на мѣстахъ*, но только на нее мы и можемъ *покамѣстъ* разсчитывать, не впадая въ „твердокаменное" прожектерство.

Сообразно нашему плану и революціонные депутаты народа пріобрѣтаютъ нѣсколько иную окраску. Ихъ задачей будетъ использовать на мѣстахъ свое вліяніе съ цѣлью углубленія настроенія массъ. Возможно, что при широкомъ размахѣ революціоннаго движенія эти депутаты могли бы образовать временное правительство въ данномъ городѣ, что способствовало бы дальнѣйшему обостренію борьбы. Эту же цѣль (мѣшать выборамъ) мы преслѣдуемъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ происходить вторичныя избирательныя собранія. Возможно, что къ этому моменту революціонная масса, вниманіе которой было бы сосредоточено на избирательныхъ собраніяхъ, могла бы въ той или иной формѣ (политич. стачки, демонстраціи, митинги и т. п.) выступить одновременно на разстояніи губерніи (области). Все время царской Государственной Думѣ долженъ противоставляться лозунгъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Чѣмъ удачнѣе будетъ движеніе въ первой и во второй стадіи (перв. и вторич. избирательныя собранія) тѣмъ непригляднѣе будетъ этотъ выкидышъ исторіи, эта послѣдняя карта царизма. Вѣроятно, что если революціонный народъ окажетъ дѣйствительное сопротивленіе осуществленію Государственной Думы, правительство пріостановитъ дальнѣйшее проведеніе въ жизнь своего плана, такъ какъ *такая* Дума самодержавію будетъ ни къ чему. Въ послѣднемъ случаѣ правительство или вернулось бы къ осадному положенію безъ околичностей, или заявило бы о своей готовности приспособить (въ какой-нибудь новой комиссіи) свой проэктъ „согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія". Такъ или иначе это было бы очевиднымъ успѣхомъ революціи, — успѣхомъ, который способствовалъ бы дальнѣйшему расширенію ея. Если бы т. о. правительство признало себя побѣжденнымъ, то дальнѣйшая наша тактика намѣтилась бы сообразно кореннымъ образомъ измѣнившимся условіямъ (По нашему мнѣнію, если бы еще не было „конца", то во всякомъ случаѣ самое непосредственное его „начало").

Но возможно также, что, несмотря на противодѣйствіе народа правительство при содѣйствіи самыхъ умѣренныхъ элементовъ подъ защитой вѣрныхъ еще солдатскихъ штыковъ упорно стремилось бы осуществить свои предначертанія. Допустимъ, что царь все же созвалъ бы Государственную Думу. Послѣдняя, послѣ всего происшедшаго, была бы совершенно дискредитирована въ глазахъ всего міра и тогда можно надѣяться, первый день засѣданія Государственной Думы былъ бы первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго возстанія. Надѣяться на это не будетъ увлеченіемъ, если мы примемъ во вниманіе ту колоссальную революціонную работу, которую придется предварительно совершить на мѣстахъ народу и сообразно этому уровень его политическаго воспитанія къ этому моменту. Революціонные депутаты, съѣхавшіеся къ этому времени въ столицу (что возможно при полной дезорганизаціи власти) наряду съ Государственной Думой будутъ центромъ, къ дѣйствіямъ котораго будетъ приковано вниманіе революціоннаго народа.

При наличности настроенія и умѣнія оріентироваться въ вопросѣ, эта концентрація революціоннаго вниманія будетъ рѣшительнымъ моментомъ въ развязкѣ революціи. Задачей революціоннаго движенія въ моментъ собранія Государственной Думы должно быть не столько провозглашеніе послѣдней Учредительнымъ Собраніемъ, сколько сложеніе ею полномочій, предоставленныхъ ей не народомъ. Государственная власть, будучи вырвана изъ рукъ самодержавія, не попала бы и къ той, сомнительнаго свойства, Думѣ, противъ которой будутъ направлены вышеизложенныя дѣйствія массъ. Здѣсь есть всѣ данныя на то, чтобы революція вступила въ кульминаціонный пунктъ своего развитія.

Агитаціоннаго матеріала будетъ, конечно очень много во время кампаніи. Мы будемъ широко пользоваться агитац. собраніями „законыхъ" избирателей, которыя правительство повидимому, разрѣшитъ, конечно, съ урѣзанной программой. Отъ насъ будетъ зависить, чтобы выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ послужило для него хорошимъ урокомъ. Соображенія, которыя представляли сторонники неудавшейся „земской кампаніи" остаются въ силѣ и теперь (особенно теперь, когда противоставленіе нашей программы программѣ либер. приметъ совершенно конкретный и животрепещущій характеръ. Наша агитація въ широкихъ массахъ будетъ облегчена тѣмъ, что нѣкоторая освѣдомленность у нея будетъ и все, что связано съ Государственной Думой несомнѣнно будетъ вызывать интересъ. Какъ и [illegible] кампанія этотъ планъ долженъ содѣйствовать все той же цѣли: расширеніе вліянія нашей партіи на широкія массы пролетаріата и приданія ей пролетарскаго характера. Этому будутъ содѣйствовать тѣ [illegible] образованіе [illegible] комитетовъ необходимо приступить немедленно, [illegible] требуютъ еще особой разработки.

Итакъ нашъ планъ сводится къ слѣдующему. [illegible] самое объявленіе о созывѣ въ Государственную думу должно быть встрѣчено взрывомъ революціоннаго протеста. Гдѣ этого невозможно, мы должны использовать этотъ фактъ въ нашей агитаціи. Мы используемъ всѣ собранія „законныхъ" избирателей для того, чтобы пріучить пролетаріатъ отличать друзей отъ враговъ. Нашимъ лозунгомъ служитъ въ этомъ періодѣ „Мы требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія — Долой выборы въ Государственную Думу". Мы ведемъ массу къ мѣсту избирательныхъ собраній и заявляемъ „законное" избирательное требованіе народа. Не повинующіеся, какъ враги народа разгоняются. Во время цѣлаго ряда митинговъ и народныхъ собраній выбираются депутаты народа. Ихъ задачей будетъ вліять на массу на мѣстахъ, а потомъ, съѣхавшись въ столицу, въ противоположность царской Государственной Думѣ представлять волю народа. Отъ собравшейся Государственной Думы мы требуемъ сложенія полномочій".

Какъ видятъ читатели, Маріупольская Группа принимаетъ цѣликомъ основные принципы тактики предложенной „Искрой" въ № 101 и затѣмъ подробнѣе развитой въ №№ 105 и 107. Эти основные принципы сводятся къ тому, чтобы использовать самый фактъ созыва Государственной Думы со всѣми, связанными съ нимъ событіями, для революціонной мобилизаціи и организаціи широкихъ народныхъ массъ въ цѣляхъ замѣны Думы свободно избраннымъ Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Маріупольская Группа принимаетъ и тѣ конкретныя предложенія, которыя были сдѣланы „Искрой" но, принимая этотъ планъ „Искры", Маріупольская Группа вноситъ въ него нѣкоторыя дополненія и измѣненія, частью служащія дальнѣйшимъ развитіемъ положенныхъ въ основу плана „Искры" идей, частью же по нашему мнѣнію, стоящія въ прямомъ противорѣчіи съ этими идеями и грозящія помѣшать осуществленію раздѣляемыхъ Маріупольскою Группою плановъ.

Совершенно вѣрнымъ кажется намъ указаніе Маріупольской Группы на необходимость использовать въ интересахъ намѣченныхъ нами цѣлей первичныя и вторичныя собранія избирателей. Нѣтъ сомнѣнія, что ту роль, какую сыграла для передовыхъ элементовъ пролетаріата такъ называемая „земская кампанія" (мы не знаемъ, почему Маріупольская Группа называетъ ее „неудавшейся"), для широкихъ массъ рабочихъ должны сыграть эти избирательныя собранія, которыя несомнѣнно дадутъ достаточно благодарный матеріалъ для агитаціи и для освѣщенія политической позиціи различныхъ группъ населенія. *Массовое* выступленіе пролетаріата на этихъ собраніяхъ съ заявленіемъ своихъ требованій можетъ имѣть не только „воспитательное" значеніе для самого пролетаріата, но и практически-политическое значеніе въ смыслѣ вліянія на поведеніе привилегированныхъ избирателей. Извѣстно, что, несмотря на свои по необходимости ограниченные размѣры, выступленіе сознательныхъ рабочихъ на засѣданіяхъ земствъ и думъ не осталось безъ вліянія на отношеніе либерализма къ демократіи къ ряду политическихъ вопросовъ и, прежде всего, къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Тѣмъ большее значеніе въ этомъ смыслѣ должны имѣть массовыя выступленія рабочихъ.

Само собой разумѣется, что въ „избирательный" періодъ рабочая масса должна ставить себѣ задачей не только выступать на собраніяхъ „законныхъ" избирателей, но захватывать себѣ самой право собираться для свободнаго обсужденія политическаго положенія и побуждать къ такому-же захвату и другіе слои населенія. Этотъ захватъ и будетъ первымъ шагомъ къ постройкѣ зданія революціоннаго самоуправленія народа. И тутъ Маріупольская Группа совершенно права, подчеркивая *мѣстный* характеръ этихъ начальныхъ актовъ революціоннаго выступленія народа. Звать населеніе уѣздныхъ и губернскихъ городовъ къ „самовольному" выбору представителей. призывать крестьянъ посылать своихъ уполномоченныхъ для совмѣстнаго съ городскими обсужденія положенія дѣлъ, создать рядъ уѣздныхъ и губернскихъ революціонныхъ „парламентовъ“, какъ органовъ выраженія революціонной народной воли, какъ оплота для народнаго восстанія для „насильственнаго ниспроверженія существующаго порядка“ — таковъ долженъ быть намѣченный образъ дѣйствій. Изъ этой „мѣстной“ организаціи революціоннаго самоуправленія, быть можетъ, и выростетъ тотъ всероссійскій органъ революціоннаго представительства, который окончательно сольетъ всѣ „мѣстные“ ручейки народнаго возстанія въ одно всероссійское русло.

„Развязать“ революцію и закрѣпить за собою революціонныя позиціи въ возможно большемъ количествѣ мѣстъ — это задача, ничего общаго не имѣющая съ жалкой дѣтской выдумкой новѣйшихъ революціонныхъ стратеговъ, мечтающихъ о назначеніи „всенароднаго“ возстанія въ три часа ночи съ воскресенья на понедѣльникъ. Но это — задача настолько сложная и трудная, что надо заразиться изрядной долей оптимизма того самаго неосновательнаго оптимизма, который Маріупольская Группа обличаетъ въ „твердокаменномъ прожектерствѣ“, чтобы построить всю свою тактику на увѣренности, что „къ моменту собранія Государственной Думы“ можно уже будетъ идти на послѣдній штурмъ твердынь самодержавія“, и что „первый день засѣданія Государственной Думы“ будетъ непремѣнно „первымъ днемъ побѣдоноснаго всероссійскаго возстанія“. О, конечно; если бы „къ моменту собранія Государственной Думы“ на лицо оказалась уже организація революціоннаго самоуправленія — или, что то-же самое, организація народныхъ силъ для возстанія — которую съ извѣстнымъ правомъ можно было бы назвать „всенародною“, которая являлась бы выразителемъ думъ, чувствъ, настроенія и воли многомилліонныхъ народныхъ массъ, — ну, тогда, конечно, незачѣмъ было бы ожидать того агитаціоннаго и революціонно-возбуждающаго дѣйствія, которое при извѣстныхъ условіяхъ могутъ произвести засѣданія Государсвенной Думы. Ну а если нѣтъ? Если организація революціоннаго самоуправленія къ „первому“ дню не достигнетъ еще необходимой широты и интенсивности? Если для самаго развитія этой организаціи, для подчеркиванія и закрѣпленія въ умахъ народа сознанія необходимости противопоставить своихъ революціонныхъ избранниковъ членамъ цензовой и бюрократической Думы, агитаціонный матеріалъ, доставляемый обсужденіемъ общегосударственныхъ вопросовъ съ такой центральной всероссійской трибуны, какой, несмотря ни на что, явится Дума, окажется вовсе не лишнимъ? Не ясно ли, что въ первомъ случаѣ, въ случаѣ удачи, Дума исчезнетъ или переродится безъ всякихъ усилій съ нашей стороны и что, слѣдовательно, стараться во чтобы то ни стало уже теперь помѣшать ея созыву — значило бы совершенно безплодно тратить силы, необходимыя на несравненно болѣе плодотворную работу революціонной агитаціи и организаціи? Не ясно-ли, что во второмъ случаѣ, - въ случаѣ незаконченности постройки революціоннаго самоуправленія народа, отсутствіе такого мощнаго орудія агитаціи и революціоннаго возбужденія, какимъ при умѣломъ использованіи окажутся засѣданія Думы, отозвалось бы прямымъ ущербомъ для нашей революціонной работы, для ускоренія всенароднаго возстанія? Очевидно, что въ настоящее время помѣшать созыву Думы — никоимъ образомъ не можетъ быть нашей *цѣлью*. Наша цѣль сейчасъ — организація революціоннаго самоуправленія Невозможность для Думы собраться должна быть во всякомъ случаѣ лишь однимъ изъ возможныхъ слѣдствій достиженія нами этой цѣли, а никакъ не самодовлѣющей задачей, которую мы будемъ выполнять наряду съ организаціей революціоннаго самоуправленія.

Между тѣмъ Маріупольская Группа дѣлаетъ къ плану „Искры“ именно такое дополненіе, что *наряду* со всей той положительной революціонной работой, которая нами была намѣчена и которую она принимаетъ, она выдвигаетъ и принудительный „бойкотъ“ [illegible] „законнымъ“ избирателями. Къ тому-же и путь, предла-[illegible]

Этотъ путь сводится къ тому, чтобы силою мѣшать выборамъ, а „не повинующихся“ „разогнать“. Такимъ способомъ разсчитываетъ Маріупольская Группа заставить либераловъ дѣйствовать сообразно интересамъ пролетаріата, какъ она ихъ понимаетъ. Вся политическая тактика нашей партіи, поскольку она соприкасается съ либеральнымъ и буржуазно-демократическимъ движеніемъ, направлена къ этой же самой, вполнѣ законной цѣли. Мы всегда стремились создать своею дѣятельностью такое настроеніе въ рабочемъ классѣ и народныхъ массахъ вообще, которое заставило бы либераловъ, волей или неволей, *признать*, напр., всеобщее и пр. избирательное право, заставило бы ихъ, волей или неволей, *захотѣть* принять это требованіе въ свою программу. Маріупольская Группа вовсе не ставитъ вопроса о томъ, чтобы *заставить* либераловъ *захотѣть* дѣйствовать въ нашемъ духѣ. Воздѣйствіе на *политическую волю* либераловъ, она подмѣняетъ воздѣйствіемъ на ихъ *личность*. Маріупольская Группа попросту разсчитываетъ за шиворотъ „тащить“ либераловъ туда, куда имъ идти не хочется.

Но является вопросъ: при такомъ упрощенномъ способѣ „воздѣйствія“ на либераловъ разсчитываютъ ли Маріупольскіе товарищи на активное участіе многомилліонныхъ народныхъ массъ? Если да, то невольно напрашивается мысль, что народныя массы, способныя такъ активно выступать за защиту своей политической идеи, способныя силой побѣдить имущіе классы, могутъ совершенно спокойно игнорировать дѣйствія этихъ классовъ и создавать свое революціонное самоуправленіе, передъ которымъ стушуется и пропадетъ жалкая Дума, выбранная безсильной кучкой „законныхъ“ избирателей. Но къ чему же въ такомъ случаѣ „шумъ“? Но, думается, что самые маріупольскіе товарищи не станутъ отрицать весьма малую вѣроятность такого внезапнаго подъема политической сознательности и активности въ милліонныхъ крестьянства и даже въ широкой рабочей массѣ, которая бы позволила этимъ крестьянамъ и пролетаріямъ, уже *во времени первичныхъ избирательныхъ собраній*, явиться активными участниками проектируемаго Группою „разгонянія“. А при такихъ условіяхъ — и это будетъ путь наименьшаго сопротивленія — болѣе чѣмъ вѣроятно, что это „разгоняніе“ явится предпріятіемъ не рабочихъ, не крестьянъ, не народа, а все того же тонкаго слоя вооруженныхъ сознательныхъ рабочихъ, дѣйствующихъ *за народъ*. Это будетъ то-же заговорщицкое возстаніе, но уже возстаніе не противъ царизма, а противъ буржуазіи. Конечно, кучка отважныхъ людей можетъ разъ, и другой, и третій „разогнать“ собраніе, но нечего, разумѣется, и мечтать о томъ, чтобы она дѣйствительно сдѣлала выборы „недѣйствительными“.

Совершенно несомнѣнно, что при такомъ образѣ дѣйствій наша партія имѣла бы всѣ шансы возстановить противъ себя не только либераловъ, но и крестьянство и широкіе слои пролетаріата. Ибо, повторяемъ: хоть съ какой-нибудь точки зрѣнія такая своеобразная „тактика“ могла бы быть „нужна“ лишь при *неподготовленности* крестьянства и рабочихъ къ усвоенію и воплощенію идеи революціоннаго самоуправленія. А при этомъ условіи мы имѣли бы народныя массы, и въ частности крестьянскихъ уполномоченныхъ, которыхъ, вѣдь, тоже придется „разгонять“, противъ себя. Съ другой стороны, наши „разгоняющіе“ товарищи могли бы встрѣтить въ своемъ предпріятіи совершенно неожиданную и врядъ ли желательную поддержку „черныхъ сотенъ“ вездѣ, гдѣ „господскіе“ выборы будутъ грозить провести въ Думу болѣе или менѣе „радикальныхъ“ кандидатовъ.

И это „сотрудничество“ съ „черными сотнями“ оказалось бы вовсе не случайнымъ. Оно показывало бы — и показывало бы совершенно вѣрно — что, принявъ „дополненіе“ маріупольскихъ товарищей, мы сыграли бы роль прямо реакціонную. „Бойкотъ“ Думы, безъ предварительнаго созданія лучшаго, чѣмъ Дума, революціоннаго органа, вообще могъ бы привести лишь къ самоустраненію наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ имущихъ классовъ, лишь къ отказу ихъ использовать свои силы въ интересахъ политическаго освобожденія страны; онъ привелъ бы къ упроченію организаціи всѣхъ реакціонныхъ силъ, которые имѣли бы свой центръ и опору въ Думѣ, между тѣмъ какъ силы оппозиціонныя и революціонныя оставались бы по прежнему въ раздробленномъ состояніи. Но „бойкотъ“, проведенный путемъ насилія революціонеровъ надъ избирателями, привелъ бы еще къ худшимъ послѣдствіямъ. Царское правительство явилось бы въ благородной роли охранителя „свободы“ выборовъ, а своей „тактикой запугиванія“ мы бы съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы бросить въ его объятія и либераловъ, и демо- [illegible] котораго правительство несомнѣнно постарается связать Государственную Думу съ обѣщаніемъ аграрныхъ реформъ, и которому нужно будетъ изжить еще эту иллюзію раньше, чѣмъ встать безповоротно на путь открытой революціи.

И если бы правительство дѣйствительно вернулось послѣ этого къ неприкрытому „осадному положенію“, то можно быть увѣреннымъ, что на его сторонѣ были бы симпатіи значительной части крестьянства и того либеральнаго общества, которое теперь протестуетъ противъ этого „положенія“. Ибо, благодаря дѣйствіямъ соціальдемократіи, это „осадное положеніе“ явилось бы въ глазахъ широкихъ слоевъ средствомъ для охраны „общества“ и крестьянства отъ насильственныхъ покушеній рабочихъ.

Но и въ томъ лучшемъ случаѣ, который предполагаютъ маріупольскіе товарищи, въ случаѣ успѣха, въ чемъ выразился бы этотъ „успѣхъ“? Въ томъ, что правительство „заявило бы о своей готовности приспособить свой проектъ согласно заявленіямъ различныхъ группъ населенія“. Но какого характера были бы эти „уступки“? Намъ кажется, не можетъ быть двухъ мнѣній на этотъ счетъ. Если мы своею „боевою“ дѣятельностью, направленной противъ „общества“ и крестьянъ, не только сдѣлали себя ненавистными тѣмъ и другимъ, но еще вдобавокъ оторвали себя и отъ широкихъ слоевъ пролетаріата, то врядъ ли можемъ мы надѣяться на то, что именно пролетаріату удается отвоевать себѣ широкія политическія права. Терроризированное нами населеніе охотно сплотится вокругъ „трона“, на почвѣ „умѣренной“ конституціи, и мы своими дѣйствіями явно сдѣлаемъ съ своей стороны все возможное, чтобы сдѣлать эту конституцію не однимъ изъ этаповъ развивающейся революціи, а жалкимъ финальнымъ аккордомъ богатѣйшей революціонной симфоніи. Отказываясь отъ использованія тѣхъ элементовъ прогрессивности, которые, какъ это не станетъ отрицать Маріупольская Группа, имѣются для переживаемаго историческаго періода въ русскомъ либерализмѣ, вопреки его трусливости и пр. и пр., стремясь преждевременно замѣнить по отношенію къ этимъ прогрессивнымъ элементамъ силу политической критики критикой физической силы, мы несомнѣнно содѣйствовали бы стремленію правительства и реакціонныхъ элементовъ поставить возможно скорѣе „точку къ реформамъ“. Между тѣмъ наша тактика, тактика революціонеровъ, должна быть направлена къ тому, чтобы не допустить этой точки, чтобы каждую „реформу“ превращать въ ступень революціи, чтобы сдѣлать революцію непрекращающейся, вплоть до перенесенія ея пламени на другія страны цивилизованнаго міра... Такія проблемы, нападеніями кучки вооруженныхъ людей на собранія гражданъ, хотя бы и „умѣреныхъ“ не рѣшаются.

По Россіи.

Историческій документъ.

Мы сообщали въ свое время о томъ письмѣ, съ которымъ матросы „Потемкина“ обратились къ нашей Севастопольской организаціи передъ тѣмъ, какъ броненосецъ покинулъ Севастополь, чтобъ идти въ Тендровскую бухту. Въ настоящее время мы получили отъ Крымскаго Союза копію съ этого письма, которую помѣщаемъ ниже. Письмо показываетъ, какъ серьезно относился революціонный авангардъ „Потемкина“ къ задуманному имъ предпріятію. Сомнѣнія, которыя стояли передъ матросами: приведетъ ли путь возстанія къ желаннымъ результатамъ, конечно, свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ о средствахъ политической борьбы въ современной Россіи представлялся матросамъ въ очень неясномъ видѣ, что и неудивительно, если принять во вниманіе, какъ мало мы говоримъ *съ массами* о нашей революціонной *тактикѣ*. Но самая постановка вопроса въ письмѣ „потемкинцевъ“ дѣлаетъ честь его авторамъ, свидѣтельствуя объ ихъ инстинктивномъ отвращеніи къ всякому авантюризму въ политикѣ. Вопросъ, поставленный ими: какъ сможетъ восторжествовать общенаціональная революція въ „неоднородномъ“ населеніи, въ которомъ перекрещиваются различныя соціальныя движенія, есть, въ сущности, основной вопросъ нашей тактики, вокругъ котораго сложились главныя теченія партійной мысли.

Какъ упоминалось уже въ „Искрѣ“, Севастопольскій Комитетъ, въ отвѣтъ на это письмо, высказался за возстаніе матросовъ, предложивъ, однако, „Потемкину“ ждать, пока къ выступленію приготовятся остальныя суда. Почему этотъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, читателямъ уже извѣстно.

„Господа Революціонеры и Соціальдемократы! Въ виду того, что все населеніе Россіи въ послѣднее время объято революціоннымъ движеніемъ, которое, конечно, направлено противъ нашихъ вѣковыхъ угнетателей — бюрократовъ, приверженцевъ монархизма и вообще царизма со всѣми его ужасными наклонностями кровопійства; въ виду того, что границы терпѣнія, наконецъ, перейдены и, въ концѣ концовъ, русскій народъ понялъ всю несправедливость царизма и изъ всѣхъ силъ старается распутать и сбросить опутывающія его путы. Но не скоро, вѣроятно, это удается; при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ народъ находится въ настоящее время, много прольется крови и безвинныхъ жертвъ, если не придетъ къ нему на помощь..

Видя плачевное состояніе нашего народа, мы, матросы, содрогаемся отъ ужаса и негодованія, хотя и намъ плохо достается, но могли бы перенести эту несправедливость, если бы знали, что нашему народу живется благополучно, но мы воображаемъ

На очереди.

„Бойкотъ“ думы и революціонное самоуправленіе народа.

Было бы удивительно, еслибъ сдѣланное въ „Искрѣ“ предложеніе по вопросу о нашей тактикѣ по отношенію къ Булыгинской Думѣ не вызвало со стороны „Пролетарія“ самыхъ горячихъ, хотя и совершенно безтолковыхъ возраженій. „Соціальдемократическая маниловщина“, „путаница“, „уклоненіе отъ единственно революціонной тактики пролетаріата“ — такими словечками редакція пытается „уничтожить“ нашъ скромный планъ.

Но слова словами, а дѣло заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться внимательно. Какую позицію въ этомъ вопросѣ думаютъ занять наши „большевики“?

„Искра“ отвергла „пассивный бойкотъ“ Думы; „Пролетарій“ также отвергаетъ его именно потому, что онъ пассивенъ. Далѣе, газета указываетъ, что, по существу, вопросъ о бойкотированіи или небойкотированіи думы есть вопросъ „внутри буржуазной демократіи“, и пролетаріатъ долженъ при рѣшеніи вопроса, какое ему поддерживать изъ двухъ теченій внутри демократіи, отдать предпочтеніе тому теченію, которое будетъ болѣе революціонировать политическую жизнь.

Нельзя не замѣтить, что авторъ статьи съ самаго начала *съузилъ* постановку вопроса, чѣмъ отчасти подготовилъ себѣ и неправильное рѣшеніе тактической задачи. Надо было выяснить сначала: какъ долженъ дѣйствовать при данномъ положеніи общественныхъ силъ, по отношенію къ созываемой Думѣ, *пролетаріатъ?* Въ зависимости отъ отвѣта на этотъ вопросъ, мы уже могли бы рѣшить, какая изъ двухъ пропагандируемыхъ внутри буржуазной демократіи тактикъ выгоднѣе *для насъ*, т. е. для революціи, какую *намъ* будетъ легче использовать для ускоренія революціоннаго развитія?

Идя другимъ путемъ къ рѣшенію тактической задачи, „Пролетарій“ съ самаго начала ставитъ тактику нашей партіи *въ зависимость* отъ тактики буржуазной демократіи, т. е. отъ тактики болѣе революціоннаго изъ двухъ ея теченій. Но размахъ нашей собственной борьбы можетъ быть только съуженъ тѣмъ, что мы стремимся не *наиболѣе революціонную* для данныхъ обстоятельствъ тактику развить, но лишь *сравнительно болѣе* революціонную тактику буржуазіи поддержать.

Самый вопросъ о болѣе революціонной тактикѣ буржуазной демократіи „Пролетарій“ рѣшаетъ такъ:

Рабочій классъ... „безусловно заинтересованъ въ поддержкѣ той части буржуазной демократіи, которая революціоннѣе, онъ заинтересованъ въ расширеніи политической агитаціи и обостреніи ея. Бойкотъ Думы — есть усиленное обращеніе буржуазіи къ народу, развитіе ея агитаціи, увеличеніе числа поводовъ нашей агитаціи, углубленіе политическаго кризиса, т. е. источника революціоннаго движенія. Участіе либеральной буржуазіи въ Думѣ — есть ослабленіе ея агитаціи въ настоящемъ, обращеніе ея болѣе къ царю, чѣмъ къ народу, приближеніе контръ-революціонной сдѣлки между царемъ и буржуазіей“.

Быть можетъ, теперь, послѣ опубликованія „Положенія о Государственной Думѣ“, „Пролетарій“ признаетъ, что участіе либераловъ въ выборахъ не только не отвлечетъ ихъ отъ обращенія къ народу, но, наоборотъ, впервые сдѣлаетъ такое обращеніе вопросомъ жизни и смерти для либерализма? Какъ извѣстно, избирательный законъ разсчитанъ на то, чтобы болѣе или менѣе подневольными голосами крестьянъ и болѣе или менѣе „черносотенными“ голосами мѣщанъ мелкихъ городовъ задавить голоса „просвѣщенной“ земельной и городской буржуазіи. Участіе въ *такихъ* выборахъ требуетъ отъ либераловъ, чтобы они „усиленно обращались къ народу“, стоя повсюду впереди въ защитѣ свободы выборовъ, *разжигали* конфликты между массой избирателей и администраціей, которые будутъ неизбѣжно возникать изъ бонапартистскаго характера всей Булыгинской затѣи. Кто хочетъ, чтобы либералы серьезно „обратились къ народу“ (а „Пролетарій“ хочетъ этого), тотъ долженъ желать, чтобы они приняли участіе въ выборахъ въ Думу.

Создавая свое „положеніе“, правительство хорошо знало, къ чему оно стремится: удаливъ изъ числа избирателей пролетаріатъ и демократическую интеллигенцію, оно ставитъ лицомъ къ лицу въ избирательныхъ коллегіяхъ соціальныя группы, наименѣе политически воспитанныя и наименѣе политически объединенныя, то есть, наименѣе способныя отвлечься отъ минутныхъ групповыхъ интересовъ и возвыситься до пониманія своихъ классовыхъ интересовъ въ цѣломъ. Сталкивая такія группы между собою и тщательно устраняя отъ общенія съ ними тѣ элементы, которые могли бы внести въ ихъ взаимную дробную борьбу революціонно-объединяющее начало, самодержавіе разсчитываетъ эксплоатировать въ свою пользу ихъ взаимные конфликты. Это обстоятельство должно особенно отталкивать идеологовъ буржуазіи отъ участія въ избирательной борьбѣ. Недаромъ московскій либералъ, г. Головинъ, съ сокрушеніемъ говорилъ о будущемъ „парламентѣ лавочниковъ“. Но мы-то, вѣдь, хорошо знаемъ, что столкновеніе соціально-групповыхъ интересовъ, въ какой примитивно-грубой формѣ оно бы ни совершалось, есть въ концѣ концовъ, основной „источникъ революціоннаго движенія“ и, между прочимъ, именно потому, что такое столкновеніе *вынуждаетъ* политическихъ идеологовъ „обращаться къ народу“, сливать однородныя по соціальнымъ интересамъ элементы въ политическія партіи.

Всѣмъ извѣстна эволюція россійскаго буржуазнаго либерализма и буржуазной демократіи. Еще 2—3 года назадъ тотъ и другая были въ высшей степени не народными партіями, въ томъ смыслѣ, что оставались и отчасти намѣренно оставались, далекими тѣмъ самымъ слоямъ народа, интересы которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ они брались представлять. Мы говоримъ обыкновенно о „мелкобуржуазномъ“ характерѣ „освобожденской“ демократіи, говоримъ съ полнымъ основаніемъ. А, между тѣмъ, фактъ тотъ, что до самаго послѣдняго времени эта демократія и представляемая ею идеологически масса подлиннаго мелкаго мѣщанства — городского особенно и сельскаго въ значительной мѣрѣ — находилась въ самыхъ враждебныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. И если въ послѣдніе мѣсяцы буржуазная демократія порывается „пойти въ народъ“, то, смѣемъ увѣрить редакцію „Пролетарія“, она это дѣлаетъ не столько въ силу того, что ее „толкаетъ“ къ этому соціальдемократія разоблаченіемъ ея „половинчатости“, сколько въ силу того, что ее толкаетъ приближеніе момента, когда „обывательская“ масса явится дѣйствительнымъ вершителемъ политическихъ судебъ страны. А приближеніе этого момента тѣсно связано съ первыми же выборами, въ которыхъ „благорожденнымъ“ Петрункевичамъ придется ставить свои кандидатуры передъ тѣми, кого нынче презрительно называютъ „лавочниками“, кого завтра уже придется величать „коммерсантами“.

Практическая необходимость выступать политическими дѣятелями передъ этими — получившими нынѣ право голоса — народными слоями скорѣе всего очиститъ русскихъ либераловъ и демократовъ отъ присущаго имъ традиціоннаго барскаго отношенія къ „черни“, столь тѣсно связаннаго съ полной ихъ неспособностью къ мужественнымъ дѣйствіямъ. Общеніе съ этой „чернью“ на той аренѣ, гдѣ „чернь“ явится хозяиномъ положенія, скорѣе всего вынудитъ либераловъ разсчитывать въ своей политикѣ на массы; необходимость же — подъ угрозой полнаго разгрома „черной сотни“ — пробивать себѣ къ этой „черни“ дорогу сквозь частоколы, которыя на нашемъ пути наставило и еще наставитъ полицейское самодержавіе, самымъ вѣрнымъ путемъ приведетъ ихъ къ познанію всей тщеты маниловскихъ иллюзій о „мирномъ“ развитіи и заставитъ ихъ — подъ давленіемъ все той же угрозы — толкать на борьбу съ этимъ самодержавіемъ свой отсталый „народъ“.

Ошибка, въ которую впалъ „Пролетарій“, имѣетъ 2 источника: во первыхъ, изслѣдуя революціонность двухъ буржуазныхъ тактикъ, почтенная газета и это все чаще и чаще случается съ ней по мѣрѣ того, какъ она все дальше уходитъ отъ *марксизма*, — беретъ „революціонность“ со стороны *субъективнаго* настроенія опредѣленной группы, а не со стороны *объективнаго* значенія ея политики. Субъективно конечно, настроеніе, подсказывающее тактику „бойкота“, революціоннѣе, чѣмъ то, которое побуждаетъ нѣкоторыхъ лѣвыхъ земцевъ не уклоняться отъ участія въ выборахъ. Но объективное значеніе пропагандируемаго ими воздержанія сводится только къ тому, что буржуазная демократія приглашается еще немножечко „погодить“ идти „въ народъ“, пока революціонный пролетаріатъ и внѣшнія неудачи загонятъ самодержавіе въ такой тупикъ, изъ котораго ему придется приманивать къ себѣ обывателя уже „заправскимъ“ парламентомъ, разоруженіемъ разнузданной теперь „черной сотни“.

Второй источникъ ошибки „Пролетарія“ заключается, какъ выше указано, въ узости самой постановки вопроса, въ исканіи не *наиболѣе* революціонной тактики, которую пролетаріатъ долженъ навязать демократіи, а лишь *болѣе* революціонной между тѣми, которыя намѣтились уже въ самой этой демократіи. Безспорно, за тактику участія въ выборахъ высказались и должны были высказаться внутри буржуазной демократіи, прежде всего наиболѣе оппортюнистическіе ея элементы, которые и не могутъ себѣ представить этого участія иначе, какъ въ видѣ ступени къ полному миру съ царизмомъ. Но это только и значитъ, что если мы можемъ „держать“ оказывать свое вліяніе на весь ходъ національно-политической жизни, то мы должны попытаться *поднять* ее выше плоскости, въ которой движутся обѣ, намѣтившіяся въ демократіи политическія тактики, и, отвергая одинаково, какъ либеральное „приспособленіе къ Думѣ“, такъ и демократическое „бойкотированіе“ ея, выставить на своемъ знамени и сдѣлать лозунгомъ общенаціональнаго движенія „революціонное преодолѣніе“ Булыгинской „конституціи“.

Вмѣсто того, чтобы пассивно приспособляться къ „болѣе“ революціонной — по намѣреніямъ ея адептовъ! — тактикѣ одной изъ фракцій демократіи, „Искра“ предлагаетъ рабочимъ организовать такую агитаціонную кампанію „незаконныхъ“ *всенар* угнетеніе нашихъ близкихъ тамъ, въ солдатской жизни, вся натура наша возмущается... И многіе изъ насъ готовы для общаго благополучія на все... Но при такомъ важномъ рѣшеніи невольно являются вопросы: 1) Рискуя своею жизнью (и даже многіе изъ насъ потеряютъ ее), будетъ ли намъ подкрѣпленіе и содѣйствіе на берегу и будутъ-ли благопріятные результаты отъ этого движенія, не будетъ-ли это безрезультатною причиною смерти многимъ тысячамъ людямъ и не принесемъ ли мы, вмѣсто благополучія, горе и смерть. 2) Какія будутъ послѣдствія въ случаѣ нашего общаго перевѣса, не принесемъ ли мы худшаго вреда тѣмъ, что создадимъ въ Россіи революцію; вѣдь революція твореніе не русскаго народа, въ которомъ смѣшаны масса разныхъ національностей, понимающихъ свободу народа по своему.. Революція твореніе народа однороднаго по своимъ внутреннимъ и наружнымъ качествамъ, съ однимъ направленіемъ мыслей... По возникновеніи революціи, не сдѣлается ли въ Россіи раздоръ и междуусобіе? 3) Для кого пишутся нѣкоторыя сужденія, какъ, напримѣръ, „Наши задачи“ (листокъ изд. стараго Ц. К.), для простыхъ рабочихъ и солдатъ или для людей, болѣе или менѣе развитыхъ, такъ какъ простой народъ не пойметъ содержаніе такихъ сужденій, гдѣ масса словъ иностранныхъ (ну, хотя и перешедшихъ на нашъ русскій языкъ)...

Просимъ васъ, наши братья, напечатать, въ видѣ прокламаціи, ясные, толковые и подробные отвѣты на заданные вопросы, чтобъ разрѣшить возникающіе у насъ вопросы, чтобы мы могли идти *на дѣло* съ чистою совѣстью и сердцемъ въ настоящемъ и быть безъ раскаянія въ будущемъ...“

Май 1905 г. Матросы „Потемкина“.

(Переписано письмо точно въ томъ видѣ, въ какимъ оно было прислано намъ).

Севастополь. Число арестованныхъ матросовъ достигаетъ уже громадной цифры *1358* человѣкъ. Аресты не прекращаются. На судахъ служба частью выполняется пѣхотой. Какъ извѣстно, часть матросовъ (запасныхъ) была послѣ исторіи съ „Потемкинымъ“ отпущена на время. Плоды этой „мудрой“ мѣры уже сказались: по сообщенію легальныхъ газетъ, запасной матросъ Чередниченко арестованъ въ Таганрогскомъ округѣ за агитацію среди крестьянъ. Можемъ увѣрить правительство, что случай съ Чередниченко не останется единичнымъ. Уходя изъ Севастополя, запасные обратились къ комитету за инструкціями о томъ, какъ имъ воспользоваться неожиданнымъ досугомъ и, получивъ ихъ, взяли съ собой весь запасъ имѣвшейся у Крымскаго Союза соц.-дем. литературы.

Освобожденіе отъ военнаго суда. *Константинъ Фельдманъ* „студентъ“, одинъ изъ трехъ одесскихъ товарищей, оставленныхъ на „Потемкинѣ“ его экипажемъ, въ качествѣ представителя мѣстной Партійной группы, и арестованной въ Өеодосіи во время предательскаго нападенія войскъ на катеръ, удачно бѣжалъ изъ военной (артиллерійской) тюрьмы, вмѣстѣ съ надзирателемъ и сторожемъ. Побѣгъ совершился 12 августа. Тов. Фельдманъ находится заграницей въ безопасности.

Побѣгъ удалось подготовить и осуществить благодаря энергичнымъ стараніямъ обѣихъ Одесскихъ партійныхъ организацій (Комитета и Группы), на помощь которымъ также пришли Одесскій Ком. Бунда и Кіевскій Ком. Партіи, равно какъ и нѣкоторые отдѣльные товарищи.

Москва. Спѣшу подѣлиться съ Вами тѣми впечатлѣніями, которыя *я* вынесъ со второго съѣзда Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, происходившаго въ Москвѣ съ 23 по 25 іюля. На съѣздѣ была представлена 21 дорога (цифра приблизительная — у меня нѣтъ подъ рукой протокола съѣзда); въ качествѣ гостей присутствовали представители обѣихъ соц.-дем. организацій и представители соц.-рев.

Что больше и прежде всего бросается въ глаза — это трогательное единомысліе между соц.-рев., P. P. S.-овцами и освобожденцами и въ этомъ смыслѣ съѣздъ представляетъ первую попытку реорганизаціи буржуазно-демократическаго блока, устроеннаго на пресловутой парижской конференціи. Соц.-рев. и на этотъ разъ остались вѣрны себѣ и своей двойной бухгалтеріи. Ихъ представитель спряталъ въ карманъ соціализмъ и все время говорилъ на разные лады о демократизмѣ („мы демократы..., мы, какъ демократы, должны“... и пр.). Здѣсь, видно, не та кампанія, что на амстердамскомъ конгрессѣ, тамъ мы прячемъ терроръ и демонстрируемъ чистѣйшій соціализмъ, здѣсь своя кампанія — можно въ натуральномъ видѣ выступать.

Гвоздемъ настоящаго съѣзда было требованіе объ отдѣльныхъ представительныхъ собраніяхъ для окраинъ вообще и Польши въ частности. Требованіе это было выдвинуто делегатами P. P. S.-овскихъ союзовъ какъ ультимативное и отняло у съѣзда почти 2 засѣданія изъ общаго количества 3-хъ засѣданій. Исторія этого требованія такова: Послѣ перваго учредительнаго съѣзда Всероссійскаго Союза жел. дор. состоялся въ Польшѣ съѣздъ и на немъ соц. рев. и P. P. S. приняли означенное требованіе рѣшивъ вступить во Всероссійскій союзъ лишь при условіи включенія этого требованія въ программу союза.

Нѣкоторые пролетарскіе союзы въ числѣ ихъ нѣсколько партійныхъ, какъ напримѣръ, Тульскаго узла, Риго-Орловской, Оренбургъ-Ташкентской, — разсматривали этотъ Всероссійскій Союзъ, какъ профессіональный, состоящій изъ различныхъ политическихъ группъ, каждая изъ которыхъ ведетъ свою независимую политическую линію, какъ союзъ, въ политическомъ отношеніи приспособленный только къ тому, чтобы вмѣстѣ бить; этимъ и объясняется ихъ присутствіе на съѣздѣ. Понятно, что, когда на второмъ засѣданіи P. P. S.-овцы предъявили свой ультиматумъ, желая навязать союзу опредѣленную политическую программу, да при томъ еще соціаль-патріотическую (соц.-рев. присоединились къ нимъ), делегаты соц.-дем. и вообще пролетарскихъ союзовъ горячо протестовали противъ этого, настаивая на профессіональномъ характерѣ союза, и указывая на недопустимость въ частности даннаго лозунга, такъ какъ онъ грозитъ засореніемъ яснаго классоваго сознанія польскаго пролетаріата буржуазно-патріотическими элементами, такъ какъ онъ грозитъ ослабленіемъ боевыхъ позицій польскаго пролетаріата, который своей геройской борьбой тысячами жертвъ запечатлѣлъ свою готовность бороться рука объ руку съ русскимъ пролетаріатомъ на оба фронта, и съ царскимъ деспотизмомъ и съ капитализмомъ. Особо обстоятельную рѣчь произнесъ товарищъ соц.-дем. (большевикъ) — представитель одного изъ горныхъ союзовъ. Но, конечно, друзья голосовали солидарно, и все-же на второмъ засѣданіи требованіе поляковъ не собрало квалифицированнаго большинства, такъ какъ участники Виленскаго съѣзда явились на настоящемъ съѣздѣ какъ сторона. Чтобы помочь друзьямъ, соц.-рев.-освобожденскій блокъ прибѣгъ къ очень... „деликатному“ способу: постановили предоставить имъ рѣшающій голосъ, тогда какъ наканунѣ въ этомъ было отказано нѣсколькимъ пролетарскимъ союзамъ, — и нужное большинство получилось — соціаль-патріотическій лозунгъ принятъ 12 дорогами, за, 3 противъ, 3 съ мотивированнымъ протестомъ отказались участвовать въ подобномъ голосованіи, 1 союзъ нейтраленъ. Прибавлю, что въ числѣ 12 четыре дороги не были представлены на съѣздѣ отдѣльными делегатами, ихъ мандаты были распредѣлены, главнымъ образомъ, между освобожденцами. Соціальдемократическіе делегаты, а за ними и вообще делегаты пролетарскихъ союзовъ требуютъ занесенія въ протоколъ ихъ мотивированнаго заявленія о выходѣ изъ Всероссійскаго Союза и уходѣ со съѣзда. Подобныя заявленія были сдѣланы делегатами Московско-Брестской жел. дор., Правленія Юго-Западной ж. д., Оренбургъ-Ташкентской ж. д., Сызрано-Вяземской, Риго-Орловской, Тульскаго узла, Московско-Курской, членомъ комитета Московско-Ярославской, однимъ изъ двухъ делегатовъ мастерскихъ Московско-Виндавенской ж. д. Съ послѣдними вышелъ характерный инцидентъ: вышедшій изъ союза — рабочій, оставшійся — правленецъ. Рабочіе, констатируя этотъ фактъ, требовали занесенія его въ протоколъ. Это почтеннымъ правленцамъ не понравилось, и они трогательно заявивъ, что не должно быть разницы между рабочими и правленцами, наотрѣзъ отказались занести это въ протоколъ. Вслѣдъ за этимъ представители обѣихъ соц.-дем. организацій въ Москвѣ солидарно заявили, что въ виду происшедшаго они считаютъ своею обязанностью настойчиво рекомендовать всѣмъ рабочимъ и тяготѣющей къ намъ пролетарской части служащихъ выступленіе изъ принявшаго явно буржуазную окраску союза. Передъ самымъ уходомъ разыгрался еще одинъ инцидентъ. Представитель Юго-Восточной ж. д., смущенный неожиданнымъ финаломъ, предложилъ считать принятое относительно Учредит. Собранія рѣшеніе обязательнымъ лишь по утвержденіи его мѣстными отдѣленіями Всероссійскаго Союза. Подымается соц.-рев. и ведетъ приблизительно такую рѣчь: „я собственно за это, но высказываюсь противъ, такъ какъ масса де, темна и дурные инстинкты приводятъ ее къ рѣшенію съ нашей точки зрѣнія нежелательному. Не рѣшать этотъ вопросъ, а провести. Послѣднее можно всегда сдѣлать, я могъ бы показать, какъ это сдѣлать“ и прочее. Проситъ слова рабочій и говоритъ: „предыдущій ораторъ говоритъ ни болѣе ни менѣе, чѣмъ, что массѣ можно втирать очки“... Но ему не дали договорить: воспитаннымъ участникамъ блока не по вкусу пришлось грубая пролетарская правда.

Изъ рѣшеній отмѣчу слѣдующія: „По вопросу объ общей стачкѣ на жел. дор. принята резолюція, общій смыслъ которой слѣдующій: немедленно начать агитацію за боевую стачку. Боевой, по проекту Ц. Бюро В. С. Ж. Д., должна считаться стачка, которая прекращается лишь тогда, когда выставленныя требованія *болѣе или менѣе* удовлетворены. Соціальдемократы протестуютъ противъ двусмысленнаго выраженія „болѣе или менѣе“ и иллюстрируютъ свою мысль возможнымъ случаемъ, что дадутъ не всеобщее, равное и прямое и пр. избирательное право — это будетъ „большимъ или меньшимъ“ удовлетвореніемъ, помирятся они, значитъ, на этомъ. Теплая кампанія смущена и рѣшаетъ отвергнуть толкованіе бюро, но не замѣнить ничѣмъ другимъ.

Въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о боевой стачкѣ принято еще одно, имѣющее интересъ, рѣшеніе. Ц. Бюро получаетъ полномочіе какъ на назначеніе начала общей стачки, такъ и на превращеніе мѣстной стачки на жел. дор. въ общую, при этомъ Ц. Бюро должно считаться какъ съ наличными стачечными силами, такъ и съ общими условіями момента. Каждому отдѣленію В. С. Ж. Д. предоставляется вступить въ соглашеніе съ революціонными партіями.

Послѣднія три рѣшенія были цѣликомъ навязаны съѣзду соціальдемократическими делегатами.

Москва. Здѣсь было нѣсколько арестовъ и обысковъ. Одинъ изъ арестованныхъ (нелегальный) бѣжалъ въ моментъ составленія протокола на глазахъ у 10 полицейскихъ и сыщиковъ. У него, по слухамъ, найдено было оружіе. Въ воскресенье 7-го августа близъ ст. „Сортировочная“ была массовка на которой присутствовало свыше 400 рабочихъ. Во время рѣчей появились казаки и стали разгонять нагайками. Въ отвѣтъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, которыми ранено двое казаковъ. Среди рабочихъ много избитыхъ. Ранена и „взята въ плѣнъ“ неизвѣстная женщина, которую увезли въ тюрьму. Въ губернской тюрьмѣ находится взятая нѣсколько раньше, на Прохоровской массовкѣ, О. Зарубина. Словомъ, „послѣ царской конституціи“ все идетъ какъ въ доброе старое время...

Великія Луки, Псковской губ. Въ городѣ имѣется до 40 еврейскихъ мастеровыхъ, сознательно примыкающихъ къ Партіи. Въ вокзальныхъ же мастерскихъ у насъ пока человѣкъ 25 (изъ 700!). Объясняется этотъ малый процентъ тѣмъ, что около 270 ж. д. рабочихъ примыкаетъ къ „Союзу союзовъ“ (т. е. къ Всероссійскому желѣзно-дорожному союзу). Остальные же рабочіе настроены реакціонно и пытались организоваться въ черную сотню. Это все бывшіе городскіе ремесленники, не приспособившіеся къ заводской работѣ и завистливо относящіеся къ пришлымъ рабочимъ — „полякамъ“, зарабатывающимъ больше.

Нѣтъ у насъ опытныхъ агитаторовъ, а то можно было бы устроить очень порядочную организацію.

Варшава. Къ намъ прибыли запасные. Жизнь въ казармѣ со дня ихъ прибытія приняла другой видъ. Разумѣется, не вся казарменная жизнь въ совокупности, а нѣкоторыя частности ея. Такъ, у насъ стали выдавать лучшую пищу, чѣмъ обыкновенно. По моему мнѣнію, на улучшеніе жизни повліяли послѣднія событія, имѣвшія мѣсто въ черноморскомъ флотѣ. Кромѣ того, сами запасные въ первый же день ихъ прибытія потребовали лучшей пищи, въ противномъ случаѣ они угрожали разнести кухню. Когда имъ стали выдавать одежду, то и тутъ не обошлось безъ пререканій между запасными и начальствомъ. Одежду выдавали старую, изодранную, похожую скорѣе на тряпку, чѣмъ на человѣческое одѣяніе. Запасные поглядѣли, поглядѣли на тряпки и отказались одѣвать эти лохмотья. Начальству пришлось уступить по этимъ двумъ пунктамъ.

Сильное недовольство среди запасныхъ. Почти всѣ заняты одной думой: какъ бы домой перебраться. Сильно тоскуютъ, изливаютъ [illegible] передъ каждымъ встрѣчнымъ. Кто дома, говорятъ они, оставилъ [illegible] дѣтей, кто старика отца; некому будетъ хлѣбъ убрать, скотину пасти. Почва для агитаціи хорошая. Начать агитировать съ политики немыслимо, ибо сейчасъ говорятъ — измѣнникъ. Приходится при агитаціи исходить изъ ихъ ближайшихъ интересовъ. Нарисовать имъ картинку ихъ положенія въ казармѣ и положеніе ихъ семей дома. Тогда они сами, незамѣтно для себя, приходятъ къ заключенію, что во всемъ виновато начальство. Нужно [illegible] съ ними вести бесѣду на такого рода темы. Запасные Волынской губ. грубы и темны до крайности. Къ нимъ трудно приступить, но думаемъ, что и это пройдетъ. Нужно очень осторожно подходить къ нимъ. Литературу читаютъ очень многіе. Нестроевыя команды цѣликомъ читаютъ. Въ ротахъ читаютъ листки и брошюры съ большой охотой.

ныхъ выборовъ, которая заставила бы всю буржуазную демократію приспособить *свою* тактику къ этому „новому факту“ политической жизни по мѣрѣ того, какъ практика выборовъ „законныхъ“ будетъ все болѣе и болѣе обострять политическую борьбу между прогрессивными и реакціонными силами нашего отечества. И „Пролетарій“ разсчитываетъ найти нѣкоторое количество „добрыхъ“ людей (употребляя любимое выраженіе т. Н. Ленина), которыхъ можно будетъ убѣдить въ томъ, что такая тактика есть именно „уклоненіе отъ единственно-революціонной тактики пролетаріата!“

Дабы оглушить заранѣе этихъ „добряковъ“, авторъ передовицы угрожающе напоминаетъ о „земской кампаніи Искры“.

Напоминаніе сдѣлано очень кстати и мы имъ воспользуемся. Параллель, дѣйствительно умѣстна.

Когда либералы вели свою земскую компанію, то среди нихъ намѣчались двѣ тактики: одна, которую можно пріурочить къ фигурамъ Стаховичей и Шиповыхъ, другая, которой слѣдовали будущіе „конституціоналисты“. Тактикѣ тѣхъ и другихъ „Искра“ и „искровцы“ предложили противопоставить тактику, разсчитанную на участіе въ общественномъ движеніи, пріуроченномъ къ земствамъ, сознательныхъ слоевъ народной массы, въ качествѣ фактора, активно дѣйствующаго на органы общественнаго самоуправленія буржуазіи, *навязывающаго* имъ свои демократическіе лозунги, *толкающаго* ихъ на путь болѣе радикальной борьбы съ самодержавіемъ, *вынуждающаго* ихъ считаться съ голосомъ того народа, отъ имени котораго они говорятъ. Эта тактика, конечно, должна была очень и очень прійтись не по душѣ особенно представителямъ *лѣваго* земскаго крыла, которыхъ вмѣшательство пролетаріевъ въ ихъ компанію лишало заранѣе ореола двигателей и направителей общественнаго развитія. Г. Струве въ тѣ поры прочелъ намъ по этому поводу суровую нотацію. Но г. Струве былъ не одинокъ въ заграничной печати. Рядомъ съ нимъ выступилъ противъ насъ Н. Ленинъ, закричавшій голосомъ велимъ объ „уклоненіи отъ революціонной тактики“, и вслѣдъ затѣмъ предлагавшій намъ устраивать демонстраціи не въ земствахъ, а „передъ участками“, т. е. то самое, что предлагалъ г. П. Струве. Похвальныя усилія обоихъ заграничныхъ писателей не достигли, однако, цѣли, и рабочіе въ цѣломъ рядѣ мѣстъ манифестировали въ земствахъ, думахъ и на демократическихъ съѣздахъ, добиваясь отъ либераловъ и демократовъ включенія въ ихъ „челобитныя“ и резолюціи требованій, въ которыхъ заинтересованы народныя массы. Къ великому огорченію для тов. Н. Ленина, но къ великой пользѣ для дѣла, эту тактику усвоили себѣ соціальдемократы во многихъ мѣстахъ, гдѣ, въ общемъ господствовало направленіе „большинства“ (укажемъ для примѣра комитеты Одесскій, Сѣверный, Нижегородскій, Тверской, Саратовскій, Самарскій). Потерпѣвъ пораженіе въ этомъ вопросѣ, Н. Ленинъ скромно умолкъ и ни словомъ не отвѣтилъ на извѣстное письмо Плеханова и на второе письмо редакціи, въ которыхъ защищалась наша тактика противъ злостныхъ нападокъ „Впередъ“. И когда на пресловутомъ „III съѣздѣ“ пришлось составить „статейный списокъ“ уклоненіямъ „Искры“ отъ „единственно-революціоннаго пути“, то участники съѣзда не рѣшились ни однимъ словомъ напомнить о томъ „предательствѣ интересовъ пролетаріата“, которое мы совершили, рекомендуя пролетаріату не сосредоточивать всего своего вниманія на „участкахъ“ въ то время, какъ въ своихъ „закрытыхъ помѣщеніяхъ“ земцы залагаютъ основанія своей политической гегемоніи надъ освободительнымъ движеніемъ народа. Только теперь, когда первый конфузъ отъ ихъ неудачи съ „земской компаніей“ прошелъ у „впередовцевъ“, они, время отъ времени, упоминаютъ объ этомъ грѣхопаденіи... „новой Искры“. Надѣемся, однако, что впредь Ленинъ, такъ любящій перечислять случаи нашего согласія съ „Освобожденіемъ“, не позабудетъ упоминать, что въ своей критикѣ искровской „земской компаніи“ онъ совпалъ съ г. Струве.

Въ вопросѣ о „земской компаніи“ Ленинъ и его сторонники *объективно* ограждали „неприкосновенность“ той тактики, которую намѣтили себѣ лѣвые земцы-конституціоналисты, отъ всякихъ помѣхъ со стороны пролетаріата. Если бы мы обладали злымъ нравомъ публицистовъ „Пролетарія“, мы должны были бы сказать, что ленинцы невольно сыграли въ этомъ случаѣ роль „прихвостней“ земскаго либерализма. Нынче „Пролетарій“ опять-таки фактически борется за то, чтобы „союзу союзовъ“ не мѣшали организовать свой безплодный и ничуть не революціонный „бойкотъ“. Какъ въ прошломъ году, ленинцы всѣ усилія направляютъ къ тому, чтобы удержать пролетаріатъ отъ веденія *собственной* тактики, разсчитанной на активную его роль въ общенаціональномъ движеніи, на его растущее вліяніе на непролетарскіе народные элементы. Объективно они при этомъ пассивно слѣдуютъ за болѣе „лѣвыми“ изъ буржуазныхъ демократовъ. Въ этомъ сказывается ихъ жоресистская шуйца. Субъективно они освящаютъ это воздержаніе отъ революціонной тактики „лозунгомъ“: всенародное возстаніе. Въ этомъ ихъ бланкистская десница. Ибо, какъ мягко сказалъ тов. Плехановъ (см. Дневникъ соціальдемократа № 2), ничего, кромѣ „ублюдка жоресизма и бланкизма“, не представляютъ собою нынѣшнія тактическія воззрѣнія нашихъ „большевиковъ“.

Намъ могутъ замѣтить, что „Пролетарій“, поддерживая тактику „Союза союзовъ“ дополняетъ ее предложеніемъ не ограничиваться „пассивнымъ“ бойкотомъ, а предпринять бойкотъ *активный*. Но ошибся бы читатель, если бы подумалъ, что подъ активнымъ бойкотомъ здѣсь разумѣется то, что на жаргонѣ студенческихъ безпорядковъ разумѣлось подъ именемъ „активной обструкціи“, т. е., въ примѣненіи къ данному случаю, стремленіе *не допустить* избирателей произвести выборы — то, что предлагаютъ маріупольскіе товарищи. Нѣтъ! у „Пролетарія“ рѣчь идетъ о гораздо меньшемъ. „Активный бойкотъ, говоритъ онъ, долженъ обозначать удесятереніе агитаціи, устройство собраній вездѣ и всюду, утилизацію избирательныхъ собраній хотя бы путемъ насильственнаго проникновенія въ нихъ, устройство демонстрацій, политическихъ забастовокъ и т. п.“ Великій ты утопистъ, но утопія у тебя всегда маленькая, приходится сказать „Пролетарію“. Да какой же сторонникъ „пассивнаго“ или просто бойкота откажется отъ *подобной* активности? Ясно, что рѣчь здѣсь идетъ только о томъ, какими средствами намъ вести агитацію въ то время, какъ, хотя бы часть „законныхъ“ избирателей будетъ производить выборы. И авторъ далѣе говоритъ: „Активный бойкотъ есть агитація, вербовка, организація революціонныхъ силъ въ увеличенномъ масштабѣ“. Но каковы же должны быть *спеціальные лозунги данной* агитаціи, агитаціи въ данныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ первыми въ Россіи политическими выборами? Авторъ отвѣчаетъ: „Такимъ лозунгомъ можетъ быть только вооруженное возстаніе“.

Итакъ, развивая свой „активный“ бойкотъ, соціальдемократія будетъ призывать массы... вы думаете, къ немедленнымъ возстаніямъ? Жестоко ошибаетесь! „Разумѣется“, заканчиваетъ авторъ свою статью, „тотъ, кто знаетъ мѣстныя условія (?), всегда будетъ предостерегать отъ преждевременныхъ попытокъ возстанія“. Стало быть, мы будемъ активно призывать массу пассивно ждать часа всенароднаго возстанія, а до тѣхъ поръ устраивать „демонстраціи и забастовки“ (съ тѣмъ однако, чтобы они *не смѣли* превращаться въ частныя возстанія, ибо, какъ недавно заявилъ „Пролетарій“, одесскіе рабочіе *не должны* были отвѣчать на разстрѣлы мирныхъ стачечниковъ постройкой баррикадъ, разъ матросы въ Севастополѣ готовили только къ осени общее возстаніе флота). Это то и называется „единственно революціонной тактикой“ и эта то „тактика“ противопоставляется предложенію звать массы *теперь же* къ проявленію самой высокой революціонной активности, и энергичному „захватыванію“ правъ и свободъ, къ организаціи теперь же революціоннаго самоуправленія. Посмотримъ же теперь, какъ нашъ ублюдокъ жоресизма и бланкизма справляется съ этой идеей революціоннаго самоуправленія?

„На практикѣ попытки организовать до побѣды возстанія выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ будутъ цѣликомъ на руку освобожденцамъ и выродятся въ то, что соціальдемократы окажутся въ хвостѣ у нихъ“. Если эта угроза что нибудь означаетъ, то лишь одно: что, по автору, соціальдемократія настолько мало еще вліяетъ на народныя массы, что ея попытка *теперь же* „окунуться“ въ эту пучину, должна окончиться рѣшительной побѣдой демократовъ надъ нею. Еслибы это было такъ, это было бы очень печально. Но если это такъ, то на чемъ же, собственно говоря, основана надежда „Пролетарія“ на возможность *въ ближайшемъ же будущемъ* осуществить „диктатуру пролетаріата и крестьянства“? Вѣдь, казалось бы, партія, столь незначительная, что не сможетъ устоять противъ буржуазныхъ демократовъ при выборахъ „незаконныхъ“ уполномоченныхъ, едва ли имѣетъ шансы оказаться „во главѣ“ побѣдившаго въ возстаніи народа? Или ленинцы, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что при побѣдѣ возстанія они окажутся „на гребнѣ“ только потому что въ это время, по всѣмъ прецедентамъ, „освобожденцы“ окажутся у себя по домамъ, а нѣкоторые даже и подъ кроватями? Но вѣдь, тѣ же прецеденты учатъ, что къ моменту провозглашенія временнаго правительства это добровольное заключеніе демократовъ приходитъ къ концу... Во всякомъ случаѣ, очевидно, что если ленинцы такъ охотно взлетаютъ въ высь мечтаній о „диктатурѣ“, то это вовсе не потому, чтобы они чувствовали твердую почву подъ ногами на аренѣ открытой борьбы передъ массами со всѣми врагами соціализма. „Отъ хорошей жизни не полетишь“, говорилъ еще Горбуновскій купецъ.

Но — позвольте! — скажетъ намъ авторъ статьи. Вѣдь, я объясняю, почему мы окажемся побиты „освобожденцами“. Дѣло во внѣшнихъ препятствіяхъ. „Рабочимъ и народу самодержавіе, пока оно не замѣнено временнымъ революціоннымъ правительствомъ, *не дастъ* произвести никакихъ выборовъ, сколько нибудь заслуживающихъ названія народныхъ, — а освобожденцы, гласные земцы, произведутъ выборы и безцеремонно выдадутъ ихъ за „народные“, за „революціонное самоуправленіе“

…объ угнетенье нашихъ близкихъ тамъ, внѣ солдатской жизни, вся натура наша возмущается... И многіе изъ насъ готовы для общаго благополучія на все... Но при такомъ важномъ рѣшеніи невольно являются вопросы: 1) Рискуя своею жизнью (а даже многіе изъ насъ потеряютъ ее), будетъ ли намъ подкрѣпленіе и содѣйствіе на берегу и будутъ-ли благопріятные результаты отъ этого движенія, не будетъ-ли это безрезультатною причиною смерти многимъ тысячамъ людямъ и не принесемъ ли мы, вмѣсто благополучія, горе и смерть. 2) Какія будутъ послѣдствія въ случаѣ нашего общаго перевѣса, не принесемъ ли мы худшаго вреда тѣмъ, что создадимъ въ Россіи революцію; вѣдь революція твореніе не русскаго народа, въ которомъ смѣшаны масса разныхъ національностей, понимающихъ свободу народа по своему.. Революція твореніе народа однороднаго по своимъ внутреннимъ и наружнымъ качествамъ, съ однимъ направленіемъ мыслей... По возникновеніи революціи, не сдѣлается ли въ Россіи раздоръ и междуусобіе? 3) Для кого пишутся нѣкоторыя сужденія, какъ, напримѣръ, „Наши задачи" (листокъ изд. стараго Ц. К.), для простыхъ рабочихъ и солдатъ или для людей, болѣе или менѣе развитыхъ, такъ какъ простой народъ не пойметъ содержанія такихъ сужденій, гдѣ масса словъ иностранныхъ (ну, хотя и перешедшихъ на нашъ русскій языкъ).

Просимъ васъ, наши братья, напечатать, въ видѣ прокламаціи, ясные, толковые и подробные отвѣты на заданные вопросы, чтобъ разрѣшить возникающіе у насъ вопросы, чтобы мы могли идти *на дѣло* съ чистою совѣстью и сердцемъ въ настоящемъ и быть безъ раскаянія въ будущемъ..."

Май 1905 г. Матросы „Потемкина".

(Переписано письмо точно въ томъ видѣ, въ какимъ оно было прислано намъ).

Севастополь. Число арестованныхъ матросовъ достигаетъ уже громадной цифры [illegible] человѣкъ. Аресты не прекращаются. На судахъ служба частью выполняется пѣхотой. Какъ извѣстно, часть матросовъ (запасныхъ) была послѣ исторіи съ „Потемкинымъ" отпущена на время. Плоды этой „мудрой" мѣры уже сказались: по сообщенію легальныхъ газетъ, запасной матросъ Чередниченко арестованъ въ Таганрогскомъ округѣ за агитацію среди крестьянъ. Можемъ увѣрить правительство, что случай съ Чередниченко не останется единичнымъ. Уходя изъ Севастополя, запасные обратились къ комитету за инструкціями о томъ, какъ имъ воспользоваться неожиданнымъ досугомъ и получивъ ихъ, взяли съ собой весь запасъ имѣвшейся у Крымскаго Союза соц.-дем. литературы.

Освобожденіе отъ военнаго суда. *Константинъ Фельдманъ* „студентъ", одинъ изъ трехъ одесскихъ товарищей, оставленныхъ на „Потемкинѣ" его экипажемъ, въ качествѣ представителя мѣстной Партійной группы, и арестованный въ Феодосіи во время предательскаго нападенія войскъ на катеръ, удачно бѣжалъ изъ военной артиллерійской тюрьмы, вмѣстѣ съ надзирателемъ и сторожемъ. Побѣгъ совершился 12 августа. Тов. Фельдманъ находится заграницей въ безопасности.

Побѣгъ удалось подготовить и осуществить благодаря энергичнымъ стараніямъ обѣихъ Одесскихъ партійныхъ организацій (Комитета и Группы), на помощь которымъ также пришли Одесскій Ком. Бунда и Кіевскій Ком. Партіи, равно какъ и нѣкоторые отдѣльные товарищи.

Москва. Спѣшу подѣлиться съ Вами тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ со второго съѣзда Всероссійскаго союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ, происходившаго въ Москвѣ съ 23 по 25 іюля. На съѣздѣ была представлена 21 дорога (цифра приблизительная, у меня нѣтъ подъ рукой протоколовъ съѣзда); въ качествѣ гостей присутствовали представители обѣихъ соц.-дем. организацій и представители соц.-рев.

Что больше и прежде всего бросается въ глаза — это трогательное единомысліе между [illegible] Р. Р. S.-овцами и освобожденцами и въ этомъ смыслѣ съѣздъ представляетъ первую попытку реорганизаціи буржуазно-демократическаго блока, устроеннаго на пресловутой парижской конференціи. Соц.-рев. и на этотъ разъ остались вѣрны себѣ и своей двойной бухгалтеріи. Ихъ представитель спряталъ въ карманъ соціализмъ и все время говорилъ на разные лады о демократизмѣ: „мы демократы.., мы, какъ демократы [illegible]" и прочее. Вѣдь, видите ли, не та кампанія, что на амстердамскомъ конгрессѣ. Тамъ мы [illegible] террора и демонстрируемъ чистѣйшій соціализмъ, а здѣсь своя кампанія — можно въ натуральномъ видѣ выступать.

Гвоздемъ настоящаго съѣзда было требованіе объ отдѣльныхъ представительныхъ собраніяхъ для окраинъ вообще и Польши въ частности. Требованіе это было выдвинуто делегатами Р. Р. S.-овскихъ союзовъ какъ ультимативное и отняло у съѣзда почти 2 засѣданія изъ общаго количества 3-хъ засѣданій. Исторія этого требованія такова: Послѣ перваго учредительнаго съѣзда Всероссійскаго Союза жел. дор. состоялся въ Польшѣ съѣздъ и на немъ соц. рев. и Р. Р. S. приняли означенное требованіе рѣшивъ вступить во Всероссійскій союзъ лишь при условіи включенія этого требованія въ программу союза.

Нѣкоторые пролетарскіе союзы въ числѣ ихъ нѣсколько партійныхъ, какъ напримѣръ, Тульскаго узла, Риго-Орловской, Оренбургъ-Ташкентской, — разсматривали этотъ Всероссійскій Союзъ, какъ профессіональный, состоящій изъ различныхъ политическихъ группъ, каждая изъ которыхъ ведетъ свою независимую политическую линію, какъ союзъ, въ политическомъ отношеніи приспособленный только къ тому, чтобы вмѣстѣ бить, этимъ и объясняется ихъ присутствіе на съѣздѣ. Понятно, что когда на второмъ засѣданіи Р. Р. S.-овцы предъявили свой ультиматумъ, желая навязать союзу опредѣленную политическую программу, да при томъ еще соціаль-патріотическую (соц. рев. присоединились къ нимъ), делегаты соц.-дем. и вообще пролетарскихъ союзовъ горячо протестовали противъ этого, настаивая на профессіональномъ характерѣ союза, и указывая на недопустимость въ частности даннаго лозунга, такъ какъ онъ грозитъ засореніемъ яснаго классоваго сознанія польскаго пролетаріата буржуазно-патріотическими элементами, такъ какъ онъ грозитъ ослабленіемъ боевыхъ позицій польскаго пролетаріата, который своей геройской борьбой тысячами жертвъ запечатлѣлъ свою готовность бороться рука объ руку съ русскимъ пролетаріатомъ на оба фронта, и съ царскимъ деспотизмомъ и съ капитализмомъ. Особо обстоятельную рѣчь произнесъ товарищъ соц.-дем. (большевикъ) — представитель одного изъ горныхъ союзовъ. Но, конечно, друзья голосовали солидарно, и все же на второмъ засѣданіи требованіе поляковъ не собрало квалифицированнаго большинства, такъ какъ участники Виленскаго съѣзда явились на настоящемъ съѣздѣ какъ сторона. Чтобы помочь друзьямъ, соц.-рев.-освобожденческій блокъ прибѣгъ къ очень „деликатному" способу: постановили предоставить имъ рѣшающій голосъ, тогда какъ наканунѣ въ этомъ было отказано нѣсколькимъ пролетарскимъ союзамъ, — и нужное большинство получилось: соціаль-патріотическій лозунгъ принятъ 12 дорогами, за 3 противъ, 3 съ мотивированнымъ протестомъ отказались участвовать въ подобномъ голосованіи, 1 союзъ нейтраленъ. Прибавлю, что въ числѣ 12 четыре дороги не были представлены на съѣздѣ отдѣльными делегатами, ихъ мандаты были распредѣлены, главнымъ образомъ, между освобожденцами. Соціалъ-демократическіе делегаты, а за ними и вообще делегаты пролетарскихъ союзовъ требуютъ занесенія въ протоколъ ихъ мотивированнаго заявленія о выходѣ изъ Всероссійскаго союза и уходѣ со съѣзда. Подобныя заявленія были сданы делегатами Московско-Брестской ж. д., Правленія [illegible] Западной ж. д., Оренбургъ-Ташкентской ж. д., Сызрано-Вяземской, Риго-Орловской, Тульскаго узла, Московско-Курской, членомъ комитета Московско-Ярославской, однимъ изъ двухъ делегатовъ мастерскихъ Московско-Виндавской [illegible] вышелъ характерный инцидентъ: вышедшій изъ союза [illegible] рабочій, оставшійся — правленецъ. Рабочіе, констатируя этотъ фактъ, требовали занесенія его въ протоколъ [illegible] правленцамъ не понравилось, и они [illegible] быть разницы между рабочими и правленцами [illegible] отказались занести это въ протоколъ. Вслѣдъ за этимъ представители обѣихъ соц.-дем. [illegible] въ Москвѣ [illegible] заявили, что въ виду происшедшаго [illegible] настойчиво рекомендовать всѣмъ рабочимъ и [illegible] пролетарскихъ [illegible] выступленіе [illegible] принявшаго явно буржуазную окраску союза. Передъ самымъ уходомъ разыгрался еще одинъ инцидентъ: представитель [illegible] ж. д., смущенный неожиданнымъ [illegible], предложилъ считать принятое относительно [illegible] рѣшеніе обязательнымъ лишь [illegible] утвержденія его мѣстными отдѣленіями Всероссійскаго Союза. [illegible] и ведетъ приблизительно такую рѣчь: „[illegible] собственно за [illegible], но высказываюсь противъ, такъ какъ масса [illegible] темна и дурные инстинкты приводятъ ее къ рѣшенію [illegible] нашей точки зрѣнія нежелательному. [illegible] Послѣднее можно всегда сдѣлать и мы бы показали [illegible]" и прочее. Проситъ слова рабочій и говоритъ [illegible] ни болѣе ни менѣе [illegible]". И ему не [illegible] участникамъ блока [illegible] грубая пролетарская правда.

Изъ рѣшеній отмѣчу слѣдующія: „По вопросу объ общей стачкѣ на жел. дор. принята резолюція, общій смыслъ которой слѣдующій: немедленно начать агитацію за боевую стачку. [illegible], по проекту Ц. Бюро В. С. Ж. Д., должна считаться стачка, которая прекращается лишь тогда, когда выставленныя требованія *болѣе или менѣе* удовлетворены. Соціальдемократы протестуютъ противъ двусмысленнаго выраженія „болѣе или менѣе" и иллюстрируютъ свою мысль возможнымъ случаемъ, что дадутъ не всеобщее, равное и прямое и пр. избирательное право — это будетъ „большимъ или меньшимъ" удовлетвореніемъ, помирятся они, значитъ, на этомъ. Теплая кампанія смущена и рѣшаетъ отвергнуть толкованіе бюро, но не замѣнить ничѣмъ другимъ.

Въ связи съ рѣшеніемъ вопроса о боевой стачкѣ принято еще одно, имѣющее интересъ, рѣшеніе. Ц. Бюро получаетъ полномочіе такъ на назначеніе начала общей стачки, такъ и на превращеніе мѣстной стачки на жел. дор. въ общую, при этомъ Ц. Бюро должно считаться какъ съ наличными стачечными силами, такъ и съ общими условіями момента. Каждому отдѣленію В. С. Ж. Д. предоставляется вступить въ соглашеніе съ революціонными партіями.

Послѣднія три рѣшенія были цѣликомъ навязаны съѣзду соціальдемократическими делегатами.

Москва. Здѣсь было нѣсколько арестовъ и обысковъ. Одинъ изъ арестованныхъ (нелегальный) бѣжалъ въ моментъ составленія протокола на глазахъ у 10 полицейскихъ и сыщиковъ. У него, по слухамъ, найдено было оружіе. Въ воскресенье 7-го августа близъ ст. „Сортировочная" была массовка на которой присутствовало свыше 400 рабочихъ. Во время рѣчей появились казаки и стали разгонять нагайками. Въ отвѣтъ сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, которыми ранено двое казаковъ. Среди рабочихъ много избитыхъ. Ранена и „взята въ плѣнъ" неизвѣстная женщина, которую увезли въ тюрьму. Въ губернской тюрьмѣ находятся избитыя нѣсколько раньше, на Прохоровской массовкѣ. О Зарубина [illegible] Словомъ, послѣ царской „конституціи" все идетъ какъ въ доброе старое время.

Великія Луки, Псковской губ. Въ городѣ имѣется до 40 еврейскихъ мастерскихъ, сочувственно примыкающихъ къ Партіи. Въ вокзальныхъ же мастерскихъ у насъ пока человѣкъ 25 (изъ 700!). Объясняется этотъ малый процентъ тѣмъ, что около 270 ж. д. рабочихъ примыкаетъ къ „Союзу союзовъ" (т. е. къ Всероссійскому желѣзно-дорожному союзу). Остальные же рабочіе настроены реакціонно и пытались организоваться въ черную сотню. Это все бывшіе городскіе ремесленники, не приспособившіеся къ заводской работѣ и завистливо относящіеся къ пришлымъ рабочимъ „полякамъ", зарабатывающимъ больше. Нѣтъ у насъ опытныхъ агитаторовъ, а то можно было бы устроить очень порядочную организацію.

Варшава. Къ намъ прибыли запасные. [illegible] въ казармѣ [illegible] другой [illegible]. Разумѣется, [illegible] въ скудности, а нѣкоторыя части [illegible] у насъ стали выдавать лучшую пищу, чѣмъ обыкновенно. По моему мнѣнію на улучшеніе жизни повліяли послѣднія событія, имѣвшія мѣсто въ черноморскомъ флотѣ. Кромѣ того сами запасные въ первый же день ихъ прибытія потребовали лучшей пищи, въ противномъ случаѣ они угрожали разнести кухню. Когда имъ стали выдавать одежду, то и тутъ не обошлось безъ пререканій между запасными и начальствомъ. Одежду [illegible] старую изодранную, [illegible] скорѣе на тряпку, чѣмъ на человѣческое одѣяніе. Запасные посмотрѣли, посмѣялись на тряпки и отказались одѣвать эти лохмотья. Начальству пришлось уступить по этимъ двумъ пунктамъ.

[illegible] недовольство среди запасныхъ. Почти всѣ заняты [illegible] какъ бы домой перебраться. Сильно тоскуютъ, [illegible] всякимъ встрѣчнымъ. Кто дома [illegible] отцу некому [illegible] агитація хо[illegible] ибо сей[illegible] виноватаго начальства [illegible] ними вести бесѣду на такой [illegible] Волынской губ. [illegible] думаемъ [illegible] литературу [illegible] очень много. Нестроевыя команды цѣликомъ читаютъ. Въ ротахъ читаютъ листки и брошюры съ большой охотой.

ныхъ выборовъ, которая заставила бы всю буржуазную демократію приспособить свою тактику къ этому „новому факту" политической жизни по мѣрѣ того, какъ практика выборовъ „законныхъ" будетъ все болѣе и болѣе обострять политическую борьбу между прогрессивными и реакціонными силами нашего отечества. И „Пролетарій" разсчитываетъ найти нѣкоторое количество „добрыхъ" [illegible] Н. Ленина, которыхъ можно будетъ убѣдить въ томъ, что такая тактика есть именно „уклоненіе отъ единственно-революціонной тактики пролетаріата".

Дабы [illegible] автора передовицы угрожаетъ напоминаніемъ [illegible] „земской кампаніи „Искры".

Напоминаніе [illegible] статьи и мы [illegible] Параллель дѣйствительно умѣстна.

Когда либералы вели свою земскую кампанію, то [illegible] нихъ намѣчались двѣ тактики [illegible] къ фигурамъ [illegible] слѣдовали бы [illegible] тактикѣ [illegible] и другихъ. „Искра" и „Впередъ" [illegible] противопоставить тактику [illegible] массы [illegible] крыла, которыхъ [illegible] лишало гарантіе [illegible] наго развитія [illegible] поводу суровую [illegible] заграничной печати [illegible] Н. Ленинъ, закричавшій [illegible] революціонной тактикой" и [illegible] устранить [illegible] т. е. то самое, что [illegible] для обоихъ заграничныхъ [illegible] и рабочіе въ цѣломъ [illegible] думахъ и на демократическихъ [illegible] раловъ и демократовъ [illegible] люціи требованій [illegible] Къ великому [illegible] Ленина [illegible] пользѣ для дѣла [illegible] во многихъ мѣстахъ [illegible] леніе „большинства" [illegible] комитеты [illegible] Сѣверный, Нижегородскій, [illegible] Саратовскій. Сама [illegible] Потерпѣвъ пораженіе [illegible] Ленинъ [illegible] умолкъ и ни слова не [illegible] письмо [illegible] нова и на вопросъ [illegible] „Впередъ". И наша тактика противъ [illegible] когда на пресловутомъ [illegible] составить „статейный списокъ" уклоненій [illegible] „единственно-революціоннаго пути", [illegible] участники съѣзда не рѣшились ни однимъ словомъ напомнить о томъ „представительствѣ интересовъ пролетаріата", которое мы совѣтовали [illegible] рекомендуя пролетаріату не сосредоточивать всего своего вниманія на „участкахъ" въ то время какъ въ своихъ „закрытыхъ помѣщеніяхъ" земцы закладаютъ основаніе своей политической гегемоніи надъ освободительнымъ движеніемъ народа. Только теперь, когда [illegible] ихъ неудачи съ „земской кампаніей" [illegible] „Впередъ" [illegible] время отъ времени упоминаютъ объ этомъ [illegible] „новой „Искры". Надѣемся однако что [illegible] Ленинъ, [illegible] упоминать [illegible] своей критикѣ и кровавой „земской кампаніи" [illegible] Струве.

[illegible] „земской кампаніи" Ленинъ и [illegible] сторонники *активно* отражали „неприкосновенности" [illegible] тактики, которую намѣтили [illegible] конституціоналисты [illegible] стороны пролетаріата. [illegible] бы мы обладали [illegible] „Пролетарій" мы должны были бы [illegible] Нынче „Пролетарій" [illegible] фактически [illegible] чтобы [illegible] не мѣшали [illegible] и ничуть не [illegible] „бойкотъ" [illegible] Ленинцы [illegible] удержать делегата [illegible] тактики [illegible] на активную [illegible] народные элементы [illegible] буржуазныхъ [illegible]

[illegible] *агитацію* и бойкотъ [illegible] „Активный бойкотъ [illegible] устраивать собраній [illegible] въ нихъ „устройства демократической, политической [illegible] и т. д." Великій ты угодникъ [illegible] маленькая [illegible] „Пролетарій" [illegible] „активнаго" или просто бойкота откажется [illegible] *активности*? И [illegible] что рѣчь здѣсь идетъ [illegible] какими средствами намъ вести агитацію въ то время, какъ [illegible] бы часть „законныхъ" избирателей будетъ производить выборы. И авторъ далѣе говоритъ: „Активный бойкотъ есть агитація, вербовка, организація революціонныхъ силъ въ увеличенномъ масштабѣ". И каковы же должны быть [illegible] лозунги *этой* агитаціи, агитаціи въ данныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ первыми въ Россіи политическими выборами? Авторъ отвѣчаетъ: „Такимъ лозунгомъ можетъ быть только вооруженное возстаніе".

Итакъ, развивая свой „активный" бойкотъ, соціальдемократія будетъ призывать массы, вы думаете, къ немедленнымъ возстаніямъ? [illegible] „Разумѣется", заканчиваетъ авторъ свою статью, „тотъ, кто знаетъ мѣстныя условія (?), всегда будетъ предостерегать отъ преждевременныхъ попытокъ возстанія". Стало быть, мы будемъ активно призывать массу пассивно ждать часа всенароднаго возстанія, а до тѣхъ поръ устраивать „демонстраціи и забастовки" съ тѣмъ однако, чтобы они не сильно превращались въ частныя возстанія, ибо, какъ недавно заявилъ „Пролетарій", [illegible] рабочіе не должны были отвѣчать на разгромы [illegible] постройкой баррикадъ, [illegible] матросы [illegible] только къ [illegible] и называется „единственно революціонной тактикой" и [illegible] „тактика" противо[illegible] *теперь же* къ проявленію [illegible] активности и [illegible] революціонному [illegible] какъ нашъ [illegible] этой идеей ре[illegible]

[illegible] попытки организовать [illegible] возстанія [illegible] цѣликомъ на [illegible] соціальдемократы [illegible] было такъ, это [illegible] на чемъ же, [illegible] „Пролетарій" на возмож[illegible] „диктатуру пролетаріата [illegible] партія, столь [illegible] устоять противъ буржуазныхъ [illegible] „незаконныхъ" [illegible] побѣдившаго въ [illegible] думаютъ, что [illegible] „побѣдѣ" только потому [illegible] „освобожденцы" [illegible] и подъ кроватями [illegible] къ моменту пре[illegible] правительства [illegible] заклю[illegible] Во всякомъ случаѣ, [illegible] въ высшей [illegible] „диктатуры" [illegible] не потому, чтобы они [illegible] на аренѣ открытой [illegible] соціализма. „Отъ хорошей жизни [illegible]" [illegible] купецъ.

[illegible] намъ авторъ статьи. Вѣдь, я [illegible] „освобожденцами". Дѣло [illegible] „Рабочимъ и народу самодержавіе [illegible] временнымъ [illegible] правительствомъ не [illegible] выборовъ, сколько нибудь [illegible] народныхъ, — а освобожденцы [illegible] и беззастѣнчиво выдадутъ ихъ за „народные", за „[illegible] самоуправленіе".

По поводу лодзинскихъ событій комитетами Польской Соціальдемократіи и Бунда была назначена демонстрація. Ожидалось, какъ при такихъ случаяхъ бываетъ, большое столкновеніе между демонстрантами и войскомъ. Въ организаціи было рѣшено созвать, какъ можно больше, солдатъ и устроить изъ нихъ нѣсколько собраній по 5-9 человѣкъ.

Въ этихъ кружкахъ предполагалось выяснить значеніе лодзинскихъ событій, затѣмъ поговорить о предстоящей всеобщей политической забастовкѣ, о демонстраціи и о поведеніи солдатъ во время демонстрацій и указать, что на приказаніе стрѣлять они должны отвѣчать отказомъ. Но, къ сожалѣнію, все это осталось въ планѣ. Созвать кружки не удалось: солдатскія условія помѣшали этому. Пришлось ограничиться свиданіемъ съ двумя солдатами, черезъ которыхъ переданы были листки. Съ ними обсуждали, какъ имъ сорганизовать распространеніе листковъ. Изъ каждаго полка намѣчено было по двое. Между ними раздѣлили количество листковъ для распространенія въ каждомъ полку. Распространеніе было удачно. На слѣдующее утро поднялась тревога. Дежурные въ полку забѣгали и стали собирать листки. Хотя и много листковъ было собрано начальствомъ, однако почти всѣ солдаты читали. Впечатлѣніе листокъ произвелъ хорошее. Солдаты поговаривали, что стрѣлять не будутъ въ демонстрантовъ. Какъ извѣстно, демонстрація не удалась, а солдатамъ и стрѣлять не приходилось. О поведеніи же солдатскихъ патрулей идутъ различнаго рода слухи. Разсказываютъ, что солдатскіе патрули предупреждали на Дикой ул. прохожихъ. Они совѣтовали быстрѣе уходить, чтобы казацкій патруль ихъ не арестовалъ. И, дѣйствительно, арестовывали только казаки и гвардейцы.

Нѣсколько дней послѣ появленія прокламацій въ полкахъ былъ прочтенъ тайный циркуляръ отъ командующаго войсками: слѣдить за цивильными, появляющимися возлѣ лагеря, въ особенности, за еврейскими солдатами и не отпускать ихъ по пятницамъ и субботамъ въ городъ.

Сѣдлецъ, 11 (24) августа. Со вчерашняго дня у насъ забастовка для протеста противъ царскаго манифеста о созывѣ Думы. Утромъ соціалистическіе агитаторы велѣли запереть всѣ лавки и остановить работу. Заходили даже въ окружный судъ и предлагали чиновникамъ разойтись; послѣдніе не знали, что дѣлать; многіе присоединились къ забастовщикамъ. Вчера же былъ назначенъ первый день экзаменовъ въ гимназіи. Многіе родители повели дѣтей въ гимназію, но тутъ помѣшали имъ забастовавшіе еще въ прошломъ году ученики. Около гимназіи, на углахъ всѣхъ улицъ стояли группы учениковъ и не пропускали никого, иногда имъ приходилось даже прибѣгать къ угрозамъ палками; но за то они настояли на своемъ, ни одинъ ученикъ-полякъ не пойдетъ въ гимназію. Къ десяти часамъ всѣ лавки были закрыты, работы пріостановлены, по улицамъ ходили толпы рабочихъ и интеллигентовъ, наблюдался большой подъемъ духа. Показались патрули, сначала пѣшіе, а затѣмъ конные; разгоняли „сборища". Въ обѣденное время все какъ будто вымерло въ городѣ, но къ вечеру снова вышло много народу на главную улицу, ожидали демонстраціи. На стѣнахъ вездѣ виднѣлись напечатанныя на польскомъ языкѣ афиши: „долой самодержавіе"! „да здравствуетъ соціализмъ"! Въ девять часовъ вечера патрули вдругъ начали стрѣлять, рубить шашками; народъ въ мигъ разбѣжался. Насчитываютъ нѣсколько мертвыхъ между поляками и евреями.

Сегодня забастовка продолжается, но въ городѣ спокойно, только каждые пять минутъ проѣзжалъ небольшой отрядъ драгунъ. Многихъ арестовали, при чемъ происходили курьезныя сцены, какъ напримѣръ, маленькаго одиннадцатилѣтняго гимназистика вели въ полицію пять человѣкъ солдатъ! Буржуазія попряталась, а вечеромъ, когда начали стрѣлять, всѣ съ испугу погасили въ домахъ огни. Такіе же безпорядки происходятъ почти во всѣхъ городахъ Польши не говоря о Варшавѣ, гдѣ дѣло дошло до серьезной стрѣльбы.

Вчера вечеромъ собралась на Варшавской улицѣ (главной въ городѣ) толпа демонстрантовъ, раздались возгласы: „да здравствуетъ соціализмъ" и т. д. Патруль началъ стрѣлять, демонст[illegible]вали выстрѣлами изъ револьверовъ, но вскорѣ раз[illegible] [illegible] время стрѣльбы было ранено и убито нѣсколько [illegible] [illegible] убитыхъ еще не выяснено; говорятъ, человѣкъ во-[illegible]. Между драгунами есть тоже раненые. Настроеніе жителей, когда слышались одинъ за другимъ залпы изъ ружей, было крайне нервное. Патрули ѣздили по тротуару съ шашками на голо. Три ученика были избиты и арестованы

Сегодня забастовка кончилась, въ городѣ все спокойно, ожидаютъ погребенія убитыхъ.

Островецъ. Радомской губ. У насъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ началась стачка. Вообще, планъ былъ таковъ: послѣ субботы, т. е. послѣ объявленія манифеста о Государственной Думѣ, рѣшено было въ видѣ протеста назначить всеобщую стачку въ теченіи 3 дней, если же въ Россіи будетъ стачка, то и мы должны присоединиться къ ней и эта стачка должна длиться 6 недѣль, но Россія пока молчитъ, такъ что у насъ только протестъ высказанъ въ видѣ манифестацій въ разныхъ фабричныхъ мѣстностяхъ и, конечно, въ самой Варшавѣ.

У насъ въ понедѣльникъ была манифестація; въ четыре часа въ фабрикѣ собрались всѣ рабочіе и инженеры, было поднято 2 красныхъ и 2 черныхъ знамени и однимъ изъ рабочихъ была произнесена рѣчь, по поводу манифеста. Затѣмъ въ 6 часовъ вечера. послѣ свистка всѣ рабочіе со знаменами вышли на улицу и прошли къ городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Подходя къ городу, манифестанты были окружены войскомъ — вынули шашки и махали отчаяннымъ образомъ надъ головами, но рѣшительно никого не тронули, командующій офицеръ все время кричалъ „не смѣть трогать!" Все кончилось только арестомъ одного изъ участвующихъ, переписали фамиліи десятерыхъ. Въ манифестаціи участвовало около 1½ тысячи человѣкъ.

Карпогорское, Архангельской губ. Въ связи съ послѣдними событіями во внутренней Россіи, къ намъ (политическимъ ссыльнымъ) окружающее насъ народонаселеніе стало гораздо лучше относиться, и во многихъ селеніяхъ, гдѣ находятся политическіе ссыльные, многіе стали вполнѣ сознательно сочувствовать совершающемуся освободительному движенію въ Россіи. Со стороны администраціи, наоборотъ, противъ насъ за послѣднее время предпринимается рядъ репрессій, какъ-то: водвореніе въ болѣе отдаленныя мѣста Архангельской губ., сопровождающееся разными угрозами и запугиваніями. Дѣлается это такимъ образомъ: полиція получаетъ отъ губернатора „тайный циркуляръ", въ которомъ ей предписывается водворять Иванова или Петрова въ болѣе отдаленное мѣсто; въ случаѣ отказа слѣдовать добровольно предписываевся вязать его. Законность насильственныхъ дѣйствій полиція, въ такихъ случаяхъ, мотивируетъ „неблагонадежностью" водворяемаго! Насъ здѣсь было восемь человѣкъ. Нѣсколько времени тому назадъ, на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, куда мы всѣ собрались, вился урядникъ съ двумя стражниками и многими крестьянами и потребовалъ немедленнаго отъѣзда трехъ изъ насъ. Въ случаѣ отказа они грозились вязать. Единогласно мы рѣшили, что никто отсюда не тронется. Нѣсколько разъ они приступали къ намъ, но, каждый разъ, видя занятое нами угрожающее положеніе, отступали. Въ продолженіе трехъ часовъ они канителились у насъ на квартирѣ, и кончилось тѣмъ, что, составивъ протоколъ о сопротивленіи властямъ при исполненіи ими законныхъ распоряженій, отправились во-свояси. Къ суду привлекали только трехъ, (которые должны были отсюда уѣхать), — всѣ оправданы. Двѣ недѣли тому назадъ мѣстнымъ приставомъ было задержано наше пособіе, такъ что мы принуждены были голодать. Возмутившись такимъ поступкомъ, мы (8 чел.), забравъ на берегу рѣки двѣ лодки, отправились въ Пинегу. Не успѣли мы и 70-ти верстъ сдѣлать, какъ были задержаны населеніемъ деревни и препровождены назадъ. Тотчасъ по прибытіи нашемъ, намъ выдали пособіе. Путешествіе наше продолжалось двое сутокъ. Послѣдніе дни опять пошли освобожденія. Освободили трехъ изъ нашихъ товарищей.

Томскъ. Удачный открытый митингъ, устроенный Комитетомъ на могилѣ товарища Кононова 5-го іюля, стачка въ типографіи Яковлева, организованная Комитетомъ и вспыхнувшая 4-го іюля, все это послужало началомъ значительнаго движенія среди рабочихъ. Нѣсколько уже дней бастуютъ типографщики. Газеты не выходятъ. Рабочіе ходятъ толпами по городу и снимаютъ работающихъ. Много мастерскихъ забастовало. Ежедневно загородныя собранія въ 300 — 700 человѣкъ. У губернатора была депутація рабочихъ съ требованіемъ свободы собраній. Губернаторъ объявилъ, что не будетъ препятствовать собраніямъ за городомъ. Въ городскую Думу рабочими подано заявленіе о принятіи мѣръ къ огражденію населенія отъ полиціи. Городская Дума, наконецъ, рѣшилась, послѣ того, какъ губернаторъ разрѣшилъ собранія, собрать экстренное совѣщаніе и вынести этотъ вопросъ на публичное обсужденіе. Это будетъ въ понедѣльникъ 18-го іюля. Несомнѣнно, отъ рабочихъ ей нагоритъ. Вниманіе всего города приковано къ стачкѣ. Либералы начинаютъ говорить съ Комитетомъ заискивающимъ тономъ. С. Р. исчезли, яко дымъ. Не то утонули въ либералахъ, не то разъѣхались на дачи. По улицамъ казачьи и солдатскіе патрули. Охраняется телеграфъ и казначейство. Вчера рабочіе пробовали перерѣзать электрическіе проводы, но ихъ не допустили. Сегодня 60 человѣкъ рабочихъ пошли снимать фабрику Кухтерина за городомъ. Ихъ заперли во дворѣ и арестовали. Просидѣвъ нѣсколько часовъ и пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ, они были выпущены. Либералы даютъ деньги, при чемъ просятъ, чтобы рабочіе непремѣнно выставили политическія требованія. Но всѣ наши собранія и рядъ принятыхъ резолюцій и безъ того политическаго характера. На собраніи 700 забастовщиковъ — рабочихъ и служащихъ въ управленіи Сибирской дороги и различныхъ общественныхъ учрежденій было выработано обращеніе къ солдатамъ и казакамъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ народу. Обращеніе издано Комитетомъ. На другихъ собраніяхъ приняты резолюціи: о присоединеніи къ Россійской С.-Д. Р. П. и о томъ, что томскіе рабочіе готовы поддержать всеобщую политическую стачку по линіи Сибирской дороги.

Чита. По свѣдѣніямъ почерпнутымъ нами изъ прокламаціи Иркутскаго комитета (31 іюля), въ Читѣ съ 27 іюля началась громадная стачка рабочихъ читинскихъ мастерскихъ и депо. Начальникъ дороги Свентицкій распорядился по телеграфу изъ Иркутска уволить всѣхъ читинскихъ рабочихъ и для разсчета ихъ по телеграфу же перевести сто тысячъ рублей. Всѣхъ рабочихъ онъ замѣняетъ солдатами изъ желѣзнодорожныхъ батальоновъ. Иркутскій комитетъ призываетъ рабочихъ поддержать читинскихъ товарищей.

Керчь. Погромъ былъ геніально организованъ. Всѣ были вооружены револьверами, дѣйствовали по заранѣе обдуманному плану, подробно разработанному на нѣсколькихъ массовкахъ хулигановъ. Всѣмъ въ Керчи руководили: 1) отставной жандармскій генералъ *Трубниковъ*, 2 *градоначальникъ Клокачевъ* (считающій себя либераломъ и говорящій: „мы шестидесятники"!), 3) полиціймейстеръ *Яновъ* и 4) табачный фабрикантъ *Месаксуди* (старый развратникъ и негодяй — эксплуататоръ новѣйшей формаціи). Въ Керчи солдаты, по приказу Клокачева, безъ всякаго предупрежденія стрѣляли въ самооборону. Въ нѣкоторыхъ солдаты по вторичному приказу градоначальника стрѣляли, когда они *убѣгали*. Убиты: приказчикъ магазина Бакши и гимназистъ седьмого класса *Кириченко* (соц.-дем.). Около 12 человѣкъ серьезно ранено. Говорятъ, что 6-7 с. м. та же самая исторія повторится и въ Ѳеодосіи, и въ Симферополѣ, и въ Бердянскѣ.

Симферополь, 12 августа. Недавно въ помѣщеніи губернской земской управы состоялось учредительное собраніе Союза симферопольскихъ городскихъ служащихъ. Предложено было образовать политически-профессіональный союзъ. Политической платформой выставлены народное представительство на демократическихъ началахъ. Предложеніе присутствовавшихъ на собраніи соціальдемократовъ высказаться опредѣленно за демократическую республику вызвало долгіе споры и было отклонено, какъ несвоевременное и не подходящее къ платформѣ. Интересно отмѣтить, что мѣстные соціалисты революціонеры тоже высказались противъ внесенія въ платформу требованій республики. Соціальная платформа, для достиженія примиренія различныхъ направленій, вовсе исключена изъ платформы Союза. Такъ какъ политическая платформа оказалась для соціальдемократовъ непріемлемой, то они предложили образовать только профессіональный Союзъ, но и это предложеніе не было принято; тогда соціальдемократы покинули залъ собранія, заявивъ, что они, какъ члены пролетарской партіи, не могутъ принимать участія въ союзѣ, не выставившемъ на своемъ знамени борьбы за нужды народа. Любопытно отмѣтить, что соціалисты-революціонеры и просто революціонеры (есть и [illegible] у насъ) тоже отказались отъ вступленія [illegible] онъ носитъ буржуа[illegible]демократическій хара[illegible] а потому [illegible] въ дѣятельность Союза [illegible], и [illegible] послѣдовател[illegible] пропаганда въ насе[illegible] Союза. Соціалисты-р[illegible] онеры платформу принимаютъ [illegible] только среди земскихъ служащихъ.

Мелитополь. На-дняхъ у насъ были произведены обыски и аресты. У арестованныхъ ничего не найдено и ни въ чемъ они не замѣшаны. Обвиненія предъявляются совершенно абсурдныя и ни на чемъ не основанныя. Большинство арестованныхъ юноши; есть гимназистки шестого класса. Говорятъ, что ихъ просто хотятъ запугать съ цѣлью вынудить какія то признанія объ организаціи. Обыски производились очень тщательно

Ну это, господа, просто пустая отговорка. Васъ приглашаютъ организовать громадное революціонное дѣло, попирающее всякія законныя рамки, а вы хотите насъ увѣрить, что, если намъ *удастся* его организовать, то насъ, революціонеровъ, единственную партію, пріучившуюся уже маневрировать и дѣйствовать, не имѣя опоры ни въ какихъ законныхъ гарантіяхъ, — насъ оттѣснятъ люди, о которыхъ вы сами на каждомъ шагу твердите, что они не умѣютъ преодолѣвать противодѣйствія самодержавія, что они боятся дѣйствовать „нелегально", что они боятся идти къ народнымъ массамъ. И съ какихъ поръ васъ начала смущать „безцеремонность" либераловъ, готовыхъ на фальсификацію народныхъ выборовъ?

Конечно, не оставляетъ никакого сомнѣнія тотъ фактъ, что если революціонные выборы удастся организовать повсюду, то вышедшее изъ нихъ представительство отнюдь не можетъ явиться соціалистическимъ, не смотря на всѣ тѣ *преимуществъ*, какими, по сравненію съ выборами легальными будутъ обладать партіи, привыкшія не считаться съ легальностью. Оно не можетъ явиться соціалистическимъ, ибо масса „простого" народа въ Россіи еще далека отъ соціализма. Болѣе того Это представительство — разъ оно будетъ организовано болѣе или менѣе повсемѣстно — не можетъ быть и такимъ, которое дало бы основаніе надеждѣ на осуществленіе ленинской „диктатуры пролетаріата и крестьянства". Ибо масса того же самаго „простого" народа далека въ данный моментъ не только отъ соціализма, но и отъ якобинскаго демократизма и непремѣнно нашла бы своихъ представителей отчасти въ той именно организованной буржуазной демократіи, устраненіе которой Ленинъ считаетъ предпосылкой для излюбленной имъ диктатуры. Это такъ и это вполнѣ объясняетъ, почему собственно, „Пролетарій" такъ *боится* революціонныхъ народныхъ выборовъ. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не доказываетъ опасности подобныхъ выборовъ, а только лишній разъ свидѣтельствуетъ, на какомъ зыбкомъ песцѣ построены нѣкоторые „планы". „Отъ хорошей жизни не полетишь"!

Отвергать предложеніе организаціи „революціоннаго самоуправленія" на томъ основаніи, что если эта организація *не удастся* (если ее „фальсифицируютъ" либералы), то неудачей воспользуются „освобожденцы", — это тоже самое, что отвергать возстаніе на основаніи того, само по себѣ совершенно вѣрнаго соображенія, что въ случаѣ, если возстаніе будетъ раздавлено, въ выигрышѣ могутъ оказаться „нововременцы".

Но „Пролетарій" знаетъ еще одинъ доводъ противъ нашей „затѣи"... „Организація революціоннаго самоуправленія, выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ есть не *прологъ*, а *эпилогъ* возстанія. Ставить себѣ цѣлью осуществить эту организацію теперь, до возстанія, помимо возстанія, значитъ ставить себѣ нелѣпую цѣль и вносить путаницу въ сознаніе пролетаріата". Годъ тому назадъ пророчилъ я тов. Ленину, что не доведетъ его до добра усвоенная имъ въ то время манера фривольныхъ насмѣшекъ надъ діалектикой. Теперь онъ уже не можетъ даже себѣ представить дѣло иначе, какъ что революціонное самоуправленіе или *осуществлено* до паденія самодержавія (такъ, думаетъ онъ, предполагаетъ Искра), или что оно будетъ осуществлено (какъ желаетъ онъ самъ) послѣ паденія царизма. Что революціонное самоуправленіе можетъ *осуществляться* въ ходѣ систематической аттаки на царизмъ, съ тѣмъ, чтобы крахъ послѣдняго, скажемъ, подъ натискомъ побѣдоноснаго возстанія хотя бы въ нѣсколькихъ городахъ, завершилъ и закрѣпилъ это до паденія царизма начавшееся дѣло самоуправленія, — представить себѣ такую картину писатели „Пролетарія" абсолютно не могутъ, при одномъ намекѣ на нее они начинаютъ безсмысленно хихикать по поводу „возстанія-процесса" и, въ припадкахъ смѣха, окончательно лишаются способности сознательно относиться къ мыслямъ своихъ противниковъ.

А, между тѣмъ, жизнь все таки слѣдуетъ законамъ діалектики и, вопреки всѣмъ метафизикамъ, совершаетъ свои революціонныя ломки неизмѣнно, какъ процессы. По Ленину, революціонное самоуправленіе можетъ быть только *эпилогомъ* возстанія. А гурійскіе и тифлисскіе „мужики", не дождавшись „ленинскаго" возстанія, практикуютъ это революціонное самоуправленіе, а латышскіе крестьяне успѣшно слѣдуютъ по проложенному ими пути; а польское крестьянство тамъ и сямъ проводитъ въ жизнь тѣ же первые элементы „возстанія процесса"; а городскіе пролетаріи во всѣхъ концахъ Россіи революціоннымъ путемъ вырываютъ „подъ носомъ" у царизма отдѣльные элементы самоуправленія, собирая свободные митинги, организуя заводское представительство, завоевывая временами для цѣлыхъ пригородовъ свободу отъ нашествія полиціи и войскъ... И — удивительно! — всѣмъ этимъ эмпирикамъ революціи и въ голову не приходитъ, что, такъ какъ безъ законныхъ гарантій всѣ эти завоеванія непрочны (а это несомнѣнно), то задаваться пріобрѣтеніемъ ихъ будетъ „внесеніемъ путаницы", а лучше подождать пока „временное правительство" позволитъ имъ собираться на „биржахъ", выгонять изъ селъ царскихъ старшинъ, вести въ деревенскихъ управленіяхъ дѣлопроизводство не на „казенномъ" языкѣ и т. д., и т. д.

Повидимому, изъ всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ нашей партіи только одинъ не понялъ еще, какъ фактически подготовляется „рѣшительная побѣда надъ царизмомъ" — именно „Пролетарій" женевскій. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что, не обладая инстинктивной діалектикой революціонной массы, онъ слишкомъ легко освободилъ себя отъ той діалектики, къ которой его обязываетъ наша теорія?

Но тамъ, гдѣ „марксисту" измѣняетъ діалектика, обыкновенно на сцену выступаетъ самая вульгарная *софистика*. О склонности т. Ленина къ софистикѣ мнѣ пришлось говорить какъ разъ тогда, когда я пророчилъ ему бѣду отъ его возстанія противъ діалектики. Софистъ, чтобы „побить" противника на одномъ частномъ пунктѣ, очень охотно беретъ оружіе изъ его собственнаго арсенала. Когда, напримѣръ, тов. Ленину надо было „разнести" нашу „крестьянскую" резолюцію и резолюцію о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, то онъ, ничто же сумняшеся, доказываетъ, что „единственная революціонная тактика" требуетъ, чтобы мы и крестьянскіе комитеты (т. е. *органы революціоннаго самоуправленія*) создавали теперь-же и 8 час. рабочій день завоевали немедленно, не „дожидаясь санкціи „сверху". Тогда, слѣдовательно, тов. Ленина не смущало ни то соображеніе, что намъ правительство „не дастъ" организовать этихъ комитетовъ, ни то, что, въ силу этого, пожалуй, комитеты попадутъ въ руки соц.-революціонеровъ... Не смущало тогда и то положеніе, что „самоуправленіе" есть не прологъ, а эпилогъ возстанія.

Споръ о томъ, что чему должно предшествовать — самоуправленіе возстанію или возстаніе — самоуправленію? легко можетъ превратиться въ знаменитый споръ о курицѣ и яйцѣ, если подходить къ вопросу съ такой неисправимо-метафизической точки зрѣнія, которая свойственна нашимъ нынѣшнимъ „экономистамъ на изнанку". *Всенародное* возстаніе должно быть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *насильственнымъ*, ломающимъ всякое сопротивленіе распространеніемъ начавшагося и пустившаго уже извѣстные корни „революціоннаго самоуправленія". До какихъ предѣловъ успѣетъ распространиться — въ предѣлахъ даннаго порядка — народное самоуправленіе, выражающееся въ систематическомъ „захватѣ" правъ, прежде, чѣмъ однимъ мощнымъ ударомъ распространится на всю остальную поверхность общественной политической жизни (моментъ возстанія) — это вопросъ, не зависящій отъ нашихъ „плановъ" — его рѣшатъ особо благопріятныя условія, которыя заранѣе предугадать невозможно. Но революціонеръ, который убѣжденъ, что дѣло идетъ къ возстанію, обязанъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ представляющимся народу для новаго „захвата", такъ какъ чѣмъ шире будетъ плоскость временно (конечно!) оккупированной такимъ „процессомъ" территоріи, тѣмъ мощнѣе будетъ размахъ возстанія, тѣмъ глубже его корни, тѣмъ шире слои *организованныхъ для возстанія силъ*. И какъ комично звучитъ „возраженіе": „вамъ не дадутъ". Да развѣ мы спекулируемъ на то, что намъ „дадутъ", а не на то, что мы сумѣемъ „взять"? Развѣ въ самой борьбѣ за уже взятое и назадъ отбираемое мы не видимъ источника дальнѣйшаго революціоннаго движенія? Развѣ эта именно борьба не *организуетъ* лучше всего и вѣрнѣе всего тѣ силы, которыя революція должна имѣть за собой въ моментъ рѣшительнаго столкновенія?

„Если бы одесскимъ товарищамъ, продолжаетъ мямлить „Пролетарій", въ знаменитые одесскіе дни посовѣтовали въ видѣ пролога возстанія не организацію революціонной арміи, а организацію выборовъ одесскимъ народомъ своихъ уполномоченныхъ, то одесскіе товарищи, разумѣется, осмѣяли бы такое предложеніе". Очевидно, все возстаніе потерпѣло неудачу потому, что во время не прибыли въ Одессу по почтѣ совѣты „Пролетарія" „организовать революціонную армію" на деревянныхъ лошадкахъ и съ нестрѣляющими револьверами?.. А мы позволяемъ себѣ думать, что одесскіе товарищи должны были немедленно по полученіи съ „Потемкина" ультиматума о бомбардировкѣ города созвать собранія всѣхъ гражданъ для обсужденія вопроса, какъ принудить власть не подвергать города разгрому? Смѣемъ думать, что если бы горожане выбрали временные органы самоуправленія, на мѣсто попрятавшейся плутократической думы, то въ распоряженіи революціонныхъ элементовъ въ слѣдующіе дни при благопріятныхъ обстоятельствахъ уже была бы кой какая организація, *могущая* предпринимать рѣшительныя дѣйствія.

Суверенное презрѣніе къ революціонному самоуправленію народа цѣликомъ коренится въ бланкистской половинѣ ленинскаго міровоззрѣнія. Говоря о *всенародномъ* возстаніи „впередовцы" обыкновенно не только игнорируютъ революціонное самоуправленіе въ періодъ непосредственной подготовки къ возстанію, но и въ періодъ, имѣющій наступить послѣ первыхъ его побѣдъ. Захвативъ одинъ городъ, повстанцы, по ихъ мнѣнію, должны „провозгласить временное правительство" и затѣмъ

По поводу лодзинскихъ событій комитетами Польской Соціальдемократіи и Бунда была назначена демонстрація. Ожидалось, какъ при такихъ случаяхъ бываетъ, большое столкновеніе между демонстрантами и войскомъ. Въ организаціи было рѣшено созвать, какъ можно больше, солдатъ и устроить изъ нихъ нѣсколько собраній по 5-9 человѣкъ.

Въ этихъ кружкахъ предполагалось выяснить значеніе лодзинскихъ событій, затѣмъ поговорить о предстоящей всеобщей политической забастовкѣ, о демонстраціи и о поведеніи солдатъ во время демонстрацій и указать, что на приказаніе стрѣлять они должны отвѣчать отказомъ. Но, къ сожалѣнію, все это осталось въ планѣ. Созвать кружки не удалось: солдатскія условія помѣшали этому. Пришлось ограничиться свиданіемъ съ двумя солдатами, черезъ которыхъ переданы были листки. Съ ними обсуждали, какъ имъ сорганизовать распространеніе листковъ. Изъ каждаго полка намѣчено было по двое. Между ними раздѣлили количество листковъ для распространенія въ каждомъ полку. Распространеніе было удачно. На слѣдующее утро поднялась тревога. Дежурные въ полку забѣгали и стали собирать листки. Хотя и много листковъ было собрано начальствомъ, однако почти всѣ солдаты читали. Впечатлѣніе листокъ произвелъ хорошее. Солдаты поговаривали, что стрѣлять не будутъ въ демонстрантовъ. Какъ извѣстно, демонстрація не удалась, а солдатамъ и стрѣлять не приходилось. О поведеніи же солдатскихъ патрулей идутъ различнаго рода слухи. Разсказываютъ, что солдатскіе патрули предупреждали на Дикой ул. прохожихъ. Они совѣтовали быстрѣе уходить, чтобы казацкій патруль ихъ не арестовалъ. И, дѣйствительно, арестовывали только казаки и гвардейцы.

Нѣсколько дней послѣ появленія прокламацій въ полкахъ былъ прочтенъ тайный циркуляръ отъ командующаго войсками: слѣдить за цивильными, появляющимися возлѣ лагеря, въ особенности, за еврейскими солдатами и не отпускать ихъ по пятницамъ и субботамъ въ городъ.

Сѣдлецъ, 11 (24) августа. Со вчерашняго дня у насъ забастовка для протеста противъ царскаго манифеста о созывѣ Думы. Утромъ соціалистическіе агитаторы велѣли запереть всѣ лавки и остановить работу. Заходили даже въ окружный судъ и предлагали чиновникамъ разойтись; послѣдніе не знали, что дѣлать; многіе присоединились къ забастовщикамъ. Вчера же былъ назначенъ первый день экзаменовъ въ гимназіи. Многіе родители повели дѣтей въ гимназію, но тутъ помѣшали имъ забастовавшіе еще въ прошломъ году ученики. Около гимназіи, на углахъ всѣхъ улицъ стояли группы учениковъ и не пропускали никого, иногда имъ приходилось даже прибѣгать къ угрозамъ палками; но за то они настояли на своемъ, ни одинъ ученикъ-полякъ не пойдетъ въ гимназію. Къ десяти часамъ всѣ лавки были закрыты, работы пріостановлены, по улицамъ ходили толпы рабочихъ и интеллигентовъ, наблюдался большой подъемъ духа. Показались патрули, сначала пѣшіе, а затѣмъ конные; разгоняли „сборища“. Въ обѣденное время все какъ будто вымерло въ городѣ, но къ вечеру снова вышло много народу на главную улицу, ожидали демонстраціи. На стѣнахъ вездѣ виднѣлись напечатанныя на польскомъ языкѣ афиши: „долой самодержавіе“! „да здравствуетъ соціализмъ“! Въ девять часовъ вечера патрули вдругъ начали стрѣлять, рубить шашками; народъ въ мигъ разбѣжался. Насчитываютъ нѣсколько мертвыхъ между поляками и евреями.

Сегодня забастовка продолжается, но въ городѣ спокойно, только каждые пять минутъ проѣзжалъ небольшой отрядъ драгунъ. Многихъ арестовали, при чемъ происходили курьезныя сцены, какъ напримѣръ, маленькаго одиннадцатилѣтняго гимназистика вели въ полицію пять человѣкъ солдатъ! Буржуазія попряталась, а вечеромъ, когда начали стрѣлять, всѣ съ испугу погасили въ домахъ огни. Такіе же безпорядки происходятъ почти во всѣхъ городахъ Польши не говоря о Варшавѣ, гдѣ дѣло дошло до серьезной стрѣльбы.

Вчера вечеромъ собралась на Варшавской улицѣ (главной въ городѣ) толпа демонстрантовъ, раздались возгласы: „да здравствуетъ соціализмъ“ и т. д. Патруль началъ стрѣлять, демонстранты отвѣчали выстрѣлами изъ револьверовъ, но вскорѣ разбѣжались. Во время стрѣльбы было ранено и убито нѣсколько человѣкъ. Число убитыхъ еще не выяснено; говорятъ, человѣкъ во[illegible]. Между драгунами есть тоже раненые. Настроеніе жителей, когда слышались одинъ за другимъ залпы изъ ружей, было крайне нервное. Патрули ѣздили по троттуару съ шашками на голо. Три ученика были избиты и арестованы

Сегодня забастовка кончилась, въ городѣ все спокойно, ожидаютъ погребенія убитыхъ.

Островецъ. Радомской губ. У насъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ началась стачка. Вообще, планъ былъ таковъ: послѣ субботы, т. е. послѣ объявленія манифеста о Государственной Думѣ, рѣшено было въ видѣ протеста назначить всеобщую стачку въ теченія 3 дней, если же въ Россіи будетъ стачка, то и мы должны присоединиться къ ней и эта стачка должна длиться 6 недѣль, но Россія пока молчитъ, такъ что у насъ только протестъ высказанъ въ видѣ манифестацій въ разныхъ фабричныхъ мѣстностяхъ и, конечно, въ самой Варшавѣ.

У насъ въ понедѣльникъ была манифестація; въ четыре часа въ фабрикѣ собрались всѣ рабочіе и инженеры, было поднято 2 красныхъ и 2 черныхъ знамени и однимъ изъ рабочихъ была произнесена рѣчь, по поводу манифеста. Затѣмъ въ 6 часовъ вечера. послѣ свистка всѣ рабочіе со знаменами вышли на улицу и прошли къ городу съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. Подходя къ городу, манифестанты были окружены войскомъ — вынули шашки и махали отчаяннымъ образомъ надъ головами, но рѣшительно никого не тронули, командующій офицеръ все время кричалъ „не смѣть трогать!“ Все кончилось только арестомъ одного изъ участвующихъ, переписали фамиліи десятерыхъ. Въ манифестаціи участвовало около $1^1/_2$ тысячи человѣкъ.

Карпогорское, Архангельской губ. Въ связи съ послѣдними событіями во внутренней Россіи, къ намъ (политическимъ ссыльнымъ) окружающее насъ народонаселеніе стало гораздо лучше относиться, и во многихъ селеніяхъ, гдѣ находятся политическіе ссыльные, многіе стали вполнѣ сознательно сочувствовать совершающемуся освободительному движенію въ Россіи. Со стороны администраціи, наоборотъ, противъ насъ за послѣднее время предпринимается рядъ репрессій, какъ-то: водвореніе въ болѣе отдаленныя мѣста Архангельской губ., сопровождающееся разными угрозами и запугиваніями. Дѣлается это такимъ образомъ: полиція получаетъ отъ губернатора „тайный циркуляръ“, въ которомъ ей предписывается водворить Иванова или Петрова въ болѣе отдаленное мѣсто; въ случаѣ отказа слѣдовать добровольно предписываевся вязать его. Законность насильственныхъ дѣйствій полиція, въ такихъ случаяхъ, мотивируетъ „неблагонадежностью“ водворяемаго! Насъ здѣсь было восемь человѣкъ. Нѣсколько времени тому назадъ, на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, куда мы всѣ собрались, вился урядникъ съ двумя стражниками и многими крестьянами и потребовалъ немедленнаго отъѣзда трехъ изъ насъ. Въ случаѣ отказа они грозились вязать. Единогласно мы рѣшили, что никто отсюда не тронется. Нѣсколько разъ они приступали къ намъ, но, каждый разъ, видя занятое нами угрожающее положеніе, отступали. Въ продолженіе трехъ часовъ они канителились у насъ на квартирѣ, и кончилось тѣмъ, что, составивъ протоколъ о сопротивленіи властямъ при исполненіи ими законныхъ распоряженій, отправились во-свояси. Къ суду привлекали только трехъ, (которые должны были отсюда уѣхать), — всѣ оправданы. Двѣ недѣли тому назадъ мѣстнымъ приставомъ было задержано наше пособіе, такъ что мы принуждены были голодать. Возмутившись такимъ поступкомъ, мы (8 чел.), забравъ на берегу рѣки двѣ лодки, отправились въ Пинегу. Не успѣли мы и 70-ти верстъ сдѣлать, какъ были задержаны населеніемъ деревни и препровождены назадъ. Тотчасъ по прибытіи нашемъ, намъ выдали пособіе. Путешествіе наше продолжалось двое „сутокъ. Послѣдніе дни опять пошли освобожденія. Освободили трехъ изъ нашихъ товарищей.

Томскъ. Удачный открытый митингъ, устроенный Комитетомъ на могилѣ товарища Кононова 5-го іюля, стачка въ типографіи Яковлева, организованная Комитетомъ и вспыхнувшая 4-го іюля, все это послужало началомъ значительнаго движенія среди рабочихъ. Нѣсколько уже дней бастуютъ типографщики. Газеты не выходятъ. Рабочіе ходятъ толпами по городу и снимаютъ работающихъ. Много мастерскихъ забастовало. Ежедневно загородныя собранія въ 300 — 700 человѣкъ. У губернатора была депутація рабочихъ съ требованіемъ свободы собраній. Губернаторъ объявилъ, что не будетъ препятствовать собраніямъ за городомъ. Въ городскую Думу рабочими подано заявленіе о принятіи мѣръ къ огражденію населенія отъ полиціи. Городская Дума, наконецъ, рѣшилась, послѣ того, какъ губернаторъ разрѣшилъ собранія, собрать экстренное совѣщаніе и вынести этотъ вопросъ на публичное обсужденіе. Это будетъ въ понедѣльникъ 18-го іюля. Несомнѣнно, отъ рабочихъ ей нагоритъ. Вниманіе всего города приковано къ стачкѣ. Либералы начинаютъ говорить съ Комитетомъ заискивающимъ тономъ. С. Р. исчезли, яко дымъ. Не то утонули въ либералахъ, не то разъѣхались на дачи. По улицамъ казачьи и солдатскіе патрули. Охраняется телеграфъ и казначейство. Вчера рабочіе пробовали перерѣзать электрическіе провода, но ихъ не допустили. Сегодня 60 человѣкъ рабочихъ пошли снимать фабрику Кухтерина за городомъ. Ихъ заперли во дворѣ и арестовали. Просидѣвъ нѣсколько часовъ и пропѣвъ нѣсколько пѣсенъ, они были выпущены. Либералы даютъ деньги, при чемъ просятъ, чтобы рабочіе непремѣнно выставили политическія требованія. Но всѣ наши собранія и рядъ принятыхъ резолюцій и безъ того политическаго характера. На собраніи 700 забастовщиковъ — рабочихъ и служащихъ въ управленіи Сибирской дороги и различныхъ общественныхъ учрежденій было выработано обращеніе къ солдатамъ и казакамъ, съ приглашеніемъ присоединиться къ народу. Обращеніе издано Комитетомъ. На другихъ собраніяхъ приняты резолюціи: о присоединеніи къ Россійской С.-Д. Р. П. и о томъ, что томскіе рабочіе готовы поддержать всеобщую политическую стачку по линіи Сибирской дороги.

Чита. По свѣдѣніямъ почерпнутымъ нами изъ прокламаціи Иркутскаго комитета (31 іюля), въ Читѣ съ 27 іюля началась громадная стачка рабочихъ читинскихъ мастерскихъ и депо. Начальникъ дороги Свентицкій распорядился по телеграфу изъ Иркутска уволить всѣхъ читинскихъ рабочихъ и для разсчета ихъ по телеграфу же перевести сто тысячъ рублей. Всѣхъ рабочихъ онъ замѣняетъ солдатами изъ желѣзнодорожныхъ батальоновъ. Иркутскій комитетъ призываетъ рабочихъ поддержать читинскихъ товарищей.

Керчь. Погромъ былъ геніально организованъ. Всѣ были вооружены револьверами, дѣйствовали по заранѣе обдуманному плану, подробно разработанному на нѣсколькихъ массовкахъ хулигановъ. Всѣмъ въ Керчи руководили: 1) отставной жандармскій генералъ *Трубниковъ*, 2 *градоначальникъ Клокачевъ* (считающій себя либераломъ и говорящій: „*мы* шестидесятники“!), 3) полиціймейстеръ *Яновъ* и 4) табачный фабрикантъ *Месаксуди* (старый развратникъ и негодяй — эксплуататоръ новѣйшей формаціи). Въ Керчи солдаты, по приказу Клокачева, безъ всякаго предупрежденія стрѣляли въ самооборону. Въ нѣкоторыхъ солдаты по вторичному приказу градоначальника стрѣляли, когда они *убѣгали*. Убиты: приказчикъ магазина Бакши и гимназистъ седьмого класса *Кириченко* (соц.-дем.). Около 12 человѣкъ серьезно ранено. Говорятъ, что 6-7 с. м. та же самая исторія повторится и въ Ѳеодосіи, и въ Симферополѣ, и въ Бердянскѣ.

Симферополь, 12 августа. Недавно въ помѣщеніи губернской земской управы состоялось учредительное собраніе Союза симферопольскихъ городскихъ служащихъ. Предложено было образовать политически-профессіональный союзъ. Политической платформой выставлены народное представительство на демократическихъ началахъ. Предложеніе присутствовавшихъ на собраніи соціальдемократовъ высказаться опредѣленно за демократическую республику вызвало долгіе споры и было отклонено, какъ несвоевременное и не подходящее къ платформѣ. Интересно отмѣтить, что мѣстные соціалисты революціонеры тоже высказались противъ внесенія въ платформу требованій республики. Соціальная платформа, для достиженія примиренія различныхъ направленій, вовсе исключена изъ платформы Союза. Такъ какъ политическая платформа оказалась для соціальдемократовъ непріемлемой, то они предложили образовать только профессіональный Союзъ; но и это предложеніе не было принято; тогда соціальдемократы покинули залъ собранія, заявивъ, что они, какъ члены пролетарской партіи, не могутъ принимать участія въ союзѣ, не выставившемъ на своемъ знамени борьбы за нужды народа. Любопытно отмѣтить, что соціалисты-революціонеры и просто революціонеры (есть и такіе у насъ) тоже отказались отъ вступленія въ Союзъ, не потому, что онъ носитъ буржуазно-демократическій характеръ, а потому, что въ дѣятельность Союза входитъ, и совершенно послѣдовательно, пропаганда въ населеніи платформы Союза. Соціалисты-революціонеры платформу принимаютъ, но пропаганду склонны вести только среди земскихъ служащихъ.

Мелитополь. На-дняхъ у насъ были произведены обыски и аресты. У арестованныхъ ничего не найдено и ни въ чемъ они не замѣшаны. Обвиненія предъявляются совершенно абсурдныя и ни на чемъ не основанныя. Большинство арестованныхъ юноши; есть гимназистки шестого класса. Говорятъ, что ихъ просто хотятъ запугать съ цѣлью вынудить какія то признанія объ организаціи. Обыски производились очень тщательно

Ну это, господа, просто пустая отговорка. Васъ приглашаютъ организовать громадное революціонное дѣло, попирающее всякія законныя рамки, а вы хотите насъ увѣрить, что, если намъ *удастся* его организовать, то насъ, революціонеровъ, единственную партію, пріучившуюся уже маневрировать и дѣйствовать, не имѣя опоры ни въ какихъ законныхъ гарантіяхъ, — насъ оттѣснятъ люди, о которыхъ вы сами на каждомъ шагу твердите, что они не умѣютъ преодолѣвать противодѣйствія самодержавія, что они боятся дѣйствовать „нелегально“, что они боятся идти къ народнымъ массамъ. И съ какихъ поръ васъ начала смущать „безцеремонность“ либераловъ, готовыхъ на фальсификацію народныхъ выборовъ?

Конечно, не оставляетъ никакого сомнѣнія тотъ фактъ, что если революціонные выборы удастся организовать повсюду, то вышедшее изъ нихъ представительство отнюдь не можетъ явиться соціалистическимъ, не смотря на всѣ тѣ *преимущества*, какими, по сравненію съ выборами легальными будутъ обладать партіи, привыкшія не считаться съ легальностью. Оно не можетъ явиться соціалистическимъ, ибо масса „простого“ народа въ Россіи еще далека отъ соціализма. Болѣе того. Это представительство — разъ оно будетъ организовано болѣе или менѣе повсемѣстно — не можетъ быть и такимъ, которое дало бы основаніе надеждѣ на осуществленіе ленинской „диктатуры пролетаріата и крестьянства“. Ибо масса того же самаго „простого“ народа далека въ данный моментъ не только отъ соціализма, но и отъ якобинскаго демократизма и непремѣнно нашла бы своихъ представителей отчасти въ той именно организованной буржуазной демократіи, устраненіе которой Ленинъ считаетъ предпосылкой для излюбленной имъ диктатуры. Это такъ и это вполнѣ объясняетъ, почему собственно, „Пролетарій“ такъ *боится* революціонныхъ народныхъ выборовъ. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не доказываетъ опасности подобныхъ выборовъ, а только лишній разъ свидѣтельствуетъ, на какомъ зыбкомъ пескѣ построены нѣкоторые „планы“. „Отъ хорошей жизни не полетишь“!

Отвергать предложеніе организаціи „революціоннаго самоуправленія“ на томъ основаніи, что если эта организація *не удастся* (если ее „фальсифицируютъ“ либералы), то неудачей воспользуются „освобожденцы“, — это тоже самое, что отвергать возстаніе на основаніи того, само по себѣ совершенно вѣрнаго соображенія, что въ случаѣ, если возстаніе будетъ раздавлено, въ выигрышѣ могутъ оказаться „нововременцы“.

Но „Пролетарій“ знаетъ еще одинъ доводъ противъ нашей „затѣи“... „Организація революціоннаго самоуправленія, выборъ народомъ своихъ уполномоченныхъ есть не *прологъ*, а *эпилогъ* возстанія. Ставить себѣ цѣлью осуществить эту организацію теперь, до возстанія, помимо возстанія, значитъ ставить себѣ нелѣпую цѣль и вносить путаницу въ сознаніе пролетаріата“. Годъ тому назадъ пророчилъ я тов. Ленину, что не доведетъ его до добра усвоенная имъ въ то время манера фривольныхъ насмѣшекъ надъ діалектикой. Теперь онъ уже не можетъ даже себѣ представить дѣло иначе, какъ что революціонное самоуправленіе или *осуществлено* до паденія самодержавія (такъ, думаетъ онъ, предполагаетъ Искра), или что оно будетъ осуществлено (какъ желаетъ онъ самъ) послѣ паденія царизма. Что революціонное самоуправленіе можетъ *осуществляться* въ ходѣ систематической аттаки на царизмъ, съ тѣмъ, чтобы крахъ послѣдняго, скажемъ, подъ натискомъ побѣдоноснаго возстанія хотя бы въ нѣсколькихъ городахъ, завершилъ и закрѣпилъ это до паденія царизма начавшееся дѣло самоуправленія, — представить себѣ такую картину писатели „Пролетарія“ абсолютно не могутъ, при одномъ намекѣ на нее они начинаютъ безсмысленно хихикать по поводу „возстанія-процесса“ и, въ припадкахъ смѣха, окончательно лишаются способности сознательно относиться къ мыслямъ своихъ противниковъ.

А, между тѣмъ, жизнь все таки слѣдуетъ законамъ діалектики и, вопреки всѣмъ метафизикамъ, совершаетъ свои революціонныя ломки неизмѣнно, какъ процессы. По Ленину, революціонное самоуправленіе можетъ быть только *эпилогомъ* возстанія. А гурійскіе и тифлисскіе „мужики“, не дождавшись „ленинскаго“ возстанія, практикуютъ это революціонное самоуправленіе, а латышскіе крестьяне успѣшно слѣдуютъ по проложенному ими пути; а польское крестьянство тамъ и сямъ проводитъ въ жизнь тѣ же первые элементы „возстанія-процесса“; а городскіе пролетаріи во всѣхъ концахъ Россіи революціоннымъ путемъ вырываютъ „подъ носомъ“ у царизма отдѣльные элементы самоуправленія, собирая свободные митинги, организуя заводское представительство, завоевывая временами для цѣлыхъ пригородовъ свободу отъ нашествія полиціи и войскъ... И — удивительно! — всѣмъ этимъ эмпирикамъ революціи и въ голову не приходитъ, что, такъ какъ безъ законныхъ гарантій всѣ эти завоеванія непрочны (а это несомнѣнно), то задаваться пріобрѣтеніемъ ихъ будетъ „внесеніемъ путаницы“, а лучше подождать пока „временное правительство“ позволитъ имъ собираться на „биржахъ“, выгонять изъ селъ царскихъ старшинъ, вести въ деревенскихъ управленіяхъ дѣлопроизводство не на „казенномъ“ языкѣ и т. д., и т. д.

Повидимому, изъ всѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ нашей партіи только одинъ не понялъ еще, какъ фактически подготовляется „рѣшительная побѣда надъ царизмомъ“ — именно „Пролетарій“ женевскій. Можетъ быть, это объясняется тѣмъ, что. не обладая инстинктивной діалектикой революціонной массы, онъ слишкомъ легко освободилъ себя отъ той діалектики, къ которой его обязываетъ наша теорія?

Но тамъ, гдѣ „марксисту“ измѣняетъ діалектика, обыкновенно на сцену выступаетъ самая вульгарная *софистика*. О склонности т. Ленина къ софистикѣ мнѣ пришлось говорить какъ разъ тогда, когда я пророчилъ ему бѣду отъ его возстанія противъ діалектики. Софистъ, чтобы „побить“ противника на одномъ частномъ пунктѣ, очень охотно беретъ оружіе изъ его собственнаго арсенала. Когда, напримѣръ, тов. Ленину надо было „разнести“ нашу „крестьянскую“ резолюцію и резолюцію о 8 часовомъ рабочемъ днѣ, то онъ, ничто же сумняшеся, доказываетъ, что „единственная революціонная тактика“ требуетъ, чтобы мы и крестьянскіе комитеты (т. е. *органы революціоннаго самоуправленія*) создавали теперь-же и 8 час. рабочій день завоевали немедленно, не „дожидаясь санкціи „сверху“. Тогда, слѣдовательно, тов. Ленина не смущало ни то соображеніе, что намъ правительство „не дастъ“ организовать этихъ комитетовъ, ни то, что, въ силу этого, пожалуй, комитеты попадутъ въ руки соц.-революціонеровъ... Не смущало тогда и то положеніе, что „самоуправленіе“ есть не прологъ, а эпилогъ возстанія.

Споръ о томъ, что чему должно предшествовать — самоуправленіе возстанію или возстаніе — самоуправленію? легко можетъ превратиться въ знаменитый споръ о курицѣ и яйцѣ, если подходить къ вопросу съ такой неисправимо-метафизической точки зрѣнія, которая свойственна нашимъ нынѣшнимъ „экономистамъ на изнанку“. *Всенародное* возстаніе должно быть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *насильственнымъ*, ломающимъ всякое сопротивленіе распространеніемъ начавшагося и пустившаго уже извѣстные корни „революціоннаго самоуправленія“. До какихъ предѣловъ успѣетъ распространиться — въ предѣлахъ даннаго порядка — народное самоуправленіе, выражающееся въ систематическомъ „захватѣ“ правъ, прежде, чѣмъ однимъ мощнымъ ударомъ распространится на всю остальную поверхность общественной политической жизни (моментъ возстанія) — это вопросъ, не зависящій отъ нашихъ „плановъ“ — его рѣшатъ особо благопріятныя условія, которыя заранѣе предугадать невозможно. Но революціонеръ, который убѣжденъ, что дѣло идетъ къ возстанію, обязанъ пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ представляющимся народу для новаго „захвата“, такъ какъ чѣмъ шире будетъ плоскость временно (конечно!) оккупированной такимъ „процессомъ“ территоріи, тѣмъ мощнѣе будетъ размахъ возстанія, тѣмъ глубже его корни, тѣмъ шире слои *организованныхъ для возстанія силъ*. И какъ комично звучитъ „возраженіе“: „вамъ не дадутъ“. Да развѣ мы спекулируемъ на то, что намъ „дадутъ“, а не на то, что мы сумѣемъ „взять“? Развѣ въ самой борьбѣ за уже взятое и назадъ отбираемое мы не видимъ источника дальнѣйшаго революціоннаго движенія? Развѣ эта именно борьба не *организуетъ* лучше всего и вѣрнѣе всего тѣ силы, которыя революція должна имѣть за собой въ моментъ рѣшительнаго столкновенія?

„Если бы одесскимъ товарищамъ, продолжаетъ мямлить „Пролетарій“, въ знаменитые одесскіе дни посовѣтовали въ видѣ пролога возстанія не организацію революціонной арміи, а организацію выборовъ одесскимъ народомъ своихъ уполномоченныхъ, то одесскіе товарищи, разумѣется, осмѣяли бы такое предложеніе“. Очевидно, все возстаніе потерпѣло неудачу потому, что во время не прибыли въ Одессу по почтѣ совѣты „Пролетарія“ „организовать революціонную армію“ на деревянныхъ лошадкахъ и съ нестрѣляющими револьверами?.. А мы позволяемъ себѣ думать, что одесскіе товарищи должны были немедленно по полученіи съ „Потемкина“ ультиматума о бомбардировкѣ города созвать собранія всѣхъ гражданъ для обсужденія вопроса, какъ принудить власть не подвергать города разгрому? Смѣемъ думать, что если бы горожане выбрали временные органы самоуправленія, на мѣсто попрятавшейся плутократической думы, то въ распоряженіи революціонныхъ элементовъ въ слѣдующіе дни при благопріятныхъ обстоятельствахъ уже была бы кой какая организація, *могущая* предпринимать рѣшительныя дѣйствія.

Суверенное презрѣніе къ революціонному самоуправленію народа цѣликомъ коренится въ бланкистской половинѣ ленинистскаго міровоззрѣнія. Говоря о *всенародномъ* возстаніи „впередовцы“ обыкновенно не только игнорируютъ революціонное самоуправленіе въ періодъ непосредственной подготовки къ возстанію, но и въ періодъ, имѣющій наступить послѣ первыхъ его побѣдъ. Захвативъ одинъ городъ, повстанцы, по ихъ мнѣнію, должны „провозгласить временное правительство“ и затѣмъ

Въ одной квартирѣ взрывали полы и во дворѣ копали землю. Ищутъ типографію и оружіе. Всѣхъ арестованныхъ, повидимому, скоро выпустятъ, такъ какъ не за что ихъ держать. Экстренно убрали изъ завода весь военный оркестръ, который, по свѣдѣніямъ начальства, оказался спропагандированнымъ. Работа ширится у насъ съ каждымъ днемъ.

Асхабадъ, 4-го Августа. У насъ въ Закаспійскомъ краѣ соціальдемократическія организаціи положительно ростутъ не по днямъ, а по часамъ.

Какъ то стихійно, сами собой, выходятъ изъ нѣдръ рабочихъ массъ и военщины новые кружки, новыя группы, которыя тяготятся существующимъ строемъ и стремятся къ его сверженію и во многихъ случаяхъ на первыхъ порахъ бродятъ ощупью не зная, какъ и куда идти.

Наша Асхабадская С.-Д. организація, сама только что вставшая на ноги, (организовалась съ 1-го мая по іюнь мѣсяцъ, и, какъ слѣдуетъ, сорганизовалась въ іюлѣ мѣсяцѣ, теперь имѣетъ типографію, которая обслуживаетъ интересы солдатской и раб. орг.), принуждена была, по требованію изъ Мерва (большой городъ) и Казанджика (большая ж. д. станція, гдѣ есть рабочіе и много войскъ) выслать къ нимъ товарища для того, чтобъ онъ указалъ имъ путь и пріемы борьбы, потому что (такъ говорятъ ихъ представитель) „мы вотъ собираемся, обсуждаемъ свои дѣла, обсуждаемъ, какъ намъ свергнуть существующій строй и проч., но мы не знаемъ, съ чего начать, какъ работать, у насъ нѣтъ твердой почвы подъ ногами, а потому мы и просимъ на время руководителя“. (Съ такой же просьбой обратились и солдаты). Въ настоящее время вездѣ и всюду по всей среднеазіатской линіи идетъ броженіе, которое, я думаю, въ недалекомъ будущемъ выльется въ грандіозный протестъ.

Весь Закаспійскій край на усиленной охранѣ, но дѣло отъ этого ничуть не пострадало... Напр. въ Кизыль-Арватѣ, какъ собирались до сихъ поръ массовки въ саду совершенно открыто, такъ и теперь собираются регулярно 2 раза въ недѣлю и говорятъ на нихъ на чисто политическія темы.

Полиція дѣлаетъ все какъ то ощупью, слѣпо кидается въ разныя стороны и не знаетъ, за что взяться.

Вся администрація стала понимать, что пируетъ на вулканѣ.

Въ войскахъ организаціи Соц.-Дем. работаютъ очень и очень успѣшно, много было случаевъ, когда солдаты по собственной иниціативѣ группируются въ конспиративныя кружки и одинъ кружокъ не знаетъ о существованіи другого, а потомъ сразу присоединяются цѣлыми группами.

Однимъ словомъ, здѣсь все кипитъ и волнуется, почва самая воспріимчивая, но сильно стѣсняетъ насъ недостатокъ литературы.

Рабочій, членъ Асхабадской С.-Д. Организаціи.

Тифлисъ. Въ воскресенье, 21 августа, армянское духовенство и интеллигенція, во главѣ съ „дрошакистами“ задумали отслужить благодарственное молебствіе за то, что армянской церкви вернули „ея“ имущества, собирались устроить манифестацію. Наши стали въ оградѣ собора говорить рѣчи противъ нихъ. Тогда „дрошакисты“ не вытерпѣли и произвели нападеніе на рабочихъ. Нашихъ побили (мало ихъ было), но молебствіе и націоналистическая манифестація все таки не удалась. Католикосъ прямо бѣжалъ, флаги топтали ногами и на мѣсто ихъ поднимались красные. Намъ помогали „гнчакисты“. Наконецъ нами были распространены листки.

Отъ редакціи. Хоть бы „Соціалисты Революціонеры“ уняли своихъ союзниковъ — „дрошакистовъ“. А то, вѣдь, какъ будто и зазорно: царь вѣшаетъ по прежнему русскихъ революціонеровъ (да и самимъ ихъ союзникамъ „дрошакистамъ“ пощады не дастъ), а эти послѣдніе устраиваютъ молебны по случаю его „милостей“. Почему бы парижскому „блоку“ не включить въ условія соглашенія [illegible] „блокъ“ вступилъ [illegible] Католикосъ.

Енакіево 8-го Августа [illegible] ванныхъ рабочихъ [illegible] человѣкъ [illegible] 4 женщины [illegible] ной думы (мы [illegible] не знали [illegible] шено въ знакъ протеста организовать политическую забастовку на Петровскомъ заводѣ и прилегающихъ къ нему рудникахъ — Вѣровскомъ, Сергіевскомъ и Горловскомъ. Въ заключеніе пѣлись революціонныя пѣсни.

Ростовъ на Д. Сегодня съ 11 ч. утра Ростовскія мастерскія Владикавказской желѣзной дороги забастовали. Хотѣли отправить пассажирскій поѣздъ — рабочіе не дали. Произошло столкновеніе между рабочими и жандармами, послѣдніе стрѣляли; рабочіе массой устремились на вокзалъ, гдѣ произвели разрушеніе. Пріѣхавшіе казаки стали дѣйствовать нагайками, жандармы шашками. Четверо рабочихъ сильно ранены, 8 менѣе, пострадали многіе изъ публики. Сегодня же съ утра забастовали извощики. Ждемъ дальнѣйшихъ событій. Въ общемъ настроеніе приподнятое; вамъ, конечно, изъ газетъ уже извѣстно, что ближайшія къ Ростову станціи жел. дор. бастуютъ: Тихорѣцкая, Кавказская, Минеральныя Воды и т. д. Пока болѣе точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

М. Столбцы, Минской губ. М. Столбцы, вмѣстѣ съ окружающими деревнями и мѣстечками, до недавняго времени не утруждали властей предержащихъ заботой о поддержаніи общественнаго спокойствія по той простой причинѣ, что „порядокъ“ не нарушался почти; правда, еврейскіе рабочіе и здѣсь организовались, какъ и вездѣ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, но ихъ небольшое количество, по сравненію съ рабочими христіанами и тѣмъ болѣе крестьянскимъ элементомъ, дѣлали то, что ихъ движеніе проходило какъ то незамѣтно. Между тѣмъ, здѣшній крестьянинъ очень часто является рабочимъ. Особенно много „погонщиковъ“, составителей плотовъ. Богатый лѣсами округъ, ведущій оживленную лѣсную торговлю съ заграницей; даетъ лѣтомъ заработокъ, этого рода, сотнямъ крестьянъ. Много изъ этихъ крестьянъ ѣдутъ на плотахъ въ Германію и по своему развитію, превосходятъ своихъ сосѣдей; они то и являются наиболѣе удобнымъ элементомъ для соціальдемократической пропаганды. Но и крестьяне-земледѣльцы имѣютъ право быть недовольными своимъ положеніемъ. Небольшіе надѣлы да невыносимость налогового бремени заставляютъ наниматься у сосѣднихъ помѣщиковъ, которые эксплуатируютъ ихъ самымъ „патріархальнымъ“ образомъ. Особенно эксплуатируется трудъ женщинъ, плата которыхъ до возмутительности мала. Объ обращеніи и говорить не приходится. Все это дѣлало здѣсь почву воспріимчивой для соціальдемократическихъ идей. Самымъ сильнымъ препятствіемъ, какъ и вездѣ, въ этомъ краѣ, является исторически сложившаяся забитость и отсутствіе личной иниціативы у мѣстнаго мужика. Нужна была сильная встряска, общественная волна должна была дойти до значительныхъ размѣровъ, чтобы и нашъ мужикъ очнулся.

Онъ очнулся подъ громъ пушекъ и ружей, сначала на внѣшнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а потомъ на внутреннемъ. Не рѣдко тутъ встрѣтишь группы, разсуждающихъ о высокихъ матеріяхъ, мѣстныхъ крестьянъ, обсуждающихъ мирныя условія Японіи, порицающихъ нашихъ генераловъ и, вообще, русскіе порядки. Факты начинаютъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія, одинъ возмутительнѣе другого, одинъ характернѣе другого. Сидящій тутъ же рядомъ солдатъ подкрѣпитъ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ казарменной жизни, и нерѣдко по адресу офицерства направляется, при сочувственномъ отношеніи публики, самая отборная ругань, вылившаяся наружу изъ давно наболѣвшей души постоянно оскорбляемаго и обижаемаго солдата. Иногда и довольно часто, ругань, приправляемая угрозами въ родѣ: „перерѣзать ихъ всѣхъ собакъ нужно“. Понятно что такая атмосфера самымъ сильнымъ образомъ вліяетъ на мужика, ниспровергая, — всѣ традиціонныя холопскія понятія. Онъ уже не забитый и забытый мужикъ, а человѣкъ съ мнѣніемъ, со словомъ. На этихъ оригинальныхъ народныхъ собраніяхъ и воспитывается сознаніе необходимости свободы собраній, слова, здѣсь то и получаетъ свое первоначальное политическое образованіе отсталый россійскій обыватель.

Это пробужденіе крестьянина ознаменовалось цѣлымъ рядомъ забастовокъ. Въ м. Столбцахъ около 300 рабочихъ потребовали у лѣсоторговцевъ улучшенія своего положенія и выставили слѣдующія требованія: 1) Уменьшенія длины плотовъ съ 36 саженъ до 27, а ширины съ 14 аршинъ на 11; 2) за выгрузку вагоновъ 75 к. (вмѣсто 50); 3) работать отъ 6 до 6 съ [illegible] довымъ перерывомъ на [illegible] рабочимъ [illegible] до 1 руб.

Стачка [illegible] вначалѣ перепу[illegible] [illegible] окончимъ службу и намъ придется за то же приняться“. Рабочіе въ присутствіи ротнаго и солдатъ, бывало, поютъ марсельезу и другія революціонныя пѣсни. Стачка продолжалась съ 23 мая по 20 іюня. Солидарность была полная. Рабочіе не сдавались. Между тѣмъ плотамъ грозила опасность быть унесенными теченіемъ, вѣтромъ. Все это принуждало хозяевъ сдаться.

Вообще, настроеніе въ мѣстечкѣ было тревожное. Хотѣли было устроить 1-го мая манифестацію, но, изъ за боязни погрома отложили ее. Недавно произошелъ здѣсь слѣдующій инцидентъ. Исполнилось трехлѣтіе существованія здѣсь вольнаго пожарнаго общества. Еврейскіе рабочіе члены общества, заявили, что если будутъ играть народный гимнъ, они запоютъ марсельезу. Русскіе рабочіе поддержали ихъ. Представителемъ общества состоитъ земскій начальникъ, а почетными членами приставъ и др. власти. Заметалось начальство во всѣ стороны, но подѣлать ничего не могло. Рабочіе изъ боязни закрытія общества рѣшили не устраивать манифестаціи, а просто удалиться съ торжества, если будутъ играть народный гимнъ. Никакія увѣщанія не помогли. Тогда земскій начальникъ, по зрѣломъ обсужденіи со всѣмъ правленіемъ этого вопроса, заявилъ, что гимна не будетъ, лишь бы не устроили манифестаціи. Торжество состоялось. Гимна не было. Даже среди тостовъ, какіе поднимались то за общество, то за членовъ его, ни одного не было за государя, за то, былъ тостъ за рабочій народъ, поднятый какимъ то чиновнымъ лицомъ.

Вообще мѣстное начальство сильно боится. Урядникъ какъ то выразился, что не будь онъ урядникомъ, то убили бы уже восемь урядниковъ. Онъ совѣтуетъ расходиться при его появленіи. „Я пройду мимо, а вы можете снова собраться“, сказалъ онъ. Но рабочіе не такъ податливы. Когда онъ ѣхалъ разъ въ бричкѣ со знакомымъ, рабочіе не дали дороги. Онъ разсердился и закричалъ. Рабочіе послали его къ чорту и ему пришлось свернуть на боковую.

Въ деревнѣ Заямѣ (три версты отъ Столбцовъ) человѣкъ 30 крестьянъ забастовали и потребовали увеличенія платы съ 25 коп. на 1 руб. Помѣщикъ отказался и стачка съ Петрова дня не окончилась еще. Крестьяне держатся дружно. Въ дерев. Старыхъ Свержняхъ четыре крестьянина устроили стачку. Требовали 1 руб. для женщины и 1 руб. 50 коп. для мужчины. Въ стачку вмѣшался земскій начальникъ и присудилъ трехъ чел. на два мѣсяца и одного чел. на одинъ мѣсяцъ. Стачка была также у помѣщика Дашкевича въ Николаевщинѣ. Всѣ эти стачки не проходили безъ вліянія соціальдемократической пропаганды, которая усилилась особенно въ это лѣто. Въ рабочую и крестьянскую массу проникла нелегальная литература отчасти отъ организованныхъ еврейскихъ рабочихъ, отчасти отъ соц. рев. и Партіи. Въ мѣст. Столбцахъ нелегальщина стала обыденнымъ явленіемъ. Революціонныя пѣсни распѣваются открыто. Стачка въ деревнѣ Заямѣ возникла тоже подъ вліяніемъ прокламаціи. Въ мѣст. Задворье были распространены прокламаціи. Въ дер. Стечкахъ раздавали крестьянамъ прокламаціи. Они прочли, одобрили; только не понравилась имъ, что тамъ противъ царя, а такъ, говорили, хорошо. Въ мѣстеч. Копыль около 300 чел. устроили 1 мая демонстрацію. Когда прибылъ урядникъ и захотѣлъ арестовать знаменоносца, рабочіе окружили его и всѣ пошли по мѣстечку и базару съ пѣніемъ рев. пѣсенъ при одобрительномъ отношеніи собравшейся крестьянской массы. Демонстрація также устроена была въ Любчахъ и многихъ другихъ мѣстахъ (о нихъ мы скажемъ въ слѣдующихъ корреспонденціяхъ).

Все это броженіе, глубоко интересное и важное для самой бѣлорусской массы, хотя и проходило подъ вліяніемъ революціонныхъ идей, не было организовано. Литература распространялась случайно, урывками. Болѣе развитые рабочіе и крестьяне дѣйствовали въ разбродъ. Понятно, что ожидать крупныхъ успѣховъ нельзя было. Дѣлались было соц.-революціонерами нѣкоторыя попытки, но безуспѣшно. Такъ, въ м. Столбцы недавно пріѣхалъ соціалистъ-революціонеръ, привезъ литературу и собралъ до 30 человѣкъ на собраніе. Собравшимся онъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы и что онъ русскій. Но рабочіе узнали въ немъ еврея. Ихъ этотъ обманъ обидѣлъ. „Сказалъ бы, что еврей — что за бѣда. А то что же обманомъ ходитъ. Разъ обманываетъ, то не вѣримъ ему, не хотимъ его“. Его чуть ли не поколотить хотѣли. Характерно, что нѣкоторые рабочіе сказали, что они больше расположены къ соціальдемократамъ, но не знаютъ разницы между соц.-революціонерами и соціальдемократами и хотѣли бы знать ее.

Понимая серьезность теперешняго момента, необходимость организовать широкія народныя массы, чтобы придать стихійному броженію сознательный соціальдемократическій характеръ, Сѣверо-Западный Комитетъ рѣшилъ обратить особое вниманіе на организаціи пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ по мѣстечкамъ и деревняхъ. Для этого, конечно, потребуется много силъ и средствъ, но нужно полагать, что сама работа выдвинетъ ихъ. Начало дѣйствительно показало это. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что организаціонная работа въ Литвѣ и Бѣлоруссіи удастся Партіи не хуже, чѣмъ на Кавказѣ и другихъ мѣстахъ. Для этого прежде всего надо, чтобы вокругъ Сѣверо-Западнаго Комитета сплотились тѣснымъ кольцомъ всѣ живыя мѣстныя силы. Нужна дружная работа, направленная къ ясно сознанной и упорно преслѣдуемой цѣли.

Очеркъ дѣятельности Черниговской Группы Р. С.-Д. Р. П. за послѣдніе полгода. Опытъ неудавшейся демонстраціи 19 февраля и дефекты при выступленіи соц. дем. организаціи на общественныхъ собраніяхъ указывали на главнѣйшіе недостатки мѣстной работы. Это прежде всего слабо поставленная агитація среди русскихъ рабочихъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ организаціи русскіе рабочіе, не считая отдѣльныхъ лицъ, не участвовали, а къ еврейской „крамолѣ“ общество уже успѣло „привыкнуть“. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ организаціей то и дѣло появлялся призракъ погрома, парализовавшій работу. Благодаря полицейской провокаціи и еврейской плутократіи, спѣшившей въ такихъ случаяхъ со мздою къ начальству, слухъ о погромѣ наполнялъ городъ и деморализующе вліялъ на рабочую массу. Что касается обывателей, то вѣчная тревога за свою жизнь и имущество не могла не вызвать въ нихъ непріязни къ соціальдемократамъ, тѣмъ болѣе, что обыватели опасались, какъ бы сигналомъ къ погрому не послужила какая-нибудь „выходка“ рабочихъ. Этотъ гипнозъ погрома заставлялъ даже и часть еврейскихъ рабочихъ сторониться организаціи. Привлеченіе русскихъ рабочихъ и становится главной задачей организаціи.

Слабое біеніе политической жизни въ нашемъ городѣ само указывало, что сочувствіе массы организація можетъ вызвать прежде всего участіемъ своимъ въ профессіональной борьбѣ. Рѣшено было поэтому устроить предъ первымъ мая всеобщую забастовку рабочихъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи привлечь забастовщиковъ къ участію въ первомайской демонстраціи. Благодаря массовымъ арестамъ и все той же безсознательности русскихъ рабочихъ, стачка не удалась; пришлось отказаться и отъ празднованія перваго мая, ограничившись лишь массовымъ распространеніемъ листковъ. Но послѣ перваго мая агитація проявилась въ непрекращающемся до сихъ поръ стачечномъ движеніи черниговскихъ рабочихъ. Первыми забастовали переплетчики, мясники, прачешники, крозельщики, столяры и др. Организованность стачекъ проявилась въ тождественности экономич. требованій (9 часовый рабочій день, хорошее обращеніе, прибавка жалованья, прогрессивно повышающаяся отъ низшихъ категорій рабочихъ къ высшимъ. Но что самое важное — это [illegible] агитаціи. [illegible] рабочіе собирали массовки, [illegible] разъясненія [illegible] политическая [illegible] ихъ согласія [illegible] 250—400 [illegible] и въ такомъ видѣ предъявлялись [illegible]. Содержаніе этихъ листковъ [illegible] экономич. требованія, а затѣмъ приводилась резолюція, принятая на сходкѣ. Предъявляя хозяевамъ настоящія требованія, мы, черниговскіе рабочіе.., въ согласіи съ пролетаріатомъ всей Россіи, признаемъ, что для успѣшной и правильной борьбы рабочаго класса необходима свобода стачекъ, союзовъ, собраній, слова и печати, неприкосновенность личности и жилища и переходъ государственной власти въ руки народа путемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія“.

Такимъ образомъ, организація осуществила фактически тотъ планъ агитаціи, который предлагала редакція „Искры“ наканунѣ перваго мая по поводу комиссіи Шидловскаго. Одни только приказчики, организованные „сіонистами соціалистами“, не выставили политическихъ требованій. Къ нимъ былъ выпущенъ нами особый листокъ, побуждавшій ихъ принять политическія требованія.

Эта стачечная агитація, охватившая около 600 рабочихъ, въ томъ числѣ около 100 русскихъ, сдѣлала политическіе вопросы популярными въ рабочей массѣ. Повысился въ огромной степени и престижъ организаціи. Въ то же время, въ виду возникшихъ слуховъ о готовящемся погромѣ на Троицу, была организована оборона. Главную массу выставили соціальдемократы, около 200 рабочихъ, въ томъ числѣ около 45 русскихъ (соціалисты революціонеры собрали всего человѣкъ 30, преимущественно учащейся молодежи). Это успокоило отчасти обывателей. Они не вполнѣ освободились отъ страха предъ погромомъ, но все же начали съ большимъ уваженіемъ относиться къ „демократамъ“. Итакъ, главная цѣль, благодаря стачкамъ, въ значительной степени достигнута. Появились кадры сочувствующихъ среди русскихъ, обывательское сердце смягчилось. Теперь предъ организаціей стоитъ дальнѣйшая задача: углубить соціальдемократическое сознаніе массы и тѣснѣе слить русское движеніе съ еврейскимъ. Съ этой цѣлью стали устраивать митинги. Первый митингъ былъ въ субботу 9 іюля. Присутствовало человѣкъ 400, въ главной массѣ рабочіе, но отчасти и низшіе слои еврейской интеллигенціи. Говорили о профессіональномъ и политическомъ движеніи, о ближайшихъ цѣляхъ соціальдемократіи, объ отношеніи къ либераламъ, соціалистамъ-революціонерамъ, поале-сіонистамъ и Бунду.

Итогъ рѣчамъ былъ подведенъ въ резолюціи, принятой собраніемъ: „Принимая во вниманіе, что осуществленіе политическихъ и экономическихъ требованій пролетаріата ставитъ предъ нимъ задачу борьбы не только съ самодержавіемъ, но и съ буржуазіей, которая для закрѣпленія своего классоваго господства надъ рабочимъ готова войти въ соглашеніе съ самодержавіемъ въ цѣляхъ лишенія большей части народа политическихъ правъ; что лишь самостоятельная партія пролетаріата съ своей особой классовой политикой и тактикой можетъ использовать революціонную борьбу для созданія наилучшихъ условій для борьбы за соціализмъ; что между дѣйствующими въ Россіи соціалдемократическими организаціями нѣтъ серьезныхъ принципіальныхъ программныхъ и тактическихъ разногласій, а организаціонныя разногласія, какъ то показала февральская конференція соціальдемократическихъ организацій, не настолько существенны, чтобы помѣшать объединенію въ настоящій революціонный періодъ, — мы признаемъ необходимымъ возможно болѣе тѣсное объединеніе всѣхъ работающихъ въ Россіи соціальдемократическихъ организацій для борьбы, какъ съ самодержавіемъ, такъ и съ буржуазіей за осуществленіе нашихъ требованій. Мы признаемъ, что объединенная рабочая партія, неуклонно преслѣдуя свою классовую политику, предохранитъ отъ націоналистическихъ и тому подобныхъ увлеченій, которыми буржуазія стремится затемнить опасное для нея классовое самосознаніе пролетаріата, привлечетъ и на свою сторону въ настоящій

„давленіемъ сверху“ уничтожить реакцію, выпуская благодѣтельные декреты, подавляя контръ-революціонныя попытки, заливая страну ворохомъ революціонно-канцелярскихъ бумагъ, смѣщая чиновниковъ и назначая новыхъ и т. д. и т. д. При этомъ они любятъ упоминать о Парижской коммунѣ и не понимаютъ, почему именно „меньшевики“ въ своихъ резолюціяхъ о возстаніяхъ употребляютъ этотъ терминъ — „коммуна“. Поэтому будетъ не безъинтересно привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія Энгельса къ „Гражданской войнѣ во Франціи“ Маркса:

„Воспитанные въ школѣ заговорщиковъ и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, бланкисты думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была прежде всего *диктаторская централизація власти* (курс. нашъ) въ рукахъ новаго правительства. Что же сдѣлала Коммуна, въ которой большинство состояло изъ бланкистовъ? Она выпустила воззваніе къ провинціямъ Франціи, въ которыхъ приглашала всѣ коммуны свободно соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, въ организацію, впервые созданную, дѣйствительно, самой націей“, — т. е. организовать революціонное самоуправленіе.

Путь революціоннаго самоуправленія есть единственный путь организаціи силъ для дѣйствительно всенароднаго возстанія, для всѣхъ тѣхъ будущихъ возстаній, которыя смогутъ стать необходимыми въ ходѣ революціи. И только та партія будетъ играть роль дѣйствительнаго двигателя революціи, только та сможетъ въ стихійно-вспыхивающихъ возстаніяхъ играть сколько нибудь руководящую роль, которая возможно раньше научитъ массы и научится сама дѣйствовать на почвѣ революціоннаго самоуправленія народа. Но кто желаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, тотъ долженъ безповоротно отвергнуть, между прочимъ, и всякія попытки *задерживать* частныя возстанія, если они могутъ, по своей конкретной обстановкѣ, служить дѣлу расширенія сферы дѣйствія революціоннаго „захватнаго права“.

И только „подъ знакомъ“ развитія революціоннаго самоуправленія надо разсматривать вопросъ о принятіи или непринятіи тактики „бойкота“, и только тактика, разсчитанная на развитіе революціоннаго самоуправленія народа сможетъ извлечь дѣйствительную пользу для революціи изъ „законныхъ“ выборовъ.

Л. М.

Въ одной квартирѣ взрывали полы и во дворѣ копали землю. Ищутъ типографію и оружіе. Всѣхъ арестованныхъ, повидимому, скоро выпустятъ, такъ какъ не за что ихъ держать. Экстренно убрали изъ завода весь военный оркестръ, который, по свѣдѣніямъ начальства, оказался спропагандированнымъ. Работа ширится у насъ съ каждымъ днемъ.

Асхабадъ, 4-го Августа. У насъ въ Закаспійскомъ краѣ соціальдемократическія организаціи положительно ростутъ не по днямъ, а по часамъ.

Какъ то стихійно, сами собой, выходятъ изъ нѣдръ рабочихъ массъ и военщины новые кружки, новыя группы, которыя тяготятся существующимъ строемъ и стремятся къ его сверженію и во многихъ случаяхъ на первыхъ порахъ бродятъ ощупью не зная, какъ и куда идти.

Наша Асхабадская С.-Д. организація, сама только что вставшая на ноги, (организовалась съ 1-го мая по іюнь мѣсяцъ, и, какъ слѣдуетъ, сорганизовалась въ іюлѣ мѣсяцѣ, теперь имѣетъ типографію, которая обслуживаетъ интересы солдатской и раб. орг.), принуждена была, по требованію изъ Мерва (большой городъ) и Казанджика (большая ж. д. станція, гдѣ есть рабочіе и много войскъ) выслать къ нимъ товарища для того, чтобъ онъ указалъ имъ путь и пріемы борьбы, потому что (такъ говорятъ ихъ представители) „мы вотъ собираемся, обсуждаемъ свои дѣла, обсуждаемъ, какъ намъ свергнуть существующій строй и проч., но мы не знаемъ, съ чего начать, какъ работать, у насъ нѣтъ твердой почвы подъ ногами, а потому мы и просимъ на время руководителя“. (Съ такой же просьбой обратились и солдаты). Въ настоящее время вездѣ и всюду по всей среднеазіатской линіи идетъ броженіе, которое, я думаю, въ недалекомъ будущемъ выльется въ грандіозный протестъ.

Весь Закаспійскій край на усиленной охранѣ, но дѣло отъ этого ничуть не пострадало... Напр. въ Кизыль-Арватѣ, какъ собирались до сихъ поръ массовки въ саду совершенно открыто, такъ и теперь собираются регулярно 2 раза въ недѣлю и говорятъ на нихъ на чисто политическія темы.

Полиція дѣлаетъ все какъ то ощупью, слѣпо кидается въ разныя стороны и не знаетъ, за что взяться.

Вся администрація стала понимать, что пируетъ на вулканѣ.

Въ войскахъ организація Соц.-Дем. работаютъ очень и очень успѣшно, много было случаевъ, когда солдаты по собственной иниціативѣ группируются въ конспиративныя кружки и одинъ кружокъ не знаетъ о существованіи другого, а потомъ сразу присоединяются цѣлыми группами.

Однимъ словомъ, здѣсь все кипитъ и волнуется, почва самая воспріимчивая, но сильно стѣсняетъ насъ недостатокъ литературы.

Рабочій, членъ Асхабадской С.-Д. Организаціи.

Тифлисъ. Въ воскресенье, 21 августа, армянское духовенство и интеллигенція, во главѣ съ „дрошакистами“ задумали отслужить благодарственное молебствіе за то, что армянской церкви вернули „ея“ имущества, собирались устроить манифестацію. Наши стали въ оградѣ собора говорить рѣчи противъ нихъ. Тогда „дрошакисты“ не вытерпѣли и произвели нападеніе на рабочихъ. Нашихъ побили (мало ихъ было), но молебствіе и націоналистическая манифестація все таки не удалась. Католикосъ прямо бѣжалъ, флаги топтали ногами и на мѣсто ихъ поднимались красные. Намъ помогали „инчакисты“. Наконецъ нами были распространены листки.

Отъ редакціи. Хоть бы „Соціалисты Революціонеры“ уняли своихъ союзниковъ — „дрошакистовъ“. А то, вѣдь, какъ будто и зазорно: царь вѣшаетъ по прежнему русскихъ революціонеровъ (да и самимъ ихъ союзникамъ „дрошакистамъ“ пощады не даетъ), а эти послѣдніе устраиваютъ молебны по случаю его „милостей“. Почему бы парижскому „блоку“ не включить въ условія соглашенія прекращеніе этого неприличія? Или, можетъ быть, въ сей „блокъ“ вступилъ и самъ г. Католикосъ?

Енакіево 8-го Августа. 6-го Августа было собраніе организованныхъ рабочихъ, всего собралось 38 человѣкъ (въ томъ числѣ 4 женщины). Говорили о предполагаемомъ созывѣ Государственной Думы (мы еще не знали, что въ этотъ же день было объявлено о созывѣ ея). Дебаты велись очень оживленно. Было рѣшено въ знакъ протеста организовать политическую забастовку на Петровскомъ заводѣ и прилегающихъ къ нему рудникахъ — Вѣровскомъ, Сергіевскомъ и Горловскомъ. Въ заключеніе пѣлись революціонныя пѣсни.

Ростовъ на Д. Сегодня съ 11 ч. утра Ростовскія мастерскія Владикавказской желѣзной дороги забастовали. Хотѣли отправить пассажирскій поѣздъ — рабочіе не дали. Произошло столкновеніе между рабочими и жандармами, послѣдніе стрѣляли; рабочіе массой устремились на вокзалъ, гдѣ произвели разрушеніе. Пріѣхавшіе казаки стали дѣйствовать нагайками, жандармы шашками. Четверо рабочихъ сильно ранены, 8 менѣе, пострадали многіе изъ публики. Сегодня же съ утра забастовали извозчики. Ждемъ дальнѣйшихъ событій. Въ общемъ настроеніе приподнятое; вамъ, конечно, изъ газетъ уже извѣстно, что ближайшія къ Ростову станціи жел. дор. бастуютъ: Тихорѣцкая, Кавказская, Минеральныя Воды и т. д. Пока болѣе точныхъ свѣдѣній нѣтъ.

М. Столбцы, Минской губ. М. Столбцы, вмѣстѣ съ окружающими деревнями и мѣстечками, до недавняго времени не утруждали властей предержащихъ заботой о поддержаніи общественнаго спокойствія по той простой причинѣ, что „порядокъ“ не нарушался почти; правда, еврейскіе рабочіе и здѣсь организовались, какъ и вездѣ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, но ихъ небольшое количество, по сравненію съ рабочими христіанами и тѣмъ болѣе крестьянскимъ элементомъ, дѣлали то, что ихъ движеніе проходило какъ то незамѣтно. Между тѣмъ, здѣшній крестьянинъ очень часто является рабочимъ. Особенно много „погонщиковъ“, составителей плотовъ. Богатый лѣсами округъ, ведущій оживленную лѣсную торговлю съ заграницей; даетъ лѣтомъ заработокъ, этого рода, сотнямъ крестьянъ. Много изъ этихъ крестьянъ ѣдутъ на плотахъ въ Германію и по своему развитію, превосходятъ своихъ сосѣдей; они то и являются наиболѣе удобымъ элементомъ для соціальдемократической пропаганды. Но и крестьяне-земледѣльцы имѣютъ право быть недовольными своимъ положеніемъ. Небольшіе надѣлы да невыносимость налогового бремени заставляютъ наниматься у сосѣднихъ помѣщиковъ, которые эксплуатируютъ ихъ самымъ „патріархальнымъ“ образомъ. Особенно эксплуатируется трудъ женщинъ, плата которыхъ до возмутительности мала. Объ обращеніи и говорить не приходится. Все это дѣлало здѣсь почву воспріимчивой для соціальдемократическихъ идей. Самымъ сильнымъ препятствіемъ, какъ и вездѣ, въ этомъ краѣ, является исторически сложившаяся забитость и отсутствіе личной иниціативы у мѣстнаго мужика. Нужна была сильная встряска, общественная волна должна была дойти до значительныхъ размѣровъ, чтобы и нашъ мужикъ очнулся.

Онъ очнулся подъ громъ пушекъ и ружей, сначала на внѣшнемъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а потомъ на внутреннемъ. Не рѣдко тутъ встрѣтишь группы, разсуждающихъ о высокихъ матеріяхъ, мѣстныхъ крестьянъ, обсуждающихъ мирныя условія Японіи, порицающихъ нашихъ генераловъ и, вообще, русскіе порядки. Факты начинаютъ сыпаться, какъ изъ рога изобилія, одинъ возмутительнѣе другого, одинъ характернѣе другого. Сидящій тутъ же рядомъ солдатъ подкрѣпитъ цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ казарменной жизни, и нерѣдко по адресу офицерства направляется, при сочувственномъ отношеніи публики, самая отборная ругань, вылившаяся наружу изъ давно наболѣвшей души постоянно оскорбляемаго и обижаемаго солдата. Иногда (и довольно часто) ругань, приправляемая угрозами въ родѣ: „перерѣзать ихъ всѣхъ собакъ нужно“. Понятно, что такая атмосфера самымъ сильнымъ образомъ вліяетъ на мужика, ниспровергая, — всѣ традиціонныя холопскія понятія. Онъ уже не забитый и забытый мужикъ, а человѣкъ съ мнѣніемъ, со словомъ. На этихъ оригинальныхъ народныхъ собраніяхъ и воспитывается сознаніе необходимости свободы собраній, слова, здѣсь то и получаетъ свое первоначальное политическое образованіе отсталый россійскій обыватель.

Это пробужденіе крестьянина ознаменовалось цѣлымъ рядомъ забастовокъ. Въ м. Столбцахъ около 300 рабочихъ потребовали у лѣсоторговцевъ улучшенія своего положенія и выставили слѣдующія требованія: 1) Уменьшенія длины плотовъ съ 36 сажень до 27, а ширины съ 14 аршинъ на 11; 2) за выгрузку вагоновъ 75 к. (вмѣсто 50); 3) работать отъ 6 до 6 съ часовымъ перерывомъ на завтракъ, съ двумя часовымъ перерывомъ на обѣдъ (раньше работали съ зари до зари); 4) Увеличеніе поденнымъ рабочимъ платы съ 60 к. до 1 руб.

Стачка имѣла мирное теченіе. Хозяева вначалѣ перепугались и обратились къ властямъ, которые вытребовали сюда 80 солдатъ. Прибывшіе солдаты высказывали крестьянамъ свое сочувствіе. „Ничего, говорили солдаты, мы вамъ не сдѣлаемъ. Можете просить, что угодно. Сегодня мы служимъ, а какъ окончимъ службу и намъ придется за то же приняться“. Рабочіе въ присутствіи ротнаго и солдатъ, бывало, поютъ марсельезу и другія революціонныя пѣсни. Стачка продолжалась съ 23 мая по 30 іюня. Солидарность была полная. Рабочіе не сдавались. Между тѣмъ плотамъ грозила опасность быть унесенными теченіемъ, вѣтромъ. Все это принуждало хозяевъ сдаться.

Вообще, настроеніе въ мѣстечкѣ было тревожное. Хотѣли было устроить 1-го мая манифестацію, но, изъ-за боязни погрома, отложили ее. Недавно произошелъ здѣсь слѣдующій инцидентъ. Исполнилось трехлѣтіе существованія здѣсь вольнаго пожарнаго общества. Еврейскіе рабочіе, члены общества, заявили, что если будутъ играть народный гимнъ, они запоютъ марсельезу. Русскіе рабочіе поддержали ихъ. Представителемъ общества состоитъ земскій начальникъ, а почетными членами приставъ и др. власти. Заметалось начальство во всѣ стороны, но подѣлать ничего не могло. Рабочіе изъ боязни закрытія общества рѣшили не устраивать манифестаціи, а просто удалиться съ торжества, если будутъ играть народный гимнъ. Никакія увѣщанія не помогли. Тогда земскій начальникъ, по зрѣломъ обсужденіи со всѣмъ правленіемъ этого вопроса, заявилъ, что гимна не будетъ, лишь бы не устроили манифестаціи. Торжество состоялось. Гимна не было. Даже среди тостовъ, какіе поднимались то за общество, то за членовъ его, ни одного не было за государя; за то, былъ тостъ за рабочій народъ, поднятый какимъ-то чиновнымъ лицомъ.

Вообще мѣстное начальство сильно боится. Урядникъ какъ-то выразился, что не будь онъ урядникомъ, то убили бы уже восемъ урядниковъ. Онъ совѣтуетъ расходиться при его появленіи. „Я пройду мимо, а вы можете снова собраться“, сказалъ онъ. Но рабочіе не такъ податливы. Когда онъ ѣхалъ разъ въ бричкѣ со знакомымъ, рабочіе не дали дороги. Онъ разсердился и закричалъ. Рабочіе послали его къ чорту и ему пришлось свернуть на боковую.

Въ деревнѣ Заямѣ (три версты отъ Столбцовъ) человѣкъ 30 крестьянъ забастовали и потребовали увеличенія платы съ 25 коп. на 1 руб. Помѣщикъ отказался и стачка съ Петрова дня не окончилась еще. Крестьяне держатся дружно. Въ дерев. Старыхъ Свержняхъ четыре крестьянина устроили стачку. Требовали 1 руб. для женщины и 1 руб. 50 коп. для мужчины. Въ стачку вмѣшался земскій начальникъ и присудилъ трехъ чел. на два мѣсяца и одного чел. на одинъ мѣсяцъ. Стачка была также у помѣщика Дашкевича въ Николаевщинѣ. Всѣ эти стачки не проходили безъ вліянія соціальдемократической пропаганды, которая усилилась особенно въ это лѣто. Въ рабочую и крестьянскую массу проникла нелегальная литература отчасти отъ организованныхъ еврейскихъ рабочихъ, отчасти отъ соц.-рев. и Партіи. Въ мѣст. Столбцахъ нелегальщина стала обыденнымъ явленіемъ. Революціонныя пѣсни распѣваются открыто. Стачка въ деревнѣ Заямѣ возникла тоже подъ вліяніемъ прокламацій. Въ мѣст. Задворье были распространены прокламаціи. Въ дер. Стечкахъ раздавали крестьянамъ прокламаціи. Они прочли, одобрили; только не понравилась имъ, что тамъ противъ царя, а такъ, говорили, хорошо. Въ мѣстеч. Копыль около 300 чел. устроили 1 мая демонстрацію. Когда прибылъ урядникъ и захотѣлъ арестовать знаменоносца, рабочіе окружили его и всѣ пошли по мѣстечку и базару съ пѣніемъ рев. пѣсенъ при одобрительномъ отношеніи собравшейся крестьяской массы. Демонстрація также устроена была въ Любчахъ и многихъ другихъ мѣстахъ (о нихъ мы скажемъ въ слѣдующихъ корреспонденціяхъ).

Все это броженіе, глубоко интересное и важное для самой бѣлорусской массы, хотя и проходило подъ вліяніемъ революціонныхъ идей, не было организовано. Литература распространялась случайно, урывками. Болѣе развитые рабочіе и крестьяне дѣйствовали въ разбродъ. Понятно, что ожидать крупныхъ успѣховъ нельзя было. Дѣлались было соц.-революціонерами нѣкоторыя попытки, но безуспѣшно. Такъ, въ м. Столбцы недавно пріѣхалъ соціалистъ-революціонеръ, привезъ литературу и собралъ до 30 человѣкъ на собраніе. Собравшимся онъ заявилъ, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы и что онъ русскій. Но рабочіе узнали въ немъ еврея. Ихъ этотъ обманъ обидѣлъ. „Сказалъ бы, что еврей — что за бѣда. А то что же обманомъ ходитъ. Разъ обманываетъ, то не вѣримъ ему, не хотимъ его“. Его чуть ли не поколотить хотѣли. Характерно, что нѣкоторые рабочіе сказали, что они больше расположены къ соціальдемократамъ, но не знаютъ разницы между соц.-революціонерами и соціальдемократами и хотѣли бы знать ее.

Понимая серьезность теперешняго момента, необходимость организовать широкія народныя массы, чтобы придать стихійному броженію сознательный соціальдемократическій характеръ, Сѣверо-Западный Комитетъ рѣшилъ обратить особое вниманіе на организацію пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ по мѣстечкамъ и деревняхъ. Для этого, конечно, потребуется много силъ и средствъ, но нужно полагать, что сама работа выдвинетъ ихъ. Начало дѣйствительно показало это. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что организаціонная работа въ Литвѣ и Бѣлоруссіи удастся Партіи не хуже, чѣмъ на Кавказѣ и другихъ мѣстахъ. Для этого прежде всего надо, чтобы вокругъ Сѣверо-Западнаго Комитета сплотились тѣснымъ кольцомъ всѣ живыя мѣстныя силы. Нужна дружная работа, направленная къ ясно сознанной и упорно преслѣдуемой цѣли.

Очеркъ дѣятельности Черниговской Группы Р. С.-Д. Р. П. за послѣдніе полгода. Опытъ неудавшейся демонстраціи 19 февраля и дефекты при выступленіи соц.-дем. организаціи на общественныхъ собраніяхъ указывали на главнѣйшіе недостатки мѣстной работы. Это прежде всего слабо поставленная агитація среди русскихъ рабочихъ. Въ публичныхъ выступленіяхъ организаціи русскіе рабочіе, не считая отдѣльныхъ лицъ, не участвовали, а къ еврейской „крамолѣ“ общество уже успѣло „привыкнуть“. Вмѣстѣ съ тѣмъ передъ организаціей то и дѣло появлялся призракъ погрома, парализовавшій работу. Благодаря полицейской провокаціи и еврейской плутократіи, спѣшившей въ такихъ случаяхъ со мздою къ начальству, слухъ о погромѣ наполнялъ городъ и деморализующе вліялъ на рабочую массу. Что касается обывателей, то вѣчная тревога за свою жизнь и имущество не могла не вызвать въ нихъ непріязни къ соціальдемократамъ, тѣмъ болѣе, что обыватели опасались, какъ бы сигналомъ къ погрому не послужила какая-нибудь „выходка“ рабочихъ. Этотъ гипнозъ погрома заставлялъ даже и часть еврейскихъ рабочихъ сторониться организаціи. Привлеченіе русскихъ рабочихъ и становится главной задачей организаціи.

Слабое біеніе политической жизни въ нашемъ городѣ само указывало, что сочувствіе массы организація можетъ вызвать прежде всего участіемъ своимъ въ профессіональной борьбѣ. Рѣшено было поэтому устроить предъ первымъ мая всеобщую забастовку рабочихъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи привлечь забастовщиковъ къ участію въ первомайской демонстраціи. Благодаря массовымъ арестамъ и все той же безсознательности русскихъ рабочихъ, стачка не удалась; пришлось отказаться и отъ празднованія перваго мая, ограничившись лишь массовымъ распространеніемъ листковъ. Но послѣ перваго мая агитація проявилась въ непрекращающемся до сихъ поръ стачечномъ движеніи черниговскихъ рабочихъ. Первыми забастовали переплетчики, мясники, прачешники, кровельщики, столяры и др. Организованность стачекъ проявилась въ тождественности экономич. требованій (9 часовый рабочій день, хорошее обращеніе, прибавка жалованья, прогрессивно повышающаяся отъ низшихъ категорій рабочихъ къ высшимъ). Но что самое важное — это использованіе стачекъ въ цѣляхъ политической агитаціи. Бастующіе рабочіе собирали массовки, гдѣ, кромѣ разъясненія ихъ экономич. требованій, предъ ними развивалась политическая программа. Съ ихъ согласія политическія требованія вмѣстѣ съ экономическими издавались Группой въ количествѣ 250—450 экз. и въ такомъ видѣ предъявлялись хозяевамъ. Содержаніе этихъ листковъ было таково: перечислялись экономич. требованія, а затѣмъ приводилась резолюція, принятая на сходкѣ. Предъявляя хозяевамъ настоящія требованія, мы, черниговскіе рабочіе..., въ согласіи съ пролетаріатомъ всей Россіи, признаемъ, что для успѣшной и правильной борьбы рабочаго класса необходима свобода стачекъ, союзовъ, собраній, слова и печати, неприкосновенность личности и жилища и переходъ государственной власти въ руки народа путемъ созыва всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго голосованія“.

Такимъ образомъ, организація осуществила фактически тотъ планъ агитаціи, который предлагала редакція „Искры“ наканунѣ перваго мая по поводу комиссіи Шидловскаго. Одни только приказчики, организованные „сіонистами соціалистами“, не выставили политическихъ требованій. Къ нимъ былъ выпущенъ нами особый листокъ, побуждавшій ихъ принять политическія требованія.

Эта стачечная агитація, охватившая около 600 рабочихъ, въ томъ числѣ около 100 русскихъ, сдѣлала политическіе вопросы популярными въ рабочей массѣ. Повысился въ огромной степени и престижъ организаціи. Въ то же время, въ виду возникшихъ слуховъ о готовящемся погромѣ на Троицу, была организована оборона. Главную массу выставили соціальдемократы, около 200 рабочихъ, въ томъ числѣ около 45 русскихъ (соціалисты революціонеры собрали всего человѣкъ 30, преимущественно учащейся молодежи). Это успокоило отчасти обывателей. Они не вполнѣ освободились отъ страха предъ погромомъ, но все же начали съ большимъ уваженіемъ относиться къ „демократамъ“. Итакъ, главная цѣль, благодаря стачкамъ, въ значительной степени достигнута. Появились кадры сочувствующихъ среди русскихъ, обывательское сердце смягчилось. Теперь предъ организаціей стоитъ дальнѣйшая задача: углубить соціальдемократическое сознаніе массы и тѣснѣе слить русское движеніе съ еврейскимъ. Съ этой цѣлью стали устраивать митинги. Первый митингъ былъ въ субботу 9 іюля. Присутствовало человѣкъ 400, въ главной массѣ рабочіе, но отчасти и низшіе слои еврейской интеллигенціи. Говорили о профессіональномъ и политическомъ движеніи, о ближайшихъ цѣляхъ соціальдемократіи, объ отношеніи къ либераламъ, соціалистамъ-революціонерамъ, поале-сіонистамъ и Бунду.

Итогъ рѣчамъ былъ подведенъ въ резолюціи, принятой собраніемъ: „Принимая во вниманіе, что осуществленіе политическихъ и экономическихъ требованій пролетаріата ставитъ предъ нимъ задачу борьбы не только съ самодержавіемъ, но и съ буржуазіей, которая для закрѣпленія своего классоваго господства надъ рабочимъ готова войти въ соглашаніе съ самодержавіемъ въ цѣляхъ лишенія большей части народа политическихъ правъ; что лишь самостоятельная партія пролетаріата съ своей особой классовой политикой и тактикой можетъ использовать революціонную борьбу для созданія наилучшихъ условій для борьбы за соціализмъ; что между дѣйствующими въ Россіи соціалдемократическими организаціями нѣтъ серьезныхъ принципіальныхъ программыхъ и тактическихъ разногласій, а организаціонныя разногласія, какъ то показала февральская конференція соціальдемократическихъ организацій, не настолько существенны, чтобы помѣшать объединенію въ настоящій революціонный періодъ, — мы признаемъ необходимымъ возможно болѣе тѣсное объединеніе всѣхъ работающихъ въ Россіи соціальдемократическихъ организацій для борьбы, какъ съ самодержавіемъ, такъ и съ буржуазіей за осуществленіе нашихъ требованій. Мы признаемъ, что объединенная рабочая партія, неуклонно преслѣдуя свою классовую политику, предохранитъ отъ націоналистическихъ и тому подобныхъ увлеченій, которыми буржуазія стремится затемнить опасное для нея классовое самосознаніе пролетаріата, привлечетъ и на свою сторону въ настоящій

„давленіемъ сверху“ уничтожить реакцію, выпуская благодѣтельные декреты, подавляя контръ-революціонныя попытки, заливая страну ворохомъ революціонно-канцелярскихъ бумагъ, смѣщая чиновниковъ и назначая новыхъ и т. д. и т. д. При этомъ они любятъ упоминать о Парижской коммунѣ и не понимаютъ, почему именно „меньшевики“ въ своихъ резолюціяхъ о возстаніяхъ употребляютъ этотъ терминъ — „коммуна“. Поэтому будетъ не безъинтересно привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія Энгельса къ „Гражданской войнѣ во Франціи“ Маркса:

„Воспитанные въ школѣ заговорщиковъ и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ, бланкисты думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей, можетъ, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была раньше всего *диктаторская централизація власти* (курс. нашъ) въ рукахъ новаго правительства. Что же сдѣлала Коммуна, въ которой большинство состояло изъ бланкистовъ? Она выпустила воззваніе къ провинціямъ Франціи, въ которыхъ приглашала всѣ коммуны свободно соединиться съ Парижемъ въ одну національную организацію, въ организацію, впервые созданную, дѣйствительно, самой націей“, — т. е. организовать революціоное самоуправленіе.

Путь революціоннаго самоуправленія есть единственный путь организаціи силъ для дѣйствительно всенароднаго возстанія, для всѣхъ тѣхъ будущихъ возстаній, которыя смогутъ стать необходимыми въ ходѣ революціи. И только та партія будетъ играть роль дѣйствительнаго двигателя революціи, только та сможетъ въ стихійно-вспыхивающихъ возстаніяхъ играть сколько-нибудь руководящую роль, которая возможно раньше научитъ массы и научится сама дѣйствовать на почвѣ революціоннаго самоуправленія народа. Но кто желаетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, тотъ долженъ безповоротно отвергнуть, между прочимъ, и всякія попытки *задерживать* частныя возстанія, если они могутъ, по своей конкретной обстановкѣ, служить дѣлу расширенія сферы дѣйствія революціоннаго „захватнаго права“.

И только „подъ знакомъ“ развитія революціоннаго самоуправленія надо разсматривать вопросъ о принятіи или непринятіи тактики „бойкота“, и только тактика, разсчитанная на развитіе революціоннаго самоуправленія народа сможетъ извлечь дѣйствительную пользу для революціи изъ „законныхъ“ выборовъ.

Л. М.

революціонный періодъ всѣ общественныя группы, искренно заинтересованныя въ полной демократизаціи нашей родины.“[1])

Въ тотъ же вечеръ въ театрѣ былъ распространенъ листокъ (500 экз.) „Ко всѣмъ гражданамъ“. Публика брала листокъ очень охотно, тутъ же собиралась кучками и читала вслухъ. (Недѣлей раньше былъ разброшенъ въ театрѣ листокъ „Искры“ — „Первая побѣда революціи“).

Въ виду настойчивыхъ требованій рабочихъ организовать совмѣстныя собранія русскихъ и еврейскихъ рабочихъ слѣдующій митингъ былъ назначенъ на воскресенье 17-го іюля. Присутствовало человѣкъ 230, въ томъ числѣ 95 русскихъ (многіе русскіе не явились, отчасти по винѣ организаторовъ, а евреи — въ виду будняго дня). Этотъ митингъ прошелъ еще удачнѣе перваго. Выступило человѣкъ восемь ораторовъ. Говорили интеллигенты и рабочіе, русскіе и евреи. Главная тема — вопросъ о тактикѣ по отношенію къ Булыгинской Думѣ въ связи съ политической стачкой. Настроеніе массы было очень приподнятое. Пѣсни, восторженные возгласы не прекращались до поздняго вечера. Единеніе еврейскихъ и русскихъ товарищей прекрасно отозвалось на всѣхъ присутствующихъ. Надо ожидать, что слѣдующіе митинги привлекутъ еще большую массу, и не только рабочихъ, но и демократической интеллигенціи.

Другимъ средствомъ къ болѣе тѣсному сплоченію пролетаріата должна послужить биржа. Революціонное возбужденіе рабочей массы проявилось въ рядѣ отдѣльныхъ вспышекъ, благодаря своей неорганизованности производившихъ часто не совсѣмъ желательное впечатлѣніе. Явилась необходимость сконцентрировать массу въ одномъ мѣстѣ и здѣсь придать стихійному возбужденію большую организованность и использовать въ цѣляхъ уясненія рабочимъ текущихъ вопросовъ партійной жизни. Съ этой цѣлью были сдѣланы попытки къ устройству биржи, подобно Гомелю и другимъ городамъ. Однако, въ виду неудачнаго выбора мѣста и цѣлаго ряда другихъ причинъ (травля хулигановъ), пришлось пріостановить биржу. Въ скоромъ времени она возобновляется на другомъ мѣстѣ. По поводу биржи губернаторъ призывалъ еврейскихъ нотаблей и убѣждалъ ихъ усмирить „мальчишекъ“. Нѣкоторые изъ нихъ заявили о своемъ полномъ безсиліи въ этомъ отношеніи; одинъ же (Гурвичъ) просилъ губернатора утопить крамольниковъ въ ихъ собственной крови. Въ надеждѣ на содѣйствіе черной сотни губернаторъ не прочь послѣдовать этому совѣту. Судя по настроенію русскихъ рабочихъ и ведущейся среди нихъ соціальдемократической агитаціи, надеждамъ губернатора не суждено сбыться.

Въ послѣднее время группа завязала связи въ сосѣднихъ городахъ и мѣстечкахъ. Имѣются организаціи въ Козельцахъ, Березномъ, Рѣпкахъ и нѣкоторыя другія. Связь съ группой выражается въ снабженіи литературой съ одной и денежной поддержкой съ, другой стороны.

Образовавшаяся недавно организація У. С.-Д. „Спилка“ при Группѣ завязала сношенія съ цѣлымъ рядомъ деревень. Въ нѣсколькихъ изъ нихъ организованы „сельскіе комитеты“, проводились сходки, нѣкоторыя съ числомъ участниковъ въ 70 чел. Изданъ листокъ „къ крестьянамъ“ съ призывомъ къ стачкамъ. Настроеніе деревни обѣщаетъ многое. Литература берется на расхватъ. Крестьяне пристаютъ ко всякому интеллигенту съ просьбой помочь имъ разобраться и дать почитать. Политическіе вопросы обсуждаются. Судя по имѣющемуся у насъ опыту, та постановка, которая дана аграрному вопросу соціальдемократіей, въ частности конференціей, встрѣчаетъ полное сочувствіе въ деревнѣ. Охватить революціонное движеніе деревни во всемъ районѣ въ виду недостатка техническихъ и личныхъ средствъ пока не по силамъ Группы.

Началась работа среди солдатъ. Недѣли двѣ назадъ около казармъ былъ произведенъ очень удачно подметъ 400 шт. „Солдатской памятки“ (гект. съ изд. „Искры“). На дняхъ выпущенъ мѣстный листокъ „Къ солдатамъ“ (400 шт.). Имѣются и личныя связи съ солдатами, и въ виду ихъ возбужденнаго состоянія, образованіе военной организаціи есть вопросъ дня.

Въ началѣ текущаго года при Группѣ образовался соціальдемократическій союзъ учащихся изъ представителей всѣхъ средне-учебныхъ заведеній г. Чернигова. Благодаря союзу и оживившейся партійной работѣ, соціальдемократія пустила глубокій корни среди молодежи. Союзъ издалъ нѣсколько листковъ (см. „Искра“ № 101), организовалъ кружки, рефераты. Нѣкоторые члены принимаютъ участіе въ общественной работѣ. Союзомъ же была организована демонстрація на рѣкѣ Деснѣ 1 мая н. стиля. Цѣлый рядъ лодокъ съ учащимися скопились на рѣкѣ; пріѣхали и рабочіе. Рабочій соціальдемократъ произнесъ рѣчь. Затѣмъ вся флотилія съ пѣніемъ и револьверными выстрѣлами направилась къ центру города (былъ разливъ). — Въ подъѣзжавшаго къ рѣкѣ полицмейстера было произведено нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Обвиняется рабочій Горувейнъ (сидитъ) Этотъ внезапный выстрѣлъ говоритъ много о царящемъ въ рабочей массѣ возбужденіи.

Кіевъ, 10 августа. Массовки учащаются, разростаются, результатъ массовочной работы закрѣпляется въ кружки, число которыхъ за этотъ мѣсяцъ достигло тридцати въ одномъ подольскомъ районѣ. Основной темой и пропаганды и агитаціи за этотъ мѣсяцъ была Государственная Дума. Комитетъ нашелъ необходимымъ устроить цѣлый рядъ рефератовъ на эту тему. Публика жаждетъ и усердно посѣщаетъ ихъ. Вопросъ о бойкотѣ и небойкотѣ занимаетъ всѣ умы, но большинство склоняется къ тому, что бойкота мало, что необходимо использовать думу въ положительномъ смыслѣ. Но единодушнаго мнѣнія до сихъ поръ еще не выработалось: отсутствіе прецедентовъ, сложность вопроса тому причиной. Планъ „Искры“ плохо усваивается.

Биржа функціонируютъ по прежнему, т. е. хорошо, на Подолѣ и почти вовсе неудачно въ другихъ мѣстахъ. Но за то устроили въ воскресенье, 7 августа, общую для всѣхъ районовъ биржу, на главной улицѣ (Б. Васильевской, близъ Крещатика), которая собрала до двухъ тысячъ народу и продолжалось около двухъ часовъ. Полиція и казаки стояли, смотрѣли, гарцовали, но никакихъ мѣръ не принимали. Какой-то городовой привелъ съ базара парней, вооруженныхъ дубинами, но тѣ, кажется, заинтересовались биржой и напасть, во всякомъ случаѣ, не рѣшались. Подъ конецъ вся толпа стройнымъ маршемъ двинулась, прошла весь кварталъ и, завернувъ за уголъ, быстро разсѣялась. Арестовали было одного члена партіи, но онъ вырвался; хотѣли арестовать еще одну дѣвицу, но толпа сразу настроилась враждебно, и полиція рѣшила лучше не безпокоить публику. Что-то будетъ въ слѣдующій разъ? Но на этотъ, первый разъ, вышло очень хорошо. Немного, будто бы, пострадала гуляющая публика, толпившаяся изъ любопытства на противоположномъ тротуарѣ: казаки оказались болѣе смѣлыми по отношенію къ этой „чистой“ публикѣ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЬНІЕ.

Парижъ, 12 VIII 105.

...Что русская революція пользуется глубокими симпатіями французскаго пролетаріата, этого революціонера par excellence — это такая общепризнанная избитая истина, что много распространяться на эту тему считаю излишнимъ. Достаточно просмотрѣть любую рабочую газету, любой провинціальный листокъ, писанный самими рабочими, достаточно потолкаться среди рабочихъ парижскихъ предмѣстій, въ залахъ Bourse du Travail или въ народныхъ университетахъ, чтобы убѣдиться, насколько революціонныя стычки въ Одессѣ, Лодзи, Варшавѣ, похожденія „Потемкина“ и всѣ детали революціонной эпопеи затрагиваютъ за живое и волнуютъ революціонную душу французскаго пролетарія. Не проходитъ буквально ни одного рабочаго собранія, созваннаго по какому бы то ни было поводу, безъ того, чтобы русская революція не привѣтствовалась какъ предвѣстникъ ближайшаго крушенія всѣхъ реакціонныхъ основъ современнаго общества. Революціонный инстинктъ подсказываетъ самой сѣрой пролетарской массѣ, что въ Россіи совершаются великія всемірно-историческія событія, что пробужденіе къ политической жизни милліоновъ вчерашнихъ рабовъ предвѣщаетъ новую историческую эру, приближаетъ часъ рѣшительной побѣды пролетаріата всѣхъ странъ.

Буржуазно-демократическіе слои общества, эта опора франко-русскаго альянса, все рѣже и рѣже выражаютъ свое разочарованіе въ франко-русской дружбѣ; многіе изъ ихъ представителей громогласно заявляютъ, что позорный для республики союзъ съ ничтожнымъ царемъ пора замѣнить союзомъ съ борющимся за свободу великимъ народомъ. Не говоря уже о такихъ идеологахъ демократической республики, какъ Анатоль Франсъ, Октавъ Мирбо и другіе „друзья русской свободы“ которые ведутъ систематическую кампанію противъ царизма, и менѣе идеалистически-настроенные мелкіе буржуа, примыкавшіе еще такъ недавно къ чернымъ сотнямъ Дерулэдовъ, Жоль Лэметровъ, Франсуа Коппе, — и тѣ не могутъ теперь удержаться отъ восклицанія: a bas le Knouteur, vive la Revolution russe! Я не мало удивленъ былъ, услышавъ изъ устъ этихъ господъ проклятія по адресу „царя и его хищныхъ совѣтниковъ, разоряющихъ великую страну“.

Всякому мало-мальски мыслящему французу, будь онъ республиканецъ или монархистъ, становится очевиднымъ. что мы присутствуемъ при послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ русскаго самодержавія.

„Для того, чтобы ссудить въ настоящее время Россіи новые милліоны или милліарды, — писалъ недавно извѣстный буржуазный публицистъ Анатоль Лэруа-Болье, — намъ необходимо согласіе самой страны, надлежащимъ образомъ представленной ея избранниками“, — и эта мысль встрѣчаетъ теперь большое сочувствіе въ финансовомъ мірѣ. Санкція всякаго новаго займа собраніемъ народныхъ представителей является въ данномъ случаѣ требованіемъ простого благоразумія. Можно смѣло предсказать, что на всѣ попытки финансовыхъ агентовъ русскаго правительства заключить новый заемъ во Франціи воспослѣдуетъ классическій отвѣтъ, формулированный Ротшильдомъ въ 1846 году: „если заемъ будетъ гарантированъ народнымъ представительствомъ, мы готовы дать деньги тотчасъ же; если же нѣтъ, то не можемъ имѣть никакого касательства къ этой операціи.“

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что гнусная комедія булыгинской конституціи, высочайшій созывъ, такъ называемыхъ, народныхъ представителей, манифестъ и прочія реформаторскія потуги царскихъ министровъ имѣютъ ближайшею цѣлью не столько умиротвореніе или укрощеніе строптивыхъ земцевъ, фрондирующихъ предводителей дворянства, взбунтовавшихся адвокатовъ, инженеровъ, професоровъ, студентовъ, сколько пусканья пыли въ глаза западно-европейскимъ кредиторамъ. Смотрите, молъ, какъ мы шествуемъ по пути европейскихъ народовъ, русскій великанъ возрождается, раскошеливайтесь, господа. Но эта азіатская хитрость на сей разъ никого не обманетъ. Европейскіе буржуа прекрасно знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, и никакими канцелярскими ухищреніями не убѣдишь ихъ, что сфабрикованный царскими лакеями фальшивый документъ и есть конституція. Всѣмъ теперь слишкомъ ясно, что изголодавшаяся, обворованная, разграбленная и опустошенная царскими хищниками страна истекаетъ кровью и находится на краю гибели; всякій понимаетъ, что для ея возрожденія прежде всего необходимо разъ на всегда положить конецъ проклятому царству этихъ хищниковъ... Всѣ эти Булыгины, Треповы, Алексѣевы, Безобразовы, великіе князья, — сказалъ мнѣ очень умѣренный французскій буржуа, бывшій поклонникъ франко-русскаго союза, — всѣ эти истинные виновники національнаго позора должны бы сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ или въ Петропавловской крѣпости, а они еще имѣютъ наглость лѣзть въ реформаторы и сочинять конституціи! Ca finira mal, on marche vers la guillotine“.

Въ полнѣйшемъ банкротствѣ царизма теперь никто не сомнѣвается, и симпатіи буржуазныхъ слоевъ французскаго общества обращаются, разумѣется, не къ борющемуся пролетаріату, проливающему свою кровь на баррикадахъ, а къ родственнымъ имъ по духу и по классовымъ интересамъ либеральнымъ земцамъ и конституціоналистамъ. Одно только смущаетъ французскаго буржуа, знакомаго съ революціонной исторіей своей родины: что то до сихъ поръ ничего не слышно на счетъ пресловутаго обращенія земцевъ къ народу, а вѣдь безъ народа ихъ дѣло, пожалуй, не выгоритъ.

У русскихъ соціалистовъ и у дѣйствительно революціонно настроенныхъ демократовъ имѣется во Франціи, какъ и въ другихъ странахъ, только одинъ и единственно надежный другъ — это революціонный пролетаріатъ, — который чутко прислушивается къ раскату русской революціи и всецѣло проникнутъ ея интересами.

Дезорганизованность, раздробленность, хаотическое состояніе нашихъ революціонныхъ силъ въ самый критическій моментъ революціи производитъ на нашихъ французскихъ товарищей весьма удручающее впечатлѣніе. Если революціонная партія эпохи Народной Воли производила на иностранцевъ впечатлѣніе блестящаго генеральнаго штаба безъ арміи, то современная борьба производитъ впечатлѣніе партизанскихъ отрядовъ, совершающихъ геройскіе подвиги безъ руководства, безъ военнаго штаба, безъ малѣйшей склонности къ координаціи военныхъ дѣйствій.

Неужели, — спрашиваютъ наши французскіе друзья, — русскіе революціонеры еще не прониклись той элементарной истиной что для торжественнаго акта низверженія царскаго правительства требуются дружныя, единодушныя, координированныя дѣйствія всѣхъ наличныхъ революціонныхъ силъ.

Этимъ чертовски злободневнымъ вопросомъ я и закончу это письмо.

Гласъ.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Письмо въ редакцію. Дорогіе товарищи! Вмѣстѣ съ эволюціей партіи идетъ и развитіе „Искры“. Вспоминая то недавнее время, когда пресловутый вопросъ о „членствѣ“ рѣшался въ томъ смыслѣ, что членами партіи считались, на словахъ большинствистами, а на дѣлѣ меньшевиками, только члены комитетовъ и, сравнивая „Искру“ за текущій періодъ съ „Искрой“ того времени, можно сказать, что новая „Искра“ отличается отъ старой помимо всего громаднымъ количествомъ писемъ рабочихъ. Выдвинутые волной партійнаго кризиса, эти товарищи все свое вниманіе удѣляютъ этому партійному кризису. До послѣдняго времени, пока мы не имѣли никакого ни юридическаго, ни другого вліянія на ходъ партійныхъ дѣлъ эти письма — вопль наболѣвшей души — казались вполнѣ естественными явленіями Но теперь... всѣ вопли, которые раздаются со всѣхъ сторонъ, всѣ указанія на интеллигенцію, какъ на погубительницу партіи, это... это кажется мнѣ, по меньшей мѣрѣ, похожимъ на исторію того попугая, о которомъ какъ-то разсказывалъ тов. Плехановъ. Цѣлая часть партіи, въ лицѣ „меньшинства“, самымъ опредѣленнымъ образомъ высказалась, и со времени конференціи вездѣ проводитъ принципъ самодѣятельности массы, принципъ ограниченія того „интеллигентскаго права“, котораго такъ боялись мы и которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ чудится многимъ изъ насъ. Мнѣ приходилось говорить со многими и многими товарищами, которые совершенно согласны со всѣми резолюціями конференціи и въ то же время не могутъ отказаться отъ недобраго чувства по отношенію къ интеллигенціи вообще. Мнѣ кажется, что эта тенденція проявляется и въ письмѣ рабочаго „одного изъ многихъ“ (въ „Искрѣ“ № 106). Поэтому поводу я и взялся за перо. Бросьте, дорогіе товорищи. Надо считаться не съ прошлымъ, а съ настоящимъ людей. Пусть въ прошломъ меньшевики и не знали сами, чего они хотятъ (съ тѣмъ я совершенно согласенъ), но въ настоящемъ, вѣдь, ихъ принципы — наши принципы, ихъ желанія — наши желанія, ихъ уставъ — нашъ уставъ и не заслуживаетъ поэтому слово „интеллигенція“ того негодующаго тона, съ которымъ его произносятъ многіе товарищи. Не нужно, чтобы партія пролетаріата замѣщалась кучкой интеллигентовъ, но пролетаріату необходима интеллигенція. И громадная часть народа показала, что она отлично понимаетъ, каковы должны быть формы пролетарской организаціи. Не будемъ же за прегрѣшенія большевиковъ ругать меньшевиковъ. Въ нашей организаціи они такой же элементъ, какъ и мы и, вмѣсто того, чтобы призывать другъ друга смотрѣть за нею въ оба, пора намъ заговорить лучше о положительной работѣ.

Заговоривъ уже о № 106 „И“, я, тоже „одинъ изъ многихъ“, не могу не коснуться затронутаго тамъ вопроса объ „Одес. объединительномъ теченіи“. Редакція привѣтствуетъ это теченіе „тѣмъ болѣе, что оно не носитъ антиинтеллигентскаго характера“. Я, понятно, не противникъ этого теченія и неоднократно даже былъ приглашенъ товарищами принять въ немъ участіе. И не дѣлалъ этого только потому, что, несмотря на всю свою объективную корректность, эти товарищи субъективно ставятъ всю нашу организацію въ положеніе обвиняемой уже тѣмъ, что, несмотря на общее сочувствіе, конспирируютъ отъ организаціи о своихъ планахъ и дѣйствіяхъ. Насколько мнѣ извѣстно, объединители остановились на слѣдующемъ планѣ дѣйствій. Устройство общихъ массовокъ, выпускъ общихъ листковъ (тамъ, гдѣ это возможно), координированіе дѣятельности на отдѣльныхъ заводахъ. По моему, наша организація должна была бы немедленно приступать къ переговорамъ о постоянномъ соглашеніи съ Комитетомъ на этой почвѣ и, въ случаѣ его отказа, помимо него приступить къ объединенію съ желающими того членами большевистскихъ организацій...

• • •

Разъ взявшись за перо, хочется поскорѣе выложить все, что имѣешь сказать.

На дняхъ мнѣ приходилось говорить съ однимъ товарищемъ изъ Бунда и, каюсь, грѣшный смертный, хотѣлъ перетащить его на свою сторону. Вотъ, что сказалъ онъ мнѣ: „По моему, всѣ рабочіе сдѣлаютъ оппозицію, чтобы не было ни „большинства, ни „меньшинства“, ни „Бунда“, чтобы была единая партія“. По этому поводу вспомнилась конференція, которая состоялась зимой. Предстоитъ созывъ Государственной Думы. Революціонное развитіе страны все бѣжитъ впередъ, а болѣе чѣмъ слабыя силы соціальдемократіи разрознены чуть ли на цѣлый десятокъ организацій. Слѣдовало бы Орг. Ком. взять на себя задачу созыва постоянной конференціи всѣхъ соц.-дем. организацій для выработки общей тактики. Кромѣ того, предстоящей конференціи „меньшинства“ слѣдовало бы обратить вниманіе на выработку платформы для *постоянныхъ* соглашеній съ большевистскими организаціями на мѣстахъ.

Къ объединенію партіи.

Въ № 106 „Искры“ была помѣщена резолюція одесскихъ организованныхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ обѣимъ фракціямъ нашей партіи. Теперь отъ одного товарища, состоящаго членомъ организаціи Одесскаго Комитета (фракція „Пролетарій“), мы получили по этому поводу письмо, помѣщаемое нами ниже. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что организаціонные навыки и пониманіе потребностей пролетаріата, борющагося и жадно стремящагося къ организаціи, ничуть не измѣнилась за истекшіе, казалось бы, столь богатые опытомъ, послѣдніе два года въ руководящихъ коллегіяхъ „большинства“.

„Раскассированіе“ — по прежнему, единственное средство разрѣшенія „непріятныхъ“ вопросовъ. Поистинѣ, — кого боги хотятъ погубить, лишаютъ разума...

Вотъ письмо одесскаго товарища:

„Большевистская организація г. Одессы (Комитетъ) узнала о нашей резолюціи, разсматривала ее въ К. и въ районѣ, послала ее въ „Пролетарій“; я въ свою очередь послала въ „Пролетарій“ письмо подробно обосновывающее нашу позицію. Письмо это прилагаю здѣсь. „Меньшинство“ — высшія коллегіи — нашли резолюцію точнымъ выраженіемъ своихъ тенденцій; Ю. Б, которому тоже была представлена подробная обосновка нашего плана, разсылаетъ резолюцію Комитетамъ. Такимъ образомъ, идея объединенія, возникшая какъ продуктъ самодѣятельности мысли большевистской периферіи, нашла у меньшинства готовую и благодарную почву и работа проведенія резолюціи въ меньшинствѣ стала теперь гораздо легче, встрѣчая помощь и поддержку дѣйствительно всѣхъ частей партіи. Не то у „большинства“. Какъ и можно было предвидѣть, резолюція и проведеніе ея были приняты крайне враждебно и дальнѣйшая работа натыкается на крупныя осложненія.

Въ началѣ резолюція проводилась строго конспиративно. Периферійные рабочіе, собиравшіеся проводить ее на общемъ собраніи подробно обсудили каждое ея положеніе. Затѣмъ началась работа. Она производилась по принятому лозунгу: „проведеніе резолюціи должно было развивать сознаніе пролетаріевъ и способствовать укрѣпленію духа строгой партійности“. Смотря по степени подготовленности и уровня рабочихъ, занятія производились въ продолженіи большаго или меньшаго числа разъ. Вначалѣ сознательныхъ пролетаріевъ было больше изъ большинства; поэтому они преимущественно и работали какъ среди большевистской, такъ и среди меньшевистской периферіи. Приходилось иногда выслушивать вещи чрезвычайно отрадныя, указывающія до чего родными являются пролетаріямъ тенденціи нашей резолюціи. Такъ, я пришла бесѣдовать по этому поводу — въ первый разъ — къ одному изъ передовыхъ меньшевистскихъ рабочихъ, который затѣмъ самъ могъ бы вліять на товарищей. Я подробно касалась въ нашемъ разговорѣ недостатковъ нашей партіи — раздробленности, разъединенности ея частей, отсутствія зачастую самодѣятельности у пролетаріевъ, оторванности ихъ отъ общей партійной жизни; товарищъ очень горячо отнесся къ этимъ вопросамъ и вносилъ много своего въ освѣщеніе ихъ. Затѣмъ я сообщила ему о возникновеніи идеи нашей резолюціи и прочитала ее. Товарищъ нашелъ ее вполнѣ вѣрно рѣшающей всѣ наболѣвшіе вопросы и съ готовностью вызвался проводить ее. Когда я спросила, не хочетъ ли онъ, чтобы я объяснила подробно каждое положеніе, онъ съ улыбкою сказалъ мнѣ: „эта резолюція такая родная намъ и такъ выражаетъ наши мысли, что я смогу лучше васъ противъ кого угодно защищать каждое ея слово“.

Сложный ходъ жизни нѣсколько нарушалъ стройное выполненіе намѣченной задачи — но не въ ущербъ этой послѣдней, я думаю. Въ силу постоянно возникающихъ требованій партійной жизни многіе центровики, только что согласившіеся съ резолюціей и собравшіеся проводить ее среди товарищей, были принуждены уѣзжать, и дѣло временно тормазилось — приходилось розыскивать новыя связи. Но уѣхавшіе увозили съ собою резолюцію и твердое намѣреніе работать въ этомъ направленіи, оставляя намъ отрадное сознаніе, что „бацилла“ распространяется дальше и дальше. Эпизодъ съ броненосцемъ подчеркнулъ еще рѣзче оторванность периферіи и послужилъ хорошей почвой для дальнѣйшей работы. Въ общемъ дѣло подвигалось. Во многихъ кружкахъ резолюція была уже принята, во многихъ проводилась. (На большевистскихъ рабочихъ было обращено особое вниманіе, такъ какъ отъ скорости проведенія среди нихъ больше всего зависѣло время раскрытія конспиративности работы). Работа расширялась. Пришлось отгектографировать болѣе 50 экземпляровъ — для руководителей. Наконецъ, произошелъ случай, рѣзко нарушившій планъ. Одинъ изъ пролетаріевъ показалъ проектъ резолюціи организаторшѣ-интеллигенткѣ. Она немедленно доставила его въ комитетъ, гдѣ, онъ кажется, вызвалъ сильное возбужденіе и совершенно ложное толкованіе. Въ доказательство послѣдняго привожу слѣдующій инцидентъ: Слу чайно встрѣтясь со мною, одинъ изъ членовъ Комитета, спросилъ меня: „не видали ли вы анонимнаго листка, распространяемаго въ массахъ, отгектографированнаго"? На мой вопросъ о содержаніи листка, онъ отвѣтилъ: „отъ имени всей периферіи, которая хочетъ заставить комитеты объединиться во что бы то ни стало, и находитъ, что только она одна можетъ это сдѣлать". — „А еще что есть въ этомъ листкѣ"? — „Больше ничего". Вполнѣ сознательно я отвѣтила ему, что такого „анонимнаго листка" [1]) „распространяемаго въ массахъ" [2]) и съ такимъ содержаніемъ я не видала и не знаю. (Мой отвѣтъ послужилъ впослѣдствіи, на районномъ собраніи, поводомъ къ обвиненію въ сознательномъ обманѣ).

---

[1]) Къ сожалѣнію, на первомъ собраніи въ виду рабочаго дня не могли присутствовать русскіе товарищи.

Тотчасъ же, раньше всякаго разбирательства и выясненія дѣла, комитетъ послалъ „листокъ" въ редакцію „Пролетарія" для напечатанія. Выясненіе же предполагалось на районномъ собраніи, въ которое какъ разъ входили всѣ инкриминируемыя лица. (Впрочемъ, насъ осталось только двое: остальные, не будучи въ состояніи выдержать „большевистскаго режима", въ разное время вышли изъ района).

Мнѣ не хочется описывать этого районнаго собранія, которое носило скорѣе характеръ... слѣдствія. Мы выяснили свою позицію, причины конспиративности нашей работы, и подчеркивали, что мы частныя лица, оформляющія въ партійномъ направленіи стихійное возмущеніе пролетаріевъ. Подчеркивать приходилось въ виду тенденціи товарищей по району называть насъ „организаціей". По выясненіи нами обстоятельствъ дѣла, предсѣдатель района предложилъ слѣдующій порядокъ: 1) споры по существу, 2) дѣйствительно ли мы сдѣлали то, въ чемъ насъ обвиняютъ (т. е. какая бы то ни было дѣятельность, проведеніе какихъ бы то ни было мыслей безъ вѣдома высшихъ коллегій) и 3) выясненіе отношенія района къ нашимъ поступкамъ. Первый вопросъ рѣшено было снять съ очереди, такъ какъ онъ по своей сложности требовалъ не одного, а нѣсколькихъ районныхъ собраній, а мнѣ, въ силу чисто полицейскихъ условій, приходилось уѣзжать въ тотъ же день и поэтому необходимо было выяснить именно 2 послѣдніе вопроса.

2-й вопросъ былъ предложенъ мнѣ и товарищу М., и мы оба отвѣтили въ положительномъ смыслѣ. Что касается до 3-го пункта, была вынесена слѣдующая резолюція: члены района считаютъ такого рода дѣятельность безусловно недопустимой, и лицъ, поступающихъ подобнымъ образомъ, въ данной организаціи нетерпимыми. Если же мы заявимъ, что впредь конспиративно отъ организаціи поступать не будемъ и будемъ всецѣло подчиниться ея рѣшеніямъ, то районъ ограничится однимъ порицаніемъ. Мы отвѣтили, что конспиративно поступать въ дальнѣйшемъ не представляется надобности, такъ какъ резолюція стала уже извѣстной высшимъ коллегіямъ. Что же касается до послѣдняго вопроса, отвѣчаемъ категорически: „будемъ проводить резолюцію, хотя бы организація нашла это не желательнымъ". Послѣ такого заявленія мы были единогласно (при одномъ воздержавшемся) исключены изъ районной организаціи. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе даннаго районнаго собранія. Приведу нѣсколько деталей обрисовывающихъ характеръ мышленія сознательныхъ пролетаріевъ. Предъявляется обвиненіе въ работѣ тайной отъ Партіи. Товарищъ М.: „Въ теченіе почти полутора года я, конечно, старался дѣйствовать легально. Писалъ о наболѣвшихъ вопросахъ. Передавалъ письма для помѣщенія въ Ц. О. Конечно, они ни разу не помѣщались. [3]) Пробовалъ подымать эти вопросы въ районахъ и встрѣчалъ рѣзкій отпоръ. Въ концѣ концовъ оставилъ. Если я поступалъ теперь не партійно, организація меня къ этому вынудила". Этотъ же товарищъ М. въ другое время (къ сожалѣнію не на районѣ) говорилъ: „Мы отъ васъ поступаемъ тайно? А вы не поступали тайно отъ насъ, созвавъ 3-й съѣздъ безъ нашего согласія, вынося тамъ рѣшенія, въ разработкѣ которыхъ мы не принимали участія? А мы развѣ не партія? Значитъ, и вы дѣйствовали втайнѣ отъ партіи?" И на отвѣтъ: „да, но этого требовали немедленные интересы дѣла", возразилъ: „но вѣдь и мы приводимъ тотъ же самый доводъ". Мнѣ же былъ поставленъ вопросъ: „вы никогда не были славянофилкой?" „— ??? —" „Славянофилы думаютъ, что какъ только до царя дойдетъ голосъ народа, все пойдетъ хорошо". — Я не думала, что самодержавіе и наши высшія коллегіи вполнѣ аналогичны по своему характеру. Я въ тотъ же день уѣхала изъ Одессы. Что тамъ теперь дѣлается, не имѣю извѣстій. Высшія коллегіи большинства хотѣли на всѣхъ занятіяхъ съ рабочими разбирать и разбивать нашу резолюцію. Въ „Пролетарій" я, какъ уже сказала, послала подробную обосновку нашей работы. Если онъ не напечатаетъ моего письма, прошу васъ напечатать его въ „Искрѣ".

Вотъ это письмо въ ред. „Пролетарія".

„Мы переживаемъ теперь сложный моментъ ломки отживающаго строя и оформленія политически нарождающихся группъ населенія. Среди этихъ группъ ярко выдвигается пролетаріатъ, какъ группа наиболѣе передовая, наиболѣе революціонная, какъ представляющая интересы дѣйствительно всего населенія, наиболѣе сознавшая всѣ язвы современнаго строя и наиболѣе привыкшая бороться за лучшее будущее. Все это ставитъ пролетаріатъ въ авангардѣ борющихся группъ и намѣчаетъ огромную и сложную роль его въ современномъ движеніи. Эта роль, при своей величинѣ и сложности, должна стать руководящей, поскольку соціальдемократическая партія явится дѣйствительно партіей рабочаго класса, включитъ въ себя всѣ соціальдемократическіе мыслящіе элементы его, переработаетъ ихъ, построитъ въ боевыя колонны и такимъ образомъ станетъ фактически во главѣ пролетарскаго движенія, политически подчинитъ его соціальдемократическимъ задачамъ, связавъ борьбу за ближайшія цѣли съ конечными идеалами пролетаріевъ — непримиримыхъ враговъ современнаго строя.

Но является ли наша партія дѣйствительно таковой? Мы видимъ широко разлившееся рабочее движеніе. Повсюду стачки. Останавливается то тамъ, то здѣсь промышленная жизнь — это рабочіе борятся за улучшеніе своего положенія. Вѣдь есть руководители этой борьбы; но находятся ли эти руководители подъ вліяніемъ нашей партіи, какъ истинные выразители интересовъ пролетаріата? Охватываетъ ли Партія всю сложность движенія? Важность такого подчиненія вожаковъ изъ рабочихъ (депутатовъ, выборныхъ) достаточно иллюстрируется послѣдними событіями въ Одессѣ. На одномъ заводѣ, гдѣ руководители были прежніе „независимцы", рабочіе сперва не давали говорить постороннимъ, враждебно относились къ политикѣ; послѣ же того, какъ тов. соціальдемократъ съумѣлъ подчинить выборныхъ своему вліянію, благодаря чему свободно выступалъ на тамошнихъ митингахъ, его политическія рѣчи встрѣчались съ энтузіазмомъ. Благодаря содѣйствію выборныхъ, всѣ рабочіе этого завода стали, по выраженію рабочихъ того района, „соціалистами" и явились застрѣльщиками въ уличной борьбѣ города Одессы.

Но подобныя вещи происходятъ далеко не вездѣ. Почему же? Почему такія крупныя организаціи, какъ московскій союзъ типографскихъ рабочихъ, не входятъ въ соціальдемократическую партію? Живо вспоминается фраза предсѣдательствовавшаго на собраніи выборныхъ Одессы: „Вы зовете насъ къ объединенію? Но мы не знаемъ, мы ли должны объединять васъ, или вы насъ?" Въ этомъ вопросѣ можно найти здоровые зародыши рокового отвѣта. Раздробленность партіи, 2 враждующія фракціи, полемическій ядъ, доведенный до геркулесовыхъ столбовъ молодыми неопытными товарищами, склонными черезчуръ упрощать вещи, терять всякую политическую перспективу и увлекаться своей позиціей до полнаго забвенія интересовъ положительнаго дѣла — все это заставляетъ задуматься тѣхъ пролетаріевъ, которыхъ мы зовемъ въ нашу партію. Результатъ этого раздумья слѣдующій: необходимости раскола изъ-за выставляемыхъ обѣими фракціями причинъ, пролетаріи не видятъ. Они знаютъ, что въ общей работѣ за единое дорогое всѣмъ дѣло тактическія разногласія могутъ быть въ конечномъ счетѣ изжиты, въ ближайшемъ — временно согласованы. Они хотятъ внести съ собой въ партію тотъ темпъ живой революціонной работы, которымъ полна пролетарская дѣйствительность. И это мощное дыханіе сдуло бы цѣлый рядъ интеллигентскихъ плановъ, построенныхъ въ тиши кабинетовъ. Той же кипучей работы хотятъ пролетаріи, какой они живутъ всегда — лишь переработанной въ соціальдемократическомъ смыслѣ. И больно становится рабочимъ, вошедшимъ въ партію, отъ ударовъ въ ту стѣну организаціонныхъ предразсудковъ, о которую такъ часто разбивается рвущаяся самодѣятельность пролетаріевъ. Они попадаютъ въ паутину интеллигентскихъ хитросплетеній, безсильно бьются въ ней, напрасно силятся проявить свою революціонную активность, и, наконецъ, либо уходятъ съ болью и досадой, либо, обезсиленные, остаются въ этой паутинѣ, все больше и больше обезличиваясь и становясь автоматами (выраженіе самихъ рабочихъ). Они дѣлаются никчемными и постепенно теряютъ связь съ той средой, которая ихъ породила. Больше чуткости, больше уваженія къ тому, что исходитъ изъ глубины пролетарской жизни — борьбы, и рабочее движеніе, озаренное свѣтомъ сознанія, польется еще болѣе неудержимо, свободнымъ и чистымъ потокомъ. И развѣ это невозможно? Развѣ настолько слабы пролетаріи, чтобы имъ путаться въ паутинѣ или безсильно уходить изъ работы? Развѣ не могутъ они внести въ партію той оздоровляющей струи, которая такъ необходима для нея? Эта мысль волнуетъ многихъ и многихъ сознательныхъ пролетаріевъ; она и породила то идейное теченіе, о которомъ я буду говорить.

Много уже писалось и говорилось о томъ, какъ возмутительно была поставлена работа въ Одессѣ послѣ раскола „большинства" и „меньшинства". Мѣстные большевики прибѣгали къ цѣлому ряду методовъ, уже осужденныхъ исторіей и вызванныхъ необходимостью защиты противъ, съ ихъ точки зрѣнія, „дезорганизаторской" позиціи „меньшинства". Косвенно эти методы вліяли подавляюще на все возраставшій интересъ пролетаріевъ къ партійной жизни, на ихъ самодѣятельность. Въ атмосферѣ боязни еретичества, всякое мнѣніе, отличное отъ таковаго руководителей коллегіи, казалось вздорнымъ и клеймилось черезчуръ легко наклеиваемыми ярлычками „оппортюнизма", „анархизма", „дезорганизаторовъ", „политическихъ младенцевъ" и т. п. Такое положеніе вещей само по себѣ врядъ ли могло способствовать расширенію и углубленію содержанія нашей работы и той коллективной выработкѣ его, которая одна является залогомъ его жизненности и приспособленности. Къ этому присоединяется еще то огромное зло, которое вноситъ въ нашу работу расколъ „большинства" и „меньшинства" и которое разбирать подробно здѣсь нечего, такъ какъ оно слишкомъ сознано всѣми партійными работниками. На почвѣ всего этого создавалось естественное возмущеніе пролетаріевъ. Это возмущеніе первоначально носило стихійный характеръ со всѣми его отличительными чертами — анархіи, неэкономной растраты силъ и т. п. Часть рабочихъ, и иногда изъ лучшихъ, уходила изъ работы совсѣмъ; другая часть провозглашала лозунги, вродѣ: „Долой интеллигенцію, да здравствуетъ наша рабочая партія", „не допускать до себя ни большевиковъ, ни меньшевиковъ, пока не объединятся", „устроить бойкотъ комитетамъ" и т. д.; наконецъ, наименѣе сознательные переходили къ „соц. рев.", махаевцамъ.

Какъ классовая борьба въ своей первоначальной несознательной формѣ выливалась въ ломкѣ машинъ, такъ своеобразная „классовая" борьба внутри нашей партіи выливалась въ подобныя анархическія формы фактическаго разгрома организацій. Нужны были сознательные выразители несознательнаго, но здороваго теченія, которые направили бы его въ строго партійное и наиболѣе экономное русло для единства и исцѣленія нашей партіи. Они явились прямо изъ сознательной большевистской рабочей периферіи. Постепенно къ большевикамъ присоединились и меньшевики. Сказанныя мысли все болѣе и болѣе оформлялись этими рабочими, пока не вылились въ данномъ проектѣ резолюціи (резолюція напечатана въ № 106 „Искры"), какъ результатъ стремленія къ участію въ партійной жизни и продуктъ развитія самодѣятельности рабочихъ.

При проведеніи резолюціи рѣшено было подчеркивать строго партійный ея характеръ и развивать слѣдующія положенія: борьба противъ всякой попытки къ дезорганизаціи, образованію „третьей партіи"; указывать на то, что во имя какихъ бы то ни было принциповъ, раскалывать партію преступно; подробно выяснять, что такое партія, что даетъ она намъ и наши обязанности по отношенію къ ней — ничѣмъ не нарушать ея единства, не ослаблять ея; наша самодѣятельность: признавая, что руководство высшихъ коллегій осуществляетъ лишь коллективную волю Партіи, каждый членъ долженъ чувствовать себя отвѣтственнымъ за всѣ ея дѣйствія; участвовать въ выработкѣ плановъ и слѣдить за правильнымъ проведеніемъ ихъ, полагаясь на себя и на силу соціальдемократической мысли. Эта же самодѣятельность толкаетъ насъ къ проведенію и предъявленію резолюціи. Она заставляетъ насъ вмѣшаться въ тѣ болѣзненныя отношенія въ партіи, которыя возникли гдѣ то стороной, помимо насъ, и всего тяжелѣе отозвались именно на насъ, и слѣдовательно и на соціальдемократическомъ дѣлѣ. Объединеніе на почвѣ организаціонной вполнѣ возможно теперь же; объединеніе тактическое предполагается въ самомъ процессѣ партійной жизни. До сихъ поръ всѣ мы знакомились съ тактическими и другими планами крайне односторонне, пользовались литературой почти исключительно одной стороны, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ причинъ. Организаціонное объединеніе даетъ возможность знакомиться со всѣми взглядами, знакомиться основательно; самый характеръ полемики, теперь отталкивающе дѣйствующій на многихъ, приметъ иной, болѣе порядочный и корректный оттѣнокъ, такъ какъ эта полемика будетъ имѣть своей цѣлью только выясненіе своихъ мнѣній, а не перетягиванія извѣстнаго количества пролетаріата въ свою фракцію. И такъ какъ тѣ силы, которыя теперь тратятся крайне непроизводительно, будутъ направлены на дѣйствительно соціальдемократическую работу, соціальдемократическое сознаніе рабочихъ будетъ развиваться гораздо больше, чѣмъ теперь. Со всякими тактическими вопросами периферія знакомится всесторонне; и къ тому времени, когда возникаетъ потребность придти къ опредѣленному рѣшенію, рѣшающій голосъ предоставляется именно этой сознательной периферіи. И разъ рѣшеніе будетъ вынесено дѣйствительно большинствомъ всей Партіи, а не посредствомъ „трехстепенныхъ" выборовъ, то ему будутъ подчиняться всѣ, и противъ тѣхъ интеллигентовъ, которые изъ за своихъ тактическихъ разногласій готовы рвать партію, откалываться, устраивать особыя фракціи — выступятъ сплоченные ряды негодующихъ пролетаріевъ, умѣющихъ защитить рѣшенія, принятыя дѣйствительнымъ большинствомъ.

Мы работаемъ въ рамкахъ строго партійныхъ: большевики въ своей, меньшевики въ своей организаціи, продолжая въ то же время свою повседневную революціонную работу. Въ случаѣ надобности, помогаемъ другъ другу. Резолюція проводится среди всѣхъ сознательныхъ рабочихъ — отъ центральныхъ кружковъ и кончая даже летучками. Проводится строго конспиративно. Конечно, не одновременно во всѣхъ кружкахъ, а по степени ихъ подготовленности. Проведеніе резолюціи должно быть въ то же время углубленіемъ сознанія рабочихъ въ этомъ направленіи. Поэтому она разбирается на 2 — 4 и болѣе занятіяхъ, смотря по уровню рабочихъ. Когда резолюція проведена всюду, она предъявляется единовременно отъ всѣхъ кружковъ соотвѣтственнымъ высшимъ коллегіямъ (Ц. К. и бюро). Вѣроятна возможность мирнаго исхода: услыша голосъ тѣхъ, кто составляетъ большую часть соціальдемократической партіи и выноситъ на своихъ плечахъ большую часть ея работъ, центры могутъ болѣе внимательно отнестись къ этому голосу и предпринять дѣйствительное объединеніе, какимъ бы то ни было путемъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что наша работа ведется конспиративно отъ высшихъ коллегій, что это не партійно; въ свое оправданіе мы можемъ сказать, что это единственный способъ провести резолюцію и добиться чего нибудь. Нашъ планъ никогда не прошелъ бы въ большев. организаціи; намъ предложили бы или отказаться отъ него, или выйти изъ организаціи, а сами начали бы энергичную контръ-агитацію. (Вся предыдущая работа въ большев. организаціи, какъ было выше указано, привела насъ къ такому мнѣнію). Между тѣмъ, намъ извѣстны постоянныя заявленія Ц. О. о желательности внесенія всѣми элементами партіи своей лепты въ дѣло оздоровленія ея. Наша „непартійность" вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія высшими коллегіями задачъ руководства работой. Это относительно большевиковъ. У меньшевиковъ, при правильно понимаемыхъ принципахъ меньшинства, проведеніе нашего плана не должно бы встрѣтить никакого препятствія. Но 1) принципы меньшинства далеко не вездѣ правильно понимаются руководящими коллегіями и 2) если бы это и было такъ, и если бы въ меньшинствѣ оффиціально проводилась наша резолюція, это послужило бы крупнымъ тормазомъ для проведенія ея въ большинствѣ: а) это потеряло бы самую цѣнную черту — характеръ движенія, одинаково исходящаго изъ обѣихъ периферій, б) большев. коллегіи сдѣлали бы все возможное, чтобы придать нашему движенію характеръ „перетягиванія въ меньшинство" и задавить его.

Всегда побѣждаетъ объективное. Сила пролетарскаго движенія такъ велика именно потому, что за него сама жизнь. Объективный процессъ роста партіи, перехода ея изъ интеллигентской кружковщины въ дѣйствительный авангардъ борющагося пролетаріата создаетъ это снизу исходящее объединительное движеніе — и въ этомъ его сила.

Бывшій членъ района Одесской большевистской организаціи.

Резолюція Нижегородской крестьянской Группы по поводу открытаго письма Ц. К. къ Орг. Ком. „Привѣтствуя призывъ Ц. К. къ объединенію обѣихъ частей Р. С. Д. Р. П., Нижегородская Крестьянская Группа находитъ невозможнымъ объединиться съ другой частью партіи „на тѣхъ организаціонныхъ началахъ, которыя даны III съѣздомъ", и въ то же время сохранить за собой идейную позицію меньшинства, выраженную въ резолюціи первой конференціи партійныхъ работниковъ. — Крестьянская Группа полагаетъ, что вопросъ о полномъ объединеніи фракцій долженъ быть рѣшенъ III законнымъ съѣздомъ, задача котораго — установить ясныя и опредѣленныя нормы для примиренія обѣихъ фракцій; въ настоящее же время Крестьянская Группа находитъ возможнымъ и желательнымъ лишь частичныя соглашенія по вопросамъ, не вызывающимъ разногласій. Нижегородская Крестьянская Группа. Августъ 1905.

Заявленіе. Нижегородская Крестьянская Группа возникла по инціативѣ Нижегородскаго Комитета въ концѣ 1903 года. Въ самомъ началѣ дѣятельности группы выяснилось, что составъ ея тяготѣетъ къ направленію такъ называемаго „меньшинства". Это обстоятельство между Группой и твердокаменнымъ Комитетомъ вызывало массу всевозможныхъ разногласій, тормозившихъ работу въ крестьянствѣ. Организаціонныя тренія въ 1904 году настолько обострились, что Группа въ теченіе всего лѣта, не пользуясь ни литературой, ни поддержкой отъ Комитета, была лишена возможности работать. Въ январѣ 1905 года, Группа, обновленная въ своемъ составѣ, предъявила Комитету рядъ опредѣленныхъ условій, при которыхъ она находила возможнымъ дальнѣйшую совмѣстную работу. Главнѣйшія изъ предложенныхъ условій были: освѣдомленность Комитета о всѣхъ дѣлахъ и планахъ Группы; право цензуры Комитета надъ групповыми изданіями; предоставленіе групповой техники въ экстренныхъ случаяхъ въ распоряженіе Комитета; полученіе литературы отъ Комитета и [illegible] Группы въ организаціонныхъ групповыхъ вопросахъ. Для удовлетворенія этихъ требованій „Комитетъ не нашелъ достаточныхъ причинъ" и объявилъ Группу „распущенной". Послѣ разрыва съ Комитетомъ Группа работала самостоятельно. Затѣмъ, ознакомившись съ организаціоннымъ уставомъ конференціи партійныхъ работниковъ, Группа приняла его и [illegible] на правахъ районнаго комитета, присоединилась къ Нижегородской городской группѣ. Въ самое послѣднее время съ Крестьянской Группой слилась Приволжская уѣздная организація.

Петербургъ, 7 августа. Вчера состоялось собраніе подрайонное Вас. Острова большевиковъ и меньшевиковъ, на которомъ рабочіе пришли къ заключенію, что нужно заключить перемиріе и работать вмѣстѣ. Послѣ цѣлаго ряда вопросовъ, выдвинутыхъ той и другой стороной, пришли къ опредѣленнымъ выводамъ и выработали слѣдующее соглашеніе: 1) Въ комитетъ трубочнаго завода входятъ по два представителя отъ каждой фракціи, большинства и меньшинства, 2) Комитетъ трубочнаго завода посылаетъ своихъ представителей въ то и другое районное собраніе, 3) текущая литература распространяется на равныхъ началахъ, какъ группой, такъ и комитетомъ, 4) всѣ вопросы мѣстнаго подрайона, за исключеніемъ массовыхъ выступленій, рѣшаются большинствомъ голосовъ. На сегодняшнемъ собраніи рабочихъ всего Вас. Остр. района — включая и районныя собранія — въ количествѣ 40 человѣкъ, обсуждался тотъ же вопросъ. Предложеніе объ объединеніи было встрѣчено съ радостью, и вышеуказанное соглашеніе было принято единогласно. Вслѣдъ затѣмъ была предложена резолюція, которую я привожу цѣликомъ: „Въ виду того, 1) что разногласія, существующія между обѣими частями партіи, не такъ глубоки, чтобы препятствовать совмѣстной дѣятельности (что также признается центрами обѣихъ частей, 2) въ виду тѣхъ широкихъ задачъ, которыя стоятъ передъ партіей въ настоящій историческій моментъ и въ 3) принимая во вниманіе, что расколъ ослабляетъ обѣ части, понижая активность каждой, — собраніе высказываетъ свое убѣжденіе, что только *при полномъ соединеніи* обѣихъ частей партія можетъ оказаться способной выполнить свое назначеніе. При этомъ мы полагаемъ, что въ основу объединенной организаціи долженъ быть положенъ принципъ, исключающій возможность механическаго подавленія какого бы то ни было *идейнаго* теченія въ партіи. Извѣрившись въ возможность дѣйствительнаго объединенія партіи сверху, мы возлагаемъ надежду въ этомъ отношеніи на активную инціативу всѣхъ организованныхъ членовъ партіи. Противъ послѣдняго абзаца протестовалъ представитель большинства и предложилъ другую формулировку: „призывая всѣхъ организованныхъ работниковъ къ активной работѣ на почвѣ объединенія партіи". Поставили на вотъ. За первую формулировку высказалось 24 чел., противъ 5; 11 воздержалось. За вторую 5, противъ 19; 16 воздержалось. Потомъ рѣшили высказать благодарность заграничнымъ товарищамъ, которые оказали активную поддержку революціонному движенію въ Россіи (денежные сборы въ Германіи и др. мѣстахъ). Резолюцію поручили составить Группѣ и Комитету, а потомъ распространить ее возможно шире и отправить въ Интернаціон. Бюро.

О Государственной Думѣ.

Заимствуемъ изъ писемъ, разсылаемыхъ Организаціоннымъ Комитетомъ по организаціямъ, слѣдующее сообщеніе объ отношеніи одесскихъ товарищей о нашей тактикѣ по отношенію къ къ созыву Государственной Думы:

„Изъ Одессы намъ сообщаютъ, что вопросъ объ отношеніи къ выборамъ въ Государственную Думу обсуждается въ районахъ, пока же выработано мнѣніе самой Группы, которое она формулируетъ такъ: „Прежде всего наше реагированіе послѣ объявленія о созывѣ Государственной Думы должно выразиться въ организаціи по всей Россіи народныхъ митинговъ и собраній, (т. е. не летучекъ, не массовокъ по нѣсколько десятковъ человѣкъ, а собраній, которыя могли бы охватить большинство чайно встрѣтясь со мною, одинъ изъ членовъ Комитета, спросилъ меня: „не видали ли вы анонимнаго листка, распространяемаго въ массахъ, отгектографированнаго“? На мой вопросъ о содержаніи листка, онъ отвѣтилъ: „отъ имени всей периферіи, которая хочетъ заставить комитеты объединиться во что бы то ни стало, и находитъ, что только она одна можетъ это сдѣлать“. — „А еще что есть въ этомъ листкѣ“? — „Больше ничего“. Вполнѣ сознательно я отвѣтила ему, что такого „анонимнаго листка“ 1) „распространяемаго въ массахъ“ 2) и съ такимъ содержаніемъ я не видала и не знаю. (Мой отвѣтъ послужилъ впослѣдствіи, на районномъ собраніи, поводомъ къ обвиненію въ сознательномъ обманѣ).

---

[1]) Проектъ резолюціи долженъ былъ быть обнародованъ только за подписью принявшихъ ее пролетаріевъ.

[2]) Проектъ резолюціи находился только въ рукахъ проводившихъ ее.

[3]) Намъ ни одного подобнаго письма одесскимъ комитетомъ передано не было. *Ред.*

Тотчасъ же, раньше всякаго разбирательства и выясненія дѣла, комитетъ послалъ „листокъ“ въ редакцію „Пролетарія“ для напечатанія. Выясненіе же предполагалось на районномъ собраніи, въ которое какъ разъ входили всѣ инкриминируемыя лица. (Впрочемъ, насъ осталось только двое: остальные, не будучи въ состояніи выдержать „большевистскаго режима“, въ разное время вышли изъ района).

Мнѣ не хочется описывать этого районнаго собранія, которое носило скорѣе характеръ… слѣдствія. Мы выяснили свою позицію, причины конспиративности нашей работы, и подчеркивали, что мы частныя лица, оформляющія въ партійномъ направленіи стихійное возмущеніе пролетаріевъ. Подчеркивать приходилось въ виду тенденціи товарищей по району называть насъ „организаціей“. По выясненіи нами обстоятельствъ дѣла, предсѣдатель района предложилъ слѣдующій порядокъ: 1) споры по существу, 2) дѣйствительно ли мы сдѣлали то, въ чемъ насъ обвиняютъ (т. е. какая бы то ни было дѣятельность, проведеніе какихъ бы то ни было мыслей безъ вѣдома высшихъ коллегій) и 3) выясненіе отношенія района къ нашимъ поступкамъ. Первый вопросъ рѣшено было снять съ очереди, такъ какъ онъ по своей сложности требовалъ не одного, а нѣсколькихъ районныхъ собраній, а мнѣ, въ силу часто полицейскихъ условій, приходилось уѣзжать въ тотъ же день и поэтому необходимо было выяснить именно 2 послѣдніе вопроса.

2-й вопросъ былъ предложенъ мнѣ и товарищу М., и мы оба отвѣтили въ положительномъ смыслѣ. Что касается до 3-го пункта, была вынесена слѣдующая резолюція: члены района считаютъ такого рода дѣятельность безусловно недопустимой, и лицъ, поступающихъ подобнымъ образомъ, въ данной организаціи нетерпимыми. Если же мы заявимъ, что впредь конспиративно отъ организаціи поступать не будемъ и будемъ всецѣло подчиняться ея рѣшеніямъ, то районъ ограничится однимъ порицаніемъ. Мы отвѣтили, что конспиративно поступать въ дальнѣйшемъ не представляется надобности, такъ какъ резолюція стала уже извѣстной высшимъ коллегіямъ. Что же касается до послѣдняго вопроса, отвѣчаемъ категорически: „будемъ проводить резолюцію, хотя бы организація нашла это не желательнымъ“. Послѣ такого заявленія мы были единогласно (при одномъ воздержавшемся) исключены изъ районной организаціи. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе даннаго районнаго собранія. Приведу нѣсколько деталей обрисовывающихъ характеръ мышленія сознательныхъ пролетаріевъ. Предъявляется обвиненіе въ работѣ тайной отъ Партіи. Товарищъ М.: „Въ теченіе почти полугора года я, конечно, старался дѣйствовать легально. Писалъ о наболѣвшихъ вопросахъ. Передавалъ письма для помѣщенія въ Ц. О. Конечно, они ни разу не помѣщались. 3) Пробовалъ подымать эти вопросы въ районахъ и встрѣчалъ рѣзкій отпоръ. Въ концѣ концовъ оставилъ. Если я поступалъ теперь не партійно, организація меня къ этому вынудила“. Этотъ же товарищъ М. въ другое время (къ сожалѣнію не на районѣ) говорилъ: „Мы отъ васъ поступаемъ тайно? А вы не поступали тайно отъ насъ, созвавъ 3-й съѣздъ безъ нашего согласія, вынося тамъ рѣшенія, въ разработкѣ которыхъ мы не принимали участія? А мы развѣ не партія? Значитъ, и вы дѣйствовали втайнѣ отъ партіи?“ И на отвѣтъ: „да, но этого требовали немедленные интересы дѣла“, возразилъ: „но вѣдь и мы приводимъ тотъ же самый доводъ“. Мнѣ же былъ поставленъ вопросъ: „вы никогда не были славянофилкой?“ „— ??? —“ „Славянофилы думаютъ, что какъ только до царя дойдетъ голосъ народа, все пойдетъ хорошо“. — Я не думала, что самодержавіе и наши высшія коллегіи вполнѣ аналогичны по своему характеру. Я въ тотъ же день уѣхала изъ Одессы. Что тамъ теперь дѣлается, не имѣю извѣстій. Высшія коллегіи большинства хотѣли на всѣхъ занятіяхъ съ рабочими разбирать и разбивать нашу резолюцію. Въ „Пролетарій“ я, какъ уже сказала, послала подробную обосновку нашей работы. Если онъ не напечатаетъ моего письма, прошу васъ напечатать его въ „Искрѣ“.

Вотъ это письмо въ ред. „Пролетарія“.

„Мы переживаемъ теперь сложный моментъ ломки отживающаго строя и оформленія политически нарождающихся группъ населенія. Среди этихъ группъ ярко выдвигается пролетаріатъ, какъ группа наиболѣе передовая, наиболѣе революціонная, какъ представляющая интересы дѣйствительно всего населенія, наиболѣе сознавшая всѣ язвы современнаго строя и наиболѣе привыкшая бороться за лучшее будущее. Все это ставитъ пролетаріатъ въ авангардѣ борющихся группъ и намѣчаетъ огромную и сложную роль его въ современномъ движеніи. Эта роль, при своей величинѣ и сложности, должна стать руководящей, поскольку соціальдемократическая партія явится дѣйствительно партіей рабочаго класса, включитъ въ себя всѣ соціальдемократическіе мыслящіе элементы его, переработаетъ ихъ, построитъ въ боевыя колонны и такимъ образомъ станетъ фактически во главѣ пролетарскаго движенія, политически подчинитъ его соціальдемократическимъ задачамъ, связавъ борьбу за ближайшія цѣли съ конечными идеалами пролетаріевъ — непримиримыхъ враговъ современнаго строя.

Но является ли наша партія дѣйствительно таковой? Мы видимъ широко разлившееся рабочее движеніе. Повсюду стачки. Останавливается то тамъ, то здѣсь промышленная жизнь — это рабочіе борятся за улучшеніе своего положенія. Вѣдь есть руководители этой борьбы; но находятся ли эти руководители подъ вліяніемъ нашей партіи, какъ истинные выразители интересовъ пролетаріата? Охватываетъ ли Партія всю сложность движенія? Важность такого подчиненія вожаковъ изъ рабочихъ (депутатовъ, выборныхъ) достаточно иллюстрируется послѣдними событіями въ Одессѣ. На одномъ заводѣ, гдѣ руководители были прежніе „независимцы“, рабочіе сперва не давали говорить постороннимъ, враждебно относились къ политикѣ; послѣ же того, какъ тов. соціальдемократъ съумѣлъ подчинить выборныхъ своему вліянію, благодаря чему свободно выступалъ на тамошнихъ митингахъ, его политическія рѣчи встрѣчались съ энтузіазмомъ. Благодаря содѣйствію выборныхъ, всѣ рабочіе этого завода стали, по выраженію рабочихъ того района, „соціалистами“ и явились застрѣльщиками въ уличной борьбѣ города Одессы.

Но подобныя вещи происходятъ далеко не вездѣ. Почему же? Почему такія крупныя организаціи, какъ московскій союзъ типографскихъ рабочихъ, не входятъ въ соціальдемократическую партію? Живо вспоминается фраза предсѣдательствовавшаго на собраніи выборныхъ Одессы: „Вы зовете насъ къ объединенію? Но мы не знаемъ, мы ли должны объединять васъ, или вы насъ?“ Въ этомъ вопросѣ можно найти здоровые зародыши рокового отвѣта. Раздробленность партіи, 2 враждующія фракціи, полемическій ядъ, доведенный до геркулесовыхъ столбовъ молодыми неопытными товарищами, склонными черезчуръ упрощать вещи, терять всякую политическую перспективу и увлекаться своей позиціей до полнаго забвенія интересовъ положительнаго дѣла — все это заставляетъ задуматься тѣхъ пролетаріевъ, которыхъ мы зовемъ въ нашу партію. Результатъ этого раздумья слѣдующій: необходимости раскола изъ-за выставляемыхъ обѣими фракціями причинъ, пролетаріи не видятъ. Они знаютъ, что въ общей работѣ за единое дорогое всѣмъ дѣло тактическія разногласія могутъ быть въ конечномъ счетѣ изжиты, въ ближайшемъ — временно согласованы. Они хотятъ внести съ собой въ партію тотъ темпъ живой революціонной работы, которымъ полна пролетарская дѣйствительность. И это мощное дыханіе сдуло бы цѣлый рядъ интеллигентскихъ плановъ, построенныхъ въ тиши кабинетовъ. Той же кипучей работы хотятъ пролетаріи, какой они живутъ всегда — лишь переработанной въ соціальдемократическомъ смыслѣ. И больно становится рабочимъ, вошедшимъ въ партію, отъ ударовъ въ ту стѣну организаціонныхъ предразсудковъ, о которую такъ часто разбивается рвущаяся самодѣятельность пролетаріевъ. Они попадаютъ въ паутину интеллигентскихъ хитросплетеній, безсильно бьются въ ней, напрасно силятся проявить свою революціонную активность, и наконецъ, либо уходятъ съ болью и досадой, либо, обезсиленные, остаются въ этой паутинѣ, все больше и больше обезличиваясь и становясь автоматами (выраженіе самихъ рабочихъ). Они дѣлаются никчемными и постепенно теряютъ связь съ той средой, которая ихъ породила. Больше чуткости, больше уваженія къ тому, что исходитъ изъ глубины пролетарской жизни — борьбы, и рабочее движеніе, озаренное свѣтомъ сознанія, польется еще болѣе неудержимо, свободнымъ и чистымъ потокомъ. И развѣ это невозможно? Развѣ настолько слабы пролетаріи, чтобы имъ путаться въ паутинѣ или безсильно уходить изъ работы? Развѣ не могутъ они внести въ партію той оздоровляющей струи, которая такъ необходима для нея? Эта мысль волнуетъ многихъ и многихъ сознательныхъ пролетаріевъ; она и породила то идейное теченіе, о которомъ я буду говорить.

Много уже писалось и говорилось о томъ, какъ возмутительно была поставлена работа въ Одессѣ послѣ раскола „большинства“ и „меньшинства“. Мѣстные большевики прибѣгали къ цѣлому ряду методовъ, уже осужденныхъ исторіей и вызванныхъ необходимостью защиты противъ, съ ихъ точки зрѣнія, „дезорганизаторской“ позиціи „меньшинства“. Косвенно эти методы вліяли подавляюще на все возраставшій интересъ пролетаріевъ къ партійной жизни, на ихъ самодѣятельность. Въ атмосферѣ боязни еретичества, всякое мнѣніе, отличное отъ такового руководителей коллегіи, казалось вздорнымъ и клеймилось черезчуръ легко наклеиваемыми ярлычками „оппортюнизма“, „анархизма“, „дезорганизаторовъ“, „политическихъ младенцевъ“ и т. п. Такое положеніе вещей само по себѣ врядъ ли могло способствовать расширенію и углубленію содержанія нашей работы и той коллективной выработкѣ его, которая одна является залогомъ его жизненности и приспособленности. Къ этому присоединяется еще то огромное зло, которое вноситъ въ нашу работу расколъ „большинства“ и „меньшинства“ и которое разбирать подробно здѣсь незачѣмъ, такъ какъ оно слишкомъ сознано всѣми партійными работниками. На почвѣ всего этого создавалось естественное возмущеніе пролетаріевъ. Это возмущеніе первоначально носило стихійный характеръ со всѣми его отличительными чертами — анархіи, неэкономной растраты силъ и т. п. Часть рабочихъ, и иногда изъ лучшихъ, уходила изъ работы совсѣмъ; другая часть провозглашала лозунги, вродѣ: „Долой интеллигенцію, да здравствуетъ наша рабочая партія“, „не допускать до себя ни большевиковъ, ни меньшевиковъ, пока не объединятся“, „устроить бойкотъ комитетамъ“ и т. д.; наконецъ, наименѣе сознательные переходили къ „соц.-рев.“, махаевцамъ.

Какъ классовая борьба въ своей первоначальной несознательной формѣ выливалась въ ломкѣ машинъ, такъ своеобразная „классовая“ борьба внутри нашей партіи выливалась въ подобныя анархическія формы фактическаго разгрома организацій. Нужны были сознательные выразители несознательнаго, но здороваго теченія, которые направили бы его въ строго партійное и наиболѣе экономное русло для единства и исцѣленія нашей партіи. Они явились прямо изъ сознательной большевистской рабочей периферіи. Постепенно къ большевикамъ присоединились и меньшевики. Сказанныя мысли все болѣе и болѣе оформлялись этими рабочими, пока не вылились въ данномъ проектѣ резолюціи (резолюція напечатана въ № 106 „Искры“), какъ результатъ стремленія къ участію въ партійной жизни и продуктъ развитія самодѣятельности рабочихъ.

При проведеніи резолюціи рѣшено было подчеркивать строго партійный ея характеръ и развивать слѣдующія положенія: борьба противъ всякой попытки къ дезорганизаціи, образованію „третьей партіи“; указывать на то, что во имя какихъ бы то ни было принциповъ, раскалывать партію преступно; подробно выяснять, что такое партія, что даетъ она намъ и наши обязанности по отношенію къ ней — ничѣмъ не нарушать ея единства, не ослаблять ея; наша самодѣятельность: признавая, что руководство высшихъ коллегій осуществляетъ лишь коллективную волю Партіи, каждый членъ долженъ чувствовать себя отвѣтственнымъ за всѣ ея дѣйствія; участвовать въ выработкѣ плановъ и слѣдить за правильнымъ проведеніемъ ихъ, полагаясь на себя и на силу соціальдемократической мысли. Эта же самодѣятельность толкаетъ насъ къ проведенію и предъявленію резолюціи. Она заставляетъ насъ вмѣшаться въ тѣ болѣзненныя отношенія въ партіи, которыя возникли гдѣ то стороной, помимо насъ, и всего тяжелѣе отозвались именно на насъ, и слѣдовательно и на соціальдемократическомъ дѣлѣ. Объединеніе на почвѣ организаціонной вполнѣ возможно теперь же; объединеніе тактическое предполагается въ самомъ процессѣ партійной жизни. До сихъ поръ всѣ мы знакомились съ тактическими и другими планами крайне односторонне, пользовались литературой почти исключительно одной стороны, вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ причинъ. Организаціонное объединеніе даетъ возможность знакомиться со всѣми взглядами, знакомиться основательно; самый характеръ полемики, теперь отталкивающе дѣйствующій на многихъ, приметъ иной, болѣе порядочный и корректный оттѣнокъ, такъ какъ эта полемика будетъ имѣть своей цѣлью только выясненіе своихъ мнѣній, а не перетягиванія извѣстнаго количества пролетаріата въ свою фракцію. И такъ какъ тѣ силы, которыя теперь тратятся крайне непроизводительно, будутъ направлены на дѣйствительно соціальдемократическую работу, соціальдемократическое сознаніе рабочихъ будетъ развиваться гораздо больше, чѣмъ теперь. Со всякими тактическими вопросами периферія знакомится всесторонне; и къ тому времени, когда возникаетъ потребность придти къ опредѣленному рѣшенію, рѣшающій голосъ предоставляется именно этой сознательной периферіи. И разъ рѣшеніе будетъ вынесено дѣйствительно большинствомъ всей Партіи, а не посредствомъ „трехстепенныхъ“ выборовъ, то ему будутъ подчиняться всѣ, и противъ тѣхъ интеллигентовъ, которые изъ за своихъ тактическихъ разногласій готовы рвать партію, откалываться, устраивать особыя фракціи — выступятъ сплоченные ряды негодующихъ пролетаріевъ, умѣющихъ защитить рѣшенія, принятыя дѣйствительнымъ большинствомъ.

Мы работаемъ въ рамкахъ строго партійныхъ: большевики въ своей, меньшевики въ своей организаціи, продолжая въ то же время свою повседневную революціонную работу. Въ случаѣ надобности, помогаемъ другъ другу. Резолюція проводится среди всѣхъ сознательныхъ рабочихъ — отъ центральныхъ кружковъ и кончая даже летучками. Проводится строго конспиративно. Конечно, не одновременно во всѣхъ кружкахъ, а по степени ихъ подготовленности. Проведеніе резолюціи должно быть въ то же время углубленіемъ сознанія рабочихъ въ этомъ направленіи. Поэтому она разбирается на 2 — 4 и болѣе занятіяхъ, смотря по уровню рабочихъ. Когда резолюція проведена всюду, она предъявляется единовременно отъ всѣхъ кружковъ соотвѣтсвеннымъ высшимъ коллегіямъ (Ц. К. и бюро). Вѣроятна возможность мирнаго исхода: услыша голосъ тѣхъ, кто составляетъ большую часть соціальдемократической партіи и выноситъ на своихъ плечахъ большую часть ея работъ, центры могутъ болѣе внимательно отнестись къ этому голосу и предпринять дѣйствительное объединеніе, какимъ бы то ни было путемъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что наша работа ведется конспиративно отъ высшихъ коллегій, что это не партійно; въ свое оправданіе мы можемъ сказать, что это единственный способъ провести резолюцію и добиться чего нибудь. Нашъ планъ никогда не прошелъ бы въ большев. организаціи; намъ предложили бы или отказаться отъ него, или выйти изъ организаціи, а сами начали бы энергичную контръ-агитацію. (Вся предыдущая работа въ большев. организаціи, какъ было выше указано, привела насъ къ такому мнѣнію). Между тѣмъ, намъ извѣстны постоянныя заявленія Ц. О. о желательности внесенія всѣми элементами партіи своей лепты въ дѣло оздоровленія ея. Наша „непартійность“ вытекаетъ изъ неправильнаго пониманія высшими коллегіями задачъ руководства работой. Это относительно большевиковъ. У меньшевиковъ, при правильно понимаемыхъ принципахъ меньшинства, проведеніе нашего плана не должно бы встрѣтить никакого препятствія. Но 1) принципы меньшинства далеко не вездѣ правильно понимаются руководящими коллегіями и 2) если бы это и было такъ, и если бы въ меньшинствѣ оффиціально проводилась наша резолюція, это послужило бы крупнымъ тормазомъ для проведенія ея въ большинствѣ: а) это потеряло бы самую цѣнную черту — характеръ движенія, одинаково исходящаго изъ обѣихъ периферій, б) большев. коллегіи сдѣлали бы все возможное, чтобы придать нашему движенію характеръ „перетягиванія въ меньшинство“ и задавить его.

Всегда побѣждаетъ объективное. Сила пролетарскаго движенія такъ велика именно потому, что за него сама жизнь. Объективный процессъ роста партіи, перехода ея изъ интеллигентской кружковщины въ дѣйствительный авангардъ борющагося пролетаріата создаетъ это снизу исходящее объединительное движеніе — и въ этомъ его сила.

Бывшій членъ района Одесской большевистской организаціи.

---

1) Проектъ резолюціи долженъ былъ быть обнародованъ только за подписью принявшихъ ее пролетаріевъ.

2) Проектъ резолюціи находился только въ рукахъ проводившихъ ее.

3) Намъ ни одного подобнаго письма одесскимъ комитетомъ передано не было. *Ред.*

Резолюція Нижегородской крестьянской Группы по поводу открытаго письма Ц. К. къ Орг. Ком. „Привѣтствуя призывъ Ц. К. къ объединенію обѣихъ частей Р. С. Д. Р. П., Нижегородская Крестьянская Группа находитъ невозможнымъ объединиться съ другой частью партіи „на тѣхъ организаціонныхъ началахъ, которыя даны III съѣздомъ“, и въ то же время сохранять за собой идейную позицію меньшинства, выраженную въ резолюціи первой конференціи партійныхъ работниковъ. — Крестьянская Группа полагаетъ, что вопросъ о полномъ объединеніи фракцій долженъ быть рѣшенъ III законнымъ съѣздомъ, задача котораго — установить ясныя и опредѣленныя нормы для примиренія обѣихъ фракцій; въ настоящее же время Крестьянская Группа находитъ возможнымъ и желательнымъ лишь частичныя соглашенія по вопросамъ, не вызывающимъ разногласій. Нижегородская Крестьянская Группа. Августъ 1905.

Заявленіе. Нижегородская Крестьянская Группа возникла по иниціативѣ Нижегородскаго Комитета въ концѣ 1903 года. Въ самомъ началѣ дѣятельности группы выяснилось, что составъ ея тяготѣетъ къ направленію такъ называемаго „меньшинства“. Это обстоятельство между Группой и твердокаменнымъ Комитетомъ вызывало массу всевозможныхъ разногласій, тормозившихъ работу въ крестьянствѣ. Организаціонныя тренія въ 1904 году настолько обострились, что Группа въ теченіе всего лѣта, не пользуясь ни литературой, ни поддержкой отъ Комитета, была лишена возможности работать. Въ январѣ 1905 года, Группа, обновленная въ своемъ составѣ, предъявила Комитету рядъ опредѣленныхъ условій, при которыхъ она находила возможнымъ дальнѣйшую совмѣстную работу. Главнѣйшія изъ предложенныхъ условій были: освѣдомленность Комитета о всѣхъ дѣлахъ и планахъ Группы; право цензуры Комитета надъ групповыми изданіями; предоставленіе групповой техники въ экстренныхъ случаяхъ въ распоряженіе Комитета; полученіе литературы отъ Комитета и автономность Группы въ организаціонныхъ групповыхъ вопросахъ. Для удовлетворенія этихъ требованій „Комитетъ не нашелъ достаточныхъ причинъ“ и объявилъ Группу „распущенной“. Послѣ разрыва съ Комитетомъ Группа работала самостоятельно. Затѣмъ, ознакомившись съ организаціоннымъ уставомъ Конференціи партійныхъ работниковъ, Группа приняла его и съ іюня мѣсяца, на правахъ районнаго комитета, присоединилась къ нижегородской городской группѣ. Въ самое послѣднее время съ Крестьянской Группой слилась Приволжская уѣздная организація.

Петербургъ, 7 августа. Вчера состоялось собраніе подрайонное Вас. Острова большевиковъ и меньшевиковъ, на которомъ рабочіе пришли къ заключенію, что нужно заключить перемиріе и работать вмѣстѣ. Послѣ цѣлаго ряда вопросовъ, выдвинутыхъ той и другой стороной, пришли къ опредѣленнымъ выводамъ и выработали слѣдующее соглашеніе: 1) Въ комитетъ трубочнаго завода входятъ по два представителя отъ каждой фракціи, большинства и меньшинства, 2) Комитетъ трубочнаго завода посылаетъ своихъ представителей въ то и другое районное собраніе, 3) текущая литература распространяется на равныхъ началахъ, какъ группой, такъ и комитетомъ, 4) всѣ вопросы мѣстнаго подрайона, за исключеніемъ массовыхъ выступленій, рѣшаются большинствомъ голосовъ. На сегодняшнемъ собраніи рабочихъ всего Вас. Остр. района — включая и районныя собранія — въ количествѣ 40 человѣкъ, обсуждался тотъ же вопросъ. Предложеніе объ объединеніи было встрѣчено съ радостью, и вышеуказанное соглашеніе было принято единогласно. Вслѣдъ затѣмъ была предложена резолюція, которую я привожу цѣликомъ: „Въ виду того, 1) что разногласія, существующія между обѣими частями партіи, не такъ глубоки, чтобы препятствовать совмѣстной дѣятельности (что также признается центрами обѣихъ частей, 2) въ виду тѣхъ широкихъ задачъ, которыя стоятъ передъ партіей въ настоящій историческій моментъ и въ 3) принимая во вниманіе, что расколъ ослабляетъ обѣ части, понижая активность каждой, — собраніе высказываетъ свое убѣжденіе, что только *при полномъ соединеніи* обѣихъ частей партія можетъ оказаться способной выполнить свое назначеніе. При этомъ мы полагаемъ, что въ основу объединенной организаціи долженъ быть положенъ принципъ, исключающій возможность механическаго подавленія какого бы то ни было *идейнаго* теченія въ партіи. Изверившись въ возможность дѣйствительнаго объединенія партіи сверху, мы возлагаемъ надежду въ этомъ отношеніи на активную иниціативу всѣхъ организованныхъ членовъ партіи. Противъ послѣдняго абзаца протестовалъ представитель большинства и предложилъ другую формулировку: „призывая всѣхъ организованныхъ работниковъ къ активной работѣ на почвѣ объединенія партіи“. Поставили на вотъ. За первую формулировку высказалось 24 чел., противъ 5; 11 воздержалось. За вторую 5, противъ 19; 16 воздержалось. Потомъ рѣшили высказать благодарность заграничнымъ товарищамъ, которые оказали активную поддержку революціонному движенію въ Россіи (денежные сборы въ Германіи и др. мѣстахъ). Резолюцію поручили составить Группѣ и Комитету, а потомъ распространить ее возможно шире и отправить въ Интернаціон. Бюро.

О Государственной Думѣ.

Заимствуемъ изъ писемъ, разсылаемыхъ Организаціоннымъ Комитетомъ по организаціямъ, слѣдующее сообщеніе объ отношеніи одесскихъ товарищей о нашей тактикѣ по отношенію къ къ созыву Государственной Думы:

„Изъ Одессы намъ сообщаютъ, что вопросъ объ отношеніи къ выборамъ въ Государственную Думу обсуждается въ районахъ, пока же выработано мнѣніе самой Группы, которое она формулируетъ такъ: „Прежде всего наше реагированіе послѣ объявленія о созывѣ Государственной Думы должно выразиться въ организаціи по всей Россіи народныхъ митинговъ и собраній, (т. е. не летучекъ, не массовокъ по нѣсколько десятковъ человѣкъ, а собраній, которыя могли бы охватить большинство рабочаго класса) и постановки тамъ вопроса о Государственной Думѣ. Только въ томъ случаѣ, если намъ удастся это осуществить, — только тогда возможно сколько-нибудь плодотворное воздѣйствіе на дальнѣйшія событія. На собраніяхъ должно быть предложено: а) оказывать зависящее отъ насъ давленіе на выборы, чтобы выбирались люди, которые дадутъ обязательство превратить Государственную Думу въ революціонное собраніе, которое возьметъ власть въ свои руки, чтобы установить предварительно свободу слова, собраній и т. д. и созвать Учредительное Собраніе; б) готовиться къ рѣшительному давленію на Государственную Думу съ тѣмъ, чтобы понудить ее превратиться въ революціонное собраніе для созыва Учредительнаго Собранія, причемъ въ качествѣ средства давленія должна быть выдвинута политическая стачка. Для осуществленія всего этого плана должны быть организованы въ городахъ полулегальные комитеты, выбранные изъ среды рабочихъ."

Москва. Въ организаціяхъ живо дебатируется вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Разрабатываются планы созданія „рабочихъ комитетовъ". Идея встрѣтила всеобщее сочувствіе. Однако нѣкоторымъ она кажется утопичной. Важнѣе всего — общность дѣйствій съ „большевиками". Между тѣмъ послѣдніе не дѣлаютъ никакихъ плановъ къ согласованной дѣятельности. Сплоченность и объединный образъ дѣйствій — необходимъ тѣмъ болѣе, что либералы, въ исполненіе постановленіямъ съѣзда, берутъ „въ свои руки" народное движеніе. Уже крестьянамъ читаются высочайшіе манифесты, съ соотвѣтственными коментаріями; по деревнямъ разъѣзжаютъ земскіе агенты съ петиціями къ царю. Пройдетъ еще нѣсколько дней, и „освобожденская" конституція станетъ гулять въ массахъ малосознательныхъ рабочихъ. — Нельзя медлить. — Надо тотчасъ же парализовать вліяніе либераловъ, путемъ усиленія социальдемократической агитаціи, надо совмѣстными силами проводить въ жизнь идею „рабочихъ комитетовъ", которые будутъ концентрировать вокругъ себя рабочихъ и послужатъ надежнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ чуждыми элементами..

Астраханскіе товарищи о Булыгинской Думѣ.

„Всѣ мы, у кого нѣтъ иной собственности, кромѣ своей рабочей силы и здоровья, должны выступить на открытую борьбу за свои права. Мы должны собираться на сходки, выяснять, что намъ нужно и подготовиться ко времени выборовъ ложныхъ представителей страны. Тогда мы открыто и смѣло предъявимъ свое требованіе: пусть весь народъ допустятъ къ выборамъ, или мы сорвемъ избирательныя собранія". (Астраханскій рабочій листокъ № 7).

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦІЙ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Недавно состоялась первая конференція организацій Сѣверо-Западнаго края. Были представлены слѣдующія организаціи: Полѣсскій Комитетъ, Сѣверо-Западный Союзъ, Рижскій Комитетъ, Двинскій Комитетъ, Смоленскій Комитетъ, Центральная Группа Варшавской военно-революціонной Организаціи [1]), Виленская Группа, Минская группа, Витебская Группа, Сморгонская Группа, Бобруйская Группа, Гомельская Организація, „Центральный Комитетъ". По случайнымъ причинамъ отсутствовали представители отъ Рижской группы и Организаціоннаго Комитета.

Программа конференціи: 1) Отношеніе къ Государственной Думѣ; 2) Объединеніе Партіи; 3) Отношеніе къ національнымъ соціальдемократическимъ партіямъ: 4) Выборъ делегата на междупартійную соціальдемократическую конференцію (такую конференцію созываетъ „Центральный Комитетъ" Р. С.-Д. Р. П.); 5) Созывъ дальнѣйшихъ конференцій.

* * *

I. — О характерѣ конференціи: Всѣ постановленія конференціи не имѣютъ обязательнаго характера и должны быть обсуждены всѣми мѣстными организаціями. Конференція выбираетъ делегата для участія въ междупартійной конференціи.

II. — О государственной Думѣ: Принимая во вниманіе:

1) что интересы освободительной борьбы россійскаго пролетаріата противъ имущихъ классовъ за соціализмъ требуютъ полнаго уничтоженія царскаго самодержавія и замѣны его демократической республикой,

2) что согласно царскому манифесту Государственной Думѣ изъ такъ называемыхъ народныхъ представителей предоставляется лишь совѣщательный голосъ и тѣмъ самымъ существующій самодержавный строй остается неприкосновеннымъ,

3) что выборы въ Государственную Думу будутъ производиться при отсутствіи гарантій свободы слова, печати, собраній и союзовъ, вслѣдствіе чего самые выборы превращаются въ комедію,

4) что правительство въ манифестѣ о созывѣ Государственной Думы путемъ не всеобщей и не прямой системы выборовъ съ одной стороны совершенно устраняетъ отъ участія въ выборахъ пролетаріатъ, а съ другой — заранѣе обезпечиваетъ въ Государственной Думѣ подавляющій перевѣсъ представителямъ крупной и средней буржуазіи и тѣмъ дѣлаетъ представительство отъ крестьянъ (призрачное) въ дѣйствительности фиктивнымъ.

5) что въ виду всего этого, возвѣщенная манифестомъ Государственная Дума совсѣмъ не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ интересамъ народа и является лишь гнусной попыткой царскаго самодержавія, въ цѣляхъ своего самосохраненія, привлечь на свою сторону буржуазію и обмануть пролетаріатъ и крестьянство призрачнымъ народнымъ представительствомъ.

Конференція. присоединяясь принципіально къ предложенію „Ц. К., *постановила:*

а.) разоблачить путемъ широкой агитаціи среди пролетаріата и крестьянства реакціонныя цѣли правительства, учреждающаго Государственную Думу, доказывая необходимость въ интересахъ рабочихъ и крестьянъ созыва революціоннымъ путемъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщего, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ;

б) выносить на всѣхъ агитаціонныхъ собраніяхъ соотвѣтствующія резолюціи;

в.) пользуясь предвыборной агитаціей во всѣхъ стадіяхъ предвыборной кампаніи, оказывать самыми энергичными мѣрами давленіе на избирательныя собранія, побуждая ихъ отказываться отъ выборовъ;

г.) принять самыя энергичныя мѣры къ подготовкѣ пролетаріата къ открытому выступленію въ формѣ всеобщихъ забастовокъ, вооруженныхъ демонстрацій и вооруженнаго возстанія, какъ теперь же послѣ объявленія правительства о созывѣ Государственной Думы, такъ и во время выборовъ.

III. — Объ объединеніи партіи: Первая конференція представителей организацій С.-З. Края, констатируя единодушное стремленіе всѣхъ работниковъ края объединить нашу партію и отсутствіе достаточныхъ тактическихъ и организаціонныхъ разногласій, оправдывающихъ существованіе двухъ партій; не вѣря въ возможность прочнаго и дѣйствительнаго объединенія партіи только путемъ соглашенія между „Ц. К." и „О. К.", — считаетъ необходимымъ приступить всюду немедленно къ объединенію на мѣстахъ. Съ этой цѣлью конференція предлагаетъ:

1) Созывъ періодическихъ областныхъ конференцій изъ представителей всѣхъ организацій независимо отъ отношенія ихъ къ тому или другому изъ партійныхъ теченій: на этихъ конференціяхъ самый подробнымъ образомъ должны быть выяснены организаціонныя формы соотвѣтствующія современнымъ условіямъ соціальдемократической работы;

2) созывъ въ ближайшемъ будущемъ Центральныхъ конференцій изъ представителей областныхъ конференцій „Ц. К.", „О. К." редакціи „Искры" и „Пролетарія" для рѣшенія вопроса объ окончательномъ объединеніи партіи;

3) предложить Ц. К. и О. К. совмѣстно принять всѣ мѣры для облегченія созыва, какъ областныхъ, такъ и центральныхъ конференцій;

4) въ мѣстахъ, гдѣ существуютъ паралельныя организаціи, устраивать систематическія совѣщанія изъ работниковъ обѣихъ организацій для обсужденія вопроса о способахъ объединенія;

5) предложить Ц. К. объявить условія, на которыхъ онъ считаетъ возможнымъ для себя соглашеніе съ О. К.

Придавая громадное значеніе областнымъ и центральнымъ конференціямъ въ дѣлѣ объединенія партіи, конференція вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, что работы такихъ конференцій могутъ главнымъ образомъ подготовить объединеніе партіи, причемъ наилучшимъ средствомъ для окончательнаго объединенія является созывъ общепартійнаго съѣзда. Поэтому конференція предлагаетъ Ц. К. и О. К. наряду съ устройствомъ областныхъ и центральныхъ конференцій принять немедленно самыя энергичныя мѣры для выработки основъ и способа созыва общепартійнаго объединительнаго съѣзда. Съ своей стороны конференція считаетъ необходимымъ, чтобы областныя конференціи опредѣлили тѣ организаціи своего района, представители которыхъ должны участвовать съ рѣшающими и совѣщательными голосами на съѣздѣ. Кромѣ того, за два мѣсяца до съѣзда программа его должна быть сообщена всѣмъ организаціямъ.

IV. — Объ отношеніи къ національнымъ соціальдемократическимъ партіямъ:

Оставаясь въ вопросѣ объ отношеніи къ національнымъ соціаль-демократическимъ партіямъ на точкѣ зрѣнія II партійнаго съѣзда и считая необходимымъ организовать подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П. пролетаріатъ всѣхъ національностей, первая конференція представителей организацій С.-З. края находитъ необходимымъ для усиленія работы и вліянія въ краѣ Р. С.-Д. Р. П., изданіе литературы на мѣстныхъ языкахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду важности въ настоящій политическій моментъ объединенія борьбы россійскаго пролетаріата за демократическую республику, конференція, признавая необходимымъ соглашеніе между Р. С.-Д. Р. П. и національными соціаль-демократическими партіями, предлагаетъ:

1) для объединенія борьбы пролетаріата въ переживаемый революціонный моментъ созывать періодически конференціи изъ представителей всѣхъ соціальдемократическихъ партій въ Россіи, на которыхъ могутъ выбираться исполнительныя комиссіи для проведенія въ жизнь постановленій, принятыхъ конференціями;

2) для организаціи и руководства общими выступленіями пролетаріата учреждать на мѣстахъ временныя или постоянныя комиссіи изъ представителей мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій, причемъ общія основы для образованія такихъ комиссій вырабатываются междупартійными конференціями.

V. — Идя по пути къ объединенію работы организацій Р. С.-Д. Р. П. Сѣверо-Западнаго края, конференція постановляетъ учредить „Бюро организацій Р. С.-Д. Р. П. Сѣверо-Западнаго края", задачи котораго суть слѣдующія:

1) созывъ и организація періодическихъ областныхъ конференцій Сѣверо-Западнаго края;

2) регистрація и сообщеніе фактовъ партійной жизни всѣмъ организаціямъ;

3) Облегченіе обмѣна листками и услугами организацій Р. С.-Д. Р. П. Сѣверо-Западнаго края между собой.

Бюро организацій Р. С.-Д. Р. П. Сѣверо-Западнаго края.

Отчетъ Маріупольской группы Донецкаго Союза съ перваго апрѣля по первое іюля 1905 г. I. Денежный отчетъ. Приходъ: Механическій цехъ (Никоп.) 54 р. 50 к. Пожертвованіе черезъ С. 10 р. Листопрокатный цехъ (Никоп.) 10 р. 90 к. Черезъ Л. 5 р. За карточки 3 р. 40 к. Членскій взносъ 9 р. 40 к. „Провидансъ" 9 р. Членскіе взносы (Никоп. и Провид.) 37 р. Остатокъ съ марта 5 р. 35 к. Отъ городскихъ кружковъ 16 р. За чтеніе литературы 8 р. Собрано среди товарищей 20 р. „Сочувствующіе" 47 р. Лоттерея 12 р. 50 к. Отъ „интеллигентовъ" 60 р. „Н. Н." 33 р. Рефератъ 21 р. 30 к. „М. С." 5 р. Либералы 8 р. 30 к. На стачку 35 р. Изъ Общества. 12 р. Занято 20 р. Итого: 442 р. 65 к. Расходъ: Донецкому Союзу 160 р. Помощь тов. 46 р. На забастовку жестянниковъ 37 р. На забастовку слесарей 40 р. Конспиративные расходы 8 р. 60 к. Поѣздки по организаціоннымъ дѣламъ 18 р. Тов. на дорогу 18 р. Литература 14 р. 90 к. Поѣздка на конференцію 20 р. Помощь заключеннымъ 35 р. Изданіе листковъ 16 р. 35 к. Почтовые и мелкіе расходы 13 р. 80 к. Отдано долгу 15 р. Итого: 442 р. 65 к. Остается долгу 5 р. Всего 447 р. 65 к.

II. **Отчетъ по распространенію литературы съ перваго апрѣля по первое іюля.** Листки *Изданіе* „Ц. К.": „Какое страхованіе намъ нужно" (150); „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (100); „Первое мая" (200); „Полит. обозрѣніе" изъ С.-Д. № 2 (100); „Слово и дѣло русскаго самод." (200); „Кукля продана" (150); „Первый шагъ" (500); „Къ гражданамъ" (500); „Пора" (1000); „Крестьяне, къ вамъ наше слово" (200); „Наши задачи" (300); „Соц.-Дем." №№ 1, 2, 3, 4, 5, (65); „Искра" №№ 91 - 99 (20); „Кто долженъ побѣдить" (550); „Двѣ Европы" (200); „Что такое политическая свобода" (200); „Они заговорили" (80); „Другіе брошюры различн. названій" (105); Итого: (1220).

Листки: *Изданіе Донецкаго Союза* „О комиссіи Булыгина"; (лист. „Ц. К." 1500); „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Дон. района" (2000); „Петиція Гапона (изд. Юзовской Группы 700)" „Смерть тиранамъ, свобода народу" (1500); „Къ Юзовскимъ и Вѣтковскимъ рабочимъ „(изд. Юз. Гр. 500); „Въ бой за свободу" (200); „Довольно крови" (2000); „Первое мая" (2000); „Ко всему народу" — резолюція Екатер. раб. (2000);

Изданіе Крымскаго Союза: „Солдатская памятка" (250); „Манифестъ петерб. раб." (150). Рѣчь Громозовой 100); „Программа партіи" (250). *Изданіе Екатеринославскаго Комитета*: „Ко всѣмъ" (по поводу войны 200); „Новая бойня на Дальнемъ Востокѣ" (200); *Изданіе Донского Ком.*: „Царизмъ наканунѣ возстанія" (150).

Соб. Изданія: „Къ маріуп. приказчикамъ" (100); „Къ рабоч. трубопр. и март. цех. Ник.-Мар. завода" (100); „Требованія Никопольск. и Провид. рабочихъ" (100); „Къ Никоп. рабочимъ" (100); „О послѣднихъ событіяхъ" (600). Итого: 17465 листк. и брошюръ.

Маріупольская группа Дон. Союза Р. С. Д. Р. Партіи.

Отчетъ уполномоченнаго первой конференціи Донецкаго Союза Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Апрѣльская конференція Союза рѣшила, какъ извѣстно, (см. „Искру" № 99) возстановить Комитетъ Союза. Съ этой цѣлью она поручила автору этого отчета совмѣстно съ Донскимъ Комитетомъ, который одно время былъ центромъ Союза, сорганизовать новый составъ комитета.

Этого сдѣлать не удалось, во 1) потому, что Д. К. не могъ выдѣлить для этой цѣли товарищей, во 2) потому, что товарищи, приглашенные уполномоченнымъ, были связаны работой по мѣстамъ, вслѣдствіе отсутствія тамъ силъ.

Поэтому, почти все время уполномоченному приходилось вести работу самому.

За три мѣсяца (съ перваго апрѣля по первое іюля) были изданы 69080 листковъ: 1) О комиссіи Булыгина (Ц. К.) первое изданіе арестовано — 5000. 2) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ, Дон. районъ — 8000. 3) Ко всему народу (рез. Екатер. раб.) — 4000. 4) О царскомъ манифестѣ 18 февр. (Моск. ком.) арестованы — 8000. 5) Первое мая — 9500. 6) Смерть тиранамъ, свобода народу (изд. с. д. № 4) — 8000. 7) О комиссіи Булыгина (Ц. К.) второе изданіе — 8000. 8) Довольно крови — 8000. 9) Къ шахтерамъ — 8000. 10) Къ гражданамъ Юзова (Юзовской группы) 2000. 11) Денежный отчетъ Юзовской группы — 580. Итого: 69080 листковъ.

За отчетное время получено два транспорта: первый въ пу — отъ Донского Комитета, второй, въ полтора пуда — о Южнаго Бюро. Транспорты содержали: Соціальдем. № 1, 2, 3, 4 и 5, до 500 экз., Искру отъ № 80 до 99, до 200 экз., брошюръ разныхъ названій (изданіе Ц. К.; до 1000 экз. *Листки Ц. К.*: 1) Первое мая — до 2000. 2) Крестьяне, къ вамъ наше слово до 800. 3) Какое страхованіе намъ нужно до 500. 4) Къ партіи (о предстоящемъ III съѣздѣ) — 500. 5) Наши задачи — 500. Крымскій Союзъ прислалъ слѣдующія изданія: 1) Рѣчь Громозовой. 2) Что такое политическая свобода. 3) Къ гражданамъ (листокъ Ц. К.), все по 200-300 экз. 4) Программу партіи — 1000 экз. Итого: 7900 листковъ, а всего было распространено 76980 листковъ. Денежныя средства составлялись: 1) изъ суммъ, поступившихъ отъ Донского Комитета 50 р. и редакціи Ц. О. 40 руб., 2) изъ крайне неравномѣрныхъ взносовъ группы до 345 р. За три мѣсяца доходъ — 433 р. 70 к. За апрѣль — 198 р. 50 к. За май — 100 р. За іюнь — 135 р. 20 к. Изъ нихъ на содержаніе техники и изданіе листковъ ушло не менѣе — 300 р. на развозку литературы — 40 р. На взаимопомощь — 40 руб. Поѣздки — 40 р. Почтовые и др. расходы — 13 р. 70 к. Итого: 433 р. 70 р. Удалось наладить сношенія Союза съ Ц. О., Южнымъ Бюро и Дон. Ком. На II конференціи выбранъ новый Комитетъ Союза. Нужно надѣяться, что онъ справится съ трудной задачей руководствомъ и постановкой работы въ нашемъ районѣ.

М.[1]) — Уполномоченный первой конференціи Донецкаго Союза Россійской Соц. Дем. Рабочей Партіи.

Отчетъ Эмигрантской кассы при Загр. Лигѣ Рус. Рев. С.-Д. за іюнь-августъ. Поступило: изъ Милана 27., Т (продажа пироговъ) 16, курсистка 1; Л. Г. Д. 50, Иванова черезъ К. 25, Дармштадская группа Лиги 48, Гейдельбергская гр. 61.50, Льежская 6. 50, сборъ въ партійномъ клубѣ Женевы 7. 75, 1/3 сбора съ вечера въ Женевѣ 200, Собрано Тимашевой 19. возвратъ долговъ 75, Женевская гр. 18, М изъ Берлина 120, черезъ Г. В. Плеханова 100, Собрано В. Г. въ Кларанѣ въ пользу матросовъ эмигрантовъ 200, отъ С-аго 50, Л. Г. Дейчъ отъ Д. 5, Итальянцы черезъ В. И. Засуличъ 700, черезъ Балабанову 20, отъ М. Г. 25, Собрано въ Кларанѣ 16, взносы 30, всего 1820 фр. 75.

Израсходовано: пособія заимообразныя 532, романовцамъ 55, отъѣзжающимъ 185, пособія эмигрантамъ 1106. 50, всего по 1 сентября 1878 фр. 50 с. Дефицитъ 57 фр. 75 с.

Изъ Нью-Іорка отъ Гордона чер. Л. Дейча 1028 фр. 25 с.

Вышли изданія Донского Ком. 1) Подымайтесь, солдаты! 2) Товарищи, жить такъ мы не можемъ...(8000 экз.); 3) Двойная игра самодержавія и отпоръ пролетаріата (о Государственной Думѣ—все печат.); 4) Отчетъ по 11 іюля (гект.); 5) Резолюція ростов. и нахичев. рабочихъ (о черной сотнѣ—гект.); 6) Къ приказчикамъ (гект.). **Севастопольскаго Ком.** Кассовой отчетъ за іюль (гек.) **Одесской груп.** Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (8000 экз.—о черной сотнѣ и отпорѣ ей). **Кіевскаго Ком.** „Къ бѣднотѣ" (о черной сотнѣ—5000 экз.). **Нижегородской груп.** „Къ крестьянамъ и рабочимъ" (объ Учредительномъ Собраніи—5000 экз., печ.). **Нижегородской крестьянской груп.**: „Письмо къ крестьянамъ" (гек.) **Бахмутской группы Донецкаго Союза:** 1) Письмо матросовъ въ Искру (печат. 1000 экз.); 2) Самодержавіе на краю гибели (печ. 1300 экз.); 3) Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательн. право (2000 экз. печат.) и 4) Воззваніе о матеріальной поддержкѣ (1000 экз. печ.). **Терско-Дагестанскаго Ком.** 1) Къ владикавказкимъ рабочимъ и приказчикамъ (гект.); 2) Ко всѣмъ гражданамъ (печ.) **Харьковскаго Ком** 1) Резолюція рабочихъ Гельфериххъ-Саде (печ.), 2) Итоги забастовки (печат. 3000). **Союза желѣзнодорожныхъ служащихъ** всѣхъ службъ юга Россіи: „Ко всѣмъ жел.-дорож. служащимъ" (о всеобщей стачкѣ 800 экз. печат. въ типогр. Харьков. Комит.) **Екатеринослав. Комит.** „Первая побѣда революціи" (6000). **Смоленск. Комит.** Къ Гражданамъ (о стрѣльбѣ солдатъ въ рабочихъ 24 іюля печат. 3000). **Астраханск. К** [illegible] Къ обществу (по поводу доклада въ думѣ о земск. съѣздѣ [illegible] меогр.); 2) Рабочій листокъ № 7 (печат. объ указѣ 6 ав [illegible] Ко всѣмъ Астраханск. рабоч. (о рѣшеніи думы распростр. [illegible] кн. Трубецкого царю;) **Иркутск. Комит.:** 1) Крестьяне, къ вамъ наше слово! (5000, 2) Призывъ къ поддержкѣ стачки [illegible] (4500 экз.) и 3) Летучій Листокъ № 5 (1500 экз.). **Ставропольск.** Гр. „По поводу патріотич. манифестацій" (гектогр.) **Терско-Дагестанскимъ Ком.** Съ 1 мая по 15 іюля издано: 1) Къ 1-му мая 800 экз. (переп.) 2) къ приказчикамъ 100 гект. 3) ко всѣмъ рабочимъ 300 гек. 4) ко всѣмъ гражданамъ 200 гек. 5) къ гибели эскадры Рожден. 800 (печ.) 6) къ офицерамъ 500 (печ.) 7) къ солдатамъ 200 (печ.) 8) къ солдатамъ и ихъ матер. 1000 (переп. печ.) 9) Пѣсни борьбы 300 (печ.) 10) Телеграм. о послѣд. [illegible] 2000 (печ.) на осетинскомъ языкѣ. 11) къ сельскому населенію 200 (гект.) 12) къ осетинскому девизіону 100 (гект.) 13) Объ Учредительномъ Собраніи 150 (гект.) 14) Что дѣлать? 200 (гек.) (Все это распространялось въ Пятигорскѣ, Владикав., Грозномъ, Петровскѣ и въ горахъ Осетіи.)

Всего здѣсь зарегистрировано 43 выпуска—(приблизительно 80000 экз.)

Одесская группа выпустила №1 „Пролетарскаго дѣла" отлично отпечатанной (4 большихъ страницы по 4 столбца) и заключающей много статей (4000 экз.). **Московская группа** выпустила №2 своей газеты „Рабочій листокъ". „**Искра**": Царскій миръ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали и благополучно прибыли заграницу. изъ Акатуйской Каторжной Тюрьмы Маріана Айзенбергъ (дѣло романовцевъ, 12 лѣтъ каторжныхъ работъ). **Фельдманъ** изъ Севастопольской тюрьмы—„студентъ" привлекавшійся по дѣлу „Потемкина" и т. д. Изъ Олекмы Якутской Области Моисей Урицкій (по дѣлу [illegible] на 8 лѣтъ).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

34. Писали много разъ, между прочимъ черезъ брата. **Батумскому, Астраханскому, Кременчугскому,** Николаевскому Комитетамъ; группамъ **Рижской, Митавской, Нижегородской**, Черниговской, **Петровско-Вольинцевской, Бахмутской, Маріупольской**; орг. Луганской, **Черкасской Сормовской. Керченской.** Свѣдѣнія по опроснымъ листкамъ получены. **Кубанскому Комит.** Отчетъ о конференціи пришелъ съ большимъ опозданіемъ, пойдетъ. W. Первая половина сообщенія о комитетскихъ дѣлахъ пришла только теперь. **Агафонову.** Повидимому, пропало ваше письмо съ объясненіемъ значенія вашей телеграммы, по которой все нами исполнено. Получили-ли? **Рыбинской группѣ, Калужской груп., Виленской гр., Асхабадской группѣ:** ждемъ сообщеній и матеріаловъ. Присылайте адреса для постоянной переписки. **А-ю.** Получено. Очень довольны, что вы „отыскались". Пишите еще, **Морозову.** Въ адресѣ, употребляемомъ вами, необходимо въ началѣ фамиліи, вмѣсто Rh. писать N, а въ названіи улицы вмѣсто ва, ставить на концѣ s. **Ефиму.** Часть писемъ получена; все используемъ; въ дальнѣйшемъ, пожалуйста, нумеруйте ихъ. О Керченскихъ событіяхъ не получили, адресовъ также. Подробное письмо получили. Ждемъ новыхъ адресовъ. **Еремѣ.** Все получено; явки сообщили куда слѣдуетъ. **Лео.** Все получено. **Автору жаргоннаго письма изъ Варшавы.** Плоха химія, потому письма не разобрали; повторите. **Аяксу.** Письмо получено. Пишемъ. **Яшѣ-Гомельчанину.** Ваше письмо случайно осталось неразобраннымъ, повторите. **Екатеринославъ.** Пришлите адресъ для писемъ. Пишите. **Никону.** Письмо получили. Отвѣчаемъ. **34.** Всѣ листки получаемъ Спасибо. Пишемъ.

Поправка: Въ статьѣ „наша тактика" и Государственная Дума", помѣщенной въ № 108, на второмъ столбцѣ страницы второй, строка 7 напечатано по недосмотру: „концентрація политическаго воспитанія". Нужно читать: „концентрація политическаго вниманія".

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.

---

[1] Эта „группа", какъ знаютъ читатели изъ свѣдѣній помѣщенныхъ въ № 102 „Искры" выдѣлилась съ крупнымъ скандаломъ изъ Варшавскаго Комитета и крайне неприлично ведетъ себя по отношенію къ нашей братской партіи — Соціальдемократіи Польши и Литвы. Мы удивляемся, какимъ образомъ подобная группа попала на конференцію, и окончательно не понимаемъ почему, при ея допущеніи, не былъ приглашенъ Варшавскій Комитетъ В.-Р. О.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

№ 110. 10-го сентября 1905 г. Годъ V

БАКИНСКІЯ ЗВѢРСТВА РУССКАГО ЦАРЯ.

Огонь и мечъ царятъ на Кавказѣ... Тысячами косятся человѣческія жизни, стаптываются засѣянныя поля, цвѣтущія деревни исчезаютъ съ лица земли, города лежатъ въ развалинахъ... И только, когда въ городѣ не остается уже жителей, когда смолкаютъ выстрѣлы, потому что некому уже стрѣлять, только тогда потомокъ выгнаннаго французами коронованнаго авантюриста, а нынѣ „умиритель“ на службѣ его россійскаго величества, — Людовикъ Бонапартъ можетъ телеграфировать своему повелителю: въ Шушѣ все спокойно!

Въ Шушѣ все спокойно! Такъ становилось постепенно „спокойно“ и въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Лодзи, и въ Ригѣ, и въ Иваново-Вознесенскѣ, и въ Одессѣ, и въ Кишиневѣ, и въ Черноморскомъ флотѣ... Такъ становится „спокойно“ въ той далекой Манджуріи, гдѣ не осталось вершка земли, не обагреннаго кровью... Трупы искалѣченныхъ солдатъ, убитыхъ мирныхъ гражданъ, изнасилованныхъ женщинъ, растерзанныхъ дѣтей... какимъ утѣшительнымъ „спокойствіемъ“ вѣетъ отъ нихъ для царскаго правительства! Сколько разверстыхъ могилъ — столькими врагами, сегодняшними или завтрашними, у него меньше! Сомкнутые на вѣки уста, застывшіе въ посмертномъ окоченѣніи руки — какъ хорошо это для „охраненія государственнаго порядка и спокойствія“! И баяны самодержавія, подвизающіеся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, уже сладострастно смакуютъ картину „успокоенія“ распространеннаго на всю Россію. Кровавыя усмиренія, разстрѣлы, висѣлицы должны трупами „крамольнаго“ народа покрыть страну. Трупы не говорятъ, они не борятся. Правда, самымъ мертвымъ молчаніемъ своимъ они вопіютъ. Но къ этому воплю глухи самодержавные башибузуки; онъ находитъ могучій, тысячекратный откликъ лишь въ сердцѣ измученнаго, горящаго огнемъ революціоннаго возбужденія, страстно рвущагося къ освобожденію многомилліоннаго народа; онъ отзовется въ безпощадной карѣ, въ безпощадной мести народа угнетателямъ, которые каждый день своего смраднаго существованія покупаютъ цѣною тысячей человѣческихъ жизней. „Но... когда-то все это еще будетъ! Быть можетъ, на нашъ вѣкъ хватитъ возможности безнаказанно носиться опустошающимъ ураганамъ по всей странѣ; а послѣ насъ хоть потопъ!“, думаютъ россійскіе самодержцы всѣхъ ранговъ. А пока что, такъ пріятно читать отрадное извѣстіе наемнаго принца: въ Шушѣ все спокойно!

Но еще въ Шушѣ не успѣло все „успокоиться“, какъ царское правительство предприняло новый и болѣе грандіозный опытъ „успокоенія“ въ Баку. Что-бы ни говорили слуги самодержавія, какъ-бы ни усердствовали продажныя газеты въ описаніи раздиравшей бакинское населеніе „національной вражды“, какъ-бы горестно ни воздымалъ руки къ небу Іуда Суворинъ, не перестававшій въ своемъ „Новомъ Времени“ всячески раздувать эту „вражду“ по прямому порученію правительства, факты установлены незыблемо. Всѣмъ извѣстно, что еще во время февральской рѣзни застрѣльщиками и коноводами полудикихъ, невѣжественныхъ татаръ являлась бакинская полиція съ бакинскимъ губернаторомъ княземъ Накашидзе во главѣ. Всѣмъ извѣстно, что послѣ этой рѣзни, которую пришлось „преждевременно“ прекратить, благодаря рѣшительному вмѣшательству организованнаго *безъ различія національностей* бакинскаго пролетаріата, правительство открыто вооружало татаръ окрестныхъ деревенъ берданками, доставлявшимися съ казенныхъ заводовъ. Всѣмъ извѣстно, что когда рабочіе и промышленники соединились вмѣстѣ, чтобы организовать революціонную охрану жителей и промысловъ, правительство всѣми силами препятствовало вооруженію этой охраны, и не далѣе, какъ 2 недѣли тому назадъ, отказало нефтепромышленникамъ въ разрѣшеніи закупить оптомъ оружіе. Всѣмъ извѣстно, что тамъ, гдѣ только было можно, правительство жадно ухватывалось за національные и религіозные антагонизмы, затемняющіе и осложняющіе классовую борьбу, и старалось раздуть искры традиціонной расовой и религіозной ненависти въ пламя пожара, въ которомъ, во взаимной враждѣ и бойнѣ, истощились-бы силы всѣхъ сторонъ, потонула бы все ярче и ярче разгорающаяся ненависть всѣхъ народностей къ душащему всѣхъ ихъ царскому самодержавію. Именемъ крестьянина и помѣщика, именемъ рабочаго и фабриканта, именемъ латыша, эстонца и нѣмца, именемъ поляка, еврея и русскаго, оно поперемѣнно, съ одинаковою злобною радостью натравливало другъ на друга всѣ народности, всѣ классы Россіи, истощая ихъ во взаимной враждѣ, искусственно задерживая ихъ на ступени примитивной, неразвитой и потому губительной борьбы, въ которой братъ не узнавалъ брата, отклоняя удары всѣхъ ихъ отъ своей преступной головы. Начиная крестовый походъ въ Гомелѣ, Кишиневѣ, Бѣлостокѣ во имя Христа, самодержавіе съ такимъ-же удовольствіемъ поднимало кавказскихъ и персидскихъ татаръ на „газаватъ“ во имя Магомета.

И то ужасное, непоправимое бѣдствіе, которое обрушилось на бакинскій нефтепромышленный районъ, есть несомнѣнно и очевидно для всѣхъ дѣло рукъ — грязныхъ, кровавыхъ рукъ — послѣдняго россійскаго самодержца. Какъ вездѣ въ Россіи, царское правительство воспользовалось стихійною, слѣпою, не освѣщенною классовымъ сознаніемъ ненавистью быстро пролетаризирующагося татарскаго крестьянина къ армянской буржуазіи, къ армянскимъ Колупаевымъ и Разуваевымъ, чтобы направить его на армянскаго рабочаго. Ужасная, но старая исторія! Мы видѣли ее въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ ненависть латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ и мѣщанъ къ нѣмецкимъ помѣщикамъ и нѣмецкой буржуазіи правительство старалось обратить въ ненависть къ „нѣмцамъ“ вообще; видимъ въ Сѣверозападномъ краѣ и на югѣ, гдѣ искупительной жертвой за преступленія самодержавія должны служить евреи, видимъ въ Польшѣ, въ Финляндіи. И мы знаемъ, по имѣющимся уже на лицо историческимъ примѣрамъ знаемъ, что классовый инстинктъ и классовое сознаніе пробьютъ себѣ путь черезъ толстую кожу грязи и крови, подъ которою хочетъ задавить самодержавіе классовое движеніе пролетаріата; что, несмотря на остроту и живучесть національныхъ традицій, несмотря на то, что эти же традиціи находятъ себѣ мощную — и столь выгодную для самодержавія — поддержку въ дѣятельности пытающихся опереться на нихъ буржуазныхъ революціонныхъ партій, несмотря даже на то, что и соціалистическое движеніе пролетаріата на первыхъ шагахъ своихъ не всегда и не всюду умѣетъ начисто раздѣлаться съ національною ограниченностью и національными предразсудками; мы знаемъ, несмотря на все это, что самое прообостреніе борьбы, вызываемое человѣконенавистническою проповѣдью самодержавныхъ громилъ, втягиваетъ въ нее слои, которые, быть можетъ, иначе еще долго спали-бы политическимъ сномъ, и готовитъ благодарную почву для соціальдемократической проповѣди классовой солидарности, полнаго тождества классовыхъ интересовъ пролетаріевъ всѣхъ племенъ и всѣхъ языковъ. Люди могутъ долго бороться между собою мелкими подвохами, мелкими взаимными непріятностями просто по инерціи, по привычкѣ, по традиціи, но люди не могутъ грабить, жечь, рѣзать другъ друга, заливать кровью города, разрушать источники своего собственнаго существованія, безъ того, чтобы у нихъ не всталъ рѣзко и опредѣленно вопросъ: зачѣмъ все это, изъ за чего вражда? Но, когда этотъ вопросъ встанетъ въ головахъ рабочихъ, будь-то русскіе, армяне, татары, евреи, поляки, латыши, не много времени понадобится имъ, чтобы убѣдиться, что на разныхъ языкахъ, но одно и то же говорятъ всѣ они; не много времени понадобится, чтобы натравленные другъ на друга братья прозрѣли и подали другъ другу руки для совмѣстной безпощадной борьбы съ тѣмъ, кто такъ кровожадно насмѣялся надъ ними. Если февральская бакинская рѣзня положила начало соціальдемократической организаціи татаръ, то можно быть увѣреннымъ, что нынѣшнія еще болѣе ужасныя событія быстро подвинутъ впередъ дѣло объединенія пролетарской борьбы на Кавказѣ.

Но на царскомъ правительствѣ остается вина за тѣ кровавые ужасы, которыми сопровождается пробужденіе татарскаго пролетаріата къ революціонной классовой борьбѣ, которыми знаменуется начало кавказскаго возстанія.

Конечно, слѣпое, какъ всегда, самодержавіе не разсчитало всѣхъ послѣдствій своихъ шаговъ; оно забыло, что въ атмосферѣ, насыщенной порохомъ, нельзя играть съ огнемъ: оно не поняло, что при томъ страшномъ революціонномъ возбужденіи, которое охватываетъ всю страну сверху до низу, оно властно развязать движеніе, но не властно остановить его. И нѣтъ сомнѣнія, что бакинскія событія пошли куда дальше, чѣмъ того хотѣли ихъ самодержавные иниціаторы. Они думали устроить одну изъ тѣхъ примѣрныхъ бойней, какія такъ счастливо удавались въ Гомелѣ и Кишиневѣ; они думали, водворивъ „миръ“ на Дальнемъ Востокѣ, заодно маленькимъ кровопусканіемъ „замирить“ и бунтующій Кавказъ. И вмѣсто этого — вдругъ ужасающая трагедія, которая еще отзовется могучими потрясеніями всей хозяйственной жизни Россіи. Самодержавные хищники зарвались. Когда они поняли, какой страшный ударъ нанесли они самимъ себѣ, было уже поздно! Ихъ артиллерія могла остановить кровопролитіе; она не могла возстановить разрушеннаго питательнаго нерва всей русской промышленности.

Городъ Баку разрушенъ; убитые и раненые считаются тысячами; промыслы уничтожены до основанія; на ихъ возстановленіе потребуются мѣсяцы; 40.000 рабочихъ выброшено на улицу; волжское судоходство и значительная часть русской промышленности оставлена безъ топлива и вынуждены будутъ сократить или вовсе прекратить производство; это значитъ, что россійскіе города переполнятся новыми сотнями тысячъ безработныхъ, голодныхъ, въ дополненіе къ тѣмъ милліонамъ голодающихъ, которые появятся въ результатѣ огромнаго неурожая. И только, когда все это стало уже непоправимымъ фактомъ, только тогда коронованный хищникъ опомнился и „собственноручно“ начерталъ: „охрана нефтяныхъ промысловъ есть дѣло первостепенной государственной важности“. Онъ, который сдѣлалъ все, чтобы вызвать разрушеніе промысловъ; онъ, который сдѣлалъ все возможное, чтобы не дать революціонному самоуправленію бакинскихъ гражданъ взять на себя эту охрану; онъ теперь готовъ „охранять“ промыслы, когда ихъ уже нѣтъ, когда нечего охранять!

Въ такихъ то обстоятельствахъ царь и его слуги пытаются еще искать „виноватаго“, на котораго можно было бы свалить свои собственныя злодѣянія. Намѣстникъ Кавказскій уже нашелъ „виноватаго“ — въ лицѣ революціонныхъ партій и сообществъ!“ Но, обличая ихъ, рьяный царскій слуга только подчеркиваетъ истинныя причины произведенныхъ по наущенію правительства звѣрствъ. Онъ прямо говоритъ, что вина революціонныхъ партій въ томъ, что онѣ стремятся къ измѣненію существующаго образа правленія. Этого довольно! Давно извѣстно, зачѣмъ правительство устраивало еврейскіе погромы, черносотенные походы, армянскую рѣзню. Оно само неоднократно проговаривалось объ этомъ въ своихъ „сообщеніяхъ“. Кавказскій намѣстникъ еще разъ именемъ царя заявляетъ русскимъ гражданамъ: за то, что вы не хотите жить въ рабствѣ, за то, что вы чувствуете себя не подданными, а гражданами, за то, что вы стремитесь къ измѣненію образа правленія, при которомъ на алтарь торговыхъ прибылей царя могутъ безнаказанно приноситься въ жертву ваши жизни и ваше достояніе, — за все это я буду вооружать хулигановъ, вооружать темныхъ татаръ и натравлять ихъ на васъ, безоружныхъ; за все это я буду разрушать ваши деревни и города, уничтожать вашу промышленность, выгонять васъ на улицу безъ работы и безъ хлѣба! И, совершивъ все это, я приглашу васъ „успокоиться“ въ нѣдрахъ Государственной Думы, которая де вырываетъ почву изъ подъ ногъ у подпольныхъ организацій!

Николаю Романову придется еще разъ убѣдиться, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ то такъ, какъ онъ себѣ представляетъ. Чтобы „вырвать почву изъ подъ ногъ у подпольныхъ организацій“, его Дума должна была бы быть совсѣмъ иного калибра, именно такого, какого онъ и не можетъ дать, оставаясь монархомъ; потому что „вырвать почву“ можно только тѣмъ, что „подпольныя“ организаціи станутъ явными, и охваченное ими могучее движеніе народныхъ массъ камня на камнѣ не оставитъ отъ всей самодержавной постройки. Но не только на счетъ „вырыванія почвы“ грозитъ ему жестокое разочарованіе. Нѣтъ, и на счетъ постоянныхъ виновниковъ бакинской катастрофы и всѣхъ связанныхъ съ нею бѣдствій народъ долженъ быть и будетъ освѣдомленъ.

Каждый безработный рабочій долженъ будетъ знать, кто оставилъ его безъ работы; онъ долженъ будетъ знать, какъ звѣрская политика ни передъ чѣмъ не останавливающагося самодержавія привела къ ужаснѣйшему разоренію всей страны; онъ долженъ будетъ знать, съ какою цѣлью ведется правительствомъ систематическое натравливаніе одной народности на другую: какъ война на Дальнемъ Востокѣ, какъ бы подъ увеличительнымъ стекломъ, показала всю губительность самодержавія и всѣ его язвы, такъ бакинская катастрофа своими колоссальными размѣрами дѣлаетъ доступнымъ всѣмъ и каждому смыслъ той травли „инородцевъ“, того разжиганія вражды между національностями, которое на ряду съ черносотенною агитаціею, стало теперь важнѣйшимъ дѣломъ чиновниковъ его величества, начиная отъ намѣстниковъ и кончая городовыми.

Но, кромѣ рабочихъ, и всѣ другіе слои населенія, прямо или косвенно задѣтые катастрофой, не смогутъ оставаться дольше равнодушными зрителями царской политики „натравливанія“. Въ малыхъ размѣрахъ она была терпима для не затронутыхъ ею непосредственно слоевъ. Натравленная противъ „интеллигенціи“ въ видѣ черносотенныхъ безчинствъ—она могла даже встрѣчать кой какое поощреніе или, по крайней мѣрѣ, злобное удовлетвореніе у тѣхъ, кто въ понятіи „баринъ“ топилъ всѣ оттѣнки и различія въ средѣ привилегированныхъ классовъ. Но бакинскія событія ударятъ больно и всю сочувствовавшую подвигамъ царскаго правительства по части держанія знамени „народности“, или пассивно-равнодушную къ этимъ подвигамъ публику. Экономическія послѣдствія бакинской катастрофы ударятъ по карману всякаго мелкаго лавочника, всякаго базарнаго торговца, всякаго трактирщика, всякаго мѣщанина и крестьянина. Царское правительство сдѣлало все, чтобы и этой части населенія внушить основательное отвращеніе къ своей хулиганско-націоналистической агитаціи, чтобы и ее толкнуть въ оппозицію къ той политикѣ крови и желѣза, которою еще только и держится тронъ Романовыхъ.

Ну, а для Кавказа бакинскія событія, конечно, значатъ и еще болѣе. То, что уже произошло послѣ нихъ въ Тифлисѣ, Батумѣ, Сухумѣ и другихъ мѣстахъ, показываетъ, что, быть можетъ, своими подвигами царское правительство само дало послѣдній толчекъ той лавинѣ Кавказскаго возстанія, которая такъ явно готовилась обрушиться со дня на день. И нѣтъ сомнѣнія, что не царское правительство выйдетъ побѣдителемъ изъ этого возстанія, ибо нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что Кавказское возстаніе не останется одинокимъ...

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТІЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Мы должны до послѣдней крайности бороться противъ подставного парламента, этой смѣси подлости съ ничтожествомъ, которую организуетъ царское правительство подъ именемъ Государственной Думы. Но именно поэтому и для этого мы должны принять участіе въ выборной агитаціи и, гдѣ будетъ хоть малѣйшая возможность, въ выборахъ.

Свергнуть Государственную Думу, какова бы она ни была, мы можемъ только народнымъ возстаніемъ. Заставить правительство измѣнить избирательное право и расширить права Думы мы можемъ опять таки только народнымъ возстаніемъ. Возстаніе — дѣло народныхъ массъ. То, что мы можемъ съ своей стороны внести для подготовки возстанія, — это агитація и организація. И для того и для другого Государственная Дума открываетъ новыя возможности.

Правительство, назначая выборы, совершенно игнорируетъ выборную агитацію. Но оно должно будетъ ее терпѣть. Оно должно будетъ терпѣть собранія избирателей и агитацію избирательныхъ комитетовъ. Если мы будемъ мѣшать этимъ собраніямъ, если мы будемъ ихъ срывать, мы только окажемъ услугу правительству. Правительству гораздо выгоднѣе, если выборныя собранія не состоятся по нашей винѣ, чѣмъ если ему ихъ придется разгонять полиціей. Къ тому же мы ему такой тактикой сами дали бы аргументы противъ расширенія избирательнаго права: оно стало бы ссылаться на неуваженіе рабочихъ къ свободѣ слова, къ борьбѣ мнѣній, какъ доказательство ихъ политической незрѣлости.

Да и къ чему это? Намъ же хуже! Нѣкоторое право собраній предоставляется избирателямъ, т. е. имущимъ классамъ. Рабочимъ оно не дано. Такъ! Но никто не можетъ помѣшать рабочимъ наполнять залы избирательныхъ собраній. То, чего рабочимъ не даютъ добровольно, они должны взять силой. Они должны массами являться на сходки избирателей и превратить ихъ въ рабочія собранія. Вмѣсто разсужденій о томъ, избрать ли Ивана Ѳомича, или Ѳому Иваныча, они поставятъ на очередь политическіе вопросы. Тутъ мы можемъ обсуждать и политику правительства, и тактику либераловъ, и классовую борьбу, и самую Государственную Думу. Все это ведетъ къ революціонизированію массъ.

Имущимъ классамъ и правительству всего меньше нужны политическія дискуссіи собраній. Слѣдовательно, мѣшая имъ, мы гораздо больше мѣшаемъ себѣ.

Не срывать намъ нужно собранія, а использовать ихъ, не мѣшать выборной агитаціи, а расширять ее.

Но это только небольшая часть политической задачи, которую намъ ставитъ Государственная Дума.

Проэктъ Думы не предвидитъ политическихъ партій. Но онѣ должны сложиться въ ней. Надо позаботиться о томъ, чтобы онѣ сложились *до нея*. Нужно, чтобы уже сами выборы происходили отъ имени *политическихъ партій*. Въ этомъ интересъ всей оппозиціи, а въ особенности нашъ интересъ.

Либералы и демократы жалуются на нашу политическую обособленность. Мы не можемъ идти заодно съ ними, ибо они хотятъ парламентаризмомъ освятить и упрочить господство капитализма, а мы хотимъ при помощи парламентаризма его разрушить. Но мы можемъ на моментъ соединиться для достиженія какой нибудь промежуточной общей цѣли. Такой случай представляется теперь. Пусть же либеральныя оппозиціонныя партіи покажутъ, насколько въ нихъ имѣется гражданскаго мужества и насколько имъ дороги интересы политическаго переустройства страны. Необходимо немедленно выступить не какъ отдѣльныя общественныя группы, не какъ юристы, инженеры, земцы, а какъ либеральная, демократическая, соціальдемократическая партія — оффиціально и открыто. Представители различныхъ направленій могутъ въ этомъ отношеніи согласиться между собою, какъ соглашаются отдѣльныя фракціи парламента.

Необходимо, чтобы каждая партія организовала свой избирательный комитетъ для веденія выборовъ по всей странѣ. Необходимо, чтобы онѣ согласились бы между собой относительно практическихъ мѣръ къ расширенію свободы слова, сходокъ etc. во время выборовъ. Необходимо, чтобы онѣ связали себя общей политической отвѣтственностью, такъ что, если оффиціальный представитель какой нибудь политической партіи, какъ таковой, подвергается полицейскому преслѣдованію или судебному взысканію, то чтобы представители всѣхъ другихъ партій заявили себя солидарными съ нимъ и чтобы всѣ вмѣстѣ организовали народный протестъ и, если возможно, народное возстаніе для его защиты.

Нужно самимъ своимъ существованіемъ заставить правительство признать политическія партіи.

Если намъ удастся легализировать оппозицію, мы выходимъ изъ подполья. Разъ не будетъ больше преступленіемъ признавать себя соціальдемократомъ, мы можемъ открыто собирать вокругъ себя массы. Нашъ избирательный комитетъ можетъ явиться такимъ объединяющимъ центромъ. Въ отдѣльныхъ округахъ и городахъ эту же роль сыграютъ наши окружные и городскіе избирательные комитеты.

До выборовъ или послѣ выборовъ, въ связи съ Государственной Думой создастся законная база существованія политическихъ партій. Послѣ этого можно еще только бороться противъ слова соціализмъ, но нельзя помѣшать организаціи, въ той или другой формѣ, соціалистической рабочей партіи.

Если же избирательные комитеты окажутся неосуществимыми, то намъ все же нужно употребить всѣ усилія, чтобы выставить собственныя кандидатуры. Этому, правда, стоитъ и пути цензъ. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ возможность соціальдемократическихъ кандидатуръ не исключена. Конечно, мы своихъ кандидатовъ не сможемъ выбрать въ Думу, такъ какъ мы не имѣемъ избирательнаго права. Однако, не въ этомъ суть. Одна, двѣ соціальдемократическія кандидатуры, гдѣ бы то ни было, станутъ политическимъ лозунгомъ для всей страны. Въ меньшей степени, чѣмъ избирательные комитеты, они все же могутъ оказаться очень серьезнымъ средствомъ политической концентраціи силъ, даже, если лично не проявятъ особенныхъ агитаціонныхъ способностей. Знаменоносецъ отнюдь не обязательно долженъ быть вожакомъ — партія слѣдуетъ за своимъ флагомъ.

Повторяю, у насъ нѣтъ никакихъ шансовъ провести самостоятельно своихъ представителей въ Думу. Но косвенно мы этого въ отдѣльныхъ случаяхъ, благодаря революціонному времени, можетъ быть могли бы достичь давленіемъ на общественное мнѣніе, а черезъ него на избирателей. Для этого намъ тѣмъ болѣе надо принимать участіе въ выборныхъ собраніяхъ. Не слѣдуетъ этимъ ограничиваться, нужно устраивать также демонстраціи, политическія стачки и т. п. Правительство дало кучкѣ людей избирательныя права въ учрежденіе, которое должно бы завѣдывать дѣлами всего народа. Это налагаетъ на искусственно подобранныхъ избирателей обязанность использовать свое исключительное право не по личному произволу, а считаясь съ мнѣніемъ народныхъ массъ. Напомнить имъ объ этой обязанности, заставить ихъ ее выполнить — наша задача, для проведенія которой мы не должны останавливаться ни передъ какими средствами.

Затѣмъ, даже помимо нашего собственнаго представительства, составъ Государственной Думы для насъ далеко не безразличенъ. Всего больше намъ нужно остерегаться тактики „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. Тактика эта очень соблазнительна, но слишкомъ парадоксальна, чтобы служить директивомъ. Конечно, если бы Дума, при томъ же избирательномъ правѣ, была снабжена значительными законодательными правами, то это для насъ было бы менѣе выгодно, чѣмъ теперь, когда она является только совѣщательной корпораціей. Законодательная власть успокоила бы имущіе классы, въ то время какъ они теперь, борясь за расширеніе своихъ правъ въ Думѣ, должны имѣть опору въ народѣ и, слѣдовательно, способствовать революціонному движенію. Они даже помимо своей воли, будутъ помогать революціи, поскольку имъ придется вести ожесточенную, хотя бы только парламентскую войну противъ правительства. Но именно поэтому для насъ важно, чтобы въ Думѣ была возможна болѣе сильная и крайняя оппозиція. Это тактика „наименьшаго зла“, которой съ успѣхомъ пользуется нѣмецкая соціальдемократія. Буржуазный парламентъ — зло, но въ томъ же буржуазномъ парламентѣ для насъ партіи демократическія — меньшее зло, чѣмъ партіи реакціонныя. Уже потому одному, что партіи консервативныя стараются сгладить все то, что непріятно правительству, а партіи демократическія и либеральныя, наоборотъ, разоблачаютъ. Политическая оппозиція въ Государственной Думѣ будетъ критиковать податную систему, административное неустройство, чиновничій произволъ, военныя неудачи, она будетъ интерпелировать правительство, или ее можно заставить это сдѣлать, по поводу политическихъ преслѣдованій, фактовъ личнаго насилія, по поводу столкновеній войска съ народомъ, погромовъ, разгромовъ и т. п. Это даетъ богатый агитаціонный матеріалъ, которымъ мы можемъ воспользоваться и противъ правительства и противъ самой же либерально-демократической оппозиціи, такъ какъ послѣдняя, слѣдуя своему классовому инстинкту, навѣрное окажется и недостаточно энергичной, и недостаточно правдивой. Въ результатѣ — революціонизированіе массъ. А революціонизированіе массъ намъ необходимо для борьбы хотя бы противъ той же Государственной Думы.

Поддерживать демократическіе элементы при выборахъ мы можемъ тоже только демонстраціями и другими средствами давленія на общественное мнѣніе. Но тутъ у насъ больше выборныхъ шансовъ, чѣмъ при собственныхъ кандидатурахъ. Поэтому со стороны либераловъ и демократовъ насъ, по всей вѣроятности, станутъ урезонивать, въ интересахъ усиленія агитаціи, въ самой думѣ отказаться отъ своихъ кандидатуръ. На это намъ согласиться нельзя. Соц.-демократическая кандидатура намъ выгоднѣе демократическаго представительства, ибо вся сила наша въ объединеніи массъ подъ соціалистическимъ знаменемъ. Да и самъ политическій радикализмъ буржуазныхъ партій, каковы бы ни были ихъ названія и программы, очень не надеженъ. Поэтому намъ даже необходимо кандидатовъ оппозиціи, которые захотятъ пользоватся нашей поддержкой, обязать на опредѣленныя политическія требованія. Такими могутъ, напримѣръ, быть:

1) Требовать въ самой Думѣ ея немедленнаго распущенія и созыва Учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

2) Отказъ правительству во всѣхъ военныхъ и финансовыхъ средствахъ, пока это требованіе не будетъ исполнено.

Помимо всего прочаго, участіе въ выборной компаніи даетъ нашей агитаціи конкретное содержаніе, вставивъ въ алгебраическую формулу борьбы противъ самодержавія ариѳметическія величины, опредѣленныхъ политическихъ требованій, противопоставивъ рабочія массы опредѣленнымъ политическимъ партіямъ и лицамъ.

Идея бойкота Государственной Думы, на видъ революціонная, въ сущности покоится на недостаточной увѣренности въ революціонномъ процессѣ развитія.

Въ ея корнѣ сомнѣніе, не удастся ли Государственной Думѣ не смотря на всю ея политическую ничтожность, все таки создать нѣкоторое успокоеніе умовъ и перевести политическую борьбу націи на почву незначительныхъ постепенныхъ реформъ. Но, если бы это въ самомъ дѣлѣ было возможно, то это значило бы, что мы съ самаго начала слишкомъ высоко оцѣнили революціонныя силы страны. Никакое искусственное подогрѣваніе тутъ не помогало бы. Но можетъ быть дѣло обстоитъ иначе и революція близка къ развязкѣ? Такъ что же, выборная агитація и наше участіе въ ней не задержатъ, а наоборотъ, ускорятъ ее Рабочія массы и съ ними городское населеніе доказали свою революціонную энергію. Мы знаемъ, что на нихъ мы можемъ вполнѣ разсчитывать. Выборы покажутъ, чего можно ждать отъ крестьянства. Остается вопросъ о войскѣ. На этомъ остановилась революція. Но чѣмъ шире будетъ развернутое нами массовое движеніе при выборахъ, тѣмъ больше правительство будетъ прибѣгать къ политическимъ репрессаліямъ. За столкновеніями съ войскомъ остановки не будетъ. Если же и войска откажутся идти противъ народа, тогда конецъ! Выборная агитація каждую минуту можетъ превратиться въ революціонное возстаніе.

Агитація и организація — основы всей нашей политической дѣятельности. Государственная Дума и выборы въ ней въ томъ и другомъ отношеніи намъ открываютъ новые шансы и возможности. Слѣдовательно, надо ихъ использовать.

Парвусъ.

НА ОЧЕРЕДИ.

Говорятъ, что аргументаціей „Искры“ противъ „бойкота“ Государственной Думы пользуются „правые“ освобожденцы въ своей борьбѣ съ „лѣвыми“, какъ извѣстно, мѣстами высказывающимися за бойкотъ. А, такъ какъ правое крыло либерализма собирается идти въ Думу *не* для революціонной борьбы съ самодержавіемъ, то, какъ будто, выходитъ, что мы своей аргументаціей поддержали тактику умѣренныхъ либераловъ противъ крайнихъ.

Въ самомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Аналогичныя явленія имѣли мѣсто и раньше, будутъ имѣть мѣсто и впредь. Когда это имъ выгодно, либералы пользуются противъ крайнихъ демократовъ аргументами, заимствованными у марксизма. Какой либералъ, борясь противъ аграрной утопіи народниковъ, не воспользуется парой аргументовъ, взятыхъ на прокатъ у марксистовъ? А развѣ реакціонеры сплошь и рядомъ не побиваютъ „матеріалистическими“ доводами того или другого либеральнаго „идеалиста“.

Разумѣется, и у реакціонера, и у либерала при этомъ не обходится безъ маленькаго... искаженія заимствованной у соціализма мысли.

Въ передачѣ реакціонеровъ матеріалистическій анализъ становится очень удобнымъ орудіемъ для проповѣди незыблемости даннаго порядка, и въ этомъ духѣ уже не одинъ борзописецъ „Московскихъ Вѣдомостей“ интерпретировалъ противъ либераловъ матеріалистическое пониманіе исторіи, не одинъ зубатовецъ такой интерпретаціей пытался отвратить пролетаріатъ отъ политической активности. И точно также политическій реализмъ, противопоставляемый соціальдемократами утопическому романтизму, не однажды превращался подъ перомъ либерала въ оправданіе самаго вульгарнаго „практицизма“.

Если вѣрно, что *правые* либералы пытаются эксплуатировать нашу „противобойкотную“ пропаганду, то это производится при помощи такой же фальсификаціи нашихъ идей.

Мы говоримъ: участіе въ выборахъ можетъ стать орудіемъ революціонной борьбы. Демократы, стоящіе за „бойкотъ“, напротивъ, склонны видѣть въ такомъ участіи безплодную и опасную игру. Умѣренные либералы не раздѣляютъ опасеній демократовъ. Значитъ ли это, что, подобно намъ, они смотрятъ на свое участіе въ выборахъ, какъ на средство двинуть впередъ революцію?

Если либералы думаютъ (а они, несомнѣнно, такъ думаютъ) войти въ Думу для того, чтобы заниматься тамъ той игрой въ „оппозицію его величества“, какую они до сихъ поръ продѣлывали на земскихъ съѣздахъ, то это ихъ занятіе въ лучшемъ случаѣ будетъ совершенно безплоднымъ для дѣла русской свободы, въ худшемъ и очень вѣроятномъ сыграетъ въ руку реакціи. Если они надѣются „расширить рамки Думы“ такъ называемыми „легальными“ средствами, то они могутъ быть увѣрены, что очень скоро вступятъ въ острый антагонизмъ съ народными массами, которыя должны будутъ разсматривать всякое участіе въ „политической работѣ“ законосовѣщательной Думы, какъ поддержку либералами падающей монархіи, какъ стремленіе либераловъ еще дальше отойти отъ народнаго движенія.

Революціоннымъ, и слѣдовательно, прогрессивнымъ можетъ быть только такое участіе въ выборахъ, которое ставитъ себѣ цѣлью „взорвать“ Думу, а извнутри содѣйствовать этому „взрыву“ можно, только поддерживая то движеніе, которое будетъ „взрывать“ Думу *снаружи* и которое одно только и можетъ ее „взорвать“. Либералъ или демократъ, который явится въ Думу съ тѣмъ, чтобы тамъ всѣми — вплоть до революціонныхъ — средствами отстаивать немедленный созывъ Учред. Собр., — такой либералъ или демократъ можетъ своей дѣятельностью въ Думѣ содѣйствовать народной революціи. Всякое другое поведеніе, препятствуя обостренію конфликта между монархіей и страной, превратитъ думскихъ либераловъ въ посмѣшище реакціи и въ объектъ ненависти народа. Надо выбирать!

И мы думаемъ, что этотъ выборъ очень ясно стоялъ передъ тѣми демократами, которые предпочли высказаться за „бойкотъ“. Понимая опасность полной компрометаціи своей партіи, если они, вступивъ въ Думу, не рѣшатся стать на революціонный путь, и, не чувствуя готовности теперь же вступить на этотъ путь, они предпочитаютъ „гордо“ отвернуться отъ участія въ избирательной борьбѣ, отъ участія въ Думѣ. Напротивъ, „умѣренные“, отлично понимающіе „гдѣ раки зимуютъ“ и твердо вѣрящіе въ возможность сдѣлокъ съ царизмомъ, готовы, на худой конецъ, пренебречь возрастаніемъ вражды къ нимъ народныхъ массъ.

Поэтому, совершенно наивно утвержденіе „Пролетарія“ (№ 15), будто рѣшеніе бойкотировать Думу есть, со стороны демократіи, „первый шагъ къ сближенію съ революціоннымъ народомъ“, дѣлающій для пролетаріата обязательной поддержку тактики этой демократіи. Столь мрачно-подозрительный во всѣхъ случаяхъ жизни „Пролетарій“ становится непозволительно довѣрчивымъ къ демократіи и, притомъ, безъ всякихъ серьезныхъ основаній. Провозгласивъ „бойкотъ“, сдѣлала ли демократія хоть одинъ шагъ, позволяющій думать, что она намѣрена начать борьбу революціонными средствами? Мы такихъ шаговъ не знаемъ. „Пролетарій“ — тоже, но онъ питаетъ себя слѣдующими утѣшеніями: „Если бойкотъ не хвастовство, если мобилизація („мобилизація всѣхъ демократическихъ силъ“) не фраза, если возмущеніе дерзкимъ вызовомъ (самодержавія) не актерство — тогда вы должны порвать съ „соглашателями“, стать на сторону теоріи самодержавія народа, принять, *на дѣлѣ* принять единственно послѣдовательные лозунги революціонной демократіи: вооруженное возстаніе, революціонная армія, временное революціонное правительство“.

Все это очень убѣдительно, но... но все это заставляетъ насъ поставить одинъ лишь вопросъ: „а если это, дѣйствительно, фразы?“ А если всѣ эти заявленія только прикрываютъ одно желаніе: „переждать грозу“, остаться въ сторонѣ отъ того остраго столкновенія пролетаріата съ царизмомъ, которое неизбѣжно вспыхнетъ, когда вступитъ въ силу „конституція“ 6 августа и которое столь же неизбѣжно потребуетъ отъ всѣхъ, участвующихъ въ Думѣ и не желающихъ оказаться въ лагерѣ реакціи, рѣшительныхъ шаговъ по тому революціонному пути, на которомъ разыграется это столкновеніе?

Мы имѣемъ полное право поставить этотъ вопросъ потому, что до сихъ поръ мелко-буржуазная демократія, о которой идетъ рѣчь, рѣшительно отвергала идею помощи народному возстанію (напр., на съѣздѣ адвокатовъ) потому, что она не оказала возстанію никакой поддержки, когда оно вспыхнуло въ іюнѣ, потому что она и теперь, заговоривъ о бойкотѣ, не постаралась убѣдить насъ въ своей готовности итти за пролетаріатомъ.[1]

Да! Когда буржуазная демократія рѣшится свои силы отдать дѣлу революціонной борьбы, тогда мы съ ней готовы будемъ серьезно потолковать о томъ, не пригодится ли для цѣли обостренія конфликта страны съ монархіей предлагаемый ею „бойкотъ“. Но съ другой стороны, мы думаемъ, что когда это совершится, то вопросъ о „бойкотѣ“ замѣнится и для буржуазной демократіи совершенно другимъ вопросомъ: объ организаціи революціоннаго самоуправленія, а, *слѣдовательно*, (имѣйте въ виду это, тов. Ленинъ!), а, слѣдовательно, *и* революціонной арміи, и аггрессивной гражданской войны противъ реакціи.

До тѣхъ же поръ мы позволимъ себѣ предложить буржуазной демократіи, чтобы она намъ показала на дѣлѣ, *какъ* она будетъ мобилизовать на почвѣ бойкота „всѣ демократическія силы“ и прежде всего тѣ демократическія силы, которыя находятся въ ея „вѣдомствѣ“: крестьянство и мелкую буржуазію. Мы попросимъ ее *сначала* оправдать силлогизмъ „Пролетарія“ о томъ, что сказавшій „бойкотъ“, уже тѣмъ самымъ сказалъ „возстаніе“... Но буржуазная демократія вовсе не думаетъ спѣшить показать намъ свой прогрессъ отъ тактики „банкетовъ“ къ революціонной тактикѣ. Провозглашая „мобилизацію“, она про себя прибавляетъ:

„Туда умнаго не надо
„Я пошлю туда Реада,
„А тамъ — посмотрю“,

и посылаетъ въ бой пролетаріатъ, вотируя необходимость массовой *политической* стачки, т. е. средства борьбы, которое, по своему характеру, является серьезнымъ орудіемъ лишь въ рукахъ наемныхъ рабочихъ, а для всей массы мелкобуржуазныхъ собственниковъ вовсе непримѣнимо; и подмигиваетъ одобрительно тѣмъ, кто подобно „бундистамъ“ въ „Послѣднихъ Извѣстіяхъ“ обѣщаютъ пролетарскими кулаками „разогнать“ выборщиковъ для того, чтобы не дать собраться этой непріятной Думѣ, въ которой — реакція постаралась! — въ первый же день придется бѣдному демократу сказать ясно, за что онъ стоитъ: за самодержавіе царя или за самодержавіе народа?

Роль генерала Реада на посылкахъ у Союза Союзовъ не прельститъ, надо думать, ни одного соціалиста. И мы можемъ только предостеречь отъ этой *идеализаціи* тактики лѣвыхъ элементовъ демократіи, которою переполнена статья № 15 „Пролетарія“. Редакціи этого органа, повидимому, удалось убѣдить себя, что „Искра“ рекомендуетъ тактику хожденія „во хвостѣ монархической буржуазіи“. Это—потому, что самъ „Пролетарій“ видитъ выборъ только между пассивнымъ приспособленіемъ къ тактикѣ одной изъ двухъ фракцій буржуазной оппозиціи. Ограничивъ себя этими рамками, онъ, подобно представителямъ обѣихъ этихъ фракцій, рѣшаетъ, что тактика „Искры“ приближается къ желаніямъ „умѣренныхъ“. Но, если и умѣренные и крайніе буржуа имѣютъ нѣкоторое право не знать, что кромѣ либеральнаго оппортунизма и революціонной демократической фразы, есть еще тактика *пролетарской революціи*, то „центральный органъ“ т. Ленина обязанъ это знать. Самостоятельная классовая тактика пролетаріата не идеализируетъ ни праваго, ни лѣваго крыла буржуазіи. Соціальдемократія знаетъ, что въ данный моментъ и правые, и лѣвые къ революціоннымъ пріемамъ борьбы не намѣрены приступить, разсчитывая, что „лѣвые“ со временемъ будутъ *двинуты* на путь революціи, она и не думаетъ на этомъ основаніи оказать имъ теперь же слишкомъ большой политическій кредитъ, чтобы не оказаться самой въ роли обладательницы кучи дутыхъ векселей. Передъ соціальдемократіей стоитъ вопросъ: какъ использовать въ интересахъ революціи (а, слѣдовательно, и въ интересахъ классоваго сплоченія пролетаріата) „Булыгинскую конституцію“. Требуя, чтобы всѣ враги царизма мобилизовали свои силы для борьбы за созывъ Учредительнаго Собранія, соціальдемократія должна разсчитывать только на вліяніе организованнаго давленія пролетаріата какъ на правые, такъ и на лѣвые и крайніе лѣвые элементы буржуазной оппозиціи. Вовлеченіе послѣднихъ въ водоворотъ революціонной борьбы возможно будетъ лишь постольку, поскольку мы окажемся активной и грозной силой, поскольку, слѣдовательно, мы съумѣемъ въ ходѣ данной борьбы мобилизовать массы пролетаріата. Тактика „бойкота“, на нашъ взглядъ, никакихъ массъ не мобилизуетъ. Мобилизовать ихъ можетъ всего лучше или избирательная кампанія—если бы пролетаріатъ получилъ право голоса—или организація революціоннаго самоуправленія, къ которой мы предлагаемъ приступить, воспользовавшись избирательной кампаніей тѣхъ классовъ, которые „дорвались“ до Думы. Возможно, что расшатка самодержавія еще не достигла той степени, а наши силы еще не достаточно велики, чтобы *теперь-же* намъ удалось достигнуть въ этой области „осязательныхъ“ результатовъ. Но и въ этомъ случаѣ все, что успѣемъ, хотя бы мѣстами, сдѣлать для организаціи *массъ* на почвѣ революціоннаго самоуправленія, сослужитъ большую службу въ будущемъ. И лишь въ той мѣрѣ, въ какой мы будемъ успѣвать въ дѣлѣ организаціи революціоннаго самоуправленія, мы сможемъ *заставить* буржуазныхъ демократовъ идти за нами на пути къ возстанію.

Трудно думать, чтобы „Пролетарій“ не понималъ хода нашей мысли. И, тѣмъ не менѣе, онъ дерзаетъ говорить объ „оппортюнистической“ и „революціонной“ тактикѣ двухъ фракцій нашей партіи. Но, вѣдь, давно уже извѣстно, что не желаніе засѣдать въ правительствѣ въ роли меньшинства вмѣстѣ съ представителями нынѣшняго „Союза союзовъ“ есть признакъ *оппортюнизма*. Съ этой „революціонной“ точки зрѣнія будущихъ русскихъ министровъ (виноватъ! министерской партіи, ибо „Пролетарій“ протестуетъ противъ приписыванія „вождямъ его фракціи намѣренія стать у власти“), съ этой точки зрѣнія, наша тактика, разсчитанная на классовую самостоятельность и высшую революціонную активность пролетаріата, не можетъ не казаться „оппортюнистической“.

⁂

Нѣсколько словъ pro domo sua. Въ той же статьѣ „Пролетарій“ жалуется на „полемическіе пріемы“ „Искры“. Упрекъ не новый: корректные въ полемикѣ Галерки и Орловскіе взяли его у соціалистовъ-революціонеровъ, бундовцевъ и освобожденцевъ; поэтому, напрасно „Пролетарій“ говоритъ только о „новой“ Искрѣ — соотвѣтствующая репутація — въ глазахъ противниковъ партіи —сложилась еще у „старой“ Искры.

Противъ этого упрека не приходится оправдываться. Давно уже сказано, что въ ходѣ дѣлового спора люди начинаютъ жаловаться на „пріемы полемики“, какъ разъ тогда, когда у нихъ ускользаетъ подъ ногами почва. Давно уже замѣчено, что на „рѣзкость“ полемики люди начинаютъ жаловаться тогда, когда они собираются выкинуть какое нибудь „колѣнце“ въ области простой ругани. Въ томъ же № „Пролетарія“ мы можемъ прочесть о „Хлестаковской“ Искрѣ, а въ предыдущемъ вашъ нижайшій слуга сравнивается съ... Буренинымъ. Какъ разъ, какъ у соціалистовъ-революціонеровъ, которые въ недавно выпущенномъ сплошь ругательномъ „приложеніи“ стонутъ по поводу нашей полемики, деморализующей революціонную печать, и тутъ же елейно инсинуируютъ, что наша полемика уже причинила революціи такое несчастіе, какъ предательство небезъизвѣстнаго Ѳомы Кочура. Этотъ членъ боевой организаціи начитался полемическихъ статей „Искры“ и такъ былъ огорченъ ими, что предалъ своихъ товарищей.

Грѣшный человѣкъ! Читая повтореніе этой идіотской басни, выдуманной для оправданія жалкаго измѣнника, я подумалъ: не готовится ли какой нибудь новый скандалъ, который выгодно будетъ свалить на дѣйствіе искровской полемики?

Въ 14 № „Пролетарія“ меня стараются „сшибить лбами“ съ товарищами въ Россіи.

Въ № 107 я посмѣялся надъ трижды нелѣпыми и компрометирующими соціальдемократію статьями „твердыхъ“ о томъ, „какъ дѣлаютъ революцію?“ Теперь мнѣ противопоставляютъ екатеринославскихъ „меньшевиковъ“, которые при организаціи самообороны, естественно, и оружіе закупаютъ, и часовыхъ разставляютъ, и дежурныя квартиры устраиваютъ — и дѣлаютъ выводъ: вотъ надъ кѣмъ вы смѣетесь, тов. Мартовъ! И въ заключеніе — Буренинъ!

---

[1] Вотъ иллюстрація къ только-что сказанному: умѣренныя „Русскія Вѣдомости“ заявляютъ: „Бюрократія знаетъ, что Государственная Дума, если она хотя и въ слабой степени отразитъ настроеніе страны, не поддержитъ расшатывающагося режима и нанесетъ ему послѣдній ударъ“. Либеральная фанфаронада о „нанесеніи послѣдняго удара“ при условіи „слабаго отраженія“ настроенія страны, конечно, никого не убѣдитъ. Призывъ „сплотиться и сомкнутымъ строемъ идти на штурмъ бюрократической цитадели“ больше всего говоритъ о желаніи умѣренно-либеральной газеты избѣжать политическаго соперничества на выборахъ между приличными демократами и безцвѣтными либералами, а, можетъ быть, даже и между тѣми и другими, съ одной стороны, и „шиповцами“, съ другой. Готовясь къ дѣйствительному „штурму“, зовутъ прежде всего не къ выборамъ, а къ организаціи народныхъ массъ. И заключительная фраза газеты: „Всякое воздержаніе отъ выборовъ при такихъ обстоятельствахъ является преступленіемъ. Ни одинъ голосъ со стороны прогрессивныхъ партій не долженъ пропасть“, — эта фраза явно говоритъ о желаніи возложить всѣ надежды на борьбу на „парламентской“ почвѣ. Съ другой стороны, посмотрите, какъ рипостируетъ „радикальный“ „Сынъ Отечества“, тяготѣющій къ „бойкоту“. Разбирая соображеніе „Нашей Жизни“ о необходимости ознакомить избирателей съ *программами* кандидатовъ, газета спрашиваетъ:

Должны ли эти программы печататься съ разрѣшенія цензуры или безъ ея вѣдома? Если съ разрѣшенія, то много-ли партійныхъ программъ дойдетъ до избирателя въ своемъ настоящемъ видѣ? Если безъ ея вѣдома, то *много ли найдется кандидатовъ*, (курс. нашъ), которые *рѣшатся* снабдить своей подписью такія нелегально изданныя программы? А, если кто и рѣшится, то онъ попадетъ, конечно, но отнюдь не въ Думу“... Не очевидно ли, товарищи изъ „Пролетарія“, что демократическіе сторонники бойкота не столько „качнулись въ сторону революціи“, сколько „откачнулись“ отъ перспективы „предварилки“, грозящей въ случаѣ серьезной избирательной агитаціи?

Съ Буренинымъ меня уже сравнивали соціалисты-революціонеры тогда, когда я имѣлъ честь работать съ т. Ленинымъ и, вмѣстѣ съ нимъ, долженъ былъ бороться съ революціонной риторикой соціалистовъ-революціонеровъ. Съ тѣхъ поръ онъ самъ сталъ типичнымъ рыцаремъ этой риторики. Я остался прежнимъ, а потому и вполнѣ заслужилъ, чтобы *нынѣшній* Ленинъ желалъ меня запачкать сопоставленіемъ съ самымъ грязнымъ именемъ грязной литературы.

Кто читалъ мою статью, тотъ знаетъ, что я ни надъ „меньшевиками“, ни надъ „большевиками“, которые занимаются техническимъ обслуживаніемъ революціи, не смѣялся. Я нахожу, что въ этой области дѣлается у насъ и слишкомъ мало, и слишкомъ плохо, и всякое извѣстіе о серьезной попыткѣ поднять нашу техническую боевую готовность мнѣ только пріятно. Мои стрѣлы направлены были противъ тѣхъ *болтуновъ*, которые думаютъ, что готовить революцію значитъ выработать рецепты на всѣ случаи и которые пытаются бюрократически регламентировать заранѣе, „кому и какъ сидѣть“ передъ возстаніемъ и во время него. Во всемъ русскомъ „меньшинствѣ“ не найдется ни одного такого болтуна. Не найдется ихъ, я надѣюсь, и въ *русскомъ* „большинствѣ“ (за исключеніемъ тѣхъ, которые одновременно состоятъ членами „Союза Союзовъ“ — эти любятъ „помечтать“ о возстаніи). Среди литературной братіи „твердыхъ“ ихъ, къ сожалѣнію, становится все больше, и они начинаютъ компрометировать всѣхъ насъ. Поэтому, я и счелъ нужнымъ заняться статьей „Гэдиста“.

Но ошибается „Пролетарій“, будто бы смѣшливое настроеніе подсказало мнѣ эту статью. Нѣтъ! я могъ бы отвѣтить словами Сальери:

„Мнѣ не смѣшно, когда маляръ ничтожный“ и т. д.

Русская революція такъ величаво-прекрасна, что, право же не смѣхъ вызываютъ потуги несчастныхъ маляровъ внести свою долю „творчества“ въ это прекрасное движеніе. Нѣтъ, намъ не смѣшно...

Л. М.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХЪ.

Прощайте-же, братья!
вы честно прошли вашъ
доблестный путь благородный.

Съ Александромъ Петровымъ я познакомился на одномъ собраніи. Его привелъ къ намъ нашъ товарищъ и рекомендовалъ его намъ, какъ хорошаго работника и, дѣйствительно, онъ оказался лучшимъ работникомъ во флотѣ. Его горячую рѣчь, призывавшую къ непримиримой борьбѣ съ существующими порядками въ Россіи, можно было слышать на каждой массовкѣ, на каждой летучкѣ, на каждомъ собраніи. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ существующаго строя, онъ жаждалъ видѣть свой народъ свободнымъ и неустанно боролся за его свободу. Плавая на одномъ изъ броненосцевъ Черноморскаго флота, онъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ сагитировалъ чуть ли не всю команду на броненосцѣ. Впослѣдствіи, перейдя на „Прутъ“, онъ писалъ мнѣ, что работа тамъ идетъ не дурно, но среди тамошнихъ матросовъ нѣтъ солидарности, нѣтъ товарищескаго довѣрія, но „поработаемъ — увидимъ, будетъ и солидарность, будетъ и товарищеское довѣріе“, такъ заканчивалъ онъ свое письмо. Мы съ нимъ, были друзья. Въ одной изъ нашихъ бесѣдъ, онъ разсказалъ мнѣ часть своей біографіи: онъ уроженецъ Казанской губерніи. Работалъ на фабрикахъ въ Москвѣ, гдѣ подпалъ подъ вліяніе зубатовщины, но впослѣдствіи сталъ истиннымъ соціальдемократомъ. На службѣ, до вступленія въ Севастопольскую организацію Соц. Дем. Раб. Партіи, онъ работалъ среди матросовъ самостоятельно. Мы называли его „Оригиналомъ“ и онъ оправдывалъ свою кличку. Онъ, дѣйствительно, былъ оригинальной личностью во флотѣ. Такія личности мало встрѣчаются. Петрова или „Оригинала“ знаютъ многіе матросы.

Съ Титовымъ я познакомился сравнительно позже; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе искренняго и горячо преданнаго рабочему дѣлу и не передъ чѣмъ не останавливающейся, во имя рабочаго дѣла, личности.

Дорогіе, незабвенные товарищи! Васъ нѣтъ теперь въ живыхъ. Вы спите непробуднымъ вѣчнымъ сномъ въ сырой могилѣ. Любя свой народъ, вы боролись за его счастье, вы жаждали видѣть его свободнымъ. Въ борьбѣ за народное благо, въ борьбѣ за народную свободу, вы пали жертвою гнуснаго самодержавія. Спите же, товарищи, спите..Мы, оставшіеся въ живыхъ, продолжая ваше дѣло, отомстимъ за васъ. Мы зальемъ поля родины, которую вы такъ страстно любили, кровью подлыхъ душителей-убійцъ. Спите же, дорогіе товарищи! Спите, честные бойцы! Часъ расплаты, часъ кровавой мести близокъ! Трепещите же, подлые убійцы! Какъ змѣи вы будете извиваться у нашихъ ногъ, вы о пощадѣ будете молить насъ. Но нѣтъ вамъ, душители-убійцы, пощады!

Трепещите же!! Часъ расплаты, часъ кровавой расплаты близокъ! Трепещите!!

Матросъ Черноморскаго флота.

По Россіи.

Мартинъ Каспшакъ. 26 августа ст. стиля въ Варшавѣ казненъ М. Каспшакъ. Больше года царская „юстиція“ вырывала у жизни этого, уже на половину разрушеннаго болѣзнью, человѣка. Всѣми средствами полицейской лжи и насилія палачи добивались устраненія экспертовъ врачей—психіатровъ, къ которой апеллировала защита, чтобы доказать невмѣняемость Каспшака въ тотъ моментъ, когда онъ, защищая ввѣренный ему постъ, одинъ уничтожилъ четырехъ полицейскихъ и жандармовъ. И вотъ, черезъ годъ, послѣ вооруженнаго сопротивленія въ типографіи Соціальдемократіи Польши и Литвы, вынесенъ „окончательно“ смертный приговоръ старѣйшему дѣятелю польскаго соціальдемократическаго движенія. Множество современныхъ и на этотъ разъ вопіющихъ правонарушеній дѣлало весьма вѣроятной кассацію кроваваго приговора. Защита была увѣрена, что онъ будетъ кассированъ. Но новый варшавскій генер.-губернаторъ Скалонъ на основаніи недавно объявленнаго военнаго положенія постановилъ, чтобы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, а кассаціонная жалоба не была передана по назначенію. Между тѣмъ, „преступленіе“ Каспшака совершено *за годъ* до введенія военнаго положенія. Польскій пролетаріатъ не забудетъ генералу Скалону его перваго дебюта въ роли палача.

Мужественно взошелъ Каспшакъ на эшафотъ. Послѣдній его возгласъ былъ: „да здравствуетъ революція!“ Онъ умеръ 48 лѣтъ, оставивъ жену и дѣтей.

Имя Каспшака, неутомимо работавшаго въ первыхъ рядахъ польскаго пролетаріата съ самаго начала его сознательнаго движенія, останется дорого всѣмъ борцамъ революціоннаго соціализма. Но Каспшакъ былъ не только заслуженнымъ борцомъ революціи: долгіе годы онъ былъ ея *мученикомъ*. Болѣе 10 лѣтъ Каспшака преслѣдовало ужасное подозрѣніе: его обвинили въ провокаціи, и никакими средствами не могъ онъ заставить обвинителя — „Польскую Соціалистическую Партію“ — признать его невиновность. Непровѣренное обвиненіе было опровергнуто Соціальдемократіей Польши и Литвы, а въ 1901 г. — и Правленіемъ Герман. Соц. Дем. Партіи, когда, выставленный кандидатомъ на выборахъ въ рейхстагъ (Каспшакъ былъ германскимъ подданнымъ) Каспшакъ снова подвергся всѣмъ ужасамъ травли. Тринадцать лѣтъ тяготѣло на немъ подозрѣніе, съ презрѣніемъ отвергнутое его товарищами по партіи, но, тѣмъ не менѣе, слѣдовавшее за нимъ повсюду и каждый разъ снова вспыхивавшее съ новой силой въ ходѣ разгорающейся междупартійной борьбы. И только висѣлица должна была принести ему окончательную реабилитацію.

Но за короткое время до казни появилось, наконецъ, признаніе Центральнымъ Комитетомъ Пол. Соц. Партіи ошибочности его подозрѣній. Особая комиссія, назначенная имъ, съ достовѣрностью постановила, что никакихъ данныхъ для заподазриванія Каспшака никогда не было.

Успѣлъ ли М. Каспшакъ узнать объ этомъ признаніи своихъ политическихъ противниковъ? Или ему суждено было пойти на эшафотъ съ той же горечью въ сердцѣ, которая отравила всю его жизнь?

Севастополь. Въ ночь на 24 августа былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ военно-морского суда (разстрѣлъ) надъ „прутовцами“ (Петровъ, Титовъ, Адаменко и Черный). Интересна исторія этого приговора для характеристики нашего Николая и одного изъ его опричниковъ — Чухнина. Какъ вамъ извѣстно уже, судъ, приговоривъ 4-хъ товарищей матросовъ къ смертной казни, немедленно же вошелъ къ Е. И. В. съ мотивированнымъ ходатайствомъ о смягченіи ихъ участи. Тогда Чухнинъ тотчасъ строчитъ доносъ тоже Е. И. В. на судей, въ которомъ говоритъ о томъ, что они оказались не на высотѣ своего призванія, что они такимъ образомъ испортятъ ему весь флотъ (!), что они, однимъ словомъ, слишкомъ мягки съ бунтовщиками. Говорятъ, что Николай не потрудился даже прочесть ходатайство суда, за то на рапортѣ Чухнина собственноручно начерталъ: „Передать окончательный приговоръ на благоусмотрѣніе Чухнина“. А такъ какъ ясно было, въ чемъ именно заключалось это благоусмотрѣніе Чухнина (изъ его доноса), то никого изъ знакомыхъ съ ходомъ дѣла не поразило извѣстіе, что Чухнинъ оставилъ безъ послѣдствій ходатайство суда и утвердилъ смертный приговоръ. Дѣло, впрочемъ, держалось въ большомъ секретѣ, только нѣкоторые обстоятельства показывали, что что-то готовится. Такъ, за нѣсколько дней до казни безъ всякаго повода было внезапно арестовано до 200 матросовъ, въ число которыхъ входили всѣ, на кого у начальства было подозрѣніе въ крамолѣ. Мы никакъ не могли сразу объяснить причину такихъ арестовъ и объясняли это просто желаніемъ начальства подтянуть флотъ и вывести крамолу. Какъ оказалось впослѣдствіи, эти аресты были тѣсно связаны съ предстоящей казнью, но такъ какъ, повторяю, дѣло держалось въ большомъ секретѣ и мы были очень плохо освѣдомлены о ходѣ событій, то мы склонны были разсматривать эти аресты какъ простыя репрессивныя мѣры; также смотрѣли на эти событія и товарищи матросы. Какъ уже выяснилось теперь, дѣло обстояло такъ. Начальство страшно боялось, чтобы казнь не вызвала новаго возмущенія среди матросовъ. Поэтому оно постаралось арестовать всѣхъ тѣхъ, относительно которыхъ у него были хоть какія нибудь мало мальскія подозрѣнія въ неблагонадежности, но такъ какъ на этотъ счетъ у него всегда бываютъ очень смутныя представленія, то оно арестовало всѣхъ людей, отличающихся даже просто буйнымъ характеромъ. Благодаря этому, наши связи не порвались, хотя все же потеряно не мало дѣльныхъ товарищей матросовъ. Арестованнымъ не говорили за что, по подозрѣнію въ какомъ преступленіи ихъ забрали, не говорили также, что съ ними будутъ дѣлать. Начальство молчало или говорило очень неопредѣленно, что ихъ переведутъ въ армію, что оно само сейчасъ ничего не знаетъ. Велѣно было однако продать всѣ вещи, оставивъ себѣ только самое необходимое для дороги бѣлье. Было трудно добиться чего нибудь на счетъ дальнѣйшей судьбы арестованныхъ. Только за день до казни можно было узнать, что всѣхъ вновь арестованныхъ соединятъ вмѣстѣ съ арестованными раньше 900 человѣкъ и отправятъ на Амуръ, гдѣ служба по количеству лѣтъ (7 л.) приравнена къ службѣ во флотѣ, и что по окончаніи службы они останутся въ Сибири на поселеніи, т. е. что имъ будетъ запрещено вернуться обратно въ Россію. Дѣйствительно, на другой день послѣ казни (25 августа) всѣ арестованные, свыше 1000 человѣкъ, были переведены подъ усиленнымъ конвоемъ пѣхоты на „Днѣстръ“ и другія суда (въ точности именъ судовъ сейчасъ не помню). Съ этихъ судовъ благоразумно было снято все оружіе, а отъ пушекъ отвинчены замки. Былъ поставленъ сильный караулъ пѣхоты. 4 крамольные суда двинулись ночью (25-го) изъ Севастополя къ Одессѣ, подъ прикрытіемъ цѣлой флотиліи броненосцевъ, миноносцевъ и крейсеровъ, въ полной боевой готовности, съ заряженными пушками, съ вооруженными съ ногъ до головы солдатами и кучкой вооруженныхъ „вѣрныхъ“ матросовъ. Дальнѣйшія перипетіи сего славнаго плаванія черноморскаго флота неизвѣстны, такъ какъ пока еще суда не вернулись изъ Одессы, другихъ же свѣдѣній тоже нѣтъ. Думаю, что на сей разъ страхи офицерскихъ женъ за судьбу „почетнаго“ караула все же напрасны и „плаваніе“ эскадры въ виду „слабости“ непріятеля и „нашего“ превосходства силъ окончится вполнѣ благополучно.

Теперь нѣсколько подробностей о казни. Начальство трусило ужасно и приняло всѣ предосторожности, чтобы день казни остался неизвѣстнымъ. Все же, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, по городу за день, за два стали ходить слухи, что скоро казнь, или что уже казнили, что видѣли гробы, которые куда то повезли и т. д. все, что бываетъ обыкновенно не вѣрно, но служатъ показателемъ, что скоро что то дѣйствительно будетъ. И вотъ черезъ день (24-го днемъ) уже стало извѣстно, что казнь совершилась... Какъ ни тяжелъ, какъ ни ужасенъ фактъ, но теперь незыблемо установлено, что матросовъ разстрѣливали сами же матросы. Начальству очевидно хотѣлось насладиться этой картиной à la Каинъ. Оно сдѣлало все, что могло, чтобы братъ убилъ брата, чтобы матросы непремѣнно разстрѣляли своихъ же братьевъ матросовъ. Для этого оно взяло взводъ (около 30) молодыхъ (учениковъ) матросовъ. Имъ ничего не сказали, куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. Взяли ихъ ночью, привели въ поле (разстрѣлъ происходилъ за константиновской батареей, въ части города, носящей названіе „Сѣверная“) и тамъ окружили баталіономъ солдатъ Брестскаго полка. Начальство обратилось къ матросамъ съ рѣчью, приблизительно такого рода: вы должны будете сейчасъ разстрѣлять бунтовщиковъ. Если вы этого не сдѣлаете, то позади васъ стоятъ солдаты, которые по нашему приказу перестрѣляютъ всѣхъ васъ моментально. Бунтовщикамъ же вы этимъ ничуть не поможете, потому что мы ихъ разстрѣляемъ все равно, а своимъ неповиновеніемъ сдѣлаете то, что васъ всѣхъ разстрѣляютъ вмѣстѣ съ ними. Стрѣляйте хорошо, потому что уже если имъ помирать суждено, то пусть уже они умрутъ сразу, чѣмъ будутъ мучиться... Когда подумаешь о всей этой мрачной картинѣ: ночь, зажженные факелы кругомъ солдаты (ихъ было нѣсколько тысячъ) и кучка молодыхъ матросовъ, которой начальство говоритъ эти слова, то, право, не срывается съ устъ противъ нихъ строгое осужденіе... Говорятъ, что офицеръ не могъ отъ волненія произнести слова команды... Была масса залповъ, въ одинъ трупъ попало 16 пуль. За то одинъ изъ казненныхъ послѣ всѣхъ залповъ еще кричалъ. Его добили солдаты...

Еще одна неудавшаяся попытка возстанія.

События, разыгравшіяся въ Одессѣ 13, 14 и 15 іюня, захватили своимъ революціоннымъ потокомъ не только все рабочее населеніе города, но увлекли за собой и пролетаріатъ ближайшихъ пригородовъ.

Въ нашей партійной печати, однако, не появлялось до сего времени объ этомъ ни одного сообщенія, и поэтому я спѣшу своимъ даннымъ письмомъ пополнить этотъ пробѣлъ въ общей картинѣ одесскаго возстанія.

Верстахъ въ 12 отъ Одессы, по берегу Хаджибейскаго лимана расположено нѣсколько селъ и деревень — Куяльникъ, Усатово, Фольгинское, Нерубаевское, Холодная Балка и др.

Населеніе этихъ деревень большей частью пригородные мѣщане-пролетаріи, добывающіе свой кусокъ хлѣба почти исключительно работой въ каменоломняхъ. Очень рѣдкіе изъ нихъ удержали еще въ своемъ пользованіи нищенскія земельныя угодья, большинство же разорено безповоротно и кромѣ своихъ мозолистыхъ рукъ никакихъ другихъ источниковъ не имѣетъ.

Не буду сейчасъ подробно останавливаться на описаніи ихъ быта и экономическаго положенія. Скажу кратко, что всеобщій кризисъ и безработица въ городѣ вызвали застой и пріостановку работъ въ каменоломняхъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ нихъ, вслѣдствіе отсутствія спроса на камень и обезцѣненія его, закрылись чуть ли еще не съ половины мая, тѣ же, которыя, продолжали свою работу, давали самый ничтожный заработокъ, недостаточный даже для дневного пропитанія рабочаго и его семьи. Положеніе день ото дня становилось все невыносимѣе. Многіе буквально не имѣли куска хлѣба. Я самъ зналъ нѣсколько семей рабочихъ, которыя сидѣли по двое сутокъ безъ всякой пищи, раздобывая только кое какія крохи для своихъ маленькихъ, голодныхъ дѣтей. Само собою разумѣется, что все это не могло не создать среди каменоломщиковъ атмосферу всеобщаго озлобленія и остраго недовольства, толкающихъ сознаніе рабочихъ къ отысканію корня пролетарскихъ бѣдствій.

Исканіе „правды“ и „справедливости“ охватываетъ въ такіе моменты самыя широкія, самыя сѣрыя массы. И каменоломщики собирались цѣлыми толпами на сходки, чтобы послушать отъ своихъ сознательныхъ товарищей горячія рѣчи о „рабочей правдѣ“ и о томъ, какъ ее нужно добиваться.

Слушая съ жаднымъ вниманіемъ объясненія развитыхъ и сознательныхъ товарищей, они все больше и больше убѣждались, что причины ихняго невыносимаго положенія, какъ и всѣхъ рабочихъ вообще, лежатъ въ самомъ строѣ современной жизни и въ полномъ безправіи, которое не даетъ имъ возможности бороться за лучшую долю.

Настроеніе отъ всего этого становилось съ каждымъ днемъ нетерпѣливѣе и возбужденнѣе и передъ началомъ событій достигло, кажется, своего крайняго предѣла. И я увѣренъ, что, если бы революціонное движеніе не началось въ городѣ, оно неизбѣжно вспыхнуло бы здѣсь въ деревняхъ.

Но, прежде чѣмъ перейти къ описанію самыхъ событій, я сдѣлаю небольшое отступленіе и вкратцѣ коснусь той революціонной работы, которая велась до этого времени среди каменоломщиковъ. Кружковая пропаганда началась среди нихъ еще года четыре тому назадъ, и продолжалась почти все время съ небольшими перерывами. Полицейскія условія работы были очень благопріятны, такъ какъ ни одинъ изъ „духовъ“ не рѣшался показать своего носа въ подземелье шахтъ, гдѣ постоянно и происходили собранія.

Слушателями на этихъ собраніяхъ бывали чаще всего рабочіе изъ штундистовъ, которымъ евангельское ученіе не давало уже исчерпывающихъ объясненій всѣхъ вопросовъ и явленій окружающей ихъ повседневной жизни. Съ глубокимъ, чисто религіознымъ вниманіемъ слушали они неизвѣстную имъ раньше соціалистическую проповѣдь. Съ мистическимъ одушевленіемъ разучивали они и пѣли новыя для нихъ „псалмы“ революціоннаго пролетаріата. И темныя, угрюмыя подземелья скалистыхъ шахтъ оглашались не разъ могучими мотивами „Варшавянки“, „Марсельезы“ и другихъ рабочихъ гимновъ, такъ какъ ими обыкновенно каменоломщики начинали и кончали каждое свое собесѣдованіе. Такую привычку, какъ и всѣ конспиративныя пріемы, они сохранили еще отъ своихъ штундистскихъ собраній.

Пропагандистскія занятія велись интенсивно, литература распространялась въ изобиліи и читалась на расхватъ.

„Соціалисты-Революціонеры“, „Махаевцы“ и „Соціаль-демократы“ — всѣ наперерывъ спѣшили использовать такую благопріятную и воспріимчивую почву. Но „штунда“, очевидно, оказалась весьма неподатливой къ воздѣйствію всякихъ безшабашныхъ теорій и примкнула почти цѣликомъ къ соціальдемократическому ученію, сдѣлавшись его продуманными послѣдователями. И меня не разъ поражала у многихъ изъ сознательныхъ каменоломщиковъ та глубина и осмысленность, съ которой они усвоили самую суть и духъ всемірнаго пролетарскаго ученія. Нужно было только удивляться, какъ легко и свободно они разбирались въ сложной окружающей жизни, освѣщая каждое явленіе съ широкой классовой точки зрѣнія; соціальдемократическое міровоззрѣніе стало для нихъ какъ бы новымъ евангеліемъ. Вся остальная масса такъ же выгодно отличалась своей освѣдомленностью и революціонной зрѣлостью. Даже маленькія дѣти, и тѣ часто съ азартомъ выкрикивали во время игры на улицахъ наши основныя требованія: „Долой самодержавіе!“ „Да здравствуетъ свобода!“ „Долой капитализмъ“!

Все это плодъ, главнымъ образомъ, работъ „меньшевиковъ“ и „большевиковъ“, такъ какъ только они пріобрѣли прочное вліяніе на мѣстныхъ рабочихъ и почти исключительное право гражданства среди нихъ.

Однако, нужно замѣтить, что въ этой работѣ не обошлось безъ довольно крупныхъ дефектовъ.

Самымъ крупнымъ недостаткомъ было то, что все время на каменоломщиковъ смотрѣли только, какъ на объектъ революціоннаго воздѣйствія и держали ихъ все время вдали отъ всей организаціонной и партійной жизни. Въ нихъ воспитывали пассивность, такъ какъ они не пріучались сейчасъ же осуществлять въ жизни хотя бы крупицу полученнаго ими классового самосознанія и политической зрѣлости. Однимъ словомъ, ихъ учили мыслить, но не учили дѣлать. Это само собою не могло не повліять отрицательно на многія активныя натуры и не вызвать въ нихъ чувства неудовлетворенности.

Увлеченіе же „массовками“, охватившее одно время мѣстныхъ соціальдемократовъ, съиграло также не малую отрицательную роль.

Вѣдь такая рѣдкость для многихъ изъ „интеллигентовъ“ выступать передъ толпой внимательно и одушевленно слушающихъ рабочихъ! А тутъ готовы были слушать хоть съ утра и до утра.

Да къ тому же полиція въ своихъ стремленіяхъ къ башибузукскимъ набѣгамъ тутъ была совершенно обезврежена цѣлымъ лабиринтомъ подземныхъ ходовъ.

И „интеллигенты“ хлынули на эти „массовки“ цѣлымъ потокомъ отборнаго краснорѣчія. Перебивая другъ друга, и повторяя въ своей торопливости то, что уже было говорено предшествующими товарищами и давнымъ давно было извѣстно рабочимъ, они спѣшили въ часъ, въ два, передать чуть ли не весь свой умственный багажъ, накопленный годами. Этимъ я вовсе не хочу умалить значенія „массовокъ“ или значенія соціальдемократической интеллигенціи для пролетарскаго движенія. Нѣтъ, я просто константирую тотъ фактъ, что безсистемное, не серьезное и чисто ораторское отношеніе къ „массовкамъ“, какое практиковалось среди каменоломщиковъ, способно было дать больше лишь отрицательный, чѣмъ положительный результатъ. И дѣйствительно, послѣ ряда „массовокъ“, рабочіе почти всякаго оратора прерывали на полсловѣ возгласами, что „мы это уже слышали, мы это уже знаемъ! Вотъ, вы бы лучше вмѣсто разговоровъ да научили бы дѣло дѣлать“.

А тутъ ко всему этому начались въ партіи раздоры по поводу III-го съѣзда и по вопросамъ тактики. Атмосфера „фракціонной“ перебранки, воцарившаяся въ „центрахъ“, неминуемо была перенесена и на периферію.

Все содержаніе пропаганды и агитаціи, какъ въ кружкахъ, такъ и на „массовкахъ“, заполнилась теперь почти исключительно вульгаризаціей понятій „большинства“ и „меньшинства“. И въ то время, когда вся окружающая общественно политическая жизнь требовала самаго активнаго, самаго положительнаго дѣла со стороны рабочихъ, имъ преподносили со всѣхъ сторонъ одну лишь проповѣдь „разногласій“, которые выдвигались враждующей „интеллигенціей“, какъ, якобы самая важная революціонная задача для даннаго момента. Всѣ эти „дискуссіи“, „рефераты“ и открытые дебаты передъ рабочей

Товарищи умерли героями.[1] Петровъ передъ смертью сказалъ, обращаясь къ одному изъ начальствующихъ лицъ: „Вы этой казнью ничего не сдѣлаете: на мѣсто насъ станутъ тысячи... Но за то вы уже не ждите тогда себѣ пощады... Это (т. е. казнь) только безсмысленная жестокость. Я умираю спокойно, потому что знаю, что сдѣлалъ свое дѣло, и что сдѣлалъ, въ томъ не раскаиваюсь“... — Вообще Петровъ былъ сильная и выдающаяся личность. На судѣ онъ держался великолѣпно. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что хотя онъ въ Партію не входилъ, но былъ уже нѣсколько лѣтъ соціальдемократомъ, что онъ не проситъ помилованія, что онъ считаетъ, что его можетъ судить только народный судъ, если онъ совершилъ преступленіе; что то, что онъ сдѣлалъ, онъ считаетъ хорошимъ, и если его оправдаютъ, онъ будетъ дѣлать опять то же, что и дѣлалъ. Ему только жаль, что онъ сдѣлалъ слишкомъ мало... Передъ судомъ онъ писалъ въ Комитетъ о томъ, какъ ему держать себя на судѣ: назвать ли себя соціальдемократомъ и произнести рѣчь, или ничего не говорить. Письмо это могло дойти до тов. матросовъ только послѣ суда, гдѣ, какъ вы знаете, онъ держался великолѣпно. Письмо все же не попало въ Ком., такъ какъ товарищи матросы его затеряли, хотя еще, кажется, не совсѣмъ. Мнѣ передавали его содержаніе тѣ матросы, которые его читали. Въ этомъ письмѣ Петровъ разсказываетъ между прочимъ, что его долго и упорно начальство уговаривало выдать другихъ товарищей. Ему обѣщали за это помилованіе. Говорили даже (какъ это ни курьезно), что его выберутъ, какъ умнаго и способнаго человѣка отъ флота въ Думу (начальство гарантировало ему выборы), гдѣ онъ сумѣетъ защищать интересы матросовъ, но что для этого надо раньше все разсказать. Нечего говорить о томъ, что товарищъ Петровъ послалъ ихъ ко всѣмъ чертямъ. Вообще это была очень свѣтлая личность, пользующаяся большими симпатіями среди матросовъ, о которой они говорятъ съ большой любовью. По поводу казни нами выпущена прокламація: „Ко всѣмъ“. Предполагаемъ сдѣлать все, что можно будетъ при наличности силъ, а силъ у насъ мало. Дѣло въ томъ, что, со времени военнаго положенія, Чухнинъ высылаетъ отсюда всѣхъ лицъ болѣе или менѣе замѣченныхъ полиціей. Такимъ образомъ изъ нашей организаціи выслано до 40 человѣкъ рабочихъ, среди которыхъ есть человѣкъ 6—8 центровиковъ, что при слабости организаціи, очень чувствительно отозвалось на ней. Все же мы рѣшили сдѣлать однодневную политическую забастовку въ городѣ и порту. Если это не пройдетъ, устроимъ рядъ митинговъ. Ведемъ теперь агитацію въ этомъ направленіи. На флотъ разсчитывать пока трудно, во первыхъ, здорово почистили, здорово прижимаютъ, постоянно обыски, такъ что публика тамъ и потрушиваетъ немного, да и мало ея. (Все же работа ведется). Во вторыхъ, теперь въ экипажахъ только около 1000 матросовъ, а остальные всѣ на судахъ и воздѣйствовать на этихъ послѣднихъ крайне трудно, или почти невозможно. Черезъ недѣли двѣ кончается плаваніе, тогда работа пойдетъ хорошо, а когда пойдутъ новобранцы, то — по старому, да не только по старому, а въ 10, 100 разъ шире стараго, если Партія намъ немного поможетъ литературой, людьми и деньгами.

Сегодня, въ ночь на 27 августа, вышелъ приговоръ по дѣлу „Георгія Побѣдоносца“. 3 приговорено къ смертной казни — Степанюкъ, Дамега, Кошуба. Среди всѣхъ подсудимыхъ выдѣлялся своею сознательностью Маторный. Кошуба говорилъ рѣчь около 2 часовъ. 20 человѣкъ оправданы (всего 75 человѣкъ). Эти факты сообщаю со словъ защитниковъ. Защитники и подсудимые послали телеграммы о помилованіи на высоч. имя. Выйдетъ ли что нибудь изъ этого, не знаютъ сами.

Какъ фактъ, характеризующій настроеніе начальства и отношенія, установившіяся во флотѣ между низами и верхами, разскажу слѣдующее: Нѣсколько дней тому назадъ сюда прибыло судно „Кострома“, привезшее раненыхъ матросовъ съ Дальняго Востока. Ихъ размѣстили: часть въ больницѣ, часть по экипажамъ. Чуть ли не въ день прибытія раненые и калѣки подняли „бунтъ“, выразившійся въ томъ, что они стали громко поносить начальство. Начальство струсило. Но какъ усмирить бунтовщиковъ? Послать матросовъ, — но оно еще помнитъ хорошо, что вышло изъ этого, когда оно посылало для усмиренія „Потемкина“, — „Георгій Побѣдоносецъ“ и др. суда. И вотъ оно пускается на хитрость: свиститъ по экипажамъ дудка — тревога. Что такое? — Пожаръ! — говоритъ начальство и снабжаетъ матросовъ ломами, топорами, вообще всѣми принадлежностями пожарными, а 20 чел. даетъ „на всякій случай“ ружья. Такой хитростью ихъ приводятъ къ бунтовщикамъ. Калѣки удивлены страшно появленію передъ собою пожарнаго отряда, матросы тѣмъ, что — вмѣсто пожара, ихъ привели къ о чемъ то кричащимъ и ругающимъ начальство людямъ. Потомъ всѣ начинаютъ понимать „хитрую механику“ начальства и всѣ смѣются. Смѣются матросы и надъ тѣмъ, что отъ нихъ, какъ отъ огня прячутъ всякое оружіе и патроны. „Стоишь это съ ружьемъ, говорятъ они, — добрый человѣкъ подумаетъ, что у тебя и въ самомъ дѣлѣ ружье, а на самомъ дѣлѣ палка, потому что патроновъ начальство не даетъ ни въ коемъ случаѣ“.

Изъ письма матроса (изъ Севастополя). „Всѣ передовые люди гибнутъ по подземельямъ крѣпостей и трюмамъ судовъ. А что ждетъ насъ, мы не знаемъ. Наше дѣло только ждать каждую минуту, что вотъ-вотъ придутъ и заберутъ. Когда имъ нужно кого нибудь взять, то исполняютъ все это очень спокойно: внезапно приходитъ полкъ (?) солдатъ и кавалерія, оцѣпляютъ кругомъ зданіе, заходятъ въ средину и преспокойнѣйшимъ образомъ вызываютъ по списку. Къ нужному имъ лицу подходятъ 4 армяка (армейца), а во дворѣ уже принимаетъ не 4, а много разъ четыре, и тогда уже не думай вырваться, а лучше иди, „бо солдатъ покаже, якъ вінъ уміе зъ бунтовщиками расправлятъся“...

..... голубчикъ; если бы вы знали или видѣли, какъ забирали нашихъ друзей, вы бы навѣрное, не выдержали... Я никогда не ожидалъ и не вѣрилъ никому, когда мнѣ говорили, что есть люди, дошедшія до тупости полѣна, но теперь уже нельзя не вѣрить, потому что самъ видѣлъ. Видѣлъ, какъ человѣкъ въ солдатской формѣ билъ прикладомъ въ спину матроса; и то былъ не одинъ случай, а тысячи. Вотъ теперь судите, что можно сдѣлать съ такими тупиками. Но вы не думайте, что у насъ все упало. Нѣтъ, этого и не будетъ никогда. Пусть они, что ни дѣлаютъ и какъ ни устрашаютъ, а свободную мысль вытряхнуть изъ флота имъ не придется. Кончится плаваніе и все пойдетъ сначала, на мѣсто старыхъ работниковъ уже есть и будутъ новые.

Солдатскій бунтъ[1] (**письмо солдата**). **Пос.-Ново-Александрія,** Люблинской губерніи, 8 іюля 1905 г.

Дорогая матушка и дорогой братъ! Въ среду 5 іюля намъ приказано было выходить и строиться на плацу. Когда мы всѣ выстроились, пріѣхалъ бригадный командиръ, генералъ маіоръ Ремешъ. Обратившись къ солдатамъ съ рѣчью, онъ сказалъ, что въ виду того, что Россія во что бы то ни стало должна одержать побѣду на Дальнемъ Востокѣ, государь императоръ назначилъ 14 армейскій корпусъ, на который возлагаетъ большія надежды, съ помощью котораго надѣется сломить упорство врага. „И, добавилъ онъ, — и я бы, братцы, поѣхалъ съ вами, но не могу, хотя я назначенъ. Поэтому, братцы, пожелаю вамъ чтобы съ успѣхомъ одержали побѣду надъ врагомъ и сломили его упорство. А затѣмъ пожелаю вамъ счастливаго пути“. Но изъ всѣхъ солдатъ, которые находились на плацу, а насъ было два полка, человѣкъ десять, приблизительно, въ томъ числѣ и я, отвѣтили: „счастливо оставаться, ваше превосходительство“, — обычный отвѣтъ солдата. Остальные же всѣ молчали. Присутствующее при этомъ начальство стало въ замѣшательствѣ спрашивать, почему ему не отвѣчаютъ. Тогда изъ толпы стали раздаваться крики: „трусъ“, „подлецъ“, „мерзавецъ“, „сосокъ“, и еще разныя другія скверныя слова

Видя, какое впечатлѣніе его слова произвели на толпу, генералъ, выхвативъ револьверъ, направилъ свою лошадь на толпу, сталъ говорить, чтобы ему выдали тѣхъ, которые кричали и бранились. Приблизившись къ пятой ротѣ, гдѣ на правомъ флангѣ стоялъ ротный командиръ и фельдфебель, онъ вдругъ направилъ дуло револьвера на фельдфебеля, и произнесъ: „скажи сейчасъ, скотина, кто въ твоей ротѣ кричалъ!“ Тогда фельдфебель отвѣтилъ, что въ его ротѣ никто не кричалъ. „Врешь собака!“ — закричалъ онъ, и при этомъ спустилъ курокъ; фельдфебель, пораженный пулей замертво упалъ. Не довольствуясь этимъ, онъ вторично направилъ на него дуло револьвера и спустилъ курокъ; но пуля не попала въ него, а попала въ ротнаго командира, и онъ, также свалившись, остался лежать на мѣстѣ. Тогда, дорогой братъ и дорогая матушка, вы себѣ представить не можете, что произошло. Какъ тигры, бросились на него солдаты, и не прошло минуты времени, какъ отъ блестящаго генерала остались одни куски безформеннаго мяса. Командиры нашего полка и Тульскаго полка, увидя происшедшее, вытребовали казаковъ; и когда казаки ринулись, ихъ встрѣтили залпомъ почти 1000 ружей, такъ какъ не всѣ стрѣляли, а только передніе ряды. Послѣ залпа, когда пыль улеглась, на землѣ валялось до 300 труповъ казаковъ; убитъ пулей на вылетъ командиръ Тульскаго полка, нашъ же командиръ оказался раненымъ въ грудь, и его понесли офицеры, такъ какъ ни одинъ солдатъ не тронулся съ мѣста; на дняхъ и онъ скончался отъ полученной раны. Солдаты, подхвативъ убитаго генерала, взяли по куску, накололи на штыки и съ пѣснями пошли по лагерю. Въ четвергъ 6 числа пріѣхалъ изъ Люблина начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Смирновъ; собравъ всѣхъ, онъ обратился къ намъ съ рѣчью, укоряя насъ за такіе поступки съ высшимъ начальствомъ въ такое время, когда родина находится въ такомъ плачевномъ состояніи, и нуждается въ начальникахъ. „Но, добавилъ онъ, братцы, я строго изслѣдовалъ все происшедшее и долженъ вамъ сказать, что я васъ за это не виню и винить не буду, такъ что на этотъ счетъ вы можете быть спокойны; генерала же, который палъ отъ рукъ своихъ подчиненныхъ, я въ вашемъ присутствіи, братцы, осуждаю, хотя онъ уже мертвъ“.

Демонстрація въ Кишиневѣ. Хулиганство, широко разлившееся за послѣднее время по всей Руси, свило себѣ прочное гнѣздо въ Кишиневѣ. Нашъ городъ славится подвигами хулигановъ и чуть-ли не въ немъ впервые зародилась идея организаціи черныхъ сотенъ. Избіенія по одиночкѣ (нерѣдко среди бѣла дня), сплошныя избіенія въ опредѣленные дни всѣхъ „подозрительныхъ“ смѣняли другъ друга и чередовались съ днями полнаго спокойствія. Впрочемъ, послѣдніе бывали очень рѣдки, такъ что въ дни, когда „патріоты“ никакихъ подвиговъ не совершали обыватели чувствовали что чего-то не хватаетъ и съ удивленіемъ сообщали другъ другу, что сегодня, молъ „ничего“ не было.

Среди Кишиневскаго пролетаріата ненависть къ хулиганамъ все росла и нерѣдко выливалась въ форму единоличныхъ столкновеній, подкалыванія хулигановъ и проч. Съ своей стороны революціонныя организаціи не упускали случая указывать на истинный характеръ и происхожденіе черносотенной организаціи. Въ частности, наша организація нѣсколько разъ на массовкахъ и летучкахъ говорила о хулиганахъ. Такимъ образомъ ожесточеніе противъ хулигановъ и ихъ вдохновителей — полиціи и администраціи все росло, и нуженъ былъ только поводъ, чтобы оно вспыхнуло яркимъ пламенемъ. Такимъ поводомъ явилось убійство, здорово живешь, какими-то хулиганами 20-го августа вечеромъ на главной улицѣ нашего города — Александровской (около Измайловской) старухи лавочницы Леи Перельманъ. Дѣло происходило очень просто: Перельманъ сидѣла передъ своей лавочкой на улицѣ; въ это время проходило четыре парня и одинъ, не говоря ни слова, всадилъ ей въ бокъ ножъ и двинулся дальше. Такіе факты случались уже не разъ, но до сихъ поръ безъ смертельнаго исхода. А данный случай, не говоря уже о печальномъ концѣ, особенно возмутителенъ, такъ какъ 50-ти лѣтнюю старуху нельзя было даже заподозрить въ чемъ либо такомъ, на что хулиганы ссылаются, какъ на мотивъ въ своимъ поступкамъ: въ противоправительственной дѣятельности. Очевидно, что Перельманъ подкололи такъ себѣ; прошли, подкололи, пошли дальше; очень просто. И вотъ все населеніе заволновалось, и когда на 22-ое были назначены похороны Перельманъ, въ городѣ стали носиться слухи, что будетъ демонстрація, и среди рабочихъ началась за это агитація. 21-го поздно вечеромъ на рабочей биржѣ (на Александровской и Пушкинской аллеяхъ бульвара ежевечерно происходятъ „биржи“ — собранія нашихъ и бундовскихъ рабочихъ) состоялось наскоро соглашеніе между нѣкоторыми членами руководящаго центра мѣстной организаціи Партіи и Бунда о совмѣстномъ выступленіи на похоронахъ. Такъ какъ время не допускало промедленія, то никакія коллегіи организацій не были опрошены. На другой день, въ понедѣльникъ 22-го, съ утра къ зданію еврейской больницы, гдѣ лежалъ трупъ Перельманъ, стали стекаться массы народу, главнымъ образомъ рабочихъ и работницъ. Къ 11 часамъ во дворѣ больницы собралось около 700 человѣкъ, и тогда тамъ открылся митингъ. Говорили нѣсколько ораторовъ, исключительно рабочіе, наши и бундовцы, по русски и по еврейски. Говорили о хулиганахъ и на общія темы. Митингъ продолжался часа два съ лишнимъ, а затѣмъ, когда вынесли трупъ Перельманъ, вся масса рабочихъ двинулась за нимъ. Кромѣ присутствовавшихъ на митингѣ, снаружи у больницы стояла тысячная толпа, которая также присоединилась къ шествію. Всего въ немъ принимало участіе до 1500, въ томъ числѣ небольшое количество рабочихъ христіанъ. Въ послѣдній моментъ къ намъ и Бунду примкнули также поалейціонисты, напротивъ соц.-рев. не присоединились, и даже бывшіе (въ небольшомъ количествѣ) на митингѣ по окончаніи его разошлись..

Передъ окончаніемъ митинга одинъ ораторъ указалъ, какъ держать тебя во время шествія и спросилъ массу, желаетъ-ли она принять участіе въ демонстраціи. Всѣ отвѣтили согласіемъ. Какъ только толпа двинулась, взвилось красное знамя съ надписями: съ одной стороны „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь“, а съ другой стороны „Да здравствуетъ революція“. (Знамя и знаменосецъ были наши, напротивъ, диктаторомъ былъ товарищъ бундовецъ). Вокругъ массы цѣпь составлялъ боевой отрядъ (человѣкъ 50). Въ полномъ молчаніи мы прошли минутъ 15; какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ показались полиція и войска. — Намъ была приготовлена ловушка. Спереди и съ боковъ точно выросли казаки и полицейскіе, а сзади неслись на насъ драгуны съ обнаженными шашками. Какъ впослѣдствіи оказалось въ казенномъ очистномъ складѣ, который помѣщается какъ разъ напротивъ еврейской больницы, были заранѣе приготовлены войска,

---

[1] Попъ, присутствовавшій при казни, съ удивленіемъ разсказывалъ, что онъ никогда не видалъ людей умирающихъ, какъ матросы. Они, говорилъ онъ, шли на казнь, какъ на танцы... Веселые, бодрые и жизнерадостные (слова попа).

[1] Изъ органа Одесской Группы Рос. Соціальдемократ. Рабочей Партіи „Пролетарское Дѣло“ № 2.

массой повели къ тому, что болѣе сознательная и активная часть ея не вынесла страдательной роли „объектовъ“ какого то непонятнаго единаго пролетарскаго дѣла и начала открыто становиться въ оппозицію какъ къ „большевикамъ“, такъ и къ „меньшевикамъ“.

Среди каменоломщиковъ междуфракціонная деморализація и третьесъѣздовская компанія дала также свои отрицательные плоды, отбивъ даже у самыхъ любознательныхъ изъ нихъ всякую охоту посѣщать собранія, ставшія теперь ареной междоусобной борьбы. И кружки опустѣли.

Въ такомъ печальномъ состояніи я засталъ каменоломщиковъ, когда познакомился съ ними.

И нужно было громадное усиліе, чтобы вновь поднять настроеніе и возбудить активный интересъ къ агитаціонной жизни. Но время наступало горячее. Въ городѣ забастовка, какъ эпидемія переходила съ одной фабрики на другую, съ завода на заводъ, съ мастерской на мастерскую, живительная струя борьбы проникала всюду и это много способствовало успѣху предпринятой мною организаціи каменоломщиковъ. Жизнь шла быстрымъ темпомъ и надо было торопиться успѣвать за ней, напрягая всѣ силы какъ физическія, такъ и моральныя. Я былъ одинъ, и чтобы справиться со всей работой приходилось не спать порой по двѣ ночи сряду и дѣлать пѣшкомъ, при страшной жарѣ, переходы въ 30-40 верстъ въ сутки. Необходимо было поспѣвать на собранія къ рабочимъ въ разныхъ каменоломняхъ, разбросанныхъ по всей степи. А тутъ еще начинались волненія среди крестьянъ Севериновки, Курсахово-Покровской, Разальевки, Гниляковой и другихъ прилегающихъ деревень и надо было понавѣдаться хоть въ нѣкоторыя изъ нихъ. Случалось временами такъ утомляться, что выбившись изъ силъ, свалишься, бывало, и заснешь тутъ же на пути. Ночевать сплошь и рядомъ приходилось за какимъ нибудь заборомъ чужого сада; а то, во время дождя, какъ бродяга, заберешься, бывало, въ чью нибудь пустую баню и спишь себѣ, похрапывая самымъ „не конспиративнымъ“ образомъ..

Но дѣло подвигалось довольно быстро и всѣ эти трудности только подбадривали. Недѣли черезъ три почти уже всѣ окрестныя каменоломни были организованы. На каждый изъ нихъ составился такъ называемый „отвѣтственный кружокъ“ изъ 10-15-ти старыхъ, сознательныхъ товарищей, который и завѣдывалъ всѣми дѣлами данной каменоломни. Дальнѣйшая организація, распространеніе литературы, первоначальная агитація, созывъ „массовокъ“ и пр., все это лежало на его обязанности.

Каждый изъ этихъ кружковъ путемъ прямой и тайной баллотировки выбиралъ одного или двухъ товарищей, которые всѣ вмѣстѣ образовали центральный рабочій комитетъ хаджибейскаго района. Послѣдній объединялъ какъ бы всю работу, распредѣляя и регулируя ее; заводилъ связи съ окружающими деревнями и поддерживалъ сношеніе съ Одесской „Группой“ соціаль-демократовъ. Рабочій „Комитетъ“ разъ въ недѣлю имѣлъ обязательное собраніе, рѣшенія котораго сейчасъ же передавались во всѣ кружки. Всѣхъ участниковъ, сознательныхъ рабочихъ, какъ въ „комитетѣ“, такъ и въ „отвѣтственныхъ кружкахъ“ насчитывалось на первыхъ порахъ человѣкъ 80, „интеллигентовъ“ пока не было ни одного, но имѣлось въ виду ввести ихъ въ организацію впослѣдствіи.

Такъ возникла самостоятельная рабочая организація, которая имѣла много шансовъ развиться и окрѣпнуть въ будущемъ. Но жизнь судила иначе.

Въ это время въ Одессѣ, 13-го іюня, произошла кровавая схватка городскихъ рабочихъ съ казаками. Возбужденіе создалось страшное и 14-го ожидалась всеобщая забастовка, которая, судя по приготовленіямъ мѣстныхъ „опричниковъ“ и настроенію въ массахъ, неминуемо должна была вылиться въ форму открытаго политическаго возстанія

14-го ночью экстренно собрался нашъ „Хаджибейскій Комитетъ“, чтобы обсудить свое отношеніе къ разыгрывающимся событіямъ.

Вечеромъ этого дня въ городѣ шли уже на нѣкоторыхъ улицахъ баррикадныя схватки съ полиціей и казаками и было уже не мало убитыхъ и искалѣченныхъ братьевъ рабочихъ.

Въ виду серьезности положенія въ городѣ „Комитетомъ“ рѣшено было сейчасъ же созвать всѣхъ сознательныхъ „рабочихъ“ со всѣхъ шести каменоломенъ. И часамъ къ 10—11 ночи собралось человѣкъ 40, остальныхъ товарищей не удалось собрать, потому что нѣкоторые были уже въ городѣ, а другихъ трудно было розыскать ночью и своевременно оповѣстить за дальностью растояній.

Но надвигающіеся событія почти всѣми были признаны таковыми, что отказываться отъ участія въ нихъ никто не находилъ возможнымъ.

Что же, однако, мы могли предпринять съ такимъ ничтожнымъ количествомъ собравшихся товарищей?

Одни говорили, что необходимо сейчасъ же мобилизовать всѣ свои силы, вооружиться чѣмъ только возможно и завтра, чуть свѣтъ, явиться въ городъ. Причемъ говорилось, что если намъ удастся собрать хоть нѣсколько сотъ человѣкъ дѣятельныхъ и смѣлыхъ товарищей, то мы сразу же должны принять не оборонительный и выжидательный образъ дѣйствій, а наступательный.

Мы первые, придя въ городъ, начали бы разоружать всѣхъ встрѣчныхъ полицейскихъ и солдатскіе патрули, а затѣмъ если бы намъ удалось такимъ образомъ серьезно вооружиться и присоединить къ себѣ толпы городскихъ рабочихъ, мы двинулись бы немедленно къ городскому арсеналу, чтобы разбить его и дать возможность вооружиться всѣмъ желающимъ.

Говорилось, что если намъ только удастся это, то въ нашихъ рукахъ окажется сила и власть и дальше мы ужъ сумѣемъ воспользоваться ими, чтобы разбить навсегда вѣковые оковы народнаго безправія.

Противъ этого возражали многіе изъ товарищей, что у насъ нѣтъ достаточнаго количества оружія даже для первоначальнаго открытаго нападенія на полицію и что мы навѣрняка потерпимъ пораженіе при первомъ же столкновеніи съ ней или козаками.

Нужно замѣтить, что у товарищей оказалось всего лишь штукъ 6—7 револьверовъ, но досадно, что даже и къ нимъ не было ни одного патрона.

Когда же мы еще вечеромъ послали въ городъ въ организацію одинъ изъ револьверовъ, чтобы по немъ достали тамъ патроновъ, то тамъ, лишь только увидали его, какъ вырвали изъ рукъ нашего посланнаго и, зарядивши, куда то убѣжали съ нимъ, говоря что на „баррикады“. Не знаю, былъ ли сдѣланъ изъ него хоть одинъ выстрѣлъ, но фактъ тотъ, что мы остались и безъ револьвера и безъ патроновъ. Когда, посланный ночью, вернулся къ намъ и разсказалъ о своемъ столь неудачномъ хожденіи въ организацію за патронами и за оружіемъ, то само собою разумѣется это подѣйствовало на всѣхъ присутсвующихъ самымъ расхолаживающимъ образомъ.

Но въ это время, вдругъ раздался страшный гулъ, который несся волнами по направленію изъ города и былъ ясно слышенъ намъ, хотя мы и находились верстахъ въ 12 отъ Одессы.

Потомъ, какъ мы узнали, это былъ взрывъ брошенной бомбы

Гулъ напомнилъ намъ, что въ городѣ насъ ждутъ можетъ быть уже умирающіе на баррикадахъ товарищи и заставилъ насъ поторопиться своимъ рѣшеніемъ.

Мы поспѣшили принять другое предложеніе, которое казалось болѣе осуществимымъ даже съ тѣмъ ничтожнымъ количествомъ оружія, которое у насъ оказалось въ наличности.

Рѣшено было сейчасъ же идти въ ближайшую деревню, гдѣ, какъ мы знали, не было пока ни войска, ни казаковъ. По прибытіи туда мы предполагали ударить въ набатъ, созвать сельскій сходъ, оборвать телефонъ и телеграфъ и испортить желѣзную дорогу, по которой везли въ это время солдатъ изъ Тирасполя и другихъ городовъ въ Одессу. Передъ сходомъ долженъ былъ бы выступить рядъ нашихъ товарищей съ рѣчами и, объяснивши то, что происходитъ теперь въ Одессѣ, призвать всѣхъ крестьянъ присоединиться къ борьбѣ рабочихъ за общее освобожденіе всего народа и отомстить тиранамъ за пролитую братскую кровь. Затѣмъ думали изгнать изъ деревни всѣхъ властей и двинуться къ ближайшему помѣщику въ усадьбу.

Управляющій этого помѣщика только что нѣсколько дней тому назадъ убилъ малолѣтнаго крестьянскаго сына за самовольный покосъ клочка травы, а поэтому имѣлось въ виду предать его и помѣщика народному суду за его звѣрское самоуправство, да кстати расчитаться съ нимъ и за всѣ вѣковые грѣхи противъ крестьянъ, конфисковавъ у него землю, передать ее на усмотрѣніе „крестьянскаго“, а не „барскаго“ комитета.

но до этого момента они ничѣмъ себя не проявляли. (При видѣ драгунъ въ толпѣ произошло замѣшательство, Диктаторъ велѣлъ опустить знамя и скомандовалъ „боевой отрядъ сюда". Но тутъ случилось нѣчто, до сихъ поръ не выясненное. Кто-то, очевидно провокаторъ, выстрѣлилъ изъ револьвера, а боевой отрядъ принявъ это за сигналъ сталъ безпорядочно стрѣлять. Тутъ все пришло въ смятеніе. Стрѣляли товарищи, стрѣляли городовые и околодочные (войска не стрѣляли), толпа бросилась въ разсыпную и ее не было никакой возможности удержать, не смотря на всѣ усилія. Въ бѣгствѣ забѣгали въ близъ лежащіе сады, дворы, переулки, полиція преслѣдовала бѣгущихъ съ ожесточеніемъ, стрѣляла. Были ужасныя сцены. Преслѣдованіе продолжалось съ полчаса. Въ результатѣ масса убитыхъ и раненыхъ. Вотъ цифры: въ еврейской больницѣ было коечныхъ больныхъ, т. е. оставленныхъ на излеченіе—10, а амбулаторныхъ, т. е. такихъ, которымъ были сдѣланы перевязки и они отпущены—около 30, а въ земской—коечныхъ 17 и амбулаторныхъ свыше 30. Итого 27 и 60. Кромѣ того масса раненныхъ не попали въ больницы, а пользуются дома. Изъ раненыхъ одинъ, приказчикъ Б. Бахманъ, уже скончался. Еще одинъ близокъ къ смерти, другіе выздоравливаютъ. Среди послѣднихъ есть лица, потерявшіе кто глазъ, кто палецъ и т. п. Словомъ по количеству жертвъ это одна изъ самыхъ крупныхъ демонстрацій за послѣднее время. Хотя она и кончилась такъ плачевно, но настроеніе въ массѣ хорошее и всѣ готовятся къ слѣдующему выступленію, къ которому, вѣроятно, будутъ исправлены всѣ тѣ недочеты, которые вызвали неудачу (относительную) настоящей демонстраціи. Въ общемъ это была первая и довольно крупная по числу участниковъ демонстрація въ Кишиневѣ.

Что касается нашей организаціи, то она очень мало пострадала.—Всего арестованныхъ свыше 70. Что ихъ ждетъ пока не извѣстно. Въ ночь съ 23 на 24 изъ земской больницы бѣжалъ одинъ изъ раненыхъ и арестованныхъ демонстрантовъ. Киш. орг. р. С. Д. Р. П.

Керченская дума о погромѣ.

Въ засѣданіи 10 августа Керченская дума постановила: 1) „Выразить сочувствіе еврейскому обществу по поводу нанесенаго ему оскорбленія и погрома. Выразить сожалѣніе этому обществу, что національная рознь между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ искусственно вызывается нѣкоторыми лицами изъ невѣжества, корысти или безсмысленной злобы". (Это постановленіе рѣшено опубликовать). 2) Отмѣнить выдачу городскихъ суммъ на покрытіе квартирныхъ и разъѣздныхъ расходовъ градоначальника и полиціи. 3) „Учредить въ мѣстной гимназіи двѣ стипендіи имени Кириченко и Экслера — участниковъ самообороны, убитыхъ войсками. Такимъ путемъ будетъ увѣковѣчена память самоотверженныхъ юношей, положившихъ жизнь за други своя". (NB. Кириченко — членъ мѣстной соціальдемократической организаціи). 4) Просить о назначеніи сенаторской ревизіи. Сверхъ того рѣшено выдать пострадавшему еврейскому населенію 15 тыс. руб.

Изъ рѣчей, предшествовавшихъ принятію этой резолюціи, заслуживаютъ вниманія ~~слѣдующія~~ слова гласнаго Кристи, по поводу попытки возложить отвѣтственность за погромъ на предшествовавшую ему революціонную демонстрацію въ думѣ организованную мѣстными товарищами:

„Интересно отмѣтить, что революціонныя демонстраціи никогда не сопровождаются насиліемъ надъ личностью и имуществомъ гражданъ, въ то время, какъ патріотическія манифестаціи почти всегда оканчиваются погромами и насиліемъ. Нельзя, поэтому, не признаться, что эта революціонная молодежь состоитъ изъ болѣе сознательныхъ и честныхъ людей, а потому не заслуживаетъ тѣхъ оскорбленій и обвиненій, которыя бросаютъ имъ не только власти, но и нѣкоторые обыватели".

Маріуполь. 2 недѣли назадъ въ ред. „Сынъ Отечества" было послано письмо, которое до сихъ поръ не появилось на столбцахъ этой газеты. По просьбѣ Маріупольской организаціи помѣщаемъ его копію:

Въ ред. газ. „Сынъ Отеч.". М. Г. г. редакторъ! Просимъ помѣстить въ Вашей газетѣ слѣд. письмо:

„Вихри враждебныя вѣютъ надъ нами,
„Темныя силы насъ злобно гнетутъ"...

Когда русскій рабочій въ борьбѣ съ своей тяжкой долей наносилъ ударъ за ударомъ гнетущимъ его темнымъ силамъ, вы, товарищи-путиловцы, всегда были впереди. Когда же враги рабочаго класса нападали на насъ, вы товарищи, принимали ихъ первые удары.

Въ славной борьбѣ послѣдняго времени ваша самоотверженность всегда служила для насъ святымъ примѣромъ. Темныя силы, которыя угнетаютъ насъ, рабочихъ, и всю Россію, на васъ, какъ на передовыхъ борцовъ, обрушились съ особенной силой.

Примите же отъ насъ товарищескую поддержку и братское сочувствіе. Деньги (512 р.) просимъ передать въ Петербургскую рабочую организацію „меньшинства".

Отъ имени рабочихъ Никополь-Маріуп. заводовъ уполномоч. Слѣд. 5 подписей. Фамиліи просимъ не печатать.

Маріуполь. 2 августа. Истекшій іюль мѣсяцъ былъ весьма удачнымъ. Работа шла усиленнымъ темпомъ. Организація не работала еще никогда такъ активно. За мѣсяцъ были проведены двѣ забастовки: на Никополѣ и Провиданcѣ и кромѣ того на заводѣ Сойфера (о нихъ уже писали). За мѣсяцъ было устроено около 30 собраній кружковыхъ (всѣхъ кружковъ 12), двѣ летучки, въ 25 и 30 человѣкъ организованныхъ, и четыре массовки, одна въ 25, двѣ по 70 и одна въ 300. На собраніяхъ проводились кампаніи — одна по поводу забастовки на Никополи и Провиданcѣ (стачки и соціальдемократія), другая (проводится и теперь) по поводу Государственной Думы (планъ пропаганды — пять лекцій, объяснительная записка, тактическая резолюція разработаны группой и приняты районами и пропагандистами).

Послѣдняя массовка изъ заводскихъ и городскихъ рабочихъ (на половину) была въ высшей степени удачная. Было человѣкъ 300, душъ 40 не попало изъ-за плохой организаціи патрулей, многія заведенія работали и не могли прійти. На собраніи говорило три оратора. Послѣ трехъ рѣчей о Государственной Думѣ и нашей тактикѣ, была принята резолюція—протестъ противъ созыва Думы и требованіе Учредительнаго Собранія. (Резолюцію пришлемъ позже). Одинъ изъ ораторовъ закончилъ собраніе рѣчью о судѣ надъ матросами „Прута". Было принято при аплодисментахъ предложенное имъ „открытое письмо къ матросамъ черноморцамъ".

Впечатлѣніе отъ массовки у рабочихъ осталось, по отзывамъ, отличное. Между прочимъ, одинъ изъ „руководителей" мѣстныхъ Пойалей-Ціовъ заикнулся было, со слезой въ голосѣ, о правахъ еврейскаго пролетаріата. Но ему былъ данъ должный отпоръ двумя рѣчами и голосованіемъ собранія о томъ, что соціальдемократія не отличаетъ пролетаріата по національностямъ.

Маріупольская Группа.

Маріуполь 15 августа. Наша работа здѣсь все укрѣпляется и принимаетъ большіе размѣры. Особенно замѣтно это на заводскомъ районѣ, гдѣ рабочіе все въ большемъ количествѣ входятъ въ нашу организацію. Собранія въ 20—30 человѣкъ принимаютъ форму массовокъ въ 100—150 человѣкъ, такъ какъ приходитъ много рабочихъ организованныхъ, услышать „правдивое слово"; они просятъ, чтобы ихъ водили на каждое собраніе, гдѣ бы оно ни происходило. Недавно на заводскую массовку пріѣхалъ взводъ казаковъ, и все собраніе (150) двинулось къ заводской слободѣ съ революціонными возгласами и пѣніемъ. Сначала казаки ѣхали сзади, а потомъ повернули и скрылись, а мы подошли къ главной слободской улицѣ, гдѣ пропѣли нѣсколько пѣсенъ и разошлись группами по домамъ. Этотъ случай произвелъ очень хорошее впечатлѣніе на всю слободу, которая начинаетъ очень сочувственно относиться къ намъ.

Недавно состоялась соединенная массовка заводского и городского районовъ, гдѣ присутствовало болѣе 500 человѣкъ. (На прошлой массовкѣ было 300 человѣкъ, итакъ за двѣ недѣли количество почти удвоилось). Собирались на нее почти открыто: изъ города выходили группы рабочихъ въ 50—60 человѣкъ; полиція слѣдила но почему то на собраніе не явилась. Говорило нѣсколько ораторовъ о Государственной Думѣ, соціализмѣ и соціальдемократіи и о погромахъ. Кромѣ назначенныхъ ораторовъ говорили еще многіе. Одинъ рабочій вначалѣ задалъ вопросъ, почему виноватъ царь въ несчастіи русскаго народа, — виноваты, молъ, его чиновники; нѣсколько товарищей говорили на эту тему и онъ въ концѣ согласился съ ними. Уже нѣсколько времени въ городѣ ходитъ слухъ о предстоящемъ погромѣ еврейскомъ. Еврейская часть населенія (преимущественно купцы) говорили, что виновниками этихъ погромовъ являются „демократы" которыхъ надо выдать въ руки полиціи. Поэтому настроеніе было враждебное, и была даже попытка избить двухъ еврейскихъ рабочихъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи „демократамъ". Наша Группа организовала самооборону: до 100 рабочихъ были размѣщены на ярмаркѣ, откуда ожидали начала погрома, остальная самооборона находилась въ городѣ на квартирахъ. На ярмаркѣ группа хулигановъ стала собирать вокругъ себя массу, чтобы повести „погромную агитацію", но наши товарищи своевременно успѣли подавить эти попытки и дезорганизовать хулигановъ, которыми предводительствовалъ жандармскій унтеръ-офицеръ. Вообще почва для работы здѣсь очень благопріятная, такъ какъ масса настроена очень сочувственно къ революціонному движенію; это можно было бы использовать значительно шире при наличности руководящихъ силъ, недостатокъ которыхъ чувствуется.

Маріупольская Группа Донецкого Союза.

Одесса. (Копія. Секретно). **Городскому Головѣ.**

Отъ Одесскаго Градоначальника.

Одесская городская дума въ засѣданіи 12 минувшаго іюля за № 85 постановила утвердить въ должности предсѣдателя Петропавловскаго санитарнаго попечительства, бывшаго приватъ-доцента, Л. А. Тарасевича.

Не признавая возможнымъ изъявить своего согласія на назначеніе Тарасевича предсѣдателемъ названнаго санитарнаго попечительства, считаю необходимымъ сообщить объ этомъ вашему превосходительству, не выжидая поступленія ко мнѣ особаго отъ васъ представленія относительно согласія съ моей стороны на назначеніе Тарасевича на должность предсѣдателя санитарнаго попечительства, чтобы этимъ дать возможность Одесской городской думѣ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій произвести выборы другого лица для занятія должности предсѣдателя Петропавловскаго санитарнаго попечительства, такъ какъ продолжительное отсутствіе въ попечительствѣ предсѣдателя, несомнѣнно, не можетъ не отразиться на успѣшности дѣятельности попечительства.

Градоначальникъ Нейдгартъ.
За управляющаго канцеляріей Орловъ.
Августа 2 дня. № 459.

Калуга. Раньше здѣсь существовали двѣ организаціи: Группа и Союзъ. Обѣ меньшевистскія, но работали отдѣльно. Сейчасъ остался только союзъ, въ который входитъ 18 человѣкъ. Почти всѣ они составляютъ руководящій коллективъ организаціи вмѣстѣ съ нѣкоторыми болѣе сознательными рабочими. Этотъ руководящій коллективъ выдѣляетъ изъ себя центръ, который исключительно направляетъ всю работу. Кромѣ того существуетъ еще спеціально техническая группа. Работа ведется и въ кружкахъ, и въ массовкахъ. Послѣдніе бываютъ каждую недѣлю въ одно и тоже время въ разныхъ уѣздахъ. На массовкахъ бываютъ по 150—200 человѣкъ крестьянъ и рабочихъ. Содержаніе рѣчей главнымъ образомъ текущія событія. Въ самомъ городѣ имѣются связи съ типографщиками, нѣкоторыми ремесленниками и мастерицами.

У типографщиковъ два кружка, около 30 чел., у ремесленниковъ одинъ кружокъ въ 15 чел., у мастерицъ два кружка въ 25 чел. и одинъ кружокъ смѣшанный. Кромѣ того въ 4 кружкахъ интеллигентовъ около 50 чел. Желѣзнодорожный кружокъ изъ 10 сознательныхъ рабочихъ, бывшихъ раньше у группы, теперь переходитъ къ Союзу. У типографщиковъ образовалась профессіональная организація, у приказчиковъ тоже. Все это городскія связи. Есть еще въ уѣздахъ связи съ фабриками. На одномъ изъ нихъ 3-4 тысячи рабочихъ имѣютъ организованные кружки въ 30 человѣкъ рабочихъ и 10 конторщиковъ. На двухъ писчебумажныхъ фабрикахъ, съ такимъ же количествомъ рабочихъ имѣются кружки изъ 20 человѣкъ. На одной изъ фабрикъ съ 700—800 рабочихъ имѣется организованныхъ 15 человѣкъ. При этомъ въ каждомъ мѣстечкѣ или уѣздномъ городѣ, гдѣ есть связи и кружки имѣется группа изъ 2-3 пропагандистовъ, постоянныхъ жителей этихъ мѣстечекъ. Къ нимъ регулярно наѣзжаютъ руководители изъ Калуги и даютъ указанія на счетъ дальнѣйшаго. Вообще, по самому скромному разсчету Союзъ насчитываетъ сознательныхъ организованныхъ рабочихъ около 100 человѣкъ. Кромѣ этого имѣются связи съ деревней черезъ посредство союза учителей (ихъ 36 человѣкъ, принявшихъ соціальдемократическую программу, а вошедшихъ въ организацію Калужскаго союза пока 9 человѣкъ). Они работаютъ среди крестьянъ. Послѣ каникулъ, по словамъ Союза, всѣ 36 чел. или большая часть изъ нихъ возьмется за работу. Вотъ приблизительно всѣ тѣ виды, которые въ настоящее время у Союза на лицо.

Калужскій Соціальдемократическій Союзъ объявляетъ себя съ настоящаго времени Калужскимъ Комитетомъ Р. С.-Д. Р. П.; подтверждаетъ, что онъ большинствомъ 16 противъ 2, въ вопросахъ организаціонныхъ и тактическихъ принимаетъ принципы „меньшинства", изложенные въ постановленіяхъ общерусской конференціи партійныхъ работниковъ и высказывается за снятіе заголовка въ „Искрѣ".

Витебскъ. 20 августа. Наша трусливая еврейская мелкая буржуазія шагнула сравнительно впередъ. Когда 9-го іюля губернаторъ пригрозилъ погромомъ, и поведеніе полиціи ясно показывало, что онъ намѣренъ перейти отъ словъ къ дѣлу, то вся надежда была на нашу самооборону. Открыто собирали деньги на оружіе, рѣдко кто отказывалъ. Еврейская мелкота, агитировала у „сильныхъ міра" въ нашу пользу. Въ Бѣшенковичахъ (около Витебска) обыватели дрались за честь пріютить у себя нашихъ молодцовъ изъ самообороны. Рабочій человѣкъ выросъ въ глазахъ обывателя; рабочій — герой дня. Сегодня, въ субботу 20 августа, выступилъ въ мѣстной главной синагогѣ ораторъ изъ партійной группы. Когда онъ заявилъ послѣ чтенія Торы, что хочетъ говорить, молящіеся не хотѣли было позволить, но нѣкоторые благоразумные урезонили ихъ, что „съ ними" лучше не начинать. Желавшихъ уйти наши рабочіе не выпускали. Въ сильной и красиво построенной рѣчи ораторъ обрисовалъ современное положеніе вещей и указалъ на задачи прогрессивныхъ элементовъ общества. Рѣчь произвела сильное

Послѣ этого думали направиться всей массой или въ уѣздъ, по деревнямъ, гдѣ уже аграрное волненіе было въ полномъ разгарѣ, или же повернуть на каменоломни и, пройдя черезъ нихъ присоединить всѣхъ тамошнихъ рабочихъ (8000 чел.) и затѣмъ многотысячной толпой двинуться въ городъ, на помощь тамошнимъ товарищамъ рабочимъ.

Таковъ былъ планъ дѣйствій. Для каждаго было ясно, что это уже настоящее возстаніе, что это уже начало революціи. И первое время духъ былъ самый боевой, все горе заключалось только въ томъ, что въ наличности у насъ оказалось, всего лишь три револьвера — одинъ Браунингъ со 100 патронами и два маленькихъ „Смита и Вессона" съ 14 патронами. Перспективы же достать оружіе гдѣ-нибудь въ деревнѣ были самыя безнадежныя.

Очевидно, что такой грандіозный планъ и съ такими негодными средствами заранѣе долженъ былъ быть обреченъ на неудачу.

И, дѣйствительно, при первомъ же критическомъ моментѣ это прежде всего отозвалось на боевомъ настроеніи и рѣшимости всѣхъ насъ, погубивъ все дѣло.

Однако, сидѣть, въ то время, сложа руки, и ждать у моря погоды не приходилось.

А поэтому, взявши съ собой знамена, (одно красное: Хлѣба, земли и свободы, Р. С.-Д. Р. П. а другое черное: Смерть тиранамъ, слава павшимъ въ бою за свободу! Р. С.-Д. Р. П.), мы съ пѣніемъ „марсельезы" двинулись въ путь.

Было около часа ночи. Фантастическое зрѣлище представляло наше шествіе. Глухая полночь. На небѣ ярко мерцаютъ звѣзды. Необъятная, молчаливая степь, засѣянная хлѣбами, тихо спитъ. Кругомъ ни души, ни звука, лишь только по бокамъ дороги шуршатъ хлѣба между собою, какъ бы перешоптываясь таинственно о необычномъ ночномъ видѣніи.

Вдругъ одинъ изъ товарищей запѣлъ сильнымъ, чистымъ голосомъ: — „Отречемся отъ стараго міра"... Мы дружно подхватили, и звуки грозной рабочей пѣсни волнами полились по мертвой степи. Степь дрогнула и ожила.

Такъ, съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ мы незамѣтно подошли къ селу.

Было еще темно, а поэтому, не доходя до околицы, мы расположились на привалъ, пославши предварительно извѣстить о нашемъ прибытіи мѣстныхъ товарищей. Часа въ 4 утра мы вступили въ село, гдѣ насъ встрѣтило человѣкъ 50 мѣстныхъ крестьянъ и рабочихъ.—Послѣ одушевленныхъ взаимныхъ привѣтствій, мы устроили совѣщаніе о томъ, что здѣсь возможно предпринять. Разговоръ былъ чисто дѣлового характера, и рѣчей никакихъ не произносилось.

Крестьяне настаивали на томъ, чтобы всѣмъ намъ сейчасъ же отправиться къ помѣщику и выкосить у него половину хлѣба.

— „Ну, а потомъ что?", спрашивали мы

— „Въ городъ, братецъ ты мой, вамъ не съ руки сейчасъ идти и, вообще, много расхаживать теперь не время. Хлѣбъ обсыпается, нужно торопиться его убирать. Вотъ ужо, уберется, тогда можно будетъ идти и воевать съ кѣмъ угодно".

Мы не соглашались съ этимъ предложеніемъ, объясняя имъ, что раздѣлъ помѣщичьяго хлѣба вовсе не избавитъ насъ отъ всѣхъ вѣковыхъ бѣдствій и золъ. Что теперь настало время не хлѣбъ запасать на зиму, а пора свергнуть всѣхъ угнетателей, терзающихъ всю нашу трудовую братію и что такое всенародное дѣло одни мы выполнить не можетъ. Необходимо это сдѣлать всѣмъ „міромъ" и рука объ руку съ городскимъ рабочимъ.

„Такъ давайте же бить въ набатъ, и созовемъ сельскій сходъ и пусть онъ рѣшитъ, какъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ самимъ себѣ и какъ выручить разстрѣливаемыхъ въ городѣ борцовъ-рабочихъ.

„Ударить въ набатъ, созвать сходъ" — рѣшили всѣ единодушно, и мы двинулись въ село на площадь. — Большинство крестьянъ только что начинало еще просыпаться. Съ пѣніемъ и знаменами пошли мы по улицамъ села. Собаки неистово залаяли, и поднялся невообразимый шумъ. Изъ домовъ начали показываться старухи, женщины, дѣти, и, видя такую необычную процессію въ ужасѣ начали выть на всѣ голоса и пронзительно причитать, что началось уже „свѣтопреставленіе".

Мы, однако, двигались дальше, не обращая на это вниманія. Прошли на площадь и расположились на ней въ ожиданіи, когда одинъ изъ посланныхъ товарищей ударитъ въ набатъ, а другіе начнутъ созывать сходъ. Пока же оборвали на всякій случай телефонъ. Замѣтили только, что въ деревнѣ народъ всполошился, начинаетъ вставать и растерянно какъ-то суетится по дворамъ.

Но, наконецъ, прибѣжалъ одинъ изъ посланныхъ нами крестьянъ и заявилъ, что въ деревнѣ паника и что всѣ „наши" перетрусили, а поэтому не хотятъ ни въ набатъ бить, ни схода собирать.

Насъ всѣхъ это страшно возмутило. „Къ черту ихъ, прохвостовъ! идемъ же, братцы, лучше къ своимъ, въ каменоломни, пока насъ всѣхъ не перевязали"!

Всѣ мы дружно поднялись и пошли изъ деревни. Такъ какъ насъ было очень мало, а оружія, какъ я говорилъ раньше, почти совсѣмъ не было, то не было бы ничего мудреннаго если бы здѣсь въ чужой деревнѣ, насъ всѣхъ перевязали или же попросту вздули бы всякимъ дреколіемъ.

И такъ мы предупредительно вышли сами изъ деревни, гдѣ къ намъ присоединилось человѣкъ 15-20 крестьянъ — лучшихъ товарищей и мы всѣ вмѣстѣ отправились опять по степи.

Солнце поднялось надъ горизонтомъ и высоко надъ нами раздавалось уже серебристое утреннее пѣніе жаворонковъ.

Мы шли молча, тяжело волоча по пыльной дорогѣ уставшія ноги. Вдругъ на горизонтѣ показался верховой стражникъ и началъ въ отдаленіи гарцовать на своей лошади, наблюдая на дали наше шествіе. Послышались шутки, остроты и это на время приподняло упавшее было настроеніе. Но стражникъ скоро отретировался за горизонтъ и у насъ опять все смолкло.

Часамъ къ 6 утра, утомленные и разбитые безсонной ночью, мы дотащились, наконецъ, до первой каменоломни.

Рабочихъ въ каменоломнѣ оказалось только 25 человѣкъ, которыхъ сейчасъ же мы сняли съ работы.

Но что было предпринять теперь дальше? Мы были утомлены большимъ переходомъ, безсонной ночью и, по правдѣ сказать, сильно обезкуражены первой неудачей.

Нѣкоторые товарищи усаживались отдыхать и тутъ же отъ переутомленія засыпали. Кромѣ того, всѣхъ насъ смущалъ вопросъ о полной нашей безоружности и всѣмъ теперь, когда первый пылъ прошелъ, казалось абсурдомъ поднимать возстаніе съ голыми руками. Отъ всего этого рѣшимость угасла даже у самыхъ горячихъ изъ насъ и мы согласились, пока что, разойтись и лечь спать, хотя бы часа на два, на три, а за тѣмъ собраться всѣмъ „кружковымъ" на условленномъ мѣстѣ въ городѣ и тамъ попытаться достать оружія, не останавливаясь ни передъ чѣмъ.

И если намъ удастся достать хоть десятка два револьверовъ, то тогда можно было бы или возобновить попытку возстанія по деревнямъ, или же примкнуть къ сражающимся рабочимъ въ городѣ.

Послѣ всего этого, какъ я ни былъ самъ утомленъ, я отправился пѣшкомъ въ городъ. Здѣсь уже раздавался радостный кличъ изъ устъ тысячной массы рабочихъ, что „броненосецъ пришелъ усмирять начальство"! И, дѣйствительно, грозный народный защитникъ „Потемкинъ" красовался на рейдѣ, угрожая всѣмъ кровопійцамъ своими страшными орудіями.

Послѣдующія событія увлекли меня своей волной и мнѣ не пришлось больше увидѣться съ товарищами каменоломщиками и передать имъ 15 револьверовъ, которые я случайно досталъ въ организаціи.

Говорятъ, что многихъ изъ нихъ видѣли все таки въ этотъ день сражающимися въ первыхъ рядахъ и трое или четверо пали честной и славной смертью самоотверженныхъ борцовъ за пролетарское дѣло.

Слышалъ я также позднѣе, что человѣкъ 30 крестьянъ той деревни, гдѣ мы думали бить „набатъ", были арестованы и отсидѣли много дней въ тюрьмѣ за свою попытку къ „бунту". Что сталось со всей остальной Хаджибейской организаціей, остается для меня неизвѣстнымъ и по сію пору.

Такъ окончилась эта неудачная попытка народнаго возстанія.

Членъ Одесской „Группы" Р. С.-Д. Р. П.

впечатлѣніе; нѣкоторые очень жалѣли, что плохо понимають по русски. Здѣсь очень часты массовки, на которыхъ бываетъ до 250 человѣкъ, обсуждаются вопросы дня. Приходятъ и солдаты. 6-го августа у насъ былъ большой митингъ; на обратномъ пути одинъ товарищъ далъ лежавшимъ на полѣ солдатамъ нѣсколько листковъ „Солдатская Памятка". Товарища задержали, но наши отбили его, причемъ сильно пострадалъ одинъ молодой человѣкъ; страшно избитаго его отвели въ участокъ. 6 августа было еще нѣсколько случаевъ дикихъ „выступленій" казаковъ. Они какъ будто хотѣли показать на дѣлѣ, что „самодержавіе остается неприкосновеннымъ".

Витебскъ, 27 августа. Вся работа ведется теперь, конечно, на почвѣ агитаціи по поводу „Государственной Думы". На массовкахъ, въ кружкахъ, всюду говорятъ о „Думѣ". На собраніи 70 рабочихъ принята слѣдующая резолюція:

Принимая во вниманіе, что самодержавіе есть режимъ гнета и насилія, что самодержавіе своей внутренней и внѣшней политикой, доводитъ страну до полнаго разоренія, что созываемая самодержавнымъ правительствомъ Государственная Дума представляетъ собою грубое извращеніе дѣйствительнаго народнаго представительства, — мы, организованные соціальдемократіей рабочіе, выражаемъ свое глубокое возмущеніе противъ созыва Государственной Думы, будучи увѣрены, что только вооруженнымъ возстаніемъ добьемся народнаго учредительнаго собранія, которое объявитъ „демократическую республику".

На дняхъ собрались въ синагогѣ наши еврейскіе домовладѣльцы, пользующіеся избирательнымъ правомъ. Туда же пришли наши и бундовцы; говорило нѣсколько ораторовъ, удалось разстроить ихъ собраніе. На этомъ собраніи¹) наши не дали имъ заниматься „выборными" дѣлами. Въ среду вечеромъ состоялось засѣданіе Думы, на которомъ, какъ было извѣстно, будетъ предложенъ благодарственный адресъ царю. Въ залъ засѣданія проникло человѣкъ сорокъ сочувствующихъ и около 15 организованныхъ рабочихъ христіанъ (а въ оффиціальномъ сообщеніи указываютъ, что были евреи). Рабочіе не успѣли еще войти въ залу, какъ они встрѣтились въ дверяхъ съ выходящей оттуда публикой. Оказывается, что предсѣдатель объявилъ имъ, что они должны выйти на нѣсколько минутъ, такъ какъ будетъ обсуждаться вопросъ, касающійся исключительно гласныхъ. Въ это время они наскоро провели адресъ. Партійный ораторъ попросилъ слова, и, не дождавшись разрѣшенія, началъ говорить, указывая, что дума не имѣетъ никакого права посылать адреса отъ имени всего народа, никто ихъ не уполномачиваетъ на это. Предсѣдатель сейчасъ снялъ цѣпь и закрылъ собраніе. Наши дали сигналъ стоявшимъ на улицѣ рабочимъ, что они могутъ манифестировать. Полиція не была подготовлена къ этой манифестаціи, и наши безпрепятственно прошли улицу (было человѣкъ 100) съ возгласами: Долой Государственную Думу! Долой Самодержавіе! и т. д. Рабочіе, бывшіе на Замковой улицѣ, услышавъ эти возгласы, начали тамъ манифестировать. Никто не пострадалъ.

Копысь могилевской губ.²) У насъ здѣсь около 1000 рабочихъ, занятыхъ на имѣющихся въ нашемъ городкѣ гончарноизразцовыхъ заводахъ. Большинство этихъ рабочихъ составляютъ выходцы изъ крестьянъ окружающихъ деревень, а остальные мѣщане этого же города русскіе и еврейскіе. Евреевъ сравнительно немного, около ста человѣкъ. Въ 1901 году здѣсь произошла первая всеобщая стачка, вспыхнувшая стихійно и руководимая выдвинувшимися самой массой руководителями. Стачка была выиграна. Во время стачки и послѣ нея было арестовано нѣсколько человѣкъ, которыхъ продержали въ тюрьмѣ по 3—4 мѣсяца, а нѣкоторыхъ и цѣлый годъ. Во время стачки пріѣзжали бундовцы изъ Могилева и Витебска, но имъ не удалось ничего сдѣлать въ смыслѣ соціальдемократической организаціи. Въ началѣ 1902 г., когда слѣды этой дорого стоившей (въ смыслѣ арестовъ) стачки немного сгладилось, и арестованные, за исключеніемъ двухъ, были выпущены, Могилевскій комитетъ Бунда началъ работать въ нашемъ городѣ. Работа этого комитета выразилась въ періодической присылкѣ литературы, преимущественно жаргонной, которую не понимали не только русскіе, но и еврейскіе рабочіе. Довольно часто пріѣзжали агенты Бундовскаго Комитета. Припоминая теперь положеніе этихъ работниковъ, я не ошибусь, если скажу, что они съ соціальдемократіей почти ничего общаго не имѣли; это были просто люди оппозиціонно-настроенные, которымъ хотѣлось насолить существующему политическому и соціальному строю. Работали они энергично, т. е. имъ удалось за сравнительно короткое время подчинить своему вліянію около 60 человѣкъ. И вотъ, эти-то якобы организованные 60 человѣкъ только тѣмъ и питались, что съ ними говорили, встрѣчались, давали имъ читать легальныя книжки вродѣ Рубакина, Лункевича и т. п. Правильныхъ занятій никакихъ не было. Такимъ образомъ продолжалась работа больше года. За это время мѣстные работники пріобрѣли практическую сноровку, а также развились и теоретически, и къ веснѣ 1903 года уже имѣлась правильная организація, велись болѣе или менѣе правильныя занятія въ соціальдемократическомъ духѣ. Слѣдуетъ прибавить, что все время интеллигенціи у насъ не было, а приходилось самимъ рабочимъ, безъ всякого вліянія извнѣ, разбираться во всемъ. Къ первому мая 1903 года были распространены майскіе листки, доставленые намъ по нашему требованію въ количествѣ 150 штукъ (50 на еврейскомъ и 100 на русскомъ языкѣ) Могилевскимъ Комитетомъ Бунда. 300 листковъ мы получили отъ Петербургскаго Комитета Искры. Была организована всеобщая первомайская забастовка. Ни одинъ человѣкъ, какъ изъ ремесленниковъ, такъ изъ рабочихъ въ этотъ день не работалъ.

Вечеромъ того же дня была устроена манифестація, въ которой участвовало до 200 человѣкъ рабочихъ. Въ это самое время организація рѣшила порвать съ Бундомъ, такъ какъ онъ не отвѣчалъ потребностямъ нашей работы, ибо у насъ главнымъ образомъ работа среди русскихъ, а бундовскій комитетъ русской литературы не давалъ. Послѣ этого наша организація завела связи со смоленскимъ комитетомъ партіи, и работа пошла болѣе ускореннымъ темпомъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ наша организація сильно подвинулась впередъ. Начали работать среди сельскаго пролетаріата окрестныхъ деревень. Устраивались манифестаціи и массовыя собранія (см. №№ 50 и 51 „Искры"). Клингенбергу, нашему губернскому самодержцу, очень не понравилось поведеніе копысскихъ рабочихъ, налетѣлъ онъ съ казаками, арестовалъ 25 человѣкъ, изъ которыхъ 4-хъ выпоролъ. Мѣстомъ порки послужила одна изъ ближайшихъ деревень. Произвести экзекуцію надъ всѣми арестованными ему не удалось, такъ какъ окружающіе крестьяне и крестьянки подняли плачъ и крикъ, лопатами и вилами хотѣли пробиться черезъ казачью цѣпь. Сатрапу пришлось бросить порку и удрать на пароходѣ въ Могилевъ. Послѣ этого наступило нѣкоторое затишье. Арестованныхъ продержали въ тюрьмѣ, какъ выяснилось потомъ по словамъ прокурора, совершенно напрасно отъ 12 до 16 мѣсяцевъ. Затишье не было вызвано не арестами, а другими причинами, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить. О попыткахъ Бунда въ это время привлечь рабочихъ къ себѣ мы своевременно сообщили... Этимъ временемъ воспользовались и поалейсіонисты, начавшіе работать среди ремесленниковъ, которыхъ у насъ всего около 30 человѣкъ.

Самая интенсивная и спѣшная работа началась весною этого 1905 года. Здѣсь мы уже застали Полѣсскій комитетъ, въ районъ котораго входитъ и Копысь. О дѣятельности его я здѣсь говорить ничего не буду, а отложу на слѣдующій разъ. Скажу только, что по организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ мнѣніе нашей организаціи не сходится съ мнѣніемъ комитета.

Въ теченіи послѣднихъ мѣсяцевъ мы очень много успѣли. Завоевали симпатію всего общества; очень много успѣли въ окружающихъ деревняхъ. На массовыхъ собраніяхъ, которыя здѣсь очень часто устраивались бывало по 900—1000 человѣкъ и больше; есть деревни, гдѣ массовки посѣщали до 200 челов. За послѣднее время было 4 грандіозныхъ массовыхъ собраній, съ которыхъ уходили съ пѣснями, выстрѣлами, революціонными возгласами. Говорилось о земскомъ соборѣ, учредительномъ собраніи, современномъ положеніи Россіи и еще о многомъ.

11 іюля была всеобщая политическая забастовка. Всякое движеніе въ нашемъ и безъ того полумертвомъ городѣ было пріостановлено, даже „казенку" успѣли закрыть на цѣлый день. Забастовка была организована по поводу Варшавскихъ, Лодзинскихъ и Одесскихъ событій. Въ этотъ же день была демонстрація въ 700—800 челов. Часа полтора ходили по городу съ краснымъ знаменемъ, на которомъ съ одной стороны было написано Р. С. Д. Р. П., Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь, вѣчная слава погибшимъ товарищамъ, борцамъ за свободу, долой убійцъ! На другой сторонѣ: долой самодержавіе, да здравствуетъ Учредительное Собраніе, да здравствуетъ Демократическая Республика, да здравствуетъ соціализмъ! Пѣли революціонныя пѣсни, послѣ каждаго возгласа раздавались дружные выстрѣлы. За послѣднее время было выпущено мѣстной организаціей 3 листка гектографированныхъ. Скоро послѣ демонстраціи пріѣхалъ въ Копысь вице-губернаторъ съ цѣлой сворой ищеекъ жандармовъ и солдатъ. Теперь нашъ городокъ находится чуть ли не на военномъ положеніи. Пока что арестовано 8 человѣкъ, совершенно къ организаціи не причастныхъ.

Организованныхъ рабочихъ въ кружкахъ, съ которыми ведутся систематическія занятія, 120 человѣкъ, но за этими 120 ч. идетъ вся безъ исключенія масса. Имѣются также организованные кружки и въ деревняхъ. Занимаются разъясненіемъ программы минимумъ и максимумъ. Но теперь жизнь такъ богата, что большую часть работы приходится посвятить разбору злободневныхъ вопросовъ. Революціонность массы очень высока, но уровень развитія оставляетъ еще желать многаго.

Членъ копысской организаціи.

Екатеринодаръ. 21 августа на большой массовкѣ (300) человѣкъ въ числѣ присутствовавшихъ оказались шпіоны и переодѣтые жандармъ и городовой. ~~Всѣ они были арестованы рабочими.~~ По окончаніи массовки возбужденъ былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ арестованными! Нѣкоторые стояли за то, чтобы ихъ убить, но затѣмъ рѣшено было отпустить ихъ на этотъ разъ. Передъ освобожденіемъ ихъ обыскали и при обыскѣ у жандарма отобраны хорошій новый револьверъ и записная книжка, а у городового отобрана только бляха. Жандармъ стоялъ на колѣняхъ, умоляя простить его. Въ записной книжкѣ, кромѣ мѣстныхъ рабочихъ, за которыми этотъ жандармъ слѣдилъ, оказался списокъ лицъ, — очевидно, переписанный изъ какого нибудь послѣдняго циркуляра Департамента Полиціи. При каждой фамиліи имѣются подробныя примѣты и указанія на родныхъ разыскиваемыхъ лицъ. Приводимъ краткое извлеченіе 1) *Сутковой* Александръ Григорьевъ, дворянинъ, родился 1875 г. 2) *Брешковская* Екатерина Константиновна обыскать и арестовать 3) *Санжуръ* Иванъ Ареф. родился 78 г., обыскать и арестовать. 4) *Квасовъ* Иванъ Афан. подвергнуть надзору. 5) *Гапонъ* Георгій родился въ 1870 г. въ числѣ примѣтъ указано: бороду сбрилъ, оставилъ маленькіе усы. на указательномъ пальцѣ лѣвой руки свѣжая пулевая рана. Подвергнуть надзору. 6) *Германъ*, имѣетъ паспортъ на имя Бориса Дмит. Нерадова, арестовать. 7) *Соколовъ* Михаилъ Ивановичъ проживаетъ по паспорту германскаго подданаго Людовика Кайна. Обыскать и арестовать. 8) Гиршъ, именовавшійся Черновымъ, Васнецовымъ и Бардаенко. Родомъ изъ Одессы, 28 лѣтъ. 9) Князь Дм. Алек. Хилковъ. 10) *Веденякинъ*, Михаилъ Александровичъ, выѣхалъ изъ Швейцаріи. Обыскать и арестовать. 11) *Вольскій*, Николай Вламіровичъ 25 лѣтъ. Обыскать и арестовать. 12) *Орловъ*, Алек. Георг., херсонск. мѣщанинъ, подвергнуть надзору. 13) *Сильвинъ*, Мих. Алек., обыскать и арестовать. 14) *Нахтъ Зигфридъ*, инжен. электротехникъ, обыскать и арестовать. 15) *Скоробогатовъ*, Андр. Степ., кр. села Новопавловки, Таганрогскаго округа, подвергнуть надзору. 16) *Цитовичъ*, Евгеній Николаевъ, сынъ свящ. 21 г., арестовать. 17) *Чеботаревъ*, Петръ Федоровичъ, дворянинъ, род. въ 1841 г., подвергнуть нег. надзору. 18) *Вейцманъ*, Мих. Іосиф., таганрог. мѣщ., 20 л., обыскать и арестовать. 19) *Овчинниковъ*, Алек. Ник. кр. села Мадинова, Кал. губ., подвергнуть надзору. 20) *Арбеловъ*, Сумбатъ Григор., житель г. Елизаветополя, кр. 26 л. подвергнуть надзору, и 21) Качурихинъ, Ник. Иван., по паспорту выд. Волынскимъ губ. на имя Леопольда *Графа*, обыскать и арестовать.

22 августа въ Новороссійскѣ арестованы трое. Фамиліи неизвѣстны. Домъ, гдѣ они жили, былъ окруженъ жандармами и солдатами рано утромъ. Вообще, съ объявленіемъ Новороссійска на положеніи усиленной охраны, тамъ идетъ провалъ за проваломъ.

Владикавказъ. Наша работа постепенно разростается и начинаетъ обхватывать все болѣе и болѣе широкія массы, проникая и въ армію. Во Владикавказѣ расположенъ Апшеронскій полкъ. Постоянное распространеніе прокламацій, отчасти устная агитація и въ особенности, цѣлый рядъ отправокъ по области для усмиренія рабочаго и сельскаго движенія весьма благопріятно отразились на уровнѣ сознательности массы солдатъ и способствовали появленію среди солдатъ боевого антиправительственнаго настроенія. Такъ, солдаты заявляли рабочимъ на ст. Минеральныя Воды, что стрѣлять они не будутъ и что, если казаки откроютъ пальбу въ рабочихъ, то они откроютъ пальбу въ казаковъ. Затѣмъ сначала одна рота, а черезъ нѣкоторое время другая рота демонстративно отказались отъ поданнаго имъ ужина и съ крикомъ „ура", разбивъ чашки, удалились въ палатки. Во время ученія солдаты безъ команды начинаютъ кричать „ура", нагоняя панику на офицеровъ.

Было нѣсколько случаевъ избіенія офицеровъ. Командиръ полка телеграфировалъ въ Петербургъ о безпорядкахъ, происходящихъ въ полку. Солдаты выработали рядъ требованій, касающихся ихъ служебнаго быта и обратились къ намъ съ просьбой отпечатать, что и сдѣлано. Къ солдатамъ выпущена патріотическая прокламація, а затѣмъ былъ распространенъ и нашъ отвѣтъ на нее.

Въ мѣстной тюрьмѣ политическими заключенными была устроена общая голодовка вмѣстѣ съ уголовными (до 400 ч.). Когда политическаго заключеннаго Севастія Ромешвила отправили въ карцеръ, то взбунтовались всѣ уголовные и потребовали немедленнаго освобожденія нашего товарища. Послѣдній былъ тотчасъ выпущенъ. Всѣ арестанты окружили его, и крики „долой самодержавіе" были отвѣтомъ на произнесенную горячую рѣчь, продолжавшуюся около часу. Требованія удовлетворены.

Красноярскъ, 16 августа. 14 августа на собраніи организованныхъ рабочихъ рѣшили продолжать забастовку¹) и обратиться къ приказчикамъ, наборщикамъ и другимъ рабочимъ г. Красноярска съ предложеніемъ примкнуть къ забастовкѣ. Кромѣ того, отправили человѣка въ Нижне-Удинскъ и Еланское, гдѣ имѣются депо, для призыва къ забастовкѣ. Въ ночь съ 14 на 15 избили нѣкоторыхъ машинистовъ, принявшихъ на себя добровольно обязанности ремонта паровозовъ; одного, говорятъ, даже ранили. На другой день (15) значительная часть машинистовъ признала паровозы негодными, такъ что пришлось сократить число отправляемыхъ поѣздовъ.

16 утромъ въ мастерскихъ состоялось соединенное собраніе изъ рабочихъ мастерскихъ и депо. Говорилъ рабочій, соц. дем. о войнѣ, Булыгинской Думѣ и пр. и приглашалъ къ продолженію забастовки. Когда онъ поставилъ вопросъ на голосованіе, то значительное большинство высказалось за продолженіе забастовки, однако, человѣкъ 150—200 высказалось противъ нея. По адресу противниковъ забастовки раздались крики: „Измѣнники! отступники!" Кто-то крикнулъ: „бей ихъ!" И въ противниковъ забастовки полетѣли камни, полѣнья и пр. Противники забастовки бѣжали; говорятъ, что человѣкъ 20 изъ нихъ ранено. Въ мастерскихъ поднялся такой шумъ и гвалтъ, что продолжать собранія не было возможности.

Сегодня работъ не было.

Получены точныя извѣстія о забастовкѣ въ Оловянной и Хилкѣ Забайкальской ж. д., Чернорѣченской и Тайгѣ Сибирской. Въ Елани, на собраніи въ 150 человѣкъ, рѣшено бастовать, выставивъ только политическія требованія. Забастовка начнется завтра, такъ какъ сегодня тамъ получка. Въ Читѣ и Иркутскѣ забастовка продолжается.

Говорятъ, что завтра будетъ вывѣшено слѣдующее объявленіе: Рабочіе, не желающіе возобновить работъ, приглашаются получить разсчетъ, при чемъ запасные и подлежащіе призыву зачисляются на дѣйствительную службу въ желѣзнодорожный батальонъ, а затѣмъ ихъ поставятъ работать, какъ солдатъ. Кромѣ того, лицамъ, желающимъ работать, объявлено, что будетъ снаряжена охрана для нихъ во время работъ.

Чита, 6 августа. 27 іюля въ Читинскихъ мастерскихъ и депо начались стачки. Предварительно, 25 и 26, въ мастерскихъ и депо, въ рабочее время происходили собранія, на которыхъ обсуждались нужды рабочихъ и вырабатывались требованія. 27 утромъ, на происходившее въ депо собраніе явился помощникъ начальника дороги Өедоровъ и съ ругательствами набросился на рабочихъ, причемъ, одного изъ нихъ обозвалъ „с.... сынъ".

Возмущенные рабочіе едва удержались, чтобы не избить его. Кто-то даже бросилъ въ него кускомъ желѣза, но промахнулся. Послѣ этого рабочіе пошли въ мастерскія и тамъ устроили собраніе. Послѣ него въ десять часовъ всѣ вышли изъ мастерскихъ, и начальникъ Өедоровъ вывѣсилъ объявленіе, гласящее, что мастерскія и депо закрыты на неопредѣленное время. Значитъ, начальство само позаботилось о рабочихъ и закрыло мастерскія раньше, чѣмъ рабочіе предъявили требованія и объявили забастовку. Вечеромъ того-же дня, послѣ того, какъ начальникъ мастерскихъ Ювакъ гарантировалъ неприкосновенность рабочимъ—депутатамъ, ему были переданы требованія вмѣстѣ съ принятой политической резолюціей. Требованія взялъ, но резолюцію долго не рѣшался принимать, только, когда спросили: „гдѣ ваша совѣсть" и „если ужъ мы, рабочіе, рѣшились передать резолюцію вамъ, то что боитесь ее взять!" — онъ согласился принять ее. Но и тутъ бѣда, резолюція и требованія переданы въ одномъ экземплярѣ, а начальниковъ цѣлыхъ три — какъ быть? Рабочіе посовѣтывали ему снять копіи и переслать другимъ, но онъ запротестовалъ.

„Какъ же я могу переписывать такую вещь!" (Это гражданское мужество человѣка, принадлежащаго къ „Союзу инженеровъ" вырабатывающему цѣлый рядъ либеральныхъ резолюцій), но и тутъ ему удалось выкрутиться: онъ пригласилъ для совмѣстнаго чтенія прочее начальство. Пишу все это въ десятый день забастовки. Теперь у насъ открыто на виду полиціи происходятъ громадныя собранія по одному разу въ день, а иногда и по 2, всего было 11 открытыхъ собраній; на нихъ присутствуетъ отъ 800 до 2000 человѣкъ рабочихъ и прочей публики. Эти собранія посѣщаетъ и городская публика — шляпки, котелки и проч.

Явленіе небывалое до сихъ поръ въ Читѣ. Ходятъ солдаты, казаки, приказчики, конторщики и даже нѣкоторые изъ торговцевъ—татаръ. Говорятся рѣчи нашими ораторами (2) о текущей стачкѣ, о политической стачкѣ по линіи Сибирской и Забайкальской жел. дороги, изложена почти вся программа минимумъ. Публика внимательно слушаетъ. Собранія по западно-европейски съ предсѣдателемъ, порядокъ образцовый. Наше вліяніе на массу упрочились. Если ораторы почему-либо опоздали на собраніе, то публика нетерпѣливо ждетъ, взволнованно разгуливаетъ, какъ только появились, въ публикѣ гулъ: „пришли" и все успокоивается. На собраніяхъ въ большомъ количествѣ распространяется наши листки. Публика съ жадностью набрасывается на нихъ. Листки очень удачно распространяются среди горожанъ, по колоніи и въ большомъ количествѣ среди солдатъ. Общество подъ впечатлѣніемъ стачки пробуждается. Всюду почти только и слышатся рѣчи о забастовкѣ, да и о собраніяхъ.

31 іюля вывѣсили объявленіе, что 1 и 2 августа рабочіе, желающіе работать, должны записываться въ конторкѣ мастерскихъ и депо. Въ эти дни записались около 350 человѣкъ изъ 2000 рабочихъ, и то почти всѣ чернорабочіе. Наши сознательные товарищи ходили къ конторкѣ и убѣждали публику не записываться. Въ первый день ихъ не трогали, но на второй день пригнали казаковъ, солдатъ и жандармовъ. Жандармскій ротмистръ заявилъ: „вотъ вы требуете различныхъ свободъ, а сами желающимъ работать мѣшаете!" На это ему воспослѣдовалъ должный отвѣтъ. Но публику не разгоняли, она всетаки вновь находила предлогъ собираться, и на нее махнули рукой. 3 августа Өедоровъ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ желающихъ получить расчетъ приглашалъ предварительно сдать ихъ марки и бюллетени. Публика увидѣла въ этомъ только угрозу, желаніе расколоть рабочихъ и попытаться нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовать, а потому и рѣшили расчета не брать. Өедоровъ, очевидно, и самъ понялъ нелѣпость объявленія и къ вечеру приказалъ его снять.

Въ стачечный фондъ, который возникъ при началѣ стачки, деньги приливаютъ все время (въ настоящее время въ немъ до 1200 рублей, помощь пока приходится оказывать небольшую) 5 августа распостранился слухъ, что записываться начали многіе, у публика настроеніе упало; на вечернемъ собраніи присутствовало уже значительно меньше. Не записались цехи сборный, токарный литейный и слесаря депо. Надежды на успѣхъ нѣсколько понизились. Сегодня утромъ арестованъ рабочій Свѣчахинъ. Собраніе на сегодня назначено. Не знаемъ, что скажетъ оно.

8 августа. Стачка закончилась сегодня. Рабочіе мастерскихъ и депо вышли на работу по свистку. Сначала человѣкъ 50 собрались передъ мастерскими (здѣсь же въ громадномъ количествѣ стояли казаки, солдаты и жандармы), какъ порѣшили раньше, для того, чтобы опредѣлить свои силы и рѣшить, продолжать ли забастовку или нѣтъ, но видя, что вся масса направляется на работу, пошли и сами. Уговаривать не прекращать забастовку не было рѣшительно никакого смысла, ибо настроеніе значительно упало, а станціи не поддержали. Өедоровъ пообѣщалъ собравшимся рабочимъ удовлетворить часть требованій, не разсчитывать никого за забастовку и разрѣшилъ рабочимъ собранія внутри мастерскихъ, только въ не рабочее время; доступъ на эти собранія открытъ даже для постороннихъ, причемъ обѣщано, что администрація на нихъ присутствовать не будетъ. Временное оживленіе въ послѣдніе дни стачки внесъ г. Өедоровъ, пожелавшій присутствовать на открытомъ собраніи въ субботу 6-го. Онъ подчинился всѣмъ нашимъ условіямъ, т. е. пришелъ безъ охраны, словомъ, пользовался свободой слова въ обычномъ порядкѣ. Какъ и всякій начальникъ, онъ думалъ пожать лавры, но получилъ терніи. Говорилъ онъ тамъ, что служитъ среди рабочихъ 27 лѣтъ, знаетъ ихъ среду, привыкъ къ ихъ нуждамъ, о которыхъ и пекся все время. Спросилъ: „а можетъ быть и здѣсь есть люди, которые меня знаютъ и ничего плохого обо мнѣ не скажутъ?" Выискался какой то субъектъ, который заявилъ, снявши шапку съ кокардой желѣзно дорожнаго чиновника: „да — г. начальникъ". „Репримандъ" получился неожиданный. Начальство ждало дружныхъ криковъ и, можетъ быть, бурныхъ проявленій чувствъ къ нему, но вмѣсто этого слезливое „да"; пришлось подыскать лазейку и сказать: „ну, навѣрное здѣсь нѣтъ тѣхъ людей, съ которыми я такъ долго служилъ!" Дальше онъ говорилъ о ненужности забастовки, и когда ему указали, что забастовка вызвана имъ самимъ, тѣмъ, что онъ очень некорректно разговаривалъ съ рабочими, съ одной стороны, и самъ закрылъ мартерскія и депо съ другой, то началъ

---

¹) Читатели знаютъ, что мы держимся иныхъ взглядовъ на тактическія задачи партіи во время выборовъ Государственной Думы.
Прим. ред.

²) Не смѣшивать съ мѣст. Копысь, Минской губ., гдѣ также имѣется ~~[illegible]~~ организація.

¹) О началѣ ея см. въ № 13 Соц. Дем.

оправдываться. „Ну какъ же не закрыть было мастерскія и депо, если въ рабочее время вы устраивали собранія, ничего не дѣлали. Скажите, вѣдь если у рабочаго нанято, положимъ, 4 рабочихъ (это у рабочаго ~~то?!) и они~~ вмѣсто того, чтобы работать, будутъ гулять, развѣ вы ихъ не разсчитаете?“ и т. д. Публика страшно возмутилась и ему отвѣтили, что въ рабочее время собраться было необходимо, такъ какъ собрать рабочихъ въ нерабочее время довольно трудно, что мы не можемъ стоять на той почвѣ законности, на которой стоитъ начальникъ. Дальше начальству угодно было критиковать нашу стачку съ точки зрѣнія прекращенія движенія по линіи: „вѣдь движенія вы не прекратите, — это съ одной стороны, а съ другой, если и прекратите его, то кому сыграете на руку — только японцамъ, которые заберутъ, что захотятъ, а армія, вѣдь, если ее не поддерживать, она будетъ разбита и погибнетъ съ голоду“... Теперь ужъ онъ окончательно развязалъ намъ руки, самъ заговорилъ о политикѣ (нужно сказать, что передъ приходомъ Ѳедорова мы условились ни словомъ не заикаться о политикѣ, а только поговорить съ нимъ о нашихъ требованіяхъ). Пришлось ему выслушивать свободныя рѣчи, пытался онъ ихъ было прекратить, говорилъ, что, не въ этомъ дѣло и все прочее, кусалъ усиленно свои усы и губы, пыхтѣлъ, но безрезультатно, потому что не успѣлъ взять слова у нашего предсѣдателя. Послѣ этого еще поспорили о нашихъ требованіяхъ, причемъ онъ говорилъ, что они плохо формулированы, что мы требуемъ невозможнаго, а что такія требованія, какъ восьмичасовый рабочій день можетъ удовлетворить только министерство, говорилъ, что его напрасно считаютъ врагомъ рабочихъ и что онъ приложитъ съ своей стороны всѣ усилія къ выполненію законныхъ требованій рабочихъ. Послѣ этого онъ распростился и ушелъ, такъ какъ ему было заявлено, что препирательства съ нимъ собраніе считаетъ лишнимъ. Такія демонстраціи, какъ явленіе Ѳедорова читинскимъ рабочимъ, выгодны со стороны анализа либеральныхъ душъ членовъ Союза Инженеровъ. Съ нимъ еще говорили относительно ареста рабочаго Свѣчихина. Ѳедоровъ заявилъ, что „его арестовали жандармы и я лично ничего не таю, да и вообще, если вы приступите въ понедѣльникъ, то никого за забастовку разсчитывать не будемъ, если жандармы будутъ арестовывать, то это не мое дѣло“. — „Отказываться отъ права разсчитывать за забастовку мы не можемъ, но ,конечно, вѣдь этимъ правомъ мы злоупотреблять не можемъ... Что касается Свѣчихина, то я съ своей стороны постараюсь попросить г. губернатора освободить его“! — Не знаемъ, въ чемъ заключалось ходатайство Ѳедорова, но теперь намъ извѣстно, что Свѣчихинъ переведенъ только изъ полиціи въ тюрьму и сегодня жандармскій ротмистръ говорилъ, что его повѣсятъ, если только рабочіе не прекратятъ забастовку. Кстати, необходимо отмѣтить поведеніе здѣшняго губернатора Холщевникова. Онъ призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ рабочихъ (фамиліи ихъ онъ взялъ съ какого то анонимнаго письма, указывающаго на нихъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ забастовки) и держалъ имъ такую милостивую рѣчь: „все это васъ мутятъ пріѣзжіе изъ Иркутска — жиды-агитаторы, не было ихъ и было бы все спокойно; вотъ выставили бы вы экономическія требованія, вамъ бы ихъ удовлетворили, а то жиды васъ подбиваютъ на политику! Вѣдь, вотъ и къ вашимъ требованіямъ они прилѣпили политическія требованія. Одинъ жидъ попалъ (очевидно онъ имѣлъ въ виду Свѣчихина), а вотъ скоро переловимъ и остальныхъ“. Рабочіе перетрусили, какъ они разсказываютъ сами, и заявили, что политической резолюція на собраніи они не принимали. Послѣ знаменитаго собранія съ Ѳедоровымъ настроеніе нѣсколько повысилось. На вопросъ, бастуемъ ли?—все еще шумно отвѣчали: „бастуемъ“. На другой день настроеніе опять пало. Утромъ Холщевниковъ вывѣсилъ объявленія, запрещающія, на основаніи объявленія мѣстности на военномъ положеніи, какія бы то ни было сборища, грозя виновнымъ 3-мя мѣсяцами ареста или 3000 руб. штрафа. Думали, что публика совсѣмъ не соберется, или ее будутъ разгонять. Но казаки въ воскресенье совсѣмъ не явились; все же публика перетрусила и на собраніи вмѣстѣ съ городскими, было около 1000 человѣкъ. Это было послѣднее наше открытое собраніе. Сегодня, съ разрѣшенія Ѳедорова, въ зданіи мастерскихъ было послѣ четырехъ часовъ собраніе (около 400 человѣкъ). Принята слѣдующая резолюція:

„Мы, рабочіе мастерскихъ и депо, собравшись въ зданіи мастерскихъ для обсужденія нашихъ нуждъ, рѣшили окончить забастовку при условіи, что Свѣчихинъ будетъ освобожденъ и никто изъ нашихъ товарищей не будетъ ни арестованъ, ни уволенъ за забастовку“. Резолюція будетъ предложена всей публикѣ и передана Ѳедорову.

Читинскій Комитетъ.

Красноярскъ. Съѣздъ учителей.

Здѣсь происходитъ теперь съѣздъ учителей. 13-го предполагалось общее собраніе (публичное, на которомъ разрѣшено было присутствовать только 700 чел. публики), но оно было отмѣнено по распоряженію администраціи изъ за забастовки рабочихъ. Съѣздъ происходитъ поэтому полулегально. Кромѣ учителей на немъ почти никого не бываетъ. Предсѣдательствуетъ на съѣздѣ нѣкій либералъ Монюшко. Онъ ведетъ себя довольно деспотически и все время разводитъ свою либеральную канитель. Мнѣ пришлось прослушать 2-3 доклада — скучища невозможная и удивительное непониманіе важности момента и современныхъ условій! Между прочимъ, предсѣдатель и одинъ изъ учителей (кстати, называющій себя соц. дем., удивительные бываютъ соціальдемократы!) провели идею о присоединеніи енисейскаго общества учителей къ всероссійскому учительскому союзу, а вмѣстѣ съ нимъ къ союзу союзовъ. Незначительная часть наиболѣе сознательныхъ учителей тщетно протестовала противъ этой идеи. На другой день часть протестантовъ потребовала, чтобы собраніе ознакомили, по крайней мѣрѣ, съ уставомъ союза, къ которому присоединилось общество, такъ какъ сказалось, что большинство вотировавшихъ за присоединеніе къ всероссійскому союзу не знакомо ни съ уставомъ, ни съ дѣятельностью союза. Но, когда предсѣдатель поставилъ на голосованіе собранія, желаетъ ли оно ознакомиться съ уставомъ, или нѣтъ, чтобы потомъ рѣшить вторично вопросъ о присоединеніи, то только 14 голосовъ высказалось за ознакомленіе съ уставомъ значительное же большинство рѣшило пока присоединиться къ союзу, а потомъ уже на досугѣ ознакомиться съ уставомъ. Таковы то наши просвѣтители!...

Не могу не отмѣтить слѣдующихъ извѣстныхъ мнѣ инцидентовъ. На одномъ изъ собраній рѣшено было бойкотировать инспектора 3 го района (Сергіевскаго), открыто заявляющаго себя шпіономъ, и выразить ему порицаніе, которое разослать въ общественныя учрежденія, печать и т. д., а на другой день принято, въ виду важности такой мѣры, какъ бойкотъ, сопровождающійся оглашеніямъ въ печати и т. д., ограничиться пока предупрежденіемъ Сергіевскаго, что если онъ и впредь будетъ вести себя такимъ образомъ, то его будутъ бойкотировать и т. д.

Другой инцидентъ имѣлъ мѣсто на собраніи 15 вечеромъ и 16 днемъ. По просьбѣ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ учителей, которымъ показалось уже больно тоскливо на засѣданіяхъ, подъ руководствомъ либеральнаго предсѣдателя, пріѣзжій соц.-дем. рѣшилъ обратиться къ учителямъ съ рѣчью по поводу послѣднихъ событій, но, не имѣя возможности долго оставаться на собраніи учителей, онъ просилъ предсѣдателя поставить передъ собраніемъ вопросъ о немедленномъ выслушаніи его. Ссылаясь на недосугъ, другой докладчикъ (по вопросу объ эмеритурѣ) просилъ предсѣдателя о томъ же. Предсѣдатель доложилъ собранію о просьбѣ докладчика по вопросу объ эмеритурѣ, но не сообщилъ собранію просьбы ораторора соціальдемократа. Послѣдній, не имѣя возможности дожидаться окончанія доклада, ушелъ. На другой день на собраніе, по просьбѣ тѣхъ же учителей, явилось два соц.-дем., въ томъ числѣ и бывшій наканунѣ. Пришедшій въ первый разъ попросилъ у предсѣдателя слово не въ очередь, мотивируя невозможностью долго отстаться на засѣданіи. Предсѣдатель попросилъ соц.-дем. написать на бумажкѣ тему, о которой онъ хочетъ говорить, обѣщая доложить собранію послѣ читавшагося въ то время доклада. Но по окончаніи доклада, учитель, называющій себя соц.-дем. (Конемирскій) предложилъ собранію списокъ темъ, внесенныхъ въ бюро, спрашивая собраніе о порядкѣ, въ какомъ оно желаетъ ихъ слушать, при чемъ тема соціальдемократа оказалась послѣдней и ни секретарь, ни предсѣдатель не обмолвились ни словомъ о томъ, что докладчикъ по послѣдней темѣ проситъ выслушать его раньше другихъ, т. к. онъ не можетъ долго оставаться на засѣданіи. Собраніе рѣшило, понятно, слушать доклады въ такомъ порядкѣ въ какомъ они прочитаны... Тогда бывшій наканунѣ соц.-дем. попросилъ слова и указалъ собранію на поведеніе предсѣдателя. Монюшко сталъ объясняться и настаивалъ на томъ, чтобы собраніе рѣшило, видитъ ли оно въ его поведеніи злой умыселъ лишить кого бы то ни было слова. Тщетно соц.-дем. пытался поставить на баллотировку и другой вопросъ, правильно ли было поведеніе предсѣдателя, не касаясь вопроса о зломъ умыслѣ. Монюшко этого вопроса не поставилъ и разыгралъ комедію отказа отъ предсѣдательствованія, оговариваясь при этомъ, что онъ останется предсѣдателемъ, если его выберутъ снова. Когда его избрали вновь значительнымъ большинствомъ, онъ сталъ настаивать на томъ, чтобы меньшинство (оппозиція) объявило себя, настаивая на обратной перебаллатировкѣ. Человѣкъ 8 учителей и учительницъ, возмущенные поведеніемъ предсѣдателя, ушли. Ушли, наконецъ, и докладчики соціальдемократы. Собраніе просило ихъ остаться, соглашаясь ихъ выслушать сегодня, но тѣ, конечно, не вернулись. Характерно и то мѣсто въ рѣчи Монюшко по поводу инцидента, гдѣ онъ говорилъ, что онъ никогда не проститъ оратору его предположеніе о томъ, что предсѣдатель имѣлъ намѣреніе лишить неугодныхъ ему ораторовъ слова.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Анархо-Соціалисты.

Такое внутренне-противорѣчивое названіе дала себѣ новая организація, образовавшаяся въ Берлинѣ 23 августа на собраніи, гдѣ присутствовало до 3000 рабочихъ, состоящихъ членами мѣстныхъ (т. е. не централизованныхъ) профессіональныхъ союзовъ, и гдѣ, послѣ реферата доктора Фридберга о цѣли и значеніи новой организаціи, была почти единогласно принята слѣдующая резолюція:

„Рядъ событій въ Германіи въ послѣднія десять лѣтъ обнаружилъ могучій ростъ реакціи и отступленіе германскаго пролетаріата съ завоеванныхъ уже позицій, обезпечивавшихъ возможность матеріальнаго и психическаго развитія (таковы: лишеніе избирательнаго права въ Саксоніи, Гамбургѣ, Любекѣ, Дрезденѣ, клерикализація школы въ Пруссіи, усиленіе юнкерства хлѣбными пошлинами, уничтоженіе правъ меньшинства устраненіемъ установленнаго въ рейхтагѣ порядка, объявленіе нейтралитета профессіональныхъ союзовъ, ослабленіе празднованія перваго мая и т. д.), между тѣмъ какъ у другихъ народовъ романскаго и славянскаго племени мы замѣчаемъ усиленное развитіе классовой борьбы и ростъ внутренняго и внѣшняго освобожденія массъ.

„Призрачные успѣхи парламентаризма, какъ и многократно имѣвшее мѣсто улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ не въ состояніи скрыть отъ насъ того обстоятельства, что въ классовой борьбѣ мы подвинулись назадъ, ибо первымъ мы обязаны отодвиганію, даже отрицанію революціонныхъ цѣлей а вторымъ — весьма благопріятному, общему экономическому развитію Германіи. Догматическое ученіе марксизма, историческаго матеріализма, заставило германскій пролетаріатъ отказаться отъ всякаго прямого революціоннаго воздѣйствія и употребить всю свою силу въ теченія десятилѣтія главнымъ образомъ на постепенное измѣненіе экономическихъ отношеній, чему въ настоящее время главнымъ образомъ посвящается вся политическая и профессіональная дѣятельность. Эта дѣятельность, совершающаяся на почвѣ и въ законныхъ предѣлахъ современнаго классоваго государства, могла вестись только при съуженіи соціализма съ его революціоннымъ, международнымъ, невѣрующимъ, направленнымъ на освобожденіе всего человѣчества міросозерцаніемъ, и при превращеніи его въ движеніе, имѣющее исключительной цѣлью измѣненіе экономическихъ отношеній. Если, можетъ быть, для созданія организаціонныхъ рамокъ было исторически необходимо поступать такимъ образомъ, то теперь измѣненіе тактики для быстраго окончательнаго достиженія цѣлей соціализма настоятельно подсказывается. Теперь на первомъ планѣ должны стоять не переговоры съ противниками и достиженіе минутныхъ выгодъ, а превращеніе профессіонально организованныхъ для экономической борьбы пролетаріевъ въ классовыхъ борцовъ, ихъ отрываніе (Los lösung) отъ современнаго классоваго государства, его законовъ и учрежденій.

„Поэтому, наиболѣе тяжкимъ ударомъ для классовой борьбы германскаго пролетаріата является такъ называемая нейтрализація профессіональныхъ союзовъ, благодаря чему это важнѣйшее для борьбы между трудомъ и капиталомъ учрежденіе теряетъ свое настоящее назначеніе, а пролетаріетъ лишается самаго могучаго орудія въ классовой борьбѣ. Правда, парламентаризмъ и нейтралитетъ привлекли къ рабочему движенію широкій кругъ лицъ, но при этомъ было пожертвовано всѣми настоящими цѣлями и будущими надеждами пролетаріата. Необходимъ полный переворотъ въ употребленіи матеріальныхъ и духовныхъ силъ, которыя должны расходоваться преимущественно на улучшеніе боевого характера классоваго движенія.

„Классовая борьба, которая не есть политическая, а экономическая и психологичесгая (революціонизированіе головъ), должна опять получить свое единство путемъ образованія соціалистическихъ боевыхъ организацій, которыя, собирая воедино и вырабатывалъ истинно революціонные элементы, съ одной стороны, вели бы революціонную борьбу, направленную на улучшеніе положенія и условій труда, съ другой являлись бы носителями всей освободительней борьбы въ цѣляхъ низверженія классоваго господства.

„Капитализмъ, построенный на эксплуатаціи рабочей силы пролетаріата какъ класса можетъ быть сверженъ только отнятіемъ и лишеніемъ его этой самой рабочей силы со стороны всего пролетарскаго класса. Направленныя къ этому стремленія находятъ свое выраженіе въ идеѣ всеобщей стачки и агитаціи за нее“.

Мы привели цѣликомъ эту резолюцію не потому, что она отличается особенной ясностью и опредѣленностью—напротивъ въ этомъ отношеніи, какъ мы ниже увидимъ, она грѣшитъ очень сильно,—а потому что она сразу вводитъ насъ въ суть дѣла. Мы находимъ въ этой резолюціи и изложеніе тѣхъ мотивовъ, которые привели часть берлинскихъ рабочихъ въ объятія анархистовъ и указаніе пути, по которому они отнынѣ намѣрены слѣдовать.

Посмотримъ прежде всего на мотивы. Ихъ собственно говоря три: усиленіе развитія классовой борьбы „у народовъ романскаго и славянскаго племени“, тогда какъ въ Германіи растетъ реакція и пролетаріатъ теряетъ завоеванныя уже позиціи, 2) „призрачные успѣхи парлатентаризма“ и 3) такъ называемая нейтрализація профессіональныхъ союзовъ.“ Подъ усиленіемъ развитія классовой борьбы у народовъ романскаго и славянскаго племени надо, какъ это и видно изъ дальнѣйшаго, понимать рядъ многочисленныхъ всеобщихъ стачекъ во Франціи и Италіи и революціонное движеніе россійскаго пролетаріата. Фактъ, конечно, отмѣченъ правильно, ибо, за исключеніемъ рурской стачки, германскій пролетаріатъ не можетъ указать въ послѣднее время на какія нибудь крупныя столкновенія, которыя имѣли бы столь революціонизирующій характеръ, какъ вышеуказанныя событія. Мало того: несомнѣнно и стремленіе многочисленныхъ членовъ партіи не дать начинающимся здѣсь и тамъ столкновеніямъ принять болѣе или менѣе бурный характеръ, стать въ оппозицію съ существующими законами. Все это отмѣчено вѣрно. О чрезмѣрномъ легализмѣ германской партіи писалось и говорилось очень много, и отсюда выростали всѣ оппозиціонныя теченія внутри ея. Но какъ прежнія оппозиція, новѣйшая „анархо-соціалистическая“ касается только поверхности явленій, не проникаетъ вглубь и потому такъ же безсильна найти исходъ. Легализмъ германской партіи есть плодъ историческихъ условій образованія и формированія кадровъ партіи въ нереволюціонную эпоху и въ лишенной почти всякихъ революціонныхъ традицій средѣ. Сами авторы резолюціи очевидно, понимаютъ это ибо они говорятъ: „можетъ быть, для созданія организаціонныхъ рамокъ было исторически необходимо поступать такимъ образомъ“... Но историческое явленіе не устраняется резолюціями просто выбрасывающими за бортъ всѣ историческія пріобрѣтенія германскаго пролетаріата. Въ другомъ мѣстѣ резолюціи говорится объ улучшеніи экономическаго положенія рабочихъ благодаря „весьма благопріятному общему экономическому развитію Германіи“. Но если это такъ, то гдѣ же искать мотивовъ для обостренія классовой борьбы, особенно если помнить, что по мнѣнію резолюціи, классовая борьба не есть политическая а экономическая и психологическая“(?) Очевидно, что объ обостреніи экономической борьбы при улучшеніи экономическаго положенія рѣчи быть не можетъ, а психологическая, или, какъ резолюція обязательно намъ поясняетъ, „революціонизированіе головъ“ сведется вѣдь къ ряду подобныхъ же ни къ чему не обязывающихъ резолюціи или къ мало содержательнымъ революціоннымъ фразамъ, какими кончается и резолюція нашихъ „анархо-соціалистовъ“.

Но объ этомъ послѣ. Посмотримъ еще на другіе два мотива составителей резолюціи. О нейтрализація германскихъ профессіональныхъ союзовъ намъ приходилось уже говорить. До сихъ поръ фактически эта нейтрализація нигдѣ не проведена, но несомнѣно, что въ большихъ профессіональныхъ союзахъ, особенно у ихъ вожаковъ, существуетъ сильное стремленіе освободиться отъ контроля партіи. Но именно это обстоятельство должно бы показать, что именно въ нѣкоторыхъ профессіональныхъ союзахъ развиваются умѣренныя, анти революціонныя стремленія что вопросы, по которымъ они расходились съ партіей, были такого рода кардинальные вопросы революціонной тактики, какъ празднованіе перваго мая, всеобщая стачка и т. п. Именно догматическое ученіе марксизма„ котораго придерживается политическая партія, было бѣльмомъ въ глазу наиболѣе умѣренныхъ профессіональныхъ союзовъ. А резолюція думаетъ лѣчить зло „умѣренности и нереволюціонности“, отбрасывая и „догматическое ученіе“ и политическую партію! Дѣйствительный анализъ общественныхъ явленій, сдѣланый на основѣ догматическаго ученія, убѣдилъ бы авторовъ резолюців, что условій для революціонизированія классовой борьбы въ Германіи надо искать въ совершающемся революціонизированіи общественыхъ отношеніи, а для революціонизированія професіальныхъ союзовъ—въ необходимости опереться на политическую партію.

Но политическая партія есть парламентская партія, думаютъ авторы резолюціи и указываютъ при этомъ на „призрачные успѣхи парламентаризма“. Гипертрофія парламентаризма есть несомнѣный грѣхъ германской партіи, взятой въ цѣломъ. Но сами авторы резолюціи указываютъ на лѣкарство, отнюдь того не замѣчая. Если благодаря цѣлому ряду условій масса германскаго пролетаріатъ прониклась вѣрой въ благотворную дѣятельность парламента, то убѣжденіе въ „призрачныхъ успѣхахъ парламентаризма“ должно заставить его измѣнить свою *политическую* тактику. Подчеркиваемъ политическую, такъ какъ авторы резолюціи нашли гораздо болѣе радикальное средство—и въ этомъ состоитъ ихъ анархизмъ —и совершенно отбросили политическую борьбу, замѣнивъ ее всеспасающей всеобщей стачкой. Для соціальдемократіи парламентская дѣятельность никогда не была квинтэссенціей политической борьбы: въ парламентскихъ выборахъ и парламентскихъ дебатахъ соціалдемократія всегда видѣла одно изъ средствъ организація пролетаріата и развитія его классового сознанія. Вмѣсто *одною изъ средствъ* анархо-соціалисты, какъ чистые метафизики, выдвигаютъ *единственное* средство всеобщей стачки, которую представляютъ они себѣ чрезвычайно утопически въ видѣ отнятія рабочей силы у капитализма, который, очевидно, отъ этого долженъ умереть естественной смертью. Соціальдемократія на естественную смерть капитализма не разсчитываетъ, она ждетъ его насильственной смерти отъ возстанія пролетаріата, въ каковомъ возстаніи и всеобщая стачка явится *однимъ изъ элементовъ* разложенія отживающаго строя.

Мы изложили мотивы, побудившіе часть берлинскихъ рабочихъ создать новую организацію, и попутно коснулись намѣченной ими тактики. Если въ ихъ мотивахъ мы всегда находили большую долю истины, то выводы, ими сдѣланные, не выдерживали никакой критики. Рабочая организація, основанная на ненаучномъ толкованіи дѣйствительности и на несоотвѣтствующихъ дѣйствительности тактическихъ началахъ, такая организація мало жизнена. Можно съ увѣренностью предсказать, что большинство ея членовъ скоро разочаруется въ новыхъ пророкахъ. Но симптоматическое значеніе этого возстанія трехъ тысячъ берлинскихъ организованныхъ пролетаріевъ очень велико. Оно говоритъ прежде всего, что недовольство старой тактикой или вѣрнѣе тѣмъ пониманіемъ этой тактики, какое сложилось у массы, принимаетъ очень значительные размѣры. Оно говоритъ далѣе въ связи съ этимъ о большомъ грѣхѣ германской соціальдемократіи послѣднихъ годовъ, объ удѣленіи очень незначительнаго вниманія теоретическому просвѣщенію массъ. Не будь этого упущенія, критика старой тактики не касалась бы только поверхности, а проникала бы въ самую глубь явленія. Въ этомъ случаѣ она принесла бы богатые плоды; пока же она совершенно безплодна.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Москва. Отчетъ Московской группы.

Надняхъ состоялось междурайонное пропагандистское собраніе (было 17 человѣкъ). Иниціаторы его, периферійные работники двухъ районовъ, указывали на необходимость болѣе полнаго, чѣмъ то дѣлали представители центра, ознакомленія отдѣльныхъ районовъ съ положеніемъ дѣлъ во всей организація. Лучшее средство къ этому они видѣли въ такихъ междурайонныхъ собраніяхъ. Присутствовавшіе согласились съ ними и высказались за періодическое устройство такихъ собраній. Изъ послѣдовавшихъ затѣмъ отчетовъ выяснилось положеніе дѣлъ въ организаціи и постановка организаціонной и пропагандистской работы. Связей у организаціи сравнительно еще не много, но онѣ быстро ростутъ. На многихъ крупныхъ и вліятельныхъ заводахъ мы еще ничего не имѣемъ. Переходъ къ массовой работѣ происходитъ очень туго; повсюду царитъ еще старая кружковщина. Организація находится въ процессѣ строительства; районные комитеты существуютъ только въ трехъ районахъ, одинъ изъ нихъ почти не функціонируетъ. Заводскихъ комитетовъ (подрайонныхъ) тоже немного; нѣкоторые числятся только на бумагѣ. Вслѣдствіе этого многіе пропагандисты не входятъ ни въ одну изъ организаціонныхъ ячеекъ и чувствуютъ себя оторванными отъ партійной жизни. Во избѣжаніе этого нѣкоторые предложили на время строительства функціи районныхъ комитетовъ передать пропагандистскимъ собраніямъ. Но большинство отклонило это предложеніе на томъ основаніи, что это задержитъ организаціонное строительство, продлитъ интеллигентское преобладаніе въ партіи. Признано желательнымъ только, чтобы и пропагандистскія собранія тоже держались въ курсѣ всѣхъ мѣстныхъ и партійныхъ дѣлъ.

Далѣе изъ отчета выяснилось, что въ нашей пропагандѣ и агитаціи нѣтъ почти никакого единства. Не только отдѣльные районы, но даже отдѣльные пропагандисты ведутъ ее такъ, какъ сами находятъ лучшимъ. Вопросъ объ объединеніи этой важной области нашей работы былъ отложенъ до слѣдующаго собранія въ виду того, что здѣсь отсутствовали нѣкоторые опытные въ дѣлѣ пропаганды товарищи.

Въ заключеніе происходилъ обмѣнъ мнѣній между сторонниками существующихъ въ организаціи двухъ взглядовъ по вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ (искровскаго и впередовскаго). Но никакихъ резолюцій принято не было. Слѣдующее собраніе назначено черезъ двѣ недѣли.

Москва. Приведу краткій отчетъ районной работы за позапрошлую недѣлю въ Замоскворѣцкомъ районѣ. Полмѣсяца тому назадъ застали мы въ районѣ три кружка: у серебрянниковъ (мелкота) — 1, Голутвинцевъ (800—900 чел.) — 1, на центральной электрической станціи (250 чел.)— 1. Кружки были самоцѣлью. За эти кружки работа абсолютно не выходила. Да существовалъ еще кружокъ у Сатинцевъ, но онъ почти никогда не собирался.

Теперь же дѣло обстоитъ такъ: Первый заводской комитетъ объединяетъ рабочихъ фабрики Ефремова, Брокара, Захаръ и др. всего 3 4 тысячи человѣкъ; за недѣлю 6 летучекъ (по 40-60 чел.); два кружка, остальные не выходили. Такъ превращались каждый разъ кружки въ летучки, рабочіе прямо подсаживались въ одиночку или цѣлыми группами къ собравшемуся на открытомъ мѣстѣ кружку. Составъ летучекъ на половину постоянный, на половину текучій. Вполнѣ организованныхъ рабочихъ 30 чел. — Фабричный комитетъ охватываетъ фабрики Флетчера (800 ч.) Гвардовскаго (700—800 ч.), Художественно-ткацкаго производства, Голутвинскую мануфактуру (теперь лѣтомъ — 200 слишкомъ чел. — устроена летучка въ 20 ч., на которой разрабатывался проектъ устройства полулегальнаго профессіональнаго союза; вторая летучка въ 40—50 ч. — борьба съ зубатовцами; собраніе заводского комитета, собраніе комиссіи, выдѣленной общимъ собраніемъ рабочихъ для выработки проекта устава.

Мещерина (Даналовская мануфактура — 5000) только затронуты, 5 ч., посѣщающихъ регулярно наши собранія. Сытина — заводской комитетъ, мало дѣятеленъ. Кобгольцъ — цѣлая группа большевиковъ перешла; самостоятельно составлены двѣ группы. Центральная электрическая станція — 15 ч. сознательныхъ, регулярныя собранія, митинги не устраивались.

Москва, 28 августа На дняхъ состоялось собраніе организованныхъ рабочихъ Бутырскаго района. Было человѣкъ 20. Обсуждали вопросъ объ объединеніи съ большевиками. Всѣ были согласны, что оно возможно и необходимо въ ближайшемъ будущемъ Условія для объединенія были приняты слѣдующія: признаніе права рѣшающаго голоса за районнымъ комитетомъ, необязательность постановленій третьяго съѣзда, составленіе комитетовъ изъ равнаго числа большевиковъ и меньшевиковъ.

Разногласія начались лишь по вопросу о пути къ объединенію. Одинъ присутствующій предложилъ положить начало къ объединенію въ предѣлѣ своего района, пригласивъ съ этой цѣлью на ближайшее собраніе большевиковъ; затѣмъ, отъ объединившагося района отправить делегацію въ другіе районы съ предложеніемъ сдѣлать тоже, такъ, чтобы заставить верхи считаться съ объединеніемъ, какъ съ уже совершившимся фактомъ. Ему указали на нецѣлесообразность такого объединенія частички одной организаціи съ частичкой другой. Въ замѣнъ этого предложено заняться подготовкой объединенія цѣлыхъ организацій, съ этой цѣлью поднять этотъ вопросъ въ другихъ организаціяхъ, какъ нашихъ, такъ и большевистскихъ, затѣмъ обсудить этотъ вопросъ на фракціонныхъ междурайонныхъ конференціяхъ и, наконецъ, уже созвать общерайонную конференцію обѣихъ фракцій. До того же времени вступать въ постоянныя соглашенія съ большевиками для совмѣстныхъ выступленій и регулированія работы. Но соглашенія эти должны быть не между организаторами районовъ, а междурайонными и подрайонными коллективами. Большинство собранія приняло этотъ второй планъ и, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, рѣшило поднять этотъ вопросъ на ближайшей междурайонной конференціи и поручить своей районной исполнительной комиссіи (исполняющей въ районѣ функію районнаго комитета, но не пользующійся его правами) вступить съ большевиками въ переговоры о соглашеніи.

Рыбинскъ. Послѣ полученія резолюцій „первой общерусской конференціи“ группой было устроено собраніе мѣстныхъ работниковъ. Послѣ прочтенія работъ конференціи и нѣкоторыхъ матеріаловъ касающихся партійнаго раскола, организація большинствомъ голосовъ всѣхъ присутствовавшихъ противъ одного при одномъ воздержавшемся утвердила съ своей стороны Организаціонную Комиссію въ ея правахъ. Затѣмъ организація обсуждала резолюцію конференціи объ отношеніи между двумя частями партіи. Резолюція была принята большинствомъ при томъ же самомъ соотношеніи голосовъ во всѣхъ своихъ частяхъ, кромѣ одного — именно одинъ товарищъ считалъ невозможнымъ представительство партіи Плехановымъ при настоящихъ условіяхъ партійнаго раскола. Затѣмъ обсуждалась и была принята резолюція конференціи объ участіи въ выборахъ въ представительныя учрежденія. Принимая во вниманіе необходимость однородной и сплоченной тактики для всѣхъ С.-Д. Россіи въ вопросѣ о выборахъ. Рыбинская организація постановила обратиться съ предложеніемъ къ О. К. организовать конференцію изъ С.-Д. партій и фракцій Россіи для дѣятельнаго обсужденія этого вопроса въ виду обнародованія закона о Государственной Думѣ

Рыбинская Организація.

Рига. Изъ практики „общественной“ жизни.

Накавунѣ 1 мая среди мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій возникла идея объединенія всѣхъ организацій для координированія силъ при совмѣстныхъ выступленіяхъ. Съ этой цѣлью составился Коалиціонный Совѣтъ, въ который должны были войти представители отъ федеративнаго комитета („бунда“ и латышей), отъ Р. К. „большинства“ и отъ нашей группы меньшинства.

Но уже на первомъ собраніи К. С, обсуждавшемъ возможность активнаго выступленія въ день 2 мая, представителя отъ Р. К. „большинства“ не было. Причины, почему онъ не былъ, я въ точности не помню, но Р. К. объ этомъ собраніи былъ оповѣщенъ. На собраніи К. С. оказалось, однако, что активнаго выступленія предпринять нельзя. Причины, приводившіяся въ оправданіе этого, были тѣ, что въ городѣ полиціей подготовляется погромъ, организовалась „черная сотня“, и всякое активное выступленіе неизбѣжно повлечетъ за собой кровопролитіе.

Отсутствовавшему на собраніи К. С., Р. К. „большинства“, постановленіе К. С. кажется, было передано. Но само собой понятно, что онъ могъ съ нимъ и не считаться, такъ какъ на собраніи К. С. его представителя не было.

Празднованіе 1-го мая прошло у насъ довольно неудачно. К. „большинства“ дѣлалъ попытки устроить демонстрацію, но она не удалась. Въ выпущенной впослѣдствіи Комитетомъ прокламаціи онъ указывалъ, какъ на причину неудавшагося празднованія, на разъединенность. Съ своей стороны К. „большинства“ былъ правъ, такъ какъ участіе его или неучастіе въ К. С. не измѣнило бы хода дѣлъ.

Федеративный Комитетъ отвѣтилъ на прокламацію К. „большинства“ листкомъ, который, при всемъ своемъ желаніи, я иначе не могу назвать, какъ „черносотеннымъ“. Въ немъ К. и партія обливались буквально грязью. Весь листокъ былъ испещренъ перлами специфической „бундовской“ полемики.

Таковъ былъ первый результатъ „объединенной“ дѣятельности, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и второй.

Когда у насъ было получено извѣстіе о событіяхъ въ Лодзи, Одессѣ и Черноморской эскадрѣ, по нашей иниціативѣ, снова созванъ былъ К. С. На собраніи его, представители отъ Ф. К. и К. „большинства“ рѣзко поспорили между собой изъ-за вышеприведеннаго обстоятельства, и представитель Ф. К. потребовалъ удаленія представителя К. „большинства“. Нашъ делегатъ протестовалъ противъ такого требованія, но сдѣлалъ ошибку, ограничившись однимъ протестомъ и не оставивъ собранія К. С. На этомъ собраніи К. С представитель латышескаго Комитета настоялъ на томъ, что отвѣтить активно на Лодзинскія и Одесскія событія нельзя, такъ какъ это привело бы къ кровопролитію и имѣло бы дезорганизующее вліяніе на движеніе въ Прибалтійскомомъ краѣ.

Это былъ второй случай „координированія“ силъ. За нимъ послѣдовалъ третій и послѣдній. Онъ произошелъ во время бывшей здѣсь всеобщей забастовки.

Въ первый же день возникновенія стачки наши ораторы проникли на заводы, устраивали тамъ политическія митинги, вырабатывали вмѣстѣ съ рабочими ихъ требованія, вообще, старались руководить, по мѣрѣ возможности, движеніемъ. Въ тотъ же день группа, собравшись и обсудивъ положеніе дѣлъ, предвидѣла, что событія могутъ развернуться, а потому рѣшила созвать К. С. Въ К. С. представители отъ Ф. К. на этотъ разъ потребовали отъ насъ прежде всего, чтобы мы на открытыхъ митингахъ не произносили рѣчей на организаціонныя темы, обязываясь поступать такъ же. Мы согласились. Но каково же было наше удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней на одномъ изъ открытыхъ митинговъ, Ф. К. распространялъ свой „черносотенный“ листокъ?

Тогда для насъ стала вполнѣ ясной политика, которую игралъ Федеративный Комитетъ въ Коалиціонномъ Совѣтѣ. Политика эта сводилась къ тому, чтобы, во первыхъ, обязать насъ рѣшеніями К. С., а самому эти рѣшенія не выполнять, и, во вторыхъ, чтобы связать насъ черезъ постоянно функціонирующій К. С. скрытыми федеративными отношеніями къ латышскому и „бундовскому“ комитетамъ.

И дѣйствительно: впослѣдствіи, когда нашъ делегатъ передавалъ представителямъ отъ Ф. К. нижепомѣщаемую нашу резолюцію о К. С. делегаты федеративнаго комитета отвергли ее, а делегатъ бундовскаго“ комитета смущенно заявилъ, что на К. С. и надо смотрѣть, какъ на первый шагъ къ „прочному“ объединенію.

Такова практика „объединеннаго“ дѣйствія.

Членъ Рижской Группы.

Резолюція: Рижская Группа Р. С.-Д Р. П., прослѣдивъ исторію существованія и „дѣятельности“ Коалиціоннаго Совѣта, и выслушавъ докладъ делегатовъ о собраніяхъ его, находитъ, что К. С. не можетъ отвѣчать той цѣли, которую онъ ставилъ себѣ при своемъ возникновеніи. А именно: 1) что К. С. долженъ быть учрежденіемъ, составленнымъ изъ представителей всѣхъ, свободно сговорившихся мѣстныхъ соціальдемократическихъ организацій, съ цѣлью использовать возможно полнѣе имѣющіяся на лицо с. д. силы; 2) что никакія частныя организаціонныя дрязга не могутъ служить препятствіемъ для допущенія представителей какой либо изъ мѣстныхъ с.-д. организацій въ составъ К. С., каковое недопущеніе имѣло мѣсто по отношенію къ представителю Р. К. „большинства“; 3) что К. С. долженъ быть учрежденіемъ временнымъ, собирающимся только для координированія силъ при отдѣльныхъ выступленіяхъ, а не учрежденіемъ постояннымъ, приближающимъ отношенія сговорившихся для опредѣленныхъ дѣйствій организацій къ федеративнымъ. Исходя изъ этого, Рижская Группа Р. С.-Д. Р. П. находитъ, что она можетъ принять участіе въ К. С. только при согласіи созывать его на указанныхъ ею началахъ.

Рижская Группа. Р. С.-Д. Р. П.

Денежный отчетъ Южнаго бюро Организаціонной Коммиссіи съ 25-го мая по 25-го іюля.

Приходъ: Организац. Ком. 4050 руб.; Техническ. груп. 69 руб. 50 коп.; товаръ А. 25 рб.; товаръ М. 40 рб.; товаръ Д. 10 рб.; Полѣсск. Ком. 15 рб.; Черниг. Орг. 10 рб.; Каменец.-Гр. 30 рб. Всего 4249 руб. 50 коп.

Расходъ; Уплатили долгъ 666 рб.; Техническ. транспортъ грп. 2150 рб.; Передвиженіе публики 756 рб.; 50 коп.; Почтовые расходы 33 рб.; Личная жизнь рѣзчика печат. 38 рб; Личная жизнь членовъ Бюро 74 рб.; займы Кіев. Ком. 360 рб.; Екатер. Ком. 30 рб.; Крымскому Союзу 50 рб.; Въ Варшаву 15 рб.: Разъѣздъ по провинціямъ 38 рб. Итого 4249 рб. 50 коп.

Изъ отчетовъ партійныхъ организацій:

Донского Ком. (1-го іюня—11-го іюля). Приходъ 797 рб. 62 коп. Расходъ 748 рб. 10 коп. (въ томъ числѣ: техника 187 рб. 50 коп., содержаніе партійныхъ работниковъ 178 рб. 85 коп.).

Севастопольскаго Ком. (за іюнь). Приходъ 218 рб. 26 коп. (въ томъ числѣ: портъ 33 рб. 32 коп., городскіе рабочіе 9 рб. 85 кп. приказчики 6 рб. 45 коп., флотъ—1 рб.). Расходъ 180 рб. 12 кп. (въ томъ числѣ: содержаніе партійныхъ работниковъ 73 рб.).

Батумскаго Ком. Приходъ: за ноябрь 1904 г. —1949 рб. 57 кп, декабрь—2693 рб. 71 коп., январь 1905 г.—1634 рб. 45 коп., февраль 1342 рб. 67 коп., мартъ 1103 рб. 38 коп., апрѣль 473 рб. 46 коп., май 378 рб. 18 коп., іюнь 409 рб. 60 коп. Расходъ: ноябрь 1185 рб. 37 коп., декабрь 1447 рб. 47 коп., январь 1328 рб. 77 коп, февраль—942 рб 47 коп., мартъ 1262 рб. 92 коп., апрѣль 1290 рб. 76 коп., май 1119 рб. 90 коп., іюнь 782 рб. 30 коп. За тотъ же періодъ касса „Краснаго Креста“ при комитетѣ собрала 1855 рб. 35 коп. и израходавала 1840 рб. 87 кп. **Черниговской гр.** За время съ 1-го января по 1-ое іюля приходъ 702 рб. 7 коп., расходъ 699 рб. 56 коп. **Астраханскаго Ком.** Съ 1-го января по 1-ое іюня приходъ 3303 рб. 40 коп., расходъ 3495 рб. 36 коп. **Луганской гр.** За іюнь приходъ 92 рб. 50 коп., расходъ 58 рб. 90 коп. **Иркутскаго Ком.** (за іюнь): Приходъ 322 рб. 45 коп. (наличность къ 1 іюля 1024 рб 94 коп.) расходъ 632 рб. 25 коп. (въ томъ числѣ Сибир. Союзу 322 рб.). **Рижской гр.** (съ 14 мая по 23 іюля): Приходъ 1520 рб. 21 коп. Расходъ 1520 рб. 42 коп. (въ томъ числѣ: содержаніе товарищей и конспиратив. расходы 378 рб. 1 коп. типограф. 851 рб 5 коп., въ долгъ Сѣв. техн. бюро 300 рб., за литературу 541 рб. 85 коп). Отчетъ форштатскаго района группы за тотъ же срокъ: Приходъ 497 рб. 16 коп., расходъ 499 рб. 96 коп. **Бахмутской гр.** (съ 20 мая до 10 іюня). Приходъ 148 рб. 71 коп., расходъ 128 рб. 63 кп.

Отчетъ Варшавскаго Комитета Военно Революціонной Организаціи за іюль 1905 года.

Распространены листки „Къ солдатамъ Кальварійскаго лагеря“ 400; „Къ обществу“ 700; „Подымайся, солдатъ“ (Перепечатка листка „Искры“) 5000. Кромѣ того, Искра, Соціалдемократъ и разныя брошюры партійнаго изданія.

Работа носила двоякій характеръ: агитаціонная работа въ массахъ и вышеперечисленные листки носили общедемокртическій характеръ и въ тоже время въ пропагандистскихъ кружкахъ вырабатывались сознательные одиночки соціалдемократы съ своей стороны, становившіеся агитаторами внутри казармы,
Денежный отчетъ: *Приходъ* отъ С.-Д. П. и Л. 122. — отъ Н. Д. 15. — отъ предпріятій 36.06 по сборнымъ листкамъ 12. —Итого 185. 06.

Расходъ Уплата долга 63. — освобожденіе товарища изъ тюрьмы 15. — организаціонные расходы 18.02, агитаціонные расходы 67.50. Итого 163 52. *Остатокъ*. въ кассѣ на 1 августа 21.54.

Вышли изданія „Искры“: 1) Они спѣшатъ... (прок.); 2) Обвинительный актъ по дѣлу матросовъ „Прута“; 3) Отъ матроса къ солдату (прокл.) **Московской гр**: „Къ цивилизованному міру“ (матросовъ „Потемкина“). **Рыбинской гр.**: 1) О манифестѣ 6-го августа (печ.); 2) Къ цивилизованному міру отъ матросовъ (печ.) **Приволжской орг. Нижегородской гр**: „Крестьянамъ Шелокши“ (гек.); **Смоленскаго ком.**:1) „Къ солдатамъ“ (отъ военнаго района —2000); 2) Къ рабочимъ бетоннаго завода (гек.—отъ фабр. зав. района); 3) и 4) Пѣсни революціи, выпуски 1 и 2 (1300 и 1100 экз.); 5) Къ учащимся (отъ с.-д. орган. учащихся, печ. 470 экз.); 6) Первый день царской „конституціи“ въ Смоленскѣ (2750). **Рижской гр.**: 1) Въ Ригѣ мобилизація! (5000); 1) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (4000); 3) Пѣсни революціи (листовка 2000 экз.); 4) Отчетъ группы (гек.): По эстонски: 1) Въ Ригѣ мобилизація 2) Ко всѣмъ рабочимъ Риги (5000). **Сѣверо-Западнаго Союза**: 1) „Долой Государственную Думу!“ (20000); 2) Крестьяне къ вамъ наше слово (печ). **Харьковскаго Ком.** „Царь призываетъ!“ (4000). **Донского Ком.**: „Долой мобилизацію!“ (11000); 2) Къ столярамъ (гек., 350); 3) Двойная игра самодержавія (4500); 3) Еще мобилизація (отъ „донцевъ“—1500); **Луганской гр.**: Отчетъ группы и воззваніе къ гражданамъ (гек.) **Маріупольской гр.**: „Ко всѣмъ лишеннымъ правъ“ (2500). **Бахмутской гр.**: 1) Резолюція рабочихъ (печ., 300); 2) Самодержавіе на краю гибели (печ., 1300). **Екатеринославскій Ком.**: 1) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (печ.); 2) Къ приказчикамъ (2000, печ.); 3) Ко всѣмъ рабочимъ (о Государственной Думѣ„ печ.—10000); 4) Къ рабочимъ Брянскаго завода (отъ завод. центра, печ., 1000); По поводу стачки въ тип. „Вѣстникъ Юга“ (отъ городс. района—гек.); **Одесской гр.** 1) О Государственной Думѣ (10000); 2) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ (о черносотен. агитаціи—8000); 3) Бюллетень о кишинев. событіяхъ (1000). **Николаевскаго Ком.**: 1) Письмо матросовъ съ „Потемкина“; 2) къ приказчикамъ. **Ейской гр. Кубан. Ком**: О нижегородс. погромѣ. **Астраханскаго Ком.**: 1) къ запаснымъ (печ 4000 экз.); 2) къ запаснымъ (призывъ къ отказу идти на войну —печ); 3) резолюція рабочихъ о Государ. Думѣ (1000, печ) **Копыльской гр.**: „Ко всѣмъ дорожнымъ рабочимъ въ Тимковичахъ“ гек.). **Сибирскаго Союза**: 1) Подымайтесь, солдаты! (5000); 2) Солдаты переходятъ на сторону народа. **Томскаго Ком.**: Чему учитъ насъ стачка? (печ.). **Омскаго Ком.**: ко всѣмъ омск. гражданамъ (печ.); 2) Къ желѣзнодор. рабочимъ (печ.) **Красноярскаго Ком.** Бюллетени №№ 1 и 2. **Иркутскаго Ком.**: Что дѣлается въ Читѣ? (печ., 5000); 2) Отчетъ Ком. (печ.); 3) Призывъ къ поддержкѣ читин. стачки (печ., 4500). **Читинскаго Ком.**: 1) къ гражданамъ Читы (печ., 1000); 2) Требованія рабочихъ (печ); 3) Классъ противъ класса (печ., 2000); 4) Что нужно солдатамъ: (отъ группы солдатъ—2500).

Всего зарегистрировано здѣсь вышедшихъ въ Россіи изданій: 56 выпусковъ—(приблизительно) 160.000 экз.

Сибирскимъ Союзомъ переиздана въ 5000 экз. брошюра Ф. Дана „Всенародное Учредительное Собраніе“.

„Пролетарское Дѣло“ и „Сибирскій с. д. Листокъ“.

Вышедшій уже вторымъ номеромъ, органъ Одесской группы „Пролетарское дѣло“ представляетъ собой во всѣхъ отношеніяхъ лучшую изъ газетъ, которыми Партія до сихъ поръ обладала *въ самой Россіи*. Литературность статей, подборъ и обиліе матеріаловъ, выдержанность точки зрѣнія, тщательная редакція—все это удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Возможность для мѣстной организаціи поставить такую газету (притомъ большого формата легальныхъ газетъ и отлично отпечатанную) означаетъ крупный успѣхъ с.-д. движенія въ Одессѣ. Въ свою очередь, такая газета должна будетъ оказать громадныя услуги мѣстному движенію и движенію на всемъ Югѣ, если, конечно, организаціи другихъ городовъ во время оцѣнятъ значеніе новаго партійнаго органа и пойдутъ на встрѣчу начинанію одесскихъ товарищей, поддержавъ „Пролетарское Дѣло“

Изъ статей газеты отмѣтимъ „Чему учатъ насъ іюньскіе дни?“ въ № 1-омъ, весьма содержательный фельетонъ „Что такое Государственная Дума?“ въ № 2-омъ.

Желаемъ нашему новому собрату полнаго успѣха.

Такое же отрадное впечатлѣніе, какъ и „Пролетарское Дѣло“, производитъ „Сибирскій соціальдемократическій листокъ“, первый № котораго представляетъ 8 страницъ формата нашего „Соціальдемократа“, отлично отпечатанный. Все содержаніе газеты свидѣтельствуетъ о значительномъ ростѣ сибирскаго рабочаго движенія и о быстромъ распространеніи партійной организаціи на всѣ слои сибирскаго пролетаріата. Боевой революціонный духъ, которымъ проникнута газета, долженъ будетъ быстро завоевать ему симпатіи читателей-рабочихъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Къ первому іюля въ **Симферопольской** тюрьмѣ находились слѣдующія лица, привлеченныя по политическимъ дѣламъ: Коковякинъ Александръ (былъ судимъ 11-го мая, присужденъ къ заключ. на 1 годъ съ зачетомъ предварит. заключенія), Садовскій Михаилъ (суд. 11 мая на 9 мѣс. съ зачет.). Лейкартъ Морисъ-Джемсъ (суд. 12 мая на 1 годъ крѣп. безъ зачис.), Мышкинъ (дѣло отложено, сидитъ около 3 лѣтъ); послѣдніе два переведены изъ другихъ тюремъ. Слѣдующія лица переведены въ **Ѳеодосійскую** тюрьму: Рогальскій Акимъ, Тверской Израиль, Шимкинъ Викторъ, Гавриловичъ Даніилъ, Горѣликъ Левъ, Андрусіеръ Исаакъ, Лешинскій Самуилъ, Хейвенъ Аронъ, Евдокимовъ Николай. Всѣ они освобождены по суду, состоявшемуся 21 и 23 мая въ Ѳеодосіи. Кромѣ того, освобожденъ Шивцовъ Николай. Арестованы въ маѣ: А. Шаринскій, учитель Бурлюкской земской школы Симфер. уѣзда и Марошниченко, служащій въ Симфер. уѣздн. земск. упр. Кромѣ того въ тюрьмѣ находятся 10 крестьянъ, арест. во время аграрныхъ волненій въ Саблахъ Симф. уѣз. Ставя своей цѣлью помощь заключеннымъ и ссыльнымъ по полит. дѣламъ, а также ихъ семьямъ, группа обращается ко всѣмъ сочувствующимъ ея дѣлу съ просьбой оказывать содѣйствіе

Симферопольская группа Краснаго Креста.

1 іюня 1905 г., г. Симферополь.

Въ **Ялтѣ** арестована работница **Сарра Финкельштейнъ**. Ее обвиняютъ въ пропагандѣ среди солдатъ.

Изъ **Ѳеодосійской** тюрьмы освобожденъ **С. Гурвичъ** взятый въ Симферополѣ на улицѣ по указанію Ѳеодос. хулигана, онъ привлекался по дѣлу Ѳеодос. демонстраціи.

Мелитополь Были тщательные обыски въ аптекѣ Райха и въ еврейской больницѣ. Арестованы служащіе въ аптекѣ Рай-Городецкій и Гринбергъ, М. Кацинъ и его сестра—гимназистка 6-го класса; рабочіе Я. и М. Венгеровы и Р. Бѣликова. При обыскѣ у сельскаго учителя Таричева найдена литература. Забрали дочь-гимназистку и одну учительницу. Былъ обыскъ у студента Глодовскаго. **Смоленскъ** Изъ арестованныхъ на рабочей сходкѣ 6-го августа оставленъ въ тюрьмѣ статистикъ Пилецкій. **Петербургъ**. Арест. Сологубъ и Вас. Травченъ.

Некрологъ Въ одномъ изъ городовъ юга, благодаря несчастной случайности, убитъ (при разрядѣ револьвера) товарищъ **Ю. Шехтманъ**. („Владимиръ Петровичъ“). Покойный въ 1899 году былъ арестованъ въ Харьковѣ за пропаганду среди рабочихъ, а затѣмъ, по выходѣ изъ тюрьмы, работалъ въ Полтавѣ, Одессѣ, Кіевѣ и др. городахъ. Послѣдніе мѣсяцы онъ завѣдовалъ техническими предпріятіями Ц. К-та, а послѣ Орг. Коммиссіи на югѣ и въ этой функціи оказалъ много услугъ партіи.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Такъ назыв. **Ключъ Дейча** отмѣняется. **Конорату**. Получили только № 1, 5 и обвинительный актъ. Спасибо! Писали вамъ два раза. Пришлите адресъ для переписки. **Петру Борисову**. Письмо получено. Пишемъ подробно. **Лязѣ**. Писали много разъ, очевидно, вашъ адресъ не годится. **Воронову**. Очевидно, на Вашу долю досталась только обертка письма. **Лео**. Шифра не разобрали. Какъ Вы его употребляете? **Читинскому, Самарскому, Иркутскому, Елизаветградскому, Харьковскому Комитетамъ**. Свѣдѣнія по опроснымъ листкамъ получены. **Варшав. Ком. В Р О.** Тоже. За недостаткомъ мѣста, отчетъ о Кубанск. конферен. откладывается до слѣдующ. №.

Присланные черезъ Л. Дейча отъ Гордина изъ Нью-Іорка 1028 фр. 25 с. (см. отчетъ Эмигрантской Кассы № 109) — въ пользу матросовъ „Потемкина“.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere, 27, Geneve.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 111. 24-го сентября 1905 г. Годъ V

ЛИБЕРАЛЬНЫЯ ИЗМѢНЫ.

Цѣлый рядъ фактовъ, происшедшихъ за послѣднее время, свидѣтельствуютъ о глубокомъ деморализованномъ состояніи, въ которомъ нынѣ находится либеральная оппозиція.

Положеніе о Государственной Думѣ не означало еще *практическаго* шага на пути къ миру между монархіей и либерализмомъ; но оно, несомнѣнно, знаменовало собой готовность самодержавія потолковать о такого рода шагахъ. Портсмутскій миръ, позорно заканчивающій позорную войну, еще не означаетъ укрѣпленія позиціи самодержавія; но этотъ миръ свидѣтельствуетъ о намѣреніи самодержавія собрать всѣ свои силы для борьбы съ революціей.

Буржуазный либерализмъ въ западно европейскихъ странахъ быстро начиналъ измѣнять народу, какъ только хотя бы слегка прикасался къ государственной власти. Буржуазный либерализмъ русскій отличается тѣмъ, что совершаетъ измѣнническія дѣянія въ счетъ будущаго, довольствуясь однимъ раздраженіемъ обонянія, предвкушеніемъ будущаго насыщенія. Недаромъ этотъ либерализмъ любитъ щеголять своимъ „идеализмомъ."

Буржуазный либерализмъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ объявилъ бойкотъ самодержавію въ цѣломъ рядѣ поприщъ, въ которыхъ бюрократія предлагала ему совмѣстныя дѣйствія подъ своею опекой. Необходимость бойкота вызывалась резоннымъ опасеніемъ, что сотрудничество съ самодержавіемъ на этихъ поприщахъ скомпрометируетъ либерализмъ, сдѣлавъ его пособникомъ и попустителемъ самодержавія. Въ настоящее же время замѣчается возвращеніе видныхъ группъ буржуазіи на покинутыя позиціи, фатально приводящее ихъ къ положенію союзниковъ самодержавія.

Либеральные промышленники, отказавшіеся въ свое время участвовать въ коммиссіи Коковцева по рабочему вопросу, теперь обращаются къ тому же Коковцеву съ жалобой на отсутствіе „мѣропріятій" по рабочему вопросу и выслушиваютъ отъ него насмѣшливое напоминаніе, что пріостановка работъ коммиссіи произошла по желанію самихъ представителей промышленности, считавшихъ ея засѣданія безполезными. Министръ финансовъ при этомъ заявляетъ, что онъ, съ своей стороны, готовъ возобновить совмѣстную работу, прерванную отказомъ фабрикантовъ.

А рядомъ съ этой поѣздкой столичныхъ промышленниковъ въ Каноссу, ихъ бакинскіе товарищи, нѣсколько разъ торжественно обѣщавшіе бакинскому пролетаріату поддержку его политическихъ требованій, нынѣ, послѣ грандіознаго избіенія армянъ, подмѣняютъ свои прежнія требованія объ организаціи милиціи, объ удаленіи полицейскихъ, устроителей погромовъ, о введеніи свободы организацій—требованіемъ высылки „неблагонадежныхъ", усиленія военнаго гарнизона и... „воспособленія" изъ народныхъ денегъ на возмѣщеніе убытковъ, вызванныхъ разгуломъ царскихъ башибузуковъ.

Прибавимъ къ этому, что та-же армянская буржуазія, которая царитъ въ Баку, въ другомъ мѣстѣ—въ Асхабадѣ,—обсуждая, вмѣстѣ съ магометанскими своими конкуррентами, вопросъ о предотвращеніи въ Закаспійской области національной рѣзни, начинаетъ съ ходатайства передъ властями о выселеніи неблагонадежныхъ политически элементовъ обоихъ народовъ.

Но что говорить объ „аршинникахъ" всероссійскаго купечества! Мѣра ихъ гражданскаго мужества никогда не считалась чрезвычайной. Обратимъ же свои взоры къ буржуазіи землевладѣльческой, къ центральной группѣ отечественныхъ либераловъ.

Такъ называемая „общеземская" организація рѣшила дѣло помощи голодающимъ крестьянамъ вести *совмѣстно съ царскимъ „Краснымъ Крестомъ"*.

Бойкотъ—и всесторонній бойкотъ—Краснаго Креста сталъ однимъ изъ лозунговъ либерализма и демократіи, какъ протестъ противъ постояннаго стремленія самодержавія связать по рукамъ и ногамъ всякую общественную самодѣятельность въ сферѣ „филантропіи". Отказъ отъ этого бойкота со стороны земскихъ либераловъ означаетъ важную уступку, сдѣланную ими самодержавію. Какими же соображеніями вызвана эта уступка? Ужъ не тѣмъ ли расчетомъ, что совмѣстная съ Краснымъ Крестомъ организація этого дѣла позволитъ поправить дѣла „стѣсненныхъ" землевладѣльцевъ на мѣстахъ?

Но характернѣе и знаменательнѣе всѣхъ этихъ маленькихъ и грязненькихъ измѣнъ та, которую практикуютъ теперь по всей линіи г.г. профессора. Съ поразительнымъ единодушіемъ они перебѣжали на сторону самодержавія, какъ только почуяли запахъ чечевичной похлебки „автономіи", пожалованной имъ „временными правилами" 27 го августа.

Революціонное студенчество очень единодушно пошло по пути, на который указывала „Искра" въ № 106: по пути замѣны пассивнаго бойкота высшихъ учебныхъ заведеній открытымъ пріобщеніемъ ихъ къ народному революціонному движенію. Резолюціи студентовъ Петербурга, Москвы, Кіева и Томска одинаково провозглашаютъ необходимость вновь раскрыть двери высшихъ учебныхъ заведеній съ цѣлью превращенія послѣднихъ въ „революціонныя трибуны".

Бойкотъ учебныхъ заведеній сыгралъ ту положительную роль, которую онъ, вообще, могъ выполнить. Студенчество произвело внушительную демострацію и внесло свою долю въ дѣло дезорганизаціи правительственнаго механизма. Профессорскія корпораціи были вынуждены примкнуть къ студенческому движенію. Дальнѣйшее революціонизирующее дѣйствіе бойкота не предвидѣлось: правительство и общество приспособились къ такому явленію, какъ закрытіе учебныхъ заведеній. Естественно, поэтому, что студенчество охотно сняло бойкотъ, чтобы той же политической цѣли добиваться новыми средствами, соотвѣтствующими тому росту революціоннаго движенія, который отмѣчаетъ собой протекшій годъ.

Студенческая забастовка была вызвана всей совокупностью политическаго безправія, тяготѣющаго надъ Россіей, послѣднимъ же толчкомъ, распространившимъ ее на всѣ высшія учебныя заведенія, была бойня 9-го января. Присоединившись въ то время къ студенческой забастовкѣ, профессора выдвигали, мотивируя ее, тѣ же самыя соображенія объ общемъ политическомъ положеніи и о невозможности „спокойныхъ" занятій въ разгарѣ граж[illegible]ской войны.

Въ настоящее время, какъ только профессорамъ обѣщано [illegible]треннее самоуправленіе ихъ коллегіи, они заговорили инымъ [illegible]комъ.

Лейбъ-органъ профессорскаго „сословія"—„Русс. Вѣдомости" № отъ 7-го сентября заявляетъ:

„Если большинство студенчества и выскажется въ пользу за[illegible]й и высшія учебныя заведенія начнутъ функціонировать, то [illegible]держаніе правильнаго хода учебной жизни будетъ существен[illegible] обусловливаться готовностью самихъ студентовъ тому содѣй[illegible]вать". Расписывая далѣе, тѣ идиллическія отношенія, кото[illegible], благодаря „автономіи", воцарятся между студентами и профессорами, какъ старшими и младшими членами академической корпораціи", профессорскій органъ приглашаетъ студентовъ свободно высказывать свои пожеланія профессорамъ. „Но при всѣхъ этихъ пожеланіяхъ и заявленіяхъ необходимо считаться съ основными задачами и условіями дѣятельности высшихъ учебныхъ заведеній и умѣть разумно согласовать желательное съ возможнымъ. Въ академическихъ стѣнахъ можетъ, напримѣръ, быть осуществлена широкая свобода собраній, но при условіи что это будутъ собранія студенческія; университетъ не можетъ и не долженъ быть мѣстомъ для публичныхъ митинговъ. Студенты въ цѣломъ и въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, должны сознать, что каковы бы ни были политическія убѣжденія каждаго въ ихъ средѣ, они нравственно (!!) обязаны, находясь въ стѣнахъ своего учебнаго заведенія, имѣть въ виду, прежде всего, интересы общіе для всей корпораціи, *не допуская такихъ коллективныхъ стремленій и проявленій, которыя грозятъ подвергнуть риску существованіе университета.* (Курсивъ нашъ). Юношеская способность къ увлеченію должна умѣряться разумнымъ мышленіемъ.... Академическая корпорація, профессора и студенты, должны общими усиліями поддерживать и укрѣплять этотъ корпоративный духъ ограждать отъ постороннихъ вліяній достоинство университета, и осуществлять въ немъ принципы свободы и правопорядка".

Благоуханіе полицейскаго участка, которымъ отдаетъ отъ всей этой пошлой тирады, яснѣе яснаго покажетъ студенчеству, какого рода „старшихъ братьевъ" оно встрѣтитъ, вернувшись въ университеты, въ лицѣ своихъ просвѣщенныхъ наставниковъ. Продажныя твари, не успѣвшія еще смыть позора тѣхъ дней, когда онѣ отдавали, по приказу Боголѣпова, студентовъ въ солдаты, теперь спѣшатъ отречься отъ политическихъ обязательствъ, данныхъ ими студенчеству полгода назадъ; спѣшатъ за льготы, полученныя ихъ группой, *продать* то самое студенчество, которое своей кровью, своими жертвами завоевало имъ нѣкоторую свободу отъ полицейскаго вмѣшательства въ ихъ корпоративныя дѣла. Они спѣшатъ расписаться въ томъ, что принимаютъ новую „реформу" въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ ее затѣяло самодержавіе: они берутъ, за круговой отвѣтственностью, на себя то дѣло обузданія революціоннаго студенчества, которымъ до сихъ поръ занималось полицейское вѣдомство. Вчера еще они говорили, что свободный университетъ возможенъ только въ свободномъ государствѣ; сегодня они берутся доказывать, что освобожденный отъ *нѣкоторыхъ формъ* полицейскаго порабощенія университетъ долженъ жить въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни, ограждая себя отъ всякихъ „постороннихъ вліяній". Вчера еще протестовали противъ недопущенія евреевъ и „неблагонадежныхъ" въ высшія школы; сегодня они требуютъ отъ студентовъ, чтобы они не впускали въ аудиторіи никого изъ „постороннихъ" (распоряженіе „автономной" московской профессорской коллегіи). Вчера они на засѣданіяхъ своихъ корпорацій, вопреки закону, занимались составленіемъ политическихъ резолюцій; сегодня они требуютъ, чтобы студенты, *согласно закону*, не занимались на собраніяхъ своей корпораціи такими вопросами, за которое начальство можетъ разсердиться на университетъ.

Во главѣ этого предательскаго похода профессоровъ поспѣшилъ стать Максимъ Ковалевскій, обратившійся съ воззваніемъ къ студентамъ о прекращеніи „безпорядковъ". Г-нъ М. Ковалевскій давно уже показалъ, что онъ, даже находясь въ опалѣ, умѣетъ заботиться о своей карьерѣ. Въ открытомъ имъ въ Парижѣ „вольномъ" университетѣ онъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, исправлялъ функціи полицейскаго наблюдателя in partibus infidelium за благонадежностью студенчества и за тѣмъ, чтобы оно своимъ поведеніемъ не огорчало посольской полиціи въ Парижѣ а вначалѣ русско-японской войны онъ счелъ удобнымъ поправить свою собственную репутацію „неблагонадежнаго" шовинистическимъ выступленіемъ въ печати противъ Японіи за царское правительство. Теперь наканунѣ выставленія своей кандитатуры въ Думу, этотъ безпринципный карьеристъ вылѣзаетъ въ роли „умиротворителя" студентовъ, рядомъ съ гг. Гольцевымъ и Карѣевымъ, которые изъ всѣхъ силъ стараются доказать, что не „шкурныя" соображенія диктуютъ профессорамъ ихъ позорное поведеніе. О, конечно, не шкурныя въ томъ смыслѣ, чтобы эти господа, предавъ студентовъ, въ самомъ дѣлѣ, получили отъ этого предательства значительныя выгоды! Нѣтъ! Когда они осуществятъ это предательство, самодержавіе на ихъ шкурѣ покажетъ имъ, что они измѣнили слишкомъ рано...

Въ № 76 „Освобожденія", нѣкій „членъ Академическаго Союза" „принципіально протестуетъ" противъ тактики, которую „Искра" предложила студентамъ. Осуществленіе ея, говоритъ профессоръ, „въ окончательномъ счетѣ ведетъ къ разгрому высшаго образованія не хуже мѣропріятій храбраго генерала" (Глазова). Это, замѣтьте, заявляетъ человѣкъ, который нѣсколькими строками выше утверждаетъ, что, хотя большинство профессоровъ является „политиками по неволѣ", но общая позиція этого большинства состоитъ въ признаніи „неотложной необходимости коренной реформы существующаго строя", какъ необходимаго условія самого функціонированія высшихъ учебныхъ заведеній. Но, если безъ коренной политической „реформы" функціонированіе университетовъ является какъ бы фиктивнымъ, то что значитъ это безпокойство по поводу могущаго, якобы, послѣдовать „разгрома" высшей школы? Видимое противорѣчіе вполнѣ разрѣшается заявленіемъ профессора, что академическій союзъ „долженъ отстаивать интересы и существованіе высшаго образованія, *какъ отъ посягательствъ полицейскаго самодержавія, такъ и отъ увлеченія боевой революціонной пропаганды*" (курс. нашъ). Спасибо за откровенность! Пусть студенчество вникнетъ въ эти слова и, съ ихъ точки зрѣнія, оцѣнитъ нынѣшнюю позицію профессоровъ. Когда то они и ихъ либеральные сотоварищи въ прессѣ разъяснили студентамъ, что борьба правительства и реакціонеровъ противъ студенческой „политики" есть тоже проявленіе опредѣленныхъ *политическихъ* интересовъ, и именно интересовъ реакціонныхъ; что формула „чисто академическіе интересы" прикрывала стремленіе обратить университеты въ оплотъ полицейскаго порядка. Теперь студенты могутъ видѣть, что и новѣйшіе лозунги профессорскаго либерализма являются проведеніемъ *опредѣленной партійной политики*, политики умѣреннаго либерализма, озабоченнаго борьбой противъ „боевой революціонной пропаганды". На первыхъ своихъ сходкахъ студенчество высказалось противъ умѣренно-„либеральной" политики; оно съумѣетъ, мы увѣрены, отбить всякія репрессіи со стороны измѣнниковъ профессорскаго либерализма.

Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ репрессіямъ, профессора пробуютъ „попугать" студентовъ... собственной забастовкой. Въ Петербургскомъ Политехникумѣ они объявили, что выйдутъ въ отставку (см. „Наша Жизнь" отъ 13 сентября), если студенты примутъ проэктированную ими резолюцію о предоставленіи студенческихъ аудиторій для народныхъ митинговъ. Несмотря на угрозу, студенты приняли резолюцію, хотя и съ ненужнымъ смягченіемъ (предоставленіе подъ митинги не аудиторіи, а зданія общежитія), но, по существу, столь же непріятную профессорамъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе не поспѣшили исполнить свою угрозу.

Борьба студенчества противъ вооруженныхъ „автономіей" профессоровъ-укротителей революціоннаго движенія становится абсолютно необходимой, если студенчество не желаетъ содѣйствовать одной изъ либеральныхъ группъ въ совершеніи теперь же измѣны освободительному движенію. Бороться съ этими тенденціями, значитъ, держаться той программы дѣйствій, которая большинствомъ студентовъ принята при возобновленіи занятій,—вплоть до образованія упомянутыхъ въ резолюціи петербургскихъ студентовъ „академическихъ легіоновъ" для революціонной борьбы въ рядахъ народа. И для успѣха этой борьбы необходимо, чтобы революціонная часть студентовъ тѣсно примкнула къ организованному пролетаріату и его политической партіи — соціальдемократіи.

Расхожденіе между профессорами и студентами, и аналогичные факты, сопровождающіе тѣ явленія предательства другихъ группъ, о которыхъ говорено выше (расхожденіе бакинскихъ инженеровъ съ нефтепромышленниками, протестъ союза врачей противъ соединенія земцевъ съ краснымъ крестомъ) являются симптомомъ подготовляющагося формальнаго раскола въ либерально-демократической оппозиціи, [1] раскола, связаннаго съ Положеніемъ о Государственной Думѣ и съ прекращеніемъ войны, ослабившимъ надежды либерализма на быструю капитуляцію правительства. Ошибаются, конечно, тѣ, кто, подобно „Пролетарію" или „Сыну Отечества", пытаются изобразить „положеніе 6 августа", какъ побѣду умѣренной буржуазіи надъ народомъ, какъ результатъ *сдѣлки* между ней и монархіей. На самомъ дѣлѣ, 6 августа побѣждена именно умѣренная буржуазія, которой самодержавіе отказало въ минимальныхъ политическихъ уступкахъ. Но вѣрно то, что указъ 6 августа, въ связи съ прекращеніемъ войны, создалъ новое политическое положеніе, толкающее радикальные элементы „общества" къ болѣе активной тактикѣ, а его умѣренные элементы — къ реализаціи врожденныхъ имъ способностей къ „преждевременнымъ измѣнамъ". Дѣло пролетаріата позаботиться, чтобы новое положеніе принесло самодержавію новые и смертельные удары.

ЗЕМЦЫ И ВЫБОРЫ.[2]

Рѣшенія земскаго съѣзда сводятся къ *конституированію политической партіи*. Это тотъ путь легализаціи оппозиціи, на который я указывалъ въ № 110 „Искры".

Съѣзду земцевъ, какъ и предыдущимъ съѣздамъ юристовъ, инженеровъ etc., давно уже слѣдовало противопоставить *съѣздъ рабочихъ*. Если бы намъ даже не удалось по полицейскимъ условіямъ осуществить этотъ съѣздъ, то уже агитація за него, которую къ тому же можно было бы въ значительной мѣрѣ вести черезъ легальную прессу, сыграла бы большую роль въ смыслѣ пробужденія классоваго политическаго сознанія рабочихъ. Эта агитація вмѣстѣ съ тѣмъ расширила и углубила бы *идейную связь* между нами и рабочими. Въ настоящее время нужно, не медля ни минуты, противопоставить избирательнымъ организаціямъ, избирательной программѣ и избирательной агитаціи земской партіи — рабочія организаціи, соціальдемократическую избирательную программу и соціальдемократическую агитацію.

Прежде всего надо повсюду собрать рабочія собранія. Нелѣпо полагать, что во время революціи примѣнима только схватка съ войсками. Надо собраться вооруженными, чтобы защитить себя въ случаѣ нападенія. Но оставаться спокойными, разъ полиція не будетъ мѣшать. На этихъ собраніяхъ раскрыть классовой характеръ избирательнаго права и классовой характеръ земской оппозиціи. Закончить выборами рабочихъ представителей для защиты интересовъ рабочихъ во время выборовъ.

Если выборныхъ арестуютъ, устраивать демонстраціи, бунты, нападенія на тюрьмы и полицію. Требовать поддержки въ этой борьбѣ отъ земской партіи и, въ частности, отъ ея мѣстныхъ избирательныхъ комитетовъ. Въ агитаціи указывать на разное отношеніе правительственной власти къ буржуазнымъ и къ рабочимъ представителямъ.

Заставляли же рабочіе царское правительство терпѣть ихъ представителей при стачкахъ, — заставятъ они его также терпѣть ихъ политическихъ представителей.

Важно уже то, чтобы рабочіе вели самостоятельную борьбу противъ полиціи, за себя, за своихъ представителей, а не только по сочувствію интеллигентамъ-соціальдемократамъ.

Для тѣхъ же цѣлей пользоваться собраніями избирателей и тѣми собраніями, которыя удастся организовать земцамъ. Можно, при случаѣ, эти собранія превратить въ рабочія и на нихъ произвести выборы.

До сихъ поръ мы были единственной народной партіей. Теперь земскій либерализмъ организуется какъ политическая партія, стремящаяся опереться на народъ. Онъ организуется широко и откровенно. Мы должны бороться противъ него. Но бороться противъ него мы можемъ только, дискредитируя его политическое прошлое и его классовыя связи, а не тѣмъ, что противопоставимъ его политическимъ идеямъ — силу кулака, хотя бы это и былъ кулакъ рабочаго.

Намъ надо заставить либераловъ дебатировать съ нами передъ лицомъ народныхъ массъ.

Критикуя земскій либерализмъ, мы не должны упускать изъ виду политическія стремленія другихъ общественныхъ слоевъ и политику правительства. Борясь противъ либерализма, не нужно забывать борьбы противъ реакціонныхъ силъ, стоящихъ на пути революціи. Для борьбы съ ними намъ нужно толкать впередъ либерализмъ. Мы этого опять таки достигаемъ своей критикой.

Широкую агитацію нужно развить, чтобы оказать давленіе на кандидатовъ, которыхъ выставляетъ земская партія. Надо звать ихъ на народныя собранія. Надо массы водить къ нимъ и заставить ихъ передъ народомъ признать опредѣленныя политическія требованія и обязаться защищать эти требованія. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Если они своихъ политическихъ обязательствъ не выполнятъ, это усилитъ нашу классовую агитацію. Поскольку либералы борятся съ реакціей и съ правительствомъ, они входятъ въ линію нашей борьбы и, слѣдовательно, силою вещей пользуются нашей поддержкой. Поскольку они революціонны, они борятся заодно съ нами.

---

[1] Кстати сказать, какъ видитъ читатель, рѣшающимъ моментомъ въ этомъ раздѣленіи является не вопросъ „бойкотъ или не бойкотъ"? по отношенію къ правительственнымъ „реформамъ", а вопросъ: приспособленіе къ „реформамъ" или революціонная борьба при помощи тѣхъ „зацѣпокъ", которыя правительству приходится допускать при дарованіи реформъ?

[2] Рекомендуя читателямъ эту статью тов. Парвуса, мы обращаемъ вниманіе, на, печатающуюся въ этомъ же №, резолюцію Южно-русской конференціи о рабочемъ съѣздѣ. Еще до Южной конференціи идею рабочаго съѣзда, въ связи съ созывомъ Государственной Думы, выдвинулъ Пав. Бор. Аксельродъ въ подробномъ письмѣ къ одному товарищу изъ Организаціонной Коммиссіи, съ которымъ мы вскорѣ ознакомимъ товарищей. *(Рв)*

Главная задача рабочихъ — завоевать себѣ положеніе на политической аренѣ. Нельзя намъ оставаться всторонѣ. Да и невозможно. Ибо рабочіе уже вошли въ политическую жизнь страны. Если мы будемъ стоять всторонѣ, рабочіе пройдутъ мимо насъ.

До сихъ поръ мы все только обращались къ рабочимъ. Нужно научиться говорить *отъ имени рабочихъ*. Мы должны стать глашатаями русскаго пролетаріата и во всѣхъ явленіяхъ политической жизни провозглашать его интересы и ставить его требованія къ партіямъ и правительству.

И еще одно! Выборы и земская агитація подымутъ *крестьянство*. Передъ нами непосредственная задача — широкой агитаціи по деревнямъ.

Парвусъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Нынѣшній осенній сезонъ начинается при исключительныхъ условіяхъ. Близость выборовъ въ Государственную Думу заставила и оппозицію и отчасти и революцію поторопиться возвращеніемъ „съ дачи“ и сразу пустить полнымъ ходомъ скрипучую машину общественной жизни. Никогда еще русская политическая мысль не работала такъ напряженно, никогда еще различныя общественныя группы не чувствовали громадной практической важности каждаго намѣченнаго шага, который легко можетъ стать непоправимымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда еще не обнаруживалось такъ ярко все жалкое безсиліе шаблонныхъ фразъ о необходимости единства всѣхъ прогрессивныхъ силъ Россіи и чувствительныхъ призывовъ къ забвенію междоусобныхъ распрей предъ великой задачей преобразованія самодержавно-бюрократическаго режима въ правовой, какъ теперь. То глубокое и непримиримое противорѣчіе интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, на которыя постоянно указывали соціальдемократы, становится въ настоящее время очевиднымъ фактомъ для самыхъ непроницательныхъ приверженцевъ внѣклассовой и надъ классовой политики. Общественныя группы, еще недавно братски сливавшіяся въ туманѣ расплывчатыхъ резолюцій и неопредѣленныхъ „платформъ“, уже вступаютъ въ оживленную перестрѣлку и готовятся къ открытой войнѣ. Всѣ политическія группировки, сложившіяся весною, находятся наканунѣ коренныхъ измѣненій. Въ дальнѣйшихъ письмахъ я постараюсь отмѣчать поучительную эволюцію нашихъ политическихъ теченій по мѣрѣ ликвидаціи абсолютизма. Но, чтобы эта эволюція была болѣе понятна и ясна читателямъ, необходимо, прежде всего, хотя въ бѣглыхъ чертахъ охарактеризовать тѣ позиціи, которыя занимали различныя общественныя группы къ началу нынѣшней осени.

Прошедшая весна была эпохой энергичной и бурной мобилизаціи русской демократіи. Всевозможные союзы, собранія и съѣзды захватывали самые дѣвственные черноземные пласты русскаго общества. Дѣятели союзнаго движенія были поистинѣ собирателями русской земли въ ея буржуазной части. Правда, они думали быть собирателями всей русской земли безъ различія классовъ, но эта химерическая задача немедленно была разбита жизнью. При всѣхъ стараніяхъ объединить политически мыслящіе элементы населенія на такихъ общихъ формулахъ, которыя никого бы не задѣвали и давали всякому возможность вложить въ нихъ собственное содержаніе, союзы должны были въ первые же моменты своей жизни рѣшительно и безповоротно покончить съ *пролетарскимъ* соціализмомъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и включили въ свои программы туманныя заявленія о необходимости поддерживать угнетенныя трудящіяся массы. Но ни одинъ изъ союзовъ не могъ и не хотѣлъ признать рабочихъ, какъ классъ, преслѣдующій свои собственныя политическія и экономическія задачи. Дѣло доходило до того, что когда на всероссійскомъ съѣздѣ журналистовъ (въ началѣ апрѣля) группа литераторовъ-соціальдемократовъ провела въ программу пунктъ, по которому союзъ долженъ былъ оказывать содѣйствіе борьбѣ рабочаго класса за его политическое и экономическое освобожденіе, то профессоръ Милюковъ заявилъ, что онъ поставленъ въ необходимость выйти изъ союза, такъ какъ онъ, Милюковъ, не соціальдемократъ и, вообще, не соціалистъ. Другой членъ съѣзда, видный и очень радикальный дѣятель земской оппозиціи Колюбакинъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ союза послѣ того, какъ соціальдемократы провели резолюцію о немедленномъ введеніи восьми часового рабочаго дня. „Эти господа, — сказалъ онъ, — требуютъ введенія восьми часового рабочаго дня не только для промышленныхъ, но и для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Помилуйте! Вѣдь, такимъ образомъ, у меня останутся неубранными покосы! Кромѣ того, какой же союзъ мы можемъ заключать съ ними, когда завтра же мы будемъ выступать на народныхъ собраніяхъ въ качествѣ непримиримыхъ противниковъ. Я — практикъ, и, какъ практикъ, не понимаю и не допускаю такого союза“. Подъ вліяніемъ подобныхъ заявленій союзъ журналистовъ рѣшилъ вычеркнуть изъ программы всю соціально-экономическую часть и остаться только при общей формулѣ о необходимости замѣны абсолютизма правовымъ государствомъ.

Такое гильотинированіе программы вызвало лишь одно заявленіе протеста, тотчасъ же взятое, однако, обратно. Приблизительно въ тѣхъ же расплывчатыхъ общихъ формулахъ составлены были и программы другихъ союзовъ. Повсюду интересы пролетаріата, какъ класса, не получили признанія. Естественно, что представители рабочей партіи должны были отколоться отъ буржуазно-демократическихъ организацій, становившихся крѣпостью противниковъ самостоятельнаго пролетарскаго движенія. Образованіе союзовъ провело, такимъ образомъ, рѣзкую черту между сторонниками пролетарскаго соціализма и буржуазной демократіей, склонной, въ лучшемъ случаѣ, къ соціально-реформаторскимъ заплатамъ капиталистическаго строя.

Пролетарскій соціализмъ и демократическая республика — съ одной стороны, соціальное реформаторство и правовое государство — съ другой, — вотъ что стало опредѣлять политическую позицію каждаго человѣка со времени образованія союзовъ. Кто же остался по одну и кто по другую сторону черты? Здѣсь то и выяснилась классовая подоплека различныхъ общественныхъ группъ. На лѣвой остались только соціальдемократы, на правой — вся либеральная и демократическая оппозиція и... соціалисты-революціонеры. Они вошли въ союзы, которые, одинъ за другимъ, примкнули къ союзу освобожденія. При этомъ, разумѣется, соціалисты-революціонеры утратили послѣдніе слѣды соціализма и даже политическаго радикализма. Они растворились въ союзѣ освобожденія, такъ что освобожденцы съ гордостью называли на публичныхъ собраніяхъ свой союзъ партіей англійскаго типа, т. е. такого типа, при которомъ, въ противоположность нѣмецкому, въ партійной организаціи объединяются люди различныхъ соціально-политическихъ взглядовъ. Конкретнымъ результатомъ англофильства нашихъ политическихъ противниковъ было полное исчезновеніе соціалистовъ-революціонеровъ, какъ самостоятельной политической группы, съ политической сцены. Они потеряли личность, какъ говорятъ китайцы.

Во время многочисленныхъ, почти ежедневныхъ собраній прошлой весны не было случая, когда соціалисты-революціонеры выступили бы въ качествѣ представителей особой политической линіи. Всегда и во всемъ они поддерживали освобожденцевъ противъ соціальдемократовъ, причемъ очень часто поддерживали самые правые отсталые элементы оппозиціи, возбуждая ропотъ даже на освобожденской лѣвой. Мертвая петля блока не давала соціалистамъ-революціонерамъ уклониться ни на одну линію отъ освобожденскаго русла, и каждое голосованіе было торжествомъ соединенной „партіи англійскаго типа“ надъ партіей рабочаго класса. При этомъ, соціалисты-революціонеры не стѣснялись даже „проэктомъ“ своей программы и поддерживали освобожденцевъ даже тогда, когда послѣдніе въ той или иной формѣ проваливали соціальдемократическія резолюціи о демократической республикѣ или тогда, когда освобожденцы посылали привѣтствія земскимъ съѣздамъ, написанныя туманнымъ стилемъ манифестовъ Николая II. Только во время этой весенней кампаніи можно было оцѣнить столь часто возбуждавшую неудовольствіе мягкосердечныхъ людей резолюцію II съѣзда партіи о соціалистахъ-революціонерахъ. Плохіе соціалисты и плохіе буржуазные революціонеры, они путались подъ ногами у послѣдовательныхъ политическихъ партій и мѣшали всѣмъ, поскольку либералы не успѣвали обратить ихъ въ домашнихъ животныхъ. Но либералы охотно мирились съ маленькими неудобствами союза. Соціалисты-революціонеры лишились политическаго значенія и перестали, въ сущности, быть политической партіей но они остались, какъ „боевая организація“ интеллигенціи. Разорвавъ съ пролетаріатомъ, боевая организація стихійно была отброшена къ либераламъ и стала служебнымъ органомъ оппозиціи. Оппозиція получила, наконецъ, возможность тономъ хозяина говорить правительству: уступи *намъ*, а то *они* будутъ стрѣлять. Этимъ объясняется тотъ значительный притокъ денежныхъ средствъ и тотъ ростъ интеллигентскихъ симпатій, которыми съ нѣкоторымъ основаніемъ хвалятся теперь соціалисты-революціонеры.

Такимъ образомъ, къ лѣту этого года въ Петербургѣ мы наблюдали только два лагеря. Въ одномъ расположились всѣ оттѣнки либерально-демократической оппозиціи съ боевой организаціей въ качествѣ исполнительнаго органа, въ другомъ—соціальдемократы. Безъ сомнѣнія, въ первомъ лагерѣ были огромныя разногласія. Но моментъ историческаго развитія способствовалъ сліянію, а не распаденію буржуазіи, и она преодолѣвала всѣ тренія, чтобы двигаться впередъ сплоченной массой противъ самодержавія и противъ пролетаріата.

Борьба этихъ двухъ лагерей и составляетъ содержаніе политической жизни Петербурга въ теченіе истекшей весны. На содержаніи борьбы я не буду останавливаться: она извѣстна читателямъ. Теперь борьба вливается въ новыя формы. Законъ о Государственной Думѣ раскололъ „партію англійскаго типа“ на составныя части. Еще немного, и она превратится въ аморфную массу; отдѣльные атомы которой снова соберутся затѣмъ въ новыя политическія тѣла. Процессъ этого образованія и составитъ содержаніе моихъ дальнѣйшихъ писемъ.

Н. И.

Наши злоключенія.[1]

II. О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціальдемократіи

9.

Чтобы представить читателю культъ революціонера по профессіи въ его наиболѣе законченномъ видѣ, мнѣ пришлось въ предъидущемъ остановиться на потускнѣвшихъ страницахъ потерявшаго теперь свою публицистическую свѣжесть „Что дѣлать“ заставляя безъ конца дефилировать въ наше подвижное и богатое величайшими событіями время его, казалось бы, совсѣмъ не современные аргументы, его лишенныя актуальности построенія. Спрашивается, нужно ли было производить эту почти археологическую работу?

Я думаю, что — да. Несмотря на всѣ трещины, которыя революція успѣла образовать въ подпольѣ и на проникшій черезъ нихъ свѣжій воздухъ простора, культъ группового интеллигентскаго „я“ продолжаетъ оставаться до сихъ поръ идеологическимъ центромъ, отъ котораго обычно отправляются организаціонныя и тактическія идеи интеллигенціи и который своей тяжестью давитъ на все ея общественное міровоззрѣніе. Тѣмъ болѣе основанія изучать этотъ культъ тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ еще былъ безпримѣсно чистъ, гдѣ и когда онъ являлся еще классическимъ въ своемъ выраженіи. А это было лишь вначалѣ 1900-хъ годовъ, въ писаніяхъ тогдашняго Ленина.

Чѣмъ классикъ отличается отъ вульгарнаго представителя ученія?—своей непосредственной цѣльностью, незамутненною вѣрою въ правоту своей мысли, отсутствіемъ ощущенія растущаго разлада между „планомъ“, сложившимся въ его головѣ, и направленіемъ соціальнаго развитія. У кружковой интеллигенціи только въ моментъ ея первоначальнаго выступленія на путь профессіонально-революціоннаго строительства и могли быть эта вѣра и эта цѣлостность. Только тогда этотъ путь разстилался передъ нею открытымъ, убѣгая въ заманчивую даль, не провѣренный опытомъ, только тогда ей и казалось дѣйствительно, что революціонеръ все можетъ, и это не было звенящимъ бахвальствомъ съ ея стороны, потому что подлинная практика жизни и борьбы находилась еще вся впереди и не могла собою засвидѣтельствовать всей предѣльности, всей вопіющей ограниченности „профессіонально-революціонныхъ“ возможностей. Наоборотъ, картина мелькавшихъ одно за другимъ текущихъ событій говорила какъ будто о противномъ, и вся конъюнктура того времени складывалась точно для того, чтобы убѣдить интеллигенцію въ раціональности этого культа. Въ самомъ дѣлѣ, стихія интеллигентскаго революціонизма только что передъ тѣмъ съумѣла пробиться на авансцену исторіи — въ образѣ студента-протестанта, привлекая къ себѣ всенародное вниманіе, и накладывая печать на проявленія даже пролетарскаго движенія. Студентъ, такъ недавно еще занимавшій у рабочаго стачку, какъ форму борьбы, давалъ теперь реваншъ тому же рабочему, беря въ демонстраціяхъ

---

[1] См. Искру №№ 78 98, 106, 107.

ПОСЛѢ ВОЙНЫ.[1]

Война кончена. Теперь всѣ силы страны будутъ обращены на внутреннее переустройство. Ликвидируется старая Россія. Формируются партіи. И изъ ихъ борьбы съ правительствомъ и изъ ихъ взаимной борьбы сложится парламентская Россія. Къ этому процессу мы должны примѣнить свою тактику. Мы были бы политическими фаталистами и обречены на застой, а это значитъ на политическое вымираніе, если бы упустили изъ виду что намъ необходимо ревизовать и измѣнять свои пріемы и формы борьбы, свою агитацію и организацію сообразно съ развитіемъ политическихъ условій.

Посмотримъ же, что сдѣлала соціальдемократія въ тревожное время войны и что дали ей эти два года безпрерывнаго революціоннаго броженія. Для этого нужно прежде всего освѣтить положеніе партіи къ началу войны и во время войны.

Война застала соціальдемократію врасплохъ. Но, если бы она даже ждала войны, если бы она была подготовлена къ ней, если бы въ ней не было никакихъ организаціонныхъ изъяновъ, если бы она была централизована и если бы тактическіе споры разрѣшались борьбой мнѣній въ самой партіи, не задерживая и не дробя ея политической жизнедѣятельности, то все же россійская соціальдемократія, какъ она выработалась на почвѣ полнаго политическаго безправія, навѣрное оказалась бы не въ состояніи руководить поднявшимися массами. Стихійный процессъ революціонизированія массъ при этихъ условіяхъ шелъ гораздо быстрѣе сознательной работы агитаціи. А когда война сразу подняла весь пролетаріатъ, то ячейки организацій даже въ лучшемъ случаѣ только оказались въ состояніи стягивать къ себѣ болѣе или менѣе значительныя теченія, но совершенно не въ силахъ связать во-едино весь могучій потокъ. Это тѣмъ менѣе удалось, что сами организаціонныя ячейки не были между собой достаточно связаны, что партія не была централизована.

Повидимому, при отсутствіи элементарныхъ политическихъ правъ, въ особенности вначалѣ движенія, болѣе или менѣе сильныя и устойчивыя организаціи рабочихъ возможны только на профессіональной почвѣ. Историческій примѣръ такой возможности намъ даетъ Англія, гдѣ, вначалѣ прошлаго столѣтія, трэдъ-юніоны развивались при политическихъ преслѣдованіяхъ не меньшихъ, чѣмъ въ Россіи, Мы видимъ къ тому же, что даже въ Россіи правительство оказалось принужденнымъ раскрыть нѣсколько возможность внѣполитической организаціи рабочихъ. Примѣры политическихъ массовыхъ организацій рабочихъ при отсутствіи права сходокъ etc. намъ неизвѣстны. Въ Германіи соціальдемократію, какъ массовую рабочую партію, впервые создалъ Лассаль на легальной почвѣ, когда къ 60-мъ годамъ въ Пруссіи реакція смѣнялась болѣе либеральнымъ режимомъ. Исключительный законъ 1878 года въ Германіи разрушилъ организаціи рабочихъ, политическія и профессіональныя, уничтожилъ прессу и сильно затруднилъ агитацію. Но онъ все же оставилъ возможность широкой, легальной организаціи рабочихъ въ связи съ парламентскими выборами, а вскорѣ рабочая пресса опять поднялась и образовала могучій организаціонный ферментъ. У насъ приверженцы экономической борьбы вполнѣ вѣрно оцѣнили значеніе организаціи на почвѣ непосредственной борьбы рабочихъ съ фабрикантами. Но они упустили изъ виду политическое развитіе Россіи, которое неотвратимо толкало на все болѣе интенсивную, открытую и широкую политическую борьбу, уже не говоря о томъ, что они самую политическую программу соціальдемократіи, охватывающую всю политическую жизнь страны, на дѣлѣ съузили до краткаго катехизма фабричной пропаганды. Начались политическія демонстраціи, которыя подняли массы, но отодвинули на задній планъ и отчасти даже задержали организаціонную работу. Выразителемъ этого новаго направленія явилась „Искра“. „Искра была первой политической газетой русской соціальдемократіи и, какъ таковая, сыграла значительную роль. Она вмѣстѣ съ тѣмъ стала концентраціоннымъ идейнымъ пунктомъ. Нѣкоторое время казалось поэтому, что такимъ образомъ удастся создать дѣйствительную политическую партію.

На провѣрку оказывается, что готовилась только централизованная заговорщическая интеллигентская организація. Это опредѣлилось той особой ролью, которую интеллигенція играетъ въ русской соціальдемократіи.

Приходится предпослать нѣсколько словъ о связи между соціализмомъ и рабочимъ движеніемъ. Рабочіе не создали соціализма. Соціализмъ продуктъ культурной работы мысли, носителемъ которой при классовомъ порядкѣ по преимуществу могла явиться только интеллигенція. Соціализмъ измѣнялъ свое содержаніе соотвѣтственно измѣненію общественныхъ формъ, такъ какъ философская мысль никогда не могла дать больше, какъ антитезу къ той дѣйствительности, среди которой она сама возникла. И вотъ, когда капитализмъ создалъ наиболѣе совершенное классовое господство, соціализмъ нашелъ въ трудахъ Сенъ-Симона, Оуэна, Фурье, Маркса, Энгельса свою самую совершенную историко-философскую формулировку. Борьба эксплуатируемаго класса противъ его притѣснителей также мѣняла свой характеръ и свои задачи, сообразно измѣненію общественныхъ формъ. Наконецъ, въ политической борьбѣ фабричнаго пролетаріата, она нашла свое самое полное и рѣшительное историческое выраженіе. Классовая борьба промышленнаго пролетаріата ведетъ — сознательно или безсознательно, — къ соціальной революціи. Но характеръ этого процесса, его историческая связь, его соотношеніе съ развивающимися экономическими съ борющимися политическими силами, его міровая роль, его политическія и культурныя перспективы, все это уяснено лишь философской работой мысли интеллигенціи, а для этого потребовалась не только преемственность идей соціальнаго переустройства, но полная революція научныхъ и политическихъ понятій, и развитіе естествознанія, и просвѣтительная философія, и гегелевская діалектика. Соціальдемократія соединила соціализмъ съ рабочимъ движеніемъ, послѣднее слово революціонной мысли людей съ послѣднимъ актомъ классовой борьбы. Такимъ образомъ, соціализмъ былъ поставленъ на реальную почву, а рабочее движеніе получило идейный директивъ. Напоминаю об этой связи, потому что на ряду съ вредной и нелѣпой опеко надъ рабочими въ русской интеллигентской средѣ замѣчаетс другая крайность слѣпого поклоненія интеллекту массъ. Раб чіе, конечно, не школьники, которымъ нужна указка учител они революціонная сила, которая самостоятельно ведетъ борьб Но, именно, поэтому они отлично чувствуютъ, что имъ недост етъ знаній, которыя освѣтили бы имъ ихъ политическій пут Кто же ждетъ отъ одного классоваго инстинкта рабочихъ бе ошибочнаго разрѣшенія всѣхъ политическихъ вопросовъ, то льститъ ихъ невѣжеству, порожденному классовымъ гнетомъ На самомъ дѣлѣ, даже развитая соціальдемократія Западно Европы стоитъ какъ разъ въ настоящій моментъ передъ задаче философскаго возрожденія, идейнаго революціонизированія дв женія.

Русская соціальдемократія искала органической связи съ р бочими, но она могла найти къ нимъ доступъ только черезъ среду революціонной интеллигенціи. Процессъ внесенія поли тическихъ идей въ рабочія массы шелъ путемъ пріобщенія и теллигенціи къ пролетаріату. Передъ русской соціальдемокра тіей были не просто отдѣльные идеологи, а цѣлый обществен ный слой, который революціонизировался самимъ политическим развитіемъ страны. Стихійный процессъ, превращавшій интелли генцію въ революціонеровъ, и сознательная пропаганда соціал демократіи, перерабатывавшая революціонеровъ въ соціалистов и направлявшая ихъ къ рабочимъ, смѣшались въ одно, но, име но, поэтому должны были создать внутренніе конфликты. Р бочая агитація и организація слѣдуютъ законамъ массовой кла совой борьбы, а интеллигенція, какъ общественный слой, ра виваетъ свои собственные агитаціонные и организаціонные пріем и свою собственную политическую логику.

На это противорѣчіе въ этой или другой формѣ неоднократно указывалось въ партійной литературѣ. Его анализировалъ Аксельродъ въ своихъ фельетонахъ. Плехановъ въ своемъ „Днев никѣ“ съ той же точки зрѣнія напечаталъ краснорѣчивую филиппику противъ интеллигенціи. Старовѣръ въ своихъ статьяхъ „Наши злоключенія“ далъ наиболѣе глубокую и художественную характеристику политической психологіи русской интеллигенціи Статьи эти навсегда останутся драгоцѣннымъ литературнымъ документомъ. Къ сожалѣнію, они значительно страдаютъ от того, что полемически заострены на относительно подчиненную вещь: организаціонную схему Ленина. Отъ этого онѣ теряютъ также въ своемъ вліяніи на умы. Полемика хорошая вещь и она подчинена законамъ политическаго момента. Быв времена, когда всего больше можно достичь полемикой, и гія, когда полемика больше приноситъ вреда, чѣмъ поль

Такое время мы именно теперь переживаемъ. Не изн жить, а понять другъ друга намъ надо. Суть не въ томъ ч открыть виноватаго, а въ томъ чтобы раскрыть тѣ общія при которыя создали и правыхъ и виноватыхъ, или, вѣрнѣе, сд всѣхъ виноватыми.

Интеллигенція индивидуалистична въ противополож пролетаріату, вся сила котораго въ массовой солидарности. выдвигаетъ героевъ и слѣдуетъ за героями, увлекаемая лич примѣромъ или подчиняясь личному вліянію. Ея преимущес вая форма борьбы нѣчто вродѣ казацкой лавы, американ raid'a, когда аттака производится сообща, но разрозненным иниціативную руководящую роль. Мнѣ уже приходилось однажды говорить о томъ огромномъ вліяніи, которое оказалъ этотъ фактъ на весь конгломератъ демократическихъ элементовъ Россіи. Но если подъ его впечатлѣніемъ въ первую голову измѣнялась „двуликая демократія“ — революціонная и умѣренная, то не менѣе давало себя чувствовать дѣйствіе его для той части кружковой интеллигенціи, которая была связана соціальдемократическими традиціями и спаяна вѣрой въ рабочія массы. Революціонная интеллигенція — величина политически замѣтная и даже внушительная — гласило выступленіе студенчества. Насколько же должно возрости ея значеніе и не можетъ ли оно стать всеобъемлющимъ и провиденціальнымъ, если ея вниманіе направится на руководительство массъ и ея энергія будетъ затрачена на то, чтобы ей — „профессіонально-революціонной“ интеллигенціи, въ своемъ качествѣ такого руководителя, сдѣлаться вождемъ всероссійскаго освобожденія?

---

[1] Въ настоящей своей статьѣ тов. Парвусъ, который, какъ извѣстно, стоитъ внѣ обѣихъ организованныхъ фракцій нашей Партіи, опредѣляетъ, главнымъ образомъ, свое отношеніе къ т. н. „большинству“. Вторая половина статьи, которую, за недостаткомъ мѣста, мы вынуждены отложить до будущаго № столь же рѣшительно раздѣлывается съ „меньшинствомъ“. Свои взгляды по поводу статьи мы изложимъ въ свое время. *(Ред.)*.

Одно къ одному: развитіе революціонно-кружковыхъ отношеній и неизбѣжное его слѣдствіе — групповое самосознаніе интеллигенціи, съ одной стороны, исключительная комбинація момента, съ другой, и въ результатѣ — та рѣзко-типичная форма интеллигентскаго культа, которая блистала на зарѣ нашей организаціонно-партійной работы.

Неправильно было бы, однако, представлять себѣ, что тогда этотъ культъ расчищалъ себѣ дорогу, сквозь толщу заимствованной съ Запада идеологіи, совершенно ужъ легко и безпрепятственно. Правда, имъ была насыщена атмосфера кружковой среды и онъ служилъ постоянно руководящимъ мотивомъ для коллективнаго творчества интеллигенціи. Но, входя инороднымъ, паразитирующимъ тѣломъ въ доктрину соціальдемократіи, усваиваясь ея литературой, онъ не встрѣчалъ подходящихъ условій для своего дальнѣйшаго развитія и потому застрѣвалъ, обыкновенно, на положеніи предпосылки, изъ которой дѣлаются соотвѣтственные практическіе выводы, но которая отнюдь еще не есть согласованное въ себѣ, практически-политическое ученіе. И только въ писаніяхъ Ленина ему удалось доразвиться до роли такого стройнаго въ своемъ родѣ и въ своемъ родѣ законченнаго ученія. Но именно на этомъ то и основывается историческое — въ развитіи русской интеллигентской соціальдемократіи — значеніе этого писателя и дѣятеля.

Ленинъ далъ опредѣленныя очертанія тому, что до него бродило въ головахъ интеллигенціи, не находя себѣ выхода, разсѣянное, и живущее только обрывками. Сведя разрозненные элементы въ одно цѣлое, онъ заключилъ ихъ въ формулы и поднялъ на степень призывныхъ лозунговъ. Онъ дерзалъ. Тамъ, гдѣ другіе, болѣе связанные чѣмъ онъ, общимъ духомъ соціальдемократическаго ученія, останавливались на половинѣ пути, обрывали на полусловѣ, тамъ онъ шелъ до конца, выговаривая послѣднюю букву, какъ и первую, съ такой же непринужденной смѣлостью. Доктринеръ по природѣ, какъ истый кружковой человѣкъ, онъ готовъ былъ присягать надъ послѣдней запятой воспринятой догмы и рвать на части ея супостатовъ, и въ то же время не замѣчалъ что для ея разрушенія онъ дѣлаетъ больше кого либо изъ нихъ — съ непосредственностью варвара, съ элементарной силой стихіи; не пролетарской, конечно, съ которой онъ находился не въ ладахъ, а той, по теченію которой онъ плылъ и воплощеніемъ которой являлся. Потому что, онъ самъ — этотъ борецъ со „стихійностью“ и побѣдитель „хвостизма“, былъ тѣмъ стихійнымъ человѣкомъ, который въ концентрированномъ видѣ собой изображалъ цѣлую важную полосу въ развитіи кружковой интеллигенціи. Онъ былъ полусознательнымъ выраженіемъ безсознательнаго процесса ея группового самоопредѣленія и потому то со стороны представлялся ведущимъ, когда былъ, на самомъ дѣлѣ, ведомъ, и самопроизвольно сочиняющимъ „планы“, которые — по ближайшемъ разсмотрѣніи — оказывались только кодифицированными, втиснутыми въ рамки марксизма, возведенными въ перлъ, имѣющимися уже на лицо тенденціями кружковой среды. И, конечно, въ таковомъ своемъ свойствѣ, онъ былъ спаянъ съ этой самой средой навтѣснѣйшей органической связью. Воспринимая и мысля, какъ эта среда, онъ тѣмъ легче за то, когда нужно, могъ наигрывать на ея общественно-психологическихъ струнахъ, какъ виртуозъ на инструментѣ. Въ этой связи была его огромная сила и въ тоже время фатальная слабость; сила, сообщавшая необыкновенный резонансъ его рѣчи, пока кружковая интеллигенція находилась на восходящей кривой своего развитія, и слабость, которая дала себя почувствовать, какъ та рабская зависимость, о которую разбился его талантъ и въ которой закоченѣла его мысль, когда въ этой средѣ, потерпѣвшей крушеніе на практикѣ партійнаго строительства, начался процессъ разложенія. И понятно, что сугубое вліяніе проявляла его близость къ средѣ и его обусловленность ею — въ исходный моментъ формированія кружкового культа.

Теперь уже вошло почти въ обыкновеніе тотъ періодъ въ жизни русской соціальдемократіи, который родился подъ знакомъ общеинтеллигентскаго, и въ частности студенческаго, движенія, — такъ называемый политическій періодъ — крестить именемъ „Искры“. И это разумѣется вѣрно до извѣстнаго предѣла, потому что именно данный коллективъ явился организующимъ цементомъ, скрѣплявшимъ собой централистическую постройку интеллигентской соціальдемократіи и той литературной трибуной par excellence, съ которой пускался въ оборотъ весь циклъ идей — общеполитическихъ, тактическихъ, организаціонныхъ, — которымъ жила и волновалась за означенный періодъ соціальдемократическая интеллигенція. И, однако, мы уже знаемъ, не этотъ коллективъ вобралъ въ себя характерныя черты своего времени, а лишь тотъ его единственный членъ, который являлъ собою стихію интеллигентскаго движенія. Вѣдь, не случайно, въ самомъ дѣлѣ, и не по прихоти злостной тенденціи, мы были вынуждаемы до сихъ поръ въ характеристикѣ революціонно кружковой идеологіи довольствоваться тѣмъ матеріаломъ, которымъ насъ надѣлялъ достопочтенный авторъ „Что дѣлать“? Достаточно взглянуть на литературу того времени, на тогдашнюю „Искру“, чтобы убѣдиться въ основательности этого дѣленія. Большинство вопросовъ, трактовавшихся Ленинымъ трактовалось и въ прочихъ писаніяхъ искровской группы. Но какъ? Какъ будто бы такъ же, и одновременно будто не такъ: нѣтъ или отсутствуютъ почти совершенно тѣ стороны предметовъ, которыя являются симптоматическими для интеллигентской кружковой идеологіи, нѣтъ Ленинскихъ острыхъ угловъ, нѣтъ провоцирующихъ выпадовъ, нѣтъ профессіонально революціоннаго апоѳеоза, нѣтъ развитой концепціи оппозиціонной Россіи, состоящей подъ опекой у интеллигентской соціальдемократіи. И различіе рисуется настолько большимъ и очевиднымъ, что сейчасъ же возникаетъ вопросъ: какъ могли терпѣть съ собой рядомъ эту доморощенную кружковую „философію“ люди, которые — казалось бы — всей своей жизнью срослись съ интернаціональнымъ движеніемъ соціализма? Но въ томъ то и дѣло: эти люди терпѣли „философію“ потому, что она имъ представлялась не единообразнымъ органическимъ цѣлымъ, котораго корни въ извѣстныхъ общественно-историческихъ процессахъ, а собраніемъ случайныхъ эксцессовъ, одиночными блужданіями одиночнаго писателя, которыми, конечно, всегда можно и должно пренебречь, переходя къ очереднымъ дѣламъ. А представлялась она такъ потому, что и сами они, какъ и всѣ современники момента, не могли перескочить черезъ то исходное положеніе, которое и составляло первоисточникъ зла, которое само было отраженіемъ революціонно-интеллигентской стихіи и которое въ своемъ конечномъ развитіи приводило къ уже извѣстному культу.

Положеніе же гласило: коллективъ, слагаемый нами и къ созданію котораго мы всѣ такъ жадно стремимся, профессіонально-революціонный коллективъ, и есть — наша русская соціальдемократическая рабочая партія; правда — въ первичномъ, зародышевомъ видѣ; но какъ изъ эмбріона выростаетъ организмъ, точно также изъ нашей организаціи профессіоналовъ-интеллигентовъ по преимуществу — со временемъ разовьется преемственно, организаціонно великое тѣло великой будущей партіи рабочихъ. Мы не только современный союзъ коммунистовъ, мы не скромная бацилла, вносящая въ среду свое пропагандистское и агитаціонное броженіе, мы не ограничиваемся ролью той „искры“, изъ которой разгорается пламя пролетарскаго пожара; нѣтъ, мы сами создаемъ тѣ формы, мы сами вырабатываемъ тѣ планы, мы сами издаемъ тѣ обязательные къ выполненію законы, по которымъ полагается жить и работать пробуждающемуся къ сознанію „самодѣятельному“ пролетаріату.

Можно сказать: изъ всѣхъ тезисовъ, когда либо обращавшихся въ предѣлахъ россійской соціальдемократіи, не было другого, который пользовался бы равнымъ признаніемъ и болѣе объединялъ всѣ оттѣнки и направленія мысли, чѣмъ это исходное положеніе, и ни въ чемъ не отразилась съ такой силой стихійная идеологическая мощь интеллигентскаго развитія, какъ именно — въ этой его всеобщности. Отъ „Группы Освобожденія Труда“ и до послѣдней организаціи, еще не успѣвшей совлечь съ себя „ветхаго Адама“ экономизма, всѣ пользовались этимъ положеніемъ, аргументируя отъ него и къ нему и тѣмъ самымъ сводя въ сущности на нѣтъ пріобрѣтенія международнаго опыта, тѣмъ самымъ въ основѣ подрывая себѣ возможность принципіальной оппозиціи. Потому то и безмолвствовала „Искра“, какъ цѣлое, — попустительствуя; потому то и оставалась безплотной, не попадая въ точку и размѣниваясь на подробности, вся критика противниковъ „Искры“. Рязановъ, Мартыновъ, рабочедѣльцы вообще, каждый изъ нихъ въ свое время сказалъ такое нѣчто, что было частицею правды и которое, однако, проходило не задѣвая общественнаго сознанія, какъ надстройка надъ тѣмъ же фундаментомъ, но только не столь выдержанная и цѣлостная въ стилѣ, какъ то зданіе, о сооруженіи котораго мечталъ стихійный человѣкъ интеллигенціи. Вѣдь и пресловутаго „демократизма“ „Рабочаго Дѣла“ хватало de facto лишь на то, чтобы совершать манипуляціи въ предѣлахъ кружковой среды. И развѣ только одиночка Надеждинъ какимъ то нутромъ подходилъ къ сути дѣла, безсильный, однако, какъ свободный отъ теорій эмпирикъ, противопоставить принципу — принципъ, системѣ — систему. Выживала та идеологическая форма, которая оказывалась наиболѣе приспособленной къ запросамъ момента, наиболѣе соотвѣтствующей психологіи данной среды. А такой формой былъ и оставался ленинскій культъ революціонера все время до тѣхъ поръ, пока практическая жизненная провѣрка не начала совершить надъ нимъ того же дѣла разрушенія, которое она произвела надъ всей кружковой интеллигенціей.

Старовѣръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По Россіи.

Тифлисъ. 3 сентября. 29 августа произошло звѣрское избіеніе рабочихъ и публики въ Тифлисской Городской Думѣ. Дѣло въ томъ, что массы рабочихъ и публики съ нѣкоторыхъ поръ являлись на засѣданія городской думы, гдѣ обсуждался вопросъ о земскихъ совѣщаніяхъ при намѣстникѣ. Вѣрные своей тактикѣ, тифлисскіе пролетаріи шли на собраніе либеральныхъ „отцовъ“ города съ цѣлью оказать на нихъ давленіе, подвинуть ихъ влѣво въ рѣшеніи вопроса о мѣстномъ самоуправленіи. Два раза рабочіе, эти неприглашенные гости, занимали галлереи и партеръ Городской Думы, и гласные два раза оставляли залъ собранія, находя невозможнымъ засѣдать вмѣстѣ съ рабочими. А рабочіе по ихъ уходѣ открывали собраніе, выбирали своего предсѣдателя и обсуждали животрепещущіе вопросы нашей политики и тактики. Такъ было и въ этотъ роковой вторникъ 29 августа. Къ 8 часамъ вечера въ залѣ городского самоуправленія собралось до 3000 человѣкъ. Гласные не явились на свое очередное собраніе. Полиція не принимала никакихъ мѣръ, она отсутствовала. Послѣ короткаго совѣщанія былъ поставленъ вопросъ объ „армяно-татарской рѣзнѣ“. Собраніе хотѣло обсудить это событіе, поискать его причины, найти средства для прекращенія бойни. Едва успѣлъ произнести нѣсколько фразъ 1-ый ораторъ, какъ явился полицеймейстеръ; на его требованіе, отъ имени Генералъ Губернатора, разойтись, раздались крики: „долой полицію“, „да здравствуетъ свобода собраній“; представитель административной власти былъ вытолканъ, немногіе мелкобуржуазные элементы поспѣшили удалиться, а пролетаріатъ продолжалъ обсуждать поставленный имъ вопросъ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ залу ворвались казаки и открыли огонь по беззащитной и запертой въ четырехъ стѣнахъ публикѣ. Башибузуки потушили электричество, заперли всѣ выходы, публика пробивалась сквозь строй казаковъ, которые все время стрѣляли и били всѣхъ прикладами.

Вырвавшись изъ залы, бросились искать убѣжища въ сосѣднихъ комнатахъ, въ подвалахъ, во дворѣ, но всюду проникала эта татарская орда и звѣрски избивала „свободныхъ“ гражданъ. Помогали казакамъ отыскивать несчастныхъ управскіе сторожа и швейцары. Такого звѣрства, кажется, еще не видала Россія! Казаки гнались за убѣгающими и были случаи убійства даже на отдѣльныхъ улицахъ. По даннымъ Михайловской больницы, убито 36, раненыхъ 50; но, повидимому, и тѣхъ и другихъ неизмѣримо больше. Очевидно, многихъ убитыхъ свозили прямо на кладбище, и многіе раненые не попали въ больницу.

На другой день на улицахъ города Тифлиса появилось объявленіе г. Губернатора, въ которомъ было сказано, что на его просьбу принять мѣры къ удаленію публики изъ залы Думы, город. Голова отвѣтилъ, что такое сборище онъ считаетъ надругательствомъ надъ городскимъ самоуправленіемъ и что онъ не въ состояніи удалить публики своими средствами“. Въ отвѣтъ на это городской голова пишетъ въ своемъ письмѣ, распространяющемся теперь по городу, что никогда онъ не называлъ такія собранія „надругательствомъ надъ самоуправленіемъ“, что это ложь ген. Губ. и т. п. Какъ бы то ни было, „либеральные отцы“ города не сдѣлали ничего, чтобы предупредить ночь 29 го августа. Эти народолюбцы не прислали даже сказать собравшемуся народу, что власти готовятся прибѣгнуть къ оружію; и когда началось избіеніе, продолжавшееся до 4 хъ часовъ

ницами или отдѣльными небольшими отрядами. Эту тактику всего болѣе культивировали соціалисты-революціонеры. Тѣмъ не менѣе, мыслима также строгая централизація революціонной интеллигенціи, но, именно, вслѣдствіи ея индивидуализма, только въ формѣ диктатуры. На этомъ основывалась организаціонная схема Ленина. Ленинъ боролся противъ кустарничества, но онъ самъ объединялъ кружки приблизительно, какъ скупщикъ объединяетъ кустарей. Связанные скупщикомъ кустари, конечно, въ рукахъ его представляютъ большую силу, чѣмъ экономически разрозненные и предоставленные самимъ себѣ, но это еще не крупное капиталистическое производство; соединенные центромъ кружки еще не составляютъ политической партіи. Нужно было вывести движеніе изъ состоянія кружковщины, а Ленинъ, централизуя кружки, наоборотъ создавалъ ей новую опору. Главная задача была не централизація профессіональныхъ революціонеровъ, а *внесеніе организаціоннаго фермента въ рабочія массы*, изъ среды которыхъ выросла бы централизованная политическая партія. И вотъ намѣсто пріобщенія интеллигенціи къ пролетаріату получался процессъ пристегиванія рабочихъ къ интеллигенціи.

Не трудно было предвидѣть, что, если бы даже второй съѣздъ не закончился расколомъ, то созданная имъ организація должна была бы быть подвергнута кореннымъ измѣненіямъ въ тотъ моментъ, когда поднялись революціонныя массы, или же она повисла бы въ воздухѣ со всей своей системой кружковъ и кружочковъ. На самомъ дѣлѣ, она не просуществовала и одного дня. Характернѣе всего, что распалась то она по причинамъ не столько соціальдемократическимъ, сколько интеллигентскимъ. Было чисто интеллигентской затѣей при помощи случайнаго большинства одного голоса стараться подчинить себѣ и подавить меньшинство. Практика всѣхъ рабочихъ съѣздовъ и вообще политическихъ конгрессовъ показываетъ, что рѣшенія нужно всегда принимать по средней линіи, чтобы объединить по возможности всѣхъ, что, борясь со всей энергіей за проведеніе своихъ взглядовъ, надо, разъ рѣчь не идетъ о принципіальныхъ разногласіяхъ, принимать рѣшенія такъ, чтобы дать возможность оппозиціи сохранить свое достоинство и продолжать работу въ рядахъ партіи. Въ частности Ленинъ упустилъ изъ виду, что диктатура создается фактическимъ господствомъ надъ положеніемъ, а не формальными рѣшеніями. Самый второй съѣздъ явился результатомъ *идейной концентраціи*, созданной Искрой, а теперь Ленинъ при помощи вотума, документировавшаго *расхожденіе*, хотѣлъ концентрировать организаціи — процессъ совершенно обратнаго порядка. Что же получилось? Организаціонная схема, прикроенная на диктатуру, но безъ фактическаго содержанія диктатуры, стала игрой случайностей и личностей, никого не связывала и всѣмъ стояла на пути. Составъ редакціи центральнаго органа немедленно измѣнился въ направленіи, противоположномъ рѣшенію второго съѣзда, причемъ уставъ ни на іоту не былъ нарушенъ. Центральный комитетъ непрерывно мѣнялъ и свой личный составъ и свою тактику и былъ совершенно безпомощнымъ. Ленину самому пришлось во время вести борьбу и противъ центральнаго органа и противъ центральнаго комитета, а закончилъ онъ открытымъ возстаніемъ, и только, нарушивъ свой же собственный уставъ, осуществилъ онъ третій съѣздъ-конгрессъ не партіи, а „большинства“.

Съ своей стороны, „меньшинство“, расходясь съ другими не принципіально и вначалѣ даже безъ ясно сознанныхъ тактическихъ разногласій, расходясь практически въ вопросѣ — отнюдь не маловажномъ, но все же подчиненномъ — личнаго состава центральныхъ учрежденій, чисто по интеллигентски тотчасъ же обособилось и пошло на вытѣсненіе „большинства“ вмѣсто того, чтобы искать пути и возможности совмѣстной работы. Борьба противъ „большинства“ — это значитъ: не просто борьба за опредѣленные взгляды, а борьба противъ опредѣленныхъ организацій. Чтобы вести эту борьбу, надо было самимъ организоваться. Этого нельзя было сдѣлать, оставаясь на почвѣ существующей „партіи“. Безъ формальной организаціи, единственнымъ концентраціоннымъ пунктомъ для меньшинства оказался Центральный Органъ. И вотъ результатъ: меньшинство, борясь противъ диктатуры, противъ бонапартизма etc., фактически въ своей собственной средѣ создало — диктатуру „Центральнаго Органа.

Разногласія относительно личнаго состава центральныхъ учрежденій углубило и обострило уже раньше сказавшуюся борьбу взглядовъ въ вопросахъ организаціи. Критика организаціонной формы перешла въ общую критику партійной тактики. Скоро не было уже ни одного явленія партійной жизни относительно котораго не произошло бы конфликта между „большинствомъ“ и „меньшинствомъ“.

Разногласія были, или вѣрнѣе тактическія шатанія, колебанія мысли. Ибо разногласія эти усиливались въ одномъ и томъ же лицѣ. Тактическія разногласія неминуемы, покуда партія развивается. На почвѣ чрезвычайно запутанныхъ русскихъ условій они тѣмъ болѣе должны были проявиться. Но, что разногласія стали какой то самодовлѣющей силой и раскололи организаціи, это приходится поставить насчетъ интеллигенціи.

Интеллигенція элементъ безпокойный. Развивая въ себѣ критицизмъ, она склонна преувеличивать политическое значеніе разности взглядовъ. А главное, увлекаясь полемикой, она забываетъ все остальное и превращаетъ ее въ своего рода искусство для искусства. Рабочіе, наоборотъ, разъ почувствовавши силу организаціи, по своему классовому инстинкту стремятся устранить съ пути все, что мѣшаетъ совмѣстной дѣятельности, слѣдовательно также борьбу мнѣній. Во всякомъ случаѣ, какъ элементъ революціонно активный они требуютъ немедленнаго практическаго рѣшенія всѣхъ недоразумѣній: либо такъ, либо этакъ — колебаній мысли и сомнѣній они не переносятъ. Такова психологія всѣхъ, такъ называемыхъ „практиковъ“, активныхъ натуръ, требующихъ непосредственной реализаціи политической идеи. Практики, между прочимъ, поэтому легко и очень часто незамѣтно для себя подмѣняютъ великія, но далекія задачи болѣе мелкими, но болѣе близкими, увлекаясь ихъ, въ большинствѣ случаевъ пролетарской борьбы, только кажущейся, непосредственной осуществимостью. Изъ этой разницы политической психологіи возникаютъ даже въ развитой соціальдемократіи конфликты между рабочими и „академиками“, между практиками и теоретиками. Понятія академиковъ и теоретиковъ, правда, не всегда совпадаютъ. Могутъ быть въ соціальдемократіи академики, которымъ недостаетъ и знанія и пониманія общихъ идей исторіи и соціализма. Число ихъ даже значительно увеличивается съ расширеніемъ пролетарской дѣятельности соціальдемократіи. Но все же теоретическая работа мысли выпадаетъ преимущественно на долю интеллигенціи въ рядахъ соціаль-демократіи. Эта теоретическая мысль, пользуясь историко-философскими методами, захватывая болѣе глубоко, анализируя болѣе точно, чѣмъ это возможно при помощи одного „здраваго разсудка“, очень часто оказывалось правой наперекоръ общему мнѣнію. Но именно потому теоретики, начиная съ Маркса, котораго ненавидѣли за его нетерпимость и придирчивость, и по наши дни вызываютъ раздраженіе своимъ исканіемъ, рѣзкимъ разграниченіемъ почти неуловимыхъ оттѣнковъ. Имъ приходится работать противъ общаго настроенія, пока политическое развитіе не превратило мало замѣтное вначалѣ отклоненіе отъ общаго исходнаго пункта въ разность политическихъ возрѣній и въ конфликтъ политическихъ фактовъ. Если они при этомъ оказываются правыми, они совершили работу не раздѣляющую, а связывающую, ибо во время разбудили революціонную энергію партіи на борьбу противъ мѣшающихъ ей элементовъ или взглядовъ и этимъ сильно задержали развитія ихъ вліянія. Всегда, однако, необходимъ организаціонный противовѣсъ рабочихъ массъ, чтобы борьба мнѣній не превратилась безъ нужды въ организаціонный расколъ. Такъ идетъ развитіе въ нѣмецкой соціальдемократіи, гдѣ, непрерывная теоретическая критика соединяется съ организаціоннымъ регулятивомъ пролетаріата.

Такого регулятива не было въ русской соціальдемократіи. Поэтому борьба мнѣній привела въ ней къ распаденію и взаимной борьбѣ организаціи, хотя во все время спора обѣ стороны ни разу не усумнились въ томъ, что разногласія не идутъ дальше вопросовъ тактики и къ расколу не должны бы вести.

Въ сущности даже не было различныхъ политическихъ теченій, а было только различное направленіе политической мысли. О Ленинизмѣ можно говорить только въ томъ смыслѣ, что Ленинъ въ своей книжкѣ „Что дѣлать“ и въ проводимыхъ имъ рѣшеніяхъ второго съѣзда далъ наиболѣе рѣзкое выраженіе опредѣленному порядку политическихъ и организаціонныхъ идей, которымъ онъ самъ далеко не всегда оставался вѣренъ и отъ которыхъ далеко не всегда оставались свободны тѣ, которые противъ нихъ боролись.

Исходнымъ пунктомъ организаціоннаго плана Ленина была конспирація. Уже это было ошибочно. Конечно, соціальнореволюціонной партіи, имѣющей противъ себя государственную власть, нельзя не считаться съ политическими преслѣдованіями, но нельзя также историческое движеніе ставить на узкую базу борьбы съ полиціей. При организаціи массовой партіи интересы агитаціи должны идти впереди интересовъ конспираціи. Притомъ же и конспирація бываетъ двоякаго рода: кружковая и массовая. Кружковая конспирація создаетъ іерархическій порядокъ: чѣмъ болѣе важны политическія функціи даннаго лица, тѣмъ больше онъ отодвигается отъ низовъ организаціи и заволакивается въ таинственный туманъ, а верхъ организаціи совершенно исчезаетъ въ какомъ то романтическомъ полумистическомъ мракѣ, какъ это случилось съ Исполнительнымъ Комитетомъ Народной Воли. Такая конспирація, какъ справедливо указываетъ Старовѣръ, сохраняетъ профессіональнаго революціонера, но отрываетъ организацію отъ рабочей массы. Массовая конспирація совсѣмъ другого рода. Она сильна тѣмъ, что растворяетъ агитаторовъ среди массъ, окружаетъ ихъ массами. Она ставитъ между революціонерами и полиціей живую среду. Конечно, интеллигентъ-соціальдемократъ, за немногими исключеніями, навсегда останется стороннимъ элементомъ въ рабоночи, ни город. Голова, ни другіе члены город. Управы не сдѣлали ничего, чтобы помѣшать этому ужасному звѣрству!

Тифлисскій Комитетъ призвалъ всѣхъ гражданъ къ однодневной траурной забастовкѣ и къ бойкотированію городской Думы до тѣхъ поръ, пока данный составъ городской Управы не выйдетъ въ отставку. Вчера 1-го сентября всѣ забастовали: не работала ни одна мастерская, не была открыта ни одна лавка, движеніе по желѣзной дорогѣ прекратилось... многіе, очень многіе носили трауръ, на телеграфныхъ проволокахъ съ утра развивались черные флаги... Вчера же были похороны героя Кавказской войны; палача кавказскаго освободительнаго движенія генерала Амилахвари. Жалкая была процессія. Сотня солдатъ, нѣсколько казаковъ.. Народъ не явился „почтить память усопшаго дѣятеля“, а администрація, боясь тифлисскихъ рабочихъ, оставила войско и казаковъ въ казармахъ....

Сегодня намѣстникъ графъ Воронцовъ Дашковъ объявляетъ „внѣ закона“ „тайныя общества“, увѣряя „любимое имъ населеніе Кавказа“, что все зло, именно, идетъ отъ нихъ, что съ учрежденіемъ Государственной Думы падаетъ смыслъ существованія ихъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ „графъ“ предваряетъ, что отнынѣ тайныя организаціи, кружки не могутъ быть терпимы и т. п. Увы! Иллюзія его сіятельства скоро разсѣется! Никогда еще опекаемый имъ Кавказскій народъ не былъ такъ революціоненъ, никогда еще такъ жадно не стремился онъ къ свободѣ! Мы только что получили извѣстіе, что вездѣ въ деревняхъ 29 авг. вызвало грандіозныя забастовки, грандіозные митинги. И единственная вышедшая сегодня газета офиціозный „Кавказъ“ сообщаетъ, что въ провинцію двинуты войска. Подробности сообщимъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Батумъ. Земская кампанія протекаетъ пока довольно мирно. 26 августа утромъ собрались передовые рабочіе, человѣкъ 80, подняли вопросъ объ открытіи ящичныхъ заводовъ. Дѣло въ томъ, что по городу среди рабочихъ ходитъ какой то подписной листъ, который, какъ оказалось, состряпали дрошакисты и собравъ довольно много подписей, главнымъ образомъ, среди армянъ, отправили къ г. Манташеву. Въ этой слезницѣ они упрашивали Манташева открыть заводы, обѣщая заслужить эту милость тѣмъ, что принимали такія условія: сокращеніе штата рабочихъ на 500 человѣкъ, не принимать на заводы безъ разбору лицъ искалѣченныхъ и получившихъ увѣчье на работѣ у Манташева, круговая порука въ томъ, что все будетъ тихо и смирно въ теченіи года; рабочіе обязываются не предъявлять фирмѣ никакихъ требованій. Такъ, капиталистъ Манташевъ, котораго еще называютъ виднымъ націоналистомъ, хочетъ облапошить въ будущемъ темныхъ армянъ-рабочихъ, съ помощью дрошакистовъ. Характерно то, что объ открытіи заводовъ послѣ бакинской рѣзни не можетъ быть и рѣчи и, слѣдовательно, своими пріемами дрошакисты преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, агитаціонныя цѣли. Националистическая пропаганда здѣсь въ полномъ расцвѣтѣ; подъ вліяніемъ своихъ вожаковъ темные татары и армяне все больше и больше обособляются и какъ то притихаютъ, но въ этой тишинѣ чувствуется глухое броженіе, чувствуется напряженное и злобное вниманіе, обращенное въ сторону сосѣда другой націи. Замкнутость у армянъ является не меньшей, чѣмъ у татаръ. Съ какой то неизъяснимой инстинктивной враждой относятся они даже къ нашимъ товарищамъ русскимъ, честность которыхъ внѣ подозрѣній, а дѣятельность въ борьбѣ противъ тирановъ должна была бы, кажись, наоборотъ, расположить къ нимъ армянъ. Шовинизмъ дрошакистовъ превосходитъ всякое вѣроятіе.

Товарищи армяне соц.-дем. ходятъ подъ угрозой смерти, кто изъ нихъ работаетъ напряженно, тотъ понимаетъ, что каждое увеличеніе энергіи въ работѣ приближаетъ къ нему руку убійцы-націоналиста. Въ компаніи съ этими господами находятся и разные магометанскіе беки да аги. Они тоже дѣйствуютъ энергично. Владычество ихъ среди населенія является громаднымъ препятствіемъ развитію всякой свѣтлой идеи. И теперь эти г.г. соединились еще съ грузинск. автономистами, выступая въ земской кампаніи противъ соціальдемократіи... Возвращаюсь къ дѣлу. Обсудивъ вопросъ объ открытіи заводовъ, товарищи рѣшили больше не затрагивать его, въ виду безполезности такой работы; вмѣсто этого, все свое вниманіе они направили на выработку плана нашихъ выступленій въ избирательной кампаніи. Рѣшено было попытаться провести во что бы то ни стало выборныхъ отъ народа, дабы этимъ возбудить къ жизни дремлющія силы общества. Въ этотъ же день вечеромъ было назначено засѣданіе гласныхъ въ Управѣ для выбора 5 депутатовъ отъ города въ земскія совѣщанія. Это засѣданіе, по счету третье, не состоялось, какъ и прежнія два, но по другой причинѣ. Вообще трусы, гласные боялись идти на засѣданіе и узурпировать выборное право народа, на которое хотя народъ и не получилъ писаннаго согласія отъ правительства, но которое онъ завоевалъ постояннымъ проявленіемъ революціонной энергіи и пролитой народомъ кровью. Въ этотъ вечеръ мы собрали чел. 200 и вошли въ залъ засѣданія. Туда по одиночкѣ собралось человѣкъ 6 гласныхъ. Увидавъ такое необычное оживленіе въ залѣ, они моментально удрали, забравъ свои портфели. Время было позднее, да и народъ то былъ собранъ экстренно, почему мы сейчасъ же распустили всѣхъ, удовлетворившись тѣмъ, что засѣданіе гласныхъ было сорвано. Послѣ несостоявшагося 3-го засѣданія по уставу губернаторъ имѣетъ право назначить невыбранныхъ членовъ засѣданія. На слѣдующій день, 27 числа, была организована массовка около батарейной горы, пришло до 1000 человѣкъ, говорили о бакинской рѣзнѣ и, главнымъ образомъ, о земствѣ. Собраніе продолжалось болѣе трехъ часовъ, выступали два товарища, русскій и грузинъ. Послѣ рѣчей выскочилъ батумскій купецъ Какобадзе, навлекшій на себя своими поступками гнѣвъ населенія. Онъ уволилъ своихъ приказчиковъ за забастовку, тогда, какъ на собраніи торговцевъ и приказчиковъ, на которомъ было достигнуто соглашеніе и прекращена забастовка, всѣми было рѣшено за забастовку никого не увольнять. Этотъ прохвостъ Какобадзе, послѣ того какъ товарищи устроили третейскій судъ, съ его же согласія, и на этомъ судѣ постановили: предложить Какобадзе уплатить причитающееся приказчику по условіямъ, выработаннымъ на общемъ собраніи приказчиковъ и торговцевъ, вознагражденіе и обязать его принять вновь уволеннаго, — пошелъ въ полицію и началъ оговаривать ненавистныхъ ему людей въ распространеніи соц.-дем. изд. и въ участіи въ организаціи. Возмущенные горожане рѣшили его бойкотировать. И вотъ онъ, заручившись поддержкой одного кутилы-бека сталъ на этой массовкѣ бить челомъ народу и просить снять съ него бойкотъ, но присутствующіе рѣшили бойкота не снимать впредь до болѣе многолюднаго собранія, на которомъ окончательно выяснятся позорныя дѣйствія этого предателя. Расходились съ собранія съ пѣснями по обычной дорогѣ, оставляя пѣть лишь въ самомъ городѣ. Полиція отсутствовала. Никто не встрѣтилъ даже въ городѣ.

28 съ утра отправились въ мѣстечко Кобулеты по желѣзной дорогѣ. Тамъ тоже было назначено собраніе для выборовъ депутатовъ. Поѣзда, отходящіе изъ Батума въ этотъ день, имѣли оригинальный видъ: всѣ вагоны были облѣплены народомъ точно улья — пчелами. Ѣхали, какъ кто пожелалъ, безъ билетовъ и не разбирая, въ какомъ классѣ. Въ Кобулетахъ, на ротондѣ собралось до 3000 человѣкъ, частью изъ окрестныхъ деревень. Говорили вновь о рѣзнѣ, о земствѣ, предложили выбирать на основѣ всеобщаго, равнаго и т. д. права.

Выборовъ не произвели, такъ какъ мало народа было изъ деревень, рѣшили отложить ихъ на 30-е число и устроили большую демонстрацію съ пѣснями. Шли отъ мѣстечка до станціи, версты три. Полиція и войско отсутствовали, никто не препятствовалъ. Получалось очень странное положеніе. Мы начинали думать, что удастся провести кампанію блестяще. 29-го, въ 5 часовъ вечера собрали народъ въ зданіи Батумской Управы, произнесли рѣчи на трехъ языкахъ, разъяснили порядокъ выборовъ и хотѣли было объявлять списокъ кандидатовъ, но въ это время заявился помощникъ полицеймейстера и попросилъ разойтись. Нашъ предсѣдатель, тов. рабочій, съ высоты кресла городского головы грозно объявилъ ему: „я — предсѣдатель и отъ имени собранія прошу васъ удалиться вонъ“. Полицейскій чинъ убрался, но на лѣстницахъ и въ корридорахъ произошло замѣшательство, часть публики, наиболѣе трусливая, бросилась удирать, не ожидая ничего добраго при военномъ положеніи. Поднялся шумъ. Нѣкоторые побѣжали прятаться въ клозеты и другіе закоулки. Пришлось даже угрожать обнаженнымъ оружіемъ. (до такой степени они разбушевались и стремились улепетнуть, дабы разстроить собраніе. Не обошлось здѣсь и безъ участія агентовъ полиціи и „черной сотни“). Но дружными усиліями мы оттѣснили ихъ и водворили тишину. Особенно энергично работали наши дамы. Онѣ колотили бѣгущихъ зонтиками, тащили ихъ прямо за волосы обратно въ залъ и, такимъ образомъ, буквально брали въ плѣнъ. Тов.-предсѣдатель не прерывалъ засѣданія и продолжалъ занятія. Въ это время патрули передали, что идутъ солдаты и, немного погодя, помощникъ полицеймейстера появился вновь, и уже съ вооруженными воинами. Тогда мы рѣшили распустить народъ и, соблюдая спокойствіе выпускали медленно публику на улицу, при чемъ полиція стала въ сторонкѣ и наблюдала, какъ мы вводимъ порядокъ. Главный выходъ внизу оказался загороженнымъ жандармами, которымъ, очевидно, хотѣлось провести свой планъ аттаки, да помѣшалъ оселъ, помощникъ полиціймейстера. Онъ лѣзъ прямо напроломъ разгонять народъ, тогда какъ они хотѣли окружить Управу войсками, закрыть всѣ выходы, перебить кое кого, кое кого спрятать и всѣхъ обыскать. Въ то время, какъ мы расходились, ихъ болѣе смѣтливые тифлисскіе коллеги, устроили то, что они хотѣли, перебили, такъ же собравшійся въ Управѣ, народъ. По выходѣ изъ Управы, мы разошлись безъ исторіи, задержали лишь двоихъ изъ публики. Губернаторъ задалъ жару городскому самоуправленію за небрежность и приказалъ члену управы Журули быть на сторожѣ, а этотъ пріѣзжалъ къ швейцарамъ и плакался на свою горькую судьбину, просилъ ихъ доложить полиціи, какъ только соберутся рабочіе въ зданіи. Выборовъ мы все таки сдѣлать не успѣли и, поэтому, измѣнили самый способъ ихъ, рѣшивъ до конца довести начатое дѣло. Теперь собираемъ подписи подъ избирательными листами и хотимъ создать новые прецеденты для поученія горожанъ. 30-го рано утромъ часть товарищей отправилась въ Кобулеты произвести назначенные выборы. Слѣдующіе поѣзда были полны казаками и жандармами. На станцію пускали только послѣ строжайшаго изслѣдованія, многихъ даже не пустили купить билетовъ. Почти всѣ, имѣвшіе ѣхать, остались, хотя въ Кобулетахъ и безъ того собралось множество народу. Пришли въ большомъ количествѣ изъ окрестныхъ селъ сельчане, явились также націоналисты всѣхъ оттѣнковъ, беки, аги и грузинскіе автономисты — всѣ прибѣжали на чужое, не организованное ими, дѣло; всякому хотѣлось ухватить себѣ клочекъ съ народной простоты. Бекамъ удалось обманомъ сдержать аджарцевъ и потому они не такъ живо интересовались этимъ дѣломъ. Неизвѣстно, кто кому помогаетъ, беки ли полиціи или полиція имъ, но только у насъ было два врага: съ одной стороны — эти воротилы эксплуататоры, съ другой — была выставлена инфантерія, кавалерія и артиллерія. Войска заняли позиціи, поставили 2 пушки, замаскировали кустами пулеметы, устроили обходныя движенія и ожидали открытія боя, но мы предпочли уклониться отъ этого, такъ какъ бой означалъ бы собой пиршество звѣрей и нашу смерть. Будь съ нами рабочіе закрытыхъ заводовъ — другое дѣло, ну, а теперь, когда кругомъ — люди съ сомнительнымъ гражданскимъ мужествомъ — преступно подставлять подъ удары открытую грудь только однихъ организованныхъ товарищей въ такомъ неравномъ бою, къ которому мы даже не были приготовлены. Итакъ, мы отступили, потерявъ полдня времени.. Послѣ этихъ событій въ нашемъ округѣ пока все тихо. Судя по тифлисской трагедіи и по настроенію полиціи у правительства существуетъ „планъ“, проведеніе котораго обѣщаетъ много столкновеній въ будущемъ. Этотъ годъ для Кавказа будетъ особенно выдающимся, такъ какъ готовятся всевозможные бойкоты налоговъ, рекрутчины, земства, город. самоуправленія и пр...

Легальная пресса о соц.-дем. движеніи въ Гуріи.

Въ газетѣ кн. Ухтомскаго „Разсвѣтъ“ помѣщены интересны сообщенія о гурійскомъ движеніи. Авторъ-профессоръ Марр говоритъ, между прочимъ: „Умственный свой кругозоръ гурійц стараются расширить слушаніемъ принципіальныхъ дебатовъ н различныхъ собраніяхъ, представляющихъ зачатки своего рода народныхъ университетовъ. На одномъ изъ такихъ собрані гастролировалъ извѣстный въ околоткѣ ораторъ Хтисъ-Цкалоба, дѣйствительно выдававшійся ясностью изложенія и знаніемъ дѣла. Шелъ споръ двухъ фракцій соціальдемократической партіи, такъ наз. „большинства“ и „меньшинства“. Хтисъ-Цкалоба былъ ораторомъ „большинства“, но единственнымъ ораторомъ. Противъ него выступилъ рядъ противниковъ. Преніе напоминало университетскій диспутъ диссертанта, спеціально проработавшаго свою тему, въ схваткѣ съ многочисленными принципіальными оппонентами публики. Оппоненты Хтисъ-Цкалоб старались привлечь на свою сторону неподготовленную малопонимающую публику громкими, заискивающими фразами об интересующихъ ее общественныхъ вопросахъ. Нашъ ораторъ однако, не терялъ спокойствія и шагъ за шагомъ старался разбить своихъ оппонентовъ. Многіе изъ народа зѣвали, какъ насъ на лекціяхъ и диспутахъ, но многіе слушали, затаивъ дыханіе. Темою въ значительной степени являлся вопросъ о рол рабочихъ и Маркса въ выработкѣ научнаго соціализма.

Объ общемъ интересѣ народа можно судить потому, чт преніе съ двухъ часовъ пополудни длилось до часу ночи, большинство собранія досидѣло до конца. Многочисленны чист дѣловыя собранія“.

Появленіе въ легальной прессѣ этихъ свѣдѣній, какъ нель болѣе кстати теперь, когда правительственные оффиціозы стараются изобразить кавказское, вообще, и гурійское движен въ частности, какъ антикультурное и варварское. Обращаем вниманіе на одну деталь: *профессоръ*, описывающій соц.-де митингъ, явно отдаетъ предпочтеніе „большинству“ перед „меньшинствомъ“. Это, вѣроятно, потому, что „меньшинство“ спеціально для того и создало свои взгляды, чтобы привлечь в партію „профессоровъ“, какъ увѣрялъ когда то Ленинъ. Впрочемъ, симпатіи профессора не помогли: какъ извѣстно, тепер уже въ Гуріи и „не пахнетъ“ ленинизмомъ.

Рига, 7 сент. Организованное нападеніе на тюрьму. Сегодн ночью у насъ случилось такое происшествіе, которое взбудоражило весь городъ и подняло на ноги всѣхъ царскихъ башибузуковъ и ясно показало, что даже царскія центральныя тюрьм не могутъ устоять передъ напоромъ революціонной волн Исторія нападенія на тюрьму и взятія ея штурмомъ предста ляется въ такомъ видѣ. Съ мѣсяцъ назадъ нѣкоторые члене нашей организаціи обратились къ центральной группѣ съ предложеніемъ взять тюрьму вооруженнымъ нападеніемъ, чтобы осв

чей средѣ. Онъ выдѣляется изъ нея, его можно поэтому выдернуть изъ массы, какъ изюминки изъ пирога. Это неизбѣжно также при кружковой конспираціи, которая только защищаетъ верхушки организаціи, а низы, ведущія агитацію, даже ставитъ въ болѣе невыгодное положеніе. Но, по мѣрѣ проникновенія въ массы, между профессіональными революціонерами и рабочей средой вырабатывается цѣлый рядъ переходныхъ типовъ, агитаторовъ и пропагандистовъ изъ рабочихъ, часто совершенно неожиданно выдвигающихся событіями, исчезающихъ съ ними и снова появляющихся, можетъ быть, не всегда достаточно сознательныхъ и просвѣщенныхъ, но въ кровной связи съ рабочей средой которую они уже самимъ своимъ существованіемъ безразрывно политически ферментируютъ. Чѣмъ больше это происходитъ, тѣмъ больше затираются передъ полиціей слѣды профессіональнаго революціонера. Съ другой стороны, рабочіе научаются обходиться безъ него. Растетъ ихъ политическій опытъ и опытность въ борьбѣ съ полиціей. Въ тотъ моментъ, когда рабочіе — худо ли, хорошо ли — сами могутъ возстановить разрушенныя организаціи, полиція становится безсильной. Задача была — *научить рабочихъ организоваться.* Отсюда не создать надъ ними организованную опеку. Конечно, при политической неопытности и незрѣлости рабочихъ провалы были неизбѣжны. Можно было спорить о томъ, насколько при полицейскихъ условіяхъ абсолютизма организаціонная цѣль вообще достижима, но не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что образованіе соціальдемократической партіи возможно только путемъ *сліянія* организацій съ массами, а не *выдѣленія* ея изъ ихъ среды.

Съ конспиративной узостью, выросшей на русской интеллигентской почвѣ, въ „Что дѣлать“ Ленина, переплетаются невѣрныя общія воззрѣнія. Ихъ корень, ошибочная оцѣнка классовой борьбы пролетаріата, не русскаго только, а мірового. По „Что дѣлать“ Ленина, рабочее движеніе, предоставленное самому себѣ, въ своемъ стихійномъ процессѣ не разрываетъ съ капиталистическимъ порядкомъ, а приспособляется къ нему. Оно создаетъ тредъ-юніоны, создаетъ парламентарную рабочую партію, а дальше — неизвѣстно что. Это совершенно бернштейновскій взглядъ на вещи. Но Ленинъ не рѣшается сдѣлать изъ бернштейновскаго соціализма, бернштейновскіе политическіе выводы. Напротивъ, онъ вооружается противъ нихъ. Онъ оппортунистъ на изнанку. Полагая, что рабочее движеніе оппортунистично, онъ хочетъ повернуть его по революціонному. Для этого ему служатъ идеи революціоннаго соціализма. Я уже раньше упомянулъ, что рабочіе не создали соціализма, какъ политическое міровоззрѣніе. Но они создаютъ соціальную революцію. Это конечная цѣль и объединяющее начало всей ихъ борьбы. Вотъ что упускаютъ изъ виду оппортунисты. А соціалистическія идеи только и имѣютъ значеніе, поскольку онѣ являются выраженіемъ этого реальнаго историческаго процесса. Ленинъ же матеріалистическій соціализмъ превратилъ въ идеологію. По Ленину, доктрина должна измѣнить характеръ политическаго процесса. Отсюда организаціонная задача: просвѣщенные соціалисты, сильные централизаціей, направляютъ рабочую массу въ соціальнореволюціонное русло. Задача эта въ глазахъ Ленина, какъ нельзя лучше, совпала съ идеей организаціи профессіональныхъ революціонеровъ.

Ленинъ — писатель прямолинейный, не знающій оттѣнковъ. Какъ политикъ, онъ можетъ стать на голову, но не выдерживаетъ колебаній. Когда онъ писалъ свое „Что дѣлать“, соціальдемократія на Западѣ переживала смутное время. Въ Германіи бернштейновскій ревизіонизмъ туманилъ головы. Во Франціи миллерандизмъ переломилъ побѣдное шествіе революціонной соціальдемократіи, а слѣдующій за нимъ жоресизмъ деморализировалъ умы и разлагалъ организаціи. Въ Италіи оппортюнизмъ тянулся къ министеріализму. Въ Австріи, въ Голландіи, въ Швейцаріи etc., вездѣ тактическія колебанія и неувѣренность. Это не могло не отразиться на странахъ отсталыхъ, безъ собственной рабочей партіи, гдѣ соціализмъ, главнымъ образомъ, питался моральнымъ престижемъ западноевропейской соціальдемократіи. Въ маленькой Румыніи въ то время кучка интеллигентовъ парламентаріевъ съ соціалистической программой, но безъ соціалистической партіи, ничто же сумняшеся, цѣликомъ и оффиціально перешла въ лагерь либерализма. Въ Россіи оппортунизмъ значительно повліялъ на такъ называемыхъ экономистовъ въ смыслѣ суженія ихъ агитаціонной дѣятельности и помѣшалъ такимъ образомъ правильному переходу отъ фабричной агитаціи къ политической борьбѣ, создавъ вмѣсто преемственности организацій, организаціонный конфликтъ. Онъ, однако, принесъ своего рода, пользу уяснивъ элементамъ стороннимъ, смѣшавшимся съ соціальдемократіей, ихъ соціальную точку зрѣнія. Струве нашелъ въ бернштейніанизмѣ самого себя. Онъ сбросилъ съ себя красную мантію соціалиста, готовящагося перевернуть міръ, и облекся въ баранью шкуру либерала, испрашивающаго у Николая II конституціи. Онъ полагалъ, правда, что дѣлаетъ это на время, по тактическимъ соображеніямъ — такова была тактика уже щедриновскаго либерала „примѣнительно къ подлости“ — но вскорѣ оказалось, что новый нарядъ какъ нельзя больше подходитъ къ его старому естеству. Онъ даже какъ будто устыдился своего стараго прошлаго и отъ времени до времени съ миной государственнаго мужа поучаетъ своихъ прежнихъ друзей и товарищей, что внѣ бараньей шкуры существуетъ только непристойная и непрактичная политическая нагота. Отразилось вліяніе западноевропейскаго оппортунизма и на другихъ. Насколько піонеры русской соціальдемократіи въ 80-хъ годахъ, имѣя предъ глазами грандіозное развитіе нѣмецкой соціальдемократіи, были проникнуты соціально-революціонной увѣренностью, настолько же выдвинутые въ 90-хъ годахъ юные вожаки движенія были полны сомнѣній и колебаній и должны были убѣждать самихъ себя въ своей убѣжденности. Тутъ-то Ленинъ сталъ жертвой своей прямолинейности. Не будучи въ состояніи справиться съ оппортунизмомъ въ его исходномъ пунктѣ, онъ превратился въ политическаго анти-Струве.

Ленинъ не въ состояніи уклоняться. Онъ знаетъ толь одно движеніе: впередъ. И, если стороннія силы его поворач ваютъ спиной къ намѣченной цѣли, онъ тоже движется впередъ. Приверженецъ законности въ партіи до формализм онъ кончилъ формальнымъ coup d'etat; организаторъ интеллиге ціи, онъ писалъ сердитыя статьи противъ интеллигенціи, ког почва уходила у него изъ подъ ногъ и возводилъ на пьедестал тотъ самый пролетаріатъ, который по „Что дѣлать“, предоста ленный самому себѣ, забивается въ тупой уголъ оппортунизм

Нигдѣ не изучали такъ усердно и философскій, и истор ческій, и экономическій марксизмъ, какъ въ средѣ русской с ціальдемократіи. И пишутъ они о Марксизмѣ чрезвычайно х рошо. Только примѣняютъ его своеобразно. Недостаетъ опыта массоваго рабочаго движенія. Они какъ капитанъ к рабля, изучившій превосходно мореплаваніе, но никогда не бы шій на морѣ, или какъ техникъ не шедшій дальше лаборато ныхъ опытовъ. Но научная подготовка не только облегчает практическій опытъ, она необходима, чтобы его въ совершен ствѣ использовать. Какая великая политическая энергія закл чена въ марксистской выучкѣ, мы сумѣемъ лишь вполнѣ оц нить, когда въ Россіи создастся соціальдемократія, какъ орган зованное массовое движеніе рабочихъ.

Русскіе марксисты уже и сейчасъ имѣютъ за собой истор ческія заслуги. Но объ этомъ рѣчь особо. Что касается ди куссіи, разстроившей организаціи, то на нее смотрѣть и досадн и смѣшно. Они идеи революціоннаго марксизма превратили в какія то ортодоксальныя хлопушки, которыми бьютъ дру друга по щекамъ. Упрекъ въ оппортюнизмѣ играетъ роль р зиноваго мяча, который акробаты подбрасываютъ другъ дру лбомъ. И въ то время какъ представители марксизма въ Запа ной Европѣ всегда съ негодованіемъ отвергали упрекъ въ доктр наризмѣ и догматизмѣ — мы всегда готовы подвергнуть св принципы ревизіи, мы ищемъ критики, изъ которой всегда ходили побѣдителями, болѣе того, въ теченіе полустолѣтія тивъ идей матеріалистическаго соціализма не было выдви ни одного новаго аргумента, межъ тѣмъ какъ марксизмъ за время революціонизировалъ всѣ области общественной мы русскіе марксисты, наоборотъ, „догматизмъ“ и „доктринер сдѣлали чѣмъ-то вродѣ почетнаго титула.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Парвус

бодить заключенныхъ, ожидавшихъ суда и смертнаго приговора за приготовленіе бомбъ на заводѣ „Фениксъ“. Группа поглощенная широкой агитаціонной работой, развившейся послѣ іюльскихъ событій, не могла взять на себя организаціи этого дѣла и предоставила вести его самимъ инціаторамъ. Планъ нападенія состоялъ въ томъ, чтобы со всѣхъ сторонъ заградить выходы стражникамъ и казакамъ, перерѣзать телефонъ, ворваться силой во внутреннія помѣщенія и заранѣе подобранными ключами освободить изъ камеръ заключенныхъ. Двѣ первыя попытки не удались: въ первый разъ товарищи уже проникли во дворъ тюрьмы и начали палить въ стражниковъ, но мимо тюрьмы проѣхалъ паровозъ и видя, что въ тюрьмѣ что-то неладно, помчался въ городъ. Товарищи должны были оставить тюрьму, ибо каждую минуту они могли быть окружены казаками. Въ полномъ боевомъ порядкѣ всѣ отступили обратно. Во второй разъ неудача произошла изъ-за телефона, который никакъ нельзя было перерѣзать. Но 6 сент. товарищи рѣшили во что бы то ни стало взять нашу Бастилію приступомъ, хотя бы пришлось лечь костьми, ибо на дняхъ долженъ былъ уже состояться судъ. Ровно въ 2 часа ночи былъ перерѣзанъ телефонъ, мы перелѣзали черезъ заборы и открыли пальбу въ стражниковъ, сразу убивъ постового. Поднялись въ помѣщеніе, но тутъ случилась оказія: подобранные нами ключи не годились, ибо днемъ раньше замки были перемѣнены. Товарищи не растерялись, взялись рубить топорами двери и освободили трехъ заключенныхъ, но одинъ изъ нихъ отказался выйти, такъ какъ ему оставалось не долго сидѣть. Описать панику, охватившую тюремщиковъ, я не въ состояніи: отовсюду крики, огонь, шумъ, пули такъ и свистѣли надъ головами. Пробывъ въ тюрьмѣ полчаса съ лишнимъ, мы, по командѣ, стали отступать въ полномъ боевомъ порядкѣ. Тутъ то началась перестрѣлка: 700 пуль было выпущено нашей охраной. Убитыхъ стражниковъ пять и раненыхъ неизвѣстное количество. Характерно, что, несмотря на огонь, который не прекращался за все время, ни одинъ изъ нашихъ не пострадалъ; объясняется это тѣмъ, что, благодаря паникѣ, стражники сами не знали, куда стрѣляютъ. Въ результатѣ мы освободили товарищей Яна Лаца и Юліуса Слесера. На обратномъ пути городовые погнались за однимъ товарищемъ, который убилъ одного изъ нихъ наповалъ, но послѣ былъ настигнутъ и арестованъ, благодаря тому, что разстрѣлялъ всѣ патроны. На другой улицѣ арестованъ еврейскій мальчикъ, у котораго нашли револьверъ. Всего, что мы намѣтили, все-же осуществить не удалось, благодаря тому, что мы были застигнуты врасплохъ перемѣной ключей; пришлось ограничиться освобожденіемъ главныхъ обвиняемыхъ по приготовленію бомбъ.

Полиція выбивается изъ силъ, чтобы отыскать слѣды „преступленія“; говорятъ, что губернаторъ, прокуроръ и смотритель тюрьмы слетятъ съ мѣста. Полиція обѣщаетъ 1000 руб. награды за отысканіе освобожденныхъ „преступниковъ“. Напрасны ихъ усилія — слѣдъ давно простылъ.

Въ предпріятіи участвовало 55 человѣкъ изъ нашей организаціи, Латышской Партіи и Союза (латышскаго? Ред.).

Участникъ предпріятія.

Кіевъ. Вчера, 7 сентября, въ Владимірскомъ университетѣ состоялась сходка студентовъ по поводу возобновленія занятій. Она носила совершенно иной характеръ, чѣмъ сходка политехникума. Въ то время, какъ тамъ самыя глупыя пошлости не только раздавались съ каѳедры, но и восторженно принимались значительной частью студентовъ, здѣсь болѣе или менѣе революціонное настроеніе студентовъ продиктовало элементамъ оппортунистическаго либерализма необходимость спрятаться. Сходка была объявлена въ 14-й аудиторіи. Но она не могла вмѣстить и половины пришедшихъ. Тогда студенты отправили депутацію къ ректору и профессорамъ, съ просьбой открыть для нихъ актовый залъ. Профессора отвѣтили, что они сами собрались тамъ для выборовъ декановъ и отказались уступить его. Тогда съ помощью скамеекъ была взломана дверь актовой залы и тысячная толпа наполнила его. На сходкѣ были тысячи двѣ, если не больше. Было много постороннихъ лицъ, много женщинъ. Собраніе открылось пѣніемъ вѣчной памяти тремъ студентамъ Кіевскаго университета, павшимъ въ борьбѣ за послѣднее время (Блинова, Вайнштейна и кн. Хархеулидзе) и всѣмъ убитымъ и казненнымъ. Могучіе аккорды понеслись по залу, точно тяжелое видѣніе смерти, вырывающей столько смѣлыхъ и полныхъ жизни жертвъ. Затѣмъ было прочитано чудное стихотвореніе и начались рѣчи. Говорили большей частью соціальдемократы. Они проводили тактику, предложенную „Искрой“. Особеннаго труда это не представляло, такъ какъ всѣ революціонные элементы студенчества ее приняли. Только одинокіе голоса, пытавшіеся вернуть студенческое движеніе въ его старое академическое русло, раздавались съ каѳедры и за ихъ резолюцію было подано всего нѣсколько голосовъ. Соціальдемократическая резолюція, ставящая передъ студентами задачу сдѣлать университетъ клубомъ революціоннаго народа, и помогать борьбѣ пролетаріата, собрала приблизительно $^3/_5$ голосовъ. Остальные же элементы студенчества (с.-р-ы, „демократы республиканцы“, освобожденцы и внѣпартійные, голосовали за резолюцію, предложенную „группой студентовъ“, которая, принимая предложенную нами тактику, отличается только нѣкоторой неопредѣленностью и с.-р-овской терминологіей („интеллигенція, пролетаріатъ и трудовое крестьянство“). Такимъ образомъ, большинствомъ $^3/_5$ голосовъ прошла послѣдняя резолюція. Но мы можемъ быть весьма довольными вчерашнимъ собраніемъ. Во-первыхъ, предложенная нами тактика была цѣликомъ принята, во-вторыхъ, мы собрали вокругъ нашей ярко-соціальдемократической резолюціи много голосовъ и, надо полагать, самые дѣятельные элементы. Вообще, на собраніи самымъ дѣятельнымъ элементомъ были соц. дем. Самыя лучшія рѣчи, большинство ораторовъ, принадлежали соц. дем. Ни одинъ изъ другихъ ораторовъ не объявлялъ себя принадлежащимъ къ какой нибудь партіи.

Послѣ собранія съ пѣніемъ Марсельезы, „Смѣло, друзья“ и „Вихри враждебныя“ прошли студенты по длиннымъ коридорамъ университета.

Хочу еще отмѣтить одинъ инцидентъ, характеризующій дряблость академическаго союза въ лицѣ его самыхъ радикальныхъ профессоровъ. Какъ только студенты усѣлись, явился какой-то профессоръ, который, возмущаясь совершеннымъ студентами „насиліемъ“, предлагалъ имъ забвеніе, если они сейчасъ же отсюда удалятся и отложатъ сходку на завтра. Студенты отвергли это предложеніе и постановили пригласить на сходку делегатовъ московскаго съѣзда. Вскорѣ явился извѣстный профессоръ Е. Трубецкой и попросилъ слова. Рѣчь его была тягуча, водяниста и страшно безцвѣтна. Онъ просилъ ихъ именемъ Максима Максимовича Ковалевскаго (подумаешь, какое святое имя для русской интеллигенціи!) взяться за занятія. Онъ говорилъ о нуждахъ деревни, объ ея болѣзняхъ, нуждѣ во врачахъ и агрономахъ и снова просилъ учиться для того, чтобы помогать деревнѣ. Затѣмъ онъ объяснилъ, что профессора думаютъ постепенно вводить академическую свободу, что ими исключена всякая мысль о насиліи надъ студентами. Его рѣчь была хорошо разобрана нашими товарищами. Рѣчь Трубецкого произвела въ общемъ скверное впечатлѣніе. Ясно было видно, что уроки для нихъ прошли даромъ и они еще не желаютъ и не могутъ, по духу своему, вступать на путь открытой борьбы.

Бѣлая Церковь. Дѣятельность мѣстной организаціи Бунда, или вѣрнѣе, его мѣстныхъ верховъ уже давно сводится къ дискредитированію нашей партіи вообще и мѣстной организаціи въ частности. Работая въ чертѣ еврейской осѣдлости, Бундъ встрѣчаетъ благодарную почву для насажденія идей непослѣдовательнаго сіонизма и выдержаннаго національизма. Случайно связавшись съ христіанскими рабочими, Бундъ, передаетъ ихъ Револ. Укр. Партіи, доказывая, что наша партія, или, какъ они говорятъ, „Искра“ (не понимая разницы между понятіями партія и органъ) не существуетъ; что „Искра“ проповѣдуетъ антисемитизмъ и что дѣйствительной соц.-дем. организаціей является Рев. Укр. П. Пріемы, къ которымъ Бундъ прибѣгаетъ для пріобрѣтенія связей, недостойны с.-д. организацій. Въ срединѣ августа, въ м. Фастовѣ среди столяровъ началось броженіе. Столяры рѣшили забастовать и обратились къ бывшему случайно въ Фастовѣ одному изъ нашихъ товарищей съ просьбой вызвать человѣка для организаціи забастовки. Когда я пріѣхалъ туда и явился на собраніе, то бывшій тамъ бундовецъ-массовикъ заявилъ, что требованія для столяровъ уже выработаны Бундомъ и забастовку ведутъ они. Не желая деморализовать массы борьбой за веденіе забастовки, я оставилъ собраніе, предоставивъ Бунду веденіе этой забастовки. Въ это время сапожники бросили работу и, собираясь по улицѣ кучками, обсуждали требованія. Я подошелъ къ нимъ, завелъ разговоръ и мнѣ удалось на слѣдующій день собрать всѣхъ сапожниковъ, выработать для нихъ требованія и пріостановить работу въ мастерскихъ. Надо сказать, что масса была совершенно не захвачена движеніемъ и безсознательна. Послѣ перваго собранія, проведеннаго мною, пріѣхали изъ Бѣл. Церкви два бундовца и одинъ украинецъ (интеллигентъ, называвшій себя когда-то искровцемъ и не работавшій только потому, что не соглашался на контроль организаціи, а требовалъ полной самостоятельности). Послѣдній разыскивалъ сапожниковъ и доказывалъ имъ, что „Искра“ никогда не проводила удачно ни одной забастовки и что всѣ забастовки, окончившіяся успѣшно, проходили подъ руководствомъ Бунда или украинцевъ. Агитацію эту они вели, главнымъ образомъ, среди еврейскихъ рабочихъ. Черезъ день снова состоялась сходка. Бундовцы и украинцы выслѣдили квартиру и явились тоже туда, хотя ихъ не приглашали. На этомъ собраніи они тоже доказывали неспособность партіи вести забастовку. Въ доказательство они спросили рабочихъ, поняли ли тѣ вчера искровца, говорившаго по русски, и еврейскіе рабочіе, подготовленные къ этому вчерашней агитаціей Бунда, стали кричать, что ни они, ни христіанскіе рабочіе не поняли искровца, на что одинъ изъ христіанскихъ рабочихъ замѣтилъ, что они поняли и что первые могутъ говорить только отъ своего имени. Безобразія было столько, что нѣтъ возможности описать и мнѣ пришлось оставить Фастово. У меня является послѣ этого вопросъ, неужели это есть тактика всего Бунда или только Бѣло Церковскіе вожаки являются столь сознательными „соц.-дем.? Если второе, то не мѣшало бы центральнымъ учрежденіямъ Бунда обратить вниманіе на такіе дезорганизующія поступки въ то время, когда с.-д. всѣхъ фракцій стремятся къ объединенію, когда такое объединеніе является одной изъ наиболѣе важныхъ потребностей въ наше революціонное время.

Рабочій.

Севастополь. 5 сентября. Въ борьбѣ съ крамолой самодержавіе исчерпало уже всѣ средства, которыя могла когда либо придумать самая дьявольская изобрѣтательность. Сначала — нагайки, тюремныя застѣнки, административныя ссылки, въ перемежку съ „сердечнымъ попеченіемъ“ и провокаторскими, зубатовскими заигрываніями съ массами. Потомъ — штыки, пули, массовые разстрѣлы, еврейскіе и армянскіе погромы, крестовые походы на интеллигенцію, въ перемежку съ „вѣротерпимостью“ и „народнымъ представительствомъ“. Захлебываясь въ народной крови, съ нагайкой въ одной рукѣ и съ веревкой отъ висѣлицы въ другой, самодержавный звѣрь издыхаетъ, быстро катясь въ зіяющую передъ нимъ, вмѣсто „прародительскаго престола“, бездну. Но онъ не хочетъ умирать одинъ... Въ своихъ мерзкихъ щупальцахъ это кровожадное чудовище хочетъ унести, какъ возможно больше жертвъ. Съ поспѣшностью умирающаго оно объявляетъ страну на военномъ положеніи и отдаетъ милліоны гражданъ подъ защиту военныхъ судовъ, творящихъ, если не „милостивый“ и „правый“, за то „скорый“ судъ. Вы знаете, товарищи, что нашъ Севастополь однимъ изъ числа первыхъ удостоился этой новой царской милости. Вотъ уже 24 августа разстрѣлены 4 нашихъ товарищей матросовъ прутовцевъ — Петровъ, Титовъ, Адаменко и Черный, а скоро опять предстоитъ новая казнь трехъ новыхъ нашихъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“ — Степанюка, Кошубы и Денеги[1]) Чуть не каждый день казни, на стѣнахъ лаконическія объявленія Чухнина о военномъ положеніи, это своеобразное русское „memento mori“, усиленные патрули по городу и окрестностямъ, свыше 1000 арестованныхъ матросовъ, масса высланныхъ товарищей... Кажется сдѣлано все, чтобы царскій сонъ былъ спокоенъ. Но, увы! И среди казней и военнаго положенія, среди бряцанія шпоръ и шпіоновъ крамола ростетъ! Ростетъ здѣсь, въ этомъ военномъ городѣ, на который самодержавіе, казалось бы, могло разсчитывать больше, чѣмъ на другіе города. Вы знаете, товарищи, какъ разъ уже жестоко обманулось на этотъ счетъ царское правительство. Да, не лучше его дѣла и сейчасъ. Правда, послѣ вооруженнаго возстанія „Князя Потемкина“, казалось со стороны, что на этой новой „Шипкѣ“ — „все спокойно“. Но это только со стороны. Внутри же шла спѣшная работа. Мы быстро чинили нашъ революціонный корабль и стягивали ряды борцовъ, оставшихся въ живыхъ на полѣ битвы. Мы не можемъ, товарищи, подѣлиться съ вами въ открытомъ письмѣ нашими успѣхами, по вполнѣ вамъ извѣстнымъ причинамъ. Скажемъ только что изъ работы въ подпольѣ понемногу начинаемъ опять выходить на свѣтъ божій. Начали съ массовокъ, кончили вчера устройствомъ открытаго политическаго митинга. Мы рѣшили повести широкую массовую агитацію по поводу совершившейся казни 4-хъ товарищей матросовъ и готовящейся новой — 3-хъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца“. Нашей цѣлью было создать такое боевое настроеніе, чтобы на ударъ царскаго правительства мы могли бы отвѣтить ударомъ же. Мы не можемъ еще сказать въ какую форму выльется этотъ протестъ: будетъ ли это политическая забастовка, демонстрація или дѣло ограничится только народными митингами. Вчера (30) былъ устроенъ первый такой митингъ. Для этого мы воспользовались слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ежедневно въ 4 часа дня съ Корабельной части города отправляются двѣ баржи съ рабочими, живущими въ самомъ городѣ. Число переѣзжающихъ ежедневно такимъ образомъ, рабочихъ достигаетъ до 1200 человѣкъ. И вотъ было рѣшено, что когда баржи пристанутъ къ городской пристани и рабочіе станутъ выходить на берегъ, нашъ ораторъ остановитъ толпу и устроитъ митингъ. По окончаніи митинга должны были быть распространены листки по поводу смертныхъ казней съ призывомъ къ протесту. Все вышло такъ, какъ предполагалось. Толпа съ большимъ вниманіемъ и удивленіемъ слушала свободное слово, и въ городѣ, наполненномъ „царевымъ“ воинствомъ, шпіонами и жандармами, въ городѣ съ военнымъ положеніемъ неслась свободная рѣчь и возгласы сотенъ слушателей: „Долой самодержавіе!“ „Смерть тиранамъ!“ и т. д. Митингъ продолжался лишь 15 минутъ, чему, впрочемъ, виной были сами товарищи рабочіе. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи оратора они, думая, что ораторъ уже кончилъ рѣчь, стали бросать въ толпу прокламаціи и съ возгласами двинулись къ городу. Затягивать митингъ было впрочемъ неудобно и потому, что каждую минуту могли появиться царскіе башибузуки. Оживленіе въ городѣ большое. Всѣ знаютъ и говорятъ о митингѣ, о возгласахъ, о листкахъ. Листки вообще мы стали распространять очень широко. Такъ, дня за 3 до митинга, въ „день усѣкн. гл.“, когда на улицахъ и окраинахъ было масса праздничнаго люда (солдатъ, матросовъ, штатскихъ) около 7 часовъ вечера со всѣхъ концовъ города началась открытая раздача листковъ (о „погромахъ“ и о „казни“, по двѣ сразу) при помощи нанятыхъ съ этой цѣлью мальчишекъ, имъ листки дали подъ видомъ объявленій. Распространеніе вышло въ высшей степени удачнымъ. На другой день въ народномъ домѣ во время одного изъ антрактовъ со всѣхъ сторонъ посыпались тѣ же листки. Обезумѣвшая полиція стала кричать: „не троньте, не поднимайте“, но публика не слушала ихъ гласа и быстро расхватала листки. Никто изъ нашихъ не арестованъ. Все это, въ связи съ побѣгомъ Фельдмана и 2 надзирателей съ военной гауптвахты, показываетъ всѣмъ жителямъ безсиліе самодержавія и силу „крамолы“. А, такъ какъ все совершающееся здѣсь, вся революціонная работа ведется подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П., то ростетъ вѣра въ силу и мощь этой партіи, какъ передового борца возставшаго народа.

Ростовъ н/Д. 27 августа. Мобилизація прошла у насъ безъ особенныхъ осложненій. Призвать рабочихъ политической забастовкой выразить свой протестъ противъ нея, организація не могла, вслѣдствіе недостаточно боевого настроенія рабочихъ; среди запасныхъ нельзя было предпринять никакихъ организованныхъ дѣйствій, вслѣдствіе отсутствія среди нихъ прочныхъ связей и полной недисциплинированности массы. Организація могла бы только въ томъ случаѣ призвать рабочихъ къ забастовкѣ, если бы запасные сами начали дѣйствовать, что сильно повысило бы настроеніе рабочихъ. Первый день отправки запасныхъ прошелъ сравнительно спокойно. На другой день, — 20 августа, по требованію многихъ членовъ организаціи, рѣшено было послать на вокзалъ ораторовъ и распространить среди запасныхъ листки. Ораторы, однако, не выступили, такъ какъ не было никакой возможности говорить среди наполовину пьяной толпы, распространеніе же листковъ повлекло за собой избіеніе нѣсколькихъ товарищей. Изъ нихъ была организована группа подметчиковъ, которой было поручено держаться вмѣстѣ и распространять листки только послѣ рѣчи оратора, въ случаѣ сочувственнаго настроенія толпы. Несмотря на это условіе, подметчики разсѣялись среди толпы и стали разбрасывать листки на свой страхъ и рискъ. Между тѣмъ, на вокзалъ были отряжены значительныя силы полиціи и черной сотни. Замѣтивши нѣсколькихъ товарищей, шпіоны и черносотенники набросились на нихъ и стали избивать ихъ, призывая къ тому же запасныхъ. Полиція усердно поощряла черносотенниковъ. Одного товарища, уже сильно избитаго, пытались спасти бывшіе здѣсь же нѣсколько рабочихъ, передавши его съ рукъ на руки черезъ заборъ, но околодочный вырвалъ его у нихъ и втолкнулъ снова въ толпу. Другого товарища, тоже уже полумертваго, околодочный билъ каблукомъ, только для виду приговаривая: „тише, тише!“ Шпіонъ вскочилъ на Садовой въ вагонъ трамвая и съ крикомъ: „Бей вора!“ — набросился на одного рабочаго-кузнеца; только вмѣшательство товарищей спасло его отъ избіенія. Таковы факты, которые удалось узнать; о нихъ говорится, между прочимъ, и въ листкѣ „Ко всѣмъ гражданамъ“, издаваемымъ по поводу избіенія Комитетомъ. Между прочимъ, на вокзалѣ было, по частной иниціативѣ, выброшено красное знамя, но, такъ какъ организація никакой демонстраціи устраивать не собиралась и рабочихъ на вокзалѣ было мало, знамя продержалось только нѣсколько секундъ и выбросившая его группа рабочихъ разсѣялась. Избіеніе и появленіе знамени вызвало среди организованныхъ товарищей много несправедливыхъ нареканій на Комитетъ, но теперь недоразумѣніе уже улажено. Избитые живы, къ нимъ предъявляютъ обвиненіе въ распространеніи листковъ, хотя единственная улика противъ нихъ — то, что они были избиты шпіонами и черносотенниками. Запасные мало принимали участіе въ избіеніи, причемъ замѣчалось, что били пришедшіе изъ окрестныхъ деревень, ростовцы же защищали избиваемыхъ.

Почти вся дѣятельность организаціи была направлена въ послѣднее время на укрѣпленіе связей, подорванныхъ царившей здѣсь полтора мѣсяца анархіей. Агитація ведется до сихъ поръ очень слабо. Большихъ массовокъ не было уже около полтора мѣсяца, только недавно стали устраивать небольшія собранія по 25—30 человѣкъ. Съ недѣлю тому назадъ былъ организованъ небольшой митингъ (въ 100 человѣкъ) подъ заводомъ Рысса, при выходѣ съ работъ. Ораторъ говорилъ минутъ 15 объ экономической борьбѣ, о связи экономики съ политикой, о мобилизаціи и Государственной Думѣ, закончилъ призывомъ организоваться и вооружаться. Агитація по вопросу о Госуд. Думѣ еще недостаточно широко ведется. Въ послѣдніе дни она дополнена агитаціей по вопросу о мирѣ. Выставлены требованія: конфискація всѣхъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ имѣній, конфискація имѣній Алексѣевыхъ и Безобразовыхъ для уплаты всѣхъ военныхъ расходовъ и возмѣщенія потерь народа во время войны, введенія прогрессивнаго и подоходнаго налога, отмѣна расходовъ на армію (введеніе народной милиціи) и церковь (отдѣленіе церкви отъ государства) — *(Начиная съ этого мѣста небольшая часть рукописи утеряна.*

Еще нѣсколько словъ о нашей организаціонной жизни. За время анархіи здѣсь возникла довольно сильная „оппозиція“ комитету и районнымъ комитетамъ. Какъ раньше „районы“ возставали противъ комитетовъ, такъ теперь, когда „районы“ признаны уже вполнѣ „правоспособными“, противъ нихъ возстали „центральные кружки“ (заводскіе и цеховые), требуя послѣдовательнаго проведенія выборнаго начала при составленіи „района“. Недѣли 2—3 „центры“ вели энергичную агитацію за переустройство организаціи, нѣкоторые — тщательно конспирируя отъ Комитета и „районовъ“; наконецъ, было устроено общее собраніе изъ представителей отъ большинства „центровъ“, на которое явились и представители отъ Комитета и на которомъ была единогласно принята слѣдующая резолюція, предложенная Комитетомъ: „Какъ только „центръ“ докажетъ свою работоспособность, „районъ“ предлагаетъ ему рѣшить, желаетъ ли онъ выбрать изъ своей среды представителя въ „районъ“ или утвердить прежняго, посланнаго „райономъ“; если „центръ“ пожелаетъ выбрать новаго представителя и если этотъ представитель „райономъ“ не будетъ признанъ удовлетворяющимъ своему назначенію, то „районъ“ долженъ представить „центру“ мотивированный отказъ принять этого представителя въ свою среду. Если „центръ“ будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи, вопросъ переносится на разсмотрѣніе третейскаго суда, въ который входятъ по 2 представителя отъ „центра“ и „района“, 5-й же посылается Комитетомъ. Рѣшеніе этого суда обязательно для обѣихъ сторонъ.“

Членъ Донского Комитета.

Луганскъ. У насъ здѣсь существуетъ Славяно-сербскій медицинскій союзъ, который, хотя и не примыкаетъ къ союзу союзовъ, но занимаетъ позицію радикально-демократическую (съ признаніемъ чуть ли не всѣхъ пунктовъ программы-минимумъ соціальдемократіи). Собранія союза бываютъ полуоффиціальныя (т. е. полиція о нихъ не извѣщается, и публика политически надежная имѣетъ обыкновенно доступъ). На вчерашнемъ собраніи долженъ былъ разбираться, между прочимъ, вопросъ о тактикѣ по отношенію къ Государственной Думѣ и о выборѣ делегата на Всероссійскій Медицинскій Съѣздъ. Стоя въ вопросѣ о тактикѣ по отношенію къ Думѣ на точкѣ зрѣнія „Искры“ (причемъ на цѣломъ рядѣ рабочихъ собраній эта тактика была выяснена и обоснована), наша организація считала цѣлесообразнымъ выступленіе на собраніяхъ Медицинскаго Союза съ резолюціей рабочихъ. Въ виду „полулегальности“ засѣданія привлечь болѣе широкіе слои рабочихъ къ участію въ выступленіи являлось невозможнымъ и неудобнымъ, и вслѣдствіе этого широкаго значенія въ смыслѣ политическаго воспитанія массъ такое выступленіе имѣть не могло; все же мы (а также группа передовыхъ рабочихъ) сочли цѣлесообразнымъ явиться группой на собраніе и ознакомить путемъ резолюцій, если нужно будетъ и дискуссіи, членовъ медицинскаго персонала съ намѣченной нами тактикой, давъ тутъ же критику тактики, которая рекомендуется умѣренно-либеральной оппозиціей и къ которой наши радикалы, по недомыслію и по неумѣнію придумать что-либо самостоятельное, — начинаютъ склоняться.

Въ соотвѣтствующемъ духѣ была выработана нами обстоятельная резолюція, въ которой выяснялось намъ, какъ понимаемъ мы самый фактъ „уступки“ самодержавія, какія цѣли преслѣдовало правительство при созданіи этого квази народнаго представительства, каково наше отношеніе къ Думѣ и какова будетъ наша тактика. Въ заключеніе мы звали ихъ, какъ „лишенныхъ“, бодить заключенныхъ, ожидавшихъ суда и смертнаго приговора за приготовленіе бомбъ на заводѣ „Фениксъ". Группа поглощенная широкой агитаціонной работой, развившейся послѣ іюльскихъ событій, не могла взять на себя организаціи этого дѣла и предоставила вести его самимъ инціаторамъ. Планъ нападенія состоялъ въ томъ, чтобы со всѣхъ сторонъ заградить выходы стражникамъ и казакамъ, перерѣзать телефонъ, ворваться силой во внутреннія помѣщенія и заранѣе подобранными ключами освободить изъ камеръ заключенныхъ. Двѣ первыя попытки не удались: въ первый разъ товарищи уже проникли во дворъ тюрьмы и начали палить въ стражниковъ, но мимо тюрьмы проѣхалъ паровозъ и видя, что въ тюрьмѣ что-то неладно, помчался въ городъ. Товарищи должны были оставить тюрьму, ибо каждую минуту они могли быть окружены казаками. Въ полномъ боевомъ порядкѣ всѣ отступили обратно. Во второй разъ неудача произошла изъ-за телефона, который никакъ нельзя было перерѣзать. Но 6 сент. товарищи рѣшили во что бы то ни стало взять нашу Бастилію приступомъ, хотя бы пришлось лечь костьми, ибо на дняхъ долженъ былъ уже состояться судъ. Ровно въ 2 часа ночи былъ перерѣзанъ телефонъ, мы перелѣзли черезъ заборы и открыли пальбу въ стражниковъ, сразу убивъ постового. Поднялись въ помѣщеніе, но тутъ случилась оказія: подобранные нами ключи не годились, ибо днемъ раньше замки были перемѣнены. Товарищи не растерялись, взялись рубить топорами двери и освободили трехъ заключенныхъ, но одинъ изъ нихъ отказался выйти, такъ какъ ему оставалось не долго сидѣть. Описать панику, охватившую тюремщиковъ, я не въ состояніи: отовсюду крики, огонь, шумъ, пули такъ и свистѣли надъ головами. Пробывъ въ тюрьмѣ полчаса съ лишнимъ, мы, по командѣ, стали отступать въ полномъ боевомъ порядкѣ. Тутъ то началась перестрѣлка: 700 пуль было выпущено нашей охраной. Убитыхъ стражниковъ пять и раненыхъ неизвѣстное количество. Характерно, что, несмотря на огонь, который не прекращался за все время, ни одинъ изъ нашихъ не пострадалъ; объясняется это тѣмъ, что, благодаря паникѣ, стражники сами не знали, куда стрѣляютъ. Въ результатѣ мы освободили товарищей Яна Лаца и Юліуса Слесера. На обратномъ пути городовые погналась за однимъ товарищемъ, который убилъ одного изъ нихъ наповалъ, но послѣ былъ настигнутъ и арестованъ, благодаря тому, что разстрѣлялъ всѣ патроны. На другой улицѣ арестованъ еврейскій мальчикъ, у котораго нашли револьверъ. Всего, что мы намѣтили, все же осуществить не удалось, благодаря тому, что мы были застигнуты врасплохъ перемѣной ключей; пришлось ограничиться освобожденіемъ главныхъ обвиняемыхъ по приготовленію бомбъ.

---

[1] Теперь уже это фактъ совершившійся. 3-го казнены 2 товарища съ „Георгія Побѣдоносца“. Одинъ Степанюкъ „помилованъ“ Чухнинымъ. Ему смертная казнь замѣнена вѣчной каторгой.

Полиція выбивается изъ силъ, чтобы отыскать слѣды „преступленія"; говорятъ, что губернаторъ, прокуроръ и смотритель тюрьмы слетятъ съ мѣста. Полиція обѣщаетъ 1000 руб. награды за отысканіе освобожденныхъ „преступниковъ". Напрасны ихъ усилія — слѣдъ давно простылъ.

Въ предпріятіи участвовало 55 человѣкъ изъ нашей организаціи, Латышской Партіи и Союза (латышскаго? Ред.).

Участникъ предпріятія.

Кіевъ. Вчера, 7 сентября, во Владимірскомъ университетѣ состоялась сходка студентовъ по поводу возобновленія занятій. Она носила совершенно иной характеръ, чѣмъ сходка политехникума. Въ то время, какъ тамъ самыя глупыя пошлости не только раздавались съ каѳедры, но и восторженно принимались значительной частью студентовъ, здѣсь болѣе или менѣе революціонное настроеніе студентовъ продиктовало элементамъ оппортунистическаго либерализма необходимость скрываться. Сходка была объявлена въ 11-й аудиторіи. Но она не могла вмѣстить и половины пришедшихъ. Тогда студенты отправили депутацію къ ректору и профессорамъ, съ просьбой открыть для нихъ актовый залъ. Профессора отвѣтили, что они сами собрались тамъ для выборовъ декановъ и отказались уступить его. Тогда съ помощью скамеекъ была взломана дверь актовой залы и тысячная толпа наполнила его. На сходкѣ были тысячи двѣ, если не больше. Было много постороннихъ лицъ, много женщинъ. Собраніе открылось пѣніемъ вѣчной памяти тремъ студентамъ Кіевскаго университета, павшимъ въ борьбѣ за послѣднее время: Блинова, Вайнштейна и кн. Хархеулидзе и всѣмъ убитымъ и казненнымъ. Могучіе аккорды понеслись по залу, точно тяжелое дыханіе смерти, вырывавшей столько смѣлыхъ и полныхъ жизни жертвъ. Затѣмъ было прочитано чудное стихотвореніе и начались рѣчи. Говорили большей частью соціальдемократы. Они проводили тактику, предложенную „Искрой". Особеннаго труда это не представляло, такъ какъ всѣ революціонные элементы студенчества ее приняли. Только одинокіе голоса, пытавшіеся вернуть студенческое движеніе въ его старое академическое русло, раздавались съ каѳедры и за ихъ резолюціи было подано всего нѣсколько голосовъ. Соціалдемократическая резолюція, ставящая передъ студентами задачу сдѣлать университетъ клубомъ революціоннаго народа, и помогать борьбѣ пролетаріата, собрала приблизительно ⅓ голосовъ. Остальные же элементы студенчества (эсеры, „демократы-республиканцы", освобожденцы и безпартійные, голосовали за резолюцію, предложенную „группой студентовъ", которая, принимая предложенную нами тактику, отличается только нѣкоторой неопредѣленностью и странной терминологіей („интеллигенція, пролетаріатъ и трудовое крестьянство"). Такимъ образомъ большинствомъ ⅔ голосовъ прошла послѣдняя резолюція. Но мы можемъ быть весьма довольными вчерашнимъ собраніемъ. Во-первыхъ, предложенная нами тактика была цѣликомъ принята, во-вторыхъ, мы собрали вокругъ нашей ярко-соціалдемократической резолюціи много голосовъ и, надо полагать, самые дѣятельные элементы. Вообще, на собраніи самымъ дѣятельнымъ элементомъ были соц.-дем. Самыя лучшія рѣчи, большинство ораторовъ, принадлежали соц.-дем. Ни одинъ изъ другихъ ораторовъ не объявлялъ себя принадлежащимъ къ какой нибудь партіи.

Послѣ собранія съ пѣніемъ Марсельезы, „Смѣло, друзья" и „Вихри враждебные" прошли студенты по длиннымъ корридорамъ университета.

Хочу еще отмѣтить одинъ инцидентъ, характеризующій дряблость академическаго союза въ лицѣ его самыхъ радикальныхъ профессоровъ. Какъ только студенты усѣлись, явился какой-то профессоръ, который, возмущаясь совершеннымъ студентами „насиліемъ", предлагалъ имъ забвеніе, если они сейчасъ же отсюда удалятся и отложатъ сходку на завтра. Студенты отвергли это предложеніе и постановили пригласить на сходку делегатовъ московскаго съѣзда. Вскорѣ явился извѣстный профессоръ Е. Трубецкой и попросилъ слова. Рѣчь его была тягуча, водяниста и страшно безцвѣтна. Онъ просилъ ихъ именемъ Максима Максимовича Ковалевскаго (а думаешь, какое святое имя для русской интеллигенціи!) взяться за занятія. Онъ говорилъ о нуждахъ деревни, объ ея болѣзняхъ, нуждѣ во врачахъ и агрономахъ и снова просилъ учиться для того, чтобы помогать деревнѣ. Затѣмъ онъ объяснилъ, что профессора думаютъ постепенно вводить академическую свободу, что ими исключена всякая мысль о насиліи надъ студентами. Его рѣчь была хорошо разобрана нашими товарищами. Рѣчь Трубецкого произвела въ общемъ скверное впечатлѣніе. Но было видно, что уроки для нихъ прошли даромъ и они еще не желаютъ и не могутъ, по духу своему, вступить на путь открытой борьбы.

Бѣлая Церковь. Дѣятельность мѣстной организаціи Бунда, или вѣрнѣе, его мѣстныхъ верховъ усиленно сводится къ дискредитированію нашей партіи вообще и мѣстной организаціи въ частности. Работая въ чертѣ еврейской осѣдлости, Бундъ встрѣчаетъ благодарную почву для насажденія идей непослѣдовательнаго сіонизма и выдержаннаго націонализма. Случайно связавшись съ христіанскими рабочими, Бундъ передаетъ ихъ Револ. Укр. Партіи, доказывая, что наша партія, или, какъ они говорятъ, „Искра" (не понимая разницы между понятіями партія и органъ) не существуетъ; что „Искра" проповѣдуетъ антисемитизмъ и что дѣйствительной соц.-дем. организаціей является Рев. Укр. П. Пріемы, къ которымъ Бундъ прибѣгаетъ для пріобрѣтенія связей, недостойны с.-д. организацій. Въ срединѣ августа, въ м. Фастовѣ среди столяровъ началось броженіе. Столяры рѣшили забастовать и обратились къ бывшему случайно въ Фастовѣ одному изъ нашихъ товарищей съ просьбой вызвать человѣка для организаціи забастовки. Когда я пріѣхалъ туда и явился на собраніе, то бывшій тамъ бундовецъ-массовикъ заявилъ, что требованія для столяровъ уже выработаны Бундомъ и забастовку ведутъ они. Не желая деморализовать массы борьбой за веденіе забастовки, я оставилъ собраніе, предоставивъ Бунду веденіе этой забастовки. Въ это время сапожники бросили работу и, собираясь по улицѣ кучками, обсуждали требованія. Я подошелъ къ нимъ, завелъ разговоръ и мнѣ удалось на слѣдующій день собрать всѣхъ сапожниковъ, выработать для нихъ требованія и пріостановить работу въ мастерскихъ. Надо сказать что масса была совершенно не захвачена движеніемъ и безсознательна. Послѣ перваго собранія, проведеннаго мною, пріѣхали изъ Бѣл. Церкви два бундовца и одинъ украинецъ (интеллигентъ, называвшій себя когда-то искровцемъ и не работавшій только потому, что не соглашался на контроль организаціи, а требовалъ полной самостоятельности). Послѣдній разыскивалъ сапожниковъ и доказывалъ имъ, что „Искра" никогда не проводила удачно ни одной забастовки и что всѣ забастовки, окончившіяся успѣшно, проходили подъ руководствомъ Бунда или украинцевъ. Агитацію эту они вели, главнымъ образомъ, среди еврейскихъ рабочихъ. Черезъ день снова состоялась сходка. Бундовцы и украинцы выслѣдили квартиру и явились тоже туда, хотя ихъ не приглашали. На этомъ собраніи они тоже доказывали неспособность партіи вести забастовку. Въ доказательство они спросили рабочихъ, поняли ли тѣ вчера искровца, говорившаго по-русски, и еврейскіе рабочіе, подготовленные къ этому вчерашней агитаціей Бунда, стали кричать, что ни они, ни христіанскіе рабочіе не поняли искровца, на что одинъ изъ христіанскихъ рабочихъ замѣтилъ, что они поняли и что первые могутъ говорить только отъ своего имени. Безобразія было столько, что нѣтъ возможности описать и мнѣ пришлось оставить Фастово. У меня является послѣ этого вопросъ, неужели это есть тактика всего Бунда или только Бѣлоцерковскіе вожаки являются столь сознательными „соц.-дем."? Если второе, то не мѣшало бы центральнымъ учрежденіямъ Бунда обратить вниманіе на такіе деморализующія поступки въ то время, когда с.-д. всѣхъ фракцій стремятся къ объединенію, когда такое объединеніе является одной изъ наиболѣе важныхъ потребностей въ наше революціонное время.

Рабочій.

Севастополь. 5 сентября. Въ борьбѣ съ крамолой самодержавіе исчерпало уже всѣ средства, которыя могла когда-либо придумать самая дьявольская изобрѣтательность. Сначала — нагайки, тюремные застѣнки, административныя ссылки, въ перемежку съ „сердечнымъ попеченіемъ" и провокаторскими, зубатовскими заигрываніями съ массами. Потомъ — штыки, пули, массовые разстрѣлы, еврейскіе и армянскіе погромы, крестовые походы на интеллигенцію, въ перемежку съ „вѣротерпимостью" и „народнымъ представительствомъ". Захлебываясь въ народной крови, съ нагайкой въ одной рукѣ и съ веревкой отъ висѣлицы въ другой, самодержавный звѣрь издыхаетъ, быстро катясь въ яму, уже вырытую передъ нимъ вмѣсто „прародительскаго престола", безславную. Но онъ не хочетъ умирать одинъ. Въ своихъ мерзкихъ судорогахъ это кровожадное чудовище хочетъ унести, какъ можно больше жертвъ. Съ злобой, свойственною умирающему, оно объявляетъ страну на военномъ положеніи и отдаетъ милліоны гражданъ подъ защиту военныхъ судовъ, творящихъ, если не „милостивый" и „правый", то „скорый" судъ. Вы знаете, товарищи, что нашъ Севастополь однимъ изъ числа первыхъ удостоился этой новой царской милости. Вотъ уже 24 августа разстрѣлены 4 нашихъ товарищей матросовъ прутовцевъ — Петровъ, Титовъ, Адаменко и Черный, а скоро опять предстоитъ новая казнь трехъ новыхъ нашихъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца" — Степанюка, Кошубы и Денеги[1]. Чуть не каждый день казни, на стѣнахъ лаконическія объявленія Чухнина о военномъ положеніи, это своеобразное русское „memento mori", [illegible] свыше 1000 арестованныхъ матросовъ, масса высланныхъ товарищей. Казалось бы, [illegible] чтобы царскій [illegible] былъ спокоенъ. Но, увы! И среди казней и военнаго положенія, среди бряцанія оружія и [illegible] растетъ здѣсь, въ этомъ военномъ городѣ, на который самодержавіе, казалось бы, можно разсчитывать больше, чѣмъ на другіе города. Вы знаете, товарищи, какъ разъ уже жестоко обманулось на этотъ счетъ царское правительство. Да, не лучше его дѣла и сейчасъ. Правда, послѣ вооруженнаго возстанія „Князя Потемкина" казалось со стороны, что на этой новой „Шипкѣ" „все спокойно". Но это только со стороны. Внутри же шла спѣшная работа. Мы быстро починили нашъ революціонный корабль и стягивали ряды борцовъ, оставшихся живыми на славѣ битвы. Мы не можемъ, товарищи, дѣлиться съ вами въ открытомъ письмѣ нашими успѣхами по извѣстнымъ вамъ причинамъ. Скажемъ только, что наша работа въ Севастополѣ понемногу начинаетъ опять выходить на свѣтъ божій. Начали съ массовокъ, кончили вчера устройствомъ открытаго политическаго митинга. Мы рѣшили провести широкую массовую агитацію по поводу совершившейся казни 4-хъ товарищей матросовъ и готовящейся новой — 3-хъ товарищей съ „Георгія Побѣдоносца". Нашей цѣлью было создать такое боевое настроеніе, чтобы на ударъ царскаго правительства мы могли бы отвѣчать ударомъ же. Мы не можемъ еще сказать въ какую форму выльется этотъ протестъ: будетъ ли это политическая забастовка, демонстрація или дѣло ограничится только народными митингами. Вчера 3-го былъ устроенъ первый такой митингъ. Для этого мы воспользовались слѣдующимъ обстоятельствомъ. Ежедневно въ 4 часа дня съ Корабельной части города отправляются [illegible] баржи съ рабочими, живущими въ самомъ городѣ. Число переѣзжающихъ ежедневно такимъ образомъ рабочихъ достигаетъ до 1200 человѣкъ. И вотъ было рѣшено, что когда баржи пристанутъ къ городской пристани и рабочіе станутъ выходить на берегъ, нашъ ораторъ остановитъ толпу и устроитъ митингъ. По окончаніи митинга должны были быть распространены листки по поводу смертныхъ казней съ призывомъ къ протесту. Все вышло такъ, какъ предполагалось. Толпа съ большимъ вниманіемъ и удивленіемъ слушала свободное слово, и въ городѣ, наполненномъ „царевымъ" воинствомъ, шпіонами и жандармами, въ городѣ съ военнымъ положеніемъ неслась свободная рѣчь и возгласы сотенъ слушателей: „Долой самодержавіе!" „Смерть тиранамъ!" и т. д. Митингъ продолжался не менѣе 15 минутъ, чему, впрочемъ, виной были сами товарищи рабочіе. Въ одномъ мѣстѣ рѣчи оратора они, думая, что ораторъ уже кончилъ рѣчь, стали бросать въ толпу прокламаціи и съ возгласами двинулись къ городу. Затягивать митингъ было впрочемъ неудобно и потому, что каждую минуту могли появиться царскіе башибузуки. Оживленіе въ городѣ большое. Всѣ знаютъ и говорятъ о митингѣ, о возгласахъ, о листкахъ. Листки вообще мы стали распространять очень широко. Такъ, дня за 3 до митинга, въ „день усѣкновенія главы", когда на улицахъ и окраинахъ было масса праздничнаго люда, солдатъ, матросовъ, штатскихъ, около 7 часовъ вечера, со всѣхъ концовъ города началась открытая раздача листковъ о „Потемкинцахъ" и „казни" по двѣ сразу при помощи нанятыхъ съ этой цѣлью мальчишекъ, имъ листки дали подъ видомъ объявленій. Распространеніе вышло въ высшей степени удачнымъ. На другой день въ народномъ домѣ во время одного изъ антрактовъ со всѣхъ сторонъ посыпались тѣ же листки. Обезумѣвшая полиція стала кричать: „не троньте, не поднимайте", но публика не слушала ихъ гласа и быстро расхватала листки. Никто изъ нашихъ не арестованъ. Все это, въ связи съ побѣгомъ Фельдмана и 2 надзирателей съ военной гауптвахты, показываетъ всѣмъ жителямъ безсиліе самодержавія и силу „крамолы". А, такъ какъ все совершающееся здѣсь, вся революціонная работа ведется подъ знаменемъ Р. С.-Д. Р. П., то ростетъ вѣра въ силу и мощь этой партіи, какъ передового борца возставшаго народа.

Ростовъ н/Д. 27 августа. Мобилизація прошла у насъ безъ особенныхъ осложненій. Призвать рабочихъ политической забастовкой выразить свой протестъ противъ нея, организація не могла, вслѣдствіе недостаточно боевого настроенія рабочихъ; среди запасныхъ нельзя было предпринять никакихъ организованныхъ дѣйствій, вслѣдствіе отсутствія среди нихъ прочныхъ связей и полной недисциплинированности массы. Организація могла бы только въ томъ случаѣ призвать рабочихъ къ забастовкѣ, если бы запасные сами начали дѣйствовать, что сильно повысило бы настроеніе рабочихъ. Первый день отправки запасныхъ прошелъ сравнительно спокойно. На другой день, — 20 августа, по требованію многихъ членовъ организаціи, рѣшено было послать на вокзалъ ораторовъ и распространить среди запасныхъ листки. Ораторы, однако, не выступили, такъ какъ не было никакой возможности говорить среди наполовину пьяной толпы, распространеніе же листковъ повлекло за собой избіеніе нѣсколькихъ товарищей. Изъ нихъ была организована группа подметчиковъ, которой было поручено держаться вмѣстѣ и распространять листки только послѣ рѣчи оратора, въ случаѣ сочувственнаго настроенія толпы. Несмотря на это условіе, подметчики разсѣялись среди толпы и стали разбрасывать листки на свой страхъ и рискъ. Между тѣмъ, на вокзалъ были отряжены значительныя силы полиціи и черной сотни. Замѣтивши нѣсколькихъ товарищей, шпіоны и черносотенники набросились на нихъ и стали избивать ихъ, призывая къ тому же запасныхъ. Полиція усердно поощряла черносотенниковъ. Одного товарища, уже сильно избитаго, пытались спасти бывшіе здѣсь же нѣсколько рабочихъ, передавши его съ рукъ на руки черезъ заборъ, но околодочный вырвалъ его у нихъ и втолкнулъ снова въ толпу. Другого товарища, тоже уже полумертваго, околодочный билъ каблукомъ, только для виду приговаривая: „тише, тише!" Шпіонъ вскочилъ на Садовой въ вагонъ трамвая и съ крикомъ „бей вора!" — набросился на одного рабочаго-кузнеца; только вмѣшательство товарищей спасло его отъ избіенія. Таковы факты, которые удалось узнать; о нихъ говорится, между прочимъ, и въ листкѣ „Ко всѣмъ гражданамъ", издаваемымъ по поводу избіенія Комитетомъ. Между прочимъ, на вокзалѣ было, по частной иниціативѣ, выброшено красное знамя, но, такъ какъ организація никакой демонстраціи устраивать не собиралась и рабочихъ на вокзалѣ было мало, знамя продержалось только нѣсколько секундъ и выбросившая его группа рабочихъ разсѣялась. Избіеніе и появленіе знамени вызвало среди организованныхъ товарищей много несправедливыхъ нареканій на Комитетъ, но теперь недоразумѣніе уже улажено. Избитые живы, къ нимъ предъявляютъ обвиненіе въ распространеніи листковъ, хотя единственная улика противъ нихъ — то, что они были избиты шпіонами и черносотенниками. Запасные мало принимали участіе въ избіеніи, причемъ замѣчалось, что били пришедшіе изъ окрестныхъ деревень, ростовцы же защищали избиваемыхъ.

Почти вся дѣятельность организаціи была направлена въ послѣднее время на укрѣпленіе связей, порванныхъ царившей здѣсь полтора мѣсяца анархіей. Агитація ведется до сихъ поръ очень слабо. Большихъ массовокъ не было уже около полтора мѣсяца, только недавно стали устраивать небольшія собранія по 25—30 человѣкъ. Съ недѣлю тому назадъ былъ организованъ небольшой митингъ (въ 100 человѣкъ) подъ заводомъ Рысса, при выходѣ съ работъ. Ораторъ говорилъ минутъ 15 объ экономической борьбѣ, о связи экономики съ политикой, о мобилизаціи и Государственной Думѣ, закончилъ призывомъ организоваться и вооружаться. Агитація по вопросу о Госуд. Думѣ еще недостаточно широко ведется. Въ послѣдніе дни она дополнена агитаціей по вопросу о мирѣ. Выставлены требованія: конфискація всѣхъ удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ имѣній, конфискація имѣній Алексѣевыхъ и Безобразовыхъ для уплаты ихъ военныхъ расходовъ и возмѣщенія потерь народа во время войны, введенія прогрессивнаго и подоходнаго налога, отмѣна расходовъ на армію (введеніе народной милиціи) и церковь (отдѣленіе церкви отъ государства). — *Начиная съ этого мѣста небольшая часть рукописи утеряна.*

Еще нѣсколько словъ о нашей организаціонной жизни. За время анархіи здѣсь возникла довольно сильная „оппозиція" комитету и районнымъ комитетамъ. Какъ раньше „районы" возставали противъ комитетовъ, такъ теперь, когда „районы" признаны уже вполнѣ „правоспособными", противъ нихъ возстали „центральные кружки" (заводскіе и цеховые), требуя послѣдовательнаго проведенія выборнаго начала при составленіи „района". Недѣли 2—3 „центры" вели энергичную агитацію за переустройство организаціи, нѣкоторые — тщательно конспирируя отъ Комитета и „районовъ"; наконецъ, было устроено общее собраніе изъ представителей отъ большинства „центровъ", на которое явились и представители отъ Комитета и на которомъ была единогласно принята слѣдующая резолюція, предложенная Комитетомъ: „Какъ только „центръ" докажетъ свою работоспособность, „районъ" предлагаетъ ему рѣшать, желаетъ ли онъ выбирать изъ своей среды представителя въ „районъ" или утвердить прежняго, посланнаго „райономъ"; если „центръ" пожелаетъ выбрать новаго представителя и если этотъ представитель „райономъ" не будетъ признанъ удовлетворяющимъ своему назначенію, то „районъ" долженъ представить „центру" мотивированный отказъ принять этого представителя въ свою среду. Если „центръ" будетъ настаивать на своемъ рѣшеніи, вопросъ передается на разсмотрѣніе третейскаго суда, въ который входятъ по 2 представителя отъ „центра" и „района", 5-й же посылается Комитетомъ. Рѣшеніе этого суда обязательно для обѣихъ сторонъ."

Членъ Донского Комитета.

Луганскъ. У насъ здѣсь существуетъ Славяно-сербскій медицинскій союзъ, который, хотя и не примыкаетъ къ союзу союзовъ, но занимаетъ позицію радикально-демократическую (съ признаніемъ чуть ли не всѣхъ пунктовъ программы-минимумъ соціалдемократіи). Собранія союза бываютъ полуоффиціальныя (полиція о нихъ не извѣщается), и публика политически заинтересованная имѣетъ обыкновенно доступъ. На вчерашнемъ собраніи должно было разбираться, между прочимъ, вопросъ о тактикѣ по отношенію къ Государственной Думѣ и о выборѣ делегата на Всероссійскій Медицинскій Съѣздъ. Стоя въ вопросѣ о тактикѣ по отношенію къ Думѣ на точкѣ зрѣнія „Искры" (причемъ на цѣломъ рядѣ рабочихъ собраній эта тактика была вынесена и обоснована), наша организація считала цѣлесообразнымъ выступленіе на собраніяхъ Медицинскаго Союза съ резолюціею рабочихъ. Въ виду „полулегальности" засѣданія привлечь болѣе широкіе слои рабочихъ къ участію въ выступленіи являлось невозможнымъ и неудобнымъ, и вслѣдствіе этого широкаго значенія въ смыслѣ политическаго воспитанія массъ такое выступленіе имѣть не могло, все же мы (а также группа передовыхъ рабочихъ) сочли цѣлесообразнымъ явиться группой на собраніе и ознакомить путемъ резолюцій, если нужно будетъ и дискуссій, членовъ медицинскаго персонала съ намѣченной нами тактикой, давъ тутъ же критику тактики, которая рекомендуется умѣренно-либеральной оппозиціей и къ которой наши радикалы, по недомыслію и по неумѣнію придумать что-либо самостоятельное, — начинаютъ склоняться.

Въ соотвѣтствующемъ духѣ была выработана нами обстоятельная резолюція, въ которой выяснялось намъ, какъ понимаемъ мы самый фактъ „уступки" самодержавія, какія цѣли преслѣдовало правительство при созданіи этого квази народнаго представительства, каково наше отношеніе къ Думѣ и какова будетъ наша тактика. Въ заключеніе мы звали ихъ, какъ „лишенныхъ," правъ", присоединиться къ намъ. Предполагалось, что одинъ изъ рабочихъ прочтетъ эту резолюцію. Затѣмъ, если возникнутъ пренія и либералы будутъ предлагать свою тактику, наши ораторы возьмутъ слово и подробнѣе (хотя и резолюція достаточно подробна) обоснуютъ нашу позицію. Вдругъ мы въ день засѣданія узнаемъ черезъ членовъ союза соціальдемократовъ, (тамъ ихъ было 5), что состоялось постановленіе о томъ, чтобы собраніе было совершенно закрытое. Оказывается, что за день до засѣданія „верхи союза" сговорились и пришли къ этому рѣшенію. Когда былъ заявленъ протестъ по этому поводу, было дано объясненіе, что засѣданіе должно происходить въ оффиціальномъ мѣстѣ, что если придетъ широкая публика, то это лишь привлечетъ полицію, которая введетъ „черную сотню" для избіенія публики и врачей, что, во всякомъ случаѣ, полиція сорветъ собраніе, не дастъ вынести резолюціи и выбрать делегатовъ. „Это было бы очень интересно, если бы явились рабочіе, сказалъ одинъ, но, право, не хочется испробовать нагайки!" и т. д. Поднялись шумныя пренія, послѣ которыхъ было рѣшено устроить закрытое засѣданіе и въ частномъ домѣ. Группа протестантовъ (стоявшихъ за доступъ публики, по удостовѣреніи ея политической честности) рѣшилась тогда обратиться къ членамъ Союза съ заявленіемъ) въ которомъ указывалось, что на засѣданіе должны были явиться рабочіе мѣстной соціальдемократической организаціи, и предлагалось допустить этихъ рабочихъ въ ограниченномъ количествѣ на засѣданіе. Соотвѣтствующее предложеніе было сдѣлано и намъ. Въ тотъ день, когда „протестанты" пошли на засѣданіе членовъ союза, чтобы внести свое предложеніе, мы рѣшили столковаться съ группой передовыхъ рабочихъ, собравшись неподалеку отъ того мѣста, гдѣ происходило засѣданіе, о томъ, принять ли предложеніе „протестантовъ" или порвать съ Союзомъ въ виду трусости его членовъ, всякія сношенія. Большинство рабочихъ высказалось въ томъ смыслѣ, что пойти слѣдуетъ только тогда, если число „допущенныхъ" не будетъ слишкомъ ограничено, если смогутъ пойти приблизительно всѣ, которые собрались для этого. Часамъ къ девяти вечера явились къ намъ „протестанты" и заявили, что Союзъ не нашелъ нужнымъ согласиться на ихъ предложеніе такъ, что они (5 соц.-демокр., къ которымъ присоединилась еще 2 человѣка) демонстративно вышли изъ залы, заявивъ о своемъ выходѣ изъ Союза.

---

[1] Теперь уже это фактъ совершившійся. 3-го казнены 2 товарища съ „Георгія Побѣдоносца". Одинъ Степанюкъ „помилованъ" Чухнинымъ. Ему смертная казнь замѣнена вѣчной каторгой.

Любопытно, между прочимъ, то, что предсѣдатель пытался доказать, что въ присутствіи рабочихъ не представляется надобности, т. е. тактику рабочихъ „мы знаемъ". А между тѣмъ, когда одинъ изъ соціальдемократовъ, членовъ Союза, познакомилъ союзовцевъ на одномъ изъ собраній мѣстныхъ членовъ съ этой тактикой, то всѣ присутствующіе выразили общее удивленіе, причемъ изъ 9 бывшихъ на этомъ собраніи членовъ 7 высказалось за нашу тактику, а изъ остальныхъ двухъ — одинъ еще „не разобрался" въ ней, а другой, хоть и не считаетъ ее неправильной, но, тѣмъ не менѣе, будетъ „агитировать за либеральнаго кандидата"(?)

Все это не прошло даромъ для рабочихъ, которые были очень возмущены отношеніемъ къ нимъ со стороны Союза и готовы были, пожалуй, разогнать этихъ „господъ". Но теперь настроеніе проходитъ, рабочіе ждутъ открытыхъ „оффиціальныхъ, собраній, чтобы тамъ выступить, хотя бы тамъ пришлось имѣть дѣло и съ полиціей.

Смоленскъ. Вчера 17 августа, въ городской думѣ ожидалось разсмотрѣніе вопроса объ избіеніи, произведенномъ казаками 6-го августа. Несмотря на то, что поводъ для поднятія этого вопроса представлялся очень удобный, въ видѣ стоявшаго въ порядкѣ засѣданія вопроса о расквартированіи казацкой сотни, гласные только заикались объ этомъ возмутительномъ событіи и оно осталось замолчаннымъ. Въ распоряженіе думы былъ предоставленъ богатый матеріалъ, въ видѣ показаній отдѣльныхъ пострадавшихъ и врачебныхъ свидѣтельствъ. Но вопросъ „не былъ помѣченъ въ повѣсткѣ" — оправдывались нѣкоторые гласные, и столпы городского радикализма во главѣ съ либеральнымъ городскимъ головою не сошли съ „законнаго" пути. Когда дума, ограничившись признаніемъ требованія администраціи о расквартированіи казаковъ незаконнымъ, перешла къ осужденію слѣдующаго стоявшаго въ повѣсткѣ вопроса, изъ среды многочисленной публики, собравшейся на хорахъ и состоявшей исключительно изъ рабочихъ, раздались возгласы: „А милиція? А избіеніе?" Когда же, тѣмъ не менѣе, дума пробовала продолжать свое обсужденіе, выступилъ ораторъ соціальдемократъ и началъ рѣчь. Городской голова объявилъ перерывъ. Ораторъ говорилъ, обращаясь къ гласнымъ, къ ихъ либеральной совѣсти. „Пролетаріатъ пролилъ свою кровь... Если вы — представители населенія, вы не должны молчать... Вы молчите — значитъ, вы не представители населенія. Вы не должны молчать, если только вы честные граждане... Ваши личные интересы требуютъ, чтобы вы не молчали. Сегодня побили насъ, завтра побьютъ васъ. Немедленно, не дожидаясь безнадежно губернаторскаго утвержденія, учреждайте милицію. Закупайте немедленно оружіе, раздавайте его народу"... 10-15 минутъ говорилъ ораторъ. Гласные во время его рѣчи гуськомъ потянулись въ совѣщательную комнату. Неистовые крики пролетаріата: „Трусы проклятые! Буржуи!" провожали ихъ. Сконфуженные, повѣсивъ головы, уходили либералы, чувствуя нѣчто неловкое. Какъ ни въ чемъ не бывало, шла правая, возмущаясь поведеніемъ „мальчишекъ". Трудно передать то искреннее возмущеніе пролетаріевъ, которое прорвалось при уходѣ гласныхъ, ту ярость, съ какой сыпались на нихъ крики... Гласные ушли — „Долой буржуазію! Долой самодержавіе!" — грянула Варшавянка. Предполагали говорить еще, но разнесся слухъ, что ѣдутъ казаки, и организація сочла нужнымъ просить товарищей разойтись. Разошлись спокойно.

Когда то по поводу выступленія рабочихъ 5-го января въ обществѣ врачей либеральная публика говорила, что соціальдемократы нарочно все подстроили, чтобы показать рабочимъ: смотрите, молъ, каковы либералы — и говорить съ нами не хотятъ. Да, посмотрѣть либерала рабочему надо, чтобы увидѣть, чѣмъ не надо быть; либеральныя румяна не прочны на народѣ, отъ жары, они всегда сплываютъ. 17-го августа смоленскіе рабочіе видѣли настоящаго, безъ всякой поддѣлки, либерала. Дальше вопросовъ, „имѣющихся въ повѣсткѣ", и дальше постановленій, подлежащихъ утвержденію губернатора, этотъ либералъ пока не идетъ.

Сибирская стачка. У насъ, въ Сибири, началась та „массовая политическая забастовка" по линіямъ Сибирско-Забайкальской желѣзной дороги, за которую мы (Сибирскіе Комитеты) агитировали въ послѣдніе 6-7 мѣсяцевъ. „Долой войну"! „Долой монархію"! „Да здравствуетъ учредительное собраніе!" — вотъ лозунги гремящіе теперь на тысячахъ собраніяхъ далекой отъ васъ Сибири. Вотъ цѣли, объединяющіе борьбу сибирскихъ рабочихъ съ ихъ россійскими братьями въ настоящій моментъ. Наши соц.-дем. организаціи работаютъ, не покладая рукъ, стараясь объединить движеніе, расширить его и привлечь къ нему всѣхъ „лишенныхъ правъ"... Сибирскій союзъ, комитеты Томскій и Красноярскій (навѣрное также и остальные) рѣшали по плану „Искры" (см. листокъ „Ко всѣмъ лишеннымъ правъ") агитировать за выборы „истинно народныхъ представителей", а почва для такой агитаціи теперь прекрасная, такъ какъ „народъ" самостоятельно въ манифестѣ разобраться не можетъ, но разобравшись при помощи болѣе грамотныхъ, приходитъ къ заключенію, что „теперь еще хуже станетъ, такъ какъ господа теперь всю силу въ свои руки заберутъ! Отъ такихъ выводовъ не расцвѣтетъ здоровье ни „царя-батюшки", предавшаго народъ господамъ, ни „господъ", благополучно залѣзшихъ на шею народа!

Движеніе у насъ началось съ Читы. Чита забастовала 27 іюля, до 2000 рабочихъ мастерскихъ и депо. Стачка носила сначала, повидимому, экономическій характеръ. Но вмѣшалось начальство и разыгралась политическая стачка, грозящая теперь охватить всю линію. „Начальство" изъ Иркутска распорядилось разсчитать всѣхъ забастовщиковъ и замѣстить ихъ желѣзнодорожной ротой солдатъ. Но рабочіе не слушались, а начальство и на этотъ разъ просчиталось. Волна политической бури захватила и солдатъ. Человѣкъ 12 изъ нихъ на одной изъ массовокъ громко выражали свое сочувствіе забастовщикамъ и горячо поддерживали ихъ крики: „Долой самодержавіе"! Настроеніе этихъ 12 храбрецовъ было очевидно настроеніемъ большинства роты, потому что ее въ концѣ концовъ отправили „на позицію"!

Массовки рабочихъ въ Читѣ происходятъ ежедневно, привлекая къ движенію другихъ рабочихъ и заинтересовывая обывателей. Приказчики потребительской лавки уже забастовали хотя „условно": они закрываютъ магазинъ и идутъ на массовку, когда она созывается. Читинскій комитетъ послалъ своихъ агитаторовъ въ обѣ стороны по линіи (Манджурія—Иркутскъ) — призывая всѣхъ рабочихъ по линіи къ поддержкѣ стачки.

Въ Иркутскѣ комитетъ организовалъ въ Интендантскомъ саду небольшую демонстрацію по поводу читинской забастовки и черезъ нѣсколько дней послѣ нея — стачку въ Иркутскѣ и Инокентьевской. За ними поднялись рабочіе Красноярска, среди которыхъ еще раньше началось волненіе. Стачка сопровождалась двумя кровавыми столкновеніями (убиты рабочіе Чальниковъ и Гусенко).

Въ Омскѣ въ теченіе трехъ дней происходила стачка, какъ протестъ противъ произведенныхъ жандармами арестовъ. Изъ Томска отправленъ агитаторъ на станцію Тайгу и Томскій комитетъ надѣется привлечь къ дѣлу стачки рабочихъ Томскаго депо и служащихъ управленія Сибирской жел. дор.

P. S. Прекращеніе войны пріостановило политическую стачку

ИЗЪ ПАРТІИ

Южнорусская конференція организацій „меньшинства". Состоявшаяся недавно южнорусская конференція нашихъ организацій организовала наши силы на югѣ. Собравъ Областой Комитетъ и утвердивъ въ существенныхъ пунктахъ уставъ, принятый на заграничной конференціи (незначительное измѣненіе, внесенное въ организацію центровъ, имѣетъ всѣ шансы получить утвержденіе прочихъ областныхъ районовъ). На конференціи были представлены организаціи Кіева, Харькова, Бердичева, Черкассъ, Житоміра Елисаветграда, Кременчуга, Полтавы, Ростова, Одессы, Крыма, Чернигова, Нѣжина, Конотопа и Кубанской Области, а также Украинскаго Союза. Сверхъ того, участвовалъ представитель Организаціонной Коммиссіи, представитель одесской рабочей группы объединенія (о ней сообщалось въ №108 „Искры") и — съ совѣщательными голосами — представитель Петербургской группы и одинъ товарищъ изъ Екатеринославскаго комитета (изъ присланныхъ матеріаловъ не видно, почему не было оффиціальн. представителя этого комитета. Не могли прибыть на конференцію представители Полѣсскаго Комитета, Николаевскаго К. Донецкаго Союза и провинціальной организаціи Екатеринославской губерніи. Рѣшенія конференціи будутъ опубликованы нами въ видѣ отдѣльной брошюры. Равнымъ образомъ, мы, какъ только получимъ провѣренные протоколы, издадимъ возможно полный отчетъ. Въ „Искрѣ" же мы печатаемъ три главныя резолюціи (о Государственной Думѣ, объ объединеніи партіи и о съѣздѣ рабочихъ.)

Резолюція объ объединеніи обѣихъ частей Партіи

Соглашаясь, въ общемъ, съ той позиціей, которую заняла Организаціонная Комиссія въ переговорахъ съ Ц. К., Учредительная Южная Конференція считаетъ нужнымъ, съ своей стороны, подчеркнуть крайнюю необходимость для соціальдемократической партіи единства дѣйствій въ настоящій революціонный моментъ, невозможность удовлетвориться отдѣльными соглашеніями между фракціями „большинства" и „меньшинства", какъ не обезпечивающими этого единства, и желательность возможно скорѣе достигнуть окончательнаго объединенія Партіи. Признавая полную цѣлесообразность рѣшенія всѣхъ вопросовъ партійной жизни съѣздами, мы не считаемъ возможнымъ немедленный созывъ Съѣзда въ цѣляхъ объединенія, хотя полагаемъ, что было бы желательно окончательное закрѣпленіе путемъ Съѣзда того объединенія съ „большинствомъ", въ сторону котораго мы должны немедленно направить самыя энергичныя усилія. Считая необходимымъ, съ этой точки зрѣнія, соглашеніе съ „большинствомъ", мы выдвигаемъ, какъ первое необходимое условіе соглашенія съ нимъ, принятіе пунктовъ соглашенія не только верхушками, но и организованной периферіей обѣихъ фракцій.

Что касается самой платформы соглашенія, то, не видя препятствій къ объединенію въ существующихъ между нами и „большинствомъ" разногласіяхъ по тактическимъ вопросамъ, мы полагаемъ, что соглашеніе, необходимое для объединенія „большинства" и „меньшинства", должно быть достигнуто въ организаціонной области, причемъ со стороны „меньшинства" должны быть выставлены слѣдующіе пункты соглашенія:

1) Рѣшающій голосъ во всѣхъ вопросахъ политической и партійной жизни долженъ быть предоставленъ въ мѣстныхъ организаціяхъ, рядомъ съ комитетами, также и районнымъ комитетамъ.

2) Въ случаяхъ практическаго выступленія, требующаго активнаго выступленія всѣхъ членовъ организаціи, рѣшающій голосъ долженъ принадлежать всей организаціи.

3) Отъ Съѣзда до Съѣзда Ц. К. при выработкѣ тактическихъ директивъ долженъ руководствоваться рѣшеніями центральной конференціи, составленной изъ представителей областныхъ организацій.

4) Должно быть обезпечено независимое существованіе обоихъ руководящихъ органовъ Партіи — „Искры" и „Пролетарія".

Въ переходный періодъ, когда начинается процессъ объединенія Партіи, Учредительная Южная Конференція считаетъ необходимымъ образованіе объединительной коммиссіи, составленной поровну изъ представителей центральныхъ учрежденій обѣихъ фракцій для согласованія ихъ дѣятельности по объединенію Партіи. Конференція считаетъ также желательнымъ, когда процессъ объединенія подвинется достаточно далеко, — постановку на очередь вопроса объ образованіи объединительнаго печатнаго органа.

Рядомъ съ этимъ, конференція, для обсужденія и голосованія предлагаемыхъ нами пунктовъ соглашенія постановляетъ обратиться ко всѣмъ организованнымъ рабочимъ Партіи съ соотвѣтственнымъ печатнымъ призывомъ, выставляя въ немъ предлагаемую нами платформу объединенія. Въ то же время Учредительная Южная Конференція рекомендуетъ всѣмъ мѣстнымъ организаціямъ „меньшинства", въ случаѣ согласія съ выставленной нами объединительной платформой, использовать всѣ свои связи съ организаціями „большинства", чтобы вызвать обсужденіе и голосованіе предлагаемыхъ пунктовъ соглашенія.

Резолюція Учредительной Конференціи Южныхъ Организацій по поводу Государственной Думы.

Считая единственнымъ соотвѣтствующимъ интересамъ всего народа выходомъ изъ современнаго тяжелаго положенія созывъ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія для ликвидаціи самодержавнаго режима и учрежденія Демократической Республики которая прежде всего необходима пролетаріату въ интересахъ борьбы противъ всѣхъ основъ буржуазнаго строя и за осуществленіе соціализма, — и принимая во вниманіе: во первыхъ, что система выборовъ въ Государственную Думу не даетъ возможности принять участіе въ нихъ всему народу, причемъ пролетаріатъ лишенъ совершенно права выборовъ, благодаря установленію для городскихъ жителей высокаго имущественнаго ценза, а крестьянство — и то лишь часть его — будетъ выбирать на основѣ 4-хъ степенной системы, которая открываетъ полный просторъ административному давленію на нихъ, — и во вторыхъ, — что вся Россія по прежнему лишена всѣхъ необходимыхъ гражданскихъ свободъ, безъ которыхъ невозможна предвыборная агитація, а слѣдовательно, и произведеніе сколько нибудь правильныхъ выборовъ и что, наоборотъ, въ настоящее время административный произволъ господствуетъ повсюду больше, чѣмъ когда нибудь и огромныя мѣстности, одна за другой, объявляются на военномъ положеніи, — въ 3-хъ, — что для всѣхъ окраинъ вырабатывается еще болѣе каррикатурная система представительства и, наконецъ, въ 4-хъ, — что сама Государственная Дума пользуется лишь совѣщательнымъ голосомъ и кругъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, въ ней, крайне ограниченъ, — Конференція предлагаетъ всѣмъ организаціямъ развить самую энергичную агитацію, раскрывающую всю каррикатурность такого представительства, которымъ самодержавное правительство думаетъ обмануть народъ, и объявляетъ сознательнымъ предателемъ народа всякаго, кто готовъ удовлетвориться Государственной Думой и не поставитъ себѣ задачей въ настоящій рѣшительный моментъ своими дѣйствіями и своей тактикой поддержать требованія революціоннаго народа о созывѣ Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого, и тайнаго избирательнаго права.

Въ цѣляхъ же скорѣйшаго осуществленія указаннаго требованія, Южная Конференція рекомендуетъ партійнымъ организаціямъ слѣдующую тактику:

Повести энергичную агитацію среди рабочаго пролетаріата и крестьянской массы для созданія широкихъ демократическихъ организацій и объединенія ихъ въ всероссійскую организацію для энергичной борьбы противъ Государственной Думы и за осуществленіе Всенароднаго Учредительнаго Собранія вмѣстѣ съ немедленнымъ введеніемъ свободы слова, печати, собраній, союзовъ, стачекъ. Къ созданію этой всероссійской народной организаціи слѣдуетъ идти путемъ образованія агитаціонныхъ комитетовъ, выбираемыхъ рабочими на отдѣльныхъ фабрикахъ и заводахъ, объединенія этихъ агитаціонныхъ комитетовъ; созданія соотвѣтствующихъ агитаціонныхъ комитетовъ среди крестьянства; установленія болѣе тѣсной связи между городскими и крестьянскими комитетами; образованія губернскихъ комитетовъ и установленія связи между ними.

2) При достаточной силѣ этой организаціи, при соотвѣтствующемъ настроеніи рабочей массы, приступить, при открытіи выборной кампаніи, къ организаціи всенародныхъ выборовъ въ Учредительное Собраніе, имѣя въ виду, что организованное народное движеніе, направленное на осуществленіе этихъ выборовъ, можетъ сдѣлаться естественнымъ переходомъ къ всенародному возстанію противъ царизма, такъ какъ неизбѣжное противодѣйствіе его и столкновеніе съ нимъ на почвѣ произведенія выборовъ создадутъ для возстанія новые побудительные мотивы, а предварительная организація народа обезпечитъ ему повсемѣстность и единство.

3) Рядомъ съ этимъ, конференція предлагаетъ добиваться завоеванія свободы выборныхъ собраній, рекомендуетъ энергичное вмѣшательство въ выборную кампанію, вмѣшательство народа въ собранія выборщиковъ, обсужденія выборщиками среди народа на широкихъ народныхъ собраніяхъ тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ представителями выбираемыми въ Государственную Думу, причемъ соціальдемократическая Партія должна добиваться выступленія слоевъ населенія, имѣющихъ право выбора въ Государственную Думу, на революціонный путь, который можетъ выразиться или въ присоединеніи къ возстанію, руководимому демократическими организаціями народа, или, при отсутствіи его, въ стремленіи превратить формирующуюся Госуд. Думу въ революціонное собраніе для созыва Всенароднаго Учр. Собранія или для содѣйствія его созыву демократическими организаціями народа.

4) Готовиться къ давленію въ томъ же направленіи на Государственную Думу, если къ моменту ея окончательнаго созыва народное движеніе не приведетъ къ сверженію самодержавія и организаціи Учр. Собр., готовиться къ постановкѣ передъ Госуд. Думой ультиматума о созывѣ Учредительнаго Собранія, готовиться къ поддержанію этого ультиматума политической стачкой и другими широкими народными выступленіями.

5) Вся эта тактика должна быть принята широкими народными собраніями, организуемыми до и во время выборной кампаніи среди пролетаріата и крестьянства.

Резолюція о предстоящемъ съѣздѣ представителей профессіональныхъ союзовъ.

Южная Учредительная Конференція, обсудивъ вопросъ объ отношеніи Соц.-дем. Партіи къ профессіональнымъ союзамъ и, присоединившись всецѣло къ позиціи, занятой по этому вопросу Общерусской Конференціей, ввиду предстоящаго съѣзда представителей профессіональнаго движенія, — предлагаетъ организаціямъ слѣдующее:

1) мѣстныя организаціи, подвергнувъ *немедленно* обсужденію среди организованныхъ рабочихъ и широкой рабочей массы вопросъ о профессіональномъ движеніи, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ работѣ профессіональныхъ союзовъ по подготовкѣ этого съѣзда и выработкѣ директивъ для него, которыя должны быть таковы: А) Выдвинуть необходимость направить усилія на организацію въ широкихъ размѣрахъ, захватнымъ путемъ всѣхъ профессіональныхъ союзовъ и агитировать за превращеніе тѣмъ же захватнымъ путемъ всѣхъ легальныхъ рабочихъ обществъ въ боевыя рабочія организаціи. Б) Предложить установленіе тѣсныхъ сношеній и связей между *всѣми* рабочими организаціями и устройство порайонныхъ и общихъ конференцій изъ ихъ представителей для выработки общихъ требованій рабочаго класса въ данный революціонный моментъ. В) Предложить направить усилія профессіональныхъ союзовъ на энергичное достиженіе въ теченіи революціоннаго періода лучшихъ условій труда и, въ качествѣ общаго лозунга, выдвинуть захватъ повсюду восьми часового рабочаго дня съ тѣмъ, чтобы при ликвидаціи самодержавія сдѣлать неизбѣжнымъ его установленіе законодательнымъ путемъ. Г) Предложить самымъ энергичнымъ образомъ протестовать противъ Г. Д. и выдвинуть необходимость для рабочаго класса добиваться всѣми зависящими отъ него средствами установленія Демократической Республики, а, какъ неизбѣжнаго перехода къ ней, — созыва Учредительнаго Собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права. Д) Высказаться за необходимость широкой демократической организаціи народа (а особенно пролетаріата) для борьбы съ Г. Думой и за созывъ Учр. Собр. и за необходимость профессіональнымъ союзамъ, для созданія этой организаціи, соединить свои усилія съ работой въ этомъ направленіи Соціальдемократической Партіи. Е) Добиваться обсужденія и принятія программы минимумъ нашей Партіи.

2) Южная конференція предлагаетъ затѣмъ, передъ созывомъ профессіональнаго съѣзда, во время обсужденія вопроса о директивахъ на собраніяхъ организованныхъ рабочихъ, принимать соотвѣтственныя резолюціи, съ цѣлью сообщенія этихъ резолюцій профессіональному съѣзду.

3) Южная конференція рекомендуетъ Организаціонной Ком. предложить Бюро, организующему профессіональный съѣздъ, свое содѣйствіе въ его созывѣ.

4) Предложить Бюро дать право представительства на съѣздѣ правильно организованнымъ собраніямъ рабочихъ, которыя, въ присутствіи представителей существующихъ профессіональныхъ союзовъ, заложатъ основу новыхъ профессіональныхъ союзовъ.

5) Мѣстныя организаціи дѣятельно содѣйствуютъ организаціи такихъ собраній.

Вторая Конференція Кавказскихъ Соціальдемократическихъ организацій.

Недавно происходила 2-я Конференція Кавказскихъ соціальдемократическихъ рабочихъ организацій. Она продолжалась 6 дней и представляла собой всѣ организаціи Закавказья. На ея засѣданіяхъ присутствовали также и товарищи изъ Елизаветпольской группы, гдѣ раньше были большевики и только на Конференціи было получено сообщеніе, что работа цѣликомъ перешла въ руки меньшинства. Делегаты были отъ слѣдующихъ организацій: *Баку* (Союзъ бакинскихъ рабочихъ) — 2 рѣшаю щихъ и 2 совѣщательныхъ голоса (4 товарища); *Батумъ* (Комитетъ и его городскіе районы) — 2 товарища съ рѣшающими голосами; *Владикавказъ* (Терско-дагестанскій комитетъ и его районы) — 1 товарищъ съ совѣщательнымъ и 2 съ рѣшающими голосами; *Гори* (Группа тифлисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ. *Гурія* (Комитетъ и его районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Кутаисъ* (организація и ея районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Самтреди* (Группа кутаисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Сухумъ* (Группа батумскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Поти* (Группа батумскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Тифлисъ* (Комитетъ и его городскіе районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Чіатуры* (Группа кутаисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ. Всего 16 товарищей съ 17 рѣшающими голосами. Кромѣ того, были приглашены товарищи съ совѣщательнымъ голосомъ. Ихъ число было отъ 18 до 22 хъ (нѣкоторые товарищи къ началу не явились, но съ третьяго засѣданія были уже всѣ). Порядокъ дня выработался слѣдующій:

1) Доклады и отчеты бюро и центральной военно-технической комиссіи; 2) Доклады делегатовъ; 3) Государственная Дума и наша тактика; 4) Введеніе земства на Кавказѣ, наша тактика и отношеніе къ этому событію; 5) Роль соціальдемократіи въ крестьянскомъ движенія на Кавказѣ; 6) Революціонное самоуправленіе населенія и наше отношеніе къ нему; 7) Работа среди мелкой буржуазіи; 8) Бойкотъ налоговъ и рекрутчины; 9) Организація революціоннаго выступленія массъ; 10) Вооруженіе; 11) Терроръ; 12) Отношеніе къ „большинству" и къ I общерусской конференціи; 13) Работа среди солдатъ; 14) Отношеніе къ другимъ революціоннымъ партіямъ; 15) О профессіональныхъ союзахъ; 16) Постановка изданій; 17) Организація съѣздовъ и конференцій; 18) Опредѣленіе функцій, правъ и бюджета бюро, а также и выборы въ него. Бюджетъ бюро опредѣлился въ 1010 р. въ мѣсяцъ съ 9 организацій, кромѣ этого предоставлено право съ вѣдома организацій собирать деньги и съ частныхъ лицъ. Обязанности такія: поддерживать связи со всѣми представленными организаціями, а также съ Россіей и заграницей, распредѣлять силы, издавать органъ „Соціальдемократъ", издавать марксистскую легальную газету и полулегальныя брошюры на грузинскомъ, армянскомъ и частью на русскомъ языкахъ, издавать листки общаго содержанія по злободневнымъ вопросамъ. Изъ докладовъ товарищей особенный интересъ возбудилъ докладъ товарища бакинца. Въ высшей степени поучительно строеніе ихъ организаціи: она въ рабочихъ поселила столько довѣрія, что, судя по свѣдѣніямъ, доходящимъ до насъ всѣ рабочіе участники въ ея дѣлахъ горой стоятъ за нее и считаютъ ее частью своего организма. Между тѣмъ, на первый взглядъ съ той точки зрѣнія, на которой мы такъ привыкли благоденствовать, характеръ бакинской организаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзывается анархизмомъ. Они имѣютъ заводскую организацію и при ней исполнительный заводской органъ, районное собраніе и при ней тоже исполнительный органъ, многочисленное междурайонное собраніе, являющееся руководящимъ коллективомъ и при немъ исполнительную коммиссію. Работа у нихъ кипитъ, выпускаютъ, напримѣръ, 125-й листокъ съ начала своего основанія. По вопросу о введеніи земства на Кавказѣ Конференція вынесла резолюцію, въ которой предлагала мѣстнымъ организаціямъ принять живѣйшее участіе въ выборахъ въ земскія совѣщанія, выставляя кандидатуры соціальдемократовъ. Эти совѣщанія устраиваются изъ выборныхъ отъ населенія лицъ, причемъ выборы обставлены ужасной казуистикой и громаднымъ цензомъ. Товарищи на мѣстахъ не замедлили откликнуться на это предложеніе, вмѣшались въ выборы и теперь мы имѣемъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ актовъ открытаго выступленія соціальдемократовъ.

Резолюціи второй конференціи кавказскихъ Соц.-Дем. организацій.

Объ участіи въ буржуазной прессѣ.

Принимая во вниманіе, во первыхъ, что участіе соціальдемократовъ въ буржуазной прессѣ создаетъ этой послѣдней извѣстный престижъ въ глазахъ рабочихъ, вызываетъ въ нихъ иллюзію классовой примиримости, во вторыхъ, что, въ частности, на Кавказѣ при обострившихся отношеніяхъ между Кавказской Соціаль-Демократіей и буржуазными партіями, которыя всѣми силами стараются подорвать вліяніе соціальдемократіи, сотрудничество въ буржуазныхъ газетахъ означало бы косвенное оправданіе тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются буржуазными партіями въ борьбѣ съ соціальдемократіей, конференція считаетъ безусловно вреднымъ и съ партійной точки зрѣнія недопустимымъ участіе товарищей въ буржуазной прессѣ.

Отношеніе къ революціоннымъ и оппозиціоннымъ партіямъ на Кавказѣ.

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что на Кавказѣ всѣ такъ-называемыя, революціонныя партіи, какъ соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты, автономисты, дрошакисты и т. п. объединились для борьбы съ соціальдемократіей, во вторыхъ, что онѣ воспользуются предвыборной агитаціей въ земство и Государственную Думу для укрѣпленія своей позиціи, въ третьихъ, что всякое соглашеніе съ ними въ цѣляхъ выставленія общихъ кандидатовъ поведетъ лишь къ укрѣпленію ихъ авторитета въ народныхъ массахъ, конференція, поддерживая резолюціи 1-ой Кавказской конференціи о націоналистахъ и 2-го съѣзда партіи о соціалистахъ революціонер. предлагаетъ на всѣхъ собраніяхъ и въ печати раскрывать передъ рабочей массой ихъ классовую подоплеку и стремленіе соціалистической фразеологіей затуманить самосознаніе рабочихъ и ихъ руками достичь осуществленія своихъ націоналистическихъ мелко-буржуазныхъ цѣлей.

О съѣздѣ фракціи большинства.

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что такъ называемый III-ій съѣздъ навязанъ партіи Б. К. Б. и 2 лицами, случайно оставшимися въ Ц. К. и присвоившими себѣ права коллегіи Ц. К. и устроенъ вопреки Уставу и безъ согласія совѣта Партіи, во вторыхъ, что лица создавшія „съѣздъ", не остановились передъ присвоеніемъ чужихъ мандатовъ (голоса: Тифлисскаго, Батумскаго и др. комитетовъ), въ третьихъ, что „съѣздъ" былъ составленъ вопреки воли огромнаго большинства организованнаго пролетаріата Россіи и безъ его вѣдома — конференція объявляетъ этотъ „съѣздъ" насмѣшкой надъ партійными съѣздами; выбранныя на этомъ „съѣздѣ" Центральныя Учрежденія не признаетъ Центральными Учрежденіями партіи.

О конференціи меньшинства.

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что первая общерусская конференція стала по организаціоннымъ вопросамъ на путь, который единственно обезпечиваетъ сохраненіе и усиленіе пролетарскаго характера нашей партіи, во вторыхъ, что конференція и по тактическимъ вопросамъ взяла вполнѣ правильный тонъ, исходящій изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, — Кавказская конференція, взгляды которой въ общемъ и цѣломъ совпадаютъ со взглядами конференціи, привѣтствуетъ общерусскую конференцію, какъ начало новой эры нашей партіи. Конференція вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣетъ, что принципъ выборнаго начала, выставленный въ предисловіи къ организаціонному уставу, не проведенъ въ немъ и надѣется, что этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ въ скоромъ будущемъ. Вторая Кавказская конференція выражаетъ довѣріе редакціи „Искры" и считаетъ ее Центральнымъ Органомъ Партіи. Конференція выражаетъ довѣріе О. К. и предлагаетъ всѣмъ Кавказскимъ рабочимъ организаціямъ поддержать ее матеріальными средствами.

О работѣ среди мелкой буржуазіи.

Исходя изъ того воззрѣнія, во первыхъ, что всякій глубокій революціонный переворотъ въ политической и соціальной жизни не можетъ быть совершенъ безъ того, чтобы къ революціонному классу не примыкала мелкая буржуазія, во вторыхъ, что вліяніе соціальдемократіи у насъ на Кавказѣ на мелко-буржуазные слои вслѣдствіе довольно сильной организованности широкихъ пролетарскихъ массъ, съ одной стороны, и слабой организованности націоналъ-демократическ. партій, съ другой—велико, въ третьихъ, что вліяніе это можетъ быть закрѣплено сорганизованіемъ строго-соціальдемократическихъ элементовъ въ средѣ мелкой буржуазіи, въ четвертыхъ, что, подчиняя мелкую буржуазію своему вліянію, мы разрываемъ буржуазный блокъ и тѣмъ обезпечиваемъ торжество демократіи; организуя же хотя бы самые незначительные строго соціальдемократическіе элементы ея, мы ускоряемъ и облегчаемъ свою побѣду надъ буржуазнымъ порядкомъ въ будущемъ, конференція предлагаетъ рабочимъ организаціямъ въ мѣстахъ съ широкимъ пролетарскимъ движеніемъ во первыхъ, повести соціальдемократическую агитацію и пропаганду среди городской мелкой буржуазіи, выбирая изъ нея наиболѣе примыкающіе къ пролетаріату по своему соціальному положенію слои, во вторыхъ, создать изъ зрѣлыхъ въ соціальдемократическомъ смыслѣ мелко-буржуазныхъ элементовъ особую организацію, строго подчинивъ ее пролетарской организаціи.

О захватѣ земли]

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что паденіе царизма тѣсно связано съ разрушеніемъ феодальныхъ порядковъ, во вторыхъ, что стремленіе уничтожить помѣщичьи-феодальныя земельныя отношенія логически приводитъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и тѣмъ способствуетъ освободительному движенію пролетаріата, въ третьихъ, что уничтоженіе феодально-помѣщичьяго землевладѣнія дастъ толчокъ къ разслоенію деревенскаго населенія на современные классы и тѣмъ усилитъ классовую борьбу въ деревнѣ, конференція предлагаетъ с.-д. рабочимъ организаціямъ поддерживать всякія попытки крестьянъ къ насильственному захвату земель, имѣющему общереволюціонное значеніе, при этомъ пропагандируя среди крестьянъ аграрную программу и подчеркивая, что при капиталистическомъ строѣ общества увеличеніе площади земельной собственности не можетъ избавить ихъ отъ экономическаго порабощенія.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ, СОЗВАННАЯ КУБАНСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ. [1])

По иниціативѣ Кубанскаго К. Р. С.-Д. Р. П. на 12 іюля была созвана конференція изъ представителей отъ группъ Кубанскаго К. На конференцію явились представители: Кубанскаго К. (два рѣшающихъ голоса и одинъ совѣщательный), Екатеринодарской группы — двое, Новороссійской группы — трое, Ставропольской пруппы — двое, Армавирской группы — двое, Ейской группы, — одинъ, Майкопской группы — одинъ. Представители Кавказской и Тихорѣцкой группы явиться не могли въ виду того, что конференція совпала съ началомъ забастовки по линіи Владикавказской желѣзной дороги. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ не явился представитель соціальдемократической группы Кубанскихъ казаковъ. По случаю забастовки, не могли также присутствовать четыре члена Кубанскаго К. Съ правомъ совѣщательнаго голоса К. К., по соглашенію съ группами, были приглашены еще: 1 — отъ Кубанскаго Комитата, 2 — отъ Екатеринодарскаго, 2 — отъ Новороссійскаго и 1 — Ставропольской группы. Всѣхъ товарищей на конференціи собралось 12 съ рѣшающимъ голосомъ, семь съ совѣщательнымъ. Въ началѣ перваго засѣданія были провѣрены мандаты делегатовъ, причемъ делегаты группъ сообщили, какимъ числомъ голосовъ они были выбраны. Выяснилось, что въ выборахъ участвовали: въ Новороссійской группѣ — 28 товарищей, въ Екатеринодарской — 15, въ Ставропольской — 12 въ Армаварской — 22, въ Ейской — 10

Послѣ этого предсѣдателемъ было прочитано заявленіе Конференціи отъ Новороссійской группы относительно III-го пункта состава конференціи организаціей К. К. слѣдующаго содержанія: „пятаго числа группа вмѣстѣ съ периферіей собралась для обсужденія предложеній К. К. (на этомъ первомъ общемъ собраніи было 60 человѣкъ, было нѣсколько предварительныхъ собраній) по вопросамъ о конференціи. Третій пунктъ вызвалъ оживленныя пренія; между прочимъ, было высказано удивленіе, почему Комитетъ долженъ пользоваться семью рѣшающими голосами, почему онъ не высказалъ мотивовъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ, желая участвовать на конференціи въ полномъ своемъ составѣ ([1]/[3] всѣхъ голосовъ). Собравшіеся единогласно пришли къ такому рѣшенію: „нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы Комитетъ пользовался преимущественно передъ группами большимъ числомъ голосовъ; что Комитету наравнѣ съ группами должно быть предоставлено два рѣшающихъ голоса, а остальные пять будутъ присутствовать съ совѣщательными голосами".

Послѣ дебатовъ по этому вопросу большинствомъ шести противъ четырехъ голосовъ рѣшено было предоставить членамъ Кубанскаго Комитета на равнѣ съ группами два рѣшающихъ голоса и пять совѣщательныхъ. Далѣе были прочитаны заявленія Новороссійской группы и периферіи послѣдней такого содержанія: „Р. С. Д. Р. П. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Новороссійская группа Кубанскаго К. Р. С.-Д. Р. П. извѣщаетъ конференцію о томъ, что, собравшись, въ полномъ своемъ составѣ, она единогласно избрала своимъ делегатомъ на конференцію товарища Х. Въ виду того, что группа не успѣла разобраться во всѣхъ намѣченныхъ къ конференціи вопросахъ, она уполномочиваетъ товарища делегата при рѣшенія всѣхъ вопросовъ руководиться точкой зрѣнія меньшинства нашей Партіи. Члены Новороссійской Группы К. К. (подписи). Переферійная организація Новороссійской С. Д. группы Кубанскаго К. извѣщаетъ конференцію о томъ, что на всеобщемъ собраніи организаторовъ, пропагандистовъ и агитаторовъ постановлено большинствомъ голосовъ послать на конференцію одного делегата изъ своей среды при чемъ делегатскія полномочія передаются ея делегату на тѣхъ же основаніяхъ, что и делегату изъ группы. Уполномоченные отъ периферіи (подписи).

Затѣмъ былъ выработанъ порядокъ дня: 1) Провѣрка делегатскихъ мандатовъ, 2) разборъ и обсужденіе резолюцій первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ, 3) отчетъ о дѣятельности группъ конференціи К. К. 4) Отчетъ о дѣятельности К. К. 5) Организація центра и группъ; отношеніе между ними въ связи съ вопросомъ о реорганизаціи К. К. въ Сѣверо Кавказскій Союзъ, 6) Постановка пропаганды и агитаціи, 7) Постановка работы среди крестьянъ, казачества, солдатъ, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сектантовъ и иногороднихъ, 8) Самостоятельная организація жел.-дор. служащихъ и рабочихъ. 9) Вопросъ о вооруженіи. 10) Вопросъ о террорѣ. 11) Объ изданіи періодической литературы. 12) О періодическихъ конференціяхъ 13) Планъ работы на ближайшее время. 14) Отношеніе С.-Д. къ союзамъ буржуазной демократіи, возникшимъ за послѣднее время въ Россіи. 15) Отношеніе С. Д. къ Р. У. П., къ Дрошаки, Инчакъ. 16) О выходѣ Плеханова изъ редакціи и отношеніи къ нынѣшнему составу редакціи Искры. 17) Выборы въ центръ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ конференціей были выработаны слѣдующія резолюціи:

Организиціонный уставъ Сѣв. Кавказскаго Союза

Былъ принятъ проэктъ, въ основу котораго былъ положенъ орган. уставъ, выработанный на первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ. Вся Россія, по предложенію конференціи, должна быть раздѣлена на рядъ областей; работу эту на югѣ выполнитъ съѣздъ представителей южныхъ комитетовъ. Наша конференція представителей группъ Кубанскаго К. полагаетъ, что ей, съ своей стороны, можно лишь приблизительно намѣтить область, которую охватитъ будущій Сѣв. Кавказскій Областной Союзъ. Союзъ распространитъ свое вліяніе на Кубанскую Область, на Терско-Дагестанскую, на Черноморскую и Ставропольскую губерніи. Въ томъ случаѣ, если бы Т. Д. Комитетъ отказался примкнуть къ С. К. Союзу, то Кубанская Область, Черноморская и Ставропольская губерніи пока составляютъ самостоятельную область, а окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ отложено до съѣзда представителей Южныхъ Комитетовъ.

1) Руководящимъ политическимъ коллективомъ въ Районѣ Кубанской Области, Терско-Дагестанской Черноморской и Ставропольской губерній является С. К. С. (принято единогласно).

2) Въ С. К. С. входятъ Черноморскій К., обслуживающій Черноморскую губернію 2) Ставропольскій Комитетъ 3) Кубанскій Комитетъ съ группами (Армавирской, Майкопской, Ейской. С.-Д. группой казаковъ) 4) Союзъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ Владикавказской ж. д. и 5) Терско-Дагестанскій Комитетъ.

Примѣчаніе. I Кавказская и Тихорѣцкая Группы, пока не организованы. Союзъ ж.-д. рабочихъ и служащихъ находится въ районѣ дѣятельности Кубанскаго Комитета.

3) Постояннымъ органомъ объединяющимъ дѣятельность союзныхъ соціальдемократическихъ организацій является Сѣверо-Кавказскій Союзный Областной Комитетъ.

4) Союзный Комитетъ избирается областнымъ съѣздомъ а) число членовъ опредѣляется съѣздомъ б) Союзный Комитетъ имѣетъ право кооптаціи новыхъ членовъ, но послѣдніе должны быть утверждены ближайшимъ же съѣздомъ

Примѣчаніе II. Число членовъ Союзнаго Комитета опредѣлено пятью членами.

Примѣчаніе III. Областные съѣзды состоятъ изъ делегатовъ Комитетовъ и Группъ Союза, признанныхъ конференціей (этотъ пунктъ принятъ большинствомъ 8 противъ 4.)

Примѣчаніе IV. Число делегатовъ и порядокъ выборовъ опредѣляется всѣми организаціями Союза.

Примѣчаніе V. Всѣ Комитеты пользуются двумя рѣшающими голосами на Областномъ съѣздѣ, а группа пользуется представительствомъ и правомъ на одинъ рѣшающій голосъ (приняты 10 прот. 2.)

5) а) С. К. издаетъ періодическій листокъ и прокламаціи общаго характера, для чего при содѣйствіи мѣстныхъ комитетовъ ставитъ Центральную Типографію Союза, организуетъ транспорты, техническія группы по вооруженію, паспортное бюро и т. д.

в) С. К. объединяетъ дѣятельность мѣстныхъ Комитетовъ и группъ на почвѣ практическаго выступленія пролетаріата при посредствѣ кадра летучихъ организаторовъ и агитаторовъ; онъ содѣйствуетъ постановкѣ дѣла на мѣстахъ.

Примѣчаніе VI. Кадръ организаторовъ и агитаторовъ составляетъ периферію С. К. К.

с) С. К — заботится о равномѣрномъ распредѣленіи силъ по Комитетамъ и Группамъ; ему принадлежитъ право рекомендовать новыхъ членовъ.

6) С. К. избираетъ изъ своей среды представителей на общерусскую Конференцію (принята 11 противъ 1)

7) С. К. выноситъ на обсужденіе всѣхъ организацій С. К. Союза. а) всѣ вопросы, касающіеся обще-политической и партійной жизни в) всѣ вопросы практическаго выступленія пролетаріата.

8) С. К. обязанъ подвергать обсужденію и голосованію всѣхъ организацій союза всякое предложеніе отъ любой группы и К. Союза.

9) С. К. обязанъ періодически (ежемѣсячно) давать мѣстнымъ организаціямъ отчетъ о своей дѣятельности; по требованію эти отчеты должны даваться и внѣ очереди.

10) Въ случаѣ выраженія С. К. недовѣрія со стороны большинства организацій, С. К. немедленно созываетъ областной съѣздъ.

11) С. К. не рѣже одного раза въ четыре мѣсяца созываетъ областной очередной съѣздъ; экстренный съѣздъ долженъ быть созываемъ по требованію большинства организацій.

Примѣчаніе VII. Съѣздъ считается состоявшимся, если съѣхавшіеся делегаты представляютъ $^2/_3$ всѣхъ рѣшающихъ голосовъ.

12) Члены С. К. по возможности участвуютъ въ мѣстной работѣ.

13) Всѣ мѣстные Комитеты и группы обязаны періодически (ежемѣсячно) давать отчеты о своей дѣятельности; эти отчеты должны выдаваться по требованію и внѣ очереди.

14) Въ интересахъ поддержанія освѣдомленности всѣхъ организацій о движеніи во всемъ союзномъ районѣ мѣстные комитеты и группы обязаны немедленно сообщать С. Комитету о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ политической жизни ихъ района.

15) Областной съѣздъ устанавливаетъ размѣръ взноса со стороны каждаго мѣстнаго комитета въ общесоюзную Кассу (отчисленія на ближнее время рѣшено дѣлать въ 30%).

16) Областной Комитетъ имѣетъ постоянную резиденцію. Въ вопросахъ: а) О Центральномъ учрежденіи Партіи, в) объ отношеніи между мѣстнымъ Комитетомъ и его периферіями К. присоединяется къ организаціонному уставу, выработанному общерусской Конференціей.

2) Резолюція по вопросу о работѣ среди иногороднихъ.

„Принимая во вниманіе: а) что половина сельскаго населенія Кубанской области принадлежитъ къ такъ называемымъ иногороднимъ, которые лишены самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, находятся въ полномъ подчиненіи станичныхъ правленій, обложены налогами на право жительства, лишены участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, неся въ тоже время тяжелыя мѣстныя повинности и пр. в) что существующія либерально буржуазныя и демократическія партіи въ нашемъ районѣ не ведутъ рѣшительно никакой работы для уравненія иногороднихъ въ правахъ съ коренныміъ населеніемъ и для окончательнаго освобожденія ихъ отъ гнета самодержавія, конференція настоятельно рекомендуетъ комитетамъ и группамъ вести агитацію среди иногороднихъ за полное гражданское и политическое равенство всѣхъ группъ населенія Кубанской Области. Принимая, далѣе, во вниманіе, что среди иногороднихъ имѣется уже нѣсколько сотенъ тысячъ пролетаріевъ (около 300,000) живущихъ по станицамъ и представляющимъ по своему соціальному положенію благодарную почву для широкой соц.-дем пропаганды и агитаціи. Конференція приглашаетъ партійныхъ работниковъ вовлекать въ движеніе эти пролетарскія силы, ведя среди нихъ пропаганду соціальдемократическихъ идей, организуя ихъ въ мѣстныя группы, расширяя и укрѣпляя такимъ путемъ вліяніе нашей партіи на все сельское населеніе Сѣвернаго Кавказа.

Резолюція о работѣ среди казаковъ. „Принимая во вниманіе а) что казачество является остаткомъ военно-крѣпостническихъ отношеній; б) что оно искусственно поддерживается царскимъ правительствомъ исключительно въ интересахъ разлагающагося самодержавія; с) что существованіе этого привиллегированнаго сословія въ Кубанской Области чрезвычайно задерживаетъ экономическое развитіе населенія, подрываетъ благосостояніе самихъ казаковъ и развращаетъ ихъ, конференція считаетъ необходимымъ повести самую широкую агитацію за уничтоженіе этого сословія, при чемъ партійные работники должны организовать уже выдѣлившіеся пролетарскіе элементы среди казаковъ какъ отдѣльнаго сословія и при агитаціи постоянно указывать на то, что уничтоженіе казачества неизбѣжно и выгодно, какъ самимъ казакамъ, такъ и всему населенію.

4) Резолюція о работѣ среди крестьянъ: „Принимая во вниманіе что 1) сектантское движеніе является одной изъ формъ протеста противъ существующаго самодержавно-полицейскаго режима, что 2) указъ 17 апрѣля ни мало не содѣйствовалъ ослабленію этого движенія и 3) что губерніи Черноморская, Ставропольская и Кубанская Область имѣютъ много сектантовъ въ средѣ своего населенія, конференція предлагаетъ тов. работникамъ обратить вниманіе на работы среди сектантовъ въ цѣляхъ вовлеченія ихъ въ общероссійское революціонное движеніе."

5) Резолюція объ изданіи періодическихъ листковъ: „Конференція считаетъ настоятельной необходимостью изданіе областного листка; листокъ долженъ носить чисто агитаціонный характеръ. Самое большое мѣсто въ этомъ листкѣ должно быть отведено хроникѣ рабочаго и крестьянскаго движенія въ области, а равно и хроникѣ общероссійской жизни" щихъ и 2 совѣщательныхъ голоса (4 товарища); *Батумъ* (Комитетъ и его городскіе районы) — 2 товарища съ рѣшающими голосами; *Владикавказъ* (Терско-дагестанскій комитетъ и его районы) — 1 товарищъ съ совѣщательнымъ и 2 съ рѣшающими голосами; *Гори* (Группа тифлисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ. *Гурія* (Комитетъ и его районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Кутаисъ* (организація и ея районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Самтреди* (Группа кутаисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Сухумъ* (Группа батумскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Поти* (Группа батумскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ; *Тифлисъ* (Комитетъ и его городскіе районы) — 2 рѣшающихъ голоса; *Чіатуры* (Группа кутаисскаго комитета) — 1 рѣшающій голосъ. Всего 16 товарищей съ 17 рѣшающими голосами. Кромѣ того, были приглашены товарищи съ совѣщательнымъ голосомъ. Ихъ число было отъ 18 до 22 хъ (нѣкоторые товарищи къ началу не явились, но съ третьяго засѣданія были уже всѣ). Порядокъ дня выработался слѣдующій:

---

[1]) О конференціи мы уже сообщали. Настоящій отчетъ запоздалъ.

1) Доклады и отчеты бюро и центральной военно-технической коммиссіи; 2) Доклады делегатовъ; 3) Государственная Дума и наша тактика; 4) Введеніе земства на Кавказѣ, наша тактика и отношеніе къ этому событію; 5) Роль соціальдемократіи въ крестьянскомъ движеніи на Кавказѣ; 6) Революціонное самоуправленіе населенія и наше отношеніе къ нему; 7) Работа среди мелкой буржуазіи; 8) Бойкотъ налоговъ и рекрутчины; 9) Организація революціоннаго выступленія массъ; 10) Вооруженіе; 11) Терроръ; 12) Отношеніе къ „большинству“ и къ I общерусской конференціи; 13) Работа среди солдатъ; 14) Отношеніе къ другимъ революціоннымъ партіямъ; 15) О профессіональныхъ союзахъ; 16) Постановка изданій; 17) Организація съѣздовъ и конференцій; 18) Опредѣленіе функцій, правъ и бюджета бюро, а также и выборы въ него. Бюджетъ бюро опредѣлился въ 1010 р. въ мѣсяцъ съ 9 организацій, кромѣ этого предоставлено право съ вѣдома организацій собирать деньги и съ частныхъ лицъ. Обязанности такія: поддерживать связи со всѣми представленными организаціями, а также съ Россіей и заграницей, распредѣлять силы, издавать органъ „Соціальдемократъ“, издавать марксистскую легальную газету и полулегальныя брошюры на грузинскомъ, армянскомъ и частью на русскомъ языкахъ, издавать листки общаго содержанія по злободневнымъ вопросамъ. Изъ докладовъ товарищей особенный интересъ возбудилъ докладъ товарища бакинца. Въ высшей степени поучительно строеніе ихъ организаціи: она въ рабочихъ поселила столько довѣрія, что, судя по свѣдѣніямъ, доходящимъ до насъ всѣ рабочіе участники въ ея дѣлахъ горой стоятъ за нее и считаютъ ее частью своего организма. Между тѣмъ, на первый взглядъ съ той точки зрѣнія, на которой мы такъ привыкли благоденствовать, характеръ бакинской организаціи въ нѣкоторыхъ случаяхъ отзывается анархизмомъ. Они имѣютъ заводскую организацію и при ней исполнительный заводской органъ, районное собраніе и при ней тоже исполнительный органъ, многочисленное междурайонное собраніе, являющееся руководящимъ коллективомъ и при немъ исполнительную коммиссію. Работа у нихъ кипитъ, выпускаютъ, напримѣръ, 125-й листокъ съ начала своего основанія. По вопросу о введеніи земства на Кавказѣ Конференція вынесла резолюцію, въ которой предлагала мѣстнымъ организаціямъ принять живѣйшее участіе въ выборахъ въ земскія совѣщанія, выставляя кандидатуры соціальдемократовъ. Эти совѣщанія устраиваются изъ выборныхъ отъ населенія лицъ, причемъ выборы обставлены ужасной казуистикой и громаднымъ цензомъ. Товарищи на мѣстахъ не замедлили откликнуться на это предложеніе, вмѣшались въ выборы и теперь мы имѣемъ цѣлый [illegible] выступленія соціальдемократовъ.

Резолюціи второй конференціи кавказскихъ Соц.-Дем организацій

Объ участіи въ буржуазной прессѣ.

Принимая во вниманіе, во первыхъ, что участіе соціальдемократовъ въ буржуазной прессѣ создаетъ этой послѣдней извѣстный престижъ въ глазахъ рабочихъ, вызываетъ въ нихъ иллюзію классовой примиримости, во вторыхъ, что, въ частности, на Кавказѣ при обострившихся отношеніяхъ между Кавказской Соціаль-Демократіей и буржуазными партіями которыя всѣми силами стараются подорвать вліяніе соціалдемократіи, сотрудничество въ буржуазныхъ газетахъ означало бы косвенное оправданіе тѣхъ мѣръ, которыя примѣняются буржуазными партіями въ борьбѣ съ соціальдемократіей, конференція считаетъ безусловно вреднымъ и съ партійной точки зрѣнія недопустимымъ участіе товарищей въ буржуазной прессѣ.

Отношеніе къ революціоннымъ и оппозиціоннымъ партіямъ на Кавказѣ

Принимая во вниманіе, во первыхъ, что на Кавказѣ всѣ такъ-называемыя, революціонныя партіи, какъ соціалисты-революціонеры, соціалисты-федералисты, автономисты, дропакисты и т. п. объединились для борьбы съ соціалдемократіей, во вторыхъ, что онѣ воспользуются предвыборной агитаціей въ земство и Государственную Думу для укрѣпленія своей позиціи, въ третьихъ, что всякое соглашеніе съ ними въ цѣляхъ выставленія общихъ кандидатовъ повело бы лишь къ укрѣпленію ихъ авторитета въ народныхъ массахъ, конференція, подтверждая резолюціи I-ой Кавказской конференціи о націоналистахъ и 2-го съѣзда партіи о соціалистахъ-революціонерахъ, предлагаетъ на всѣхъ собраніяхъ и въ печати раскрывать передъ рабочей массой ихъ классовую подоплеку и стремленіе соціалистической фразеологіей затуманить самосознаніе рабочихъ и ихъ руками достичь осуществленія своихъ націоналистическихъ мелко-буржуазныхъ цѣлей.

О съѣздѣ фракціи большинства.

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что такъ называемый III-ій съѣздъ навязанъ партіи Б. К. Б. и 2 лицами, случайно оставшимися въ Ц. К. и присвоившими себѣ права коллегіи Ц. К. и устроенъ вопреки Уставу и безъ согласія совѣта Партіи, во вторыхъ, что лица создавшія „съѣздъ“, не остановились передъ присвоеніемъ чужихъ мандатовъ (голоса Тифлисскаго, Батумскаго и др. комитетовъ), въ третьихъ, что „съѣздъ“ былъ составленъ вопреки воли огромнаго большинства организованнаго пролетаріата Россіи и безъ его вѣдома — конференція объявляетъ этотъ „съѣздъ“ насмѣшкой надъ партійными съѣздами, выбранныя на этомъ „съѣздѣ“ Центральныя Учрежденія не признаетъ Центральными Учрежденіями Партіи.

О конференціи меньшинства

Принимая во вниманіе во первыхъ, что первая общерусская конференція стала по организаціоннымъ вопросамъ на путь, который единственно обезпечиваетъ сохраненіе и усиленіе пролетарскаго характера нашей партіи, во вторыхъ, что конференція и по тактическимъ вопросамъ взяла вполнѣ правильный тонъ, исходящій изъ классовыхъ интересовъ пролетаріата, — Кавказская конференція, взгляды которой въ общемъ и цѣломъ совпадаютъ со взглядами конференціи, привѣтствуетъ общерусскую конференцію, какъ начало новой эры нашей партіи. Конференція вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣетъ, что принципъ выборнаго начала, выставленный въ предисловіи къ организаціонному уставу, не проведенъ въ немъ и надѣется, что этотъ пробѣлъ будетъ восполненъ въ скоромъ будущемъ. Вторая Кавказская конференція выражаетъ довѣріе редакціи „Искры“ и считаетъ ее Центральнымъ Органомъ Партіи. Конференція выражаетъ довѣріе О. К. и предлагаетъ всѣмъ Кавказскимъ рабочимъ организаціямъ поддержать ее матеріальными средствами.

О работѣ среди мелкой буржуазіи.

Исходя изъ того воззрѣнія, во первыхъ, что всякій глубокій революціонный переворотъ въ политической и соціальной жизни не можетъ быть совершенъ безъ того, чтобы къ революціонному классу не примыкала мелкая буржуазія, во вторыхъ, что вліяніе соціальдемократіи у насъ на Кавказѣ на мелко-буржуазные слои вслѣдствіе довольно сильной организованности широкихъ пролетарскихъ массъ, съ одной стороны, и слабой организованности націоналъ-демократическ. партій, съ другой—велико, въ третьихъ, что вліяніе это можетъ быть закрѣплено сорганизованіемъ строго-соціальдемократическихъ элементовъ въ средѣ мелкой буржуазіи, въ четвертыхъ, что, подчиняя мелкую буржуазію своему вліянію, мы разрываемъ буржуазный блокъ и тѣмъ обезпечиваемъ торжество демократіи; организуя же хотя бы самые незначительные строго соціальдемократическіе элементы ея, мы ускоряемъ и облегчаемъ свою побѣду надъ буржуазнымъ порядкомъ въ будущемъ, конференція предлагаетъ рабочимъ организаціямъ въ мѣстахъ съ широкимъ пролетарскимъ движеніемъ во первыхъ, повести соціальдемократическую агитацію и пропаганду среди городской мелкой буржуазіи, выбирая изъ нея наиболѣе примыкающіе къ пролетаріату по своему соціальному положенію слои, во вторыхъ, создать изъ зрѣлыхъ въ соціалъ-демократическомъ смыслѣ мелко-буржуазныхъ элементовъ особую организацію, строго подчинивъ ее пролетарской организаціи.

О захватѣ земли.

Принимая во вниманіе: во первыхъ, что паденіе царизма тѣсно связано съ разрушеніемъ феодальныхъ порядковъ, во вторыхъ, что стремленіе уничтожить помѣщичьи-феодальныя земельныя отношенія логически приводитъ къ борьбѣ съ самодержавіемъ и тѣмъ способствуетъ освободительному движенію пролетаріата, въ третьихъ, что уничтоженіе феодально-помѣщичьяго землевладѣнія дастъ толчокъ къ разслоенію деревенскаго населенія на современные классы и тѣмъ усилитъ классовую борьбу въ деревнѣ, конференція предлагаетъ с.-д. рабочимъ организаціямъ поддерживать всякія попытки крестьянъ къ насильственному захвату земель, имѣющему общереволюціонное значеніе, при этомъ пропагандируя среди крестьянъ аграрную программу и подчеркивая, что при капиталистическомъ строѣ общества увеличеніе площади земельной собственности не можетъ избавить ихъ отъ экономическаго порабощенія.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ, СОЗВАННАЯ КУБАНСКИМЪ КОМИТЕТОМЪ.[1]

По иниціативѣ Кубанскаго К. Р. С.-Д. Р. П. на 12 іюля была созвана конференція изъ представителей отъ группъ Кубанскаго К. На конференцію явились представители: Кубанскаго К. (два рѣшающихъ голоса и одинъ совѣщательный), Екатеринодарской группы — двое, Новороссійской группы — трое, Ставропольской группы — двое, Армавирской группы — двое, Ейской группы, — одинъ, Майкопской группы — одинъ. Представители Кавказской и Тихорѣцкой группы явиться не могли въ виду того, что конференція совпала съ началомъ забастовки по линіи Владикавказской желѣзной дороги. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ не явился представитель соціальдемократической группы Кубанскихъ казаковъ. По случаю забастовки не могли также присутствовать четыре члена Кубанскаго К. Съ правомъ совѣщательнаго голоса К. К., по соглашенію съ группами, были приглашены еще: 1 — отъ Кубанскаго Комитета, 2 — отъ Екатеринодарскаго, 2 — отъ Новороссійскаго и 1 — Ставропольской группы. Всѣхъ товарищей на конференціи собралось 12 съ рѣшающимъ голосомъ, семь съ совѣщательнымъ. Въ началѣ перваго засѣданія были провѣрены мандаты делегатовъ, причемъ делегаты группъ сообщили, какимъ числомъ голосовъ они были выбраны. Выяснилось, что въ выборахъ участвовали: въ Новороссійской группѣ — 28 товарищей, въ Екатеринодарской — 15, въ Ставропольской — 12, въ Армавирской — 22, въ Ейской — 10.

Послѣ этого предсѣдателемъ было прочитано заявленіе Конференціи отъ Новороссійской группы относительно III-го пункта состава конференціи организаціей К. К. слѣдующаго содержанія: „[illegible] числа группа вмѣстѣ съ периферіей собралась для обсужденія предложеній К. К. (на этомъ первомъ общемъ собраніи было 60 человѣкъ, было нѣсколько предварительныхъ собраній) по вопросамъ о конференціи. Третій пунктъ вызвалъ оживленныя пренія, между прочимъ, было высказано удивленіе, почему Комитетъ долженъ пользоваться семью рѣшающими голосами, почему онъ не высказалъ мотивовъ, которыми руководился въ данномъ случаѣ, желая участвовать на конференціи въ полномъ своемъ составѣ (7 всѣхъ голосовъ). Собравшіеся единогласно пришли къ такому рѣшенію: „нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы Комитетъ пользовался преимущественно передъ группами большимъ числомъ голосовъ; что Комитету наравнѣ съ группами должно быть предоставлено два рѣшающихъ голоса, а остальные пять будутъ присутствовать съ совѣщательными голосами“.

Послѣ дебатовъ по этому вопросу большинствомъ шести противъ четырехъ голосовъ рѣшено было предоставить членамъ Кубанскаго Комитета на равнѣ съ группами два рѣшающихъ голоса и пять совѣщательныхъ. Далѣе были прочитаны заявленія Новороссійской группы и периферіи послѣдней такого содержанія: „Р. С. Д. Р. П. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь! Новороссійская группа Кубанскаго К. Р. С.-Д. Р. П. извѣщаетъ конференцію о томъ, что, собравшись въ полномъ своемъ составѣ, она единогласно избрала своимъ делегатомъ на конференцію товарища X. Въ виду того, что группа не успѣла разобраться во всѣхъ намѣченныхъ къ конференціи вопросахъ, она уполномочиваетъ товарища делегата при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ руководиться точкой зрѣнія меньшинства нашей Партіи. Члены Новороссійской Группы К. К. (подписи). Переферійная организація Новороссійской С. Д. группы Кубанскаго К. извѣщаетъ конференцію о томъ, что на всеобщемъ собраніи организаторовъ, пропагандистовъ и агитаторовъ постановлено большинствомъ голосовъ послать на конференцію одного делегата изъ своей среды при чемъ делегатскія полномочія передаются ея делегату на тѣхъ же основаніяхъ, что и делегату изъ группы. Уполномоченные отъ периферіи (подписи).

Затѣмъ былъ выработанъ порядокъ дня: 1) Провѣрка делегатскихъ мандатовъ, 2) разборъ и обсужденіе резолюцій первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ, 3) отчетъ о дѣятельности группъ конференціи К. К. 4) Отчетъ о дѣятельности К. К. 5) Организація центра и группъ; отношеніе между ними въ связи съ вопросомъ о реорганизаціи К. К. въ Сѣверо Кавказскій Союзъ, 6) Постановка пропаганды и агитаціи. 7) Постановка работы среди крестьянъ, казачества, солдатъ, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, сектантовъ и иногороднихъ, 8) Самостоятельная организація жел.-дор. служащихъ и рабочихъ. 9) Вопросъ о вооруженіи. 10) Вопросъ о террорѣ. 11) Объ изданіи періодической литературы. 12) О періодическихъ конференціяхъ. 13) Планъ работы на ближайшее время. 14) Отношеніе С.-Д. къ союзамъ буржуазной демократіи, возникшимъ за послѣднее время въ Россіи. 15) Отношеніе С. Д. къ Р. У. П., къ Дрошаки, Гнчакъ. 16) О выходѣ Плеханова изъ редакціи и отношеніи къ нынѣшнему составу редакціи Искры. 17) Выборы въ центръ.

По всѣмъ этимъ вопросамъ конференціей была выработаны слѣдующія резолюціи:

Организаціонный уставъ Сѣв. Кавказскаго Союза

Былъ принятъ проектъ, въ основу котораго былъ положенъ орган. уставъ, выработанный на первой общерусской конференціи партійныхъ работниковъ. Вся Россія, по предложенію конференціи, должна быть раздѣлена на рядъ областей; работу эту на югѣ выполнитъ съѣздъ представителей южныхъ комитетовъ. Наша конференція представителей группъ Кубанскаго К. полагаетъ, что ей, съ своей стороны, можно лишь приблизительно намѣтить область, которую охватитъ будущій Сѣв. Кавказскій Областной Союзъ. Союзъ распространитъ свое вліяніе на Кубанскую Область, на Терско-Дагестанскую, на Черноморскую и Ставропольскую губерніи. Въ томъ случаѣ, если бы Т.-Д. Комитетъ отказался примкнуть къ С. К. Союзу, то Кубанская Область, Черноморская и Ставропольская губерніи пока составляютъ самостоятельную область, а окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ отложено до съѣзда представителей Южныхъ Комитетовъ.

1) Руководящимъ политическимъ коллективомъ въ Районѣ Кубанской Области, Терско-Дагестанской Черноморской и Ставропольской губерній является С. К. С. (принято единогласно).

2) Въ С. К. С. входятъ Черноморскій К., обслуживающій Черноморскую губернію 2) Ставропольскій Комитетъ 3) Кубанскій Комитетъ съ группами (Армавирской, Майкопской, Ейской. С.-Д. группой казаковъ) 4) Союзъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ и служащихъ Владикавказской ж. д. и 5) Терско-Дагестанскій Комитетъ.

Примѣчаніе. I Кавказская и Тихорѣцкая Группы, пока не организованы. Союзъ ж.-д. рабочихъ и служащихъ находится въ районѣ дѣятельности Кубанскаго Комитета.

3) Постояннымъ органомъ объединяющимъ дѣятельность союзныхъ соціальдемократическихъ организацій является Сѣверо-Кавказскій Союзный Областной Комитетъ.

4) Союзный Комитетъ избирается областнымъ съѣздомъ а) число членовъ опредѣляется съѣздомъ б) Союзный Комитетъ имѣетъ право кооптаціи новыхъ членовъ, но послѣдніе должны быть утверждены ближайшимъ же съѣздомъ

Примѣчаніе II. Число членовъ Союзнаго Комитета опредѣлено пятью членами.

Примѣчаніе III. Областные съѣзды состоятъ изъ делегатовъ Комитетовъ и Группъ Союза, признанныхъ конференціей (этотъ пунктъ принятъ большинствомъ 8 противъ 4.)

Примѣчаніе IV. Число делегатовъ и порядокъ выборовъ опредѣляется всѣми организаціями Союза.

Примѣчаніе V. Всѣ Комитеты пользуются двумя рѣшающими голосами на Областномъ съѣздѣ, а группа пользуется представительствомъ и правомъ на одинъ рѣшающій голосъ (приняты 10 прот. 2.)

5) а) С. К. издаетъ періодическій листокъ и прокламаціи общаго характера, для чего при содѣйствіи мѣстныхъ комитетовъ ставитъ Центральную Типографію Союза, организуетъ транспорты, техническія группы по вооруженію, паспортное бюро и т. д.

в) С. К. объединяетъ дѣятельность мѣстныхъ Комитетовъ и группъ на почвѣ практическаго выступленія пролетаріата при посредствѣ кадра летучихъ организаторовъ и агитаторовъ; онъ содѣйствуетъ постановкѣ дѣла на мѣстахъ.

Примѣчаніе VI. Кадръ организаторовъ и агитаторовъ составляетъ периферію С. К. К.

с) С. К. — заботится о равномѣрномъ распредѣленіи силъ по Комитетамъ и Группамъ; ему принадлежитъ право рекомендовать новыхъ членовъ

6) С. К. избираетъ изъ своей среды представителей на общерусскую Конференцію (принята 11 противъ 1)

7) С. К. выноситъ на обсужденіе всѣхъ организацій С. К. Союза а) всѣ вопросы, касающіеся обще-политической и партійной жизни в) всѣ вопросы практическаго выступленія пролетаріата.

8) С. К. обязанъ подвергать обсужденію и голосованію всѣхъ организацій союза всякое предложеніе отъ любой группы и К. Союза.

9) С. К. обязанъ періодически (ежемѣсячно) давать мѣстнымъ организаціямъ отчетъ о своей дѣятельности; по требованію эти отчеты должны даваться и внѣ очереди.

10) Въ случаѣ выраженія С. К. недовѣрія со стороны большинства организацій, С. К. немедленно созываетъ областной съѣздъ.

11) С. К. не рѣже одного раза въ четыре мѣсяца созываетъ областной очередной съѣздъ; экстренный съѣздъ долженъ быть созываемъ по требованію большинства организацій.

Примѣчаніе VII. Съѣздъ считается состоявшимся, если съѣхавшіеся делегаты представляютъ $^2/_3$ всѣхъ рѣшающихъ голосовъ.

12) Члены С. К. по возможности участвуютъ въ мѣстной работѣ.

13) Всѣ мѣстные Комитеты и группы обязаны періодически (ежемѣсячно) давать отчеты о своей дѣятельности; эти отчеты должны выдаваться по требованію и внѣ очереди.

14) Въ интересахъ поддержанія освѣдомленности всѣхъ организацій о движеніи во всемъ союзномъ районѣ мѣстные комитеты и группы обязаны немедленно сообщать С. Комитету о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ политической жизни ихъ района.

15) Областной съѣздъ устанавливаетъ размѣръ взноса со стороны каждаго мѣстнаго комитета въ общесоюзную Кассу (отчисленія на ближнее время рѣшено дѣлать въ 30%).

16) Областной Комитетъ имѣетъ постоянную резиденцію. Въ вопросахъ: а) О Центральномъ учрежденіи Партіи, в) объ отношеніи между мѣстнымъ Комитетомъ и его периферіями К. присоединяется къ организаціонному уставу, выработанному общерусской Конференціей.

2) Резолюція по вопросу о работѣ среди иногороднихъ.

„Принимая во вниманіе: а) что половина сельскаго населенія Кубанской области принадлежитъ къ такъ называемымъ иногороднимъ, которые лишены самыхъ элементарныхъ гражданскихъ правъ, находятся въ полномъ подчиненіи станичныхъ правленій, обложены налогами на право жительства, лишены участія въ мѣстныхъ дѣлахъ, неся въ тоже время тяжелыя мѣстныя повинности и пр. в) что существующія либерально буржуазныя и демократическія партіи въ нашемъ районѣ не ведутъ рѣшительно никакой работы для уравненія иногороднихъ въ правахъ съ кореннымъ населеніемъ и для окончательнаго освобожденія ихъ отъ гнета самодержавія, конференція настоятельно рекомендуетъ комитетамъ и группамъ вести агитацію среди иногороднихъ за полное гражданское и политическое равенство всѣхъ группъ населенія Кубанской Области. Принимая, далѣе, во вниманіе, что среди иногороднихъ имѣется уже нѣсколько сотенъ тысячъ пролетаріевъ (около 300,000) живущихъ по станицамъ и представляющимъ по своему соціальному положенію благодарную почву для широкой соц.-дем пропаганды и агитаціи. Конференція приглашаетъ партійныхъ работниковъ вовлекать въ движеніе эти пролетарскія силы, ведя среди нихъ пропаганду соціальдемократическихъ идей, организуя ихъ въ мѣстныя группы, расширяя и укрѣпляя такимъ путемъ вліяніе нашей партіи на все сельское населеніе Сѣвернаго Кавказа.

Резолюція о работѣ среди казаковъ. „Принимая во вниманіе а) что казачество является остаткомъ военно-крѣпостническихъ отношеній; б) что оно искусственно поддерживается царскимъ правительствомъ исключительно въ интересахъ разлагающагося самодержавія; с) что существованіе этого привилегированнаго сословія въ Кубанской Области чрезвычайно задерживаетъ экономическое развитіе населенія, подрываетъ благосостояніе самихъ казаковъ и развращаетъ ихъ, конференція считаетъ необходимымъ повести самую широкую агитацію за уничтоженіе этого сословія, при чемъ партійные работники должны организовать уже выдѣлившіеся пролетарскіе элементы среди казаковъ какъ отдѣльнаго сословія и при агитаціи постоянно указывать на то, что уничтоженіе казачества неизбѣжно и выгодно, какъ самимъ казакамъ, такъ и всему населенію.

4) Резолюція о работѣ среди крестьянъ: „Принимая во вниманіе что 1) сектантское движеніе является одной изъ формъ протеста противъ существующаго самодержавно-полицейскаго режима, что 2) указъ 17 апрѣля ни мало не содѣйствовалъ ослабленію этого движенія и 3) что губерніи Черноморская, Ставропольская и Кубанская Область имѣютъ много сектантовъ въ средѣ своего населенія, конференція предлагаетъ тов. работникамъ обратить вниманіе на работы среди сектантовъ въ цѣляхъ вовлеченія ихъ въ общероссійское революціонное движеніе.“

5) Резолюція объ изданіи періодическихъ листковъ: „Конференція считаетъ настоятельной необходимостью изданіе областного листка; листокъ долженъ носить чисто агитаціонный характеръ. Самое большое мѣсто въ этомъ листкѣ должно быть отведено хроникѣ рабочаго и крестьянскаго движенія въ области, а равно и хроникѣ общероссійской жизни“

---

[1] О конференціи мы уже сообщали. Настоящій отчетъ запоздалъ.

б) **Резолюція объ отношеніи къ партіи „Инчакъ"**: „Въ виду того, во первыхъ, что партія „Инчакъ" ведетъ двойственную политику — соціальдемократическую съ одной стороны, и националистическую съ другой, во вторыхъ, что особое организаціонное ея существованіе создаетъ грань между рабочими разныхъ національностей и тѣмъ ослабляетъ классовое самосознаніе пролетаріата, конференція предлагаетъ рабочимъ организаціямъ разоблачать двойственную позицію партіи „Инчакъ" до тѣхъ поръ, пока она окончательно не порветъ съ националистическими традиціями и не войдетъ въ организацію Р. С. Д. Р. П., не входить съ ней ни въ какія соглашенія, кромѣ временныхъ по тѣмъ или инымъ исключительно практическимъ вопросамъ".

Резолюція объ отношеніи къ партіи „Дрошакъ".: „Принимая во вниманіе, что армянская националистская партія „Дрошакъ" за послѣднее время также желаетъ бороться съ самодержавіемъ, конференція допускаетъ съ ней техническія соглашенія, но въ то же время предлагаетъ рабочимъ организаціямъ рѣшительно бороться съ ней, какъ съ партіей националистической".

Резолюція объ отношеніи къ Революціонной Украинской Партіи. „Принимая во вниманіе, что Р. У. П., стремясь къ организаціи пролетаріата, живущаго на украинской территоріи въ отдѣльную партію, затемняетъ такимъ образомъ классовое самосознаніе пролетаріата и вноситъ разъединеніе въ соціальдемократическую работу, конференція считаетъ необходимымъ устной и письменной критикой и пропагандой разоблачать националистическія тенденціи названной партіи, противопоставлять ея дѣятельности свою соціальдемократическую работу. Что касается соглашенія съ Р. У П. для отдѣльныхъ совмѣстныхъ выступленій, то конференція рекомендуетъ къ ней тѣ же отношенія, въ какихъ стоитъ Р. С. Д. Р. П. вообще ко всѣмъ революціоннымъ, но не С. Д. партіямъ, т. е. руководиться девизомъ: „врозь идти, вмѣстѣ бить."

Резолюція по вопросу о выходѣ тов. Плеханова изъ редакціи „Искры": „Принимая во вниманіе, что выходъ тов. Плеханова изъ состава ред. „Искры" въ нежелательномъ смыслѣ отразится на „Искрѣ", какъ партійномъ, руководящемъ органѣ, а, слѣдовательно, и на всей партійной работѣ, конференція выражаетъ желаніе, чтобы т. Плехановъ вошелъ обратно въ составъ редакціи и надѣется, что онъ въ интересахъ партіи снова возьметъ на себя функціи редактора „Искры".

Резолюція объ отношеніи къ теперешнему составу редакціи „Искры": „Конференція высказываетъ полное довѣріе товарищамъ, ведущимъ теперь нашъ партійный органъ и выражаетъ желаніе, чтобы эти товарищи остались въ составѣ редакціи и вели бы редакцію „Искры" и на будущее время впредь до всеобщей конференціи партійныхъ работниковъ, которая уже окончательно опредѣлитъ составъ редакціи".

На первыхъ своихъ засѣданіяхъ (ихъ было всего шесть) конференція подробно обсудила и приняла всѣ резолюціи, выработанныя первой общерусской конференціей партійныхъ работниковъ. Кромѣ этого, конференція группъ Кубанскаго Комитета, выслушавъ разсказъ нѣкоторыхъ товарищей о разныхъ случаяхъ, когда мѣстныя группы прибѣгали къ террористическимъ угрозамъ, выразила свое отрицательное отношеніе къ такимъ пріемамъ борьбы, признавъ ихъ не соціальдемократическими.

Въ то время, когда происходили засѣданія конференціи, по линіи Владикавказской желѣз. дороги происходила забастовка. Конференція послала стачечникамъ свое привѣтствіе, отмѣчая, что эта стачка, содѣйствуя объединенію пролетарскихъ силъ, имѣетъ большое значеніе въ исторіи освободительнаго движенія пролетаріата. Конференція закончилась выборомъ членовъ Союзнаго Комитета.

Резолюція Сѣверо-Кавказскаго Областнаго Комитета объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Принимая во вниманіе, что Дума, созываемая самодержавнымъ правительствомъ, не можетъ явиться выразителемъ воли народа, такъ какъ громадная часть населенія и въ томъ числѣ весь пролетаріатъ, устранены отъ всякаго участія въ выборахъ, что булыгинская конституція по существу нисколько не измѣняетъ самодержавно-полицейскаго режима, а является лишь попыткой привлеченія оппозиціонной буржуазіи на службу россійской бюрократіи, мы, какъ партія революціоннаго пролетаріата, предлагаемъ усилить въ самыхъ широкихъ слояхъ народа агитацію за Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, разоблачая въ тоже время всю лживость царскихъ обѣщаній и безполезность Государственной Думы, созванной при условіяхъ полицейскаго режима.

Считаясь, далѣе, съ тѣмъ, что руководящій принципъ нашей тактики въ переживаемое революціей время это стремленіе „развязать" революцію, и что всякое завоеваніе, сдѣланное народомъ въ революціонной борьбѣ цѣнно прежде всего, какъ опорный пунктъ для дальнѣйшихъ революціонныхъ шаговъ; съ другой стороны, считаясь съ тѣмъ, что, такъ называемая, булыгинская конституція, какъ актъ полицейскаго издѣвательства надъ политическими правами гражданъ, явится именно тѣмъ пунктомъ, вокругъ котораго сконцентрируется политическое недовольство массы населенія — считаясь со всѣмъ этимъ, мы, представители соціальдемократіи, предлагаемъ немедленно приступить къ организаціи рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ, которые, неограничиваясь одной агитаціей идеи Всенароднаго Учредительнаго Собранія, стремились бы къ созданію изъ представителей организованной ими массы мѣстныхъ органовъ революціоннаго самоуправленія.

Эти мѣстные органы, объединившись, создадутъ тотъ органъ революціоннаго самоуправленія, который, опираясь на пролетаріатъ и другіе, примыкающіе къ нему революціонные и оппозиціонные элементы, заставитъ Государственную Думу стать на путь революціонной борьбы съ правительствомъ; въ противномъ случаѣ пролетаріатъ съ оружіемъ въ рукахъ продиктуетъ созывъ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Сѣверо-Кавказскій Областной Комитетъ
(Резолюція эта одобрена Ейской группой).

Конференція эстонскихъ соціальдемократовъ.

Въ серединѣ августа состоялась конференція партійныхъ работниковъ, работающихъ среди эстонскаго пролетаріата. Приняты резолюціи: 1) О необходимости учрежденія Прибалтійскаго Союза. 2) Въ виду того, что рабочее движеніе въ сѣверной части края (Эстонское) далеко отстало отъ латышскаго, конференція сочла цѣлесообразнымъ учрежденіе Союза отложить до того времени, пока эстонскій пролетаріатъ не будетъ настолько же организованнымъ. 3) Конференція считаетъ необходимымъ въ возможно скоромъ времени поставить эстонскую типографію, такъ какъ отсутствіе всякой литературы на эстонскомъ языкѣ дѣлаетъ работу среди эстонскаго пролетаріата чрезвычайно трудной. 4) Конференція считаетъ необходимымъ, чтобы организаціи, работающія на мѣстахъ, вступали въ болѣе тѣсную связь съ остальными частями партіи.

Для успѣшности работы среди эстонскаго пролетаріата учреждено временное Организаціонное Бюро, главными задачами котораго являются: доставка необходимой литературы на эстонскомъ языкѣ, какъ легальной, такъ и нелегальной и болѣе цѣлесообразное распредѣленіе силъ.

Екатеринославъ. 1) Копія отвѣта партійной организаціи Бунду.

Въ Екатеринославскую организацію Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Л. П. и Р. (Бундъ).

Дорогіе товарищи! На ваше предложеніе образовать постоянную федеративную комиссію изъ представителей Екатеринославскаго Комитета Р. С.-Д. Р. П. и организаціи Бунда для общей борьбы съ несоціальдемократическими партіями и фракціями, мы считаемъ нужнымъ отвѣтить, что руководящій коллективъ нашей организаціи, по обсужденіи этого вопроса, пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1) образованіе постоянной федеративной комиссіи мы считаемъ недопустимымъ, въ виду неодинаковости позиціи, занимаемой Р. С.-Д. Р. П. и Бундомъ въ вопросахъ организаціонныхъ и національномъ; 2) въ частности по вопросу о борьбѣ съ поалейціонъ, объединеніе нашихъ силъ съ таковыми Бунда было бы съ нашей точки зрѣнія принципіально недопустимо, ибо въ глазахъ малосознательной массы отождествило бы наши взгляды на національный вопросъ съ таковыми Бунда; 3) вышесказанное, однако, не исключаетъ, съ нашей точки зрѣнія, возможности соглашенія въ отдѣльныхъ случаяхъ политическихъ выступленій или совмѣстнаго руководства тѣмъ или инымъ эпизодомъ экономической борьбы. 4) для достиженія подобнаго соглашенія мы предлагаемъ вамъ образовать временныя комиссіи для каждаго отдѣльнаго случая изъ представителей обѣихъ организацій; 5) въ настоящій моментъ, желая достигнуть соглашенія, мы предлагаемъ прислать делегатовъ для совмѣстнаго обсужденія этого вопроса.

2) Резолюція общаго собранія членовъ центральныхъ кружковъ заводского района объ объединеніи партіи:

Находя, что во имя объединенія Партіи, каждая изъ фракцій должна идти на максимальныя уступки, мы признаемъ позицію, занятую Орг. Ком. при переговорахъ съ Ц. К. „Партіи", безусловно правильною и сожалѣемъ, что слишкомъ уклончивый отвѣтъ Ц. К. снова затормазитъ столь необходимое объединеніе. При этомъ мы считаемъ нужнымъ указать, что первые два пункта требованій Орг. Ком. (рѣшающій голосъ районамъ, а для массовыхъ выступленій и всѣмъ организованнымъ рабочимъ), въ практическомъ осуществленіи которыхъ сомнѣвается Ц. К., уже долгое время примѣняются въ работѣ нашей организаціи и вѣроятно, всѣхъ другихъ организаціяхъ „меньшинства". И практика эта только подтвердила ихъ жизненность и безусловную необходимость. Такъ какъ Ц. К. ссылается на отсутствіе у него права навязывать автономнымъ мѣстнымъ организаціямъ свои рѣшенія, то мы предлагаемъ ему предпринять по этому поводу немедленно опросъ всѣхъ организацій „большинства", причемъ рекомендуемъ ему узнать мнѣніе не только комитетчиковъ, но и членовъ периферійныхъ группъ.

Принята единогласно на собраніи въ 41 чел.

3) Резолюція о реформѣ мѣстной организаціи.

Руководящимъ органомъ движенія является руководящій коллективъ. Изъ своей среды онъ выбираетъ исполнительную коммиссію, которая дѣйствуетъ въ предѣлахъ, данныхъ руководящимъ коллективомъ директивъ. Задачей исполнительной коммиссіи является изданіе листковъ, связываніе организаціонной работы въ районахъ, сношенія съ другими городами и центрами партіи, руководство пропагандистской и агитаціонной коллегіями и приведеніе въ исполненіе всѣхъ рѣшеній руководящаго коллектива. Представительство передъ партіей въ цѣломъ и на съѣздѣ остается въ руководящемъ коллективѣ. Въ случаяхъ, касающихся вопросовъ частныхъ, мѣстныхъ, исполнительная комиссія выступаетъ самостоятельно, въ промежуткахъ между однимъ собраніемъ и другимъ. Руководящій коллективъ собирается не менѣе одного раза въ недѣлю. Собраніе его считается законнымъ, если районная и исполнительная комиссіи представлены половиной своихъ членовъ. Исполнительная комиссія обязана созвать руководящій коллективъ по предложенію трети всѣхъ своихъ членовъ или одного района.

Ростовъ на/Д. Какъ комитетъ, такъ и районы приняли тактику, предложенную „Искрой" по отношенію къ Государственной Думѣ.

Изъ отчетовъ партійныхъ организацій:

Сибирскаго Союза: за періодъ съ 1 февраля по 1 іюня. Приходъ 7,475 руб. (изъ нихъ: изъ Харбина 402 руб., Ново-Николаевскаго 55 р. 25 к., отъ Иркутскаго Комитета 1,718 р. 18 к., Читинскаго Ком. 1313 р., Томскаго Ком. 126 р. 18 к.). Расходъ 6 439 руб. 12 к. (изъ нихъ: техника 2 341 р. 10 к., профессіоналамъ и агентамъ 1,657 р. 36 к., въ Восточное Бюро 300 р., Ц. Ком. 200 р., Томскому Комитету 120 р. 83 к., Омскому Комитету 75 руб.)

Иркутскаго Комит.: за іюль. Приходъ 818 р. 38 к.; расходъ 1,395 р. 83 к. **Тверского Ком.** Съ 1 мая 1904 г., по 1 мая 1905 года. Приходъ 1832 р. 47 к.; расходъ 1904 р. 84 к. **Рижской Группы.** Съ 24 іюля по 25 авг. Приходъ 558 р. 79 к.; (изъ нихъ отъ рабочихъ 143 р. 47 к.). Расходъ 550 р. 21 к. (типографія 165 р. 20 к. Содержаніе товарищей 197 р. 21 к., на стачку сапожниковъ 47 р. 45 к., на литературу 20 р.). Отчетъ *Московскаго* форштадтскаго районнаго центра за тотъ же періодъ: Приходъ 199 р. 21 к. (съ фабрикъ 11 р. 80 к., отъ приказчиковъ 75 р., на собраніи еврейскихъ рабочихъ 1 р. 51 к.); расходъ 200 рублей 95 к. (изъ нихъ на содержаніе и отъѣздъ товарищей 143 р. 61 к.).

Одесской группы: (за іюль и августъ); приходъ 2,185 р. 85 к. (изъ нихъ: отъ Организаціонной Комиссіи 200 р., изъ Кишинева 50 р., на „Пролетарское Дѣло" 92 р., съ рефератовъ 54 р., изъ Балты 10 р., изъ Хотинскаго у. 3 р., изъ Аккермана 3 р., изъ Евпаторіи 3 р., отъ рабочихъ Высоцкаго 3 р.). Расходъ 2218 45 к. (изъ нихъ: устройство типогр. „Пролетарскаго Дѣла" 329 р., содержаніе двухъ типографій 723 р., остальное — техника 13 р. 40 к., содержаніе профессіональныхъ революціонеровъ 451 р. 55 к., отъѣзжающимъ 55 р. 50., Орг. Комиссіи 72 р., поѣздки 68 р. 50 к., содержаніе конспиративныхъ квартиръ 30 р. 50 к., на легальную литературу 20 руб., на шрифтъ 40 р.)

Отчетъ Партійной кассы отъ 22 августа по 30 сентября.

Изъ Sisikon Uri въ пользу матросовъ „Потемкина"—16 фр. 60; Отъ сочувствующихъ 100 ф. Изъ Констанца отъ Михаила на вооруженіе 53 ф.; Отъ Ц. Б. 369 ф. 80; — П. Б А. 1539 ф. Zarvulanof Sis. 16 ф.; Чикаго отъ Рабин. 206 ф.; Въ пользу м; „Потемкина" (№ 23 А) 5 ф.; Въ пользу м. „Потем." (А 15) 3 ф. Изъ Reichenhall'а черезъ А. А. для матросовъ „Пот." (А 54 и (150)—20 мар., на револ. 80 м.; отъ Baby изъ Японіи 4 р.; Отъ Ц. Б. 400 ф; Nauheim на народное вооруженіе 71 с; Для матросовъ П. № 27—23 фр. 20; Отъ Socialdemokr. Parti New Jork 515 ф. 00 с.; Отъ M. Woldeck 20 марокъ; Отъ North Eastern Socialiste Fedaration Cateshead 3 ф. 75 с.

Отчетъ эмигрантской кассы Берлинской группы. За мѣсяцъ іюль. Приходъ: Отъ нѣмцевъ марокъ 322,20. Отъ Х. 30. — Изъ Россіи на спеціальную цѣль 52. — Пожертвованій 34. — Собрано на рефератахъ 21,65. Изъ групповой кассы 39.50. Взято въ долгъ 314,10. Итого марокъ 813.46. Расходъ: Долгъ съ прошлаго мѣсяца марокъ 251,97. Помощь мѣстнымъ и проѣзжающимъ товарищамъ 509,49, На спеціальную цѣль 52.

Отчетъ Эмигрантской кассы имени Чернышевскаго отъ 1 го Января до 30-го іюня 1905 г. (въ кронахъ.)

Приходъ: Ежемѣсячные взносы отъ 17 членовъ 594. 36; Собрано по подписнымъ листамъ 30. 52;—по книжкамъ 8. 50; черезъ Л—на 8. 00. Единовременныя пожертвованія: отъ Strauss'а 1. 00; Виктора (4. 50) 200; Сони Ш. 45.; Ида К. 5.; S. F. 3. 60; D-r. Fritz M. (2 2) 4. Итого 899. 98. Остатокъ къ 1 Іюля 1905 2. 64. *Расходъ*: Взаимообразно выдано одному эмигранту (с.-д.) 30.; выдано 31 эмигранту для отъѣзда (16 с.-д. —8 бунд.—3 Р. S. Р.—3 П. С. Р.—1 латышъ) 524. Выдано 56 эмигрантамъ для проживанія (24 с.-д.—25 бунд.—3 П. С. Р.—2 Р. S. D.—2 Воен. Р. О.) 268. Мелкіе расходы 5. 34. Итого израсходовано 827. 34 Дефицитъ съ 1-го января 1905 г. 70. Остатокъ къ 1 іюля 1905 2 64. Итого 899. 98.

ПАРТІЙНАЯ ПРЕССА

Вышли изданія: Тверского Ком. Къ рабочимъ фабр. Залогина (гектографъ); **Московской группы:** 1) Крестьяне, къ вамъ наше слово! (8000); 2) Приложеніе къ № 2 „Мос. Раб. Листка" (5000); 3) Московскій раб. листокъ № 3 (10000); 4) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (лист. „Искры" 10000); 5) „Готовьтесь къ борьбѣ, выбирайте депутатовъ!" (4000); 6) Письмо матроса-соціальдемократа (изъ „Искры" — 5000); 7 Къ цивилизованному міру (матросовъ „Потемкина" — 800); 8) „Солдатскія требованія" (2500); 9) Московскій Раб. Листокъ № 4 (число экз. неизвѣстно). **Рижской группы:** 1) О военномъ судѣ надъ черноморскими матросами (3000 по рус., 5000 по латыш.); 2) Отчетъ группы по 25 авг. (гектогр.). **Смоленскаго Ком.**: 1) Пѣсни революціи, выпускъ 3 (1300 печ.). 2) Письмо крестьянина соціальдемократа къ крестьянамъ (6000). **Нижегородской крестьянской группы:** 1) Уставъ, предложенный конференціей партійныхъ работниковъ (гект. 200); 2) Резолюція той же конференціи о работѣ въ крестьянствѣ (гект., 300); 3) Къ крестьянамъ и рабочимъ (5000, печ. — объ Учред. Собр.); 4) Крестьяне, къ вамъ наше слово! (4000, печ.). **Минской орг.** учащихся при Минской груп.: „Къ учащимся г. Минска" (печ. 1000). **Варшавскаго Ком.**: Военно-рев. орг.; Солдатскій листокъ № 1 (п. 500). **Астраханскаго К.** „Ко всему населенію Астрахани" (о мобилизаціи — 4000). **Одесской гр.**: 1) Что такое Государственная Дума? (оттискъ изъ № 2 „Пролет. Дѣла" 7000); 2) Война съ народомъ и миръ съ Японіей (отд. отд. изъ № 3 „Пролет. Дѣла"); 3) „Миръ съ Японіей! (8000); 4) Они спѣшатъ! (листокъ „Искры" — 8000)! 5) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ Высоцкаго (мимеогр. 200); 6) Письмо Іосифа Мочедлобера (мим.); 7) Отчетъ за іюль и августъ (мим. 500). **Кишиневской орг.**: 1) „Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ" (о хулиганахъ — 3000); 2) Государственная Дума и Учредительное Собраніе (3000). **Харьковскій Ком.**: „Миръ и самодержавіе" (4000). **Батумской груп.** Донецк. Союза: 1) Новая царская милость (2500); 2) Заявленіе петербург. рабочихъ представителямъ земствъ и думъ (1500). **Екатеринославскаго Ком.**: 1) Къ рабочимъ и работницамъ (отъ завод. района, печат.); 2) Къ рабочимъ Эзау (отъ заводского центра, печ.). **Донского Ком.**: 1) Ко всѣмъ лишеннымъ правъ (8000); 2) Ко всѣмъ гражданамъ (объ избіеніи на вокзалѣ — 6000); 3) Къ рабочимъ фабр. Панченко (225 гект.); 4) Къ столярамъ (гект. 200); 5) Ко всѣмъ столярамъ (гект. 350). **Крымскаго Союза:** 1) Наше требованіе (20,000): 2) „Бойкотируйте Месаксуди (фабриканта—организатора Керченскаго погрома — 20,000). **Севастопольскій Ком.** Крым. Союза: „Ко всѣмъ" (о казни матросовъ, 6000). **Минераловодской группы** Терско-Дагестан. К.: „По поводу мира" (печ 700). **Терско-Дагестанскаго Ком**: 1) Требованія солдатъ Апшеронскаго полка; 2) Отвѣтъ на патріотическое воззваніе къ солдатамъ. **Батумскаго Ком.**: „Солдатъ-соціальдемократъ", „листокъ Батумскаго Гарнизона" № 1 (36 страницъ, печат. 800). **Тифлисскаго Ком.**: 1) „Не присутствовать на похоронахъ Амилахвари!; 2) Къ избіенію мирныхъ гражданъ въ зданіи думы (обѣ — печат.). **Центральнаго бюро** Кавказскихъ с.-д. рабочихъ организацій; 1) Солдатскій Лист. Тифлисск. гарнизона № 1; 2) Солдатскій Листокъ № 2. **Союза Бакинскихъ** рабочихъ: 1) Кто виноватъ? (4000); 2) Наши требованія (4000); 3) Наши гарантіи (совмѣстно съ Ком. „Инчакистовъ" — 5000); 4) Царскій миръ (листокъ „Искры" — 3000); 5) Чего должны добиваться наши депутаты? (2000); **Украинскаго Союза** „Правда" № 1 (изд. на рус. яз. 3000). **Ташкентской гр.**: „Исторія неумолима" (гект., 600). **Сибирскаго Союза**: Отчетъ по іюнь (печатный). **Красноярскаго Ком.**: 1) Ко всѣмъ гражданамъ (объ убійствѣ рабочихъ черной сотней — печ. 2500); 2) Стачечный листокъ № 3 (печ.) **Иркутскій Комит.**: Отчетъ за іюль (печ.). **Читинскаго Комитета:** къ рабочимъ мастерскихъ и депо (печ.).

Итого здѣсь зарегистрировано 63 изданія — приблизительно 225,000 экз.

Партійная пресса. Партійная пресса начинаетъ быстро развиваться. Московская группа выпустила уже № 4 своего „Рабочаго Листка". На Кавказѣ стали выходить два органа для солдатъ: „Органъ Батумскаго гарнизона" — „Солдатъ-соціальдемократъ" (вышелъ № 1) и „Солдат. листокъ Тифлисскаго гарнизона" (№№ 1 и 2). Тифлисская газетка состоитъ изъ 6 стран. (12 столбцовъ) и, рядомъ съ передовыми статьями (на тему: „Кому служитъ солдатъ?"), включаетъ отдѣлы: „Изъ жизни солдатъ", „Изъ жизни рабочихъ", „Изъ крестьянской жизни". Эти отдѣлы составлены частью по легальной, частью по нелегальной прессѣ. Недостаткомъ является отсутствіе спеціальныхъ „обличеній" порядковъ частей мѣстнаго гарнизона.

№ 1 Батумскаго солдатскаго органа, превосходно отпечат. и составляющій, по объему, цѣлую брошюрку, свободенъ отъ указаннаго недостатка. Въ статьѣ „жизнь солдатская" сгруппированъ рядъ фактовъ изъ жизни мѣстнаго гарнизона. Кромѣ этой статьи и заявленія „отъ редакціи" о характерѣ изданія, газета заключаетъ въ себѣ статьи объ Учредительномъ Собраніи и о мирѣ съ Японіей.

Теперь, когда Кавказъ наводняется новыми войсками, особое значеніе пріобрѣтаетъ изданіе спеціальной мѣстной литературы для военныхъ.

Въ вышедшей на русскомъ языкѣ „Правдѣ" (№ 1), издаваемой Украинскимъ Союзомъ, товарищи получаютъ пользующійся уже хорошей репутаціей органъ для агитаціи въ деревнѣ. Если комитеты поддержатъ это предпріятіе денежными средствами и присылкой матеріаловъ, то можно будетъ надѣяться на то, что мы въ нѣкоторой степени удовлетворимъ все возрастающій спросъ на литературу для крестьянъ.

Намъ сообщаютъ о выходѣ № 2 „Сибирскаго С.-Д. Листка" и о томъ, что **Елизаветградскимъ** Комитет. выпущенъ № 1 мѣстной газеты „Голосъ Рабочихъ". Въ рядѣ другихъ мѣстъ также предполагается выпускъ мѣстной газеты.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжала изъ Якутска Цецилія Дарголецъ (по дѣлу транспорта „Искры 1902 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Крымчакамъ. Ваша статья въ этотъ № не поспѣла. Пойдетъ въ слѣдующемъ. **Кизилъ-Арватской** организаціи. Свѣдѣнія получены. **Митавской** груп. Просимъ повторить свѣдѣнія по опросному листку. **Томскому, Омскому и Красноярскому** Комитетамъ. Отъ васъ свѣдѣній по опроснымъ листкамъ не получено. Просимъ повторить. Escargot. Почему не пишите? **Кондрату** Ваши письма получаемъ, но адреса вашего не знаемъ. Пишемъ черезъ Союзъ. Получаете ли? **Гейшѣ.** Письмо получено. По всѣмъ адресамъ посылаемъ. **Хохлу.** Ждемъ обѣщаннаго письма. **Лохи.** Отчего перестали писать? **Лео.** Наконецъ разобрали ваши письма. **Никѣ.** Пришлите хорошіе адреса, пишемъ часто. **34.** Отчего не пишите? **Дядѣ Минаю.** Корреспонденціи получены. Пойдутъ въ слѣдующемъ №. Шифръ Д. отмѣняется. Пришлите адресъ для писемъ. **Ейской группѣ**: Берлинскій адресъ отмѣняется. Получено 25 р., не знаемъ ихъ назначенія, такъ какъ раньше посланнаго письма не получили.

Адресъ для всякаго рода сношеній съ ред. „Искры" и „Соц.-Дем." съ Орган. Ком. и съ „Лигой Руской Рев. Соц.-Дем.":
Mr Paul Axelrod 4 Bd Pont d'Arve Genève (Suisse)
(Просятъ обозначать: для О. К., для ред. или для Лиги)

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvrenière, 27 Genève.

---

[1] Въ Сѣверо-Кавказскій Областной Комитетъ входятъ три организаціи: Кубанскій Комитетъ (Кубанской Области), Черноморскій Комитетъ (Черноморской губерніи) и Ставропольскій Комитетъ (Ставропольской губерніи).

Русское Социаль-Демократическое Общество
NEW YORK
Russian Social Democratic Society

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 112. 8-го Октября 1905 г. Годъ V

КРАХЪ ЛИБЕРАЛЬНАГО БЛОКА.

Государственная Дума еще не собралась; предвыборная агитація — поскольку она вообще возможна въ легальныхъ формахъ — только еще начинается. И все же самая постановка вопроса о собраніи нѣсколькихъ сотъ такъ или иначе выбранныхъ человѣкъ по дѣламъ, касающимся общегосударственнаго законодательства, произвела уже значительную пертурбацію въ группировкѣ политическихъ силъ, породила страстные споры въ средѣ вчерашнихъ друзей-союзниковъ, послужила реактивомъ, съ большою точностью опредѣлившимъ соціальную природу различныхъ общественныхъ группъ. Это значитъ, что созывъ Думы, благодаря особой атмосферѣ революціонной эпохи, имѣетъ большее и качественно иное значеніе, чѣмъ то, которое рисовалось авторамъ закона 6 августа. Это значитъ что придуманное ими средство „умиротворенія" страны, введенія бушующаго моря общественныхъ столкновеній въ русло „спокойнаго" развитія, уже теперь, когда оно находится еще im werden, обострило соціальные антагонизмы, усилило тѣ столкновенія общественныхъ группъ, которыя являются источникомъ силы, движущей впередъ революцію. Это значитъ, что архи нелѣпа была бы тактика, которая, исходя изъ правильной посылки, что Государственная Дума, по *замыслу* творцовъ ея, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ одною изъ многочисленныхъ подпорокъ самодержавія; сдѣлала бы невѣрный выводъ, что Дума и впрямь будетъ играть такую роль, въ политической исторіи Россіи, какая желательна была самодержавному законодателю; нелѣпа была бы тактика, которая на этомъ основаніи пыталась бы, „обличивъ" Думу и вся иже съ ней, идти къ „вооруженному возстанію", держа руки по швамъ, не поворачивая голову по сторонамъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту группировку общественныхъ силъ, которая создается на почвѣ созыва Булыгинскаго „представительства".

Передъ только что состоявшимся съѣздомъ „земскихъ и городскихъ дѣятелей" вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ всталъ очень остро. Надо было — вещь, всегда очень непріятная! — сказать, что же либеральные земцы и думцы думаютъ, наконецъ, дѣлать? Пока вопросъ о „представительствѣ" плавалъ болѣе или менѣе въ туманѣ, положеніе почтенныхъ либераловъ было довольно выигрышное: можно было „обличать", высказывать требованія, принимать резолюціи. Всѣ эти занятія, несомнѣнно, имѣли весьма полезное значеніе: они служили агитаціоннымъ средствомъ и вносили элементы политической мысли въ слои, для агитаціи революціонныхъ партій недоступные — въ силу ли соціально-прирожденнаго иммунитета, или въ силу отдѣляющей ихъ отъ революціоннаго воздѣйствія толстой стѣны, сложенной изъ традиціонныхъ предразсудковъ и полицейскихъ препонъ. И поскольку — подъ вліяніемъ напора рабочаго движенія и критики соціальдемократіи — либеральныя резолюціи и постановленія должны были подвигаться все болѣе и болѣе „влѣво", они несомнѣнно сыграли нѣкоторую роль въ разрушеніи этой стѣны; они могли проникать сквозь нее по тѣмъ тысячамъ невидимыхъ, извилистыхъ ходовъ, которые создаются „легальною" печатью и арміей служащихъ, занятыхъ въ хозяйственныхъ и культурно-просвѣтительныхъ земскихъ и думскихъ учрежденіяхъ и на почвѣ своей „оффиціальной" работы непосредственно соприкасающихся съ глубокими пластами народной, особенно крестьянской, массы. Эта армія несомнѣнно выполняла и выполняетъ „черную работу" внесенія либеральныхъ идей въ деревню. Постепенное „радикализированіе" земскихъ резолюцій облегчало интеллигентному разночинцу выполненіе этой роли проводника либеральнаго тока, ибо роднило почтенныхъ земскихъ и думскихъ „хозяевъ" съ ихъ демократическими „слугами". Насколько сильно было это чувство „родства" въ его крайнихъ проявленіяхъ, показываетъ примѣръ новаго „народнаго героя" — Куликовскаго. Этотъ членъ „партіи соціалистовъ-революціонеровъ", заявляющій, что его партія „желаетъ" „скорѣйшаго введенія демократической республики" и „уничтоженія частной собственности на землю", „еще наканунѣ происшествія" (покушенія) „принимается за газету съ пламенной надеждой — встрѣтить въ ней опубликованіе давно обѣщаннаго и страстно ожидаемаго *обществомъ* созыва народныхъ представителей. Когда же вмѣсто этого „созыва" онъ „прочелъ, что въ Москвѣ запрещенъ съѣздъ земцевъ, что Шуваловъ разогналъ засѣданіе союза инженеровъ", то это показалось ему нестерпимымъ. „Пріемъ депутаціи либеральныхъ людей и царская рѣчь" заставляли его „надѣяться" и подарить жизнь тому жандарму, на котораго онъ хотѣлъ покушаться. „Но послѣ этого пріема, послѣ извѣстной рѣчи случилось новое звѣрское происшествіе — убійство въ Иваново-Вознесенскѣ. Вѣдь это, съ точки зрѣнія самодержавія, со стороны полиціи есть оскорбленіе величества, не говоря объ издѣвательствѣ надъ либеральной депутаціей". И Куликовскій взялся исполнить постановленіе Московскаго Комитета убить Шувалова".[1] Такъ велика была вѣра этого революціоннаго разночинца въ либераловъ, что онъ больно чувствовалъ издѣвательство самодержавія надъ либералами, и совершенно мимо его сознанія прошло то издѣвательство либераловъ надъ народомъ и надъ своими собственными резолюціями, которое проявилось во всемъ поведеніи и рѣчахъ „депутаціи либеральныхъ людей". А между тѣмъ дѣло было такъ ясно, что на іюльскомъ съѣздѣ „самъ" г. И. Петрункевичъ открыто заявлялъ, что посылка депутаціи имѣла цѣлью „помочь *правительству* выйти изъ опасности.

Такъ безмятежно шло то мирное сотрудничество „соціально привилегированной интеллигенціи" и „неимущей интеллигенціи", которое такъ пламенно желалъ увѣковѣчить „несгибаемый" г-нъ Струве. Опираясь на это сотрудничество, спекулируя на народное возбужденіе, не успѣвшее еще вылиться въ крестьянствѣ въ рѣзко опредѣленное классовое движеніе, господа либералы умильно поглядывали вверхъ, въ ожиданіи, что своевременная „уступка" ихъ насущнымъ классовымъ интересамъ позволитъ имъ, наконецъ, сбросить съ себя постылый демократическій плащъ, разорвать мессальянсъ съ неимущимъ разночинцемъ и успокоиться на лонѣ цензоваго двухъ-палатнаго парламента, участвующаго въ „осуществленіи законодательной власти".

Но самодержавному провидѣнію угодно было распорядиться иначе. Прекрасные дни Аранжуэца минули, и минули безвозвратно. Бѣднымъ земцамъ не суждено было испытать такого полнаго удовлетворенія, какое дала университетская автономія ихъ ученымъ братьямъ во либерализмѣ. А между тѣмъ профессора показали наглядно, „какъ это могло бы быть" съ участниками земскаго съѣзда. Получивъ столь любезную имъ „автономію" вчерашніе непримиримые оппозиціонеры, вопіявшіе о невозможности свободнаго научнаго изслѣдованія въ самодержавномъ государствѣ, сегодня съ такимъ-же жаромъ, по сношенія съ надлежащими властями, изъ кожи лезутъ вонъ, чтобы водворить въ университетахъ „порядокъ". Это какъ-бы прообразъ того, что стало-бы съ земскимъ либерализмомъ, если-бы его „успокоили" дѣйствительной уступкой. Какъ актеръ, только что игравшій на сценѣ надоѣдливую роль, спѣшитъ, выбѣжавъ за кулисы, ставъ самимъ собою, сбросить ненужный нарядъ и блестящія погремушки, такъ спѣшили-бы земцы освободиться отъ „несвойственнаго" имъ костюма, сшитаго изъ всякихъ демократическихъ" „четырехъ-членныхъ" формулъ и проч. и пр.

Если бы ихъ „успокоили"... Если-бы ихъ могли „успокоить"... Вмѣсто „успокоенія" самодержавіе дало имъ то, что только и могло дать—Думу. Но Дума въ ея натуральномъ видѣ, безъ тѣни „гарантій"—этого слишкомъ мало для удовлетворенія даже скромныхъ либераловъ. „Успокоить" Дума не могла никого. Даже мистеръ Стэдъ, доѣхавъ до Саратова и убѣдившись, насколько русская практика думскаго „конституціонализма" отличается отъ „англійской" теоріи, вынужденъ былъ растерять добрую долю своего оплаченнаго „оптимизма".

Одного бряцанія оружіемъ оказалось мало. Подъ его воздѣйствіемъ либераламъ не уступили". Угрозы борьбой оказалось недостаточно. Надо начать самую борьбу. Но какъ бороться? Вотъ „проклятый" вопросъ.

Опереться на народъ—вотъ единственное рѣшеніе, которое возможно. И болѣе дальновидные земцы поняли это. Они рѣшили обратиться къ народу. Но на первыхъ-же шагахъ этого пути, они столкнулись съ затрудненіями, заставлявшими мучительно сжиматься ихъ собственническія земледѣльческія сердца.

Либеральное евангеліе земскихъ съѣздовъ, какъ мы уже сказали, тысячью различныхъ путей шло „въ народъ". Но тамъ оно сталкивалось съ соціальной природой этого „народа", сталкивалось съ вліяніемъ, шедшимъ изъ среды революціоннаго пролетарскаго движенія и, благодаря этому, существенно претворялось. То, что для либеральныхъ съѣздовъ было наскоро напяленнымъ демократическимъ костюмомъ, то „низы" принимали совсѣмъ „въ серьезъ". И болѣе того. Проникая въ народную среду, политическія идеи будили одновременно соціальныя стремленія, заставляли ихъ отливаться въ форму опредѣленныхъ соціальныхъ требованій.

Благодаря такому самоопредѣленію „низовъ" стало все болѣе и болѣе невозможно опереться на народъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого желали бы либералы — опереться на *сочувствіе* народа, а не на его *движеніе*. Бороться, опираясь на народъ, это значило все болѣе и болѣе — идти въ народъ не затѣмъ только, чтобы создать въ немъ политически-возбужденное настроеніе, а затѣмъ, чтобы примкнуть къ его борьбѣ. Но примкнуть къ борьбѣ народа значитъ принять требованія народа, принять методы и средства народной, массовой борьбы, значитъ встать на тотъ путь, въ конечномъ пунктѣ котораго видится выступленіе на политическую сцену массовой силы — народное возстаніе.

Но, чтобы пойти такой дорогой, земскимъ либераламъ надо было рѣшиться на тяжелую операцію урѣзыванія своей классовой физіономіи. Задача трудная. Настолько трудная, что передъ нею спасовалъ на первыхъ порахъ даже разночинный союзникъ либеральнаго „барина" — буржуазный демократъ. Онъ испугался необъятности революціонности выпавшей на его долю задачи и искалъ спасенія въ закоулкѣ „бойкота". Онъ пытался даже это свое бѣгство прикрыть тогой гражданской добродѣтели, „несгибаемой" революціонности. Это плохо удалось ему. Подъ угрозой политической смерти, жизнь повелительно выталкиваетъ демократію изъ „бойкотнаго" тупика; демократія вертится, пытается отговориться фразами объ „активномъ бойкотѣ", но, въ концѣ концовъ, съ оговорками, упираясь, она будетъ вынуждена, если не хочетъ сложить оружія, приняться за то самое дѣло, которое называется революціоннымъ участіемъ въ выборахъ. Идея „бойкота", какъ орудія политической „борьбы", несомнѣнно уже теперь похоронена окончательно. И если эти похороны это отрѣзываніе путей отступленія для буржуазной демократіи есть, дѣйствительно, результатъ той „позорной роли, которую сыграла Искра", какъ увѣряетъ „Пролетарій", то мы можемъ быть довольны этой ролью.

Ну а земцы? На іюльскомъ съѣздѣ часть ихъ тоже сотрясала воздухъ „бойкотными" рѣчами и, какъ съ наивною откровенностью пояснилъ г. Оппель, дѣлала это затѣмъ, чтобы „напугать" правительство, держать его „подъ угрозой": можетъ быть, дескать, оно испугается картоннаго грома. На самомъ дѣлѣ, земцамъ, конечно, нечего было и думать искать спасенія въ „бойкотѣ". Въ противоположность демократическому разночинцу, земскій либералъ связанъ съ опредѣленнымъ общественнымъ слоемъ, онъ имѣетъ свою старую соціальную среду и знаетъ, что она за нимъ по этому пути не пойдетъ. И если онъ, Иванъ Ивановичъ, вздумаетъ „бойкотировать", то на его мѣсто всегда найдется десятокъ Петровъ Петровичей, ему же останется почетная, но незавидная доля Цинцината, удалившагося къ своему хозяйству. Новой же соціальной опоры либерализмъ найти еще неуспѣлъ. При такихъ обстоятельствахъ немудрено, что іюльскій съѣздъ малодушно предложилъ отложить рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ Государственной Думѣ, смутно надѣясь, что, быть можетъ, какъ нибудь минуетъ его чаша сія...

Но она не миновала.. Передъ послѣднимъ съѣздомъ вопросъ сталъ въ упоръ. Отмалчиваться и откладывать было нельзя. И тутъ сразу оказалось, что для этихъ господъ „бойкотъ" былъ ничѣмъ инымъ, какъ совершенно празднымъ словоизверженіемъ.

Неизвѣстно, г. ли Шишкинъ согласился фигурировать въ роли „ненастоящаго представителя", Раевскій ли встать „на скользкій путь", Оппель ли рѣшилъ „заранѣе уронить свой авторитетъ", или Колюбакинъ, пожеманившись, отправился въ „непотребное учрежденіе", только фактъ таковъ, что 172 голосами противъ одного была принята та самая резолюція бюро, которая была „отложена" въ іюлѣ. Итакъ земцы и думцы рѣшили „участвовать". Но какъ участвовать? Зачѣмъ? Какъ сдѣлать это участіе орудіемъ для достиженія тѣхъ цензовыхъ „гарантій", которыя либерализму безусловно нужны?

Три силы сейчасъ стоятъ угрозой передъ самодержавнымъ правительствомъ: рабочее движеніе, крестьянское движеніе, національныя движенія угнетенныхъ окраинъ. Всѣ эти силы хочетъ либерализмъ использовать для своихъ цѣлей. Готовясь къ вступленію въ Думу, онъ захотѣлъ опереться на нихъ. Ему оказалась нужна программа, которая давала бы отвѣтъ на рабочій, крестьянскій и національный вопросы. Но эти отвѣты заранѣе жгли его явнымъ несоотвѣтствіемъ интересамъ того слоя, земле- и домовладѣльческаго, къ которому пуповина еще прикрѣпляетъ либерализмъ. И съѣздъ началъ съ того, что постарался какъ можно дольше отсрочить отвѣтъ на проклятые вопросы. Экономическую программу онъ запихалъ въ самый конецъ порядка дня, хотя понималъ, какъ выразился одинъ ораторъ, что она важнѣе всего для народа.

Но, въ концѣ концовъ, непріятными вопросами все же пришлось заняться. И что же? Подаривъ автономію Польшѣ и пробормотавъ нѣсколько туманныхъ резолюцій о децентрализаціи законодательства, надѣливъ крестьянъ землею изъ казенныхъ и удѣльныхъ дачъ, отмѣнивъ выкупные платежи и сейчасъ же потребовавъ новаго выкупа („справедливаго вознагражденія") за тѣ земли, которыя могутъ быть отрѣзаны у помѣщиковъ, наградивъ рабочихъ восьми-часовымъ рабочимъ днемъ, либеральный съѣздъ сейчасъ же и эти трусливыя рѣшенія обратилъ въ милую шутку, рѣшивъ не включать ихъ въ свое „воззваніе", въ свою программу. Это значитъ, что передъ задачей — идти въ народъ для участія въ борьбѣ народа — земскій либерализмъ, какъ цѣлое, спасовалъ. Это значитъ, что передъ страхомъ народной революціи съ ея соціальными требованіями, часть либерализма уже измѣнила тѣмъ политическимъ лозунгамъ, которые она выставляла, когда разсчитывала на то, что народъ останется въ роли „сочувствующаго".

Земскій съѣздъ не могъ создать своей программы. Но, такъ какъ „единство" было поставлено выше всего, то это значитъ что члены съѣзда сошлись на реакціонной программѣ: [illegible] что программа, умалчивающая о рабочемъ аграрномъ и національномъ вопросѣ, не является прогрессивной въ данный моментъ. Земскій съѣздъ не могъ создать своей партійно-политической организаціи. Но, создавъ, опять таки ради единства, „консультаціонные" избирательные комитеты, онъ далъ этой организаціей опору всѣмъ реакціоннымъ мѣстнымъ вліяніямъ и стремленіямъ[1]. Разбить это единство значитъ оказать услугу дѣлу революціи. Обличающее и критическое вмѣшательство партіи пролетаріата въ дѣло выборовъ должно содѣйствовать, между прочимъ, и этому раскалыванію либеральнаго лагеря, которому „единство" придаетъ реакціонный цвѣтъ.

Въ томъ-же духѣ, какъ вопросы программы, рѣшилъ либеральный съѣздъ и вопросъ объ отношеніи къ Думѣ. Въ своей резолюціи объ участіи въ выборахъ, съѣздъ сказалъ нѣсколько обличительныхъ фразъ по адресу Думы и призвалъ гражданъ войти въ нее, образовать „сплоченную группу" и черезъ ея посредство, а не черезъ посредство народнаго движенія „достигнуть гарантій гражданской свободы и равенства". Уже эта туманная, рабья резолюція показывала, что не за тѣмъ, чтобы противоставить принципъ принципу, не за тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ Думы всенародную трибуну, думало войти въ „непотребное учрежденіе" большинство членовъ земскаго съѣзда. Нѣтъ; они уже предвкушаютъ всю сладость „постепенной", „мирной", „положительной" работы по части „усовершенствованія". Послѣднія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезаютъ, если прочесть оставленное бюро съѣзда „воззваніе". Оно прямо говоритъ не о борьбѣ за снесеніе „непотребнаго учрежденія" и замѣну его „потребнымъ", а о „дальнѣйшемъ усовершенствованіи *самой Думы*" оно имѣетъ дерзость сослаться въ подтвержденіе лояльности своихъ стремленій на „Высочайшій манифестъ", который тоже говоритъ „о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы".[2] И воззваніе заканчиваетъ призывомъ избирателей сплотиться вокругъ программы, въ которую [illegible] кромѣ всеобщаго (только „всеобщаго"!) избирательнаго права, „рѣшающій голосъ *для Думы*". И если резолюція говоритъ о томъ, что Дума — „не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова", то невольно вспоминаются слова Колюбакина на іюльскомъ съѣздѣ, что „непріемлемость проекта обусловливается именно *совокупностью*" различныхъ чертъ его. Спрашивается: какое звено изъ цѣпи этой „совокупности" должно выпасть, чтобы сдѣлать Думу „вполнѣ „пріемлемой,?

Итакъ, вотъ фактъ: большинство земскихъ либераловъ хочетъ войти въ Думу затѣмъ, чтобы заняться тамъ мирной работой „усовершенствованія" ея. Удастся-ли имъ это или нѣтъ, — вопросъ другой. Народная революція можетъ придать ихъ пребыванію въ Думѣ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ они того желаютъ, какъ она придастъ самой Думѣ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, какой желали вложить въ нее ея творцы. Но что либералы *желаютъ* „усовершенствованія"—это несомнѣнно. Какого же сорта это „усовершенствованіе", о томъ свидѣтельствуетъ не только поведеніе г.г. либеральныхъ профессоровъ, но и поведеніе самаго съѣзда въ первый-же день его засѣданій. Въ отвѣтъ на требованіе министра поставить собраніе подъ надзоръ полицейскаго чиновника, г. Головинъ заявилъ, что бюро „*охотно* приняло эти условія". И въ залѣ не нашлось ни одной руки, которая на щекѣ услужливаго предсѣдателя бюро запечатлѣла бы слѣды этого позора. И, конечно, не отъ этихъ „враговъ бюрократіи", при всей своей враждѣ старающихся даже въ составляемой ими конституціи „держаться языка нашего законодательства" и заботящихся о сохраненіи „законовъ о престолонаслѣдіи и командованіи арміями", не отъ нихъ, примыкающихъ къ скопческому языку канцелярій, можно ожидать огненнаго слова народныхъ трибуновъ!

Послѣдній съѣздъ засвидѣтельствовалъ и окончательно запечатлѣлъ крахъ либеральнаго блока. Передъ политическимъ дѣйствіемъ онъ оказался несостоятельнымъ. Онъ явно умираетъ и одряхлѣвшее тѣло его распадается на части. Въ противоположность мнѣнію товарища Парвуса, земскій либерализмъ какъ таковой, не конституировался въ политическую партію, наоборотъ, онъ находится наканунѣ распаденія на различныя партіи, изъ которыхъ однѣ уже становятся реакціонными, другіе въ союзѣ съ разночинцами — по необходимости должны будутъ подвигаться влѣво, пока также не исчерпаютъ своей прогрессивности, какъ исчерпалъ ее дворянско-земскій либерализмъ. Не даромъ тѣ самыя освобожденскія свахи, вся задача которыхъ заключалась въ сводничествѣ „соціально-привилегированнаго" барина и „неимущаго" разночинца, нынѣ, забывъ о „реальной" политикѣ г. Струве, гремятъ противъ двуличныхъ примиренцевъ".

Крахъ либеральнаго блока означаетъ безповоротное расхожденіе между „бариномъ" и „разночинцемъ". Разночинецъ долженъ искать себѣ новой соціальной опоры; демократія, чтобы стать реальной политической силой, должна стать народно-крестьянской и мѣщанской демократіей. Мы говорили, сколько болѣзненнаго для разночинца заключается въ этой перемѣнѣ общества „барина" на общество „мужика". Мы говорили также, какъ пытается онъ „бойкотомъ" отвертѣться отъ этой задачи. Но онъ долженъ сдѣлать этотъ шагъ, иначе онъ очутится въ соціальной пустынѣ. И чѣмъ скорѣе онъ сдѣлаетъ его, тѣмъ лучше и полнѣе силы демократіи будутъ использованы въ интересахъ революціи. Толкнуть разночинца въ избирательную кампанію, значитъ содѣйствовать ускоренію превращенія демократіи въ массовую народную силу. И, разумѣется, это „участіе" въ выборахъ

---

[1] Всѣ цитаты взяты изъ рѣчи Куликовскаго на судѣ, помѣщенной въ № 77 „Освобожденія".

[1] Кто хочетъ оцѣнить реакціонное значеніе этого „объединенія" пусть взглянетъ на списки кандидатовъ, составленныхъ съ точки зрѣнія „единства" и помѣщенные въ „Руси". Цит.

[2] Одно изъ этихъ „усовершенствованій" уже сдѣлано въ видѣ „оговорки" №7, повышающей избирательный цензъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

№ 112. 8-го Октября 1905 г. Годъ V

РУССКОЕ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. NEW YORK. RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATIC SOCIETY

КРАХЪ ЛИБЕРАЛЬНАГО БЛОКА.

Государственная Дума еще не собралась; предвыборная агитація — поскольку она вообще возможна въ легальныхъ формахъ — только еще начинается. И все же самая постановка вопроса о собраніи нѣсколькихъ сотъ такъ или иначе выбранныхъ человѣкъ по дѣламъ, касающимся общегосударственнаго законодательства, произвела уже значительную пертурбацію въ группировкѣ политическихъ силъ, породила страстные споры въ средѣ вчерашнихъ друзей-союзниковъ, послужила реактивомъ, съ большою точностью опредѣлившимъ соціальную природу различныхъ общественныхъ группъ. Это значитъ, что созывъ Думы, благодаря особой атмосферѣ революціонной эпохи, имѣетъ большее и качественно иное значеніе, чѣмъ то, которое рисовалось авторамъ закона 6 августа. Это значитъ что придуманное ими средство „умиротворенія" страны, введенія бушующаго моря общественныхъ столкновеній въ русло „спокойнаго" развитія, уже теперь, когда оно находится еще im werden, обострило соціальные антагонизмы, усилило тѣ столкновенія общественныхъ группъ, которыя являются источникомъ силы движущей впередъ революціи. Это значитъ, что архи нелѣпа была бы тактика, которая, исходя изъ правильной посылки, что Государственная Дума, по *замыслу* творцовъ ея, должна быть ничѣмъ инымъ, какъ одною изъ многочисленныхъ подпорокъ самодержавія, сдѣлала бы невѣрный выводъ, что Дума и впредь будетъ играть такую роль въ политической исторіи Россіи, какая желательна была самодержавному законодателю; нелѣпа была бы тактика, которая на этомъ основаніи пыталась бы, „обличивъ" Думу и всѣхъ иже съ ней, идти къ „вооруженному возстанію", держа руки по швамъ, не поворачивая голову по сторонамъ и не обращая ни малѣйшаго вниманія на ту группировку общественныхъ силъ, которая создается на почвѣ созыва Булыгинскаго „представительства".

Передъ только что состоявшимся съѣздомъ „земскихъ и городскихъ дѣятелей" вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ всталъ очень остро. Надо было — вещь всегда очень непріятная! — сказать, что же либеральные земцы и думцы думаютъ, наконецъ, дѣлать? Пока вопросъ о „представительствѣ" плавалъ болѣе или менѣе въ туманѣ, положеніе почтенныхъ либераловъ было довольно выигрышное: можно было „обличать", высказывать требованія, принимать резолюціи. Всѣ эти занятія несомнѣнно имѣли весьма полезное значеніе: они служили агитаціоннымъ средствомъ и вносили элементы политической мысли въ слои, для агитаціи революціонныхъ партій недоступные — въ силу ли соціально-привилегированнаго иммунитета, или въ силу отдѣлявшей ихъ отъ революціоннаго воздѣйствія толстой стѣны, сложенной изъ традиціонныхъ предразсудковъ и полицейскихъ пресовъ. И поскольку [illegible] подъ вліяніемъ напора революціоннаго движенія и критики [illegible]кратіи — либеральныя резолюціи и постановленія должны были подвигаться все больше и больше „влѣво", они несомнѣнно сыграли нѣкоторую роль въ разрушеніи этой стѣны; они могли проникать сквозь нее по тѣмъ тысячамъ невидимыхъ, извилистыхъ ходовъ, которые создаются „легальною" печатью и арміей служащихъ, занятыхъ въ хозяйственныхъ и культурно-просвѣтительныхъ земскихъ и думскихъ учрежденіяхъ и на почвѣ своей „офиціальной" работы непосредственно соприкасающихся съ глубокими пластами народа и особенно крестьянской массы. Эта армія несомнѣнно выполняла и выполняетъ „черную работу" внесенія либеральныхъ идей въ деревню. Постепенное „радикализированіе" земскихъ резолюцій облегчало интеллигентному разночинцу выполненіе этой роли проводника либеральнаго духа, ибо роднило почтенныхъ земскихъ и думскихъ „хозяевъ" съ ихъ демократическими „слугами". Насколько сильно было это чувство „родства" въ его крайнихъ проявленіяхъ, показываетъ примѣръ [illegible] „народнаго героя" Куликовскаго. Этотъ [illegible] соціалистъ-революціонеръ, заявлявшій, что его партія „желаетъ" „скорѣйшаго введенія демократической республики" и „уничтоженія частной собственности на землю", еще наканунѣ „происшествія" покушенія [illegible] надеждой — встрѣтить [illegible] опубликованіе давно ожидаемаго и страстно ожидаемаго [illegible] представителей. Когда же вмѣсто этого „закона" онъ [illegible], что въ Москвѣ запрещенъ съѣздъ земцевъ, что Шуваловъ разогналъ засѣданіе союза инженеровъ", то [illegible] нестерпимымъ. „Пріемъ депутаціи либеральныхъ людей и царская рѣчь" заставляли его „надѣяться" и [illegible] жандарму, на котораго онъ хотѣлъ покушаться. „Но послѣ пріема, послѣ извѣстной рѣчи случилось новое [illegible] шествіе — убійство [illegible] Иванов[illegible] [illegible] точки зрѣнія самодержав[illegible] величества, [illegible] либеральной депутаціей". И Куликовскій [illegible] Московскаго Комитета убилъ Шувалова". [illegible] вѣра этого революціоннаго разночинца въ либераловъ [illegible] больно чувствовалъ [illegible] самодержавія [illegible] лами, и совершенно [illegible] ство либераловъ [illegible] резолюціями, которыя [illegible] „депутаціи либеральныхъ людей". [illegible] такъ ясно, что [illegible] открыто заявлялъ, что [illegible] *правительству* выйти изъ [illegible]

Такъ безмятежно [illegible] сотрудничество „соціально привилегированной интеллигенціи" и „неимущей интеллигенціи", которое такъ пламенно желалъ увѣковѣчить „несгибаемый" г. Струве. Опираясь на [illegible] сотрудничество [illegible] народное возбужденіе [illegible] въ рѣзко опредѣленные классовые [illegible] умильно поглядывали [illegible], что [illegible] „уступка" ихъ насущнымъ классовымъ интересамъ [illegible] имъ, наконецъ, сбросить съ себя [illegible] демократическій [illegible] глаза, разорвать [illegible] неимущимъ разночинцемъ и успокоиться на [illegible] парламента, участвующаго въ „осуществленіи законодательной власти".

Но самодержавному правительству [illegible] распорядиться иначе. Прекрасные дни Аранжуэца минули, и минули безвозвратно. Бѣднымъ [illegible] не суждено было испытать такого полнаго удовлетворенія, какое дала университетская автономія ихъ ученымъ братьямъ по либерализму. А между тѣмъ профессора показали наглядно, „какъ это можно быть" съ участниками земскаго съѣзда [illegible] вчерашніе непримиримые [illegible] о невозможности свободнаго научнаго [illegible] въ самодержавномъ государствѣ, сегодня съ такимъ-же жаромъ, по сношеніи съ надлежащими властями, изъ кожи лезутъ вонъ, чтобы водворить въ университетахъ „порядокъ". Это какъ-бы прообразъ того, что стало бы съ земскимъ либерализмомъ, если бы его „успокоили" дѣйствительной уступкой. Какъ актеръ, только что игравшій на сценѣ надоѣдливую роль, спѣшитъ, выбѣжавъ за кулисы, стать самимъ собою, сбросить ненужный нарядъ и блестящія погремушки, такъ спѣшили-бы земцы освободиться отъ „несвойственнаго" имъ костюма, сшитаго изъ всякихъ „демократическихъ" „четырехъ-членныхъ" формулъ и проч. и пр.

Если бы ихъ „успокоили". Если-бы ихъ могли „успокоить"... Вмѣсто „успокоенія" самодержавіе дало имъ то, что только и могло дать — Думу. Но Дума въ ея натуральномъ видѣ, безъ тѣни „гарантій" — этого слишкомъ мало для удовлетворенія даже скромныхъ либераловъ. „Успокоить" Дума не могла никого. Даже мистеръ Стэдъ, доѣхавъ до Саратова и убѣдившись, насколько русская практика думскаго „конституціонализма" отличается отъ „англійской" теоріи, вынужденъ былъ растерять добрую долю своего оплаченнаго „оптимизма".

Одного бряцанія оружіемъ оказалось мало. Подъ его воздѣйствіемъ либераламъ не „уступили". Угрозы борьбой оказалось недостаточно. Надо начать самую борьбу. Но какъ бороться? Вотъ „проклятый" вопросъ.

Опереться на народъ — вотъ единственное рѣшеніе, которое [illegible]. И болѣе дальновидные земцы поняли это. Они рѣшили обратиться къ народу. Но на первыхъ-же шагахъ этого пути они столкнулись съ затрудненіями, заставлявшими мучительно сжиматься ихъ собственническія земледѣльческія сердца.

Либеральное движеніе земскихъ съѣздовъ, какъ мы уже указали, тысячью различныхъ путей шло „въ народъ". Но тамъ оно сталкивалось съ соціальной природой этого „народа", сталкивалось съ вліяніемъ, шедшимъ изъ среды революціоннаго пролетарскаго движенія и, благодаря этому, существенно претворялось. То, что для либеральныхъ съѣздовъ было наскоро напяленнымъ демократическимъ костюмомъ, то „низы" принимали всерьезъ „въ серьезъ". И болѣе того. Проникая въ народную среду, политическія идеи будили одновременно соціальныя стремленія, заставляли ихъ отливаться въ форму опредѣленныхъ соціальныхъ требованій.

Благодаря такому самоопредѣленію „низовъ" стало все болѣе и болѣе невозможно опереться на народъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого желали бы либералы — опереться на *сочувствіе* народа, а не на его *движеніе*. Бороться, опираясь на народъ, значило [illegible] болѣе и болѣе [illegible] идти въ народъ не затѣмъ только, чтобы создать въ немъ политически возбужденное настроеніе, а затѣмъ, чтобы примкнуть къ его борьбѣ. Но примкнуть къ борьбѣ народа значитъ принять требованія народа, принять методы и средства народной, массовой борьбы, значитъ встать на тотъ путь, въ конечномъ пунктѣ котораго видится выступленіе на политическую сцену массовой силы — народное возстаніе.

И, чтобы пойти такой дорогой, земскимъ либераламъ надо было рѣшиться на тяжелую операцію урѣзыванія своей классовой физіономіи. Задача трудная. Настолько трудная, что передъ нею спасовалъ на первыхъ порахъ даже разночинный союзникъ либеральнаго „барина" — буржуазный демократъ. Онъ испугался необходимой революціонности выпавшей на его долю задачи и искалъ спасенія въ закоулкѣ „бойкота". Онъ пытался [illegible] бѣгство прикрыть тогой гражданской доблести, „несгибаемой" революціонности. Это плохо удалось ему. Подъ угрозой политической смерти, жизнь повелительно выталкиваетъ демократію изъ „бойкотнаго" тупика. Демократія вертится, пытается отговориться фразами объ „активномъ бойкотѣ", но, въ концѣ концовъ, съ оговорками, упираясь, она будетъ вынуждена, если не хочетъ сложить оружія, приняться за то самое дѣло, которое называется революціоннымъ участіемъ въ выборахъ. Идея „бойкота", какъ орудія политической „борьбы", несомнѣнно уже теперь похоронена окончательно. И если эти похороны [illegible] отрѣзываніе путей отступленія для буржуазной демократіи есть дѣйствительно результатъ той „позорной роли", которую играла „Искра", какъ увѣряетъ „Пролетарій", то мы можемъ быть довольны этой ролью.

Ну, а земцы? На последнемъ съѣздѣ часть ихъ тоже сотрясала духъ „бойкотными" рѣчами и, какъ съ наивною откровенностью пояснилъ [illegible], дѣлала это затѣмъ, чтобы „напугать" правительство, держать его „подъ угрозой": можетъ быть, дескать, оно испугается картоннаго грома. На самомъ дѣлѣ, земцамъ, конечно, нечего было и думать искать спасенія въ „бойкотѣ". Въ противоположность демократическому разночинцу, земскій либералъ связанъ съ опредѣленнымъ общественнымъ [illegible] не имѣетъ [illegible] старую соціальную среду и знаетъ, [illegible] по этому пути не пойдетъ. И если онъ, Иванъ Иванычъ, вздумаетъ „бойкотировать", то на его мѣсто всегда найдется десятокъ Петровъ Петровичей, ему не останется и [illegible] Цинцинната, удалившагося къ своему хозяйству. [illegible] либерализма найти еще неуспѣвшихъ [illegible] при такихъ обстоятельствахъ немудрено, что іюльскій съѣздъ [illegible] предложилъ отложить рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ Государственной Думѣ, смутно надѣясь, что, быть можетъ, какъ-нибудь минуетъ [illegible] чаша сія.

[illegible] не миновала. Передъ послѣднимъ съѣздомъ вопросъ [illegible]. Отмалчиваться и откладывать было нельзя. И тутъ [illegible] „бойкотъ" былъ ни [illegible] словоизверженіемъ.

[illegible] Шипкинъ согласился фигурировать въ [illegible] „представителя", Гаевскій ли всталъ „на [illegible] пути", Одинецъ ли рѣшилъ „заранѣе уронить свой авторитетъ" или Колюбакинъ [illegible] „непотребное учрежденіе", только фактъ таковъ, что 1/2 голосами противъ одного была принята та самая резолюція бюро, которая была отклонена въ іюлѣ. Итакъ земцы и думцы рѣшили „участвовать". Но какъ участвовать? Зачѣмъ? Какъ [illegible] участіе орудіемъ для достиженія тѣхъ цензовыхъ гарантій, которыя либерализму безусловно нужны?

Три силы сейчасъ стоятъ угрозой передъ самодержавнымъ правительствомъ: рабочее движеніе, крестьянское движеніе, національныя движенія угнетенныхъ окраинъ. Всѣ эти силы хотѣлъ либерализмъ использовать для своихъ цѣлей. Готовясь къ вступленію въ Думу, онъ захотѣлъ опереться на нихъ. Ему понадобилась программа, которая давала бы отвѣтъ на рабочій, крестьянскій и національный вопросы. Но эти отвѣты [illegible] несоотвѣтственны интересамъ [illegible] къ которому пуповина еще связываетъ либерализмъ. И съѣздъ началъ съ того, что [illegible] отвѣтъ на проклятые вопросы. Экономическую программу онъ запихалъ въ самый конецъ порядка дня, хотя понималъ, какъ выразился одинъ ораторъ, что она важнѣе всего для народа.

Но, въ концѣ концовъ, непріятными вопросами все же пришлось заняться. И что же? Подаривъ автономію Польшѣ и пробормотавъ нѣсколько туманныхъ резолюцій о децентрализаціи законодательства, надѣливъ крестьянъ землею изъ казенныхъ и удѣльныхъ дачъ, отмѣнивъ выкупные платежи и сейчасъ же потребовавъ новаго выкупа („справедливаго вознагражденія") за тѣ земли, которыя могутъ быть отрѣзаны у помѣщиковъ, наградивъ рабочихъ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, либеральный съѣздъ сейчасъ же и эти трусливыя рѣшенія обратилъ въ милую шутку, рѣшивъ не включать ихъ въ свое „воззваніе", въ свою программу. Это значитъ, что передъ задачей — идти въ народъ для участія въ борьбѣ народа — земскій либерализмъ, какъ цѣлое, спасовалъ. Это значитъ, что передъ страхомъ народной революціи съ ея соціальными требованіями, часть либерализма уже измѣнила тѣмъ политическимъ лозунгамъ, которые она выставляла, когда разсчитывала на то, что народъ останется въ роли „сочувствующаго".

Земскій съѣздъ не могъ создать своей программы. Но, такъ какъ „единство" было поставлено выше всего, то это значитъ, что члены съѣзда сошлись на реакціонной программѣ: [illegible] что программа, умалчивающая о рабочемъ, аграрномъ и національномъ вопросѣ, не является прогрессивной въ данный моментъ. Земскій съѣздъ не могъ создать своей партійно-политической организаціи. Но, создавъ, опять таки ради единства, „консультаціонные" избирательные комитеты, онъ далъ этой [illegible]ганизацией опору всѣмъ реакціоннымъ мѣстнымъ вліяніямъ и стремленіямъ¹). Разбить это единство значитъ оказать услугу дѣлу революціи. Обличающее и критическое вмѣшательство партіи пролетаріата въ дѣло выборовъ должно содѣйствовать, между прочимъ, и этому раскалыванію либеральнаго лагеря, которому „единство" придаетъ реакціонный цвѣтъ.

Въ томъ-же духѣ, какъ вопросы программы, рѣшилъ либеральный съѣздъ и вопросъ объ отношеніи къ Думѣ. Въ своей резолюціи объ участіи въ выборахъ съѣздъ сказалъ нѣсколько обличительныхъ фразъ по адресу Думы и призвалъ гражданъ войти въ нее, образовать „сплоченную группу" и черезъ ея посредство, а не черезъ посредство народнаго движенія „достигнуть гарантій гражданской свободы и равенства". Уже эта туманная, рабья резолюція показывала, что не за тѣмъ, чтобы противопоставить принципъ принципу, не за тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ Думы всенародную трибуну, думало войти въ „непотребное учрежденіе" большинство членовъ земскаго съѣзда. Нѣтъ; они уже предвкушаютъ всю сладость „постепенной", „мирной", „положительной" работы по части „усовершенствованія". Послѣднія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезаютъ, если прочесть составленное бюро съѣзда „воззваніе". Оно прямо говоритъ не о борьбѣ за снесеніе „непотребнаго учрежденія" и замѣну его „потребнымъ", а о „дальнѣйшемъ усовершенствованіи *самой Думы*", оно имѣетъ дерзость сослаться въ подтвержденіе лояльности своихъ стремленій на „Высочайшій манифестъ", который тоже говоритъ „о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы"²). И воззваніе заканчиваетъ призывомъ избирателей сплотиться вокругъ программы, въ которую входитъ кромѣ всеобщаго (только „всеобщаго"!) избирательнаго права, „рѣшающій голосъ *для Думы*". И если резолюція говоритъ о томъ, что Дума — „не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова", то невольно вспоминаются слова Колюбакина на іюльскомъ съѣздѣ, что „непріемлемость проекта обусловливается именно *совокупностью*" различныхъ чертъ [illegible]. Спрашивается: какое звено изъ цѣпи этой „совокупности" должно выпасть, чтобы сдѣлать Думу „вполнѣ пріемлемой"?

Итакъ, вотъ фактъ: большинство земскихъ либераловъ хочетъ войти въ Думу затѣмъ, чтобы заняться тамъ мирной работой „усовершенствованія" ея. Удастся-ли имъ это или нѣтъ, — вопросъ другой. Народная революція можетъ придать ихъ пребыванію въ Думѣ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ они того желаютъ, какъ она придастъ самой Думѣ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, какой желали вложить въ нее ея творцы. Но что либералы *желаютъ* „усовершенствованія" — это несомнѣнно. Какого же сорта это „усовершенствованіе", о томъ свидѣтельствуетъ не только поведеніе г.г. либеральныхъ профессоровъ, но и поведеніе самаго съѣзда въ первый-же день его засѣданій. Въ отвѣтъ на требованіе министра поставить собраніе подъ надзоръ полицейскаго чиновника, г. Головинъ заявилъ, что бюро „*охотно* приняло эти условія". И въ залѣ не нашлось ни одной руки, которая на щекѣ услужливаго предсѣдателя бюро запечатлѣла бы слѣды этого позора. И конечно не отъ этихъ „враговъ бюрократіи", при всей своей враждѣ старающихся даже въ составляемой ими конституціи „держаться языка нашего законодательства" и заботящихся о сохраненіи „законовъ о престолонаслѣдіи и командованіи арміями", не отъ нихъ, привыкшихъ къ скопческому языку канцелярій, можно ожидать огненнаго слова народныхъ трибуновъ.

Послѣдній съѣздъ засвидѣтельствовалъ и окончательно запечатлѣлъ крахъ либеральнаго блока. Передъ политическимъ дѣйствіемъ онъ оказался несостоятельнымъ. Онъ явно умираетъ и одряхлѣвшее тѣло его распадается на части. Въ противоположность мнѣнію товарища Парвуса, земскій либерализмъ, какъ таковой, не конституировался въ политическую партію, наоборотъ, онъ находится наканунѣ распаденія на различныя партіи, изъ которыхъ однѣ уже становятся реакціонными, другія вмѣстѣ съ разночинцами — по необходимости должны будутъ подвигаться влѣво, пока также не исчерпаютъ своей прогрессивности, какъ исчерпалъ ее дворянско-земскій либерализмъ. Не даромъ тѣ самыя освобожденскія свахи, вся задача которыхъ заключалась въ сводничествѣ „соціально-привилегированнаго" барина и „неимущаго" разночинца, нынѣ, забывъ о „реальной" политикѣ г. Струве, гремятъ противъ двуличныхъ примиренцевъ".

Крахъ либеральнаго блока означаетъ безповоротное расхожденіе между „бариномъ" и „разночинцемъ". Разночинецъ долженъ искать себѣ новой соціальной опоры; демократія, что[illegible] стать реальной политической силой, должна стать народно-крестьянской и мѣщанской демократіей. Мы говорили, сколько болѣзненнаго для разночинца заключается въ этой перемѣнѣ общества „барина" на общество „мужика". Мы говорили также, какъ пытается онъ „бойкотомъ" отвертѣться отъ этой задачи. Но онъ долженъ сдѣлать этотъ шагъ, иначе онъ очутится въ соціальной пустынѣ. И чѣмъ скорѣе онъ сдѣлаетъ его, тѣмъ лучше и полнѣе силы демократіи будутъ использованы въ интересахъ революціи. Толкнуть разночинца въ избирательную кампанію, значитъ содѣйствовать ускоренію превращенія демократіи въ массовую народную силу. И, разумѣется, это „участіе" въ выборахъ

---

[1] Всѣ цитаты взяты изъ рѣчи Куликовскаго на судѣ, помѣщенной въ № 77 „Освобожденія".

[1] Кто хочетъ оцѣнить реакціонное значеніе этого „объединенія", пусть взглянетъ на списки кандидатовъ, составленные съ точки зрѣнія „единства" и помѣщенные въ „Руси". [illegible]

[2] Одно изъ этихъ „усовершенствованій" уже сдѣла[illegible] [illegible]вилъ „оговорки" №7, повышающей избирательный цензъ [illegible] отдѣльныхъ уѣздахъ.

должно быть инымъ, чѣмъ солидное участіе земца. *Революціонное самоуправленіе*, какъ руководящая идея, окрашивающая все „участіе“ въ опредѣленный цвѣтъ, должно безповоротно отдѣлить сторонниковъ „усовершенствованія“ отъ сторонниковъ революціи...

ЗЕМСКІЙ СЪѢЗДЪ.

Уже при входѣ въ залъ, занимаемый семьей Новосильцева, гдѣ собирался съѣздъ, видно, что имѣешь дѣло съ „новой“ Россіей: въ передней стоитъ столъ, гдѣ продаются брошюры и книги, которыя до сихъ поръ можно было покупать только въ Женевѣ или въ другомъ европейскомъ городѣ. Меня даже оторопь взяла—Марксъ и Энгельсъ, Каутскій, Бебель... да полно, точно ли я къ либераламъ попалъ? Но мои сомнѣнія разомъ разсѣялись, лишь только я вошелъ въ залъ. Тамъ было до 200 человѣкъ, изъ нихъ 169 делегатовъ. Все хорошо упитанные, хорошо одѣтые господа... Я сталъ прислушиваться. Невольно вспоминались наши бѣдныя конференціи и съѣзды... Здѣшняя публика говоритъ, не запинаясь, выражается точно, да можетъ ли быть иначе? Вѣдь, по большей части, это все работавшіе въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, все самыя блестящія имена „героевъ“ русской буржуазіи — М. Ковалевскій, Милюковъ, де-Роберти, Петрункевичъ, Родичевъ и т. д. И все же я не могъ отдѣлаться отъ страннаго ощущенія—порой мнѣ начинало казаться, что все, что они дѣлаютъ, они дѣлаютъ не въ серьезъ. Не то, чтобы я ихъ заподозрилъ въ коварствѣ, обманѣ или въ чемъ либо подобномъ... О, нѣтъ, т. е. въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ производили прямо таки хорошее впечатлѣніе. Графъ Гейденъ, напримѣръ: въ смыслѣ политическомъ онъ хоть сейчасъ въ министры, онъ — противъ прямого избирательнаго права, онъ плачется по поводу того, что земскіе съѣзды все поворачиваютъ влѣво и т. д. Но все же онъ лично, несомнѣнно, очень милый старикъ и его сѣдая голова съ живыми глазами производитъ самое хорошее впечатлѣніе. Просто пріятно смотрѣть, какое дѣятельное участіе принимаетъ онъ въ преніяхъ. Нѣкоторые изъ членовъ съѣзда — убѣжденные радикалы, какъ, напр., Колюбакинъ (Новгородъ), одинъ изъ наиболѣе блестящихъ ораторовъ съѣзда, — де Роберти и другіе; и все же, когда они начинаютъ защищать интересы и требованія другихъ классовъ, я не могу отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что передо мной происходитъ нѣчто въ высшей степени легкомысленное. Я иллюстрирую это ниже парой примѣровъ.

Впечатлѣніе человѣка себѣ на умѣ производитъ Родичевъ, быть можетъ, самая значительная фигура на съѣздѣ. Русскій мужикъ называетъ такихъ людей — министрами. Тонкій политикъ, когда нужно грубый, когда нужно дипломатъ, онъ все время старался о томъ, чтобы не произошло раскола, который, какъ Дамокловъ мечъ, виселъ надъ съѣздомъ и который, конечно, произойдетъ не сегодня завтра, когда они организуются для выборовъ въ партіи. Въ значительной мѣрѣ дипломатическимъ способностямъ Родичева съѣздъ обязанъ тѣмъ, что единство сохранено до сихъ поръ. Къ чему нужно это единство — это другой вопросъ. Многіе члены съѣзда и сами не знаютъ. Мнѣ просто кажется, что они боятся, какъ бы ихъ превращеніе въ партіи не создало бы имъ лишнихъ затрудненій со стороны администраціи; во всякомъ случаѣ время для раскола наступило и почти 35—40 человѣкъ уже откололись отъ съѣзда. Замѣчателенъ Родичевъ и какъ ораторъ („Моск. Вѣд.“ назвали его однажды Мирабо). Въ генеральныхъ дебатахъ по вопросу объ участіи въ выборахъ въ Гос. Думу онъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Мы идемъ туда не для того, чтобы лгать и заключать компромиссы. Наша нравственная обязанность говорить до тѣхъ поръ, покуда у насъ не вырвутъ языка. Нельзя сказать — наша работа не имѣетъ успѣха, отойдемъ въ сторону. Мы пойдемъ въ бой не только для того, чтобы исполнить свой долгъ, но чтобы и побѣдить. Увѣруйте и вы побѣдите. На вопросъ, кто уполномочилъ насъ, мы отвѣтимъ — страданія народа!

Намъ говорятъ: да, вы — представители имущаго класса, вы будете защищать тамъ лишь свои интересы... Мы всѣ знаемъ, что это не правда, не классовые интересы побуждаютъ насъ дѣйствовать, мотивы лежатъ глубже, въ тайникахъ нашего сердца, а не въ глубинѣ кармановъ 1). И, если намъ говорятъ, это для васъ дворянская привиллегія, мы отвѣтимъ, да это наша дворянская привиллегія представлять интересы народа и защищать ихъ. Слово бойкотъ имѣетъ лишь лирическое, но не политическое значеніе“ и т. д.

Сейчасъ я приведу пару примѣровъ, какъ защищаются требованія и интересы, не совпадающіе съ интересами собственнаго класса.

Обсуждали декларацію правъ; прочли проектъ, выработанный бюро. Слово проситъ Федоровъ (Петерб.): „здѣсь имѣется недосмотръ, заявляетъ онъ, — не хватаетъ отмѣны смертной казни“. Докладчикъ (Муромцевъ) отвѣчаетъ: „да, дѣйствительно, это недосмотръ, надо это прибавить, лучше всего къ пункту 7 въ концѣ:... смертная казнь отмѣняется навсегда“. Голосованіе происходитъ, само собой, безъ преній; этотъ пунктъ принятъ единогласно. Собраніе воодушевляется собственнымъ прекраснодушіемъ и разражается громкими аплодисментами и криками браво. Члены бюро также приходятъ въ восторгъ и аплодируютъ вмѣстѣ со всѣми. Но какъ, въ самомъ дѣлѣ, объяснить тотъ фактъ, что 40 чел., изъ которыхъ состоитъ бюро, среди которыхъ есть разныя свѣтила науки, вродѣ Муромцева, Кокошкина, Якушкина и др., забыли такую мелочь, какъ отмѣну смертной казни, въ то время, когда цѣлыя области объявлены на военномъ положеніи, когда смертныхъ приговоровъ постановлено и исполнено столько, сколько не было, пожалуй, за цѣлое столѣтіе; какъ объяснить то, что такія вещи забываются?

Вотъ еще примѣръ. Обсуждаютъ вопросъ о воззваніи къ народу. Содержаніе его уже принято, говорятъ уже о другомъ, какъ вдругъ встаетъ кто то изъ членовъ собранія (я не знаю его фамиліи) и заявляетъ, что, по его мнѣнію, въ воззваніе надо включить требованіе амнистіи. Съ нимъ соглашаются, принимаютъ, ничего не имѣютъ противъ. Объ этомъ тоже только забыли. Надо, дѣйствительно, только удивляться сердечной добротѣ этихъ господъ: они выставляютъ такія требованія, которыя непосредственно ихъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не задѣваютъ. Они защищаютъ не только собственные интересы, и если они о чемъ-нибудь забываютъ, стоитъ имъ только напомнить, и они тотчасъ же включаютъ это въ свои требованія. Они защищаютъ не свое, а чужое дѣло, которое только, какъ извѣстно, горсти не даетъ покоя.

Очень жаль, что московскіе рабочіе слишкомъ слабо организованы и не были въ состояніи послать на съѣздъ своего представителя. Онъ могъ бы служить вѣчнымъ momento, напоминаніемъ, такъ какъ иначе память засѣдающихъ на съѣздѣ постоянно оказывалась слишкомъ слабой и нуждающейся въ напоминаніяхъ.

Въ вышеприведенныхъ случаяхъ все обошлось хорошо, такъ какъ конецъ былъ хорошъ; куда серьезнѣе обстояло дѣло въ случаѣ, который я сейчасъ приведу. Не знаю, что было причиной его, — намѣреніе ли, недосмотръ ли, все ли тоже легкомысліе, та ли забывчивость. Дѣло идетъ о всеобщемъ, прямомъ, равномъ и тайномъ избирательномъ правѣ. Въ программѣ, въ деклараціи правъ человѣка и гражданина стоитъ 4-членная формула безъ всякихъ сокращеній; въ упомянутомъ же воззваніи къ [illegible] уже не хватаетъ трехъ членовъ: просто говорится [illegible]щемъ избирательномъ правѣ. Дѣло становится совсѣ[illegible]тельнымъ, если вспомнить, что 37 членовъ съѣзда голосовали противъ прямыхъ выборовъ, что среди нихъ было нѣсколько членовъ бюро. Князь Щербатовъ сказалъ, что, такъ какъ на прошломъ съѣздѣ было 50 голосовъ противъ прямого избирательнаго права и такъ какъ за него высказалось большинство лишь 78 голосовъ, то это слово надо просто вычеркнуть, такъ какъ съѣздъ есть коалиція, а не партія.

При такихъ обстоятельствахъ этотъ пропускъ въ воззваніи приходится разсматривать, какъ компромиссъ, заключенный для того, чтобы спасти не дорого стоющее единство: вѣдь 4-членная формула большого значенія для господъ не имѣетъ.

Метафизическое прекраснодушіе либераловъ сказалось также и въ первоначальномъ пониманіи 5 и 6 §§ политической программы: „въ организаціи народнаго представительства (первой палатѣ) не должно быть допущено ни сословное начало, ни, такъ называемыхъ, интересовъ“. Такимъ образомъ, вторая палата должна быть сословной; въ ней будутъ выражаться „классовые и групповые интересы“. Таковы были взгляды у бюро, самой дѣятельной группы на съѣздѣ. На общемъ собраніи эти взгляды были исправлены, чему бюро не противодѣйствовало, но вѣдь только первое слово идетъ отъ души, второе же опредѣляется дипломатическими соображеніями. При голосованіи быть или не быть второй палатѣ, только 31 голосъ высказался противъ.

Слѣдующее предложеніе параграфа гласило о всеобщей, равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ. Пренія по поводу предложенія распространить избирательное право и на женщинъ были отклонены (72 противъ 60) съ мотивировкой, что предыдущіе съѣзды не хотѣли дебатировать этого вопроса. Надо вообще признать, что делегаты слишкомъ уже расшаркивались передъ священными заповѣдями предшествовавшихъ съѣздовъ. Въ первоначальномъ видѣ § 6 гласилъ: „Должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ мѣстныхъ учрежденій“. Выраженіе: „реорганизованныхъ“ ничего не говоритъ еще о направленіи, въ которомъ должны вестись намѣченныя реформы и указываетъ только на пристрастіе господъ членовъ бюро къ эластическимъ неопредѣленнымъ выраженіямъ.

Общее собраніе исправило и это выраженіе и въ окончательной редакціи оно формулировано такъ: „Должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю имперію учрежденій мѣстнаго самоуправленія и т. д.

Изъ связанныхъ съ этимъ пунктомъ дебатовъ мы отмѣтимъ рѣчь, кн. Волконскаго (Рязань). Это типичный баринъ, навѣрное вращающійся въ придворныхъ кругахъ, что чувствуется по временамъ въ его рѣчи („такъ съ царемъ не разговариваютъ“, „надо же показать, что Гос. Дума разсматривается, какъ монаршая милость“ и т. д.) Онъ, между прочимъ, заявилъ, что „послѣ того, какъ уже высказались за демократическую основу первой палаты, можно было бы хоть во второй палатѣ допустить нѣкоторое отклоненіе отъ все нивеллирующаго равенства, и такимъ образомъ, нѣсколько оградить исторически сложившіеся интересы меньшинства“. Докладчикъ (проф. Муромцевъ, авторъ напечатаннаго въ 108 № „Р. Вѣд.“ проекта конституціи, на который молятся всѣ члены съѣзда) думаетъ, что соединеніе демократическаго принципа съ „совсѣмъ маленькимъ цензомъ“ было бы пріемлемо для второй палаты.

Яркій свѣтъ на либеральныя души бросаютъ дебаты о правѣ законодательнаго собранія вводить исключительные законы. Съѣздъ 80 голосами противъ 44 не призналъ этого права за народнымъ представительствомъ. Но, если вспомнить, что 1) здѣсь всетаки присутствовали лучшіе члены земской и городской партіи, а курскихъ и прочихъ соловьевъ не было (а въ парламентѣ будутъ и они) и что 2) всѣ эти господа все-таки не стоятъ еще у кормила власти, то мы должны будемъ признать, что меньшинство угрожающе велико и что въ этомъ голосованіи либеральные когти довольно ясно обозначены.

Приведу часть дебатовъ, относящихся къ этому пункту. Докладчикъ (проф. Кокошкинъ) сказалъ, что, въ принципѣ, только народное представительство можетъ вводить исключительные законы (военное положеніе и пр.); это должно быть опредѣленно выражено, чтобы не вводить въ соблазнъ правительство. Надо только, чтобы оно, лишь въ случаѣ неминуемой необходимости, могло за собственной отвѣтственностью вводить военное положеніе и съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи испрашивать утвержденія Палаты, которая утверждаютъ лишь въ случаѣ доказанной необходимости это мѣры. Еще нѣсколько ораторовъ высказывались въ томъ же смыслѣ. Возбуждался вопросъ — не надо ли все таки предоставить правительству права въ нѣкоторыхъ, вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ самостоятельно вводить исключительные законы (Гебгардтъ—Москва). Генералъ Кузьминъ-Караевъ думаетъ, что въ основныхъ законахъ должны быть провозглашены права человѣка, но все же въ этихъ самыхъ основныхъ законахъ должно быть указано, что про запасъ существуютъ и исключительные законы, которые надо приводить въ исполненіе, напримѣръ, во время войны или отпаденія одной изъ частей государства; онъ при этомъ ссылается на примѣръ Германіи и Австріи. Судьбу вопроса рѣшаетъ блестящая рѣчь Измайлова, произведшая на собраніе сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ заявляетъ, что существуютъ неотъемлемыя права человѣка, которыя должны признаваться при всякихъ условіяхъ. Иначе приходится оправдать всѣ ужасы Конвента или Версальскаго правительства, такъ какъ вѣдь они исходили отъ законодательнаго собранія (оглушительное браво, аплодисменты). Основную мысль Измайлова поддержалъ Литвицкій (Одесса), указавшій на то, что во время, напримѣръ, послѣдней Русско-Турецкой войны (77—88 гг.) не была совершена ни одна смертная казнь, и ссылавшійся на примѣръ Швеціи и Норвегіи, съумѣвшія отдѣлиться другъ отъ друга безъ всякаго военнаго положенія.

Мысль бюро отстаивалъ проф. Котляревскій, который, между прочимъ, сказалъ, что нѣтъ ничего опаснѣе, какъ провозглашать принципы, которые не могутъ соблюдаться полностью. Еще нѣсколько ораторовъ высказалось за возможность объявленія военнаго положенія государственной властью. Голосованіе привело къ вышеуказанному результату.

Интересны и порой даже драматичны были дебаты о децентрализаціи управленія и законодательства. Сперва этотъ вопросъ хотѣли отложить, но поляки настояли на признаніи его неотложнымъ. Врублевскій (Ковно) произнесъ красивую рѣчь: „По зову свободомыслящей Россіи сюда явилось четвертое поколѣніе плѣнныхъ поляковъ. Если будетъ отложенъ польскій вопросъ, они вернутся домой и скажутъ — свободомыслящая Россія не хочетъ или не можетъ говорить съ нами“... Тогда открыли дебаты. О польскомъ вопросѣ спорили очень мало. Красивую рѣчь сказалъ Родичевъ. Онъ подтвердилъ, что первымъ дѣломъ освободившейся русской націи будетъ освобожденіе другихъ. „Мы должны будемъ очистить нашу совѣсть отъ всѣхъ историческихъ грѣховъ и показать, что не русскій народъ повиненъ въ нихъ“. Далѣе онъ подчеркнулъ то громадное значеніе, которое имѣетъ Россія для всего цивилизованнаго міра. Въ его рѣчи звучала и слафянофильская нотка: „Свободная Польша — это лишь первый шагъ по пути къ славянской федераціи“. И при большомъ энтузіазмѣ собранія, при оглушительныхъ аплодисментахъ и крикахъ браво (одинъ голосъ противъ) было принято, что Польша должна быть автономной и имѣть собственное законодательное собраніе (сеймъ).

Много труднѣе пошло дѣло, когда рѣчь зашла о децентрализаціи законодательства для другихъ частей Россіи. Нѣкоторые испугались: этакъ распадется Россія! Гучковъ (Москва) сказалъ: „Если мы разойдемся въ этомъ вопросѣ, мы станемъ политическими врагами, если согласимся, мы останемся союзниками. А какъ разъ тутъ мы расходимся. Партія, включающая это требованіе въ свою программу, обречена на гибель. Вы должны представить себѣ это конкретно. У насъ получается въ такомъ случаѣ прогрессивная партія съ ярлыкомъ „федералисты“ и реакціонная, представляющая собой старый порядокъ со всѣми его ужасами, но защищающая дѣло единства Россіи. И знаете ли вы, что случится? Чтобы спасти единство Россіи, народъ станетъ голосовать за реакціонеровъ. Я нахожу, что настало время намъ размежеваться и считаю очень важнымъ, чтобъ размежеваніе было связано именно съ этимъ вопросомъ“.

Нѣкоторые другіе ораторы также выражали опасеніе, какъ бы прогрессивная партія не потеряла довѣріе избирателей, если ея рѣшенія можно будетъ понять въ федералистическомъ смыслѣ. Очень талантливо и убѣдительно возражали имъ Колюбакинъ, Кокошкинъ, Вернадскій, М. Ковалевскій и др. Я не стану приводить вамъ всѣхъ ихъ доводовъ; замѣчу только, что ярыми противниками автономіи окраинъ являются дѣятели изъ центральной Россіи. Приведу все-таки характерное мѣсто изъ рѣчи кіевскаго профессора Лучицкаго: „Не бойтесь того, что государство распадется на части. И въ Швейцаріи, въ случаѣ необходимости, центральное правительство посылаетъ войска для покоренія возставшихъ частей“. Что это не ироническое замѣчаніе, брошенное въ сторону противниковъ, видно изъ того, что и въ своей запискѣ о федералистическомъ устройствѣ Россіи этотъ ученый господинъ развиваетъ ту мысль, что „въ случаѣ, если одна изъ федерированныхъ частей государства угрожаетъ отпаденіемъ, центральное правительство имѣетъ право призвать другія федерированныя части для покоренія возставшей области. Такъ понимаетъ г. профессоръ право самоопредѣленія, за которое онъ голосовалъ.

Въ концѣ концовъ приняли такую неопредѣленную резолюцію, что ее можно понимать какъ угодно, всѣ же детали предоставили законодательному собранію.

Затѣмъ началось обсужденіе экономической программы и тутъ то ясно почувствовалось, какъ тѣсно связаны „тайники“ этихъ душъ съ ихъ глубокими карманами. Какъ чортъ отъ креста, уклонялось собраніе изо дня въ день отъ щекотливыхъ вопросовъ экономической программы. Вмѣсто второго дня, непосредственно послѣ опредѣленія отношенія къ Гос. Думѣ, только на четвертый, въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда, перешли къ ихъ обсужденію; окончательныя же рѣшенія отложены до второго пришествія. Съѣздъ согласился съ предложеніемъ Бюро,— обратиться къ земствамъ, городскимъ думамъ и другимъ мѣстнымъ учрежденіямъ съ приглашеніемъ высказаться по этому поводу.

Характеризуя это рѣшеніе, де Роберти (Тверь) сказалъ, что у него получилось впечатлѣніе, будто онъ сидитъ не на засѣданіи земскаго съѣзда съ господиномъ Щепкинымъ во главѣ, а въ какой нибудь коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Витте, гдѣ устраиваютъ первоклассные похороны вопросу государственной важности. Правда тутъ говорятъ о безконечно трудныхъ экономическихъ вопросахъ, въ которыхъ никогда нельзя добиться единогласія, въ связи съ которымъ необходимо основательно разсмотрѣть другіе важные вопросы, не поддающіеся, конечно, спѣшному рѣшенію въ теченіе одного дня. Но, вѣдь, съѣздъ не университетъ, гдѣ изучаются подобные вопросы и вырабатываютъ отношеніе къ нимъ, а учрежденіе, въ которомъ высказываются уже готовые взгляды и мнѣнія, выработанные въ теченіе всей предыдущей жизни; поэтому онъ настаиваетъ, чтобы съѣздъ высказался опредѣленно, иначе ихъ политической программѣ не будетъ хватать основнаго ядра. Собраніе все же рѣшило отложить это дѣло до ближайшаго съѣзда. Здѣсь интересно предложеніе Александрова (Екатеринославъ) пригласить на слѣдующій съѣздъ крестьянъ, чтобы они могли высказаться по поводу, программы. „А рабочіе“ крикнулъ кто то на собраніи. „Рабочихъ я не упомянулъ, — сказалъ Александровъ, потому, что у нихъ есть своя Р. С.-Д. Р. П., которая настолько сильна, что сама сможетъ защищать ихъ интересы“ Предложеніе Александрова не было принято, и рѣшеніе этого вопроса было предоставлено Бюро.

Какъ ни старались члены съѣзда ускользнуть отъ проклятыхъ вопросовъ эти вопросы со всѣхъ сторонъ напирала на нихъ. Еще на первомъ засѣданіи рѣшили, что съѣздъ долженъ обратиться съ воззваніемъ къ народу, и что текстъ обращенія, выработанный Бюро неудовлетворителенъ, такъ какъ объ экономической программѣ въ немъ имѣются лишь общія мѣста, которыя можно толковать на тысячу ладовъ. Теперь съѣздъ долженъ былъ рѣшить, что онъ пообѣщаетъ населенію — крестьянамъ и рабочимъ — въ соціальной области. Посмотримъ же, что стоитъ выданный имъ вексель.

„Прежде всего съѣздъ призналъ настоятельно необходимымъ, чтобы размѣръ землепользованія, основаннаго на личномъ трудѣ, крестьянъ не владѣющихъ вовсе землей, или владѣющихъ мелкими участками равно другихъ категорій мелкаго крестьянства былъ увеличенъ насчетъ государственныхъ, удѣльныхъ и кабинетскихъ земель. Въ крайнихъ случаяхъ государство можетъ приступить къ принудительной экспропріаціи нѣкоторой части земель теперешнихъ помѣщиковъ за справедливое вознагражденіе этихъ послѣднихъ. Хотя помѣщики при этомъ ничего не теряютъ, — имъ обѣщается „справедливое вознагражденіе — тѣмъ не менѣе участники съѣзда, поднимаютъ шумъ по поводу послѣдняго предложенія. Докладчикъ пр. Мануиловъ взываетъ къ ихъ благоразумію, онъ говоритъ, что жизнеспособный классъ долженъ умѣть стать на точку зрѣніе необходимости сохраненія государства. Но, какъ же можно, да еще въ настоящее время, шутить съ огнемъ. Слово за профессоромъ Ковалевскимъ: онъ указываетъ на то, что прокламированіе принципа экспропріаціи сопряжено съ большими опасностями; крестьяне могутъ понять это въ смыслѣ Антонія Поссевина, въ томъ смыслѣ, что частнаго владѣнія на землю не существуетъ вовсе, что земля — собственность государства. Нужно установить прочныя границы, за предѣлами которыхъ экспропріація можетъ имѣть лишь мѣсто, какъ это сдѣлали, напримѣръ, харьковскіе помѣщики, установившіе для своей губерніи размѣръ владѣнія въ 1000 десятинъ, только изъ крупныхъ помѣстій могутъ, такимъ образомъ, отпускаться крестьянамъ земельные участки. Для того, чтобы лучше поддержать свое предложеніе, Ковалевскій ссылается на принятую собраніемъ декларацію правъ, санкціонирующую принципъ собственности и — что менѣе всего можно было ожидать отъ такого умнаго человѣка, какъ проф. Ковалевскій — изрекаетъ при этомъ слѣдующій политическій абсурдъ: если мое предложеніе не будетъ принято, то земля будетъ отнята и у тѣхъ помѣщиковъ, которые владѣютъ 150 дес. земли — это составляетъ теперешній цензъ для права выборовъ въ Госуд. Думу, — что приведетъ къ съуженію избирательнаго права, а это совсѣмъ нежелательно.“ Профессоръ, вѣроятно, думаетъ, что теперешній избирательный законъ сохранится на вѣчныя времена. Ковалевскаго поддерживаютъ еще нѣсколько ораторовъ.

Ссылка Ковалевскаго на „принципъ собственности“ особенно хороша въ устахъ историка, знающаго къ какимъ грабежамъ и обманамъ прибѣгали помѣщики для округленія своей собственности во время освобожденія крестьянъ.

Но ни одинъ изъ господъ не обмолвился объ этомъ ни единымъ словомъ.

Другой членъ съѣзда полагаетъ, что крестьянство только по необразованности своей требуетъ себѣ побольше „землицы“. Они требуютъ ея и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они сидятъ на черноземѣ гдѣ горю можно было бы помочь однимъ лишь примѣненіемъ лучшихъ способовъ обработки земли.

Тутъ встаетъ дипломатическій Родичевъ и говоритъ: къ чему тутъ спорить, я предлагаю сойтись на формулѣ, которую я сейчасъ вамъ прочитаю. Онъ читаетъ ее и — удивительное дѣло — это та же ничего не говорящая формула, которая содержалась въ первоначальной редакціи воззванія, и которая вслѣдствіе своей безсодержательности была отвергнута съѣздомъ. На это указываетъ въ своей рѣчи проф. де-Роберти и выражаетъ свое удивленіе по поводу мужества Родичева, говоря, что онъ, де-Роберти, чувствуетъ себя такъ, какъ будто бы онъ находился въ правительственной коммиссіи а формула Родичева представляется ему формулой Горемыкиной коммиссіи. Тутъ вскакиваетъ Родичевъ и восклицаетъ: если мнѣ говорятъ, что $2\times2=4$ то я буду это повторять, хотя бы и Горемыкинъ утвер-

---

1) [illegible]ъ не забываетъ и интересовъ кармана въ раз[illegible]днимъ эмигрантомъ (с.-р.) онъ сказалъ: „вы хотите [illegible]брать у васъ землю. Хорошо, но за хорошую плату, иначе [illegible]танемъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ“.

ждалъ то же самое. Я противникъ принудительнаго выкупа; это усложняетъ вопросъ и лишаетъ его правовой основы; мысль о надѣленіи крестьянъ землею это lex agraria (аграрный законъ), который повлечетъ за собою самыя ужасныя кровопролитія; подобнаго рода мысль достойна не Горемыкина, а какого нибудь Чингисъ-Хана“. Послѣднія слова относятся къ нѣкоторымъ ораторамъ, которые отвергали принципъ частной собственности на землю и владѣнія, и спеціально къ де-Роберти, который полагаетъ, что „наступило время, когда земля должна сдѣлаться достояніемъ государства, — и не царя, а народа. Юридическіе нормы должны подчиниться этическимъ, А эта идея коренится въ нашемъ этическомъ сознаніи. Нечего заглядывать въ „Electeracollegium“ и взывать въ памяти восклицаніе вродѣ: Messieurs, regardez vos Conscriptions, (Господа, посмотрите на своихъ избирателей) лучше заглянуть въ свою собственную совѣсть“.

Достойна упоминанія еще рѣчь князя Волконскаго (изъ Рязани). Онъ расчленилъ крестьянскій вопросъ на 2 вопроса: 1) рабочій вопросъ, который слѣдуетъ обсудить отдѣльно и разрѣшить при помощи рабочаго законодательства и т. д. и 2) вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи, о земельной рентѣ, которую крестьяне хотятъ взять въ свои руки. Въ этомъ случаѣ мы являемся по отношенію къ крестьянамъ ихъ вполнѣ правомѣрными конкуррентами, мы имѣемъ такое же право на земельную ренту и намъ не слѣдуетъ идти на встрѣчу крестьянамъ въ ихъ стремленіи взять въ свои руки владѣніе землей. Подобную задачу можетъ осуществить либо автократія, либо соціализмъ. Въ заключеніе я процитирую еще нѣкоего Тарновскаго, изъ Подоліи. Этотъ субъектъ доказывалъ, что крестьяне въ Подоліи и не думаютъ объ экспропріаціи, какъ и не нуждаются въ землѣ вовсе. Слѣдуетъ поэтому вычеркнуть изъ воззванія соотвѣтствующее мѣсто, для того, чтобы подобная мысль не зародилась въ головахъ крестьянъ. Это мѣсто можно бы замѣнить другимъ, какъ напримѣръ, обѣщаніемъ измѣнить налоговую систему. Тогда крестьяне все же увидятъ, что мы заботимся объ ихъ интересахъ.

Въ результатѣ члены съѣзда все же пришли къ тому заключенію, что выше цитированное мѣсто составляетъ наименьшее зло и что, по существу зло это и „не столь большой руки“ („справедливое вознагражденіе“) и такимъ образомъ оно было принято съѣздомъ. Кромѣ того съѣздъ принялъ предложеніе объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, которые продолжаютъ уплачиваться еще со временъ крѣпостного права, о законодательномъ урегулированіи народныхъ отношеній. Но объ этомъ вы, вѣроятно, уже знаете, а мое письмо и безъ того уже затянулось; я писалъ его, исходя изъ предположенія, что резолюціи конгресса вамъ извѣстны и моей задачей было дать, правда не полную,— картину господствовавшихъ на съѣздѣ настроеній.

Меня удивляетъ еще одно обстоятельство. На съѣздѣ ни одного слова не упоминалось о достигнутыхъ уже успѣхахъ агитаціи въ деревнѣ, ничего не говорилось о томъ, основана ли какая либо организація для веденія избирательной кампаніи и проч. Какъ я частнымъ образомъ узналъ, въ этомъ направленіи кое что сдѣлано. Впрочемъ, быть можетъ, съѣздъ конспирировалъ передъ властями или же результаты въ этомъ отношеніи настолько незначительны, что конгрессъ не счелъ нужнымъ сообщать о нихъ.

Одинъ лишь полякъ повѣдалъ съѣзду о томъ, что въ юго-западныхъ губерніяхъ образовался союзъ, назначившій изъ своей среды секретаріатъ, на правахъ центральнаго комитета, задача котораго заключается въ подсчетѣ числа избирателей, сборѣ средствъ, выставленія кандидатовъ и пр. Онъ также разослалъ организаторовъ въ разные уѣзды.

Практическимъ результатомъ только что состоявшагося съѣзда слѣдуетъ считать образованіе Центр. Ком., проектируемое образованіе избирательныхъ комитетовъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Въ Центральный Избирательный Комитетъ вошли: Арсеньевъ, гр. Гейденъ, Набоковъ, Кузьминъ-Караваевъ, Родичевъ, Ѳедоровъ, Петрункевичъ, Муромцевъ, Оппе[illegible]ъ, Куницынъ, Милюковъ, Макс. Ковалевскій. Большинство съ умѣренной окраской.

Посмотримъ, какъ либеральная часть Государственной Думы выступитъ въ роли троянскаго коня. Она, правильнѣе, лѣвое ея крыло, обѣщала войти въ крѣпость съ цѣлью взорвать ее, а не вести мирные переговоры и получать діеты. Проф. де-Роберти думаетъ даже, что первый день Государственной Думы можетъ быть ея послѣднимъ днемъ. Во всякомъ случаѣ, Думѣ суждены не годы, а недѣли, въ лучшемъ случаѣ мѣсяцы.

ТРЕЗВЕННЫЯ МЫСЛИ И РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ФРАЗЫ.

(„Послѣднія Извѣстія“. №№ 248, 249, 251)

Крайности сходятся. Утопическіе централисты изъ „Пролетарія“ и трезвенные федералисты изъ Бунда сошлись на тактикѣ бойкота Государственной Думы.

Утописты „пролетарцы“ твердо разсчитываютъ на свою гегемонію надъ мелкобуржуазными массами въ моментъ *первою* рѣшительнаго сраженія съ самодержавіемъ и на этомъ основаніи съ великолѣпной самоувѣренностью уже теперь игнорируютъ значеніе конфликта между средней буржуазіей и абсолютизмомъ, уже теперь заблаговременно учитываютъ всѣ будущія ея предательства, уже теперь зачисляютъ всю среднюю буржуазію въ контръ-революцію и рекомендуютъ силой разгонять ея избирательныя собранія, толкая ее ничто-же сумняшеся въ лагерь реакціи.

Трезвенный Бундъ пришелъ къ тактикѣ бойкота противоположнымъ путемъ. Въ качествѣ единственнаго представителя единственно еврейскаго пролетаріата, въ качествѣ обособленной организаціи, не имѣющей точекъ соприкосновенія съ оппозиціоннымъ движеніемъ разныхъ классовъ русскаго общества, Бундъ не можетъ себѣ конкретно представить россійскую соціальдемократію въ роли авангарда общенаціональнаго освободительнаго движенія, онъ не можетъ себѣ конкретно представить, какъ партія пролетаріата можетъ непосредственно воздѣйствовать на движеніе другихъ общественныхъ классовъ и использовать его въ интересахъ революціи. „Что соціальдемократія должна взять на себя задачу подготовленія къ возстанію всѣхъ слоевъ населенія, неудовлетворенныхъ царской реформой“, разсуждаетъ нашъ „трезвый“ представитель единственно еврейскаго пролетаріата, „— эта идея составляетъ теперь достояніе, кажется, одной лишь „Искры“ и по существу означаетъ возвратъ къ худшимъ традиціямъ искризма вплоть до знаменитой „теоріи“ хожденія во всѣ классы населенія“. Какъ антиподъ утопистовъ изъ „Пролетарія“, надѣющихся быть полными хозяевами въ будущемъ Временномъ правительствѣ, „трезвый Бундъ“ опасается даже, какъ бы участіе соціальдемократіи въ мѣстныхъ органахъ, подготовляющихъ народное самоуправленіе, наряду съ другими революціонными и демократическими партіями, не заставило соціальдемократію отказаться „отъ части програмныхъ требованій“, какъ бы это не привело къ „гегемоніи“ мелкой буржуазіи въ революціонномъ движеніи, т. е. къ крушенію революціоннаго самоуправленія пролетаріата“. Вы видите, читатель, что Бундъ и „пролетарцы“ исходятъ изъ діаметрально противоположныхъ исходныхъ пунктовъ и все таки, они пришли къ одному и тому же практическому выводу — къ бойкоту Думы. „Въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ“, пишутъ „Послѣднія Извѣстія“ Бунда, „гдѣ сойдутся представители и крестьянъ, и горожанъ, и помѣщиковъ, имъ (либераламъ) не трудно будетъ побудить эту полсотню или сотню людей отказаться отъ выборовъ и сдѣлать постановленіе, что выборы могутъ состояться лишь при соблюденіи извѣстныхъ требованій русской революціи: амнистіи „политическихъ преступниковъ“, личной свободы, рѣшающаго голоса Государственной Думы, всеобщаго избирательнаго права“.

Но осуществленіе этихъ условій предполагаетъ низверженіе самодержавія, полный разгромъ его народнымъ возстаніемъ. Стало быть, по мнѣнію Бунда, до побѣды народнаго возстанія и помимо непосредственнаго содѣйствія этому возстанію, либералы своими методами борьбы уже ничего не могутъ сдѣлать для дезорганизаціи самодержавнаго правительства, уже ничего не могутъ сдѣлать такого, что мы-бы могли использовать въ интересахъ революціи и возстанія.

Можно было-бы подумать, что Бундъ отказывается утилизировать конфликтъ либеральнаго общества съ самодержавіемъ, потому что онъ недооцѣниваетъ трудность подготовки возстанія; но меньше всего трезвенный Бундъ можно обвинить въ революціонномъ оптимизмѣ. Предупреждая насъ отъ поверхностныхъ аналогій съ французской революціей, „Послѣднія Извѣстія“ намъ напоминаютъ, что въ то время „правительство не опиралось на милліонныя арміи солдатъ, чиновниковъ, жандармовъ, полицейскихъ и шпіоновъ, не обладало колоссальнымъ, сложнымъ и гибкимъ правительственнымъ аппаратомъ, построеннымъ по всѣмъ правиламъ административной техники, сдѣлавшей громадные успѣхи въ 19-мъ столѣтіи, не имѣло богатаго полицейскаго опыта, какъ личнаго, такъ и чужого, пріобрѣтеннаго въ дальнѣйшей борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ“. Оцѣнивая такъ высоко сокрушительную силу нашего правительства, „Послѣднія Извѣстія“ не питаютъ никакихъ иллюзій насчетъ революціонности нашей мелкой буржуазіи. Обнаруженный ею индиферентизмъ къ выборамъ въ Государственную Думу „Послѣднія Извѣстія“ объясняютъ главнымъ образомъ шкурными инстинктами: „у средняго мирнаго обывателя...“, говорятъ они, „не можетъ быть никакой охоты, выбирать въ обстановкѣ военно-полицейской диктатуры, тамъ, гдѣ не гарантирована самая элементарная безопасность личности, гдѣ рискуешь попасть вмѣсто „избирательнаго собранія“ въ полицейскій участокъ и подвергнуться смертной казни по приговору городового. Вотъ гдѣ главный источникъ индифферентизма къ Думѣ, совершенно неизбѣжный тамъ, гдѣ избиратели рекрутируются изъ буржуазныхъ слоевъ населенія, а не изъ рабочихъ“... Эту характеристику „Послѣднія Извѣстія“ въ данномъ случаѣ относятъ не къ либеральнымъ „верхамъ“ буржуазнаго общества, а къ „массѣ городскихъ избирателей, и если эта гражданская „доблесть“ массоваго городскаго избирателя проявляется уже при выборахъ, то тѣмъ болѣе она должна была бы проявиться въ болѣе опасныя минуты...

Но если дѣло обстоитъ такъ, если революціонный пролетаріатъ въ настоящій моментъ имѣетъ передъ собой, съ одной стороны, трусливаго и индифферентнаго обывателя, а, съ другой стороны — достаточно большую еще силу обнаглѣвшаго правительства, то почему же Бундъ рекомендуетъ намъ великодушно отказаться отъ тѣхъ, хотя бы невольныхъ, услугъ, которыя либеральное движеніе еще можетъ оказать революціи? Если такъ, то почему Бундъ даетъ тотъ же практическій лозунгъ, что и „Пролетарій“? На этотъ вопросъ мы уже отвѣтили: „Пролетарій“, съ высоты своей заговорщической утопіи, съ презрѣніемъ отвергаетъ невольныя либеральныя услуги революціи, потому что *революція, дескать, въ нихъ не нуждается*. Бундъ же, пребывающій въ скромномъ приходски-національномъ уединеніи, *не смѣетъ надѣяться* на то, что партія пролетаріата сумѣетъ использовать въ интересахъ революціи оппозиціонное движеніе либеральной демократіи, онъ не смѣетъ надѣяться, что партія пролетаріата сумѣетъ сохранить свой революціонный пылъ, разъ только она соприкоснется съ соблазнами либеральной политики. Гдѣ уже намъ браться за такія сложныя и мудренныя задачи?!

Этой ограниченностью и трезвенностью проникнута вся критика Бунда, направленная противъ искровскаго плана кампаніи. Бундъ доказываетъ „внутреннюю несостоятельность“ плана организаціи революціоннаго самоуправленія, рекомендуемаго „Искрой“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на великіе соблазны и опасности для революціи, которыя возникнутъ въ случаѣ, если правительству удастся созвать Государственную Думу. Въ то же время Бундъ, по сіе время, скромно умалчиваетъ, какъ онъ самъ себѣ представляетъ способъ созыва Учредительнаго Собранія.

„Искра“ и „Пролетарій“ давнымъ давно ясно высказали свое отношеніе къ способу созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія: „Пролетарій“ говоритъ, что путь къ нему лежитъ при всѣхъ и всякихъ условіяхъ черезъ Временное Правительство. „Искра“ говорила, что при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ мы должны противоставить Государственной Думѣ Народную Думу, которая созоветъ Учредительное Собраніе. Расчетливый Бундъ, по своему обыкновенію, долго ничего не говорилъ и выжидалъ, чтобы полемика между „Искрой“ и „Пролетаріемъ“ помогла ему составить себѣ „самостоятельное“ мнѣніе по этому вопросу. Когда же онъ, наконецъ, заговорилъ, то выяснилось, что онъ не только не способенъ до чего-нибудь додуматься, но что онъ не способенъ даже понять другихъ.

„На первыхъ порахъ“, говорятъ „Послѣднія Извѣстія“. — „Искра еще путалась между рабочими агитаціонными комитетами и народными агитаціон. комитетами“; теперь, дескать, она окончательно остановилась на народныхъ агитаціонныхъ комитетахъ. Что „Искра“ въ этихъ понятіяхъ *путалась*, мы никакъ согласиться не можемъ, но что „Послѣднія Извѣстія“ въ нихъ *запутались* это несомнѣнно. Прежде всего мы отмѣтимъ, что ни „Искра“ ни „Соціальдемократъ“ *ни разу* не говорили о „народныхъ агитаціонныхъ комитетахъ“. Это выраженіе „Пролетарій“ розыскалъ въ статьѣ Мартова, помѣщенной въ Вѣнской Рабочей Газетѣ, и Бундъ, бѣгая „пѣтушкомъ“ за „Пролетаріемъ, ухватился за это выраженіе для критики „Искры“. Но статья Мартова была помѣщена въ „Вѣнской Рабочей Газетѣ, по недостатку мѣста, въ значительно сокращенномъ и, кстати говоря, не точномъ переводѣ. Всякій же, кто знакомился съ нашими взглядами по этому вопросу изъ первоисточниковъ, т. е., изъ „Искры“ и „Соціальдемократа“, и, который понималъ прочитанное, могъ бы догадаться, что авторъ статьи изъ Вѣн. Раб. Газеты имѣлъ въ виду слѣдующее: необходимо начать съ образованія рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ, которыми соціальдемократія должна стремиться вполнѣ завладѣть идейно, отстаивая въ нихъ полностью соціальдемократическую програму. Эти рабочіе агитаціонные комитеты должны дать толчокъ образованію такихъ же агитаціонныхъ комитетовъ другими революціонными и демократическими партіями, послѣ чего явится возможность образованія общихъ народныхъ комитетовъ или избирательныхъ бюро. Такимъ образомъ, противорѣчіе между лозунгами — рабочіе комитеты и народные комитеты — „Послѣд. Изв.“ открыли отъ „большого ума“.

Такъ же основательно предположеніе „Посл. Изв.“, что „Искра“ рекомендуетъ „растворить“ соціальдемократическую агитацію въ общедемократической агитаціи; „Искра“, какъ мы указывали, совсѣмъ о народныхъ комитетахъ не говорила. Авторъ же статьи въ „Вѣнской Рабочей Газетѣ“ предполагалъ, конечно, въ полномъ согласіи съ „Искрой“, что народные комитеты будутъ играть роль техническихъ бюро для согласованія дѣйствій по организаціи революціоннаго народнаго самоуправленія.

Агитація же въ пользу этого самоуправленія, будетъ вестись черезъ посредство „рабочихъ“ и т. п. агитаціонныхъ комитетовъ, которые смогутъ проводить свои программы полностью. Такимъ образомъ страхи „Послѣднихъ Извѣстій Бунда насчетъ растворенія“ нѣсколько преждевременны. Остается третье и послѣднее „недоумѣніе“: это возвратъ къ старой теоріи „хожденія во всѣ классы“. Въ какомъ смыслѣ, однако, эта теорія устарѣла? Предположеніе, что наша партія, *какъ организація*, сможетъ держать въ своихъ рукахъ всѣ нити демократическаго движенія, Искра отвергла какъ утопическое предположеніе, вытекающее изъ узкого, заговорщическаго представленія о размѣрахъ народного революціоннаго движенія. Но на это и теперь Искра не думаетъ расчитывать. Она не предлагаетъ нашей партіи собственными силами организовать народные революціонные комитеты, она расчитываетъ лишь на то, что наша идейная пропаганда и складывающіяся подъ нашимъ вліяніемъ рабочія организаціи дадутъ толчокъ къ самостоятельной организаціи народнаго самоуправленія. Отказываться же отъ такихъ надеждъ, значитъ отказываться отъ роли авангарда освободительнаго движенія и къ счастью, до сихъ поръ развитіе революціи еще не оправдало такой чрезмѣрной скромности соціальдемократіи: мы въ свое время первые дали лозунгъ долой войну! въ связи съ лозунгомъ—долой самодержавіе! и этотъ двойной лозунгъ сталъ обще національнымъ. Мы первые дали лозунгъ Всенародное Учредительное Собраніе, и онъ тоже сталъ обще-національнымъ, причемъ и Бундъ его благополучно усвоилъ. Теперь Искра вновь дала лозунгъ, который натолкнулся на политическую близорукость однихъ, на нерѣшительность другихъ. Преодолѣемъ-ли мы эти препятствія? „Послѣднія Извѣстія“ насъ увѣряютъ, что „въ послѣднее время обозначились симптомы, опрокидывающіе всѣ расчеты Искры“. Вы слишкомъ торопитесь, товарищи изъ Бунда, учитывать событія. Послѣднія извѣстія“ утверждаютъ, что ни одна меньшевистская организація плана Искры цѣликомъ не приняла. Изъ № 111 „Искры“ читатели уже узнали, что южно-русская конференція, представлявшая 11 организацій, приняла этотъ планъ цѣликомъ. Приняла его также и конференція Сѣверо-Кавказскихъ организацій. Намъ извѣстно, что и Сибирскій Союзъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Мы имѣемъ основаніе думать, что и предстоящая сѣверная конференція выскажется въ томъ же смыслѣ. Что касается организацій Закавказья, то онѣ признали нашу тактику въ ея основѣ, модифицировавши ее, согласно съ мѣстными условіями; причемъ, эта модификація—выставленіе собственныхъ кандидатовъ въ Думу, направлена не въ сторону *тактики* бойкота, рекомендуемой Бундомъ и „Пролетаріемъ“, *а* въ діаметрально противоположную сторону. Лишь въ весьма немногихъ случаяхъ наши организаціи только отчасти согласились съ нашимъ планомъ, но это насъ не смущаетъ, потому что наша тактика расчитана на сложную и трудную организаціонную работу, которую невозможно выполнить „по щучьему велѣнію“, Въ отличіе отъ „пролетарцевъ“, мы чувствовали бы себя крайне не удовлетворенными, еслибъ рекомендуемый нами планъ мигъ „прокатили“ по организаціямъ и одобрили-бы въ „бумажныхъ“ резолюціяхъ.

Какіе еще „симптомы, опрокидывающіе наши расчеты“ открыли „Послѣд. Изв.“ Бунда? Тотъ фактъ, что „лѣвые“ демократы, высказались за тактику бойкота? Но этотъ фактъ уже отошелъ въ область исторіи: и Крестьянскій союзъ, и Кіевское бюро Союза адвокатовъ, и Союзъ журналистовъ, и Союзъ учителей, и Московское отдѣленіе Союза Союзовъ, уже успѣли отвергнуть тактику бойкота, и, что весьма знаменательно, единственный легальный органъ, поддерживавшій бойкотъ — „Сынъ Отечества“ — забилъ отступленіе: въ передовицѣ одного изъ послѣднихъ номеровъ, озаглавленной — „Въ устраненіе недоразумѣній“, онъ доказываетъ, что тактика, рекомендуемая нами и тактика активнаго бойкота, есть тактики однородныя, одинаково революціонныя, вытекающія лишь изъ различной оцѣнки положенія вещей въ настоящій моментъ, и что эти тактики не слѣдуетъ смѣшивать съ одной стороны, съ тактикой бойкота во имя принципа абсолютнаго отстраненія отъ всякаго зла, съ другой стороны — съ тактикой „приспособленія“, рекомендуемой „постепеновцами“.

Изъ этого поворота „лѣвыхъ“ демократовъ, мы, конечно, не поспѣшимъ сдѣлать выводъ, что они стали на революціонную точку зрѣнія, не поспѣшимъ заявлять имъ свою готовность ихъ поддерживать, какъ это дѣлалъ въ свое время „Пролетарій“. Но одно для насъ несомнѣнно: „обозначившіеся симптомы опрокидываютъ не наши расчеты, а всѣ расчеты Бунда. И если Бундъ думаетъ продолжать агитацію въ пользу бойкота, избѣгая въ тоже время, какъ онъ заявляетъ, насилія надъ избирательными собраніями, то вся его тактика сведется къ жалкой демонстраціи безсилія.

Затрудненія, на которыя мы наталкнемся при организаціи революціоннаго самоуправленія, а они несомнѣнно очень велики, пугаютъ Бундъ, который въ своей національной обособленности не привыкъ себѣ ставить широкихъ задачъ, и потому весьма естественно, что онъ, подобно „Пролетарію“, предпочитаетъ во всѣхъ падежахъ склонять слово возстаніе, вмѣсто того, чтобы дѣлать то сложное и трудное политическое дѣло, которое дѣйствительно можетъ приблизить, подготовить и объединить это возстаніе.

Эта типичная для Бунда робость мысли сквозитъ во всѣхъ разсужденіяхъ въ „Послѣдн. Извѣстіяхъ“ по поводу Государственной Думы.

„Что должны будутъ дѣлать депутаты въ Думѣ?“ — спрашиваютъ „Послѣднія Извѣстія“ Бунда и отвѣчаютъ: „такъ какъ предполагается, что Дума не будетъ простой коммиссіей мелкихъ чиновниковъ..., то „рѣшительные“ демократы не смогутъ ограничиваться одними протестами противъ характера Думы и способа ея избранія, а вынуждены будутъ заняться положительной работой“. Гг. Родичевы въ этой рѣчи навѣрное усмотрятъ высшую государственную мудрость, мы-же въ ней усматриваемъ крайнюю политическую ограниченность. „Рѣшительные демократы не смогутъ“, товарищи изъ Бунда? А какъ смогли депутаты французскаго національнаго собранія поставить на первую очередь вопросъ о декларацій правъ, отсрочивая такимъ образомъ „положительную работу?“ Какъ могло даже трусливое прусское національное собраніе въ свое время принять тактику „пассивнаго сопротивленія“, которая при всей своей негодности все таки далека отъ „положительной работы“. Какъ могутъ реакціонные депутаты австрійскаго рейхсрата изъ націоналистическихъ соображеній устраивать систематическую абструкцію въ парламентѣ? Вѣрно, конечно, другое соображеніе, которое высказываютъ „Посл. Изв.“ Бунда, что мы должны строить свою тактику не на возможномъ, а на вѣроятномъ, и мы не имѣемъ основанія расчитывать, что депутаты, которые попадутъ въ Думу при уродливой системѣ выборовъ, окажутся на высотѣ своего положенія. Но развѣ мы хоть на минуту впадали въ подобныя иллюзіи? Развѣ мы строимъ свою тактику въ разсчетѣ на самостоятельную революціонную инціативу нашихъ будущихъ Думскихъ либераловъ? Мы увѣрены лишь въ одномъ, — что и Думой въ настоящемъ ее видѣ никто не сможетъ удовлетвориться, что конфликтъ между оппозиціей и самодержавіемъ въ Думѣ будетъ неизбѣженъ, и какъ бы наши думскіе либералы, депутаты не старались балансировать и „приспособляться къ подлости“, чтобъ этотъ конфликтъ не разгорѣлся въ пожаръ, онъ, вопреки ихъ волѣ, будетъ будить политическое сознаніе широкихъ слоевъ населенія, которые пока индифферентны, но которые могутъ стать и станутъ революціонными, о чемъ прежде всего должна позаботиться партія пролетаріата. Въ атмосферѣ гражданской войны, конфликтъ въ Госуд. Думѣ, привлекающій къ себѣ вниманіе всей націи, будетъ нами использованъ въ интересахъ революціи, какъ въ томъ случаѣ, когда либералы будутъ наступать, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ отступать. Пусть либералы лелѣютъ мечту о „положительной работѣ“ и объ „органическомъ преобразованіи ихъ Думы“. Революціонныя событія ихъ быстро обгонятъ и опрокинутъ вмѣстѣ съ Думой всѣ ихъ скромные разсчеты.

Еслибы „Послѣднія Извѣстія“ способны были подняться до такого пониманія вещей, до котораго поднялся даже „Сынъ Отечества“ въ упомянутой статьѣ, еслибъ они не отожествляли *объективнаго* значенія извѣстнаго учрежденія съ точки зрѣнія революціонной соціальдемократіи съ содержаніемъ, которое въ него *субъективно* вкладываютъ близорукіе либеральные политики, то они поняли бы также, какъ поучительны для насъ историческіе примѣры конфликта между прусскимъ Соединеннымъ Ландтагомъ и королемъ, закончившагося революціей 18 марта и конфликтомъ между Нотаблями и Бурбонами въ XVIII вѣкѣ. „Примѣръ Пруссіи можетъ только вызвать улыбку“, говорятъ „Послѣднія Извѣстія“, „такъ какъ всякому извѣстно, что [illegible]товская революція потерпѣла фіаско именно благодаря трусости и дряблости нѣмецкой буржуазіи и ея парламентарству и с[illegible]камъ съ правительствомъ“. Въ „трусости и дряблости нѣмецкой буржуазіи“ 48-го года мы не сомнѣваемся, какъ не сомнѣваемся въ трусости и дряблости современнаго россійскаго либера[illegible] И тѣмъ не менѣе, „улыбку можетъ вызвать“ не примѣръ [illegible]сіи, а недомысліе „Посл. Изв.“. „Трусость и дряблость [illegible] буржуазіи“ не помѣшала тому, чтобы ея конфликтъ [illegible] ждалъ то же самое. Я противникъ принудительнаго выкупа; это усложняетъ вопросъ и лишаетъ его правовой основы; мысль о надѣленіи крестьянъ землею это lex agraria (аграрный законъ), который повлечетъ за собою самыя ужасныя кровопролитія; подобнаго рода мысль достойна не Горемыкина, а какого нибудь Чингисъ-Хана". Послѣднія слова относятся къ нѣкоторымъ ораторамъ, которые отвергали принципъ частной собственности на землю и владѣнія, и спеціально къ де-Роберти, который полагаетъ, что „наступило время, когда земля должна сдѣлаться достояніемъ государства, — и не царя, а народа. Юридическіе нормы должны подчиниться этическимъ. А эта идея коренится въ нашемъ этическомъ сознаніи. Нечего заглядывать въ „Electeracollegium" и взывать въ памяти восклицаніе вродѣ: Messieurs, regardez vos Conscriptions, (Господа, посмотрите на своихъ избирателей) лучше заглянуть въ свою собственную совѣсть".

Достойна упоминанія еще рѣчь князя Волконскаго (изъ Рязани). Онъ расчленилъ крестьянскій вопросъ на 2 вопроса: 1) рабочій вопросъ, который слѣдуетъ обсудить отдѣльно и разрѣшить при помощи рабочаго законодательства и т. д. и 2) вопросъ о крестьянскомъ землевладѣніи, о земельной рентѣ, которую крестьяне хотятъ взять въ свои руки. Въ этомъ случаѣ мы являемся по отношенію къ крестьянамъ ихъ вполнѣ правомѣрными конкуррентами, мы имѣемъ такое же право на земельную ренту и намъ не слѣдуетъ идти на встрѣчу крестьянамъ въ ихъ стремленіи взять въ свои руки владѣніе землей. Подобную задачу можетъ осуществить либо автократія, либо соціализмъ. Въ заключеніе я процитирую еще нѣкоего Тарновскаго, изъ Подоліи. Этотъ субъектъ доказывалъ, что крестьяне въ Подоліи и не думаютъ объ экспропріаціи, какъ и не нуждаются въ землѣ вовсе. Слѣдуетъ поэтому вычеркнуть изъ воззванія соотвѣтствующее мѣсто, для того, чтобы подобная мысль не зародилась въ головахъ крестьянъ. Это мѣсто можно бы замѣнить другимъ, какъ напримѣръ, обѣщаніемъ измѣнить налоговую систему. Тогда крестьяне все же увидятъ, что мы заботимся объ ихъ интересахъ.

Въ результатѣ члены съѣзда все же пришли къ тому заключенію, что выше цитированное мѣсто составляетъ наименьшее зло и что, по существу зло это и „не столь большой руки" („справедливое вознагражденіе") и такимъ образомъ оно было принято съѣздомъ. Кромѣ того съѣздъ принялъ предложеніе объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей, которыя продолжаютъ уплачиваться еще со временъ крѣпостного права, о законодательномъ урегулированіи народныхъ отношеній. Но объ этомъ вы, вѣроятно, уже знаете, а мое письмо и безъ того уже затянулось, я писалъ его, исходя изъ предположенія, что резолюціи конгресса вамъ извѣстны и моей задачей было дать, правда не полную,— картину господствовавшихъ на съѣздѣ настроеній.

Меня удивляетъ еще одно обстоятельство. На съѣздѣ ни одного слова не упоминалось о достигнутыхъ уже успѣхахъ агитаціи въ деревнѣ, ничего не говорилось о томъ, основана ли какая либо организація для веденія избирательной кампаніи и проч. Какъ я частнымъ образомъ узналъ, въ этомъ направленіи кое что сдѣлано. Впрочемъ, быть можетъ, съѣздъ конспирировалъ передъ властями или же результаты въ этомъ отношеніи настолько незначительны, что конгрессъ не счелъ нужнымъ сообщать о нихъ.

Одинъ лишь полякъ повѣдалъ съѣзду о томъ, что въ юго-западныхъ губерніяхъ образовался союзъ, назначившій изъ своей среды секретаріатъ, на правахъ центральнаго комитета, задача котораго заключается въ подсчетѣ числа избирателей, сборѣ средствъ, выставленія кандидатовъ и пр. Онъ также разослалъ организаторовъ въ разные уѣзды.

Практическимъ результатомъ только что состоявшагося съѣзда слѣдуетъ считать образованіе Центр. Ком., проектируемое образованіе избирательныхъ комитетовъ въ губерніяхъ и уѣздахъ. Въ Центральный Избирательный Комитетъ вошли: Арсеньевъ, гр. Гейденъ, Набоковъ, Кузьминъ Караваевъ, Родичевъ, Ѳедоровъ, Петрункевичъ, Муромцевъ, Оли[illegible]ъ, Куницынъ, Милюковъ, Макс. Ковалевскій. Большинство съ умѣренной окраской.

Посмотримъ, какъ либеральная часть Государственной Думы выступитъ въ роли троянскаго коня. Она, правильнѣе, лѣвое ея крыло, обѣщала войти въ крѣпость съ цѣлью взорвать ее, а не вести мирные переговоры и получать діеты. Проф. де Роберти думаетъ даже, что первый день Государственной Думы можетъ быть ея послѣднимъ днемъ. Во всякомъ случаѣ Думѣ суждены не годы, а недѣли, въ лучшемъ случаѣ мѣсяцы.

ТРЕЗВЕННЫЯ МЫСЛИ И РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ЗАДАЧИ.

(„Послѣднія Извѣстія" №№ 248, 249, 2[illegible])

Крайности сходятся. Утопическіе централисты изъ „Пролетарія" и трезвенные федералисты изъ Бунда сошлись на тактикѣ бойкота Государственной Думы.

Утописты „пролетарцы" твердо разсчитываютъ на свою гегемонію надъ мелкобуржуазными массами въ моментъ *перваго* рѣшительнаго сраженія съ самодержавіемъ и на этомъ основаніи съ великолѣпной самоувѣренностью уже теперь игнорируютъ значеніе конфликта между средней буржуазіей и абсолютизмомъ, уже теперь заблаговременно учитываютъ всѣ будущія ея предательства, уже теперь зачисляютъ всю среднюю буржуазію въ контръ-революцію и рекомендуютъ силой разгонять ея избирательныя собранія, толкая ее ничтоже сумняшеся въ лагерь реакціи.

Трезвенный Бундъ пришелъ къ тактикѣ бойкота противоположнымъ путемъ. Въ качествѣ единственнаго представителя единственно еврейскаго пролетаріата, въ качествѣ обособленной организаціи, не имѣющей точекъ соприкосновенія съ оппозиціоннымъ движеніемъ разныхъ классовъ русскаго общества, Бундъ не можетъ себѣ конкретно представить россійскую соціальдемократію въ роли авангарда общенаціональнаго освободительнаго движенія, онъ не можетъ себѣ конкретно представить, какъ партія пролетаріата можетъ непосредственно воздѣйствовать на движеніе другихъ общественныхъ классовъ и использовать его въ интересахъ революціи. „Что соціальдемократія должна взять на себя задачу подготовленія къ возстанію всѣхъ слоевъ населенія, неудовлетворенныхъ царской реформой", разсуждаетъ нашъ „трезвый" представитель единственно еврейскаго пролетаріата, „— эта идея составляетъ теперь достояніе, кажется, одной лишь „Искры" и по существу означаетъ возвратъ къ худшимъ традиціямъ искризма вплоть до знаменитой „теоріи" хожденія во всѣ классы населенія". Какъ антиподъ утопистовъ изъ „Пролетарія", надѣющихся быть полными хозяевами въ будущемъ Временномъ правительствѣ, „трезвый Бундъ" опасается даже, какъ бы участіе соціальдемократіи въ мѣстныхъ органахъ, подготовляющихъ народное самоуправленіе, наряду съ другими революціонными и демократическими партіями, не заставило соціальдемократію отказаться „отъ части програмныхъ требованій", какъ бы это не привело къ „гегемоніи" мелкой буржуазіи въ революціонномъ движеніи, т. е. къ крушенію революціоннаго самоуправленія пролетаріата". Вы видите, читатель, что Бундъ и „пролетарцы" исходятъ изъ діаметрально противоположныхъ исходныхъ пунктовъ и все таки, они пришли къ одному и тому же практическому выводу — къ бойкоту Думы. „Въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ", пишутъ „Послѣднія Извѣстія" Бунда, „гдѣ сойдутся представители и крестьянъ, и горожанъ, и помѣщиковъ, имъ либераламъ не трудно будетъ побудить эту полсотню или сотню людей отказаться отъ выборовъ и сдѣлать постановленіе, что выборы могутъ состояться лишь при соблюденіи извѣстныхъ требованій русской революціи: амнистіи „политическихъ преступниковъ", личной свободы, рѣшающаго голоса Государственной Думы, всеобщаго избирательнаго права".

Но осуществленіе этихъ условій предполагаетъ низверженіе самодержавія, полный разгромъ его народнымъ возстаніемъ. Стало быть, по мнѣнію Бунда, до побѣды народнаго возстанія и помимо непосредственнаго содѣйствія этому возстанію, либералы своими методами борьбы уже ничего не могутъ сдѣлать для дезорганизаціи самодержавнаго правительства, уже ничего не могутъ сдѣлать такого, что мы-бы могли использовать въ интересахъ революціи и возстанія.

Можно было бы подумать, что Бундъ отказывается утилизировать конфликтъ либеральнаго общества съ самодержавіемъ, потому что онъ недооцѣниваетъ трудность подготовки возстанія; но меньше всего трезвенный Бундъ можно обвинить въ революціонномъ оптимизмѣ. Предупреждая насъ отъ поверхностныхъ аналогій съ французской революціей, „Послѣднія Извѣстія" намъ напоминаютъ, что въ то время „правительство не опиралось на милліонныя арміи солдатъ, чиновниковъ, жандармовъ, полицейскихъ и шпіоновъ, не обладало колоссальнымъ, сложнымъ и гибкимъ правительственнымъ аппаратомъ, построеннымъ по всѣмъ правиламъ административной техники, сдѣлавшей громадные успѣхи въ 19-мъ столѣтіи, не имѣло богатого полицейскаго опыта, какъ личнаго, такъ и чужаго, пріобрѣтеннаго въ дальнѣйшей борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ". Оцѣнивая такъ высоко сокрушительную силу нашего правительства, „Послѣднія Извѣстія" не питаютъ никакихъ иллюзій насчетъ революціонности нашей мелкой буржуазіи. Обнаруженный ею индиферентизмъ къ выборамъ въ Государственную Думу „Послѣднія Извѣстія" объясняютъ главнымъ образомъ шкурными инстинктами: „у средняго мирнаго обывателя...", говорятъ они, „не можетъ быть никакой охоты, выбирать въ обстановкѣ военно-полицейской диктатуры, тамъ, гдѣ не гарантирована самая элементарная безопасность личности, гдѣ рискуешь попасть вмѣсто „избирательнаго собранія" въ полицейскій участокъ и подвергнуться смертной казни по приговору городового. Вотъ гдѣ главный источникъ индифферентизма къ Думѣ, совершенно неизбѣжный тамъ, гдѣ избиратели рекрутируются изъ буржуазныхъ слоевъ населенія, а не изъ рабочихъ"... Эту характеристику „Послѣднія Извѣстія" въ данномъ случаѣ относятъ не къ либеральнымъ „верхамъ" буржуазнаго общества, а къ „массѣ городскихъ избирателей, и если эта гражданская „доблесть" массового городскаго избирателя проявляется уже при выборахъ, то тѣмъ болѣе она должна была бы проявиться въ болѣе опасныя минуты...

Но если дѣло обстоитъ такъ, если революціонный пролетаріатъ въ настоящій моментъ имѣетъ передъ собой, съ одной стороны, трусливаго и индифферентнаго обывателя, а, съ другой стороны — достаточно большую еще силу обнаглѣвшаго правительства, то почему же Бундъ рекомендуетъ намъ великодушно отказаться отъ тѣхъ, хотя бы невольныхъ, услугъ, которыя либеральное движеніе еще можетъ оказать революціи? Если такъ, то почему Бундъ даетъ тотъ же практическій лозунгъ, что и „Пролетарій"? На этотъ вопросъ мы уже отвѣтили. „Пролетарій", съ высоты своей заговорщической утопіи, съ презрѣніемъ отвергаетъ невольныя либеральныя услуги революціи, потому что *революція, дескать, въ нихъ не нуждается*. Бундъ же, пребывающій въ скромномъ приходски-національномъ уединеніи, *не смѣетъ надѣяться* на то, что партія пролетаріата сумѣетъ использовать въ интересахъ революціи оппозиціонное движеніе либеральной демократіи; онъ не смѣетъ надѣяться, что партія пролетаріата сумѣетъ сохранить свой революціонный пылъ, разъ только она соприкоснется съ соблазнами либеральной политики. Гдѣ уже намъ браться за такія сложныя и мудреныя задачи?!

Этой ограниченностью и трезвенностью проникнута вся критика Бунда, направленная противъ искровскаго плана кампаніи. Бундъ доказываетъ „внутреннюю несостоятельность" плана организаціи революціоннаго самоуправленія, рекомендуемаго „Искрой". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на великіе соблазны и опасности для революціи, которыя возникнутъ въ случаѣ, если правительству удастся созвать Государственную Думу. Въ тоже время Бундъ, по[illegible] время, скромно умалчиваетъ, какъ онъ самъ себѣ представляетъ способъ созыва Учредительнаго Собранія.

„Искра" и „Пролетарій" давнымъ давно ясно высказала свое отношеніе къ способу созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія: „Пролетарій" говоритъ, что путь къ нему лежитъ при всѣхъ и всякихъ условіяхъ черезъ Временное Правительство. „Искра" говорила, что при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ мы должны противоставить Государственной Думѣ Народную Думу, которая созоветъ Учредительное Собраніе. Расчетливый Бундъ, по своему обыкновенію, долго ничего не говоритъ и выжидаетъ, чтобы полемика между „Искрой" и „Пролетаріемъ" помогла ему составить себѣ „самостоятельное" мнѣніе по этому вопросу. Когда же онъ, наконецъ, заговорилъ, то выяснилось, что онъ не только не способенъ что-нибудь подумать, но что онъ не способенъ даже понять другихъ.

„На первыхъ порахъ", говорятъ „Послѣднія Извѣстія", „Искра еще путалась между рабочими агитаціонными комитетами и народными агитаціонными комитетами" теперь, дескать, она окончательно остановилась на народныхъ агитаціонныхъ комитетахъ. Что „Искра" въ этихъ понятіяхъ *путалась* мы никакъ согласиться не можемъ, но что „Послѣднія Извѣстія" въ нихъ *запутались*, это несомнѣнно. Прежде всего мы отмѣтимъ, что ни „Искра" ни „Соціальдемократъ" *ни разу* не говорили о „народныхъ агитаціонныхъ комитетахъ". Это выраженіе „Пролетарій" розыскалъ въ статьѣ Мартова, помѣщенной въ Вѣнской Рабочей Газетѣ и Бундъ, бѣгая „пѣтушкомъ" за „Пролетаріемъ", ухватился за это выраженіе для критики „Искры". Но статья Мартова была помѣщена въ „Вѣнской Рабочей Газетѣ" по недостатку мѣста, въ значительно сокращенномъ и кстати говоря, не точномъ переводѣ. Всякій же, кто знакомился съ нашими взглядами по этому вопросу изъ первоисточниковъ, т. е. изъ „Искры" и „Соціальдемократа" и, который понималъ прочитанное, могъ бы догадаться что авторъ статьи изъ Вѣн. Раб. Газеты имѣлъ въ виду слѣдующее: необходимо начать съ образованія рабочихъ агитаціонныхъ комитетовъ, которыми соціальдемократія должна стремиться вполнѣ завладѣть идейно, отстаивая въ нихъ полностью соціальдемократическую программу. Эти рабочіе агитаціонные комитеты должны дать толчокъ образованію такихъ же агитаціонныхъ комитетовъ другими революціонными и демократическими партіями, послѣ чего явится возможность образованія общихъ народныхъ комитетовъ или избирательныхъ бюро. Такимъ образомъ, противорѣчіе между лозунгами — рабочіе комитеты и народные комитеты — „Послѣд. Изв." открыли отъ „большого ума".

Такъ же основательно предположеніе „Посл. Изв.", что „Искра" рекомендуетъ „растворить" соціальдемократическую агитацію въ обще-демократической агитаціи. „Искра", какъ мы указывали, совсѣмъ о народныхъ комитетахъ не говорила. Авторъ же статьи въ „Вѣнской Рабочей Газетѣ" предполагалъ, конечно, въ полномъ согласіи съ „Искрой", что народные комитеты будутъ играть роль техническихъ бюро для согласованія дѣйствій по организаціи революціоннаго народнаго самоуправленія.

Агитація же въ пользу этого самоуправленія будетъ вестись черезъ посредство „рабочихъ" и т. п. агитаціонныхъ комитетовъ, которые смогутъ проводить свои программы полностью. Такимъ образомъ страхи „Послѣднихъ Извѣстій" Бунда насчетъ „раствоpенія" нѣсколько преждевременны. Остается третье и послѣднее „недоумѣніе": это возвратъ къ старой теоріи „хожденія во всѣ классы". Въ какомъ смыслѣ, однако, эта теорія устарѣла? Предположеніе, что наша партія, *какъ организація*, сможетъ держать въ своихъ рукахъ всѣ нити демократическаго движенія, Искра отвергла какъ утопическое предположеніе, вытекающее изъ узкаго, заговорщическаго представленія о размѣрахъ народнаго революціоннаго движенія. Но на это и теперь Искра не думаетъ расчитывать. Она не предлагаетъ нашей партіи собственными силами организовать народные революціонные комитеты, она расчитываетъ лишь на то, что наша идейная пропаганда и складывающіяся подъ нашимъ вліяніемъ рабочія организаціи дадутъ толчокъ къ самостоятельной организаціи народнаго самоуправленія. Отказываться же отъ такихъ надеждъ, значитъ отказываться отъ роли авангарда освободительнаго движенія и къ счастью, до сихъ поръ развитіе революціи еще не оправдало такой чрезмѣрной скромности соціальдемократіи: мы въ свое время первые дали лозунгъ долой войну! въ связи съ лозунгомъ — долой самодержавіе! и этотъ двойной лозунгъ сталъ обще-національнымъ. Мы первые дали лозунгъ Всенародное Учредительное Собраніе, и онъ тоже сталъ обще-національнымъ, причемъ и Бундъ его благополучно усвоилъ. Теперь Искра вновь дала лозунгъ, который натолкнулся на политическую близорукость однихъ, на нерѣшительность другихъ. Преодолѣемъ-ли мы эти препятствія? „Послѣднія Извѣстія" насъ увѣряютъ, что „въ послѣднее время обозначились симптомы, опрокидывающіе всѣ расчеты Искры". Вы слишкомъ торопитесь, товарищи изъ Бунда, учитывать событія. Послѣднія извѣстія" утверждаютъ, что ни одна меньшевистская организація плана Искры цѣликомъ не приняла. Изъ № 111 „Искры" читатели уже знали, что южно-русская конференція, представляющая 11 организацій, приняла этотъ планъ цѣликомъ. Приняла его также и конференція Сѣверо-Кавказскихъ организацій. Намъ извѣстно, что и Сибирскій Союзъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Мы имѣемъ основаніе думать, что и предстоящая сѣверная конференція выскажется въ томъ же смыслѣ. Что касается организацій Закавказья, то онѣ приняли нашу тактику въ ея основѣ, модифицировавши ее, согласно съ мѣстными условіями; причемъ, эта модификація — выставленіе собственныхъ кандидатовъ въ Думу, направлена не въ сторону *тактики* бойкота, рекомендуемой Бундомъ и „Пролетаріемъ", *а* въ діаметрально противоположную сторону. Лишь въ весьма немногихъ случаяхъ наши организаціи только отчасти согласились съ нашимъ планомъ, но это насъ не смущаетъ, потому что наша тактика расчитана на сложную и трудную организаціонную работу, которую невозможно выполнить „по щучьему велѣнію". Въ отличіе отъ „пролетарцевъ", мы чувствовали бы себя крайне не удовлетворенными, еслибъ рекомендуемый нами планъ вмигъ „прокатили" по организаціямъ и одобрили-бы въ „бумажныхъ" резолюціяхъ.

Какіе еще „симптомы, опрокидывающіе наши расчеты" открыли „Послѣд. Изв." Бунда? Тотъ фактъ, что „лѣвые" демократы, высказались за тактику бойкота? Но этотъ фактъ уже отошелъ въ область исторіи: и Крестьянскій союзъ, и Кіевское бюро Союза адвокатовъ, и Союзъ журналистовъ, и Союзъ учителей, и Московское отдѣленіе Союза Союзовъ, уже успѣли отвергнуть тактику бойкота, и, что весьма знаменательно, единственный легальный органъ, поддерживавшій бойкотъ — „Сынъ Отечества" — забилъ отступленіе: въ передовицѣ одного изъ послѣднихъ номеровъ, озаглавленной — „Въ устраненіе недоразумѣній", онъ доказываетъ, что тактика, рекомендуемая нами и тактика активнаго бойкота, есть тактики однородныя, одинаково революціонныя, вытекающія лишь изъ различной оцѣнки положенія вещей въ настоящій моментъ, и что эти тактики не слѣдуетъ смѣшивать съ одной стороны, съ тактикой бойкота во имя принципа абсолютнаго отстраненія отъ всякаго зла, съ другой стороны — съ тактикой „приспособленія", рекомендуемой „постепеновцами".

Изъ этого поворота „лѣвыхъ" демократовъ, мы, конечно, не поспѣшимъ сдѣлать выводъ, что они стали на революціонную точку зрѣнія, не поспѣшимъ заявлять имъ свою готовность ихъ поддерживать, какъ это дѣлалъ въ свое время „Пролетарій". Но одно для насъ несомнѣнно: „обозначившіеся симптомы опрокидываютъ не наши расчеты, а всѣ расчеты Бунда. И, если Бундъ думаетъ продолжать агитацію въ пользу бойкота, избѣгая въ тоже время, какъ онъ заявляетъ, насилія надъ избирательными собраніями, то вся его тактика сведется къ жалкой демонстраціи безсилія.

Затрудненія, на которыя мы наталкнемся при организаціи революціоннаго самоуправленія, а онѣ несомнѣнно очень велики, пугаютъ Бундъ, который въ своей національной обособленности не привыкъ себѣ ставить широкихъ задачъ, и потому весьма естественно, что онъ, подобно „Пролетарію", предпочитаетъ во всѣхъ падежахъ склонять слово возстаніе, вмѣсто того, чтобы дѣлать то сложное и трудное политическое дѣло, которое дѣйствительно можетъ приблизить, подготовить и объединить это возстаніе.

Эта типичная для Бунда робость мысли сквозитъ во всѣхъ разсужденіяхъ въ „Послѣдн. Извѣстіяхъ" по поводу Государственной Думы.

„Что должны будутъ дѣлать депутаты въ Думѣ?" — спрашиваютъ „Послѣднія Извѣстія" Бунда и отвѣчаютъ: „такъ какъ предполагается, что Дума не будетъ простой коммиссіей мелкихъ чиновниковъ, то „рѣшительные" демократы не смогутъ ограничиваться одними протестами противъ характера Думы и способа ея избранія, а вынуждены будутъ заняться положительной работой". Г. Родичевы въ этой рѣчи навѣрное усмотрятъ высшую государственную мудрость, мы же въ ней усматриваемъ крайнюю политическую ограниченность. „Рѣшительные демократы не смогутъ" товарищи изъ Бунда? А какъ смогли депутаты французскаго національнаго собранія поставить на первую очередь вопросъ о деклараціи правъ, отсрочивая такимъ образомъ „положительную работу?" Какъ могло даже трусливое прусское національное собраніе въ свое время принять тактику „пассивнаго сопротивленія", которая при всей своей негодности все таки далека отъ „положительной работы". Какъ могутъ реакціонные депутаты австрійскаго рейхсрата изъ националистическихъ соображеній устраивать систематическую абструкцію въ парламентѣ? Вѣрно, конечно, другое соображеніе, которое высказываютъ „Посл. Изв." Бунда, что мы должны строить свою тактику не на возможномъ, а на вѣроятномъ, и мы не имѣемъ основанія расчитывать, что депутаты, которые попадутъ въ Думу при уродливой системѣ выборовъ, окажутся на высотѣ своего положенія. Но развѣ мы хоть на минуту впадали въ подобныя иллюзіи? Развѣ мы строимъ свою тактику въ разсчетѣ на самостоятельную революціонную иниціативу нашихъ будущихъ Думскихъ либераловъ? Мы увѣрены лишь въ одномъ, — что и Думой въ настоящемъ ее видѣ никто не сможетъ удовлетвориться, что конфликтъ между оппозиціей и самодержавіемъ въ Думѣ будетъ неизбѣженъ, и какъ бы наши думскіе либералы, депутаты не старались балансировать и „приспособляться къ подлости", чтобъ этотъ конфликтъ не разгорѣлся въ пожаръ, онъ, вопреки ихъ волѣ, будетъ будить политическое сознаніе широкихъ слоевъ населенія, которые пока индифферентны, но которые могутъ стать и станутъ революціонными, о чемъ прежде всего должна позаботиться партія пролетаріата. Въ атмосферѣ гражданской войны, конфликтъ въ Госуд. Думѣ, привлекающій къ себѣ вниманіе всей націи, будетъ нами использованъ въ интересахъ революціи, какъ въ томъ случаѣ, когда либералы будутъ наступать, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ отступать. Пусть либералы лелѣютъ мечту о „положительной работѣ" и объ „органическомъ преобразованіи ихъ Думы". Революціонныя событія ихъ быстро обгонятъ и опрокинутъ вмѣстѣ съ Думой всѣ ихъ скромные разсчеты.

Еслибы „Послѣднія Извѣстія" способны были подняться до такого пониманія вещей, до котораго поднялся даже „Сынъ Отечества" въ упомянутой статьѣ, еслибъ они не отожествляли *объективнаго* значенія извѣстнаго учрежденія съ точки зрѣнія революціонной соціальдемократіи съ содержаніемъ, которое въ него *субъективно* вкладываютъ близорукіе либеральные политики, то они поняли бы также, какъ поучительны для насъ историческіе примѣры конфликта между прусскимъ Соединеннымъ Ландтагомъ и королемъ, закончившагося революціей 18 марта и конфликтомъ между Нотаблями и Бурбонами въ XVIII вѣкѣ. „Примѣръ Пруссіи можетъ только вызвать улыбку", говорятъ „Послѣднія Извѣстія", „такъ какъ всякому извѣстно, что [illegible]товская революція потерпѣла фіаско именно благодаря трус[illegible] и дряблости нѣмецкой буржуазіи и ея парламентарству и с[illegible]камъ съ правительствомъ". Въ „трусости и дряблости нѣмецкой буржуазіи" 48-го года мы не сомнѣваемся, какъ не сомнѣ[illegible] въ трусости и дряблости современнаго россійскаго либера[illegible] И тѣмъ не менѣе, „улыбку можетъ вызвать" не примѣр[illegible]сіи, а недомысліе „Посл. Изв." „Трусость и дряблость буржуазіи" не помѣшала тому, чтобы ея конфликтъ въ Соединенномъ Ландтагѣ при раскатахъ февральской революціи привели къ возстанію 18 марта, по той простой причинѣ, что это возстаніе сдѣлали берлинскіе рабочіе, а не нѣмецкая буржуазія. Точно также расчитывая, что будущій конфликтъ въ нашей Государственной Думѣ ускоритъ развитіе революціи, мы имѣемъ въ виду, что имъ воспользуется въ интересахъ революціи россійскій пролетаріатъ, а не россійская либеральная буржуазія. Политика „соглашенія", которой придерживалась нѣмецкая буржуазія въ Національномъ Собраніи послѣ 18 марта, предала революцію. Это несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что и наши либералы раньше или позже постараются остановить и предать революцію, вступивши въ сдѣлку съ монархіей Романовыхъ. Но, если нѣмецкой буржуазіи это предательство удалось, то это объясняется лишь неорганизованностью и несознательностью германскаго пролетаріата въ 48 году, который не сумѣлъ использовать въ своихъ интересахъ успѣшное возстаніе 18 марта. Изъ этого слѣдуетъ только, что русскій пролетаріатъ долженъ быть всегда на стражѣ и быть готовымъ перейти сразу въ революціонное наступленіе противъ буржуазіи, какъ только она попытается вступить въ соглашеніе съ правительствомъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что онъ долженъ отказаться отъ использованія всякаго конфликта между либеральнымъ обществомъ и самодержавіемъ потому лишь, что этотъ конфликтъ когда нибудь закончится трогательнымъ единеніемъ.

Главная причина недовольства „Послѣднихъ Извѣстій" нашей тактикой заключается въ слѣдующемъ: „единственный залогъ того, что освободительное движеніе не замретъ, это—революціонность пролетаріата. Эту революціонность мы должны всѣми и всяческими средствами поддерживать, а, между тѣмъ, рекомендуемое Искрой косвенное участіе рабочихъ въ выборахъ можетъ только ее понизить". Что единственный залогъ успѣха революціи заключается въ революціонности пролетаріата—есть истина святая; и если бы тактика „Искры" могла понизить эту революціонность, то она должна была быть рѣшительно отвергнута, какъ въ высшей степени вредная! Но на чемъ „Послѣднія Извѣстія" Бунда основываютъ это свое утвержденіе? На томъ, что „массовому рабочему, не искушенному въ умственныхъ спекуляціяхъ", не понятно будетъ, „что можно тратить силы и время на созданіе такого учрежденія, которое не должно функціонировать, не должно развиваться, а должно, какъ можно скорѣе, пойти на сломъ и быть замѣнено совсѣмъ другимъ учрежденіемъ—Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ. О, глубокій знатокъ человѣческаго сердца! Такъ вы думаете, что мы предлагаемъ „тратить силы и время на то, чтобы *создать*" этотъ канцелярскій ублюдокъ, а не на то чтобы взорвать его извнѣ и изнутри?! Такъ вы думаете, что массовой рабочій такъ глупъ, чтобы приписать намъ подобныя намѣренія?

„Для рабочихъ участіе въ выборахъ будетъ означать примиреніе съ Думой... Не надо также забывать, что обнародованіе закона о Государственной Думѣ... открыло собою эру небывалыхъ еще репрессій противъ рабочаго движенія, которое довели до высокой степени напряженія ненависть мало мальски сознательныхъ рабочихъ къ царизму и ко всему тому, что отъ него исходитъ. Одна изъ ошибокъ „Искры"—въ томъ, что она не приняла во вниманіе этого настроенія въ рабочей средѣ, съ которымъ обязательно должна считаться въ своей тактикѣ соціальдемократія, если она желаетъ сохранить за собой руководство борьбой пролетаріата. Не говоря уже обо всемъ прочемъ, именно объ это настроеніе долженъ разбиться планъ „Искры" по отношенію къ Думѣ". По поводу этихъ строкъ мы опять спросимъ нашего глубокаго знатока человѣческаго сердца. Не слышали ли вы, что наиболѣе острая революціонная борьба въ Россіи ведется теперь на Кавказѣ? Не слышали ли вы про кровавыя репрессіи, которымъ подвергаются теперь кавказскіе пролетаріи? Если вы это слышали, то объясните намъ, какъ это могло случиться, что кавказскіе рабочія организаціи первыя и пока единственныя рѣшили принимать непосредственное участіе въ выборахъ въ Думу и выставляютъ туда своихъ собственныхъ кандидатовъ? Не значитъ ли это, что революціонный кавказскій пролетаріатъ „тратитъ силы и время на созданіе" будущей Государственной Думы, не значитъ ли это, что онъ примирился съ этой Думой и хочетъ ее поддержать?

Политическая ограниченность и близорукость, робость мысли и боязнь широкихъ и сложныхъ задачъ — вотъ что скрывается за революціонными фразами „Послѣднихъ Извѣстій" Бунда.

ПЛОДЫ КРУЖКОВЩИНЫ.

На конференціи представителей центральныхъ учрежденій разныхъ соціальдемократическихъ организацій, собравшейся недавно въ Россіи, отвергнута резолюція делегата нашей Организаціонной Коммиссіи о проведеніи въ жизнь плана предлагаемой „Искрой" кампаніи при выборахъ въ Государственную Думу, и принята делегатами всѣхъ — кромѣ нашей — фракцій резолюція, рекомендующая „бойкотъ" Думы и выборовъ.

Приходится сожалѣть, что конференція въ этомъ вопросѣ громадной политической важности не пошла далѣе той тактики, которую отстаивали „Послѣднія Извѣстія" съ „Сыномъ Отечества" и „Революціонная Россія" съ „Пролетаріемъ". Приходится сожалѣть потому, что, исходя изъ совершенно ложнаго предположенія о состоявшемся якобы политическомъ соглашеніи между царизмомъ и либеральной буржуазіей, эта тактика неизбѣжно ведетъ къ ряду фальшивыхъ шаговъ способныхъ только внести смятеніе и путаницу въ головы пролетаріевъ. Искажая дѣйствительную перспективу событій, это исходное предположеніе ведетъ къ самымъ нелѣпымъ представленіямъ о характерѣ переживаемаго момента. Кто хочетъ убѣдиться, къ какого рода „теоретическимъ" откровеніямъ можетъ приводить эта позиція, тотъ пусть обратитъ вниманіе на недавнюю статью „Пролетарія" (№14) въ которой утверждалось, что буржуазія продѣлала свою революцію въ Россіи уже въ 1861 г.; что она является теперь уже правящимъ классомъ, а монархія—только не всегда покорной ея слугой — т. е. все то, что всегда утверждали въ своихъ программныхъ статьяхъ соціалисты-революціонеры.

Если организаціи, представленныя на конференціи, будутъ вести пропаганду въ духѣ принятой ими резолюціи, онѣ очень много сдѣлаютъ для того, чтобы породить въ головахъ рабочихъ ту путаницу, которая позволяетъ части пролетаріата слѣдовать за сумбурно-революціонными программами и лозунгами утопическихъ соціалистовъ, вродѣ сіонистовъ-соціалистовъ, „соціалистовъ-революціонеровъ" и т. п.

О принятой на конференціи резолюціи приходится сожалѣть еще и потому, что возлагая на соціальдемократическія организаціи обязанность препятствовать силой производству выборовъ, эта резолюція, если бы она проводилась въ жизнь, вызвала бы цѣлый рядъ *политическихъ скандаловъ*, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, сталкивая враждебнымъ образомъ пролетаріатъ съ крестьянской демократіей на томъ только основаніи, что послѣдняя, не дожидаясь, пока руководимый Ленинымъ концертъ вскорѣ завоюетъ возстаніемъ пресловутую „диктатуру", попытается собственными силами дать сраженіе реакціи на почвѣ выборовъ. Это будетъ дѣйствительный скандалъ, какъ указалъ въ предложенномъ имъ проэктѣ резолюціи¹) делегатъ Организаціонной [illegible]миссіи, бывшій на конференціи, ибо, говоря „по совѣсти", ни [illegible]рищи изъ „Бунда", ни товарищи изъ „С. Д. П. и Л." не [illegible]тъ, чтобы Ленинъ въ серьезъ принималъ „свое" обязательство устроить возстаніе до созыва Думы.

[illegible] этотъ скандалъ былъ-бы явной услугой на[illegible] политическимъ врагамъ—частью реакціи, частью буржуазному либера[illegible]. Можно утѣшаться только тѣмъ, что резолюція эта [illegible] не будетъ *серьезно* проводится въ жизнь и что, если кого

и станутъ „разгонять" силой наши воители, то развѣ только мелкобуржуазныхъ еврейскихъ избирателей въ какомъ нибудь мѣстечкѣ „черты осѣдлости", гдѣ единственной „охраной порядка" является какой нибудь инвалидъ на деревяшкѣ, притомъ питающій несомнѣнное тяготѣніе къ тому, чтобы принудить евреевъ „бойкотировать" всякую „политику"... Отъ скандаловъ покрупнѣе нашихъ „рѣшительныхъ революціонеровъ", мы увѣрены, удержитъ присущее имъ здоровое, хотя подчасъ и примитивное революціонно-демократическое чувство.

До сихъ поръ, однако, мы имѣемъ дѣло съ фактомъ санкціонированія нѣсколькими соціальдемократическими фракціями той тактики въ данномъ вопросѣ, которую мы считаемъ ошибочной и съ которой наша фракція, переросшая уже гимназическій возрастъ, никакъ не сможетъ согласится. Это печально, ибо, на лицо остается фактъ раздѣленія россійской соціальдемократіи по злободневному тактическому вопросу. Фактъ, къ сожалѣнію, непоправимый: ибо, при отсутствіи единой всероссійской соціалдемократической партіи, никакое значительное тактическое расхожденіе между разными организаціями не можетъ быть разрѣшено нормальнымъ для организаціонной партіи образомъ—рѣшеніемъ большинства членовъ партіи.

Тѣмъ не менѣе, даже принятіе соціальдемократіей, въ ея различныхъ частяхъ, двухъ тактикъ является, хотя и зломъ, но зломъ не ведущимъ еще къ деморализаціи. Организаціи различныхъ фракцій соціальдемократіи сталкиваются кое гдѣ на одномъ и томъ же мѣстномъ полѣ дѣйствія, но, сверхъ того, каждая фракція имѣетъ тотъ районъ, въ предѣлахъ котораго она является единственнымъ или преобладающимъ по вліянію представителемъ соціальдемократіи¹). Такимъ образомъ, при достаточной долѣ добраго желанія, было бы возможно во время „избирательной кампаніи" сторонникамъ каждой изъ двухъ тактикъ по данному вопросу примѣнить ее тамъ, гдѣ для этого данная фракція имѣетъ силы; и простой тактъ сторонниковъ другой тактики побудилъ бы ихъ въ данномъ мѣстѣ сойти со сцены активной борьбы въ данный моментъ, чтобы не вносить разстройства въ ряды пролетаріата тогда, когда прошло время *разсуждать*, и надо уже *дѣйствовать*, худо или хорошо, но дѣйствовать прежде всего. Мы бы не имѣли единой тактики всего россійскаго сознательнаго пролетаріата, но мы бы имѣли различныя тактики двухъ его частей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, но расходящихся въ выборѣ методовъ для ея достиженія, *полемизирующихъ* между собой, но не борющихся между собой на аренѣ практическаго дѣйствія, заполненной нашими классовыми и политическими врагами.

На такой именно результатъ мы и разсчитывали, когда получили сообщеніе о созываемой конференціи разныхъ соц.-дем. фракцій. Разсчитывать на большее было трудно, имѣя въ виду ту политическую и духовную изоляцію, въ которой живутъ отдѣльныя фракціи и благодаря которой всякій новый вопросъ, встающій передъ ними, сначала „перерабатывается" въ предѣлахъ каждой фракціи отдѣльно и получаетъ свой отвѣтъ въ видѣ выкристаллизовавшагося рѣшенія цѣлой корпораціи, какъ нераздѣльнаго организма. Но мы надѣялись, что обмѣнъ взглядами на конференціи, констатировавъ различіе однѣхъ и сходство другихъ частей намѣченныхъ плановъ, позволитъ ея участникамъ разойтись съ сознаніемъ, что, если въ данной политической кампаніи каждой сторонѣ и придется дѣйствовать отдѣльно, то, оставляя за собой полную свободу дѣйствій, каждая сторона постарается не допустить, чтобы *различіе взглядовъ* привело къ печальной необходимости *междуусобной войны*. Если не такова была цѣль конференціи, то къ чему было бы созывать ее?

Между тѣмъ, резолюція, подписанная представителями „Бунда", Латышск. соц.-дем. Партіи, Литовской Партіи, Укр. Рев. Партіи, нашего „большинства" и — по какому то, мы надѣемся, недоразумѣнію, и представителями С.-Д. П. и Л. — эта резолюція, не ограничиваясь формулировкой принятой этими партіями положительной тактики (разоблачать Думу, принуждать избирателей къ бойкоту и пропагандировать его и т. д.), объявляетъ въ своемъ послѣднемъ абзацѣ *всякое участіе въ выборахъ*, измѣной дѣлу народной свободы.

Это сдѣлано послѣ того, какъ участникамъ конференціи стало извѣстно, что „меньшевистскія" организаціи Южной Россіи, Кавказа и Сибири рѣшили *призывать народъ къ участію въ выборахъ въ Думу*; послѣ того, какъ такое участіе рѣшено организованнымъ нашей фракціей крестьянствомъ Гуріи и Тифлисской губерніи.

Для чего созывалась конференція совершенно самостоятельныхъ въ организаціон. отношеніи фракцій? Для того ли, чтобы попытаться установить между ними практическое соглашеніе, а, если не удастся, разойтись въ сознаніи, что попытка была все же сдѣлана? Или же для того, чтобы, взаимно, противопоставивъ двѣ различныя точки зрѣнія, издать взаимно осуждающія резолюціи, въ которыхъ каждая сторона объявляетъ тактику другой *предательствомъ и измѣной?*

Если послѣднее было цѣлью устроителей конференціи, то мы очень сожалѣемъ, что ихъ партійная совѣсть не подсказала имъ обязанность предупредить насъ объ этомъ. Зная о такихъ намѣреніяхъ, мы бы не сочли себя вправѣ участвовать въ этой комедіи. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что въ исторіи соціалистическихъ партій трудно отыскать такую междуфракціонную конференцію, которая была бы затѣяна и проведена въ интересахъ *внесенія* вражды и ожесточенія между двумя частями борющейся соціальдемократіи. Честь и слава конферентамъ!

Они поставили себѣ цѣлью „сорвать" Думу „бойкотомъ". И для достиженія этой цѣли они обязались за круговой порукой — клеймить соц.-дем. рабочихъ и крестьянъ, не признающихъ „бойкота" и идущихъ „на выборы" *съ революціонными цѣлями*, именемъ измѣнниковъ революціи!

Кавказскіе рабочіе и крестьяне, *приступившіе уже* къ организаціи избирательныхъ комитетовъ, получили аттестатъ предательства отъ представителей „Укр. Рев. П." и „Литовской Партіи" — поучительная картина! Подписями этихъ кружковъ-лилипутовъ должна быть заклеймена агитаціонная дѣятельность нашихъ южныхъ организацій, разъясняющихъ крестьянамъ, какъ они смогутъ превратить „комедію" Булыгинскихъ выборовъ въ актъ революціонной драмы!

Весьма поучительное зрѣлище! Такъ и видишь людей, которые не научились еще отличать хлесткихъ полемическихъ статей отъ *политическихъ рѣшеній* организаціи, которые сами не понимаютъ всей политической отвѣтственности, принимаемой ими на себя при редактированіи подобныхъ резолюцій.

Какой рядъ поучительныхъ картинъ обѣщаетъ намъ въ ближайшемъ будущемъ это рѣшеніе конферентовъ! Вы выступаете на собраніи передъ рабочими или крестьянами, обличая „въ предательствѣ", съ резолюціей въ рукахъ, либерала, участвующаго въ выборахъ. Либералъ встаетъ и, при смѣхѣ публики, объясняетъ ей, что строки вашей резолюціи нельзя слишкомъ принимать въ серьезъ, ибо по ея буквальному смыслу, онъ собирающійся „засѣдать" въ Думѣ, не большій „предатель", чѣмъ любой гурійскій крестьянинъ-соціальдемократъ, идущій *воевать* за дѣло революціи на избирательное собраніе, въ промежуткахъ между двумя актами массоваго вооруженнаго отпора царскимъ полицейскимъ, въ промежуткахъ между двумя актами возстанія и *въ связи съ ними*.

Другая картина: мы обличаемъ на избирательномъ собраніи демократа, выступающаго съ весьма „радикальной" программой, но тщательно избѣгающаго касаться вопроса о томъ, что онъ будетъ дѣлать въ Думѣ? Отбиваясь отъ нашихъ нападокъ, демократъ вытаскиваетъ отнынѣ знаменитую резолюцію и доказываетъ публикѣ, что наши обвиненія въ предательствѣ имѣютъ весьма относительную цѣнность, ибо мы сами состоимъ въ собственномъ лагерѣ подъ такимъ же обвиненіемъ.

Еще разъ: для того ли собираются подобныя конференціи, чтобы затруднять *для обѣихъ сторонъ* проведеніе каждаго усвоеннаго ею плана?

Авторы резолюціи виновны во внесеніи дезорганизаціи и деморализаціи въ среду соц. дем. пролетаріата, и никакіе софизмы не смоютъ съ нихъ этой вины, этого позора.

Въ заключеніе мы спросимъ: не ясно ли, не очевидно ли теперь, какъ безконечно велики тѣ блага, которыя дастъ россійскому соц.-дем. пролетаріату пресловутая организаціонная *федерація*, лелѣемая большинствомъ группъ, представленныхъ на конференціи? Вмѣсто того, чтобы вырабатывать тактику партіи, какъ единаго цѣлаго, сообща, нейтрализуя живымъ обмѣномъ мыслей между отдѣльными ячейками всѣ мѣстныя, приходскія, кружковыя и профессіонально-корпоративныя вліянія, которыя невольно искажаютъ перспективу у отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ; вмѣсто того, чтобы такимъ путемъ приходить къ единству сознанія и единству воли пролетаріата цѣлой страны, борющагося, какъ единый классъ, вмѣсто этого, искусственнымъ дробленіемъ пролетарскихъ силъ вырабатываются застывшія, неподвижныя точки зрѣнія еврейской, польской, украинской и т. д. соціальдемократіи отражающія, каждая на свой ладъ, убожество мѣстныхъ, національныхъ и всякихъ другихъ специфическихъ условій жизни *данной* части пролетаріата — тутъ отсутствіе двигающейся впередъ національной буржуазіи, тамъ — преобладаніе „интеллигентскаго" пустопорожняго радикализма, порабощающаго себѣ въ столицѣ сознаніе революціонно-соціалистическихъ элементовъ; здѣсь — исключительныя условія, порожденныя военнымъ положеніемъ и бѣлымъ терроромъ; тамъ — да проститъ намъ „Рев. Укр. П." — полное отсутствіе всякой связи соціалистическихъ кружковъ съ дѣйствительнымъ пролетаріатомъ, или раствореніе послѣдняго въ крестьянскомъ движеніи. И, „федералистически" собравъ всю эту коллекцію національныхъ и мѣстныхъ точекъ зрѣнія, намъ предлагаютъ добиться суммированія ихъ въ единую волю, въ единую тактику!

Учитесь же пролетаріи всѣхъ національностей, какъ эта идеальная цѣль федералистовъ достигается на практикѣ! Смотрите, какъ люди, отвергающіе принципъ рѣшенія тактическихъ вопросовъ большинствомъ голосовъ¹), ввиду того, что отдѣльныя „націи" могутъ быть „подавляемы", — какъ эти люди, столкнувшись съ вопросомъ о практическомъ выступленіи пролетаріата, какъ цѣлаго, вынуждены отказаться отъ единственно-соотвѣтствующаго федерализму метода „единогласія" и фактически формируютъ себѣ большинство — только не большинство — пролетаріевъ, не организацій пролетарскихъ, а большинство случайныхъ и искусственныхъ національныхъ группъ! Смотрите, какъ люди, отвергавшіе партійную централизацію потому, что она де не обезпечиваетъ единства, попадаютъ въ такое положеніе, при которомъ представители, связанные уже принятыми внутри каждой группы рѣшеніями, не могутъ придти къ какому нибудь соглашенію и, не имѣя никакого объективнаго мѣрила для того, чтобы принести групповыя точки зрѣнія въ жертву общепартійной, вынуждены самый актъ федералистическаго „синтеза" групповыхъ мнѣній дѣлать источникомъ новыхъ дракъ! Любуйтесь, какъ эти противники организаціоннаго сліянія рабочихъ разныхъ націй, приходятъ къ принятію резолюцій, обязующихъ еврейскихъ, латышскихъ, польскихъ рабочихъ бороться, какъ съ измѣнниками, съ рабочими русскими, грузинскими и армянскими!

Если урокъ этотъ будетъ усвоенъ пролетаріатомъ, ему не придется, въ концѣ концовъ, сожалѣть о недавней конференціи. На призывъ къ систематической междуусобной войнѣ онъ отвѣтитъ тогда: долой приходскія рамки и да здравствуетъ немедленное объединеніе организованныхъ соц.-дем. рабочихъ въ одну Россійскую Соц.-Дем. Рабочую Партію.

Остальныя статьи см. въ приложеніи къ этому номеру.

По Россіи.

Земцы и пролетаріатъ. 12-го сентября съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей была отправлена слѣдующая телеграмма:

„Разночинцы и рабочіе болѣе другихъ принесли жертвъ, способствовавшихъ учрежденію Государственной Думы, куда, однако, доступа не получили. Справедливость требуетъ, чтобы съѣздъ теперь же разработалъ и предложилъ способъ провести по группамъ въ думу изъ каждой губерніи по одному своему кандидату, владѣющему цензомъ. Хотя съѣздъ и предполагаетъ, вѣроятно, въ первое же время требовать преобразованія Думы на началахъ всеобщаго избирательнаго права, но трудно предсказать, удастся ли это вообще и какъ скоро. Присутствіе же кандидатовъ отъ указанныхъ боевыхъ группъ значительно посодѣйствуетъ первоначальной тактикѣ Думы, намѣчаемой передовой частью русскаго общества. Достичь предлагаемаго не трудно, если члены съѣзда посодѣйствуютъ провести кандидатовъ, выставляемыхъ губернскими соціальдемократическими рабочими организаціями. Признать значеніе послѣднихъ и объединиться съ ними для достиженія ближайшихъ общихъ задачъ, нужно полагать, не постѣсняются лучшіе земскіе и городскіе люди собравшіеся на съѣздъ. Этого требуетъ отъ нихъ долгъ совѣсти и разумная тактика.

Гласный Керченской Думы, редакторъ газеты „Южный Курьеръ", М. Крести

Въ отчетахъ о земскомъ съѣздѣ ничего не сообщается объ этой телеграммѣ. Неужели заправилы земскихъ съѣздовъ просто кладутъ подъ сукно документы съ неудобными для нихъ предложеніями?

Новыя рѣчи. (Изъ разговоровъ въ дорогѣ). Противъ меня усѣлся субъектъ въ поддевкѣ, съ энергичнымъ, изрытымъ оспою лицомъ. Это былъ купецъ старообрядецъ. — Что слышно о мирѣ? спросилъ онъ и, не ожидая отвѣта, началъ говорить: изъ Манджуріи прогнали. Сахалинъ отняли. Оно, положимъ, онъ намъ ни къ чему. Только обидно намъ: престижъ нашъ страдаетъ...

Ну, зато теперь мы съ ними раздѣлаемся. Всѣхъ перевѣшаемъ. Зачѣмъ мѣшаютъ намъ воевать? Забастовки устраиваютъ на оружейныхъ и иныхъ заводахъ. Довольно. Война кончена. Теперь мы ихъ искоренимъ. Вашъ ты... Какихъ—нибудь 60 тысячъ. Кучка, можно сказать. А тоже всю Россію въ своихъ рукахъ держать хочетъ, всѣхъ бы ихъ прирѣзали интеллигентовъ, забастовщиковъ, демократовъ. Конституціи изъ книжекъ вычитали. Только намъ это не подойдетъ... Ни къ чему. У насъ свой обычай...

Слова его звучали увѣренностью и сознаніемъ своей силы. Его „мы" рѣзало ухо, такъ какъ въ самодержавной странѣ никакого иного „мы", кромѣ „Божіею милостью Мы" не полагалось. Но онъ говорилъ нисколько не колеблясь.

Мы устроимъ порядокъ. Кто не хочетъ — уходи. Не нравится — не надо. У насъ министры не будутъ своевольничать. Мы не дадимъ Витте хозяйничать. Это онъ втянулъ насъ въ войну — строилъ желѣзную дорогу. Они крадутъ. Только теперь конецъ! Мы ихъ въ свои руки возьмемъ, на учетъ ихъ посадимъ...

— Вы думаете, что Государственная Дума даетъ вамъ конституцію?

— Вы не изволите понимать меня... Намъ не нужно демократовъ, революцій, конституцій. Это разные ученые да профессора, революціонеры болтаютъ. Намъ безъ царя быть нельзя. Его власть

---

¹) [illegible] принятой резолюціи и проэктъ делегата Организа. [illegible]щаться съ [illegible] лишь въ слѣдующемъ №.

¹) Не говоримъ здѣсь о фиктивныхъ національно-соціальдемократическихъ „партіяхъ", къ сожалѣнію, бывшихъ представленными и на данной конференціи и, вообще, появляющихся всюду, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пролетаріатъ ведетъ революціонную борьбу,

¹) N. B. для Ленина и Кº: мы говоримъ о большинствѣ *членовъ партіи*, а не о сфабрикованномъ „большинствѣ" неотвѣтственныхъ „руководителей".

его воли... Его не слушаютъ — какъ будутъ выборнаго изъ своихъ президента слушать? Царь на землѣ, какъ богъ на небѣ. Мы хотя иного помазанія и не признаемъ, потому по старинному вѣруемъ... А только царь отъ бога, иначе быть не можетъ. Онъ за насъ — мы за него.

— Ну безъ конституціи — все по старому и останется. Министры будутъ по прежнему хозяйничать.

— Это вы ошибаетесь. Мы ужъ по своему сдѣлаемъ... Мы призваны царемъ обсуждать всѣ дѣла. Какъ мы рѣшимъ, такъ ему и объяснимъ. Царь и поступитъ, какъ лучше нужно народу. Вы говорите, государственный Совѣтъ? Умныхъ людей почто не выслушать... Только если они противъ насъ пойдутъ, мы еще разъ свое рѣшеніе положимъ. А царь противъ народа не пойдетъ. Онъ думаетъ, какъ лучше народу сдѣлать; все равно, какъ отецъ своимъ дѣтямъ. А безъ министровъ нельзя. Нужно, чтобы дѣятельные, умные люди дѣла вели. Только чтобы они были на учетѣ. Изволите говорить, Дума совѣщательная? Намъ это и нужно. По нашему совѣту царь поступать и будетъ. А какъ большинство думаетъ, теперь все равно. Царь за насъ. Для насъ Дума устроена. Будемъ тамъ мы, да крестьяне, которые благочестивые да разумные. А профессоровъ тамъ разныхъ да интеллигентовъ не будетъ. Пускай они двигаютъ науку, а въ наши дѣла имъ мѣшаться нечего. Мы хотимъ порядка и чтобы всѣмъ работать можно было. Рабочимъ дадимъ десятичасовый день, черезъ мѣру человѣкъ работать не долженъ. А что они требуютъ 8 часовъ, — это нѣтъ... гдѣ такое видано? Что въ 8 часовъ сработаешь?

Крестьянамъ земли мало, говорите? Это вы справедливо. Такъ мы имъ земли дадимъ, которымъ не хватаетъ. По 3, по 4 десятины изъ помѣщичьихъ и государственныхъ земель.

Выкупъ на 50 лѣтъ разсрочимъ, — крестьянамъ не трудно будетъ платить. Ужъ мы порядокъ устроимъ... Вотъ жидовъ-тѣхъ чтобы не пикнули. Всего лучше пусть убираются за границу. Да еще... какъ ихъ на Кавказѣ?.. Что на жидовъ похожи, революціонеры тоже... армяне! имъ тоже спуску не будетъ. Еще бы немножко и ихъ бы перерѣзали вмѣстѣ съ интеллигентами. Вотъ только война окончилась... Позорный миръ...

Онъ немного задумался и быстро прибавилъ:

— А все таки хорошо, что война была. Всѣ прорѣхи въ Россіи увидѣли. Теперь успѣемъ заплатать... А чтобы, упаси Господи, случилось, кабы войны не было! Втихомолку бы вся Россія распалась. А теперь мы устроимъ...“

Москва. 25 сентября. 14 сентября на небольшой типографіи началась забастовка, — не заплатили денегъ. Держались до понедѣльника, стали на работу, когда требованія удовлетворили. Въ понедѣльникъ стихійно возникла стачка у Сытина. Вмѣшался въ дѣло Союзъ типографщиковъ, повелъ агитацію листками; въ среду бастовали типографія Кушнерева, Яковлева, Левенсона и цѣлый рядъ мелкихъ. Главныя требованія — 8-ми часовой рабочій день, признанія выборныхъ отъ рабочихъ, участіе въ установленіи внутренняго распорядка и полная отмѣна сверхурочной работы и т. д.

На митингахъ выбирались депутаты по одному на отдѣленіе на крупныхъ, на мелкихъ же по одному на 50—100 человѣкъ. Нѣкоторые депутаты на мелкихъ сейчасъ же арестовывались и выдавались хозяевами полиціи. Стачка все росла, захватила газетныя типографіи: нѣкоторыя, напримѣръ Синодальная забастовала изъ сочувствія. Движеніе носило сначала чисто экономическій характеръ, рѣчи политическія встрѣчались враждебно, но съ ростомъ стачки и выступленіемъ на улицу настроеніе мѣняется. Началось оно въ четвергъ, когда рабочіе пошли закрывать продолжавшія работать типографіи. Вечеромъ произошли маленькія демонстраціи на Тверской и около „Московскихъ Вѣдомостей“, гдѣ были поломаны машины. На слѣдующій день былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ. Собраться тамъ не дали, но митингъ все таки состоялся на улицѣ между прудами и Тверскимъ бульваромъ. Ораторъ изъ Союза типографщиковъ подъ краснымъ знаменемъ въ своей рѣчи, обрисовавъ положеніе типографскихъ рабочихъ въ Москвѣ, связалъ его съ общимъ положеніемъ рабочаго класса и закончилъ лозунгомъ о необходимости добиться силой Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной и т. д. подачи голосовъ. Лозунгъ былъ подхваченъ многотысячной толпой. Отсюда толпа двинулась на Тверской съ пѣніемъ. Толпы рабочихъ собрались на Тверскомъ бульварѣ. Наши ораторы (4 отъ Группы, 2 отъ Комитета) говорили непрерывно съ половины 7-го до 10 часовъ. Соціальдемократическіе лозунги съ восторгомъ подхватывались массой. Около 10 часовъ толпа была разсѣяна драгунами и казаками, пустившими въ ходъ и нагайки, и шашки. Много избитыхъ и израненыхъ. До поздней ночи отдѣльныя группы рабочихъ оставались на ближайшихъ улицахъ; то тамъ, то здѣсь раздавалась рабочая марсельеза.

Въ субботу по улицамъ ходили толпы забастовщиковъ. Въ 3-мъ часу былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ, туда никого не пускали. И часть рабочихъ шла по призыву Союза, на Пречистенскій бульваръ. Тамъ состоялось три небольшихъ митинга. Къ вечеру народъ собрался опять у памятника Пушкина. Тамъ по серединѣ бульвара снова раздались рѣчи; кромѣ ораторовъ, посланныхъ отъ Группы, выступало много нашихъ рабочихъ. Съ 8 часовъ началось жестокое избіеніе — рубили на право и на лѣво. Двухъ типографщиковъ изувѣчили и одного студента изрубили шашками и его унесли со слабыми признаками жизни; задавили женщину съ ребенкомъ. Дано было три залпа: два холостыхъ, третій боевыми патронами поверхъ головъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя собранія рабочихъ продолжались до поздней ночи. Масса держится стойко и расходится передъ казаками, чтобы сейчасъ опять сойтись. Требуютъ оружія. По мѣрѣ силъ, стараемся удовлетворить этотъ запросъ, но много достать врядъ ли удастся.

Чтобы овладѣть движеніемъ и руководить имъ, Союзъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ депутатовъ. Первое собраніе (неполное) состоялось въ пятницу. Рѣшили потребовать черезъ своихъ делегатовъ отъ градоначальника, чтобы имъ было разрѣшено устраивать собранія всѣхъ депутатовъ, собранія по типографіямъ и общее собраніе всѣхъ типографскихъ рабочихъ, причемъ ему ставилось на видъ, что, независимо отъ его разрѣшенія, всѣ эти собранія происходить будутъ. Въ планъ Союза входило обратить депутатскія собранія въ постоянныя и сдѣлать ихъ организаціонными центрами типографскихъ рабочихъ. Большинство депутатовъ организованные рабочіе. Собраніе депутатовъ разрѣшено. Происходитъ оно сейчасъ. Результаты его неизвѣстны. На улицахъ сегодня масса народа. Столкновенія съ казаками учащаются и принимаютъ болѣе острый характеръ. Въ ходъ пускается огнестрѣльное оружіе. Подробности еще неизвѣстны.

Одновременно съ типографщиками, забастовали слесаря въ городскомъ Миусскомъ паркѣ электрическаго трамвая. Остальные рабочіе городскихъ предпріятій внимательно и съ сочувствіемъ слѣдятъ за этой забастовкой. Собраніе городскихъ рабочихъ должно было состояться, но не состоялось. Рабочіе требуютъ экстреннаго собранія Думы. Нѣкоторые изъ завѣдующихъ городскими предпріятіями угрожаютъ Думѣ отказомъ отъ службы, если требованіе рабочихъ не будетъ исполнено. На одномъ изъ собраній въ паркѣ (человѣкъ 200) явился, въ качествѣ корреспондента „Русскаго Листка“, зубатовецъ Слѣповъ. Товарищъ рабочій въ своей рѣчи обрисовалъ гнусную физіономію газеты. Толпа требовала удаленія Слѣпова; послѣдній сказалъ въ свое оправданіе, что ему надо же чѣмъ нибудь жить и что онъ пишетъ только голую правду, т. е. о нуждахъ рабочихъ. Достаточно уже знакома рабочимъ зубатовская правда! Послѣ собранія Слѣповъ допытывался у расходившихся рабочихъ, кто ими руководитъ, и за это былъ жестоко избитъ.

Забастовали также табачники. Въ четвергъ послѣ митинга рабочіе Габая созвали собраніе на фабрикѣ, обсудили нужды, выбрали депутатовъ и предъявили черезъ нихъ свои требованія: сокращеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расцѣнокъ, признаніе депутатовъ и цѣлый рядъ мелкихъ требованій. Хозяинъ согласился часть требованій удовлетворить. Забастовка продолжается. Каждый день происходятъ въ фабрикѣ собранія, гдѣ обсуждаются не только вопросы, касающіеся забастовки, но и все современное положеніе Россіи. Выступаютъ члены нашей организаціи, а также и рабочіе изъ массы. Движеніе перекинулось и на фабрику Дукатъ. Тамъ въ субботу состоялось собраніе, были выработаны требованія, выбраны депутаты (большинство работницы). Забастовали. Вечеромъ состоялось общее собраніе депутатовъ обѣихъ фабрикъ. На немъ рѣшили предложить другимъ табачнымъ фабрикамъ послѣдовать ихъ примѣру: устроить собраніе, выбрать депутатовъ, обсудить вопросъ о стачкѣ, чтобы отдѣльныя фабрики не начали работать безъ общаго согласія депутатовъ всѣхъ фабрикъ.

Изъ депутатовъ рѣшено выдѣлить постоянный исполнительный органъ. Настроеніе бодрое, хотя экономическое положеніе стачечниковъ тяжелое.

Вчера забастовали пекаря у Филиппова. Общее настроеніе повышается, но выльется ли оно во всеобщую стачку, трудно еще сказать. На собраніяхъ Группы и нѣкоторыхъ районныхъ центровъ намѣчены слѣдующія дѣйствія: 1) искусственно не поднимать рабочихъ; 2) дѣйствовать митингами, призывая всѣхъ рабочихъ обсуждать, какъ имъ откликнуться на происходящія въ Москвѣ событія; 3) предложить выбирать депутатовъ и связать депутатовъ между собой; 4) ко всеобщей стачкѣ не призывать до тѣхъ поръ, пока движеніе не захватитъ механическіе заводы, которые здѣсь, какъ вездѣ, являются наиболѣе вліятельными; 5) вступить въ соглашеніе съ большевиками.

Можно отмѣтить, что въ Москворѣцкомъ районѣ на механическомъ заводѣ Бромлея въ числѣ выработанныхъ требованій къ готовящейся стачкѣ выставлено самыми рабочими требованіе предоставить помѣщеніе внутри завода для собраній рабочихъ разъ въ недѣлю. Аналогичное требованіе выдвинуто и табачниками.

Рига, 17 сентября. Переживаемъ очень тревожное время. Со дня на день ожидаемъ объявленія города на военномъ положеніи. Дня не проходитъ, чтобы не было зарегистрировано убійства городового, или казака. За одинъ мѣсяцъ убито до 50 городовыхъ — это, кромѣ другихъ полицейскихъ чиновъ. Каждый день въ различныхъ кварталахъ города происходятъ пожары. Горятъ дома богатыхъ домовладѣльцевъ. Обыкновенно поджоги происходятъ днемъ, такъ какъ съ вечера всѣ ворота и двери закрываются. Порою одновременно городъ горитъ въ различныхъ концахъ. Этимъ безработные мстятъ за то, что послѣднія стачки ихъ тысячами выбросили на улицу, обрекая массовыми расчетами на голодъ и нищету. — На улицахъ ходятъ патрули солдатъ и разъѣзжаютъ казаки. Начиная съ 8 часовъ вечера казаки и городовые останавливаютъ *каждаго*, требуя вида на жительство, обыскивая карманы. Въ участкахъ и на улицахъ, при нахожденіи револьвера, ножа бьютъ до полусмерти. Говорятъ, въ участкахъ даже *пытаютъ* тѣхъ, у кого находятъ при обыскѣ литературу, оружье. Съ 7 — 8 час. вечера всѣ ворота и двери заперты. На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ по Динабургской, Московской останавливаютъ даже извозчиковъ и обыскиваютъ пассажировъ. — Словомъ, и безъ объявленія городъ находится на военномъ положеніи. При мнѣ произошелъ такой случай. Я шла по рабочему кварталу на Ревельскую ул. въ 7 час. вечера. Какой-то рабочій поравнялся съ казакомъ, который его остановилъ и хотѣлъ обыскать. Рабочій совершенно спокойно сунулъ руку въ карманъ, вынулъ револьверъ и убилъ казака на повалъ и самъ скрылся. То же самое происходитъ почти каждую ночь, каждый вечеръ въ различныхъ рабочихъ кварталахъ. Злобой и местью горятъ сердца рабочихъ. Придешь-ли на кружокъ, или на собраніе, разговоръ начинается и кончается вопросомъ о оружіи.

— Вслѣдствіе безработицы, массовыхъ расчетовъ, голода и нищеты, настроеніе у рабочихъ озлобленное и подавленное. На Балтійскомъ заводѣ 3600 раб. расчитаны, а заводъ закрытъ. Рабочіе пошли бы на все: пусть будутъ старыя условія, старыя расцѣнки, но дирекція не торопится открывать заводъ, такъ какъ не имѣетъ заказовъ, и набираетъ новый штабъ рабочихъ, причемъ ставитъ въ условіе, чтобы они были не моложе 25 лѣтъ и не старше 40. Словомъ, выбираетъ точно скотъ, чтобы они были смирны и выносливы... Тяжело смотрѣть на голодающія семьи рабочихъ.

Всѣ просятъ оружья, револьверомъ интересуются больше, чѣмъ нелегальной книжкой. Условія работы здѣсь сложны: массовое движеніе здѣсь главнымъ образомъ среди латышей и эстонцевъ. Приходится вести работу на трехъ языкахъ, ставить нѣсколько типографій, издавать латышскую и эстонскую литературу; кромѣ того вести борьбу съ федералистами. Среди рабочихъ латышей и эстонцевъ замѣчается большое стремленіе перейти къ Рос. Парт. На дняхъ отъ Лат. Парт. откололся цѣлый районъ на „Красной Двинѣ“ и около 300 организованныхъ рабочихъ, находящихся въ кружкахъ (у нихъ кружокъ организаціонная ячейка), во главѣ съ центромъ, состоящимъ изъ представителей трехъ кружковъ, примкнулъ къ Группѣ. Предварительно были съ центромъ дискуссіи по вопросу о федераціи, о строительствѣ партіи. На дискуссіяхъ участвовали и федераты съ латышской партіи, которые тѣмъ не менѣе рабочихъ убѣдить не могли въ правотѣ федеративнаго принципа.

Организація наша расширяется, кругъ нашего вліянія могъ бы быть еще большій, еслибы не трудности работы: массовый переходъ къ намъ рабочихъ изъ латышской партіи и не только изъ партіи, а вообще рабочихъ латышей опережаетъ переходъ партійныхъ работниковъ — латышей. Въ виду этого группа не можетъ использовать всѣ связи, обслуживать, какъ слѣдуетъ, растущую организацію. Но литературой, людьми, листками группа регулярно обслуживаетъ города: Ревель, (преимущественно пролетаріатъ эстонскій, — элементъ политически зрѣлый,[1]) хотя движеніе соціальдемократическое среди рабочихъ эстонцевъ очень недавняго происхожденія), Юрьевъ (главнымъ образомъ крестьянское движеніе — эстонцы), Митава (тамъ сильная организація среди солдатъ и близь лежащія деревни, гдѣ движеніе чисто пролетарское, такъ какъ въ виду земельныхъ отношеній, тамъ большая часть крестьянъ — батраки, или мелкіе арендаторы.

Возвращаясь къ нашей работѣ въ Ригѣ, я должна еще отмѣтить замѣчающуюся у насъ, какъ впрочемъ теперь вездѣ въ Россіи, стремленіе рабочихъ выйдти изъ узкихъ рамокъ подпольной организаціи, и рабочихъ дѣйствительно легче теперь вызвать на улицу, чѣмъ привлечь въ кружокъ. Устарѣли старыя формы, организація не можетъ охватывать растущее движеніе. Конечно, дѣло не столько въ формахъ, сколько въ содержаніи работы, и послѣднее вполнѣ подтверждается массовымъ переходомъ рабочихъ изъ Латышской Партіи къ намъ. Латышская Парт. несмотря на то, что по составу она большей частью рабочая, построено сверху внизъ, а ультра-централизмъ возведенъ въ принципъ; но дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что она не стремится стать политической партіей и въ этомъ отношеніи вожди Лат. Парт. играютъ реакціонную роль. Они не знакомятъ ни въ своихъ листкахъ, ни въ своемъ органѣ съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, удерживаютъ себя отъ участія въ политической жизни Россіи исходя изъ приходской политики, боясь послѣ, напримѣръ, возможнаго возстанія, Прибалтійскаго Края, разгрома своей *Латышской* организаціи. Удается это имъ только отчасти: несмотря на всю свою организованность, несмотря на всю дисциплину, латышскій пролетаріатъ не удовлетворяется ни формой ихъ организаціи, которая не соотвѣтствуетъ потребностямъ движенія, ни содержаніемъ работы, и переходитъ къ намъ.

Я не знаю, какъ смотрятъ вожди Латышской Партіи на тактику по отношенію къ Государственной Думѣ, но знаю, что рабочіе-латыши, съ которыми приходилось говорить, на кружкахъ и сходкахъ, гдѣ приходилось проводить тактику, рекомендуемую Искрой, встрѣчаютъ вездѣ этотъ планъ съ большимъ интересомъ и оживленіемъ. Между прочимъ, въ Прибалтійскомъ краѣ эту тактику можно провести съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду политической зрѣлости пролетаріата, въ виду того, что на каждомъ заводѣ здѣсь имѣется своя выборная делегація, а также возможности устроить митинги на заводахъ и большія собранія. Не касаясь политическаго и революціоннаго значенія этого плана, которое огромно, мнѣ кажется, что ему можетъ быть придано и большое организаціонное значеніе, такъ какъ выборные революціонные рабочіе комитеты, быть можетъ превратятся впослѣдствіи въ тѣ организаціонныя ячейки, изъ которыхъ сложится доподлинная партія.

Тверь. Событія въ Твери 11—20 августа, изложенію которыхъ посвящена нижеслѣдующая корреспонденція — очень поучительна. Они наглядно показываютъ, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя еще не охвачены революціоннымъ броженіемъ, массы представляютъ собой порохъ, дожидающійся своей искры, чтобы мгновенно воспламениться, и только съ помощью грубой военной силы правительство можетъ держать ихъ въ повиновеніи. Правда, рабочія массы находятся здѣсь еще на низшей ступени культурнаго уровня — полурабочіе, полукрестьяне; они еще маятся съ самой разнузданной эксплуатаціей на фабрикахъ, съ жизнью въ хозяйскихъ казармахъ внѣ работы, съ картошкой и селедкой—въ качествѣ обѣда. Товарищамъ, работающимъ здѣсь, не даромъ приходится частенько задумываться надъ тѣмъ „проклятымъ отсутствіемъ потребностей“, которое у нѣмецкихъ рабочихъ Лассаль констатировалъ почти полвѣка тому назадъ. По уровню своего развитія, высотѣ умственныхъ запросовъ здѣшніе рабочіе рѣзко раздѣляются на два лагеря — старики и молодые. Первые еще не забыли деревенскаго житья. Свою теперешнюю жизнь они сравниваютъ естественно съ своимъ прежнимъ полуголоднымъ существованіемъ въ деревнѣ — для нихъ и она является уже извѣстнымъ прогрессомъ. Вообще, по своему воспитанію и по своимъ потребностямъ — они консерваторы. Другое дѣло молодежь. Она выросла въ другой обстановкѣ, для нея теперешнее ея положеніе — исходный пунктъ; сравненіе съ деревней не дѣйствуетъ такъ понижающе на уровень потребностей, потому что деревенская жизнь имъ не такъ уже близка и понятна, какъ старикамъ. Это раздѣленіе на „стариковъ“ и молодежь чрезвычайно характерно для здѣшнихъ рабочихъ. Организаціи приходится работать почти исключительно среди послѣдней. Второе условіе, неблагопріятно вліяющее на рабочихъ: непрекратившаяся еще связь съ деревней. Здѣшнимъ рабочимъ частенько приходится слышать отъ крестьянъ: „и чего вы бунтуете? если бы намъ такую жизнь—каждый день чай, два раза въ день ситная булка“. Для убогой деревни и это кажется раемъ. Понятно, какъ неблагопріятно должны дѣйствовать подобныя обращенія на организованную молодежь, въ ея первыхъ пропагандистскихъ попыткахъ.

Теперь перейдемъ къ изложенію событій.

11 августа забастовалъ стеклянный заводъ Курова (300 чел.) На другой день, внѣ связи съ нимъ, прекратили работу рабочіе Залогинской ткацкой фабрики (1300 чел., изъ нихъ около тысячи женщинъ). На стеклянномъ заводѣ поводъ къ забастовкѣ далъ управляющій своимъ нелѣпо-грубымъ обращеніемъ съ рабочими и своими притѣсненіями. Рабочіе предъявили требованія экономическаго характера, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отпечатанныя комитетомъ въ спеціальномъ листкѣ къ стеклянщикамъ. Уже на другой день состоялась организованная сходка, недалеко отъ завода, на которой присутствовало $^{1}/_{3}$ состава рабочихъ завода и выступилъ нашъ ораторъ. Затѣмъ сходки происходили ежедневно, вплоть до окончанія забастовки 18 августа. Первая рѣчь оратора носила экономическій характеръ, а далѣе ораторъ перешелъ къ изложенію связи между экономической и политической борьбой; затѣмъ слушатели были ознакомлены съ основными задачами и цѣлями пролетарской борьбы, съ ролью с.-д. и т. п.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ стачка Залогинской ткацкой фабрики. Она тянулась ровно три недѣли (съ 12 августа по 3 сентября) и, несмотря на крайне низкій уровень рабочихъ, носила всѣ признаки организованности. Несмотря на ничтожное число организованныхъ на фабрикѣ, наша организація проявила себя очень энергично, и во все время стачка не выпускала изъ своихъ рукъ руководства движеніемъ. Поводомъ къ стачкѣ послужило слѣдующее: 10-го рабочіе узнали, что на фабрику пріѣхалъ хозяинъ. Такъ какъ условія работы на этой фабрикѣ одни изъ наихудшихъ въ Твери, то рабочіе рѣшили воспользоваться присутствіемъ хозяина, чтобы предъявить ему рядъ требованій объ улучшеніи условій работы на фабрикѣ. Хозяинъ отнесся къ рабочимъ свысока: онъ ихъ началъ стыдить, что они поютъ съ чужого голоса, въ заключеніе назвалъ баранами, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ вы не понимаете, что мнѣ выгоднѣе закрыть фабрику, чѣмъ измѣнять теперь условія“, очевидно намекая этимъ на то, что конкурренція съ крупными фабриками для него возможна лишь путемъ большей, сравнительно съ тѣми, эксплуатаціи своихъ рабочихъ. Рабочіе не удовлетворились такой своеобразной, чисто фабрикантской логикой и были очень оскорблены обращеніемъ съ ними, какъ съ какими то неразумными дѣтьми. Въ тотъ же день (11 августа) наши организованные собрали небольшую сходку (30 чел.), на которой было рѣшено на другой день бросать работы и предложить остальнымъ рабочимъ начать забастовку. На другой день, утромъ работы дѣйствительно были прекращены; на дворѣ фабрики былъ устроенъ открытый митингъ, въ которомъ приняло участіе не менѣе 800 человѣкъ; выступилъ нашъ ораторъ. Немедленно комитетомъ были выпущены листки съ требованіями къ стеклянщикамъ и къ Залогинскимъ рабочимъ, а также краткій призывъ къ остальнымъ фабрикамъ и заводамъ — приступить ко всеобщей забастовкѣ.

Въ субботу 13 августа вѣсть объ этихъ двухъ забастовкахъ разнеслась по другимъ фабрикамъ и заводамъ. На Морозовской фабрикѣ (1200 чел.), воспользовавшись создавшимся такимъ путемъ нѣкоторымъ выжидательнымъ настроеніемъ, организованные ткачи утромъ прекратили работы въ своемъ отдѣленіи, а затѣмъ остановили и другія отдѣленія Морозовской фабрики, прядильное и ситцевое. Для того, чтобы прекратить работы всей этой громадной массы не понадобилось большихъ усилій— молодежь явно сочувствовала мысли о забастовкѣ — старики на первыхъ порахъ не оказывали сопротивленія изъ боязни рѣшительныхъ дѣйствій со стороны молодежи. На дворѣ фабрики немедленно былъ устроенъ громадный митингъ (рѣчь слушало не менѣе 3000 человѣкъ), на которомъ выступилъ нашъ ораторъ и какой-то доброволецъ, стоящій внѣ партіи. Къ концу митинга появились солдаты, что придало смѣлости многочисленной здѣсь черной сотнѣ. Послѣдняя, поддерживаемая солдатами перешла къ активнымъ дѣйствіямъ, пустила въ ходъ ломы, даже револьверы и т. п. Вообще черная сотня оказалась отлично вооруженной, въ то время какъ нашимъ организованнымъ приходилось выступать съ голыми руками. При поддержкѣ солдатъ къ концу дня работы были возстановлены. Въ тотъ же день нашими организованными была собрана сходка Морозовскихъ рабочихъ (200 чел.), на которой рѣшено было собраться въ понедѣльникъ 15 августа вечеромъ съ тѣмъ, чтобы выяснить планъ дѣйствій на вторникъ. Комитетъ въ свою очередь рѣшилъ воспользоваться двумя праздниками (воскр. и понед. 14 15 авг.), чтобы ко времени общей сходки, на[illegible]ной на вечеръ 15 августа, выработать планъ дѣйствій и [illegible]никъ. Детальная разработка плана была произведена на [illegible] фабричномъ и общемъ организаціонномъ собраніяхъ; та[illegible] совмѣстное обсужденіе, по мнѣнію комитета наиболѣе га[illegible]вало практическую пріемлемость плана. Послѣдній, въ [illegible] чертахъ, заключался въ слѣдующемъ: 1) литературна[illegible] путемъ выпуска общаго листка (планъ этого листка его воля.. Его не слушаютъ — какъ будутъ выборнаго изъ своихъ президента слушать? Царь на землѣ, какъ богъ на небѣ. Мы хотя иного помазанія и не признаемъ, потому по старинному вѣруемъ... А только царь отъ бога, иначе быть не можетъ. Онъ за насъ — мы за него.

---

[1] Характерный фактъ: въ Ревелѣ рабочіе устроили политическую забастовку, требуя освобожденія своихъ пропагандистовъ—интеллигентовъ.

— Ну безъ конституціи — все по старому и останется. Министры будутъ по прежнему хозяйничать.

— Это вы ошибаетесь. Мы ужъ по своему сдѣлаемъ... Мы призваны царемъ обсуждать всѣ дѣла. Какъ мы рѣшимъ, такъ ему и объяснимъ. Царь и поступитъ, какъ лучше нужно народу. Вы говорите, государственный Совѣтъ? Умныхъ людей почто не выслушать.. Только если они противъ насъ пойдутъ, мы еще разъ свое рѣшеніе положимъ. А царь противъ народа не пойдетъ. Онъ думаетъ, какъ лучше народу сдѣлать; все равно, какъ отецъ своимъ дѣтямъ. А безъ министровъ нельзя. Нужно, чтобы дѣятельные, умные люди дѣла вели. Только чтобы они были на учетѣ. Изволите говорить, Дума совѣщательная? Намъ это и нужно. По нашему совѣту царь поступать и будетъ. А какъ большинство думаетъ, теперь все равно. Царь за насъ. Для насъ Дума устроена. Будемъ тамъ мы, да крестьяне, которые благочестивые да разумные. А профессоровъ тамъ разныхъ да интеллигентовъ не будетъ. Пускай они двигаютъ науку, а въ наши дѣла имъ мѣшаться нечего. Мы хотимъ порядка и чтобы всѣмъ работать можно было. Рабочимъ дадимъ десятичасовый день, черезъ мѣру человѣкъ работать не долженъ. А что они требуютъ 8 часовъ, — это нѣтъ... гдѣ такое видано? Что въ 8 часовъ сработаешь?

Крестьянамъ земли мало, говорите? Это вы справедливо. Такъ мы имъ земли дадимъ, которымъ не хватаетъ. По 3, по 4 десятины изъ помѣщичьихъ и государственныхъ земель.

Выкупъ на 50 лѣтъ разсрочимъ, — крестьянамъ не трудно будетъ платить. Ужъ мы порядокъ устроимъ... Вотъ жидовъ-тѣхъ чтобы не пикнули. Всего лучше пусть убираются за границу. Да еще... какъ ихъ на Кавказѣ?... Что на жидовъ похожи, революціонеры тоже... армяне! имъ тоже спуску не будетъ. Еще бы немножко и ихъ бы перерѣзали вмѣстѣ съ интеллигентами. Вотъ только война окончилась.. Позорный миръ...

Онъ немного задумался и быстро прибавилъ:

— А все-таки хорошо, что война была. Всѣ прорѣхи въ Россіи увидѣли. Теперь успѣемъ заплатать... А чтобы, упаси Господи, случилось, кабы войны не было! Втихомолку бы вся Россія распалась. А теперь мы устроимъ..."

Москва. 25 сентября. 14 сентября на небольшой типографіи началась забастовка, — не заплатили денегъ. Держались до понедѣльника, стали на работу, когда требованія удовлетворили. Въ понедѣльникъ стихійно возникла стачка у Сытина. Вмѣшался въ дѣло Союзъ типографщиковъ, повелъ агитацію листками; въ среду бастовали типографія Кушнерева, Яковлева, Левенсона и цѣлый рядъ мелкихъ. Главныя требованія — 8-ми часовой рабочій день, признаніе выборныхъ отъ рабочихъ, участіе въ установленіи внутренняго распорядка и полная отмѣна сверхурочной работы и т. д.

На митингахъ выбирались депутаты по одному на отдѣленіе на крупныхъ, на мелкихъ же по одному на 50—100 человѣкъ. Нѣкоторые депутаты на мелкихъ сейчасъ же арестовывались и выдавались хозяевами полиціи. Стачка все росла, захватила газетныя типографіи; нѣкоторыя, напримѣръ Синодальная забастовала изъ сочувствія. Движеніе носило сначала чисто экономическій характеръ, рѣчи политическія встрѣчались враждебно, но съ ростомъ стачки и выступленіемъ на улицу настроеніе мѣняется. Началось оно въ четвергъ, когда рабочіе пошли закрывать продолжавшія работать типографіи. Вечеромъ произошли маленькія демонстраціи на Тверской и около „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ были поломаны машины. На слѣдующій день былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ. Собраться тамъ не дали, но митингъ все таки состоялся на улицѣ между прудами и Тверскимъ бульваромъ. Ораторъ изъ Союза типографщиковъ подъ краснымъ знаменемъ въ своей рѣчи, обрисовавъ положеніе типографскихъ рабочихъ въ Москвѣ, связалъ его съ общимъ положеніемъ рабочаго класса и закончилъ лозунгомъ о необходимости добиться силой Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной и т. д. подачи голосовъ. Лозунгъ былъ подхваченъ многотысячной толпой. Отсюда толпа двинулась на Тверской съ пѣніемъ. Толпы рабочихъ собрались на Тверскомъ бульварѣ. Наши ораторы (4 отъ Группы, 2 отъ Комитета) говорили непрерывно съ половины 7-го до 10 часовъ. Соціальдемократическіе лозунги съ восторгомъ подхватывались массой. Около 10 часовъ толпа была разсѣяна драгунами и казаками, пустившими въ ходъ и нагайки, и шашки. Много избитыхъ и израненыхъ. До поздней ночи отдѣльныя группы рабочихъ оставались на ближайшихъ улицахъ; то тамъ, то здѣсь раздавалась рабочая марсельеза.

Въ субботу по улицамъ ходили толпы забастовщиковъ. Въ 3-мъ часу былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ, туда никого не пускали. И часть рабочихъ шла по призыву Союза, на Пречистенскій бульваръ. Тамъ состоялось три небольшихъ митинга. Къ вечеру народъ собрался опять у памятника Пушкина. Тамъ по срединѣ бульвара снова раздались рѣчи; кромѣ ораторовъ, посланныхъ отъ Группы, выступало много нашихъ рабочихъ. Съ 8 часовъ началось жестокое избіеніе — рубили на право и на лѣво. Двухъ типографщиковъ изувѣчили и одного студента изрубили шашками и его унесли со слабыми признаками жизни; задавили женщину съ ребенкомъ. Дано было три залпа: два холостыхъ, третій боевыми патронами поверхъ головъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя собранія рабочихъ продолжались до поздней ночи. Масса держится стойко и расходится передъ казаками, чтобы сейчасъ опять сойтись. Требуютъ оружія. По мѣрѣ силъ, стараемся удовлетворить этотъ запросъ, но много достать врядъ ли удастся.

Чтобы овладѣть движеніемъ и руководить имъ, Союзъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ депутатовъ. Первое собраніе (неполное) состоялось въ пятницу. Рѣшили потребовать черезъ своихъ делегатовъ отъ градоначальника, чтобы имъ было разрѣшено устраивать собранія всѣхъ депутатовъ, собранія по типографіямъ и общее собраніе всѣхъ типографскихъ рабочихъ, причемъ ему ставилось на видъ, что, независимо отъ его разрѣшенія, всѣ эти собранія происходить будутъ. Въ планъ Союза входило обратить депутатскія собранія въ постоянныя и сдѣлать ихъ организаціонными центрами типографскихъ рабочихъ. Большинство депутатовъ организованные рабочіе. Собраніе депутатовъ разрѣшено. Происходитъ оно сейчасъ. Результаты его неизвѣстны. На улицахъ сегодня масса народа. Столкновенія съ казаками учащаются и принимаютъ болѣе острый характеръ. Въ ходъ пускается огнестрѣльное оружіе. Подробности еще неизвѣстны.

Одновременно съ типографщиками, забастовали слесаря въ городскомъ Миусскомъ паркѣ электрическаго трамвая. Остальные рабочіе городскихъ предпріятій внимательно и съ сочувствіемъ слѣдятъ за этой забастовкой. Собраніе городскихъ рабочихъ должно было состояться, но не состоялось. Рабочіе требуютъ экстреннаго собранія Думы. Нѣкоторые изъ завѣдующихъ городскими предпріятіями угрожаютъ Думѣ отказомъ отъ службы, если требованіе рабочихъ не будетъ исполнено. На одномъ изъ собраній въ паркѣ (человѣкъ 200) явился, въ качествѣ корреспондента „Русскаго Листка", зубатовецъ Слѣповъ. Товарищъ рабочій въ своей рѣчи обрисовалъ гнусную физіономію газеты. Толпа требовала удаленія Слѣпова; послѣдній сказалъ въ свое оправданіе, что ему надо же чѣмъ нибудь жить и что онъ пишетъ только голую правду, т. е. о нуждахъ рабочихъ. Достаточно уже знакома рабочимъ зубатовская правда! Послѣ собранія Слѣповъ допытывался у расходившихся рабочихъ, кто ими руководитъ, и за это былъ жестоко избитъ.

Забастовали также табачники. Въ четвергъ послѣ митинга рабочіе Габая созвали собраніе на фабрикѣ, обсудили нужды, выбрали депутатовъ и предъявили черезъ нихъ свои требованія: сокращеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расцѣнокъ, признаніе депутатовъ и цѣлый рядъ мелкихъ требованій. Хозяинъ согласился часть требованій удовлетворить. Забастовка продолжается. Каждый день происходятъ въ фабрикѣ собранія, гдѣ обсуждаются не только вопросы, касающіеся забастовки, но все современное положеніе Россіи. Выступаютъ члены нашей организаціи, а также и рабочіе изъ массы. Движеніе перекинулось и на фабрику Дукатъ. Тамъ въ субботу состоялось собраніе, были выработаны требованія, выбраны депутаты (большинство работницы). Забастовали. Вечеромъ состоялось общее собраніе депутатовъ обѣихъ фабрикъ. На немъ рѣшили предложить другимъ табачнымъ фабрикамъ послѣдовать ихъ примѣру: устроить собраніе, выбрать депутатовъ, обсудить вопросъ о стачкѣ, чтобы отдѣльныя фабрики не начали работать безъ общаго согласія депутатовъ всѣхъ фабрикъ.

Изъ депутатовъ рѣшено выдѣлить постоянный исполнительный органъ. Настроеніе бодрое, хотя экономическое положеніе стачечниковъ тяжелое.

Вчера забастовали пекаря у Филиппова. Общее настроеніе повышается, но выльется ли оно во всеобщую стачку, трудно еще сказать. На собраніяхъ Группы и нѣкоторыхъ районныхъ центровъ намѣчены слѣдующія дѣйствія: 1) искуственно не подымать рабочихъ; 2) дѣйствовать митингами, призывая всѣхъ рабочихъ обсуждать, какъ имъ откликнуться на происходящія въ Москвѣ событія; 3) предложить выбирать депутатовъ и связать депутатовъ между собой; 4) ко всеобщей стачкѣ не призывать до тѣхъ поръ, пока движеніе не захватитъ механическіе заводы, которые здѣсь, какъ вездѣ, являются наиболѣе вліятельными; 5) вступить въ соглашеніе съ большевиками.

Можно отмѣтить, что въ Москворѣцкомъ районѣ на механическомъ заводѣ Бромлея въ числѣ выработанныхъ требованій къ готовящейся стачкѣ выставлено самыми рабочими требованіе предоставить помѣщеніе внутри завода для собраній рабочихъ разъ въ недѣлю. Аналогичное требованіе выдвинуто и табачниками.

Рига, 17 сентября. Переживаемъ очень тревожное время. Со дня на день ожидаемъ объявленія города на военномъ положеніи. Дня не проходитъ, чтобы не было зарегистрировано убійства городового, или казака. За одинъ мѣсяцъ убито до 50 городовыхъ — это, кромѣ другихъ полицейскихъ чиновъ. Каждый день въ различныхъ кварталахъ города происходятъ пожары. Горятъ дома богатыхъ домовладѣльцевъ. Обыкновенно поджоги происходятъ днемъ, такъ какъ съ вечера всѣ ворота и двери закрываются. Порою одновременно городъ горитъ въ различныхъ концахъ. Этимъ безработные мстятъ за то, что послѣднія стачки ихъ тысячами выбросили на улицу, обрекая массовыми расчетами на голодъ и нищету. — На улицахъ ходятъ патрули солдатъ и разъѣжаютъ казаки. Начиная съ 8 часовъ вечера казаки и городовые останавливаютъ *каждаго*, требуя вида на жительство, обыскивая карманы. Въ участкахъ и на улицахъ, при нахожденіи револьвера, ножа бьютъ до полусмерти. Говорятъ, въ участкахъ даже *пытаютъ* тѣхъ, у кого находятъ при обыскѣ литературу, оружье. Съ 7 — 8 час. вечера всѣ ворота и двери заперты. На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ по Динабургской, Московской останавливаютъ даже извозщиковъ и обыскиваютъ пассажировъ. — Словомъ, и безъ объявленія городъ находится на военномъ положеніи. При мнѣ произошелъ такой случай. Я шла по рабочему кварталу на Ревельскую ул. въ 7 час. вечера. Какой-то рабочій поравнялся съ казакомъ, который его остановилъ и хотѣлъ обыскать. Рабочій совершенно спокойно сунулъ руку въ карманъ, вынулъ револьверъ и убилъ казака на повалъ и самъ скрылся. То же самое происходитъ почти каждую ночь, каждый вечеръ въ различныхъ рабочихъ кварталахъ. Злобой и местью горятъ сердца рабочихъ. Придешь-ли на кружокъ, или на собраніе, разговоръ начинается и кончается вопросомъ о оружіи...

— Вслѣдствіе безработицы, массовыхъ расчетовъ, голода и нищеты, настроеніе у рабочихъ озлобленное и подавленное. На Балтійскомъ заводѣ 3600 раб. расчитаны, а заводъ закрытъ. Рабочіе пошли бы на все: пусть будутъ старыя условія, старыя расцѣнки, но дирекція не торопится открывать заводъ, такъ какъ не имѣетъ заказовъ, и набираетъ новый штабъ рабочихъ, причемъ ставитъ въ условіе, чтобы они были не моложе 25 лѣтъ и не старше 40. Словомъ, выбираетъ точно скотъ, чтобы они были смирны и выносливы.... Тяжело смотрѣть на голодающія семьи рабочихъ.

Всѣ просятъ оружья, револьверомъ интересуются больше, чѣмъ нелегальной книжкой. Условія работы здѣсь сложны: массовое движеніе здѣсь главнымъ образомъ среди латышей и эстонцевъ. Приходится вести работу на трехъ языкахъ, ставить нѣсколько типографій, издавать латышскую и эстонскую литературу; кромѣ того вести борьбу съ федералистами. Среди рабочихъ латышей и эстонцевъ замѣчается большое стремленіе перейти къ Рос. Парт. На дняхъ отъ Лат. Парт. откололся цѣлый районъ на „Кресной Двинѣ" и около 300 организованныхъ рабочихъ, находящихся въ кружкахъ (у нихъ кружокъ организаціонная ячейка), во главѣ съ центромъ, состоящимъ изъ представителей трехъ кружковъ, примкнулъ къ Группѣ. Предварительно были съ центромъ дискуссіи по вопросу о федераціи, о строительствѣ партіи. На дискуссіяхъ участвовали и федераты съ латышской партіи, которые тѣмъ не менѣе рабочихъ убѣдить не могли въ правотѣ федеративнаго принципа.

Организація наша расширяется, кругъ нашего вліянія могъ бы быть еще большій, еслибы не трудности работы: массовый переходъ къ намъ рабочихъ изъ латышской партіи и не только изъ партіи, а вообще рабочихъ латышей опережаетъ переходъ партійныхъ работниковъ — латышей. Въ виду этого группа не можетъ, использовать всѣ связи, обслуживать, какъ слѣдуетъ, растущую организацію. Но литературой, людьми, листками группа регулярно обслуживаетъ города: Ревель, (преимущественно пролетаріатъ эстонскій, — элементъ политически зрѣлый,[1]) хотя движеніе соціальдемократическое среди рабочихъ эстонцевъ очень недавняго происхожденія), Юрьевъ (главнымъ образомъ крестьянское движеніе — эстонцы), Митава (тамъ сильная организація среди солдатъ) и близь лежащія деревни, гдѣ движеніе чисто пролетарское, такъ какъ въ виду земельныхъ отношеній, тамъ большая часть крестьянъ — батраки, или мелкіе арендаторы.

Возвращаясь къ нашей работѣ въ Ригѣ, я должна еще отмѣтить замѣчающуюся у насъ, какъ впрочемъ теперь вездѣ въ Россіи, стремленіе рабочихъ выйдти изъ узкихъ рамокъ подпольной организаціи; и рабочихъ дѣйствительно легче теперь вызвать на улицу, чѣмъ привлечь въ кружокъ. Устарѣли старыя формы, организація не можетъ охватывать растущее движеніе. Конечно, дѣло не столько въ формахъ, сколько въ содержаніи работы, и послѣднее вполнѣ подтверждается массовымъ переходомъ рабочихъ изъ Латышской Партіи къ намъ. Латышская Парт. несмотря на то, что по составу она большей частью рабочая, построено сверху внизъ, а ультра-централизмъ возведенъ въ принципъ; но дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что она не стремится: стать политической партіей и въ этомъ отношеніи вожди Лат. Парт. играютъ реакціонную роль. Они не знакомятъ ни въ своихъ листкахъ, ни въ своимъ органѣ съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи удерживаютъ отъ отъ участія въ политической жизни Россіи, исходя изъ приходской политики, боясь послѣ, напримѣръ, возможнаго возстанія, Прибалтійскаго Края, разгрома своей *Латышской* организаціи. Удается это имъ только отчасти: несмотря на всю свою организованность, несмотря на всю дисциплину, латышскій пролетаріатъ не удовлетворяется ни формой ихъ организаціи, которая не соотвѣтствуетъ потребностямъ движенія, ни содержаніемъ работы, и переходитъ къ намъ.

Я не знаю, какъ смотрятъ вожди Латышской Партіи на тактику по отношенію къ Государственной Думѣ, но знаю, что рабочіе-латыши, съ которыми приходилось говорить, на кружкахъ и сходкахъ, гдѣ приходилось проводить тактику, рекомендуемую Искрой, встрѣчаютъ вездѣ этотъ планъ съ большимъ интересомъ и оживленіемъ. Между прочимъ, въ Прибалтійскомъ краѣ эту тактику можно провести съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду политической зрѣлости пролетаріата, въ виду того, что на каждомъ заводѣ здѣсь имѣется своя выборная делегація, а также возможности устроить митинги на заводахъ и большія собранія. Не касаясь политическаго и революціоннаго значенія этого плана, которое огромно, мнѣ кажется, что ему можетъ быть придано и большое организаціонное значеніе, такъ какъ выборные революціонные рабочіе комитеты, быть можетъ превратятся впослѣдствіи въ тѣ организаціонныя ячейки, изъ которыхъ сложится доподлинная партія.

Тверь Событія въ Твери 11—20 августа, изложенію которыхъ посвящена нижеслѣдующая корреспонденція — очень поучительна. Они наглядно показываютъ, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя еще не охвачены революціоннымъ броженіемъ, массы представляютъ собой порохъ, дожидающійся своей искры, чтобы мгновенно воспламениться, и только съ помощью грубой военной силы правительство можетъ держать ихъ въ повиновеніи. Правда, рабочія массы находятся здѣсь еще на низшей ступени культурнаго уровня — полурабочіе, полукрестьяне; они еще мирятся съ самой разнузданной эксплуатаціей на фабрикахъ, съ жизнью въ хозяйскихъ казармахъ внѣ работы, съ картошкой и селедкой—въ качествѣ обѣда. Товарищамъ, работающимъ здѣсь, не даромъ приходится частенько задумываться надъ тѣмъ „проклятымъ отсутствіемъ потребностей", которое у нѣмецкихъ рабочихъ Лассаль констатировалъ почти полвѣка тому назадъ. По уровню своего развитія, высотѣ умственныхъ запросовъ здѣшніе рабочіе рѣзко раздѣляются на два лагеря — старики и молодые. Первые еще не забыли деревенскаго житья. Свою теперешнюю жизнь они сравниваютъ естественно съ своимъ прежнимъ полуголоднымъ существованіемъ въ деревнѣ — для нихъ и она является уже извѣстнымъ прогрессомъ. Вообще, по своему воспитанію и по своимъ потребностямъ — они консерваторы. Другое дѣло молодежь. Она выросла въ другой обстановкѣ, для нея теперешнее ея положеніе — исходный пунктъ; сравненіе съ деревней не дѣйствуетъ такъ понижающе на уровень потребностей, потому что деревенская жизнь имъ не такъ уже близка и понятна, какъ старикамъ. Это раздѣленіе на „стариковъ" и молодежь чрезвычайно характерно для здѣшнихъ рабочихъ. Организаціи приходится работать почти исключительно среди послѣдней. Второе условіе, неблагопріятно вліяющее на рабочихъ непрекратившаяся еще связь съ деревней. Здѣшнимъ рабочимъ частенько приходится слышать отъ крестьянъ: „и чего вы бунтуете? если бы намъ такую жизнь—каждый день чай, два раза въ день ситная булка". Для убогой деревни и это кажется раемъ. Понятно, какъ неблагопріятно должны дѣйствовать подобныя обращенія на организованную молодежь, въ ея первыхъ пропагандистскихъ попыткахъ.

Теперь перейдемъ къ изложенію событій.

11 августа забастовалъ стеклянный заводъ Курова (300 чел.) На другой день, внѣ связи съ нимъ, прекратили работу рабочіе Залогинской ткацкой фабрики (1300 чел., изъ нихъ около тысячи женщинъ). На стеклянномъ заводѣ поводъ къ забастовкѣ далъ управляющій своимъ нелѣпо-грубымъ обращеніемъ съ рабочими и своими притѣсненіями. Рабочіе предъявили требованія экономическаго характера, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отпечатанныя комитетомъ въ спеціальномъ листкѣ къ стеклянщикамъ. Уже на другой день состоялась организованная сходка, недалеко отъ завода, на которой присутствовало $^2/_3$ состава рабочихъ завода и выступалъ нашъ ораторъ. Затѣмъ сходки происходили ежедневно, вплоть до окончанія забастовки 18 августа. Первая рѣчь оратора носила экономическій характеръ, а далѣе ораторъ перешелъ къ изложенію связи между экономической и политической борьбой; затѣмъ слушатели были ознакомлены съ основными задачами и цѣлями пролетарской борьбы, съ ролью с.-д. и т. п.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ стачка Залогинской ткацкой фабрики. Она тянулась ровно три недѣли (съ 12 августа по 3 сентября) и несмотря на крайне низкій уровень рабочихъ, носила всѣ признаки организованности. Несмотря на ничтожное число организованныхъ на фабрикѣ, наша организація проявила себя очень энергично, и во все время стачка не выпускала изъ своихъ рукъ руководства движеніемъ. Поводомъ къ стачкѣ послужило слѣдующее: 10-го рабочіе узнали, что на фабрику пріѣхалъ хозяинъ. Такъ какъ условія работы на этой фабрикѣ одни изъ наихудшихъ въ Твери, то рабочіе рѣшили воспользоваться присутствіемъ хозяина, чтобы предъявить ему рядъ требованій объ улучшеніи условій работы на фабрикѣ. Хозяинъ отнесся къ рабочимъ свысока: онъ ихъ началъ стыдить, что они поютъ съ чужого голоса, въ заключеніе назвалъ баранами, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ вы не понимаете, что мнѣ выгоднѣе закрыть фабрику, чѣмъ измѣнять теперь условія", очевидно намекая этимъ на то, что конкурренція съ крупными фабриками для него возможна лишь путемъ большей, сравнительно съ тѣми, эксплуатаціи своихъ рабочихъ. Рабочіе не удовлетворились такой своеобразной, чисто фабрикантской логикой и были очень оскорблены обращеніемъ съ ними, какъ съ какими то неразумными дѣтьми. Въ тотъ же день (11 августа) наши организованные собрали небольшую сходку (30 чел.), на которой было рѣшено на другой день бросать работы и предложить остальнымъ рабочимъ начать забастовку. На другой день, утромъ работы дѣйствительно были прекращены; на дворѣ фабрики былъ устроенъ открытый митингъ, въ которомъ приняло участіе не менѣе 800 человѣкъ; выступалъ нашъ ораторъ. Немедленно комитетомъ были выпущены листки съ требованіями къ стеклянщикамъ и къ Залогинскимъ рабочимъ, а также краткій призывъ къ остальнымъ фабрикамъ и заводамъ — приступить ко всеобщей забастовкѣ.

Въ субботу 13 августа вѣсть объ этихъ двухъ забастовкахъ разнеслась по другимъ фабрикамъ и заводамъ. На Морозовской фабрикѣ (1200 чел.), воспользовавшись создавшимся такимъ путемъ нѣкоторымъ выжидательнымъ настроеніемъ, организованные ткачи утромъ прекратили работы въ своемъ отдѣленіи, а затѣмъ остановили и другія отдѣленія Морозовской фабрики, прядильное и ситцевое. Для того, чтобы прекратить работы всей этой громадной массы не понадобилось большихъ усилій— молодежь явно сочувствовала мысли о забастовкѣ — старики на первыхъ порахъ не оказывали сопротивленія изъ боязни рѣшительныхъ дѣйствій со стороны молодежи. На дворѣ фабрики немедленно былъ устроенъ громадный митингъ (рѣчь слушало не менѣе 3000 человѣкъ), на которомъ выступалъ нашъ ораторъ и какой-то доброволецъ, стоящій внѣ партіи. Къ концу митинга появились солдаты, что придало смѣлости многочисленной здѣсь черной сотнѣ. Послѣдняя, поддерживаемая солдатами перешла къ активнымъ дѣйствіямъ, пустила въ ходъ ломы, даже револьверы и т. п. Вообще черная сотня оказалась отлично вооруженной, въ то время какъ нашимъ организованнымъ приходилось выступать съ голыми руками. При поддержкѣ солдатъ къ концу дня работы были возстановлены. Въ тотъ же день нашими организованными была собрана сходка Морозовскихъ рабочихъ (200 чел.), на которой рѣшено было собраться въ понедѣльникъ 15 августа вечеромъ съ тѣмъ, чтобы выяснить планъ дѣйствій на вторникъ. Комитетъ въ свою очередь рѣшилъ воспользоваться двумя праздниками (воскр. и понед. 14 15 авг.), чтобы ко времени общей сходки, назначенной на вечеръ 15 августа, выработать планъ дѣйствій на вторникъ. Детальная разработка плана была произведена на [illegible] ферійномъ в общемъ организаторскомъ собраніяхъ; та[illegible] вмѣстное обсужденіе, по мнѣнію комитета наиболѣе га[illegible] вало практическую пріемлемость плана. Послѣдній, въ [illegible] чертахъ, заключался въ слѣдующемъ: 1) литературно [illegible] путемъ выпуска общаго листка (планъ этого листка [illegible] его воля... Его не слушаютъ — какъ будутъ выборнаго изъ своихъ президента слушать? Царь на землѣ, какъ богъ на небѣ. Мы хотя никакого помазанія и не признаемъ, потому по старинному вѣруемъ... А только царь отъ бога, иначе быть не можетъ. Онъ за насъ — мы за него.

---

[1] Характерный фактъ: въ Ревелѣ рабочіе устроили политическую забастовку, требуя освобожденія своихъ пропагандистовъ—интеллигентовъ.

— Ну безъ конституціи — все по старому и останется. Министры будутъ по прежнему хозяйничать.

— Это вы ошибаетесь. Мы ужъ по своему сдѣлаемъ. Мы призваны царемъ обсуждать всѣ дѣла. Какъ мы рѣшимъ, такъ ему и объяснимъ. Царь и поступитъ, какъ лучше нужно народу. Вы говорите, государственный Совѣтъ? Умныхъ людей почто не выслушать. Только если они противъ насъ пойдутъ, мы еще разъ свое рѣшеніе положимъ. А царь противъ народа не пойдетъ. Онъ думаетъ, какъ лучше народу сдѣлать; все знаю, какъ отецъ своимъ дѣтямъ. А безъ министровъ нельзя. Нужно, чтобы дѣятельные, умные люди дѣла вели. Только чтобы они были на учетѣ. Изволите говорить, Дума совѣщательная? Намъ это и нужно. По нашему совѣту царь поступать и будетъ. А какъ большинство думаетъ, теперь все равно. Царь за насъ. Для насъ Дума устроена. Будемъ тамъ мы, да крестьяне, которые благочестивые да разумные. А профессоровъ тамъ разныхъ да интеллигентовъ не будетъ. Пускай они двигаютъ науку, а въ наши дѣла имъ мѣшаться нечего. Мы хотимъ порядка и чтобы всѣмъ работать можно было. Рабочимъ дадимъ десятичасовый день, черезъ мѣру человѣкъ работать не долженъ. А что они требуютъ 8 часовъ, — это нѣтъ. Гдѣ такое видано? Что въ 8 часовъ сработаешь?

Крестьянамъ земли мало, говорите? Это вы справедливо. Такъ мы имъ земли дадимъ, которымъ не хватаетъ. По 3, по 4 десятины изъ помѣщичьихъ и государственныхъ земель.

Выкупъ на 50 лѣтъ разсрочимъ, — крестьянамъ не трудно будетъ платить. А ужъ мы порядокъ устроимъ. Вотъ жидовъ тѣхъ чтобы не пикнули. Всего лучше пусть убираются за границу. Да еще какъ ихъ на Кавказѣ. Что на жидовъ похожи революціонеры тоже армяне, имъ тоже спуску не будетъ. Еще бы немножко и ихъ бы перерѣзали вмѣстѣ съ интеллигентами. Вотъ только война окончилась. И скорый миръ...

Онъ немного задумался и быстро прибавилъ:

— А все таки хорошо, что война была. Всѣ прорѣхи въ Россіи увидѣли. Теперь успѣемъ залатать. А что бы, упаси Господи, случилось, кабы войны не было! Втихомолку бы вся Россія распалась. А теперь мы устроимъ."

Москва, 25 сентября. 14 сентября на небольшой типографіи началась забастовка — не заплатили денегъ. Держались до понедѣльника, стали на работу, когда требованія удовлетворили. Въ понедѣльникъ стихійно возникла стачка у Сытина. Вмѣшался въ дѣло Союзъ типографщиковъ, помогъ агитаціи листками; въ среду бастовали типографіи Кушнерева, Яковлева, Левенсона и цѣлый рядъ мелкихъ. Главныя требованія — 8-ми часовой рабочій день, признаніе выборныхъ отъ рабочихъ, участіе въ установленіи внутренняго распорядка и полная отмѣна сверхурочной работы и т. д.

На митингахъ выбирались депутаты по одному на отдѣленіе на крупныхъ, на мелкихъ же по одному на 50—100 человѣкъ. Нѣкоторые депутаты на мелкихъ сейчасъ же арестовывались и выдавались хозяевами полиціи. Стачка все росла, захватила газетныя типографіи, нѣкоторыя, напримѣръ Синодальная, забастовала изъ сочувствія. Движеніе носило сначала чисто экономическій характеръ, рѣчи политическія встрѣчались враждебно, но съ ростомъ стачки и выступленіемъ на улицу настроеніе мѣняется. Началось оно въ четвергъ, когда рабочіе пошли закрывать продолжающія работать типографіи. Вечеромъ прошли маленькія демонстраціи на Тверской и около „Московскихъ Вѣдомостей", гдѣ были поломаны машины. На слѣдующій день былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ. Собраться тамъ не дали, но митингъ все таки состоялся на улицѣ между прудами и Тверскимъ бульваромъ. Ораторъ изъ Союза типографщиковъ подъ краснымъ знаменемъ въ своей рѣчи, обрисовавъ положеніе типографскихъ рабочихъ въ Москвѣ, связалъ его съ общимъ положеніемъ рабочаго класса и закончилъ лозунгомъ о необходимости добиться силой Учредительнаго Собранія на основаніи всеобщей, равной и т. д. подачи голосовъ. Лозунгъ былъ подхваченъ многотысячной толпой. Отсюда толпа двинулась на Тверскую съ пѣніемъ. Толпы рабочихъ собрались на Тверскомъ бульварѣ. Наши ораторы (4 отъ Группы, 2 отъ Комитета) говорили непрерывно съ половины 7-го до 10 часовъ. Соціальдемократическіе лозунги съ восторгомъ подхватывались массой. Около 10 часовъ толпа была разсѣяна драгунами и казаками, пустившими въ ходъ и нагайки, и шашки. Много избитыхъ и израненыхъ. До поздней ночи отдѣльныя группы рабочихъ оставались на ближайшихъ улицахъ, то тамъ, то здѣсь раздавалась рабочая марсельеза.

Въ субботу по улицамъ ходили толпы забастовщиковъ. Въ 3-мъ часу былъ назначенъ митингъ на Патріаршихъ прудахъ, туда никого не пускали. И часть рабочихъ шла по призыву Союза, на Пречистенскій бульваръ. Тамъ состоялось три небольшихъ митинга. Къ вечеру народъ собрался опять у памятника Пушкина. Тамъ по серединѣ бульвара снова раздались рѣчи; кромѣ ораторовъ, посланныхъ отъ Группы, выступало много нашихъ рабочихъ. Съ 8 часовъ началось жестокое избіеніе — рубили на право и на лѣво. Двухъ типографщиковъ изувѣчили и одного студента изрубили шашками и его унесли со слабыми признаками жизни; задавили женщину съ ребенкомъ. Дано было три залпа: два холостыхъ, третій боевыми патронами поверхъ головъ. Тѣмъ не менѣе, отдѣльныя собранія рабочихъ продолжались до поздней ночи. Масса держится стойко и расходится передъ казаками, чтобы сейчасъ опять сойтись. Требуютъ оружія. По мѣрѣ силъ, стараемся удовлетворить этотъ запросъ, но много достать врядъ ли удастся.

Чтобы овладѣть движеніемъ и руководить имъ, Союзъ рѣшилъ дѣйствовать черезъ депутатовъ. Первое собраніе (неполное) состоялось въ пятницу. Рѣшили потребовать черезъ своихъ делегатовъ отъ градоначальника, чтобы имъ было разрѣшено устраивать собранія всѣхъ депутатовъ, собранія по типографіямъ и общее собраніе всѣхъ типографскихъ рабочихъ, причемъ ему ставилось на видъ, что, независимо отъ его разрѣшенія, всѣ эти собранія происходить будутъ. Въ планъ Союза входило обратить депутатскія собранія въ постоянныя и сдѣлать ихъ организаціонными центрами типографскихъ рабочихъ. Большинство депутатовъ организованные рабочіе. Собраніе депутатовъ разрѣшено. Происходитъ оно сейчасъ. Результаты его неизвѣстны. На улицахъ сегодня масса народа. Столкновенія съ казаками учащаются и принимаютъ болѣе острый характеръ. Въ ходъ пускается огнестрѣльное оружіе. Подробности еще неизвѣстны.

Одновременно съ типографщиками забастовали слесаря въ городскомъ Миусскомъ паркѣ электрическаго трамвая. Остальные рабочіе городскихъ предпріятій внимательно и съ сочувствіемъ слѣдятъ за этой забастовкой. Собраніе городскихъ рабочихъ должно было состояться, но не состоялось. Рабочіе требуютъ экстреннаго собранія Думы. Нѣкоторые изъ завѣдующихъ городскими предпріятіями угрожаютъ Думѣ отказомъ отъ службы, если требованія рабочихъ не будутъ исполнены. На одномъ изъ собраній въ паркѣ [illegible] явился въ качествѣ корреспондента „Русскаго Листка", зубатовецъ Сѣтинъ. Товарищъ рабочій въ своей рѣчи обрисовалъ грязную физіономію газеты. Толпа требовала удаленія Сѣтина, которому пришлось сказать въ свое оправданіе, что ему надо же чѣмъ нибудь жить и что онъ пишетъ только голую правду, т. е. о нуждахъ рабочихъ. Достаточно уже знакома рабочимъ зубатовская правда! [illegible] Сѣтинъ допытывался у [illegible] рабочихъ, кто имъ руку водитъ, и [illegible]

Забастовали также табачники. Въ четвергъ послѣ митинга рабочіе Габая созвали собраніе на фабрикѣ, обсудили нужды, выбрали депутатовъ и предъявили черезъ нихъ свои требованія: сокращеніе рабочаго дня и соотвѣтственное повышеніе расцѣнковъ, признаніе депутатовъ и цѣлый рядъ мелкихъ требованій. Хозяинъ согласился часть требованій удовлетворить. Забастовка продолжается. Каждый день происходятъ въ фабрикѣ собранія, гдѣ обсуждаются не только вопросы, касающіеся забастовки, но все современное положеніе Россіи. Выступаютъ члены нашей организаціи, а также и рабочіе изъ массы. Движеніе перекинулось и на фабрику Дукатъ. Тамъ въ субботу состоялось собраніе, были выработаны требованія, выбраны депутаты (большинство работницы). Забастовали. Вечеромъ состоялось общее собраніе депутатовъ обѣихъ фабрикъ. На немъ рѣшили предложить другимъ табачнымъ фабрикамъ послѣдовать ихъ примѣру: устроить собраніе, выбрать депутатовъ, обсудить вопросъ о стачкѣ, чтобы отдѣльныя фабрики не начали работать безъ общаго согласія депутатовъ всѣхъ фабрикъ.

Изъ депутатовъ рѣшено выдѣлить постоянный исполнительный органъ. Настроеніе бодрое, хотя экономическое положеніе стачечниковъ тяжелое.

Вчера забастовали пекаря у Филиппова. Общее настроеніе повышается, но выльется ли оно во всеобщую стачку, трудно еще сказать. На собраніяхъ Группы и нѣкоторыхъ районныхъ центровъ намѣчены слѣдующія дѣйствія: 1) искусственно не подымать рабочихъ; 2) дѣйствовать митингами, призывая всѣхъ рабочихъ обсуждать, какъ имъ откликнуться на происходящія въ Москвѣ событія; 3) предложить выбирать депутатовъ и связать депутатовъ между собой; 4) ко всеобщей стачкѣ не призывать до тѣхъ поръ, пока движеніе не захватитъ механическіе заводы, которые здѣсь, какъ вездѣ, являются наиболѣе вліятельными; 5) вступить въ соглашеніе съ большевиками.

Можно отмѣтить, что въ Москворѣцкомъ районѣ на механическомъ заводѣ Бромлея въ числѣ выработанныхъ требованій къ готовящейся стачкѣ выставлено самыми рабочими требованіе предоставить помѣщеніе внутри завода для собраній рабочихъ разъ въ недѣлю. Аналогичное требованіе выдвинуто и табачниками.

Рига, 17 **сентября**. Переживаемъ очень тревожное время. Со дня на день ожидаемъ объявленія города на военномъ положеніи. Дня не проходитъ, чтобы не было зарегистрировано убійства городового или казака. За одинъ мѣсяцъ убито до 50 городовыхъ — это, кромѣ другихъ полицейскихъ чиновъ. Каждый день въ различныхъ кварталахъ города происходятъ пожары. Горятъ дома богатыхъ домовладѣльцевъ. Обыкновенно поджоги происходятъ днемъ, такъ какъ съ вечера всѣ ворота и двери закрываются. Порою одновременно городъ горитъ въ различныхъ концахъ. Этимъ безработные мстятъ за то, что послѣдніе стачки ихъ тысячами выбросили на улицу, обрекая массовыми расчетами на голодъ и нищету. — На улицахъ ходятъ патрули солдатъ и разъѣзжаютъ казаки. Начиная съ 8 часовъ вечера казаки и городовые останавливаютъ *каждаго*, требуя вида на жительство, обыскивая карманы. Въ участкахъ и на улицахъ, при нахожденіи револьвера, ножа бьютъ до полусмерти. Говорятъ, въ участкахъ даже *пытаютъ* тѣхъ, у кого находятъ при обыскѣ литературу, оружіе. Съ 7—8 час. вечера всѣ ворота и двери заперты. На нѣкоторыхъ улицахъ, какъ по Динабургской, Московской останавливаютъ даже извозчиковъ и обыскиваютъ пассажировъ. — Словомъ, и безъ объявленія городъ находится на военномъ положеніи. При мнѣ произошелъ такой случай. Я шла по рабочему кварталу на Ревельскую ул. въ 7 час. вечера. Какой-то рабочій поравнялся съ казакомъ, который его остановилъ и хотѣлъ обыскать. Рабочій совершенно спокойно сунулъ руку въ карманъ, вынулъ револьверъ и убилъ казака на повалъ и самъ скрылся. То же самое происходитъ почти каждую ночь, каждый вечеръ въ различныхъ рабочихъ кварталахъ. Злобой и местью горятъ сердца рабочихъ. Придешь-ли на кружокъ, или на собраніе, разговоръ начинается и кончается вопросомъ объ оружіи.

— Вслѣдствіе безработицы, массовыхъ расчетовъ, голода и нищеты настроеніе у рабочихъ озлобленное и подавленное. На Балтійскомъ заводѣ 3600 раб. расчитаны, а заводъ закрытъ. Рабочіе пошли бы на все: пусть будутъ старыя условія, старыя расцѣнки, но дирекція не торопится открывать заводъ, такъ какъ не имѣетъ заказовъ, и набираетъ новый штабъ рабочихъ, причемъ ставитъ въ условіе, чтобы они были не моложе 25 лѣтъ и не старше 40. Словомъ, выбираетъ точно скотъ, чтобы они были смирны и выносливы. Тяжело смотрѣть на голодающія семьи рабочихъ.

Всѣ просятъ оружія, револьверомъ интересуются больше, чѣмъ нелегальной книжкой. Условія работы здѣсь сложны: массовое движеніе здѣсь главнымъ образомъ среди латышей и эстонцевъ. Приходится вести работу на трехъ языкахъ, ставить нѣсколько типографій, издавать латышскую и эстонскую литературу, кромѣ того вести борьбу съ федералистами. Среди рабочихъ латышей и эстонцевъ замѣчается большое стремленіе перейти къ Рос. Парт. На дняхъ отъ Лат. Парт. откололся цѣлый районъ „Красный Линъ" и около 300 организованныхъ рабочихъ, находящихся въ кружкахъ (у нихъ кружокъ организаціонная ячейка), во главѣ съ центромъ, состоящимъ изъ представителей трехъ кружковъ, примкнулъ къ Группѣ. Предварительно были съ центромъ дискуссіи по вопросу о федераціи, о строительствѣ партіи. На дискуссіяхъ участвовали и федералы съ латышской партіи, которые тѣмъ не менѣе рабочихъ убѣдить не могли въ правотѣ федеративнаго принципа.

Организація наша расширяется, кругъ нашего вліянія могъ бы быть еще большій, еслибы не трудности работы: массовый переходъ къ намъ рабочихъ изъ латышской партіи и не только изъ партіи, а вообще рабочихъ латышей опережаетъ переходъ партійныхъ работниковъ — латышей. Въ виду этого группа не можетъ использовать всѣ связи, обслуживать, какъ слѣдуетъ, растущую организацію. Но литературой, людьми, листками группа регулярно обслуживаетъ города: Ревель, преимущественно пролетаріатъ эстонскій, — элементъ политически зрѣлый,[*] хотя движеніе соціальдемократическое среди рабочихъ эстонцевъ очень недавняго происхожденія; Юрьевъ (главнымъ образомъ крестьянское движеніе — эстонцы); Митава (тамъ сильная организація среди солдатъ) и близъ лежащія деревни, гдѣ движеніе чисто пролетарское, такъ какъ въ виду земельныхъ отношеній, тамъ большая часть крестьянъ — батраки, или мелкіе арендаторы.

Возвращаясь къ нашей работѣ въ Ригѣ, я должна еще отмѣтить замѣчающееся у насъ, какъ впрочемъ теперь вездѣ въ Россіи, стремленіе рабочихъ выйдти изъ узкихъ рамокъ подпольной организаціи, и рабочихъ дѣйствительно легче теперь вызвать на улицу, чѣмъ привлечь въ кружокъ. Устарѣли старыя формы, организація не можетъ охватывать растущее движеніе. [illegible], дѣло не столько въ формахъ, сколько въ содержаніи работы, и послѣднее вполнѣ подтверждается массовымъ переходомъ рабочихъ изъ Латышской Партіи къ намъ. Латышская Партія, не смотря на то, что по составу она большей частью рабочая, [illegible] ультрацентрализмомъ [illegible], но дѣло не только въ этомъ, а въ томъ, что она не стремится стать политической партіей и въ этомъ [illegible] вожди Лат. Парт. играютъ реакціонную роль. Они не знакомятъ ни въ своихъ листкахъ, ни въ своемъ органѣ съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи, уклоняются отъ участія въ политической жизни Россіи и [illegible] практической политики, [illegible]. Прибавлю къ [illegible] Латышской организаціи. Уже и это имъ [illegible] Латышской [illegible] ни формой ихъ [illegible] не соотвѣтствуетъ [illegible] движенія, ни содержаніемъ работы, и переходятъ къ намъ.

Я не знаю, какое мнѣніе вождей Латышской Партіи на тактику по отношенію къ Государственной Думѣ, но знаю, что рабочіе-латыши, съ которыми приходилось говорить, на кружкахъ и сходкахъ, гдѣ приходилось проводить тактику, рекомендуемую Искрой, встрѣчаютъ вездѣ этотъ планъ съ большимъ интересомъ и оживленіемъ. Между прочимъ, въ Прибалтійскомъ краѣ эту тактику можно провести съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ виду политической зрѣлости пролетаріата, въ виду того, что на каждомъ заводѣ здѣсь имѣется своя выборная делегація, а также возможности устроить митинги на заводахъ и большія собранія. Не касаясь политическаго и революціоннаго значенія этого плана, которое огромно, мнѣ кажется, что ему можетъ быть придано и большое организаціонное значеніе, такъ какъ выборные революціонные рабочіе комитеты, быть можетъ превратятся впослѣдствіи въ тѣ организаціонныя ячейки, изъ которыхъ сложится дѣйствительная партія.

Тверь. События въ Твери 11—20 августа, изложенію которыхъ посвящена нижеслѣдующая корреспонденція — очень поучительна. Они наглядно показываютъ, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя еще не охвачены революціоннымъ броженіемъ, массы представляютъ собой порохъ, дожидающійся своей искры, чтобы мгновенно воспламениться, и только съ помощью грубой военной силы правительство можетъ держать ихъ въ повиновеніи. Правда, рабочія массы находятся здѣсь еще на низшей ступени культурнаго уровня — полурабочіе, полукрестьяне; они еще мирятся съ самой разнузданной эксплуатаціей на фабрикахъ, съ жизнью въ хозяйскихъ казармахъ внѣ работы, съ картошкой и селедкой — въ качествѣ обѣда. Товарищамъ, работающимъ здѣсь, не даромъ приходится частенько задумываться надъ тѣмъ „проклятымъ отсутствіемъ потребностей", которое у нѣмецкихъ рабочихъ Лассаль констатировалъ почти полвѣка тому назадъ. По уровню своего развитія, высотѣ умственныхъ запросовъ здѣшніе рабочіе рѣзко раздѣляются на два лагеря — старики и молодые. Первые еще не забыли деревенскаго житья. Свою теперешнюю жизнь они сравниваютъ естественно съ своимъ прежнимъ полуголоднымъ существованіемъ въ деревнѣ — для нихъ и она является уже извѣстнымъ прогрессомъ. Вообще, по своему воспитанію и по своимъ потребностямъ — они консерваторы. Другое дѣло молодежь. Она выросла въ другой обстановкѣ, для нея теперешнее ея положеніе — исходный пунктъ; сравненіе съ деревней не дѣйствуетъ такъ понижающе на уровень потребностей, потому что деревенская жизнь имъ не такъ уже близка и понятна, какъ старикамъ. Это раздѣленіе на „стариковъ" и молодежь чрезвычайно характерно для здѣшнихъ рабочихъ. Организаціи приходится работать почти исключительно среди послѣдней. Второе условіе, неблагопріятно вліяющее на рабочихъ: непрекратившаяся еще связь съ деревней. Здѣшнимъ рабочимъ частенько приходится слышать отъ крестьянъ: „и чего вы бунтуете? если бы намъ такую жизнь — каждый день чай, два раза въ день ситная булка". Для убогой деревни и это кажется раемъ. Понятно, какъ неблагопріятно должны дѣйствовать подобныя обращенія на организованную молодежь, въ ея первыхъ пропагандистскихъ попыткахъ.

Теперь перейдемъ къ изложенію событій.

11 августа забастовалъ стеклянный заводъ Курова (300 чел.) На другой день, внѣ связи съ нимъ, прекратили работу рабочіе Залогинской ткацкой фабрики (1300 чел., изъ нихъ около тысячи женщинъ). На стеклянномъ заводѣ поводъ къ забастовкѣ далъ управляющій своимъ нелѣпо грубымъ обращеніемъ съ рабочими и своими притѣсненіями. Рабочіе предъявили требованія экономическаго характера, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отпечатанныя комитетомъ въ спеціальномъ листкѣ къ стеклянщикамъ. Уже на другой день состоялась организованная сходка, недалеко отъ завода, на которой присутствовало ⅔ состава рабочихъ завода и выступилъ нашъ ораторъ. Затѣмъ сходки происходили ежедневно, вплоть до окончанія забастовки 18 августа. Первая рѣчь оратора носила экономическій характеръ, а далѣе ораторъ перешелъ къ изложенію связи между экономической и политической борьбой; затѣмъ слушатели были ознакомлены съ основными задачами и цѣлями пролетарской борьбы, съ ролью с.-д. и т. п.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ стачка Залогинской ткацкой фабрики. Она тянулась ровно три недѣли (съ 12 августа до 3 сентября) и, несмотря на крайне низкій уровень рабочихъ, носила всѣ признаки организованности. Несмотря на ничтожное число организованныхъ на фабрикѣ, наша организація проявила себя очень энергично, и во все время стачка не выпускала изъ своихъ рукъ руководства движеніемъ. Поводомъ къ стачкѣ послужило слѣдующее: 10-го рабочіе узнали, что на фабрику пріѣхалъ хозяинъ. Такъ какъ условія работы на этой фабрикѣ одни изъ наихудшихъ въ Твери, то рабочіе рѣшили воспользоваться присутствіемъ хозяина, чтобы предъявить ему рядъ требованій объ улучшеніи условій работы на фабрикѣ. Хозяинъ отнесся къ рабочимъ свысока: онъ ихъ началъ стыдить, что они поютъ съ чужого голоса, въ заключеніе назвалъ баранами, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ вы не понимаете, что мнѣ выгоднѣе закрыть фабрику, чѣмъ измѣнить теперь условія", очевидно намекая этимъ на то, что конкурренція съ крупными фабриками для него возможна лишь путемъ большей, сравнительно съ тѣми, эксплуатаціи своихъ рабочихъ. Рабочіе не удовлетворились такой своеобразной, чисто фабрикантской логикой и были очень оскорблены обращеніемъ съ ними, какъ съ какими то неразумными дѣтьми. Въ тотъ же день (11 августа) наши организованные собрали небольшую сходку (30 чел.), на которой было рѣшено на другой день бросать работы и предложить остальнымъ рабочимъ начать забастовку. На другой день, утромъ работы дѣйствительно были прекращены; на дворѣ фабрики былъ устроенъ открытый митингъ, въ которомъ приняло участіе не менѣе 800 человѣкъ; выступилъ нашъ ораторъ. Немедленно комитетомъ были выпущены листки съ требованіями къ стеклянщикамъ и къ Залогинскимъ рабочимъ, а также краткій призывъ къ остальнымъ фабрикамъ и заводамъ — приступить ко всеобщей забастовкѣ.

Въ субботу 13 августа вѣсть объ этихъ двухъ забастовкахъ разнеслась по другимъ фабрикамъ и заводамъ. На Морозовской фабрикѣ (11200 чел.), воспользовавшись создавшимся такимъ путемъ нѣкоторымъ выжидательнымъ настроеніемъ, организованные ткачи утромъ прекратили работы въ своемъ отдѣленіи, а затѣмъ остановили и другія отдѣленія Морозовской фабрики, прядильное и ситцевое. Для того, чтобы прекратить работы всей этой громадной массы не понадобилось большихъ усилій — молодежь живо почувствовала мысли о забастовкѣ — старики на первыхъ порахъ не оказывали сопротивленія изъ боязни рѣшительныхъ дѣйствій со стороны молодежи. На дворѣ фабрики немедленно былъ устроенъ громадный митингъ (рѣчь слушало не менѣе 3000 человѣкъ), на которомъ выступилъ нашъ ораторъ и какой-то доброволецъ, стоящій внѣ партіи. Къ концу митинга появились солдаты, что придало смѣлости многочисленной здѣсь черной сотнѣ. Послѣдняя, поддерживаемая солдатами перешла къ активнымъ дѣйствіямъ, пустила въ ходъ ножи, даже револьверы и т. п. Вообще черная сотня оказалась отлично вооруженной, въ то время какъ нашимъ организованнымъ приходилось выступать съ голыми руками. При поддержкѣ солдатъ къ концу дня работы были возстановлены. Въ тотъ же день нашими организованными была собрана сходка Морозовскихъ рабочихъ (200 чел.), на которой рѣшено было собраться въ понедѣльникъ 15 августа вечеромъ съ тѣмъ, чтобы выяснить планъ дѣйствій на вторникъ. Комитетъ въ свою очередь рѣшилъ воспользоваться двумя праздниками (воскр. и понед. 14-15 авг.), чтобы ко времени общей сходки, на[...]ной на вечеръ 15 августа выработать планъ дѣйствій и [...]никъ. Детальная разработка плана была произведена на [...] фабричномъ и общемъ организаціонномъ собраніяхъ; [...] окончательное обсужденіе, по мнѣнію комитета наиболѣе [...] имѣло практическую пріемлемость плана. Послѣдній, въ [...] чертахъ, заключался въ слѣдующемъ: 1) литературная [...] путемъ выпуска общаго листка (планъ этого листка ботанъ на собраніи периферіи, листокъ выпущенъ типографскимъ способомъ 17 августа въ количествѣ $3^{1}/_{2}$ тысячъ экз.). 2) агитація посредствомъ устройства возможно большаго числа сходокъ, открытыхъ митинговъ и т. п.; 3) практическое выступленіе: объявленіе забастовки во вторникъ, до начала работъ было отвергнуто, такъ какъ при этомъ пришлось бы бороться съ солдатами и съ черной сотней; было рѣшено попытаться прекратить работы уже послѣ начала ихъ, внутри зданія; иниціативу прекращенія работъ взяли на себя организованные одного изъ отдѣленій Морозовской фабрики, гдѣ и черная сотня была малочисленна и силы организаціи достаточно велики. Параллельно съ этимъ предполагали прекратить работы такимъ же путемъ и на французскомъ вагоностроительномъ заводѣ (3000 ч.); забастовавшія отдѣленія должны были направиться въ другія мастерскія и такимъ путемъ остановить работы цѣликомъ. Если бы планъ удался, предполагали направиться на Каулинскую фабрику (свыше 5000 чел.) и съ помощью бастовавшихъ стекольщиковъ и организованныхъ Морозовскихъ рабочихъ прекратить работы и тамъ. Рѣшено было плана этого на сходкѣ не говорить, а держать его въ тѣсномъ кругу организованныхъ рабочихъ.

---

[*] Характерный фактъ: въ Ревелѣ рабочіе устроили политическую забастовку, требуя освобожденія своихъ пропагандистовъ — интеллигентовъ.

Въ понедѣльникъ вечеромъ состоялась общая сходка (болѣе 500 человѣкъ), на ней рабочимъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ были розданы отпечатанные комитетомъ листки со специальными требованіями. Во вторникъ все пошло, какъ по писанному: на Морозовской фабрикѣ утромъ прекратило работы намѣченное заранѣе прядильное отдѣленіе (чтобы остановить работы понадобилось не болѣе 15-20 чел.), но затѣмъ на фабрикѣ появились солдаты, которые были введены не только во дворъ, но и внутрь фабрики; французскій заводъ оказался оккупированъ казаками; всюду въ окрестностяхъ были разставлены казацкіе и драгунскіе патрули; работы были такимъ образомъ возстановлены и впродолженіе почти 2-хъ недѣль происходили подъ угрозой солдатскихъ штыковъ и казацкихъ нагаекъ. Такимъ образомъ всеобщая забастовка не удалась исключительно благодаря вмѣшательству военной силы. Но уже одинъ фактъ такой яркой иллюстраціи предъ рабочими связи между „экономикой“ и „политикой“, Тверской комитетъ вправѣ считать шагомъ впередъ въ дѣлѣ борьбы съ правительствомъ. Всѣ вышеописанныя событія наглядно показали, какъ много въ такихъ случаяхъ, при наличности извѣстнаго настроенія въ массахъ, можетъ сдѣлать и очень небогатая силами организація, при условіи правильнаго пониманія своихъ задачъ. При полномъ отсутствіи организованности въ массахъ задачи соціальдемократической организаціи, существующей, какъ нѣкій оазисъ въ пустынѣ дезорганизаціи, разъединенія и крайняго взаимнаго недовѣрія, заключаются именно въ томъ, чтобы замѣнить массамъ недостающую имъ организованность и, путемъ взятія въ свои руки иниціативы рѣшительныхъ дѣйствій — заставить проявиться скрытое настроеніе массъ. Такимъ образомъ силы наши не только въ числѣ организованныхъ товарищей, но, и это въ теперешній моментъ, пожалуй, главное — въ прочной сорганизованности насъ самихъ, въ вѣрномъ пониманіи интересовъ рабочаго класса. Если мы будемъ способны въ нужную минуту явиться сорганизованной, компактной кучкой въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ — достаточно дать надлежащій толчокъ — и, какъ это показали описанныя выше событія, массы пойдутъ за нами. Фактъ столь легкаго прекращенія работъ на фабрикѣ, гдѣ въ обычное время, такъ многочисленна черная сотня и такъ пассивны и мало вліятельны большинство нашихъ организованныхъ товарищей — намъ кажется, говоритъ самъ за себя[1].

Участіе нашей организаціи во всѣхъ этихъ событіяхъ, помимо взятія на себя иниціативы всеобщей забастовки, заключалось въ руководствѣ забастовавшими стекольщиками и Залогинскими ткачами. Что касается стекольщиковъ, то на нашихъ сходкахъ перебывалъ почти весь ихъ заводъ, и въ рѣдкій день, когда не устраивалась сходка, толпы ихъ ходили около обычнаго мѣста нашихъ собраній и искали „оратора“. Самое прекращеніе забастовки произошло отчасти благодаря несостоявшейся сходкѣ: нашъ ораторъ не нашелъ товарища, который долженъ былъ провести его на сходку, а какъ разъ въ это время хозяйка завода предложила нѣкоторыя ничтожныя уступки; часть согласилась; мало по малу къ ней примкнули и остальные; по отзыву нѣкоторыхъ, постороннихъ организаціи, рабочихъ: „будь вы въ эту минуту съ нами — у насъ не вышло бы такой пакости“. Что касается Залогинскихъ товарищей, то для нихъ постоянно устраивались специальныя сходки, было организовано 2 митинга (800 и 600 чел.), организованъ сборъ денегъ на фабрикахъ и заводахъ въ ихъ пользу (всего собрано около 85 р.); въ первый же день забастовки выступилъ нашъ ораторъ и были отпечатаны требованія. Въ теченіе 3 недѣль на фабрикѣ не было ни одного случая штрейкбрехерства и всѣ забастовщики (300 мужч. и 1200 женщинъ) упорно отказывались взять разсчетъ, такъ что конторѣ пришлось разсылать паспорта по волостямъ. Вообще эта стачка свидѣтельствуетъ, какъ легко и самые низшіе, по культурному уровню слои рабочихъ устраиваютъ высшія, культурныя формы борьбы. Закончилась забастовка уже послѣ того, какъ контора разослала паспорта по волостямъ и тѣмъ внесла въ среду рабочихъ дезорганизацію. Хозяинъ, впрочемъ, принужденъ былъ удовлетворить нѣкоторыя, хотя и незначительныя, требованія рабочихъ: окончаніе работъ по субботамъ въ 5 ч. (вмѣсто 10), перестройка фабричныхъ казармъ и прибавка заработной платы (прибавлено только 4-7 проц.). Впрочемъ, фабричное начальство, чувствуетъ себя побѣдителями; не принято обратно на фабрику свыше 300 чел. и демонстративно заставляютъ рабочихъ работать на 3 станкахъ — даже женщинъ (одно изъ главныхъ требованій рабочихъ — не заставлять работать на трехъ станкахъ, такъ какъ такая работа непосильна и для самыхъ здоровыхъ мужчинъ).

Въ общемъ всѣ эти событія несомнѣнно очень популяризировали нашу организацію въ массахъ, а также малость пріучили рабочихъ къ политикѣ. Что касается Залогинцевъ, то есть основаніе предполагать, что, по крайней мѣрѣ, часть ихъ приступила къ работамъ въ надеждѣ отдышаться и затѣмъ вновь приняться за работу.

Тверь, 17 августа. На другой день послѣ того, какъ фабричному начальству при помощи военной силы удалось „локализировать“ забастовку — директоръ ткацкой и прядильной фабрики Морозова попытался закрѣпить „побѣду“. По его приказанію, въ секретной (такое характерное названіе носитъ на этой фабрикѣ кабинетъ директора) были собраны „старики“ — по два отъ каждаго комплекта. Къ этимъ „депутатамъ“ директоръ обратился съ надлежащимъ „спичемъ“, приблизительно въ такомъ духѣ вотъ молодежь не даетъ работать, пытается сканителить фабрику. Я знаю, что вы то противъ этого: а сами посудите, вамъ отъ этого одни только непріятности; вотъ теперь, развѣ пріятно работать подъ солдатскимъ штыкомъ. Результатъ былъ для почтеннаго демагога совершенно неожиданный: старики внезапно возмутились; а кто развѣ говоритъ, что пріятно, мы что ли ихъ сюда нагнали, а да ну, что съ нимъ разговаривать, ну тутъ его къ чорту!“ Махнули рукой и разошлись. Этотъ эпизодъ оказался совершенно неожиданнымъ и для организаціи: до сихъ поръ старики были совершенно недоступны какой либо пропагандѣ и очень враждебно относились къ организованной молодежи: „политиканы“, „канительщики“ — здѣсь ругательныя слова. Кстати пріемъ „депутаціи“ происходилъ въ присутствіи фабричнаго инспектора, поведеніе этого господина чрезвычайно характерно, онъ, между прочимъ, предложилъ рабочимъ назвать главныхъ смутьяновъ, причемъ сообразилъ, что сводку „данныхъ“ [illegible] лучше поручить подмастерьямъ. Но мысль отдать такимъ [illegible] судьбу рабочихъ въ руки подмастерьевъ — привела [illegible] въ большое негодованіе. Затѣмъ, благодаря намекамъ инспектора и недвусмысленнымъ заявленіемъ мастеровъ (особенно въ ситцевомъ отдѣленіи) по фабрикѣ разнеслись упорные слухи о томъ, что по окончаніи срока найма — 31 августа (здѣсь съ 32 дневный) администрація намѣрена произвести массовый расчетъ рабочимъ, съ цѣлью изгнать съ фабрики сознательные элементы. Нашими организованными была устроена сходка (25 чел.) на которой рѣшено — убѣдить рабочихъ итти къ директору съ требованіемъ не расчитывать никого, угрожая ему въ противномъ случаѣ безпорядками. Ходили отдѣльно ткачи (чел. 150) и прядильщики (чел. 200). Вели себя очень угрожающе. Директоръ отвѣчалъ очень уклончиво: я то не думаю, а если полиція потребуетъ — придется расчитывать. Изъ толпы раздались угрозы, крики: смотри расчитывать будешь — и тебя и секретной со свѣта сживемъ и т. д. На одинъ уклончивый отвѣтъ директора кто то изъ рабочихъ между прочимъ закричалъ на него: „да кто тутъ у васъ знаетъ то — сторожъ — что ли, и такъ позови сторожа, мы съ нимъ поговоримъ“

Комитетомъ къ 31 августа были заготовлены, на всякій случай, листки съ приглашеніемъ не брать расчета, если онъ будетъ обязательнымъ и заступиться за расчитанныхъ, если будутъ расчитывать отдѣльныхъ рабочихъ. Много шансовъ говоритъ за то, что расчетъ не состоялся (а можетъ быть и отложенъ), благодаря кампаніи нашихъ организовнныхъ. Всѣ эти событія несомнѣнно подняли интересъ массы къ пропагандѣ, а поведеніе властей значительно облегчило ее. Наблюдаются случаи открытаго чтенія листковъ на фабрикѣ (прежде рабочіе не рѣшились читать листки открыто) начинаетъ прислушиваться къ волнующимъ молодежь вопросамъ и старики. Недостатокъ опытныхъ агитаторовъ и низкій уровень организаторовъ (они вполнѣ соотвѣтствуютъ массѣ), значительно мѣшаетъ однако расширенію сферы нашего организаціоннаго вліянія.

Сормово. 9 сентября 1905г. Вотъ уже два мѣсяца, какъ здѣсь образовалась самостоятельная группа меньшинства. На ея образованіе повліяли главнымъ образомъ два обстоятельства: давнишнее желаніе мѣстныхъ работниковъ, отдѣлиться отъ Нижняго, вызванное недовольствомъ работой комитета, часто не поспѣвавшаго во время и давленіе Комитета на меньшевиковъ, недаваніе имъ работы и т. п. Поводомъ къ окончательному отдѣленію части работниковъ отъ Ком. явилось его заявленіе въ концѣ іюня о томъ, что всякій, желающій работать въ его организаціяхъ, долженъ признать III съѣздъ и его уставъ. Вначалѣ Группа отдѣлилась лишь на началахъ автономіи, но вскорѣ на ея собраніи въ 57 человѣкъ былъ принятъ уставъ конференціи и группа примкнула къ меньшинству. Образованіе группы совпало съ чреватымъ событіями періодомъ 9—15 іюля. Событія эти уже извѣстны, отмѣчу лишь громадную демонстрацію, которая произошла на похоронахъ двухъ товарищей, убитыхъ въ схваткѣ съ черной сотней въ Нижнемъ 11 іюля. Печальная процессія двигалась отъ самаго Канавина. Въ Сормовѣ выкинули траурный флагъ. На кладбищѣ собралось около 15000 человѣкъ. Рѣчь произнесъ товарищъ меньшевикъ; (убитые были изъ большинства, но Комитетъ не прислалъ своихъ ораторовъ). Рѣчь произвела громадное впечатлѣніе, многіе рыдали. Вообще наши ораторы пользовались здѣсь громадной популярностью и вліяніемъ. Полиція и казаки, которыхъ сюда нагнали достаточно, не вмѣшивались. Съ 1 августа заводъ на мѣсяцъ былъ закрытъ. Это обстоятельство довольно сильно затормозило работу. Высказывались нареканія на „демократовъ“, „политиковъ“, изъ-за которыхъ де прикрыли заводъ. Полиція пыталась даже устроить погромъ — организовывала черную сотню, но эта затѣя ей не удалась. Но всетаки она использовала закрытіе заводовъ много товарищей разъѣхалось, силы организаціи были ослаблены; благодаря всему этому, собранія наши стали малочисленны и ихъ начали разгонять, а участвующихъ переписывать. Затѣмъ начали усиленно разыскивать прямо на улицѣ и отбирать оружіе. Все это сильно понизило настроеніе и собранія пришлось прекратить. Теперь, съ открытіемъ завода, понемногу выправляемся снова. Начались массовки, хотя уже не открытыя и не большія, бываетъ человѣкъ до 100. Обсуждался вопросъ о Государственной Думѣ, говорили какъ меньшевики, такъ и большевики. Вообще, массовки стараемся устраивать совмѣстно. Теперь о самой нашей организаціи. Вся она построена на выборномъ началѣ. На общемъ собраніи членовъ группы были избраны двухстепенными выборами члены районныхъ комитетовъ и центральной группы. Точно также они и пополняются. Такимъ образомъ, весь руководящій коллективъ выбранъ и состоитъ почти изъ рабочихъ. На первыхъ порахъ работа шла не совсѣмъ удачно, но теперь дѣло налаживается и можно думать, что существованіе группы обезпечено. Большевики (сормовскіе) относились сначала очень скептически къ нашей самостоятельной организаціи, говорили, что изъ этой затѣи ничего не выйдетъ, но теперь убѣдились въ противномъ и берутъ съ группы примѣръ. Наше отношеніе послужило имъ поводомъ добиться у Комитета почти полной самостоятельности, ввести выборное начало и т. д.

Благодаря этому, можно надѣяться, что здѣсь сліяніе большинства и меньшинства можетъ быть сравнительно легко достигнуто.

Изъ деревни Витебской губерніи. Наша организація существуетъ уже два года, но работа планомѣрная ведется не больше года и теперь съ каждымъ днемъ расширяется все больше. Въ самомъ мѣстечкѣ почти вся еврейская и крестьянская молодежь сьорганизована. (90 человѣкъ) ведутся три кружка, выдѣлена боевая дружина. Смоленскій комитетъ, доставляющій намъ литературу, время отъ времени присылаетъ своихъ ораторовъ слушать которыхъ собирается больше 150 человѣкъ. Каждый разъ на массовки собираются крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, иногда за 5-8 верстъ. Крестьяне жадно читаютъ литературу, разносятъ по деревнямъ брошюры и прокламаціи и читаютъ ихъ всей деревни. Организованныхъ крестьянъ сейчасъ около 60 человѣкъ.

9 іюля, въ память событія 9 января была устроена манифестація. Большая толпа женщинъ, стариковъ и дѣтей шла за ядромъ изъ сознательныхъ рабочихъ и крестьянъ, которые пѣли; „Вы жертвою пали“ и др. революціонныя пѣсни.. Эта манифестація произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе по всей округѣ и заставила говорить о соціальдемократіи съ уваженіемъ и удивленіемъ. Тогда какъ раньше слово „соціалистъ“ наводило суевѣрный страхъ и прослыть „соціалистомъ“ — ничего не могло быть хуже, теперь эти слова звучатъ гордо и соціальдемократами сдѣлалась вся молодежь, а среди крестьянъ даже старики.

Къ манифестаціи не остался равнодушенъ и нашъ урядникъ арестовалъ одного изъ демонстрантовъ, котораго повелъ къ допросу на квартиру. Вѣсть объ арестѣ мигомъ облетѣла мѣстечко. Собрались рабочіе и крестьяне и рѣшили освободить арестованнаго. Не прошло и четверти часа, какъ квартира урядника была разгромлена, двери и окна повыбиты и узникъ освобожденъ. Черезъ нѣкоторое время къ намъ прискакали исправникъ, приставъ и 40 человѣкъ солдатъ изъ Витебска. Начались обыски, которые не привели ни къ чему, а только обнаружили полное невѣжество „хулигановъ — въ мундирахъ“ Въ одной квартирѣ на царскомъ портретѣ было кѣмъ-то написано словъ: „Бюловъ“.. Два дня допрашивалъ исправникъ, чье это имя и когда, наконецъ, офицеръ разъяснилъ этому олуху, что это имя германскаго канцлера, а не заговорщика, онъ успокоился и уѣхалъ ни съ чѣмъ. 28 августа снова прибыли два оратора отъ смоленскаго комитета. Одинъ изъ ораторовъ подробно и популярно раскрылъ всю лживость бумажныхъ конституцій и стремленіе самодержца удержаться на тронѣ, обманувъ Думой народъ. Другой говорилъ одну рѣчь объ экономическомъ и политическомъ угнетеніи народа самодержавіемъ, другую (по просьбѣ крестьянъ) о либералахъ, ихъ пріемахъ борьбы, о партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и о несостоятельности ихъ аграрной программы. Рѣчь о царской Думѣ была какъ нельзя больше кстати, такъ какъ незадолго передъ этимъ пріѣзжалъ ораторъ изъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ и также говорилъ о Думѣ. Онъ сказалъ, что она является первымъ завоеваніемъ пролетаріата и крестьянъ и что, войдя въ нее, мы добьемся еще большихъ результатовъ. Нашъ же ораторъ предлагалъ бойкотировать Думу, бойкотировать царское правительство и выбирать свои крестьянскіе революціонные комитеты взамѣнъ царскихъ властей. Масса сразу поняла различіе точекъ зрѣнія.

Екатеринославская губ. Ростъ рабочаго движенія въ крупныхъ центрахъ отозвался и у насъ въ провинціи (я пишу спеціально о Екатеринославской провинціи). Ширится сфера вліянія соціальдемократіи, растутъ въ ширь и глубь ея организаціи. Подъ вліяніемъ послѣднихъ событій рабочіе проявляютъ повсюду интересъ къ политическимъ вопросамъ. Недостатокъ руководителей и соціальдемократической литературы особенно чувствуются теперь. Прошло безвозвратно то время, когда соціальдемократъ шелъ въ „народъ“, ведя трудную, кропотливую работу завязыванія связей:—теперь народъ самъ идетъ къ соціальдемократіи. Среди крестьянства замѣтно усилился интересъ къ соціальдемократической пропагандѣ и агитаціи. Растутъ наши организаціонныя связи въ деревнѣ, растетъ наше вліяніе на деревенскую массу.

Въ разныхъ уѣздахъ Екатеринославской губерніи насчитывается уже 400-500 организованныхъ крестьянъ. Устраиваются кружки, массовки въ 20-40 человѣкъ; послѣднее время пошли въ ходъ митинги въ 150-200 человѣкъ.

Въ рабочихъ центрахъ нашей провинціи—въ *Каменскомъ (ст. Запорожье)*, въ *Александровскѣ*—существуютъ прочныя рабочія организаціи, вліяющія и на населеніе окрестныхъ деревень.

Въ своей корреспонденціи я ограничусь сообщеніемъ лишь самыхъ общихъ свѣдѣній—о рабочемъ и крестьянскомъ движеніи, имѣющемъ мѣсто въ Екатеринославской провинціи.

Въ *Александровскѣ* и *Каменскомъ* послѣ бывшихъ недавно забастовокъ и столкновеній съ казаками—царитъ режимъ, близкій къ военному положенію; Ночью (послѣ 10 часовъ) на улицахъ казаки, полиція и хулиганы останавливаютъ прохожихъ, бьютъ, обыскиваютъ и арестовываютъ. Въ *Каменскомъ* рабочіе не разъ сталкивались съ полиціей и казаками; Теперь весь составъ полиціи обновленъ (старый составъ ушелъ—не выдержавъ борьбы).

Недавно была въ *Александровскѣ* стачка приказчиковъ. Исправникъ арестовалъ 4-хъ делегатовъ. Въ него и въ полицеймейстера стрѣляли на улицѣ. Стачка прекращена „мѣрами полиціи“. Теперь идетъ забастовка портныхъ. Въ *Александровскѣ Каменскомъ* и *Никополѣ* устраиваются митинги, (150-350 человѣкъ) на которыхъ присутствуютъ и крестьяне.

Рабочія организаціи *Александровска* и *Каменскаго* насчитываютъ въ своей средѣ по 250-300 человѣкъ организованныхъ. Для *Каменскаго* и *Александровска* характернымъ является живая заинтересованность и широкое участіе самой рабочей массы въ дѣлахъ организаціи

Въ деревняхъ и экономіяхъ въ теченіи лѣта замѣчалось стремленіе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ къ объединенію на почвѣ стачечной борьбы. Удалось объединить въ четырехъ деревняхъ и одной экономіи.

Приведу нѣсколько фактовъ изъ крестьянскаго движенія за послѣднее время: въ *Тарасовкѣ* (Екатеринославскій уѣздъ) была забастовка; къ ней присоединилась и *Семеновка* Крестьяне отрѣзали въ этихъ мѣстахъ 100 десятинъ (у помѣщицы *Пожожей*); явились казаки, они и сейчасъ еще охраняютъ тамъ помѣщичью землю отъ захвата крестьянъ. Были аресты 16 человѣкъ).

Въ Александровкѣ, Сольненской волости — крестьяне пошли къ помѣщику со своими требованіями; этотъ не вышелъ; его вытащили изъ дома. Явилась вскорѣ вся уѣздная администрація; пробовала арестовать двухъ мужиковъ, обвиняя ихъ въ принадлежности къ соціальдемократической организаціи. Крестьяне не дали. Во время волненій въ Александровку явились делегаты отъ деревень Солекой и Тритуаной — предлагая объединиться. Въ той же Александровкѣ устраиваются всей деревней (на улицѣ) митинги; сначала собирали однихъ стариковъ, потомъ собрали и молодыхъ. Вынесли резолюцію о немедленномъ созывѣ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Въ Балабиной (Александровскій уѣздъ) проведены въ большомъ количествѣ массовки (по 25-30 человѣкъ) и наконецъ митинги, на которыхъ присутствовало 200 человѣкъ. Въ Бѣленькой (Александр. уѣздъ) бываютъ массовки (20-30 человѣкъ); организована касса для поддержанія соціальдемократической организаціи, для пріобрѣтенія легальной и нелегальной литературы. Крупные безпорядки идутъ въ Томаковкѣ и Михайловкѣ.

Въ интересахъ лучшаго обслуживанія движенія литературой и людьми, провинціальныя организаціи Екатеринославской губ. объединились недавно на конференціи, созванной Екатеринославомъ. Въ настоящее время — передъ организаціей объединенной провинціи ставится жизнью вопросы о расширеніи работы среди крестьянскаго населенія. Нужны работники, спеціально посвятившія себя организаціонной работѣ въ деревнѣ.

Бахмутъ, 17 августа. Сообщаю вамъ о положеніи мѣстной работы. Существуютъ 7 кружковъ, въ томъ числѣ 6 рабочихъ кружковъ и 1 интеллигентскій. Эти кружки проводятся разъ въ недѣлю; иногда бываютъ заминки по квартирнымъ условіямъ. Занятія ведутъ по вопросамъ современной жизни, хотя долженъ тутъ отмѣтить, что до недавняго времени пропаганда здѣсь отчасти продолжала носить чисто образовательный характеръ, что лишало возможности рабочихъ быть постоянно въ курсѣ великихъ событій. Разъ въ недѣлю бываютъ летучки, на которыхъ участвуютъ отъ 15-25 чел.; время отъ времени устраиваютъ массовки, число участниковъ которыхъ колеблется отъ 100 до 150, а иногда и болѣе человѣкъ. За этотъ мѣсяцъ провели двѣ массовки: на одной было 180 чел., на другой — 120 человѣкъ. Говорили о Госуд. Думѣ, о черныхъ сотняхъ, о соціализмѣ. На первомъ собраніи была вынесена резолюція о современныхъ событіяхъ.

За послѣдній мѣсяцъ Бахмутской Группой издано: Открытое письмо матросовъ въ „Искру“ (пер. съ 105 № И.)—2 тыс. экз., „Самодержавіе на краю гибели“—1,300 экз., „Всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право“ (пер. съ листка Донск. Ком.)—2 тыс. экз., „Резолюція рабочихъ г. Бахмута“—600 экз.. „Подписной листъ—краткое воззваніе о пожертвованіи“—100 экз. Сверхъ перечисленныхъ изданій было распространено 700 экз. „Ко всѣмъ лишеннымъ правъ“ изд. Маріупольской Группы. Названные листки, за исключеніемъ послѣдняго, напечатаны въ типографіи Бахмутской Группы.

Вліяніе рабочихъ въ Бахмутѣ распространяется преимущественно среди еврейскихъ рабочихъ ремесленниковъ. Хотя имѣются связи и на заводахъ, но очень слабыя; послѣднее объясняется отсутствіемъ русскихъ рабочихъ-агитаторовъ, которые бы постоянно работали на заводахъ. Что касается уѣзда, то Бахмутская Группа имѣетъ постоянныя сношенія съ Константиновкой и Дружковкой, гдѣ насчитываютъ около 6-и тысячъ рабочихъ. Вслѣдствіе недостатка въ работникахъ, Группа вынуждена ограничить тамъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, распространеніемъ своихъ листковъ и доставленіемъ литературы. Только отъ поры до времени заѣзжаютъ туда и проводятъ летучку или массовку (кстати отмѣчу, что сообщеніе изъ Юзова (Искра № 106) будто бы константиновскіе рабочіе не связаны ни съ какой организаціей, невѣрно, какъ я уже сказалъ, они тѣсно связаны съ мѣстной Гр.). Листки и литературу Группа доставляетъ также въ Славянскъ (Харьк. губ.). Въ настоящее время организація усиленно работаетъ надъ вооруженіемъ; собрано среди „общества“ около 100 руб.

Сегодня у насъ забастовали приказчики; русскіе приказчики не присоединяются; предъявлены требованія чисто экономическаго характера.

---

[1] вляемъ эти разсужденія на отвѣтственности автора. (*Ред.*).

Харьковъ. 11 сентября у насъ, послѣ долгаго перерыва, состоялось засѣданіе юридическаго общества. Максимъ Ковалевскій, какъ гласили газетные анонсы „долженъ былъ прочесть лекцію о „природѣ Государственной Думы“. Громкое имя лектора въ связи съ другимъ газетнымъ сообщеніемъ, что Ковалевскій намѣренъ баллотироваться въ гласные Думы отъ Харьковской губерніи, собрало въ актовомъ залѣ университета значительное количество публики. За полчаса до открытія засѣданія залъ былъ биткомъ набитъ. Многіе прошли безъ билетовъ, и попытка предсѣдателя марксистоѣда — Гредескула удалить ее потерпѣла неудачу.

Собраніе началось рѣчью словоохотливаго предсѣдателя, который предпослалъ лекціи нѣсколько словъ для характеристики политическаго реноме лектора (чѣмъ не предвыборное собраніе?). Сама лекція была коротка. Подвегнувъ критикѣ учрежденіе Думы, лекторъ закончилъ неожиданнымъ для большинства выводомъ: онъ заявилъ, что, пренебрегши всѣми своими мнимыми правами, государственные гласные должны воспользоваться однимъ дѣйствительнымъ правомъ — правомъ выбора предсѣдателя — и выбрать его только для того, чтобы заявить верховной власти, что народу нужны гарантіи и политическія формы западно-европейскаго образца. (Изъ словъ оратора нельзя было заключить, хочетъ ли онъ учредительнаго собранія или болѣе совершеннаго законодательнаго учрежденія). Провожаемый аплодисментами, Ковалевскій, сейчасъ же послѣ лекціи, вышелъ. За отсутствіемъ оппонентовъ изъ публики, сталъ говорить товарищъ „меньшевистскаго“ направленія. Въ его рѣчи доминировали два мотива: „существованіе монархіи несовмѣстимо съ безопасностью гражданъ“ и „не либеральныя фразы буржуазіи, а народная кровь ведетъ насъ къ побѣдѣ надъ самодержавіемъ“. Далѣе шла популяризація тактики предложенной „Искрой“ по отношенію къ выборамъ. Рѣчь была очень образна, очень популярна и произвела впечатлѣніе. Среди рѣчи большевики разбросали свои листки о Государственной Думѣ, съ призывомъ къ неучастію въ выборахъ (листки въ первый разъ вышли за подписью комитета). Какъ извѣстно, на профессора Гредескула листки производятъ такое же впечатлѣніе, какъ крестъ на Мефистофеля. По окончаніи рѣчи, онъ сталъ выдѣлывать словесные курбеты по знаменитому методу: „съ одной стороны нельзя не признаться“ и т. д. Съ одной стороны, обращеніе ученаго собранія въ публичный митингъ ненормально, но, съ другой стороны, при ненормальности нашей жизни, это нормально. Такъ какъ это нормально, то я разрѣшилъ лицу изъ публику говорить, хотя и зналъ, къ чему это приведетъ. Я дамъ слово еще одному лицу, которое меня просило, но больше я не разрѣшу никому говорить, тѣмъ болѣе, что своими листками вы уже все сказали. Одинъ товарищъ не выдержалъ и крикнулъ Гредескулу: „здѣсь не рынокъ, чтобы торговаться“. Чувствительный профессоръ обидѣлся и часть публики потребовала извиненія. Однако, настойчивые крики: „не надо“ парализовали этотъ порывъ прекраснодушія. Рѣчь второго соціальдемократическаго оратора — „большевика“ — была неудачна. Не разобравъ или не разслышавъ предложеній Максима Ковалевскаго, онъ приписалъ ему невысказанныя имъ мысли, а также приписалъ земской лѣвой проэктъ придать нижней палатѣ только совѣщательный характеръ, а одной лишь верхней — законодательный.

На слѣдующій день Гредескулъ на университетской сходкѣ громилъ соціальдемократію. На основаніи вчерашняго опыта, онъ утверждалъ, что „открытый университетъ“ (по предложенію №107 „Искры“) невозможенъ, что соціальдемократія не можетъ овладѣть движеніемъ и что мы стоимъ „наканунѣ ужасовъ коммуны“, въ которой идеи соціализма „сами себя разстрѣляютъ“. Ему вторили клики профессоровъ-реакціонеровъ.

Ейскъ. Кубанской обл., 25 августа 1905 г. Прежде чѣмъ говорить о дѣятельности нашей группы за послѣднее время, мы считаемъ долгомъ познакомить товарищей съ прежней работой. Начнемъ съ самаго начала, тѣмъ болѣе, что въ литературѣ наша группа, какъ партійная организація, до сей поры не фигурировала.

Появилась въ свѣтъ наша организація въ концѣ марта 1905 г. Возникла она также, какъ большинство партійныхъ организацій. Сюда были заброшены волею судебъ, а вѣрнѣе — экономическаго фактора, два товарища, которые рѣшили использовать свое вынужденное здѣсь положеніе, учтя его въ пользу мѣстнаго пролетаріата. Завязали связи съ рабочими, организовали 2 кружка и начали сѣять на ейскихъ песчаныхъ берегахъ идеи соціализма. Съ самаго начала занятій рабочіе потребовали отъ пропагандистовъ организаціи стачки и перваго мая ейскіе рабочіе разогнули свои спины и во всеобщей стачкѣ добились 10 часоваго рабочаго дня и многихъ другихъ улучшеній (раньше работали среднимъ числомъ 16-18 ч.). Всеобщая забастовка продолжалась 3 дня, а забастовка рабочихъ заводовъ и крупныхъ мастерскихъ продолжалась до 16 мая. Послѣ забастовки работа нѣсколько пріостановилась, а съ половины іюня были организованы уже 3 кружка и работа пошла прежнимъ темпомъ. Въ конференціи организацій Кубанскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. наша группа также принимала участіе съ правомъ рѣшающаго голоса, представляя собой 25 организованныхъ рабочихъ. 7 августа была устроена массовка. Присутствовало 20 рабочихъ. Говорили на темы: 1) Долой самодержавіе 2) Учредительное Собраніе, 3) Демократическая республика, 4) Черная сотня и 5) Необходимость помощи товарищамъ матросамъ съ Потемкина. Въ пользу товарищей съ Потемкина собрано было 3 руб., которые и были пересланы въ Куб. Ком.

20 августа во время концерта была устроена небольшая демонстрація — брошены были листки и пѣлась „Варшавянка“. Это первое выступленіе нашихъ рабочихъ такъ ихъ воодушевило, что они требуютъ, во что-бы то ни стало, устроить концертъ, къ которому бы они хорошо подготовились, разучили бы пѣсни и т. д. Пока устроить не удается. 23 вечеромъ забастовали литейщики завода Кипора. Выставили требованіе — надбавки 15 коп. въ день. Ихъ требованіе сейчасъ же удовлетворили, но въ знакъ побѣды они не работали и 24-го.

Литейщики у насъ самый лучшій элементъ. Сильно развито у нихъ чувство солидарности. Они рѣшили устроить профессіональный союзъ литейщиковъ и добиться 8 часового рабочаго дня. „Нигдѣ еще литейщики не работаютъ 8 час., а мы скоро будемъ!“ говорятъ они. И добьются. Ихъ здѣсь на весь городъ человѣкъ 20.

За все время распространено нами тысячъ 30 листковъ — 75 названій. За іюль 1605 листковъ, за августъ 3000—15 названій.

Ейская группа Кубанскаго Комитета Рос. С.-Д. Раб. Партіи.

Ставрополь Губернскій. 18-го августа по распоряженію товарища министр. внутр. дѣлъ Трепова было закрыто Ставропольское общество распространенія образованія въ народѣ. Общество это содержало въ городѣ три начальныхъ школы, двѣ воскресныхъ, нѣсколько безплатныхъ библіотекъ и т. д. Закрыто общество было, разумѣется, безъ объясненія причинъ, но повидимому за то, что оно „имѣло сужденіе“ по поводу безсмысленнаго разстрѣла жителей города 7 іюня.

21 августа, въ 8 часовъ вечера должно было состояться назначенное раньше, общее собраніе членовъ общества. Но у дверей Думы, гдѣ обыкновенно происходятъ собранія общества, стоялъ приставъ и предупреждалъ всѣхъ, что, согласно распоряженію товарища министра засѣданіе не состоится. Однако часть членовъ общества, сопровождаемая публикой, среди которой было много рабочихъ, прошли въ залу Думу, не обращая вниманія на заявленіе пристава. Предсѣдатель общества г. Праве сталъ подсчитывать число прибывшихъ членовъ, и когда не оказалось законнаго числа ихъ объявилъ, что собраніе не состоится.

Рабочіе выйдя изъ Думы столпились на бульварѣ и стали кричать сначала „долой Трепова“, а затѣмъ и „Долой самодержавіе“. День былъ воскресный, когда вся публика бываетъ въ нашемъ городскомъ саду, „рощѣ“. Рабочіе рѣшили идти туда и устроить тамъ демонстрацію. Быстро и молча прошли Европейскій переулокъ и Александровскую улицу. У входа въ „рощу“ какой-то рабочій скомандовалъ „товарищи, стройся въ ряды“. Всѣ выстроились въ колонну и съ дружнымъ стройнымъ пѣніемъ рабочей марсельезы вошли въ „рощу“. Публика не бросилась бѣжать, какъ это было 9-го іюля, наоборотъ всѣ устремились на звуки пѣсни. Рабочіе остановились передъ клубомъ. Зрѣлище было довольно величественное. Вся большая площадь передъ клубомъ была заполнена народомъ. Члены клуба, вся мѣстная буржуазія и высшее чиновничество, побросавъ карты устремилась съ любопытствомъ на веранду. И посреди всей толпы наши рабочіе, привлекая общее вниманіе и сочувствіе. Затѣмъ рабочіе, въ сопровожденіи всей публики, нѣсколько разъ прошли по главнымъ аллеямъ. Впереди шелъ какой-то рабочій и управлялъ хоромъ. За „Марсельезой“ послѣдовала „Варшавянка“, потомъ опять „Марсельеза“. Демонстранты все время кричали „Долой самодержавіе“, „Да здравствуетъ демократическая республика“. Пять-шесть какихъ то „патріотовъ“ вздумали было затянуть „Боже царя храни“. Какой шумъ и свистъ тутъ поднялся! на нихъ набросились, награждая самыми нелестными прозвищами и едва не надавали тумаковъ. На первомъ же словѣ они оборвались. Настроеніе было бодрое, хорошее. Важно отмѣтить, что ни комитетъ, ни центральный кружокъ не думали устроить въ этотъ день демонстраціи. Но революціонная энергія требовала приложенія и вылилась въ этой внезапной демонстраціи. Крѣпнетъ вѣра въ рабочее дѣло, когда видишь такую отзывчивость и иниціативу рабочихъ.

Членъ Ставропольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

Батумъ. Въ Тифлисѣ, да и здѣсь вездѣ теперь заминка. Только въ Гуріи работаетъ „красная дружина“ — отбираетъ у помѣщиковъ и всѣхъ негодяевъ оружіе. По слухамъ въ селѣ Цхинвали (возлѣ Гори) осетины отбили недѣли двѣ тому назадъ 2 пулемета. Говорятъ, не то убитъ часовой, не то 25 казаковъ. Въ Ахалкалакѣ, по слухамъ, артилерія немного побунтовала, стрѣляла на воздухъ изъ пушекъ, требовала отпуска въ запасъ. Сюда пріѣзжаетъ масса войска. На прошлой недѣлѣ проѣхало тысячъ 7, поѣхали дальше. Вчера пріѣхало тысячи 4. 1 батальонъ (до 1200) остается здѣсь. Остальные уѣзжаютъ. Ожидаютъ еще нѣсколько десятковъ тысячъ. Хотятъ завоевать Кавказъ. Помощникъ полицеймейстера Скворцовъ говорилъ, будто всѣ гражданскія управленія будутъ уничтожены, будутъ военныя. Проѣзжающіе войска изъ Кіева 75%, а то и больше мобилизованные отлично настроены. Всюду открыто говорятъ о необходимости свободы, уничтоженія самодержавія. Моментально завязали связи. Сами взяли прокламаціи и распространяли („Къ новоприбывшимъ войскамъ“). Солдаты привезли изъ Кіева прокламаціи Кіевскаго Комитета „къ солдатамъ“ (перепечатка изъ „Искры“) и разбрасывали по улицамъ. На пароходѣ было небольшое возмущеніе по поводу пищи. Вчера въ Ардаганскомъ полку, былъ „бунтъ“. Нѣсколько дней тому назадъ отданъ былъ приказъ, чтобы солдатамъ не выдавать чаю и сахару. Кому было выдано по 5 кусковъ, отобрали или приказывали откупить. Солдаты всего гарнизона страшно были возмущены. Недавно въ Ардаганскій полкъ привезли консервированную капусту и вчера ее начали варить. Она оказалась съ червями. Всѣ солдаты собрали пѣну съ червями на бумажки и понесли показать врачу и офицерамъ. Врачъ сказалъ, что это ничего, только забыли перемыть. Тогда наши товарищи возбудили весь полкъ, чтобы не обѣдать. Когда забилъ барабанъ къ обѣду, всѣ легли спать. Пришелъ фельдфебель, началъ ругаться и грозилъ зарубить одного солдата. Всѣ вскочили, чуть чуть фельдфебеля не побили, но онъ ретировался, почти то же происходило во всѣхъ ротахъ. Прибѣжали офицера. Въ одномъ изъ батальоновъ батальоный командиръ прибѣжалъ, началъ увѣщевать солдатъ и заявилъ, что онъ уволитъ фельдфебеля, артельщика дежурнаго по кухнѣ, посадитъ ихъ подъ арестъ на одинъ мѣсяцъ. Когда онъ ушелъ, наши товарищи разъяснили солдатамъ, что ни артельщики, ни дежурный по кухнѣ не виноваты. Даетъ капусту батальоный камандиръ, поэтому, нельзя допустить, чтобы товарищей арестовали. Послали одного солдата заявить командиру, что если онъ арестуетъ, „завтра будетъ еще хуже“ — не пойдутъ на караулы, занятія и т. д., такъ какъ виноватъ онъ — батальоный командиръ. Командиръ, заявилъ, что онъ ихъ не арестуетъ. Между тѣмъ, солдаты рѣшили пойти съѣсть офицерскій обѣдъ. Всѣ взяли по ложкѣ и пошли на офицерскую кухню. По дорогѣ встрѣтился батальоный командиръ и просилъ успокоиться и не ходить. Солдаты потребовали сейчасъ же сварить хорошій обѣдъ и выдавать сахаръ и чай. Сейчасъ же это было исполнено. Солдаты, пообѣдавъ, пока успокоились. Ардаганскій полкъ мы считали однимъ изъ самыхъ отсталыхъ здѣшнихъ полковъ. Правда наша литература тамъ распространялась въ большомъ количествѣ, но они какъ то не ходили на собранія (ходило очень мало) и не выражали, повидимому, никакой активности. Оказалось, что наша литература все же подѣйствовала. Изъ массы выдѣлились нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые сейчасъ же объединились вокругъ товарищей и сознательно и энергично подняли массу.

Что дальше будетъ, увидимъ. Больше новостей нѣтъ. Только попрежнему очень часто на улицахъ бросаютъ холостые петарды носящіе громкое названіе „бомбъ“. Бросаютъ повидимому, по порученію полиціи. Бросаютъ очень часто среди бѣла дня, при громадной публикѣ и даже при полицейскихъ и никто и все время не пойманъ. „Бомбы“ производятъ страшный шумъ, но и только. Повидимому, полиція хочетъ оставить военное положеніе и увеличить войско.

Ташкентъ. До извѣстной степени правильная, систематическая, въ соціалъ-демократическомъ духѣ, кружковая и нарѣдка агитаціонная работа началась здѣсь со средины іюня. Притокъ новыхъ силъ позволилъ пустить пропагандѣ довольно глубокіе корни въ массахъ. Съ конца іюня и начала іюля устраивались уже регулярныя массовки до 200 — 300 человѣкъ. Эти широкія собранія составлялись по отдѣльности изъ рабочихъ и солдатъ. Говорилось объ учредит. собраніи, объ отношеніи къ либераламъ, о мѣстныхъ нуждахъ, о событіяхъ въ Россіи и на Кавказѣ, о соціализмѣ и политической борьбѣ. Такого рода агитаціонныхъ собесѣдованій состоялось 10 — 12. Къ этому же времени расширяется и кружковая работа; въ данный моментъ она достигла уже значительнаго размаха: существуетъ около 15 рабочихъ кружковъ, обнимающихъ собою 150 — 200 чел. и три солдатскихъ, въ которые входятъ представители отдѣльныхъ частей. Устройство совмѣстныхъ, т. е. состоящихъ изъ рабочихъ и изъ солдатъ до сихъ поръ не практиковалось по чисто техническимъ неудобствамъ.

Что касается политическихъ выступленій мѣстной организаціи, то пока онѣ выразились: 1) въ устройствѣ охранной дружины изъ 80 человѣкъ рабочихъ въ видахъ готовившагося здѣсь еврейскаго погрома и 2) въ демонстраціи состоявшейся 16 іюня, довольно внушительной для Ташкента по своимъ размѣрамъ и почти исключительно рабочей по своему составу. На 16 іюля въ думѣ было назначено гласное засѣданіе по поводу предстоящихъ выборовъ въ Государственную Думу.

Рѣшено было выразить протестъ и сорвать засѣданіе. Вечеромъ къ зданію думы собралось человѣкъ 300 рабочихъ. Попытки проникнуть внутрь окончились неудачей. Отцы города обратились за содѣйствіемъ къ казакамъ. Прибыло 150 чел. Здѣсь же сказана была рѣчь, а затѣмъ во избѣжаніе кровопролитія двинулись съ пѣніемъ по городу. Шествіе продолжалось отъ 8 до 10½ часовъ вечера. Подъ конецъ толпа состояла ч. изъ 500. Казаки ограничивались тѣмъ, что сопровождали демонстрантовъ. Столкновеній не было.

За послѣдніе мѣсяцы почти во всѣхъ городахъ Туркестанскаго края возникли рабочія организаціи. Намѣчается планъ объединенія всей работы за Каспіемъ и какъ только создадутся подходящія условія проэктируемъ съѣздъ представителей.

По нашему мнѣнію, работѣ на окраинахъ помимо ея значенія въ общепролетарскомъ смыслѣ принадлежитъ нѣсколько особенная роль въ предстоящей революціи, въ предстоящей демократизаціи всего нашего государственнаго строя. Реакція, выбитая изъ своихъ позицій въ центрахъ, попытается поднять голову въ глухихъ, отсталыхъ мѣстностяхъ, попытается укрѣпиться въ нихъ. Въ такой моментъ ей необходимо будетъ дать должный отпоръ, окончательно расчитаться съ ея темными силами.

Мѣстный руководящій коллективъ пока состоитъ изъ уполномоченныхъ отъ районовъ и изъ пропагандистовъ. Однакожъ по мѣрѣ того, какъ будетъ расширяться, углубляться и реформироваться работа, будутъ измѣняться и самыя формы организаціи.

Техника еще не установлена, въ самомъ скоромъ времени перейдемъ къ печатанію типографскимъ способомъ.

Рѣшено выпускать небольшой двухнедѣльный литературный органъ „Рабочій“ съ такимъ приблизительно содержаніемъ: руководящая передовая по общимъ вопросамъ; обзоръ событій въ Россіи; хроника рабочаго движенія за Каспіемъ.

Весьма желательно и необходимо регулярное полученіе литературы особенно періодической и популярной.

Вотъ приблизительно цифры рабочихъ въ различныхъ городахъ: Черняево 300 чел. (организація), Бухара 200, Кокандъ 200, Самаркандъ 200 (организація), Асхабадъ 400 (организація), Чарджуй 350 (организація), Мервъ 150, Кизилъ-Арватъ 1000 (организація), Красноводскъ 500 (организація). Перовскъ 400, Туркестанъ 200, Казалинскъ 200, Ташкентъ 1500—2000.

Помимо этого, въ краѣ насчитывается до 100.000 солдатъ. О попыткѣ солдатскаго возстанія здѣсь въ Ташкентѣ въ слѣдующій разъ, когда будутъ собраны матеріалы.

Ташкентская группа Р. С. Д. Раб. Партіи

ИЗЪ ПАРТІИ

Соціальдемократы и Дума. Изъ Крымскаго Союза „Къ гражданамъ“: „Граждане!... Агитируйте во всѣхъ слояхъ населенія, воздѣйствуйте на выборщиковъ. Всѣ, кому положеніе даетъ возможность выбирать, пусть явятся на выборы. Обяжите на первомъ же засѣданіи Государственной Думы заявить слѣдующее:

„Мы отказываемся работать совмѣстно съ самодержавнымъ правительствомъ, мы не являемся представителями всего народа, мы требуемъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія“. Народъ объявляетъ измѣнниками всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые не сдѣлаютъ этого заявленія“.

Резолюція Сормовской Рабочей Группы по отношенію къ Государственной Думѣ. Сормовская Рабочая Группа постановила:

1) Всюду и вездѣ вскрывать всю безсмысленность, всю негодность Думы, всю гнусность царской продѣлки, агитировать за лозунгъ: „Долой дарованную царемъ Думу!“

2) Среди имѣющихъ право участвовать въ выборахъ въ Думу агитировать за то, чтобы давали выборщикамъ и депутатамъ императивные мандаты о требованіи немедленно по собраніи созыва учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

3) Среди лишенныхъ права участвовать въ выборахъ, агитировать за то, чтобы силой взяли себѣ эти права, за избраніе революціоннымъ путемъ представителей, которые составили-бы себѣ революціонные комитеты и, опираясь на избравшій ихъ революціонный народъ, свергли бы самодержавіе и потребовали бы созыва Учредительнаго Собранія.

4) Агитировать за необходимость поддержки требованій, какъ революціонной части Думы, такъ и революціонныхъ комитетовъ всеобщей политической забастовкой.

Москва. — Резолюція, принятая въ москворѣцкомъ районномъ собраніи.

Геройской, неустанной борьбой россійскій пролетаріатъ завоевалъ себѣ право — вопреки закону. Вѣрные классовой тактикѣ пролетаріата, мы по отношенію къ Государственной Думѣ рекомендуемъ:

1) Всѣмъ, лишеннымъ правъ участвовать въ предвыборной агитаціи и въ самихъ выборахъ, съ тѣмъ, чтобы силой превратить ихъ во всеобщіе, равные, прямые и тайные. И проваливъ такимъ образомъ, антинародную Думу, создать на ея мѣстѣ Учредительное Собраніе на основаніяхъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

2) Что бы организовать россійскій пролетатаріатъ въ самостоятельную, независимую политическую силу, мы рекомендуемъ: на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ выбирать всѣми рабочими своихъ представителей, созвавъ представителей отъ всѣхъ рабочихъ Россіи на рабочій съѣздъ, который долженъ будетъ опредѣлить дѣйствія по отношенію къ нашимъ врагамъ и по отношенію къ нашимъ временнымъ союзникамъ.

Первый пунктъ принятъ 12 членами противъ двухъ при одномъ воздержавшемся, второй — 12-тью — 6.

Отчетъ Терско-Дагестанскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. Въ іюнѣ 1904 года образовалась во Владикавказѣ группа соціальдемократовъ, которая и начала работу среди мѣстнаго пролетаріата. Предоставленная почти своимъ собственнымъ силамъ, не находя поддержки со стороны партіи, раздираемой внутренней междоусобицей —, группа встрѣтила только нѣкоторое содѣйствіе со стороны Тифлисскаго комитета, который присылалъ время отъ времени литературу на русскомъ и на грузинскомъ языкахъ. Неблагопріятныя условія въ которыя была поставлена группа со времени своего образованія, затруднили быстрый и интенсивный ростъ организаціи, то усиливавшейся, то почти совершенно таявшей. Однако, работа все же подвинулась впередъ и къ новому году группа преобразовалась въ комитетъ, получивъ отъ Закавказскихъ комитетовъ право называться Т. Д. Комитетомъ. Конф. кавказ. рабочихъ организацій подтвердила права Т.-Д. Ком. Съ января настоящего года Т. Д. Ком., усиленный притокомъ пріѣхавшихъ товарищей, начинаетъ расширять сферу своей дѣятельности далеко за предѣлы города, распространяя свое вліяніе на окружные осетинскіе аулы и на грузинъ, живущихъ по Военно-грузинской дорогѣ. Комитетъ стремится обосноваться и въ другихъ городахъ Терск. и Дагестан. областей. Въ городѣ Грозномъ образуется группа комитета, а съ Петровскомъ заводятся связи и посылается литература. Ставится типографія, которая и начинаетъ работать съ апрѣля, выпуская листки и брошюры. До этого времени комитетъ пользовался мимеографомъ и гектографомъ. Работа, начатая сначала среди грузинъ и осетинъ, постепенно захватываетъ русскихъ, евреевъ и другія національности.

Майскій праздникъ былъ ограниченъ загороднымъ собраніемъ въ 150 человѣкъ, на которыхъ были произнесены соотвѣтствующія рѣчи на грузинскомъ и русскомъ языкахъ. Въ первыхъ числахъ мая Тер. Даг. комитетъ принимаетъ дѣятельное участіе во всеобщей забастовкѣ, вспыхнувшей въ городѣ Владикавказѣ, являясь ея организаторомъ и использовавъ стихійный подъемъ массъ для углубленія политической сознательности рабочихъ, путемъ устройства митинговъ (рѣчи на грузинскомъ и русскомъ языкахъ). Значеніе и вліяніе организаціи, послѣ всеобщей забастовки, продолжавшейся 3 дня, усиливается, но организація, лишившись нѣкоторыхъ работниковъ и не получая подкрѣпленій, далеко не можетъ удовлетворить растущихъ потребностей.

Въ этотъ критическій моментъ большевики, изгнаные рабочими съ юга Кавказа, въ поискахъ за пристанищемъ, не желая окончательно покидать Кавказа, начинаютъ производить на организацію рядъ аттакъ и успѣваютъ отколоть Грозненскую Группу, которая выходитъ изъ состава меньшевистскаго Тер. Даг. комитета и вступаетъ въ большевистскій Кавказскій Союзъ. Нужно замѣтить, что неоднократныя обращенія Тер. Даг. комитета во всѣ стороны за поддержкой людьми, куда только можно было, не приводили ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ и только послѣ отпаденія Грозненской Группы бюро кавказскихъ рабочихъ организацій прислало необходимыхъ людей. Съ этого момента дѣятельность комитета идетъ весьма ускореннымъ темпомъ. Образуется группа на кавказскихъ Минеральныхъ Водахъ, при которой ставится типографія и которая съ первыхъ же шаговъ открываетъ интенсивную работу. На Минеральныхъ Водахъ группа сталкивается съ соціалистами революціонерами, работающими тамъ довольно значительное время, но рабочіе быстро начинаютъ переходить подъ знамя Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. Работой Минерало-Водской Группы захватываются иногородніе близъ лежащихъ станицъ и рабочіе экономій. (Организованныхъ до 100 человѣкъ).

Одновременно съ работой въ городахъ ведется усиленная агитація среди сельскаго населенія осетинъ и грузинъ. Агитація среди осетинъ настолько подымаетъ настроеніе массъ, что послѣднее выливается въ цѣломъ рядѣ активныхъ дѣйствій. Выгоняются лѣсные объѣздчики, сжигаются караулки и сторожки, выгоняются шпіоны—попы, отнимаются земли у духовенства, захватываются казенныя участки земли, оказывается все большее и большее неповиновеніе властямъ, изгоняются правительственные старшины и писаря. Товарищи соціальдемократы осетины добиваются значительнаго вліянія среди осетинъ, что особенно ясно обнаружилось въ заявленіи, сдѣланномъ представителями отъ всѣхъ осетинскихъ ауловъ генералу Михайлову, командированному Воронцовымъ Дашковымъ на Сѣверный Кавказъ, для успокоенія туземцевъ. Въ этомъ заявленіи представителей, перечисляющемъ основные пункты нашей программы минимумъ, представителями категорически указывается, что только собраніе народныхъ представителей на основахъ всеобщаго прямого равнаго и тайнаго голосованія выведетъ страну на путь мирнаго культурнаго развитія. Несмотря на угрозы и гнѣвъ генерала депутаты всего осетинскаго народа твердо стояли на своемъ и отказались взять заявленіе обратно. Работа среди осетинъ, представляетъ весьма благопріятную почву, затрудняется невозможностью достать осетинскій шрифтъ, заказъ же долженъ обойтись весьма дорого. Еслибъ, не это обстоятельство, парализующее широкую агитацію, то можно было бы расчитывать создать среди осетинъ движеніе подобное гурійскому. Отсутствіе шрифта заставляетъ ограничиваться устной агитаціей и русской брошюрочною нелегальной литературой, Выпускаются листки на осетинскомъ языкѣ (гектогр.) рѣдко и въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ.

Нужно замѣтить, что работа въ районѣ Терской и Дагестанской областей значительно разнится отъ работы въ другихъ мѣстахъ, какъ по разнообразію элементовъ, среди которыхъ приходится вести агитацію, такъ и по чрезвычайной разношерстности пролетаріата. Мѣстныя туземныя племена, находящіяся подъ тяжелымъ политическимъ и экономическимъ гнетомъ, представляютъ стихійныя силы, которыя должны быть использованы въ революціонномъ смыслѣ въ грядущемъ политическомъ переворотѣ и только недостатокъ интеллигентныхъ силъ не даетъ возможности комитету повести сейчасъ же усиленную агитацію среди этихъ племенъ на почвѣ широкихъ демократическихъ требованій. Гдѣ же такая агитація велась, какъ напр. среди осетинъ, тамъ она увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ.

Въ Дагестанской области до сихъ поръ работа ограничивалась связью съ Петровскомъ, гдѣ распространяется литература: листки и брошюры, теперь дѣлаются шаги къ образованію районной организаціи съ техникой (типографія). Что же касается большевиковъ, то послѣдніе, за исключеніемъ Грозненской Группы, объединяющей подъ своимъ флагомъ нѣсколько десятковъ рабочихъ, никакой другой организаціи на Сѣверѣ Кавказа не имѣютъ, такъ что заявленіе Грозненской Группы въ „Борьбѣ Пролетаріата“ (Кавказ. Союзъ), что Терекская и Дагестанская области обслуживается ею, является вопіющей неправдой. Техника у Грозненской группы — миміографъ.

За послѣднее время усилилась работа среди солдатъ. Устроваются солдатскія массовки, человѣкъ по 25—30, распространяется въ большомъ количествѣ литература. Сознаніе и недовольство растетъ. Такъ въ Апшеронскомъ полку былъ цѣлый рядъ случаевъ возмущенія: отказъ отъ пищи, предъявленіе разныхъ требованій, избіеніе офицеровъ и т. п. Арестовано нѣсколько солдатъ; однако, дѣло развивается. Имѣются связи и посылается литература въ — Нальчикъ, Моздокъ, Алагиръ, Казбекъ (Грузины), Ардонъ. Комитетъ приступаетъ къ изданію еженедѣльнаго листка „Голосъ Рабочаго“

Терско-Дагестанскій Комитетъ Р. С. Д. Р. П.

Отчетъ Прикамской группы Р. С-Д. Р. П. за май—августъ.

Прикамская группа имѣетъ организаціи въ трехъ пунктахъ: 1) Воткинскомъ заводѣ 2) Ижевскомъ заводѣ и 3) г. Сарапулѣ. Каждый заводъ имѣетъ свой мѣстный центръ — организаторское собраніе, состоящее изъ представителей кружковъ; по составу, двѣ третьихъ рабочіе; исполнительнымъ органомъ его является бюро изъ 3—5 чел. Организаторское собраніе ведетъ всю с.-д. работу на мѣстахъ, оно имѣетъ ежемѣсячно отъ 3—7 засѣданій. Собранія Прикам. группы происходятъ еженедѣльно (состоялось 18 собраній) и каждый разъ дѣлаются доклады о работѣ въ трехъ пунктахъ. Прикамская группа обслуживаетъ, организуетъ и руководитъ соц. дем. работой во всѣхъ трехъ пунктахъ. Разросшіяся связи съ рабочими вызвали необходимость расширить организацію и съ этой цѣлью теперь происходитъ постановка организаціи по мастерскимъ заводовъ.

Дѣятельность Прикамской группы выражается въ слѣдующемъ:

A. Агитація устная на массовкахъ. Всего было 10 массовокъ, 406 посѣщеній; первыя массовки были небольшія, затѣмъ быстро стали увеличиваться; произнесены рѣчи на слѣдующія темы: 1) война и революціонное движеніе въ Россіи за текущій годъ, 2) роль рабочаго класса въ русск. революціон. движеніи и роль Р. С. Д. Р. П., 3) Проектъ Булыгина о Гос. Думѣ, 4) Программа и тактика либераловъ, программа минимумъ партіи 5) Положеніе рабочаго класса въ Россіи и бесѣды на общественныя темы, 6) политическая революція въ Россіи и интересы рабочаго класса, 7) основы Р. С.-Д. Р. П. и критика „Союза русскихъ рабочихъ“, 8) современное положеніе въ Россіи и Учр. Собр. 9) о народномъ представительствѣ, демократической республикѣ и выработкѣ мѣстныхъ требованій, 10) Госуд. Дума, система выборовъ и наше отношеніе къ нимъ.

B. Агитація письменная: всего листковъ и брошюръ распространено свыше 10000 экз. Изъ этого числа **Воткинской орган.** изданы слѣдующіе листки: 1) Объ избирательномъ правѣ. 2) Долой самодержавіе! 3) Крестьянскій адресъ. 4) Поведеніе начальника завода по отношенію къ рабочимъ. 4) Что такое Р. С.-Д. Р. П. 5) Полная прогр. Партіи 15) 6) Къ Воткинской молодежи 7) О стачкѣ Иваново-Вознесенскихъ рабочихъ. 8) Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ. 9) Что нужно для удовлетворенія народныхъ нуждъ? 10) Пѣсня „Машинушка“. 11) О Государств. Думѣ. 12) Каталогъ библіотеки всего до 4 тыс. экз. **Ижевской орган.** Прикам. гр. издано: 1) Къ нашимъ товарищамъ. 2) Къ котельщикамъ. 3) Къ свѣдѣнію. 4) Пѣсни революціи. 5) Не довольно ли вѣчнаго горя? 6) Не давайтесь въ обиду, товарищи! 7) По поводу забастовки 22 тыс. рабочихъ. 8) Объ офицерѣ Вріонѣ. 9) Воззваніе къ крестьянамъ. 10) Два отчета по кассѣ (по 70 экз.) 11) Отвѣтъ губернатору (расклеен.) 12) О полиціи (1100 экз.). 13) О Госуд. Думѣ. 14 Каталогъ библіотеки; всего 4 тыс. экз.

C. Пропаганда въ постоянныхъ кружкахъ. Въ основу программы пропаганды положена полная программа партіи, съ болѣе или менѣе подробнымъ развитіемъ ея, въ связи съ современ. положеніемъ дѣлъ въ Россіи и съ исторіей русскаго революц. движенія; отчасти касались и современнаго положенія дѣлъ въ Партіи. Всего состоялось больше 100 собраній; минимальный кружокъ 5 чел.; есть кружки въ 14 и даже въ 22 чел.

D. Организація библіотекъ. Вся организація Прикам. гр. въ цѣломъ обслуживается двумя центральными библіот. нелегальной и легальной; кромѣ того, въ Воткинскомъ и Ижевскомъ заводахъ имѣются мѣстныя библіотеки, нелег. и лег. Всѣ библіотеки Прикам. гр. значительно пополнились новѣйшей литературой за послѣдніе три мѣсяца.

E. Организація кассъ. Каждая изъ 3-хъ организацій Прик. группы — Воткинская, Ижевская и г. Сарапулъ—имѣютъ свою мѣстную кассу, которая составляется изъ членскихъ взносовъ организованныхъ товарищей; она дѣлится на 3 части: фондъ, мѣстные расходы и $^1/_3$ въ Центр. кассу Прикамской группы. Центр. касса Прикам. группы составляется изъ ежемѣсячныхъ взносовъ мѣстныхъ кассъ и всякихъ случайныхъ сборовъ.

Отчетъ Центр. Кассы Прикамской гр. Р. С.-Д. Р. П.

ПРИХОДЪ: 1) Отъ Воткинской гр. 40 руб., 2) тоже 14 руб., 3) Ижевской орг. 45 р., 4) воткинской „пятерки“ 22 р. 37 коп., 5) долгъ отъ Д. Б. и В. 64 р., 6) съ собраній 27 р. 7) съ предпріятій 34 р., 8) отъ ирбитскихъ гражданъ 12 р., 9) отъ М., О и И. 9 р. 55 к. Всего — 273 р. 47 к. РАСХОДЪ: 1) техника 21 р. 88 к., 2) нелегальн. лит. 46 р., 3) легальн. лит. 59 р. 49 к., 4) въ Партію 25 р., 5) П. П. 22 р. 70 к., 6) путев. изд. 24 р., 7) проч. 11 р. Всего — 210 р. 9 к. Наличность Центр. Кассы къ 1 сент. 1905 г. — 63 руб. 38 коп.

Остается прибавить рядъ фактовъ изъ мѣстной жизни, говорящихъ о томъ, какъ реагируютъ разные элементы здѣшняго общества на дѣятельность Прикамской группы. Широкая заводская масса интересуется организаціей, считается съ ней; спросъ на прокламаціи растетъ, отъ неорганизованныхъ рабочихъ стали обращаться въ организацію за совѣтами. Заводское начальство подтягивается; въ Ижевскомъ заводѣ отмѣчено правило о трехмѣсячномъ прогулѣ; издано подтвержденіе указа о 9 ч. рабочемъ днѣ; офицеръ Вріонъ привлеченъ къ суду за пощечину писцу; прибавлены расцѣнки по нѣкоторымъ производствамъ, начальникъ завода во время забастовки распекалъ въ присутствіи рабочихъ мастеровъ, что тѣ не довели до его свѣдѣнія раньше требованія рабочихъ и тѣмъ довели дѣло до забастовки. Въ Воткинскомъ заводѣ начальникъ завода бѣгалъ по мастерскимъ съ прокламаціями въ рукахъ и держалъ передъ рабочими полемическую рѣчь, которую начиналъ словами: „Въ вашихъ листкахъ сказано“ и т. д. Блюстители порядка свирѣпствуютъ; усиленно жмутъ возвратившихся изъ Сибири рабочихъ Воткинск. зав., сосланныхъ за забастовку 1902 г. одного изъ нихъ, Барышникова, сдали въ солдаты на полгода раньше, не имѣя на то основанія; двоихъ — Блясина и Пестерева — выслали въ Олонежскую губ.; остальнымъ грозятъ „раскассировать“. Сыскъ на заводахъ усиленъ. Арестуютъ лодки на прудѣ и таскаютъ рабочихъ десятками на допросы, желая добраться до собраній; причемъ нахально, грубо обращаются съ допрашивающими. Было нѣсколько безрезультатныхъ обысковъ у рабочихъ: Богатырева, Журавлева, Курганова, Гужавина; нерѣдко полиція сама производитъ обыскъ безъ жандармскихъ властей и безъ всякихъ „предписаній“. Приставъ Клеповъ съ братіей сопровождаетъ свои дѣйствія площадной бранью. При обыскахъ забираютъ изданія „Донской Рѣчи“, „Молота“ и т. п. Установленъ надзоръ за окрестными лѣсами. Прикамская Группа

Конференція Крымскихъ организацій. На состоявшейся недавно конференціи крымскихъ организацій были представлены: Союзный Ком. (2 голоса), Севастопольскій (2), Мелитопольская орг. (2), Симферопольская (2), Ялтинская (1), Керченская (2), Ѳеодосійская (2). Бердянскъ прислалъ отчетъ; Евпаторія, по случайнымъ причинамъ, не была представлена. Въ основу своихъ занятій конференція положила резолюціи Южной конф. Принципіальныхъ измѣненій въ послѣднихъ не сдѣлано, если не говорить о новой редакціи резолюціи о Государственной Думѣ. По мнѣнію крымскихъ товарищей, резолюція Южной конференціи имѣетъ тотъ недостатокъ, что не связываетъ нашего отношенія къ выборамъ (легальнымъ) со всей нашей тактикой. Получается впечатлѣніе, будто воздѣйствіе на выборы протекаетъ *наряду* съ подготовкой къ свободнымъ выборамъ, а не есть актъ, органически входящій въ нашу общую тактику.

Конференція приняла резолюцію, выражающую надежду на возвращеніе т. Плеханова въ редакцію „Искры“. Принятая резолюція Южной конф. о профессіональномъ движеніи на мѣстахъ уже проводится въ жизнь. Союзъ на конференціи радикально реорганизованъ. Конференція избрала 4 членовъ Союзнаго ком., давъ имъ право кооптаціи съ тѣмъ, чтобы только 3 кооптированныхъ члена имѣли рѣшающій голосъ, остальные же — совѣщательный. Этимъ имѣлось въ виду закрѣпить вліяніе выборныхъ членовъ Союзнаго комитета.

Члены союзнаго ком. обязаны принимать участіе въ работѣ мѣстныхъ организацій. Въ промежутокъ между общими совѣщаніями членовъ С. К., всю работу ведетъ бюро. Разъ въ два мѣсяца собирается конференція Крымскаго Союза, причемъ С. К. получаетъ 2 рѣшающихъ голоса, а члены его, работающіе на мѣстахъ, лишены пассивнаго избирательнаго права. Ежемѣсячный бюджетъ Союзнаго ком. приближается къ 800 р. Рѣшено отчислять Областному ком. 150 р. въ мѣсяцъ.

Принята еще резолюція о систематической постановкѣ пропаганды и рѣшено выпускать періодическій листокъ.

Дѣятельность Крымскаго Союза за май—августъ.

Въ маѣ	издано	2	прокламаціи	— — —	26.000 экз.
„ іюнѣ	„	11	„ „	— — —	55.000 —
„ іюлѣ	„	5	„ „	и 1 брош. —	36.500 —
„ авг.	„	9	„ „	— — —	92.000 —
				Всего 27 изд. —	209.000 —

За то же время распространено 909 экз. „Искры“, 729 экз. „Соц.-Дем.“, 1870 агитаціонныхъ брошюръ, 200 экз. № 1 „Пролетарскаго Дѣла“ и 8080 чужихъ прокл.

Изъ отчетовъ партійныхъ организацій.

Крымскаго Союза (съ 1 мая по 1 сент.). Приходъ 2221 руб. 52 коп. (изъ нихъ: отъ Симфероп. организаціи 412 р. 65 коп., отъ Мелитопольской 65 руб., отъ Керченской 155 руб., отъ Ѳеодосійской 65 руб., отъ Ялтинской 377 р.). Расходъ 2060 р. 32 к. (изъ нихъ: печатаніе прокламацій 592 руб. 74 к., развозка литературы 81 р. 22 к., поѣздки по организаціямъ 125 р. 50 к., Севастоп. Ком. 325 р. 85 к., Симфероп. орг. 33 р. 80 к., скрывшимся матросамъ 90 р., за литературу Южн. Бюро 85 р. 75 к. Центр. Ком. за литературу 95 руб., помощь товарищамъ и ихъ переѣзды 314 р. 72 к.).

Терско Дагестанскаго Ком. (съ 21 іюля по 1 сент.). Приходъ 248 р. 35 к. (въ томъ числѣ отъ Пятигорской гр. 50 р. Расходъ 253 р. 40 к. (въ томъ числѣ содержаніе товарищей и поѣздки 163 р. 50 к., Тифлис. Ком. 50 р.).

Періодическая пресса. За отчетный періодъ вышли: **„Правда“** №№ 6, 7, 8 (по украински). Содержаніе: Нова царска брехня (о Госуд. Думѣ) — Чого хоче Соц.-Дем. Раб. Партія Россіи для селянъ? — Якъ царь съ панами та чиновниками обкрадае народъ? (о податяхъ) — Два вороги (о внѣшн. и внутр. врагахъ) — Боротьба царя съ народомъ. — По городамъ та селамъ. — За 2 мѣсяца (обозрѣніе). — Письма изъ селъ Полтавской губ. (Переяславск., Лохвицкій, Гадячскій, Полтавскій Кобелякскій, Золотоношскій, Лубенскій уѣздъ); изъ Подольск. губ. — Фельетонъ: „На смерть Каляева“ и „Дума про волю“ (стихотворенія). **„Пролетарское Дѣло“**, органъ Одесской группы № 3 (отъ 10 сент.). Содержаніе: Война съ народомъ и миръ съ Японіей. — Наканунѣ Государственной Думы (обзоръ проявленій бѣлаго террора). Изъ Одесской жизни (съ завода Ариса. — О медицинской помощи рабочимъ на фабрикахъ. — „Представители“ города). — Изъ жизни солдатъ (Письмо Мочедлобера; письмо солдата изъ Владивостока; наше начальство, отказъ офицера идти на войну, къ позорному столбу!) — Политическое обозрѣніе — Отъ ред. **„Московскій Рабочій Листокъ“ № 4.** Содержаніе: „Госуд. Дума и рабочій классъ“. — Что дѣлать? (о выборахъ народ. представителей) — Письма съ фабрикъ и заводовъ. — Хроника — Кровавые дни въ Баку. **„Иркутскій С. Д. Листокъ“** № 6 (сент.) **„Рабочій“**, органъ Ташкентской группы Р. С.-Д. Р. П., № 1 (на гектографъ 20 сентября).

Редакція „Пролетарскаго Дѣла“ проситъ товарищей о поддержкѣ газеты присылкой корреспонденцій и статей. Обращаемъ вниманіе организацій, ведущихъ работу въ деревнѣ на необходимость поддержки русскаго изданія „Правды“ (Сноситься съ ред. „Правды“ можно черезъ „Искру“ или Южн. Обл. К.).

Вышли изданія Петербургской группы: 1) Миръ (печ.) 2) Госуд. Дума или Учр. Собр.? (печ.) 3) Что намъ нужно? 4) **Московской гр.:** „Кровь пролита, товарищи!“. **Нижегородской группы:** Канавинскій листокъ № 1 (отъ район. центра, гект.). **Приволжской организаціи Нижегородской крестьянской группы:** „Къ рабочимъ села Безводнаго (50). **Тверского Ком.:** 1) Къ стеклянщикамъ 2) Къ рабочимъ фабрики Залогина 3) Призывъ къ всеобщей забастовкѣ 4) Ко всѣмъ рабочимъ Твери (3500). **Рижской группы:** 1) „Сбѣжитъ самодержавный тиранъ!“ (4000 по рус. 5000 по латышски) 2) Пѣсни революціи (2500 по латыш.) 3) Классъ противъ класса (изъ № 1 „Соц.-Дем.“, по рус. 2000) 4) О кавказск. событіяхъ (латыш., 5000) 5) Воззваніе о помощи жертвамъ Бакин. погрома и подписной листъ (1000 по рус. и латыш.) 6) Къ рабочимъ фабрики Бармана (гект. по рус. отъ центра Петерб. района) 7 Къ учащимся (2000, рус.) 8) Ст. Парвуса о Государств. Думѣ (500 рус., 500 латыш.) **Сморгонской орг.:** (совмѣстно съ группой Бунда): Къ кожевникамъ (гект. по рус. и еврейски). **Виленской гр.:** Ко всѣмъ кожевникамъ (1500, печ.). **Варшавскаго Ком.** военно-революціонной орг.: 1) Отвѣтъ матросовъ капитану Барановскому (изъ Соц.-Дем., печ.) 2) О Госуд. Думѣ (печ.). **Одесской гр.:** 1) Ближайшая задача студенчества (2000) 2) Отъ матроса къ солдату (лист. „Искры“ 3000) 3) Ко всѣмъ рос. гражд. (совмѣстно съ Ком. Бунда — о бойкотѣ Высоцкаго, 10.000). **Херсонской гр.:** 1) О Госуд. Думѣ (200 гект. по малорос.) 2 Ко всѣмъ рабочимъ г. Херсона (о казни солдатъ, 400, гект.). **Украинскаго Союза:** Матросъ до солдата (пер. листка „Искры“, 4.000). **Екатеринослав. Ком.:** 1) Къ прикащикамъ (2.000) 2) Страничка изъ рус. исторіи (о Гос. Думѣ, 5.500) 3) Они спѣшатъ! (лист. „Искры“, 10.000) 4) Отчетъ Комитета (1.500) 5) Царскій миръ (лист. „Искры“, 8.000) 6) Подымайтесь, солдаты! (тоже, 4.000) 7) Къ рабочимъ завода Ботте (гект.) 8) Къ типогр. Яковлева (гект.). **Никопольской орг.:** 1) Къ обществу (150) 2) Резолюція о Гос. Думѣ (700). **Бахмутской гр.:** 1) Ко всѣмъ мужскимъ портнымъ (печ., 300) 2) Товарищи-прикащики! (печ., 500) 3) Отчетъ съ 10 іюля по 10 сент. (300). **Донского Ком.:** 1) О погромахъ (8.000) 2) О послѣднихъ избіеніяхъ воровъ (печ.) 3) Долой выборныхъ прихвостней! (къ рабочимъ Владик. мастерскихъ, 1000) 4) и 5) Къ прикащикамъ (по 400). **Группы „Донцовъ“.** Къ родителямъ и учащимся (печ.). **Крымскаго Союза:** 1) Къ гражданамъ (О Думѣ, 12.000) 2) Царскій миръ (л. „Искры“ печ., 12.000) 3) Письмо Мочедлобера (7.000) 4) Они спѣшатъ (л. „Искры“, 12.000) 5) Подымайтесь, солдаты! (тоже, 15.000). **Керченской орг.:** Ко всѣмъ обманутымъ (о погромѣ, 3.000). **Кубанскаго Ком.:** Подымайтесь, солдаты! (печ.). **Ставропольскаго Ком.:** 1) Пѣсни революціи (250) 2) Отчетъ за августъ. **Терско-Дагестанскаго Ком.:** 1) Отчетъ за іюнь—сент. (гект.) 2) По поводу тифлис. событій (печ. 500) 3) Ко всѣмъ гражданамъ (о демонстраціи печ., 500). **Тифлисскаго Ком.:** Тифлисскій пролетаріатъ и городское управленіе (печ.). **Батумск. Ком.:** 1) Къ новоприбывшимъ солдатамъ (1800) 2) Подвиги правительства на пути реформъ (800) 3) О земствѣ (1000, всѣ печ.). **Союза Бакинскихъ рабочихъ:** 1) Ко всѣмъ рабочимъ и солдатамъ 2) Кровавая баня въ Тифлисѣ (2000) 3) Къ рабочимъ завода Кокорева (1000) 4) Ко всѣмъ солдатамъ 5) Политика капиталистамъ (2000). **Сибирскаго Союза:** Открытое письмо „Потемкинцевъ“ въ „Искру“ (печ.). **Читинскаго Ком.:** Къ гражданамъ Читы (печ., 1000). **Красноярскаго Ком.:** 1) Открытое письмо губернатору (2500) 2) О союзѣ жел. дор. рабочихъ (2850) 3) Письмо солдатъ 2 жел. дор. батальона (2.500).

Общее число зарегистрированныхъ здѣсь листковъ—приблизительно 230.000 экз.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

Бѣжали: **Изъ Мезени:** Шмапиръ (дѣло „Искры“ 1902 го, М. Булгаковъ, с.-р., Исаковъ, бунд., С. Клитчоглу, с.-р. **Изъ Якут** **обл.:** Иванъ Теодоровичъ (Моск. Ком. 1902 г.), Ив. Ратч (дѣло „Искры“). **Изъ Арханг. губ.:** В. П. Ногинъ. **Изъ Иркут** **тюремной больницы.** Костюшко Валюжаничъ, пол. катор., („Ро новецъ“). Прибылъ заграницу. **Изъ Пелыма Тоб. губ.:** Сергѣй Ре зенеръ, Леонидъ Потылицынъ, Маркъ Коганъ и Абрамъ За скій (ссыльно поселенцы).

Кіевъ. Арестована сходка 36 чел. При арестѣ отстрѣ лись. **Ростовъ н Д.** Многочисленные аресты. **Петербургъ.** В 2 типографіи и до 100 интеллигентовъ и рабочихъ.

Провокаторъ **Иванъ Васильевъ Доброскоковъ** извѣ подъ кличкой „Николай“. Работалъ въ технической организ Петербургской группы.

Петербургская Группа Р.С.Д.Р.П.
заявляетъ, что Иванъ Васильевъ
Доброскоковъ, извѣстный подъ
кличкой „Николай“ и работающій
въ технической организаціи
— провокатор

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

Терско Даг. Отчетъ полученъ. Спасибо. Пишите. **Луизѣ.** №№ 1, 2, 3 получены. Писали. Пишемъ еще. **Морозову.** Письмо и документъ получены. Письмо не раз. Повторите адреса. **Наташѣ.** На запросъ о явкѣ отвѣтили. **Сорванцу.** Отчего не пишете? Не хорошо забывать старыхъ друзей. **Ермаку.** Оба письма получены. Отвѣтили по новому адресу. Явку не разобрали. Повторите. **Беккеръ.** Газету получили. Пишите, у васъ-ли Буревѣстникъ. **Брату Ханы.** Сообщите Ваше теперешнее мѣстопребываніе. **Прикамск. гр.** Отчетъ и деньги получены. Спасибо. Отвѣтили по данному адресу.

Типографія Партіи, Rue de la Coulouvreniere, 27 Geneve.

Приложеніе къ № 112 „Искры“.

Послѣ войны.

(Окончаніе)

Пока въ газетахъ и брошюрахъ трепались принципы соціализма, въ организаціяхъ въ Россіи эти принципы отошли на задній планъ передъ вопросомъ о большинствѣ и меньшинствѣ. Не стало соціальдемократіи. Вмѣсто нея взаимнопоѣдающія другъ друга группы „большевиковъ“ и „меньшевиковъ“. Кто игнорировалъ конфликтъ, имѣя къ виду общія интересы рабочаго соціализма и задачи революціоннаго момента, тому не оказывалось мѣста въ конспиративныхъ организаціяхъ: его бойкотировали и „большевики“ и „меньшевики“.

И, если на одной сторонѣ было стремленіе зажать соціальдемократію въ кулакъ, то на другой развивалась все большая и большая организаціонная распущенность. Вначалѣ былъ хоть авторитетъ „Искры“. Но вскорѣ сказались конфликты и въ самой меньшевистской литературной коллегіи. Съ тѣхъ поръ единственнымъ связывающимъ моментомъ служитъ для „меньшевиковъ“ авторитетъ отдѣльныхъ личностей. А слѣдствіемъ организаціонной распущенности былъ организаціонный пессимизмъ и въ результатѣ тѣмъ большая организаціонная безпомощность передъ революціонными событіями.

Эта организаціонная безпомощность была возведена въ принципъ лозунгомъ „развязать революцію“, противопоставленнымъ организаціи революціи. Развязать революцію! Революціонное возстаніе разлилось по всей странѣ, оно вспыхиваетъ то здѣсь, то тамъ, случайно, безпорядочно, безъ связи безъ общей директивы. Массы неудержимо рвутся на борьбу, ищутъ средствъ борьбы, требуютъ, чтобы имъ указали, какъ и за что взяться, требуютъ революціоннаго руководства. И вмѣсто того, чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, революціонная партія отвѣчаетъ: „бей во всю! умножай, сколько возможно, частичныя, разрозненныя, разновременныя возстанія!“ Это значитъ: политической анархіи сверху противопоставить политическій хаосъ снизу.

Борьба представителей научнаго соціализма, который всегда былъ революціоннымъ и въ общемъ и въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, противъ бланкизма и революціоннаго авантюризма имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ тотъ историческій фактъ, что революція — продуктъ опредѣленнымъ образомъ сложившихся политическихъ условій а не можетъ быть создана заговоромъ. Но именно потому, что революцію нельзя сочинить, суть также и не въ томъ, чтобы ее развязать. Конечно, революціонная агитація не должна прекращаться никогда. Но во время революціи она отходитъ на задній планъ передъ революціонными событіями. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже болѣе полугода „развязываютъ“ въ Россіи революцію! Много ли было сдѣлано этимъ развязываніемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло на самомъ дѣлѣ?! Получается явленіе какъ разъ обратное: не то, что было мало революціонныхъ событій, а то, что не могли вполнѣ использовать тѣ событія, которыя были. Все, что мы можемъ внести въ революціонную борьбу, какъ въ политическую борьбу вообще, это — сознательность и организація. Главная задача революціонной партіи во время революціи именно и есть: изъ политическаго хаоса, созданнаго революціей, выдѣлить и слить ту политическую силу, которая могла бы свергнуть правительство и стать на его мѣсто.

На почвѣ организаціонной безпомощности получилось скитаніе политической массы, неумѣніе дать рѣшительный отвѣтъ на рѣшительные запросы революціи. Побѣдоносная революція дѣлаетъ тотъ классъ, который явился главнымъ ея носителемъ, на время господиномъ государственной власти. Дальнѣйшее политическое развитіе страны идетъ по равнодѣйствующей ея общественныхъ силъ. Конечно, мы въ Россіи революціей пока что подготовляемъ политическое господство буржуазіи. Но отсюда еще не вытекаетъ, что, завоевавъ политическую власть, русскіе рабочіе должны безъ борьбы уступить ее своимъ классовымъ врагамъ. Какъ только революція въ Россіи стала политическимъ фактомъ, передъ русской соціальдемократіей возстала задача — овладѣть государственной властью и использовать ее, конечно въ соотвѣтствіи съ экономическими условіями Россіи, въ интересахъ рабочаго класса. Меньшевики отступили передъ этой задачей и углубились въ разсужденія о томъ, не лучше ли, когда революціонная армія пролетаріата одержитъ верхъ, тотчасъ же добровольно уступить политическую власть буржуазной демократіи. Это была та же робость мысли, которая mutatis mutandis, заставила Бернштейна пророчествовать нѣмецкой соціальдемократіи „колоссальное пораженіе“, если она въ ближайшемъ окажется во главѣ государства.

Прикрытіемъ этого взгляда служило имъ, какъ и Бернштейну, фаталистическое пониманіе вытекающаго изъ классовыхъ отношеній историческаго развитія. Если бы классовыя отношенія просто и непосредственно опредѣляли историческій ходъ событій, то намъ незачѣмъ было бы голову ломать: оставалось бы только подсчитать моментъ соціальной революціи подобно тому, какъ астрономы разсчитываютъ моментъ прохожденія планеты, а затѣмъ сидѣть и посматривать. На самомъ дѣлѣ, соотношеніе классовъ прежде всего порождаетъ политическую борьбу. Конечный результатъ этой борьбы опять таки опредѣляется развитіемъ классовыхъ силъ. Но весь ея историческій ходъ, охватывающій столѣтія, находится въ зависимости отъ массы побочныхъ экономическихъ, политическихъ, національныхъ, культурныхъ условій, а также отъ революціонной энергіи, отъ политической сознательности борющихся сторонъ, отъ ихъ тактики и умѣнья пользоваться политическимъ моментомъ. И на всемъ протяженіи классовой борьбы государственная власть играетъ огромную роль. Общественный классъ можетъ при помощи государственной власти продлить свое господство даже наперекоръ экономическимъ условіямъ. Такъ капитализмъ въ Западной Европѣ давно уже стоитъ на пути экономическому развитію общества. При помощи государственной власти можно ускорить переходъ отъ капитализма къ соціализму подобно тому, какъ самъ капитализмъ даже просто при помощи военной силы разрушалъ старыя экономическія формы и ускорялъ переходъ къ капиталистическому производству. Еще болѣе подвержены измѣненіямъ промежуточныя политическія формы. Само царское самодержавіе десятки лѣтъ держалось силой наперекоръ экономическому и политическому развитію страны. Въ Россіи внѣ соціальной революціи въ Западной Европѣ, въ настоящее время не осуществимъ соціализмъ. Но какова будетъ *форма* господства капитализма, какова будетъ сила его государственной власти, каковъ будетъ парламентъ, насколько демократично будетъ дальнѣйшее развитіе нашей родины, какую роль при этомъ будетъ играть пролетаріатъ, это въ значительной степени зависитъ отъ побѣды революціи, отъ хода революціи, отъ революціонной энергіи русскихъ рабочихъ, отъ политической рѣшимости соціальдемократіи и отъ того, удастся ли ей, хоть на время, использовать государственную власть въ интересахъ трудящихся массъ.

Организаціонный схематизмъ и политическая узость на одной, организаціонная распущенность и политическая нерѣшительность на другой сторонѣ. Нетерпимость и тутъ, и тамъ. И на обѣихъ сторонахъ неумѣнье подчинить побочные интересы и организаціи и тактики великимъ задачамъ великаго историческаго момента.

Та или другая организаціонная форма, *совмѣстная работа* прежде всего. Движеніе въ своемъ развитіи измѣняетъ и приспособляетъ къ себѣ организаціонную форму. А они думали, что ребенокъ растетъ по рубашкѣ! Но нѣтъ такихъ желѣзныхъ тисковъ, которыми можно было бы задержать ростъ рабочаго движенія.

Развязать ли революцію или организовать ее, вступать ли во временное правительство, или послать въ него демократовъ, соціальдемократіи прежде всего необходимо было выступить какъ *единая, сплоченная партія*. Та или другая тактика, прежде всего нужно создать политическую силу, чтобы ее использовать. Если нѣтъ силы, то не помогутъ никакія теоретическія разсужденія. Если есть сила, то она въ концѣ концовъ сама пробиваетъ себѣ путь къ вѣрной тактикѣ — событія подчиняютъ себѣ идеи и планы вожаковъ. Слѣдовательно, необходимо было *концентрировать силы*, а они дробили силы своими спорами и раздорами.

Въ главномъ штабѣ арміи могутъ быть разныя мнѣнія. Но всетаки одно какое нибудь рѣшеніе должно быть проведено всѣми. Если же армія распадается на двѣ части, изъ которыхъ каждая будетъ проводить свою тактику, независимо отъ другой, то будетъ побита вся армія, несмотря на самую совершенную тактику, придуманную той или другой стороной. А у насъ не только двѣ части шли независимо другъ отъ друга, онѣ къ тому еще открыто враждовали между собой — передъ лицомъ врага.

Наша главная сила — *идейная связь*, покоящаяся на пониманіи общихъ законовъ политическаго развитія. Они расторгнули эту связь, подставивъ на мѣсто нея мелкія передряги.

Мы такъ долго готовились къ революціи. А когда она настала, мы оказались не въ состояніи ее использовать. Повторилась евангельская притча о дѣвахъ, которыя ждали жениха, а когда женихъ пришелъ, у нихъ не оказалось масла въ лампадахъ.

Мы вели революціонную борьбу, когда революція въ глазахъ другихъ была утопіей. Когда настали революціонныя времена, взоры всѣхъ были устремлены на насъ. Ясно было всѣмъ, что теперь наше время пришло. И въ этотъ моментъ мы представили странѣ картину разрозненности, растерянности и безпомощности.

Какъ трудно было раньше подступить къ „индифферентной массѣ“! Не стало индифферентной массы, нѣтъ ея больше, революція ее снесла. Революція подняла рабочій классъ и повела его намъ навстрѣчу. Открылись тысячи возможностей организаціи рабочихъ, о которыхъ мы раньше могли лишь мечтать. Гдѣ результаты этой работы? Кой гдѣ и кой что, а въ общемъ — ничего. Напротивъ, все больше и больше чувствуется *отчужденіе рабочихъ массъ* отъ интеллигентской соціальдемократіи.

Революція выдвинула сотни *дѣятелей изъ рабочей среды*. Партія совершенно оказалась не въ состояніи вовлечь ихъ въ свою среду. Они остались *внѣ партіи*. *Палъ авторитетъ партіи*.

И вотъ къ рабочимъ массамъ начинаютъ подбираться *оппортунисты* разныхъ оттѣнковъ.

Этого ли добивались? Исходнымъ пунктомъ одушевляющей идеей всей распри и на той и на другой сторонѣ было желаніе укрѣпить соціальнореволюціонный характеръ партіи была борьба съ оппортунизмомъ, но именно своими распрями, ослабляя революціонную энергію партіи, понижая ея престижъ, онѣ открыли путь — оппортунизму!

Что же дальше? Что нужно покончить съ организаціонной распрей, обезпечивъ, разумѣется, борьбу мнѣній, это вытекаетъ изъ всей исторіи раскола. Но какъ этого достичь? Снизу? Сверху? И съ той и съ другой стороны. А главное, нужно внести въ движеніе тотъ *массовой регулятивъ*, отсутствіе котораго породило всю путаницу. Какъ это сдѣлать, или вѣрнѣе какъ это *произойдетъ*, ибо несомнѣнно историческій процессъ *долженъ* выдвинуть въ Россіи единую, сплоченную соціальдемократическую рабочую партію, объ этомъ мы поговоримъ особо.

Парвусъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ ТОВ. ПАРВУСА.

Тов. Парвусъ очень грозно и очень краснорѣчиво двинулся въ походъ противъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, дробитъ силы соціальдемократіи.

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы эта статья тов. Парвуса оказала какую-нибудь услугу дѣлу объединенія соціальдемократическихъ силъ.

Нетрудно, безъ сомнѣнія, мысленно поставить себя *надъ* „фракціями“ и, съ высоты своего надфракціоннаго превосходства, „костить“ зарвавшихся грѣшниковъ. Но никогда еще съ этой „возвышенной“ позиціи не удавалось внести хоть какое нибудь умиротвореніе въ лагерь враждующихъ. Не было недостатка въ подобныхъ попыткахъ во время кризиса въ французской соціальдемократіи, но только тогда объединеніе ея стало дѣломъ реальнымъ, когда *сами* „фракціи“ стали серьезно желать объединенія.

Тов. Парвусъ, какъ и подобаетъ человѣку, желающему стоять „надъ“ дѣйствительной партіей, тщательно избѣгаетъ вникнуть въ *дѣйствительное* положеніе вопроса объ объединеніи двухъ фракцій. Если бы онъ постарался это сдѣлать, онъ долженъ былъ бы высказать свое мнѣніе о достоинствахъ и недостаткахъ той „объединительной политики, которую“, по своему, ведетъ каждая изъ фракцій. Неограничиваясь одними воздыханіями о тщетѣ раздоровъ, каждая изъ нихъ формулировала свои *условія*, которыя могли бы служить базисомъ для соглашенія. „Большинство“ формулировало эти условія на своемъ съѣздѣ, „меньшинство“ — на конференціи и, позднѣе, въ резолюціи Организаціонной Комиссіи. Что бы тов. Парвусу бросить взглядъ на тѣ и другія условія и высказать свое мнѣніе при годности ихъ для прочнаго объединенія? Тов. Парвусъ этого не дѣлаетъ. А между тѣмъ, если бы онъ это сдѣлалъ, то ему пришлось бы констатировать, во-первыхъ, что условія, выставленныя „меньшинствомъ“, очень близко подходятъ къ тѣмъ, которыя выставлены самимъ т. Парвусомъ въ его письмѣ къ Тверскому Комитету, помѣщенномъ въ свое время въ „Искрѣ“. Тѣмъ самымъ ему пришлось бы признать, что одна изъ враждующихъ фракцій *уже* стоитъ на томъ пути, который онъ Парвусъ, считаетъ единственно ведущимъ къ разрѣшенію терзающаго партію кризиса. Во-вторыхъ, онъ долженъ былъ бы констатировать, что, формулируя свои условія объединенія, „меньшинство“ озаботилось о томъ, чтобы „ввести въ движеніе тотъ *массовой* регулятивъ отсутствіе котораго породило всю путаницу“.

Но, если бы онъ все это констатировалъ, то ему бы пришлось, далѣе, признать, что не принятіе „большинствомъ“ *такихъ* условій означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что эта фракція еще не сознала той необходимости единства, о которой такъ краснорѣчиво пишетъ тов. Парвусъ; что хотя для нея партійный расколъ и не представляетъ ничего отраднаго, но единственно возможный объективно путь къ объединенію представляется ей не меньшимъ, если не большимъ зломъ, чѣмъ самъ расколъ. Дойдя до этого вывода, тов. Парвусъ долженъ былъ бы сдѣлать то заключеніе, что одна изъ фракцій *психологически* еще не совсѣмъ готова къ объединенію. Это признаніе, конечно, сдѣлало бы для т. Парвуса *фактически* невозможнымъ сохраненіе „над-фракціонной“ позиціи, оно — о ужасъ! — окрасило бы позицію самого т. Парвуса въ вопросахъ объединенія въ „фракціонный“ цвѣтъ. И такъ какъ „над-фракціонная“ позиція должна быть сохранена прежде всего, то тов. Парвусъ долженъ былъ пройти мимо фактической исторіи попытокъ возстановленія единства. Онъ предпочелъ обрушиться со всей силой преимущественно на ту „фракцію“, которая признала желательность пропагандируемаго *имъ самимъ* единства.

„Меньшевики“ говоритъ тов. Парвусъ, создали „организаціонную распущенность“. Это — тотъ самый упрекъ, который раньше высказали и „большевики“, и тов. Плехановъ. Такъ какъ тов. Парвусъ никогда не усматривалъ нашей „распущенности“ въ отступленіи отъ Ленинскаго „перваго параграфа“, то, очевидно, для него, какъ и для товарища Плеханова, наша „распущенность“ проявилась въ томъ, что, организуясь въ отдѣльную фракцію, мы не создали тотчасъ же „центральнаго комитета“, а предпочли назвать свой практическій центръ Орг. Коммиссіей и поручили ему создать на новыхъ началахъ нарушенную связь между организаціями. Эта работа замѣтно подвинулась впередъ со времени заграничной конференціи и, хотя мы и очень далеки еще отъ организаціоннаго идеала, но, смѣло можемъ завѣрять тов. Парвуса и тов. Плеханова, уже теперь наша фракція, какъ цѣлое организована ничуть не менѣе прочно, чѣмъ организація „большевиковъ“.

Въ первой статьѣ своей тов. Парвусъ ссылаясь на Аксельрода, Старовѣра и Плеханова, подчеркиваетъ *интеллигентское* происхожденіе нашей партіи и признаетъ, что эта ея природа и должна была, въ концѣ концовъ, при переходѣ къ политической борьбѣ въ собственномъ смыслѣ слова, вызвать тотъ партійный кризисъ отъ котораго мы страдаемъ. Очень хорошо. Но почему же во *второй* половинѣ статьи тов. Парвусъ позабылъ объ этомъ основномъ моментѣ нашего кризиса? Ибо, если бы онъ о немъ не позабылъ, онъ долженъ былъ бы видѣть, что, пока эта болѣзнь — интеллигентскій характеръ организаціи — не преодолѣна партіей, до тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока „массовой регулятивъ“ не сталъ еще замѣтно вліять на политику той и другой фракціи — до тѣхъ поръ на пути къ объединенію стоятъ такія препятствія, которыя не существовали бы при наличности двухъ *массовыхъ* партій.

Основной организаціонный принципъ каждой партіи — подчиненіе большинству. И обѣ наличныя фракціи могли бы легко сойтись на признаніи этого принципа. Но когда партія только *становится* рабочей, когда она, въ значительной части своей состоитъ еще только изъ кружковъ *руководителей*, когда при этомъ она работаетъ въ нелегально конспиративныхъ рамкахъ, то совершенно невозможно бываетъ сговориться о томъ, *какъ опредѣлять большинство?* Тов. Парвусъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что между наличными фракціями по этому поводу существуетъ значительное расхожденіе. Вмѣсто того, чтобы краснорѣчиво говорить о вредѣ „дрязгъ“ онъ долженъ былъ бы предложить опредѣленныя организаціонныя нормы, которыя, будучи приняты всѣми, позволили бы „фракціямъ“ растворяться въ партіи во имя ея несомнѣнной и ясно выражающейся воли. Если это не возможно, то для объединенія остается одинъ только путь — соглашеніе фракцій, гарантирующее имъ, до поры, до времени въ предѣлахъ единой партіи, ихъ фракціонное существованіе. Какъ ни плохо *такое* объединеніе, оно все же лучше теперешняго положенія. Но, чтобы ему содѣйствовать, необходимо не плодить „третьихъ фракцій“, а способствовать уже существующимъ въ ихъ попыткахъ достигнуть хотя бы такого modus vivendi.

Между тѣмъ, путь, избранный товарищемъ Парвусомъ, въ своемъ логическомъ развитіи ведетъ именно къ образованію новыхъ группъ... Во имя объединенія уже существующихъ или же къ „пульверизаціи“ существующихъ фракцій, во имя сплоченія пульверизованныхъ элементовъ вокругъ *лозунга* „единая партія“, но не вокругъ какого нибудь реальнаго организма. Добро бы еще роль послѣдняго смогла сыграть отдѣльная личность. Но наше движеніе уже слишкомъ широко и сознательно, чтобы его удалось „обмотать“ вокругъ отдѣльной личности. Если это не удастся, если мы только научимъ лучшихъ большевиковъ „не признавать“ своей фракціи, а лучшихъ меньшевиковъ своей, то мы именно и получимъ ту „организаціонную распущенность“, тотъ организаціонный хаосъ, въ порожденіи котораго обвиняются „фракціи“.

Мы думаемъ, что нельзя хуже служить дѣлу партійнаго объединенія, какъ этой безпредметной войной противъ „фракціонности“, ведущей только къ соблазну для каждаго интеллигента создать свою фракцію и... свой собственный партійный скандалъ въ придачу.

Тамъ, гдѣ большевики и меньшевики одинаково чувствовали острую потребность въ объединеніи, имъ удалось установить извѣстный modus vivendi не образуя 3-ей фракціи, но исходя изъ существованія двухъ и взаимно гарантируя мѣстнымъ членамъ той и другой связь съ своей фракціей. Такъ сдѣлано въ Сибири, на Волгѣ и въ Литвѣ. Подобнаго рода соединеніе гораздо дѣйствительнѣе пролагаетъ путь къ общему объединенію, чѣмъ всѣ краснорѣчивыя филиппики противъ фракцій.

Мы здѣсь можемъ не останавливаться подробно на тактическихъ разсужденіяхъ тов. Парвуса. Они не даютъ ничего новаго для уясненія его позиціи, по сравненію съ тѣмъ, что было нами сказано послѣ 9-го января въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Искрѣ“. Критика же нашего лозунга „развязать революцію“ основана на странномъ непониманіи. Никогда этотъ лозунгъ не покрывалъ собою нашу дѣятельность. Рядомъ съ нимъ, мы давали лозунгъ: организовывать *массы*, т. е. организовать дѣйствительно революціонныя силы. Организація силъ революціи можетъ пониматься двояко. Можно стремиться организовать ихъ въ сторонѣ отъ открытой, стихійно вспыхивающей борьбы, пользуясь, конечно, результатами этой послѣдней. Это будетъ бланкистская организація революціонныхъ силъ которая обязываетъ, въ интересахъ подготовки *планомѣрныхъ* дѣйствій революціонной партіи, не участвовать въ стихійно возникающихъ движеніяхъ и даже пытаться *задерживать* ихъ, дабы не растрачивать своихъ силъ“ организованныхъ силъ революціи. На такую точку зрѣнія стали практически иные „большевики“ послѣ 9-го января, когда они считали полезнымъ не „раздувать“ поднявшагося въ провинціи движенія, дабы готовиться къ слѣдующему „штурму“. Этой точкѣ зрѣнія не былъ чуждъ и тов. Парвусъ. Мы же полагали, что только участвуя въ стихійно возникающихъ движеніяхъ и стремясь довести ихъ до максимальнаго революціоннаго напряженія, т. е. „развязывая революцію“ мы будемъ имѣть передъ собой тѣ реальныя революціонныя силы, организація которыхъ сдѣлаетъ для насъ возможнымъ все болѣе аггрессивныя планомѣрныя дѣйствія. Соображеніе о томъ, что революція кипитъ кругомъ насъ и что нечего ее „развязывать“, совершенно поверхностно. Революціонная активность и сознательность народныхъ массъ оставляютъ желать весьма многаго и, какъ бы ни была совершенна наша собственная „организація руководства“, мы почти ничего не сдѣлаемъ, если не приложимъ всѣхъ своихъ силъ къ развитію этой активности и сознательности. Такой взглядъ не ведетъ нисколько къ пренебреженію организаціей партійныхъ силъ, къ преклоненію передъ стихіей. Напротивъ, только на постоянной практикѣ руководства частными движеніями и развитія ихъ до максимума революціонной напряженности и можетъ сложиться нужная намъ организація. Отсюда очень далеко до нелѣпаго лозунга „бей во всю!“

Тов. Парвусъ, защищая свою тактику „захвата власти“ и „рабочаго правительства“, повторяетъ доводъ Ленина о нашей „боязни“ рѣшительной побѣды. Со стороны тов. Парвуса этотъ упрекъ звучитъ очень странно. Ленину, говоря это, позволительно забывать, что борьба *съ властью* въ данный моментъ не есть борьба съ буржуазнымъ обществомъ; поэтому, и завоеваніе власти нами не будетъ нашей побѣдой надъ этимъ обществомъ. Поскольку уничтоженіе господствующей власти лежитъ въ интересахъ буржуазнаго общества, постольку и захватъ власти въ *наши* руки будетъ, въ конечномъ счетѣ, побѣдой буржуазнаго общества надъ царизмомъ. Правительство Ленина, ограничивающаго свою задачу введеніемъ въ Россіи республики, и правительство какого нибудь буржуазнаго революціонера, дѣлающаго то же, по существу, будутъ означать собой одну и ту же побѣду буржуазнаго общества. Борьба между послѣднимъ и нами за государственную власть начнется только съ этого момента, и мы полагаемъ, что *начинать* эту борьбу въ роли *правящей* партіи невыгодно для пролетаріата. Объ этомъ мы много говорили и на тов. Парвусѣ теперь лежитъ onus probandi — обязанность доказать, что наши соображенія неосновательны. Упоминаніемъ о фразѣ Бэрнштейна можно доказать только то, что не владѣешь аргументами по существу дѣла.

Закончимъ добрымъ совѣтомъ: „над-фракціонныхъ примирителей“ теперь въ нашей партіи очень много, и каждый изъ нихъ хочетъ „спасать“ партію на свой манеръ. Что, если бы они начали съ объединенія своихъ собственныхъ силъ для того, чтобы показать добрый примѣръ?

СУГУБОЕ БЛАГОРОДСТВО „РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ“ 1)

„...Не взыщите: честность ярая
Одолѣла до ногтей...“
(*Некрасовъ*)

Цѣлыхъ восемь страницъ мелкой печати понадобились редакціи „Революціонной Россіи“, чтобы отвѣтить на обвиненіе „Искры“, будто с.-р. стремится „примазаться“ къ черноморскимъ событіямъ.

„Эксперты чести“ par excellence — авторы „Приложенія“ не *опровергаютъ* противника, а стараются *осрамить* его: они выставляютъ его „къ позорному столбу“, упрекаютъ въ „недобросовѣстности“ и даже просто предлагаютъ ему „устыдиться“...

Пріемъ простой! Кому же придетъ въ голову, что „квалифицированный“ проповѣдникъ добросовѣстности самъ недобросовѣстенъ?

Съ „краской гнѣвной скорби“ на лицѣ приступаетъ редакція Р. Р. къ своей *первой* передержкѣ и на первой же страницѣ предусмотрительно приписываетъ „Искрѣ“ иниціативу въ возгорѣвшейся полемикѣ, сваливаетъ на нее отвѣтственность за весь „обширный и шумный походъ“ аргонавтовъ соціаль-революціонизма за золотымъ руномъ „преобладанія въ революціонномъ дѣлѣ.“

Однако, — говоря словами же почтенной редакціи — „вѣдь слишкомъ легко предъявить подлинный текстъ „Революціонной Россіи“ и вывести обманъ наружу“!

Въ самомъ дѣлѣ, №70 „Р. Р.“ появился тогда, когда въ „Искрѣ“ еще вовсе не упоминалось имени „партіи с.-р.“ рядомъ съ сообщеніями о черноморскихъ событіяхъ. Было извѣстно только, что планъ возстанія во флотѣ — по иниціативѣ самихъ же матросовъ — обсуждался Севастопольской соціаль-демократической организаціей.

Такого сообщенія не могла пропустить „Революціонная Россія“! И, разумѣется, не „духъ фракціонности“ и не „интересы своего прихода“ побудили ее заявить, что въ черноморскомъ флотѣ *уже давно* ведется революціонная пропаганда какъ с.-д., *такъ и с.-р.* (№70. Письмо изъ Бухареста).

Уже давно!

Это смѣлое заявленіе немедленно подтверждается „строго-фактическими“ данными, приводимыми въ статьѣ „О пропагандѣ въ Севастополѣ въ 1902-1903 гг.“ (въ томъ же номерѣ „Революціонной Россіи“). Изъ этой статьи мы узнаемъ, что „составившаяся въ Севастополѣ въ началѣ іюля 1903 года группа с.-р.“ просуществовала до декабря 1904 г. когда ее постигъ „нежданный и полный разгромъ“, и когда „былъ взятъ Гриневскій“.

Итакъ, группа существовала *полтора* года!

---

1) См. „Приложеніе къ №72 Революціонной Россіи“

Это неожиданное открытіе поразило насъ, но мы хотѣли отнести его на счетъ оплошности наборщиковъ. И только прочитавъ въ „Приложеніи къ №72 Р. Р.“ ссылку на ту же статью относительно *времени прекращенія*, „подъ ударами правительственныхъ гоненій правильной и систематической работы“ с.-р. въ Севастополѣ, — мы дѣйствительно“ „устыдились“... за „Рев. Россіи.“

Какъ намъ ни „совѣстно“ огорчать редакцію почтеннаго органа, но мы должны засвидѣтельствовать, что она — „сознательно или безсознательно“ — *продлила существованіе* „своей“ группы *ровно на 13 мѣсяцевъ*, отодвинувъ „нежданный“ разгромъ, произведенный жандармами, съ 13 ноября 1903 года (арестъ Гриневскаго) до декабря 1904 г.

Но этого мало. Мы напомнимъ еще редакціи „Р. Р.“, что и въ остающіеся пять мѣсяцевъ работа „группы с.-р.“ велась далеко не правильно не систематически“. Регулярно работалъ лишь *первый составъ* этой группы, просуществовавшій всего мѣсяца полтора или два. Въ дальнѣйшемъ (съ конца августа 1903 г.) работа с. р. пошла быстро на убыль, и, напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и дѣятельныхъ“ Севастопольскихъ соціалистовъ-революціонеровъ — „Вѣра Николаевна“ — передъ своей высылкой работала *подъ руководствомъ соціаль-демократіи* въ одномъ изъ соціаль-демократическихъ военныхъ кружковъ. *Въ то время* этотъ „вліятельный“ членъ партіи с.-р. вообще очень мало разбирался въ програмныхъ вопросахъ.

Чтобы покончить съ „строго-фактической“ статьей „Р. Р.“ приходится упомянуть еще о тѣхъ 15 „вполнѣ сознательныхъ энергичныхъ и горячихъ“ матросахъ, къ которымъ „послѣ разгрома группы с.-р. перешла вся агитаціонная работа“.

Нѣкоторымъ изъ насъ пришлось до полугода сряду работать среди Севастопольскихъ матросовъ, и мы можемъ констатировать, что *съ начала 1904* г. среди матросовъ въ Севастополѣ не существовало *ни одного кружка соціалистовъ революціонеровъ*. Намъ не приходилось встрѣчаться съ какой бы то ни было с. р. литературой въ матросской средѣ, и мы знали только человѣкъ шесть матросовъ, *называющихъ* себя соціалистами-революціонерами.

Однако и это былъ только „поверхностный партійный ярлыкъ“. Они не вели самостоятельной работы, и сами вошли въ наши пропагандистскіе кружки. *Основой* же нашей организаціонной работы во флотѣ явилась группа изъ шести матросовъ с.-д., организованная товарищемъ матросомъ Д.

Этотъ же товарищъ Д., пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ среди матросовъ и имѣвшій среди нихъ широкія связи, и положилъ въ сущности начало организованной работѣ во флотѣ.[1]

Если у читателя осталось еще сомнѣніе въ томъ, *для чего* понадобилось Р. Р. внезапное опубликованіе „почти достовѣрныхъ“ данныхъ о работѣ с. р. въ Севастополѣ, то намъ остается только привести ему еще немного „подлиннаго текста“ Революціонной Россіи.

„Такимъ образомъ“, — читаемъ мы въ 70 № на страницѣ 4 — „правильная работа с. р. въ Севастополѣ прекратилась, но слѣдъ ея не затерялся и *не могъ заглохнуть; пожаръ уже былъ пущенъ*, и нѣтъ той силы, которая могла бы его остановить“.

Или иначе: „Благодаря необычайно счастливымъ условіямъ — крамола пустила сразу глубокіе корни въ Черноморскомъ флотѣ, и вопросъ былъ *только во времени* (!); нужно было *подождать*, пока взойдутъ заброшенныя въ него революціонныя сѣмена“ (тамъ же курсивъ нашъ).

Будемъ справедливы. „Р. Р.“ ждала очень терпѣливо. Она не замѣтила[2] даже, что за время ея ожиданій выросла и окрѣпла флотская организація при „Крымскомъ Союзѣ“, подчинившая своему вліянію матросскую массу. И теперь гг. соціалисты революціонеры, невинные какъ младенцы, радуются „пущенному“ ими „пожару“...

„Вопросъ былъ *только* во времени“!

Съ этой точки зрѣнія никакого вниманія, разумѣется, не заслуживаетъ работа соціальдемократовъ, ведшаяся въ теченіе этого „времени“!

Теперь вы понимаете, читатель, какъ „нелѣпо“ обвиненіе Р. Р. въ стремленіи приписать „себѣ и даже исключительно себѣ“ начало работы въ Черноморскомъ флотѣ.

Чтобы доказать всю „нелѣпость“ такого обвиненія и показать, что она рѣшительно ничего *себѣ* не приписываетъ, „Рев. Р.“ напоминаетъ намъ о „дорогой, но слишкомъ часто забываемой“ памяти тѣхъ, кто „дѣйствительности началъ *эту* работу“ — о памяти революціонеровъ 70-ыхъ годовъ.

Однако, „дорогая память“ погибшихъ борцовъ — это только ширма, которой Р. Р. скромно прикрываетъ „заслуги“ своей партіи.

„Недостойнымъ революціонера“ — считаетъ редакція Р. Р. — „изъ узкихъ приходскихъ интересовъ отрицать или забрасывать грязью работу революціонеровъ другихъ фракцій“.

Еще бы: истина для „Революціонной Россіи“ дороже всего!

Правда, еще въ ноябрѣ она отрицала нашу работу среди матросовъ; правда въ письмѣ изъ Бухареста она хотѣла убѣдить своихъ читателей, что на „Потемкинѣ“ соціаль-демократовъ „повидимому или *совсѣмъ не было*, или было очень немного“. Но когда участіе соціальдемократовъ въ черноморскомъ возстаніи стало слишкомъ очевиднымъ, — „Р. Р.“ готова „первая“ провозгласись „честь и славу“ тѣмъ соціаль-демократамъ, „которые направили свои силы на пробужденіе соціалистическаго сознанія въ матросской средѣ“. Она добавляетъ только, что эти усилія „являются оторванными отъ всей революціонной исторіи моментомъ: они входятъ въ общую сѣть, приготовленную усиліями нашихъ предшественниковъ, они сплетаются съ работой *революціонеровъ другихъ направленій*“ (курсивъ нашъ).

Исключите читатель, изъ числа этихъ „революціонеровъ другихъ направленій“ дѣятелей 70 годовъ, результаты работы которыхъ давно уже вытравила реакція 80-90 годовъ, и которые вспоминаются, конечно, лишь для парада. Вы увидите тогда что болѣе чѣмъ полуторагодовая *непрерывная* дѣятельность соціальдемократовъ въ Севастополѣ входитъ лишь какъ одна изъ петель въ „общую сѣть“, подготовленную трехъ или четырехъ-мѣсячными разрозненными „усиліями“ соціалистовъ-революціонеровъ.

Вы поймете, конечно, что эта глубоко — „историческая“ истина провозглашается „только для возстановленія искаженной „Искрой“ правды“.

Вы почувствуете, сколько „омерзѣнія“ внушаетъ эта тактика „Искры“, отрицающей возстановленную „правду“.

Вы поймете, наконецъ, какую „самую превосходную степень“ благородства проявила (и то подъ давленіемъ фактовъ). „Рев. Россія“, провозглашая „честь и славу“ отдѣльнымъ соціальдемократамъ и умалчивая о роли *соціаль-демократической партіи* въ дѣлѣ развитія революціоннаго движенія среди матросовъ Черноморскаго флота.

А понявъ все это, вы легко уже сможете разрѣшить вопросъ: кто повиненъ въ полемикѣ, возгорѣвшееся „по поводу событія, которое... и т. д.

Кто повиненъ въ ней: тотъ, кто солгалъ, или тотъ, кто уличилъ лжеца?!

„Революціонная Россія знаетъ, что исторія не ждетъ, и кто не бѣжитъ (!) впереди ея колесницы, того она безжалостно давитъ или отбрасываетъ въ сторону“...

При каждомъ крупномъ революціонномъ взрывѣ среди народныхъ массъ редакція „Р. Р.“ пытается *забѣжать впередъ*“ колесницѣ исторіи.

И каждый разъ она можетъ сказать о себѣ то, что сказалъ Людовикъ XVI, возвращенный народомъ въ Парижъ, послѣ своей — тоже неудачной попытки „бѣжать“ за предѣлы франціи:

„Глупое же я совершилъ путешествіе“...

Бывшіе члены Крымскаго Союзнаго Комитета, работавшіе въ Севастопольсой организаціи Союза: Валерій, Евгеній, Юлія.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Нижній Новгородъ. Организованные рабочіе Сормова нѣсколько разъ собирались для обсужденія вопросовъ о Государственной Думѣ, о вооруженномъ возстаніи и т. д. Присутствовало отъ 150 до 200 человѣкъ каждый разъ. На одномъ собраніи, гдѣ были „большевики“ и с.-р.—ы (свыше 200 чел.), выяснялся планъ „Искры“. Дискуссія продолжалась часовъ пять. Представитель „большинства“ ежеминутно клалъ руку на сердце и спрашивалъ: могутъ ли крестьяне, при своей темнотѣ, награждать своихъ выборщиковъ императивными мандатами? Нашему оратору оставалось только возразить, что не лучше ли, принимая во вниманіе эту „темноту“, приглашать крестьянъ давать императивные мандаты, чѣмъ насиліемъ заставлять отказываться отъ выборовъ? что такая тактика скорѣе будетъ усвоена крестьянами и ея примѣненіе лучше подготовитъ атмосферу для возстанія, а частью и самое возстаніе. Результаты дискуссіи были для насъ нѣсколько неожиданны и, пожалуй, нежелательны. Нѣкоторые рабочіе заявили нашему оратору, что теперь они ни за что не согласны объединяться съ „большевиками“ — лучше выйдутъ изъ партіи. Объясняется это особенно концомъ рѣчи „большевика“, который старался показать, что если выбранные въ Думу депутаты потребуютъ созыва Учредительнаго Собранія, а рабочіе и крестьяне съ оружіемъ въ рукахъ ихъ поддержатъ, то это „затемнитъ классовое самосознаніе пролетаріата“ и видимое вліяніе перейдетъ отъ соціальдемократіи къ депутатамъ. Это, само по себѣ, было уже недурно, но ораторъ еще усилилъ эффектъ, заявивши торжественно: „можетъ ли вооруженный пролетаріатъ, подъ руку съ крестьянствомъ, поддерживать депутатовъ, которые требуютъ только демократическую часть нашей программы — Учр. Собр.?“ „Вспомните слова Плеханова: революціонное движеніе восторжествуетъ какъ рабочее движеніе или вовсе не восторжествуетъ“. Закончилъ онъ вопросомъ: „есть ли такая соц.-дем. партія, которая, ради достиженія демократическихъ требованій, соединилась бы въ блокъ съ буржуазными партіями?“ (все это — по поводу предполагаемой поддержки пролетаріатомъ буржуазныхъ депутатовъ Думы). Мы охотно удовлетворили его любопытство, указавъ ему, что онъ то и принадлежитъ къ той партіи, которая поставила себѣ цѣлью объединиться съ буржуазіей во временномъ правительствѣ.

Къ военно-революціоннымъ организаціямъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Война, обнаружившая недовольство въ казармѣ и участившіяся столкновенія солдатъ съ возстающимъ народомъ, выдвинули передъ партіей необходимость работы въ войскахъ. Но пріемы этой работы и условія ея значительно отличаются отъ пріемовъ и условій работы въ пролетаріатѣ и работники, привыкшіе къ этой послѣдней, приступая къ агитаціи среди солдатъ, испытываютъ значительныя затрудненія; накопленный ими опытъ не даетъ здѣсь желанныхъ результатовъ. Въ виду этого, въ виду особаго назначенія солдатъ и строгости среди нихъ дисциплины — является необходимой спеціализація въ этой отрасли работы, а для этого созывъ особой конференціи военно-рев. организацій, которая бы занялась разсмотрѣніемъ даннаго вопроса.

Ниже мы приводимъ порядокъ дня предлагаемой конференціи, въ объясненіе котораго вкратцѣ добавляемъ: такъ какъ солдаты являются крестьянами и рабочими, лишь временно оторванными отъ прежней работы, т. е. тѣмъ элементомъ, на который, главнымъ образомъ, должна быть направлена соц.-дем. пропаганда, то мы ставимъ себѣ цѣлью вести въ войскахъ соц.-дем. работу, въ практическихъ выступленіяхъ и тактическихъ пріемахъ по возможности объединенную съ работой Партіи въ пролетаріатѣ. Но вслѣдствіе темноты большей части солдатъ (вѣдь большинство ихъ крестьяне), вслѣдствіе оторванности ихъ отъ жизни и отъ производительнаго труда, въ видѣ особаго назначенія войска въ данный историческій моментъ, мы должны главное вниманіе обратить на политическо-демократическую агитацію и вырабатывать с.-д. лишь изъ тѣхъ солдатъ, которые входятъ съ нами въ непосредственное соприкосновеніе на кружкахъ, массовкахъ и т. п. Проводя въ листкахъ мысль не стрѣлять въ рабочихъ во время забастовокъ, митинговъ и демонстрацій, мы говоримъ о необходимости солидарности, но ближайшимъ практическимъ лозунгомъ ставимъ „не присоединяться къ рабочимъ“, а „отказываться стрѣлять“ помня, что послѣдній лозунгъ даже при непродолжительной агитаціи будетъ легко воспринятъ, между тѣмъ, какъ первый лишь запугаетъ солдатскую массу. Этотъ лозунгъ можетъ быть выставленъ лишь при существованіи значительныхъ организованныхъ группъ въ каждой части войскъ въ послѣднемъ фазисѣ революціи. Въ значительной степени подтвержденіемъ этой мысли служитъ нашъ опытъ возстанія въ Ново-Александріи (Пулавы).

---

[1] Характерно то великолѣпное презрѣніе, съ которымъ Р. Р. относится къ работѣ этого *„одного матроса* с.-д.“. Очевидно „усилія“ пары-другой интеллигентовъ с. р., „раза два въ недѣлю“ являвшихся на кружковыя занятія, оцѣниваются „Революціонной Россіей“ неизмѣримо выше.

[2] Не далѣе, какъ въ ноябрской корреспонденціи о безпорядкахъ во флотѣ, корреспондентъ Р. Р., промчавшійся мимо Севастополя, развязно повѣствуетъ о нашей полной бездѣятельности во флотѣ.

И это въ то время, когда тамъ регулярно расходились сотни соціаль-демократическихъ брошюръ и тысячи агитаціонныхъ листковъ.

Считая болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы въ составъ в.-р. о. входили только солдаты, мы должны, не закрывая глазъ на дѣйствительность, сказать, что въ настоящее время это почти невозможно, какъ въ силу низкаго уровня развитія солдатъ, въ силу трудности, очень часто, привлечь въ организацію лучшіе элементы войска (вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія царящаго въ казармѣ), такъ и въ виду того, что солдаты не могутъ регулярно заниматься организаторской работой. Наиболѣе сознательные изъ нихъ могутъ быть агитаторами, пропагандистами, организаторами центровъ отдѣльныхъ частей, но вся почти объединяющая и руководящая работа должна быть возложена на „вольныхъ". Серьезнаго вниманія и обсужденія требуетъ вопросъ о методѣ, пріемахъ, планахъ и условіяхъ работы; вопросъ объ активныхъ выступленіяхъ солдатъ, о возможности этихъ выступленій и ихъ цѣлесообразности, о поддержкѣ выступленій солдатъ мѣстнымъ пролетаріатомъ и т. д. Наконецъ, вопросъ объ общихъ солдатскихъ протестахъ по всей Россіи по поводу солдатскихъ внутреннихъ неустройствъ, а также по политическимъ поводамъ. Для урегулированія и объединенія пріемовъ работы в.-р. о. въ разныхъ городахъ, мы считаемъ необходимымъ 1) созданіе общаго военнаго органа, гдѣ бы разсматривались всѣ относящіеся къ дѣлу работы въ войскахъ вопросы; 2) выходъ общихъ листковъ съ общими для всѣхъ солдатъ требованіями и лозунгами (что до сихъ поръ дѣлала „Искра", но, къ сожалѣнію, въ ея листкахъ къ солдатамъ бывали и неудачные лозунги).

Слѣдуетъ также разсмотрѣть вопросъ о правѣ участія солдатъ въ политической жизни и въ политическихъ выборахъ.

Съ большой вѣроятностью полагая, что даже при существованіи въ Россіи Демократической Республики, намъ не удастся добиться замѣны постояннаго войска всенароднымъ ополченіемъ (народной милиціи), мы поставили въ порядокъ дня вопросъ о роли и работѣ „Союза" при свободномъ политическомъ режимѣ. Думается, что значеніе Союза не уменьшится; конечно, содержаніе его работы измѣнится соотвѣтственно новымъ формамъ политической жизни.

Въ вопросѣ объ офицерахъ мы придерживаемся иной тактики. Не имѣя возможности создать изъ офицерской массы соц.-дем., мы все же не отказываемся вести с.-д. работу среди нихъ, а также содѣйствуемъ созданію офицерскихъ кружковъ, которые главной и ближайшей задачей имѣютъ внушать мысль объ отказѣ отъ команды стрѣлять въ народъ.

Стоя на почвѣ лозунга, что „объединеніе между большевиками и меньшевиками" возможно лишь въ процессѣ совмѣстной работы, мы приглашаемъ на конференцію в.-р. о. и военные районы обѣихъ частей Р. С.-Д. С. П. Поэтому, мы посылаемъ настоящее приглашеніе черезъ Бюро южнаго областнаго комитета всѣмъ в.-р. организаціямъ какъ „большинства", такъ и „меньшинства", и если проектъ будетъ принятъ просимъ О. К. и Ц. К. послать своихъ представителей на эту конференцію. Что касается в.-р. организацій внѣпартійныхъ, другихъ группъ и партій, то мы полагаемъ пока ихъ не приглашать.

Просимъ товарищей высказаться какъ можно скорѣе. Дѣло созыва и организація конференціи мы оставляемъ за собой.

Порядокъ дня.

I. Отчетъ военной организаціи о работѣ: методъ, пріемы, сущность работы; давность существованія организаціи, количество работающихъ силъ; сфера вліянія; успѣшность работы.

II. О партійности военныхъ организацій:

1) Должны ли „в. о." быть партійными;
2) Отношеніе къ „в. о." безпартійнымъ;
3) Отношеніе къ „в. о." другихъ партій.

III. Созданіе „Военнаго Союза Р. С.-Д. Р. П."

IV. Отношеніе „В. С." къ центральнымъ учрежденіямъ партіи, а мѣстныхъ „в. о." къ мѣстнымъ пролетарскимъ комитетамъ.

V. Внутренняя организація „В. С.":

1) Взаимное отношеніе между отдѣльными группами „В. С."
2) Разработка типа „в. о.", роль солдатъ и „вольныхъ" въ руководящихъ центрахъ;
3) Отношеніе къ офицерамъ;
4) Взаимоотношеніе между солдатами и пролетаріатомъ на мѣстахъ.

VI. Работа въ войскѣ.

1) Планы агитаціи и пропаганды, вопросъ о мѣстныхъ солдатскихъ нуждахъ;
2) Пріемы работы (кружки, массовки, распространеніе литературы).
3) Характеръ литературы, общіе и мѣстные органы, общіе и мѣстные листки.
4) Руководство частичными активными выступленіями.
5) Координированіе активныхъ выступленій въ разныхъ мѣстахъ (вопросъ о возстаніи).

VII. Право участія войска въ выборахъ.

VIII. Войско въ политически-свободномъ государствѣ и работа „Союза" при такихъ условіяхъ.

Варшавскій Комитетъ В.-Рев. Организаціи.

Варшава 14 (27) сентября 1905 г.

Дорогіе товарищи!

Варшавскій Комитетъ Военной Революціонной Организаціи проситъ васъ немедленно же высказаться по поводу прилагаемаго письма и предложеній. (Оно послано также и въ „Южное Бюро" для „Орг. Ком.").

Война заставила соціальдемократію обратить вниманіе на работу въ войскѣ. Ц. О. и Ц. К. стали издавать къ солдатамъ отдѣльные листки, а комитеты, большей частью, послѣ усиленныхъ настояній со стороны сознательныхъ солдатъ, стали удѣлять часть своихъ силъ и средствъ на работу въ войскѣ, болѣе или менѣе регулярную. Солдатскіе и матросскіе бунты и возстанія заставили обратить серьезное вниманіе на войско и теперь замѣчается въ крупныхъ центрахъ стремленіе регулярно поставить работу среди солдатъ. Необходимо, чтобы Центральныя Партійныя учрежденія занялись серьезно этимъ вопросомъ.

Грядущая революція заставляетъ насъ, работающихъ въ войскѣ, настаивать на серьезномъ разсмотрѣніи нашего предложенія. Теперь солдатъ является главнымъ тормазомъ революціоннаго движенія. Въ силу суровой дисциплины и оторванности отъ жизни, въ нихъ атрофируется (хотя и временно) пролетарская психологія; они подъ гнетомъ дисциплины становятся автоматами, слѣпо преданными начальству. И это въ большей части войска.

Изъ этого отупенія выводятъ солдатъ съ одной стороны слухи о движеніи на мѣстахъ ихъ постояннаго жительства, съ другой стороны на нихъ отражается могучее вѣяніе пролетарскаго движенія, а съ третьей стороны сознаніе гнета и ненужности постоянной арміи должно пробуждаться при помощи регулярной, организованной агитаціи особыхъ военныхъ группъ.

Въ виду сознанія самодержавнаго правительства, что его единственная поддержка — войско, оно всѣ свои усилія напрягаетъ для возможной поддержки дисциплины среди солдатъ, оно для этого отрываетъ ихъ отъ жизни и дѣлаетъ ихъ самой безправной группой въ государствѣ.

Въ виду особой казарменной дисциплины отличія психологіи солдата отъ пролетарской, работу приходится вести иными пріемами, съ содержаніемъ агитаціи тоже отличнымъ отъ работы пролетарской.

Факты показываютъ, что отвѣтственные ораторы военныхъ районовъ при комитетахъ, идя въ работу, не знаютъ, что имъ дѣлать и учатся работѣ въ процессѣ работы, подтачиваемые солдатами.

Поэтому необходимъ немедленный же созывъ особой военной конференціи, которая разсмотрѣла бы этотъ вопросъ, выработала бы пріемы работы въ войскѣ, выработала бы тактическіе пріемы, координирующіе работу въ войскахъ съ работой въ пролетаріатѣ, обсудила бы вопросъ о возможности активныхъ выступленій въ отдѣльныхъ частяхъ, вопросъ о солдатскихъ возстаніяхъ — ихъ цѣлесообразности и проч. и вообще ввела бы работу среди солдатъ въ правильное русло.

Если сорганизуется военный союзъ, то и съ паденіемъ самодержавія онъ не потеряетъ своего значенія. И при политической свободѣ, даже при существованіи республики (буржуазной конечно) поддержкой буржуазіи будетъ темнота пролетарскихъ и крестьянскихъ массъ и, главнымъ образомъ, постоянное войско. И тогда для солдатъ будетъ строгая дисциплина (въ Германіи, напримѣръ, соц.-дем. даже въ виду трудности работы въ казармѣ, предлагаютъ сферу агитаціи ограничить только новобранцами), для солдатъ будутъ исключительные военные законы и суды, они будутъ испытывать тяжелый гнетъ и будутъ, какъ солдаты, устранены, отъ вліянія и участія въ политической жизни (хотя и будутъ являться поддержкой данной политической формы).

Наше предложеніе при помощи Центр. Учрежд. созвать Конференцію военныхъ организацій для разсмотрѣнія намѣченныхъ въ прилагаемомъ „порядкѣ дня" вопросовъ.

Выскажитесь же *сейчасъ же, немедленно* письмомъ по данному вопросу.

Варшавскій Комитетъ Воен. Рев. Организаціи.

19 авг. 1905 г.

Уставъ Варш. Военно-Революц. Организаціи Р. С.-Д. Р. П. 1) Задача В. В. Р. О. — работа среди войскъ Варшавскаго гарнизона и близлежащихъ мѣстностей. 2) Членами учрежденій В. Р. О. могутъ быть только лица непосредственно работающія среди войскъ или выполняющія техническія функціи для организаціи. 3) Руководящимъ коллективомъ В. В. Р. О. является комитетъ вмѣстѣ съ районнымъ центромъ. 4) Комитетъ составляется изъ работниковъ, принимающихъ непосредственное участіе въ работѣ В. В. Р. О. въ качествѣ: отвѣтственныхъ руководителей районовъ; руководителей кружка, пропагандистовъ и агитаторовъ; завѣдующаго литературной группой и технически финансовыхъ предпріятій. 5) Комитетъ пополняется кооптаціей $^2/_3$ голосовъ при отсутствіи мотивированнаго протеста. 6) Комитетъ организуетъ: а) *Литературную группу*, составляющую и редактирующую листки и вообще вѣдающую литературу, распространяемую въ войскѣ. в) *Группу техничк. финанс.-секрет.*, вѣдающую правильный выходъ, распространеніе и доставку листковъ и литературы, доставку денегъ, сношенія съ Россіей и заграницей. 7) Комитетъ даетъ систематически въ опредѣленные промежутки отчеты районамъ о своей дѣятельности. Въ случаѣ недовольства со стороны большинства членовъ всѣхъ районовъ дѣятельностью Комитета, онъ реорганизуется по соглашенію районовъ съ Центральными учрежденіями. *Примѣчаніе.* Для обсужденія такихъ вопросовъ всѣ практическіе работники В. Р. О. собираются на *городскую сходку*. Въ случаѣ недовольства района своимъ руководителемъ, Комитетъ обязанъ замѣнить его другимъ. 8) Во всѣхъ районахъ входящихъ въ сферу дѣятельности В. Р. О. руководитъ работой районные центры, составляющіеся изъ работниковъ, принимающихъ непосредственное участіе въ работѣ даннаго района и изъ представителя комитета. 9) Планы работъ намѣчаемыхъ комитетомъ должны ставиться на обсужденіе всѣхъ районовъ и становятся обязательными для организаціи лишь съ согласія большинства членовъ Комитета и всѣхъ районныхъ центровъ. а) Комитетъ обязанъ ставить на обсужденіе организаціи всѣ предложенія, которыя исходятъ отъ районныхъ центровъ. в) Въ исключительныхъ случаяхъ Комитетъ можетъ намѣчать планъ какой либо кампаніи, не опросивъ районовъ, если экстренныя обстоятельства не даютъ возможности это сдѣлать. Въ такихъ случаяхъ Комитетъ обязанъ привести доказательства, что опросъ районовъ былъ дѣйствительно невозможенъ. 10) Въ виду необходимости болѣе детальной разработки темъ для занятія и для рѣчей въ связи съ намѣченными организаціей планами работы, пропагандисты и агитаторы объединяются въ кружки, куда входитъ представитель Комитета. 11) По мѣрѣ необходимости районы дѣлятся на подрайоны. 12) Отношеніе В. Р. О. къ С.-Д. П. и Л. опредѣляется соглашеніемъ съ этой партіей отъ 14 іюля 1905 года.

В. К. В. Р. О. Варшава, 28 іюля 1905 г.

Отдѣльный отчетъ представителя Замоскворѣцкаго района.

Въ Замоскворѣцкомъ районѣ 6, 12, 14 августа устраивались массовки въ 80—150 человѣкъ, на которыхъ обсуждался вопросъ о Государственной Думѣ. На всѣхъ массовкахъ организаторъ указывалъ прежде всего на лишеніе избирательныхъ правъ рабочихъ, крестьянъ, на совѣщательный характеръ Думы.

Манифестъ подвергнутъ былъ также обсужденію: указывали на лживость царскихъ словъ объ единеніи царя съ народомъ. Подробному обсужденію подвергнутъ былъ вопросъ объ отношеніи рабочихъ и всѣхъ лишенныхъ правъ къ Думѣ. Рабочіе сочувственно приняли планъ выбора депутатовъ и созыва рабочаго конгресса. Ораторы изъ рабочихъ указывали на необходимость организаціи рабочихъ, на отсталость рабочихъ Москвы сравнительно съ рабочими другихъ городовъ и призывали всѣхъ сознательныхъ товарищей къ дѣятельному участію въ дѣлѣ созданія организованной силы московскаго пролетаріата.